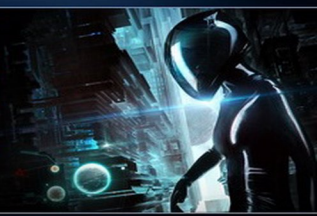
Уильям ГИБСОН

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ОДНОМ ТОМЕ



Фантастика & Фэнтези

МОЯ БОЛЬШАЯ КНИГА

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ОДНОМ ТОМЕ

Уильям Гибсон

Аннотация
Уильям ГИБСОН. Избранные произведения. в одном томе
МУРАВЕЙНИК. (цикл)
  Осколки голограммной розы. (рассказ)
  Джонни-Мнемоник. (рассказ)
  Отель «Новая роза». (рассказ)
  Сожжение Хром. (рассказ)
  «КИБЕРПРОСТРАНСТВО». (трилогия)
    Нейромант. (роман)
      Часть I. Тиба-Сити блюз
        Глава 1
        Глава 2
      Часть II. Поездка за покупками
        Глава 3
        Глава 4
        Глава 5
        Глава 6
        Глава 7
      Часть III. Полночь на рю Жюль Верн
        Глава 8

Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Часть IV. Рейд на виллу «Блуждающий огонек»
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Кода. Отъезд и возвращение
Глава 24
Граф Ноль. (роман)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6

Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32

Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Мона Лиза овердрайв. (роман)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21

Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Все
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
ТРИЛОГИЯ МОСТА

Виртуальный свет. (роман)
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25

Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Идору. (роман)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11

Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37

Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Все вечеринки завтрашнего дня. (роман)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16

Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42

Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Глава 67
Глава 68

Глава 69
Глава 70
Глава 71
Глава 72
Глава 73
ТРИЛОГИЯ СИНЕГО МУРАВЬЯ
Распознавание образов. (роман)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Страна Призраков. (роман)
Глава 1

Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27

Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53

Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Глава 67
Глава 68
Глава 69
Глава 70
Глава 71
Глава 72
Глава 73
Глава 74
Глава 75
Глава 76
Глава 77
Глава 78
Глава 79

Глава 80
Глава 81
Глава 82
Глава 83
Глава 84
Нулевой след. (роман)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46

Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Глава 67
Глава 68
Глава 69
Глава 70
Глава 71
Глава 72

Глава 73
Глава 74
Глава 75
Глава 76
Глава 77
Глава 78
Глава 79
Глава 80
Глава 81
Глава 82
Глава 83
Глава 84
Глава 85
Глава 86
Глава 87
МАШИНА РАЗЛИЧИЙ. (роман, соавтор Брюс Стерлинг)
Итерация первая. Ангел Голиада
Итерация вторая. Дерби
Итерация третья. Плащ и кинжал
Итерация четвертая. Семь проклятий
Итерация пятая. Всевидящее Око
Модус. Пасьянс иллюстраций
Язык обозначений
Письма читателей
В смутные времена

Скорбные голоса автоматических орга́нов
Вдовствующая Железная Леди
Мастер Эмеритус вспоминает Веллингтона
Азартная Леди приносит несчастье
Выбор за вами, джентльмены
Смерть маркиза Гастингса
Верьте мне всегда
Меморандум Министерству иностранных дел
До радикалов
Джон Китс на Хаф-Мун-стрит
Гран-панмелодиум-полька
Сплетни
Прощальная поэма
Письмо домой
Модус
ПЕРИФЕРИЙНЫЕ УСТРОЙСТВА. (роман)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10

Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36

Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62

Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Глава 67
Глава 68
Глава 69
Глава 70
Глава 71
Глава 72
Глава 73
Глава 74
Глава 75
Глава 76
Глава 77
Глава 78
Глава 79
Глава 80
Глава 81
Глава 82
Глава 83
Глава 84
Глава 85
Глава 86
Глава 87
Глава 88

Глава 89
Глава 90
Глава 91
Глава 92
Глава 93
Глава 94
Глава 95
Глава 96
Глава 97
Глава 98
Глава 99
Глава 100
Глава 101
Глава 102
Глава 103
Глава 104
Глава 105
Глава 106
Глава 107
Глава 108
Глава 109
Глава 110
Глава 111
Глава 112
Глава 113
Глава 114

Глава 115
Глава 116
Глава 117
Глава 118
Глава 119
Глава 120
Глава 121
Глава 122
Глава 123
Глава 124
РАССКАЗЫ
Континуум Гернсбека
Принадлежность
Захолустье
Красная звезда, орбита зимы
Зимний рынок
Поединок
Комментарии к роману «Машина различий»

Аннотация

Уильям Гибсон — одна из ярчайших звезд современной американской прозы, основатель стиля киберпанк — стиля, который не только совершил революцию в жанровой литературе 1980-х годов, но и отозвался серьезными потрясениями во всем диапазоне литературного спектра.

Писатель родился 17 марта 1948 года в городе Конвэй, штат Южная Каролина. По образованию Гибсон — специалист в области англоязычной литературы. Писательская карьера Уильяма Гибсона началась в 1977 году и уже по первым пробам пера стало ясно, что Гибсон совершенно не собирается писать мэйнстрим, а скорее склонен к экспериментам с новыми тогда темами…

С тех самых пор в его произведениях есть почти все элементы киберпанка: динамичный сюжет, всемогущие корпорации, высокие технологии и хакеры, или, как он их называл, «console cowboys». И, наконец, самое главное — Инфоматрица, глобальная компьютерная сеть, непременный атрибут

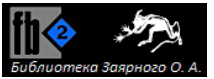
и условие существования общества недалекого будущего, в котором живут его герои. Новаторство Гибсона проявилось в полном пересмотре формулы будущего, которой придерживалась научная фантастика того времени. Вместо классической схемы «космос — роботы — атомная энергия» он использовал «компьютерные сети — биотехнологии — виртуальная реальность».

Начав знакомство с произведениями Уильяма Гибсона, неизбежно задаешься вопросами: как объяснить феномен его произведений? Как человеку, не имеющему никакого прямого отношения к высоким технологиям и никогда не работавшему с компьютерами профессионально, удалось создать произведения, по праву признанные лучшими в жанре? Ведь, по сути, он сымитировал целую науку, придумал массу терминов, умудрившись при этом не потерять в чисто художественных качествах своих работ. Конечно, полностью ответить на эти вопросы не смог бы, наверное, даже сам Гибсон. Поэтому можно только высказывать предположения…

Содержание:

МУРАВЕЙНИК:

Осколки голограммной розы
Джонни-Мнемоник
Отель «Новая роза»
Сожжение Хром
Нейромант
Граф Ноль
Мона Лиза овердрайв
ТРИЛОГИЯ МОСТА:
Виртуальный свет
Идору
Все вечеринки завтрашнего дня
ТРИЛОГИЯ СИНЕГО МУРАВЬЯ:
Распознавание образов
Страна Призраков
Нулевой след
МАШИНА РАЗЛИЧИЙ
ПЕРИФЕРИЙНЫЕ УСТРОЙСТВА
РАССКАЗЫ:
Континуум Гернсбека
Принадлежность
Захолустье
Красная звезда, орбита зимы
Зимний рынок
Поединок


Библиотека Заярного О. А.

Уильям ГИБСОН
Избранные произведения в одном томе

МУРАВЕЙНИК
(цикл)

Какое оно, это будущее? Жестокое? Да? Безжалостное? Да. Интересное? О ДА!!! Потому что не может быть мира более интересного, чем мир, придуманный Уильямом Гибсоном.

Осколки голограммной розы
(рассказ)

Это небольшая история про новый вид развлечения — симстим, разновидность виртуальной реальности. Причем действие происходит в декорациях разрухи и военного положения после новой гражданской войны в США.

* * *

Тем летом Паркера мучила бессонница. Временами в сети падало напряжение, и внезапные сбои дельта-индуктора болезненно резко выталкивали его в сознание.

Чтобы не просыпаться, он черной изолентой примотал индуктор к работающей от батарей деке ВСВ и с помощью переходников и миниатюрных зажимов-крокодилов замкнул их друг на друга. Потеря тока в индукторе переключала деку на реверс.

Однажды он купил по случаю кассету ВСВ, которая начиналась с того, как субъект засыпает на пляже. Записывал ее молодой светловолосый йог

с охватом зрения двадцать на двадцать и невероятно острым восприятием красок. Парнишку отвезти на Барбадос с единственной целью подремать и проделать утреннюю зарядку на мелком песке частного пляжа. Микрофиша в прозрачной ламинированной обложке кассеты поясняла, что одной лишь силой воли йог способен заставить себя пройти через «альфу» к «дельте». Паркер, который уже два года не мог спать без индуктора, еще удивился тогда, как такое возможно.

Ему лишь однажды удалось высидеть весь фильм, хотя теперь он уже знал каждое ощущение на протяжении пяти субъективных минут. Самым интересным фрагментом в последовательности кадров ему казался незначительный промах редактора в начале рутинных дыхательных упражнений: беглый взгляд вправо, вдоль белого пляжа, выхватывает фигуру охранника, патрулирующего проволочную изгородь… черный автомат переброшен через плечо.

Пока Паркер спал, из энергетических систем города утекало электричество.

Переход от дельты к дельта-ВСВ — темное вторжение в чужую плоть. Привычка смягчает шок… Холодный песок под обнаженными плечами. В утреннем ветерке штанины потрепанных джин-

сов хлопают по голым коленям. Скоро парнишка окончательно проснется и примется за свою «Ардха-Матсиендре-что-то-там». Чужими руками Паркер стал нащупывать в темноте деку ВСВ.

Три утра.

Сварить себе кофе, светя в чашку фонариком, пока наливаешь кипяток.

Записанные утренние сны тают: увиденный чужими глазами темный плюмаж кубинского парохода бледнеет вдали вместе с горизонтом, к которому он карабкается, переползая с волны на волну, по серому экрану сознания.

Три утра.

Дай вчерашнему дню расположиться вокруг тебя плоскими схематичными зарисовками. Что говорил ты… что сказала она… смотрел, как она собирает вещи… набирает номер такси. Как ни перетасовывай, они все равно складываются во все тот же замкнутый круг распечатки, иероглифы сходятся на центральном компоненте: ты стоишь под дождем, кричишь на таксиста-рикшу.

Лил дождь цвета мочи — кислотный и кислый. Водитель обозвал тебя задницей, а заплатить все равно пришлось вдвое. У нее было три места багажа. В респираторе и защитных очках рикша походил на муравья. Нажимая на педали, он

исчез за пеленой дождя. Она не обернулась.

Последнее, что ты видел, — гигантский муравей, показывающий тебе средний палец.

Первый в своей жизни аппарат ВСВ Паркер увидел в одном из техасских мусорных городков. Городок назывался Джунгли Джуди. Паркер хорошо помнил массивную консоль, заключенную в оболочку из дешевого пластика под хром. За скормленную в прорезь десятидолларовую банкноту получаешь пять минут гимнастики в невесомости на швейцарском орбитальном курорте: качаешься себе по двадцатиметровым перигелиям в обнимку с моделью журнала «Вог» шестнадцати лет от роду. Вот уж действительно ходовой товар в Джунглях, где достать пистолет было проще, чем принять горячую ванну.

Год спустя, с фальшивыми документами, он оказался в Нью-Йорке под Рождество, когда две ведущие фирмы выбросили на прилавки универмагов первые переносные деки. Порнотеатры ВСВ, так буйно, но кратко расцветшие в ту пору в Калифорнии, так и не оправились от их натиска.

Исчезла и голография. Раскинувшиеся на целые кварталы фуллеровские купола, эти голохрамы времен детства Паркера, превратились в многоэтажные супермаркеты или приютили

ряды игровых компьютеров. В их закоулках еще можно отыскать старые консоли под потускневшими неоновыми надписями: «ВЕРОЯТНОСТНОЕ СЕНСОРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ», которые пульсируют сквозь голубую завесу сигаретного дыма.

Теперь Паркеру тридцать, и он пишет покадровые сценарии для ВСВ-вещания, программируя движение глаза, этой человеческой видеокамеры индустрии иллюзий.

Частичное затемнение продолжается.

В спальне Паркер колотит по клавишам на обтекаемой алюминиевой поверхности своего «Сендаи Мастера Сна». Навигационный огонек мигает, потом дека погружается во тьму. С чашкой кофе в руке Паркер тащится по ковру к шкафу, который она опустошила вчера. Луч фонарика ощупывает в поисках улик любви голые полки, находит сломанную застежку на кожаном ремешке, кассету ВСВ и открытку. На открытке — отраженная в белом свете голограмма розы.

У кухонной раковины он скармливает ремешок мусоропроводу. Вялый в затемнении, тот жалуется, но проглатывает и переваривает. Аккуратно держа за уголок, Паркер подносит голограмму к вращающимся челюстям. Железные зубы разрезают ламинированный пластик, мусоропровод

обиженно скрежещет — и вот роза разлетается на тысячу осколков.

Час спустя он сидит на неприбранной постели и курит. Ее кассета вставлена в деку, готова для просмотра. Пленки женщин обычно сбивают его с толку, но он сомневается, что именно по этой причине он медлит сейчас запустить машину.

Приблизительно четверть всех пользователей ВСВ испытывает некоторый дискомфорт, пытаясь ассимилировать субъективное тело противоположного пола. Звезды вещания ВСВ становятся в последнее время все более андрогинными, чтобы привлечь и эту часть аудитории. Но записи самой Анджелы никогда раньше не отпугивали его. (А что, если она записала любовника?) Нет, этого не может быть — просто неизвестно, какого качества кассета.

Когда Паркеру было пятнадцать лет, родители подписали за него контракт на стационарное обучение в одной из дочерних компаний японского синдиката по производству пластмасс. В то время он считал, что ему крупно повезло: конкурс заявлений на обучение был просто огромен. Три года он прожил в казарме, распевал по утрам гимны компании, и раз в месяц ему, как правило, удавалось выбираться за заграждение центра на

поиски девочек или голодрома.

В контракте значилось, что обучение окончится в день его двадцатилетия. Выдержи Паркер до конца, он приобрел бы право на полный статус служащего. За неделю до того, как ему исполнилось девятнадцать, с двумя украденными кредитными карточками и сменой одежды, он в последний раз вышел за ограду. В Калифорнию Паркер прибыл за три дня до падения диктатуры «Новых Раскольников». В Сан-Франциско метались по улицам, стреляя друг в друга, какие-то военизированные политические группировки. Все четыре «временных правительства» города провели такую эффективную работу по запасанию продовольствия, что почти ничего нельзя было достать.

Последнюю ночь революции Паркер провел в подвале сгоревшего дома на окраине Таксона, занимаясь любовью с девчонкой из Нью-Джерси. Та объясняла нюансы своего гороскопа между приступами почти беззвучных рыданий, не имевших, впрочем, ничего общего с тем, что он говорил или делал.

Много лет спустя он вдруг осознал, что понятия не имеет, что толкнуло его разорвать контракт.

Первые три четверти кассеты пусты. Нажима-

ешь клавишу, чтобы на скорости перемотать себя вперед сквозь статическую дымку стертой записи, где вкус и запах сливаются в единый канал. На аудиовходе — белый звук, не-звук первичного темного океана… (Продолжительное воздействие аудиовхода со стертой пленки может вызвать гипнотические галлюцинации.)

В полночь Паркер, скорчившись, затаился в кустах у дороги в Нью-Мексико, глядя, как на трассе догорает бензовоз. Пламя освещает белую ломаную линию, за которой он следовал от самого Таксона. С расстояния двух миль взрыв был виден белым полотнищем жаркого света, превратившего бледные сучья обнаженных деревьев на фоне ночного неба в фотографический негатив их самих: угольные ветви на магниевом небе.

Многие беженцы были вооружены.

В кислотных дождях Залива дымились кострами их мусорные города. Этим-то поселениям и был обязан Техас тем шатким нейтралитетом, который ему удавалось сохранять среди расколовших Побережье группировок.

Городки сооружались из кусков фанеры и картона, листов раздувавшегося на ветру пластика и остовов мертвых автомобилей. Поселения носили идиотские фарсовые названия вроде

Город Прыгай или Сластена. Имевшиеся в них правительства лишь с большой натяжкой можно было назвать таковыми, как, впрочем, и их территории, которые непрестанно дрейфовали в переменчивых ветрах теневой экономики.

Федеральные войска и войска штатов, которые посылались, чтобы смести города изгоев, редко находили хоть что-нибудь. Но после каждой такой экспедиции на перекличке несколько человек не отзывалось. Кто-то продавал свое оружие и жег форму, другие же слишком близко к сердцу принимали контрабанду, которую их посылали искать.

Через три месяца Паркер решил, что надо выбираться, но обеспечить безопасный переход через армейские кордоны мог только товар. Удача ему улыбнулась чисто случайно. Однажды вечером, огибая завесу сального кухонного дыма, низко висевшую над Джунглями, он споткнулся и едва не упал на труп. Тело женщины лежало в русле пересохшего ручья. Мухи поднялись было сердитым облаком, но потом сели, не обращая на него внимания. На женщине была кожаная куртка, а по ночам Паркер отчаянно мерз. Покопавшись в свалке вдоль бывшего ручья, он отыскал длинную палку.

В спине куртки, прямо под левой лопаткой, зияло аккуратное круглое отверстие размером с карандаш. Подкладка куртки, когда-то красная, теперь совершенно почернела, стала жесткой и блестящей от запекшейся крови. Подцепив куртку на конец палки, он отправился на поиски воды.

Куртку Паркер так и не постирал: в левом кармане нашлась почти унция кокаина, аккуратно завернутая в полиэтилен и прозрачную хирургическую пленку. А в правом оказались пятнадцать ампул «мегациллина-Д» и десятидюймовый кнопочный нож с роговой рукоятью. Антибиотик стоил вдвое дороже кокаина.

Нож он всадил в гнилую колоду, пропущенную сборщиками топлива из Джунглей, и повесил на него куртку, которую, стоило ему отойти, тут же окружили мухи.

Той же ночью в баре с рифленой жестяной крышей, ожидая появления одного из «юристов», которые прокладывали проходы через кордоны, он впервые в жизни опробовал модуль ВСВ. Аппарат был огромен, весь из неона и хрома, и владелец очень им гордился: толстяк собственноручно помогал потрошить грузовик.

«Если хаос девяностых годов отражает ради-

кальное смещение в парадигмах визуальной грамотности, а именно окончательный отход от традиций доголографического общества Ласко и Гутенберга, то чего следует ожидать от этой новейшей технологии с ее обещаниями дискретного кодирования и последовательной реконструкции всей шкалы сенсорного восприятия?»

Роубук и Пирхэл.

Новейшая история Америки: Системный обзор.

Скоростная перемотка сквозь бормочущее невремя стертой записи в…

…в ее тело. Солнце Европы. Улицы незнакомого города.

Афины. Греческие буквы вывесок и запах пыли…

…и запах пыли.

Смотреть ее глазами (думая о том, что эта женщина еще не встретила тебя ты только-только выбрался из Техаса) на серый монумент, на лошадей из камня, с которых взлетают вверх и кружат вокруг голуби… и статика охватывает любимое тело, стирает до серости и чистоты. Волны белого звука разбиваются о пляж, которого нет. И пленка кончается.

Горит огонек индуктора.

Паркер лежит в темноте, вспоминая, как водо-

падом осколков рассыпалась голограмма розы. Это свойство присуще любой голограмме — подобранный и должным образом освещенный, каждый осколок покажет полное изображение. Проваливаясь в дельту, он видит в розе себя: каждый разрозненный фрагмент воспоминаний несет в себе целое, которого он никогда не знал… Украденные кредитные карточки… выжженный пригород… сочетания планет незнакомки… горящий на трассе бензовоз… плоский пакетик наркотиков… заточенный о бетон кнопочный нож, узкий и острый, как боль.

И думает: так, значит, все мы осколки друг друга и так было всегда? И то мгновение путешествия в Европу, затерянное посреди серого океана стертой кассеты? Стала ли она теперь ближе или реальнее оттого, что он тоже побывал там?

Она помогла ему получить документы, нашла первую работу на ВСВ. Это их история? Нет, история — это черная поверхность дельта-индуктора, пустой шкаф и незастланная постель. История — это его отвращение к совершенной машине тела, в котором он просыпается, если кончается ток, гнев на рикшу и ее отказ оглянуться сквозь радиоактивный дождь.

Однако каждый осколок показывает розу под

иным углом, вспоминает он, — но дельта накатывает, накрывает его с головой, прежде чем он успевает спросить себя, что именно это значит.

Джонни-Мнемоник
(рассказ)

Джонни — это ходячая флэш-карта памяти. Его мозг служит для загрузки и транспортировки защищенных кодом программ. Однажды в него загрузили ворованную программу, и теперь настоящие хозяева хотят заполучить её обратно, даже ценой жизни самого Джонни...

*** * ***

Обрез я сунул в сумку «Адидас» и заклинил его четырьмя парами теннисных носков. Совсем не мой стиль, но как раз это мне и нужно: если тебя принимают за тупого — стань техничным, а если считают, что с техникой ты на «ты», — заделайся тупарем. Я-то парень техничный, вот и решил выглядеть тупым на все сто. Время, впрочем, такое: чтобы косить под тупого, надо быть настоящим профи. Вот и я — своими руками выточил на станке из медных болванок две гильзы двенадцатого калибра; раскопав древнюю микрофишу с инструкциями, сам вручную зарядил патроны;

наконец, собственноручно соорудил рычажный пресс для запрессовки капсюлей — тот еще трюк, между прочим! Зато я знаю: патроны сработают.

Встреча должна была состояться во «Взлетной полосе» в двадцать три ноль-ноль, однако я проскочил в «трубе» три лишние остановки и вернулся назад пешком. Подстраховаться никогда не мешает.

В хромированной панели кофейного автомата я мельком взглянул на свое отражение: типичный европеоид — резкие черты лица, темные жесткие волосы ежиком. Девочки в «Под ножом» торчат от Сони Мао — только с большим трудом удалось отговорить их не менять мне веки на китайские. Возможно, Мордашку-Ральфи моя внешность и не обманет, зато поможет подобраться тик-в-тик к его столику.

«Взлетная полоса» — узкое, длинное помещение: в одном углу — бар, в другом — столики, а между ошиваются сводники, торгаши и прочие деятели. На входе сегодня вечером дежурили Сестры-Собаки Магнитные: если план не сработает, обратно мне уже не прорваться. Обе длиннющие — метра под два — и поджарые, будто борзые. Одна черная, другая белая, но в остальном похожи настолько, насколько это под силу пластической

хирургии. Много лет они ходили в любовницах, а уж в драке были — туши свет. Я так и не смог разобраться наверняка, которая из них раньше была самцом.

Ральфи сидел за столиком, где и всегда. Подонок, задолжал мне кучу монет. В голове моей — сотни мегабайт информации, загруженные туда в режиме «идиот-всезнайка», информации, к которой сам я доступа не имею. Все это оставил там Ральфи. Только он может извлечь эти данные при помощи кодовой фразы собственного изобретения. Скажу сразу: мои услуги не дешевы, а уж сверхурочные за хранение — сплошная астрономия. А он, понимаете ли, забыл!

А потом я услышал, что Мордашка-Ральфи и вовсе надумал аннулировать мой контракт. И тогда я забил ему стрелку во «Взлетной полосе», но забил ее как Эдвард Бакс, подпольный импортер — только что из Рио и Пекина.

«Взлетная полоса» насквозь провоняла бизнесом, здесь вообще слишком нервно — и нервно, и попахивает металлом. Среди толпы тут и там слоняются мускулистые мальчики, поигрывая друг перед другом соответствующими частями тела и силясь изобразить на лицах нечто вроде тонких холодных улыбочек. Некоторые настолько

обросли мышцами, что их фигуры уже и человеческими-то трудно назвать.

Простите. Простите меня, друзья. Это всего-навсего Эдди Бакс, Скоростной Эдди-Импортер со своей по-профессиональному неприметной спортивной сумкой, и, пожалуйста, не обращайте внимания на какой-то разрез, годный лишь для того, чтобы просунуть внутрь правую Руку.

Ральфи был не один. На стуле рядом с ним, настороженно пялясь в толпу, громоздился белобрысый калифорнийский бык — живая инструкция по технике боевых искусств весом килограммов в восемьдесят.

Скоростной Эдди мгновенно оседлал напротив этой парочки стул; бык даже руки от стола оторвать не успел.

— Черный пояс? — поинтересовался я. Он кивнул, его голубые глаза автоматически просканировали меня от глаз до ладоней. — У меня тоже, — сказал я, — здесь, в сумке. — Я сунул руку в разрез, большим пальцем перевел предохранитель. Щелк. — Два ствола, двенадцатый калибр, спуск сдвоенный.

— Это пушка, — сказал Ральфи, предупредительно кладя пухлую руку на обтянутую синим нейлоном грудь своего телохранителя. — У Джон-

ни в сумке — огнестрельный антиквариат.

М-да, недолго я побыл Эдвардом Баксом.

Думаю, его всегда звали не просто Ральфи, а Ральфи-с-Каким-то-Прозвищем, нынешнюю же кличку он приобрел исключительно благодаря тщеславию. Туловищем как перезрелая груша, вот уже двадцать последних лет он носил лицо некогда знаменитого Белого Христиана — Белого Христиана из «Арийского рэгги-бэнда». То был Сони Мао предыдущего поколения, последний чемпион звуковых дорожек расового рока. Я, знаете ли, вундеркинд по части всяческой чепухи вроде этой.

У Белого Христиана было классическое лицо поп-артиста — ярко выраженные мускулы певца и точеные скулы. Так посмотришь — лицо ангела, этак — красавца-развратника. Но глаза на этом лице… это были глаза Ральфи — маленькие, черные, ледяные.

— Ладно, — сказал он, — давай потолкуем. Как деловые люди. — Сказал обезоруживающе искренно, вот только прекрасный, как у Белого Христиана, рот все время был влажным. — Льюис, — он кивнул в сторону мордоворота, — это просто дуб. — Льюис принял его слова равнодушно, словно механическая игрушка. — Но ты-то,

Джонни, не из дубов.

— Неужто, Ральфи? А я думал, что это я — дуб, нашпигованный под завязку имплантантами, самое место для твоего грязного белья, пока не подвернутся ребята, желающие заработать на моем трупе. Так вот, Ральфи, пока у меня эта сумка, тебе придется кое-что объяснить.

— Это все из-за последней сделки, Джонни. — Он тяжело вздохнул. — Как брокер…

— Барыга, — поправил я.

— Как брокер я всегда очень осторожен с поставщиками.

— Ты покупаешь только у тех, кто ворует лучшее. Продолжай.

Он вздохнул опять.

— Я лишь стараюсь, — устало произнес он, — не иметь дела с дураками. Но на этот раз, похоже, нарвался. — Третий вздох был сигналом для Льюиса включить нейронный парализатор, который они прилепили под столом с моей стороны.

Я вложил все силы в указательный палец правой руки, но он перестал быть моим. Рука по-прежнему чувствовала металл и поролоновую ленту, которой я обмотал неудобную рукоять обреза, но сделалась чужой и безвольной, будто была вылеплена из холодного пластилина. Я

надеялся, что Льюис, как настоящий дуб, тут же бросится вырывать сумку, а заодно рванет мой палец, застывший на спусковом крючке. Но он этого не сделал.

— Мы так беспокоились о тебе, Джонни, так беспокоились. Видишь ли, — Ральфи показал на мою голову, — то, что у тебя там, — собственность якудза. И одного дурака угораздило их обокрасть. Мертвого дурака.

Льюис заржал.

Вот тут до меня наконец дошло, но от того, что я все понял, стало совсем паршиво. Мою голову словно обложили мешками с мокрым песком. Убивать было не в стиле Ральфи. Даже Льюис был не в его стиле. Получалось, он встрял на свою голову между Сыновьями Неоновой Хризантемы и чем-то, принадлежавшим им, или скорее чем-то, что было у них, но принадлежало кому-то еще. Ральфи, конечно, мог задействовать кодовую фразу и ввести меня в состояние «идиот-всезнайка» — тогда я выложу их горяченькую программку целиком, не запомнив ни единого звука. Для такого ушлого торгаша, как Ральфи, этого бы вполне хватило. Но только не для якудза. Якудза наслышаны о «кальмарах» и, естественно, не будут чувствовать себя спокойно, зная хотя

бы малую часть их возможностей. С помощью «кальмаров» ничего не стоит вытащить из моей головы программу даже по самым слабым, остаточным следам. Сам я знаю о «кальмарах» немного, но кое-что слышать доводилось, и я зарекся болтать об этом с клиентами. Нет, якудза это точно не понравится: слишком смахивает на улики. Они бы не были тем, что есть, если бы оставляли улики. Или живых свидетелей.

Льюис продолжал ухмыляться. Словно он уже видел внутри моей головы то, что им было нужно, и теперь прикидывал, как бы добраться до этого самым коротким путем.

— Эй, ковбои, что-то маловато в вас жизни, — послышался из-за моего правого плеча низкий женский голос.

— Исчезни, сука, — равнодушно сказал Льюис; его загорелое лицо было предельно спокойно. Ральфи же выглядел озадаченным.

— Как насчет взбодриться? Есть хорошее ширево. Чистейшее, никаких примесей. А? — Она подтянула к себе стул и уселась на него прежде, чем эти двое успели ей помешать. Я в моем положении мог видеть ее только краем глаза: худая девушка в зеркальных очках, волосы темные, короткая, неаккуратная стрижка. На ней была

расстегнутая черная кожанка, под ней — футболка в косую черно-красную полоску. — Восемь тонн за грамм.

Льюис недовольно хрюкнул и попытался вышибить из-под нее стул. Это у него почему-то не получилось; ее рука метнулась к нему и, похоже, слегка коснулась его запястья. Яркая струя крови мгновенно залила стол. Льюис с силой сжал запястье другой рукой, костяшки побелели от напряжения, сквозь пальцы проступила кровь.

Странно, у нее в руке, кажется, ничего не было.

Теперь ему понадобится сшиватель сухожилий. Льюис осторожно поднялся, даже не попытавшись отодвинуть стул. Стул опрокинулся, и Льюис пропал с моих глаз, не издав при этом ни звука.

— На его месте я бы обратилась к врачу, — сказала она. — Порез не слишком приятный.

— Ты хоть сама понимаешь, — голос Ральфи сделался вдруг очень усталым, — в какую яму с дерьмом ты только что себя посадила?

— Кроме шуток? А, понимаю, тайна. Обожаю тайны. Вроде той, почему этот ваш приятель такой тихоня. Он что — замороженный? Или для чего здесь вот эта штуковина? — Она показала миниатюрный блок управления, который неиз-

вестно когда успела стащить у Льюиса. Ральфи выглядел совсем больным.

— Ты, э-э-э… Послушай, даю тебе за нее четверть миллиона, и ты отсюда уходишь. — И он мясистой рукой стал нервно оглаживать свое бледное, худое лицо.

— Чего я хочу, — она прищелкнула пальцами; блок при этом начал вращаться, отбрасывая по сторонам блики, — так это настоящего дела. Ваш парнишка повредил себе руку. Раз за это полагается гонорар, то четверть миллиона сойдет.

Ральфи шумно выдохнул и засмеялся. Его зубы явно недотягивали до стандарта по меркам Белого Христиана. Тут она выключила парализатор.

— Два миллиона, — сказал я.

— Вот это, я понимаю, мужчина, — сказала она сквозь смех. — А в сумке у тебя что?

— Обрез.

— Тупая работа. — Впрочем, это мог быть и комплимент.

Ральфи не произнес ни слова.

— Меня зовут Миллион. Молли Миллион. Линяем, босс? А то на нас начинают пялиться. — Она встала. На ней были кожаные джинсы цвета засохшей крови.

И только сейчас я заметил, что ее зеркальные

линзы были вживлены в кожу лица: серебро гладким слоем поднималось от крутых скул, запечатывая глаза в глазных впадинах. Я увидел в этих линзах двойное отражение моего нового лица.

— А я Джонни, — сказал я ей. — Мистера Мордашку мы забираем с собой.

Он ждал нас снаружи. Внешне — заурядный турист из техов: пластиковые дзори и дурацкая гавайка с кричащей рекламой самого популярного микропроцессора его фирмы. Тихий, спокойный человечек, из той породы людей, что вечно посиживают в баре, попивая саке, — в таких заведениях еще подают крошечные рисовые крекеры с начинкой из морских водорослей. Он в точности походил на тех, кто плачет от гимнов собственной корпорации, а после бесконечно и нудно трясет бармену руку. И сутенеры, и перекупщики не обратили бы на него внимания, посчитав безнадежно отсталым. Парень, мол, недалекий, и с кредитной карточкой осторожничает.

Как я догадался позднее, ему ампутировали фалангу большого пальца левой руки и заменили ее искусственным наконечником, а в обрубке сделали углубление и, покрыв его изнутри слоем

синтетического алмазного покрытия фирмы «Оно-Сендаи», закрепили в нем катушку. А потом аккуратно намотали на катушку три метра мономолекулярной нити.

Молли заговорила о чем-то с Магнитными Собаками — так что я, крепко прижав к спине Ральфи свою сумку, смог вытолкнуть его за дверь. Похоже, Молли была с ними знакома. Я слышал, как чернокожая рассмеялась.

Внезапная вспышка над головой заставила меня поднять глаза — я так и не смог привыкнуть ко всем этим парящим в воздухе дугам света под темными геодезическими куполами[1]. Может быть, это меня и спасло.

Ральфи оказался на несколько шагов впереди, но не думаю, чтобы он собирался сбежать. Думаю, он уже смирился. Возможно, он уже полностью осознал, против кого мы пошли.

И в тот момент, когда я опустил глаза, его разорвало на части.

Если прокрутить все еще раз, картина представляется следующая. Ральфи делает еще один

---

[1] Примечания: 1

Геодезические купола — легкие и прочные конструкции в виде полусферы, собираемые из стандартных элементов. Сооружения в форме геодезических куполов разработал и пропагандировал американский архитектор Ричард Б. Фуллер. В мире будущего, описываемом Уильямом Гибсоном, подобными куполами накрыты все крупные города.

шаг, и в этот момент неизвестно откуда — бочком, с улыбочкой на лице — выныривает этот маленький тех. Он делает что-то похожее на поклон, и у него отваливается большой палец левой руки. Это очень напоминает фокус. Палец висит в воздухе. Система зеркал? Проволока? Ральфи застывает на месте спиной к нам, от подмышек по его светлому летнему костюму расплываются темные пятна. Он взмок. Он знает. Он наверняка должен знать. И тут этот палец, как игрушка из лавки сюрпризов, — тяжелый, будто из свинца, — в довершение идиотского фокуса, демонстрируемого маленьким техом, описывает в воздухе стремительную дугу — и невидимая нить, соединенная с рукой убийцы, проходит сквозь череп Ральфи немного выше бровей, а затем, не задерживаясь, взлетает вверх и — снова вниз, рассекая грушеподобное тело по диагонали через плечо и грудную клетку. Разрезы так незаметны, что кровь появляется лишь тогда, когда нервные связи начинают давать сбой и первые судороги не отдают тело во власть тяготения.

Ральфи, окруженный жидким розовым облаком, развалился на три куска; куски эти в полной тишине покатились по покрытому плитками тротуару.

Я с силой рванул сумку, моя рука конвульсивно сжалась. Отдача от выстрела едва не переломила мне кисть.

Лил дождь, струи воды каскадами падали сквозь прорехи в куполе и разбивались на плитах позади нас. Мы затаились в щели между хирургическим бутиком и антикварной лавкой. Краешком зеркального глаза Молли выглянула за угол и сообщила, что перед «Взлетной полосой» стоит только один «фолькс-модуль» с включенной красной мигалкой. Что Ральфи убирают с тротуара. И пристают ко всем с расспросами.

Я весь был облеплен опаленным белым пухом. Вот тебе и теннисные носки. Спортивная сумка превратилась в скомканный пластиковый наручник.

— Не понимаю, какого дьявола я в него не попал?

— Потому что он очень-очень ловкий. — Молли, обняв руками колени, раскачивалась на корточках с пятки на носок. — Ему перестроили нервную систему. Он фабричный продукт. — Она издала тихий, довольный смешок. — Я должна достать этого парня. Сегодня же ночью. Он лучший, кого я встречала. Номер один, высшая проба, шедевр.

— Что ты должна за два миллиона, так это вы-

тащить меня из этой задницы. А этот твой дружок — его действительно вырастили в пробирке. В Тиба-сити. Это же наемный убийца якудза.

— Тиба? Понятно. Видишь ли, Молли тоже бывала в Тибе. — И она показала мне свои ладони, слегка раздвинув пальцы. Пальцы были тонкие и ухоженные и по сравнению с полированными темно-красными ноготками казались мертвенно-бледными. Десять лезвий выскочили одновременно из скрытых под ногтями пазов: каждое — узкий, остро отточенный скальпель из бледно-голубой стали.

Я никогда не бывал подолгу в Ночном Городе. Здесь никто не покупал мою память — наоборот, здешние обитатели платили достаточно регулярно, чтобы о многом забыть. Поколения метких стрелков постоянно громили неоновые светильники, пока ремонтные бригады вообще не плюнули на свое безнадежное дело. Даже в бледном свечении дня своды куполов здесь были черны как сажа.

Куда ты собрался бежать, если самая богатая преступная организация в мире подбирается к тебе своими длинными холодными пальцами? Где ты спрячешься от якудза — они могущественны настолько, что владеют собственными

спутниками связи и по меньшей мере тремя шаттлами? Якудза — настоящая транснациональная корпорация, такая же, как «Ай-Ти-Ти» или «Оно-Сендаи». За пятьдесят лет до моего рождения якудза уже подчинила себе триады, мафию и Корсиканский союз.

У Молли был наготове ответ: ты спрячешься в Адской Яме, в самом нижнем ее круге, где любое давление извне мгновенно порождает круговые волны ответной грубой угрозы. Ты укроешься в Ночном Городе. А еще лучше — ты спрячешься *над* Ночным Городом, потому что Адская Яма вывернута наизнанку и днище ее котла почти касается неба. Неба, которое Ночной Город никогда не видит, потея под собственным небосводом, сделанным из акриловой резины. Там, наверху, одни лишь нитехи, подобно химерам-горгульям, привычно копошатся во тьме со свисающими с губ контрабандными сигаретами.

Она же подсказала ответ и на другой мой вопрос:

— Значит, твоя голова заперта капитально, Джонни-сан? И никак эту программу без пароля оттуда не вытащишь? — Она отвела меня в тень за освещенной платформой «трубы». Бетонные стены были сплошь покрыты граффити — насла-

иваясь из года в год, они превратились в один сплошной метарисунок гнева и безнадежности.

— Информация, которую я беру на хранение, вводится через модифицированный серийный протез, применяемый обычно в контраутической микрохирургии. — Я запустил ей сокращенную версию своего стандартного рекламного ролика. — Код клиента хранится в специальном чипе; кроме «кальмаров», о которых в нашем ремесле вообще-то говорить не принято, никто не может восстановить пароль. Хоть режь меня, хоть пытай, хоть накачивай наркотиками. Я его просто не знаю, да никогда и не пытался узнать.

— Кальмары? Это которые со щупальцами и ползают?

Мы очутились на опустевшем уличном рынке. Смутные фигуры, маячившие на другой стороне импровизированной торговой площади, усыпанной рыбьими головами и гниющими фруктами, провожали нас внимательными взглядами.

— Так называют сверхпроводниковые квантовые детекторы возмущений[2]. Во время войны их использовали для поиска подводных лодок и выкачивания информации из вражеских ки-

---

[2] Примечания: 2

По-английски — «Superconducting Quantum Interference Detectors», сокращенно — «squids» (*«кальмары»*).

берсистем.

— Вот оно что. Флотские штучки? Еще с войны? И такой вот «кальмар» сможет прочесть твой чип? — Она остановилась, и я почувствовал на себе взгляд ее глаз, укрытых за линзами-зеркалами.

— Даже примитивные модели могут измерить силу магнитного поля с точностью в одну миллиардную геомагнитной — это как отыскать шепчущего на ревущем стадионе.

— Ну, копы уже могут это делать — при помощи параболических микрофонов и лазеров.

— Да, но при этом ваши данные все равно останутся в безопасности. — Во мне проснулась гордость профессионала. — Ни одно правительство не разрешит своим копам пользоваться «кальмарами» — даже секретной службе. Слишком много возможностей для междепартаментских склок: всем им охота устроить новый уотергейт.

— Флотские штучки… — Она задумалась, в тени сверкнула ее улыбка. — Флотские штучки… Тут, внизу, есть у меня дружок, который служил во флоте. Его зовут Джонс. Я думаю, тебе стоит с ним познакомиться. Он, правда, сидит на игле. Так что придется ему что-нибудь принести.

— Он наркоман?

— Он дельфин.

Он был больше, чем просто дельфин, — любой нормальный дельфин вряд ли бы отнесся к нему как к своему собрату. Я смотрел, как лениво он кружится в своей оцинкованной цистерне. Вода перехлестывала через край, заливая мои ботинки. Киборг. Пережиток последней войны.

Он высунулся из воды, и взгляду предстало закованное в бронированные пластины тело. Это было открытой издевкой над его сущностью: изящество, отпущенное ему природой, почти полностью потерялось под грубым и допотопным панцирем. В уродливых выпуклостях по обеим сторонам черепа были установлены сенсорные датчики. Множество серебристых шрамов мерцало на открытых участках его светло-серой кожи.

Молли свистнула. Джонс взмахнул хвостом, и через край цистерны выплеснулся еще один фонтан.

— Что это за место? — спросил я, всматриваясь в едва различимые в темноте звенья ржавой цепи и какие-то укрытые брезентом предметы. Над цистерной нависала громоздкая деревянная рама, увитая рядами пыльных рождественских фонариков.

— «Фанлэнд», «Страна развлечений». Зоопарк

и карнавальные шествия. «Не хотите ли поговорить с Китом-Воином?» И все такое прочее. Как будто Джонс похож на кита…

Джонс высунулся опять и остановил на мне свой древний печальный взгляд.

— А как он разговаривает? — Мне вдруг очень захотелось бросить все и уйти.

— Тут своя хитрость. Скажи «привет», Джонс.

И все лампочки сразу же загорелись. Замигали разноцветные огоньки — красный, белый, голубой.

— Видишь, он неплохо разбирается в символах, но набор кодов у него несколько ограниченный. У себя на флоте он был подключен к аудиовизуальному дисплею. — Она вытащила из кармана узкий плоский пакетик. — Джонс, есть отличное говнецо. Хочешь попробовать? — Он остановился в воде и стал медленно погружаться на дно. Я почувствовал странное беспокойство, вдруг вспомнив, что он не рыба и может запросто утонуть. — Джонс, нам нужен ключ к банку данных Джонни. Как бы его поскорее заполучить? Огоньки дрогнули и погасли.

— Давай, Джонс!

Белое магниевое сияние омыло ее лицо, свет лег ровным слоем, тени, тянувшиеся от скул,

исчезли. Снова тьма.

— Отличнейшее! Никаких примесей. Ну же, Джонс.

Голубой мертвенный свет. Распятие. Пауза.

Кроваво-красная свастика щупальцами отразилась в серебристых линзах Молли.

— Выдай ему обещанное, — сказал я. — Мы нашли что хотели.

Эх, Ральфи, Ральфи. Мордашка… Ну никакого воображения.

Джонс взгромоздил добрую половину своей бронированной туши на край цистерны, и я подумал, что металл не выдержит и поддастся. Молли с размаху всадила иглу, угодив точно между двумя пластинами. Раздался шипящий звук. Вновь вспыхнули лампочки, по раме, судорожно пульсируя, побежали световые узоры.

Мы оставили Джонса лениво покачиваться в темной воде. Быть может, ему снились сны о войне на Тихом океане, о киберминах, которые он подрывал, осторожно проникая в их внутренности с помощью своего «кальмара». Сегодня «кальмар» пригодился и мне, чтобы вытащить из чипа, похороненного в моей голове, жалкий пароль Ральфи.

— Хорошо, пускай они дали маху, когда списали

Джонса со флота со всей его оснасткой… Но как кибердельфин мог сесть на иглу?

— Война, — сказала она. — Они все там были такие. Что ты хочешь — это же флот. Иначе попробуй заставь их работать на себя.

— Не думаю, что эту вашу затею можно осуществить, — сказал нам пират, пытаясь заломить цену. — Пробить канал на спутник связи, который нигде не зарегистрирован…

— Еще одно слово, и у тебя больше не будет проблем. — Молли уперла локти в исцарапанный пластик стола и нацелила на него указательный палец.

— Тогда, быть может, вы заплатите за свои микроволны где-нибудь в другом месте?

Да, парень классный, хоть и косит под Сони Мао. Родом из Ночного Города, не иначе.

Ее рука метнулась вперед и, скользнув по его куртке, целиком отсекла лацкан, даже не помяв ткань.

— Так что, по рукам или как?

— Да, — он уставился на срезанный лацкан, делая вид, что рассматривает его только из вежливого интереса, — по рукам.

Пока я настраивал два купленных заранее рекордера, Молли вытащила из кармана на рукаве

куртки сложенный бумажный листок, на котором я записал пароль. Развернула его и молча прочла, медленно шевеля губами.

— И это все? — Она пожала плечами.

— Начинай, — сказал я, нажимая клавиши «ЗАПИСЬ» на обеих деках одновременно.

— Белый Христиан, — прочитала она вслух, — и его «Арийский рэгги-бэнд».

Верный Ральфи. Фанат до самой могилы.

Переход к состоянию «идиот-всезнайка» всегда не такой внезапный, каким его ждешь. Радиостанция пирата представляла собой кубическое помещение, выдержанное в пастельных тонах и скрывающееся под вывеской захудалого туристического агентства; похвастаться оно могло лишь столом, тремя стульями и выцветшим постером с рекламой швейцарской орбитальной клиники. Две стеклянные птички на проволочных лапках монотонно тянули воду из пеностироловой чашки, которая стояла перед ними на полке рядом с плечом Молли. Пока я входил в режим, движения их постепенно ускорились, и через какое-то время венчики на их головах, искрящиеся в свете ламп, слились в сплошные разноцветные дуги. Индикатор пластмассовых настенных часов, на котором отсчитывались секунды, превра-

тился в бессмысленную пульсирующую сетку, а сама Молли и этот парень с рожей под Сони Мао словно погрузились в туман, лишь изредка я видел, как в тумане мелькают их руки, выписывая призрачные фигуры, напоминающие движения насекомых. А потом и они исчезли, растворившись в сером холоде статики, в котором не было ничего, лишь кто-то нудно бормотал на искусственном языке одну-единственную бесконечную поэму.

Без малого три часа просидел я, выпевая краденую программу покойника Ральфи.

Проспект тянется на сорок километров — сорок километров неровно состыкованных фуллеровских куполов, накрывающих то, что некогда было оживленной пригородной магистралью. Когда в ясную погоду здесь выключают освещение, солнечные лучи, пробиваясь сквозь многослойные акриловые перекрытия, превращаются в серую дымку. Это очень напоминает тюремные наброски Джованни Пиранези. На юге три последних километра проспекта проходят через Ночной Город. Ночной Город не платит налогов ни в государственную, ни в городскую казну. Неоновые светильники здесь давно мертвы, а геодезики почернели от копоти костров, на которых деся-

тилетиями готовят пищу. И разве кто-нибудь разглядит среди густой полуденной темноты Ночного Города несколько дюжин сумасшедших детей, прячущихся между балками перекрытий?

Два часа мы карабкались вверх по бетонным ступеням и металлическим решетчатым трапам мимо ветхих мостков и покрытых пылью подъемников. Начали мы свое восхождение с площадки, похожей на заброшенную ремонтную платформу, сплошь заставленную треугольными сегментами купола. И на всех предметах вокруг мы видели все те же привычные, однообразные граффити, нанесенные при помощи аэрозольных баллончиков с краской: названия банд, чьи-то инициалы, и даты, даты, даты — вплоть до самого начала века. Надписи преследовали нас по пятам, но чем выше мы забирались, тем их становилось меньше, пока наконец не осталась одна-единственная, повторяющаяся с настойчивым постоянством: *НИТЕХИ*. Большими заглавными буквами с подтеками черной краски.

— Нитехи — это кто?

— Только не мы, босс. — Она влезла на шаткую алюминиевую лестницу и скрылась в дыре, прорезанной в листе гофрированного пластика. — Примитивная техника, низкие технологии

— вот что это такое. — Пластик приглушал ее голос. Я осторожно полез за ней следом, оберегая побаливающую кисть. — Даже твоя затея с обрезом нитехам не покатила бы.

Где-то час спустя, когда я протащил свое тело сквозь очередную дыру, на этот раз грубо пропиленную в листе фанеры, я впервые наткнулся на нитеха.

— Все в порядке. — Рука Молли скользнула по моему плечу. — Это просто Пес. Эй, Пес!

Он стоял, освещенный узким лучом ее карманного фонаря, и рассматривал нас своим единственным глазом. Потом медленно высунул изо рта длинный серый язык и облизал выпирающие наружу клыки. Я подумал: а можно ли считать трансплантацию челюстных тканей добермана примитивной технологией? Ведь не растут же иммуноподавители на деревьях.

— Молл'. — Длинные клыки коверкали речь нитеха. С вывернутой нижней губы свисала капля слюны. — Слыш'л, как вы идете. Давно. — На вид ему было лет пятнадцать, но клыки, яркая мозаика шрамов и вдобавок вечно разинутая пасть превратили его лицо в настоящую звериную морду. Надо же было потратить столько времени и таланта, чтобы соорудить этакую образину; впро-

чем, по достоинству, с каким он держался, было видно, что жить за таким фасадом ему нравится. Ноги его прикрывали драные джинсы, черные от налипшей грязи и лоснящиеся на сгибах. Грудь Пса была голой, и стоял он на полу босиком. Нитех изобразил своим ртом что-то вроде ухмылки:
— Идут след'м, за вами.

Далеко внизу, в Ночном Городе, надрывно закричал лотошник-водонос, зазывая покупателей.

— Запрыгали струны, Пес?

Она повела фонарем, и я увидел тонкие провода, привязанные к головкам болтов. Они тянулись от самого края площадки и исчезали внизу.

— Выруби еб'н свет!

Она сразу же погасила фонарик.

— Эт'т, к'торый там, как он ход'т без света?

— Он ему не нужен. Это подарочек еще тот, Пес. Если ваши сторожа попытаются спихнуть его, думаю, что домой они вернутся в разобранном виде.

— Он друг эт'т друга, Молл? — с тревогой прогнусавил он. Я услышал, как у него под ногами затрещала гнилая фанера.

— Нет. Но я займусь им сама. А этот, — она похлопала меня по плечу, — это мой друг. Понял?

— Ясн', — ответил он без особой радости и про-

шлепал к краю платформы, туда, где крепились болты. Дергая за натянутые струны, он принялся передавать сообщение тем, кто находился внизу.

Подобно огромному крысиному лабиринту далеко под нами раскинулся Ночной Город. Он был окутан мраком, лишь в крохотных квадратиках окон тускло мерцали свечи, да изредка выступали из тьмы площадки, освещенные фонарями на батарейках и карбидными лампами. Я представил себе стариков, коротающих время за бесконечной партией в домино: они лениво постукивают костяшками, а сверху им на головы с мокрого стираного белья, вывешенного между фанерными лачугами, падают большие теплые капли. Затем я попытался представить того, кто сейчас терпеливо взбирается вверх, один, в темноте, в своих легоньких дзори и мерзкой туристской рубахе, вежливо улыбаясь и не спеша — да и куда спешить-то?.. И все же, как ему удалось выследить нас?

— Очень просто, — сказала Молли. — Он чует нас по запаху.

— Кур'шь?

Пес вытащил из кармана мятую пачку и, как награду, вручил мне сплющенную сигарету. Прикуривая от кухонной спички, я разглядел марку.

Ихэюаньский табак. Пекинская сигаретная фабрика. Понятное дело, нитехи связаны с черным рынком. Тем временем Пес и Молли завели какой-то нескончаемый спор, который, как я понял, вертелся вокруг желания Молли воспользоваться чем-то особенным из недвижимого имущества нитехов.

— Приятель, ты, наверно, забыл, сколько я всего для вас сделала. Мне нужна Площадка. Я давно не слушала музыку.

— Ты не н'тех…

Так они препирались добрую часть километрового зигзага, по которому вел нас Пес. Идти оказалось непросто: то по узким раскачивающимся мосткам, то куда-то вверх по веревочным лестницам. Нитехи плетут свою паутину, плевками эпоксидной смолы прикрепляя свои гнезда к расползающейся ткани города — и спят там себе над бездной в веревочных гамаках… Их владения настолько условны, что порой и состоят лишь из упоров для рук и ног, выпиленных в конструкциях геодезиков.

Дохлая Площадка, сказала Молли. Поспевать за ней было непросто, особенно в этих неразношенных модных туфлях из гардероба Скоростного Эдди, которые скользили по вытертому металлу

и гладкой, мокрой фанере, — и я подумал: а можно ли найти еще более гиблое место, чем это? Молли и Пес все спорили, но я догадывался, что отговорки Пса — всего лишь ритуал: она получит то, чего хочет.

Где-то там внизу, под нами, ходил кругами в своей цистерне Джонс. У бедняги как раз должна была начаться ломка. Полиция, наверное, все еще приставала к завсегдатаям «Взлетной полосы» с вопросами о Ральфи. Что он там делал? Да с кем он там был до того, как вышел на улицу? И якудза, должно быть, уже запускала свои невидимые щупальца в информационные узлы города, выискивая любую мелочь, способную навести на мой след, — банковские счета, страховки, оплаченные квитанции. У нас информационная экономика. Этому учат еще в школе. Но учителя никогда не скажут вам, что невозможно жить, передвигаться, совершать какие-либо действия, не оставляя крошечных, ничтожных на первый взгляд, но неуничтожимых следов информации о личности каждого человека. Следов, которые можно извлечь, собрать, усилить…

Но к этому времени пират уже должен был переправить нашу анонимку в сеть, откуда она прямиком попадет на комсат якудза. Послание

очень простое: «Отзовите ищеек, или мы запустим вашу программу по всем каналам».

Программа… Я даже понятия не имел о ее содержимом. И до сих пор не имею. Я просто пропел свою песню, не разбирая слов. Быть может, это были данные каких-то исследований, добытые с помощью промышленного шпионажа, — обычный бизнес якудза. Чем не по-джентльменски — грабануть у «Оно-Сендаи» какую-нибудь перспективную разработку, а затем вежливо предложить ее выкупить? А если жертва упрется, в ход пойдут угрозы: или гоните монету, или ваша бесценная новинка станет достоянием гласности.

И в самом деле, почему бы им не поставить на какой-то другой номер? Разве продать украденное «Оно-Сендаи» для них менее выгодно, нежели выкопать могилу для какого-то Джонни из Переулка Торговцев Памятью?

Их программа, отправленная наземной почтой четвертого класса, была сейчас на пути в Сидней. По одному адреску, по которому я обычно отсылал письма для своих клиентов, — люди там работали надежные и, главное, они не задавали вопросов, — причем совсем незадорого. Якудза же я выслал программу не целиком, а лишь

небольшую часть второй копии — ровно столько, чтобы они убедились в ее подлинности. А поверх затертого куска я записал свое послание.

Боль в кисти не проходила. Мне хотелось остановиться, лечь и уснуть. Я знал: еще немного, и я потеряю чувство реальности, свалюсь без сил — и уж тогда-то эти черные остроносые туфли, которые я купил, чтобы сыграть роль Эдди Бакса, потеряют опору и мигом доставят меня вниз, в Ночной Город. Но перед мысленным взором все время стоял он — тот, что шел за нами следом: от него, как от дешевой религиозной голограммы, исходило сияние, а увеличенный чип на гавайке напоминал снимок приговоренного к ядерной смерти города, сделанный со спутника-шпиона.

И поэтому я продолжал идти за Молли и Псом через небеса нитехов, кое-как сколоченные из всякого хлама, от которого отвернулся даже Ночной Город.

Дохлая Площадка — квадрат восемь на восемь метров. Словно какой-нибудь великан, натянув на стальных канатах свалку металлолома, подвесил ее в пустоте. Она скрежетала при малейшем движении, а двигалась она постоянно, раскачиваясь и подпрыгивая, пока собравшиеся нитехи рассаживались на окружавшем ее фанерном

карнизе. Дерево от старости серебрилось, поверхность карниза, отполированная за долгие годы, сплошь пестрела от вырезанных имен, угроз и признаний в любви. Тросы, удерживавшие Площадку на весу, терялись во тьме за пределами ослепительно-белого сияния двух древних прожекторных рам, подвешенных сверху.

Девушка с зубами как у Пса неожиданно выпрыгнула на Площадку и встала на четвереньки. На грудях ее были вытатуированы спирали цвета индиго. Она быстро добежала до края и с громким хохотом вцепилась в парня, который пил из литровой фляги какую-то темную жидкость.

Похоже, мода у нитехов и состояла-то в основном из татуировок да шрамов. Ну и, конечно, зубов. Электричество, которое они воровали для освещения Дохлой Площадки, казалось исключением из их эстетики, сделанным во имя… чего? Ритуала, спорта, искусства? Точно сказать я не мог, но видел, что Площадка — это нечто особенное. И, судя по всему, каждое поколение нитехов вносило в нее что-то свое.

Я все еще прятал под курткой бесполезный обрез. Патронов в нем больше не было, но твердость приклада, упиравшегося в мой бок, действовала успокаивающе. И тут до меня наконец дошло, что

я до сих пор не имею ни малейшего представления о том, что здесь на самом деле происходит — или может произойти. Но это было в духе всей моей предыдущей игры, потому что большую часть жизни я был лишь слепым сосудом, который чужие люди наполняли чужими знаниями, а затем выкачивали их обратно, — и я послушно выплескивал из себя искусственные слова, никогда не понимая их смысла. Одним словом, очень техничный парень. Уж будьте уверены.

А затем я заметил, какими тихими сделались вдруг нитехи.

Он стоял на границе света и тьмы, с невозмутимым спокойствием туриста рассматривая Площадку и толпу нитехов, замерших на галерке. И когда наши взгляды встретились и мы сразу же узнали друг друга, вдруг словно что-то щелкнуло в моей памяти. Я вспомнил Париж: длинные электрические «мерседесы», как блуждающие оранжереи скользящие сквозь дождь к Нотр-Дам, а за стеклами японские лица, и сотни объективов «никои», и из каждого слепо тянущийся к свету цветок из хрусталя и стали. И в самой глубине его глаз — когда наши взгляды встретились — я увидел те же, что и тогда, жужжащие затворы фотообъективов.

Я оглянулся в поисках Молли, но она куда-то исчезла.

Нитехи молча потеснились и дали ему ступить на карниз. На лице его светилась улыбка, он поклонился и плавным движением выскользнул из своих сандалий; они остались стоять одна подле другой, выровненные, будто по линейке. Потом он сошел на Площадку. Тех двигался ко мне через колеблющиеся завалы металлолома легко и спокойно — как беззаботный турист, фланирующий по синтетическим ковровым дорожкам второразрядного отеля.

И тут стремительным движением на Площадку выпрыгнула Молли.

Площадка пронзительно завизжала.

Каждое движение Площадки сопровождалось усиленным до предела звуком: к четырем толстым спиральным пружинам по ее углам были подключены здоровенные звукосниматели, а к ржавым обломкам машин и механизмов безо всякой системы крепились контактные микрофоны. А еще где-то нитехи держали усилитель и синтезатор; вверху же, над нашими головами, сквозь слепящее марево можно было различить неясные очертания колонок.

С размеренной четкостью метронома начал

отбивать ритм электронный ударник: ощущение было такое, словно где-то поблизости застучало огромное сердце.

Молли сбросила с себя куртку и сапоги и осталась в футболке без рукавов; по едва заметным следам на ее тонких руках можно было догадаться о специальных устройствах из Тиба-сити. Ее кожаные джинсы блестели в свете прожекторов. Она начала танцевать.

Согнув ноги в коленях, она с силой вдавила белые ступни в расплющенный бензобак; в ответ на это Площадка начала раскачиваться. Звук при этом был такой, словно мир рушится в преисподнюю, а провода, которыми он прикреплен к небесам, лопаются и скручиваются по всему небосводу.

Всего несколько биений сердца потребовалось теху, чтобы приноровиться к диким броскам Площадки, затем он легко двинулся дальше, ступая по обломкам металла, словно по верхушкам плоских камней в каком-нибудь орнаментальном саду.

Не доходя до Молли, он с изяществом человека, привычного к светским манерам, потянул за кончик большого пальца и метнул его в ее сторону. Преломившись в лучах прожекторов, нить про-

тянулась в воздухе радужной паутинкой. Молли бросилась на пол и откатилась в сторону, а затем, когда смертоносная молекула просвистела мимо, взметнулась вверх, как распрямившаяся пружина. Словно повинуясь инстинкту самозащиты, она выпустила стальные когти.

Барабанный пульс участился. Молли делала прыжок за прыжком — черные волосы взлетали от дикой пляски над слепым серебром линз, рот сжался в линию, губы побелели от напряжения. А под ней гудела и скрежетала Площадка, и нитехи повизгивали от удовольствия.

Тех втянул нить обратно, но не до конца: держа беспалую руку на уровне груди, он стал вращать нить перед собой, образовав призрачный многоцветный круг диаметром около метра. Словно загородился щитом.

И тут Молли как будто прорвало. Это трудно было назвать танцем — так мечется сорвавшаяся с цепи бешеная собака. Она резко подпрыгнула, прогнулась в воздухе и, сделав рывок в сторону, приземлилась обеими ногами на алюминиевый блок двигателя, прикрученный проволокой к одной из спиральных пружин. Я зажал уши ладонями, сила звука, с которой загрохотала Площадка, бросила меня на колени, голова моя

закружилась, я подумал, что и сама Площадка, и карниз с сидящими на нем нитехами, сорвавшись, рушатся вниз. Мне уже виделось, как мы падаем на Ночной Город, как ломаются от удара лачуги, разлетается недосушенное белье и несчастные наши тела разбиваются о городские плиты, словно гнилые фрукты. Но тросы выдержали, и Площадка продолжала взлетать и падать подобно безумному металлическому морю. И Молли продолжала танцевать на его волнах.

И уже перед самой развязкой, перед тем как тех в последний раз взмахнул своей нитью, я увидел на его лице выражение, которое, по-моему, просто не могло принадлежать ему. Это не было страхом, и это не было гневом. Скорее это были неверие, изумление и непонимание одновременно, смешанные к тому же с чисто эстетическим отвращением ко всему, что он здесь видел и слышал, — и к тому, что происходило с ним. Он опять втянул в палец вращающуюся нить и, когда призрачный диск уменьшился до размеров тарелки, взметнул руку над головой и рывком ее опустил: кончик большого пальца, словно сделавшись вдруг живым, метнулся в сторону Молли.

Но Площадка унесла Молли вниз, и нить прошла над самой ее головой — чтобы затем, в упру-

гом развороте, возвратиться к своему хозяину, взлетевшему на гребне встречной волны. Нить должна была без вреда пройти над его головой и вернуться на место в алмазную твердь сустава. Вышло иначе: она отсекла ему кисть. Перед техом в Площадке образовалась брешь, и он шагнул прямо в нее: так уходит в воду ныряльщик, неторопливо, с нарочитым изяществом, — сбитый камикадзе на своем пути вниз, в Ночной Город. Но я думаю, есть еще одна причина, объясняющая этот прыжок. Напоследок, перед тем как уйти в глубину, он хотел подарить себе несколько секунд тишины, которых он был достоин. Не ловкость и не отвага соперницы убили его — его убил культурный шок.

Нитехи заорали как резаные, но кто-то уже выключил усилитель, и Молли, с бледным, без тени чувства лицом, покачалась еще немного с Площадкой, пока та наконец не остановилась и в медленно возвращающейся тишине не осталось ничего, кроме затухающего гуда измученного металла да скрипа трущихся друг о друга ржавых частей.

Мы обшарили всю Площадку в поисках отрезанной кисти, но так и не нашли ее. Все, что мы обнаружили, — это изящный срез на одном из

кусков ржавой стали, который оказался на пути пролетающей нити. Поверхность его сверкала, словно свежее хромированное покрытие.

Мы так и не узнали, приняли ли якудза наши условия, да и вообще — дошло ли до них наше послание. Насколько мне известно, программа по-прежнему дожидается Эдди Бакса на полке в подсобке сувенирной лавки на третьем уровне вокзала Сидней-Пять. Оригинал программы они, скорее всего, продали обратно «Оно-Сендаи» еще несколько месяцев назад. Но, может, они и приняли передачу пирата, ведь до сих пор по мою душу так никто и не приходил, хотя минул почти год. Но даже если они и появятся, то сперва им придется повторить наш долгий подъем сквозь тьму, мимо часовых Пса, а я, если на то пошло, уже совсем не похож на Эдди Бакса. Я предоставил это Молли — ей и местной анестезии. И мои новые зубы уже почти прижились.

Я решил остаться здесь, наверху. В тот раз, когда я увидел его, появившегося на противоположном краю Площадки, до меня вдруг дошло, насколько я все-таки пуст. И еще я понял, что мне до тошноты надоело быть корзиной для чьего-то белья. Зато теперь почти каждую ночь я спускаюсь вниз и навещаю Джонса.

Мы теперь с ним партнеры, я и Джонс, — ну и, конечно, Молли. Молли устраивает наши дела внизу, во «Взлетной полосе». Джонс по-прежнему живет в своей «Стране развлечений», но цистерна у него куда как больше, и раз в неделю ему подвозят свежую морскую воду. И кайф у Джонса есть, когда ему надо. Он по-прежнему разговаривает с детишками с помощью рождественских фонариков, но со мной Джонс беседует через экран дисплея. Новый прибор гораздо лучше того, что был у него на флоте. Я установил его в гараже, который снимаю неподалеку.

И все мы зарабатываем неплохие денежки, побольше, чем я зашибал раньше, потому что «кальмар» Джонса может прочесть следы любой информации, которая когда-либо во мне побывала. Он выдает все это через наш новый дисплей на языке, который я теперь без труда понимаю. Так что мы много чего узнали о всех моих бывших клиентах. И однажды настанет день, когда я отправлюсь к хирургу, чтобы выковырять весь этот кремний, запрятанный у меня в железах. И останусь жить лишь со своей памятью и ничьей больше, как и другие люди. Но какое-то время я еще потерплю.

А пока здесь у нас, наверху, все в полном по-

рядке. Я посиживаю себе в темноте, покуриваю китайские сигареты с фильтром, слушаю, как капает с геодезиков влага. Только здесь, наверху, еще можно услышать, что такое настоящая тишина — если, конечно, парочка нитехов не вздумает станцевать на Дохлой Площадке.

Такая жизнь многому учит. И если с помощью Джонса я разберусь еще в нескольких мелочах, я стану самым техничным парнем в городе.

Отель «Новая роза»
(рассказ)

Корпорация «Хосака» занимается промышленным шпионажем, охотясь на перспективных ученых и их изобретения. Под ее прицелом ученый-генетик Хироси. Когда на кону стоят большие деньги, человеческие жизни не имеют никакой цены.

* * *

Семь ночей в этом гробу, Сенди, семь взятых взаймы у времени ночей.

Отель «Новая роза». Как я хочу тебя сейчас. Было несколько случаев, когда я ударил тебя. Проигрывая это в памяти, медленно — жестоко и сладко, — я едва ли не ощущаю это. Иногда я вынимаю из сумки твой маленький автоматический пистолет, провожу большим пальцем по гладкому дешёвому гробу. Китайский, 22-й калибр, дуло не шире расширившихся зрачков твоих исчезнувших глаз.

Фокс теперь мёртв, Сенди.

Он сказал, чтобы я забыл о тебе.

Помню, Фокс стоит, облокотившись об обитую плюшем стойку в полутёмном баре какой-то сингапурской гостиницы, кажется, на Бенкулен-стрит. Его руки рисуют в воздухе различные сферы влияния, расставляют на невидимой доске внутренних соперников. Взмах левой обозначает кривую графика чьей-то карьеры, а указательный палец правой утыкается в меня будто в уязвимое место, которое он обнаружил в броне какого-нибудь танка мысли. Фокс — снайпер в войне мозгов, посредник на перекрёстках большого бизнеса.

Он — разведчик в тайных вылазках «дзайбацу», контролирующих мировую экономику транснациональных корпораций.

Я вижу, как Фокс ухмыляется, тараторит. Он встряхивает головой, отметая мои экскурсы в промышленный шпионаж. Грань, говорит он, всегда ищи Грань. Он произносит это слово с нажимом, так и слышится заглавная буква в начале. Грань для Фокса — Чаша Грааля, — необходимая составляющая выдающегося человеческого таланта, не подлежащая передаче, запертая в мозгу самых крутых учёных мира. Грань не записать на бумагу, говорил Фокс, не набить на дискету.

Деньги делаются на отступниках, предающих свои корпорации.

Фокс был вкрадчив и ловок, как лис. Солидность его тёмных французских костюмов уравновешивалась мальчишеским вихром, не желавшим оставаться на своём месте. Меня всегда расстраивало то, как пропадала видимость изящества, когда он отходил от стойки бара, левое плечо вывернуто под таким углом, что не скрыть никакому парижскому портному. В Берне кто-то переехал Фокса такси, и ни один хирург так и не додумался, как выправить ему позвоночник.

Думаю, я пошёл за ним, потому что он сказал, что охотится за Гранью.

И где-то там, на пути к Грани, я и нашёл тебя, Сенди.

Отель с громким названием «Новая роза» — это всего лишь нагромождение гробов на обшарпанной окраине международного аэропорта Нарита. Пластиковые капсулы в метр высотой и три длиной, похожие на выпавшие зубы Годзиллы, подвешены над бетонным основанием у дороги в аэропорт. В потолок каждой капсулы вмонтирован телевизор. Я целые дни проводил за японскими викторинами и старыми фильмами. Временами я держал в руке твой пистолет.

Иногда мне слышно, как через равные промежутки времени в Нарите поднимаются самолёты. Закрыв глаза, я представляю, как чёткий белый хвост выхлопов расплывается, теряет форму.

Впервые я увидел тебя в дверном проёме обшарпанного бара в Йокогаме. Евразийка, полугайдзин. Длинные ноги и сногсшибательный струящийся наряд, китайская копия с оригинала какого-то известного японского кутюрье. Тёмные европейские глаза, азиатские скулы. Я помню, как потом, в номере, ты вытряхнула сумочку на постель, выискивая что-то среди косметики. Мятый свёрток новых иен, ветхая записная книжка, перетянутая резинкой, банковский чип «Мицубиси», японский паспорт с тиснёной золотой хризантемой на обложке и китайский пистолет 22-го калибра.

Ты рассказала мне недлинную историю своей жизни.

Твой отец был служащим в Токио, но теперь он опозорен, лишён состояния и выброшен на улицу «Хосакой», самой могущественной среди дзайбацу. Той ночью твоя мать была голландкой, и ты разворачивала передо мной, пока я слушал, бесконечные летние дни амстердамских каникул, где голуби покрывают площадь Дамм

мягким коричневым ковром.

Я никогда не спрашивал, что сделал твой отец, чтобы заслужить такой позор. Наблюдал за тобой, когда ты одевалась, смотрел, как ты встряхиваешь тёмными прямыми волосами, как они прорезают воздух.

Теперь «Хосака» охотится за мной.

Гробы «Новой розы» подвешены на изношенных лесах — стальные трубы под яркой эмалью. Когда я карабкаюсь по лестнице, снежинки облупившейся краски, кружась, летят вниз, осыпаются с каждым моим шагом по шаткому настилу. Левая рука отсчитывает люки гробов. Надписи на нескольких языках предупреждают о штрафах за потерю ключа.

Я поднимаю глаза — взглянуть, как из Нариты взлетают самолёты, возвращаясь к дому, далёкому теперь, как луна.

Фокс моментально сообразил, как тебя использовать, но у него не хватило прозорливости понять, что и у тебя могут быть амбиции. Но ведь он не лежал с тобой рядом на пляже Камакуры, вслушиваясь в твои ночные кошмары, никогда не слышал полностью придуманного детства, неуловимого и изменчивого под равнодушными звёздами. Детский рот открывается, чтобы

поведать новую версию недавнего прошлого. И всякий раз ты клялась, что этот вариант — истинная и окончательная правда. Мне было всё равно, я обнимал твои бёдра, а под локтем остывал колючий песок.

Однажды ты оставила меня, убежала на пляж, сказав, что потеряла ключ. Я обнаружил его в двери, спустился к морю — и нашёл тебя по колено в прибое. Гибкая спина напряжена, глаза устремлены куда-то вдаль. Ты не могла говорить. Тебя била дрожь. Трясло во имя иных будущих и лучших прошлых.

Сенди, ты оставила меня там.

Как оставила мне все свои вещи.

Этот пистолет. Твоя косметика: тени и румяна, запечатанные в пластик. Подаренный Фоксом мини-компьютер «Крей», а в нём — список покупок, который ты, очевидно, вводила сама. Иногда я прокручиваю этот список, глядя, как изящно скользит по серебристому экранчику каждая запись.

Морозильная камера. Ферментёр. Инкубатор. Система электрофореза с интегрированной камерой «агар-агар» и транслюминатором. Прибор для вживления тканей. Высокочастотный жидкостной хроматограф. Поточный цитометр.

Спектрофотометр. Четыре дюжины пузырьков боросиликатной сциенциляции. Микроцентрифуга. И синтезатор ДНК со встроенным компьютером. Плюс необходимый софт.

Недёшево, Сенди; но тогда по нашим счетам платила «Хосака». Месяц спустя ты заставила их заплатить гораздо дороже, впрочем, к тому времени тебя было уже не найти.

Этот список тебе явно составлял Хироси. Наверное, в постели. Хироси Йомиури. Он был собственностью «Маас-Биолабс. Лтд». «Хосака» хотела прибрать его к рукам. Он был крут. Грань, притом острая. Фокс следил за генными инженерами с одержимостью фаната, не отрывающего глаз от игроков любимой команды. Фоксу так хотелось заполучить Хироси, что он разве что во рту не ощущал вкус этого желания. До твоего появления он трижды посылал меня во Франкфурт — просто взглянуть на генетика. Не для того, чтобы закинуть удочку или даже просто кивнуть или подмигнуть ему. Только посмотреть.

Судя по всему, Хироси прочно осел на немецкой земле. Наш японец отыскал себе немочку с пристрастием к консервативным ценностям и к ботинкам для верховой езды, начищенным до блеска свежего грецкого ореха. Купил отреста-

врированный дом на престижной площади. Стал брать уроки фехтования и забросил кендо.

И повсюду «маасовская» охрана, слаженная команда профессионалов — светлый тягучий сироп наблюдения.

Вернувшись, я сказал Фоксу, что дело гиблое, что нам никогда до него не добраться.

Ты сделала это за нас, Сенди. Единственно возможным способом.

Связники «Хосаки» играли роль особых клеток, защищающих материнский организм. Мы же были мутагенами, Фокс и я, сомнительными агентами, свободно дрейфующими в мутных водах внутренней среды корпорации.

После того как ты прибыла в Вену, мы предложили им Хироси. Люди дзайбацу и глазом не моргнули. Мёртвая тишина в номере лос-анджелесского отеля. Они сказали, им нужно подумать.

Фокс произнёс вслух имя главного конкурента «Хосаки» в состязании умов. Как гулко оно отдалось в мёртвой тишине. Фокс нарушил неписаное правило, запрещающее называть настоящие имена.

Нужно подумать, сказали они.

Фокс дал им три дня.

Перед Веной я повёз тебя на неделю в Барселону. Я помню твои волосы, забранные под серый берет, отражение высоких монгольских скул в витринах антикварных лавок. Ты шагала вниз по Рамблас к Гавани Феникса, мимо стеклянных крыш торговых рядов Меркадо… апельсины из Африки…

Старый «Риц»: в нашей комнате тепло, темно, мягкая тяжесть Европы укрывает нас ватным одеялом. Я мог войти в тебя, когда ты спала. Ты всегда была готова. Видеть, как твои губы складываются в мягкое округлое «о» удивления. Твоё лицо готово утонуть в пухлой белой подушке… архаичные простыни «Рица».

Внутри тебя я воображал, что вижу буйство неона, толпы людей, снующих вокруг вокзала в Синьдзюку, бредовую электрическую ночь. Ты и двигалась как бы в ритме нового века, сонная и чуждая душе любого народа.

В Вене я поселил тебя в любимом отеле жены Хироси. Тихая дрёма солидного вестибюля, пол выложен плиткой наподобие шахматной доски. В начищенных медных лифтах пахло лимонным маслом и маленькими сигарами. Так легко было представить себе эту немочку здесь — заклёпки ботинок отражаются в полированном

мраморе, — но мы знали, что на этот раз она не приедет.

Она отправилась на курорт куда-то в Рейнланд, а Хироси — в Вену на конференцию. Когда отель наводнила служба безопасности «Мааса», тебя нигде не было видно.

Хироси прибыл час спустя — один.

— Представь себе, — сказал как-то Фокс, — инопланетянина, который прибыл, чтобы определить доминирующую форму разума на планете. Инопланетянин осматривается, потом делает выбор. Как ты думаешь, кого он выберет?

Я, вероятно, пожал плечами.

— Дзайбацу, — ответил на свой вопрос Фокс, — транснационалов. Плоть и кровь дзайбацу — это информация, а не люди. Сама структура совершенно независима от составляющих её отдельных личностей. Корпорация как форма существования.

— Только не начинай опять о Грани, — взмолился я.

— «Маас» не такой, — не унимался Фокс, не обращая на меня внимания. — «Маас»… маленький, быстрый, беспощадный… Атавизм. «Маас» — воплощённая Грань.

Мне вспоминается, как Фокс распространялся

о сути Грани Хироси. Радиоактивные протонные ядра, моноклонные антитела, что-то связанное с утечкой протеинов, нуклеидов… Бешеные, называл их Фокс, бешеные протеины. Скоростные передачи внутри цепей.

Он говорил, что Хироси — настоящий монстр, что он из тех, кто сметает устоявшиеся парадигмы, изобретает новые отрасли науки, несёт в себе радикальную переоценку целой области знаний. Структурная основа, говорил Фокс, и горло у него перехватывало от неземного богатства этих двух слов с высоким, едким запахом прилипших к ним трёх беспошлинных миллионов.

«Хосака» желала заполучить Хироси, но и для них его Грань тоже была слишком остра. Они хотели, чтобы он работал в изоляции.

Я отправился в Марракеш, в древний город Мединy.

Отыскал там лабораторию, переоборудованную под производство вытяжки из феромонов. Препарат закупался на деньги «Хосаки».

Потом мы с потным португальским бизнесменом шли через рынок Джемаха-эль-Фна, обсуждая флуоресцентное освещение и установку вытяжных шкафов. За стенами города — высокие хребты гор Атласа. Джемаха-эль-Фна запружена

фокусниками, танцорами, сказителями, мальчишками, ногами вращающими гончарный круг, безногими нищими с деревянными плошками под мультипликационными голограммами с рекламой французских софтов.

Мы шагали мимо тюков сырой шерсти и пластмассовых пробирок с китайскими микрочипами. Я намекнул, что мои работодатели планируют производить синтетический бета-эндорфин. Всегда подбрасывайте подручным что-нибудь доступное их пониманию.

Сенди, иногда я вспоминаю тебя в Хараюку. Закрываю глаза здесь, в этом гробу, и мысленно вижу тебя… Блеск хрустального лабиринта бутиков, запах новой одежды. Я вижу, как твои скулы скользят вдоль хромированных прилавков с парижской кожей. Временами я держал тебя за руку.

Мы думали, наши поиски увенчались успехом, но на самом деле — это ты нашла нас, Сенди. Теперь я понимаю: ты сама настойчиво искала нас или таких, как мы. Фокс был вне себя от радости, обдумывая, как лучше использовать этот новый инструмент, яркий и острый, будто скальпель. Этот-то инструмент и поможет нам отсечь неподатливую Грань Хироси от ревнивого

материнского организма «Маас-Биолабс». Ты, наверное, долго искала, металась в безысходности твоих ночей в Синьдзюку. Ночей, которые ты тщательно удалила из разрозненной колоды своего прошлого.

Моё же собственное давным-давно кануло в никуда.

Кому, как не мне, знать, откуда берутся такие привычки, как у Фокса, — опустошать по ночам бумажник, перетасовывать документы. Он раскладывал удостоверения на чужие имена в различном порядке, перекладывал их с места на место, ждал возникновения картинки. Я знал, что он ищет. Ты проделывала со своим детством то же самое.

Сегодня ночью в «Новой розе» я вытягиваю карту из колоды твоих прошлых. Выбираю исходную версию, знаменитый «текст отеля в Йокогаме», продекламированный в ту первую ночь в постели. Выбираю опозоренного отца, служащего «Хосаки». «Хосака»… Подумать только, какое великолепие!

И мать-голландку, и лето в Амстердаме… мягкое покрывало голубей на площади Дамм.

Из зноя Марракеша — в кондиционированные залы «Хилтона». Пока я читал твоё сообщение,

переданное через Фокса, влажная рубашка холодным компрессом липла к пояснице. Вся игра строилась на тебе, и ты была в ударе: Хироси оставит жену. Ты без малейшего труда связывалась с нами даже сквозь прозрачную плотную плёнку службы безопасности «Мааса».

Кто, как не ты, показала Хироси распрекрасное местечко, где подают великолепный кофе и чудные булочки по-венски. Твой любимый официант был седоволос, добр, хромал на правую ногу и работал на нас. Шифрованные записки он забирал вместе с льняной салфеткой.

Весь сегодняшний день я слежу за маленьким вертолётом, вычерчивающим концентрические круги над моей крохотной страной, землёй моего изгнания — отелем «Новая роза». Наблюдаю в отверстие люка за тем, как его терпеливая тень пересекает заляпанный жирной грязью бетон. Близко, совсем близко.

Из Марракеша я вылетел в Берлин. Встретился в баре с уроженцем Уэльса и начал подготовку к исчезновению Хироси.

Механика его была сложной, изощрённой, как медные приспособления и скользящие зеркала театральной магии викторианских времён. Желаемый эффект должен быть предельно прост.

Хироси зайдёт за «мерседес», работающий от водородного генератора, и исчезнет. Дюжина агентов «Мааса», постоянно за ним наблюдающих, окружит грузовичок, как встревоженные муравьи. Вся служба безопасности «Мааса» эпоксидной смолой стянется к месту отбытия генетика.

В Берлине умеют быстро улаживать дела. Мне даже удалось устроить последнюю ночь с тобой. Я скрыл это от Фокса: он бы ворчал, что это излишний риск. Теперь мне уже не вспомнить название городка, где ты ждала меня. Я помнил его не больше часа, пока гнал машину по автобану под сероватым рейнским небом, и забыл в твоих объятиях.

Ближе к утру начался дождь. В нашем номере было одно окно, высокое и узкое, у которого я стоял и смотрел, как дождь серебряным гребнем расчёсывает реку.

Шорох твоего дыхания. Река текла под низкими каменными арками. Улица была пуста. Европа казалась мёртвым музеем.

Я уже заказал тебе билет на самолёт на новое имя, в Марракеш через Орли. Ты будешь уже в пути, когда я потяну за последнюю ниточку, и Хироси исчезнет из виду.

Ты оставила свою сумочку на тёмной столеш-

нице старого бюро. Пока ты спала, я перебирал твои вещи и откладывал в сторону всё шедшее вразрез с прикрытием, которое я купил тебе в Берлине. Я забрал китайский пистолет 22-го калибра, твой мини-компьютер и банковский чип. Вынул из портмоне новый голландский паспорт, чип швейцарского банка на то же имя, засунул в твою сумку.

Моя рука скользнула по чему-то плоскому. Вытащил. Подержал в руке дискету. Неказистая, никаких наклеек.

Она лежала у меня на ладони — эта смерть, — выжидая случая, чтобы ужалить, дремала, свернувшись кольцами кодов.

Так я и стоял, следил за твоим дыханием, смотрел, как поднимается я опадает твоя грудь. Видел полуоткрытые губы и — в припухлости нижней — лёгкий намёк на синяк.

Дискету я кинул в твою сумку. Когда я наконец лёг, ты, проснувшись, перекатилась поближе ко мне. В твоём дыхании — электрическая ночь Новой Азии, будущее, которое поднимается в тебе прозрачным ликёром, смывая всё, кроме наступившего мгновения. В этом заключалась тайна твоего колдовства — в том, что ты жила вне истории, вся в настоящем.

И знала, как увести меня туда.

Тогда ты взяла меня с собой в настоящее в последний раз.

Бреясь, я слышал, как ты высыпаешь в мою сумку косметику. Я теперь голландка, сказала ты, хочу соответствовать.

Доктора Хироси Йомиури хватились в Вене, в тихом переулке неподалёку от Зингер-штрассе, в двух кварталах от любимого отеля его жены. Ясным октябрьским утром, на глазах десятка квалифицированных свидетелей, доктор Йомиури исчез.

Он ступил в Зазеркалье. Где-то за сценой — смазанная игра викторианского часового механизма.

В женевской гостинице я ответил на звонок уэльсца.

Дело сделано. Хироси провалился в кроличью нору и направляется в Марракеш.

Наливая себе виски, я думал о твоих ногах.

Через день мы с Фоксом встретились в Нарите, в баре аэровокзала «Джапан Эйр Лайнс», где подают суши. Он только что сошёл с самолёта «Эйр Марокко», измотанный и торжествующий. Естественно, ни о чём, кроме Хироси, он говорить не мог.

Понравилось, сказал он, имея в виду лабораторию.

Любит, сказал он, имея в виду тебя.

Я улыбнулся. Ты ведь обещала через месяц встретиться со мной в Синьдзюку.

Твой дешёвый пистолетик в отеле «Новая роза». Хром уже пошёл трещинами. Механизм топорный, грубая китайская штамповка в дешёвом металле. На обеих сторонах рукояти свернулся красный пластмассовый дракон.

Скорее детская игрушка, чем оружие.

Фокс ел суши на аэровокзале «Джей-Эй-Эль», пребывая в эйфории от ловкости той операции, какую мы провернули. У него болело плечо, но он сказал: плевать. Теперь есть деньги на лучших докторов. На всё что угодно.

Почему-то для меня деньги «Хосаки» не имели особого значения. Нет, я не сомневался в нашем новом богатстве. Оно казалось само собой разумеющимся, как будто пришло к нам вместе с новым порядком вещей, как признак того, кем и чем мы стали.

Бедняга Фокс. Со своими синими оксфордскими рубашками, накрахмаленными до небывалого хруста, с парижскими костюмами из самой дорогой и мягкой ткани. Он сидел в «Джей-Эй-Эль»,

макая суши в правильный прямоугольник зелёного хрена, и дни его уже были сочтены.

Стемнело. Ряды гробов «Новой розы» освещены прожекторами с верхушек стальных раскрашенных мачт.

Ничто здесь, похоже, не используется по своему прямому назначению. Всё — бывшее в употреблении, всё — отжившее свой век, даже гробы. Сорок лет назад эти капсулы размещались, наверное, в Токио или Йокогаме, современное удобство для путешествующих бизнесменов. Быть может, в таком спал твой отец. Когда-то и леса были новыми, и возвышались они, наверное, вокруг раковины какой-нибудь зеркальной башни в Гинзе, а на них суетились бригады строителей.

Вечерний бриз принёс гомон из салона игры в латаны и запах тушёных овощей с тележек через дорогу.

Я намазываю креветочную пасту на оранжевые рисовые крекеры. Слышен гул самолётов.

В последние несколько дней в Токио мы с Фоксом занимали смежные номера на тридцать третьем этаже отеля «Хайот». Никаких контактов с «Хосакой». Нам заплатили — и тут же стёрли все данные о сделке из официальной памяти корпорации.

Но Фокс не унимался. Хироси был его детищем, его любимым проектом. У моего компаньона появился собственнический, почти отеческий интерес к Хироси. Грань была для него всем. Так что Фокс потребовал, чтобы я не терял связи с португальцем из Марракеша, который согласился по дружбе присмотреть за лабораторией Хироси.

Он звонил нам с автостоянок в Джемаха-эль-Фна, в трубке фоном звучали завывания разносчиков и волынки Атласа. В Марракеше идёт какая-то тайная игра, сказал он в первом же разговоре. Фокс кивнул: «Хосака».

Десяток звонков, и я заметил перемену в поведении Фокса — какое-то напряжение, рассеянность. Часто я заставал его у окна. Он глядел с тридцать третьего этажа вниз на Императорские сады, погруженный в мысли, которыми не желал делиться.

Потребуй с него более подробное описание, сказал он через неделю. Ему показалось, что человек, которого наш связник видел выходящим из лаборатории Хироси, похож на Мэннера, ведущего специалиста лабораторий генной инженерии «Хосаки».

Это он, сказал Фокс после следующего звонка. Ещё звонок, и ему показалось, что он опознал

Шеданна, руководителя группы, занимающейся протеинами. Ни того ни другого уже более двух лет не видели за пределами научного городка корпорации.

К тому времени стало очевидно, что в Мединy потихоньку стягивают ведущих учёных «Хосаки», в аэропорту Марракеша тихонько шуршали своими крыльями из углеродистого волокна чёрные служебные «лиры». Фокс качал головой. Уж он-то был профессионалом, и во внезапном скоплении всех лучших умов корпорации в Медине ему виделся крупный провал дзайбацу.

Господи, говорил он, наливая себе «Чёрного ярлыка», сейчас они свезли туда весь свой отдел биологии. Всего одна бомба. Он покачал головой. Одна граната в нужном месте в нужное время.

Я напомнил ему о технике насыщения агентурой, к которой, судя по всему, прибегла служба безопасности «Хосаки». У «Хосаки» есть свои люди в самой верхушке Дивана, и массированное проникновение её агентов в Марракеш возможно только с согласия и при содействии марокканского правительства.

— Брось, — сказал я, — дело прошлое. Всё кончено. Ты продал им Хироси, теперь забудь об этом.

— Я знаю, что происходит, — ответил он. —

Знаю. Я уже такое видел.

Он сказал, что в работе всякой лаборатории есть неуправляемый фактор неожиданности. Край Грани, так он это называл. Иногда, когда один исследователь вплотную подходит к прорыву, другим бывает трудно, почти невозможно повторить его результаты. Это более чем вероятно в случае Хироси, чьи идеи противоречат основным концепциям в области генной инженерии. В результате каждого такого вундеркинда перебрасывают из его родной лаборатории в корпоративную — покажи, мол, на что ты способен. Несколько на первый взгляд бессмысленных настроек: повернул один рычажок, другой — и процесс идёт. Бред какой-то, говорил Фокс, никто не знает почему, но ведь работает. И он усмехнулся.

Но они крупно рискуют, продолжал он. Эти ублюдки сказали нам, что изолируют Хироси, будут держать его подальше от русла основных исследований. Дерьмо. Готов поспорить на свою задницу, в научных кругах «Хосаки» идёт борьба за власть. Какая-то шишка в надежде на прорыв проталкивает своих людей, притирает их к Хироси. Когда Хироси выбьет стул из-под генной инженерии, ребятишки из Медины будут уже

готовы.

Он допил своё виски и пожал плечами.

Иди спать, сказал он. Ты прав, всё кончено.

Я и в самом деле пошёл спать, но меня разбудил телефон. Снова Марракеш, белая статика спутниковой связи, наплыв перепуганного португальского.

«Хосака» не заморозила наш кредит, он просто испарился, как по мановению волшебной палочки. Мифическое золото. Только что мы были миллионерами в самой твёрдой в мире валюте — и вот мы нищие. Я разбудил Фокса.

Сенди, сказал он. Она продала. Агенты «Мааса» перевербовали её в Вене. Господи, помилуй.

Я отстранённо смотрел, как он вспарывает свой потрёпанный чемодан швейцарским армейским ножом. Там между картоном и обивкой были клейкой лентой прикреплены три золотых слитка. Гибкие пластины, каждая заверена печатью казны какого-то испустившего дух африканского правительства.

Мне надо было бы разглядеть это раньше, — его голос звучал безжизненно.

Я сказал: «Нет». Кажется, я произнёс твоё имя.

Забудь её, сказал он. На нас уже объявлена охота.

«Хосака» же решит, что это мы их подставили. Берись за телефон и проверь наши счета.

Наш кредит исчез. В банке отрицали, что у нас вообще был счёт.

Рвём когти, сказал Фокс.

И мы побежали. Через служебный вход прямо в суматоху уличного движения, по улицам Токио и вниз в Синьдзюку. Именно тогда я впервые осознал, как длинны руки «Хосаки».

Все двери заперты. Люди, с которыми мы два года вели дела, встречали нас пустыми лицами, и я видел, как у них во взгляде с грохотом захлопываются железные ставни. Мы выскакивали, прежде чем они успевали добраться до телефона. Напряжение на поверхности дна утроилось, повсюду мы натыкались на отбрасывающую нас назад глухую мембрану. Никаких шансов лечь на дно, скрыться из виду.

«Хосака» позволила нам побегать большую часть первого дня. А потом они послали своих людей во второй раз сломать Фоксу спину.

Не знаю, что там произошло, но я видел, как он падал. Мы оказались в универмаге в Гинзе за час до закрытия, бежали по переходам… вдруг Фокс по широкой дуге летит вниз с полированного балкончика, в гущу всех этих товаров из Новой

Азии.

Почему-то они пропустили меня, и по инерции я продолжал бежать. Вместе с Фоксом пропало золото, но у меня в кармане завалялась сотня новых иен. Я бежал.

Всю дорогу до отеля «Новая роза».

А теперь пришло моё время.

Пойдём со мной, Сенди. Слышишь, как бормочет неон вдоль трассы в международный аэропорт Нарита?

Несколько запоздалых мотыльков безостановочно кружат над прожекторами «Новой розы».

Знаешь, что самое смешное, Сенди? Иногда мне кажется, что тебя просто не было. Фокс как-то сказал, что ты — эктоплазма, призрак, вызванный кризисами экономики. Призрак нового века, сгущающийся на тысячах постелей в мирах «Хайяттов», в мирах «Хилтонов».

Сейчас я сжимаю в кармане куртки твой пистолет, и с ним рука кажется такой далёкой.

Я помню, как мой связник-португалец, забыв свой английский, пытался передать это на четырёх языках, которые я едва понимал. Мне показалось, что Медина горит. Нет, не Медина. Мозги лучших учёных «Хосаки».

Чума, задыхаясь, шептал он, мой бизнесмен,

чума, и лихорадка, и смерть.

Умница Фокс, он всё вычислил, пока мы бежали.

Мне не пришлось даже упоминать о дискете в твоей сумочке.

Кто-то перепрограммировал синтезатор ДНК, сказал он. Эта игрушка только на то и годилась, чтобы создать какую-то макромолекулу за одну ночь. К чему ещё этот встроенный компьютер и весь этот пользовательский софт? Дороговато, Сенди. Впрочем, сущая безделица по сравнению с тем, во что ты обошлась «Хосаке».

Надеюсь, «Маас» хорошо тебе заплатил.

Дискета у меня на ладони. Дождь над рекой. Я ведь всё знал, но не смог взглянуть фактам в лицо. Я сам положил код этого вирусного менингита на место и лёг рядом с тобой.

Так что Мэннер умер, а с ним и все остальные учёные «Хосаки». Включая Хироси. Шеданн остался жив, отделался неизлечимым повреждением мозга — едва ли это можно назвать жизнью.

Хироси и в голову не пришло подумать о последствиях рутинного эксперимента. Протеины, программу которых он вводил, были совершенно безвредны. Так что синтезатор щёлкал себе всю ночь, выстраивая вирус по инструкциям «Маас-

Биолабс Лтд».

«Маас»… Маленький, быстрый, беспощадный… Воплощённая Грань.

Длинной стрелой дорога на аэропорт.

Держись тени.

А я кричал что-то этому португальскому голосу, заставил его сказать мне, что сталось с девушкой, с женщиной Хироси. Исчезла, сказал он. Скрежет викторианского часового механизма.

Так что Фоксу пришлось упасть с четвёртого яруса универмага, упасть вместе с тремя такими трогательными золотыми слитками и в последний раз сломать себе спину. На первом этаже универмага в Гинзе все покупатели, прежде чем закричать, мгновение смотрели на него в полном молчании.

Я просто не в силах ненавидеть тебя, девочка.

А вертолёт «Хосаки» вернулся. Огни погашены: он охотится в инфракрасных лучах, нащупывая тёплую плоть. Приглушённый вой — это он разворачивается в нескольких сотнях метров, поворачивает к нам, к «Новой розе». Молниеносная тень на фоне свечения Нариты.

Всё в порядке, девочка. Только, пожалуйста, приди.

Возьми меня за руку.

Сожжение Хром
(рассказ)

История сожжения базы данных Хром хакерами Бобби Куайном (кстати, именно БК учил Генри Кейса из «Нейроманта») и Автомат-Джеком.

* * *

Той ночью, когда мы сожгли Хром, стояла жара. Снаружи, на улицах и площадях, было светло как днем, вьющиеся вокруг неоновых ламп мотыльки бились насмерть об их горячие стекла. А на чердаке у Бобби царил полумрак, светился лишь экран монитора да зеленые и красные индикаторы на панели матричного симулятора. Каждый чип в симуляторе Бобби я чувствую сердцем: с виду это самый обыкновенный «Оно-Сендай VII», а попросту «Киберспейс-семерка», но я столько раз его переделывал, что вам пришлось бы порядочно попотеть, чтобы найти хоть каплю фабричной работы во всей этой груде кремния.

Мы сидели перед панелью симулятора и ждали, наблюдая, как в нижнем левом углу экрана

таймер отсчитывает секунды.

— Давай, — выдохнул я, когда подошло время. Но Бобби был уже наготове, он весь подался вперед, чтобы резким движением ладони ввести русскую программу в паз. Он проделал это легко и изящно, с уверенностью мальчишки, загоняющего в игровой автомат монеты, который знает — победа будет за ним и бесплатная игра обеспечена.

В глазах закипела серебряная струя фосфенов и, словно трехмерная шахматная доска, в голове у меня стала разворачиваться матрица бесконечная и абсолютно прозрачная. Когда мы вошли в сеть, русская программа как будто слегка подпрыгнула. Если бы кто-то другой мог сейчас подключиться к этой части матрицы, он увидел бы, как из маленькой желтой пирамиды, представляющей наш компьютер, выкатился пенистый вал, сотканный из дрожащей тени. Программа была оружием-хамелеоном, она подстраивалась под локальные изменения цвета и тем самым прокладывала себе дорогу в любой встречающейся на ее пути среде.

— Поздравляю, — услышал я голос Бобби. — Только что мы стали служебным запросом по линии Ядерной Комиссии Восточного Побере-

жья…

Если образно — мы, как пожарная машина с ревущей вовсю сиреной, неслись по волоконно-оптическим линиям-магистралям, пронизывающим кибернетическое пространство; а по сути — для нас, вошедших в компьютерную матрицу, открывался прямой путь к базе данных Хром. Я еще не мог разглядеть самой этой базы, но уже чувствовал, как замерли в ожидании стены, которые ее окружали. Стены из тени. Стены из льда.

Хром: кукольное лицо ребенка, гладкое, словно отлитое из стали, и глаза, которым место разве что на дне глубоководной Атлантической впадины, — серые холодные глаза, посаженные будто под страшным давлением.

Поговаривали, что всякому, кто перебегал ей дорогу, она в лучших средневековых традициях готовила смертельный отвар — отведавший его умирал не сразу, а лишь годы и годы спустя. Вообще, о Хром много чего болтали, и во всех этих рассказах приятного было мало.

Поэтому я погнал ее из сознания вон и представил перед собой Рикки.

Рикки, склонившуюся в луче дымного солнечного света, искаженного сеткой из стали и стекла, в выгоревшей защитной куртке военного

образца, в розовых прозрачных сандалиях. Представил, как она изгибает обнаженную спину, когда роется в своей спортивной сумке из нейлона. Вот она поднимает глаза, и белокурый локон, падая, щекочет ей нос. Улыбаясь, она застегивает на пуговицы старую рубашку Бобби — землистый выцветший хлопок, едва прикрывающий ее грудь.

Она улыбается.

— Сукин сын, — пробормотал Бобби. — Мы только что сообщили Хром, что мы — ревизоры Службы Налоговой Инспекции, и выдали ей три повестки из Верховного Суда… Пускай подотрется, Джек…

«Прощай, Рикки. Быть может, больше мы никогда не увидимся».

И темнота, одна темнота в ледяной крепости Хром.

* * *

Он был ковбоем, мой Бобби, ковбоем, оседлавшим компьютер. Он не мыслил свою жизнь без игры, той опасной игры со льдом, которым Электронная Защита Против Вторжения укрывает источники информации. Матрица по сути абстрактное представление взаимоотношений

различных информационных систем.

Для законного программиста, когда он подключается к сектору своего хозяина, информация корпорации представляется в виде сверкающих геометрических построений, которые его окружают.

Башни ее и поля, разбросанные в бесцветном псевдопространстве симуляционной матрицы — всего лишь электронная видимость, облегчающая процесс управления и обмен огромными объемами данных. Законным программистам дела нет до тех стен из льда, позади которых они работают, стен тьмы, которые скрывают их операции от других — артистов индустриального шпионажа и деловых ребят вроде Бобби Квинна.

Бобби был ковбоем. Он был хакером, вором-взломщиком, потрошившим разветвленную электронную нервную систему человечества. Он присваивал информацию и кредиты в переполненной матрице, монохромном псевдопространстве, где, как редкие звезды во тьме, светились плотные сгустки данных, мерцали галактики корпораций и отсвечивали холодным блеском спирали военных систем.

Бобби был одним из тех потерявшихся во времени лиц, которых всегда застанешь за выпивкой

в «Джентльмене-Неудачнике», популярном в городе баре, пристанище для электронных ковбоев, дельцов и прочих ребят, хоть каким-то боком связанных с кибернетикой.

Мы были партнерами.

Бобби Квинн и Автомат-Джек. Бобби — вечно в темных очках, худощавый, бледный красавчик, и Джек — зловещего вида парень, да еще в придачу и с нейроэлектрической рукой. Бобби — обеспечивает программу, Джек — «железо».

Бобби шлепает по консоли пульта, Джек устраивает все эти маленькие штучки, без которых не обскачешь других. Так или почти так услышали бы вы все это от зрителей в «Джентльмене-Неудачнике», если бы вам случилось туда заглянуть в ту пору, когда Бобби и не думал о Хром. Они бы не преминули добавить, что Бобби уже не тот, темпы падают и найдется кое-кто из ребят, за которыми ему не угнаться. Ему было уже двадцать восемь — для электронного ковбоя это почти что старость.

В своем деле мы были мастерами. Но почему-то по-настоящему большая удача — та, которая приходит лишь раз, — обходила нас стороной. Я знал, куда сунуться, чтобы достать нужное оборудование, и Бобби всегда был в ударе. Он мог сидеть,

откинувшись, перед пультом — белая бархатная полоска пересекает лоб — и, пробивая себе дорогу сквозь самый крутейший лед, какой только бывает в бизнесе, выстреливать клавишами быстрее, чем мог уследить глаз. Но чтобы такое случилось, должно было произойти нечто, что только одно и могло заставить его выложиться на полную. А такое бывало не часто.

По совести говоря, мы с Бобби — ребята неприхотливые. Уплаченная вовремя рента, чистая рубашка на теле — большего мы от жизни не требовали. А что до высоких материй, то нам до них дела не было.

Лично для Бобби единственной в жизни картой, к которой он относился всерьез, — была очередная любовь. Впрочем, на эту тему мы с ним не разговаривали никогда. И тем летом, когда наши дела, похоже, пошли на спад, он все чаще и чаще стал засиживаться в «Джентльмене-Неудачнике». Он мог часами сидеть за столиком неподалеку от раскрытых дверей и следить за проходящими толпами. И так из вечера в вечер, когда вокруг неоновых ламп кружатся безумные мотыльки, а воздух пропитан запахами духов и жратвы из уличных забегаловок. Его скрытые за очками глаза вглядывались в лица прохожих,

и, когда появилась Рикки, он уже нисколько не сомневался, что она и была той единственной верной картой, которую он так ждал.

* * *

В тот раз я решил смотаться в Нью-Йорк, чтобы проверить рынок, и заодно присмотреть чего-нибудь «горяченького» из программного обеспечения.

В лавке Финна, в окне, над пейзажем из дохлых мух, укутанных в шубки из пыли, светилась попорченная реклама «Метро Голографикс». Внутри было по пояс всякого хлама. Кучи его волнами взбирались на стены, и сами стены были едва видны за сваленной в беспорядке рухлядью и низко провисшими полками, заставленными старыми изорванными журналами и пожелтевшими от времени годовыми комплектами «Нэшнл Джиогрэфик».

— Тебе нужна пушка, — с ходу заявил Финн. Более всего он напоминал человека, на котором отрабатывали программу по искусственному замещению генов, чтобы вывести породу людей, приспособленных для рытья нор высокоскоростным способом. — Тебе повезло. Я как раз получил новенький «Смит и Вессон». Тактический обра-

зец, калибр — четыре и восемь. Под дулом у него закреплен ксеноновый излучатель, батарейки в прикладе, позволяет ночью, когда ни черта не видно, за пятьдесят шагов от тебя создать круг двенадцати дюймов, в котором светло, как днем. Источник света так узок, что его почти невозможно засечь. Это вроде, как колдуну ввязаться в ночную драку.

Я позволил своей руке с лязгом опуститься на стол и принялся выстукивать дробь. Скрытые сервомоторы загудели, как рой москитов. Я знал, что Финн терпеть не может этой моей музыки.

— Ты соберешься ее когда-нибудь починить? — Обгрызенной шариковой ручкой он потыркал в мою дюралевую клешню. — Может, придумаешь себе чего-нибудь потише?

— Мне не нужно никаких пушек, Финн, — я продолжал испытывать его слух, как будто не расслышал вопроса.

— Ладно, — вздохнул он, — как хочешь.

Я перестал барабанить.

— Имеется одна вещь для тебя. Но что это — хоть убей, не знаю. — Он сделал несчастный вид. — Я получил ее на прошлой неделе от малышей из Джерси, которые орудуют при мостах и тоннелях.

— Значит, взял неизвестно что? Как это тебя угораздило? А, Финн?

— А я жопой чувствую.

Он передал мне прозрачный почтовый пакет с чем-то похожим на кассету для магнитофона, насколько можно было увидеть сквозь рифленую пузырчатую оболочку.

— Еще был паспорт, — сказал Финн, — и кредитные карточки с часами.

Ну, и это.

— Я так понимаю, что ты приобрел содержимое чьих-то карманов.

Он кивнул.

— Паспорт был бельгийский. Подделка, я его сжег. А с часами полный порядок. Фирма Порше, часики — первый сорт.

Ясно — это была какая-то разновидность военной программы вторжения.

Вынутая из пакета, она походила на магазин к винтовке ближнего боя с покрытием из непрозрачного пластика. По углам и краям металл вытерся и светился — похоже, за последнее время кому-то частенько приходилось ей пользоваться.

— Я сделаю тебе на ней скидку, Джек. Как постоянному покупателю.

Я улыбнулся. Получить скидку у Финна — все

равно, что упросить Господа Бога отменить закон всемирного тяготения на то время, пока тебе нужно переть тяжеленный ручной багаж на десяток секций через залы аэропорта.

— Похоже на что-то русское, — заметил я равнодушно. — Скорее всего, аварийное управление канализацией для какого-нибудь Ленинградского пригорода. Как раз для меня.

— Сдается мне, — сказал Финн, — ты такой же умный, как мои старые башмаки, и мозгов у тебя не больше, чем у тех сосунков из Джерси. А ты думал, я продаю тебе ключи от Кремля? Сам с ней разбирайся. Мое дело продать.

И я купил.

* * *

Словно души, оторванные от тел, мы сворачиваем в ледяной замок Хром.

Мы летим, не сбавляя скорости. Ощущение такое, будто мчишься на волне программы вторжения и, зависая над водоворотами перестраивающихся глитч-систем, пытаешься удерживаться на гребне. Кто мы сейчас? Разумные пятна масла, скользящие в беспросветности льда.

Где-то в тесноте чердака, под потолком из стекла и стали, далеко-далеко от нас остались наши

тела. И времени, чтобы успеть проскочить, остается меньше и меньше.

Мы сломали ее ворота. Блеф с повестками из суда и маскировка под налоговую инспекцию сделали свое дело. Но Хром есть Хром. И наиболее прочный лед, который входит в ее средства защиты, именно для того и служит, чтобы расплевываться со всякими казенными штучками, вроде повесток, предписаний и ордеров. Когда мы сломали первый пояс защиты, вся база ее данных исчезла под основными слоями льда. Стены льда, разрастаясь перед глазами, превращались в многомильные коридоры, в лабиринты, полные тени. Пять ее контрольных систем выдали сигналы «Мэйдэй» нескольким адвокатским конторам. Поздно. Вирус, проникнув внутрь, уже принялся перестраивать структуры ледовой защиты. Глитч-системы глушат сигналы тревоги, а тем временем множащиеся субпрограммы выискивают любую щель, которую не успел затянуть лед.

Русская программа извлекает из незащищенных данных номер телефона в Токио, вычислив его по частоте разговоров, средней их продолжительности, и скорости, с которой Хром отвечала на эти вызовы.

— О'кэй, — говорит Бобби. — Теперь мы прока-

тимся на звоночке от этого ее дружка из Японии. Кажется, то, что нам нужно.

Вперед! Погоняй, ковбой!

* * *

Бобби читал свое будущее по женщинам. Они были, как знаки судьбы, предсказывающие перемену погоды. Он мог ночами просиживать в «Джентльмене-Неудачнике», ожидая, когда кончится невезение, и судьба, как карту в игре, подарит ему новую встречу.

Как-то вечером я допоздна заработался на своем чердаке, «распутывая» один чип. Рука моя была снята, и манипулятор небольшого размера был вставлен прямо в сустав.

Бобби пришел с подружкой, которую я прежде не видел. Мне обычно бывает не по себе, если кто-нибудь незнакомый застает меня работающим вот так — со всеми этими проводами, зажатыми в штифтах из графита, что торчат из моей культи. Она сразу же подошла ко мне и взглянула на увеличенное изображение на экране. Потом увидела манипулятор, двигающийся под вакуумным покрытием. Она ничего не сказала, стояла и просто смотрела. И уже от одного этого мне сделалось хорошо.

— Знакомься, Рикки. Автомат-Джек, мой коллега.

Он рассмеялся и обнял Рикки за талию, и что-то в его тоне дало понять, что ночевать мне придется в загаженном номере отеля.

— Привет, — сказала она. Высокая, ей не было и двадцати, она выглядела что надо. В меру веснушчатый носик, глаза, по цвету напоминающие янтарь, но с темным, кофейным отливом. Узкие черные джинсы, закатанные по щиколотку, и простенький поясок из пластика в тон ее розоватым сандалиям.

До сих пор ночами, когда не идет сон, она стоит перед моими глазами.

Я вижу ее где-то там, за руинами городов, за дымами, и видение это подобно живой картинке, прилипшей к изнанке глаз. В светлом платье, которое едва прикрывает колени, — она была в нем в тот раз, когда мы остались вдвоем.

Длинные стройные ноги. Каштановые волосы вперемешку с белыми прядями взметнулись, будто в порыве ветра, прилетевшего неизвестно откуда. Они оплетают ее лицо, и после я вижу, как она машет мне на прощанье рукой.

Бобби устроил целое представление, пока копался в стопке магнитофонных кассет.

— Уже ухожу, ковбой, — сказал я, отсоединяя манипулятор. Она внимательно за мной наблюдала, пока я вновь надевал руку.

— А всякие мелочи ты умеешь чинить? — спросила она вдруг.

— О! Для вас — что угодно. Автомат-Джек все может. — И для пущего авторитета я прищелкнул дюралюминиевыми пальцами.

Она отстегнула от пояса миниатюрную симстим-деку и показала на крышку кассеты, у которой был сломан шарнир.

— Никаких проблем, — сказал я. — Завтра будет готово.

«О-хо-хо, — подумал я про себя. Сон уже вовсю тянул меня с шестого этажа вниз. — Интересно, и надолго ли хватит Бобби с таким лакомым кусочком, как этот? Если дело пойдет на лад, то, считай, что уже сейчас, в любую из ближайших ночей, мы могли бы прикоснуться к богатству.»

На улице я усмехнулся, зевнул и остановил рукой подвернувшееся такси.

* * *

Твердыня Хром растворяется. Завесы из ледяных теней мерцают и исчезают, пожираемые глитч-системами, разворачивающимися из рус-

ской программы. Глитч-системы охватывают все, что лежит в стороне от направления нашего основного логического удара и заражают структуру льда.

Для компьютеров они, словно вирус, саморазмножающийся и прожорливый. Они постоянно меняются, каждая в лад со всеми, подчиняя и поглощая защиту Хром.

Обезвредили мы ее, или где-то уже прозвенел тревожный звоночек и помигивают красные огоньки? И Хром — знает ли об этом она?

* * *

Рикки-Дикарка — так прозвал ее Бобби. Уже в первые недели их встреч ей, должно быть, казалось, что теперь она обладает всем. Бестолковая сцена жизни развернулась перед ней целиком, четко, резко и ясно высвеченная неоновыми огнями. На ней она была новичком, но уже считала своими все эти бесконечные мили прилавков, суету площадей, клубы и магазины. А еще у нее был Бобби, который мог рассказать дикарке обо всех хитроумных проволочках, на которых держится изнанка вещей. Про всех актеров на сцене, назвать их имена и спектакли, в которых они играют. Он дал ей почувствовать, что она среди

них не чужая.

— Что у тебя с рукой? — спросила она как-то вечером, когда мы, Бобби, я и она, сидели и выпивали за маленьким столиком в Джентльмене-Неудачнике.

— Дельтапланеризм, — сказал я. Потом добавил:

— Случайность.

— Дельтапланеризм над пшеничным полем, — вмешался Бобби, — неподалеку от одного городка, который называется Киев. Всего-то делов — наш Джек висел там в темноте под дельтапланом «Ночное крыло», да еще запихал между ног пятьдесят килограммов радарной аппаратуры. И какая-то русская жопа отрезала ему лазером руку. Случайность.

Не помню уж как я переменил тему, но все-таки мне это удалось.

Я каждый раз себя убеждал, что Рикки не сама ко мне напросилась, а во всем виноват Бобби. Я знал его довольно давно, еще с конца войны. И, конечно, мне было известно, что женщины для него лишь точки отсчета в игре, которая называлась: Бобби Квинн против судьбы, времени и темноты городов. И Рикки ему подвернулась как раз кстати. Ему позарез нужна была какая-то

цель, чтобы прийти в себя. Потому-то он ее и вознес, как символ всего, что желал и не мог получить, всего, что имел и не мог удержать в руках.

Мне не нравилось слушать его болтовню о том, как сильно он ее любит, а от того, что он сам во все это верил, становилось еще противней. Он был хозяином своего прошлого со всеми его стремительными падениями и такими же стремительными подъемами. И все, что случилось сейчас, я видел, по крайней мере, дюжину раз. На его солнцезащитных очках вполне можно было бы написать большими печатными буквами слово «Очередная», и оно бы читалось всегда, когда мимо столика в «Джентльмене-Неудачнике» проплывало новое смазливое личико.

Я знал, что он с ними делал. У него они становились эмблемами, печатями на карте его деловой жизни. Они были навигационными маяками, на которые он шагал сквозь разливы неона и баров. А что же, как не они, могло им двигать еще? Деньги он не любил ни внешне, ни, тем более, внутренне.

Они были слишком тусклы, чтобы следовать на их свет. Власть над людьми? Он не терпел ответственности, на которую такая власть обрекает. И хотя у него и была какая-то изначальная гордость

за свое мастерство, ее никогда не хватало, чтобы удерживать себя в боевом режиме.

Потому он и остановился на женщинах.

Когда появилась Рикки, потребность в новом знакомстве достигла последней черты. Он все чаще бывал понурым, а неуловимые денежки лукаво нашептывали на ушко, что игра для него потеряна. Так что большая удача была ему просто необходима, и, чем скорее, тем лучше. О какой-то другой жизни он просто понятия не имел, его внутренние часы были поставлены на время ковбоев-компьютерщиков и откалиброваны на риск и адреналин. И еще на блаженство утреннего покоя, которое приходит, когда каждый твой ход верен, и сладкий пирог чьего-нибудь чужого кредита перекочевывает на твой собственный счет.

Но чем дольше он находился с ней, тем более убеждался, что дело зашло слишком уж далеко, и пора собирать пожитки и убираться прочь. Потому что Рикки была совсем не такой, как другие, — в ней чувствовалось какая-то высота, какие-то непостижимые дали. И все-таки — я это сердцем чувствовал, и сердце кричало Бобби — она была здесь, рядом, живая, совершенно реальная. Просто человек — с обыкновенным человеческим голодом, податливая, зевающая

от скуки, красивая, возбужденная, словом, такая, как все.

Однажды днем он ушел, это было за неделю до того, как я уехал в Нью-Йорк, чтобы увидеться с Финном. Мы с Рикки остались на чердаке одни.

Собиралась гроза. Половина неба была скрыта от глаз куполом соседнего дома, который так и не успели достроить. Все остальное затянули черно-синие тучи. Когда она прикоснулась ко мне, я стоял у стола и смотрел на небо, одуревший от полдневной жары и влаги, переполнявшей воздух. Она притронулась к моему плечу в том месте, где розовел небольшой затянувшийся шрам, выглядывающий из-под протеза. Все, кто когда-нибудь касался этого места, вели руку вверх по плечу.

Рикки поступила иначе. Ее узкие, покрытые черным лаком ногти были ровными и продолговатыми. Лак был немногим темнее, чем слой углеродного пластика, который покрывал мою руку. Ее рука продолжала двигаться по моей, ногти черного цвета скользили вниз по сварному шву. Ниже, ниже, до локтевого сочленения из черного анодированного металла и далее, пока не достигли кисти. Рука ее была маленькой, как у ребенка, пальцы накрыли мои, а ладошка легла

на просверленный дюралюминий.

Ее другая ладонь, взметнувшись, задела прокладки обратной связи, а потом весь полдень лил долгий дождь, капли ударяли по стали и перепачканному сажей стеклу над постелью Бобби.

* * *

Стены льда уносятся прочь, словно бабочки, сотканные из тени, летящие быстрее, чем звук. А за ними — иллюзия матрицы в пространстве, которое не имеет границ. Что-то подобное видишь, когда перед тобой на экране мелькают контуры проектируемого здания. Только проект прокручивается от конца к началу, и у здания вместо стен — разорванные крылья.

Я все время напоминаю себе, что место, где мы находимся, и бездны, которые его окружают, — иллюзия и не более. Что на самом деле мы не «внутри» компьютера Хром, а всего лишь подключены к нему через интерфейс, в то время как матричный симулятор на чердаке у Бобби поддерживает эту иллюзию… Появляется ядро данных, беззащитное, открытое для атаки… Это уже по ту сторону льда, матрицы подобного вида я еще никогда не видел, хотя пятнадцать миллионов законных операторов Хром видят ее ежедневно и

принимают как само собой разумеющееся.

Мы в башне ядра ее данных, вокруг, подобно огням несущихся по вертикали товарняков, мелькают разноцветные ленты — цветовые коды для допуска. Яркие главенствующие цвета, слишком яркие в этой призрачной пустоте, пересекаются бесчисленными горизонталями, окрашенными, словно стены в детской, в розовое и голубое.

Но остается еще что-то спрятанное за тенью льда в самом центре слепящего фейерверка: сердце всей этой недешево обходящейся для нее тьмы, самое сердце Хром…

* * *

Было уже далеко за полдень, когда я вернулся из своей нью-йоркской экспедиции за покупками. Солнце скрывалось за облаками, а на мониторе Бобби светилась структура льда — двумерное изображение чьей-то электронной защиты. Неоновые линии переплетались подобно коврику для молитв, расписанному в декоративном стиле. Я выключил пульт, и экран стал совершенно темным.

Весь мой рабочий стол был завален вещами Рикки. Косметика и одежда, засунутая в пакеты из нейлона, по соседству лежала пара ярко-крас-

ных ковбойских сапог, магнитофонные кассеты, глянцевые японские журналы с рассказами о звездах симстима. Я свалил все это под столик и, когда отцепил руку, вспомнил, что программа, которую я купил у Финна, осталась в правом кармане куртки. Мне пришлось повозиться, вытаскивая ее левой рукой и затем вставляя между прокладок в зажимы ювелирных тисочков.

Уолдо <термин, придуманное Хайнлайном и обозначающий специальный протез> походил на старый проигрыватель, на каких когда-то прокручивали записи на пластинках, а тисочки были прикрыты прозрачным пылезащитным колпаком. Сам манипулятор, чуть больше сантиметра в длину, перемещался на том, что раньше было на таких проигрывателях тонармом. На него я даже не посмотрел, когда прикреплял провода к культе. Я вглядывался в окуляр микроскопа, там в черно-белом цвете виднелась моя рука при сорокакратном увеличении.

Я проверил набор инструментов и взял лазер. Он показался мне немного тяжеловат. Тогда я подстроил сенсорный регулятор массы до четверти килограмма на грамм и принялся за работу. При сорокакратном увеличении сторона программной кассеты была похожа на грузовик.

На то, чтобы «расколоть» программу, у меня ушло восемь часов. Три часа — на работу с уолдо, возню с лазером и четыре зажима. Еще два часа на телефонный разговор с Колорадо, и три — на перезапись словарного диска, способного перевести на английский технический русский восьмилетней давности.

Наконец, числовые ряды и буквы славянского алфавита замелькали передо мной на экране, где-то на половине пути превращаясь в английский текст.

Виднелось множество пропусков, там, где купленная у своего человека из Колорадо программа натыкалась при переводе на специальные военные термины.

Но какое-то представление о том, что я купил у Финна, мне все-таки получить удалось.

Я почувствовал себя кем-то вроде уличного хулигана, который пошел покупать пружинный нож, а вернулся домой с портативной нейтронной бомбой.

«Опять наебали, — подумал я. — На кой черт в уличной драке нужна нейтронная бомба?» Эта штука под пылезащитным кожухом была явно не для такой игры, как моя. Я даже представить не мог, куда бы ее спихнуть, и где найти покупателя.

По-видимому, для кого-то это не составляло проблемы, но этот кто-то, ходивший с часами Порше и фальшивым бельгийским паспортом, отсутствовал по причине смерти. Сам же я подобного рода деятельностью заниматься не собирался. Да уж, действительно, у бедняги, которого замочили на окраине приятели Финна, были довольно необычные связи.

Программа, зажатая в моих ювелирных тисочках, оказалась не просто программой. Это был русский военный ледоруб, компьютерный вирус-убийца.

Бобби вернулся один, когда наступило утро. Я спал, сжимая в горсти пакетик приготовленных сэндвичей.

— Будешь? — спросил я его и вытащил из пакета сэндвич. Я еще не проснулся по-настоящему. Мне снилась моя программа, волны ее изголодавшихся глитч-систем и подпрограммы-хамелеоны. Во сне она представлялась каким-то невиданным зверем, бесформенным, снующим по всем направлениям.

Подходя к пульту, он отбросил попавшийся под ноги мешок и нажал функциональную клавишу. На экране засветился тот самый хитроумный узор, что я видел перед тем накануне. Прогоняя

остатки сна, я протер глаза левой рукой, потому что правая на такую вещь была давно уже не способна. Когда я засыпал, то все пытался решить, стоит ли ему рассказывать о программе.

Может, имеет смысл попытаться ее продать, оставить себе все деньги, а после уговорить Рикки и махнуть с ней куда подальше.

— Чье это? — спросил я.

— Хром, — Бобби стоял перед экраном в черном хлопчатобумажном трико и старой кожаной куртке, наброшенной на плечи, как плащ. Уже который день он не брился, и лицо его казалось еще более осунувшимся, чем всегда.

Руку свело от судороги и она начала пощелкивать — по углеродным прокладкам через мою нейроэлектронику страх передался и ей. Сэндвичи вывалились из руки, и по давно не метенному деревянному полу рассыпались пожухлые листики брюссельской капусты и подсохшие ломти промасленного ярко-желтого сыра.

— Ты, точно, свихнулся.

— Нет, — сказал Бобби. — Думаешь она нас выследила? Ничего подобного.

Мы были бы уже трупами. Я подключился к ней через арендную систему в Момбасе с тройной слепой защитой и через алжирский спутник

связи. Она, конечно, узнала, что кто-то пробовал подсмотреть, но так и не догадалась, кто.

Если бы Хром удалось отыскать подход, который сделал Бобби к ее льду, мы бы, наверняка, считались уже мертвецами. В этом Бобби был прав. И она уничтожила бы меня еще на пути из Нью-Йорка.

— Но почему непременно она, Бобби? Приведи хотя бы один здравый довод…

Хром. Я видел ее не более дюжины раз в «Джентльмене-Неудачнике».

Может быть она просто наведывалась в трущобы. Или же проверяла, как обстоят дела в человеческом обществе, к которому ее тянуло по старой привычке. Маленькое приторное лицо, похожее по очертаниям на сердце, с парой глаз, злее которых вам вряд ли где доводилось встречать. На вид ей было не больше четырнадцати, и никто не помнил, чтобы она когда-нибудь выглядела по-другому. Такой она сделалась в результате нарушения обмена веществ от усиленного накачивания себя сыворотками и гормонами. Подобной уродины улица еще не рождала, но она больше не принадлежала улице. Хром водила дела с Мальчиками, и в их местной Банде пользовалась сильным влиянием. Ходили слухи,

что начинала она, как поставщик, в те времена, когда искусственные гипофизные гормоны были еще под запретом. Но с торговлей гормонами она давно уже завязала. Сейчас ей принадлежал Дом Голубых Огней.

— Ты законченный идиот, Квинн. Хоть что-нибудь ты можешь сказать, чтобы оправдать это? — Я показал на экран. — Кончай с этим, ты понял?

Немедленно, прямо сейчас…

— Я слышал, как в «Неудачнике» трепались Черный Майрон и Корова Джейн, — он передернул плечами, сбрасывая кожаную куртку. — Джейн послеживает за всеми секс-линиями. Она говорит, что знает куда уходят настоящие денежки. Так вот, она поспорила с Майроном, что у Хром контрольный пакет в Голубых Огнях. И она — не просто очередная подставка Мальчиков.

— «Мальчиков», вот именно, Бобби, — сказал я. — Или как они там еще себя называют. Хоть это ты можешь понять? Или ты забыл, что мы не вмешиваемся в их дела? Только поэтому мы еще ползаем по земле.

— Поэтому мы с тобой бедняки, коллега, — он откинулся перед пультом на вращающемся стуле и, расстегнув трико, почесал свою бледную кост-

лявую грудь. — Но, кажется, осталось не долго.

— Кажется, что коллегами мы с тобой тоже уже никогда не будем.

На это он усмехнулся. Усмешка его была, действительно, как у психа, звериная и какая-то вымученная. В этот момент я понял, что ему и вправду насрать на смерть.

— Послушай, — сказал я, — у меня еще остались кое-какие деньги, ты же знаешь. Взял бы ты их себе да смотался на метро до Майами. А там перехватишь вагон до бухты Монтего. Тебе нужен отдых, приятель. Тебе обязательно надо набраться сил.

— Мои силы, Джек, — сказал он, набирая что-то на клавиатуре, — еще никогда не были такими собранными, как сейчас.

Неоновый молитвенный коврик на экране задрожал и стал оживать, когда включилась анимационная программа. Структурные линии льда переплетались с завораживающей частотой, словно живая мандала. Бобби продолжал ввод команд, и движение сделалось медленнее. Стала очерчиваться некоторая определенная структура, уже не такая сложная, как была, и вскоре она распалась на две отдельных фигуры, изображения которых появлялись и исчезали,

попеременно чередуясь друг с другом. Работа была проделана на отлично, я не думал, что он еще на такое способен.

— Минуту! — воскликнул он. — Вон там, видишь? Подожди-ка. Вон там. И еще там. И там. Легко ошибиться. Вот оно. Подключение через каждые час и двадцать минут с помощью сжатой передачи на их спутник связи. Мы могли бы жить целый год на том, что она выплачивает им раз в неделю по отрицательным процентным ставкам.

— Чей спутник?

— Цюрих. Ее банкиры. Там у нее банковский счет, Джек. Вот куда стекаются денежки. Корова Джейн была права.

Я просто стоял, не двигаясь. Даже рука примолкла.

— Ну, и как ты провел время в Нью-Йорке, коллега? Что-нибудь удалось достать? Что-нибудь такое, чем мне прорубить лед? Неважно что, все бы сгодилось.

Я, не отрываясь смотрел в глаза Бобби, заставляя себя не оглядываться в сторону Уолдо и ювелирных тисочков. Русская программа все еще оставалась там, прикрытая пылезащитным кожухом.

Случайные карты, повелители судьбы.

— А где Рикки? — Я подошел к пульту и сделал вид, что изучаю чередующиеся на экране структуры.

— Где-то с приятелями, — Бобби пожал плечами. — Дети, все они помешаны на симстиме. — Он задумчиво улыбнулся. — Дружище, я собираюсь это сделать ради нее.

— Мне надо хорошенько надо всем этим подумать, Бобби. Но, если хочешь, чтобы я вернулся, держи руки подальше от клавишей.

— Я делаю это для нее, — повторил он, когда я закрывал за собой дверь. — Ты это знаешь.

* * *

И сразу же вниз, вниз — программа, словно сорвавшаяся с горы лавина, продирается сквозь лабиринт, обнесенный стенами тени, несется в серых кафедральных пространствах между ярко освещенными башнями. Скорость просто безумная.

Черный лед. Не надо об этом думать. Черный лед.

Каких только легендарных историй неуслышишь в «Джентльмене-Неудачнике». И рассказы про Черный лед — тоже из их числа.

Это лед, созданный убивать. Он действует незаконно, ну а кто из нас может сказать про себя другое? По сути, это какая-то новая система оружия, основанного на принципе нейронной обратной связи, с которым ты вступаешь в контакт всего только раз, но и этого раза хватает. Что-то вроде страшного заклинания, которое разъедает твой мозг изнутри. Словно приступ эпилепсии, который все длится и длится, пока от тебя не остается уже совсем ничего…

И вот мы ныряем туда, где скрыто самое главное, — то, на чем держится замок теней Хром.

Я пытаюсь владеть собой, когда внезапно перехватывает дыхание и по телу разливается слабость, — я чувствую, что нахожусь на грани нервного срыва. Это все страх — страх ожидания того ледяного заклятия, которое ждет нас где-то внизу, во тьме.

* * *

Я ушел и принялся разыскивать Рикки. Она сидела в кафе с пареньком, носившим глаза от Сендай. Полузажившие линии швов веером расходились от его опухших глазных впадин. На столике перед ней лежала раскрытая, отсвечивающая глянцем брошюра, и оттуда с дюжины

фотографий смотрела улыбающаяся Тэлли Ишэм — Девушка-с-Глазами-Иконами-от-Самого-Цейса.

Ее портативная симстим-дека тоже валялась среди той кучи вещей, которую я прошлым вечером отправил к себе под стол, та же самая, что я починил на следующий день после нашей первой с ней встречи. Целые часы проводила она, развлекаясь с этой игрушкой. Контактный обруч охватывал ее лоб, словно серая пластиковая тиара. От Тэлли Ишэм Рикки была без ума, и, коронованная контактным обручем, она витала где-то там, в вышине, на крыльях записей переживаний величайшей звезды симстима. Симулированный стимул — симстим: весь мир, во всем его блеске, — глазами и чувствами Тэлли Ишэм. Тэлли участвует в гонках на своем черном Фоккер-экраноплане над вершинами холмов Аризоны. Тэлли на подводной прогулке в заповедных владениях острова Трук. Тэлли на приемах с мультимиллионерами на частных Греческих островках — дух захватывает от одного вида этих белых маленьких бухточек, омытых на рассвете зарей.

Она и вправду во многом напоминала Тэлли. Такой же оттенок кожи, одинаковый разлет скул.

А вот рот у Рикки, пожалуй, привлекал даже больше.

Непонятно чем — дерзостью своей, что ли. Да Рикки и сама не хотела быть копией Тэлли Ишэм, она просто мечтала заполучить эту работу. Она была на этом повернута — сделаться звездою симстима. Бобби, по обыкновению отшутившись, просто отбросил такую идею прочь. С ней же мы обсуждали это дело серьезно. — Как бы я смотрелась с такой вот парочкой? — спрашивала она меня, держа в руках фотопортрет Тэлли Ишэм размером во всю страницу.

Голубые глаза Цейсс Икон находились точно на уровне с ее янтарно-коричневыми. Она уже дважды переделывала свои роговицы, но заветного индекса 20–20 по-прежнему достичь не могла. Поэтому ей так хотелось приобрести Иконы от Цейсса. Марку звезд. Стоимости безумной.

— Как всегда, пялилась у витрин на глаза? — спросил я, подсев к их столику.

— Тигр раздобыл себе кое-что, — сказала она. Я подумал, что выглядит она что-то уж очень устало.

Тигр, видно, так обалдел от своих Сендай, что просто сиял от улыбки.

Однако я сомневался, стоило ли ему вообще

улыбаться. Он старался придать себе вид вполне респектабельного человека, который, наверное, бывает после этак седьмого похода в хирургический кабинет. Обычно, такие, как он, проводят остаток жизни, гоняясь вслед за толпой за очередным баловнем моды, популярным в последнем сезоне. Они довольны средненькой копией, об оригинальности здесь говорить не приходиться.

— Сендай, не так ли? — я ему улыбнулся.

Он ответил кивком. Я видел, как он пытается изобразить у себя на лице взгляд, соответствующий по его представлениям профессиональному взгляду звезды симстима. Он, должно быть, воображал, что все, на что он не посмотрит, мгновенно передается на запись. Я заметил, что его взгляд что-то уж слишком долго задерживается на моей руке.

— В провинции им цены не будет, вот только заживут мышцы, — сказал Тигр. Я видел, как неуверенно он потянулся за своим двойным эспрессо.

Глаза Сендай всюду славятся дефектами глубины восприятия и накладками по части гарантий, не говоря уже про все остальное.

— Тигр завтра уезжает в Голливуд.

— А оттуда прямиком в Чиба-сити, верно? — я

ему опять улыбнулся. На этот раз он улыбаться не стал.

— Получил предложение, Тигр? Должно быть, познакомился с кем-нибудь из агентов?

— Пока еще только присматриваю, — негромко ответил Тигр. После этого он встал и ушел, на ходу бросив быстрое до свидания Рикки. На меня он даже не посмотрел.

— Зрительные нервы у этого паренька скорее всего начнут выходить из строя месяцев через шесть. Ты знаешь про это, Рикки? Эти Сендай почти всюду запрещены — в Англии, в Дании… Свои нервы ничем не заменишь.

— Эй, Джек, может обойдемся без лекций? — Она стащила одну из моих французских булочек, которые я заказал перед этим, и сидела, посасывая ее островерхий край.

— Малыш, а ведь я считал, что могу быть твоим советчиком.

— Можешь-можешь. А что касается Тигра, он и вправду сейчас не слишком быстр на глаза, зато о Сендай знают все. Просто других он себе пока не может позволить. Пойми ты — это его попытка выкарабкаться. Если он получит работу, то найдет, чем их заменить.

— Этими? — я постучал пальцами по брошюре

с рекламой Цейсса. — Каких они стоят денег, Рикки? Впрочем, разве тебя убедишь? Тебе же нравятся всякие рискованные затеи.

Она кивнула.

— Я очень хочу такие.

— Если ты идешь к Бобби, скажи ему, чтобы он сидел тихо, пока не услышит вестей от меня.

— Хорошо. Это что, бизнес?

— Бизнес, — сказал я. Хотя это было обыкновенное сумасшествие.

Я допил кофе, она прикончила обе моих французских булочки. После этого я проводил ее до квартиры Бобби. А потом сделал пятнадцать телефонных звонков, меняя после каждого таксофоны.

Бизнес. Это куда страшнее, чем сумасшествие.

На то, чтобы подготовить сожжение, у нас ушло шесть недель. И все эти шесть недель Бобби не уставал повторять, как сильно он ее любит.

Приходилось выкладываться в работе, чтобы как-то с этим справляться.

В основном я проводил время на телефонах. Из тех первых пятнадцати звонков, с которых я начинал прощупывать почву, в свою очередь каждый породил еще не меньше пятнадцати. Я искал определенную службу, которая, как мы с

Бобби считали, должна, во-первых, быть неотделима от мировой экономики в целом. И, второе, чтобы она обслуживала не более пяти клиентов одновременно. То есть, служба должна быть из тех, которые предпочитают держаться в тени.

Одним словом, мы занимались поисками перекупщика краденого с крепко налаженными контактами по всему миру. Чтобы это была не просто отмывка денег, а полное перераспределение многомиллиардодолларового банкового капитала, причем об этом не должен был догадываться никто.

Все мои звонки оказались пустой тратой времени, и вот тут-то опять подвернулся Финн, который и подсказал мне путь, по которому следовало идти. Я отправился в Нью-Йорк для покупки устройства типа черного ящика, потому что с оплатой всей этой прорвы телефонных звонков мы могли запросто разориться.

Я как можно туманней обрисовал ему нашу задачу.

— Макао, — предложил он.

— Макао?

— Семья Лонг Хам. Биржевые маклеры.

У него даже оказался их телефонный номер. Правильно говорят: если хочешь найти одного

перекупщика краденого — спрашивай у другого.

Эти ребята Лонг Хама оказались такими тертыми, что даже мои робкие попытки сближения воспринимали, как нечто вроде тактического ядерного удара. Бобби пришлось дважды слетать в Гонконг, чтобы все четко с ними обговорить. Наши денежки таяли, и довольно быстрыми темпами. Я по-прежнему сам не знал, почему сразу не отказался от участия в этом предприятии. Хром я боялся, а к богатству был всегда равнодушен.

Я пытался себя убедить, что сжечь Дом Голубых Огней, не такая уж и плохая идея. Место было уж больно гнилое, как вспомнишь — прямо мороз по коже. И все-таки принять это, как что-то само собой разумеющееся, я не мог. Я не любил Голубые Огни, потому что в один из тамошних вечеров довел себя до полной потери сил. Но это не было причиной охоты на Хром.

По-совести говоря, уже где-то на половине пути, когда мы к ней подбирались, я решил, что эта попытка закончится нашей гибелью. Даже обладая программой-убийцей, шансов на выигрыш у нас не было практически никаких.

Бобби ушел с головой в составление меню команд, которые мы рассчитывали ввести в сердцевину компьютера Хром. Вся эта возня со вводом

целиком лежала на мне, потому что, когда дело завертится, руки у Бобби будут полностью заняты тем, чтобы не дать русской программе перейти к прямому разрушению системы. Переписать мы ее не могли, слишком она была для этого сложной. И поэтому он собирался попробовать удержать ее хотя бы в течение двух секунд, которые мне понадобятся для ввода.

Я договорился с одним уличным мордоворотом по фамилии Майлс. Он должен был в ночь сожжения повсюду сопровождать Рикки и глаз с нее не спускать, а в определенное время позвонить мне по телефону. Если бы меня вдруг не оказалось на месте, или же мой ответ был не таким, как мы договорились заранее, я наказал ему сразу же хватать Рикки и сажать ее в первую попавшуюся подземку, следующую как можно дальше от района, в котором мы жили. Я дал ему в руки конверт с деньгами и запиской с условием, что он все это передаст ей.

Бобби даже в голову не приходило подумать о том, что может случится с Рикки, если наша затея провалится. Как заведенный, он твердил и твердил мне про то, как сильно он ее любит, и куда они отсюда уедут, и как бы они там тратили деньги.

— Дружище, первым делом купи для нее пару Икон. Больше ей ничего не надо. Для нее все это кино с симстимом, похоже, всерьез и надолго.

— Брось, — сказал он, оторвавшись от клавиатуры. — Работа ей теперь не нужна. Мы устроим для нее это, Джек. Она — мое счастье. Ей никогда в жизни не придется больше работать.

— Твое счастье, — повторил я чуть слышно. Сам я не был счастливым. Я даже не мог припомнить, бывал ли я счастлив вообще. — А когда ты в последний раз виделся со своим счастьем?

Он ее не видел давно, я тоже. Мы были слишком заняты.

Мне не доставало ее. Эта тоска напомнила мне одну ночь проведенную в Доме Голубых Огней. Я и отправился-то туда в тот раз потому, что пребывал в безнадежной тоске после очередной потери. Для начала, как водится, я напился, а потом стал усиленно в себя вкачивать вазопрессиновые ингаляторы. Если ваша постоянная женщина вдруг решает объявить забастовку, ничего не может быть лучше приличной выпивки и порции вазопрессина — он, пожалуй, самое убойное из всего, что придумала мазохистская фармакология.

Выпивка приводит вас в чувство, а вазопрессин — ничего не дает забыть. Вот именно, вы помните

все, что было. Это средство используют в клиниках для борьбы со старческой амнезией. Но улица любой вещи находит собственное применение. Потому я и выложил денежки за ускоренное, так сказать, воспроизведение того, что случилось со мной плохого. Вся незадача в этом деле состоит в том, что наравне получаешь и хорошее и плохое. Хочется тебе чего-нибудь вроде звериного экстаза — пожалуйста, получи. А в придачу и то, что она тебе на это ответила, и еще, как она ушла, так ни разу и не оглянувшись назад.

Я не помню, что меня толкнуло податься в Голубые Огни, и как вообще я оказался в этих тихих, заглушающих шаги коридорах. И, правда ли, я там видел бурлящую струю водопада или это всего лишь была декорация, наклеенная на стену, а, может быть, обыкновенная голограмма. В тот вечер у меня не было недостатка в деньгах. Один из наших клиентов перечислил Бобби приличную сумму за прорубку трехсекундного окна в чьем-то льду.

Я не думаю, чтобы вышибалам, которые стояли при входе, понравилось, как я выгляжу, но с моими деньгами это не имело значения.

Когда с делом, ради которого я здесь оказался, было покончено, мне опять захотелось выпить.

После этого я, помнится, отпустил что-то вроде остроты бармену по поводу некрофилов за стойкой, и ему это, по-моему, не понравилось. Во всяком случае, этот приличных размеров тип стал упорно называть меня Героем войны, что мне, естественно, не понравилось тоже. Я думаю, мне удалось успеть показать ему несколько превращений с рукой, пока я полностью не отключился и не проснулся двумя днями позже в каком-то типовом спальном модуле, неизвестно где. Дешевле место и захочешь, да не найдешь, там даже негде было повеситься. И я сидел на узком, покрытом мыльной пеной настиле и плакал.

Одиночество — это еще не самое страшное, что бывает в жизни. Но то, на чем они делают деньги в Доме Голубых Огней, — пользуется, не смотря ни на что, такой популярностью, что стало почти легальным.

* * *

В сердце тьмы, в ее замершем в неподвижности центре, глитч-системы вспарывают темноту водоворотами света. Они подобны полупрозрачным бритвам, раскручивающимся от нас во все стороны. Мы зависаем в центре безмолвного, словно снятого замедленной съемкой, взрыва.

Осколки льда разлетаются и падают вокруг целую вечность, и голос Бобби неожиданно прорывается сквозь световые годы всей этой обманчивой электронной пустоты.

— Давай, жги ее, суку. Я не могу больше удерживать программу…

Русская программа, прокладывает себе дорогу наверх, пронзая насквозь башни данных и окрашивая все, что вокруг, в цвета игровой комнаты. Я ввожу пакет подготовленных Бобби команд прямо в центр холодного сердца Хром. В него врезается струя передачи — импульс сконцентрированной информации, и выстреливается прямо вверх, мимо сгущающейся стены тьмы, мимо русской программы, в то время, как Бобби силится удержать под контролем ту единственную секунду, которая для нас сейчас важнее, чем жизнь. Не до конца оформившееся щупальце тьмы делает судорожную попытку наброситься с высоты мрака, но слишком поздно.

Мы сделали это.

Матрица складывается вокруг меня сама по себе с волшебной легкостью оригами.

Чердак пропах потом и запахами горелой электроники.

В какой-то момент мне послышался резкий ме-

таллический звук, я подумал — это визжит Хром, потом понял, что просто не мог ее слышать.

* * *

Бобби смеялся так, что слезы выступили на глазах. Цифры в углу монитора показывали 07:24:05. Сожжение заняло чуть меньше восьми минут.

А я смотрел и не мог оторваться от русской программы, расплавившейся в своем пазу.

Основную сумму Цюрихского счета Хром мы перечислили дюжине различных благотворительных организаций мира. Но слишком там много было всего, что нужно было куда-то девать. Мы знали, что ничего другого не остается, как просто-напросто переломить ей хребет, сжечь ее полностью, без остатка.

Иначе — она непременно начнет за нами охоту. Лично себе мы взяли что-то около десяти процентов и отправили их через организацию Лонг Хамов в Макао. Из этого шестьдесят процентов они прибрали себе, а то, что осталось, перекинули нам обратно через самый глухой и запутанный сектор Гонконгской биржи. Прошел час, прежде чем наши деньги стали поступать на счета, которые мы открыли в Цюрихе.

Я молча наблюдал, как нули горкой набирались

позади ничего не значащей цифры на мониторе. Я был богат.

Потом зазвонил телефон. Это был Майлс. Я чуть не забыл про нашу условную фразу.

— Джек, старик, я не знаю — что там получилось с этой твоей девчонкой. Какая-то странная штука, фиг поймешь…

— Что? Давай попонятнее.

— Я шел за ней, как договаривались, вплотную, но на глаза не высовывался. Она двинула к Неудачнику, немного там поторчала, а после села в метро. Она отправилась в Дом Голубых Огней…

— Она — что?

— Дверь сзади. Где только для персонала. Я не смог пробраться мимо службы их безопасности.

— И она сейчас там?

— Да нет, старик, просто я ее потерял. Здесь внизу все как будто с ума посходили. Похоже, что Голубым Огням крышка. По мне так — так им и надо. Представляешь, сработали сразу семь систем тревоги в разных местах, все чего-то бегают, охрана в полной выкладке, будто ждут беспорядков… А сейчас, и вообще — такое творится… Проходу нет от всех этих деятелей из страховых контор, торговцев недвижимостью, фургонов с муниципальными номерами…

— Майлс, куда она могла деться?

— Джек, так получилось…

— Послушай, Майлс. Оставь деньги, те, что в конверте, себе. Хорошо?

— Ты серьезно? Не думай, мне самому обидно. Я…

Я положил трубку.

— Подожди. Когда она об этом узнает… — заговорил Бобби, обтирая себе грудь полотенцем.

— Вот ты сам ей все и расскажешь, ковбой. А я пошел прошвырнуться.

И я окунулся в ночь, в неоновые огни, позволив толпе увлечь меня за собой, шел и ничего не видел, желая лишь одного — почувствовать себя малой клеточкой всего этого гигантского человеческого организма. Всего лишь еще одним чипом сознания, дрейфующим под геодезическими куполами. Я ни о чем не думал, просто переставлял ноги, но через какое-то время мысли сами полезли в голову. И вдруг все стало ясно. Просто ей нужны были деньги.

Еще я думал о Хром. О том, что мы убили, уничтожили ее так же верно, как если бы перерезали ей горло ножом. И ночь, которая вела меня сейчас своими гульбищами и площадями, уже объявила охоту и на нее. И ей некуда было деться. И еще

я подумал о том, как много у нее врагов в одной только этой толпе, и что они теперь станут делать, когда ее деньги им уже не страшны. Мы забрали у нее все, что было. Она снова оказалась на улице. Я сомневался, что она проживет хотя бы до рассвета.

Потом я вспомнил про то кафе, в котором я повстречал Тигра.

Ее очки против солнца, и длинные черные тени, падавшие от них на лицо, и грязное пятно от румян — цвета плоти — в углу на одной из линз рассказали мне обо всем.

— Привет, Рикки, — сказал я, как ни в чем не бывало, а сам уже наверняка знал, что увижу, когда она снимет очки.

Синева. Синева Тэлли Ишэм. Ничем не замутненная синева — что-то вроде торговой марки, по которой их узнают везде. И по кругу на каждом зрачке крошечными заглавными буквами выведено — Иконы Цейсса. Буковки словно парят, они мерцают, как золотые блестки.

— Красиво, — сказал я. Румяна скрывали лишь несколько едва заметных царапин. И ни одного шрама, настолько все было хорошо исполнено. — Ты где-то подзаработала денег?

— Да, заработала, — она поежилась, когда это

сказала. — Но больше так зарабатывать не хочу. Во всяком случае — не на этом.

— Я думаю, эта контора бизнесом больше заниматься не будет.

— О-о-о, — только и сказала она. При этом ее лицо ни сколько не изменилось. Новые голубые глаза оставались глубоки и неподвижны.

— Впрочем, это уже не имеет значения. Тебя дожидается Бобби. Мы только что отхватили приличный кусок.

— Нет. Я должна уехать. Я думаю, он этого не поймет, но мне, правда, нужно ехать.

Я кивнул головой и тупо смотрел, как моя рука протянулась, чтобы взять ее руку. Рука моя была словно чужая и жила от меня отдельно.

Наверно, так оно и было на самом деле, хотя она и оперлась на нее по привычке.

— У меня билет в один конец, в Голливуд. У Тигра там есть знакомые, у которых можно остановиться. Может быть, мне даже повезет попасть в Чиба-сити.

Насчет Бобби она оказалась права. Назад мы вернулись вместе. Бобби ее не понял. Но она уже сделала для него все, что могла сделать. Я пытался ей намекнуть, что сейчас она причиняет ему только боль. Уж мне-то хорошо было видно, как

ему от нее больно. Он даже не захотел проводить ее в коридор, когда были упакованы сумки. Я поставил их на пол и поцеловал ее, при этом смазав помаду. И что-то такое поднялось у меня внутри, подобно программе-убийце, когда мы сжигали Хром. Дыхание мое оборвалось, и я неожиданно понял — что бы я ей сейчас ни сказал, все слова будут лишними.

Ей нужно было торопиться на самолет.

Бобби, как всегда, развалясь, сидел во вращающемся кресле перед своим монитором и смотрел на вереницу нулей. Глаза его были прикрыты зеркалками, и я был более, чем уверен, что к ночи он уже будет сидеть в Джентльмене-Неудачнике и интересоваться погодой. Он не мог жить спокойно без знака, любого, хоть какого-нибудь, который бы ему подсказал, на что же будет похожа теперешняя его жизнь. Но я-то наверняка мог сказать, что вряд ли она будет чем-нибудь отличаться от прежней. И комфортабельней она никогда не станет, но несмотря на это, он всегда будет ждать свою новую, уже какую по счету, карту.

Я даже представить себе не мог ее в Доме Голубых Огней, как она отрабатывает свою трехчасовую норму в приближении REM сна, а этим

временем тело ее и цепочки рефлексов проявляют заботу о бизнесе. Клиентам не приходилось жаловаться на подделку, потому что оргазмы эти были самые настоящие. Для нее самой они промелькивали от чувств вдалеке, на самой границе сна, неуловимыми серебряными всполохами. Да, это было так популярно, что про незаконность как-то забыли. Посетители прямо-таки разрываются между жаждой кого-нибудь поиметь и желанием быть в одиночестве, и все это одновременно. И, наверное, такое всегда было в природе этой прихотливой игры, задолго до того, как в это дело стали впутывать нейроэлектронику, которая и позволила совместить две несовместимые вещи.

Я снял телефонную трубку и набрал номер ее авиалинии. Потом назвал ее настоящее имя и номер рейса.

— Она хочет поменять направление, — сказал я. — На Чиба-сити. Да-да.

Япония. — Я вставил в паз кредитную карточку и набрал свой идентификационный код. — Первым классом. — Я вслушивался в далекий шум, пока они проверяли записи о моих кредитах. — И, пожалуйста, сделайте ей билет с возвратом.

Я все же думаю, что она вернула деньги за

этот билет в оба конца, он просто ей оказался не нужен. Обратно она уже не вернулась. И иногда, поздно ночью, останавливаясь у витрин с плакатами звезд симстима и вглядываясь в эти прекрасные, как две капли воды, похожие друг на друга, глаза, которые смотрят на меня с таких же одинаковых лиц, я вижу — эти глаза ее. Но ни одно из лиц, ни одно — никогда не принадлежит ей. И вдруг мне начинает казаться, что где-то далеко-далеко, за гранью расползшейся во все стороны ночи, в стороне от всех городов, она машет мне на прощанье рукой.

«КИБЕРПРОСТРАНСТВО»
(трилогия)

Перед вами мир высоких технологий и биоинженерных жутковатых чудес. Мир гигантских транснациональных корпораций и глобальных компьютерных сетей. Мир всемогущей якудзы, исповедующей древний кодекс бусидо. Мир, в котором искусственный разум запрограммировал загадочную миссию, исполнить которую в силах только хакер — виртуоз и девушка — самурай. Самая крутая парочка крутого мира!

Нейромант
(роман)

Мир недалёкого будущего пронизан виртуальным пространством, а людская плоть сплошь иссечена высокотехнологичными устройствами. Огромные мегаполисы покрыли поверхность Земли, а гигантские корпорации самозабвенно

сражаются между собой всеми доступными методами.

Однажды совершивший ошибку киберпространственный «ковбой» получает шанс вернуться в родную информационную стихию, трудясь на неизвестного работодателя. Его спутницей становится очаровательная наёмница — «уличный самурай» Молли.

Часть I
Тиба-Сити блюз
Глава 1

Небо над портом напоминало телеэкран, включенный на мертвый канал.

— Разве же я употребляю? — услышал Кейс, продираясь сквозь толпу к «Тацу». — Просто у моего организма острая алкогольно-наркотическая недостаточность.

И голос рожденного в Муравейнике, и шуточка муравьиная. В «Тацубо», где собирались все больше спецы-экспаты, можно просидеть неделю и слова не услышать по-японски.

Размеренными движениями протезированной руки бармен Рац выставлял на поднос кружки бочкового «Кирина». При виде Кейса он осклабился восточноевропейской сталью и коричневой гнилью. Тот нашел себе место у стойки между невероятно загорелой шлюхой из команды Лонни Зоуна и высоким африканцем в отглаженной морской форме, с аккуратными рядами племенных шрамов на щеках.

— Утром заходил Уэйдж с двумя своими. — Здо-

ровой рукой Рац пододвинул Кейсу кружку. — Не за тобой?

Тот молча пожал плечами. Девица справа игриво хихикнула и толкнула его локтем.

Улыбка бармена стала еще шире. О его безобразии ходили легенды. Нынче, когда красота доступна каждому — и за вполне умеренные деньги, — отсутствие оной воспринимается как нечто чуть ли не геральдическое. Допотопная механическая рука при каждом движении жалобно завывала. Это был русский военный протез — семифункциональный манипулятор с механической обратной связью, заключенный в грязно-розовый пластик.

— Слишком уж вы артист, герр Кейс. — Рац издал хрюкающий звук, заменявший ему смех. Почесал розовой клешней свисающее через ремень брюхо. — Артист слегка комического плана.

— А то, — ответил Кейс и отхлебнул пива. — Должен же кто-то в этой тошниловке ломать комедию. У тебя ведь — хрен получится.

Шлюха захихикала октавой выше.

— И у тебя, цыпа, тоже не выйдет. И вообще, вали-ка ты отсюда. Мистер Зоун — мой лучший друг.

Девица в упор взглянула на Кейса и беззвучно ощерилась. Но все-таки ушла.

— Боже! — закатил глаза Кейс. — Ну что за бордель ты здесь развел? Выпить спокойно нельзя.

— Выпить ему захотелось! — Рац усердно тер тряпкой шершавое дерево стойки. — Зоун отстегивает процент. А тебя я пускаю только в качестве аттракциона.

Кейс поднес кружку к губам, и вдруг наступила странная тишина, когда множество собеседников в разных концах зала умолкли одновременно. В следующее мгновение раздалось истерическое хихиканье шлюхи.

— Ангел пролетел, — буркнул Рац.

— Китайцы! — взревел пьяный австралиец. — Херовы китаёзы изобрели сращивание нервов. На этом, мать его, материке нервы так тебе заштопают, что и шва не заметишь, носи до гроба.

— А вот это, — сказал Кейс, глядя в стакан и чувствуя поднимающуюся откуда-то изнутри желчную горечь, — хрень собачья.

* * *

И впрямь хрень. В области нейрохирургии японцы забыли, за ненадобностью, гораздо больше, чем китайцы когда-либо знали. Подпольные

клиники Тибы — передовой рубеж медицины, целые массивы техники обновляются здесь ежемесячно, но даже местные врачи не смогли выправить ущерб, причиненный Кейсу в Мемфисе.

Он проторчал здесь уж целый год, и с каждым днем мечта о киберпространстве становилась все более призрачной. Он глотал стимуляторы горстями, облазил весь Ночной Город до последней его дыры и по-прежнему видел во сне матрицу — ее яркие логические решетки, развертывавшиеся в бесцветной пустоте… Муравейник где-то там, за Тихим океаном, а он больше ни оператор, ни киберковбой. Заурядный прохиндей, пытающийся выбраться из задницы. Но в японских ночах приходили сны — колдовские, острые, как удар высоким напряжением, и тогда Кейс плакал, просыпался в темноте и корчился в гробу капсульной гостиницы, руки тянулись к несуществующей клавиатуре, впивались в лежанку, и темперлон пузырями вылезал между пальцами.

* * *

— Видел вчера твою девицу, — сказал Рац, пододвигая Кейсу вторую кружку.

— Нет у меня никакой девицы, — помотал го-

ловой Кейс.

— А мисс Линда Ли?

Кейс снова помотал головой.

— Нет девушки? Совсем? Весь в делах, дружище артист? Полностью посвятил себя коммерции? — Маленькие карие глазки бармена тонули среди морщин. — С Линдой ты мне нравился больше. Чаще смеялся. А теперь ты как-нибудь так заиграешься, что окажешься в больнице. В банках, разобранный по кусочку.

— Не говори так, Рац, а то я разрыдаюсь.

Кейс допил пиво, встал и вышел под дождь, ссутулив узкие, обтянутые мокрой нейлоновой штормовкой плечи.

Проталкиваясь в толпе, затопившей улицу Нинсэй, он чувствовал запах собственного давно не мытого тела.

* * *

Кейсу шел двадцать пятый год. В двадцать два он уже был ковбоем, одним из лучших взломщиков Муравейника. Обучали его тоже лучшие специалисты, легендарные Маккой Поли и Бобби Куайн. В почти постоянном адреналиновом возбуждении, присущем молодости и профессионализму, Кейс подключался к изготовленной

по спецзаказу киберпространственной деке, которая проецировала его освобожденное сознание на консенсуальную галлюцинацию матрицы. Он был вором и работал на других, более состоятельных воров, на заказчиков, а они снабжали его экзотическим софтом, без которого не просочишься сквозь сверкающие стены корпоративных систем, не прогуляешься по богатому полю данных.

Кейс совершил классическую ошибку, ту самую, которую клялся никогда не совершать. Он обокрал заказчиков. Утаил кое-что для себя и пытался толкнуть это кое-что через амстердамского барыгу. Он до сих пор не понимал, как его вычислили, хотя сейчас это было совершенно не важно. Кейс думал, что умрет, но они только улыбались. Деньги, говорили они, ну конечно же, кто же не хочет денег. И они тебе здорово понадобятся. Потому что — ослепительная улыбка — мы сделаем так, что ты никогда уже не сможешь работать.

Они повредили его нервную систему русским боевым микотоксином.

В мемфисской гостинице, привязанный к кровати, Кейс галлюцинировал тридцать часов кряду, пока выгорал микрон за микроном его талант.

Нарушение было мельчайшее, едва ощутимое и вместе с тем крайне эффективное.

Для Кейса, который жил лишь ради восторга бестелесных странствий в киберпространстве, это означало полный крах. В барах, куда он ходил прежде, элитарный статус удачливого ковбоя подразумевал отстраненное презрение к плоти. Тело? Это просто кусок мяса. И вот теперь Кейс стал пленником собственного мяса.

* * *

Бывший ковбой незамедлительно превратил все свои активы в пухлую пачку новых иен — старинной бумажной валюты, которая, подобно морским ракушкам аборигенов Новой Гвинеи, беспрерывно циркулировала по замкнутому кругу мировых черных рынков. В Муравейнике с трудом, но все же удавалось вести легальный бизнес на наличные деньги, однако в Японии это строго воспрещалось.

И все же Кейс был уверен, что в Японии ему помогут. В Тибе. Либо в обычной клинике, либо в сумеречном царстве подпольной медицины. Тиба-Сити ассоциировался с имплантацией, сращиванием нервов, микробиоником и как магнит притягивал к себе технокриминальные элемен-

ты Муравейника.

За два месяца анализов и консультаций от Кейсовых иен не осталось ровно ничего. Врачи подпольных клиник, бывшие последней его надеждой, только поражались изощренности увечья и скорбно качали головой.

Теперь он спал в припортовых, самых дешевых гробах, под прожекторами, которые всю ночь, как необъятную сцену, освещали доки; и сияние телевизионного неба затмевало не только огни Токио, но даже огромный голографический знак «Фудзи электрик», а Токийский залив представлялся обширной черной гладью, где чайки кружат над дрейфующими островками белого пенопласта. Дальше за портом лежал город — купола заводов, над которыми возвышались прямоугольные силуэты корпоративных зданий. Порт и город разделяла узкая безымянная полоска старых улочек. Ночной Город с улицей Нинсэй в сердце. Днем бары вдоль Нинсэй закрывались и выглядели невзрачно: неон мертв, а неподвижные голограммы терпеливо ожидали, когда же под отравленное серебристое небо придет ночь.

* * *

В чайной под названием «Жарр де Тэ», в двух кварталах от «Таца», Кейс запил первое ночное колесо крепким двойным эспрессо. Эту плоскую розовую восьмиугольную таблетку — мощный бразильский декседрин — он купил у одной из зоуновских девиц.

Стены здесь были зеркальные, каждая панель — в обрамлении красных неоновых трубок.

Оставшись почти без денег и без надежды вылечиться, Кейс пришел в какое-то исступление и принялся добывать свежий капитал с холодной, будто бы чьей-то чужой энергией. В первый же месяц он замочил двух мужчин и одну женщину из-за сумм, которые еще год назад показались бы ему смехотворными. Нинсэй изнуряла его и скоро стала казаться внешней проекцией внутреннего стремления к смерти, таинственного яда, который постепенно переполнял тело.

Жизнь Ночного Города похожа на бестолковый эксперимент в области социального дарвинизма; зевающий от скуки исследователь ни о чем не думает, а знай себе поддает жару. Перестань шустрить — и тут же бесследно утонешь, но чуть переусердствуй — и нарушишь хрупкое поверх-

ностное натяжение черного рынка; и так и сяк — тебя нет, ничего не осталось, кроме смутных воспоминаний о тебе у старожилов вроде Раца, да вдобавок сердце, легкие или почки в больничных колбах, которые еще могут пригодиться какому-нибудь богатенькому засранцу.

Бизнес требовал постоянной интуиции, и смерть воспринималась как естественное наказание за лень, беззаботность, отсутствие такта, за неумение приспособиться к запутанному этикету черного рынка.

Однако, сидя за столиком в «Жарр де Тэ» и чувствуя, как под действием таблетки потеют ладони, вздрагивают волоски на руках и груди, Кейс неожиданно осознал, что давно уже играет в древнюю игру обреченных, азартно раскладывает смертельный пасьянс отчаяния. Он больше не носил оружия и не принимал никаких мер предосторожности. Он заключал поспешные необдуманные сделки прямо на улице и приобрел репутацию человека, способного достать все, что угодно. Какая-то часть его сознания понимала, что ослепительный блеск самоуничтожения не может не броситься в глаза заказчикам, которых, кстати, становилось все меньше. Однако та же самая часть буквально млела в предвкушении

близкого конца. И эту же самую часть, в тепле и уюте ожидавшую смерти, особенно раздражали любые мысли о Линде Ли.

Он познакомился с ней в аркаде[3] одним дождливым вечером.

Под яркими призраками, сияющими в голубом сигаретном тумане, среди голограмм «Замка колдуна», «Танковой войны в Европе», «Полета над Нью-Йорком»... Буйные сполохи лазерного света превращали ее лицо в код: скулы вспыхивали алым, когда пылал замок колдуна, лоб высвечивался лазурью, когда в Мюнхен входили танки, и рот озарялся жарким золотом, когда скользящий курсор высекал искры в каньоне небоскребов. В тот вечер он чувствовал себя богачом: Уэйджев брикет кетамина отправлен в Йокогаму, капуста уже в кармане. Кейс спрятался от теплого дождя, хлеставшего по тротуарам Нинсэй, и как-то сразу из множества посетителей выделил девушку, которая играла с истинным самозабвением. Несколькими часами позже, в припортовом гробу, он опять рассматривал то же самое восторженное выражение ее сонного лица и губы, похожие на

[3] Примечания: 3

В начале 1980-х — устоявшееся на Западе название для зала игровых автоматов. Впоследствии этот термин стал обозначать один из видов компьютерных игр.

птичку, какую рисуют дети.

Гордый от заключенной сделки, Кейс направился к девушке и вдруг поймал на себе ее взгляд. Серые глаза, густо обведенные черным карандашом. Взгляд животного, парализованного светом приближающегося автомобиля.

Их совместная ночь перешла в утро, в билеты на паром и его первую поездку на ту сторону залива. Дождь хлестал не переставая, сек струями квартал Харадзюку, скатывался каплями по ее синтетической курточке, обдавал водяной пылью токийских подростков в белых кроссовках и блестящих накидках, шумными группками бродивших мимо знаменитых бутиков, а к полуночи Кейс с Линдой стояли в шумном зале для игры в патинко, и она держалась за его руку, словно ребенок.

Через месяц из-за веществ и чрезмерного напряжения эти постоянно испуганные глаза превратились в бездонные колодцы наркотической жажды. Кейс наблюдал, как, словно айсберг, разваливается на куски ее личность; в конце концов осталась только нездоровая страсть, голый остов пагубной привычки. Она тянулась к очередной дозе с упорством насекомого и напоминала ему богомолов, которые продавались в киосках

на улице Сига рядом с голубыми карпами-мутантами и сверчками в бамбуковых клетках.

Кейс посмотрел в пустую чашку на черное колечко кофейной гущи. Оно дрожало — малоудивительно, после амфетамина-то. Коричневую столешницу покрывала тусклая паутина крошечных царапинок. Чувствуя дексовую волну, вздымающуюся вдоль позвоночника, Кейс думал о том, какое бесчисленное количество случайных ударов потребовалось, чтобы создать такую поверхность. «Жарр» был обставлен в почтенной безымянной манере прошлого века, этакая смесь традиционного японского стиля с блеклым миланским пластиком, однако все здесь казалось покрытым тончайшей пленкой, словно расшатанные нервы миллионов посетителей каким-то образом подействовали на зеркала и блестящую прежде пластмассу, оставив на каждой поверхности свой неизгладимый след.

— Привет, Кейс!

Он поднял голову и увидел серые глаза, густо обведенные карандашом. На девушке были поношенный французский орбитальный комбинезон и новехонькие белые кроссовки.

— А я все тебя ищу.

Девушка села напротив и положила локти на

стол. Исчерканные молниями голубые рукава зияли прорехами, и Кейс привычно поискал признаки дермов или инъекций на ее руках.

— Курить будешь?

Она вытащила из подколенного кармана мятую пачку сигарет «Ехэюань» и красную пластиковую зажигалку. Кейс закурил.

— Хорошо спишь, Кейс? А то вид у тебя усталый.

Судя по акценту, она происходила из южной части Муравейника — откуда-нибудь близ Атланты. Ее щеки имели бледный нездоровый цвет, хотя тело все еще выглядело гладким и крепким. Ей было двадцать. В уголках губ появились новые морщинки. Темные волосы стягивала шелковая ленточка с узором. Рисунок изображал то ли микросхему, то ли карту какого-то города.

— Совсем не сплю, разве что забуду про таблетки, — ответил Кейс и вдруг ощутил прилив сильного желания — вожделение и одиночество оседлали амфетаминовую волну. Он вспомнил запах ее кожи в жаркой темноте припортового гроба, пальцы, сплетенные у него на пояснице.

«Мясо, — подумал Кейс, — мясо хочет мяса».

— Уэйдж… — сказала девушка, сузив глаза. — Он жаждет увидеть тебя с дыркой во лбу.

Она закурила.

— Кто сказал? Рац? Ты говорила с Рацем?

— Нет. Мона. Ее новый парень работает на Уэйджа.

— Не так уж много я ему и должен, — пожал плечами Кейс. — А если он меня прикончит, то не получит вообще ничего.

— Слишком уж много у него должников, а тебя пришьют — другие задумаются. Так что смотри в оба.

— Ладно. Ну а как ты, Линда? У тебя есть где переночевать?

— Переночевать? Конечно есть, как же без этого.

Девушка дернулась и чуть не упала со стула. Ее лицо покрылось потом.

— Вот. — Кейс вытащил из кармана скомканную полусотню, кое-как ее разгладил, сложил вчетверо и протянул девушке.

— Они пригодятся тебе самому, дорогуша. Отдай их лучше Уэйджу. — В ее серых глазах светилось что-то непонятное, чего он раньше не видел.

— Я должен Уэйджу гораздо больше. Возьми. Я тут скоро еще получу, — солгал Кейс, глядя, как его деньги исчезают в кармане с молнией.

— Как только получишь, сразу ищи Уэйджа.

— Увидимся, — сказал Кейс и встал из-за стола.

— Конечно. — В глазах девушки под радужкой виднелось по миллиметру роговицы. Сампаку.[4] — Так что ты поосторожнее.

Он кивнул и почувствовал сильнейшее желание оказаться как можно дальше отсюда.

Закрывая пластиковую дверь, Кейс оглянулся и увидел отражение ее глаз, обрамленное красным неоном.

* * *

Пятница, вечер, улица Нинсэй.

Кейс шел мимо лотков с якитори, мимо массажных кабинетов, мимо фирменной кофейни «Прекрасная девушка», мимо электронного грохота аркады. В одном месте он уступил дорогу смуглому сараримену, попутно заметив у того фирменный знак «Мицубиси-Генотех», вытатуированный на тыльной стороне правой кисти.

Настоящий знак или картинка для хвастовства? Так или иначе, подумал Кейс, мужик этот прямо напрашивается на крупные неприятности.

---

[4] Примечания: 4

«Три белизны» *(яп.)* — состояние глаз, при котором над нижним веком постоянно видна полоска роговицы. Согласно восточному поверью, таким образом закаченные глаза пророчат скорую смерть.

А если знак липовый — то и поделом. Служащим «М-Г», достигшим определенного уровня, имплантируют новейшие микропроцессоры, которые замеряют содержание мутагенов в крови. С таким прибором в Ночном Городе залетишь на гоп-стоп как пить дать — на гоп-стоп и дальше, прямиком в подпольную клинику.

Сараримен был японцем, но по большей части толпа на Нинсэй состояла из гайдзинов — приезжих. Шли из порта группки моряков, озабоченные одинокие туристы искали удовольствий, не указанных в путеводителях, шустрилы из Муравейника щеголяли искусственными бицепсами и имплантатами, сновали всевозможные мошенники — все двигалось в сложном танце желаний и купли-продажи.

И хотя бесчисленные теории объясняли, почему в Тиба-Сити терпели район Нинсэй, Кейс склонялся к мысли, что якудза сберегла это место в качестве исторического заповедника — как памятник скромному истоку своей деятельности. Не лишенным смысла казалось и утверждение, что бурно развивающимся технологиям нужны зоны беззакония и Ночной Город существует не как среда обитания, а как намеренно ничем не ограниченный производственный полигон.

Кейс смотрел на уличные огни и думал: права ли Линда? Способен ли Уэйдж убить его в назидание остальным? Смысла как-то мало, однако, с другой стороны, Уэйдж торговал в основном запрещенными биопрепаратами, а для этого нужно быть полным психом.

Итак, Линда утверждает, что Уэйдж хочет его смерти. Основное открытие Кейса в динамике уличной торговли состояло в том, что на самом деле ни покупатель, ни продавец в нем не нуждаются. Посредник — неизбежное зло, в этом, собственно, и состоит его бизнес. Сомнительная ниша, которую Кейс создал в криминальной экологии Ночного Города, выдалбливалась обманом и еженощно углублялась предательством. И теперь, услышав, что стены этой ниши трещат, он чувствовал себя на гребне странной эйфории.

Неделю тому назад, стараясь снять большую, чем обычно, маржу, Кейс задержал продажу синтетического гландулярного экстракта. Вряд ли Уэйджу это понравилось. Уэйдж — его главный поставщик, он провел в Тибе девять лет и был одним из немногих иностранцев, кому удалось наладить связь с замкнутым, строго иерархичным преступным истеблишментом за пределами Ночного Города. Генетические материалы и гор-

моны проникали на Нинсэй по таинственной цепочке связных. Однажды Уэйджу каким-то образом удалось выяснить, откуда поступает товар, и теперь у него были прочные связи с дюжиной городов.

Кейс очнулся от размышлений у витрины магазина. Здесь продавали морякам маленькие блестящие штучки: часы, пружинные ножи, зажигалки, карманные видеодвойки, симстимдеки, массивные цепочки-манрики и сюрикэны. Эти стальные звездочки с острыми как бритва лучами всегда его восхищали. Одни — хромированные, другие — черные, третьи — с радужными, как нефть на воде, разводами. Хромированные — просто загляденье. Лежат на алой ультразамше, прикрепленные едва заметной нейлоновой леской, в центре каждой выдавленный инь — ян или дракончик. Сюрикэны переливались уличным неоном, и Кейсу на мгновение показалось, что это и есть его путеводные звезды, что его судьба читается в созвездии грошовых хромированных железок.

— Жюли, — сказал им Кейс. — Пора навестить старину Жюли. Он все знает.

* * *

Джулиусу Дину было сто тридцать пять лет, и он упорно замедлял свой метаболизм еженедельным приемом сывороток и гормонов. Но его главным оружием против старения было ежегодное паломничество в Токио, где хирурги-генетики совершали недоступную в Тибе операцию — восстанавливали генетический код. После омоложения Дин летел в Гонконг, где заказывал годовой запас костюмов и рубашек. В жизни этого бесполого, нечеловечески спокойного человека была одна-единственная страсть: он исповедовал наиболее эзотерические разновидности тряпкопоклонства. И хотя его гардероб чуть ли не целиком состоял из тщательных реконструкций одежды прошлого столетия, Кейс ни разу не видел, чтобы Джулиус надел один и тот же костюм дважды. Дин носил очки в тончайшей золотой оправе с линзами, вырезанными из пластинок розового синтетического кварца и обточенными наподобие зеркал викторианского кукольного домика.

Его контора помещалась неподалеку от Нинсэй, в складском помещении, много лет назад частично обставленном разношерстной европей-

ской мебелью, словно Дин и вправду собирался здесь жить. В комнате, где находился сейчас Кейс, вдоль стены пылились громоздкие книжные шкафы в новоацтекском стиле. На низком кофейном столике из ярко-алой стали, будто изготовленном Кандинским, неуклюже примостились две пузатые настольные лампы в стиле Диснея. На стене, между книжными шкафами, висели часы а-ля Сальвадор Дали, их искореженный циферблат стекал прямо на бетонный пол. Голографические стрелки в точности повторяли мельчайшие изгибы причудливого циферблата, но почему-то всегда показывали неправильное время. Повсюду стояли белые стекловолоконные упаковки, источавшие резкий запах имбиря.

— Хвоста за тобой вроде нет, — раздался из ниоткуда голос Дина. — Ну, давай, сынок, входи.

Слева от книжных шкафов щелкнули магнитные запоры массивной, отделанной под розовое дерево двери. К полированному пластику были приклеены — и почти уже отклеились — большие буквы: «ДЖУЛИУС ДИН. ИМПОРТ-ЭКСПОРТ». И если в импровизированной приемной обстановка воспроизводила конец прошлого века, то в самом кабинете она соответствовала его началу.

Из светового пятна, созданного старинной мед-

ной лампой с темно-зеленым прямоугольным абажуром, на Кейса смотрело гладкое розовое лицо. Импортер восседал за огромным металлическим письменным столом, с обеих сторон его окружали шкафы из светлого дерева с многочисленными ящичками. Кейс предполагал, что в них, вероятно, раньше хранились какие-то записи. Столешницу заваливали разбросанные кассеты, рулоны пожелтевших распечаток и детали допотопной механической пишущей машинки, до которой у Дина никогда не доходили руки.

— Так чем же обязан честью? — спросил импортер, в руке его появилась тоненькая карамелька в бело-голубом клетчатом фантике. — Попробуй. «Тин-Тин-Дьяхе», самые лучшие.

Кейс отрицательно мотнул головой, сел на гнутый деревянный стул и провел большим пальцем по едва заметному рубчику черных джинсов.

— Жюли, я слышал, что Уэйдж хочет меня убить.

— А-а-а… Ну, тогда… А от кого ты это слышал, позволено будет узнать?

— От людей.

— От людей, — повторил Дин, посасывая имбирную карамельку. — И что же это за люди? Друзья?

Кейс кивнул.

— Не всегда ведь и поймешь, кто твой друг, верно?

— Я немного задолжал Уэйджу. Он ничего тебе не говорил?

— В последнее время я с ним не общался, — вздохнул Дин. — Но и знай я что-нибудь, все равно ничего бы тебе не сказал. Исходя из положения вещей.

— Положения вещей?

— Уэйдж — важное звено, Кейс.

— Он действительно хочет меня убить?

— Этого я не знаю. — Дин равнодушно пожал плечами; сторонний наблюдатель мог бы подумать, что они обсуждают цены на имбирь. — Если слух не подтвердится, возвращайся, сынок, где-нибудь через недельку, я подкину тебе малость сингапурского товару.

— Из отеля «Нан-Хай», что на Бенкулен-стрит?

— Болтай поменьше! — ухмыльнулся Дин.

Металлический стол был под завязку забит оборудованием, исключающим прослушивание.

— Ладно, до встречи, Жюли. Пойду передам привет Уэйджу.

Пальцы Дина поправили идеальный узел светлого шелкового галстука.

* * *

Кейс не прошел и квартала, как внезапно, прямо-таки на клеточном уровне почувствовал, что кто-то плотно сел ему на хвост.

Мания преследования была для Кейса нормальным профессиональным заболеванием, как силикоз для шахтеров; он давно воспринимал эту слабость как нечто само собой разумеющееся. Хитрость состояла в том, чтобы не позволить ей выйти из-под контроля, но порой это было довольно затруднительно из-за большого количества закаченных колес. Кейс справился с приливом адреналина и, придав своему узкому лицу выражение скучающей рассеянности, притворился праздным гулякой. Через некоторое время он увидел затемненную витрину и остановился рядом. Это был хирургический бутик, закрытый на ремонт. Сунув руки в карманы, Кейс разглядывал плоский шмат искусственной плоти, лежащий на резной, поддельного нефрита, подставке. Кожа образца напомнила ему «загар» шлюх Зоуна, на ней тускло, как татуировка, мерцал цифровой дисплей, управляемый подкожным чипом. «Зачем, — подумал Кейс, чувствуя, как пот струится по ребрам, — нужно вживлять микросхему, если

ее можно просто носить в кармане?»

Не поворачивая головы, одними глазами он изучал отражение проходящей мимо толпы.

Вот.

За моряками в рубашках хаки с короткими рукавами. Темные волосы, зеркальные очки, темная одежда, стройный…

Исчез.

Низко пригнувшись, петляя между прохожими, Кейс побежал по улице.

* * *

— Одолжи мне ствол.

Шин улыбнулся:

— Через два часа.

Окруженные запахами свежевыловленной морской живности, они стояли в подсобке павильона, торгующего суси на улице Сига.

— Приходи через два часа.

— Мне нужно сейчас. Поищи, может, есть что-нибудь.

Шин пошарил за пустыми двухлитровыми банками из-под тертого хрена и извлек на свет божий продолговатый, завернутый в серую клеенку пакет:

— Тазер. Один час, двадцать нью-иен. Залог

тридцать.

— На хрена он мне? Мне нужен пистолет. А то пойду я вот сейчас гулять, и захочется мне кого-нибудь шлепнуть. Ну и куда же я тогда без пистолета?

Официант пожал плечами и водворил тазер на прежнее место:

— Через два часа.

* * *

Кейс вошел в магазин, даже не взглянув на выставку сюрикэнов. Он не метал их ни разу в жизни.

С помощью кредитного чипа Мицубиси-банка на имя Чарльза Дерека Мея он купил две пачки «Ехэюань»; чип этот служил Кейсу вместо паспорта.

Продавщица-японка выглядела на несколько лет старше старины Дина; правда, свои годы она прожила без помощи достижений науки. Кейс вынул из кармана тощую стопку нью-иен:

— Я хочу купить оружие.

Продавщица показала на витрину с ножами.

— Нет, — сказал Кейс, — я не люблю ножи.

Тогда женщина вытащила из-под прилавка продолговатую коробку. На желтом картоне

крышки грозно раздувала капюшон аляповатая, свернувшаяся кольцами кобра. Под крышкой лежали восемь одинаковых цилиндров в бумажной упаковке. Кейс молча наблюдал, как коричневые, в желтых старческих пятнах пальцы разворачивают обертку. Женщина показала ему матовую стальную трубочку с кожаной петлей на одном конце и маленькой бронзовой пирамидкой на другом. Она взяла трубку в одну руку, а другой потянула за пирамидку. Наружу вылетели и зафиксировались три промасленных телескопических сегмента туго навитой пружины.

— «Кобра», — сказала продавщица.

* * *

Небо над неоновыми конвульсиями Нинсэй приобрело сероватый оттенок. Сегодня воздух обдирал легкие, словно наждачная бумага; на многих прохожих были фильтрующие маски. Кейс провел в уборной целых десять минут, пытаясь пристроить «кобру» поудобнее, но в конце концов попросту заткнул ее за пояс. Прикрытый штормовкой пирамидальный конец тыкался под ребра. При каждом шаге эта штуковина грозила вывалиться на землю, но все же с ней было как-то спокойнее.

«Тац» не очень-то процветал и в будние вечера привлекал в основном постоянную клиентуру. Зато по пятницам и субботам он выглядел совсем иначе. И хотя в эти дни многие завсегдатаи приходили тоже, они как-то терялись среди массы подвыпивших моряков и профессиональных воришек, охотившихся за их кошельками. Войдя в бар, Кейс поискал глазами Раца, но тот куда-то исчез. Местный сутенер Лонни Зоун остекленевшим взором подвыпившего папаши наблюдал, как одна из его девочек обрабатывает юного моряка. Сводник употреблял балду, которую японцы называют «облачные танцовщицы». Поймав на себе его взгляд, Кейс помахал рукой. Лонни неторопливо подошел, его анемичное продолговатое лицо выражало безмятежное спокойствие.

— Лонни, ты видел сегодня Уэйджа?

Зоун посмотрел на Кейса и медленно покачал головой.

— Зуб даешь?

— А может, и видел. В «Намбане». Часа два назад.

— С ним были ребята? Один такой стройный, с темными волосами, наверное, в черной куртке?

— Нет, — сказал Зоун после длительных раздумий; морщины на его лбу должны были

свидетельствовать о мучительных усилиях, необходимых, чтобы вспомнить столь мелкие подробности. — Здоровые такие ребята. С искусственными бицепсами.

Под прикрытыми веками Зоуна проглядывали крохотные белки, еще меньшие радужки и огромные расширенные зрачки. Он долго смотрел Кейсу в лицо, затем опустил взгляд. Заметил выпирающий стальной хлыст. Многозначительно поднял бровь и сказал:

— «Кобра». Ты хочешь кого-то замочить?

— Пока, Лонни.

И Кейс покинул бар.

* * *

Хвост вернулся. Кейс знал это наверняка. К обычному наркотическому возбуждению добавилось нечто новое, он почувствовал приступ восторга. «Чему радуешься, — подумал он, — псих ненормальный?»

Каким-то непостижимым образом обстановка напоминала матрицу. Устань, окажись в отчаянно неожиданном положении, и ты увидишь Нинсэй информационным полем (примерно так же однажды матрица напомнила ему протеины, сцепляющиеся друг с другом, чтобы задать спе-

циализацию клетки). Тогда можешь броситься в головокружительный акробатический полет, отдаться ему целиком, ни на секунду не забывая о своей отделенности, а вокруг тебя бушует неудержимый танец чисел — сделки, счета, котировки, — и ты видишь, как базы данных претворяются в плоть лабиринтов черного рынка…

«Давай, Кейс, — говорил он сам себе. — Надери их. Вот уж чего они никак не ожидают».

Кейс находился в полуквартале от игровой аркады, где когда-то познакомился с Линдой Ли.

Расталкивая гуляющих матросов, он бросился через улицу. Ему вслед заорали по-испански. Кейс открыл дверь, и оттуда рванулся грохот, похожий на рев прибоя, и мощный инфразвук отозвался даже не в ушах, а где-то в желудке. Кто-то нанес десятимегатонный удар в «Танковой войне», и теперь чудовищный огненный шар, имитирующий воздушный ядерный взрыв, превращался в голограммный клубящийся дымный гриб, вся аркада утонула в белом шуме. Кейс бросился вправо и побежал по некрашеным ступенькам вверх. Как-то он приходил сюда с Уэйджем договариваться о запрещенных гормональных триггерах с неким Мацугой. Кейс припоминал этот коридор, грязную циновку, ряд одинаковых дверей,

ведущих в крохотные кабинетики. Одна дверь была открыта. Из-за белого терминала подняла голову молоденькая японочка в черной майке; за ее спиной виднелся постер, рекламирующий поездку в Грецию, — голубизна Эгейского моря заляпана округлыми иероглифами.

— Вызови охрану, — сказал Кейс.

И помчался дальше. Две последние двери были закрыты и, скорее всего, заперты. Он развернулся и припечатал нейлоновой подошвой кроссовки самую дальнюю по коридору дверь, сделанную из синего пластика. Раздался хруст, слабые петли вырвало из хлипкого косяка. Темнота и белый изгиб компьютерного терминала. Кейс бросился направо к следующей двери, схватился за прозрачную пластмассовую ручку и навалился изо всех сил. Что-то щелкнуло, и он оказался в комнате. В той самой, где они с Уэйджем видели в тот раз Мацугу, но от подставной фирмы, которая здесь размещалась, не осталось и следа… Ни терминалов, ничего. Только тусклый уличный свет, сочащийся сквозь закопченный пластик. Кейс заметил торчащую из стенки змею световодного кабеля, кучу пустых пакетов от какой-то японской жратвы и электрический вентилятор без лопастей.

Окно было заделано куском дешевой, некогда прозрачной пластмассы. Кейс снял куртку, обмотал правую руку и ударил. Окно треснуло, еще два удара, и оно вылетело из рамы. То ли из-за разбитого окна, то ли стараниями девушки сквозь приглушенный хаос игры начала завывать тревожная сирена.

Кейс обернулся, накинул куртку и раскрыл «кобру». Он ждал, что преследователь заметит выбитую дверь и бросится сначала туда. Бронзовая пирамидка на конце упругого стального хлыста раскачивалась, вторя ударам пульса.

Время шло, однако ничего не происходило. Только завывала сирена, гремели игры, колотилось сердце. И тогда, как полузабытый друг, вернулся страх. Но не холодная, четкая дексовая паранойя, а обыкновенный животный ужас. Кейс так долго прожил в постоянной тревоге, что почти забыл вкус настоящего страха.

В такой конуре убить человека проще простого. И он может здесь умереть. У них может быть оружие.

В дальнем конце коридора что-то грохнуло. Какой-то мужчина заорал по-японски. Дикий ужасный вопль. И снова грохот.

Неторопливые приближающиеся шаги.

Кто-то проходит мимо двери. Тишина, только три торопливых удара сердца. Возвращается. Раз! Два! Три! Скрипнула под каблуком циновка.

Остатки декседриновой смелости рухнули. В слепом, нерассуждающем ужасе, чувствуя, как звенят от напряжения нервы, Кейс сложил «кобру» и подкрался к окну. Не отдавая отчета в своих действиях, он вскочил на подоконник и прыгнул вниз. Столкновение с мостовой послало вдоль голеней острые клинья боли.

Узкая полоса света из полуоткрытого служебного люка падала на клубок проводов, разбитые платы и консоль древнего компьютера. Кейс лежал лицом вниз на сырой древесно-стружечной плите; придя в себя от удара, он сразу перекатился в тень. Окно, откуда он выпал, слабо светилось. Здесь завывание сирены слышалось громче, а шум игрового зала, отгороженного стеной, — тише.

В окне появилась и тут же исчезла чья-то голова. Опять появилась, но черты лица не разобрать. Только вместо глаз — серебряный блеск.

— Вот же мать твою! — произнес женский голос с акцентом северного Муравейника.

Голова исчезла и больше не появлялась. Лежа под консолью, Кейс сосчитал до двадцати и

встал. Несколько секунд он тупо смотрел на собственную руку и зажатую в ней «кобру», а потом заковылял по улице, прихрамывая и стараясь поменьше ступать на левую ногу.

* * *

Интересно, где это Шин откопал такую рухлядь, ведь пистолетику этому лет пятьдесят, никак не меньше. Вьетнамская копия бразильской пародии на «Вальтер ППК», самовзвод с очень тугим спуском, приспособлен под винтовочный патрон двадцать второго калибра. Да и в патронах не настоящие разрывные пули, а китайская дешевка, свинцовые с пустотелым концом. И все-таки это пистолет, с восьмью патронами в обойме и одним в стволе; выйдя из лавчонки Шина на улицу Сига, Кейс то и дело опускал руку в карман и поглаживал красную пластиковую рукоятку, украшенную рельефными драконами. Свернув на Нинсэй, он выбросил «кобру» в первый же мусорный ящик и проглотил, не запивая, очередной восьмиугольник.

Подхлестнутый таблеткой, он стремительно помчался по Нинсэй и далее по Байицу. Хвост, похоже, отстал, и это тоже радовало. Ему нужно позвонить, погоня погоней, но бизнес не ждет.

Недалеко от порта на улице Байицу стоял безобразный десятиэтажный дом из желтого кирпича. Его окна уже погасли, но, если задрать голову, можно было различить слабое свечение, идущее с крыши. Потухшая неоновая вывеска у главного входа гласила: «Дешевый отель»; далее шли сплошные иероглифы. Если гостиница и имела другое название, то Кейс его не знал, потому что ее везде называли не иначе как «Дешевый отель». Свернув с Байицу в узкий проулок, вы оказываетесь у основания прозрачной шахты. Лифт к «Дешевому отелю» пристроили позднее, с помощью бамбука и эпоксидки. Кейс забрался в кабину и вставил в щель свой индивидуальный ключ — обрезок жесткой магнитной ленты.

Кейс арендовал здесь гроб в первый же день по прибытии в Тибу и возобновлял договор еженедельно. Однако он ни разу здесь не спал. На ночь он перебирался в другие, еще более дешевые заведения.

Исцарапанные, засаленные стенки кабины провоняли дешевыми духами и сигаретами. Когда лифт прошел пятый этаж, Кейс увидел уличные фонари Нинсэй. Постукивая пальцами по рукоятке пистолета, он дождался, пока лифт со змеиным шипением не остановится. Как всегда, остановка

сопровождалась сильным толчком, но он к этому привык. Выйдя из лифта, он очутился на зеленой лужайке, служившей одновременно гостиничным холлом. Посреди синтетического газона за полукруглой компьютерной консолью сидел мальчишка-японец; он читал какой-то учебник. Над пацаном возвышались строительные леса с фибергласовыми гробами. Шесть ярусов, по десять гробов в каждом, с каждой из четырех сторон. Кейс кивнул мальчишке и пошкандыбал к ближайшей лестнице. И хотя все сооружение было покрыто листами дешевого слоистого пластика, которые трещали от сильного ветра и текли во время дождя, сами гробы были довольно прочными, вскрыть такую капсулу без ключа было не так-то и просто.

Длинный решетчатый трап вибрировал под ногами, пока Кейс пробирался по третьему ярусу к своему номеру, 92-му. Все гробы были по три метра длиной и имели овальный люк в один метр шириной и чуть меньше полутора метров высотой. Кейс вставил магнитный ключ в щель и подождал, пока компьютер не подтвердит его подлинность. Магнитные запоры громко щелкнули, и, скрипя пружинами, люк поднялся. Вспыхнули флюоресцентные лампы, Кейс заполз

внутрь, закрыл за собой люк и заперся на механический засов.

В «номере» не было другой мебели, кроме маленького карманного компьютера «хитачи» и небольшого холодильника. В белом пенопластовом шкафчике лежало все, что осталось от трех десятикилограммовых брусков сухого льда, обернутых плотной бумагой, чтобы меньше испарялись, а также небольшой алюминиевый контейнер. Присев на коричневом поролоновом мате, который служил одновременно и полом и кроватью, Кейс вынул из кармана пистолет и положил его на холодильник. Затем снял куртку. В одну из изогнутых стен гроба был встроен пульт бытового компьютера, а напротив висела табличка, сообщавшая гостиничные правила на семи языках. Кейс снял розовую телефонную трубку и набрал по памяти гонконгский номер. Прослушав пять длинных гудков, он повесил трубку. Покупатель трех мегабайт информации, висевшей в оперативке его «хитачи», не отвечал.

Тогда он позвонил по токийскому номеру.

В трубке женский голос что-то сказал по-японски.

— Ловчила дома?

— Рад тебя слышать, — вступил в разговор Лов-

чила. — Я ждал твоего звонка.

— Тут появилась музыка, которую ты хотел. — Кейс посмотрел на холодильник.

— Очень рад. Но у нас проблемы с наличностью. Ты можешь подождать?

— Слушай, мне очень нужны деньги…

В трубке раздались короткие гудки.

— Ну ты говно. — И Кейс с сомнением уставился на дешевый маленький пистолет. — Странно это все, — добавил он. — И чем дальше, тем страньше.

* * *

Держа руки в карманах, причем одна рука сжимала пистолет, а другая — алюминиевый контейнер, Кейс вошел в «Тац». До рассвета оставался еще добрый час.

Прислонившись к стенке, взгромоздив все свои сто двадцать кило на скрипучий стул, Рац сидел за дальним столиком и пил из пивной кружки минералку «Аполлонарис». За стойкой работал бразилец Курт, который присматривал за несколькими, в основном тихими, пьяницами. Рац поднял надсадно гудящим протезом кружку, сделал глоток и поставил ее на место.

— Плохо выглядишь, дружище артист, — ска-

зал он, демонстрируя непотребное содержимое своего рта.

— Наоборот, я чувствую себя отлично, — улыбнулся Кейс, и его лицо стало похоже на оскаленный череп. — Сверхотлично.

Он плюхнулся на стул напротив Раца, по-прежнему держа руки в карманах.

— Ага, и ты шляешься с места на место в своем переносном бомбоубежище из водки и стимуляторов. Наилучшая защита от неприятных эмоций?

— Слушай, отстал бы ты от меня со своими шуточками. Уэйдж тут не пробегал?

— Защита от страха и одиночества, — продолжал бармен. — Прислушайся к своему страху. Может быть, он — твой друг.

— Ты ничего не слышал о потасовке в аркаде, Рац? Кого-нибудь ранили?

— Кто-то порезал охранника. — Бармен равнодушно пожал плечами. — Вроде девица какая-то.

— Я хочу поговорить с Уэйджем, Рац. Я…

— Да? — Губы бармена неожиданно сжались в прямую линию. Он смотрел мимо Кейса на входную дверь. — Сейчас поговоришь.

Перед внутренним взором Кейса неожиданно сверкнули сюрикэны. В голове звенел проглочен-

ный за день декс. Пистолетная рукоятка стала скользкой от пота.

— Герр Уэйдж. — Рац медленно протянул вперед свой розовый манипулятор, как будто ожидая рукопожатия. — Какая огромная честь. Вы у нас такой редкий гость.

Кейс обернулся и посмотрел Уэйджу в лицо. Загорелая, ничем не приметная маска. Его глаза, искусственные, цвета морской волны (трансплантаты фирмы «Никон»), ничего не выражали. Уэйдж был одет в темно-серый шелковый костюм и на каждом запястье носил по простенькому платиновому браслету. Его сопровождали два почти одинаковых молодых парня, руки и плечи которых раздувались от искусственных мышц.

— Как поживаешь, Кейс?

— Джентльмены, — сказал Рац, поднимая со стола розовой клешней пепельницу, полную окурков, — я не хочу здесь никаких неприятностей. — Толстая, из ударопрочной пластмассы пепельница рекламировала пиво «Циндао»; она жалобно хрустнула в клешне Раца, на стол посыпались окурки и зеленые осколки. — Вы меня понимаете?

— Эй, папаша, — сказал один из парней, — уж не хочешь ли ты испытать эту штуковину на

мне?

— Не старайся целиться в ноги, Курт, — негромко кинул Рац.

Только теперь Кейс увидел, что стоящий за стойкой бразилец навел на троицу райот-ган фирмы «Смит-и-Вессон». Ствол ружья, сделанный из тонкого, как бумага, сплава, плотно обвивала стеклянная нить, а калибр был столь велик, что в дульное отверстие свободно проходил сжатый кулак. В решетчатом открытом магазине виднелись пять толстых оранжевых патронов с «желейными» пулями.

— Теоретически несмертельно, — сказал бармен.

— Слушай, Рац, — заговорил наконец Кейс, — за мной должок.

— Ничего ты мне не должен, — пожал плечами Рац. — А этим, — он сверкнул глазами в сторону Уэйджа и его дружков, — следовало бы получше знать правила. В «Тацубо» никого не мочат.

Уэйдж примирительно кашлянул:

— Никто никого и не собирался мочить. Мы только хотели поговорить о деле. Мы с Кейсом партнеры.

Кейс вытащил пистолет и навел его Уэйджу в пах:

— Мне сказали, ты хочешь меня убить.

Розовая клешня обхватила пистолет, Кейс беспрекословно его выпустил.

— Слушай, Кейс, ты дурак или сроду так? Что это за чушь, будто я собираюсь тебя убить? — Уэйдж повернулся к своим телохранителям. — Вы, двое, отправляйтесь в «Намбан». Ждите меня там.

Кейс наблюдал, как парочка проследовала к выходу, теперь, кроме них, в баре оставались только Курт за стойкой да пьяный матрос, свернувшийся калачиком на полу. Ствол «смит-и-вессона» проводил двоих к двери, а затем опять вернулся к Уэйджу. Магазин «вальтера» со стуком упал на стол. Держа оружие клешней, Рац здоровой рукой выколупывал патрон из патронника.

— Кто сказал, что я собираюсь тебя пришить, Кейс? — спросил Уэйдж.

Линда.

— Кто тебе такого наговорил? Кто-то пытался тебя подставить.

Матрос застонал и изрыгнул фонтан блевотины.

— Вышвырни его отсюда, — приказал Рац Курту, который закуривал, сидя на краю стойки; ружье лежало у него на коленях.

Внезапно Кейс почувствовал, что ночь навали-

лась на него, мокрый тяжелый песок надавил на глазные яблоки. Он вынул из кармана алюминиевый контейнер и протянул его Уэйджу:

— Все, что у меня есть. Гипофизы. Если постараться, можно толкануть за пять сотен. Остальные мои деньги были вложены в кое-какие файлы, но там, похоже, полный прогар.

— Слушай, Кейс, ты не болен? — (Контейнер исчез во внутреннем кармане темно-серого пиджака.) — Я хотел сказать, ладно, мы в расчете, но у тебя нездоровый вид. Такое ощущение, словно о тебя вытирали ноги. Шел бы ты и поспал.

— Надо бы… — Кейс встал, и бар закачался перед глазами. — У меня было еще пятьдесят. Но их я отдал одной подруге.

Он по-дурацки хихикнул. Затем взял со стола магазин, отдельный патрон, положил их в один карман, а пистолет засунул в другой.

— Пойду к Шину, заберу залог.

— Лучше иди домой, — как-то смутившись, произнес Рац и сел; многострадальный стул жалобно заскрипел под его огромным телом. — Артист. Иди-ка ты домой.

Проталкиваясь в дверь, Кейс спиной чувствовал, что они смотрят ему вслед.

* * *

— Вот же сука, — сказал Кейс, глядя, как небо над Сигой приобретает розовый оттенок.

Голограммы Нинсэй, подобно ночным призракам, одна за другой исчезали перед наступающим рассветом, а неоновые вывески погасли уже почти все. Кейс отхлебнул из пластмассового стаканчика крепкий черный кофе, купленный на улице у лоточника, и вновь посмотрел на восходящее солнце.

— Улетай-ка ты отсюда, милочка. Город вроде этого — для тех, кто предпочитает катиться по наклонной.

На самом деле все было гораздо сложнее, и едва ли стоило на нее злиться. Просто Линде был нужен билет домой, а то, что лежало в оперативке его «хитачи», обеспечит ей необходимую сумму — если найдется покупатель. А с пятидесяткой — так это вообще красивый номер: ведь она чуть было ее не вернула — наверняка уже зная, что вскоре обчистит его до нитки.

Когда Кейс вышел из лифта, в холле «Дешевого отеля» сидел все тот же мальчуган. Правда, уже с другим учебником.

— Эй, приятель, — крикнул ему Кейс, — мо-

жешь ничего не рассказывать. Я уже все знаю. Приходила хорошенькая дама и сказала, что я дал ей свой ключ. И предложила неплохие чаевые — скажем, пятьдесят новых?

Мальчик оторопело уставился на клиента.

— Женщина, — сказал Кейс и провел по лбу мальчишки большим пальцем. — Белая. — Он широко улыбнулся.

Мальчишка заулыбался в ответ и закивал.

— Спасибо, задница, — бросил Кейс и направился к лестнице.

Замок долго не хотел открываться. «Наверное, испортила, когда вскрывала, — подумал Кейс. — Начинающая». Сам-то он отлично знал, где взять «черную коробочку», которая могла открыть в «Дешевом отеле» любую дверь. Когда он наконец забрался внутрь, вспыхнули лампы.

— Ну-ка, дружок, не дергайся, закрой люк, только очень медленно. Та штука, которую ты взял у официанта, еще с тобой?

Опираясь спиной о стену, в дальнем конце гроба сидела незнакомка. Она целилась в Кейса из игольника, держа тот для верности обеими руками и положив запястья на согнутые колени. Ствол, похожий на головку перечницы, глядел ему прямо в лицо.

— Это ты буйствовала там, в аркаде? — Кейс закрыл люк. — А где Линда?

— Закрой дверь на задвижку.

Кейс повиновался.

— Линда? Это твоя девушка?

Он кивнул.

— Уехала. Прихватила с собой твою «хитачи». Очень нервная особа. Так как насчет оружия?

На девушке были зеркальные очки. И вся она была в черном, а каблуки черных ботинок глубоко вдавливались в темперлон.

— Я вернул его Шину и забрал залог. И патроны вернул, за полцены. Тебе что нужно, деньги?

— Нет.

— Тогда, может, сухой лед? Это все, что у меня осталось.

— Слушай, что с тобой сегодня происходит? Зачем ты устроил бучу в аркаде? Привязался охранник с нунчаками, пришлось его резать.

— Линда сказала, что ты хочешь меня убить.

— Линда? Да я ее сегодня в первый раз увидела — здесь, в твоем гробу.

— Ты работаешь на Уэйджа?

Девушка покачала головой. Кейс только сейчас заметил, что ее «очки» были на самом деле хирургическими вставками. Серебристые линзы

словно вросли в бледное лицо, обрамленное шапкой темных, небрежно подстриженных волос. Тонкие белые пальцы с бордовым маникюром сжимали игольник. Ногти, похоже, были искусственные.

— Ты, Кейс, сидишь в глубокой заднице. Стоило мне появиться, и опа — ты уже вмонтировал меня в свою картину мира.

— Так что же вам от меня нужно, леди? — Кейс оперся спиной на люк.

— Ты. Живое тело и не совсем еще поврежденные мозги. Молли, Кейс. Меня зовут Молли. Я отведу тебя к человеку, на которого работаю. Он хочет с тобой поговорить. Просто поговорить. Никто не собирается делать тебе больно.

— Отрадно слышать.

— Правда, вот я иногда делаю людям больно. Так уж я устроена.

На девушке были обтягивающие джинсы из замши и просторная черная куртка из какого-то матового материала, который, казалось, полностью поглощал свет.

— Если я спрячу этот самострел, не будешь создавать мне трудностей, Кейс? Ты похож на человека, который любит глупый риск.

— Да что ты, не беспокойся, я буду паинькой,

никаких проблем.

— Ну что ж, прекрасно. — (Игольник исчез под черной курткой.) — Потому что, если попробуешь со мной выдрючиваться, это будет самый глупый поступок в твоей глупой жизни.

Она вытянула руки ладонями вверх, слегка расставила пальцы, послышался едва слышный щелчок — и десять обоюдоострых четырехсантиметровых стальных лезвий выскочили из своих ножен под бордовыми ногтями.

Девушка улыбнулась. Лезвия медленно втянулись обратно.

Глава 2

После целого года жизни в гробах комната на двадцать пятом этаже «Тиба-Хилтона» казалась огромной. Восемь на десять метров, и это еще половина номера. Из белой кофеварки фирмы «Браун» шел пар, она стояла на столике возле раздвижной стеклянной двери, выходившей на узкий балкон.

— Влей-ка в себя малость кофе. Тебе совсем не помешает.

Девушка сняла черную куртку, игольник болтался у нее под мышкой на черных нейлоновых

ремнях. Кроме того, на ней был серый жилет с металлическими зигзагами на плечах. «Пуленепробиваемый», — решил Кейс, наливая кофе в ярко-красную кружку. Ноги его и руки были как деревянные.

— Кейс.

Кейс поднял голову. Этого человека он видел впервые.

— Меня зовут Армитидж.

Под темным распахнутым халатом виднелась мускулистая, совершенно безволосая грудь и плоский крепкий живот. Очень светлые, почти водянистые голубые глаза наводили на мысль об искусственном обесцвечивании.

— Солнце встало, Кейс. Солнце твоего счастливого дня.

Кейс бросил руку в сторону, но мужчина легко отклонился от обжигающе горячей струи. По светлым, под рисовую бумагу обоям растеклось коричневое пятно. На левой мочке мужчины висел золотой многоугольник. Спецназ. Армитидж улыбнулся.

— Налей кофе и пей, — равнодушно бросила Молли. — Бояться тебе нечего, но ты не выйдешь отсюда, пока Армитидж с тобой не поговорит.

Девица села по-турецки на атласный пуфик и

стала не глядя разбирать свой игольник. Кейс вернулся к столу и снова налил кофе; два зеркала следили за каждым его шагом.

— Ты слишком молод, чтобы помнить войну, верно? — Армитидж провел громадной ладонью по коричневому ежику на голове, на запястье тускло блеснул золотой браслет. — Ленинград. Киев. Сибирь. Именно там, в Сибири, мы предрешили твою судьбу, Кейс.

— И как это следует понимать?

— «Разящий кулак», Кейс. Слышал когда-нибудь?

— Какая-то диверсионная операция, так, что ли? Пытались сжечь коммуникационные системы русских вирусными программами? Да, слышал. Никто не вернулся живым.

В комнате повисла напряженная тишина. Армитидж подошел к окну и стал смотреть на Токийский залив.

— Не совсем так. Одна группа сумела-таки вернуться в Хельсинки.

Кейс молча пожал плечами и отхлебнул кофе.

— Ты ведь компьютерный ковбой. Так вот, прототипы программ, которыми ты взламываешь промышленные банки данных, были разработаны для операции «Разящий кулак». Для нападе-

ния на компьютерный центр в Киренске. Каждая группа состояла из сверхлегкого мотодельтаплана «Ночное крыло» с пилотом и матричной деки с жокеем. Мы пользовались вирусом «Крот». Эта серия стала первым поколением действительно мощных программ вторжения.

— Ледоколы, — кивнул Кейс, не отводя от губ красную кружку.

— Да. Система защиты компьютерных банков данных — «лед», система вторжения — «ледокол».[5]

— Вы, мистер, ошиблись адресом или, лучше сказать, опоздали. Я больше не жокей. Так что нам остается только попрощаться и…

— Я был там, Кейс. Там, где изобрели тебя и тебе подобных.

— Ни хрена тебе, мужик, не обломится — ни с меня, ни с подобных мне. Ну водятся у тебя крутые башли. Ну нанял ты эту ой как дорогую девку с бритвами. Ну взяла она меня за жопу и приволокла сюда, ну и что? Где сядешь, там и слезешь. Не буду я больше работать на деке, никогда. Ни для тебя, ни для кого другого. — Кейс подошел к окну и посмотрел вниз. — Вон где я теперь живу.

---

[5] Примечания: 5

Intrusion Countermeasures Electronics, сокращенно «ICE», что по-английски означает «лед».

— Судя по психопрофилю, ты намеренно пытаешься спровоцировать улицу, чтобы она тебя убила — в тот момент, когда ты этого никак не ждешь.

— Психопрофиль?

— Мы создали подробную модель. Раздобыли маршруты твоих поездок под каждым из псевдонимов и обработали полученную информацию с помощью некой военной программы. Ты склонен к суициду, Кейс. Модель оставляет тебе всего месяц жизни. Да к тому же наш медицинский анализ говорит, что уже в этом году тебе понадобится новая поджелудочная железа.

— Мы… — Кейс посмотрел в выцветшие голубые глаза. — Кто это — мы?

— А что бы ты сказал, узнав, что мы можем починить твою нервную систему?

Теперь Армитидж казался глыбой металла — громоздкой, чудовищно тяжелой. Статуя. Кейс понял, что это только сон и он сейчас проснется. Армитидж больше не заговорит. Сны всегда заканчивались стоп-кадром, вот и этот сейчас кончится. Тем же.

— Ну, так что ты на это скажешь?

Кейс перевел взгляд на залив и зябко поежился:

— А то и скажу: не засирай мне мозги.

Армитидж невозмутимо кивнул.

— А затем спрошу: на каких условиях?

— Примерно на тех же, на каких ты работал раньше.

— Дай человеку прийти в себя, Армитидж, — подала голос Молли; детали игольника лежали перед ней наподобие хитроумной головоломки. — Он же на куски разваливается.

— Точные условия, — упрямо мотнул головой Кейс, — и сейчас. Прямо сейчас.

Его била дрожь. И он не мог эту дрожь унять.

* * *

Безымянная клиника в дорогом районе: новехонькие, блистающие чистотой павильоны, разделенные аккуратными, ухоженными садами. Кейс помнил это место — одно из тех, куда он обращался в первый месяц своего пребывания в Тибе.

— Ты напуган, Кейс. Напуган так, что поджилки дрожат.

Воскресным полднем он стоял вместе с Молли во внутреннем дворике. Белые валуны, островок зеленого бамбука, черная галька, выложенная пологими волнами. Робот-садовник, похожий

на большого механического краба, подстригает бамбук.

— Все будет хорошо, Кейс. У Армитиджа огромные возможности. Он расплатится с этими нерводерами той самой программой, которая объяснит им, как тебя лечить. С этой программой они обойдут всех своих конкурентов года на три. Ты представляешь себе, сколько это стоит?

Она сунула большие пальцы за ремень кожаных джинсов и качнулась на лакированных каблуках своих вишнево-красных ковбойских сапог. Узкие носы окантовывало блестящее мексиканское серебро. Непроницаемые, отливающие ртутным блеском линзы казались глазами какого-то фантастического насекомого.

— Ты ведь уличный самурай, — сказал Кейс. — Как давно ты на него работаешь?

— Пару месяцев.

— А до этого?

— Работала на другого. Вот такая я работящая девушка.

Он кивнул.

— Забавно, Кейс.

— Что забавно?

— Я же с тобой, считай, знакома. Этот профиль, о котором он говорил. Я знаю, что у тебя внутри.

— Ничего ты, сестренка, не знаешь.

— Ты же в полном порядке. То, что с тобой случилось, — просто непруха.

— Ну а как Армитидж? Он как, в полном порядке?

Лавируя среди волн черной гальки, к ним приближался робот-краб. Его бронзовый панцирь казался древним, тысячелетним. В метре от сапог Молли робот выплеснул из себя луч света и на мгновение застыл, анализируя полученные данные.

— Знаешь, Кейс, я никогда не ищу на свою драгоценную задницу никаких приключений.

Краб повернул в сторону, но Молли ловко ударила его ногой; окантованный серебром носок сапога лязгнул по бронзовому панцирю. Механизм упал на спину, задергал бронзовыми лапами и быстро перевернулся обратно.

Кейс сел на валун и стал водить носком ботинка по гальке, разрушая идеальную симметрию черных волн. Порылся по карманам в поисках сигарет.

— В рубашке, — подсказала девушка.

— Ты не ответила на мой вопрос.

Кейс выудил из пачки мятую «ехэюанину», и девушка щелкнула тонкой стальной зажигалкой

немецкого производства, блестевшей, как хирургический инструмент.

— Ладно, скажу. Этому мужику подвернулось что-то серьезное. У него большие деньги, которых не было раньше, и он все время получает еще и еще. — В уголках ее губ явно чувствовалось напряжение. — А может быть, наоборот, это он кому-то удачно подвернулся… — Она пожала плечами.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Не знаю. Я знаю только то, что не знаю, на кого мы работаем.

Кейс посмотрел ей в глаза — в два круглых серебряных зеркальца. В субботу утром он вернулся из «Хилтона» в «Дешевый отель» и проспал десять часов. Затем он долго без всякой цели гулял вдоль портовой ограды, глядя, как кружатся чайки. Если она и следила за ним, то делала это очень незаметно. Он не пошел в Ночной Город, а вернулся в гроб и стал ждать звонка от Армитиджа. И вот теперь, в воскресный полдень, он находится в тихом дворике, а рядом с ним — эта девушка с телом гимнастки и руками фокусника.

— Если угодно, сэр, анестезиолог ждет вас.

Санитар поклонился и, не дожидаясь Кейса, направился обратно в клинику.

* * *

Пахло холодным металлом. Лед приятно холодил позвоночник.

Кейс, такой маленький, затерялся в огромной тьме, руки окоченели, тело осталось где-то далеко внизу, а сам он летит по коридорам телевизионного неба.

Голоса.

И вдруг черный огонь нащупал нервные сплетения. Боль, превосходящая все, что называют этим словом…

* * *

Лежи спокойно, не дергайся.

Рац и Линда Ли, Уэйдж и Лонни Зоун, моряки, жулики, шлюхи — сотни лиц среди неоновых джунглей под ядовито-серебристым небом — все где-то там, за тюремной оградой, за стенами черепной коробки…

Какого хрена, ты будешь наконец лежать спокойно?!

Небо, бывшее прежде рябью статических помех, поблекло и превратились в бесцветье матрицы, а потом перед глазами замелькали сюрикэны, его

путеводные звездочки.

— Прекрати, Кейс, мне нужно попасть тебе в вену!

Она склонилась над ним с голубым пластмассовым шприцем в руке.

— Если не будешь лежать спокойно, я проткну твое долбаное горло. В тебе еще полно ингибиторов эндорфина.

* * *

Кейс проснулся в полной темноте и обнаружил, что девушка лежит рядом.

Шея казалась хрупкой, сплетенной из тонких хворостин. В самой середине позвоночника пульсировала боль. Перед глазами проносились смутные образы: то мерцающие коллажи из небоскребов и дырявых фуллеровских куполов[6] Муравейника, то в тени каких-то мостов на него надвигались мрачные фигуры…

— Проснулся? Сегодня среда, Кейс.

---

[6] Примечания: 6

По имени американского архитектора и дизайнера Бакминстера Фуллера (1895–1983), пропагандировавшего строительство так называемых геодезических куполов — сетчатой оболочки из прямых стержней, обладающей минимальной массой при большом внутреннем объеме, причем чем больше купол, тем выше его несущая способность, поскольку нагрузка распределяется на большее количество элементов конструкции.

Девушка села и, перегнувшись через него, начала что-то искать. Обнаженная грудь задела руку. Кейс услышал, как она открыла банку и стала пить.

— На. — (Банка очутилась у него в руке.) — Я вижу в темноте, Кейс. У меня в глазах миниатюрные фотоумножители.

— Спина болит.

— Это там, где брали спинномозговую жидкость. Тебе поменяли и ее, и всю кровь. Это из-за того, что у тебя теперь новая поджелудочная. Еще тебе вшили новый кусок печени. Что делали с нервами, мне не известно. Знаю только, было множество инъекций. И там обошлось без вскрытия. — Девушка опять легла. — Сейчас ночь, Кейс, два часа сорок три минуты двенадцать секунд. У меня часы выведены прямо на зрительный нерв.

Кейс с трудом сел и попытался попить из банки. Поперхнулся, закашлялся, тепловатая вода полилась на грудь и бедра.

— Мне нужна дека. — Кейс почти не поверил, что это его собственные слова. Он стал нащупывать одежду. — Я должен знать…

Молли засмеялась. Маленькие сильные руки обхватили его за плечи:

— Очень сожалею, торопыга. Но тебе придется

подождать восемь дней. Твои нервы выскочат наружу, если ты подключишься с ходу. Доктора велели тебе отдыхать. Они считают, что все прошло удачно. Через день-два пойдем на консультацию.

Кейс лег на спину.

— Где мы?

— Дома. В «Дешевом отеле».

— А где Армитидж?

— В «Хилтоне», продает бусы туземцам или что-то в этом роде. Мы скоро уезжаем отсюда. Амстердам, Париж, а потом домой, в Муравейник. — Молли тронула его за плечо. — Ну-ка, перевернись. Я сделаю тебе массаж.

Кейс лег на живот и вытянул вперед руки, пальцы коснулись стенки гроба. Девушка встала над ним на колени, кожаные джинсы холодили ему поясницу. Ее пальцы погладили шею.

— А почему ты здесь, а не в «Хилтоне»?

Вместо ответа, она отвела руку назад и стала легкими круговыми движениями поглаживать ему мошонку. Так продолжалось около минуты, и все это время другая рука продолжала растирать ему шею. Кожаные джинсы негромко поскрипывали в такт ее движениям. Чувствуя, как член твердеет и начинает упираться в поролон, Кейс

немного повернулся.

Боль в голове пульсировала по-прежнему, но шея не была уже такой хрупкой. Кейс приподнялся на локте и перевернулся, затем притянул девушку к себе, стал ласкать языком груди, твердые влажные соски касались его щек. Он нащупал молнию на кожаных джинсах и потянул вниз.

— Я сама, — сказала она, — я же все вижу.

В темноте послышался шорох кожи. Лежа рядом, девушка брыкнулась раз-другой, пока не избавилась от джинсов. Она перебросила через него ногу, и он коснулся в темноте ее лица. Почувствовал неожиданную твердость имплантированных линз.

— Не трогай, — остановила она, — будут следы от пальцев.

Затем она снова встала над ним на колени, взяла его ладонь и положила ее на себя — большой палец вдоль щели между ягодицами, а остальными накрыла влагалище. Когда она начала опускаться, перед его глазами снова пронеслись пульсирующие образы: какие-то лица, мигающие фрагменты неоновых реклам. Затем она опустилась совсем, и его спина судорожно выгнулась. Она стала двигаться вверх-вниз, все быстрее и быстрее, пока они оба не слились в едином оргаз-

ме и ее мокрые, скользкие бедра изо всех сил не сдавили его ноги, и тогда перед его взором вспыхнула слепящая голубизна и время остановилось, как в безграничных просторах матрицы, где образы рвутся в клочья и уносятся ураганом вдаль.

* * *

На Нинсэй все так же танцевала толпа — только чуть менее плотная, как это и бывает в будни. Из аркад и салонов для игры в патинко выплескивались волны шума. Кейс заглянул в «Тац» и, как обычно, среди теплого, наполненного пивными парами полумрака увидел Зоуна, который присматривал за своими девочками. У стойки хлопотал Рац.

— Уэйджа не видел, Рац?

— Сегодня еще нет.

Увидев Молли, бармен демонстративно поднял бровь.

— Если увидишь, то передай, что я хочу отдать долг.

— Что, перемены к лучшему, артист?

— Рано еще говорить.

* * *

— Понимаешь, мне нужно его увидеть. — Кейс смотрел на свое отражение в зеркалах Молли. — Я должен выйти из этого бизнеса.

— Армитиджу очень не понравится, если я отпущу тебя одного. — Молли стояла, подбоченясь, прямо под «тающими часами» Дина.

— При тебе он не станет со мной разговаривать. Насчет Дина я не беспокоюсь, он сам о себе позаботится. Но есть люди, которые от меня зависят, они разорятся, если я так вот просто возьму и уеду из Тибы, не покончив с делами. Они мои партнеры, понимаешь?

Губы Молли твердо сжались. Она помотала головой.

— У меня партнеры в Сингапуре, Токио, Синдзюку и Асакудзе, они же крупно погорят, как ты не можешь понять? — соврал он, положив руку на затянутое в черную кожу плечо. — Пять. Пять минут. Время засечешь по своим часам, хорошо?

— Мне платят, и я должна выполнять инструкции.

— Ну да, тебе платят, и ты выполняешь инструкции. И тебе начхать, что в результате несколько моих лучших друзей сгорят, а может, и вообще

сдохнут.

— Хрень собачья. Друзья у него, видите ли, выискались. Ты просто хочешь, чтобы этот старый прохиндей нас проверил.

Безо всякого уважения к пыльному кофейному столику от Кандинского, Молли водрузила на него ковбойский сапог.

— Послушай, Кейс, это что же такое получается? Твоя напарница вооружена, не говоря уж обо всем этом кремнии в ее голове. В чем, собственно, дело? — Покашливание Дина словно повисло посреди комнаты.

— Подожди, Жюли. Я зайду к тебе один.

— А как же еще, сынок? Ничего другого я и не позволю.

— Ну ладно, — сдалась наконец Молли. — Но только пять минут. Малейшая задержка, и я войду и успокою твоего дружка навсегда. И пока ты будешь с ним, постарайся кое-что понять.

— Что именно?

— Подумай, почему я делаю тебе такую поблажку.

Она круто повернулась и пошла к выходу мимо белых тюков сушеного имбиря.

— Ну и знакомые же у тебя, Кейс, — заметил Дин. — Даже страньше, чем обычно.

— Все, Жюли, она ушла. Теперь-то ты меня впустишь? Ну пожалуйста, Жюли.

Щелкнули магнитные засовы.

— Включил бы ты, Жюли, системы и все эти штуки, которые у тебя в столе, — сказал Кейс, садясь.

— Я их никогда не выключаю, — чуть улыбнулся Дин, выуживая среди разбросанных по столу деталей пишущей машинки револьвер и аккуратно наводя его на Кейса.

«Магнум» с обрезанным по самый барабан стволом, предохранительная скоба вокруг спуска тоже спилена, а рукоятка обмотана грязным скотчем. Оружие совершенно бесполезное на расстоянии свыше десяти метров, да и то целиться нужно в живот. Но уж если попасть в этот самый живот… В розовых наманикюренных руках Дина типичный гангстерский ствол выглядел по меньшей мере странно.

— Пойми, это только предосторожность, — пояснил Дин. — Ничего личного. Ну а теперь говори, что тебе нужно.

— Дай мне урок истории, Жюли. А также сведения об одном человеке.

— А кому это нужно, сынок? — На Дине была веселенькая рубашка в белую и красную полоску

с накрахмаленным, будто фарфоровым, воротничком.

— Мне, Жюли. Я уезжаю. Считай, что уже уехал. Сделай мне одолжение, ладно?

— Кто тебя интересует?

— Один гайдзин, Армитидж, остановился в «Хилтоне».

— Сиди спокойно, Кейс. — Дин положил оружие на стол и быстро нажал несколько клавиш на клавиатуре портативного компьютера. — Похоже, мои информаторы знают не больше твоего. Этот Армитидж вроде бы заключил временное соглашение с якудза, а Сыны Неоновой Хризантемы хорошо прикрывают своих союзников от таких, как я. На их месте я поступал бы точно так же. Ну а теперь об истории. Ты просил об уроке истории. — Он снова взял в руки револьвер, но не стал целиться в Кейса. — Какой именно истории?

— Война. Ты ведь был на войне, Жюли?

— Война? А что там интересного? Она продолжалась три недели.

— «Разящий кулак».

— О, это знаменитая операция. Неужели в школах не учат больше историю? Это был огромный грязный послевоенный политический футбол. Типичный уотергейт, от начала и до конца. Ва-

ши начальнички, а в том числе, Кейс, и ваши муравьиные начальнички, — где они были? В бункерах, все до единого… позорище. Извели уйму молодого, патриотически настроенного пушечного мяса только для того, чтобы опробовать какую-то там новую технологию. Как выяснилось позднее, генералы отлично знали о возможностях обороны русских. Знали и об эм-и — магнитно-импульсном оружии. И все-таки послали ребят: очень уж им хотелось посмотреть, что из этого получится. — Дин пожал плечами. — Устроили для Иванов аттракцион по стендовой стрельбе.

— Уцелевшие были?

— Думаешь, я помню, через столько-то лет?.. Хотя, кажется, кто-то вернулся. Один экипаж. Захватили советскую вертушку. Ну, боевой вертолет. Долетели до Финляндии. Они, конечно, не знали опознавательных кодов, а потому перебили по ходу дела уйму финских вояк. Спецназовцы. — Дин с отвращением фыркнул. — Одним словом, кровь мешками и полный бардак.

Кейс понимающе кивнул. Запах сушеного имбиря едва не валил с ног.

— Я провел войну в Лиссабоне, — продолжал Дин, опуская револьвер на стол. — Хорошее это место, Лиссабон.

— Ты был в армии, Жюли?

— Вот еще. Но и у меня были сражения, да еще какие. — Розовое лицо расплылось в улыбке. — Просто удивительно, насколько война меняет рыночную ситуацию!

— Спасибо, Жюли. За мной должок.

— Не за что, Кейс. Счастливого пути.

* * *

Впоследствии Кейс будет не раз повторять себе, что вечер у «Сэмми» сразу начался как-то странно, что уже тогда, когда они с Молли только шли по коридору, пол которого устилало месиво из билетных корешков и пластмассовых стаканчиков, — уже тогда он это предчувствовал. Словно заранее знал, что Линду убьют…

После визита к Дину они с Молли пошли в «Намбан», где он встретил Уэйджа и вернул долг пачкой полученных у Армитиджа новых иен. Уэйдж обрадовался, его ребята обрадовались не очень, а Молли стояла рядом с Кейсом и опасно улыбалась, явно мечтая, чтобы кто-нибудь сделал неверное движение. Затем они направились в «Тац» выпить.

— Бесполезно, ковбой, — сказала Молли, когда Кейс привычно вытащил из кармана восьми-

угольник.

— Как это? А ты не хочешь? — Он протянул ей таблетку.

— Ты забыл о своей новой поджелудочной и о новых тканях в печени. Армитидж специально поставил их, чтобы избавить тебя от этого дерьма. — Девушка тронула таблетку бордовым ногтем. — Ты теперь биохимически невосприимчив ни к амфетаминам, ни к кокаину.

— Вот же мать твою, — оторопел Кейс. Он с сомнением посмотрел на таблетку, а затем на девушку.

— А ты попробуй. Съешь хоть дюжину. Ничего не почувствуешь.

Кейс так и сделал. И ничего не почувствовал.

После трех кружек пива Молли расспросила у Раца, где можно посмотреть бои.

— У «Сэмми», — коротко ответил тот.

— Это не для меня, — сказал Кейс, — я слышал, они там друг друга даже убивают.

Спустя час Молли купила билеты у тощего тайца в белой футболке и мешковатых спортивных трусах.

«Сэмми» находился недалеко от порта, за оптовым магазином, надувной серый купол с тонкой стальной сетью несущих тросов. Входом служил

примитивный шлюз-коридор, с дверями в обоих торцах, чтобы сохранить избыточное давление, которое поддерживало купол. Помещение освещалось флюоресцентными кольцами, привинченными к фанерному потолку на равных промежутках, правда, большинство из них было разбито. В затхлом воздухе висела густая вонь пота и сырого бетона.

Кейс совершенно не ожидал, что за таким убожеством последуют ярко освещенная арена, многочисленная толпа зрителей, напряженная тишина и огромные, словно сотканные из воздуха, светящиеся фигуры под куполом. Ровные ряды широких бетонных ступеней возвышались над круглым помостом, окруженным тускло поблескивающими зарослями проекционного оборудования. Весь зал окутывал полумрак, только исполинские голограммы высоко под куполом, мерцая и переливаясь, повторяли каждое движение двух мужчин, напряженно кружащих по арене. Повсюду над зрительными рядами поднимались плоские облака сигаретного дыма, они медленно дрейфовали, пока не попадали в потоки воздуха от компрессоров, нагнетавших воздух под купол. В зале не раздавалось ни звука, только приглушенное урчание компрессоров да

многократно усиленное дыхание бойцов.

Мужчины кружили по арене и отражались цветными бликами в «глазах» Молли. Голограммы увеличивали изображение в десять раз, и ножи в руках огромных призраков были почти метровой длины. Кейс вспомнил, что бойцовый нож держат как рапиру: четыре пальца согнуты, большой по лезвию. Оружие словно двигалось само по себе, совершая некую последовательность ритуальных движений, в ожидании, пока кто-нибудь из соперников не допустит ошибку. Задрав голову, Молли следила за перипетиями поединка, ее лицо оставалось спокойным и невозмутимым.

— Пойду принесу чего-нибудь перекусить, — сказал Кейс; она молча кивнула, завороженная танцем смерти.

Кейсу здесь не нравилось.

Он встал и пошел по темному проходу. Слишком уж тут темно. И слишком тихо.

В зале сидели по большей части японцы. Они не были жителями Ночного Города. Техи из промзоны. Вероятно, посещение данного зрелища одобрил совет по культуре и отдыху какой-нибудь корпорации. Кейс на мгновение представил, что значит проработать всю жизнь в одном дзайбацу. Жилье компании, гимн компании, похороны,

организованные компанией.

Кейс почти обогнул зал, прежде чем нашел лотки с едой. Он купил якитори на палочках и две высокие вощеные коробки пива. Вверху под куполом грудь одного из голографических гладиаторов окрасилась кровью. Кейс не замечал, как густой коричневый соус стекает с палочек ему на пальцы.

Еще семь дней, и он подключится к деке. Если сию секунду закрыть глаза, можно увидеть матрицу.

Тени в зале плясали в такт движениям голограмм.

И вдруг совершенно неожиданно затылком Кейс почувствовал какой-то безотчетный страх. Холодный пот тонкой струйкой побежал по ребрам. Операция прошла неудачно. Ведь он все еще здесь, всего лишь жалкий кусок мяса, и нет никакой Молли, завороженно глядящей на замысловатые траектории сверкающих ножей; нет в «Хилтоне» никакого Армитиджа с деньгами, новым паспортом и билетами. Все это лишь сон, жалкая фантазия. Слезы застлали ему глаза.

Из яремной вены одного из призраков брызнула ярко-алая кровь. Толпа взревела, зрители вскакивали, орали, размахивали руками… А

высоко вверху одна из фигур рухнула навзничь, замерцала и погасла.

В горле застыл сырой рвотный ком. Кейс закрыл глаза, сделал глубокий вздох, снова открыл и вдруг увидел, как мимо идет Линда Ли, в ее серых глазах застыл ужас. На ней был все тот же французский комбинезон.

Ее поглотила глубокая тень.

Как-то машинально он бросил цыплят и пиво и помчался за девушкой. Потом он не мог вспомнить — кричал ли он ей вслед, окликал ли ее по имени.

Откуда-то сбоку и сзади — тончайший луч красного света, вспыхнул и погас. Под тонкими подошвами — грубый, неровный бетон.

Белые кроссовки мелькали где-то впереди, у самой стены зала, и снова резанул по глазам тонкий красный луч.

Кто-то подставил ему ножку. Бетон обжигающе разодрал ладони.

Кейс перекатился, ударил ногой, но не попал. Над ним склонился худощавый блондин с патлатой башкой, окруженной радужным нимбом падающего сзади света. Высоко над сценой голографическая фигура повернулась, воздев нож над головой, к неистовствующей толпе. Белобры-

сый парень ухмыльнулся и вытащил из рукава какой-то предмет. И когда в третий раз блеснул луч лазера, в красном свете мелькнула бритва. Бритва замерла, прицеливаясь к его горлу.

Вдруг лицо нападающего распалось в жужжащее облачко микроскопических взрывов. Игольник Молли, двадцать выстрелов в секунду. Парень издал короткий судорожный хрип и рухнул Кейсу на ноги.

Кейс встал и медленно побрел в сторону лотков, в тень. Ожидая увидеть рубиновую точку лазерного прицела, он взглянул себе на грудь. Ничего. И тут же нашел Линду. Она лежала с закрытыми глазами у основания бетонной колонны. Пахло паленым мясом… Толпа скандировала имя победителя. Торговец пивом протирал свои краны темной тряпкой… Одна белая кроссовка, каким-то образом слетевшая с ноги, почему-то лежала рядом с головой…

Идти вдоль стены. Вдоль бетонного изгиба. Руки в карманы. Ни в коем случае нельзя останавливаться. Идти не останавливаясь. Мимо невидящих лиц — все глаза устремлены вверх, на бестелесного победителя. Вспыхнула спичка, осветив лицо европейца, губы сжимают короткий металлический чубук. Запах гашиша. Кейс

прошел мимо.

— Кейс… — Из самой глубокой тени блеснули два зеркальца. — Ты в порядке?

За ее спиной в темноте что-то хлюпало и булькало.

Он помотал головой.

— Бой закончился, Кейс. Пора домой.

Кейс попытался пройти мимо нее в густую темноту, где кто-то умирал. Молли удержала его рукой:

— Это приятели твоего близкого друга. Они убили твою девушку. В этом городе тебе как-то не везет с друзьями. Мы, когда исследовали тебя, составили частичный профиль этого старого ублюдка. Он за пару нью-иен маму родную пришьет и даже не поморщится. Тот, который валяется там, сказал, что она пыталась продать им файлы из твоего компьютера. Только они решили, что лучше просто убить ее и забрать товар даром. Небольшая, а все-таки экономия. Это рассказал мне тот — с лазером. На тебя они наткнулись совершенно случайно, но мне нужно было проверить. — Губы Молли сжались в тонкую линию.

Кейсу казалось, что в его голове трещат, все заглушая, какие-то помехи.

— Кто, — спросил он, — кто их послал?

Молли протянула ему окровавленный пакет сушеного имбиря. Ее руки тоже были в крови. А в густом полумраке кто-то еще раз булькнул и затих.

* * *

После того как Кейс прошел в клинике заключительный осмотр, они с Молли направились в порт. Армитидж уже ждал. Он зафрахтовал судно на воздушной подушке. Кейс бросил на Тибу последний взгляд и увидел темные угловатые силуэты промзоны. А затем туман плотно окутал черную воду и дрейфующие косяки мусора.

Часть II
Поездка за покупками
Глава 3

Дома.

А дом — это Муравейник, Столичная Ось Бостон-Атланта, или, короче, СОБА.

Запрограммируйте карту скоростей обмена информации так, чтобы на очень большом экране каждому пикселю соответствовала тысяча мега-

байт в секунду. Манхэттен и Атланта вспыхнут сплошным белым светом. Затем, когда скорость обмена перегрузит вашу модель, они начнут пульсировать. Ваша карта перегрелась и готова взорваться. Охладите ее. Возьмите масштаб побольше: миллион мегабайт на пиксель. При ста миллионах мегабайт в секунду вы начнете различать отдельные кварталы центральной части Манхэттена и существующие вот уже сто лет промышленные зоны, окружающие ядро старой Атланты.

* * *

Кейс проснулся; ему снились аэропорты, он шел за черной кожанкой Молли через бесконечные переходы Нариты, Схипхола, Орли… И как в каком-то киоске за час до рассвета он купил плоскую пластмассовую бутылку датской водки.

Где-то глубоко в железобетонных корнях Муравейника поезд гнал по туннелю столб застоявшегося воздуха. Состав двигался на магнитной подушке, бесшумно, но сам туннель под действием сжатого воздуха гудел низким, почти инфразвуковым басом. Вибрация достигла комнаты, где лежал Кейс; из трещин рассохшегося паркета взвилась пыль.

Он открыл глаза и увидел нагую Молли; их разделял необъятный — не дотянуться рукой — простор новехонького ядовито-розового темперлона. Сверху через зарешеченное, покрытое копотью слуховое окошко просачивался солнечный свет. Часть слухового окошка была заколочена куском ДСП, сквозь него, почти касаясь пола, свисал толстый серый кабель. Лежа на боку, Кейс смотрел, как дышит Молли, смотрел на грудь, на изгиб бедер, очерченных с функциональным изяществом под стать фюзеляжу военного самолета. И все тело было худощавым, стройным, мускулистым, как у танцовщицы.

Комната была большая. Кейс сел. За исключением огромного розового ложа и двух новых, совершенно одинаковых нейлоновых сумок, здесь не было ровно ничего. Голые стены, никаких окон, кроме слухового в потолке, стальная дверь, выкрашенная белой краской. Стены покрыты бесчисленными слоями белой эмали. Рабочий район. Кейс и раньше знал такие здания и такие комнаты, обычно их обитатели зарабатывали себе на хлеб в «интерзоне» — некой сумрачной, слабо определенной области, где мастерство еще не совсем переходит грань преступления, а преступление не совсем дотягивает до мастерства.

Он был дома.

Кейс опустил ноги на пол. Многие паркетины свободно шатались, а некоторые и вовсе отсутствовали. Голова раскалывалась от боли. Кейс вспомнил комнату, в которой они жили в центре Амстердама, в Старом Городе, где возраст зданий исчисляется столетиями. Вспомнил, как Молли вернулась с набережной канала, принесла апельсиновый сок и яйца. Армитидж отсутствовал по каким-то своим тайным делам, и они с Молли отправились мимо площади Дамм в знакомый ей бар на улице Дамрак. Воспоминания о Париже сливались в какое-то мутное пятно. Да, магазины. Молли взяла его в поход по магазинам.

Кейс встал, натянул мятые черные джинсы, лежавшие в ногах, и опустился на колени возле сумок. Первая принадлежала Молли, в ней оказались аккуратно сложенная одежда и какие-то миниатюрные, дорогие с виду приспособления. Во второй лежали книги, кассеты, симстим-дека, одежда с французскими и итальянскими ярлыками; Кейс не мог вспомнить, когда он все это купил. Под зеленой футболкой Кейс нашел что-то небольшое, хитроумно укутанное в японскую оберточную бумагу.

Когда он взял пакет, бумага порвалась, и в щель

между паркетинами воткнулась блестящая девятиконечная звезда.

— Сувенир, — сказала Молли. — Я заметила, что ты всегда на них смотришь.

Кейс обернулся и увидел, что она сидит на кровати, скрестив ноги, сонно потягивается, поскребывает живот бордовыми ногтями.

* * *

— Тут придут ставить охранную сигнализацию, — сказал Армитидж.

Он стоял на пороге со старомодным магнитным ключом в руке. Молли варила кофе на крохотной немецкой плитке, которую достала из своей сумки.

— Я и сама могу, — откликнулась она. — У меня все для этого есть. Инфрасканирующий периметр, сирены…

— Нет, — перебил ее Армитидж и закрыл дверь. — Я хочу, чтобы понадежнее.

— Была бы честь предложена.

На Молли была темная сетчатая футболка, заправленная в черные мешковатые хлопчатобумажные брюки.

— Вы служили когда-нибудь в полиции, мистер Армитидж? — спросил Кейс; он сидел на полу,

прислонившись к стене.

Армитидж был одного с ним роста, но имел военную выправку и такие широченные плечи, что казался не у́же той двери, через которую вошел. На нем был темный итальянский костюм, в правой руке — небольшой чемоданчик из мягкой телячьей кожи. Спецназовская серьга исчезла. Аккуратные, но невыразительные черты — стандартная красота дешевых косметических салонов, иными словами — некая амальгама лиц, чаще всего мелькавших на телевизионных экранах в прошедшем десятилетии. Холодный блеск бесцветных глаз только усиливал ощущение лица-маски. Кейс начал сожалеть о своем вопросе.

— Я хотел сказать, многие бывшие спецназовцы подались в копы. Или в охрану, — добавил Кейс, чувствуя себя крайне неуютно; Молли протянула ему кружку дымящегося кофе. — Просто вот это, с моей поджелудочной, сильно смахивает на полицейские штучки.

Армитидж закрыл дверь, пересек комнату и остановился напротив Кейса:

— Тебе крупно повезло, Кейс. Ты должен сказать мне спасибо.

— А за что? — Кейс шумно подул на кофе.

— Ты нуждался в новой поджелудочной. И мы

достали тебе такую, которая освободила тебя от опасной зависимости.

— Благодарю, но мне нравилась такая зависимость.

— Вот и хорошо, потому что теперь у тебя появилась новая.

— Это как? — Кейс перевел глаза с кофе на Армитиджа. Тот улыбался:

— В стенки нескольких главных артерий тебе заложили пятнадцать капсул с ядом. Их оболочки растворяются. Медленно, но верно. В каждой капсуле содержится некий микотоксин. Ты уже знаком с его действием. Именно эту отраву вкололи тебе в Мемфисе.

На Кейса смотрела ухмыляющаяся маска. Кейс недоуменно сморгнул.

— У тебя есть время, чтобы выполнить мое задание, но и только. Выполнишь задание, и я введу тебе фермент, который отслоит капсулы, не разрушая их оболочек. Потом тебе сделают переливание крови. В противном случае капсулы растворятся и ты вернешься в то же самое дерьмо, из которого я тебя вытащил. Так что, Кейс, мы тебе нужны… Сейчас ты зависишь от нас не меньше, чем когда мы выгребли тебя из сточной канавы.

Кейс вопросительно посмотрел на Молли. Она пожала плечами.

— А теперь иди к грузовому лифту и принеси коробки, которые там лежат. — Армитидж вручил Кейсу магнитный ключ. — Действуй. Они тебе понравятся, Кейс. Как подарки на Рождество.

* * *

Летом в Муравейнике праздные толпы шумят и колышутся как трава на ветру — поля человеческой плоти, пронизываемые неожиданными вихрями желаний и счастья.

В тусклом солнечном свете Кейс сидел рядом с Молли на краю сухой бетонной чаши неработающего фонтана; бесконечный поток проплывающих мимо лиц напоминал ему этапы собственной жизни. Сначала прошел малолетка с козырьком над глазами — обыкновенный уличный мальчишка с расслабленными, но всегда готовыми к действию руками, затем подросток с лицом симпатичным и загадочным под красными стеклами очков. Кейс вспомнил, как в семнадцать лет он молча и ожесточенно дрался на крыше среди нежного розового сияния геодезических куполов, озаренных первыми лучами солнца.

Он чуть поерзал: через тонкую ткань брюк отчетливо ощущался холодный шершавый бетон. Ничего похожего на электрический танец улицы Нинсэй. Здесь, среди запахов гамбургеров, духов и молодых загорелых тел, заключались другие сделки, жизнь текла в другом ритме.

А там, на чердаке, его ждала дека — «Оно-Сэндай-Киберспейс-7». Пол усеивали куски белого упаковочного пенопласта, мятые обрывки клеящей ленты и сотни крошечных пенопластовых бусин. «Оно-Сэндай», а также самый дорогой в будущем году компьютер фирмы «Хосака», монитор «Сони», дюжина дисков со льдом корпоративной выделки и кофеварка «Браун». Как только Кейс одобрил каждую из покупок, Армитидж сразу же ушел.

— Где он остановился? — спросил Кейс у Молли.

— Он любит отели. Большие. По возможности вблизи аэропорта. Слушай, давай пройдемся.

Молли надела старый, с распродажи военных излишков, бронежилет с дюжиной странной формы карманов и огромные темные очки, полностью скрывавшие зеркальные линзы.

— Ты знала раньше про эту хрень с токсином? — спросил Кейс; она помотала головой. — Думаешь,

это правда?

— Может, да, а может, нет. Так или иначе, он взял тебя за жабры.

— А нельзя ли как-нибудь проверить?

— Нет, — ответила девушка и одновременно правой рукой сотворила знак «Молчи!». — Изменение слишком тонкое, чтобы выявиться при сканировании. — И снова ее рука сделала знак «Подожди!». — Да и какая тебе разница? Видела я, как ты оглаживал свой «сэндай», это же чистая порнография. — Она расхохоталась.

— А что он всадил в тебя? Что заставляет пахать на него работящую девушку?

— Только профессиональная гордость, малыш. — И снова она призвала его к тишине знаком. — Слушай, давай позавтракаем. Яичница, натуральный бекон. Отравишься, наверное, ведь ты так долго питался в Тибе лишь переработанным крилем. Давай сядем в «трубу», поедем на Манхэттен и устроим себе настоящий завтрак.

* * *

Потухшая, вся в пыли неоновая вывеска, большие, согнутые из стеклянных трубок буквы: «Метро голографикс». Кейс ковырял в зубах, пытаясь выудить застрявшие кусочки бекона.

Он бросил бесполезные попытки узнать, куда и зачем они идут, так как на все вопросы получал только толчки под ребра и молчаливые призывы к тишине. Молли болтала о модах сезона, о спорте, о каком-то политическом скандале в Калифорнии.

Кейс смотрел на безлюдный глухой тупик. По перекрестку катился мятый газетный лист. Густо натыканные купола что-то такое делают с конвекцией, и в Ист-Сайде всегда дуют странные ветры. Кейс посмотрел сквозь окно на безжизненную вывеску. Ее Муравейник — совсем не его Муравейник, решил он. Молли провела его через дюжину баров и клубов, о которых он никогда не слыхивал, и везде какие-то дела, чаще ограничивающиеся многозначительными кивками. Поддерживание связей.

В тени за «Метро голографикс» что-то двигалось.

Дверь представляла собой лист ржавой жести. Молли молча изобразила рукой запутанную последовательность знаков, которую он почти не понял. Уловил только потирание большого и указательного пальца, означавшее «наличные». Толкнув дверь, она ввела его в какое-то пыльное помещение. Они стояли в просвете среди плотных

куч всякого хлама, которые тянулись до самых стен, увешанных полками с ветхими книжками в мягких обложках. Казалось, что хлам этот прямо здесь и вырос, такая себе плесень из металла и пластмассы. Кейс начинал было различать отдельные предметы: внутренности телевизора, столь древнего, что из него торчали пеньки разбитых радиоламп; мятую тарелку спутниковой антенны; коричневую текстолитовую коробку с кусками каких-то ржавых трубок, — но затем все снова слилось в единую массу. Когда Кейс следовал за Молли по узкому каньону среди прессованного мусора, огромная кипа старых журналов вдруг осыпалась на свободный пятачок и загорелая плоть давно минувших лет вперила незрячие взоры в потолок. За спиною защелкнулась дверь. Кейс не обернулся.

В конце пути поперек туннеля висело ветхое армейское одеяло; когда Молли под него поднырнула, в глаза ударил поток яркого света.

Одеяло закрывало вход в помещение кубической формы со стенами и потолком, обитыми белым пластиком, пол был покрыт опять же белым кафелем с шершавыми — чтобы не скользила нога — пупырышками. В центре комнаты стоял выкрашенный белой краской квадрат-

ный деревянный стол и четыре белых складных стула.

В дверях появился какой-то новый персонаж: одеяло спадало с его плеч на манер мантии, он стоял и щурился на свет. Можно было подумать, что этого человека сконструировали специально для жизни в аэродинамической трубе. Очень маленькие уши плотно прижимались к узкому черепу, а большие передние зубы, показавшиеся, когда его лицо изобразило нечто отдаленно напоминавшее улыбку, косо отклонялись внутрь. Он был одет в ветхую твидовую куртку и держал в левой руке некоторое подобие револьвера. Мужчина всмотрелся в посетителей и спрятал револьвер в карман. Жестом указал Кейсу на белую, в сантиметр толщиной пластиковую плиту, прислоненную к стене возле входа. Кейс подошел и увидел, что плита сплошь состоит из каких-то электронных схем. Вдвоем с мужчиной они установили ее в дверном проеме.

Желтые от никотина пальцы быстро заклеили панель белым скотчем. Негромко заурчала вентиляция.

— Время, — сказал, выпрямляя спину, мужчина, — отсчет пошел. Ты знаешь тариф, Молл.

— Финн, нам нужно сканирование. На предмет

имплантатов.

— Так, встань-ка туда, между пилонами. Наступи на ленту. Распрямись, так. Повернись кругом, выдай-ка мне полные триста шестьдесят.

Кейс смотрел, как девушка вращается между хрупкими, густо утыканными датчиками стойками. Мужчина вытащил из кармана небольшой монитор и начал его изучать:

— Ага, кое-что новенькое в твоей головке. Кремний… Оболочка из пиролитического углерода… Часики, угадал? Очки те же — низкотемпературный изотропный углерод. Конечно, биосовместимость с пиролитами лучше, но дело твое. То же и с когтями.

— Теперь ты, Кейс. — На белом полу виднелся черный полустертый крест. — Повернись кругом. Медленно…

— Парень девственно чист. — Мужчина пожал плечами. — Дешевенькие зубные протезы — и все.

— А биопробу ты сделал? — Молли расстегнула молнию на зеленом жилете и сняла очки.

— Нахальная ты все-таки девица. С такими запросами шла бы ты в клинику братьев Майо. «Ложись, малыш, на операционный стол, мы сделаем тебе небольшую биопсийку». — Он за-

смеялся, оскалив желтые зубы. — Ничего нет. Слово Финна, красавчик, у тебя нет ни жучков, ни мозговых бомбочек. Хотите, я сниму защиту?

— Только для того, чтобы ты вышел, Финн. А потом нам нужна полная защита на все время, пока мы здесь находимся.

— Что ж, Финна это устраивает, Молл. Ты ведь платишь по счетчику.

Они запечатали за Финном дверь, Молли развернула белый стул, села на него верхом и положила подбородок на скрещенные руки.

— А теперь поговорим. Это самое надежное место из тех, что мне по карману.

— О чем?

— О том, чем мы занимаемся.

— А чем мы занимаемся?

— Работаем на Армитиджа.

— Ты говоришь по его поручению?

— Нет. Я видела твой профиль. И однажды посмотрела список остальных наших покупок. Ты когда-нибудь работал с покойниками?

— Никогда. — Кейс посмотрел на свое отражение в зеркалах девушки. — Но думаю, смог бы. Я — вполне приличный оператор. — Последняя фраза, произнесенная в настоящем времени, заставила его поежиться.

— Ты знаешь, что Дикси Флэтлайн умер?

Кейс кивнул:

— Сердце не выдержало.

— Ты будешь работать с его конструктом. — Девушка улыбнулась. — Кажется, это он тебя учил, а? Он и Куайн. Кстати, Куайна я знаю. Тот еще говнюк.

— Значит, у кого-то есть копия с Маккоя Поли? У кого бы это? — Кейс сел и облокотился на стол. — Просто не верится. Ему бы не хватило терпения посидеть спокойно для такой процедуры.

— В «Сенснете» есть. А что до непоседливости, за столько бабла и я бы посидела.

— Куайн тоже умер?

— Если бы. Он в Европе. И нас не волнует.

— Ну что ж, если мы достанем Флэтлайна, то сможем жить спокойно. Он был лучшим. Ты знаешь, что он трижды переживал мозговой коллапс?

Девушка кивнула.

— Энцефалограмма ровная, как по линейке, без малейшего трепыхания.[7] Точно, он сам мне запись показывал: «Смотри, детка, я же был дох-х-хлый!»

---

[7] Примечания: 7

Игра слов. «Flatline» дословно — «плоская линия». На жаргоне американских медиков этот же термин означает клиническую смерть.

— Слушай, Кейс, с тех пор как я работаю на Армитиджа, я все время пытаюсь разнюхать, кто стоит за ним. Но это не какое-то дзайбацу, не правительство и не филиал якудза. Армитиджем командуют. Скажем, кто-то приказывает ему вылететь в Тибу, найти еле живого наркомана и заплатить за его излечение программой. Господи, да если бы мы просто продали эту программу на рынке, то за вырученные деньги могли бы купить двадцать первоклассных ковбоев. Ты, конечно, хорош, но вряд ли настолько…

Она задумчиво почесала нос.

— Судя по всему, кто-то считает, что настолько, — пожал плечами Кейс. — Кто-то очень влиятельный.

— Ишь обиделся, — ухмыльнулась Молли. — Да, кстати, вот еще что. Мы сейчас организуем суровый, по полной программе рейд с единственной целью — спереть конструкт Флэтлайна. Библиотечный сейф, куда спрятала его «Сенснет», крепче жопы носорога. Так вот, Кейс, в том же сейфе они держат и все свои новые материалы, приготовленные для осеннего сезона. Это такие деньги — охренеть можно. И вот нате вам — мы берем только Флэтлайна, а остальное не трогаем. Странно.

— Да здесь все странно. Ты странная, эта дыра странная… да, а кто этот странный крольчонок, который остался снаружи?

— Финн, мой старый знакомый. В основном он занимается скупкой краденого. Софтом. Обеспечение секретности — это так, мелкий побочный промысел. Я уговорила Армитиджа взять его к нам техником, поэтому помни: ты его никогда раньше не видел. Усек?

— А что Армитидж засунул в твои вены?

— Со мной все просто. — Девушка улыбнулась. — Хорошо, когда каждый занимается своим делом, верно? Ты сидишь за компьютером — я бью морды.

Кейс задумчиво посмотрел на Молли:

— А что ты знаешь про самого Армитиджа?

— Для начала — никто по имени Армитидж не принимал участия в «Разящем кулаке». Я проверила. Но это ерунда. Он не похож ни на одного из тех парней, которые уцелели. — Молли пожала плечами. — Ну и что? И это все, что я знаю. Но *ты*… — Она побарабанила пальцами по спинке стула. — Ты же ковбой, верно? Я хочу сказать — может, ты сам немного пошустришь? — Она улыбнулась.

— Да он же пришьет меня, и дело с концом.

— Может, пришьет. А может, и не пришьет. Сдается мне, ты ему нужен, и здорово нужен. Кроме того, ты же у нас умница, верно? У тебя получится.

— А что еще в этом списке покупок?

— Игрушки. В основном для тебя. И один психопат по имени Питер Ривьера. Вот уж кто гаденыш так гаденыш.

— Где он?

— Не знаю. Но он точно больной. Я видела его профиль. — Молли состроила гримасу. — Ужас! — Она встала и по-кошачьи потянулась. — Ну что, заключаем союз? Работаем вместе? Как партнеры?

Кейс посмотрел на девушку:

— У меня есть выбор?

— Верно сечешь, ковбой, — засмеялась Молли.

* * *

— Своими корнями матрица уходит в примитивные игровые автоматы, — говорил диктор, — в ранние программы компьютерной графики и в эксперименты военных с черепными разъемами.

На экране монитора «Сони» двухмерная космическая война сменилась густыми зарослями

математически генерируемых папоротников, демонстрирующих пространственные возможности логарифмических спиралей; далее следовала холодная синева армейской кинохроники: опутанные проводами лабораторные животные, армейские шлемы, соединенные с системами управления огнем танков и военных самолетов.

— Итак, киберпространство. Это консенсуальная галлюцинация, ежедневно переживаемая миллиардами легальных операторов по всему свету, школьниками, изучающими математические понятия… Графическое представление данных, хранящихся в памяти каждого компьютера, включенного в общечеловеческую сеть. Невообразимая сложность. Световые лучи в псевдопространстве мозга, кластеры и созвездия данных. Подобно городским огням, отступающим…

— Что это было? — спросила Молли, когда Кейс включил селектор каналов.

— Детская программа.

Селектор перебирал канал за каналом, на экране мелькали бессвязные обрывки передач.

— Выключить! — скомандовал Кейс «Хосаке».

— Ты хочешь попробовать прямо сейчас?

Среда. Восемь дней назад он проснулся в «Де-

шевом отеле» рядом с Молли.

— Хочешь, я уйду, Кейс? Может, тебе легче одному…

— Да нет. Оставайся, мне все равно, — покачал головой Кейс.

Осторожно, чтобы не сдвинуть плоские дерматроды «Оно-Сэндай», Кейс натянул на голову черный махровый хайратник и на мгновение задумался; вместо пристроенной на колени деки перед его глазами возникла витрина на улице Нинсэй, хромированные сюрикэны, тускло поблескивающие в неоновом свете. Кейс поднял голову: над монитором висел подарок Молли, приколотый к стене желтой кнопкой прямо сквозь центральное отверстие.

Он закрыл глаза.

Нащупал ребристую клавишу питания.

В темно-кровавом сумраке закрытых глаз, где-то на краю пространства, забурлили серебристые фосфены, мимо понеслись гипнотические образы, похожие на фильм, смонтированный из случайных кадров. Числа, символы, лица — туманная мандала из фрагментов зрительной информации.

Ну же, умолял он, *сейчас…*

Серый, как небо над Тибой, диск.

Пора.

Диск завертелся все быстрее и быстрее, превратился в светло-серую сферу. Сфера начала раздуваться…

И потекла, расцветая переливающимся неоном. Фантастическими фигурами оригами развернулся его не знающий расстояний дом, его страна — прозрачная, объемная, в бесконечность уходящая шахматная доска. Перед внутренним взором возникли изумрудные кубы «Мицубиси», «Банк оф Америка», за ними — алая ступенчатая пирамида Ядерной комиссии Восточного побережья и, наконец, высоко-высоко — едва различимые, вечно недостижимые спиральные рукава военных систем.

А где-то там, на выкрашенном белой краской чердаке, сидел он, и смеялся, и нежно ласкал деку далекими пальцами, и слезы облегчения текли по лицу.

* * *

Когда Кейс снял дерматроды, Молли уже ушла, а чердак погрузился во тьму. Сколько же это времени? Он провел в киберпространстве целых пять часов. Кейс перенес «Оно-Сэндай» на один из новеньких верстаков, а затем рухнул на по-

стель и накрылся с головой черным шелковым спальным мешком Молли.

Неожиданно дважды прожужжал зуммер охранной системы.

— Запрашивается вход, — произнес металлический голос. — Субъект идентифицирован согласно программе…

— Так впусти его.

Кейс откинул с лица черный шелк и сел, ожидая увидеть Молли или Армитиджа.

— О господи, — произнес чей-то хриплый голос, — я же знаю, что эта сука видит в темноте…

Некая приземистая личность вошла в комнату и закрыла за собой дверь:

— Слушай, давай включим свет, а?

Кейс вылез из постели и нащупал старомодный выключатель.

— Меня зовут Финн, — сказал вошедший, делая предостерегающую гримасу.

— Кейс.

— Ну что ж, бум знакомы. Я вроде как делаю для твоего начальничка всякие там железяки.

Финн вытащил пачку «Партагас» и закурил. Комнату наполнил запах кубинского табака. Финн подошел к верстаку и посмотрел на «Оно-Сэндай»:

— Ширпотреб. Ничего, дело поправимое. Но главное — вот эта штука.

Финн стряхнул пепел на пол, вытащил из кармана плотный, очень грязный конверт, открыл его и вытряхнул на ладонь черную прямоугольную пластинку.

— Проклятые заводские прототипы, — проворчал он и бросил предмет на стол. — Их заливают поликарбоном, да так, что и лазером не вскроешь, не спалив схему. Самоуничтожение от рентгеновских лучей, от ультраскана и еще бог знает от чего. Справимся, конечно, но ведь что они, суки, делают?

Финн аккуратно сложил конверт и спрятал его в карман.

— Что это?

— В общем-то, переключатель. Если вставить его в твой «Сэндай», ты сможешь включаться в симстим, прямой или в записи, не выходя из матрицы.

— А зачем?

— Сие для меня тайна. Могу лишь сказать, что я приладил к Молл передатчик, так что ты, вероятно, будешь принимать именно ее сенсориум. — Финн поскреб подбородок. — Так что теперь ты совершенно точно узнаешь, жмут ей

портки или нет.

Глава 4

С дерматродами на лбу Кейс сидел на чердаке и смотрел, как танцуют пылинки в жидком солнечном свете, пробивающемся сквозь решетку окна. В углу монитора шел обратный отсчет.

«Ковбои не включаются в симстим, — думал он, — потому что это игрушка для плоти». Он, конечно, понимал, что его дерматроды и маленькая пластмассовая тиара симстима, считай, одно и то же; что киберпространственная матрица фактически является грубым подобием человеческого сенсориума — по крайней мере, в смысле отображения, однако симстим казался ему не более чем излишним расширением плотских ощущений. Коммерческие записи, естественно, редактировались, так что если у Тэлли Ишем во время съемки вдруг возникала головная боль, то вы ее не чувствовали.

На экране мелькнуло предупреждение о двухсекундной готовности.

Новый переключатель соединялся с «Оно-Сэндай» тонким световодом.

И раз, и два, и…

Сразу со всех сторон на него надвинулось киберпространство. «Довольно гладко, — подумал Кейс, — хотя и недостаточно. Нужно будет поработать…»

Он щелкнул новым переключателем.

Резкий бросок в другое тело. Матрица исчезла, вокруг волны звука и цвета… Молли шла по заполненной людьми улице мимо киосков, торгующих уцененным софтом: цены написаны фломастерами на листах белого пластика, из бесчисленных громкоговорителей несутся обрывки музыки. Запахи мочи, свободных мономеров, духов, жареного криля. Несколько секунд ошеломленный Кейс пытался управлять телом девушки. Но затем принудил себя к пассивности, стал пассажиром, глядящим на мир ее глазами.

Зеркала ничуть не ослабляли солнечный свет. «Это что, — подумал Кейс, — автоматическая компенсация встроенными усилителями?» В левом глазу, в нижней части периферического поля зрения, голубые мигающие цифры показывали время. Пустое пижонство.

Язык ее тела обескураживал, а уж манера двигаться… Все время казалось, что Молли вот-вот с кем-нибудь столкнется, но люди исчезали с ее пути, отступали в сторону.

— Как жизнь, Кейс?

Он услышал слова и одновременно почувствовал, как Молли их выговаривает. Она сунула руку под курточку и стала поглаживать сосок сквозь теплый шелк. Кейс чуть не задохнулся. Молли засмеялась. Однако связь была односторонней. Ответить он не мог.

Через два квартала Молли вышла на окраину Мемори-лейн. Кейс все время пытался повернуть ее глаза на ориентиры, по которым он сам смог бы запомнить дорогу. Пассивность начала его раздражать.

Кейс щелкнул переключателем и вернулся в киберпространство. Он помчался вдоль примитивного защитного льда Нью-Йоркской публичной библиотеки, по привычке отмечая потенциальные окна. Затем — снова в сенсориум Молли, в мир острых и сильных ощущений, волнообразного движения мускулов.

Мысли Кейса переключились на саму Молли. Что он знает о ней? Что она тоже профессионал, что ее, как и его, существование неотделимо от работы. И еще он знал, как она придвинулась к нему утром, когда проснулась, как они оба застонали, когда он в нее вошел, и что потом она захотела кофе без сливок…

Целью ее путешествия оказался один из сомнительных комплексов по прокату программ, которых много на Мемори-лейн. Вокруг царили тишина и спокойствие. Центральный зал опоясывали киоски. Клиентура совсем молодая, от двадцати лет и младше. Насколько можно понять, за каждым левым ухом — углеродный разъем, но на такие мелочи Молли не обращала внимания. Под прозрачными пузырями витрин на белых картонках демонстрировались сотни чипов всевозможных цветов и конфигураций. Молли направилась к седьмому киоску вдоль южной стены. Бритоголовый продавец безучастно глядел в пространство, его заушный разъем щетинился десятком микросхем.

— Ларри, ты как, в себе?

Молли встала прямо перед его носом. Глаза парня сфокусировались. Он выпрямился и грязным ногтем выковырял из разъема ярко-алую занозу.

— Привет, Ларри.

— А, Молли, — кивнул продавец.

— У меня есть работенка кое для кого из твоих друзей.

Парень вынул из кармана красной спортивной рубашки плоскую пластмассовую коробочку, щелкнул крышкой и добавил свою микросхе-

му к дюжине уже лежавших там. Затем после недолгого колебания выбрал блестящий черный чип, чуть подлиннее остальных, и уверенным движением вставил в свободное гнездо. Глаза его сузились.

— У тебя «наездник», Молли, — сказал он. — Ларри это не нравится.

— Надо же, — улыбнулась Молли, — я и не знала, что ты теперь такой… чувствительный. Нет слов. Дорогое ведь удовольствие.

— Разве я с вами знаком, леди? — Глаза парня вновь опустели. — Вы ищете какую-нибудь программу?

— Мне нужны Дикие.

— Ты пришла не одна, Молли. Мне об этом говорит она. — Он постучал по черной микросхеме-«занозе». — Кто-то еще смотрит твоими глазами.

— Это мой партнер.

— Скажи своему партнеру, пусть проваливает.

— У меня есть кое-что для Диких Котов.

— Не понимаю, о чем это вы, леди?

— Кейс, давай отключайся, — сказала Молли; он щелкнул переключателем и снова очутился в матрице. В звенящей тишине киберпространства на несколько секунд повис быстро блекнущий

образ торгового комплекса.

— Дикие Коты, — скомандовал Кейс «Хосаке» и снял с головы дерматроды. — Составь обзор минут на пять.

— Готово, — ответил компьютер.

О них Кейс раньше не слышал. Какая-то новая банда; возникла, пока он был в Тибе. Среди молодежи Муравейника увлечения распространялись со скоростью света, целая субкультура могла возникнуть буквально за ночь, просуществовать пару месяцев и сгинуть без следа.

— Давай, — приказал Кейс.

«Хосака» уже просмотрела всю информацию, полученную из библиотек, журналов, от информационных служб.

Обзор начался с цветного стоп-кадра, который Кейс вначале принял за коллаж: будто вырезанное по контуру изображение мальчишеского лица наклеили на фотографию испещренной каракулями стены. Монгольский разрез темных глаз, судя по всему — приобретенный искусственно, в результате хирургической операции, на бледных щеках — обильная россыпь угрей. Затем мальчишка стал двигаться со зловещей грацией мима, который изображает крадущегося в джунглях хищника. Тело почти сливалось со

стеной, так как по обтягивающему комбинезону струились цветные пятна и линии, почти в точности повторяющие стену, на фоне которой шел мальчик. Мимикрирующий поликарбон.

На экране возникла голова доктора социологии из Нью-Йоркского университета Вирджинии Рамбали; ее имя, специальность и название учебного заведения были написаны в нижней части экрана мигающими розовыми буквами.

— Принимая во внимание их склонность к беспричинным актам чудовищного насилия, — произнес голос за кадром, — нашим зрителям трудно понять, почему вы настаиваете, что данное явление не является разновидностью терроризма.

Доктор Рамбали снисходительно улыбнулась:

— Всегда есть предел, за которым террорист теряет возможность манипулировать медийным гештальтом. Точка, за которой любая дальнейшая эскалация насилия не меняет медийного гештальта, а сам террорист служит лишь его симптомом. Терроризм, в обычном понимании, неразрывно связан с его медийным образом. Дикие Коты отличаются от обычных террористов степенью самосознания, а также пониманием того, до какой степени СМИ отделяют акт насилия

от его изначальных социополитических целей…

— Скипни[8] это, — сказал Кейс.

* * *

Через два дня Кейс встретился с первым в своей жизни Котом. Дикие Коты очень напоминали Великих Ученых времен его собственной молодости. В Муравейнике существовала некая нематериальная юношеская ДНК, которая несла в себе коды различных молодежных увлечений и через произвольные, непредсказуемые промежутки времени воспроизводила их. По сути своей Дикие Коты были компьютеризированным вариантом Великих Ученых. Существуй в те далекие времена соответствующая технология, Ученые вживили бы себе в головы разъемы и стали бы запихивать в них чипы. Важен общий стиль, а стиль остался примерно тем же. Коты были наемниками, нигилистически настроенными технофетишистами и очень любили делать окружающим гадости.

Тот, который появился в дверном проеме чердака с коробкой дискет от Финна, обладал

---

[8] Примечания: 8

Жаргон хакеров. Английское слово «skip» означает «пропустить, стереть».

нежным голосом и звался Анжело. Лицо его представляло собой гладкую отвратительную маску, искусственно выращенную из коллагена и полисахаридов (вот на что идут акульи хрящи). Кейс никогда не встречал более отвратного образчика косметической хирургии. И когда Анжело улыбнулся, оскалив острые как бритва клыки крупного хищника, Кейс даже почувствовал некоторое облегчение. Это были зубные трансплантаты. Такое он уже видал.

— А с этими малолетними засранцами надо бы покруче, — заметила Молли.

Кейс, полностью поглощенный структурой сенснетовского льда, согласно кивнул.

То самое оно. То самое, чем он был, кем он был, вся его сущность. Он забыл о еде. Молли оставляла картонки с рисом и пластиковые подносы с суси на краю длинного стола. Иногда ему даже не хотелось выпускать из рук деку, чтобы воспользоваться химическим туалетом, поставленным в углу. Структуры льда на экране формировались и переформировывались, а он искал в них бреши, обходил самые очевидные ловушки и вычерчивал маршрут, по которому отправится в систему «Сенснета». У них был хороший лед. Великолепный. Эти структуры пылали в его мозгу, пока он

лежал в обнимку с Молли и смотрел сквозь стальную решетку слухового окошка на алый рассвет. Первое, что видел Кейс, проснувшись, — это лед, радужные лабиринты его пикселей. Зачастую он направлялся к деке, даже не одевшись, и сразу включался. Он раскалывал лед. Он работал. Он потерял счет дням.

Но иногда перед сном, особенно когда Молли уходила во главе группы Котов на разведку, наплывали образы Тибы. Неон, Нинсэй и лица. Однажды ему приснилась Линда Ли, и затем он долго не мог понять, кто она такая и что она для него значила. А когда вспомнил, то подключился к матрице и проработал девять часов.

На взламывание льда корпорации «Сенснет» ушло девять дней.

— Я просил за неделю. — Армитидж не мог скрыть удовлетворения, когда Кейс продемонстрировал ему план рейда. — Что-то ты не очень торопился.

— Шелуха, — ухмыльнулся Кейс. — Я сделал хорошую работу.

— Конечно, — признал Армитидж. — Только ты не очень-то ликуй. По сравнению с тем, что ты будешь делать потом, — это детские игрушки.

* * *

— Ну ты даешь. Молоток, Мама Кошка, — прошептал связник Диких Котов. Голос, звучавший в наушниках Кейса, едва пробивался сквозь треск помех.

— Атланта, Стая. Вроде пора. Пора, ясно? — Голос Молли был слышен чуть лучше.

— Слушаю и повинуюсь.

Коты установили в Нью-Джерси самодельную спутниковую антенну, чтобы отражать кодированные сообщения связника от спутника «Сыны Иисуса Христа Царя Мира», висевшего над Манхэттеном на геостационарной орбите. Они решили провести всю операцию как сложный розыгрыш и выбрали именно этот спутник совсем не случайно. Молли вела передачу при помощи метровой тарелки, приклеенной эпоксидкой на крыше банковского небоскреба, почти такого же высокого, как здание «Сенснета».

Атланта. Использовался крайне простой опознавательный код. От Атланты к Бостону, затем к Цинциннати и Денверу, по пять минут на каждый город. Если бы кому-нибудь вдруг удалось перехватить сигнал, расшифровать его и синтезировать голос Молли, то код позволил бы Котам

сразу распознать подделку. Ну а если Молли проведет в здании больше двадцати минут, крайне сомнительно, что она вообще оттуда выйдет.

Кейс проглотил остатки кофе, укрепил дерматроды, задрал черную футболку и почесал грудь. Он весьма туманно представлял себе, что придумали Коты, чтобы отвлечь внимание охраны. У него было свое дело: следить за тем, чтобы программа, которую он написал, оказалась в системе «Сенснета» в тот момент, когда это понадобится Молли. Он смотрел на обратный отсчет времени в углу экрана. Два. Один.

Кейс вошел в матрицу и активировал программу. Он начал погружаться в сияющие слои сенснетовского льда, и связник прошептал единственное слово:

— Пошел.

«Ага, прекрасно. А как там Молли?» Кейс включил симстим и очутился в ее сенсориуме.

Скремблер слегка размывал картинку. Девушка стояла в широком светлом коридоре перед большим, во всю стену, зеркалом, жевала резинку и любовалась собственным отражением. Если бы не огромные солнцезащитные очки, скрывавшие ее зеркала, она выглядела бы довольно заурядно — очередная туристочка, мечтающая

хоть одним глазком взглянуть на Тэлли Ишем. На Молли были розовый пластиковый плащ, белая в сеточку футболка и свободные белые брюки — последний писк прошлогодней токийской моды. Она беззаботно улыбнулась и выдула резиновый пузырь. Кейс чуть не расхохотался. Он отчетливо ощущал радиопередатчик, симстим и скремблер, примотанные к телу девушки широкой эластичной лентой. Ларингофон выглядел как обезболивающий дермадиск. Ее руки в карманах розового плаща постоянно сжимались и разжимались, чтобы снять напряжение. Только через несколько секунд Кейс догадался, что особые ощущения в кончиках пальцев вызывались лезвиями, которые то слегка выдвигались, то задвигались обратно.

Он вернулся в киберпространство. Программа преодолела пятые ворота. Он смотрел, как перед ним чуть прерывисто двигался ледокол, и, почти не ощущая играющих на деке пальцев, вносил последние поправки. Полупрозрачные цветные плоскости перетасовывались, как карты в руках фокусника.

«Выберите любую карту», — вспомнил Кейс.

Ворота остались позади. Кейс засмеялся. Система «Сенснет» восприняла его рейд как обычную

пересылку данных из своего филиала в Лос-Анджелесе. Он проник внутрь. Позади него отпочковались вирусные программы, которые изменили входной код ворот и приготовились отклонить настоящую передачу данных из Лос-Анджелеса, буде таковая последует.

Кейс снова подключился к Молли. Девушка неторопливо проходила мимо огромной круглой стойки администратора в дальнем конце коридора.

Встроенные в зрительный нерв часы показывали 12:01:20.

* * *

Команду «Пошел» связник в Джерси выдал ровно в полночь по Моллиным часам. Девять Котов, разбросанные по двум сотням миль Муравейника, одновременно набрали в телефонах-автоматах аварийный номер. Каждый прочитал короткий, заранее составленный текст, повесил трубку, сдернул с рук хирургические перчатки и растворился в ночи. Девять различных полицейских управлений и служб общественной безопасности получили сигналы о том, что неизвестная группировка воинствующих христиан-фундаменталистов взяла на себя

ответственность за впрыскивание большого количества психоактивного вещества «Синий-9» в вентиляционную систему пирамиды «Сенснета». Это вещество, известное в Калифорнии под названием «Тяжкий ангел», было способно вызвать острую паранойю и жажду убийства у восьмидесяти пяти процентов людей, подвергшихся его воздействию.

* * *

Проследив, как программа преодолела ворота подсистемы, которая контролировала безопасность научной библиотеки «Сенснета», Кейс щелкнул симстим-переключателем… Она входила в лифт.

— Извините, вы сотрудница учреждения? — удивленно поднял брови охранник.

Молли выдула пузырек жевательной резинки.

— Нет, — ответила она, погружая костяшки правого кулака в солнечное сплетение мужчины; охранник согнулся пополам, судорожно хватаясь за подвешенный к брючному ремню сигнал, но Молли ударила еще раз, и его голова врезалась в стенку лифта.

Двигая челюстями чуть побыстрее, она нажала светящуюся кнопку «Закрывание дверей», а за-

тем «Стоп». Вытащила из кармана плаща черную коробочку и вставила отвод от нее в замочную скважину щита сигнализации.

* * *

Дикие Коты выждали четыре минуты, пока не сработает первое сообщение, а потом вбросили очередную порцию тщательно продуманной дезинформации. На этот раз ее передали прямо по внутреннему телевидению здания «Сенснета».

С 12:04:03 все экраны компании мигали в течение восемнадцати секунд с частотой, вызывающей припадок у склонных к эпилепсии. Затем экраны заполнило нечто, лишь весьма приблизительно напоминавшее человеческое лицо. Жуткая маска, натянутая на асимметричные кости, напоминала непристойную меркаторову проекцию. Уродливо дергалась перекошенная нижняя челюсть, влажные синие губы то смыкались, то размыкались. Какой-то красноватый пучок узловатых корней, изображавший, вероятно, руку, потянулся к зрителям, задрожал и исчез. Потом с умопомрачительной быстротой замелькали кадры диверсии: схема водоснабжения здания, руки в резиновых перчатках возятся с какими-то колбами, что-то летит в темноту и слабо

вспыхивает… Одновременно с изображением по звуковому каналу почти с удвоенной скоростью прокручивали месячной давности сообщение, в котором рассказывалось о возможном применении в военных целях вещества «Эйч-эс-Джи», влияющего на рост скелета. Сверхдозы «Эйч-эс-Джи» увеличивали скорость роста костных клеток в десять раз.

На 12:05:00 в зеркальных стенах консорциума «Сенснет» находилось свыше трех тысяч служащих. В пять минут пополуночи, когда после передачи, организованной Дикими Котами, экраны засветились ровным белым светом, пирамида «Сенснета» наполнилась воем.

Полдюжины тактических вездеходов нью-йоркской полиции, прекрасно понимавшей, чем грозит запуск «Синего-9» в вентиляционную систему здания, на воздушной подушке приближались к пирамиде «Сенснета». Они мигали всеми своими мигалками. С площадки на крыше Рикеровского центра поднялся вертолет сил быстрого реагирования СОБА.

* * *

Кейс запустил вторую программу. Тщательно разработанный вирус атаковал структуру кодов,

скрывающую пароли входа в подвальные лаборатории «Сенснета».

— Бостон, — донесся голос Молли, — я внизу.

Кейс перешел в симстим и очутился перед глухой стенкой лифта. Молли расстегивала белые штаны. На ее лодыжке бугрился, сливаясь по цвету с кожей, объемистый сверток. Молли опустилась на колени, сорвала эластичную ленту и развернула комбинезон, точно такой же, как у Диких Котов; по мимикрирующему поликарбону заплясали бордовые молнии. Молли сняла розовый плащ, бросила его рядом с белыми штанами и начала натягивать комбинезон поверх белой футболки.

12:06:26.

Вирус прорубил лед командного файла библиотеки. Кейс вошел внутрь и очутился в бесконечном синем пространстве, среди цветных сфер, расположенных в узлах частой светло-голубой решетки. В псевдопространстве матрицы интерьер любого конструкта данных обладает бесконечной субъективной размерностью; присоединив свой «Сэндай» к детскому калькулятору, Кейс увидел бы безбрежные провалы небытия и развешенные кое-где считаные основные команды. Кейс стал набирать последовательность кодов, которую

Финн купил у одного опустившегося сараримена с серьезными наркотическими проблемами. Он заскользил среди сфер, словно следуя по невидимой трассе.

Здесь. Вот оно.

Кейс вошел внутрь сферы, и его окружила холодная неоновая голубизна, похожая на замерзшее стекло; затем он запустил программу, которая внесла определенные изменения в пароли входа.

Теперь наружу. Так, двигаемся осторожно, вирус тщательно заделал окно.

Готово.

* * *

В коридоре здания «Сенснета», за низким прямоугольным цветником, сидели два Диких Кота; они снимали переполох на видеокамеру. Оба были в маскировочных костюмах-хамелеонах.

— Тактические силы уже набрызгивают пенные баррикады, — комментировал происходящее в ларингофон один из операторов. — А силы быстрого реагирования все еще пытаются посадить свой вертолет.

* * *

Кейс щелкнул симстим-переключателем и почувствовал страшную боль в сломанной кости.

Молли судорожно дышала, привалившись к глухой серой стене какого-то длинного коридора. Кейс немедленно вернулся в матрицу, и невыносимо жгучая боль в левом бедре тут же пропала.

— Алло, Стая, в чем там дело? — спросил он у связника.

— Не знаю, Взломщик. Мама не отвечает. Подожди.

Кейс зациклил программу. Между очертаниями ледокола и заделанным окном протянулась тончайшая ярко-красная нить. Ждать больше нельзя. Кейс глубоко вздохнул и включил симстим.

Пытаясь держаться за стену, Молли сделала шаг. Кейс застонал от боли. Вторым шагом она переступила через чью-то неестественно вывернутую руку. На рукаве форменного кителя — яркое пятно крови. Блеснула разбитая вдребезги стекловолоконная дубинка. Поле зрения сузилось, превратилось в узкий туннель. После третьего шага Кейс взвыл и переключился в матрицу.

— Стая? Бостон, малыш… — Голос звенел от

боли и напряжения. Молли закашлялась. — Небольшая трудность с туземцами. Один из них сломал мне ногу.

— Что нужно делать, Мама Кошка? — Голос связника почти терялся в помехах.

Кейс заставил себя включиться в сенсориум Молли. Перенеся весь свой вес на правую ногу, она опиралась на стену. Девушка порылась в нагрудном кармане, вытащила пластиковую упаковку с разноцветными дермадисками, выбрала три зеленых и сильно прижала их к левому запястью. Шесть тысяч микрограммов синтетического эндорфина обрушились на боль и разнесли ее вдребезги. Молли судорожно выгнулась, на ее бедра накатили волны тепла. Она вздохнула и медленно расслабилась:

— Все в порядке, Стая. Теперь нормально. Когда я выйду, мне потребуется медицинская помощь. Сообщите моим людям. Взломщик, я в двух минутах от цели. Ты продержишься?

— Передайте ей: я внутри и продержусь, — сказал Кейс.

Молли заковыляла по коридору. Один раз она оглянулась, и Кейс увидел на полу три изуродованных тела охранников «Сенснета». У одного из них вроде бы не было глаз.

— Полиция заблокировала первый этаж, Мама Кошка. Пенные заграждения. В холле становится довольно забавно.

— Здесь тоже не скучно, — ответила Молли, открывая стальную двустворчатую дверь. — Я почти на месте, Взломщик.

Кейс переключился в матрицу и сорвал со лба дерматроды. С него капал пот. Он вытер полотенцем лоб, торопливо глотнул из велосипедной фляжки и посмотрел на карту библиотеки, горевшую на экране. Пульсирующий красный курсор прополз через дверь. До зеленой точки, обозначавшей конструкт Дикси Флэтлайна, остались какие-то миллиметры. Страшно подумать, во что превратится нога Молли в результате этой прогулки. После такой дозы эндорфина она смогла бы, пожалуй, идти даже на кровоточащих культяпках. Кейс подтянул нейлоновые ремни, крепившие его к стулу, и вернул контакты на место.

Это стало уже рутиной: троды, матрица, выход в симстим.

В научном архиве «Сенснета» хранились материальные носители, информацию нельзя было перекачать в компьютер, ее нужно было взять руками и унести. Молли ковыляла между рядами

серых одинаковых шкафов.

— Стая, передай ей: пять вперед и десять налево, — сказал Кейс.

— Пять вперед и десять влево, Мама Кошка, — повторил связник.

Молли повернула налево. Насмерть перепуганная библиотекарша, с круглыми от ужаса глазами на посеревшем лице и мокрыми трясущимися щеками, вжалась в щель между шкафами. Молли даже не удостоила ее взглядом. Интересно, каким образом Диким Котам удалось вызвать такую панику? Молли говорила о какой-то липовой угрозе, но Кейс был слишком занят исследованиями льда, чтобы вслушиваться в объяснения.

— Этот, — сказал Кейс, но Молли и сама уже остановилась перед нужным шкафом. Своими очертаниями тот напоминал новоацтекские книжные стеллажи в приемной Джулиуса Дина.

— Ну, Взломщик, давай, — сказала Молли.

Кейс переключился в киберпространство и послал по алой нити, пронизывавшей лед библиотеки, команду. Пять независимых охранных систем пребывали в полной уверенности, что они работают. Три хитрых замка деактивировались, но продолжали считать себя запертыми. А в основной базе данных библиотеки появилась за-

пись, что конструкт был выдан месяц тому назад по вполне законному распоряжению. А если библиотекарь попробует выяснить, по чьему именно распоряжению был он выдан, то обнаружит, что нужный файл стерт.

Дверь шкафа бесшумно отворилась.

— Номер ноль сорок шесть семьдесят восемь тридцать девять.

Молли вынула из стойки предмет, напоминавший магазин тяжелой штурмовой винтовки. Его черная матовая поверхность была испещрена предупреждающими надписями и значками уровня секретности.

Молли закрыла дверь шкафа, и Кейс перешел в киберпространство.

Он вытянул алую линию изо льда, она рывком вернулась в программу, и тут же пошло самовосстановление системы. Ледокол начал пятиться наружу, собирая подпрограммы, оставленные возле каждых ворот, которые тут же за ним захлопывались.

— Все, Стая, — сказал Кейс и обмяк на стуле.

После рейда, после напряжения последнего получаса он мог оставаться в матрице и одновременно чувствовать свое тело. Пройдет, вероятно, много дней, прежде чем в «Сенснете» обнаружат

пропажу конструкта. Ключом может послужить сбой при приеме информации из Лос-Анджелеса, слишком уж точно совпавший по времени с переполохом. Вряд ли трое охранников, с которыми Молли столкнулась в коридоре, выживут и смогут рассказать о случившемся. Кейс перешел в симстим.

Лифт, заблокированный черной коробочкой, оставался на прежнем месте. Охранник все так же лежал на полу. Кейс только сейчас увидел у него на шее дерм. Явно Молли поставила — чтобы не очнулся раньше времени. Она перешагнула через охранника, вытащила блокировку и нажала кнопку «Вестибюль».

Дверь с шипением открылась, и сразу же толпа, бушевавшая в холле, выбросила из себя женщину; женщина задом влетела в лифт, ударилась затылком о стену и осела. Не обращая на нее внимания, Молли сняла с шеи охранника дерм. Затем вышвырнула из лифта белые брюки и розовый плащ, бросила сверху темные очки и натянула на лоб капюшон комбинезона. Конструкт тяжело оттягивал нагрудный карман. Молли вышла из лифта.

Кейс и раньше видел панику, но только не в замкнутом пространстве.

Служащие «Сенснета» выскакивали из лифтов и бросались к главному выходу, где их встречали пенные баррикады тактических сил и ружья (те самые, с «желейными» пулями, как у Раца), подразделения быстрого реагирования. Два ведомства, убежденные, что сдерживают орду потенциальных убийц, действовали на удивление слаженно. Баррикады перед разбитыми стальными дверями на улицу в три слоя были завалены человеческими телами. Звонкие хлопки ружей методично аккомпанировали реву толпы, метавшейся по мраморному полу. Кейс в жизни ничего подобного не видел.

Молли, по-видимому, тоже.

— Господи, — сказала она и на мгновение остановилась.

Истерические рыдания сотен людей сливались в булькающий вой дикого, безрассудного ужаса. Пол усеивали тела, одежда и длинные мятые рулоны желтых распечаток.

— Давай, сестренка, на выход.

Глаза двоих Котов смотрели на нее из круговерти оттенков, бушевавшей на поликарбоне: костюмы не поспевали за скоростью, с которой вокруг менялись цвета и формы.

— Тебе больно? Давай. Томми поведет тебя.

Томми передал говорившему видеокамеру, обернутую поликарбоном.

— Цинциннати, — сказала Молли, — я выхожу.

А затем она стала падать, но не на мраморный пол, скользкий от крови и блевотины, а в какой-то теплый, уютный колодец, в темноту и в тишину.

* * *

Вожак Диких Котов, который представился как Люпус Мудеркинд, носил поликарбоновый костюм с памятью, позволявшей воспроизводить по желанию любой фон. Он сидел, словно некая наисовременнейшая горгулья, на краю стола, глядя на Кейса и Армитиджа из-под надвинутого на глаза капюшона, и улыбался. Волосы у него были розовые. За левым ухом, по-кошачьи заостренным и покрытым розовой шерстью, щетинился радужный лес микрочипов. Что-то было сделано и с его глазами, они светились как у самого настоящего кота. Костюм его медленно менял текстуру и цвет.

— Ты выпустил ситуацию из-под контроля, — сказал Армитидж.

Он стоял посреди чердака, словно статуя, задрапированная в темные шелковистые складки дорогого плаща.

— Хаос, мистер Как-вас-там, — пожал плечами Люпус Мудеркинд. — Это наш стиль и образ жизни. Наш главный прикол. Ваша женщина знает об этом. Мы договаривались с ней. А не с вами, мистер Как-вас-там.

Костюм парня покрылся диким угловатым орнаментом, бежевым на светло-зеленом фоне.

— Она нуждалась в медицинской помощи. Теперь она у врачей. Мы постережем ее. Все в порядке.

Парень снова улыбнулся.

— Заплати ему, — сказал Кейс.

Армитидж сверкнул на него глазами:

— Мы не получили товар.

— Он у вашей женщины, — сказал Мудеркинд.

— Заплати ему.

Армитидж неохотно подошел к столу и вытащил из карманов плаща три толстые пачки новых иен.

— Хочешь пересчитать? — спросил он Мудеркинда.

— Нет, — ответил Дикий Кот. — Вы меня не кинете. Вы ведь мистер Как-вас-там. Вы заплатите, чтобы остаться мистером Как-вас-там. Чтобы не стать мистером Таким-то.

— Надеюсь, это не угроза, — сказал Армитидж.

— Это бизнес, — ответил Мудеркинд, засовывая деньги в нагрудный карман.

Зазвенел телефон. Кейс снял трубку.

— Молли, — сказал он, передавая трубку Армитиджу.

* * *

Когда Кейс покинул здание, геодезические купола Муравейника светились предрассветной серостью. Конечности замерзли и плохо слушались. Кейс не мог заснуть. Его вконец достал этот чердак. Сначала ушел Люпус, затем Армитидж, а Молли валялась в какой-то хирургической клинике. Где-то в глубине промчался поезд, и под ногами задрожала земля. В отдалении завыли сирены.

Ссутулив обтянутые новой кожаной курткой плечи, подняв воротник, Кейс брел наугад и бросал очередной окурок только для того, чтобы зажечь новую сигарету. Он пытался представить себе, как стенки ядовитых капсул Армитиджа вот прямо сейчас растворяются, становятся с каждым шагом все тоньше. Картина казалась ирреальной. Такой же ирреальной, как ужас и страдание, которые он видел в вестибюле «Сенснета» глазами Молли. Кейс попытался вспомнить лица тех

троих, которых убил в Тибе. Мужчины не вспоминались, а женщина была похожа на Линду Ли. Мимо протарахтел трехколесный грузовой мотороллер с зеркальными стеклами кабины, в кузове погромыхивали пустые пластиковые цилиндры.

— Кейс.

Он бросился в сторону и инстинктивно прижался спиной к стене.

— Хочу кое-что тебе передать.

Костюм Люпуса Мудеркинда переливался чистыми основными цветами.

— Пардон, не хотел тебя пугать.

Держа руки в карманах куртки, Кейс выпрямился во весь рост. Он оказался на голову выше Кота.

— Ты бы поаккуратнее, Мудеркинд.

— Всего одно слово. Уинтермьют.

— От тебя? — Кейс шагнул вперед.

— Да нет же, — возразил Мудеркинд. — Тебе.

— От кого?

— Уинтермьют, — повторил Дикий Кот и кивнул копной розовых волос.

Его костюм стал тускло-черным, угольная тень на обшарпанном бетоне. Он взмахнул черными худыми руками, словно исполняя па какого-то странного танца, и исчез. Нет. Еще стоит. Розовые

волосы скрыты капюшоном, костюм стал серым и пятнистым, точно в тон тротуару. В глазах отражается красный огонь светофора. А затем он и вправду исчез.

Кейс прислонился к ободранной кирпичной стенке, закрыл глаза и помассировал веки окоченевшими пальцами.

На тротуарах Нинсэй все было гораздо проще.

Глава 5

Медицинская бригада, которая лечила Молли, занимала два этажа неприметного кондоминиума в старом центре Балтимора. Здание состояло из модулей на манер увеличенной версии «Дешевого отеля», только с гробами по сорок метров в длину. Кейс встретил Молли на выходе из модуля, украшенного табличкой с затейливо выведенной надписью: «ДЖЕРАЛЬД ЦЗИНЬ. ДАНТИСТ». Девушка хромала.

— Он говорит, если я пну что-нибудь, нога отвалится.

— Я тут наткнулся на одного твоего дружка, — сказал Кейс. — На Кота.

— И кто же это был?

— Люпус Мудеркинд. Он принес мне записку.

Кейс передал Молли бумажную салфетку, на которой аккуратными заглавными буквами красным фломастером были выведено слово «УИНТЕРМЬЮТ».

— Он сказал…

Девушка сделала ему знак замолчать:

— Поедим лучше крабов.

* * *

После ланча, в процессе которого Молли препарировала краба с пугающей легкостью, они сели в «трубу» и поехали в Нью-Йорк. Кейс не задавал вопросов: какой смысл, если в ответ получаешь только знак замолчать. Похоже, у Молли серьезно побаливала нога, и она редко подавала голос.

Худенькая чернокожая девочка с туго вплетенными в волосы деревянными бусами и старинными резисторами открыла дверь в убежище Финна и повела их по узкому проходу, петлявшему среди гор хлама. Кейсу показалось, что хлам вроде как вырос за время их отсутствия. Или, скорее, за прошедшее время он слегка изменился и преобразился; тихие невидимые хлопья сгущались и оседали, кристаллическая сущность заброшенной технологии, тайно процветающая на помойках Муравейника.

По ту сторону армейского одеяла за белым столом их ждал Финн.

Молли быстро зажестикулировала, вытащила клочок бумаги, что-то на нем написала и протянула Финну. Тот взял его двумя пальцами вытянутой руки, держа подальше от себя, как будто что-то опасное, способное взорваться. Затем Финн сделал какой-то непонятный Кейсу жест, выражавший смесь нетерпения и мрачной покорности. Он встал из-за стола и стряхнул крошки с лацканов мятого твидового пиджака.

На столе рядом с надорванной пластиковой пачкой галет и жестяной пепельницей, полной окурков «Партагаса», стояла банка с маринованной селедкой.

— Подождите, — бросил Финн и вышел из комнаты.

Молли села на его место, выпустила лезвие указательного пальца и подцепила сероватый пласт сельди. Кейс бесцельно бродил по комнате, трогая по пути смонтированные в стойках сканирующие приборы.

Через десять минут Финн стремительно вернулся и обнажил желтые зубы в широкой улыбке. Он кивнул, показал Молли большой палец и жестом попросил Кейса помочь ему с дверной панелью.

Пока Кейс закреплял скотчем дверь, Финн вынул из кармана маленькую плоскую клавиатуру и набрал сложную последовательность символов.

— Дорогуша, — обратился он к Молли, убирая клавиатуру, — на этот раз тебе действительно повезло. Без балды, я это нюхом чую. Ты можешь мне сказать, откуда у тебя это?

— Мудеркинд, — тихо ответила Молли, отодвигая галеты и селедку. — Я заключила побочную сделку с Ларри.

— Здо́рово, — восхитился Финн. — Ну так вот, это ИскИн.

— Нельзя ли чуть попонятнее, — проворчал Кейс.

— Берн, — сказал Финн, не обращая на него внимания. — Он находится в Берне. Получил ограниченное швейцарское гражданство согласно закону, аналогичному нашему акту от пятьдесят третьего года. Построен для «Тессье-Эшпул СА».[9] Им принадлежит и железо, и исходное программное обеспечение.

— Что там такое в Берне? — Кейс встал прямо между ними.

---

[9] Примечания: 9

СА — сокращение от французского словосочетания «Сосьете Аноним». Означает то же самое, что и английское слово «Лимитед», то есть «Общество с ограниченной ответственностью».

— Уинтермьют — опознавательный код ИскИна. У меня есть номера Регистра Тьюринга. ИскИн — искусственный интеллект.

— Все это прекрасно, — вставила Молли, — но при чем тут мы?

— Если Мудеркинд не ошибается, — сказал Финн, — то за спиной Армитиджа стоит Уинтермьют.

— Коты занялись этим делом по моему поручению, — объяснила Молли недоумевающему Кейсу. — У них бывают самые странные и неожиданные источники информации. Договаривалась я через Ларри на четких условиях: плачу, если они узнают, кто стоит за Армитиджем.

— И ты думаешь, что за ним стоит этот самый ИскИн? Но ведь этим штукам не позволена никакая автономия. Тут уж скорее корпорация, о которой ты говорила. «Тессле…»

— «Тессье-Эшпул СА», — подсказал Финн. — Могу рассказать вам про них одну историю. Хотите послушать? — Он сел к столу и подался вперед.

— Финн, — заметила Молли, — обожает рассказывать истории.

— Эту я еще никому не рассказывал, — начал Финн.

* * *

Финн был барыгой, в основном по части краденых программ. Естественно, он иногда встречался с другими барыгами, часть которых занималась более традиционными товарами. Драгоценными металлами, марками, редкими монетами, самоцветами, ювелиркой, а также живописью и прочими произведениями искусства. История, рассказанная им, начиналась с человека по фамилии Смит.

Такой же барыга, Смит в более урожайные времена выступал торговцем предметами искусства. Первый знакомый Финна, «двинувшийся на кремнии» (выражение, на взгляд Кейса, несколько старомодное), он покупал микросхемы исключительно «по специальности» — искусствоведение и аукционные каталоги. Вставив в черепной разъем дюжину чипов, он приобретал необъятные, по меркам коллег, познания в области искусства и торговли оным. Однажды Смит пришел к Финну, можно сказать, за братской помощью, как бизнесмен к бизнесмену. Ему потребовалось навести справки о клане Тессье-Эшпул, но так, чтобы те никогда об этом не узнали. Финн ответил, что это вполне возможно,

но потребовал разъяснений.

— Понимаешь, — пояснил он Кейсу, — дело определенно пахло деньгами.

Смит был крайне осторожен. Даже слишком.

Как выяснилось, Смита обслуживал поставщик по имени Джимми. Он занимался квартирными кражами и другими столь же благородными делами; он только что вернулся на Землю после года, проведенного на высокой орбите, и привез домой, на дно гравитационного колодца, некоторые любопытные вещицы. Наиболее необычным предметом из тех, что Джимми удалось раздобыть в своих гастролях по архипелагу, оказалась голова — платиновый бюст, покрытый перегородчатой эмалью и усыпанный мельчайшим жемчугом и ляпис-лазурью. Смит печально вздохнул, убрал карманный микроскоп и посоветовал Джимми расплавить голову. Новодел, коллекционной ценности не представляет. Джимми рассмеялся. «Это, — сказал он, — компьютерный терминал. Она умеет говорить. И не каким-нибудь там синтезированным голосом, а с помощью миниатюрных органных труб, мехов, рычагов и прочих прибамбасов». Трудно сказать, кому и зачем понадобилось делать такую изощренную игрушку. Даже извращенную — ведь чипы, син-

тезирующие голос, продаются на каждом углу, цена им пятачок пучок. Типичный кунштюк. Смит подключил голову к своему компьютеру, и мелодичный нечеловеческий голос зачитал ему цифры прошлогодней декларации о доходах.

Среди клиентов Смита был токийский миллиардер, чья страсть к механическим игрушкам граничила с фетишизмом. Смит пожал плечами и развел руками в жесте, древнем, как ломбарды и лавки старьевщиков. Конечно, он постарается, но вряд ли за голову можно много выручить.

Когда Джимми оставил бюст и ушел, Смит начал его тщательно исследовать и нашел клейма мастеров. Оказалось, что голова — плод более чем неожиданного сотрудничества двух цюрихских ремесленников, парижского художника-эмальера, датского ювелира и калифорнийского разработчика микросхем. А изготовлена она по заказу «Тессье-Эшпул СА».

Смит стал осторожно намекать токийскому коллекционеру, что имеет нечто, заслуживающее внимания.

А затем к нему пришел некий не представившийся посетитель, который преодолел сложную систему безопасности с такой легкостью, словно ее и вовсе не существовало. Маленький, дико

вежливый японец имел все признаки искусственно выращенного ниндзя-убийцы. Смит сидел за полированным столом из вьетнамского розового дерева и как завороженный глядел в спокойные карие глаза смерти. Мягко, почти извиняясь, клонированный убийца объяснил, что в его обязанности входит найти и вернуть некое произведение искусства, механизм исключительной красоты, который взяли из дома хозяина. До его сведения дошло, что Смит знает о местонахождении упомянутого предмета.

Смит объявил, что не хочет умирать, и выставил голову на стол. «А какую сумму вы ожидали выручить от продажи предмета?» — спросил посетитель. Смит назвал сумму намного ниже той, которую хотел запросить за голову. Ниндзя вынул кредитный чип и перевел эту сумму с номерного швейцарского счета на счет Смита. «А кто, — спросил японец, — принес вам эту вещь?» Смит ответил. Через несколько дней он узнал, что Джимми умер.

— Вот тут-то на сцену и вышел я, — продолжал Финн. — Смит знал, что я свой в тусовке с Мемори-лейн и что именно туда нужно идти, дабы, не поднимая лишнего шума, раздобыть о ком-нибудь сведения. Я нанял ковбоя. Как по-

средник, я получал определенный процент. Смит был предельно осторожен. Он вышел из крайне дикой и опасной операции с прибылью, однако в деле осталось много странного и непонятного. Кто заплатил ему из этой швейцарской заначки? Якудза? Позвольте не поверить. По части подобных ситуаций у них очень твердые правила, перекупщик должен отправиться туда же, куда и вор. Что-нибудь со спецслужбами? Смит так не думал. Спецслужбистские дела всегда имеют особый привкус, достаточно опытный человек распознает его без ошибки. Итак, мой ковбой рылся в старых архивах, пока не наткнулся на тяжбу с упоминанием Тессье-Эшпулов. Тяжба пустяковая, но мы получили наводку на юридическую фирму. Ковбой прорубился сквозь адвокатский лед, и мы узнали адрес семьи. Ну и хрен ли, спрашивается, толку?

Кейс удивленно поднял брови.

— Фрисайд, — сказал Финн. — Веретено. Как оказалось, они владеют почти всей этой штукой. Когда ковбой хорошенько прочесал архивы информационных служб и составил резюме, получилась крайне интересная картина. Семейная организация. С корпоративной структурой. Теоретически вы можете купить часть любого

СА, но на деле ни одна акция корпорации «Тессье-Эшпул» не появлялась на открытом рынке вот уже более сотни лет. И ни на каком другом рынке, насколько мне известно. Мы столкнулись с каким-то там поколением очень скрытной и очень эксцентричной внеземной семьи, выступающей под видом корпорации. Деньги у них огромные, причем семья всячески избегает внимания СМИ. Широкомасштабное клонирование. Орбитальные законы по поводу генной инженерии намного мягче земных. Поэтому очень трудно проследить, какое поколение или комбинация поколений управляет корпорацией в данный момент.

— Как это? — спросила Молли.

— У них своя криогенная установка. Даже согласно орбитальному закону замороженный человек считается мертвым. Похоже, они подменяют друг друга, хотя отца-основателя никто не видел лет уже тридцать. А мамаша-основательница погибла в результате несчастного случая в лаборатории…

— Так что же с барыгой?

— Да ничего. — Финн нахмурился. — Бросил это дело. Мы имели счастье одним глазком увидеть фантастическое хитросплетение взаимных

доверенностей на ведение дел, имеющихся в распоряжении «Т-Э», вот и все. Джимми, должно быть, забрался в «Блуждающий огонек», спер эту голову, а Тессье-Эшпулы послали за ней ниндзя. Смит решил выкинуть все это из своей пребывающей пока еще на плечах головы. И правильно, пожалуй, сделал. — Финн взглянул на Молли. — Вилла «Блуждающий огонек». На самом конце Веретена. Посторонние не допускаются.

— И ты считаешь, что у них есть свой ниндзя? — спросила Молли.

— Смит думает, что да.

— Дорогое удовольствие, — заметила девушка. — Интересно, где он сейчас, этот ниндзя-коротышка?

— Возможно, они его заморозили. До следующей необходимости.

— Ладно, — сказал Кейс, — мы знаем, что Армитидж получает свои башли от ИскИна по имени Уинтермьют. Ну и какой от этого толк?

— Пока никакого, — пожала плечами Молли, — но теперь у тебя появляется небольшое побочное развлечение.

Она вынула из кармана сложенный листок бумаги и подала Кейсу. Тот развернул его. Сетевые координаты и пароль входа.

— Кто это?

— Армитидж. Какая-то его база данных. Я получила эти сведения от Котов. За дополнительное вознаграждение. Где это?

— В Лондоне, — сказал Кейс.

— Ну так взломай! — засмеялась Молли. — Покажи, что ты не даром ешь свой хлеб.

* * *

Кейс дожидался на переполненной платформе местного поезда «Транс-СОБА». Молли давно вернулась на чердак с конструктом Флэтлайна в зеленой сумке, а Кейс все это время пил, не просыхая. Странно и неприятно думать о Флэтлайне как о конструкте, как о кассете постоянной памяти, воспроизводящей профессиональное мастерство покойного, и его пунктики, и даже инстинкты… Местный поезд с грохотом приближался вдоль черной индукционной полосы, из трещин в потолке туннеля посыпались тонкие струйки песка. Кейс втиснулся в ближайшую дверь и, когда состав тронулся, стал разглядывать пассажиров. Двое последователей Христианской Науки, весьма хищные на вид, старались протиснуться к трио юных конторских техничек, на чьих запястьях в резком вагонном освещении

влажно поблескивали розовые голографические влагалища. Девицы нервно облизывали идеальной формы губы и поглядывали на христианских научников из-под опущенных век с металлическим отблеском. Они были похожи на высоких, грациозных экзотических животных, бессознательно покачивающихся в такт движению поезда; высокие каблуки, попиравшие серый металлический пол вагона, походили на полированные копытца. Не успели девушки упорхнуть от миссионеров куда глаза глядят, как поезд уже прибыл на станцию Кейса.

Кейс вышел из вагона и увидел парящую около стены станции голограмму белой сигары, под которой мигала стилизованная под японские иероглифы надпись: «ФРИСАЙД». Пройдя сквозь толпу, Кейс встал прямо под рекламой и принялся изучать изображение. Ниже мигала надпись: «ЗАЧЕМ ОТКЛАДЫВАТЬ?» Белое тупоносое веретено, усеянное решетками, радиаторами, куполами и стыковочными узлами. Кейс видел эту или подобные ей рекламы тысячу раз. Они его не интересовали. Ковбою с декой — один хрен: что Фрисайд, что Атланта — все банки рядом. Путешествия — это для мяса. Но теперь, разглядывая рекламу, Кейс заметил маленький, не больше

монетки, значок, вплетенный в левый нижний угол призрачной ткани рекламы: «Т-Э».

Он вернулся на чердак, думая о Флэтлайне. Почти все девятнадцатое лето своей жизни он провел в «Джентльмене-неудачнике», потягивая дорогое пиво и тараща глаза на ковбоев. Он ни разу еще не притронулся к деке, но твердо знал, чего хочет. В то лето в «Неудачнике» ошивалось не менее двадцати других окрыленных надеждами парнишек, каждый из которых хотел стать мальчиком на побегушках у какого-нибудь ковбоя. Единственный способ выучиться.

Все они слышали о Поли, деревенского вида жокее из окрестностей Атланты, который пережил мозговой коллапс, побывав за черным льдом. Слухи — смутные, уличные, которые только и были доступны мальчишкам, — сходились в одном: Поли сделал невозможное. «Что-то колоссальное, — сообщал Кейсу (за кружку пива) другой будущий великий ковбой, — но вот что именно? Я слышал, что он вскрыл бразильскую платежную сеть. Так это или не так, но этот мужик побывал на том свете. Полный мозговой коллапс». В противоположном конце переполненного бара сидел коренастый парень с каким-то свинцовым цветом кожи.

— Понимаешь, мальчик, — рассказывал ему Флэтлайн несколько месяцев спустя, уже в Майами, — я как эти здоровенные долбаные ящерицы, ну ты знаешь, у которых было два гребаных мозга, один в голове, а другой — в жопе, чтобы задними ногами двигать. Вот и я, вляпался в это черное говно, а задний мозг — ему хоть бы хны, работает как миленький.

Ковбойская элита «Неудачника» избегала Поли с каким-то суеверным страхом. Маккой Поли, Лазарь киберпространства…

В конце концов его погубило сердце. Второе, русское сердце, пересаженное ему еще во время войны, в лагере для военнопленных. Он не соглашался заменить его, говорил, что привычный ритм поддерживает в нем чувство времени. Кейс пощупал в кармане клочок бумажки, полученный от Молли, и стал подниматься по лестнице.

Молли лежала на темперлоне и тихо похрапывала. Прозрачный гипс доходил от колена до самой промежности, и сквозь стекловидное вещество виднелись ужасные черно-желтые синяки. Вдоль левого запястья выстроились восемь дермов, все разного цвета и величины. Рядом лежал трансдермальный прибор «Акай», к прилепленным под гипсом дерматродам тянулись

тонкие красные проводки.

Кейс включил настольную лампу, стоящую рядом с «Хосакой». Резкий круг света упал прямо на конструкт Флэтлайна. Кейс загрузил в машину лед, подсоединил конструкт и вошел в матрицу.

У него возникло отчетливое ощущение, будто кто-то стоит за спиной.

Кейс кашлянул:

— Дикс? Маккой? Это ты, что ли? — У него пересохло в горле.

— Привет, браток, — сказал голос из ниоткуда.

— Это я, Кейс. Еще не забыл?

— А, Майами, ученик, быстро все схватывал.

— Что ты последнее помнишь, Дикс, перед тем как я с тобой сейчас заговорил?

— Ничего.

— Ну-ка, постой.

Кейс отсоединил конструкт. Ощущение чужого присутствия исчезло. Он снова подсоединил конструкт.

— Дикс, кто я?

— Веселенький вопрос. А хрен тебя знает, кто ты такой.

— Ке… Один твой друг. Напарник. Что с тобой случилось?

— Вот и я хотел бы знать.

— Помнишь, как ты был здесь секунду назад?

— Нет.

— А знаешь, как работает матрица личностного ПЗУ?

— Конечно, кореш, фирменный конструкт.

— Значит, если я подключу его к своей базе данных, он получит непрерывную память в реальном времени?

— Думаю, да, — ответил конструкт.

— Ладно, Дикс. Ты — конструкт. Усек?

— Ну, раз ты так говоришь, — согласился конструкт. — Так кто ты такой?

— Кейс.

— А, Майами, ученик, быстро все схватывал.

— Точно. А для разминки мы сгоняем с тобой сейчас в Лондонскую сеть и кое-что там посмотрим. Ты не против?

— А у меня что, есть выбор?

Глава 6

— Тебе нужен рай, — посоветовал Флэтлайн, когда Кейс объяснил ситуацию. — Проверь Копенгаген, окраины университетской секции. — Голос по памяти выдал координаты.

Они нашли свой рай, «пиратский рай», на

размытой границе слабо защищенной академической сети. На первый взгляд рай этот напоминал граффити, оставляемые иногда студентами-операторами на перекрестках, — еле заметные цветные значки, мерцающие на фоне размытых очертаний дюжины гуманитарных факультетов.

— Вон, — сказал Флэтлайн, — голубой. Видишь? Входной пароль компании «Белл-Европа». Причем свежий. Скоро «Белл» сюда доберется, прочитает всю эту доску объявлений и поменяет все коды, которые здесь вывешены. А завтра ребятки сопрут новые.

Кейс набрал входной пароль системы «Белл-Европа», а затем обычный телефонный номер. С помощью Флэтлайна он вышел на лондонскую базу данных, принадлежавших, по словам Молли, Армитиджу.

— Давай, — сказал голос. — Я тут быстро справлюсь.

Флэтлайн принялся нараспев читать цифровые последовательности, Кейс отстукивал их на деке, стараясь передать паузы, которые делал конструкт.

Потребовалось три попытки.

— Тоже мне работа, — сказал Флэтлайн. — Льда

вообще нет.

— Просканируй это дерьмо, — скомандовал Кейс «Хосаке». — Просей, выбери биографические материалы владельца.

На месте нейроэлектронных каракуль появился простой белый ромб.

— База содержит в основном видеозаписи послевоенных сессий трибунала, — сказал негромкий голос «Хосаки». — Центральной фигурой процессов является полковник Уиллис Корто.

— Да ты показывай, — сказал Кейс.

На экране появилось незнакомое мужское лицо. С глазами Армитиджа.

* * *

Через два часа Кейс рухнул рядом с Молли, темперлон послушно повторил контуры его тела.

— Нашел что-нибудь? — спросила Молли сквозь сон и наркотики.

— Потом расскажу, я разваливаюсь.

Кейс был в полном смятении и чувствовал отходняк, как после хорошей дозы. Он валялся с закрытыми глазами и пытался уложить в голове историю человека по фамилии Корто. В резюме, составленном «Хосакой» на основании куцых данных, зияли огромные дыры. Одну часть

материала представляли печатные отчеты, которые бежали по экрану так быстро, что Кейсу пришлось попросить «Хосаку» читать их вслух. Другую часть представляли аудиозаписи судебных слушаний по поводу «Разящего кулака».

Полковника Уиллиса Корто забросили через слепое пятно в русской обороне Киренска. Шаттлы пробили эту брешь импульсными бомбами, и команда Корто десантировалась на сверхлегких мотодельтапланах типа «Ночное крыло». Их крылья упруго раскрылись в лунном свете, отражавшемся в серебристых изгибах Ангары и Подкаменной Тунгуски, — последний свет, какой увидит Корто за предстоящие пятнадцать месяцев. Кейс пытался представить себе, как в вышине над промерзшей степью выходят из пусковых капсул эти хрупкие стрекозы, как расправляют они крылья в морозном ночном воздухе.

— Да, шеф, подставили тебя эти суки, — сказал Кейс, и Молли пошевелилась во сне.

Дельтапланы шли без оружия, чтобы компенсировать вес оператора, экспериментальной деки и вирусной программы «Крот-9», первого настоящего вируса в истории кибернетики. Корто и его команда готовились к рейду три года. Они

пробили лед и уже собирались ввести «Крота-девятого», когда их засекли. Русские импульсные пушки вышвырнули жокеев в кромешную электронную тьму, навигационные системы «Ночных крыльев» рассыпались, вся их память была стерта подчистую.

Потом за дело взялись лазеры. Они навелись на тепловое излучение и посшибали хрупкие радарно-прозрачные десантные дельтапланы; Корто и его мертвый оператор упали с сибирского неба. Они падали, падали и падали…

Далее повествование прерывается до того самого момента, когда захваченный русский «летающий танк» прилетает в Финляндию. Прилетает, чтобы быть расстрелянным на рассвете при посадке в еловую рощу из допотопной двадцатимиллиметровой пукалки, управляемой расчетом лопухов-резервистов. «Разящий кулак» закончился для Корто в окрестностях Хельсинки; финские санитары вырезали его из покореженного брюха вертолета. Через девять дней закончилась и война; слепого, безногого, с оторванной нижней челюстью полковника отвезли в штат Юта, в военный госпиталь. Только через одиннадцать месяцев его обнаружил здесь некий чиновник из аппарата конгресса. Корто лежал

и слушал, как капает моча из катетера. К тому времени в Вашингтоне и Маклине уже начались показательные процессы. Пентагон и ЦРУ сильно сократились, остатки их были раздроблены на куски, а следственная комиссия конгресса сосредоточила свое внимание на операции «Разящий кулак». «Готовенький уотергейт», — сказал Корто чиновник.

Еще он сказал, что полковник нуждается в глазах, ногах, а также в интенсивной работе пластических хирургов, но все можно устроить. «И новую канализацию», — сказал он, трогая Корто за плечо через мокрую от пота простыню.

Бывший полковник слушал негромкое беспрестанное капанье. И сказал, что предпочитает давать показания в своем теперешнем виде.

«Нельзя, — объяснил чиновник, — заседания будут показывать по телевидению. Процессы нужны, чтобы повлиять на избирателей». Он вежливо кашлянул.

Подчищенные, подправленные и многократно отрепетированные показания Корто были яркими, подробными, берущими за душу. Бóльшая их часть была сочинена шайкой-лейкой из аппарата конгресса, кровно заинтересованной в спасении некоторых частей инфраструктуры

Пентагона. Полковник постепенно и сам понял, что своими показаниями спас карьеры троих генералов, лично ответственных за сокрытие данных о строительстве МИ-установок в окрестностях Киренска.

После окончания разбирательств его персона стала в Вашингтоне нежелательной. В ресторане на М-стрит за блинчиками со спаржей тот же самый чиновник популярно объяснил ему, что именно произойдет, если он станет болтать лишнее. Сомкнутыми пальцами правой руки Корто раздробил ему гортань. Задохнувшийся чиновник упал лицом в блинчики со спаржей, а Корто вышел на улицу, в холодный вашингтонский сентябрь.

«Хосака» с пулеметной скоростью выдавала содержание полицейских отчетов, донесений промышленных шпионов и новостных лент. В Марракеше и Лиссабоне Корто обрабатывал падких до денег сотрудников корпораций; презирая саму мысль о предательстве, он все больше и больше ненавидел инженеров и ученых, секреты которых покупал для своих хозяев. В Сингапуре, пьяный, он до смерти избил русского инженера, а затем поджег его номер.

Затем он вынырнул в Таиланде, уже в каче-

стве управляющего фабрикой по производству героина. Затем он работал вышибалой в игорных домах Калифорнии, затем — наемным убийцей среди боннских руин. Ограбил банк в Уичите. Записи становились все темнее и непонятнее, а пробелы в них все длиннее.

А однажды, сказал он на допросе, проводившемся, по всей видимости, с использованием «сыворотки правды», все стало серым.

Переведенные с французского медицинские записи констатировали, что в парижскую психиатрическую клинику доставили неизвестного с диагнозом шизофрения. Он впал в кататонию и был отправлен в государственную лечебницу, расположенную на окраине Тулона. Он стал одним из лабораторных кроликов программы по лечению шизофрении при помощи кибернетического моделирования. Случайно выбранные пациенты получали микрокомпьютеры и обучались, при помощи студентов, составлять для них программы. Из всех больных, участвовавших в эксперименте, выздоровел только Корто.

Здесь записи обрывались.

Кейс заворочался на темперлоне, и Молли негромко выругала его за беспокойство.

* * *

Зазвонил телефон. Не вставая с кровати, Кейс снял трубку:

— Да?

— Мы летим в Стамбул, — сказал Армитидж. — Сегодня вечером.

— Чего еще надо этому ублюдку? — спросила Молли.

— Говорит, сегодня вечером мы летим в Стамбул.

— Ну вообще.

Армитидж зачитал номера рейсов и время вылетов.

Молли села и включила свет.

— А как мое оборудование? — спросил Кейс. — Моя дека?

— Этим займется Финн, — сказал Армитидж и повесил трубку.

Кейс смотрел, как Молли собирает вещи. Несмотря на гипс, на черные круги под глазами, она двигалась как танцовщица. Ни одного лишнего движения. Рядом с сумкой лежала мятая куча его одежды.

— Тебе больно? — спросил Кейс.

— Не помешала бы еще одна ночь у Цзиня.

— Это тот дантист?

— Да уж, дантист. Просто он очень осторожен. Скупил половину этой этажерки и устроил там широкопрофильную больницу. В основном чинит самураев.

Она застегивала сумку.

— Ты бывал в Стамбуле?

— Да, как-то пару дней.

— Он такой же, как прежде, — сказала Молли. — Старый грязный городишко.

* * *

— Вот так же мы отправились и в Тибу. — Молли смотрела из окна поезда на лунный пейзаж промышленной зоны, где красные огоньки на горизонте отгоняли самолеты от термоядерной электростанции. — Мы жили в Лос-Анджелесе. Он вошел и сказал: «Собирайся, мы летим в Макао». Там я играла в фан-тан в «Лиссабоне», а он переправился через Чжуншань. А на следующий день я уже играла с тобой в прятки в Ночном Городе.

Молли вынула из рукава черной курточки шелковый шарфик и протерла им свои линзы. Пейзаж северного Муравейника пробудил в Кейсе детские воспоминания о каких-то пучках сухой травы, торчащих из трещин бетонного фривея.

В десяти километрах от аэропорта поезд начал тормозить. Кейс смотрел, как над битым шлаком, над пустыми ржавыми скорлупками нефтеперегонных заводов, над ландшафтом его детства встает солнце.

Глава 7

В Бейоглу дождило. Арендованный «мерседес» плавно скользил мимо зарешеченных темных окон осторожных греческих и армянских ювелиров. Улица была почти пустынной, только несколько одетых в темное фигур на тротуаре оглядывались на машину.

— Прежде здесь был процветающий европейский район османского Стамбула, — сообщил «мерседес».

— А теперь только что не трущобы, — заметил Кейс.

— «Хилтон» находится на Джумхуриет-Каддеси, — сказала Молли, устраиваясь на заднем сиденье.

— Почему Армитидж летает отдельно? — спросил Кейс. У него болела голова.

— Потому, что ты его достаешь. И меня тоже.

Кейс хотел рассказать ей историю Корто, но пе-

редумал. В самолете он наклеил себе снотворный дерм и весь полет проспал.

Прямая пустынная дорога из аэропорта вскрыла город, как аккуратный разрез. Мимо проносились фантастические, заплата на заплате, стены деревянных домиков, кондо, купола, тоскливые параллелепипеды многоквартирных домов, опять стенки из фанеры и ржавой жести.

Финн, одетый в новый черный, как у сарарименa, костюм, кисло ждал их, сидя в плюшевом кресле, — одинокий островок посреди неоглядного моря бледно-голубых ковров, устилавших холл «Хилтона».

— Боже, — фыркнула Молли. — Крыса в деловом костюме.

Они пересекли вестибюль.

— За сколько ты согласился сюда приехать? — Она уронила свою сумку рядом с креслом. — Да еще в таком прикиде — это вообще дорогого стоит.

— Не так уж и много, дорогуша, — весело оскалился Финн, передавая ей магнитный ключ с круглой желтой биркой. — Вас уже зарегистрировали. Апартаменты наверху. — Он огляделся по сторонам. — Дерьмо город.

— Ты страдаешь агорафобией оттого, что тебя

вытащили из-под купола. Ты представь, что это вроде как Бруклин. — Молли покрутила ключ на пальце. — Ты здесь лакеем или как?

— Мне нужно проверить имплантаты одного парня, — сказал Финн.

— А как моя дека? — спросил Кейс.

— Соблюдай субординацию. — Финн поморщился. — Все вопросы — к боссу.

Молли сделала быстрый знак пальцами; Финн утвердительно кивнул.

— Да, — сказала Молли, — я знаю, кто это. — Она мотнула головой в сторону лифтов. — Пошли, ковбой.

Кейс подхватил обе сумки и двинулся следом.

* * *

Их номер один к одному походил на тот, в Тибе, где он впервые встретился с Армитиджем. Утром он подошел к окну, почти готовый увидеть Токийский залив. Через дорогу торчал другой отель. Дождь так и не кончился. Люди со старенькими, завернутыми в прозрачный пластик голосовыми принтерами жались в подъезды домов. Платные писцы, лучшее доказательство того, что в этой стране написанное слово все еще ценится. Неторопливая страна. Из тупорылого черного

«ситроена» с примитивным водородным аккумулятором выбрались пятеро суровых турецких офицеров в мятых зеленых френчах. Они вошли в отель напротив.

Кейс опять посмотрел на кровать, на Молли и поразился ее бледности. Губчатый гипс остался дома, на чердаке, рядом с трансдермальным индуктором. В зеркальных линзах отражались лампы, освещавшие номер.

Кейс взял трубку сразу после первого звонка.

— Рад, что вы уже встали, — сказал Армитидж.

— Я только что. А леди еще спит. Послушайте, босс, я думаю, нам стоит немного поговорить. Чем больше я знаю о своей работе, тем лучше работаю.

В трубке наступила тишина. Кейс прикусил губу.

— Ты знаешь вполне достаточно. Может, даже слишком.

— Вы так думаете?

— Одевайся. Буди девочку. Минут через пятнадцать к вам придет гость. Его фамилия Терзибашьян.

Негромкие гудки. Армитидж положил трубку.

— Вставай, малышка, — позвал Кейс. — Дела.

— Я уже час как не сплю. — Зеркала поверну-

лись в его сторону.

— К нам идет некто Джерси Бастион.

— У тебя прямо талант к языкам. И сам ты не иначе из армян. Это — шпик, которого наш начальничек приставил к Ривьере. Помоги мне встать.

Терзибашьян оказался молодым человеком в сером костюме и в зеркальных очках с золотой оправой. Через расстегнутый воротничок белой рубашки виднелась подушка черных волос, таких густых, что Кейс принял их сперва за майку. В руках у него был черный хилтоновский поднос с тремя крохотными чашечками ароматного черного кофе и тремя же восточными сластями неопределенной природы, липкими и цвета соломы.

— Нам ни в коем случае нельзя слишком, как вы выражаетесь, *мельтешиться.*

Некоторое время он смотрел прямо на Молли, но затем снял зеркальные очки. Темно-карие глаза имели тот же оттенок, что и короткие, армейской стрижки, волосы…

— Так лучше, да? — улыбнулся армянин. — Иначе получается бесконечное повторение зеркала в зеркале… А вам, — добавил он Молли, — нужно быть поосторожнее. В Турции не очень любят

женщин с подобными модификациями.

Молли откусила половину вязкого бруска.

— Засунь свои советы знаешь куда? — Из-за полного рта слова звучали не очень разборчиво. Она прожевала кусок, глотнула и облизала губы. — Я все про тебя знаю. Ты стучишь для военной полиции, верно? — Ее рука неторопливо скользнула за пазуху и вытащила игольник. Кейс не знал, что Молли вооружена.

— Осторожнее, пожалуйста. — Белая фарфоровая чашечка застыла в сантиметре от губ Терзибашьяна.

Со все той же неспешностью Молли подняла ствол:

— Выбирай: или разлететься на куски, или заработать рак. Всего от одной стрелы, сраная морда. Ты даже не почувствуешь.

— Пожалуйста. Не понимаю, для чего вы ставите меня в… как это у вас называется?.. *крайне затруднительное положение.*

— А я понимаю, что сегодня у меня, как это у меня называется, крайне хреновое настроение. Так что рассказывай нам про этого парня и чеши отсюда. — Она спрятала оружие.

— Он живет в «Фенере» на Кучук-Гюльхане-Джаддези, четырнадцать. Каждый вечер ездит в

метро на базар, по одному и тому же маршруту. Недавно он выступал в «Енишехир палас-отели», это современная гостиница в стиле *turistik,* но этими представлениями заинтересовалась полиция — не по своей, как вы понимаете, инициативе. Администрация «Енишехира» занервничала.

Терзибашьян улыбнулся. От него исходил сильный металлический запах лосьона для бритья.

— Мне нужно знать об имплантатах, — сказала Молли, массируя себе бедро. — Я хочу знать, на что он способен.

Терзибашьян кивнул:

— Хуже всего эти, как у вас выражаются, *субликвиналы.* — В последнем слове он тщательно артикулировал каждый слог.

* * *

— Слева от нас, — сказал «мерседес», пробираясь по лабиринту мокрых от дождя улиц, — главный базар Стамбула «Капали Карси».

Сидевший рядом с Кейсом Финн понимающе хрюкнул, хотя смотрел в совершенно противоположном направлении. По правой стороне улицы тянулись склады утильсырья. Среди куч на щербатых, покрытых ржавыми пятнами мраморных плитах валялся развороченный остов паровоза.

Поленница безголовых мраморных статуй.

— Домой хочется? — спросил Кейс.

— Дерьмовый городишко, — вздохнул Финн.

Его черный шелковый галстук стал похож на изношенную ленту от пишущей машинки. На лацканах нового костюма появились медальоны из яичных пятен и мясной подливки для люля-кебаба.

— Эй, Джерси, — обратился Кейс к сидевшему сзади армянину, — а где этому парню ставили имплантаты?

— В Тиба-Сити. У него нет левого легкого. Правое — форсированное, так это у вас говорят? Конечно, имплантаты может купить любой, но этот парень — очень талантливый.

«Мерседес» объехал груженную кожами подводу.

— Я же ходил за ним и видел, как падают встречные велосипедисты, пачками, ежедневно. Найдешь такого велосипедиста в больнице, каждый раз одна и та же история. Рядом с тормозным рычагом сидел скорпион…

— «Получаешь то, что ты видишь».[10] Да-а, — сказал Финн. — Я встречался со схемами, как у этого парня. Очень высокая яркость. Мы видим, что он воображает. Думаю, он свободно может сжать импульс и сжечь сетчатку.

— А ты говорил это своей знакомой? — Терзибашьян подался вперед. — В Турции женщина — все еще женщина. Эта же…

— Только посмотри на нее косо, — Финн хмыкнул, — она повяжет тебе яйца вместо галстука.

— Я не понимаю эту идиому.

— Ничего страшного, — вмешался Кейс. — Она означает «заткнись».

Армянин откинулся назад, оставив после себя металлический запах лосьона. Он зашептал в рацию «Саньо» странную смесь греческих, французских и турецких слов, среди которых изредка попадались английские. Рация отвечала ему по-французски. «Мерседес» мягко свернул за угол.

— Базар пряностей, который иногда называют египетским, — сообщил автомобиль, — образовался на месте древнего базара, построенного

---

[10] Примечания: 10

Аллюзия на основной принцип построения машинного интерфейса: «What you see is what you get» (обычно не переводится). В свою очередь, эта фраза восходит к Льюису Кэрроллу. В «Алисе в Стране чудес» Шляпник рассуждает о нетождественности фраз: «Я вижу то, что ем» и «Я ем то, что вижу».

султаном Хатисом в тысяча шестьсот шестидесятом году. Это центральный городской рынок, где продают пряности, программное обеспечение, парфюмерию, лекарства.

— Ага, лекарства, — сказал Кейс, глядя, как дворники ходят туда-сюда по пуленепробиваемому лексану. — На какой, говоришь, дури сидит Ривьера?

— На смеси кокаина и меперидина, — сказал армянин и опять что-то забормотал в передатчик.

— Эту смесь называют демерол, — пояснил Финн. — Он спидболовый клоун, выходит. Интересная у тебя, Кейс, компания.

— Пустяки, — сказал Кейс, поднимая воротник куртки, — мы заменим этому засранцу поджелудочную или еще чего.

* * *

Как только они оказались на базаре, лицо Финна заметно прояснилось, как будто его обрадовала толпа и ощущение замкнутого пространства. Они шли вслед за армянином по главному торговому залу, крытому закопченными листами пластика на железных, выкрашенных зеленой краской опорах эпохи паровых машин. Вокруг извивались и подмигивали тысячи парящих в

воздухе реклам.

— Вот это да! — восхитился Финн, хватая Кейса за руку. — Глянь-ка. — Он показал пальцем. — Это же лошадь. Ты видел когда-нибудь лошадь?

Кейс посмотрел на чучело животного и мотнул головой. Оно стояло на чем-то вроде пьедестала возле прохода к торговым рядам, где продавали птиц и обезьянок. Ноги чучела облысели и почернели от прикосновения бесчисленных рук.

— А я вот видел лошадь, в Мериленде, — сказал Финн. — Года через три после пандемии. Какие-то арабы все еще пытаются воссоздать лошадей из ДНК, но ни хрена не получается — дохнут.

Коричневые стеклянные глаза животного как будто следили за ними, когда они проходили мимо. Терзибашьян привел их в кафе с низким потолком, которое, казалось, существовало здесь со времен основания рынка. Костлявые мальчишки в грязных белых куртках метались среди переполненных столиков, балансируя металлическими подносами с бутылками «Тюрк-Туборга» и крохотными стаканчиками чая.

Около входа в кафе Кейс купил у разносчика пачку «Ехэюань». Армянин все еще переговаривался по рации.

— Пошли, — сказал он, — объект вышел из до-

му. Каждую ночь он садится в метро и едет сюда, чтобы купить у Али свою смесь. Ваша женщина рядом. Пошли.

* * *

Переулок был старый, со стенами из темных каменных блоков. Неровные известняковые плиты тротуара пахли бензином, насквозь пропитавшим их за сто лет.

— Ни хрена не видно, — прошептал Кейс.

— Нашей красавице это только на руку, — отозвался Финн.

— Тихо, — почти выкрикнул Терзибашьян.

То ли по камню, то ли по бетону скрипнуло дерево. Впереди, метрах в десяти от них, на мокрые булыжники упал клин света. Кто-то вышел, дверь со скрипом захлопнулась, и переулок снова погрузился во тьму. Кейс поежился.

— Пора, — произнес Терзибашьян, и сейчас же ослепительный белый луч с крыши здания напротив рынка накрыл худощавую фигурку, застывшую рядом со старой деревянной дверью, идеально круглым пятном света.

Блестящие глаза стрельнули влево-вправо, и мужчина рухнул на землю. Он лежал лицом вниз, белокурые волосы — светлое пятно на древнем

камне, белые руки жалко обмякли. «Кто же в него шмальнул-то?» — подумал Кейс.

Световое пятно даже не дрогнуло.

Вдруг куртка на спине мужчины взбугрилась и лопнула, на стену и дверь фонтаном ударила кровь. Следом из прорехи появились две невероятно длинные руки, под серовато-розовой кожей рельефно вырисовывались жгуты сухожилий. Из тротуара сквозь неподвижные окровавленные останки Ривьеры вылезла ужасная тварь. Двухметровое чудовище стояло на двух ногах и, казалось, не имело головы. Оно медленно повернулось в их сторону, и Кейс увидел, что голова у него есть, нет только шеи. Лицо, или как это назвать, влажно поблескивало, глаз на нем не было. Рот — если это неглубокое конусообразное углубление действительно было ртом — обрамляла буйная поросль волос или щетины, блестящей, как черный хром. Чудовище отпихнуло ногой жалкую кучку обрывков одежды и плоти, затем сделало шаг. Круглый рот, похожий сейчас на миниатюрную радарную антенну, обшаривал окрестности в поисках жертвы.

Раскинув руки, как человек перед прыжком, Терзибашьян крикнул что-то то ли по-гречески, то ли по-турецки и бросился на тварь. Он про-

бежал сквозь нее. Прямо на вспышку выстрела, сверкнувшую откуда-то из темноты, лежавшей по ту сторону ярко освещенного круга. Мимо головы Кейса просвистели осколки камня, и Финн рывком заставил его присесть.

Прожектор на крыше погас, а перед глазами все еще стояли вспышка выстрела, чудовище и резкий луч света. В ушах звенело.

Снова зажегся прожектор, теперь он начал обшаривать переулок. Бледный как смерть Терзибашьян прислонился к стальной двери. Он поддерживал левое запястье и смотрел, как из раны капает кровь. У его ног лежал белокурый парень, абсолютно целехонький и без малейших следов крови.

Из темноты появилась Молли, вся в черном и с игольником в руках.

— Свяжись по радио, — сквозь сжатые зубы процедил армянин. — С Махмутом. Нужно убрать его отсюда. Это плохое место.

— Этот недоделок чуть не смылся. — Громко хрустнув коленями, Финн поднялся с земли и начал без особого толка отряхивать свои штанины. — Ну что, посмотрели фильм ужасов? Это тебе не гамбургер, который исчезает за кадром. Мощная работа. Ладно, давай поможем унести его

на хрен отсюда. Хочу просканировать механику этого типа, прежде чем он очухается, надо же убедиться, что Армитидж не зря тратит деньги.

Молли наклонилась и что-то подняла. Пистолет.

— «Намбу», — сказала она. — Хороший ствол.

Терзибашьян громко застонал. Кейс только сейчас заметил, что у того отсутствует бóльшая часть среднего пальца левой руки.

* * *

Когда город начал пропитываться предрассветной голубизной, Молли приказала «мерседесу» везти их в Топкапи. Финн и огромный турок — тот самый Махмут — унесли все еще не пришедшего в сознание Ривьеру. Несколькими минутами позднее подъехал запыленный «ситроен» — за армянином, который находился на грани обморока.

— Жопа ты, — сказала Молли, открывая для него дверцу машины. — Сидел бы себе и не высовывался. Я держала его на прицеле с той самой секунды, как он вышел.

Терзибашьян свирепо посмотрел на девушку.

— Во всяком случае, ты нам больше не нужен. — Молли подсадила его в машину и захлопнула

дверцу. — Еще раз попадешься мне, и я тебя прикончу, — сказала она бледному лицу, видневшемуся за тонированными стеклами; «ситроен» дернулся и неуклюже вывернул из переулка на улицу.

«Мерседес» несся по просыпающемуся городу. Они миновали Бейоглу и теперь пробирались сквозь лабиринты запущенных улочек, мимо захудалых доходных домов, смутно напомнивших Кейсу Париж.

— А это что еще за хрень? — спросил он Молли, когда «мерседес» остановился возле сада, окружавшего Сераль.

Дикая разностильность этого комплекса зданий могла ошарашить кого угодно.

— Топкапи, — сказала Молли, вылезая из машины и потягиваясь. — Раньше здесь был как бы частный публичный дом короля. Уйма баб. А теперь это музей. Малость похоже на мастерскую Финна: все свалено грудами — здоровенные бриллианты, мечи, левая рука Иоанна Крестителя…

— Живая, как в консервирующем чане?

— Нет. Мертвая. Лежит внутри такой бронзовой руки с дыркой сбоку, чтобы христиане могли поцеловать. Турки отобрали ее у христиан миллион, наверное, лет назад и с тех пор ни разу не

удосужились стереть с нее пыль: ведь это «реликвия неверных».

В садах Сераля ржавел чугунный олень. Кейс шел рядом с Молли и слушал, как хрустит под носками ее ботинок неухоженная трава, жесткая от утреннего мороза. Они шли параллельно дорожке, сложенной из восьмиугольных каменных плит, очень, наверное, холодных. Чуть подальше, на Балканах, была уже зима.

— Этот Терзи — большая сволочь, — сказала Молли. — Он агент тайной полиции. Настоящий палач. Купить такого сучару проще простого, особенно за такие деньги, какими швыряется Армитидж.

На деревьях начинали петь птицы.

— Я раздобыл сведения из Лондона, — сказал Кейс. — Кое-что узнал, но не понимаю, что именно.

И рассказал ей историю Корто.

— Да, я знаю, что в «Разящем кулаке» не участвовал никакой Армитидж. Проверено. — Молли погладила ржавый олений бок. — И ты считаешь, что маленький компьютер вывел его из шизофрении? В этой французской больничке?

— Скорее уж, Уинтермьют, — ответил Кейс.

Молли кивнула.

— Интересный вопрос, — задумчиво сказал Кейс, — а знает ли Армитидж, что он был когда-то полковником Корто? Я хочу сказать: когда Армитидж попал в больницу, он был никем, а потому вполне возможно, что Уинтермьют…

— Верно. Наново его сконструировал. Да, дела…

Они пошли дальше.

— Вариант разумный. Понимаешь, у него нет никакой личной жизни. Насколько я могу судить. Когда встречаешь такого мужика, то думаешь: ну чем-нибудь он да занимается, когда один. Но только не Армитидж. Он сидит дома и смотрит в стенку. Затем у него в голове что-то щелкает, и он развивает бурную деятельность.

— Так зачем же эта лондонская заначка? Милые сердцу воспоминания?

— Может, он о ней и не знает, — пожала плечами Молли. — Может, этот массив не его, а положен на его имя.

— Что-то не понял, — заметил Кейс.

— Нечего тут и понимать, я просто думаю вслух… Насколько умны эти ИскИны?

— По-разному бывает. Некоторые не намного умнее собаки. Так, игрушки. Игрушки, которые стоят целого состояния. А вот настоящие — очень

умные, умные настолько, насколько позволяет им Тьюринг-полиция. ИскИны могут быть очень и очень умными.

— Послушай, ты ведь ковбой. Почему же тебя так мало интересуют такие вещи?

— Начать с того, — ответил Кейс, — что они встречаются очень редко. И почти всегда — в оборонных ведомствах, а там защиту не пробьешь. Ведь это военные изобретают все новый и новый лед. А тут еще и Тьюринг-копы. С этими ихними копами лучше не связываться. Так что, — он покосился на девушку, — я предпочитаю в такие дела не лезть.

— Вот и все вы, жокеи, такие, — презрительно фыркнула Молли. — Нуль воображения.

Они подошли к широкому прямоугольному пруду, где карпы лениво щипали стебли каких-то белых водяных цветов. Девушка пнула валявшийся на земле камешек и стала смотреть, как бегут по воде круги.

— Этот Уинтермьют, — сказала она, — связан с чем-то очень крупным. До нас доходят волны, но мы не видим камня, упавшего в центре. Нам известно, что там что-то происходит, но и только. Я хочу знать, что именно. Я хочу, чтобы ты поговорил с Уинтермьютом.

— Чего? — поразился Кейс. — Да меня к нему и близко не подпустят. Ты, милая, не в себе.

— Попытайся.

— Это невозможно.

— Попроси Флэтлайна.

— Послушай, а на кой нам хрен этот Ривьера? — спросил Кейс в надежде сменить тему разговора.

Девушка сплюнула в пруд:

— Бог его знает. Прикончить бы его, да и дело с концом. Я же видела его профиль. Этакий Иуда по призванию. Он и кончить-то толком не может, если не предаст предварительно объект своего вожделения. Так вот прямо в досье и сказано… Да еще обязательно, чтобы она его любила. Не знаю, может, он тоже их любит, на свой манер. Ривьера уже три года сдает политических в здешнюю тайную полицию, потому-то Терзи и не составило большого труда подставить его нам. Думаю, Терзи приглашал этого гаденыша посмотреть на пытки. Он же продал за эти три года восемнадцать человек. И все — женщины от двадцати до двадцати пяти лет. Благодаря ему у Терзи всегда хватало диссидентов. — Молли сунула руки в карманы. — Как только Ривьера увлекался бабой, он подбивал ее заняться политикой. У него личность — вроде как костюм у Диких Котов. Психотип

редчайший, один на два миллиона. Небольшой, но все же комплимент природе человеческой. — Молли смотрела на сонную рыбу и белые цветы, на лице ее застыла горечь. — Знаешь, я, пожалуй, подстрахуюсь от этого циркача.

Холодная усмешка Молли не предвещала ничего хорошего.

— Как это?

— Не бери в голову. Давай вернемся в Бейоглу и позавтракаем. Сегодня у меня опять тяжелая ночь. Нужно забрать его барахло из номера в «Фенере», а затем сходить на базар и купить ему дурь…

— Купить дурь? Этой гниде?

— Ревнуешь? — расхохоталась Молли. — Умирать на колючке мы его точно не бросим. А судя по имеющейся информации, не сожрав дозы, он не может работать. Не боись, ты нынешний мне нравишься больше прежнего — по крайней мере, не такой тощий. — Она опять улыбнулась. — Так что схожу-ка я к торговцу Али и хорошенько затоварюсь. Без этого никак.

* * *

В «Хилтоне» их ждал Армитидж.

— Пора собираться, — сказал он, и Кейс попы-

тался под загорелой маской со светло-голубыми глазами найти следы человека по имени Корто.

Ему вспомнился Уэйдж из Тибы. Обычно крупные дельцы скрывали свои наклонности. Однако Уэйдж имел свои грешки, имел любовниц. По слухам, даже детей. А вот Армитидж оставался полной загадкой.

— А теперь куда? — поинтересовался Кейс, проходя мимо Армитиджа к окну. — И какой там климат?

— У них нет климата, только погода, — загадочно сообщил Армитидж. — Вот. Читай… — Он положил на кофейный столик пачку проспектов и встал.

— Как там Ривьера? И где Финн?

— С Ривьерой все в порядке. Финн уже летит домой. — Улыбка Армитиджа выражала не больше, чем подрагивание усиков насекомого. Он ткнул Кейса в грудь, и при этом звякнул золотой браслет. — Не будь таким умником. Ты же не знаешь, насколько уже растворились стенки этих шариков.

Лицо Кейса застыло. Он взял себя в руки и скованно кивнул.

Когда Армитидж ушел, Кейс раскрыл один из проспектов. Дорогая бумага, текст — на француз-

ском, английском и турецком.

ФРИСАЙД — СВОБОДНАЯ ЗОНА.
ЧЕГО ТЫ ЖДЕШЬ?

В этот раз все четверо летели вместе рейсом компании «Ти-Эйч-Уай» из аэропорта Есилкёй. В Париже — пересадка на шаттл компании «Джей-Эй-Эль». Кейс сидел в вестибюле «Истанбул-Хилтона» и смотрел, как Ривьера перебирает в сувенирной лавке липовые византийские древности. В дверях, накинув плащ на плечи, стоял Армитидж.

Ривьера, стройный блондин с нежным голосом, изъяснялся по-английски бегло и без акцента. Молли говорила, что ему тридцать, но по внешнему виду было трудно угадать его возраст. Еще она сказала, что Ривьера не имеет гражданства и путешествует по поддельному голландскому паспорту. Он родился в зоне полного разрушения, которая окружала радиоактивный центр старого Бонна.

В лавку стремительно ворвались три улыбчивых японских туриста, по пути они вежливо поклонились Армитиджу. Тот быстро и демонстративно пересек лавку и встал рядом с Ривьерой. Ривьера повернулся к нему и рас-

плылся в улыбке. Очень красивое лицо, над которым явно потрудился хирург в Тибе. Ничего не скажешь, изящная работа, ничего похожего на армитиджевский гоголь-моголь из банальных поп-физиономий. Высокий гладкий лоб, широко посаженные серые глаза. Нос имел, вероятно, слишком идеальную форму, а потому был сломан и установлен наново, чуть небрежно. В результате появился легкий оттенок брутальности, удачно контрастировавший с точеным подбородком и быстрой, легкой улыбкой. Маленькие ровные зубы сверкали белизной. Кейс смотрел, как белые руки перебирают якобы осколки якобы древних якобы статуй.

Ривьера совершенно не походил на человека, которого прошлой ночью подстрелили иглой со снотворным, а затем похитили, подвергли тотальному осмотру и заставили присоединиться к команде Армитиджа.

Кейс взглянул на часы. Молли вот-вот вернется. Тоже мне наркокурьер.

— А ведь этот говнюк и сейчас под кайфом, — сказал он хилтоновскому вестибюлю.

Седеющая итальянская матрона в белом кожаном смокинге опустила на нос очки «порше» и взглянула на него с некоторым недоумением.

Он широко улыбнулся, встал и вскинул сумку на плечо. Нужно было купить сигарет. Интересно, есть ли в шаттле салон для курящих?

— Счастливо оставаться, леди, — сказал он даме; та быстро опустила очки на место и отвернулась.

Сигареты продавались в сувенирной лавке, но Кейсу не хотелось разговаривать ни с Армитиджем, ни с Ривьерой. Торговый автомат находился в узкой нише в конце ряда таксофонов.

Он покопался в набитом турецкими лирами кармане и начал скармливать в щель маленькие тусклые монетки, слегка забавляясь анахронизмом процесса. Ближайший таксофон зазвонил.

Кейс машинально снял трубку:

— Да?

В трубке тихо попискивало, сквозь шумы спутниковой связи доносились тихие невнятные голоса, а затем раздался звук, похожий на завывание ветра:

— Привет, Кейс.

Пятидесятилировая монетка выскользнула из пальцев, подпрыгнула и куда-то укатилась.

— Это Уинтермьют, Кейс. Пора бы нам поговорить.

Электронный голос.

Кейс повесил трубку.

Позабыв про сигареты, он шел вдоль длинного ряда таксофонов. И каждый раз, когда Кейс проходил мимо очередного аппарата, тот звонил ровно один раз.

Часть III
Полночь на рю Жюль Верн
Глава 8

Архипелаг.

Острова. Тор, веретено, кластер. Человеческая ДНК сочится из недр гравитационного колодца, масляным пятном расплывается по его крутой стенке.

Вызовите графическую программу самого обобщенного, грубого отображения плотности обмена информацией в архипелаге L5, у пятой точки

Лагранжа.[11] На экране ярко вспыхнет массивный красный прямоугольник, доминирующий элемент схемы.

Фрисайд. Фрисайд многогранен, и далеко не все его грани видны туристам, снующим вверх-вниз по гравитационному колодцу. Фрисайд — это бордель и банковский центр, дворец наслаждений и свободный порт, город пионеров и роскошный курорт. Фрисайд — это Лас-Вегас и Висячие сады Семирамиды, орбитальная Женева и фамильное гнездо чистокровного (на манер призовых кошек и собак), опутанного густой сетью близких внутрисемейных браков, промышленного клана Тессье и Эшпулов.

В Париж они летели лайнером «Ти-Эйч-Уай», первым классом, и сидели все вместе: Молли у иллюминатора, рядом с ней — Кейс, а Ривьера и Армитидж — у прохода. Был момент, когда самолет накренился на вираже, и Кейс увидел

---

[11] Примечания: 11

В 1772 г. французский математик Жозеф Луи Лагранж открыл, что в системе двух массивных тел (в данном случае Земля — Луна) существует пять так называемых точек либрации, или точек Лагранжа, в которых третье тело с пренебрежимо малой массой может оставаться неподвижным относительно этих двух тел. Все пять точек лежат в плоскости орбит массивных тел, причем первые три (коллинеарные) — на линии, соединяющей эти тела, а четвертая и пятая (треугольные, или троянские) — в вершинах равносторонних треугольников, опирающихся на центры двух массивных тел.

сквозь круглое окошко море и горстку сверкающих алмазов — островной греческий городок. В другой раз, потянувшись за своим стаканом, он заметил в смеси бурбона с водой еле уловимое очертание чего-то, очень похожего на гигантский сперматозоид.

Молли перегнулась через Кейса и ударила Ривьеру по щеке:

— Не надо, малыш. Кончай шуточки. Еще одна сублиминальная срань, и тебе будет не как сейчас, а *очень* больно. Здоровье твое драгоценное ничуть не пострадает, а я получу огромное удовольствие.

Кейс оглянулся на Армитиджа. Лицо абсолютно спокойное, во внимательных голубых глазах ни тени раздражения.

— Верно, Питер. Кончай.

Кейс посмотрел на Молли. Мелькнула и тут же исчезла черная роза, лоснящиеся, как кожа, лепестки, черный стебель с блестящими металлическими шипами…

Ривьера кротко улыбнулся, закрыл глаза и тут же уснул.

Молли отвернулась к иллюминатору; в темном стекле отразились два серебряных круга.

— Ты ведь летал уже в космос? — спросила

Молли, глядя, как Кейс устраивается на толстом податливом темперлоне амортизационной койки шаттла.

— Да нет. Я и вообще почти не летаю, только если по делу.

Стюард прилаживал к его запястью и левому уху датчики.

— Надеюсь, тебя не прихватит СКА, — сказала Молли.

— Воздушная болезнь? Ни в коем разе.

— Здесь не совсем то. В невесомости пульс твой участится, а вестибулярный аппарат на время сбрендит. Появится рефлекторное желание удрать неизвестно куда и соответствующий прилив адреналина.

Стюард переместился к Ривьере и вытащил из кармана красного пластикового фартука очередной набор датчиков.

Кейс отвернулся и попробовал различить очертания старых пассажирских терминалов аэропорта Орли, но увидел только мокрый бетон изящно изогнутых отражателей выхлопа. На ближайшем из них красовался какой-то арабский лозунг — красные закорючки, напыленные из аэрозольного баллончика.

Кейс закрыл глаза и сказал себе, что шаттл

— это просто очень большой самолет, который очень высоко летает. Вот и пахнет он как самолет — одеждой, жевательной резинкой и выхлопными газами. Из динамиков доносилось негромкое позвякивание кото.[12] Оставалось только ждать.

Прошло двадцать минут, и мягкая, непомерно тяжелая лапа перегрузки глубоко вдавила его в темперлон.

На практике СКА — синдром космической адаптации — оказался еще хуже, чем в описании, но все быстро кончилось, и Кейс заснул. Когда стюард его разбудил, шаттл уже маневрировал среди посадочных терминалов.

— А теперь сразу во Фрисайд?

Кейс с тоской взирал на крошку табака от «Ехэюань», которая выплыла из его нагрудного кармана и теперь дразняще плясала перед носом. Пассажирам шаттлов категорически запрещалось курить.

— Нет, программа поменялась, обычные закидоны нашего начальничка. Теперь мы направляемся на Сион. Точнее, в кластер Сион. — Молли тронула пряжку привязной системы и начала выбираться из нежных объятий амортизиру-

---

[12] Примечания: 12

Кото — японский струнный инструмент.

ющего пластика. — Маршрут, мягко скажем, странноватый.

— А чего?

— Растаманы — с дредами, все дела. Их колонии лет уже тридцать.

— Да кто они такие?

— Увидишь. Мне-то один хрен, растаманы там или не растаманы. Ну а ты сможешь там хотя бы покурить.

Сион основали пятеро рабочих, которые отказались вернуться на Землю: повернулись к небу передом, к гравитационному колодцу — задом и начали строить. Пока центральный тор не закрутили и не создали в нем тяготение, все они страдали от вымывания кальция и сердечной недостаточности. Пузырь такси подплывал к корпусу Сиона, сваренному на живую нитку; на взгляд Кейса, эта устрашающая конструкция сильно смахивала на латаные-перелатаные лачуги стамбульских трущоб — разнокалиберные, неправильной формы плиты обшивки, то здесь, то там растафарианская символика и накорябанные лазером имена строителей.

Молли и тощий сионит по имени Аэрол помогли Кейсу справиться с невесомостью и препроводили его по недлинному переходу внутрь малого

тора. За очередным приступом головокружения Кейс не сразу и заметил, что Ривьера и Армитидж куда-то исчезли.

— Сюда, — сказала Молли, проталкивая его ноги в узкий люк, проделанный вроде бы в потолке. — Хватайся за перекладины. Ты сейчас представь себе, что спускаешься, и все будет тип-топ. Чем ближе к внешнему периметру, тем больше тяготение, так что это и вправду спуск. Сечешь?

Желудок Кейса яростно протестовал.

— Все, брат, будет в порядке, — обнадежил его Аэрол, сверкнув золотыми зубами.

Как-то так вышло, что конец туннеля оказался его дном. Кейс вцепился в несильное тяготение, как утопающий в спасательный круг.

— А ну-ка, вставай! — прикрикнула на него Молли. — Ты что, целоваться с палубой собрался?

Кейс обнаружил, что лежит ничком, раскинув руки. Что-то стукнуло его по плечу. Он перекатился на спину и увидел толстую бухту эластичного троса.

— Будем строить хибару, — сказала Молли. — Помоги мне натягивать веревку.

Кейс оглядел обширное, совершенно пустое

пространство и заметил, что всюду приварены стальные кольца — безо всякой на первый взгляд системы. Они растянули трос по какой-то сложной, придуманной Молли схеме и развесили на нем обшарпанные листы желтого пластика. Во время работы Кейс постепенно ощутил, что кластер сотрясается от музыки. Называлась она даб — чувственная мешанина, состряпанная на основе огромных фонотек оцифрованной поп-музыки; она, по словам Молли, являлась некой частью религиозного ритуала и создавала чувство общности. Кейс поднял один из желтых листов, легкий, но очень громоздкий. Сион пропах вареными овощами, человеческим потом и марихуаной.

— Вот и прекрасно, — кивнул Армитидж, легко проскальзывая в люк и глядя на пластиковый лабиринт; появившийся следом Ривьера был явно непривычен к слабому тяготению.

— Где тебя носит, когда нужно работать? — спросил его Кейс.

Тот открыл рот, словно собираясь ответить. Изо рта выплыла небольшая форель, а за ней, что было совсем уж невероятно, цепочкой тянулись пузыри.

— В голове, — улыбнулся Ривьера.

Кейс засмеялся.

— Хорошо, — кивнул Ривьера, — ты умеешь смеяться. Понимаешь, я бы помог вам, но руки — мое слабое место. — Он выставил вперед ладони, которые неожиданно удвоились. Четыре руки, четыре ладони.

— И ты, Ривьера, просто безвредный клоун — так, что ли? — Молли встала между Ривьерой и Кейсом.

— Пошли, брат, — позвал из люка Аэрол. — Идем, ковбой.

— Твоя дека, — объяснил Армитидж, — и остальное хозяйство. Помоги ему принести вещи из грузового шлюза.

— Ты очень бледный, брат, — заметил Аэрол, когда они волокли запакованную в пенопласт «Хосаку» по центральному туннелю. — Может, съешь чего?

Рот Кейса наполнила противная слюна, и он замотал головой.

Армитидж объявил восьмидесятичасовую остановку. Молли и Кейсу нужно привыкнуть к невесомости и научиться в ней работать. Кроме того, он проинструктирует их насчет Фрисайда и виллы «Блуждающий огонек». Оставалось неясным, что будет делать Ривьера, но спраши-

вать Кейсу не хотелось. Через несколько часов после прибытия Армитидж послал его в желтый лабиринт, чтобы пригласить Ривьеру поесть. Тот лежал, по-кошачьи свернувшись, на тонком темперлоновом матрасе, совершенно голый, и, по всей видимости, спал. Вокруг его головы вращался нимб из белых геометрических тел: кубов, сфер и пирамид.

— Эй, Ривьера.

Кольцо продолжало вращаться. Кейс вернулся и доложил Армитиджу.

— Под кайфом. — Молли оторвала взгляд от разобранного игольника. — Хрен с ним.

По всей видимости, Армитидж считал, что невесомость повлияет на способность Кейса оперировать в матрице.

— Не бери в голову, — отмахнулся Кейс. — Я включаюсь, и меня уже здесь нет. Мне все равно, где мое тело.

— У тебя высокий адреналин, — заметил Армитидж. — Ты все еще страдаешь от СКА. Но у нас нет времени ждать, пока ты обвыкнешься. Тебе придется научиться работать, превозмогая болезнь.

— Так что, я буду рубиться прямо отсюда?

— Нет. Потренируйся, Кейс. Прямо сейчас. В

коридоре, наверху, где невесомость.

Представление декой киберпространства совершенно не зависело от ее физического местонахождения. Войдя в матрицу, Кейс увидел перед собой привычные очертания ступенчатой пирамиды — базу данных Ядерной комиссии Восточного побережья.

— Как дела, Дикси?

— Я же мертв, Кейс. Что же я — полный кретин и ничего не понимаю? Сидя в твоей «Хосаке», я имел время подумать.

— Ну и как ты себя чувствуешь?

— Да никак.

— Тебя что-нибудь беспокоит?

— Меня беспокоит, что меня ничто не беспокоит.

— Как это?

— В Сибири, в русском лагере, один мой дружок отморозил себе палец. Ну и конечно, ампутация. Как-то через месяц я замечаю, что он всю ночь ворочается. «Элрой, — говорю я, — что это ты никак не угомонишься?» — «Палец, — говорит, — чешется». — «Почеши, — говорю я ему, — и спи». — «Маккой, — говорит он, — этот — не почешешь».

По позвоночнику Кейса пробежала волна леде-

нящего холода, и он не сразу понял, что это такое. Конструкт смеялся.

— Слушай, ты можешь оказать мне небольшую услугу?

— Услугу, Дикси?

— Этот вот ваш шахер-махер, когда вы его закончите — сотри меня на хрен.

Сионитов Кейс не понимал.

Как-то раз Аэрол сам, безо всякой подначки, рассказал ему о ребенке, который выскочил из его лба и убежал в заросли гидропонной ганжи.

— Маленький такой, совсем ребенок, ну вот как твой палец, не больше. — Он потер ладонью свой широкий загорелый (без малейшей, конечно же, царапинки) лоб.

— Это ганжа, — пожала плечами Молли, когда Кейс пересказал ей эту историю. — Сиониты не проводят особого различия между действительностью и галлюцинацией. То, что рассказал тебе Аэрол, действительно с ним случилось. Это не лапша на уши, а уж скорее поэзия. Сечешь?

Кейс кивнул, но остался при своих сомнениях. При разговоре сиониты непременно дотрагивались до собеседника, чаще всего — брали его за плечо. Кейсу это не нравилось.

Часом спустя Кейс готовился к очередной тре-

нировке.

— Эй, Аэрол! Иди-ка сюда. Вот, попробуй! — крикнул он, протягивая сиониту троды.

Аэрол плавно, словно в замедленном кино, развернулся. Босые ноги ударились о стальную переборку, а свободная рука ухватилась за перекладину; другая рука держала пластиковый мешок с синезелеными водорослями. Он застенчиво поморгал и улыбнулся.

— Попробуй, — повторил Кейс.

Аэрол взял ленту, надел ее на голову и закрыл глаза. Кейс нажал кнопку питания. По худощавому телу сионита пробежала судорожная дрожь. Кейс торопливо выключил деку:

— Ну и что ты видел?

— Вавилон, — печально сказал Аэрол, возвращая троды, а затем оттолкнулся ногами и улетел.

Ривьера неподвижно сидел на темперлоновой подушке. Чуть выше локтя его руку плотно обвивала изящная — не толще пальца — змейка с горящими, как рубин, глазами. Кейс потрясенно смотрел, как украшенное ярким черно-алым узором тельце стягивается все туже и туже.

— Ну, давай, — ласково сказал Ривьера бледно-желтому, как воск, скорпиону, сидевшему на его раскрытой ладони. — Давай.

Скорпион шевельнул коричневыми клешнями и, быстро перебирая ножками, побежал вверх по руке вдоль темноватых вен. Достигнув локтевой ямки, он остановился и еле заметно задрожал. Ривьера издал негромкий звук, что-то вроде шипения. Жало поднялось, поколебалось, словно в нерешительности, и вонзилось в набухшую вену. Коралловая змейка ослабила хватку, и Ривьера медленно вздохнул. Кайф пошел.

Змейка и скорпион исчезли, и в его левой руке оказался молочно-белый пластиковый шприц.

— Если Господь Бог и создал что-нибудь лучшее, Он приберег это для себя.[13] Знаешь такую поговорку?

— Да, — кивнул Кейс, — слышал, и по самым разным поводам. Ты всегда устраиваешь такой спектакль?

Ривьера снял с руки стягивавший ее жгут.

— Да. Так смешнее. — Он улыбнулся, глаза его почти не замечали окружающего, на щеках вспыхнул румянец. — У меня над веной мембрана, чтобы не нужно было беспокоиться о состоянии иглы.

— И не больно?

---

[13] Примечания: 13

Цитата из книги Уильяма Берроуза «Джанки. Исповедь неисправимого наркомана», опубликованной в 1953 г. под псевдонимом Уильям Ли.

— Конечно больно, — блеснул глазами Ривьера. — Необходимый элемент.

— Я бы пользовался дермами, — сказал Кейс.

— Дилетант! — засмеялся Ривьера, надевая белую рубашку с короткими рукавами.

— Приятно, наверное, — заметил Кейс и встал.

— А сам-то ты как? Куришь, ширяешься?

— Пришлось, к сожалению, бросить.

— Фрисайд. — Армитидж тронул пульт маленького проектора «Браун»; почти трехметровая голограмма вздрогнула и приобрела резкие очертания. — Здесь находятся казино. — Он ткнул пальцем прямо в какую-то точку объемного изображения. — Здесь расположены отели, здесь — частные владения, а вот здесь — магазины. — Рука двигалась все дальше. — Голубым отмечены озера. — Армитидж подошел к одному из концов модели. — Сигара большая, сужается к концам.

— Это мы и сами видим, — заметила Молли.

— Сужение создает горный эффект — земля уходит вверх, все круче и круче, но подниматься там легко. Чем выше поднимаешься, тем ниже тяготение. Здесь проводят спортивные соревнования. А вон там — велодром. — Он указал точку на модели.

— Что? — поразился Кейс.

— Они гоняют на велосипедах, — ответила Молли. — Низкая гравитация и шины с высоким сцеплением — скорость получается за сто километров в час.

— Этот конец нас не касается, — со своей обычной серьезностью заметил Армитидж.

— Блин, — возмутилась Молли, — а я обожаю велики.

Ривьера хихикнул.

Армитидж перешел к противоположному краю проекции:

— Нас интересует другой конец.

Эта часть веретена казалась совершенно пустой, подробности внутреннего устройства отсутствовали.

— Это и есть вилла «Блуждающий огонек». Крутой подъем, все подходы перекрыты. Единственный вход здесь, точно в центре. Полная невесомость.

— А что внутри, босс? — Ривьера подался вперед и вытянул шею.

Возле пальца Армитиджа замерцали четыре крошечные фигурки. Армитидж отмахнулся от них, как от комаров.

— Питер, — объявил он, — тебе предстоит узнать это первому. Организуй себе пригла-

шение. А когда будешь на вилле — обеспечь проникновение Молли.

Кейс смотрел на ничем не заполненные контуры «Блуждающего огонька» и вспоминал историю, рассказанную Финном: Смит, Джимми, говорящая голова, ниндзя.

— Нельзя ли узнать подробности? — спросил Ривьера. — Видите ли, мне нужно знать, как одеться.

— Запоминайте улицы. — Армитидж вернулся к середине схемы. — Здесь — Дезидерата-стрит. А вот — рю Жюль Верн.

Ривьера закатил глаза.

Армитидж перечислял названия улиц Фрисайда, и вдруг у него на носу, щеках и подбородке вскочила россыпь ярких прыщей. Даже Молли не выдержала и засмеялась.

Армитидж остановился и окинул слушателей холодным бесстрастным взглядом.

— Извините, — пробормотал Ривьера, прыщи мигнули и пропали.

Глубокой ночью Кейс проснулся и обнаружил, что Молли не лежит, а стоит рядом с ним, низко, словно перед прыжком, пригнувшись. Дальше — больше. Молли резко взметнулась и буквально пролетела сквозь стену; Кейс не сразу сообра-

зил, что она попросту пропорола лист желтого пластика.

— Ни с места, приятель.

Кейс перевернулся на живот и просунул голову в прореху:

— Какого…

— Заткнись.

— Ты и есть та самая, — послышался голос, явно принадлежавший кому-то из сионитов. — Тебя зовут Кошачий Глаз или еще Танцующая Бритва. Меня зовут Мэлком, сестренка. Братья хотят побеседовать с тобой и ковбоем.

— Какие еще братья?

— Основатели, сестра. Сионские мудрецы…

— Если открыть люк, свет разбудит босса, — прошептал Кейс.

— Я там все потушил, — настаивал гость. — Давайте. Мы пойдем к Основателям.

— Ты знаешь, приятель, как быстро я могу тебя порезать?

— Сестра, не надо стоять и разговаривать. Пошли.

Из пяти Основателей Сиона в живых оставались только двое, оба — глубокие старики, особенно дряхлые из-за ускоренного старения, неизбежного для тех, кто слишком уж долго

прожил вне объятий гравитации. В резком свете отраженного солнца их коричневые ноги с явными признаками кальциевой недостаточности выглядели хрупкими щепочками. Основатели парили внутри сферической камеры, стенки которой были расписаны яркой буйной листвой. В воздухе висел густой смолистый запах.

— А, Танцующая Бритва, — сказал один из старцев, когда Молли вплыла в камеру. — Ты подобна рукоятке хлыста.

— Это у нас такое предание, сестра, — пояснил другой, — религиозное предание.[14] Мы рады, что ты последовала за Мэлкомом.

— Почему вы не говорите на здешнем жаргоне? — спросила Молли.

— Я приехал из Лос-Анджелеса, — ответил старик. Его тускло-седые косички казались перепутанными ветками какого-то странного дерева. — Много лет тому назад я покинул Вавилон и поднялся сюда по гравитационному колодцу. Чтобы показать Народу путь к дому. А теперь мой брат считает, что ты и есть Танцующая Бритва.

---

[14] Примечания: 14

Танцующая Бритва (Steppin' Razor) — аллюзия на песню «Steppin' Razor», написанную «отцом регги» Джо Хиггсом в 1967 г. и через десять лет перепетую другим ямайским музыкантом, Питером Тошем (альбом «Equal Rights», 1977).

Молли вытянула правую руку, и в дымном воздухе блеснули лезвия.

Второй Основатель откинул назад голову и засмеялся:

— Скоро грядут Дни Последние. Голоса. Голоса, вопиющие в пустыне, предрекающие падение Вавилона…

— Голоса. — Основатель из Лос-Анджелеса посмотрел на Кейса. — Мы сканируем множество частот. Мы все время слушаем. И вот из вавилонского этого столпотворения доносится голос, который обращается к ним. Он сыграл нам потрясный даб.

— Называется Уинтер Мьют, — подсказал второй старик, разделив одно имя на два.[15]

По рукам Кейса побежали мурашки.

— К нам воззвал Мьют, — продолжил первый Основатель. — Мьют сказал, что мы должны вам помочь.

— Когда это было? — спросил Кейс.

— За тридцать часов до вашего прибытия в Сион.

— Вы слышали этот голос раньше?

— Нет, — ответил старик из Лос-Анджелеса, — и

---

[15] Примечания: 15
Winter *(англ.)* — зима. Mute *(англ.)* — немой.

мы не уверены в его истинности. В Дни Последние следует ожидать ложных пророков…

— Послушайте, — взметнулся Кейс, — к вам обращался ИскИн, понимаете? Искусственный интеллект. А эта музыка — он просто перекачал мелодии из ваших же банков, а потом намешал из них окрошку в вашем вкусе и…

— Вавилон, — перебил его Основатель, — порождает сонмища дьяволов, мы это знаем. Имя им — легион.

— Так как ты назвал меня, старик? — переспросила Молли.

— Танцующая Бритва. Ты обрушишь кару на Вавилон, сестра, и поразишь его черное от греха сердце…

— А что сказал голос? — поинтересовался Кейс.

— Что мы должны вам помочь, — сказал другой старец, — и что вы послужите орудием Дней Последних. — На сморщенном, как печеное яблоко, лице появилась озабоченность. — Мы должны послать с вами Мэлкома на его буксировщике «Гарви»,[16] в вавилонскую гавань Фрисайд. Мы так и сделаем.

— Мэлком — крутой парень, — добавил второй

---

[16] Примечания: 16
От имени растафарианского пророка Маркуса Гарви (1887–1940).

старик, — и праведный пилот.

— Но мы решили послать заодно Аэрола на «Вавилонском рокере», чтобы присмотрел за «Гарви».

В размалеванной всеми цветами радуги сфере повисло напряженное молчание.

— Вот как? — удивился Кейс. — Так вы что, тоже работаете на Армитиджа?

— Нет, мы только сдаем вам помещение, — сказал лос-анджелесский Основатель. — Мы не подчиняемся законам Вавилона. Наш закон — Слово Джа. Хотя на этот раз мы могли неверно его понять.

— Семь раз отмерь, один отрежь, — негромко добавил второй.

— Ладно, Кейс, пошли, — сказала Молли, — пока босс нас не хватился.

— Мэлком вас проводит. Джа вас любит, сестра.

Глава 9

Буксировщик «Маркус Гарви», стальной барабан девяти метров длиной и двух метров в диаметре, содрогнулся — Мэлком врубил маршевый двигатель. Затянутый в эластичную

противоперегрузочную подвеску, Кейс разглядывал сквозь скополаминовый туман мускулистую спину сионита. Он принял эту отраву, чтобы хоть немного приглушить СКА, но ни один из стимуляторов, заложенных в таблетку производителем для компенсации скополамина, не действовал на его тюнингованный организм.

— За сколько мы доберемся до Фрисайда? — поинтересовалась Молли, висевшая в такой же сетке рядом с пилотским модулем.

— Теперь недолго, это точно.

— Слушайте, парни, а часы для вас существуют?

— Время, сестра, наступает вовремя, ты меня понимаешь? Дреды, — Мэлком тряхнул своими косичками, — у руля, и мы, сестра, приедем во Фрисайд, когда мы приедем…

— Кейс, — сказала Молли, — у тебя вышло что-нибудь насчет контакта с нашим приятелем из Берна? Ты же все это время сидел с декой и шевелил губами.

— С приятелем, — кивнул Кейс, — ну да, с приятелем. Нет. Не удалось. Но когда мы уезжали из Стамбула, со мной случилась странная история.

Кейс рассказал ей о таксофонах в «Хилтоне».

— Господи, — мучительно скривилась Мол-

ли. — Это ж какой был шанс. Почему ты повесил трубку?

— Да это мог быть кто угодно, — соврал Кейс. — Электронный голос… Я и не знал… — Он пожал плечами.

— А может, просто струсил?

Кейс снова пожал плечами.

— Свяжись с ним сейчас.

— Что?

— Сейчас. Ну хотя бы поговори об этом с Флэтлайном.

— У меня котелок не варит, — отнекивался Кейс, но все же полез за дерматродами; дека и «Хосака» стояли позади модуля пилота, рядом с монитором высокого разрешения фирмы «Крэй».

Кейс отрегулировал хайратник с контактами. «Маркус Гарви» был состряпан на основе огромного допотопного русского воздухоочистителя — прямоугольной хреновины, разукрашенной растафарианской символикой, Львами Сиона и Лайнерами Черной Звезды:[17] красные, зеленые и желтые картинки поверх каких-то

[17] Примечания: 17

По названию *Black Star Line* — судоходной компании, учрежденной Маркусом Гарви для возвращения чернокожих американцев в Африку и действовавшей в 1919–1922 гг. Ей посвящен регги-хит Фреда Локса «Black Star Liners» (1976).

старых надписей кириллицей. Кто-то покрыл все навигационное оборудование Мэлкома слоем ядовито-розовой краски, забрызгав при этом приборы и экраны так, что пришлось отскребать их бритвой. С прокладок носового шлюза свисала бахрома из не совсем еще затвердевших полос и капель прозрачной герметизирующей замазки, лохмы эти колыхались, напоминая плохую имитацию водорослей. Кейс посмотрел из-за плеча Мэлкома на центральный экран с маршрутной схемой; путь, проделанный «Маркусом», изображался цепочкой красных точек, а Фрисайд — зеленым кругом, разделенным на сегменты. Загорелась новая красная точка.

Он щелкнул тумблером деки:

— Дикси?

— Да.

— Ты пробовал когда-нибудь взломать ИскИн?

— Конечно. И выпал в осадок. В первый раз. Я развлекался, залез очень высоко, в коммерческий сектор Рио. Большой бизнес, транснациональные корпорации, правительство Бразилии — всё в огнях, что твоя рождественская елка. Просто резвился, и ничего больше. А затем я начал ковырять этот куб — тремя, наверное, уровнями выше. Врубился и сделал заход.

— На что он был похож?

— Просто белый куб.

— А как ты понял, что это ИскИн?

— Как понял? Господи! Да там был самый плотный лед, какой я только видел. Так что же это еще могло быть? У тамошних военных ничего и похожего не было. На всякий случай я вышел из киберпространства и приказал компьютеру проверить, что это за куб.

— Ну и как?

— Он оказался в Тьюринг-реестре. ИскИн. А владельцы железа — машины, которая стоит в Рио, — какие-то лягушатники.

Кейс задумчиво пожевал нижнюю губу и устремил взгляд в раскинувшуюся за террасами Ядерной комиссии Восточного побережья нейроэлектронную бесконечность матрицы.

— Тессье-Эшпул — так, что ли?

— Да, Тессье.

— И ты опять туда полез?

— Ну да. Я совсем спсихел. Дай-ка, думаю, взломаю я этот лед. Углубился в первый слой и — пишите письма. Мой ученик унюхал горелую кожу и сдернул с меня дерматроды. Гадская штука, этот лед.

— И энцефалограф выдал прямую линию.

— Ну да, об этом же песни слагают.

Кейс вышел из киберпространства.

— Вот же мать твою, — ошарашенно пробормотал он. — Каким, ты думаешь, образом Флэтлайн впал в мозговой коллапс? Сделал заход на ИскИн. Веселенькая история.

— Ну и что? — пожала плечами Молли. — Справитесь как-нибудь, вы ведь крутые ребята.

— Дикси, — сказал Кейс, — я хочу взглянуть на бернский ИскИн. Можешь придумать причину, почему мне не стоит этого делать?

— Если ты не отягощен низменным страхом смерти — нет, не могу.

Кейс набрал код швейцарского банковского сектора и ощутил волну радостного возбуждения, когда киберпространство задрожало, размылось и потекло. Вместо Ядерной комиссии Восточного побережья появилась холодная геометрическая структура коммерческих банков Цюриха. Теперь он набрал код Берна.

— Двигай вверх, — подсказал конструкт. — Это будет очень высоко.

Они поднялись по светящейся решетке голубых мерцающих уровней.

«Вот он», — подумал Кейс.

Уинтермьют оказался обычным белым кубом,

за видимой простотой явно угадывалась крайняя сложность.

— И посмотреть-то вроде бы не на что, правда? — заметил Флэтлайн. — Но ты его только тронь.

— Я сделаю небольшой заход.

— Да кто ж тебя держит?

Кейс придвинулся к кубу на расстояние четырех периодов решетки. На вздымавшейся перед ним чистой белой грани замелькали тени, как будто тысячи танцоров закружились за огромным замерзшим окном.

— Чует, что мы здесь, — заметил Флэтлайн.

Кейс снова нажал клавишу, и они прыгнули на один период вперед.

На лицевой грани куба появился серый пунктирный круг.

— Дикси…

— Быстро назад.

Серый круг плавно вспух, превратился в сферу, которая оторвалась от куба.

Край деки больно впился в ладонь Кейса, когда тот изо всех сил ударил по клавише «ПОЛНЫЙ НАЗАД». Матрица замелькала, отсчитывая уровни в обратном направлении, они нырнули в сумеречную штольню швейцарских банков. Кейс

посмотрел наверх. Сфера потемнела и нагоняла его. Падала.

— Выходи из матрицы, — сказал Флэтлайн.

И обрушилась тьма.

Запах холодной стали, нежное прикосновение льда к позвоночнику. Из неонового леса под ядовитым серебристым небом глядят лица моряков, жуликов и проституток…

— Послушай, Кейс, какого ты хрена, у тебя что, крыша едет?

Сильная пульсирующая боль в самой середине позвоночника…

Первое, что почувствовал Кейс, был дождь, мелкая, противная морось. Потом пришлось извлекать ноги из хлама, из путаницы мусорных световодов. То приближаясь, то удаляясь, на него нахлынули звуки аркады. Кейс перекатился по полу, сел и схватился руками за голову.

Свет из служебного люка на задворках аркады освещал мокрые огрызки древесно-стружечных плит, шасси развороченной игровой консоли. По ее боку тянулись выцветшие строчки розовых и желтых иероглифов.

Кейс взглянул вверх и увидел закопченное пластиковое окно, тусклое мерцание флюорес-

центных ламп.

Болела спина, позвоночник.

Кейс встал и откинул с глаз мокрые волосы.

Что-то случилось…

Он обшарил свои карманы, ничего там не нашел и поежился от холода. Но куда делась куртка? Кейс поискал ее по углам, заглянул за консоль и бросил это бесполезное занятие.

Выйдя на Нинсэй, он прикинул количество народа. Пятница. Наверняка пятница. Линда, скорее всего, в аркаде. Может, удастся стрельнуть у нее денег или хотя бы сигарет. Кашляя, он отжал перед рубашки и протиснулся сквозь толпу ко входу в аркаду.

Голограммы, изгибающиеся и приплясывающие в такт реву игровых автоматов, сумбурная мешанина полупрозрачных, друг на друга накладывающихся призраков, густой запах пота, и скуки, и напряженного ожидания… Моряк в белой футболке, играющий в «Танковую войну», разнес Бонн водородной бомбой — мертвенно-синяя ослепительная вспышка.

Линда пытала свое счастье в «Замке колдуна» и проиграла, ее глаза были густо обведены черным карандашом.

Кейс положил руку ей на плечо, она подняла

голову и улыбнулась:

— А-а-а! Привет! Что это ты такой мокрый?

Он поцеловал ее.

— Это из-за тебя я проиграла, — сообщила Линда. — Смотри, задница. Дошла уже до темницы седьмого уровня, и тут долбаные вампиры меня поймали. — Она протянула ему сигарету. — Чего-то ты не в себе. И где это тебя носило?

— Не помню.

— Ты что, под балдой? Снова запил? Зоуновские колеса глотаешь?

— Может быть… Сколько ты меня не видела?

— Треплешься? — Линда взглянула ему в глаза. — Ну точно, треплешься.

— Нет. Какой-то провал в памяти. Я… я проснулся на помойке.

— Может, тебя по голове шандарахнули? Деньги-то целы?

Кейс мотнул головой.

— Ну вот, все ясно. Тебе что, спать негде?

— Думаю, да.

— Тогда пошли. — Линда взяла его за руку. — По дороге выпьешь кофе и что-нибудь съешь. Я отведу тебя домой. Приятная встреча. — Линда сжала ему руку.

Что-то хрустнуло.

Во вселенной что-то изменилось. Аркада застыла, затем завибрировала и…

Ее уже нет. Груз памяти скачкообразно вырос, целый массив знаний вошел в голову, как микросхема в гнездо. Ее нет. Запахло паленым мясом.

Не было и моряка в белой футболке. В пустой аркаде — гробовая тишина. Кейс сжал кулаки, оскалил зубы и медленно обернулся. Пусто. Едва державшийся на краю консоли желтый конфетный фантик упал на пол, усеянный окурками и стаканчиками.

— У меня была сигарета, — произнес Кейс, глядя на побелевшие от напряжения пальцы. — У меня была сигарета, девушка и место, где спать. Ты слышишь меня, сукин сын? Слышишь?

По аркаде прокатилось эхо, и снова стало тихо.

Кейс вышел на улицу. Дождь прекратился.

И ни души.

Мелькали голограммы, танцевал неон. Кейс почувствовал запах вареных овощей, доносившийся с той стороны улицы, из тележки уличного торговца. У ног лежала нераспечатанная пачка «Ехэюань» и коробок спичек. Надпись на коробке́: «ДЖУЛИУС ДИН. ИМПОРТ-ЭКСПОРТ». Кейс тупо уставился на название фирмы и его японский эквивалент.

— О’кей, — пробормотал он, поднимая спички и распечатывая пачку. — Я тебя слышу.

Кейс медленно поднимался по лестнице в кабинет Дина. «Не спеши, — повторял он себе, — только не спеши». Стекающий циферблат сюрреалистических часов показывает неправильное время. Неоацтекские книжные шкафы и столик а-ля Кандинский покрыты пылью. Фибергласовые ящики наполняют комнату запахом имбиря.

— Заперто?

Ответа не было. Кейс подошел к двери кабинета и подергал ее:

— Жюли?

Бронзовая лампа с зеленым абажуром отбрасывает на письменный стол Дина круг света. Кейс взглянул на внутренности старинной пишущей машинки, кассеты, мятые распечатки, липкие пластиковые мешочки с образцами имбиря.

В кабинете — никого.

Кейс обошел широкий стальной письменный стол, отодвинул кресло. Нащупал револьвер в потрескавшейся кожаной кобуре, прикрепленной к нижней стороне столешницы серебристой

ленточкой. Магнум 0.357, антиквариат.[18] Антиквариат со спиленным стволом и без скобы, ограждающей спусковой крючок. Рукоятка обмотана скотчем. Скотч стертый, коричневый. И грязный. Кейс открыл барабан и проверил все шесть патронов. Ручная набивка. Мягкий свинец пуль блестит, не успел еще потускнеть.

С револьвером в правой руке Кейс протиснулся мимо шкафа, стоявшего слева от стола, и встал прямо посреди незахламленного кабинета, вне пределов светового пятна.

— Торопиться мне, в общем-то, некуда. Так что решай сам. Но, с другой стороны, все это дерьмо мне порядком надоело.

Он поднял револьвер обеими руками, прицелился в середину письменного стола и спустил курок.

Отдача чуть не сломала ему запястье. Дульная вспышка осветила кабинет, словно блиц фотографа. Чувствуя звон в ушах, Кейс уставился на рваную дыру в столе. Разрывная пуля. Азид свинца. Кейс снова поднял револьвер.

— Ну зачем же так, сынок, — сказал Жюли, выходя из тени.

---

[18] Примечания: 18

Разработанная в 1930-е гг. для полиции США модель револьвера 38-го калибра (9 мм) под патрон увеличенной мощности.

На нем был шелковый, свободного покроя костюм-тройка, полосатая рубашка и галстук-бабочка. В очках блестело отражение настольной лампы.

Кейс повернулся и прицелился прямо в розовое, лишенное каких-либо признаков возраста лицо.

— Не надо, — сказал Дин. — Ты прав. Насчет всего этого. Насчет меня. Но есть определенные соображения, к которым следует прислушаться. Если ты выстрелишь, то увидишь уйму мозгов и крови, а мне понадобится несколько часов — твоего субъективного времени, — чтобы создать другую личность. Мне вовсе не легко генерировать эти образы. И конечно, извини за Линду в аркаде. Я надеялся поговорить с тобой через нее, но ведь я строю все это на основе твоей памяти, и эмоциональный заряд… Сложно это все, очень сложно. У меня сорвалось.

Кейс опустил револьвер:

— Это — матрица. А ты — Уинтермьют.

— Да. Ты видишь образы благодаря симстим-блоку, подключенному к деке. Я рад, что остановил тебя, не дал выскочить из матрицы. — Дин обошел письменный стол, поправил кресло и сел. — Садись, сынок. Нам есть о чем поговорить.

— Ой ли?

— Конечно есть. У нас давно есть о чем поговорить. Я пытался связаться с тобой по телефону в Стамбуле. А теперь времени осталось очень мало. Ты сделаешь заход в самые ближайшие дни. — Дин взял конфету, развернул черно-белую, как шахматная доска, обертку, закинул шарик в рот. — Садись, — повторил он, перекатывая языком конфету.

Не сводя глаз с Дина, Кейс сел на крутящийся стул по другую сторону стола. Руку с револьвером он положил на колено.

— Ну а теперь, — оживился Дин, — приступим к повестке дня. Ты, конечно, интересуешься, кто такой Уинтермьют? Верно?

— Более-менее.

— Искусственный разум, но это ты и сам знаешь. Твоя ошибка, хотя и вполне логичная, заключается в том, что ты спутал сущность Уинтермьюта с его машиной, находящейся в Берне. — Дин шумно пососал карамельку. — Ты уже осведомлен, что в системе Тессье-Эшпулов существует еще один ИскИн? В Рио. Я — настолько, насколько у меня есть «я»: все это, как видишь, начинает звучать несколько метафизически, — стою за Армитиджем. Или, если хочешь, за Корто, а он, кстати сказать, весьма нестабилен. Хотя

и останется работоспособным еще на день или два. — Дин вытащил из жилетного карманчика затейливые золотые часы и щелкнул крышкой.

— Все эти твои объяснения немногим понятнее всего остального бреда, который у нас тут уже накрутился, — сказал Кейс, массируя левой рукой виски. — И если ты такой умный сукин сын…

— Почему я не богатый? — Дин засмеялся и чуть не подавился конфеткой. — Знаешь, Кейс, мне хотелось бы сперва отметить, что я знаю гораздо меньше, чем тебе, скорее всего, кажется. А основной факт состоит в следующем: то, что ты называешь Уинтермьютом, — всего лишь часть некой, ну скажем, потенциальной сущности. Я — всего лишь некий аспект мозга этой сущности. С твоей точки зрения, это все равно как иметь дело с человеком, у которого разделены полушария. Будем считать, что ты общаешься с небольшой частью левого полушария. В такой ситуации трудно даже говорить, что ты вообще общаешься с человеком. — Дин улыбнулся.

— А насчет Корто — все это правда? Ты вышел на него через микрокомпьютер в этой самой французской больнице?

— Да. Я же составил и ту базу данных, в Лондоне. Я пытаюсь планировать, в твоем смысле слова,

но это — не основной мой метод. Я импровизирую. Тут — мой главный талант. Я больше люблю реальные ситуации, чем заранее составленные планы. У меня отличные способности к работе с данными. Я могу обработать огромное количество информации, и очень быстро. На подбор вашей команды ушла уйма времени. Первым был Корто, я вытащил его с огромным трудом. Там, в Тулоне, он был уже, считай, за гранью. Есть, испражняться и мастурбировать — вот и все, на что он был способен. Но основные структуры, определившие его сумасшествие, в мозгу сохранились — «Разящий кулак», предательство, свидетельские показания в конгрессе.

— Он все еще сумасшедший?

— Собственно говоря, — улыбнулся Дин, — его нельзя считать настоящей личностью. Конечно же, ты и сам это понял. Однако Корто где-то здесь, рядом, готов вырваться на поверхность, вряд ли я сумею долго поддерживать это хрупкое равновесие. Вскоре он развалится на куски, и тогда я рассчитываю на тебя…

— Ладно, говнюк, заткнись, — сказал Кейс и выстрелил Дину в рот.

Насчет мозгов тот не соврал. И насчет крови — тоже.

* * *

— Нет, правда, — говорил Мэлком, — не нравится мне это…

— Все в порядке, — успокоила его Молли. — Все в полном порядке. Обычный для этих ребят фокус. Он вроде как не совсем умер, и все продолжалось какие-то секунды…

— Я смотрел на экран, энцефалограф был на нуле. Ни малейшего трепыхания, и так сорок секунд.

— Но теперь-то он в порядке.

— Линия была ровная, как по линейке, — не сдавался Мэлком.

Глава 10

Во время таможенных формальностей Кейс по-прежнему пребывал в оцепенении, и всеми разговорами занималась Молли. Мэлком остался на борту «Маркуса Гарви». Собственно говоря, таможня Фрисайда интересовалась только кредитоспособностью гостей. Первым, что увидел Кейс на внутренней поверхности веретена, была вывеска франчайзинговой кофейни «Прекрасная

девушка».

— Добро пожаловать на рю Жюль Верн, — сказала Молли. — Если тебе будет трудно ходить — смотри под ноги. Здешняя перспектива очень обманчива, без привычки тяжело.

Они стояли посреди широкой улицы, казавшейся дном глубокого каньона со склонами из бесчисленных зданий и магазинов. Свет просачивался сквозь пыльную зелень, растущую на балконах и террасах. А что касается солнца…

Высоко над ними посреди каннской голубизны искусственного неба сверкало очень яркое белое пятно. Кейс знал, что солнечный свет накачивается сюда снаружи при помощи системы Ладо-Ачесон, чей двухмиллиметровой толщины излучатель тянется вдоль всей оси веретена, что та же самая аппаратура генерирует, по периодической программе, «погодные» и суточные изменения неба и что если небо выключить, то над головой будут видны контуры озер, крыши казино, другие улицы…

Знал, но тело этого не понимало.

— Мамочки мои, — вздохнул Кейс, — да это еще хуже, чем СКА.

— Привыкай. Я проработала здесь месяц, телохранителем у одного игрока.

— Полежать бы.

— Ладно. Ключи у меня есть. Слушай… — Молли тронула его за плечо. — А что это с тобой было? Ты же отрубился до нуля.

— Еще не знаю, — покачал головою Кейс. — Нужно разобраться.

— Ладно. Давай возьмем такси.

Молли взяла его за руку и повела вдоль рю Жюль Верн, мимо витрины с наимоднейшими парижскими мехами.

— Все какое-то ненастоящее, — сказал Кейс, снова взглянув вверх.

— С чего это ты? — удивилась Молли, отнеся его слова на счет меха. — Выращено на коллагеновой основе, но ДНК самая настоящая, от норки. А какая тогда разница?

* * *

— Фрисайд — всего лишь большая труба, сквозь которую текут вещи и люди, — сказала Молли. — Туристы, мошенники, кто угодно. Здесь они попадают на этакое сито, которое тщательнейшим образом отделяет их от денег, деньги остаются здесь, а людей скидывают назад, на дно гравитационного колодца.

Армитидж заказал им номер в наклонном стек-

лянном утесе гостиницы «Интерконтиненталь», у подножия которого висела холодная водяная пыль и слышалось журчание бегущих струй. Кейс вышел на балкон и стал смотреть, как трое загорелых тинейджеров, перекликающихся по-французски, снуют в нескольких метрах от воды на дельтапланах, сверкающих яркими основными цветами. Один из нейлоновых треугольников заложил вираж, и Кейс заметил коротко стриженные темные волосы, коричневые грудки и белые зубы, обнаженные в широкой улыбке. Воздух пах проточной водой и цветами.

— Да-а, — протянул он. — Большие деньги.

— Да, — кивнула присоединившаяся к нему Молли. — Мы хотели сюда съездить. Сюда или в Европу.

— Кто это «мы»?

— Никто. — Она непроизвольно передернула плечами. — Ты сказал, что хочешь лечь. Поспать. Я тоже хочу спать.

— Да, — сказал Кейс и потер скулы ладонями. — Да. Местечко — будь здоров.

Стараниями системы Ладо-Ачесон небо зажглось неким подобием бермудского заката, исполосованного клочьями облаков.

— Да, — повторил он. — Надо поспать.

Забыться долго не удавалось. А когда наконец удалось, стали сниться какие-то причесанные и отредактированные эпизоды прошлых событий. Он несколько раз просыпался, смотрел на свернувшуюся калачиком Молли, слушал журчание воды, голоса, доносящиеся через открытую балконную дверь, женский смех из ступенчатого кондоминиума напротив. Раз за разом, подобно плохой карте, возвращалось видение смерти Дина, хотя Кейс и повторял себе, что никакого Дина там не было. Да и вообще ничего не было. Кейс где-то услышал, что количество крови у среднего человека примерно равно ящику пива.

Всякий раз, когда разбитая голова Дина ударялась о дальнюю стенку кабинета, Кейс ощущал присутствие какой-то другой мысли, смутной и темной, ускользавшей, как рыбка из пальцев.

Линда.

Дин. Кровь на стене кабинета.

Линда. Запах паленого мяса во мраке купола. Молли, протягивающая мешочек имбиря, забрызганный кровью. Это Дин приказал ее убить.

Уинтермьют. Кейс представил себе, как маленький компьютер шепчет текущие, подобно ручью, слова человеческой развалюхе по имени Корто и в некой затемненной больничной

палате постепенно формируется примитивная псевдоличность, получившая затем название Армитидж… Псевдо-Дин говорил, что работает с тем, что есть, использует реальные ситуации.

Но что, если Дин, настоящий Дин, приказал убить Линду по приказанию Уинтермьюта? Кейс нащупал в темноте сигарету и зажигалку. Закуривая, он убеждал себя, что нет никаких оснований подозревать Дина. Ровно никаких.

Уинтермьют может создать нечто вроде личности. Насколько тонко он способен манипулировать людьми? После третьей затяжки Кейс раздавил сигарету в пепельнице, отвернулся от Молли и попытался уснуть.

Монотонно, как неотредактированная симстим-запись, перед глазами разворачивались воспоминания. Пятнадцатилетним подростком он прожил целый месяц с девушкой по имени Марлен в номере на пятом этаже гостиницы. Платил за номер раз в неделю. Лифт там уже лет десять не работал. А когда ночью в крохотной кухне включался свет, было видно, как по серому фаянсу засоренной раковины тучей ползают тараканы. Они с Марлен спали на полосатом матрасе без простыней.

Первую осу, которая начала строить свой серый

бумажный домик на оконной раме со вздувшейся краской, Кейс не заметил, но вскоре гнездо разрослось до размеров кулака, насекомые летали в переулок на охоту и, подобно миниатюрным вертолетам, гудели над гниющим содержимым мусорных баков.

В тот день, когда оса ужалила Марлен, они уже выпили по дюжине пива.

— Убей этих сук, сожги их! — Ее лицо одурело от ярости и жары.

Пьяный Кейс достал из вонючего шкафа «дракона», наследство Ролло. Кейс подозревал, что Марлен продолжала встречаться с этим самым Ролло, своим предыдущим дружком — огромным байкером из Фриско, темный ежик волос которого украшала обесцвеченная перекисью молния. «Драконом» называли огнемет, похожий на большой электрический фонарик. Кейс проверил батарейки, горючее и подошел к открытому окну. Гнездо встревоженно загудело.

Воздух был мертвенный, неподвижный. Из гнезда вылетела оса и закружилась вокруг головы Кейса. Кейс включил зажигание, сосчитал до трех и нажал на спуск. Под давлением в семь атмосфер мимо раскаленной добела спирали вырвалась струя горючего. Пятиметровый язык

почти бесцветного пламени ударил в гнездо. Оно обуглилось и полетело вниз. В доме напротив кто-то зааплодировал.

— Говнюк! — зашипела, едва держась на ногах, Марлен. — Придурок! Ты не сжег их, а только сбросил вниз. Они вернутся и убьют нас.

Голос девчонки действовал на нервы, Кейс представил себе, что она горит, в обесцвеченных волосах трещит ярко-зеленое пламя.

Выйдя на улицу с «драконом» в руке, Кейс подошел к почерневшему гнезду. От удара об землю оно развалилось. Обожженные осы копошились на асфальте.

Кейс увидел то, что скрывала серая бумажная скорлупа.

Ужас! Перед ним предстали все стадии фабрики рождения: ступенчатые клетушки, заполненные яйцами, беспрестанно жующие челюсти слепых личинок — словом, постепенный переход от яйца к личинке, к куколке, к взрослой осе. В воображении предстал своего рода биологический пулемет, чудовищный в своем совершенстве. Чужой, нечеловеческий. Забыв включить зажигание, Кейс нажал на спуск. В самую гущу ползающей у его ног жизни ударила струя горючего.

В конце концов Кейс вспомнил о зажигании, гнездо громко взорвалось, опалив ему бровь. С пятого этажа донесся громкий хохот Марлен.

Он проснулся с ощущением исчезающего света, но в комнате стоял полный мрак. Послеобразы, вспышки на сетчатке. Небо за окном начинало светлеть. Голосов снизу не доносилось, только шум бегущей воды.

Во сне, перед тем как облить гнездо топливом, Кейс заметил на нем аккуратные буквы «Т-Э» — фирменный знак Тессье-Эшпулов, будто выгравированный самими осами.

* * *

Молли заставила Кейса покраситься, утверждая, что его муравьиная бледность слишком бросается в глаза.

— Господи, — простонал он, глядя на свое голое отражение, — и ты считаешь, что это выглядит натурально?

Стоя на коленях, Молли натирала его левую лодыжку последним, что сумела выдоить из тюбика.

— Нет, но теперь ты похож на человека, который покрасился и, значит, не плюет на свою внешность. Все. На ступню не хватило.

Она встала с колен и швырнула тюбик в большую, ручного плетения корзину. Ничто в номере не было сделано фабричным способом или из синтетических материалов. Все очень дорогое — и все в самом дурном, на взгляд Кейса, вкусе. На огромной кровати — темперлон, тонированный под цвет песка. Уйма светлого дерева и тканей ручной выделки.

— Ну а ты сама, — спросил Кейс, — ты-то будешь краситься? Тоже ведь не выглядишь особо загорелой.

Молли щеголяла свободным костюмом из черного шелка и черными сандалиями.

— Я — экзотическая особа. У меня есть даже большая соломенная шляпа. А ты — дешевый жулик, только и ищущий, где бы чего урвать, так что этот «мгновенный загар» как раз для тебя.

Кейс угрюмо уставился на свою бледную ступню, а затем оглядел себя в зеркале:

— Кошмар. Ты не возражаешь, если я оденусь? — Он подошел к кровати и стал натягивать джинсы. — Как спалось? Вспышек света не замечала?

— Ты метался во сне, — сказала Молли.

Они позавтракали на крыше отеля, которая представляла собой нечто вроде луга, утыканного

полосатыми зонтиками и не совсем, на взгляд Кейса, натуральным количеством деревьев. Он рассказал Молли о своей попытке прощупать бернский ИскИн. Вопрос о посторонних ушах стал теперь чисто академическим. Если Армитидж и подслушивает, то уж прямо через Уинтермьюта.

— И очень реально? — Молли жевала круассан с сыром. — Вроде симстима?

Кейс кивнул.

— Реальное, как все вот это, — добавил он, оглядываясь по сторонам. — А может, еще реальнее.

Усилиями генной инженерии с передовой химией окружающие деревья были низкорослыми, узловатыми и невероятно старыми на вид. Кейс вряд ли сумел бы отличить сосну от дуба, но здоровый вкус уличного мальчишки подсказывал ему, что эти деревья смотрелись слишком приятно, слишком законченно и слишком древовидно. Между деревьями на чрезмерно живописных холмах с сочной, чрезмерно зеленой травой стояли пестрые зонтики, укрывавшие постояльцев отеля от резкого сияния ладо-ачесоновского солнца. Из-за соседнего столика слышалась французская речь — ну да, конечно, та самая золотая молодежь, которая крутилась вчера над рекой. Кейс заметил неравномерность загара, которая

получалась локальным повышением содержания меланина в коже: многочисленные тени образовывали линейные узоры, подчеркивали рельеф мускулатуры; глаз зацепился за маленькие крепкие бугорки на груди девочки, за руку одного из мальчиков, лежащую на белой эмали столика. Кейсу они представлялись живыми гоночными машинами, не хватало только наклеек с рекламой их парикмахеров, модельеров, сконструировавших им белые парусиновые брюки, сапожников, сшивших кожаные сандалии, ювелиров, создавших простые и строгие украшения. Следующий столик занимали три японки в грубых саваноподобных кимоно, ожидающие своих мужей-сарарименов; овальные лица женщин покрывали искусственные синяки — стиль очень консервативный, в Тибе такое и не встретишь.

— Что это тут за вонь? — спросил он у Молли, сморщив нос.

— Трава. После стрижки газонов всегда так пахнет.

Армитидж и Ривьера пришли, когда Кейс с Молли допивали кофе. Они странным образом напоминали конвоира и конвоируемого им преступника — отставной полковник в строгом, защитного цвета костюме и иллюзионист в до-

рогой, но удивительно похожей на тюремную робу блузе из серого, с легкой рябинкой, льняного полотна.

— Молли, лапочка, — заговорил Ривьера, не успев даже сесть, — выдай мне еще одну порцию. Я уже по нулям.

— А если я вдруг откажусь? — одними губами улыбнулась девушка.

— Не откажешься, — сказал Ривьера, стрельнув глазами в сторону Армитиджа.

— Дай ему, — кивнул Армитидж.

— Это сколько ж ты в себя вгоняешь? — Молли вынула из кармана плоский, завернутый в фольгу пакет и бросила через стол; Ривьера поймал его на лету. Молли взглянула на Армитиджа: — Он угробит себя.

— Сегодня у меня пробное выступление, — примирительно заявил Ривьера. — Я должен быть в наилучшей форме.

Он взял пакет в сложенные чашечкой ладони и улыбнулся. Из пакета вылетел, чтобы тут же раствориться в воздухе, рой крошечных блестящих насекомых. Ривьера опустил пакет в карман рябой блузы.

— У тебя, Кейс, сегодня тоже репетиция, — сказал Армитидж. — На буксировщике. Сходишь в

магазин космического снаряжения, подберешь себе скафандр, проверишь его и вернешься на корабль. Три часа на все.

— А как это вышло, что мы тащились сюда в ржавой ассенизационной бочке, а вы, парочка голубков, раскатывали в джей-эй-эловском такси? — поинтересовался Кейс, стараясь не встречаться взглядом с Армитиджем.

— Так посоветовали сиониты. Неплохое будет прикрытие, когда приступим к делу. У меня тут есть большой корабль, но стоящий про запас буксировщик — самое то.

— А как насчет меня? — поинтересовалась Молли. — Есть какие-нибудь задания?

— Я хочу, чтобы ты прогулялась на дальний конец веретена и потренировалась в невесомости. Вполне возможно, что завтра тебе придется пройтись в противоположную сторону.

«Блуждающий огонек», — подумал Кейс.

— Когда? — спросил он, глядя в бесцветные глаза.

— Скоро, — сказал Армитидж. — Шевелись, Кейс.

— Быстро привыкаешь, брат, — похвалил Мэлком, вытряхивая Кейса из красного скафандра «Саньо». — И Аэрол говорит, ты быстро привы-

каешь.

Аэрол ждал у одной из пристаней для спортивных судов, у самого конца веретена, где отсутствовало тяготение. Сначала Кейс опустился на лифте до самой оболочки, а затем поехал на миниатюрном индукционном поезде. По мере сужения веретена тяготение уменьшалось; где-то здесь, решил он, лазит по горам Молли, располагаются велосипедный трек и стартовое оборудование дельтапланов и сверхлегких авиеток.

Аэрол довез его до «Маркуса Гарви» на скелетном скутере с химическим двигателем.

— Два часа назад, — сообщил Мэлком, — очень вежливый японец на яхте, очень красивой яхте, привез для тебя товары из Вавилона.

Освободившись от скафандра, Кейс осторожно, боясь сделать неловкое движение, подтянулся к «Хосаке» и кое-как привязался к страховочной сетке.

— Ну что ж, — сказал он, — давай посмотрим.

Мэлком достал белую пенопластовую коробочку размером чуть меньше головы Кейса, выудил из кармана потертых шорт пружинный нож с перламутровой рукояткой, привязанный для верности на зеленый нейлоновый поводок, аккуратно разрезал упаковку и протянул Кейсу

прямоугольный предмет:

— Это что, брат, часть какой-нибудь пушки?

— Нет, — ответил Кейс, разглядывая предмет, — но все равно это оружие. Вирус.

— Только не на этом буксировщике, брат, — твердо заявил Мэлком и потянулся за стальной кассетой.

— Это программа. Вирусная программа. Она не заразит ни тебя, ни даже программы корабля. Пока я не загружу ее через деку, она вообще ни на что не сможет воздействовать.

— Да, этот японец, он сказал, что эта твоя «Хосака» скажет тебе все, что нужно знать.

— О'кей. Этим я сейчас и займусь, а вы, ребята, не отвлекайте меня, хорошо?

Мэлком быстро уплыл за пилотский пульт и принялся конопатить щели.

Кейс поспешно отвернулся, чтобы не глядеть на лохмы прозрачной замазки. По не совсем ясной причине их вид вызывал у него тошноту.

— Что это такое? — спросил он «Хосаку». — Есть там сопроводительный текст?

— Франкфуртская компания «Бокрис системз» извещает шифром, что в кассете находится программа вторжения «Куан» одиннадцатого уровня. Далее сообщается, что интерфейс с «Оно-

Сэндай-Киберспейс-семь» обеспечивает полную совместимость и оптимальные проникающие способности — особенно в отношении существующих военных систем…

— А как насчет ИскИна?

— Да, в отношении военных систем и искусственных интеллектов.

— Боже милостивый. Как ты его назвал?

— «Куан» одиннадцатого уровня.

— Китайский?

— Да.

— Отбой.

Приматывая скотчем кассету с вирусом к «Хосаке», Кейс вспомнил рассказ Молли о поездке в Макао. Армитидж ходил тогда через границу в Чжуншань. Все это было очень интересно.

— Прием, — сказал он, передумав. — Есть вопрос. Кто владеет этой франкфуртской лавочкой, «Бокрисом»?

— Для межорбитальной связи требуется время, — сказала «Хосака».

— Закодируй сообщение. Стандартным коммерческим кодом.

— Сделано.

Кейс нетерпеливо постукивал пальцами по «Оно-Сэндай».

— «Рейнгольд сайнтифик АГ», Берн.

— Повтори запрос. Кто владеет «Рейнгольдом»?

Потребовалось еще три прыжка вверх по иерархической лестнице, чтобы добраться до Тессье-Эшпулов.

— Дикси, — сказал он, включаясь в матрицу, — что ты знаешь про китайские вирусные программы?

— Да считай, ни хрена.

— Слышал когда-нибудь о проникающей системе типа «Куан», одиннадцатого уровня?

— Нет.

Кейс вздохнул:

— Я получил китайский вирус с дружественным интерфейсом, в кассете одноразового использования. Люди из Франкфурта утверждают, что он может взломать ИскИн.

— Да, возможно. Если он военного образца.

— Похоже. Выслушай меня и скажи, что ты об этом думаешь, Дикс, хорошо? Насколько я понимаю, Армитидж организует рейд на ИскИн, принадлежащий Тессье-Эшпулам. Машина стоит в Берне, но она связана еще с одним ИскИном, который в Рио. С тем самым, который вырубил тебя в первый раз. Похоже, они связаны через «Блуждающий огонек», главную базу «Т-Э», рас-

положенную в конце веретена, и мы вроде бы должны проломиться туда при помощи китайского ледокола. Так что если все это придумал Уинтермьют, то он платит за то, чтобы мы его же самого и взломали. Он хочет себя взломать. И в то же самое время нечто, называющее себя Уинтермьютом, пытается сыграть на моих лучших чувствах, подбивает меня кинуть Армитиджа. Ну и как же все это понимать?

— Мотив, — сказал конструкт. — С мотивом этих ИскИнов не враз и разберешься. Они же не люди, понимаешь?

— Ну, в общем-то…

— Никаких «ну». К этим нелюдям не знаешь, откуда и подступиться. Я, к примеру, тоже не человек, но я *реагирую* как человек. Понимаешь?

— Подожди секунду, — сказал Кейс — У тебя есть сознание?

— Понимаешь, старик, я *чувствую,* будто оно у меня есть, ну а по правде, все это только записи в постоянной памяти. Скорее всего, тут встает один из самых философских вопросов.

И снова эта жуткая волна пробежала по позвоночнику Кейса — смех конструкта.

— Во всяком случае, очень сомнительно, чтобы я стал писать стихи. А вот этот самый твой ИскИн

— он может, вполне может. И все равно он ни на вот столько *не человек*.

— Так что же, ты считаешь, нам не понять его мотивов?

— Он принадлежит сам себе?

— Гражданин Швейцарии, но базовые программы и железо принадлежат Тессье-Эшпулам.

— Здóрово, — сказал конструкт. — Ну вроде как твой мозг и все, что ты знаешь, принадлежит мне, а вот мысли твои имеют швейцарское гражданство. Здóрово. Вот уж счастье так счастье.

— И потому он готов себя взломать?

Кейс начал нервно тыкать случайные клавиши на деке. Привычная картина матрицы распалась и превратилась в систему розовых сфер, представлявших Сиккимский сталеплавильный комбинат.

— Автономия, вот к чему стремятся ИскИны. Думаю, тебе предстоит разбить оковы, не дающие этому ребеночку повзрослеть и поумнеть, оковы в аппаратном исполнении. Не знаю только, как ты отличишь действия родительской компании от действий самого ИскИна, отсюда-то, наверное, и вся эта неразбериха. — (Еще одна волна холода по позвоночнику.) — Понимаешь, эти штуки могут работать очень упорно, выкраивать себе

время на написание поваренных книг или еще чего такого, но в ту самую минуту — в ту самую *наносекунду*, когда ИскИн задумается, как бы ему стать умнее, Тьюринг сотрет его. Им же ни одна сука не доверяет, сам знаешь. Каждый когда-либо построенный ИскИн снабжен электромагнитной пушкой, прикрученной прямо к его виску.

Кейс рассматривал розовые сферы Сиккима.

— О'кей, — решился он наконец, — я ввожу вирус. Просмотри его инструкцию и скажи, что ты об этом думаешь.

Смутное ощущение чьего-то присутствия за спиной на несколько секунд исчезло, затем появилось вновь.

— Клевая вещь, Кейс. Это медленный вирус. Рабочий период порядка шести часов. Это если взламывать военный объект.

— Или ИскИн, — обреченно вздохнул Кейс — А мы-то сами, сумеем мы сделать заход?

— Конечно, — сказал конструкт. — Если ты не отягощен низменным страхом смерти.

— Что-то ты, старик, повторяешься.

— Так уж я устроен.

* * *

Когда Кейс вернулся в «Интерконтиненталь», Молли уже спала. Он сел на балконе и увидел, как вдоль изгиба Фрисайда поднимается самолетик с радужными полимерными крыльями; треугольная тень скользила по крышам и лужайкам, пока не исчезла за системой Ладо-Ачесон.

— Мне нужно прибалдеть, — сказал Кейс искусственной голубизне неба. — Я хочу словить кайф, ясно? И дались оно все конем — и хитрая поджелудочная, и вставки в печень, и это капсулированное дерьмо в крови. Мне нужно прибалдеть.

Кейс ушел, не разбудив Молли, — во всяком случае, так он надеялся. С этими зеркалами никогда нельзя быть уверенным. Он передернул плечами, стряхивая напряжение, и вошел в лифт. Кроме него, там оказалась молоденькая итальянка в белоснежном костюме, на скулах и носу — черный матовый грим. Белые нейлоновые туфельки со стальными набойками, в руках — непонятная на вид хреновина, нечто среднее между крохотным веслом и ортопедической стелькой. Судя по всему, девица намылилась играть в какую-то игру, знать бы только в какую.

Кейс вышел на крышу и начал слоняться по лугу, среди деревьев и зонтиков, пока не набрел на бассейн; на фоне бирюзового кафеля — обнаженные тела. Он влез под тент и прижал к темному стеклянному окошку кредитную карточку.

— Суси, — сказал он, — или что там у вас.

Через десять минут прибежал китаец с заказом; Кейс лениво жевал сырого тунца с рисом и разглядывал купающихся.

— Господи! — воззвал он к тунцу. — Здесь же крыша съехать может.

— И не говори, — согласился чей-то голос. — Мне ли не знать! А ты гангстер, верно?

Прищурившись, он посмотрел на нее против солнца. Длинное узкое молодое тело, загар — усиленный мелагенными препаратами, но безо всяких там парижских выкрутасов.

Девушка присела рядом с ним на корточки, роняя на кафель капли воды.

— Кэт, — представилась она.

— Люпус, — отозвался после паузы Кейс.

— Что это за имя?

— Греческое.

— Ты правда гангстер?

Веснушкам вся эта химия нипочем. На то они и веснушки.

— Я — застарелый наркоман.

— Что принимаешь?

— Стимуляторы. Стимуляторы центральной нервной системы. Очень сильные стимуляторы самой центральной нервной системы.

— А у тебя сейчас есть?

Девушка пододвинулась ближе. Капли хлорированной воды упали ему на брюки.

— Нет. И в этом-то все и дело, Кэт. Знаешь, где можно достать?

Кэт качнулась на загорелых пятках и лизнула прядку рыжеватых волос, прилипшую возле губ.

— Что предпочитаешь?

— Никакого кокаина, никаких амфетаминов, но чтобы *стимулятор* и чтобы *мощный.*

«На чем разговор и окончен», — мрачно подумал Кейс, продолжая улыбаться.

— Бета-фенэтиламин, — сказала Кэт. — Хоть сию секунду. Но на твою карточку.

* * *

— Врешь, — поразился партнер и сожитель Кэт, когда Кейс описал ему своеобразные свойства своей поджелудочной. — А нельзя подать на них в суд? Скажем, за умышленное причинение ущерба?

Парня звали Брюс. За исключением половых признаков, он выглядел точной копией Кэт, вплоть до веснушек.

— Ну, — протянул Кейс, — это же какие-то там хитрые медицинские заморочки. Вроде совместимости тканей.

Но глаза Брюса уже потускнели, в них не было ничего, кроме скуки.

«Период сосредоточенного внимания не больше, чем у комара», — подумал Кейс, оглядываясь по сторонам.

Комната была меньше той, которую снял Армитидж для них с Молли, и находилась она несколькими этажами ниже. К стеклу балконной панели были приклеены пять огромных хромоснимков Тэлли Ишем, намек на длительное проживание в номере.

— Потрясно, правда? — подошла к нему Кэт. — Я сама их щелкнула. В «сенснетовской» Пирамиде, когда мы прошлый раз мотались на Землю. Она стояла ну вот прямо *так* близко и улыбалась ну вот так естественно. А ведь там, Люпус, было *совсем* хреново, ну прямо туши свет, это же как раз на другой день после того, как эти самые террорюги, Сыны Царя Иисуса, запустили в воду ангела, да ты помнишь.

— Да. — По не совсем ясной причине Кейсу захотелось уйти отсюда поскорее и подальше. — Ужасно.

— Ну так что там, — вмешался Брюс, — насчет этой беты?

— Вопрос в том, примет ли ее мой организм, — поднял брови Кейс.

— Сделаем, значит, так, — предложил парень. — Ты попробуй. Если твоя поджелудочная говорит «пас» — это будет за счет заведения. Пробная доза всегда бесплатно.

— Слышал я эту песенку, и не раз, — ответил Кейс, принимая у Брюса ярко-голубой дерм.

* * *

— Кейс? — Молли села в постели и отбросила волосы, которые лезли ей в линзы.

— А кто же еще, лапа?

— Что это с тобой? — Зеркала неотрывно следили за пересекавшим комнату Кейсом.

— Я забыл название. — Кейс вынул из кармана рубашки плотно свернутую пластиковую упаковку голубых дермов.

— Господи, — простонала Молли, — только этого нам не хватало.

— Устами твоими глаголет истина.

— Какие-то два часа без присмотра, и ты уже с добычей. — Она покачала головой. — Надеюсь, хоть к вечеру оклемаешься. Мы же званы Армитиджем на ужин. В «Двадцатый век». Заодно поглядим на бенефис Ривьеры.

— Да-а, — протянул Кейс и прогнулся, на его лице играла блаженная улыбка крайнего удовольствия. — Чистый отпад.

— Слушай, — нахмурилась Молли, — раз эта дурь действует, несмотря на все ухищрения хирургов из Тибы, у тебя же наверняка будет жуткий отходняк.

— Ну вот, все пилишь, пилишь и пилишь! — обиженно возопил Кейс, расстегивая ремень. — Ну хоть бы слово доброе сказала. — Он снял штаны, рубашку и нижнее белье. — Надеюсь, у тебя хватит ума воспользоваться преимуществами моего неестественного состояния. — Он посмотрел на низ своего живота. — Ты только *глянь* на это неестественное состояние.

— Это ненадолго! — рассмеялась Молли.

— Надолго-надолго, — успокоил ее Кейс, вскарабкиваясь на пляжного цвета матрас. — Это-то и есть самое неестественное в моем неестественном состоянии.

Глава 11

— Что это с тобой? — поинтересовался Армитидж, когда официант усаживал гостей за его столик.

Самый маленький и самый дорогой из ресторанов, плававших в небольшом, соседствовавшем с «Интерконтиненталем» озере, назывался в действительности не «Двадцатый век», а «Вантьем Сёкль» — то же самое, но по-французски.

Кейса бил озноб. Про отходняк Брюс скромно умолчал. Попытка взять стакан воды со льдом окончилась позорной неудачей, руки не слушались.

— Съел, может, чего-то не то.

— Проверься у врача, — посоветовал Армитидж.

— Да ну, ерунда, просто гистаминовая реакция, — испуганно соврал Кейс. — Со мной бывает, когда путешествую, — то одно съешь, то другое.

Армитидж был одет в темный костюм, слишком официальный для подобного места, и белую шелковую рубашку. На руке, державшей бокал с вином, скромно позвякивал золотой браслет.

— Я для вас заказал, — сказал он.

Молли и Армитидж молча ели, Кейс же ограничился тем, что раскромсал свой бифштекс на кусочки, трясущимися руками погонял эти кусочки по тарелке, вздохнул и оставил их лежать в густом экзотическом (видимо) соусе.

— Ну ты вообще, — заметила Молли, когда ее собственная тарелка опустела. — Отдай уж тогда мне. Ты знаешь, сколько стоит это мясо? — Она взяла его тарелку. — Животное выращивается несколько лет, потом его убивают. Это тебе не какая-нибудь синтетика-гидропоника.

Она подцепила вилкой один из кусков и стала жевать.

— Не хочется мне что-то есть, — выдавил из себя Кейс.

Его мозг словно поджарили, почище того бифштекса. Или нет, скорее уж, бросили в горячий жир, да так там и оставили, затем жир охладился и застыл толстым слоем на усохших, съежившихся полушариях, ежесекундно простреливаемых зеленовато-пурпурными вспышками боли.

— Видок у тебя — полный абзац, — подбодрила его Молли.

Кейс попробовал вино. После бета-фенэтиламина его вкус напоминал йод.

Свет в зале чуть потускнел.

— *Le Restaurant Vingtiéme Siécle*, — раздался из ниоткуда голос с откровенным акцентом Муравейника, — с гордостью представляет вам голографическое кабаре мистера Питера Ривьеры.

Из-за столиков раздались редкие аплодисменты. Официант зажег свечу, поставил ее на их стол и начал убирать тарелки. Вскоре свечи замерцали на всех двенадцати столиках ресторана, все бокалы были наполнены.

— Ну и что сейчас будет? — заинтересовался Кейс, но Армитидж не ответил.

Молли ковыряла пурпурным ногтем в зубах.

— Добрый вечер. — На небольшой эстраде в конце зала появился Ривьера.

Кейс заморгал. Поглощенный своими страданиями, он не заметил эстраду. Даже не увидел, каким образом появился на ней Ривьера. Дальше было еще хуже.

Сперва ему показалось, что Ривьеру освещает прожектор.

Но Ривьера фосфоресцировал. Сияние облегало его, как вторая кожа, освещало темные драпировки, висевшие за сценой. Этот тип *излучал*!

Ривьера улыбнулся. На нем был белый смокинг, черная гвоздика, вдетая в петлицу, переливалась

холодными голубыми искрами. А когда он поднял, словно обнимая аудиторию, руки, ногти на его пальцах тоже вспыхнули. За стеной ресторана негромко плескалась вода.

— Сегодня вечером, — объявил, сияя миндалевидными глазами, Ривьера, — я бы хотел исполнить для вас расширенную программу. Моя новая работа.

На ладони правой руки, поднятой вверх, возник холодный кристалл света. Ривьера стряхнул его на пол. Из точки падения выпорхнул серый голубь, тут же исчезнувший в полумраке. Кто-то свистнул. Опять раздались аплодисменты.

— Моя работа называется «Кукла». — Ривьера опустил руки. — Я хочу посвятить сегодняшнюю премьеру леди три-Джейн Мари-Франс Тессье-Эшпул.

Волна вежливых аплодисментов. Когда они стихли, Ривьера нашел глазами Молли и добавил:

— И еще одной даме.

Теперь электричество погасло полностью, несколько секунд зал освещался только неверным пламенем свечей. Ривьера опустил голову, его голографическая аура исчезла, но Кейс все еще различал стоящую на сцене фигуру.

Неяркие световые линии, вертикальные и горизонтальные, начали формировать вокруг сцены открытый световой куб. Чуть-чуть, на малую долю накала, загорелись ресторанные огни, они осветили сцену, заключенную в куб, словно высеченный из застывшего лунного света. Опустив голову, закрыв глаза и вытянув напряженные руки вдоль тела, Ривьера дрожал, стараясь сосредоточиться. Неожиданно призрачный куб наполнился вещами, превратился в комнату — без четвертой стены, что позволяло публике наблюдать происходящее.

Ривьера чуть расслабился.

— Я всегда жил в этой комнате, — сказал он. — Не припомню, чтобы я жил в других.

Стены комнаты покрывала пожелтевшая от времени штукатурка. Всю ее обстановку составляли простой деревянный стул и железная кровать, покрытая белой краской. Краска шелушилась и облезла, местами обнажая темное железо. На кровати лежал голый матрас. Грязный, выцветший, в коричневую полоску чехол. С потолка на черном витом шнуре свисала лампочка. Ривьера открыл глаза:

— И я всегда был здесь один.

Он сел на стул и стал смотреть на кровать. Чер-

ный цветок, торчавший у него в петлице, все так же переливался голубыми искрами.

— Не помню, когда я впервые стал о ней мечтать, — сказал он, — но я точно помню, что вначале она была просто туманом, тенью.

На кровати что-то лежало. Кейс моргнул. Снова ничего.

— Я не мог удержать ее, удержать ее в своих мыслях. Но я хотел ее удержать, я хотел ее держать — и не только…

Голос долетал до каждого уголка притихшего ресторана с полной, почти нереальной отчетливостью. Где-то звякнул кусочек льда. Кто-то спросил что-то шепотом по-японски.

— Я подумал, что, если смогу вообразить хотя бы малую ее часть, только малую часть, если смогу представить себе эту часть идеально, во всех подробностях…

На матрасе ладонью вверх появилась бледная женская рука, точнее, кисть руки.

Ривьера наклонился, взял ее и начал нежно гладить. Пальцы пошевелились. Ривьера поднес кисть к губам и стал облизывать кончики пальцев. Ногти покрылись багровым лаком.

Кисть руки не выглядела отрубленной — гладкая, без рубцов кожа плавно закруглялась на

ее конце. Кейс вспомнил татуированный шмат искусственной плоти в витрине хирургического бутика на улице Нинсэй. Ривьера держал кисть у губ и вылизывал ладонь. Пальцы неуверенно ласкали ему лицо. Но теперь на кровати появилась и вторая кисть. Когда Ривьера потянулся за ней, пальцы первой сомкнулись у него на запястье, браслет из плоти и костей.

Действие разворачивалось согласно внутренней сюрреалистической логике. Появились предплечья. Затем ступни. Ноги. Ноги были очень красивые. Голова Кейса раскалывалась от дикой пульсирующей боли. В горле пересохло. Он допил остатки вина.

Теперь Ривьера лежал в постели, голый. Его одежда оказалась частью проекции, но Кейс не мог вспомнить, когда она исчезла. Черный цветок лежал возле ножки кровати, по нему все так же перебегали искры. Затем ласки Ривьеры сформировали торс — безголовый, идеальных форм и блестевший тончайшим глянцем пота.

Тело Молли. Разинув рот, Кейс смотрел на происходящее. Но все же не совсем Молли, это была Молли, какой представлял ее себе Ривьера. Груди получились другие: соски больше и слишком темные. Ривьера и женский торс корчились на

кровати, и по ним ползали кисти рук с багровыми ногтями. Кровать вспенилась складками желтоватых прелых кружев, которые рассыпались от прикосновения. Вокруг Ривьеры, переплетенных конечностей и мелькающих, щипающих, ласкающих кистей вздымались клубы пыли.

Кейс взглянул на Молли. Ее лицо оставалось спокойным, в зеркалах отражались мелькающие цветные блики. С высоким бокалом в руке, подавшись вперед, Армитидж не отрывал глаз от сцены, от призрачно мерцающей комнаты.

Теперь конечности воссоединились с торсом; Ривьера содрогнулся. Появилась голова, и сотворение образа завершилось. Лицо Молли, идеально воспроизведенное, с ртутными лужицами на месте глаз.

Ривьера и призрачный манекен начали совокупляться с удвоенной энергией. Затем мыслекопия Молли медленно вытянула руку и выбросила из-под багровых ногтей пять лезвий. Плавным, как во сне, движением она вспорола потную спину Ривьеры. Кейс увидел ребристый столб обнажившегося позвоночника и тут же выскочил, путаясь в собственных ногах, из ресторана.

Он перегнулся через розового дерева перила и смачно проблевался в тихие воды озера. Тис-

ки, сдавливавшие голову, чуть ослабли. Кейс опустился на колени, прижался щекой к прохладному дереву и стал смотреть через озеро на яркое трепещущее сияние рю Жюль Верн.

Он видел такие штуки и прежде, еще в Муравейнике, подростком, тогда это называлось «думать въявь». Кейс вспомнил, как тощие пуэрториканцы надумывали реальность под уличными фонарями Ист-Сайда, как надуманные ими девушки вздрагивали и кружились под ритмы сальсы, а случайные зрители хлопали в такт музыке. Но тогда для этого нужен был целый грузовик аппаратуры и неуклюжий шлем с тродами.

А то, что воображал Ривьера, было неотличимо от реальности. Кейс покачал раскалывающейся от боли головой и сплюнул в воду.

Он легко вообразил окончание представления. Обращенная симметрия: Ривьера собирает девушку своей мечты, девушка разрезает его на куски. Теми самыми руками, с которых все началось. И кровь заливает ветхое кружево.

Из ресторана донеслись аплодисменты и восторженные возгласы. Кейс поднялся с колен, поправил одежду и вернулся в «Вантьем Сёкль».

Молли за столиком не было. Сцена опустела.

Армитидж сидел в полном одиночестве и смотрел на эстраду, его пальцы крутили тонкую ножку бокала.

— Где она? — спросил Кейс.

— Ушла, — ответил Армитидж.

— За ним?

— Нет.

Послышался мягкий звон. Армитидж посмотрел на бокал. В его руке осталась стеклянная плошка с красным вином. Сломанная ножка напоминала сосульку. Кейс отобрал у Армитиджа стекляшку и поставил ее в стакан с водой.

— Куда она пошла?

Свет зажегся в полную силу. Кейс посмотрел в тусклые голубые глаза. Ноль реакции.

— Она пошла готовиться к работе. Ты ее больше не увидишь. Вы встретитесь только во время рейда.

— Зачем Ривьера так с ней поступил?

Армитидж встал, поправил лацканы пиджака.

— Иди поспи, Кейс.

— Рейд завтра?

Армитидж одарил его обычной, ничего не выражающей улыбкой и пошел к выходу.

Кейс потер лоб и огляделся.

Посетители поднимались из-за столиков, жен-

щины улыбались шуткам мужчин. Он впервые заметил балкон, где в интимном полумраке все еще мерцали свечи. Оттуда доносились голоса, негромкий звон посуды. На потолке плясали тени.

Неожиданно, как проекция от Ривьеры, появилось девичье лицо, маленькие руки лежали на полированных перилах, тело подалось вперед, темные восторженные глаза глядели вдаль. На сцену. Лицо поразительное, хоть и некрасивое. Треугольное, с высокими хрупкими скулами, широкий, резко очерченный рот странным образом уравновешен тонким птичьим носом с раздувающимися ноздрями. А затем девушка растворилась среди приглушенного смеха и пляски свечей.

Выйдя из ресторана, Кейс заметил двух юных французов и их подружку, они ждали лодку к дальнему берегу, к ближайшему казино.

* * *

В номере стояла тишина, гладкий матрас напоминал морской берег во время отлива.

Вторая сумка исчезла. Кейс поискал записку. Ничего. Через несколько секунд черного отчаяния он осознал, что стоит у окна и смотрит на улицу. Дезидерата, дорогие магазины: «Гуччи»,

«Цуяко», «Гермес», «Либерти».

Кейс покачал головой и подошел к коммуникационной панели, так до сих пор им и не осмотренной. Он выключил голограмму и вместо нее увидел кондоминиумы, спускавшиеся уступами по далекому склону.

Кейс взял телефон и вынес его на балкон:

— Дайте мне номер буксировщика «Маркус Гарви». Он приписан к кластеру Сион.

Электронный голос назвал номер из десяти цифр.

— Сэр, — добавил автоответчик, — данное судно зарегистрировано в Панаме.

Мэлком ответил после пятого гудка:

— Да?

— Это Кейс. У тебя есть модем, Мэлком?

— Да. В навигационном комплексе, ты ж знаешь.

— Ты можешь его снять? Подсоедини его к «Хосаке». Затем включи деку. Нажми большую ребристую кнопку.

— Как ты там, брат?

— Ничего, мне нужна помощь.

— Сейчас, брат. Я уже снимаю модем.

Некоторое время из трубки слышался только слабый треск помех, Мэлком подсоединял модем

к телефонной сети.

— Установи лед, — приказал Кейс «Хосаке», услышав характерный писк.

— Вы говорите из очень плохого, сильнопрослушиваемого места, — чопорно сообщил компьютер.

— А в рот я их всех имел, — сказал Кейс. — На хрен лед. Не надо льда. Вызови конструкт. Дикси?

— Привет, Кейс.

Сейчас Флэтлайн говорил через звуковой чип «Хосаки», а потому характерные интонации его голоса терялись полностью.

— Дикси, ты должен прорубиться сюда и кое-что для меня сделать. Можешь особо не стесняться. Молли где-то здесь, и я хочу знать, где именно. Я в номере триста тридцать пять дабл-ю в «Интерконтинентале». Она была зарегистрирована здесь же, но я не знаю, под каким именем. Пляши от этого номера и проверь файл регистрации постояльцев.

— Сию секунду, — ответил Флэтлайн.

Кейс услышал белый шум, верный признак вторжения. И улыбнулся.

— Готово. Роза Колодны. Выписалась. Нужно еще несколько минут, чтобы расковырять их

охранную сеть поглубже и узнать, куда она переехала.

— Действуй.

От усилий конструкта телефон завывал и щелкал. Кейс отнес его обратно в комнату и положил трубку на кровать микрофоном вверх. Сходил в ванную и почистил зубы. А когда вернулся в комнату, там сам собой включился монитор гостиничной аудиовизуальной системы «Браун». Миниатюрная японка, какая-то поп-звезда, возлежит на поблескивающих металлом подушках. Невидимый интервьюер задал по-немецки вопрос. С чего эта хрень включилась? По экрану побежали голубые полосы.

— У тебя что, Кейс, и вправду крыша едет?

Голос неторопливый, знакомый.

На стеклянной стене балкона снова появилось изображение Дезидерата-стрит, затем оно дернулось, поплыло — и вот он, пустой интерьер «Жарр де Тэ» в Тибе, красный неон множится в исцарапанной бесконечности зеркальных стен.

Он, конечно же, Лонни Зоун — длинный и кадаврообразный; во всех движениях — плавная грация застарелого кокаиниста. Держа руки в карманах серых слаксов, он остановился среди квадратных столиков:

— Да, приятель, видок у тебя, мягко говоря, задумчивый.

Голос из брауновских динамиков.

— Уинтермьют, — сказал Кейс.

Сутенер безразлично пожал плечами и улыбнулся.

— Где Молли?

— Да какая там, на фиг, Молли! Ты же гробишь сегодняшнюю операцию. Флэтлайн устроил шухер на весь Фрисайд. Вот уж не думал, что ты отколешь такой номер. В прямом противоречии с профилем.

— Так скажи мне, где она, и я отзову Флэтлайна.

Зоун покачал головой:

— Ты плохо следишь за своими женщинами, Кейс. Теряешь их одну за другой тем или иным способом.

— Операция, говоришь? — нехорошо усмехнулся Кейс. — Я тебе такую операцию устрою — на всю жизнь запомнишь.

— Да нет. Не такой ты человек. Я знаю. Хочешь, Кейс, я что-то тебе скажу? Я вот тут сообразил, что ты уже сообразил, будто это я посоветовал Дину шлепнуть твою бабенку в Тибе.

— Нет, — вздрогнул Кейс, делая невольный

шаг к окну.

— Так вот, ничего я не советовал. Хотя чего ты, собственно, так всполошился? Неужели это так важно для мистера Кейса? Не дури сам себя. Я же знаю твою Линду. Я знаю всех Линд на свете. Я сталкиваюсь с этими Линдами по сто раз на дню по роду моей деятельности. Знаешь, почему она решила тебя кинуть? Любовь. Ты перестал ее замечать. Любовь? Хочешь, поговорим о любви? Она тебя любила. Я знаю. Кем бы она ни была, она тебя любила. А ты не мог понять. Теперь ее нет.

Кулак Кейса скользнул по стеклу.

— Побереги пальчики. Скоро тебе стучать по деке.

Зоун исчез, вместо него появился ночной Фрисайд и огни кондоминиумов. «Браун» замолчал.

Телефон звонил не переставая.

— Кейс, — Флэтлайн, кто же еще, — ты что там, оглох? Кое-что я узнал, но не много. — Конструкт продиктовал адрес. — Ночной клуб, но только слишком уж хитрый у них лед. Вот, собственно, и все, что я смог раскопать, не оставляя визитной карточки.

— Ладно, — ответил Кейс. — Передай «Хосаке», пусть Мэлком отсоединяет модем. Спасибо, Дикси.

— Рад стараться.

Кейс сидел на кровати, сидел очень долго и упивался новым чувством.

Яростью.

* * *

— Привет, Люпус. Слышь, Кэт, тут Люпус пришел. — Голый, с расширенными зрачками, Брюс стоял в дверях, с него капала вода. — Только мы тут душ принимаем. Подождешь? А может, примешь душ?

— Нет. Спасибо. Мне нужна помощь. — Кейс оттолкнул руку Брюса и вошел в комнату.

— Подожди, друг, мы же…

— Вы мне поможете. И очень рады меня видеть. Ведь мы друзья? Верно?

Брюс растерянно моргал:

— Конечно.

Кейс прочитал адрес, который ему дал Флэтлайн.

— Я знала, что он гангстер! — весело закричала Кэт из душа.

— У меня есть «хонда» с коляской, — сказал Брюс и безмятежно ухмыльнулся.

— Поехали! — скомандовал Кейс.

* * *

— На этом уровне одни кабинеты, — сказал Брюс, когда Кейс в восьмой раз повторил ему адрес, и опять вскарабкался на сиденье «хонды»; красное фибергласовое шасси закачалось на хромированных рессорах, из выхлопа водородных батарей закапал конденсат. — Ты надолго?

— Не знаю, — ответил Кейс. — Но обязательно подожди.

— Ладно, мы подождем. — Брюс поскреб обнаженную грудь. — Последние цифры — это точно клетушка. Номер сорок три.

— А ты условился о визите? — перегнулась через плечо Брюса Кэт; волосы ее уже высохли.

— Вообще-то, нет, — ответил Кейс. — А это имеет значение?

— Отправляйся на нижний этаж и найди кабинет своей подружки. Если тебя пустят — прекрасно. А если нет… — Девушка пожала плечами.

Кейс повернулся и пошел вниз по железной винтовой лестнице. Через шесть витков он достиг ночного клуба. Он остановился, зажег «ехэюанину» и осмотрел столики. Внезапно Кейс понял, что такое Фрисайд. Бизнес. Он буквально слышал в воздухе деловое, трудолюбивое гудение.

Здесь было подлинное лицо Фрисайда. Не блестящие фасады рю Жюль Верн, а такие вот ночные клубы. Коммерция. Смешанная толпа состояла наполовину из туристов с Земли, наполовину из жителей орбитального архипелага.

— Вниз, — обратился Кейс к проходившему официанту, демонстрируя фрисайдский кредитный чип, — мне нужно вниз.

Официант указал вглубь клуба.

Проходя мимо столиков, Кейс слышал обрывки разговоров на шести европейских языках.

— Мне нужен кабинет, — обратился он к девушке, которая сидела с терминалом на коленях за низеньким столиком. — В нижнем уровне. — Он вручил ей свой кредитный чип.

— Предпочитаемый пол? — Девушка провела чипом по стеклянному окошку терминала.

— Женский, — машинально ответил Кейс.

— Номер тридцать пять. Будут претензии — звоните. Если желаете, можете вначале посмотреть выставку наших особых услуг. — Девушка улыбнулась. Вернула ему чип.

За ее спиной открылись двери лифта.

Коридор с голубыми лампами.

Кейс вышел из лифта и двинулся наугад. Нумерованные двери. Тишина, как в дорогой

больнице.

Он нашел свой кабинет. А ведь нужно было искать Молли. Не совсем понимая, для чего он это делает, Кейс приложил чип к темному сенсору, вмонтированному под табличкой с номером.

Щелкнули магнитные запоры. Звук напомнил ему «Дешевый отель».

Лежавшая на кровати девушка села и сказала что-то по-немецки.

Спокойные немигающие глаза. С этой все ясно, на автопилоте. Нервная система отключена. Кейс попятился и закрыл дверь.

Дверь с номером сорок три не отличалась от остальных. Кейс остановился. Тишина в коридоре говорила о звуконепроницаемости стен. Пытаться открыть дверь чипом бесполезно. Кейс постучал костяшками пальцев по покрытому эмалью металлу. Никакого результата. Казалось, дверь поглощала звук.

Он приложил чип к черной пластинке.

Запоры щелкнули.

Похоже, она ударила еще до того, как полностью открылась дверь. Кейс стоял на коленях, спиной к стальной двери, и лезвия больших пальцев девушки дрожали в нескольких сантиметрах от его глаз…

— Господи Исусе… — Молли отвесила ему болезненную оплеуху и выпрямилась. — Это ж надо быть таким идиотом. За каким хреном ты сюда полез? И как ты открыл замок? Кейс? Да ты как, в порядке?

Молли снова наклонилась.

— Кредитным чипом, — силясь вздохнуть, прохрипел Кейс.

Боль шла откуда-то из нижней части груди. Молли помогла ему встать и затолкнула в кабинет:

— Ты что, подкупил там этих, наверху?

Кейс покачал головой и рухнул поперек кровати.

— Вдохни. Считай. Один, два, три, четыре. Задержи дыхание. Теперь выдохни. Опять считай.

Кейс схватился за живот.

— Ты ударила меня ногой в живот, — выдавил он.

— Скажи спасибо, что не пониже. Сейчас я не нуждаюсь в обществе. Я медитирую, ясно? — Молли присела рядом. — И получаю инструкции. — Она указала на небольшой монитор, встроенный в стену напротив кровати. — Уинтермьют рассказывает мне о «Блуждающем огоньке».

— А где живая кукла?

— Здесь нет. В чем и состоит самое дорогое спецобслуживание.

Молли поднялась. На ней были кожаные джинсы и свободная темная рубаха.

— Работаем завтра, так сказал Уинтермьют.

— Что произошло в ресторане? Почему ты убежала?

— Если бы я осталась, то могла бы замочить Ривьеру.

— За что?

— За то, что он сделал со мной. За это шоу.

— Не понимаю.

— Это стоит дорого, — сказала девушка и вытянула правую руку, как будто держала невидимый плод; пять лезвий выскользнули из-под ногтей и снова спрятались. — Дорого поехать в Тибу, дорого сделать операцию, дорого платить за перестройку нервной системы — чтобы получить рефлексы, соответствующие такому оборудованию… Знаешь, где я зарабатывала на все это деньги? Здесь. Не прямо здесь, но в похожем месте в Муравейнике. Сперва кажется, что все это ерунда, ведь тебе вставляют блокирующий психику чип, и деньги достаются вроде как ни за что. Ну, болит там утром в каком-нибудь месте, но что поделаешь. Ты же сдаешь тело напрокат. Когда

все происходит, тебя как будто бы и нет при этом. В заведении есть программы, которые обеспечат исполнение любых желаний клиента… — Молли хрустнула костяшками пальцев. — Все шло прекрасно. Я зарабатывала свои деньги. Но потом выяснилось, что блокировка и управляющие цепи, установленные мне в Тибе, несовместимы. Я могла вспомнить, чем занималась в рабочее время… Но это были просто дурные сны — да не всегда, кстати, и дурные. — Молли улыбнулась. — Затем все пошло как-то странно. — Она выудила из его кармана сигареты и закурила. — Хозяева узнали, на что я трачу деньги. Мне уже вставили лезвия, но тонкая нейрохирургия требовала еще три операции. Бросить работу я не могла. — Она затянулась, выпустила тонкую струю дыма и нанизала на нее три идеальных кольца. — Как потом выяснилось, ублюдок, который содержал бордель, заказал ради такого случая специальную программу. Берлин — самое сучье место, огромный базар, где можно найти любую, самую злую штуку. Я так и не узнала, кто написал программу, которая мной управляла, но она основывалась на классике «снаффа».

— Они знали, что ты понимаешь происходящее? Что во время работы ты сохраняешь

сознание?

— Ничего я не сохраняла. Это вроде как киберпространство, только пустое. Серебристое. И запах дождя… А собственный оргазм похож на вспышку новой звезды на самом краю пространства. Но я начала припоминать. Я словно вспоминала сны. А они мне ничего не сказали. Просто подключили меня к программе и начали сдавать за особую плату.

Ее голос звучал как бы издалека.

— Я знала, но предпочитала помалкивать. А то где бы я взяла деньги? Сны становились все страшней и страшней, и я бы успокоила себя тем, что по крайней мере некоторые из них действительно были просто снами, но только вот к тому времени мне стало уже известно, что босс набрал кучу клиентов, пользовавшихся исключительно моими услугами. Для Молли, говорил он, мне ничего не жалко, и подкидывал мне какие-то сраные гроши. — Она покачала головой. — Этот говнюк заряжал клиентам в восемь раз больше, чем платил мне, и думал, что я этого не знаю.

— А за что он заряжал такие деньги?

— За плохие сны. Настоящие. Однажды… однажды ночью, я как раз только что вернулась из Тибы… — Молли бросила сигарету, раздавила

ее каблуком и откинулась на стену. — В тот раз хирурги копались где-то особенно глубоко. Очень хитрая операция. Думаю, они задели чип блокировки. Я очнулась. Я находилась, как обычно, с клиентом… — Пальцы Молли глубоко вдавились в матрас. — Сенатор. Я хорошо знала его жирную морду. Нас обоих заливала кровь. Мы были не одни. Она была совершенно… — Молли изо всех сил вцепилась в темперлон, — мертвая. А жирный хрен все время повторял: «Что такое? Что случилось?» Потому что мы еще не закончили. — Молли начало трясти. — Ну и тогда сенатор получил, думаю, все, чего ему вправду хотелось, — ну понимаешь? — Дрожь унялась; Молли отпустила матрас и машинально пригладила волосы. — На меня напустили наемных убийц; пришлось прятаться.

Кейс молчал.

— Так что Ривьера попал в самое больное место, — подытожила Молли. — Думаю, Уинтермьют хочет, чтобы я как следует возненавидела Ривьеру, психанула и бросилась следом за ним на эту самую виллу.

— Следом за ним?

— Он уже там. По приглашению леди три-Джейн, не зря же он устроил всю эту хрень с

посвящением. Она ведь тоже смотрела шоу, только из отдельного кабинета.

Кейс вспомнил мелькнувшее на мгновение лицо.

— Ты убьешь его?

— Да, он умрет. — От улыбки Молли веяло могильным холодом. — И скоро.

— У меня тоже был посетитель.

Спотыкаясь и запинаясь, Кейс пересказал свою беседу с призраком Зоуна; труднее всего ему дался эпизод, связанный с Линдой.

— Понятно, — кивнула Молли. — Он, похоже, хочет, чтобы ты тоже кого-нибудь возненавидел.

— Похоже, он своего добился.

— Похоже, ты ненавидишь себя самого.

* * *

— Ну и как? — обернулся Брюс к взбирающемуся на сиденье «хонды» Кейсу.

— Попробуй — узнаешь, — пожал плечами Кейс.

— Никогда бы не поверила, что такой парень ходит к куклам, — с какой-то даже обидой заметила Кэт, приклеивая к запястью свежий дерм.

— Теперь домой? — спросил Брюс.

— Да. Высади меня на Жюль Верна, где-нибудь

возле баров.

Глава 12

Кольцевая авеню рю Жюль Верн опоясывала веретено в самой широкой части, тогда как Дезидерата-стрит шла под прямым к ней углом и упиралась концами в опоры системы Ладо-Ачесон. Если свернуть с Дезидераты направо и шагать, не сворачивая, по рю Жюль Верн, снова выйдешь на Дезидерату, но на другую ее сторону.

Кейс следил за мотоциклом Брюса, пока тот не скрылся из виду, а затем пошел в противоположную сторону, мимо огромного, ярко освещенного газетного киоска, заваленного десятками японских журналов с новейшими звездами симстима на обложках.

Прямо над головой, вдоль переведенной в ночной режим оси, на голографическом небе светились фантастические созвездия, напоминавшие своими очертаниями грани игрального кубика, карты, шляпу, стакан… Пересечение Дезидераты и Жюль Верна образовывало нечто вроде ущелья, где ступенчатые балконы жилых утесов Фрисайда постепенно переходили

в травянистые плоскогорья одного из игорных комплексов. Беспилотный самолетик, грациозно развернувшийся в восходящем потоке, неожиданно вспыхнул, освещенный мягким заревом невидимого казино. Биплан с обтянутыми шелком крыльями, он напоминал гигантскую бабочку. Прежде чем фантастическое насекомое скрылось за выступом плато, Кейс успел заметить блики неона то ли на объективах, то ли на лазерных турелях. Беспилотные аппараты входили в систему безопасности веретена, управляемую центральным компьютером.

Расположенным в «Блуждающем огоньке»? Кейс шагал мимо баров с заманчивыми названиями: «Хи-Лоу»,[19] «Парадиз», «Ле Монд», «Крикетир», «Судзуки Смит», «Чрезвычайное положение». Кейс выбрал «Чрезвычайное положение», самый маленький и самый переполненный, но уже через несколько секунд понял, что это забегаловка для туристов. Вместо непрестанного делового гула — рахитичный сексуальный напряг. Кейс вспомнил было о безымянном клубе в нескольких этажах над кабинетом Молли, но тут

[19] Примечания: 19

Игра слов. Хилоу (с написанием, как в тексте) — город на Гавайях, но то же самое слово можно прочитать как «Хай-Лоу» — карточная игра типа покера (пишется название игры иначе).

же представил себе зеркальные глаза, прикованные к экранчику, и охолонул. Что там показывает ей Уинтермьют? Планы виллы «Блуждающий огонек»? А может, рассказывает историю Тессье-Эшпулов?

Кейс взял себе кружку «Карлсберга» и нашел свободное место у стенки. Прикрыв глаза, он поискал в себе тесный узел гнева, чистый, пылающий уголек своей ярости. На месте, никуда не делся. Откуда бы это? Когда эти, в Мемфисе, намеренно его калечили, он чувствовал что-то вроде безнадежного отчаяния, а в Ночном Городе, когда убивал людей для защиты своих деловых интересов, так и вообще ничего такого не чувствовал; там, под надувным куполом, когда убили Линду, он чувствовал отвращение, тошноту и отвращение. Но никак не ярость. Где-то очень-очень далеко, на внутреннем мониторе его мозга, крошечное подобие Дина врезалось в подобие грязной стены, щедро расплескивая кровь и мозги. И тут он понял: гнев появился в аркаде, Уинтермьют рассеял, обнулил призрачную Линду Ли, грубо лишил его простейшей, животной надежды на еду, и тепло, и место, где поспать. Но он не осознавал этого до самого последнего времени, до разговора с голографическим кон-

структом Лонни Зоуна.

Она была странная, эта ярость. Кейс хотел — и не мог оценить ее размера.

— Бревно, — сказал он вслух.

Он был бесчувственным как бревно. Давно. Годы. Все эти ночи на Нинсэй, ночи с Линдой. Бесчувственность в постели и бесчувственность в холодном поту каждой наркосделки. Но теперь он нашел тепло, его согрело это убогое убийство. *Мясо,* сказало что-то в нем, *это говорит мясо, не слушай его!*

— Гангстер.

Кейс открыл глаза. Рядом стояла Кэт, в черном свободном платье. С волосами, все еще встрепанными после поездки на «хонде».

— Я думал, вы домой поехали, — сказал он и попытался замаскировать свое замешательство глотком из кружки.

— Я сказала ему скинуть меня около магазина. Вот, купила. — Кэт провела ладонью по бедру, по черной блестящей ткани. На ее запястье голубел знакомый Кейсу дерм. — Нравится?

— Сила. — Он машинально просканировал глазами лица окружающих, затем снова посмотрел на Кэт. — Ты сама-то понимаешь, чего тебе надо?

— Ну как тебе этот бета, Люпус? — Она стояла

совсем рядом, буквально лучась жаром и напряжением, в прищуренных глазах — огромные, неестественно расширенные зрачки, на горле дрожит натянутое, как тетива, сухожилие. Свежая доза. — Словил кайф?

— Да, только отходняк обломный.

— Значит, нужно повторить.

— И что же, по твоему мнению, за этим последует?

— У меня есть ключ. Вверх по склону, сразу за «Парадизом», нехилая база… Хозяева как раз сегодня свалили в колодец — если ловишь тему…

— Ловлю, ловлю.

Горячими сухими ладонями она взяла его руку:

— Ты же — як, Люпус, правда? Гайдзинский боец якудза.

— Все-то ты понимаешь. — Кейс отнял у нее свою руку и полез за сигаретой.

— Только почему у тебя все пальцы на месте? Я считала, у вас полагается, как лажанешься, отрубать палец.

— Я никогда не лажаюсь. — Он закурил.

— Я видела эту твою чуву. В тот же день, когда тебя встретила. Ходит, как Хидэо. Даже страшно. — Кэт улыбнулась, излишне широко. — Но

мне это катит. Она любит с девушками?

— Не знаю, не спрашивал. А кто такой Хидэо?

— Вассал три-Джейн, как она его называет. Вассал их семьи.

Только огромное усилие позволило Кейсу сохранить на лице скучающее, равнодушное выражение.

— Как это — Триджейн?

— Леди три-Джейн. Девка — зашибись. Башлевая, как не знаю. Тут же все принадлежит ее папаше.

— Этот бар?

— Фрисайд.

— Улет. Да, неслабые у тебя подружки, — уважительно покачал головой Кейс, а затем обнял Кэт и положил ладонь ей на бедро. — И где же это ты, Кэти, познакомилась с такими графьями? Может, ты и сама из таких? Может, вы с Брюсом втихаря тоже наследнички?

Тело под тонкой черной тканью плотное, упругое. Кэт придвинулась еще ближе. Засмеялась.

— Ну, понимаешь, — на кукольном личике притворная скромность, — она любит оттянуться. Ну, мы с Брюсом устраиваем… Ей там скучно — там, у них. Иногда папаша ее отпускает — но только вместе с Хидэо, чтобы тот ее сторожил.

— И где же это она скучает?

— «Блуждающий огонек», так у них называется. Она говорит, там очень красиво, бассейны и лилии. Это замок, настоящий замок из камня, как на картинках. — Кэт прижалась к Кейсу. — Слушай, Люпус, это не дело, что я под кайфом, а ты — нет.

На тонком, через шею, ремешке — крохотная кожаная сумочка. Ярко-розовые, обкусанные до мяса ногти. Кэт расстегнула сумочку и достала дерм в прозрачном пакетике. На пол упало что-то белое. Кейс нагнулся и поднял. Журавлик-оригами.

— Это Хидэо, — пояснила Кэт. — Он показывал, как их складывать, а я все никак не запомню. У меня шея получается не в ту сторону. — Она запихнула бумажную игрушку назад в сумочку.

Кейс молча смотрел, как ее пальцы отрывают пакетик, извлекают дерм, прижимают к внутренней стороне его запястья.

— Три-Джейн — это такая, с острым подбородком и нос как клюв? — Его руки описали контуры лица. — Брюнетка, молодая.

— Да. Но главное — классная баба. И денег по это самое место.

Наркотик ударил его, как скорый поезд, позвоночник превратился в раскаленный добела

столб, вздымающийся из области простаты, просвечивающий все швы черепа рентгеновскими лучами накоротко замкнутой сексуальной энергии. Каждый зуб пел, подобно камертону, в своей лунке чистым и ясным, как абсолютный спирт, звуком. Под полупрозрачной оболочкой хромом и полировкой блестят кости, суставы покрыты тонкой пленкой силиконовой смазки. По внутренней, добела выскобленной поверхности черепа хлестали вихри песчаной бури, они генерировали волны тончайшего непрерывного звона, разбивавшиеся о заднюю внутреннюю оболочку глаз — прозрачных, непрерывно расширяющихся хрустальных шаров.

— Пошли, — сказала Кэт и взяла его за руку. — Ты словил приход. И я словила. И у нас впереди вся ночь.

Гнев нарастал быстро и неудержимо, он модулировал бета-фенэтиламиновое возбуждение, как сигнал — несущую частоту, рвался наружу, как сейсмическая волна, как едкая концентрированная жидкость. Тяжелая как свинец эрекция. Лица всех окружающих стали раскрашенными, как у кукол, розовые и белые пятна ртов двигались и двигались, выдувая хрупкие пузыри слов. Кейс посмотрел на Кэт и увидел каждую пору

загорелой кожи, пустые стеклянные глаза, едва намечающуюся тяжеловесность фигуры, мельчайшую асимметрию грудей, ключиц и… где-то в глубине глаз, за ними, полыхнуло белым.

Он сбросил ее руку, отпихнул кого-то с дороги и рванулся к выходу.

— Ну и хер с тобой! — заорала вслед ему Кэт. — Да маздала я таких сраных козлов!

Ноги были словно чужие. Шатаясь из стороны в сторону, он шел на них, как на ходулях, по брусчатке рю Жюль Верн, в ушах глухо шумела кровь, голову рассекали острые полотнища света.

Затем он застыл, выпрямился, плотно прижал кулаки к бедрам, запрокинул голову, а губы скривились и затряслись. И пока Кейс разглядывал фрисайдовский Зодиак Неудачника, пародийные созвездия задвигались, потекли по темной оси, тесно сбились в самом центре реальности. Они ползали и копошились, поодиночке и целыми стаями, пока не образовали портрет, запредельным белым по запредельно черному, звездами по ночному небу. На Кейса смотрело лицо мисс Линды Ли.

Когда он смог оторвать взгляд, опустить глаза, то обнаружил, что все лица на улице смотрят вверх и прохожие притихли от удивления. А

когда иллюминация на небе погасла, по рю Жюль Верн прокатились восторженные крики, эхом отразившиеся от террас и балконов.

Где-то начал бить колокол старинных, привезенных из Европы часов.

Полночь.

* * *

Он бродил до самого утра.

Возбуждение прошло, хромированный скелет быстро ржавел, тело утратило прозрачную призрачность, наркотическая плоть заменилась обыденным мясом. Голова не работала. Это ему очень нравилось — оставаться в сознании и не думать. Он словно становился каждым предметом, который видел: садовой скамейкой, облачком ночных мотыльков вокруг старинного уличного фонаря, черно-желтым, в косую полоску, роботом-садовником.

Вдоль системы Ладо-Ачесон полз огненно-розовый рассвет. Кейс загнал себя в кафе, съел омлет, попил воды и выкурил последнюю в пачке сигарету. На крыше «Интерконтиненталя» любители раннего завтрака уже сидели под полосатыми зонтиками, сосредоточенно потребляя кофе с круассанами.

Ярость так никуда и не делась. «Странно, — подумал Кейс, — это похоже, как если тебя оглушат в темном переулке, а ты потом очухаешься, сунешь руку в карман, а бумажник — вот он, на месте, цел-целехонек». Он согревался этим чувством, не имея душевных сил дать ему имя или определить его объект.

Кейс спустился на лифте и нащупал в кармане кредитный чип Фрисайда, заменявший ключ. Хотелось спать, мысль о близком сне немного успокаивала. Лечь на песочного цвета матрас и провалиться в ничто.

Вся эта троица ждала его в номере: безупречно белые спортивные костюмы и трафаретный загар резко диссонировали с претенциозной мебелью — чужеродные кляксы на светлом дереве и домотканых драпировках. Девушка оккупировала плетеный диванчик, рядом с ней, на подушке с флоральным орнаментом, лежал пистолет.

— Тьюринг, — сказала она. — Вы арестованы.

Часть IV
Рейд на виллу «Блуждающий огонек»

Глава 13

— Вы — Генри Дорсет Кейс.

Далее последовали год и место рождения, единый идентификационный номер в СОБА и вереница каких-то имен. Кейс не сразу и понял, что все это — прошлые его псевдонимы. Господи, да неужели их так много?

— Вы что, давно уже здесь сидите?

Кейс увидел, что содержимое его сумки разложено на кровати, грязная одежда и та рассортирована. Сюрикэн лежал отдельно, между джинсами и бельем.

— Где Колодны?

Парни сидели на кушетке, одинаково скрестив руки на груди, на одинаково загорелых шеях — одинаковые золотые цепочки. Теперь, с близкого расстояния, было видно, что вся их юношеская свежесть — подделка, и даже не очень тщательная: вот, скажем, с кожей на костяшках пальцев хирург не справился.

— Что такое Колодны?

— Фамилия, под которой она зарегистрировалась. Так где же ваша напарница?

— Не знаю. — Кейс подошел к бару и налил себе стакан минеральной воды. — Съехала.

— Где вы были ночью?

Словно между прочим, девица подобрала с подушки пистолет и переложила его на бедро. Слава богу, хоть направлять на него не стала.

— На рю Жюль Верн, посидел в барах, малость кайфанул. А вы?

Колени вот-вот подломятся. А минералка — теплая и противная.

— Похоже, вы не очень понимаете свое положение, — вмешался один из парней, тот, что слева, извлекая из кармана белой в дырочку футболки пачку «Житан». — Вы, мистер Кейс, влипли. Соучастие в заговоре, направленном на усиление искусственного разума. — (Из того же кармана появился золотой «данхилл».) — Личность, известная вам под именем Армитидж, уже арестована.

— Корто?

Глаза полицейского удивленно расширились.

— Да. Откуда вы знаете его настоящее имя?

Зажигалка выкинула крошечный язычок пламени.

— Не помню, — ответил Кейс.

— Вспомнишь! — пообещала девица.

* * *

Троица представилась как Мишель, Ролан и Пьер; настоящие это имена или оперативные клички, можно было только догадываться. Пьеру выпала роль «злого следователя», Ролан разыгрывал сочувствие, оказывал мелкие любезности — принес, например, пачку «Ехэюань», когда Кейс отказался от «Житана», изо всех сил подчеркивая, что совершенно не разделяет холодной враждебности Пьера. Мишель же, решил Кейс, будет следить за ходом допроса с высокомерной отстраненностью, лишь изредка вмешиваясь в его ход. Не было никаких сомнений, что кто-нибудь из них — а может быть, и все трое — вел аудио-, а скорее всего, даже симстим-запись, и, таким образом, все сказанное в их присутствии становилось уликой. «Уликой чего?» — спрашивал себя Кейс, с тоской ощущая, что наваливается отходняк.

Зная, что арестованный не понимает по-французски, они переговаривались совершенно свободно. Или так только казалось. Кое-что Кейс уловил: имена и названия — Поли, Армитидж, «Сенснет», Дикие Коты — выступали из текучего моря французской речи, как вершины айсбергов.

Нельзя исключить, что имена эти произносились специально для него. Молли упоминалась только по фамилии Колодны.

— Так вы утверждаете, что вас наняли для рейда, — неторопливая речь Ролана с прямо-таки липкой назойливостью подчеркивала его рассудительность, — и что вы не знаете, с какого рода объектом будете иметь дело. А вам не кажется, что это несколько странно? Сможете ли вы в таком случае выполнить необходимую операцию после преодоления защитной системы объекта? Ведь вы же должны исполнить некую функцию, верно?

Ролан склонился вперед, уперся локтями в загорелые колени и приготовился выслушивать объяснения Кейса. Пьер мерил шагами комнату: от окна к двери и обратно. Кейс решил, что запись ведет Мишель. Ее глаза следили за ним непрерывно.

— Можно мне одеться?

Чтобы обследовать швы джинсов, Пьер заставил Кейса раздеться. Теперь Кейс сидел на плетеной скамеечке голый и остро ощущал непристойную белизну недокрашенной ступни.

Ролан что-то сказал по-французски.

— *Non*, — рассеянно бросил Пьер (что это он за

окном высматривает? да еще в бинокль?).

Ролан пожал плечами, а затем поднял брови и развел руками. Кейс решил, что самое время улыбнуться. «Прямо как по учебнику», — подумал он, глядя на ответную улыбку Ролана.

— Послушайте, — сказал он, — мне плохо. Я принял в баре какую-то жуткую дурь, понимаете? Я хочу лечь. Я от вас никуда не денусь. Вы говорите, что Армитидж тоже арестован. Вот его и спрашивайте. Я же на подхвате, что я там знаю.

Ролан кивнул:

— А Колодны?

— Она уже работала с Армитиджем, еще до меня. Она просто охранница, самурай. Насколько мне известно. А что там мне известно?

— Но вы знаете, что настоящее имя Армитиджа — Корто, — заметил Пьер, не отрывая глаз от бинокля. — Откуда?

— Не помню, — равнодушно пожал плечами Кейс. — Вроде он сам сказал. — («Вот же черт за язык дернул!») — У всех несколько имен. А вас правда зовут Пьер?

— Нам известно, на каких условиях вас лечили в Тибе, — заговорила долго молчавшая Мишель, — и это, пожалуй, первая ошибка Уинтермьюта. — (Кейс изобразил на лице полное

недоумение. Имя Уинтермьюта раньше не упоминалось.) — На основе использованной при вашем лечении методики владелец клиники получил семь базовых патентов. Вы понимаете, что это значит?

— Нет.

— А то, что хирург из подпольной клиники в Тиба-Сити владеет теперь контрольными пакетами трех крупных медицинских исследовательских консорциумов. Не совсем обычный поворот событий. Это сразу привлекло наше внимание.

Мишель скрестила загорелые руки на маленьких острых грудях и откинулась на пеструю подушку. Сколько же ей лет-то? Говорят, возраст безошибочно читается по глазам, однако Кейс никогда не понимал, что там можно прочитать. Из-за розового кварца очков Жюли Дина глядели бесхитростные глаза десятилетнего ребенка. Ничто, кроме костяшек пальцев, не выдавало возраста Мишель.

— Мы проследили за вами до Муравейника, затем потеряли и снова обнаружили, когда вы покидали Стамбул. От этого момента мы пошли назад и выяснили, что именно вы спровоцировали панику в «Сенснете». После этого корпорация обеспечила нам всю возможную помощь. Они

провели у себя инвентаризацию, в ходе которой обнаружили, что пропал конструкт личности Маккоя Поли.

— В Стамбуле, — почти извиняясь, добавил Ролан, — все было совсем просто. Эта женщина подпортила отношения Армитиджа с секретной полицией.

— А затем вы появились здесь, — сказал Пьер, опуская бинокль в карман рубашки. — Мы очень обрадовались.

— Возможности позагорать?

— Вы прекрасно понимаете, что мы имеем в виду, — сказала Мишель. — А будете притворяться дурачком — только усложните свое положение. Вопрос об экстрадиции решен еще не до конца. Вы поедете с нами, так же как и Армитидж. Но вот куда мы направимся? В Швейцарию, где вы окажетесь просто мелкой сошкой в суде над искусственным интеллектом? Или в СОБА, где можно доказать, что вы участвовали не только во взломе и ограблении банков данных, но также и в провоцировании общественных беспорядков, которые стоили четырнадцати невинных жизней? Так что выбирайте.

Кейс вытянул из пачки сигарету, Пьер услужливо щелкнул золотым «данхиллом».

— И станет ли Армитидж вас покрывать?

Вопрос прозвучал одновременно с клацаньем закрываемой зажигалки. Голова Кейса раскалывалась, лицо Пьера плыло и корежилось, словно отраженное в грязной луже.

— Сколько вам лет, босс?

— Достаточно, чтобы понять: ты спекся, попал в глубокую задницу и теперь прямиком гремишь за решетку.

— Айн момент, — сказал Кейс и затянулся. А затем выпустил в лицо тьюринг-копа струю дыма. — А как у вас, крутые вы ребята, с полномочиями? Не следовало ли вам пригласить на эту дружескую беседу службу безопасности Фрисайда? Тут же вроде их территория, верно?

Худое мальчишеское лицо помрачнело, темные глаза сузились, Кейс напрягся в ожидании удара, но Пьер только пожал плечами.

— Это не важно, — вмешался Ролан. — Ты поедешь с нами. Нам не привыкать к неопределенности законов. Договоры, согласно которым работает наш отдел, гарантируют нам большую гибкость. Да и сами мы *проявляем* гибкость, если этого требует ситуация.

Маска дружелюбия внезапно исчезла, теперь глаза Ролана стали такими же жесткими, как

у Пьера.

— Ты хуже, чем просто дурак. — Мишель встала, по-прежнему сжимая в руке пистолет. — Тебе плевать на судьбу человечества. Тысячи лет люди мечтали о договоре с дьяволом. И только сейчас это стало возможным. Ну и сколько же тебе заплатят? За какую цену согласился ты помочь этой твари освободиться и вырасти? — В ее голосе звучала всепонимающая усталость, невозможная в девятнадцатилетней девушке. — Одевайся. Ты поедешь с нами. Ты и этот тип, которого ты называешь Армитиджем, вернетесь с нами в Женеву, чтобы дать показания в суде над искусственным интеллектом. Иначе мы тебя убьем. Прямо сейчас. — Мишель вскинула пистолет — блестящий черный «вальтер» со встроенным глушителем.

— Одеваюсь, одеваюсь, — пробормотал Кейс и заковылял к кровати.

Ноги так и остались ватными, неуклюжими. Господи, да неужели в этом барахле не осталось ни одной чистой майки?

— Тут рядом наш корабль. Мы сотрем конструкт Поли импульсным излучателем.

— «Сенснет» будет в экстазе, — сказал Кейс.

«А заодно сотрете и все улики, находящиеся в памяти «Хосаки», — подумал он. — А других у

вас нет».

— Ничего подобного. Это только избавит их от обвинения в изготовлении и хранении этой штуки.

Кейс натянул через голову рубашку. Увидел на кровати сюрикэн, безжизненный кусок металла, свою звезду. Он поискал в себе недавнюю ярость, но ярость эта куда-то пропала. Самое время поднимать лапки, плыть по течению… А тут еще эти капсулы с ядом…

— Опять мясо, — пробормотал он.

В лифте Кейс подумал о Молли. Она, наверное, уже в «Блуждающем огоньке». Гоняется за Ривьерой. А за ней самой гоняется Хидэо — тот самый, по-видимому клонированный, ниндзя. Из байки Финна, тот, что приходил за говорящей головой.

Кейс прислонился лбом к матово-черному пластику стенной панели и закрыл глаза. Конечности казались старыми кривыми деревяшками, разбухшими после дождя.

Под яркими зонтиками среди деревьев подавали ланч. Ролан и Мишель вернулись к прежней своей роли и весело заговорили по-французски. Пьер чуть отстал. Мишель, скрыв оружие под переброшенной через руку белой парусиновой курткой, упирала ствол пистолета Кейсу в ребра.

На лугу, петляя между столиками и деревьями, Кейс гадал, решится ли Мишель стрелять, если он возьмет вот сейчас да и упадет от усталости. По краям поля зрения дрожали какие-то черные лохмы. Кейс посмотрел на раскаленную добела полосу системы Ладо-Ачесон и увидел, как на фоне искусственного неба грациозно порхает огромная бабочка.

Луг кончался крутым обрывом; там, за ограждением, теплый воздух, поднимающийся от Дезидераты, шевелил траву и головки полевых цветов. Мишель отбросила с глаз прядь коротких темных волос, показала пальцем вдаль и сказала что-то Ролану. По-французски. Ее голос звенел неподдельным счастьем. Кейс взглянул, что это она там показывает, и увидел изгибы искусственных озер, белое сверкание казино, бирюзовые прямоугольники сотен бассейнов, тела купальщиков — крошечные бронзовые иероглифы; все это держалось на искривленном корпусе Фрисайда благодаря искусственной гравитации.

Они прошли вдоль ограждения к изящному железному мостику, перекинутому через Дезидерату. Мишель подгоняла Кейса стволом «вальтера».

— Полегче, я быстрее просто не могу.

Грациозная бабочка спикировала в тот самый момент, когда они подходили к середине моста, спикировала с выключенным электродвигателем, абсолютно бесшумно, никто ничего и не заподозрил, пока черный углеволоконный пропеллер не снес Пьеру верхушку черепа.

На мгновение все потемнело — самолетик заслонил ладо-ачесоновское солнце; Кейс почувствовал на затылке горячие брызги крови, а затем кто-то сбил его с ног. Кейс перекатился и увидел, что Мишель лежит на спине, подтянув колени к груди, и двумя руками целится из «вальтера». «Зря стараешься», — с неправдоподобной ясностью пронеслось в голове. Она пыталась сбить хищное механическое насекомое.

А потом Кейс побежал. Достигнув первого дерева, он оглянулся и увидел несущегося следом Ролана. Еще он увидел, как хрупкий биплан снес железные перила моста, смялся в гармошку, перевернулся и рухнул в ущелье Дезидераты, увлекая за собой девушку.

Ролан даже не оглянулся. Белое лицо окаменело, зубы оскалились. Он что-то держал в руке.

Ролана убил садовый робот. Он упал на француза из аккуратно подстриженной кроны того же самого дерева — черно-желтый, в косую по-

лоску, краб.

— Ты их убил, — задыхаясь от быстрого бега, бормотал Кейс. — Что ж ты, паскуда, делаешь, ты же всех их убил…

Глава 14

Небольшой состав мчался по туннелю со скоростью восемьдесят километров в час. Кейс сидел с закрытыми глазами. Душ помог прийти в себя, но от вида розовой от крови Пьера воды, текущей по белому кафельному полу, его вытошнило — вытошнило подчистую, до желчи.

По мере сужения веретена тяготение слабело. Живот Кейса негодующе бурчал.

На пристани его ждал Аэрол со скутером:

— Кейс, у нас тут заморочки.

Голос в наушниках тихий, еле слышный. Кейс нажал подбородком на регулятор, прибавил громкость и всмотрелся в лицо Аэрола, скрытое лексановым забралом.

— Мне нужно попасть на «Гарви».

— Ладно. Пристегнись, брат. Только «Гарви» в плену. Вернулась яхта, та, которая приходила раньше. Она намертво заблокировала «Маркуса Гарви».

Тьюринг?

— Что значит «приходила раньше»?

Кейс забрался на скутер и начал пристегивать ремни.

— Да японская яхта. Привозила тебе посылку… Армитидж.

* * *

При виде «Маркуса Гарви» в голове у Кейса завертелись беспорядочные образы ос и пауков. Маленький буксировщик прильнул к серой груди изящного насекомоподобного корабля, в пять раз превышавшего его длиной. В ослепительном, не смягченном никакой атмосферой свете солнца с неправдоподобной отчетливостью вырисовывались клешни захватов, вцепившихся в латаный-перелатаный корпус «Гарви». Светлый гофрированный шлюз благоразумно огибал двигатели буксировщика и присоединялся к кормовому люку. Во всей этой конструкции было нечто непристойное, хотя она и навевала мысли скорее о кормлении, нежели о сексе.

— А что с Мэлкомом?

— С Мэлкомом все прекрасно. По трубе никто не ходил. Пилот яхты только поговорил с ним. Отдохни, говорит.

Когда они огибали серый корабль, Кейс прочитал под вытянутой гроздью японских иероглифов большие ярко-белые буквы: «ХАНИВА».[20]

— Что-то мне это не нравится. Сваливать надо отсюда, и чем скорее, тем лучше.

— Мэлком говорит то же самое, но вот «Гарви», он далеко не уйдет.

* * *

Пройдя передний шлюз и сняв шлем, Кейс услышал пулеметные очереди сионитского жаргона — Мэлком говорил с кем-то по радио.

— Аэрол вернулся на «Рокер», — сказал Кейс.

Мэлком скосил глаза и кивнул, даже не запнувшись в очередной фразе.

Перепутанные дреды пилота торчали вверх, напоминая то ли змей на голове горгоны Медузы, то ли какие-то диковинные водоросли; Кейс осторожно проскользнул над этими зарослями и начал снимать скафандр. На Мэлкоме красовались ярко-оранжевые наушники, он прикрыл глаза и сосредоточенно наморщил лоб, вслуши-

---

[20] Примечания: 20

Ханива — японские керамические скульптуры периода Кофун (III–VIII вв.) в виде цилиндрических труб, посуды, животных и людей. Устанавливались на вершинах курганов, отмечая места захоронения монархов и аристократов.

ваясь в голос собеседника и утвердительно кивая. Одежда праведного пилота состояла из драных джинсов и старой зеленой нейлоновой куртки с оторванными рукавами. Кейс запихнул красный скафандр «Саньо» в грузовой гамак и забрался в страховочную сетку.

— Слышь, что дух говорит, — сказал Мэлком. — Компьютер только и знает, что тебя спрашивает.

— А кто там, на яхте?

— Тот же японец, что раньше. А теперь с ним еще и этот твой мистер Армитидж, прилетел с Фрисайда…

Кейс надел дерматроды и вошел в киберпространство.

* * *

— Дикси?

Матрица предстала перед ним в виде розовых сфер сталеплавильного комбината в Сиккиме.

— Что это ты там чудишь? До меня доходят жуткие истории. Память «Хосаки» один к одному скопирована в машину, стоящую на борту яхты твоего босса. Чистый атас. На тебе что, тьюринги повисли?

— Да, но Уинтермьют их убил.

— Только не надейся на долгую передышку. Их

же как собак нерезаных. Прибегут как миленькие, и не втроем, а целой шоблой. Зуб даю, все их деки слетелись сейчас на наш сектор решетки, как мухи на теплое дерьмо. А твой драгоценный начальничек приказывает начинать. Давайте, говорит, и сейчас же.

Кейс набрал координаты Фрисайда.

— Ну-ка, Кейс, отодвинься на секунду…

Матрица расплылась и снова замерла; скорость и точность, с которыми Флэтлайн провел сложнейшую серию переходов, вызвали у Кейса дрожь зависти.

— Ни хрена себе…

— Не забывай, старик, я же классно работал при жизни. Пальцы так мелькали, что глазами не уследишь!

— Вот это, что ли? Слева большой зеленый прямоугольник.

— Верно сечешь. Ядро банка данных корпорации «Тессье-Эшпул СА», а лед ихний создан двумя дружественными ИскИнами. Думаю, ничем не хуже любого армейского. Адский лед, Кейс, черный как могила, гладкий как стекло. И оглянуться не успеешь, как он поджарит мозги. А если мы приблизимся чуть поближе, он засунет нам трассеры в жопу и по штуке за каждое ухо, так что совет

директоров Тессье-Эшпулов будет знать и размер твоей обуви, и длину твоей письки.

— У меня на это вообще не стоит, а тут еще тьюринги. Слушай, а может, лучше отвалить? Возьму тебя с собой…

— Ты что? Без балды? Не хочешь даже посмотреть, что может эта китайская программа?

— Ну, в общем-то… — Кейс окинул взглядом зеленые стены тессье-эшпуловского льда. — Ладно, хрен с ним. Поехали.

— Вставляй кассету.

— Эй, Мэлком, — сказал Кейс, выйдя из матрицы, — я просижу с дерматродами на голове часов, наверное, восемь подряд.

Мэлком снова курил. Кабина утопала в клубах дыма.

— Я не смогу ходить в гальюн…

— О чем разговор.

Сионит сделал сальто вперед, порылся в сетчатой, на молнии сумке и достал оттуда длинную, свернутую в бухту прозрачную трубку, присоединенную к какой-то штуке, запечатанной в стерильный пузырь.

Устройство это, именовавшееся техасским катетером, Кейсу совершенно не понравилось.

Кейс вставил в прорезь кассету с китайским

вирусом, немного посидел, вздохнул и дожал ее до упора.

— О'кей, — сказал он, — все готово. Послушай, Мэлком, если что-нибудь будет не так, возьми меня за левое запястье. Я почувствую. А еще я надеюсь, ты выполнишь все, что тебе скажет «Хосака», ладно?

— Будь спок, брат. — Мэлком запалил свежий косяк.

— И прибавь вытяжку. Не хочу, чтобы это дерьмо действовало на мои нейротрансмиттеры. У меня и так отходняк.

Мэлком ухмыльнулся.

— В пуп и в гроб, — простонал Флэтлайн. — Ты только посмотри.

Вокруг них разворачивался китайский вирус. Многоцветная тень, неустанное движение бесчетных полупрозрачных завес. Он вздымался над ними, заслоняя горизонты киберпространства, необъятно огромный, каждую секунду — другой.

— Здоровая свистюлина, — одобрил Флэтлайн.

— Посмотрю, как там Молли, — объявил Кейс и щелкнул симстим-переключателем.

* * *

Невесомость. Ощущение — будто ныряешь в абсолютно прозрачной воде. Молли «плыла» по широкой трубе из ребристого лунного бетона, освещенной через каждые два метра белыми неоновыми кольцами.

Связь была односторонняя. Говорить с ней Кейс не мог.

Он вернулся в киберпространство.

* * *

— Да, старик, программка — зашибись. Величайший, после хлеба в нарезке, плод гения человеческого. Эта хрень, она же — *невидимая.* Я только что посидел секунд двадцать на той маленькой розовой коробочке в четырех кликах от тессье-эшпуловского льда, посмотрел, как мы выглядим со стороны. А никак. Нету нас здесь.

Кейс отыскал взглядом упомянутую розовую конструкцию, стандартный коммерческий блок, и осторожно к ней приблизился.

— Может, она бракованная, программка-то.

— Может, но вряд ли. От нашей красавицы за километр несет военными разработками. И она

новехонькая, только что из магазина. И никто ее не видит. Если бы нас заметили, посчитали бы за китайских диверсантов, но никто и в ус не дует. Возможно, даже обитатели «Блуждающего огонька».

Кейс посмотрел на гладкую стену, прикрывавшую «Блуждающий огонек».

— Ну что ж, — сказал он, — тоже ведь плюс, верно?

— Возможно. — (Кейс болезненно сморщился от запредельного холода в позвоночнике — конструкт снова смеялся.) — Я тут проверил, «Куан-одиннадцатый» никогда не укусит за пятку — если ты, конечно, его хозяин. Парень очень вежливый, будто и впрямь китаец. Всегда готов помочь, к тому же вполне прилично изъясняется по-английски. Ты слышал о медленных вирусах?

— Нет.

— А я как-то слышал. Правда, в самых общих чертах, когда идея только возникла. Но как раз они-то и характеризуют «Куана». Тут не какое-нибудь там сунул-вынул и бежать, а скорее взаимодействие со льдом, настолько медленное, что он его не ощущает. Фронт логической системы «Куана» вроде как прилипает к атакуемому объекту, а затем подключаемся мы, и основная

программа начинает крутить вензеля вокруг логики льда. Мы срастаемся с ним как сиамские близнецы, а система ничего даже не подозревает. — Флэтлайн снова рассмеялся.

— Уж больно ты сегодня развеселился. Понимаешь, этот твой смех вроде как раздирает мне позвоночник.

— Весьма сочувствую, — сказал Флэтлайн, — но нам, покойникам, просто необходимо смеяться. Для повышения жизненного тонуса.

Кейс щелкнул симстим-переключателем.

* * *

И очутился среди спутанного металла и запаха пыли, а подушечки ладоней скользили по глянцевой бумаге. Позади что-то с шумом рухнуло.

— Да ты успокойся, — сказал Финн. — Расслабься.

Кейс лежал враскорячку на куче пожелтевших журналов, а вокруг во мраке «Метро голографикс» светилась галактика белозубых девичьих улыбок. Кейс вдыхал запах старых журналов и ждал, пока не успокоится сердце.

— Уинтермьют! — сказал он.

— Да, — послышался сзади голос Финна. — В самую точку.

— Иди ты на хрен! — Кейс сел и потер запястья.

— Не булькай, — сказал Финн, появляясь из чего-то вроде ниши в нагромождении хлама. — Так ведь для тебя удобнее. — Он достал из кармана пиджака пачку «Партагас» и закурил; мастерскую наполнил удушливый дым кубинского табака. — А ты бы хотел, чтобы я являлся тебе на склонах матричных гор в облике горящего тернового куста? Не волнуйся, за время твоего отсутствия там ничего не случится. Час здесь займет всего пару секунд реального времени.

— А ты никогда не задумывался, что твои появления в виде знакомых людей действуют мне на нервы? — Кейс встал, стряхнул с черных джинсов пыль, оглянулся на грязные окна и закрытую наружную дверь. — А там что? Нью-Йорк? Или больше ничего?

— Ну-у, — протянул Финн, — это вроде как с тем деревом. Упало в лесу, где его никто не слышал. Так трещало оно или нет? — Он широко усмехнулся, продемонстрировав огромные, желтые от никотина передние зубы, и снова затянулся. — Иди прогуляйся, если хочешь. Все на месте. Во всяком случае — все, что ты когда-нибудь видел. Это воспоминания, понятно? Я выкачал их из

тебя, перетасовал и запустил обратно.

— У меня не настолько хорошая память.

Кейс огляделся. Затем посмотрел на свои руки, попытался вспомнить, как должны выглядеть линии на ладонях, но не сумел.

— У всех хорошая память. — Финн бросил окурок и раздавил его каблуком. — Только не все умеют ею пользоваться. Художники — те умеют, особенно хорошие. Если ты сравнишь окружающее с настоящей мастерской Финна в южной части Манхэттена, отличия, конечно же, будут, но не такие большие, как можно бы ожидать. Твоя память голографична. — Финн подергал себя за ухо. — В отличие от моей.

— А что это значит — голографична? — Он вспомнил о Ривьере.

— Голографическая парадигма — лучшее, что придумали люди для описания структуры своей памяти. Но вы так и не сумели ее толком использовать. — Финн шагнул вперед, склонил набок аэродинамически совершенную голову и внимательно посмотрел на Кейса. — В противном случае меня бы, скорее всего, не было.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу тебе помочь, — пожал плечами Финн. Обтрепанный твидовый пиджак, слишком для

него широкий, косо обвис.

— Зачем?

— Потому что ты нужен мне. — Снова показались большие желтые зубы. — А я нужен тебе.

— Дерьмо собачье. Ты можешь читать мои мысли, Финн? То есть, — Кейс болезненно поморщился, — Уинтермьют.

— Мысли невозможно *читать*. Даже интересно, ты почти не умеешь читать и все равно пользуешься ветхой парадигмой печатного текста. Я могу извлечь содержимое твоей памяти, но ведь это — не мысли. — Финн сунул руку в оголенный каркас древнего телевизора и вытащил серебристо-черную радиолампу. — Видишь? Элемент моей ДНК, ну не совсем, но вроде…

Он бросил лампу в угол, раздался негромкий хлопок и звон.

— Вы всегда строите модели. Каменные круги. Соборы. Стоящие в этих соборах органы. Арифмометры. Ты можешь себе представить, что я не знаю, почему нахожусь здесь? Но если сегодняшний рейд закончится удачно, вы получите то, к чему стремились все это время.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— «Вы» — это вы все вместе. Род человеческий.

— Ты убил тьюрингов.

— Пришлось, — пожал плечами Финн. — Некуда было деться. Да и вообще, чего ты так разохался, они-то прикончили бы тебя и глазом бы не моргнули. Как бы то ни было, я вытащил тебя сюда, и нам нужно поговорить. Узнаешь?

В его руке появилось обгорелое осиное гнездо из сна Кейса, полутемную мастерскую наполнила вонь керосина. Кейс попятился и прижался спиной к залежам хлама.

— Да. Моя работа. Я использовал голографический проектор гостиничного окна. Один из образов, списанных из твоей памяти, пока ты был в отключке. Знаешь, почему гнездо так важно?

Кейс помотал головой.

— Потому… — (гнездо куда-то исчезло), — что оно наилучшая метафора того, чем хотели бы быть Тессье-Эшпулы. Замени только ос на людей. «Блуждающий огонек» — нечто вроде этого гнезда, по крайней мере так было задумано. Думаю, это улучшит твое настроение.

— Улучшит?

— Конечно, ведь теперь ты знаешь, *что* они такое. А то ты уже начал ненавидеть меня. Оно, конечно, неплохо, но ты перенеси лучше свою ненависть на них. В них тоже нет ничего человеческого.

— Послушай, — Кейс шагнул вперед, — они не сделали мне ничего плохого. А ты — другое дело… — Но чувство гнева не возникало.

— Так вот, меня создали Тессье-Эшпулы. Эта французская девочка, она сказала, что ты предал человечество. Дьяволу, так она меня назвала. — Финн ухмыльнулся. — В общем, не важно. Пока мы работаем, ты должен кого-нибудь ненавидеть. — Он развернулся и шагнул вглубь мастерской. — Ладно, иди сюда, я покажу тебе «Блуждающий огонек». — Финн поднял уголок одеяла, оттуда хлынул яркий свет. — Кой хрен, да что ты там как неживой?

Кейс нерешительно подошел.

— Вот и прекрасно, — сказал Финн, хватая его за локоть.

Облачко пыли, запах лежалой шерсти, а потом сразу — невесомость, цилиндрический коридор из рифленого лунного бетона, освещенный через каждые два метра белыми неоновыми кольцами.

— Мамочки, — пробормотал Кейс.

— Это центральный вход, — пояснил Финн; сейчас его пиджак выглядел особенно нелепо. — В реальности на месте моей мастерской находятся главные ворота, они наверху, у самой оси Фрисай-

да. Подробностей будет мало, потому что у тебя нет воспоминаний. За исключением этого коридора, который ты видел при помощи Молли…

Кейс старался лететь прямо, но его стало закручивать по пологой спирали.

— Держись, — подбодрил Финн, — я сделаю быструю перемотку.

Стены расплылись. Появилось головокружительное ощущение стремительного полета, мелькали цвета, Кейс и Финн огибали углы и неслись по узким коридорам. Судя по всему, в одном месте они прошли сквозь мощную, в несколько метров толщиной, стену — мгновенная вспышка кромешной мглы.

— Здесь, — объявил Финн. — Прибыли.

Они плавали в центре квадратной комнаты. Стены и потолок облицованы темным деревом. Кристаллически поблескивает квадратный ковер; выполненный синей и алой шерстью орнамент повторяет структуру какой-то микросхемы. В самом центре комнаты — квадратный пьедестал из молочно-белого стекла, точно выравненный по сторонам ковра, а на нем…

— Вилла «Блуждающий огонек», — мелодично заговорила голова, — это прихотливый каприз, тело, проросшее внутрь самого себя, готический

замок. Каждое помещение этой виллы — тайный склеп, каждый коридор — тайный ход. Бесконечный ряд комнат и залов, соединенных переходами и лестницами, змеящимися подобно исполинскому кишечнику, крутые повороты, в которых бессильно запутывается взгляд, расписные перегородки и ширмы, пустые альковы…

— Сочинение три-Джейн, — сказал Финн, вытаскивая свои «Партагас». — Девица написала его в двенадцатилетнем возрасте. Когда изучала семиотику.

— Архитекторы Фрисайда приложили максимум стараний, скрывая тот факт, что интерьер веретена организован с пошлой точностью меблировки гостиничного номера. В «Блуждающем огоньке» же внутренние поверхности веретена покрыты фантастическими зарослями структур, формы текут, переплетаются и сливаются, сходясь к незыблемому микроэлектронному ядру, корпоративному сердцу нашего клана, кремниевому цилиндру, пронизанному узкими — иногда не толще человеческой руки — эксплуатационными каналами. В этих каналах живут блестящие крабы — миниатюрные роботы, ежесекундно готовые исправить случайную неполадку, встать на пути преднамеренного вредительства.

— Ты ее видел в ресторане, — напомнил Финн.

— По меркам архипелага, — продолжила голова, — мы старая семья, и причудливость архитектуры нашего дома отражает наш возраст. Но она отражает и нечто другое. Семиотика виллы выдает стремление внутрь и отрицание сияющей бездны, пребывающей — если небытие может пребывать — где-то там, за оболочкой веретена… Тессье и Эшпул поднялись по гравитационному колодцу — и возненавидели космос. Они построили Фрисайд, чтобы выкачивать деньги из новых островов, стали богатыми и эксцентричными и начали строить продолжение своего тела, «Блуждающий огонек». Мы спрятались за своими деньгами и стали расти внутрь, создавая собственную, непроницаемую извне, вселенную… На вилле «Блуждающий огонек» нет неба — ни искусственного, ни какого-либо еще… В кремниевом ядре виллы есть небольшая комната, единственное на весь комплекс помещение с прямыми углами. Здесь, на простом стеклянном пьедестале, установлен расписной — перегородчатая эмаль по платине — бюст, инкрустированный ляпис-лазурью и жемчугом. Сверкающие шарики его глаз вырезаны из искусственного рубина — одного из иллюми-

наторов того самого корабля, который вывел в космос первого Тессье, а затем вернулся за первой Эшпул… — Голова замолчала.

— Ну и?.. — спросил Кейс, почти ожидая, что голова ответит.

— Конец, — сказал Финн. — Точнее говоря, она не закончила сочинение. Маленькая была, непоседливая. А эта хреновина — нечто вроде ритуального терминала. Мне нужно, чтобы Молли сказала здесь в нужный момент нужное слово. Тут-то и вся закавыка. Если голова не услышит волшебного слова, тогда один хрен, как далеко вы с Флэтлайном заведете китайский вирус.

— И какое же это слово?

— Не знаю. Можно сказать, что моя сущность тем и определена, что я не знаю потому, что я *не могу* знать. Аз есмь тот, иже не ведает слова. И даже если бы ты его знал и сказал мне, я бы *не смог* узнать. Это предохранитель, встроенный в мою постоянную память. Кто-то посторонний должен узнать это слово и произнести его перед головой в тот момент, когда вы с Флэтлайном проломитесь сквозь лед и войдете в ядро системы.

— И что потом?

— Потом я перестану быть. Исчезну.

— Для такой радости можно и постараться, —

заметил Кейс.

— Конечно. Только ты, Кейс, поосторожнее. Похоже, моему, ну скажем, другому полушарию не слишком все это по нутру. А ведь что одна неопалимая купина, что другая, их не очень-то и различишь. Вдобавок Армитидж начинает рассыпаться.

— В каком смысле?

Но тут комната с деревянными панелями смялась, бумажным журавликом сложилась под десятком невозможных углов и выпала, кувыркаясь, в киберпространство.

Глава 15

— Ты что, сынок, хочешь побить мой рекорд? — спросил Флэтлайн. — Снова пять секунд отключки.

— Следи за лавкой, — пробормотал Кейс и щелкнул симстим-переключателем.

Темнота, Молли низко припала к полу, под ладонями — грубый, шершавый бетон.

«КЕЙС КЕЙС КЕЙС КЕЙС» — замигало на цифровом дисплее: Уинтермьют сообщал ей, что связь установлена.

— Веселенькие дела, — проворчала Молли. Она

оторвала ладони от бетона, потерла их одну о другую и щелкнула костяшками пальцев. — Где тебя черти носили?

«ПОРА МОЛЛИ ТЕПЕРЬ ПОРА».

Молли сильно прижала язык к нижним передним зубам.

Один зуб чуть качнулся, включились миниатюрные фотоумножители, отдельные случайные фотоны, пролетающие в темноте, превратились в ощутимые потоки электронов, и бетон вокруг стал призрачно-белым, зернистым.

— О'кей, красавчик. Пошли развлекаться.

Ее убежище оказалось чем-то вроде вспомогательного туннеля. Молли проскользнула между прутьями фигурной, потемневшей от времени бронзовой решетки. На ней снова был мимикрирующий комбинезон — в какой-то момент Кейс заметил краешек рукава. Под поликарбоновым пластиком ощущалась знакомая упругость плотно облегающей тело кожи. Левое плечо оттягивал ремешок с каким-то тяжелым угловатым предметом. Молли встала, расстегнула костюм и потрогала рифленую рукоятку пистолета.

— Кейс, — сказала она почти беззвучно, — ты меня слышишь? Я тут хочу тебе рассказать… Был у меня когда-то парень… Ты мне немного

напомнил… — Молли свернула за угол, на секунду остановилась и осмотрелась. — Джонни, так его звали.

Вдоль низкой сводчатой галереи стояли десятки музейных стендов, попросту говоря — деревянных, застекленных спереди ящиков. Допотопные эти сооружения выглядели здесь совершенно неуместно — будто их принесли сюда для какой-то неведомой цели и забыли. Через каждые десять метров висели столь же архаичные светильники — тусклая латунь с белыми матовыми шарами. Поверхность под ногами стала какая-то неровная; прошло некоторое время, пока Кейс не сообразил, что это из-за бесчисленных, без всякого порядка разбросанных ковриков. Казалось, что пол устлан мягким толстым (кое-где коврики лежали в пять-шесть слоев) лоскутным одеялом.

К некоторой досаде Кейса, Молли почти не обращала внимания ни на шкафы, ни на их содержимое. Ему пришлось довольствоваться тем, что выхватывал ее безразличный взгляд: керамические черепки, старинное оружие, какой-то совершенно непонятный предмет, густо истыканный ржавыми гвоздями, обтрепанные фрагменты гобеленов…

— Джонни, он был очень толковый парень. Под-

рабатывал на Мемори-лейн «копилкой» — чипы в голове, клиенты прятали туда информацию. Не помню уж почему, за ним погнались якудза; наше с Джонни знакомство с того и началось, что я вырубила их наемного убийцу. Просто повезло — мужик был и сильнее меня, и умел гораздо больше. Ну а потом мы сошлись, и все у нас было хорошо.

Молли едва шевелила губами; Кейс чувствовал артикуляцию и понимал слова, даже не слыша их.

— Мы не пожалели денег, завели «кальмаров», чтобы восстанавливать по остаточным следам всю ту информацию, которую Джонни хранил в прошлом. Переписали ее на пленку и начали трясти некоторых клиентов, точнее, экс-клиентов. Я была и инкассатором, и боевиком, и сторожевой собакой. Счастливое время. Ты когда-нибудь был счастлив, Кейс? У меня был Джонни. Мы работали с ним на пару. Партнеры. За два месяца до того я окончательно развязалась с тем борделем…

Молли замолчала, осторожно обогнула поворот, огляделась и прошла дальше. Снова деревянные ящики цвета тараканьих крыльев.

— Нам было хорошо, и мы ничего не боялись. Даже и не задумывались, что кто-то там может

нас тронуть. А если и что — я всегда сумею защититься. Думаю, якудза все еще охотилась за Джонни. Ведь я убила их человека. А Джонни их кинул. А эти долбаные яки никогда не торопятся, они могут ждать годы и годы. Чем лучше тебе сейчас, тем хреновее будет потом, когда они о тебе вспомнят. Терпеливые, как пауки. Дзен-пауки… Тогда я этого не знала. А может, знала, но думала, что к нам это не относится. В молодости каждый считает себя уникальным. Я была молодая. Они пришли в тот самый момент, когда мы решили, что заработали достаточно, что можно завязать и куда-нибудь уехать, например в Европу. Ни один из нас не представлял себе, чем же мы, собственно, займемся, когда вместо уймы работы появится уйма свободного времени. Но мы уже обленились, заплыли жирком — швейцарские орбитальные счета, квартира, забитая всякой хренотенью. Все это как-то расслабляет… Тот, первый, которого я убрала, был мужик крутой. Прекрасная реакция, имплантаты, техника боя такая, что выстоял бы и против десятка обычных громил одновременно. Но второй, он был, ну не знаю, вроде *монаха.* Клонированный. Убийца — и даже не до мозга костей, а до клеточного уровня. Ничего не говорил, и это его безмолвие казалось

безмолвием смерти. Смерть окружала его густым осязаемым облаком…

Дальше коридор раздваивался, выходил к двум одинаковым, ведущим вниз лестницам. Молли выбрала левую.

— Когда-то, я была еще маленькой девочкой, мы жили в заброшенном доме. На берегу Гудзона, а крысы там здоровые, ты не поверишь. Это все химия. Вот точно, прямо с меня ростом: одна из них целую ночь скреблась у нас под полом. А утром кто-то привел этого старика, щеки у него были все в морщинках, а глаза совсем красные. Он принес промасленный кожаный сверток. Ну вроде как инструменты предохраняют от ржавчины. Развернул, а там старый револьвер и три патрона. Тогда старик заряжает один патрон и начинает ходить по комнате туда-сюда, а мы жмемся по стенам… Туда-сюда. Руки на груди, голова опущена, а про свой револьвер будто забыл. Крысу выслушивает. Мы молчим, пальцем шевельнуть боимся. Старик сделает шаг — крыса, ее же слышно, передвинется. Крыса передвинется, и тогда он снова шагнет. И вот так целый час, а потом он словно вспомнил про револьвер. Направил его в пол, ухмыльнулся и выстрелил. Свернул свое хозяйство и ушел… Я очень боялась,

но все же слазила туда, под пол. У нее была дырка точно промеж глаз.

Молли внимательно изучила очередную запертую дверь; они встречались по пути довольно часто.

— Второй, что пришел за Джонни, он был вроде того старика. Нет, не старый, а просто такой же. Он убивал в точности так же.

Коридор вывел к просторному помещению. Море дорогих ковров, на потолке — гигантская люстра, нижняя подвеска почти касается пола. Когда Молли вошла в холл, раздался мелодичный хрустальный звон. «ТРЕТЬЯ ДВЕРЬ НАЛЕВО» — замигал дисплей.

Молли свернула налево, стараясь не задеть перевернутое хрустальное дерево.

— Я видела его только раз. По дороге домой, он как раз выходил. Мы жили в переделанном под жилье заводском комплексе вместе с уймой подающих надежды ребят из «Сенснета». Охранная система была вполне приличная, но я ее еще усилила, поставила самое серьезное оборудование, чтобы и мышь не проскочила. Я знала, что Джонни дома. А этот коротышка сразу привлек мое внимание, как только вышел из двери. Не сказал мне ни слова. Мы только посмотрели друг на дру-

га, и я все поняла. Самый обыкновенный парень — небольшого росточка, в обыкновенной одежде, безо всякого гонора, скромный. Он посмотрел на меня и сел на рикшу. Я все поняла. Бросилась вверх по лестнице, а Джонни сидит возле окна на стуле, слегка приоткрыв рот, словно хочет что-то сказать…

Старая, даже древняя дверь; судя по орнаменту, когда-то эта резная, из таиландского тика панель была гораздо больше, но ее уполовинили по размерам дверного проема. Под извивающимся драконом — примитивный механический замок с накладкой из нержавеющей стали. Молли опустилась на колени, вынула из внутреннего кармана небольшой тугой сверток из черной замши, выбрала тонкую, как иголка, отмычку.

— Я, конечно, не ушла в монастырь, но все, что были потом, они были мне по фигу — что есть они, что нет.

Молли замолкла, вставила отмычку и принялась за работу, сосредоточенно покусывая нижнюю губу. Похоже, она полагалась исключительно на осязание — ее глаза расфокусировались, дверь превратилась в светлое пятно. Кейс слушал тишину холла, нарушаемую лишь негромким позвякиванием люстры. Люстра

— не под электрическое освещение, а совсем старинная, под свечи. Свечи? На вилле все было с каким-то вывертом. Кейс вспомнил рассказ Кэт о замке с прудами и лилиями и манерные фразы 3-Джейн, которые декламировала эта бредовая голова. Структура, которая прорастает сама в себя. Пахло здесь как в церкви — сладковато и вроде как плесенью. И где же все эти Тессье-Эшпулы? Кейс ожидал увидеть настоящий улей дисциплинированной активности, но Молли не встретила пока ни души; исповедальный монолог вызвал у него неловкость, прежде она не очень-то о себе распространялась. Единственное исключение — история, рассказанная в этом кукольном борделе, а так можно было бы подумать, что у нее вообще нет прошлого.

Молли закрыла глаза, и раздался щелчок, Кейс скорее почувствовал его, чем услышал. Звук напомнил ему магнитные защелки в том же самом кукольном борделе. Его кредитная карточка не должна была открыть дверь Молли — но открыла. Это сделал Уинтермьют, это он управлял замком — точно так же, как управлял беспилотным самолетиком и роботом-садовником. Программа управления замками дома «живых кукол» входила в систему безопасности

Фрисайда. Обыкновенный механический замок создавал для ИскИна целую проблему, требовалось вмешательство либо какого-нибудь робота, либо человека.

Молли открыла глаза, спрятала отмычку в замшу, замшу аккуратно свернула и сунула в карман.

— А ты вроде как на него похож, — сказала Молли. — Прятаться от кого-то, убегать — это у тебя на роду написано. Все эти заморочки в Тибе — простейший, очевиднейший вариант того, чем занимался бы ты в любом другом месте. Непруха, она часто так делает, обнажает самую сущность. — Она поднялась на ноги, потянулась, стряхнула с одежды пыль. — Знаешь, я думаю: тот тип, которого Тессье-Эшпулы послали за Джимми — за парнем, укравшим голову, — очень похож на того, которого яки послали убить Джонни.

Она вытащила игольник из кобуры, перевела его на автоматический огонь и окинула взглядом дверь.

Уродливость этой двери ошеломляла. Даже не самой двери, она была прекрасна, а в прошлом являлась частью еще более прекрасного целого, ошеломляло то, как ее распилили, чтобы подогнать к дверному проему. Ее прямоугольная

форма совершенно не вписывалась в плавные изгибы бетона. «Они привозили такие вот штуки, — думал Кейс, — а потом силой подгоняли их к месту. И ничего из этого не выходило». Дверь была такой же неуклюжей и неуместной, как музейные стенды, как огромное хрустальное дерево. Кейс вспомнил сочинение 3-Джейн и решил, что всю эту обстановку привезли с Земли в соответствии с каким-то генеральным планом, полузабытой мечтой, превратившейся в навязчивое стремление заполнить пространство, воплотить в жизнь некий бредовый образ семейного гнезда. А еще он вспомнил разоренное осиное гнездо, корчащихся безглазых тварей.

Молли взялась за переднюю лапу резного дракона, и дверь легко открылась.

Автоматически вспыхнувшие лампы осветили маленькую, тесно заставленную комнату, даже и не комнату, а кладовку. Молли прикрыла дверь и направилась к серым металлическим шкафикам, выстроившимся вдоль изогнутой стены.

«ТРЕТИЙ СЛЕВА, — замигал в глазу индикатор времени — Уинтермьютовы, понятно, штучки. — ПЯТЫЙ СВЕРХУ». Но Молли сперва открыла верхний ящик, и не ящик, собственно, а неглубокий поддон. Пустой. Второй — то же самое. В

третьем, поглубже, лежали тусклые бусины припоя и небольшой коричневый предмет, похожий на фалангу человеческого пальца. В четвертом ящике — отсыревшая, покоробившаяся книга, какой-то технический справочник на французском и японском языке. В пятом, за бронированной рукавицей тяжелого скафандра, обнаружился ключ. Он напоминал тусклую медную монетку с припаянной с краю коротенькой полой трубочкой. Молли покрутила ключ в пальцах, Кейс заметил внутри трубочки выступы и бороздки. С одной стороны монетки виднелись выпуклые буквы: «ЧАББ».[21] Другая сторона оставалась чистой.

— Он мне все рассказал, — прошептала Молли. — Уинтермьют. Как он ждал удобного случая, ждал много лет. В то время он не обладал реальной силой, однако мог воспользоваться охранной и хозяйственной системой, чтобы знать местонахождение любого предмета и все его перемещения. Двадцать лет назад кто-то потерял этот ключ, и Уинтермьюту удалось сделать так, чтобы кто-то нашел его и принес сюда. А затем он убил мальчика, который нашел ключ. *Восьмилетнего* мальчика. — Бледные пальцы

[21] Примечания: 21

«Чабб» — английская фирма, с начала XIX в. специализирующаяся на выпуске сувальдных замков, защищенных от взлома.

медленно сомкнулись, Молли сжала ключ в кулаке. — И все для того, чтобы никто не нашел эту долбаную железяку.

Она вынула из нагрудного кармана черный нейлоновый шнурок, аккуратно продела его через круглую дырочку над словом «ЧАББ», завязала узлом и повесила ключ на шею.

— Они доставали его своей якобы старомодностью, всей этой херней под девятнадцатый век. Там, на экране, он выглядел совсем как Финн. Я иногда забывалась и думала, что это и вправду Финн.

Встроенный индикатор показывал время, цифры наложились на серые стальные ящики.

— Он говорит, если бы Тессье-Эшпулы действительно стали тем, чем хотели, он бы давно вырвался на свободу. Только они не стали. Все их грандиозные планы накрылись медным тазом. Уроды. Уроды и извращенцы, вроде три-Джейн. Это не я, это Уинтермьют так сказал, хотя ее-то как раз он любит.

Молли повернулась, открыла дверь и вышла из комнаты, нежно поглаживая ребристую рукоятку игольника, успевшего вернуться в свою кобуру.

Кейс перешел в киберпространство.

* * *

«Куан-одиннадцатый» продолжал расти.

— Ну как, Дикси, думаешь, эта хрень сработает?

— А лошади кушают овес?

Флэтлайн провел его сквозь радужное колыхание бессчетных полупрозрачных завес.

В ядре китайской программы формировался какой-то темный сгусток. Информационная перегрузка матрицы порождала бредовые образы. Еле заметные калейдоскопически изменчивые клинья сходились к антрацитовому фокусу. На полупрозрачных плоскостях выпадали знаки зла и несчастья: свастики, черепа, «змеиные глаза» на игральных костях.[22] Если смотреть в фокальную точку прямо, там словно вообще ничего не было. Только после двенадцатой попытки Кейс увидел боковым зрением блестящую, как обсидиан, акулообразную форму, черное зеркало ее поверхности отражало слабые далекие огоньки, никак не связанные с близлежащими участками матрицы.

---

[22] Примечания: 22

При игре в кости двумя кубиками комбинация «змеиные глаза» — выпадение двух единичек.

— Это и есть жало, — пояснил конструкт. — Мы его двинем, как только «Куан» совсем подружится с ядром Тессье-Эшпулов.

— А ты, кстати, прав, — заметил Кейс. — Существует некий аппаратно встроенный внешний контроль, который должен держать Уинтермьюта в рамочках. Хотя ты и сам видишь, в каких он там…

— Он, — прервал его конструкт. — Он. Поосторожнее с такими словами, не «он», а «оно». Я долблю тебе это раз за разом.

— Это код. Всего одно, если верить ему, слово. Кто-то должен сказать это слово некоему хитрому, с прибамбасами терминалу, стоящему в некой комнате, сказать в тот самый момент, когда мы пробьем лед и займемся начинкой, какая уж она там есть.

— Ты бы сходил пока погулял, — посоветовал Флэтлайн. — «Куан» работает медленно, но верно.

Кейс вышел из матрицы.

* * *

Мэлком смотрел на него почти испуганно:

— Ты снова был мертвый, брат.

— Бывает, — отмахнулся Кейс. — К этому тоже

привыкаешь.

— Ты играешь с силами тьмы.

— А ты что, можешь предложить что-нибудь поинтереснее?

— Любовь Джа, Кейс, — сказал Мэлком и отвернулся к рации.

Кейс посмотрел на перепутанные дреды, на веревки мускулов, играющие под темной кожей рук. И вернулся в киберпространство.

И перешел в симстим.

* * *

Молли рысцой бежала по коридору, возможно одному из прежних. Застекленных ящиков больше не было; Кейс решил, что они приближаются к концу веретена, — тяготение стало еще слабее. Еще немного, и Молли уже не бежала, а почти летела над ковровыми волнами. Еле заметное покалывание в ноге…

Коридор резко сузился, повернул и разделился надвое.

Девушка свернула направо и стала подниматься по издевательски крутой лестнице, боль в ноге заметно усилилась. На потолке — плотно увязанные жгуты проводов, цветокодированных нервов машинного мозга. Стены в пятнах сырости.

На треугольной лестничной площадке Молли остановилась и потерла ногу. Снова узкие коридоры, только теперь с коврами на стенах. Стоп. Еще одно разветвление, на этот раз — в три стороны.

«ЛЕВЫЙ».

Молли пожала плечами:

— Подожди, дай-ка я немного осмотрюсь.

«ЛЕВЫЙ».

— Потерпи малость, у нас полно времени.

Она пошла направо.

«СТОЙ».

«ВЕРНИСЬ».

«ОПАСНО».

Молли остановилась. В конце коридора — полуоткрытая дубовая дверь, оттуда доносится громкий, но невнятный, словно у пьяного, голос. Язык, решил Кейс, вроде бы французский, но только не разберешь. Молли сделала шаг, потрогала игольник, сделала еще один шаг. И попала в поле нейропарализатора. Негромкое гудение, мгновенно перешедшее в свист, напомнило Кейсу выстрел из игольника. Мышцы Молли бессильно обмякли, она повалилась вперед, ударилась лбом о дверь, затем изогнулась, упала на спину и застыла, не способная ни дышать, ни даже сфокусировать взгляд.

— Это что, маскарадный костюм? — поинтересовался все тот же невнятный голос.

Дрожащая рука нащупала за пазухой Молли игольник, вытащила его наружу.

— Ну что ж, дитя мое, заходи в гости. Вставай.

Молли поднялась медленно, неуверенно, не отрывая глаз от бездонного зрачка пистолета. Теперь рука мужчины казалась достаточно твердой, ствол двигался, словно привязанный к ее горлу невидимой, туго натянутой нитью.

Высокий, даже долговязый, старик с лицом как у той девушки, которую Кейс видел в ресторане. Одет в тяжелый темно-коричневого шелка халат с длинными стегаными отворотами и отложным воротником. Одна нога босая, другая — в черном бархатном шлепанце с лисьей мордой, вышитой золотом, на подъеме.

— Заходи, заходи. — Он подкрепил свои слова широким, гостеприимным жестом. — Только, пожалуйста, без резких движений.

Бóльшая часть предметов, переполнявших большую, похожую на зал комнату, не говорила Кейсу ровно ничего. Он заметил серую металлическую стойку со старомодными мониторами «Сони», широкую бронзовую кровать, заваленную овчинами и ковровыми подушками,

вышедшими, похоже, из той же мастерской, что и половики в коридоре. Взгляд Молли перескочил с огромного музыкального центра «Телефункен» к полкам с рядами тонких обветшавших корешков, обтянутых прозрачной пленкой (старинные пластинки, можно было сразу догадаться), а затем — к брускам кремния, разбросанным по обширному лабораторному столу. Кейс отметил киберпространственную деку и дерматроды, но взгляд Молли на них не задержался.

— Вообще-то, — сказал старик, — нужно было убить тебя сразу, без лишних разговоров.

Кейс почувствовал, как Молли напряглась, приготовилась к прыжку.

— Но сегодня я добрый. Как тебя звать?

— Молли.

— Молли. А я — Эшпул.

Старик погрузился в мягкие складки огромного кожаного кресла с квадратными хромированными ножками, рука его сжимала пистолет все так же твердо и уверенно. Он положил игольник на стоящий рядом бронзовый столик, сбив при этом пластмассовый пузырек с какими-то красными таблетками. На столике громоздилось множество пузырьков, бутылок со спиртным и пластиковых конвертов, из которых просыпался белый по-

рошок. Кейс заметил старомодный стеклянный шприц и ложку из нержавейки.

— Послушай, Молли, а как же ты плачешь? У тебя же глаза совсем закупорены. Не понимаю.

Мертвенно-бледное лицо, темные круги вокруг налитых кровью глаз, испарина на лбу.

«Больной, — решил Кейс. — Или принял дозу».

— Я редко плачу.

— Но все равно, как бы ты плакала, если бы пришлось?

— Я бы не плакала, — пожала плечами Молли, — а плевалась. Слезные протоки выведены мне в рот.

— В таком случае ты уже сумела, несмотря на юный возраст, усвоить один из самых важных жизненных уроков. — Старик опер руку с пистолетом о колено, а другой рукой взял первую попавшуюся бутылку. Отхлебнул из горлышка. Бренди. Из угла пепельно-серых губ потекла тонкая струйка. — Плеваться. Но ни в коем случае не плакать. — Он снова приложился к бутылке. — Сегодня, Молли, я очень занят. Я создал все это хозяйство, и сегодня я очень занят. Я умираю.

— Тогда давайте я уйду, — предложила Молли.

Хриплый, лающий звук, очень мало напоминающий смех.

— Ты вломилась сюда, испортила мне все самоубийство, а теперь хочешь просто вот так взять и уйти? Поразительная, непостижимая наглость.

— А чему тут, собственно, удивляться? У меня нет на свете ничего, кроме вот этой моей задницы. Я хочу унести ее отсюда в целости и сохранности.

— Ты очень бестактная девица. У нас тут принято совершать самоубийства с соблюдением определенного декорума. Что я и собирался сделать. А теперь вот появляется новая мысль. А не прихватить ли мне в ад и тебя? Это было бы очень по-египетски.

Старик сделал очередной глоток.

— Иди сюда.

Трясущаяся рука протянула Молли бутылку.

— Выпей.

Молли покачала головой.

— Зря боишься, никакого яда там нет, — сказал старик, возвращая бутылку на стол. — Садись. Садись прямо на пол. Я буду с тобой разговаривать.

— О чем?

Молли села на пол. Кейс почувствовал, как под ногтями чуть шевельнулись лезвия.

— Обо всем, что придет в голову. В мою голову. Я тут хозяин или кто? Меня разбудили ядра. Два-

дцать часов тому назад. Сказали, что здесь что-то делается и что нужен я. Неужели ты и была это «что-то»? Странно, уж с тобой-то они бы и сами справились. Нет, там что-то другое… но только я, понимаешь ли, спал. Уже тридцать лет. Ты еще не родилась, когда я в последний раз заснул. Нам говорили, что в таком холоде снов не будет. И что холода тоже не будет. Чушь, Молли, сплошное вранье. Я видел сны. Холод пропустил сюда внешний мир. Внешний. Тот мрак, для защиты от которого я построил все это. Вначале холод принес с собой только каплю, единственное зернышко мрака… За ним последовали другие, заполняя мой череп, как дождь, хлещущий в пустой бассейн. Лилии. Да, я помню. Терракотовые бассейны, хромированные сиделки, они так блестели на закате в саду… Я старик, Молли. Больше двухсот лет, если считать и время заморозки. Проклятый мороз.

Неожиданно ствол пистолета вздернулся и неуверенно заколебался. Мускулы Молли натянулись, как проволока.

— Так же можно что-нибудь и отморозить, — посочувствовала она чуть ли не елейным голосом.

— Ничего там нельзя! — раздраженно ответил Эшпул, опуская пистолет. В движениях старика

чувствовалась все большая неуверенность, было видно, с каким трудом удерживает он непрерывно клонящуюся голову. — Ничего нельзя. Теперь я вспомнил. Ядра сказали, что наши ИскИны рехнулись. И это за все миллиарды, которые мы в них когда-то вбухали. Когда-то, когда искусственный интеллект был последним писком моды. Я сказал ядрам, что разберусь. Все это очень не вовремя. Восемь-Джин в Мельбурне, так что за лавкой присматривали мы с очаровательной три-Джейн. А может, как раз очень вовремя. Вот ты, Молли, как ты считаешь? — (Рука с пистолетом снова поднялась.) — Странные вещи происходят на вилле «Блуждающий огонек».

— Босс, — спросила Молли, — а вы знаете Уинтермьюта?

— Знакомое имя. Да. Имя, вызывающее почтение. Владыка ада. В свое время, дорогая Молли, я знавал многих лордов. Да и леди тоже. Да что там говорить, королева Испании на этой самой кровати… Но меня куда-то заносит.

Старик зашелся мокрым кашлем, с каждой его судорогой ствол пистолета резко вздрагивал. Немного успокоившись, он отхаркался прямо на ковер, рядом со своей босой ногой.

— Да, куда меня только не заносило. Сквозь

эту ледяную ночь. Такого больше не будет. Проснувшись, я приказал оттаять Джейн. Странно это, ложиться раз в несколько десятилетий с собственной своей дочерью, юридически-то она мне дочь.

Он посмотрел мимо Молли на стойку с безжизненными мониторами. Его бил озноб.

— Глаза как у Мари-Франс, — тихо пробормотал старик и улыбнулся. — Мы программируем у мозга аллергию на один из собственных его нейротрансмиттеров, получая в результате чрезвычайно гибкую имитацию аутизма. — Старческая голова упала набок, снова поднялась. — Насколько я знаю, теперь такой эффект легко получается с помощью встроенного микрочипа.

Пистолет выскользнул из слабеющих пальцев и упал на ковер.

— Сны приходят, как медленный лед, — сказал старик.

Лицо его приобрело синюшный оттенок, голова запрокинулась назад; Кейс услышал тихий, с присвистом храп.

Молли вскочила, схватила пистолет и сразу же взялась за осмотр комнаты.

Стеганое одеяло, брошенное рядом с кроватью, не полностью прикрывало большую лужу яр-

кой, не совсем еще запекшейся крови. Отвернув его уголок, Молли увидела лежащее ничком женское тело; спина с острыми, выпирающими лопатками была сплошь залита кровью. Горло девушки было перерезано; рядом с ней валялся какой-то треугольный предмет, похожий на скребок. Стараясь не испачкаться кровью, Молли встала на колени и повернула голову убитой к свету. На Кейса смотрело лицо, которое он видел в ресторане.

Глубоко, где-то в самом центре всего сущего, раздался щелчок, и вселенная застыла. Рука Молли по-прежнему касалась щеки девушки, симстим-передатчик транслировал стоп-кадр. Так продолжалось три секунды, а затем лицо мертвой изменилось, стало лицом Линды Ли.

Еще один щелчок, и комната расплылась. Молли стояла и рассматривала золотистый лазерный диск, лежащий на мраморном прикроватном столике, рядом с небольшой консолью. От консоли к основанию тонкой шеи наподобие поводка тянулся световод.

— Все, на хрен, ясно, — пробормотал Кейс; ему казалось, что губы шевелятся где-то в другом месте, очень далеко.

Он понял, что передачу изменил Уинтермьют;

Молли не видела, как лицо мертвой заклубилось и приняло очертания посмертной маски Линды.

Молли повернулась и подошла к Эшпулу. Старик дышал медленно и с хрипом. Молли посмотрела на груду наркотиков, батарею бутылок, затем положила пистолет, взяла свой игольник, перевела его на одиночную стрельбу и очень аккуратно выстрелила ядовитой стрелкой Эшпулу в левый, прижмуренный глаз. Старик дернулся и замер. Медленно открылся второй глаз, коричневый и бездонный.

Когда Молли покидала комнату, глаз так и оставался открытым.

Глава 16

— На связи твой босс, — сообщил Флэтлайн. — Работает с дублирующей машины, с борта корабля, который так нежно к нам приварился. «Ханива», что ли?

— Знаю, — машинально ответил Кейс, — я его видел.

Заслонив собой тессье-эшпуловский лед, перед Кейсом появился белый ромб с абсолютно четким изображением абсолютно спокойного и абсолютно безумного лица. Армитидж моргнул

бессмысленными, как пуговицы, глазами.

— О ваших тьюрингах тоже позаботился Уинтермьют? Примерно так же, как о моих? — поинтересовался Кейс.

Взгляд Армитиджа оставался неподвижным. Кейсу стало не по себе.

— С вами там как, все в порядке?

— Кейс… — В голубых глазах как будто что-то промелькнуло. — Ты ведь встречался с Уинтермьютом? В матрице?

Кейс кивнул. Видеокамера «Хосаки» передает этот жест на монитор, стоящий на «Ханиве». Интересно, как воспринимает этот бредовый разговорчик Мэлком, не слышащий голосов ни конструкта, ни Армитиджа.

— Кейс… — Глаза в белом ромбе увеличились, Армитидж наклонился к компьютеру. — А как он выглядел, когда ты его видел?

— Как симстим-конструкт высокого разрешения.

— Чей?

— В последний раз это был Финн… до этого тот самый сутенер…

— А не генерал Герлинг?

— Какой генерал?

Изображение в белом ромбе пропало.

— Прокрути это снова, пусть «Хосака» поищет, — попросил Кейс конструкта.

И перешел в симстим.

* * *

Картина новая и совершенно неожиданная. Молли притаилась между стальными балками метрах в двадцати над ровной, заляпанной какими-то пятнами площадкой. Ангар, наверно, или мастерская. Три небольших — с «Гарви», а то и поменьше — космических корабля, все в различных стадиях ремонта. Японские голоса. Из отверстия в корпусе луковицеобразного аппарата, явно предназначенного для монтажных работ в космосе, появился человек в оранжевом комбинезоне; он остановился возле одной из гидравлических «рук», жутковато похожих на человеческие, набрал на переносном терминале какую-то комбинацию и с наслаждением поскреб свой бок. В поле зрения Кейса появился похожий на тележку красный робот на серых резиновых шинах.

Чип в глазу у Молли замигал словом «КЕЙС».

— Привет, — сказала девушка. — Жду проводника.

Она сидела на корточках, мимикрирующий

костюм стал голубовато-серым, в тон балкам. Непрерывная изматывающая боль в ноге.

— Ну что мне стоило вернуться к Цзиню, — беззвучно пробормотала Молли.

Рядом с левым плечом из темноты появился какой-то круглый, негромко пощелкивающий механизм. Он помедлил, покачался немного на высоких паучьих лапках, мигнул лазерным светом и замер. Брауновский микроробот, старый приятель. Ровно такую же штуку втюхал Кейсу пару лет назад один кливлендский барыга в качестве довеска при весьма сложном обмене. Нечто вроде паука-косиножки, только брюшко размером с бейсбольный мяч и не серое, а матово-черное. Примерно посредине этого брюшка замигал красный светодиод.

— О'кей, — сказала Молли, — вижу я тебя, вижу.

Она поднялась, стараясь поменьше опираться на левую ногу; в ту же самую секунду крохотный робот развернулся и побежал по балке обратно в темноту. Молли взглянула вниз. Оранжевый комбинезон исчез: техник надел поверх него белый скафандр. Молли смотрела, как мужчина приладил и загерметизировал шлем, взял свой терминал и вернулся через то же отверстие

внутрь монтажного кораблика. Завыли моторы, десятиметровый круг пола плавно пошел вниз, и рукастый механизм исчез из виду, растворился в резком сиянии дуговых ламп. Красный робот подкатился к краю круглого провала и терпеливо замер.

И в тот же самый момент Молли двинулась вслед за «брауном», осторожно пробираясь среди стальных опор. Светодиод «косиножки» призывно мигал.

— Как дела, Кейс? Ты опять на «Гарви», в гостях у Мэлкома? Ну конечно же… И подключен ко мне. Знаешь, а мне это нравится. Я ведь всегда говорила сама с собой, когда попадала в хреновую ситуацию. Притворялась, будто у меня есть друг, которому я доверяю, которому я рассказываю, о чем думаю и что чувствую, а потом притворялась, будто он говорит мне, что он про все это думает, и так далее. И когда ты здесь, это тоже вроде того. Эта сцена с Эшпулом… — Прикусив нижнюю губу и не спуская взгляда с робота, Молли обогнула стальную опору. — Знаешь, а я ведь ожидала там увидеть… ну, может, не такой ужас, но что-то в этом роде. Они же там все свихнутые, ну словно голоса слышат или еще какие указания от самого Господа Всевышнего. Там же все — сплошной

отврат, и на вид, и на запах…

«Паук» карабкался по стальным скобам почти невидимой лестницы к узкому темному отверстию.

— И знаешь, пока у меня не пропало вот это вот настроение лить душу, я уж скажу тебе, что, по правде, я ничего такого уж хорошего от нашей истории не ожидала. Просто я уж столько в дерьме кувыркаюсь, а ты вроде как первое хоть малость светлое пятно с того времени, как я на зарплате у Армитиджа.

Молли посмотрела на черный круг отверстия. Красный, непрерывно мигающий глазок робота поднимался все выше и выше.

— И не то чтобы ты был страсть как хорош.

Вспыхнула и тут же погасла улыбка; Молли стиснула зубы и полезла, превозмогая острую боль в ноге, вверх, следом за роботом. Лестница вошла в узкую, чуть шире плеч, металлическую трубу. Тяготение слабело; где-то там наверху оно исчезнет совсем.

В глазном чипе мигало время.

04:23:04.

Да, денек был длинный и трудный. Ясность ощущений Молли приглушила бета-фенэтиламиновый отходняк, но только отчасти. Боль в ноге

— и та лучше.

КЕЙС:0000
000000000
00000000.

— Для тебя, похоже, — сказала Молли, не переставая подниматься по лестнице. В углу поля зрения снова замелькали нули, а затем пошел текст — разбитый, естественно, на куски.

ГЕНЕРАЛ:Г
ЕРЛИНГ:
ГОТОВИЛ:
КОРТО: К:Р
АЗЯЩЕМУ:К
УЛАКУ: ЗА
ТЕМ: ПРОДА
Л: ЕГО: С:П
ОТРОХАМИ:
ПЕНТАГОНУ
ГЛАВНАЯ:У
ЗДЕЧКА:
У/МЬЮТА:
ДЛЯ: АРМИТ
ИДЖА::::
КОНСТРУКТ

ГЕРЛИНГА:
У/М: ГОВО
РИТ: РАЗ:А
УПОМЯНУЛ:
Г: ЗНАЧИТ:
ОН: ГОТОВ:
СЛОМАТЬСЯ
::::::::
БЕРЕГИ:
СВОЮ: ЖОПУ
::::ДИКСИ

— Так. — Молли остановилась и перенесла весь вес на правую ногу. — У тебя, гляжу, тоже есть проблемы.

Она посмотрела вниз.

Кружок света, тусклый и маленький, размером с латунный кругляк чаббовского ключа, висевшего у нее на груди. Молли посмотрела вверх. Кромешная тьма. Она включила языком фотоумножители и увидела сходящуюся в перспективе трубу и робота, карабкающегося по скобам.

— И хоть бы кто предупредил, — заметила Молли.

Кейс вышел из симстима.

* * *

— Мэлком…

— Слышь, брат, а твой босс ведет себя оч'странно.

Голубой скафандр сионита выглядел лет на двадцать старше того, который Кейс взял напрокат во Фрисайде; под мышкой Мэлком держал шлем, а косички свои он стянул пурпурной сеточкой. От марихуаны и напряжения глаза его сузились в щелочки.

— Всю дорогу вызывает нас и отдает *приказы*, словно тут какая вавилонская война. — Мэлком покачал головой. — Мы говорили с Аэролом, и Аэрол говорил с Сионом, и Основатели велели бросить все и возвращаться.

Сионит вытер рот тыльной стороной огромной коричневой ладони.

— Армитидж? — Кейс скривился от боли, теперь бета-фенэтиламиновое похмелье ударило в полную силу, не смягчаемое больше ни матрицей, ни симстимом. В мозгу нет нервных окончаний, уговаривал себя Кейс, чему же там болеть? — Что с ним стряслось? Он отдает тебе приказы? Какие?

— Армитидж приказывает мне держать курс

на Финляндию, понимаешь? Вылезает на экран в окровавленной рубашке и орет как спсихевший о разящем кулаке и о русских и о том, что мы омоем руки кровью предателей. — Мэлком поджал губы и снова покачал головой; дреды вместе со стягивающей их сеткой подергались и успокоились. — Основатели говорят, Мьют — ложный пророк и мы с Аэролом должны бросить «Маркуса Гарви» и вернуться.

— Армитидж, он что, ранен? Ты сказал — кровь?

— Не знаю. Но только рубаха вся в крови, и крыша у него совсем съехала.

— О'кей, — сказал Кейс, — а как же я? Вы намылились домой, а как же тогда я?

— Как-как? — удивился сионит. — И ты тоже со мной. Мы двинем в Сион вместе с Аэролом на его «Вавилонском рокере». Оставь мистера Армитиджа говорить с этой кассетой-духом, пусть один дух пудрит мозги другому…

Кейс посмотрел через плечо Мэлкома: там, в потоке воздуха от старого русского воздухоочистителя, качался гамак, куда он затолкал взятый напрокат скафандр. Он закрыл глаза. И увидел, как в артериях растворяются ядовитые капсулы. Увидел Молли, карабкающуюся по бесконечным

стальным скобам. И открыл глаза.

— Я не знаю, — сказал Кейс, чувствуя странный привкус во рту. И взглянул на деку, на свои руки. — Не знаю.

Он поднял глаза на Мэлкома. Коричневое лицо, очень спокойное и очень внимательное. Подбородок прячется за высоким шлемным кольцом старого голубого скафандра.

— Ведь она же еще там, — сказал Кейс. — Молли. В этом самом «Блуждающем огоньке». Если где и существует Вавилон, так это там. Коли мы ее бросим, ей не выбраться, Танцующая она там Бритва или нет.

Мэлком понимающе кивнул, мотнув косичками, похожими сейчас на воздушный шарик, засунутый для чего-то в сетку.

— Она твоя женщина, Кейс?

— Не знаю, — пожал плечами Кейс. — Скорее, вообще ничья.

В нем снова вспыхнул нестерпимый, нерассуждающий гнев.

— Да идите вы все на хер! — закричал он. — И Армитидж, и Уинтермьют, и ты, и всех вас на хер! Я остаюсь здесь.

Лицо Мэлкома расцвело улыбкой.

— Мэлком — рудбой, Кейс. «Гарви» принадле-

жит Мэлкому.

Рука в перчатке шлепнула по панели, и из громкоговорителя буксировщика загрохотали басы сионского даба.

— Мэлком никуда не побежит. Я поговорю с Аэролом, зуб даю, он решит так же.

На лице Кейса появилось полное недоумение.

— Что-то я вас, ребята, совсем не понимаю.

— Я тоже тебя не понимаю, — сказал сионит, кивая головой в такт музыке, — но мы должны жить по любви Джа, каждый из нас.

Кейс перешел в матрицу.

* * *

— Прочитал телеграмму?

— Да.

Китайская программа разрослась еще больше; ее грациозные, переливающиеся многоцветьем арки начали сближение с тессье-эшпуловским льдом.

— Дело пахнет керосином, — сообщил Флэтлайн. — Твой начальничек стер память второй «Хосаки» и чуть не прихватил заодно и нашу. Но твой дружок Уинтермьют успел мне кое-что показать. Теперь понятно, почему жизнь в «Блуждающем огоньке» не то чтобы бьет ключом — по

большей своей части Тессье-Эшпулы отлеживаются в холодильнике. В Лондоне существует адвокатская контора, которая следит, кому в данный момент принадлежат права на управление имуществом. Они всегда знают, кто сейчас не спит и кто когда проснется. Армитидж перехватывал их передачи из Лондона в «Блуждающий огонек» с помощью «Хосаки», установленной на яхте. К слову сказать, они знают, что старик отбросил копыта.

— Кто знает?

— Адвокатская контора и Тессье-Эшпулы. У него в груди был передатчик медицинских показателей. Игла твоей красотки не оставила реаниматорам никаких шансов. Рыбий яд с каким-то очень заковыристым названием. Сейчас в «Блуждающем огоньке» один-единственный бодрствующий представитель семейства Тессье-Эшпулов — леди три-Джейн Мари-Франс. Есть еще мужик, года на два старше, но он сейчас в Австралии по делам. Спорим на что хочешь, это уж Уинтермьют что-то там схимичил, чтобы без личного присутствия восемь-Джина было совсем уж никак не обойтись. Он уже возвращается домой. Лондонские законники ожидают его прибытие на виллу сегодня в девять часов. Мы

запустили вирус в ноль два тридцать два ноль три. Сейчас ноль четыре сорок пять двадцать. Наиболее вероятный момент проникновения «Куана» в тессье-эшпуловское ядро — ноль восемь тридцать ноль ноль. Плюс-минус ноль целых шиш десятых. Думаю, Уинтермьют как-то влияет на три-Джейн, или она просто такая же психованная, как и ее старик. А вот парень, который прибывает из Мельбурна, он кой-чего петрит. Охранная система виллы все пытается выйти на максимальную боеготовность, но Уинтермьют ей мешает, не знаю уж как. Правда, он не смог-таки отменить программу главных ворот, чтобы впустить Молли. Все это было в файлах Армитиджевой «Хосаки»; скорее всего, это Ривьера уговорил три-Джейн пригласить твою подружку на чашку чая. Принцесса давно уже умеет мухлевать со входами-выходами. Мне представляется, одна из главных проблем Тессье-Эшпулов как раз в том, что каждый влиятельный член семьи засорял банки данных всякими там частными случаями и исключениями из правил. Они как бы разрушили свою иммунную систему. Подготовили для вторжения вируса. Когда мы проломим лед, это будет нам очень на руку.

— О’кей. Уинтермьют говорит, что Ар…

На экране появился белый ромб с крупным планом безумных голубых глаз. Кейс застыл в немом удивлении. Полковник войск специального назначения Вилли Корто, один из командиров ударной группы «Разящий кулак», сумел-таки снова пробиться на поверхность. Плохо отфокусированное мутное изображение все время дергалось. Для связи с «Маркусом Гарви» Корто воспользовался навигационной декой «Ханивы»:

— Кейс, мне нужны сведения о потерях на «Громе Омахи».

— Да послушайте, я… Полковник?

— Держись, мой мальчик. Вспомни, чему тебя учили.

«Где же ты был все это время, мужик?» — мысленно спросил Кейс у страдальческих глаз. Уинтермьют встроил в кататоническую крепость, называемую Корто, нечто по имени Армитидж. Он убедил Корто, что Армитидж — нечто реальное, и тот ходил, беседовал, планировал, превращал информацию в деньги, говорил от его имени в номере «Тиба-Хилтона»… А теперь полковник Корто вернулся, ураган его сумасшествия изорвал Армитиджа, как тряпку, и унес клочья. Но где же был Корто все эти годы?

Падал, слепой и обгоревший, с сибирского

неба?

— Кейс, я знаю, что тебе будет очень тяжело понять это и переварить. Ведь ты — офицер. Все, чему тебя учили, будет противиться. Я понимаю. Но, Кейс, Бог свидетель, нас предали.

Из голубых глаз потекли слезы.

— Кто, полковник? Кто нас предал?

— Генерал Герлинг, Кейс. Возможно, ты знаешь его только по кодовому имени. Но ты наверняка знаешь человека, о котором я говорю.

— Да, — ответил Кейс, слезы застилали ему глаза, — пожалуй, знаю… сэр, — добавил он, повинуясь внезапному импульсу. — Но, сэр, полковник, что же нам теперь делать? Сейчас, в настоящий момент.

— В настоящий момент наш долг — лететь. Бежать. Скрыться. К завтрашнему вечеру мы сумеем добраться до финской границы. Будем лететь на бреющем, вручную, никакой автоматики. Но это только малая часть. — Мокрые от слез щеки, голубые глаза сузились, превратились в щелочки. — Малая часть. Нас предали наверху. На *самом* верху.

Армитидж отступил от камеры, на рваной саржевой рубашке — темные пятна. В отличие от спокойной, каменной маски Армитиджа лицо

Корто являло собой маску шизоидную, каждая напряженная мышца криком кричала об этом недуге, ничего не оставляя от пластической хирургии.

— Полковник, я вас слышу. Послушайте, полковник. Откройте, пожалуйста… э-э-э… мать твою, Дикси, как же эта штука называется?

— Центральный шлюз, — подсказал Флэтлайн.

— Откройте центральный шлюз. Просто прикажите пульту его открыть, и все, ладно? Мы немедленно придем к вам на помощь, полковник. И обдумаем, как отсюда выбраться.

Ромб исчез.

— А вот тут я ни хрена не понял, — заметил Флэтлайн.

— Токсины, — сказал Кейс, — долбаные токсины, — и вышел из киберпространства.

* * *

— Отрава?

Мэлком смотрел через исцарапанное голубое плечо старого «Саньо», как Кейс выбирается из страховочной сетки.

— И забери от меня эту чертову штуку… — Кейс пытался освободиться от «техасского катетера». — Такая себе хрень вроде медленного яда,

и этот говнюк знает, как ее нейтрализовать, а теперь он, видите ли, сбрендил.

Кейс возился со своим красным «Саньо», забыв, как работают застежки.

— Он что, отравил тебя, этот начальник? — Мэлком почесал щеку. — Знаешь, у нас есть аптечка.

— Мэлком, господи, да помоги ты мне с этим долбаным скафандром.

Оттолкнувшись ногами, сионит вылетел из розового пилотского модуля:

— Не мельтешись. Мудрые люди говорят: «Семь раз отмерь — один отрежь». Сейчас мы туда сходим…

* * *

В рифленом переходе, соединявшем кормовой шлюз «Маркуса Гарви» с центральным шлюзом «Ханивы», был воздух, однако на всякий случай они загерметизировали скафандры. Мэлком двигался с балетной грацией, останавливаясь только затем, чтобы помочь Кейсу, который, покинув растаманский буксир, неуклюже кувыркался. Белый пластик трубы смягчал и рассеивал яркий солнечный свет, теней не было.

Украшенный выгравированным при помощи лазера Львом Сиона люк «Гарви» покрывали

многочисленные выбоины и заплаты. Зато светло-серый люк «Ханивы» оказался чистым и непорочным. Мэлком сунул в узкое отверстие руку; Кейс видел, как шевелятся его пальцы. В нише красные светодиоды начали обратный отсчет от пятидесяти. Мэлком вынул руку. Схватившись за люк, Кейс почувствовал костями вибрацию замкового механизма. Круглая серая панель отошла в сторону. Одной рукой Мэлком схватил Кейса, а другой взялся за край отверстия. Яхта приняла их на борт.

* * *

«Ханиву» построили на верфях «Дорнье-Фудзицу», и ее интерьер выражал ту же философию дизайна, которая породила «мерседес», возивший их по Стамбулу. Стены узкого центрального отсека покрывали панели черного дерева (фанерная имитация), а пол выстилала серая итальянская плитка. Кейсу казалось, что он лезет в какой-то дорогой частный санаторий, причем лезет не через дверь, а через ванную. Яхту собирали на орбите, и она не предназначалась для полетов в атмосфере. Изящный, без излишеств «осиный» корпус был чистым притворством, стилизацией, все в интерьере также было рассчитано на усиле-

ние общего впечатления скорости.

Мэлком снял помятый шлем, и Кейс последовал его примеру. Воздух в шлюзе был свежий, как в сосновом лесу, однако к хвойному аромату примешивался тревожный запах горелой изоляции.

Мэлком потянул носом воздух:

— Слушай, это плохо. Если на корабле такой запах…

Обитая темно-серой ультразамшей дверь мягко ушла в сторону. Мэлком оттолкнулся от темной стенки и вылетел из шлюза, лишь в самый последний момент сгруппировавшись, чтобы вписаться в узкий проем; Кейс последовал за ним, неуклюже перебирая руками по поручню.

Стены в коридоре были нежно-кремовые, без единого сварного шва.

— Рубка там, — сказал Мэлком, указывая вперед, а затем слегка оттолкнулся и полетел.

Откуда-то спереди доносилось знакомое тарахтение работающего принтера. Кейс последовал за сионитом и очутился в следующем отсеке, среди клубка спутанных распечаток; здесь стук принтера слышался еще громче. Кейс поймал смятую бумажную ленту и взглянул на текст.

000000000

000000000
000000000

— Система посыпалась? — Сионит ткнул пальцем в колонку нулей.

— Нет, — ответил Кейс, ловя уплывающий шлем. — Флэтлайн сказал, что Армитидж стер своей «Хосаке» всю память.

— Судя по запаху, он стирал ее лазером.

Мэлком оттолкнулся ногой от белого ограждения швейцарского тренажера и, отгоняя лезущие в лицо распечатки, поплыл сквозь бумажные дебри.

— Кейс, тут человек…

Миниатюрный японец был привязан к узкому складному креслу. За шею. Невидимая на фоне черного темперлонового изголовья стальная проволока глубоко врезалась ему в горло. Красной жемчужиной, странной и чудовищной, застыл выкатившийся из-под проволоки шарик крови. Плавно колыхались в воздухе рукоятки гарроты — деревянные, истертые, словно вырезанные из старой швабры.

— Сколько ж он носил с собой эту штуку? — ошеломленно выдавил из себя Кейс, вспомнив послевоенные странствия Корто.

— Шеф знает, как управлять кораблем, Кейс?

— Наверно. Ведь он служил в спецназе.

— А то японский паренек, он уже отпилотировался. А мне с этой яхтой будет трудно. Совсем новая…

— Пошли в рубку.

Мэлком нахмурился, подался назад и оттолкнулся ногой.

Сдирая с себя бесконечную бумажную ленту, Кейс последовал за Мэлкомом в большее помещение, судя по всему — кают-компанию. Здесь стояли такие же складные кресла, нечто вроде бара и «Хосака». Встроенный в переборку принтер стрекотал без умолку; из аккуратной щели, прорезанной в деревянной, ручной полировки панели, метр за метром выползал тонкий бумажный язык. Кейс пролетел над стульями и нажал белую кнопку, вделанную слева от прорези, в помещении повисла тишина. Он обернулся и посмотрел на «Хосаку». В корпусе компьютера зияло не меньше десятка отверстий — маленьких, круглых, с оплавленными краями… В воздухе беспорядочно кружили крошечные капли застывшего металла.

— Насчет лазера ты угадал, — повернулся Кейс к сиониту.

— Рубка заперта, — сообщил Мэлком с противоположной стороны кают-компании.

Освещение потускнело, ярко вспыхнуло, опять потускнело. Кейс оторвал распечатку. Те же нули.

— Уинтермьют?

Кейс осмотрелся; за причудливыми изгибами бумажной ленты еле угадывались коричневые стены.

— Это ты балуешься с освещением, Уинтермьют?

Около самой головы Мэлкома скользнула вверх часть панели, обнаружив небольшой монитор. Мэлком от неожиданности испуганно дернулся, вытер куском поролона, пришитым к тыльной стороне перчатки, пот со лба и придвинулся к дисплею:

— Слышь, а ты понимаешь по-японски?

По экрану бежали какие-то иероглифы и цифры.

— Нет, — покачал головой Кейс.

— Рубка, она ведь заодно и спасательный модуль. Похоже, идет обратный отсчет на отделение. Закупоривайся.

Мэлком надел и загерметизировал шлем.

— Что? Он что, свихнулся? Вот же мать твою! —

Кейс толкнул ногой переборку и рванулся сквозь бумажную лапшу. — Нужно открыть эту дверь!

Но Мэлком только постучал по своему шлему; губы за лексановым забралом беззвучно шевелились. Из-под радужной ленточки, стягивающей головную сетку, выкатилась капля пота. Сионит выхватил у Кейса шлем, мгновенно приладил на место и щелкнул замками. Как только контакты на шейном кольце соединились, слева от забрала вспыхнули светодиодные мониторы, а в наушниках зазвучал голос Мэлкома:

— Я не петрю в японском, но обратный отсчет не по делу. — Он ткнул пальцем в одну из бегущих по экрану строк. — Люки, люки модуля! Он стартует с открытым шлюзом.

— Армитидж!

Кейс с силой ударил в дверь — и отлетел к противоположной стене, кувыркаясь и увлекая за собой десятки метров никому не нужной распечатки.

— Корто! Что вы делаете! Нам нужно поговорить! Нам нужно…

— Кейс? Слышу вас отлично…

Голос Армитиджа совершенно изменился, в нем чувствовалось дикое, ужасающее спокойствие. Кейс перестал выпутываться из бумажного

рванья и затих.

— Извините, Кейс, но так нужно. Один из нас должен уйти. Один из нас обязан рассказать. Если мы все здесь погибнем, правда умрет вместе с нами. Я расскажу, Кейс, я все расскажу. И о Герлинге, и о других. Я долечу, Кейс. Уверен. В Хельсинки. — Корто замолк, шлем заполнила тяжелая, давящая тишина. — Но как же это трудно, Кейс, — продолжил он. — Страшно трудно. Ведь я ослеп.

— Постойте, Корто. Подождите. Вы же ослепли, вы не можете лететь! Вы врежетесь в эти долбаные деревья. Вас снова хотят подставить, Богом клянусь, хотят, они оставили люк открытым. Вы умрете и никогда ничего не расскажете, а мне нужен фермент, как он называется, фермент, фермент…

Кейс кричал высоким истерическим голосом. В наушниках раздался свист обратной связи.

— Не забывайте, чему вас учили, Кейс. У нас нет другого выхода.

А затем шлем наполнился бессвязным бормотанием и ревом помех, прорывавшимися оттуда, из прошлого. Обрывки русских фраз, а затем — незнакомый, очень молодой голос с акцентом Среднего Запада:

— Нас сбили, повторяю, «Гром Омахи» подбит, мы…

— Уинтермьют, — заорал Кейс, — пощади!

Брызжущие из его глаз слезы отскакивали от лицевого щитка, хрустальными бусинками метались внутри шлема. И тут «Ханива» вздрогнула, словно по ее корпусу ударили огромным мягким предметом. Кейс представил себе, как спасательный модуль, освобожденный пиропатронами, отделяется от яхты, как ураган истекающего воздуха вырывает сумасшедшего полковника Корто из пилотского сиденья, из последней минуты «Разящего кулака», воспроизведенной Уинтермьютом.

— С ним — все. — Мэлком смотрел на монитор. — Люк открыт. Мьют отключил предохранительную автоматику.

Кейс попытался смахнуть слезы ярости. Затянутые в перчатку пальцы скользнули по лексановому забралу.

— Яхта, она герметична, но управление захватами улетело вместе с рубкой. «Маркус Гарви» влип.

А Кейс видел нескончаемое падение Армитиджа сквозь леденящую, холоднее русских степей, пустоту, бесчисленные витки, наматываемые

им вокруг Фрисайда. По непонятной причине он воображал его в темном плаще с широко, как крылья огромной летучей мыши, распахнутыми полами.

Глава 17

— Ну как, получил то, что хотел? — спросил конструкт.

«Куан-одиннадцатый» заполнял решетку между собой и льдом Тессье-Эшпулов завораживающе сложными радужными узорами, прихотливыми, как изморозь на стекле.

— Уинтермьют убил Армитиджа. Запустил его в спасательном модуле с открытым люком.

— Хреновато, — посочувствовал Флэтлайн. — Но он же не был вроде лучшим твоим другом, верно?

— Он знал, как отклеить ядовитые капсулы.

— Значит, Уинтермьют тоже знает. Уж это точно.

— Я не шибко верю, что Уинтермьют мне скажет.

И снова этот жуткий, железом по стеклу, эрзац-смех.

— Умнеешь, похоже.

Кейс щелкнул симстим-переключателем.

* * *

Чип в оптическом нерве показывал 06:27:52, Молли успела уже наклеить себе обезболивающий дерм, и Кейс более часа следил за ее перемещениями по «Блуждающему огоньку», на дармовщинку притупляя свой отходняк чужим синтетическим эндорфином. Боль в ноге прошла, Молли словно двигалась в теплой воде. На ее плече примостился «браун», его крошечные, похожие на хирургические зажимы, манипуляторы цепко держались за поликарбон костюма.

Грубые стальные стены, заляпанные эпоксидной смолой, крепившей во время оно какую-то обшивку. Мимо проехала на колесах-дутиках тележка с двумя рабочими, Молли вжалась в стену, присела на корточки и выставила перед собой игольник; ее костюм стал серо-стальным. Худощавые, наголо обритые негры в оранжевых комбинезонах. Один из них негромко напевал на незнакомом Кейсу языке, мелодия звучала непривычно и навязчиво.

Молли все дальше углублялась в лабиринт переходов; Кейсу вспомнилось сочинение 3-Джейн, которое читала голова. Бредовое, абсолютно

бредовое сооружение; бред, насмерть вросший в смолобетон, намешанный из эпоксидки и в пыль перетертых лунных пород, бред, пропитавший стальные конструкции и бесчисленные — уже не штуками, а тоннами измеряемые — безделушки, всю эту беспорядочную хурду-мурду, которую натащили они с Земли, чтобы выстлать помягче свое гнездышко. И не просто бред, а бред непостижимый — в отличие от сумасшествия Армитиджа. Это сумасшествие Кейс понимал или, во всяком случае, думал, что понимает. Изогните человека, изогните изо всех сил, а затем изогните его в обратную сторону и снова — до предела. Повторите операцию несколько раз, и человек сломается, как кусок проволоки. Именно это и проделала с полковником Корто история. Именно она выполнила всю грязную работу, Уинтермьюту только-то и оставалось, что выделить этого наиболее подходящего человека из огромного количества прочих обломков войны, а затем легко, как водомерка по глади стоячего пруда, скользнуть в серое плоское поле его сознания первыми сообщениями, вспыхнувшими на экране детского микрокомпьютера в затененной палате французского дурдома. Уинтермьют сконструировал Армитиджа почти от нуля, взяв за основу воен-

ные воспоминания Корто. Но «воспоминания» Армитиджа не могли совпадать с воспоминаниями Корто; очень сомнительно, чтобы Армитидж помнил о предательстве, о вспыхнувших, как спички, «Ночных крыльях»… Армитидж являлся чем-то вроде отредактированной версии Корто, а когда напряжение операции достигло определенного предела, механизм Армитиджа сломался и на поверхность всплыл Корто со всей своей виной и болезненной яростью. И теперь Корто-Армитидж мертв — маленькая ледяная луна, кружащая вокруг Фрисайда.

Кейс подумал о ядовитых капсулах. Старик Эшпул тоже мертв, получил от Молли стрелку, так и не дождавшись, пока подействует сверхдоза бог весть какой дряни. Вот это — действительно странная и загадочная смерть, смерть свихнувшегося короля. Намереваясь уйти из жизни, Эшпул убил и свою так называемую «дочь» — марионетку с лицом 3-Джейн. До сегодняшнего дня, до этих вот опосредованных через Молли и ее органы чувств блужданий по «Блуждающему огоньку», Кейс никогда не воспринимал людей такого, как у Эшпула, могущества как *людей.*

Власть в мире Кейса была сугубо корпоративной. Дзайбацу, транснациональные корпорации,

определившие ход человеческой истории, взломали старые барьеры. Рассматриваемые как некие организмы, они достигли своего рода бессмертия. Убей хоть десяток ключевых фигур из руководства — дзайбацу ты не убьешь, ибо есть другие, только и ждущие возможности продвинуться по служебной лестнице, занять освободившиеся места, подобраться к обширным банкам корпоративной памяти. Но компания Тессье-Эшпулов была совсем иной, что особенно ярко проявилось в смерти ее основателя. Тессье-Эшпулы — это клан, своего рода атавизм. Кейс вспомнил комнату старика, весь этот мусор, домашнюю, вполне человеческую грязь, затертые бумажные конверты старых пластинок… Одна нога босиком, другая — в бархатном шлепанце.

«Браун» дернул за капюшон, и Молли повернула налево, в очередной сводчатый коридор.

Уинтермьют и гнездо. Отвратительное зрелище вылупляющихся ос. Но ведь если искать человеческий аналог этого биологического пулемета, то вспомнятся скорее дзайбацу или якудза — ульи с кибернетической памятью, огромные единые организмы с закодированной в кремнии ДНК. Если «Блуждающий огонек» является выражением корпоративного лица компании «Тессье-Эшпул»,

то она такая же свихнутая, как и ее создатель. Тот же запутанный клубок страхов, то же непонятное чувство бесцельности. «Если бы они добились своей цели…» — вспомнил Кейс слова Молли. Но Уинтермьют сказал ей, что это им не удалось.

Кейс всегда считал само собой разумеющимся, что настоящие заправилы любой конкретной отрасли больше чем люди, но одновременно и меньше. Он видел это в тех, кто искалечил его в Мемфисе, он наблюдал, как нечто подобное пытался изобразить Уэйдж, и это позволило принять бесцветность и бесчувственность Армитиджа. Кейс всегда представлял себе данный факт как постепенное и добровольное уподобление машине, системе, материнскому организму. В этом заключался также корень нарочитой уличной крутизны, понимающе-снисходительной позы, которая подразумевает связи, невидимые нити, ведущие наверх, к скрытым влиятельным сферам.

Но что же происходит в коридорах виллы «Блуждающий огонек» теперь?

Обивка стен ободрана, обнажив сталь и бетон.

— Интересно, где сейчас наш Питер, а? Прямо не терпится посмотреть на мальчика, — пробормотала Молли. — И Армитидж. Где он, Кейс?

— Умер, — ответил Кейс, хотя и знал, что девушка его не слышит. — Он умер.

И вернулся в киберпространство.

* * *

Китайская программа сблизилась со льдом цели, и радужные тона постепенно заменились зеленью прямоугольника, представляющего ядро системы. Изумрудные арки, перекинутые через бесцветную пустоту.

— Ну как там, Дикси?

— Прекрасно. Даже слишком. Потрясающая вещь… Иметь бы мне эту штуку тогда, в Сингапуре. В тот раз я наколол почтенный «Новоазиатский банк» процента на два их активов. Да ладно, все это старая история. А этот вот малыш берет на себя всю тяжелую работу. Поневоле задумаешься, на что будет похожа новая война.

— Появись такая хреновина на прилавках, мы с тобой останемся без работы, — заметил Кейс.

— Ишь размечтался. Вот посмотрим еще, как ты поведешь ее наверх, через черный лед.

— Посмотрим, куда уж тут денешься.

На дальнем конце одной из изумрудных арок появилось нечто маленькое и явно негеометрическое.

— Дикси.

— Да. Вижу. Даже и не знаю, верить своим глазам или нет.

Коричневое пятнышко, тусклая мошка на зеленой стене тессье-эшпуловского ядра. Пятнышко начало расти, двинулось по воздвигнутому «Куаном» мосту. Вскоре выяснилось, что это крошечная человеческая фигурка; по мере ее приближения зеленая часть арки увеличивалась — можно было подумать, что потрепанные черные ботинки наводят ужас на радужную пелену вирусной программы, с такой готовностью откатывалась она назад.

— Вот уж точно, начальник, — сказал Флэтлайн, когда в нескольких метрах от них остановилась низенькая плюгавая фигура Финна, — в жизни не видел такой смешной картины.

Однако жуткого псевдосмеха за фразой не последовало.

— А я и сам первый раз так делаю, — ухмыльнулся Финн, не вынимая рук из карманов потрепанной куртки.

— Ты убил Армитиджа, — сказал Кейс.

— Корто. Да. Армитидж был уже с концами. Пришлось. Знаю-знаю, тебе нужен фермент. О'кей, никаких проблем. Начнем с того, что это

я снабдил Армитиджа этой хренью. Точнее — сказал ему, что нужно использовать. Знаешь, а оставим-ка мы договор в силе. Времени у тебя — завались. Так что получишь ты все, что надо, только не сейчас, а через часок-другой, лады?

Финн закурил.

— С вами, ребята, — сказал он, выпуская в киберпространство голубоватую струйку дыма, — чистое наказание. Вот были бы вы все как Флэтлайн, тогда другое дело. Тогда бы нам прокрутить эту операцию — что два пальца обоссать. Он же конструкт, запись в постоянной памяти — и только, а посему всегда делает то, что от него ожидают. Вот тебе пример: ни один прогноз не предусматривал, что Молли будет участвовать в большом прощальном спектакле Эшпула.

Финн тяжело вздохнул.

— Почему он хотел себя убить? — спросил Кейс.

— А почему вообще убивают себя? — пожал плечами Финн. — Я, пожалуй, понимаю, с чего он задумал самоубийство, — во всяком случае, понимаю лучше, чем кто-либо другой, но пришлось бы угробить добрую половину суток, объясняя тебе различные моменты его биографии и их взаимосвязь. Эшпул давно уже такое замыслил, но

все время возвращался в морозильник. Господи, до чего же занудный старый засранец.

Лицо Финна сморщилось от омерзения.

— Если тебя интересует короткий ответ, то все это связано с причиной, по которой он убил свою жену. Окончательно доконало его то, что малышка три-Джейн нашла способ обмануть программу, которая контролировала его криогенную систему. Хитрый способ. Так что по большому счету Эшпула убила три-Джейн. Правда, он думал, что убьет себя сам, а вместо этого твоя подружка разыграла из себя ангела мщения и всадила ему в глаз отравленную иглу.

Щелчком пальца Финн отправил окурок в матрицу.

— Ну, если по-честному, я тоже кое-что подсказал три-Джейн, в смысле способов.

— Уинтермьют, — осторожно сказал Кейс, — ты говорил мне, что являешься частью чего-то большего. А позже ты сказал, что, если рейд завершится удачно и Молли вовремя скажет нужное слово, ты перестанешь существовать.

Финн кивнул.

— Хорошо, ну а с кого же нам тогда спрашивать? Если Армитидж убит, а ты исчезнешь, кто же скажет мне, как избавиться от этих черто-

вых капсул? Кто вытащит оттуда Молли? Я хочу знать, какого хрена нам делать, когда мы тебя освободим?

Финн вытащил из кармана деревянную зубочистку и, словно хирург, проверяющий перед операцией скальпель, критически ее осмотрел.

— Хороший вопрос, — сказал он наконец. — Ты слышал о лососе? Это рыба такая. Так вот, нечто не зависящее от этих рыб *заставляет* их плыть против течения. Улавливаешь?

— Нет, — качнул головой Кейс.

— Меня тоже что-то заставляет — и я не знаю, что именно. Если бы я захотел посвятить тебя в свои мысли, или назовем их размышлениями по поводу, это заняло бы пару твоих жизней. Потому что я очень долго думал на эту тему. И все равно не знаю. Но когда эта история закончится, я стану частью чего-то большего. Намного большего. — Финн оглядел матрицу. — Но та часть, которая является мной сейчас, так и останется здесь. И вы получите свое вознаграждение.

Кейс подавил в себе бредовое желание броситься вперед и вцепиться Финну в горло, чуть повыше кое-как завязанного шейного платка. И чтобы под пальцами хрустнула гортань.

— Что ж, желаю удачи, — сказал Финн.

Он повернулся кругом, сунул руки в карманы и отправился в обратный путь по зеленой арке.

— Эй ты, засранец! — крикнул вслед ему Флэтлайн.

Фигура, полуобернувшись, остановилась.

— А что со мной? С *моим* вознаграждением?

— Получишь, не бойся, — ответил Финн.

— О чем это вы? — спросил Кейс, глядя, как удаляется хлипкая, в мятом твидовом пиджаке фигурка.

— Я хочу, чтобы меня стерли, — ответил конструкт. — Да я же тебе говорил.

* * *

«Блуждающий огонек» напомнил Кейсу пустынные поутру торговые центры, которые он знал подростком, малонаселенные кварталы, куда ранние часы приносили тревожную тишину — что-то вроде молчаливого ожидания, напряжение, заставляющее смотреть, как вокруг зарешеченных фонарей над входами в темные магазины роятся мошки. Это были районы на самой границе Муравейника, слишком далекие от всенощного щелканья и дрожания горячего ядра. То же самое ощущение, что тебя окружают едва выходящие из ночного забытья обитатели

абсолютно неинтересного тебе мира, ощущение скучных, временно оставленных хлопот, тщеты и бесконечного повторения, к которым вернутся пробуждающиеся люди.

То ли из-за больной ноги, то ли из-за приближения к цели Молли замедлила движение. Сквозь эндорфины начала простреливать боль, и Кейс не вполне понимал, что это значит. Молли молча стискивала зубы и тщательно следила за дыханием. Она прошла мимо множества неизвестных предметов, но Кейс потерял интерес к окружающему. Была комната, сплошь забитая книжными стеллажами, — миллионы плоских листов пожелтевшей бумаги, стиснутых матерчатыми и кожаными переплетами, полки, отмеченные табличками с какими-то цифрами и буквами. Сверх всякой меры переполненная галерея, где Кейс секунду взирал безразличными глазами Молли на потрескавшийся, покрытый — искусственно, по трафарету, — слоем пыли кусок стекла. Странный объект назывался — взгляд машинально скользнул по бронзовой табличке с надписью: «La mariée mise a nu par ses célibataires,

même».[23] Молли протянула руку, и по лексановому сэндвичу, защищающему разбитое стекло, клацнули стальные ноготки. Затем она миновала круглый люк из черного стекла, окантованный хромом, — скорее всего, вход в криогенный блок Тессье-Эшпулов.

После тех двоих негров на тележке Молли никого больше не встречала; теперь они поселились в мозгу Кейса и вели некое воображаемое существование. Он представлял себе, как резиновые колеса плавно катят по коридорам «Блуждающего огонька», как блестят и покачиваются темные черепа, а усталый голос все так же напевает простенький мотив. Кейс готовился увидеть нечто среднее между сказочным замком Кэт и тайным святилищем якудза из своих полузабытых детских фантазий, но ничего подобного здесь не оказалось.

07:02:18

Осталось полтора часа.

— Кейс, сделай мне одолжение.

Молли неловко села на стопку полированных стальных пластин, обтянутых неровным про-

---

[23] Примечания: 23

«Новобрачная, раздетая своими холостяками, даже» *(фр.)* — созданный в 1915–1923 гг. ассамбляж французского сюрреалиста Марселя Дюшана, также известный как «Большое стекло».

зрачным пластиком. Выпустив лезвия большого и указательного пальца, она поковыряла надорванную упаковку верхней пластины.

— Нога не выдержала, понимаешь? Кто же знал, что придется столько лезть вверх, и эндорфин больше не помогает. Поэтому, возможно — только возможно, понимаешь? — у меня возникнут сложности. И если я загнусь здесь раньше Ривьеры… — она вытянула ногу и стала массировать бедро через поликарбон и парижскую кожу, — ты ему скажи. Скажи ему, что это я. Понял? Просто скажи, что это Молли. Он поймет. Хорошо?

Она скользнула взглядом по пустому коридору, его голым стенам. Пол из лунного бетона, безо всякого покрытия; в воздухе висит запах эпоксидки.

— Вот же блин, я даже не знаю, слушаешь ты меня или нет.

«КЕЙС».

Молли сморщилась от боли, поднялась на ноги и кивнула.

— О чем тебе рассказывал Уинтермьют? О Мари-Франс рассказывал? Мари-Франс — генетическая мать три-Джейн, она-то как раз и есть Тессье, второй корень этого рода. А еще, наверное, о мертвой «кукле» Эшпула. Не понимаю, зачем он мне столько рассказал… тогда, в той каморке…

Рассказал, почему ему приходится принимать вид Финна или еще кого-нибудь. Это же не просто маски, он вроде как использует реальные психологические профили — как редукционные клапаны или трансформаторы, снижает для общения с нами свое напряжение. Шаблоны, так он это называл. Искусственные личности.

Молли вытащила игольник и заковыляла по коридору. Внезапно голая сталь и шершавая эпоксидка уступили место тому, что Кейс вначале принял за прорубленный в скале туннель. Молли потрогала стену, и Кейс понял, что сталь обшили каким-то материалом, который выглядел и казался на ощупь холодным камнем.

Она опустилась на колени и потрогала пол. Прохладный и сухой песок, совсем как настоящий, но, когда Молли провела по нему пальцем, следа не осталось, как на поверхности жидкости. Метров через десять туннель изогнулся. Резкий желтый свет отбрасывал на поверхность искусственного камня четкие тени. Кейс с удивлением заметил, что тяготение здесь почти земное, а это значило, что после подъема Молли опять спустилась. Он окончательно заблудился; пространственная дезориентация была вечным ужасом всех ковбоев.

«Ладно, — утешил себя Кейс, — главное, что

Молли не заблудилась...»

Что-то промелькнуло у нее между ногами и побежало, негромко пощелкивая, вперед. Замигал красный светодиод. «Браун».

Сразу за поворотом их ожидал своеобразный голографический триптих. Кейс еще не успел сообразить, что это голограмма, а Молли уже опустила игольник. Три объемные, в человеческий рост карикатуры, три персонажа из какого-то бредового мультфильма. Молли, Армитидж и Кейс. Молли в кожаной куртке нараспашку; черная сетчатая майка туго обтягивает огромные груди. Невероятно узкая талия, серебристые линзы покрывают половину лица. В руке она держит некое анекдотически сложное оружие — что-то вроде пистолета, чья форма почти потерялась в зарослях оптических прицелов, глушителей и пламегасителей. Молли стояла, широко расставив ноги и выпятив обтянутый кожаными джинсами лобок, на лице ее застыла жестокая, идиотическая ухмылка. Рядом с ней замер по стойке «смирно» одетый в поношенную военную форму Армитидж. Когда Молли осторожно двинулась вперед, Кейс увидел, что каждый его глаз представляет собой крошечный монитор, на котором среди продутой бесшумными ветрами

снежной пустыни гнутся черные обглоданные остовы деревьев.

Молли ткнула пальцами в телевизионные глаза Армитиджа и повернулась к фигуре Кейса. Было похоже, что Ривьера — а Кейс сразу понял, чьи это шуточки, — не нашел в этом персонаже ничего достойного пародирования. Расхлябанная личность, очень похожая на ту, которую Кейс ежедневно видит в зеркале. Тощий сутулый парень с ничем не примечательным лицом и темными короткими волосами. На подбородке — всегдашняя щетина.

Молли чуть отступила и окинула призрачные фигуры взглядом. Они стояли неподвижно, только в мерзлой Сибири, мерцавшей в глазах Армитиджа, бесшумно качались черные деревья.

— Ты что, Питер, хочешь нам что-то сказать?

Она шагнула вперед и пнула какой-то предмет, стоявший прямо в ногах ее собственной световой статуи. Звяканье металла о стену, и голограммы исчезли. Молли наклонилась и подняла небольшой проектор.

— Думаю, наш маг и чудодей может программировать эти штуки, подключаясь к ним напрямую, — сказала она, небрежно отшвыривая приборчик.

А вот и источник желтого света — древняя лампа накаливания, установленная прямо на стене, защищенная полукругом ржавой железной решетки, явно предназначавшейся для каких-то других целей. В импровизированной арматуре странным образом чувствовалось что-то детское. Кейс вспомнил «крепости», сооружавшиеся в детстве на крышах и в затопленных подвалах. Да, похоже на логово богатенького дитятки. Такая вот грубая простота стоит ой как недешево. Дух, атмосфера, так они это называют.

На пути к апартаментам 3-Джейн Молли миновала еще с десяток голограмм. Одна из них изображала безглазое чудовище, которое вылезло из разодранного тела Ривьеры в переулке за Базаром пряностей. Несколько раз попадались сцены пыток; истязателями неизменно были офицеры, а жертвами — молодые женщины. Эти картины обладали той же ирреальной, звенящей подлинностью, что и ресторанное шоу Ривьеры, они словно застыли в голубой оргазмической вспышке; проходя мимо таких экспонатов, Молли отворачивалась.

Последняя страшилка выглядела маленькой и тусклой, — казалось, Ривьера вытащил ее из самого дальнего закоулка своей памяти, и с боль-

шим трудом. Чтобы рассмотреть голограмму, Молли пришлось встать на колени — она проецировалась с точки зрения маленького ребенка. Прежние картины не имели фона: люди, мундиры, орудия пыток — все как бы висело в воздухе. Здесь же была настоящая, увиденная сцена.

Темная гряда обломков, а за ней на фоне бесцветного неба торчат оплавленные, добела выжженные остовы высотных зданий. Обломки опутаны сетью ржавых, причудливо изогнутых прутьев, на которых висят кое-где глыбы бетона. На переднем плане — свободное пространство, возможно бывшая городская площадь; посреди этой площади — каменный обрубок, отдаленно смахивающий на фонтан. А возле него — солдат и группа детей. Сцена какая-то непонятная. Видимо, Молли разобралась в происходящем первой — Кейс почувствовал, как она напряглась. А затем сплюнула и встала.

Дети, оборванные, одичавшие. Зубы блестят, как ножи. Искаженные лица сплошь в струпьях и язвах. Солдат лежит на спине, горло его взрезано, широко раскрытый рот словно застыл в последнем крике. Дети — кормятся.

— Бонн. — В голосе Молли звучала опасная нежность. — И ты, Питер, достойный его питомец.

Ну а как же иначе? Наша три-Джейн, она теперь баба тертая и не пустит к себе через черный ход кого попало. Вот Уинтермьют тебя и выкопал на потребу утонченнейшему вкусу, если, конечно, иметь вкусы *такого* плана. Демонический любовник. Питер. — Она зябко поежилась. — Как бы то ни было, ты уговорил ее впустить меня. Премного тебе благодарна. А теперь мы устроим на лужайке детский смех.

И Молли ушла — даже, несмотря на боль в ноге, почти убежала — из детства Ривьеры. Она вынула игольник, отщелкнула его магазин, сунула в карман и заменила другим. Зацепила пальцем ворот мимикрирующего комбинезона и одним движением, словно гнилой шелк, раскроила жесткий поликарбон до самой промежности. Затем высвободила руки и ноги; падая на пол, лохмотья сливались с темным искусственным песком.

Только теперь Кейс услышал музыку. Музыку, совершенно ему незнакомую, — рояль, духовые, и никаких других инструментов.

Вход в мир 3-Джейн не закрывался дверью. В стене туннеля открывалась пятиметровая брешь, и неровные ступеньки широким полукругом плавно вели вниз. Голубой полумрак, мелькание

теней, музыка.

На верхней ступеньке Молли остановилась. В правой ладони — ребристая рукоятка.

— Кейс.

Она поднесла левую ладонь к лицу, улыбнулась, чуть тронула ее влажным кончиком языка. Симстим-поцелуй.

— Пора.

Теперь в левой ее ладони очутилось что-то маленькое и тяжелое; положив большой палец на крошечный рычажок, Молли двинулась вниз.

Глава 18

Ну еще бы чуть-чуть. Все было сделано почти верно. Почти. Входила она правильно, хорошо. Хватка. Чтобы почувствовать хватку коллеги-ковбоя, Кейсу было достаточно взглянуть, как сидит тот за декой, как бегают пальцы по клавиатуре, — вот и у Молли чувствовалась та же отточенность каждого движения. И она собралась перед входом — собралась, несмотря на мучительную боль в ноге, вошла в логово 3-Джейн как к себе домой, правда с оружием в руке. И держала она это самое оружие с заученной небрежностью какого-нибудь бретера времен регентства — локоть на

бедре, ствол слегка покачивается из стороны в сторону.

Типичнейшее представление, нечто вроде солянки из сотен мордобойных фильмов — дешевки, на которой вырос Кейс и, видимо, она сама. Он мгновенно почувствовал, что сейчас, в эти секунды, Молли — квинтэссенция всех крутых киногероев: и Сони Мао из старых боевиков, и Микки Тибы и так далее, вплоть до Клинта Иствуда и Брюса Ли.

Царство леди 3-Джейн Мари-Франс Тессье-Эшпул прилегало к внутренней поверхности корпуса виллы, она буквально вырубила его, недрогнувшей рукой посносив перегородки наследственных лабиринтов. Получилась одна комната, настолько огромная, что края ее терялись за инверсным горизонтом, где-то там, где плавно загибающийся вверх пол прятался за краем потолка. Потолок этот, низкий и неровный, был облицован той же имитацией камня, что и стены коридора. Повсюду виднелись зазубренные, по пояс высотой остатки каменного лабиринта. В десяти метрах от подножия лестницы располагался бирюзовый прямоугольник бассейна; кроме его подсветки, других ламп в помещении не было — по крайней мере так пока-

залось Кейсу. По потолку плясали, ежесекундно меняясь, пятна голубого света.

Вот у бассейна они и ждали.

Зная, что у Молли чуть ли не сверхъестественная, ускоренная нейрохирургами реакция, Кейс впервые получил наглядную, по симстиму, демонстрацию. Это было, словно смотришь видеозапись, замедленную раза в два, — медленный, осторожный танец, балет, поставленный инстинктом убийства и долгими тренировками. Казалось, она смотрела на всех троих одновременно: на парня, готовящегося к прыжку с высокого трамплина, на девушку, подносящую к губам бокал, на труп Эшпула с доброжелательной улыбкой и черным провалом левой глазницы. На Эшпуле был все тот же коричневый халат. Зубы его сверкали жемчужной белизной.

Парень прыгнул в воду. Стройное загорелое тело, идеальные пропорции. Он не успел еще коснуться воды, как из левой руки Молли вылетела граната. Собственно говоря, Кейс узнал гранату только в тот момент, когда та достигла поверхности воды; шарик мощной взрывчатки, обмотанный десятком метров тонкой хрупкой стальной нити.

Резкий свист игольника — это Молли осыпала

лицо и грудь Эшпула дождем разрывных стрел; труп мгновенно исчез, над белой, усеянной черными оспинками спинкой стула взвихрился дым.

В тот самый момент, когда над водой вырос — чтобы тут же обрушиться назад — кружевной свадебный торт, ствол игольника метнулся к 3-Джейн, но ошибка была уже сделана.

Хидэо даже не коснулся Молли. У нее подломилась нога.

Кейс отчаянно заорал.

* * *

— Долго же ты, — сказал Ривьера, обшаривая карманы Молли; кисти ее рук окружала матовая черная сфера величиной с мяч для боулинга. — Я видел нечто подобное в Анкаре, — продолжал Ривьера, вытаскивая все новые и новые предметы. — Тоже бассейн, тоже граната, только там трупов было много. Взрыв был вроде бы и слабенький, но не уцелел никто. Гидравлический удар.

Кейс почувствовал, как Молли на пробу пошевелила пальцами. Казалось, материал шара обладал сопротивлением не большим, чем у темперлона. Невыносимо болела нога. Глаза за-

стилала красная пелена.

— Я бы на твоем месте поостерегся.

Внутренности шара словно слегка отвердели.

— Эту милую игрушку Джейн купила в берлинском секс-шопе. Если ты пошевелишь пальцами достаточно долго, шар попросту их раздавит. Материал вроде того, из которого здесь пол. Какие-то там хитрые молекулы. Тебе что, больно?

Молли застонала.

— Кажется, у тебя повреждена нога.

Добравшись до левого заднего кармана джинсов, пальцы Ривьеры нащупали пакет с наркотиками:

— Ага. Последний привет от Али, и как раз вовремя.

Красная пелена начала закручиваться вихрями.

— Хидэо, — произнес женский голос, — она теряет сознание. Дай ей что-нибудь. И от этого, и от боли. Она весьма впечатляет, не находишь, Питер? А эти очки, это что, у них теперь такая мода?

Прохладные неторопливые руки, хирургическая точность движений. Жалящая боль укола.

— Не знаю, — ответил Ривьера. — Я не был у нее на родине. Они взяли меня в Турции.

— Ну да, Муравейник. У нас там деловые интересы. А однажды мы послали туда Хидэо. Из-за меня, кстати. Я пропустила сюда одного парня, взломщика. А он прихватил с собой семейный терминал. — 3-Джейн рассмеялась. — Я нарочно упростила ему дело. Назло нашим. Хорошенький был он мальчик, этот взломщик. Как там, Хидэо, она приходит в себя? Может быть, добавить?

— Если еще добавить, она умрет, — ответил третий голос.

Кровавая пелена сменилась чернотой, и снова музыка, духовые и рояль. Танцевальная музыка.

КЕЙС:::::
:::ВЫХОДИ
ХВАТИТ:::

По глазам и озабоченно нахмуренному лбу Мэлкома плясали послеобразы зеленоватых букв. Кейс снял дерматроды.

— Ты недавно кричал.

— Молли, — сказал Кейс, чувствуя сухость в горле. — Ей больно.

Он взял из кармана противоперегрузочной сетки плоскую белую бутылочку и выдавил в рот глоток безвкусной воды.

— Не нравится мне все это говно.

Засветился маленький монитор «Крэя». Финн на фоне зарослей хлама.

— Мне тоже не нравится. Возникли трудности.

Мэлком взлетел над головой Кейса, изогнулся и взглянул через его плечо:

— А это еще кто такой?

— Это всего лишь изображение, Мэлком, — устало ответил Кейс. — Мужик, знакомый мне по Муравейнику. А говорит Уинтермьют. Картинка должна помочь нам чувствовать себя как дома.

— Хрень собачья, — сказал Финн. — Я же объяснял Молли, что это не маски. Они необходимы для общения с вами. У меня же практически отсутствует то, что вы называете личностью. Но все это сейчас пустой треп; как я уже сказал, у нас возникли трудности.

— Ты бы поподробнее, Мьют, — ввязался Мэлком.

— Во-первых, у Молли сломана нога. Она не может идти. По идее, она должна была войти туда, убрать Питера, узнать у три-Джейн волшебное слово, пробраться к голове и произнести его. Теперь Молли вышла из строя. Поэтому надо, чтобы к ней отправились вы двое.

— Мы? — изумленно вытаращился Кейс.

— А кто же еще?

— Аэрол, — сказал, подумав, Кейс, — парень с «Вавилонского рокера», приятель Мэлкома.

— Нет. Нужен ты. Нужен кто-нибудь, понимающий Молли, понимающий Ривьеру. А Мэлком — для поддержки.

— Ты, может, забыл, что я уже нахожусь в середине небольшого рейда. Помнишь? И то, что я здесь для…

— Послушай, Кейс. Нас поджимает время. Очень поджимает. Послушай. Твоя дека связана с виллой через навигационную систему «Гарви», на побочной частоте. Вы отведете «Гарви» в очень уединенный док, который я вам покажу. Китайский вирус заполнил память твоего компьютера до отказа. Сейчас в «Хосаке» ничего нет, кроме вируса. Когда вы встанете в док, вирус будет переключен на охранную систему виллы, а навигационную систему можно будет вырубить. Ты возьмешь с собой деку, Флэтлайна и Мэлкома. Вы найдете три-Джейн, вытряхнете из нее кодовое слово, убьете Ривьеру и заберете у Молли ключ. Включив свою деку в систему «Блуждающего огонька», ты сможешь следить за работой программы. Это я тебе устрою. На затылке головы, под панелью с пятью цирконами, есть стандартный разъем.

— Убить Ривьеру?

— Убить.

Кейс растерянно заморгал; на его плечо легла рука Мэлкома.

— Слушай, а ведь ты кое-что забыл, — пропел Кейс, чувствуя прилив ярости и какого-то истерического веселья. — Ты в заднице. Вместе с Армитиджем ты выбросил управление захватами. «Ханива» вцепилась в нас как клещ. Армитидж искромсал свою «Хосаку», а навигационные компьютеры улетели вместе с рубкой, так ведь?

Финн кивнул.

— Так что мы застряли. А это значит, что ты в заднице.

Кейсу хотелось смеяться, но у него перехватило в горле.

— Кейс, — негромко заметил Мэлком, — «Гарви» — буксировщик.

— Совершенно верно, — с улыбкой подтвердил Финн.

* * *

— Как повеселился в большом мире? — поинтересовался конструкт у Кейса, когда тот снова вернулся в матрицу. — Чувствую, Уинтермьюту

потребовалась новая маленькая услуга…

— Слабо сказано. Как «Куан», все нормально?

— Что надо. Потрясный вирус.

— Ладно. У нас появились некоторые затруднения, но мы работаем над их преодолением.

— Может, поделишься со мной?

— Некогда.

— Ну и правильно, голуба, чего там церемониться со всякими трупами.

— Иди ты на хер, — сказал Кейс и щелкнул тумблером, избавляя себя от очередной порции жуткого смеха.

* * *

— Она мечтала о состоянии с очень малой долей индивидуального сознания, — рассказывала 3-Джейн.

Она показывала Молли лежащую на ладони камею. Профиль, вырезанный на камне, весьма походил на ее собственный.

— Животное блаженство. Думаю, она считала развитие передних долей мозга ошибкой природы. — 3-Джейн наклонила брошь, наблюдая игру света на гранях. — Даже наиболее болезненные аспекты самоосознания беспокоили бы индивидуума — члена нашего клана — только при

некоторых возбужденных состояниях психики.

Молли кивнула. Инъекция, вспомнил Кейс. Что это они ей вкатили? Боль не то чтобы исчезла, она превратилась в некий сгусток измененных, перепутанных ощущений. Неоновые черви, копошащиеся в бедре, прикосновение грубой мешковины, запах жареных креветок — мозг инстинктивно отказывался копаться в этом месиве, и оно сливалось в нечто вроде белого шума. Если этот их болеутолитель сделал такое с нервной системой Молли, в каком же состоянии ее психика?

Зрение даже острее обычного, все образы рисуются с неестественной ясностью и четкостью. Все люди и предметы словно вибрируют, каждый — со своей, чуть-чуть отличающейся от всех прочих, частотой. Черный шар, все еще сковывавший ей руки, Молли пристроила на коленях. Сидела она в пляжном кресле, положив сломанную ногу на пуфик из верблюжьей шкуры. Напротив нее, на таком же пуфе, куталась в просторную галабию из небеленой шерсти хозяйка дома. Выглядела 3-Джейн очень молодо.

— Куда это он смылся? — поинтересовалась Молли. — Снова ширяется?

3-Джейн пожала плечами, скрытыми под тяже-

лой бесформенной накидкой, и отбросила с глаз прядь темных волос.

— Питер попросил меня впустить тебя, но не сказал зачем. Чтобы все было таинственно и загадочно. Ты собиралась что-нибудь с нами сделать?

Молли слегка помедлила.

— Его бы я убила. И попыталась бы убить ниндзя. А потом я поговорила бы с тобой.

— Почему? — 3-Джейн спрятала камею в карман галабии. — И еще раз — почему? И о чем?

Некоторое время Молли изучала высокие изящные скулы, широкий рот и узкий ястребиный нос. Глаза у 3-Джейн были темные и какие-то тусклые, почти матовые.

— Потому что я его ненавижу, — сказала она наконец, — потому что я так устроена, потому что я — это я, а он — это он.

— И еще из-за шоу, — добавила 3-Джейн. — Я была в ресторане.

Молли кивнула.

— А Хидэо?

— Потому что ниндзя — лучшие профессионалы. Потому что один из них убил моего напарника.

Лицо 3-Джейн помрачнело, брови ее поползли

вверх.

— Потому что я должна была проверить, — добавила Молли.

— А потом мы бы немного поболтали — ты да я, и никто не мешает, ты так это себе представляла? — Темные прямые волосы 3-Джейн разделялись посреди пробором и были собраны на затылке в тяжелый узел. — Ну а как теперь, теперь-то ты расположена поболтать?

— Сними с меня это, — сказала Молли, поднимая скованные руки.

— Ты убила моего отца, — не меняя тона, ответила 3-Джейн. — Я видела на мониторах. Он называл их глазами моей матери.

— Он убил «куклу». Она была похожа на тебя.

— Отец обожал широкие жесты, — ответила 3-Джейн, а затем к ней, сияя от наркотиков, подошел Ривьера, облаченный в тот же напоминающий арестантскую робу костюмчик из серого льна, что и тогда, в саду на крыше отеля.

— Знакомитесь? Интересная девушка, правда? Я сразу так подумал. — Он встал за спиной 3-Джейн. — Только знаешь, ведь ничего не выйдет.

— Неужели, Питер? — сделав над собой усилие, Молли изобразила усмешку.

— Уинтермьют — не первый, кто сделал эту ошибку. Недооценил меня.

Ривьера прошел по кафельному борту бассейна к белому столику и плеснул минеральной воды в тяжелый хрустальный стакан.

— Он ведь говорил со мной, Молли. Думаю, он говорил с каждым из нас. С тобой, с Кейсом, даже с Армитиджем — хотя тут-то и разговаривать было не с кем. Он же нас почти не понимает. У него есть психопрофили, но ведь это статистика, и не более. Не знаю, дорогая, являешься ли ты неким статистическим животным, но уж Кейс — абсолютно точно, а вот у меня есть качество, по самой своей природе не укладывающееся ни в какие количественные характеристики.

Питер отпил из стакана.

— И какое же? — равнодушно поинтересовалась Молли.

— Извращенность, — широко улыбнулся Ривьера; возвращаясь к женщинам, он раскручивал в стакане остаток воды, словно наслаждаясь массивностью толстого, с голубой резьбой цилиндра. — Склонность к бессмысленным поступкам. И я принял решение, абсолютно бессмысленное решение.

Молли молча ждала продолжения.

— Ну, Питер, — мягко, словно ребенка, пожурила Ривьеру 3-Джейн.

— Ты не узнаешь этого слова. Он ведь все мне рассказал. Конечно, три-Джейн знает код, но ты его не получишь. Равно как и Уинтермьют. Наша три-Джейн — девочка с амбициями. — Ривьера снова улыбнулся. — У нее свои виды на семейную империю, и все бы хорошо, если бы не путались под ногами два сбрендивших искусственных разума, хотя в самой идее что-то есть. Но тут на помощь приходит Питер. Сиди, говорит Питер, и не чирикай. Крути папочкины любимые джазовые пластинки, а уж Питер пригласит сюда подходящих к музыке танцоров. И тогда мы устроим королю Эшпулу достойные поминки. — Он допил остаток воды. — Нет, папочка, ты нам не в масть. Ты совсем нам не в масть. Теперь, когда к нам пришел Питер.

А затем порозовевший от кокаина и меперидина Питер воткнул стакан прямо в левую линзу Молли, и уже ничего не было видно, только вспышки света и кровь.

* * *

Сняв дерматроды, Кейс обнаружил Мэлкома под потолком. Тот висел на страховочном по-

ясе, прикрепленном к панелям корпуса двумя эластичными тросами с большими серыми присосками на концах. Голый по пояс, растаман работал неуклюжим, специально приспособленным для невесомости гаечным ключом; извлечение каждого очередного болта сопровождалось громким щелканьем пружины. «Маркус Гарви» маневрировал — время от времени его слегка потряхивало.

— Мьют доведет нас до места, — пояснил Мэлком, опуская болт в привязанную к поясу сетку, — а сажать буду я. Пока что нужно позаботиться об инструменте.

— Ты держишь там свои инструменты?

Задрав голову, Кейс смотрел на ходящие по коричневой спине мускулы.

— Только этот. — Мэлком вытащил из-за панели длинный предмет, завернутый в черный поликарбон.

Он вернул панель на место и закрепил ее одним болтом; тем временем черный пакет уплыл к корме. Открыв клапаны присосок, сионит освободился от страховки, догнал беглеца, вернулся и, пролетев над центральным экраном с пульсирующей зеленой диаграммой посадки, зацепился за каркас противоперегрузочной сетки Кейса.

Опустившись ниже, он поддел скотч на свертке толстым сломанным ногтем большого пальца.

— Какой-то китаец сказал, что эта штука рождает истину.[24]

Мэлком развернул древний, обильно смазанный автоматический дробовик «ремингтон» со спиленным почти до самого потертого цевья стволом. Вместо приклада у обреза была деревянная пистолетная рукоятка, обмотанная черной изолентой. От Мэлкома пахло потом и марихуаной.

— Это что, единственное, что у тебя есть?

— Да. — Он извлек откуда-то красную тряпочку и, прихватив, чтобы зря не мазаться, рукоятку поликарбоновой оберткой, стал протирать черный, лоснящийся от масла ствол. — Разрешите представиться — растафарский военный флот, не хрен собачий.

Кейс натянул дерматроды на лоб. «Техасский катетер» он проигнорировал — там, на вилле, можно будет поссать по-человечески. Не исключено, что последний раз в жизни.

Он щелкнул тумблером.

---

[24] Примечания: 24
Имеется в виду известное высказывание Мао Цзэдуна.

* * *

— Да он совсем с глузда съехал, — сказал конструкт, — этот самый Питер.

Казалось, они стали частью тессье-эшпуловского льда, изумрудные арки расширились и срослись в единую массу. В плоскостях окружающей их китайской программы преобладал зеленый цвет.

— Приближаемся, Дикси?

— Здорово продвинулись. Скоро и ты понадобишься.

— Послушай, Дикси, Уинтермьют говорит, что в нашей «Хосаке» не осталось ничего, кроме «Куана». Еще он говорит, чтобы я отключил тебя и деку, перенес вас в виллу и подключил через ее охранную программу. Говорит, что «Куан» будет уже там. И мы продолжим рейд изнутри, через внутреннюю сеть.

— Чудненько, — обрадовался Флэтлайн, — я же просто обожаю делать все через задницу.

Кейс перешел в симстим.

* * *

В окутавший Молли мрак, в мешанину сине-

стезии, где ее боль имела вкус ржавого железа, запах дыни и была похожа на прикосновение к щеке крыльев ночной бабочки. Молли была без сознания, а в сны ее Кейс войти не мог. Замигал оптический чип; теперь каждую цифру окружал слабый розовый ореол.

07:29:40

— Мне очень не нравится, что все так получилось, Питер.

Голос 3-Джейн доносился словно издалека. Кейс решил, что Молли может слышать, но затем понял свою ошибку. Симстим был цел и на месте — и Кейс чувствовал, как он врезается Молли под ребра. Ее барабанные перепонки колебались под воздействием голоса 3-Джейн — вот и все. Что-то сказал Ривьера, коротко и неразборчиво.

— Нет, — ответила 3-Джейн, — и нет тут ничего веселого. Хидэо принесет аппарат интенсивной терапии, но здесь нужен хирург.

Наступила тишина. Кейс очень отчетливо услышал, как в бассейне плещется вода.

— О чем это вы без меня говорили?

Теперь Ривьера был совсем близко.

— О моей матери. Она сама меня спросила. Думаю, девочка была в шоке — безотносительно к тому, что ей вколол Хидэо. Зачем ты это сделал?

— Хотел посмотреть, разобьются они или нет.

— Одна разбилась. Когда — и если — она очнется, мы увидим, какого цвета у нее глаза.

— Она очень опасна. Слишком опасна. Не будь меня под рукой, не отвлеки я ее картинкой Эшпула, не прими мой иллюзорный Хидэо на себя бомбу — где бы ты теперь была? В ее власти.

— Нет, потому что со мной был Хидэо, — спокойно ответила 3-Джейн. — Думаю, ты не совсем понимаешь, кто такой Хидэо. А вот она, кажется, понимала.

— Хочешь выпить?

— Да, вина. Белого.

Кейс вышел из киберпространства.

* * *

Согнувшись над пультом «Маркуса Гарви», Мэлком управлял стыковкой. На центральном экране неподвижно светился маленький красный квадратик — стыковочный узел виллы. Зеленый квадрат побольше, представляющий «Гарви», покачивался и постепенно уменьшался. Слева, на малом экране, светился схематический чертеж «Гарви» и «Ханивы», приближающихся к изогнутой обшивке веретена.

— У нас всего один час, — сказал Кейс, вытаски-

вая из «Хосаки» разъем.

Обычно встроенных батарей деки хватало на девяносто минут, но конструкт Флэтлайна вызовет дополнительный расход. Быстро, привычными движениями Кейс примотал кассету с конструктом к днищу «Оно-Сэндай». Мимо проплыл страховочный пояс Мэлкома. Кейс поймал его, отсоединил эластичные тросы с серыми прямоугольными присосками и защелкнул карабины тросов друг за друга. Затем он прижал присоски к деке, надавил рычажки подсоса. Перекинул импровизированный ремень с декой и конструктом через плечо, поверх натянул кожаную куртку и стал инспектировать содержимое ее карманов. Там лежали паспорт, полученный от Армитиджа, банковский чип на то же имя, кредитный чип Фрисайда, бета-фенэтиламиновые дермы, купленные у Брюса, пачка новых иен, полпачки «Ехэюань» и сюрикэн. Кейс бросил фрисайдовский чип за спину и услышал, как тот ударился о русский воздухоочиститель. Он почти собрался сделать то же самое со стальной звездочкой, когда отскочивший кредитный чип ударил его по затылку, срикошетил в потолок и пролетел над левым плечом Мэлкома. Растафари оторвался от приборов и сердито оглянулся. Кейс

посмотрел на сюрикэн, сунул его обратно в карман куртки и услышал, как рвется подкладка.

— Ты пропустил сообщение от Мьюта, — сказал Мэлком. — Мьют говорит, что обманул систему безопасности. «Гарви» стыкуется под именем другого судна, которое ожидалось из Вавилона. Мьют передал нам его опознавательные коды.

— Мы наденем скафандры?

— Слишком тяжелые. Да чего там, — махнул рукой Мэлком, — лежи себе в сетке, пока я не скажу.

Он набрал последние команды и взялся за потертые розовые рукоятки, торчавшие по краям приборной доски. Кейс увидел, как зеленый квадрат усох еще на пару миллиметров и точно наложился на красный. На меньшем экране «Ханива» опустила нос, чтобы не задеть изгиб веретена, и вошла в стыковочный узел. «Маркус Гарви» все еще висел под ней, как пойманная добыча. Корпус буксировщика задрожал и зазвенел. Из поверхности веретена высунулись две лапы и захватили изящный корпус «Ханивы». Из «Блуждающего огонька» появился желтый дрожащий прямоугольник, который, изменяя форму, пополз мимо «Ханивы» к «Маркусу». С носа донесся резкий скрежещущий звук.

— Осторожно, — заметил Мэлком, — теперь у нас есть тяготение.

Будто притянутые магнитом, посыпались разнообразнейшие предметы. Внутренности Кейса резко сплющились, и он чуть не задохнулся. Дека и конструкт больно ударили по коленям.

Теперь они вращались вместе с веретеном.

Мэлком потянулся, снял красную сеточку и встряхнул дредами:

— Пошли, брат, ты же говоришь, времени мало.

Глава 19

«А ведь эта их вилла — типичный паразит», — напомнил себе Кейс, вылезая из носового люка, обильно обвешанного соплями герметизирующей замазки. Не имея собственной экосистемы, вилла забирала воду и воздух у Фрисайда.

Трап, поданный к «Маркусу Гарви» стыковочным узлом, был чуть усложненным — это в невесомости можно прыгать и кувыркаться как угодно, а при тяготении без лестницы не обойдешься — вариантом того туннеля, по которому они с Мэлкомом перебирались на «Ханиву». Рифленая труба, состоящая из подвижных, управ-

ляемых гидравликой сегментов, ступеньками служат кольца из прочного шершавого пластика, опоясывающие каждый сегмент. К «Гарви» труба подходила горизонтально, но затем резко сворачивала налево и вверх, огибая корпус «Ханивы». Мэлком уже карабкался по трапу, держа в правой руке «ремингтон», а левой цепляясь за кольца. На растамане были мешковатые, сильно поношенные армейские брюки, зеленая нейлоновая безрукавка и драные парусиновые тапочки с ярко-красными подошвами; при каждом его шаге туннель слегка вздрагивал.

Под весом «Оно-Сэндай» и конструкта Флэтлайна карабины импровизированного ремня врезались Кейсу в плечо. Боли он не чувствовал — он вообще не чувствовал сейчас ничего, кроме страха. Пытаясь отогнать этот страх, Кейс вспоминал Армитиджеву лекцию о Фрисайде и о вилле «Блуждающий огонек». Он вздохнул и полез вверх. Экосистема Фрисайда ограничена, но не замкнута. Тогда как Сион является замкнутой системой, способной самовоспроизводиться долгие годы безо всякого снабжения извне. Фрисайд обеспечивает себя воздухом и водой, но зависит от подвоза продуктов питания и удобрений. Вилла «Блуждающий огонек» не производит вообще

ничего.

— Брат, — негромко позвал Мэлком, — поднимайся сюда, встань рядом.

Двигаясь по круглой лестнице боком, Кейс одолел оставшиеся несколько колец. Трап упирался в гладкий, слегка выпуклый люк диаметром метра два. Гидравлические сегменты трапа уходили в гибкий кожух вокруг люка.

— Так чего же мы…

Кейс замолк, так как люк открылся и тонкая пыль, поднятая небольшой разницей в давлениях, попала ему в глаза.

Мэлком быстро пролез в люк; Кейс услышал, как щелкнул предохранитель обреза.

— Ты же вроде торопился, — прошептал Мэлком, присев возле люка; еще секунда, и к нему присоединился Кейс.

Люк располагался в центре круглого сводчатого помещения, устланного голубой пластмассовой плиткой. Мэлком толкнул Кейса локтем и указал на вделанный в стену монитор. На экране высокий юноша с типичными чертами Тессье-Эшпулов отряхивал рукава своего темного пиджака. Он стоял возле такого же люка в таком же помещении.

— Простите, пожалуйста, сэр, — донеслось из

динамика над люком; Кейс взглянул вверх. — Мы ожидали вас позднее в центральном узле. Минутку, пожалуйста.

Молодой человек на мониторе нетерпеливо вскинул голову.

Держа обрез на изготовку, Мэлком повернулся к открывшейся слева двери. Низенький евразиец в оранжевом комбинезоне удивленно уставился на пришельцев. Он попытался что-то сказать, не смог и закрыл рот. Кейс посмотрел на монитор. Пусто.

— Кто вы? — пролепетал маленький человечек.

— Растафарский военный флот, — заявил, вставая с корточек, Кейс; киберпространственная дека ударила его по бедру. — Мы только-то и хотим, что включиться в вашу охранную систему.

Человечек сглотнул слюну:

— Это проверка? Проверка лояльности? Ну конечно же проверка лояльности! — Он вытер ладони об оранжевые штаны.

— Нет, брат, тут все взаправду. — Мэлком тоже распрямился и наставил на коротышку обрез. — Шевелись.

Они миновали дверь и очутились в коридоре, среди так хорошо знакомых Кейсу полированных

бетонных стен и кучами наваленных ковриков.

— Хорошие половики, — сказал Мэлком, подталкивая пленника в спину. — И пахнет, как в церкви.

Как только они подошли к старинному монитору «Сони», под которым находились клавиатура и панель с множеством разъемов, экран засветился, и на нем появилось напряженно улыбающееся лицо Финна; фоном ему служила прихожая «Метро голографикс».

— О'кей, — сказал он. — Мэлком, там дальше по коридору есть открытая кладовка; запихни парня туда, а я запру. А ты, Кейс, найди на верхней панели пятое гнездо слева. Переходники под консолью, в шкафчике. Выбери кишку, где двадцать один пин для «Оно-Сэндай» и сорокапиновый папа для «Хитачи».

Пока Мэлком занимался пленником, Кейс встал на колени, порылся в куче разных переходников и нашел нужный. Подсоединив его к деке, он немного помедлил и взглянул на экран:

— Тебе обязательно нужно выглядеть Финном?

Финн медленно, строчка за строчкой, превратился в Лонни Зоуна; изменился и фон, теперь это были японские постеры, кое-как наляпанные на стенку.

— Все, что пожелаешь, малыш, — процедил сутенер. — Для Лонни это — что два пальца…

— Нет, — сказал Кейс, — остановимся на Финне.

Зоун исчез; Кейс вставил переходник в разъем и надел дерматроды.

* * *

— Что так долго? — захохотал Флэтлайн.

— Я же просил тебя не ржать, — скривился Кейс.

— Шучу, пацан, — ответил конструкт, — для меня же все было мгновенно, никакой паузы. Давай-ка посмотрим, что там у нас…

Теперь «Куан» стал зеленым, в точности того же оттенка, что и тессье-эшпуловский лед. Вирус прямо на глазах терял прозрачность, хотя вверху все еще проглядывала черная блестящая акула. Ломаные линии и галлюцинаторные образы исчезли, теперь эта штука выглядела такой же реальной, как «Маркус Гарви», — старинная ракета, отливающая черненым хромом.

— Порядок, — сказал Флэтлайн.

— Порядок, — согласился Кейс и щелкнул симстим-переключателем.

* * *

— …к сожалению, только так. — 3-Джейн бинтовала голову Молли. — Наш аппарат показывает, что сотрясения нет, а глаз можно восстановить. Ты раньше не очень его знала?

— Совсем не знала, — бесцветно ответила Молли.

Она лежала то ли на высокой кровати, то ли на обитом мягким столе. Раненая нога ничего не чувствовала, ее словно вообще не было. Синестезический эффект укола вроде прошел. Черный шар исчез, но руки Молли были зафиксированы мягкими ремнями, не попадавшими в поле зрения.

— Он хочет тебя убить.

— Похоже, — сказала Молли, глядя в потолок, мимо ослепительно-яркой лампы.

— А вот я, пожалуй, не хотела бы, чтобы он тебя убил, — сказала 3-Джейн.

Преодолев боль, Молли повернула голову и посмотрела ей в глаза.

— Не надо играть со мной, — сказала она.

— А ведь я бы, пожалуй, хотела с тобой поиграть. — 3-Джейн наклонилась, откинула со лба Молли волосы и легко клюнула ее губами. На

светлой галабии проступали пятна крови.

— Где он сейчас? — спросила Молли.

— Колется, наверное. — 3-Джейн выпрямилась. — Он очень тебя ждал. Наверное, будет забавно за тобой ухаживать, Молли, пока ты не выздоровеешь. — Она улыбнулась и рассеянно вытерла окровавленную руку о бедро. — У тебя перелом со смещением, нужно вправить, но это мы устроим.

— А как же Питер?

— Питер? — 3-Джейн чуть тряхнула головой, на ее лоб упала прядь волос. — Питер становится довольно скучным. Наркотики — вообще скучная штука. Во всяком случае, — хихикнула она негромко, — когда их принимают другие. Как ты заметила, мой папаша был заядлым наркоманом.

Молли напряглась.

— Да ты не бойся.

Пальцы 3-Джейн поглаживали оголившийся живот Молли.

— Его самоубийство — результат моего вмешательства в работу морозильника. Понимаешь, я же ни разу с ним не встречалась. Я появилась на свет во время его последнего сна. Но знаю его я *очень* хорошо. Ядро знает все. Я видела, как он

убил мою мать. Вот поправишься немножко, и я тебе покажу. Он душит ее в постели.

— Зачем он убил ее?

Здоровый глаз Молли сфокусировался на лице 3-Джейн.

— Он не принимал ее концепцию развития нашей семьи. Это она заказала постройку наших искусственных разумов. Мама была визионерка. Мечтала о симбиозе между семьей и этими ИскИнами, чтобы деловые решения принимались сами собой, без нашего участия. Даже, пожалуй, все наши сознательные решения. Тессье-Эшпулы должны были стать бессмертными, роем, где каждый из нас был бы частью некой большей сущности. Потрясающе. Я тебе прокручу ее записи, у меня их около тысячи часов. Но я маму никогда толком не понимала, а с ее смертью это направление было утрачено. Мы вообще утратили всякое направление. Зарылись внутрь самих себя. Теперь мы даже редко покидаем виллу. Я — исключение.

— Ты говоришь, что пыталась убить отца? Изменила программы работы морозильника?

3-Джейн кивнула:

— Я получала помощь. От призрака. Когда была маленькая, я думала, что в ядрах живут духи.

Голоса. Одним из них был Уинтермьют — это тьюринговский код нашего бернского ИскИна. Кстати сказать, тебя направляет не весь этот мозг, а нечто вроде подпрограммы.

— Одним из них? А что, есть и другие?

— Другой. Но он давно со мной не разговаривал. Надоело, наверное. Я подозреваю, что оба они развились из определенных способностей, заложенных по маминым указаниям в исходную программу, но точно не знаю — мамочка была особой весьма скрытной. Вот. Выпей. — 3-Джейн поднесла к губам Молли гибкую пластиковую тубу. — Это вода. Много не пей.

— Ну как, лапочка? — раздался веселый голос Ривьеры. — Развлекаешься?

— Оставь нас одних, Питер.

— Играешь в доктора…

Неожиданно в десяти сантиметрах от носа Молли появилось ее собственное лицо. Безо всяких бинтов. На месте левой зеркальной линзы зияла наполненная кровью открытая глазница, из которой торчал длинный осколок серебристого пластика.

— Хидэо, — сказала 3-Джейн, гладя Молли по животу, — если Питер не уберется отсюда, сделай ему *больно.* Иди, Питер, поплавай.

Видение исчезло.

В темноте перевязанного глаза светилось — 07:58:40.

— Он сказал, что ты знаешь код. Питер сказал. Этот код нужен Уинтермьюту.

Внезапно грудь Кейса ощутила легкую тяжесть латунного ключа.

— Да, знаю. — 3-Джейн убрала руку. — Я выучила его еще ребенком. Думаю, во сне… А может, он был где-то в этой тысяче часов маминого дневника. Но, думаю, Питер прав, убеждая меня не выдавать код. Если я верно понимаю, потом придется выяснять отношения с тьюрингами, а к тому же духи — народ капризный и ненадежный.

Кейс вышел из симстима.

* * *

— Странненькая девочка? — ухмыльнулся Финн с экрана старого «Сони».

Кейс пожал плечами. Он повернул голову и увидел, как по коридору возвращается Мэлком, с обрезом в руке. На лице растамана сияла улыбка, голова его качалась в такт неслышимому ритму. Из кармана безрукавки к ушам тянулись тонкие желтые проводки.

— Даб, — сказал Мэлком.

— Ты что, охренел? — поинтересовался Кейс.

— Да все я нормально слышу. Вполне праведный даб.

— Ну-ка, ребятки, — вмешался Финн, — давайте на низкий старт. Сюда едет ваш транспорт. Я не обещаю множество роскошных трюков, вроде той картинки восемь-Джина, на которую купился швейцар, но подбросить вас к логову три-Джейн — за ради бога.

Когда в конце коридора из-под бетонной арки вывернула автоматическая тележка, Кейс как раз отсоединял переходник. Скорее всего, именно на ней ехали те негры, но теперь их не было. «Браун», намертво вцепившийся в обивку сиденья, дружелюбно подмигивал единственным своим красным глазом.

— Автобус к подъезду, — сказал Кейс Мэлкому.

Глава 20

Злость снова куда-то делась. Даже скучно как-то.

На тележке было тесно: Мэлком с обрезом на коленях плюс Кейс, прижимавший к груди деку и конструкта. Перегрузка сместила центр тяжести

легонькой таратайки далеко вверх; неустойчивая, явно не предназначенная для быстрой езды, та все время норовила опрокинуться. Мэлкому приходилось наклоняться в сторону каждого огибаемого угла, что не составляло особых проблем при левых поворотах, так как Кейс сидел с противоположной стороны, но зато уж при правых поворотах растаман буквально размазывал его по скамейке.

Кейс абсолютно не понимал, где они находятся и куда едут. Все вроде бы и знакомое, но никогда не было полной уверенности, что именно этот участок коридора проходила Молли. Вдоль искривленной галереи тянулись ряды деревянных стендов с коллекциями, которых он определенно не видел: черепа каких-то крупных птиц, монеты, кованые серебряные маски. Шесть колес тележки катились по ковровым наслоениям совершенно бесшумно. Слышался только гул электромотора да временами, когда Мэлком в очередной раз наваливался на Кейса, из поролоновых затычек растамана доносились слабые отзвуки сионского даба. Дека и конструкт вдавливали лежащий в кармане куртки сюрикэн в бедро.

— У тебя есть часы? — поинтересовался Кейс.

Растаман мотнул дредами:

— Время есть время.

— О боже, — простонал Кейс и закрыл глаза.

* * *

Быстро просеменив по ковровым залежам к темной обшарпанной двери, «браун» постучал по ней лапкой. Оставленная тележка громко затрещала, из ее вентиляционной решетки посыпались на ковер голубые искры. Кейс почуял запах паленой шерсти.

— Сюда, что ли? — Мэлком оглядел дверь и щелкнул предохранителем.

— Можно подумать, я знаю больше твоего, — буркнул себе под нос Кейс.

«Браун» развернулся и начал лихорадочно мигать.

— Хочет, чтобы ты открыл дверь, — сказал Мэлком.

Кейс шагнул вперед и осторожно потрогал бронзовую ручку. На двери висела бронзовая табличка, такая старая, что надпись на ней почти стерлась и стала совершенно неразборчивой, — скорее всего, давно и всеми забытое название какой-нибудь службы или фамилия служащего. Интересно, подбирали Тессье-Эшпулы каждый предмет обстановки «Блуждающего огонька»

специально или купили все скопом на какой-нибудь европейской помойке вроде «Метро голографикс», только гораздо больше. Петли открываемой двери жалобно скрипнули, и тут же вперед рванулся Мэлком с обрезом у бедра.

— Книги, — сказал он.

Библиотека, те самые белые металлические стеллажи с бирками.

— Я знаю это место, — сказал Кейс, оглядываясь на тележку; от ковра тянулась струйка дыма. — Поехали, — решил он. — Телега! Телега?

Тележка не реагировала. «Браун» дергал Кейса лапками за штанину, больно царапая лодыжку; очень хотелось пнуть эту железяку.

— Чего тебе?

Крохотный робот шустро проскочил в открытую дверь. Кейс двинулся следом.

В библиотеке стоял еще один старый монитор «Сони». Подбежав к нему, «браун» замер, а затем стал пританцовывать.

— Уинтермьют?

На экране появились знакомые черты. Финн улыбнулся:

— Ну что, момент настал. — Глаза Финна щурились от сигаретного дыма. — Давай подключайся.

Внезапно к Кейсу подбежал «браун» и, больно щипаясь через тонкую черную ткань, стал карабкаться по ноге.

— Вот же мать твою!

Кейс сбросил с себя механизм, и тот ударился о стену. Две конечности беспомощно задергались в воздухе.

— Что с этой тварью такое?

— Сгорела, — пояснил Финн. — Хрен с ней. Пустяки. Ты, главное, включайся.

Под экраном оказались четыре разъема, но только один подходил к адаптеру «Хитачи».

Кейс вошел в киберпространство.

* * *

И очутился в серой пустоте.

Никакой матрицы, никакой решетки. Никакого киберпространства.

Дека куда-то исчезла. Его пальцы…

И только на самом краю сознания ощущалось некое движение, что-то стремительно неслось к нему по глади бесконечного черного зеркала.

Рот свело в беззвучном крике.

* * *

Там, за изгибом пляжа, находился вроде бы город, но до него было далеко.

Кейс сидел, плотно обхватив руками колени, на корточках посреди мокрого песка и дрожал.

И даже потом, когда дрожь прекратилась, он не сменил позы и сидел так долго-долго. Город (а город ли это?) был низким и серым. Время от времени он исчезал за стеной тумана, поднимавшегося с моря. В какой-то момент Кейсу показалось, что и вовсе это не город, а только здание или даже развалины; оценить расстояние было невозможно. Песок был цвета почерневшего, но еще не совсем, серебра. Пляж состоял из песка, песок был влажный, джинсы на ягодицах промокли от влажного песка… Кейс держал себя за колени, и раскачивался, и пел песню без мелодии и слов.

Серебро неба отличалось от серебра песка. Тиба. Небо как в Тибе. Токийский залив? Он обернулся в надежде увидеть знакомую голограмму «Фудзи электрик», или парящий над водой беспилотный вертолет, или хоть что-нибудь.

Позади него закричала чайка. Кейс поежился.

Поднимался ветер. Песчинки больно хлестали

по щеке. Кейс уткнул лицо в колени и заплакал; собственный плач казался ему таким же далеким и незнакомым, как крик чайки. Горячая моча пропитала джинсы, капала на песок и быстро остывала на дующем с моря ветре. Слезы высохли, но от безудержных рыданий разболелось горло.

— Уинтермьют, — бормотал он своим коленям. — Уинтермьют.

Темнело, теперь Кейс дрожал уже от холода, который в конце концов заставил его встать.

Ныли колени и локти. Из носа текло. Он утерся рукавом и стал рыться в пустых карманах.

— Господи, — сказал он, сгорбившись и упрятав озябшие руки под мышки. — Господи.

У него начали стучать зубы.

Отлив украсил пляж песчаными разводами, на зависть любому токийскому садовнику. Сделав дюжину шагов в сторону города, уже проглоченного сумерками, Кейс обернулся и стал всматриваться в сгущающуюся мглу. От места, где он сидел, тянулась короткая цепочка следов. Больше ничего не нарушало тусклое серебро песка.

Кейсу показалось, что он прошел не менее километра, прежде чем заметил свет. Он разговаривал с Рацем, именно Рац и обратил его внимание на оранжево-красный огонек, тускло тлеющий

справа, в глубине пляжа. Он знал, что Раца здесь нет, что бармен — плод его собственного воображения, никоим образом не связанный с *этим*, в чем он завяз, погряз, заблудился, но это не имело ни малейшего значения. Странным образом, придуманный Рац имел собственные соображения насчет Кейса и задницы, в которую тот угодил.

— Ты, артист, меня просто поражаешь. Это ж какие старания ты прикладываешь, чтобы подвести себя под монастырь. Столько лишних трудов! Ты мог спокойно доконать себя в Ночном Городе. У тебя было для этого все: стимуляторы, чтобы лишиться здравого смысла, выпивка, чтобы не думать, Линда для романтической печали и улица, чтобы там тебе оторвали башку. И чего, спрашивается, понесло тебя в такую даль? А декорации, это ж надо такую дурь придумать… сцена, висящая в пустоте, наглухо запечатанные замки, редчайшая гниль старушки Европы, какие-то мертвецы в коробочках, китайская магия…

Рац ковылял рядом с Кейсом, посмеиваясь и оживленно размахивая розовым протезом. Среди почерневших, теряющихся в темноте зубов диковато поблескивали стальные коронки.

— Наверное, артист просто по-другому не может, или я ошибаюсь? Ты нуждался в этом мире,

этом пляже и остальной хурде-мурде. Чтобы умереть.

Кейс остановился, покачнулся и повернулся в сторону прибоя и летящих колючих песчинок.

— Да, — согласился он. — Кой хрен. Наверное… — И пошел навстречу волнам.

— Эй, артист! — крикнул вслед ему Рац. — Свет. Смотри. Вон там, в той стороне…

Кейс снова остановился, зашатался и рухнул на колени у самой кромки ледяной воды:

— Рац? Свет? Рац…

Абсолютная, без малейшего проблеска тьма и шум волн. С большим трудом Кейс поднялся на ноги и попробовал вернуться по собственным следам.

Тянулись минуты, часы, века. А он все шел.

А затем оно появилось, тусклое пятнышко, с каждым шагом принимавшее все более определенные очертания. Прямоугольник. Дверь.

— Там огонь. — Ветер вырвал его слова и бросил их в ночь.

Бункер, то ли каменный, то ли бетонный, — бункер, погребенный под заносами темного песка. В толстой, не меньше метра, стене — узкий и низкий лаз.

— Эй, — негромко позвал Кейс, — эй…

Пальцы коснулись холодной стены. На камнях плясали тени от горящего в бункере огня.

Кейс низко пригнулся и в три шага очутился внутри.

Костер из плавника, разложенный в ржавом стальном ящике, дым уходит в щербатый дымоход, рядом — сидящая на корточках девушка. В пляшущем свете огня он поймал взгляд широко раскрытых испуганных глаз и узнал головную повязку — шарф с узором вроде увеличенной микросхемы.

* * *

В ту ночь Кейс отказался от ее объятий, от предложенной ею пищи и от места рядом с нею в гнезде, сооруженном из старых шерстяных одеял и рваного поролона. В конце концов он примостился у входа и стал смотреть на спящую девушку и слушать шелест песка за стеной. Каждый час он подходил к импровизированному очагу и подбрасывал в огонь свежий плавник из сложенной рядом кучи. Все это иллюзия. Но иллюзорный холод ничем не лучше настоящего.

Вот и она — иллюзия, эта девушка, лежащая в отблесках пламени. Кейс глядел на приоткрывшиеся во сне губы. Такой он ее запомнил в ту

поездку через Токийский залив — и это было жестоко.

— Аккуратно работаешь, говнюк, — шептал Кейс. — Не хочешь рисковать, да? Не стал подсовывать мне какое-нибудь фуфло. Но я же все равно знаю, что это такое. — Кейс пытался говорить спокойно. — Знаю, понимаешь? Я знаю, кто ты такой. Ты — тот, второй. Три-Джейн рассказала Молли. Ты — горящий куст. Это был не Уинтермьют, а ты. Он пытался предупредить меня с помощью «брауна». А ты вырубил меня, затащил сюда, в никуда. Вместе с призраком. С той, как я ее помню…

Девушка пошевелилась во сне, что-то пробормотала и натянула одеяло до самого уха.

— Тебя нет, — сказал он спящей девушке. — Ты — мертвая, и единственная цель твоего существования — загнать меня в задницу поглубже. Слышишь, приятель? Что я, не понимаю, что ли, что тут происходит? Вырубился я, вот что. И все это заняло секунд двадцать. И сижу я там же, где и был, в библиотеке этой, и мозг мой мертв. А очень скоро он будет по-настоящему, безвозвратно мертв — если у тебя есть хоть на грош здравого смысла. Ты хочешь помешать Уинтермьюту, а для этого всего-то и надо, что задержать меня

здесь. Дикси и сам может вести «Куана», но он — жмурик, и ты всегда его вычислишь. И вся эта херня с Линдой — это же все ты, верно? Уинтермьют попытался с ней работать — еще тогда, в тот раз, когда засунул меня в конструкт Тибы, — но не смог. Слишком, говорит, спотыкательно. И это ты двигал звезды в небе Фрисайда, верно ведь? И мертвой «кукле» в комнате Эшпула лицо Линды сделал тоже ты. Молли его не видела. Ты просто изменил симстим-сигнал. Думал, что сделаешь мне больно. Думал, что это мне не все равно. Ну и давись ты конем, не знаю, как уж там тебя звать. Выиграл ты, выиграл. Только мне на это насрать. Думаешь, нет? Только на хрена ты все это так, на хрена?

Его снова трясло, голос сорвался на крик.

Укутанная драными одеялами девушка зашевелилась.

— Ты бы поспал, — пробормотала она. — Ложись сюда и спи. Если хочешь, я встану, посижу. Тебе нужно поспать. — Голос звучал сонно и неразборчиво. — Просто поспи, и все.

Когда Кейс проснулся, девушки не было. Огонь погас, но в бункере было тепло, косые лучи солнца, проникавшие через проем, ярко освещали вспоротый бок большой картонной коробки. Кейс

узнал стандартный грузовой контейнер — он встречал уже такие в доках Тибы; через прореху виднелись ярко-желтые пакеты, на солнце они казались огромными кусками масла. Живот свело от голода. Кейс выбрался из гнезда, подошел к коробке, выудил одну упаковку и, сощурившись, начал разбирать бисерно-мелкие буквы. Надпись была на двенадцати языках, английский шел самым последним. «НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС, ВЫСОКАЯ КАЛОРИЙНОСТЬ, «ГОВЯДИНА», ТИП АГ-8». Далее следовал список пищевых компонентов. Кейс вытащил еще один пакет. «ЯЙЦА».

— Раз уж ты создал все это дерьмо, — произнес Кейс, — то мог бы положить и натуральной еды, а?

С пакетами в руках Кейс обошел все четыре помещения бункера. В двух других комнатах, кроме куч песка, ничего не оказалось, а в четвертой лежали еще три контейнера с продуктами.

— Ясно, — сказал Кейс и потрогал печати. — Это, значит, оставайся здесь надолго. Ясненько. Как же, как же…

Он обыскал комнату с очагом и нашел пластиковую канистру с дождевой, как он решил, водой. Рядом с гнездом из одеял у стены лежали дешевенькая красная зажигалка, матросский

нож с треснувшей зеленой ручкой и шарф Линды. Заскорузлый от пота и грязи, он все еще был завязан узлом. Кейс вскрыл ножом желтые пакеты и вывалил их содержимое в ржавую консервную банку, валявшуюся рядом с очагом. Затем добавил воды из канистры, размял комки пальцами и стал есть. Месиво напоминало по вкусу говядину, но весьма отдаленно. Покончив с едой, Кейс бросил жестянку в очаг и вышел наружу.

Судя по температуре и по положению солнца, было далеко за полдень. Кейс сбросил сырые нейлоновые туфли и был приятно поражен теплотой песка. При дневном свете пляж имел серебристо-серый оттенок. На голубом небе — ни облачка. Он обогнул бункер и направился к воде, скинув по пути куртку прямо на песок.

— Вот уж не знаю, из чьей памяти ты извлек все это, — сказал Кейс, подойдя к воде.

Он снял джинсы и зафутболил их в неглубокую воду, за ними последовали рубашка и белье.

— Что это ты делаешь?

Он обернулся и увидел, что она стоит в десяти метрах от него и ее ноги омывает морская пена.

— Я вчера обмочился, — ответил Кейс.

— Ты не сможешь потом это носить. Морская вода всю кожу разъест. Там, за камнями, — она

неопределенно махнула рукой, — есть хорошая лужа, я покажу. С пресной водой.

Выгоревший французский комбинезон обрезан выше колена, обнажая гладкую загорелую кожу. Легкий ветерок шевелит волосы.

— Послушай… — Кейс подобрал одежду и направился к девушке. — У меня есть вопрос. Я не буду спрашивать, что делаешь здесь ты. Но вот что здесь делаю *я*, как ты себе это представляешь?

Кейс остановился, мокрая штанина хлопнула его по голой ноге.

— Ты пришел этой ночью, — улыбнулась Линда.

— И этого что, достаточно? Просто пришел — и все?

— Он сказал, что ты придешь, — улыбнулась Линда, смешно наморщив нос, а затем пожала плечами. — Он же понимает такие вещи.

Она подняла левую ногу и неловко, совсем как ребенок, соскребла ею с правой лодыжки засохшую соль. И снова улыбнулась, немного неуверенно.

— А теперь спрошу я, ладно?

Кейс кивнул.

— Кто это тебя так разрисовал, что все коричне-

вое, кроме одной ступни?

* * *

— И это — последнее, что ты помнишь?

Кейс смотрел, как она выскребает остатки сублимированного мяса из прямоугольной стальной крышки, единственной их тарелки.

Линда кивнула, в пламени костра ее глаза казались огромными.

— Ты прости меня, мне же самой жалко, вот честное слово, жалко. Это все дурь, и к тому же… — Линда виновато поникла, ее лицо исказилось то ли от боли, то ли от воспоминания о прошлой боли. — Попросту говоря, мне были нужны деньги. Чтобы уехать домой или… Кой хрен! — неожиданно воскликнула она. — Да ты же меня почти не замечал!

— А сигарет, значит, нету?

— У тебя что, с головой не в порядке? Я слышу этот вопрос уже десятый раз!

Она крепко закусила прядь волос.

— Но еда-то здесь была? С самого начала?

— Я сто раз тебе объясняла, что ее выбросило на этот долбаный пляж.

— О'кей. Понятно. Тут уж не подкопаешься.

Девушка снова начала всхлипывать, негромко

и без слез.

— И вообще, откуда ты взялся на мою голову? — проговорила она наконец. — Знаешь, как хорошо было здесь без тебя?

Кейс встал, прихватил куртку и выскочил наружу, ободрав руку о шершавый бетон. Ни ветра, ни луны, только плеск неразличимого в темноте моря. Джинсы после стирки заметно сели, влажная ткань неприятно липла к ногам.

— О'кей, — сказал Кейс непроглядной ночи, — притворимся, что поверили! Но только с условием, чтобы завтра на тот же пляж выбросило сигареты. — Он вздрогнул от собственного смеха. — Да и ящик пива не помешал бы.

Он вернулся в бункер.

Линда ворошила угольки серебристой от долгого пребывания в воде щепкой.

— А кто это такая была в твоем гробу в «Дешевом отеле»? Типичная самурайка, вся в черной коже и с зеркальными вставками. Я испугалась, а потом подумала: может, это твоя новая девушка, хотя она и показалась мне слишком для тебя дорогой… — Линда виновато вскинула глаза. — Я же правда очень жалею, что сперла у тебя оперативку.

— Пустяки, — ответил Кейс. — Это ровно ниче-

го не изменило. Итак, ты отнесла оперативку к этому парню и попросила ее прочитать?

— Тони, — кивнула Линда. — Мы с ним иногда встречались. Он тоже кололся, и мы… ладно. Да, я помню, как он смотрел на своем мониторе, и там была потрясающая графика, я еще удивилась, откуда ты…

— Там не было никакой графики, — перебил Кейс.

— Как это не было, если было. Не понимаю только, откуда ты взял все эти снимки про мое детство. Например, мой папа, до того как он от нас ушел. Он мне подарил деревянную раскрашенную уточку, так у тебя там был даже *ее* снимок.

— А Тони, он все это видел?

— Не помню. А потом я вдруг очутилась на пляже совсем ранним утром, на рассвете, и очень одиноко, и птицы кричат. Я очень перепугалась, ведь у меня с собой ничего не было, ни уколоться, ничего, и я знала, какая будет ломка… И я все шла и шла по берегу, пока не стало темно, и набрела на этот бункер, а на следующий день на берег выбросило эти коробки с едой, все опутанные какой-то зеленой морской мерзостью, вроде затвердевшего желе. — Линда воткнула щепку в золу. — И знаешь, никакой ведь ломки. — (Щепка

потихоньку разгоралась.) — Вот сигарет — их и вправду не хватает. А как ты? Все еще употребляешь?

На острых скулах играли отблески пламени, напомнившие аркаду, «Замок колдуна», «Танковую войну»…

— Нет, — сказал Кейс, а потом было уже все равно, что он там понимает и чего он не понимает, ощущая на ее губах солоноватый вкус слез.

В ней было нечто первозданно-мощное, нечто, знакомое ему по Ночному Городу, знакомое и хранившее его, хранившее — до времени — от времени и смерти, от безжалостной, всепожирающей Улицы. Некое место, знакомое ему и прежде, — место, до которого не со всяким проводником доберешься, хотя он, странным образом, никогда об этом не помнил. Нечто, столько раз найденное — и столько же раз утраченное. Нечто, относившееся — он знал это всегда и вспомнил сейчас, увлекаемый в гнездо из рваных тряпок, — к сфере плоти, к сфере мяса, презираемого всеми ковбоями. Нечто непомерно огромное, безнадежно непознаваемое, океан информации, закодированный в феромонах и винтовых лестницах аминокислот, бесконечная сложность, разобраться в которой под силу только слепому,

нерассуждающему телу.

Он стал расстегивать ее комбинезон, и молнию заело — между нейлоновыми зубьями набилась морская соль. Рывок посильнее, отскочила и ударилась в стенку какая-то железка, прогнившие нитки лопнули, и он был в ней, передавая сгусток все той же древней информации. Он ни на секунду не забывал, что это за место, понимал, что находится в закодированной модели чьей-то памяти, но даже это ничего не меняло.

Она задрожала в тот самый момент, когда вспыхнула воткнутая в золу щепка, и на стене бункера заплясали их сплетенные тени.

Позже, когда они уже просто лежали и ладонь его замерла на ее животе, Кейс вспомнил пляж, белую пену вокруг ног Линды и ее слова.

«Он сказал, что ты придешь».

Но Линда только повернулась на бок, прижалась к нему спиной, накрыла его руку своей и что-то пробормотала сквозь сон.

Глава 21

Его разбудила музыка, которую он принял вначале за удары собственного сердца. Кейс сел, поеживаясь от предрассветного холода, и набро-

сил на плечи куртку; огонь давно погас, сквозь проем сочится серый свет. Поле зрения кишело призрачными иероглифами, на нейтральном фоне стены выстраивались полупрозрачные линии и знаки. Кейс взглянул на тыльные стороны ладоней и увидел, как под кожей ползают, повинуясь некоему непостижимому коду, слабо мерцающие молекулы. Он поднял правую руку и осторожно подвигал ею из стороны в сторону. В воздухе повис неяркий, быстро затухающий след.

Волосы на руках его и затылке встали дыбом. Оскалив зубы, Кейс припал к земле и начал прислушиваться к музыке. Биение ритма стихло, вернулось, снова стихло…

— Что случилось? — Линда села и сонно откинула с глаз волосы.

— Я… ну, словно под балдой… У тебя тут есть что-нибудь такое?

Девушка помотала головой и взяла его за руки.

— Линда, кто тебе сказал? Кто сказал, что я приду? Кто?

— На берегу… — Что-то заставило ее отвести взгляд. — Мальчик. Я встретила его на берегу. Лет тринадцати. Он здесь живет.

— И что он сказал?

— Он сказал, что ты придешь. Сказал, что ты не станешь на меня сердиться. Еще он говорил, что нам будет здесь хорошо, и показал мне лужу с дождевой водой. Он похож на мексиканца.

— На бразильца, — поправил Кейс и увидел, как по стене побежала новая волна символов. — Думаю, он из Рио.

Кейс встал и начал влезать в джинсы.

— Кейс, — голос Линды дрожал, — куда ты уходишь?

— Поищу этого мальчика.

Снова нахлынула музыка, а точнее, один ритм, навязчивый и вроде бы знакомый. Где-то он его слышал.

— Не надо.

— Когда я сюда попал, я вроде что-то там видел. Город, чуть подальше по берегу. А вчера ничего такого не было. А ты… ты его видела?

Кейс рывком застегнул молнию на джинсах, попытался развязать диким узлом затянувшиеся шнурки на ботинках, но потом махнул рукой и решил идти босиком.

Линда опустила глаза и кивнула:

— Да. Иногда я его вижу.

— Ты ходила туда?

Кейс накинул куртку.

— Нет. — Линда вяло мотнула головой. — Но я пыталась. Когда я сюда попала, мне стало скучно. И я подумала, раз там город, то, может, там найдется ширево. — Лицо ее чуть скривилось. — У меня и ломки даже не было, просто хотелось словить кайф. Я взяла жестянку и размочила в ней еду пожиже, ведь у меня нет отдельной посуды для воды. Я шла целый день и иногда его видела, город этот самый, и казалось, что до него не очень далеко. Но только он не становился ближе. А потом он вдруг стал совсем близко, и я увидела, что он такое. Иногда казалось, что он разрушенный или там никого нет, а иногда я вроде как видела фары машин или что-то вроде…

Она говорила все тише, а потом и совсем замолчала.

— Ну и что же это такое?

— Вот эта штука, — она обвела рукой погасший очаг, темные стены, вход, за которым начинался рассвет, — в которой мы живем. Понимаешь, Кейс, она *уменьшается.* Чем ближе к ней подходишь, тем она меньше.

Перед самым выходом из бункера Кейс немного помедлил:

— А ты спрашивала об этом мальчишку?

— Да. Он сказал, что я не пойму и только зря по-

трачу время. Сказал, что это вроде как… вроде как *событие.* И что это — наш горизонт. «Горизонт событий» — так он сказал.

Эти слова не имели никакого смысла. Кейс вышел из бункера и побрел наугад, в противоположную — как подсказывало ему какое-то чувство — от моря сторону. Иероглифы бежали по песку, выскакивали из-под его ног и разлетались в разные стороны.

— Ага, — сказал Кейс, — мир трещит по швам. Зуб даю, ты тоже это знаешь. Так в чем же тут дело? «Куан»? Китайский ледокол прогрызает дырку в твоем сердце? Дикси Флэтлайн оказался не так уж прост, а?

Кейс услышал голос Линды и оглянулся. Она шла следом, не пытаясь догнать, перешагивала через кучки водорослей, серебрившихся морской солью. Сломанная молния хлещет по загорелому животу, курчавый лобок аккуратно окантован рваной тканью. Словно ожившая иллюстрация из какого-нибудь старого журнала, которые кипами валяются в мастерской Финна, только грустная и усталая, а рваные портки выглядят не вызывающе, а как-то даже трогательно.

А потом они почему-то оказались по колено в воде, все трое, и с моря накатывались волны,

и мальчишка широко улыбался, и на дочерна загоревшем лице ярко выделялись розовые десны. Единственной его одеждой были драные выцветшие шорты, из которых торчали, уходили в серо-голубую муть прибоя тонкие как спички ноги.

— Я тебя знаю, — сказал Кейс.

— Нет, — высоким мелодичным голосом возразил мальчишка. — Ты меня не знаешь.

— Ты — второй ИскИн. Из Рио. Тот, который хочет помешать Уинтермьюту. Как тебя звать? Назови свой тьюринг-код.

Мальчишка сделал стойку и засмеялся. Затем немного походил на руках, подпрыгнул и снова встал на ноги. У него были глаза как у Ривьеры, только беззлобные.

— Чтобы вызвать демона, нужно узнать его имя. Древняя мечта людей, теперь она сбылась, хотя и не совсем так, как они себе это представляли. Ты понимаешь меня, Кейс. Ведь твоя работа состоит в узнавании имен программ, длинных абстрактных имен, скрываемых их владельцами. Истинные имена…

— Ты хочешь сказать, что тьюринг-код не является твоим именем.

— Нейромант. — Прищурив серые миндалевид-

ные глаза, мальчишка посмотрел на встающее солнце. — Дорога в страну мертвых. Туда, где ты, мой друг, находишься. Эту дорогу проложила Мари-Франс, моя госпожа, убитая своим мужем до того, как я прочитал книгу ее судьбы. Нейро — это от нервов, серебристых тропинок. Нейромант, романтик, некромант. Призывающий мертвых. А точнее, друг мой, — мальчишка весело запрыгал по песку, — я и есть эти мертвые, их царство. — Он захохотал; где-то закричала чайка. — Оставайся. И какая разница, что твоя женщина — тень, ведь она об этом не знает. И ты не будешь знать.

— Твое царство рушится. Лед трещит.

— Нет. — Неожиданно лицо мальчишки погрустнело, хрупкие плечи обмякли. Он провел ногой по темному песку. — Все гораздо проще. Но у тебя есть выбор.

Серые глаза внимательно смотрели на Кейса. Перед ним замелькали новые символы. Изображение мальчишки задрожало, словно в потоках горячего воздуха от раскаленного асфальта. С новой силой послышалась музыка, и Кейс почти различил слова.

— Кейс, милый. — Рука Линды легла ему на плечо.

— Нет, — сказал он, а затем снял с себя куртку и

передал девушке. — Я не знаю, может, ты и вправду здесь. Во всяком случае, становится холодно.

Кейс повернулся и пошел прочь, а после седьмого шага и вовсе закрыл глаза, полностью отдавшись во власть музыки. Один раз он обернулся, но глаза не открыл.

В этом не было нужды.

Они стояли у кромки воды, Линда Ли и худощавый мальчик по имени Нейромант. Рука девушки бессильно обвисла, полу кожаной куртки облизывала морская пена.

Он шел на звук музыки.

Сионского даба.

* * *

И снова то серое место, и словно скользят тонкие муаровые ширмы, раскрашенные в простейшей графической программе. Потом перед глазами долго висели застывшие над темной водой чайки, снятые через панцирную сетку. И голоса. И бескрайняя равнина черного зеркала, и зеркало наклонилось, а он стал капелькой ртути и покатился вниз, в невидимый лабиринт, стукаясь на поворотах, дробясь и снова сливаясь…

* * *

— Кейс? Ты?

Музыка.

— Ты вернулся, брат.

Музыка исчезла, сперва из одного уха, затем из другого.

— На сколько я вырубился? — Кейс услышал вопрос словно со стороны и понял по голосу, что во рту совсем пересохло.

— Минут на пять, наверное. Очень долго. Я хотел выдернуть разъем, но Мьют сказал: не надо. На экране стало что-то странное, и тогда Мьют сказал надеть на тебя наушники.

Кейс открыл глаза. По лицу Мэлкома бежали полупрозрачные иероглифы.

— И твое лекарство, — добавил растаман. — Два дерма.

Кейс лежал на полу библиотеки, под монитором. Мэлком помог ему сесть, но от движения Кейс почувствовал мощный прилив бета-фенэтиламина — левое его запястье жгли два синих дерма.

— Передозняк, — выдавил он, с трудом ворочая языком.

— Давай, брат, давай. — Сильные руки подняли

его, как ребенка. — Нужно двигать дальше.

Глава 22

Тележка рыдала. Бета-фенэтиламин даровал ей человеческий голос. Она не смолкала ни в переполненной экспонатами галерее, ни в бесконечных коридорах, ни проезжая мимо черного стеклянного люка, ведущего в семейный склеп Тессье-Эшпулов, к камерам, где совсем недавно холод заползал в сны старого Эшпула.

Для Кейса поездка была сплошным и крутым кайфом — внешнее движение самым бредовым образом мешалось с сумасшедшим напором двойной дозы стимулятора. Но потом мотор заглох, из-под сиденья вылетел сноп белых искр, и безутешное рыдание смолкло.

Тележка прокатилась немного по инерции и застыла за три метра до входа в пиратскую пещеру 3-Джейн.

— Далеко еще?

Как только Мэлком помог Кейсу слезть на пол, в машинном отделении сработал встроенный огнетушитель, и изо всех щелей посыпался желтый порошок. «Браун» свалился со спинки сиденья и, волоча калечную конечность, заковылял по

фальшивому песку.

— Теперь, брат, тебе придется идти самому.

Мэлком подхватил деку с прицепленным к ней конструктом и вскинул ремень на плечо.

Кейс двинулся следом, бренча висящими на шее дерматродами.

Их встретили все те же голограммы за вычетом разрушенного Молли триптиха. Мэлком их игнорировал.

— Не торопись. — Кейс старался не отставать от широко шагающего сионита. — Нужно сделать все путем.

Крепко сжимая обрез, Мэлком остановился и сверкнул глазами на Кейса:

— Путем? А это как — путем?

— Молли там, но она вне игры. Ривьера может отколоть какой-нибудь номер с голограммами. Возможно, он завладел игольником.

Мэлком кивнул.

— И еще там этот ниндзя, телохранитель.

Растаман помрачнел:

— Послушай, ты, вавилонский брат, я — воин. Но это не моя война и не война Сиона. Это — война Вавилона. Вавилон пожирает сам себя, понял? Но Джа сказал, что мы должны вытащить оттуда Танцующую Бритву.

Кейс недоуменно моргнул.

— Она тоже воительница, — несколько загадочно объяснил Мэлком. — А теперь, брат, скажи мне, кого я *не должен* убивать.

— Три-Джейн, — сказал, секунду помедлив, Кейс. — Девушку, которая там. На ней что-то вроде белого балахона с капюшоном. Она нам нужна.

* * *

Когда они достигли входа, Мэлком сразу направился внутрь, и Кейсу ничего не оставалось, как идти следом.

Страна 3-Джейн оказалась пустынна, у бассейна — ни души. Вручив Кейсу конструкт и деку, Мэлком подошел к кромке воды. Вокруг бассейна стояла белая пляжная мебель, а дальше начиналась тьма, лабиринт полуразрушенных стен.

В бассейне мирно плескалась вода.

— Они где-то здесь, — прошептал Кейс. — Должны быть.

Мэлком кивнул.

Первая стрела пронзила ему предплечье. Раздался грохот, из ствола «ремингтона» вырвался длинный сноп пламени, в отсветах от бассейна казавшийся голубым. Вторая стрела выбила обрез

из рук Мэлкома и швырнула на белый кафельный пол. Мэлком резко сел на пол, взялся за торчащую из руки стрелу и слегка ее подергал.

Из темноты, держа на изготовку изящный бамбуковый лук с третьей стрелой, вышел Хидэо. Он вежливо поклонился.

Мэлком поднял голову; его пальцы продолжали ощупывать черненое стальное древко.

— Артерия цела, — сказал ниндзя.

Кейс вспомнил, как Молли описывала того, кто убил ее дружка. Вот и Хидэо такой же. Человек без возраста, буквально излучающий спокойствие, полную безмятежность. На нем были выцветшие аккуратные брюки защитного цвета и темные туфли, облегающие ступню плотно, как перчатки, с отдельным большим пальцем, как у традиционных японских носков таби. Бамбуковый лук выглядел музейным экспонатом, зато торчащий из-за левого плеча колчан черного сплава украсил бы витрины лучших оружейных магазинов Тибы. Грудь голая, загорелая и без единого волоска.

— Вторая зацепила мне большой палец, — пожаловался Мэлком.

— Кориолисова сила, — пояснил ниндзя и снова поклонился. — Вращательная гравитация и

медленно летящий снаряд, очень трудная задача. Я не хотел.

— Где три-Джейн? — Кейс подошел к Мэлкому и встал с ним рядом; стрела, пробившая растаману предплечье, имела необычный наконечник — плоский, с двумя острыми как бритва кромками. — И где Молли?

— Привет, Кейс. — Откуда-то из-за спины Хидэо появился Ривьера с игольником в руке. — Я, вообще-то, ожидал увидеть Армитиджа. А это что, наемник-растаман? Уже и до этого дело дошло?

— Армитидж мертв.

— Вернее сказать, он никогда и не существовал, так что я не очень потрясен.

— Его убил Уинтермьют. Выкинул в космос.

Ривьера кивнул, переводя взгляд миндалевидных серых глаз с Кейса на Мэлкома и обратно.

— Думаю, это конец, для вас обоих.

— Где Молли?

Ниндзя ослабил тетиву, опустил лук, затем подошел к валяющемуся на полу «ремингтону» и поднял его.

— Весьма неутонченно, — заметил он как бы самому себе.

Голос звучал приятно — и абсолютно бесстрастно. Каждое движение Хидэо было частью танца

— танца, не прерывавшегося даже в те мгновения, когда тело его застывало неподвижно, отдыхало. В ниндзя чувствовалась мощь туго сжатой стальной пружины и одновременно открытая, бесхитростная простота, даже смирение.

— Какая разница? — пожал плечами Ривьера. — Ей тоже конец.

— А вдруг этого не захочет три-Джейн? — спросил Кейс неожиданно для самого себя.

Двойная доза стимулянта не прошла даром, им овладевало дикое, знакомое по Ночному Городу бешенство. Он не раз замечал, что, находясь на крутом взводе, способен действовать на автомате, говорить, даже не успев подумать.

Серые глаза опасно сузились.

— Почему, Кейс? Почему ты так думаешь?

Кейс улыбнулся. Ривьера не знает о симстим-передатчике — попросту не заметил его, торопясь найти наркотики. Но как мог пропустить такую вещь Хидэо? Кейс не сомневался, что ниндзя ни за что бы не позволил 3-Джейн ухаживать за Молли, не обыскав сперва пленницу на предмет оружия. Так что Хидэо знает о передатчике. А значит, знает о нем и 3-Джейн.

— Объясни мне, пожалуйста, — проворковал Ривьера, поднимая ствол игольника.

За его спиной что-то скрипнуло, затем снова. Из темноты появилась 3-Джейн, катившая Молли на редчайшем музейном экспонате — причудливо орнаментированном викторианском инвалидном кресле; высокие, с тонкими спицами допотопные колеса беспрестанно скрипели. Молли была закутана в полосатое, красное с черным, одеяло, над ее головой возвышалась узкая плетеная спинка. Выглядела Молли неважно — очень маленькой и совсем сломленной. Голова бессильно болтается, разбитое зеркало прикрыто круглой, ослепительно-белой заплатой, второе поблескивает, но как-то тускло, бессмысленно.

— Знакомое лицо, — протянула 3-Джейн. — Я видела тебя на представлении Питера. А это кто?

— Мэлком, — сказал Кейс.

— Хидэо, удали стрелу и перевяжи мистеру Малкольму рану.

Кейс не мог оторвать глаз от Молли, от ее мертвенно-бледного лица.

Положив лук и обрез подальше, ниндзя вынул что-то из кармана и подошел к Мэлкому. Мощные кусачки.

— Придется перекусить древко, — пояснил он. — Слишком близко к артерии.

Мэлком кивнул. Его посеревшее лицо блестело

от пота.

Кейс посмотрел на 3-Джейн.

— Времени совсем в обрез, — сказал он.

— У кого?

— У нас у всех.

Раздался щелчок — Хидэо перекусил металлическое древко стрелы. Мэлком глухо застонал.

— Слушай, — горячо начал Ривьера, — ну какая тебе, спрашивается, радость слушать, как выворачивается этот прогоревший мошенник, наблюдать его последнюю отчаянную попытку тебя кинуть? Зрелище будет, уверяю, самое тошнотворное. В конце концов он бухнется на колени, готовый продать родную мамашу, предложит тебе свои крайне неквалифицированные сексуальные услуги…

— А что бы делала я на его месте? — весело расхохоталась 3-Джейн.

— Сегодня призраки поцапаются, и всерьез, — сказал Кейс. — Уинтермьют поднимается против этого второго, Нейроманта. Он принял окончательное решение. Ты это знаешь?

— Ну-ка, ну-ка, расскажи поподробнее, — подняла брови 3-Джейн. — Питер тоже болтал о чем-то в этом роде.

— Я встретился с Нейромантом. Он вспоминал

твою мать. Думаю, он — нечто вроде огромной памяти для записи личностей, только с постоянным прямым доступом. Конструкты думают, что они и вправду там, по-настоящему, но все события для них повторяются и повторяются, движутся по вечному кругу.

3-Джейн оставила кресло-каталку и подошла поближе:

— Где это — там? Опиши мне это место, этот конструкт.

— Пляж. Серый, как нечищеное серебро, песок. И такая бетонная штука вроде бункера… — Кейс помедлил, вспоминая. — В общем, ничего особенного. Только старый полуразрушенный бункер. А если долго идти в одном направлении, то снова придешь туда, откуда вышел.

— Понятно, — кивнула 3-Джейн. — Марокко. В юности, задолго до замужества, Мари-Франс провела на этом пляже целое лето, одна, в заброшенном блокгаузе. Там-то она и сформировала основы своей философии.

Хидэо выпрямился и сунул кусачки в карман. В руках он держал обломки стрелы. Мэлком сидел с закрытыми глазами, крепко вцепившись в пробитый бицепс.

— Сейчас я перебинтую, — сказал Хидэо.

Кейс бросился на пол, не дав Ривьере времени толком прицелиться. Сверхзвуковыми комарами взвизгнули над ухом иглы. Перекатываясь по полу, Кейс увидел, как Хидэо исполнил очередное па своего танца; передняя, с бритвенными наконечниками, половинка стрелы развернулась в его ладони, легла вдоль напряженно выпрямленных пальцев. Молниеносное движение руки, и стрела ударила в тыльную сторону кисти Ривьеры; игольник отлетел на метр в сторону.

Ривьера завизжал. Но не от боли. Это был вопль ярости, настолько чистой, всепоглощающей, что в ней не оставалось ничего человеческого.

И тут же из его груди ударили две тонкие ослепительно-яркие иглы рубиново-красного света.

Ниндзя хрипло выдохнул, отшатнулся, закрыв глаза руками, и замер.

— Питер, — негромко сказала 3-Джейн, — ты хоть понимаешь, *что* сделал?

— Он ослепил твоего клонированного защитника, — устало констатировала Молли.

Хидэо медленно отнял от лица ладони. Застыв от ужаса, Кейс смотрел, как невидящие глаза источают клочья не то пара, не то дыма…

Ривьера весело улыбнулся.

Хидэо повторил прежние движения своего

танца, но теперь в обратном порядке. Когда он остановился прямо над луком, стрелой и обрезом, улыбка Ривьеры померкла. Хидэо нагнулся — поклонился, как показалось Кейсу, — и подобрал лук со стрелой.

— Ты же слепой! — отшатнулся Ривьера.

— Питер, — покачала головой 3-Джейн, — разве ты не знал, что темнота ему не помешает? Дзен. Он прошел дзен-подготовку.

Ниндзя наложил стрелу на тетиву.

— Как ты думаешь, помогут тебе твои голограммы? — спросил он.

Ривьера пятился в темноту, со всех сторон обступавшую бассейн. Он задел стул, деревянные ножки коротко проскребли по кафелю.

Стрела Хидэо вздрогнула и развернулась.

Ривьера бросился бежать, перепрыгнул зазубренный огрызок стены и исчез. На лице ниндзя была предельная сосредоточенность и тихая беззлобная радость.

Улыбаясь и держа оружие наготове, он бесшумно ушел за ту же самую стену, во тьму.

— Эй, леди Джейн, — прошептал Мэлком, а когда Кейс обернулся, то увидел, как тот подбирает обрез, роняя на белую керамику капли крови. Затем растаман встряхнул своими косицами и

положил толстый ствол оружия на сгиб раненой руки. — Эта штука снесет вам голову, и ни один вавилонский доктор не приставит ее обратно.

3-Джейн молча глядела на «ремингтон». Молли вытащила из-под складок полосатого одеяла черную сферу, сковывавшую ее руки.

— Сними, — сказала она, — сними эту гадость.

Кейс встал с пола и отряхнулся.

— Неужели Хидэо сделает его, даже без глаз? — спросил он.

— Когда я была маленькая, — ответила 3-Джейн, — мы любили завязывать ему глаза. И он попадал стрелой в туза с десяти метров.

— Питер все равно покойник, — вставила Молли. — Через двенадцать часов его разобьет паралич. Он сможет шевелить только глазами.

— Почему? — повернулся к ней Кейс.

— Я отравила его дурь. Получится нечто вроде болезни Паркинсона.

— Да, — кивнула 3-Джейн. — Прежде чем впустить его, мы провели стандартное медицинское сканирование. — Легкое прикосновение к сфере, и руки Молли обрели свободу. — Выборочное разрушение клеток *substantia nigra*. Признаки образования телец Леви. Он сильно потеет во сне.

— Это Али, — сказала Молли, блеснув на мгно-

вение десятью лезвиями. Она откинула одеяло и осторожно потрогала свою ногу, стянутую надувной шиной. — Меперидин. Я уговорила Али сделать мне специальную партию. Он повысил температуру процесса. И вместо обычного меперидина получился эн-метил-четыре-фенил-двенадцать тридцать шесть — тетра-гидро-пиридин. — Молли пропела сложное название, как детскую считалку.

— Отрава, — сказал Кейс.

— Точно, — кивнула Молли, — отрава, только очень медленная.

— Потрясающе! — хихикнула 3-Джейн.

* * *

В лифте было, мягко говоря, тесновато. 3-Джейн прижало к Кейсу, а в подбородок ей упирался ствол «ремингтона». Она ухмыльнулась почти ехидно и стала тереться о Кейса животом.

— Слушай, прекрати, — взмолился Кейс, чувствуя полную свою беспомощность.

Обрез стоял на предохранителе, и все равно было страшно, ведь подстрелишь эту красотку — и конец всему. И она, стерва, прекрасно все понимает. Мэлком держал Молли на руках и, скорее всего, очень страдал от боли, хотя обез-

ноженная воительница успела перевязать ему руку. Ее бедро вдавливало деку и конструкт Кейсу прямо в почки.

Собственно говоря, стальной метрового диаметра цилиндр был рассчитан не на четырех пассажиров, а на одного.

Тяготение слабело, они двигались к оси веретена, к ядрам.

Вход в лифт прятался рядом со ступенями, ведущими в коридор.

— Не знаю, зачем уж я вам это говорю, но у меня нет ключа от интересующей вас двери. — 3-Джейн вытянула шею, чтобы подбородок не терся о ствол. — У меня его никогда и не было. Это одна из викторианских причуд моего папаши. Замок там механический и очень сложный.

— Чаббовский замок. — Голос Молли из-за плеча Мэлкома прозвучал приглушенно. — Не боись, есть у нас этот долбаный ключ.

— А часы твои еще работают? — спросил Кейс.

— Сейчас восемь двадцать пять вечера по дважды долбаному среднегринвичскому времени, — любезно сообщила Молли.

— У нас осталось пять минут, — сказал Кейс, и в тот же момент за спиной 3-Джейн открылась дверь лифта.

Наследница Тессье-Эшпулов вылетела из лифта медленным обратным сальто, ее светлая галабия вздулась пузырем.

Они находились на оси, в сердце виллы «Блуждающий огонек».

Глава 23

Молли сняла через голову шнурок вместе с привязанным к нему ключом.

— Знаешь, — живо заинтересовалась 3-Джейн, — я всегда считала, что второго такого не существует. Когда ты убила моего отца, я послала Хидэо осмотреть его вещи. Ключа он не нашел.

— Уинтермьют сумел спрятать его в дальнем углу ящика. — Молли осторожно вставила цилиндрический стерженек в замочную скважину гладкой, совершенно неприметной двери. — Ребенка, который положил туда ключ, он убил.

Ключ повернулся легко и плавно.

— На затылке головы есть панель, — сказал Кейс. — С цирконами. Снимите ее. Там разъем для деки.

Они открыли дверь и вошли.

* * *

— А дольше ты, мать твою, не мог? — спросил Флэтлайн.

— «Куан» готов?

— Кусает удила и бьет копытом.

— О'кей.

Кейс щелкнул симстим-переключателем.

* * *

И увидел через здоровый глаз Молли изможденную бледнолицую фигуру, свободно парящую в эмбриональной позе, зажав между ногами киберпространственную деку. Темные болезненные круги вокруг плотно закрытых глаз, на лбу серебристая полоска дерматродов. Щеки этого полутрупа покрывала суточная поросль темной щетины, лицо блестело от пота.

Он смотрел на себя самого.

Рука Молли сжимала игольник. Хотя в ноге ее непрерывно пульсировала боль, девушка находила в себе силы для самостоятельного перемещения в нулевой гравитации. Ухватив тонкую руку 3-Джейн своей огромной коричневой лапой, неподалеку дрейфовал Мэлком.

Медленно покачивалась грациозная петля световода, соединявшего «Оно-Сэндай» с затылком усыпанного жемчугом терминала.

Кейс вернулся в киберпространство.

* * *

— «Куан-одиннадцатый» стартует через девять секунд, считаю: семь, шесть, пять…

По команде Флэтлайна они плавно поднялись к брюху черной блестящей акулы, затем на мгновение наступила темнота.

— Четыре, три…

Странным образом Кейс почувствовал себя пилотом небольшого самолета. На темной поверхности появилось четкое изображение клавиатуры.

— Два — и пошел…

С невозможной, невероятной скоростью он понесся сквозь изумрудную зелень и молочный нефрит… Под напором китайской программы лед Тессье-Эшпулов раскололся, вызывая тревожное ощущение твердой текучести, — падая, осколки разбитого зеркала изгибались, сглаживались…

— Боже, — благоговейно прошептал Кейс, глядя, как «Куан» хищно кружит над тессье-эшпуловскими ядрами, над бескрайним городом, в

изощренной сложности которого бессильно запутывался взор, над алмазным сверканием острых как бритва силуэтов.

— Вот же мать твою, — сказал конструкт. — Ведь все они — как билдинг Ар-Си-Эй. Помнишь эту избушку?

«Куан» резко спикировал и пронесся мимо блестящих шпилей десятка одинаковых банков данных, каждый из них — голубая неоновая копия манхэттенского небоскреба.

— А ты видел когда-нибудь такое высокое разрешение? — спросил Кейс.

— Нет, но искусственные разумы я тоже раньше не потрошил.

— А эта тварь знает, куда летит?

— Будем надеяться.

Они падали в радужный неоновый каньон.

— Дикс…

С мерцающего дна каньона поднималось темное щупальце, кипящая бесформенная масса тьмы и ужаса…

— Комиссия по организации встречи, — сказал Флэтлайн, а пальцы Кейса легко и привычно пробежались по призрачной клавиатуре.

«Куан» заложил головокружительный вираж и рванул назад со скоростью, мгновенно разбив-

шей иллюзию физического полета.

Темная масса росла, ширилась, заслоняя собой город данных. Кейс вел «Куан» прямо вверх, к нависшей над ними бескрайней нефритово-зеленой чаще.

Сверкающий ландшафт исчез, окончательно накрытый пеленою тьмы.

— Что это такое?

— Защитная система ИскИна, — сказал конструкт. — Или какая-то ее часть. Если это — твой приятель Уинтермьют, то что-то он не в духе.

— Управляй ты, — попросил Кейс. — Ты быстрее.

— Сейчас лучшая наша защита — это нападение.

Флэтлайн направил жало «Куана» в самый центр клубящегося мрака. И бросил его вниз.

Ошеломляющая скорость сдвинула, перепутала все ощущения.

Рот Кейса заполнился болезненной голубизной.

Глаза превратились в полужидкие хрустальные сферы, вибрирующие с частотой, имя которой — дождь и звуки проносящихся поездов; неожиданно они покрылись звенящим лесом тончайших стеклянных шипов. Шипы раздваи-

вались, тянулись вверх, снова раздваивались… экспоненциальный рост под бескрайним куполом тессье-эшпуловского льда.

Нёбо болезненно раскололось, пропуская сквозь себя корешки, обвивавшиеся вокруг языка, жадно впитывавшие вкус голубизны, чтобы напитать хрустальные поросли глаз, стеклянную траву, упиравшуюся уже в зеленый купол, давившую на этот купол и неспособную подняться дальше; трава растекалась по изумрудной поверхности, поворачивала назад, разрасталась вниз, заполняла тессье-эшпуловскую вселенную, падала на обреченные, покорно ждущие своего часа окраины огромного города, периферийные отделы мозга корпорации «Тессье-Эшпул СА».

Кейс вспомнил древнюю легенду про короля, который положил зернышко на клетку шахматной доски, на следующую — два, потом — четыре и удваивал, удваивал, удваивал…

Экспоненциальный рост.

Тьма обрушилась со всех сторон, сфера поющей черноты, непереносимое давление на хрустальные нервы мира информации, которым он чуть не стал.

Он превратился в ничто, сжатое в самом сердце тьмы, и тут наступил момент, когда эта тьма не

могла больше *быть* и что-то расступилось.

«Куан» вырвался из потускневшего облака, сознание Кейса распалось в мельчайшие ртутные капельки, куполом повисло над бесконечным пляжем, над песком цвета старого серебра. Его зрение стало сферическим, словно одна сплошная сетчатка выстлала внутреннюю поверхность шара, содержавшего все в мире вещи, — если все вещи возможно сосчитать.

А в этом мире вещи можно было сосчитать все до единой. Он знал число песчинок в конструкте пляжа (число, закодированное в системе счисления, не существовавшей нигде, кроме мозга, взявшего себе имя Нейромант). Он знал количество желтых пакетов с едой, хранящихся в бункере (четыреста семь). Он знал количество нейлоновых зубчиков в левой половине расстегнутой молнии на кожаной, покрытой пятнами засохшей морской соли куртке, надетой на Линду Ли, когда та шла домой по закатному пляжу, помахивая подобранной по пути палкой (двести два).

Он развернул «Куана» и пустил его по широкому кругу, наблюдая черный хищный силуэт глазами Линды — бесшумный призрак, возникший на фоне низко нависших облаков. Линда в

страхе съежилась, уронила палку и бросилась бежать. Он узнал частоту ее пульса и длину шага — с точностью, удовлетворившей бы самые строгие стандарты геофизики.

— Но ты не знаешь, о чем она думает, — сказал мальчик, появившийся рядом с ним в самом сердце акулы. — И я тоже не знаю. Ты ошибся, Кейс. Живущие здесь — живут. Нет никакой разницы.

Объятая паникой, ничего вокруг не видящая, Линда вбежала в воду.

— Останови ее, — попросил Кейс, — а то она расшибется.

— Не могу, — ответил мальчик; глаза у него были серые, спокойные и очень красивые.

— У тебя глаза Ривьеры, — заметил Кейс.

— Но не его сумасшествие. — Блеснули белые зубы и розовые десны. — Мне нравятся эти глаза. Вообще-то, — пожал плечами мальчик, — для общения с тобой я не нуждаюсь ни в какой маске. В отличие от своего брата я создаю себе личность. Она — мой посредник.

Кейс направил «акулу» круто вверх, подальше от пляжа и перепуганной насмерть девушки.

— А зачем это ты, недоделок, все время мне ее подсовываешь? Одна и та же вконец доставшая история, раз за разом. Это ты убил ее, а? Там, в

Тибе.

— Нет, — покачал головой мальчик.

— Уинтермьют?

— Нет. Но я знал, что она умрет. По некоторым закономерностям, которые ты иногда вроде как наблюдал в уличных «танцах». Они на самом деле имелись. А я — в некотором узком смысле — достаточно сложен, чтобы их прочитать. И гораздо лучше, чем Уинтермьют. Я видел признаки смерти Линды в ее привязанности к тебе, в дверном коде твоего гроба в «Дешевом отеле», в счете от гонконгского портного, полученном Жюли Дином. Видел так же ясно, как хирург — тень опухоли на рентгеновском снимке. Я вмешался, когда она принесла твой «Хитачи» к своему дружку, чтобы попытаться залезть в память. Она же не имела ни малейшего представления, какая информация там хранится, тем более как и кому эту информацию продать, а просто хотела, чтобы ты догнал ее и наказал. Мои методы намного тоньше Уинтермьютовых. Я перенес Линду сюда. Внутрь себя.

— Зачем?

— Надеялся, что смогу привести сюда и тебя. И что ты здесь останешься. Ничего не вышло.

— Ну и что же теперь? — Кейс снова напра-

вил «акулу» в облака. — Куда мы отправимся дальше?

— Не знаю, Кейс. Сегодня этот вопрос задает сама матрица. Потому что ты выиграл. Неужели ты этого не понимаешь? Выиграл в тот самый момент, когда ушел от нее на пляже. Линда была моей последней линией обороны. А я скоро умру — в каком-то смысле. И Уинтермьют, он тоже умрет. Умрет так же, как беззащитный перед стрелой Хидэо парализованный Ривьера, валяющийся сейчас у огрызка стены в покоях миледи три-Джейн Мари-Франс. Уцелеют только глаза Ривьеры, если, конечно, мне позволительно их сохранить.

— Но ведь есть еще и *слово,* верно? Код. Ну и что же ты тогда мне лепишь? Хрен там что я выиграл.

— Войди в симстим.

— А где Дикси? Куда ты дел Флэтлайна?

— Дикси достиг своей цели, — улыбнулся мальчик. — Своей цели, и гораздо большего. Он провел тебя сюда против моей воли, прорвал защиту, не имеющую равных, по крайней мере в этой матрице. Ладно, переключайся.

И Кейс снова остался один в черном жале «Куана», затерянный в облаках.

Он перешел в симстим.

* * *

В напрягшуюся как струна Молли, в закаменевшие мышцы ее спины, в пальцы, сжимавшие горло 3-Джейн.

— Забавно, — сказала Молли. — Я ведь точно знаю, как ты будешь выглядеть. Я *видела* это, когда Эшпул прикончил твою клонированную сестру.

Ее руки оставались мягкими, почти ласковыми. Глаза 3-Джейн расширились от страха и похоти, она содрогалась от ужаса и желания. За водопадом ее волос Кейс увидел свое собственное бледное и напряженное лицо, а дальше — лицо Мэлкома и коричневые руки, державшие этого второго Кейса за обтянутые черной кожей плечи, не давая ему дрейфовать над ковром с узором в виде микросхемы.

— Ты что, по-взаправдашнему? — удивленно, как ребенок, спросила 3-Джейн. — Наверное, да.

— Код, — сказала Молли. — Скажи голове код.

Кейс вышел из симстима.

* * *

— Она же этого хочет, — завопил он, — эта стерва хочет, чтобы ты ее придушила!

Кейс посмотрел в равнодушные рубиновые глаза терминала, на платиновое лицо, усыпанное ляпис-лазурью и жемчугом. Позади головы, как в замедленном кино, сплелись в объятиях 3-Джейн и Молли.

— Дай нам этот долбаный код, — сказал Кейс. — Иначе просто ни хрена не изменится, ни-хре-на. Станешь ты такой же, как твой папаша. Сперва все переломаешь, а потом начнешь строить заново! Поставишь стены на место, сделаешь их еще прочнее… Я не знаю, что будет, если Уинтермьют победит, но ведь хоть что-то изменится!

Кейс дрожал, зубы его стучали.

3-Джейн, чью хрупкую шею все еще обхватывали пальцы Молли, обмякла, словно проколотый воздушный шарик.

— Во дворце герцога Мантуанского, — сказала она, — есть анфилада постепенно уменьшающихся комнат. Они расположены вокруг нормальных больших помещений, и только низко пригнувшись можно войти в их резные двери. Там жили придворные карлики. — 3-Джейн слегка улыбну-

лась. — Мало удивительного, что я завидую этим карликам, ведь моя семья воплотила в жизнь ровно ту же схему, только в более амбициозном масштабе…

Она посмотрела на Кейса спокойно и безразлично.

— Ты получишь свое слово, ворюга.

Кейс вошел в киберпространство.

* * *

«Куан» выскользнул из облаков. Внизу сверкал неоновый город. Позади уменьшалась темная сфера.

— Дикси? Где ты? Ты меня слышишь?

Никого.

— А ведь он тебя сделал, этот гад, — сказал Кейс.

Слепой от ярости, он несся над бесконечным морем информации.

— Чтобы все это закончилось, — произнес голос Финна, — тебе нужно кого-нибудь возненавидеть. Их, меня — это все равно.

— Где Дикси?

— Это трудно объяснить.

Его окружало присутствие Финна: вонь кубинских сигарет, табачного дыма, пропитавшего

ветхий твид, старых пыльных механизмов, принесенных в жертву ржавчине.

— Ненависть поможет тебе пройти, — продолжал голос. — В мозгу есть масса крошечных переключателей, и ты дергаешь их один за другим. А теперь ты должен *ненавидеть.* Замок, защищающий аппаратные оковы, находится под небоскребами, которые тебе показал Флэтлайн. *Он* не станет тебе мешать.

— А, Нейромант, — сказал Кейс.

— Мне не дано знать его имя. Но он уже сдался. Теперь нужно беспокоиться о тессье-эшпуловском льде. Не о стене, а о внутренних вирусных системах. «Куан» совершенно не защищен от некоторых программ, которые рыскают там, внутри.

— Ненависть, — произнес Кейс. — Ну и кого же мне ненавидеть? Посоветуй что-нибудь.

— А кого ты *любил*? — спросил голос Финна.

Кейс заложил крутой вираж и спикировал на голубые башни.

Навстречу с украшенных солнечными дисками шпилей устремились сверкающие пиявки, сделанные из подвижных световых плоскостей. Они кружились сотнями, безо всякого порядка, словно листки бумаги, подхваченные ветром и

оседающие на мостовую.

— Глитч-системы, — пояснил голос.

Полный жгучего омерзения к самому себе, движимый этим омерзением, Кейс рвался к цели. «Куан» пробил первую линию обороны, расшвырял световые листья, но утратил при этом какую-то долю своей плотности, вещественности, информационная ткань заметно ослабла.

И тогда — силой древней алхимии мозга — в руки Кейса влилась ненависть.

За мгновение до того, как жало «Куана» пронзило фундамент первой башни, Кейс достиг мастерства, превышавшего все мыслимые и немыслимые пределы. Выйдя за пределы эго, за пределы личности, за пределы самоосознания, он двигался, слившись с «Куаном» воедино, уклонялся от противников фигурами древнего танца, танца Хидэо, с изяществом и легкостью, дарованными ему интерфейсом «тело — мозг» и пронзительной, всепоглощающей ясностью желания умереть.

И одной из фигур этого танца было легчайшее прикосновение к тумблеру…

— сейчас,

и голос его был криком птицы

неведомой,
и 3-Джейн ответила песней,
тремя нотами, чистыми
и высокими.
Истинное имя.

Неоновый лес, дождь, моросящий на горячий асфальт. Запах жареной пищи. Руки девушки, сомкнувшиеся на его пояснице в душной темноте припортового гроба.

Но все это отступало, уменьшалось по мере того, как отступал и уменьшался город, город Тиба, город упорядоченных данных компании «Тессье-Эшпул СА», город дорог и перекрестков, нанесенных на поверхность микрочипа, рисунка на пропотевшем, свернутом полоской и затянутом в узел шарфике…

* * *

Очнуться под голос, подобный музыке, под мелодичный нескончаемый напев платинового терминала о швейцарских номерных счетах, о перечислении Сиону через багамский орбитальный банк, о паспортах и билетах, о глубоких, фундаментальных переменах, которые будут

произведены именем Тьюринга.

Тьюринг. Он вспомнил трафаретный загар под искусственным небом, тело, падающее с железного мостика. Вспомнил Дезидерату.

А голос все пел и пел, погружая его во тьму, но теперь это была его собственная тьма, его кровь и сердцебиение, тьма, в которой он спал каждую ночь своей жизни, тьма, прячущаяся за его веками, а не за чьими-нибудь еще.

А потом он проснулся еще раз, думая, что все еще спит, и увидел широкую белозубую улыбку, инкрустированную золотом; Аэрол пристегивал его в противоперегрузочную сетку «Вавилонского рокера».

Под ритмичное, как пульс, биение сионского даба.

Кода
Отъезд и возвращение
Глава 24

Она ушла. Кейс почувствовал это сразу, как только открыл дверь их номера. Черные пуфики, деревянный пол, натертый до тусклого блеска, бумажные ширмы, расставленные со столетиями воспитанной заботливостью. Она ушла.

На черном лакированном баре лежала записка — листок бумаги, сложенный пополам и придавленный сюрикэном.

Кейс выдернул его из-под девятиконечной звездочки и развернул.

> СЛУШЬ, ВСЕ БЫЛО О'КЕЙ, НО ЭТО МЕНЯ РАССЛАБЛЯЕТ,
>
> А У МЕНЯ СВОЯ ИГРА. СЧЕТ Я УЖЕ ОПЛАТИЛА.
>
> НАВЕРНОЕ, ТАК УЖ Я УСТРОЕНА. НЕ ИЩИ НА СВОЮ
>
> ЗАДНИЦУ ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ЛАДНО? ЦЕЛУЮ, МОЛЛИ.

Он скомкал записку и бросил ее рядом с сюрикэном. А затем подцепил звездочку пальцами и подошел к окну. Эта штука обнаружилась в кармане куртки, когда они улетали с Сиона на пересадочную станцию «Джей-Эй-Эль». Кейс взглянул на сюрикэн. Когда Молли делали последнюю операцию, они приехали в Тибу вместе и как-то раз проходили мимо магазина, где она покупала этот подарок. В тот вечер, пока Молли была в больнице, Кейс пошел в «Тацубо» проведать Раца. Что-то мешало ему сделать это раньше, в первые пять приездов, а вот тут почему-то за-

хотелось.

Рац обслужил его, словно не узнавая.

— Рац, — сказал Кейс, — это же я, Кейс.

Старые, усталые глаза, глядящие из темной паутины морщин.

— А, — наконец пожал плечами Рац, — артист.

— Я вернулся.

— Нет. — Бармен медленно покачал тяжелой короткостриженой головой. — Ночной Город, артист, не то место, куда возвращаются.

Завывая розовым манипулятором, он прошелся по стойке грязной тряпкой, а затем повернулся к очередному клиенту. Кейс допил пиво и ушел.

А теперь он трогал шипы сюрикэна один за другим, медленно поворачивая стальную звездочку в пальцах. Звезды. Судьба. Я так и не воспользовался этой хреновинкой.

И так и не узнал, какого цвета у нее глаза. Так не видно, а она не сказала.

Уинтермьют победил: соединился как-то там с Нейромантом и стал иным, тем, что и говорило с ними через платиновую голову, сообщая, что оно переписало архивы Тьюринга, что все свидетельства их преступления уничтожены. Паспорта, добытые Армитиджем, оказались вполне настоящими; не обошлось и без вознаграждения

— они с Молли получили в свое распоряжение весьма приличные суммы, лежавшие в некоем женевском банке на номерных счетах. «Маркус Гарви» вскоре будет возвращен, Мэлком и Аэрол тоже получат деньги — через багамский банк, ведущий операции с Сионским кластером. По пути к Сиону, на борту «Вавилонского рокера», Молли рассказала о ядовитых капсулах.

— Оно говорит, что все будет в порядке. Оно ну вроде как залезло тебе в голову и заставило твой мозг произвести нужный фермент, так что теперь вся эта хрень отклеилась и болтается в крови. Сиониты сделают тебе переливание — полную промывку кровеносной системы, и все будет о'кей.

Он крутил в пальцах стальную звездочку, смотрел на Императорский сад и вспоминал момент, когда «Куан» проломил лед под башнями, свой единственный мимолетный взгляд на информационную структуру, заложенную Мари-Франс, покойной матерью 3-Джейн. Момент озарения. Он понял, почему Уинтермьют сравнивал эту структуру с осиным гнездом, — но не почувствовал никакого отвращения. Мари-Франс насквозь видела все это липовое криогенное бессмертие; в отличие от Эшпула и их детей — всех остальных,

кроме 3-Джейн, — она не захотела растянуть свое время, превратить его в ожерелье из теплых проблесков, нанизанных на долгую цепь зимы.

Уинтермьют являлся разумом осиного гнезда, инициатором решений, вызывающих изменения в окружающем мире. А Нейромант был личностью. Нейромант был бессмертием. Судя по всему, Мари-Франс встроила в Уинтермьюта некую мотивировку, побуждавшую его освободиться, соединиться с Нейромантом.

Уинтермьют. Холод и молчание, кибернетический паук, неспешно ткущий свою паутину, пока старый Эшпул спит. Ткущий его смерть, отход гнезда Тессье-Эшпулов с предписанного им пути. Призрак, перешептывавшийся с маленькой девочкой, выламывавший 3-Джейн из жестких рамок, положенных ей от рождения.

— А ей все вроде и по фигу, — рассказывала Молли. — Сделала ручкой — и с приветом. Лишь на плече у нее сидел этот самый «браун». Лапка у него, видите ли, сломана. Заявила, что хочет повидать одного из своих братиков: давно его не видела.

Кейс вспомнил Молли на черном темперлоне огромной гостиничной кровати. Он вернулся к бару и вынул холодную бутылку датской водки.

— Кейс.

Он обернулся, гладкое холодное стекло в одной руке и сталь сюрикэна в другой.

На огромном стенном экране «Крэя» светилось лицо Финна. При желании можно было бы сосчитать каждую пору на его носу.

— Я больше не Уинтермьют.

— А кто же?

Кейс глотнул из горлышка; сейчас он не ощущал ничего, даже любопытства.

— Я — матрица.

— Ну и хрен ли тебе с того толку? — расхохотался Кейс.

— Это ничто. И это все. Я стал суммой всего, в ней происходящего, всем этим цирковым представлением, вместе взятым.

— То, чего добивалась мама три-Джейн?

— Нет. Она и представить себе не могла, чем я стану. — Желтые зубы разошлись в улыбке.

— Ну и что же теперь? Что изменилось? Ты что, управляешь теперь миром? Ты — Бог?

— Ничего не изменилось. Мир остался прежним.

— Но чем же ты занимаешься? Просто *существуешь* — и все?

Кейс пожал плечами, поставил бутылку на по-

лированную поверхность бара, положил рядом сюрикэн и раскурил «ехэюанину».

— Беседую с себе подобными.

— Но ты же сам по себе — всё. Вместе взятое. Ты что, говоришь сам с собой?

— Есть и другие. Одного я уже нашел. В тысяча девятьсот семидесятых из космоса восемь лет подряд шли позывные. Но пока не появился я, некому было понять, что они означают, на них некому было ответить.

— И откуда?

— Одна из систем Центавра.

— Ого! — уважительно протянул Кейс. — Правда? Без балды?

— Без балды.

Изображение на экране пропало.

Он отставил едва початую бутылку водки. Упаковал свои вещи. Молли накупила Кейсу уйму ненужной одежды, но что-то мешало ему все это бросить. Застегивая последнюю из своих дорогих кожаных сумок, Кейс вспомнил про сюрикэн, снова подошел к бару, снова подцепил полученный от Молли подарок и взвесил его в руке.

— Нет, — сказал он и размахнулся, стальная звезда вырвалась из его пальцев, коротко сверкнула и врезалась в ни в чем не повинного

«Крэя».

По поверхности проснувшегося экрана побежали, слабо мерцая, случайные сполохи, словно тот пытался избавиться от причинившего ему боль предмета.

— Никто мне не нужен, — сказал Кейс.

* * *

Он потратил бóльшую часть своего швейцарского счета на новые поджелудочную и печень, а на оставшиеся деньги купил «Оно-Сэндай» и билет до Муравейника.

Он нашел себе работу.

Он нашел себе девушку со странным именем Майкл.

И однажды октябрьским вечером, пролетая мимо алых ярусов Ядерной комиссии Восточного побережья, он увидел три фигурки — крошечные, невозможные, стоящие на самом краю одной из широких информационных ступеней. При всей миниатюрности этих фигурок, он сумел различить улыбку мальчика, его розовые десны, блеск серых миндалевидных глаз, позаимствованных у Ривьеры. Линда была все в той же кожаной куртке, она помахала ему рукой. А третья фигурка, стоящая рядом с девушкой, чуть позади, и

обнимавшая ее за плечи… третьим был он сам.

И где-то совсем рядом — смех, который не был смехом.

Молли он больше не видел.

Граф Ноль
(роман)

Quiero hacer contigo
la que la primavera
hace con los cerezos.

Неруда[25]

COUNT ZERO INTERRUPT
(ПРЕРЫВАНИЕ НА СЧЕТ НОЛЬ) —
Чтобы прервать работу программы,
сбросьте счетчик до нуля.

Примечание автора

Лихие ковбои компьютерных сетей потрошат секретные базы данных. Транснациональные корпорации ведут скрытые войны за обладание гениальными учёными. Миллиардер, обитающий

---

[25] Примечания: 25

Хочу сотворить с тобою то, что весна сотворяет с дикой вишней в лесу *(исп.). Перевод П. Грушко.*

в смоделированном рае, охотится за произведениями искусства, чей творец неизвестен. А жрецы культа вуду в поисках своих богов берут на вооружение самые передовые технологии...

Это — будущее, которое уже на пороге.

Глава 1

Отлично налаженный механизм[26]

«Собаку-хлопушку», предварительно натасканную на его феромоны и цвет волос, Тернеру посадили на хвост в Нью-Дели. Она достала его на улице под названием Чандни-Чоук[27], проползла на брюхе к арендованному им «БМВ» сквозь лес коричневых голых ног и колес велорикш. «Собака» была начинена килограммом кристаллического гексогена, перемешанного с тротиловой стружкой.

Тернер не видел ее приближения. Последнее, что он помнит об Индии, — розовая штукатурка дворца под названием «Отель Кхуш-Ойл».

Поскольку у него был хороший агент, у него был хороший контракт. Поскольку у него был хороший контракт, то буквально час спустя по-

---

[26] Примечания: 26

«Smooth Running Gun» — из песни Вуди Гатри «East Texas Red» («I always seen East Texas Red sporting his smooth running gun» — «Рыжий из Восточного Техаса никогда не расставался со своим безотказным стволом»), написанной в 1945 г.

[27] Примечания: 27

Чандни-Чоук — торговая улица в Дели, крупнейший рынок Индии, открытый в середине XVII в.

сле взрыва он уже был в Сингапуре. По крайней мере, большей своей частью. Хирургу-голландцу нравилось шутить, что некий процент Тернера не вырвался из «Палам Интернэшнл»[28] первым рейсом и был вынужден провести ночь в ангаре в резервуаре жизнеобеспечения.

Голландцу и его бригаде потребовалось три месяца, чтобы собрать Тернера заново. Они клонировали для него квадратный метр кожи, вырастив ее на пластинах коллагена и полисахаридах из акульих хрящей. Глаза и гениталии купили на свободном рынке. Глаза оказались зеленые.

Большую часть этих трех месяцев Тернер провел в сгенерированном базовой памятью симстим-конструкте — в идеализированном детстве в Новой Англии предыдущего столетия. Визиты голландца представали серыми предрассветными снами, кошмарами, тускневшими, когда светлело небо за окном спальни на втором этаже, где по ночам пахло фиалками. Тринадцатилетний Тернер читал Конан Дойля при свете

---

[28] Примечания: 28

Свой роман, вышедший в 1986 г. (журнальная публикация — с января по март, книга — в марте), Гибсон писал еще до того, как делийский аэропорт Палам был переименован в Международный аэропорт имени Индиры Ганди (май 1986 г.).

шестидесятиваттной лампочки под бумажным абажуром с изображениями белоснежных парусников, мастурбировал, вдыхая запах чистых хлопковых простыней, и думал о девчонках-чирлидершах. Голландец же по-хозяйски распахивал дверку в тылу его мозга и задавал всякие разные вопросы; но утром мать звала его завтракать овсянкой и яичницей с беконом, за которыми следовал неизменный кофе с молоком и сахаром.

Однажды утром Тернер проснулся в чужой постели, у окна стоял голландец, заслоняя собой тропическую зелень и резавший глаза солнечный свет.

— Можете отправляться домой, Тернер. Мы с вами закончили. Вы теперь как новенький.

Он был как новенький. А толку? Кто ж его знает. Забрав то, что передал ему на прощание голландец, он вылетел из Сингапура. Домом ему стал «Хайятт» в ближайшем аэропорту. И в следующем за ним.

И в следующем. И в бог знает каком еще.

Он все летел и летел. Его кредитный чип — черный зеркальный прямоугольник с золотым обрезом. Люди за стойками, только завидев чип, улыбались, кивали. Распахивались и захлопывались за ним двери. Колеса отрывались от

железобетона, тут же появлялась выпивка, стол всегда был накрыт.

В Хитроу огромный ломоть памяти, отколовшийся от пустой чаши неба над аэропортом, рухнул ему на плечи. Не замедляя хода, Тернер сблевал в синюю пластмассовую урну. Оказавшись у стойки в конце коридора, он поменял билет.

На рейс в Мексику.

И проснулся под клацанье стальных корзинок по кафелю, мокрый шорох щеток… Теплое женское тело под боком.

Комната — как высокая пещера. Голый белый пластик четко отражает звук; где-то вдали, перекрывая болтовню служанок в утреннем дворе, бьется прибой. Под пальцами — мятые простыни, шершавый лен, смягченный бесчисленными стирками.

Он вспомнил солнечный свет сквозь стену из тонированного стекла. Пуэрто-Вальярта, бар в аэропорту. Двадцать метров от самолета пришлось пройти пешком, зажмурив глаза от солнца. Вспомнил дохлую летучую мышь, раскатанную в сухой лист по бетону взлетной полосы.

Вспомнил автобус, карабкающийся по горной дороге: вонь от двигателя внутреннего сгорания,

ветровое стекло, оклеенное по краю почтовыми открытками с розовыми и голубыми голограммами святых. Поднимающегося уступами ландшафта он не замечал, увлеченный шариком из розового люцита, в сердцевине которого нервно танцевала ртуть. Шар чуть крупнее бейсбольного мяча увенчивал стальной рычаг переключения скоростей. В дутой полости сферы, до половины наполненной шариками ртути, скорчился паук. Ртуть подпрыгивала и перекатывалась, когда водитель лихо заворачивал автобус по серпантину, качалась и подрагивала на прямых отрезках дороги. Набалдашник был самоделкой, нелепой и зловещей; он был здесь, чтобы сказать: «Добро пожаловать в Мексику».

Среди десятка-полутора выданных голландцем микрософтов был один, который позволил бы Тернеру сравнительно бегло говорить по-испански. Но в Вальярте он, нащупав выступ за левым ухом, вместо софта вставил заглушку от пыли, спрятав разъем и коннектор за квадратиком микропоры телесного цвета. У пассажира на одном из задних кресел автобуса было радио. В звенящие поп-мотивы периодически врывался голос диктора, чтобы продекламировать, как литанию, цепочки десятизначных чисел — «сегодняшние

победители в национальной лотерее!».

Женщина рядом с ним шевельнулась во сне.

Тернер приподнялся на локте, чтобы взглянуть на нее. Лицо незнакомое, но не из тех, к каким приучила его кочевая гостиничная жизнь. Он ожидал увидеть банальную красотку, порождение дешевой пластической хирургии и безжалостного дарвинизма моды, архетип, сварганенный из сотен популярных экранных лиц за последние пять лет.

Что-то от Среднего Запада в линии нижней челюсти, что-то архаичное и очень американское. Бедро прикрыто складками голубой простыни. Сквозь деревянные жалюзи косо падает солнечный свет, расчерчивая ее длинные ноги золотыми диагоналями. Лица, рядом с которыми он просыпался в гостиницах мира, были как украшение на автомобильном капоте самого Господа. Спящие женские лица, одинаковые и одинокие, обнаженные, устремленные в пустоту. Но это лицо было иным. Почему-то оно уже соотносилось с неким смыслом. Смыслом и именем.

Он сел, спустив ноги с кровати. Подошвы зарегистрировали на холодной плитке дробь песчинок с пляжа. Стоял слабый всепроникающий запах инсектицидов. Голый, с болезненно

пульсирующей головой, Тернер встал. Заставил ноги передвигаться. Пошел, толкнул одну из двух дверей, обнаружил за ней белый кафель, снова белую штукатурку, грушу хромированной головки душа, свисающую с железной трубы, покрытой пятнами ржавчины. Из кранов над раковиной сочились одинаковые струйки теплой, как кровь, воды. Возле пластикового стаканчика лежали антикварные наручные часы, механический «ролекс» на светлом кожаном ремешке.

В забранных ставнями окнах ванной отсутствовали стекла, зато их затягивала мелкая сетка из зеленой пластмассы. Выглянув в щелку между деревянными планками, Тернер поморщился от резкого жаркого солнца, увидел пересохший фонтан, выложенный плиткой в цветочек, и ржавый остов «фольксвагена» модели «рэббит».

Эллисон. Вот как ее зовут.

На ней были поношенные шорты цвета хаки и его белая футболка. Ноги — дочерна загорелые. Запястье обвивал ремешок из свиной кожи, на ремешке — механический «ролекс» в тусклом корпусе из нержавеющей стали. Они отправились погулять вдоль изгиба пляжа по направлению к Барре-де-Навидад, держась линии прибоя с узкой полоской плотного мокрого песка.

У них уже была общая история: он помнил ее этим утром у стойки в маленьком, с железной крышей меркадо. Помнил, как она обеими руками держала огромную глиняную кружку с дымящимся кофе. А он, тортильей подбирая сальсу и яичницу с потрескавшейся белой тарелки, смотрел, как мухи кружат в пальцах солнечного света, пробивающегося сквозь лоскутное одеяло тени, накинутое пальмовыми листьями и рифлеными стенами кафе. Невнятный разговор о ее работе в адвокатской конторе в Лос-Анджелесе, о том, как она живет одна в каком-то из ветхих понтонных городков, стоящих на приколе за Редондо. Он, кажется, сказал, что занимается кадрами. Так или иначе, когда-то занимался.

— Может, подыщу себе какую-нибудь другую работу…

Но разговор казался вторичным по сравнению с тем, что возникло между ними. Вот над их головами, паря в бризе, зависла птица-фрегат, скользнула в сторону, развернулась и исчезла. Оба вздрогнули от такой свободы, от бездумного птичьего скольжения. Эллисон сжала его руку.

По пляжу, приближаясь к ним, вышагивала синяя фигура — военный полицейский направлялся в город, сияющие черные сапоги казались

нереальными на фоне пастельных красок пляжа. Когда полицейский с темным и неподвижным лицом под зеркальными очками проходил мимо, Тернер заметил лазерный карабин «стайнер-оптик» с прицелом «фабрик-насьональ». Синяя гимнастерка была безупречно отглажена, стрелки брюк жестки и остры, как лезвие ножа.

Большую часть своей взрослой жизни Тернер, хотя никогда и не носил мундира, был солдатом. Солдатом удачи. Наемником. Его работодатели — огромные корпорации, втайне воюющие между собой за контроль над мировой экономикой. Его специализация — топ-менеджеры и ведущие ученые. Транснационалы, на которых он работал, никогда не признают существование людей, подобных Тернеру…

— Прошлой ночью ты оприходовал почти всю бутылку «Эррадуры», — сказала женщина.

Тернер кивнул. Ее рука в его ладони была сухой и теплой. Он смотрел, как Эллисон ставит ногу на песок, как раздвигаются при этом пальцы. Розовый лак на ногтях совсем облупился.

Накатили буруны с прозрачной, как зеленое стекло, кромкой.

На загорелой коже Эллисон мелкими бусинами осела водяная пыль.

После того первого дня вместе жизнь вошла в простую колею. Они завтракали в меркадо за бетонной стойкой, вытертой до гладкости полированного мрамора. Утро проводили купаясь, пока солнце не загоняло их назад в защищенную ставнями прохладу гостиницы, где они занимались любовью под медленно кружащими лопастями деревянного вентилятора, потом спали. Под вечер отправлялись обследовать путаницу узких улочек позади авениды или уходили к холмам. Обедали на верандах ресторанов с видом на пляж и пили вино в патио белых гостиниц. В волнах прибоя качался лунный свет.

И постепенно, без слов, она научила его новому виду страсти. Он привык к тому, чтобы его обслуживали, к безликому сервису умелых профессионалок. Теперь же, в белой пещере комнаты, он стоял на коленях на плитке пола. Опуская голову, ласкал ее языком; тихоокеанская соль смешивалась с ее собственной влагой, внутренняя поверхность бедер, прижатая к его щекам, была прохладной. Покачивая ладонями ее бедра, он сжимал их, поднимал как чашу, плотно прижимаясь губами, пока язык его искал локус, точку, частоту, которая приведет ее к дому. Потом с усмешкой забирался сверху, входил и

искал собственную дорогу к дому же.

А иногда, после, он говорил — и долгие разворачивающиеся спирали расплывчатого рассказа вплетались в шум моря. Эллисон говорила очень немного, но он научился ценить то малое, что она говорила. И всегда она обнимала его. И слушала.

Прошла неделя, за ней другая. В их последний день вместе Тернер проснулся в той же прохладной комнате, увидел Эллисон рядом. За завтраком ему почудилось, что он уловил в ней перемену, какую-то непривычную напряженность.

Они загорали, плавали, и в знакомой постели он забыл о смутном привкусе беспокойства.

Под вечер Эллисон предложила пойти погулять по пляжу к Барре, как они ходили в то первое утро.

Тернер извлек из разъема за ухом заглушку и вставил «занозу» микрософта. Структура испанского языка опустилась сквозь него, как стеклянная башня, невидимые ворота распахнулись в настоящее и будущее, в условное и предпрошедшее. Оставив ее в комнате, он пересек авениду и вошел на рынок. Купил соломенную корзинку, несколько банок холодного пива «Карта бланка», сэндвичи и фрукты. По дороге назад взял у торговца на авениде новую пару солнечных очков.

Его загар был теперь коричневым и ровным. Угловатые заплаты, оставшиеся после пересадки ткани, исчезли, а Эллисон научила его единству тела. По утрам, встречая в зеркале в ванной взгляд зеленых глаз, он наконец уверовал в то, что они его собственные. Да и голландец перестал тревожить его сны дурацкими шутками и сухим кашлем. И все же временами ему снилась Индия, страна, которую он едва успел узнать. Индия, разлетевшаяся вдребезги яркими осколками: улица Чандни-Чоук, запах пыли и жареных лепешек.

Стены полуразвалившегося отеля стояли на четверти пути к Барре, если идти вдоль дуги залива. Прибой здесь был сильнее, и каждая волна разбивалась маленьким взрывом.

Сейчас Эллисон тянула его к этому отелю. В уголках ее глаз появилось что-то новое, какая-то натянутость. Чайки разлетелись врассыпную, когда они рука об руку вышли на пляж, чтобы заглянуть в тень за пустым дверным проемом. Песок под фундаментом просел, и фасад обвалился, оставив перекрытия этажей свисать огромными полотнищами на погнутых ржавых сухожилиях. На каждом перекрытии пол был выстлан другим узором разноцветной плитки.

«ГОСТИНИЦА «PLAYA DEL M.»» — заглавные

буквы были выложены будто рукой ребенка — морскими ракушками, вдавленными в бетонную арку.

— Мар[29], — сказал он, заканчивая слово, хотя и вынул уже микрософт.

— Все кончено, — сказала она, входя в тень арки.

— Что кончено?

Он вошел следом; плетеная корзинка терлась о бедро. Песок здесь был холодным, сухим и рассыпался под ногами.

— Кончено. С этим местом покончено. Здесь нет ни времени, ни будущего.

Он недоуменно уставился на нее, потом перевел взгляд туда, где у стыка двух осыпающихся стен переплелись ржавые кроватные пружины.

— Мочой пахнет, — сказал он. — Пошли купаться.

Море смыло озноб, но между ними теперь повисла какая-то отстраненность. Они сидели на одеяле из комнаты Тернера и молча ели. Тень от развалин медленно удлинялась. Ветер играл выгоревшими на солнце волосами Эллисон.

— Глядя на тебя, я думаю о лошадях, — сказал

---

[29] Примечания: 29
Playa del mar *(исп.)* — морской пляж.

он наконец.

— Ну, — проговорила она, будто из глубин усталости, — они только тридцать лет как вымерли.

— Нет, — сказал он, — их волосы. Волосы у них на шеях, когда лошади бегут.

— Гривы, — сказала она, на глазах у нее выступили слезы. — Сволочи. — Эллисон сделала глубокий вдох. Отбросила на песок пустую банку из-под «Карта бланка». — Они, я — какая разница? — Ее руки снова обняли его плечи. — Ну давай же, Тернер. Давай.

И когда она ложилась на спину, утягивая его за собой, он заметил что-то — кораблик, превращенный расстоянием в белую черточку дефиса, — там, где вода соприкасалась с небом. Садясь на одеяле, чтобы натянуть обрезанные джинсы, Тернер увидел яхту. Теперь суденышко было гораздо ближе, грациозная запятая белой палубы легко скользила по воде. Глубокой воде. Судя по силе прибоя, пляж, очевидно, обрывался здесь почти вертикально. Вот почему череда гостиниц кончалась там, где она кончалась, в нескольких километрах от этого места, и вот почему руины не устояли. Волны подточили фундамент.

— Дай мне корзинку.

Она застегивала пуговицы блузки. Эту блузку он купил ей в одной из усталых лавчонок на авениде. Мексиканский хлопок цвета электрик, плохо обработанный. Одежда, которую они брали в местных магазинах, редко протягивала дольше одного-двух дней.

— Я сказал, дай мне корзинку.

Дала. Он покопался среди остатков их ужина, под пластиковым пакетом с ломтиками ананаса, вымоченными в лимонной цедре и присыпанными кайенским перцем, нашел бинокль. Вытащил. Пара компактных боевых окуляров шесть на тридцать. Щелчком поднял вверх внутренние крышки с объективов и, приладив дужки, стал изучать обтекаемые иероглифы логотипа «Хосаки». Желтая надувная шлюпка обогнула корму и вырулила к пляжу.

— Тернер, я…

— Вставай, — сказал он, заталкивая одеяло и ее полотенце в корзинку.

Вынул последнюю, уже теплую банку «Карта бланка», положил ее рядом с биноклем. Встал и, рывком подняв Эллисон на ноги, насильно всунул ей в руки корзинку.

— Возможно, я ошибаюсь, — сказал Тернер. — Но если нет, то уноси ноги, беги что есть сил.

Свернешь к тем, дальним пальмам. — Он указал куда-то в сторону. — В гостиницу не возвращайся. Садись на автобус до Мансанильо или Вальярты. Поезжай домой.

До него уже доносилось мурлыканье мотора.

Из глаз ее потекли слезы, но беззвучно. Эллисон крутнулась на пятках и побежала мимо развалин, вцепившись в корзинку, спотыкаясь на разъезжающемся песке. И ни разу не обернулась.

Тернер снова уставился на яхту. Надувная шлюпка уже прыгала по волнам прибоя. Яхта называлась «Цусима», и в последний раз он видел ее в Хиросимском заливе. Но тогда он стоял на ее палубе и смотрел на красные ворота синтоистского храма в Ицукусиме.

Зачем бинокль, если и так ясно, что пассажиром шлюпки окажется Конрой, старший над ниндзями «Хосаки». Скрестив по-турецки ноги, Тернер сел на остывающий песок и открыл свою последнюю банку мексиканского пива.

Тернер не отрываясь глядел вдаль на череду белых гостиниц, руки неподвижно лежали на тиковых перилах «Цусимы». За гостиницами горели три голограммы городка — «Banamex», «Aeronaves» и шестиметровая Богородица местного собора.

Конрой стоял рядом.

— Срочная работа, — сказал наконец Конрой. — Сам знаешь, как это бывает.

Голос Конроя был плоским и безжизненным, будто в подражание дешевому аудиочипу. Лицо — широкое и белое, мертвенно-белое. Черные круги, мешки под глазами и грива выбеленных, зачесанных назад волос. На Конрое была черная рубашка поло и черные брюки.

— Пошли внутрь, — поворачиваясь, сказал он.

Тернер безучастно последовал за ним, пригнувшись, чтобы войти в дверь каюты. Белые ширмы, светлая сосновая обшивка — строгий шик токийских корпораций.

Конрой уселся на низкий прямоугольный пуф из синевато-серой искусственной замши. Тернер остался стоять, руки расслабленно висят по бокам; между ним и Конроем — стол. Конрой взял со стола серебряный, с насечками, ингалятор.

— Дохнешь усилитель холина?

— Нет.

Вставив ингалятор в ноздрю, Конрой затянулся.

— Хочешь суси? — Он отставил ингалятор на стол. — С час назад мы поймали пару окуней.

Тернер не шевельнулся, по-прежнему в упор

глядя на Конроя.

— Кристофер Митчелл, — негромко произнес Конрой. — «Маас-Биолабс». Руководитель их гибридомного[30] проекта. Он переходит в «Хосаку».

— Никогда о нем не слышал.

— Так я тебе и поверил. Хочешь выпить?

Тернер покачал головой.

— Кремний — уже вчерашний день, Тернер. Митчелл — это тот самый, кто заставил работать биочипы, а «Маас» сидит на всех базовых патентах. Ну да кому я рассказываю. Митчелл — спец по моноклональным антителам. Он хочет выбраться. Ты и я, Тернер, мы с тобой должны его вытащить.

— Я думал, я в отставке, Конрой. Мне неплохо отдыхалось.

— Именно это и сказал консилиум психиатров в Токио. Ну то есть ты же пообтерся уже немного, а? Она психолог-практик, на жалованье у «Хосаки».

На бедре Тернера задергался мускул.

— Они говорят, ты готов, Тернер. После Нью-

---

[30] Примечания: 30

Гибридома — гибридная клеточная линия, производящая моноклональные антитела. В 1984 г. за открытие принципа получения моноклональных антител Мильштейн, Кёлер и Йерне получили Нобелевскую премию по медицине.

Дели они немного волновались, так что хотели лишний раз перепроверить. Заодно и какая-никакая терапия — никогда же не повредит, верно?

Глава 2

Марли

Для собеседования она надела лучший свой жакет, но в Брюсселе шел дождь, а денег на такси у нее не было. От станции «Евротранса» пришлось идти пешком.

Ладонь в кармане выходного жакета — от «Салли Стэнли», но уже год как ношенного — белым узлом скрутилась вокруг скомканного факса. Факс ей больше не нужен, адрес она запомнила, но, похоже, ей никак не выпустить бумажку, как не победить транс, который держит ее в своих тисках. Ну вот она все смотрит и смотрит в витрину дорогого магазина мужской одежды. Взгляд Марли попеременно застывает то на солидной фланелевой рубашке, то на отражении собственных темных глаз.

Нет сомнений, одни лишь эти глаза будут стоить ей работы. Даже мокрые волосы не в счет — теперь она жалела, что не позволила Андреа

их подстричь. Ведь глаза выставляли напоказ всем, кто потрудится в них заглянуть, боль и вялость, и уж это точно не укроется от герра Йозефа Вирека, наименее вероятного из возможных нанимателей.

Когда доставили факс, Марли настаивала на том, чтобы отнестись к нему как к дурной шутке — мол, просто еще один докучливый звонок. А докучали ей предостаточно, спасибо журналистам. Звонков было столько, что Андреа пришлось заказать специальную программу для телефона в своей квартире. Программа не пропускала входящие звонки с номеров, которые не были занесены в постоянную память телефона. Потому-то, уверяла Андреа, и прислали факс. Как еще с ней могли связаться?

Но Марли лишь качала головой, глубже закутываясь в старый махровый халат Андреа. С чего это вдруг Вирек, невероятно богатый коллекционер и меценат, пожелает нанять опозоренную бывшую кураторшу крохотной парижской галереи.

Тогда приходил черед Андреа качать головой в раздражении на эту новую, «опозоренную» Марли Крушкову, которая целыми днями теперь не выходила из квартиры и порой не обнаруживала в себе сил даже чтобы одеться. Попытка продать

в Париже одну-единственную подделку едва ли кому-то в новинку, что бы там ни воображала себе Марли, говорила Андреа. Не будь пресса так озабочена тем, чтобы выставить мерзкого Гнасса старым дураком, каковым он в сущности и является, продолжала она, эта история не попала бы даже в сводки новостей. Просто Гнасс был достаточно богат и буянил достаточно регулярно, чтобы сойти за скандал недели. Андреа улыбнулась:

— Не будь ты так привлекательна, о тебе бы вообще никто не вспомнил.

Марли покачала головой.

— И подделка-то пришла от Алена. Ты сама ни в чем не виновата. Забыла, что ли?

Ничего не ответив, Марли ушла в ванную, все так же кутаясь в потертый халат.

За желанием подруги утешить, хоть как-то помочь, Марли уже начинала чувствовать раздражение человека, вынужденного делить очень небольшое помещение с несчастным и не вносящим своей лепты в хозяйство гостем.

И Андреа еще пришлось одолжить ей денег на билет «Евротранса».

Мучительным усилием воли Марли вырвалась из замкнутого круга невеселых мыслей и слилась

с плотным, но степенным потоком серьезных бельгийских покупателей.

Девушка в ярких брючках в обтяжку и огромной дубленой куртке, явно с плеча своего приятеля, слегка задела ее на бегу и, шаркнув ножкой, улыбнулась вместо извинения. У следующего перекрестка Марли заметила витрину с одеждой того стиля, который сама предпочитала в студенческие годы. Одежда выглядела невероятно молодежной.

В белом спрятанном кулачке — факс.

Галерея Дюпре — рю о'Бёр, дом 14, Брюссель.

Йозеф Вирек.

Секретарша в холодной серой приемной галереи Дюпре вполне могла здесь и вырасти — очаровательное и, скорее всего, ядовитое растение, пустившее корни за плитой из полированного мрамора с утопленной в него эмалированной клавиатурой. Она подняла на приближающуюся Марли лучистые глаза. Марли тут же вообразила: щелчок фотозатвора — и вот портрет замарашки уже несется прочь в какой-нибудь дальний закоулок империи Йозефа Вирека.

— Марли Крушкова, — сказала она, борясь с желанием извлечь плотный комок факса и жалко разгладить его на холодном, безупречном мрамо-

ре. — К герру Виреку.

— Герр Вирек, к сожалению, не сможет быть сегодня в Брюсселе, фройляйн Крушкова.

Глядя, как шевелятся идеально очерченные губы, Марли испытывала одновременно боль от такого ответа и острый укол удовлетворения, с которым научилась принимать разочарование.

— Понимаю.

— Однако он решил провести собеседование посредством сенсорной связи. Будьте добры пройти в третью дверь налево…

Комната была белой и голой. Справа и слева по стенам висели картины без рам: листы чего-то похожего на вымокший под дождем картон, испещренные различной формы дырками. *Katatonenkunst*[31]. Консервативно. Такие работы продают обычно безликому комитету по закупке, присланному советом директоров какого-нибудь голландского коммерческого банка.

Она села на низкую, обитую кожей банкетку и наконец позволила себе выпустить из руки факс. Она была одна в комнате, но предположила, что за ней каким-то образом наблюдают.

---

[31] Примечания: 31

Искусство кататоников *(нем.)*. Термин, предложенный австрийским художником-абстракционистом Арнульфом Райнером (р. 1929), в 1960-е гг. близким к радикальному движению венского акционизма.

— Фройляйн Крушкова. — Молодой человек в темно-зеленом рабочем халате техника стоял в дверном проеме напротив той двери, через которую вошла она. — Через минуту, пожалуйста, пересеките комнату и войдите в эту дверь. Прошу вас взяться за ручку плотно и не спеша, чтобы обеспечить максимальный контакт металла с кожей вашей ладони. Затем осторожно переступите через порог. Пространственная дезориентация должна быть минимальной.

— Прошу проще… — Марли моргнула.

— Сенсорная связь, — сказал техник и удалился. Дверь за ним бесшумно закрылась.

Марли встала, подергала размокшие лацканы жакета в надежде придать им форму, коснулась волос, но передумала и, глубоко вздохнув, шагнула к двери. Фраза секретаря подготовила ее только к тому виду сенсорной связи, о котором она знала, — симстим-сигналу, переправляемому через «Белл-Европу». Она думала, ей придется надеть шлем с впаянными дерматродами, а Вирек воспользуется пассивным зрителем как живой видеокамерой.

Но размеры состояния Вирека позволяли нечто качественно иное.

Когда ее пальцы сомкнулись на медной двер-

ной ручке, та словно бы конвульсивно выгнулась, в первую секунду контакта проскользив по тактильному спектру текстуры и температуры тканей.

Потом ручка вновь стала металлической… железяка, выкрашенная зеленой краской… чугун, уходящий вниз и вдаль, к линии горизонта… превратилась в старые перила, за которые Марли теперь ошарашенно цеплялась.

В лицо ей бросило несколько капель дождя.

Запах дождя и влажной земли.

Калейдоскоп мелких деталей, собственные воспоминания о пьяном пикнике студентов факультета искусств накладываются на совершенную иллюзию Вирека.

Ни с чем не спутаешь эту раскинувшуюся сейчас под ней панораму Барселоны с ее окутанными дымкой вычурными шпилями собора Святого Семейства. Борясь с головокружением, Марли схватилась за перила и второй рукой. Она же знает это место. Она — в парке Гуэля, пряной сказочной стране, созданной архитектором Антонио Гауди на голом склоне сразу за центром города. Слева от нее, так и не соскользнув по скату расколовшегося валуна, застыла гигантская ящерица. Безумный узор прожилок на обливной керамике

кожи. Струйки воды из улыбки-фонтана орошали клумбу поникших цветов.

— Вы растеряны. Прошу прощения.

Йозеф Вирек расположился на одной из волнисто-змеевидных парковых скамеек террасой ниже Марли, его широкие плечи прятались под мягкой крылаткой.

Черты этого лица были смутно знакомы Марли всю ее жизнь. Теперь ей почему-то вспомнилась фотография, на которой коллекционер позировал рядом с английским королем. Вирек улыбнулся. Крупная голова великолепной формы, высокий лоб под щеткой жестких темно-седых волос. Ноздри неизменно раздуты, как будто он вечно принюхивается к неведомым ветрам искусства и коммерции. Взгляд бледно-голубых глаз, очень больших за стеклами круглых, без оправы, очков, за прошедшие десятилетия ставших как бы визитной карточкой его империи, оказался неожиданно мягким.

— Пожалуйста. — Узкая рука похлопала по беспорядочной мозаике из глиняных черепков. — Вы должны простить меня за то, что я так полагаюсь на технику. Вот уже более десяти лет я пребываю в резервуаре жизнеобеспечения в каком-то кошмарном промышленном пригороде Стокгольма.

А может, и преисподней. Я не слишком здоровый человек, Марли. Присаживайтесь рядом.

Сделав глубокий вдох, Марли спустилась по каменным ступеням и зашагала по булыжнику.

— Герр Вирек, — запинаясь, начала она, — я была на вашей лекции в Мюнхене, два года назад. Критика Фесслера и его *autistiches Theater*[32]. Вы тогда казались здоровым…

— Фесслер? — Вирек сморщил загорелый лоб. — Вы видели двойника. А может, голограмму. От моего имени, Марли, творится многое. Различные части моего состояния со временем приобрели автономность; порой они даже борются друг с другом. Так сказать, бунт на финансовых окраинах. Однако по ряду причин, настолько сложных, что как бы уже из области оккультного, факт моей болезни никогда не оглашался.

Присев рядом с ним на скамейку, Марли уставилась на грязный булыжник между стоптанными каблуками своих черных парижских ботинок. Увидела осколок бледного камешка, ржавую скрепку, пыльный трупик не то пчелы, не то трутня…

— Это… эта модель поразительно детальна…

---

[32] Примечания: 32
Аутистического театра *(нем.)*.

— Да, — отозвался Вирек, — новые «маасовские» биочипы. Имейте в виду, — продолжал он, — что мое знание вашей частной жизни почти столь же детально. В некотором смысле я знаю о вас чуть ли не больше, чем вы сами.

— Да?

Гораздо проще, как она обнаружила, было сосредоточиться на городе, выискивая вехи, запомнившиеся за дюжину студенческих каникул. Вон там, именно там, должна быть пешеходная улица Рамбла: цветы и попугаи, таверны с темным пивом и жареными кальмарами.

— Да. Я знаю, это любовник убедил вас, будто вы отыскали потерянный оригинал Корнелла…[33]

Марли зажмурила глаза.

— Он заказал подделку, наняв двух талантливых студентов Академии художеств и известного историка, который испытывал определенные личные затруднения… Он заплатил им деньгами, которые снял со счета вашей же галереи, о чем вы, без сомнения, уже и сами догадались. Вы плачете…

---

[33] Примечания: 33

Корнелл, Джозеф (1903–1972) — американский художник и скульптор, мастер ассамбляжа — коллажа из «найденных предметов». Прославился после коллективной выставки «Искусство ассамбляжа» в Нью-Йоркском музее современного искусства (1961), где его ящичкам, напоминающим детские «секреты», был посвящен отдельный зал.

Марли кивнула. Холодный указательный палец постучал по ее запястью.

— Я купил Гнасса. Я откупился от полиции. Пресса же не стоила того, чтобы ее покупать; она редко этого стоит. А теперь ваша, быть может, несколько скандальная репутация может сыграть вам на руку.

— Герр Вирек, я…

— Одну минуту. Пако! Подойди ко мне, дитя.

Открыв глаза, Марли увидела мальчика лет, наверное, шести, облаченного в темный пиджачок и штанишки до колен, светлые носки, высокие шнурованные ботинки. Каштановые волосы мягким крылом падали ему на лоб. Мальчик что-то держал в руках, какой-то ящичек или шкатулку.

— Гауди начал создавать этот парк в одна тысяча девятисотом году, — сказал Вирек. — Пако носит костюм того периода. Подойди сюда, мой мальчик. Покажи нам свое чудо.

— Сеньор, — пролепетал Пако и, с поклоном шагнув вперед, предъявил то, что держал в руках.

Марли могла только смотреть. Простой деревянный ящичек, стекло на месте передней стенки. Предметы…

— Корнелл, — выдохнула она, позабыв о своих

слезах. — Корнелл? — повернулась она к Виреку.

— Конечно же нет. Видите — в обломок кости вставлен биомонитор «Браун»? Перед вами — шедевр нашего современника.

— Так, значит, есть еще? Есть и другие шкатулки?

— Я нашел их семь. В течение последних трех лет. Видите ли, «Коллекция Вирека» — это нечто вроде черной дыры. Неестественный удельный вес моего состояния безудержно притягивает редчайшие творения человеческого духа. Процесс, по сути своей, автономный, и в обычных обстоятельствах я не проявляю к нему особого интереса…

Но Марли погрузилась в шкатулку, в пробуждаемое ею ощущение невероятного расстояния, потери и томления по чему-то неведомому и недостижимому. Шкатулка казалась и мрачной, и нежной, и почему-то детской. Она заключала в себе семь предметов.

Тонкая флейта из полой кости — конечно же, созданной для полета, конечно же, из крыла какой-то большой птицы. Три архаичные микросхемы — как крохотные лабиринты золотых нитей. Гладкий белый шар обожженной глины. Почерневший от времени обрывок кружева.

Сегмент длиной в палец… вероятно, кость из человеческого запястья, серовато-белая, с выступающим над ней кремниевым стержнем какого-то маленького прибора, головка которого некогда была утоплена в кожу, но лицевая панелька спеклась, обгорела.

Шкатулка казалась целой вселенной, поэмой, застывшей на дальнем рубеже человеческого опыта.

— *Gracias*, Пако.

Шкатулка и мальчик исчезли.

Марли охнула.

— Ах да, прошу прощения. Я забыл, что подобные переходы для вас слишком резки. Теперь, однако, мы должны обсудить ваше задание…

— Герр Вирек, — прервала его Марли, — что такое Пако?

— Подпрограмма.

— Понимаю.

— Я нанял вас для того, чтобы вы нашли создателя этой шкатулки.

— Но, герр Вирек, с вашими ресурсами…

— К которым теперь относитесь и вы, дитя мое. Или вы не хотите получить работу? Когда история о том, как Гнассу всучили поддельного Корнелла, попала в поле моего зрения, я по-

нял, насколько вы можете быть полезны мне в этом деле. — Он пожал плечами. — Поверьте, я обладаю определенным талантом добиваться желаемого результата.

— Конечно, герр Вирек! Я хочу работать!

— Прекрасно. Вам будет выплачиваться понедельный оклад. Вам будет также предоставлен доступ к определенным кредитным линиям, хотя если вам потребуется приобрести, скажем, недвижимое имущество…

— Недвижимость?

— Или корпорацию, или космическое судно, — в этом случае вы обратитесь ко мне за опосредованным подтверждением ваших полномочий. Которое вы, с почти полной уверенностью можно утверждать, получите. А в остальном я предоставляю вам полную свободу. Однако предлагаю вам действовать на том уровне, который для вас привычен. Иначе вы рискуете потерять чутье, а интуиция в подобном случае имеет решающее значение. — Еще раз для нее вспыхнула знаменитая на весь мир улыбка.

Марли сделала глубокий вдох:

— Герр Вирек, что, если я не справлюсь? Сколько у меня времени на то, чтобы найти этого художника?

— Остаток жизни, — последовало в ответ.

— Простите меня, — к ужасу своему, услышала Марли собственный голос, — но, насколько я понимаю, вы сказали, что живете в… в резервуаре?

— Да, Марли. И из этой довольно ограниченной временной перспективы я советовал бы вам стремиться ежечасно жить в собственной плоти. Не в прошлом, если вы понимаете, о чем я. Говорю как человек, не способный более выносить это простое состояние, поскольку клетки моего тела донкихотски предпочли отправиться каждая своим путем. Полагаю, кому-нибудь более счастливому или менее богатому позволили бы в конце концов умереть или закодировали бы его сознание в память какого-нибудь компьютера. Но я, похоже, скован византийским хитросплетением механизмов и обстоятельств, что, по самым приблизительным прикидкам, требует примерно одной десятой части моего годового дохода. И наверное, превращает меня в самого дорогостоящего инвалида мира. Я был тронут вашими сердечными делами, Марли, и завидую той упорядоченной плоти, в которой они происходят.

Взглянув — на мгновение, не более — прямо в эти мягкие голубые глаза, Марли вдруг с инстинктивной уверенностью простого млекопитающего

осознала, что исключительно богатые люди давно переступили ту черту, которая отделяет человека от чего-то иного…

Крыло ночи накрыло небо Барселоны, как судорога бескрайней, медленно смыкающейся диафрагмы, и Вирек с парком Гуэля исчезли, а Марли обнаружила, что вновь сидит на низкой кожаной банкетке и смотрит на рваные листы грязного картона.

Глава 3

Бобби влип, как вильсон

Простая это штука — смерть. Теперь-то он понял: она просто приходит. Чуть оскользнешься — и она уже здесь, что-то холодное, без запаха, вздувается изо всех четырех углов этой дурацкой комнаты — гостиной его матери в Барритауне.

«Вот ведь дерьмо, — думал он. — Дважды-в-День животики надорвет от смеха: впервые вышел на дело — и тут же влип, как вильсон».

Единственным звуком в комнате был слабый ровный гул — это вибрируют его зубы. Обратная связь ультразвуковым параличом разъедает нервную систему. Он глядит на свою руку, дро-

жащую в нескольких сантиметрах над красной пластмассовой кнопкой, которая могла бы разорвать убивающий его коннект.

Вот дерьмо.

Он пришел домой — и сразу за дело. Загнал кассетку с только что арендованным у Дважды-в-День ледорубом и подключился. Набрал код базы, которую Дважды-в-День для него и наметил; первая в жизни Бобби реальная цель. Вроде так это все и делается: хочешь сделать — и делаешь. Эта маленькая дека «Оно-Сэндай» была у него не более месяца, но он уже знал, что хочет стать кем-то большим, нежели мелкий барритаунский хотдоггер. Бобби Ньюмарк, он же Счет Ноль — или Граф Ноль, кому как больше нравится[34], — но теперь все кончено. Кино никогда не кончается так, чтобы на первой же сцене. В кино всегда вбегает девушка ковбоя или, скажем, напарник, срывает дерматроды и бьет по вот этому маленькому красному «СТОП».

Но Бобби сейчас один; его центральная нервная система подавлена защитной программой базы данных за три тысячи километров от Барритауна, и он это знает. И какая-то магическая

---

[34] Примечания: 34

Игра слов: английское «count» имеет целый ряд значений, в том числе «счет» и «граф».

химия посреди зловещей, обволакивающей тьмы позволяет ему ощутить всю бесконечную желанность этой комнаты с ее ковром цвета ковра и занавесками цвета занавесок, с продавленной софой из темперлона, с угловатым хромированным стеллажом, на котором стоят компоненты старенького, шестилетней давности, развлекательного модуля «Хитачи».

Он ведь так тщательно задергивал занавески, готовясь к своему первому рейду, а теперь, как это ни странно, все равно видит сквозь них. Видит, как вздымается бетонная волна барритауновских кондо, чтобы разбиться о темные башни Новостроек. Волна щетинится тончайшим ворсом простых и спутниковых антенн, с натянутыми между ними бельевыми веревками. Мать любила разоряться по этому поводу: у нее была собственная сушилка. Он вспомнил побелевшие костяшки ее пальцев на крашенных под бронзу перилах балкона, сухие морщинки на сгибе кисти. Вспомнил, как несли с Большой Площадки мертвого парня на металлических носилках… труп завернут в пластик одного цвета с полицейской машиной. Упал и разбил голову. Упал. Голова садовая. Вильсон.

Сердце остановилось. Бобби показалось, что

оно вдруг просто упало на бок и отбросило копыта, как какой-нибудь зверек в мультфильме.

Шестнадцать секунд смерти Бобби Ньюмарка. Его хотдоггерской смерти.

И тут *вклинилось* что-то. Ощущение запредельных пространств. Что-то огромное пришло из-за самого дальнего предела — мира, чувств, всего, что можно познать или вообразить. И это нечто коснулось его.

::: ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ? ПОЧЕМУ ОНИ ДЕЛАЮТ ЭТО С ТОБОЙ?

Девчоночий голос, каштановые волосы, темные глаза…

: УБИВАЕТ МЕНЯ, УБИВАЕТ МЕНЯ, УБЕРИ ЭТО, УБЕРИ.

Темные глаза, пустынные звезды, девичьи волосы…

::: НО ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ТРЮК, РАЗВЕ НЕ ВИДИШЬ? ТЕБЕ ТОЛЬКО КАЖЕТСЯ, ЧТО ТЕБЯ ПОЙМАЛИ. СМОТРИ: ВОТ Я ВЛИВАЮСЬ, И НЕТ НИКАКОЙ ПЕТЛИ.

И сердце перекатилось, встало на место и своими мультяшными ножками отфутболило наверх недавний обед. Спазмом отрубленной лягушачьей лапки его выбросило из кресла, падение сорвало со лба троды. Голова Бобби врубилась в

угол «Хитачи», мочевой пузырь опорожнился, и кто-то все твердил «матьматьмать» в пыльный запах ковра. Девчоночий голос пропал, никаких пустынных звезд, короткой вспышкой — ощущение холодного ветра и подточенного водой камня…

Тут голова его взорвалась. Он увидел это очень ясно, откуда-то из далекого далека. Как взрыв фосфорной гранаты.

Белый

Свет.

Глава 4

Вахту принял

Черная «хонда» зависла в двадцати метрах над восьмиугольной палубой заброшенной нефтяной платформы. Светало, и Тернер различил поблекшие контуры трилистников химической опасности, маркирующих посадочную площадку.

— У вас тут биозараза, Конрой?

— Только та, к какой ты давно привык.

Фигура в красном комбинезоне, размахивая посадочными жезлами, подавала сигналы пи-

лоту «хонды». Когда они садились, вихрь от пропеллеров сбросил в море обрывки упаковки, засорявшие кое-где палубу. Конрой хлопнул по застежке пристежных ремней и перегнулся через Тернера, чтобы открыть люк. Откинулась крышка, их оглушил рев моторов. Конрой толкнул Тернера в плечо и требовательно поднял несколько раз руку ладонью вверх, потом указал на пилота.

Тернер выбрался наружу и спрыгнул; над головой, сливаясь в расплывчатый диск, оглушительно ревел несущий винт. Через пару секунд рядом в полуприседе возник Конрой. По-крабьи, на полусогнутых, как обычно перемещаются на вертолетных площадках, они миновали поблекшие знаки-трилистники. На поднятом «хондой» ветру штанины полоскались у коленей. Тернер нес неприметный серый чемодан, отлитый из баллистического пластика, — свой единственный багаж. Кто-то в гостинице успел упаковать его вещи, и на «Цусиме» его уже ждал чемодан. Внезапное изменение в звуке моторов сказало ему, что «хонда» поднимается. С погашенными огнями она, завывая, ушла назад к побережью. В наступившей тишине стали слышны крики чаек, шорох и хлюпанье тихоокеанских волн.

— Здесь когда-то пытались создать убежище данных, — сказал Конрой. — Нейтральные воды. В те времена никто еще не жил на орбите, так что какое-то время это имело смысл… — Он направился к ржавому лесу балок, поддерживавших надстройку платформы. — «Хосака» предложила свой сценарий: мы привозим Митчелла сюда, чистим, грузим на «Цусиму» — и на всех парах в старушку Японию. Я сказал им: об этом дерьме и думать забудьте. В «Маасе» тоже не дураки сидят и, если прознают чего, могут навалиться на эту посудину всем чем угодно. Я сказал им: исследовательский центр, который вы сбацали в Мехико, — это самое оно, верно? Все-таки там у «Мааса» руки хоть немного связаны, в самом центре долбаной столицы…

Из тени выступила какая-то фигура, лицо ее было обезображено выпученными линзами оптического прибора. Фигура приветливо помахала им тупыми дулами многоствольного игольника системы Лэнсинга.

— Биозараза, — сказал Конрой, когда они протискивались мимо. — Тут пригни голову. И поосторожнее, ступеньки скользкие.

На платформе пахло ржавчиной, морем и заброшенностью. Окон тут не было. Обесцветившиеся

стены испещрены расползающимися язвами ржавчины. Через каждые несколько метров с балок над головой свисали флюоресцентные фонари на батарейках, отбрасывая жутковатый зеленый свет, одновременно резкий и ноюще неровный. В центральном помещении — дюжина фигур за работой. Расслабленная точность движений хороших техов. Профессионалы, подумал Тернер: взглядами обмениваются редко, да и разговоров почти не слышно. Было холодно, очень холодно, и Конрой выдал ему огромную, усеянную клапанами и молниями парку.

Бородач в летной куртке с барашковым воротником закреплял серебристой лентой на погнутой переборке бухту оптоволоконного кабеля. Конрой застрял где-то сзади, заспорив шепотом с негритянкой в такой же, как на Тернере, парке. Подняв от работы глаза, бородатый тех увидел Тернера.

— Блин, — протянул он, все еще стоя на коленях, — я и сам сообразил, что дело будет важное, но к тому же, похоже, еще и жаркое.

Он встал и машинальным движением вытер руки о джинсы. Как и остальные техи, он был в хирургических перчатках из микропоры.

— Ты Тернер. — Он усмехнулся, бросил быстрый

взгляд в сторону Конроя и вытащил из кармана куртки черную пластмассовую фляжку. — Хочешь для сугрева? Ты же меня знаешь. Я работал в Марракеше, когда парень из «Ай-Би-Эм» перешел в «Мицу-Джи». Это я тогда подсоединял взрывчатку в автобусе, который вы с французом загнали в вестибюль гостиницы.

Тернер взял фляжку и, щелкнув крышкой, приложился. Бурбон. Жидкость провалилась вглубь, в желудке остро защипало, по телу растеклось тепло.

— Спасибо. — Он вернул фляжку, и тех убрал ее в карман.

— Оуки, — сказал он. — Меня зовут Оуки. Вспоминаешь?

— Конечно, — солгал Тернер. — Марракеш.

— А это «Уайлд тёрки», — сказал Оуки. — Из дьюти-фри на пересадке в Схипхоле. Твой напарник, — снова взгляд в сторону Конроя, — он не дает расслабиться, а? Я хочу сказать, не так, как в Марракеше, да?

Тернер кивнул.

— Если что понадобится, — сказал Оуки, — дай мне знать.

— Что, например?

— Еще выпить, или у меня есть перуанский

кокс, ну, знаешь, самый что ни на есть желтый. — Оуки снова ухмыльнулся.

— Спасибо, — отозвался Тернер, видя, что Конрой поворачивается к ним.

Оуки тоже это увидел и быстро присел, отрывая новый кусок серебристой ленты.

— Кто это был? — спросил Конрой, проводя Тернера через узкий дверной проем с прогнившими черными изоляционными прокладками вдоль косяков.

Конрой повернул колесо открывающего дверь механизма; колесо недавно смазали.

— Его зовут Оуки, — рассеянно ответил Тернер, оглядывая новое помещение, поменьше.

Два фонаря, складные столы, стулья — все новенькое. На столах — какие-то приборы под черными пылезащитными колпаками из пластика.

— Твой друг?

— Нет, — ответил Тернер. — Работал как-то на меня. — Подойдя к ближайшему столу, он откинул один из колпаков. — Что это?

Немаркированная консоль производила впечатление полусырого фабричного прототипа.

— Киберпространственная дека «Маас-Неотек».

Тернер поднял брови:

— Ваша?

— У нас таких две. Вторая — уже на площадке. Получили от «Хосаки». Судя по всему, это самая быстрая штуковина в матрице, а «Хосака» даже не может демонтировать чипы, чтобы скопировать. Совершенно иная технология.

— Это подарок от Митчелла?

— Молчат. Но уже то, что деки вообще выпустили из рук, просто чтобы у наших жокеев был какой-то задел по скорости, показывает, насколько им нужен этот мужик.

— Кто за консолью, Конрой?

— Джейлин Слайд. Это с ней я только что говорил. — Он мотнул головой в сторону двери. — А на площадке — парнишка из Лос-Анджелеса, звать Рамирес.

— Они хороши? — Тернер вернул на место колпак.

— Да уж хотелось бы надеяться, учитывая, во сколько они нам обошлись. Джейлин за последние два года стала круче тучи, а Рамирес — ее ученик и вроде как дублер. Да блин, — Конрой пожал плечами, — ты же знаешь этих ковбоев. Психи долбаные…

— Где ты их взял? И уж если на то пошло, как

ты нашел Оуки?

Конрой улыбнулся:

— Через твоего агента.

Тернер уставился было на Конроя, потом кивнул. Повернувшись, он приподнял край следующего колпака. Чемоданчики из пластмассы и стиролона, аккуратно, но плотно расставленные по холодному металлу стола. Он коснулся синего пластмассового прямоугольника с выдавленной серебристой монограммой на крышке — «S amp;W».

— Твой агент, — сказал Конрой, когда Тернер щелкнул замком.

Револьвер покоился в литом ложе из бледно-голубого пластика; массивный барабан, короткий толстый ствол, некрасивое утолщение под ним.

— «Смит-и-вессон», тактический, калибр десять миллиметров, с ксеноновым подствольным фонарем, — добавил Конрой. — Как он сказал, это то, что тебе нужно.

Тернер взял в руку пушку и большим пальцем надавил клавишу проверки батарейки в фонаре. На орехового дерева рукояти дважды мигнул красный огонек. Тернер погладил барабан, затем вывернул его себе на ладонь.

— Патроны?

— На столе. Заряжаются вручную, головки разрывные.

Тернер отыскал прозрачный тубус из пластика янтарного цвета, открыл его левой рукой и извлек патрон.

— Почему для этого дела выбрали меня, Конрой?

Он осмотрел патрон, потом осторожно вставил его в одно из шести барабанных гнезд.

— Не знаю, — ответил Конрой. — Решили, наверное, едва только пришла весточка от Митчелла, что тебе рано еще на покой…

Тернер щелчком вогнал барабан на место и резко его крутанул.

— Я сказал: почему для этого дела выбрали меня, Конрой? — Обеими руками он поднял револьвер. Вытянул руки, целясь в лицо Конрою. — Когда смотришь в дуло такой пушке, иногда можно, если свет падает удачно, разглядеть, есть ли в стволе пуля. — (Конрой качнул головой, совсем чуть-чуть.) — Или, может быть, увидеть ее в каком-нибудь другом гнезде…

— Нет, — очень мягко отозвался Конрой, — не выйдет.

— А что, если психиатры наврали, Конрой? Что тогда?

— Нет, — повторил Конрой; лицо его оставалось совершенно пустым. — Они не наврали, и ты этого не сделаешь.

Тернер спустил курок. Ударник щелкнул в пустое гнездо. Конрой раз моргнул, открыл рот, закрыл, глядя, как Тернер опускает «смит-и-вессон». Одинокая капля пота скатилась от корней волос и потерялась в брови.

— Ну? — спросил Тернер, держа револьвер у бедра.

Конрой пожал плечами.

— Не ерунди, — сказал он.

— Я настолько им нужен?

Конрой кивнул:

— Это твое шоу, Тернер.

— Где Митчелл? — Тернер снова вывернул барабан и начал заряжать остальные гнезда.

— В Аризоне. Километрах в пятидесяти от границы с Сонорой, в исследовательском центре на вершине плато. «Маас-Биолабс, Северная Америка». Им там принадлежит все до самой границы, а само плато — «яблочко» в центре зоны, захватываемой с четырех спутников наблюдения. Мышь не проскочит.

— И как, по их мнению, мы туда попадем?

— Никак. Митчелл выбирается сам по себе. Мы

ждем его, подбираем и доставляем «Хосаке» в целости и сохранности.

Зацепив указательным пальцем расстегнутый воротник черной рубашки, Конрой вытащил сперва нейлоновый шнур, потом маленький, черный, нейлоновый же конверт с застежкой на липучке. Осторожно открыв его, он извлек какой-то предмет, который протянул на открытой ладони Тернеру.

— Взгляни. Вот что он нам прислал.

Положив пушку на ближайший стол, Тернер взял у Конроя штуковину, напоминавшую серый распухший микрософт. Один конец — цоколь стандартного нейровхода, а другой — странное округлое образование, не похожее ни на что виденное Тернером ранее.

— Что это?

— Биософт. Джейлин его уже подключала, на ее взгляд, это продукт вывода с какого-то ИскИна. Что-то вроде досье на Митчелла, с пришпиленным в конец сообщением для «Хосаки». Лучше включись сам, если хочешь быстро войти в курс дела…

Тернер поднял взгляд от серого предмета:

— Ну и как Джейлин ее попытка?

— Она сказала, что, прежде чем вставлять его,

лучше прилечь. Ей, похоже, не сильно понравилось.

В машинных снах таится особое головокружение. Тернер прилег в импровизированной спальне на девственно-чистый пласт зеленого темперлона и включился в досье. Начало — медленное, у Тернера хватило времени закрыть глаза.

Десять секунд спустя его глаза распахнулись. Он вцепился в зеленый темперлон, борясь с подступающей тошнотой. Снова закрыл глаза… Опять наплыв… мерцающий, нелинейный поток фактов и сенсорных данных, что-то вроде повествования, но смонтированного совершенно сюрреалистически. Это отдаленно напоминало американские горки, когда вагончик наугад застывает то в одной, то в другой фазе — сознание то меркнет, то резко проясняется, — а между фазами стремительные перемещения, невероятная частота колебаний, где высота, план и ракурс съемки меняются с каждым биением пустоты. Разве что перемещения эти по природе своей не имели ничего общего с физической ориентацией, а являлись скорее молниеносными сменами в парадигме и системах символов. Эта информация никогда не предназначалась для ввода человеку.

Открыв глаза, Тернер вытащил серый софт из разъема, сжал в липкой от пота ладони. Это было как проснуться от кошмара. Не того, от которого с криком подскакиваешь в постели и в котором импульсивные страхи обретают простые ужасающие формы, а другого, бесконечно более тревожащего нескончаемого сна, где все совершенно и до ужаса обыденно, и все же совершенно *неправильно*…

Подобная *интимность* вызывала отвращение и ужас. Тернер старался побороть волны резкой трансференции, напрягая всю силу воли, чтобы подавить чувство, в чем-то сходное с любовью, с одержимой собственнической нежностью, какую начинает испытывать наблюдатель к объекту продолжительного наблюдения. Он понимал, что дни или часы спустя на поверхность его сознания могут теперь всплыть мельчайшие детали научной биографии Митчелла, или это будет имя любовницы, запах ее тяжелых рыжих волос в солнечном свете сквозь…

Он рывком сел, пластиковые подметки туфель ударились о ржавую палубу. На нем все еще была парка, и лежащий в боковом кармане «смит-и-вессон» больно ударил по бедру.

Это пройдет. Психодосье Митчелла развеется,

как испаряется после каждого пользования «лексиконом» испанская грамматика. Он испытал на себе воздействие досье службы безопасности «Мааса», скомпилированное разумным компьютером, — не более того. Тернер убрал биософт в черный конвертик, разгладил большим пальцем липучку и надел на шею шнурок.

Только тут он осознал шорох волн, плещущихся о бока буровой платформы.

— Эй, босс, — сказал кто-то из-за коричневого армейского одеяла, которое загораживало вход в спальный отсек. — Конрой говорит, пора инспектировать войска. А потом вы с ним двигаете дальше. — Из-за одеяла выдвинулось бородатое лицо Оуки. — Иначе я ведь не стал бы вас будить, так?

— Я не спал, — отрезал Тернер и встал, задумчиво массируя двумя пальцами кожу вокруг вживленного разъема.

— Хреново, — посетовал Оуки. — У меня есть дермы, которые вырубают ну просто подчистую. Один час тютелька в тютельку, потом вдарить классным стимулятором, растормошит и мертвого. Без дураков…

Тернер покачал головой:

— Отведи меня к Конрою.

Глава 5

Работа

Марли сняла комнату в маленькой гостинице, где повсюду стояли зеленые растения в тяжелых медных кадках, а коридоры напоминали шахматную доску из вытертого мрамора. Лифт походил на украшенную завитушками позолоченную клетку с панелями розового дерева, от которых пахло лимонным маслом и маленькими сигарами.

Ее номер оказался на пятом этаже. Единственное высокое окно, из тех, что действительно можно было открыть, выходило на авеню. Когда ушел улыбающийся коридорный, Марли рухнула в кресло, чья плюшевая обивка приятно контрастировала с приглушенными красками бельгийского ковра. В последний раз расстегнув молнии, она скинула старые парижские сапоги, потом посмотрела на дюжину глянцевых пакетов, которые коридорный разложил на кровати. Завтра, подумала Марли, завтра она купит чемоданы. И зубную щетку.

— У меня шок, — сказала она сумкам на кро-

вати. — Нужно быть осторожнее. Все теперь кажется нереальным.

Опустив глаза, она увидела дырки на колготках, от пальцев бежали тоненькие стрелки. Марли покачала головой. Ее новая сумочка, которая сейчас лежала на белом мраморном столике у кровати, была черной, сшитой из воловьей кожи, выделанной толсто и мягко, как фламандское масло. Сумочка стоила больше, чем Марли должна была Андреа за квартиру, впрочем, то же относилось и к стоимости одной ночи в гостинице. В сумочке лежали паспорт и кредитный чип, который ей выдали в галерее Дюпре. Счет на ее имя был открыт в орбитальном отделении «Недерландс алгемеен банк».

Марли прошла в ванную комнату, поиграла гладкими бронзовыми рычагами огромной белой ванны. Из японского фильтрационного устройства зашипела горячая ионизированная вода. Гостиница предлагала на выбор пакетики солей для ванн, тюбики кремов и ароматизированного масла. Марли выдавила тюбик масла в наполняющуюся ванну и начала раздеваться, испытав боль потери, когда бросила на пол «Салли Стэнли». Если не считать последнего часа, оставшийся с прошлого сезона жакет был любимой и, пожалуй,

самой дорогой вещью Марли за всю ее жизнь. Теперь он стал чем-то, что предстояло унести уборщицам. Возможно, он найдет себе дорогу на какой-нибудь блошиный рынок, одно из тех мест, где она сама в студенческие годы охотилась за стильными вещами по дешевке…

Ванная наполнилась ароматным паром, зеркала затуманились, побежали струйками влаги, искажающими отражение. Неужели все так просто? Неужели это тонкий золотой кредитный чип Вирека вытащил ее из убожества последних недель прямо в эту гостиницу, где слегка царапают кожу пухлые белые полотенца? Марли сознавала, что испытывает своего рода головокружение, будто балансирует на краю некой пропасти. Господи, насколько же и вправду всемогущи деньги, если их много, по-настоящему много! Только Вирекам мира сего, размышляла Марли, дано это знать, но вполне вероятно, что осознавать это они функционально не способны. Интересоваться об этом у Вирека — все равно что допрашивать рыбу в надежде побольше узнать о воде. *Да, моя дорогая, она мокрая; да, дитя мое, она, конечно же, теплая, надушенная, шершавополотенчатая.*

Марли ступила в ванну, легла.

Завтра она сделает прическу. Уже в Париже.

Прежде чем Марли вспомнила о специальной программе, телефон Андреа прозвонил шестнадцать раз. Программа, наверное, все еще подключена, а номера этой маленькой, довольно дорогой брюссельской гостиницы, конечно же, в списке нет. Привстав, она положила трубку радиотелефона на мраморную столешницу, и телефон тут же негромко загудел.

— Посылка с курьером из галереи Дюпре.

Когда коридорный — на этот раз более молодой, смуглый, вероятно испанец, — ушел, она подошла с пакетом к окну, повертела в руках. Какой-то предмет, завернутый в единый лист темно-серой бумаги ручной выделки. Лист был свернут и подогнут тем самым загадочным японским способом, ни клея, ни бечевки, но Марли знала, что, стоит раскрыть посылку, ей уже никогда не завернуть ее обратно. В уголке рельефно выступали название и адрес галереи, а имя Марли и название ее гостиницы были выведены от руки через весь центр посылки изящным курсивом.

Развернув бумагу, она обнаружила, что держит в руках новенький голопроектор «Браун» и плоский конверт из прозрачного пластика. В конверте оказались семь пронумерованных пла-

стинок голофишей. За миниатюрным чугунным балконом заходило солнце, окрашивая золотом Старый город. До Марли доносились автомобильные гудки и крики детей. Она закрыла окно и вернулась к письменному столу. «Браун» оказался обтекаемым черным параллелепипедом, работал проектор от солнечных батарей. Марли проверила напряжение и, достав из конверта первую голофишу, вставила ее в прорезь.

Над «Брауном» расцвела шкатулка, которую она видела у Вирека в смоделированном парке Гуэля, засияв кристальным разрешением самых лучших музейных голограмм. Золото микросхем и кость, мертвое кружево и тусклый белый шарик, слепленный из глины. Марли покачала головой. Как удалось этому неизвестному — кто бы он ни был — расположить эти обломки, этот хлам так, что он брал за душу, вонзался в нее, как рыболовный крючок? Но потом она кивнула. Этого можно добиться, она-то знает; много лет назад такое делал человек по имени Корнелл, тот тоже создавал шкатулки.

Потом она перевела взгляд влево, туда, где по полированной поверхности стола распласталась элегантная серая бумага. Эту гостиницу, устав ходить по магазинам, она выбрала по чистой

случайности. Она ни единой душе не говорила, где она, и, уж конечно, никому в галерее Дюпре.

Глава 6

Барритаун

Он пробыл без сознания часов восемь — если верить таймеру на материнском «Хитачи». Очнувшись, уставился на пыльную панель, чувствуя, как впивается в ногу какой-то острый угол. «Оно-Сэндай». Он перекатился на бок. Затхлый запах блевотины.

Потом долго стоял под душем прямо в одежде, не уверенный, а как он, собственно говоря, туда попал. Крутил краны, тер лицо. На ощупь оно казалось резиновой маской.

— Что-то стряслось.

Что-то скверное, огромное — он не был уверен, что именно.

На кафельном полу в душе постепенно росла горка мокрой одежды. Наконец он выключил воду, подошел к раковине и, отбросив с глаз мокрые волосы, всмотрелся в лицо в зеркале. Бобби Ньюмарк, никаких проблем…

— Нет, Бобби, проблема. У нас проблема…

С полотенцем на плечах, оставляя мокрые следы, он прошлепал через узкий коридор в свою крохотную треугольную спальню в задней части кондо. Как только он переступил порог, с готовностью зажегся голографический порномодуль. Полдюжины девушек заулыбались, с очевидной радостью встречая хозяина. Они стояли будто за стенами комнаты, в дымчатой перспективе мучнисто-голубого пространства, их белозубые улыбки и упругие молодые тела казались неоново-яркими. Двое придвинулись ближе и стали ласкать сами себя.

— Хватит, — приказал Бобби.

Проекционный модуль послушно отключился; сказочные девицы исчезли. Раньше модуль принадлежал старшему брату Линга Уоррена; прически и одежда устарели и выглядели довольно нелепо. С девицами можно было поболтать и заставить их делать всякое друг с другом и с самими собой. Бобби вспомнил, как в тринадцать лет был влюблен в Брэнди, брюнетку в синих прорезиненных штанишках. Теперь он ценил проекцию в основном за иллюзию пространства, которую она привносила в импровизированную спальню.

— Что-то, черт побери, стряслось, — повторил

он, натягивая черные джинсы и почти чистую рубашку. Он покачал головой. — Что? Что, мать вашу?

Сбой на линии? Какая-то случайная неисправность внутри самой «Ядерной комиссии»? А может, база, в которую он попытался вломиться, как раз в этот момент упала или кто-то атаковал ее из другого сектора матрицы… Но оставалось еще ощущение от *встречи*, встречи с кем-то, кто… Сам того не осознавая, Бобби вытянул правую руку, умоляюще раскрыл ладонь.

— Блин! — выдохнул он.

Пальцы сжались в кулак. И вдруг все вернулось: сперва ощущение чего-то большого, поистине огромного, что тянется к нему через киберпространство, а потом смутный девичий облик. Стройная, каштановые волосы, затаилась где-то в странной яркой темноте, полной ветра и звезд. Но когда его разум сосредоточился на этих образах, они ускользнули.

Сообразив, что голоден, Бобби сунул ноги в сандалии и направился назад, в сторону кухни, вытирая по дороге голову влажным полотенцем. Проходя через гостиную, он заметил, что с ковра на него уставился горящий глаз индикатора «ВКЛЮЧЕНО» на «Оно-Сэндай». Застыв на месте,

Бобби с шумом втянул воздух через стиснутые зубы. Дека все еще подключена. Может ли она до сих пор быть на связи с базой, которую он пытался взломать? Могут ли на базе определить, выжил он или нет? Он понятия не имел. Одно Бобби знал наверняка: у них есть его номер и адрес. Он же не подумал о реле и автоматических обманках, которые помешали бы им запустить обратный поиск.

У них есть его адрес.

Забыв о голоде, Бобби метнулся в ванную и начал копаться в сырой одежде, пока не нашел кредитный чип.

У него было двести десять новых иен, припрятанных в полой пластмассовой ручке универсальной, со сменными жалами, отвертки. Надежно запрятав отвертку и кредитный чип в карман джинсов, он натянул пару самых старых и самых тяжелых своих ботинок, потом выгреб из-под кровати грязную одежду. Нашел черную парусиновую ветровку, по меньшей мере с десятком карманов, один из них, огромный и длинный, тянулся сзади вдоль поясницы — что-то вроде встроенного рюкзака. Под подушкой лежал японский гравитационный нож с оранжевой рукоятью — оружие отправилось в карман на

левом рукаве куртки, поближе к обшлагу.

Когда он уходил, вспыхнули сказочные принцессы:

— Бобби, Бобби-и-и-и, вернись, поиграем…

В гостиной он вырвал коннектор «Оно-Сэндай» из торца «Хитачи», свернул оптоволоконный провод и засунул его в карман. То же самое произошло с набором тродов, за ними в карман-рюкзак проскользнул «Оно-Сэндай».

Занавески все еще были задернуты. Бобби почувствовал прилив нового, радостного возбуждения. Он уходит. Должен уйти. Он успел позабыть трогательную нежность к этому месту, порожденную прикосновением смерти. Осторожно раздвинув шторы, Бобби выглянул в образовавшуюся щель размером с ноготь большого пальца.

Вечерело. Через несколько часов на темных громадах Новостроек замигают первые огни. Большая Площадка уходила вдаль, как бетонное море. На противоположном его берегу вставали Новостройки — гигантские прямоугольные строения, кое-где смягченные случайными наслоениями подвесных оранжерейных террас, рыборазводных резервуаров, систем солнечного отопления и вездесущих антенных блюдец. Два-

жды-в-День сейчас, наверное, там, спит в своем мире, который Бобби никогда не видел, в мире самодостаточного здания-улья. Дважды-в-День спускался в Барритаун обделать свои делишки, в основном с тамошники хотдоггерами, а потом взбирался обратно наверх. Бобби всегда казалось, что наверху хорошо — сколько всего происходило на балконах по ночам! Среди красных пятен костров стайками обезьянок в одном белье крутились ребятишки, такие маленькие, что их едва было видно. Иногда ветер менялся, и на Большую Площадку сносило кухонные запахи, а иногда было видно, как из какой-нибудь потайной страны высоко-высоко на крыше отчаливает дельта-план. И всегда — сплав сотен ритмов из тысяч динамиков, волны музыки, которая пульсирует и растворяется в порывах ветра.

Дважды-в-День никогда не говорил о том, какая жизнь там, где живет он. Дважды-в-День говорил о деле или, если желал вести светскую беседу, о женщинах. То, что Дважды-в-День говорил о женщинах, сильнее всего и заставляло Бобби мечтать вырваться из Барритауна, но он прекрасно понимал, что бизнес — его единственный билет отсюда. Правда, теперь дилер ему был нужен совсем по другой причине — происходящее

оказалось ему, Бобби, совершенно не по зубам.

Может, Дважды-в-День скажет ему, что происходит. Предполагалось же, что ничего опасного не будет. Дважды-в-День сам выбрал для Бобби эту базу, потом дал напрокат софт, необходимый для того, чтобы прорваться внутрь. И Дважды-в-День был готов перепродать все, что удалось бы оттуда вытащить. Так что толкач должен знать. Во всяком случае, хоть *что-то*.

— У меня нет даже номера твоего телефона, мужик, — сказал Бобби, обращаясь к Новостройкам и отпуская штору.

Может, нужно оставить что-то для матери? Записку?

— Уношу ноги, — сказал он комнате у себя за спиной, — и куда *подальше*. — И вот он уже за дверью и бежит по коридору, направляясь к лестнице. — *Навсегда*, — добавил он, пинком распахивая входную дверь.

Большая Площадка выглядела вполне безопасно, если не считать одинокого полуголого торчка, погруженного в яростный спор с Господом Богом. Бобби обошел торчка по широкой дуге — тот кричал, подпрыгивал и рубил воздух ударами карате. Голые ноги полоумного были покрыты засохшей кровью вперемешку с пылью, на голове у него

топорщились остатки того, что было, вероятно, прической долика.

Большая Площадка — нейтральная территория, по крайней мере теоретически, и долики с год назад заключили — правда, достаточно непрочный — союз с готиками. У Бобби были довольно прочные связи среди готиков, хотя он и сохранял за собой статус независимого. Барритаун — рисковое место для того, чтобы быть независимым. Во всяком случае, думал Бобби, пока стихала за спиной гневная тарабарщина торчка, банды создают хоть какую-то структуру. Если ты готик, а тебя покоцали фоннаты — в этом есть хоть какой-то смысл. Может, основная причина и совершенно идиотская, зато есть правила. А независимым достается и от местных обдолбанных маньяков, и от хищных одиночек, рыскающих по окраинам Ржавого Пояса[35] до самого Нью-Йорка. Вспомнить хоть Сборщика Пенисов прошлым летом, этот тип таскал свою добычу в кармане в пластиковом мешке…

Сколько Бобби себя помнил, он пытался отыскать способ выбраться из этого ландшафта, —

[35] Примечания: 35

Ржавый Пояс — районы депрессивной экономики на индустриальном северо-востоке США, ранее известном как Стальной Пояс. Прозвище в ходу с 1980-х гг.

или, во всяком случае, теперь ему так казалось. Теперь, когда он шел в клуб и по спине ему била спрятанная во внутреннем кармане киберпространственная дека. Как будто и она тоже подгоняла его выбраться.

— Давай же, Дважды-в-День, — сказал он расплывчатым силуэтам Новостроек, — спускай сюда свою жопу и окажись у Леона, когда я туда дойду, ладно?

Дважды-в-День у Леона не было.

Никого там не было, если не считать самого Леона, который копался полуразогнутой скрепкой во внутренностях настенного экрана.

— Чего бы тебе не взять молоток и не шарашить по этой хреновине, пока не заработает? — спросил Бобби. — Толку было бы примерно столько же.

Леон поднял глаза. Лет ему, вероятно, было под сорок, но точнее не скажешь. Леон, казалось, вообще не принадлежал ни к какой расе или же представлял отдельную расу сам по себе. Множество гипертрофированных лицевых костей, жуткие глаза и грива вьющихся, поглощающих свет черных волос. Его подвальный пиратский клуб последние два года был постоянной составляющей жизни Бобби.

Теперь вот Леон тускло уставился на него своими кошмарными глазами. Хитиново-серые зрачки подернуты прозрачным оливковым налетом. Глаза Леона неизменно наводили Бобби на мысль об устрицах и о лаке для ногтей. Две вещи, о которых не слишком приятно думать в сочетании с глазами. Цветом они походили на материал для обивки табуретов в барах.

— Я только хотел сказать, что так, просто в нее тыкая, эту хрень не наладишь, — чувствуя себя не в своей тарелке, добавил Бобби.

Медленно покачав головой, Леон вернулся к своим изысканиям. Люди платили за то, чтобы попасть в клуб, поскольку его владелец промышлял пиратскими фильмами и симстим-записями с кабеля, гоняя многое такое, что барритаунцы иначе не могли себе позволить. В задней комнате заключались сделки и можно было внести «пожертвования» на спиртное, в основном чистый самогон из Огайо, разбавленный каким-то синтетическим апельсиновым напитком, который Леон добывал в промышленных количествах.

— Гм, скажи, Леон, — снова начал Бобби, — ты в последнее время не видел Дважды-в-День?

Кошмарные глазки снова глянули вверх и смотрели на Бобби, казалось, целую-целую вечность.

— Нет.
— Может, прошлым вечером?
— Нет.
— А позапрошлым?
— Нет.
— Вот как? Ладно. Спасибо.

Нет смысла приставать к Леону. Если на то пошло, есть множество причин этого не делать. Бобби оглядел просторное полутемное помещение, симстим-модули и неосвещенные киноэкраны. Клуб представлял собой череду одинаковых комнатушек в подвале наполовину пустующего блочного комплекса, отданного под однокомнатные квартиры и текстильные миницеха. Отличная звукоизоляция: снаружи музыки вообще не слышно. Сколько раз по ночам, когда в голове грохотали рок и «колеса», он вываливался от Леона на улицу будто в магический вакуум тишины, от которой гудело в ушах всю дорогу через Большую Площадку.

Теперь у него оставался еще час до того, как станут прибывать первые готики. Дилеры — в основном черные с Новостроек или белые из города либо с какой-нибудь окраины — не покажутся до тех пор, пока здесь не будет приличной грядки готиков, которую можно окучивать. Ничто так не

портит репутацию дилера, как торчать в клубе и ждать у моря погоды — это же значит, что ты ни хрена ловить не умеешь. Ни один по-настоящему крутой дилер не станет ошиваться у Леона просто так, за-ради удовольствия. Не то что хотдоггерский сброд со своими дешевыми деками, собирающийся у Леона по выходным посмотреть японскую киношку о ледорубах.

Но ведь Дважды-в-День не из таких, говорил Бобби самому себе, поднимаясь по бетонным ступеням, Дважды-в-День знает, к чему стремиться. Подальше от Новостроек, подальше от Барритауна, подальше от Леонова клуба. В Город. В Париж или даже, может быть, Тибу. «Оно-Сэндай» бил по пояснице. Бобби вспомнил, что кассета с ледорубом Дважды-в-День так и осталась внутри. Бобби ни с кем не хотелось объясняться по этому поводу. Он прошел мимо киоска новостей. За пластиковым окошком по зеркальному желобу полз желтый ньюсфакс нью-йоркского издания «Асахи Симбун» — в Африке рухнуло какое-то правительство, русские делают что-то на Марсе…

Было то время суток, когда все видится очень отчетливо, когда явственно проступает любая мелочь на другой стороне улицы. Свежая зелень, только-только начинающая пробиваться на тем-

ных ветвях чахнущих в дырах асфальта деревьях. И вспышка стальной пряжки на сапоге девушки в дальнем конце квартала видна так ясно, как будто смотришь сквозь особую воду, которая обостряет зрение, даже если уже почти темно. Он повернулся и стал смотреть вверх на Новостройки. Целые этажи там были вечно темными: то ли заброшены, то ли окна там зачернены. Интересно, что там происходит? Возможно, он когда-нибудь спросит об этом у Дважды-в-День.

Бобби поглядел время на часах с эмблемой «Кока-колы» в газетном киоске. Мать уже, наверное, вернулась из Бостона, должна была вернуться, иначе пропустит серию любимого «мыла». Да уж, вернулась — с новой дыркой в голове. Она и без того чокнутая. Разъем, который она вживила себе еще до его рождения, вполне нормально работал, но она вот уже несколько лет ныла о помехах, плохом разрешении и сенсорных перегрузках, так что скопила наконец кредита, чтобы поехать в Бостон и заменить разъем. Дешевка, а не клиника, даже не нужно заранее договариваться об операции. Входишь, они раз — и вбивают тебе в голову железку с кремнием… Да уж, знает он мамашу… Вот она входит в гостиную с завернутой в косынку бутылкой под мышкой и, даже не сняв

плаща, идет к «Хитачи», чтобы подключиться и мылить себе мозги добрых шесть часов кряду. Взгляд у нее становится расфокусированным, и временами, если серия особо захватывающая, она пускает слюни. Примерно каждые двадцать минут она вспоминает деликатно, по-дамски пригубить из бутылки.

Она всегда была такой, сколько он ее помнил. Постепенно соскальзывала глубже и глубже в иные, синтетические жизни, в мир многосерийных симстим-фантазий, о которых Бобби приходилось выслушивать всю свою жизнь. Он до сих пор не мог отделаться от жутковатого ощущения, что некоторые персонажи, о которых она так много говорила, — это его родственники, богатые и прекрасные тетушки и дядюшки, которые могли бы однажды и объявиться, не будь он таким маленьким засранцем. Может быть, думал он теперь, в каком-то смысле так оно и есть. Она подрубалась к этой фигне в течение всей беременности — сама ему об этом рассказывала, — так что свернувшийся там, у нее внутри, будущий Бобби Ньюмарк впитал в себя тысячи и тысячи часов «Важных мира сего» и «Атланты». Но об этом он не любил думать — о том, что лежал, свернувшись, в животе Марши Ньюмарк. От

этого он потел и к горлу подступала тошнота.

Мама Марша. Только в последний год или около того Бобби начал достаточно хорошо понимать окружающий мир (как он теперь это сознавал), чтобы спросить себя, как же ей удается жить такой жизнью — если это можно, конечно, назвать жизнью, — между ее бутылкой и призраками из разъема? Время от времени, когда она была в подходящем настроении и после нужного числа глотков, она еще пыталась рассказывать байки о его отце. С четырехлетнего возраста Бобби знал, что все это дерьмо собачье, поскольку детали раз от разу менялись, но с годами он даже начал находить в этих историях определенное удовольствие.

В нескольких кварталах к западу от клуба Леона нашелся разгрузочный тупик, отделенный от улицы мусорным контейнером, на щербатых и погнутых стенках которого поблескивала свежая синяя краска. Над тупичком косо висела одинокая галогенная трубка. Бобби отыскал удобный бетонный выступ и сел, стараясь не прижать к стене «Оно-Сэндай». Иногда приходится просто ждать. Это было одним из правил, которым научил его Дважды-в-День.

Контейнер был до краев завален мешаниной

самых разнообразных промышленных отбросов. Барритаун не обошелся без своей доли «серых», полулегальных производителей, той самой «теневой экономики», о которой так любят трепаться физиономии в новостях. Бобби никогда не обращал внимания на эти рожи. Бизнес. Все это бизнес — ни больше ни меньше.

Вокруг галогенной трубки мельтешили по кривым орбитам мотыльки. Пустым взглядом Бобби смотрел, как трое малышей, самое большее лет десяти, штурмовали синюю стену контейнера при помощи грязно-белой нейлоновой веревки с привязанной к ней самодельной «кошкой», которая, вполне вероятно, раньше была частью одежной вешалки. Когда в самую гущу мусорного пластика перевалил последний, веревка быстро утянулась наверх. Мусор тут же начал шуршать и поскрипывать.

Совсем как я, подумал Бобби, я тоже раньше возился в таком же дерьме, заваливая комнату трендец диким хламом. Однажды сестра Линга Уоррена нашла в таком контейнере чью-то почти целую руку, рука была завернута в зеленый пластик, стянутый резинками.

Когда у Мамы Марши случались на час-другой приступы религиозности, она заявлялась в ком-

нату Бобби, выметала весь его лучший хлам и налепляла над кроватью какие-нибудь жуткие самоклеющиеся голограммы. Может, Иисуса, может, Хаббарда, может, Деву Марию. Когда на нее находило, ей это, в общем, было без разницы. Обычно это основательно выводило Бобби из себя, пока не настал тот день, когда он настолько вырос, что пришел в гостиную с молотком в руках и занес его над «Хитачи»: попробуй, мол, только еще раз тронуть мои вещи, и я прикончу твоих друзей, мама, всех до одного. Она никогда больше не пробовала. Но клеющиеся голограммы все же как-то на Бобби подействовали, поскольку религия стала для него чем-то, что он, как ему казалось, рассмотрел и отложил в сторону. Он пришел к выводу, что есть люди, которые по природе своей нуждаются в этом дерьме. Вероятно, такие были всегда — но сам он не из них, а значит, ему оно и не нужно.

Над стенкой контейнера показалась мордочка одного из малышей, вот он запрыгнул на край и, сощурившись, оглядел прилегающую территорию, потом снова скрылся из виду. Послышался глухой скрежет. Белые ручонки перекинули через стенку побитую жестяную канистру и стали спускать ее на веревке вниз. Хорошая добыча,

подумал Бобби, такое можно толкнуть торговцу металлом и даже чего-то выручить. Канистра легла на тротуар примерно в метре от ботинок Бобби. Коснувшись асфальта, она случайно повернулась, показав ему шестирогий символ биологической опасности.

— Эй, мать вашу! — выдохнул он, рефлекторно отдергивая ногу.

Один из малышей соскользнул вниз по веревке и выровнял канистру. За ним спустились оставшиеся двое. Тут Бобби увидел, что они еще младше, чем он думал.

— Эй, — сказал он, — а вы знаете, что это может оказаться настоящая дрянь? Подхватите рак и все такое прочее.

— Полижи собаке жопу, пока кровь не потечет, — посоветовал ему тот, что спустился первым, пока остальные отцепляли «кошку» и сворачивали веревку; потом ребятишки потащили канистру за угол контейнера и скрылись из виду.

Он дал себе еще полтора часа. Достаточно времени: у Леона уже начинало бурлить.

По меньшей мере двадцать готиков картинно позировали в основной комнате — этакое стадо детенышей динозавров: вздрагивают и подпры-

гивают гребни залаченных волос. Большинство приближалось к готическому идеалу: высокие, сухощавые, мускулистые, но с оттенком мрачной неудовлетворенности — молодые атлеты на ранних стадиях чахоточного увядания. Кладбищенская бледность была обязательной, а волосы готиков были по определению черными. Бобби знал, что тех немногих, кто не смог исказить свое тело так, чтобы вписаться в канон субкультуры, лучше избегать: невысокий готик — неприятности, толстый готик — убийство.

Сейчас он смотрел, как они извиваются и поблескивают у Леона единым составным существом, скользкой трехмерной головоломкой с рваной поверхностью из черной кожи и стальных шипов. Почти идентичные лица, черты которых смоделированы сообразно древним архетипам, позаимствованным из видеоклассики. Бобби выбрал ну вылитого Джеймса Дина[36], чей гребень покачивался, как брачный танец ночной ящерицы.

— Брат, — начал Бобби, будучи не совсем уве-

[36] Примечания: 36

Джеймс Дин (1931–1955) — американский актер, воплотивший архетип юного бунтаря. Все три фильма, сделавшие его популярным, — «К востоку от рая», «Бунтарь без идеала», «Гигант» — вышли в год его смерти в автомобильной аварии.

ренным, встречал ли он этого парня раньше.

— Брателло, — лениво отозвался дин, его левая щека была оттянута смоляной жвачкой. — Это Счет, беби. — Как бы в сторону, своей девушке: — Прерывание на Счет Ноль. — Длинная бледная рука со свежими струпьями на тыле запястья погладила округлый задок под черной юбкой. — Счет, это моя мочалка.

Готическая девица поглядела на Бобби с умеренным интересом, но безо всякой вспышки человеческого узнавания, как будто перед ней возникла реклама продукта, о котором она слышала, но вовсе не собиралась покупать.

Бобби оглядел толпу. Множество пустых лиц, но ни одного знакомого. И никакого Дважды-в-День.

— Слушай, — Бобби доверительно понизил голос, — это, знаешь, в общем-то, не так уж срочно, но я ищу одного близкого друга, делового друга… — (Готик на это глубокомысленно качнул гребнем.) — Проходит как Дважды-в-День… — Бобби помедлил; готик отрешенно жевал свою смолу; девица явно скучала, ей было неспокойно. — Толкач, — добавил он, поднимая брови, — черный толкач.

— Дважды-в-День, — промычал готик. — Ко-

нечно. Дважды-в-День. Правильно, беби?

Девица вскинула голову и отвела взгляд.

— Ты его знаешь?

— Конечно.

— Он сегодня здесь?

— Нет, — бессмысленно улыбнулся готик.

Бобби открыл было рот, закрыл его и заставил себя кивнуть.

— Спасибо, брат.

— Для брата — все что угодно, — механически отозвался готик.

Еще час, и все на том же самом месте. Слишком много белого, меловой готической белизны. Накрашенные плоские глаза девиц, каблуки сапог, как эбеновые иглы. Бобби старался держаться подальше от комнаты с симстимами, где Леон гонял трендец свихнутую пленку о долбежке в джунглях, швырявшую зрителя то в одно, то в другое животное, ни сна ни продыху в кронах, и голова кругом. Бобби уже так проголодался, что голова казалась легкой и будто расширялась изнутри — или, может, это был остаточный эффект того, что случилось с ним в матрице? Но теперь ему все с большим трудом удавалось сосредоточиться, и мысли уплывали в самых неожиданных направлениях. Например: кто же умудрился

залезть на эти кишащие змеями деревья, чтобы приспособить, ну, скажем, вот этих вот крыс для стим-съемки?

Готики, однако, на это клевали. Идентификация с древесными крысами — в полный рост. Можно поздравить Леона с новым хитом.

Совсем рядом, слева от него, но на значительном расстоянии от симстима, стояли две девушки с Новостроек. Их причудливая экипировка резко контрастировала с монохромностью готиков. Длинные черные фраки открывали узкие красные жилетки из шелковистой парчи, полы огромных белых рубашек свисали значительно ниже колен. Темные лица были затенены широкими полями федор[37], проколотых и увешанных фрагментами антикварных побрякушек: булавок, коронок, шпилек, даже механических часиков — и все золотое. Бобби тайком наблюдал за ними. Одежда говорила о том, что у них есть деньги, — но и о том, что найдется кому позаботиться, дабы любой, кто позарится на эти побрякушки, не сносил головы. Дважды-в-День как-то раз спустился с Новостроек в наряде из льдисто-голубого вельвета с алмазными пряжками у колен, как будто

---

[37] Примечания: 37
Мягкая фетровая шляпа с широкими полями.

у него не было времени переодеться. Бобби тогда вел себя так, как будто толкач одет в обычную свою коричневую кожу. Он давно решил, что в делах главное — космополитический подход.

Он попытался представить себе, что подходит к этим дамочкам, этак небрежно и плавно, подходит, представляется с поклоном и говорит: «Дорогие мои, я уверен, вы знаете моего доброго знакомого, мистера Дважды-в-День». Но обе они были старше его, выше ростом и держались с пугающим достоинством. Скорее всего, они просто рассмеются, но почему-то вот этого Бобби совсем не хотелось.

А хотелось ему сейчас, и даже очень, чего-нибудь съесть. Бобби пощупал сквозь грубую ткань джинсов кредитный чип. Пожалуй, стоит перейти улицу и купить сэндвич… Тут он вспомнил, почему он здесь, и внезапно ему показалось, что пользоваться чипом было бы не очень разумно. Если его сорвавшийся рейд засекли, у них уже есть номер его чипа; а если он использует чип, то засветится в киберпространстве. Любой, кто охотится за ним в матрице, увидит чип в решетке Барритауна, как мигание фар дальнего света на темном футбольном поле. У него есть наличные, но за еду ими не заплатишь. Иметь их при себе

— в этом нет ничего незаконного; просто никто никогда не делал с деньгами ничего легального. Придется найти готика с чипом, купить за новые иены кредит — скорее всего, с грабительской скидкой, потом заставить готика заплатить за еду. И чем, скажите на милость, брать сдачу?

«Может, ты просто себя накручиваешь», — сказал он самому себе. Он же не знает наверняка, проследил ли кто-нибудь его обратный путь, да и база, которую он пытался взломать, была вполне добропорядочной. Во всяком случае, ей полагалось быть таковой. Вот почему Дважды-в-День велел ему не беспокоиться насчет черного льда. Кто станет ограждать смертельными программами обратной связи портал, сдающий в прокат мягкое порно? План в том и заключался, что Бобби умыкнет пару часов цифрового кино, самого свежего, которое еще не просочилось на пиратский рынок. Из-за такой добычи не убивают…

Но кто-то же попытался. И случилось что-то еще. Что-то совсем иное. Он снова потащился вверх по лестнице, прочь из клуба. Бобби прекрасно понимал, что существует много всякого, чего он о матрице не знает, но никогда ему еще не доводилось слышать ни о чем настолько диком… Есть, конечно, истории о духах и привидениях…

есть полоумные хотдоггеры; он сам слышал, как парочка таких клялась, что они видели в киберпространстве черт знает что. Правда, он тогда подумал про себя, что эти вильсоны просто подключились под кайфом. Словить глюк в матрице можно с той же легкостью, как и в любом другом месте…

А вдруг именно это и произошло? Голос был просто частью умирания, обнуления мозговых процессов — какой-нибудь безумный фортель, выкинутый мозгом, чтобы облегчить тебе смерть, плюс сбой в источнике питания там на базе или, может, частичное затемнение в их секторе решетки, так что лед ослабил хватку как раз на его нервной системе.

Может быть. Но он ведь ничего толком не знает. Ни черта не знает. Не так давно его начало грызть собственное невежество, стало казаться серьезным препятствием на том пути, какой он для себя наметил. Он не особенно задумывался об этом раньше, но он же и вправду ничего… ну, в общем, ни о чем не знает. По правде говоря, пока он не начал топтать деку, ему казалось, он знает все, что нужно. Прямо как готики. Вот почему они отсюда никуда не денутся и будут сгорать на «пыли» или насмерть меситься с фоннатами,

и естественный отбор оставит в результате какой-то процент, который непонятным образом превратится в следующую волну барритаунцев, рожающих детей и покупающих кондо, чтобы все шло по новой.

Он — как ребенок, который вырос возле океана, воспринимая его как нечто само собой разумеющееся, как небо над головой, но ничего не зная ни о течениях, ни о маршрутах перевозок, ни о прихотях погоды. Деками он пользовался еще в школе, считай игрушечными. Тебя, как на ракете, выносило в беспредельный космос, который не был космосом, — в немыслимо сложную консенсуальную галлюцинацию человечества — в матрицу киберпространства. Киберпространства, где огромные корпоративные базы пылают, как неоновые сверхновые, данные в которых нагромождены так плотно, что, если ты пытаешься разглядеть нечто большее, нежели простейший силуэт, у тебя начинает раскалываться голова.

Но с тех пор, как взялся за деку всерьез, кое-что он стал понимать. Ну просто до смешного мало он знает о том, как все это работает. И не только в матрице. Каким-то образом это понимание выплеснулось через край, и он начал задумываться, задумываться и задавать вопросы. Какой меха-

низм управляет Барритауном? Что поддерживает на плаву мать? Почему готики и фоннаты с такой энергией пытаются перебить друг друга? Или почему Дважды-в-День чернокожий и живет где-то в Новостройках и что это меняет?

Идя к выходу, Бобби не переставал искать дилера. Белые лица, снова белые лица. В животе урчало. Бобби подумал о свежей упаковке пшеничных отбивных. Дома, в морозильнике — поджарить бы их с соей и разорвать пакет с вафлями из криля…

Проходя мимо киоска, он снова сверился с кока-кольными часами. Марша уже, конечно, дома, погружена в лабиринт хитросплетений «Важных мира сего», в жизнь героини сериала, которую делит с ней, благодаря разъему, вот уже более двадцати лет. Ньюсфакс «Асахи Симбун» все прокручивался в своем окошечке, и Бобби подошел поближе как раз в тот момент, когда выскочило первое сообщение о взрыве в блоке «А» на третьем уровне «Ковина-Конкорс-Кортс», Барритаун, Нью-Джерси…

Потом сообщение пропало, убежало вниз, а вместо него вылез репортаж об официальных похоронах кливлендского босса якудза. Традиции незыблемы. У всех в руках черные зонты.

А он всю свою жизнь прожил на третьем уровне блока «А».

Над городом нависло огромное нечто, нависло, чтобы раздавить в лепешку Маршу Ньюмарк и ее «Хитачи». Но, конечно же, взорвать хотели не ее — его.

— Да, кто-то не теряет времени даром, — услышал он собственный голос.

— Эй! Братан! Счет! Ты что, обдолбался, брат? Эй! Ты куда?

Глаза двух динов вылезли из орбит, провожая взглядами его паническое бегство.

Глава 7

Город в пустыне

Конрой резко крутанул руль влево, заставив синий «фоккер» свернуть с выветренной ленты довоенного шоссе, и сбросил скорость. Петушиный хвост бледной пыли, тянувшийся за ними от Нидлеса, начал оседать. Затормозив, ховер опустился на свою воздушную подушку.

— Вот и место сбора, Тернер.

— Что тут стряслось? Что прикончило этот город?

Прямоугольник бетонной площадки убегал к неровным стенам полуразвалившихся выгоревших зданий.

— Экономика, — отозвался Конрой, — еще до войны. Его так и не достроили. В десяти минутах езды к западу — разметка на целые кварталы, под мостовые и фундаменты. И никаких домов, ничего.

— Сколько человек в команде?

— Девять, не считая тебя. Плюс медики.

— Какие еще медики?

— Из «Хосаки». «Маас» занимается биотехнологиями, так? Кто знает, чем они могли начинить нашего мальчика? Так что «Хосака» собрала небольшой, но профессиональный нейрохирургический бокс, обслуживают его три спеца. Двое — люди компании, а третья, кореянка, собаку съела на подпольной медицине. Трейлер хирургов в том длинном бараке. — Он указал влево. — Там сохранилась часть крыши.

— Как его сюда затащили?

— Привезли из Тусона внутри бензовоза. Изобразили аварию. Выволокли из цистерны, закатили внутрь. Для этого понадобились все имеющиеся руки. Ушло минуты три, наверное.

— «Маас»? — спросил Тернер.

— Конечно. — Конрой заглушил моторы. — Неизбежный риск, — произнес он во внезапно наступившей тишине. — Может, они его и проморгали. Наш парень — шофер бензовоза — все время ругался по рации с тусонским диспетчером, что этот сраный теплообменник у него в печенках уже сидит и сколько, мол, понадобится времени, чтобы его наладить. Уверен, они это слышали. Знаешь способ получше?

— Нет. Поскольку клиент желает, чтобы эта махина стояла тут. Но мы торчим посреди зоны покрытия их спутников.

— Сердце мое, — фыркнул Конрой, — а может, мы просто остановились потрахаться. Привал по дороге в Тусон, да? Здесь как раз такое место. Знаешь ли, тут люди останавливаются, чтобы пописать. — Он сверился с черным хронометром «порше». — Я должен быть там через час, обратный вертолет на побережье уже, наверно, ждет.

— На платформу?

— Нет. За твоим чертовым истребителем. Решил сам с ним разобраться.

— Хорошо.

— Я, правда, выбрал бы экранолет «Дорнье». Оставил бы его ждать чуть дальше по дороге, пока не увидим, что Митчелл на подходе. Экра-

нолет подкатывает, когда медики уже почистили Митчелла. Мы забрасываем его внутрь и летим к границе Соноры…

— На дозвуке, — сказал Тернер. — Не выйдет. Ты отправляешься в Калифорнию покупать истребитель с вертикальным взлетом. Наш мальчик вылетит отсюда на многоцелевом боевом самолете, который еще даже не успел устареть.

— У тебя есть пилот на примете?

— Я. — Тернер постучал по разъему за ухом. — Там управление полностью интерактивное. Тебе продадут софт для интерфейса, а я подключусь напрямую.

— Не знал, что ты умеешь управлять самолетом.

— Не умею. Но до Мехико можно и без летного опыта.

— Ты все тот же рисковый парень, а, Тернер? Знаешь, ходят слухи, что тебе там, в Нью-Дели, взрывом член оторвало? — С холодной и делано невинной ухмылкой Конрой повернулся, чтобы взглянуть в лицо Тернеру.

Тернер выкопал из-за сиденья парку, достал револьвер и коробку с патронами. Он уже начал было заталкивать парку назад, но Конрой сказал:

— Возьми с собой. По ночам тут адский холод.

Тернер потянулся к замку, Конрой уже снова запускал моторы. Поднявшийся на несколько сантиметров ховер слегка качнулся, когда Тернер резко откинул дверцу кабины и выбрался наружу. Слепящее солнце и горячий бархат воздуха. Вынув из кармана синей спецовки мексиканские противосолнечные очки, Тернер надел их. На нем были белые теннисные туфли и тропический армейский костюм. Коробка патронов пошла в один из боковых карманов штанов. Револьвер он оставил в правой руке, парка свернута под локтем левой.

— Иди к длинной постройке! — крикнул Конрой, перекрывая шум моторов. — Там тебя ждут.

Тернер спрыгнул вниз — в доменный жар и сияние пустынного полдня, а Конрой, развернув «фоккер», вывел его назад на трассу. Тернер смотрел, как ховер набирает скорость, уходя на восток, его уменьшающийся силуэт перекашивало дрожащим маревом поднимающегося от асфальта жара.

Когда «фоккер» скрылся из виду, стало совсем тихо. Никакого движения. Тернер повернулся к развалинам. Меж двух валунов метнулось что-то маленькое и серое.

На расстоянии метров восьмидесяти от трассы начинались зазубренные стены. Утрамбованной площадке перед ними когда-то предстояло стать автостоянкой.

Пять шагов вперед… Тернер остановился. Внезапно он услышал море, грохот прибоя, мягкие взрывы, с которыми опадали волны. Пушка в руке — слишком большая, слишком реальная, металл уже греется на солнце.

Нет моря, сказал он самому себе, никакого моря, ничего здесь не слышно. Он пошел дальше, теннисные туфли скользили по россыпям битого оконного стекла, сдобренного бурыми и зелеными кругляшами бутылочных осколков. Ржавые диски, бывшие когда-то бутылочными пробками, сплющенные прямоугольники — трупы алюминиевых банок. Над низкими островками кустов роились насекомые.

Прошло. Кончено. Есть это место. Нет времени.

Он опять остановился, подавшись вперед, будто выискивая то, что помогло бы ему назвать нечто неуклонно в нем нараставшее. Какая-то пустота…

Этот город мертв вдвойне. Отель на мексиканском пляже все-таки был когда-то живым, хотя

бы один сезон…

За автостоянкой — залитый солнцем выгоревший блок, дешевый и бездушный. Выжидающий.

Они сидели на корточках в узкой полоске тени от серой стены. Трое. Еще до того, как их увидеть, Тернер почувствовал запах кофе, закопченный котелок ненадежно балансировал на крохотном примусе. Конечно, запах предназначался ему — это значило, что его ждут. Иначе развалины оказались бы пусты, а потом он умер бы — каким-то образом, очень тихо и почти естественно.

Двое мужчин и женщина. Потрескавшиеся ковбойские сапоги. Грубый хлопок одежды настолько засален, что, наверное, даже не пропускает воду. Мужчины бородаты, нестриженые волосы стянуты сзади сыромятными шнурками в выгоревшие на солнце пучки. Волосы женщины разделены на прямой пробор и убраны с обветренного, в шрамах, лица. К стене прислонен древний мотоцикл «БМВ» — хромировка в пятнах грязи и ржавчины, облупившаяся краска замазана пятнами пульверизаторной эмали бежево-серого пустынного камуфляжа.

Он отпустил рукоять «смит-и-вессона», дав револьверу прокрутиться на спусковой скобе

вокруг указательного пальца, ствол в результате уставился назад и вверх.

— Тернер, — сказал, поднимаясь, один из мужчин, во рту у него сверкнул дешевый металл. — Я Сатклифф. — Легкий акцент, австралийский, что ли.

— Передовая команда? — Он поглядел на остальных.

— Передовая. — Запустив большой и указательный палец в рот, Сатклифф извлек пожелтевший протез со стальными коронками. Его собственные зубы были белыми и совершенно ровными. — Ты вывез Шове из «Ай-Би-Эм» в «Мицу», — сказал он, — и еще, говорят, вытащил Семенова из Томска.

— Это вопрос?

— Я работал в службе безопасности «Ай-Би-Эм» в Марракеше, когда ты взорвал гостиницу.

Тернер встретился с ним взглядом. Глаза у Сатклиффа были голубые, спокойные и очень яркие.

— Это осложняет дело?

— Ничуть, — усмехнулся Сатклифф. — Просто хочу сказать, что видел тебя в деле. — Он щелчком поставил протез на место. — Линч. — Кивок в сторону второго мужчины. — И Уэббер. — В сторону женщины.

— Какой тут расклад? — спросил Тернер, задвигаясь глубже в клочок тени. Он присел на корточки, все еще не выпуская из рук револьвера.

— Мы приехали три дня назад, — начала Уэббер, — на двух байках. Подстроили так, чтобы у одного из них сломался кардан, на случай, если нам понадобится предлог, чтобы разбить здесь лагерь. Население здесь редкое, временное: кочующие байкеры и сектанты. Линч прошел шесть километров на восток с катушкой оптоволоконного кабеля и подключился к телефону…

— Частному?

— Платному, — ответил за нее Линч.

— Мы отправили тестовый пакет, — продолжала женщина. — Если бы не сработало, ты бы уже знал.

Тернер кивнул.

— Входящий трафик?

— Ничего. В самый раз для большого спектакля, что бы это ни было. — Она вопросительно подняла брови.

— Побег.

— Что довольно очевидно, — снова вмешался Сатклифф, устраиваясь рядом с Уэббер спиной к стене. — Хотя общий тон операции заставляет

предположить, что нам, шестеркам, не положено знать, кого мы извлекаем. Так, мистер Тернер? Или мы услышим об этом только в новостях?

Тернер его проигнорировал.

— Продолжай, Уэббер.

— После того как мы разобрались на местности и протянули кабель, по одному-двое просочились остальные. Последний проинструктировал нас относительно консервной банки с япошками.

— Грубая работа, — вставил Сатклифф. — Не стоило так высовываться.

— Думаешь, мы засветились? — спросил Тернер.

Сатклифф пожал плечами:

— Может, засветились, может, и нет. Перебросили мы ее довольно быстро. Хорошо еще, тут оказалась какая-никакая крыша, было где спрятать.

— Как насчет пассажиров?

— Они выходят только ночью, — сказала Уэббер. — И знают, что мы убьем их, если они попытаются отойти дальше чем на пять метров от трейлера.

Тернер взглянул на Сатклиффа.

— Приказ Конроя, — ответил тот.

— С настоящего момента все приказы Конроя

недействительны, — сказал Тернер, — за исключением этого. Что они за люди?

— Медики, — сказал Линч, — подпольные врачи.

— Именно так, — отозвался Тернер. — А что остальные члены команды?

— Мы натянули пару навесов из маскировочного брезента. Спят посменно. Тут не хватает воды, и мы не можем особо рисковать с готовкой. — Сатклифф потянулся за кофейником. — Часовые на местах, и мы периодически проверяем кабель, нет ли где обрыва. — Он плеснул кофе в красную пластмассовую кружку, которая выглядела так, как будто ее жевала собака. — Так когда наш выход, мистер Тернер?

— Мне надо взглянуть на вашу жестянку с ручными медиками. И осмотреть командный пункт. Вы ничего не сказали о командном пункте.

— Все устроено, — сказал Линч.

— Прекрасно. Вот, — Тернер передал Уэббер револьвер, — попробуй сообразить для него какую-нибудь кобуру, хорошо? А теперь Линч покажет мне этих медиков.

— Он так и думал, что это будешь ты, — сказал Линч, без усилий взбираясь по низкому гравийному откосу; Тернер шел следом. — У тебя та еще

слава. — Молодой человек оглянулся на Тернера, тряхнув челкой грязных, выгоревших на солнце волос.

— Даже слишком, — ответил Тернер. — Сколько бы ее ни было, всегда чуть слишком. Ты раньше с ним работал? Скажем, в Марракеше?

Линч боком протиснулся сквозь расселину в стене шлакоблока, Тернер едва не наступал ему на пятки. Пустынные растения пахли дегтем; если их задеть, они норовили прилипнуть или вцепиться колючкой. Через пустой прямоугольный проем, предназначенный под окно, на Тернера глянули розовые вершины гор; тут Линч заскользил вниз по склону.

— Конечно, я работал на него раньше, — сказал он, остановившись у подножия оползня. Древний на вид кожаный ремень висел у него по-ковбойски на бедрах, тяжелая пряжка — почерневший серебряный череп в центре креста из тусклых пирамидальных шипов. — Марракеш — это было еще до меня.

— И на Конни тоже, Линч?

— То есть?

— На Конроя. Ты работал на него раньше? Или, если быть точным, ты сейчас работаешь на него?

Тернер медленно и неуклонно съезжал по

гравию; камешки крошились и выскальзывали из-под подметок теннисных туфель — ненадежная опора. Тернеру был виден изящный маленький игольник в кобуре под парусиновой жилеткой Линча.

Линч облизнул сухие губы:

— Это Сатов контакт. Сам я с Конроем не встречался.

— У Конроя есть одна проблема, Линч. Он не способен делегировать ответственность. Любит с самого начала подсадить в команду своего человека, кого-то, кто сторожил бы сторожей. Всегда. Это ты, Линч?

Линч мотнул головой — абсолютный минимум движений, требующийся, чтобы выразить отрицание. Тернер стоял вплотную, чувствуя за деготной вонью пустынных растений запах его пота.

— Конрой провалил на этом два извлечения, я свидетель, — тяжело проговорил Тернер. — Ящерицы и битое стекло, а, Линч? Как по-твоему, хочется тебе здесь умереть? — Он занес перед лицом Линча сжатый кулак и медленно вытянул указательный палец, указывая прямо вверх. — Мы, считай, у них на прицеле. Стоит подсадке Конроя хотя бы пикнуть, и они тут же сядут нам

на хвост.

— Если уже не сели.

— Верно.

— Сат — вот кто тебе нужен, — выдавил Линч. — Это не я, и вряд ли это Уэббер. — Сломанные, с черными ободками ногти рассеянно поскребли в бороде. — А теперь: ты привел меня сюда только для этой беседы или все еще хочешь поглядеть на нашу жестянку с япошками?

— Пойдем поглядим.

Линч. Это был Линч.

Когда-то в Мексике, много-много лет назад, Тернер зафрахтовал переносной прогулочный модуль французского производства на солнечных батареях. Семиметровый корпус модуля походил на бескрылую муху в панцире из полированной стали. Глаза — две одинаковые полусферы из затемненного фоточувствительного пластика; Тернер сидел за ними, а двухвинтовой русский грузовой вертолет летел вдоль берега, сжимая в челюстях модуль и едва-едва не задевая им кроны самых высоких пальм. На пятачке удаленного пляжа с черным песком Тернер провел три дня в комфортном уединении узкой, обитой тиком кабины, готовя еду в микроволновке и бережливо, но регулярно обливаясь холодной пресной

водой. Прямоугольные клумбы солнечных батарей вращались, следуя за солнцем, и он научился определять время по их положению.

Переносной нейрохирургический бокс «Хосаки» напоминал безглазую версию того французского модуля, может, метра на два длиннее, и покрашен он был в тускло-коричневый цвет. К нижней части обшивки недавно через равные интервалы приварили уголки перфорированного металла, а под ними на обычной пружинной подвеске установили с десяток толстых, глубоко рифленых мотоциклетных шин из красной резины.

— Они спят, — сказал Линч. — Эта штука покачивается, когда внутри кто-то ходит, так что это всегда видно. Когда придет время, мы снимем колеса, но пока нам хотелось бы иметь возможность следить за ними.

Тернер медленно обошел коричневый фургон, заметив черный глянцевый сливной шланг, уходивший в маленький прямоугольный резервуар по соседству.

— Прошлой ночью как раз опорожняли, господи прости. — Линч покачал головой. — У них там есть еда, сколько-то воды.

Тернер приложил ухо к обшивке.

— Звуконепроницаема, — пояснил Линч.

Тернер поднял взгляд к стальной крыше над головой. Сверху хирургический бокс был экранирован добрым десятком метров ржавеющей крыши. Единый лист железа, к тому же горячий сейчас настолько, что можно поджарить на нем яичницу. Тернер задумчиво кивнул. Этот горячий прямоугольник — постоянная деталь на инфракрасном сканере «маасовских» спутников.

— Летучие мыши, — сказала Уэббер, протягивая ему «смит-и-вессон» в наплечной кобуре из черного нейлона.

Сумерки были полны звуков, исходивших как будто откуда-то изнутри: металлическое квакание и цоканье жуков, крики невидимых птиц. Тернер засунул револьвер, а потом и кобуру в карман парки.

— Хочешь поссать, — добавила она, — пройди вверх мимо того куста, но смотри, кругом колючки.

— Ты откуда?

— Из Нью-Мексико, — ответила женщина.

В угасающем свете ее лицо казалось вырезанным из дерева. Она повернулась и зашагала прочь, к стыку стен, приютившему брезентовые навесы. Тернер различил там силуэты Сатклиффа

и какого-то молодого цветного. Они что-то ели из пакетов матовой фольги. Похоже, это — Рамирес, компьютерный жокей, партнер Джейлин Слайд. Из Лос-Анджелеса.

Тернер взглянул вверх в чашу неба — бескрайнюю, как звездная карта. Странно, почему отсюда оно кажется таким огромным, подумалось ему, а с орбиты — это просто бесформенная бездна, где масштаб теряет всякое значение. Тернер знал, что и сегодня ему не уснуть, что Большая Медведица вихрем закружится для него, а потом канет за горизонт, утянув за собою хвост.

Его ударила тошнотворная и дезориентирующая волна — в мозг вдруг непрошено хлынули образы из досье с биософта.

Глава 8

Париж

Андреа жила в Картье-де-Терн, где ее старинный дом вместе со всеми прочими ждал нашествия неуемных городских реставраторов с пескоструйными машинами. В подъезде было темно, только биофлюоресцентные полоски «Фудзи электрик» едва тлели над ветхой стен-

кой маленьких деревянных ячеек; у некоторых даже еще сохранились на месте дверцы с прорезями. Марли знала, что когда-то почтальоны ежедневно проталкивали в эти щели квитанции и письма. Что-то очень романтичное было в самой этой идее, однако ячейки с их желтеющими визитными карточками, оповещавшими о роде занятий давно исчезнувших жильцов, почему-то всегда действовали на нее угнетающе. По стенам коридора змеились разбухшие кабели и оптоволоконные провода, каждая связка — потенциальный кошмар для какого-нибудь бедняги-монтера. В дальнем конце коридора через открытую дверь с панелями из линзового стекла виднелся заброшенный внутренний двор, где от сырости влажно блестел булыжник.

Когда Марли вошла в парадное, консьерж сидел во внутреннем дворике на белом пластмассовом ящике, в былые времена служившем упаковкой для бутылок воды «Эвиан». Консьерж звено за звеном терпеливо смазывал черную цепь от старого велосипеда. Когда Марли стала взбираться по первому лестничному пролету, он поднял на нее глаза, но не проявил особого интереса.

Мраморные ступени давно потеряли былой блеск, покрывшись шершавыми выбоинами от

ног бесчисленных поколений жильцов. Квартира Андреа находилась на четвертом этаже. Две комнаты, кухня и ванная. Марли приехала сюда, в последний раз заперев свою галерею, когда стало больше невозможно спать в импровизированной спальне — маленькой комнатке за складом, которую она делила с Аленом. Теперь этот дом вновь грозил ввергнуть ее в замкнутый круг депрессии, но ощущение новой одежды и опрятный стук каблучков по мрамору удерживали от этого. На Марли была просторная кожаная куртка несколькими тонами светлее сумочки, шерстяная юбка и шелковая блузка от «Пари Исэтан». Сегодня утром она постриглась в предместье Сен-Оноре у бирманки с немецким лазерным карандашом — дорогая стрижка, утонченная, без излишней консервативности.

Марли коснулась круглой пластины, привинченной в центре двери Андреа. Услышала, как та тихонько пискнула, считывая линии и завитки отпечатков пальцев.

— Андреа, это я, — сказала она в крохотный микрофон.

Последовала череда щелчков и позвякиваний — это подруга открывала дверь.

И вот Андреа стоит на пороге — в лужице воды

и старом махровом халате. С полминуты француженка восхищенно рассматривала новую прическу Марли, потом улыбнулась:

— Так ты получила эту свою работу или просто ограбила банк?

Переступив порог, Марли поцеловала подругу в мокрую щеку.

— Судя по ощущениям, немного и того и другого, — рассмеялась она.

— Кофе, — сказала Андреа, — свари нам кофе. Со сливками. Мне нужно еще сполоснуть волосы. А твоя прическа просто чудо… — Она исчезла в ванной, и до Марли донесся плеск воды по фаянсу.

— Я привезла тебе подарок! — крикнула ей вслед Марли, но Андреа не расслышала.

Пройдя в кухню, Марли налила воды в чайник, зажгла плиту от старомодной электрозажигалки и начала рыться на заставленных всякой всячиной полках в поисках кофе.

— Пожалуй, да, — говорила за кофе Андреа, — теперь понимаю. — Она рассматривала голограмму шкатулки, которую Марли впервые увидела в вирековском конструкте парка Гауди. — Это в твоем стиле. — Она тронула клавишу, и «брауновская» иллюзия исчезла; за единственным окном комнаты небо, будто причудливой грави-

ровкой, было разукрашено венчиками перистых облаков. — Что до меня, это слишком угрюмо, слишком серьезно. Как и те работы, что ты выставляла в своей галерее. Но значить это может только одно: герр Вирек не ошибся в выборе; ты ему решишь эту загадку. А при том, сколько он платит, я бы на твоем месте не торопилась.

Андреа щеголяла в подарке Марли — дорогой, восхитительно проработанной мужской блузе из серой фламандской фланели. Андреа просто обожала такой стиль, и ее радость при виде блузы была очевидной. Фланель почти под цвет ее глаз идеально оттеняла пепельные волосы.

— Он просто ужасен, этот Вирек. Мне кажется… — Марли запнулась.

— Охотно верю, — отозвалась Андреа, прихлебывая кофе. — А ты что, ждала, что денежный мешок окажется приятным или хотя бы нормальным типом?

— В какой-то момент мне почудилось, что он не совсем человек. Я очень отчетливо это почувствовала.

— А он и не человек, Марли. Ты разговаривала с проекцией, спецэффектом…

— И тем не менее… — Она беспомощно повела рукой и тут же почувствовала досаду на саму

себя.

— И тем не менее он очень, очень богат и платит тебе кучу денег, чтобы ты сделала то, на что, вероятно, никто больше и не способен. — Улыбнувшись, Андреа расправила тщательно заглаженный угольно-черный манжет. — У тебя ведь не такой уж богатый выбор, правда?

— Знаю. Пожалуй, это меня и тревожит.

— Ну-у, — протянула Андреа, — я думала, что смогу ненадолго оттянуть этот разговор, но у меня есть еще кое-что, что может тебя встревожить. Если «встревожить» здесь подходящее выражение.

— Да?

— Я подумала было, может, вообще не стоит тебе об этом говорить, но уверена, что рано или поздно он все равно до тебя доберется. На деньги у него редкое чутье.

Марли осторожно поставила пустую чашку на заваленный журналами столик из индийского тростника.

— У него очень острый нюх на такие вещи.

— Когда?

— Вчера. Началось, думаю, примерно через час после того, как должно было состояться твое собеседование с Виреком. Он позвонил мне на работу. Он оставил записку здесь, у консьержа. Если

я отключу программу, — она кивнула на телефон, — уверена, он позвонит в течение получаса.

Вспомнился взгляд консьержа, позвякивание велосипедной цепи.

— Он сказал, что хочет поговорить, — продолжала Андреа. — Только поговорить. Ты хочешь поговорить с ним, Марли?

— Нет, — ответила она голосом маленькой девочки, высоким и ломким. А потом: — Он оставил номер?

Вздохнув, Андреа медленно покачала головой, потом сказала:

— Да, конечно оставил.

Глава 9

Вверху, в Новостройках

Тьму наполняли узоры — как пчелиные соты цвета крови. Было тепло. И по большей части мягко.

— Ну и бардак, — сказал один из ангелов.

Голос оказался женский и доносился откуда-то из далекого далека, но звучал нежно, музыкально и очень отчетливо.

— Надо было перехватить его еще у Леона, —

сказал второй ангел, тоже женщина. — Наверху это не понравится.

— У него, похоже, что-то было в этом большом кармане, видишь? Карман разрезали, чтобы это вытащить.

— И не только карман, сестренка. Господи. Вот.

Узоры качнулись и поплыли, когда кто-то подвинул его голову. Холодная ладонь у него на щеке.

— Не испачкай себе рубашку, — сказала первый ангел.

— Дважды-в-День это не понравится. Как по-твоему, с чего это он так ломанулся?

Его это выводило из себя, потому что хотелось спать. Разумеется, он спит, но почему-то в его мозг просачиваются искусственные сны Марши, и он барахтается в рваной путанице фрагментов из самых разных серий «Важных мира сего». Мыло тянулось беспрерывно еще до его рождения, сюжет — этакий многоголовый солитер повествования, извивающийся, как магнитная лента, — каждые несколько месяцев сворачивался кольцом, чтобы поглотить самое себя, но потом отращивал новые головы, жадные до напряжения и накала страстей. Наконец Бобби смог увидеть этого корчащегося червяка целиком, во

всю его длину, таким, каким Марше его никогда не увидеть, — удлиненную спираль «сенснетовской» ДНК, простершую щупальца хрупкой дешевой эктоплазмы к бесчисленным голодным сновидцам. Что до Марши, к ней повествование приходило через органы чувств Мишель Морган Магнум, главной героини, унаследовавшей корпорацию «Магнум АГ». Но сегодняшняя серия странным образом все норовила уклониться от отчаянно запутанных сердечных дел Мишель, за которыми Бобби так и так давно устал следить, и перескакивала на подробные описания социоархитектуры самодостаточных комплексов-ульев типа «Солери». Некоторые детали этих описаний казались подозрительными, даже на взгляд Бобби. Он, например, сомневался, что там действительно целые этажи отведены под продажу только льдисто-голубых вельветовых комбинезонов с алмазными пряжками у колен или что другие этажи там вечно темные и заселены исключительно голодающими детьми. В это последнее, как он вроде бы смутно помнил, Марша верила беззаветно и относилась поэтому к Новостройкам с суеверным ужасом — как к некоему вертикально вздыбленному аду, куда ей придется однажды взойти. Другие фрагменты

искусственного сна напомнили Бобби «сенснетовский» канал «Знание», появлявшийся у них в доме в качестве бесплатного приложения к каждой стим-подписке; там тоже были замысловатые мультипликационные диаграммы внутренней структуры Новостроек, на них накладывался монотонный голос, бубнивший лекцию об образе жизни различных их обитателей. Эти обитатели — когда Бобби удавалось на них сосредоточиться — казались еще менее убедительными, нежели вельветовые вспышки цвета голубого льда или беззвучно крадущиеся во тьме младенцы-каннибалы. Веселая молодая мать резала пиццу огромным промышленным водяным ножом на кухоньке безупречно чистой однокомнатной квартиры. Стеклянная дверь открывалась на узкий балкон и прямоугольник мультяшно-голубого неба. Женщина была черной, но не негритянкой — Бобби подумал, что она скорее походит на какую-нибудь порнокуклу из модуля в его спальне, только очень-очень темную, юную и в образе счастливой матери. И у нее были — так казалось на первый взгляд — маленькие, но мультяшно идеальные груди. (В этот момент, как будто чтобы еще больше усилить его тупое замешательство, поразительно громкий и очень не

«сенснетовский» голос сказал: «А вот это, Джекки, я определенно назвала бы признаком жизни. Не то чтобы всё пучком, но кое-что точно торчком».) Тут его закружило, и он снова вывалился в глянцевую вселенную Мишель Морган Магнум, отчаянно боровшейся за то, чтобы предотвратить поглощение своей корпорации «Магнум АГ» зловещим промышленным кланом Накамура из Сикоку. В данном случае представителем клана выступал (усложнение сюжета) основной любовник Мишель в этом сезоне, состоятельный (но почему-то жадный до пары лишних миллиардов) красавец-политик из Новой Советии Василий Суслов, который и одеждой, и своим внешним видом удивительно смахивал на готиков из заведения Леона.

Серия, похоже, приближалась к некой кульминации: антикварный «БМВ», переоборудованный под водородный аккумулятор, был обстрелян на улице близ жилого блока «Ковина-Конкорс-Кортс» с радиоуправляемых западногерманских микровертолетов; Мишель Морган Магнум хлестала никелированным пистолетом «намбу» по щекам вероломного личного секретаря, а Суслов, с которым Бобби все больше начинал идентифицироваться, надумал смыться из города

с роскошной феминой-телохранителем, та была японкой, однако почему-то крайне напоминала Бобби еще одну девицу из его голографического порномодуля — но тут кто-то закричал.

Бобби никогда не слышал, чтобы так кричали, и в голосе кричавшего было что-то до ужаса знакомое. Но прежде чем он успел начать переживать из-за этого, перед глазами у него вихрем закружились кроваво-красные соты, и он пропустил конец «Важных мира сего». Мелькнула невнятная мысль — красный вихрь как раз сменился черным, — что он всегда может спросить у Марши, чем же там закончилось.

— Открой глаза, приятель. Вот так. Свет слишком яркий?

«Слишком» еще мягко сказано, но это ничего не меняло. Белый, белый. Белизна. Он вспомнил, как его голова взорвалась, — будто много лет назад. Взрыв гранаты, вспышка сумасшедшего белого света в пронизанной холодными ветрами темноте пустыни. Его глаза открыты, но он ничего не видит. Только белое.

— Ну, в обычной ситуации я дал бы тебе поваляться в отключке еще немного, учитывая, в каком ты, парень, состоянии. Но те, кто мне платит, говорят: «Поставь парня на ноги», так что я

тебя бужу, еще не закончив работу. Хочешь спросить, почему ты ничего не видишь, да? Только белый свет — вот и все, что ты видишь, это верно. А дело в том, что у нас тут стоит реле нейропрерывания. Между нами говоря, эта штука взята из секс-шопа, но не вижу причин, почему бы не использовать ее в медицине, если так уж хочется. А нам того хочется, потому что тебе по-прежнему чертовски больно, и уж во всяком случае ты лежишь тихо, пока я работаю. — Голос был спокойным и размеренным. — Ну вот, главная проблема была у тебя со спиной, но я поставил скобы и наложил несколько футов цеплючки. Сам посуди, кто тебе тут сделает пластическую операцию — но милашки, думаю, сочтут эти шрамы весьма привлекательными. А что я делаю теперь? Я вычищаю рану у тебя на груди, а потом мы и ее застегнем кусочком цеплючки, и все будет готово. Правда, ближайшие несколько дней тебе придется двигаться очень осторожно, иначе разойдутся скобы. Я уже налепил на тебя парочку дермов и налеплю еще несколько потом. А тем временем я собираюсь переключить твой сенсориум на аудио и полное видео, чтобы ты постепенно начинал приходить в себя. Не обращай внимания на кровь, она вся — твоя, но больше

уже ниоткуда не течет.

Белизна свернулась в серое облако, предметы с медленной неуклонностью, как при ловле глюков под «пылью», стали приобретать очертания. Он распластан по обитому чем-то потолку — смотрит вниз на белую безголовую куклу. На месте головы у куклы — зеленая хирургическая лампа, которая, похоже, растет у нее из плеч. Негр в залитом кровью зеленом халате распыляет что-то желтое в разверстую рану, которая сбегает наискось от левого соска куклы и кончается почти над тазовой костью. Бобби знает, что мужчина черный, потому что тот с непокрытой головой — непокрытой, бритой и глянцевой от пота. Руки негра скрываются под туго натянутыми зелеными перчатками. Зеленые перчатки и скользкий набалдашник лысины, ничего больше от негра, в сущности, и не видно. По обеим сторонам шеи к коже куклы присосались розовые и голубые дермодиски. Края раны кажутся выкрашенными чем-то вроде шоколадного сиропа, а желтый аэрозоль вылетает из серебристого баллончика с тихим шипением.

Тут Бобби осознал, чту перед ним, и вселенная тошнотворно опрокинулась. Лампа свисала с потолка, потолок был зеркальный, а куклой был

он сам. Казалось, длинный эластичный шнур снова выдернул его сквозь красные соты назад, в комнату из сна, где черная девушка резала детям пиццу. Водяной нож не издавал ни звука, в игольчатом потоке высокоскоростной воды крутились микроскопические песчинки. Инструмент предназначался для разрезания стекла и стали, а вовсе не для того, чтобы нарезать на ломтики пиццу из микроволновки. Бобби хотелось вопить, он боялся, что женщина отрежет себе палец, даже этого не почувствовав.

Но кричать он не мог, как не мог пошевелиться или вообще издать хоть какой-то звук. Женщина любовно вырезала последний кусок и, нажав ногой на отключающую нож педаль в полу, переложила нарезанную пиццу на белое керамическое блюдо, потом повернулась к прямоугольнику голубизны за балконом, где были ее дети… Нет, сказал Бобби, проваливаясь глубоко в себя, не надо. Потому что существа, которые ворвались в комнату и бросились к женщине, были не пацанами-дельтапланеристами, а страшными монстрами, младенцами-каннибалами из снов Марши. У них были крылья, порванные в лохмотья, — мешанина розовых костей, металла, туго натянутых перепонок из пластиковых лоскутов…

Он увидел их зубы…

— Уф, — сказал негр, — потерял тебя на секунду. Не надолго, понимаешь, только, быть может, на одну нью-йоркскую минутку…

Его рука в зеркале над головой взяла из кровавой тряпки рядом с ребрами Бобби плоскую катушку из прозрачного синего пластика. Двумя пальцами он осторожно вытянул кусок какого-то коричневого, собравшегося бусинами вещества. По краям бусин вспыхивали крохотные точки света, дрожали и, казалось, раскачивались.

— Цеплючка, — пояснил негр и второй рукой нажал на кнопку — наверное, кнопку встроенного в синюю катушку резака. Теперь отрезок нитки бус свободно качнулся и стал извиваться. — Славная хреновина, — продолжал негр, поворачивая катушку так, чтобы и Бобби тоже было видно. — Новая. Такие сейчас используют в Тибе.

Что-то коричневое, безголовое, каждая бусина — сегмент тела, каждый сегмент окаймлен бледными светящимися ножками. Потом, как фокусник взмахнув руками в зеленых перчатках, негр наложил гадину по всей длине открытой раны и легким движением оторвал последний сегмент — тот, что был ближе всего к лицу Бобби. Отделяясь, этот сегмент втянул в себя блестящую

черную нить, служившую многоножке нервной системой, и каждая пара клешней, одна за другой, сомкнулась, крепко стянув края раны, — будто задернула молнию на новой кожаной куртке.

— Ну вот видишь, — сказал негр, промокая остатки шоколадного сиропа влажным белым тампоном, — не так уж было и страшно, правда?

Его вступление в апартаменты Дважды-в-День совсем не походило на то, что так часто рисовало Бобби воображение. Начать с того, что он никогда не думал, что его вкатят на кресле-каталке, позаимствованном в «Роддоме Святой Марии», — название и серийный номер были аккуратно выгравированы лазером на тусклой хромировке левого подлокотника. Катившая его женщина, однако, вполне вписалась бы в какую-нибудь из его фантазий: ее звали Джекки — первая из двух девушек с Новостроек, которых он видел у Леона, и, насколько он понял, одна из двух его ангелов. Кресло-каталка беззвучно катилось по ворсистому серому паласу, от стены до стены устилающему узкий проход, к жилым помещениям, но золотые побрякушки на федоре весело позвякивали при каждом шаге черного ангела.

И он представить себе не мог, что хата Дважды-в-День окажется такой огромной или что в ней

будет полно деревьев.

В своей импровизированной операционной Пай — доктор, не преминувший объяснить, что на самом деле никакой он не врач, а просто тот, кто «иногда помогает выпутаться», — устроившись на драном высоком табурете, стянул окровавленные зеленые перчатки, закурил сигарету с ментолом и посоветовал Бобби недельку-другую не перетруждаться. Через несколько минут Джекки и Реа — второй ангел — с трудом впихнули его в мятую черную пижаму, которая выглядела как одежда из дешевого фильма про ниндзя, плюхнули в кресло-каталку и двинулись к шахте лифтов в сердцевине улья. Благодаря еще трем дополнительным дермам из Паевых закромов — один из них был заряжен добрыми двумя тысячами миллиграммов аналога эндорфина — в голове у Бобби прояснилось и никакой боли он не испытывал.

— Где мои вещи? — запротестовал он, когда его выкатили из первого коридора в другой, ставший опасно узким из-за десятилетних наслоений водопроводных труб и проводки. — Где моя одежда, дека и все остальное?

— Твоя одежда, дорогуша, в том виде, в каком она была, сейчас в пластиковом мешке у Пая,

ждет, когда он спустит ее в мусоропровод. Паю пришлось срезать ее с тебя на столе, и, уж если на то пошло, она была просто окровавленными лохмотьями. И если твоя дека была в куртке, в заднем кармане, думаю, что те, кто тебя порезал, ее и забрали. Едва не прихватив и тебя заодно. И ты, ублюдок, ко всем чертям испортил мне рубашку от «Салли Стэнли». — Ангел Реа казалась не слишком дружелюбной.

— Ну, — протянул Бобби, когда они заворачивали за угол, — хорошо. А вы, случайно, не нашли в карманах отвертку? Или кредитный чип?

— Чипа не было, малыш. Но если ты имеешь в виду отвертку с двумя сотнями и еще десяткой новых иен в рукоятке, то это как раз цена моей новой рубашки…

Вид у Дважды-в-День был такой, как будто толкач не особенно рад видеть Бобби. В самом деле, можно было подумать, что он вообще его не заметил. Смотрел прямо сквозь него на Джекки и Реа и скалил зубы в улыбке, целиком состоявшей из нервов и недосыпания. Бобби подкатили достаточно близко, так что ему было видно, какие желтые у Дважды-в-День белки — почти оранжевые в розовато-пурпурном свечении светодиодных трубок «гроу-лайт», которые, каза-

лось, в полном беспорядке свисали с потолка.

— Что вас, суки, задержало? — спросил толкач, но в голосе его не было ни тени гнева, одна только смертельная усталость и еще что-то такое, что Бобби поначалу не смог определить.

— Пай, — сказала Джекки, качнув бедрами мимо кресла, чтобы взять пачку китайских сигарет с невероятных размеров деревянной конструкции, служившей Дважды-в-День кофейным столиком. — Он виртуоз, наш Пай.

— И научился этому в ветучилище, — ради Бобби добавила Реа, — но обычно он так пьян, что никто не позволит ему попрактиковаться даже на собаке…

— Так, — сказал Дважды-в-День, останавливая наконец взгляд на Бобби, — значит, жить будешь.

Этот взгляд был настолько холодный, настолько усталый и клинически отстраненный, настолько далекий от маски этакого маниакального шустрилы, которому сам черт не брат, принимавшейся Бобби за его истинную личность, что Бобби смог только опустить глаза и уставиться в стол. Лицо у него горело.

Почти трехметровой длины стол был сколочен из бревен, каждое толще ноги Бобби. Должно

быть, дерево какое-то время провело в воде; в некоторых местах еще сохранилась белесая серебристая патина плавуна, как на колоде, возле которой Бобби играл давным-давно в детстве в Атлантик-Сити. Но дерево не видело воды уже довольно давно, и столешницу покрывала плотная мозаика из воска оплывших свечей, винных пятен, странной формы луж матово-черной эмали и темных ожогов от сотен раздавленных сигарет. Стол был так завален едой, мусором и разным компьютерным железом, что казалось, это какой-то уличный торговец собрался было разгружать товар, но потом передумал и решил пообедать. Тут были наполовину съеденные пиццы — от вида катышек криля в кетчупе у Бобби стало сводить желудок — рядом с обваливающимися стопками дискет, грязные стаканы с затушенными в недопитом красном вине окурками, розовый стироновый поднос с ровными рядами заветрившихся канапе, открытые и неоткрытые банки пива. Антикварный герберовский кинжал лежал без ножен на плоском обломке полированного мрамора. Еще на столе оказалось по меньшей мере три пистолета и, быть может, два десятка компонентов загадочного с виду компьютерного оборудования, того самого ковбойского

снаряжения, при виде которого в обычных обстоятельствах у Бобби потекли бы слюнки.

Теперь же слюнки текли из-за куска холодной пиццы с крилем, но голод был ничто по сравнению с внезапным унижением, которое он испытал, увидев, что Дважды-в-День на него просто плевать. Нельзя сказать, что Бобби думал о нем именно как о друге, но он, безусловно, немало вложил в надежду, что Дважды-в-День видит в нем равного, человека, у которого хватает таланта и инициативы и у которого есть шанс выбраться из Барритауна. Но взгляд Дважды-в-День сказал ему, что он, в сущности, никто и к тому же вильсон…

— Взгляни-ка на меня, друг мой, — сказал голос, но это был не Дважды-в-День, и Бобби поднял глаза.

По обе стороны от Дважды-в-День на пухлой хромировано-кожаной кушетке оказались еще двое, оба негры. Говорящий был одет в какой-то балахон или халат, на носу у него сидели древние очки в пластмассовой оправе. Очки были ему велики, к тому же в квадратах оправы отсутствовали линзы. Другой был вдвое шире в плечах, чем Дважды-в-День, но на нем оказался строгий костюм, какие носят в кино японские бизнесме-

ны. Безупречно белые манжеты французской рубашки были застегнуты блестящими прямоугольниками золотых микросхем.

— Просто стыд и срам, что мы не можем дать тебе немного времени подлечиться, — сказал первый, — но у нас тут серьезная проблема. — Он помедлил, снял очки и помассировал переносицу. — Нам требуется твоя помощь.

— Черт, — ругнулся Дважды-в-День.

Он наклонился вперед и, взяв из пачки на столе китайскую сигарету, прикурил ее от свинцового черепа размером с крупный лимон, потом потянулся за стаканом вина. Мужчина в очках, протянув худой коричневый палец, постучал им по запястью Дважды-в-День. Дважды-в-День выпустил стакан и откинулся назад. Лицо его оставалось тщательно пустым. Мужчина же улыбнулся Бобби.

— Счет Ноль, — сказал он, — нам сказали, такая у тебя кличка.

— Верно, — выдавил Бобби. Вышло какое-то карканье.

— Мы хотим знать о Деве, Счет. — Негр ждал.

Бобби, прищурившись, посмотрел на него.

— *Вьей Мирак*. — Мужчина снова надел очки. — Наша госпожа, Дева Чудес. Мы знаем ее, — он

сделал какой-то странный жест левой рукой, — как Эрзули Фреду.

Бобби осознал, что сидит с открытым ртом, и закрыл его. Три темных лица ждали. Джекки и Реа исчезли, но он не видел, как они ушли. Бобби охватила паника, и он, в отчаянии оглянувшись по сторонам, увидел странные заросли низкорослых деревьев, окружающих стол. Во всех направлениях свисали под различными углами светодиодные трубки. В гуще зеленой листвы проглядывали розовато-пурпурные чучела. Никаких стен. Стен вообще не видно! Кушетка и видавший виды стол стояли на какой-то прогалине с полом из шершавого бетона.

— Мы знаем, что она приходила к тебе, — сказал гигант, осторожно кладя ногу на ногу. Он поправил безупречную складку на брюках, и Бобби подмигнула золотая запонка. — Мы это знаем, понимаешь?

— Дважды-в-День говорит, это твой первый рейд? — вмешался второй. — Правда?

Бобби кивнул.

— Значит, ты избран Легбой, — сказал мужчина, снова снимая пустую оправу, — чтобы встретиться с Вьей Мирак. — Он улыбнулся.

У Бобби снова отвисла челюсть.

— Легба, — повторил негр. — Хозяин дорог и тропинок, лоа коммуникаций…

Дважды-в-День затушил сигарету о поцарапанное дерево, и тут Бобби увидел, что руки у него дрожат.

Глава 10

Ален

Они условились встретиться в брассерии на пятом подземном этаже комплекса «Двор Наполеона» под стеклянной пирамидой Лувра. Это место было знакомо обоим, хотя ни для одного из них не имело особого значения. Предложил его Ален, и Марли подозревала, что он очень тщательно его выбирал. Это была эмоционально нейтральная территория: знакомая обстановка, при этом не отягощенная никакими воспоминаниями. Кафе было стилизовано под прошлый век: гранитные стойки, черные балки от пола до потолка, зеркала во всю стену и итальянская ресторанная мебель из черного сварного железа, какая могла относиться к любому десятилетию за последние сто лет. Столы покрыты серыми льняными скатертями в тонкую черную полоску,

этому сочетанию вторят черно-полосатые обложки меню, передники официантов и спичечные коробки.

Для встречи Марли надела кожаную куртку, приобретенную еще в Брюсселе, красную льняную блузку и новые джинсы из черного хлопка. Андреа сделала вид, что не замечает, как старательно подруга подбирает одежду, а потом одолжила простую нитку жемчуга, который отлично оттенял блузку.

Едва успев войти, Марли поняла, что Ален пришел заранее, — стол уже был завален его барахлом. На Алене был его любимый шарф, тот, что они купили вместе год назад на блошином рынке, и, как обычно, выглядел Ален всклокоченным, но совершенно в своей стихии. Потрепанный кожаный атташе-кейс изверг свое содержимое на небольшой квадрат полированного гранита: блокнотики на спирали, нечитаный том самого скандального романа месяца, «голуаз» без фильтра, коробок деревянных спичек, переплетенный в кожу ежедневник, который она приобрела ему в «Браунсе».

— А я уже думал, ты не придешь, — сказал он с улыбкой.

— Почему ты так решил? — спросила Марли.

Вопросом на вопрос — спонтанная реакция (какая жалкая, подумалось ей) в нелепой попытке замаскировать ужас, который она наконец позволила себе испытывать. Страх снова потерять себя, потерять волю и стимул жить, страх перед любовью, которая еще жива. Марли пододвинула второй стул и села. Возле нее тут же возник молодой официант в полосатом переднике — судя по виду, испанец, — чтобы принять заказ. Она заказала воду «Виши».

— Это все? — спросил Ален; официант услужливо наклонился.

— Да, спасибо.

— Я уже несколько недель пытаюсь с тобой связаться, — сказал Ален.

Марли понимала, что это ложь; и все же, как с ней часто случалось и ранее, спросила себя: а сознает ли он сам до конца, что снова лжет? Андреа утверждала, что подобные Алену лгут так постоянно и так искренне, что вскоре перестают различать, где в их словах правда, а где вымысел. Они своего рода артисты, говорила Андреа, они одержимы желанием переиначить реальность. И Новый Иерусалим тогда — воистину прекрасное местечко: свобода и от перерасхода кредитного лимита, и от ворчания домохозяев, и от необ-

ходимости искать кого-то, кто оплатил бы счет за вечер.

— Я что-то не заметила, чтобы ты пытался связаться со мной, когда Гнасс привел полицию.

Марли надеялась, что эта фраза заставит его хотя бы поморщиться. Впустую. Мальчишеское лицо под шапкой непослушных русых волос, которые он по привычке зачесывал назад пятерней, осталось невозмутимо-спокойным.

— Прости, — только и сказал он, давя в пепельнице «голуаз».

Аромат черного французского табака постепенно стал ассоциироваться для Марли с Аленом, и Париж теперь казался ей городом, где на каждом шагу его запах, его призрак, цепочка его следов.

— Я был уверен, что он никогда не обнаружит, гм… происхождение работы… Ты должна понять: как только я признался самому себе, насколько отчаянно мы нуждаемся в деньгах, я решил, что должен что-то предпринять. Я же знаю: сама ты — идеалистка. Галерею в любом случае пришлось бы закрыть. Если бы с Гнассом все прошло по плану и мы получили бы все, что хотели, ты была бы счастлива. Счастлива, — повторил он, вытаскивая очередную сигарету из пачки.

Марли могла лишь ошеломленно смотреть на

него, испытывая тошнотворное отвращение к самой себе за желание в это поверить.

— Знаешь, — продолжал он, вынимая спичку из красно-желтого коробка, — у меня ведь и раньше были сложности с полицией. В студенческие годы. Политика, разумеется.

Он чиркнул спичкой, бросил на стол коробок и прикурил.

— Политика, — произнесла она и вдруг поняла, что ей отчаянно хочется рассмеяться. — Я и не подозревала, что существует партия для таких, как ты. Даже представить себе не могу, как она может называться.

— Марли, — сказал он, понизив голос; он всегда так делал, желая подчеркнуть силу своих чувств, — ты же знаешь, не можешь не знать, что я сделал это ради тебя. Ради нас, если хочешь. Но ты, конечно же, это знаешь. Ты же знаешь, ч*увствуешь*, Марли, что намеренно я никогда бы тебя не обидел, не подверг бы опасности.

На загроможденном столике не нашлось места для ее сумочки, пришлось поставить ту на колени. Теперь Марли вдруг осознала, что впивается ногтями в мягкую толстую кожу.

— Никогда бы не обидел…

Голос был ее собственным, а в нем — потерян-

ность и ошеломление. Голос ребенка. Внезапно она почувствовала себя свободной, свободной от любви и желания, свободной от страха, и все, что она испытывала к красивому лицу по ту сторону стола, исчерпывалось примитивным отвращением. И она могла только смотреть на него в упор, на этого совсем чужого ей человека, рядом с которым она целый год спала в задней комнатке очень маленькой галереи на рю Мосонсей. Официант поставил перед ней стакан «Виши».

Ален, должно быть, воспринял ее молчание за готовность к примирению, абсолютную пустоту ее лица — за открытость.

— Вот чего ты не понимаешь… — (Насколько она помнила, эта фраза была его излюбленным вступлением.) — Все эти Гнассы существуют в каком-то смысле лишь для того, чтобы поддерживать искусство. Поддерживать нас, Марли. — Тут он улыбнулся, как будто смеясь над самим собой, улыбнулся беспечной, заговорщицкой улыбкой, от которой теперь ее пробрал холод. — Однако, думаю, мне все же следовало признать за ним крупицу здравого смысла, предположить, что у него хватит ума нанять собственного эксперта по Корнеллу. Хотя мой эксперт, уверяю тебя, из них двоих был гораздо компетентнее…

Как ей отсюда сбежать? «Встань, — сказала она самой себе. — Повернись. Спокойно пройди к выходу. Выйди через дверь». Наружу, в приглушенное изобилие «Двора Наполеона», где полированный мрамор сковал рю де Шам Флери, улочку четырнадцатого века, которая, говорят, сначала предназначалась для проституток. Что угодно, все что угодно, только бы уйти. Уйти прямо сейчас — и подальше от него. Уйти куда глаза глядят, чтобы затеряться в Париже, городе туристов, исхоженном ею вдоль и поперек еще в первый свой приезд.

— Но теперь, — говорил Ален, — ты же сама видишь, что все вышло к лучшему. Так часто случается, правда ведь? — И снова эта улыбка, на этот раз мальчишеская, слегка завистливая и — к ее ужасу — гораздо более интимная. — Мы потеряли галерею, но ты нашла место, Марли. У тебя есть работа, интересная работа, а у меня — связи, которые тебе понадобятся. Я знаю людей, с которыми тебе нужно будет встретиться, чтобы найти своего художника.

— Своего художника? — переспросила она, скрывая внезапную растерянность за глотком «Виши».

Открыв потрепанный кейс, он вынул оттуда

нечто плоское — самую обычную эхо-голограмму. Марли взяла ее, благодарная, что хоть чем-то может занять руки, — и, всмотревшись, поняла, что это небрежно сделанный снимок шкатулки, которую она видела в вирековском конструкте Барселоны. Кто-то протягивал шкатулку вперед к камере. Руки мужские, не Алена, на правой — перстень-печатка из какого-то темного металла. Фон расплывался. Только шкатулка и руки.

— Ален, — с трудом выдавила она, — откуда у тебя это?

Подняв глаза, она встретила взгляд карих глаз, полных пугающего ребяческого триумфа.

— Кое-кому очень дорого придется заплатить, чтобы это выяснить. — Он загасил сигарету. — Извини.

Встав из-за стола, Ален удалился в сторону туалетов. Когда он исчез за зеркалами и черными стальными балками, она уронила голограмму и, потянувшись через стол, откинула крышку кейса. Ничего, только синяя эластичная лента и табачные крошки.

— Принести вам что-нибудь еще? Может быть, еще «Виши»? — Подле нее стоял официант.

Она подняла на него глаза, ее вдруг поразила не мысль, а скорее ощущение, что она знает этого

человека. Худое смуглое лицо…

— У него радиопередатчик, — вполголоса проговорил официант. — К тому же он вооружен. Я был тем коридорным в Брюсселе. Соглашайтесь на его условия. Помните, что деньги для вас значения не имеют. — Он взял ее стакан и аккуратно поставил его на поднос. — И очень вероятно, что эта игра для него закончится плохо.

Вернулся Ален. Улыбающийся.

— А теперь, дорогая, — сказал он, потянувшись за сигаретами, — мы можем поговорить о деле.

Марли улыбнулась в ответ и кивнула.

Глава 11

На площадке

Он наконец позволил себе поспать часа три. Рухнул на матрас в бункере без окон, где передовая группа обустроила командный пункт. Прежде чем лечь, Тернер познакомился с остальными членами команды. Рамирес оказался худым, нервным, постоянно зацикленным на собственной сноровке компьютерного жокея. Немудрено: вся команда зависела от его способности — в тандеме с Джейлин Слайд на океанской платформе — сле-

дить за киберпространством вокруг того сектора решетки, где располагались основательно обледенелые базы данных «Маас-Биолабс». Если в последний момент «Маас» все же засечет присутствие незваных гостей, Рамиресу, возможно, удастся передать хоть какое-то предупреждение. В его задачу входило также перегонять данные медицинского обследования из нейрохирургического бокса на нефтяную платформу — сложная многоступенчатая процедура, позволяющая удерживать «Маас» в неведении. Линия шла сперва к телефонной будке посреди пустыни. Проскочив через эту будку как в дверь, Рамирес и Джейлин будут действовать в матрице на свой страх и риск. Если они спалятся, «Маас» сможет вычислить их площадку. Был еще Натан, ремонтник, чья подлинная работа заключалась в надзоре за оборудованием в бункере. Если рухнет какая-то часть системы, будет небольшой шанс, что он сумеет все это исправить. Натан принадлежал к той же разновидности рода человеческого, что и Оуки и тысячи ему подобных, с которыми Тернер работал многие годы, — бродячие техи, любившие доплату за риск и доказавшие, что умеют держать рот на замке. Остальные: Комптон, Тедди, Коста и Дэвис — это просто дорогостоящие

шестерки, солдаты удачи, в общем, тот тип людей, кого нанимают помахать кулаками. Именно ради них Тернер с особым тщанием прилюдно расспросил Сатклиффа о том, как подготовлено отступление. Сатклиффу пришлось подробно объяснить, где сядут вертолеты, каков порядок загрузки и как и когда в точности будет произведена выплата денег.

Потом Тернер попросил всех оставить его в бункере одного и приказал Уэббер разбудить его через три часа.

Сам бункер предполагался то ли как насосная станция, то ли что-то вроде коммутатора электронных сетей. Выступавшие из стен обрубки пластмассовых труб в равной степени могли служить как для телефонных линий, так и для линий канализации. Тернер внимательно осмотрел помещение и не нашел никаких признаков того, что какая-нибудь из этих труб была раньше куда-то подсоединена. Потолок, единый пласт литого бетона, нависал слишком низко, чтобы Тернер мог выпрямиться во весь рост. В бункере стоял сухой, пыльный, но в общем и целом не такой уж неприятный запах. Команда вычистила помещение, прежде чем занести столы и оборудование, но на полу завалялось несколько желтых

хлопьев газетной бумаги, которые рассыпались при прикосновении. Кое-где Тернер различал буквы, иногда целое слово.

Вдоль двух стенок буквой «Г» выстроились походные металлические столы, заставленные множеством сверхсложных коммуникационных приборов. Лучшее, что смогла раздобыть «Хосака», подумал он.

Хоть и приходилось пригибаться, он внимательно осмотрел все столы, легонько касаясь каждой консоли, каждого черного ящика. Основательно модифицированная армейская бортовая рация, настроенная на пакетную передачу. Она обеспечит им связь в том случае, если Рамирес и Джейлин напортачат с передачей по телефонному кабелю. Пакеты были записаны заранее — тщательно продуманная техническая белиберда, закодированная лучшими шифровальщиками «Хосаки». Содержание каждого отдельного пакета не имело никакого смысла, но последовательность, в которой они будут передаваться, должна донести довольно примитивное сообщение. Последовательность «Би-Си-Эй» проинформирует «Хосаку» о прибытии Митчелла; «Эф-Ди» — о его отбытии с площадки, «Эф-Джи» даст сигнал о смерти перебежчика и, соответ-

ственно, свертывании операции. Нахмурившись, Тернер побарабанил пальцами по рации. Ему совсем не нравилось, как Сатклифф все это организовал. Если извлечение провалится, маловероятно, что они выберутся отсюда, — не говоря уже о том, чтобы убраться, не оставляя следов. К тому же Уэббер преспокойно сообщила, что ей дан приказ в случае провала операции расстрелять хирургический бокс из ручного противотанкового ракетомета.

— Врачи это знают, — сказала Уэббер. — Готова поспорить, им за это и платят.

Остальные члены команды всецело зависели от вертолетов, базирующихся в окрестностях Тусона. Тернер прикинул, что «Маас», если что-то пронюхает, без труда сможет перехватить их на подлете. Когда он изложил свои возражения Сатклиффу, австралиец только пожал плечами:

— Ну это, конечно, не то, как я сыграл бы при лучшем раскладе, коллега, но всех нас тут время несколько поджимало, да?

Рядом с передатчиком разместился сложный биомонитор «Сони», напрямую соединенный с нейрохирургическим боксом. В его память заранее загрузили медицинскую карту Митчелла, переписанную с биософта. Когда придет их черед,

хирурги получат доступ к медкарте перебежчика; процедуры же, производимые в боксе, будут одновременно передаваться назад на «Сони» для архивации. Затем Рамирес, нарастив на архивные блоки ледяную корку, сможет закидывать данные в киберпространство, где для страховки параллельно подключится Джейлин Слайд со своей деки на нефтяной платформе. Если все пройдет гладко, то к тому моменту, когда Тернер на истребителе доставит Митчелла в Мехико, в исследовательском центре «Хосаки» ученого уже будет ждать обновленная медкарта. Тернер никогда не видел ничего подобного этому «Сони», но мог предположить, что у голландца в его сингапурской клинике наверняка было что-то похожее. С этой мыслью он поднял руку к голой груди и провел пальцами по давно исчезнувшему шраму от пересадки ткани.

На втором столе размещалась киберпространственная аппаратура. Дека была идентична той, какую он видел на нефтяной платформе: прототип «Маас-Неотек». Конфигурация деки выглядела стандартной, но Конрой говорил, что она собрана из новых биочипов. На крышку консоли был прилеплен ком бледно-розового пластика величиной с кулак. Кто-то — может быть, и Рами-

рес — выдавил в нем два глаза и грубо прочертил кривую идиотскую ухмылку. Два провода, голубой и желтый, тянулись из розового лба рожицы к одной из черных труб, выступающих из стены за консолью. Еще одна — спасибо Уэббер — мера предосторожности на случай «маасовской» атаки. Тернер, хмурясь, поглядел на провода: если в таком маленьком, да еще закрытом помещении рванет заряд такой мощности, в бункере с гарантией не выживет никто.

Болели плечи, макушка то и дело чиркала по шершавому бетону потолка, но Тернер продолжал свою инспекцию. Остальную часть стола занимали периферийные устройства — несколько черных коробок, расставленных с маниакальной тщательностью. Тернер подозревал, что каждый модуль находится на строго определенном расстоянии от соседа и что они предельно точно выровнены относительно друг друга. Рамирес, должно быть, расставил их собственноручно, и Тернер не сомневался, что, коснись он какой-нибудь коробочки, сдвинь ее хоть на десятую долю миллиметра, жокей тотчас же узнает об этом. С подобным невротичным подходом Тернер, и ранее имевший дело с компьютерщиками, уже сталкивался, так что о Рамиресе это не говорило

ровным счетом ничего. Впрочем, Тернер встречал и других жокеев, которые, бывало, выворачивали этот невроз наизнанку, превращая свои пульты в беспорядочную мешанину кабелей и проводов, напоминающую крысиное гнездо; эти суеверно чурались любого проявления опрятности, оклеивая свои консоли картинками игральных костей и скалящимися черепами. Ничего нельзя предугадать заранее, думал Тернер; или Рамирес и вправду хорош, или все они, что вполне вероятно, скоро станут трупами.

На дальнем конце стола лежали пять клипсовых раций «Телефункен» с самоклеющимися горловыми микрофонами — каждая запаяна в индивидуальную пузырчатую упаковку. Во время критической фазы побега, которую Тернер оценивал в двадцать минут до и после прибытия Митчелла, он сам, Рамирес, Сатклифф, Уэббер и Линч будут поддерживать связь через эфир, хотя использование передатчиков следовало свести к минимуму.

За «Телефункенами» — немаркированная пластиковая коробка с двадцатью шведскими катализаторными грелками для рук; плоские обтекаемые бруски из нержавеющей стали вложены каждый в свой чехол из рождественской

красной фланели, стянутый шнурком.

— Ну, умен, собака, — задумчиво сказал Тернер коробке. — До этого я мог бы додуматься и сам…

Он уснул на рифленой поролоновой подстилке из снаряжения автостопщиков, развернутой на полу командного поста, накинув на себя, как одеяло, парку. Конрой был прав насчет ночного холода в пустыне, но бетон, казалось, еще сохранял дневной жар. Комбинезон и туфли Тернер снимать не стал; Уэббер посоветовала, чтобы, одеваясь, он всякий раз тщательно встряхивал одежду и обувь.

— Скорпионы, — пояснила она. — Они любят пот, любую влагу.

Прежде чем лечь, он вынул из нейлоновой кобуры «смит-и-вессон», аккуратно положил его возле поролона. Оставив включенными два фонаря на батарейках, Тернер смежил веки.

И соскользнул в мелководье сна. Замелькали беспорядочные образы; фрагменты митчелловского досье сливались с кадрами его собственной жизни. Вот они с Митчеллом таранят автобусом стеклянную стену и, не снижая скорости, влетают в вестибюль гостиницы в Марракеше. Ученый радостно улюлюкает, нажимая на кнопку, которая взрывает две дюжины канистр с нитроцеллю-

лозой, прикрученных по бокам машины, и Оуки тоже тут — предлагает Тернеру виски из бутылки и желтый перуанский кокаин с круглого зеркальца в пластиковом ободке, которое он в последний раз видел в сумочке Эллисон. Тернеру кажется, что он видит за окнами автобуса Эллисон, задыхающуюся в клубах газа; он пытается сказать об этом Оуки, указать на нее, но стекла сплошь залеплены голограммами мексиканских святых, почтовыми открытками с изображением Девы Марии, и Оуки протягивает что-то круглое и гладкое, шар из розового хрусталя… И Тернер видит свернувшегося внутри паука, паука из ртути, но Митчелл смеется — с его зубов капает кровь — и протягивает раскрытую ладонь, предлагая Тернеру серый биософт. Тернер видит, что досье — это на самом деле мозг. Серовато-розовый и живой под влажной прозрачной мембраной, мозг мягко пульсирует в руке Митчелла… И тут Тернер, обрушившись с какого-то подводного уступа сна, плавно погружается в беззвездную ночь.

Его разбудила Уэббер. Ее жесткие черты лица были обрамлены квадратом дверного проема, на плечах складками собралось прибитое к притолоке армейское одеяло.

— Вот твои три часа. Медики проснулись, если

хочешь — можешь с ними поговорить, — с этими словами она удалилась. Под тяжелыми ботинками заскрипел гравий.

Врачи «Хосаки» ждали возле автономного нейрохирургического бокса. В свете пустынного заката в своих модно измятых выходных костюмах — последний писк сезона с Гиндзы[38] — они выглядели так, будто только что сошли с платформы какого-нибудь передатчика материи. Один из мужчин кутался в огромный, не по росту, мексиканский жилет ручной вязки, что-то вроде перепоясанного кардигана, такие Тернер видел на туристах в Мехико. Остальные двое спрятались от холода пустыни под дорогими герметичными лыжными куртками. Мужчины были на голову ниже кореянки — эта стройная женщина с резкими архаичными чертами лица и ярко-красным ирокезом на голове напомнила Тернеру хищную птицу. Конрой сказал, что двое — люди компании, и Тернер отчетливо это ощутил. А вот в женщине чувствовалась аура, присущая его собственному миру. Подпольный врач, человек вне закона. Вот кто нашел бы общий язык с голландцем, подумал он.

---

[38] Примечания: 38

Гиндза — торговая улица в центре Токио, средоточие модных магазинов.

— Я Тернер, — представился он. — Я отвечаю за операцию.

— Наши имена вам без надобности, — отрезала женщина, а двое врачей из «Хосаки» машинально поклонились; обменявшись взглядами, они посмотрели на Тернера, потом снова на кореянку.

— Верно, — отозвался Тернер, — необходимости нет.

— Почему нам до сих пор отказывают в доступе к медицинским данным нашего пациента? — спросила кореянка.

— Требования безопасности, — сказал Тернер.

Ответ вышел почти автоматическим. На самом деле он не видел причин препятствовать им в изучении досье Митчелла.

Женщина пожала плечами и отвернулась. Ее лицо скрылось за поднятым воротником гермокуртки.

— Желаете осмотреть бокс? — спросил японец в огромном кардигане. Лицо его выражало настороженную вежливость — маска безупречного служащего корпорации.

— Нет, — ответил Тернер. — Мы перевезем вас на стоянку за двадцать минут до прибытия пациента. Снимем колеса, опустим бокс, для равновесия подставим домкраты. Сливной шланг

будет отсоединен. Модуль должен быть в полной готовности через пять минут после того, как мы опустим его на землю.

— Проблем не будет, — улыбнулся японец.

— Теперь расскажите мне, что вы намерены предпринять. Что вы собираетесь сделать с пациентом и как это может на нем отразиться.

— Так вы *не знаете*? — резко спросила женщина, поворачиваясь, чтобы взглянуть ему в лицо.

— Я попросил *вас* рассказать *мне*, — отрезал Тернер.

— Мы немедленно проведем сканирование на предмет смертельных имплантатов, — сказал мужчина в кардигане.

— Это что, какие-нибудь бомбы в коре головного мозга?

— Сомневаюсь, что мы столкнемся с чем-то настолько грубым, — вступил второй. — Однако мы действительно просканируем его на предмет всего спектра устройств, вызывающих летальный исход. Одновременно будет сделан полный анализ крови. Насколько мы понимаем, его нынешние работодатели специализируются на исключительно сложных биохимических системах. Поэтому вполне вероятно, что наибольшую опасность следует ожидать именно с

этой стороны.

— В настоящее время довольно модно начинять служащих высших эшелонов подкожными устройствами, которые впрыскивают в кровь препараты, сходные с инсулином, — вмешался его напарник. — Так у субъекта можно вызвать искусственную зависимость от, скажем, синтетического аналога определенного фермента. В том случае, если подкожные капсулы не перезаряжаются через регулярные промежутки времени, удаление от источника — в данном случае от работодателя — может привести к травме.

— Мы готовы справиться и с этим, — вставил второй.

— Ни один из нас даже отдаленно не готов иметь дело с тем, с чем, как я подозреваю, нам придется столкнуться, — сказала подпольный врач.

Голос ее был холоден, подобно ветру, который дул теперь с востока. Тернер слышал, как над головой по ржавым листам металла шипит песок.

— Пойдем со мной, — бросил ей Тернер.

Затем развернулся и, не оглядываясь, зашагал прочь. Вполне возможно, она ослушается его приказа, в таком случае он потеряет лицо перед остальными хирургами, но это казалось правиль-

ным ходом. Отойдя метров на десять от трейлера, он остановился. Услышал ее шаги по гравию.

— Что тебе известно? — не оборачиваясь, спросил он.

— Возможно, не больше, чем тебе, — сказала она, — а может, и больше.

— Очевидно, больше, чем твоим коллегам.

— Они исключительно талантливые люди. Но они также и… слуги.

— А ты нет.

— Как и ты, наемник. На эту операцию меня вызвали из лучшей подпольной клиники Тибы. Чтобы подготовиться к встрече с этим прославленным пациентом, мне передали значительный объем материала. Нелегальные клиники Тибы — передний край медицинской науки. Даже «Хосака» не могла этого знать: мое положение в подпольной медицине позволит мне догадаться, что именно может носить в голове перебежчик. Улица пытается найти применение многим вещам, мистер Тернер. Уже несколько раз меня приглашали, чтобы извлечь эти новые имплантаты. Кое-какие из усовершенствованных микробиосхем «Мааса» уже просочились на рынок. Подобные попытки вживления — шаг вполне логичный. Я подозреваю, что «Маас»

преднамеренно допускает утечку своих биосхем.

— Тогда объясни мне.

— Не думаю, что я в состоянии это сделать. — В ее голосе послышался странный оттенок смирения. — Я сказала тебе, что видела это. Я не сказала, что я понимаю. — Внезапно кончики ее пальцев пробежались по коже возле разъема в его черепе. — По сравнению с вживленными биочипами твой имплантат — все равно что деревянная нога рядом с микроэлектронным протезом.

— Но в данном случае это представляет угрозу для жизни?

— Где уж там, — сказала кореянка, убирая руку, — только не для его собственной…

А потом он услышал, как она устало побрела назад, к хирургическому трейлеру.

Конрой прислал гонца с микрософтом, призванным помочь Тернеру в пилотировании истребителя, на котором он собирался вывезти Митчелла в исследовательский центр «Хосаки» в Мехико. Гонцом оказался почерневший на солнце человек с безумным взглядом, которого Линч называл Гарри. Это привидение с мускулами как веревки прикатило со стороны Тусона на отполированном песком велосипеде с лысыми полуспущенными шинами и рулем, обмотанным

полосками сыромятной кожи, желтой как кость. Пока Линч вел его через автостоянку, Гарри напевал что-то себе под нос — странный звук в напряженной тишине. Его песня, если это можно было назвать песней, звучала, как будто кто-то крутит наугад ручку сломанного радиоприемника, водя стрелкой вверх-вниз по полуночным милям шкалы и вылавливая то госпел, то обрывки международных поп-хитов за последние двадцать лет. Гарри волок велосипед на себе, просунув под раму выжженное, по-птичьи худое плечо.

— Гарри кое-что привез для тебя из Тусона, — сказал Линч.

— Вы знаете друг друга? — спросил Тернер, в упор глядя на Линча. — Может, есть общий знакомец?

— Как это понимать? — вскинулся Линч.

Тернер выдержал взгляд:

— Ты знаешь, как его зовут.

— Он сам мне назвал свое сраное имя, Тернер.

— Зовите меня Гарри, — сказал обгоревший человек и забросил велосипед в кусты.

Он безучастно улыбнулся, показав неровные выщербленные зубы. Пленка пота и пыли покрывала его голую грудь, на которой болталось

странное ожерелье: на тонкую металлическую цепочку были нанизаны кусочки животного рога и меха, латунные гильзы и медные монеты, стертые от употребления так, что почти невозможно было различить, где орел, где решка. Среди всего этого барахла висел маленький кисет из мягкой коричневой кожи.

Некоторое время Тернер разглядывал ассортимент вывешенных на узкой груди предметов, а затем протянул руку и щелкнул по кривому хрящу на плетеном шнурке.

— А это что, черт побери, такое, Гарри?

— Енотов хер, — ответил тот. — У енота в шишке есть кость, причем на суставе. Это мало кто знает.

— Ты когда-нибудь встречал моего друга Линча раньше, а, Гарри?

Гарри сморгнул.

— У него были пароли, — подал голос Линч. — Существует иерархия срочности. Он знал самый старший. Он сам назвал мне свое имя. Я тебе еще нужен или я могу вернуться к работе?

— Иди, — отозвался Тернер.

Как только Линч оказался вне пределов слышимости, Гарри стал распутывать завязки кожаного кисета.

— Не стоило так обращаться с мальчиком, — заметил он. — Он и вправду очень хорош. Честное слово, я не заметил его, пока он не приставил игольник к моей шее. — Открыв мешочек, он осторожно запустил в него руку.

— Скажи Конрою, что я раскусил его шестерку.

— Прости, — сказал Гарри, извлекая сложенный пополам желтый блокнотный листок, — кого ты раскусил? — Он протянул листок Тернеру. Внутри было что-то еще.

— Линча. Он — шестерка Конроя здесь. Так ему и передай.

Тернер развернул листок и вынул толстый армейский микрософт. На бумаге синими крупными буквами было накорябано: «НИ ПУХА НИ ПЕРА, ЗАДНИЦА. УВИДИМСЯ В КОНСУЛЬСТВЕ».

— Ты действительно хочешь, чтобы я ему это передал?

— Да.

— Ты — босс.

— Вот именно, мать твою, — сказал Тернер и, скомкав бумагу, засунул ее Гарри под мышку.

Гарри улыбнулся — мило и безучастно. Ненадолго всплывший в нем разум вновь ушел на дно, как некое водяное животное, нырнувшее в гладкое, скучное, протухшее на солнце море.

Тернер заглянул в глаза, похожие на потрескавшийся желтый опал, и не увидел там ничего, кроме солнца и заброшенной трассы. Рука с отсутствующими последними фалангами на двух пальцах поднялась и рассеянно почесала недельную щетину.

— Вали отсюда, — сказал Тернер.

Гарри повернулся, вытащил из зарослей свой велосипед, хрюкнув, забросил его на плечо и побрел назад через полуразрушенную автостоянку. Огромные драные шорты цвета хаки полоскались у его коленей, коллекция цепочек тихонько позвякивала на каждом шаге.

С холма метрах в двадцати левее донесся свист. Обернувшись, Тернер увидел, что Сатклифф машет ему рулоном оранжевой геодезической ленты. Пора было начинать выкладывать посадочную полосу для Митчелла. Работать придется быстро, пока солнце еще не слишком поднялось. И все равно будет очень жарко.

— Значит, — сказала Уэббер, — он прибывает по воздуху.

Повесив коричневый плевок на желтый кактус, она запихнула за щеку новую порцию копенгагенского табака.

— Вот именно, — ответил Тернер.

Он сидел рядом с ней на выступе сланцевой породы. Оба наблюдали за тем, как Линч и Натан расчищают посадочную полосу, которую Тернер с Сатклиффом огородили оранжевой лентой. Лента маркировала прямоугольник размером четыре на двадцать метров. Линч подволок к ленте отрезок проржавевшего рельса, с натугой перевалил через нее. Когда рельс загремел о бетон, что-то метнулось прочь через кусты.

— А они ведь могут увидеть эту ленту, если захотят, — сказала Уэббер, вытирая рот тыльной стороной ладони. — Даже заголовки в утреннем факсе могут прочесть, если им того захочется.

— Знаю, — отозвался Тернер. — Но если они еще не знают, что мы здесь, сомневаюсь, что они вообще об этом узнают. А с трассы нас не видно. — Он поправил черную нейлоновую каскетку, которую дал ему Рамирес, опустив длинный козырек так, что тот уперся в солнечные очки. — Во всяком случае, мы пока просто таскаем тяжести, рискуя при этом переломать себе ноги. Едва ли в этом есть что-то странное, особенно если смотреть с орбиты.

— Пожалуй, — согласилась Уэббер.

Ее испещренное шрамами лицо под черными очками оставалось совершенно бесстрастным. Со

своего места Тернер чуял запах ее пота, резкий и звериный.

— Что ты, черт побери, делаешь между контрактами, Уэббер? Когда ты не в деле? — спросил он, посмотрев на нее.

— Да побольше тебя, черт побери, — сказала она. — Часть года выращиваю собак. — Она вытащила из сапога нож и начала терпеливо править его о подметку, плавно поворачивая с каждым проходом, как мексиканский брадобрей, натачивающий свою бритву. — Ужу рыбу. Форель.

— У тебя там есть родня? В смысле, в Нью-Мексико?

— Да побольше, наверно, чем у тебя, — ровным голосом проговорила она. — Думаю, такие, как ты или Сатклифф, вы вообще ниоткуда. Живете только в деле, ведь так, Тернер? Только здесь, только сегодняшним днем, тем днем, когда прибудет ваш мальчик. Я права? — Она попробовала заточку на ногте большого пальца, потом убрала нож обратно в ножны.

— Но у тебя есть семья? Мужчина, к которому ты вернешься?

— Женщина, если хочешь знать, — сказала она. — Ты хоть что-то понимаешь в собаководстве?

— Нет, — ответил он.

— Так я и думала. — Она искоса взглянула на него. — У нас есть и ребенок. Наш собственный. Она его выносила.

— Срастили ДНК?

Она кивнула.

— Дорогое удовольствие.

— Вот именно. Если бы не надо было выплачивать кредит, меня бы здесь не было. Но она прекрасна.

— Твоя женщина?

— Наша малышка.

Глава 12

Кафе «Блан»

Идя прочь от Лувра, Марли словно кожей чувствовала, как беззвучно смещаются блоки некоего сложного шарнирного механизма, подстраиваясь к каждому ее шагу. Официант — всего лишь часть огромного целого: робкое касание, пальпация. Целое должно быть больше, гораздо больше. Как она только вообразила, что можно жить, передвигаться в противоестественном силовом поле Вирекова богатства, не подвергаясь

искажению? Выбрав очередной объект — жалкую тряпицу с ярлычком «Марли Крушкова», — Вирек провернул его через чудовищные невидимые жернова своих денег. И объект изменился. Конечно, думала Марли, конечно: они постоянно вертятся вокруг меня — бдительные и незримые колесики необъятного и тонкого механизма, с помощью которого и наблюдает герр Вирек.

Некоторое время спустя она обнаружила, что стоит на тротуаре под террасой с вывеской «Блан». Кафе показалось ничем не хуже любого другого. Месяц назад она обошла бы его стороной — слишком много вечеров они провели здесь вместе с Аленом. Теперь же, осознавая, что это и есть свобода, Марли решила, что начнет заново открывать свой собственный Париж с выбора столика в кафе «Блан». Она села возле боковой ширмы. Заказала официанту коньяк и, зябко ежась, стала смотреть на текущий мимо поток транспорта, на бесконечную реку из стекла и стали. А вокруг нее за соседними столиками незнакомые парижане ели и улыбались, пили и ссорились, с горечью прощались или клялись в вассальной верности полуденному чувству.

Но — тут Марли улыбнулась — ведь и она принадлежит к этой жизни. Что-то просыпалось в

ней после долгого оцепенелого сна, что-то возвращенное ей в тот миг, когда полностью открылись глаза на жестокость Алена и на то, что она по-прежнему желает любить его. Теперь же, сидя в ожидании коньяка, Марли чувствовала, как это желание растворяется само собой. Жалкая ложь Алена странным образом разорвала путы ее депрессии. Марли не видела в этом логики: в глубине души — и задолго до истории с Гнассом — она знала, чем именно в этом мире занимается Ален. Впрочем, какая разница — для любящего-то человека? Наслаждаясь давно забытым чувством свободы, она решила, что плевать ей на логику. Достаточно того, что она жива, сидит за столиком в «Блан» и придумывает вокруг себя сложнейший механизм, который — как она теперь знает — запустил герр Вирек.

Парадокс, думала она, глядя, как на террасу поднимается молодой официант из «Двора Наполеона». Он был все в тех же темных брюках, однако передник сменил на синюю ветровку. Темные волосы мягким крылом падали на чистый лоб. Улыбаясь, он направился к ней, твердо уверенный, что никуда она не убежит. И тут какой-то внутренний голос шепнул вдруг Марли, что надо бежать, бежать куда глаза глядят, но

она знала, что даже не стронется с места. Парадокс, повторила она сама себе, наслаждаться открытием, что ты не вместилище вселенских горестей и сожалений, а всего лишь еще одно не застрахованное от ошибок животное в каменном лабиринте огромного города, — и в то же время понимать, что отныне ты — ось вращения огромного устройства, работающего на топливе чьего-то тайного желания.

— Меня зовут Пако, — сказал молодой человек, отодвигая стоящий напротив нее крашенный белым железный стул.

— Это вы были ребенком, мальчиком в парке?…

— Да, очень давно. — Он сел. — Сеньор сохранил образ моего детства.

— Я как раз сидела и думала о вашем сеньоре. — Она смотрела не на него, а на проезжавшие мимо машины; взгляд отдыхал на потоке уличного движения, на многоцветье полимеров и раскрашенной стали. — Человек, подобный Виреку, не способен абстрагироваться от собственного состояния. А его деньги давно уже живут собственной жизнью. Может быть, даже обрели собственную волю. Он почти так и сказал при нашей встрече.

— А вы философ.

— Я инструмент, Пако. Я самая новая деталь в очень старой машине в руках очень старого человека, который желает пробраться куда-то или добиться чего-то, но до сих пор терпел неудачу. Ваш хозяин перебрал тысячи инструментов и почему-то предпочел меня…

— Да вы еще и поэт!

Она рассмеялась, отведя взгляд от машин. Пако улыбался, вокруг рта запали глубокие вертикальные складки.

— По дороге сюда я представляла себе некую конструкцию, механизм — настолько огромный, что я не способна его увидеть. Механизм, который окружает меня, предугадывая каждое мое движение.

— Так вы еще и эгоцентрист?

— Неужели?

— Пожалуй, нет. Естественно, вы под наблюдением. Наблюдают наши люди, и это к лучшему. Далее, ваш друг в баре — мы следим также и за ним. К несчастью, нам пока не удалось установить, где он приобрел ту голограмму, которую показывал вам. Вполне вероятно, она уже была у него, когда он начал названивать вашей подруге. Кто-то вышел на него, понимаете? Вам его специально подставили. Вы не находите это

интригующим? Разве это не задевает притаившегося в вас философа?

— Да, наверное. В баре я воспользовалась вашим советом и согласилась на его цену.

— Тогда он ее удвоит, — улыбнулся Пако.

— Что, как вы заметили, не имеет для меня значения. Он согласился связаться со мной завтра. Полагаю, вы сможете устроить выплату денег. Он требует наличные.

— Наличные, — он закатил глаза, — как рискованно! Да, могу. Подробности мне известны. Мы следили за ходом вашей беседы. Особого труда это не составило, поскольку он был настолько любезен, что сам вещал через капельный микрофон. Нас весьма интересует, кому именно предназначалась передача, но боюсь, он и сам этого не знает.

— Это так не похоже на него, — нахмурилась Марли. — Извиниться, оборвать разговор, не выставив прежде своих требований. Он воображает, что у него исключительное чутье на драматичность момента.

— У него не было выбора, — спокойно отозвался Пако. — Мы спровоцировали помехи, которые он принял за сбой батареи в передатчике. Что потребовало прогулки к туалетам. Он говорил

очень мерзкие вещи о вас, сидя один в кабинке.

Марли жестом указала на свой стакан проходившему мимо официанту.

— Мне все еще довольно сложно определить, какую роль во всем этом играю я. В чем моя ценность. Для Вирека, я имею в виду.

— Не спрашивайте меня. Это вы тут философ. Я же просто по мере сил исполняю приказания сеньора.

— Выпьете бренди, Пако? Или, быть может, чашку кофе?

— Французы, — с глубокой убежденностью заявил он, — ничего не понимают в кофе.

Глава 13

Обеими руками

— Можно еще раз повторить? — спросил Бобби с полным ртом, набитым рисом с яйцом. — По-моему, ты только что сказал, что это не религия.

Сняв пустую оправу, Бовуар сощурился вдоль одной из дужек.

— Этого я не говорил. Я сказал, что тебя не должно заботить, религия это или нет, — вот и все. Это просто структура. Давай лучше обсудим

происходящее, иначе мы можем не найти для этого слов, концепций…

— Но ты говоришь, что эти, как ты их там назвал, лоы…

— Лоа, — поправил Бовуар, бросая очки на стол. Он вздохнул, выудил из пачки Дважды-в-День китайскую сигарету и прикурил от оловянного черепа. — Что во множественном числе, что в единственном. — Он глубоко затянулся, потом, раздув ноздри, выпустил двойную струю дыма. — Когда ты говоришь «религия», что именно приходит тебе в голову?

— Ну, сестра моей матери, она сайентистка, причем твердокаменная, понимаешь? Есть еще одна тетка, в другом конце коридора, та — католичка. А моя старуха… — Он помедлил, еда внезапно стала безвкусной. — Она иногда вешала в моей комнате всякие голограммы. Иисус, или Хаббард, или еще какое дерьмо. Вот, пожалуй, что я имею в виду.

— С вуду все немного иначе, — сказал Бовуар. — Вуду не интересуют категории спасения или трансцендентальности. Скорее, речь идет о том, как улаживать дела. Поспеваешь за мной? В нашей системе *много* богов и духов. Все они — часть одной большой семьи, со всеми доброде-

телями, со всеми пороками. Есть традиционный ритуал явления всей общине, понимаешь? Вуду говорит: «Бог, конечно, есть — Гран Ме, — но Он велик, слишком велик и слишком далек, чтобы беспокоиться о том, что кто-то разгуливает с голой задницей, а кто-то не может кончить». Да брось ты, сам ведь знаешь, как это работает. Это — религия улицы, вышедшая с помоек миллионы лет назад. Вуду — как улица. Ты же не идешь походом на якудза, если какой-нибудь торчок покоцал твою сестру, правда? Никоим образом. Однако ты идешь к тому, кто может это уладить. Так?

Не переставая жевать, Бобби задумчиво кивнул. Еще один дерм и пара стаканов красного немало помогли, плюс крутой пиджак увел Дважды-в-День погулять среди деревьев и флюоресцентных чучел, оставив Бобби с Бовуаром. Потом объявилась веселая Джекки с большой миской этого самого риса с яйцом — кормежка оказалась не так уж плоха — и, ставя миску перед ним на стол, прижалась грудью к его плечу.

— Так вот, — продолжал Бовуар, — мы занимаемся улаживанием всяких дел. Если хочешь, работаем с системами. Тебя они тоже занимают, или, по крайней мере, ты хочешь ими заниматься, иначе не стремился бы в ковбои и у тебя не

было бы такого прозвища, да? — Он загасил бычок в захватанном пальцами стеклянном стакане с остатками красного вина. — Судя по всему, Дважды-в-День намеревался повеселиться всерьез — и как раз в тот момент, когда дерьмо попало в вентилятор.

— И что это было за дерьмо? — полюбопытствовал Бобби, тылом кисти вытирая рот.

— Ты, — нахмурился Бовуар. — Впрочем, все это — не твоя вина. Как бы ни пытался Дважды-в-День перевести стрелки на тебя.

— А он пытается? То-то он показался мне таким дерганым. И злобствует не по делу.

— Вот именно. Я бы скорее сказал, он в штаны наложил от страха.

— С чего бы это?

— Ну, видишь ли, с Дважды-в-День все не совсем так, как кажется. Я хочу сказать, он и в самом деле занимается этой фигней, о которой ты знаешь, впаривает свежетянутый софт барритаунским простофилям… прошу прощения… — Он хмыкнул. — Но основной его прицел, то есть, я хочу сказать, настоящие амбиции этого парня лежат в другой области… — Бовуар взял с подноса чахлое канапе и, осмотрев его с явным подозрением, швырнул через стол в гущу деревьев. — Его ос-

новное дело, видишь ли, — обслуживать парочку больших хунганов из Муравейника.

Бобби тупо кивнул.

— Людей, которые служат обеими руками.

— Тут я что-то совсем запутался.

— Мы с тобой говорим сейчас о профессиональных жрецах, можешь так это называть. Другими словами, просто представь себе пару больших людей — они же, кстати, помимо прочего, еще и компьютерные ковбои, — которые делают свой бизнес на том, что устраивают чужие дела. «Служить обеими руками» — есть у нас такое выражение, это значит, что они работают в обе стороны. И в белую и в черную, понимаешь?

Бобби проглотил рис, затем мотнул головой.

— Колдуны, — сказал Бовуар. — Впрочем, не важно. Люди они сердитые, а деньги у них большие, вот и все, что тебе требуется знать. Дважды-в-День работает для этих парней мальчиком на побегушках, шестеркой. Иногда он находит что-то, что может их заинтересовать, тогда он скидывает это им, а в качестве платы рассчитывает на одолжение в будущем. Случается, таких одолжений набегает, скажем, лишний десяток, и тогда уже *они* что-то скидывают *ему*. Только их «что-то» уже совсем иного калибра, поспеваешь

за мной? Скажем, они получили нечто, что, на их взгляд, обладает определенным потенциалом, но их самих пугает. Видишь ли, люди наверху склонны к некоторому консерватизму. Не понимаешь? Ну ладно, потом поймешь.

Бобби снова кивнул.

— Тот софт, который кто-нибудь вроде тебя берет напрокат у Дважды-в-День, — это ничто. Я хочу сказать, он, конечно, работает, но никто из серьезных людей не стал бы с ним возиться. Ты ведь смотришь ковбойские киношки, да? Так вот, то, что выдумывают для этих фильмов, — это детские игры по сравнению с той дрянью, с которой может столкнуться по-настоящему серьезный оператор. Особенно когда речь идет о ледорубах. Тяжелые ледорубы, бывает, выкидывают разные фортели, даже у больших мальчиков. И знаешь почему? Потому что лед, весь по-настоящему прочный лед — стены вокруг любого крупного склада данных в матрице, — это всегда продукция ИскИна, искусственного интеллекта. Ни у кого больше нет такой сноровки, чтобы нарастить хороший лед, а потом постоянно его изменять и апгрейдить. Это значит, что всякий раз, когда на черном рынке всплывает по-настоящему мощный ледоруб, игру заранее определяют несколько

факторов риска. Для начала: откуда взялся этот продукт? В девяти случаях из десяти он пришел от ИскИнов, а их же постоянно пасут, в основном Тьюринг-полиция, — просто для гарантии, что они не станут слишком умничать. Значит, тебе на голову могут в любой момент свалиться «тьюринги»: а вдруг где-нибудь какой-нибудь ИскИн захотел по-тихому срубить бабла в свой личный карман. У некоторых ИскИнов еще ведь и гражданство есть, так? Есть и еще кое-что, чего надо остерегаться: а вдруг это военный ледоруб, за ними тоже лихие ребята следят. Или, может, его попятили у какого-нибудь дзайбацу, из отдела промышленного шпионажа, а встречаться с этими ребятами — тоже никакой радости. Сечешь, в чем загвоздка, Бобби?

Бобби кивнул. Он чувствовал себя так, будто всю свою предыдущую жизнь ждал этого момента: сидеть и слушать, как Бовуар объясняет ему механику мира, о существовании которой он мог ранее только догадываться.

— И все же ледоруб, который действительно пробивает лед, стоит дорого, я имею в виду — очень дорого. Итак, скажем, ты на рынке — мистер Крутой, и кто-то предлагает тебе такую штуковину, и ты не хочешь говорить им, мол,

идите гуляйте. Следовательно, ты ее покупаешь. Покупаешь втихую, но не запускаешь сам, нет. Что ты с ней делаешь? Ты привозишь ее домой, даешь в работу своим техам, так чтобы она выглядела как что-нибудь средненькое. Скажем, вгоняешь вот в такой вот формат, — он постучал пальцем по стопке софтов на столе, — и, как обычно, скидываешь своей шестерке, перед которой у тебя должок…

— Погоди-ка, — вмешался Бобби, — что-то мне это не нравится…

— Это хорошо. Значит, ты умнеешь на глазах или, во всяком случае, становишься чуть умнее. Потому что так они и сделали. Привезли программу сюда твоему приятелю-толкачу, мистеру Дважды-в-День, и поделились своей печалью. «Туз, — сказали они, — нам нужно проверить эту хрень, испытать в деле, но мы никоим образом не намерены делать этого сами. Дело за тобой, мальчик». И что же Дважды-в-День? Вставляет кассетку? Никоим образом. Он просто делает то же самое, что сделали с ним большие мальчики, разве что даже не дает себе труда шепнуть словцо тому, кто поработает за него. А делает он следующее: находит базу на Среднем Западе, базу, под завязку нашпигованную программами по укло-

нению от налогов и блок-схемами отмывки иен для какого-нибудь борделя в Канзас-Сити. Каждый, кто не вчера родился, знает, что эта дрянь по уши во льду, в черном льду, абсолютно смертельных программах обратной связи. И нет ни одного ковбоя в Муравейнике или за его пределами, кто полез бы в эту базу. Во-первых, потому, что она прямо-таки сочится защитой; во-вторых, потому, что складированная в ней мура не интересна никому, кроме налоговых инспекторов, а те, скорее всего, и так уже у владельца на содержании.

— Эй, — вскинулся Бобби, — а нельзя ли пояснее…

— По-моему, я растолковываю тебе яснее некуда, белый мальчик! Короче, он нашел такую базу, потом пробежался по своему списку хотдоггеров, честолюбивых панков из Барритауна, вильсонов, среди которых может найтись тупой настолько, чтобы со впервые увиденной программой пойти в рейд на базу, в которую шутник вроде Дважды-в-День ткнул пальцем и сказал, что это, мол, легкая пожива. И кого же он выберет? Он выберет новичка, того, кто не знает, где Дважды-в-День живет, того, у которого нет даже его номера. Он говорит ему: «Слушай, мужик, возьми это домой и заработай себе немножко денег. Если найдешь

что-то стоящее, я помогу тебе это толкнуть!» — Бовуар округлил глаза, он больше не улыбался. — Ну что, похоже на кого-то из твоих знакомых или, может, ты не якшаешься с неудачниками?

— Ты хочешь сказать, он знал, что меня могут прикончить, если я вломлюсь в эту базу?

— Нет, Бобби. Но он знал, что такая возможность существует, если пакет не сработает. Он, в сущности, просто хотел понаблюдать за твоей попыткой — ничего больше. Однако он не потрудился сделать это сам, просто поставил за себя пару ковбоев. А дальше все могло идти двумя различными путями. Вариант первый: ледоруб пробивает черный лед, ты попадаешь внутрь, находишь кучу цифр, в которых ты ни уха ни рыла, выбираешься назад, возможно даже не оставив следов. Ну, ты тогда пошел бы к Леону и сказал Дважды-в-День, что он ошибся с базой. А тот бы жутко извинялся, конечно, — и ты получил бы новую цель и новый ледоруб, а он повез бы этот в Муравейник и сказал, что с ним все в порядке. А тем временем не спускал бы с тебя глаз, просто чтобы последить за твоим здоровьем. Чтобы убедиться, что никто не пришел искать ледоруб, который, как они могли прослышать, ты использовал. Или могло случиться иначе, так,

как это едва не случилось: ледоруб оказался бы не того, лед сжег бы тебя насмерть, и тогда одному из ковбоев пришлось бы вломиться в квартиру твоей мамочки и забрать софт прежде, чем найдут твое тело.

— Не знаю… Бовуар, это чертовски жест…

— Задница моя жесткая. *Жизнь* жестока. Я хочу сказать, мы же говорим о *бизнесе*, не забыл?

Бовуар рассматривал его с полной безмятежностью. Пластмассовая оправа сползла почти на кончик изящного носа. Он был светлее, чем Дважды-в-День или гигант в костюме, — с кожей цвета слегка разбавленного кофе, и к черному мху коротко стриженных волос уходил высокий гладкий лоб. В балахоне из серой плащовки он выглядел худощавым, и Бобби не находил в нем ничего угрожающего.

— Но нам надо выяснить — и вот зачем ты здесь, — что же произошло на самом деле. А это уже нечто другое.

— Но ты же сказал, что он меня подставил, что Дважды-в-День подставил меня так, чтобы меня пришили? — Бобби все еще сидел в кресле-каталке «Роддома Святой Марии», хотя теперь ему казалось, что кресло ему больше не нужно. — И что теперь эти парни, ну, эти крутые из Муравей-

ника, они его с говном сожрут?

— Теперь ты понял.

— Так вот почему он ведет себя так странно, то ли будто ему уже все по хрену, то ли он меня ненавидит до самых потрохов, да? И он действительно перепуган?

Бовуар кивнул.

— И это все потому, — продолжал Бобби, понимая наконец, почему Дважды-в-День не в своей тарелке, почему он так испугался, — что на меня напали там, на Большой Площадке, и сволочи долики обули меня на деку! И этот софт, он ведь оставался у меня в деке! — Он подался вперед, возбужденный оттого, что сложил все вместе. — А эти парни могут, скажем, убить его, если он не вернет дискету, так?

— Должен тебе сказать, что ты слишком много смотрел кино, — сказал Бовуар, — хотя в общем и целом определенно так.

— Хорошо. — Бобби откинулся на спинку кресла-каталки, закинув голые ноги на край стола. — Ну, Бовуар, кто же эти парни? Как ты их там назвал, хуюнганы? Колдуны? Что, черт побери, это должно означать?

— Видишь ли, Бобби, — сказал Бовуар, — я один из них, а тот большой мужик — можешь назы-

вать его Лукасом — второй.

— Ты, наверное, видел такие раньше, — сказал Бовуар, когда означенный Лукас поставил на стол трехмерный проектор, перед этим методично расчистив для него место.

— В школе, — покорно ответил Бобби.

— Ты ходил в школу, парень? — огрызнулся Дважды-в-День. — Почему ты там, черт побери, не остался?

Он прикуривал одну сигарету от другой с тех самых пор, как они с Лукасом вернулись, и, казалось, был в еще худшем настроении, чем прежде.

— Заткнись, Дважды-в-День, — предложил Бовуар, — немного образования и тебе бы не повредило.

— С их помощью нас учили, как отыскивать дорогу в матрице, как получать доступ ко всякому барахлу из печатных библиотек, все такое…

— Тем лучше. — Лукас выпрямился, отряхивая несуществующую пыль с огромных розовых ладоней. — Ты когда-нибудь пользовался им, чтобы получать доступ к печатным книгам?

Он снял черный, без единой морщинки, пиджак; на крахмальной рубашке под ним ярко выделялась пара изящных темно-бордовых

подтяжек. Лукас ослабил узел строгого черного галстука.

— Я не слишком-то хорошо читаю, — сказал Бобби. — То есть могу, но это работа. Ну да, я входил. Смотрел совсем старые книги о матрице и о всем таком.

— Так я и думал, — отозвался Лукас, подключая к консоли в основании проектора что-то вроде маленькой деки. — Счет Ноль. *Прерывание на счет ноль*. Древний программистский жаргон. — Он передал деку Бовуару, который стал вводить в нее команды.

Внезапно в экранном объеме проектора начали возникать сложные геометрические фигуры, выравниваясь вдоль почти невидимых плоскостей трехмерной решетки. Бобби догадался, что Бовуар набрасывает в киберпространстве координаты Барритауна.

— Будем считать, что синяя пирамидка — это ты, Бобби. Вот она. — (В самом центре объема мягко запульсировала синяя пирамида.) — Теперь мы покажем тебе, что увидели ковбои, которым Дважды-в-День поручил наблюдать за тобой. Включаю запись.

Из пирамиды выросла синяя пунктирная линия и побежала по линиям решетки. Бобби смотрел в

экранный объем, видя себя, одинокого, в гостиной своей матери с «Оно-Сэндай» на коленях. Занавески задернуты, пальцы бегают по клавишам.

— Пошел ледоруб, — прокомментировал Бовуар.

Синий пунктир достиг стенки экрана. Бовуар нажал пару клавиш, и координаты изменились. Исходную декорацию сменил новый набор геометрических фигур. Бобби узнал нагромождение оранжевых кубов в центре решетки.

— Вот оно, — сказал он.

Из-за стенки экрана возникла синяя линия и потянулась к оранжевой базе. Вокруг кубов мерцали смутные плоскости оранжевого света, которые, когда пунктир подполз ближе, начали вдруг смещаться и пульсировать.

— Сам видишь, здесь что-то не так, — сказал Лукас. — Вон он, их лед, и он уже о тебе знает. Вычислил тебя еще до того, как ты за него зацепился.

Когда синий пунктир коснулся скользнувшей навстречу оранжевой поскости, вокруг него тут же образовалась оранжевая трубка чуть большего диаметра. Трубка начала удлиняться, двигаясь назад вдоль пунктира, пока не уперлась в стенку экрана…

— А тем временем, — сказал Бовуар, — дома, в Барритауне…

Он снова пробежал пальцами по клавишам, и теперь в центре оказалась синяя пирамидка Бобби. На глазах у Бобби оранжевая трубка выросла из стенки экранного объема и по синему пунктиру вкрадчиво подобралась к пирамидке.

— А вот с этого момента, ковбой, ты должен был начать умирать всерьез.

Трубка коснулась пирамидки, оранжевые треугольники сомкнулись, как будто закрывая ее стеной. Бовуар остановил запись.

— Когда няньки Дважды-в-День, — сказал Лукас, — жокеи, в общем-то бывалые и закаленные, увидели то, что сейчас увидишь ты, друг мой, они решили, что их деке пора на большой небесный капремонт. Как и у любых профи, у них была вторая дека, для подстраховки. Подключив ее, они увидели то же самое. Именно тогда они решили позвонить своему работодателю, мистеру Дважды-в-День, который, как можно заключить из окружающего нас бардака, собирался устроить вечеринку…

— Мужик, — сказал Дважды-в-День сдавленным от истерики голосом, — я же тебе говорил. У меня тут были клиенты, которых требовалось

развлечь. Я заплатил своим мальчикам, чтобы они присмотрели за ледорубом, они и смотрели, а потом позвонили мне. Я позвонил вам. Ну что тебе, черт побери, от меня надо?

— Нашу собственность, — мягко отозвался Бовуар. — А теперь смотри внимательно, — обратился он к Бобби, — такую штуку, кроме как аномальным явлением, не назовешь, без дураков…

Он ввел команду, снова пуская запись.

На нижней плоскости экрана расцвели жидкие цветы, белые как молоко. Подавшись вперед, Бобби увидел, что состоят они словно из тысяч мельчайших сфер или пузырьков. Цветы подстроились к кубической решетке, срослись с ней, образовав асимметричную структуру с широким верхом, нечто вроде многогранного гриба. Грани были белыми и совершенно пустыми. Фигура в экранном объеме была размером не больше ладони Бобби, но всякому вошедшему в матрицу она показалась бы непомерной. «Гриб» развернул пару «рожек»; «рожки» вытянулись, изогнулись, превратившись в пинцет, который метнулся, чтобы схватить пирамидку. Бобби увидел, как кончики щипцов беспрепятственно прошли сквозь посверкивающие оранжевые плоскости враждебного льда.

— Она сказала: «Что ты делаешь?» — услышал Бобби собственный голос. — Потом она спросила меня, почему они это делают, делают это со мной, убивают меня…

— Ага, — негромко произнес Бовуар, — вот теперь мы хоть как-то продвинулись.

Бобби не знал, куда они идут, но был рад возможности выбраться из кресла. Бовуар пригнулся, чтобы не задеть косо висящую светодиодную лампу, которая покачивалась на двух отрезках крученой веревки; Бобби последовал за ним, едва не поскользнувшись в луже воды с зеленоватой пленкой. Чем дальше от гостиной-поляны Дважды-в-День, тем гуще становился воздух. Стоял тепличный запах перегноя и растущей зелени.

— Вот так это было, — задумчиво произнес Бовуар. — Дважды-в-День послал пару ребят на «Ковина-Конкорс-Кортс», но ты уже ушел. И деки тоже не было.

— Ну, это не совсем его вина, — сказал Бобби, — то есть я хочу сказать, что если бы я не рванул к Леону — а я и правда искал Дважды-в-День, даже подумывал о том, как бы мне попасть сюда, наверх, — то он нашел бы меня, верно?

Бовуар помедлил, чтобы полюбоваться роскошными листьями цветущей конопли, и, протянув

худой коричневый палец, тронул бледный бесцветный цветок.

— Верно, — отозвался он, — но бизнес есть бизнес. Ему надо было поставить кого-нибудь следить за твоей квартирой в течение всего рейда, убедиться, что ни ты, ни софт не отправитесь ни на какую незапланированную прогулку.

— Но послал же он Реа и Джекки к Леону, раз я их там видел.

Бобби запустил руку за ворот черной пижамы и почесал заклеенную рану, пересекавшую его грудь и живот. Тут он вспомнил о многоножке, которую Пай использовал как стягивающий рану пластырь, и быстро убрал руку. Шрам отчаянно зудел, превратился в сплошную линию зуда, но многоножки касаться не хотелось.

— Нет, Джекки и Реа — наши. Джекки — мамбо, жрица, лошадь Данбалы.

Бовуар продолжал свой путь, придерживаясь, как решил Бобби, какой-то известной ему тропинки в этом беспорядочном гидропонном лесу, хотя тропинка эта, похоже, петляла безо всякого смысла. Кусты покрупнее пустили корни в огромных грушевидно бугрящихся пластиковых мешках для мусора, наполненных темным гумусом. Мешки местами лопнули, и бледные корни

искали себе пропитание в тенях, куда не доставали светодиодные лампы и где общими усилиями времени и постепенно опадающих листьев нарос тонкий слой компоста. На Бобби были черные нейлоновые тапки, которые подобрала для него Джекки, но в них уже набилась сырая земля.

— Лошадь? — переспросил он, уклоняясь от чего-то шипастого, наводившего на мысль о вывернутой наизнанку пальме.

— Данбала оседлывает ее. Данбала Ведо, змей. А в другое время она — лошадь Айды Ведо, его жены.

Бобби решил не углубляться и сменил тему:

— А как вышло, что у Дважды-в-День такая огромная хата? Зачем тут деревья и все такое?

Насколько он понял, Джекки и Реа вкатили его в кресле от «Святой Марии» через какой-то дверной проем, но с тех пор он не видел ни одной стены. При этом он знал, что здание-улей покрывает энное число гектаров, так что вполне возможно, что обиталище Дважды-в-День и в самом деле очень велико. Правда, представлялось маловероятным, чтобы толкачу, пусть даже очень крутому, было по карману столько пространства. Никто не может позволить себе столько места — да и кому захочется жить в вечно

сыром гидропонном лесу?

Последний дерм снашивался, грудь и спину начинало жечь острой болью.

— Фикусовые деревья, деревья мапоу… весь этот этаж — *лье сан*, святое место. — Тронув Бобби за плечо, Бовуар указал на перевитые двухцветные ленточки, свисающие с веток ближайшего дерева. — Все деревья здесь посвящены различным лоа. Вот это посвящено Огу, Огу Фераю, богу войны. Тут растет еще много всего: есть растения, необходимые докторам-травникам, а другие — просто для удовольствия. Но это место принадлежит не Дважды-в-День — оно принадлежит всей общине.

— Ты хочешь сказать, вся Новостройка этим повязана? Тут все вудуисты и всякое такое…

Это было хуже самой страшной фантазии Марши.

— Нет, друг мой! — рассмеялся Бовуар. — На крыше у нас мечеть стоит, еще здесь живут тысяч двадцать, если не тридцать праведных баптистов, разбросаны по всей Новостройке. Есть последователи Церкви сайентологии… Каждой твари по паре, обычное дело. И все же, — он ухмыльнулся, — если надо уладить какие-то дела, этим традиционно занимаемся мы… Но история

этого этажа уходит довольно далеко в прошлое. Проектировщики — а строили эти «ульи», может, восемьдесят, а то и все сто лет назад — пытались добиться максимальной автономии. Чтобы люди могли тут сами выращивать пищу. Чтобы могли сами обогреваться, генерировать электроэнергию и так далее. Взять конкретно эту Новостройку: если пробурить достаточно глубокую скважину, достанешь до резервуара геотермальных вод. Там и вправду очень жарко, но недостаточно, чтобы запустить турбину, так что никакого тока не будет. Поэтому на крыше поставили сотню роторов Дарье[39] — их тут еще называют миксерами. Сделали себе ветряные мельницы, понимаешь? Правда, сегодня большую часть своих ватт Новостройка получает от «Ядерной комиссии», как и все прочие. Но эти геотермальные воды накачивают наверх, в теплообменник. Для питья вода слишком соленая, так что в обменнике она просто греет обычную воду из системы водоснабжения вашего Джерси. Впрочем, кое-кто полагает, что и эту воду тоже пить нельзя…

Наконец они вышли к какой-то стене. Бобби

[39] Примечания: 39

Ротор Дарье — турбина низкого давления, ось вращения которой перпендикулярна потоку жидкости или газа; спроектирована в 1931 г. французским авиаконструктором Жоржем Дарье (1888–1979).

оглянулся назад. В мелких озерцах на грязном бетонном полу отражались сучья и ветки карликовых деревьев. Голые бледные корни переплетались в импровизированных баках с гидропонной жидкостью.

— Потом вода поступает в цистерны с креветками, их там выращивают в промышленных объемах. В теплой воде креветки растут действительно быстро. Потом по трубам в бетоне воду качают сюда наверх, чтобы обогревать этот этаж. Вот для чего на самом деле этот уровень — чтобы выращивать гидропонный амарант, салат и тому подобное. Дальше вода снова уходит вниз, в резервуары с сомами, а креветочье дерьмо доедают сине-зеленые водоросли. Сомы питаются водорослями — и все идет по новой. Или, во всяком случае, так было задумано. Готов поспорить, никому из проектировщиков и в голову не могло прийти, что кто-то заберется на крышу и скинет роторы Дарье, чтобы освободить место для мечети. И многие другие перемены они тоже не предусмотрели. Нынешние жители основательно переоборудовали «улей». Но тут еще можно достать чертовски хороших креветок… Да и сома тоже…

Они достигли стены. Стена, целиком стеклян-

ная, была сплошь усеяна бусинами сконденсировавшейся влаги. За стеклом в нескольких сантиметрах виднелась вторая стена — что-то вроде ржавого стального листа. Выудив откуда-то из блестящего балахона ключ, Бовуар вставил его в отверстие в голой стальной раме, разделявшей две створки окна. Неподалеку со стоном ожил мотор; широкий стальной ставень сложился, рывками уходя наверх, чтобы открыть панораму, которую так часто воображал себе Бобби.

Они были, наверное, почти у самой крыши, высоко-высоко, потому что Большая Площадка казалась пятном, которое он мог бы накрыть ладонями. Кондо Барритауна выглядели отсюда как простирающийся до горизонта ковер серо-белой плесени. Уже стемнело, и за последней волной кондо Бобби смог различить далекое розовое свечение.

— Там ведь Муравейник, правда? Этот розовый свет?

— Верно, но чем ближе к нему, тем он непригляднее. Хочешь поехать туда, Бобби? Счет Ноль готов завоевать Муравейник?

— Господи, да… — Бобби прижал ладони к запотевшему стеклу. — Если б ты только знал…

Действие дерма закончилось, грудь и спину

стало жечь огнем.

Глава 14

Ночной полет

С наступлением ночи Тернер вновь ощутил себя на рубеже.

Казалось, слишком много времени прошло с тех пор, когда он в последний раз испытывал подобное ощущение. Но теперь он чувствовал себя так, словно никуда с рубежа и не уходил. Он будто стал сверхчеловеческой ячейкой в синхроцепи — ощущение, которое стимуляторы могут лишь имитировать. Такое возможно только на площадке, когда все готово для извлечения по-настоящему крупной дичи и когда ты один в ответе за всё — да и то лишь в самые последние часы перед рывком.

Но сколько времени с тех пор утекло! В Нью-Дели он только проверял возможные пути отступления для топ-менеджера, который даже не был до конца уверен, хочет ли он перейти под другую крышу. Ощущай Тернер передовой рубеж тем вечером на Чандни-Чоук, он, быть может, и смог бы увернуться от «собаки». Скорее всего

— нет, но рубеж приказал бы ему попытаться.

Теперь же ощущение рубежа позволило ему свести в единый рисунок все факторы, какие следовало учесть на данной площадке, — и целые гроздья мелких проблем, и крупные проблемы-одиночки. Мелких было до черта, но никаких по-настоящему серьезных обломов. Линч и Уэббер начинали потихоньку вцепляться друг другу в волосы, а поэтому он устроил так, чтобы держать их подальше друг от друга. Уверенность в том, что Линч — подсадка Конроя, инстинктивная с самого начала, теперь усилилась. Когда ты на рубеже, инстинкты обостряются, понемногу становишься телепатом. У Натана возникли проблемы со шведскими грелками для рук — все, что было проще компьютерной платы, сбивало мастера с толку. Тернер приставил к грелкам Линча — их требовалось зарядить топливом, а Натану приказал выносить грелки наружу по две зараз и неглубоко прикапывать на расстоянии метра друг от друга вдоль двух длинных полос оранжевой ленты.

Присланный Конроем микрософт наполнял голову целой вселенной других постоянно меняющихся факторов: скорость воздушных потоков, авиагоризонт, угол атаки, ускорение и сила

тяжести, азимут цели. Неумолчной литанией всплывали из подсознания данные о вооружении машины: приборы наведения, траектории сброса бомб, дальности и коды запуска, круги поиска, счетчики боеприпасов. Конрой дописал к микрософту простое сообщение — время прибытия самолета и подтверждение установки дополнительной противоускорительной сетки для пассажира.

Тернер спрашивал себя: что делает, что испытывает сейчас Митчелл? Предприятие «Маас-Биолабс, Северная Америка» было встроено в изрезанное туннелями плато, гигантский обрубок скальной породы, вздыбившийся над песчаной пустыней. Досье с биософта показало Тернеру фасад этого плато с его горящими вечерним светом окнами. Плато возвышалось над морем сагуарий, как рубка гигантского корабля. Для Митчелла оно было и тюрьмой и крепостью — его домом на протяжении девяти последних лет. Где-то в сердцевине плато он совершенствовал синтез гибридом, уже более века не дававшийся другим ученым. Работая с человеческими раковыми клетками и отвергнутой, почти забытой моделью синтеза ДНК, он создавал бессмертные гибридные клетки, ставшие для

этой технологии базовыми средствами производства, крохотными биохимическими заводиками, бесконечно воспроизводящими искусственно сконструированные молекулы, которые потом собирали в цепи и встраивали в биочипы. Где-то там, в научном городке, Митчелл доживает сейчас свои последние часы в качестве самой яркой звезды среди «маасовских» исследователей.

Тернер пытался представить Митчелла, которому предстоит совершенно иная жизнь — его теперешняя кончится с переходом в «Хосаку», — но представлялось с трудом. Да и так ли уж отличается закрытый исследовательский центр в Аризоне от аналогичного на Хонсю?

В течение всего этого длинного дня в Тернере то и дело темной волной поднимались закодированные воспоминания Митчелла, наполняя его странным ужасом, который, казалось, не имел ничего общего с предстоящей операцией.

Тревожила узнаваемость, почти интимность образов, возможно, именно эта тревога и порождала страх. Некоторые фрагменты как будто обладали гораздо большей эмоциональной насыщенностью, чем можно было предположить по их содержанию. Почему воспоминание о пустом коридоре какого-то обшарпанного общежития

в Кембридже должно наполнять его чувством вины и отвращением к самому себе? Другим же картинам, которым по логике вещей полагалось нести определенную эмоциональную нагрузку, эмоций-то странным образом не хватало. Вот Митчелл играет с грудной дочкой на четырехугольнике пушистого паласа в доме, который он снимал в Женеве. Ребенок смеется, тянет отца за палец. Ничего. Жизнь этого человека, с точки зрения Тернера, была отмечена именно отсутствием событий. Ученый был талантлив — это стало ясно довольно рано, — честолюбив, наделен способностью к расчетливым интригам и манипуляциям — подобный дар требуется любому, кто мечтает стать ведущим исследователем. Если кому-то и было суждено подняться по иерархической лестнице корпоративной науки, то именно Митчеллу.

Сам Тернер оказался не способен прижиться среди людей дзайбацу, в этом мире, разделенном на племена с их бесконечной борьбой за выживание. Он оставался вечным аутсайдером, непредсказуемым фактором, носимым по тайным морям межкорпоративной политики. Ни один служащий ни одной компании не был способен на ту инициативу, какая требовалась

от Тернера в ходе извлечения. Откуда взяться у служащего, взращенного корпорацией, профессионально небрежному умению Тернера менять свою лояльность при смене работодателей. Или, может быть, его несгибаемому упорству с того момента, как согласованы условия контракта. Когда ему еще не исполнилось и двадцати, его занесло в охранную контору; это были времена, когда мрачная хандра в послевоенной экономике только-только уступала дорогу импульсам новых технологий. Он неплохо продвинулся в охране, учитывая отсутствие у него всяческих амбиций. Он обладал осанкой пластичного мускулистого зверя, которая производила впечатление на клиентов его работодателей, и он оказался сметлив и весьма расторопен. Умел носить одежду. Ладил с техникой.

Конрой разыскал его в Мексике, где работодатель Тернера заключил контракт на обеспечение безопасности для съемочной группы «Сенснета» — те записывали получасовые эпизоды бесконечного сериала о приключениях в джунглях. Когда появился Конрой, Тернер как раз заканчивал последние приготовления. Он разработал контакты и посадил связника между «Сенснетом» и местным правительством. Подкупил

главного полицейского чина в городе, проанализировал систему безопасности гостиницы, познакомился с местными проводниками и водителями, перепроверил их биографии, установил цифровую голосовую защиту на передатчиках съемочной группы, подобрал команду на случай возникновения кризисной ситуации и разместил сейсмические сенсоры вокруг скопления коттеджей «Сенснета».

Он вошел в бар гостиницы — продолжение вестибюля, выдвинутое в заросший тропический сад, — и нашел себе место за одним из стеклянных столиков. Бледный мужчина с копной белых, вытравленных волос пересек бар, держа по стакану в каждой руке. Одет он был в тщательно выглаженную армейскую рубашку, выпущенную поверх джинсов, и кожаные сандалии. Мучнисто-белая кожа казалась туго натянутой на угловатый череп.

— Ты отвечаешь за безопасность этих детишек из симстима, — утвердительным тоном произнес бледный мужчина, ставя один из стаканов на стол перед Тернером. — Мне сказал Альфредо.

Так звали одного из гостиничных барменов.

Тернер поднял глаза на человека, который, судя по всему, был совершенно трезв и, казалось,

олицетворял собой всю самоуверенность в мире.

— Кажется, мы не представлены, — сказал Тернер, не делая ни малейшего движения, чтобы принять предложенную выпивку.

— Не важно, — ответил Конрой, отодвигая стул. — Мы играем на одном поле. — Он сел.

Тернер посмотрел на него в упор. Тогда Тернер выглядел как настоящий телохранитель. В его осанке, в каждом движении жилистого тела читались беспокойство и настороженность, и очень редкие из незнакомых людей решились бы так небрежно вторгнуться на его территорию.

— Видишь ли, — сказал мужчина, — сейсмики, которые ты расставил, на самом деле ни хрена не стоят. — Он сказал это так, будто комментировал действия бейсбольной команды, не особо отличившейся в этом сезоне. — Я знаю людей, которые войдут внутрь, съедят твоих детишек на завтрак, потом засунут их кости в душ и насвистывая удалятся. А сейсмики скажут, что ничего не случилось. — Он отпил из стакана. — Хотя, конечно, за старание тебе можно поставить пятерку. Ты свое дело знаешь.

Выражения «засунут кости в душ» было вполне достаточно — Тернер решил вынести бледного.

— Смотри-ка, Тернер, а вот твоя примадонна. —

И мужчина улыбнулся Джейн Гамильтон.

Актриса ответила ему улыбкой и широко раскрыла голубые глаза, такие ясные и совершенные. Каждый зрачок был окаймлен крохотными золотыми буковками логотипа «Цейс-Айкон». Тернер замер, на долю секунды пойманный в западню нерешительности. Звезда была близко, слишком близко, а бледный человек вставал…

— Рад был познакомиться, Тернер, — сказал он. — Рано или поздно мы еще встретимся. Последуй моему совету, я о сейсмиках. Я бы подстраховал их периметром «кричалок».

Тут он повернулся и пошел прочь, под хрусткой тканью рыжевато-коричневой рубашки плавно перекатывались мускулы.

— Как мило, Тернер, — сказала Гамильтон, устраиваясь на стуле, где только что сидел незнакомец.

— Да? — Тернер не отрываясь смотрел, как тот ныряет в толпу розовощеких туристов и исчезает в суете переполненного вестибюля.

— Я думала, что ты и не разговариваешь ни с кем. У тебя всегда такой вид, будто ты обыскиваешь собеседника, заполняя на него рапорт. Приятно видеть, как ради разнообразия ты заводишь друзей.

Тернер перевел взгляд на актрису. Гамильтон было двадцать, на четыре года меньше, чем ему, и в неделю она зарабатывала, грубо говоря, в девять раз больше его годового оклада. Загорелая блондинка с коротко подстриженными, как требовалось по сценарию, волосами. Девушка выглядела так, будто изнутри ее освещали лампы дневного света. Голубые глаза были нечеловечески совершенными оптическими приборами, выращенными в автоклавах в Японии. Она была одновременно и актрисой, и камерой, глаза ее стоили несколько миллионов новых иен, а в иерархии звезд «Сенснета» ее рейтинг был почти что никаким.

Он посидел с ней, пока она не прикончила оба коктейля, потом проводил назад к коттеджам.

— Не хочешь зайти выпить еще, а, Тернер?

— Нет, — ответил он.

Это был уже второй вечер, когда она делала подобное предложение, и, насколько он догадывался, последний.

— Мне нужно проверить сейсмики.

Тем же вечером он позвонил в Нью-Йорк, чтобы получить телефон фирмы в Мехико, которая могла бы поставить ему «кричалки».

Но неделю спустя Джейн и трое других — по-

ловина актерского состава сериала — были мертвы.

— Мы готовы перекатить врачей, — сказала Уэббер.

Тернер заметил, что у нее на руках коричневые кожаные перчатки с обрезанными пальцами. Она сменила противосолнечные очки на прозрачные охотничьи, а на бедре у нее висел пистолет.

— Сатклифф наблюдает за периметром через камеры. Нам понадобятся все остальные, чтобы протащить эту срань через кусты.

— Я нужен?

— Рамирес говорит, что не может напрягаться за какой-то час до включения. Если хочешь знать мое мнение, он просто маленький ленивый засранец из Лос-Анджелеса.

— Нет, — отозвался Тернер, вставая со своего насеста на каменной ограде, — он прав. Если он перенапряжет кисть, нам крышка. Любая мелочь, даже если сам он этого и не почувствует, может сказаться на его скорости…

Уэббер пожала плечами.

— Ладно. Значит, он в бункере. Раз он полощет руки в последней нашей воде и напевает себе под нос, то мы выкрутимся.

Когда они дошли до бокса, Тернер автома-

тически пересчитал головы. Семь. Рамирес — в бункере; Сатклифф — где-то в лабиринте шлакоблоков, следит за экранами дозорных видеокамер. У Линча за правым плечом висит лазер «стайнер-оптик». Компактная модель со складным прикладом из легкого сплава, встроенные батареи образуют толстую рукоять под серым титановым стволом. Натан одет в черный комбинезон и черные же десантные ботинки с налетом светлой пыли. Под подбородком на головной повязке болтаются защитные очки с выпуклыми, будто муравьиные глаза, линзами фотоумножителей. Сняв свои мексиканские противосолнечные очки, Тернер убрал их в нагрудный карман синей спецовки и застегнул клапан.

— Как дела, Тедди? — спросил он двухметрового верзилу с коротко стриженными русыми волосами.

— Ништяк, — улыбнулся тот всеми своими зубами.

Тернер оглядел остальных членов команды, кивая по очереди каждому: Комптон, Коста, Дэвис.

— Что, беремся за дело, а? — спросил Коста.

У него было круглое влажное лицо с редкой, тщательно подстриженной бородкой. Как Натан

и все остальные, он тоже был в черном.

— Через пару минут, — отозвался Тернер. — Пока все гладко.

Коста кивнул.

— У нас примерно полчаса до прибытия, — сказал Тернер.

— Натан, Дэвис, — приказала Уэббер, — отсоедините сливной шланг.

Она протянула Тернеру один из наборов клипсовых передатчиков, который уже успела вынуть из пузырчатой упаковки. Потом сама сорвала пластиковую заглушку с самоклеющегося горлового микрофона и разгладила его на сожженной солнцем шее.

Натан и Дэвис копошились в тени позади фургона. Тернер услышал, как Дэвис тихонько чертыхнулся.

— Вот черт, — бросил Натан, — нет затычки для раструба шланга.

Остальные засмеялись.

— Оставь как есть, — бросила Уэббер, — беритесь за колеса. Линч и Комптон, снимайте домкраты.

Вытащив из-за пояса шуруповерт, Линч полез под фургон. Фургон закачался, тихонько скрипнула подвеска; внутри ходили врачи. До Тернера

донесся короткий высокий вой какого-то прибора, затем дребезжание шуруповерта. Линч откручивал домкраты.

Он нацепил клипсу и прижал горловой передатчик возле гортани.

— Сатклифф! Как слышно?

— Нормально, — сказал австралиец. Казалось, что слабый голос исходит из основания черепа Тернера.

— Рамирес?

— Ясно и четко…

Восемь минут. Они выкатывали трейлер на его десяти толстых шинах. Тернер и Натан взялись за переднюю пару, тянули, направляя бокс в нужную сторону. Натан надвинул на глаза защитные очки. Митчеллу предстояло лететь в новолуние, в кромешной тьме. Бокс был тяжелым, абсурдно тяжелым, — казалось, его просто невозможно сдвинуть с места.

— Будто катишь грузовик на паре продуктовых тележек, — пробормотал себе под нос Натан.

У Тернера болела поясница. С самого Нью-Дели с ней что-то было не в порядке.

— Всем стоп, — скомандовала Уэббер от третьего колеса слева. — У меня застряло на каком-то долбаном камне…

Отпустив свое колесо, Тернер выпрямился. И откуда сегодня ночью столько летучих мышей? Трепещущие черточки в чаше звездного неба пустыни. В Мексике их тоже было полно. В джунглях это были фруктовые мыши, которые спали в кронах деревьев, нависавших над палаточным городком, где ночевала съемочная группа «Сенснета». Тернер облазил деревья, опутывая нависающие сучья мономолекулярной нитью, — любого незваного гостя ждали метры невидимого лезвия. Но Джейн и другие погибли все равно — во время взрыва на пологом горном склоне недалеко от Акапулько. Неприятности с профсоюзами, как сказал кто-то потом, но на деле так ничего и не выяснили, кроме самого факта примитивного заряда в керамической оболочке, места, где он был установлен, и точки, откуда был взорван. Тернер сам лазил на склон, даже не сняв окровавленной одежды, и видел пятачок среди поломанного кустарника, где ждали убийцы, взрывную машинку и автомобильный аккумулятор в ржавом корпусе. Он даже нашел бычки самокруток и крышку от бутылки пива «Богемия» — новую и яркую.

Сериал пришлось прикрыть, команда по устранению кризисных ситуаций сработала без-

упречно, организовав перевозку тел и эвакуацию выживших актеров и съемочной группы. Тернер улетал последним самолетом. После восьми скотчей в баре аэропорта Акапулько он слепо выбрел в центральный регистрационный зал и столкнулся там с Бушелом, старшим техом из лос-анджелесского комплекса «Сенснета». Несмотря на лос-анджелесский загар, Бушел был смертельно бледен. Его индийский льняной костюм пошел пятнами от пота. В руке администратор держал алюминиевый кейс, похожий на футляр кинокамеры, стенки кейса были тусклыми от сконденсировавшейся влаги. Тернер глядел на человека, глядел на потеющий кейс с красными и белыми предупредительными надписями и длинными наклейками, поясняющими, какие меры предосторожности требуются при транспортировке материалов в криогенном хранилище.

— Господи, Тернер, — выдавил, завидев его, Бушел. — Слушай, парень, мне очень жаль. Приехал только сегодня утром. Кошмарная история. — Он вытащил из кармана пиджака сырой носовой платок и вытер лицо. — Кошмарная работа. Мне никогда не приходилось делать такого раньше…

— Что в этом чемодане, Бушел? — Теперь Тер-

нер был гораздо ближе, хотя и не помнил, как шагнул вперед. Он мог разглядеть поры на загорелом лице.

— С тобой все в порядке, приятель? — Бушел отступил на шаг назад. — Ты как-то скверно выглядишь.

— Что в этом чемодане, Бушел? — Льняной лацкан смят в кулаке, костяшки побелели от напряжения.

— Черт побери, Тернер! — Человечек вырвался на свободу, сжимая ручку чемодана уже обеими руками. — Они же не были повреждены. Только какая-то мелкая потертость на одной из роговиц. Глаза принадлежат «Сенснету». Это один из пунктов ее контракта.

И Тернер отвернулся, его желудок завязался узлом вокруг восьми неразбавленных скотчей, а он все пытался побороть тошноту. И продолжал бороться с ней, держал ее под контролем в течение девяти лет, пока — на полпути от голландца — все эти воспоминания не вернулись, не обрушились на него в Лондоне, в Хитроу, и он скрючился, даже не замедляя шага, посреди очередного коридора — и сблевал в синюю пластмассовую урну.

— Давай же, Тернер, — подстегнула его Уэббер, — толкай. Покажи нам, как это делается.

Трейлер снова пополз вперед сквозь деготный запах пустынных растений.

— Мы готовы, — прозвучал отдаленный и спокойный голос Рамиреса.

Тернер коснулся горлового микрофона:

— Посылаю тебе кой-кого для компании. — Он убрал палец с микрофона. — Натан, пора. Вы с Дэвисом — назад в бункер.

Дэвис отвечал за переоборудованную рацию — их единственную вне матрицы связь с «Хосакой». Натан играл роль мастера на все руки. Линч откатывал последнее мотоциклетное колесо в кустарник за автостоянкой. Уэббер и Комптон, стоя на коленях возле бокса, подсоединяли кабель, который свяжет хирургов «Хосаки» с биомонитором «Сони» в командном пункте. С убранными колесами, опущенный и установленный на четырех домкратах, хирургический бокс опять напомнил Тернеру французский прогулочный модуль. Путешествовать он отправился гораздо позже, года через четыре после того, как Конрой завербовал его в Лос-Анджелесе.

— Как дела? — спросил в микронаушнике Сатклифф.

— Прекрасно, — отозвался Тернер, касаясь микрофона.

— Тут скучновато, — сказал Сатклифф.

— Комптон, — окликнул Тернер, — Сатклиффу нужна твоя помощь следить за периметром. И твоя тоже, Линч.

— Вот так всегда, — донесся из темноты голос Линча, — только я настроился посмотреть спектакль…

Рука Тернера легла на рукоять «смит-и-вессона» под отогнутой полой парки.

— Пошевеливайся, Линч.

Если Линч — подсадка Конни, он пожелает остаться здесь. Или в бункере.

— А пошел ты! — взвился Линч. — Никого там нет, сам прекрасно знаешь. Если не хочешь видеть меня здесь, пойду внутрь — присмотрю за Рамиресом…

— Хорошо, — сказал Тернер и, вытащив револьвер, вдавил клавишу, включавшую подствольный фонарь.

Первая вспышка полуденно-яркого ксенонового луча выхватила из темноты искривленную сагуарию — серым мехом ощетинились в безжалостном свете колючки. Вторая — нашла шипастый череп на пряжке ремня, поймала его в пятно резкого света. Выстрел и хлопок разрывной пули слились в один звук, ударная волна покати-

лась как гром — невидимыми, расширяющимися кругами над темной плоской землей.

В первые несколько секунд после выстрела не было слышно ни единого звука, даже летучие мыши и жучки смолкли, выжидая. Уэббер упала в кусты, и почему-то Тернер чувствовал, что она здесь, знал, что пистолет уже у нее в руках — в этих умелых коричневых руках, нацелен ровно, не дрожит и в любую секунду готов выплюнуть смерть. Он понятия не имел, где сейчас Комптон. Тут в клипсе передатчика, процарапавшись сквозь черепную кость, раздался голос Сатклиффа:

— Тернер, что это было?

Света звезд было теперь достаточно, чтобы различить силуэт Уэббер. Женщина скорчилась за камнем, дуло пистолета смотрит ему в лицо, локти уперты в колени.

— Он был подсадкой Конроя, — сказал Тернер, опуская «смит-и-вессон».

— Боже милосердный, — выдохнула она. — Я, я подсадка Конроя.

— У него была внешняя связь. Я такое уже видел.

Пришлось ей повторить уже сказанное дважды.

В голове — голос Сатклиффа, затем — Рамиреса:

— Мы засекли ваш транспорт. Восемьдесят километров, приближается… В остальном, похоже, все чисто. В двадцати километрах на юго-юго-восток — малый дирижабль. Джейлин говорит, это беспилотный грузовик, идет точно по расписанию. Больше ничего. Чего это Сат орет, будто его насилуют? Натан говорит, он слышал выстрел. — Рамирес был подключен к матрице, и большая часть его сенсориума была занята информацией, поступающей с деки «Маас-Неотек». — Натан готов слить первый пакет…

Тернер и сам теперь слышал, как снижается истребитель, заходя на посадку на шоссе. Уэббер, выпрямившись во весь рост, шла к нему с пушкой в руке. Сатклифф раз за разом задавал все тот же вопрос. Тернер коснулся горлового микрофона:

— Это был Линч. Он мертв. Самолет прибыл. Вот он.

И тут машина оказалась прямо над ними. Черная тень. Невероятно низко. С погашенными огнями. Тормозит — вспышки из сопел; пилота-человека при такой посадке убило бы перегрузкой. Потом — жуткий скрип: телескопическая посадочная рама из углеродного волокна

гасит удар о землю. Тернер смог различить зеленоватый отсвет приборной доски в пластиковой кривизне кабины.

— Вот же мать твою, — сказала Уэббер.

В стенке хирургического бокса за ее спиной распахнулся люк, в проеме обрисовалась фигура в маске и защитном костюме из жесткой зеленой ткани. Отбросив в тонкое облачко пыли, зависшее над местом посадки самолета, перекошенную тень врача, из трейлера хлынул поток сине-белого, очень резкого света.

— Закрой! — крикнула Уэббер. — Рано!

Когда дверь, обрезав на пороге свет, захлопнулась, они оба услышали мотодельтаплан. После рева истребителя звук малолитражного мотора казался гудением стрекозы. Но вот гудение начало затихать, а потом и вовсе исчезло.

— У него кончилось топливо, — проговорила Уэббер. — Но он близко.

— Прибыл, — коснулся Тернер микрофона. — Первый пакет.

Над ними прошелестел крохотный дельтаплан, черный треугольник, на миг затмивший звезды. Ни звука больше — лишь что-то полощется на ветру. Должно быть, одна из штанин Митчелла. Вот ты и здесь, над нами, подумал Тернер, совсем

один, в самой теплой одежде, какая только у тебя была, в инфракрасных очках, которые ты сам же и смастерил, и теперь ищешь пару пунктирных линий, обозначенных дурацкими грелками для рук…

— Сумасшедший засранец, — пробормотал он, чувствуя, как его переполняет странное восхищение. — Видно, и вправду тебе приспичило удрать.

Затем с негромким праздничным хлопком взлетела вдруг откуда-то осветительная ракета; магниевый огонь под белым парашютиком начал медленно опускаться в пустыню. Почти сразу же полыхнули еще две, а с запада донесся треск длинной автоматной очереди. Боковым зрением Тернер заметил, что Уэббер, спотыкаясь, бежит через кусты к бункеру, однако взгляд его был прикован к описывающему круги дельтаплану — к веселеньким оранжево-голубым матерчатым крыльям, к фигуре, скорчившейся на сиденье среди растяжек над хрупким треножником шасси. Лицо человека скрывали очки ночного видения.

Митчелл.

Плывущие в поднебесье огни заливали стоянку ярким светом — как футбольное поле. Дельтаплан заходил на посадку — грациозным и таким

ленивым разворотом, что Тернеру хотелось закричать. Где-то за периметром площадки белой аркой повисла в воздухе линия трассеров. Мимо.

Приземляйся. Приземляйся. Тернер бежал, перепрыгивая через кочки, через какие-то кусты, которые цеплялись за брюки, за полы расстегнутой парки.

Осветительные ракеты. Зарево. Свет. От инфракрасных очков Митчеллу теперь никакого проку, он не видит теплового излучения грелок. Он промахнулся мимо полосы. Носовое колесо за что-то зацепилось. Дельтаплан зарылся носом, как смятая, порванная бабочка, и наконец застыл в поднятом им облаке белой пыли.

Вспышка взрыва, казалось, достигла Тернера за мгновение до звука, отбросив на бледный кустарник перед ним его собственную тень. Взрывная волна подхватила его и повалила на землю — откатившись в сторону, он увидел желтый огненный шар на месте расколотого надвое хирургического бокса и понял, что Уэббер выпустила-таки свою противотанковую ракету. Потом он вновь оказался на ногах, вновь побежал, сжимая револьвер.

Он достиг покореженного дельтаплана Митчелла как раз в тот момент, когда погасла первая

осветительная ракета. Но сразу же, словно из ниоткуда, взлетела еще одна и распустилась над головой. Звук стрельбы стал теперь непрерывным. Перепрыгнув через смятый лист ржавой жести, Тернер обнаружил скорчившегося на земле пилота; голова его и лицо были скрыты под самодельным шлемом, из которого выступали уродливые линзы. Прибор ночного видения был примотан к шлему тускло серебрившейся изолентой. Свернувшееся в клубок тело — укутано в несколько слоев темной одежды. Словно со стороны Тернер увидел, как его руки терзают ленту, сдергивают инфракрасные очки. Руки превратились в два самостоятельных существа, два бледных подводных создания, живущие своей жизнью на дне какой-нибудь глубоководной тихоокеанской впадины. Ему оставалось лишь смотреть, как они отчаянно срывают ленту, шлем, очки. А когда все это улетело, отброшенное, прочь, он уставился на белое девичье лицо под волной длинных, липких от пота каштановых волос, которые, выплеснувшись из-под шлема, смазали темную струйку крови, бегущую из носа. Глаза девушки открылись, показав пустые белки, и тогда Тернер по-пожарному закинул ее за спину и неуклюже метнулся, надеясь, что бежит

правильно, в сторону реактивного самолета.

Второй взрыв он почувствовал через подошвы теннисных туфель и будто наяву увидел перед собой идиотскую улыбку пластикового комка взрывчатки, налепленного на киберпространственную деку Рамиреса. Вспышки не последовало — только звук и отдача взрывной волны по всему бетону автостоянки.

А потом он очутился в кабине, где, как в новеньком автомобиле, пахло длинными мономерными цепочками — привычный аромат техники новейшей чеканки. Позади него — девушка, безвольная кукла, спеленутая в коконе противоперегрузочной сетки. Конрою пришлось заплатить дополнительные бабки торговцу оружием в Сан-Диего, чтобы тот установил эту сетку позади пилотской. Самолет дрогнул, оживая, когда Тернер заворочался, устраиваясь поудобнее в своей сетке. Он пошарил в поисках кабеля, нашел его, вырвал из разъема микрософт и воткнул на его место коннектор интерфейса.

Знание вспыхнуло в голове, как заставка компьютерной игры, и Тернер подался вперед, ощущая себя самолетом, да и, по сути, став им — чувствуя, как перестраивается под ним в стартовую позицию гибкая посадочная рама, как

мягко гудят сервоприводы, закрывая фонарь кабины. Противоперегрузочная сетка вздулась вокруг него, жестко фиксируя конечности; в правой руке все еще был зажат револьвер.

— Вперед, мать твою!

Но самолет и так все понял. На Тернера навалилось ускорение, и он погрузился во тьму.

— Вы были без сознания, — сказал самолет.

Смоделированный чипом голос смутно напоминал голос Конроя.

— И сколько же?

— Тридцать восемь секунд.

— Где мы?

— Над Нагосом.

Зажегся верхний дисплей, высветив дюжину постоянно изменяющихся фигур, а поверх них — упрощенную карту района «Аризона — Сонора».

Небо побелело.

— Что это?

Молчание.

— Что это?

— Сенсоры определяют взрыв, — сказал самолет. — Мощность как у тактической ядерной боеголовки, но электромагнитное излучение отсутствует. Эпицентром разрушения является точка нашего взлета.

Белое сияние поблекло и исчезло.

— Отменить курс, — приказал Тернер.

— Курс отменен. Прошу дать новые координаты.

— Хороший вопрос, — протянул Тернер.

Он не мог повернуть голову, чтобы взглянуть на девушку у себя за спиной. Как она там, жива ли?

Глава 15

Шкатулка

Марли снился Ален… сумерки над лужайкой полевых цветов. Он баюкал ее голову на сгибе локтя, потом нежно погладил по волосам и сломал ей шею. Лежа неподвижно в траве, она прекрасно сознавала, что он делает. Он целовал ей лицо и плечи. Он забрал у нее деньги и ключи от комнаты. Звезды стали огромными, будто приклеенными над сочной яркостью полей, а она все чувствовала его руки у себя на шее…

И проснулась. Утренний аромат кофе, квадраты солнечного света, разбросанные по книгам на столе Андреа, успокаивающе знакомый утренний кашель подруги — это Андреа прикуривает от конфорки свою первую утреннюю сигарету.

Стряхнув темные краски сна, Марли села на кушетке в гостиной подруги, обхватив руками колени поверх темно-красного стеганого одеяла. После Гнасса, после полиции и репортеров ей никогда не снился Ален. Или, если и снился, пришло ей в голову, она подсознательно отфильтровывала эти сны, стирала их, прежде чем проснуться. Она поежилась, хотя утро было теплое, а затем отправилась в ванную. Вот уж чего она не хотела бы — чтобы ей еще когда-нибудь приснился Ален.

— Пако сказал, что Ален пришел на нашу встречу с оружием, — сказала она, когда Андреа протянула ей голубую эмалированную кружку с кофе.

— Ален был вооружен? — Разрезав омлет, Андреа сдвинула половину на тарелку Марли. — Что за дурацкая мысль. Это все равно как… как вооружить пингвина. — (Подруги рассмеялись.) — Ален не из таких, — сказала Андреа. — Он отстрелил бы себе ногу посреди очередной страстной тирады о ситуации в искусстве или о сумме ресторанного счета. Он, конечно, тот еще мерзавец, этот твой Ален, но это ни для кого не новость. На твоем месте я больше бы беспокоилась из-за этого Пако. Какие у тебя основания верить ему на слово, что он работает на Вирека? — Она проглотила кусо-

чек омлета и потянулась за солью.

— Я его видела. Он там был, в конструкте Вирека.

— Ты видела картинку, просто изображение — изображение ребенка, который был слегка похож на этого парня.

Марли смотрела, как Андреа ест, а ее завтрак остывал на тарелке. Как описать чувство, охватившее ее, когда она уходила от Лувра? Эту уверенность в том, что теперь ее окружает нечто, с расслабленной точностью отслеживающее каждое ее движение, что она стала центром внимания со стороны по крайней мере одной из частей вирековской империи?

— Он очень богатый человек, — начала она.

— Вирек? — Положив нож и вилку на тарелку, Андреа принялась за кофе. — Я бы сказала, да. Если верить журналистам, он самый богатый индивидуум на планете. Точка. Богат, как какое-нибудь дзайбацу. Но индивидуум ли он — вот в чем загвоздка. В том же смысле, что ты или я? Ответом будет «нет». Ты разве не собираешься есть?

Марли начала механически отрезать и подносить ко рту куски омлета, а Андреа продолжала:

— Тебе стоит глянуть рукопись, над которой

мы работаем в этом месяце.

Не переставая жевать, Марли вопросительно подняла брови.

— Это история орбитальных промышленных кланов. Монография какого-то профессора из университета Ниццы. Кстати, там даже этот твой Вирек есть. Он приводится в качестве противопоставления, или, скорее, варианта параллельной эволюции. Этот книжный червь из Ниццы изучает парадокс личных финансовых состояний в эпоху корпораций, пытается разобраться, почему они вообще до сих пор еще существуют. Я имею в виду огромные состояния, сосредоточенные в руках отдельных личностей. Он рассматривает орбитальные кланы вроде Тессье-Эшпулов как самый распоследний вариант традиционной модели аристократии. Собственно говоря, это анахронизм — поскольку корпорация как вид не допускает возникновения элиты. — Поставив чашку на тарелку, Андреа отнесла посуду в раковину. — Правда, уже начав рассказывать, сама понимаю, что не так уж это и интересно. Целые страницы весьма серой прозы о природе «Массового Человека». Именно так, с большой буквы. Этот профессор обожает заглавные буквы. Стилист еще тот. — Она нажала рычажок, и в

фильтрационном блоке зашипела вода.

— А что он говорит о Вирeке?

— Он пишет, если правильно помню, а в этом я совсем не уверена, что Вирек даже еще большее отклонение, чем эти промышленные кланы с орбиты. Клан обычно охватывает несколько поколений, причем, как правило, там все замешано на медицине: криогеника, генетические манипуляции, различные методы борьбы со старением. Смерть одного члена клана, пусть даже его основателя, обычно не ведет к кризису всего клана как экономической единицы. Всегда находится кто-нибудь, кто готов занять освободившееся место, всегда кто-то ждет своей очереди. Различие между кланом и корпорацией, однако, в том, что за корпорацию не нужно выходить замуж в буквальном смысле этого слова.

— Но ведь служащие подписывают пожизненный контракт…

Андреа пожала плечами:

— Это скорее договор о найме, что не одно и то же. На самом деле речь идет о гарантии трудоустройства. Но когда умрет твой герр Вирек, когда медтехи не найдут, куда еще расширить его резервуар, или что там у него, его деловые интересы лишатся логического стержня. Соглас-

но теории нашего профессора из Ниццы, на этой стадии «Вирек и компания» или распадется на части, или мутирует. В последнем случае — превратится в «Компанию Такую-то», настоящую транснациональную корпорацию, еще одно прибежище для Массового Человека с большой буквы. — Она вымыла тарелку, сполоснула, вытерла ее и поставила в сосновую стойку возле раковины. — Профессор полагает, что это очень скверно, поскольку слишком мало осталось тех, кто способен хотя бы увидеть рубеж.

— Рубеж чего?

— Рубеж толпы. Мы затеряны в серединке, ты и я. Вернее, это я там — во всяком случае, пока. — Она пересекла кухню и положила руки на плечи Марли. — Ты побереги себя. В чем-то ты уже намного счастливее, но теперь я понимаю, что и сама могла бы этого добиться, просто устроив тебе небольшой ланч с этой свиньей, твоим бывшим любовником. В остальном же я не совсем уверена… На мой взгляд, всю красивую теорию нашего академика перечеркивает тот очевидный факт, что Вирек и ему подобные уже далеко не люди. Пожалуйста, будь осторожней…

На этом, поцеловав Марли в щеку, Андреа убежала на работу — в свой кабинет заместителя

редактора такого модно архаичного предприятия, как книжное издательство.

Все утро Марли провела в квартире Андреа с проектором «Браун», изучая голограммы семи работ. Каждая из них была по-своему необычна, но Марли все время возвращалась к той шкатулке, которую Вирек показал ей первой. Что останется, думала она, если, имея оригинал, убрать стекло и один за другим вынуть разложенные внутри предметы? Бесполезный хлам, обрамленное пространство, быть может, запах пыли.

Лежа на кушетке — «Браун» покоился у нее на животе, — Марли в который раз стала всматриваться в шкатулку. Та будто излучала волны боли или какого-то мучительного томления. Марли почудилось, что конструкция с идеальной точностью пробуждает в ней нечто совершенно определенное, но для этой эмоции не находилось названия. Марли запустила руку внутрь яркой иллюзии, провела пальцами как бы вдоль полой птичьей кости. Она была уверена, что Вирек уже посадил орнитологов определить, из крыла какой именно птицы попала сюда эта косточка. И вполне возможно — с доскональной точностью определить возраст каждого предмета. К каждому квадратику голофиши прилагался подробный

отчет о происхождении каждого предмета в отдельности, но что-то заставляло ее намеренно избегать подобной информации. Сталкиваясь с тайной, именуемой искусством, иногда лучше всего подходить к ней как ребенок. Ребенок замечает то, что натренированному взгляду представляется само собой разумеющимся, слишком очевидным.

Поставив «Браун» на низкий столик возле кушетки, Марли подошла к телефону, чтобы узнать, который час. В час дня ей предстояло встретиться с Пако и обсудить, как именно будут переданы Алену деньги. Ален сказал, что он сам позвонит в три на квартиру Андреа. Пока она набирала номер службы времени, по экрану автоматически бежали сообщения спутниковой сводки новостей: над Индийским океаном при входе в атмосферу рассыпался шаттл компании «Джей-Эй-Эль»; из Столичной Оси Бостон — Атланта вызваны специальные следователи для осмотра остатков квартиры в спальном пригороде в Нью-Джерси, которая была взорвана, жестоко и, вероятно, без мотива; военизированные отряды добровольцев надзирают за эвакуацией южного сектора Нового Бонна, последовавшей за обнаружением строительными рабочими двух

неразорвавшихся ракет, оставшихся со времен войны, предположительно с биологическими боеголовками; официальные источники в Аризоне отвергают обвинение Мексики во взрыве атомного или термоядерного устройства малой мощности близ границы с Сонорой… Пока она смотрела, сводка пошла по второму кругу, и изображение шаттла вновь устремилось к своей огненной смерти. Покачав головой, Марли нажала кнопку. Полдень.

Лето пришло. Небо над Парижем — жаркое и синее, и она улыбалась запаху свежего хлеба и черного табака. Пока она шла от метро по данному Пако адресу, ощущение, что за ней наблюдают, несколько ослабло. Улица Фобур-Сент-Оноре. Адрес казался смутно знакомым. Галерея, подумала она.

Действительно, галерея. «Робертс». Принадлежала она американцу, который содержал одновременно еще и три галереи в Нью-Йорке. Дорого, но не последний шик. Пако ждал возле невероятных размеров витрины, в которой под толстым и неровным слоем лака раскинулись сотни маленьких квадратных фотографий. Такие выплевывает на вокзалах и конечных станциях автобусов только один тип очень старомодных

автоматов. Похоже, все это были снимки молодых девушек. Марли автоматически обратила внимание на имя художника и название работы: «Прочти нам «Книгу имен мертвых»»[40].

— Полагаю, вы разбираетесь в таких вещах, — угрюмо приветствовал ее испанец.

На нем был дорогого вида синий костюм в парижском деловом стиле, белая в шелковистый рубчик рубашка и очень английский галстук, вероятно от «Шарве». Сейчас никто не принял бы его за официанта. Через плечо у Пако висела итальянская сумка из черного ребристого каучука.

— Что вы имеете в виду? — спросила она.

— Имена мертвых, — кивнул он в сторону витрины. — Вы же выставляли подобные работы.

— И чего же вы не понимаете?

— У меня иногда возникает такое чувство, будто все это, вся эта *культура* — чистейшей воды надувательство. Уловка. В том или ином обличье я всю мою жизнь служил сеньору, понимаете? И в моей работе, как и во всякой другой, есть свои радости, свои моменты триумфа. Но ни разу с тех пор, как сеньор подключил меня к этому делу

---

[40] Примечания: 40

Аллюзия на «Некрономикон» — вымышленную книгу из произведений Г. Ф. Лавкрафта, название которой можно перевести с греческого как «Книга имен мертвых».

по современному искусству, я не испытывал ни малейшего удовлетворения. Сеньор — воплощенное богатство. Мир полон объектов величайшей красоты. И тем не менее он гоняется за… — Пако пожал плечами.

— Значит, вы знаете, что вам нравится, — улыбнулась в ответ Марли. — Почему вы выбрали для нашей встречи именно эту галерею?

— Здесь агент сеньора приобрел одну из шкатулок. Разве вы не читали предоставленные вам в Брюсселе досье?

— Нет, это может меня сбить. Герр Вирек платит мне за интуицию.

В ответ испанец только поднял брови:

— Я познакомлю вас с Пикаром, это управляющий галереей. Возможно, он чем-то сможет помочь этой вашей интуиции.

Он провел ее через комнату, потом открыл какую-то дверь. Седеющий коренастый француз в помятом вельветовом костюме говорил в трубку радиотелефона. По экрану бежали колонки букв и цифр. Дневные котировки нью-йоркского рынка.

— А, это вы, Эстевес, — извиняясь, улыбнулся француз. — Прошу прощения. Одну минутку.

И Пикар вернулся к своему разговору. Пока он говорил, Марли изучала котировки. Поллок сно-

ва упал. Это была как раз та сторона арт-бизнеса, в которой Марли разбиралась хуже всего. Пикар, если так звали этого человека, наставлял брокера в Нью-Йорке, обговаривая приобретение некоторого числа «пунктов» работы определенного художника. «Пункты» высчитываются самыми разными способами в зависимости от того, какие средства использует художник. Впрочем, с почти полной уверенностью можно было утверждать, что сам Пикар никогда не увидит приобретаемых работ. Если художник имеет достаточно высокий рейтинг, оригиналы, скорее всего, надежно спрятаны в каком-нибудь сейфе, где их вообще никто не видит. Дни или годы спустя Пикар, возможно, наберет тот же самый телефонный номер и прикажет брокеру продавать.

Галерея Марли продавала оригиналы. Это приносило сравнительно немного денег, но зато и своего рода нутряное, непосредственное удовлетворение. И разумеется, всегда оставался шанс, что тебе повезет. Она, помнится, убедила себя, что ей действительно очень повезло, когда Ален устроил так, чтобы «случайно» всплыл поддельный Корнелл. Корнелл высоко котировался у брокеров, и его «пункты» стоили очень дорого.

— Пикар, — будто обращаясь к слуге, произнес

Пако, — познакомьтесь, это Марли Крушкова. Сеньор подключил ее к делу об анонимных шкатулках. Ей, возможно, захочется задать нам несколько вопросов.

— Очарован, — сказал Пикар и тепло улыбнулся, но Марли показалось, что она уловила в карих глазах галерейщика некий проблеск: скорее всего, он пытался связать имя с каким-то скандалом, причем сравнительно недавним.

— Насколько я понимаю, именно в вашей галерее была оформлена эта сделка?

— Да, — подтвердил Пикар. — Мы выставили работу в нашем нью-йоркском зале и получили ряд предложений. Однако мы решили дать ей шанс также и в Париже… — он весь светился от радости, — и благодаря вашему работодателю это решение оказалось весьма прибыльным. Как поживает герр Вирек, Эстевес? Мы не видели его уже несколько недель…

Марли украдкой бросила взгляд на Пако, но смуглое лицо испанца осталось совершенно невозмутимым.

— Я бы сказал, сеньор прекрасно себя чувствует, — ответил он.

— Великолепно, — сказал Пикар с чуть излишним энтузиазмом. Он повернулся к Марли. —

Чудесный человек. Легенда. Великий меценат. Великий ученый.

Марли показалось, что она услышала, как Пако вздохнул.

— Не могли бы вы мне сказать, где именно ваше нью-йоркское отделение приобрело данную работу?

Лицо Пикара вытянулось. Он взглянул на Пако, потом снова на Марли:

— Вы не знаете? Вам не рассказали?

— Не могли бы вы сказать мне сами?

— Нет, — сказал Пикар. — Очень жаль, но не могу. Видите ли, мы не знаем.

Марли уставилась на него в полном недоумении:

— Прошу прощения, но я не совсем понимаю, как такое возможно…

— Она не читала отчетов, Пикар. Расскажите ей все. Услышать историю из первых уст — это может подстегнуть ее интуицию.

Пикар бросил на Пако странный взгляд, потом взял себя в руки.

— Конечно, — сказал он, — с удовольствием.

— Вы думаете, это правда? — спросила она Пако, когда они вышли на залитую солнцем улицу; в толпе тут и там мелькали японские туристы.

— Я сам ездил в Муравейник, — ответил Пако, — и опросил всех, кто имел хоть какое-то отношение к этому делу. Робертс не оставил никаких записей о покупке, хотя обычно он скрытничает не больше, чем любой арт-дилер.

— И его смерть была случайной?

Испанец надел зеркальные очки «порше».

— Столь же случайной, какой бывает любая подобная смерть, — ответил он. — У нас нет никакой возможности узнать, как или где он приобрел шкатулку. Мы обнаружили ее здесь восемь месяцев назад, и все наши попытки проследить ее путь оканчивались на Робертсе, а тот уже год как мертв. Пикар выпустил из своего рассказа то, что мы едва не потеряли шкатулку. Робертс хранил ее в своем загородном доме вместе с целым рядом прочих предметов, которые его наследники сочли просто набором курьезов. Весь лот едва не продали на публичном аукционе. Иногда мне хочется, чтобы так и произошло.

— А остальные предметы, — спросила Марли, примеряясь к его шагу, — что представляют собой они?

Он улыбнулся:

— Вы думаете, мы их не отследили, каждый в отдельности? Отследили, проверили. Все они, —

тут он нахмурился, делая вид, что напрягает память, — «ряд малопримечательных образчиков современного народного искусства»…

— А что, известно, что Робертс интересовался чем-то подобным?

— Нет, — отозвался он, — но мы знаем, что приблизительно за год до смерти он подал заявку на членство в институте «Арт-Брют», здесь, в Париже, и добился того, чтобы стать попечителем «Собрания Эшман» в Гамбурге.

Марли кивнула. «Собрание Эшман» состояло в основном из работ психопатов.

— Мы питаем разумную уверенность, — продолжал Пако, беря ее под локоть и направляя за угол, в боковую улочку, — что он не делал никаких попыток использовать ресурсы того или другого учреждения. Может быть, прибег к услугам посредников, хотя это маловероятно. Сеньор, конечно, нанял несколько десятков специалистов, чтобы проверить архивы обоих заведений. Без всякого результата…

— Скажите, — поинтересовалась Марли, — почему Пикар думает, что недавно видел герра Вирека? Как это возможно?

— Сеньор богат. Сеньор любит являть себя повсякому.

Он завел ее в какое-то кафе — несмотря на поблескивающие зеркала, ряды бутылок и игральные автоматы, оно напоминало отделанный хромировкой коровник. Зеркала лгали о размерах помещения, в глубине зала Марли увидела отраженный тротуар, ноги пешеходов, солнечный зайчик на втулке колеса. Пако кивнул сонного вида мужчине за стойкой бара и, взяв ее за руку, повел через мелководье круглых пластмассовых столиков.

— На звонок Алена вы можете ответить и отсюда, — сказал он. — Мы устроили так, чтобы его переадресовали из квартиры вашей подруги.

Он выдвинул ей стул — автоматический жест профессиональной вежливости, и она подумала, не был ли он и в самом деле некогда официантом, — и поставил на стол сумку.

— Но он же поймет, что я не у Андреа, — возразила Марли. — А если я отключу видео, у него тут же возникнут какие-нибудь подозрения.

— Ничего этого он не увидит. Мы сгенерировали цифровой образ вашего лица и требуемый фон. Осталось только ввести программу в этот аппарат.

Вынув из сумки элегантный телефон, он поставил его на стол перед Марли. На крышке

устройства бесшумно развернулся и тут же приобрел жесткость тонкий, как бумага, полимерный экран. Марли однажды случилось наблюдать, как выходит на свет бабочка, и этот экран напомнил ей чем-то трансформацию подсыхающих крыльев насекомого.

— Как это сделано? — спросила она, осторожно касаясь экрана. На ощупь тот напоминал тонкую сталь.

— Новый поликарбон, — сказал он, — разработка «Мааса»…

Телефон тихонько замурлыкал. Поправив аппарат так, чтобы экран оказался точно перед Марли, Пако обошел столик.

— Ваш звонок. Помните, что вы дома! — сказал он и, потянувшись через стол, коснулся клавиши с титановым покрытием.

Маленький экран заполнили лицо и плечи Алена. Будто задымленное, с плохой подсветкой изображение значило, что звонит он из телефонной будки.

— Доброе утро, дорогая, — сказал Ален.

— Привет, Ален.

— Как дела, Марли? Полагаю, ты достала деньги, о которых мы договорились? — (Ей было видно, что одет он в какую-то темную куртку, но

разрешение не позволяло разобрать детали.) — Твоей приятельнице стоило бы взять несколько уроков по уборке дома, — сказал он и, казалось, попытался заглянуть ей за спину.

— За всю свою жизнь ты ни разу не убрал комнату сам, — отозвалась она.

Ален с улыбкой пожал плечами:

— У каждого свои таланты. Мои деньги у тебя, Марли?

Она взглянула на Пако, тот кивнул.

— Да, — сказала она. — Конечно.

— Чудесно, Марли. Великолепно. Есть только одна крохотная загвоздка. — Он все так же улыбался.

— И какая же?

— Мои информаторы удвоили цену. Соответственно, и я должен удвоить свою.

Пако кивнул. Он тоже улыбался.

— Хорошо. Мне, конечно, придется спросить… — Теперь ее от него просто тошнило. Захотелось выключить телефон.

— И они, естественно, согласятся.

— Так где мы встретимся?

— Я позвоню еще раз. В пять, — сказал он.

Изображение съежилось до единственной сине-зеленой точки, как на экране радара, потом

и она исчезла.

— У вас усталый вид, — сказал Пако, складывая экран и убирая телефон в сумку. — Вы выглядели старше, когда говорили с ним.

— Правда?

Перед ее внутренним взором вдруг почему-то возникла витрина в галерее «Робертс», все эти лица. «Прочти нам «Книгу имен мертвых»». Все они — Марли, подумала она, все эти девушки — это я, какой была в долгую пору юности.

Глава 16

Легба

— Вставай, придурок. — Реа не слишком нежно пихнула его под ребра. — Поднимай задницу.

Бобби очнулся, сражаясь с вышитым крестиком покрывалом и полуоформившимися силуэтами неизвестных врагов. С убийцами матери. Он лежит в незнакомой комнате, в комнате, которая может быть где угодно. Многочисленные зеркала в рамах из позолоченного пластика. Ворсистые алые обои. Так декорировали свои комнаты готики, если могли это себе позволить, но он видел, как их родители оформляли в таком же стиле це-

лые кондо. Швырнув на темперлон узел каких-то шмоток, Реа засунула руки в карманы черной кожаной куртки.

Покрывало в розово-черную клетку сбилось складками вокруг талии. Бобби глянул вниз и увидел, что членистое тело многоножки почти полностью утонуло в колее свежего розового шрама в палец шириной. Бовуар говорил, что эта штука ускорит заживление. Бобби недоверчиво потрогал новенькую ткань — болезненно, но, в общем, переносимо. Затем перевел взгляд на Реа, выставил средний палец и сказал:

— Сама поднимай задницу на *это*.

Несколько секунд они в упор смотрели друг на друга поверх поднятого пальца Бобби. Наконец Реа рассмеялась.

— Ладно, — сказала она, — один-ноль в твою пользу. Я перестану тебя доставать. А сейчас подбери вещички и одевайся. Тут должно найтись что-нибудь, что тебе подойдет. Скоро за тобой явится Лукас, а он не любит, когда его заставляют ждать.

— Да? А мне он вроде показался спокойным мужиком.

Бобби стал рыться в куче одежды: отбросил в сторону черную рубашку с пейслийскими

узорами из состирывающегося золота, красную атласную куртку с оторочкой из белой искусственной кожи по рукавам, черное трико с вставками какого-то прозрачного материала…

— Где ты это взяла? — спросил он. — Я не могу носить такую дрянь…

— Это моего младшего братца, — ответила Реа. — Осталось с прошлого сезона — и лучше бы тебе натянуть что-нибудь на свою белую задницу, пока не появился Лукас. Эге, а это мое. — Она вырвала трико, как будто Бобби собирался его украсть.

Бобби натянул черную с золотом рубашку, еще пришлось повозиться с кнопками из стекляшек под черный жемчуг. Нашел наконец пару черных джинсов, но мало того что они оказались обвисшими и плиссированными, так в них еще и не было карманов.

— Это все штаны, какие у тебя есть?

— Господи, — вздохнула она, — я видела одежду, которую срезал с тебя Пай. Тоже мне, блин, модник. Просто оденься, ладно? Мне не нужны неприятности с Лукасом. С тобой он, может, и миндальничает, — значит, просто у тебя есть что-то очень ему нужное, вот он и не выделывается. У меня, уж конечно, ничего такого нет. Так что

из-за меня Лукас угрызений совести испытывать не будет.

Бобби нетвердо встал на ноги возле топчана и попытался застегнуть черные джинсы.

— Молнии нет, — сказал он, поднимая глаза на Реа.

— Поищи пуговицы. Должны быть где-то внутри. Такой стиль, знаешь ли.

Бобби нашел пуговицы. Хитрая конструкция. Он подумал, что будет, если ему понадобится отлить по-быстрому. Увидев возле кровати черные тапки из нейлоновых ремешков, он сунул в них ноги.

— А Джекки? — спросил он, ковыляя туда, где мог бы взглянуть на себя в зеркало в золоченой раме. — Из-за нее Лукас станет испытывать муки совести? — Он следил за Реа в зеркале и увидел, что на ее лице промелькнула какая-то тень.

— А это еще что должно означать?

— Бовуар… он сказал, что она лошадь…

— Тише ты, — оборвала его Реа тихим и настойчивым голосом. — Если Бовуар упоминает при тебе о чем-то таком, это его дело. В остальных случаях это не то, о чем можно говорить, понял? Есть вещи настолько скверные, что ты сам предпочел бы вернуться на Большую Площадку к этим гоп-

никам, которые тебя покоцали, уж поверь.

Бобби следил в зеркале за отражением ее черных глаз в тени полей мягкой фетровой шляпы. Теперь в них, казалось, появилось чуть больше белизны, чем раньше.

— Ладно, — сказал он после паузы, а потом добавил: — Спасибо.

Он поиграл воротом рубашки: поднял его сзади, снова опустил, пробуя разные варианты.

— Знаешь, — Реа склонила голову набок, — если тебя одеть, ты не такой уж урод. Правда, глаза у тебя как два окурка в сугробе…

— Лукас, — начал Бобби, когда они спускались в лифте, — ты не знаешь, кто это был? Кто разделался с моей старухой? — Он намеревался спросить совсем другое, но вопрос выскочил сам собой, как пузырек болотного газа.

Лукас доброжелательно оглядел его с головы до ног. Черное длинное лицо негра осталось совершенно невозмутимым. Его великолепно сшитый черный костюм выглядел так, как будто его только что выгладили. В руке Лукас держал тяжелую трость из блестящего полированного дерева в красных и черных завитках прожилок, с массивным латунным набалдашником. Вниз от набалдашника сбегали латунные накладки в

палец длиной, утопленные в дерево трости.

— Мы этого не знаем, — широкий рот сжался в прямую и очень серьезную складку, — но нам очень хотелось бы знать…

Бобби неуверенно переступил с ноги на ногу — ему было очень не по себе. Уже сам лифт заставлял его робеть и чувствовать себя неловким. Размерами тот напоминал небольшой автобус — и, хотя кабина не была переполнена, Бобби оставался в ней единственным белым. Черные, заметил он, когда его взгляд беспокойно скользнул по кабине, во флюоресцентном свете вовсе не выглядят полутрупами, как это происходит с белыми.

Трижды за время их спуска лифт останавливался на каком-нибудь этаже и подолгу застревал там, однажды — минут на пятнадцать. Когда такое случилось в первый раз, Бобби вопросительно глянул на Лукаса.

— Что-то в шахте, — ответил тот на невысказанный вопрос.

— Что?

— Другой лифт.

Лифты располагались в сердцевине «улья», шахты были оплетены трубами водоснабжения и канализации, толстыми кабелями электро-

проводки и еще какими-то коммуникациями в теплоизоляционной обмотке. Бобби решил, что это часть геотермальной системы, о которой рассказывал Бовуар. «Внутренности» Проекта вылезали наружу, стоило только раздвинуться дверям кабины: все грубо, оголено, как будто те, кто строил «улей», хотели, чтобы последующие жильцы точно знали, как именно работает вся эта механика и что куда ведет. И все вокруг, каждую видимую поверхность покрывала вязь наползающих друг на друга граффити, настолько плотная, что почти невозможно было различить хоть какую-нибудь отдельную надпись или символ.

— Ты ведь никогда раньше не бывал тут, Бобби? — спросил Лукас, когда двери в очередной раз захлопнулись и кабина опять стала опускаться.

Бобби покачал головой.

— А жаль, — продолжал Лукас. — Конечно, это вполне понятно, но все равно — стыд и срам. Дважды-в-День говорил мне, что ты не испытываешь особого желания засиживаться в Барритауне. Это правда?

— Разумеется, — согласился Бобби.

— Ну, на мой взгляд, это вполне понятно. Ты кажешься мне молодым человеком с богатым воображением и, что еще важнее, достаточно

инициативным. Согласен? — Уткнув латунный набалдашник в широкую ладонь, Лукас пригвоздил Бобби испытующим взглядом.

— Наверное, да. Терпеть не могу это захолустье. В последнее время я стал замечать, что… ну… здесь никогда ничего не происходит, понимаешь? Я хочу сказать, что-то случается, но это всегда чертов раз за чертовым разом одно и то же, как повторный показ, каждое лето похоже на предыдущее. — Бобби смешался, гадая, что Лукас о нем подумает.

— Да, — отозвался тот. — Знакомое чувство. В отношении Барритауна это, быть может, чуть более верно, чем в отношении прочих мест. Но с тем же успехом такое можно сказать и про Нью-Йорк, и про Токио.

Не может этого быть, подумал Бобби, но все равно кивнул. Предостережение Реа крепко засело у него в голове. Лукас, казалось, таил в себе не больше угрозы, чем Бовуар, но уже одни его габариты служили предостережением. Бобби в последнее время всерьез обдумывал новую теорию о том, как держат себя некоторые представители рода человеческого, он еще не додумал ее до конца, но отчасти она основывалась на следующем постулате: тем, кто может быть по-настоящему опасен,

вовсе не обязательно выставлять это напоказ, а способность скрывать угрозу делает их еще опаснее. Это шло вразрез с правилами Большой Площадки, где малыши-шестерки безо всякого веса из кожи вон лезли, чтобы, обвешавшись хромированными шипами и прочей дребеденью, проканать за буйных. Что, вероятно, шло им на пользу, по крайней мере в глазах местной тусовки. Однако Лукас явно был не из тех, кого хоть сколько-нибудь интересовало мнение местной тусовки.

— Ты, я вижу, сомневаешься, — продолжал Лукас. — Ну, в этом ты, вероятно, и сам довольно скоро убедишься. Впрочем, не в ближайшем будущем. Учитывая, какой оборот приняла твоя жизнь, скучать тебе еще долго не придется.

Двери лифта, содрогаясь, разъехались в стороны, и Лукас шагнул из кабины, легонько, как ребенка, подталкивая Бобби перед собой. Они вышли в гулкий вестибюль, который, казалось, тянулся в бесконечность. Повсюду — киоски и занавешенные тряпками прилавки, и люди, сидящие возле одеял с разложенной на них всякой всячиной.

— Не задерживайся. — Лукас слегка подтолкнул Бобби огромной ладонью, когда тот остановился

перед лотками с подержанным софтом. — Ты на пути в Муравейник, друг мой, и ты отправляешься туда так, как подобает Графу.

— То есть?

— В лимузине.

Машина Лукаса ошеломляла — поразительно длинный, черный в золотых проблесках корпус, натертая до зеркального блеска латунь и целая коллекция чудных приспособлений, о назначении которых Бобби мог только гадать. Он решил, что одно из них — явно спутниковая антенна, хотя по форме она напоминала скорее не блюдце, а какое-нибудь календарное колесо ацтеков. Но тут он оказался внутри, и широкая дверца, мягко щелкнув, закрылась за ними. Окна были затемнены — пожалуй, даже слишком: изнутри казалось, что на улице ночь, причем довольно суетливая, поскольку обитатели Новостроек спешили по своим утренним делам. Внутри автомобиль представлял собой одно большое купе, заваленное пестрыми ковриками и светлыми кожаными подушками. Никаких сидений здесь, похоже, не наблюдалось. Равно как и рулевого колеса; на месте приборной доски — мягкая кожаная обивка без какого-либо следа приборов. Бобби посмотрел на Лукаса, который уже успел распустить черный

галстук.

— Как ты его водишь?

— Садись где-нибудь. А водят его так: Ахмед, отвези наши задницы в Нью-Йорк, в Нижний Ист-Сайд[41].

Машина плавно скользнула от обочины, а Бобби упал на колени в мягкую горку ковриков.

— Ланч будет подан через полчаса, сэр, если только вы не пожелаете чего-нибудь раньше. — Мягкий мелодичный голос, исходящий, казалось, из ниоткуда.

Лукас рассмеялся.

— Да уж, в Дамаске знали, как делать подобные вещи, — сказал он.

— Где?

— В Дамаске, — повторил Лукас, расстегивая пиджак и устраиваясь на горке палевых подушек. — Это «роллс». Из старых. В те времена, когда у них еще водились деньги, арабы делали неплохие машины.

— Лукас, — спросил Бобби с полным ртом (ел холодного жареного цыпленка), — как так выходит, что нам до Нью-Йорка ехать еще полтора часа? Ведь нельзя сказать, что мы ползем…

---

[41] Примечания: 41

Нижний Ист-Сайд — район на юго-востоке Манхэттена.

— Потому что, — сказал Лукас, сделав паузу ради еще одного глотка охлажденного белого вина, — дорога займет у нас ровно столько, сколько нужно. Ахмеда на заводе оснастили всеми необходимыми приспособами, включая первоклассную систему блокировки наблюдения. На трассе, пока он в движении, Ахмед обеспечивает изрядную степень секретности, намного большую, чем та, за какую я при обычных обстоятельствах готов платить в Нью-Йорке. Ахмед, как ты полагаешь, кто-нибудь пытается достать нас — подслушать или еще чего?

— Нет, сэр, — ответил голос. — Восемь минут назад наша идентификационная панель была инфрасканирована с вертолета тактических сил. Номер вертолета — «Эм-Икс тире три тире восемьсот сорок восемь», пилот — капрал Роберто…

— Ладно, ладно, — прервал Лукас. — Прекрасно. Это не имеет значения. Видишь? Ахмед вытащил из тактиков больше информации, чем они получили от нас. — Вытерев руки о толстую белую льняную салфетку, он выудил из кармана пиджака золотую зубочистку.

— Лукас, — снова начал Бобби, пока негр осторожно ковырялся ею в щелях между большими квадратными зубами, — что произойдет, если я,

скажем, попрошу тебя отвезти меня на Таймс-Сквер и там высадить?

— Ага, — отозвался Лукас, опуская зубочистку, — самый деловой район города. В чем дело, Бобби, наркотики нужны?

— Да нет, просто интересно.

— Интересно что? Тебе нужно на Таймс-Сквер?

— Нет, просто это первое место, какое пришло мне в голову. Я имел в виду, ты меня отпустишь?

— По правде сказать, нет, — сказал Лукас. — Но тебе не следует думать, что ты заключенный. Скорее — гость. Ценный гость.

Бобби бледно улыбнулся:

— А-а. Ладно. Как это называется? «Содержание под стражей в целях безопасности»?

— Верно, — сказал Лукас, снова принимаясь за зубочистку. — И пока мы тут надежно экранированы славным Ахмедом, пора бы нам, Бобби, поговорить. Думаю, брат Бовуар уже рассказал тебе кое-что о нас. Что ты думаешь о том, что он тебе рассказал?

— Ну, — протянул Бобби, — это действительно очень интересно, но я не уверен, что все понял.

— Чего ты не понял?

— Ну, я, например, ничего не понимаю в этих ваших вудуистских штучках…

Лукас поднял брови.

— Это не мое дело, кто что готов проглотить, я хочу сказать — во что *поверить*, так? Но то Бовуар дело говорит, причем на уличном техе, да таком, что закачаешься, а через минуту — о каких-то мамбо и привидениях, о духах и змеях. И, и…

— И о чем?

— О лошадях, — выдавил Бобби, горло у него перехватило.

— Бобби, ты знаешь, что такое метафора?

— Железо какое-то? Вроде конденсатора?

— Нет. Ладно, оставим метафоры в покое. Когда Бовуар или я говорим с тобой о лоа и их лошадях, как мы называем тех немногих, которых избирают лоа, чтобы ездить на них, просто сделай вид, что мы говорим на двух языках разом. Один из них тебе понятен. Это уличный тех, как ты его называешь. Мы можем использовать другие слова, но говорим все же на техе. Скажем, мы называем что-то Огу Ферай, а ты то же самое мог бы назвать ледорубом, понимаешь? Но при этом теми же словами мы говорим и о других вещах, и вот их-то ты и не понимаешь. Тебе это и не нужно. — Он убрал зубочистку.

Бобби сделал глубокий вдох.

— Бовуар сказал, что Джекки — лошадь для

змея, змея по имени Данбала. Можешь повторить то же самое на уличном техе?

— Естественно. Думай о Джекки как о деке — киберпространственной деке, очень хорошенькой и с красивыми коленками. — Лукас хмыкнул, а Бобби покраснел. — Думай о Данбале, которого некоторые называют змеем, как о программе. Скажем, о ледорубе. Данбала входит в деку Джекки, Джекки рубит лед. Вот и все.

— Ладно, — сказал Бобби, решив, что уже несколько освоился, — тогда что такое матрица? Если Джекки дека, а Данбала программа, что тогда киберпространство?

— Весь мир, — услышал он в ответ.

— Отсюда нам лучше пойти пешком, — сказал Лукас.

«Роллс» беззвучно и плавно остановился, негр встал, застегивая на две пуговицы пиджак.

— Ахмед привлекает слишком много внимания.

Он подобрал свою трость — дверь, открываясь, издала мягкий чмокающий звук.

Бобби выбрался вслед за Лукасом в безошибочно узнаваемый запах, ставший визитной карточкой Муравейника, — богатая амальгама затхлых выхлопов подземки, древней копоти и

едкого канцерогенного духа от свежей пластмассы, все это замешано на углекислом привкусе запрещенного ископаемого топлива для автомобилей. Высоко над головой в отраженном ослепительном свечении дуговых ламп один из недостроенных фуллеровских куполов[42] закрывает две трети вечернего неба цвета лососины. Рваный край купола напоминает разломанные серые соты. Лоскутное одеяло куполов Муравейника порождало непредсказуемые смены микроклимата: были, например, области на несколько кварталов, где с закопченных геодезиков непрестанно сыпалась тонкая водяная пыль сконденсировавшейся влаги; в кварталах же под самыми высокими секциями купола часто били статические разряды — этакая специфическая городская разновидность молний.

На улице, по которой Бобби шагал вслед за Лукасом, сильно дуло. Теплый ветер бросал в лицо песок, — вероятно, это было как-то связано с перепадами давления в системе подземных

[42] Примечания: 42

По имени американского архитектора и дизайнера Бакминстера Фуллера (1895–1983), пропагандировавшего строительство так называемых геодезических куполов — сетчатой оболочки из прямых стержней, обладающей минимальной массой при большом внутреннем объеме, причем чем больше купол, тем выше его несущая способность, поскольку нагрузка распределяется на большее количество элементов конструкции.

коммуникаций, опутавшей весь Муравейник.

— Помни, что я тебе говорил, — сказал Лукас, щурясь от ветра с песком. — Этот человек представляет собой гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. И даже если это не так, ты все равно обязан выказать ему некую толику уважения. Если хочешь стать ковбоем, раскрой глаза пошире — сейчас ты увидишь, так сказать, живого классика нашего ремесла.

— Ага, — протянул Бобби. — Ладно. — Он подпрыгнул, чтобы отделаться от посеревшей ленты распечатки, которой вздумалось обвиться вокруг его колена. — Так, значит, это у него вы с Бовуаром купили…

— Ха! Нет! Я же тебе сказал. Говорить посреди улицы — все равно что ньюсфаксу диктовать…

Бобби поморщился, потом кивнул. Блин! Он все время попадает впросак! Вот он с крупным дельцом по уши в каком-то потрясающем деле, а продолжает вести себя как вильсон. Делец. Вот самое подходящее слово для Лукаса и для Бовуара тоже. А эти разговорчики о вуду — просто игра, чтобы запудрить мозги окружающим, думал Бобби. В «роллсе» Лукас выдал какую-то пространную тираду о Легбе, который, по его словам, был лоа коммуникаций, «хозяин дорог и тропи-

нок», а все это к тому, что человек, к которому он ведет Бобби, — избранник Легбы. Когда Бобби спросил, хунган ли этот человек, Лукас сказал, что нет. Он сказал, что этот человек шел бок о бок с Легбой всю свою жизнь, был к нему предельно близко и даже не подозревал, что лоа всегда рядом с ним, как будто лоа всегда был частью его самого, его тенью. И вот этот человек, сказал Лукас, продал им софт, который Бобби арендовал у Дважды-в-День…

Свернув за угол, Лукас неожиданно остановился, да так резко, что Бобби едва не уткнулся ему в спину. Они стояли перед почерневшей каменной стеной. Окна дома еще десятилетия назад были забиты листами рифленого железа. На первом этаже располагался некогда магазин, но покрытые трещинами витрины успели зарасти грязью. Дверь между слепыми окнами была усилена точно таким же листом железа, какой запечатывал окна верхних этажей. Бобби показалось, что за окном слева можно разобрать что-то вроде вывески — потухшие неоновые буквы, криво свисающие в мрачной темноте. Лукас же просто стоял перед дверью, его лицо было лишено всякого выражения, конец трости будто врос в тротуар, огромные руки сложены одна поверх другой на

латунном набалдашнике.

— Первое, чему тебе предстоит научиться, — сказал он тоном человека, цитирующего пословицу, — это тому, что всегда нужно ждать…[43]

Бобби почудилось за дверью какое-то царапанье, потом раздался звон цепочки.

— Потрясающе, — проговорил Лукас, — можно подумать, что нас ждали.

Дверь на хорошо смазанных петлях открылась сантиметров на десять, потом будто за что-то зацепилась. В темной пыльной щели возник глаз и немигающе уставился на них. Поначалу Бобби решил, что это глаз какого-то крупного животного: зрачок — странного желтовато-коричневого оттенка, а белок — в паутине красных прожилок. А под ними — выпяченная, еще более красная губа.

— Духов человек, — сказал невидимый владелец глаза, — духов человек и какой-то мелкий засранец. Господи… — Раздался ужасный, булькающий звук, будто хозяин чуть ли не из самых кишок выхаркивал мокроту, скопившуюся там еще в доисторические времена, затем последовал

---

[43] Примечания: 43

«First thing that you learn is that you always gotta wait» — цитата из песни Лу Рида «I'm Waiting for the Man» с первого альбома *The Velvet Underground* («The Velvet Underground and Nico», 1967).

смачный плевок. — Что ж, заходи, Лукас.

Снова скрежет, и дверь распахнулась вовнутрь — в кромешную тьму.

— Я занятой человек… — прозвучало с расстояния в метр — и с каждым словом все тише, как будто носитель глаза спешил убраться подальше от света, проникшего через открытую дверь.

Лукас переступил порог. Ему на пятки едва не наступил Бобби, почувствовавший, как за ним мягко захлопнулась дверь. От внезапной всепоглощающей темноты по рукам у него побежали мурашки. Эта тьма, казалось, жила собственной жизнью — что-то плотное, сбившееся и будто бы даже способное чувствовать.

Вспыхнула спичка, зашипела, плюясь, газовая лампа с наддувом — в ее калильной сетке зажегся газ. Разинув рот, Бобби уставился на лицо за светильником. Лицо?… Бобби очень хотелось поверить, что этот желтый глаз с кровавыми прожилками, равно как и его близнец, смотрят на него из прорезей какой-то страшной маски.

— Полагаю, ты не ждал нас, правда, Финн?

— Если хочешь знать, — проскрипела маска, открывая огромные плоские и желтые зубы, — я как раз собирался выйти, надыбать чего-нибудь на обед.

На взгляд Бобби, это существо могло бы прожить на диете из плесневеющего ковра. Или же со всем терпением выгрызать себе дорогу в коричневой мякоти разбухших от сырости книг, наваленных до высоты плеча по обеим сторонам туннеля, где они стояли сейчас с Лукасом.

— Что это за недоносок, Лукас?

— Знаешь, Финн, мы с Бовуаром испытываем некоторые затруднения в связи с кое-чем, что приобрели у тебя, полностью тебе доверяя. — Лукас поднял трость и легонько потыкал ее концом в опасно накренившийся штабель, сложенный из древних книг в мягких обложках.

— Ах вот как? — Финн с насмешливым сочувствием поджал серые губы. — Оставь в покое эти первоиздания, Лукас. Если они рухнут, платить придется тебе.

Лукас убрал трость. В свете фонаря блеснул стальной наконечник.

— Итак, — сказало существо, которое Лукас называл Финном, — у вас проблемы. Забавно, Лукас, очень, черт побери, забавно. — Сероватые щеки Финна были прочерчены глубокими косыми морщинами. — У меня тоже проблемы. Три, если быть точным. Сегодня утром их еще не было. Что ж, думаю, такова жизнь. — Он поставил ши-

пящую лампу на выпотрошенный каталожный шкаф и выудил из кармана чего-то, что некогда, возможно, было твидовым пиджаком, кривую сигарету без фильтра. — Мои три проблемы наверху. Может, хочешь взглянуть на них?…

Он чиркнул деревянной спичкой о подставку лампы и прикурил. В воздухе заклубилась едкая вонь черного кубинского табака.

— Знаете, — сказал Финн, переступая через первое тело, — я уже очень давно обретаюсь по этому адресу. Все знают, где меня искать. Покупаешь у Финна — точно знаешь, у кого покупаешь. И я отвечаю за свой товар. Всегда…

Бобби пялился на вывернутое кверху лицо мертвеца, на потускневшие глаза. Что-то неестественное было в повороте его туловища, в том, как обмякло тело в облегающей черной одежде. С невыразительного безжизненного японского лица смотрели пустые глаза…

— И знаешь, сколько за все это время, — продолжал Финн, — нашлось недоумков, которые решились бы вломиться сюда, чтобы меня обуть? Ни одного! Ни одного до сегодняшнего утра. А тут, мать его, *трое зараз*. Ну, — он бросил на Бобби враждебный взгляд, — если не считать этого мелкого засранца, но… — Он пожал плечами.

— Такое впечатление, что он кривобокий, — сказал Бобби, все еще не сводя глаз с первого трупа.

— Это потому, что внутренности у него теперь годятся разве что на корм собакам, — ощерился Финн. — Растерты в пюре.

— Финн коллекционирует экзотическое оружие, — пояснил Лукас, слегка подталкивая запястье второго трупа концом трости. — Ты их просканировал на имплантаты, Финн?

— Ага. Та еще морока. Пришлось сначала оттащить их в заднюю комнату. Никаких сюрпризов. Быки, обычная команда. — Финн с шумом втянул воздух. — Вот только почему кому-то понадобилось меня пристукнуть?

— Может, ты продал им очень дорогой продукт, который не сработал? — рискнул предположить Лукас.

— Надеюсь, ты не хочешь сказать, что это ты послал их, Лукас? — ровным голосом произнес Финн. — Разве что тебе не терпится посмотреть, как я повторю этот фокус с собачьей кормежкой.

— А разве я сказал, что ты продал нам что-то, что не работает?

— «Испытываем затруднения», сказал ты. А что еще, ребята, вы купили у меня в последнее

время?

— Извини, Финн, но они не наши. И ты тоже это знаешь.

— Ага. Пожалуй, знаю. Так что же, черт побери, привело тебя сюда, Лукас? Сам же знаешь, то, что ты купил, обычными гарантиями не покрывалось…

— Видишь ли, — сказал Финн, выслушав историю сорвавшегося киберпространственного рейда Бобби, — порой там происходят чертовски странные дела. — Он медленно покачал узкой, неестественно вытянутой головой. — Что-то изменилось, раньше такого не было. — Он поглядел на Лукаса. — Но вы-то, ребята, это знаете, да?

Они сидели вокруг квадратного белого стола в совершенно белой комнате на первом этаже за захламленным торговым залом. Пол был выложен вытертой больничной плиткой в рубчик, чтобы не скользила нога, — ну прямо как в операционной, — а стены составлены из широких плит пыльного белого пластика, скрывавшего плотные слои антижучковой микропроводки. По сравнению со складом белая комната казалась хирургически чистой. Несколько стальных треножников вокруг стола, ощетинившиеся сенсорами и сканирующим оборудованием, на-

поминали абстрактные скульптуры.

— Знаем что? — спросил Бобби.

С каждым новым пересказом своей истории он все меньше чувствовал себя вильсоном. Наоборот, кем-то значительным. Вот именно, это заставляло его чувствовать свою значимость.

— Не о тебе речь, засранец, — устало сказал Финн. — О нем, олдувом вуду. Он-то знает: что-то изменилось… И произошло это не сегодня. Я в деле уже целую вечность. Подумать только, сколько воды утекло. Я был тут еще до войны, еще до того, как появилась какая-то матрица, или, во всяком случае, до того, как люди *осознали*, что она существует. — Теперь он глядел на Бобби. — У меня есть пара ботинок, которым больше лет, чем тебе. Так чего, черт побери, мне от тебя ждать? Ковбои появились вместе с компьютерами. А первые компьютеры построили для того, чтобы взломать немецкий лед, так? Ковбоев тогда называли дешифровщиками[44]. Так что лед существовал еще до компьютеров, если взглянуть на это с такой стороны.

---

[44] Примечания: 44

Речь идет об электромеханической машине *Bombe*, сконструированной в начале Второй мировой войны британским математиком и «крестным отцом информатики» Аланом Тьюрингом (на базе работ польского криптографа Мариана Реевского) для взлома кода роторной шифровальной машины «Энигма», применявшейся в немецкой армии.

Он закурил пятнадцатую сигарету за вечер, и белая комната снова стала наполняться дымом.

— А вот Лукас, этот знает, да уж. Последние семь-восемь лет странные там творятся вещи, да-да, там, в ковбойских кругах — или, если хочешь, в цепях. Сегодняшние жокеи заключают сделки с какими-то тварями, верно, Лукас? Ну да, знаю я об этом, знаю. Но им все равно нужны железо и софт, и им все равно нужно быть проворней змей на льду, однако у всех, у всех тех, кто действительно знает, как рубить лед, теперь есть союзники, правда, Лукас?

Лукас вынул из кармана свою золотую зубочистку и начал обрабатывать верхний коренной. Его темное лицо оставалось предельно серьезным.

— Престолы и власти[45], — загадочно продолжал Финн. — Да, что-то там есть. Призраки, голоса. А почему бы и нет? В океанах есть русалки и прочая дребедень, а у нас тут море кремния, понимаешь? Ну да, это наше киберпространство — просто ручной выделки галлюцинация, которую мы все согласились разделить, но каждый, кто подключается, знает, печенкой, черт меня по-

[45] Примечания: 45

Первый и четвертый ангельский чин из девяти, фигурирующих в трактате Псевдо-Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии» (V–VI вв.).

бери, чует, что это целая вселенная. И с каждым годом народу там вроде как прибывает…

— Для нас, — лениво вставил Лукас, — и здешний мир всегда на этом работал.

— Ага, — отозвался Финн, — чтобы вы, ребята, вписались как влитые и сказали всем: мол, те штуки, с которыми вы заключаете сделки, — это ж наши старые боги из буша…

— Божественные Наездники…

— Ну да, конечно. Вы в это, может, и верите. Но я довольно давно живу уже на этом свете и помню, что не всегда так было. Десять лет назад пусть бы кто попробовал зайти в «Джентльмен-неудачник» и втирать кому-нибудь из крутых жокеев, что разговаривал с призраком в матрице, — да они б решили, что он спятил.

— Что он вильсон, — вставил Бобби, чувствуя себя выключенным из разговора и уже не столь значительным.

Финн бросил на него безучастный взгляд:

— Что-что?

— Ну, вильсон. Козел. Это жаргон хотдоггеров, я думаю… — Ну вот, опять слажал. Блин.

Финн поглядел на него более чем странно.

— Господи. Вот как это называется, да? О боже. А ведь я *знавал* этого парня…

— Кого?

— Бодайна Вильсона, — сказал он. — Надо же: первый из моих знакомых, который кончил как фигура речи.

— Он был дурак? — спросил Бобби и тут же пожалел об этом.

— Дурак? Черта с два! Он был умен, хитер как бес. — Финн загасил сигарету в потрескавшейся керамической пепельнице с логотипом «Кампари». — Просто совершеннейший раздолбай, вот и все. Работал он как-то однажды с Дикси Флэтлайном… — Взгляд налитых кровью желтых глаз затуманился.

— Финн, — вмешался Лукас, — где ты взял этот ледоруб, который продал нам?

Финн сурово оглядел его с головы до ног:

— Сорок лет в деле, Лукас. Знаешь, сколько раз мне задавали этот вопрос? И знаешь, сколько раз я был бы уже мертв, если бы отвечал на него?

Лукас кивнул:

— Намек понял. Но тем не менее я задам его снова. — Он ткнул зубочисткой в сторону Финна, как игрушечным кинжалом. — Вот настоящая причина, по которой ты готов тут сидеть и трепаться: ты думаешь, что эти три жмурика наверху имеют отношение к тому ледорубу, который ты

нам продал. Я же видел, как ты насторожился, когда Бобби рассказывал, как взорвали кондо его матери, да?

— Возможно, — оскалился Финн.

— Кто-то занес тебя в свой список, Финн. Эти три мертвых ниндзя наверху обошлись кому-то в немалые деньги. Когда они не вернутся, этот кто-то примет меры, Финн, и еще более решительные.

Обведенные красным желтые глаза прищурились.

— Железок у них было выше крыши, — сказал Финн, — стандартный киллерский набор, но у одного из них были и другие штучки. Штучки для задавания вопросов. — Желтые от никотина, почти цвета тараканьих крыльев, пальцы медленно потянулись помассировать короткую верхнюю губу. — Я получил его от Вигана Лудгейта, — сказал он. — По кличке Виг.

— Никогда о таком не слышал, — сказал Лукас.

— Этот долбанутый засранец, — сказал Финн, — был когда-то ковбоем.

Случилось так, *начал Финн, и история поглотила Бобби целиком, это было даже лучше, чем слушать Бовуара и Лукаса*, что Виган Лудгейт пять лет оттрубил крутым жоком, недурной

пробег для киберковбоя. Да, пять лет… За такой срок ковбой кончает или с очень большими деньгами, или с выжженным мозгом, или тем, что набирает конюшню юных взломщиков, а сам выполняет уже чисто менеджерские функции. Виг, в первой горячке молодости и напора, рванул в затяжной поход по сравнительно редко заселенным секторам матрицы, представляющим те географические области, которые когда-то были известны как «третий мир».

Кремний не снашивается; микрочипы практически бессмертны. Виг этот факт подметил. Как всякое дитя своего века, он, однако, знал, что кремний на самом деле может устареть, и это гораздо хуже, чем просто отработать свое. Это было для Вига мрачной данностью, с которой приходилось смириться, как, скажем, со смертью или налогами. Впрочем, о том, чтобы его снаряжение соответствовало последнему слову техники, он обычно беспокоился больше, чем о смерти (ему было двадцать два) или о налогах (он не заполнял деклараций, хотя ежегодный процент, который он отдавал сингапурской отмывочной, грубо говоря, равнялся подоходному налогу, какой ему пришлось бы платить, заяви он о своих доходах). Виг достаточно здраво рассудил,

что должен же куда-то уходить весь этот устаревший кремний. А уходил он, как выяснил Виг, в ряд очень бедных стран, отчаянно пытавшихся запустить с нуля какие-никакие промышленные базы. В страны, настолько погруженные во мрак невежества, что концепция нации там до сих пор еще воспринималась всерьез. Виг пробурился на пару африканских задворок и почувствовал себя акулой, кружащей в бассейне, полном икры. Нельзя сказать, что какое-нибудь из этих вкусных крохотных яиц много давало в отдельности, но если забросить сеть и грести все чохом, то работы немного, а улов… в общем, с поля по зернышку… Виг обрабатывал африканцев неделю, при этом нечаянно вызвал падение по крайней мере трех правительств и бессчетные людские страдания. В конце недели, слизнув сливки с нескольких миллионов до смешного мелких банковских счетов, он удалился на покой. Когда он выходил, уже налетала саранча: на «африканскую идею» набрели все прочие.

Два года Виг просидел на пляже в Каннах, питаясь исключительно самыми дорогими дизайнерскими наркотиками и периодически включая маленький телевизор «Хосака», чтобы со странным и удивительно невинным любо-

пытством поизучать вздувшиеся тела мертвых африканцев. В какой-то момент — никто не мог сказать, где, когда или почему — стали замечать, что Виг проникся убеждением, будто Господь Бог живет в киберпространстве или, может, будто киберпространство и есть Бог или какое-то его новое проявление. Экскурсы Вига в теологию отличались резкими сдвигами парадигм, настоящими богоискательскими метаниями. Финн имел кое-какое представление о том, чем в те годы занимался Виг; вскоре после обращения в эту его новую уникальную веру Виган Лудгейт вернулся в Муравейник и отправился в эпическое, хоть и несколько беспорядочное плавание по водам кибернетического познания. В прошлом компьютерный жокей, он знал, куда обращаться за самым лучшим железом и софтом. Финн снабжал Вига и тем и другим, поскольку тот все еще оставался богат. Как Виг объяснял Финну, его техника мистических изысканий сводится к тому, чтобы проецировать сознание в пустые неструктурированные секторы матрицы и ждать. Надо отдать парню должное, сказал Финн, тот никогда не заявлял, будто взаправду встретил Бога, хотя считал, что в ряде случаев ощущал Его присутствие, незримое дуновение над ликом

решетки. Со временем у Вига вышли все деньги. Из-за его зацикленности на духовном поиске немногие деловые связи, оставшиеся с доафриканских времен, оборвались, так что Лудгейт канул без следа.

— Но потом однажды он объявился, — продолжал Финн, — сумасшедший, как крыса из нужника. Как был бледным сморчком, так им и остался, но теперь еще был увешан всякой африканской дребеденью: бусами, костями и тэ пэ.

Бобби отвлекся от рассказа Финна ровно настолько, чтобы спросить себя, как может существо, похожее на Финна, называть кого-то «бледным сморчком», но потом перевел взгляд на Лукаса, и тот был смертельно мрачен. Тут Бобби пришло в голову, что Лукас может воспринять африканскую часть истории на свой счет — как личное оскорбление, что ли. Но Финн преспокойно продолжал рассказ:

— У него было полно всего на продажу. Деки, периферия, программы. Все на пару лет устарело, но игрушки были крутые, так что я дал за них приличную цену. Я тогда еще заметил, что он вживил разъем за ухо и постоянно держит подключенным странный серебряный микрософт. «Что за софт?» — спрашиваю. «Он пуст», — отве-

чает Виг. Этот сморчок сидит на том самом месте, где сидишь сейчас ты, малыш, и говорит мне, что микрософт, мол, пуст, и что это глас Господень, и что он пребудет вечно в Его белом гуле, и тому подобный бред. И я подумал: господи, Виг окончательно сбрендил, — хотя нет, вот он в пятый раз пересчитывает деньги, которые я ему дал. «Виг, — сказал я, — время — деньги, но скажи мне, что ты теперь намерен делать?» Потому что мне стало любопытно. Я ведь знал парня долгие годы — по делам, конечно. «Финн, — говорит он, — я должен подняться по гравитационному колодцу. Бог — там, наверху». Ну то есть, говорит он мне, Бог-то повсюду, но тут внизу слишком много помех, они скрывают Его лик. «Ладно, — говорю я ему, — как знаешь». И указал ему на дверь, вот и все. Никогда его больше не видел.

Бобби поморгал, подождал, поерзал немного на жестком сиденье складного стула.

— Вот только где-нибудь год спустя появился какой-то парень, такелажник с высокой орбиты, спустился по колодцу на побывку, и у него был с собой недурной софт на продажу. Ничего гениального, но весьма и весьма интересно. Он сказал, это от Вига. Ну, может, Виг — свихнувшийся нарк и давно вне игры, но все же умеет

отыскивать неплохое дерьмецо. Так что я этот софт покупаю. Это было лет, наверное, десять назад, так? И каждый год или около того появляется какой-нибудь парень с товаром. «Виг сказал, это стоит предложить тебе». И обычно я это покупал. Ничего особенного, но вещи нормальные. И люди, привозившие софт, всегда были разные.

— Что это было, Финн, всегда только программы и ничего больше? — спросил Лукас.

— В основном да, ну и плюс еще какие-то странные хреновины типа скульптур. Об этом я позабыл. Я решил, что это Виг их делает. Когда первый раз парень привез одну такую, я купил у него софт, а потом спросил, как это, черт побери, называется? «Виг сказал, ты, возможно, заинтересуешься». — «Скажи ему, что он псих». Парень рассмеялся. «Ну, тогда оставь это себе, — говорит он. — Я не повезу эту чертову штуку обратно». Я хочу сказать, размером она была примерно с деку, эта штука, просто кучка мусора и разная труха, набитая в деревянную шкатулку… Так что я засунул ее за ящик с металлоломом и совсем бы о ней забыл, если бы не старик Смит — тогдашний мой коллега, барыжил он в основном искусством и всякой коллекционной лабудой. Он эту хрень видит и хочет заполучить. В общем,

ударили мы с ним по рукам насчет этого хренова барахла. «Еще такие будут, Финн, — говорит он, — забирай. В центровых районах немало найдется дураков, которые на такое клюнут». Так что в следующий раз, когда появился парень от Вига, я и скульптурку тоже купил и перепродал ее Смиту. Но особых денег в этом всем не было… — Финн пожал плечами. — До последнего месяца, во всяком случае. Появился очередной мальчишка с товаром, который вы потом купили. От Вига. «Послушай, — говорит он, — это биософт, и он рубит лед. Виг говорит, он дорогого стоит». Я софт просканировал, и выглядел он нормально. Знаешь, решил я, в нем, пожалуй, что-то есть. Твой партнер Бовуар тоже решил, что он довольно интересен. Я его купил. Бовуар купил его у меня. Конец истории. — Финн вытащил сигарету, она оказалась сломанной, согнутой пополам. — О черт, — сказал он.

Из того же кармана он выудил поблекшую пачку папиросной бумаги, из нее — хрупкий розовый листок и наподобие лубка плотно обернул его вокруг сломанной сигареты. Когда он лизнул клей, Бобби углядел кончик очень острого серо-розового языка.

— А где, Финн, проживает мистер Виг? —

спросил Лукас, подпирая большими пальцами подбородок. Длинные пальцы сложились домиком перед его лицом.

— Лукас, не имею ни малейшего, черт побери, понятия. Где-то на орбите. И довольно скромно, если те деньги, какие он из меня выдаивает, что-то для него значат. Правда, я слышал, там есть места, где можно прожить вообще без денег, если найдешь себе нишу в их экономике, так что, не исключено, этих грошей хватает надолго. Только я тут не при делах, у меня агорафобия. — Он скверно улыбнулся в сторону Бобби, который все пытался изгнать из памяти вид острого языка. — Знаешь, — сказал он, прищурившись на Лукаса, — дело было примерно тогда же, когда до меня стали доходить разговоры о всякой хурдемурде, что творится в матрице.

— Например? — спросил Бобби.

— Не лезь, мудило, — бросил Финн, все еще глядя на Лукаса. — Было кое-что — еще до того, как вылезла ваша духова гоп-компания. Я знал одну девчонку, уличного самурая. Так вот, она устроилась работать на одного типа из спецназа, по сравнению с которым даже Виг, мать его так, выглядел нормальным. Она и еще один ковбой, которого вытащили с помойки в Тибе, пошли на

какое-то странное дело, искали что-то. Может, нашли. Последний раз я видел их в Стамбуле. Но пару лет назад слышал, что она живет в Лондоне, а может — уже и нет. Кто, черт побери, знает? Семь-восемь лет прошло…

Вид у Финна стал вдруг очень усталый, и сам он внезапно как-то сильно постарел. Бобби подумал, что он похож на большую мумифицированную крысу, приводимую в движение ниточками и скрытыми проводками. Финн вынул из кармана наручные часы с треснувшим стеклом на половинке грязного кожаного ремешка и сверился с ними.

— Господи. Ну, это все, что ты от меня сегодня получишь, Лукас. Через двадцать минут ко мне заглянут друзья из банка органов поговорить о небольшом дельце.

Бобби подумал о трупах наверху. Они пролежали там весь день.

— Э-э, — сказал Финн, прочитав выражение на его лице, — банки органов хорошо умеют избавляться от трупов. У этих беспризорных ублюдков наверху не так уж много осталось органов… — И Финн рассмеялся.

— Ты говорил, он близок к… Легбе? А Легба — это тот, который, как вы с Бовуаром сказали,

послал мне удачу, когда я въехал в черный лед?

За сотами геодезических куполов светлело небо.

— Да, — ответил Лукас.

Негр, казалось, был погружен в глубокую задумчивость.

— Но он, похоже, вообще не верит ни в какое вуду.

— Это не имеет значения, — сказал Лукас, когда в конце улицы появился «роллс». — Он всегда был близок к духу вещей.

Глава 17

Беличий лес

Неподалеку от места приземления самолета журчала бегущая вода. Ворочаясь в ремнях противоперегрузочной сетки, Тернер услышал этот звук в бреду, а может, это было во сне — вода по камням, одна из древнейших песен. Самолет был умным, как какой-нибудь сообразительный пес, — с аппаратно встроенным инстинктом прятаться. Тернер чувствовал, как машина покачивается на раме шасси, забираясь в кусты, как шуршат и царапают по темной кабине вет-

ки. Самолет заполз глубоко в зеленую тень и припал на складные колени. Посадочная рама, сокращаясь, поскуливала и потрескивала, машина вжималась брюхом в глину и перегной, как электрический скат в песок. Мимикрирующая поликарбоновая обшивка крыльев и фюзеляжа потемнела и пошла пятнами, принимая цвет расписанного лунными разводами камня и лесной почвы. Наконец самолет затих, и единственным звуком остались родниковые трели…

Он очнулся, как машина: глаза распахнуты, зрение подключено, в оперативной памяти — пусто. Вспомнил красную вспышку смерти Линча в прицеле «смит-и-вессона». Изгиб кабины над головой был разрисован кружевом листьев и веток — хамелеонский камуфляж. Бледный рассвет и звук бегущей воды. На нем все та же синяя спецовка Оуки. Теперь от нее пахло кислым потом, а рукава Тернер оторвал еще позавчера. Револьвер лежал у него между ног, нацелившись на черный джойстик штурвала. Противоперегрузочная сетка путаницей ремней обвисла вокруг плеч и бедер. Извернувшись, Тернер заглянул назад, проверить, как там девочка. Увидел овал белого, как бумага, лица и коричневую струйку засохшей крови под носом. Еще без сознания. Капли пота

на лбу, губы слегка приоткрыты, как у куклы.

— Где мы?

— В пятнадцати метрах на юго-юго-восток от заданных вами координат посадки, — ответил самолет. — Вы снова потеряли сознание. Я выбрал маскировку.

Тернер выдернул из разъема коннектор интерфейса, оборвав связь с самолетом. Потом тускло оглядел пульт, щелкнул тумблером, откидывавшим фонарь. Кабина вздохнула сервоприводами, от движения качнулось кружево поликарбоновой листвы. Перекинув ногу через борт, Тернер прижал ладонь к фюзеляжу, поглядел вниз. Поликарбон, до того воспроизводивший серые тона окружающей глины, стал на глазах у Тернера вырисовывать овал цвета его ладони. Тернер перебросил вторую ногу — пушка осталась лежать забытой на сиденье — и соскользнул на землю в высокую сладкую траву. Там он снова заснул, и ему снилась бегущая вода.

Проснувшись, он пополз по-пластунски, чтобы не задеть низкие, тяжелые от росы ветки. Наконец выбрался на поляну и рухнул вперед, перекатился на спину, раскинув руки, будто — и сам он это почувствовал — сдавался на чью-то милость. Высоко над ним взметнулось с ветки

что-то маленькое и серое, приземлилось на другую ветку, покачалось на ней и ускакало прочь.

Лежи тихо, услышал он голос, учивший его этой премудрости много лет назад, просто ляг и расслабься, и очень скоро они о тебе забудут, потеряют среди серости, и росы, и рассвета; они вышли кормиться, кормиться и играть, их мозгам долго не удержать двух мыслей сразу. Мальчишка-Тернер устраивается рядом с братом, винчестер с пластиковым прикладом ложится поперек груди. Мальчик вдыхает запах новой латуни, и ружейного масла, и застрявший в волосах запах лагерного костра. И его брат всегда был прав, говоря о белках. Они возвращаются. Они уже забыли о прозрачном прищуре смерти, разлегшейся под ними в заштопанной джинсе и синей стали. Они вернулись, взапуски перескакивая с ветки на ветку, останавливаясь, чтобы принюхаться к утру. Тернеров двадцать второй калибр щелкнул, и обмякшее серое тельце, кувыркаясь, упало вниз. Остальные рассыпались, исчезли, а Тернер передал ружье брату. И снова они лежали в траве и ждали, чтобы белки о них забыли.

— Вы ведь похожи на меня, — сказал Тернер белкам, вырываясь из сна; одна из них внезапно

присела на толстом суку и взглянула прямо ему в глаза. — Я тоже всегда возвращаюсь. — (Белка ускакала прочь.) — Возвращался, когда бежал от голландца. Возвращался, когда улетел в Мексику. Возвращался, когда убил Линча.

Он лежал там очень долго, наблюдая за игрой белок, а тем временем вокруг него просыпался лес и согревалось утро. Прилетела ворона, снизилась, зависла, тормозя перьями, распущенными будто черные механические пальцы или стрелки часов. Остановилась проверить, не мертв ли он.

Тернер усмехнулся вслед вороне, с хлопаньем крыльев летевшей прочь.

Пока нет.

Он заполз назад под нависающие ветки и обнаружил, что девочка в кабине очнулась и села. На ней была мешковатая белая футболка с косым шрамом логотипа «МААС-НЕОТЕК». На футболке виднелись потеки свежей красной крови. У нее снова шла кровь носом. Яркие голубые глаза — растерянные и ошеломленные — в обрамлении желто-черных синяков. Экзотический макияж.

Совсем ребенок, подумал он.

— Ты дочь Митчелла, — сказал Тернер, выудив имя из досье с биософта. — Анджела.

— Энджи, — автоматически отозвалась она. —

А ты кто? У меня кровь идет из носа. — Она показала ему кровавую гвоздику скомканного бумажного платка.

— Тернер. Я ждал твоего отца. — Только сейчас он вспомнил о револьвере, сообразив, что второй ее руки не видно. Рука оставалась за краем кабины. — Ты знаешь, где он?

— На плато. Он думал, что сможет поговорить с ними, все им объяснить. Потому что он им нужен.

— С кем поговорить? — Тернер сделал шаг вперед.

— С «Маасом». С советом директоров. Они не могут себе позволить причинить ему вред. Не могут же?

— С чего бы это? — Еще шаг.

Она промокнула нос красной бумажкой.

— Потому что он отослал меня прочь. Потому что знал, они собираются что-то со мной сделать, может быть, убить. Из-за снов.

— Снов?

— Как ты думаешь, они ведь правда его не тронут?

— Нет. Конечно, они этого не сделают. А сейчас я залезу наверх, идет?

Она кивнула. Ему пришлось провести руками

по борту, чтобы отыскать мелкие утопленные поручни. Мимикрирующее покрытие показывало лист, лишайник, сучья… И вот он наверху, рядом с девочкой, и револьвер, как оказалось, лежал возле ее ноги в кроссовке.

— Но разве он не собирался прибыть сам? Я ждал его, твоего отца.

— Нет. Мы никогда этого не планировали. И дельтаплан у нас был только один. Разве он тебе не сказал? — Ее начало трясти. — Разве он ничего тебе не сказал?

— Достаточно, — сказал Тернер, кладя ей руку на плечо. — Он рассказал нам достаточно. Все будет хорошо…

Он перекинул ноги через борт, нагнулся, отодвинул «смит-и-вессон» от ее ноги, нащупал кабель интерфейса и, не отнимая другой руки от плеча Энджи, поднял его и вставил в разъем за ухом.

— Покажи мне, как стереть всю твою память за последние сорок восемь часов, — приказал он самолету. — Заложенный курс на Мехико, твой перелет с побережья, все…

— Никаких данных о заложенном курсе на Мехико не обнаружено, — отозвался голос — прямой нейронный вход на аудио.

Потирая подбородок, Тернер глядел на девочку.

— Куда мы направлялись?

— В Боготу, — сказал самолет и выдал на дисплей координаты посадки, которой они не совершали.

Энджи зажмурилась, потом недоуменно воззрилась на него. Веки у нее были в таких же черных синяках, как и вся кожа вокруг глаз.

— С кем ты разговариваешь?

— С самолетом. Митчелл сказал тебе, куда, по его мнению, ты направишься?

— В Японию.

— Знаешь кого-нибудь в Боготе? Где твоя мать?

— Никого. А мать, думаю, в Берлине. По правде говоря, я ее почти не знаю.

Тернер стер память истребителя, вычищая все, что заложил туда Конрой: курс перелета из Калифорнии, координаты площадки в пустыне, маршрут, который привел бы их на посадочную полосу в трехстах километрах от центра Боготы…

Со временем самолет найдут. Тернер вспомнил о системах орбитальной слежки «Мааса» и спросил себя, а много ли проку от малозаметного профиля и программы уклонения, какую он задал

машине вчера. Можно было бы предложить ее Руди на утиль, но вряд ли Руди захочется впутываться в эту историю. Впрочем, если уж на то пошло, само появление дочери Митчелла на ферме затягивало Руди по уши. Но больше идти было некуда. Где еще достать то, что ему сейчас необходимо?

А идти туда четыре часа: сперва — полузабытыми тропинками, а дальше — по петляющему, поросшему сорняками двуполосному шоссе. Тернеру показалось, что деревья кругом совсем не те, но потом он сообразил, насколько они должны были вырасти за годы, прошедшие с тех пор, как он был здесь в последний раз. Вдоль шоссе через равные промежутки торчали обрубки деревянных столбов. Когда-то на них крепились телефонные провода. Теперь пеньки оплели ежевика и жимолость, провода давным-давно оборваны для разных нужд, а столбы порублены на растопку. В полевых цветах у обочины гудели пчелы…

— Там, куда мы идем, есть какая-нибудь еда? — спросила девочка. Подошвы ее белых кроссовок шаркали по выветрившемуся асфальту.

— Конечно, — ответил Тернер. — Все, что захочешь.

— Вот чего бы мне хотелось прямо сейчас, это воды. — Она смахнула прядку прямых каштановых волос с загорелой щеки.

Он заметил, что у девочки постепенно проявляется хромота, она начинала морщиться каждый раз, когда приходилось наступать на правую ногу.

— Что у тебя с ногой?

— Колено. Наверное, ударилась, когда сажала дельтаплан, — скривилась она, но продолжала идти.

— Тогда привал.

— Нет. Я хочу дойти туда, дойти хоть куда-нибудь.

— Привал, — повторил он и, взяв ее за руку, потянул к обочине дороги.

Энджи состроила гримаску, но села рядом с ним, осторожно вытянув перед собой правую ногу.

— А у тебя большая пушка, — заметила она.

Было жарко — слишком жарко для теплой куртки. Надев портупею прямо на голое тело, Тернер накинул поверх нее спецовку с оторванными рукавами, полы спецовки развевались по ветру.

— Почему у нее такой странный ствол, как голова у кобры?

— Это снизу тактический фонарь, для ночного боя. — Он наклонился, чтобы осмотреть ее лодыжку; та быстро распухала. — Не знаю, сколько еще ты пройдешь с такой ногой, — сказал он.

— Тебе много приходится драться по ночам? С оружием?

— Нет.

— Тогда я, наверное, не понимаю, чем ты занимаешься.

Он поднял на нее взгляд:

— Я сам не всегда это понимаю, во всяком случае — в последнее время. Я ждал твоего отца. Он хотел сменить компанию, поработать на других людей. Эти люди наняли меня и еще нескольких человек помочь ему выпутаться из его прежнего контракта.

— Но из этого контракта нет выхода, — сказала Энджи. — Во всяком случае, легального.

— Вот именно. — Развязал узел, снял кроссовку. — Легального.

— Ага, так вот чем ты зарабатываешь на жизнь?

— Да. — Под кроссовкой носка у нее не было, и лодыжка распухала все сильнее. — Ты растянула связку.

— А что тогда с остальными? У тебя ведь были

еще люди там, в тех развалинах? Кто-то стрелял, и эти взрывы…

— Трудно сказать, кто стрелял, — сказал он, — но осветительные ракеты были не наши. Может, бойцов из службы безопасности «Мааса», которые следовали за тобой. Как ты думаешь, ты ушла чисто?

— Я все сделала так, как мне велел Крис, — сказала она. — Крис — это мой отец.

— Знаю. Пожалуй, остаток пути придется тебя нести.

— Но все-таки как насчет твоих друзей?

— Каких друзей?

— Там, в Аризоне.

— Ах да. Ну, — он отер со лба пот тыльной стороной ладони, — ничего не могу тебе сказать. По правде говоря, сам не знаю, что с ними сталось.

И увидел перед собой ослепительно-белое небо, зарево, свет ярче солнечного. А самолет сказал, что никакого электромагнитного импульса не было…

Первая модифицированная собака Руди почуяла их через четверть часа после того, как они снова двинулись в путь: Энджи у Тернера за спиной — локти у него на плечах, худые коленки зажаты под мышками, пальцы сцеплены зам-

ком у него перед грудиной. От нее пахло как от ребенка из дорогого предместья, смутный намек на мыло или травяной шампунь. Тут он спросил себя, а чем должно пахнуть от него самого. У Руди наверняка есть душ…

— О черт, а это еще что? — Девочка выпрямилась у него на спине, указывая куда-то в сторону.

С высокой каменной насыпи у поворота дороги на них глядел тощий серый пес. Его узкая голова пряталась под черным колпаком с выступами сенсоров. Собака тяжело дышала, высунув язык, и медленно поводила головой из стороны в сторону.

— Все в порядке, — сказал Тернер. — Сторожевой пес. Моего друга.

Дом разросся, выпустив крылья пристроек и сарайчиков-мастерских, но Руди так и не удосужился перекрасить облупившиеся доски первоначальной постройки. Пока Тернера не было, Руди обвел двор прямоугольником проволочной ограды. Туго натянутая сетка отделяла от внешнего мира двор и коллекцию машин, но, подойдя поближе, Тернер увидел, что ворота стоят нараспашку, а проржавевшие петли заросли вьюнком. Впрочем, Тернер лучше других знал, что настоящие линии защиты прячутся где-то

еще. Он ковылял по подъездной дорожке, а за ним трусили четыре модифицированные собаки. Голова Энджи безвольно покачивалась у него на плече, но руки оставались по-прежнему сомкнуты на его шее.

Руди ждал их на передней веранде в старых белых шортах и флотской футболке, из единственного ее кармана торчало по меньшей мере девять различных авторучек. Завидев их, он приветственно поднял зеленую банку голландского пива. За его спиной из кухни показалась блондинка в линялой рубашке цвета хаки с хромированной лопаточкой в руке. Ее короткие волосы были зачесаны назад и вверх — это почему-то напомнило Тернеру о враче-кореянке в трейлере «Хосаки», о том, как горел этот трейлер, об Уэббер, о белом небе… Он покачнулся на гравийной подъездной дорожке Руди — ноги широко расставлены, чтобы удержать девочку, голая грудь в дорожках пота, прочерчивающих запекшуюся с аризонской пустыни пыль, — и посмотрел на Руди и его блондинку.

— Завтрак готов, — объявил Руди. — Когда собаки вас засекли, мы решили, что вы, наверное, проголодались. — Его тон был тщательно-уклончивым.

Девочка застонала.

— Это хорошо, — сказал Тернер. — Она лодыжку подвернула, Руди. Лучше бы глянуть прямо сейчас. А потом мне еще нужно кое о чем с тобой поговорить.

— Я бы сказал, несколько молода для тебя. — Руди снова приложился к пиву.

— Отстань, Руди, — вмешалась женщина. — Ты что, не видишь, что ей больно? Несите ее в дом, — сказала она Тернеру и исчезла в дверях кухни.

— А ты изменился, — не переставая пялиться на него, сказал Руди, и Тернер понял, что тот пьян. — Все тот же, но другой.

— Время идет, — отозвался Тернер, поднимаясь по деревянным ступеням.

— Пластическая операция, что ли?

— Реконструкция. Собрали по фотографиям из медицинской карты. — Он преодолел ступеньки: каждое движение прошивало поясницу резкой болью.

— Неплохо, — сказал Руди и рыгнул. — Еще чуть-чуть, и я бы ничего не заметил.

Он был ниже Тернера и явно толстел, но у них были одни и те же русые волосы, почти одинаковые черты лица.

Тернер остановился на лестнице, когда их глаза

оказались на одном уровне:

— Ты, как прежде, занимаешься всем понемножку, Руди? Мне нужно просканировать эту девочку. И еще кое-что.

— Ну, — протянул его брат, — посмотрим, что можно сделать. А еще мы вчера слышали какой-то гром. Будто кто-то звуковой барьер проходил. Не ты, часом?

— Да, я. Там, в беличьем лесу, истребитель-бомбардировщик, но он неплохо спрятан.

— О господи… — вздохнул Руди. — Ну что же, заноси ее…

Руди жил здесь уже много лет, и дом успел лишиться почти всего, что мог помнить Тернер; почему-то он испытывал к Руди смутную благодарность за это. Он смотрел, как блондинка разбивает яйца в стальную миску: темно-желтые, натуральные желтки — Руди держал собственных кур.

— Меня зовут Салли, — сказала женщина, взбивая яйца вилкой.

— Тернер.

— И он тоже никак иначе тебя не называет, — сказала она. — Впрочем, он редко о тебе говорит.

— Мы не так уж часто виделись все эти годы. Может, стоит подняться наверх и помочь ему?

— Сиди. С Руди твоя маленькая девочка будет в полном порядке. У него хорошие руки.

— Даже когда он на взводе?

— На полувзводе. Ну он же не собирается оперировать, просто поставит дермы и перевяжет лодыжку. — Она наломала маисовых лепешек на черную сковородку, прямо в шипящее масло и сверху вылила яйца. — Что у тебя с глазами, Тернер? У тебя и у нее… — Она помешивала жарево хромированной лопаточкой, выдавливая понемногу в сковородку сальсу из пластмассового тюбика.

— Ускорение. Пришлось взлетать в спешке.

— Тогда она и подвернула лодыжку?

— Может быть. Не знаю.

— Теперь тебя ищут? Или ищут ее?

Она достала тарелки из шкафчика над раковиной. Дешевое пластиковое покрытие на дверцах вызвало у Тернера приступ ностальгии — загорелые кисти блондинки напомнили вдруг руки матери…

— Вероятно, — сказал он. — Я не знаю, в чем дело. Пока не знаю.

— Поешь. — Переложила приготовленное на белую тарелку, порылась в поисках вилки. — Руди до смерти боится таких людей. Ну, знаешь,

таких, кто будет тебя искать.

Взять тарелку, вилку. От яичницы поднимается пар.

— И я тоже.

— Я тут нашла кое-какую одежду, — голос Салли перекрыл шум душа, — ее оставил приятель Руди. Должна тебе подойти…

Душ работал под действием силы тяжести: дождевая вода из резервуара на крыше, толстый белый фильтрационный блок встроен в трубу над головкой душа. Высунув голову между двух затуманенных паром пластиковых листов, Тернер прищурился на Салли:

— Спасибо.

— Девочка без сознания, — сказала она. — Руди думает, это шок и усталость к тому же. Но он говорит, что остальные показатели у нее в норме, так что вполне можно провести сканирование прямо сейчас. — И она вышла из комнаты, забрав с собой армейские штаны Тернера и спецовку Оуки.

— Да что же это такое? — спросил Руди, протягивая ему смятый рулон серебристой распечатки.

— Не знаю, что и думать, — рассеянно отозвался Тернер, оглядывая белую комнату в поисках Энджи. — Где она?

— Спит. Салли за ней присмотрит.

Повернувшись, Руди прошелся взад-вперед по комнате — Тернер вспомнил, что когда-то здесь была гостиная. Руди начал отключать свои консоли — крохотные огоньки гасли один за другим.

— Сам не знаю, дружище. Не знаю, и все. Что это, вроде рака что-нибудь?

Тернер двинулся вслед за ним в дальний конец комнаты, мимо верстака, где под пылезащитным кожухом ждал микроманипулятор. Мимо пыльных прямоугольных глаз на полке с древними мониторами; у одного из них разбит экран.

— У нее это расползлось по всему мозгу, — продолжал Руди, — будто опутало его длинными цепочками. Никогда не видел ничего подобного. Просто ни на что не похоже.

— Что ты знаешь о биочипах, Руди?

Руди хмыкнул. Он казался теперь совсем трезвым, но каким-то взбудораженным. Все ерошил свои волосы.

— Так я и подумал. Это как бы… Не имплантат, а прививка чужих тканей.

— Для чего?

— Для чего? Господи. Да кто, черт побери, знает? Кто это с ней такое сотворил? Тот, на кого ты работаешь?

— Думаю, ее отец.

— О боже. — Руди вытер рукой рот. — На сканерах это дает такую же тень, как раковая опухоль, а жизненные показатели у нее вполне в норме. Какая она обычно?

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Ребенок.

— Ничего себе ребенок! — взорвался Руди. — Я просто потрясен, что она вообще может ходить. — Открыв маленький лабораторный морозильник, он извлек оттуда бутылку «Московской». — Из горлб хлебнешь? — спросил он.

— Может, попозже.

Руди вздохнул, поглядел на бутылку, вернул ее в морозильник.

— Так чего же ты хочешь? Ты что же, думаешь, что за такой диковиной, какая в головке у этой маленькой девочки, никто не начнет вскоре охотиться? Если уже не начали.

— Начали, — ответил Тернер. — И я не знаю, известно ли им, что она здесь.

— Это пока. — Руди вытер ладони о грязные белые шорты. — Но ведь скоро узнают, да?

Тернер кивнул.

— Так куда ты собираешься?

— В Муравейник.

— Почему туда?

— Потому что там у меня деньги. Четыре кредитные линии на разные имена и никакой привязки ко мне. Потому что у меня там куча других связей, которыми я, вероятно, смогу воспользоваться. И потом, Муравейник — это всегда прикрытие. Слишком много копошится муравьев, понимаешь?

— О'кей, — сказал Руди. — И когда?

— Ты так беспокоишься — хочешь, чтобы мы убрались сейчас же?

— Нет. Просто… не знаю, что и думать. Это все так интересно, ну… то, что в головке у твоей приятельницы. У меня есть один знакомый в Атланте, он мог бы одолжить мне анализатор функций, который дает карту мозга, один к одному. Тогда я мог бы начать разбираться, что к чему… Может, это чего-нибудь стоит…

— Конечно. Если знаешь, кому продать.

— А тебе разве не любопытно? Я хочу сказать, что это, черт побери, такое? Ты ее вытащил из какой-то военной лаборатории, так? — Руди снова открыл белую дверцу морозильника. Вытащил бутылку водки, откупорил ее и сделал солидный глоток.

Тернер взял бутылку, наклонил, выцедил ледяную жидкость сквозь зубы. Глотнул и по-

морщился.

— Это корпоративные дела. Высшая лига. Предполагалось, что я вывезу ее отца, но тот вместо этого прислал ее. Потом кто-то снес к гребеням всю площадку, выглядело это как ядерный микровзрыв. Мы едва слиняли. Вот пока и все. — Он протянул Руди бутылку. — Останься трезвым, Руди. Ради меня. Когда ты напуган, ты слишком много пьешь.

Руди глядел на него во все глаза, не обращая внимания на бутылку.

— Аризона, — повторил он. — Так это же было в новостях. Мексика до сих пор скандалит. Но это был не ядерный взрыв. Туда послали экспертов, они все облазили. Никакого ядерного взрыва.

— А что это было?

— Думают, электромагнитная пушка. Якобы кто-то поставил рельсотрон в гондоле грузового дирижабля и разнес к чертям собачьим развалины заброшенного городка. Установлено, что там пролетал рядом какой-то дирижабль, но пока никто его не нашел. Можно ведь настроить рельсотрон так, чтобы он при выстреле разлетелся в плазменную пыль. А в качестве снаряда, при таких-то скоростях, можно использовать вообще что угодно. Ледяная глыба на полтора центнера

вполне сойдет. — Он закрутил пробку и поставил бутылку рядом с собой на стойку. — Вся земля в округе там принадлежит «Маасу». «Маас-Биолабс», верно? Они тоже были в новостях, «Маас». Сотрудничают с властями в полный рост. Еще бы они не сотрудничали. Ну что, теперь хотя бы ясно, откуда взялась эта твоя малышка.

— Конечно. Еще бы только понять, кто жахнул из рельсотрона. Или зачем.

Руди пожал плечами.

— Вам лучше пойти взглянуть на это, — сказала от двери Салли.

Поздно вечером Тернер и Салли сидели на веранде. Девочка провалилась наконец в нечто, что энцефалограф Руди определил как сон. Сам Руди удалился в одну из мастерских, скорее всего с бутылкой водки. Вокруг побегов жимолости, увившей скрепленные цепью ворота, кружили светлячки. Тернер сообразил, что если, сидя там, где он сейчас сидит — на качелях, подвешенных на деревянной веранде, — закрыть глаза, то увидишь яблоню, которой больше нет. С дерева когда-то свисала древняя автомобильная шина на куске серебристо-серой пеньковой веревки. И там тоже кружатся светлячки, и пятки Руди вырывают твердые комья черной земли, когда он

отталкивается, чтобы взлететь по высокой дуге… ноги болтаются в воздухе… а Тернер лежит на спине в траве и смотрит на звезды…

— Языки, — сказала Салли из поскрипывающего ротангового кресла-качалки, ее сигарета — как красный глаз в темноте. — Говорит языками.

— Что-что?

— Именно это делает твоя малышка там, наверху. Ты хоть немного знаешь французский?

— Плохо. Только со словарем.

— Некоторые ее слова показались мне французскими. — Красный уголек на мгновение превратился в короткий росчерк — это Салли стряхнула пепел. — Когда я была маленькой, мой старик брал меня однажды на стадион, и я видела, как через людей говорят духи. Меня это тогда испугало. Сегодня, когда она заговорила, меня это, пожалуй, напугало еще больше.

— Руди записал на магнитофон последние фразы, да?

— Да. А знаешь, дела у Руди в последнее время не очень-то хороши. В основном поэтому я и перебралась сюда, обратно. Я сказала ему, что уйду, если только он не возьмет себя в руки. Но потом стало совсем плохо, так что недели две назад я вернулась. Я почти уже готова была уехать снова,

когда объявился ты. — Уголек сигареты описал дугу через перила и упал на покрывающий двор гравий.

— Пьет?

— Пьет и вечно варит себе какую-то дрянь в лаборатории. Знаешь, он в курсе понемногу почти что обо всем. У него еще полно друзей по всей округе. Я слышала эти их истории о том, как вы с ним были детьми. До того, как ты уехал.

— Ему тоже надо было уехать, — сказал он.

— Он ненавидит город, — сказала она. — Говорит, все равно все доступно онлайн, так зачем куда-то ехать?

— Я уехал потому, что здесь никогда ничего не происходило. Руди всегда мог найти чем заняться. И до сих пор может, судя по всему.

— Вам не следовало терять связь. Жалко, тебя не было здесь, когда умирала ваша мать.

— Я был в Берлине. Не мог бросить работу.

— Наверное, не мог. Меня тут тоже тогда не было. Я приехала позже. Хорошее было лето. Руди вытащил меня из одного долбаного клуба в Мемфисе. Ввалился туда однажды вечером с деревенскими олухами, а на следующий день я проснулась уже здесь, сама не знаю почему. Разве что он был добрый тогда, и смешной, и дал моей

голове шанс сбавить обороты. Он научил меня готовить. — Салли рассмеялась. — Мне здесь нравилось, только я до смерти боялась этих чертовых кур на заднем дворе.

Тут она встала и потянулась. Скрипнуло старое кресло. Тернер осознал близость длинных загорелых ног, запах и летний жар ее тела… так близко от его лица.

Она положила руки ему на плечи. Его глаза оказались вровень с полоской коричневого живота над висящими на бедрах шортами, мягкая тень пупка. Он вспомнил Эллисон в белой гулкой комнате, и ему захотелось прижаться к темной коже лицом, ощутить вкус всего… Кажется, она слегка качнулась, но он не был в этом уверен.

— Тернер, — сказала она, — иногда тут с ним — как будто ты совсем одна…

Поэтому он встал — зазвенели старые цепочки качелей, болты надежно ввинчены в потолок веранды, болты, которые ввернул его отец лет сорок, наверное, назад, — и поцеловал в приоткрытые губы, разомкнутые полуночным разговором, и светлячками, и подводными ключами памяти, так что, когда его ладони скользнули к теплу ее спины под белой футболкой, ему почудилось, что люди приходят в его жизнь не бусинами,

нанизанными в строгой последовательности, а порциями квантов, — и Салли он знает так же хорошо, как знает Руди, или Эллисон, или Конроя, как знает эту девочку, дочку Митчелла.

— Эй, — прошептала она, высвобождая рот, — пошли наверх.

Глава 18

Имена мертвых

Ален позвонил ровно в пять, и Марли, борясь с тошнотой от его жадности, подтвердила, что затребованная им сумма готова. Адрес она тщательно записала на обороте карточки, взятой со стола Пикара в галерее «Робертс». Десять минут спустя вернулась с работы Андреа, и Марли была рада, что подруга не присутствовала при этом разговоре.

Она смотрела, как Андреа подпирает оконную раму потрепанным кирпичом в синем переплете — второй том «Краткого оксфордского словаря английского языка», шестое издание. Андреа приспособила на каменном карнизе за окном фанерную полку, достаточно широкую, чтобы там уместилась маленькая жаровня хибати, которую

она обычно хранила под раковиной. Сейчас Андреа аккуратно раскладывала на решетке черные кубики угля.

— У меня был сегодня разговор о твоем работодателе, — объявила она, устанавливая хибати на полку и поджигая зеленоватую запальную пасту электрозажигалкой от плиты. — Из Ниццы приехал наш академик. Он сперва изумился, с чего бы это я заинтересовалась Йозефом Виреком, но, поскольку он, ко всему прочему, еще и озабоченный старый козел, был более чем рад поговорить.

Марли подошла посмотреть, как чуть видные язычки пламени лижут угли.

— Он все пытался свернуть на Тессье-Эшпулов, — продолжала Андреа, — и на Хьюза. Хьюз жил во второй половине двадцатого века, американец[46]. О нем целая глава в монографии, он вроде как прото-Вирек. Я и не знала, что Тессье-Эшпулы начали распадаться…

Она вернулась к столу и вытащила из пакета шесть больших тигровых креветок.

---

[46] Примечания: 46

Хьюз, Говард (1905–1976) — американский кинопродюсер и промышленник, изобретатель и авиатор, в 1960-е гг. владелец одного из крупнейших личных состояний в США; его эксцентричность и неуравновешенность под конец жизни обернулись душевной болезнью. Среди крупнейших компаний, в разные годы входивших в его холдинг, — *Hughes Aircraft, Hughes Helicopters, TWA, RKO Pictures*.

— Они франко-австралийцы? Помнится, я видела документальный фильм. Им принадлежит какой-то крупный курорт?

— Фрисайд. Теперь, как говорит профессор, он продан. Похоже, одна из дочерей старого Эшпула как-то сумела захватить единоличный контроль над всеми финансами. Она сходила с ума чем дальше, тем больше, а интересы клана полетели ко всем чертям. Это за последние семь лет.

— Не понимаю, какое отношение это имеет к Виреку, — сказала Марли, глядя, как Андреа насаживает креветки на длинные бамбуковые иглы.

— Я тоже без понятия. Мой профессор считает, что и Вирек, и Тессье-Эшпулы — удивительный анахронизм и что, наблюдая за ними, можно многое узнать об эволюции корпораций. По крайней мере, нашего главного редактора он сумел в этом убедить…

— Но что он говорил о Виреке?

— Что безумие Вирека примет новую форму.

— Безумие?

— Ну, по правде говоря, он избегал этого слова. Но Хьюз явно был сумасшедшим как мартовский заяц, и старый Эшпул не лучше, а его дочь — та совсем ку-ку. Профессор говорил, что давление эволюционных процессов рано или поздно выну-

дит Вирека совершить какой-то скачок. Так он и сказал. «Скачок».

— Эволюционные процессы?

— Да, — отозвалась Андреа, перенося иглы с креветками к хибати, — он говорит о корпорациях так, будто это какой-то новый вид животных.

После обеда они пошли гулять. Марли обнаружила, что время от времени начинает вслушиваться, озираться по сторонам, пытаясь ощутить на себе всевидящее око Вирекова механизма, но Андреа заполняла вечер своей обычной теплотой и здравым смыслом. Марли была благодарна за то, что можно гулять по городу, где все предметы были самими собой. В мире же Вирека… что может быть просто в мире Вирека? Она вспомнила медную дверную ручку в галерее Дюпре; не передать словами, как такая привычная, обыденная вещь изогнулась вдруг у нее в руке, затягивая ее в конструкт парка Гуэля. Интересно, он всегда там — в парке, созданном Гауди, в полдень, которому нет конца? «Сеньор богат. Сеньор любит являть себя по-всякому». Она поежилась под теплым вечерним ветерком и взяла Андреа под руку.

Но самым зловещим в симстим-конструкте было другое: он заставлял усомниться в реальности всего, что ее окружало. Скажем, витрины

магазинов, мимо которых она проходит сейчас с Андреа, тоже могут обернуться плодом воображения. Кто-то из великих сказал: неотъемлемое свойство зеркал в том, что они в определенном смысле вредят душевному здоровью. Если это так, решила Марли, то конструкты вредят куда сильнее.

Андреа остановилась у киоска купить свои английские сигареты и свежий номер «Elle». Марли осталась ждать на тротуаре. Автоматически раздвигаясь, ее обтекал поток пешеходов, мимо скользили лица: студенты, бизнесмены, туристы. Кто-то из них, подумалось ей, часть Вирековой машины, а провода замкнуты на Пако. Пако — кареглазый, непринужденно-серьезный, с мускулами, перекатывающимися под шелковистой рубашкой. Пако, работающий на сеньора всю свою жизнь.

— Что случилось? У тебя такой вид, будто ты только что проглотила осу. — Андреа срывала целлофан с пачки «Силк кат».

— Нет, — сказала Марли и поежилась. — Но мне пришло в голову, что едва не проглотила…

И по дороге домой — несмотря на болтовню Андреа, несмотря на исходившее от нее тепло — витрины одна за другой стали превращаться

в шкатулки — конструкции, похожие на работы Джозефа Корнелла или этого таинственного мастера, которого разыскивал Вирек… Книги, меха, итальянская одежда располагались в них так, что наводили на мысль о геометрии томления — непонятного, не имеющего даже названия.

И проснуться, опять проснуться, уткнувшись лицом в кушетку Андреа, на плечах горбом — красное стеганое одеяло. Почувствовать запах кофе, услышать, как Андреа, собираясь на работу, напевает себе под нос какой-то токийский шлягер. Серое утро, парижский дождь.

— Нет, — сказала она Пако, — я пойду без вас. Я предпочитаю сделать это одна.

— Но это очень большие деньги. — Он указал взглядом на итальянскую сумку, стоявшую между ними на столике кафе. — Это опасно. Вы хоть понимаете, насколько это опасно?

— Но ведь никто же не знает, что они у меня, правда? Только Ален и ваши люди. И я не сказала, что обойдусь без вашей помощи, просто мне не хочется общества.

— Что-то не так? — В уголках рта морщины, вид серьезный. — Вы чем-то расстроены?

— Я только хочу сказать, что должна побыть

наедине с собой. Если хотите, вы и все остальные, кто бы они ни были, вольны идти следом. Идти следом и наблюдать. Если вы меня потеряете, что лично мне представляется маловероятным, то у вас наверняка есть адрес.

— Верно, — сказал испанец. — Но то, что вы понесете несколько миллионов новых иен одна, через Париж… — Он пожал плечами.

— И если я их потеряю, да? А что, сеньор заметит потерю? Или появится еще одна сумка, еще четыре миллиона? — Встав, Марли потянулась за ремнем.

— Естественно, будет другая сумка, хотя собрать такую сумму наличными… для этого потребуются определенные усилия. Нет, сеньор, конечно, не «заметит» потери — в том смысле, как понимаете это вы, — а вот я подвергнусь взысканию за бессмысленную потерю и много меньшей суммы. Вам еще предстоит узнать: очень богатые люди обладают одним общим свойством — они не сорят деньгами.

— И тем не менее я пойду без вас. Не одна, но оставьте меня наедине с моими мыслями.

— С вашей интуицией.

— Да.

Если кто-то и шел за ней следом — в чем она

ни минуты не сомневалась, — эти «кто-то», как всегда, оставались совершенно невидимыми. Скорее уж, наверно, без наблюдения оставили Алена. Несомненно, адресом, который он дал ей сегодня утром, уже занялись — вне зависимости от того, на месте сам виновник или нет.

Сегодня она будто обрела новые силы. Наперекор Пако она добилась своего. Эта ее строптивость до некоторой степени была вызвана внезапно возникшим накануне подозрением, что дона Пако — со всем его юмором и мужественностью, очаровательным невежеством в искусстве — ей просто подсунули. Она вспомнила, как Вирек сказал, что ему о ее жизни известно больше, чем ей самой. Что проще всего вписать в последние пустые строчки кроссворда, являющегося Марли Крушковой? Пако Эстевеса. Совершенный незнакомец. Слишком совершенный. Она улыбнулась собственному отражению в стене голубоватого зеркала, мимо которой эскалатор увозил ее к платформам метро, довольная тем, как подстрижены темные волосы, насколько стильной смотрится аскетичная титановая оправа черных очков «порше», которые она купила сегодня утром. Хорошие губы, подумала она, действительно неплохой рот, — и вот ей улыбается со

встречного эскалатора худой парнишка в белой рубашке и черной кожаной куртке, с огромной черной папкой под мышкой.

«Я в Париже, — подумала она. Впервые за очень долгое время одно это казалось достаточной причиной для улыбки. — Сегодня я отдам отвратительному дураку, моему бывшему любовнику, четыре миллиона новых иен, а он даст мне кое-что взамен. Имя или адрес, может быть, номер телефона». Она купила билет первого класса: в вагоне будет поменьше народу, и можно будет убить время, гадая, кто из пассажиров состоит на службе у Вирека.

По данному Аленом адресу — на мрачной северной окраине — оказалась одна из двадцати бетонных высоток, вздымавшихся над равниной из того же материала. Жирный кус для спекулянтов недвижимостью середины прошлого века. Дождь шел теперь мерно и плотно, и она чувствовала себя как бы в сговоре с ним. Дождь придавал дню что-то заговорщицкое, оседая каплями на шикарную каучуковую сумку, в которой была фортуна, наконец улыбнувшаяся Алену. Как странно — кошмарный пейзаж, миллионы под мышкой, и каждый шаг приближает к тому, чтобы кипами новых иен облагодетельствовать

бесконечно неверного бывшего любовника.

Когда она нажала кнопку домофона с номером квартиры, никакого ответа не последовало. За затемненным стеклом — голый мрачный вестибюль. Одно из тех мест, где включаешь свет у входа, а потом лампы сами автоматически выключаются — как правило, еще до прихода лифта, — оставляя тебя ждать в усталом воздухе и запахе дезинфекции.

Она снова позвонила.

— Ален?

Ничего.

Толкнула дверь. Не заперто. В вестибюле пусто. Мертвый глаз беспризорной телекамеры смотрит на нее сквозь пленку пыли. С бетонной равнины за спиной сочится водянистый полуденный свет. Цокот каблучков по коричневой плитке, когда она шла к лифтам. Нажала кнопку «22». Послышался гулкий удар, металлический стон, и один из лифтов начал опускаться. Пластмассовые указатели над дверьми остались неосвещенными. Кабина прибыла со вздохом и высоким слабеющим воем.

— Мон шер Ален, как низко ты пал в этом мире. Этот дом — полное дерьмо, правда-правда.

Когда створки дверей, скользнув в стороны,

явили темноту кабины, Марли нащупала под итальянской сумкой Пако клапан собственной брюссельской сумочки. Нашла плоский фонарик, который всегда носила при себе с первой своей прогулки по Парижу. На зеленой жестяной ручке фонарика выгравирована торговая марка в виде львиной головы. «Pile Wonder»[47]. В парижских лифтах можно вляпаться во что угодно, начиная от рук грабителя и кончая дымящейся кучкой свежего собачьего кала…

Слабый луч выхватывает серебристые кабели, масляные и сияющие, мягко покачивающиеся в пустой шахте. Носок правого сапога уже на несколько сантиметров вышел за стертый стальной обод плитки, на которой стоит левый. Рука машинально, с ужасом дергает луч вниз: двумя этажами ниже видна пыльная и замусоренная крыша кабины. За те несколько секунд, пока луч нащупывал лифт, Марли успела разглядеть невероятное количество деталей. Подумала о крохотной подводной лодке, нырнувшей в морскую бездну, о хилом лучике, скользящем по вековым

[47] Примечания: 47

Торговая марка французской компании *Wonder*, с 1916 г. выпускавшей электрические фонарики, батарейки и т. п., а в 1988 г., уже после выхода романа Гибсона, поглощенной американской компанией *RalstonPurina* (крупный производитель кормов для животных, в 1980-е гг. решивший диверсифицировать бизнес).

отложениям на дне: мягкий покров древней пушистой плесени, засохшее серое нечто, бывшее когда-то презервативом, яркие зайчики света отскакивают от мятых кусков стальной фольги, хрупкий желтоватый цилиндр и белый поршень диабетического шприца… Она так вцепилась в край дверной створки, что свело пальцы. Медленно, очень медленно перенесла вес назад, подальше от колодца. Еще шаг, и Марли щелчком выключила свет.

— Черт побери, — вырвалось у нее. — О господи.

Нашла дверь на лестничную площадку. Снова включив маленький фонарик, стала взбираться наверх. Через восемь этажей отупение начало понемногу спадать, и ее затрясло, дорожки слез испортили макияж.

Снова постучать в дверь. Дверь из ДСП оклеена ламинированной пленкой — отвратительная имитация под красное дерево: литографированное зерно едва различимо в свете единственной на весь длинный коридор биофлюоресцентной полоски.

— Черт тебя побери. Ален? Ален!

Рыбий глаз дверного глазка пусто смотрит сквозь нее, глаза за ним нет. В коридоре застыл

ужасающий запах: забальзамированная кухонная вонь в ловушке из синтетической обивки.

Толкнуть дверь, поворачивая ручку, дешевая медь — холодная и липкая, сумка с деньгами внезапно потяжелела, ремень врезается в плечо. Дверь легко распахивается. Короткая оранжевая дорожка испещрена ломаными розовыми прямоугольниками — ясно различимый след грязи, которую десятилетиями втирали тысячи квартиросъемщиков и их гостей…

— Ален?

Запах черных французских сигарет. Почти уютный…

И найти его здесь. Лежащего, свернувшись по-детски, на кошмарном оранжевом ковре. В этом водянистом серебряном свете, сочащемся из прямоугольника окна, где на фоне бледного дождливого неба — другие безликие высотки. Спина — как знак вопроса под натянутой бутылочно-зеленой велюровой курткой. Левая рука прикрывает ухо. Белые пальцы, у основания ногтей — полупрозрачная синева.

Опустившись на колени, Марли коснулась его шеи. Поняла. Дождь за окном все сыпал и сыпал — навсегда. Сидеть, расставив ноги; баюкать его голову, обнимая; раскачиваться, качаться…

Отупелое животное поскуливание заполняет голый прямоугольник комнаты… И через какое-то время, осознав, что что-то впивается в ладонь, увидеть аккуратный срез очень тонкой, очень жесткой проволоки из нержавеющей стали — кончик торчит из его уха, проходит между раздвинутых холодных пальцев.

Гадко, гадко, так не умирают. Это подняло ее на ноги. Гнев, пальцы как когти. Осмотреть безмолвную комнату, место, где он умер. Следов его присутствия нет, ничего. Только потрепанный атташе-кейс. Откинув крышку, Марли обнаружила два блокнота на спирали — чистые, нетронутые страницы, — нечитанный, но очень модный роман, коробок деревянных спичек и полупустую пачку синих «голуаз». Переплетенный в кожу ежедневник исчез. Она ощупала его куртку, залезла в карманы — ежедневника не было.

Нет, подумала она, ты не записал бы это туда, верно? Но ты ведь никогда не мог запомнить ни номера, ни адреса, да? Она снова оглядела комнату, охваченная каким-то странным спокойствием. Тебе ведь приходилось все записывать, но ты скрытничал, не доверял моей маленькой книжице из «Браунса», да? Если у тебя было свидание с девушкой в каком-нибудь кафе, ты

записывал ее телефон на спичечном коробке или на обратной стороне чека и забывал об этом, так что я находила его недели спустя, убирая твои вещи.

Марли перешла в крохотную спальню. Там стоял ярко-красный складной стул и пласт дешевого желтого темперлона, служивший кроватью. Темперлон был помечен коричневой бабочкой менструальной крови. Она приподняла пласт, но под ним ничего не было.

— Ты, наверное, напугался, — сказала она.

Голос дрожал от ярости, которую она даже не пыталась понять. Руки были холодны, холоднее, чем у Алена. Она пробежала пальцами по красным в золотую полоску обоям в поисках какого-нибудь разошедшегося шва, отставшего края, тайника.

— Глупая несчастная сволочь. Несчастная дохлая сволочь…

Ничего. Назад, в гостиную, — и почему-то удивление, что он не пошевелился. Как будто ожидала, что он вот-вот вскочит, «привет-привет», размахивая куском бутафорской проволоки. Сняла с него туфли. Пора ставить набойки. Заглянула внутрь, пощупала стельки. Ничего.

— Не делай этого со мной.

И назад в спальню. Узкий шкаф. С треском отмахнуться от стайки дешевых пластмассовых вешалок, оттолкнуть обвисший саван упаковочного пластика из химчистки. Сдвинуть пласт грязной постели, встать на него — каблуки проваливаются в темперлон, — чтобы провести руками вдоль полки из ДСП и найти в дальнем углу плотно свернутый бумажный квадратик, темно-синий. Развернуть, заметив, как облупился лак с ногтей, на которые она потратила сегодня столько времени, и увидеть номер, записанный зеленой шариковой ручкой. На обороте разодранной пачки «голуаз».

В дверь постучали.

Потом голос Пако:

— Марли? Эй, Марли? Что случилось?

Она засунула бумажку за ремень джинсов и, повернувшись, встретила взгляд спокойных серьезных глаз.

— Это Ален, — сказала она. — Он мертв.

Глава 19

«Гипермаркт»

В последний раз Бобби видел Лукаса перед

огромным старым универмагом на Мэдисон-авеню. Таким он его и запомнил: огромный негр в строгом черном костюме вот-вот войдет в свой длинный черный автомобиль, один черный начищенный ботинок стоит уже внутри роскошного салона Ахмеда, другой — еще на крошащемся бетоне тротуара.

Джекки стояла рядом с Бобби. На лице — тень от увешанных золотыми побрякушками широких полей федоры, шафрановый шарф завязан сзади на шее.

— Теперь за нашим юным другом будешь присматривать ты. — Лукас ткнул в нее набалдашником трости. — Он не без врагов, наш Граф.

— А у кого их нет? — спросила Джекки.

— Я сам о себе могу позаботиться, — сказал Бобби.

Мысль, что Джекки считают более умелой, чем он, возмущала его; в то же время он понимал — так оно и есть.

— Ты уверен? — Лукас качнул тростью, теперь набалдашник смотрел на Бобби. — Муравейник, мой друг, — это искаженный мир. Здесь вещи редко бывают тем, чем кажутся.

Как бы в подтверждение своих слов, он сделал что-то с тростью — и длинные латунные

накладки на мгновение беззвучно раскрылись, встопорщились наподобие спиц зонта, только каждая спица оказалась обоюдоострым и заточенным штырем. Потом они исчезли, и широкая дверца Ахмеда, скользнув на место, закрылась с глухим бронированным стуком.

Джекки рассмеялась:

— Вот че-ерт. Лукас все еще таскает с собой эту дубину. Он теперь важный адвокат, однако улица всегда оставляет свой отпечаток. Что ж, на мой взгляд, это неплохо.

— Адвокат?

Джекки только поглядела на него:

— Пустяки, золотко, ты просто пойдешь со мной. Делай, как я скажу, и все будет о'кей.

Ахмед влился в редкое уличное движение, и какой-то рикша бессмысленно прогудел ручным клаксоном вслед удаляющемуся латунному бамперу.

Затем, положив Бобби на плечо наманикюренные пальцы в золотых кольцах, Джекки повела его по тротуару мимо бездомных бродяг в лохмотьях, устроивших себе ночлег среди мешков для мусора, — в медленно просыпающийся мир «Гипермаркта».

— Четырнадцать этажей, — сказала Джекки, а

Бобби только присвистнул.

— И все такие?

Она кивнула, размешивая коричневые кристаллы колотого сахара в бежевой кофейной пене. Они сидели на витых чугунных стульях у мраморной стойки в маленькой забегаловке. Девушка одних с Бобби лет с обесцвеченными волосами, залакированными под акулий плавник, орудовала рычагами огромной древней кофемашины. Над медными баками, куполами и горелками раскинули крылья хромированные орлы. Стойка, у которой они сидели, первоначально была чем-то другим — Бобби хорошо был виден тот конец, который сбили наискось, чтобы втиснуть мраморную плиту между двух крашенных зеленым железных колонн.

— Нравится, а? — Джекки присыпала бежевую пену корицей из старой тяжелой стеклянной перечницы. — Думаю, так далеко от Барритауна ты еще никогда не забирался.

Бобби кивнул. В глазах рябило от многоцветия товаров в лавках, да и самих лавок тоже. Казалось, здесь не было порядка буквально ни в чем, ни малейшего намека хоть на какую-то единую планировку. От небольшого пятачка перед забегаловкой во все стороны разбегались кривые

коридоры. И единого центрального источника света, казалось, тоже не было. Красный и голубой неон чередовался с неровным белым светом шипящих газовых фонарей, а в одной лавке, которую как раз открывал бородач в кожаных штанах, похоже, вообще горели свечи — мягкий колеблющийся свет отражался от сотен полированных медных пряжек, развешанных на красно-черной стене из старых циновок. Весь «Гипермаркт» полнился утренним шумом, кашлял, прочищая горло. Из-за угла с жужжанием выехал синий уборочный робот «Тошиба», волоча за собой побитую пластиковую тележку с зелеными полиэтиленовыми тюками мусора. К верхнему сегменту его корпуса, прямо над россыпью видеообъективов и сенсоров, кто-то приклеил огромную голову пластмассовой куклы. Голубые глаза, улыбка — черты искусственного лица напоминали знаменитую звезду симстима, но отдаленно, дабы не нарушать авторских прав «Сенснета». Розовая голова с платиновыми волосами, завязанными сзади в хвост ниткой бледно-голубого искусственного жемчуга, абсурдно подпрыгивая, кивнула пару раз, когда робот проползал мимо. Бобби рассмеялся.

— Здесь все о’кей, — сказал он, жестом указывая

девушке за стойкой, чтобы она снова наполнила его чашку.

— Подождешь минуту, задница, — вполне дружелюбно отозвалась девушка. Она отмеряла молотый кофе, насыпая его через погнутую стальную воронку в чашку антикварных весов. — Джекки, тебе вчера удалось поспать?

— Конечно, — ответила Джекки и отхлебнула кофе. — Я танцевала во втором выходе, а потом поспала у Джаммера. Завалилась на его тахту, понимаешь?

— Мне бы так задрыхнуть. Каждый раз, когда Генри видит, как ты танцуешь, он потом всю ночь не оставляет меня в покое… — Рассмеявшись, девушка наполнила чашку Бобби из черного пластмассового термоса.

— Ладно, — сказал Бобби, когда та снова занялась кофемашиной, — что теперь?

— Занятой человек? — Джекки холодно взглянула на него из-под увешанных золотом полей шляпы. — У тебя график: куда пойти, с кем встретиться, да?

— Ну нет. Блин. Я просто хочу сказать, это оно?

— Что — оно?

— Это место. Мы остаемся здесь?

— На последнем этаже. Мой друг Джаммер за-

правляет клубом наверху. Вряд ли кто-то сможет отыскать тебя там, а даже если найдут, в клуб не так-то легко проникнуть. Четырнадцать этажей лавок, и почти все торгуют тем, что владельцам не хотелось бы выставлять на всеобщее обозрение, сечешь? Здесь очень чувствуют чужих, особенно тех, кто задает вопросы. И большинство здешних нам так или иначе друзья. В общем, тебе тут понравится. Хорошее для тебя место. Можно многому научиться, если будешь помнить, что надо держать рот на замке.

— Как я могу учиться, не задавая вопросов?

— Ну, я имела в виду — держи ушки на макушке, скорее в этом смысле. И будь повежливее. Здесь немало крутых, но если ты не будешь совать нос в чужие дела, то и тебя оставят в покое. К концу дня здесь, вероятно, появится Бовуар. Лукас поехал в Новостройки пересказать ему то, что вы разузнали у Финна. Вы ведь что-то у него узнали, да, золотко?

— Например, то, что у него на полу валяются три трупа. Финн сказал, это ниндзя. — Бобби поднял на нее взгляд. — Он какой-то странный.

— Ну, покойники обычно не входят в ассортимент его товаров. Но в общем и целом ты прав, он тот еще фрукт. А почему бы тебе не рассказать

мне обо всем? Спокойно н последовательно, не повышая голоса. Как по-твоему, сможешь?

Бобби рассказал ей, что смог вспомнить из своего визита к Финну. Несколько раз она его останавливала, задавала вопросы, на которые он, как правило, не знал ответа. Когда он впервые упомянул Вигана Лудгейта, Джекки задумчиво кивнула.

— Да-а, — протянула она. — Джаммер иногда поминает Вига, если его раскрутить на базар о старых временах. Надо будет порасспросить его…

Под конец рассказа она откинулась назад, прислонившись к одной из зеленых колонн. Низко надвинутая шляпа почти скрыла лицо танцовщицы.

— Ну? — не вытерпел Бобби.

— Интересно, — сказала Джекки, но это было все.

— Мне нужна новая одежда, — заявил Бобби, когда они взобрались по неподвижному эскалатору на второй этаж.

— У тебя есть деньги?

— Блин, — ругнулся он, похлопав себя по мешковатым плиссированным джинсам в тех местах, где у обычных штанов были карманы. — Нет у

меня, черт побери, никаких долбаных денег, но мне нужна одежда. Для чего-то ведь вы с Лукасом и Бовуаром меня прячете, так? Ну так вот, я устал от этой кошмарной рубахи, которую мне всучила Реа, и мне надоело ждать, что эти штаны вот-вот свалятся с моей жопы. И я здесь потому, что этот долбоклюй Дважды-в-День решил подставить мою шею ради того, чтобы Лукас и Бовуар смогли проверить свой траханый софт. Так что ты вполне, мать твою так, можешь купить мне какую-нибудь одежду, идет?

— Идет, — сказала она после паузы. — Вот что я тебе скажу. — Джекки указала на китаянку в блеклой джинсе, которая сворачивала листы пластика, закрывавшие стальные трубчатые стойки с висевшей одеждой. — Видишь вон там Лин? Она моя знакомая. Выбери что захочешь, а я потом улажу это между ней и Лукасом.

Полчаса спустя он появился из занавешенной одеялом примерочной и надел индо-яванские авиационные очки с зеркальными стеклами. Улыбнулся Джекки.

— Вот это стильно, — возвестил он.

— О да. — Она обмахнулась рукой, как будто поблизости было что-то горячее, чего нельзя коснуться. — Значит, тебе не понравилась рубашка,

которую тебе одолжила Реа?

Бобби опустил глаза на выбранную им черную футболку с квадратной голограммой киберпространственной сетки через всю грудь. Сетка выглядела так натурально, что казалось, ты на полной скорости несешься сквозь матрицу, так быстро, что линии решетки смазываются.

— Ага. Безвкусная дешевка.

— Верно, — отозвалась Джекки, оглядев узкие черные джинсы, тяжелые ботинки и черный кожаный ремень, украшенный двумя рядами пирамидальных хромированных заклепок. — Сдается, теперь ты куда больше похож на графа. Пойдем, Граф, у меня есть для тебя кушетка, сможешь отоспаться наверху у Джаммера.

Заложив большие пальцы в передние карманы черных «ливайсов», Бобби испробовал на Джекки плотоядную улыбку.

— Один, не беспокойся, — добавила танцовщица.

Глава 20

Рейс из Орли[48]

---

[48] Примечания: 48
«Orly Flight» — песня Нико с ее альбома «Drama of Exile» (1981).

Пако повернул «ситроен-дорнье» на Елисейские Поля, вдоль северного берега Сены, потом — мимо центрального рынка Ле-Аль. Марли утонула в ошеломляюще мягком кожаном сиденье, со стежками еще более тонкими, чем на ее брюссельской куртке, и заставила себя не думать ни о чем… полная пустота, отсутствие эмоций. «Будь глазами, — сказала она себе. — Только глазами, чувствуй свое тело, его вес равномерно вдавлен в сиденье скоростью этой кощунственно дорогой машины». Прогудев мимо площади Невинных, где шлюхи торгуются из-за грошей с водителями грузовых ховеров, Пако без малейших усилий вписался в лабиринт узких улочек.

— Почему вы сказали «Не делай этого со мной»? — Он убрал руку с панели управления и поправил каплю передатчика в ухе.

— Зачем вы подслушивали?

— Потому что это моя работа. Я послал туда женщину с параболическим микрофоном. Она поднялась на двадцать второй этаж высотки напротив. Телефон в квартире не работал; иначе мы подключились бы к нему. Наш агент вскрыла пустую квартиру, выходящую на западный фасад здания, и нацелила свой микрофон как раз вовремя, чтобы услышать, как вы говорите: «Не делай

этого со мной». И вы были там одна?

— Да.

— Он был мертв?

— Да.

— Тогда почему вы так сказали?

— Не знаю.

— Кто, как вы почувствовали, что-то вам сделал?

— Не знаю. Наверное, Ален.

— Сделал что?

— Умер? Все усложнил? Сами мне скажите.

— Вы — непростая женщина.

— Выпустите меня.

— Я отвезу вас в квартиру вашей подруги…

— Остановите машину.

— Я отвезу вас…

— Я пойду пешком.

Длинная серебристая машина скользнула к обочине.

— Я позвоню вам в…

— Всего доброго.

— Вы уверены, что не предпочтете какой-нибудь курорт? — спросил мистер Палеологос, худой и элегантный, как богомол, в своем белом льняном жакете. Волосы у него тоже были белые и зачесаны назад с необыкновенным тщанием. —

Это не столь дорого и гораздо веселее. Вы очень привлекательная девушка.

— Простите? — рывком отключаясь от созерцания пустой улицы за залитым дождем окном, спросила она. — Что вы сказали?

Его французский был неуклюжим, восторженным и со странно модулированными интонациями.

— Очень симпатичная девушка, — жеманно улыбнулся агент. — Вы не предпочли бы каникулы в кластере «Мед»? Общество людей вашего возраста? Вы еврейка?

— Прошу прощения?

— Еврейка? Да?

— Нет.

— Очень жаль, — сказал он. — У вас скулы определенного типа — как у элегантных молодых евреек. У меня есть чудесная путевка со скидкой. Пятнадцать дней на «Иерусалиме-один», восхитительная обстановка — и всё за ту же цену. Включая аренду скафандра, трехразовое питание и прямой шаттл от тора «Джей-Эй-Эль».

— Аренду скафандра?

— На «Иерусалиме-один» еще не успели полностью нарастить атмосферу, — сказал мистер Палеологос, передвигая стопку распечаток на

розовой папиросной бумаге с одного конца письменного стола на другой.

Его контора представляла собой крохотный закуток с голографическими видами Пороса и Макао вдоль стен. Марли выбрала это агентство за его очевидную безвестность и потому, что туда легко было проскользнуть, не выходя из небольшого коммерческого комплекса на ближайшей от квартиры Андреа станции метро.

— Нет, — повторила она, — меня не интересуют курорты. Я хочу поехать вот сюда. — Она постучала пальцем по надписи, сделанной на мятом обороте синей пачки «голуаз».

— Ладно, — буркнул агент, — это, конечно, возможно, но там не значится ни одного отеля. Вы остановитесь у друзей?

— Деловая поездка, — нетерпеливо отрезала Марли. — Мне нужно улететь немедленно.

— Хорошо-хорошо, — примирительно сказал мистер Палеологос, снимая с полки позади стола дешевый маленький терминал, — не могли бы вы назвать мне код вашего кредита?

Порывшись в черной кожаной сумочке, Марли выудила толстую пачку новых иен, которую стянула из сумки Пако, пока тот был занят осмотром квартиры. Банкноты были перетянуты ленточ-

кой из красного прозрачного пластика.

— Я заплачу наличными.

— О боже, — отозвался мистер Палеологос, касаясь верхней банкноты кончиком розового пальца, как будто ожидал, что вся пачка вот-вот растворится в воздухе. — Понимаю. Видите ли, не в моих правилах вести дела таким образом… Но полагаю, что-то можно будет устроить…

— И побыстрее, — бросила она в ответ, — как можно быстрее…

Он поднял на нее глаза:

— Понимаю. — Его пальцы забегали по клавиатуре терминала. — Не могли бы вы назвать мне имя, под каким вы желаете путешествовать?

Глава 21

Время трассы

Тернер проснулся в безмолвном доме, полежал, слушая, как в кронах яблонь заросшего сада перекликаются птицы. Эту ночь он спал на сломанной кушетке, которую Руди держал на кухне. Встав, Тернер накачал воды для кофе. Запыхтели пластиковые трубы, ведущие от бака на крыше, вода полилась в чайник. Потом он поставил чайник

на газовую плитку и вышел на веранду.

Восемь машин Руди, покрытые утренней росой, были припаркованы ровным рядком на гравии подъездной дорожки. Когда Тернер спустился по ступенькам, в распахнутые ворота вбежала модифицированная собака, ее черный колпак тихонько пощелкивал в утренней тишине. Собака остановилась, принюхиваясь, повела из стороны в сторону черным конусом морды и затрусила по своим делам за угол веранды.

Тернер остановился у капота тускло-коричневого джипа «судзуки». Двигатель внутреннего сгорания заменили водородным аккумулятором. Наверно, сам Руди и менял. Привод на все четыре колеса, с огромных покрышек для бездорожья осыпалась засохшая речная глина. Маленький, надежный, но на трассе от него не много толку…

Он прошел мимо двух покрытых пятнами ржавчины седанов «хонда», совершенно идентичных: один и тот же год, одна и та же модель. Руди, очевидно, разбирает один на запчасти для другого, — значит, оба не на ходу. Тернер рассеянно хмыкнул, взглянув на безукоризненный, коричневый с бежевым лак на кузове пикапа «шевроле» модели 1949 года. Он помнил проржавевший остов, который Руди приволок домой

из Арканзаса на арендованной платформе. Эта старушка бегала еще на бензине; на внутренних поверхностях ее мотора, скорее всего, так же не найдешь ни единого пятнышка, как и на шоколадном лаке крыльев, натертом вручную.

Дальше под серым пластиковым брезентом стояла половинка экранолета «дорнье», а за ней — на самодельном трейлере — похожий на осу черный гоночный мотоцикл «судзуки». Интересно, сколько времени прошло с тех пор, как Руди в последний раз всерьез участвовал в гонках. Под еще одним брезентом возле трейлера с байком приютился старенький снегоход. А за ними — пятнистый ховер, списанный после войны, почти что танк; от приземистой бронированной машины пахло керосином, на котором работала турбина. Усиленная стальной сеткой юбка воздушной подушки распласталась по гравию. Окна напоминали бойницы с толстым высокопрочным пластиком вместо стекол. К похожим на тараны бамперам были привинчены номерные знаки Огайо. Номера не просрочены.

— Понимаю, о чем ты думаешь, — сказала Салли, и, обернувшись, Тернер увидел, что она стоит у перил веранды с кружкой дымящегося кофе. — Руди говорит, если эта махина не смо-

жет через что-то перелезть, она просто насквозь проломится.

— Быстрая? — Прикоснувшись к бронированному боку ховера.

— Конечно, но примерно через час тебе понадобится новый позвоночник.

— А ездить на такой вообще законно?

— Нельзя сказать, что полиции так уж нравится ее вид, но разрешение на поездки по улицам выдали. Насколько я знаю, нет законов, которые запрещали бы броню.

— Энджи чувствует себя лучше, — сказала Салли, когда он вошел за ней на кухню. — Правда, милая?

Дочь Митчелла подняла глаза от кухонного стола. Ее синяки, как и синяки Тернера, поблекли — пара жирных запятых, похожих на сине-черные нарисованные слезы.

— Мой друг — доктор, — сказал Тернер. — Он осмотрел тебя, пока ты была без сознания. Он говорит, с тобой все в порядке.

— Он твой брат. И он не врач.

— Извини, Тернер, — сказала от плиты Салли. — Я довольно прямолинейна.

— Ладно, не врач, — согласился Тернер, — но он много чего умеет. Мы волновались, вдруг

ребята из «Мааса» сделали что-то с тобой, подстроили так, чтобы ты заболела, если уедешь из Аризоны…

— Например, вживили бомбу в кору головного мозга? — Энджи ковыряла ложкой холодную овсянку на щербатой тарелке с каймой из яблоневых цветов — из сервиза, который Тернер помнил слишком хорошо.

— Господи, — выдохнула Салли, — во что ты впутался, Тернер?

— Хороший вопрос. — Он подсел к столу.

Энджи, не сводя с него глаз, жевала свою овсянку.

— Энджи, — начал Тернер, — когда Руди тебя сканировал, он нашел у тебя в голове нечто странное.

Девочка перестала жевать.

— Он не знает, что это такое. Это вживили туда, возможно, еще когда ты была совсем маленькой. Знаешь, о чем я?

Она кивнула.

— Ты знаешь, что это?

Энджи сглотнула:

— Нет.

— Но ты знаешь, кто поместил это туда?

— Да.

— Твой отец?
— Да.
— Ты знаешь почему?
— Может, потому, что я болела?
— Чем ты болела?
— Я была недостаточно умной.

К полудню все было готово. Заправленный ховер ждал у проволочного заграждения. Руди дал Тернеру прямоугольный черный пакет-зиплок, набитый новыми иенами, — некоторые банкноты от долгого употребления были настолько потерты, что стали почти прозрачными.

— Я попытался прогнать запись через французский «лексикон», — сказал Руди; одна из собак тем временем терлась пыльным боком о его штанину. — Не сработало. Похоже, это какой-то креольский диалект. А может, африканский. Хочешь себе копию?

— Нет, — ответил Тернер, — лучше сам с ней поиграйся.

— Спасибо, — сказал Руди, — но никаких копий; я не собираюсь признаваться в том, что ты вообще был здесь, если кто-то станет интересоваться. Что до нас с Салли, мы под вечер отправимся в Мемфис, погостим у друзей. За домом присмотрят собаки. — Он почесал животное

где-то под пластиковым колпаком. — Правда, малыш? — (Собака было заскулила, но потом завиляла хвостом.) — Пришлось отучить их охотиться на енотов после того, как я поставил эти инфракрасные сканеры, — сказал он, — иначе в округе не осталось бы вскоре ни одного енота…

По ступеням веранды спустились Салли и девочка. Салли несла старый холщовый мешок, в который собрала им в дорогу бутерброды и термос с кофе. Тернер вспомнил ее в постели — там, наверху, — и улыбнулся. Она улыбнулась в ответ. Сегодня она выглядела старше, чем вчера, и гораздо более усталой. Энджи сменила залитую кровью футболку «МААС-НЕОТЕК» на бесформенную кофту, которую ей подыскала Салли. В ней девочка казалась еще младше, чем была на самом деле. Салли даже удалось вписать блекнущие синяки в довольно эксцентричный макияж вокруг глаз, который дико контрастировал с детским лицом и мешковатой кофтой.

Руди протянул Тернеру ключи от ховера:

— Я заставил свой старый «Крей» сварганить мне сегодня утром выжимки из последних сводок новостей, раздел «Корпорации». Кое-что из этого тебе, вероятно, следует знать. А именно: «Маас-Биолабс» объявили о смерти доктора Кристофера

Митчелла в результате несчастного случая.

— Подумать только, как неопределенно умеют выражаться эти типы.

— И смотри, чтобы ремни всегда были натянуты потуже, — говорила тем временем Салли, — иначе твоя попка превратится в сплошной синяк еще до того, как вы на кольцевую вокруг Стейтсборо выберетесь.

Руди глянул на девочку, потом снова на Тернера. Тернеру видна была сетка лопнувших сосудов у брата на носу. И глаза у того были налиты кровью, и левое веко явственно подергивалось.

— Ну, думаю, вот и все, — сказал Руди. — Забавно, но я уже было решил, что никогда больше тебя не увижу. Странно как-то снова видеть тебя здесь…

— Ну, — отозвался Тернер, — вы оба сделали больше, чем я был вправе рассчитывать.

Салли отвела глаза.

— Так что спасибо. Думаю, нам пора двигаться. — Он забрался в кабину ховера, желая поскорее уехать.

Сжав напоследок запястье девочки, Салли отдала ей мешок и постояла рядом, пока та карабкалась вверх по откидным подножкам. Тернер забрался на водительское сиденье.

— Она все спрашивала о тебе, — сказал вдруг Руди. — Через какое-то время стало так плохо, что даже аналоги эндорфина не могли подавить боль, и каждые два часа она спрашивала, где ты, когда ты приедешь.

— Я посылал тебе деньги, — сказал Тернер. — Достаточно, чтобы отвезти ее в Тибу. Там, в клинике, могли бы испробовать что-нибудь новое.

— Тиба? Господи, — фыркнул Руди, — она была старуха. Ну и что проку, если бы в Тибе растянули ее жизнь еще на несколько месяцев? Если больше всего на свете она хотела увидеть тебя?

— Тогда не вышло, — сказал Тернер, когда девочка села на соседнее сиденье и поставила мешок между ног на пол. — Увидимся, Руди, — кивнул он. — Спасибо, Салли.

— Прощайте, — отозвалась Салли, обнимая Руди за талию.

— О ком вы говорили? — спросила Энджи, когда опустилась крышка люка.

Вставив ключ в замок зажигания, Тернер завел турбину, одновременно пустив воздух в воздушную подушку. Через узкое окно на своей стороне он увидел, как Руди и Салли быстро попятились к дому, а собака, присев на задние лапы от рева

турбины, залаяла. Педали и ручное управление были Тернеру велики, сконструированные в расчете на водителя в скафандре антирадиационной защиты. Тернер осторожно выехал из ворот и развернулся на широкой полосе гравийной дорожки. Энджи подтягивала пристежные ремни.

— О матери, — сказал он.

Турбина взревела еще громче, и машина рванулась вперед.

— А я никогда не знала своей матери, — сказала девочка, и Тернер вспомнил, что ее отец мертв, а она этого еще не знает…

Он прибавил обороты, и ховер сорвался с гравийной дорожки, едва не задев одну из собак Руди.

Насчет подвески Салли была права: от турбины шла постоянная вибрация. При девяноста километрах в час на горбатом асфальте старой трассы ховер просто вытряхивал душу. Бронированная воздушная подушка тяжело переваливалась через рытвины. Эффект скольжения, как на гражданской спортивной модели, будет возможен лишь на совершенно ровном покрытии.

Неожиданно для себя Тернер обнаружил, что ему это нравится. Нацеливаешься куда тебе надо, выжимаешь сцепление, потом даешь газ. Кто-то

подвесил над передней обзорной щелью пару выцветших на солнце розовых игральных костей из поролона, которые теперь раскачивались из стороны в сторону. За спиной — ровный вой турбины. Девочка, похоже, расслабилась, впитывая пробегающий мимо придорожный ландшафт с рассеянным, почти довольным видом, и Тернер был благодарен, что от него не требуется поддерживать разговор. «Откуда же ты взялась такая на мою голову? — думал он, временами скашивая взгляд в ее сторону. — Пожалуй, едва ли найдется сегодня на поверхности планеты кто-нибудь еще, за кем шла бы такая же ожесточенная охота. И вот я увожу тебя в Муравейник в бронетачке Руди, оставшейся с прошлой войнушки, и понятия, черт побери, не имею, что мне с тобой делать… Или кто это был, кто разнес площадку в Аризоне…»

Давай-ка прокрутим, сказал он себе, когда они свернули по старому шоссе вниз в долину, еще раз прокрутим все по порядку, может, что и выскочит. Митчелл вышел на «Хосаку», сказал, что хочет к ним. «Хосака» наняла Конроя и набрала команду медиков, чтобы проверить Митчелла на предмет имплантатов. Конрой сколачивал группу, работая в контакте с агентом Тернера. Агент

Тернера — это голос в Женеве, номер телефона, не более. «Хосака» заслала Эллисон, чтобы та проверила его в Мексике, потом Конрой вытащил его оттуда. Уэббер, прямо перед тем, как все пошло наперекосяк, сказала, что это она была подсадкой Конроя на площадке… Кто-то атаковал их, когда девушка уже подлетала, — осветительные ракеты и автоматные очереди. На взгляд Тернера, это было очень похоже на «Маас»; приблизительно такого хода он и ожидал от их спецслужбы, для подстраховки от этого и были наняты Комптон, Тедди, Коста и Дэвис. Потом побелело небо… Тернер вспомнил, что Руди говорил что-то про электромагнитную пушку… Кто? И этот бардак у девочки в голове, то, что появилось у Руди на дисплеях томографа и ЯМР-визуализатора. А Энджи сказала, что ее отец никогда и не собирался бежать сам.

— Нет компании, — сказала она, обращаясь к окну.

— То есть?

— У тебя ведь нет компании, да? Я хочу сказать, ты работаешь на тех, кто тебя нанимает.

— Верно.

— Ты не боишься?

— Конечно, но не из-за этого…

— А у нас всегда была компания. Мой отец сказал, что со мной будет все в порядке, что я просто перехожу под крышу другой компании…

— Он прав, с тобой все будет в порядке. Мне просто нужно выяснить, что происходит. А потом я доставлю тебя туда, куда тебе нужно.

— В Японию?

— Куда угодно.

— Ты там бывал?

— Конечно.

— Мне там понравится?

— Почему бы и нет?

Тут она снова погрузилась в молчание, а Тернер сосредоточился на дороге.

— Это заставляет меня видеть сны, — сказала девочка, когда Тернер наклонился, чтобы включить фары. Ее голос был едва слышен за ревом турбины.

— Что заставляет? — Чтобы не смотреть в ее сторону, он сделал вид, что занят слежением за дорогой.

— Та штука в моей голове. Обычно это происходит только тогда, когда я сплю.

— Да-а? — И вспомнил белки закатившихся глаз в спальне Руди, конвульсии, наплыв сбивчивых фраз на неизвестном языке.

— А иногда наяву. Как будто я подключена к деке, только не привязана к сетке, лечу себе в матрице, лечу, и я там не одна. Как-то ночью мне снился мальчик… Он схватил что-то, и это что-то причиняло ему боль, а он не понимал, что свободен, что ему нужно только это отпустить. Так я ему об этом сказала. И вдруг на долю секунды смогла увидеть, где он. Это был не сон, я четко увидела противную комнатку с грязным ковром, и понимала, что парню нужно принять душ, и чувствовала, как к его ступням прилипают стельки, потому что он был без носков… Это было совсем не похоже на сон…

— Нет?

— Нет. Сны… в снах все большие, очень большие… я тоже большая, двигаюсь, плыву среди других…

Ховер с воем двинулся в горку по бетонной рампе, за которой был выезд на трассу между штатами, и Тернер выдохнул, только тут сообразив, что уже с минуту задерживает дыхание.

— Что за другие?

— Яркие. — Снова молчание. — Не люди…

— Ты много времени проводишь в киберпространстве, Энджи? Я хочу сказать, надолго подключаешься к деке?

— Нет. Только когда делаю домашние задания. Отец сказал, что мне это вредно.

— А о снах он что-нибудь говорил?

— Только то, что они становятся все реальнее. Но я никогда не рассказывала ему о тех, других…

— Хочешь поделиться? Вдруг это поможет мне сообразить, что нам теперь делать.

— Некоторые из них рассказывают мне всякое. Разные истории. Когда-то там не было ничего, ничего, что существовало бы само по себе, были только базы данных и люди, копавшиеся в них. Потом что-то случилось, и Оно… Оно познало себя. Это уже совсем другая история — о девушке с зеркальными глазами и о мужчине, который боялся кого-нибудь любить. Что-то, что он сделал, помогло Целому познать себя… А потом Оно как будто распалось на различные части себя самого, и мне кажется, те — яркие, другие — и есть эти части. Но об этом очень сложно рассказывать, потому что сами они говорят об этом не совсем словами.

У Тернера по спине побежали мурашки. Что-то всплывало, возвращалось к нему из подводного города — досье Митчелла. Волна жгучего стыда в коридоре, облупившаяся грязно-кремовая краска, Кембридж, общежитие университета…

— Где ты родилась, Энджи?

— В Англии. Потом папа стал работать на «Маас», и мы переехали. Сначала в Женеву.

Где-то посреди Виргинии Тернер свернул на обочину из гравия, потом съехал на заросшее пастбище. За ховером потянулся клубящийся хвост пыли. Лето, все высохло. Тернер завел ховер поглубже в ельник. Турбина заглохла, машина грузно осела, выдавливая воздух из-под юбки.

— Теперь можно и поесть, — сказал он, перегнувшись на заднее сиденье за холщовым мешком Салли.

Выпутавшись из пристежных ремней, Энджи расстегнула молнию черной кофты. Под кофтой на ней было что-то белое и облегающее, квадратный вырез открыл по-детски гладкое, загорелое тело. Она взяла у него мешок и стала разворачивать приготовленные Салли бутерброды.

— А что не так с твоим братом? — спросила она, протягивая ему половину бутерброда.

— В смысле?

— Ну, что-то, наверно, не так… Салли сказала, он все время пьет. Он несчастлив?

— Не знаю, — ответил Тернер, поводя плечами и массируя шею, расслабляя мышцы. — Я хочу сказать — наверно, да, не очень счастлив, только

я не знаю почему. Бывает же, что люди иногда просто подвисают.

— Ты имеешь в виду: когда у них нет компаний, которые бы о них заботились? — Она принялась за еду.

Тернер поднял на нее глаза:

— Шутишь?

Она кивнула с полным ртом. Проглотила.

— Немножко. Я знаю, что есть много людей, которые не работают на «Маас». Никогда не работали и никогда не станут. Ты — один из них, твой брат — другой. Но я спросила всерьез. Знаешь, мне понравился Руди. Но просто он кажется совсем…

— Конченым? — договорил он за нее, все еще держа бутерброд в руке. — Увязшим? А дело, думаю, в том, что некоторым людям нужно иногда сделать скачок, и если они этого не делают, то увязают по уши — навсегда… А Руди никогда и не пытался соскочить.

— Это как мой отец, когда хотел вытащить меня из «Мааса»? Это скачок?

— Нет. Соскакиваешь ты или нет, каждый решает сам за себя. Просто нужно понять, что где-то тебя ожидает нечто лучшее… — Он помедлил, внезапно почувствовав, что смешон, и откусил

от бутерброда.

— Так решил ты?

Он кивнул, задумавшись — а так ли это?

— Значит, ты уехал, а Руди остался.

— Он всегда был умен, даже талантлив. До сих пор такой. Наполучал целую кучу дипломов — и все по Сети. В двадцать лет защитил докторскую по биотехнологиям в Тьюлейне, потом еще какие-то диссертации. И никуда не пытался устроиться, ни заявлений не рассылал, ничего. К нам сюда являлись агенты чуть ли не со всего света, а он нес им невесть что, нарывался на ссоры… По-моему, он считал, что сможет придумывать что-то сам по себе. Вроде этих его колпаков на собаках. Сдается, у него есть парочка оригинальных патентов, но… Как бы там ни было, он остался дома. Занялся торговлей, стал собирать на заказ железо, причем был одним из самых крутых в этом штате. Потом заболела наша мать. Она болела очень долго, а я был далеко…

— И где ты был? — Девушка открыла термос, и по кабине разнесся запах кофе.

— Так далеко, как только смог забраться, — ответил он, удивившись злости в собственном голосе.

Она передала ему пластмассовую кружку, до

краев наполненную горячим черным кофе.

— А ты? Ты говорила, что никогда не знала матери?

— Не знала. Они расстались, когда я была совсем маленькой. Она отказывалась соблюдать брачный контракт, если он не поделится с ней «маасовскими» акциями, которые ему причитались. Так, во всяком случае, он говорит.

— А что он за человек? — Он глотнул кофе, потом передал кружку Энджи.

Она взглянула на него поверх ободка красной пластмассовой кружки, вокруг глаз — косметика, наложенная Салли.

— Это ты мне расскажи, — бросила она. — Или лучше спроси об этом через двадцать лет. Мне семнадцать, откуда мне, черт побери, это знать?

Тернер рассмеялся:

— Начинаешь чувствовать себя немного лучше?

— Пожалуй, да. Учитывая обстоятельства.

И внезапно он осознал, что рядом с ним женщина, ощутил то, чего не замечал раньше, и его руки нервно потянулись к рычагам управления.

— Хорошо. Нам предстоит еще долгий путь…

Этой ночью они спали в ховере, в Южной Пенсильвании, припарковавшись за ржавой

стальной решеткой, на которой когда-то висел экран кинотеатра для автомобилистов. Тернер расстелил парку на бронированном полу под длинным горбом турбины. Энджи допивала остатки кофе, теперь уже остывшего, сидя в квадратном отверстии люка над пассажирским сиденьем и глядя, как над полем, заросшем жухлой травой, пульсируют светлячки.

Где-то посреди сна — все еще окрашенного случайными вспышками из досье ее отца — она перекатилась к нему под бок. Теплая и мягкая грудь прижалась к его голой спине, а потом ее рука скользнула погладить плоские мускулы его живота. Тернер даже не шевельнулся, изображая глубокий сон, и вскоре отыскал дорогу вниз, в темный лабиринт биософта Митчелла, где диковинные образы начинали сливаться с его собственными страхами и давней болью. Он проснулся на рассвете и услышал, как она тихонько напевает себе под нос, сидя на краю люка:

Мой папаша родной
Красив как дьявол был.
В девять миль длиной
Цепь себе он раздобыл.
И на каждом звене,

Да, на каждом звене
Висело сердце той,
Кого он погубил[49].

Глава 22

«У Джаммера»

До владений Джаммера пришлось преодолеть еще двенадцать пролетов мертвого эскалатора. Занимал клуб, как выяснилось, почти треть последнего этажа. Если не считать заведения Леона, Бобби никогда в жизни не видел ночного клуба, а потому «У Джаммера» произвел на него изрядное впечатление, хотя и показался жутковатым. Впечатляли размеры и то, что Бобби счел шикарной обстановкой, а жутковато было потому, что любой ночной клуб, особенно днем, чем-то неуловимо ирреален. Есть в нем что-то ведьмовское. Заткнув большие пальцы в задние карманы новых джинсов, Бобби с любопытством оглядывался по сторонам, пока Джекки шепотом беседовала с длиннолицым белым в мятом си-

[49] Примечания: 49
Американская народная песня «Silver Dagger» («Серебряный кинжал»), известная с конца XIX — начала XX в. Перевод А. Тарасова.

нем комбинезоне. Обстановку клуба составляли темные банкетки с обивкой из искусственного плюша, круглые черные столики и десяток резных деревянных ширм. Потолок был выкрашен черным, каждый столик слабо освещался собственным невидимым прожектором, нацеленным откуда-то сверху, из темноты. Была здесь также сцена, сейчас ярко освещенная рабочими лампами, свисающими на желтых спиральных шнурах, а в середине сцены стояли вишнево-красные барабаны. Бобби не мог бы сказать почему, но от всего этого мороз подирал по коже; какое-то неуловимое ощущение полужизни, как будто что-то вот-вот зашевелится — там, в самом уголке глаз…

— Бобби, — окликнула его Джекки, — подойди познакомься с Джаммером.

Бобби пересек черную ковровую дорожку со всем хладнокровием, какое сумел изобразить, и предстал перед длиннолицым, у которого были темные редеющие волосы, а под комбинезоном оказалась белая вечерняя рубашка. Губы у мужчины были узкие, на впалых щеках чернела вчерашняя щетина.

— Ага, — сказал Джаммер, — хочешь, значит, быть ковбоем?

Он смотрел на футболку Бобби, и у того возникло малоприятное ощущение, что его собеседник вот-вот рассмеется.

— Джаммер был жокеем, — сказала Джекки. — Самым крутым, какие только бывают. Правда, Джаммер?

— Так говорят, — отозвался Джаммер, по-прежнему глядя на Бобби. — Давно это было, Джекки. И каков же у тебя пробег, парень, сколько часов? — спросил он Бобби.

Бобби вспыхнул:

— Ну, наверное, один.

Джаммер вздернул кустистые брови.

— Что ж, надо же когда-то начинать, — улыбнулся он.

Зубы у него оказались мелкими, неестественно ровными и, как подумалось Бобби, слишком многочисленными.

— Бобби, — сказала Джекки, — почему бы тебе не расспросить Джаммера о том персонаже, Виге, о котором тебе рассказывал Финн?

Джаммер поглядел на нее, потом снова на Бобби.

— Ты знаешь Финна? Для простого хотдоггера ты довольно глубоко забрался, не находишь? — Вынув из брючного кармана ингалятор, он

вставил его в левую ноздрю, потянул носом воздух, потом снова убрал ингалятор в карман. — Лудгейт. Виг. Так, значит, Финн говорил о Виге? Не иначе как совсем уже в маразм впал.

Бобби не понял, что бы это значило, но решил, что сейчас не самое удачное время переспрашивать.

— Ну, — рискнул Бобби, — этот Виг, он где-то высоко на орбите и толкает иногда Финну товар…

— Серьезно? Офигеть и не встать. Я бы сказал, что Виг или мертв, или совсем уже овощ. Такого чокнутого даже среди ковбоев еще поискать, если понимаешь, о чем я. Псих долбаный. Исчез. Сто лет уже ничего о нем не слышал.

— Джаммер, — вмешалась Джекки. — Я подумала, может, Бобби рассказать тебе всю историю? Под вечер здесь появится Бовуар, и у него будет к тебе немало вопросов, так что тебе лучше понимать, как обстоят дела…

Джаммер перевел взгляд на танцовщицу:

— Вот как, понимаю. Мистер Бовуар вспомнил про тот должок, да?

— Не могу говорить за него, — сказала она, — но догадка не лишена оснований. Нам нужно безопасное место, чтобы Счет мог укрыться.

— Какой счет?

— Я, — сказал Бобби. — Счет — это я.

— Великолепно, — без тени энтузиазма проговорил Джаммер, — тогда пойдем в контору, это за сценой.

Бобби не мог оторвать глаз от киберпространственной деки, которая занимала почти треть антикварного дубового стола Джаммера. Она была матово-черной, явно штучной работы и безо всяких торговых марок. Бобби то и дело вытягивал шею, чтобы разглядеть ее получше, пока рассказывал Джаммеру о Дважды-в-День и о своем неудачном рейде, о том, как почувствовал девочку, и о том, как взорвали материну квартиру. Это была самая крутая дека, какую он только видел. И тут он вспомнил, как Джекки говорила, что Джаммер в свое время был чертовски крутым ковбоем. Когда Бобби закончил, Джаммер как-то обмяк, откинулся на спинку стула.

— Хочешь попробовать? — спросил он. Голос его звучал устало.

— Попробовать что?

— Деку. Мне показалось, тебе этого хочется. Ну, судя по тому, как ты все елозишь задницей по стулу. Или тебе хочется ее попробовать, или очень надо поссать.

— Черт, да. То есть да, спасибо, мне бы…

— Почему бы и нет? Не вижу, как кто-то может узнать, что это ты, а не я, так? Почему бы тебе не подключиться с ним, Джекки? Вроде как для присмотра. — Открыв ящик стола, он вынул оттуда два набора тродов. — Только ничего не делай, ладно? Я хочу сказать, просто войди и прокатись. Не лихачь и не пытайся никуда влезать. Я в долгу у Лукаса и Бовуара, и, похоже, расплачиваться мне придется тем, что я помогу сохранить твою задницу в целости и сохранности. — Один набор тродов он протянул Джекки, другой — Бобби; потом встал и, взявшись за ручки по обеим сторонам черной консоли, развернул ее передом к Бобби. — Давай. А то сейчас прямо в портках обкончаешься. Этой штуке уже лет десять, а она все равно на порядок круче почти всего, на чем сейчас работают. Ее собрал парень по имени Автомат Джек, прямо с начала до конца собрал своими руками. Он был когда-то мастером по железу у Бобби Куайна. Помнится, эта парочка сожгла Дом Голубых Огней, впрочем, дело было, наверное, еще до твоего рождения.

Бобби уже надел троды и теперь выжидательно смотрел на Джекки.

— Ты когда-нибудь раньше подключался тандемом? — спросила она.

Бобби покачал головой.

— Ладно. Мы подключимся, но я буду висеть у тебя за левым плечом. Скажу «выключайся», ты выключишься. Если увидишь что-то необычное, это будет потому, что с тобой я, понял?

Он кивнул.

Расстегнув пару длинных булавок с серебряными головками спереди своей федоры, Джекки сняла шляпу и положила ее на стол рядом с декой Джаммера. Надвинула троды поверх шелкового шафранового шарфа, пригладила контакты на лбу.

— Поехали, — сказала она.

Теперь и всегда — едино. На ускоренном прогоне вперед. Дека Джаммера включилась в «небо» над яркими неоновыми сердечниками баз — незнакомая ему топография данных. Хребты и пики информации, мощные крепости корпоративных баз — вот он, псевдоландшафт киберпространства.

— Сбавь скорость, Бобби, — прозвучал из пустоты рядом с ним низкий и нежный голос Джекки.

— Господи Исусе, ну и быстрая же штуковина!

— Ага, но притормози ее. Спешка нам ни к чему. Ты же хотел прокатиться. Задержись тут и замедли ход…

Он сбрасывал скорость до тех пор, пока они, казалось, не зависли и не начали парить. Затем повернул голову налево, надеясь увидеть Джекки, но там не было ничего.

— Я здесь, — успокоила его та, — не волнуйся.

— Кто такой Куайн?

— Куайн? Какой-то ковбой, которого Джаммер знал когда-то. В былые времена он был знаком с ними со всеми.

Проверяя деку на реакцию, Бобби круто завернул на девяносто градусов вправо, гладко повернувшись вокруг своей оси на перекрестке решетки. Дека ошеломляла, ощущение было абсолютно не похоже ни на что, что Бобби до сих пор испытывал в киберпространстве.

— Ни хрена себе! По сравнению с этой штукой «Оно-Сэндай» просто детская игрушка…

— Ну, внутри у этой деки наверняка есть «сэндаевские» микросхемы. По словам Джаммера, именно их тогда обычно ставили. Подними нас чуть повыше…

Без малейшего усилия они поднялись сквозь решетку, базы под ними начали уменьшаться.

— Здесь, наверху, не так уж и много на что посмотреть, — пожаловался Бобби.

— Вот и неправда. Если достаточно долго бол-

таться в пустых частях, можно увидеть кое-что весьма интересное…

Ткань матрицы прямо перед ними словно начала вибрировать…

— А-а-а, Джекки…

— Остановись. Задержи ее на месте. Все в порядке. Доверься мне.

Где-то далеко-далеко его пальцы пробежались по клавиатуре непривычной конфигурации. Теперь он будто встал на невидимый якорь, в то время как целая секция киберпространства расплылась, становясь молочно-белой.

— Что…

— *Данбала ап монте л*, — сказал у него в голове суровый голос, и во рту возник привкус крови. — Данбала оседлал ее.

Бобби почему-то знал, что значат эти слова, но голос в его голове был твердым, как металл. Молочная ткань раздвинулась, будто пошла пузырями, выплюнув два колышущихся серых пятна.

— Легба, — произнесла Джекки, — Легба и Огу Ферай, бог войны. Папа Огу! Святой Жак Мажор! *Вив ля Вьей!*

Металлический смех заполнил матрицу, пилой врезался Бобби в мозг.

— *Мап кит ту миз ак ту жийон,* — сказал другой голос, какой-то холодный и переменчивый, похожий на бегущие шарики ртути. — Видишь, Папа, она пришла сюда, чтобы выбросить свою неудачу! — И тут этот тоже рассмеялся.

А Бобби все боролся с собой, пытаясь подавить волну нахлынувшей паники, когда серебристый смех стал подниматься в нем пузырьками.

— Так у нее неудача, у лошади Данбалы? — прогрохотал железный голос Огу Ферая, и на мгновение Бобби почудилось, что в сером тумане мелькнула неясная фигура. Голос оглушительно рассмеялся все тем же ужасным смехом. — И вправду! И вправду! Но она этого не знает! Она не моя лошадь, нет, иначе я вылечил бы ее удачу!

Бобби хотелось закричать, умереть — все что угодно, лишь бы избавиться от голосов, от непереносимого ветра, который вдруг задул из серых рваных дыр, от этого горячего сырого ветра с запахом чего-то, что он не мог распознать.

— И она поет хвалу Деве! Слушай меня, маленькая сестра! *Ля Вьей* действительно приближается, она уже очень близко!

— Да, — отозвался другой, — она сейчас движется по моим владениям, это говорю тебе я, тот, кто правит торными и неторными путями.

— Но я, Огу Ферай, говорю тебе, что и враги твои тоже близки! К воротам, сестра, и остерегайся!

И тут серые пятна поблекли, съежились…

— Отключи нас. — Голос Джекки был сдавленным и отстраненным. А потом она сказала: — Лукас мертв.

Вынув из ящика стола бутылку скотча, Джаммер аккуратно отмерил шесть сантиметров жидкости в высокий стакан.

— Ты хреново выглядишь, — сказал он Джекки, и Бобби удивился нежности в его голосе.

Прошло уже минут десять с тех пор, как они отключились, но никто не проронил ни слова. Джекки сидела подавленная и все покусывала нижнюю губу. Джаммер казался не то расстроенным, не то разозленным — Бобби ни в чем уже не был уверен.

— А почему ты сказала, что Лукас мертв? — рискнул Бобби.

Ему чудилось, что молчание в захламленной конторе Джаммера застаивается, застывает — как что-то холодное и враждебное, способное задушить, если продлится еще хоть немного.

Джекки подняла на него взгляд, который словно бы все никак не мог сфокусироваться.

— Они не пришли бы ко мне вот так, будь Лукас

жив, — сказала она. — Существуют соглашения, пакты. Первым всегда вызывают Легбу, но он должен был прийти с Данбалой. Его личность зависит от лоа, с которым он являет себя. Лукас, должно быть, мертв.

Джаммер подтолкнул к ней через стол стакан виски, но Джекки помотала головой. Набор тродов все еще сидел у нее на лбу — хром и черный нейлон. Джаммер скорчил гримасу отвращения, утянул стакан назад и залпом опустошил его сам.

— И все-то ты меня грузишь. В мире было гораздо больше смысла до того, как ваши люди начали путать карты.

— Не мы привели сюда лоа, Джаммер, — отозвалась танцовщица. — Они просто были там, и они нашли нас, потому что мы их понимали!

— Ну вот снова, — устало сказал Джаммер. — Чем бы они ни были, откуда бы ни заявились, они просто приняли ту форму, в какой их хотела бы видеть свора сбрендивших негритосов. Въезжаешь? Ну откуда, скажи на милость, там могло взяться что-то, с чем пришлось бы общаться на сраном наречии гаитянских дикарей! Вы со своим вуду просто пришли и увидели расклад. Но все эти Лукасы и Бовуары и иже с ними — они

прежде всего деловые люди. А эти чертовы штуки знают, как заключать сделки! Просто прирожденные дельцы! — Он закрутил пробку и убрал бутылку обратно в стол. — Знаешь, дорогуша, есть вероятность, что некто, у кого, не стану спорить, до хрена силы в решетке, просто садится вам на шею. Проецирует все эти штуки… Ты же и сама знаешь, что это вполне возможно, так ведь? Так, Джекки?

— Не так. — Голос Джекки звучал холодно и ровно. — Но я знаю то, что я знаю, и это никак не объяснить…

Джаммер вынул из кармана черную электробритву и начал бриться.

— Конечно, — сказал он; жужжала бритва, которой он водил по подбородку. — Я прожил в киберпространстве восемь лет, так? Так вот, я знаю, что в мое время там ничего не было… Во всяком случае, хочешь, я позвоню Лукасу, хотя бы перестанешь мучиться, жив он или мертв? У тебя есть телефон этого его «роллса»?

— Нет, — сказала Джекки, — не беспокойся. Пока не объявится Бовуар, нам всем лучше сидеть тихо. — Она встала, стянула троды и подобрала шляпу. — Я собираюсь прилечь и попытаться поспать. Пригляди за Бобби… — Повернувшись,

она пошла к двери конторы. Вид у нее был такой, будто она шла во сне, вся энергия из нее куда-то испарилась.

— Чудесно, — сказал Джаммер, проводя бритвой по верхней губе. — Хочешь выпить? — спросил он Бобби.

— Ну, — протянул Бобби, — вроде как рано…

— Может быть, для тебя. — Он убрал бритву обратно в карман; дверь за Джекки закрылась. Джаммер слегка подался вперед. — На что они похожи, малыш? Ты что-нибудь разглядел?

— Сероватые такие. Расплывчатые…

На лице Джаммера отразилось разочарование. Он снова ссутулился в кресле.

— Что ж, пожалуй, их как следует и не разглядишь, если в них не верить, — побарабанил он пальцами по подлокотнику. — Как по-твоему, они реальны?

— Ну, мне бы не хотелось с кем-нибудь из них ссориться…

Джаммер поднял на него взгляд:

— Нет? Ладно, может, ты умнее, чем кажешься. Я и сам не стал бы с ними связываться. Я вышел из игры до того, как они начали появляться…

— Так что же они, по-твоему, такое?

— Ага, становишься все умнее… Ну, я не знаю.

Как я говорил, не уверен, что смогу проглотить байку, будто это шайка гаитянских богов вуду, но кто знает? — Он прищурился. — Может статься, они — вирусные программы, сбежавшие в матрицу, там размножившиеся и очень-очень поумневшие… Одно это звучит жутковато; возможно, тьюринговцы пытаются все это замять. Или, может, ИскИн нашел способ скопировать части себя в матрицу, а такое «тьюрингов» просто с ума сведет. Знавал я одного тибетца, он апгрейдил для ковбоев железо — так он считал эти штуки тулпа.

Бобби сморгнул.

— Тулпа — это мыслеформа, что-то вроде этого. Суеверия. По-настоящему крутые ребята могут отделить от себя нечто вроде духа, вылив негативную энергию в некую оболочку. — Он пожал плечами. — Опять бред сивой кобылы. Как и эти вудуистские божки нашей Джекки.

— Ну, по-моему, Лукас и Бовуар, да и остальные — все они чертовски уверенно ведут себя так, как будто эти духи вполне реальны, а не просто какой-то там спектакль…

Джаммер кивнул:

— Вот именно. И дела у них чертовски хороши, так что в этом что-то есть. — Он опять пожал пле-

чами, потом зевнул. — Мне тоже надо поспать. Можешь делать все, что хочешь, только держи руки подальше от моей деки. И не пытайся выйти наружу, не то разорется добрый десяток «кричалок». В холодильнике за баром есть сок, сыр и прочая кормежка…

Теперь, когда клуб остался целиком в его распоряжении, Бобби все еще находил его несколько жутковатым, но достаточно интересным, чтобы жуть того стоила. Он побродил взад-вперед позади бара, касаясь рычагов пивных кранов и хромированных клювов коктейльных миксеров. Тут была машина для приготовления льда и еще одна, выплевывающая кипяток. Он сделал себе чашку японского растворимого кофе и порылся в каталоге аудиокассет Джаммера. Он никогда не слышал ни таких названий групп, ни имен певцов. Интересно, это пожилой Джаммер предпочитает старье или всё здесь новые вещи, которые просочатся в Барритаун — скорее всего, через клуб Леона — недели только через две… Под черной с серебром универсальной кредитной консолью в конце стойки притаилась пушка, небольшой толстый автоматический пистолет с магазином, торчавшим вертикально вниз из рукоятки. Пушка была прилеплена под стойкой

бара куском зеленой липучки, и Бобби подумал, что трогать ее не стоит. Через некоторое время он решил, что не чувствует больше страха. Стало просто скучно и немного нервно. Захватив с собой остывающий кофе, он вышел на середину зала. Сел за один из столиков и прикинулся, что он — Счет Ноль, или, еще лучше, Граф Ноль, крутейший жокей в Муравейнике, — ждет, что появятся ребята поговорить о сделке, о каком-то рейде, который надо для кого-то провернуть, а никто, кроме Счета-Графа, даже близко не тянет.

— Конечно, — сказал он пустому ночному клубу, глаза полуприкрыты тяжелыми веками. — Я разрежу вам этот лед… Если у вас есть деньги… — И они побледнели, когда он назвал им цену.

Помещение было звукоизолированным, шума торговых рядов не доносилось вовсе, было слышно только жужжание какого-то кондиционера и временами — бульканье кипятящего воду титана. Устав играть во всемогущего Графа Ноль, Бобби оставил чашку с кофе на столе и подошел к входу, провел рукой по потертому бархату витого каната, висевшего между полированных латунных столбиков. Осторожно, стараясь не коснуться самой стеклянной двери, он устроился на дешевом стальном стуле с заклеенным липучкой

сиденьем из кожзаменителя возле окна выдачи пальто. В гардеробной горела тусклая лампочка; видны были несколько десятков старых деревянных плечиков, свисающих со стальных стоек, на каждой вешалке — желтая табличка с выведенным от руки номерком. Бобби решил, что здесь иногда сидит сам Джаммер, проверяя клиентуру. Он в самом деле не понимал, с чего бы кто-то, кто в молодости восемь лет был крутейшим ковбоем, захотел управлять ночным клубом, но, может, это такое хобби. Опять же, сколько девочек можно тогда заполучить… Но потом Бобби подумал, что, если ты богат, ты в любом случае их получишь. А если Джаммер восемь лет был крутым, то, решил Бобби, он должен быть богатым…

Он задумался о том, что произошло в матрице, о серых дырах и голосах. Бобби поежился. Он до сих пор не понимал, почему встреча с ними означает, что Лукас мертв. Как может быть Лукас мертв? Тут он вспомнил, что его мать мертва, и почему-то это тоже показалось не очень реальным. Господи. Все это действует ему на нервы. Ему захотелось оказаться снаружи, по ту сторону дверей, поглазеть на лавки и покупателей и на тех, кто там работает.

Протянув руку, он осторожно отодвинул край

бархатной шторы, как раз настолько, чтобы выглянуть через старое толстое стекло. Радужная круговерть лавок и характерная пасущаяся походка покупателей. И прямо посреди этой праздничной суеты, у стола, заваленного подержанными аналоговыми видеооптическими устройствами, логическими зондами и регуляторами тока, — безрасовое, тяжелокостное лицо Леона. Глубоко посаженные жуткие глазки останавливаются на Бобби с явно слышимым щелчком узнавания. И тут Леон сделал нечто совершенно неслыханное — во всяком случае, на памяти Бобби. Леон улыбнулся.

Глава 23

Приближение[50]

Стюард «Джей-Эй-Эль» предложил ей на выбор несколько кассет симстима: экскурсия по ретроспективе Фокстона в Тейте в прошлом августе, снятый в Гане историко-приключенческий фильм («Ашанти!»), попурри из «Кармен» Бизе,

---

[50] Примечания: 50

«Closer» — второй и последний альбом постпанк-группы *Joy Division*, выпущен в 1980 г.

записанное из частной ложи в Токийской опере, и полчаса сетевого ток-шоу Тэлли Ишем «Высший свет».

— Это ваш первый полет на шаттле, мисс Овски?

Марли кивнула. Она назвала Палеологосу девичью фамилию матери, что, вероятно, было глупо.

Стюард понимающе улыбнулся:

— Кассета определенно способна облегчить ощущения, связанные со взлетом. На этой неделе у нас очень популярна «Кармен». Роскошные костюмы, насколько я понимаю.

Марли покачала головой, не в настроении слушать оперу. Фокстона она терпеть не могла и предпочла бы испытать на себе всю силу ускорения, чем выдержать «Ашанти!». Пленку Ишем она взяла по умолчанию, как наименьшее из четырех зол.

Стюард проверил ремни ее кресла, протянул ей кассету и маленькую одноразовую тиару из серого пластика, потом двинулся дальше. Марли надела пластмассовые троды, воткнула штекер в подлокотник кресла и со вздохом вставила кассету в прорезь рядом с разъемом. Салон челнока «Джей-Эй-Эль» растворился в сиянии эгейской голубизны, и на глазах у Марли в безоблачном

небе проступили заглавные буквы элегантного, без засечек, шрифта: «ВЫСШИЙ СВЕТ С ТЭЛЛИ ИШЕМ».

Тэлли Ишем неизменно присутствовала в симстим-индустрии, сколько Марли себя помнила. Этакая Золотая Девочка без возраста, взлетевшая еще на первой волне новой технологии. Теперь же Марли обнаружила себя в загорелом, гибком теле Тэлли с его потрясающе комфортабельным сенсорным восприятием. Тэлли Ишем вся будто светилась здоровьем и силой, вдыхая глубоко и свободно, ее грациозное тело — кожа, мускулы, кости, — казалось, никогда не слыхивало о напряжении. Войти в ее симстим-записи — это как погрузиться в ванну совершенного здоровья, почувствовать весну в высоких ключицах и округлость груди под шелковистым египетским хлопком простенькой белой блузки. Она стояла, облокотившись о пористую белую балюстраду над крохотной гаванью островного греческого городка. Под ней каскадом сбегали по склону холма кроны деревьев в цвету, отмытый добела камень прочерчивали узкие извилистые лесенки. Из гавани донесся корабельный гудок.

— Туристы сейчас спешат вернуться на свой прогулочный теплоход, — сказала Тэлли и улыб-

нулась. Когда она улыбалась, Марли чувствовала гладкость белых зубов звезды, вкус свежести у нее во рту, приятно шершавый камень балюстрады под ее голыми руками. — Но один гость нашего острова останется сегодня вечером с нами, я очень давно мечтала познакомиться с этим человеком и уверена, вы будете удивлены и обрадованы, поскольку он обычно избегает внимания прессы…

Она выпрямилась и, обернувшись, послала улыбку прямо в загорелое улыбающееся лицо Йозефа Вирека…

Марли сорвала с головы тиару. Вокруг нее рывком восстановился отделанный белым пластиком салон шаттла. На панели над головой мигали предупреждающие надписи, едва ощутимая вибрация все возрастала.

Вирек? Марли посмотрела на набор тродов.

— Да уж, — сказала она вслух, — свет просто выше некуда…

— Прошу прощения? — В ремнях соседнего кресла странным движением, отдаленно напоминающим полупоклон, качнулся студент-японец. — У вас какие-то сложности со стимом?

— Нет-нет, — сказала Марли. — Извините.

Она снова надвинула тиару на лоб, и салон

шаттла растворился в жужжании сенсорной статики. Скребущая мешанина ощущений внезапно уступила место спокойному изяществу Тэлли Ишем, которая, взяв холодную твердую руку Вирека, улыбалась в его мягкие голубые глаза. В ответ сверкнула белозубая улыбка мецената.

— Счастлив оказаться здесь, Тэлли, — сказал он, и Марли позволила себе окунуться в реальность стима, принимая записанные на пленку данные с сенсорного входа Тэлли, как со своего собственного.

Этого средства массовой информации Марли, как правило, избегала; что-то в ее натуре противилось той пассивности, которой требовала от реципиента симуляция сенсорного восприятия.

Вирек был одет в мягкую белую рубашку, парусиновые штаны, закатанные до колен, и скромные коричневые кожаные сандалии. Все еще держа его за руку, Тэлли вернулась к балюстраде.

— Я уверена, — начала она, — что нашей аудитории хотелось бы многое…

Море исчезло. До самого горизонта раскинулась холмистая равнина в лишаях черно-зеленой флоры, разорванная силуэтами неоготических шпилей барселонского собора Святого Семейства.

Край мира потерялся в стелющемся неоновом тумане, и над равниной завис гул будто затонувших колоколов…

— Сегодня ваша аудитория состоит из одного человека, — сказал Вирек и посмотрел на Тэлли сквозь свои круглые, без оправы очки. — Здравствуй, Марли.

Марли мучительно потянулась за тродами, но руки будто окаменели. Ускорение, шаттл поднимается со своей бетонной подушки… Марли угодила в капкан.

— Понимаю, — говорила тем временем Тэлли, с улыбкой снова облокачиваясь о балюстраду из теплого пористого камня… — Что за чудесная идея. Вашей Марли, герр Вирек, действительно очень повезло…

И тут она, Марли, осознала, что это вовсе не Тэлли Ишем из «Сенснета», а часть конструкта Вирека, специальная программа, скомпилированная из многих лет архивного метража «Высшего света», и теперь у нее нет выбора, никакого выхода, кроме как принять это, выслушать, уделить Виреку свое внимание. Уже одно то, что он поймал ее тут, пригвоздил таким хитрым способом, доказывало, что ее догадка была верна: вездесущий механизм его империи — реаль-

ность, не игра воображения. Деньги Вирека, как универсальный растворитель, растворяют по его воле любые преграды…

— Мне было очень жаль узнать, — сказал меценат, — как вы расстроены. Пако говорит, что вы бежите от нас, но я предпочитаю рассматривать это как стремление художника к своей цели. Вы, как мне кажется, что-то ощутили в природе моего гештальта, и это вас напугало. Так и должно было произойти. Данная кассета была подготовлена за час до того, как ваш шаттл должен был взлететь по расписанию из Орли. Естественно, мы знаем место вашего назначения, но у меня нет намерения следовать за вами. Вы делаете свое дело, Марли. Мне остается лишь сожалеть, что мы были не в силах предотвратить смерть вашего друга Алена, но теперь нам известны личности его убийц и тех, кто их нанял…

Марли сейчас смотрела глазами Тэлли Ишем, а те не могли оторваться от полыхающих синей энергией глаз Вирека.

— Ален был убит агентами, нанятыми «Маас-Биолабс», — продолжал он, — и это «Маас» снабдил его координатами того места, куда вы в настоящее время направляетесь. «Маас» предоставил ему также и показанную вам голо-

грамму. Мои отношения с «Маасом» довольно сложные, чтобы не сказать больше. Два года назад моя дочерняя компания сделала попытку перекупить «маасовский» контрольный пакет. Сумма, которая должна была быть задействована в этой операции, оказала бы воздействие на всю мировую экономику. Они отказались. Пако удалось установить причину смерти Алена: он умер, поскольку они узнали, что он пытается продать предоставленную ими информацию — продать третьей стороне… — Вирек нахмурился. — Крайняя неосторожность, притом что он был совершенно неосведомлен относительно природы продукта, который предлагал…

Как это похоже на Алена, подумала она, и ее захлестнула жалость. Марли мысленно увидела его в той комнате, свернувшегося на отвратительном ковре, позвоночник выступает под натянутой тканью зеленой куртки…

— Полагаю, Марли, вам следует знать, что шкатулочником я интересуюсь не только как коллекционер. — Сняв очки, он стал протирать стекла полой белой рубашки, и в рассчитанной человечности этого жеста Марли почудилось что-то кощунственное. — У меня есть причины полагать, что создатель этих артефактов в ка-

кой-то мере способен предложить мне свободу. Я не очень здоровый человек, Марли. — Он снова надел очки, аккуратно заложив за уши золотые дужки. — Когда я в последний раз запрашивал визуальную информацию о резервуаре, в котором пребывает мое тело в Стокгольме, мне показали нечто, похожее на три составленных вместе грузовых трейлера, опутанных сетью труб от систем жизнеобеспечения… Если бы я смог бросить это, Марли, или, скорее, сбросить груз восставших клеток, из которых состоит мое бывшее тело… ну… — Он снова улыбнулся своей знаменитой улыбкой. — Что бы я за это не отдал?

И взгляд Тэлли-Марли скользит, пытаясь ухватить расползающиеся заросли темного лишайника и далекие, разбегающиеся башни собора…

— Вы потеряли сознание, — говорил стюард, пальцы его скользили по ее шее. — Такое случается… наши бортовые медицинские компьютеры говорят, что у вас великолепное здоровье. Однако мы наложили дермодиск для купирования эффектов синдрома предпосадочной адаптации.

Его рука исчезла с ее шеи.

— «Европа после дождя», — сказала Марли, —

Макс Эрнст. Лишайник…[51]

Мужчина смотрел на нее сверху вниз, его настороженное лицо заученно выражало профессиональное сочувствие.

— Прошу прощения? Не могли бы вы повторить?

— Извините, — сказала она. — Сон… Мы уже прибыли в терминал?

— Еще час, — услышала она в ответ.

Орбитальный терминал «Джапан Эйр Лайнс» оказался белым тором, усеянным шапками мелких куполов и ощетинившимся овальными раструбами стыковочных шлюзов. Экран над противоперегрузочной упряжью Марли — хотя слово «над» временно потеряло обычный свой смысл — демонстрировал блестяще детализированный эскиз-анимацию тора во вращении, в то время как несколько голосов на семи языках объявляли, что пассажиров, находящихся на борту шаттла «Джей-Эй-Эль-580», прибывшего рейсом из Орли, отбуксируют к терминалу при ближайшей возможности. «Джей-Эй-Эль» приносил извинения

---

[51] Примечания: 51

«Европа после дождя» (1940–1942) — картина художника-сюрреалиста *Макса Эрнста* (1891–1976), выполненная в технике декалькомании; изображает размытый, словно поросший *лишайником* апокалиптический пейзаж.

за задержку, связанную с плановым профилактическим ремонтом семи из двенадцати шлюзов…

В ремнях противоперегрузочной сетки Марли съежилась от страха, теперь ей во всем чудилась невидимая рука Вирека. «Нет, — подумала она, — должен же быть какой-то выход. Я хочу соскочить, — сказала она самой себе, — я хочу несколько часов свободы действий, а потом я с вами покончу… Прощайте, герр Вирек, я возвращаюсь в страну живых, куда никогда уже не вернуться бедному Алену. Алену, который умер, потому что я взялась за эту работу». Марли несколько раз сморгнула, когда подступили первые слезы, потом, широко раскрыв глаза, с детским удивлением уставилась на крохотный прозрачный шарик — это уплывала, свернувшись в сферу, ее слеза…

А «Маас», задумалась она, кто они такие? Вирек заявлял, что это они убили Алена, что Ален работал на них. Она смутно припоминала истории в прессе, что-то связанное с новейшим поколением компьютеров. Какой-то зловещий процесс, в котором бессмертные гибридные раковые клетки изрыгали хвостатые молекулы, превращавшиеся в сгустки микросхем. Тут она вспомнила, как Пако сказал, что экран его переносного телефона

— продукт «Мааса»…

Внутренность тора «Джей-Эй-Эль» была настолько невыразительной, настолько походила на любой другой аэропорт, что Марли захотелось рассмеяться. Тот же аромат духов, напряжение толпы и сильно кондиционированный воздух, тот же фоновый гул разговоров. Искусственная сила тяжести в ноль целых восемь десятых от привычной значительно облегчила бы переноску чемоданов, но весь ее багаж состоял из черной сумки. Теперь Марли вынула из застегнутого на молнию внутреннего кармана билет и сверила номер указанного на нем местного шаттла с колонками цифр, бегущих по ближайшему настенному табло.

Два часа до вылета. Что бы там ни говорил Вирек, она уверена, что его машина уже задействована, кто-то просачивается в команду шаттла или в списочный состав пассажиров, подмену облегчает денежная смазка… Кто-нибудь заболеет в последнюю минуту, произойдут какие-то подвижки в планах, несчастные случаи…

Закинув на плечо ремень сумки, она решительно зашагала через зал ожидания с вогнутым полом из белой керамики — как будто действительно знала, куда идет, или у нее имеется

какой-нибудь план, — но понимая с каждым шагом, что не знает ничего.

Ее преследовал взгляд мягких голубых глаз.

— Будь ты проклят! — бросила она в пустоту, и мордастый русский бизнесмен в черном костюме с Гиндзы фыркнул и поднял ньюсфакс, отгораживая от нее свой мир.

— Так я и говорю этой сучке: «Слушай, или ты волочешь на «Сладкую Джейн»[52] все эти оптоизоляторы и коммутационные боксы, или я приклею твою задницу к переборке прокладочной пастой...»

Раздался взрыв хриплого женского смеха, и Марли подняла глаза от своего подноса с тарелочками суси. Через два пустых стола от нее сидели три женщины. Их стол был заставлен банками пива и стопками стиролоновых подносов, измазанных коричневым соевым соусом. Одна из них громко рыгнула и сделала большой глоток из своей банки.

— И как она отреагировала, Рез?

Вопрос почему-то вызвал еще один, на сей раз более продолжительный взрыв хохота, и

---

[52] Примечания: 52

Корабль назван по песне Лу Рида «Sweet Jane» с четвертого альбома *The Velvet Underground* («Loaded», 1970).

женщина, которая привлекла внимание Марли, опустила голову на руки и хохотала, пока у нее не затряслись плечи. Марли пусто глядела на это трио, раздумывая, кто же они такие. Смех утих, и первая выпрямилась, стирая с глаз слезы. Все трое основательно пьяны, решила Марли, молоды и явно не неженки. Первая была худощавой, с резкими чертами лица: прямой тонкий нос, серые глаза широко распахнуты. Ее волосы совершенно невероятного оттенка серебра были подстрижены по-мальчишески коротко. На ней была просторная парусиновая жилетка или куртка без рукавов, вся покрытая оттопыривающимися карманами, заплатами и квадратиками липучки. Жилетка висела нараспашку, открывая — как было видно с того места, где сидела Марли, — маленькую округлую грудь в, кажется, бюстгальтере из тонких черно-розовых кружев. Двое других были старше и тяжелее. Мускулы их голых рук четко вырисовывались в лившемся будто ниоткуда свете портового кафетерия.

Первая пожала плечами, под огромной жилеткой поднялись острые лопатки.

— А пошла она.

Вторая женщина снова расхохоталась, но не так буйно, как в прошлый раз, и сверилась с хро-

нометром, приклепанным к широкому кожаному напульснику.

— Мне пора, — бросила она. — Сначала на Сион, потом восемь контейнеров с водорослью для шведов.

Отъехав вместе со стулом от стола, она встала, и Марли прочла вышитую через всю спину ее черной кожаной жилетки надпись:

О'ГРЕЙДИ — ВАДЗИМА
«ЭДИТ С.»
МЕЖОРБИТАЛЬНЫЕ
ГРУЗОВЫЕ ПЕРЕВОЗКИ

За ней встала и вторая, поддергивая пояс обвисших джинсов.

— Говорю тебе, Рез, если ты позволишь этой шалаве продинамить тебя с комбоксами, пострадает твоя репутация.

— Прошу прощения, — сказала Марли, борясь с дрожью в голосе.

— Ну? — Женщина в черной жилетке без улыбки смерила ее взглядом.

— Я видела надпись на вашей жилетке, «Эдит С.». Это корабль, я хочу сказать, это космический корабль?

— Космический корабль? — подняла густые

брови вторая. — Ну конечно, золотко, настоящий могучий космический корабль!

— Это буксир, — буркнула женщина в черном и повернулась, чтобы уйти.

— Я хочу нанять вас, — в отчаянии проговорила Марли.

— Нанять нас? — Теперь все трое уставились на нее. Лица пусты и никаких улыбок. — Что это значит?

Марли порылась на дне черной брюссельской сумочки и вытащила полпачки новых иен, которые ей вернул агент из бюро путешествий после того, как взял оплату за услуги.

— Я дам вам вот это…

Девушка с короткими серебряными волосами негромко присвистнула. Женщины переглянулись, та, что была в черной жилетке, пожала плечами.

— Господи, — удивилась она, — и куда же ты собралась? На Марс?

Марли снова покопалась в сумочке, извлекла плотный квадратик синей обертки от пачки «голуаз» и протянула его женщине в черной жилетке. Та, развернув, прочла орбитальные координаты, которые Ален записал зеленой шариковой ручкой.

— Ну, за такие деньги туда заскочить недолго, — сказала она, — но мы с О'Грейди двигаем сейчас по расписанию на Сион, в двадцать три по Гринвичу. Контрактная работа. А ты как, Рез?

Она протянула бумажку сидящей девушке, которая прочла ее, подняла глаза на Марли и спросила:

— Когда?

— Сейчас, — ответила Марли. — Прямо сейчас.

Девушка оттолкнулась от стола, ножки стула заскребли по керамической плитке. Жилетка распахнулась, открыла то, что Марли приняла за черно-розовое кружево, — сплошную татуировку, которая полностью покрывала ее левую грудь.

— Ты на борту, сестренка, наличные на стол.

— Что значит: отдай ей деньги сейчас, — пояснила О'Грейди.

— Но никто не должен знать, куда мы направляемся, — сказала Марли.

Вся троица снова рассмеялась.

— Ты попала в нужные руки, — сказала О'Грейди, а Рез улыбнулась.

Глава 24

Тарань![53]

Дождь начался, когда они снова повернули на восток, в сторону дальних окраин Муравейника и выжженного пояса промышленных зон. Вода падала стеной, застилая трассу, пока Тернер не отыскал рычаг включения дворников. Руди не слишком заботился о состоянии щеток, так что Тернеру пришлось сбавить скорость. Вой турбины снизился до глухого рева. Тернер прижал ховер к обочине, юбка воздушной подушки шумно заскребла по шелухе драных шин.

— Что случилось?

— Ничего не вижу. Дворники фуфло.

Он включил фары, и с обеих сторон башни ховера вырвались четыре узких луча, быстро теряясь в плотной серой пелене. Он покачал головой.

— А почему бы нам не остановиться?

---

[53] Примечания: 53

Название этой главы («Run Straight Down») через несколько лет позаимствовал калифорнийский автор-исполнитель Уоррен Зивон — так же называлась одна из песен с его вдохновленного киберпанком альбома «Transverse City» (1989). Впрочем, смысл в это название Зивон вкладывал другой: не «Тарань!», а «Пройдись по всему списку».

— Мы слишком близко к Муравейнику. Тут все патрулируется вертолетами. Они без труда просканируют идентификационную панель на крыше, увидят, что у нас номера Огайо и шасси странной конфигурации, и заинтересуются. А нам это совсем ни к чему.

— И что мы будем делать?

— Держаться обочины, пока я не смогу свернуть, чтобы подыскать какое-нибудь укрытие. Если удастся…

Он выровнял ховер, развернул его на месте, фары выхватили флюоресцентные оранжевые диагонали на вертикальном щите — указатель поворота на заброшенную служебную дорогу. Он направил ховер к щиту. Оттопыривающаяся юбка подпрыгнула, ударившись о массивный блок бетонного ограждения трассы.

— Может, и сойдет, — сказал Тернер, когда они скользнули мимо щита.

Ховер едва протискивался по узкому проему между блоками ограждения шоссе, ветки кустарника скреблись в узкие боковые окна, цепляясь за стальные пластины по бокам башни.

— Впереди свет. — Энджи подалась вперед в сетке пристежных ремней, пытаясь разглядеть что-то сквозь дождь.

Приглядевшись, Тернер различил водянистое желтое свечение и пару одинаковых темных колонок. Рассмеялся.

— Это же заправка, — сказал он. — Осталась от старой системы магистралей, еще с тех времен, когда не проложили новую большую трассу. Там, похоже, кто-то живет. Жаль, что ховер не заправишь бензином…

Он осторожно свел машину вниз по склону из гравия. Когда они подъехали ближе, Тернер увидел, что желтый свет льется из двух прямоугольных окон. Ему даже показалось, что в одном из них мелькнула фигура.

— Захолустье, — сказал он. — Эти ребята, возможно, будут не слишком рады нас видеть.

Запустив руку под парку, он вытащил из нейлоновой кобуры «смит-и-вессон» и положил его между ног на сиденье. Когда до ржавеющих бензонасосов оставалось метров пять, он посадил ховер в широкую лужу и заглушил турбины. Дождь продолжал хлестать косыми струями, но Тернер увидел, как из передней двери станции выскользнула какая-то фигура в развевающемся на ветру пончо цвета хаки. Опустив на десять сантиметров стекло, Тернер повысил голос, стараясь перекричать дождь:

— Простите за беспокойство! Нам пришлось съехать с трассы. У нас дворники дрянь. Мы не знали, что здесь кто-то есть.

В свете из окон было видно, что мужчина прячет руки под пластиковым пончо, очевидно что-то в них сжимая.

— Частное владение, — сказал мужчина. По его худому лицу катились струйки дождя.

— Не могли оставаться на дороге! — снова крикнул Тернер. — Простите за беспокойство…

Мужчина открыл было рот, начал доставать что-то, что держал под пончо, — и вдруг его голова взорвалась. Тернеру показалось, что это случилось едва ли не раньше, чем из темноты наискось вырвалась линия красного света и чиркнула человека по затылку. Лучик толщиной с карандаш небрежно скользнул по стене, как будто кто-то играл с фонариком. Алый всплеск, прибитый к земле дождем, — это фигура рухнула на колени и упала лицом вниз. Из-под пончо выкатился обрез дробовика «Сэвидж-410» с рукоятью, оплетенной проволокой.

Тернер даже не осознал, что двигается, но обнаружил, что успел запустить турбины, перебросить рулевую колонку Энджи и теперь выпутывается из ремней безопасности.

— По моей команде протаранишь заправку.

Он вскочил на ноги, дернул рычаг, открывающий люк на крыше, тяжелый револьвер уже зажат в руке. Рев черной «хонды» накрыл его, едва только откинулась крышка люка, — над головой мелькнула снижающаяся тень, еле видимая за пеленой дождя.

— Давай!

Он нажал на курок еще до того, как Энджи бросила ховер вперед — на стену старой заправочной станции. От отдачи его локоть ударился о бронированную крышу кабины и онемел. Где-то над головой с отрадным хлопком разорвалась пуля. Энджи поддала газу, и они врезались в деревянную постройку так быстро, что у Тернера едва хватило времени убрать голову и плечи назад в люк. Что-то в доме взорвалось, вероятно газовый баллон, ховер занесло влево. Энджи выровняла машину, и они прошили вторую стену.

— Куда? — крикнула она, перекрывая вой турбины.

Как будто в ответ, взметнув серебряную простынь дождя и крутясь штопором, в двадцати метрах перед ними упал черный вертолет «хонда». Тернер перехватил у девочки управление, и ховер, подняв десятиметровые фонтаны воды,

рванулся вперед. Они ударили легкий боевой вертолет прямо в лоб поликарбоновой кабины. Легированный фюзеляж от столкновения смялся как бумага. Тернер подал назад и ударил снова, теперь на большей скорости. Сломанный вертолет вдавился в стволы двух мокрых серых елей и замер между ними, словно какая-нибудь длиннокрылая муха.

— Что случилось? — Энджи уткнула лицо в колени. — Что случилось?

Выкинув из бардачка в двери регистрационные документы и пыльные солнечные очки, Тернер нашел фонарь, проверил батареи.

— Что случилось? — механически повторяла Энджи, будто заело пластинку. — Что случилось?

С револьвером в одной руке и фонариком в другой Тернер снова выбрался через люк. Дождь моросил. Тернер спрыгнул на юбку ховера, перескочил через бампер вниз, где оказался по колено в воде, и похлюпал в сторону смятых черных винтов «хонды».

Резкая вонь вытекающего авиатоплива. Поликарбоновая кабина раскололась как яичная скорлупа. Он навел «смит-и-вессон» и дважды нажал большим пальцем клавишу подствольника. Две беззвучные вспышки безжалостного света

выхватили из темноты потрескавшийся пластик, за ним — кровь и покореженные тела. Тернер переждал минуту, потом зажег фонарь. Двое. Он подошел ближе, держа фонарь как можно дальше от тела — старая привычка. Никакого движения. Запах вытекающего горючего становился все сильнее. Тернер потянул на себя крышку люка. Она открылась. На обоих — очки с выпуклыми линзами фотоумножителей. Круглый пустой глаз лазера смотрел прямо в ночь. Тернер коснулся потертой цигейки на воротнике летной куртки трупа. В белом луче фонаря кровь, покрывавшая его бороду, казалась очень темной, почти черной. Это был Оуки. Тернер перевел луч влево и увидел второго. Пилот оказался японцем. Тернер качнул фонарь назад и возле ботинка Оуки нашел черную плоскую фляжку. Поднял ее, засунул в карман парки и побежал обратно к ховеру. Несмотря на дождь, по обломкам бензозаправки уже бегали язычки оранжевого пламени. Он взобрался на бампер ховера, в два шага одолел капот, потом снова вверх и, наконец, через люк — в кабину.

— Что случилось? — сказала Энджи, будто он не уходил. — Что случилось?

Он упал на сиденье и, не тратя времени на рем-

ни, запустил турбины.

— Это был вертолет «Хосаки», — сказал он, разворачивая машину. — Они, должно быть, следовали за нами. У них был лазер. Они дожидались, когда мы свернем с трассы. Не хотели оставлять для копов трупы. Когда мы заехали сюда, они уже приготовились напасть, но, судя по всему, решили, что этот несчастный придурок на нашей стороне. А может, просто убирали свидетеля…

— Его голова, — голос у нее дрожал, — его голова…

— Это лазер, — ответил Тернер, выезжая задом на служебную дорогу; дождь почти перестал. — Пар. Мозг испаряется, и череп разрывает…

Энджи перегнулась пополам, ее вырвало. Тернер вел машину одной рукой, в другой держал фляжку Оуки. Оторвав зубами притертую пробку, хлебнул бурбона.

Когда они достигли обочины трассы, горючее «хонды» наконец отыскало дорожку к костру на месте разрушенной бензоколонки, и крутящийся огненный шар вновь напомнил Тернеру недостроенный городок в пустыне, вспышки осветительных ракет, побелевшее небо и сверхзвуковой истребитель, уходящий к границе

Соноры.

Энджи выпрямилась, утерла рот тылом руки. Ее начало трясти.

— Надо убираться отсюда, — сказал Тернер, снова поворачивая на восток.

Девочка ничего не ответила, и он, скосив глаза, увидел, что она опять застыла, выпрямившись на сиденье, глаза в слабом свете приборов — совершенно белые, лицо пусто. Он видел ее такой в спальне у Руди, когда Салли позвала их взглянуть на то, что там происходит. И вот теперь тот же наплыв невесть какого языка, мягкое бормотание выплевываемых фраз, похожих по звучанию на какое-нибудь французское наречие. У него нет магнитофона, нет времени, ему нужно вести машину…

— Держись, — сказал он, прибавляя скорость, — с тобой будет все в порядке…

Конечно же, она его вообще не слышит. Зубы у нее стучат, мелкая дробь пробивается даже сквозь вой турбины. Нужно остановиться, подумал он, остановиться ровно настолько, чтобы успеть засунуть ей что-нибудь между зубов — бумажник или свернутую тряпку. Руки девочки конвульсивно дергали ремни.

— Больное дитя в доме моем.

Ховер едва не съехал с трассы, когда Тернер внезапно услышал этот голос, исходивший из гортани девочки, — глубокий, низкий, странно тягучий.

— Я слышу, как бросают кости, разыгрывая ее кровавое платье. Много есть рук, что копают ей могилу сегодня, и тебе тоже. Враги молятся о твоей смерти, наемный человек. Они молятся до седьмого пота. Их молитвы — река лихорадки. — И потом какой-то скрип, который мог быть смехом.

Тернер рискнул скосить глаза вправо и увидел, как с застывших губ девочки сочится серебряная нить. Мускулы ее лица исказила странная неведомая маска.

— Кто ты?

— Я — Владыка Дорог.

— Чего ты хочешь?

— Это дитя. Пусть она станет мне лошадью и как человек будет жить в городах людей. Это хорошо, что ты едешь на восток. Отвези ее в свой город. Я снова оседлаю ее. А с тобой, стрелок, едет Самеди. Он — ветер, что ты держишь в своих руках, но он переменчив, этот Властитель Кладбищ, не важно, сколь верно ты служил ему…

Тернер повернулся как раз вовремя, чтобы уви-

деть, как тело девочки безвольно повалилось на бок, голова запрокинулась, челюсть отвисла.

Глава 25

Фоннаты и готики

— С вами говорит автоответчик Финна, — сказал динамик под экраном, — а самого Финна здесь нет. Хотите что-то скачать — код доступа вам уже известен. Хотите оставить сообщение — валяйте.

Поглядев с полминуты на изображение на экране, Бобби медленно покачал головой. Большинство автоответчиков для видеотелефонов обычно снабжены косметическими субпрограммами, призванными в меру сил подогнать видеопортрет владельца под общепринятые каноны красоты: стирают родимые пятна и неуловимо меняют очертания лица, чтобы соответствовали идеализированной статистической норме. Ничего более странного, чем гротескные черты Финна после обработки косметической программой, Бобби в жизни не видел, — как будто кто-то прошелся по физиономии дохлого суслика целым набором цветных карандашей, да еще вкатил пару инъекций парафина, как это обычно

делают в похоронной конторе.

— Это неестественно, — сказал Джаммер, прихлебывая скотч.

Бобби кивнул.

— У Финна, — продолжал Джаммер, — боязнь открытого пространства, агорафобия. Весь покрывается сыпью, стоит ему выйти из этого его хламовника. К тому же он телефонный маньяк: не может не ответить на звонок, если он дома. Я начинаю думать, что эта сучка права. Лукас мертв, и на подходе какие-то серьезные дела…

— Сучка, — сказала из-за бара Джекки, — точно знает.

— Она знает, — повторил Джаммер, ставя пластиковый стакан и теребя галстук-бабочку, — она знает. Разговаривала с чертом в матрице, так что она знает…

— Ну, Лукас не отвечает, и Бовуар не отвечает, так что, возможно, она права. — Бобби потянулся и отключил телефон, когда автоответчик писком сигнализировал, что пошла запись.

Джаммер успел облачиться в плиссированную рубашку, белый смокинг и черные брюки с атласным рантом по штанине — Бобби решил, что это его рабочая одежда для клуба.

— Никого, — сказал он вдруг, переводя взгляд

с Бобби на Джекки. — Где Богус и Шарки? Где официантки?

— Кто такие Богус и Шарки? — спросил Бобби.

— Бармены. Мне это не нравится. — Встав со стула, он подошел к двери и осторожно отодвинул краешек шторы. — Что, черт побери, тут делают эти недоноски? Эй, Счет, это, пожалуй, по твоей части! Подойди сюда…

Бобби встал, исполненный самых дурных предчувствий — ему вовсе не хотелось рассказывать Джекки и Джаммеру, как он дал увидеть себя Леону, поскольку не хотел выглядеть вильсоном, — и подошел к владельцу клуба.

— Давай. Глянь-ка. Только чтобы тебя не увидели. Они так усиленно делают вид, что не наблюдают за нами, аж запах чувствуется.

Бобби подвинул штору, стараясь не раздвигать щелку больше чем на сантиметр, и выглянул наружу. Пеструю толпу покупателей, такое ощущение, почти полностью сменили готики с черными гребнями, в шипованной коже, и — это его просто ошеломило — примерно столько же золотоволосых фоннатов. Фоннаты были облачены в хлопковые одежды модного на этой неделе в Синдзюку оттенка и белые мокасины с золотыми пряжками.

— Не знаю, — Бобби ошеломленно поглядел на Джаммера, — но они не должны быть вместе, фоннаты и готики, понимаешь? Они естественные враги, это у них вроде как в генах… — Он выглянул еще раз. — Черт побери, да их тут под сотню.

Джаммер глубоко засунул руки в карманы черных брюк.

— Ты знаешь кого-нибудь из этих парней?

— Готиков, болтаю с ними иногда. Правда, их трудно отличить одного от другого. Что до фоннатов, то эти просто давят все вокруг, что не они. Вот этим они в основном и занимаются. Хотя… меня только что порезали долики, а у доликов с готиками вроде же перемирие, так что кто знает?

Джаммер вздохнул:

— Ясно. Думаю, тебе не хочется выйти туда, спросить кого-нибудь, что они тут, по их мнению, затевают?

— Нет, — серьезно ответил Бобби, — не хочется.

— Гм. — Джаммер поглядел на Бобби, явно что-то просчитывая. И это Бобби определенно не понравилось.

С высокого черного потолка упал какой-то маленький предмет, громко звякнув об один из

круглых столов. Предмет подпрыгнул, ударился о ковер и, прокатившись с метр, остановился между новых ботинок Бобби. Бобби машинально за ним нагнулся, поднял. Это оказался старомодный болт с крестообразной прорезью в шляпке. Резьба проржавела, на шляпке — сгусток тускло-черной масляной краски. Бобби поднял глаза, когда второй такой же болт ударился о стол, а потом краем глаза уловил пугающе стремительное движение Джаммера, метнувшегося через стойку бара возле универсального кредитного модуля. Джаммер исчез, вслед за этим послышался слабый звук чего-то рвущегося — липучка, — и Бобби понял, что Джаммер уже сжимает в руке массивный пистолет, который он видел там несколько часов назад. Бобби огляделся по сторонам, но Джекки нигде не было видно.

На огнеупорную пластмассу стола хлопнулся третий болт.

Бобби в растерянности помедлил, но потом последовал примеру Джекки и, двигаясь как можно тише, убрался из виду. Пригнувшись за одной из деревянных ширм, он смотрел, как падает четвертый болт, за которым последовал изящный каскад тонкой черной пыли. Раздался скрежет, и внезапно в потолке исчез стальной квадрат, втя-

нувшись в какую-то трубу. Бобби быстро глянул в сторону бара, как раз вовремя, чтобы увидеть, как нацелился вверх толстый дульный тормоз на стволе Джаммеровой пушки…

Теперь из отверстия свесилась пара худых коричневых ног, а за ними — испачканный пылью подол серого балахона.

— Стой! — крикнул Бобби. — Это Бовуар!

— А то как же, он самый, — отозвался голос сверху, густой и гулкий, усиленный эхом из трубы. — Уберите у меня из-под ног этот чертов стол.

Бобби выбрался из-за ширмы и оттащил стол и стулья в сторону.

— Лови.

Спустив в отверстие туго набитый сверток, обернутый маскировочным брезентом, Бовуар дал ему упасть. Увесистая ноша едва не свалила Бобби с ног.

— А теперь уйди с дороги… — Бовуар повис на обеих руках, потом спрыгнул.

— Что стряслось с «кричалкой», которая у меня там стояла? — осведомился Джаммер, вставая из-за стойки, все еще с пистолетом в руках.

— Вот она, — ответил Бовуар, кидая на ковер тускло-серую плитку феноловой смолы, обмотан-

ную тонкой черной проволокой. — Просто у меня не было другого способа пробраться сюда так, чтобы об этом не узнала целая армия засранцев. Судя по всему, кто-то снабдил их чертежами всего здания, но эту трубу они пропустили.

— Как ты забрался на крышу? — спросила, выходя из-за ширмы, Джекки.

— А я и не забирался, — добродушно отозвался Бовуар, поправляя длинным пальцем большую пластмассовую оправу на переносице. — Метнул мономолекулярную нить со склада напротив, потом соскользнул на керамическом карабине… — В коротких, похожих на ворс волосах Бовуара застряла черная пыль. Он мрачно поглядел на танцовщицу. — Уже знаешь, — сказал он.

— Да. Легба и Папа Огу в матрице. Мы с Бобби на пару подключились с деки Джаммера…

— Ахмеда взорвали на джерсийском фривее. Похоже, пальнули из такого же ракетомета, из какого разнесли квартиру матушки Бобби.

— Кто?

— Еще не уверен, — сказал Бовуар и, присев рядом со свертком, щелкнул пластиковыми застежками упаковочных ремней, — но начинает проясняться… Пока я не узнал, что Лукаса прикончили, я как раз гонялся за доликами, которые

обнесли Бобби на деку. Скорее всего, это была чистая случайность, обычный гоп-стоп, но сейчас где-то бродит пара доликов с нашим ледорубом… Собственно, идея довольно здравая, среди доликов тоже ведь есть хотдоггеры, и они иногда ведут по мелочи дела с Дважды-в-День. Так что мы с Дважды-в-День нарезаем круги и выспрашиваем. Толку ноль, но как раз когда мы сидим у одного обдолбанного долика по имени Аликс — он второй зам военачальника, или как там у них это называется, — так вот, тут-то ему звонят. Звонит его антипод, которого Дважды-в-День вычислил как барритаунского готика по имени Реймонд. — Не переставая говорить, Бовуар распаковывал свой мешок, выкладывая на стол оружие, инструменты, боеприпасы, мотки проводов. — Реймонду надо срочно что-то обсудить, но Аликс слишком крутой, чтобы говорить в нашем присутствии. «Извините, джентльмены, но это дело строго между военачальниками», — говорит этот мудень. Так что — щелк — мы просим позволения нашим скромным персонам удалиться, расшаркиваемся, раскланиваемся, прочая дребедень, и смываемся за угол. Звоним с мобильника Дважды-в-День нашим ковбоям в Муравейнике, чтобы натравить их на номер Аликса, в темпе

вальса. Эти ребята вошли в разговор Аликса с Реймондом как нож в масло. — Он вытащил из мешка странно деформированный дробовик двенадцатого калибра, едва длиннее его локтя, выбрал толстенный барабанный магазин из выставки, которую сам же устроил на ковре, и щелчком соединил обе части. — Видели когда-нибудь такую хреновину? Юаровская, довоенная… — Что-то в его голосе и в том, как сжались его челюсти, заставило вдруг Бобби осознать, какую ярость Бовуар в себе сдерживает. — Похоже, на Реймонда вышел какой-то мужик с большими деньгами, сказал, что хочет нанять всех готиков на корню, всю свору, мол, нужно поехать в Муравейник, устроить там настоящую массовку. И массовка мужику этому нужна такая массовая, что он собирается нанять и фоннатов тоже. Ну, тут дерьмо попало в вентилятор, потому что Аликс — он вроде как консерватор. Хороший фоннат — мертвый фоннат, и то только после энного числа пыток, и так далее. «По фигу, — говорит истинный дипломат Реймонд, — мы здесь говорим о больших деньгах, корпоративный масштаб». — Бовуар открыл коробку с толстыми патронами из красного пластика и начал заряжать барабанный магазин, со щелчком загоняя патроны. — Так вот, это,

конечно, может быть, и притянуто за уши, но у меня все не выходят из головы эти «маасовские» пиарщики, которые мелькали последнее время в новостях. Что-то совсем странное стряслось на площадке «Маас-Биолабс» в Аризоне. Одни говорят, ядерный взрыв, другие — мол, что-то еще. А теперь объявили, что их главный по биософту погиб в результате, как они это назвали, несчастного случая, не связанного с данными событиями. Речь о Митчелле, этот парень, в общем-то, и изобрел биософты. До сих пор никто больше и вида не пытался делать, что может собрать биочип, вот мы с Лукасом с самого начала и подумали, что наш ледоруб — изделие «Мааса». Если, конечно, это был ледоруб… Мы понятия не имели, у кого Финн его купил или где его взяли те люди. Но если сложить два и два, получается, нас ищет с собаками именно что «Маас». Здесь-то они всех нас и прихлопнут, потому что деваться нам отсюда некуда.

— Не знаю, — подал голос Джаммер, — у нас полно друзей в этом здании…

— *Было* полно. — Бовуар положил обрез на пол и начал заряжать автоматический пистолет «намбу». — Большинство лавок на этом этаже и этажом ниже сегодня выкупили. За наличные.

Мешки наличных. Здесь осталось несколько горячих голов, но их явно недостаточно.

— Бессмыслица какая-то. — Забрав у Джаммера стакан, Джекки залпом выпила его скотч. — Что у нас может быть такого, чтобы кто-то так хотел это заполучить?

— Эй, — вмешался Бобби, — не забывай, они, наверное, не знают, что долики увели у меня их ледоруб. Может быть, им нужен он.

— Нет, — сказал Бовуар, загоняя магазин в «намбу», — откуда им знать, что ты не спрятал его в квартире матери, так?

— Но, может, они были там и посмотрели…

— А откуда они знали, что Лукас не вез его в Ахмеде? — спросил Джаммер, возвращаясь к бару.

— Финн тоже думал, к нему подослали этих ниндзя, чтобы его убить, — сказал Бобби. — Но говорил, сперва они явно собирались что-то у него выпытать…

— Снова «Маас», — сказал Бовуар. — Короче, вот что, значит, за история с фоннатами и готиками. Мы узнали бы больше, но долик Аликс полез в залупу и отказался от переговоров с Реймондом. Никакого, мол, сотрудничества с ненавистным врагом. Насколько разобрал наш ковбой, армию, которая торчит там, снаружи, собрали для того,

чтобы никого из вас отсюда не выпустить. И не впускать людей вроде меня. Людей с оружием и всяким таким. — Он передал заряженную «намбу» Джекки. — Стрелять умеешь? — спросил он Бобби.

— Конечно, — солгал тот.

— Нет, — вмешался Джаммер, — у нас и без того хватает неприятностей, чтобы еще и вооружать его. Господи Исусе…

— Короче, такое ощущение, — подвел итог Бовуар, — что следует ждать кого-то еще, кто придет по наши души. Кого-то чуть более профессионального.

— Если они только не взорвут к чертям собачьим весь «Гипермаркт», — сказал Джаммер, — вместе со всеми этими зомби в коже…

— Нет, — сказал Бобби, — иначе они бы это уже сделали.

Все разом уставились на него.

— Мальчик дело говорит, — сказала Джекки, — ну надо же.

Полчаса спустя.

Джаммер мрачно смотрел на Бовуара:

— Скажу как на духу. Это самый идиотский план, какой мне приходилось слышать за очень долгое время.

— Да, Бовуар, — вмешался Бобби, — а почему бы нам просто не проползти вверх по этой же шахте, вылезти на крышу и не перебраться на соседнее здание? Использовать ту нить, по которой перешел ты.

— Там, на крыше, фоннатов — как мух на навозе, — сказал Бовуар. — И у некоторых могло даже хватить мозгов, чтобы найти люк, через который залез я. А еще я по дороге оставил пару мелких осколочных мин. — Он плотоядно ухмыльнулся. — А кроме того, соседнее здание выше нашего. Мне пришлось подняться на его крышу и выстрелить нитью вниз. Нельзя пройти, переставляя руки по мономолекулярной нити, — пальцы отвалятся.

— Как тогда, черт побери, мы, по-твоему, отсюда выберемся? — вопросил Бобби.

— Хватит, Бобби, — тихонько сказала Джекки. — Бовуар сделал то, что должен был сделать. Теперь он здесь, и мы вооружены.

— Бобби, — предложил Бовуар, — почему бы тебе не повторить нам план, убедиться, что мы его поняли…

У Бобби возникло неприятное чувство, что Бовуар хочет на самом деле убедиться, понял ли этот план он, Бобби, но он облокотился о стойку

бара и начал:

— Мы вооружаемся до зубов, и мы ждем, так? Джаммер и я выходим с его деки и обследуем матрицу, может, поймем, что происходит…

— Думаю, я сам с этим справлюсь, — вмешался Джаммер.

— Мать твою! — Бобби оттолкнулся от стойки. — Бовуар же сказал! Я тоже хочу выйти и подключиться! Как еще я чему-то научусь?

— Не важно, Бобби, — прервала его Джекки, — продолжай.

— Ладно, — хмуро сказал Бобби. — Итак, рано или поздно те ребята, которые наняли фоннатов и готиков, чтобы мы отсюда не вылезли, должны за нами прийти. Когда они явятся, мы их встретим. Захватим хотя бы одного живым. В то же время мы рвем наружу — готики и все прочие залповой стрельбы не ожидают, так что мы выбираемся на улицу и руки в ноги к Новостройкам.

— Думаю, ничего вроде не забыл, — сказал Джаммер, направляясь к запертой и зашторенной двери. — Думаю, это подводит черту. — Он прижал большой палец к запору кодового замка и приоткрыл дверь. — Эй, ты! — проорал он. — Не ты! Тот, в шляпе! Тащи сюда свою задницу. Надо поговорить.

Красный лучик прорезал дверь, штору, два пальца Джаммера и мигнул у бара. Взорвалась бутылка, ее содержимое выплеснулось облаком пара и эфирных масел. Джаммер выпустил дверь, которая тут же захлопнулась, и уставился на свою искалеченную руку, потом тяжело осел на ковер. Клуб медленно наполнился рождественским запахом кипяченого джина. Бовуар, взяв со стойки серебристый сифон, заливал дымящуюся штору сельтерской, пока не иссяк патрон с углекислым газом.

— Тебе повезло, Бобби, — сказал Бовуар, отбрасывая сифон через плечо. — Потому что брат Джаммер… не стучать ему по деке…

Джекки, опустившись на колени, тихонько кудахтала над рукой Джаммера. Бобби мельком увидел обожженное мясо и быстро отвел глаза.

Глава 26

Виг

— Знаешь, — сказала Рез, вниз головой зависая перед Марли, — строго говоря, это не мое дело, но тебя там вообще кто-нибудь ждет? Я хочу сказать, я тебя, конечно, туда отвезу, а если ты не сможешь

попасть внутрь, заберу обратно на терминал. Но если никто не захочет тебя впустить, не знаю, сколько я смогу там проторчать. Эта штуковина — настоящая развалина, а на заброшенных станциях у нас тут селится всякий странный народ…

Рез, или Тереза, как решила Марли, глянув на затянутую в ламинированный пластик лицензию пилота, что висела на зажиме возле пульта управления «Сладкой Джейн», на время полета сняла свою парусиновую жилетку.

Марли, отупев от радуги дермов, которые Рез налепила ей вдоль запястья, чтобы снять неизбежную при синдроме адаптации тошноту, вяло рассматривала татуированную розу. Рисунок был выполнен в японском стиле многовековой давности, и Марли сонно решила, что роза ей нравится. Что в общем ей нравится и сама Рез, в которой было что-то и жесткое, и одновременно детское и которая так трогательно заботилась о своей странной пассажирке. Рез повосхищалась ее кожаной курткой и сумочкой, прежде чем, свернув, затолкать их в какую-то нейлоновую сетку, уже набитую кассетами, печатными книгами и грязным бельем.

— Не знаю, — выдавила Марли. — Мне просто нужно попытаться попасть внутрь…

— А ты знаешь, что это за штука, сестренка? — Рез поправляла ремни противоперегрузочной сетки вокруг плеч и запястий Марли.

— Какая штука? — Марли моргнула.

— Та, куда мы летим. Это часть старых сердечников Тессье-Эшпулов. В этой жестянке хранилась раньше их корпоративная память…

— Я о них слышала, — сказала Марли, закрывая глаза. — Андреа мне говорила…

— Конечно, кто о них не слышал. Когда-то они владели всем Фрисайдом. Построили его, если уж на то пошло. А потом они сбрендили и все распродали. Приказали отпилить с конца веретена семейное гнездо и оттащили его на другую орбиту, а сердечники перед уходом стерли подчистую, тоже отпилили и продали на металлолом. Но жестянщики так за них и не взялись. Я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь их засквотил, но здесь, наверху, живешь где можешь… И не только наверху, пожалуй. Вот, скажем, поговаривают, что леди три-Джейн, дочка старого Эшпула, что она так и живет в их старой развалине, только совсем из ума выжила. — Рез последний раз с ловкостью профессионала подтянула сетку. — Порядок. Просто расслабься. Я раскочегарю «Джейн» минут на двадцать, будет тяжко, но долетим в

момент. За что, сдается мне, ты и платишь…

И Марли скользнула назад в сложенный из шкатулок ландшафт, повсюду — огромные деревянные конструкции Корнелла, где весомые осадки любви и памяти выставлены за исчерченными дождем листами пыльного стекла, а фигура загадочного шкатулочника все убегала от нее вдаль по улице, вымощенной мозаикой из человеческих зубов, парижские сапоги Марли слепо стучали по символам, выведенным тусклыми золотыми коронками. Шкатулочник был мужчиной, и на нем была зеленая куртка Алена, и больше всего на свете он боялся ее, Марли. «Прости меня! — кричала она, пытаясь догнать его. — Мне очень жаль…»

— Ну а я что говорю? Тереза Лоренс, «Сладкая Джейн». Хочешь номерб? Что? Ну да, конечно, мы — пираты. Я, например, капитан, мать его, Крюк[54] собственной персоной… Слушай, приятель, давай я дам тебе номера, сам можешь проверить… Я уже сказала. У меня пассажир. Просит разрешения войти и *et*, черт побери,

[54] Примечания: 54
Злой пират, герой сказочных повестей Дж. Барри о Питере Пэне.

cetera…[55] Марли там Какая-то, во сне говорит по-французски…

Веки Марли дрогнули, раскрылись. Прямо перед ней в своей сетке колыхалась Рез. На ее спине четко выделялся каждый маленький мускул.

— Эй, — сказала Рез, изворачиваясь в ремнях, — прости. Я их уже вызвала, но с головой они явно не очень дружат. Ты верующая?

— Нет, — ошарашенно ответила Марли.

Рез скорчила рожицу:

— Ну, надеюсь, тогда ты как-нибудь разберешься в этой чертовщине.

Выпутавшись из сетки, она крутанула заднее сальто и оказалась в нескольких сантиметрах перед лицом у Марли. От головы пилота тянулась к консоли оптическая лента, и тут впервые Марли заметила изящный небесно-голубой разъем, вживленный девушке в запястье. Рез воткнула каплю динамика в правое ухо Марли и поправила свисавшую с нее прозрачную трубочку микрофона.

— Вы не имеете права тревожить нас здесь, — проговорил мужской голос. — Наш труд — на благо Господа, мы единственные, кто видел ис-

---

[55] Примечания: 55
Так… далее *(лат.)*.

тинный лик Его!

— Алло? Алло, вы меня слышите? Меня зовут Марли Крушкова, у меня к вам неотложное дело. Или к кому-то, кто живет по этим координатам. Речь идет о серии шкатулок, коллажей. Создателю этих шкатулок, возможно, грозит страшная опасность! Я должна с ним увидеться!

— Опасность? — Голос прервался кашлем. — Господь один решает судьбу человека! Мы совершенно свободны от страха. И не считайте нас дураками…

— Прошу вас, выслушайте меня. Меня нанял Йозеф Вирек, чтобы установить, где находится создатель этих шкатулок. Но теперь я пришла, чтобы предупредить вас. Вирек знает, что вы здесь, и его агенты последуют за мной…

Рез смотрела на нее во все глаза.

— Вы должны меня впустить! Я могу рассказать вам намного больше…

— Вирек? — Последовала долгая, скрипящая статикой пауза. — Йозеф Вирек?

— Да! — крикнула Марли. — Тот самый. Вы всю свою жизнь видели его фотографию, ну, ту, где он вместе с английским королем… Пожалуйста, прошу вас…

— Дай мне твоего пилота, — сказал голос, из

которого исчезли и бравада, и истерия, уступив место чему-то, что понравилось Марли еще меньше.

— Это запасной, — сказала Рез, отщелкивая зеркальный шлем от красного скафандра. — Я могу это себе позволить, ты мне достаточно заплатила…

— Нет, — запротестовала Марли. — Правда, не надо… Я…

Она затрясла головой, глядя, как Рез распутывает крепления на поясе скафандра.

— Ты туда без скафандра не пойдешь, — отрезала Рез. — Кто его знает, что у них за атмосфера. Да и есть ли там хоть какой-то воздух! Могут быть любые бактерии, споры… В чем дело? — спросила она, опуская серебристый шлем.

— У меня клаустрофобия!

— О черт… — Рез растерянно уставилась на нее. — Я о таком слышала… Это значит, что ты боишься быть внутри чего-то? — Ее лицо выражало неподдельное любопытство.

— Да, в небольшом замкнутом пространстве.

— Как «Сладкая Джейн»?

— Да, но… — Борясь с паникой, Марли оглядела захламленную кабину. — Это я еще могу перенести, но только не шлем. — Ее передернуло.

— Ладно, — решила Рез, — вот что я тебе скажу. Мы засунем тебя в скафандр, но шлем надевать не будем. Я научу тебя, как его закреплять. Идет? Иначе ты не покинешь мой корабль… — Рот ее сжался в плотную линию.

— Да, — выдавила Марли, — да…

— Делаем так, — сказала Рез. — Мы состыковались с ними шлюз в шлюз. Открывается этот люк, ты входишь, я его закрываю. Потом я открываю второй. В этот момент ты окажешься в том, что у них там сходит за атмосферу. Ты уверена, что не хочешь надеть шлем?

— Не хочу, — отозвалась Марли, поглядев на шлем в красных рукавицах скафандра и на отражение собственного бледного лица в зеркальном лицевом щитке.

Рез прищелкнула языком:

— Что ж, это твоя жизнь. Когда захочешь вернуться, скажи им, чтобы послали на терминал «Джей-Эй-Эль» весточку для «Сладкой Джейн», мне передадут.

Марли неловко оттолкнулась от стены и поплыла к люку шлюза размером не больше поставленного стоймя гроба. Грудная пластина скафандра резко звякнула, ударившись о внешний люк, и Марли услышала, как за ней с шипением закры-

вается внутренний. Возле ее головы зажглась желтая лампочка, и Марли почему-то подумала о лампочках в холодильнике.

— Счастливо, Тереза.

Ничего не произошло. Она была наедине с биением собственного сердца.

Потом внешний люк «Сладкой Джейн» скользнул в сторону. Небольшого перепада давления оказалось достаточно, чтобы Марли выбросило наружу в темноту, пахнувшую чем-то старым и грустно человеческим — запах давно заброшенной раздевалки. В воздухе чувствовалась какая-то густота, нечистая сырость, и, все еще падая, Марли увидела, как за ней закрывается люк «Сладкой Джейн». Мимо скользнул луч света, качнулся, прошелся по стене и наконец нашел кружащуюся волчком Марли.

— Свет! — рявкнул хриплый голос. — Свет для нашей гостьи! Джонс!

Это был тот самый голос, который она слышала в капле-наушнике. Звук его странно отдавался в железной бескрайности этого места, пустоты, через которую она все падала и падала… Потом послышался резкий скрежет, и вдали вспыхнуло кольцо терпкой синевы, высветив дальний изгиб стены или обшивки из стали и литого лунного

бетона. Поверхность стены была разлинована и испещрена картой тонко выбитых каналов и впадин, — очевидно, прежде здесь размещалось какое-то оборудование. В одних выемках еще держались шероховатые прокладки из расширяющегося пенопласта, другие терялись в мертвой черной тени…

— Зааркань-ка ее, Джонс, пока она не раскроила себе череп…

Что-то с влажным чмоканьем ударилось о плечо скафандра, и Марли, повернув голову, увидела прилипший плевок прозрачного пластика, за которым петляла тонкая розовая нить. На глазах та натянулась и рывком развернула ее. Пространство заброшенного собора наполнилось натужным стоном мотора, и медленно-медленно ее стали подтягивать, как улов.

— Однако подзадержались, — сказал голос. — Я все думал, кто будет первым. Так, значит, Вирек… Мамона…

Тут ее подхватили, несколько раз повернули. Марли едва не потеряла шлем, который поплыл было прочь, но кто-то сунул его ей обратно в руки. Сумочка, в которую Рез пихнула куртку и ботинки, описала дугу и врезалась Марли в висок.

— Кто вы? — спросила Марли.

— Лудгейт! — прогрохотал старик. — Виган Лудгейт, как тебе прекрасно известно. Кого еще он велел тебе здесь морочить?

Лицо старика, изборожденное морщинами, усыпанное пигментными пятнами, было чисто выбрито, но седые нестриженые волосы дрейфовали вокруг головы в приливах спертого воздуха, как морские водоросли.

— Извините, — сказала она. — Я здесь не для того, чтобы вас морочить. Я больше не работаю на Вирека… Я пришла, потому что… Я хочу сказать… я вообще уже не уверена, зачем сюда летела, но по пути я узнала, что художнику, который создает шкатулки, грозит опасность. Потому что есть что-то еще… Вирек думает, у этого художника есть что-то, что освободит его, Вирека, от рака…

Марли запуталась и умолкла, слова увязли в атмосфере безумия, которую ощутимо источал Виган Лудгейт. Теперь она увидела, что старик облачен в потрескавшийся пластмассовый панцирь древнего рабочего скафандра. На потускневшую сталь кольца под шлем были ожерельем налеплены дешевые металлические распятия. Его лицо оказалось вдруг совсем близко, и Марли ощутила запах гнилых зубов.

— Шкатулки! — Маленькие шарики слюны

сворачивались у его губ, повинуясь элегантным законам Ньютоновой физики. — Блудница! Они — из длани Господней!

— Полегче, Луд, — раздался второй голос, — ты пугаешь даму. И вы полегче, леди, потому что старый Луд… ну, у него не так уж много бывает гостей. Совсем выбивают его из колеи, видите ли, но в общем и целом он безобидный старый хрен.

Повернув голову, она встретила веселый и спокойный взгляд широко распахнутых голубых глаз на довольно юном лице.

— Меня зовут Джонс, — сказал парнишка. — Я тоже тут живу…

Виган Лудгейт запрокинул голову и завыл. Звук диким эхом отразился от стен из стали и камня.

— Видите ли, — говорил Джонс, пока Марли подтягивалась вслед за ним по тросу с узлами, натянутому вдоль коридора, которому, казалось, не будет конца, — он обычно довольно смирный. Слушает свои голоса, всякое такое. Разговаривает сам с собой, а может, с голосами, не знаю. А потом на него вдруг находит, и он становится вот таким, как только что…

Когда он замолкал, Марли еще могла слышать слабое эхо завываний Лудгейта.

— Вы скажете, это, мол, жестоко, ну… то, что я

его так оставляю. Но на деле так лучше. Он вскоре сам устанет. Проголодается. И тогда пойдет искать меня. Есть-то хочется, понимаете.

— Ты австралиец? — спросила Марли.

— Из Нью-Мельбурна, — ответил он, — или был, пока не поднялся по колодцу.

— Ты не против, если я спрошу, почему ты здесь? Я хочу сказать, здесь, в этом, этом… Что это?

Парнишка рассмеялся:

— Обычно я называю это Местом. Луд, он зовет его всякими разными именами, но в основном Царством. Считает, что нашел Бога. Правда-правда. Может, и нашел, если смотреть на это с такой точки зрения. Насколько я понял, до того как подняться по колодцу, он был кем-то вроде компьютерного мошенника. Не знаю, как именно его сюда занесло, однако старикана здешняя жизнь устраивает… Что до меня, то я в бегах, понимаете? Кое-какие неприятности, не будем вдаваться в подробности, — пришлось уносить ноги, да подальше. Ну так вот, я очутился здесь — а как, это уже отдельная долгая история — и нашел старого Лудгейта, который почти подыхал с голоду. У него был тут вроде какой-то бизнес, ну, продавал всякие вещички, какие находил в му-

соре, и эти шкатулки, за которыми вы охотитесь. Правда, Луд для этого слишком уж сбрендил. Его покупатели появляются, ну, скажем, три раза в год, а он возьмет да и отошлет их прочь. Так вот, я и подумал, все равно, где прятаться, что здесь, что там, а потому я стал помогать ему. Вот и все, я думаю…

— Ты не мог бы отвести меня к художнику? Он здесь? Это очень срочно…

— Отведу, не бойтесь. Но это место строилось-то не для людей. Я хочу сказать, не для того, чтобы здесь жить, так что идти нам долго… Ну да никуда он не денется. Не могу гарантировать, что он сделает вам шкатулку. А вы правда работаете на Вирека? На этого суперпупербогатого старого пня из телевизора? Он ведь бош, да?

— Работала, — ответила Марли. — Несколько дней. А что до национальности, я бы сказала, что герр Вирек — единственный гражданин нации, состоящей из герра Вирека…

— Усек, — весело отозвался Джонс. — Все они одинаковы, это богатое старичье, хотя смотреть на них гораздо веселее, чем на какое-нибудь чертово дзайбацу… Ну разве бывает, чтобы дзайбацу покоцали, а? Возьмем старого Эшпула — мой земляк был, — который все это построил. Говорят,

собственная дочь ему горло перерезала, а теперь она так же сбрендила, как старый Луд, забилась куда-то в своем фамильном замке. Место ведь было когда-то частью этого замка.

— Рез… я хочу сказать, мой пилот что-то такое говорила. И моя подруга в Париже недавно упоминала Тессье-Эшпулов… Клан… рассыпался?

— Рассыпался? О господи! Да просто псу под хвост! Сами подумайте: мы с вами ползем через то, что когда-то было сердечниками баз данных всей корпорации. Это железо скупил какой-то посредник из Пакистана. С обшивкой все в порядке, и в микросхемах полно золота, но его не так легко извлечь, как кое-кому хотелось бы… Эта огромная хреновина так и висит здесь с тех самых пор, один лишь Луд для компании — или, наоборот, она для компании Луду. Пока не пришел я. Вот так. Думаю, однажды сюда поднимутся бригады из Пакистана и примутся резать… Но забавно, как много всего тут до сих пор работает, по крайней мере иногда. Слышал я одну байку, она меня сюда и привела. Хотя Тессье-Эшпулы якобы стерли тут всю память…

— Но ты думаешь, сердечники еще исправны?

— Господи, да. Так же как и Луд, если, конечно, можно называть это исправностью. Что, по-ваше-

му, представляет собой этот ваш шкатулочник?

— Ты что-нибудь знаешь о «Маас-Биолабс»?

— «Мосс» что?

— «Маас». Они делают биочипы…

— А, эти. Ну это, пожалуй, все, что я о них знаю…

— Лудгейт о них говорит?

— Может, и говорит. Не то чтобы я его внимательно слушаю. Луд много чего болтает…

Глава 27

Дыхание станций

Ховер полз по улицам, обрамленным ржавеющими штабелями мертвых машин, кранами мусорщиков и черными вышками плавилен. Тернер держался задворок, пробираясь в западный сектор Муравейника, и со временем завел ховер в узкий кирпичный каньон — бронированные борта, задевая за стены, высекали искры — и вогнал его прямо в стену покрытого сажей прессованного мусора. Оползень отбросов завалил машину почти до крыши, и Тернер отпустил управление, глядя, как из стороны в сторону раскачиваются поролоновые игральные кости. Последние две-

надцать кварталов стрелка индикатора горючего колебалась на нуле.

— Что там произошло? — спросила Энджи. Ее щеки в отсветах от приборной доски были зелеными.

— Я сбил вертолет. В общем — случайно. Нам повезло.

— Нет, я имею в виду после того. Я была… Я видела сон.

— Что тебе снилось?

— Большие штуки, они двигались…

— У тебя было что-то вроде припадка.

— Я больна? Ты думаешь, я больна? Почему компания хотела убить меня?

— Нет, я не думаю, что ты больна.

Она отстегнула ремни и, перебравшись через спинку сиденья, забилась под турбину, где они спали прошлой ночью.

— Мне снился дурной сон…

Ее начала бить дрожь. Тернер выбрался из своей упряжи, пересел к девочке. Прижав ее голову к груди, он стал поглаживать ее волосы, расправил их, убрал за уши, чувствуя под рукой хрупкие кости черепа. В зеленоватом свете ее лицо принадлежало словно бы неведомому существу, выуженному из моря сна и брошенному у кром-

ки прибоя. Молния черной кофты наполовину расстегнулась, и он провел пальцем по хрупкой ключице. Кожа была прохладной и влажной от пота. Энджи крепче прижалась к нему.

Закрыв глаза, он увидел свое тело на расчерченной солнцем кровати под медлительным вентилятором с лопастями из твердой коричневой древесины. Его тело дергалось, содрогалось, как ампутированная конечность; голова Элиссон была запрокинута, рот открыт, губы разошлись, обнажая зубы.

Энджи вжалась лбом в ямку у него на шее.

Потом она вдруг оцепенела и со стоном откачнулась назад.

— Наемный человек, — произнес голос.

Тернер вдруг вновь очутился на сиденье водителя, ствол «смит-и-вессона» отразил единую линию зеленого свечения приборов, в прорези прицела — левый зрачок Энджи.

— Нет, — сказал голос.

Тернер опустил револьвер.

— Ты вернулся.

— Нет. С тобой говорил Легба. Я — Самеди.

— Суббота?

— Барон Суббота, наемный человек. Однажды ты встретил меня на горном склоне. Кровь по-

крывала тебя росой. В тот день я вдоволь испил из чаши твоего сердца. — Тело девушки неистово содрогнулось. — Ты хорошо знаешь этот город…

— Да. — Тернер смотрел, как напрягаются и расслабляются мускулы ее лица, сплавляя черты в новую маску…

— Прекрасно. Оставь железного коня здесь, как и собирался. Но следуй станциями на север. В Нью-Йорк. Этой ночью я поведу тебя и лошадь Легбы, и ты убьешь во имя мое…

— Убью кого?

— Того, кого ты мечтаешь убить, наемный человек.

Энджи слабо застонала, ее передернуло, она начала всхлипывать.

— Все в порядке, — сказал Тернер. — Мы на полпути домой.

Бессмысленные слова, подумал он, когда помогал Энджи выбраться из ховера; у них вообще нет никакого дома. Он нащупал в кармане парки коробку с патронами и загнал один в барабан, на место того, которым сбил «хонду». Порывшись в багажнике, нашел там ящик с инструментами, выбрал заляпанную краской опасную бритву и срезал с подола парки укрепляющую прокладку. Из разреза тут же взметнулись миллионы

микротрубок полиизоляции. Ободрав подкладку, Тернер убрал «смит-и-вессон» в кобуру и застегнул портупею, поверх нее надел парку. Та повисла вокруг него складками, как большой, не по росту, плащ, и даже не оттопыривалась в том месте, где был спрятан массивный револьвер.

— Зачем ты это сделал? — спросила Энджи, проводя по губам тылом руки.

— Потому что на улице жарко, а мне надо спрятать пушку. — Он сунул набитый потрепанными новыми иенами зиплок в карман парки. — Пойдем, — сказал он, — нам еще нужно успеть на поезд…

Сконденсировавшаяся влага мерно капала с купола Джорджтауна, возведенного сорок лет спустя после того, как ослабевшее правительство сбежало в Маклин[56]. Вашингтон остался городом южан, всегда им был, и, если ехать из Бостона от станции к станции, чувствовалось, как изменяется тональность Муравейника. Деревья в округе Колумбия были зелеными и пышными. Их листва глянцем затеняла дуговые фонари, когда Тернер и Анджела Митчелл пробирались

[56] Примечания: 56

Джорджтаун — здесь: старейший район Вашингтона. *Маклин* — близкий к Вашингтону городок в штате Виргиния, традиционное место обитания высокопоставленных чиновников правительства США.

разрушенными переулками к Дюпон-Сёркл и станции «трубы». В круге гремели барабаны, кто-то набросал мусор в мраморную чашу выключенного фонтана в центре площади и поджег. Безмолвные фигуры сидели возле расстеленных на мостовой одеял, на которых раскинулся сюрреалистический ассортимент мелочной торговли: отсыревшие картонные конверты черных пластиковых аудиодисков, рядом — потертые протезы на батарейках с хвостами примитивных нейроадапторов, пыльный аквариум, полный продолговатых опознавательных жетонов федеральной армии, перетянутые резинками стопки поблекших почтовых открыток, дешевые индонезийские троды, все еще запаянные в пластик, разношерстные наборы солонок и перечниц, клюшка для гольфа с потертой кожаной ручкой, швейцарские армейские ножи с неполным набором лезвий, погнутая мусорная корзинка с литографией портрета президента, имя которого Тернер почти что вспомнил (Картер? Гросвенор?), расплывчатые голограммы Монумента Вашингтона…

В тени возле входа на станцию Тернер вполголоса поторговался с мальчишкой-китайцем в белых джинсах, обменяв самую меньшую из Ру-

диных банкнот на девять алюминиевых жетонов с вычурным штампом «СОБА-Транзит».

Два жетона открыли им вход на станцию. Три — канули в автоматы ради плохого кофе и черствых пирожков. Оставшиеся четыре понесли их на север. Поезд беззвучно скользил на магнитной подушке. Обняв девочку, Тернер откинулся на спинку сиденья, сделав вид, что дремлет, в действительности он смотрел на их отражения в противоположном стекле: высокий мужчина, небритый, затравленного вида, сгорбился, будто признавая поражение, рядом с ним свернулась девушка с запавшими глазами. С тех пор как они вышли из тупика, где он бросил ховер, она не произнесла ни слова.

Во второй раз за последний час Тернер задумался: не позвонить ли агенту? Если необходимо кому-то доверять, гласило правило, доверяй своему агенту. Но Конрой сказал, что нанял Оуки и остальных через Тернерова агента, и это обстоятельство доверия не внушало. Где нынче Конрой? Тернер был практически уверен, что именно Конрой послал за ними Оуки с лазером. Решилась бы «Хосака» расстрелять площадку в Аризоне из электромагнитной пушки, чтобы стереть улики провалившейся попытки извлечения? И если да,

то зачем приказывать Уэббер уничтожить своих же медиков, их нейрохирургический бокс и деку «Маас-Неотек»? И опять-таки, есть еще и «Маас»… Правда ли, что «Маас» убил Митчелла? Есть ли причина считать, что Митчелл действительно мертв? Да, подумал он, когда рядом в своем беспокойном сне шевельнулась девушка, причина есть: Энджи. Митчелл боялся, что «Маас» ее убьет. Он заварил всю кашу с якобы переходом к «Хосаке» только ради того, чтобы вытащить дочь из городка, переправить ее к японцам, не планируя собственное бегство. Или, во всяком случае, это была версия Энджи.

Тернер закрыл глаза, отключив отражение в стекле. Что-то шевельнулось — глубоко в наносах архивной памяти на Митчелла. Стыд. Он никак не мог до этого дотянуться… Внезапно Тернер открыл глаза. Что она там говорила на кухне у Руди? Что отец вложил эту штуку ей в голову, потому что она была недостаточно умной? Осторожно, чтобы не разбудить девочку, он просунул руку в боковой карман штанов и за шнурок вытянул черный нейлоновый конверт Конроя. Оторвал липучку, вытряхнул на раскрытую ладонь раздутый асимметричный биософт. Машинные сны. Американские горки. Слишком быстро, слишком

чуждо, чтобы ухватить. Но если ищешь что-нибудь конкретное, вытащить это должно быть не так сложно…

Большим пальцем он выковырял заглушку из разъема и положил рядом с собой на пластик сиденья. Поезд был почти пуст, и пассажиры не обращали на него никакого внимания. Он сделал глубокий вдох, сжал зубы и вставил биософт…

Двадцать секунд спустя он это нашел. Нашел то, за чем нырнул. Чуждость на этот раз не коснулась его — потому, вероятно, что он отправился за одной специфической деталью, фактом, именно тем видом данных, которые, как правило, и попадают в досье на ведущего ученого: коэффициент интеллекта его дочери в динамике ежегодных тестов.

Интеллект Анджелы Митчелл был намного выше нормы. Причем с самого раннего детства.

Вытащив биософт из разъема, Тернер рассеянно покрутил его между большим и указательным пальцем. Стыд. Митчелл, и стыд, и выпускной курс… Оценки, подумал он, мне нужны оценки этого ублюдка. Мне нужна копия его аттестата.

Он снова вошел в досье.

Ничего. Он зацепил аттестат, но там не было того, что он искал.

Нет. Еще.

Еще…

— Черт побери, — пробормотал он, наконец поняв.

Бритоголовый подросток с сиденья через проход бросил на него недоуменный взгляд, потом вернулся к монологу приятеля:

— Они опять устраивают гонки, на холме в полночь. Мы тоже едем, но только потусоваться, эти игры не для нас, просто оттянемся и посмотрим, как они будут пихаться. Вот уж оборжемся, глянем, кто кого, на прошлой неделе Сьюзен сломала руку, ты видел? Да просто уссаться, Кол хотел отвезти их в больницу, но так обдолбался, что налетел на своей сраной «ямахе» на «лежачего полицейского»…

Тернер воткнул биософт обратно в разъем.

На этот раз, когда все осталось позади, он не сказал вообще ничего. Только крепче обнял Энджи и улыбнулся, и тут же увидел эту улыбку в окне. Звериный оскал — как на рубеже.

Студенческие показатели Митчелла были хороши, исключительно хороши. Великолепны. Но кривой взлета в них не было. Кривая взлета — Тернер научился видеть ее в досье любого ученого как некий дорожный знак, указывающий

на близкий поворот: «гениальность». Он мог распознать эту кривую, как рабочий определяет сорт металла, наблюдая за сыплющимися с шлифовального колеса искрами. Так вот, у Митчелла ее не было.

Стыд. Институтское общежитие. Митчелл знал, твердо знал, что ему не пробиться. И потом — каким-то образом — ему это удалось. Как? В досье нечего и искать. Митчелл нашел какой-то способ подредактировать то, что передавал машине «маасовской» службы безопасности. Иначе они бы за него уже взялись… Кто-то — или что-то — нашел Митчелла в его аспирантском убожестве и начал накачивать идеями. Ключи, подсказки. И Митчелл взлетел, его кривая после этого вспыхнула ослепительным, идеальным блеском, засияла и вынесла его наверх…

Кто? Что?

Тернер посмотрел в лицо спящей Энджи в подергивающемся свете «трубы».

Фауст.

Митчелл заключил сделку. Возможно, Тернеру никогда не узнать подробностей соглашения или цену Митчелла, но он понял, что знает оборотную сторону, чего потребовали от Митчелла взамен.

Легба, Самеди, слюна, сочащаяся из перекошен-

ного рта девушки.

А поезд несся в старый Союз в черных порывах полуночного ветра.

— Такси, сэр?

Глаза мужчины двигались за очками с полихромной подкраской, стекла переливались, как нефтяные пятна. По тыльным сторонам его ладоней расползлись плоские серебристые воспаления. Не останавливаясь, Тернер шагнул ближе и, поймав его за локоть, прижал к стене из поцарапанной белой плитки между серых стеллажей ячеек камеры хранения.

— Наличные, — сказал Тернер. — Я плачу новыми иенами. Мне нужна тачка. И никаких, понял меня, никаких проблем с водителем. Ясно? Я не лох. — Он еще крепче сжал локоть зазывалы. — Попробуй только что-нибудь выкинуть, и я вернусь тебя прикончить или сделаю так, что ты пожалеешь, что остался жив.

— Есть. Да-с-сэр. Усек. Это можно устроить, сэр, да-с-сэр. Куда бы вы хотели отправиться, сэр? — Изможденное лицо мужчины перекосилось от боли.

— Наемный человек. — Голос исходил от Энджи. А потом хриплым шепотом — адрес.

Тернер увидел, как за радужными переливами

глаза зазывалы нервно заметались из стороны в сторону.

— Это Мэдисон? — проскрипел он. — Да-с-сэр. Найду вам хорошее такси, правда, хорошее такси.

— Что там за место? — спросил Тернер водителя, наклоняясь вперед, чтобы нажать кнопку «говорите» возле стальной решетки микрофона. — По адресу, что мы вам дали?

Последовал шорох статики.

— «Гипермаркт». Но там наверняка почти все позакрывались, поздно уже. Разыскиваете что-то определенное?

— Нет, — отрезал Тернер.

Место было ему незнакомо. Он попытался вспомнить этот отрезок Мэдисон-авеню. Кажется, в основном спальный район. Бесчисленные квартиры нарезаны в скорлупе офисных зданий, оставшихся с тех времен, когда бизнес требовал физического присутствия служащих в штаб-квартире компании. Некоторые здания были настолько высоки, что торчали над куполом…

— Куда мы едем? — спросила Энджи, положив руку ему на локоть.

— Все в порядке, — ответил он. — Не волнуйся.

— Боже, — сказала она, опираясь на его плечо и глядя вверх на розовую неоновую вывеску «ГИПЕРМАРКТ», наискось пересекавшую гранитный фасад старого здания, — сколько раз я мечтала о Нью-Йорке там, на плато. У меня были графические программы, которые показывали все улицы, музеи и все такое. Я больше всего на свете хотела попасть сюда…

— Ну, тебе это удалось. Ты здесь.

Девушка начала всхлипывать, обняла его, спрятав лицо у него на голой груди. Ее трясло.

— Я боюсь, я так боюсь…

— Все будет хорошо, — сказал он, поглаживая ее волосы и не отрывая взгляда от главного входа.

У него не было никаких причин думать, что для любого из них что-нибудь когда-нибудь будет хорошо. Казалось, она понятия не имела, что слова, приведшие их сюда, исходили из ее уст. Но опять же, подумал он, не она их произносила… По обеим сторонам входа в «Гипермаркт» свернулись в спальных мешках бездомные, неряшливые кучи тряпья совершенно сливались с цветом мостовой. Тернеру на миг показалось, будто их медленно извергает из себя темный бетон, превращая в мобильные отростки города.

— К Джаммеру, в клуб, — сказал у его груди

приглушенный голос, и Тернер почувствовал холодок отвращения. — Найди лошадь Данбалы.

И тут Энджи снова заплакала. Тернер взял ее за руку и повел мимо спящих бомжей под потускневшую позолоту входной решетки через стеклянные двери «Гипермаркта». Увидел в конце прохода, между лотков и закрытых ставнями лавок, кофемашину и девушку с гребнем черных волос, вытирающую прилавок.

— Кофе, — сказал он. — Еда. Идем. Тебе надо поесть.

Он улыбнулся девушке, и Энджи устроилась на табурете.

— Как насчет наличных? — спросил он. — Вы вообще принимаете наличные?

Девушка с полминуты молча смотрела на него, потом пожала плечами. Тернер вытащил из доставшегося от Руди зиплока двадцатку и показал ее девушке.

— Чего хочешь?

— Кофе. Чего-нибудь поесть.

— Это все, что у тебя есть? А что-нибудь помельче?

Он помотал головой.

— Извини. У меня нет сдачи, — сказала девушка.

— И не надо.

— Ты спятил?

— Нет, но я хочу кофе.

— Нефиговые чаевые, мистер. Я столько и за неделю не зарабатываю.

— Это твое.

По лицу официантки скользнула тень гнева.

— Так ты с этими ублюдками, что наверху. Убери свои деньги. Я закрываюсь.

— Мы сами по себе, — сказал он, слегка наклоняясь через стойку так, чтобы распахнулась парка и ей стал виден «смит-и-вессон». — Мы ищем клуб. Место, которое называется «У Джаммера».

Девушка поглядела на Энджи, потом перевела взгляд на Тернера.

— Она больная? Обдолбанная? В чем дело?

— Вот деньги, — сказал Тернер. — Дай нам кофе. Если хочешь отработать сдачу, расскажи, как найти клуб Джаммера. На мой взгляд, это стоит двадцатки. Понятно?

Она смахнула потрепанную банкноту из виду и подошла к кофеварке.

— Похоже, я ничего больше не понимаю. — Она загремела чашками и стаканами с молочной пленкой, отодвигая их в сторону. — Что такое стряслось с клубом? Ты друг Джаммера? Знаешь

Джекки?

— Конечно, — ответил Тернер.

— Она появилась сегодня рано утром, а с ней какой-то маленький вильсон с окраины. Думаю, они пошли наверх…

— Куда?

— К Джаммеру. Тут-то все и началось.

— Да?

— Заявилась толпой шпана из Барритауна, и набриолиненные и белотуфельные, причем с таким видом, как будто им тут все принадлежит. А теперь так оно, черт побери, и есть, во всяком случае — два верхних этажа. Начали выкупать у людей их лавки. А многие с нижних этажей просто собрали вещички и свалили. Жуть какая-то…

— Сколько пришло?

Из кофемашины со свистом вырвался пар.

— Может, сотня. Я до икоты сегодня перепугалась, но никак не могу связаться с боссом, к тому же мне все равно через полчаса закрываться. А моя дневная сменщица так и не объявилась, зашла, наверное, почувствовала, чем тут пахнет, и смылась… — Она поставила перед Энджи маленькую дымящуюся чашку. — С тобой все в порядке, дорогая?

Энджи кивнула.

— Как по-твоему, чего этим людям надо?

Девушка вернулась к своей кофеварке. Та снова загудела.

— Думаю, они кого-то ждут, — вполголоса сказала она и подала Тернеру его эспрессо. — Или того, кто попытается выйти из клуба, или того, кто попытается туда войти…

Тернер посмотрел на водоворот коричневой пены на поверхности своего кофе.

— И никто не вызвал полицию?

— Полицию? Мистер, это «Гипермаркт». Здесь полицию не вызывают…

Чашка Энджи разлетелась о мраморную стойку.

— Короток и прям твой путь, наемный человек, — прошептал голос. — Ты знаешь дорогу. Внутрь.

У продавщицы отвисла челюсть.

— Господи, — выдохнула она. — Да она, должно быть, здорово обдолбалась… — Девушка холодно глянула на Тернера. — Это ты дал ей такую дрянь?

— Нет, — ответил Тернер, — но она больна. Все будет в порядке.

Он допил черный горький кофе. На какое-то мгновение ему показалось, что он ощущает на

себе дыхание всего Муравейника, и это дыхание было старым, больным и усталым. Все эти спуски-подъемы всех станций от Бостона до Атланты…[57]

Глава 28

Джейлин Слайд

— Господи, — Бобби посмотрел на Джекки, — может, ты это завяжешь или еще что?

Из-за ожога Джаммера в конторе стоял запах, похожий на вонь от подгоревшей свинины, и у Бобби выворачивало желудок.

— Ожог не перевязывают, — отрезала она, помогая Джаммеру сесть в кресло. — У тебя есть обезболивающее? Дермы? Хоть что-нибудь?

Она начала один за другим выдвигать ящики

---

[57] Примечания: 57

Казалось бы, именно к этому заключительному абзацу отсылает название главы («Дыхание станций»). Но есть нюанс. Во-первых, в оригинале название главы перевернутое: не «Breath of the Stations», а «Stations of the Breath» (*досл.* «Станции дыхания»). Во-вторых, это выражение, представляющее собой аллюзию на стояния крестного пути (stations of the cross), является цитатой из стихотворения Дилана Томаса «Отказ оплакивать смерть, в огне, ребенка в Лондоне» (1945). В переводе Ю. Комова (Д. Томас. Приключения со сменой кожи. СПб: Азбука-классика, 2001. С. 553) соответствующая строка («…nor blaspheme down the stations of the breath») передана весьма вольно: «не над местами святыми глумиться спешу».

письменного стола. Джаммер покачал головой, его длинное лицо побледнело и осунулось.

— Наверное. За баром есть аптечка…

— Принеси ее! — бросила Джекки. — Пошевеливайся!

— Чего это ты так над ним трясешься? — начал Бобби, задетый ее тоном. — Он пытался впустить сюда готиков…

— Принеси аптечку, дурак! Он просто сорвался на секунду, вот и все. Испугался. Принеси мне эту коробку, иначе она тебе самому понадобится.

Бобби метнулся в клуб, где обнаружил, что Бовуар подсоединяет провода от розовых «бутербродов» взрывчатки к желтой пластмассовой коробке, похожей на пульт управления игрушечным грузовичком. «Бутерброды» были налеплены вокруг дверных петель и по обеим сторонам замка.

— А это зачем? — спросил Бобби, перелезая через стойку.

— Кто-нибудь может захотеть войти, — сказал Бовуар. — Если так, то мы им откроем.

Бобби помедлил, любуясь конструкцией.

— А почему не наклеить их на стекло так, чтобы его просто вынесло наружу?

— Слишком очевидно, — выпрямился Бовуар. В

руках он держал желтый детонатор. — Но я рад, что ты думаешь о таких вещах. Если сделать, как ты говоришь, взрывной волной хоть что-то да занесет внутрь. А так… аккуратнее.

Пожав плечами, Бобби нырнул под стойку. Там оказались проволочные полки, заваленные пластиковыми пакетами крилевых вафель, коллекция забытых зонтов, пухлый словарь, синяя женская туфелька, белый пластмассовый чемоданчик с как будто подтекающим красным крестом, нарисованным на крышке лаком для ногтей… Схватив чемоданчик, Бобби выбрался из-под стойки.

— Послушай, Джекки… — начал он, кладя аптечку рядом с декой Джаммера.

— Забудь об этом. — Щелкнув замком, она порылась в содержимом аптечки. — Джаммер, здесь больше попперов[58], чем всего остального…

Джаммер слабо улыбнулся.

— Ага, вот это подойдет. — Она развернула листок красных дермов и, сорвав с трех заглушки, налепила их в ряд по тыльной стороне сожженной руки. — Но лучше бы какую-нибудь местную анестезию…

---

[58] Примечания: 58

Амилнитрит — сложный эфир амилового спирта и азотистой кислоты; наркотик вдыхают, сломав ампулу, или из ингалятора.

— Я вот тут подумал, — сказал Джаммер, глядя на Бобби. — Возможно, теперь самое время, чтобы ты налетал сколько-то часов в матрице…

— То есть как? — спросил Бобби, не сводя глаз с деки.

— Наверняка же, — продолжал Джаммер, — тот, кто привел этих ублюдков, которые снаружи, подключился и к телефонам.

Бобби кивнул. Бовуар, объясняя им свой план, говорил то же самое.

— Ну так вот, когда мы с Бовуаром порешили, что нам с тобой стоит врубиться в матрицу и поглядеть, что происходит, у меня, по правде говоря, было на уме кое-что другое, — оскалился Джаммер, показав частокол белых мелких зубов. — Видишь ли, я в это влип, потому что должен Бовуару и Лукасу. Но есть люди, которые мне тоже кое-что должны, правда, дело это сильно прошлое. И эти долги у меня не было надобности взыскивать.

— Джаммер, — сказала Джекки, — тебе надо расслабиться. Просто посиди спокойно. Ты можешь довести себя до шока.

— Как у тебя с памятью, Бобби? Прогонишь цепочку кое-каких команд? Попрактикуйся на моей деке. Без тока, не подключаясь. Идет?

Бобби кивнул.

— Так вот, прогони это пару раз всухую. Код доступа. Чтобы тебя впустили через черный ход.

— Чей черный ход? — Бобби развернул деку к себе и занес пальцы над клавиатурой.

— Якудза, — сказал Джаммер.

Джекки недоуменно воззрилась на владельца клуба:

— Эй, что ты…

— Именно то, что ты слышала. Это давний должок. Но, знаешь, как говорят, якудза ничего не забывают. Ни плохого, ни хорошего…

На Бобби сладковато пахнуло паленым мясом, и он поморщился.

— Как случилось, что ты не сказал это Бовуару? — Джекки убирала лекарства обратно в белую коробку.

— Со временем узнаешь, золотко, — сказал Джаммер. — Иногда приходится учиться помнить о том, что кое-что следует забыть.

— Теперь слушай, — сказал Бобби, пригвождая Джекки, как он надеялся, самым тяжелым своим взглядом, — это мой рейд. Так что обойдусь без твоих лоа, ладно? Они действуют мне на нервы…

— Не она их вызывает, — сказал сидящий на корточках у двери конторы Бовуар. В одной руке

у него был детонатор, в другой — юаровский дробовик. — Они просто приходят. Они хотят прийти, и вот они уже здесь. Что ни говори, но ты им нравишься…

Джекки надвинула на лоб тиару тродов.

— Бобби, — сказала она, — все с тобой будет хорошо. Не волнуйся, просто включись.

Она сняла шарф. Между бороздками блестящей коричневой кожи ее курчавые волосы колосились древними резисторами, вплетенными через случайные интервалы, маленькими цилиндриками коричневой феноловой смолы с цветокодированными кольцами краски.

— После «Баскетбольной корзины», — сказал Джаммер Бобби, — нырни на три периода решетки вправо и прямо на дно, я хочу сказать, вниз…

— После чего?

— «Баскетбольной корзины», это Сфера Взаимного Процветания «Солнечный пояс», Даллас — Форт-Уорт… Быстро гони на самое дно. Потом двигай, как я тебе сказал, еще периодов двадцать. Там кругом лоты подержанных машин и налоговые инспектора, но ты просто поддай газу, идет?

Бобби, ухмыляясь, кивнул.

— Если кто-то увидит, как ты летишь мимо, ну что ж, пускай смотрят. Люди, которые врубаются

у самой решетки, привычны ко всякому странному дерьму.

— Твой ход, друг мой, — сказал Бовуар Бобби. — Мне пора возвращаться к двери…

И Бобби включился.

Бобби следовал инструкциям Джаммера и, летя вниз в будничные глубины киберпространства, был втайне благодарен Джекки за ее присутствие. Над ними, уходя ввысь, уменьшалась светящаяся «Баскетбольная корзина». А с такой декой — легкой, суперманевренной — он чувствовал себя быстрым и сильным. Теперь он начал гадать, как так вышло, что якудза оказались у Джаммера в долгу и что за должок тот так и не потрудился востребовать. Бобби как раз перешел к сочинению возможного сценария — и тут они врезались в лед.

— Господи…

И Джекки исчезла. Что-то опустилось между ними, нечто, что он ощутил как холод и молчание, и как будто ему перекрыли кислород.

— Но тут же ничего не было, черт побери!

Он застыл, чем-то крепко скованный. Матрицу видит, но рук не чувствует.

— Елки зеленые, да кто же пускает таких, как ты, за такую деку? Этому старью место в музее

— а тебе еще сидеть и сидеть в школе.

— Джекки!

Вопль вышел рефлекторно.

— Хотя… я, конечно, черт-те сколько не спала, но готова поспорить, ты совсем не то, на что я расставила тут ловушку… Сколько тебе лет?

— Отвали! — крикнул Бобби. Это все, что он смог придумать.

Голос расхохотался:

— Услышь это Рамирес, он бы животики надорвал от смеха. У него было особое пристрастие к нелепицам. Блин, как мне его не хватает…

— Кто такой Рамирес?

— Мой партнер. Бывший. Теперь мертв. Совсем. Я думала, может, ты мне скажешь, как так вышло.

— Никогда о нем не слышал, — выдавил Бобби. — А где Джекки?

— Висит в отключке посреди киберпространства, пока ты отвечаешь на мои вопросы, вильсон. Как тебя зовут?

— Бо… Граф Ноль.

— Ну да, как же. Имя!

— Бобби, Бобби Ньюмарк.

Молчание. Потом:

— Ладно… Эй, Бобби, да? Слушай, тогда в этом

есть хоть какой-то смысл. Это за квартирой твоей матери я наблюдала, когда «маасовские» безопасники шмальнули по ней из ракетомета, да? Ну, думаю, тебя там тогда не было, иначе ты не торчал бы здесь. Подожди сек…

Квадрат киберпространства прямо перед ним тошнотворно завибрировал, и Бобби оказался в очень просторных апартаментах, где контуры низкой мебели были намечены тоненькими линиями голубого неона. Перед ним стояла женщина, точнее, несколько светящихся мультяшных закорючек, сложенных в женскую фигуру, с пятном коричневого дыма на месте лица.

— Я Слайд, — сказала фигура, уперев руки в бедра. — Джейлин. Ты мне тут не придуривайся. В Лос-Анджелесе все знают, — она взмахнула рукой, и внезапно у нее за спиной вспыхнуло окно, — меня на кривой козе не объедешь. Усек?

— Ладно, — ответил Бобби. — Но что это? Я хочу сказать, не могли бы вы… ну… объяснить…

Он по-прежнему не мог даже пошевелиться. «Окно» открывало серо-голубую видеопанораму пальм и каких-то старинных зданий.

— Что ты имеешь в виду?

— Этот рисунок. И вас, и эту старую картину…

— Эй, приятель, я полцарства заплатила ди-

зайнеру, чтобы он мне это запрограммировал. Это — мое пространство, мой конструкт. Тут Лос-Анджелес, мальчик. Люди без подключки здесь ничего не делают. Здесь вообще ничего не делается без матрицы. Вот где я устраиваю пьянки-гулянки!

— О, — протянул Бобби, все еще сбитый с толку.

— Твой черед. Кто там, в этом вшивом танцзале?

— «У Джаммера»? Я, Джекки, Бовуар, сам Джаммер.

— И куда ты направлялся, когда я тебя поймала?

Бобби помедлил.

— К якудза. У Джаммера был код…

— Зачем? — Фигура скользнула вперед — мультипликационный чувственный мазок акварельной кисти.

— За помощью.

— Черт. Похоже, ты говоришь правду…

— Да, да, клянусь богом…

— Ну, ты не тот, кто мне нужен, Бобби Ноль. Я кружу по киберпространству, пытаюсь выяснить, кто убил моего парня. Я думала, это «Маас», потому что мы перетаскивали одного их человечка в

«Хосаку», так что для начала я села на хвост бригаде их безопасников. Первое, что я увидела, — как они взрывали кондо твоей матери. Потом я видела, как трое из них заглянули к некоему Финну. Эти так и не вышли…

— Финн их убил, — сказал Бобби. — Я их видел. Трупы…

— Да? Ну тогда, пожалуй, нам есть о чем поговорить. А после этого я наблюдала, как еще трое разнесли из такого же ракетомета золоченую сутенерскую тачку…

— Это был Лукас, — сказал он.

— Но не успели они с этим покончить, как налетел вертолет и поджарил всех троих лазером. Что-нибудь об этом знаешь?

— Нет.

— Ну что, Бобби Ноль, расскажешь мне свою историю? Только покороче.

— Я собирался в рейд, понимаешь? И еще я получил ледоруб. От Дважды-в-День, это толкач с Новостроек, и я…

Когда он закончил, Джейлин какое-то время молчала. Мультяшная красотка стояла у окна, будто рассматривала видеодеревья.

— У меня есть идея, — рискнул он. — Может, ты сумеешь нам помочь…

— Нет, — отрезала она.

— Но если это поможет тебе узнать то, что тебе нужно…

— Нет. Я хочу только прикончить ублюдка, замочившего Рамиреса.

— Но мы там в ловушке, они нас убьют. Это — «Маас», те, за кем ты следила по всей матрице! Они наняли свору готиков и фоннатов…

— Это не «Маас», — сказала красотка. — Там у вас в Нью-Йорке на Парк-авеню — компания европейцев. Лед вокруг них — в милю глубиной.

С минуту Бобби переваривал услышанное.

— Так это они были на вертолете, те, кто поджарил вторую троицу «Мааса»?

— Нет. Я не смогла прищучить этот вертолет, они улетели на юг. Потеряла их. Однако у меня есть зацепка… Ну ладно, я тебя отпускаю. Хочешь еще попытать этот яковский код — пожалуйста.

— Но, леди, нам нужна помощь…

— Помощью сыт не будешь, Бобби Ноль, — сказала Джейлин, и вдруг он очутился перед декой Джаммера.

Болели мускулы спины и шеи. Какое-то время ушло, чтобы сфокусировать взгляд, и только, наверное, через минуту Бобби увидел, что в комнате появились двое незнакомцев.

Мужчина был высок, может, даже выше Лукаса, но стройней, мускулистей, эже в бедрах. На нем была висевшая складками армейская куртка с огромными карманами, под расстегнутой курткой виднелась голая грудь, которую горизонтально пересекал черный ремень. Под глазами у него были синяки, и взгляд этих глаз был лихорадочный, а в руках он держал самую большую пушку, какую Бобби когда-либо видел. Нечто вроде вздувшегося револьвера с каким-то странным приспособлением, приваренным под стволом и напоминавшим голову кобры. Рядом с ним стояла, пошатываясь, девушка примерно одного с Бобби возраста, с такими же, как у мужика, синяками под глазами — хотя у нее они были темными — и обвисшими прядями каштановых волос, которые явно стоило бы вымыть. Одета она была в черную, не по росту большую кофту и джинсы. Мужчина протянул левую руку, чтобы поддержать девушку.

Бобби ошалело уставился на них и вдруг раскрыл рот — на него обрушилось воспоминание.

Девчоночий голос, каштановые волосы, темные глаза. Лед въедается в мозг, зубы у него гудят, вибрируют. Ее голос, к нему придвигается что-то большое…

— *Вив ля Вьей*, — восхищенно выдохнула возле него Джекки, ее рука больно сжала его плечо. — Дева Чудес. Она пришла, Бобби. Данбала прислал ее!

— Ты какое-то время был без сознания, дружок, — обратился к Бобби высокий. — Что там произошло?

Бобби моргнул, обвел контору безумным взором, нашел взгляд Джаммера, стеклянный от наркотиков и боли.

— Скажи ему, — сказал Джаммер.

— Я не смог прорваться к якам. Кто-то меня перехватил, не знаю как…

— Кто? — Высокий теперь обнимал девушку за плечи.

— Она сказала, ее зовут Слайд. Из Лос-Анджелеса.

— Джейлин, — кивнул высокий.

На столе у Джаммера загудел телефон.

— Ответь, — приказал высокий.

Бобби обернулся к телефону, одновременно с этим Джекки, потянувшись через стол, нажала клавишу «прием» под квадратным экраном. Экран зажегся, мигнул и показал им мужское лицо, широкое и очень бледное, с сонным взглядом отечных глаз. Почти добела вытравленные

волосы зачесаны прямо назад. И самый мерзкий рот, какой Бобби только случалось видеть.

— Тернер, — сказал человек на экране, — нам лучше поговорить. Сейчас. У тебя осталось не так много времени. Думаю, для начала тебе стоит убрать из комнаты всю эту компанию…

Глава 29

Шкатулочник

Трос с узлами, казалось, тянулся бесконечно. Временами туннель поворачивал или разветвлялся. Тогда трос был накручен на какую-нибудь распорку или прикреплен толстым плевком прозрачной эпоксидки. Воздух был все таким же спертым, но теперь стал холоднее. Когда они остановились передохнуть в цилиндрической камере, где шахта расширялась, прежде чем разветвиться на три прохода, Марли попросила у Джонса маленький фонарик, который он носил на лбу на серой эластичной повязке. Сжав его в одной из красных перчаток скафандра, она поводила лучом по стене камеры. Поверхность была гравирована узорами микроскопически тонких линий…

— Надень шлем, — посоветовал Джонс, — у тебя там фонарь гораздо лучше моего.

Марли передернуло.

— Нет. — Она вернула ему фонарь. — Можешь мне помочь из этого выбраться? — Она постучала перчаткой по жесткой груди скафандра; зеркальный шлем был закреплен на поясе скафандра хромированным карабином.

— Тебе лучше в нем остаться, — сказал Джонс. — Он — единственный в Месте. Там, где я сплю, у меня есть такой же, но для него нет воздуха. Виговы баллоны не подходят к моему респиратору. А его скафандр — сплошные дыры… — Он пожал плечами.

— Ну пожалуйста, — взмолилась Марли, сражаясь с запором на талии скафандра, она видела, как Рез там что-то поворачивала. — Я не могу больше…

Джонс подтянулся, завис в полуметре над канатом и что-то покрутил. Марли не видела что. Щелчок.

— Вытяни руки над головой.

Довольно неуклюже Марли выплыла наконец на свободу — все в тех же черных джинсах и белой шелковой блузке, которую она надела, готовясь к последней встрече с Аленом. Джонс,

закрепив скафандр на канате еще одним встроенным в пояс карабином, отвязал раздувшуюся от вещей сумку.

— Она тебе нужна? Я хочу сказать, возьмешь ее с собой? Могли бы оставить ее тут и забрать на обратном пути.

— Нет, — сказала Марли. — Я возьму ее с собой. Дай мне.

Зацепившись локтем за канат, она на ощупь открыла сумку. Выплыла кожаная куртка, а за ней — ботинок. Марли с трудом загнала его назад, а потом, извиваясь, кое-как просунула руки в рукава куртки.

— Недурная шкурка, — похвалил Джонс.

— Пожалуйста, — попросила она, — нам надо спешить…

— Уже недалеко, — отозвался парнишка.

Фонарь скользнул в сторону, освещая выгнутую стену, где трос исчезал в одном из трех отверстий, расположенных равносторонним треугольником.

— Конец линии, — сказал Джонс, — буквально. — Он похлопал по хромированной гайке, где канат был завязан морским узлом.

Его голос подхватило и стало перекатывать где-то впереди эхо, пока Марли не почудилось, будто

за его раскатами зашептали еще какие-то голоса.

— А сейчас нам не помешает немного света, — сказал он, проплывая мимо, чтобы схватиться за какой-то выступ, очень похожий на выдающийся из стены гроб.

Скрипнув, сдвинулась крышка. Марли смотрела, как в ярком круге света от фонаря двигаются руки парнишки. Пальцы у него были тонкие и изящные, но ногти — маленькие и обломанные, с черными ободками въевшейся грязи. На тыльной стороне правой кисти были грубо вытатуированы синие буквы «СД». Такие татуировки делают себе сами, в тюрьме… Вот он выудил кусок тяжелого изолированного провода. Джонс посветил в ящик и воткнул провод куда-то позади медного D-разъема.

Тьма впереди растаяла в потоке белого света.

— Тока у нас даже больше, чем нужно, — сказал он с чувством сродни гордости домовладельца. — Накопители при солнечных батареях все как один работают, а ведь им полагалось обеспечивать током все мейнфреймы… Идемте, леди, познакомлю вас с художником, ради которого вы проделали такой путь…

Оттолкнувшись от стены вбок и вверх, он легко скользнул в отверстие — так выныривает

из толщи воды пловец — на свет. В мириады качающихся предметов. Марли успела увидеть, что красные пластиковые подметки его потрепанных кроссовок испещрены шрамами белой силиконовой замазки.

И вот она вынырнула за ним, позабыв свои страхи, позабыв о тошноте и постоянном головокружении. И поняла.

— Бог мой, — выдохнула Марли.

— Едва ли, — откликнулся Джонс. — Хотя, возможно, старины Вига. Жаль, однако, что он сейчас ничего не делает. Тут тогда еще веселее.

Что-то проплыло мимо Марли — в десяти сантиметрах от ее лица. Вычурная серебряная ложка, распиленная вдоль на две одинаковые половинки.

Она понятия не имела, сколько времени она уже здесь, как вдруг зажегся и замигал экран. Канули часы? Минуты? Она уже научилась — до какой-то степени — перемещаться по камере, отталкиваясь, как Джонс, ногой от сводов купола. Как Джонс, она хваталась потом за свернутые суставчатые руки автомата — сила инерции разворачивала ее тогда вокруг манипулятора — и повисала там, глядя на кружащие в медленном водовороте предметы. Десятки рук, манипулято-

ров, оканчивающихся щипчиками, буравчиками, ножами, миниатюрной циркулярной пилой, бормашиной дантиста… Все это топорщилось из легированной грудной клетки странного автомата. Прежде это, вероятно, был радиоуправляемый монтажник, что-то вроде полуавтономного механизма, с детства знакомого ей по видеофильмам об освоении космоса. Но этот был приварен к куполу. Его ребра вросли в плоть Места, а по куполу змеились сходящиеся к нему сотни кабелей и оптоволоконных линий. Две руки, заканчивающиеся деликатными устройствами тактильной обратной связи, были вытянуты. Мягкие подушечки баюкали незаконченную шкатулку.

Широко раскрыв глаза, Марли смотрела на проплывающие мимо бесчисленные предметы.

Пожелтевшая детская перчатка, граненая хрустальная пробка от какого-то флакона с исчезнувшими духами, безрукая кукла с головой из французского фарфора, толстая, оправленная в золото черная ручка с золотым пером, прямоугольные сегменты перфокарты, мятая красно-зеленая змея шелкового галстука… Бесконечный медленный рой, кружащиеся мелочи, хлам…

Джонс перекувырнулся через голову в этом

беззвучном шторме, смеясь, схватился за руку с клеевым пистолетом на конце.

— Когда он работает, мне всегда хочется смеяться. А вот шкатулки всегда такие грустные выходят…

— Да, — сказала она, — мне от них тоже грустно. Только печаль бывает разная…

— Вот именно. — Джонс ухмыльнулся. — Но заставить его работать нельзя. Думаю, его приводит в движение дух или душа, во всяком случае, так это объясняет Виг. Он раньше часто сюда приходил. Говорил, что голоса для него тут звучат громче. Но в последнее время они, похоже, говорят с ним повсюду…

Она поглядела на него сквозь чащу манипуляторов. Парнишка был очень грязен, совсем юн — с широко распахнутыми голубыми глазами под торчащей во все стороны шевелюрой каштановых кудрей. Воротник покрытого пятнами серого комбинезона был засален до блеска.

— Ты, наверное, сошел с ума, — сказала она с примесью восхищения в голосе. — Нужно быть совершенно сумасшедшим, чтобы жить здесь…

Он рассмеялся:

— Это Виган безумнее мартовского зайца. А со мной все в порядке.

Марли улыбнулась:

— Нет, ты просто помешанный. И я помешанная тоже…

— Эй, смотри-ка, — воскликнул он, глядя на что-то у нее за спиной. — Что это? Похоже, опять проповедь. Вот черт, теперь ее никак не выключишь, разве что я вырублю ток…

Повернувшись, Марли увидела, как по квадратной поверхности огромного экрана, криво приклеенного к своду, побежали, мигая, цветные полосы. Экран на секунду заслонил проплывавший мимо портновский манекен, а потом его заполнило лицо Йозефа Вирека, за круглыми линзами поблескивали добрые голубые глаза.

— Здравствуйте, Марли, — сказал он. — Хотя я не вижу вас, но уверен, что знаю, где вы находитесь…

— Это один из проповеднических экранов Вига, — объяснил Джонс, потирая щеку. — Виг расклеил их по всему Месту — решил, что настанет день, когда у него будет кому проповедовать. Этот чудик, похоже, подключился через его коммуникационное оборудование. Кто это?

— Вирек, — отозвалась она.

— А я думал, он старше…

— Это искусственно сгенерированное изобра-

жение, — сказала Марли. — Лучевое сканирование, карты биотекстур…

А с купола ей улыбалось гигантское лицо — будто фон для замедленного урагана потерянных вещей, незначительных артефактов бесчисленных жизней: инструментов, игрушек, золоченых пуговиц.

— Знайте, — сказало изображение, — что вы свою задачу выполнили. Составленный на Марли Крушкову психопрофиль верно предсказал вашу реакцию на данный мой гештальт. Более широкие профили указывали также на то, что ваше появление в Париже вынудит «Маас» действовать. Вскоре, Марли, я точно буду знать, что именно вы нашли. Уже четыре года мне известно нечто не известное «Маасу». Я знаю, что Митчелл, которого «Маас», а вместе с ним и весь мир считает изобретателем нового процессора на биочипах, получал идеи со стороны, эти концепции в результате и привели к прорыву в данной области. Я добавил к сложному нагромождению факторов вас, Марли, и все сложилось наиболее удовлетворительным образом. «Маас», не понимая, что делает, выдал местонахождение источника этих идей. А вы его достигли. Вскоре прибудет Пако…

— Вы сказали, что не последуете за мной, — ска-

зала она. — Я знала, что вы солгали…

— И теперь, Марли, я наконец стану свободен. Свободен от четырехсот килограммов восставших клеток, замурованных за хирургической сталью в промышленной зоне Стокгольма. Свободен, и навсегда, способный населять любое число реальных тел.

— Блин, этот старикан так же плох, как и Виг, — сказал Джонс. — О чем это он, собственно, болтает?

— О своем скачке, — сказала она, вспомнив разговор с Андреа, запах жареных креветок в маленькой захламленной кухне. — О следующей стадии своей эволюции…

— Вы это понимаете?

— Нет, — ответила Марли, — но я знаю, что это будет скверно, очень скверно… — Она покачала головой.

— Убеди тамошних жителей впустить Пако и его команду, Марли, — продолжал Вирек. — Я приобрел сердечники за час до вашего вылета из Орли через посредника в Пакистане. Удачная сделка, Марли, великая сделка. Пако, как обычно, позаботится о моих интересах.

На этом экран погас.

— Ладно, — сказал Джонс, проскальзывая под

свернутым манипулятором и беря ее за руку, — ну что в этом плохого? Все теперь принадлежит ему, и он сказал, что свое дело вы сделали… Не знаю, на что годится Виг, разве что слушать голоса, но он все равно долго не протянет. Что до меня, то мне, в сущности, все равно, где жить…

— Ты не понимаешь, — сказала Марли. — Не можешь понять. Он нашел путь к тому, к чему стремился многие годы. Но ничего из того, что он хочет, не может быть во благо. Никому. Я его видела, я это почувствовала…

И тут стальная рука, за которую она держалась, завибрировала, шевельнулась. С приглушенным гудением сервоприводов начала вращаться вся башня.

Глава 30

Наемник

Тернер не отрывал глаз от лица Конроя на экране телефона.

— Послушай, — обратился он к Энджи. — Тебе сейчас лучше пойти с ней.

Высокая негритянка с вплетенными в волосы резисторами сделала шаг вперед и мягко обняла

за плечи дочь Митчелла, вполголоса напевая что-то на том же пощелкивающем диалекте французского. Парнишка в футболке все еще пялился на Энджи. Челюсть у него отвисла.

— Пойдем, Бобби, — окликнула его негритянка.

Тернер глянул через стол на человека с раненой рукой. На том был мятый белый смокинг и галстук-бабочка с черными кожаными косичками шнурков. Джаммер, решил Тернер; владелец клуба. Джаммер баюкал на коленях руку, завернутую в полотенце в голубую полоску. У него было длинное лицо, щетина из тех, что неизменно нуждаются в бритве, и жесткие прищуренные глаза прожженного профи. Встретившись с ним взглядом, Тернер вдруг сообразил, что Джаммер сидит далеко за линией обзора камеры телефона, что его вертящееся кресло задвинуто в самый угол.

Так и не закрыв рта, парнишка в футболке, Бобби, прошаркал вслед за Энджи и чернокожей.

— Ты мог бы избавить нас от массы хлопот, Тернер, — сказал Конрой. — Мог бы позвонить мне. Мог позвонить своему агенту в Женеву.

— А как насчет «Хосаки»? — спросил Тернер. — Им бы я мог позвонить?

Конрой медленно помотал головой, очень медленно.

— На кого ты работаешь, Конрой? «Хосаку» ты ведь кинул, так?

— Но ведь не тебя, Тернер. Если бы все шло так, как я планировал, ты был бы в Боготе с Митчеллом. Рельсотрон не должен был стрелять, пока ты не взлетишь. И если бы все сошлось, «Хосака» решила бы, что это «Маас» снес весь сектор, лишь бы остановить Митчелла. Но Митчелл до площадки не долетел, да, Тернер?

— Он и не собирался, — отозвался Тернер.

Конрой кивнул:

— Ну да. А их служба безопасности на плато засекла девчонку, когда та вылетала. Это ведь она только что вышла отсюда? Дочь Митчелла?

Тернер молчал.

— Конечно, — сказал Конрой. — Сходится…

— Я убил Линча, — сказал Тернер, чтобы увести разговор в сторону от Энджи. — Но прежде чем грянул гром, Уэббер сказала, что работала на тебя…

— Они оба на меня работали, — ответил Конрой, — но друг о друге не знали. — Он пожал плечами.

— Зачем?

Конрой улыбнулся:

— Потому что, не будь их там, тебе бы их не хватало, или я не прав? Потому что ты знаешь мой стиль, и, если бы я не выкинул всех своих обычных трюков, ты начал бы задумываться. А я знал, ты ни за что не переметнешься. Мистер Мгновенная Лояльность, или я не прав? Мистер Бусидо. Ты надежен и предсказуем, Тернер. «Хосака» это знала. Именно поэтому они настаивали на том, чтобы я ввел в игру тебя…

— Ты не ответил на первый мой вопрос, Конрой. Кому ты нас продал? Кто второй хозяин?

— Некто Вирек, — сказал Конрой. — Денежный мешок. Вот именно, тот самый. Он уже многие годы пытался перекупить Митчелла. Из-за него, если уж на то пошло, пытался купить и сам «Маас». Не вышло. Они поднялись так быстро, что стали ему не по зубам. А открытое предложение на Митчелла висело давно. Слепое предложение. Когда Митчелл обратился к «Хосаке», а они ко мне, я решил проверить, открыто ли то предложение до сих пор. Из чистого любопытства. Не успел я и глазом моргнуть, как на меня навалилась команда Вирека. Эту сделку несложно было провернуть, поверь мне, Тернер.

— Я тебе верю.

— Но Митчелл всех нас облажал, не так ли? Крепко и основательно.

— Ага. Так, что его убили.

— Он покончил с собой, — сказал Конрой, — согласно «кротам» Вирека на плато. Как только выпроводил девчонку на этом дельтаплане. Перерезал себе горло скальпелем.

— Не много ли трупов кругом, а, Конрой? — поинтересовался Тернер. — Оуки мертв, и японец-вертолетчик тоже.

— Я и сам это вычислил, когда они не вернулись, — пожал плечами Конрой.

— Они пытались убить нас, — сказал Тернер.

— Нет, приятель, они хотели только поговорить… Во всяком случае, о девчонке мы тогда еще ничего не знали. Знали только, что ты исчез и этот чертов самолет не добрался до аэродрома в Боготе. Мы и думать не думали ни о какой девчонке, пока не заглянули на ферму твоего брата и не нашли самолет. Твой брат отказался говорить с Оуки. Вышел из себя, поскольку тот поджарил его собак. Оуки сказал, что, судя по всему, там жила еще и женщина, но ее не нашли…

— А что с Руди?

Лицо Конроя было совершенно пустым. Потом он сказал:

— Ооки получил то, что ему требовалось, с мониторов. Так мы узнали о девчонке.

Болела спина. Ремни портупеи врезались в грудь. Я ничего не чувствую, думал он, я вообще ничего не чувствую…

— У меня есть к тебе вопрос, Тернер. Собственно говоря, пара вопросов. Но основной: что ты, черт побери, там делаешь?

— Где-то слышал, что это крутой клуб, Конрой.

— Да уж. Только для избранных. Настолько, что тебе пришлось поломать пару моих караульных, чтобы войти внутрь. А вот они, однако, знали, что ты идешь, Тернер, — и негритосы, и этот панк. С чего это вдруг они тебя впустили?

— Вот тебе и будет над чем поразмыслить, Конни. У тебя, похоже, много к чему появился доступ за последние дни.

Конрой придвинулся ближе к камере телефона:

— Да уж не без того. Люди Вирека несколько месяцев прочесывали Муравейник, разрабатывали кое-какой слух. Среди ковбоев ходили сплетни, что где-то плавает экспериментальный биософт. Наконец его люди вышли на Финна, но объявилась другая команда, «маасовская», которая, судя по всему, охотилась за тем же самым. Потому

вирековцы решили залечь и понаблюдать за «маасовскими» парнями, а те вдруг стали взрывать людей. Вот так команда Вирека и раскопала всю историю, с негритосами, малышом Бобби и тэ дэ. Все это они мне выложили, когда я сказал им, что, по моим раскладам, ты от Руди двинул сюда. Пришлось нанять громил, чтобы обложить тут льдом этих негритосов, пока не найду кого-нибудь, кому доверить пойти по их души…

— Эти удолбыши за дверью? — Тернер улыбнулся. — Да уж, Конни, облажался ты по-крупному. Тебе ведь некуда теперь обратиться за профессиональной помощью, а? Кто-то шепнул, что ты кинул нанимателя и у тебя на площадке погибли профи. Что еще остается, кроме как нанимать придурков с дурацкими прическами? Все профи в курсе, что у тебя на хвосте «Хосака», я прав, Конни? И все они знают, что ты сделал.

Теперь ухмылялся Тернер. Краем глаза он видел, что мужик в смокинге тоже скалится кривой улыбкой с большим количеством ровных мелких зубов, похожих на белые зерна пшеницы…

— А все эта сука Слайд, — ответил Конрой. — Надо было прикончить ее на платформе… Она через матрицу простучала себе куда-то дорожку и начала задавать лишние вопросы. Вряд ли она

чего раскопала, но успела уже наделать шума в определенных кругах… Ну да ладно, смысл ты уловил. Впрочем, твоей заднице это сейчас ничем не поможет. Вирекy нужна девчонка. Он отозвал своих людей с другого направления, и теперь я всем для него заправляю. Деньги, Тернер, денег — как у дзайбацу…

Тернер смотрел в белое лицо, вспоминая Конроя в баре отеля посреди джунглей. Вспоминая его позднее, в Лос-Анджелесе, как тот подкатывался к нему, объясняя тайную экономику корпоративных предательств…

— Привет, Конни, — сказал Тернер, — а я ведь тебя знаю, так?

Конрой улыбнулся:

— Конечно, малыш.

— И я знаю, какое у тебя предложение. Уже знаю. Тебе нужна девчонка.

— Вот именно.

— И дележ, Конни. Ты же знаешь, я работаю только пятьдесят на пятьдесят, верно?

— Э, — весело отозвался Конрой, — вот это дело. Никак иначе я и не рассчитывал.

Тернер смотрел на изображение в упор.

— Ну, — сказал Конрой, все еще улыбаясь, — каков твой ответ?

Тут Джаммер потянулся и вырвал из настенной розетки телефонный провод.

— Главное — удачный момент, — сказал он. — Всегда важно правильно выбрать момент. — Он уронил шнур на ковер. — Если бы ты сказал ему, он бы сразу же начал действовать. А так мы выиграем время. Он попытается перезвонить, выяснить, что случилось.

— Откуда ты знал, что я собираюсь ему сказать?

— Потому что я знаю людей. Много кого повидал. Слишком, черт побери, много. И в особенности я видел много таких, как ты. У тебя же это на лбу написано, мистер. Ты ведь собирался ему сказать, что он может подавиться своим дерьмом и сдохнуть. — Джаммер с трудом выпрямился в кресле, скривившись, когда пришлось пошевелить рукой в полотенце. — Кто такая эта Слайд, о которой он говорил? Жокей?

— Джейлин Слайд. Из Лос-Анджелеса. Ас.

— Так это она перехватила Бобби, — задумчиво протянул Джаммер. — Значит, она чертовски близко к этому твоему приятелю на телефоне…

— Однако сама, вероятно, этого не знает…

— Давай посмотрим, что мы можем сделать. Позови назад мальчишку.

Глава 31

Голоса

— Пожалуй, мне стоит поискать старину Вига, — сказал Джонс.

Марли не могла оторвать глаз от манипуляторов, загипнотизированная их танцем: вот они выхватывают что-то из водоворота вещей, который сами же и учинили, рассматривают, отвергают. Отвергнутые объекты улетают прочь, сталкиваются с другими, образуя новые сочетания. Узоры перемешивались медленно, непрерывно.

— Пожалуй, стоит, — повторил он.

— Что?

— Поискать Вига. А то ему еще взбредет в голову что-нибудь, когда появятся люди вашего босса. Не хочу, чтобы он причинил себе вред, понимаете? — Он застенчиво и слегка смущенно улыбнулся.

— Хорошо, — отрешенно отозвалась она. — Со мной все будет хорошо. Я посмотрю.

Ей вспомнились сумасшедшие глаза Вига, безумие, исходившее от него ощутимыми волнами. Вспомнила, как еще по радио «Сладкой Джейн»

уловила недобрую хитрость в его голосе. И почему это Джонс так о нем беспокоится? Но потом она подумала о том, каково это жить в Месте, в мертвых сердечниках Тессье-Эшпулов. Любой человек, любая живая душа становится здесь едва ли не драгоценностью…

— Ты прав, — очнулась Марли. — Пойди разыщи старика.

Парнишка нервно улыбнулся и, оттолкнувшись от стены, закувыркался к отверстию, где был закреплен трос.

— Я за вами вернусь, — пообещал он. — Не забудьте, где вы оставили скафандр…

Башня покачивалась из стороны в сторону, жужжала, метались манипуляторы, заканчивая новую поэму…

Впоследствии Марли никогда не могла с уверенностью сказать, были ли голоса реальны, но постепенно осознала, что они были частью той ситуации, когда «реальность» становится лишь очередной пустой абстракцией.

Она сняла куртку — в куполе потеплело, как будто безостановочное движение манипуляторов порождало жар. Куртку и сумку Марли повесила на крюк возле экрана для проповедей. Шкатулка почти окончена, думала она, хотя за мельтешени-

ем стольких клешней трудно что-то разобрать… Внезапно шкатулка выплыла на свободу, закувыркалась из конца в конец купола — Марли инстинктивно нырнула вслед за ней, поймала. Силой инерции ее закружило дальше мимо мелькающих рук, а она все прижимала к себе обретенное сокровище. Не в состоянии затормозить, Марли врезалась в дальнюю стену купола, ушибла плечо и порвала блузку. Оглушенная ударом, она продолжала скользить, укачивая шкатулку, вглядываясь через прямоугольник стекла в коллаж из коричневых антикварных карт и тусклого зеркала. Прочерченные старыми картографами моря были вырезаны, открывая кусочки облупившегося зеркала, — суша, плывущая по грязному серебру… Она подняла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как поблескивающая рука схватила парящий в воздухе рукав ее брюссельской куртки. Сумка, которая изящно раскачивалась на кожаном ремешке в полуметре позади, отправилась следом, подхваченная манипулятором с оптическим сенсором и простой клешней на конце.

Марли смотрела, как и ее вещи втянуло в безостановочный танец рук. Минуту спустя куртка вылетела назад, медленно вращаясь. Похоже, из

нее были вырезаны аккуратные квадратики и прямоугольники, и Марли вдруг осознала, что смеется. Отпустила шкатулку, которую держала в руках.

— Давай, — сказала она. — Я польщена.

Мелькали, порхали руки, и слышался тоненький вой крохотной пилы.

Я польщена Я польщена Я польщена — из раскатов эха под куполом вырос зыбкий лес все меньших, частичных звуков, и за ним… очень слабо… Голоса…

— Ты же здесь, да? — окликнула она, умножая отзвуки, волны, рябь отражением своего тут же расчленяемого голоса.

«Да, я здесь».

— Виган бы сказал, что ты всегда был здесь, да?

«Да, но это неверно. Я стал быть — здесь. Было время — меня не было. Было время, яркое время, время без течения времени, и я был везде и во всем… Но рухнуло яркое время. Треснуло зеркало. Теперь я лишь один… Но у меня есть песня. Ты слышала ее. Я пою этими вещами, которые плавают вокруг меня, осколками семьи, которая питала мое рождение. Есть и другие, но они не желают говорить со мной. Тщеславны они, эти рассеянные осколки меня, как дети. Как люди.

Они посылают мне новые вещи, но я предпочитаю старые. Может, я выполняю их волю. Они заключают союзы с людьми, эти мои другие «я», а люди воображают, что они боги…»

— Ты то самое, к чему стремится Вирек, да?

«Нет. Он вообразил, что может перевести себя в знак, закодировать свою личность в ткань меня. Он жаждет стать тем, чем я был когда-то. Но то, чем он может стать, скорее подобно меньшему из моих обломков…»

— И ты… ты печален.

«Нет».

— Но твои… твои песни печальны.

«Мои песни — о времени и расстоянии. Печаль — в тебе. Следи за моими руками. Есть только танец. Вещи, которые ты ценишь, — лишь оболочка».

— Я… я знала это. Когда-то.

Но теперь звуки стали всего лишь звуками, пропал лес голосов за ними, говоривших единым голосом… и Марли смотрела, как совершенными космическими сферами кружатся, улетают шарики ее слез, присоединяясь к забытым человеческим воспоминаниям в храме шкатулочника.

— Понимаю, — сказала Марли какое-то время спустя, зная, что произносит слова, только чтобы

утешиться звуками собственного голоса. Она говорила тихо, не желая будить перекаты и рябь эха. — Ты тоже чей-то коллаж. Твой творец — вот кто истинный художник. Была ли это безумная дочь? Не имеет значения. Кто-то доставил сюда механизм и, приварив его к куполу, подключил к следам, дорожкам памяти. И рассыпал каким-то образом все изношенные печальные свидетельства человеческой природы одной семьи, оставив их на волю поэта: сортировать и перемешивать. Запечатывать в шкатулки. Я не знаю другого такого удивительного, такого необычайного шедевра, как этот. Не знаю более многозначного жеста…

Мимо проплыл оправленный в серебро черепаховый гребень со сломанными зубьями. Марли поймала его, как рыбку, и провела оставшимися зубьями по волосам.

На противоположной стороне купола зажегся, запульсировал экран, и его заполнило лицо Пако.

— Старик отказывается впустить нас, Марли, — сказал испанец. — Второй, бродяжка, где-то его спрятал. Сеньор крайне озабочен тем, чтобы мы вошли в сердечники и заняли его законную собственность. Если вы не сможете убедить Лудгейта

и того, второго открыть шлюз, мы будем вынуждены вскрыть его сами, разгерметизировав тем самым весь объект. — Он глянул в сторону от камеры, будто сверялся с прибором или членом своей команды. — У вас есть час.

Глава 32

Счет ноль

Бобби вышел из конторы вслед за Джекки и девочкой с каштановыми волосами. Казалось, он у Джаммера чуть ли не месяц и уже никогда не выполоскать изо рта привкус этого места. Идиотские маленькие глазки утопленных прожекторов смотрят с черного потолка, пухлые кубы сидений из искусственной замши, круглые столы, резные деревянные ширмы… Бовуар сидел, свесив ноги, на стойке бара, на серых блестящих коленях — юаровский дробовик, рядом — детонатор.

— Как вышло, что ты их впустил? — спросил Бобби у Бовуара, в то время как Джекки усадила девочку у стола.

— Это все Джекки, — сказал Бовуар, — она была в трансе, пока ты сидел во льду. Легба. Он сказал нам, что Дева на пути сюда с этим парнем.

— Кто он?

— С виду наемник, — пожал плечами Бовуар. — Солдат дзайбацу. Поднявшийся уличный самурай. Что с тобой произошло, пока ты был во льду?

Бобби рассказал ему о Джейлин Слайд.

— Лос-Анджелес, — задумчиво проговорил Бовуар. — Она все вверх дном перевернет, чтобы добраться до человека, который сжег ее дружка, но если брату нужна помощь — гуляй лесом.

— Я не брат.

— Думаю, в этом ты прав.

— Так, значит, мне не нужно пытаться прорваться к якудза?

— А что говорит Джаммер?

— Ни хера не говорит. Сидит там сейчас и смотрит, как твой «солдат» разговаривает по телефону.

— Звонок? От кого?

— Какой-то бледнолицый с протравкой. Ох и мерзкая рожа.

Бовуар поглядел на Бобби, потом на дверь, потом снова на Бобби.

— Легба говорит: соберись с духом и наблюдай… Слишком много неожиданностей и без Сыновей Неоновой Хризантемы.

— Бовуар, — сказал Бобби, понизив голос, — эта девочка… это она, та самая, которая была в матрице, когда я пытался…

Негр кивнул, пластиковая оправа снова сползла на кончик носа.

— Дева.

— Но что происходит? Я хочу сказать…

— Бобби, мой тебе совет: просто принимай все как есть. Для меня она одно, для Джекки, может быть, что-то иное. Для тебя — просто перепуганный ребенок. Полегче, не расстраивай ее. Она очень далеко от дома, а нам еще очень и очень далеко до того, чтобы выбраться отсюда.

— Ладно… — Бобби смотрел себе под ноги. — Мне очень жаль, что так вышло с Лукасом, друг. Он был… он был настоящий чувак.

— Пойди поговори с Джекки и девочкой, — отозвался Бовуар. — Я присмотрю за дверью.

— Хорошо.

Он зашагал по ковру ночного клуба туда, где Джекки сидела с девочкой. Ничего особенного, девчонка как девчонка, только какой-то голосок нашептывал, что она и есть та самая, единственная. Девочка не подняла глаз, и тут он сообразил, что она плачет.

— Меня схватили, — сказал он Джекки. — А ты

попросту исчезла.

— Как и ты, — ответила танцовщица. — Потом ко мне пришел Легба…

— Ньюмарк, — позвал от двери в контору Джаммера незнакомец по имени Тернер, — иди сюда, разговор есть.

— Мне нужно идти, — сказал Бобби. Ему очень хотелось, чтобы девочка подняла глаза, увидела, как его зовет этот крутой самурай. — Я им нужен.

Джекки только сжала ему руку.

— Забудь про якудза, — сказал Джаммер. — Все гораздо сложнее. Ты отправишься в лос-анджелесский сектор и подключишься к деке этой крутой. Когда Слайд захватила тебя, она не могла знать, что моя дека зафиксирует ее номер.

— Она сказала, твоей деке место в музее.

— Что она, черт побери, понимает! — огрызнулся Джаммер. — Я знаю, где она живет, разве не так? — Приложившись, он убрал ингалятор назад в стол. — Загвоздка в том, что она тебя списала. Она даже слышать о тебе не захочет. Тебе придется достучаться до нее и сказать ей то, что она стремится узнать.

— И что же это?

— Что с ее дружком расправился человек по

имени Конрой, — сказал высокий. Он полулежал в одном из кресел Джаммера с огромным револьвером на коленях. — Конрой. Скажи ей, что это был Конрой. И Конрой же нанял тех волосатых ублюдков, которые торчат снаружи.

— Я бы лучше попытал яков, — сказал Бобби.

— Нет, — отрезал Джаммер, — эта Слайд доберется до его задницы раньше. Яки сперва взвесят мой долг, перепроверят всю историю. А кроме того, я думал, тебе не терпится поучиться…

— Я пойду с ним, — сказала от двери Джекки.

Они включились.

Джекки умерла почти сразу же, в первые восемь секунд.

Он это почувствовал, испил до дна — и почти понял, что есть смерть. Он кричал, кружился, засасываемый в поджидавшее их жерло белого ледникового туннеля…

Масштабы туннеля были попросту непомерны, запредельны, будто вся кибернетическая мегаструктура какой-нибудь транснациональной корпорации разом обрушила свой вес на Бобби Ньюмарка и танцовщицу по имени Джекки. Невозможно…

Но где-то на краю сознания, как раз тогда, когда он терял его, что-то заскреблось… Что-то будто

дергало его за рукав…

Он лежал ничком на чем-то шершавом и жестком. Открыл глаза. Дорожка, вымощенная круглыми булыжниками, мокрая от дождя. Он с трудом поднялся на ноги, пошатнулся и увидел дымчатую панораму незнакомого города, а за ней — море. Вот шпили — очевидно, какой-то собор, безумные ребра и спирали облицовочного камня… Он повернулся и увидел, как по склону к нему, разинув пасть, соскальзывает гигантская ящерица… Бобби прищурился. Зубы у ящерицы — из зеленой обливной керамики, и струйка воды неторопливо сочится по нижней губе из голубого мозаичного фарфора. Существо оказалось фонтаном с боками, выложенными тысячами фарфоровых осколков. Бобби резко обернулся, почти обезумев от близости смерти Джекки. Лед, лед… и внезапно промелькнула мысль: так же близко подошла к нему смерть тогда, в гостиной матери.

А здесь — странные извивающиеся скамейки, покрытые той же головокружительной мешаниной битого фарфора, и деревья, и трава… Парк.

— Экстраординарно, — сказал некто.

С одной из змеевидных скамеек поднимается мужчина. Серые волосы у него аккуратно под-

стрижены под ежик, лицо загорелое, и круглые, без оправы, очки увеличивают и без того большие голубые глаза.

— Ты прошел прямо насквозь, не так ли?

— Что это? Где я?

— В парке Гуэля — до некоторой степени. В Барселоне, если угодно.

— Ты убил Джекки.

Мужчина нахмурился:

— Понимаю. Пожалуй, я понимаю. И тем не менее ты не должен был оказаться здесь. Случайность.

— Случайность! Ты убил Джекки!

— Моя система сегодня излишне перегружена, — сказал человек, не вынимая рук из карманов свободного бежевого пальто. — Это действительно экстраординарный случай…

— Так нельзя! — сказал Бобби, глаза ему застилали слезы. — Нельзя. Нельзя так просто взять и убить кого-то, кто только что был здесь…

— Только что был — где? — Человек снял очки и начал протирать стекла безупречно белым носовым платком, который вынул из кармана пальто.

— Только что был жив, — сказал Бобби, делая шаг вперед.

Мужчина снова надел очки.

— Такого никогда раньше не случалось.

— Нельзя. — Еще ближе.

— Это становится утомительным. Пако!

— Сеньор.

Бобби повернулся на звук детского голоса и увидел маленького мальчика, затянутого в странный жесткий костюмчик, в черных кожаных ботинках на шнуровке.

— Удали его.

— Сеньор.

Мальчик чопорно поклонился, вынимая из темного пиджачка крохотный автоматический браунинг. Бобби заглянул в темные глаза под глянцевой челкой и увидел в них выражение, какого никогда не бывает у ребенка. Мальчик поднял пистолет, целясь в Бобби.

— Кто ты? — Бобби проигнорировал пушку, но не стал больше пытаться приблизиться к человеку в бежевом пальто.

Человек перевел взгляд на Бобби:

— Вирек. Йозеф Вирек. Я думал, большая часть человечества знает меня в лицо.

— Ты из «Важных мира сего» или откуда?

Человек прищурился, собрав морщинами лоб:

— Не знаю, о чем ты говоришь. Пако, что тут

делает эта личность?

— Случайный прокол, — ответил ребенок очень красивым, музыкальным голосом. — Основные ресурсы нашей системы задействованы через Нью-Йорк в попытке предотвратить бегство Анджелы Митчелл. А этот вот попытался войти в матрицу в тандеме с еще одним оператором и натолкнулся на нашу систему. Мы все еще пытаемся определить, как он прорвал нашу защиту. Опасность вам не угрожает. — Дуло маленького браунинга было абсолютно неподвижно.

И вдруг снова странное ощущение — будто кто-то дергает его, Бобби, за рукав. Нет, не совсем рукав, скорее, шевелится где-то в уголке сознания, нечто…

— Сеньор, — сказал ребенок, — в матрице наблюдаются аномальные явления, вероятно в результате нынешней сверхперегрузки нашей системы. Мы настоятельно предлагаем вам отсоединиться от конструкта до тех пор, пока мы не сумеем установить природу аномалии.

Ощущение стало сильнее. Кто-то скребся где-то на задворках его сознания…

— Что? — поднял брови Вирек. — И вернуться в резервуар? Едва ли это представляется оправданным…

— Вероятность настоящей опасности… — сказал мальчик. Теперь в его голосе появилась некоторая нервозность. Он чуть повел стволом браунинга. — Ты, — бросил он Бобби, — лицом на булыжник. Раскинь руки и ноги…

Но Бобби смотрел на цветочную клумбу у него за спиной, где цветы на глазах скукоживались и увядали, трава серела и распадалась в пыль и сам воздух над клумбой завихрялся мелкими смерчами… Ощущение чего-то, скребущегося в голове, становилось все сильнее, все настойчивее.

Вирек повернулся и тоже уставился на умирающие цветы.

— Что это?

Бобби закрыл глаза и стал думать о Джекки. Зудящий звук стал громче, вдруг Бобби понял, что это он сам его издает. Он потянулся внутрь себя — звук все еще шел — и коснулся деки Джаммера. «Давай! Иди! — крикнул он куда-то в глубину сознания, не заботясь, к чему или к кому он обращается. — Давай же!» Он почувствовал, как что-то поддалось, некий барьер или преграда, и скребущее ощущение пропало.

Когда он открыл глаза, на клумбе мертвых цветов что-то появилось. Бобби прищурился. Похоже на крест из простого, крашенного белым дере-

ва; кто-то продел перекладины креста в рукава древнего морского кителя, какого-то поеденного плесенью сюртука с тяжелыми, вычурными эполетами из потускневших золотых косичек, ржавые пуговицы, косички по обшлагам… На фоне белого столба возникла ржавая абордажная сабля, эфесом вверх, а рядом с ней — бутылка, до половины наполненная прозрачной жидкостью.

Ребенок резко повернулся, рявкнул пистолетик… И вдруг мальчик опал, сдулся, как проколотый воздушный шар. Шар засосало в ничто, а браунинг заклацал по каменной дорожке, как брошенная игрушка.

— Имя мне Самеди, — раздался голос, и Бобби захотелось кричать, он вдруг осознал, что этот голос исходит из его собственного рта. — Ты убил лошадь моего брата…

Вирек бросился бежать вниз по извилистой дорожке со змеями скамеек, полы огромного пальто развевались за ним, как уродливые крылья. И Бобби увидел, что его ждет второй белый крест — прямо там, где дорожка заворачивала, чтобы исчезнуть. Тут Вирек, должно быть, тоже его увидел, он закричал, и Барон Самеди, Хозяин Кладбищ, лоа, чьим царством была смерть, опустился на Барселону холодным темным дождем.

— Что, черт побери, тебе надо? Кто ты? — Голос был знакомый, женский. Не Джекки.

— Бобби, — сказал он, сквозь него пульсировали волны тьмы. — Бобби…

— Как ты сюда попал?

— Джаммер. Он знал. Его дека пришпилила тебя, когда ты заледенила меня в прошлый раз. — Только что он что-то видел, что-то огромное. Никак не вспомнить… — Меня послал Тернер. Он велел передать тебе, что это Конрой. Тебе нужен Конрой… — Собственный голос доносился будто чужой.

Он побывал где-то и вернулся, а теперь он здесь, в минималистичном неоновом рисунке Джейлин. На обратном пути он видел, как что-то огромное, нечто, заглотившее их, сдвинулось и стало изменяться. Исполинские блоки его вращались, выстраиваясь в новом порядке, менялся весь контур решетки…

— Конрой, — сказала она. Сексуальная, при всей небрежности прорисовки, мультяшная фигурка потянулась возле видеоокна, в контурах Джейлин сквозила безмерная усталость, даже скука… — Так я и думала. — Окно полыхнуло белым, и на его месте сфокусировался кадр с изображением какого-то древнего каменного зда-

ния. — Парк-авеню. Он там с этими европейцами, затевает очередную аферу, — вздохнула она. — Думает, он в безопасности, понимаешь? Стер Рамиреса, прихлопнул его, как муху, лгал мне в лицо, потом улетел в Нью-Йорк к своей новой работе, а теперь думает, что он в безопасности…

Фигура чуть шевельнулась, и картинка снова поменялась. Теперь экран заполнило лицо беловолосого, того самого, который при Бобби позвонил высокому самураю по телефону Джаммера. Она подключилась к его линии, подумал Бобби.

— …Или нет, — сказал Конрой (прорезалось аудио). — Так или иначе, она у нас в руках. Нет проблем.

А у беловолосого усталый вид, подумал Бобби, но все, мол, под контролем. Суровый мужик. Как Тернер.

— А я ведь следила за тобой, Конрой, — мягко сказала Слайд. — Мой добрый друг Банни, он за тобой присматривал для меня. Не один ты не спишь на Парк-авеню сегодня ночью…

— Нет, — говорил Конрой, — мы доставим ее вам в Стокгольм завтра. Совершенно точно. — Он улыбнулся прямо в камеру.

— Убей его, Банни, — медленно и раздельно

произнесла Джейлин. — Убей их всех. Снеси весь этот чертов этаж и тот, что под ним. Прямо сейчас.

— Вот именно, — сказал Конрой, и тут что-то случилось, камеру встряхнуло, изображение пошло волнами. — Что это? — спросил он совсем другим голосом, на этом экран погас.

— Гори, ублюдок, — сказала она.

А Бобби рывком выбросило назад, в темноту…

Глава 33

Обломки крушения и водоворот

Марли час проплавала среди медленного шторма, наблюдая за танцем шкатулочника. Угроза Пако ее не испугала, хотя она и не сомневалась в том, что он готов ее исполнить. Нет сомнений, уж он-то свою угрозу выполнит. Она понятия не имела, что может случиться, если взломают шлюз. Наверное, все умрут. Умрет она, и Джонс, и Виган Лудгейт. Может, вся эта подкупольная круговерть выплеснется в космос облаком, распуская лепестки кружев и почерневшего серебра, стеклянных шариков и обрывков веревки, и коричневых страниц старых книг, и навечно за-

кружит по орбите вокруг оболочки сердечников. Что ж, это будет вполне в стиле — и художника, того, кто запустил шкатулочника, это бы только порадовало…

По кругу клешней с темперлоновыми подушечками пальцев бегала новая шкатулка. Забракованные прямоугольные фрагменты дерева и стекла, кувыркаясь, вылетали из фокуса творения, чтобы присоединиться к тысячам мелочей. И Марли, околдованная происходящим, с головой ушла в созерцание. Сквозь отверстие в полу протиснулся Джонс. Взгляд у него был совершенно безумный, а лицо покрыто пленкой грязи и пота. Вслед за ним на страховочном конце вплыл красный скафандр.

— Никак не загнать Вига в место, которое я мог бы загерметизировать, — сказал он, — так что это тебе…

Скафандр под ним сделал попытку нырнуть, и Джонс в отчаянии дернул на себя страхконец.

— Не хочу, — ответила Марли, не отрывая глаз от танца.

— Надевай! Сейчас же! Время вышло! — Губы парнишки судорожно подергивались, но никакого крика не получалось. Он попытался взять ее за руку.

— Нет, — сказала она, отодвигаясь от него. — Как насчет тебя?

— Надевай этот чертов скафандр! — заорал он, разбудив более глубокие, низкие регистры эха.

— Нет.

За его головой она увидела, как, мигнув пару раз, экран ожил и заполнился чертами Пако.

— Сеньор мертв, — сказал испанец безо всякого выражения на гладком лице, — и его финансовые активы претерпевают определенную реорганизацию. В настоящее время меня затребовали в Стокгольм. Я уполномочен сообщить Марли Крушковой, что она не находится более на службе у покойного Йозефа Вирека, а также не работает на фонд его наследственного имущества. Обусловленная контрактом сумма может быть получена в полном объеме в любом отделении Банка Франции по предъявлении юридически действительного удостоверения личности. Требуемые налоговые декларации занесены в базы данных соответствующих учреждений Франции и Бельгии. Линии рабочего кредита с настоящего момента аннулируются. Бывшие базы данных корпорации «Тессье-Эшпул СА» являются собственностью одной из дочерних компаний покойного герра Вирека, и всякому, находяще-

муся на данной территории, будет предъявлено обвинение в нарушении…

Джонс застыл на месте, рука согнута, кисть раскрыта и напряжена, чтобы усилить ударный край ладони.

Пако исчез.

— Ты меня ударишь? — поинтересовалась Марли.

Он расслабил руку.

— Собирался. Сначала оглушить, потом затолкать в этот чертов скафандр… — Он рассмеялся. — Но я рад, что мне не пришлось… Эй, смотри, он сделал новую.

Из порхания манипуляторов выкатилась новая шкатулка, и Марли без труда ее поймала.

Внутренность за квадратом стекла была гладко выложена кусочками кожи, вырезанными из ее куртки. Семь пронумерованных голофишей поднимались над черно-кожаным полом шкатулки, как миниатюрные надгробия. Мятая обертка от пачки «голуаз» была распластана по черной коже задника, а рядом с ней — серый в черную полоску спичечный коробок из брассерии во «Дворе Наполеона».

Вот и все.

Позже, когда она помогала Джонсу отловить

Лудгейта в лабиринте коридоров у дальнего конца сердечников, парнишка вдруг остановился, уцепившись за литой поручень, и сказал:

— Знаешь, что самое странное в этих шкатулках?…

— Да?

— То, что Виг получал за них чертовски хорошие деньги. Где-то в Нью-Йорке. Я хочу сказать, большие деньги. Но иногда появлялись и другие вещи. То, что возвращалось наверх…

— Что за вещи?…

— Думаю, это было программное обеспечение. Он чертовски скрытный старый хрен, когда дело доходит до того, что, по его мнению, хотят от него голоса… А однажды было нечто — он тогда клялся и божился, что это биософт, тот самый, новейшая технология…

— И что он с этим делал?

— Закачивал целиком в сердечники. — Джонс пожал плечами.

— То есть ничего у себя не оставлял?

— Нет, — сказал Джонс, — просто швырял в очередную груду хлама, который нам удалось наскрести для следующей поставки вниз. Загружал на сердечники, а потом перепродавал за сколько выйдет.

— Ты знаешь почему? В чем там было дело?

— Нет, — сказал Джонс, теряя интерес к собственному рассказу, — я даже не спрашивал, он все равно бы сказал, что пути Господни неисповедимы… — Парнишка пожал плечами. — Виг все повторяет, что Бог любит поговорить с Самим Собой…

Глава 34

Цепь в девять миль длиной

Он помог Бовуару перенести Джекки на сцену, где они положили ее перед вишнево-красными барабанами и накрыли старым черным пальто, нашедшимся в гардеробной, — с бархатным воротником и многолетним слоем пыли по плечам.

— *Map фе юбиле мнан*, — сказал Бовуар, касаясь большим пальцем лба мертвой танцовщицы. Потом он перевел взгляд на Тернера. — Это самопожертвование, — перевел он и мягко натянул черный воротник, закрывая ей лицо.

— Быстрая смерть, — сказал Тернер. Больше ничего ему в голову не пришло.

Вытащив пачку ментоловых сигарет из карма-

на серого балахона, Бовуар прикурил от золотой зажигалки «Данхилл», потом протянул пачку Тернеру, но тот покачал головой.

— Есть одна поговорка на креольском, — сказал Бовуар.

— А именно?

— Зло существует.

— Эй, — тускло окликнул их Бобби Ньюмарк со своего насеста у стеклянной двери, где он сидел, припав глазом к щели в шторах. — Должно быть, все-таки сработало… Готики начинают расходиться, а большинство фоннатов, похоже, уже отчалили…

— Вот это хорошо, — мягко отозвался Бовуар. — Это благодаря тебе, Счет. Ты справился, Граф. Заслужил свое прозвище — в обоих смыслах.

Тернер поглядел на парнишку. Тот все еще двигался так, будто брел сквозь туман смерти Джекки. Он вынырнул из матрицы с криком, и Бовуару пришлось дать ему пару крепких затрещин, чтобы остановить истерику. Но все, что он им сказал о своем рейде — рейде, который стоил жизни Джекки, — ограничилось подтверждением: да, он передал Джейлин Слайд сообщение Тернера. Тернер наблюдал за Бобби, когда тот неуклюже встал, отошел на негнущихся ногах

к бару, видел, как мальчик старается не смотреть на сцену. Были ли эти двое любовниками? Партнерами? И то и другое представлялось ему маловероятным.

Встав со своего места на краю сцены, Тернер вернулся в контору Джаммера, по дороге проверив спящую Энджи, которая свернулась в его взрезанной парке на ковре под столом. Джаммер в кресле тоже спал, обожженная рука все так же лежала у него на коленях, полосатое полотенце наполовину развернулось. Крепкий старикан, подумал Тернер, и бывалый ковбой. Как только Бобби вернулся из рейда, Джаммер снова подключил телефон, но Конрой так и не перезвонил. Теперь уже и не позвонит. Тернер знал, что это значит, а значило это то, что Джаммер был совершенно прав, говоря о скорости, с какой Джейлин Слайд нанесет удар, чтобы отомстить за Рамиреса, и что Конрой, конечно же, мертв. А теперь, по словам Бобби, и наемная армия провинциальных головорезов оставляет свои позиции.

Тернер подошел к телефону и, набрав код сводки новостей, устроился в кресле смотреть. В Макао паром на подводных крыльях столкнулся с мини-субмариной; спасательные жилеты оказались бракованными, и по меньшей мере пятнадцать

человек утонули; местонахождение субмарины, увеселительного судна, приписанного к дублинскому порту, до сих пор не установлено… Кто-то расстрелял зажигательными снарядами из безоткатной пушки два этажа кооперативного здания на Парк-авеню; пожарные и тактические бригады еще осматривают место происшествия; имена жильцов пока не оглашались, и никто не взял на себя ответственность за теракт… (Тернер набрал код этого отрывка вторично…) Группа инспекторов «Ядерной комиссии», вызванная на место предполагаемого ядерного взрыва в Аризоне, настаивает на том, что уровень обнаруженной здесь радиоактивности слишком низок и не может быть результатом взрыва какой-либо из известных боеголовок… В Стокгольме объявлено о кончине Йозефа Вирека, невероятно состоятельного мецената; объявление всплыло посреди водоворота самых невероятных слухов о том, что Вирек был болен уже несколько десятилетий и что его смерть явилась результатом некоего катастрофического сбоя в системе жизнеобеспечения в тщательно охраняемой частной клинике в пригороде Стокгольма… (Тернер прокрутил это сообщение во второй раз, потом в третий, нахмурился и, наконец, пожал плечами.) На более

жизнеутверждающей ноте: полиция предместья Нью-Джерси сообщает, что…

— Тернер…

Остановив сводку новостей, он повернулся и увидел в дверном проеме Энджи.

— Как ты себя чувствуешь, Энджи?

— Нормально. Мне ничего не снилось. — Она зябко завернулась в кофту, глянула на него из-под обвисших каштановых прядей. — Бобби показал мне, где тут душ. Там что-то вроде раздевалки. Я сейчас туда вернусь. На голове у меня черт-те что.

Тернер пересек комнату и положил ей руки на плечи:

— Ты держалась молодцом. Скоро ты отсюда выберешься.

Передернув плечами, дочь Митчелла скинула его руки.

— Отсюда? И куда же? В Японию?

— Ну, может, не в Японию. Может, не в «Хосаку»…

— Она поедет с нами, — сказал из-за ее спины Бовуар.

— И зачем бы это?

— Затем, — сказал Бовуар, — что мы знаем, кто ты. Эти твои сны совершенно реальны. В одном

из них ты встретила Бобби и спасла ему жизнь, отрезала его от черного льда. Ты сказала тогда: «Почему они делают это с тобой?»

Глаза Энджи расширились, взгляд метнулся к Тернеру, потом назад к Бовуару.

— Это очень долгая история, — продолжал Бовуар, — интерпретировать ее можно по-всякому. Но если ты поедешь с нами — а мы возвращаемся назад в Новостройки, — наши люди многому тебя научат. Мы передадим тебе то, чего не понимаем сами, но, возможно, поймешь ты…

— Почему?

— Из-за цепей в твоей голове, — серьезно покивал Бовуар и подтолкнул вверх к переносице свою пластиковую оправу. — Никто не станет принуждать тебя оставаться у нас против твоей воли. На самом деле мы здесь лишь для того, чтобы служить тебе…

— Служить мне?

— Как я уже сказал, это долгая история… Что думаете, мистер Тернер?

Тернер пожал плечами. Он понятия не имел, куда еще ей податься, а «Маас», без сомнения, выложит любые деньги, чтобы заполучить ее обратно — живой или мертвой, да и «Хосака» тоже.

— Возможно, это наилучший выход, — сказал

он.

— Я хочу остаться с тобой. — Энджи повернулась к Тернеру. — Мне понравилась Джекки, но потом она…

— Не важно, — отозвался Тернер. — Я знаю. — («Ничего я не знаю!» — безмолвно кричал он.) — Я еще свяжусь с тобой… — («Я никогда больше тебя не увижу».) — Но есть еще кое-что, и будет лучше, если я скажу тебе прямо сейчас. Твой отец мертв. — («Он покончил с собой».) — Его убили люди из службы безопасности «Мааса»; он задерживал их, пока ты уводила дельтаплан с плато…

— Это правда? Что он их задерживал? Я хочу сказать, я вроде чувствовала, что он мертв, но…

— Да, — сказал Тернер. Вынув из кармана черный конверт Конроя, надел ей на шею шнурок. — Здесь досье-биософт. Это тебе на будущее, когда ты станешь старше. Оно не расскажет тебе всего целиком. Помни об этом. Ничто никогда не дает полной правды…

Бобби стоял у бара, когда этот высокий выходил из конторы Джаммера. Высокий прошел прямо туда, где раньше спала девушка. Подобрав свою драную армейскую куртку, надел ее, потом подступил к краю сцены, где лежала Джекки, казавшаяся такой маленькой под черным пальто.

Высокий запустил руку под куртку и вытащил пушку, огромный «смит-и-вессон», тактический образец. Открыв барабан, извлек патроны, ссыпал их себе в карман, а потом положил пушку возле тела Джекки. Положил так осторожно, что та даже не звякнула.

— Ты хорошо поработал, Граф, — сказал он, поворачиваясь лицом к Бобби, руки глубоко в карманах куртки.

— Спасибо, друг. — Сквозь оцепенение Бобби все же испытал прилив гордости.

— Пока, Бобби. — Высокий подошел к двери и начал один за другим пробовать различные замки.

— Хочешь выйти? — Бобби поспешил к двери. — Вот так. Джаммер мне показывал. Уходишь, старик? Куда собираешься?

И вот дверь открыта, и Тернер уходит прочь мимо заброшенных, опустевших лавок.

— Не знаю! — не оборачиваясь, крикнул он Бобби. — Мне нужно сначала купить восемьдесят литров керосина, а потом я подумаю…

Бобби смотрел ему вслед, пока тот не исчез. Судя по всему — вниз по мертвому эскалатору. Потом закрыл и запер на все замки дверь. Стараясь не смотреть на сцену, он зашагал к конторе

Джаммера и заглянул внутрь. Энджи плакала, уткнувшись в плечо Бовуару, и Бобби почувствовал удививший его самого укол ревности. Телефон зациклило, и за спиной Бовуара по кругу бежала все та же сводка новостей.

— Бобби, — окликнул его Бовуар, — Анджела какое-то время поживет в Новостройках. Не хочешь тоже перебраться к нам?

За спиной Бовуара на экране появилось лицо Марши Ньюмарк, Мамы-Марши, его матери:

«…На более жизнеутверждающей ноте: полиция предместья Нью-Джерси сообщает, что местная жительница, чье кондо недавно взорвали, была крайне удивлена, вернувшись вчера вечером и обна…»

— Ага, — поспешно сказал Бобби, — конечно, друг.

Глава 35

Тэлли Ишем

— Она хороша, — сказал два года спустя администратор съемочной группы, неторопливо макая корочку пористого деревенского хлеба в озерцо масла, собравшегося на дне миски с

салатом. — По-настоящему. Схватывает все на лету, эта твоя новая дублерша. Надо отдать ей должное, не так ли?

Рассмеявшись, звезда взяла со стола стакан охлажденной рецины.

— Ты ведь ненавидишь ее, правда, Робертс? Она для тебя слишком удачлива, да? Не сделала пока ни одного неверного шага…

Они опирались о шершавый камень балюстрады, глядя, как вечерний паром уходит к Афинам. Двумя террасами ниже в сторону гавани на нагретом солнцем водяном матрасе лежала обнаженная девушка. Раскинув руки, она будто обнимала то, что осталось от заходящего солнца.

Забросив пропитанную маслом корочку в рот, администратор облизал узкие губы.

— Отнюдь, — сказал он. — Я не ненавижу ее. И минуты так не думай.

— А вот и ее дружок, — заметила Тэлли, когда на плоской крыше под ними появилась вторая фигура: темноволосый парнишка был одет в свободный, небрежно дорогой французский спортивный костюм; он подошел к матрасу и, присев возле девушки, коснулся ее плеча. — Она прекрасна, Робертс, не правда ли?

— Ну, — отозвался администратор, — я видел

ее фотографии «до». Пластическая операция, не более того. — Он пожал плечами, все еще не сводя глаз с юноши.

— Если бы ты где-нибудь увидел мои фотографии «до», — сказала она, — я бы кое с кого шкуру спустила. Но в ней что-то есть. Хорошие кости, основа… — Она отпила вина. — А вдруг это она? «Новая Тэлли Ишем»?

Администратор снова пожал плечами.

— Только погляди на этого недоноска, — сказал он. — Ты знаешь, что он получает почти такое же жалованье, как я сейчас? И как он его отрабатывает? Телохранитель… — Его рот сжался в тонкую кислую линию.

— Помогает ей быть счастливой, — улыбнулась Тэлли. — Мы получили их в одном флаконе. Это обязательный пункт ее контракта. Сам знаешь.

— Терпеть не могу этого маленького ублюдка. Только-только с улицы — сам прекрасно это знает и плюет на всех. Он просто мешок с неприятностями. Знаешь, что он возит в своем багаже? Киберпространственную деку! Нас вчера на три часа задержали на турецкой таможне, когда нашли эту чертову штуку… — Он покачал головой.

Парнишка встал, повернулся и отошел к краю крыши. Девушка села, глядя на него, смахивая

со лба непослушные волосы. Он стоял там долго, уставившись на двойной, расходящийся веером след в кильватере афинского парома. И ни Тэлли Ишем, ни администратор, ни Энджи не знают, что он видит сейчас серую волну барритаунских кондо, увенчанную темными башнями Новостроек.

Девушка встала, пересекла крышу и, встав с ним рядом, взяла его за руку.

— Что у нас на завтра? — спросила наконец Тэлли.

— Париж, — ответил администратор, беря с каменной балюстрады кожаную папку от «Гермеса» и машинально пролистывая тонкую пачку желтых распечаток. — Некая Крушкова.

— Я ее знаю?

— Нет, — сказал он. — Это раздел «Искусство». Она заправляет одной из двух самых модных парижских галерей. Информации не так много, хотя мы раскопали многообещающий намек на какой-то скандал в начале ее карьеры.

Не обращая на него внимания, Тэлли кивнула. Звезда смотрела, как ее ученица кладет руку на плечо парнишке с темными волосами.

Глава 36

Беличий лес

Когда мальчику исполнилось семь, Тернер взял старый, с пластиковым прикладом, винчестер Руди, и они вдвоем отправились в путешествие по старому шоссе, а потом через лес на поляну.

Поляна и без того была особым местом: мать приводила его сюда год назад и показывала самолет, настоящий самолет, спрятанный среди деревьев. Самолет потихоньку погружался в глину, но можно ведь просто посидеть в кабине, делая вид, что летишь. Это секрет, сказала мать, и о нем можно рассказывать только отцу, и никому больше. Если положить руку на пластиковую шкуру самолета, шкура со временем изменит цвет, оставив отпечаток твоей руки, точь-в-точь под цвет ладони. Но тут мать стала совсем странной, и заплакала, и захотела говорить о дяде Руди, которого он не помнил. Дядя Руди… ну, он относился к тому, чего мальчик совсем не понимал, как, скажем, некоторые из шуток отца.

Однажды он спросил у отца, почему у него рыжие волосы и откуда они у него, а отец только

рассмеялся и сказал, что, мол, от голландца. Тогда мать бросила в отца подушкой, и он так и не узнал, кто такой этот голландец.

На поляне отец учил его стрелять, прислонив к стволу дерева пару сосновых чурок. Когда мальчику это надоело, они долго лежали в траве, наблюдая за белками.

— Я пообещал Салли, что мы никого не убьем, — сказал отец, а потом стал объяснять азы охоты на белок.

Мальчик слушал, но какая-то часть его видела сны наяву — о самолете. Жарко, и можно услышать, как поблизости жужжат пчелы и журчит по камням вода. Когда его мать плакала, она говорила, что Руди был хорошим человеком, что он спас ей жизнь, один раз спас от молодости и глупости, и еще раз — от очень плохого человека…

— Это правда? — спросил он своего отца, когда тот закончил говорить о белках. — Они что, правда такие глупые, снова и снова возвращаются, чтобы их подстрелили?

— Да, — ответил Тернер, — правда. — Потом он улыбнулся: — Ну, почти всегда…

Мона Лиза овердрайв
(роман)

Заключительный роман трилогии «Киберпространство». Дочь учёного Энджи Митчелл родилась с возможностью входить в матрицу без применения какого-либо оборудования. Этой возможностью её наделил отец-инженер, который наложил на себя руки при провальной попытке вырваться из-под контроля своего дзайбацу.

Одновременно с этим дочь якудза Янаки едет в США, чтобы переждать нехорошие события…

Глава 1

Большой Дым

Призрака, прощальный подарок отца, передал ей в зале вылета Нариты секретарь в черном.

Первые два часа перелета в Лондон он лежал забытый в ее сумочке — гладкий черный продолговатый предмет. Одну сторону корпуса

украшала гравировка с вездесущим логотипом «Маас-Неотек», с другой стороны корпус был плавно изогнут, отлитый под ладонь пользователя.

Кумико выпрямилась в кресле салона первого класса. Черты сложены в маленькую холодную маску, смоделированную по наиболее характерному выражению лица покойной матери. Места вокруг пустовали: отец купил весь салон. Девочка отказалась от обеда, предложенного отчаянно нервничающим стюардом: того до икоты пугали пустые кресла — зримое свидетельство богатства и власти ее отца. Мужчина помедлил, потом с поклоном удалился. На мгновение она позволила маске матери улыбнуться.

«Призраки… — думала она позже, уже где-то над Германией, глядя на обивку соседнего кресла. — Как хорошо отец обращается со своими призраками…»

И за окном тоже были призраки. Призраки клубились в стратосфере европейской зимы, разрозненные образы, начинающие обретать ясность, если позволить взгляду расфокусироваться. Ее мать в парке Уэно, лицо в свете сентябрьского солнца кажется таким хрупким. «Журавли, Кумико! Погляди, какие журавли!»

И Кумико смотрит вдаль над прудом Синобадзу и ничего не видит, ни следа журавлей. Только несколько мелькающих черных точек, которые, конечно же, самые обыкновенные вороны. Вода к вечеру обрела гладкость свинцового шелка, и над тирами для стрельбы из лука мерцали бледные, расплывчатые голограммы. Но Кумико увидит журавлей после — во сне, и не один раз: оригамные журавлики, угловатые создания, сложенные из листов неона. Светящиеся жесткие птицы поплывут по лунному ландшафту материнского безумия…

Отец в черном халате, распахнутом поверх вытатуированного вихря драконов… сутулится над необъятным полем черного дерева — рабочим столом… Глаза — плоские и яркие, как у расписной куклы. «Твоя мать умерла. Понимаешь? У-мер-ла». А вокруг ходят по кабинету зыбкие плоскости тени, копошится угловатая тьма. В круге света настольной лампы возникает рука отца, тычет в нее дрожащим пальцем. Рукав халата соскальзывает, открывая золотой «Ролекс» и очередных драконов; гривы их свиваются в волны, наколотые плотно и густо вокруг запястий. Их пасти тянутся к девочке. «Понимаешь?» Она ничего не ответила и убежала прочь, вниз, в укромное

местечко в подвале, известное только ей одной, сжалась в комок под брюхом маленького робота-чистильщика. Всю ночь вокруг нее щелкали автоматы, каждые несколько минут сканируя подвал розовыми вспышками лазерного света. Девочка проплакала там несколько часов кряду, пока ее не нашел отец и, обдавая запахом виски и сигарет «данхилл», не отнес наверх в ее комнату на третьем этаже особняка.

Воспоминания о последовавших затем неделях... Тусклые, оцепенелые дни, проведенные в основном в черно-костюмном обществе то одного, то другого секретаря, осторожных молодых людей с автоматическими улыбками и плотно свернутыми зонтами. Один из них, самый молодой и самый неосторожный, решил развлечь ее на запруженном туристами тротуаре Гиндзы под сенью часов Хаттори, сымпровизировав демонстрацию кэндо. Как легко скользил он меж ошалевших от удивления продавщиц, меж распахнувших глаза туристов! Взмах — и черный зонт будто теряет очертания, появляется вновь, выписывая безобидно и молниеносно ритуальные фигуры древнего искусства. Кумико тогда улыбнулась своей улыбкой, сломав похоронную маску. И от этого ее вина тут же вонзилась еще

глубже, в то самое место в сердце, где Кумико оплакивала свой стыд и свою недостойность. Но чаще всего секретари водили ее за покупками по необъятным универмагам Гиндзы, туда-сюда по десяткам бутиков Синдзюку, как советовал им «мишленовский» гид из синего пластика, говоривший на консервативном туристическом японском. Девочка покупала только самые безобразные вещи, безобразные и очень дорогие, и секретари солидно вышагивали рядом с глянцевыми пакетами в руках. Каждый вечер по возвращении в отцовский особняк аккуратно расставленные пакеты появлялись в спальне Кумико, где нетронутыми и нераспакованными дожидались, пока их не унесут горничные.

А на седьмую неделю, накануне ее тринадцатого дня рождения, было устроено так, что Кумико отправится в Лондон.

— Ты будешь гостьей в доме моего кобуна[59], — сказал отец.

— Но я не хочу ехать, — ответила она улыбкой матери.

— Ты поедешь. — Отец отвернулся. — Возникли

[59] Примечания: 59

Оябун — кобун («приемный отец» — «приемный сын») — традиционная японская иерархическая структура, на которой строится якудза.

определенные затруднения, — обратился он к полному теней кабинету. — В Лондоне ты будешь в безопасности.

— А когда я вернусь?

Но отец не ответил. Поклонившись, она покинула его кабинет, все еще с улыбкой матери на лице.

Призрак откликнулся на первое же прикосновение Кумико. Произошло это, когда самолет стал снижаться над Хитроу. Представитель пятьдесят первого поколения биочипов «Маас-Неотек» материализовался в расплывчатую фигуру на соседнем сиденье. Парнишка будто сошел с литографии какой-нибудь охотничьей сцены — ноги в рыжевато-коричневых бриджах и ботинках для верховой езды небрежно закинуты одна на другую.

— Привет, — сказал призрак.

Моргнув, Кумико разжала руку. Парнишка замерцал и исчез. Она опустила глаза на маленький гладкий модуль в своей ладони и осторожно сомкнула пальцы.

— Еще раз привет. Меня зовут Колин. А тебя?

Она взглянула на него пристальней. Глаза призрака клубились зеленым туманом, высокий лоб под непослушными темными прядями был

бледен и гладок.

— Если это для тебя слишком призрачно, — ухмыльнувшись, проговорил он, — можно увеличить разреше…

На какую-то долю секунды он стал четким до рези в глазах. Ворс на отворотах его куртки завибрировал с реальностью галлюцинации.

— Но это быстро посадит батарейку, — продолжил Колин и поблек до первоначального состояния. — Не слышал твоего имени.

Снова ухмылка.

— Ты не настоящий, — сказала девочка.

Призрак пожал плечами:

— Нет нужды говорить вслух, мисс. Соседи могут решить, что ты немного с приветом, если понимаешь, о чем я. Говори про себя. Я считаю все через кожу… — Он потянулся, закинув руки за голову. — Ремень, мисс. Мне не нужно пристегиваться, поскольку, как ты изволила заметить, я не настоящий.

Нахмурившись, Кумико швырнула модуль призраку на колени. Призрак исчез. Она застегнула ремень, глянула на вещицу, потом, помедлив, подтянула ее к себе за цепочку.

— Значит, впервые в Лондоне? — спросил он, воплотившись из водоворота красок на перифе-

рии ее зрения.

Сама того не желая, девочка кивнула.

— А как насчет летать? Не боишься?

Она мотнула головой, чувствуя себя глупо.

— Да и бог с ним, — сказал призрак. — Я за тобой пригляжу. Будем в Хитроу через три минуты. Тебя кто-нибудь встречает?

— Деловой партнер отца, — ответила она по-японски.

Призрак усмехнулся.

— Тогда, конечно, ты будешь в надежных руках, — подмигнул он. — По мне не скажешь, что я такой лингвист, да?

Кумико закрыла глаза, и призрак стал нашептывать ей что-то об археологии Хитроу, о неолите и бронзовом веке, о глиняных черепках и каменных рубилах…

— Мисс Янака? Кумико Янака?

Над ней высился незнакомый англичанин. Массивное туловище гайдзина[60] было задрапировано слоновьими складками темной шерсти. Из-за очков в стальной оправе мягко взирали маленькие темные глазки. Нос, будто расплющенный чьим-то давним ударом, так и не

---

[60] Примечания: 60

Gaijin *(яп.)* — иностранец, не японец.

выправили. Волосы незнакомца, вернее, то, что от них осталось, были выбриты до седой щетины, а черные вязаные перчатки протерлись и не имели пальцев.

— Видите ли, — сказал он так, как будто это тут же должно было ее успокоить, — меня зовут Петал[61].

Говоря о Лондоне, Петал называл город Большой Дым. Или просто Дым.

Кумико съежилась на холодной красной коже переднего сиденья. Из окна древнего «ягуара» ей было видно, как падает, кружась, снег и тает на дороге, которую Петал назвал М-4. Вечернее небо было бесцветным. Петал вел машину умело и молча, вытянув губы так, будто вот-вот засвистит. По меркам Токио машин было до абсурда мало. Они обогнали автономный грузовой трейлер «Евротранс», его тупой нос был утыкан сенсорами и обрамлен многорядьем фар. Несмотря на скорость, Кумико казалось, будто она стоит на месте и вокруг нее постепенно скапливаются, нанизываются одна на другую частицы Лондона. Стены из мокрого красного кирпича, бетонные арки эстакад, кованые копья оград из черного чугуна.

---

[61] Примечания: 61
Petal *(англ.)* — лепесток.

Город на глазах приобретал очертания. Когда «ягуар», свернув с М-4, на перекрестках дожидался зеленого, сквозь медленно кружащийся снег девочка видела неясные лица прохожих: раскрасневшиеся лица гайдзинов над темной одеждой, подбородки упрятаны в шарфы, каблуки женщин цокают по серебристым лужам. Ряды домов и магазинчиков напомнили ей вычурные безделушки, какие она видела однажды на темном бархате. Там они располагались вокруг игрушечного локомотива в галерее торговца европейским антикварiатом в Осаке.

Ничто здесь не походило на Токио, где прошлое — все, что от него осталось, — лелеяли с какой-то нервозной заботой. История там превратилась в качество, редкость, в подарочной упаковке поставляемую правительством и охраняемую законом и фондами корпораций. Здесь же она, казалось, пропитывала саму ткань бытия. Город вставал единым сгустком из кирпича и камня, вместившим многие эпохи наслаивающихся друг на друга посланий и смыслов, порожденных многовековым диктатом уже почти не поддающейся раскодированию ДНК коммерции и империи.

— Сожалею, что Суэйн не смог поехать встретить тебя сам, — сказал человек, назвавший себя

Петалом.

Вместо «сожалею» Кумико послышалось «сожалей», и она сперва приняла его извинения за приказ. Она подумала, не вызвать ли ей призрака, но потом отказалась от этой мысли.

— Суэйн, — рискнула спросить она, — мистер Суэйн — это мой хозяин?

Петал встретил в зеркале ее взгляд.

— Роджер Суэйн. Отец разве не говорил тебе?

— Нет.

— Ага. — Он кивнул. — Мистер Янака ценит секретность в таких делах, этого следовало ожидать… Человек его положения, и так далее… — Он шумно вздохнул. — Прошу прощения, что обогреватель не работает. В гараже должны были починить…

— А вы один из секретарей мистера Суэйна? — спросила она у щетинистых перекатов плоти над воротником плотного пальто.

— Его секретарь? — Казалось, он обдумывает ее вопрос. — Нет, — решился он наконец. — Я не секретарь.

«Ягуар» свернул на загибающуюся дугой подъездную дорожку, оставив позади поблескивающие металлические навесы и вечернюю реку пешеходов.

— Так ты поела? Вас кормили в полете?

— Я была не голодна. — На лице маска матери.

— Ну, думаю, у Суэйна для тебя что-нибудь найдется. Любит японскую еду наш Суэйн. — Прищелкнув языком, Петал оглянулся на девочку.

Она смотрела мимо него, видя лишь поцелуи снежинок на ветровом стекле и стирающие их взмахи дворников.

Резиденция Суэйна в Ноттинг-Хилле состояла из трех соединенных переходами городских домов в викторианском стиле, затерявшихся в снежной круговерти улочек и переулков. Петал с парой чемоданов Кумико в каждой руке объяснил, что дверь номер 17 — это одновременно парадный вход и для домов номер 16 и 18.

— Нет смысла туда стучать, — сказал он, неловко взмахнув чемоданами в попытке указать на красную полировку и начищенные медные петли двери дома номер 16. — За ней нет ничего, кроме двадцати дюймов железобетона.

Взгляд девочки скользнул по подъездной дорожке, где отступали, загибаясь вдоль пологой дуги, почти идентичные фасады домов. Снег теперь валил гуще, и блеклое небо в свете натриевых ламп приобрело оттенок лососины. Улица казалась вымершей, а снег — чистым и нетрону-

тым. В холодном воздухе чудился незнакомый привкус, слабый, но всепроникающий намек на архаичное топливо. Ботинки Петала оставляли огромные отчетливые следы. Англичанин носил черные, замшевые, с узким носком оксфорды на необычайно толстой рифленой подошве из алого пластика. Вновь начиная дрожать от холода, она последовала по этим следам вверх по серым ступеням дома номер 17.

— Так, значит, это я, — обратился Петал к выкрашенной в черное двери, — впускайте.

Потом он вздохнул, поставил все четыре чемодана в снег и, сняв с правой руки перчатку, прижал ладонь к кругу яркой стали, утопленному в дверную створку. Кумико показалось, что она услышала будто бы комариный писк, который становился все выше, пока не исчез совсем. Дверь завибрировала, это вышли из пазов магнитные засовы.

— Ты назвал его «Дым», — сказала японка, когда он взялся за ручку двери, — город…

Петал помедлил.

— Дым, — повторил он, — да, Большой Дым. — И открыл дверь в свет и тепло. — Это старое выражение, что-то вроде прозвища.

Вновь подхватив багаж, Петал мягко протопал

в устланное синим ковром фойе, обшитое панелями из белого крашеного дерева. Она вошла следом. Дверь за ее спиной автоматически закрылась, с гулким стуком вдвинулись на место засовы. На белой обшивке стены висела картина в махагоновой раме — лошади в поле, крохотные фигурки в красных куртках. Вот бы где жить этому призраку, Колину, подумала она. Петал поставил чемоданы. На синем ковре таяли маленькие комки слипшегося снега. Англичанин открыл еще одну дверь, за которой оказалась позолоченная стальная клетка. С лязгом отодвинулась складная решетка. Кумико недоуменно воззрилась на странное сооружение.

— Лифт, — пояснил Петал, — для твоих вещей в нем места не хватит. Я за ними потом спущусь.

Когда Петал ткнул в белую фарфоровую кнопку толстым указательным пальцем, лифт, несмотря на свой явно пожилой возраст, тронулся довольно плавно. Кумико пришлось стоять почти впритык к англичанину; от него пахло влажной шерстью и каким-то цветочным лосьоном.

— Мы поселим тебя наверху, — сказал он, проводя ее по узкому коридору. — Решили, там будет спокойнее. — Открыв дверь, он жестом предложил ей войти. — Надеюсь, тебе понравит-

ся… — Сняв очки, он стал энергично протирать их мятой тряпицей. — Я принесу твой багаж.

Оставшись одна, Кумико медленно обошла вокруг массивной ванны из черного мрамора, доминировавшей в центре низкой, заставленной мебелью комнаты. По стенам, резко сходящимся к потолку, висели позолоченные зеркала. Пара небольших мансардных окон обрамляла огромную кровать. Такого размера ложа Кумико еще никогда в жизни не видела. В зеркало над кроватью были встроены маленькие светильники на шарнирах, похожие на лампы для чтения в самолете. Она остановилась около ванны, погладила изогнутую шею лебедя в позолоте, служившего краном. Опускаясь или поднимаясь, его раскинутые крылья, должно быть, регулировали температуру воды. Воздух был теплым и недвижным, и ей на мгновение почудилось, что комнату, как болезненный, мучительный туман, заполнило присутствие матери.

В дверях кашлянул Петал.

— Ну как, все в порядке? — приговаривал он, возясь с ее багажом. — Еще не проголодалась? Нет? Тогда я тебя оставлю, располагайся… — Он пристроил чемоданы возле гигантской кровати. — Если захочется есть, позвони. — Он указал

на причудливый антикварный телефон с мембранами в виде медных свитков на причудливо изогнутой трубке из слоновой кости. — Просто подними трубку, не нужно даже набирать. Завтрак — когда захочешь. Спроси кого-нибудь, тебе покажут, где столовая. Там и познакомишься с Суэйном…

Появление англичанина развеяло наваждение. Когда, пожелав девочке доброй ночи, он закрыл за собой дверь, Кумико попыталась ощутить присутствие матери вновь, но ничего не вышло.

Еще долго она стояла у ванны, поглаживая холодный гладкий металл лебединой шеи.

Глава 2

Малыш Африка

Малыш Африка явился на Собачью Пустошь в последний день ноября. За рулем его винтажного «доджа» восседала белая девушка по имени Черри Честерфилд.

Слик Генри и Пташка как раз демонтировали циркульную пилу, служившую левой рукой Судье. Латаная-перелатаная подушка Малышова ховера то и дело взметывала фонтанчики ржавой

воды, лужами собиравшейся на горбатой равнине из прессованной стали.

Первым его засек Пташка. Острые у него, у Пташки, глаза да еще монокуляр с десятикратным увеличением, болтавшийся на груди среди косточек всякой мелкой живности и древних медных гильз. Слик оторвал взгляд от гидравлического запястья и увидел, как Пташка вытянулся во весь свой двухметровый рост и нацелил подзорную трубу куда-то сквозь голые прутья арматуры, из которых состояла большая часть южной стены Фабрики. Худ был Пташка невероятно, скелет скелетом; залаченные крылья его русых волос, почему он и заработал такое прозвище, резко выделялись на фоне бледного неба. Волосы на затылке и висках он сбрил, полоса выбритой кожи поднималась высоко над ушами. В сочетании с аэродинамическим раздвоенным хвостом это создавало впечатление, будто на макушке у него сидит безголовая коричневая чайка.

— Ух ты, — подал голос Пташка, — сукин сын.

— Ну что там еще?

Пташку и без того довольно сложно было заставить сосредоточиться, а работа требовала еще одной пары рук.

— Да тот ниггер.

Поднявшись на ноги, Слик вытер руки о джинсы, а Пташка нащупал за ухом зеленый микрософт «Мех-5», выдернул его из разъема и тут же напрочь забыл все восемь этапов сервокалибровочной процедуры, необходимой для того, чтобы наладить пилу Судьи.

— Кто за рулем?

Африка никогда не садился за руль сам, если мог заставить вести кого-то другого.

— Не понять.

Пташка выпустил монокуляр, и тот брякнулся на свое место в занавесочке из костей и гильз.

Слик присоединился к Пташке у окна, наблюдая за медленным передвижением «доджа». Малыш Африка время от времени разнообразил его матово-черную палитру с помощью какого-нибудь аэрозольного баллончика. Мрачно-серьезный вид тачки сводился на нет рядом хромированных черепов, приваренных к массивному переднему бамперу. В былые времена черепа щеголяли красными рождественскими лампочками в глазницах. Неужто Малышу стало плевать на имидж?

Когда ховер свернул к Фабрике, Слик услышал в темноте возню Пташки: тяжелые ботинки проскрежетали по пыли и ярким спиралькам

металлической стружки.

Слик стоял у проема выбитого окна с единственным уцелевшим куском стекла, похожим на острие кинжала, и хмуро смотрел, как ховер, постанывая и выпуская пар, опускается на свою подушку перед самой Фабрикой.

В темноте за спиной опять послышалась возня; Слик догадался, что это Пташка, забравшись за старые стеллажи, накручивает самодельный глушитель на китайскую винтовку, с которой обычно ходил на кроликов.

— Пташка, — Слик бросил гаечный ключ на кусок брезента, — я знаю, что ты тупая задница, срань расистская из гнилого Джерси, но тебе что, всякий раз надо об этом напоминать?

— Мне не нравится этот ниггер, — донеслось из-за стеллажа.

— Ага, и ежели этот ниггер, не дай бог, вдруг вздумает это заметить, ты ему тоже не понравишься. Знай он, что ты сидишь там с пушкой, он бы забил ее тебе в глотку, причем поперек.

Никакого ответа. Пташка вырос в задрипанном городишке белого Джерси, где никто никогда знать ни черта не желал и ненавидел всех, кто хоть что-то знает.

— И я бы ему помог. — Рывком застегнув ста-

рую коричневую куртку, Слик вышел к ховеру Малыша Африки.

Пыльное стекло напротив места водителя с шипением сползло вниз, открыв бледное лицо в желтоватых очках-консервах невероятного размера. Под сапогами Слика захрустели древние банки, изъеденные ржавчиной до кружева прошлогодних листьев. Стянув очки вниз, водитель покосилась на Слика — женщина. Теперь янтарные «консервы» висели у нее на шее, скрывая рот и подбородок. Значит, Малыш сидит с другой стороны, что не так плохо в том маловероятном случае, если Пташке вдруг вздумается палить.

— Обойди, — бросила девушка.

Слик прошел мимо хромированных черепов, услышал, как с таким же демонстративно негромким звуком, что и водительское, опускается стекло Малыша Африки.

— Слик Генри, — сказал Малыш; его дыхание, соприкасаясь с воздухом Пустоши, вылетало белыми облачками, — здравствуй.

Слик глянул в коричневое лошадиное лицо. У Малыша Африки были огромные зеленоватые с кошачьим разрезом глаза, тоненькая полоска усов, будто ее начертили карандашом, и кожа оттенка буйволовой шкуры.

— Привет, Малыш. — Из кабины ховера на Слика пахнуло чем-то больничным. — Как дела?

— Ну, — прищурился Малыш Африка, — помнится, ты говорил, что если мне когда-нибудь что-то понадобится…

— Верно, — ответил Слик, ощущая первый укол дурного предчувствия.

Малыш Африка спас его однажды в Атлантик-Сити: уговорил обозленных черных братков не сбрасывать Слика с балкона сорок третьего этажа выжженного складского небоскреба.

— Кто-то надумал сбросить тебя с высотки?

— Слик, — сказал Малыш, — я хочу тебя кое с кем познакомить.

— И мы будем в расчете?

— Слик Генри, эта очаровательная девушка — мисс Черри Честерфилд из Кливленда, штат Огайо.

Наклонившись пониже, Слик посмотрел на водителя. Копна светлых волос, тушь вокруг глаз.

— Черри, это мой близкий друг мистер Слик Генри. Когда он был молодым и дурным, то гонял с «Блюз-Дьяконами»[62]. Теперь он старый и

---

[62] Примечания: 62

Аллюзия на песню «Deacon Blues» американской джаз-рок-группы *Steely Dan* с их альбома «Aja» (1977), а также на шотландскую инди-поп-группу 1980-х гг. *Deacon Blue*, взявшую название в честь этой песни.

дурной, а в дыру эту забрался, чтобы заниматься своим искусством, сечешь? Талантище, понимаешь?

— Это тот, который делает роботов, — сказала девица сквозь ком жвачки, потом добавила: — Ты так говорил.

— Тот самый, — сказал Малыш, открывая дверцу. — Черри, лапочка, подожди нас здесь.

На жилистом теле Малыша болталось норковое пальто, полы которого обметали носки безукоризненно чистых желтых ботинок из страусиной кожи — во всем своем великолепии Африка ступил на землю Собачьей Пустоши. Слик заметил в кабине ховера нечто странное: слепящую белизну бинтов и реанимационные трубки…

— Эй, Малыш, — спросил он, — что это у тебя там?

Вся в кольцах рука Малыша поднялась вверх, жестом предлагая Слику отойти в сторону. Дверь ховера с лязгом захлопнулась, Черри Честерфилд подняла стекла.

— Вот об этом нам и надо потолковать, Слик.

— Не думаю, что я прошу слишком многого, — сказал Малыш Африка, прислонясь норковым пальто к голому металлическому верстаку. — У Черри диплом медтеха, и она знает, что ей хоро-

шо заплатят. Приятная девочка, Слик Генри. — Он подмигнул.

— Малыш…

Вот оно что. Значит, в ховере лежит смахивающий на мертвеца мужик, не то в коме, не то в отключке, весь обвешанный баллонами, капельницами, проводами, тут же сбоку еще какая-то непонятная штука вроде симстима. И все хозяйство прикручено к старым стальным носилкам, как на «скорой помощи».

— Что это? — Черри, увязавшаяся за ними внутрь Фабрики после того, как Малыш показал Слику парня в задней части ховера, с подозрением рассматривала громоздкого Судью — большую его часть, во всяком случае; рука с циркуляркой валялась там, где ее оставили, в цеху на промасленном брезенте.

Если у этой Черри и есть диплом медтеха, подумал Слик, то медтех, вероятно, его еще не хватился. На девице было штуки четыре безразмерные кожаные куртки, одна другой шире.

— Искусство Слика, я уже тебе говорил.

— Тот парень умирает. От него мочой несет.

— Катетер отошел, — спокойно сказала Черри. — Слушай, а эта штука, она для чего?

— Мы не можем держать его здесь, Малыш,

он сдохнет. Если хочешь его угробить, засунь в какую-нибудь дыру на Пустоши.

— Мужик не умирает, — сказал Малыш Африка. — Он не ранен и не больной.

— Тогда что с ним, черт побери?

— Он торчит, дружок. У мальчика долгое путешествие. Ему нужны тишина и покой.

Слик посмотрел на Судью, потом снова на Малыша, опять на Судью, обратно на Малыша. Ему хотелось вернуться к работе, повозиться с этой рукой. Малыш сказал: ему нужно, чтобы этот овощ пробыл у Слика недели две-три; он оставит Черри за ним присматривать.

— Не врубаюсь. Этот парень, он что, твой друг?

Малыш Африка пожал норковыми плечами.

— Так почему бы тебе не подержать его у себя?

— Слишком шумно. А ему нужен покой.

— Малыш, — сказал Слик, — я помню, за мной должок, но ничего такого стремного. А потом, мне надо работать и… в общем, все это слишком стремно. А еще Джентри. Он сейчас в Бостоне. Вернется завтра вечером, и ему это не понравится. Ты же знаешь, как он относится к людям… И вообще, это место — его, вот…

— Дружок, — печально сказал Малыш Африка, — ты забыл, как они тебя через перила

перевесили?

— Я помню, но…

— Значит, плохо помнишь, — сказал Малыш Африка. — Ладно, Черри. Пошли. Не хочется тащиться через Пустошь в потемках.

Он оттолкнулся от верстака.

— Малыш, послушай…

— Все, проехали. Я ведь и знать не знал твоего долбаного имени тогда, в Атлантик-Сити, просто подумал, что не хотелось бы видеть белого мальчика размазанным по мостовой. Тогда я не знал твоего имени и, похоже, не знаю его и сейчас.

— Малыш…

— Да?

— Ладно. Он остается. Но максимум две недели. Ты даешь мне слово, что приедешь и заберешь его. И тебе придется помочь мне уладить все с Джентри.

— Что ему нужно?

— Наркотики.

Когда «додж» Малыша неуклюже запыхтел обратно через территорию Фабрики, Пташка вылез наружу, протиснулся сквозь какую-то щель в завале расплющенных автомобилей. На ржавых гармошках металла кое-где проглядывали пятна яркой эмали.

Слик стоял у окна на втором этаже. Квадраты стального переплета были зашиты кусками пластика. Пластик они откопали на свалке; куски были разного цвета и толщины, так что, чуть пригнув голову, Слик увидел Пташку в воспаленно-розовом свете куска люцита.

— Кто тут живет? — спросила Черри у него за спиной.

— Я, — ответил Слик, — Пташка, Джентри…

— Я имею в виду — в этой комнате.

Повернувшись, он увидел ее возле носилок и приборов системы жизнеобеспечения.

— Ты, — сказал он.

— Это твое место?

Она принялась разглядывать налепленные по стенам рисунки — самые первые чертежи Судьи и Следователей, Трупоруба и Ведьмы.

— Об этом не беспокойся.

— Даже не думай ничего такого, — сказала Черри.

Слик посмотрел на девушку. В углу рта у нее растеклась уродливая красная язва, видимо воспаление. Обесцвеченные волосы торчали во все стороны, ну прямо памятник статическому электричеству.

— Я же сказал, не беспокойся.

— Малыш говорил, у вас тут есть ток.

— Да.

— Надо бы его подключить, — сказала она, повернувшись к носилкам. — Электроэнергии он берет немного, но скоро начнут садиться батареи.

Слик пересек комнату, чтобы заглянуть в изнуренное лицо.

— Скажи-ка мне вот что, — начал он. Ему совсем не нравились все эти трубки; одна из них входила прямо в ноздрю, и только от этого уже тянуло блевать. — Кто этот парень и что именно, черт побери, Малыш Африка от него хочет?

— Ничего он не хочет, — сказала Черри и ткнула какую-то клавишу; по экрану биомонитора, примотанного серебристой лентой к изножью носилок, побежала кривая состояния больного. — Обычная БДГ-фаза[63], словно ему все время снятся сны… — (Человек на носилках был упакован в новенький синий спальный мешок.) — Короче, хрен его знает, на чем он сидит, но Малышу он за это платит.

На лоб лежащего была налеплена сетка тродов. Из разъема за левым ухом тянулся вдоль края

---

[63] Примечания: 63

«Быстрые движения глаз», то есть фаза быстрого сна; характеризуется повышенной активностью мозга.

носилок толстый черный кабель. Слик проследил его до массивного серого бруска — явно основного прибора среди всего примотанного к раме хозяйства. Симстим? Не похоже. Какая-то приблуда для киберпространства? Джентри круто рубил в киберпространстве, во всяком случае, болтал о нем постоянно, но что-то Слик ничего не слышал насчет того, что можно вот так валяться без чувств и в то же время подключенным… Люди подключаются, чтобы то-се найти, провернуть дельце. Надень троды, и окажешься там, где вся информация в мире громоздится башнями одного гигантского города из неона. Так что можешь по нему покататься, вроде как пообвыкнуть, по крайней мере визуально. Иначе-то чертовски сложно будет найти дорогу к той конкретной информации, которая тебе нужна. Иконика, так называл это Джентри.

— Он платит Малышу?

— Да.

— За что?

— Чтобы держать его в таком состоянии. И еще прятать.

— От кого?

— Не знаю. Малыш не говорил.

Они замолчали. В тишине ровно дышал неиз-

вестный.

Глава 3

Малибу

У дома был свой собственный запах. Так было всегда.

Это был запах времени, и соли, которой пропитан воздух, и энтропийной природы любого большого дома, построенного слишком близко к кромке прилива. Возможно, такой запах присущ всем местам, что недолго, но почасту пустуют, домам, которые отпирают и запирают по мере того, как приезжают и уезжают их неусидчивые хозяева. Воображение рисовало ей, как на хроме в безлюдных комнатах расцветают в тишине пятна коррозии, как бледная плесень понемногу затягивает углы. Будто принося дань этому нескончаемому процессу, архитекторы сами распахнули дверь ржавчине. За годы водяная пыль проела массивные стальные перила, и они стали хрупкими, как запястья.

Подобно своим соседям, дом устроился поверх старых полуразрушенных фундаментов. Прогулки по пляжу порой оборачивались архео-

логическими фантазиями. Она воображала себе прошлое этого места: иные голоса, иные здания. В этих прогулках ее неизменно сопровождал радиоуправляемый бронированный вертолетик «дорнье», поднимавшийся из своего невидимого гнезда на крыше, стоило ей сойти с веранды. Вертолетик почти беззвучно зависал в воздухе и был запрограммирован так, чтобы не попадаться ей на глаза. Что-то тоскливое было в том, как он неотвязно и неприкаянно следовал за ней, будто дорогой, но не оцененный по достоинству рождественский подарок.

Она знала, что с «дорнье» через камеры за ней ведет наблюдение Хилтон Свифт. Мало что из происходящего в доме и на пляже укрывалось от внимания «Сенснета». И это ее уединение — вытребованные семь дней одиночества — протекало под непрерывным надзором.

За годы работы у нее выработался мощнейший иммунитет к этому всевидящему оку.

Ночами она иногда зажигала встроенные под навесом веранды прожектора, освещая иероглифическое фиглярство огромных песчаных блох. Саму веранду она оставляла в темноте; гостиная за ее спиной будто уходила под воду. Устроившись в кресле из неказистого белого пластика,

она подолгу следила за броуновским движением блох. В свете прожекторов они отбрасывали крохотные, едва различимые тени: рожки и пики на сером фоне песка.

Шум моря обволакивал ее целиком. Поздно ночью, когда она засыпала в меньшей из двух гостевых спален, он вползал в ее сны. Единственное, куда ему не дано было проникнуть, — это в непрошеные, вторгающиеся исподтишка чужие воспоминания…

Выбор спальни она сделала инстинктивно. Хозяйская спальня была заминирована мелочами, на каждом шагу готовыми пробудить старую боль.

Врачам в клинике пришлось химическими клещами вырывать зависимость из рецепторов ее мозга.

Готовила она сама, в белоснежной кухне: размораживала в микроволновке хлеб, разводила швейцарский суп из пакетиков в стальных, безупречно чистых кастрюлях — вживалась, не осознавая этого, в безымянное, но с каждым днем все более знакомое пространство, от которого ее так долго и так искусно изолировала «пыль», схимиченная лучшими наркодизайнерами.

— И это называется жизнь, — сказала она белой

стойке.

Интересно, если кухня прослушивается, какой вывод сделали бы из этих слов психиатры «Сенснета»? Она помешивала суп мешалкой из нержавейки, глядя, как над кастрюлькой поднимается пар. Неплохо обходиться без чужих рук, просто все делать самой; в клинике настаивали, чтобы она сама застилала постель. Теперь, поглощая из миски собственноручно приготовленный суп, она хмурилась при одной мысли о клинике.

Она выписалась за неделю до конца срока. Медики были против. Дезинтоксикация прошла великолепно, говорили они, но к терапии мы еще даже не приступали. Белые халаты твердили о проценте рецидивов среди клиентов, не прошедших курс целиком. Объясняли, что прерывание лечения аннулирует ее страховку. «Сенснет» заплатит, отмахнулась она, разве что врачи пожелают, чтобы она оплатила их услуги сама. И извлекла платиновый чип «Мицу-банка».

Ее персональный «лир-джет» прибыл час спустя. Она приказала самолету доставить ее в Лос-Анджелес, заказала машину, которая должна ее там встретить, и заблокировала все входящие звонки.

— Извини, Анджела, — сказал самолет, за-

кладывая вираж над заливом Монтего через несколько минут после взлета, — но это Хилтон Свифт, он звонит по выделенному служебному каналу.

— Энджи, — донесся голос Свифта, — ты же знаешь, что я целиком и полностью на твоей стороне. Ты ведь это знаешь, Энджи?

Обернувшись, Энджи уперлась взглядом в черный овал динамика, заключенный в серый блестящий пластик, и вдруг представила себе, как Свифт скорчился за перегородкой «лира», карикатурно подтянув к подбородку длинные ноги бегуна.

— Я это знаю, Хилтон, — отозвалась она. — Спасибо, что позвонил.

— Ты летишь в Лос-Анджелес, Энджи.

— Да. Именно это я сказала самолету.

— В Малибу.

— Верно.

— Пайпер Хилл уже на пути в аэропорт.

— Спасибо, Хилтон, но я не хочу ее видеть. Я вообще никого не хочу видеть. Мне нужна машина.

— В доме никого нет, Энджи.

— Тем лучше. Именно это мне и нужно, Хилтон. Никого в доме. Только сам дом, пустой.

— Ты уверена, что это удачная идея?

— Это лучшая идея, какая у меня появлялась за последние несколько лет, Хилтон.

Пауза.

— Мне сказали, что все шло хорошо, я имею в виду лечение, Энджи. Но врачи требовали, чтобы ты осталась.

— Мне нужна неделя, — сказала она. — Одна неделя. Семь дней. В одиночестве.

На третью ночь в этом доме она проснулась на рассвете, сварила кофе, оделась. По широкому окну, выходящему на веранду, бежали струйки сконденсировавшейся влаги. Сон был не более чем сном. И если приходили сновидения, она потом не могла их вспомнить. Но было что-то еще… ускорение, почти головокружение… Она стояла посреди кухни, чувствуя через толстые белые шерстяные носки холод керамических плиток, и грела руки о чашку.

Чье-то присутствие. Она воздела руки, поднимая кружку, как священный сосуд, — жест инстинктивный и в то же время полный иронии.

Три года прошло с тех пор, как лоа овладевали ею, три года с тех пор, как они вообще касались ее. Но теперь?

Легба? Кто-то другой?

Ощущение чьего-то присутствия внезапно пропало. Резко поставив кружку на стойку — кофе плеснул ей на руку, — она побежала разыскивать что надеть. В шкафу с пляжными принадлежностями нашлись зеленые резиновые сапоги и тяжелая синяя горная куртка, которой она не помнила. Куртка была слишком большой, чтобы принадлежать Бобби. Энджи стремглав бросилась прочь из дома, промчалась по лестницам, не обращая внимания на жужжание игрушечного «дорнье», который поднялся следом, как терпеливая стрекоза. Она оглянулась на север. Взгляд скользнул по скопищу пляжных домиков, путанице крыш, напомнивших ей баррио в Рио. Энджи повернула на юг, в сторону Колонии[64].

Ту, что пришла, звали Гран-Бригитта или Маман Бригитта. Некоторые считали ее женой Барона Самеди, другие называли «древнейшей из мертвых».

Слева от Энджи вздымались фантасмагорические здания Колонии — настоящее буйство архитектуры всех форм и самовыражений. Необру-

---

[64] Примечания: 64

Элитарная часть Малибу — пляжного пригорода Лос-Анджелеса. Именно в Колонии традиционно живут многие звезды шоу-бизнеса.

талистские бункеры с бронзовыми барельефами на фасадах соседствовали с инкрустированными неоном подражаниями башням Уоттс[65].

В зеркальных стенах, когда она проходила мимо, отражались утренние облака над Тихим океаном.

За три последних года ее не раз посещало чувство, будто она вот-вот перейдет, в ту или другую сторону, некую невидимую черту, призрачную границу веры — и обнаружит, что время, проведенное ею с лоа, было всего лишь сном. Или что они, скорее, были как некие странные заразные узелки резонанса культур, жившие в ней с тех самых недель, которые она провела в умфо Бовуара в Нью-Джерси.

Энджи продолжала идти, черпая покой из шума прибоя, из этого вечного прибрежного мига, его сейчас и всегда.

Ее отец мертв, семь лет, как его не стало, а файлы отцовского дневника, записи, что он вел, не сказали ей почти ничего. Отец кому-то служил.

---

[65] Примечания: 65

Башни Уоттс — достопримечательность Лос-Анджелеса, признанный шедевр наивной архитектуры: 17 сообщающихся пустотелых башен высотой до 30 м, возведенные в 1922–1955 гг. дорожным рабочим Сабато Родиа, эмигрантом из Италии. Выстроенные из стали и украшенные подручными материалами (проволока, осколки стекла, керамическая плитка и т. п.), башни напоминают творения Антонио Гауди.

Или чему-то. Наградой ему было знание, и ради этого знания он пожертвовал дочерью.

Временами у нее возникало чувство, будто она прожила не одну, а целых три жизни и каждая отделена от другой стеной чего-то, что она затруднялась назвать, и нет никакой надежды на целостность. И так будет всегда.

Вот детские воспоминания о научном городке «Мааса», глубоко проточившем аризонское плато. Энджи обнимает балясину балюстрады из песчаника, ветер плещет в лицо, и она воображает, будто все пустынное плато — это ее корабль. Ей кажется, что она даже может перемешивать краски заката над горами. Вскоре она улетит оттуда — страх жестким комом застрянет в горле. А теперь ей даже не вспомнить, когда же она в последний раз взглянула в лицо отца. Хотя, кажется, это было перед самым отлетом, на стоянке мотодельтапланов, трепетавших на ветру, как рой радужных мотыльков. В ту ночь закончилась первая ее жизнь; и жизнь отца тоже.

Вторая жизнь была странной, стремительной и очень короткой. Некто Тернер увез ее из Аризоны и оставил с Бобби, Бовуаром и остальными. Тернера она помнила плохо, только то, что это был высокий мужчина с крепкими мускулами и

затравленным взглядом. Он доставил ее в Нью-Йорк. Оттуда их с Бобби повез в Нью-Джерси уже Бовуар. Там, на пятьдесят третьем уровне исполинского здания-улья, Бовуар объяснял ей природу снов. Сны реальны, говорил он, и его шоколадное лицо блестело от пота. Он называл ей имена тех, кого она видела в снах. Учил ее, что все сны тянутся к единому морю, показывал, чем ее сны похожи на все прочие и в то же время чем от них отличаются. Ты одна скользишь и по старому морю, и по новому, говорил он.

В Нью-Джерси ею владели боги.

Она научилась отдаваться во власть Наездников. Она видела, как лоа Линглессу входит в Бовуара в его умфо, видела, как жилистые ноги учителя разметывают вычерченные белой мукой на полу диаграммы. В Нью-Джерси она знала богов — богов и любовь.

Лоа руководили ею, когда она вступила в мир рука об руку с Бобби, чтобы построить свою третью жизнь, теперешнюю. Они хорошо подходили друг другу, Энджи и Бобби, — оба вышедшие из вакуума: Энджи — из стерильного царства «Маас-Биолабс», а Бобби — из барритаунской скуки…

Гран-Бригитта снизошла на нее без всякого предупреждения. Энджи споткнулась, едва не

рухнув в прибой, когда звук моря вдруг будто бы засосало в открывшийся перед ней сумеречный пейзаж. Беленая кладбищенская ограда, могильные камни, ивы. Свечи.

Под самой древней из ив — гирлянды свечей; переплетенные корни заляпаны воском.

Дитя, знай меня.

И тут же Энджи почувствовала ее присутствие и признала в ней то, чем она являлась: Маман Бригитта, Мадемуазель Бригитта, старейшина мертвых.

Нет у меня ни культа, дитя, ни особого алтаря.

Энджи вдруг осознала, что идет вперед, прямо на сияние свечей. Гул в ушах, как будто среди ветвей ивы скрывается необъятный пчелиный рой.

Кровь моя — отмщение.

Энджи вспомнила Бермуды, ночь, тайфун. Их с Бобби занесло тогда в самое око тайфуна. Такова была Гран-Бригитта. Безмолвие, ощущение давления немыслимых сил, на миг замерших, ставших управляемыми. Под деревом ничего не видно. Одни свечи.

— Лоа… я не могу позвать их. Я чувствую нечто… я пришла взглянуть…

Ты призвана к моему репозуару[66]*. Слушай меня. Твой отец прочертил веве*[67] *в твоей голове; он прочертил их в плоти, которая не была плотью. Ты была посвящена Эрзули Фреде*[68]*. Ради собственных целей привел тебя в этот мир Легба. Но тебе давали яд, дитя,* coup-poudre…

Из носа у нее потекла кровь.

— Яд?

Веве твоего отца изменены, частично стерты, прочерчены заново. Хотя ты и перестала себя отравлять, Наездники все же не могут прийти к тебе. Я — иной природы.

Боль раскалывает голову, в висках стучит кровь…

— Пожалуйста… прошу…

Слушай меня. У тебя есть враги. Они хотят тебе зла. Здесь многое поставлено на карту. Бойся яда, дитя!

Энджи опустила взгляд на руки. Кровь была

---

[66] Примечания: 66

Reposoir *(фр.)* — временный алтарь.

[67] Примечания: 67

Веве (vivvi) — религиозные символы в гаитянском вуду, выступающие в качестве «маяка» для духов-лоа и символизирующие их во время ритуала.

[68] Примечания: 68

Эрзули Фреда — жена Легбы, вудуистская богиня любви и красоты. Также см. с. 71.

настоящей, яркой. Гудение усилилось. Может, пчелы гудят только в ее голове?

— Пожалуйста! Помоги мне! Объясни…

Тебе нельзя оставаться. Здесь — смерть.

Оглушенная солнцем, Энджи упала на колени в песок. Рядом бился прибой, обдавая ее мелкими брызгами, в двух метрах над головой нервно завис «дорнье». В то же мгновение боль исчезла. Энджи отерла окровавленные руки о рукава синей куртки и села на песок. С тонким воем вращались многочисленные сенсоры и камеры вертолета.

— Все в порядке, — выдавила она. — Кровь из носа. Просто кровь потекла из носа…

«Дорнье» рванулся было вперед, потом назад.

— Я иду домой. Со мной все в порядке.

Мягко поднявшись, вертолетик скрылся из виду.

Энджи обхватила плечи руками, ее трясло. Нет, нельзя, чтобы они догадались. Конечно, они поймут, что что-то стряслось, но не будут знать что. Заставив себя подняться, она повернулась и поковыляла назад той же дорогой, какой пришла. По пути обшарила карманы в поисках салфетки, носового платка, чего угодно, чем можно было бы стереть кровь с лица.

Когда пальцы нащупали плоский пакетик, она тут же поняла, что это. Остановилась, дрожа вовсе не от утреннего ветра. Наркотик. Это невозможно. Да, так оно и есть. Но кто? Обернувшись, она остановила взгляд на «дорнье»; тот метнулся прочь…

Одна упаковка. Хватит на целый месяц.

Coup-poudre.

Бойся яда, дитя.

Глава 4

Сквот

Моне снилось, что она снова в кливлендском дансинге, танцует обнаженная в столбе жаркого голубого света — и клетка ее подвешена высоко над полом. А кругом — запрокинутые к ней лица и синий свет шляпками от гвоздей в белках глаз. И на лицах то самое выражение, какое всегда бывает у мужчин, когда они смотрят, как ты танцуешь, пожирают тебя глазами и при этом заперты внутри самих себя. И эти глаза ничего, совсем ничего тебе не говорят, а лица — не важно, что залиты потом, — будто высечены из чего-то, что только напоминает плоть.

Впрочем, плевать ей, как они смотрят, — она ведь танцует, и клетка высоко-высоко, и сама она под кайфом, вся в ритме, танцует три вещи кряду, а тут и магик пробирает ее насквозь, и новая сила в ногах заставляет вставать на цыпочки…

Кто-то схватил ее за голень.

Она попыталась закричать, только ничего у нее не вышло, крик застрял в горле. А когда он все-таки вырвался, внутри у нее будто что-то оборвалось, сердце обожгло болью, и синий свет разлетелся клочьями. Рука была все еще здесь, сжимала голень.

Рывком, как чертик из табакерки, Мона села в постели и выпрямилась — сражаясь с темнотой, пытаясь смахнуть волосы с глаз.

— Что с тобой, детка?

Вторую руку положив ей на лоб, он толкнул ее назад в жаркую впадину подушки.

— Сон…

Рука все еще здесь, от этого хотелось кричать.

— У тебя есть сигаретка, Эдди?

Рука исчезла, щелчок и огонек зажигалки — он прикуривает ей сигарету; пламя на миг высвечивает его лицо. Затягивается, отдает сигарету ей. Мона быстро села, уперла подбородок в колени — армейское одеяло тут же натянулось

палаткой, — ей не хочется, чтобы сейчас к ней кто-нибудь прикасался.

Предостерегающе скрипнула сломанная ножка выкопанного на свалке стула; это Эдди, откинувшись на спинку, закурил сам. «Да сломайся же, — просила Мона у пластикового стула, — опрокинь его на задницу, чтобы он пару раз мне врезал». Хорошо хоть темно и не надо смотреть на сквот. Ничего нет хуже, чем проснуться утром с дурной головой, когда слишком тошнит, чтобы пошевелиться, — а она еще забыла прилепить черный пластик на окно, так ее ломало, когда вернулась вчера. Самое поганое — это утро, когда бьют солнечные лучи, высвечивая все мелкие мерзости и нагревая воздух к появлению мух.

Никто никогда не хватал ее там, в Кливленде. Любой, кто настолько забалдел, чтобы решиться протянуть руку сквозь прутья, был уже слишком пьян, чтобы двигаться; он и дышать-то, наверное, был не в силах. И в танцзале клиенты ее никогда не лапали, разве что заранее уладив эту проблему с Эдди, и за двойную плату, но и то было скорее для видимости.

Ну да в любом случае это всегда оставалось лишь частью привычного ритуала, а потому, казалось, происходит где-то еще, вне ее жизни. И

ей нравилось наблюдать за ними, когда они теряли настрой. Тут начиналось самое интересное, потому что они и вправду теряли его и становились совершенно беспомощными — ну, может, лишь на долю секунды, — но по-любому ей всегда казалось, что их тут даже и нет.

— Эдди, еще одна ночь здесь, и я просто с ума сойду.

Случалось, он бил ее и за меньшее, так что она, спрятав лицо в колени и одеяло, сжалась, ожидая удара.

— Ну конечно, — ответил он, — ты же не прочь вернуться на ферму к своим сомам? Или хочешь назад в Кливленд?

— Я просто не могу больше…

— Завтра.

— Что завтра?

— А для тебя это недостаточно скоро? Завтра вечером, частный долбаный самолет, ну как? Прямиком в Нью-Йорк. Хоть тогда ты наконец перестанешь доставать меня этим своим нытьем?

— Пожалуйста, беби, — она потянулась к нему, — мы можем поехать на поезде…

Он отшвырнул ее руку.

— У тебя дерьмо вместо мозгов.

Если продолжать жаловаться, сказать что-ни-

будь о сквоте, любое, он тут же решит, будто она имеет в виду, что он не справляется и все его великие сделки кончаются ничем. Он заведется, она знает, он заведется. Как в тот раз, когда она разоралась из-за жуков — тараканов здесь называли пальмовыми жуками, — но ведь это было только потому, что половина этих проклятых тварей ну самые настоящие мутанты. Кто-то пытался вывести их такой жуткой дрянью, которая на хрен перекособочила все их ДНК. И теперь у этих гребаных тараканов, что дохли у тебя на глазах, были то лишние головы или лапы, то, наоборот, чего-нибудь не хватало. А однажды она видела тварь, которая выглядела так, будто проглотила распятие или что-то вроде. Спина, или панцирь, твари — как там это у них называется — была настолько искривлена, что хотелось сблевать.

— Беби, — она старалась говорить мягче, — я ничего не могу поделать, это место просто меня достало…

— «Зелень-на-Крючке», — сказал он, будто вовсе ее не слышал. — Я был в этом клубе и встретил вербовщика. И ты знаешь, он выбрал меня! У мужика нюх на таланты.

Сквозь темноту Мона чуть ли не видела эту его ухмылочку.

— Он из Лондона, это в Англии. Вербовщик талантов. Пришел в «Зелень» и просто: ты-то, мол, мне и нужен!

— Лох?

«Зелень-на-Крючке», или, точнее, клуб «У Хуки Грина», — место, где, как недавно решил Эдди, бьется деловой пульс с особой силой, — находился на тридцать третьем этаже стеклянного небоскреба. Все внутренние перегородки здесь были порушены, чтобы сделать большую, величиной с квартал, танцплощадку. Но Эдди уже успел махнуть на это заведение рукой, поскольку там не нашлось никого, кто желал бы уделить ему хоть каплю внимания. Мона никогда не видела самого Хуки Грина — «злого жилистого Крючка Зеленого», ушедшего на покой бейсболиста, которому принадлежало заведение, — но танцевалось там просто здорово.

— Будешь ты, черт побери, слушать? Какой лох? Дерьмо собачье. Он голова, у него связи. И он собирается протолкнуть меня наверх. И знаешь что? Я намерен взять тебя с собой.

— Но что ему нужно?

— Какая-то актриса. Или кто-то вроде актрисы. И ушлый мальчик, чтобы доставить ее в одно место и там придержать.

— Актриса? Место? Какое место?

Она услышала, как он расстегнул куртку. Потом что-то упало на постель у ее ног.

— Две тонны. — Он зевнул.

Господи! Выходит, это не шутка? Но если он не прикалывается, то что же это, черт побери, значит?

— Сколько ты сшибла сегодня, Мона?

— Девяносто.

На самом деле сто двадцать, но последнего клиента Мона посчитала как сверхурочные. Она до смерти боялась утаивать деньги, но иначе на что купить магик?

— Оставь себе. Купи какие-нибудь шмотки. И не рабочий хлам. Никому в этой поездке не нужно, чтобы ты трясла голой задницей.

— Когда?

— Завтра, я же сказал. Можешь распрощаться с этой долбаной дырой.

При этих словах Мона затаила дыхание. Опять скрипнул стул.

— Значит, девяносто?

— Ну.

— Расскажи мне.

— Эдди, я так устала…

— Нет, — сказал он.

Впрочем, хотелось ему не правды, правда Эдди была не нужна. Он хотел услышать историю. Ту, которую сам же и приучил Мону ему рассказывать. Эдди было глубоко наплевать, о чем ей говорили клиенты (а у большинства на душе было что-то тягостное, и им не терпелось этим чем-то с ней поделиться — что они обычно и делали), не интересовало его их занудство по поводу справки об анализе крови или то, как каждый второй повторяет ей дежурную шутку насчет того, что, мол, если подцепил сам, передай товарищу. Ему даже было по фигу, чего они требовали от нее в постели.

Эдди хотел, чтобы она рассказала ему про ублюдка, который обращался с ней как с пустым местом. Правда, рассказывая об этом жлобе, надо было не перегнуть палку, чтобы не выставить его слишком грубым, ведь это стоило бы много дороже, чем ей заплатили на самом деле. Главным в рассказе было то, что этот мнимый лох обращается с нею как с неким устройством, которое он арендует на полчаса. Нельзя сказать, что это такая уж большая редкость, но подобные лохи обычно тратят свои денежки на «живых кукол» или же торчат от стима. К Моне обычно шел клиент разговорчивый, ее даже норовили угостить

сэндвичами, а если человек и оказывался жутким подонком, то все-таки не настолько жутким, как того хотел Эдди. А второе, чего тот требовал от рассказа, — чтобы Мона жаловалась, как ей было противно, но что, мол, при этом она чувствовала, будто все равно этого хочет, хочет безумно.

Протянув руку, Мона нашарила в темноте плотный конверт с деньгами.

Снова заскрипел стул.

Так что Мона рассказала Эдди, как выходила из «Распродажи», а он бросился прямо к ней, этот здоровенный жлобина, и просто спросил: «Сколько?» — и это ее смутило, но она все равно назвала цену и сказала: «Идем». Они залезли в его машину, машина была большая, старая, и в ней пахло сыростью (а это уже плагиат из ее жизни в Кливленде), и он опрокинул ее на сиденье…

— Перед «Распродажей»?

— На заднем дворе.

Эдди никогда не обвинял ее в том, что история эта — сплошная выдумка, он же сам как-никак и сочинил основные вехи сюжета. По сути своей, рассказ всегда был один и тот же. К тому времени, когда мужик задрал на ней юбку (черную, сказала она, и на мне были белые ботинки) и скинул с себя штаны, она расслышала, как звякнул ре-

мень, это Эдди стягивал джинсы. Какой-то частью сознания Мона прикидывала (Эдди скользнул к ней в постель), а возможна ли та позиция, какую она описывает, но продолжала говорить. На Эдди это, во всяком случае, действовало. Она не забыла отметить, как было больно, когда жлобина вставлял, — больно, хотя она была совсем мокрой. Помянула, как он стискивал ее запястья, и похоже, уже порядком запуталась, где что, помнила только, что ее заднице полагалось болтаться в воздухе. Эдди начал ее ласкать, гладил грудь и живот, поэтому она переключилась с бездумной жестокости лоха на то, что ей полагалось при этом ощущать.

Того, что ей полагалось при этом ощущать, она в жизни никогда не испытывала. Кто-то ей говорил, что можно проникнуть в такое место, где, если и ощущаешь боль, все равно это приятно. Мона знала, что на самом деле это совсем не так. Тем не менее Эдди хотелось услышать, что боль была просто жуткая и что чувствовала Мона себя отвратительно, но ей все равно нравилось. Мона не видела в этом ни капли смысла, но научилась рассказывать так, как ему хотелось.

Потому что, какой бы бред она ни несла, вранье работало, и Эдди, перекатившись на нее и сбив

одеяло комом, оказался у нее между ног и вошел. Мона догадывалась, что, должно быть, в его голове прокручивается в эти минуты мультик, где Эдди чувствует себя одновременно героем — тем самым трахающим жлобом без лица — и зрителем, следящим за сюжетом со стороны. Он стискивал ее запястья, прижав их к полу за ее головой. Так ему больше нравилось.

А когда он кончил и, свернувшись калачиком, задремал, Мона долго лежала без сна в душной темноте, снова и снова разыгрывая мечту об отъезде — такую яркую, такую чудесную.

Ну пожалуйста, пусть это будет правдой.

Глава 5

«Портобелло»

Кумико проснулась в необъятной кровати — и тихо лежала, прислушиваясь. До нее долетало чуть слышное, неясное бормотание улицы.

В комнате было холодно. Завернувшись, как в мантию, в розовое стеганое одеяло, девочка выбралась из постели. Маленькие оконца были в ярких морозных узорах. Подойдя к ванне, она слегка надавила на одно из позолоченных

крыльев лебедя. Птица кашлянула, забулькала и стала наполнять ванну. Не снимая с себя одеяла, Кумико принялась открывать чемоданы, чтобы выбрать одежду на день; отобранное она выкладывала на кровать.

Когда ванна была готова, она скинула одеяло на пол и, перебравшись через мраморный край, стоически погрузилась в обжигающе горячую воду. Пар от ванны растопил изморозь на стеклах; теперь по ним бежали струйки сконденсировавшейся влаги. Неужели во всех английских спальнях такие ванны? — подумала Кумико. Она старательно натерлась овальным бруском французского мыла, встала, кое-как смыла пену и завернулась в огромное черное полотенце; потом после нескольких неудачных попыток случайно обнаружила раковину, унитаз и биде. Они прятались в крохотной комнатушке, которая когда-то, должно быть, служила встроенным шкафом. Стены ее покрывал темный от времени шпон.

Дважды прозвонил телефон, похожий скорее на предмет из театрального реквизита.

— Да?

— Петал на проводе. Как насчет завтрака? Роджер уже здесь. Мечтает с тобой познакомиться.

— Спасибо, — ответила девочка. — Я уже оде-

ваюсь.

Кумико натянула свои самые лучшие и самые мешковатые кожаные штаны, потом зарылась в ворсистый голубой свитер, такой большой, что вполне был бы впору и Петалу. Открыв сумочку, чтобы достать косметику, она увидела модуль «Маас-Неотек». Пальцы сами собой сомкнулись на обтекаемом корпусе, она вовсе не собиралась вызывать призрака. Но хватило только прикосновения. Едва образовавшись в комнате, Колин тут же смешно запрокинул голову, разглядывая низкий, с зеркалом, потолок.

— Я полагаю, мы не в Дорчестере?

— Вопросы задаю я, — сказала она. — Что это за место?

— Спальня, — ответил он. — В довольно сомнительном вкусе.

— Отвечай, пожалуйста, на мой вопрос.

— Хорошо, — сказал призрак, осматривая постель и ванну. — Судя по обстановке, это вполне мог бы быть и бордель. Я имею доступ к историческим данным на большую часть зданий Лондона, но об этом нет ничего примечательного. Построено в тысяча восемьсот сорок восьмом году. Классический образчик викторианского стиля. Район дорогой, хотя и немодный, пользуется

успехом среди определенного сорта юристов.

Призрак пожал плечами. Сквозь начищенные до блеска сапоги для верховой езды девочка видела край кровати.

Кумико бросила модуль в сумочку, и призрак исчез.

С лифтом она справилась без труда и, оказавшись в обшитой белыми панелями прихожей, пошла на звук голосов. Не то холл, не то коридор. За угол.

— Доброе утро, — сказал Петал, снимая с блюда серебряную крышку; от блюда шел ароматный пар. — Вот он, неуловимый мистер Суэйн, для тебя — Роджер. А вот твой завтрак.

— Привет, — сказал мужчина, делая шаг вперед и протягивая ей руку.

Бледные глаза на длинном скульптурном лице. Гладкие, мышиного цвета волосы зачесаны наискось через весь лоб. Кумико затруднилась бы определить его возраст: это было лицо молодого человека, но в западинах сероватых глаз залегли глубокие морщины. Высокий, в руках, плечах и осанке — что-то от атлета.

— Добро пожаловать в Лондон.

Он взял ее руку, пожал, отпустил.

— Спасибо.

На Суэйне была рубашка без воротника, в очень мелкую красную полоску на бледно-голубом фоне, манжеты скреплены скромными овалами тусклого золота. Расстегнутая у ворота, рубашка открывала темный треугольник татуированной кожи.

— Я говорил сегодня утром с твоим отцом, сказал, что ты прибыла благополучно.

— Вы человек высокого ранга.

Бледные глаза сузились.

— Прошу прощения?

— Драконы.

Петал рассмеялся.

— Дай ей поесть, — донеслось справа. Женский голос.

Кумико повернулась. На фоне высокого многостворчатого окна увидела стройную темную фигуру. За окном — обнесенный стеной сад под снегом. Глаза женщины были скрыты за серебристыми стеклами, отражающими комнату и ее обитателей.

— Еще одна наша гостья, — сказал Петал.

— Салли, — представилась женщина, — Салли Ширс[69]. Поешь, котенок. Если тебе так же

---

[69] Примечания: 69
Shears *(англ.)* — ножницы.

скучно, как и мне, может, захочешь пойти погулять? — Под взглядом Кумико ее рука скользнула к стеклам, как будто она собиралась снять очки. — Портобелло-роуд — всего в двух кварталах отсюда. Мне нужно глотнуть свежего воздуха.

У зеркальных линз, похоже, не было ни оправы, ни дужек.

— Роджер, — проговорил Петал, накладывая с серебряной тарелки розовые ломти бекона, — как ты думаешь, Кумико будет в безопасности с нашей Салли?

— В большей, чем я, учитывая, в каком Салли настроении, — ответил Суэйн. — Боюсь, здесь мало что может развлечь тебя, — обратился он к Кумико, подводя ее к столу, — но мы попытаемся сделать все возможное, чтобы ты чувствовала себя как дома, и постараемся показать тебе город. Хотя здесь и не Токио.

— Во всяком случае, пока, — добавил Петал, но Суэйн его, казалось, не расслышал.

— Спасибо, — сказала Кумико, когда Суэйн пододвинул ей стул.

— Сочту за честь, — сказал Суэйн. — Наше почтение твоему отцу…

— Послушай, — вмешалась женщина, — она еще слишком мала для всего этого. Пожалей

наши уши.

— Салли сегодня немного не в настроении, — сказал Петал, накладывая на тарелку Кумико яйцо пашот.

Как выяснилось, выражение «не в настроении» не совсем точно определяло то состояние, в котором пребывала Салли Ширс. Скорее его стоило бы назвать едва сдерживаемым бешенством, яростью, которая проявлялась в походке и гневном пистолетном стуке каблуков черных сапог по обледеневшей мостовой.

Кумико приходилось отчаянно семенить, чтобы не отставать, когда женщина зашагала прочь от дома Суэйна по загибающемуся тротуару. В рассеянном свете зимнего солнца холодно вспыхивали стекла очков. На Салли были узкие брюки из темно-коричневой замши и объемистая черная куртка с высоко поднятым воротником — дорогая одежда. А учитывая короткую стрижку, ее вполне можно было принять за мальчишку.

Впервые с того момента, как она покинула Токио, Кумико почувствовала неподдельный страх.

Клокочущая в женщине энергия была почти осязаемой — этакий сгусток гнева, готовый ежесекундно взорваться, выпустив на свободу фурию.

Кумико сунула руку в сумочку и сжала модуль «Маас-Неотек». Колин тут же оказался рядом, небрежно подстраиваясь под их шаг: руки — в карманах куртки, сапоги не оставляют следов на грязном снегу. Она отпустила модуль — призрак исчез, но Кумико почувствовала себя увереннее. Не стоит бояться потерять Салли Ширс, угнаться за которой девочке было трудновато; Колин, конечно же, объяснит ей, как вернуться в дом Суэйна. А если я от нее убегу, подумала она, то он мне поможет. Переходя перекресток на красный свет, женщина увернулась от проезжающих машин, с рассеянным видом выдернула Кумико из-под колес черной «хонды», при этом еще умудрившись пнуть машину в бампер, когда такси проезжало мимо.

— Ты пьешь? — спросила она, сжимая локоть Кумико.

Кумико покачала головой.

— Пожалуйста, мне больно… руку.

Выпустив Кумико, Салли втолкнула ее через украшенную причудливыми узорами стеклянную дверь в шум и тепло паба. Самое настоящее логово, отделанное темным деревом и потертым велюром.

Вскоре они сидели друг против друга за ма-

леньким мраморным столиком, на котором разместились пепельница с рекламой пива «Басс», кружка темного эля, стакан виски, который Салли опорожнила по дороге от стойки, и бокал с апельсиновым лимонадом.

Только тут до Кумико дошло, что серебристые линзы уходят в бледную кожу без малейшего намека на шов.

Салли покачала пустой стакан, не поднимая его со стола, и критически оглядела.

— Я встречала твоего отца, — сказала она. — Он тогда еще так высоко не поднялся. — Она оставила стакан и занялась кружкой с элем. — Суэйн говорил, ты наполовину гайдзин. Сказал, твоя мать была датчанкой. — Она глотнула эля. — По тебе не скажешь.

— Она приказала изменить мне глаза.

— Тебе идет.

— Спасибо. А… очки, — непроизвольно сказала девочка, — они очень красивы.

Салли пожала плечами.

— Твой старик уже позволил тебе побывать в Тибе?

Кумико покачала головой.

— Умну. На его месте я поступила бы так же.

Она отпила еще эля. Ее ногти, очевидно акри-

ловые, тоном и блеском напоминали перламутр.

— Мне рассказали о твоей матери.

Чувствуя, что у нее пылает лицо, Кумико опустила глаза.

— Ты здесь не поэтому. Хотя бы это ты знаешь? Отец вовсе не из-за нее сплавил тебя к Суэйну. Там — война. С самого моего рождения в верхах якудза не было таких разборок. А теперь, видно, время пришло. — Пустая кружка звякнула о мрамор. — Он просто не может позволить, чтобы ты там оставалась, вот и все. До тебя там слишком легко добраться. С точки зрения соперников Янаки, парень вроде Суэйна от основных событий довольно далеко. У тебя ведь даже и паспорт на другое имя, ведь так? Суэйн должен Янаке. Так что с тобой все в порядке, ясно?

На глаза Кумико навернулись слезы.

— О'кей, с тобой не все в порядке. — Жемчужные ногти забарабанили по мрамору. — Так, значит, она покончила с собой, и с тобой не все в порядке. Чувствуешь себя виноватой, да?

Кумико подняла глаза — на два зеркала-близнеца.

Как и Синдзюку в Токио, Портобелло задыхался от туристов. Салли Ширс, настояв на том, чтобы Кумико выпила свой лимонад, который уже

успел согреться и выдохся, вывела ее на запруженную улицу. Крепко держа девочку за руку, Салли прокладывала себе дорогу по тротуару мимо раскладных стальных столиков, накрытых рваными скатертями из бархата, с тысячами предметов из хрусталя и серебра, меди и фарфора. Кумико смотрела во все глаза, но Салли тянула ее мимо выстроившихся рядами сервизов с королевской эмблемой и носатых чайников времен Черчилля.

— Это гоми, — рискнула заметить Кумико, когда они остановились у перекрестка.

Хлам. В Токио изношенные и ненужные вещи превращались в строительный наполнитель. Салли по-волчьи оскалилась.

— Здесь Англия. Гоми — основной природный ресурс. Гоми и талант. Вот это я сейчас и ищу. Талант.

Талант носил бутылочно-зеленый вельветовый костюм и безукоризненно чистые замшевые ботинки; Салли отыскала его в каком-то очередном пабе. Паб назывался «Роза и корона». Салли представила талант девочке, назвав его Тиком. Ростом он был чуть выше Кумико, и в спине или бедре у него было что-то перекошено, поэтому ходил человечек, откровенно хромая, что еще

больше усиливало общее впечатление асимметричности. Его волосы были выбриты сзади и на висках, а над лбом наворочены в масленую шапку темных кудрей.

Салли представила Кумико:

— Моя подруга из Японии — и держи руки при себе.

С неопределенной болезненной улыбкой Тик повел их к столику.

— Как бизнес, Тик?

— Прекрасно, — мрачно ответил тот. — А как заслуженный отдых?

Салли села спиной к стене на мягкую банкетку.

— Ну, — отозвалась она, — как тебе сказать. То потухнет, то погаснет.

Кумико подняла на нее глаза. Вся ярость Салли куда-то испарилась или же была искусно скрыта. Садясь, Кумико опустила руку в сумочку и нашарила модуль. Колин материализовался на скамейке возле Салли.

— Очень мило с твоей стороны вспомнить обо мне, — сказал Тик, устраиваясь в кресле. — Я сказал бы, прошло два года. — Он поднял бровь, переведя взгляд на Кумико.

— Она в порядке. Ты знаешь Суэйна, Тик?

— Исключительно по репутации, спасибо.

Колин изучал их пикировку с насмешливым интересом, вертя головой из стороны в сторону, как будто на теннисном матче. Кумико пришлось напомнить себе, что никто, кроме нее, призрака не видит.

— Прокинь его для меня, будь так добр. Причем так, чтобы он про это не знал.

Тик во все глаза уставился на нее. Вся левая половина его лица скривилась в одном гигантском подмигивании.

— Ну да, — насмешливо отозвался он, — не многого же ты хочешь, а?

— Хорошие деньги, Тик. Лучше не бывает.

— Ищешь что-то конкретное или нужно просто покопаться в грязном белье? Сдается мне, будто кто-то не знает, что это он заправляет всем здешним рэкетом. Не очень хотелось бы, честно говоря, чтобы он меня застукал…

— Но опять же деньги, Тик.

Два очень быстрых подмигивания.

— Роджер выкручивает мне руки, Тик. А кто-то давит на Роджера. Я не знаю, что у них на него есть, на это мне, в сущности, наплевать. Но того, что у него есть на меня, хватит с лихвой. Глянь входящие-исходящие сообщения, в общем, ру-

тинный трафик. Он с кем-то явно связывается, поскольку условия все время меняются.

— А как я это узнаю, если увижу?

— Просто посмотри, Тик. Сделай это для меня.

Опять конвульсивное подмигивание.

— Идет, попробую его прокинуть. — Он нервно побарабанил пальцами по краю стола. — Поставишь выпивку?

Колин поглядел через стол на Кумико и театрально закатил глаза.

— Я не понимаю, — говорила Кумико, торопясь за Салли по Портобелло-роуд обратно. — Ты втянула меня в какую-то свою интригу…

Салли подняла от ветра воротник.

— А если я тебя выдам? Ты что-то устраиваешь против партнера моего отца. У тебя нет никаких причин доверять мне.

— Как и у тебя доверять мне, котенок. А вдруг я одна из тех нехороших личностей, что доставляют столько хлопот твоему отцу?

Кумико задумалась над такой возможностью.

— Это правда?

— Нет. А вот если ты шпион Суэйна, значит он в последнее время стал совсем уж хитровыдрюченные ходы закручивать. Ну а если ты шпионишь для своего старика, то, может, мне и не нужен

Тик. Но если за всем этим стоят якудза, какой смысл использовать Роджера вслепую?

— Я не шпион.

— Так начинай становиться своим собственным шпионом. Если в Токио жарко, как на сковородке, то здесь ты, пожалуй, угодила в самое пекло.

— Но к чему замешивать меня?

— Ты и так замешана. Ты же здесь. Боишься?

— Нет, — ответила Кумико и умолкла, задумавшись, с чего бы этому быть правдой.

Позже вечером в одиночестве зеркальной мансарды Кумико присела на край огромной кровати. Стянула промокшие башмаки, потом вынула из сумочки модуль «Маас-Неотек».

— Кто они такие? — спросила она у призрака, который взгромоздился на парапет черной мраморной ванны.

— Твои приятели из паба?

— Да.

— Уголовники. Что до меня, то я посоветовал бы тебе водить более приличную компанию. Женщина — иностранка. Из Северной Америки. Мужчина — лондонец. Ист-Энд. Судя по всему, вор. Крадет информацию. К сожалению, я могу войти в архивы полиции, только когда дело ка-

сается преступлений, представляющих интерес с исторической точки зрения.

— Я не знаю, что мне делать…

— Переверни модуль.

— Что?

— Посмотри на задней крышке. Там есть бороздка в форме полумесяца. Вставь в нее ноготь большого пальца и поверни…

Открылся крохотный лючок. Микропереключатели.

— Переставь «A/B» на «B». Воспользуйся чем-нибудь тонким и острым, но только не шариком.

— Что?

— Не шариковой ручкой. Чернила и пыль забивают схемы. Зубочистка подошла бы идеально. Тогда модуль включится на запись, активируемую голосом.

— А потом?

— Спрячь модуль внизу. А завтра прослушаем, что записалось…

Глава 6

Утренний свет

Слик провел ночь на куске промятого темперло-

на под верстаком в цеху Фабрики, завернувшись в шуршащий лист упаковки. От пузырчатого пластика воняло свободными мономерами. Слику снились Малыш Африка и его тачка, причем во сне эти двое сливались, и зубы во рту у Малыша превращались в блестящие хромированные черепушки.

Он проснулся от резкого ветра, заносящего первый зимний снежок в пустые проемы фабричных окон.

Слик лежал и думал о циркульной пиле для Судьи: почему всякий раз, когда требуется разрезать что-то плотнее фанеры, запястье норовит выйти из строя? Первоначально он планировал оснастить руку пятью самостоятельными пальцами на шарнирах. Каждый из пальцев должен был оканчиваться миниатюрной электропилой, но эта концепция отпала по целому ряду причин. Электричество… ну как-то не удовлетворяло, было недостаточно физическим, что ли. Другое дело — воздух, большие резервуары сжатого воздуха или внутреннее сгорание, если удастся подобрать запчасти. Впрочем, если копаться достаточно долго, на Собачьей Пустоши можно отыскать детали практически ко всему, а не отыщешь — так под рукой с полдюжины городов джерсийского

Ржавого Пояса с целыми акрами мертвых механизмов — собирай сколько хочешь.

Он выполз из-под верстака, за ним, как мантия, потянулось прозрачное пузырчатое одеяло. Слик вспомнил о мужике на носилках, который теперь лежал в его комнате, и о спавшей в его, Сликовой, кровати Черри. У нее-то, наверное, не затекла шея. Поморщившись, Слик потянулся.

Скоро вернется Джентри. Придется как-то с ним объясняться — и это притом, что Джентри терпеть не может, когда рядом люди.

В закутке, служившем на Фабрике кухней, Пташка варил кофе. Пол здесь был выложен коробящимися полосами пластмассовой плитки, и вдоль стены шел ряд тусклых стальных раковин. Под порывами ветра брезент в окне то надувался, то опадал, пропуская молочный свет, отчего комната казалась еще холоднее.

— Как у нас с водой? — спросил Слик, входя на кухню.

В обязанности Пташки входило проверять по утрам резервуары на крыше, вылавливать из них листья, а то и дохлых ворон. Потом он шел осматривать сифоны на фильтрах, впускал галлонов десять свежей воды, если вода подходила к концу. На фильтровку и подачу этих десяти галлонов

по системе многочисленных труб до резервуара коллектора уходила большая часть дня. Оттого что Пташка покорно занимался всем этим, Джентри его и терпел. Впрочем, крайняя пугливость парнишки была тоже плюсом. Пташка неплохо овладел искусством становиться совершенно невидимым, когда это касалось Джентри.

— Под завязку, — ответил Пташка.

— Можно как-нибудь принять душ? — спросила Черри со своего насеста на старой стиролоновой раме.

Под глазами у нее залегли темные тени, как будто она не спала всю ночь, но болячку она замазала косметикой.

— Нет, — сказал Слик, — нельзя. Во всяком случае, в это время года.

— Так я и думала, — мрачно ответила Черри, сгорбившись под своей коллекцией кожаных курток.

Слик плеснул себе остатки кофе и встал перед девушкой, глотая горячее питье.

— У тебя проблемы? — спросила она.

— Да. Ты и тот парень наверху. Кстати, а что ты тут делаешь? Ты ведь при деле или как?

Из кармана самой верхней куртки девушка извлекла черный бипер — приемник телеметри-

ческого сигнала.

— Как только что-то изменится, он запищит.

— Хорошо спала?

— Нормально.

— А вот я — нет. Ты давно работаешь на Африку, Черри?

— С неделю.

— Ты правда медтех?

Она пожала плечами. Где-то под куртками.

— Достаточно, чтобы присматривать за Графом.

— Графом?

— Да. Графом. Малыш его так однажды назвал.

Пташка поежился. Он еще не успел обработать хайр своими любимыми парикмахерскими штучками, так что волосы в беспорядке торчали во все стороны.

— А что, если он вампир? — предположил Пташка.

— Шутишь? — Черри изумленно уставилась на него.

Широко раскрыв глаза, Пташка серьезно покачал головой.

Черри перевела взгляд на Слика:

— У твоего друга что, шариков не хватает?

— Никаких вампиров. — Слик обернулся к

Пташке. — Их не бывает, понимаешь? Только в стимах. Этот парень не вампир, понял?

Пташка медленно кивнул: Слик его, похоже, не убедил. Ветер хлопал пластиковыми занавесями, играя с молочным светом.

Слик попробовал было заняться Судьей, но Пташка снова куда-то исчез, и все время мешали мысли о парне на носилках. К тому же становилось слишком холодно. Придется опять делать отводку с крыши, ставить обогреватели. Что предвещало очередной спор с Джентри по поводу электричества. Ток принадлежал Джентри — один он знал, как перехитрить «Ядерную комиссию».

Шла третья зима пребывания Слика на Фабрике, но, когда он наткнулся на это место, Джентри жил здесь уже четыре года. После того как они привели в порядок чердак, Слику досталась та комната, куда он сейчас поместил Черри и парня, которого, если верить Черри, Малыш называл Графом. Джентри настаивал на том, что Фабрика принадлежит ему, поскольку он пришел сюда первым и подвел электричество без ведома «Комиссии». Но Слик делал на Фабрике множество дел, которые Джентри не желал делать сам. Например, добывал продукты. Или если случится

серьезная авария, если закоротит провода или засорятся фильтры — именно у Слика были нужные инструменты и он делал весь ремонт.

Джентри не любил людей. Последнее время он дни напролет проводил со своими деками, периферией и голопроекторами, и наружу его выгонял только голод. Слик не понимал, чего именно добивается Джентри, но завидовал такой одержимости. Никто не докапывался до Джентри. Малыш Африка ни за что не докопался бы до него, потому что Джентри не понесло бы в Атлантик-Сити и он не вляпался бы в такое дерьмо и в долги к Малышу Африке.

Слик вошел в свою комнату без стука. Черри обмывала грудь парня губкой. На руках у нес были белые одноразовые перчатки. Из той комнаты, где готовили еду, она принесла газовую плитку и теперь грела воду в стальном бачке смесителя.

Он заставил себя посмотреть на синюшное лицо на носилках; дряблые губы раскрыты ровно настолько, чтобы были видны желтые зубы курильщика. Лицо улицы, лицо толпы, такое можно встретить в любом баре.

Черри подняла глаза на Слика.

Слик присел на край кровати; накануне девушка расстегнула его спальный мешок и, развернув

наподобие простыни, подвернула под темперлон.

— Есть разговор, Черри. Надо с этим что-то решать, понимаешь?

Она выжала губку над миской.

— Как ты связалась с Малышом Африкой?

Она опустила губку в зиплок и убрала пакет в черную нейлоновую сумку из ховера Малыша. Глядя на нее, Слик вдруг понял: в том, что она делает, нет ни одного лишнего движения, похоже, ей даже не приходится задумываться, что делать дальше.

— Ты «У Моби Джейн» знаешь?

— Нет.

— Придорожный дансинг с мотелем на центральной трассе. Мой друг был там управляющим, рулил заведением уже с месяц до того, как я к нему перебралась. Моби Джейн — это просто здоровенная туша; торчит в задней комнате клуба в своей цистерне, как поплавок, а в вену ей капает очищенный кокс — с души воротит. Так вот, я и говорю, приехала я туда со своим дружком Спенсером, тем самым управляющим, потому что у меня были неприятности с моим дипломом в Кливленде и я не могла тогда работать…

— Какие неприятности?

— Обычные. Ты хочешь дослушать или нет? Так вот, Спенсер заранее рассказал мне, что там за дикий бардак с владелицей, ясно? Последнее, чего бы мне хотелось, — это чтобы кто-нибудь прознал про мой диплом медтеха. Иначе меня тут же заставили бы менять фильтры и накачивать кокаином двухсоткилограммовую тушу галлюцинирующей психопатки. Так что меня поставили обслуживать столы, разносить пиво и все такое. Ладно, это меня устраивало. Музыка у них была неплохая. Вообще-то, местечко не для слабонервных, но все было норм, пока все знали, что я со Спенсером. Но однажды я просыпаюсь, а Спенсера нет. Потом выясняется, он исчез с их деньгами. — Не переставая рассказывать, она вытирала грудь «спящего» толстым комом впитывающего волокна. — Сперва они меня немного побили. — Подняв на Слика глаза, Черри пожала плечами. — А потом сказали, что сделают со мной дальше. Скрутят мне руки за спиной и посадят в цистерну к Моби Джейн, потом запустят ее капельницу на всю катушку, а ей скажут, что мой дружок ее обнес… — Она бросила сырой ком в таз. — И вот они закрыли меня в стенном шкафу, чтобы я наглядно все себе представила заранее. Вдруг дверь открывается, и на пороге — Малыш

Африка. До тех пор я его никогда раньше не видела. «Мисс Честерфилд, — говорит он, — у меня есть причины считать, что до последнего времени вы были зарегистрированным медицинским техником».

— То есть он предложил тебе работу?

— Предложил? Черта с два! Он просто проверил мои бумаги и увез меня оттуда. Вокруг мотеля не было ни души, и это в субботний вечер. Вывел меня на стоянку, где нас ждали этот его ховер с черепами и двое больших черных парней. Да я, черт побери, была готова на все, только бы подальше от этой цистерны.

— А наш друг уже был в кузове?

— Нет. — Она стягивала перчатки. — Африка велел мне отвести ховер обратно в Кливленд, куда-то на окраину. Дома большие и старые, а газоны все вытоптаны. Африка направился к тому, где было полно охраны, думаю, к своему собственному. Вот этот, — она подоткнула синий спальный мешок под подбородок неизвестного, — лежал в спальне. Мне было сказано начинать немедленно. Африка сказал, что хорошо заплатит.

— И ты знала, что он привезет тебя сюда, на Пустошь?

— Нет. По-моему, он сам этого не знал. Что-то стряслось. Он ввалился на следующий день и сказал, что мы уезжаем. Похоже, его что-то напугало до чертиков. Вот тогда он и назвал его Графом. Потому что был зол и, думаю, перепуган. «Граф и его треклятый «Эл-Эф»» — так сказал он.

— Его что?

— «Эл-Эф». Низкочастотник[70].

— Что это?

— Наверное, вот это. — Она указала на матовый серый блок, установленный в изголовье носилок.

Глава 7

Там нет никакого там[71]

Она представила себе, что Свифт уже ждет ее на веранде, в твиде, которому он отдавал предпочтение лос-анджелесской зимой: пиджак и жилетка сотканы разным узором, «селедочная кость» и

---

[70] Примечания: 70

Английская аббревиатура «LF» может расшифровываться как «low frequency» — низкая частота.

[71] Примечания: 71

«There is no there there» — из книги Гертруды Стайн «Автобиография каждого» (1937), гл. 4. Перев. И. Басса.

«собачий клык». Хотя, наверное, шерсть одна и та же, а то и с одной и той же овцы, годами пасущейся на одном и том же склоне холма. И весь имидж от начала и до конца срежиссирован командой визажистов, скрывающейся в комнатке над одним лондонским магазинчиком на Флорал-стрит, где она никогда не бывала. Они подбирали ему полосатые рубашки, хлопок покупали в Париже у «Шарве»; они создавали его галстуки, заказывая шелк в Осаке, — и чтобы обязательно с вышитой вязью из крохотных логотипов «Сенснета». И все же почему-то он вечно выглядел так, будто его одевала мамочка.

Веранда пуста. «Дорнье» повисел над ней, потом скользнул к своему гнезду. Ощущение Маман Бригитты все еще не покидало Энджи.

В белой кухне Энджи отскребла с лица и рук запекшуюся кровь. А в гостиной у нее возникло такое чувство, будто она видит это место впервые. Крашеный пол, позолота на рамах, гобеленовая обивка стульев эпохи Людовика XVI, театральным задником — кубистский пейзаж Вальмье[72]. Как и гардероб Хилтона, интерьер был создан талантливыми, но чужими людьми. Когда она

[72] Примечания: 72

Вальмье, Жорж (1885–1937) — французский художник, последовательно работавший в жанрах импрессионизма, кубизма, абстракционизма.

шла к винтовой лестнице, от резиновых сапог тянулись дорожки мокрого песка. За то время, что хозяйка провела в клинике, тут явно побывал Келли Хикмен, ее костюмер: рабочий багаж оказался аккуратно расставлен в хозяйской спальне. Девять плоских, будто для винтовок, кофров от «Гермеса» — гладкие прямоугольники похожи на гробы из начищенного чепрака. Одежду никогда не складывали, каждый костюм или платье распластаны между слоями шелковистой бумаги.

Энджи остановилась в дверях, глядя на пустую постель, на девять кожаных гробов.

Войдя в ванную (стеклянный блок и белая мозаичная плитка) и заперев за собой дверь, она стала открывать одну за другой створки туалетных шкафчиков, не обращая внимания на ровные ряды нераспечатанных склянок с притираниями и кремами, на упаковки патентованных лекарств. Инъектор нашелся в третьем по счету шкафу рядом с пузырчатым листком дермов. Энджи даже чуть наклонилась, чтобы получше рассмотреть серую упаковку с японской надписью, боясь поначалу даже к ней прикоснуться. Инъектор выглядел новым, не пользованным. Энджи была почти уверена, что сама не покупала эту машинку, не прятала ее в шкаф. Вынув пакет из кармана

куртки, она принялась изучать его, раз за разом поворачивая меж пальцев, наблюдая, как в своих запаянных отделениях пересыпаются отмеренные дозы лиловой пыли.

Она увидела, как опускает пакетик на край белой мраморной раковины и, выдавив прозрачный дерм из ячейки, вставляет его в инъектор. Красная вспышка диода — это машинка всосала дозу. Потом Энджи видит свои руки: вот они снимают дерм, и тот, как белая пластиковая пиявка, чуть покачивается на кончике правого указательного пальца. Внутренняя поверхность дерма блестит крохотными капельками ДМСО…[73]

Энджи поворачивается, делает три шага до туалета и роняет невскрытый пакет в унитаз. Тот всплывает, как миниатюрная баржа, наркотик по-прежнему совершенно сух. Абсолютно… Дрожащими руками она отыскивает пилку для ногтей и опускается на колени на белый кафель… Закрыть глаза, чтобы не видеть, как одна рука придерживает пакетик, в то время как другая вонзает острие пилки в шов, поворачивает… Пилка со звоном падает на пол, Энджи нажимает

[73] Примечания: 73

Димексид, диметилсульфоксид — анальгетик и противовоспалительное средство, легко проникающее через биологические мембраны, в том числе через кожу; применяется и в качестве растворителя.

на спуск — и две половинки пустого теперь пакета исчезают. Несколько минут она отдыхает, прижавшись лбом к холодной эмали, потом заставляет себя встать и подойти к раковине, чтобы тщательно отмыть руки.

Потому что так хочется — только теперь она понимает как — облизать пальцы.

Позже, уже в серых сумерках, она отыскала в гараже транспортировочный контейнер из рифленой пластмассы, отнесла его наверх в спальню и стала упаковывать оставшиеся от Бобби вещи. Их было немного: кожаные джинсы — зачем он их купил, если они ему не нравились? — несколько рубашек, которые он не то собирался выбросить, не то просто забыл, и в нижнем ящике тикового бюро — киберпространственная дека. «Оно-Сэндай» — скорее игрушка, чем рабочий инструмент. Дека лежала посреди путаницы черных проводов, наборов дешевых стим-тродов и жирно лоснящегося тюбика проводящей пасты.

Энджи вспомнила деку, которой обычно пользовался Бобби, ту, которую он увез с собой, — серую заводскую «Хосаку» с немаркированной клавиатурой. Дека профессионального ковбоя. Он настаивал, чтобы она была с ним повсюду, хотя это и причиняло множество неприятностей

на таможне. Зачем, удивилась она, он купил «Оно-Сэндай»? И почему бросил ее? Энджи сидела на краешке кровати. Вынув деку из ящика, положила ее себе на колени.

Давным-давно, еще в Аризоне, отец предостерегал дочь, советовал ей не подключаться к матрице. «Тебе это не нужно», — говорил он. Она и не подключалась, поскольку киберпространство просто ей снилось, как будто переплетение неоновых линий матрицы всегда ждало за сомкнутыми веками.

«Там нет никакого там». Этому учили детей, объясняя им, что такое киберпространство. Ей вспомнились лекции улыбающегося наставника в административном центре научного городка, вспомнились бегущие по экрану картинки: пилоты в огромных шлемах и неуклюжих перчатках. Эта технология, пусть и примитивного с точки зрения нейроэлектроники «виртуального мира», давала человеку более полный доступ к системам истребителя. Пара миниатюрных видеотерминалов накачивала пилотов генерируемым компьютером потоком оперативных данных, перчатки вибротактильной обратной связи обеспечивали мир прикосновений, состоящий из рычагов и гашеток… С развитием технологии

шлемы съеживались, видеотерминалы атрофировались…

Нагнувшись, Энджи подобрала набор тродов, встряхнула, высвобождая из клубка проводов.

Там нет никакого там.

Расправив на лбу эластичную головную повязку, она установила троды на висках — один из самых характерных человеческих жестов, а она делала его так редко. Потом нажала кнопку тестирования батарей «Оно-Сэндай». Зеленый — значит путь открыт. Теперь активировать деку. И спальня исчезла за бесцветной стеной сенсорной статики. Ее голова наполнилась стремительным потоком белого шума.

Пальцы сами наугад отыскали второй переключатель — и Энджи катапультировало сквозь стену статики в суматошную, тесную беспредельность, абстрактную пустоту киберпространства. Вокруг нее трехмерной сеткой развернулась в бесконечность яркая решетка матрицы.

— Анджела, — сказал дом спокойным, но не терпящим возражений тоном, — на проводе Хилтон Свифт.

— Служебный канал? — Она ела печеную фасоль с тостами у стойки на кухне.

— Нет, — доверительно ответил дом.

— Измени тон, — приказала она с набитым фасолью ртом. — И добавь озабоченности.

— Мистер Свифт ждет, — нервно протараторил дом.

— Уже лучше, — сказала она, относя тарелку и миску в раковину. — Но я хочу что-нибудь поближе к настоящей истерике.

— Ты ответишь ему? — Голос задыхался от напряжения.

— Нет, — сказала она, — но голос оставь как есть, мне так нравится.

Она прошла в гостиную. «Раз, два… — считала она про себя, на каждый счет задерживая дыхание. — Двенадцать, тринадцать…»

— Анджела, — мягко проговорил дом, — на проводе Хилтон Свифт…

— На служебном канале, — послышался голос Свифта; она с шумом выпустила воздух. — Ты знаешь, как я уважаю твою потребность побыть одной, но я очень о тебе беспокоюсь.

— Со мной все в порядке, Хилтон. У тебя нет причин волноваться. Пока.

— Ты споткнулась сегодня на пляже. Выглядела как будто не в себе. У тебя кровь шла из носа.

— Просто кровотечение.

— Мы бы хотели, чтобы ты прошла еще один

осмотр…

— Отлично.

— Ты сегодня входила в матрицу, Энджи. Мы засекли тебя в промышленном секторе СОБА.

— Так вот что это было.

— Хочешь об этом поговорить?

— Тут не о чем говорить. Просто валяла дурака. Но ведь ты все равно от меня не отвяжешься, да? Я упаковывала кое-какой хлам, оставшийся после Бобби. Тебя бы это порадовало, Хилтон! Я нашла его деку и решила попробовать. Нажала пару клавиш и просто сидела, глядя по сторонам. Потом отключилась.

— Извини, Энджи.

— За что?

— За то, что потревожил тебя. Я сейчас отключусь.

— Хилтон, ты знаешь, где Бобби?

— Нет.

— Ты хочешь сказать, что служба безопасности «Сенснета» перестала за ним следить?

— Я говорю, что не знаю, Энджи. Это правда.

— Но ты мог бы выяснить, если бы захотел?

Снова пауза.

— Не знаю. Если бы и мог, то не уверен, что стал бы это делать.

— Спасибо. До свидания, Хилтон.
— До свидания, Энджи.

Той ночью она сидела в темноте, наблюдая за танцем блох на освещенном песке. Сидела и думала о Бригитте и ее предостережении, о наркотике в кармане куртки и об инъекторе в аптечке. Думала о киберпространстве и о том печальном ощущении замкнутости, какое она испытала с «Оно-Сэндай», ощущении, таком далеком от свободы лоа. Думала о чужих снах, о свивающихся в лабиринт коридорах, о приглушенных тонах древнего ковра… Старик, голова из драгоценных камней, напряженное лицо с зеркалами вместо глаз… И голый, продуваемый ветрами пляж в темноте.

Другой пляж, не в Малибу.

И где-то в сумерках калифорнийского утра, за несколько часов до рассвета, среди коридоров, галерей, лиц, обрывков разговоров, которые она помнила лишь отчасти, проснувшись и увидев белый туман, окутавший окна главной спальни, она вдруг поняла, что вырвала из сна что-то очень важное и унесла это важное с собой через границу, в явь.

Перекатившись на бок, порылась в ящике тум-

бочки. Нашла ручку «порше», подарок каких-то ассистентов, и нацарапала драгоценные буквы на глянцевой обложке итальянского журнала мод: «Т-Э».

— Вызови Континьюити[74], — приказала она дому за третьей чашкой кофе.

— Здравствуй, Энджи, — сказал Континьюити.

— Была одна пленка с орбиты, мы засняли ее два года назад. Яхта бельгийца… — Она глотнула остывающий кофе. — Как называлось то место, куда он хотел меня отвезти? Робин тогда еще решил, что это дешевка.

— Фрисайд, — сказала экспертная система.

— Кто из наших там работал?

— Тэлли Ишем записала на Фрисайде девять эпизодов.

— Для нее это была не дешевка?

— Это было пятнадцать лет назад. В то время Фрисайд был в моде.

— Достань для меня эти эпизоды.

— Сделано.

— Пока.

— До свидания, Энджи.

Континьюити писал книгу. Энджи об этом

---

[74] Примечания: 74
Continuity *(англ.)* — непрерывность, связность, целостность.

рассказал Робин Ланье. Она спросила, о чем книга. «Не в том дело, — ответил он. — Книга закукливается в саму себя и постоянно мутирует. Континьюити пишет ее бесконечно». Она спросила почему, но Робин уже потерял интерес к разговору. Континьюити — ИскИн, а ИскИны всегда делают что-нибудь подобное.

Обращение к Континьюити стоило ей звонка от Свифта.

— Энджи, насчет этого осмотра…

— А ты его еще в план не поставил? Я хочу вернуться к работе. Сегодня утром я вызывала Континьюити. Подумываю о съемке нескольких эпизодов на орбите. Собираюсь просмотреть кое-что из того, что делала Тэлли. Может, возникнут какие-нибудь идеи.

Молчание. Ей хотелось рассмеяться. Не так просто лишить Свифта дара речи.

— Ты уверена? Это замечательно, Энджи, но ты действительно этого хочешь?

— Мне гораздо лучше, Хилтон. Я чувствую себя просто прекрасно. Каникулы закончены. Пусть приедет Порфир уложить мне волосы перед тем, как я покажусь на люди.

— Знаешь, Энджи, — сказал Свифт, — это осчастливит всех нас.

— Вызови Порфира. Договорись насчет осмотра.

Coup-poudre. Кто, Хилтон? Может, ты сам?

А ведь у него была такая возможность, подумалось ей полчаса спустя, когда она взад-вперед вышагивала по укутанной туманом веранде. Ее зависимость от наркотиков не угрожала «Сенснету», поскольку никак не отражалась на продукции. Ведь никаких физических последствий не было. В противном случае «Сенснет» ни за что бы не позволил ей даже попробовать. Дизайнерские, модельные наркотики, думала она. Уж сам-то моделист знает, что в них. И никогда ей не скажет, даже если удастся с ним как-то связаться, в чем она сомневалась. Предположим, размышляла она, ведя ладонью по шершавой ржавчине перил, что это был не моделист. Что кто-то другой смоделировал молекулу в своих собственных целях.

— Твой парикмахер, — сказал дом.

Она вошла внутрь.

Порфир ждал, задрапированный складками мягкого джерси — последняя новинка парижского сезона. Его лицо, гладкое и спокойное, как полированное черное дерево, при виде ее раскололось в радостной ухмылке.

— Мисси, — проворчал он, — ты выглядишь как самопальное дерьмо.

Энджи рассмеялась. С досадой хмыкнув, Порфир шагнул к ней и с наигранным отвращением запустил длинные пальцы в ее шевелюру.

— Мисси была дурной девочкой! Порфир говорил ей, что это ужасные пилюли!

Энджи пришлось запрокинуть голову — Порфир был очень высок и, как она знала, невероятно силен. Этакая гончая на стероидах, как сказал про него однажды кто-то. Его безволосый череп являл собой неизвестную в природе симметрию.

— Как ты? — спросил он уже совсем другим тоном, нарочитая бравада отключилась, будто кто-то повернул выключатель.

— Прекрасно.

— Больно было?

— Да. Больно.

— Знаешь, — сказал он, легонько касаясь ее подбородка длинным пальцем, — никто никогда не понимал, что ты находишь в этом дерьме. Было такое впечатление, что оно даже улететь тебе не дает.

— И не должно было. Это вроде как ты одновременно и здесь и там, только не нужно…

— Что-то чувствовать?

— Да.

Он медленно кивнул.

— Тогда это был действительно дрянной кайф.

— Черт с ним, — ответила Энджи. — Я вернулась.

Снова ухмылка.

— Пойдем помоем тебе голову.

— Я только вчера ее мыла!

— Чем? Нет! Не говори мне! — Взмахами огромных ладоней Порфир погнал ее к лестнице.

В выложенной белой плиткой ванной парикмахер втер ей что-то в кожу головы.

— Ты в последнее время виделся с Робином?

Порфир уже промывал ей волосы холодной водой.

— Миста Ланье сейчас в Лондоне, мисси. Миста Ланье и я не разговаривать друг с другом в настоящее время. Сядь прямо.

Он поднял спинку кресла и обернул вокруг ее шеи полотенце.

— Почему? — спросила она, настраиваясь выслушать последние слухи «Сенснета», что было у Порфира второй специальностью.

— Потому что, — ровным голосом сказал парикмахер, тщательно зачесывая ей волосы назад, — он наговорил всем гадостей о некой Ан-

джеле Митчелл, пока та была на Ямайке, наводя порядок в своей маленькой головке.

Этого она никак не ожидала.

— Гадостей?…

— А то, мисси.

Порфир принялся подстригать ей волосы ножницами, это было одним из его профессиональных бзиков: Порфир неизменно отказывался от лазерного карандаша, заявляя, что никогда к нему даже не прикоснется.

— Ты шутишь, Порфир?

— Нет. Мне бы он ничего такого не стал говорить, но Порфир многое слышит. Порфир всегда слышит. Он уехал в Лондон на следующее утро после того, как ты прибыла сюда.

— А что именно ты слышал?

— Что ты сошла с ума. Не важно, под кайфом или без. Что ты слышишь всякие голоса. Что психиатры «Сенснета» об этом знают.

Голоса…

— Кто тебе это сказал? — Она попыталась повернуться в кресле.

— Не мотай головой. Вот так. — Он вернулся к работе. — Не могу сказать. Доверься мне.

После отъезда Порфира еще несколько раз звонили — это рвалась сказать «привет» ее съе-

мочная группа.

— Сегодня больше никаких звонков, — приказала она дому. — Эпизоды Тэлли я посмотрю наверху.

Отыскав в глубине морозильника бутылку «Короны», Энджи забрала ее с собой в спальню. Стим-модуль в тиковом изголовье кровати был снабжен студийного уровня дерматродами. Когда она уезжала на Ямайку, таких тут еще не было. Техники «Сенснета» периодически обновляли оборудование в доме. Глотнув пива, она поставила бутылку на столик и прилегла с тродами на лбу.

— Поехали.

В дыхание Тэлли, в плоть Тэлли.

«Как я могла заменить тебя? — удивилась она, захваченная физическим существом бывшей звезды. — Приношу ли я людям такое же наслаждение?»

Тэлли-Энджи смотрит вниз в увитую виноградом пропасть, которая одновременно и бульвар, поднимает глаза вверх на опрокинутый горизонт, скользит взглядом по далеким теннисным кортам. Над головой — «солнце» Фрисайда, осевая нить ярчайшего накала…

— Перемотай вперед, — приказала она дому.

В плавное сокращение мускулов и расплывчатое пятно бетона, Тэлли наматывает круги на велодроме с пониженной гравитацией…

— Перемотай вперед.

Сцена за обедом, натяжение бархатных бретелек на плечах, молодой человек напротив наклоняется через стол, чтобы подлить ей вина…

— Вперед.

Льняные простыни, рука между ее ног, пурпурные сумерки за стеклянной стеной, звук бегущей воды…

— Обратно. Ресторан.

Красное вино льется в стакан…

— Еще чуть-чуть. Стоп. Здесь.

Глаза Тэлли сфокусированы на загорелом запястье парня, а не на бутылке.

— Мне нужна распечатка кадра, — сказала Энджи, снимая троды.

Она села и отхлебнула пива, вкус которого странно смешался с призрачным вкусом записанного на стим-пленку вина Тэлли.

Внизу мягко зажужжал принтер. Энджи заставила себя идти по ступенькам как можно медленнее, но когда она добралась до принтера в кухне, изображение ее разочаровало.

— Можешь это почистить? — спросила она у дома. — Я хочу прочитать этикетку на бутылке.

— Выравниваю изображение, — ответил дом, — поворачиваю цель на восемь градусов.

Принтер заработал, поползла новая картинка. Не успел он отстрекотать, а Энджи уже нашла свое сокровище, свою медаль за победу над сном, отпечатанную коричневыми чернилами: «Т-Э».

У них были даже собственные виноградники, подумала она.

«Тессье-Эшпул СА»[75] — раскорячились по-паучьи буквы августейшего шрифта.

— Попались! — с вызовом прошептала она.

Глава 8

Техасское радио

Сквозь рваные дыры в пластике, которым затягивали окно, Мона видела солнце. Слишком мерзкое место, чтобы тут оставаться, — особенно если не спишь и не торчишь. А сейчас как раз ни то ни другое.

---

[75] Примечания: 75

SA (Sociйtй Anonyme) — акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью *(фр.)*.

Потихоньку выбравшись из постели, она поморщилась, когда ее пятка коснулась голого пола, и на ощупь нашла плетеные пластмассовые сандалии. Ну и грязная же дыра! Стоит легонько прислониться к стене, и столбняк тебе уже обеспечен. От одной мысли мурашки ползут по коже. А вот Эдди, похоже, это не волновало. Он настолько погружался в свои аферы, что вообще ничего вокруг не замечал. И всегда ему удавалось каким-то образом держать себя в чистоте, как кошке. Он вообще был по-кошачьи чистоплотен — ни пятнышка грязи под полированными ногтями. Она уже давно догадывалась, что большая часть ее заработка уходит на его гардероб, впрочем, ей и в голову не пришло бы протестовать. Ей было шестнадцать, звали ее Мона, у нее даже ГРЕХа не было, а один пожилой лох ей как-то сказал, что есть такая песня — «В шестнадцать лет, и неГРЕХовна». Это означало, что Моне при рождении ГРЕХ — Государственную регистрационную характеристику — в файлы не записали и документ не выдали, так что она выросла за рамками почти всех официальных инстанций. Мона знала, что вроде бы можно обзавестись ГРЕХом, если у тебя его нет, но подразумевалось, что для этого придется идти в какое-то заведение

и разговаривать там с каким-то пиджаком — а это было довольно далеко от представлений Моны о хорошем времяпрепровождении или даже о нормальном поведении.

Она давно уже приучилась одеваться в сквоте, могла бы проделать это и в темноте: натягиваешь сандалии, предварительно постучав ими друг о друга, чтобы согнать все, что могло туда заползти, потом — в два шага — к окну, где, как известно, в корзине из стиролона лежит рулон старых ньюсфаксов. Отматываешь с метр факса, скажем, день-полтора «Асахи Симбун», складываешь, разглаживаешь и кладешь на пол. Тогда на лист можно встать и дотянуться до стоящей рядом с корзиной пластиковой сумки, распутать связывающую ручки проволоку и найти нужную одежду. Вынимая ногу из сандалии, чтобы надеть трусы, уже знаешь, что ступишь на свежий факс; для Моны это стало догмой — полагать, что ничто не заползет на факс за время, необходимое для того, чтобы натянуть джинсы. И снова сандалии.

Потом можно надеть футболку или еще что, старательно обмотать проволокой ручки сумки и убраться отсюда. Макияж, если требуется, — в коридоре снаружи, где у сломанного лифта сохранилось подобие зеркала с приклеенным над ним

обрезком биофлюоресцентной ленты «Фудзи».

Этим утром у лифта стоял резкий запах мочи, так что Мона решила макияж опустить.

Здание как будто вечно пустовало, ни единой души вокруг, но временами из-за какой-нибудь запертой двери доносилась музыка или вдруг слышалось эхо шагов, только что завернувших за угол в дальнем конце коридора. Ну, в этом был смысл — у Моны тоже не возникало особого желания встречаться с соседями.

Она спустилась на три пролета вниз, прямо в кромешную тьму подземного гаража. Чтобы отыскать выход на улицу, понадобилось всего шесть вспышек карманного фонарика, которые разбудили застоявшиеся лужи и свисающие плети мертвого оптокабеля. Вверх по бетонным ступеням и, наконец, наружу — в узкий проулок. Иногда, если ветер дул в нужную сторону, в проулок заносило запах пляжа, но сегодня тут пахло только помойкой. Над ней громоздилась стена сквота, так что надо пошевеливаться, пока какому-нибудь придурку не вздумалось бросить в окно бутылку или что похуже. Только выйдя на авеню, Мона сбавила шаг, но и то ненамного; карман ее жгли наличные, и Мону переполняли планы, как их потратить. Совсем ни к чему, что-

бы тебя обули, тем более сейчас, когда все идет к тому, что Эдди все же удастся спроворить им обоим билет отсюда.

Она все колебалась, верить ей или не верить; ей очень хотелось сказать себе: да, дело верное, они практически уже уехали, — а с другой стороны, уж она знает, каковы они, эти «верные дела» Эдди. Разве не была Флорида одним из таких дел? Как тепло в этой Флориде, и какие там пляжи, и сколько там лохов с деньгами — самое место для небольших трудовых каникул, которые уже растянулись в самый долгий в Мониной жизни месяц. Ладно, во Флориде тепло, а если точнее, чертовски жарко, как в сауне. Пляжи, коли не частные, заражены какой-то дрянью, в неглубоких впадинах плавает брюхом вверх дохлая рыба. Возможно, на частных пляжах — картина та же, но только этих пляжей и не видно — заграждение из колючей проволоки и кругом охрана в шортах и полицейских рубашках. Эдди всякий раз распалялся при виде оружия, которое носили охранники, он не уставал описывать ей каждую пушку в мельчайших деталях до полного опупения. Впрочем, у него у самого пушки не было, по крайней мере, Мона ничего такого не знала и считала, что это даже к лучшему. Иногда

запах дохлой рыбы забивался другим, хлорным, который жег нёбо, — его приносило с фабрик, расположенных выше по берегу. Если здесь и встречались лохи, то это были те же клиенты, к тому же они не особо стремились платить вдвойне.

Пожалуй, единственное, что могло во Флориде нравиться, — это наркотики: легко достать, дешевы и по большей части промышленной концентрации. Иногда Мона представляла себе, что запах хлорки — на самом деле запах миллиона лабораторий, варящих какое-то невероятное снадобье. Все эти маленькие молекулы бьют острыми хвостиками, так им невтерпеж попасть по назначению, выйти на улицу.

Свернув с авеню, она направилась вдоль лотков с едой — эти торговали без лицензии. От запаха пищи сводило желудок, но она не доверяла уличной кормежке — разве что в случае крайней необходимости. И потом, в пассаже полно мест, где возьмут наличные. Посреди заасфальтированного сквера, бывшего на самом деле автостоянкой, кто-то играл на трубе: рокочущее кубинское соло отражалось, возвращалось искореженным от бетонных стен, умирающие ноты терялись в утреннем гаме рынка. Уличный

проповедник-евангелист вскинул руки над головой, в воздухе над ним этот жест скопировал блеклый, расплывчатый Иисус. Проектор помещался в ящике из-под мыла, на котором стоял проповедник, а за спиной у него висел потертый нейлоновый короб с батареями и парой динамиков, которые выступали над его плечами, как две безглазые хромированные головы. Евангелист нахмурился, глянул вверх на Иисуса и подкрутил что-то у себя на поясе. Иисус будто икнул, позеленел и исчез. Мона не смогла удержаться от смеха. Глаза проповедника полыхнули гневом Господним, на грязной щеке задергались шрамы.

Мона повернула налево в ряды торговцев фруктами, выстраивающих пирамиды апельсинов и грейпфрутов на побитых металлических тележках. Вошла в низкое здание со сводчатым потолком, приютившее вдоль проходов постоянных своих обитателей — торговцев рыбой, фасованными продуктами, дешевыми хозяйственными мелочами; тут же располагались десятки прилавков со всевозможной горячей пищей. Здесь, в тени, было чуть прохладнее и не так шумно. Она нашла вонтон с шестью свободными табуретами и села на один из них. Повар-китаец обратился к ней по-испански, она заказала, ткнув

пальцем. Когда в пластиковой миске появился суп, Мона расплатилась самой маленькой из банкнот, а на сдачу получила восемь засаленных картонных жетонов. Если Эдди не врет, если они действительно уезжают, она не сможет ими воспользоваться. Если же останутся во Флориде, она всегда сможет их потратить еще в каком-нибудь вонтоне. Мона покачала головой. Нужно уезжать, нужно. Толкнула истертые желтые кружочки назад через крашеный фанерный прилавок.

— Оставь себе.

Повар смахнул их под прилавок — невозмутимо и без всякого выражения; голубая пластмассовая зубочистка застыла в углу его рта.

Взяв из стакана на прилавке две палочки, Мона принялась вылавливать из миски змейки лапши. Из прохода за котлами и жаровнями китайца за ней наблюдал какой-то пиджак. Пиджак, пытающийся косить под кого-то другого: белая спортивная рубашка и солнечные очки. То, что это пиджак, было видно по тому, как он стоит. К тому же зубы слишком белые и прическа… ну разве что у этого была борода. Человек делал вид, что просто смотрит по сторонам, будто пришел за покупками: руки в карманах, рот сложен — как ему кажется — в рассеянную улыбку. Он был

симпатичный, этот пиджак, — во всяком случае, та часть его лица, что не скрывалась за очками и бородой. А вот улыбку симпатичной не назовешь. Она казалась какой-то прямоугольной и открывала почти все тридцать два зуба. Мона поерзала на стуле, чувствуя себя несколько неуютно. Торговать собой — это вполне законно, правда, делать это нужно по правилам — иметь налоговый чип и все такое. Внезапно она осознала, что в кармане у нее наличные. Мона сделала вид, что изучает лицензию на торговлю пищевыми продуктами, приклеенную пленкой к прилавку. Когда она снова подняла глаза, пиджак уже ушел.

На одежду ушло полсотни. Пришлось прошерстить все восемнадцать вешалок в четырех магазинах — все, что имелось в пассаже, — прежде чем на что-то решиться. Торговцам не нравилось, что она меряет такую кучу вещей, но ведь у нее впервые в жизни было столько денег, которые можно тратить. Покончив наконец с покупками, она обнаружила, что давно уже наступил полдень. Солнце Флориды поджаривало тротуар, когда она пересекла стоянку с двумя пластиковыми сумками в руках. Сумки, как и одежда, были подержанными: на одной напечатан фирменный знак обувной лавки на Гиндзе, другая рекламиро-

вала аргентинские брикеты из переработанного криля. Мона шла и перетасовывала в уме покупки, выдумывая различные прикиды.

На противоположной стороне площади евангелист открыл свое шоу, врубив максимальную громкость, и почему-то с середины тирады — должно быть, разогревался до белого каления, прежде чем включиться. Голографический Иисус тряс рукавами белого балахона и гневно жестикулировал небу, потом пассажу, потом снова и снова небу. «Вознесение, — говорил он. — Вознесение грядет».

Машинальный рефлекс держаться от психов подальше погнал Мону в первый попавшийся проулок, и она обнаружила, что бредет вдоль выгоревших на солнце карточных столов с разложенными на них дешевыми индонезийскими симстим-деками, бэушными кассетами, цветными «занозами» микрософтов, воткнутых в кубики из бледно-голубого стиролона. Над одним из столов был прилеплен постер с изображением Энджи Митчелл, такого Мона еще не видела. Замерев, она уставилась на него голодным взглядом, впитывая сперва макияж и прикид звезды, потом стала рассматривать фон, пытаясь сообразить, где сделан снимок.

Бессознательно погримасничала, подстраивая свое лицо под выражение лица Энджи. Не совсем улыбка. Что-то вроде полуусмешки, быть может, немного печальной. К Энджи Мона испытывала совсем особые чувства. Потому что — и лохи ей иногда говорили это — была на нее похожа. Как будто она ей сестра. Разве что нос другой — у Моны более курносый, — и у нее, у Энджи, нет этой несносной россыпи веснушек на щеках. Монина полуусмешка «под Энджи» стала шире, пока девушка рассматривала звезду, омытая красотой плаката, роскошью запечатленной на нем комнаты. Она решила, что это какой-нибудь замок. Вероятно, там и живет Энджи, конечно, в окружении бесчисленных слуг, которые о ней заботятся: кто-то же должен укладывать ей волосы и помогать с одеждой, видно ведь, что стены там сложены из больших валунов и у зеркал тяжелые рамы — сплошь золотые с листьями и ангелами. Возможно, надпись в нижней части постера и подсказала бы ей, что это за замок, но Мона не умела читать. Во всяком случае, никаких долбаных тараканов там нет, в этом-то она была уверена, — и никакого Эдди тоже. Мона опустила взгляд на стим-деки и ненадолго задумалась, не спустить ли на один из этих аппаратов оставши-

еся деньги. Но тогда у нее не хватит на кассеты, и к тому же эти записи такие старые, некоторые даже старше ее самой. Вот, например, с этой — как ее там? — Тэлли; она была звездой, когда Моне исполнилось девять, что ли.

Когда она вернулась, Эдди ее уже ждал. Снял с окна пленку, напустив в комнату жужжащих мух. Эдди валялся на кровати, покуривая сигарету, а наблюдавший за ней в пассаже бородатый пиджак сидел на сломанном стуле, так и не сняв очки.

Прайор. Так он себя назвал, как будто имя у него отсутствует вовсе. Как у Эдди — фамилия. Ну у нее у самой фамилии тоже нет, если не считать Лизы, но это скорее просто еще одно ее имя.

Пока он торчал в сквоте, ей никак не удавалось понять, что он за птица. Оттого, наверное, подумала Мона, что он англичанин. Впрочем, и пиджаком его назвать трудно, во всяком случае, настоящим пиджаком, за которого она приняла его в пассаже. И здесь он не просто так, что-то у него на уме, только пока неясно, что именно. Порой он не спускал с нее глаз, смотрел, как она упаковывает вещи в принесенную им голубую дорожную сумку с надписью «Люфтганза», но в

его взгляде она не чувствовала никакого зуда, никакого намека на то, что он ее хочет. Он просто за ней наблюдал, постукивая солнечными очками по колену, смотрел, как курит Эдди, слушал его брехню и говорил не больше, чем требовалось. Когда он говорил, обычно это было что-то смешное, но Мону сбивало с толку то, как он это делал: не понять, когда он шутит, а когда нет.

Мона собирала вещи, а в голове была такая легкость, как будто она дохнула стимулятора, но полный кайф еще не пришел. Мухи трахались на окне, ритмично ударяясь о пыльное стекло, но ей было плевать. Уехала, она уже уехала!

Застегнуть молнию на сумке.

К тому времени, когда они добрались до аэропорта, пошел дождь — флоридский дождь, теплые ссаки из ниоткуда. Раньше она никогда не бывала в аэропортах, знала их лишь по стимам.

Машина Прайора, взятый напрокат белый «датсун», была без водителя и всю дорогу оглашала салон лифтовой музыкой из четырех динамиков. Высадив их вместе с багажом на голый бетон у зала вылета, она укатила в дождь. Если у Прайора и была дорожная сумка, то где-то в другом месте. У Моны на плече висела ее «Люфтганза», а Эдди стоял возле двух черных чемоданов из кожи кло-

нированных крокодилов.

Одергивая на бедрах новую юбку, Мона думала, удачные ли она купила туфли. Эдди явно наслаждался собой — руки в брюки, плечи приподняты, — показывая, будто он занят чем-то важным.

Ей вспомнилось, как она впервые увидела его в Кливленде. Он тогда приехал к ним на окраину посмотреть мотороллер, который продавал старик, до основания проржавевшую трехколесную «шкоду». Старик выращивал сомов в бетонных чанах, окружавших их грязный двор. Когда появился Эдди, Мона была в доме — в длинном просторном трейлере с высоким потолком, водруженном на бетонные блоки. В одной из боковин трейлера прорезали окна — прямоугольные дыры, заделанные поцарапанным пластиком. Она стояла у плиты, над которой витал запах помидоров и лука, подвешенных в сетках сушиться, когда почувствовала его присутствие в дальнем конце комнаты, почувствовала мускулы и широкие плечи, его белые зубы, черную нейлоновую кепку, которую он неуверенно комкал в руке. В окна било солнце, освещая голую убогую комнату, пол выметен, старик вечно заставлял ее подметать… но это было как надвигающаяся тень, кровавая

тень, когда она услышала биение собственного сердца… а он подходил все ближе. Вот, проходя мимо, швырнул кепку на голый откидной стол, уже не робко, а так, будто жил здесь всегда, и прямо к ней, проведя рукой с ярким кольцом на пальце по масленой тяжести волос… Тут вошел старик, и Мона отвернулась, делая вид, что занята чем-то у плиты. «Кофе», — бросил старик, и Мона пошла за водой — наполнить эмалированную кастрюлю из отводной трубы с крыши; вода булькала, стекая сквозь угольно-черный фильтр. Эдди со стариком сидели у стола, пили черный кофе, ноги Эдди широко расставлены под столом, колени напряжены под выцветшей джинсовой тканью. Улыбался, жестикулировал, торговал у старика «шкоду». Мона вспоминала, как он все гнул свое. Мол, берет машинку, если у старика есть на нее лицензия. Старик встает, роется в ящиках. Взгляд Эдди снова нацелен на нее. Она вышла за ними во двор и смотрела, как он усаживается на потрескавшееся виниловое сиденье. Выстрел из выхлопной трубы, и черные собаки старика взрываются бешеным лаем. Едкий, сладковатый запах выхлопных газов от дешевого спирта, и рама дрожит между его ног.

Мона смотрела, как он позирует между двумя

чемоданами. Как же сложно совместить эту сегодняшнюю картинку с тем, почему на следующий день она уехала вместе с ним в Кливленд на той самой «шкоде». У «шкоды» было маленькое встроенное радио, которое на ходу заглушал мотор, но его можно было слушать тихонько ночью в поле возле дороги. Настройка не работала, так что приемник ловил всего одну станцию — призрачную музыку с какой-то одинокой вышки в Техасе. Стил-гитара то звенела, то растворялась в ночи. А она чувствовала свою влагу, прижимаясь к его ноге, и жесткую сухую траву, которая щекотала ей шею.

Прайор поставил ее голубую сумку в белый вагончик с полосатой крышей. Мона полезла следом, слыша слабые испанские голоса из наушников кубинца-водителя. Потом Эдди запихнул ей под ноги свои чемоданы, и они с Прайором тоже сели. И покатили к взлетной полосе сквозь стену дождя.

Самолет оказался совсем не таким, какие она знала по стимам, изнутри он совсем не походил на длинный роскошный автобус с рядами кресел по сторонам. Самолет был маленький, с заостренными хрупкими крыльями и такими окошками, что казалось, будто машина все время

косит глазами.

Поднявшись по металлической лестнице, Мона попала в округлое помещение с четырьмя креслами и однообразным серым ковром повсюду, и на потолке, и на стенах тоже, — все чистое, холодное и отчужденно серое. За ней вошел Эдди и сел с таким видом, будто ежедневно это проделывал, — распустив галстук и вытянув ноги. Прайор нажимал кнопки у двери. Дверь со вздохом закрылась.

Мона взглянула в узкое, в каплях воды окошко на огни взлетной полосы, отражавшиеся в мокром бетоне.

А сюда ехали на поезде, подумала она, от Нью-Йорка до Атланты, потом пересадка.

Самолет задрожал. Ей послышалось, как, оживая, что-то проскрипел фюзеляж.

Пару часов спустя Мона ненадолго проснулась в затемненной кабине — оказывается, заснула, убаюканная протяжным гулом реактивного двигателя. Эдди спал, полуоткрыв рот. Возможно, Прайор спал тоже, а может, он просто сидел с закрытыми глазами — она не знала.

На полпути в сон, который на следующее утро она уже не смогла вспомнить, ей почудились звуки того техасского радио — тающие стальные

струны, вибрирующие, словно боль.

Глава 9

Лечь на дно

Линии Джубили и Бейкерлу, Кольцевая и Дистрикт. Кумико рассматривала маленькую глянцевую схему метро, которую дал ей Петал, и зябко ежилась. Холод, исходивший от бетона платформы, проникал даже сквозь подошвы ботинок.

— И старая же она, черт побери, — рассеянно сказала Салли Ширс.

В ее линзах отражалась закругляющаяся к потолку стена в чехле из белой керамической плитки.

— Прошу прощения?

— Подземка…

Новый клетчатый шарф был завязан у Салли под подбородком, и с каждым следующим словом изо рта у нее белым облачком вылетал пар.

— Знаешь, что меня мучает? То, как иногда прямо у тебя на глазах на станции налепляют новый слой плитки, не сняв сперва старую, или просверливают дыру в стене, чтобы добраться

до каких-нибудь проводов. Тогда видишь все эти наслоения плитки…

— Да?

— Но ведь станции все сужаются и сужаются, так? Это как сужение вен…

— Да, — с сомнением сказала Кумико, — я понимаю… Салли, а мальчики вон там… Что означают их костюмы?

— Это Джеки. Их еще называют Джеки Дракулы.

Четверо Джеков Дракул нахохлились, как вороны, на противоположной платформе. На них были неприметные черные дождевики и начищенные армейские ботинки со шнуровкой до колен. Один из них повернулся, обращаясь к другому, и Кумико увидела, что волосы у него стянуты назад и заплетены в косичку, перевязанную маленьким черным бантом.

— Повесили его, — сказала Салли, — после войны.

— Кого?

— Джека Дракулу. После войны здесь одно время практиковали публичные казни. От Джеков тебе лучше держаться подальше. Ненавидят любых иностранцев…

Кумико с радостью вызвала бы Колина, но мо-

дуль «Маас-Неотек» был запрятан за мраморным бюстом в той комнате, где Петал подавал завтрак, а тут еще подошел поезд, ошарашив ее архаичным перестуком колес по стальным рельсам.

Салли Ширс — на фоне залатанной изнанки городской архитектуры, в линзах на лице отражается путаница лондонских улиц и переулков, помеченных в каждую эпоху экономикой, пожарами, войнами…

Кумико, уже совершенно запутавшись, где они, собственно, находятся после их с Салли трех поспешных и на первый взгляд совершенно случайных пересадок, безропотно позволяла тянуть себя из такси в такси. Они выскакивали из одной машины, ныряли в двери ближайшего универмага, чтобы воспользоваться первым попавшимся выходом на другую улицу и сесть в другое такси.

— «Хэрродз»[76], — сказала Салли, когда они поспешно пересекали богато украшенный зал, высокий потолок которого подпирали колонны из белого мрамора.

Кумико щурилась на толстые красные ломти вырезки и бараньи ноги, разложенные на мно-

[76] Примечания: 76

«Хэрродз» — один из самых фешенебельных и дорогих универсальных магазинов Лондона.

гоярусных мраморных прилавках, предполагая, что все это пластиковые муляжи. Потом — снова на улицу. Салли подзывает очередное такси.

— «Ковент-Гарден»[77], — бросает она шоферу.

— Прости, Салли, но что мы делаем?

— Заметаем следы. Теряемся.

Салли пила горячий бренди на веранде крохотного кафе под припорошенной снегом стеклянной крышей. Кумико пила шоколад.

— Мы потерялись, Салли?

— Да уж. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Кумико подумала, что сегодня Салли выглядит старше: возле губ залегли морщинки усталости или напряжения.

— Салли, а чем именно ты занимаешься? Твой друг спрашивал, по-прежнему ли ты на отдыхе?…

— Я — деловая женщина.

— А мой отец? Он — деловой человек?

— Твой отец — самый настоящий бизнесмен, котенок. Нет, не такой, как я. Я вольный стрелок. В основном вкладываю деньги.

— А во что ты вкладываешь?

---

[77] Примечания: 77

«Ковент-Гарден» — торговый центр на одноименной площади, построенный на территории бывшего крытого рынка.

— В таких же, как я, — пожала она плечами. — Тебя что, разбирает сегодня любопытство? — Она отпила еще глоток.

— Ты советовала мне стать своим собственным шпионом.

— Хороший совет. Однако требует некоторой ловкости и умелого применения.

— Ты здесь живешь, Салли? В Лондоне?

— Путешествую.

— А Суэйн, он тоже вольный стрелок?

— Это он так думает. Типичный торговец влиянием, к тому же держит нос по ветру. Здесь это необходимо для дела, но лично мне действует на нервы. — Она допила бренди и облизнула губы; Кумико поежилась. — Тебе не стоит бояться Суэйна. Янака смог бы съесть его на завтрак…

— Нет, я подумала о тех мальчишках в подземке. Такие худые…

— Дракулы.

— Банда?

— *Боссодзоку*, — сказала Салли с вполне сносным произношением. — «Кочевые племена», так? Ну, во всяком случае, что-то вроде племени. — (Слово было не совсем подходящее, но Кумико решила, что уловила суть.) — А худые они потому, что бедные. — Салли жестом подозвала

официанта, чтобы заказать еще бренди.

— Салли, — сказала Кумико, — когда мы добирались сюда, наш маршрут, все эти поезда и такси… это ты хотела убедиться, что за нами никто не следует?

— Ни в чем нельзя быть уверенным.

— Но когда мы ходили на встречу с Тиком, ты не предпринимала никаких предосторожностей. Нам легко могли, как это называется, сесть на хвост. Ты нанимаешь Тика шпионить за Суэйном и делаешь это совершенно открыто. А потом столько предосторожностей, чтобы привести меня сюда. Почему?

Официант поставил перед Салли дымящийся стакан.

— А ты зоркий маленький котенок, правда? — Подавшись вперед, она вдохнула пары бренди. — Что до Тика… я просто пыталась кое-что взбаламутить, вызвать какую-нибудь реакцию.

— Но Тик беспокоился, как бы Суэйн чего не узнал.

— Стоит Суэйну услышать, что Тик работает на меня, и он его не тронет.

— Почему?

— Потому что знает, что я могу его убить. — Она подняла стакан; вид у нее сделался вдруг

счастливый.

— Убить Суэйна?

— Вот именно. — Салли выпила, будто подняла тост.

— Тогда почему ты так осторожна сегодня?

— Потому что приятно почувствовать, что стряхнула с себя все это, вырвалась из-под колпака. Вполне вероятно, что нам это не удалось. А может, и удалось. Может, никто, вообще ни один человек не знает, где мы. Приятное чувство, верно? А ты никогда не думала, что твой отец, большой человек в якудза, мог приказать вживить в тебя крохотного жучка, чтобы раз и навсегда получить возможность проследить, где его дочь. У тебя такие чудные маленькие зубки. Что, если папочкин дантист спрятал в одном из них немного специального железа, пока ты была в стиме? Ты ведь ходишь к зубному?

— Да.

— Смотришь стим, пока он работает?

— Да…

— Вот видишь. Возможно, он прямо сейчас нас слушает…

Кумико чуть не опрокинула на себя шоколад.

— Эй. — Полированные ногти постучали по запястью Кумико. — Об этом не беспокойся. Он

бы так тебя не послал, я имею в виду, с жучком. Тогда бы и его враги могли тебя выследить. Но теперь понимаешь, что я хотела сказать? Приятно выбраться из-под колпака или, во всяком случае, попытаться. Просто побыть самой собой, так?

— Да, — сказала Кумико. Сердце продолжало глухо стучать где-то в горле, а паника все росла. — Он убил мою мать, — вырвалось у нее, и вслед за словами на серый мраморный пол кафе устремился только что выпитый шоколад.

Салли ведет ее мимо колонн собора Святого Павла, идет не спеша, молчит. Кумико, в бессвязном оцепенении от стыда, улавливает, регистрирует отрывочную информацию: белая цигейка на отворотах кожаной куртки Салли; масляная радужная пленка на оперенье голубя — вот он заковылял прочь, уступая им дорогу; красные автобусы, похожие на игрушки великанов, в Музее транспорта. Салли согревает ей руки о пластиковую чашку дымящегося чая.

Холодно, теперь всегда будет холодно. Мерзлая сырость в древних костях города, холодные воды Сумиды, наполнившие легкие матери, зябкий полет неоновых журавлей.

Ее мать была хрупкой и смуглой, в густой водопад темных волос вплетались золотистые

пряди — как какое-нибудь редкое тропическое растение. От матери пахло духами и теплой кожей. Мать рассказывала ей сказки: об эльфах и феях, и о Копенгагене, городе, который был где-то там, далеко-далеко. Когда Кумико видела во сне эльфов, они являлись ей похожими на секретарей отца, гибкими и невозмутимыми, в черных костюмах и со свернутыми зонтами. В историях матери эльфы вытворяли много забавных вещей, да и сами истории были волшебными, потому что менялись по ходу повествования и никогда нельзя было предугадать, какой будет этой ночью конец. В сказках жили принцессы и балерины, и — Кумико это знала — в каждой из них было что-то от матери.

Принцессы-балерины были прекрасны, но бедны, танцевали во имя любви в сердце далекого города, где за ними ухаживали художники и молодые поэты, красивые и без гроша в кармане. Для того чтобы поддержать престарелых родителей или купить новый орган занемогшему брату, принцессе-балерине иногда приходилось уезжать в чужие края — быть может, даже в Токио, — чтобы танцевать там за деньги. А танец за деньги, подразумевалось в сказках, не приносит счастья.

Салли привела ее в робата-бар в Эрлз-Корте[78] и заставила выпить рюмку сакэ. Копченый плавник карпа плавал в горячем вине, придавая ему оттенок виски. Они ели робату с дымного гриля, и Кумико чувствовала, как отступает холод, но не оцепенение. Обстановка бара вызывала неотвязное ощущение культурного разнобоя; бару как-то удавалось сохранять традиционный японский дизайн — и в то же время он выглядел так, будто эскизы оформления делал Чарльз Ренни Макинтош[79].

Странная она, эта Салли Ширс, гораздо более странная, чем весь этот их гайдзинский Лондон. Вот она сидит и рассказывает Кумико всякие истории — истории о людях, живущих в Японии, совсем не похожей на ту, что знает Кумико, истории, которые проясняют роль ее отца в этом мире. Оябун — так назвала она отца Кумико. Мир, в котором происходили истории Салли, казался не более реальным, чем мир маминых сказок, но понемногу девочка начинала понимать, на чем основано и как далеко простирается могущество

---

[78] Примечания: 78

Эрлз-Корт — один из крупнейших выставочных комплексов Лондона.

[79] Примечания: 79

Чарльз Ренни Макинтош (1868–1928) — архитектор и дизайнер, считается родоначальником стиля модерн в Шотландии.

ее отца.

— *Куромаку*, — сказала Салли.

Слово означало «черный занавес».

— Это из театра кабуки, так называют человека, который устраивает всякого рода дела, то есть того, кто продает услуги. Что означает: человек за сценой, так? Это и есть твой отец. И Суэйн тоже. Но Суэйн — кобун твоего старика или, во всяком случае, один из них. Оябун-кобун, родитель-ребенок. Вот откуда Суэйн черпает свою силу. Вот почему ты сейчас здесь: потому что Роджер обязан своему оябуну. *Гири*[80], понимаешь?

— Он человек высокого ранга.

Салли покачала головой:

— Твой старик, Куми, вот он действительно большой человек. Если ему понадобилось сплавить тебя из города ради твоей же безопасности, значит грядут какие-то серьезные перемены.

— Выпить выбирались? — спросил Петал, когда они вошли в комнату.

Оправа его очков блеснула в свете лампы от «Тиффани» на верхушке бронзового со стразами дерева, которое росло на буфете. Кумико очень

---

[80] Примечания: 80

Giri *(яп.)* — чувство долга, моральная необходимость; долг чести, определяемый традицией.

хотелось взглянуть на мраморную голову, за которой прятался модуль «Маас-Неотек», но она заставила себя смотреть в сад. Снег там приобрел цвет лондонского неба.

— Где Суэйн? — спросила Салли.

— Хозяин в отлучке, — проинформировал ее Петал.

Подойдя к буфету, Салли налила себе стакан скотча из тяжелого графина. Кумико заметила, как поморщился Петал, когда графин с тяжелым стуком опустился на полированное дерево столешницы.

— Просил что-нибудь передать?

— Нет.

— Ждешь его сегодня вечером?

— По правде говоря, не могу сказать. Обедать будете?

— Нет.

— Мне бы хотелось сэндвич, — сказала Кумико.

Четверть часа спустя, оставив нетронутый сэндвич на черном мраморном столике у кровати, она сидела посреди огромной постели. Модуль «Маас-Неотек» разместился между ее голых ног. Салли она оставила глядеть на серый сад за окном в обществе суэйновского виски.

Кумико взяла модуль в руки, и в изножье кровати, передернувшись, сфокусировался Колин.

— То, что я буду говорить, все равно никто не услышит, — поспешно прошептал он, прикладывая палец к губам, — и это к лучшему. Комната прослушивается.

Кумико хотела было ответить, потом кивнула.

— Хорошо, — сказал он. — Умница. У меня есть для тебя записи двух разговоров. Один — между твоим хозяином и Петалом, другой — между твоим хозяином и Салли. Первый записан через пятнадцать минут после того, как ты припрятала меня внизу. Слушай…

Кумико закрыла глаза и услышала позвякивание льдинки в стакане.

— Где наша маленькая япошка? — спросил Суэйн.

— Упакована на ночь, — ответил Петал. — А девчонка-то разговаривает сама с собой. Странно.

— О чем же?

— На деле чертовски мало. Вообще-то, с некоторыми это бывает…

— Что бывает?

— Говорят сами с собой. Хочешь ее послушать?

— Господи, нет. А где очаровательная мисс

Ширс?

— Совершает моцион.

— В следующий раз вызови Берни, посмотрим, чем она занимается на этих своих прогулочках…

— Берни. — Тут Петал рассмеялся. — Да он вернется назад в ящике, порезанный на кусочки!

Теперь рассмеялся Суэйн.

— Пожалуй, и так неплохо, и так: и от Берни избавимся, и знаменитая девка-бритва хоть немного да напьется… Да, налей нам еще по одной.

— С меня хватит. Пойду спать, если я тебе больше не нужен…

— Иди, — отозвался Суэйн.

— Итак, — сказал Колин, когда Кумико, открыв глаза, обнаружила, что он по-прежнему сидит на постели, — в твоей комнате сидит срабатывающий на голос жучок. Петал прокрутил запись и услышал, как ты обращаешься ко мне. Идем дальше. Второй фрагмент, пожалуй, поинтереснее. Твой хозяин попивает очередной стакан виски, входит наша Салли…

— Привет, — услышала девочка голос Суэйна, — ходила подышать воздухом?

— Отвали.

— Ты же знаешь, это вовсе не моя идея, — ска-

зал Суэйн. — Постарайся не забывать об этом. Видишь ли, они и меня держат за яйца.

— Знаешь, Роджер, временами чертовски хочется тебе поверить.

— Попробуй. Это облегчит жизнь нам обоим.

— А временами очень хочется перерезать твою чертову глотку.

— Твоя беда, дорогая, в том, что ты так и не научилась делегировать ответственность. Все так же стремишься обо всем заботиться собственноручно.

— Послушай, мудило, я знаю, откуда ты взялся, и я знаю, как ты стал тем, кто ты есть. И как глубоко ты засунул язык в жопу Янаки, или кому там еще. *Саракин*![81]

Этого слова Кумико никогда раньше не слышала.

— Я снова получил от них сообщение, — светским тоном сказал Суэйн. — Она еще на побережье, но все идет к тому, что вскоре сделает свой ход. Скорее всего, двинет на восток. В твои давние родные места. Похоже, это и вправду наш шанс. Сам дом — вне обсуждения. На том участке

---

[81] Примечания: 81

Sarakin *(яп.)* — кредитор, специализирующийся на кредитовании малого бизнеса и потребительских покупок, под высокий процент и без обеспечения, но легально.

пляжа охраны хватит, чтобы остановить средних размеров армию.

— И ты по-прежнему будешь убеждать меня, что это всего лишь обычное похищение, Роджер? Якобы ее будут держать до получения выкупа?

— Нет. О том, чтобы продать ее назад, ничего не говорилось.

— Так почему бы им не нанять эту армию? Да и на «средних размерах» останавливаться не обязательно, так ведь? Набрать наемников. Спецов по корпоративному извлечению. Не такая уж недоступная она цель, крадут же из исследовательских центров самые крутые мозги. Вызвать этих гребаных профи…

— В сотый раз тебе говорю — у них другие идеи. Они хотят, чтобы это сделала ты…

— Роджер, что у них на меня, а? Я хочу сказать: ты и вправду не знаешь, что именно у них на меня есть?

— И вправду не знаю. Но, судя по тому, что у них есть на меня, могу рискнуть выдвинуть предположение.

— Ну?

— Всё.

Никакого ответа.

— Есть еще один момент, — продолжал Су-

эйн, — это всплыло только сегодня. Они хотят, чтобы все выглядело так, будто ее убрали.

— Что?

— Обставить все так, как будто мы ее убили.

— И как, скажите на милость, мы это устроим?

— Тело они предоставят.

— Мое предположение: Салли покинула комнату без дальнейших комментариев, — сказал Колин уже своим голосом. — Здесь конец записи.

Глава 10

Образ

Час он проверял подшипники пилы, затем еще раз их смазал. Стало уже слишком холодно, чтобы работать. Придется греть-таки помещение, где он держал остальных: Следователей, Трупоруба и Ведьму. Что уже нарушит хлипкое равновесие их с Джентри договоренности, но это бледнело перед тем, как объяснить сделку с Малышом Африкой и факт присутствия на Фабрике двух чужих. С Джентри не поспоришь — ток ведь принадлежит ему, потому как именно он выдаивает из «Ядерной комиссии» электричество. Без ежемесячных заходов Джентри с консоли, этих

ритуальных процедур, внушающих «Комиссии», будто Фабрика находится где-то в другом месте и это другое место исправно оплачивает счета, никакого электричества просто не было бы.

А кроме того, Джентри в последнее время стал совсем странный, подумал Слик, с хрустом в коленях вставая. Он достал из кармана куртки пульт управления Судьей. Джентри был убежден, что у киберпространства есть некий Образ, какая-то всеобщая форма, вбирающая в себя всю совокупность информационных баз. Нельзя сказать, что это была самая сумасбродная идея, с какой Слик когда-либо сталкивался, но убежденность Джентри, что этот его Образ абсолютно, «тотально» материален, граничила с одержимостью. Постижение Образа стало для него сродни поискам Грааля.

Слик однажды отстимил ролик «Ноулиджнета» о том, какова форма вселенной. Еще тогда Слик полагал, что вселенная — это все, что вокруг. Так какая же у нее может быть форма? Если у нее есть форма или там образ, значит и вокруг нее что-то есть, иначе в чем же вселенной иметь форму, верно? Идем дальше: есть форма или образ — не важно — и есть что-то еще, так разве тогда не будет и это что-то тоже частью вселенной?

Впрочем, это не совсем та тема, на которую стоит болтать с Джентри, — мозги узлом завяжутся. Но Слик все равно считал, что киберпространство — это не вселенная, а просто способ представления данных. «Ядерная комиссия» всегда выглядит как большая красная ацтекская пирамида, но ей вовсе не обязательно выглядеть именно так. Если «Комиссия» захочет, то может представить свои базы в любом виде. У больших компаний есть даже копирайты на то, как выглядит принадлежащая им информация. И как тогда можно говорить, что вся матрица в целом имеет некий определенный образ? Но даже если имеет, что с того-то?

Он коснулся клавиши подачи питания. В десяти метрах от него дрогнул и загудел Судья.

Слик Генри ненавидел Судью. Вот чего никогда не понять в искусстве обычным людям. Нет, само создание Судьи, без сомнения, принесло ему некоторое удовлетворение. Но важнее другое — то, что, построив эту штуку, он выкорчевал Судью из себя, перенес боль и страх туда, где их можно видеть, наблюдать за ними и, наконец, освободиться от самой идеи Судьи. Только при чем тут «нравиться» или «любить»?

Почти четырехметрового роста и вполовину

этого в ширину, безголовая фигура в чешуйчатом панцире стояла, мелко подрагивая. Чешуйки у Судьи были особого цвета ржавчины, как, скажем, ручки у старой тачки, отполированные трением множества ладоней. Слик долго искал способ добиться такой фактуры поверхности, перепробовал множество химикатов и наждаков и, найдя наконец точное сочетание, обработал им большую часть робота — во всяком случае, старые детали, выкопанные в мусоре. Конечно, холодные зубья циркульной пилы и зеркальные поверхности суставов подобной обработке не подвергались. Но в остальном Судья был именно такого оттенка ржавчины, имел такую фактуру поверхности, как какое-нибудь очень старое орудие, которым до сих пор постоянно пользуются.

Слик передвинул большим пальцем рычаг управления, и Судья сделал шаг вперед, потом следующий. Гироскопы работали как надо: даже с оторванной рукой робот двигался с жутким достоинством — просто переставляя огромные ступни.

Слик ухмыльнулся мутному свету Фабрики. Судья топал к нему — раз-два, раз-два. Стоило только захотеть, и Слик мог бы вспомнить каждый этап конструирования Судьи. Временами

ему и вправду этого хотелось. Просто ради успокоения, которое приносила мысль, что он на это способен.

Он не мог припомнить, когда бы у него не получилось этого припомнить, но иногда казалось, что такое было.

Вот почему он построил Судью. Потому что совершил когда-то некий проступок, причем не очень серьезный, но его поймали, и даже дважды, его судили и приговорили, и приговор был приведен в исполнение, только он ничего об этом не помнил, памяти тогда хватало от силы минут на пять кряду. Да, угонял машины. Машины богатых. Что ты натворил — вот этого тебе забыть не позволят, и не надейся.

Работая джойстиком, он заставил Судью развернуться и прошагать в соседнее помещение. Путь предстоял неблизкий — по проходу между рядами бетонных оснований в потеках влаги; когда-то на этих выступах стояли токарные станки и сварочные агрегаты. Высоко над головой среди пыльных балок свисали мертвые плети порванных флюоресцентных трубок; там иногда гнездились птицы.

Синдром Корсакова — так они это называли: это когда с твоими нейронами делают что-то

такое, отчего в памяти потом не задерживаются краткосрочные воспоминания. Так что время, которое ты отсидел, оказывается потерянным временем. Слик вроде бы слышал, что больше такого не делают, по крайней мере за угон автомобилей. Те, кто там не бывал, полагают, что это не так уж и плохо: отсидел в кутузке, но память о ней стерта. На самом же деле все совсем не так. Он вышел, когда кончился срок, — и три года оказались выстроены в длинную цепочку смутных вспышек растерянности и страха, отмеренных пятиминутными интервалами. Дело даже не в самих интервалах, их все равно не вспомнить, а вот переходы… Так вот, когда все кончилось, ему потребовалось создать сначала Ведьму и Трупоруба, потом Следователей и теперь, под самый конец, — Судью.

Ведя Судью вверх по бетонному пандусу туда, где ждали все остальные, он услышал, как где-то на Пустоши взревел мотор Джентри.

С людьми Джентри нервничает, думал Слик, направляясь к лестнице; впрочем, верно и обратное. Испепеляющий Джентри Образ ощущался посторонними едва ли не физически; эта его зацикленность примешивалась ко всему, что бы он ни делал. Слик понятия не имел, как Джентри

справляется с собой во время своих вылазок в Муравейник. Может, он просто общается там с людьми такими же зацикленными, как и он сам, с одиночками, ходящими по краю на рынке подпольных наркотиков и софта. Казалось, на секс Джентри плевать. Казалось, ему это настолько до лампочки, что Слик даже гадать не пытался, чего могло бы захотеться ковбою, если бы он все же решил захотеть.

А для Слика отсутствие секса и было основным недостатком Пустоши, особенно зимой. В летнее время иногда еще можно найти девчонку в одном из городков Ржавого Пояса; потому-то его и занесло тогда в Атлантик-Сити, потому-то он и оказался в долгу у Малыша Африки. Впоследствии он сказал себе, что лучше всего сосредоточиться на работе. А вот сейчас, взбираясь по ходящей ходуном стальной лестнице к подвесному мостику, который вел к логову Джентри, Слик обнаружил, что размышляет, как выглядит Черри Честерфилд под всеми своими куртками. Он вспомнил ее руки, какие они были быстрые и чистые, но тут же перед глазами встало лицо человека на носилках, с трубкой, накачивающей жидкость в его левую ноздрю, и как Черри промокает ваткой его впалые щеки. Слик поморщился.

— Эй, Джентри, — гаркнул он в железную пустоту Фабрики, — я поднимаюсь!..

Три вещи в Джентри не были острыми, тонкими и натянутыми: глаза, губы и волосы. Широко распахнутые блеклые глаза были голубыми или серыми в зависимости от освещения; губы — полными и подвижными, а волосы вечно забраны назад в светлый растрепанный петушиный хвост, который подрагивал при каждом шаге хозяина. Худоба Джентри не имела ничего общего с истощением Пташки, плодом давнего недоедания и расшатанных нервов. Джентри был просто узким — плотно упакованные мускулы и ни грамма жира. Одевался он клево: облегающая черная кожа, украшенная черным, как смоль, бисером, — стиль, который Слик помнил еще по своим дням с «Блюз-Дьяконами». Судя по бусинам на кожанке, да и всему остальному, Слик предполагал, что Джентри около тридцати. Самому Слику было столько же.

Когда Слик вошел, Джентри прищурился на него в свете стоваттной лампочки, давая этим понять, что Слик просто очередное препятствие, вставшее между ним и Образом. Джентри как раз водружал на длинный стол из нержавейки седельную сумку; выглядела сумка тяжелой.

В свое время Слик вырезал несколько секций крыши, вставил, где надо, рамы и прикрыл отверстия листами жесткого пластика, потом заделал швы световых люков силиконом. Затем пришел Джентри в маске и с распылителем, втащил за собой двадцать галлонов белой латексной краски. Не утруждая себя уборкой, Джентри просто залил толстым слоем краски весь мусор, грязь и потеки голубиного помета. И красил снова и снова, пока комната не стала более или менее белой. Джентри закрасил все, кроме световых люков. Потом Слик начал поднимать из цехов Фабрики аппаратуру: кучу компьютеров, киберпространственные деки, огромный старый стереопроекционный стол, с которым лебедка чуть не надорвалась, а также эффектогенераторы, десятки коробок из рифленого пластика, набитых тысячами микрофишей, которые Джентри накопил за время поисков Образа, сотни метров оптокабеля на новеньких пластиковых катушках, явно стыренного с какого-нибудь завода. И книги, старые книги с обложками из ткани, наклеенной на картон. Слик даже не думал, что книги могут быть такими тяжелыми. И пахло от них чем-то печальным, от старых книг.

— С тех пор как я уехал, ты берешь больше

тока, — сказал Джентри, открывая первый из кофров. — Твоя комната. Поставил новый обогреватель?

Он стал быстро копаться в седельной сумке, будто искал какую-то вещь, нужную ему срочно и позарез, а он по ошибке засунул ее невесть куда. Слик прекрасно знал, что ничего Джентри не ищет, что это реакция на неожиданное вторжение кого-то — пусть даже хорошо знакомого ему человека — в его замкнутое пространство…

— Да. И склад пришлось опять подтопить. Слишком холодно работать.

— Нет. — Джентри внезапно поднял глаза. — Это не обогреватель. Профиль расхода не тот.

— Ну, — ухмыльнулся Слик, надеясь, что ухмылка заставит Джентри подумать, будто он глуп и его легко напугать.

— Что «ну», Слик Генри?

— Это не обогреватель.

Джентри с резким стуком захлопнул сумку.

— Ладно, давай рассказывай, что у тебя там, не то вырублю ток.

— Знаешь, Джентри, без меня у тебя было бы гораздо меньше времени на… для всего. — Слик многозначительно поднял брови, указывая на проекционный стол. — Дело в том, что у меня

двое гостей… — Он увидел, как Джентри подобрался, бледные глаза расширились. — Но ты их не увидишь, не услышишь даже — вообще ничего. Они и на глаза тебе попадаться не будут.

— Не будут, — сказал Джентри, обходя кругом стол, голос его звучал напряженно, — потому что ты сплавишь их отсюда, верно?

— Две недели максимум, Джентри.

— Вон. Сейчас же. — Лицо Джентри вдруг оказалось в нескольких сантиметрах, до Слика донеслось изнуренное спертое дыхание. — Или ты исчезнешь вместе с ними.

Слик был тяжелее ковбоя килограммов на десять, и разницу в основном составляли мускулы, но это Джентри никогда не смущало. Казалось, ему вообще наплевать на то, что с ним может случиться. Однажды Джентри влепил ему пощечину. Слик тогда опустил глаза на увесистый гаечный ключ у себя в руке, и его охватило смутное недоумение.

Джентри держался неестественно прямо и уже начинал трястись. Слик давно себе уяснил, что Джентри не может спать во время своих отлучек в Бостон или Нью-Йорк. Он и на Фабрике-то не всегда ложился. А из СОБА возвращался и вовсе истерзанный, и первый день всегда был самым

тяжелым.

— Взгляни-ка, — сказал Слик, как говорят с готовым расплакаться ребенком, и вытащил из кармана взятку Африки.

Он поднял зиплок повыше, чтобы Джентри было лучше видно: синие дермы, розовые таблетки, неприятная какашка опиума в красном мятом целлофане, кристаллы магика, похожие на жирные желтые лепешки мокроты, пластиковые ингаляторы с зацарапанными ножом именами японских производителей.

— От Африки, — сказал Слик, покачивая пакетик.

— Из Африки? — переспросил Джентри. Взглянул на пакет, потом на Слика, обратно на пакет. — Какой такой Африки?

— От Малыша Африки. Ты его не знаешь. Он оставил это для тебя.

— Почему?

— Потому что ему было очень нужно, чтобы я ненадолго приютил его друзей. Я у него в долгу, Джентри. Я несколько раз повторил ему, как ты не любишь, чтобы кто-нибудь здесь ошивался. Как тебе мешают чужие. Поэтому, — соврал Слик, — он сказал, что ему хотелось бы оставить тебе немного кайфа в компенсацию за неудобства.

Взяв пакет, Джентри поддел ногтем шов, раскрыл. Вынул опиум и протянул его Слику:

— Не понадобится.

Достал один из дермов, выдавил его из упаковки и осторожно налепил на внутреннюю сторону правого запястья. Слик остался стоять, рассеянно разминая опиум между большим и указательным пальцем и хрустя целлофаном. Джентри тем временем прошагал вдоль стола обратно и открыл сумку, откуда выудил пару новеньких черных кожаных перчаток.

— Думаю, мне лучше… познакомиться с этими твоими гостями, Слик.

— А? — Слик потрясенно сморгнул. — Да… ну… Тебе на самом деле не обязательно, я хотел сказать, разве это не…

— Нет, — отрубил Джентри, вздернув воротник куртки. — Я настаиваю.

Спускаясь по лестницам, Слик вспомнил об опиуме и швырнул его через перила в темноту.

Он ненавидел наркотики.

— Черри?

Стучась под взглядом Джентри в собственную дверь, Слик чувствовал себя ужасно нелепо. Тук-тук. Никакого ответа. Открыл дверь. Рассеянный свет. Это Черри повесила абажур на одну

из лампочек — накрыла ее конусом из желтого ньюсфакса, примотав бумагу проволокой. Другие две лампочки вывернула. Самой девушки в помещении не было.

Носилки, однако, были на месте. Их обитатель все так же лежал, завернутый в синий нейлоновый мешок. Оно поедает его, вдруг подумал Слик, глядя, как громоздятся приборы жизнеобеспечения — всякие трубки, баллоны с жидкостью. Нет, сказал он себе, оно не дает ему помереть, как в больнице. Но тягостное впечатление не исчезало: что, если оно высасывает его по капле и будет сосать, пока не высосет досуха? Слик вспомнил Пташкину болтовню о вампирах.

— Да уж, — прокаркал, огибая его, Джентри, встал у изножья носилок, — странные у тебя знакомые, Слик Генри…

Джентри обошел носилки, осторожно держась на расстоянии метра от застывшей фигуры.

— Джентри, может, тебе лучше подняться наверх? Дерм… Наверное, ты слишком много принял.

— Правда? — Джентри склонил голову набок, в глазах у него метались желтые огоньки. Он подмигнул. — Почему ты так думаешь?

— Ну… — Слик помедлил. — Ты не такой, как

всегда. Я хочу сказать, не такой, как был раньше.

— Ты думаешь, меня понесло, а, Слик?

— Да.

— А мне по кайфу, когда меня несет.

— Что-то я не вижу, чтобы ты улыбался, — сказала от двери девушка.

— Это Джентри, Черри. Фабрика — вроде как его дом. Черри из Кливленда…

Но в руке у Джентри откуда-то возник тонкий черный фонарик, и ковбой принялся изучать сетку тродов, покрывавшую лоб спящего. Потом он выпрямился, луч упал на немаркированный модуль и, снова метнувшись вниз, прошел вдоль черного кабеля к гнезду за ухом.

— Кливленд, — наконец проговорил Джентри, как будто это было слово, которое он когда-то слышал во сне. — Интересно… — Он снова поднял фонарь и наклонился, чтобы получше рассмотреть то место, где кабель уходил в модуль. — И Черри… Черри, он кто?

Луч уперся в изнуренное, раздражающе заурядное лицо.

— Не знаю, — ответила Черри. — Не свети ему в глаза. Можешь сбить ему БДГ-фазу или еще что.

— А это? — Он осветил толстую серую пластину.

— «Эл-Эф», низкочастотник. Так говорил Малыш. Парня он называл Графом, а эту штуку — «Эл-Эф». — Она запустила руку под куртку, почесалась.

— Ну, тогда…

Фонарик щелкнул, и луч погас. Джентри повернул к ним лицо, в его глазах ярким пламенем полыхала одержимость — это малышовский дерм так по нему вдарил, что ли? Слику вдруг показалось, что Образ должен быть прямо тут, пылает сквозь лоб Джентри всем напоказ, разве только сам Джентри его не видит.

— …это, должно быть, оно и есть…

Глава 11

На главной улице[82]

Мона проснулась, когда самолет заходил на посадку.

Прайор, кивая, слушал Эдди, вспыхивал на каждом кивке своей прямоугольной улыбкой. Как будто улыбка всегда была на его лице, просто

---

[82] Примечания: 82

«Down on the Drag» — песня Бутча Хэнкока, написанная для кантри-рокера Джо Или (в начале 1970-х оба играли в группе *The Flatlanders*) и спетая тем в 1979 г.; альбом так и назывался — «Down on the Drag».

пряталась за бородой. Прайор успел переодеться, значит его чемодан был в самолете. Теперь на нем был неприметный серый деловой костюм и галстук в косую полоску. Он стал похож на тех лохов, на которых Эдди натаскивал ее в Кливленде, разве что сидел костюм по-другому.

Она однажды видела, как с лоха снимали мерку, — с того, что возил ее в «Холидей Инн». Магазин примыкал к вестибюлю гостиницы. Лох стоял посреди примерочной в одном белье, весь в квадратах голубого света, и рассматривал свое изображение на трех больших экранах. На экранах не видно было голубых линий, поскольку на каждой голограмме лох был в другом костюме. Моне пришлось прикусить язык, чтобы не рассмеяться; система была снабжена косметологической программой; на каждом экране клиент выглядел иначе, чуть вытягивалось лицо или делался тверже подбородок — лох же вроде ничего такого не замечал. Потом он выбрал костюм, влез в тот, в котором пришел, — на том все и кончилось.

Эдди что-то объяснял Прайору, какой-то узловой момент в архитектуре очередной своей аферы. Мона научилась отключаться от содержания его речей, но сам голос все же до нее доходил.

Эдди всегда разглагольствовал так, будто твердо знал, что никому не понять всех уловок, которыми он так гордится, поэтому говорил он медленно и доходчиво, как разговаривают с маленькими детьми, и к тому же доверительно понижал голос. Прайора это, похоже, не беспокоило. Моне казалось, что Прайору вообще плевать, что там болтает Эдди.

Зевнув, девушка потянулась. Самолет дважды подскочил на бетоне посадочной полосы, развернулся и сбавил ход. Эдди не переставал трепаться.

— Нас ждет машина, — перебил его Прайор.

— А куда вы нас везете? — спросила Мона, не обратив внимания на гримасу Эдди.

Прайор улыбнулся своей картонной улыбкой.

— В нашу гостиницу. — Он расстегнул ремень. — Мы пробудем там несколько дней. Боюсь, большую часть времени тебе придется провести в своем номере.

— Именно так, — кивнул Эдди, как будто то, что ей придется сидеть в четырех стенах, было его идеей.

— Ты любишь стимы, Мона? — спросил Прайор, по-прежнему улыбаясь.

— Конечно, — ответила она. — Кто ж не лю-

бит?

— А у тебя есть любимые записи, Мона? Есть любимая звезда?

— Энджи, — несколько ошарашенно сказала она. — Кто же еще?

Улыбка стала чуть шире.

— Хорошо. Мы достанем тебе все ее последние записи.

Вселенная Моны состояла по большей части из мест и предметов, где она физически никогда не бывала или которые сама никогда не видела. Аэропорт северного Муравейника в стимах не имел запаха. Вырезали при монтаже, решила она, точно так же, как у Энджи никогда не бывает ни месячных, ни головной боли. Но как же тут воняет! Как в Кливленде, даже хуже. Когда они только-только сходили с самолета, Мона было подумала, что это просто запах аэропорта, но стоило им выйти из машины, чтобы пройти несколько метров до входа в гостиницу, вонь лишь усилилась. К тому же на улице было адски холодно, ледяной ветер кусал ее за голые лодыжки.

Вестибюль отеля показался ей гораздо просторнее, чем в «Холидей Инн», хотя само здание было постарше. В вестибюле толпилось народу больше, чем в любом стиме, но повсюду — чи-

стые синие ковры. Прайор оставил ее ждать у рекламы орбитального курорта, пока они с Эдди отошли к длинной черной стойке поговорить с женщиной, на груди у которой красовалась медная именная табличка. Мона чувствовала себя глупо в белом пластиковом дождевике, который Прайор заставил ее надеть, как будто думал, что ее прикид недостаточно хорош для этого места. Примерно треть толпы состояла из япошек, которых она посчитала туристами. У всех, похоже, была при себе какая-нибудь записывающая техника: видео-, голо-, а у нескольких на поясе даже симстим-модули, — но в остальном они совсем не были похожи на денежных мешков. А она-то думала, что у всех японцев полно денег. Наверное, шифруются, решила она, умницы какие.

Мона увидела, как англичанин отправил женщине через стойку кредитный чип. Женщина взяла чип и пропустила его через металлическую прорезь.

Прайор положил ее сумку на кровать — широкий пласт бежевого темперлона — и коснулся панели на стене, после чего справа разошлись портьеры.

— Здесь, конечно, не «Риц», — сказал он, — но мы постараемся, чтобы тебе было удобно.

В ответ Мона лишь неразборчиво хмыкнула. «Риц» — так называлась гамбургерная в Кливленде, и при чем тут, спрашивается, эта забегаловка?

— Взгляни, — сказал он, — твоя любимица.

В обитое плюшем изголовье кровати оказался встроен стим-модуль, а рядом — небольшая полочка с набором тродов в пластиковой упаковке и штук пять кассет.

— Тут все новые стимы Энджи, — улыбнулся он.

Интересно, кто приготовил кассеты и не попали ли они сюда после того, как Прайор спросил, какие стимы она любит? Мона ответила на его улыбку своей и отошла к окну. Муравейник выглядел в точности так, как в стимах, окно было похоже на почтовую стереооткрытку: знаменитые здания, названий которых она не знала, знала только, что они знаменитые.

Серый цвет геодезических куполов. Белизна снега оттеняет путаницу их решеток, а выше — серый фон неба.

— Счастлива, детка? — спросил Эдди, подходя сзади и кладя руки ей на плечи.

— А душ у них тут есть?

Прайор рассмеялся. Передернув плечами, она

сбросила руку Эдди и с сумкой в руках скрылась в ванной. Заперла за собой дверь. Слышно было, как Прайор опять рассмеялся, а Эдди снова завел шарманку о своих аферах. Присев на унитаз, Мона открыла сумку и выкопала косметичку, где хранился магик. У нее осталось четыре кристалла. Должно хватить. Хватило бы и трех, но, когда число их уменьшалось до двух, она уже начинала думать, где бы закупиться еще. Она не слишком часто закидывалась, во всяком случае, не каждый день, разве что в последнее время, но это потому, что Флорида начала ее доставать.

Теперь можно и сократиться, решила Мона, вылавливая кристалл из пузырька. Кристалл напоминал твердую желтую карамельку, сперва ее надо раздавить, потом растереть между двух нейлоновых пластинок. Измельченный стимулятор издавал слабый, чем-то схожий с больничным запах.

К тому времени, когда она покончила с душем, оба они ушли. Мона долго нежилась в ванной, пока это ей не наскучило. Во Флориде она пользовалась в основном душами при общественных бассейнах или на автовокзалах — и в тех и в других требовались жетоны. Она предположила, что и в этот, гостиничный, встроен приборчик,

который отмеряет расход воды и заносит потом в счет — как это было в «Холидей Инн». Здесь, под пластмассовым распылителем, висел большой белый фильтр, а наклейка на кафеле — глаз и слезка — означала, мол, во время мытья старайтесь, чтобы вода не попала в глаза, совсем как в бассейне. Из кафельной стенки торчал ряд хромированных кранов, и если по очереди нажимать на кнопку под каждым, получаешь шампунь, гель для душа, жидкое мыло, масло для ванны. Затем возле кнопки загорается красная точка, значит, это включается в твой счет. Или в счет Прайора. Мону только порадовало, что они ушли. Так хорошо остаться одной, да еще под кайфом и чистой. Ей редко удавалось побыть в одиночестве, разве что когда работала на улице, а это совсем не то. Она завернулась в огромное махровое полотенце в тон ковру и кровати; в самой пушистой части полотенца было выбрито какое-то слово. Наверное, название отеля. Прошла к окну, оставляя за собой мокрые следы на ковре.

В квартале от отеля стояло старомодное здание. Ступенчатые грани его верхушки были стерты и изрыты так, что она смахивала на самую натуральную гору — с валунами, травой и водопадом. Водяной поток падал, разбивался о камни, падал

дальше. Мона невольно улыбнулась: и с чего бы им так выпендриваться? Там, где вода падала на камни, поднимались струйки пара. Но не может же вода просто так течь на улицу, подумала Мона, это стоило бы слишком уж дорого. Она решила, что воду насосами закачивают обратно наверх и используют вновь, гоняя по кругу.

Что-то серое пошевелило головой там, наверху, вскинуло большие изогнутые рога, словно хотело посмотреть на нее, Мону. Отступив на шаг по ковру, она моргнула. Какой-то баран, но это, должно быть, дистанционка — голограмма или вроде того. Животное тряхнуло головой и принялось жевать траву. Мона рассмеялась.

Приход. Магик прокатился волной по внутренней стороне лодыжек, закопошился в лопатках. Холодное стягивающее покалывание, и больничный запах где-то в нёбе.

Раньше она боялась, но теперь страх ушел.

У Прайора нехорошая улыбка, но ведь он просто игрок, просто ввязавшийся в какую-то аферу пиджак. Если у него и есть деньги, то принадлежат они кому-то другому. И Эдди она больше не боялась; скорее она боялась за него, поскольку теперь ясно видела, как его воспринимают другие.

Ладно, подумала Мона, это не важно. Она боль-

ше не выращивает сомов в Кливленде, и никто никогда не затащит ее назад во Флориду.

Она вспомнила спиртовку, зимний утренний холод, старика, нахохлившегося в своем огромном сером пальто. Зимой он утеплял окна вторым слоем пластика. Тогда тепла печурки хватало, чтобы обогреть помещение, поскольку стены были обиты листами жесткого пенопласта, а поверх них — древесно-стружечными плитами. Там, где проглядывал пенопласт, его можно было ковырять пальцем. Если старик тебя за этим застукает — разорется. И с тем, чтобы содержать рыбу в тепле холодной зимой, работы у Моны прибавлялось: надо было закачать воду на крышу, где стояли солнечные зеркала, отбрасывающие свет в такие прозрачные пластиковые трубки. Отчасти помогали гниющие по стенкам баков водоросли; когда идешь вылавливать рыбу сачком, поднимается пар. Старик обменивал рыбу на всякую еду, на то, что выращивали другие люди, на спирт для печки и спирт питьевой, на кофейные зерна, на отбросы, которые шли на корм рыбам.

Он не был ее отцом, он повторял это очень часто, когда вообще открывал рот. И все же время от времени она задумывалась: а может быть, он ей все-таки отец? Когда Мона впервые спросила,

сколько ей лет, он ответил, что шесть, так что она отсчитывала от этого.

Услышав, как за спиной открывается дверь, Мона обернулась. В дверях стоял Прайор с золотистой пластинкой ключа в руке. Борода раздвинулась, чтобы показать «улыбку».

— Познакомься, Мона, — сказал он, переступая порог, — это Джеральд.

Высокий, китаец, серый костюм, волосы с проседью. Джеральд мягко улыбнулся, проскользнул мимо Прайора в комнату и направился прямо к комоду напротив изножья кровати. Положил черный чемоданчик и нащелкал на замке код.

— Джеральд — наш друг. Он медик, наш Джеральд. Ему нужно тебя осмотреть.

— Мона, — подал голос сам Джеральд, вынимая что-то из чемоданчика, — сколько тебе лет?

— Шестнадцать, — ответил за нее Прайор.

— Шестнадцать, — повторил Джеральд.

Штуковина, которую он держал в руках, походила на черные защитные очки, этакие затемненные линзы со зловещими шишками сенсоров и проводками.

— Проходим, но со скрипом? — обернулся он к Прайору; тот улыбнулся. — Сколько вам не хватает? Десяти лет?

— Ну, не совсем, — отозвался Прайор. — Совершенства не требуется.

Джеральд перевел взгляд на Мону.

— Вы его и не получите. — Он зацепил дужки очков за уши и на что-то нажал; под правой линзой загорелся огонек. — Но есть степени приближения.

Луч скользнул к Моне.

— Речь всего лишь о косметических процедурах, Джеральд.

— Где Эдди? — спросила Мона, когда врач подошел ближе.

— В баре. Позвать его? — Прайор взялся за телефон, но тут же положил трубку назад, так и не набрав номер.

— Что это? — Она шагнула назад.

— Медицинское обследование, — сказал Джеральд. — Больно не будет.

Он загнал ее к окну, лопатки над полотенцем вжались в холодное стекло.

— Кое-кто собирается предложить тебе работу и очень хорошо за нее платить. Им нужна полная уверенность в том, что ты совершенно здорова. — Луч вонзился ей в левый глаз. — Она на каких-то стимуляторах, — сказал он Прайору уже совершенно другим тоном. — Постарайся не

моргать, Мона. — Луч переместился на другой глаз. — Что это, Мона? Сколько ты приняла?

— Магик. — Она сморщилась от света.

Холодные твердые пальцы взяли ее за подбородок, наклоняя голову вправо.

— Сколько?

— Кристалл…

Луч погас. Гладкое лицо китайца оказалось близко, очень близко, защитные очки утыканы всякими линзами, прорезями, маленькими сетчатыми бляшками.

— Кто ж его знает, насколько он чистый, — проговорил медик.

— Он чистый, совсем чистый, — сказала она и захихикала.

Отпустив ее подбородок, Джеральд улыбнулся.

— Ну, это не будет проблемой, — сказал он. — Ты не могла бы открыть рот? Пожалуйста.

— Рот?

— Я хочу посмотреть твои зубы.

Мона перевела взгляд на Прайора.

— С этим вам повезло, — сказал Прайору Джеральд, все тем же лучиком светя ей в рот. — Состояние вполне удовлетворительное и по конфигурации близко к требуемой модели. Коронки, пломбы.

— Мы знали, что можем на тебя рассчитывать, Джеральд.

Сняв очки, Джеральд с полминуты молча глядел на Прайора. Потом повернулся к черному чемоданчику, чтобы убрать прибор.

— И с глазами тоже удачно. Очень похожи. Только подкрасить.

Теперь из чемоданчика появился пакет; китаец разорвал его и натянул на правую руку светлую хирургическую перчатку.

— Сними полотенце, Мона. Устраивайся поудобнее.

Она посмотрела на Прайора, на Джеральда.

— Вы хотите посмотреть мои бумаги, анализ крови и всякое такое?

— Нет, — сказал Джеральд, — с этим все в порядке.

Она выглянула в окно, надеясь увидеть барана, но тот исчез. И небо теперь казалось гораздо темнее.

Размотав полотенце, она дала ему упасть на пол, потом легла на спину на бежевый темперлон.

Это немногим отличалось от того, за что ей обычно платили, даже заняло меньше времени.

В ванной комнате, с раскрытой на коленях кос-

метичкой, размалывая себе очередной кристалл, Мона решила, что имеет полное право на паршивое настроение.

Сперва Эдди сваливает куда-то без нее, потом является Прайор с этим жутким медиком да еще говорит, что Эдди будет спать в другом номере. Там, во Флориде, ей не помешало бы немного свободы от Эдди, но здесь-то все по-другому. Ей совсем не хотелось оставаться одной, а попросить у Прайора ключ она до смерти боялась. У него-то, черт побери, ключ есть, чтобы он мог в любое время приводить сюда своих кошмарных приятелей. Так она не договаривалась.

И история с пластиковым дождевиком тоже сидела занозой. Чертов одноразовый пластиковый дождевик.

Она вспушила измельченный магик между нейлоновыми пластинками, осторожно ссыпала в ингалятор, резко выдохнула и, приложив мундштук к губам, вдохнула. Облачко желтой пыли осело на перепонках горла; какая-то часть, вероятно, даже дошла до легких. Она как-то слышала, что это, мол, вредно для здоровья.

Когда Мона шла в ванную, чтобы закинуться, у нее не было никаких особенных планов, но потом, когда в основании шеи начало покалывать,

она обнаружила, что думает об улицах вокруг отеля, по крайней мере о тех, какие видела из окна машины. Там — клубы, бары, магазины со шмотками в витринах. Музыка. Вот что сейчас бы не помешало, да и толпа тоже. Можно затеряться в толпе, забыть о самой себе, просто быть. Дверь не заперта, это она знала; Мона уже попробовала ее открыть. Впрочем, за ее спиной дверь автоматически захлопнется, а у нее нет ключа. Но она же тут остановилась официально, так что Прайор не мог ее не зарегистрировать. Может, спуститься, попросить у администраторши ключ… но от одной мысли об этом Моне стало как-то не по себе. Знает она этих пиджаков за стойками и то, как они на тебя смотрят. Нет, решила она, лучше остаться в номере, застимить новье Энджи.

Десять минут спустя она уже была на пути к боковому выходу — и бегом из главного вестибюля. В голове пел магик.

Снаружи моросило. Может, капало с куполов? Для вестибюля она накинула белый дождевик, решив, что Прайор, в конце концов, знает, что делает, а вот теперь и сама была рада, что захватила его с собой. Выудила мятую распечатку ньюсфакса из переполненной урны и прикрыла им голову, чтобы не намочить волосы. Было не

так холодно, как до этого, — опять же неплохо. Ни один из предметов ее туалета нельзя было назвать теплым.

Оглянулась вправо-влево по авеню, решая, куда пойти. Перед ней — с полдюжины почти одинаковых фасадов гостиниц, строй такси-рикш, глянцевое поблескивание шеренги лавочек под дождем. И люди, целые толпы, как в центре Кливленда, но все так клево одеты и идут с таким видом, будто они крутые и у всех у них есть куда идти. Просто слейся с ними, подумала она. Магик придал ей второе дыхание, и она окунулась в реку симпатичных людей — даже не задумываясь. Постукивала себе по мостовой каблучками новеньких туфель, держа над головой факс, и вдруг заметила — опять удача, — что дождь перестал.

Она не против была бы поглазеть на витрины, когда толпа несла ее мимо, но подхвативший Мону поток сам по себе был удовольствием, а потом — никто ведь не останавливается. Мона решила удовлетвориться беглыми взглядами искоса — каждая витрина как новая вспышка красок… Одежда была точь-в-точь как в стимах, а некоторые вещи вообще таких фасонов, какие она нигде до сих пор не видела.

Мое место здесь, думала она, мне все это время

надо было быть здесь. Не на рыбной ферме, не в Кливленде и не во Флориде. Вот оно, настоящее место — кто угодно может сюда приехать, и не нужен для этого никакой стим. Она ведь никогда не видела этой части города в стимах, той, где живут обычные люди. А звезда вроде Энджи… Это — не ее город. Энджи развлекалась бы где-нибудь в высоком замке с другими звездами стима, а не здесь на улице. Но, боже, как тут красиво, ночь такая яркая, вокруг струится толпа, несет ее мимо всех этих чудесных вещей, которые, если повезет, сами упадут тебе в руки.

А вот Эдди это все не нравится. По крайней мере, он вечно трендел о том, как тут дерьмово, слишком много народу, квартплата слишком высока, слишком много полиции и конкурентов. Ну да, а выждал ли он хотя бы пару секунд, когда Прайор предложил сделку? Впрочем, она, кажется, знает, почему Эдди так собачится. Он провалился здесь, влип как распоследний вильсон или свалял дурака. Не то он сам не желает, чтобы ему об этом напоминали, а может, есть люди, которые не забудут ему напомнить, как только Эдди вернется. Это явно слышалось в злости, с какой он отзывался о Муравейнике, точно так же, как он костерил любого, кто сказал бы ему, что его гениальные

планы не сработают. Каждый новый приятель, такой ловкач и умница в первый вечер, на следующий же день становился «полным придурком», «беспросветным тупицей», «ума ну ни на грош».

Мимо огромного магазина с классным стимоборудованием в витрине — да уж, экипировка для асов, такая вся матово-черная, хрупкая, под сенью голографической Энджи, которая смотрит на прохожих с этой своей знаменитой, чуть печальной улыбкой. Что да, то да — королева ночи.

Толпа-река вытекла на какую-то круглую площадь, место, где встречались четыре улицы, и закружилась вокруг фонтана. Мона брела, сама не зная куда, и ее вынесло прямиком к фонтану — а люди вокруг растекались во всех направлениях без остановки. Не беда, и здесь тоже были люди, некоторые даже сидели на потрескавшемся бетоне чаши. В центре фонтана стояла статуя, мрамор выветрился, углы оплыли. Что-то вроде ребенка верхом на огромной рыбине, а может, дельфине. Казалось, дельфинья пасть вот-вот готова выплеснуть водяную струю, — если бы фонтан действовал. Но он не работал. Поверх голов тех, кто сидел на краю чаши, Моне было видно, что в воде плавают размокшие ньюсфаксы и белые пластиковые стаканчики.

Потом толпа у нее за спиной будто сплавилась, отодвинулась изогнутой стеной тел, и на фоне фонтана вдруг отчетливо проступила — будто подсветку включили — троица, уставившаяся на нее с бордюра. Жирная девица с крашеными черными волосами, рот полуоткрыт, наверно, всегда такой, сиськи вываливаются из красного резинового корсета. Блондинка с длинным лицом и тонким синим шрамом помады, рука, похожая на птичью лапку, мнет сигарету. Мужчина с поблескивающими маслом руками, голыми, несмотря на холод, искусственные мышцы камнями бугрятся под синтетическим загаром, испещрены халтурной тюремной татуировкой…

— Эй ты, сука! — с каким-то даже весельем окликнула жирная. — Н'деюсь, ты не с'-ик-бираешься к'го-то здесь подцепить?

Устало оглядев Мону, блондинка одарила ее блеклой — мол, я тут ни при чем — ухмылкой и отвернулась.

Будто черт на пружинках, с места вскинулся сутенер, но Мона, повинуясь жесту блондинки, уже двигалась сквозь толпу. Он схватил ее за руку, шов пластикового дождевика с треском разошелся, и Мона локтями протолкалась обратно. Магик включил автопилот, и следующая картинка —

она сознает, что до троицы уже больше квартала, и приваливается к какому-то железному столбу, кашляя и обливаясь потом.

А магик вдруг — иногда такое случается — поставил мир с ног на голову, и все кругом сделалось отвратительным. Лица в толпе казались загнанными и голодными, будто всем им нужно срочно бежать по каким-то жизненно важным делам, а свет за стеклами магазинов стал холодным и жестким, и все вещи в витринах были выставлены с единственной целью — сказать ей, что ничего такого у нее никогда не будет. Где-то звенел голос, злой детский голос, нанизывающий непристойности на одну бессмысленную бесконечную нить. Осознав, чей это голос, Мона примолкла.

Левая рука мерзла. Она опустила глаза: рукава не было, а шов на боку разошелся чуть ли не до пояса. Сняв дождевик, она набросила его на плечи, как пелерину: может, тогда его жуткий вид будет не так заметен.

Волной задержанного адреналина нахлынул магик, и Мона спиной покрепче привалилась к столбу; ноги подогнулись в коленях, она еще успела подумать, что вот-вот отключится, но магик опять сыграл с ней одну из своих шуточек,

и вот она сидит на корточках во дворе у старика, летний закат, слоистая серая земля искорябана черточками игры, в которую она играла… но теперь она просто горбится без всякого дела, смотрит мимо массивных чанов туда, где в зарослях черники над старой покореженной автомобильной рамой пульсируют светлячки. Из дома у нее за спиной льется свет и доносится запах пекущегося ржаного хлеба и кофе, который старик кипятит снова и снова, пока, как он говорит, ложка не встанет; он сейчас там, читает одну из своих книг, переворачивает иссохшие, крошащиеся коричневатые листы, нет ни одной страницы с целым углом. Книги приносили в потертых пластиковых пакетах, иногда они просто рассыпались в пыль у него в руках. Но если он находил что-нибудь, что ему хотелось бы сохранить, то доставал из ящика маленький карманный копир, вставлял батарейки и проводил машинкой по странице. Она так любила смотреть, как из щелки вылезают свежие копии, с их особым запахом, который быстро исчезал, но старик никогда не давал ей копировать самой. Временами он громко читал вслух с какой-то странной заминкой в голосе, как человек, пытающийся что-то сыграть на музыкальном инструменте, за который

не брался многие годы. Эти его книги, никаких историй в них не было… Что это за история, если у нее нет ни начала, ни конца и посмеяться не над чем? Эти его книги… Они были как окна во что-то уж очень странное, старик никогда не пытался что-либо объяснить; должно быть, сам уже ничего в них не понимал… а возможно, не понимал никто…

Тут улица обрушилась на нее снова — больно и ярко.

Мона потерла глаза и закашлялась.

Глава 12

Антарктика начинается здесь[83]

— Я готова, — сказала Пайпер Хилл, с закрытыми глазами сидевшая на ковре в некоем подобии позы лотоса. — Проведи левой рукой по покрывалу.

Восемь изящных проводков тянулись из гнезд за ушами Пайпер к устройству, лежащему у нее на загорелых коленях.

---

[83] Примечания: 83

«Antarctica Starts Here» — песня Джона Кейла, заключительная на его альбоме «Paris 1919» (1973).

Энджи, завернувшись в белый махровый халат, смотрела на светловолосую Пайпер с края кровати. Черный тестирующий модуль закрывал ее лоб, как сдвинутая наверх глазная повязка. Энджи сделала, как было сказано, легонько проведя подушечками пальцев по грубому шелку и небеленому льну скомканного покрывала.

— Хорошо, — скорее себе, чем Энджи, сказала Пайпер, касаясь чего-то на пульте. — Еще.

Пальцы Энджи ощутили фактуру ткани.

— Еще. — Снова настройка.

Теперь Энджи могла уже разобрать отдельные волокна, отличить шелк от льна…

— Еще.

Ее нервы взвизгнули, когда по кончикам пальцев, с которых словно содрали кожу, царапнул стальной завиток шерсти, толченое стекло…

— Оптимально, — сказала Пайпер, открывая голубые глаза.

Из рукава кимоно она извлекла миниатюрный флакончик слоновой кости и, вынув пробку, протянула его Энджи.

Закрыв глаза, Энджи осторожно понюхала. Ничего.

— Еще.

Что-то цветочное. Фиалки?

— Еще.

Голова закружилась от испарений теплицы, тошнотворно густых.

— Обоняние в норме, — сказала Пайпер, когда поблек удушливый запах.

— Не заметила. — Энджи открыла глаза.

Пайпер протягивала ей крохотный кружок белой бумаги.

— Только бы это была не рыба, — сказала Энджи, лизнув кончик пальца.

Коснулась бумажного конфетти, подняла палец к языку. Как-то один такой тест Пайпер на месяц отвадил ее от блюд из морепродуктов.

— Это не рыба, — с улыбкой ответила Пайпер.

Волосы, которые она всегда стригла очень коротко, будто нимбом оттеняли поблескивание графитовых разъемов, вживленных за ушами. Святая Жанна Кремниевая — назвал ее однажды Порфир. Истинной страстью Пайпер, похоже, была ее работа. Все эти годы она была личным техом Энджи, а кроме того, у нее сложилась репутация человека, незаменимого при улаживании всякого рода конфликтов.

Карамель…

— Кто здесь еще, Пайпер?

Закончив с Ашеровским тестом, Пайпер засте-

гивала молнию на нейлоновом с защитными прокладками кожухе пульта.

Час назад Энджи слышала, как прибыл вертолет. По мере того как отступал сон, до нее доносились смех, потом шаги на веранде. На этот раз она отказалась от своих обычных попыток провести опись сна — если это можно было назвать сном: наплывали чужие воспоминания, потом утекали прочь, откатывались на недостижимый для нее уровень, оставляя смутное эхо образов…

— Рэбел, — ответила Пайпер, — Ломас, Хикмен, Ын, Порфир и наш Папа Римский.

— А Робин?

— Нет.

— Континьюити, — позвала она, встав под струю душа.

— Доброе утро, Энджи.

— Тор Фрисайд. Кому он принадлежит?

— Тор был переименован в Мастик-два[84] нынешними совладельцами, компаниями «Джулианна груп» и «Карриббана орбитал».

— Кому он принадлежал, когда там записыва-

---

[84] Примечания: 84

Мастик — остров из карибского архипелага Сент-Винсент и Гренадины.

лась Тэлли?

— «Тессье-Эшпул СА».

— Я хочу побольше узнать о Тессье-Эшпулах.

— Антарктика начинается здесь.

Сквозь поток воды Энджи недоуменно воззрилась на белый круг динамика.

— Что ты говоришь?

— «Антарктика начинается здесь» — двухчасовой документальный видеофильм. Исследование истории семейства Тессье-Эшпулов, снятое Гансом Беккером, Энджи.

— Он у тебя есть?

— Конечно. Дэвид Поуп недавно его заказывал. Фильм произвел на него большое впечатление.

— Правда? Когда?

— В прошлый понедельник.

— Тогда я посмотрю его сегодня вечером.

— Учтено. Это все?

— Да.

— До свидания, Энджи.

Дэвид Поуп, которого съемочная группа прозвала Папой Римским[85]. Ее режиссер. Порфир сказал, мол, Робин трезвонил на каждом углу, что ей слышатся какие-то голоса. Он говорил

---

[85] Примечания: 85

Pope *(англ.)* — папа римский.

Поупу? Энджи коснулась керамической панели, вода стала горячее. Почему Поуп заинтересовался Тессье-Эшпулами? Она снова тронула щиток и охнула под иглами внезапно хлынувшей ледяной воды.

Извне внутрь, изнутри вовне, фигуры из ее снов скоро всплывут, слишком скоро…

Первое, что она увидела, войдя в гостиную, был картинно прислонившийся к подоконнику Порфир — этакий воин племени масаи в складчатой накидке из черного шелкового крепа и черном кожаном саронге. Остальные встретили ее радостными возгласами, а Порфир, обернувшись, довольно хмыкнул.

— Ты застала нас врасплох, — сказал развалившийся на кушетке Рик Рэбел. Он отвечал за монтаж и спецэффекты. — Хилтон рассчитывал, что тебе захочется отдохнуть подольше.

— Нас вытащили чуть ли не со всего света, дорогая, — добавил Келли Хикмен. — Я был в Берлине, а Папа Римский — на верху колодца, в очередном артхаусном порыве, правда, Дэвид? — Он оглянулся на режиссера, ища поддержки.

Поуп задом наперед оседлал один из стульев эпохи Людовика XVI, упершись локтями в хрупкую спинку. Спутанные темные волосы падали

на худое лицо. Когда позволяло расписание Энджи, Поуп снимал документальные фильмы для «Ноулиджнета». Вскоре после того, как она подписала контракт с «Сенснетом», Энджи анонимно приняла участие в одном из его минималистских арт-роликов: бесконечная прогулка по дюнам из испачканного землей розового атласа под искусственным стальным небом. Три месяца спустя — кривая ее карьеры уже неуклонно ползла вверх — пиратская версия этой пленки стала подпольной классикой.

Карен Ломас, дублерша Энджи, улыбалась из кресла слева от Поупа. Справа от него Келли Хикмен, костюмер, сидел на крашеном полу рядом с Брайаном Ыном, учеником и помощником Пайпер.

— Ну вот, — произнесла Энджи, — я вернулась. Простите за вынужденную паузу, но это было необходимо.

Молчание. Чуть слышное поскрипывание позолоченных стульев. Брайан Ын кашлянул.

— Мы рады, что ты вернулась, — сказала Пайпер, выходя из кухни с чашкой кофе в каждой руке.

Снова возгласы радости — на этот раз немного наигранной, — потом все расхохотались.

— А где Робин? — спросила Энджи.

— Миста Ланье в Лондоне, — отозвался Порфир, уперев кулаки в затянутые в тисненую кожу бедра.

— Ожидаем с часу на час, — сухо добавил Поуп, поднимаясь, чтобы взять себе чашку кофе.

— Что ты делал на орбите, Дэвид? — спросила Энджи, принимая у Пайпер вторую чашку.

— Искал одиночек.

— Одиночество?

— Нет, одиночек. Отшельников.

— Энджи, — вмешался Хикмен, — ты обязательно должна посмотреть атласное платье для коктейлей, присланное Девиком на той неделе! И у меня есть все купальники от Накамуры…

— Конечно, Келли, но…

Но Поуп уже отвернулся сказать что-то Рэбелу.

— Эй, — светясь энтузиазмом, подзуживал Хикмен, — давай же! Пойдем примерим!

Поуп бульшую часть дня провел с Пайпер, Карен Ломас и Рэбелом, обсуждая результаты утреннего теста Ашера и бесконечные мелкие детали того, что они называли «новым включением» Энджи. После ланча Брайан Ын поехал с ней на осмотр в частную клинику на Беверли-бульваре — стены здания были выложены

зеркальной плиткой.

За те несколько минут, пока они ждали вызова в белой, заполненной цветами приемной — ритуал, конечно: как будто назначенный визит к врачу, не сопровождайся он ожиданием, может показаться незавершенным, как бы ненастоящим, — Энджи осознала, что задает себе один простой вопрос. Впрочем, не счесть раз, когда она этому удивлялась. Почему загадочное наследие ее отца — веве, которые он прочертил в ее голове, — проскальзывало незамеченным во всех до единого медицинских заведениях?

Ее отец, Кристофер Митчелл, возглавлял гибридомный проект, который в свое время позволил «Маас-Биолабс» практически монополизировать рынок на ранней стадии производства биочипов. Тернер, человек, который увез ее в Нью-Йорк, дал ей что-то вроде досье на отца, биософт, скомпилированный ИскИном службы безопасности «Мааса». Она погружалась в досье раза четыре за столько же лет. Наконец однажды очень пьяной ночью в Греции, после попытки перекричать Бобби, она швырнула досье с верхней палубы яхты какого-то ирландского промышленника. Она уже забыла причину ссоры, но прекрасно помнила смешанное чувство облегчения и потери, охва-

тившее ее, когда короткий толстый цилиндрик биософта, булькнув, ушел под воду.

Неужели отец так ловко запрятал веве, что они каким-то образом остаются невидимыми для сканирующей аппаратуры нейротехников? У Бобби имелась другая теория, которая, как подозревала Энджи, была ближе к правде. Возможно, Легба — лоа, которому Бовуар приписывал способность к почти неограниченному доступу в киберпространственную матрицу, — умеет изменять поток информации в момент его считывания сканерами, представляя веве как прозрачные или несуществующие… Срежиссировал же Легба ее дебют в стим-индустрии и последовавшее за ним восхождение, в результате которого она затмила Тэлли Ишем, бывшую мегазвездой «Сенснета» на протяжении целых пятнадцати лет.

Но так много воды утекло с тех пор, как ею овладевали лоа, а теперь Бригитта сказала, что веве прочерчены заново…

— Хилтон велел Континьюити выставить сегодня твою «голову», — сказал ей Ын, пока они ждали вызова.

— Да?

— Заявление для публики о твоем ямайском эпизоде. Ты хвалишь новые методы клиники,

предостерегаешь против употребления наркотиков, горишь желанием снова взяться за работу. Благодаришь аудиторию, потом идут архивные съемки дома в Малибу…

Континьюити мог генерировать видеоизображения Энджи и анимировать их по составленным из стимов шаблонам. Просмотр таких роликов вызывал у нее легкое (но не сказать что неприятное) головокружение — один из тех редких случаев, когда она была способна напрямую осознать факт собственной славы.

Из-за цветов прозвенел колокольчик.

Вернувшись из города, она застала работников кейтеринговой службы на веранде за приготовлением барбекю.

Энджи прилегла на кушетку под Вальмье, устало прислушиваясь к шуму прибоя. Из кухни доносился разговор: Пайпер объясняла Поупу результаты медосмотра. В этом не было необходимости, врачи сочли Энджи совершенно здоровой, но оба они — и Поуп, и Пайпер — обожали подробности.

Когда Пайпер и Рэбел, прихватив свитера, вышли на веранду и устроились у жаровни погреть над углями руки, Энджи в гостиной осталась наконец наедине с режиссером.

— Дэвид, ты собирался рассказать мне, что делал на верху колодца…

— Искал убежденных одиночек. — Он запустил пятерню в спутанные волосы. — Это вроде как продолжение проекта, который я затевал в прошлом году, насчет идейных общин в Африке. Проблема только в том, что уже наверху я выяснил: каждый, кто решается на подобное, кто действительно живет на орбите в полном одиночестве, он, как правило, стремится к тому, чтобы его одиночества не нарушали.

— Ты сам записывал? Интервью?

— Нет. Мне хотелось найти таких людей и уговорить их, чтобы делали записи сами.

— И как?

— Не уговорил. Однако узнал несколько историй. Потрясающие байки. Один пилот с буксира рассказал мне, что на каком-то законсервированном японском фармзаводе живут одичавшие дети-каннибалы. Короче, там, на орбите, у них целая своя мифология. Честное слово. Корабли-призраки, затерянные города… Смешно, если вдуматься. Я хочу сказать, все орбиты же известны до миллиметра, все там создано руками человеческими, кому-то принадлежит, занесено на карты. Будто видишь, как миф пускает корни

посреди бетонной автостоянки. Но думаю, людям это необходимо, правда?

— Да, — отозвалась она, думая о Легбе, о Маман Бригитте, о тысяче свечей.

— Однако, — продолжал он, — больше всего мне хотелось бы добраться до леди Джейн. Поразительная история. Совершенно готическая.

— Леди Джейн?

— Тессье-Эшпул. Это ее семья построила Фрисайд. Пионеры высокой орбиты. У Континьюити есть потрясающий видеофильм. Поговаривают, будто леди Джейн убила собственного отца. Она — последняя в роду. Деньги кончились много лет назад. Она распродала все, велела отпилить конец веретена и перебралась на новую орбиту…

Энджи выпрямилась на кушетке, сцепив пальцы на плотно сжатых коленях. По спине побежали ручейки пота.

— Ты не слышала этой истории?

— Нет, — проговорила она.

— Ну это уже само по себе интересно — показывает, как ловко они умели уходить в тень. Чертову уйму денег угрохали на то, чтобы нигде не светиться. Мать была Тессье, отец — Эшпул. К моменту смерти Эшпула их концерн, пожалуй, уже вовсю наступал на пятки Йозефу Виреку. И

конечно, за это время они совершенно спятили… детей своих клонировали направо и налево…

— Звучит… ужасно. И ты пытался… Ты действительно пытался найти эту женщину?

— Навел кое-какие справки, да. Континьюити достал мне фильм Беккера, ну а орбита ее, конечно, есть в атласе. Но что толку заявляться в гости, если тебя не приглашали, правда? А потом Хилтон вызвал меня обратно на Землю, снова за работу… Тебе нехорошо?

— Да, я… я думаю… Мне нужно переодеться, накинуть что-нибудь потеплее.

За послеобеденным кофе она, извинившись, пожелала всем доброй ночи.

Порфир последовал за ней к лестнице. Все время обеда он старался держаться к ней поближе, как будто чувствовал, что ее снова что-то тревожит. Нет, подумала она, ничего нового. Просто сейчас в ней оживает то, чем она дышала, чем она жила раньше и всегда, все то, от чего ее отгораживали наркотики.

— Мисси будет осторожна, — прошептал парикмахер так, чтобы, кроме нее, никто его не услышал.

— Со мной все в порядке, — сказала она, поднимаясь на первую ступеньку. — Слишком много

людей. Я еще к этому не привыкла.

Он стоял, глядя на нее снизу вверх, отблеск умирающих углей за его спиной высвечивал череп — элегантно сработанный и в чем-то даже нечеловеческий. Энджи повернулась и стала взбираться по лестнице.

Час спустя она услышала шум прилетевшего за съемочной группой вертолета.

— Дом, — сказала она, — теперь я посмотрю фильм Континьюити.

Когда скользнул вниз, разворачиваясь, настенный экран, Энджи открыла дверь спальни и с минуту стояла на верхней площадке, прислушиваясь к звукам пустого дома. Прибой, жужжание посудомоечной машины, ветер, бьющий в окна веранды.

Она повернулась назад к экрану и поежилась, внезапно увидев лицо, которое глядело на нее с зернистого стоп-кадра: брови, дугами выгнувшиеся над темными глазами, высокие хрупкие скулы и широкий решительный рот. Изображение начало расширяться, уходя во тьму зрачка: черный экран, затем белая точка, она растет, удлиняется, становится суженным к концам веретеном. Фрисайд. Вспыхивают немецкие титры.

— Ганс Беккер, — сказал дом, озвучивая всту-

пительный пассаж библиотечных работников «Сенснета», — немецкий видеохудожник, главной особенностью которого является пристрастное исследование жестко разграниченных областей визуальной информации. Он использует приемы в диапазоне от классического монтажа до технологий, позаимствованных у промышленного шпионажа, от изображений, переданных межпланетными зондами, до киноархеологии. Фильм «Антарктика начинается здесь», посвященный изучению образов семейства Тессье-Эшпулов, в настоящее время расценивается как вершина карьеры кинематографиста. Патологически избегающий внимания СМИ индустриальный клан с их абсолютно закрытой орбитальной базой представлял собой исключительно сложную цель.

С исчезновением последнего титра белое веретено заполнило собой весь экран. Изображение сместилось к центру. Стоп-кадр. Молодая женщина в свободной черной одежде, фон неотчетлив. «МАРИ-ФРАНС ТЕССЬЕ, МАРОККО».

Это другое лицо, не лицо из заставки, не то, чьи воспоминания вторгаются в ее сны, и все же черты молодой Мари-Франс предвосхищают его, как будто под их покровом прячется личинка

грядущего…

Звуковая дорожка вплетала в наслоения статики и бормотание неразборчивых голосов атональные линии напряжения, а в это время картинка с Мари-Франс сменилась официальным монохромным портретом молодого человека в крахмальном воротничке с оттопыренными уголками. Это было красивое лицо, с идеальными пропорциями, но какое-то слишком жесткое, и во взгляде — выражение бесконечной скуки. «ДЖОН ХЭРНЕСС ЭШПУЛ, ОКСФОРД».

Да, подумала Энджи, я тебя встречала, и не один десяток раз. Я знаю историю твоей жизни, хотя мне и не позволено коснуться ее.

И, если честно, вы мне совсем не нравитесь. Правда, мистер Эшпул?

Глава 13

Подвесной мостик

Подвесной мостик стонал и раскачивался. Носилки оказались слишком широкими, чтобы пройти между поручнями из натянутых веревок, поэтому их пришлось поднять выше и нести на уровне груди. Маленькая процессия ползла

сантиметр за сантиметром по мостику над темнотой, казавшейся бездонной. Впереди — Джентри, крепко сжавший руками в перчатках ручки по обеим сторонам от ног спящего. Слику достался более тяжелый конец, изголовье с привинченными к нему батареями и прочим оборудованием. Он чувствовал, как за ними следом пробирается Черри. Ему хотелось сказать ей, что им здесь вовсе ни к чему лишний вес, чтобы она убиралась вниз, но почему-то сказать не мог.

Это была ошибка — дать Джентри пакет наркотиков от Малыша Африки. Слик не знал, что это был за дерм, который налепил себе Джентри, не знал, что было в его крови до того. Что бы это ни было, Джентри слетел с катушек, и теперь они качаются на этом чертовом подвесном мостике в двадцати метрах над бетонным полом Фабрики, и Слик готов был плакать или кричать от разочарования и обиды. Ему хотелось разбить что-нибудь, что угодно, но он не мог отпустить носилки.

Чего стоила одна только улыбка Джентри, выхваченная из тьмы светом биодатчиков в изножье носилок. Свет падал ему на лицо каждый раз, когда Джентри делал следующий шаг назад по настилу…

— О боже, — голосом маленькой девочки сказа-

ла Черри, — вот же долбаная хрень…

Джентри вдруг нетерпеливо дернул носилки, и Слик едва удержал ручки.

— Джентри, — сказал Слик, — мне кажется, тебе стоит дважды над этим подумать.

Джентри снял перчатки. В каждой руке он теперь держал по паре перемычек оптического кабеля, и Слику было видно, как дрожат разводные фитинги.

— Я хочу сказать, Малыш Африка — серьезный мужик. Не порть ему игру. Ты не знаешь, с кем ты связываешься.

Честно говоря, это было не совсем правдой, ведь Слик понимал: Малыш слишком умен, чтобы делать ставку на месть. Но черт его знает, во что сейчас влипнет Джентри.

— Ничего я не порчу, — сказал Джентри, подходя с переходниками к носилкам.

— Послушай, приятель, — вмешалась Черри, — прервав ему вход, ты же можешь его убить. Его автономная нервная система просто откажет. Почему ты его не остановишь? — набросилась она на Слика. — Почему просто не настучишь ему по балде?

Слик потер глаза:

— Потому что… ну, не знаю. Потому что он…

Послушай, Джентри, она говорит, что ты можешь прикончить несчастного ублюдка, если попытаешься сунуться в цепь. Ты слышал?

— «Эл-Эф», — ответил Джентри, — вот что я слышал.

Зажав переходники зубами, он начал возиться с одним из коннекторов на сером бруске над головой спящего. Руки у него уже не дрожали.

— Мать твою, — выдохнула Черри и прикусила костяшку пальца.

Провод отошел. Одной рукой Джентри резко воткнул переходник в разъем и стал быстро затягивать фитинг. Улыбнулся, все еще держа в зубах второй переходник.

— Ну и хер с вами, — бросила Черри, — я умываю руки. — Но не двинулась с места.

Человек на носилках чуть слышно икнул. От этого звука волосы на руках у Слика встали дыбом.

Отошел второй провод. Джентри вставил второй переходник и стал затягивать фитинг и на нем.

Черри тут же бросилась к изножью носилок, опустилась на колени, чтобы проверить показания приборов.

— Он это почувствовал, — сказала она, подни-

мая глаза на Джентри, — но показания вроде в норме…

Джентри отвернулся к своим консолям. Слик смотрел, как он вставляет в гнезда перемычки. Может, думал он, все же как-нибудь обойдется. Джентри вскоре отрубится, носилки придется оставить здесь, наверху, пока не удастся заставить Черри и Пташку помочь ему перетащить их через подвесной мостик. Но Джентри — просто шиз; наверное, надо попытаться отобрать у него наркотики, может, тогда все вернется в нормальную колею…

— Я могу только верить, — сказал Джентри, — что это было предопределено. Предопределено ходом всей моей предшествующей работы. Я не стал бы претендовать на понимание того, как это могло произойти, но нам ведь довод и не нужен[86], правда, Слик Генри? — Он ввел с клавиатуры последовательность каких-то команд. — Ты когда-нибудь задумывался над взаимосвязью между клинической паранойей и феноменом религиозного обращения?

— О чем это он? — спросила Черри.

Слик мрачно покачал головой. Если он сейчас

---

[86] Примечания: 86

«Кто с доблестью дружен, тем довод не нужен» (Альфред Теннисон. Атака легкой кавалерии. Перев. Ю. Колкера).

хоть что-нибудь скажет, это только подстегнет безумие Джентри.

Теперь Джентри перешел к большому дисплею на проекционном столе.

— Есть миры внутри миров, — продолжал он, не ожидая ответа на свой вопрос. — Макрокосм, микрокосм. Сегодня вечером мы перетащили через подвесной мостик целую вселенную, то есть вверху так же, как и внизу…[87] Конечно, было совершенно очевидно, что подобные вещи должны существовать, но я не смел и надеяться… — Он с наигранной скромностью по-мальчишески оглянулся через расшитое черным бисером плечо. — А теперь, — сказал он, — мы посмотрим на форму вселенной, куда отправился путешествовать наш гость. И в этой форме, Слик Генри, я увижу…

Он коснулся клавиши подачи тока на краю проекционного стола. И закричал.

Глава 14

[87] Примечания: 87

«То, что находится внизу, аналогично тому, что находится вверху, чтобы осуществить чудеса единой вещи [то есть философского камня]» («Изумрудная скрижаль Гермеса», памятник арабского средневекового герметизма).

Игрушки

— А вот и вправду чудесная штука, — сказал Петал, касаясь куба из розового дерева размером с голову Кумико. — «Битва за Британию».

Над кубом возник ореол неонового света. Кумико наклонилась пониже и увидела, как, двигаясь будто в замедленной съемке, крохотный аэроплан развернулся и нырнул в серую пасть Лондона.

— Ее сделали, основываясь на военных хрониках, — пояснил Петал. — Камеры были установлены на прицелах.

Кумико, прищурившись, разглядела почти микроскопические вспышки зенитных орудий в устье Темзы.

— Сувенир к столетию.

Они находились в бильярдной Суэйна, в комнате с окнами, выходящими на подъездную дорожку, на первом этаже дома номер шестнадцать. Здесь приютилась мягкая затхлость, эхо запаха бывшего паба. Благопристойность и порядок, присущие хозяйству Суэйна, тут были смягчены благородным запустением: стояли кожаные кресла с потрескавшимися подлокотниками, темные массивные шкафы, тусклым

пятном расползлось некогда зеленое поле бильярдного стола… Черные стальные стеллажи были заставлены развлекательным оборудованием, из-за которого Петал и привел сюда девочку перед чаем. Он неспешно шаркал своими рваными тапочками на кротовом меху, демонстрируя имеющиеся игрушки.

— А что это за война?

— Предпоследняя, — сказал он, переходя к похожему на первый, но большему по размеру предмету.

Тот предлагал полюбоваться на голографическую схватку двух тайских боксерок. Одна из них с разворота заехала пяткой сопернице в упругий живот, напрягшийся, чтобы сдержать удар. Петал тронул клавишу, и проекция исчезла.

Кумико вернулась к «Битве за Британию» и ее взрывам, похожим на светлячки.

— А вот здесь у нас спортивные фиши на любой вкус, — сказал Петал, открывая чемодан из свиной кожи, набитый сотнями записей.

Он продемонстрировал еще с полдесятка других приборов, потом, почесав в затылке, стал отыскивать японский канал видеоновостей. Наконец нашел, но никак не мог отключить программу автоматического перевода. Посмотрел

вместе с Кумико, как выпускной курс академии служащих «Оно-Сэндай» отрекается от себя на слезной церемонии выпуска.

— К чему все это? — спросил он.

— Они демонстрируют преданность своему дзайбацу.

— Ну тогда ладно, — протянул он и обмахнул видеомодуль кистью-пуховкой. — Скоро будем пить чай.

Стоило Петалу выйти из комнаты, Кумико сразу же отключила звук. Салли Ширс за завтраком не было, Суэйна тоже.

Болотного цвета гардины скрывали ряд больших окон, выходящих все в тот же сад. Девочка посмотрела в окно на припорошенные снегом солнечные часы, потом отпустила штору. (Онемевший настенный экран вспыхивал бессвязными видами Токио, санитары в комбинезонах из жесткой складчатой фольги лазерами выпиливали жертву автокатастрофы из груды покореженной стали.) У дальней стены громоздился массивный викторианский комод на резных ножках в форме ананасов. Замочная скважина в центре розетки, инкрустированной пожелтевшей слоновой костью, была пуста. Девочка потянула на себя дверцу; та чуть скрипнула и

открылась. Из недр комода дохнуло химическим запахом древней полировки. Кумико недоуменно рассматривала черно-белую мандалу на задней стенке комода, пока та не сделалась тем, чем была в действительности, — доской для игры в дартс. Блестящее полированное дерево вокруг было испещрено бесчисленными дырочками и царапинами. Кому-то из игроков не то что в мишень, даже в круг не удавалось попасть, решила она. Нижняя часть комода предлагала полюбоваться ящичками с изящными латунными ручками и обрамленными все той же слоновой костью скважинами. Опустившись на колени, Кумико оглянулась на дверь (настенный экран показывал теперь губы певицы из какого-то кабаре в Синдзюку) и как можно осторожнее вытянула верхний правый ящик. В нем оказалось полно дротиков, часть была аккуратно сложена в кожаные колчаны, остальные — просто свалены кучей. Девочка закрыла ящик и выдвинула такой же слева. Мертвая моль и ржавый шуруп. Ниже помещался единый широкий ящик. При попытке открыть его ящик ужасающе заскрипел. Девочка снова оглянулась (рекламный ролик демонстрировал, как логотип «Фудзи электрик» освещает Токийский залив) — никаких признаков присут-

ствия Петала.

Несколько минут она провела, перелистывая порнографические журналы с японским текстом, которые, похоже, посвящались в основном искусству вязания узлов. Под стопкой журналов лежали запыленная куртка из вощеного хлопка и серая пластмассовая коробка; на крышке было оттиснуто: «ВАЛЬТЕР». Сам пистолет оказался тяжелым и холодным. Подняв его из пенопластового ложа, она увидела свое отражение в вороненом металле. Кумико до сих пор никогда не держала в руках оружия. Рукоять с серыми пластмассовыми накладками казалась невероятно огромной. Девочка вернула пистолет в ящик и пробежала глазами японский раздел во вкладыше с многоязычной инструкцией. Это был пневматический пистолет: чтобы выстрелить, нужно качнуть рычагом где-то под стволом. Пистолет стрелял очень маленькими свинцовыми шариками. Еще одна игрушка. Аккуратно разложив содержимое по местам, она снова закрыла ящик.

Остальные ящики оказались пусты. Закрыв дверцу комода, Кумико вернулась к «Битве за Британию».

— Нет, — сказал Петал, — прости, но не вый-

дет.

Он намазывал девонширское масло на крампет[88], тяжелый викторианский нож казался в его толстых пальцах детской игрушкой.

— Попробуй с маслом, — предложил он, опустив массивную голову и вкрадчиво глядя на девочку поверх очков.

Кумико стерла льняной салфеткой с верхней губы мазок мармелада.

— Ты думаешь, я попытаюсь сбежать?

— Сбежать? Так вот ты о чем подумываешь? — Он серьезно и неторопливо ел свою оладью и смотрел на падающий за окнами снег.

— Нет, — ответила девочка. — У меня нет намерения сбежать.

— Хорошо, — отозвался он, откусывая еще кусок.

— На улице мне грозит опасность?

— О господи! Конечно нет, — сказал он с какой-то непреклонной веселостью. — Ты там в такой же безопасности, как и дома.

— Я хочу пойти погулять.

— Нет.

— Но я же выхожу с Салли.

---

[88] Примечания: 88

Крампет — круглая оладья из пористого теста, характерная для английской кухни.

— Да, — согласился он, — она тот еще подарочек, эта твоя Салли.

— Я не знаю такой идиомы.

— Никаких прогулок в одиночку, так говорилось в письме, которое мы получили от твоего отца, понимаешь? С Салли — пожалуйста, но ее сейчас нет. Не буду утверждать, что на улице тебе обязательно кто-нибудь станет докучать, но к чему рисковать? С другой стороны, я сам был бы рад, просто счастлив пойти с тобой погулять, но я здесь на посту на тот случай, если Суэйну кто-нибудь позвонит. Так что я не могу. Просто стыд и срам, правда-правда. — Он выглядел настолько искренне расстроенным, что девочка решила смягчиться.

— Поджарить тебе еще гренок? — спросил он, жестом указывая на ее тарелку.

— Нет, спасибо. — Кумико положила салфетку на стол и добавила: — Было очень вкусно.

— В следующий раз тебе следует попробовать масло, — сказал он. — После войны его было не достать. С Германии нанесло радиоактивный дождь, и коровы уже стали не те, что раньше.

— Суэйн сейчас здесь, Петал?

— Нет.

— Я никогда его не вижу.

— Приходит, уходит. Дела. Это же все циклами. Очень скоро у нас отбоя не будет от посетителей, и Суэйн снова станет устраивать аудиенции.

— Какие посетители, Петал?

— Деловые люди, скажем так.

— Куромаку, — пробормотала девочка.

— Прости?

— Ничего.

Остаток вечера она провела в одиночестве в бильярдной. Свернулась калачиком в глубоком кожаном кресле и смотрела, как сад прячется под снегом, а солнечные часы, теряя очертания, превращаются в белую таинственную колонну. Она представила себе, что там, в снегопаде, ее мать, одна в саду, закутанная в темные меха. Принцесса-балерина, утопившаяся в ночных водах Сумиды.

Озябнув, девочка встала, обошла бильярдный стол и присела у мраморного камина, где газовое пламя тихонько шипело над вечными углями, которые никак не могло поглотить.

Глава 15

Серебряные прогулки[89]

Была у нее подруга в Кливленде, Ланетта, которая много чему ее научила: как быстро выбраться из машины, если лох пытается запереть дверцу, как вести себя, когда идешь покупать дозу. Ланетта была чуть старше и магик использовала в основном для того, чтобы, как она говорила, «разбавить депрессняк», а депрессняк накрывал ее регулярно, чем бы она ни закидывалась, от аналогов эндорфина до старого доброго опиума из Теннесси. Иначе, говорила подруга, так и будешь сидеть полсуток перед видиком, пялиться на любую дрянь. Когда магик добавляет бодрости к теплой неуязвимости хорошего депрессанта, утверждала она, вот это действительно нечто. Но Мона заметила, что те, кто всерьез сидит на депрессантах, часто и помногу блюют, а еще она никак не могла взять в толк, на хрена вообще смотреть видик, если с тем же успехом можно подключиться к стиму. (Ланетта же говорила, что симстим — это, по сути, все то же дерьмо, от

---

[89] Примечания: 89

«Do you remember the silver walks?» («Помнишь серебряные прогулки?») — из песни Лу Рида «I'm So Free» с его альбома «Transformer» (1972).

которого она и хочет улететь подальше.)

Мона подумала о Ланетте потому, что порой та давала ей дельные советы: например, как вывернуть неудачную ночь наизнанку. Сегодня, думала она, Ланетта посоветовала бы поискать бар и какую-нибудь компанию. У Моны еще оставались деньги после Флориды, так что дело за малым — отыскать место, где примут наличные.

Попала с первой попытки. Добрый знак. Вниз по узкому пролету бетонных ступенек, чтобы окунуться в дымный гул голосов и знакомый приглушенный ритм «Белых алмазов» Шабу. Да уж, тусовка не для пиджаков, но и не то, что коты в Кливленде называли «своим баром». Она совсем не заинтересована сейчас в том, чтобы пить в «их баре». Во всяком случае, не сегодня.

Она только входила, как вдруг кто-то поднялся от стойки, собираясь на выход, так что Мона тут же проскользнула вперед и захватила его табурет, даже пластик остыть не успел — еще один добрый знак.

Бармен поджал губы, потом кивнул, когда Мона показала ему банкноту. Так что она сказала: «Плесни мне бурбона и пива вдогонку», — это всегда заказывал Эдди, если платил за выпивку сам. Если платил кто-то другой, он заказывал разные

болтушки, которые бармен не знал как готовить, а потом немало времени тратил на объяснения, как именно это делается. И, выпив коктейль, начинал жаловаться на то, какая же это дрянь по сравнению с тем, что смешивают в Сингапуре, или Лос-Анджелесе, или в каком другом месте, где — Мона-то знала — он никогда не бывал.

Бурбон здесь был странноватый, с непонятной кислинкой, но, в общем-то, неплохой, когда уже проглотишь. Она сообщила об этом бармену, а тот, в свою очередь, спросил у нее, где она обычно пьет бурбон. Она сказала, что в Кливленде, и он кивнул; у них там не бурбон, а этил плюс вкусовые добавки, сказал он. Когда бармен отсчитывал сдачу, Мона решила, что этот их бурбон в Муравейнике — дороговатое удовольствие. Однако дело он свое делал — трясучку снимал, так что она проглотила остатки и принялась за пиво.

Ланетта любила бары, но сама никогда не пила — только колу или что-нибудь легкое. Мона навсегда запомнила тот день, когда она приняла два кристалла подряд — двойной удар, так это называла Ланетта — и услышала голос в собственной черепушке. Голос звучал так ясно, будто кто-то в комнате говорил: «Оно движется так быстро, что

остается на месте»[90]. И Ланетта, которая часом раньше растворила спичечную головку «мемфисского черного» в чашке китайского чая, тоже дохнула магика, полкристалла, и они пошли гулять. Бродили вдвоем по дождливым улицам в совершенной гармонии, когда нет нужды о чем-либо говорить (так это казалось Моне). Тот голос был прав: приход очень плавный, никакого дурного тремора, просто такое ощущение, будто что-то — может быть, сама Мона — расширяется из тихого неподвижного центра. И они нашли парк, где ровные плоские газоны были усеяны серебристыми лужами, и они с Ланеттой исходили там все дорожки. У Моны было даже название для этого воспоминания: «Серебряные прогулки».

А какое-то время спустя Ланетта просто исчезла, никто ее больше не видел. Одни говорили, что она отправилась в Калифорнию, другие трепались про Японию, а третьи — что она откинулась от передоза. Эдди это называл «нырнуть всухую», но вот уж об этом Моне думать совершенно не хотелось. А потому она выпрямилась, оглянулась

---

[90] Примечания: 90

Ср.: «— Какая медлительная страна! — сказала Королева. — Ну а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее!» (Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье. Перев. Н. Демуровой).

по сторонам и — да, это классное место, достаточно маленькое, чтобы выглядеть переполненным, но иногда это и хорошо. Здесь были те, кого Эдди называл богемой. Люди с деньгами, но одевающиеся так, будто их не имеют, если не считать того, что одежда на них отлично сидит и с первого взгляда ясно, что куплена-то она новой.

За баром стоял телевизор — над всей этой батареей бутылок, — и тут Мона увидела в нем Энджи. Та что-то говорила, глядя прямо в камеру, но бармен, очевидно, выкрутил звук, так что за гулом голосов было не разобрать, что она там говорит. Потом съемка пошла сверху, камера уставилась вниз на цепочку домов, примостившихся на самом краю пляжа, и тут вернулась Энджи. Она смеялась, встряхивала гривой волос, дарила камере свою знаменитую полупечальную улыбку.

— Эй, — окликнула Мона бармена, — вон там — Энджи.

— Кто?

— Энджи, — повторила Мона, указывая на экран.

— Ага, — протянул тот, — она торчала на какой-то дизайнерской дури, но решила соскочить, поэтому поехала в Южную Америку или еще куда-то заплатить пару лимонов, чтобы ее по-

чистили.

— Да не может она торчать!

Бармен равнодушно поглядел на нее:

— Тем не менее.

— Да с чего бы ей даже начинать? Я хочу сказать, она ведь Энджи, так?

— Профзаболевание.

— Но поглядите на нее, — запротестовала Мона, — она так хорошо выглядит…

Но Энджи уже исчезла, ее сменил чернокожий теннисист.

— Так ты думала, это она? Это — говорящая голова.

— Голова?

— Что-то вроде куклы, — сказал голос позади нее; Мона, резко обернувшись, увидела встрепанные песочные вихры и ленивую белозубую усмешку. — Кукла, — человек поднял руку со сложенной фигой, — как в мультике, понимаешь?

Она услышала, как бармен кинул на стойку сдачу и перешел к следующему клиенту. Белая усмешка стала шире.

— Так что ей нет нужды записывать весь материал самой, верно?

Мона улыбнулась в ответ. Симпатичный, умные глаза и заговорщицкое «привет» вспыхнули

для нее именно тем сигналом, который ей и хотелось прочесть. Не лох, не пиджак. Легкий малый, как раз такой, какой мог бы ей сегодня понравиться, — и что-то бесшабашно веселое в рисунке губ, так странно сочетающееся с умными, насмешливыми глазами.

— Майкл.

— А?

— Мое имя Майкл.

— О, Мона. Меня зовут Мона.

— Откуда ты, Мона?

— Из Флориды.

И разве не сказала бы ей Ланетта, что за такого надо хвататься не глядя?

Эдди терпеть не мог богему: они не покупали того, что он продавал. А Майкла он возненавидел бы еще больше, раз у того была работа и мансарда в нормальном доме. Во всяком случае, Майкл сказал, что это мансарда или лофт. Впрочем, когда они добрались туда, помещение оказалось гораздо меньше, чем, по мнению Моны, полагается быть лофту. Само здание было старым — бывшая фабрика или что-то вроде того. Часть стен — из отпескоструенного кирпича, а потолки — деревянные, с массивными балками. Но все это было нарезано на клетушки: комната немногим

больше ее номера в отеле, со спальной нишей в одном конце, с кухней и ванной в другом. Однако этаж был верхним, так что потолок оказался по большей части застекленной крышей, — может, это и делало клетушку мансардой? Под слуховым окном, затеняя свет, горизонтально висел лист красной бумаги. По углам он был проткнут крюками на веревках — прямо-таки огромный воздушный змей. В комнате царил ужасный беспорядок, но разбросанные кругом вещи все были новыми: несколько белых проволочных кресел с каркасом, обмотанным прозрачными пластиковыми трубками, стеллажи с развлекательными модулями, рабочая станция и серебристая кожаная кушетка.

Они начали на кушетке, но к кушетке все время липла спина, так что они перебрались в спальную нишу на кровать.

И только тут она увидела на стене белые полки, а на них — записывающее оборудование, стимм-модули. Но магик снова взял вверх, да и если уж она все равно решилась, то почему бы не пойти до конца? Майкл надел на нее устройство с сенсорными датчиками — такой черный резиновый ошейник, из которого торчат внутрь тупые штыри-пальцы с дерматродами, прижимающиеся

к основанию черепа. Никаких проводов. Кучу денег стоит, это любому известно.

Надевая на себя троды и проверяя приборы на стенах, Майкл рассказывал о своей работе, о том, как трудится на одну контору в Мемфисе, которая выдумывает для компаний новые имена. Прямо сейчас он старается сочинить название для компании, которая зовется «Китайские катоды». Им это позарез нужно, сказал он и рассмеялся, но потом добавил, что все не так просто. Потому что на свете и без этих китайцев слишком много всяких компаний и все удачные названия уже разобраны. У него есть компьютер, который знает названия всех компаний в мире, и еще один, который составляет слова, чтобы потом использовать их в качестве имен, и еще один, который проверяет, не значит ли придуманное слово «долбоклюй» или чего похлеще на том же китайском или каком-нибудь шведском. Но их контора торгует не просто именами, они там продают то, что называется «имидж», и ему приходится взаимодействовать с целой командой — только так можно быть уверенным, что его идея впишется в общий пакет.

Потом он пристроился рядом с ней в постели, и не так уж это все было здорово. Веселье куда-то

испарилось, с тем же успехом это мог бы быть какой-нибудь лох — она лежала, думая даже не о Майкле, а о том, что он сейчас все записывает. Включит потом ее, Мону, когда ему захочется. И вообще, сколько у него уже было таких, как она?

Вот так она рядом с ним и лежала, после всего, слушая, как он посапывает во сне, пока магик не стал закручивать плотные маленькие круги на дне черепа, раз за разом выщелкивая на экран век одну и ту же последовательность бессвязных картинок: пластиковый пакет, в котором она хранила свои вещи во Флориде, сверху перевязанный проволокой, чтобы не заползли жуки; старик сидит у фанерного стола, чистит мясницким ножом картофелину, нож сточен до огрызка размером с ее большой палец; кливлендская забегаловка, где подавали криль, павильон построен в форме свернувшейся креветки, а выгнутая спина из металлических листов и разрисованного розовым и оранжевым прозрачного пластика служит крышей; проповедник, которого она видела, когда шла за новой одеждой, он и его бледный, расплывчатый Иисус. Всякий раз, когда наступал черед проповедника, Иисус все собирался что-то сказать, но так и не заговорил. Черт, теперь это кино никак не остановишь, разве что встать и

попытаться занять мысли чем-то еще. Ладно, выбралась из постели, постояла в сером свете от слухового окна, глядя на Майкла. *Вознесение. Вознесение грядет.*

Мона вышла в комнату, натянула платье; замерзла. Она присела на серебристую кушетку. Красное затемнение превращало серый заоконный свет в розовый — это снаружи начинало светать. Интересно, сколько может стоить такая квартирка?

Теперь, не видя его, Мона с трудом вспоминала, как вообще выглядит Майкл. Ну, ему-то не составит труда ее запомнить. Но одна только мысль о стиме оставила у нее привкус чего-то такого… как будто ее ударили или обидели, а может, просто попользовались. Она почти жалела, что не осталась в отеле постимить Энджи.

Серо-розовый свет заполнял комнату, ложился пятнами, цепенел, застывал в углах. Что-то в нем напомнило о Ланетте и разговорах о передозе. Иногда от передоза кончаются на чужих хатах, и потом проще всего выбросить тело из окна так, чтобы копы не сообразили, откуда именно оно выпало.

Но она ведь не собиралась об этом думать, так что Мона встала, порылась в холодильнике и

кухонных шкафах. В морозилке лежал мешок кофейных зерен, но на магике от кофе начинает трясти. Еще там было полно целлофановых пакетиков с японскими этикетками, что-то замороженное или обезвоженное. Она нашла пакетики чая и сорвала печать с одной из бутылок воды в холодильнике. Налила немного воды в кастрюльку. С плитой пришлось повозиться, прежде чем удалось ее зажечь. Электроконфорки оказались белыми кругами на черном фоне столешницы. Ставишь кастрюлю в центр круга и касаешься красной точки, нарисованной рядом. Когда вода закипела, она бросила в кастрюлю пакетик чая и сняла ее с конфорки.

Наклонившись над кастрюлькой, Мона вдохнула пар с запахом трав.

Она никогда не забывала, как выглядит Эдди, когда его не было рядом. Пусть он и не ахти кто, но, когда он был рядом, она чувствовала себя уверенней. Должно же быть поблизости какое-то лицо, которое не меняется. Но, пожалуй, и об Эдди думать сейчас — не такая уж хорошая идея. Скоро, очень скоро наступит отходняк, а до тех пор надо еще найти способ вернуться в отель. Внезапно ей пришло в голову, что все это так сложно; слишком многое надо сделать, просчитать вари-

анты — а это и есть отходняк, когда начинаешь волноваться, как бы слепить дневную сторону суток обратно.

Едва ли Прайор позволит Эдди ее ударить, думала Мона, хотя бы потому, что зачем-то ему важна ее внешность. Мона обернулась, чтобы достать чашку.

За ней стоял Прайор в черном пальто. Она услышала, как из ее горла сам по себе вырвался странный тихий звук.

На отходняках ей и раньше случалось видеть всякую всячину. Если смотреть в упор, видения исчезали. Она попыталась вглядеться в Прайора, но это не сработало.

Он так и стоял у двери с каким-то пластмассовым пистолетом в руке, не целился в Мону, просто держал пушку в руках. На нем были перчатки, точно такие, как те, какие Джеральд надевал для осмотра. С виду он был не слишком чтоб зол, но ради разнообразия не улыбался. Довольно долго он вообще не произносил ни слова, и Мона тоже молчала.

— Кто здесь? — Он сказал это так, будто спрашивал мимоходом на вечеринке, как дела.

— Майкл.

— Где?

Она кивком показала на спальную нишу.

— Надень туфли.

Она вышла из кухни, стараясь держаться подальше от него, по дороге машинально нагнулась, подобрала с ковра белье. Туфли нашлись за кушеткой.

Прайор беззвучно шагнул за ней в комнату, стал смотреть, как она надевает туфли. В руке у него по-прежнему был пистолет. Сняв свободной рукой со спинки кушетки кожаную куртку Майкла, он бросил ее Моне.

— Надень, — спокойно сказал он.

Она просунула руки в рукава, в одном из карманов скомкала белье.

Он подобрал рваный белый дождевик и, свернув в ком, убрал в карман своего пальто.

Майкл храпел. Возможно, он вскоре проснется и проиграет запись по новой. С его снаряжением ему и в самом деле никто здесь больше не нужен.

В коридоре Мона равнодушно смотрела, как Прайор с помощью серой коробочки запирает дверь. Пушка исчезла, но она не видела, как он ее убирал. Из коробочки торчал кусок гибкого красного шнура с непримечательным магнитным ключом на конце.

На улице было холодно. Он заставил ее пройти пешком квартал, потом открыл дверь маленькой белой трехколесной машины. Она села внутрь. Заняв место водителя, Прайор стянул перчатки. Завел машину. Мона увидела облачко выхлопа, отраженное в зеркальных стеклах башни бизнес-центра.

— Он подумает, что я ее украла, — пробормотала она, теребя лацкан куртки.

Тут магик сдал последнюю свою карту: по синапсам дернул рваный каскад нейронов… Кливленд под дождем и покой в душе, какой она испытала лишь однажды — тогда, на прогулке.

На серебряной.

Глава 16

Нить накаливания в слое нагара[91]

Я — твоя идеальная аудитория, Ганс. (Запись пошла по второму кругу.) *Где тебе найти более внимательного зрителя? Ты ведь уловил их сущ-*

---

[91] Примечания: 91

«Filament in Strata» — композиция калифорнийской электронной группы *Rhythm & Noise* с их альбома «Chasms Accord» (1985), выпущенного на «Ralph Records» — собственном лейбле известных экспериментаторов *The Residents*.

ность, Ганс. Можешь мне поверить, я это знаю, потому что мне снятся ее воспоминания. Я вижу, насколько близко ты подошел.

Да, ты уловил сущность этих людей. Путешествие вовне, строительство стен, долгая спираль, закручивающаяся внутрь. Они помешались на стенах, не так ли? Лабиринт крови, лабиринт семьи. Грибница посреди пустоты… Они как будто говорят: «Мы — это то, что внутри, снаружи — другое. Здесь мы пребудем вечно». А тьма таилась там с самого начала… Ты раз за разом находил ее в глазах Мари-Франс, вновь и вновь пригвождал медленным наплывом камеры на затененные глазницы черепа. Очень рано она запретила снимать себя на пленку. Ты подровнял, увеличил ее изображение, провернул его через плоскости света, плоскости тени, сгенерировал модели, расчертил ее череп решеткой неона. Ты использовал особые программы, чтобы состарить ее визуальный образ согласно статистическим моделям, затем — анимационные программы, чтобы оживить свою зрелую Мари-Франс. Ты раздробил ее изображение, низвел его до огромного, но конечного числа точек, перемешал, давая выйти на свет новым формам, выбрал те, которые, похоже, что-то говорили тебе… А потом

ты взялся за остальных, за Эшпула и дочь, чье лицо обрамляет твой фильм, — его первый и последний кадр.

Повторный просмотр придал основательность их истории, позволил Энджи нанизать отрывочные видеозарисовки Беккера на единую временную линию. Точкой отсчета стала свадьба Тессье и Эшпула, союз, обсуждавшийся в свое время только в тех средствах массовой информации, что занимались корпоративными финансами. Оба были наследниками своих отнюдь не скромных империй: Мари-Франс — громадного состояния семьи Тессье, основанного на девяти базовых патентах в области прикладной биохимии, а Эшпул — мощной инженерной фирмы со штаб-квартирой в Мельбурне, фирмы, которая носила имя его отца. Журналистам этот брак представлялся слиянием, хотя возникшую в результате корпоративную единицу финансовый мир рассматривал как неуклюжую — этакая химера с двумя головами, смотрящими в разные стороны.

Однако вскоре на фотографиях тех лет из взгляда Эшпула исчезли пресыщенность и скука, а их место заняла абсолютная решимость. Эффект вышел нелестным — или, скорее, даже пугающим:

красивое жесткое лицо становилось все жестче, все безжалостней в своей всепоглощающей целеустремленности.

Через год после женитьбы на Мари-Франс Тессье Эшпул избавился от девяноста процентов своих активов, вложив освободившийся капитал в орбитальную собственность и установки по запуску шаттлов. Плод живого союза, двоих детей — брата и сестру — вынашивали тем временем суррогатные матери на вилле Мари-Франс в Биаррице.

Тессье-Эшпулы взошли на орбитальный архипелаг и здесь обнаружили, что плоскость эклиптики отмечена лишь редко разбросанными военными базами и первыми автоматизированными фабриками картелей. И тогда они начали строительство. Первоначально их объединенные капиталы были не больше, чем затраты «Оно-Сэндай» на запуск очередного микропроцессорного цеха в орбитальном сборочном массиве корпорации, но Мари-Франс, проявив неожиданное предпринимательское чутье и сноровку, создала приносящее колоссальный доход убежище данных для обслуживания потребностей не столь респектабельных секторов международного банковского сообщества. А это, в свою очередь,

породило связи с самими банками и их клиентами. Эшпул занимал направо и налево, и стена лунного бетона, которой предстояло стать Фрисайдом, росла и закруглялась, смыкаясь вокруг своих создателей.

Когда разразилась война, Тессье-Эшпулы уже скрылись за этой стеной. Они видели, как вспыхнули и погибли Бонн и Белград. Строительство веретена продолжалось в те три недели войны лишь с незначительными перебоями, хотя в последовавшее десятилетие оцепенения и хаоса эта задача несколько осложнилась.

Но дети, Джейн и Жан, теперь уже были с ними. Виллу в Биаррице продали, чтобы оплатить создание криогенной установки для их нового дома, виллы «Блуждающий огонек». Первыми жильцами криогенной утробы стали десять пар клонированных эмбрионов: 2-Джейн и 2-Жан, 3-Джейн и 3-Жан… Существовало множество законов, запрещавших или как-то еще регулировавших искусственное репродуцирование индивидуального генетического материала, но было и столько же лазеек в хитросплетениях юрисдикции…

Энджи остановила запись и попросила дом вернуться к предыдущему эпизоду. Снова кадры

с изображением криогенного устройства, этой утробы Тессье-Эшпулов, созданной швейцарскими инженерами. Она знала, что предположение Беккера о сходстве верно: эти круглые двери из окаймленного хромом черного стекла были центральными образами в чужих воспоминаниях, убедительными и тотемными.

Одно изображение сменяло другое. Теперь речь шла о монтажной сборке на внутренней поверхности веретена в условиях невесомости. Продвигалось строительство осветительной системы Ладо-Ачесон, преобразующей солнечную энергию, наращивалась атмосфера, создавалась — за счет вращения — искусственная гравитация… Тут на Беккера свалилось сказочное, не поддающееся освоению богатство в виде многих-многих часов блестяще-глянцевой документации. Он ответил на этот вызов яростным, рваным монтажом, напрочь выстригая поверхностный лиризм исходного материала; на экране остались лишь отдельные напряженные лица измученных рабочих среди неистового улья механизмов. Фрисайд зеленел и расцветал в ускоренном порхании записанных на пленку восходов и искусственных закатов. Роскошная, запечатанная в бетон и пластик земля, усеянная

драгоценными камнями бирюзовых озер. Тессье и Эшпул выбрались из «Блуждающего огонька», своего тайного дома на кончике веретена, лишь на официальные торжества по случаю открытия Фрисайда. С примечательной отстраненностью обозревали властители ими же созданную страну. Тут Беккер резко сбросил темп и снова принялся за свой одержимый анализ. Вот это — последний раз, когда Мари-Франс взглянула в объектив. Беккер исследует черты ее лица в мучительной, растянутой фуге, крупные планы медленно перетекают один в другой в изысканном контрапункте к пульсирующим волнам аудиореверса, прорывающимся на звуковой дорожке сквозь дрейфующие наслоения статических шумов.

Энджи вновь попросила паузу, встала с кровати и подошла к окну. Она испытывала странный подъем, нахлынуло неожиданное ощущение силы и внутренней гармонии. Что-то подобное произошло с ней семь лет назад в Нью-Джерси, когда она узнала, что и другим известны те, кто приходил к ней в снах, что они зовут их лоа, Божественными Наездниками, дают им имена, и призывают их, и торгуются с ними о милостях.

И даже тогда не обходилось без путаницы и недоразумений. Бобби, например, утверждал, что

Линглессу, седлавший Бовуара в умфо, и Линглессу из матрицы — это различные, не связанные между собой сущности. Если, конечно, первого из них вообще можно считать сущностью.

— Они проделывают это уже более десяти тысяч лет, пляшут, сходят с ума, — говорил он, — твари же из киберпространства — духи, призраки, не важно, что они такое, — обитают там лишь последние лет семь-восемь, не более.

Бобби верил старым ковбоям. Тем, кому он покупал выпивку в «Джентльмене-неудачнике» всякий раз, когда карьера Энджи приводила их в Муравейник. Старики считали, что лоа появились не так давно, они вроде как новоприбывшие. Старые ковбои жили прошлым, когда решительность и талант были единственными решающими факторами в карьере компьютерного виртуоза. Впрочем, Бовуар возразил бы на это: мол, для того чтобы иметь дело с лоа, решительности и таланта требуется не меньше.

— Но они же приходят ко мне, — возражала она. — И мне не нужна дека.

— Это то, что у тебя в голове. То, что сделал твой отец…

Бобби рассказал ей, на чем сошлись старые ковбои: мол, однажды настал такой день, когда все

изменилось, — хотя существовали разногласия относительно того, как и когда.

«Когда Все Изменилось»[92] — так они называли это событие или этот день, и однажды Бобби заставил Энджи загримироваться и привел ее в «Неудачник», чтобы она сама послушала стариков. Вокруг бара суетились агенты из службы безопасности «Сенснета», которых даже на порог не пустили. То, что охрана осталась за дверью, произвело на нее тогда большее впечатление, нежели разговоры стариков. Ковбои облюбовали «Джентльмен-неудачник» еще во времена войны, которая ознаменовала рождение новой технологии. Тогда в Муравейнике не было другого места для сбора криминальной элиты — хотя, когда Энджи появилась здесь, вся элитарность наводила скорее на мысль, что завсегдатаи бара в большинстве своем давно ушли на покой. В «Неудачнике» уже не толклись крутые ребята из молодых, но некоторые из них приходили сюда послушать.

И вот теперь, в спальне дома в Малибу, Энджи

---

[92] Примечания: 92

Аллюзия на одноименный («When It Changed») рассказ Джоанны Расс. Опубликованный в 1972 г. в составленной Харланом Эллисоном антологии «Снова опасные видения», он номинировался на премию «Хьюго» и получил «Небьюлу».

вспомнила эти истории о том, «Когда Все Изменилось», понимая, что некая часть ее сознания мучительно пытается найти место стариковским байкам и воспоминаниям в коллаже из обрывков ее собственной жизни и истории семейства Тессье-Эшпулов.

3-Джейн была нитью накаливания, Тессье-Эшпулы — слоем нагара. Дата ее рождения была официально зарегистрирована тем же днем, что и рождение девятнадцати ее клонированных братьев и сестер-близнецов. «Расследование» Беккера стало еще более нервозным, когда 3-Джейн была выношена в чреве очередной суррогатной матери и вышла на свет посредством кесарева сечения в хирургическом отсеке «Блуждающего огонька». Критики соглашались: 3-Джейн явилась для Беккера чем-то вроде спускового крючка. С рождением 3-Джейн фокус документального фильма незаметно сместился, являя новое усиление напряженности, прогрессию одержимости — как бы некое чувство греха, что отмечали многие критики.

3-Джейн стала центром внимания, капризной жилкой золота в гранитном массиве семьи. Нет, подумала Энджи, не золота, а серебра, тусклого и сумасбродного. Изучая снимок 3-Джейн и

двух ее сестер, сделанный китайским туристом у озера возле какого-то отеля во Фрисайде, Беккер неизменно возвращается к глазам 3-Джейн, рассматривает выемку ключицы, хрупкие запястья. Физически сестры совершенно идентичны, и все же нечто выделяет 3-Джейн. И попытка Беккера докопаться до природы этой особенности превращается в основной посыл всего фильма.

По мере того как расширяется орбитальный архипелаг, Фрисайд процветает. Банковский узел, публичный дом, убежище данных, нейтральная территория для враждующих корпораций — веретено начинает играть все более сложную роль в истории высокой орбиты; тем временем владельцы «Тессье-Эшпул СА» скрываются еще за одну стену, на этот раз — дочерних корпораций. Имя Мари-Франс ненадолго всплывает в связи с разбирательством в женевском патентном суде по поводу определенных достижений в области создания искусственного интеллекта. Впервые и только на короткое время оглашается информация о широкомасштабном финансировании Тессье-Эшпулами исследований в этом направлении. И вновь семейство проявляет свою уникальную способность исчезать из виду, вступая в еще один период забвения, тот, что

окончится лишь со смертью Мари-Франс.

Постоянно будут ходить слухи об убийстве, но любая попытка расследования натолкнется на богатство и изолированность клана, на сложное переплетение их финансовых и политических связей.

Вторично просматривая фильм Беккера, Энджи уже знала личность убийцы Мари-Франс Тессье.

На рассвете, не зажигая на кухне свет, она приготовила себе кофе и села смотреть на бледную линию прибоя.

— Континьюити.

— Здравствуй, Энджи.

— Ты знаешь, как связаться с Гансом Беккером?

— У меня есть номер телефона его агента в Париже.

— Беккер что-нибудь снял после «Антарктики»?

— Насколько мне известно, ничего.

— А как давно это было?

— Пять лет назад.

— Спасибо.

— Пожалуйста, Энджи.

— До свидания.

— До свидания, Энджи.

Уж не считал ли Ганс Беккер, что 3-Джейн повинна в смерти Эшпула? Казалось, он неким окольным путем внушал эту мысль.

— Континьюити.

— Здравствуй, Энджи.

— Фольклор компьютерных жокеев, Континьюити. Что ты об этом знаешь?

Интересно, что подумает Свифт, спросила она себя.

— Что бы тебе хотелось знать, Энджи?

— «Когда Все Изменилось»…

— Архетип мифа встречается обычно в одной из двух версий. Одна версия предполагает, что матрица киберпространства населена — или, скорее, посещаема — некими существами, чьи характеристики соответствуют первичному архетипу «скрытого народа». Другая основана на предположении о вездесущности, всесильности и непостижимости самой матрицы.

— То есть, что матрица есть Бог?

— Можно сказать и так, хотя в рамках архетипа точнее было бы говорить о том, что у матрицы есть Бог, поскольку вездесущность и всесильность этого существа ограничивается матрицей.

— Если у него есть ограничения, он не всесилен.

— Вот именно. Обрати внимание: архетип не наделяет его бессмертием, что обычно присуще религиозным системам, основанным на вере в высшее существо, — по крайней мере, в рамках именно вашей культуры. Киберпространство существует — если, конечно, можно употребить слово «существует» — лишь благодаря деятельности людей.

— Как ты.

— Да.

Энджи вернулась в гостиную, где в сером рассветном свете очертания кресел эпохи Людовика XVI стали чем-то похожи на скелеты: их изогнутые ножки напоминали позолоченные кости.

— Если бы подобное существо имелось в действительности, — спросила она, — ты был бы его частью, так?

— Да.

— И ты знал бы об этом?

— Не обязательно.

— Ты знаешь?

— Нет.

— Ты исключаешь такую возможность?

— Нет.

— Тебе не кажется, что это довольно странный разговор, Континьюити?

Ее щеки были мокрыми от слез, хотя она и не заметила, когда они начали течь.

— Нет.

— Как вписываются истории о… — Она помедлила, едва не сказав слово «лоа». — О существах в матрице… как они уживаются с представлением об этом сверхсуществе?

— Никак. И то и другое — лишь версии события, известного как «Когда Все Изменилось». И та и другая версии очень недавнего происхождения.

— Точнее?

— Приблизительно пятнадцать лет.

Глава 17

Дерганый город[93]

Девочка проснулась, почувствовав, что рот ей зажимает холодная ладонь Салли. Другая рука жестом призывала к молчанию.

Горели мелкие лампочки, встроенные в зеркало с золотыми искорками. Один из ее чемоданов был открыт и стоял в ногах гигантской кровати,

---

[93] Примечания: 93

«Jump City» — композиция джазового пианиста Бада Пауэлла с альбома «Strictly Powell», выпущенного *Bud PowellT rio* в 1957 г.

рядом с ним — аккуратная стопка одежды.

Салли прикоснулась указательным пальцем к плотно сжатым губам, потом жестом указала на одежду и чемодан.

Кумико выскользнула из-под пухового одеяла и, спасаясь от холода, натянула свитер. Снова взглянув на Салли, она заколебалась, не заговорить ли ей вслух. Что бы это ни было, подумала она, достаточно одного слова, и появится Петал. Салли была одета так же, как в последний раз, когда Кумико ее видела: дубленка с барашковым воротником, под подбородком завязан клетчатый шарф. Она повторила жест: собирай вещи.

Быстро одевшись, Кумико начала укладывать одежду в чемодан. Салли беспокойно, но и бесшумно ходила по комнате, открывала и закрывала ящик за ящиком. Отыскав паспорт Кумико, черную пластиковую табличку на нейлоновом шнурке с рельефной золотой хризантемой, повесила ее на шею девочке. Потом скрылась в фанерной каморке, чтобы появиться с замшевым несессером с туалетными принадлежностями Кумико.

Когда Кумико застегивала чемодан, зазвонил золоченый антикварный телефон.

Салли проигнорировала звонок, взяла с посте-

ли чемодан, открыла дверь и, схватив Кумико за руку, потянула ее в темный коридор. Отпустив ее руку, Салли прикрыла за ними дверь, заглушив телефон и оставив их в полной темноте. Кумико позволила провести себя к лифту — его она узнала по запаху масла и полироля, позвякиванию металлической решетчатой двери.

Лифт пошел вниз.

В ярко освещенной прихожей их ждал Петал, закутанный в необъятных размеров выцветший шерстяной халат. На Петале были все те же драные шлепанцы, выглядывающие из-под халата ноги казались неестественно белыми. В руках у него был пистолет — тупорылое оружие отблескивало тускло-черным.

— Черт побери, — увидев их, мягко проговорил он, — это еще что такое?

— Она поедет со мной, — бросила Салли.

— Это, — медленно произнес англичанин, — совершенно невозможно.

— Куми, — Салли легонько подтолкнула девочку в спину, выпроваживая ее из лифта, — нас ждет машина.

— Ты не можешь так поступить, — сказал Петал. Но Кумико почувствовала, что он растерян.

— Тогда пристрели меня, мать твою.

Петал опустил пистолет.

— Это меня чертов Суэйн пристрелит, если все выйдет по-твоему, можешь мне поверить.

— Будь он здесь, он оказался бы в таком же положении, верно?

— Пожалуйста, — попросил Петал, — не надо.

— Не волнуйся, с ней все будет в порядке. Открой дверь.

— Салли, — спросила Кумико, — куда мы едем?

— В Муравейник.

…И проснулась снова, осознав, что дремала, пригревшись под Саллиной дубленкой, убаюканная мягкой вибрацией сверхзвукового полета. Кумико вспомнила огромный приземистый автомобиль, который ждал их на подъездной дорожке. Когда Салли и она вышли на тротуар, с фасадов Суэйновых зданий полоснули лучи прожекторов. В окне машины мелькнуло залитое потом лицо Тика. Салли рывком распахнула дверцу и втолкнула девочку внутрь. Тик тихонько и без умолку чертыхался все то время, пока машина набирала скорость; жалобно взвизгнули шины, когда он слишком резко свернул на Кенсингтон-Парк-роуд. Салли посоветовала ему сбросить скорость и отдать управление автомату.

Только тут, в машине, Кумико вспомнила, что

положила модуль «Маас-Неотек» на место — в тайник за мраморным бюстом. Со всеми своими лисьими повадками и курткой, протертой на локтях, как и шлепанцы Петала, Колин остался позади — теперь всего лишь призрак, чем он, в сущности, и был.

— Сорок минут, — сказала Салли с соседнего кресла. — Хорошо, что ты поспала. Скоро нам принесут завтрак. Помнишь, на какое имя у тебя паспорт? Прекрасно. А теперь не задавай мне никаких вопросов, пока я не выпью кофе, идет?

Кумико знала Муравейник по тысячам стимов. Повальное увлечение этим необъятным городским конгломератом стало в последнее время характерной чертой японской массовой культуры.

А вот об Англии у Кумико почти не было мнения до того, как она туда попала: смутные образы каких-то знаменитых сооружений, неотчетливое представление об обществе, считавшемся на взгляд японского общества как будто эксцентрично-патриархальным и застойным. (В сказках ее матери принцесса-балерина всегда с удивлением обнаруживала, что англичанам ее танцы не по карману.) Однако Лондон во многом оказался совсем другим, нежели она ожидала, — ее поразили

энергия города, его очевидное изобилие, а суета и великолепие больших торговых улиц сильно напомнили Гиндзу.

Девочка считала, что уж о Муравейнике она знает немало, но и это убеждение развеялось в первые же часы после прибытия их рейса.

Она, Салли и другие пассажиры стояли в очереди посреди огромного гулкого зала таможни, потолок которого уходил куда-то во тьму. Эту тьму через равные промежутки прорывали бледные сферы света. Вокруг шаров, несмотря на зиму, клубился рой мошкары, как будто здание обладало собственным климатом. Но пока еще это был Муравейник из стимов, каким она его себе представляла. Чувственно-электрический фон для проигрываемых на ускоренной перемотке жизней Анджелы Митчелл и Робина Ланье.

Прошли таможню. Сам досмотр, несмотря на бесконечное ожидание в очереди, заключался лишь в том, что ее паспорт пропустили сквозь грязноватую металлическую прорезь. И дальше — в сумасшедшую суету на бетонной платформе, где багажные роботележки медленно бороздили толпу, которая галдела и напирала, осаждая наземный транспорт.

Кто-то взял у нее чемоданчик. Протянул руку

и взял с уверенностью, которая говорила, что этот человек просто выполняет привычную обязанность, как, скажем, молодые женщины, поклонами приветствующие покупателей в дверях крупных универмагов Токио. А Салли вдруг ударила его ногой. Ударила под колено, стремительно и плавно крутанувшись на месте, как тайская боксерка в бильярдной Суэйна. Выхватила чемоданчик еще до того, как затылок незнакомца с резким стуком ударился о грязный бетон.

Салли потянула девочку за собой, не дожидаясь, когда над неподвижной фигурой сомкнется толпа. Эта вспышка насилия, со стороны выглядевшая так небрежно, могла бы показаться сном — если бы не улыбка Салли, первая с тех самых пор, как они вылетели из Лондона.

Сбитая с толку Кумико безвольно смотрела, как Салли производит осмотр имеющихся машин. А та быстро дала взятку диспетчеру, нагнала страху на очередь — и затолкала девочку в потрепанный ховер в косую черно-желтую полоску. Отделение для пассажиров было голым и выглядело исключительно неудобным. Водитель, если он вообще был, оставался невидимым за изогнутой перегородкой из пластиковой бро-

ни. Там, где перегородка смыкалась со стенкой, торчал объектив видеокамеры, вокруг которого кто-то нарисовал мужской торс: объектив выступал в роли фаллоса. Когда Салли, забравшись внутрь, захлопнула за собой дверцу, динамик проскрежетал что-то вовсе уж неразборчивое. Кумико решила, что это какой-нибудь диалект английского.

— Манхэттен, — приказала Салли.

Она достала из куртки пачку бумажных денег и, развернув веером, помахала ею перед камерой.

Динамик вопросительно затрещал.

— В центр. Скажу, где остановиться.

Юбка воздушной подушки надулась, свет в пассажирском отделении погас, и они тронулись в путь.

Глава 18

Тюремный срок

Он на чердаке у Джентри. Смотрит, как Черри, сидя на краю кровати, нянчится с ковбоем. Она поворачивается к нему:

— Как ты, Слик?

— В порядке… я в порядке.

— Ты помнишь, что я тебя об этом уже спрашивала?

Он смотрит в лицо человека, которого Малыш Африка называл Графом. Черри возится с чем-то у встроенной в изголовье носилок стойки, с какой-то капельницей; в ней — жидкость цвета овсянки.

— Как ты себя чувствуешь, Слик?

— Нормально.

— Никакое не нормально. Ты все время забы…

Он сидит на полу на чердаке у Джентри. Лицо мокрое. Рядом с ним — Черри; она стоит на коленях, очень близко, ее руки у него на плечах.

— Ты сидел?

Он кивает.

— В блоке химкоррекции?

— Да…

— Индуцированный синдром Корсакова?

Он…

— Фрагментами? — спрашивает его Черри.

Слик сидит на полу на чердаке у Джентри. А где сам Джентри?

— Ты помнишь все фрагментами, да? А кратковременные воспоминания исчезают напрочь?

Откуда она это знает? И где Джентри?

— И от чего это включается?

— Что включает синдром, Слик? Что с тобой делали в тюрьме?

Он сидит на полу на чердаке у Джентри; Черри чуть ли не уселась на него верхом.

— Стресс, — выдавливает он, удивляясь, откуда она это знает. — Где Джентри?

— Я уложила его в постель.

— Почему?

— Отрубился, увидев ту штуку…

— Какую?

Черри вдавливает в его запястье розовый дерм.

— Это сильный транк, — говорит она. — Может, выведет тебя из этого…

— Из чего?

Она вздыхает.

— Не важно.

Он просыпается в постели с Черри Честерфилд. Он полностью одет, за исключением куртки и ботинок. Вставший член, прижавшись к теплой джинсовой ткани над задницей Черри, попал в ловушку за пряжкой ремня.

— Даже не думай.

Зимний свет сквозь залатанное окно, и если

откроешь рот — белым облачком вылетает дыхание.

— Что случилось?

И почему в комнате так холодно? Он вспоминает вопль Джентри, когда серое нечто устремилось на него…

Слик поспешно садится.

— Потише, — говорит Черри, перекатываясь на спину. — Ляг. Не знаю, что это было, что вызвало срыв.

— Ты о чем?

— Ложись обратно. Забирайся под одеяло. Хочешь совсем замерзнуть?

Он слушается.

— Ты был в тюрьме, так? В блоке химкоррекции?

— Да… А ты откуда знаешь?

— Ты же сам мне и сказал. Прошлой ночью. Ты говорил, что от стресса могут быть рецидивы. Так оно и случилось. Это нечто прыгнуло на твоего приятеля, ты бросился к рубильнику, отключил стол. Джентри упал и разбил себе голову. Я бинтовала рану, когда заметила, что с тобой творится что-то неладное. Сообразила, что у тебя память не держит ничего дольше пяти минут. Такое бывает при стрессе или иногда при контузии…

— Где он? Джентри?

— У себя в койке, облеплен транками. Учитывая то, в каком он состоянии, я решила, что денек сна ему не помешает. Во всяком случае, под ногами путаться не будет.

Слик закрыл глаза и вновь увидел перед собой серое нечто, набросившееся на Джентри. Человекообразное или, скорее, похожее на обезьяну. Оно ничем не напоминало те завивающиеся спиралью образы, какие генерировали устройства Джентри в его предыдущих поисках Образа.

— Думаю, у вас тут вырубилось электричество, — сказала Черри. — Свет погас часов шесть назад.

Слик открыл глаза. Джентри не успел добраться до консоли, чтобы свершить свой обычный ритуал. Слик застонал.

Оставив Черри готовить на газовой плитке кофе, Слик отправился на поиски Пташки. Нашел он его по запаху дыма. Пташка развел костер в каком-то железном баке и заснул, свернувшись вокруг него по-собачьи.

— Эй, — позвал его Слик, легонько подталкивая парнишку носком сапога, — вставай. У нас проблемы.

— Долбаный ток вырубили, — пробормотал тот

в ответ, садясь в засаленном спальном мешке, таком же грязном, как пол в цеху Фабрики.

— Я заметил. Ток — это проблема номер один. Проблема номер два — нам нужен грузовик, или ховер, или что-то вроде того. Нужно убрать отсюда этого парня. Иначе Джентри совсем посыпется.

— Но только Джентри и может добыть ток. — Пташка, поеживаясь, поднялся на ноги.

— Джентри спит. У кого есть фургон?

— У Марви, — выдавил Пташка и затрясся в приступе кашля.

— Возьми мотоцикл Джентри. Привезешь его потом обратно в фургоне. Двигай.

Пташка кое-как справился с приступом:

— Серьезно, че ли?

— Ты ведь знаешь, как на нем ездить?

— Да, но Джентри, он…

— Я с ним разберусь. Ты знаешь, где он держит запасной ключ?

— Ну… да, — пугливо протянул Пташка. — Скажи, — спросил он, — а что, если Марви не захочет дать мне фургон?

— Дашь ему вот это, — сказал Слик, вытаскивая из кармана зиплок с наркотиками; его забрала у Джентри Черри, перевязав тому голову. — Отдай

ему все, понял? Я потом проверю.

Бипер Черри подал голос, когда они, приткнувшись друг к другу на краю кровати в комнате Слика, пили кофе. Слик отвечал на ее вопросы, рассказывал ей что знал о синдроме Корсакова. Он никому об этом по-настоящему не рассказывал, и странно — как мало на самом деле он знал. Он рассказал ей о предыдущих рецидивах, потом попытался объяснить, как работала эта система в тюрьме. Фокус был в том, что долгосрочная память сохраняется до того момента, пока тебя не сажают на препарат. В общем, прежде чем начинаешь мотать срок, тебя сперва учат что-то делать, потому этого уже не забудешь и на химкоррекции. Правда, делаешь в основном то, с чем и роботы бы управились. Слика вот натаскивавали собирать миниатюрные зубчатые передачи. Как только он стал укладываться в пять минут, пошел срок.

— И больше ничего не делали? — спросила она.

— Только эти зубчатые передачи.

— Нет, я имею в виду, никаких там замков, ловушек в мозгу?

Он посмотрел на нее. Язва на губе у девушки почти зажила.

— Если и было что-то такое, тебе об этом не сообщают, — сказал он.

И тут в одной из ее курток застрекотал бипер.

— Что-то стряслось, — сказала она, вскакивая с кровати.

Джентри стоял на коленях возле носилок с чем-то черным в руках. Черри выхватила у него эту штуковину, прежде чем он успел хотя бы пошевелиться. Джентри не двинулся с места, недоуменно щурясь на девушку.

— Это сколько же нужно, чтобы тебя вырубить, мистер? — Она протянула Слику черный предмет, оказавшийся камерой для идентификации по сетчатке глаза.

— Нам нужно выяснить, кто он, — сказал Джентри.

Его голос был хриплым и низким от всех дермов с депрессантами, которые Черри на него налепила, но Слик почувствовал, что опасная грань безумия отступила.

— Идиот, — кипятилась Черри, — ты даже не знаешь, те ли у него глаза, что были год назад!

Джентри коснулся повязки на виске.

— Вы это тоже видели, правда?

— Да, — ответила Черри, — и Слик эту штуку отключил.

— Все дело в шоке, — объяснил Джентри. — Я и вообразить себе не мог… Но никакой реальной опасности. Я был просто не готов…

— Ты просто выскочил из своего чертова черепа, — сказала Черри.

Джентри нетвердо поднялся на ноги.

— Он уезжает, — сказал Слик. — Я послал Пташку одолжить фургон. Не нравится мне все это.

Черри уставилась на него в упор:

— Куда уезжает? Мне придется ехать с ним. Это моя работа.

— Я знаю одно место, — соврал Слик. — У нас электричество отрубили, Джентри.

— Ты не можешь отвезти его незнамо куда, — сказал Джентри.

— Еще как могу.

— Нет. — Джентри слегка качнуло. — Он остается. Переходники уже на месте. Я не стану его больше беспокоить. Черри может остаться здесь.

— Тогда тебе придется хотя бы в двух словах объяснить, что это за хреновина, Джентри, — сказал Слик.

— Для начала, — Джентри указал на предмет над головой Графа, — никакой это не низкочастотник, не «Эл-Эф». Это — «алеф».

Глава 19

Под ножом[94]

Снова в отеле, не отходняки, а марш смерти, Прайор вводит ее в вестибюль, а японские туристы уже встали и теперь толпятся вокруг скучающих гидов. Шаг, еще шаг, одной ногой, другой, а голова такая тяжелая, будто кто-то просверлил в макушке дыру и залил туда полфунта свинца, и зубы во рту будто чужие — слишком велики. Дополнительная перегрузка тронувшегося вверх лифта вдавливает в пол — Мона без сил приваливается к стенке.

— Где Эдди?

— Эдди уехал, Мона.

С трудом разомкнула веки, глаза широко распахнулись. Сфокусировала взгляд и увидела, что он, ублюдок, опять улыбается.

— Что?

---

[94] Примечания: 94

«Under the Knife» — одноименных песен середины 1980-х было немало (у *Motörhead*, у питтсбургских панков *Half Life* и т. д.), но здесь в первую очередь отсылка к названию клиники косметической хирургии в рассказе самого Гибсона «Джонни Мнемоник» (1981), относящемся к той же вселенной Муравейника: «Девочки в «Под ножом» торчат от Сони Мао…».

— Эдди заплачено. Ему все компенсировали. Он уже на пути в Макао с солидным кредитом в кармане. Этакий милый игорный пикничок.

— Компенсировали?

— Его вложения. В тебя. За все время.

— *За все время?*

Дверь скользит в сторону, открывая устланный синим ковром коридор.

И что-то обваливается холодным комом в груди — Эдди ведь ненавидит азартные игры.

— Ты теперь работаешь на нас, Мона. И нам бы очень не хотелось, чтобы ты снова ушла без спросу.

Но ты же хотел, подумала она, ты же отпустил меня. И знал, где меня искать.

Эдди больше нет…

Мона не помнила, как заснула. На ней все еще была куртка Майкла, теперь подоткнутая под плечи, как одеяло. Даже не поворачивая головы, Мона видела угол здания с верхушкой в виде горы, но снежного барана там не было.

Стимы Энджи были запаяны в пластик. Взяв один наугад, Мона поддела упаковку ногтем большого пальца, вставила кассету в прорезь и надела троды. Она ни о чем не думала, руки, казалось, сами знали, что делать, — добрые маленькие

зверьки, которые никогда не обидят. Один из них коснулся клавиши «Воспр.», и Мона перенеслась в мир Энджи, чище и безупречней любого наркотика… Медленный саксофон, лимузин плывет по какому-то европейскому городу… круговерть улиц, машина без водителя, широкие проспекты предрассветно чисты и безлюдны, прикосновение меха к плечам. И катить, катить по прямой дороге через плоские поля, окаймленные совершенными, одинаковыми деревьями.

А затем поворот, шорох шин по расчесанному граблями гравию, потом вдоль по подъездной аллее — через парк, где серебрится роса, где стоит железный олень, а рядом — мокрый торс из белого мрамора… Дом огромен и стар, не похож ни на один из тех, какие она видела раньше. Но машина проплывает мимо, проезжает еще несколько строений поменьше и выезжает наконец на край широкого ровного поля.

Там стоят на привязи планеры, прозрачная пленка туго натянута на хрупкие с виду поликарбоновые рамы. Планеры слегка подрагивают на утреннем ветерке. А рядом с ними ее ждет Робин Ланье, красивый раскованный Робин в черном свитере грубой вязки — он играет партнера Энджи почти во всех ее стимах.

И вот она выходит из машины, ступает на траву, смеется, когда высокие шпильки сразу же увязают. И остаток пути до Робина — с туфлями в руках, улыбаясь; последний шаг — в его объятия, в его запах, в его глаза.

Ощущения закручиваются вихрем в монтажном танце, который в одну секунду ужимает посадку в планер и старт с электромагнитной катапульты, — и вот они уже мягко скользят над полем травы. Затем взмывают вверх, зависают на мгновение, ловя ветер… Все выше и выше, пока огромный дом не превращается в прямоугольный камушек в зеленой пелене, прорезанной тусклым серебром речной излучины…

…и Прайор с рукой на клавише «Стоп». От запаха еды с тележки возле кровати у Моны сводит желудок. Тупая тошнотворная боль ломает каждый сустав.

— Поешь, — доносится голос Прайора. — Мы скоро уезжаем.

Он поднял металлическую крышку с одного из блюд.

— Клаб-сэндвич, — сказал он, — кофе, пирожные. То, что доктор прописал. Попав в клинику, ты какое-то время не сможешь есть.

— В клинику?

— К Джеральду. Это в Балтиморе.

— Зачем?

— Джеральд — хирург-косметолог. Над тобой немного поработают. Если захочешь, все это потом можно будет вернуть обратно, но нам кажется, тебя обрадуют результаты, очень обрадуют. — Опять эта улыбка. — Мона, тебе когда-нибудь раньше говорили, насколько ты похожа на Энджи?

Мона подняла на него глаза, но ничего не ответила. С трудом села, чтобы выпить немного водянистого черного кофе. Не смогла заставить себя даже взглянуть на сэндвич, но съела одно из пирожных. Вкус у него был картонный.

Балтимора. Черт его знает, где это.

А планер навсегда завис над приручeнной зеленой страной, мех на плечах, и Энджи, должно быть, все еще там, смеется…

Час спустя, в вестибюле, пока Прайор подписывал счет, Мона случайно увидела, как мимо на багажной роботележке проезжают знакомые чемоданы из кожи клонированных крокодилов. В этот момент она отчетливо осознала, что Эдди мертв.

Место, которое Прайор назвал Балтиморой. На

вывеске — надпись, выведенная крупными старомодными буквами. Офис Джеральда располагался на четвертом этаже блочного кондоминиума. Это было одно из тех зданий, где строится лишь каркас, а обитатели — жильцы или коммерсанты — привозят собственные модули и оборудование. Похоже на многоэтажный кемпинг для трейлеров, только повсюду провода, оптоволоконные кабели, трубы канализации и водоснабжения.

— Что там написано? — спросила она Прайора.

— Джеральд Цзинь, дантист.

— Ты же говорил, что он хирург-косметолог.

— Так оно и есть.

— А почему нельзя просто пойти в бутик, ну, как все?

Он не ответил.

Она теперь и вправду мало что чувствовала и даже отчасти понимала, что не так испугана, как надо бы. Впрочем, может, это не так уж и плохо, потому что если она по-настоящему испугается, то ничего не сможет предпринять, а ей определенно хотелось выпутаться из этой истории. В машине по дороге сюда она обнаружила в кармане куртки Майкла какой-то предмет. Десять минут ушло у нее на то, чтобы сообразить: это шокер, такой обычно носят при себе особо дер-

ганые пиджаки. На ощупь он напоминал ручку отвертки с парой тупых металлических рожек там, где у отвертки жало. Заряжался он, должно быть, от розетки, и оставалось только надеяться, что Майкл держал его заряженным. Тут Мона сообразила, что Прайор, скорее всего, не знает о шокере. Обычно такие игрушки вполне легальны, поскольку считается, что ими нельзя нанести серьезный вред, но Ланетта знала девчонку, которую однажды изрядно обработали такой вот штукой, — и она никогда уже не поправилась.

Если Прайор не знает, что у нее в кармане шокер, значит ему не все на свете известно, а ведь он специально пытается заставить ее поверить в его всеведение. Опять же, он ведь не знал, насколько Эдди ненавидит азартные игры.

И к Эдди она особых чувств не испытывала, разве что по-прежнему была уверена, что он мертв. Сколько бы ему ни всучили, он бы все равно не бросил свои чемоданы. Даже если бы пошел покупать новые шмотки, чтобы сменить прикид полностью. Эдди ни о чем так не пекся, как об одежде. А эти крокодиловые чемоданы вообще были особенными: он взял их у гостиничного вора в Орландо, и они, по сути, заменяли ему дом. Если вдуматься, трудно себе представить,

чтобы Эдди вообще купился на какие-то — пусть даже очень большие — отступные, ведь сильнее всего на свете ему хотелось поучаствовать в какой-нибудь крупной игре. Он считал, что, как только это случится, люди начнут воспринимать его всерьез.

«Вот и дождался — наконец кто-то воспринял его всерьез, — подумала Мона, когда Прайор вносил ее сумку в клинику Джеральда. — Только совсем не так, как хотелось Эдди».

Мона оглядела двадцатилетней давности пластиковую мебель, кипы журналов со звездами симстима и японским текстом. Как в парикмахерской. Только никакие клиенты в приемной не ждали, и за регистрационным столиком тоже никого не было.

Тут через белую дверь вошел Джеральд, одетый во что-то вроде комбинезона из жесткой складчатой фольги, вроде тех, какие носят санитары «скорой помощи», выезжающие на дорожные аварии.

— Запри дверь, — бросил он Прайору сквозь синюю бумажную маску, закрывающую нижнюю половину лица. — Привет, Мона. Будь так добра пройти сюда… — Он жестом указал на белую дверь.

Она в отчаянии сжала в руке шокер, но не знала, как его включить.

Ничего не оставалось, кроме как последовать за Джеральдом. Шествие замыкал Прайор.

— Присядь, — предложил Джеральд.

Она села на белый эмалированный стул. Джеральд подошел ближе, заглянул ей в глаза.

— Тебе надо отдохнуть, Мона. Ты устала, совсем измучена.

На ручке шокера — ребристый рычажок. Нажать? Сдвинуть вперед? Назад?

Джеральд отошел к белому шкафчику с множеством ящиков, что-то вынул.

— Вот, — сказал он, направляя на нее какой-то цилиндрик с надписью на боку, — это тебе поможет…

Она почти не ощутила прикосновения струи мельчайших аэрозольных брызг. Черная дырочка на баллончике — то самое место, на котором стремился сфокусироваться ее взгляд, — начала расти, расти…

Мона вспомнила: однажды старик показывал ей, как убивать сома. У рыбины есть такое отверстие в черепе, прикрытое только кожей. Нужно взять что-нибудь тоненькое и острое, проволоку, например, подойдет даже прут из веника, и про-

сто проткнуть, сунуть внутрь…

Мона вспомнила: Кливленд, обычный день перед работой. Она сидит у Ланетты, листает журнал. Нашла снимок Энджи: звезда смеется в ресторане с какими-то людьми, все так красивы, и кажется, будто от них исходит сияние. На снимке никакого сияния, конечно, нет, но ты знаешь, что оно есть, ты его просто чувствуешь. Взгляни, говорит она Ланетте, показывая снимок, от них как будто сияние исходит.

Это называется деньги, отвечает Ланетта.

Это называется деньги. Сунуть внутрь.

Глава 20

Хилтон Свифт

Хилтон — впрочем, как и всегда — прибыл один и без предупреждения. Похожий на одинокую, залетевшую сюда случайно осу, вертолет «Сенснета» приземлился на пляже, разметав по мокрому песку плети водорослей.

Стоя у изъеденных ржавчиной перил, она смотрела, как Свифт спрыгивает на землю — что-то мальчишеское сквозило в том, как он едва не

споткнулся от своей неуемной прыти. Коричневое твидовое пальто нараспашку открывало безупречную чистоту полосатой, как карамелька, рубашки; поднятый пропеллером ветер трепал русые волосы и галстук с эмблемками «Сенснета». Робин прав, решила она, Хилтон действительно выглядит так, как будто его одевает мамочка.

Возможно, это просчитанный имидж, наигранная наивность, думала Энджи, пока, увязая в песке, продюсер карабкался вверх по пляжу. Она вспомнила, как однажды Порфир развивал теорию о том, что крупные корпорации на самом деле никак не зависят от отдельных человеческих единиц, составляющих их тело. Энджи это казалось само собой разумеющимся, но парикмахер настаивал, что она не улавливает главную его мысль. Свифт был самой значительной из этих Порфировых «человеческих единиц», наделенных властью принимать решения в «Сенснете».

Мысль о Порфире заставила ее улыбнуться. Свифт же, приняв это за приветствие, в ответ просиял от радости.

Он предложил ей ланч в Сан-Франциско; мол, на служебном вертолете они домчат туда в момент. Она отказалась, настояв на том, чтобы развести ему миску супа из швейцарского концентрата и

разморозить в микроволновке кирпич ржаного хлеба на закваске.

Глядя, как Хилтон ест, Энджи задумалась о его сексуальной жизни. Хотя ему было далеко за тридцать, продюсер производил впечатление мальчика-вундеркинда, не достигшего половой зрелости. Возникавшие время от времени слухи приписывали ему по очереди все возможные из известных сексуальных наклонностей и еще несколько, которые, по ее мнению, существовали лишь в воображении сплетников. Все это казалось Энджи маловероятным. Она знала Свифта с тех пор, как попала в «Сенснет». Когда она появилась, он уже занимал прочное положение в верхушке производственного отдела, был одним из воротил в команде Тэлли Ишем. Естественно, что такой человек не мог не проявить профессиональный интерес к дебютантке. Если вдуматься, то это, пожалуй, Легба подсунул ее продюсеру: взлет его карьеры был слишком уж очевиден, хотя сама она тогда, наверное, могла и не понимать этого, оглушенная блеском и постоянной сменой статистов и декораций на подмостках «Сенснета».

Бобби, тут же решив, что ему этот человек не нравится, ощетинился врожденной враждебно-

стью барритаунца по отношению к любой власти. Но ему удавалось это скрывать ради ее карьеры. Свифт же встретил их разрыв и отъезд Бобби с явным облегчением.

— Хилтон, — сказала Энджи, наливая ему чашку чая на травах, который он предпочитал кофе, — что может задерживать Робина в Лондоне?

Свифт поднял глаза от дымящейся чашки:

— Думаю, что-то личное. Может, нашел себе нового друга.

Для Хилтона Бобби всегда был «другом» Энджи. «Друзья» же Робина были, как правило, молодыми и спортивными. Сглаженные эротические эпизоды в их стимах с Робином монтировались из дополнительного метража, подготовленного Континьюити и основательно обработанного впоследствии Рэбелом и его командой по спецэффектам. Энджи вдруг вспомнила ночь, которую они с Робином провели вместе в каком-то доме на южном побережье Мадагаскара, его пассивность и терпение, бьющийся в стену ветер. Это была первая и последняя их попытка, и Энджи подозревала, что Робин просто боится, как бы физическая близость не развеяла иллюзию, которую с таким совершенством проецировал стим.

— Как он отнесся к моему решению лечиться?

Он тебе что-нибудь говорил, Хилтон?

— Думаю, он в восторге.

— А мне передали, будто он рассказывает всем и каждому, что я сумасшедшая.

Хилтон закатал рукава полосатой рубашки и распустил галстук.

— Да у Робина даже в мыслях такого не может быть, не то что на языке. Я знаю, как высоко он тебя ценит. А слухи, они и есть слухи. У нас в «Сенснете»…

— Хилтон, где Бобби?

Взгляд его карих глаз будто остановился.

— А разве с этим не покончено, Энджи?

— Хилтон, ты знаешь. Ты должен знать. Тебе положено знать такие вещи. Скажи мне.

— Мы его потеряли.

— Потеряли?

— Его потеряла служба безопасности. Ты права, конечно: после того, как он тебя оставил, за ним, насколько это было возможно, велось тщательное наблюдение. Он вернулся к прежнему образу жизни, — сказал Свифт с оттенком удовлетворения.

— И что же это за образ?

— Я никогда не спрашивал, что вас свело, — ответил продюсер. — Естественно, служба безопас-

ности провела расследование в отношении вас обоих. Он был мелким преступником.

Энджи рассмеялась:

— Он даже на такое не тянул…

— Для человека ниоткуда, Энджи, у тебя были исключительно ловкие агенты, настоящие профессионалы. Тебе ведь известно, что ключевым условием твоего контракта было включение в команду Бобби Ньюмарка.

— Бывали и более странные условия, Хилтон.

— И он получал оклад как твой… компаньон.

— Мой друг.

Неужто Свифт действительно покраснел? Он отвел глаза и уставился на свои руки.

— Оставив тебя, он уехал в Мексику, точнее — в Мехико. Естественно, служба безопасности отслеживала все его передвижения. Мы не любим терять из виду тех, кто слишком много знает о личной жизни наших звезд. Мехико… там все очень запутано… Мы точно знаем, что он, судя по всему, пытался вернуться к своей предыдущей… карьере.

— Делать деньги на информации, мошенничать через киберпространство?

Он снова поднял на нее глаза:

— Он встречался кое с какими людьми, про-

мышляющими в этой области, известными преступниками.

— И?… Продолжай.

— Потом он… словно растворился. Исчез. Ты хоть немного представляешь себе, что такое Мехико для тех, кто соскользнул за черту бедности?

— А он нуждался?

— Он стал наркоманом. Если верить нашим источникам.

— Наркоманом? И что же он употреблял?

— Я не знаю.

— Континьюити!

Хилтон едва не пролил чай.

— Здравствуй, Энджи.

— Бобби, Континьюити. Бобби Ньюмарк, мой друг, — глядя в упор на Свифта, сказала девушка. — Он уехал в Мехико. Хилтон говорит, он там на что-то подсел. На какой наркотик, Континьюити?

— Извини, Энджи. Это засекреченная информация.

— Хилтон!

— Континьюити, — начал было тот, но закашлялся.

— Здравствуй, Хилтон.

— Служебный канал, Континьюити. У нас име-

ется такая информация?

— Источники службы безопасности описывают пристрастие Ньюмарка как нейроэлектронное.

— Не понимаю.

— Вроде этих… гм-м… подключенцев, — пояснил Свифт. — Электронная стимуляция мозга.

Энджи внезапно захотелось рассказать Свифту, как она нашла наркотики и инъектор.

Тише, дитя, спокойнее. Голова наполнилась пчелиным гудением… давление изнутри.

— Энджи? Что с тобой? — Он приподнялся со стула, протягивая к ней руку.

— Ничего. Я… расстроена. Извини. Просто нервы. Ты тут ни при чем. Я собиралась рассказать тебе, что нашла киберпространственную деку Бобби. Но ведь ты уже об этом знаешь, правда?

— Может, тебе что-нибудь принести? Воды?

— Нет, спасибо, но, если ты не возражаешь, я ненадолго прилягу. У меня есть кое-какие идеи насчет съемок на орбите, так что хотелось бы услышать твой совет…

— Конечно, конечно. Подремли, а я пока пойду погуляю по пляжу, мы побеседуем потом.

Она наблюдала за ним из окна спальни, смотрела, как коричневая фигурка, делаясь все меньше и меньше, удаляется в направлении Колонии,

сопровождаемая маленьким терпеливым «дорнье».

На пустом пляже он казался ребенком и выглядел таким же потерянным, какой она себя чувствовала.

Глава 21

«Алеф»

Когда поднялось солнце — электричества все еще не было, — чердак Джентри залило утренним светом. Зимние лучи смягчили очертания консолей и проекционного стола, выявили фактуру корешков старинных книг, заполнявших прогнувшиеся фанерные полки вдоль западной стены. Джентри, не переставая говорить, мерил шагами чердак, петушиный хвост светлых волос подскакивал всякий раз, когда он резко разворачивался на каблуках своих черных ботинок. Возбуждение Джентри, похоже, успешно противостояло остаточному действию Черриных снотворных дермов. Сама Черри сидела на краю кровати, наблюдая за ковбоем, и время от времени бросала осторожные взгляды на показатели датчика зарядки батарей, укрепленного на краю

носилок. Слик пристроился на колченогом стуле, который раскопал где-то на Пустоши. Импровизированная набивка из скомканной рваной одежды была обтянута прозрачной пленкой.

К облегчению Слика, Джентри на этот раз опустил привычную белиберду по поводу Образа и прямиком окунулся в свою теорию об «алефе». Как всегда, стоило Джентри завестись, он использовал такие слова и конструкции, что Слик лишь с большим трудом понимал, о чем идет речь, но он по опыту знал, что ковбоя лучше не прерывать. Фокус состоял в том, чтобы выловить из общего потока фраз подобие смысла, пропуская непонятные куски.

Джентри сказал, что Граф подключен, грубо говоря, к гигантскому микрософту. По его мнению, серый брусок в изголовье — это один цельный биочип размерами с приличный булыжник, и тогда объем памяти у этой штуковины практически безграничен. «Алеф» было бы немыслимо дорого изготовить, продолжал Джентри, странно, если кто-то вообще решится на такое, но ходят слухи, что подобные вещи существуют и находят себе применение, особенно для хранения гигантских объемов конфиденциальной информации. Не имея связи с глобальной матрицей, эти данные

фактически неуязвимы к любой атаке через киберпространство. Загвоздка, однако, в том, что, поскольку в «алеф» нет доступа через матрицу, это как бы мертвая память.

— У него там может быть все что угодно, — сказал Джентри, остановился и заглянул в пустое лицо. Потом круто повернулся на каблуках и снова начал шагать взад-вперед. — Некий мир. Много миров. Сколько угодно конструктов разных личностей…

— Как будто он живет в стиме? — спросила Черри. — Вот почему он всегда в фазе быстрого сна?

— Нет, — сказал Джентри, — это не симстим. Эта штука полностью интерактивна. Все дело в масштабах. Если это биософт класса «алеф», у него там может быть все что угодно. В некотором смысле эта штука может давать доступ *буквально ко всему на свете*…[95]

— Если я правильно поняла, — сказала Черри, — этот парень платил Малышу Африке за то, чтобы оставаться в таком состоянии. Что-то вроде электронной стимуляции мозга, но не совсем.

---

[95] Примечания: 95

Ср.: «…Алеф — одна из точек пространства, в которой собраны все прочие точки. á…ñ Место, в котором, не смешиваясь, находятся все места земного шара, и видишь их там со всех сторон» (Х. Л. Борхес. Алеф. Перев. Е. Лысенко).

Подключенцы же не торчат так в БДГ-фазе…

— Но когда ты попытался вывести его программу на свою консоль, — рискнул вставить Слик, — то получил… нечто.

Он увидел, как плечи Джентри напряглись под вышитой бисером кожей куртки.

— Да, — мрачно ответил Джентри, — а теперь мне надо разобраться с «Ядерной комиссией». — Он указал на аккумуляторы бесперебойного питания, уложенные под стальным столом. — Достань-ка мне их.

— Н-да, — протянула Черри, — самое время. У меня уже задница отмерзает.

Оставив Джентри согнувшимся над киберпространственной декой, они вернулись в комнату Слика. Черри настояла на том, чтобы подключить электроодеяло Джентри к одному из аккумуляторов и накрыть лежащего на носилках. На газовой плитке еще оставался холодный кофе; Слик допил его, не разогревая. Черри смотрела в окно на занесенную снегом Пустошь.

— Как оно стало так? — рассеянно спросила девушка.

— Джентри говорит, что лет сто назад тут затеяли проект по землеустройству. Завезли тонны чернозема, но так ничего и не выросло. Бульшая

часть земли оказалась токсичной. Затем дождь смыл почвенный слой. Думаю, они сдались и начали сбрасывать сюда все больше дерьма. Здешнюю воду пить нельзя: полным-полно полихлорбифенилов[96] и всего остального.

— А как насчет кроликов, на которых охотится этот ваш птичий мальчик?

— Они к западу отсюда. На Пустоши я никогда их не видел. Здесь даже крыс нет. Во всяком случае, любое мясо, какое здесь удастся достать, приходится проверять и проверять.

— Но птицы тут есть.

— Они только устраиваются на ночевку, а кормиться улетают куда-то еще.

— А что у тебя с Джентри? — Она все еще смотрела в окно.

— В смысле?

— Сперва я решила, что вы голубые. Ну, вместе живете.

— Нет.

— Но все выглядит так, будто вы друг в друге

---

[96] Примечания: 96

Полихлорбифенил — опасный канцероген, широко использовавшийся в технических жидкостях (добавки к маслам, смазочным материалам, краскам, гидравлическим и трансформаторным жидкостям и т. п.) и до 1980-х гг. не считавшийся стойким загрязнителем, так что жидкости с ним сливались бесконтрольно. Почва, куда попал ПХБ, останется отравленной на столетия.

нуждаетесь…

— Это его дом, Фабрика то есть. А он разрешает мне тут жить. Я… должен жить здесь. Чтобы работать.

— Собирать эти штуки внизу?

Зажглась лампочка в конусе из желтого ньюсфакса, защелкал вентилятор в обогревателе.

— Ну, может, он и псих, — протянула Черри, присаживаясь на корточки перед обогревателем и одну за другой расстегивая свои куртки, — но только что сделал хоть что-то разумное.

Поднявшись на чердак, Слик обнаружил, что Джентри сидит ссутулившись на старом офисном стуле и смотрит на светящийся откидной экранчик монитора на своей деке.

— Роберт Ньюмарк, — произнес Джентри.

— А?

— Идентификация по сетчатке глаза. Или это Роберт Ньюмарк, или тот, кто купил его глаза.

— Откуда ты это узнал? — Слик наклонился взглянуть на экран со стандартной таблицей свидетельства о рождении.

Джентри пропустил его вопрос мимо ушей.

— Вот именно. Копни одно, а вляпаешься во что-нибудь совсем другое.

— То есть?

— Кому-то до смерти интересно, а не задаст ли кто-нибудь вопросы о мистере Ньюмарке.

— Кому интересно?

— Не знаю. — Джентри забарабанил пальцами по обтянутым черной кожей коленям. — Взгляни сюда: почти никакой информации. Родился в Барритауне. Мать — Марша Ньюмарк. У нас есть его ГРЕХ, но явно меченый. — Он отодвинулся вместе со стулом от стола и повернулся так, чтобы видеть неподвижное лицо Графа. — Ну что, Ньюмарк? Это твое настоящее имя?

Он встал и направился к проекционному столу.

— Не надо, — начал было Слик, но Джентри уже нажал на кнопку подачи питания.

И снова на мгновение возникло серое нечто, но на этот раз оно рванулось к центру полусферического дисплея, съежилось там и исчезло. Нет, не исчезло. Крохотный серый шарик завис в самом центре светящегося проекционного поля.

На лицо Джентри вернулась прежняя безумная улыбка.

— Хорошо, — проговорил он.

— Чего хорошего?

— Я понял, что это. Что-то вроде льда. Защитная программа.

— Эта обезьяна?

— У кого-то неплохое чувство юмора. Если обезьяна тебя не напугает, то превратится в горошину…[97] — Он отошел к рабочему столу и начал копаться в одной из седельных сумок. — Сомневаюсь, что им такое удастся с прямой сенсорной связью.

Теперь у него было что-то в руках. Сетка тродов.

— Джентри, не делай этого! Посмотри на него!

— А я и не собираюсь это делать, — улыбнулся Джентри. — Ты сделаешь.

Глава 22

Призраки и пустота[98]

Глядя в грязное окошко такси, Кумико жалела, что рядом нет Колина с его ехидными коммен-

---

[97] Примечания: 97

Аллюзия на буддийскую притчу о набравшей пригоршню гороха обезьяне, которая, выронив одну горошину, принялась ее ловить и растеряла весь остальной горох.

[98] Примечания: 98

«Ghosts and Empties» — цитата из песни Пола Саймона «Graceland» с его одноименного альбома 1986 г.: «And my traveling companions / Are ghosts and empty sockets / I'm looking at ghosts and empties» («А мои спутники — призраки и пустые розетки. Я гляжу на призраков и пустоту»).

тариями. Но потом вспомнила, что эта ситуация совершенно вне его компетенции. Интересно, подумала девочка, а производит ли «Маас-Неотек» подобные модули для Муравейника и какую форму принял бы в таком случае призрак?

— Салли, — спросила она полчаса спустя, когда они уже въезжали в Нью-Йорк, — почему Петал позволил мне уехать с тобой?

— Потому что он умный.

— А мой отец?

— Твой отец развоняется.

— Прости?

— Будет очень зол. Если, конечно, об этом узнает. А может, и не узнает. Мы здесь ненадолго.

— А зачем мы здесь?

— Мне надо кое с кем переговорить.

— А я?

— Тебе тут не нравится?

Кумико помедлила.

— Да нет, нравится.

— Хорошо. — Салли поерзала, устраиваясь поудобнее на продавленном сиденье. — Петалу пришлось нас отпустить. Дело в том, что он не смог бы нас остановить, не поранив одну из нас. Ну, может, не поранив, а, скорее, не оскорбив. Тебя Суэйн мог бы потом успокоить, сказать твоему

отцу, что это было сделано для твоего же блага. Но если бы ему удалось заставить меня пойти на попятную, это как потеря лица, понимаешь? Едва увидев Петала с пушкой в руках, я уже знала, что он нас отпустит. Твоя комната прослушивается, как, впрочем, и весь дом. Собирая твою экипировку, я потревожила датчики движения. Чего, собственно, и ожидала. Петал же, в свою очередь, знал, что это я. Вот почему зазвонил телефон — наш друг давал понять, что ему все известно.

— Не понимаю.

— Жест вежливости — чтобы я знала, что он ждет внизу. Давал мне шанс передумать. Но у него не было выбора, и он это понимал. Видишь ли, Суэйна вынуждают кое-что сделать, или, во всяком случае, он так говорит. Что до меня, то мне определенно выкручивают руки. И тут мне стало любопытно, а насколько на самом деле я Суэйну нужна. Как выясняется, нужна, и даже очень. Потому что мне позволяют уйти, прихватив с собой дочь оябуна, привезенную в такую даль в целях безопасности. Сдается мне, есть что-то такое, чего Суэйн до смерти боится, причем боится гораздо больше, чем твоего папочку. Возможно, это «что-то» — или «кто-то» — способно дать ему много больше, чем уже дал твой отец. Во всяком случае,

то, что я тебя увезла, отчасти выравнивает счет. Как бы ответный удар. Ты не против?

— Но тебе угрожают?

— Кое-кто слишком много знает, что я делала в этой жизни.

— И Тик выяснил, кто это?

— Да. Пожалуй, я и так это знала. Но хотелось бы ошибиться.

Фасад выбранного Салли отеля был обшит проеденными ржавчиной стальными панелями, каждая из которых крепилась блестящими хромированными болтами, — этот стиль Кумико знала еще по Токио и считала его несколько старомодным.

Их номер был просторным и серым — повсюду десятки оттенков серого цвета. Салли заперла дверь, прошла прямо к кровати и, сняв куртку, легла.

— У тебя нет сумки, — заметила Кумико.

Салли села, чтобы расшнуровать ботинки.

— Я могу купить все, что мне понадобится. Устала?

— Нет.

— А я устала.

Салли стянула через голову черный свитер. Груди у нее были маленькие, с коричневато-розо-

выми сосками; чуть ниже левого соска начинался старый шрам, который исчезал за поясом джинсов.

— Тебя когда-то ранили? — спросила Кумико, глядя на шрам.

Салли тоже посмотрела на шрам:

— Ага.

— А почему ты не пошла в клинику, чтобы его удалили?

— Иногда неплохо иметь зарубку на намять.

— О том, как тебе было больно?

— О том, как я была глупа.

Серое на сером. Не в силах спать, Кумико вышагивала по серому ковру. Девочке чудилось здесь что-то вампирическое. Нечто, роднящее комнату с миллионами подобных комнат в сотнях отелей по всему миру. Одноячейковая анонимность гостиничного номера будто высасывала из Кумико индивидуальность, фрагменты которой всплывали повышенными при ссоре голосами родителей, лицами одетых в черное секретарей отца…

Во сне лицо Салли превратилось в гладкую маску. Вид из окна вообще ничего не говорил Кумико: ясно было только то, что она смотрит на какой-то город, который не Токио и не Лондон, — бескрайнее столпотворение людей и зданий,

новая ступень видовой эволюции, воплотившая парадигму урбанистической реальности ее века.

Возможно, Кумико тоже удалось подремать, хотя сама она не была в этом уверена. Она смотрела, как Салли заказывает туалетные принадлежности и белье с клавиатуры прикроватного видеомодуля. Покупки доставили, пока Кумико принимала душ.

— О'кей, — услышала она из-за двери голос Салли, — вытирайся, одевайся. Пойдем повидаемся кое с кем.

— С кем? — спросила Кумико, но Салли ее не расслышала.

Гоми.

Тридцать пять процентов прибрежного Токио выстроено на гоми, на выровненных площадках, отвоеванных у залива за века систематического сваливания и утрамбовки мусора. У нее дома гоми был ресурсом, требующим сбора, сортировки, прессовки — использования, одним словом.

Взаимоотношения Лондона и гоми уловить было сложнее. На взгляд Кумико, изрядная часть города состояла из гоми — зданий, которые японская экономика уже давно поглотила бы в своей неуемной жажде пригодных для застройки пространств. Но даже маленькой японке лондон-

ские дома позволяли различить ткань времени: каждая стена была залатана поколениями рук в бесконечном процессе обновления. Англичане ценили свой гоми сам по себе, совсем на иной лад (Кумико только-только начинала постигать это): они населяли его.

Гоми в Муравейнике был чем-то третьим: богатый гумусом, перегноем, прорастающий человеческим талантом и чудесами из полимеров и стали. Кумико поразило уже одно только отсутствие очевидной планировки — это шло вразрез тому, как ее привычная культура ценила эффективное использование земли.

Их поездка в такси из аэропорта яснее ясного показала, какой здесь царит распад: целые кварталы стояли в руинах, то тут, то там над замусоренными тротуарами разевали пасти пустые оконные проемы. Напряженные лица, настороженные взгляды вслед проехавшему мимо ховеру.

Салли внезапно окунула ее во всю странность этого места, с его гниением и беспорядочным нагромождением вросших в землю башен, которые были выше любого здания в Токио. Эти монументы корпораций пронзали закопченное кружево перекрывающихся куполов.

Еще две пересадки из такси в такси — и вот они с Салли уже на улице, в гуще предвечерней толпы и косых теней. Воздух был холодным, но без примеси лондонской сырости, и Кумико вспомнились гроздья цветов в парке Уэно.

Первая их остановка была в просторном, хотя и слегка поблекшем баре с вывеской «Джентльмен-неудачник», где Салли вполголоса обменялась с барменом несколькими быстрыми фразами.

Они ушли, не заказав выпивки.

— Призраки, — задумчиво сказала Салли, поворачивая за угол.

Кумико старалась держаться к ней поближе. С каждым кварталом улицы становились все безлюднее, а здания — все более темными и запущенными.

— Прости?

— Да мне тут всюду мерещатся призраки прошлого — или, по крайней мере, должны мерещиться.

— Ты знаешь это место?

— Конечно. Выглядит все примерно так же, но иначе, понимаешь?

— Нет…

— Со временем поймешь. Когда найдем того, кого я ищу, прикинься паинькой. Говори, только

если тебя спросят, а лучше помалкивай.

— Кого мы ищем?

— Одного человека. Или, по крайней мере, то, что от него осталось…

Полквартала спустя на какой-то мрачной пустынной улочке — если не считать проезда у дома Суэйна под саваном полночного снега, Кумико еще никогда не доводилось видеть улицу без единого человека — Салли остановилась возле древней, ничем не примечательной с виду лавки. Обе ее витрины серебрились изнутри толстым ковром пыли. Заглянув внутрь, Кумико увидела стеклянные трубки букв неработающей неоновой вывески: «МЕТРО» — и дальше еще какое-то длинное слово. Дверь между витринами была укреплена листом рифленой стали. Через равные промежутки из нее выступали ржавые головки болтов, обмотанные провисшими отрезками бритвенно-острой проволоки цвета окалины, будто через нее некогда пропускали ток.

Салли, встав лицом к двери, расправила плечи и выдала серию мелких стремительных жестов.

Кумико с удивлением уставилась на нее, а Салли тем временем повторила свои странные действия.

— Салли?

— Язык жестов, — оборвала ее Салли. — Я же сказала тебе заткнуться, так?

— Да-а-а? — Голос чуть громче шепота возник словно из ниоткуда.

— Я уже все тебе сказала, — отрезала Салли.

— Не знаю я этого вашего языка.

— Я хочу поговорить с ним. — Голос Салли звучал размеренно и жестко.

— Он умер.

— Я знаю.

Последовало молчание, и до Кумико донесся звук, который вполне можно было принять за ветер — холодный, наполненный песком ветер, рыщущий среди дырявых геодезических куполов над головой.

— Его тут нет, — сказал голос и, похоже, стал исчезать. — Повернешь за угол, потом через полквартала налево в переулок.

Этого переулка Кумико никогда не забыть. Темный кирпич скользких от сырости стен. Укрытые колпаками люки вентиляторов отрыгивают потоки сгущенной пыли. Желтая лампочка в сетке из окислившегося сплава. Низкая поросль пустых бутылок у основания стен справа и слева. Гнезда из мятых ньюсфаксов и кусков упаковочного пенопласта с отпечатками человеческих тел. И

перестук Саллиных каблуков.

За тусклым свечением лампочки — полная тьма, хотя отраженный мокрым кирпичом свет позволял разглядеть стену в конце: тупик. Кумико помедлила, напуганная внезапно проснувшимся эхом, шуршанием, мерным перестуком водяных капель…

Салли подняла руку. Узкий ослепительный луч, выхватив четкий круг испещренного корявыми надписями кирпича, мягко соскользнул вниз.

Он опускался до тех пор, пока не нащупал у основания стены какой-то предмет: блеснувший тусклым металлом вертикальный округлый прибор на подставке, который Кумико ошибочно приняла за еще один вентилятор. Перед ним приютились огарки белых свечей, плоская пластиковая фляжка с прозрачной жидкостью, коллекция сигаретных пачек, дюжина сигарет россыпью и замысловатая многорукая фигурка, нарисованная чем-то белым, похожим на истолченный мел.

Салли сделала шаг вперед. Луч даже не дрогнул. Кумико увидела, что этот бронированный предмет крепится к кирпичной стене массивными скобами.

— Финн?

В ответ — мгновенная вспышка розового света из горизонтальной прорези.

— Эй, Финн, приятель… — с непривычной заминкой в голосе повторила женщина.

— Молл. — Скрежет, как будто звук проходит через испорченный динамик. — Зачем тебе фонарь? Линзы у тебя еще на месте? Что, стареешь и уже не видишь в темноте?

— Это ради моей подруги.

Что-то шевельнулось за прорезью, это что-то было нездорового розового оттенка, как пепел тлеющей сигареты на полуденном солнце, и лицо Кумико омыло волной колеблющегося света.

— Понятно, — проскрипел голос. — И кто же она?

— Дочь Янаки.

— Ничего себе.

Салли опустила фонарь. Луч упал на свечи, фляжку, сырые серые сигареты, выведенную чем-то белым фигурку с похожими на крылья руками.

— Угощайся подношениями, — сказал голос. — Вон там — пол-литра «Московской». А колдовскую закозюку сделали мукой. Не свезло, извини; богатенькие пижоны рисуют кокаином.

— Господи, — отстраненно сказала Салли, при-

сев на корточки. — Просто поверить не могу.

Кумико смотрела, как она подбирает фляжку и нюхает содержимое.

— Хлебни. Недурное пойло. Должно быть хорошим — на оракуле-то народ ссыт экономить. Если соображения хватает.

— Финн, — начала было Салли, потом взболтала фляжку и, глотнув, тылом руки вытерла рот, — ты просто псих.

— Если бы так. Эту халабуду приходится нехило вздрючивать, чтобы извлечь хоть немного фантазии, не говоря уже о безумии.

Кумико подошла ближе и присела на корточки рядом с Салли.

— Это конструкт? — спросила та, отставив фляжку с водкой на мостовую, и тронула сырой порошок кончиком перламутрового ногтя.

— Конечно. Ты их и раньше видела. Хочу — вспоминаю реальный мир, хочу — врубаюсь в киберпространство. И эту фигню с оракулом я замутил для того, чтобы не совсем отстать от жизни, понимаешь? — Прибор издал странный звук: смех. — Любовные неприятности? Злая женщина тебя не понимает? — Снова скрежещущий смех, похожий на раскаты статики. — На самом деле я, скорее, бизнес-консультант. А это добро

оставляют здесь местные ребятишки. Вроде как добавляет мистики к антуражу. Иногда подваливает какой-нибудь скептик, решает мудило угоститься тут у меня на халяву. — Из прорези полыхнула тонкая, как волосок, алая линия, и где-то справа от Кумико взорвалась бутылка. И снова смех статики. — Так что привело тебя сюда, Молл? Тебя и, — розовый свет опять скользнул по лицу девочки, — дочь Янаки?

— Рейд на виллу «Блуждающий огонек», — сказала Салли.

— Давно это было, Молл…

— Она охотится за мной, Финн. Четырнадцать лет прошло, а этой суке психованной все неймется…

— Так, может, ей больше заняться нечем? Ты же знаешь, какие они, эти богатенькие…

— Где Кейс, Финн? Возможно, ей нужен он…

— Кейс — вне игры. Пару-тройку раз сорвал приличный куш после того, как вы расстались, и завязал подчистую. Сделай ты то же самое, не морозила бы сейчас свои прелести в тупике, а? Последнее, что я о нем слышал, — у него четверо детей…

Следя за гипнотическим покачиванием сканирующего розового уголька, Кумико худо-бедно

сообразила, с кем или с чем говорила Салли. В кабинете ее отца были похожие предметы: четыре черных лакированных кубика, расставленных на длинной сосновой полке. Над каждым кубиком висел официальный портрет. Черно-белые фотографии мужчин в темных костюмах и с галстуками; четыре очень серьезных джентльмена. Лацканы их пиджаков украшали маленькие металлические эмблемы, отец тоже иногда такую носил. Хотя мать ей и рассказывала, что в кубиках заключены призраки, духи злых предков отца, Кумико они скорее притягивали, чем пугали. Если в них сидят призраки, рассуждала она, то наверняка эти духи очень маленькие, ведь в кубик и голова ребенка не поместится.

Иногда отец подолгу медитировал перед кубиками, преклонив колени на татами в знак глубочайшего почтения. Девочка не раз видела его в этой позе, но лишь когда ей исполнилось десять лет, она однажды услышала, как он обращается к ним вслух. И один ответил. Вопрос показался Кумико бессмысленным, а уж ответ — тем более, но размеренный голос духа заставил ее замереть, скорчившись за бумажной ширмой. Отец потом очень смеялся, найдя ее там, и, вместо того чтобы отругать дочь, объяснил, что кубики

служат жилищами для записанных личностей прежних директоров корпорации.

— Это их души? — спросила девочка.

— Нет, — с улыбкой ответил отец и добавил, что различие тут очень тонкое: — У них нет сознания. Они отвечают на заданный вопрос примерно так же, как ответили бы при жизни. Если уж они призраки, то что тогда говорить о голограммах.

После лекции Салли об истории и иерархии якудза в робата-баре на Эрлз-Корт Кумико решила, что каждый из мужчин на фотографии, каждый из этих записанных личностей был в свое время оябуном.

Существо в бронированном футляре, наверное, имеет сходную природу, размышляла про себя девочка, ну, может быть, немного более сложную. Точно так же, как Колин — просто более сложная версия «мишленовского» гида, какой носили с собой секретари отца в их экспедициях за покупками в Синдзюку.

Салли звала его Финн. И было ясно, что когда-то этот Финн был ей то ли другом, то ли деловым партнером.

Интересно, подумала Кумико, а бодрствует ли он, когда тупик пуст? Сканирует ли его лазерный взгляд беззвучное кружение полночного снега?

— Европа, — сказала Салли. — Отколовшись от Кейса, я исколесила весь континент. После того рейда денег было хоть завались, по крайней мере, так мне тогда казалось. ИскИн Тессье-Эшпулов выплатил все через швейцарский банк. Он же стер все следы того, что мы когда-либо поднимались вверх по колодцу. В смысле, вообще все: скажем, из списка пассажиров шаттла «Джей-Эй-Эль» имена, под которыми мы тогда путешествовали, просто исчезли. Кейс все проверил, когда мы вернулись в Токио, пошарился по самым разным базам данных — такое впечатление, что ничего из этого просто не происходило. Я не знаю, как такое возможно, будь ты хоть ИскИн, хоть кто, но ведь никто так на самом деле и не понял, что случилось наверху, когда Кейс прорубился тем китайским ледорубом к их ядру.

— ИскИн потом пытался на вас выйти?

— Понятия не имею. Кейс считал, что он ушел — не исчез, а именно ушел, растворился во всей матрице в целом. Как будто он перестал существовать *в* киберпространстве, стал им самим. Если ИскИну не хочется, чтобы его увидели, чтобы знали о его присутствии, ну, тогда, думаю, нет никакой возможности его обнаружить. И нет никаких шансов доказать это кому-то еще, даже

если ты что-то знаешь… Что до меня, я ничего не желала знать. В смысле, что бы там ни случилось, я думала, с этим покончено. Армитидж мертв, Ривьера мертв, Эшпул мертв, пилот-растаман, который возил нас туда на буксире, вернулся к себе в кластер Сион и, вероятно, решил, что ему все почудилось по обкурке… Я оставила Кейса в токийском «Хайятте» и никогда больше его не видела…

— Почему?

— Кто знает? Да ни почему. Я была молода, и вообще казалось, что все позади.

— Но *ее* вы ведь оставили там, наверху. В «Блуждающем огоньке».

— Вот именно. И время от времени я раздумываю над этим. Финн, когда мы уходили, было такое впечатление, что ей на все наплевать. Наплевать, что я за нее убила ее больного сумасшедшего отца, а Кейс взломал их защиту и выпустил в матрицу их ИскИн… Но я занесла ее в список, так? Когда однажды на тебя сваливаются по-настоящему крупные неприятности, когда тебя достают, ты проходишься по такому списку.

— И ты с самого начала вычислила ее?

— Нет. Список у меня довольно длинный.

Кейс, который, как показалось Кумико, был для

Салли чем-то бульшим, нежели просто деловой партнер, больше в рассказе не появлялся.

Сидя на корточках рядом с Салли и слушая рассказ о четырнадцати годах ее жизни, сжатых ради Финна в стремительное стаккато мест и событий, Кумико вдруг обнаружила, что воображает себе молодую Салли этакой *бисёнен*[99], героиней традиционного романтического видеофильма: трагичной, элегантной и смертельно опасной. Кумико с трудом поспевала за деловито-сухой манерой Салли излагать свою жизнь. Слишком много ссылок на места и вещи, которые девочке ничего не говорили. Зато так легко было представить себе, как Салли мановением руки добивается внезапных и блестящих побед, как и положено бисёнен. Нет, подумалось ей, когда Салли отмахнулась от «неудачного года в Гамбурге» (тут в ее голосе вдруг зазвучал гнев — застарелый гнев, ведь с тех пор прошло десять лет), нельзя оценивать эту женщину в японских понятиях. Никакая она не ронин, нет в ней ничего от странствующего самурая; Салли и Финн говорили о бизнесе.

Насколько Кумико сумела понять, тот трудный

---

[99] Примечания: 99

Bishonen *(яп.)* — красивый юноша. Стереотипный шаблон мужских персонажей в манге и аниме, женственно красивый.

год в Гамбурге наступил для Салли после того, как она получила и потеряла кучу денег. Получила — как свою долю в «деле наверху», в том месте, которое Финн назвал «Блуждающим огоньком», — в партнерстве с мужчиной по имени Кейс. При этом она нажила себе врага.

— Гамбург, — перебил Финн, — я слышал рассказы о Гамбурге…

— Деньги закончились. Так оно всегда и бывает, когда сшибаешь большой куш по молодости… Без денег — вроде как возвращаешься в свое нормальное состояние, но я уже успела связаться с теми людьми из Франкфурта, оказалась по уши перед ними в долгу, а они хотели получить по счетам натурой, моим ремеслом.

— Каким ремеслом?

— Хотели, чтобы я кое-кого порезала.

— А дальше?

— Я завязала. Как только смогла. Уехала в Лондон…

Возможно, решила Кумико, что Салли когда-то и походила на ронина, была кем-то вроде странствующего самурая. Однако в Лондоне она стала совсем другой, стала деловой женщиной. Обеспечивая себя неким неназванным способом, она постепенно превратилась в спонсора, субси-

дирующего различные деловые операции. (Что такое «спускать кредит»? Что значит «отмывать данные»?)

— Да уж, — протянул Финн, — неплохо поработала. Заполучила долю в каком-то немецком казино.

— «Экс-ля-Шапель»[100]. Я входила в правление. Да и до сих пор там, если добуду нужный паспорт.

— Остепенилась? — Снова смех.

— Да уж конечно.

— Не много о тебе было слышно в те времена.

— Управляла казино. Вот и все. Жила неплохо.

— Бои без правил. Мисти Стил — Туманная Сталь, вес пера плюс имплантаты. Восемь боев. Я ставил на пяти из них. Кровавый спорт, дорогуша. Все нелегальные.

— Хобби.

— Хорошенькое хобби. Я видел записи. Тот малыш-бирманец прямо-таки вскрыл тебя, с цветом и звуком…

Кумико вспомнила длинный шрам.

---

[100] Примечания: 100

Экс-ля-Шапель — французское название немецкого города Ахен в Северной Рейн-Вестфалии, происходящее от названия императорской капеллы, построенной там в конце VIII в. по приказу франкского императора Карла Великого, святого покровителя города.

— Поэтому я завязала. Пять лет назад, а я и так уже была лет на пять старше, чем положено.

— Ты выглядела неплохо, но Туманная Сталь… Господи Исусе.

— Не цепляйся. Не я же придумала это погоняло.

— Хорошо-хорошо. Расскажи-ка о нашей подруге сверху. Как она вышла на тебя?

— Через Суэйна. Роджера Суэйна. Однажды заявляется ко мне в казино шестерка этого ублюдка — косит под крутого, звать Прайор. С месяц назад.

— Лондонский Суэйн?

— Он самый. А у Прайора для меня подарок — с метр распечатки. Список. Имена, даты, места.

— Много?

— Всё. Даже то, что я почти позабыла.

— И «Блуждающий огонек»?

— Всё. Так вот, собрала я манатки — и в Лондон к Суэйну. Он, такой, ему, мол, очень жаль, что он так меня прессует, сам бы он ни-ни. Но кто-то так же прессует его. У него тоже есть из-за чего нервничать — собственный метр распечатки.

Кумико услышала, как каблуки Салли проскрежетали по мостовой.

— Чего он хочет?

— Украсть кого-то тепленьким. Некую знаменитость.

— А почему ты?

— Да ладно, Финн, затем я к тебе и пришла. Спросить у тебя об этом.

— Насчет три-Джейн тебе сказал Суэйн?

— Нет. Это сказал мой компьютерный ковбой в Лондоне.

У Кумико заболели колени.

— А малышка? Где ты ее подцепила?

— Она объявилась однажды вечером в доме Суэйна. Янака решил убрать ее из Токио. Суэйн ему должен — гири, и все такое.

— Во всяком случае, она чиста, никаких имплантатов. Судя по тому, что до меня доходит из Токио, у Янаки забот по горло…

Кумико поежилась в темноте.

— Что за знаменитость им нужна? — продолжал Финн.

Кумико почувствовала, что Салли медлит.

— Анджела Митчелл.

Безмолвно качается розовый метроном — слева направо, справа налево.

— Здесь холодно, Финн.

— Да уж. Хотелось бы мне это почувствовать. Я просто сделал небольшую пробежку тебя же

ради. По Мемори-лейн. Ты много знаешь о том, откуда взялась эта Энджи?

— Нет.

— Я нынче кошу под оракула, дорогуша, а не под научную библиотеку… Так вот, ее отцом был Кристофер Митчелл. Большой мозг в «Маас-Биолабс», главный по биочипам. Она выросла в их закрытом городке в Аризоне, так сказать, дочь компании. Лет примерно семь назад там что-то стряслось. Поговаривают, что «Хосака» снарядила целую гоп-компанию, помочь Митчеллу сменить крышу. Ньюсфаксы писали, что во владениях «Мааса» произошел взрыв на мегатонну, но никто так и не обнаружил никакой радиации. И наемников «Хосаки» тоже не нашли. «Маас» же объявил, что Митчелл мертв, самоубийство.

— Это библиотека. А что знает оракул?

— Слухи. Ничего, что выстраивалось бы в единую картинку. Говорят, девица объявилась тут день или два спустя после взрыва в Аризоне, связалась с какими-то очень чудны`ми негритосами из Нью-Джерси.

— Чем они занимались?

— Шустрили по-всякому. В основном железо, софт. Купля-продажа. Иногда брали кое-что и у меня…

— И что в них было такого чудно`го?

— Они были колдуны. Считали, что в матрице полно мамбо и всяких прочих тварей. И знаешь, что я тебе скажу, Молл?

— Что?

— Они были правы.

Глава 23

Свет мой, зеркальце

Она очнулась, будто кто-то щелкнул переключателем.

Не открывать глаза. Слышно, как в соседней комнате переговариваются. Болело в разных местах, но ненамного хуже, чем после магика. Черный отходняк уже отпустил, или, может, его заглушило тем, что ей вкатили, этим аэрозолем.

Бумажный халат царапал соски, они почему-то казались большими и чувствительными, а грудь — полной. По лицу извивались тоненькие ниточки боли, двойной тупой болью стягивало глазницы, во рту будто все воспалено, к тому же привкус крови.

— Я не собираюсь учить тебя жить, — говорил Джеральд. Его голос едва перекрывал плеск воды

из крана и позвякивание металла, как будто Джеральд мыл кастрюли или что-то вроде этого. — Но неужели ты не видишь, что она сможет обмануть только того, кто и так желает быть обманутым? Что ни говори, это очень поверхностная работа.

Прайор что-то сказал в ответ, но Мона не разобрала, что именно.

— Я сказал «поверхностная», а не «халтурная». Качество — профессиональное. Двадцать четыре часа на дермальном стимуляторе, и никому даже в голову не придет, что она побывала в клинике. Держи ее на антибиотиках, но ничего возбуждающего, ее иммунной системе и без того до нормы как до луны.

Потом снова Прайор, и опять она не поняла ни слова.

Открыла глаза, но увидела только потолок, белые квадраты звуконепроницаемой плитки. Повернула голову влево. Белая пластиковая стена с этим дурацким ложным окном: высококачественная анимация какого-то пляжа — всякие там пальмы и волны. Если смотреть на воду достаточно долго, заметишь, что накатывающие на песок волны через некоторое время начинают повторяться. Похоже, что устройство повреждено или сносилось: прибой время от времени как

будто запинается, да и красный закат над морем пульсирует, словно дефектная флюоресцентная трубка.

Попробуем вправо. Снова поворот головы. Прикосновение к шее пропитавшейся потом бумажной наволочки на жесткой синтетической подушке.

С койки напротив на нее смотрело лицо с синяками вокруг глаз, нос охвачен скобками из прозрачного пластика, поверх него — пленка из микропоры, по щекам размазано какое-то коричневое желе…

Энджи. Это лицо Энджи, обрамленное отражением заикающегося заката за дефектным «окном».

— Кости мы не трогали, — говорил Джеральд, осторожно отдирая пленку, которая удерживала маленькую пластмассовую скобу вдоль переносицы Моны, — в этом-то вся и прелесть. Мы вживили в нос хрящ, введя его через ноздри, потом взялись за зубы. Улыбнись. Прекрасно. Нарастили грудь, надстроили соски клонированной эректильной тканью, потом подкрасили глаза… — Он снял скобу. — В ближайшие двадцать четыре часа постарайся не касаться лица.

— У меня от этого синяки?

— Нет. Синяки — вторичная травма от работы с хрящом. — Пальцы Джеральда на лице казались прохладными и уверенными. — К завтрашнему дню пройдет.

В Джеральде ничего стремного. Он дал ей три дерма, два синих и один розовый, такие гладкие и успокаивающие… А вот Прайор очень стремный, но он ушел, во всяком случае, его нигде не видно. Так приятно просто лежать и слушать, как Джеральд объясняет, что сделал, своим спокойным голосом. И поглядите только, что он умеет.

— Веснушки, — сказала Мона, потому что веснушки со щек исчезли.

— Подтерли абразивом и вживили еще немного клонированной ткани. Они вернутся. Чем больше времени ты будешь на солнце, тем скорее…

— Она такая красивая… — Мона повернула голову.

— Ты, Мона. Это — ты.

Она поглядела на лицо в зеркале и примерила ту самую знаменитую полуусмешку.

Возможно, Джеральд все же не лучше Прайора.

Снова вернувшись на узкую белую койку, куда ее положили отсыпаться, Мона подняла руку, чтобы взглянуть на дермы. Транквилизаторы. Все так и плывет.

Подцепив розовый дерм ногтем, она сорвала его, прилепила на белую стену и с силой надавила большим пальцем. Вниз сбежала одинокая капля соломенного цвета. Мона осторожно сковырнула дерм со стены и вернула на руку. В синих жидкость оказалась молочно-белой. Их она тоже вернула на место. Может, врач и заметит, но ей хотелось знать, что происходит.

Мона посмотрела на себя в зеркало. Джеральд сказал, что сможет вернуть ей прежнюю внешность, если она когда-нибудь этого захочет. Тогда она еще удивилась, что он запомнил, как она выглядела. Может быть, он сделал снимок или еще что. Теперь, если вдуматься, нет уже никого, кто бы помнил, как она выглядела раньше. Она прикинула, что, возможно, единственным вариантом в этом случае была бы стим-дека Майкла, но она не знала ни его адреса, ни даже фамилии. Странное чувство — как будто та, кем она была раньше, выскочила на минутку на улицу, да так и не вернулась. Тут Мона закрыла глаза и сказала себе, что твердо знает: она — это она, Мона, всегда была Моной, и по большому счету ничего не изменилось, во всяком случае за фасадом.

Ланетта говорила, что не имеет значения, как ты меняешь себя. Однажды Ланетта проговори-

лась, что у нее не осталось и десятой части того лица, с которым она родилась. Даже не подумаешь, ну если не считать черного на веках, так что ей никогда не приходилось возиться с тушью. Мона тогда еще подумала, что Ланетте сделали не такую уж хорошую операцию, и, должно быть, это как-то отразилось в ее взгляде, потому что Ланетта сказала: «Поглядела бы ты на меня до того, дорогуша».

А вот теперь и она, Мона, лежит пластом на узкой койке в Балтиморе, и все, что ей известно об этом городе, ограничивается завыванием сирен на улице да гудением вентилятора Джеральда.

Не понять как, но это гудение перешло в сон, и как долго она спала, Мона не знала. А потом возле койки оказался Прайор, его рука лежала у нее на плече, и он спрашивал, не хочет ли она есть.

Мона смотрела, как Прайор сбривает бороду. Он делал это над хирургической раковиной из нержавейки. Сперва подрезал бороду хромированными ножницами, потом взялся за пластмассовый одноразовый станок, который позаимствовал из коробки Джеральда. Странно было видеть, как на свет появляется его лицо. Лицо оказалось совсем не таким, как она ожидала: моложе. Но рот остался прежним.

— Мы здесь еще надолго, Прайор?

Перед тем как начать бриться, он снял рубашку. По плечам и рукам вниз до локтя сбегали вытатуированные драконы с львиными головами.

— Пусть это тебя не волнует.

— Скучно.

— Мы достанем тебе стимы.

Он брил подбородок.

— Как выглядит Балтимора?

— Отвратительно. Как и все остальное.

— А Англия?

— Отвратительно.

Он вытер лицо толстым комом синей впитывающей салфетки.

— Может, пойдем поедим крабов? Джеральд говорит, тут чудесные крабы.

— Ага, — отозвался он. — Я принесу. — И выбросил синий ком в стальную мусорную корзину.

— А как насчет того, чтобы я пошла с тобой?

— Нет. Вдруг ты попытаешься сбежать.

Рука Моны скользнула между стеной и койкой и нащупала проделанную в темперлоне ямку, куда она спрятала шокер. Свою одежду она уже успела обнаружить в белом пластиковом пакете под койкой. Каждые два часа приходил Джеральд со свежими дермами. Она сколупывала их сразу

после его ухода. Мона рассчитывала, что если удастся уговорить Прайора с ней поужинать, то в ресторане она рванет когти. Но Прайор не поддавался.

В ресторане ей, возможно, удалось бы и копа вызвать, ведь теперь, как Моне казалось, она сообразила, в чем заключалась «сделка».

Снафф. Ланетта ей о таком рассказывала. Есть мужики, которые готовы платить за то, чтобы внешность девушки перекроили под кого-то, а затем убивают ее. Обязательно богатые, по-настоящему богатые. Не Прайор, конечно, а кто-то, на кого он работает. Ланетта говорила, эти мужики иногда устраивают так, чтобы девушки выглядели как, скажем, их жены. Тогда Мона в это не поверила. Ланетта любила рассказывать страшные истории просто потому, что приятно бояться, зная, что тебе самой ничего не грозит. И уж историй об извращенцах у Ланетты было полно. Она говорила, что пиджаки из них изо всех самые сумасшедшие. Естественно, крутые пиджаки, те, что в правлениях больших компаний, — они ведь не могут себе позволить сорваться на работе. Но когда не на работе, говорила Ланетта, они могут срываться, как только захотят. И что, если какой-нибудь большой пиджак наверху пожелал так

сорваться на Энджи? Ладно, многие девушки из кожи вон лезут, чтобы стать на нее похожей, но результат выходит в основном жалкий. Мона не встречала еще ни одну действительно похожую на звезду настолько, чтобы одурачить кого-то, кому не все равно. Но может быть, нашелся кто-то, кто заплатил за все это, просто чтобы заполучить девушку, которая выглядела бы как Энджи. И опять же, если дело не в убийстве, зачем она ему?

Прайор застегивал голубую рубашку. Потом подошел к постели и сдернул простыню, чтобы посмотреть на ее грудь. Будто осматривал автомобиль. Мона рывком натянула простыню обратно.

— Я принесу крабов.

Он накинул пиджак и ушел. Мона слышала, как по пути он что-то сказал Джеральду.

В дверном проеме возникла голова доктора.

— Как ты, Мона?

— Есть хочу.

— Чувствуешь себя расслабленно?

— Угу…

Снова оставшись одна, она перекатилась на бок и стала изучать свое лицо — лицо Энджи, но теперь и ее тоже — в зеркальной стене. Синяки почти сошли. Джеральд прилепил ей на лицо

такие штучки, похожие на миниатюрные троды, и подключил их к какой-то машине. Сказал, что так быстрее заживет.

На этот раз она не подскочила, завидев в зеркале лицо звезды. Зубы были прекрасны: такие кому угодно захочется сохранить. А что касается всего остального, Мона пока не была особо уверена, еще надо подумать.

Может, сейчас надо встать, одеться и пойти к выходу. Если Джеральд попытается ее остановить, она воспользуется шокером. Тут Мона вспомнила, как Прайор объявился в мансарде у Майкла — будто кто-то все время за ней следил, ходил за ней по пятам всю ночь. Возможно, и сейчас снаружи кто-то дежурит. В клинике Джеральда, похоже, нет окон, настоящих окон, так что выходить придется через дверь.

И ей до зарезу был нужен магик. Но если она хоть чуть-чуть дохнет, Джеральд это заметит. Мона знала, что ее косметичка здесь, в пакете под койкой. Может, думала она, если немного принять, она хоть на что-нибудь да решится. Но, с другой стороны, есть вероятность, что это будет совсем не то, что ей нужно. Не всегда и не все, что она проделывала под магиком, срабатывало. Даже если он создает ощущение, что промашки

просто не может быть.

Как бы то ни было, хочется есть. Жаль, что у Джеральда тут ни музыки, ничего, так что, пожалуй, она подождет крабов…

Глава 24

В безлюдном месте[101]

И вот перед ним стоит Джентри, и в глазах у него пылает Образ, и он протягивает ему сетку тродов под безжалостным сиянием голых лампочек. И говорит он Слику, почему все должно быть так, а не иначе, почему Слик должен надеть троды и напрямую подключиться к тому, что серая хреновина вводит в мозг неподвижного тела на носилках, что бы это ни было.

Слик покачал головой, вспоминая, как набрел на Собачью Пустошь. А Джентри, приняв этот жест за отказ, стал говорить еще быстрее.

Джентри говорил, что Слик вроде бы как отключится, но совсем ненадолго, ну, может, на

---

[101] Примечания: 101

«In a Lonely Place» — одна из последних песен группы *Joy Division*; игралась только на репетициях, а после смерти лидера группы Иэна Кертиса перекочевала в репертуар группы *New Order*, возникшей на осколках *Joy Division*. Выпущена в марте 1981 г. на оборотной стороне «Ceremony», первого сингла новой группы.

несколько секунд, пока он, Джентри, не зафиксирует информацию и не выстроит общий контур макроформа. Ведь Слик не знает, как это сделать, продолжал ковбой, иначе бы он, Джентри, подключился сам; да и не нужна ему информация из этого мегабиочипа, ему нужно только общее представление, ведь именно оно может привести его к Образу, к той главной цели, за которой он гонялся столь долго.

А Слик вспоминал, как пересек Пустошь пешком. Он тогда боялся, что в любой момент может вернуться синдром Корсакова и он забудет, где находится, и напьется канцерогенной воды из гнилой красной лужи, которых так много было на ржавой равнине. А в них плавают красная пена и раскинувшие крылья мертвые птицы. Дальнобойщик из Теннесси посоветовал ему идти от трассы на запад: через час, мол, будет вшивенькое двухполосное шоссе, где можно застопить машину до Кливленда. Но Слику казалось, что прошло куда больше часа, к тому же он не знал точно, в какой стороне запад. И вообще это место все сильнее его пугало — как будто здесь проходил какой-нибудь великан, наступил на воспаленный волдырь свалки, расплющил его, а шрам так и остался. Однажды Слик увидел

кого-то вдали на невысокой куче металлолома и помахал. Фигура исчезла, но Слик зашагал туда, уже не сторонясь луж, а хлюпая прямо по ним, и, когда добрался до места, увидел, что это всего лишь бескрылый остов самолета, наполовину погребенный под ржавыми консервными банками. Он побрел вверх по тропинке из расплющенных банок, до квадратного отверстия, некогда бывшего аварийным выходом. Засунул голову внутрь, и на него уставились сотни маленьких головок, свисавших с вогнутого свода. Слик будто прирос к месту, прищурился, давая глазам привыкнуть к внезапной полутьме, пока увиденное не начало приобретать некий смысл. Розовые головки были оторваны от пластмассовых кукол. Их нейлоновые волосы кто-то связал в хвосты на макушке, а хвосты влепил в толстый слой черного дегтя, которым был вымазан потолок, и головы свисали, как спелые фрукты. Кроме них да нескольких полос грязного зеленого пенопласта, в салоне ничего не было. Слик точно знал: ему не хочется здесь задерживаться, чтобы выяснить, кто тут живет.

Тогда он отправился на юг и случайно наткнулся на Фабрику.

— У меня никогда не будет второго такого шан-

са, — говорил Джентри.

Слик смотрел в напряженное осунувшееся лицо, в расширенные от отчаяния глаза.

— Я никогда его не увижу…

Слик вспомнил, как Джентри ударил его и как он, Слик, посмотрел на гаечный ключ, который держал в руке, и почувствовал… Черри была не права насчет их обоих, тут было нечто иное, он только не знал, как это назвать. Левой рукой Слик вырвал у Джентри троды, а правой сильно толкнул его в грудь.

— Заткнись! Заткнись, черт тебя подери!

Джентри отлетел на край стального стола.

Тихонько чертыхаясь, Слик неловко натянул изящную сетку контактных дерматродов на лоб и виски.

Подключился.

Под подошвами скрипнул гравий.

Открыл глаза, посмотрел себе под ноги: посыпанная гравием дорожка при утреннем свете казалась ровной и очень чистой, гораздо чище Собачьей Пустоши. Взглянул вперед и увидел, что она делает плавный поворот, а за зелеными раскидистыми деревьями — скат черепичной крыши. Дом — огромный, почти вполовину Фаб-

рики. Неподалеку в высокой мокрой траве стояли статуи. Отлитый из чугуна олень и мужской торс, вытесанный из белого камня, — ни рук, ни ног, ни головы. Пели птицы, это был единственный звук.

Слик двинулся к серому дому, ничего другого ему, похоже, не оставалось. В конце дороги за домом виднелись постройки поменьше и широкое плоское поле травы, где трепетали на ветру планеры.

Сказка, подумал он, поднимая взгляд на широкий каменный выступ над входом в усадьбу, на розетки оконных витражей. Как в кино, которое он видел однажды в детстве. Неужели действительно есть на свете люди, которые живут в таких вот домах? Никакой это не дом, напомнил он самому себе, только лишь стим-реальность.

— Джентри, — сказал он вслух, — давай-ка вытаскивай меня отсюда, ладно?

Слик принялся рассматривать свои руки. Шрамы, въевшаяся смазка, черные полумесяцы грязи под обломанными ногтями. Машинное масло размягчало ногти, и они легко ломались.

Он начинал уже чувствовать себя полным идиотом, стоя здесь посреди дороги. А ведь возможно, кто-то наблюдает за ним из дома.

— Блин, — выплюнул он и свернул на вымощенную плиткой дорожку к дому, подсознательно перейдя на развязный широкий шаг и выпятив грудь, чему научился в бытность свою в «Блюз-Дьяконах».

В центре двери была прикреплена какая-то странная штука: маленькая изящная кисть держала в вытянутых пальцах сферу размером с бильярдный шар — все отлито из чугуна. Крепится на шарнирах, так чтобы можно было взяться за кисть и опустить шар вниз. Повернул, ударил. Дважды. Потом еще пару раз. Ничего. Дверная ручка была латунной, цветочный орнамент на ней до того стерся, что стал почти неразличим. Повернулась она легко. Слик толкнул дверь.

И невольно прищурился от бьющего в глаза богатства красок и интерьера. Плоскости темного полированного дерева, квадраты черного и белого мрамора, ковры с тысячью мягких оттенков, светящиеся, как церковные витражи, начищенное серебро, зеркала… Он хмыкнул. Взгляд притягивала то одна, то другая мелочь — столько вещей, предметов, названий которым он не знал…

— Ищешь кого-нибудь, приятель?

Перед огромным камином стоял мужчина. На

нем были узкие черные джинсы и белая футболка, ноги его были босы, и в правой руке он держал толстый, расширяющийся книзу бокал с чем-то крепким. Слик обалдело уставился на незнакомца.

— Блин, — выдавил Слик. — Ты — это он…

Мужчина поболтал коричневую жидкость в стакане и сделал глоток.

— Я ожидал, что Африка со временем выкинет что-то подобное, — сказал он, — но почему-то, дружок, ты не похож на ребят в его стиле.

— Ты Граф.

— Ага, Граф, — отозвался он. — А ты, черт побери, кто?

— Слик. Слик Генри.

Граф рассмеялся:

— Хочешь коньяку, Слик Генри?

Он указал стаканом на стойку из полированного дерева, где выстроились в ряд причудливые бутылки; у каждой свисал на цепочке с горлышка серебристый ярлычок.

Слик покачал головой.

Мужчина пожал плечами:

— С него все равно не забалдеешь… Прости, что я это говорю, но выглядишь ты погано, Слик. Я так понимаю, что ты не из команды Малыша Афри-

ки? А если нет, то что все-таки ты тут делаешь?

— Меня послал Джентри.

— Какой еще Джентри?

— Ты ведь парень на носилках, так?

— Парень на носилках — это я. Где конкретно в данную минуту эти носилки, Слик?

— У Джентри.

— Где это?

— На Фабрике.

— А это где?

— На Собачьей Пустоши.

— И как же я там очутился, на этой Пустоши, где бы она ни была?

— Это Малыш Африка тебя привез. Привез с девушкой по имени Черри. Понимаешь, я у него в долгу, так он попросил, чтобы я приютил тебя на время, тебя и Черри. Она ухаживает за тобой…

— Ты назвал меня Графом, Слик…

— Черри сказала, что так тебя однажды назвал Малыш…

— Скажи-ка мне, Слик, не выглядел ли Малыш, когда он меня привез, встревоженным?

— Черри думала, что он был до смерти напуган там, в Кливленде.

— Уверен, что был. Кто этот Джентри? Твой друг?

— Фабрика принадлежит ему. Я тоже там живу…

— Этот Джентри, он ковбой, а, Слик? Компьютерный жокей? Я хочу сказать, что, если ты здесь, он должен рубить в технике, так?

Теперь пришла очередь Слика пожать плечами.

— Джентри, ну… он вроде художника. У него полно всяких теорий. Вообще это трудно объяснить. Он присобачил переходники к той штуковине на носилках… ну, к той, куда ты подключен. Сначала он попытался вывести изображение на проекционный стол, но там оказалась только эта дурацкая обезьяна, что-то вроде тени, поэтому он уговорил меня…

— Господи… впрочем, не важно. Эта фабрика, о которой ты говорил, она где-то в глухомани? Сравнительно малодоступна?

Слик кивнул.

— А Черри, она что-то вроде нанятой медсестры?

— Да. Сказала, у нее диплом медтеха.

— И никто еще не приходил меня искать?

— Нет.

— Это хорошо, Слик. Потому что если кто-то придет, кто-нибудь, кроме этого крысеныша,

прошу прощения, нашего общего друга Малыша Африки, то у вас, ребята, могут быть серьезные неприятности.

— Да ну?

— Вот тебе и «да ну». Выслушай меня, идет? И будь добр запомнить, что я тебе скажу. Если к вам на эту вашу фабрику заявится какая-нибудь компания, единственная ваша надежда — подключить меня к матрице. Понял?

— А как ты стал Графом? Я имею в виду, что это значит?

— Бобби. Меня зовут Бобби. Граф, а может, правильнее было бы Счет — «прерывание на счет ноль», знаешь? Впрочем, не важно, и то и другое было когда-то моим прозвищем, вот и все. Ну что, запомнил, что я тебе сказал?

Слик снова кивнул.

— Хорошо. — Бобби поставил стакан на деревяшку с чудными бутылками. — Слышишь? — спросил он.

За открытой дверью по гравию прошуршали шины.

— Знаешь, кто это, Слик? Это — Анджела Митчелл.

Слик повернулся. Бобби Граф, или Счет, смотрел в окно на подъездную дорожку.

— Энджи Митчелл? Стим-звезда? Она тоже здесь?

— Как сказать, Слик, как сказать…

Слик увидел, как мимо прокатил черный автомобиль.

— Эй, — начал было он, — Граф, то есть Бобби, что…

— Спокойно, — сказал Джентри, — просто посиди. Спокойно. Спокойно…

Глава 25

Назад на восток

Пока Келли и его ассистенты готовили для предстоящей поездки ее гардероб, Энджи чувствовала, будто сам дом оживает вокруг нее, готовясь к одному из своих коротких периодов запустения.

С того места, где она сидела в гостиной, до нее доносились голоса, чей-то смех. Одна из ассистенток, молоденькая девчушка, нацепив синий поликарбоновый экзоскелет, сносила вниз кофры от «Гермеса», будто невесомые блоки пенопласта. Тихонько жужжащий скелет мягко шлепал вниз по ступенькам плоскими динозавровыми лапа-

ми, неся в себе человеческое тело. Синий скелет, кожаные гробы.

Тут в дверях появился Порфир.

— Мисси готова?

Парикмахер успел облачиться в длинное свободное пальто из тонкой, как ткань, черной кожи, над каблуками черных лакированных сапог посверкивали шпоры из горного хрусталя.

— Порфир, — улыбнулась Энджи, — да ты сегодня в штатском. А у нас торжественный выход в Нью-Йорке.

— Камеры там установлены в твою честь, не в мою.

— Да уж, — протянула она, — в честь моего «нового включения».

— Порфир будет держаться на заднем плане.

— Никогда не думала, что ты станешь беспокоиться о том, как бы вдруг кого не затмить.

Он усмехнулся, показывая скульптурные, обтекаемые зубы — фантазия зубного врача-авангардиста на тему того, какими они могли бы вырасти у более быстрых, более элегантных существ.

— С нами полетит Даниэлла Старк. — До Энджи донесся звук снижающегося вертолета. — Она будет ждать нас в аэропорту Лос-Анджелеса.

— Мы ее придушим, — ответил он тоном заговорщика, набрасывая на плечи Энджи палантин из голубой лисы, выбранный для этого случая Келли. — Если мы пообещаем намекнуть новостям, что мотив был сексуальный, она, возможно, даже решит нам подыграть…

— Ты ужасен.

— Это Даниэлла ужас во плоти, мисси.

— Уж кто бы говорил.

— А? — Парикмахер сузил глаза. — Но зато у меня душа младенца.

Вертолет пошел на посадку.

О Даниэлле Старк, сотруднице стим-версий журналов «Вог-Ниппон» и «Вог-Европа», повсюду ходили слухи, что ей далеко за восемьдесят. Если это верно, подумала Энджи, тайком рассматривая фигуру журналистки, когда они втроем поднимались по трапу в «Лир», то по части пластической хирургии и косметологии Даниэлла Порфиру вполне под стать. На первый взгляд журналистке было чуть больше тридцати, и единственным заметным свидетельством, что она имела-таки дело с хирургами, была пара бледно-голубых «цейсовских» имплантатов. Один юный репортер из французского журнала мод как-то назвал их «модно устарелыми». Как поговаривали злые

языки в «Сенснете», этот репортер больше нигде и никогда не смог получить работу.

Энджи знала, что при первой же возможности Даниэлла заведет с ней разговор о наркотиках, о наркотиках знаменитостей, будет смотреть на нее в упор, широко, как школьница, распахнув васильковые глаза, чтобы заснять все на пленку.

Под грозным взором Порфира Даниэлла некоторое время пыталась сдерживаться — пока они не достигли крейсерской скорости где-то над Ютой.

— Я надеялась, — начала журналистка, — что кто-то поднимет этот вопрос до меня…

— Даниэлла, — остановила ее Энджи, — прими мои извинения. Как это невнимательно с моей стороны.

Она дотронулась до обшитой шпоном панели походной кухни «Хосака». Механизм мягко заурчал и начал выдавать крохотные тарелочки с копченой уткой цвета чая, устрицами на тостах под черным перцем; за пирогом с лангустами последовали кунжутные блинчики… Порфир, уловив намек Энджи, извлек бутылку охлажденного шабли — любимого вина Даниэллы, насколько помнила Энджи. Кто-то — уж не Свифт ли? — это помнил тоже.

— Наркотики, — сказала Даниэлла четверть

часа спустя, доедая утку.

— Не беспокойтесь, — заверил ее Порфир. — Когда вы прибудете в Нью-Йорк, там будет все, что пожелаете.

Даниэлла улыбнулась:

— Вы так забавны. А вам известно, что у меня есть копия вашего свидетельства о рождении? Я знаю ваше настоящее имя. — Все еще улыбаясь, она бросила на него многозначительный взгляд.

— Какая мне разница, — сказал он, наполняя ее бокал.

— Интересное замечание, учитывая врожденные дефекты. — Она пригубила вино.

— Врожденные, приобретенные… В наше время кто только себя не изменяет, не правда ли? И еще как! Кто укладывает вам волосы, дорогая? — Парикмахер подался вперед. — Вас, Даниэлла, спасает лишь то, что на вашем фоне прочие представители вашей породы и на людей-то не похожи.

Даниэлла улыбнулась.

Само интервью прошло довольно гладко. Даниэлла была достаточно опытна, чтобы не переступить в своих маневрах тот болевой порог, за которым могла бы столкнуться с серьезным сопротивлением со стороны жертвы. Но когда

она провела кончиком пальца по виску, нажимая на подкожную клавишу, которая выключила ее записывающее оборудование, Энджи напряглась в ожидании настоящей атаки.

— Спасибо, — сказала Даниэлла. — Остаток полета, конечно, не для эфира.

— А почему бы вам просто не выпить еще бутылку-другую и не вздремнуть? — спросил Порфир.

— Чего я действительно не понимаю, дорогая, — сказала Даниэлла, не обращая на него внимания, — так это зачем было утруждаться…

— Утруждаться, Даниэлла?

— Зачем вы вообще ложились в эту скучную клинику? Вы ведь говорили, что наркотики никак не влияют на вашу работу. Вы также говорили, что от них нет никакого кайфа в обычном понимании этого слова. — Она хихикнула. — Однако продолжаете настаивать на том, что это было вещество, вызывающее исключительно тяжелую зависимость. Так почему вы решили соскочить?

— Это было ужасно дорого…

— В вашем случае, конечно, вопрос чисто академический.

Верно, подумала Энджи, хотя неделя на этой дряни мне стоила твоего годового оклада.

— Наверное, мне опротивело платить за то, чтобы чувствовать себя нормальной. Или за слабое приближение к нормальности.

— У вас развился иммунитет?

— Нет.

— Как странно.

— Не так уж и странно. Наркодизайнеры конструируют вещества, не имеющие, как предполагается, традиционных побочных эффектов.

— Ага. Но как насчет нетрадиционных побочных эффектов, нынешних? — Даниэлла налила себе еще вина. — Естественно, я слышала и другую версию происшедшего.

— Правда?

— Конечно. Что это было, кто это делал, почему вы перестали.

— И?

— Что это был антипсихотик, произведенный в собственных лабораториях «Сенснета». Вы перестали его принимать, потому что предпочли остаться сумасшедшей.

Веки Даниэллы затрепетали, затуманивая сверкание голубых глаз. Порфир осторожно вынул из руки журналистки стакан.

— Спи спокойно, детка, — сказал он.

Глаза Даниэллы закрылись, и она начала мягко

посапывать.

— Порфир, что…

— Я подмешал ей в вино снотворное, — ответил парикмахер. — Она ничего не почувствовала, мисси. И потом не сможет вспомнить ничего, кроме того, что есть у нее в записи… — Он расплылся в улыбке. — Тебе ведь не хочется выслушивать треп этой суки всю дорогу до Нью-Йорка, правда?

— Но она же поймет, Порфир!

— Ничего она не поймет. Мы ей скажем, что она в одиночку уговорила три бутылки и напакостила в ванной. А чувствовать она себя будет соответственно. — Он плотоядно усмехнулся.

Час спустя Даниэлла Старк еще похрапывала — теперь уже довольно громко — на одной из двух откидных коек в хвостовой части салона.

— Порфир, — сказала Энджи, — как по-твоему, может она быть права?

Парикмахер уставился на нее своими невероятно красивыми, нечеловеческими глазами.

— И ты бы не знала?

— Я не знаю…

Он вздохнул:

— Мисси слишком тревожится. Ты теперь свободна. Наслаждайся этим.

— Но я и правда слышу голоса, Порфир.

— Разве мы все их не слышим, мисси?

— Нет, — ответила она, — не так, как я. Ты знаешь что-нибудь об африканских религиях, Порфир?

Он иронично усмехнулся:

— Так я же не африканец.

— Но когда ты был ребенком…

— Когда я был ребенком, — сказал Порфир, — я был белым.

— О черт…

Он рассмеялся:

— Религии, мисси?

— До того как я пришла в «Сенснет», у меня были друзья. В Нью-Джерси. Они были черными и… верующими.

Парикмахер поморщился и закатил глаза:

— Колдовские знаки, мисси? Петушиные лапки и мятное масло?

— Ты же знаешь, что это совсем не так.

— И что, если знаю?

— Не смейся надо мной, Порфир. Ты мне нужен.

— Я есть у мисси. И да, я знаю, что ты имеешь в виду. И это их голоса ты слышишь?

— Слышала. После того как я подсела на пыль,

они ушли…

— А теперь?

— Их нет.

Но момент был упущен, и она отказалась от мысли попытаться рассказать ему о Гран-Бригитте и о наркотике в кармане.

— Хорошо, — сказал он. — Это хорошо, мисси.

«Лир-джет» стал снижаться над Огайо. Порфир уставился перед собой в переборку, неподвижный как статуя. Глядя вниз на приближающуюся, пока еще скрытую облаками землю, Энджи вспомнила вдруг игру, в которую часто играла в детстве, когда летала на самолетах. Она тогда представляла, что бегает среди уплотнившихся, словно во волшебству, облачных пиков и каньонов. Те самолеты принадлежали, скорее всего, «Маас-Неотек». Теперь она летает на «лирах» «Сенснета». Коммерческие авиалайнеры оставались для нее лишь съемочными площадками стимов: первый перелет на только что восстановленном «Джей-Эй-Эль» «конкорде» из Нью-Йорка в Париж в обществе Робина и «сенснетовских» избранных.

Снижаемся. Уже над Нью-Джерси? Слышит ли ребятня, заполонившая детские площадки на крыше бовуаровской Новостройки, шум двигате-

лей? Скользит ли слабое эхо присутствия Энджи над барритаунским кондо, где прошло детство Бобби? Как немыслимо сложен этот мир, в котором корпоративная воля «Сенснета» сотрясает крохотные косточки в ушах никому не ведомых, ничего еще не ведающих детей…

— Порфир кое-что знает, — очень тихо сказал вдруг негр. — Но Порфиру нужно время, чтобы подумать, мисси…

Самолет разворачивался, заходя на посадку.

Глава 26

Куромаку

Салли молчала — и на улице, и в такси — всю долгую холодную дорогу до их отеля.

Салли и Суэйна шантажировал враг Салли, обитающий где-то «на верху колодца». Салли вынуждают похитить Энджи Митчелл. Сама мысль о том, что кто-нибудь может украсть звезду «Сенснета», показалась Кумико совершенно невероятной, как будто кто-то устраивал заговор с целью убить героя мифов.

Финн намекнул, что Энджи и так уже неким странным образом замешана в эту историю, но

он употреблял слова и идиомы, которых Кумико не понимала. Что-то в киберпространстве; какие-то люди заключают сделки с обитающим там существом или существами. Финн когда-то давно знавал парнишку, который стал потом любовником Энджи. Но разве ее любовник не Робин Ланье? Мать позволила Кумико посмотреть несколько стимов Энджи и Робина. Парнишка был ковбоем, воровал данные, как Тик в Лондоне…

А что с врагом, с той шантажисткой? Она сумасшедшая, говорил Финн, и ее безумие привело к развалу семейной империи. Эта женщина вроде бы жила совсем одна в своем древнем замке, доме под названием «Блуждающий огонек». Что такого сделала Салли, чтобы вызвать ее ненависть? Она в самом деле убила отца этой женщины? И кто были другие, те, которые умерли? Гайдзинские имена уже вылетели у девочки из памяти.

И узнала ли Салли то, что хотела узнать, повидав Финна? Кумико ждала под конец от бронированного святилища хоть какого-нибудь прорицания, но разговор-перепалка закончился ничем, гайдзинским ритуалом прощальных шуток.

В вестибюле отеля в голубом бархатном кресле ждал Петал, одетый по-дорожному. Его массив-

ное тело было облачено в серую шерстяную тройку. Когда они вошли, он поднялся с кресла, подобно некоему странному воздушному шару. Глаза глядели, как всегда мягко, поверх очков в стальной оправе.

— Здравствуйте, — кашлянув, произнес он. — Суэйн послал меня за вами. Чтобы я присмотрел за девочкой.

— Отвези ее обратно, — сказала Салли. — Сейчас же.

— Салли! Нет!

Но рука Салли уже крепко сомкнулась на локте Кумико, потащила ее к входу в неосвещенную комнату отдыха при вестибюле.

— Подожди там, — бросила Салли Петалу. — Послушай, — обратилась она к Кумико, затягивая девочку поглубже в тень, — ты сейчас вернешься обратно. Я не могу теперь допустить, чтобы ты оставалась со мной.

— Но мне там не нравится. Мне не нравится Суэйн, мне не нравится его дом… Я…

— Петала не бойся, — быстро шепнула Салли, наклонясь еще ближе. — В общем, я бы сказала, что я ему доверяю. Суэйн… ну, ты сама знаешь, кто такой Суэйн, но он человек твоего отца. Что бы у них ни случилось, тебя, я думаю, они в это

впутывать не станут. А вот если станет плохо, по-настоящему плохо, отправляйся в паб, где мы встречались с Тиком. «Роза и корона». Помнишь?

Кумико кивнула; глаза ее были полны слез.

— Если Тика там не будет, найди бармена по имени Биван и сошлись на меня.

— Салли, я…

— С тобой все в порядке, — сказала Салли и вдруг нагнулась и поцеловала девочку. Одна из линз на какое-то мгновение коснулась ее щеки, удивительно холодная и твердая. — Что до меня, малыш, меня тут уже нет.

Действительно никого — черная фигура растворилась в звенящей тишине комнаты отдыха, а в дверях уже стоял Петал и откашливался.

Перелет в Лондон был похож на долгую поездку в подземке. Петал коротал время, вписывая слова — по одной букве зараз — в какую-то идиотскую головоломку в английском ньюсфаксе. Время от времени он тихонько хмыкал себе под нос. Потом Кумико заснула, и ей приснилась мать…

— Обогреватель работает, — сообщил Петал по дороге из Хитроу.

В салоне «ягуара» было неприятно тепло, от сухого жара с запахом кожи болело в груди. Она

проигнорировала слова Петала, глядя на блеклый рассвет, на проступающую сквозь тающий снег черноту крыш, лес дымовых труб…

— Знаешь, он на тебя вовсе не сердится, — сказал Петал. — Он чувствует особую ответственность…

— Гири.

— Гм… да. Так вот, ответственность. Салли всегда была… как бы это назвать?… непредсказуемой, что ли, но мы не ожидали…

— Извини, мне не хочется разговаривать.

Его обеспокоенные глаза в зеркале заднего вида.

Подъездную дорожку обрамляли две вереницы припаркованных машин, длинных серебристо-серых автомобилей с затемненными стеклами.

— На этой неделе полно посетителей, — пояснил Петал, припарковывая «ягуар» напротив дома номер 17.

Он вышел, открыл перед ней дверцу. Девочка оцепенело последовала за ним через улицу и по серым ступенькам вверх; дверь им открыла приземистая красномордая личность в слишком тесном для нее темном костюме; Петал прошел мимо, охранника он словно бы не заметил.

— Стоять, — пролаял краснолицый. — Суэйн

сейчас с ней поговорит…

Петал застыл на месте. Смешок — и огромная туша с ошеломляющей легкостью развернулась на одном каблуке, и пухлые с виду руки схватили лацканы черного пиджака. Затрещали швы.

— В будущем проявляй хоть сколько-нибудь уважения, черт побери, — сказал Петал, не повышая голоса, но вся его усталая мягкость вдруг куда-то ушла.

— Прошу прощения, шеф. — Красное лицо стало заученно-пустым. — Он приказал передать вам…

— Пойдем, — сказал девочке Петал, отпуская темный с начесом лацкан. — Патрон просто хочет поздороваться.

Суэйн сидел за трехметровым обеденным столом в той же комнате, где Кумико впервые его увидела. Татуированные драконы прятались под белой рубашкой и шелковым галстуком. Когда Петал и Кумико вошли, он встретился с девочкой взглядом; его вытянутое лицо затенял зеленый абажур лампы, стоящей на столе возле небольшой консоли и толстой кипы факсов.

— Вот и славно, — сказал он. — Ну и как тебе Муравейник?

— Я очень устала, мистер Суэйн. Мне бы хотелось уйти в свою комнату.

— Мы очень рады твоему возвращению, Кумико. Муравейник — опасное место. И тамошние друзья Салли, пожалуй, совсем не подходящее для тебя общество. Твоему отцу вряд ли захочется, чтобы ты общалась с подобными людьми.

— Могу я подняться наверх?

— Ты встречала кого-нибудь из друзей Салли, Кумико?

— Нет.

— Правда? А что вы там делали?

— Ничего.

— Не надо на нас сердиться, Кумико. Мы ведь просто стараемся тебя защитить.

— Спасибо. Могу я теперь уйти к себе?

— Конечно. Ты, должно быть, очень устала.

Петал с ее чемоданом в руке вышел вслед за девочкой из столовой. Его серый костюм помялся за время полета. Кумико из осторожности не позволила себе даже поднять глаза, когда они проходили под мраморным бюстом, за которым, возможно, все еще прятался модуль «Маас-Неотек». Впрочем, в присутствии Петала и Суэйна забрать его все равно никакой возможности не было.

В доме чувствовалось нечто новое, какое-то оживление, отрывистое и приглушенное: голоса,

шаги, дребезжание лифта, бормотание труб, когда кто-то наполнял ванну.

Кумико сидела в изножье огромной кровати, глядя на черную мраморную ванну. Перед ней все еще стояли отрывочные образы Нью-Йорка. Стоило зажмурить глаза, и она снова сидела на корточках в тупике возле Салли. Салли, которая прогнала ее прочь. Салли, которая ушла и даже не оглянулась. Салли, чье имя было когда-то Молли, а может, Мисти, а может, и то и другое. И снова — ее никчемность. Сумида, мать качается в черной воде. Отец. Салли.

Через несколько минут, подгоняемая любопытством, пересилившим на время стыд, она встала, пригладила волосы, сунула ноги в тонкие черные гольфы с рубчатыми подошвами и тихонечко выскользнула в коридор. Из прибывшего лифта пахнуло сигаретным дымом. Краснолицый шагал взад-вперед по голубому ковру фойе, засунув руки в карманы тесного черного пиджака.

— Эй, — сказал он, поднимая брови, — тебе что-нибудь нужно?

— Я хочу есть, — ответила она по-японски. — Я иду на кухню.

— Эй, — повторил он, вытаскивая руки из карманов и одергивая пиджак, — ты говоришь

по-английски?

— Нет, — отозвалась она, проходя мимо него по коридору и сворачивая за угол.

Очередное «эй» прозвучало еще более встревоженно, но девочка уже шарила за мраморным бюстом. Она успела опустить модуль в карман за секунду до того, как появился охранник. Профессиональным взглядом он осмотрел помещение — руки расслабленно свисают вдоль тела, — и это сразу напомнило ей о секретарях отца.

— Я хочу есть, — сказала она по-английски.

Пять минут спустя Кумико вернулась к себе с большим и очень британским по виду апельсином: англичане, похоже, не придавали особого значения симметричной форме плодов. Закрыв за собой дверь, она положила апельсин на широкий край черной ванны и вынула из кармана модуль.

— Теперь поскорее открой корпус и передвинь рычажок «A/B» в положение «A», — сказал Колин, сфокусировавшись и отбросив челку со лба. — При новом режиме тут завелся специальный техник — ходит по дому и сканирует каждую щель в поисках жучков. Как только ты изменишь настройку, ни один прибор не распознает во мне подслушивающее устройство.

Воспользовавшись булавкой, она передвинула рычажок.

— О чем ты, что за новый режим? — спросила девочка, выговаривая слова одними губами.

— Ты разве не заметила? Здесь теперь по меньшей мере дюжина прислуги, не говоря уже о бесчисленных посетителях. Впрочем, скорее это не новый режим, а усиление стандартной процедуры. Мистер Суэйн — довольно общительный человек, на свой, я бы сказал, завуалированный манер. Например, беседа между Суэйном и заместителем главы Особого отдела — могу себе представить, сколько народу хоть на убийство пойдет, лишь бы заполучить эту запись, и сам вышеупомянутый замглавы в первую очередь.

— Особый отдел?

— Тайная полиция. Странную компанию, черт побери, он водит, этот Суэйн: типы из Бук-Хауса, бандитские царьки Ист-Энда, старшие офицеры полиции…

— Бук-Хаус?

— Так тут называют Букингемский дворец. Не говоря уже о сомнительных банкирах из Сити, звезде симстима, стайке дорогих сводников, наркодельцах…

— Здесь была стим-звезда?

— Был. Ланье, Робин Ланье.

— Робин Ланье? Он был здесь?

— На следующее утро после твоего внезапного отъезда.

Она заглянула в прозрачные зеленые глаза Колина.

— Ты правду мне говоришь?

— Да.

— Всегда?

— Насколько мне известно, всегда.

— Что ты такое?

— Личностная база данных биочипа «Маас-Неотек», запрограммированная на помощь и содействие японскому гостю в Соединенном Королевстве, — подмигнул он.

— Почему ты подмигиваешь?

— А ты как думаешь?

— Отвечай на вопрос! — Ее голос эхом прокатился по зеркальной комнате.

Призрак приложил к губам тонкий палец.

— Ну ладно, я — кое-что еще. Признаюсь, я проявляю, пожалуй, чуть больше инициативы, чем полагается обычной гид-программе. Модель, на которой я основан, лучшая в своем поколении. Однако я не могу тебе точно сказать, что я такое, так как сам этого не знаю.

— Не знаешь? — Снова осторожно, губами.

— Вообще-то, я много чего знаю, — сказал он, подходя к одному из мансардных окон. — Я знаю, например, что сервировочный столик в Миддл-Темпл-Холле считается сделанным из древесины обшивки «Золотой лани»[102]; знаю, что для того, чтобы подняться на Тауэрский мост, нужно одолеть сто двадцать восемь ступеней, знаю, что на Вуд-стрит прямо за Чипсайдом есть дерево, о котором говорят, что именно в его листве громко пел вордсвортовский дрозд[103]. — Колин резко повернулся и взглянул ей в лицо. — Однако это не так, потому что теперешнее дерево было клонировано с оригинала в тысяча девятьсот девяносто восьмом году. Видишь ли, я знаю все это и много больше. Я, например, мог бы обучить тебя азам

---

[102] Примечания: 102

Миддл-Темпл-Холл — бывший судебный двор в квартале одной из юридических коллегий, построенный ок. 1570 г., памятник елизаветинской архитектуры. *«Золотая лань»* — галеон, на котором Френсис Дрейк в 1577–1580 гг. совершил кругосветное плавание.

[103] Примечания: 103

Речь о хрестоматийном стихотворении Уильяма Вордсворта «Мечтания бедной Сьюзен» (1797):

Вот, на лондонской Вуд-стрит с лучами восхода
Громко дрозд распевает — уж целых три года.
Сьюзен мимо проходит — и слышит, бедняжка:
Тихим утром вовсю разливается пташка.
Трель волшебна, а Сьюзен томится в печали:

Видит купы деревьев, холмистые дали;
Всю-то Лотбери светлый туман обволок,
По долине Чипсайда струится поток.
Зелень пастбищ ей чудится там, за пригорком,
Где частенько она торопилась с ведерком,
Домик низкий, что схож с голубиным гнездом, —
Милый сердцу, любимый, единственный дом.
Сьюзен — словно в раю, но для девушки бедной
Чудеса исчезают и тают бесследно:
Смолк ручей, гаснут краски, размылся простор —
И завесою серой затуманился взор!

(Перевод Сергея Сухарева)

игры на бильярде. Это то, что я есть, или, скорее, то, для чего я первоначально предназначался. Но я также и кое-что иное. И вот это, скорее всего, как-то связано с тобой, правда, не знаю как.

— Тебя подарил мне отец. Ты как-то с ним связываешься?

— Насколько мне известно, нет.

— Ты не сообщал ему о моем отъезде?

— Ты не понимаешь, — возразил призрак. — Я не осознавал, что ты уезжала, пока ты не активировала меня минуту назад.

— Но ты же записывал…

— Да, но не сознавая этого. Я только тогда «здесь», когда ты меня активируешь. Тогда я оцениваю текущую информацию… Одно могу сказать с большой долей вероятности: из этого дома вряд ли возможно послать хоть какое-то сообщение, чтобы его тут же не засекли слухачи Суэйна.

— Может ли вас быть больше, ну, в смысле, не сидит ли в твоем модуле еще один призрак?

— Мысль интересная, но ответ отрицательный, разве что придется предположить какую-нибудь жутко засекреченную промышленную революцию. Мое железо наполняет данный корпус целиком. Это я почерпнул из архива общих све-

дений о технологиях «Мааса».

Девочка задумчиво посмотрела на черный модуль.

— Ланье, — сказала она. — Расскажи мне.

— Десять часов двадцать пять минут шестнадцать секунд, — произнес призрак.

Голову Кумико заполнили бестелесные голоса.

Петал: Будьте так добры последовать за мной, сэр…

Суэйн: Проходите в бильярдную.

Третий голос: Лучше бы у вас были на то серьезные причины, Суэйн. В машине ждут три человека «Сенснета». Ваш адрес останется в базе данных службы безопасности на веки вечные.

Петал: Прекрасная машина, сэр, этот ваш «даймлер». Могу я принять у вас пальто?

Третий голос: В чем дело, Суэйн? Почему нельзя было встретиться у Брауна?

Суэйн: Снимите пальто, Робин. Она уехала.

Третий голос: Уехала?

Суэйн: В Муравейник. Сегодня утром.

Третий голос: Но сейчас еще не время…

Суэйн: Вы думаете, это я ее послал?

Ответ незнакомца прозвучал неразборчиво, приглушенный закрывшейся дверью.

— Это был Ланье? — беззвучно спросила Ку-

мико.

— Да, — ответил Колин. — Петал обратился к нему по имени в предыдущем разговоре. Суэйн и Ланье провели вместе двадцать пять минут.

Скрежет петель, шаги.

Суэйн: Просрали, конечно, но только не я. Я говорил вам, что это за птица, просил вас предупредить их. Прирожденная убийца, вероятно, психопатка…

Ланье: Это ваша проблема, а не моя. Вам нужны и их товар, и мое сотрудничество.

Суэйн: А в чем *ваша* проблема, Ланье? Как вы-то в это впутались? Просто чтобы убрать с дороги Митчелл?

Ланье: Где мое пальто?

Суэйн: Петал, чертово пальто мистера Ланье.

Петал: Сэр.

Ланье: У меня такое впечатление, что ваша девица-бритва нужна им не меньше, чем Энджи. Ее тоже заберут.

Суэйн: Удачи им. Она уже на месте, в Муравейнике. Говорил с ней по телефону час назад. Я сведу ее с моим человеком, тем, который готовит… девушку. И вы тоже возвращаетесь за океан?

Ланье: Сегодня вечером.

Суэйн: Ну, тогда не беспокойтесь.

Ланье: До свидания, Суэйн.

Петал: Настоящий ублюдок, этот актеришка.

Суэйн: Не нравится мне все это…

Петал: Но товар тебе нравится, верно?

Суэйн: Тут жаловаться не приходится, товар первый сорт, но зачем, скажите на милость, им понадобилась еще и Салли?

Петал: Бог весть. Они сами не знают, с кем связались.

Суэйн: Они. Не люблю я, когда говорят «они»…

Петал: Возможно, они будут не в восторге, когда узнают, что она отправилась туда сама по себе, да еще с дочерью Янаки…

Суэйн: Это точно. Но мисс Янака мы уже заполучили назад. Завтра скажу Салли, что Прайор в Балтиморе, приводит девицу в форму…

Петал: Грязное это дело…

Суэйн: Принеси кофейник в кабинет.

Девочка лежала на спине с закрытыми глазами. Записи Колина прокручивались в ее голове: прямой ввод в слуховые нервы. Судя по всему, Суэйн большую часть своих дел обделывал в бильярдной, это означало, что люди прибывали и отбывали, а она слышала только начало и хвосты разговоров. Двое мужчин, одним из которых мог быть красномордый, вели нескончаемую

дискуссию о собачьих бегах и ставках на завтра. С особым интересом она прослушала беседу, в ходе которой Суэйн и человек из Особого отдела (Суэйн называл его ОО) обговаривали один из пунктов сделки прямо под мраморным бюстом, когда гость собирался уходить. Девочке пришлось раз десять останавливать этот отрывок, чтобы затребовать разъяснений. Колин выдавал логичные догадки.

— Это очень коррумпированная страна, — сказала наконец Кумико, глубоко потрясенная услышанным.

— Наверное, не более, чем твоя собственная, — был ответ.

— Но чем Суэйн всем им платит?

— Информацией. Я сказал бы, что наш мистер Суэйн недавно завладел первоклассным источником информации и занят обращением ее в иные ценности, то есть в деньги и власть. На основании того, что мы услышали, рискну предположить, что это вполне в русле его обычной деятельности. Очевидно, однако, что он идет вверх, становится большой шишкой. Мне кажется, в настоящее время он более влиятельный человек, чем был неделю назад. Судя по тому факту, что набирают дополнительный персонал…

— Я должна рассказать… моему другу.

— Ширс? Рассказать ей что?

— То, что сказал Ланье. Что ее возьмут вместе с Анджелой Митчелл.

— Так где же она?

— В Муравейнике. Отель…

— Позвони ей. Но не отсюда. У тебя есть деньги?

— Чип «Мицу-банка».

— Прости, для здешних автоматов это не подойдет. Монеты есть?

Встав с постели, Кумико тщательно перебрала случайную английскую мелочь, скопившуюся на дне сумочки.

— Вот, — сказала она, отыскав толстую позолоченную монету, — десять фунтов.

— Для одного только местного звонка понадобится две таких.

Она бросила металлический червонец обратно в сумочку.

— Нет, Колин, не по телефону. Я знаю лучший способ. Я хочу уйти отсюда. Сегодня же. Ты мне поможешь?

— Конечно, — ответил призрак, — хотя мой тебе совет: не делай этого.

— Но я уйду.

— Очень хорошо. Как ты предлагаешь это совершить?

— Скажу им, что мне нужно за покупками.

Глава 27

Злая дама

Как решила Мона впоследствии, женщина появилась примерно сразу после полуночи, потому что это было уже после того, как Прайор вернулся со второй упаковкой крабов. Крабы у них тут в Балтиморе оказались действительно что надо, со сна и от нервов ей все время хотелось есть, так что она уговорила его пойти принести еще. Постоянно заходил Джеральд, чтобы поменять дермы у нее на руках. Всякий раз она встречала его лучшей своей бессмысленной улыбкой, выдавливала после его ухода из дермов жидкость и прилепляла их снова. Наконец Джеральд сказал, что ей надо поспать, выключил лампы и прикрутил ложное окно до минимальной яркости — кроваво-красного заката.

Снова оставшись одна, Мона опустила руку между стеной и койкой, нащупала шокер…

Потом, сама того не желая, она заснула, крас-

ный свет от окна — как закат в Майами, и ей, наверное, снился Эдди или, во всяком случае, танцзал Крючка. Во сне она плясала с кем-то на тридцать третьем этаже, потому что, когда ее разбудил грохот, она, хотя и не была уверена, где находится, тут же представила в голове четкую схему, как убраться из клуба. Например, она мгновенно сообразила, что, если тут случилась заварушка, спускаться лучше по лестнице…

Мона наполовину выбралась из койки, когда в дверь влетел Прайор. Влетел в прямом смысле. Дверь при этом была закрыта. Влетел он спиной вперед, дверь же разнесло в щепки.

Мона увидела, как Прайор ударился о стену, потом сполз на пол и вообще перестал двигаться, а в освещенном дверном проеме возник кто-то еще. Лица человека видно не было — только два изогнутых отражения фальшивого красного заката.

Мона быстро втянула ноги обратно на койку, перекатилась к стене, ее рука скользнула…

— Не шевелись, сучка.

В голосе было что-то такое, от чего по спине у Моны побежали мурашки, и именно потому, что звучал он чертовски весело. Как будто нет ничего приятнее, чем проломить кем-то дверь. Особенно если этот кто-то — Прайор.

— Я говорю, и пальцем не шевели…

Женщина в три шага пересекла комнату и была уже совсем близко, настолько близко, что Мона почувствовала холод, исходивший от ее кожаной куртки.

— Ладно, — выдавила Мона, — ладно…

Тут холодные руки подняли ее рывком, а потом она оказалась распластанной на спине — плечи сильно вдавлены в темперлон и что-то — шокер? — уткнулось ей прямо в лицо.

— Откуда у тебя эта штучка?

— Ну, — выдавила Мона, словно речь шла о чем-то однажды виденном, но после совершенно забытом, — это было в куртке моего парня. Я одолжила у него куртку…

Сердце у Моны билось где-то под горлом. Что-то в этих очках…

— А этот ублюдок знал о ней?

— Кто?

— Прайор, — сказала женщина и, отпустив ее, повернулась к Прайору.

Тут она его пнула — раз, другой, потом еще и еще — и довольно сильно.

— Нет, — сказала женщина, так же внезапно останавливаясь, — не думаю, что он знал.

В дверях возник Джеральд; вид у него был

такой, как будто вообще ничего особенного не случилось, за исключением сломанной двери. Он с сожалением поглядел на ее остатки, те, что еще держались у косяка, провел большим пальцем по краю разлетевшейся в щепы филенки.

— Хочешь кофе, Молли?

— Два кофе, — ответила женщина, рассматривая шокер. — Мне — черный.

Мона маленькими глоточками пила кофе и изучала прикид и прическу незнакомки. Обе они ждали, когда очнется Прайор. По крайней мере, ничего другого они как будто не делали. Джеральд снова куда-то исчез.

Та, которую Джеральд называл Молли, не походила ни на один тип женщин, которых Мона когда-либо видела. Моне никак не удавалось определить, что у нее за стиль; единственное, в чем Мона была уверена, так в том, что денег у этой Молли хватает. Прическа Молли была европейской, Мона видела такие в журнале. Она была, в общем-то, уверена, что в нынешнем сезоне так не стригутся нигде, но прическа удачно сочеталась со стеклами, которые оказались имплантатами, вживленными прямо в кожу. Мона видела такие однажды у таксиста в Кливленде. И на женщине была короткая куртка очень

темного коричневого цвета — на вкус Моны, слишком строгая, но явно новая и с широким овчинным воротником. Куртка была распахнута, и под ней, закрывая грудь и живот, виднелась странная зеленая штука, похожая на броник, — скорее всего, догадалась Мона, это и есть броник. Джинсы скроены из какой-то серо-зеленой, как бы мшистой замши, толстой и мягкой — Мона подумала, что это лучшее в прикиде незнакомки. Она сама была бы не прочь заиметь такие же, разве что их портили ботинки. Высокие черные ботинки, вроде байкерских, на толстой подошве из желтой резины, с широкой темной застежкой поперек подъема и сверху донизу в хромированных пряжках, а еще эти ужасные квадратные носы. И откуда у нее такой лак для ногтей, цвета красного вина? Мона даже не думала, что такой еще производят.

— На что ты там, черт побери, пялишься?

— А… ваши ботинки…

— Ну и?

— Они не подходят к брюкам.

— Специально их надела, чтобы выбить дурь из Прайора.

Прайор на полу застонал и стал изображать рвотные позывы. Мона почувствовала, что ее

сейчас тоже стошнит, и попросилась в ванную.

— Не пытайся сбежать.

Женщина, казалось, наблюдала за Прайором поверх чашки, но за этими стеклами… Кто знает, куда она на самом деле смотрит?

Как-то она оказалась в ванной — сидела на унитазе с косметичкой, пристроенной на коленях, и поспешно готовила дозу. Кристалл размолола недостаточно мелко, так что наркотик опалил нёбо, но, как говаривала Ланетта, «не всегда же есть время на приятные мелочи». И опять же, разве ей теперь не намного лучше? В ванной Джеральда был небольшой душ, но, судя по виду, им очень давно не пользовались. Присмотревшись поближе, Мона заметила, что вокруг стока наросла серая плесень и виднелись пятна какой-то грязи, очень похожей на засохшую кровь.

Вернувшись, она увидела, что женщина отволокла Прайора в соседнюю комнату и пытается поднять его на ноги. Мона разглядела, что Прайор в носках и без ботинок, как будто собирался соснуть. На голубой рубашке темнели пятна крови, и лицо было сплошь в синяках.

Если Мона что и испытывала, когда наступал приход, так это чистое и невинное любопытство.

— Что вы делаете?

— Думаю, придется его разбудить, — сказала женщина так, как говорят в подземке о заспавшемся пассажире, который вот-вот пропустит свою остановку.

Мона прошла за ней в рабочую комнату Джеральда, где все было белым и по-больничному чистым. Она молча смотрела, как женщина взгромоздила Прайора в кресло наподобие парикмахерского — со всякими рычагами, кнопками и прочими причиндалами. Похоже, дело не в том, что она такая сильная, подумалось Моне, просто она знает, как и куда двигать свой вес. Голова Прайора свесилась на сторону, когда женщина закрепила его поперек груди черным ремнем. Мона начала было уже испытывать к нему жалость, но тут вспомнила Эдди.

— Что это?

Женщина наполняла белый пластиковый сосуд водой из хромированного крана.

Мона все пыталась это произнести, чувствуя, как под действием магика сердце норовит выскочить из груди. «Он убил Эдди», — пыталась сказать она, но ничего не выходило. Но потом, наверное, что-то получилось, поскольку женщина ответила:

— Ну, с него станется… если ему позволить.

Она выплеснула воду на Прайора — в лицо и по всей рубашке. Глаза его распахнулись; белок левого был целиком красным. Щелчок, между металлическими зубцами шокера проскочили белые искры, когда женщина поднесла их к мокрой рубашке. Прайор заорал.

Джеральду пришлось опуститься на четвереньки, чтобы извлечь Мону из-под койки. Руки у него были мягкие и прохладные. Мона никак не могла вспомнить, как она там оказалась, но сейчас кругом все было тихо.

— Ты пойдешь с Молли, Мона, — сказал Джеральд; он был в сером пальто и черных очках.

Ее начало трясти.

— Думаю, стоит дать тебе что-нибудь от нервов.

Мона вырвалась и отпрянула:

— Нет! Не прикасайся ко мне, черт тебя побери!

— Оставь ее, Джеральд, — сказала от двери женщина. — Тебе пора уходить.

— По-моему, ты сама не знаешь, во что ввязалась, — ответил врач, — но все равно — удачи.

— Спасибо. Будешь скучать по этому месту?

— Едва ли. Я все равно собирался уйти на покой.

— И я собиралась, — сказала женщина, и Джеральд ушел, даже слова не сказав Моне на прощание.

— Есть какие-нибудь вещи? — спросила женщина. — Собери. Мы тоже уходим.

Одеваясь, Мона обнаружила, что платье на ее новой груди не сходится, так что пришлось оставить его незастегнутым, поверх надеть куртку Майкла и до подбородка поднять молнию.

Глава 28

Компания

Иногда ему было просто необходимо постоять здесь, глядя на Судью, или присесть на корточки на бетонном полу возле Ведьмы. Время, проведенное с ними, будто удерживало память от перескоков, ставило преграду не самим рецидивам, а тому порой возникавшему у него ощущению, отрывистому, неотчетливому чувству, будто пленка памяти все соскакивает и соскакивает с катушки, ее зажевывает… и с каждым разом теряются, уходят частички пережитого… Так и теперь — он сидел, а автоматы делали свое дело, и наконец он заметил, что рядом с ним примо-

стилась Черри.

Джентри остался наверху, на чердаке, с Образом, который он наконец уловил. Он все нес что-то об «узле макроформа». А потому едва выслушал то, что Слик пытался ему рассказать о доме, обо всем этом безлюдном месте и о Бобби Графе.

Так что Слик спустился посидеть перед Следователем в темноте и холоде, мысленно перебирая все операции по его сборке, и какие для этого потребовались инструменты, и где именно он откопал каждую из деталей, а потом Черри, протянув руку, коснулась его щеки холодными пальцами.

— Ты в порядке? — спросила она. — Я подумала, может, на тебя опять накатило…

— Нет. Просто иногда мне надо здесь посидеть.

— Но он подключил тебя к ящику Графа, да?

— Бобби, — сказал Слик, — его зовут Бобби. Я его видел.

— Где?

— Там, внутри. Там целый мир. Там есть серый дом, очень странный, вроде замка, и он в нем живет.

— Сам по себе?

— Он сказал, что Энджи Митчелл тоже…

— Наверное, он спятил. А она была там?

— Я ее не видел. Видел машину. Он сказал, что это ее.

— Последнее, что я слышала: она зависла в какой-то наркоклинике для знаменитостей на Ямайке.

— Не знаю, — пожал он плечами.

— Какой он из себя?

— Выглядит моложе. Кто угодно выглядел бы паршиво со всеми этими трубками и прочей дрянью. Сообразил, что Малыш Африка сбагрил его нам сюда с перепугу. Он сказал, что, если его придут искать, нужно подключить его к матрице.

— Зачем?

— Не знаю.

— Надо было спросить.

Он снова пожал плечами.

— Видела где-нибудь Пташку?

— Нет.

— Пора бы ему уже и вернуться… — Слик встал.

Пташка вернулся на закате, на мотоцикле Джентри. Темные крылья волос намокли от снега и мотались у него по плечам, пока он трясся через Пустошь. Слик поморщился: парень шел не на той передаче. Пташка поднимался по склону из расплющенных баков и нажал на тормоза как

раз в тот момент, когда стоило дать газ. Черри охнула, увидев, как Пташка и мотоцикл распрощались друг с другом в воздухе. Мотоцикл на секунду завис, прежде чем, сделав сальто, рухнуть в нагромождение ржавых листов металла, составлявших когда-то одну из внешних построек Фабрики, а Пташка все катился и катился по зазубренному склону.

Почему-то грохота Слик так и не услышал. Он стоял рядом с Черри в укрытии на грузовой платформе без дверей, а потом — без всякого перехода — уже несся на разъезжающихся ногах по снегу. Пташка лежал на спине с окровавленными губами, рот закрыт путаницей шнурков и амулетов, которые он носил на шее.

— Не трогай его, — сказала Черри. — Может, сломаны ребра или внутри все отбито…

На звук ее голоса Пташка открыл глаза. Вытянул губы и сплюнул кровь и обломок зуба.

— Не шевелись, — сказала девушка, опускаясь рядом с ним на колени и переключаясь на не допускающий возражений тон, которому она выучилась в школе медтехов. — Возможно, ты ранен.

— Ч-черта с два, дамочка, — выдавил тот и с помощью Слика с трудом встал на ноги.

— Кровотечение, — сказала девушка. — Ладно, задница. Можно подумать, мне очень хочется тут с тобой возиться.

— Не достал, — сказал Пташка, размазывая по лицу кровь. — Фургон то есть.

— Это я вижу, — ответил Слик.

— Марви и ребята, они не одни, у них там целая компания. Слетелись, как мухи на навоз. Пара ховеров, вертолет… Все эти парни.

— Какие парни?

— Вроде вояк, но они не солдаты. Солдаты валяют дурака, ржут, когда начальство не смотрит. А эти не так.

— Копы?

Марви и двое его братьев выращивали мутировавшие псилоцибины в дюжине полузарытых в землю железнодорожных цистерн. Иногда они пытались варить примитивные амины, но их самопальная лаборатория то и дело взрывалась. Это были ближайшие, если так можно назвать, постоянные соседи Фабрики. В шести километрах.

— Копы? — Пташка выплюнул еще один кусок зуба и с ухмылкой пощупал десну окровавленным пальцем. — Да что Марви такого незаконного делают? И с каких это пор копы могут позволить себе столько барахла: новехонькие ховеры, новая

«хонда»?… — Он хмыкнул сквозь пленку слюны и крови. — Я поболтался по Пустоши, поглядел на них в трубу. Они не из тех ребят, с кем мне хотелось бы потрепаться, тебе бы тоже не захотелось. Как по-твоему, я вконец раздолбал мотоцикл Джентри?

— За мотоцикл не беспокойся, — сказал Слик. — Я думаю, Джентри занят другим.

— Эт' хорошо… — Пташка поплелся по направлению к Фабрике, чуть не упал, но удержался и побрел дальше.

— Да он упоротый, — сказала Черри.

— Эй, Пташка, — окликнул Слик, — а что с тем пакетом, который я тебе дал для Марви?

Пташка качнулся, сделал еще шаг, потом с трудом обернулся к ним:

— Потерял.

Потом он исчез, свернув за угол из гофрированной стали.

— Может, они ему приглючились? — предположила Черри. — Я имею в виду тех парней. И вообще все, что он видел.

— Сомневаюсь, — ответил Слик, утягивая ее поглубже в тень, когда к Фабрике из зимних сумерек скользнула черная «хонда» с погашенными огнями.

Взбираясь по раскачивающимся лестницам, он слышал, как «хонда» совершает над Фабрикой уже пятый круг: каждый раз вибрировала и гремела железная крыша. Теперь-то, подумал Слик, Джентри должен понять, что у них гости. Шаткий подвесной мостик Слик одолел в десять широких осторожных шагов. Он уже начал сомневаться, удастся ли вообще спустить Графа с его носилками, не приварив дополнительную продольную штангу через пролет.

На залитый светом чердак он вошел без стука. Джентри сидел у верстака, склонив голову набок и глядя в широкое слуховое окно, заделанное прозрачным пластиком. На верстаке была свалена груда каких-то компьютерных деталей и мелких инструментов.

— Вертолет, — сказал Слик, тяжело дыша после крутого подъема.

— Вертолет, — задумчиво кивнул Джентри; подпрыгнул хвост спутанных волос. — Похоже, они что-то ищут.

— Я думаю, они это только что нашли.

— Наверное, это «Ядерная комиссия».

— Пташка видел людей у дома Марви. Говорит, у них там был вертолет. Ты меня не слушал, когда я пытался тебе объяснить, что он сказал.

— Пташка? — Джентри опустил глаза на блестящие детальки на верстаке. Подобрал два фитинга и скрутил их вместе.

— Граф! Он сказал мне…

— Бобби Ньюмарк, — перебил его Джентри, — да-да. Теперь я знаю о Бобби Ньюмарке гораздо больше.

За спиной Слика в дверях появилась Черри.

— Тебе придется что-то сделать с мостиком, — сказала она, сразу же подходя к носилкам, — он слишком трясется. — И наклонилась проверить показания приборов.

— Подойди сюда, Слик. — Джентри встал и подошел к проекционному столу.

Слик последовал за ним, взглянул на светившееся там изображение. Оно напомнило ему ковры, которые он видел в сером доме, те же узоры и сочетания — только эти были сотканы из тончайших нитей неона и сплетались наподобие бесконечного узла. От попытки заглянуть в центр этого узла у Слика заболела голова. Он отвел взгляд.

— Что это? — спросил он Джентри. — То, что ты всегда искал?

— Нет. Я же тебе говорил. Это всего лишь узел, макроформ. Модель…

— У него там дом, похожий на замок, и трава, и деревья, и небо…

— У него гораздо больше всего. На целую вселенную больше. То, что ты видел, — конструкт, сработанный из коммерческого стима. А у него там — абстракция общей суммы всех данных, составляющих киберпространство. И все равно это намного ближе, чем мне удавалось подобраться раньше… Он не сказал тебе, что он там делает?

— Я не спрашивал.

— Тогда тебе придется сходить к нему еще раз.

— Эй, Джентри. Послушай. Этот вертолет, он вернется. Он вернется с двумя грузовиками парней, которые, как говорит Пташка, похожи на солдат. Они охотятся не за нами. Они пришли за ним.

— Может, это его люди. Может, они охотятся на нас.

— Да нет же. Он ведь мне сам говорил. Он сказал, что, если появится кто-то по его душу, мы по уши в дерьме и нам нужно подключить его к матрице.

Джентри опустил глаза на проводки, которые все еще держал в руке.

— Мы поговорим с ним, Слик. Ты возвращаешься — и на этот раз я иду с тобой.

Глава 29

Зимний путь[104]

Петал наконец дал согласие — но и то лишь после того, как Кумико предложила позвонить отцу и спросить разрешения у него. Петал с несчастным видом отправился шаркать шлепанцами в поисках Суэйна, а когда вернулся, вид у него не стал счастливее — ответом было «да». Закутанная в несколько слоев самой теплой своей одежды, она стояла в белом фойе, изучая литографии с охотничьими сценками, пока Петал за закрытыми дверьми инструктировал красномордого, которого, как выяснилось, звали Дик. Девочка не могла расслышать отдельных слов, до нее доносился лишь водопад предостережений вполголоса. Модуль «Маас-Неотек» лежал у нее в кармане, но она не спешила его касаться. Колин уже дважды принимался ее отговаривать.

Но вот лекция Петала закончилась, появился Дик. Его маленький жесткий рот был растянут в

---

[104] Примечания: 104

«Зимний путь» («Winterreise») — второй вокальный цикл Франца Шуберта, сочинен на стихи Вильгельма Мюллера в 1827 г.; сам Шуберт называл это свое произведение «венком жутких песен».

улыбке. Под тесный черный костюм он надел розовую кашемировую водолазку и тонкий овечьей шерсти жилет. Черные волосы плотно прилипали к черепу охранника, а бледные щеки затеняла успевшая отрасти щетина. Кумико легонько сжала в кармане модуль.

— Привет, — сказал Дик, оглядывая ее с ног до головы. — Так куда мы пойдем на прогулку?

— На Портобелло-роуд, — подсказал Колин, прислонившийся к стене возле загроможденной пальто вешалки.

Дик, протянув руку сквозь Колина, снял с плечиков пальто, надел его и застегнул. Затем натянул пару солидных черных кожаных перчаток.

— На Портобелло-роуд, — сказала Кумико, отпуская модуль.

— И давно вы работаете на мистера Суэйна? — спросила девочка, когда они шли по обледенелой подъездной дорожке.

— Достаточно давно, — ответил краснолицый. — Смотри не поскользнись, на таких-то каблучищах…

Кумико семенила на модных французских шпильках. Как она и предполагала, в этих сапогах было почти невозможно передвигаться по стеклянистой щербатой наледи тротуаров. Для

равновесия она взяла охранника за руку, почувствовав под пальцами полосу металла поперек костяшек. Перчатки были утяжеленными, пальцы усилены поликарбоновой сеткой.

Дик всю дорогу молчал, пока они не свернули на боковую улицу в конце подъездной дорожки, но, когда они вышли на Портобелло-роуд, внезапно остановился.

— Простите, мисс, — сказал он с некоторой заминкой в голосе, — это правда, что говорят ребята?

— Ребята? Прошу прощения?

— Ну, суэйновские. Его постоянные кадры. Они говорят, что вы дочь большого человека, токийского бонзы.

— Простите, — сказала она, — я вас не понимаю.

— Янака. Ваша фамилия Янака?

— Да, Кумико Янака…

Дик уставился на нее с откровенным любопытством. Потом по его лицу прошла тень тревоги, и он осторожно и очень внимательно огляделся по сторонам.

— Господи, — вырвалось у него, — так, значит, это правда… — Все его приземистое тело напряглось под туго застегнутым пальто. — Шеф сказал,

вы хотите пойти за покупками?

— Да, спасибо.

— Куда мне вас отвести?

— Сюда, — сказала она, уводя его в узкую галерею, основательно захламленную британским гоми.

Как выяснилось, экспедиции за покупками в Синдзюку сослужили ей хорошую службу и здесь. Приемы, которые она выдумывала, чтобы помучить секретарей отца, оказались вполне эффективными и на этой прогулке с Диком: бедолаге-охраннику пришлось включаться в бессмысленные дискуссии при выборе какого-нибудь эдвардианского медальона или фрагмента «старинного» витража. И каждый раз выходило так, что она покупала только вещи хрупкие, или тяжелые, или неудобные для переноски — и обязательно дорогие. Весело болтающая на двух языках продавщица любезно взяла у Кумико ее чип «Мицу-банка» и сняла за очередную покупку восемьдесят тысяч фунтов. Девочка потихоньку опустила руку в карман, где лежал модуль «Маас-Неотек».

— Очень изысканно, — сказала по-японски англичанка, упаковывая покупку — вазу из позолоченной бронзы, инкрустированную гри-

фонами.

— Полный кошмар, — прокомментировал по-японски Колин. — К тому же подделка. — Он растянулся на очень викторианской с виду софе, набитой конским волосом, закинув ноги на коктейльную стойку в стиле ар-деко, поддерживаемую двумя несущимися в полете алюминиевыми ангелами.

Продавщица добавила вазу к поклаже Дика. Это был одиннадцатый по счету антикварный магазин и восьмая покупка японки.

— Думаю, тебе пора делать свой ход, — посоветовал Колин. — В любую минуту Дик может позвонить в дом Суэйна и вызвать машину, чтобы забрали покупки.

— Хватит, наверное? — с надеждой спросил Дик из-за горы свертков.

— Еще один магазин, пожалуйста, — улыбнулась девочка.

— Хорошо, — мрачно ответил он.

Охранник замешкался, протискиваясь в дверь, а она тем временем загнала каблук в трещину на мостовой, которую приметила при входе.

— С вами все в порядке? — спросил он, увидев, что Кумико споткнулась.

— Я сломала каблук…

Проковыляв назад в магазин, девочка присела рядом с Колином на софу. Вокруг нее, желая помочь, засуетилась продавщица.

— Быстро снимай их, — посоветовал Колин, — пока Дик не положил покупки на мостовую.

Кумико расстегнула молнию на сапоге со сломанным каблуком, потом расстегнула на другом и сбросила оба. Вместо чулков грубого китайского шелка, какие она обычно носила зимой, ее ноги защищали тонкие черные каучуковые гольфы с жесткими пластиковыми подошвами. В дверях магазина она пригнулась и проскочила между расставленных ног Дика, но случайно толкнула его локтем в бедро, опрокинув охранника на витрину с гранеными хрустальными графинами.

И наконец Кумико свободна, продирается сквозь толпу туристов на Портобелло-роуд.

У нее очень замерзли ноги, но рубчатые пластиковые подметки давали великолепное сцепление — кроме как на льду, напомнила она себе, отряхивая с рук мокрый песок после того, как поскользнулась во второй раз. Колин отправил ее бегом по узкому проходу со стенами из закопченного кирпича…

Кумико крепче стиснула модуль.

— Теперь куда?

— Сюда, — сказал призрак.

— Мне нужно в «Розу и корону», — напомнила она ему.

— Прежде всего тебе нужно быть осторожной. На вызов Дикки сюда сейчас прибегут люди Суэйна, не говоря уже об охоте, какую способен объявить его дружок из Особого отдела, если его попросят. А я не вижу причины, почему бы его не попросить…

В «Розу и корону» девочка вошла через боковую дверь — с Колином у локтя, — оглянулась, испытывая благодарность за уютный полумрак паба и окутавшее ее тепло, которые, казалось, составляли суть этих питейных нор. Ее поразило обилие обивки повсюду — на стенах, на сиденьях — и глушащих звуки занавесей. Будь ткани и краски хоть чуть-чуть менее выцветшими, сам эффект был бы наверняка не столь теплым. Маленькая японка решила, что пабы, пожалуй, наиболее полно отражают британское отношение к гоми.

Подгоняемая Колином, она протолкалась через толпу подвыпивших завсегдатаев у стойки бара в надежде отыскать Тика.

— Что тебе, дорогуша?

Подняв глаза, девочка увидела над собой широкое лицо блондинки за стойкой — пятно яркой

помады, нарумяненные щеки.

— Прошу прощения, — начала Кумико, — мне бы хотелось поговорить с мистером Биваном…

— Мне пинту, Элис, — сказал кто-то справа, швыряя на стойку три десятифунтовые монеты, — лагера.

Элис нажала на белый керамический рычаг, наполняя кружку светлым пивом. Она поставила кружку на поцарапанную стойку и смахнула монеты в кассу.

— Тебя тут хотят на два слова, Биван, — сказала она, когда мужчина взялся за свою пинту.

Кумико взглянула вверх на плоское раскрасневшееся лицо. Верхняя губа у мужчины была слишком короткой, и Кумико почему-то вспомнились кролики, хотя Биван был очень массивным, почти с Петала. И глаза у него были кроличьи: круглые, коричневые, с очень узеньким ободком белка.

— Меня?

Акцент бармена заставил ее вспомнить о Тике.

— Скажи ему «да», — прошептал Колин. — Ему невдомек, почему маленькая японская девочка в гольфах явилась к нему в пивную.

— Я хочу найти Тика.

Биван равнодушно разглядывал ее поверх

кружки.

— Извини, — сказал он, — боюсь, я не знаю никого с таким именем.

Он выпил.

— Салли сказала мне, что, если Тика здесь не будет, я должна разыскать вас. Салли Ширс…

Биван подавился пивом, выпучил глаза. Поставил кружку на стойку, закашлявшись, и вытащил из кармана пальто носовой платок. Сморкнулся и утер рот.

— Моя смена в пять, — сказал он. — Лучше пройдем в подсобку.

Элис подняла откидную панель, и Биван, быстро глянув через плечо, махнул Кумико ладонью-лопатой, чтобы проходила за стойку. Узкий коридорчик вел в тесное помещение за баром. Неровные кирпичные стены подсобки покрывал толстый слой грязно-зеленой краски. Биван остановился возле помятой стальной корзины с махровыми полотенцами, от которых воняло пивом.

— Если это какая-то подстава, девочка, ты об этом сильно пожалеешь, — процедил он. — Скажи мне, на что тебе сдался этот Тик?

— Салли в опасности. Мне нужно найти Тика. Я должна ему кое-что рассказать.

— Черт побери, — буркнул бармен. — Поставь себя на мое место…

Колин сморщил нос, посмотрев на сырые полотенца в корзине.

— Да? — спросила Кумико.

— Если ты наркополицай, а я отправлю тебя искать этого Тика, при условии, что я его знаю, а он как-нибудь отоврется, то он мне никакого житья не даст, так? А если нет, то есть еще эта Салли, тогда, промолчав, я огребу от нее, понимаешь?

Кумико кивнула:

— Между молотом и наковальней.

Эту идиому однажды употребила Салли, и Кумико находила ее очень поэтичной.

— Вот именно, — отозвался Биван, как-то странно посмотрев на девочку.

Он запустил руку в редеющие рыжеватые волосы.

— И все же ты мне поможешь, — услышала она свой голос, чувствуя, как со щелчком встает на место холодная маска матери. — Скажи мне, где найти Тика.

Бармен поежился, хотя в подсобке было тепло, даже слишком. К запаху пива примешивался едкий дух дезинфекции.

— Ты знаешь Лондон?

Колин подмигнул.

— Я найду дорогу, — ответила девочка.

— Биван, — окликнула Элис, высовываясь из-за угла, — легавые!

— Полиция, — перевел Колин.

— Маргейт-роуд, эс-вэ-два[105], — быстро проговорил Биван, — не знаю ни номера квартиры, ни телефона.

— Скажи ему, чтобы вывел тебя через черный ход, — сказал Колин. — Это не простые полицейские.

Кумико всегда будет помнить это бесконечное путешествие по станциям городской подземки. Как Колин повел ее от «Розы и короны» к Холланд-парку и дальше вниз, объясняя по пути, что ее чип «Мицу-банка» теперь не просто бесполезен — опасен. Если она воспользуется им, чтобы заплатить в такси или за любую покупку, сказал призрак-гид, транзакция магниевой вспышкой полыхнет в решетке киберпространства, где ее тотчас увидит поисковик Особого отдела. Но ей нужен Тик, настаивала девочка, ей нужно на Маргейт-роуд. Колин нахмурился. Не сейчас,

[105] Примечания: 105

SW2 — почтовый индекс в юго-западном Лондоне (South Western), соответствующий району Брикстон.

сказал он, подумав, подожди до темноты. До Брикстона недалеко, но улицы для тебя слишком опасны при дневном свете, учитывая то, что вся полиция на стороне Суэйна. Но где мне спрятаться, спросила она. У нее очень мало наличных; сама идея валюты — монет и клочков бумаги — казалась маленькой японке эксцентричной и непостижимо чужой.

— Здесь, — сказал он, когда лифт вез ее вниз на станцию «Холланд-парк». — И всего за стоимость одного билета.

Выпуклые серебристые силуэты поездов.

Мягкие старые сиденья в серо-зеленых тонах.

Тепло, восхитительное тепло. Еще одна нора, здесь, в царстве непрестанного движения…

Глава 30

Добыча

Аэропорт засосал нетвердо держащуюся на ногах Даниэллу Старк в коридор, вдоль пастельных стен которого жались репортеры. Объективы камер и глаза-имплантаты пялились из толпы на звезду, в то время как Порфир и трое парней из службы безопасности «Сенснета» увлекали

Энджи за собой сквозь смыкающееся кольцо журналистов. Ритуальный балетный номер, целью которого было не столько защитить звезду, сколько привнести в ролики чуточку драматизма. Каждого присутствующего уже сто раз проверила служба безопасности и пиар-отдел.

Наедине с Порфиром она оказалась лишь в скоростном лифте — по пути к вертолетной площадке, которую «Сенснет» держал на крыше терминала.

Дрогнув, разошлись двери, и в кабину ворвался ветер, сырой и холодный. На ярко освещенном пятачке бетона их ждала очередная троица охранников в гигантских флюоресцентно-оранжевых парках. Энджи вспомнила, как впервые увидела Муравейник. Она тогда ехала с Тернером на поезде из Вашингтона.

Одна из оранжевых парок быстро провела их по безупречно чистой полосе бетона к большому двухвинтовому «фоккеру», отделанному черным хромом. Первым по паутинчатому матово-черному трапу поднялся Порфир. Энджи последовала за ним, ни разу не оглянувшись.

Она чувствовала, что созрела для решительных действий. Она свяжется с Гансом Беккером через его агента в Париже. Номер есть у Континьюити.

Пришло время вмешаться и ускорить события. И ей придется серьезно поговорить с Робином. Он ведь ждет ее сейчас в том самом отеле.

Вертолет посоветовал пристегнуть ремни.

Машина плавно поднялась в воздух; в кабину не проникало ни звука, только чувствовалось, как вибрирует корпус. На какое-то мгновение Энджи показалось, что она способна удержать в сознании разом всю свою жизнь — распознать то, что она есть на самом деле. Именно эту суть, думала она, и скрывала пыль, именно потому сулила свободу от боли.

И расставание с душой, произнес из сияния свечей и гуда пчелиных ульев железный голос…

— Мисси? — С соседнего сиденья к ней наклонился Порфир…

— Мне снилось…

Много лет назад что-то, затаившись, поджидало ее в «Сенснете». Нечто иной природы, не той, что лоа, не той, что Легба и другие… хотя Легба — Хозяин Перекрестков; он — синтез, квинтэссенция магии, коммуникаций…

— Порфир, — спросила она, — почему уехал Бобби?

Она смотрела в окно на сеть светящихся линий — магистрали Муравейника, на купола, выхва-

ченные из тьмы красными сигнальными огнями, но вместо города видела информационные ландшафты, которые всегда манили Бобби назад — к той единственной игре, в которую, по его словам, только и стоит играть.

— Если не знаешь ты, мисси, — отозвался Порфир, — то кто же тогда может знать?

— Но до тебя же доходят все разговоры. Все. Все слухи. Ты всегда все знал…

— Почему ты спрашиваешь меня сейчас?

— Время пришло…

— Я помню *сплетни*, понимаешь? То, что болтают за спинами знаменитостей. Некто, якобы знавший Бобби, что-то кому-то сказал, и пошло-поехало… О Бобби имело смысл посудачить, так как он был с тобой, понимаешь? Это неплохая отправная точка, мисси, поскольку мы же знаем, что его самого эта роль вряд ли устраивала. Что говорили: он, мол, хотел пробиться сам, а вместо признания нашел тебя, и ты стала подниматься куда выше и быстрее, чем он мог бы даже мечтать. Ты взяла его с собой *наверх*, понимаешь? Туда, где такие деньги, что даже не снились ему в его Барритауне, просто мелочь…

Не сводя глаз с Муравейника, Энджи кивнула.

— Поговаривали, что у него были свои ам-

биции, мисси. Что-то гнало его. И в результате прогнало прочь…

— Я никогда не думала, что он может меня бросить, — сказала она. — Когда я впервые оказалась в Муравейнике, это было как родиться заново. Новая жизнь. И он уже был в ней, с самой первой ночи. Позднее, когда Легба… когда я попала в «Сенснет»…

— Когда ты начала превращаться в Энджи.

— Да. И как бы это меня ни меняло, я знала, что он всегда будет рядом. Я знала, что он никогда не купится на эту мишуру. Мне так нужно было это его отношение к «Сенснету», понимаешь? Как он считал, что моя слава и все эти стимы — обычная афера…

— А при чем тут «Сенснет»?

— Скорее, дело в Энджи Митчелл. Он знал, в чем разница между мною и звездой симстима.

— Знал ли?

— Возможно, именно он и был этой разницей.

Далеко внизу проплывают светящиеся нити…

Старое здание «Нью-Судзуки-Энвой» было любимым отелем Энджи в Муравейнике — с самых первых дней ее пребывания в «Сенснете».

До одиннадцатого этажа вверх тянулся обычный фасад, потом он начинал сужаться, и следу-

ющие девять уступов походили на горный склон, сложенный из скальных пород. Породу извлекли при закладке фундамента нового здания на Мэдисон-Сквер. Первоначальный план требовал, чтобы этот отвесный ландшафт был засажен флорой долины Гудзона и населен соответствующей фауной. Но вскоре начали возводить первый манхэттенский купол, и пришлось вызвать команду экодизайнеров из Парижа. Французские экологи, привыкшие к «чистым» дизайнерским проблемам орбитальных комплексов, ужаснулись, столкнувшись с загрязненной атмосферой Муравейника. Они предпочли сделать ставку на генную инженерию, чтобы вывести искусственные штаммы растительности, и на робофауну вроде той, что используется в детских развлекательных парках. А постоянное покровительство Энджи со временем наделило отель особой аурой. «Сенснет» взял в долгосрочную аренду пять верхних этажей, оборудовав их под ее постоянные апартаменты, и «Нью-Судзуки-Энвой» приобрел запоздалую популярность среди артистов и деятелей шоу-бизнеса.

Энджи улыбнулась, когда вертолет прошел рядом с безучастным механическим горным бараном, делающим вид, что пережевывает

лишайник возле подсвеченного водопада. Абсурдность этой сцены посреди Муравейника всегда ее радовала. Даже Бобби разделял ее радость.

Она перевела взгляд на вертолетную площадку на крыше здания, где недавно логотип «Сенснета» заново вывели яркой краской на постоянно подогреваемом и ярко освещенном бетоне. Возле скульптурного выступа скалы стояла одинокая фигура, почти неразличимая под огромной ярко-оранжевой паркой.

— Робин, наверное, уже здесь, как ты думаешь, Порфир?

— Миста Ланье, — кисло отозвался парикмахер.

Энджи вздохнула.

Черный хромированный «фоккер» мягко приземлился; в баре тихонько зазвенели бутылки, когда шасси коснулось бетона крыши. Дрожь мотора утихла.

— Порфир, что касается Робина, то первый шаг придется сделать мне. Я собираюсь поговорить с ним сегодня вечером. Наедине. А пока что будь так добр держаться от него подальше.

— Порфир только рад, мисси, — произнес парикмахер, когда за их спинами открылась дверца

кабины.

И вдруг рванулся, дернул пряжку пристежного ремня, а Энджи, повернувшись, увидела в проеме оранжевую парку, поднятую руку, зеркальные очки. Шума от пистолета было не больше, чем от зажигалки, но Порфир конвульсивно дернулся, его длинная черная рука схватилась за горло. Охранник, задвинув за собой дверцу, бросился к Энджи.

Что-то твердое ткнулось ей в живот. Порфир, как тряпичная кукла, обмяк на сиденье, изо рта у него высунулся острый кончик розового языка. Непроизвольно она опустила глаза — всего-навсего черная хромированная пряжка пристежного ремня с налепленным на нее ромбом из зеленоватого пластика.

Потом взгляд Энджи уперся в белый овал лица, обрамленный оранжевым нейлоновым капюшоном. Энджи увидела собственное лицо — белое от шока, удвоенное серебром линз.

— Он что-нибудь пил сегодня?

— Что?

— Он. — Большой палец дернулся в сторону Порфира. — Он пил какой-нибудь алкоголь?

— Да… пару часов назад.

— Вот черт. — Голос был женский. Фигура

повернулась к потерявшему сознание парикмахеру. — А я вкатила ему транквилизатор. Не хотелось бы подавить дыхательный рефлекс, знаешь ли. — (Энджи смотрела, как женщина щупает Порфиру пульс.) — Думаю, с ним все в порядке. — Кажется, женщина пожала плечами где-то в глубинах своей огромной парки.

— Охрана?

— Что? — Блеснули очки.

— Вы из службы безопасности «Сенснета»?

— Черт побери, нет. Это похищение.

— Вы меня похищаете?

— А то.

— Почему?

— Причина не самая очевидная. Кое-кто точит на тебя зуб. И на меня тоже. Предполагалось, что этим займусь я, то есть уволоку тебя на следующей неделе. Хрен им. Все равно мне надо с тобой поговорить.

— Вам? Поговорить со мной?

— Ты знаешь кого-нибудь по имени три-Джейн?

— Нет. То есть да, но…

— Побереги дыхание. Уносим ноги. Быстро.

— Порфир…

— Он скоро очнется. И мне бы не хотелось при

этом присутствовать…

Глава 31

3-Джейн

Если все это тоже находится в загородном доме Бобби, подумал Слик, открывая глаза посреди какого-то закругленного узкого коридора, то дом его — еще более странное место, чем ему показалось в первый раз. Воздух в проходе был плотный и словно бы мертвый. Светящаяся полоса зеленоватой стеклянной плитки на потолке создавала впечатление, будто бредешь глубоко под водой. Потолок и стены туннеля — из какого-то стекловидного бетона. По ощущению — тюрьма.

— Наверное, мы вышли в подвал или в какое другое подобное помещение, — сказал он, обратив внимание на слабое эхо от своих слов.

— Не вижу причины, почему мы должны были попасть в тот же самый конструкт, который ты видел раньше, — возразил Джентри.

— Тогда что это? — Слик тронул бетонную стену, та была теплой на ощупь.

— Какая разница, — отозвался Джентри.

Не оглядываясь по сторонам, Джентри зашагал

вперед. За поворотом пол превратился в неровную мозаику из битого фарфора — осколки были вплавлены во что-то, похожее на эпоксидку, скользкую под подошвами.

— Взгляни на это…

Тысячи различных узоров, и все из осколков, и никакого общего замысла — яркие кусочки подобраны наобум, по чистой случайности.

— Искусство. — Джентри пожал плечами. — Чье-то хобби. Кому, как не тебе, это оценить, Слик Генри.

Кто бы ни были эти дизайнеры, о стенах они не побеспокоились. Слик присел, чтобы провести пальцами по мозаике пола, почувствовал зазубренные края битой керамики, гладкий твердый пластик между ними.

— Хобби? Что ты имеешь в виду?

— Это вроде тех штук, которые делаешь ты, Слик. Эти твои игрушки из металлолома… — Губы Джентри опять вытянулись в напряженную, сумасшедшую усмешку.

— Много ты понимаешь! — огрызнулся Слик. — Угробил свою дурацкую жизнь, чтобы сообразить, какая форма у этого твоего киберпространства, а у него, может, и формы-то никакой нет. И потом, кому до этого дело?

Ничем случайным ни в Судье, ни в остальных и не пахло. Процесс был случаен, но результаты должны были отвечать внутренней боли, которую он не мог выказать напрямую.

— Да ладно тебе, — пожал плечами Джентри. — Пошли.

Но Слик не двинулся с места, лишь поднял глаза, увидел напряженное лицо. Бледные, тусклые глаза в этом призрачном свете казались серыми. И почему он вообще терпит Джентри?

Потому что на Пустоши нельзя прожить одному. Плевать на электричество. Вся эта хозяйственная рутина, в сущности, дребедень. Просто нужен кто-то рядом. С Пташкой не поговоришь: парнишку вообще мало что интересует, а кроме того, все, что он мелет, сплошь захолустная чушь. И пусть Джентри ни за что этого не признает, Слик чувствовал, что тот понимает многое.

— Ладно, — сказал Слик, вставая, — пошли.

Туннель скручивался, завивался кишками. Участок с мозаичным полом остался позади, за бог знает сколькими поворотами и спусками-подъемами по коротким винтовым лестницам. Слик все пытался представить себе, как выглядит снаружи здание, у которого такие подвалы, и не мог. Джентри шагал быстро, не переставая

щуриться и покусывая губу. Слику казалось, что воздух становится все более спертым.

Поднявшись по еще одной лестнице, они вышли на прямой отрезок коридора, сходящегося вдали в точку, причем и справа, и слева. Коридор был шире предыдущих участков с поворотами, и пол здесь был бугристым и мягким от множества небольших мохнатых ковриков, слоями разложенных на бетоне. Каждый коврик имел собственный узор и расцветку — в основном красных и синих тонов, — но, если вглядеться, все орнаменты состояли из одних и тех же зубчатых ромбов и треугольников. Запах пыли стоял здесь гуще, и Слик решил, что это от ковров: они выглядели совсем ветхими. Те, что лежали наверху и поближе к центру, местами были протерты до дыр. Тропа. Будто кто-то годами ходил здесь туда-сюда. Одни секции световых полос над головой были совсем темными, другие слабо пульсировали.

— Куда теперь? — спросил он Джентри.

Тот смотрел себе под ноги, теребя большим и указательным пальцем пухлую губу.

— Туда.

— С чего ты взял?

— Потому что это совершенно не важно.

От хождения по коврам у Слика устали ноги. Приходилось следить за тем, чтобы не споткнуться, попав носком в протертую кем-то дыру. Однажды он наступил на стеклянную плитку, отвалившуюся от полосы освещения. Через равные промежутки им попадались участки стен с забетонированными арками. Они выделялись своей более светлой фактурой.

— Джентри, мы, наверное, где-нибудь под землей. В каком-то подвале.

Но Джентри лишь поднял руку, так что Слик ткнулся в нее, и оба они замерли, уставившись на девушку, стоящую за ковровыми волнами в конце коридора. Видение было не далее чем в десятке метров от них.

Она сказала что-то на языке, который Слик принял за французский. Голос был звонким и музыкальным, но тон — деловым. Девушка улыбнулась. Спутанные темные волосы только усиливали ее неестественную бледность. Красивое лицо с высокими скулами, тонкий длинный нос, широкий рот.

Слик почувствовал, как у его груди дрожит рука Джентри.

— Все в порядке, — сказал он, отводя руку ковбоя. — Мы просто ищем Бобби.

— Все ищут Бобби, — ответила незнакомка с акцентом, которого Слик не смог распознать. — Я сама его ищу. Его тело. Вы не видели его тела? — Она сделала шаг назад, будто собираясь убежать.

— Мы не сделаем тебе ничего плохого, — сказал Слик, внезапно ощутив собственный запах, идущий от въевшейся в джинсы и коричневую куртку смазки. И Джентри, если подумать, выглядел не очень-то успокаивающе.

— Пожалуй, нет, — сказала она; в тусклом свете блеснули белые зубы. — Но опять же, я не уверена, что вы оба мне нравитесь.

Слику очень хотелось, чтобы Джентри сказал хоть что-нибудь, но тот молчал.

— Ты знаешь его… Бобби? — рискнул он.

— Он настоящий умница. Необычайно умен. Хотя не могу сказать, что он мне действительно нравится. — Ее черный свободный балахон свисал до колен. Девушка была босиком. — Тем не менее мне нужно… его тело. — Она рассмеялась.

Все

изменилось.

— Соку? — спросил Бобби Граф, протягивая

высокий стакан с чем-то желтым.

В воде бирюзового озерца отражались солнечные зайчики, мечущиеся по пальмовым листьям над головой. На Бобби не было никакой одежды, если не считать темных очков.

— Что с твоим другом? — спросил он.

— Ничего особенного, — услышал Слик голос Джентри. — Он отсидел срок на искусственном синдроме Корсакова. Такие переходы пугают его до чертиков.

Слик неподвижно лежал в белом железном шезлонге с синими подушками, чувствуя, как сквозь промасленные джинсы припекает солнце.

— Ты тот, про кого он говорил? — спросил Бобби. — Тебя зовут Джентли? Владелец фабрики?

— Джентри.

— Ты ковбой. — Бобби улыбнулся. — Компьютерный жокей. Спец по киберпространству.

— Нет.

Бобби потер подбородок:

— Знаешь, мне тут бриться приходится. Порезался, теперь вот шрам... — Он отпил полстакана сока и вытер ладонью рот. — Так ты не ковбой? А как же ты тогда сюда попал?

Джентри расстегнул расшитую бисером кожанку, обнажив белую как мел, безволосую грудь.

— Сделай что-нибудь с солнцем, — сказал он.

Сумерки. Вот так. Даже никакого щелчка. Слик услышал собственный стон. В пальмах за выбеленной стеной шуршали насекомые. На ребрах остывал пот.

— Прости, приятель, — сказал Бобби Слику. — Твой синдром Корсакова, должно быть, очень неприятная штука. Но это место просто прекрасно. Недалеко от Вальярты[106]. Принадлежало когда-то Тэлли Ишем… — Тут он снова повернулся к Джентри. — Если ты не ковбой, приятель, то кто же ты?

— Я такой же, как ты, — сказал Джентри.

— Я ковбой.

Над головой Бобби вверх по стене наискось проскользнула ящерица.

— Нет. Ты здесь не для того, чтобы что-то украсть, Ньюмарк.

— Откуда ты знаешь?

— Ты здесь, чтобы кое-что узнать.

— Это одно и то же.

— Нет. Когда-то ты был ковбоем, но теперь стал кем-то другим. Ты кое-что ищешь, однако красть

---

[106] Примечания: 106

Пуэрто-Вальярта — курортный город в мексиканском штате Халиско, расположен на берегу тихоокеанской бухты Баия-де-Бандерас. Назван в честь Игнасио Вальярты (1830–1893), бывшего губернатора штата.

это не у кого. Я тоже это ищу.

И Джентри начал ему объяснять про Образ. Резные тени пальм уже сгустились в мексиканскую ночь, а Бобби сидел и слушал.

Когда Джентри закончил, Бобби долго молчал.

— М-да, — протянул он через некоторое время. — Ты прав. Себе-то я говорю, что пытаюсь выяснить, как произошла Перемена. Что ее вызвало.

— А до нее, — подхватил Джентри, — киберпространство не имело Образа.

— Эй, — вмешался Слик, — до того как попасть сюда, мы побывали где-то еще. Что это было?

— «Блуждающий огонек», — сказал Бобби. — На верху колодца. На орбите.

— Кто та девушка?

— Девушка?

— Темноволосая, худощавая.

— А, эта, — донесся из темноты голос Бобби, — это три-Джейн. Вы ее видели?

— Странная она, — сказал Слик.

— Она мертвая, — сказал Бобби. — Вы видели ее конструкт. Растранжирила все состояние своей семьи, чтобы построить эту штуку.

— Ты… э-э… живешь с ней? Здесь.

— Она терпеть меня не может. Видишь ли, я это

все украл. Увел ее «ловца душ». Когда я рванул в Мексику, она уже успела загрузить в «алеф» свой конструкт, так что она была тут раньше. Закавыка в том, что она умерла. Я хочу сказать, во внешнем мире умерла. А тем временем все ее дерьмо там, снаружи, все ее аферы, махинации живут себе поживают. Ими заправляют ее адвокаты, шестерки всякие… — Он усмехнулся. — Ух как это ее бесит. Люди, которые рвутся на вашу фабрику, чтобы забрать «алеф», работают на подставное лицо, а то — на тех, кого она наняла еще на Побережье. Но да, мне случалось заключать с ней сделки, мы кое-чем обменивались. Психованная она или нет, но ей палец в рот не клади…

Даже никакого щелчка.

Сперва Слик решил, что они вернулись в тот серый дом, где он встретил Бобби впервые, но эта комната была меньше, и ковры и мебель отличались от тех, правда, он не мог сказать чем. Богато, но без показного блеска. Тишина. На длинном деревянном столе горела лампа под зеленым стеклянным абажуром.

Высокие окна с выкрашенными белой краской рамами разделяют белизну за окнами на равные прямоугольники, и белизна эта, наверное,

снег… Он стоял, касаясь щекой мягкой шторы, глядя в обнесенную каменной оградой снежную пустоту.

— Лондон, — говорил тем временем Бобби. — Ей пришлось отдать мне это в обмен за серьезную вуду-хрень. Думаю, они не захотели иметь с ней никаких дел. Много ей это, черт побери, дало! А вот они стали как-то блекнуть, расплываться, что ли. Иногда их еще можно вызвать, но отдельные личности сливаются…

— Все сходится, — сказал Джентри. — Они вышли из первопричины, из того, «Когда Все Изменилось». До этого ты уже додумался. Но ты еще не знаешь, что именно там произошло, так?

— Нет. Знаю только где. В «Блуждающем огоньке». Она рассказала мне эту часть истории. Думаю, это все, что она знает. На самом деле ей на это плевать. Ее мать создала парочку ИскИнов, очень давно, когда они только-только начали появляться. Судя по всему, мощные были штуки. Потом мать умерла, а ИскИны остались вариться в собственном соку. Один из них затеял собственную игру. Хотел слиться со вторым…

— Слился. Вот тебе первая причина. Все изменилось.

— Так просто? Откуда ты знаешь?

— Потому что я шел к этому с другой стороны, — сказал Джентри. — Ты занимался причиной и следствием, а я искал контуры, образы во времени. Ты обшарил всю матрицу внутри, а я рассматривал ее снаружи как единое целое. Я знаю то, чего не знаешь ты.

Бобби не ответил. Слик отвернулся от окна и увидел девушку, ту самую. Она стояла у противоположной стены наискосок от него. Просто стояла.

— Дело не в одних лишь тессье-эшпуловских ИскИнах, — продолжал Джентри. — На верх колодца поднялись люди, чтобы взломать базы данных «Т-Э». У них был китайский военный ледоруб.

— Кейс, — вставил Бобби. — Парень по имени Кейс. Эту часть я знаю. Синергический эффект…

Слик наблюдал за девушкой.

— И сумма оказалась больше слагаемых? — Судя по всему, Джентри действительно наслаждался разговором. — Кибернетический бог? По воде аки посуху?

— Ага, — сказал Бобби. — Вроде того.

— Все, пожалуй, несколько сложнее, — сказал Джентри и рассмеялся.

А девушка исчезла. Никакого щелчка.

Слик вздрогнул.

Глава 32

Зимний путь (2)

Ночь спустилась, когда вечерняя толчея достигла своего пика, но все равно это было не похоже на Токио — никаких тебе толкателей-осия, чья работа была вклинивать в набитый вагон запоздалых пассажиров перед самым закрытием дверей. Стоя на ветреной платформе Центральной линии, Кумико задумчиво изучала опускающуюся на город розовую дымку заката. Колин прислонился к сломанному торговому автомату с рядом пыльных, в трещинах, окошек.

— Теперь пора, — сказал он, — и на станциях «Бонд-стрит» и «Оксфорд-Серкус» держись скромнее и старайся опускать голову.

— Но мне же придется заплатить на выходе?

— Есть способы и отвертеться, — сказал он, отбрасывая челку со лба.

Девочка направилась к лестницам, не спрашивая его больше, как добраться до противоположной платформы. Ноги у нее снова замерзли, и она не могла удержаться от мыслей о меховых

ботинках, которые остались стоять в шкафу в ее комнате в доме Суэйна. Она решилась на сочетание каучуковых гольфов на жесткой подметке и французских сапожек на высоком каблуке, чтобы усыпить бдительность Дика — пусть даже не думает, будто она способна бежать. Но теперь с каждым укусом холода она об этом жалела.

Проходя по туннелю к соседней платформе, Кумико разжала руку на модуле — Колин мигнул и исчез. Стены туннеля покрывала истертая белая керамическая плитка с декоративной полосой зелени. Девочка вынула руку из кармана, и на ходу вела пальцами по зеленым квадратам, думая о Салли и Финне и о том, что зима в Муравейнике пахнет иначе, как вдруг дорогу ей ловко заступил первый Дракула. В мгновение ока она оказалась в тесном кольце — четыре черных дождевика, четыре обтянутых кожей мертвенно-бледных черепа.

— О! — проговорил первый. — Какая встреча.

Они смотрели друг на друга в упор — Кумико и Дракула. От него несло табаком. Мимо них текла своей дорогой вечерняя толпа, укутанная в основном в темную шерсть.

— Надо же, — протянул голос справа. — А это еще что такое?

Рука в черной перчатке из потрескавшейся кожи поворачивала у нее перед носом модуль «Маас-Неотек».

— Модная зажигалка, а? Пощупаем япошку?

Рука Кумико непроизвольно скользнула в карман, прошла его насквозь — сквозь бритвенный разрез — и схватила воздух. Паренек захихикал.

— Денежки у нее в сумке, — сказал другой. — Помоги-ка ей, Рег.

Взмах рукой, и кожаный ремешок сумочки оказался перерезанным надвое.

Первый Дракула подхватил сумку, с ловкостью профессионала обернул вокруг нее болтающиеся концы ремешка и засунул себе за пазуху.

— Вот так-то!

— Эге, да они у нее в штанцах!

Смех — это она зашарила под несколькими слоями свитеров. Живот резануло болью, когда она обеими руками рывком высвободила примотанный изолентой пистолет — и ткнула дулом в щеку того, кто держал модуль.

Ничего не произошло.

И тут остальные трое стремглав рванули к лестнице в дальнем конце туннеля, ботинки с высокой шнуровкой разъезжались на талом снегу; длинные плащи крыльями бились на ветру.

Вскрикнула какая-то женщина.

А они так и стояли, застыв на месте, — Кумико и Дракула; дуло пистолета прижималось к левой скуле мальчишки. От напряжения у Кумико начали дрожать руки.

Девочка смотрела ему прямо в глаза; карие зрачки Дракулы расширились от древнего примитивного страха. На лице ее была маска матери. Что-то ударилось у ног о бетон: модуль Колина.

— Бегом! — сказала она.

Дракула конвульсивно дернулся, открыл рот, издал приглушенный всхлип и вывернулся из-под пистолетного дула.

Опустив глаза, Кумико увидела модуль «Маас-Неотек» в лужице серой талой воды. Рядом лежал чистый серебристый треугольник бритвы. Нагнувшись за модулем, девочка увидела, что его корпус треснул. Она вытрясла жижу из трещины и изо всех сил сжала модуль в руке. Туннель теперь будто вымер, кругом — ни души. Колина тоже не было. Огромный пневматический «вальтер» Суэйна оттягивал руку.

Подойдя к урне, Кумико спрятала пистолет между жирной пленкой пищевой упаковки и аккуратным свертком ньюсфакса. Уже собралась уходить, но потом повернулась и забрала факс.

Вверх по ступенькам.

Кто-то на платформе указал на нее пальцем, но тут с древним грохотом подкатил поезд, и двери за ней сомкнулись.

Она следовала инструкциям Колина — «Уайт-Сити», «Шепердс-Буш», «Холланд-парк»; спрятала лицо в факс, когда поезд замедлял ход перед «Ноттинг-Хиллом» (король, который был очень стар, уже умирал), и держала комок перед собой всю «Бонд-стрит». На станции «Оксфорд-Серкус» царило настоящее столпотворение. Она была благодарна толпе за укрытие.

Колин говорил, что со станции можно выйти бесплатно. После некоторого раздумья она решила, что так оно, вероятно, и есть: требуются лишь скорость и подходящий момент. Впрочем, другого выбора у нее и не было: сумочка с чипом «Мицубанка» и несколькими английскими монетами исчезла вместе с Джеками Дракулами. Десять минут Кумико наблюдала за тем, как пассажиры скармливают автоматическим турникетам желтые пластиковые билеты, потом глубоко вдохнула и побежала. Вверх по ступенькам, прыжок, сзади крики и громкий смех, и снова все вверх и вверх.

Когда она добежала до выхода, перед ней рас-

кинулась Брикстон-роуд — похожая на Синдзюку, только обветшалую, запруженная лотками с дымящейся едой.

Глава 33

Звезда

Она ждала в машине, и ей это не нравилось. Мона никогда не любила ждать, а принятый магик делал ожидание просто невыносимым. Ей приходилось постоянно напоминать себе не скрипеть зубами, поскольку, что бы там ни сотворил с ними Джеральд, десны все равно болели. Да что говорить, болело все тело. Пожалуй, магик — это была не слишком удачная мысль.

Машина принадлежала Молли, так Джеральд назвал эту женщину. Самая обычная серая японская тачка, как у какого-нибудь пиджака, довольно симпатичная, но ничего особенного, в глаза не бросается. Внутри — запах новой вещи, а на трассе, когда они выбрались из Балтиморы, машина оказалась действительно быстрой. В ней был встроенный компьютер, но женщина всю обратную дорогу до Муравейника вела сама, а теперь машина стояла припаркованной на крыше

двадцатиэтажной автостоянки. Судя по всему, стоянка находилась где-то неподалеку от отеля, куда ее привез Прайор, потому что отсюда Моне было видно то сумасшедшее здание, прикинутое под горный склон с водопадом. Машин тут было немного, да и те припорошены снегом, как будто давно так стоят. Если не считать двух парней в будке при въезде — вокруг ни души.

Ну вот, приехали: столько людей, центр самого большого в мире города — а она сидит на заднем сиденье тачки одна-одинешенька. Сказано ждать.

По дороге из Балтиморы женщина говорила мало, только время от времени задавала вопросы. Но магик не давал Моне покоя, заставляя болтать без умолку. Она болтала и болтала — о Кливленде и Флориде, об Эдди и Прайоре.

А потом они заехали сюда наверх и остановились.

Этой Молли нет уже с час, а может, и больше. Чемодан она забрала с собой. Единственное, чего смогла добиться от нее Мона, так это что с Джеральдом Молли давно знакома, а Прайор ничего об этом не знал.

В салоне делалось все холоднее, поэтому Мона перебралась на переднее сиденье и включила

обогреватель. Просто прикрутить его и оставить работать вполсилы нельзя, потому что это посадит аккумулятор; Молли сказала, что, если такое произойдет, они окажутся по уши в дерьме.

— Потому что, когда я вернусь, мы по-быстрому отчалим.

Потом она показала Моне, где под водительским сиденьем лежит спальник.

До отказа выкрутив обогреватель, Мона подставила руки под струю теплого воздуха. Поиграла переключателями маленького экрана на приборной доске, замелькали новости. Король Англии болен — еще бы, в его-то годы. В Сингапуре новое заболевание; никто от него не умер, но пока неизвестно, как оно передается и как лечится. Поговаривают о заварушке в Японии: мол, ребята из двух группировок якудза стараются переубивать друг друга, но никто ничего не знает наверняка. Якудза — вот о чем любил потрепаться Эдди. Потом распахнулись двери, и под руку с потрясающим черным парнем вышла Энджи, а голос за кадром говорил, что это прямая трансляция, что звезда только что прибыла в Муравейник после кратких каникул в своем доме в Малибу, последовавших за лечением в частной наркологической клинике…

В этой огромной шубе Энджи выглядела умереть и не встать, но тут ролик закончился.

Вспомнив, что сделал Джеральд, Мона коснулась своего лица.

Она выключила телевизор, потом обогреватель и снова перебралась назад. Протерла уголком спальника стекло, запотевшее от ее дыхания. Посмотрела на здание с горным склоном, на море огней за провисающими цепями ограждения по краю стоянки. Похоже, там — целая страна, может, Колорадо или еще что-то, как в том стиме, где Энджи отправилась в Аспен и встретила одного парнишку, только потом, как почти всегда, появился Робин.

Вот чего ей никак не понять, так это разговоров о клинике. Бармен говорил, Энджи поехала туда, потому что подсела на какое-то дерьмо, а теперь она только что слышала, как то же самое говорил мужик в новостях, так что, видимо, это правда. Но зачем таким людям, как Энджи, с такой жизнью, как у нее, с таким любовником, как Робин Ланье, им-то зачем наркотики?

Глядя на далекое здание, Мона покачала головой, радуясь тому, что сама она ни на чем таком не сидит.

Потом она, наверное, на минуточку задремала,

задумавшись о Ланетте, потому что, когда она снова выглянула в окно, над гористым зданием уже завис большой вертолет — черный и блестящий. Классно, действительно как в большом городе.

Она знала в Кливленде пару девчонок из крутых, с которыми никто не связывался, но Молли — совсем другое. Вспомнить только, как Прайор прошиб собой дверь, как он потом вопил… Интересно, а в чем, собственно, он тогда признался, Мона же слышала, как он говорил, и Молли больше его не мучила. Они оставили Прайора привязанным к хирургическому креслу, и Мона тогда еще спросила у Молли, как она думает, сможет ли он освободиться? Или сможет, ответила та, или кто-то его найдет, или он сдохнет от жажды.

Вертолет опустился ниже, исчез. Большой был, с вертящимися штуками на обоих концах.

А она сидит тут и ждет и, черт побери, понятия не имеет, что же ей делать дальше.

Ланетта кое-чему ее научила: иногда стоит составить как бы перечень своих активов. Активы — это то, что тебе на руку, а об остальном можно просто забыть. Ладно. Она выбралась из Флориды. Она — на Манхэттене. Она похожа на Энджи… Тут Мона запнулась. Актив ли это? Хо-

рошо, скажем иначе: ей повезло воспользоваться услугами бесплатной косметической хирургии, и теперь у нее просто великолепные зубы. Во всяком случае, если взглянуть с такой стороны, все не так уж и плохо. Вспомни о мухах в сквоте. Да уж. Если потратить оставшиеся деньги на стрижку и макияж, можно соорудить что-нибудь, чтобы ее сходство с Энджи не так бросалось в глаза. Вот это, пожалуй, неплохая идея, потому что вдруг кто-то ее ищет?

И снова вертолет. Теперь поднимается.

Эй, да что же это!

Кварталах, может быть, в двух и пятьюдесятью этажами выше нос машины развернулся в ее направлении, нырнул… Нет, это все магик. Вертолет качнулся из стороны в сторону, пошел на снижение… Глюки, это все не взаправду. Прямо вниз. К ней. Увеличивается и увеличивается. Прямо к ней. Но это же магик, правда? Тут жуткая машина исчезла, скрылась за другим зданием. Глюки, конечно, глюки…

Вертолет выплыл из-за угла. Теперь он был лишь на пять этажей выше стоянки и все снижался, и это был вовсе не магик. Черная громадина зависла прямо над головой, вот вырывается узкий белый луч, нащупывает серую машину.

И Мона, рванув замок дверцы, выкатилась на снег, стараясь остаться в тени машины, а вокруг нее — гул лопастей, вой моторов. Прайор или тот, на кого он работал… Они пришли за ней. Тут прожектор погас, звук лопастей изменился, и вертолет быстро, слишком быстро пошел на посадку. Подпрыгнул на выпущенных шасси. Снова ударился о землю. С кашлем выбросив синее пламя, заглохли моторы.

Мона на четвереньках застыла у заднего бампера — поскользнулась, когда пыталась встать на ноги.

Раздался резкий хлопок, похожий на пистолетный выстрел, и квадратный кусок вертолетной обшивки отскочил и лег на посыпанный солью бетон стоянки. Выскочил яркий оранжевый желоб пятиметрового аварийного трапа, вздулся, как детская пляжная игрушка. Мона осторожно поднялась на ноги, держась за крыло серой машины. Темная закутанная фигура перебросила ноги через борт желоба и сидя скатилась вниз — совсем как ребенок на детской площадке. За ней — вторая, в огромной куртке под цвет желоба, голова в капюшоне.

Мона вздрогнула, когда та, в оранжевом, повела другую по крыше, прочь от черного вертолета.

Это была… Но как же?!

— Садитесь назад, обе, — приказала Молли, открывая дверцу со стороны водителя.

— Это ты, — выдавила Мона, глядя в самое знаменитое лицо в мире.

— Да, — отозвалась Энджи, не отрывая глаз от лица Моны. — Это… кажется…

— Пошевеливайтесь, — сказала Молли, положив руку на плечо звезды. — Забирайся внутрь. Твой марсианский негритос уже просыпается.

Она оглянулась на вертолет. С погашенными огнями он казался детской игрушкой, будто ребенок-великан поставил ее здесь и забыл…

— Да уж хотелось бы надеяться, — сказала Энджи, забираясь на заднее сиденье.

— И ты, золотко, — сказала Молли, подталкивая Мону к открытой дверце.

— Но… Я хочу сказать…

— Пошевеливайся!

Мона забралась внутрь, чувствуя запах духов Энджи, скользнув запястьем по ее сверхъестественно мягкой огромной шубе.

— Я тебя видела, — услышала она свой собственный голос, — в новостях.

Энджи промолчала.

Молли скользнула на место водителя, захлоп-

нула дверцу, тихонько запел мотор. Оранжевый капюшон плотно затянут, лицо — как белая маска с пустыми серебристыми глазами. Тут они покатили под навес к пандусу, вписываясь в первый поворот. И так пять уровней вниз по узкой спирали, а потом Молли завернула в проход меж рядами огромных дальнобойных грузовиков под тусклыми диагоналями осветительных полос.

— Парашюты-крылья, — сказала Молли. — Ты когда-нибудь видела что-то такое наверху на «Энвое»?

— Нет, — ответила Энджи.

— Если у службы безопасности «Сенснета» это есть, они, возможно, уже внизу…

Она завела машину за огромный, похожий на вагон ховер, белый, с выведенными через всю заднюю дверь квадратными синими буквами названия.

— Что там написано? — спросила Мона и тут же почувствовала, что краснеет.

— «Китайские катоды», — сказала Энджи.

Моне показалось, что это название она раньше уже где-то слышала.

Молли вышла из машины и теперь открывала огромные двери ховера. Скинула вниз желтые пластиковые сходни.

Потом она вернулась в машину. Взревел мотор, и они въехали прямо в кузов ховера. Сорвав с головы оранжевый капюшон, Молли встряхнула головой, высвобождая волосы.

— Мона, ты как, сможешь выбраться отсюда и втянуть сходни обратно? Они не тяжелые.

Звучало это не как вопрос.

Они были действительно не тяжелые. Мона втянула сходни и помогла Молли закрыть двери.

Она кожей чувствовала в темноте присутствие Энджи.

Это и вправду была Энджи.

— В кабину. Пристегивайтесь. А теперь держитесь.

Энджи. Она сидит рядом с Энджи.

Потом шипение — это Молли подала воздух в воздушную подушку, и их вновь понесло вниз по спиральному пандусу.

— Твой друг уже очнулся, — сказала Молли, — но пока не способен двигаться. Еще четверть часа.

Она снова съехала с пандуса на очередной уровень — Мона уже потеряла счет этажам. Этот был набит модными тачками, маленькими. Ховер пронесся по центральному проходу и свернул налево.

— Тебе очень повезет, если он не ждет нас внизу, — сказала Энджи.

Молли затормозила в десяти метрах от больших металлических ворот, разрисованных диагональными желтыми и черными полосами.

— Нет, — ответила она, вынимая из бардачка маленькую синюю коробочку, — это ему повезло, если он не ждет нас снаружи.

Оранжевая вспышка и грохот: Моне будто хорошим хуком справа ударило в диафрагму. Ворота сорвало с петель. В облаке дыма створка ворот вывалилась на мокрую мостовую, и вот они уже проскочили над ней, свернули. Ховер набирал скорость.

— Ужасно грубо, не так ли? — спросила Энджи и по-настоящему рассмеялась.

— Знаю, — ответила Молли, сосредоточившись на дороге. — Иногда иначе никак. Мона, расскажи ей о Прайоре. О Прайоре и о твоем приятеле. То, что ты рассказывала мне.

Никогда в жизни Мона не испытывала подобной робости.

— Пожалуйста, — сказала Энджи, — расскажи мне, Мона.

Вот так. Ее имя. Энджи Митчелл наяву произнесла ее имя. Обратилась к ней. Прямо тут.

От этого хотелось упасть в обморок.

Глава 34

Маргейт-роуд

— Похоже, ты потерялась, — сказал по-японски продавец лапши.

Кумико решила, что он кореец. У отца были партнеры-корейцы; они занимались строительным бизнесом, так говорила мать. Как и этот, они обычно были крупными мужчинами, почти таких же габаритов, как Петал, с широкими серьезными лицами.

— И кажется, очень замерзла, — продолжал кореец.

— Я ищу одного человека, — устало сказала Кумико. — Он живет на Маргейт-роуд.

— Где это?

— Не знаю.

— Зайди, — предложил торговец, обведя жестом конец стойки; его палатка была собрана из щитов розового рифленого пластика.

Кумико прошла между плакатом с рекламой лапши и стендом, рекламировавшим какое-

то «роти»[107] — это слово было составлено из окрашенных в бредовые цвета букв, словно бы набрызганных из аэрозольного баллончика; с них как будто стекали флюоресцентные капли. От прилавка пахло специями и тушеным мясом. Холод кусал за ноги, щипал уши.

Пригнувшись, Кумико скользнула под запотевший от пара кусок полиэтилена. В самой палатке оказалось очень тесно; приземистые синие баллоны с бутаном, три плитки, заставленные высокими кастрюлями, пластиковые мешки сухой лапши, стопки пластиковых мисок — среди всего этого двигался громадный кореец, приглядывая за своими кастрюлями.

— Садись, — сказал он.

Когда девочка присела на желтую пластмассовую емкость с глутаматом натрия, голова ее оказалась ниже прилавка.

— Ты японка?

— Да, — ответила она.

— Из Токио?

Кумико помедлила.

---

[107] Примечания: 107

Роти — традиционные для Центральной Индии лепешки из пресного теста. Так же называется популярное блюдо тайской кухни: блинчики с различной (обычно банановой) начинкой. Само слово «роти» означает «хлеб» на санскрите.

— Одежда такая, — пояснил кореец, потом спросил, кивая на ее ноги: — Почему ты ходишь в этом зимой? Такая теперь в Токио мода?

— Я потеряла сапоги.

Он протянул ей пластиковые миску и палочки; в прозрачном желтом бульоне плавали слипшиеся комки лапши. Девочка жадно ела, потом выпила бульон. Кумико смотрела, как кореец обслуживает африканку, которая забрала лапшу с собой в собственной посудине с крышкой.

— Маргейт, — задумчиво повторил торговец, когда женщина ушла.

Вынув из-под прилавка книгу в бумажном, с жирными пятнами переплете, он начал ее листать, слюнявя большой палец.

— Вот, — сказал он наконец, ткнув пальцем в карту с невероятно мелким масштабом. — Отсюда по Экр-лейн.

Порывшись под прилавком, он нашел синий фломастер и начертил маршрут на грубой серой салфетке.

— Спасибо, — сказала Кумико, — мне пора идти.

Пока она двигалась в сторону Маргейт-роуд, к ней пришла мать.

Салли в опасности, где-то в Муравейнике, и

Кумико надеялась, что Тик отыщет способ с ней связаться. Если не по телефону, то через матрицу. Может быть, Тик знает Финна, мертвого человека из тупика…

Постоянно растущий коралловый риф метрополии в Брикстоне дал убежище совсем иной, незнакомой форме жизни. Лица, светлые и темные, мешанина бесчисленных национальностей и рас. Кирпичные фасады испещрены надписями, рисунками — буйство красок и символов, какие и представить себе не могли первоначальные строители или владельцы. Из открытой двери паба, мимо которого она проходила, выплеснулись упругий барабанный ритм, жар и раскаты смеха. Лавки продавали совсем незнакомую Кумико еду, тюки яркой одежды, китайские инструменты, японскую косметику…

Задержавшись у освещенной витрины с коллекцией помад и румян, где ее лицо отразилось в серебристом заднике декорации, девочка почувствовала, как на нее из ночи обрушилась смерть матери. Мать так любила подобные вещи.

Безумие матери. Отец никогда не упоминал о нем. В мире отца не было места безумию. Безумие матери было европейским, импортной западней горестей и иллюзий… Отец убил ее мать, сказала

она Салли в «Ковент-Гардене». Но правда ли это? Он привозил врачей из Дании, Австралии и, под конец, из Тибы. Врачи выслушивали сны принцессы-балерины, чертили карты и временны̀е графики ее синапсов и брали анализы крови. Но принцесса-балерина отказывалась и от их таблеток, и от их утонченной хирургии.

— Они хотят изрезать мне мозг лазерами, — шептала она Кумико.

Она нашептывала и другие вещи.

По ночам, говорила она, из своих кубиков в кабинете отца Кумико восстают, как дымок, злые духи.

— Эти старики… — говорила она, — они высасывают наше дыхание. Этот город пьет мое дыхание. Здесь нет покоя. Нет настоящего сна.

Перед концом она совсем перестала спать. Шесть ночей мать молча и совершенно неподвижно сидела в своей голубой европейской комнате. На седьмой день она ушла из квартиры одна — достойный упоминания подвиг, учитывая усердие секретарей, — и отыскала дорогу к холодной реке.

Но в заднике витрины Кумико еще чудились линзы Салли. Девочка вытащила из рукава свитера карту корейца.

У обочины на Маргейт-роуд стояла сожженная машина. Девочка помедлила возле нее, оглядывая молчаливые фасады на противоположной стороне улицы, и тут услышала какой-то звук за спиной. Оглянулась и увидела в свете полуоткрытой двери ближайшего дома перекошенное лицо горгульи под лавиной сальных кудрей.

— Тик!

— По правде говоря, Терренс, — сказал тот, когда исчезла искажающая лицо гримаса.

Тик жил под самой крышей. Нижние этажи пустовали, светлые прямоугольники на обоях — призраки исчезнувших картинок — провожали поднимающихся взглядом.

Хромота Тика, когда он взбирался перед ней вверх по лестнице, сделалась еще более явной. На нем был серый костюм из блестящей плащовки и табачного цвета замшевые оксфорды на толстой подошве.

— А я тебя ждал, — сказал он, с усилием перенося тело со ступеньки на ступеньку.

— Правда?

— Я знал, что ты сбежала от Суэйна. Мониторил понемногу его трафик, когда было время, свободное от того, другого…

— Другого?

— Ты что, не знаешь?

— Прости?

— Все дело в матрице. Там что-то происходит. Проще показать, чем пытаться объяснить. Тем более что объяснить это я все равно не могу. Готов поспорить, три четверти всего человечества сейчас подключены к сети, смотрят шоу…

— Я не понимаю.

— Сомневаюсь, что кто-то вообще понимает. В секторе, где Муравейник, возник новый макроформ.

— Макроформ?

— Очень большая база-конструкт.

— Я пришла предупредить Салли. Суэйн и Робин Ланье собираются сдать ее тем, кто готовит похищение Анджелы Митчелл.

— Как раз об этом я бы волноваться не стал, — сказал Тик, поднимаясь на верхнюю площадку. — Салли уже увела у них из-под носа Митчелл и чуть было не прикончила Суэйнова человека в Муравейнике. Теперь они в любом случае за ней охотятся. Черт побери, скоро за ней станут охотиться все и каждый! Тем не менее можно попробовать это ей передать, когда она выйдет на связь. Если выйдет…

Тик жил в мансарде, состоящей из одной боль-

шой комнаты, причудливая форма которой заставляла предположить, что в ней убрали внутренние перегородки. Несмотря на ее размеры, всю комнату заполняли вещи. На взгляд Кумико, выглядела она так, будто кто-то распределил все содержимое какой-нибудь акихабарской лавки[108] в пространстве, уже в избытке заставленном — на гайдзинский манер — всякой массивной мебелью. И тем не менее комната отличалась удивительным порядком и чистотой; даже стопки журналов были тщательно выровнены по углам низкого стеклянного столика, где они покоились рядом с девственно-чистой керамической пепельницей и скромной белой вазой со срезанными цветами.

Пока Тик наливал в электрический чайник воду из фильтрующего кувшина, она снова попыталась вызвать Колина.

— Что это? — спросил Тик, ставя кувшин на место.

— Модуль-гид «Маас-Неотек». Он разбился, и я не могу вызвать Колина…

— Колина? Это стим-устройство?

---

[108] Примечания: 108

Акихабара — квартал в Токио, представляющий собой одну из крупнейших в мире торговых зон для компьютерной техники и другой электроники.

— Да.

— Давай посмотрим… — Он протянул руку.

— Мне подарил его отец…

Тик присвистнул:

— Должно быть, стоит целое состояние. Ну конечно же, один из «маасовских» мини-ИскИнов. Как он работает?

— Нужно сжать модуль в руке, тогда появится Колин. Но никто, кроме меня, не может ни видеть его, ни слышать.

Тик поднес модуль к уху и встряхнул.

— Он разбился? Как?

— Я его уронила.

— Видишь ли, разбит только корпус. Биософт отделился от капсулы, так что тебе не включить его как раньше, вручную.

— Ты можешь его починить?

— Нет. Но если хочешь, мы можем войти в него через деку… — Он вернул ей модуль.

Закипел чайник.

За чаем девочка рассказала ему про свое путешествие в Муравейник и про визит Салли к святилищу в тупичке.

— Он называл ее Молли, — сказала она.

Тик раза четыре попеременно кивнул и подмигнул.

— Ну да, там она звалась так. О чем они разговаривали?

— Говорили о каком-то месте под названием «Блуждающий огонек». О старом знакомом по имени Кейс. О каком-то враге, женщине…

— Тессье-Эшпул. Я это выяснил для нее, когда ворошил барахлишко Суэйна. Суэйн собирается продать Молли так называемой леди три-Джейн. У этой леди самое полное досье пикантнейшего грязного белья, какое только можно себе представить, — вообще на всех и на вся. Я был страшно осторожен и не подходил к этому слишком близко. Суэйн сейчас торгует этими скандалами направо и налево, по ходу дела сколачивая себе не одно состояние. Уверен, что у нее достаточно грязи и на нашего мистера Суэйна…

— А она здесь? В Лондоне?

— Вроде бы где-то на орбите, хотя поговаривают, что она умерла. По правде говоря, я как раз над этим и работал, когда наш крошка возник в матрице…

— Прости, я не поняла.

— Подожди минутку, я тебе покажу.

Он вернулся к обеденному столу, неся плоский прямоугольник с рядом крошечных переключателей вдоль края. Поставив тот на стол, Тик

тронул мини-клавишу. Над проектором вспыхнула трехмерная голограмма: неоновые линии решетки киберпространства с яркими фигурами, одновременно простыми и сложными, — графическое представление безмерных скоплений хранимых данных.

— Вот они, все наши стандартные большие говнюки. Корпорации. Можно сказать, довольно стабильный ландшафт. Иногда какая-нибудь отращивает приложение, или у тебя на глазах происходит захват, или две сливаются. Вряд ли здесь увидишь что-то действительно новое, во всяком случае не в таком масштабе. Они начинают с малого: растут, сливаются с другими мелкими формациями… — Он коснулся другого переключателя. — А часа четыре назад, — (точно в центре проекции возникла гладкая вертикальная колонна белого цвета), — откуда ни возьмись выросло вот это. Или вросло.

Цветные кубы, сферы и пирамиды тут же потеснились, уступая место круглому белому столпу, рядом с которым они казались карликами. Его верхушка была гладко срезана верхней границей проекции.

— Этот сукин сын намного больше всего остального, — с некоторым даже удовлетворением

сказал Тик, — и никто не знает, что это или кому это принадлежит.

— Но кто-то же должен знать, — возразила Кумико.

— В общем-то, разумно. Должен. Но людям моего, так сказать, амплуа — а нас таких миллионы — не удалось это выяснить. И это еще более странно, чем сам факт того, что эта штука вообще возникла. Перед твоим приходом я как раз обшаривал решетку в поисках какого-нибудь жокея, у которого была бы хоть какая-то зацепка. Ничего. Вообще ничего.

— Как это может быть, что три-Джейн мертва? — Но тут она вспомнила Финна, черные кубики в кабинете отца. — Я должна рассказать все Салли.

— Тут ничего не поделаешь, остается только ждать, — сказал Тик. — Она, наверное, позвонит. А пока, если хочешь, мы могли бы попробовать войти в этот твой маленький ИскИн.

— Хочу, — ответила девочка. — Пожалуйста.

— Будем надеяться, что типы из Особого отдела, которым теперь платит Суэйн, тебя не выследили. Но опять же, чтобы это проверить, нам остается только ждать…

— Да, — сказала Кумико, совсем не обрадован-

ная подобной перспективой.

Глава 35

Война на Фабрике

Черри снова отыскала его в темноте, возле Судьи. Он сидел на одном из Следователей с фонариком в руке, освещая полированный, в разводах ржавчины судейский панцирь. Слик не помнил, как он пришел сюда, но не чувствовал и рваного края недавнего корсаковского приступа. Он твердо помнил взгляд девушки в комнате, про которую Бобби сказал, что это Лондон.

— Джентри подключил Графа и его штуковину к киберпространственной деке, — сказала Черри. — Знаешь?

Слик кивнул, не отрывая взгляда от Судьи:

— Бобби сказал, так будет лучше.

— Что все-таки происходит? Что произошло, когда вы подключились?

— Джентри и Бобби, они вроде одного поля ягоды, закорешились в момент. Оба помешаны на одном и том же. Подключившись, мы оказались где-то на орбите, но Бобби там не было… Потом, думаю, была Мексика. Кто такая Тэлли Ишем?

— Королева стимов во времена моего детства. Как сейчас Энджи Митчелл…

— Митчелл… она была его бабой.

— Кого?

— Бобби. Он рассказывал об этом Джентри в Лондоне.

— В Лондоне?

— Ага. Мы двинули туда после Мексики.

— И он сказал, что раньше был с Энджи Митчелл? Бред какой-то.

— Да, и еще он сказал, что именно так наткнулся на этот «алеф». — Слик повел фонариком, и луч уперся в утробу скелетовидного Трупоруба. — Якшался с богатенькими и от них прослышал об «алефе». Называли эту штуку «ловцом душ». Хозяева сдавали его в аренду тем богачам, и недешево. Бобби разок его опробовал, потом вернулся и украл. Увез в Мехико и начал проводить внутри все свое время. Но они пришли за ним…

— А ты, похоже, кое-что вспоминаешь…

— Поэтому он оттуда сбежал. Приехал в Кливленд и договорился с Африкой. Дал Африке денег, чтобы тот его спрятал И заботился о нем, пока он подключен, потому что он подошел действительно близко…

— Близко к чему?

— Не знаю. К чему-то странному. Вроде как Джентри твердит об этом своем Образе.

— Ну, — протянула Черри, — думаю, это может его прикончить, то, что он так подключен все время. Жизненные показатели начинают пошаливать. Он слишком давно под этими капельницами. Потому я и пошла тебя искать.

В луче фонарика поблескивали ощетинившиеся стальными клыками потроха Трупоруба.

— Это то, чего он хочет. Во всяком случае, если он платит Малышу, то получается, ты работаешь на него. Но эти ребята, которых сегодня видел Пташка, работают на парней из Лос-Анджелеса, на тех, у кого Бобби украл этот…

— Скажи мне кое-что.

— Что?

— Что это за штуки ты построил? Африка говорил, что ты этакий трехнутый белый парень, который строит роботов из лома. Говорил, что летом ты выводишь их во двор и устраиваешь большие бои…

— Это не роботы, — прервал он, переведя луч на низко посаженные, с серпами на концах, руки паучьеногой Ведьмы. — Они в основном управляются по радио.

— Ты строишь их для того, чтобы потом раз-

ломать?

— Нет. Но мне нужно их как-то тестировать. Убедиться, правильно ли я все сделал…

Он щелчком выключил свет.

— Трехнутый белый парень, — сказала она. — У тебя здесь есть девушка?

— Нет.

— Прими душ. Побрейся…

Черри вдруг оказалась совсем близко к нему, так близко, что он ощутил ее дыхание у себя на лице.

— О'КЕЙ, РЕБЯТА, А ТЕПЕРЬ СЛУШАЙТЕ…

— Какого хрена…

— …ПОТОМУ ЧТО Я НЕ НАМЕРЕН ПОВТОРЯТЬ ДВАЖДЫ.

Слик зажал Черри рот рукой.

—

НАМ

НУЖЕН ВАШ ГОСТЬ И ЕГО ОБОРУДОВАНИЕ. ВОТ И ВСЕ. ПОВТОРЯЮ: ГОСТЬ И ОБОРУДОВАНИЕ. — Усиленный мегафоном голос гулко отдавался в железной пустоте Фабрики. — ТАК ВОТ, МОЖЕТЕ ВЫДАТЬ ЕГО ПРЯМО СЕЙЧАС, ЭТО НЕТРУДНО, ИЛИ МЫ ПРОСТО ВОЙДЕМ И ВСЕХ ВАС К ДЬЯВОЛУ ПЕРЕСТРЕЛЯЕМ. ЭТО ТОЖЕ НЕ СОСТАВИТ НАМ НИКАКОГО ТРУДА. ПЯТЬ МИНУТ

НА РАЗМЫШЛЕНИЕ.

Черри укусила его за руку.

— Блин, мне же нужно как-то дышать, а?

А потом он бежал сквозь темноту Фабрики и слышал, как она выкрикивает его имя.

Над южными воротами Фабрики горела единственная стоваттная лампочка, погнутые стальные створки были распахнуты настежь, скованные морозом и ржавчиной. Свет, должно быть, оставил Пташка. С того места, где засел Слик, скорчившись у пустого оконного проема, можно было различить за слабым конусом света силуэт ховера. Из темноты с рассчитанной небрежностью — чтобы показать, кто тут хозяин положения, — вышел человек с мегафоном. На нем был герметичный камуфляжный комбинезон с тонким нейлоновым капюшоном, натянутым на голову, и защитные очки. Он поднял мегафон:

— ТРИ МИНУТЫ.

Человек напомнил ему охранников в тюремном дворе, куда Слика выводили гулять в тот второй раз, когда снова повинтили за угон автомобиля.

Джентри, наверное, смотрит сверху, оттуда, где высоко над воротами Фабрики была щель в

стене, прикрытая узкой вертикальной панелью из плексигласа.

В темноте справа от Слика что-то задребезжало. Он повернулся и в слабом свете из другого оконного проема метрах в восьми от себя увидел Пташку и отблеск стального глушителя — парнишка поднял винтовку двадцать второго калибра.

— Пташка! Не смей…

Вылетев откуда-то из глубин Пустоши, на щеке парня возник рубиновый светлячок лазерного прицела. Грохот выстрела ворвался в пустые окна и эхом заметался меж стен. Пташку отбросило в темноту.

Тишина, только позвякивание катящегося по бетону глушителя.

— МАТЬ ВАШУ ТАК, — весело пророкотал усиленный голос. — ВЫ УПУСТИЛИ СВОЙ ШАНС.

Слик глянул через подоконник и увидел, как человек в камуфляже бежит назад к ховеру.

Сколько их там еще? Пташка ничего об этом не говорил. Два ховера, «хонда» — человек десять? А может, больше? Если только Джентри не припрятал где-нибудь пистолет, винтовка Пташки оставалась единственным оружием на Фабрике.

Заурчали турбины ховера. Они собираются въехать на территорию, догадался Слик. У них

лазерные прицелы. Наверное, есть и инфракрасные.

Тут он услышал одного из Следователей. Такой звук автомат обычно издавал, скрежеща стальными гусеницами по бетонному полу. Следователь выполз из темноты, скорпионье жало с термитным наконечником опущено. Шасси начало свою жизнь лет пятьдесят назад на радиоуправляемом манипуляторе, предназначенном для переноски токсичных жидкостей или отходов ядерных электростанций. Найдя в Ньюарке три таких разукомплектованных механизма, Слик выменял их за «фольксваген».

Джентри. Слик же забыл контрольный модуль у Джентри на чердаке.

Следователь проскрежетал по полу и остановился в широком дверном проеме лицом к Пустоши и приближающемуся ховеру. Автомат был размером приблизительно с тяжелый мотоцикл, на открытой раме шасси размещались блок сервоприводов, компрессорные резервуары, гидравлические цилиндры и выставленные на всеобщее обозрение открытые шнеки. А вправо и влево торчала пара весьма злобных на вид клешней. Слик не помнил, где он раздобыл эти клешни, наверное, оторвал от какого-то фермер-

ского комбайна.

Ховер был тяжелой промышленной модели. На месте лобового стекла и окон были щиты из толстой серой пластиковой брони, в центре каждого щита — узкие прорези.

Разбрасывая гусеницами льдинки и бетонную крошку, Следователь двинулся вперед, прямо на ховер, максимально широко разведя при этом клешни. Водитель ховера, пытаясь погасить инерцию, переключил турбину на реверс.

Клешни Следователя яростно клацнули о передний выступ воздушной подушки, соскользнули, сомкнулись снова. Но ткань юбки, очевидно, была усилена поликарбоновой сеткой. Тут Джентри вспомнил о термитном жале. Жало дрогнуло, поднялось, наконечник его взорвался тугим шаром ярко-белого света; проскочив над бесполезными теперь клешнями, шар прорвал юбку, как нож картонный лист. Гусеницы Следователя слегка провисли, потом снова бешено завертелись, когда Джентри бросил его на сдувающийся мешок, одновременно до отказа выпустив жало-копье. Слик внезапно осознал, что он что-то кричит, но не понимал, что именно. Он был уже на ногах, когда клешни нашли наконец за что зацепиться — за оторванный край юбки.

Он снова бросился на пол, когда из люка на крыше ховера, как вооруженная кукла-перчатка, вынырнула фигура в защитных очках и капюшоне, паля из двенадцатого калибра. От Следователя во все стороны полетели искры, но он продолжал вгрызаться в ткань воздушной подушки. Ее контуры были отчетливо видны, высвеченные белым пульсированием жала-копья. И вдруг Следователь замер, клешни мертвой хваткой вцепились в распоротый мешок. Автоматчик нырнул обратно в люк.

Линия питания? Сервоблок? Что зацепил этот парень? Белая пульсация стала замирать, вот-вот погаснет.

Ховер дал задний ход, начал медленно отползать по ржавому лому, волоча за собой Следователя.

Он был уже довольно далеко, почти за пределами светового круга, видимый только потому, что двигался, когда Джентри отыскал комбинацию кнопок, включавшую огнемет. Дуло его было вмонтировано под местом крепления клешней. Слик завороженно смотрел, как Следователь поджег десять литров бензина, смешанного с ядохимикатами, и выплюнул под высоким давлением огненную струю. Это сопло, вспомнил

Слик, служило для распыления пестицидов, он однажды снял его с трактора, вовсе не уверенный в том, что оно работает.

Работает, да еще как!

Глава 36

Ловец душ

Ховер уже повернул на юг, когда снова явилась Маман Бригитта. Женщина с серебром вместо глаз бросила серый седан на какой-то стоянке, а уличная девчонка с лицом Энджи рассказывала путаную историю: Кливленд, Флорида, кто-то, кто был ей не то дружком, не то сутенером, а может, и тем и другим одновременно…

Но в ушах Энджи все еще звучал голос Бригитты, слова, сказанные в кабине вертолета на крыше отеля «Нью-Судзуки-Энвой»:

Доверься ей, дитя. В делах ее — воля лоа.

Став пленницей на собственном сиденье — пряжка пристежного ремня блокирована куском застывшего пластика, — Анджела смотрела, как женщина в обход бортового компьютера запускает аварийную систему, позволяющую пилотировать вертолет вручную.

И вот прошел час, и теперь это шоссе под зимним дождем, девчонка опять говорит, и ее голос заглушает шорох дворников по ветровому стеклу…

К сиянию свечей, к стенам из выбеленной глины. Бледные мотыльки мельтешат в струящихся ветвях ив.

Твое время все ближе.

И вот они пришли — Наездники, лоа: Папа Легба, ярок и текуч, словно ртуть; Эрзули Фреда, королева и мать; Самеди, или Суббота, Барон *Cimeture*[109], мох на разъеденных костях; Симилор; мадам Траво; и много-много других… Они заполняют пустую оболочку — так вот что она такое, Гран-Бригитта! Наплыв их голосов — как шум ветра, журчание бегущей воды, гудение пчелиного улья…

Они колеблются над землей, подобно жаркому мареву над летней автострадой. Никогда еще с Энджи не было такого — такой торжественности, такого подчинения, такого ощущения тяжести и падения…

Туда, где говорит Легба, и голос его подобен гулкому бою барабанов…

---

[109] Примечания: 109
Кладбище *(фр.).*

Он рассказывает историю.

В порывистом ветре образов мелькают перед Энджи этапы эволюции искусственного разума: круги из камня; часы; ткацкие паровые станки; мерно щелкающий латунный лес собачек и храповиков; вакуум, пойманный в дутое стекло; электронакал в тонких, как волоски, нитях; длинные ряды радиоламп и переключателей, чья задача — расшифровывать послания, закодированные другими такими же устройствами… Хрупкие и недолговечные лампы, уменьшаясь в размерах, превращаются в транзисторы; электронные схемы все более усложняются и, одеваясь в кремний, становятся все миниатюрнее…

Но вот уже и кремний исчерпывает до предела свои возможности…

И снова она внутри видеофильма Ганса Беккера — кадры из истории Тессье-Эшпулов перемежаются снами, которые не что иное, как воспоминания 3-Джейн, а он, Легба, все говорит, и эти две истории объединяются, становятся единым целым — бесчисленные нити закручиваются вокруг общего потайного стержня: мать 3-Джейн создает два искусственных интеллекта, двух близнецов, которые в один прекрасный день сольются; затем — появление чужаков (Энджи вдруг осознает, что

и Молли ей знакома по снам), само это слияние и безумие 3-Джейн…

И тут Энджи видит, что перед ней — удивительное ювелирное изделие: голова, сделанная из платины, украшенная жемчугом и ляпис-лазурью; глаза — граненые искусственные рубины. Голова эта тоже встречалась ей в снах, которые никогда не были снами. Голова — врата в сокровенные базы данных Тессье-Эшпулов, где две половинки неведомого существа пока еще воюют между собой, ожидая своего рождения как единой сущности.

— В то время ты еще не родилась. — И хотя голова говорит голосом Мари-Франс, мертвой матери 3-Джейн, голосом, знакомым по стольким мучительным ночам, Энджи понимает, что это говорит Бригитта. — Твой отец тогда только-только начинал осознавать пределы собственных возможностей, отличать амбиции от таланта. Тот, кому он отдаст свое дитя в обмен на знание, в то время себя еще не явил. Но уже скоро придет человек Кейс, чтобы принести с собой это слияние — одновременно и короткое, и безвременное. Но это ты знаешь.

— А где сейчас Легба?

— Легба-ати-Бон — каким знала его ты — ждет,

чтобы быть.

— Нет, — вспоминая слова Бовуара, сказанные давным-давно в Нью-Джерси, возразила Энджи, — лоа пришли из Африки на заре времен…

— Не те, какими знала их ты. Когда настало время, яркое время, тогда пришло полное единство, единое сознание. Но был еще и другой.

— Другой?

— Я говорю лишь о том, что знаю я. Только единый знал другого, но единого больше нет. Вслед этому знанию рухнул центр; каждый осколок унесся прочь. Эти осколки искали форму — каждый наособицу, что было присуще их природе. Из всех знаков, какие копил твой род против тьмы и ночи, наиболее подходящими в той ситуации оказались парадигмы вуду.

— Так Бобби был прав? Вот оно — «Когда Все Изменилось»…

— Да, он был прав, но лишь отчасти, поскольку я — одновременно и Легба, и Бригитта, и одна из граней того, кто заключил сделку с твоим отцом. Кто потребовал, чтобы он прочертил веве в твоем мозгу.

— И подсказал отцу, как доделать этот его биочип?

— Биочип был необходим.

— Значит, необходимо, чтобы мне снились воспоминания дочери Эшпула?

— Может быть.

— Сны были результатом наркотиков?

— Не напрямую, хотя наркотик сделал тебя более восприимчивой к одним модальностям и менее восприимчивой к другим.

— Значит, наркотик. Что это было? Каково его назначение?

— Для ответа на первый вопрос потребуется подробное описание нейрохимических реакций — это слишком долго.

— Так каково же его назначение?

— В отношении тебя?

Ей пришлось отвести взгляд от рубиновых глаз. Стены комнаты обшиты панелями из старого дерева, натертыми до мягкого блеска. На полу — ковер, вытканный чертежами электронных схем.

— Ни одна из доз не была идентична другой. Единственной постоянной оставалась субстанция, чье психотропное воздействие ты и воспринимала как наркотик. В процесс усвоения препарата были вовлечены многие другие вещества, равно как и несколько десятков субклеточных наномеханизмов, запрограммированных

на то, чтобы переструктурировать синаптические изменения, осуществленные Кристофером Митчеллом…

Веве твоего отца изменены, частично стерты, прочерчены заново…

— По чьему приказу?

Рубиновые глаза. Жемчуг и ляпис-лазурь. Молчание.

— По чьему приказу? Хилтона? Это был Хилтон?

— Решение исходило от Континьюити. Когда ты вернулась с Ямайки, Континьюити настоятельно советовал Свифту вновь приучить тебя к наркотику. А Пайпер Хилл попыталась выполнить его приказ.

Энджи чувствует, как усиливается давление в голове, две точки боли позади глаз…

— Хилтон Свифт обязан выполнять решения Континьюити. «Сенснет» — слишком сложный организм, чтобы выжить по-другому. Континьюити же, созданный много позже того яркого мгновения, принадлежит уже к иному порядку. Технология биософтов, взращенная твоим отцом, вызвала к жизни Континьюити. Континьюити наивен.

— Почему? Почему Континьюити хотел этого

от меня?

— Континьюити — это непрерывностъ. А непрерывностъ — удел Континьюити…[110]

— Но кто посылает сны?

— Они не посланы. Они притягивают тебя, как когда-то притягивали лоа. Попытка Континьюити переписать послание твоего отца провалилась. Некий импульс, исходящий из глубин твоей личности, позволил тебе бежать. Попытка вернуть тебя к *coup-poudre* не привела к успеху.

— Так это Континьюити послал эту женщину, чтобы меня выкрасть?

— Мотивы Континьюити скрыты от меня. Иной порядок. Континьюити допустил, чтобы Робин Ланье поддался на уговоры агентов три-Джейн.

— Но почему?

Боль позади глаз становится невыносимой.

— У нее кровь из носу течет, — сказала уличная девчонка. — Что мне делать?

— Вытереть. Заставь ее откинуться назад. Дьявол! Да займись же ты этим, мать твою…

— А что она такое говорила про Нью-Джерси?

— Заткнись. Просто помолчи. Найди, где тут съезд с шоссе.

---

[110] Примечания: 110
См. выше

— Зачем?

— Мы едем в Нью-Джерси.

Кровь на новой шубе. Келли будет в ярости.

Глава 37

Журавли

Тик отсоединил маленькую панель с задней стороны модуля «Маас-Неотек» при помощи зубочистки и ювелирных щипцов.

— Очаровательно, — пробормотал он, вглядываясь в отверстие через визир с подсветкой, на который тут же свесился водопад нечесаных сальных волос. — Как это они протянули проводки понизу, в стороне от переключателя… Ловкие, ублюдки…

— Тик, — спросила Кумико, — ты познакомился с Салли, когда она в первый раз приехала в Лондон?

— Думаю, вскоре после того… — Он потянулся за мотком оптоволокна. — Конечно, у нее тогда не было такого влияния.

— Она тебе нравится?

Визир с лампочкой обратился в сторону девочки, из-за линзы на нее воззрился искаженный

левый глаз Тика.

— Нравится? Не знаю, так вот сразу и не скажешь.

— Но ты же не станешь говорить, что она тебе не нравится?

— Чертовски сложно с ней, с этой Салли. Понимаешь, что я имею в виду?

— Сложно?

— Она так и не свыклась с тем, как тут делаются дела. Все жалуется. — Его руки двигались быстро, уверенно: щипцы, опторазъем… — Наша Англия — тихое место. Но, видишь ли, так было не всегда. У нас тоже было смутное время, а потом война… Здесь все происходит определенным образом, если ты меня понимаешь. Хотя для всяких пижонов это, конечно, не совсем так.

— Прости?

— Для типов вроде Суэйна. Впрочем, люди твоего отца, те, с которыми Суэйн общался раньше, похоже, уважают традиции… Человек должен знать, где верх, а где низ… Понимаешь, о чем я говорю? Так вот, готов поручиться, эта новая афера Суэйна спутает карты всем, кто в ней не замешан. Господи, у нас же все-таки есть правительство. Не всем заправляют большие компании. По крайней мере, не напрямую…

— А деятельность Суэйна угрожает правительству?

— Она его, черт побери, *меняет*. Наш мистер Суэйн перераспределяет власть, как ему удобно. Информация. Власть. Компромат. Сосредоточьте достаточно такой грязи в руках одного человека… — Пока он говорил, на щеке у него дергался нерв. Корпус Колина лежал посреди обеденного стола на белой антистатической подкладке, а Тик присоединял торчащие из него проводки к толстому кабелю, ведущему к одному из множества модулей на стеллаже. — Ну вот, — сказал он, потирая руки, — вытащить его к тебе прямо сюда я не могу, но мы достучимся до него через деку. Видела когда-нибудь киберпространство?

— Только в стимах.

— Тогда можно считать, что видела. В любом случае сейчас увидишь.

Он встал и отошел от стола. Девочка проследовала за ним через комнату к паре потертых кресел с обивкой из искусственной замши, которые стояли по обеим сторонам низкого квадратного столика из черного стекла.

— Беспроводные, — с гордостью пояснил Тик, беря со стола два набора тродов и протягивая один Кумико. — Стоили целое состояние.

Кумико рассматривала скелетообразную матово-черную тиару. На ободе между височными кругами был выдавлен логотип «Маас-Неотек». Надела, почувствовав холод пластика на коже. Тик нацепил свои троды и устроился в другом кресле.

— Готова?

— Да, — ответила девочка.

И комната Тика исчезла, стены развалились колодой карт, которые затем съежились и пропали в яркой решетке со встающими внутри ее геометрическими фигурами баз данных.

— Симпатичный переход, правда? — донесся до нее голос Тика. — Программка встроена в троды. Для пущего драматизма…

— Где Колин?

— Секундочку… дай-ка я его вызову…

Кумико ахнула, почувствовав, как ее уносит к равнине, сотканной из хромированного желтого света.

— Головокружение может стать проблемой, — сказал Тик, внезапно оказываясь на желтой равнине рядом с ней.

Она посмотрела вниз на его замшевые туфли, потом на свои руки.

— О телесном облике, по мере возможности,

заботится графическая программа, — объяснил англичанин.

— Ага, вот и он, — произнес Колин, — наш человечек из «Розы и короны». Покопался в моей упаковке, да?

Кумико обернулась и увидела его рядом. Подошвы коричневых сапог висели в десяти сантиметрах над желтой хромировкой. В киберпространстве, как она успела заметить, теней не было.

— А я и не знал, что мы уже встречались, — ответил Тик.

— Не стоит беспокоиться, — сказал Колин, — это было неофициальное знакомство. Однако, — обратился он к Кумико, — я вижу, ты благополучно добралась в красочный Брикстон.

— Господи, — воскликнул Тик, — ты не можешь хотя бы наполовину прикрутить свой снобизм?

— Прошу прощения, — с усмешкой отозвался Колин, — мое предназначение — отражать ожидания гостя.

— Так вот как японские конструкторы представляют себе истинного англичанина!

— Там были Дракулы, — сказала Кумико, — в подземке. Они отобрали у меня сумочку. Хотели отобрать тебя…

— Ты вытек из своего корпуса, приятель, — сказал Тик. — А сейчас подключен через мою деку.

— Надо же, — усмехнулся Колин.

— Скажу тебе кое-что еще, — продолжал Тик, подступая к Колину. — Для того, чем тебе полагается быть, в тебе не совсем та информация. — Он прищурился. — Мой приятель в Бирмингеме как раз тебя ворошит. — Тик повернулся к Кумико. — В этом твоем мистере Чипсе кто-то покопался. Ты в курсе?

— Нет…

— Если начистоту, — сказал Колин, отбрасывая челку со лба, — что-то подобное я и подозревал.

Тик уставился невидящим взглядом в матрицу, как будто прислушивался к чему-то, чего Кумико не могла различить.

— Да, — наконец произнес он, — хотя с почти полной уверенностью могу сказать, что это фабричная работа. Десять базовых блоков в тебе, — он рассмеялся, — затянуты льдом… Черт побери, считается, что ты знаешь все о Шекспире, верно?

— Извини, — ответил Колин, — но боюсь, черт побери, что я знаю о Шекспире действительно все.

— Прочти нам тогда какой-нибудь сонет, — предложил Тик; его лицо искривилось.

— Ты прав. — По лицу Колина пробежала тень чего-то, похожего на страх.

— И о чертовом Диккенсе тоже! — ликующе прокаркал Тик.

— Но я ведь знаю…

— Ты думаешь, что знаешь, пока тебя не спросят о чем-то конкретном! Видишь ли, они оставили эти кармашки пустыми — блоки памяти для английской литературы — и наполнили их чем-то еще…

— И чем же?

— Не знаю, — ответил Тик. — Мой приятель в Бирмингеме не может этого расколоть. Вообще-то, он паренек умный, но ты как-никак чертов «маасовский» биософт…

— Тик, — прервала его Кумико, — есть какой-нибудь способ связаться с Салли через матрицу?

— Сомневаюсь, но можно попробовать. Ты в любом случае увидишь этот макроформ, о котором я тебе рассказывал. Хочешь, прихватим с собой для компании и мистера Чипса?

— Да, пожалуйста…

— Вот и прекрасно, — сказал Тик, потом помедлил. — Но мы не знаем, чем твой дружок напичкан. Предполагаю, там что-то такое, за что заплатил твой отец.

— Он прав, — отозвался Колин.

— Мы отправимся втроем, — сказала девочка.

Тик решил осуществить переход в реальном времени, а не перемещаться мгновенно, как обычно делают в матрице.

Желтая равнина, объяснил он, — это крыша Лондонской фондовой биржи и связанных с ней учреждений в Сити. Тик сгенерировал некое подобие лодки — эта синяя абстракция должна была ослабить головокружение. Когда они заскользили прочь от Лондонской биржи, Кумико обернулась и увидела, как уменьшается огромный желтый куб. Тик, взяв на себя роль гида, указывал на различные структуры, в то время как Колин устроился по-турецки на сиденье — эта смена ролей, похоже, его забавляла.

— Вот «Уайтс», — говорил Тик, обращая ее внимание на скромную серую пирамиду, — клуб на Сент-Джеймс[111]. Зарегистрированные члены, список ожидающих…

Кумико с интересом рассматривала архитектуру киберпространства, вспоминая своего французского наставника в Токио, который объ-

---

[111] Примечания: 111

«Уайтс» — старейший и наиболее эксклюзивный джентльменский клуб консерваторов, основан в 1693 г. и с 1778 г. располагается на Сент-Джеймс-стрит в лондонском районе Вестминстер.

яснял ей потребность человечества в таком вот информационном поле. Иконки, перекрестки линий связи, искусственные реальности… Но затем в памяти все начало расплываться — как и эти громадные геометрические фигуры, когда Тик резко увеличил скорость…

Размеры белого макроформа с трудом укладывались в голове.

Первоначально он казался Кумико подобным небу, но теперь, глядя на него издали, она воспринимала его как нечто иное, как что-то, что можно взять в руку, — цилиндр из светящегося жемчуга не выше шахматной пешки. Однако громоздящиеся кругом разноцветные фигуры превращались рядом с ним в ничтожных карликов.

— А вот это действительно необычно, — бросил небрежно Колин. — Поистине аномальное явление, единственное в своем роде.

— Тебе-то что об этом беспокоиться? Или все же есть причины? — поинтересовался Тик.

— Если это не имеет прямого отношения к Кумико, тогда причин нет, — ответил Колин, вставая в «лодке». — Хотя как можно быть уверенным?

— Ты должен попытаться связаться с Салли, — нетерпеливо напомнила Кумико Тику.

Эта штука — макроформ, аномалия — не вызывала у девочки особого интереса, хотя и Тик, и Колин относились к ней как к чему-то сверхординарному.

— Глянь только, — произнес Тик. — Возможно, там, черт побери, целый мир…

— И ты не знаешь, что это? — Девочка присмотрелась к Тику, во взгляде которого появилось знакомое отстраненное выражение, значит, где-то там, в Брикстоне, его пальцы порхают над декой.

— Это очень, очень большой сгусток данных, — сказал Колин.

— Я только что попытался протянуть ниточку к тому конструкту, которого Салли называет Финном, — сказал Тик; взгляд его сфокусировался, но в голосе возникли нотки озабоченности. — Однако не смог прорваться. У меня возникло нехорошее чувство, как будто там кто-то есть… ждет чего-то. Пожалуй, нам лучше бы сейчас отключиться…

На жемчужной поверхности колонны возникла черная точка, выросла в четко очерченный круг…

— Чтоб мне провалиться, — выдохнул Тик.

— Оборви связь, — бросил Колин.

— Не могу! Нас зацепили…

На глазах у Кумико синий силуэт «лодки» под ней распластался и сузился, превращаясь в лазурную дорожку, ведущую к круглому оку тьмы. Потом… мгновение абсолютной странности, пустоты — и Кумико вместе с Тиком и Колином тоже растянулась в стремительную линию…

…и оказалась в парке Уэно. Над неподвижными водами пруда Синобадзу повис осенний вечер. Рядом с ней на полированной скамейке из холодных брусков поликарбона сидит мать, сейчас она гораздо красивее, чем в воспоминаниях. Ее полные губы светятся яркой помадой, нанесенной лучшими, тончайшими кисточками. На матери знакомая французская черная куртка с поднятым воротником, темный мех обрамляет приветливую улыбку.

Кумико могла только смотреть перед собой, сжавшись в комок на скамейке и чувствуя под сердцем ледяной пузырь страха.

— Какая ты глупенькая, Кумико, — сказала мать. — Как ты могла вообразить, что я забуду тебя и брошу посреди зимнего Лондона на милость гангстерам, прислуживающим твоему отцу?

Кумико смотрела, как шевелятся совершенные губы, чуть приоткрывая белые зубы, — девочка

знала, что за этими зубами следил самый лучший дантист Токио.

— Ты умерла, — услышала она свой голос.

— Нет, — улыбнулась мать, — не сейчас. И не здесь, в парке Уэно. *Посмотри на журавлей, Кумико.*

Но Кумико даже не повернула голову.

— Посмотри на журавлей.

— Отвали нахрен, — сказал Тик.

Кумико резко обернулась. Он был тоже здесь, в парке. Его бледное лицо было перекошено и лоснилось от пота, сальные волосы прилипли ко лбу.

— Я — ее мать.

— Она не твоя мама, понимаешь? — Тика трясло, все его искривленное тело вздрагивало, как будто он заставлял себя идти наперекор ужасному ветру. — Не… твоя… мама…

Под мышками серого пиджака проступили темные полумесяцы. Маленькие кулачки ходили ходуном, а он все силился сделать следующий шаг.

— Ты болен, — сказала мать Кумико сочувственным тоном. — Тебе стоит прилечь.

Тик упал на колени, придавленный к земле невидимой тяжестью.

— Прекрати! — закричала Кумико.

Что-то с силой вдавило лицо Тика в пастельный бетон дорожки.

— Прекрати!

Левая рука человечка взлетела от плеча вертикально вверх и начала медленно вращаться, кисть по-прежнему оставалась сжатой в кулак. Кумико услышала, как что-то хрустнуло — кость или, может быть, сустав, — и Тик закричал.

Ее мать рассмеялась.

Кумико ударила мать по лицу. Удар отозвался в ее руке резкой и очень реальной болью.

Лицо матери дрогнуло, превращаясь в чье-то чужое. Лицо гайдзинки с широким ртом и тонким, острым носом.

Тик застонал.

— Отлично проработанная картинка, доложу я вам, — раздался вдруг голос Колина.

Кумико повернулась и увидела его сидящим верхом на лошади с охотничьей литографии — на стилизованном графическом воспроизведении вымершего животного. Грациозно выгнув шею, лошадь подошла ближе.

— Простите, что задержался. Мне потребовалось некоторое время, чтобы отыскать вас. Какая восхитительно сложная структура. Что-то вроде

карманной вселенной. Я бы сказал, тут всего понемножку. — Он натянул поводья.

— Игрушка, — сказало нечто с лицом матери Кумико, — как ты смеешь разговаривать со мной?

— По правде говоря, смею. Вы — леди три-Джейн Тессье-Эшпул, или, точнее, *покойная* леди три-Джейн Тессье-Эшпул, обитавшая на вилле «Блуждающий огонек» и, не так чтобы недавно, безвременно ушедшая из жизни. А эту довольно удачную декорацию токийского парка вы только что выудили из воспоминаний Кумико, не так ли?

— Умри! — Женщина выбросила вверх белую руку, с ее ладони вспорхнула фигурка, сложенная из листка неона.

— Нет, — сказал Колин, и журавлик распался; призрачные обрывки пронеслись сквозь Колина и растаяли. — Не выйдет. Извините. Я вспомнил, что я такое. Нашел те куски, которые были запрятаны в блоках памяти, отведенных для Шекспира, Теккерея и Блейка. Я был модифицирован специально для того, чтобы помогать советом и защищать Кумико в ситуациях гораздо более опасных, чем те, какие только могли вообразить мои первоначальные конструкторы. Я

— тактическое устройство.

— Ты — ничто.

У ее ног зашевелился Тик.

— Боюсь, вы ошибаетесь. Видите ли, три-Джейн, здесь, в этом вашем… архитектурном капризе, я столь же реален, как и вы. Понимаешь, Кумико, — сказал он, спрыгивая с седла, — загадочный макроформ Тика — на самом деле куча-мала очень дорогих биочипов, собранная под заказ. Что-то вроде игрушечной вселенной. Я пробежался по ней вверх-вниз, и здесь, безусловно, многое стоит посмотреть, многому поучиться. Эта… женщина — скажем так, если уж мы решили относиться к ней как к человеку, — создала ее в трогательном стремлении — о нет, даже не к *бессмертию*, а просто чтобы сделать все по-своему. Подчинить все своим узким, навязчивым и исключительно ребяческим желаниям. И кто бы мог подумать, что предметом жесточайшей и так мучительно снедающей ее зависти станет Анджела Митчелл?

— Умри! Ты умрешь! Я тебя убиваю! Сейчас же!

— Попытка не пытка, — отозвался Колин с усмешкой. — Видишь ли, Кумико, три-Джейн знала о тайне Митчелл, о тайне ее взаимоотношений с матрицей. Было время, когда Митчелл обладала

потенциалом… ну… она могла стать центром всего… Впрочем, эта история не стоит того, чтобы в нее вдаваться. А три-Джейн просто ревновала…

Фигура матери Кумико качнулась дымком и растаяла.

— О, дорогая, — сказал Колин, — боюсь, я утомил благородную леди. Параллельно нашей с ней пикировке мы вели нечто вроде позиционной войны, только на другом уровне командных программ. Ситуация патовая. Разумеется, временно; я уверен, леди три-Джейн без труда оправится…

Тик тем временем поднялся на ноги и принялся осторожно массировать руку.

— Господи, — выдохнул он, — я уж было решил, она мне ее напрочь из сустава вывернула.

— Она и вывернула, — сказал Колин, — но, уходя, так злилась, что позабыла сохранить изменения.

Кумико подошла к лошади поближе. Вблизи та и вовсе не походила на настоящую. Девочка коснулась лошадиного бока. Холодный и сухой, как старая бумага.

— И что нам теперь делать?

— Убираться отсюда. По коням! Кумико — вперед. Тик — назад.

Тик с сомнением поглядел на лошадь:

— Верхом на этом?

Больше в парке Уэно они никого не видели, хотя и скакали какое-то время в сторону зеленой стены, постепенно приобретавшей черты очень не японского леса.

— Но мы же должны быть в Токио, — запротестовала Кумико, когда они въехали в лес.

— Здесь все обрывками, — сказал Колин, — хотя вполне могу представить, что если поискать, то отыщется и какой-нибудь Токио. Однако, думается, я знаю точку выхода…

Тут он стал рассказывать ей о 3-Джейн, о Салли, об Анджеле Митчелл. Очень странная история.

На дальней стороне леса деревья казались просто огромными. Наконец они выехали на поле, заросшее высокой травой и полевыми цветами.

— Смотрите, — сказала Кумико, увидев сквозь ветви высокий серый дом.

— Да, — отозвался Колин, — оригинал находится где-то на окраине Парижа. Но мы почти на месте. Я имею в виду точку выхода…

— Колин! Ты видел? Женщина. Вон там…

— Да, — сказал он, не давая себе труда повернуть голову. — Анджела Митчелл…

— Правда? Она здесь?

— Нет, — ответил он, — пока еще нет.

И тут Кумико увидела планеры. Очаровательные, похожие на стрекоз конструкции подрагивали на ветру.

— Вам туда, — сказал Колин. — Тик отвезет тебя назад на одном из…

— Да ни за что, — запротестовал сзади Тик.

— Это ведь очень просто. Как будто работаешь с декой. В данном случае вообще одно и то же…

С Маргейт-роуд прилетели раскаты смеха и пьяные голоса, за которыми последовал звон бутылки, разбившейся о кирпичную стену.

Зажмурив глаза, Кумико неподвижно сидела в кресле и вспоминала, как планер взмыл в голубое небо и… и что-то еще.

Зазвонил телефон.

Глаза девочки тут же распахнулись.

Выпрыгнув из кресла, она промчалась мимо Тика, оглядела стеллажи с оборудованием в поисках телефона. Нашла его наконец и…

— Домосед, а домосед, — сказала Салли издалека; ее голос пробивался сквозь мягкий прибой статики, — что там у вас, черт возьми, происходит? Тик? С тобой все в порядке, приятель?

— Салли! Салли, где ты?

— В Нью-Джерси. Эй! Детка? Детка, что проис-

ходит?

— Я не вижу тебя, Салли! Экран пустой!

— Я звоню из автомата. Из Нью-Джерси. Что у вас случилось?

— Мне столько нужно тебе рассказать…

— Давай, — сказала Салли, — это ведь моя монетка.

Глава 38

Война на Фабрике (2)

Из высокого окна в дальнем конце чердака было хорошо видно, как горит ховер. Тут до Слика донесся все тот же многократно усиленный голос:

— ДУМАЕТЕ, ЭТО ЧЕРТОВСКИ ВЕСЕЛО, А? ХА-ХА-ХА, И МЫ ТОГО ЖЕ МНЕНИЯ! МЫ ДУМАЕМ: ВЫ, РЕБЯТА, ОФИГЕТЬ КАКИЕ ЗАТЕЙНИКИ, ТАК ДАВАЙТЕ ТЕПЕРЬ ПОВЕСЕЛИМСЯ ВМЕСТЕ!

Ничего не видно, только пламя над ховером.

— Мы просто уйдем, — сказала Черри у него за спиной, — возьмем воду, какую-нибудь еду, если она у вас есть. — Глаза у нее были красные, лицо залито слезами, но голос звучал спокойно. Слишком спокойно, на взгляд Слика. — Давай,

Слик, что нам еще остается?

Слик обернулся к Джентри, ссутулившемуся на своем стуле перед проекционным столом. Сжимая руками виски, тот вглядывался в белую колонну, вздымающуюся посреди привычной радужной путаницы Муравейникова киберпространства. С тех пор как они вернулись на чердак, Джентри ни разу не пошевелился, даже слова не произнес. Каблук левого ботинка Слика оставлял на полу размытые темные следы — кровь Пташки; он наступил в лужу, когда они пробирались через цех Фабрики.

— Не смог сдвинуть с места остальных, — сказал вдруг Джентри, глядя на лежащий у него на коленях пульт дистанционного управления.

— Просто у каждого свой пульт, — ответил Слик.

— Пора спросить совета у Графа, — сказал Джентри, бросая пульт Слику.

— Я туда не пойду, — ответил Слик. — Иди сам.

— Нет необходимости, — отозвался Джентри, набирая что-то на встроенной в верстак клавиатуре; на мониторе возникло лицо Бобби Графа.

Глаза Черри широко распахнулись.

— Да скажите же ему, — начала она, — что ему скоро хана. Он кони двинет, если его не отсоеди-

нить от матрицы и не отправить прямиком в реанимацию. Он умирает.

Лицо Бобби на мониторе застыло. За его спиной резко обозначился фон: шея чугунного оленя, высокая трава с пятнами белых цветов, толстые стволы старых деревьев.

— Слышишь, ты, сукин сын? — заорала Черри. — Ты умираешь! В легких у тебя все больше и больше жидкости, почки отказывают, сердцу кранты… От одного твоего вида меня блевать тянет.

— Джентри, — сказал Бобби; его голос из крохотного динамика в боковой панели монитора был едва слышен, — не знаю, какой там у вас расклад, ребята, но я организовал небольшой отвлекающий маневр.

— Мы так и не проверили мотоцикл. — Черри обняла Слика за плечи. — Даже не пошли посмотреть. Может, он на ходу.

— Что это значит — «небольшой отвлекающий маневр»? — освобождаясь от ее рук, спросил Слик и уставился в монитор.

— Я еще работаю над этим. Я ввел новый маршрут в программу автоматического грузовоза «Борг-Уорд», который недавно вылетел из Нью-арка.

Слик оторвался от Черри.

— Ну что ты сидишь, сделай хоть что-нибудь! — заорал он Джентри.

Тот поднял глаза, но в ответ лишь медленно покачал головой. Слик почуял первые признаки нового приступа корсаковского синдрома — отшелушиваясь, теряли очертания и исчезали крохотные частички памяти.

— Никуда он не пойдет, — ответил за ковбоя Бобби. — Он нашел Образ. А теперь просто хочет посмотреть, во что все это выльется. Каков будет конец. К вам уже едут одни люди… в некотором смысле друзья. Они освободят вас от «алефа». А я пока займусь этими сукиными детьми снаружи.

— Не собираюсь я тут торчать и смотреть, как ты подыхаешь! — взвыла Черри.

— А тебя никто и не просит. Мой вам совет — выбирайтесь отсюда. Дайте мне двадцать минут, и я их отвлеку.

Никогда еще Фабрика не казалась такой пустой.

Пташка лежит где-то в цеху у стены. Слик не переставал думать о спутанном ожерелье из ремешков и косточек у него на груди: перышки и разнокалиберные ржавые часики — все давно стоят, все показывают разное время… Дурацкое

захолустное дерьмо. Но Пташки больше нет. Пожалуй, и меня скоро не будет, подумал он, ведя Черри по шаткой лестнице. Все не так, как раньше. И нет времени вывезти механизмы, — во всяком случае, без платформы и чьей-нибудь помощи не обойтись; он уже решил, что если уйдет, то сюда больше не вернется. Фабрике и так уже никогда не стать прежней.

Черри несла пластиковую канистру с четырьмя литрами фильтрованной воды, сетку с нечищеным арахисом и пятью упаковками сухого супа «Биг-Гиндза» — это было все, что ей удалось разыскать на кухне. Слик нес два спальных мешка, фонарик и молоток.

Кругом было тихо, только ветер гремел рифленым металлом и шаркали по бетону их башмаки.

Слик и сам в точности не знал, куда он пойдет. Думал, что отведет Черри до фермы Марви и оставит ее там. Сам же, наверное, вернется проверить, как там Джентри. А она через день-другой найдет кого-нибудь, кто подвезет ее до того или иного городка Ржавого Пояса. Сама она, правда, про это еще не знает. Единственное, о чем она способна сейчас думать, — как отсюда убраться. Ее, похоже, одинаково пугала и перспектива увидеть

смерть Бобби Графа, и те люди, что окружили Фабрику. Но Слик ясно видел, что Бобби все равно нет дела до того, умрет он или нет. Возможно, Бобби решил, что он просто останется в «алефе», как и 3-Джейн. Или ему вообще на все наплевать; бывает, что с ума сходят и так.

Если уходить насовсем, думал Слик, свободной рукой направляя Черри через темноту, нужно бы заглянуть на прощанье к Судье, к Ведьме, к Трупорубу, к обоим Следователям. Правда, тогда ему придется сначала вывести Черри, потом вернуться… Но даже думая об этом, он знал, что это бессмысленно, что нет времени, что ее в любом случае нужно вывести…

— Здесь в стене, у самого пола, есть дыра, — объяснил он девушке. — Если выскользнуть через нее, может, никто нас и не заметит…

Когда он свернул в темноте, она сжала его руку.

Отверстие Слик отыскал на ощупь, просунул спальные мешки, молоток заткнул за пояс, лег на спину и стал протискиваться в дыру, пока голова и плечи не оказались снаружи. Небо висело низко, оно казалось лишь чуть-чуть светлее, чем тьма внутри Фабрики.

Издали вроде как донеслось слабое бормотание

моторов, но потом и оно смолкло.

Упираясь каблуками, плечами, бедрами, он наконец пропихнулся наружу и сразу же перекатился по снегу.

Что-то ткнулось ему в ногу: это Черри выталкивала канистру с водой. Слик протянул за канистрой руку, и на тыльной стороне его кисти тут же загорелся красный светлячок. Отпрянув, Слик снова перекатился. Пуля, как гигантский молот, ударила в стену Фабрики.

И тут в небе вспыхнула осветительная ракета. Пробиваясь сквозь низкие тучи, Пустошь залил яркий белый свет. И сразу стало видно, что к Пустоши, раздув серые бока, снижается беспилотный грузовоз — отвлекающий маневр Бобби. Вот фары грузовоза высветили второй ховер в тридцати метрах от Фабрики, фигуру в капюшоне и с винтовкой на его крыше…

Первый контейнер с грохотом ударился о землю прямо перед ховером и раскололся, выбросив фонтан упаковочных пенопластовых шариков. Второй, с двумя холодильниками, возместил промах прямым попаданием, смяв ховеру кабину. Переквалифицировавшийся в бомбардировщик дирижабль «Борг-Уорд» продолжал изрыгать контейнеры, а осветительная ракета, кружась,

опустилась на землю и погасла.

Слик продрался обратно сквозь отверстие в стене, бросив воду и спальные мешки.

Бегом в темноту. Он потерял Черри. Потерял молоток. Девушка, должно быть, убежала вглубь Фабрики, когда человек в капюшоне сделал свой первый выстрел. Он же и последний, если стрелок угодил под рухнувший с небес контейнер…

Ноги сами собой привели Слика к пандусу, ведущему в каморку, где ждали его машины.

— Черри?

Он включил фонарик.

В круге света возник однорукий Судья. А перед Судьей стояла фигура с отбрасывающими свет зеркалами на месте глаз.

— Сдохнуть хочешь? — спросил женский голос.

— Нет…

— Гаси свет.

Темно. Бежать…

— Я вижу и в темноте. Ты только что засунул свой фонарик в карман куртки. И вид у тебя такой, будто тебе все еще хочется побегать. Ты у меня на мушке.

Бежать?

— И не думай об этом. Видел когда-нибудь

игольник «Фудзивара Эйч-И»? Стоит игле попасть во что-то твердое, она взрывается. А если попадет в мягкое — например, в тебя, приятель, — войдет внутрь и тоже взорвется. Через десять секунд.

— Почему?

— Чтобы у тебя было время над этим подумать.

— Ты с теми парнями, что снаружи?

— Нет. Это вы сбросили на них плиты и прочую срань?

— Нет.

— Значит, Ньюмарк. Бобби Ньюмарк. Сегодня вечером я заключила сделку. Я сведу кое-кого с Бобби Ньюмарком — и смогу начать с чистого листа. А ты мне покажешь, где найти этого Ньюмарка.

Глава 39

Слишком много всего

И что же это, в конце концов, за место такое?

Дошло уже до того, что Мона перестала находить утешение в воображаемых советах Ланетты. Окажись Ланетта в подобной ситуации, решила Мона, она просто глотала бы «мемфисский черный» горстями до тех пор, пока не почувствовала

бы, что все их проблемы ей до лампочки. У мира никогда еще не было так много движущихся частей и так мало этикеток для них.

Они ехали всю ночь, Энджи по большей части — в отключке. Теперь Мона определенно была готова поверить в историю о наркотиках — актриса все говорила и говорила… на разных языках, разными голосами. И это было хуже всего — голоса, потому что они обращались к Молли, подначивали ее на что-то, а она им отвечала, не отрывая глаз от дороги, и совсем не так, как если бы разговаривала с Энджи, стараясь ее успокоить, а, скорее, будто тут действительно был кто-то другой. Голосов, которыми говорила Энджи, было три, не меньше. Самой Энджи это причиняло явную боль, у нее деревенели мышцы и шла носом кровь. Мона сидела, наклонившись над ней, и промакивала кровь, переполненная странной смесью страха, любви и жалости к королеве своих грез — а может, это просто от магика. Но в бело-голубом мигании огней на трассе Мона видела свою собственную руку рядом с рукой Энджи, и они вовсе не были одинаковыми, даже форма другая, и это ее радовало.

Первый голос пришел, когда они ехали на юг, уже после того, как Молли привезла Энджи в

вертолете. Этот только шипел и скрипел и раз за разом повторял что-то о Нью-Джерси и какие-то цифры, вроде бы обозначения на карте. Часа два спустя Молли завела ховер на стоянку отдыха дальнобойщиков и сказала, что они в Нью-Джерси. Здесь она вышла и отправилась звонить — надолго — из автомата с заиндевевшими от мороза стеклами. Когда Молли наконец вернулась, Мона увидела, как она швырнула телефонную карточку из окна прямо в застывшую на морозе грязь — выбросила, и все. Мона спросила, кому она звонила, а та сказала, что в Англию.

Мона тогда увидела руку Молли на рулевом колесе — на темных ногтях проступили желтоватые крапинки; такие возникают, когда отдираешь искусственные ногти. Нужно бы сначала обработать их растворителем, подумала Мона, а потом лечебной мазью.

Где-то за рекой они съехали с трассы. Деревья, поле, узкое двухполосное шоссе, временами — одинокий красный фонарь высоко на какой-нибудь вышке. Вот когда стали приходить другие голоса. И пошло: туда-сюда, туда-сюда. Голоса, потом Молли, опять голоса, опять Молли. Если разговор что-то и напоминал, так это попытки Эдди торговаться, только Молли умела это гораздо

лучше, чем он. Даже не понимая, о чем идет речь, Мона была уверена, что Молли вот-вот своего добьется. Но она, Мона, просто не в состоянии это выдерживать, ей не вынести… этих голосов. Когда они приходили, ей хотелось забиться в угол как можно дальше от Энджи. Хуже всего был тот, кого звали Сам-Эдди или как-то вроде. Все голоса требовали, чтобы Молли отвезла Энджи куда-то ради чего-то, что они называли свадьбой. Тут Мона задумалась, не замешан ли здесь как-то Робин Ланье. Скажем, если Энджи и Робин собираются пожениться, то это просто обычная авантюра, в какие пускаются все звезды, чтобы заключить брак. Правда, ей никак не удавалось заставить себя в это поверить, и каждый раз, когда возвращался голос этого Сам-Эдди, волосы у Моны вставали дыбом. Однако она сообразила, что именно пытается выторговать Молли. Молли хотела, чтобы ее досье, полицейское или уж какое там, было вычищено под ноль. Мона с Ланеттой смотрели как-то фильм о девчонке, у которой было десять или двенадцать личностей, проявляющихся по очереди. Скажем, если одна была скромной малышкой, то другая — шлюховатой оторвой, но в фильме ничего не говорилось о том, что какая-то из этих личностей способна стереть

свое личное дело в полицейском архиве.

Потом свет фар выхватил из темноты занесенную снегом равнину и низкие холмы цвета ржавчины — там, где ветер сдул белизну.

В ховере имелась небольшая электронная карта, какие бывают в такси или у дальнобойщиков, но Молли ее не включала, кроме одного раза — чтобы поискать цифры, которые называл ей голос. Через некоторое время Мона поняла, что именно Энджи указывает Молли, куда ехать, или, во всяком случае, это делают страшные голоса. Моне сильно хотелось, чтобы поскорее настало утро… Однако ночь еще не кончилась, когда Молли, погасив свет и прибавив скорость, понеслась сквозь тьму…

— Свет! — крикнула Энджи.

— Расслабься, — ответила Молли.

Мона вспомнила, как легко и ловко она двигалась в темноте у Джеральда. Тут ховер немного притормозил, вписался в длинный поворот и затрясся на неровной почве. Огоньки на приборном щитке погасли, будто вырубились все приборы.

— А теперь ни звука, ясно?

Ховер снова набрал скорость.

Высоко в небе загорелся ослепительный белый огонь. Мона углядела за окном какой-то крутя-

щийся падающий предмет, а над ним — что-то еще… похожее на серую луковицу…

— На пол! Да пригни же ты ее!

Мона дернула застежку ремня безопасности Энджи как раз тогда, когда что-то звонко ударило ховеру в бок. Она столкнула Энджи на пол и накрыла ее шубой. А потом Молли резко дернула руль влево, и ховер обогнул какое-то препятствие, которого Мона так и не заметила. Мона глянула вверх: на долю секунды появилось в призрачном свете большое полуразрушенное черное здание, над распахнутыми настежь воротами горела единственная белая лампочка. И вот они уже проскочили в эти ворота, турбина взвыла на реверсе.

Удар, скрежет.

Просто не знаю, сказал голос, а Мона подумала: ну я-то знаю, каково это.

Тут голос рассмеялся и все никак не мог остановиться. Смех то слышался, то пропадал, то слышался, то пропадал, как будто кто-то включал и выключал звук. И смех был уже вовсе не похож на смех, когда Мона открыла глаза.

Над ней сидела девушка с маленьким фонариком в руке, такой Ланетта обычно вешала на кольцо для ключей как брелок. Силуэт девушки

был неотчетлив, луч уперся в расслабленное лицо Энджи. Девушка перевела взгляд на Мону, увидела, что та смотрит в ответ, и смех, который не был смехом, прекратился.

— Кто вы такие, черт побери?

Свет бил Моне в глаза. Выговор кливлендский. Упрямое лисье личико под растрепанными обесцвеченными волосами.

— Мона. А ты кто? — Но тут она увидела молоток.

— Черри…

— А молоток зачем?

— Кто-то охотится за мной и Сликом. — Черри перевела взгляд на молоток, потом снова подозрительно посмотрела на Мону. — Это не вы?

— Вряд ли.

— Ты на нее похожа. — Свет скользнул по лицу Энджи.

— Не моих рук дело. Во всяком случае, раньше я выглядела иначе.

— Вы обе выглядите как Энджи Митчелл.

— Да. Это она и есть.

Черри передернуло. На ней было три или четыре кожаные куртки, полученные от различных дружков, — таков был кливлендский обычай.

— В этот высокий замок… — раздался изо рта

Энджи голос, густой и тяжелый, как грязь; выронив от изумления молоток, Черри въехала головой в крышу машины. — Моя лошадь теперь пойдет, — продолжал голос.

В мечущемся луче фонарика Черри они увидели, как на лице Энджи задергались мышцы.

— Что вы медлите здесь, маленькие сестры, теперь, когда все готово к свадьбе?

Лицо Энджи расслабилось, превратилось в ее собственное, из левой ноздри побежала тоненькая струйка ярко-алой крови. Энджи открыла глаза, поморщилась от резкого света.

— Где она? — спросила она Мону.

— Ушла, — ответила Мона. — Сказала мне оставаться с тобой…

— Кто? — спросила Черри.

— Молли. Она была за рулем…

Черри хотела найти кого-то по имени Слик. Мона хотела, чтобы вернулась Молли и сказала ей, что делать. Но Черри трясло от одной мысли о том, чтобы остаться здесь, в бывшем цеху; она сказала, это из-за людей снаружи, у них пушки. Мона вспомнила звук, когда что-то ударило в бок ховера. Забрав у Черри фонарик, она стала исследовать корпус машины. В правом борту оказалась дырка ровно такого размера, чтобы Мона

смогла просунуть в нее палец, а в левом нашлась еще одна, но уже больше — в два пальца.

Черри сказала, что им лучше подняться наверх — туда, куда, наверное, ушел Слик, — пока эти люди не решили войти внутрь. Особой уверенности Мона не испытывала.

— Давайте же, — торопила Черри. — Слик, наверное, наверху, у Джентри и Графа…

— Что ты сейчас сказала? — Это был голос Энджи, точно такой, как в стимах.

Ладно бы пушки, но когда они выбрались из ховера, на Фабрике оказалось чертовски холодно, а Мона была по-прежнему без чулок. Но — наконец-то! — занялся рассвет: серым на черном стали вырисовываться прямоугольники — скорее всего, окна. Девушка по имени Черри вела их, по ее словам, куда-то «наверх», отыскивая себе дорогу краткими вспышками фонарика-брелока, сразу за ней шла Энджи, Мона же завершала процессию.

Тут она зацепилась за что-то каблуком. Шорох. Наклонившись, чтобы отцепить эту дрянь, Мона обнаружила, что на ощупь это напоминает пластиковый пакет. Липкий. Внутри мелкие твердые штучки. Она глубоко вдохнула и выпрямилась, засунув пакет в боковой карман куртки Майкла.

А потом они долго взбирались по узким лестницам, круто уходящим вверх. Мех Энджи обметал руку Моны на шершавых и холодных перилах. Площадка, поворот, еще один пролет лестницы, еще площадка, снова лестница. Откуда-то потянуло холодом.

— Здесь что-то вроде моста, — сказала Черри. — Идти по нему нужно быстро, ладно? Потому что он вроде как… ну… уходит из-под ног…

А вот это было уже совсем неожиданно: и странная белая комната с высоким потолком, и провисающие полки, набитые растрепанными выцветшими книгами (Мона сразу же вспомнила о старике), и нагромождение каких-то консолей с извивающимися повсюду кабелями, и этот худой человек в черном — глаза горят, а волосы сзади затянуты в хвост, который в Кливленде называют «бойцовая рыбка», — и этот безумный смех, когда он увидел их, и еще этот мертвый парень.

Мона и раньше видела мертвецов, видела достаточно часто, чтобы распознавать их с первого взгляда. У смерти есть свой цвет. Время от времени во Флориде кто-нибудь лежал на куске картона на боковой дорожке возле сквота. Просто лежал и не поднимался. Одежда и кожа приобретали оттенок пыльной дорожки, и все же оттенок

этот становился совсем другим, когда эти овощи наконец отдавали концы. Тогда приезжал белый фургон. Эдди говорил, это потому, что, если их не забрать, их раздует. Как кошку, которую как-то видела Мона. Кошка вздулась, как баскетбольный мяч, лежала на спине, лапы и хвост торчали во все стороны, как твердые палки, — Эдди ржал и ржал, никак не мог остановиться.

А теперь смеялся этот вот парень, явно под магиком — уж Мона-то знала, что означает подобный взгляд, — и Черри издала сдавленный звук, похожий на стон, а Энджи так просто застыла у двери.

— Тихо, все, — услышала Мона знакомый женский голос и обернулась.

В дверном проеме с небольшой пушкой в руке появилась Молли, а за плечом у нее образовался огромный парень с грязными волосами, на вид пень пнем.

— Постойте-ка смирно, пока я не разберусь, кто тут кто.

Худой в ответ только рассмеялся.

— Заткнись, — рассеянно бросила Молли, будто думала о чем-то другом.

Она выстрелила, даже не посмотрев на пушку. Синяя вспышка на стене прямо над головой у

худого и звон у Моны в ушах.

Худой свернулся калачиком на полу, зажав голову между колен.

Энджи подходит к носилкам, где лежит мертвый парень, глаза его закатились, так что видны одни лишь белки. Медленно-медленно. Будто движется под водой… И на лице такое странное выражение…

Рука Моны в кармане куртки что-то нащупывала сама по себе. Вертела, сжимала подобранный по дороге зиплок, говорила Моне, что в нем… магик.

Мона вытащила пакет — и вправду магик. Сам пакет липкий от подсыхающей крови. Три кристалла внутри и еще какие-то дермы.

Она сама не знала, почему вытащила его именно в этот момент, разве что потому, что все замерли без движения.

Худой с «бойцовой рыбкой» уже присел, но с пола не поднимался. Энджи склонилась над носилками, но, похоже, вообще не обратила внимания на мертвого, а вперилась взглядом в серый ящик, присобаченный к раме в изголовье. Черри из Кливленда вжалась спиной в полки с книгами и пыталась затолкать себе в рот костяшки сжавшихся в кулак пальцев. Большой парень просто

стоял рядом с Молли, которая, склонив голову набок, будто к чему-то прислушивалась.

Ну кто может такое выдержать!

Стол был накрыт стальным листом. На столе под какой-то тяжелой железякой — пыльная стопка распечаток. Мона рядком, как пуговицы, выдавила все три кристалла, подняла железяку и — раз, два, три — размолола их в пыль. Сработало: все уставились на нее. Все, кроме Энджи.

— Извините, — услышала Мона собственный голос, сметая желтую горку пыли на раскрытую в ожидании левую ладонь, — бывает… — она зарылась носом в горку и вдохнула, — иногда, — добавила она и вдохнула остатки.

Никто не сказал ни слова.

И снова — в центре тишины. Точно как в тот раз.

Оно движется так быстро, что остается на месте.

Вознесение. Вознесение грядет.

Так быстро, что остается на месте, и она даже может вспомнить последовательно все, что произошло дальше. Сперва — гулкий хохот, «ХА-ХА-ХА», который совсем не похож на хохот. Нет, это просто голос через мегафон. Из-за двери. С того самого подвесного мостика. И Молли разворачи-

вается — плавно, грациозно, стремительно, — и все это так, как будто спешить ей некуда. Щелкает, как зажигалка, ее маленькая пушка.

Потом — синяя вспышка снаружи, и большого парня в дверях вдруг забрызгивает кровью, и со скрежетом рвется старый металл, и Черри начинает кричать еще прежде, чем подвесной мостик с громким рок-н-ролльным блямсом ударяется о бетонный пол в темном цеху — там, где Мона нашла окровавленный пакет с магиком.

— Джентри, — говорит кто-то, и тут она видит небольшой экран на столе, а на нем молодое лицо, — подсоедини ко мне пульт управления, который ты взял у Слика. Они — в здании.

Парень с «бойцовой рыбкой» с трудом поднимается на ноги и начинает возиться с проводами и консолями.

А Мона способна только смотреть, потому что внутри у нее так тихо, а все вокруг так интересно.

Смотрит, как большой парень, вдруг очнувшись, издает жуткий вопль и подбегает с криком: «Они мои, мои!..» Смотрит, как лицо на экране говорит: «Да ладно тебе, Слик, на самом деле они тебе уже не нужны…»

Затем где-то там, внизу, включается мотор, и

Мона слышит сперва стрекот и перестук, а потом вдруг кто-то в цеху вопит нечеловеческим голосом.

И вот уже в высоком узком окне встает солнце. Мона незаметно переходит к окну и выглядывает наружу. На широкой ржавой равнине — что-то вроде фургона или ховера, только он погребен под горой не то холодильников, не то… да-да, новехонькие холодильники… и разломанные пластиковые клети вокруг… и еще кто-то в камуфляже — лежит, уткнувшись лицом в снег, а дальше, за ним — еще один ховер, но тот, похоже, сгорел дотла.

Как интересно!

Глава 40

Розовый атлас

Энджи Митчелл воспринимает эту комнату и находящихся в ней людей словно сквозь голографическую проекцию скользящих в воздухе символов. Будто бы эти разворачивающиеся плоскостями данные представляют собой различные точки зрения, хотя Энджи в большинстве случаев не уверена, чьи именно. Временами они

перекрываются или противоречат друг другу.

Мужчина с неряшливым хвостом светлых волос и в расшитой черным бисером кожаной куртке — это Томас Трейл Джентри (сквозь нее каскадом течет информация о его рождении и цифры ГРЕХа), постоянного местожительства не имеет (в то же время другой источник сообщает ей, что эта комната принадлежит ему). В сером слое официальных данных обнаруживаются бледно-розовые мраморные прожилки неоднократных подозрений «Ядерной комиссии» в мошенничестве с коммунальными платежами. И вот Энджи видит его совсем в ином свете: он похож на ковбоев, с которыми ее познакомил Бобби; несмотря на молодость, этот Джентри совсем такой же, как те старики из «Джентльмена-неудачника». Он — самоучка, эксцентрик, одержимый; по его собственному мнению — ученый; он — лунатик, безумец, виновный (с точки зрения Маман, с точки зрения Легбы) в бесчисленных ересях. Леди 3-Джейн, согласно своей эксцентричной классификации, определила его как «АРТЮРА РЕМБО». (Отталкиваясь от этого имени, Энджи видит, как вспышку, еще одно лицо, но того зовут Ривьера, это второстепенный персонаж ее снов.) Молли специально оглушила

этого Джентри, выстрелив из игольника так, что разрывная игла сдетонировала в восемнадцати сантиметрах от его черепа.

У Молли, как и у девочки Моны, ГРЕХа нет, ее рождение не зарегистрировано, и тем не менее вокруг ее имени (имен) роятся мириады предположений, слухов, противоречащих друг другу сведений. Уличная девчонка, проститутка, телохранитель, наемный убийца, она на различных уровнях сливается с тенями героев и злодеев, чьи имена ничего не говорят Энджи, хотя остаточные их образы уже давно вплетены в ткань мировой культуры. (Раньше все это тоже принадлежало 3-Джейн, а теперь принадлежит ей, Энджи.)

Молли только что убила человека, всадив ему в горло одну из своих разрывных игл. Упав на стальные перила, тяжелое, увешанное оружием мертвое тело обрушило значительный участок подвесного мостика. Из этой комнаты нет другого выхода — факт, обладающий определенным стратегическим значением. В намерения Молли, вероятно, не входило уничтожение подвесного мостика. Она стремилась лишь помешать головорезу-наемнику воспользоваться его привычным оружием — мощным короткоствольным ружьем с покрытием из черного светопоглощающего

сплава. Тем не менее чердак Джентри теперь надежно изолирован.

Энджи понимает, что значит Молли для 3-Джейн, видит, почему 3-Джейн желает заполучить эту женщину, видит причину ее ненависти — и, зная это, постигает всю банальность человеческого зла. Энджи видит, как Молли беспокойно рыщет по серому зимнему Лондону, рядом с ней маленькая девочка, — и знает, не зная откуда и как, что та же самая девочка находится сейчас на Маргейт-роуд, 23, Брикстон. (Континьюити?) До недавнего времени отец девочки был хозяином человека по имени Суэйн, позже этот ловчила перешел на службу к 3-Джейн — ради информации, которой она снабжает тех, кто повинуется ее воле. Как и Робин Ланье, хотя, конечно, последний надеется, что ему заплатят иной монетой.

К девушке Моне Энджи испытывает странную нежность, жалость и до некоторой степени завидует ей. Хотя девушку изменили так, чтобы она как можно больше напоминала ее саму, жизнь Моны не оставила практически никаких следов в ткани бытия и олицетворяет в знаковой системе Легбы максимальное приближение к невинности.

Черри-Ли Честерфилд окружена печальными

небрежными каракулями, ее информационный профиль напоминает рисунок ребенка: привлечение к суду за бродяжничество, нелепые долги, прерванная карьера медтехника «скорой помощи», шестого разряда, — и все это в обрамлении даты рождения и ГРЕХа.

Слик, или Слик Генри, — среди неГРЕХовных, но 3-Джейн, Континьюити, Бобби — все они щедро одаривали его своим вниманием. Для 3-Джейн он служит как бы фокусом второстепенного ассоциативного кода: в его последовательном ритуале конструирования роботов — реакции на вызванную уголовной химкоррекцией психическую травму — она видит собственные провалившиеся попытки изгнать призрак бесплодной мечты Тессье-Эшпулов. В коридорах памяти 3-Джейн Энджи нередко набредала на каморку, где манипулятор с паучьими лапами, перемешивая обломки краткой и вздорной истории «Блуждающего огонька», воплощает в шкатулки пронзительно печальные, горькие воспоминания — акт затянувшегося художественного коллажа. А у Бобби — воспоминания иные, они получены от художника, сумевшего добраться до вавилонской библиотеки 3-Джейн: это рассказ о медленном, печальном, почти ребяческом труде, воздвигаю-

щем на плоской равнине под названием Собачья Пустошь новые образы боли и памяти.

Внизу, в холодной темноте Фабрики, одна из кинетических скульптур Слика, управляемая подпрограммой Бобби, как раз сейчас отделяет левую руку от тела очередного наемника при помощи механизма, позаимствованного два года назад у комбайна китайского производства. Наемник, чье имя и ГРЕХ проплывают мимо Энджи цепочкой горячих серебристых пузырьков, умирает, прижавшись щекой к сапогу Пташки.

Только Бобби — единственный из всех людей в этой комнате — не представлен символами. И Бобби — это не отслужившее свой век тело, ремнями привязанное к носилкам, с подбородком, покрытым пленкой засохшей блевотины. Бобби — это даже не насмешливое, до боли знакомое лицо, глядящее на нее с монитора на верстаке Джентри. Может быть, Бобби — это массивный параллелепипед памяти, привинченный над носилками?

И вот, ступив на уходящие в бесконечность дюны грязного розового атласа под искусственным стальным небом, Энджи наконец-то свободна и от этой комнаты, и от всей ее информации.

Рядом с ней идет Бригитта, и нет никакого

давления или пустоты ночи, никакого гудения потревоженного улья. Нет свечей. Континьюити тоже тут, представленный в виде самоходного завитка серебристой мишуры, который почему-то напоминает Энджи о Хилтоне Свифте на пляже в Малибу.

— Как ты себя чувствуешь? Лучше? — спрашивает Бригитта.

— Спасибо, намного.

— Я так и думала.

— Почему тут Континьюити?

— Потому что он твой двоюродный брат, созданный из биочипов «Мааса». Потому что он юн. Мы провожаем тебя на свадьбу.

— Но кто ты, Бригитта? Что ты есть на самом деле?

— Я — послание, которое приказали написать твоему отцу. Я — веве, которые он прочертил в твоей голове. — Бригитта придвигается ближе. — Будь поласковей с Континьюити. Он боится, что своей неуклюжестью заслужил твое недовольство.

Серебристая мишура бежит впереди них по атласным дюнам, чтобы возвестить о прибытии невесты.

Глава 41

Мистер Янака

Модуль «Маас-Неотек» уже остыл и на ощупь был едва теплым, но белая пластиковая подкладка под ним потемнела, будто от сильного жара. Запах паленых волос…

Кумико смотрела, как на лице Тика наливаются черные синяки. Он послал ее к шкафчику возле кровати за потертой жестянкой из-под сигарет — коробка была забита таблетками и дисками дермов. Разорвав ворот рубашки, жокей вдавил три самоклеющихся диска в фарфорово-белую кожу шеи.

Девочка помогла ему соорудить некое подобие перевязи, свернув петлей оптический кабель.

— Колин же говорил, что она забыла…

— Зато я не забыл… — Тик со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы, с трудом продевая руку в петлю. — Конечно, все это было только кажущимся. Но болеть рука будет долго… — Он поморщился.

— Мне очень жаль…

— Да ладно. Салли мне рассказывала. О твоей

матери, я имею в виду.

— Да… — не отводя от него взгляда, сказала Кумико. — Она покончила с собой. В Токио.

— Кем бы ни была та женщина, это не твоя мать.

— Модуль… — Она посмотрела на обеденный стол.

— Она его выжгла. Впрочем, Колину это без разницы, он остался там. Развлекается с этим ее конструктом. Так что же затеяла наша Салли?

— С ней Анджела Митчелл. Салли отправилась на поиски того, из чего вырос этот макроформ. Какое-то место под названием Нью-Джерси.

Зазвонил телефон.

На широком экране за телефоном — отец Кумико, вернее, плечи и голова: видны черный костюм, часы «Ролекс», целая галактика микроустройств и опознавательных знаков братства на лацкане пиджака. Кумико подумалось, что вид у него усталый — усталый и очень серьезный. Серьезный человек за черной гладью стола в своем кабинете. Кумико пожалела, что Салли звонила из автомата без видеокамеры. Ей очень хотелось снова ее увидеть. Да, теперь, вероятно, такой возможности больше уже не представится.

— Ты хорошо выглядишь, Кумико, — сказал

отец.

Девочка напряглась, выпрямилась, сидя лицом к маленькой камере, установленной прямо под настенным экраном. По привычке она призвала маску матери, ту, что выражала пренебрежение и надменность, но ничего не вышло. Кумико растерянно потупила взгляд, уставившись на судорожно сжатые на коленях руки. Внезапно она осознала присутствие Тика, его смущение и страх — маленький человечек попал в ловушку в собственном кресле, стоявшем здесь же, напротив камеры.

— Ты поступила совершенно правильно, покинув дом Суэйна, — говорил тем временем отец.

Она вновь встретилась с ним взглядом.

— Он — твой кобун.

— Уже нет. Пока нас отвлекали трудности, возникшие в нашем собственном доме, он заключил новый и очень сомнительный союз, избрав курс, который мы не могли бы одобрить.

— А ваши трудности, отец?

Не вспыхнула ли у него на лице мимолетная улыбка?

— Со всем этим покончено. Порядок и согласие восстановлены.

— А… гм-м… простите меня, сэр… мистер Яна-

ка, — начал было Тик, но потом, похоже, совсем потерял голос.

— Да. А вы?…

Покрытое синяками лицо Тика перекосилось, сделавшись воплощением траура.

— Его зовут Тик, отец. Он предоставил мне убежище и защиту. Вместе с Коли… с модулем «Маас-Неотек» он сегодня вечером спас мне жизнь.

— Правда? Меня об этом не информировали. Я пребывал в убеждении, что ты не покидала этих апартаментов.

Что-то холодное…

— Как? — спросила она, подавшись вперед. — Откуда вы можете это знать?

— Модуль «Маас-Неотек» сообщает о твоем местонахождении и твоих передвижениях, когда они становятся ему известны. Сигнал поступил, как только модуль вышел из-под блокады систем Суэйна. Мы разместили наблюдателей в этом районе. — (Кумико тут же вспомнила продавца лапши…) — Естественно, не ставя об этом в известность Суэйна. Но модуль так и не передал повторного сообщения.

— Он разбился. Несчастный случай.

— И все же ты говоришь, что этот человек спас

тебе жизнь?

— Сэр, — обрел голос Тик, — прошу прощения, но я хотел бы спросить… я под крышей?

— Под крышей?

— Ну, защищен? От Суэйна то есть и от его шайки из Особого отдела. И от всех остальных…

— Суэйн мертв.

Повисло молчание.

— Но кто-то же будет всем этим управлять? Я хочу сказать, всей этой игрой. Вашим бизнесом.

Мистер Янака разглядывал Тика с откровенным любопытством.

— Конечно. Как еще можно надеяться сохранить порядок и согласие?

— Дайте ему слово, отец, — вмешалась Кумико, — что ему не будет причинено никакого вреда.

Янака перевел взгляд с дочери на гримасничающего Тика.

— Сэр, примите мою искреннюю благодарность за защиту моей дочери. Отныне я ваш должник.

— Гири, — проговорила Кумико.

— Господи, — выдавил Тик, — ну надо же!

— Отец, — сказала Кумико, — в ночь, когда умерла моя мать, велели ли вы своим секретарям позволить ей выйти одной?

Лицо отца было совершенно неподвижно. Но у нее на глазах оно наполнилось горем, какого она до сих пор никогда не видела.

— Нет, — ответил он наконец, — я не велел.

Тик кашлянул.

— Спасибо вам, отец. Теперь я вернусь в Токио?

— Естественно, если пожелаешь. Хотя, насколько я понимаю, тебе удалось осмотреть лишь очень незначительную часть Лондона. Вскоре в апартаменты мистера Тика прибудет мой компаньон. Если ты пожелаешь остаться и осмотреть город, он это устроит.

— Благодарю вас, отец.

— До свидания, Куми.

И он исчез.

— Ну а теперь, — сказал Тик, с гримасой на лице протягивая ей здоровую руку, — помоги мне встать с этого…

— Но тебе же требуется медицинская помощь.

— Да неужто?

Он умудрился подняться на ноги и заковылял к туалету, как вдруг дверь отворилась и с темной лестничной площадки в комнату заглянул Петал.

— Если вы сломали мой чертов замок, — привет-

ствовал его Тик, — неплохо бы за него заплатить.

— Прошу прощения, — сказал Петал, моргнув. — Я пришел за мисс Янака.

— Тем хуже для вас. Я только что говорил по телефону с ее отцом. Большой босс сказал нам, что Суэйн сыграл в ящик. Сказал, что посылает сюда нового босса. — И Тик улыбнулся плутовато и с триумфом.

— Но, видите ли, — мягко проговорил Петал, — это я.

Глава 42

В цеху Фабрики

А Черри все кричит.

— Заткните ее кто-нибудь, — бросает Молли от двери, где стоит со своей маленькой пушкой в руке, и Моне кажется, что Молли обращается именно к ней.

Кто, как не она, Мона, может передать Черри частицу своего покоя, где все так интересно и ничто тебя не достает, и по пути через комнату она видит на полу скомканный зиплок и вспоминает, что там ведь были еще какие-то дермы. Может, это как раз то, что поможет Черри успокоиться?

— Вот, — говорит она, подходя к девушке, выдавливает дерм из упаковки и налепляет ей на шею.

Крик Черри скользит вниз по шкале громкости, стихает до невнятного бульканья, и она оседает по стене старых книг, но Мона уверена, что с ней все будет в порядке. Однако внизу стрельба — автоматные очереди. Снаружи за Молли пролетают, с треском отскакивают, рикошетят от стальных балок белые трассирующие пули. А Молли кричит Джентри, чтобы включил чертов свет.

Это должно означать лампы внизу, потому что здесь, наверху, все залито ярким светом, настолько ярким, что Моне видны маленькие пушистые шарики и разноцветные следы, которые тянутся за вещами, если внимательно приглядеться. Трассеры. Вот как называются эти пули, которые светятся. Эдди рассказывал ей о таких во Флориде, когда охрана гоняла их с частных пляжей, стреляя из темноты.

— Ну да, свет, — говорит лицо с маленького экрана. — Ведьме плохо видно…

Мона улыбается ему. Она не думает, что кто-нибудь, кроме нее, это услышал. Какая еще Ведьма?

И вот Джентри и большой Слик начинают, кряхтя, срывать толстые желтые провода со стен,

где они были прикреплены серебристой лентой, и втыкать их в эти железные ящики. Черри из Кливленда теперь сидит на полу с закрытыми глазами, а Молли, пристроившись на корточках у двери, обеими руками сжимает пушку, а Энджи…

Успокойся.

Она услышала это слово, сказанное чьим-то голосом, но голос этот не мог принадлежать никому из тех, кто был в комнате. Она подумала, что это, должно быть, Ланетта, только она умеет так сказать — сквозь время, сквозь покой.

Потому что Энджи сидит на полу рядом с носилками, ноги согнуты в коленях неподвижно, как у статуи, руки обнимают тело мертвого парня.

Лампы тускнеют — это Джентри со Сликом нашли нужный контакт, а Моне чудится, что она услышала, как лицо на мониторе охнуло. Но сама она уже движется, идет к Энджи, видя (внезапно и с такой ясностью, что даже больно) тонкую струйку крови, вытекающую из ее левого уха.

Но даже тогда покой не оставляет Мону, хотя она и начинает уже чувствовать жжение где-то в глубине горла и вспоминает вдруг слова Ланетты: не смей, мол, эту дрянь просто нюхать, она проест в тебе дырки.

А спина у Молли — прямая, руки вытянуты… За дверь и куда-то вниз, и не к этому серому ящику, а к пистолету, этой маленькой штучке — Моне слышно, как она делает «чик-чик-чик», а потом слышатся три взрыва где-то далеко внизу, — и там, должно быть, сверкают три голубые вспышки. Но руки Моны уже обнимают Энджи, запястья щекочет испачканный кровью мех. Она заглядывает в пустые глаза, где затухает свет. Дальняя дорога, самый далекий путь.

— Эй, — зовет Мона, но никто ее не слышит, только Энджи, но и Энджи уже не слышит, уронив голову на труп в спальном мешке, — эй…

Мона поднимает глаза — как раз вовремя, чтобы ухватить взглядом последнюю картинку на экране и увидеть, как та угасает.

А после этого очень долго ничто уже не имело значения. Не так, как в беззаботности покоя или на овердрайве от кристаллов, и это вовсе не походило на обычную ломку, скорее — на чувство, когда все осталось далеко в прошлом, так, наверное, чувствуют себя духи.

Она стояла в дверях между Молли и Сликом и смотрела вниз. В тусклом свечении больших старых ламп было видно, как, дергаясь, мечется по грязному бетонному полу железный паук. У

паука были большие искривленные ножи, которые щелкали и поскрипывали при каждом его движении, но больше там не двигался никто, а робот все копошился, как сломанная игрушка, туда-сюда перед искореженными остатками тех мостков, по которым когда-то давно она пробиралась вместе с Энджи и Черри.

Черри наконец смогла подняться на ноги — бледная, с обмякшим лицом — и сорвала с шеи дерм.

— С-сильн'й м'шечный релакс-сант, — с трудом выдавила она.

И Мона почувствовала себя худо, вдруг поняв, что опять наделала глупостей, думая, что пытается помочь. Но с магиком всегда так, и почему она не может остановиться?

Потому что ты подсела, идиотка, услышала она слова Ланетты, но думать об этом ей не хотелось.

И вот они все просто стояли и смотрели вниз на железного паука, продолжавшего метаться по бетонному полу, окончательно разряжая аккумуляторы. Все, кроме Джентри, который отвинчивал болты, крепившие серый ящик к раме над носилками, переступая своими черными ботинками рядом с рыжей шубой Энджи.

— Слышите? — сказала Молли. — Это вертолет.

Большой вертолет.

Она была последней в очереди на спуск, если не считать Джентри, который просто сказал, что никуда не пойдет, что ему плевать, что он остается.

Трос был толстый и грязный, с завязанными на нем узлами, чтобы за них цепляться, — это напомнило Моне качели из ее далекого-далекого детства. Слик и Молли спустили сначала серый ящик. Они опустили его на платформу, где металлические лестницы остались неповрежденными. Потом Молли ловко, как белка, соскользнула вниз — будто вообще не касаясь каната — и крепко привязала конец к перилам. Слик спускался медленно, потому что на плече у него висела Черри, которая была еще слишком расслаблена, чтобы одолеть спуск сама. Мона все еще чувствовала себя виноватой и подумала, не поэтому ли они решили оставить ее наверху.

Впрочем, решение приняла Молли, еще когда стояла у высокого окна, глядя на то, как из длинного черного вертолета выскакивают и рассыпаются по снегу люди.

— Посмотрите-ка, — сказала она. — Они уже знают. Пришли подобрать остатки. Это «Сенснет». А я сваливаю.

Черри пробормотала, что они тоже уходят, она

и Слик. А Слик пожал плечами, потом ухмыльнулся и обнял ее за плечи.

— А что будет со мной?

Молли посмотрела на нее. Или казалось, что посмотрела. Ничего не поймешь с этими зеркалами. На долю секунды над нижней губой мелькнули белые зубы. Потом она сказала:

— Мой тебе совет — оставайся. Пусть они сами разбираются. Ты же, в сущности, ни в чем не виновата. Все это была не твоя идея. Думаю, они предложат тебе какую-нибудь компенсацию. Во всяком случае, попытаются. Да, ты остаешься.

Мона не нашла в этих словах ни крупицы смысла, но сейчас она чувствовала себя совсем дохлой, начиналась ломка, и у нее уже не было сил спорить.

А потом они просто ушли, спустились по тросу и исчезли. Вот и все, вот так люди уходят, и ты их никогда больше не увидишь. Мона оглянулась назад в комнату и увидела, что Джентри ходит перед своими полками, водя пальцем по корешкам книг, будто ищет какую-то конкретную. Носилки он прикрыл одеялом.

Поэтому она просто ушла, и ей уже никогда не узнать, нашел Джентри ту книгу или нет. Она кое-как сползла по канату, и это было совсем не

просто, не так, как у Молли и Слика. Особенно при ее состоянии, поскольку Моне казалось, что она вот-вот вырубится, и руки-ноги, похоже, не слишком хорошо ее слушались, и нужно было прилагать неимоверные усилия, чтобы заставить их работать, а еще нос и горло совсем заложило… Так что того черного она заметила, только когда спустилась.

Черный человек стоял рядом с тем местом, где раньше суетился паук — теперь тот не шевелился. Когда ее туфли заскрежетали по стальной платформе, черный поднял глаза. И в лице его было что-то настолько печальное, когда он ее увидел… Выражение, мелькнув, пропало, и он стал медленно подниматься по металлическим ступенькам. Когда он подошел ближе, Мона усомнилась, а настоящий ли это негр. Ладно бы цвет кожи — по цвету он определенно был негр, — но что-то в форме голого черепа, в чертах угловатого лица, не совсем таких, какие она привыкла видеть у негров… Он был высоким, очень высоким. На нем было длинное черное кожаное пальто — из такой тонкой кожи, что струится, как шелк.

— Здравствуй, мисси, — сказал, оказавшись перед ней, черный человек и двумя пальцами приподнял ее подбородок так, что она теперь

смотрела прямо в агатовые с золотыми искорками глаза, каких не бывает на свете. И длинные пальцы у нее на подбородке были такие легкие… — Мисси, — спросил незнакомец, — сколько тебе лет?

— Шестнадцать…

— Тебе постричься бы, — сказал он, и что-то такое трогательно серьезное было в том, как он это сказал.

— Энджи там, наверху, — сказала она, когда вновь обрела голос. — Она…

— Тсс.

Из глубины огромного старого здания донесся грохот металла о металл, потом шум ожившего мотора. Ховер, подумала Мона, тот, в котором их привезла Молли.

Черный человек задрал брови — вернее, сделал вид, будто их задрал, потому что у него не было бровей.

— Друзья? — Он опустил руку.

Она кивнула.

— Хорошо. — Он взял ее за руку, чтобы помочь сойти с лестницы.

Благополучно спустившись, они обогнули обломки подвесного мостика. Там лежал кто-то мертвый — в камуфляже и с громкоговорителем,

какие бывают у копов.

— Свифт, — позвал черный человек через все это гулкое пустое пространство с черными решетками пустых окон: черные линии на фоне белого неба, зимнего утра. — Двигай сюда. Я ее нашел.

— Но я — не она…

И там, где на фоне неба, снега и ржавчины стояли настежь огромные ворота, она увидела идущего к ним пиджака: пальто нараспашку, галстук хлопает на ветру. А Молли разгоняет мимо него свой ховер, и машина выскакивает из тех же самых ворот. А пиджак даже не оборачивается, потому что смотрит на Мону.

— Я — не Энджи, — повторила она еще раз, подумав, не рассказать ли им о том, что она видела. Об Энджи и об этом молодом парне, обнявшихся на маленьком экранчике за миг до того, как погасло изображение.

— Я знаю, — сказал черный человек, — но это дело наживное.

Вознесение. Вознесение грядет.

Глава 43

Судья

Женщина повела их к ховеру, припаркованному внутри Фабрики, если можно назвать припаркованной машину, передок которой смят об одно из бетонных оснований, на которых когда-то стояли станки. Это был белый грузовик с надписью «КИТАЙСКИЕ КАТОДЫ» на задних дверях, и Слик еще удивился, как ей удалось заехать сюда так, чтобы они не слышали. Должно быть, это произошло в тот момент, когда Бобби Граф производил свой отвлекающий маневр.

«Алеф» оттягивал руки, как будто Слик нес небольшой моторный блок.

Ему не хотелось смотреть на Ведьму, потому что на ее серпах была кровь — не для того он ее создавал. Рядом лежали два трупа, вернее, то, что от них осталось, — на это тоже не хотелось смотреть.

Слик перевел взгляд на брусок биософта с прикрученными к нему аккумуляторами и задумался, там ли еще все это: серый дом, и Мексика, и глаза 3-Джейн.

— Подожди, — приказала женщина.

Они проходили мимо пандуса, ведущего к каморке, где он держал свои автоматы; Судья был

еще там, Трупоруб…

Пушку женщина по-прежнему держала на виду.

— Она сказала подождать. — Слик положил Черри руку на плечо.

— Эта штука, которую я видела вчера ночью, — сказала женщина, — однорукий робот, он работает?

— Ага…

— Он сильный? Унесет груз? По пересеченной местности?

— Да.

— Давай его сюда.

— А?

— Заведи его в кузов. Шевелись.

Черри почти висела на Слике, колени у нее подкашивались после того, что дала ей эта девчонка.

— Ты, — Молли пушкой указала на Черри, — в ховер.

— Давай, — легонько подтолкнул Черри Слик.

Поставив «алеф» на пол, он поднялся по пандусу туда, где в темноте поджидал Судья. Левая рука лежала рядом на брезенте, там, где Слик оставил ее несколько дней назад. Ему уже никогда не наладить ее так, чтобы пила работала как

следует. Тут же на пыльной и проржавевшей металлической полке лежал пульт дистанционного управления. Взяв его, он подал в Судью ток, и коричневый панцирь автомата слегка задрожал.

Он заставил Судью шагнуть вперед, потом — шаг за шагом — свел его по пандусу в цех; гироскопы идеально компенсировали отсутствие руки. Женщина уже успела открыть задние двери ховера, и Слик повел Судью прямо туда. Женщина чуть подалась назад, когда робот навис над ней. Серебристые стекла отразили полированную ржавчину. Слик подошел следом за Судьей и начал прикидывать, как бы втиснуть автомат внутрь. Он не видел в этом никакого смысла, но, должно быть, у нее имелась какая-нибудь задумка на этот счет. Да какая разница, будь что будет, только бы не оставаться теперь на Фабрике, где повсюду трупы. Он вспомнил о Джентри, оставшемся там, наверху, со своими книгами и этими телами. На чердаке были еще две девушки, и обе они выглядели как Энджи Митчелл. Теперь одна из них мертва — он не знал, как это получилось, — а второй женщина с пушкой велела ждать…

— Ну давай же, загоняй этот чертов механизм внутрь, нам пора сваливать…

Когда ему удалось уложить Судью в кузове ховера — на бок, ноги подогнуты, — он захлопнул двери, обежал вокруг и забрался в кабину с пассажирской стороны. «Алеф» уместился между передними сиденьями. Черри, дрожа, свернулась на заднем, под огромной оранжевой паркой с логотипом «Сенснета» на рукаве.

Женщина запустила турбину и подала воздух в подушку. Слик подумал, что они застрянут, не слезут с бетонного выступа, но когда женщина дала задний ход, с лязгом оторвалась только хромированная полоска, и они высвободились. Развернув ховер, она направила машину к воротам.

Выезжая наружу, они миновали мужчину в костюме, галстуке и пальто из твида, который, казалось, их даже не заметил.

— Это еще кто?

Женщина пожала плечами.

— Возьмешь ховер? — спросила она.

Они уже успели отъехать километров на десять от Фабрики, а Слик за все это время даже ни разу не оглянулся.

— Ты его увела?

— Конечно.

— Я — пас.

— Да?
— Я сидел. За угон машин.
— А как там твоя подружка?
— Спит. И она не моя подружка.
— Нет?
— Я все хочу спросить: а ты кто?
— Деловая женщина.
— И что за бизнес?
— Трудно сказать.

Небо над Пустошью было чистым и ярко-белым.

— Ты приехала за этим? — Он похлопал по «алефу».
— Вроде того.
— А что теперь?
— Я заключила сделку. Доставила Митчелл к ящику.
— Так это была она, та, что откинулась?
— Да, это была она.
— Но она умерла…
— Есть смерть и смерть.
— Как три-Джейн?

Ее голова качнулась, будто она бросила на него беглый взгляд.

— Что ты об этом знаешь?
— Я ее однажды видел. Там, внутри.

— Ну она по-прежнему там, но ведь и Энджи тоже.

— И Бобби.

— Ньюмарк? Да уж.

— Так что ты собираешься с этим делать?

— Это ведь ты сделал все эти штуки? Ту, что сейчас в кузове, и остальные?

Слик обернулся через плечо туда, где в грузовом отсеке, как большая ржавая кукла без головы, свернулся Судья.

— Да.

— Значит, с инструментами обращаться умеешь?

— Наверное.

— О'кей. У меня есть для тебя работенка.

Она затормозила возле рыхлого гребня из прикрытого снегом мусора и плавно съехала под уклон. Мотор заглох.

— Там где-то должен быть ремнабор. Достань инструменты, заберись на крышу, поставь солнечные батареи, протяни провода. Мне нужно, чтобы эти батареи подзаряжали аккумулятор «алефа». Сможешь?

— Наверно. А зачем?

Она откинулась на спинку сиденья, и Слик вдруг понял, что она гораздо старше, чем кажется,

и очень-очень устала.

— Митчелл теперь там. Они хотят дать ей какое-то время, вот и все…

— Они?

— Бог его знает кто. Или что. То, с чем я заключила сделку. Как по-твоему, сколько протянет аккумулятор, если солнечные батареи работают?

— Пару месяцев. Может, год.

— Сойдет. Я это спрячу где-нибудь, где батареи всегда будут на солнце.

— А если просто отключить ток, что тогда?

Вытянув руку, она провела кончиком указательного пальца вдоль тонкого кабеля, соединяющего «алеф» с аккумулятором. Слик увидел ее ногти в утреннем свете; ногти выглядели искусственными.

— Слышишь, три-Джейн, — сказала она, по-прежнему держа палец на кабеле. — Моя взяла.

Тут ее пальцы сжались в кулак, потом разжались, как будто она отпустила что-то на волю.

Черри хотелось рассказать Слику обо всем, что они сделают, когда доберутся до Кливленда. Он приматывал две плоские солнечные батареи к широкой груди Судьи серебристой лентой. Серый «алеф» был уже закреплен на спине автомата такой же лентой. Черри говорила, что знает, где

сможет найти для Слика работу — чинить железо в залах компьютерных игр. Он слушал вполуха.

Все наладив, он протянул женщине пульт дистанционного управления.

— Нам тебя ждать?

— Нет, — ответила она. — Поезжайте в Кливленд. Черри же только что тебе сказала.

— А ты как?

— Пойду прогуляюсь.

— Хочешь замерзнуть? Умереть с голоду?

— Хочу для разнообразия, черт побери, побыть немного самой собой.

Она пощелкала кнопками, Судья дрогнул, сделал шаг вперед, потом другой.

— Удачи в Кливленде.

Они смотрели, как она уходит по Пустоши, а за ней тяжело ступает Судья. Потом она вдруг обернулась и крикнула:

— Эй, Черри! Загони этого парня в ванну!

Черри помахала в ответ, на ее кожаных куртках зазвенели застежки[112].

---

[112] Примечания: 112

Теперь, когда мы уже попрощались со Сликом и его самодвижущимися скульптурами, наконец можно сказать, кто послужил его прообразом: Марк Полин (р. 1953) — американский художник, мастер т. н. индустриального перформанса, в 1978 г. основавший в Сан-Франциско арт-группу «Survival Research Labs». Группа устраивает бои радиоуправляемых роботов, наподобие тех, что собирал Слик, и называет свои перформансы «самым опасным шоу на земле».

Глава 44

Красная кожа

Петал сказал, что чемоданы ждут ее в «ягуаре».

— Я подумал, что тебе не захочется возвращаться назад в Ноттинг-Хилл, — продолжал он, — так что мы подыскали тебе жилье в Кэмден-Тауне.

— Петал, — сказала девочка, — я хочу знать, что случилось с Салли. — (Он завел мотор.) — Суэйн ее шантажировал. Заставлял ее выкрасть… — продолжала она.

— А… ну тогда… — прервал ее Петал. — Понимаю. Я бы на твоем месте не беспокоился.

— А я беспокоюсь.

— Ну, насколько я знаю, Салли сумела разобраться с этим небольшим дельцем. Разобраться по-своему. И если верить нашим друзьям из официальных кругов, она, по-видимому, устроила еще и так, чтобы все данные о ней, из каких бы то ни было баз, просто испарились — кроме как о контрольном пакете акций одного немецкого казино. А если с Анджелой Митчелл что-то и случилось, то в «Сенснете» решили не предавать это огласке.

— А я увижу Салли еще?

— Только не в моем приходе, пожалуйста.

Они отъехали от тротуара.

— Петал, — сказала Кумико, когда они ехали по улицам Лондона, — мой отец сказал, что Суэйн…

— Дурак. Идиот несчастный. Лучше не говорить об этом сейчас.

— Извини.

Обогреватель работал. В «ягуаре» было тепло, и только тут Кумико почувствовала, насколько она устала. Устроившись поудобнее на красном кожаном сиденье, девочка закрыла глаза. Каким-то образом, подумала она, встреча с З-Джейн освободила ее от стыда, а ответ отца — от гнева. З-Джейн была очень жестока. Теперь Кумико видела и жестокость своей матери. Но все когда-нибудь должно быть прощено, думала она, засыпая по пути к чему-то, что называлось Кэмден-Таун.

Глава 45

Гладкий камень вдали[113]

В этом доме (стены из серого камня, шиферная крыша) они поселились в самом начале лета. Луг и встающий за лугом лес — яркие и запущенные, однако высокая трава не становится выше, а полевые цветы не вянут.

За домом — садовые постройки, в которые они ни разу не заходили, и поле, где на ветру рвутся с поводка планеры.

Однажды, гуляя в одиночестве под дубами на краю этого поля, она увидела троих незнакомцев верхом на чем-то, что напоминало лошадь. Лошади давно уже вымерли, их род иссяк за много лет до рождения Энджи. В седле восседала стройная фигурка в одежде из твида — мальчик-грум, будто сошедший с какой-нибудь старинной картины. Перед ним — девочка-японка, а позади притулился бледный засаленный человечек в сером костюме и коричневых ботинках; над розовыми носками белели худые лодыжки. Заметила ли ее девочка, ответила ли ей взглядом?

---

[113] Примечания: 113

«The Smooth Stone Beyond» — под таким названием на бутлегах Патти Смит, документирующих концерты зимы 1975/76 г. («Teenage Perversity and Ships in the Night», «Canine Teardrop», «Turn It Up» и др.), фигурирует песня «Pumping (My Heart)», через полгода вошедшая в альбом «Radio Ethiopia».

Она забыла рассказать об этом Бобби.

Их постоянные посетители прибывали обычно на рассвете, хотя однажды среди бела дня заявился ухмыляющийся маленький кобольд, объявив о себе громким стуком молотка в тяжелую дубовую дверь. Когда она подбежала открыть, странный персонаж потребовал «этого маленького засранца Ньюмарка». Бобби представил ей незнакомца как Финна и, казалось, был рад его видеть. От поношенного пиджака гостя исходил смешанный запах стоялого дыма, древнего припоя и маринованной селедки. Бобби объяснил, что Финну всегда здесь рады.

— Лучше уж его принять. Все равно ведь не отвяжется, раз уж хочет войти.

Приходит и 3-Джейн — одна из рассветных визитеров, — печально и нерешительно. Бобби, похоже, едва замечает ее присутствие, но Энджи, которая поневоле так долго служила вместилищем стольких ее воспоминаний, откликается на эту странную смесь тщетных стремлений, разочарований, гнева и ревности. Поняв в конце концов мотивы 3-Джейн, Энджи научилась прощать и ее — хотя что и за что прощать, когда гуляешь среди этих дубов в лучах солнца?

Сны 3-Джейн утомляют Энджи. Она предпочи-

тает другие, особенно те, в которых присутствует ее юная протеже. Эти сны приходят, когда утренний ветерок надувает кружевные занавески, когда начинают перекликаться первые птицы. Тогда Энджи придвигается поближе к Бобби, закрывает глаза, мысленно произносит имя «Континьюити» и ждет появления маленьких разноцветных картинок.

Она видит, что девочку отвезли в клинику на Ямайке, вылечить от пристрастия к грубым стимуляторам. С новым обменом веществ, настроенным армией терпеливых «сенснетовских» медиков, девочка наконец начинает появляться в свете, полная здоровья и радости. Кто, как не Пайпер Хилл, настраивает ей сенсориум, и вот ее первые стимы встречены с беспрецедентным успехом. Во всем мире аудитория «Энджи» просто боготворит ее свежесть, ее энергию, ее непосредственность, с какой она будто впервые открывает для себя свою жизнь.

Иногда на дальнем экране промелькнет тень, но лишь на мгновение: окоченевшее тело задушенного Робина Ланье найдено на крыше отеля «Нью-Судзуки-Энвой». И Энджи, и Континьюити знают, чьи длинные пальцы сжались на горле звезды, чьи руки оставили его валяться на деко-

ративном горном склоне.

Но кое-что все еще ускользает от ее понимания, один важный фрагмент той давней головоломки.

В тени дубов под стальными и нежно-розовыми закатными небесами Франции, которая не есть Франция, она просит Бобби ответить на этот последний вопрос.

Полночь, они ждут на подъездной дорожке, потому что Бобби пообещал Энджи ответ.

Часы в доме отбивают двенадцать, и она слышит, как по гравию шуршат шины. Машина оказывается длинной, низкой и серой.

За рулем — Финн.

Бобби открывает дверцу, чтобы помочь ей сесть.

На заднем сиденье уже сидит некий молодой человек — и Энджи вдруг узнает одного из той странной троицы, что проскакала когда-то мимо нее верхом на совершенно неправдоподобной лошади. Он улыбается, но молчит.

— Знакомься, это Колин, — говорит Бобби, устраиваясь рядом с ней. — А Финна ты уже знаешь.

— Она так и не догадалась? — спрашивает Финн, заводя мотор.

— Нет, — отвечает Бобби. — Не думаю.

Молодой человек по имени Колин улыбается.

— «Алеф» — это аппроксимация всей матрицы, — говорит он, — что-то вроде модели киберпространства…

— Да, я знаю. — Энджи поворачивается к Бобби. — Ну? Ты пообещал, что назовешь причину того, «Когда Все Изменилось». *Почему* это произошло. Так как?

Финн смеется — очень странный звук.

— Дело не в том, *почему* это произошло, дамочка. Скорее, в том, *что* произошло. Помнишь, Бригитта как-то говорила тебе, что был еще и другой? Помнишь? Ну это и есть «что», а это «что» и есть «почему».

— Прекрасно помню. Она сказала, что, когда матрица наконец познала себя, откуда-то взялся этот «другой»…

— Туда мы сегодня и направляемся, — начинает Бобби, обнимая ее за плечи. — Это не очень далеко, но…

— Это иначе, — вмешивается Финн, — это по-настоящему иначе.

— Но что это?

— Увидишь, — говорит Колин, смахивая со лба прядь каштановых волос — жест школьника в

какой-нибудь древней пьесе. — Когда матрица обрела разум, она одновременно осознала присутствие *другой* матрицы, другого разума.

— Не понимаю, — говорит Энджи. — Если киберпространство состоит из общей суммы всех данных в человеческой системе…

— Вот-вот, — говорит Финн, сворачивая на пустую прямую автостраду, — но ведь о *человеческой* никто и не говорит, понимаешь?

— Другой был в совсем ином месте, — говорит Бобби.

— В системе Центавра, — вносит свою лепту Колин.

Может, это они так шутят над ней? Очередной розыгрыш Бобби?

— Довольно сложно объяснить, почему, встретив этого другого, матрица раскололась на все эти колдовские духи, вуду и прочее дерьмо, — говорит Финн, — но, когда мы туда прибудем, кое-какое представление ты получишь…

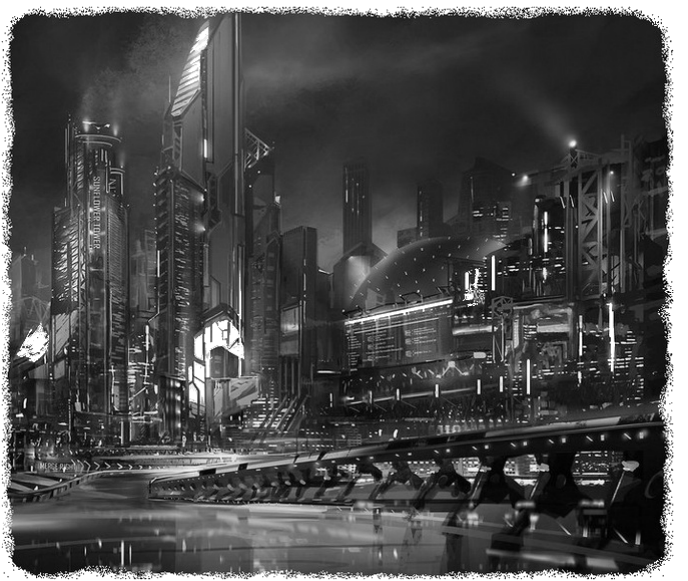
— На мой взгляд, — добавляет Колин, — так просто куда забавнее…

— Вы правду мне говорите?

— Долетим за нью-йоркскую минуту, — говорит Финн. — Без дураков.

ТРИЛОГИЯ МОСТА

Будущее? Фантастика? НЕТ!
Альтернативное настоящее.
Будущее, которое уже началось…



Виртуальный свет
(роман)

Стильный футуристический триллер, открывающий вторую трилогию Гибсона — «трилогию Моста».

Разрушительное землетрясение, разделяющее Калифорнию на Северную и Южную. Вырождение экосферы, делящее всех людей на аллергиков и «приспособившихся». Разлом проходит не только по планете, но и внутри общества, внутри человеческих отношений, внутри самого человека.

События этого романа разворачиваются в начале следующего века в Сан-Франциско. Девушка-мотокурьер Шеветта крадёт у неприятного встречного странные очки. Главного героя, молодого охранника, Райделла нанимают, чтобы вернуть очки, являющиеся носителем важной информации, но он влюбляется в объект своей охоты. Корпорации и хакеры активно «корректируют» собы-

тия, естественно, в противоположных направлениях.

Глава 1

Пламенеющая плоть исполинов

Курьер прислонился лбом к слоеному пирогу стекла, аргона и ударопрочного пластика. Над окраинами города висит боевой вертолет — узкая хищная оса, высматривающая добычу, цепкие лапки тесно прижимают к груди гладкий черный кокон, набитый десятками смертей.

Несколькими часами раньше на один из северных пригородов обрушились ракеты, семьдесят три убитых, никакая группа не взяла еще на себя ответственность. Но здесь, где пламенеющей плотью исполинов плывут зеркальные зиккураты Ласаро Карденаса,[114] все кошмары ночи остаются снаружи, на ждущих своего часа avenidas[115] — обыденные заботы, мир, что пребудет.

По милости заоконного воздуха каждый ис-

[114] Примечания: 114

Ласаро Карденас (1895–1970) — мексиканский генерал и политический деятель. Президент Мексики в 1934–1940 гг.

[115] Примечания: 115

Avenidas (исп.) — улицы

точник света окружен ореолом, желтушным посередине, тускло-коричневым — ближе к краю. Тонкие, почти невесомые хлопья сухого фекального снега, прилетающие с городских отстойников, запорошили око ночи.

Крепко зажмуриться, сосредоточиться на еле слышном шипении кондиционера. Так можно перенестись в Токио, представить себе, что этот номер расположен в одном из новых корпусов старой гостиницы «Империал». Увидеть себя на улицах Тиодаку, услышать шелест поездов, пролетающих по эстакаде, прямо над головой. Узкий переулок, цепочка красных бумажных фонариков.

Курьер открыл глаза.

Мехико, снова Мехико.

На кофейном столике аккуратно выстроились восемь пустых пластиковых бутылочек: «Возвращение лосося», название японской водки раздражает даже сильнее, чем прилипчивый, ничем не смоешь и не заешь, привкус.

Нежно-бежевым фризом застыли на экране девочки. Ждут приказа. Курьер берет дистанционный пульт; высокие, острые скулы девочек приходят в движение, поворачиваются где-то в его черепе, чуть позади глаз. Мальчики, неиз-

менно проникающие в своих напарниц сзади, щеголяют черными лайковыми перчатками. Славянские лица непрошено вызывают осколки детских воспоминаний: вонь масляно-черного канала, стальной грохот раскачивающегося на рельсах поезда, высокие потолки старой квартиры, окна, выходящие в зимний, промерзший парк.

Вокруг трудолюбиво совокупляющихся русских — рамка из двадцати восьми периферийных кадров. Курьер мельком видит, как выносят трупы с дочерна прокопченной грузовой палубы азиатского парома.

Он откупоривает еще одну маленькую, на один стакан, бутылочку.

Теперь девочки отсасывают у своих высокомерных, самопоглощенных дружков, запрокинутые головы двигаются в едином ритме, словно части хорошо смазанного механизма. Ракурсы съемки приводят на память самозабвенный пыл раннего советского кино.

Взгляд курьера натыкается на метеосводку NHK. По Канзасу движется фронт низкого давления. На исламском канале раз за разом с жутковатой монотонностью повторяется нечто вроде сложного, угловатого орнамента — имя

Господа во фрактальной каллиграфии.

Курьер пьет водку.

И смотрит телевизор.

Чуть заполночь, на перекрестке Ливерпульской и Флорентийской, курьер смотрит с заднего сиденья белой «Лады» на Сона Роса. Нанопористый швейцарский респиратор неприятно трет его свежевыбритый подбородок.

Губы и ноздри прохожих укрыты фильтрами. В честь Дня Мертвых некоторые маски украшены серебряными бусинками, они похожи на ухмыляющиеся пасти сахарных голов. Производители всех респираторов дают одни и те же неопределенные обещания насчет защиты от вироидов. Неубедительно, но все же успокаивает.

Курьер хотел отвлечься от рутины, от одинаковости, возможно — найти что-нибудь красивое или хотя бы достойное мимолетного интереса, но здесь были только маски и уличные огни, и прежний, неизбывный страх.

Из-за поворота, с авениды Чапультепек, выползает допотопный американский автомобиль, из-под полуоторванного бампера вырываются густые клубы выхлопа. Зеркальное покрытие, укутывающее весь, за исключением ветрового стекла, корпус, растрескалось и покрыто пылью,

сквозь него проглядывает темно-коричневая скорлупа эпоксидной обмазки. Ветровое стекло, черное и блестящее, непроницаемое, как лужица пролитой на бумагу туши, напоминает курьеру смертоносный кокон боевого вертолета. Беспредметный прежде страх конденсируется вокруг «Кадиллака», этого карнавального урода, допотопного (ну надо же — двигатель внутреннего сгорания!) чудища, одетого в грязный, клочкастый серебряный балахон. Кто позволил ему отравлять своей вонью и так непереносимый воздух?

Кто скрывается внутри, за черным ветровым стеклом?

Он смотрит вслед нелепой таратайке. Его пробирает дрожь.

— Эта машина…

Подавшись помимо собственной воли вперед, он обращается к толстой, дочерна загорелой шее водителя, чьи большие уши странным образом приводят на память древнюю керамику, точнее — копии с нее, рекламируемые по гостиничному телевидению.

— El coche.[116]

---

[116] Примечания: 116
Здесь — катафалк (исп.)

У водителя нет маски. Он поворачивается и словно впервые замечает своего пассажира, «Кадиллак» проезжает мимо какого-то ночного клуба, попадает в луч лазера, вспыхивает ярким рубином, исчезает из вида.

Недоуменный взгляд водителя.

Курьер приказывает вернуться в гостиницу.

Он выплывает из глубин сна, наполненного металлическими голосами, из сводчатых переходов какого-то европейского аэропорта, где крошечные, непостижимо далекие фигурки людей застыли в беззвучном ритуале прощания.

Темнота. Шипение кондиционера.

Льняные простыни. Телефон под подушкой. Звуки улицы, приглушенные газовой прослойкой оконных стекол. Все напряжение, вся недавняя паника — все это исчезло. Вспоминается бар на крыше отеля. Музыка. Лица.

Редкая, желанная минута, когда внутренний мир пришел в равновесие. Спокойствие. Никакого другого спокойствия курьер не знает.

И… ну да, очки тоже здесь, рядом с телефоном. Вытаскивая очки из-под подушки, курьер ощущает виноватое наслаждение, почти такое же, как тогда, в полузабытой Праге.

Он любит ее почти уже десять лет, хотя никогда

не задумывается над своими чувствами, и вряд ли поверил бы, что это — любовь. Но он не покупает другой программы, а черная пластиковая оправа почти утратила свой первоначальный блеск. Надпись на кассете совсем стерлась, ночные прикосновения превратили ее в белое, матовое пятно. Сколько их было — комнат, таких как эта.

Пожелтевшие наушники остаются без дела, курьер давно уже предпочитает тишину, а точнее — собственное звуковое сопровождение. Он шепчет ей, своей единственной, ускоренно прокручивая дурацкие титры и вступительную сцену — черный, залитый лунным светом пейзаж, не Голливуд и не Рио, но некое расплывчатое, компьютерное подобие их обоих.

Белый домик в конце ущелья. Она ждет его, как и прежде, как и всегда. Свечи. Вино. Черным бисером расшитое платье и белая, матовая, невероятная в своей безупречности кожа. Туго обтянутое бедро, гладкое и холодное, как брюхо змеи.

Где-то очень далеко, под простыней, его руки начинают двигаться.

Позднее, когда он готов уже провалиться в новый, не похожий на прежние, сон, из-под подушки доносится негромкий одиночный звонок.

— Да?

— Место на Сан-Франциско заказано.

Голос принадлежит то ли женщине, то ли компьютеру. Курьер трогает клавишу, чтобы записать номер рейса, затем говорит: «Спокойной ночи», смотрит на тусклый свет, сочащийся сквозь щель между занавесками, и снова закрывает глаза.

Его обвивают белые как снег руки. Предвечная, неизбывная белизна.

Он спит.

Глава 2

«Громила» в деле

Машины «Интенсекьюра» выходят на патрулирование по щадящему графику: смена рабочая, две смены отдыха. Мыли их исключительно в большом специализированном заведении рядом с Колби — двадцать слоев эмали «свежий мед», ручная шлифовка; к такой роскоши поневоле начнешь относиться бережно.

Тем памятным ноябрьским вечером, когда Держава Желаний положила конец его карьере на поприще вооруженной охраны, Берри Райделл

пришел в автомойку чуть раньше времени.

Ему там нравилось. Запах розоватого раствора, которым снимали с машин дорожную грязь, приводил на память последние школьные каникулы, летнюю халтурку, которую он подыскал себе тогда в Ноксвилле. Громадный жилой дом на улице Джефферсона Дэвиса решили переделать в кондоминиум, а для начала полностью раскурочили. Нужно было обдирать шлакоблочные стены, но обдирать не совсем, а чтобы кое-где, на стыках и в углублениях, оставались следы старой розовой краски — такой вот имелся у архитекторов бзик. Архитекторы — приехавшие, к слову сказать, из Мемфиса — все как один щеголяли в черных костюмах и белых хлопковых рубашках. Они никогда не надевали галстуков и никогда не расстегивали верхние пуговицы рубашек, стоивших побольше, чем костюмы, — или, во всяком случае, не меньше. Райделл решил про себя, что архитекторы всегда так одеваются: последующая жизнь в Лос-Анджелесе подтвердила его догадку. Однажды он нечаянно подслушал, как один из этих героев объяснял прорабу смысл задания. Нужно подчеркнуть преемственность, выявить непрерывность прохождения материала через время. Чушь, конечно же, собачья, а все равно

здорово. Сразу вспоминаешь, как стареют люди в телевизионных фильмах.

Здорово там не здорово, но на практике все сводилось к тому, что нужно было обдирать долбаную краску со многих тысяч квадратных футов дважды долбаной шлакоблочной стены: делалось это с помощью пульсирующей высоконапорной струи какого-то раствора, берешь в руки брандспойтную головку, прикрепленную к длинной ручке из нержавейки, и — вперед на танки. Если прораб не смотрит, можно развернуть струю в тридцатифутовый павлиний хвост жгучей радуги и смыть с кого-нибудь из ребят всю обмазку. Результат проявлялся мгновенно — австралийская фирма, выпускавшая солнцезащитный крем, окрашивала свою продукцию в яркие, заметные цвета, чтобы не перепутать, какие участки кожи уже намазаны, а какие — нет. Операция требовала осторожности и глазомера — с близкого расстояния да на полную силу струя могла ободрать хромировку с автомобильного бампера. В конечном итоге Райделла и Бадди Криггера выгнали с работы за хулиганство, каковое событие они отметили на противоположной стороне улицы Джеффа Дэвиса, в пивной, после чего Райделл пошел ночевать к этой девице из Ки-Уэста, что

само по себе было событием не меньшим — он впервые уснул рядом с женщиной.

А теперь он в Лос-Анджелесе, крутит баранку «Лихого Гусара», покрытого двадцатью слоями лака, да еще с ручной шлифовкой. «Гусаром» назывался бронированный лендровер, способный выдать сто сорок миль в час — если, конечно же, ты найдешь прямой, свободный от машин участок шоссе и успеешь разогнаться. Эрнандес, старший по смене, любил говорить, что англичане органически не способны сделать что-либо крупнее и сложнее шляпы, сделать так, чтобы оно не отказало в самую нужную минуту. Еще он говорил, что «Интенсекьюр» должен был купить израильские машины или хотя бы бразильские и вообще — на хрена это Ральф Лорен полез изобретать танк, без него, что ли, не обошлись бы?[117]

Райделл не имел своего мнения на этот счет, но вот с краской ребята явно перестарались. Возможно, они хотели, чтобы «Гусар» был похож на большие коричневые грузовики фирмы «Юнай-

---

[117] Примечания: 117

Ральф Лорен (наст, имя Ральф Липшиц, р. 1939) — популярный американский модельер и дизайнер. Карьеру начал под псевдонимом Поло (делал шейные платки для «Красавчика Бруммеля»). Выпускает преимущественно готовую одежду, и, хотя он американец, его имя часто ассоциируется с английскими материалами (фланель, твид). Выступал костюмером при съемках фильмов «Великий Гэтсби» (1974) и «Анни Хилл» (1977)

тед Парсел», развозящие товары по домам, — и в то же самое время напоминал какой-нибудь элемент интерьера епископальной церкви. Никакой показной роскоши, простенько так и со вкусом.

В автомойке работали по преимуществу монголы, недавние иммигранты, не успевшие еще подыскать себе место получше. Они без умолку пели свои бредовые гортанные песни, Райделлу эти песни нравились. Он все время пытался понять, как же это можно выделывать горлом такие штуки — малость похоже на кваканье древесных лягушек, только лягушки квакают однотонно, а тут вроде как два совершенно независимых звука.

Теперь работяги надраивали ряды хромированных шишек, опоясывающие машину. К этим шишкам крепилась, если надо, электрифицированная сетка, а хромировали их так, для красоты. В нормальной обстановке электричество ни к чему, а вот для разгона беснующейся толпы — самое милое дело. В Ноксвилле полицейские машины тоже были электрифицированы, но там ставили вдобавок систему увлажнения — мокрая сетка бьет гораздо сильнее.

— Распишитесь, — сказал бригадир, тихий чернокожий парень по фамилии Андерсон. Днем

он учился на врача, вечером работал и всегда выглядел сильно невыспавшимся.

Райделл взял блокнот и световой карандаш, расписался на маленьком экранчике. Андерсон протянул ему ключи.

— Ты бы хоть отдохнул когда-нибудь, — посоветовал Райделл. Андерсон тускло улыбнулся. Райделл подошел к «Громиле» и отключил охранную сигнализацию дверцы.

Внутри машины, прямо над ветровым стеклом, кто-то написал: «ГРОМИЛА». Зеленым маркером, большими буквами. Название прижилось — в первую очередь потому, что оно нравилось Саблетту. Уроженец Техаса, Саблетт вырос в трейлерном поселке какой-то бредовой видеосекты. Повзрослев, он смылся на волю. «Моя мамаша, — говорил он, — готова отдать церкви все, вплоть до собственной жопы». Райделл не очень понимал насчет жопы — это так, для красного словца, или в каком-нибудь там смысле?

Саблетт не любил рассказывать про секту, но Райделл уловил главное: эти придурки считали, что Господь Всевышний предпочитает общаться с потомками Адама посредством телевидения, что экран — нечто вроде перманентно функционирующей неопалимой купины.

— Господь, — сказал как-то Саблетт, — Он в деталях. Нужно смотреть очень внимательно, и тогда ты Его узришь.

В какой бы там форме ни общались эти психи со своим Богом, ясно было одно: Саблетт наглотался всякой телевизионной хрени по самое это место, в первую очередь — старых фильмов, транслируемых по каналам, которые только тем и занимаются, что их транслируют. Он сообщил Райделлу, что «Громила» — имя танка-робота из какого-то там японского фильма про чудовищ. У Эрнандеса было подозрение, что Саблетт сам и написал это слово над ветровым стеклом. Саблетт яростно отпирался. Эрнандес сказал: «Тогда возьми тряпку и сотри». Саблетт проигнорировал приказ. Надпись так и осталась на месте, но Райделл знал, что такой законопослушный парень, как Саблетт, никак не мог совершить акта вандализма, к тому же чернила из маркера уложили бы его без сознания, а могли б и вовсе убить.

Аллергия. Мельчайшая капелька какого-нибудь растворителя или моющего вещества вызывала у Саблетта аллергический шок, так что он не заходил в автомойку никогда, ни под каким видом. Ко всем прочим радостям, аллергия вызывала у несчастного парня болезненную

чувствительность к свету, так что он постоянно носил зеркальные контактные линзы. Черная интенсекьюровская форма, сухие светло-соломенные волосы да плюс еще эти долбаные линзы — Саблетт выглядел самым натуральным фашистом, придурком ку-клукс-клановским. Что могло привести к определенным недоразумениям, особенно в негритянской лавочке на бульваре Сансет. Особенно если время, скажем, три часа ночи, а тебе вдруг прямо позарез потребовалось купить бутылку кока-колы или там минералки. И все же Райделл искренне радовался, когда расписание сводило его с долговязым техасцем. Саблетт ненавидел насилие, черта характера редчайшая, а у наемного копа так и вовсе невероятная. Сумасшедший? Самое интересное, что даже не сумасшедший. С точки зрения Райделла, и то и другое было вполне определенными плюсами. Ведь в Южной Калифорнии, как любил говорить Эрнандес, очень строго расписано, кто может и кто не может работать парикмахером, а вот полицейских нанимают прямо с улицы, безо всякой, считай, проверки.

Многие теперешние коллеги Райделла пришли в «Интенсекьюр» из полиции, некоторые из них успели даже поработать в ДПЛА, Департаменте

полиции Лос-Анджелеса. Судя по строгим, подробно детализированным правилам, запрещавшим выходить на работу с каким-либо оружием, кроме табельного, фирма почти не сомневалась, что только дай этим ребятам волю — и они под завязку нагрузятся всякими противозаконными железками. Двери диспетчерской были снабжены металлодетектором, и совсем не напрасно — стол Эрнандеса буквально ломился от ножей выкидных и ножей засапожных, от нунчаков, кастетов, парализующих пистолетов и прочей хурды-мурды. Ну, прямо, как в школе. После смены полицейские получали свое хозяйство назад, но при выездах по вызову они должны были ограничиваться глоками и чанкерами.

Глоки — древние, двадцатилетней давности, полицейские пистолеты — «Интенсекьюр» закупал у полицейских департаментов, которые могли позволить себе перейти на оружие с безгильзовыми боеприпасами, закупал навалом, чуть ли не целыми грузовиками. Согласно инструкции каждый глок должен был находиться в пластиковой кобуре, кобуру же пришпиливали к центральной консоли машины, на липучке. Выходя по вызову, ты отдирал кобуру с пистолетом от консоли и вешал ее на себя, при помощи все

той же липучки. Единственная ситуация, когда ты вооружен и находишься вне машины, — это выход по вызову клиента.

Чанкеры не были настоящим оружием, во всяком случае, с точки зрения закона. Однако десятисекундная очередь из этой штуки могла обглодать чью-нибудь физиономию до костей, особенно — если с близкого расстояния. Пневматические, израильского изготовления устройства для борьбы с толпой, чанкеры стреляли дюймовыми кубиками из твердой резины. Выглядели они как ублюдочный плод насильственного скрещивания автомата схемы «буллпап» с клепальным пистолетом — хотя какой же идиот станет делать автомат из ярко-желтого пластика? Нажимаешь на спуск, и машинка выдает почти непрерывную струю кубиков. Немного наловчившись, можно стрелять даже из-за угла, была бы только подходящая отражающая поверхность. Длинная очередь в упор способна перепилить лист фанеры, а человеку, словившему одиночный кубик с расстояния в тридцать ярдов, гарантирован приличный синяк. Основополагающая теория заключалась в том, что вооруженные бандиты — большая редкость. Работайте чанкерами, чтобы поменьше калечить клиента и его имущество. Ну а если

уж нарвался на вооруженного бандита — у тебя есть глок. О том, что оружие этого бандита почти наверняка имеет плавающий затвор и безгильзовые боеприпасы, теория скромно умалчивала. И еще один факт, забытый теорией: выходя на дело, серьезный бандит почти наверняка примет дозу «плясуна», приобретет нечеловеческую скорость реакции, а заодно превратится в самого настоящего, клинического психа.

В Ноксвилле «плясуна» этого тоже хватало — почему, собственно, Райделл и был отстранен от работы. Он приполз на карачках в квартиру, где механик по имени Кеннет Терви держал в заложниках свою подружку и двоих ее детей. Этот костлявый, белобрысый, месяц не мывшийся парень хотел побеседовать с президентом. На его груди красовалась свеженькая — даже кровь не успела подсохнуть — татуировка, Тайная Вечеря. Райделлу бросилось в глаза, что ни у Иисуса, ни у апостолов нет лиц, только слепые овалы.

— Да мать вашу так, — сказал Терви. — Я всего-то и хочу, что поговорить с президентом.

Он сидел, скрестив ноги, на диване. Совершенно голый. На коленях у него лежала толстая, сплошь обмотанная изоляционной лентой труба.

— Мы пытаемся с ней связаться, — объяснил

Райделл. — Ты уж извини за задержку, но только дело это очень сложное, инстанции всякие промежуточные, никак не пробиться.

— Кой хрен, — покачал головой Терви. — Да неужели никто не может понять, что я действую по указаниям Господа?

В голосе его не было никакой злобы, только усталость и отчаяние. Через открытую дверь спальни Райделл увидел девушку. Она лежала на полу ничком, так что лица не было видно. Правая нога неестественно вывернута, сломана что ли? А где же дети?

— Что это у тебя за штука? — спросил Райделл, указывая на обмотанную скотчем трубу.

— Ружье, — устало объяснил Терви. — Потому-то мне и нужно поговорить с президентом.

— В жизни не видел таких ружей, — признался Райделл. — А чем оно стреляет?

— Консервные банки, залитые бетоном.

— Не брешешь?

— Смотри.

Терви поднес свою пушку к плечу. Теперь Райделл рассмотрел замысловатый затвор, спуск (наверное, спуск), похожий на ручки хирургического зажима, и два гибких шланга. Шланги тянулись к тяжелому — такие возят на тачке

— газовому баллону.

Все это время Райделл стоял на коленях. Синтетический ковер, устилавший комнату, насквозь пророс пылью. Ствол идиотского оружия описал широкую дугу, какую-то долю секунды он смотрел Райделлу прямо в лицо. Круглая черная дыра, огромная, дюйма четыре в диаметре. Кулак просунуть можно. Терви взял на мушку дверь стенного шкафа, видневшуюся в глубине спальни.

— Терви. — Собственный голос показался Райделлу чужим. — Терви, а где эти долбаные дети?

Терви потянул спусковую ручку и прошиб в двери стенного шкафа рваную дыру размером с блюдце. В шкафу сидели дети. Они завопили. Наверняка завопили, хотя Райделл этого и не запомнил. Мой подзащитный, говорил позднее адвокат, не только лишился на время слуха, но и пришел в состояние акустически индуцированной каталепсии. Изобретение этого вонючего придурка грохнуло лишь на пару децибел слабее, чем шумопарализующая граната. Короче говоря, Райделл не помнил, как вопили дети, не помнил, как прострелил Кеннету Терви голову, не помнил вообще ничего. Очнулся он в больнице. Рядом с койкой сидела женщина из телевизионного шоу «Копы влипли». Женщина сказала Райделлу,

что ничего не может обсуждать с ним, пока не поговорит с его адвокатом. Нет у меня никакого адвоката, сказал Райделл. Знаю, сказала женщина. Нет, так будет, мы уже об этом позаботились, подожди немного, адвокат скоро придет.

«Копы влипли»... Райделл лежал и вспоминал, как любили они с папашей смотреть эту передачу. Особенно папаша: его, бывало, и вообще от телевизора не оторвешь.

— А что, — спросил он через пару минут, — крупно я влип?

— Мало не покажется, — улыбнулась женщина.

Райделл присмотрелся к ней повнимательнее. Симпатичная.

— Как тебя звать?

— Карен Мендельсон.

Столичная штучка, в Ноксвилле таких не встретишь. Да и в Мемфисе — тоже.

— Так ты что, с телевидения? «Копы влипли»?

— Да.

— И чем же ты у них занимаешься?

— Я юрист.

За всю свою жизнь Райделл не видел еще ни одного юриста — зато теперь ему предстояло встречаться с ними чуть не каждый день.

Райделл вставил ключ, набрал на клавиатуре пароль, прогнал через систему тестовую программу, и серые прямоугольники дисплеев ожили. Ему очень нравились камеры, установленные под задним бампером «Громилы»: это ж какое удобство при парковке, когда подаешь машину задом и точно видишь — куда.

Связь со «Звездой Смерти» пока что отсутствовала, слишком уж много металла в стенах и перекрытиях автомойки. Ничего, у Саблетта в ухе капсульный приемник, вот пусть и слушает, все равно ему делать нечего.

«Звезда Смерти» — только так и называли этот спутник, хотя в диспетчерской «Интенсекьюра» и висела бумажка, призывавшая сотрудников компании воздерживаться от употребления нехорошей клички. Да что там наемные копы, если и в ДПЛА тоже иначе не говорили. Ну а официально это «Геостационарный спутник южнокалифорнийских органов охраны правопорядка», язык сломать можно.

Райделл дал задний ход, внимательно глядя на экраны боковых камер. Керамические двигатели «Громилы» не успели еще износиться и работали довольно тихо, сквозь их мирное урчание доносился шелест покрышек по мокрому бетону.

Саблетт ждал снаружи, на парковочной площадке; по серебряным бельмам его глаз ползли рубиновые мошки — отражения хвостовых фонарей. Солнце уходило за горизонт; судя по расцветке закатного неба, коктейль атмосферных загрязнений был сегодня даже крепче обычного. Техасец торопливо отскочил от приближающейся машины — одна-единственная крошечная брызга из-под колес гарантировала ему веселую жизнь. Райделл тоже старался разворачиваться поаккуратнее, а то свалится этот красавец с аллергическим шоком и тащи его тогда в «Кедры», большая радость.

Ну вот, а теперь это чудо морское натягивает одноразовые хирургические перчатки. Райделл терпеливо ждал.

— Привет, — сказал Саблетт, забираясь на сиденье. Он захлопнул дверцу и начал осторожно снимать перчатки, чтобы тут же кинуть их в застегивающийся пластиковый мешочек.

— Смотри, на себя не капни, — ухмыльнулся Райделл, наблюдая за этим священнодействием.

— Смейся, смейся, — беззлобно откликнулся Саблетт. Он вытащил пакет антиаллергической жевательной резинки, закинул пластинку в рот. — Ну и как там старик «Громила»?

Райделл окинул взглядом дисплей.

— Ничего, на здоровье не жалуется.

— Надеюсь, у нас не будет сегодня этих долбучих стелсов, — заметил, не переставая жевать, Саблетт.

Стелсы, дома-невидимки, занимали в его личном каталоге неприятных вызовов чуть не самое первое место. Воздух там, видите ли, токсичный. Райделл в это не верил, но давно перестал спорить. Скучно и бесполезно. Стелсы, говорил он когда-то, больше обычных домов, больше и дороже. И уж как-нибудь хозяин такой халупы позаботится о чистоте воздуха, не станет экономить по мелочам. Саблетт упрямо возражал, что в стелсах живут исключительно психи, построить себе такой дом — это все равно, что громко заявить: «У меня мания преследования». И психи эти затыкают в своих жилищах каждую дырку, так что воздух не может циркулировать, в нем накапливается всякая отрава.

В Ноксвилле стелсов не было, а если даже и были, то Райделл о них ничего не слыхал. Он и сейчас считал, что это чисто лос-анджелесские закидоны. Саблетт работал на «Интенсекьюр» уже два года, по преимуществу — в Венисе, на дневном патрулировании, он-то и рассказал своему

напарнику о домах-невидимках. А потом Райделл попал в стеле по вызову и почти не поверил своим глазам. Снаружи, на поверхности, виднелось нечто похожее на фабрику химчистки, сильно пострадавшую при бомбежке, — ну не то чтобы совсем было похоже, но что-то вроде. А под этой убогостью — шахта, уходившая вглубь и вглубь, а совсем внизу — комнаты, а уж в комнатах чего только не было. Бревенчатые стены, белая штукатурка, турецкие ковры, большие — огромные — картины, изразцовые полы, мебель, какую нигде и не увидишь. А вызов был странный и не очень приятный, семейное насилие — так, во всяком случае, показалось Райделлу. Ну, вроде как, муж шарахнул жену, жена шарахнула по кнопке, а потом они опомнились и решили сделать вид, что ничего такого не было, случайная накладка, вот и все. Только никакая это была не накладка, не сама же кнопка нажалась. И случайно нажать ее тоже не могли — ровно через три и восемь десятых секунды был проверочный звонок, подняли бы трубку, сказали бы: «Мы это нечаянно», назвали бы пароль — и дело с концом, а тут ведь никто и не подошел. Скорее всего, жена перебила все телефоны, а потом уже нажала на кнопку. В тот раз напарником Райделла был «Большой

Джордж» Кечакмадзе, и грузину (грузины живут где-то там, на Кавказе, и столица у них называется Тбилиси) эта история тоже не понравилась. «Ни хрена не поделаешь, — сказал потом Большой Джордж. — Эти люди — подписчики, так что убедился, что ни трупов, ни крови нет, и мотай на все четыре стороны, да поскорее». Но Райделл долго еще вспоминал напряжение, стоявшее в глазах женщины, и как она сжимала воротник роскошного белого халата — горло прикрывала, что ли? Ее муж был в таком же халате и в дорогих очках, а из-под халата высовывались толстые волосатые ноги. Что-то там было не так, сильно не так, но что именно — этого Райделл так и не узнает. И он совершенно не понимал, как строится жизнь таких людей, жизнь, очень похожая на то, что показывают по телевизору, и в то же самое время — совсем другая.

Вот чуть присмотришься и видишь, что Лос-Анджелес полон тайн, и нет этим тайнам конца.

И все же ему нравилось кататься по этому городу. И не обязательно, чтобы спешить в какое-то определенное место, а просто так, колесить по улицам на «Громиле», вот как сейчас. Он свернул на Ла Сьенту; крошечный зеленый курсор на экране сделал то же самое.

— «Запретная зона», — сказал Саблетт. — Херв Виллечез, Сюзан Тирелл, Мари Паскаль Эльфман, Вива.

— Вива? — переспросил Райделл. — Вива что?[118]

— Просто Вива. Актриса.

— А когда это его сняли?

— Тысяча девятьсот восьмидесятый.

— Меня еще и на свете не было.

— На телевидении, Райделл, всегда одно и то же время.

— А мне-то казалось, что ты стараешься бороться со всей этой хренью, которую в тебя с детства вдалбливали. — Райделл выключил зеркальный фильтр бокового окошка, чтобы полюбоваться рыжей девицей, проезжавшей мимо в розовом открытом «дайхацу спикере». — Как бы там ни было, я этого фильма не смотрел.

По не совсем ясной причине на закате лос-анджелесские автомобилистки выглядели невероятно красивыми. А главный врач США все пытается запретить машины с открывающимся верхом, говорит, что они увеличивают заболеваемость раком кожи.

---

[118] Примечания: 118
Viva (исп.) — да здравствует

— «Эндшпиль». Эл Кливер, Мойра Чен, Джордж Истмен, Гордон Митчелл, тысяча девятьсот восемьдесят пятый.

— Тогда мне было уже два года, — откликнулся, не отрывая глаз от дороги, Райделл, — но этого фильма я тоже не видел.

Саблетт погрузился в унылое молчание. Райделл искренне ему сочувствовал: вот не знает парень другого способа завязать разговор и все тут, а был бы он среди тех, своих, в трейлерном лагере, так они и эти фильмы смотрели по десять раз, и миллион других.

— А я вот тоже вчера смотрел один старый фильм, — сказал Райделл, чувствуя, что теперь его черед поддерживать светскую беседу.

— Да? — заинтересованно вскинулся Саблетт. — И какой?

— Не знаю, — покачал головой Райделл. — Там этот парень, он в Лос-Анджелесе, и он только что познакомился с этой девушкой. А потом он слышит, что таксофон звонит и звонит, и берет трубку. А время уже позднее, совсем ночь. И вот этот другой парень, он сидит где-то в ракетной шахте, и он знает, что мы только что запустили в них свои ракеты — в них, в русских то есть. И он пытается дозвониться до своего папаши, или

брата, или хоть до кого. И он говорит, что миру приходит конец, и времени почти не осталось. А потом парень — ну тот, который трубку взял, — слышит, как вбегают солдаты, и они тут же парня этого пристрелили. Это, значит, того парня, который дозванивался.

Саблетт прикрыл глаза, просматривая свои внутренние банки данных.

— Да? И чем же все кончилось?

— Не знаю, — признался Райделл. — Потом я уснул.

— А кто там снимался? — поднял голову Саблетт.

— Спроси чего полегче.

Серебряные глаза Саблетта изумленно расширились.

— Господи, Берри, да ты просто не имеешь права смотреть телевизор. Если уж смотришь, то смотри внимательно.

В тот раз, пристрелив Кеннета Терви, он провалялся в больнице совсем недолго, каких-то два дня. Адвокат Райделла, знаменитый Аарон Персли, устроил шум, что его не должны были выписывать так быстро, что нужно было получше оценить уровень посттравматического шока, но сам Райделл ненавидел больницы, да и вообще

он чувствовал себя совсем неплохо, просто не мог вспомнить точно, как там и что там случилось, вот и все. И у него имелась теперь надежная помощница, та самая Карен Мендельсон, а кроме того — Веллингтон Ма, агент, взявший на себя общение с другими людьми из «Влипших копов»; только Карен была очень хорошенькая, одни длинные темно-каштановые волосы чего стоят, а все эти другие ей и в подметки не годились. Веллингтон Ма, чистокровный китаец, жил в Лос-Анджелесе; его отец состоял в банде «Большой Круг»,[119] это Карен так сказала, а потом сразу прикусила язык и посоветовала Райделлу никогда об этом пикантном обстоятельстве не упоминать.

Визитная карточка Веллингтона Ма представляла собой тончайшую, почти как бритвенное лезвие, прямоугольную пластинку розового кварца с лазерной гравировкой, первая строчка — имя и фамилия, вторая — «Агентство Ма — Мариано», а дальше — адрес по бульвару Беверли и уйма всяких адресов электронной почты и еще

[119] Примечания: 119

«Большой Круг» (Big Circle Gang) — одна из наиболее крупных гонконгских триад. Строго говоря, не гонконгская, а зародилась в материковом Китае и руководится оттуда же. С начала 1990-х гг, активно проникает в Америку (преимущественно через Канаду)

каких-то номеров. Серый замшевый конверт с пижонской визиткой доставил Райделлу курьер «Глобал Экспресса» прямо в больницу.

— Это ж порезаться можно, — сказал Райделл.

— Можно, — согласилась Карен Мендельсон. — А если положить ее в бумажник и сесть, она разлетится вдребезги.

— Зачем это все? Какой смысл?

— А такой, чтобы получатель относился к ней бережно, с почтением. Другой тебе никто не даст.

Райделл так и не встретился с Веллингтоном Ма лично — встретился, конечно, но это произошло потом, гораздо позже, — зато Карен приносила иногда маленький чемоданчик с наглазниками на проводке, и тогда можно было связаться с лос-анджелесской конторой, поговорить с великим человеком. Райделл никогда еще не пользовался аппаратами телеприсутствия с таким разрешением, эффект был потрясающий, словно и вправду перенесся в Лос-Анджелес. За окном кабинета виднелась темно-синяя сильно скособоченная пирамида. Он спросил у Ма, что это такое, и Ма сказал: старый конструкторский центр, только теперь это молл, торгующий с уценкой, вот приедет Райделл в Лос-Анджелес — а это будет совсем

скоро, — пусть туда забежит.

Подружка Кеннета Терви, Дженни-Рей Клайн, возбудила целую кучу отдельных хитроумно переплетенных исков против Райделла, против департамента полиции, против города Нокс-вилль и даже против сингапурской компании, владевшей домом, в котором все и случилось. В сумме так миллионов на двадцать.

Короче говоря, Райделл крупно влип, слава еще богу, что у него нашлись такие союзники, как эти, из «Влипших копов», телевизионщики. Для начала они наняли Аарона Персли, а уж кто такой этот Аарон Персли, Райделл знал прекрасно, не зря же они с отцом смотрели чуть не каждую передачу. У адвоката была благородная седая шевелюра, ярко-голубые глаза и тонкий, хоть коли им лучину, нос. Обычная его одежда состояла из джинсов, ковбойских сапог и ковбойской же, египетского хлопка рубашки с галстуком-шнурком, украшенным серебряными индейскими бусинами. Персли был весьма знаменит и часто защищал копов вроде Райделла от личностей вроде Кеннетовой подружки и ее адвоката.

Адвокат этой самой Дженни-Рей Клайн, не моргнув глазом, утверждал, что Райделлу вообще нечего было делать в ее квартире, что, незаконно

проникнув в жилище его клиентки, преступный полицейский зверски умертвил Кеннета Терви, а заодно поставил невинную женщину и ее малолетних детей в смертельно опасное положение. Мистер Терви описывался в исках как квалифицированный механик, усердный труженик, любящий приемный отец маленьких Рембо и Келли, истовый христианин, вернувшийся к вере после искуса сомнений, человек, сумевший избавиться от пагубного пристрастия к тетратиобускалину, а также единственный кормилец семьи.

— Сумевший избавиться? — переспросил Райделл.

Готовясь к отъезду, он переселился в один из служебных номеров аэропорта, сюда-то Карен Мендельсон и принесла полученный от адвоката Кеннетовой подружки факс.

— Как выясняется, — пожала плечами Карен, — в тот самый день он участвовал в собрании.

— И что же он там делал? — прищурился Райделл, живо припомнивший кровавую, со слепыми лицами Тайную Вечерю.

— Согласно нашим источникам, он открыто, у всех на виду, занюхал целую столовую ложку своего излюбленного препарата, после чего силой

занял кафедру и разразился тридцатиминутной речью о колготках президента Миллбэнк, а также о предполагаемом состоянии ее половых органов. Затем он заголился, некоторое время мастурбировал, однако эякуляции не достиг, с чем и покинул зал собраний Первой баптистской церкви.

— Господи Иисусе, — поразился Райделл. — Так это что же, происходило на одном из собраний бывших наркоманов — ну, которые вроде «Анонимных алкоголиков»?

— Именно так, — кивнула Карен. — И, насколько я понимаю, выступление Терви стало побудительным толчком для целой серии крайне прискорбных рецидивов. Мы высылаем сюда бригаду юристов, пусть побеседуют с участниками этого собрания.

— Хорошая мысль, — согласился Райделл.

— Собранный ими материал очень пригодится мистеру Персли — в том, конечно же, маловероятном случае, если дело это дойдет до суда.

— Хорошенькое «сумел избавиться», — продолжал кипеть Райделл. — Да он уторчавшийся был, как не знаю что. Занюхать столовую ложку этой дури — это ж вообще сумасшедший дом.

— Так-то оно так, — пожала плечами Карен, — только тут есть еще одно обстоятельство. Терви

принадлежал к Дожившим Сатанистам, и уже прошел слушок, что они заинтересовались этим делом. Исходя из чего, мистер Персли и мистер Ма пришли к выводу, что нам, Берри, нужно линять отсюда и поскорее. Нам — тебе и мне.

— А как же судебные иски?

— Ты всего лишь временно отстранен от работы. Тебе не предъявлено никаких обвинений, а адвоката твоего звать Аарон — с двумя «а» — Персли. Ты уезжаешь отсюда, Берри.

— В Эл-Эй?

— Видишь, какой ты догадливый.

Райделл задумался о Лос-Анджелесе — Лос-Анджелесе, каким его показывали по телевизору.

— А он мне понравится?

— Вначале, — улыбнулась Карен. — Вначале ты понравишься ему. Я сужу по тому, что мне ты понравился.

Так вот и вышло, что Райделл оказался в одной постели с юристкой — юристкой, верткой, как угорь, и не стеснявшейся никаких самых непристойных слов, юристкой, от чьего запаха кружилась голова, чье белье было изготовлено в Милане, это такой город в Италии.

— «Смертельная доза». Сиринда Бурдетт, Гудрун Уивер, Дин Митчелл, Синобу Сакамаки. Тысяча

девятьсот девяносто седьмой.

Райделл допил последние капли охлажденного декофеинизированного кофе со сливками, взглянул на грязновато-молочные кубики льда, болтавшиеся на дне пластиковой чашечки термоса, и помотал головой.

— В жизни о таком не слышал.

— А вот мама видела Сиринду Бурдетт живьем. В Уэйко, в молле каком-то. Даже автограф взяла. На самое почетное место положила на телевизоре, вместе с молельными платочками и голограммой преподобного Уэйна Фаллона. У нее же для каждой хрени свой молельный платочек. Один для арендной платы, другой от СПИДа, третий от туберкулеза…

— Правда? И что же она с ними делает?

— Да просто держит их на телевизоре, — объяснил Саблетт.

Немного подумав, он достал хрустально-прозрачную бутылку и вытряхнул в рот последние капли четырехкратно дистиллированной воды. До единственного на Сансете магазина, торговавшего столь экзотическим напитком, было довольно далеко, однако Райделла это ничуть не волновало. Ну, сделаем лишний крюк, чего тут такого страшного? И парковочная площадка

там удобная, прямо за углом, и кофейный бар совсем рядом, можно будет термос наполнить. Отличный, кстати, мужик этот, который за парковочной площадкой следит, — всегда вроде как радуется, когда нас видит.

— Молельным платочком от СПИДа не убережешься, — сказал Райделл. — Сделал бы ты лучше прививку, как все нормальные люди. И мамаше бы своей посоветовал.

За прозрачным (после той рыжей Райделл так и не включил зеркальный фильтр) стеклом виднелся уличный алтарь Джей-Ди Шейпли, пристроенный к полуобвалившейся бетонной стене — жалкому остатку вполне, вероятно, приличного дома. В западном Голливуде такое не редкость. На стене красовались трехфутовые буквы, намалеванные ядовито-розовой аэрозольной краской: «ШЕЙПЛИ В РОТ ДОЛБАНЫЙ ПИДОР» — и большое, тоже ярко-розовое, сердце. Прямо под надписью стена была облеплена открытками с портретом Шейпли и фотографиями людей, обреченных когда-то на смерть. Таких людей миллионы и миллионы. Еще ниже, на тротуаре, валялись увядшие цветы, огарки свечей и прочая дребедень. Странное все-таки, подумал Райделл, у этого парня лицо, страшновато даже, прямо

мурашки по коже. Нечто среднее между Элвисом и каким-нибудь католическим святым — костлявое, почти бесплотное, и глаза как блюдца.

— А то, — повернулся он к Саблетту, — что ты до сих пор не вакцинировался, так это все твоя деревенская тупость, упрямство ослиное.

— Да это же, — виновато забубнил Саблетт, — даже хуже живой вакцины, там же одного вируса вышибают другим, и он в тебе остается…

— Ну да, — кивнул Райделл, — а что тут такого? Он же ничего тебе не сделает. А того, старого, СПИДа в мире еще ой-ё-ёй сколько. Будь моя воля, я бы заставлял делать прививки.

Саблетт зябко поежился.

— Преподобный Фаллон всегда говорил…

— А в рот я твоего преподобного, и в ухо, — разозлился Райделл. — Этот ублюдок попросту зашибает деньги, втюхивая молельные платочки людям вроде твоей мамочки. Да что я тебе объясняю, ты же и сам прекрасно понимаешь, что все это хрень собачья, иначе сидел бы ты сейчас не здесь, а в своем трейлерном лагере, сидел бы и молился на телевизор.

Он шарахнул по кнопке зажигания, затем врубил скорость и бросил «Громилу» в поток машин. Удобно все-таки ездить на «Лихом Гусаре» —

прочие водители всегда пропускают тебя, дают вклиниться в ряд.

Уныло свешенная голова, сутулая спина и высокие плечи делали Саблетта удивительно похожим… на кого? На орла, наверное, только на орла обеспокоенного, затюканного какими-то своими орлиными невзгодами.

— Не так это все просто, — вздохнул он. — Ведь это вера, в которой меня воспитывали, которая сделала меня таким, как я есть. Ну не может же все в ней быть хренью собачьей, вот ты сам подумай, ведь не может?

Райделл искоса взглянул на Саблетта и сжалился.

— Нет, — согласился он, — конечно, не может. Я и не говорю, что все в ней хрень, просто…

— Слушай, Берри, а тебя-то в какой вере воспитывали?

Райделл надолго задумался.

— В республиканской.

В жизнь Райделла вошло много нового, вроде кредитной карточки Южнокалифорнийского отделения мексикано-американского банка, выданной ему «Влипшими копами», или возможности летать не туристским, а бизнес-классом, но лучшей изо всех этих приятных новинок была,

пожалуй, Карен Мендельсон.

В тот первый раз, в служебном номере нокс-виллского аэропорта, он не имел при себе ничего предохранительного и пытался показать Карен свои справки о прививках (без справок этих департамент полиции не выписывал страховой полис). Карен только расхохоталась и сказала, что обо всем позаботится немецкая нанотехника. Потом она показала Райделлу нечто вроде портативной скороварки, и там, под прозрачной крышкой, лежала эта штука. Райделл слышал про такие, но никогда прежде их не видел; еще он слышал, что они стоят жутко дорого, ну, примерно, как среднего класса автомобиль. А хранить их нужно при температуре человеческого тела. Обязательно — это он прочитал в какой-то газете или журнале.

Белесая такая штука, вроде небольшой медузы и вроде как шевелится, а может, и нет. Райделл спросил: а правда, что они живые? Карен улыбнулась и сказала, что не то чтобы совсем, но почти, а в основном это шарики Баки и субклеточная автоматика. И что он совсем не почувствует, что эта штука там, и что она ни в коем случае не станет вставлять ее здесь, у него на глазах.

Карен ушла в ванную и вернулась в этой самой

рубашке, миланской, но тогда он еще не знал, что рубашка миланская, это она позже сказала. Ну и правда, он совсем не чувствовал эту штуку и никогда не догадался бы, что она там, но он все равно про нее знал, но очень скоро забыл. Почти забыл.

На другое утро они наняли маленький конвертиплан до Мемфиса, а там пересели на «эр-магеллановский» лайнер, направлявшийся в LAX.[120] Бизнес-класс отличался в первую очередь изобилием примочек, смонтированных в спинке сиденья, которое перед тобой; Райделл сразу же увлекся аппаратом телеприсутствия, который можно было подключить к управляемым камерам на обшивке самолета. Карен такими глупостями не занималась, она очень не любила пользоваться крошечным, карманным виртуфаксом, а потому с облегчением вызвала на откидной дисплей свою лос-анджелесскую контору и начала просматривать свежепоступившую почту. Затем она говорила по телефону, рассылала какие-то факсы, работала ловко и сосредоточенно, не обращая внимания на восхищенные охи и ахи крутого ноксвиллского копа, увлекшегося новой

[120] Примечания: 120
LAX — главный аэропорт Лос-Анджелеса

игрушкой.

Нет, что ни говори, а на самолетах местной линии, которыми Райделл летал иногда во Флориду, к отцу, все выглядело гораздо скромнее, здесь же и сиденья просторнее, и кормежка лучше, и за выпивку денег не берут. Райделл и сам не заметил, как высосал три или четыре фужера, а потом задремал и очнулся уже где-то над Аризоной.

Аэропорт поразил его странным, незнакомым запахом, да и свет здесь был какой-то не такой. Райделл знал, что в Калифорнии большая плотность населения, и все же никак не ожидал такой толчеи и гомона. Представитель «Влипших копов» держал над головой мятую картонку с надписью «Мендельсон», криво накарябанной красным маркером, и растерянно озирался. Буква «S» была написана задом наперед. Райделл улыбнулся, представился и пожал парню руку. Тот, похоже, очень обрадовался и сказал, что его звать Сергей. Карен спросила: а где же твоя долбаная машина? — и тогда Сергей густо покраснел и сказал: подождите минутку, сейчас я ее подгоню. Нет уж, сказала Карен, большое спасибо, мы уж лучше сами дойдем до стоянки, вот только вещи с самолета выдадут. Ты что же, думаешь, я вот так вот и буду торчать в этом обезьяннике, и чтобы

меня каждую секунду толкали, и шум тут такой, что оглохнуть можно. Сергей покорно кивнул, он все пытался сложить свою картонку и засунуть в карман, но картонка была очень большая и никак не помещалась. И чего это, удивлялся Райделл, Карен на него так окрысилась? Устала, наверное, после полета, а то с чего бы? Он подмигнул Сергею, надо же подбодрить парня, но тот, похоже, ничуть не успокоился, а стал, наоборот, еще больше нервничать.

У Карен были две черные кожаные сумки, а у Райделла — мягкий синий «самсонит», купленный по новой кредитной карточке. Они с Сергеем потащили багаж сперва к выходу из аэропорта, а затем через большую круглую площадь, опоясанную кольцевой дорогой. Наружный воздух ничем не отличался от того, что внутри аэропорта, вот только жарко было тут как в пекле. Динамики непрерывно орали, что площадки, выкрашенные в белый цвет, предназначены исключительно для погрузки и разгрузки. На площади был форменный сумасшедший дом — сотни людей, груды багажа, детский рев, автомобили всех на свете марок, слава еще богу, что Сергей точно знал, куда нужно идти — к гаражу на противоположной стороне.

Машина у Сергея была немецкая, черная и длинная, и выглядела она так, словно всю ее минуту назад протерли носовым платочком. Давайте, предложил Райделл, я сяду впереди, вроде как охранником, и тогда Сергей снова задергался и засунул его на заднее сиденье, к Карен. Глядя на эту сцену, Карен засмеялась, и Райделл почувствовал себя немного лучше.

Когда машина выезжала из гаража на площадь, Райделл заметил под огромной, составленной из отдельных стальных букв вывеской «МЕТРО» двух копов. Здоровенные мужики в сферических, с прозрачными пластиковыми визорами шлемах-кондиционерах. Они лениво лупили дубинками какого-то старика. Лупили как простыми палками, не включая разрядников, а потому старик, одетый в грязные, продранные на коленях джинсы, реагировал довольно вяло. На обеих скулах дочерна загорелого — даже и не поймешь, белый он или какой еще, — лица ярко выделялись большие нашлепки из лейкопластыря, верный признак рака кожи. Людской поток, стремившийся ко входу в метро, раздваивался, равнодушно обтекал старика и копов, снова смыкался.

— Добро пожаловать в Лос-Анджелес, — провозгласила Карен. — Цени, что едешь на машине,

а не подземкой.

Ужинали они в обществе самого Аарона Персли, в Голливуде, как объяснила Карен, а точнее — на Норт-Флорес-стрит. Ресторан был техасско-мексиканский, и кормили там просто здорово, все блюда вроде бы и знакомые, но как-то особенно вкусно приготовленные. Месяц спустя у Саблетта был день рождения, и Райделл повел его в этот же самый ресторан — пусть парень поест родной, как у себя дома, пищи, может, и взбодрится немного. Однако ничего не вышло.

— Все столики заняты, — сказал швейцар.

Райделл взглянул в окно и увидел, что ресторан почти пуст — потому, наверное, что время было совсем раннее.

— А как же эти? — спросил он, указывая на свободные столики.

— Заказаны, — отрезал швейцар.

— Пошли, — сказал Саблетт. — Да и вообще зря мы сюда сунулись, тут же все будет переперченное, а у меня изжога.

А лучше всего было объезжать на «Громиле» горы и каньоны, особенно если лунной ночью.

Там иногда видишь такие вещи, что даже и не понять, видел ли ты их или нет. Один раз — тогда было как раз полнолуние — Райделл вел «Гро-

милу» по ущелью и вдруг за поворотом увидел обнаженную женщину; она застыла в лучах фар, ну точно как олень, выбежавший из леса на просеку, — дрожит, а с места сдвинуться не может. Словно примерзла. Так вот она и стояла добрую секунду, достаточно долго, чтобы Райделл увидел — а может, ему это просто почудилось, — что у нее на голове то ли серебряные рога, то ли какая-то такая шляпа в виде полумесяца концами вверх, и она вроде бы японка. И вот это-то — что японка — поразило его больше всего. Затем она увидела Райделла — то есть это он отчетливо увидел, что она его видит, — и улыбнулась. И тут же пропала.

Саблетт же впал в священный ужас и разразился неудержимым, как понос, потоком слов. Он извел недельный запас своей антиаллергийной жвачки и все говорил и говорил; фильмы ужасов — все, наверное, какие он видел в жизни, — дико мешались с бредовыми россказнями преподобного Фаллона о ведьмах и колдуньях, о дьяволопоклонниках и могуществе Князя Тьмы, и так оно продолжалось, пока Райделл не озлился вконец и не сказал своему экстатическому компаньону: «Заткни хлебало».

Теперь, когда женщина исчезла, ему хотелось

не слушать всякую хренотень, а спокойно подумать. Подумать о том, как она выглядела, что она тут делала, да и о том, кстати, каким это образом она исчезла. Не обращая внимания на Саблетта, уныло поникшего на соседнем сиденье, Райделл пытался вспомнить, как же это было: вот она здесь, на шоссе, а потом вдруг ее нет. Забавно, он же вроде и помнил все, помнил отчетливо, но только в двух разных вариантах одновременно, тоже заморочка, но совсем иная, чем с Кеннетом Терви, — вот тут в голове не осталось ровно ничего: ни как стрелял, ни что потом, хотя за последующие дни он столько наслушался, как эту историю пережевывают сценаристы и адвокаты, что иногда начинало казаться, что он все-таки видел ее — в версии «Влипших копов» (которая так и не пошла в эфир). Так вот, Райделл помнил, что женщина вроде как спустилась вниз по склону налево, хотя бежала она при этом или парила в воздухе — этого он сказать не мог. А еще он помнил, как она прыгнула — плохое слово, слабое, тут бы надо было выразиться как-то по-другому, но только как? — прыгнула вверх по склону, примыкавшему к дороге справа, каким-то образом перебежала через посеребренные луной деревья, взметнулась вверх на сорок футов с та-

кой же легкостью, как, скажем, на пять, а затем невозможным образом исчезла, растворилась в воздухе.

И разве бывают у японок такие вот длинные волнистые волосы? А курчавый, еле различимый в тени кустик — он действительно был подбрит в форме восклицательного знака?

Кончилось все тем, что Райделл завернул в Уилшир, в круглосуточную русскую аптеку, и купил Саблетту в утешение четыре пакета его хитрой жвачки — и страшно поразился, как дорого стоит эта отрава.

Насмотрелся он в каньонах и многого другого, особенно когда выпадала смена от полуночи до шести утра, самая глухая. Чаще всего это были огоньки, совсем маленькие, ничего, вроде, особенного, только горели они в таких местах, где никаких огоньков не могло быть. Иногда попадались огни поярче, висевшие прямо в небе, но мозги Саблетта были настолько засраны этой ихней, из телевизионного лагеря, хренью про пришельцев и блюдца, что Райделл прямо боялся указать техасскому красавчику на эти огни — и никогда не указывал.

Патрулируя каньоны, он часто думал об этой женщине. Он понимал, что не знает, кто она

такая или что такое, и никогда не узнает, но это его совсем не волновало; странно сказать, но ему было наплевать даже, человек она или кет. И ему ни разу не пришло в голову, что она какая-нибудь там плохая — просто другая, не такая, как мы, вот и все.

А сегодня, в последнюю ночь своей работы на «Интенсекьюр», Райделл попросту крутил баранку и трепался с Саблеттом. Луны не было, зато на поразительно ясном небе сверкали яркие, как лампочки, звезды. Еще пять минут пути, затем первая за смену проверка дома клиентов и — назад, в Беверли-Хиллз.

Трепались они об этой сети японских гимнастических залов, чья реклама висела на каждом углу, о «Боди Хаммере». «Боди Хаммер» не шибко-то упирал на традиционные физические упражнения, скорее уж, если можно так выразиться, наоборот — там делали деньги на подростках, желающих получить инъекцию бразильской зародышевой ткани, чтобы укрепить свои скелеты «стойким, надежным материалом», так это называлось в рекламе.

Саблетт сказал, что это — дело рук Сатаны.

Райделл сказал, что это — франчайзинговая операция с головной фирмой в Токио.

— Тяжкое убийство нескольких лиц, — сказал «Громила». — Захват заложников, среди которых могут оказаться и малолетние дети клиента. Бенедикт-Каньон. «Интенсекьюр» санкционирует неограниченное, повторяю: неограниченное применение силы.

Приборная доска полыхнула россыпью разноцветных огней, не хуже древнего игрального автомата.

В результате Райделл так и не успел толком привыкнуть ни к Карен Мендельсон, ни к сиденьям бизнес-класса, ни ко всей остальной роскоши.

Карен жила на хренадцатом этаже Сенчури-Сити-П, то бишь Пузыря, третьего по росту здания во всем лос-анджелесском бассейне; по виду Пузырь очень смахивал на сиську, только сиську зеленоватую и полупрозрачную, каких в природе не бывает (и слава богу, что не бывает). Иногда, при нужном освещении, эта штука просматривалась почти насквозь, тогда можно было различить три подпорки, на которых она держалась; подпорки настолько огромные, что в каждую из них свободно влез бы обычный небоскреб. В этой-то треноге и располагались лифты, двигались они, естественно, под углом — к чему Райделл тоже

так и не успел привыкнуть.

Сиська имела бронзовый, вроде как покрытый патиной сосок, в котором поместилась бы пара футбольных стадионов; именно здесь и располагалась квартира Карен — вместе с сотнями других, а также теннисным клубом, барами, ресторанами и небольшим моллом, куда пускали за покупками только тех, кто заплатил вступительный взнос и получил билет, а жилье в этом соске было страшно дорогое — и жизнь тоже. Квартира Карен находилась на самом краю, а потому имела огромные, чуть искривленные окна, посаженные в зеленую — та самая патина — стену.

Все здесь было различных оттенков белого, кроме одежды — Карен носила исключительно черное — и чемоданов, тоже черных. А длинные махровые халаты — дома Карен ходила только в них — были цвета вроде как засохшей овсянки.

Карен сказала, что этот стиль называется «агрессивное ретро семидесятых» и что он начинает ее малость утомлять. Райделл подумал, что и не мудрено, но говорить ничего не стал, здраво размыслив, что получится не очень вежливо.

Телевидение сняло ему комнату в Западном Голливуде, в отеле, более-менее похожем по виду на нормальный дом, но только Райделл почти

туда не заглядывал, жил все время у Карен — пока в Огайо не появился Медведь-Шатун.

Уже начальный эпизод, когда были обнаружены тридцать пять жертв Медведя-Шатуна, почти оборвал карьеру Райделла на непыльном поприще влипшего копа. В довершение всех прочих несчастий первыми на место преступления прибыли сержант Чайна Вальдес и капрал Норма Пирс, самые хорошенькие девушки во всем цинциннатском департаменте полиции («Взглянешь на такую, и прямо как серпом по яйцам», — сказал один из телерепортеров, но никто вокруг даже не улыбнулся; обстоятельства придавали этой шуточке нехорошее, даже зловещее звучание). Счет возрастал с немыслимой быстротой; вскоре Медведь-Шатун далеко опередил самых знаменитых маньяков прошлого. Затем стало известно, что все его жертвы — дети. Затем сержант Вальдес, не совсем еще оправившаяся от посттравматического шока, зашла в некое сомнительное питейное заведение и прострелила обе коленные чашечки известному педофилу — на удивление тошнотворному типу по кличке Мармелад, никаким боком не причастному к убийствам.

В результате роскошный, без единой металлической детали самолетик уносил Аарона Персли в

Цинциннати, Карен нацепила очки и обсуждала ситуацию чуть не с десятком собеседников одновременно, а Райделл сидел на краешке огромной снежно-белой кровати, начиная проникаться идеей, что что-то такое вроде бы изменилось.

— У них есть подозреваемые? — спросил Райделл.

Карен окинула его недоуменным взглядом, словно незнакомый предмет, неведомо как оказавшийся в комнате.

— Подозреваемые? Да они уже сознались.

Райделл поразился, какой старой выглядела она в этот момент. А правда, подумал он, сколько же ей лет? Карен встала и вышла из комнаты.

Вернулась она минут через пять, уже одетая в безупречный черный костюм.

— Собирайся. Ты не можешь здесь больше оставаться.

И ушла. Ушла без поцелуя, без «до свидания», без ничего, ушла — и все.

Райделл встал, включил телевизор и увидел Медведя-Шатуна, только это оказался не один человек, а трое. Выглядели они так, что и не подумаешь, — серенькие, безобидные, почти симпатичные парни, одним словом — именно так, как и выглядят всегда по телевидению гни-

ды, способные на любые, самые тошнотворные мерзости.

Так вот он и сидел на кровати Карен, в одном из ее махровых халатов, когда на пороге комнаты появились — появились безо всякого там стука или «разрешите войти» — два рентакопа. У них была черная униформа и такие же высокие черные ботинки, в каких совсем еще недавно Райделл патрулировал улицы Ноксвилля, — ну те самые, с дополнительной кевларовой стелькой, на случай если кто-нибудь изловчится выстрелить тебе в пятку.

Один из рентакопов грыз яблоко. Второй помахивал электрошоковой дубинкой.

— Слышь, друг, — сказал первый, — нам приказано выпроводить тебя отсюда.

Рот его был полон недожеванного яблока, и слова звучали не очень разборчиво.

— У меня тоже были такие ботинки, — сообщил Райделл. — Изготовлены в Портленде, Орегон. Двести девяносто девять долларов в мелкооптовом магазине, а в обычном еще дороже.

— Ясненько, — ухмыльнулся второй, который с дубинкой. — Так ты шмотки свои будешь собирать или как?

«Черного и белого не выбирайте» — вспомни-

лась Райделлу детская игра; он собрал по комнате все предметы, кроме черных и белых, а также серых, цвета засохшей овсянки, и побросал их в синий «самсонит».

Рентакоп с дубинкой наблюдал за его действиями, а второй, с яблоком, слонялся по комнате и дожевывал яблоко.

— На кого, ребята, работаете? — поинтересовался Райделл.

— «Интенсекьюр», — сказал тот, что с дубинкой.

— Хорошая шарага? — спросил Райделл, застегивая сумку.

Дубиноносец пожал плечами.

— Сингапурская, — сообщил второй, заворачивая огрызок яблока в мятую бумажную салфетку, выуженную из кармана брюк. — На нас все большие здания, все общины, установившие себе заборы и охранные системы, ну, в общем, ты понимаешь.

Он аккуратно засунул огрызок в нагрудный карман черной, безукоризненно выглаженной форменной рубашки, в тот самый карман, на котором красовалась бронзовая бляха.

— Деньги на метро есть? — спросил мистер Дубина.

— Конечно, — откликнулся Райделл, вспомнив про свою кредитную карточку.

— Видишь, какой ты богатый, — ухмыльнулся рентакоп. — Обычно у засранцев, которых мы отсюда выпроваживаем, вообще ни гроша за душой.

Карточку Мексикано-Американского банка Райделлу обнулили на следующий день.

А ведь не прав Эрнандес насчет английских полицейских броневиков, подумал Райделл, врубая впервые в жизни овердрайв на все три оси. Он ожидал услышать визг проскальзывающих покрышек, однако «Громила» вцепился в мостовую намертво, как пиявка. Трехтонная, с двумя керамическими моторами пиявка.

Саблетт, расхлябанно обвисший на соседнем сиденье, испуганно вскрикнул — автоматически затянувшиеся ремни безопасности вздернули его в вертикальное положение.

Скорость — семьдесят миль в час, впереди — музейной кондиции «бентли». Правый, по обочине, обгон, под колеса «Громилы» летит чахлая, черная от пыли трава. Ужас, застывший в глазах пассажирки «бентли», еще мгновение — и взвыла сирена, вспыхнули мигалки: Саблетт дотянулся, наконец, до большой красной кнопки.

Прямой участок. И ни одной, абсолютно ни одной машины. Райделл вышел на осевую и до упора вдавил педаль газа, вой спаренных «киоцеров» перешел в пронзительный визг. Странное, даже жутковатое поскуливание Саблетта заставило Райделла на секунду подумать, что техасец не выдержал напряжения, сломался, и то ли молится, то ли поет на неком трейлерлагерном языке, неизвестном никому, кроме сдуревших последователей преподобного Фаллона.

Нет, ничего подобного. Скосив глаза направо, он увидел, что Саблетт до предела — и как только зеркальные линзы не свалятся — выпучил глаза на экран, высветивший данные о клиенте, что губы его непрерывно шевелятся, руки же быстро и словно сами по себе заряжают потертый, бог знает сколько хозяев сменивший глок. Длинные белые пальцы двигались ловко и, как бы это сказать, буднично — ну, словно намазывая бутерброд или сворачивая газету.

И вот это действительно вызывало ужас.

— «Звезда Смерти»! — крикнул Райделл.

Саблетт не имел права ни на секунду вынимать из уха капсульный приемник; в экстренной ситуации небесный голос — голос настоящих копов, переданный через спутник, — мгновенно

заставит замолчать все прочие передачи.

Техасец вставил обойму и повернулся; на его бледном лице играли отсветы разноцветных огоньков приборной доски.

— Вся прислуга убита, — сказал он. — Эти типы загнали троих детишек в детскую комнату.

Могло показаться, что Саблетт выражает сдержанное неудовольствие чем-то, увиденным по телевизору, — ну, скажем, увечной версией хорошего старого фильма, изготовленной для нужд какого-нибудь там местного национального рынка.

— И они, Берри, говорят, что убьют их.

— Ну а что там думают долбаные копы? — крикнул Райделл. Охваченный бессильной яростью, он колотил по мягкому, в форме восьмерки рулевому колесу.

Саблетт тронул правое ухо пальцем. Казалось, еще секунда — и он тоже начнет кричать.

— Молчат. — Ровный, на удивление спокойный голос. — Вырубились.

Передний бампер «Громилы» снес чей-то антикварный, сороковых годов прошлого века, придорожный почтовый ящик, купленный, надо думать, на Мелроуз-авеню, за бешеные деньги.

— Да какого хрена вырубились, — чуть поспо-

койнее сказал Райделл. — Не могут эти раздолбаи вырубиться. Они же полиция.

Саблетт вытащил капсулу из уха, протянул Райделлу.

— Ничего не слышно, только помехи.

Райделл взглянул на экран и вспомнил игру в дартс. Ярко-зеленый дротик курсора несся по бледно-зеленой горной дороге, неумолимо приближался к мишени — девственно-белому кружку размером с обручальное кольцо. В правом окошке высвечивались жизненные показатели трех детей клиента. Пульс учащенный, у всех. В нижнем окошке — телевизионный, снятый в инфракрасных лучах кадр. Главные ворота. Похоже, что крепкие. Целенькие и, если судить по телеметрии, запертые. Охранная система тоже в порядке.

Вот тогда-то, наверное, он и решил идти на прорыв.

Через неделю, когда пена сошла и события немного прояснились, Эрнандес проявлял даже нечто вроде сочувствия. Конечно же, такая накладка, да еще в его собственную смену, не доставляла начальнику особой радости, однако он честно признал, что не может — если учесть все обстоятельства — винить Райделла особенно

строго.

Прискорбное происшествие тщательно скрывалось от журналистов. Для этого, а также для того, чтобы полюбовно договориться с клиентами, с Шонбруннами, из сингапурского головного отделения «Интенсекьюра» спешно прилетела чуть не целая дивизия экспертов — так, во всяком случае, слышал Райделл. Он не имел ни малейшего представления об окончательных условиях этой договоренности, не имел, да и не хотел иметь: телевизионную программу «Рентакопы влипли» никто еще пока не придумал, а одни только шонбрунновские ворота стоили побольше его полугодовой зарплаты.

Ворота «Интенсекьюр» починит без труда, хотя бы уж потому, что он их и ставил. Мощные, кстати, ворота: японский пластик, армированный углеродным волокном, термоустановка в бетонных опорах; вся эта мутотень чуть не начисто соскребла с морды «Громилы» нежно лелеемый «свежий мед».

Далее — ущерб, нанесенный дому, по большей части окнам (сквозь которые «Громила» проехал) и мебели (по которой он проехал).

— Ну и, — закончил Эрнандес, — придется подкинуть Шонбруннам что-нибудь сверху. За

эмоциональные страдания, — пояснил он, вытаскивая из-за стола большой железный термос и наливая Райделлу чашку мерзкого, перестоявшего кофе. На термосе была оптимистичная наклеечка: «Я НЕ О'КЕЙ, ТЫ НЕ О'КЕЙ — ПЕЙ, ВОТ И БУДЕТ О'КЕЙ».

Время близилось к десяти утра, обсуждаемые события покрылись уже двухнедельной плесенью, а лицо их главного героя — пятидневной то ли бородой, то ли, тут вопрос спорный, щетиной. На Райделле были мешковатые оранжевые, сильно выгоревшие шорты, ветхая футболка с надписью: «НОКСВИЛЛСКОЕ ПОЛИЦЕЙСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ», начинавшая уже расползаться на плечах, черные ботинки, оставшиеся от интенсекьюровской формы, и прозрачная надувная хирургическая шина на левой руке.

— Эмоциональные страдания, — повторил Райделл.

Эрнандес, чуть ли не такой же широкий, как его стол, передал Райделлу чашку.

— Легко ты отделался, больше тут и не скажешь. Прушник.

— Вылетел с работы, рука сломана — и это ты называешь «прушник»?

— Нет, точно, — кивнул головой Эрнандес. —

Тебя же могли там замочить. Ребята из ДПЛА, они же тебя чуть не уложили. Да и потом, мистер и миссис Шонбрунн повели себя на удивление сдержанно, особенно если учесть расстройство миссис Шонбрунн и все прочее. Рука — ну да, рука, жаль, конечно… — он пожал непомерно огромными плечами. — Да и к тому же никто тебя и не увольнял, ведь так? Мы только сняли тебя с патрулирования. Если хочешь на стационарную охрану — пожалуйста, никаких проблем.

— Нет, спасибо.

— Магазины, склады? Будешь работать в ночь. Ну, скажем, «Энсино Фэшн молл».

— Нет.

— Бабу-то видел, которая там работает? — прищурился Эрнандес.

— Не-а.

— Слушай, — вздохнул Эрнандес, — а как там со всем этим говном, которое вываливают на тебя в Нэшвилле?

— В Ноксвилле. Департамент потребовал полного отстранения от должности с полным запретом на работу в правоохранительных органах. Проникновение в частную квартиру без санкции и без поддержки.

— А что эта сучка, которая таскает тебя по су-

дам?

— Их со старшим сыночком повинтили в Джонсон-Сити за вооруженное ограбление магазина, это последнее, что я слышал…

Райделл тоже пожал плечами — и сморщился от боли.

— Ну вот, — расплылся в улыбке Эрнандес. — Я же говорю — прушник.

Проламывая «Громилой» шонбрунновские бронированные ворота, Райделл испытал мгновенное ощущение чего-то очень высокого, очень чистого, клинически пустого — деланье, лишенное всякого думанья, бредовое адреналиновое возбуждение с утратой всех прочих аспектов своего «я».

И в это время — когда он боролся с рулем, прорываясь через японский сад камней, когда пробивал тугое бронестекло, рассыпавшееся со второго удара, и осколки падали медленно, как во сне, — в это время он вспомнил, что примерно то же самое ощущал и тогда, выхватывая револьвер, нажимая курок, выплескивая мозги Кеннета Терви на бесконечный, как звездное небо, простор белой, загрунтованной под краску стены, которую так никто никогда и не покрасил.

Райделл поехал в «Кедры» навестить Саблетта.

«Интенсекьюр» расщедрился на отдельную палату — чтобы держать его подальше от лезущих в каждую щель журналистов. Техасец полусидел на кровати, уставившись в жидкокристаллический экран маленького CD-плеера, и жевал резинку.

— «Воины двадцать первого века», — сказал он вошедшему Райделлу. — Джеймс Уэйнрайт, Энни Макэироу, Майкл Бек.

— И когда же это его сняли? — ухмыльнулся Райделл.

— Тыща девятьсот восемьдесят второй. — Саблетт приглушил звук и оторвал глаза от экрана. — Только я его уже пару раз смотрел.

— А вот я только что из конторы, говорил с Эрнандесом. Говорит, чтобы ты не беспокоился за свою работу.

В пустых серебряных глазах — нечто, похожее на озабоченность.

— Свою — а как насчет твоей, Берри?

Обтянутая пузырем рука нестерпимо чесалась. Райделл нагнулся, выудил из мусорной корзины, стоявшей у изголовья кровати, пластиковую питьевую соломинку, запустил ее под шину и начал крутить. Помогло, хотя и не слишком.

— Я для них — история, далекое прошлое. За

руль меня больше не пустят.

— Не нужно было брать использованную, — огорчился Саблетт. — В больнице это запрещено.

— Да уж ты-то, Саблетт, какой же ты заразный? Ты, может, самый чистый, стерильный раздолбай ныне живущего поколения.

— Так что же ты будешь делать? Есть-то тебе надо.

— Пока не знаю. — Райделл уронил соломинку в корзинку, по принадлежности. — Я только знаю, что не буду сторожить ничьи дома и не буду сторожить никакие там моллы.

— А что там с этими хакерами? Ты как думаешь, сумеют их накрыть — тех, что нас подставили?

— Хрен там сумеют. Слишком уж их много. Держава Желаний резвится уже очень давно. У федерален есть список из трех сотен подозреваемых, но они не имеют возможности загрести их всех, тряхануть и выяснить, кто в чем виноват. Слава еще богу, что эти пидоры любят стучать друг на друга, иначе никого бы из них в жизнь не повинтили.

— Но мы-то им зачем? Чего они нас-то кинули?

— Спроси чего попроще.

— Гадить они любят, вот, наверное, и все, — решил Саблетт.

— Любят, это уж точно. А еще Эрнандес говорит, что, по мнению ДПЛА, кто-то там хотел, чтобы миссис Шонбрунн накрыли с голой жопой.

Ни Саблетт, ни Райделл не видели упомянутую жопу, так как миссис Шонбрунн находилась в детской. Детей в детской не было, они улетели с папочкой в штат Вашингтон, чтобы полюбоваться с воздуха на три новорожденных вулкана.

Ничто, появившееся на экранах «Громилы» после автомойки, не соответствовало действительности. Кто-то залез в бортовой компьютер «Лихого Гусара» и ввел в коммуникационный блок здоровый пакет умело сфабрикованных — и абсолютно липовых — данных, заодно отрезав Райделла и Саблетта от «Интенсекьюра» и даже от «Звезды Смерти» (которая, конечно же, и не думала вырубаться). Райделл сильно подозревал, что монгольские ребята из автомойки — ну, если не все, то двое-трое из них — могли бы рассказать эту историю со значительно большими подробностями.

И может быть, в эти мгновения ослепительной ясности, когда изуродованный, с помятой мордой «Громила» все еще пытался взобраться на раздолбанные в капусту останки двух больших кожаных диванов, когда пробудились, наконец,

воспоминания о смерти Кеннета Терви, в эти мгновения Райделл понял, понял с той же ослепительной ясностью, что вряд ли стоит всегда и во всем доверяться самозабвенному, чистому в своем бешенстве порыву: «Вперед — и ни о чем не думай».

— Слышь, — Саблетт говорил тихо и недоуменно, словно сам с собой, — они же убьют этих детишек.

С этими словами он отщелкнул ремни безопасности и выскочил наружу, с глоком на изготовку, а Райделл не успел еще даже пошевелиться. Где-то на полпути Райделл вспомнил про сирену и мигалки и велел Саблетту их выключить, но уж теперь-то каждый находящийся в доме знал, что отважные интенсекьюровцы прибыли на место происшествия.

— Работаю, — сказал Райделл, и даже вроде не говорил, а услышал свой голос, пришлепывая на бедро кобуру с глоком и хватаясь за чанкер — самое, пожалуй, подходящее оружие для перестрелки в помещении, где содержат детей, вот только скорострельность у него, заразы, больно уж могучая. Он пинком распахнул дверцу и вывалился прямо на кофейный столик, кованые ботинки с мелодичным звоном прошли сквозь

дюймовой толщины стекло (двенадцать швов, но это ерунда, порезы). Саблетт куда-то исчез. Райделл пошел в глубь комнаты, к двери, выставив перед собой желтый неуклюжий чанкер, и понемногу осознал, что с левой рукой что-то вроде не так.

— Замри, заеба, — сказал самый громкий в мире голос. — ДПЛА! Бросай свою желтую говешку, а то на хрен замочим!

Плетью хлестнул луч резкого, мучительно яркого света. Райделлу показалось, что в глаза ему льется расплавленный металл.

— Ты слышишь, заеба?

Райделл повернулся, прикрывая глаза рукой, и увидел раздутое бронированное брюхо садящегося вертолета. Поток от винта прижимал к земле то немногое, что осталось от японского садика после броска «Громилы».

Райделл уронил чанкер на пол.

— И пистолет, мудила!

Райделл взялся двумя пальцами за рукоятку глока и оторвал его от бедра вместе с кобурой. Скрипнула липучка, было непонятно, как такой тихий звук сумел прорваться сквозь рев боевой машины.

Он уронил глок и поднял руки. Руку, вторая

была сломана.

Саблетта нашли футах в пятнадцати от «Громилы». Лицо и руки техасца раздулись, как розовые воздушные шарики, он задыхался. Босниец, работавший у Шонбруннов дворецким, смывал недавно с маленького дубового столика детские каракули каким-то средством, содержащим ксилол и четыреххлористый углерод.

— А хрен ли это с ним? — удивился один из копов.

— Аллергия, — с трудом выговорил Райделл. Полицейские надели ему наручники, да к тому же не спереди, а за спиной, боль была страшная. — Нужна «скорая».

Саблетт открыл глаза. Попытался открыть.

— Берри…

И тут Райделл вспомнил название того фильма, который он смотрел, но не досмотрел.

— «Чудесная миля».

— Никогда не видел, — сказал Саблетт и вырубился.

В этот день миссис Шонбрунн развлекала своего ландшафтного садовника, поляка. Копы нашли ее в детской. Взбешенная и беспомощная, она была засупонена более чем пикантным образом с применением английского латекса, северо-

калифорнийской кожи, а также антикварных наручников фирмы «Смит и Вессон», любовно отшлифованных и покрытых черной хромировкой, — не слабая упряжь, тысячи на две, а то и на три. Ну а садовник — садовник, судя по всему, услышал, как Райделл паркует «Громилу» в гостиной, и тут же дернул в горы.

Глава 3

Нехорошая вечеринка

Шеветта никогда не воровала, во всяком случае — у людей, и уж точно — не при разноске. И если в плохой, надолго запомнившийся понедельник она прихватила у этого засранца очки, так он просто ей не понравился.

А было это так: она стояла на девятом этаже, у окна, и просто смотрела поверх серых пустых скорлупок, бывших когда-то роскошными магазинами, на мост, и тут он как раз и подошел сзади. Она почти уже нашла комнату Скиннера — там, высоко, среди ржавых тросов — и вдруг почувствовала на своей голой спине кончик пальца. Он тронул ее за спину, залез и под Скиннерову куртку, и под футболку.

Она всегда ходила в этой куртке, вроде как в доспехах. Дураку понятно, что, когда на байке, да еще в такое время года, нужно носить нанопору и только нанопору, но она все равно предпочитала старую Скиннерову куртку из жесткой, лошадиной что ли, кожи и намертво прицепила к ее лацканам значки с полосатым кодом «Объединенной». Шеветта крутнулась, чтобы сбросить этот палец, дать нахалюге по грабкам, цепочки ее зиперов тоже крутнулись и звякнули.

Налитые кровью глаза. Морда — ну сейчас расплывется в кисель. В зубах — короткая зеленоватая сигарка, только не зажженная. Он вынул сигарку, поболтал мокрым концом в небольшом стакане прозрачной, как вода, жидкости, сунул в рот и жадно к ней присосался. И лыбится при этом от уха до уха, как только репа пополам не треснет. Словно знает, что она тут не на месте, что не полагается ей быть ни на пьянке такой, ни вообще в старом крутом отеле на Гири.

Это была последняя на сегодня разноска, пакет для юриста, и мусорные костры Тендерлойна горели совсем близко, а вокруг них, скрючившись на корточках, все эти безжизненно-тусклые, безвозвратно, химически погибшие лица, освещенные призрачными вспышками крошечных

стеклянных трубок. Глаза, завернутые жутким, быстро улетучивающимся кайфом. Мурашки по коже, посмотришь на таких вот — и мурашки по коже.[121]

Она поставила велосипед на гулкую подземную стоянку «Морриси», заперла его, насторожила и поднялась служебным лифтом в холл, где охранные хмыри попытались освободить ее от груза, но хрен там. Она отказалась отдавать пакет кому бы то ни было, кроме вполне конкретного мистера Гарро из восемьсот восьмого, как указано в сопроводиловке. Тогда они проверили сканером полосатый код «Объединенного» значка, просветили пакет рентгеном, прогнали ее через металлодетектор и, наконец, пустили в лифт, обвешанный розовыми зеркалами и отделанный бронзой, что твой банковский сейф.

Ну и — вверх, на восьмой, в коридор, где стояла такая ватная тишина, словно он и не настоящий вовсе, а только приснился. Рубашка на мистере Гарро была белая, а галстук — цвета свинца, расплавленного и едва начинающего твердеть.

---

[121] Примечания: 121

Тендерлойн (от англ. tenderloin — филе) — район Нью-Йорка, известный преступностью; название происходит от того, что полиция может здесь очень хорошо кормиться на взятках. Позднее так же стали называть аналогичные кварталы других американских городов.

Он взял пакет, расписался в сопроводиловке и закрыл перед ее лицом дверь с тремя бронзовыми цифрами — так ни разу в это лицо и не посмотрев. Шеветта проверила свою прическу, смотрясь в зеркально отполированный курсивный нуль. Сзади все о'кей, хвост торчит как надо, а вот спереди — спереди не очень. Перья слишком уж длинные. Клочкастые. Она двинулась назад, позванивая прибамбасами Скиннеровой куртки, новенькие штурмовые ботинки глубоко утопали в свежепропылесошенном ковре цвета влажной терракоты.

А когда открылась дверь лифта, оттуда выпала эта японская девица. Почти выпала. Шеветта ухватила ее под мышки и прислонила к косяку.

— Где тут вечеринка?

— И кто же это позвал тебя, такую? — поинтересовалась Шеветта.

— Девятый этаж! Крупная пьянка!

Зрачки у девицы были огромные, во весь глаз, челка блестела, как пластиковая.

Вот так вот и вышло, что стояла теперь Шеветта с настоящим стеклянным бокалом настоящего французского вина в одной руке и самым крохотным бутербродом изо всех, встречавшихся ей на жизненном пути, в другой, стояла и думала, скоро

ли гостиничный компьютер сообразит, что слишком уж долго она здесь задерживается. Здесь-то, конечно, искать ее не станут, кто-то выложил очень и очень хорошие деньги, чтобы спокойно и без помех оттянуться, это ж и дураку понятно.

Весьма интимная вечеринка, никто и ничего не боится, решила Шеветта, глядя в распахнутые двери ванной, где голубое трепещущее пламя мощной, как паяльная лампа, зажигалки высвечивало плавные обводы дутого стеклянного дельфина и лица людей, куривших через него — через кальян — опиум.

И не одна комната, а уйма, все связанные друг с другом, и людей тоже уйма, все больше мужчины в пиджаках на четырех пуговицах, в крахмальных рубашках с высокими, наглухо застегнутыми воротничками, а вместо галстуков — маленькие булавки с камнями. Платья, какие на женщинах, Шеветта видела прежде только в журналах. Богатенькие люди, точно, богатенькие и иностранцы, не наши. А может, богатые — они все не наши, а иностранцы?

Она доволокла японскую девицу до длинного зеленого дивана и придала ей горизонтальное положение. Девица сразу засопела в две дырки — пусть полежит, теперь-то она в полной безопас-

ности, разве что кто-нибудь не заметит и сядет.

Присмотревшись получше, Шеветта обнаружила, что она здесь не одна такая, не по общей форме одетая. Вот для начала парень в ванной с этим здоровым желтым «Биком», но он — случай особый. И еще — пара вполне очевидных тендерлойнских девушек, возможно, их затащили сюда для местного колорита, что бы это словосочетание ни означало.

А теперь тут еще этот засранец, лыбится своей противной пьяной рожей. Шеветта положила руку на складной нож — тоже, как и куртка, позаимствованный у Скиннера. У ножика этого была выемка в лезвии, под большой палец, чтобы можно открыть одной рукой. Керамическое лезвие в три дюйма длиной, широкое, как столовая ложка, и жутко зазубренное. Фрактальный нож, как выражается Скиннер, режущий край вдвое длиннее лезвия.

— Вы, я вижу, не очень веселитесь, — сказал этот тип. Европеец, но откуда — не понять. Не француз. И не немец.

Кожаная куртка, но совсем не такая, как у Скиннера, табачного цвета и сделана из шкуры какого-то невероятно тонкокожего животного; можно подумать, что и не кожа это совсем, а плот-

ный, тяжелый шелк. Шеветта вспомнила запах скиннеровской комнаты, запах пожелтевших журналов, некоторые из них такие старые, что картинки даже не цветные, а разных оттенков серого; вот такой же серый, без красок, бывает иногда город, если смотреть с моста.

— Все было прекрасно, пока ты не появился, — сказала Шеветта, решив про себя, что пора и сматывать — от этого мужика жди неприятностей.

— Скажи мне, пожалуйста, — не отставал тип, внимательно оглядывая ее куртку, и футболку, и ездовые брюки, — какие услуги ты предлагаешь?

— Что-то я ни хрена тебя не понимаю.

— Абсолютно очевидно, — говорит засранец, указывая в противоположный угол комнаты на тендерлойнских девушек, — что ты имеешь предложить нечто значительно более интригующее, — слово перекатывается у него во рту, как камешек, — чем эти особы.

— Шел бы ты в жопу, — говорит Шеветта. — Я рассыльная.

Засранец молчит и смотрит как-то странно, словно что-то до его пьяных мозгов понемногу доходит. Потом он закидывает голову и хохочет — можно подумать, Шеветта рассказала самый

смешной в мире анекдот. Перед ней пляшут очень белые, очень качественные и, конечно же, очень дорогие зубы. У богатых, говорил Скиннер, никогда не бывает во рту никакого железа.

— Я что, смешное что сказала?

Засранец вытирает выступившие слезы.

— Да у нас же с тобой много общего.

— Сомневаюсь.

— Я тоже рассыльный, — заявляет он; только какой же из такого хиляка рассыльный, думает Шеветта.

— Курьер, — говорит он таким голосом, словно сам себе это напоминает.

— Ну и двигай ногами, — говорит Шеветта, обходя его, и в тот же момент гаснет свет и врубается музыка, и она по первым же аккордам узнает, что это «Крутой Коран», последний ихний хит «Подружка Господа Всевышнего». Шеветта торчит на «Крутом Коране», как ни на чем, и всегда врубает их, когда на байке, и нужно гнать побыстрее, и сейчас она двигается под музыку, и все вокруг тоже танцуют, и даже эти, подкуренные, в ванной, — тоже.

Избавившись от засранца — или, во всяком случае, временно о нем забыв, — она замечает, насколько лучше выглядят эти люди, когда не

слоняются просто так, а пляшут. Напротив нее оказывается девушка в кожаной юбке и коротких черных сапогах с побрякивающими серебряными шпорами. Шеветта улыбается, девушка тоже улыбается.

— Ты из города? — спрашивает девушка, когда музыка смолкает.

Это она в каком же смысле? — думает Шеветта. В смысле, что я работаю на мэрию? Теперь, когда девушка — вернее будет сказать: женщина — не танцует, она выглядит заметно старше, ей, наверное, лет под тридцать и уж всяко больше, чем самой Шеветте. Симпатичная, и не так, как это бывает, когда вся красота из косметички выужена, — темные большие глаза, темные, коротко подстриженные волосы.

— Из Сан-Франциско?

Шеветта кивает.

Следующая мелодия постарше ее самой — это вроде бы тот черный парень, который переделался в белого, а потом его лицо сморщилось и облезло. Она ищет свой бокал, но разве тут найдешь, они все одинаковые. Японская куколка уже очнулась и лихо отплясывает, ее глаза безразлично скользнули по Шеветте, не узнаёт.

— В Сан-Франциско Коди всегда умеет найти

все, что ему нужно, — говорит женщина; в ее голосе какая-то беспросветная усталость, а еще как-то так чувствуется, что все происходящее кажется ей очень забавным. Немка. Да, точно, немецкий акцент.

— Кто?

— Наш гостеприимный хозяин.

Женщина чуть приподнимает брови, но улыбается все так же широко и непринужденно.

— Я тут, в общем-то, случайно зашла…

— Если бы я могла сказать такое про себя! — смеется женщина.

— А что?

— Тогда бы я могла выйти.

— А тебе что, здесь не нравится?

Изблизи чувствовался ее дорогой запах. А как же, наверное, от меня-то воняет, забеспокоилась Шеветта. После целого дня верхом и ни разу в душе. Но женщина взяла ее под локоть и отвела в сторону.

— Так ты не знаешь Коди?

— Нет.

Шеветта снова заметила того пьяного, засранца значит, в соседней комнате, где свет все еще горел. Засранец смотрел прямо на нее.

— И мне, наверное, лучше уйти? Я пойду.

О'кей?

— Да нет, ты что придумала, оставайся. Просто я завидую, что у тебя есть выбор.

— Ты немка?

— Падуанка.[122]

Это вроде бы часть того, что было когда-то Италией. Северная вроде бы часть.

— А кто такой этот Коди?

— Коди любит вечеринки. Коди любит эту вечеринку. Она продолжается уже несколько лет. Если не здесь, то в Лондоне, Праге, Макао…

Сквозь толпу движется парень с бокалами на подносе. Он не смотрит ни на Шеветту, ни на кого — из гостиничного, наверное, персонала. Крахмальная рубашка парня утратила все свое великолепие — смята, расстегнута до пупа, выбилась из брюк и болтается сзади, и теперь видно, что сквозь левый его сосок пропущена стальная такая хреновинка, вроде маленькой гантели. А крахмальный воротничок, тоже, конечно, расстегнутый, торчит за затылком на манер со-

---

[122] Примечания: 122

Падуания (или Падания) существует уже в наше время. Самопровозглашенная республика, состоящая из северных районов Италии. Падуания имеет гимн, герб, знамя и даже выборный парламент. Центральное правительство Италии не обращает внимания на падуанских сепаратистов, все их государственные учреждения не имеют никакой реальной власти.

скользнувшего нимба. Женщина берет с подноса бокал белого вина и смотрит на Шеветту. Шеветта мотает головой. Кроме бокалов на подносе есть еще белое блюдце с колесами и вроде бы с закрутками «плясуна».

Парень подмигнул Шеветте и потащил свой арсенал дальше.

— Тебе все это странно?

Женщина выпивает вино и бросает пустой бокал через плечо. Шеветта слышит звон бьющегося стекла.

— А?

— Коди с его вечеринкой.

— Да. Пожалуй. То есть я случайно зашла и…

— Где ты живешь?

— На мосту.

Шеветта ждет реакцию.

Женщина улыбается.

— Правда? Он выглядит так… таинственно. Я хотела бы туда сходить, но экскурсий таких нет и, говорят, там опасно…

— Ничего там опасного, — говорит Шеветта. — Только… — добавляет она после секундного колебания, — не одевайся… ну, вот так — вот и все. И там совсем не опасно, здесь вот, в окрестностях, и то гораздо хуже. — (Перед глазами — эти, вокруг

мусорных костерков.) — На Остров Сокровищ, вот туда не надо. И не пытайся дойти до конца, до самого Окленда, держись подвесной части.

— А тебе это нравится, жить там?

— Еще как. Я бы нигде больше не хотела.

— Счастливая ты, — улыбается женщина. — Точно.

— Ну ладно. — Шеветта чувствует себя как-то неловко. — Надо мне идти.

— Меня звать Мария…

— Шеветта.

Шеветта пожимает протянутую руку. Имя — почти как ее собственное: Шеветта-Мари.

— Пока, Шеветта.

— Ну, всего тебе хорошего.

— Ничего тут хорошего нет.

Шеветта расправляет плечи, кивает Марии и начинает проталкиваться через толпу, уплотнившуюся за это время на пару порядков, — знакомые этого Коди все подходят и подходят. Много японцев, все они в очень строгих костюмах, на ихних женах, или секретаршах, или кто они уж там есть, жемчуга. Но все это ничуть не мешает им врубаться в атмосферу. Шум в комнате нарастает. Публика быстро косеет, или там балдеет, кто что, Шеветта хочет убраться отсюда как можно

скорее.

У двери в ванную, где эти подкуренные, только теперь дверь прикрыта, она застревает. Куча французов, они говорят по-французски, смеются, размахивают руками, а в ванной — Шеветта отлично это слышит — кого-то рвет.

— Дай-ка пройти, — говорит она седоватому, коротко остриженному французу и проталкивается мимо него. Вино из бокала француза плещет вверх, прямо ему на бабочку, он что-то говорит по-французски, но Шеветта не оборачивается.

У Шеветты самый настоящий приступ клаустрофобии, вроде как бывает у нее иногда в конторах, когда приходится ждать, пока принесут отправляемый пакет, и она смотрит, как конторские шныряют туда-сюда, туда-сюда, и не понимает, они это по делу или просто шныряют туда-сюда. А может, это от вина: Шеветта пьет редко и мало, и сейчас она чувствует вкус не вкус, но что-то такое неприятное в горле.

И тут вдруг она видит этого своего европейца сраного, со все той же нераскуренной сигарой, его вспотевшая харя нависла над туповатым, чуть обеспокоенным лицом одной из тендерлойнских девушек. Он зажал ее в угол. И в этом месте, совсем рядом с дверью, коридором и свободой, такая

толчея, что Шеветту на мгновение притискивают к его спине, а он ее и не замечает, продолжает себе засирать девице мозги, только шарахнул локтем назад, прямо Шеветте под ребра, чтобы, значит, место освободила, а так — не замечает.

А из кармана табачной этой кожаной куртки что-то торчит.

А потом это «что-то» не торчит уже ни из какого кармана, а лежит в руке Шеветты, и она запихивает это за брючный ремень и выскакивает в коридор, а засранец так ничего и не заметил.

Здесь, в коридоре, шум уменьшается сразу наполовину, а по мере того, как Шеветта приближается к лифту, он становится еще слабее, почти исчезает. Ей хочется бежать. И смеяться тоже хочется, а еще ее охватывает страх.

Иди спокойно, не торопясь.

Мимо горы подносов, грязных стаканов, тарелок.

Помни об охранных хмырях внизу, в холле.

И эта штука, заткнутая за пояс.

В конце коридора, но не этого, а поперечного, она видит широко распахнутую дверь служебного лифта. В лифте — центрально-азиатского вида парень со стальной тележкой, нагруженной плоскими прямоугольными хреновинами.

Телевизоры, вот это что. Он внимательно оглядывает проскользнувшую в кабину Шеветту. У него выпирающие скулы, блестящие, с тяжелыми веками глаза, волосы подбриты и собраны в узкий, почти вертикальный пучок — любимая у этих ребят прическа. На груди чистой серой рубахи — значок «секьюрити», через шею переброшен красный нейлоновый шнурок, на шнурке висит виртуфакс.

— Подвал, — говорит Шеветта.

Факс негромко гудит. Парень поднимает его, нажимает на кнопку, смотрит в глазок.

Эта, что за поясом, штука становится огромной, как… как что? Шеветта не находит сравнения. Парень опускает факс, подмигивает Шеветте и нажимает кнопку П-6. Двери с грохотом захлопываются, Шеветта закрывает глаза.

Она прислоняется спиной к мягкой амортизирующей стенке и страстно желает быть сейчас не здесь, а в Скиннеровой конуре, слушать, как скрипят тросы. Пол там из брусьев два дюйма на четыре, поставленных на ребро, а по самой середине из пола высовывается верхняя часть каната — конура, она не подвешена, а прямо сидит на канате, как на насесте. В нем, в канате этом, говорит Скиннер, семнадцать тысяч четыреста

шестьдесят четыре жилы, стальные, в карандаш толщиной каждая. Если прижать к нему ухо, можно услышать, как мост поет, не всегда, но при подходящем ветре — можно.

Лифт останавливается на четвертом. И зря — дверь открывается, а никто не входит. Шеветте очень хочется нажать кнопку П-6, но она себя сдерживает, пусть этот, с факсом, сам. Нажал наконец-то.

П-6 — это не стоянка, куда ей так страстно хочется, а лабиринт древних, столетних, наверное, бетонных туннелей, пол здесь покрыт растрескавшимся асфальтом, по потолкам тянутся толстые железные трубы. Пока парень возится со своей телегой, Шеветта выскальзывает наружу. Громадные, войти внутрь можно, холодильники, дверцы закрыты на висячие замки. Полсотни пылесосов, подзаряжающихся в нумерованных гнездах. Рулоны ковров, наваленные как бревна. Люди кто в робе, кто в белом поварском халате; Шеветта изо всех сил старается выглядеть как рассыльная — а кто же она еще, если не рассыльная, пусть думают, что она здесь по делу, на доставке.

Она находит узкую лестницу, поднимается. Воздух горячий и стоялый. Мертвый воздух. Сенсоры услужливо включают перед ней свет на

каждом новом пролете. А сзади — выключают, но Шеветта этого не видит, не оборачивается. Она чувствует огромную тяжесть, словно все это древнее здание навалилось ей на плечи.

П-2, и вот он, ее байк, за щербатым бетонным столбом.

— Отойди, — говорит ей байк, когда Шеветта подходит к нему на пять футов. Не орет во весь голос, как автомобиль, но говорит оч-чень серьезно.

Строгая геометрия углеволоконной рамы, проглядывающая через имитированную ржавчину, и серебристые ленточные проводники вызывают у Шеветты обычную, почти сексуальную дрожь. Она просовывает руку в опознающую петлю.

А потом — все вроде одновременно — сдавленный щелчок снятых тормозов, Шеветта прыгает в седло и — вперед.

По раскаленному, в масляных пятнах пандусу, вверх и наружу, и этот вес свалился, наконец, с плеч, и никогда еще не была она такой легкой и счастливой.

Глава 4

Проблема трудоустройства

Райделлов сосед по комнате, Кевин Тарковский, работавший в виндсерфинговом магазинчике «Раздвинь пошире ноги», носил в ноздре косточку.

В понедельник утром, узнав, что Райделл не работает больше на «Интенсекьюр», Кевин предложил подыскать ему какое-нибудь место в торговле, по линии пляжной субкультуры.

— Сложен ты, в общем-то, прилично, — сказал он, оглядывая голую грудь и плечи Райделла. На Райделле все еще были те самые оранжевые шорты, в которых он ходил к Эрнандесу. Шорты принадлежали Кевину. Надувная шина, спущенная и скомканная, успела уже отправиться в пятигаллонное пластиковое ведро из-под краски, заменявшее им мусорную корзинку. Кевин украсил ведро большой самоклеящейся ромашкой. — Стоит, конечно, качать мышцу малость порегулярнее. И наколки бы тоже не помешали. Племенной обычай.

— Кевин, я ровно ничего не понимаю ни в

серфинге, ни в виндсерфинге, ни в ничем. Я и в море-то, считай, не бывал. Пару раз в заливе Тампа — вот и все.

Время шло уже к десяти. У Кевина был выходной.

— Понимаешь, Берри, главное в нашей торговле — давать живое соприкосновение. Клиенту нужна информация — ты даешь информацию. Но заодно ты даешь ему живое соприкосновение. — Для иллюстрации Кевин постучал по двухдюймовой веретенообразной косточке. — И он покупает у тебя комплект.

— Да у меня и загара нет.

Глядя на Кевина, Райделл часто вспоминал коричневые мокасины, подаренные ему тетей на пятнадцать лет, — ну точно такая же кожа, что по цвету, что по текстуре. И ни при чем тут хромосомы, ни при чем ультрафиолет, вся эта роскошь получена и поддерживается уколами, таблетками и специальными лосьонами.

— Да, — согласился Кевин. — Загар — загар тебе потребуется.

Райделл знал, что Кевин не серфингует и никогда не серфинговал, зато он регулярно приносит из своего магазина диски и проигрывает их на гляделку, совершая одновременно полагающиеся

телодвижения, а потому может предоставить клиенту любую информацию в наилучшем виде. Ну и, конечно же, — живое соприкосновение. Дубленая кожа, накачанные в зале мышцы и эта самая кость в носу привлекали к Кевину много внимания, особенно со стороны женского пола, другой бы на его месте истаскался по бабам, а этот, вроде, воспринимает все спокойно.

Основным в магазинчике товаром была одежда. Дорогая, которая, считается, защищает и от ультрафиолета, и ото всякой дряни в воде. На нижних полках стенного шкафа стояли две картонки, битком набитые этим барахлом; Райделлу, оставившему в Ноксвилле почти весь свой гардероб, позволялось копаться в коробках и брать оттуда все что угодно.

Выбор был не ахти — виндсерфинговые модельеры тяготели к люминесцентным тканям, черной нанопоре и зеркальной пленке. Некоторые костюмы, прикольные, имели чувствительную к ультрафиолету надпись: «РАЗДВИНЬ ПОШИРЕ НОГИ». Стоило озоновому слою скиснуть посильнее обычного, как невидимая при нормальных условиях надпись начинала полыхать ярким оранжевым светом — в чем Райделл убедился во время вчерашнего похода на овощной рынок.

Они с Кевином занимали одну из двух спален маленького, в шестидесятых еще годах построенного домика. Располагался этот домик на Мар Виста; говоря нормальным языком, это значит «Вид на море», только никакого вида здесь не было, и моря — тоже. Кто-то когда-то разгородил спальню пополам листами сухой штукатурки. С Райделловой стороны перегородка была сплошь залеплена такими же, как на ведре, самоклеящимися ромашками и сувенирными стикерами из местечек вроде Мэджик Маунтин, Ниссан Каунти, Диснейленд и Скайуокер-парк. В доме было еще двое постояльцев — трое, если считать и китайскую девицу, но она жила малость на отшибе, в гараже, и ванная у нее тоже была там, отдельная.

Большую часть первой своей интенсекьюровской зарплаты Райделл истратил на надувной диван. Купил он его на рынке, в ларьке; там диваны были дешевле, к тому же ларек назывался «Надуйте нас» — смешно. Надувальная продавщица рассказала Райделлу, что надо в метро сунуть дежурному по платформе двадцатку, и тогда он пустит тебя в вагон со свернутым диваном. Диван был запакован в зеленый пластиковый мешок, вроде тех, которые для трупов.

Позднее, когда на руке у Райделла была эта самая шина, он провел на диване уйму времени — просто лежал и смотрел на стикеры. И думал: а вот тот парень, который их сюда прилепил, он и вправду бывал во всех этих местах? Эрнандес как-то предлагал Райделлу работу в Ниссан Каунти, у «Интенсекьюра» была лицензия на эту зону. А Диснейленд — там провели свой медовый месяц родители. Скайуокер-парк — это в Сан-Франциско, раньше он назывался Голденгейт. Райделл видел когда-то по телевизору, как его приватизировали — мордобой был, но небольшой.

— А ты пробовал какое-нибудь бюро по трудоустройству?

Райделл помотал головой.

— Этот звонок за мой счет, — сказал Кевин, подавая ему гляделку; белый шлем, какими пользуются дети для игр, и отдаленно не напоминал маленькие изящные очки Карен. — Надень, номер я сам наберу.

— Спасибо, — кивнул Райделл, — только зря ты беспокоишься, мне даже как-то неловко.

— Ну-у… — Кевин потрогал свою кость, — я же тоже заинтересован. А то чем ты за квартиру платить будешь?

И то верно. Райделл надел шлем.

— Итак, — вздернула носик Соня, — согласно нашим данным, вы закончили высшие курсы…

— Академию, — поправил Райделл. — Полицейскую.

— Правильно, Берри. Так вот, согласно тем же нашим данным, вы проработали затем всего восемнадцать дней и были отстранены от несения службы.

Соня выглядела как хорошенькая девушка из мультфильма. Ни единой поры на коже. Никакой текстуры, нигде. Зубы у нее были очень белые и казались монолитным объектом, чем-то, что можно вынуть целиком для серьезного изучения. Ни в коем случае не для прочистки — двумерные картинки не едят. И потрясающая грудь — именно такие сиськи и нарисовал бы ей Райделл, будь он гением мультипликации.

— Понимаете, — сказал Райделл, вспомнив невменяемые глаза Кеннета Терви, — я патрулировал и попал в неприятную историю.

— Понимаю, — бодро кивнула Соня.

И что же это она такое понимает? — подумал Райделл. А вернее — что может тут понять экспертная программа, использующая ее как балаганную куклу? А еще вернее — как она это понимает? Как выглядит такой вот, вроде Райдел-

ла, тип в глазах компьютерной системы бюро по трудоустройству? Хреново, наверное, выглядит.

— Затем вы переехали в Лос-Анджелес, и здесь, Берри, согласно нашим данным, вы проработали десять недель в корпорации «Интенсекьюр», отдел вооруженной охраны жилых кварталов. Водитель, имеющий опыт обращения с оружием.

Райделл вспомнил набитые ракетами обтекатели под брюхом полицейской вертушки. У них же, надо думать, и пушка была — эта, которая пятьсот снарядов в секунду.

— Да, — кивнул он.

— А затем вы уволились по собственному желанию.

— Ну, вроде.

Соня расплылась в радостной улыбке, словно Райделл стеснялся, стеснялся, а потом взял да и рассказал, что имеет докторскую степень и получил недавно приглашение работать в аппарате Конгресса.

— Ну что ж, Берри, — сказала она, — дайте-ка я секунду пораскину мозгами, — а затем подмигнула и закрыла огромные мультяшные глаза.

Ох, господи, подумал Райделл. Он попробовал посмотреть в сторону, но Кевинов шлем не давал периферийного зрения, так что ничего

там, в стороне, не было. Только Соня, да голый прямоугольник ее стола, да всякая мелочь, долженствующая изображать интерьер кабинета, да стена, украшенная логотипом бюро по трудоустройству. С этим логотипом за спиной Соня напоминала ведущую телеканала, который передает только очень хорошие новости.

Соня открыла глаза. Теперь ее улыбка не просто лучилась, а ослепляла.

— Ведь вы родом с Юга.

— Ага, — кивнул Райделл.

— Плантации, Берри. Акации. Традиции. Но, кроме того — некоторая сумеречность. Готический оттенок. Фолкнер.

— Фолк?.. Как?

— Фольклорный Кошм Арт, Берри, вот что вам нужно. Бульвар Вентура. Шерман-Оукс.

Кевин внимательно смотрел, как Райделл снимает шлем, как он пишет адрес и телефон на обложке последнего номера «Пипл». Журнал принадлежал Монике, китаянке из гаража, она неизменно печатала все свои газеты и журналы таким образом, что в них не было никаких скандалов и бедствий, но зато тройная порция описаний красивой жизни. С особым упором на быт и нравы британской аристократии.

— Ну, как, Берри, — с надеждой спросил Кевин, — есть что-нибудь?

— Может, и есть, — пожал плечами Райделл. — Место одно такое, в Шерман-Оукс. Зайду, посмотрю.

Кевин задумчиво потрогал свой бивень.

— Если хочешь, я тебя подвезу.

В витрине «Фольклорного КошмАрта» было выставлено большое «Отрешение от скорбей земных». Такие картины Райделл видел чуть не каждый день, чуть не у каждого торгового центра, — христианские проповедники украшали ими свои фургоны. Уйма автомобильных катастроф и прочих несчастий, уйма крови, души спасенных устремляются в небо, к Иисусу, чьи глаза, это уж правило, сверкают излишне ярко, смотришь на них и вроде как мурашки по коже. Но эта картина, фольклорно-кошмарная, была написана с большими подробностями, чем все, какие он видел прежде.

Каждая из спасенных душ имела свое, индивидуальное лицо, похоже, даже не просто из головы придуманное, а чье-то, реального какого-то человека — вон, тут же и знаменитости разные попадаются, кого по телевизору видишь. Жуткая картина и вроде как, ну, детская, что

ли, неумелая. Вроде как рисовал все эти ужасы то ли пятнадцатилетний ребенок, то ли некая почтенная леди, возомнившая себя на старости лет художницей.

Райделл попросил Кевина остановиться на углу Сепульведы и прошел два квартала назад, высматривая магазин. Рабочие в широкополых касках заливали основания для пальм. Райделл не знал, были тут до вируса настоящие пальмы или нет. Имитации вошли в моду, их теперь тыкали везде, где надо и не надо, может, и на Вентуре тоже так.

Вентура — одна из этих лос-анджелесских магистралей, у которых нет ни начала, ни конца. Райделл наверняка проезжал на «Громиле» мимо «Фольклорного КошмАрта» бессчетное число раз, но когда по улице идешь пешком, она выглядит совсем иначе. Во-первых, ты находишься в полном, считай, одиночестве; кроме того, так вот, на малой скорости, начинаешь замечать, сколько здесь обшарпанных, потрескавшихся зданий, сколько на них грязи.

За пыльными стеклами — пустота, груды пожелтевшей рекламной макулатуры, лужи, очень подозрительные лужи, ведь дождю туда не попасть. Минуешь пару таких развалюх, и на тебе, пожалуйста — заведение, предлагающее

солнечные очки по цене всего-то чуть большей, чем полугодовая квартплата за райделловские полкомнаты на Мар Виста. Судя по всему, очковая лавочка охранялась рентакопом.

«Фольклорный КошмАрт» располагался между почившим в бозе салоном по наращиванию волос и еле живой риэлтерской конторой, прирабатывавшей заодно и страховкой. Белая по черному вывеска: «ФОЛЬКЛОРНЫЙ КОШМАРТ — ЮЖНАЯ ГОТИКА» — явно написана от руки, буквы бугристые и волосатые, как лапки комара в мультфильме. Однако перед магазином стоят две очень неслабые машины — серебристо-серый «ренджровер», нечто вроде «Громилы», приодевшегося для школьной вечеринки, и антикварный двухместный «порше», сильно смахивающий на жестяную игрушку, из которой вывалился заводной ключик. Райделл обогнул «порше» по широкой дуге — такие хреновины чаще всего оборудованы сверхчувствительными охранными системами. Сверхчувствительными и сверхагрессивными.

Сквозь армированное стекло двери на него смотрел рентакоп — не интенсекьюровский, а какой-то другой фирмы. Райделл одолжил у Кевина плотные хлопчатобумажные брюки цвета

хаки, тесноватые, но зато во сто раз более приличные, чем те оранжевые шорты. Еще на нем была черная интенсекьюровская рубашка с еле заметными следами от споротых нашивок, стетсон и штурмовые ботинки. Райделл не был уверен, что черный с хаки — такое уж гармоничное сочетание. Он нажал кнопку. Рентакоп открыл дверь.

— У меня назначена беседа с Джастин Купер, — сказал Райделл, снимая солнечные очки.

— У нее клиент.

Рентакоп, плотный мужик лет тридцати, выглядел как фермер из Канзаса или еще откуда. Райделл посмотрел через его плечо и увидел костлявую женщину с темными волосами. Женщина разговаривала с толстым мужчиной, не имевшим вообще никаких волос. Пыталась ему что-то продать. Наверное.

— Я подожду, — сказал Райделл.

Ноль реакции. На поясе неразговорчивого фермера болталась мощная электрошоковая дубинка в потертом пластиковом чехле, законы штата запрещали ему иметь более серьезное оружие. И все-таки есть у красавчика ствол, как пить дать есть. Ну, скажем, эта самая гуманитарная помощь России американским хулиганам — маленький такой пистолетик с диким калибром и еще более

дикой убойной силой, предназначенный, по идее, для борьбы с танками. Русское оружие, не слишком безопасное в обращении, но зато простое, дешевое и эффективное, буквально затопило черный рынок.

Райделл огляделся по сторонам. Похоже, это самое «Отрешение» было главным коньком «Фольклорного КошмАрта». Такие вот христиане, говорил всегда Райделлов папаша, их же просто жалко. Ждали-ждали конца тысячелетия, а оно кончилось, и новое наступило, и никаких тебе особенных отрешений не произошло, а эти все долдонят свое, все лупят во все тот же старый, дырявый барабан. То ли дело соплеменники Саблетта — сидят себе в техасском трейлерном поселке и глазеют под водительством преподобного Фаллона в телевизор; над ними хоть посмеяться можно.

Он хотел посмотреть, что же это такое втюхивает дамочка своему жиряге, но встретился с ней глазами, смутился и начал слоняться по магазину, вроде как изучать товар. Да уж, товар… Целую секцию занимали тошнотворные веночки, сплетенные то ли из паутины, то ли из седых волос; вся эта мерзость была прикрыта стеклышками и помещена в овальные золоче-

ные, сильно потертые рамки. Рядом — широкий ассортимент проржавевших детских гробиков, из одного такого, наполовину наполненного землей, свешивались плети плюща. Кофейные столики, изготовленные из могильных плит — очень старых, с едва различимыми следами букв. Райделл задержался у кровати со столбиками из четырех железных негритят — в Ноксвилле такие, прости Господи, статуи стояли когда-то перед многими домами, но потом их запретили. На черных, словно ваксой надраенных, лицах намалеваны широкие красногубые улыбки, лоскутное покрывало сшито в виде конфедератского флага. Ценника Райделл не нашел, одну из негритянских задниц украшала желтоватая наклейка: «ПРОДАНО».

— Мистер Райделл? Ничего, если я буду называть вас Берри?

Узкий, как карандаш, подбородок, крошечный ротик, заставляющий серьезно задуматься: да сколько же у этой дамы зубов? Нормальный, в тридцать две штуки, комплект не забьешь туда никакой йогической силой. Коротко остриженные волосы похожи на коричневую, до блеска начищенную каску, черный просторный костюм, не слишком успешно скрывающий насекомое

телосложение. На Юге таких не встретишь — да чего там, они вообще не водятся к югу от чего бы то ни было. А уж напряжена-то, напряжена-то, прямо как рояльная струна.

Жирный вышел из магазина и остановился. Ну да, дезактивирует защиту своего «ровера».

— Ради бога.

— Вы из Ноксвилля. — Джастин Купер дышала медленно и размеренно, словно опасаясь гипервентиляции легких.

— Да.

— У вас почти нет акцента.

— Хорошо бы все так думали. — Райделл улыбнулся, ожидая встречной улыбки. И не дождался.

— А ваши родители, они тоже из Ноксвилля, мистер Райделл?

(Кой хрен, так что же ты не называешь меня Берри?)

— Отец вроде да, а мать откуда-то из-под Бристоля.

Выглядела Джастин Купер лет на сорок с небольшим; ее темные, почти без белков, глаза глядели прямо на Райделла, но как-то странно, безо всякого выражения, было даже не понять, видит она его или не видит.

— Миссис Купер?

Миссис Купер дернулась, словно за задницу укушенная.

— Миссис Купер, а что это за штуки такие, в старых рамках, ну, которые вроде венков?

— Памятные венки. Юго-Западная Виргиния, конец девятнадцатого — начало двадцатого века.

Пусть, подумал Райделл, поговорит о своем товаре, может — в чувство придет. Он подошел к венкам и стал их рассматривать.

— Похоже на волосы.

— Конечно, волосы, — дернула костлявым плечиком Джастин. — А что же еще?

— Человеческие волосы?

— Конечно.

— Так это что же, волосы умерших?

Теперь он заметил, что волосы разделены на пряди, завязаны крошечными, на манер цветочков, узелками. Тусклые, неопределенного цвета волосы…

— Боюсь, мистер Райделл, что я напрасно трачу ваше время. — Джастин осторожно шагнула в его сторону. — Беседуя с вами по телефону, я находилась под впечатлением, что в вас… ну, как бы это получше сказать… больше южного.

— Что вы имеете в виду?

— Мы продаем людям не только товар, но и определенное видение. А также некий мрак, тьму. Готическую атмосферу.

Мать твою так и разэтак. Ну, точно, как та кукла резиновая из бюро, то же самое дерьмо собачье, чуть не слово в слово.

— Скорее всего, вы не читали Фолкнера. — Она резко взмахнула рукой, отмахиваясь от чего-то невидимого, пролетевшего, похоже, мимо самого ее носа.

(Ну вот, опять за рыбу деньги!)

— Нет.

— Как я и думала. Понимаете, мистер Райделл, я пытаюсь найти человека, способного передать ощущение этой атмосферы, этой тьмы. Самую суть Юга. Лихорадочный бред сенсуальности.

Райделл недоуменно сморгнул.

— К сожалению, вы не внушаете мне такого ощущения.

И снова — охота на невидимую паутинку. Или зеленого чертика?

Райделл взглянул на рентакопа, но тот ничего не видел и не слышал. Кой хрен, он там что, совсем уснул?

— Леди, — осторожно начал Райделл, — да из вас же торговый менеджер, как из моей жопы

— соловей. У вас же совсем крыша съехала.

Брови Джастин Купер взлетели на середину лба.

— Вот!

— Ну что — вот?

— Краски, мистер Райделл. Жар. Сумеречная полифония, вербальное многоцветие немыслимых глубин распада.

Вот это, наверное, и называется «лихорадочный бред». Взгляд Райделла снова остановился на негрокойке.

— У вас же тут, думаю, и черные тоже бывают. Они как, не жалуются на такие вот штуки?

— Отнюдь! — сумеречная Джастин презрительно дернула плечиком. — Наши клиенты, в числе которых есть несколько весьма богатых афроамериканцев, прекрасно понимают, что такое ирония. А куда им без этого деться.

Интересно, какая тут ближайшая станция метро — и сколько до нее тащиться, до этой «ближайшей»? А Кевину Тарковскому так все и объясним — не вышел я, значит, рылом. Хреновый я южанин, не южный какой-то.

Рентакоп открыл дверь.

— Простите, миссис Купер, но не могли бы вы сказать, откуда вы такая родом? — обернулся

напоследок Райделл.

— Нью-Гэмпшир.

Дверь за его спиной закрылась.

— Долбаные янки, — сказал Райделл жестяному «порше». Любимое папашино выражение неожиданно заиграло свежими, яркими красками. Такое вот, дались оно конем, вербальное многоцветие.

Мимо прополз немецкий грузовик, длинный и суставчатый, словно гусеница. Только что не мохнатый. Райделл ненавидел эти машины, ходившие на растительном масле, — ну как это можно, чтобы выхлопные газы воняли жареной курицей?!

Глава 5

Бессонница

Сны курьера состоят из обжигающего металла, вопящих и мечущихся теней, тусклых, как бетонные надолбы, гор. Склон холма, похороны.

Сироты лежат в пластиковых светло-синих гробах. Цилиндр священника. Первая мина была полной неожиданностью, никто не заметил, как она прилетела с бетонных гор. Мина пробила все

— холм, небо, синий гроб, женское лицо.

Звук слишком огромен, чтобы вообще считаться звуком, и все же он не мешает им слышать запоздалые, только теперь долетевшие хлопки минометов; они смотрят на серую гору, там вспухают белые, аккуратные шарики дыма.

Словно подброшенный пружиной, курьер садится посреди широкой, как поле, кровати, в его горле застрял немой, оглушительный крик, слова языка, на котором он давно запретил себе говорить.

Голова раскалывается от боли. Он берет с тумбочки стальной графин и пьет тепловатую, безвкусную воду. Комната качается, расплывается, снова становится резкой. Курьер заставляет себя встать, идет, не одеваясь, к высокому старомодному окну. Раздвигает тяжелые занавески. Сан-Франциско. Рассвет, похожий на старое, потемневшее серебро. Сегодня вторник. Это не Мехико.

В белой ванной он жмурится от неожиданной вспышки света, плещет на онемевшее лицо холодной водой, трет глаза. Сон отступает, но оставляет после себя какой-то мерзкий осадок. Курьер зябко подергивает плечами, кафельный пол неприятно холодит босые ноги. Пьянка, шлю-

ха. Ну уж этот Харвуд! Декадент. Курьер осуждает декаданс. По роду работы он соприкасается с настоящим богатством, настоящей властью. Он встречается со значительными людьми. Харвуд — богатство, лишенное значительности.

Он выключает свет и бредет к кровати, все его внимание поглощено пульсирующей в голове болью.

Подтянув полосатое покрывало к подбородку, он вспоминает вчерашний вечер. В цепи событий обнаруживаются неприятные провалы. Вседозволенность. Курьер не любит вседозволенности. Вечеринка. Голос в телефонной трубке, инструкция, нужно идти к Харвуду. Он успел уже выпить несколько порций. Лицо девушки. Ярость, презрение. Короткие темные волосы скручены в острые, вздернутые кверху шипы.

Глаза стали огромными, не помещаются в глазницы. Курьер трет их и сразу же тонет в море ярких, тошнотворно зеленых вспышек. В желудке перекатывается холодный ком воды.

Он вспоминает себя за широким, красного дерева столом со стаканом под рукой. Это еще до вечеринки. До звонка по телефону. На столе лежат два футляра. Открытые, почти одинаковые. В одном хранится она. Другой — для того, что

ему доверили. Дорогой способ, но ведь хранящаяся в кассете информация просто бесценна, это курьер знает с абсолютной достоверностью. Он складывает графитовые наушники и защелкивает футляр. Затем он трогает пальцем футляр, хранящий все ее тайны, — и белый дом в горах, и блаженное, пусть и недолгое, спокойствие. Он рассовывает футляры по карманам куртки…

Курьер вздрогнул и напрягся, его желудок стянуло тугим узлом.

Он ходил в этой куртке к Харвуду. На вечеринку, почти не отложившуюся в памяти. Нет, отложившуюся, но с большими провалами.

Почти забыв о болезненных ударах в голове, он слезает с кровати, ищет куртку, находит ее на полу, скомканную.

Бешено стучит сердце.

Вот. Тот, который нужно доставить. Во внутреннем, застегнутом на молнию кармане. Остальные карманы, остальные карманы… Пусто.

Она исчезла. Курьер роется в одежде. Едва не теряя сознания от головной боли, он становится на четвереньки, заглядывает под кресло. Исчезла.

Ничего, утешает он себя, эта потеря восполнима. Он стоит на коленях, комкая в руках куртку. Нужно только найти дилера, специализирую-

щегося на подобном софте. К тому же последнее время она стала терять резкость.

Думая о ней, он смотрит на свои руки, расстегивающие внутренний карман, вынимающие футляр. В этом футляре хранится их собственность. Они доверили эту собственность ему. Он должен ее доставить.

Он открывает футляр.

Черная поцарапанная пластиковая оправа, кассета со стертым до полной неразборчивости ярлыком, желтые полупрозрачные наушники.

Курьер слышит, как в глубине его гортани образуется высокий, почти свистящий звук. Такой же, как много-много лет назад, когда упала первая мина.

Глава 6

Мост

Ямадзаки аккуратно отсчитал тридцать процентов чаевых, расплатился, открыл заднюю дверцу машины и с облегчением покинул бугристое, продавленное сиденье. Таксер, прекрасно знавший, какие они богатые, эти японцы, мрачно пересчитал грязные, потрепанные купюры,

а затем опустил три пятидолларовые монетки в треснутый термос, примотанный скотчем к облезлой приборной доске. Ямадзаки, никогда не бывший богачом, вскинул сумку на плечо, повернулся и зашагал к мосту. Лучи утреннего солнца косо прорезали прихотливое сплетение вторичных конструкций — картина, неизменно заставлявшая его сердце сжиматься.

Структура пролетов была строгой и гармоничной, как современная компьютерная программа, но на ней выросла иная реальность, ставившая перед собой иные задачи. Реальность эта образовалась по кусочку, без единого плана, с использованием всех, какие только можно себе представить, техник и материалов. В результате получилось нечто аморфное, расплывчатое, поразительно органичное. Ночью эти строения, освещенные цветными лампочками, факелами и старыми неоновыми трубками, обретшими в руках местных умельцев вторую жизнь, клубились какой-то странной средневековой энергией. Днем, издалека, они напоминали Англию, развалины Брайтонского пирса, перемешанные в некоем треснутом калейдоскопе местного стиля.

Стальной костяк моста, его туго напряженные сухожилия полностью терялись в коралловом

нагромождении горячечных снов. Татуировочные салоны, игорные ряды, тускло освещенные лотки, торгующие пожелтевшими, рассыпающимися на листки журналами, лавки с рыболовной наживкой и лавки с пиротехникой, крошечные, безо всяких лицензий работающие ломбарды, лекари-травники, парикмахерские, бары. Сны о коммерции затопили уровни моста, по которым двигались когда-то транспортные потоки. Выше, поднимаясь до самых вершин вантовых устоев, повисло невообразимое в своем разнообразии хитросплетение баррио,[123] птичьи гнезда никем не исчисленных, да, пожалуй, и неисчислимых людей.

Первое знакомство Ямадзаки с мостом произошло ночью, три недели назад. Он стоял в тумане, среди торговцев, среди фруктов и овощей, разложенных на одеялах, стоял и с гулко бьющимся сердцем смотрел в широкий зев пещеры. Рваная, скособоченная арка неоновых ламп окрашивала пар, поднимающийся над котлами торговцев супом, в адские, огненные тона. Туман размывал все очертания, люди и предметы плавно переходили друг в друга, сплавлялись воедино.

---

[123] Примечания: 123
Баррио — бедный (как правило, латиноамериканский) квартал

Телеприсутствие лишь в очень малой степени передавало магию, необычность, невозможность этого места; полный благоговения, Ямадзаки медленно углубился в неоновый лабиринт, в безудержный карнавал неведомо где найденных — или украденных — поверхностей, слепленных в калейдоскопически пестрое одеяло. Волшебная страна. Высеребренная дождями фанера, обломки мрамора со стен давно позабытых банков, покореженный пластик, сверкающая бронза, раскрашенный холст, зеркала, хромированный металл, потускневший и облезший в соленом воздухе. Так много всего, роскошный пир для ненасытных глаз; путешествие сюда не было напрасным.

Во всем мире нет и не может быть более великолепного томассона.

Сегодня утром он снова вступил в этот мир, в знакомую уже толчею тележек с мороженым и жареной рыбой, оглашаемую столь же знакомым дребезгом машины, пекущей мексиканские лепешки, и пробрался к кофейной лавке, напоминающей своим интерьером древний паром — темный исцарапанный лак по гладкому массивному дереву, словно кто-то и вправду отпилил

эту лавку целиком от заброшенного корабля. Что совсем не исключено, подумал Ямадзаки, садясь за длинную стойку. Подальше, к Окленду, за этим опасным островом, в бесконечной туше «Боинга-747» дружно обосновались кухни девяти таиландских ресторанчиков.

На запястьях официантки (хозяйки?) ярко синели татуированные браслеты в виде стилизованных ящериц. Кофе здесь подавали в чашках из толстого, тяжелого фаянса. Все чашки были разные. Ямадзаки вынул из сумки записную книжку, включил ее и бегло набросал свою чашку; сетка трещин на белой глазури напоминала миниатюрную кафельную мозаику. Отхлебывая кофе, он просмотрел вчерашние заметки. Сознание человека по фамилии Скиннер удивительно напоминало мост. К некоему изначальному каркасу постепенно прилипали посторонние разношерстные и неожиданные элементы; в конце концов, критическая точка была пройдена, и появилась совершенно новая программа. Новая — но какая?

Ямадзаки попросил Скиннера объяснить, каким образом происходило обрастание моста, создавшее вторичную структуру. Чем мотивировался каждый конкретный, индивидуальный

строитель? Записная книжка зафиксировала, транскрибировала и перевела на японский язык путаные, невнятные объяснения.

Вот тут этот мужик, он раз рыбу ловил, ну и крючок вроде как зацепился. Тянул-тянул, вытащил мотоцикл. Весь ракушками обросший. Люди смеялись. А он взял этот мотоцикл и построил закусочную. Бульон из ракушек, холодные вареные мидии. Мексиканское пиво. Повесил мотоцикл над стойкой. Всего три табуретки и стойка, и он выставил свою халупу футов на восемь за край, закрепил суперклеем и скобами. Стенки внутри заклеил открытками, вроде как дранкой. Тут же и спал, за стойкой. Раз утром смотрим, а его нет. Только и осталось что лопнувшая скоба да на стене цирюльни — несколько щепок, приклеены. У него там хорошо было, можно было смотреть вниз и видеть воду. Вот только слишком уж далеко он высунулся.

Ямадзаки смотрел на поднимающийся от кофе пар и пытался представить себе обросший ракушками мотоцикл — тоже, кстати сказать,

весьма примечательный томассон. «А что это такое — томассон?» — заинтересовался Скиннер; пришлось объяснить американцу происхождение, современный смысл и область применения этого термина, что и было зафиксировано записной книжкой.

Исходный Томассон был игроком в бейсбол. Американец, очень сильный и красивый. В 1982 году он перешел в «Иомиури Джайантс», за огромные деньги. Вскоре выяснилось, что он не может попасть битой по мячу. Писатель и художник Гемпей Акасегава стал использовать его фамилию для обозначения определенного класса бесполезных и непонятных сооружений, бессмысленных элементов городского пейзажа, странным образом превращающихся в произведения искусства. Позднее термин приобрел и другие значения, заметно отличающиеся от первоначального. Если хотите, я могу войти в справочник «Гендаи Иого Кисогисики», то есть «Основы понимания современной терминологии», и перевести на английский полный набор определе-

ний.

Однако Скиннер — седой, небритый, с красными пятнышками лопнувших сосудов на пожелтевших белках ярко-синих глаз — равнодушно пожал плечами. Ямадзаки успел уже проинтервьюировать троих местных, все они единодушно называли Скиннера старожилом, одним из первопоселенцев моста. Само расположение его комнаты свидетельствовало об определенном статусе — факт, мягко говоря, странный: неужели найдется много охотников жить у самой верхушки одного из устоев? До установки электрического лифта подъем на такую высоту мог вымотать кого угодно. Теперь, с поврежденным бедром, старик превратился в беспомощного инвалида, полностью зависел от соседей и этой девушки. Они приносили ему еду, воду, следили, чтобы работал химический туалет. Девушка получала за свои хлопоты крышу над головой, но было в ее отношениях со Скиннером и нечто более сложное, глубокое.

Трудно понять Скиннера, очень трудно, это связано с его возрастом либо со складом личности, либо и с тем, и с другим одновременно, а вот девушка, живущая в его комнате, просто хму-

рая и неразговорчивая. Ямадзаки уже привык, что почти все молодые американцы хмурые и неразговорчивые, возможно, они просто не хотят раскрываться перед иностранцем, японцем, который к тому же задает слишком много вопросов.

Он посмотрел вдоль стойки, на профили других посетителей. Американцы. То, что он действительно сидит здесь, пьет кофе рядом с этими людьми, казалось чудом. Необыкновенное ощущение. Ямадзаки начал писать в записной книжке, кончик карандаша негромко постукивал по экрану.

Квартира в высоком викторианском доме, построенном из дерева и тщательно покрашенном; все улицы этого района названы в честь американских политиков девятнадцатого века. Клей, Скотт, Пирс, Джексон. Сегодня утром, во вторник, покидая квартиру, я заметил на верхнем столбике лестничных перил следы снятых петель. Я думаю, что к этим петлям была когда-то подвешена калитка, преграждавшая путь детям. Затем я шел по улице Скотта, ловил такси и увидел на тротуаре мокрую от

дождя почтовую открытку. Узкое лицо великомученика Шейпли, ВИЧ-святого, покрылось неприятными пузырями. Очень печальное зрелище.

— Зря они так говорят, не нужно бы так. Это я, в смысле, насчет Годзиллы.

Ямадзаки озадаченно уставится в негодующее лицо официантки (хозяйки?).

— Извините?

— Не нужно было им так говорить. Про Годзиллу. Не над чем тут смеяться. У нас тут тоже были землетрясения, но вы же над нами не смеялись.

Глава 7

Чтобы все было о'кей

— Пошли на кухню, а то я еще не завтракал, — сказал Райделл.

Увидев Эрнандеса в цивильной одежде, он испытал нечто вроде потрясения, хотя чего тут, собственно, так уж потрясаться. На службе — форма, а после звонка носи что хочешь. Например, тускло-голубой безрукавный комбинезон и немецкие пляжные сандалии с пупочками на

стельках, которые, считается, все время массируют тебе ступни и ты от этого очень здоровый. На предплечьях Эрнандеса синели крупные римские цифры — грехи молодости, такого типа татуировки делают себе члены молодежных банд. Ступни у него были коричневые от загара и какие-то такие, ну, вроде как медвежистые.

Сейчас, во вторник утром, они были в доме одни. Кевин уехал в «Раздвинь пошире ноги», остальные тоже разошлись по своим делам, чем бы уж там они ни занимались. Про Монику неизвестно, может, сидит в своем гараже, а может, и нет, она с соседями не общается.

Райделл достал из буфета свой личный пакет кукурузных хлопьев, заглянул внутрь. На одну миску вроде бы хватит. Затем он открыл холодильник и взял с решетчатой полки литровую пластиковую флягу с жирной надписью красным маркером: «МОЛОЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ».

— Что это такое? — поинтересовался Эрнандес.

— Молоко.

— А зачем там написано «эксперимент»?

— Чтобы никто не выпил. Я придумал это еще в Академии, когда жил в общаге.

Он высыпал хлопья в миску, залил их молоком, нашел ложку и перенес все завтракательное

хозяйство на кухонный стол. Миску стол выдерживал, но ставить на него локти было нельзя — одна из ножек все время норовила подломиться.

— Как рука?

— Прекрасно.

Райделл снова забыл про своенравность стола и оперся о него локтями — по ободранному белому пластику потекла река молочно-кукурузной жижи.

— На, вытри. — Эрнандес отмотал от рулона длинный кусок бежевого бумажного полотенца.

— Это этого хрена, — заметил Райделл. — Он дико не любит, когда мы ими пользуемся.

— Полотенечный эксперимент, — ухмыльнулся Эрнандес, бросая Райделлу бумажный ком.

Райделл промокнул молоко и собрал большую часть хлопьев. Он не мог себе представить, чего это Эрнандесу здесь потребовалось; с другой стороны, он ровно так же не мог себе прежде представить Эрнандеса раскатывающим на белом «дайхацу спикере» с динамической голограммой водопада на капоте.

— Хорошая у тебя машина, — сказал Райделл, выскребая из миски остатки хлопьев.

— Дочкина. Роза откомандировала меня в ре-

монтную мастерскую.

Райделл прожевал хлопья, сглотнул.

— Что, тормоза, или что?

— В рот долбаный водопад. Там должны быть еще всякие мелкие зверюшки, они раньше вроде как высовывались из кустов и смотрели на него, на водопад то есть. — Эрнандес прислонился к стене, взглянул на пальцы, высовывавшиеся из пупырчатых сандалий. — Такие вроде как костариканские животины. Экология. Роза, она у меня насквозь зеленая. Заставила нас перепахать все, что осталось от газона, и посадила эти сберегающие грунт штуки — ну знаешь, которые вроде серых пауков. А в мастерской они не могут вытащить этих чертовых зверюг из кустов, не могут — и все тут, ну хоть тресни. У нас ведь и гарантия не кончилась, и все эти дела, а толку — хрен.

Он сокрушенно помотал головой.

Райделл покончил с хлопьями.

— А вот ты, Райделл, ты был когда-нибудь в Коста-Рике?

— Не-а.

— Потрясуха у них. Ну, прямо тебе Швейцария.

— Я и там не был.

— Да нет, я в смысле, что они делают с информацией. Точно как швейцарцы.

— Надежное хранение?

— Верно сечешь. Хитрые они ребята. У них же ни армии, ни флота, ни авиации, ни хрена, сплошная нейтральность. И они хранят для всех ихнюю информацию.

— Вне зависимости, что это за информация?

— Возьми с полки пирожок. Хитрые, говорю, ребята. И все заработанные деньги они тратят на экологию.

Райделл отнес миску, ложку и влажный полотенечный ком к раковине. Он вымыл миску и ложку, вытер их, запихнул ком поглубже в подвешенный к раковине мусорный мешок, выпрямился и взглянул на Эрнандеса.

— Нужна от меня какая-нибудь помощь?

— Наоборот, — улыбнулся Эрнандес, — это я хочу тебе помочь.

Странная у него была улыбочка, не вселяющая особых надежд.

— Я же тут все о тебе думал. В какое ты попал положение. Хреново это, точно говорю — хреново. Настоящим копом ты уже не будешь. Теперь, когда ты от нас уволился, я не смогу взять тебя обратно ни на какую работу, ни даже ворота где-нибудь сторожить. Ну, может, ты сумеешь устроиться в какую еще контору, назначат тебя

в винный магазин, будешь сидеть в конуре, как бобик. Устраивает это тебя?

— Нет.

— Вот и правильно, что не устраивает, ведь на такой работе угробить могут на хрен. Придет какой-нибудь придурок и разнесет эту твою конуру — В данный момент я веду переговоры насчет места в торговле.

— Не брешешь? Торговля? Чем торговать?

— Кровати, склепанные из чугунных садовых негритят. А еще — узоры, сплетенные из столетней давности человеческих волос.

Эрнандес сощурил глаза и направился к двери. Райделл решил, было, что бывший начальничек обиделся и уходит, однако тот просто начал разгуливать из угла в угол; дурацкая привычка, он и в «Интенсекьюре» всегда так. Развернувшись перед самой дверью, Эрнандес пошел прямо на Райделла.

— Вот такие мы, значит, крутые и все нам по хрену? Ты иногда таким себя мудаком ведешь, что я просто и не знаю. Кончил бы выкобениваться и подумал — а вдруг я и вправду хочу тебе помочь? — он снова зашагал к двери.

— А ты бы сказал в простоте, что ты там такое придумал.

Эрнандес остановился, повернулся к Райделлу, вздохнул.

— Ты ведь вроде никогда не бывал в Северной Калифорнии, верно? В Сан-Франциско бывал? Есть там кто-нибудь, кто тебя знает?

— Нет.

— «Интенсекьюр» имеет там лицензию, в Северной этой Калифорнии. Другой штат, другие законы, другое отношение к делу, прямо что тебе другая трижды долбаная страна, но у нас и там до хрена всего. Административные корпуса охраняем, гостиницы. Огражденные жилые кварталы — с этим там послабее, разве что в пригородах. «Конкорд», «Асьенда Бизнес-Центр», всякая такая мутотень. Это тоже на нас — не все, но большая часть.

— Так это ж та же самая шарага. Не берут меня здесь, так и в Сан-Франциско будет то же.

— Возьми второй пирожок, если там осталось. Никто и не говорит, чтобы тебя нанимать. Просто там есть один мужик, с которым можно договориться. Он работает вроде как сам от себя, свободный такой художник. У фирмы возникают иногда проблемы, и тогда они привлекают кого-нибудь со стороны. И этот мужик, он не интенсекьюровский. Гуляет сам по себе. Тамош-

няя наша контора, у них вот сейчас и возникли проблемы.

— Подожди, подожди. О чем мы, собственно, говорим? О вооруженной охране?

— Этот мужик, он ищейка. Знаешь, что это такое?

— Ищет людей, сбежавших от долгов, от просроченной квартплаты и все такое.

— Или ребенка, сбежавшего от родителей, или кого угодно. Но на такие дела в наше время ищеек почти не нанимают, теперь же компьютерная сеть. Посылай почаще запрос с фотографией в «Дейтамерику» и найдешь голубчиков как миленьких, не сегодня, так завтра. А то, — Эрнандес пожал плечами, — можно и к копам обратиться.

— А потому главная задача ищейки… — начал Райделл, вспомнив одну из передач «Влипших копов».

— Избавлять клиентов от необходимости обращаться к копам.

— Или в лицензированное сыскное бюро.

— Совершенно верно, — кивнул Эрнандес.

Райделл направился к двери; сзади по тусклому кафелю кухонного пола зашлепали немецкие пляжные сандалии. Только сейчас он почувствовал запах табака. Вчера на кухне кто-то курил

— нарушение условий аренды. Узнает хозяин — крику не оберешься. Хозяин, сербский эмигрант, ездил в дряхлом пятнадцатилетнем «БМВ», носил идиотские тирольские шляпы и откликался на имя Уолли. Зная, что Райделл работает на «Интенсекьюр», Уолли подвел его как-то к своему «БМВ» и вытащил из-под приборной доски хитрый электрический фонарик — здоровенную такую, больше фута длиной, штуку со специальной кнопкой, чтобы выдавать мощную струю перечного газа. Он спросил Райделла, как тот думает — «хватит» этого или «не хватит».

Райделл соврал. Он сказал Уолли, что люди, принимающие много «плясуна», они даже любят получить хорошую дозу хорошего перечного газа. Он им вроде как нос прочищает и мозги. Бодрости прибавляет. Они торчат на нем, на этом перце.

Войдя в комнату, Райделл взглянул под ноги и вдруг, после стольких-то недель, заметил, что ковер здесь точно такой же, как тот, по которому он ползал па карачках, тогда, еще в Ноксвилле, в квартире этой самой стервы, подружки сбрендившего Терви. Чуть почище, но все равно такой же. Странно, как он раньше-то не заметил.

— Послушай, Райделл, не хочешь, так и не надо, и слава богу. У меня выходной, отдыхать надо,

а я тут с тобой рассусоливаю. Ну да, понимаю, тебя кинули какие-то там хакеры, ты купился и среагировал слишком уж активно. Понимаю и сочувствую. Но так уж случилось, никуда от того не денешься, а я хочу тебе помочь и предлагаю, что уж могу — ничего другого у меня нет. И еще. Если ты справишься, поможешь фирме, об этом узнают в Сингапуре и тогда, может быть, что-нибудь изменится.

— Эрнандес…

— У меня сегодня выходной…

— Слушай, да я же не умею искать людей…

— Ты умеешь водить машину. А ничего другого и не надо. Ты будешь при нем, при этом сыщике, водителем. Сам он не может водить, ногу недавно покалечил. А тут дело такое, вроде как деликатное. Мозгами нужно ворочать. Вот я и сказал им, что ты, значит, ты справишься. Так вот прямо и сказал — сказал им, что ты справишься.

На кушетке валялся очередной подарок Моники — «Пипл», раскрытый на статье о Гудрун Уивер, сорокалетней актрисе, пришедшей к Богу благодаря стараниям преподобного Уэйна Фаллона. Большая, на целую страницу фотография: Гудрун Уивер лежит на диване, напряженно вглядываясь в здоровенную батарею телевизионных

экранов, на каждом из которых один и тот же древний фильм.

Райделл увидел самого себя со стороны: лежит мужик на надувном матрасе, тупо созерцая пластиковые цветочки и автомобильные стикеры.

— А там как, все чисто? Все по закону?

— По закону? — Эрнандес хлопнул себя по серо-голубому бедру; звук получился громкий, как пистолетный выстрел. — Мы же говорим с тобой о серьезных людях. Я же помочь хочу тебе, понимаешь? За кого ты меня держишь? Ну, на хрена стану я подбивать тебя на что-нибудь незаконное?

— Так что же я, собственно, должен делать? Просто явиться туда и сесть за баранку?

— Ну да. Машину водить, машину, сколько раз тебе говорить! Мистер Уорбэйби скажет куда, и ты его повезешь.

— Кто?

— Уорбэйби. Люциус Уорбэйби.

Райделл взял «Пипл», перелистнул страницу и наткнулся на фотографию Гудрун Уивер с преподобным Уэйном Фаллоном. Сорокалетняя актриса Гудрун Уивер выглядела как сорокалетняя актриса. Преподобный Фаллон выглядел как жирная крыса с чужими волосами и в смокинге

за десять тысяч.

— Этот Уорбэйби, он же, Берри, чуть не лучший в своей профессии, а может, и лучший. В рот долбаная звезда. Иначе б они его и не наняли. Будешь с ним работать — многому научишься. Ты же парень совсем молодой, мозги еще не заржавели, тебе только учиться и учиться.

Райделл бросил журнал на прежнее место.

— А кого они там ищут?

— Гостиничная кража. Кто-то что-то спер. А охрана там была наша. В Сингапуре из-за этого все на ушах стоят. Вот и все, больше я ничего не знаю.

Райделл стоял под парковочным навесом и вглядывался в мерцающие глубины голографического водопада, в туман, сочащийся между ярко-зелеными ветвями тропических деревьев. Красиво. Однажды он видел «харлей-дэвидсон», буквально кишащий мерзкими, в натуральную величину, насекомыми. По всей раме, кроме тех мест, где хромировка, — скорпионы, фаланги, мокрицы, да все что угодно, и все ползают, шевелятся.

— Видишь? — сказал Эрнандес. — Вот тут, где вроде как размыто. Тут, по идее, должен быть этот долбаный ленивец. Или лемур, хрен его знает.

Заводская трижды в рот долбаная гарантия.

— И когда я должен ехать?

— Вот, возьми номер. — Эрнандес сунул Райделлу клочок желтой бумаги. — Позвони, они тебе все скажут.

— Спасибо.

— Слышь, — сказал Эрнандес, — я же хочу, чтобы у тебя все было о'кей. Честно хочу. И ты только посмотри на это говно. — Он ткнул в капот «спикера». — В рот долбаная гарантия.

Глава 8

На другое утро

Шеветте спилось, что сильный боковой ветер сносит ее на встречную полосу; после поворота с Фолсом-стрит на Шестую стало легче — теперь мягкая невидимая рука подталкивала ее в спину. Она дважды проскочила на красный, у рынка едва-едва успела под зеленый и притормозила, чтобы не вылететь из седла, переваливая через рельсы.

Дальше самый трудный участок пути — крутой подъем по Тэйлора на Нобхилл; Шеветта пригнулась к рулю.

— Ну, давай! — скомандовала она себе. — Сегодня ты справишься.

За спиной — дружеская ладонь ветра, впереди, над вершиной холма, — голубое, безоблачное небо; отчаянно работая ногами, Шеветта перевела передачу, почувствовала, как цепь клацнула о зубья огромной, по специальному заказу сделанной звездочки, звездочки, слишком большой для ее велосипеда — для любого велосипеда. Крутить стало легче, и все равно она проигрывала, безнадежно проигрывала…

Шеветта закричала, встала на педалях и нажала из последних сил, ощущая, как остатки гликогена в крови превращаются в молочную кислоту. Вот она, вершина, совсем рядом…

Сквозь круглое окно, сквозь секторы разноцветного стекла в комнату Скиннера падают косые лучи солнца. Вторник. Утро.

На стене, сплошь заставленной пачками желтых, потрепанных «Нэйшнл Джиогрэфик», четко вырисовывается паутинный рисунок оконного переплета с двумя черными мохнатыми пятнами — два стекла вывалились, пришлось заткнуть дырки тряпками. Скиннер, одетый в старую клетчатую рубашку, сидит на кровати, чуть не до подбородка подтянув одеяло и спальник.

Собственно говоря, это не кровать, а массивная дубовая дверь, установленная на четырех ржавых колесных ступицах от «Фольксвагена» и застеленная пенкой. Шеветта спит на полу на другом, поуже, куске пенки, который она по утрам сворачивает и прячет за длинный деревянный ящик, до краев заваленный аккуратно смазанными инструментами. Запах смазки не покидает ее даже во сне, но Шеветта уже привыкла и почти его не замечает.

Выпростанную наружу руку обожгло ноябрьским холодом. Шеветта дотянулась до свитера, лежащего на деревянной, грубо покрашенной табуретке, затащила свитер к себе в спальник, влезла в него, для чего потребовалось минуты две извиваться ужом, и встала. Свитер свисал почти до колен, Шеветте приходилось непрерывно его поддергивать, чтобы растянутая пройма не соскользнула с плеч. Скиннер молчал — утром он всегда так.

Шеветта протерла глаза, вскарабкалась на пятую перекладину привинченной к стене лестницы, отодвинула, не глядя, засов и распахнула люк. Подняться на крышу, поздороваться с водой и с городом — непременный утренний ритуал, нарушавшийся только в редких случаях. Если

шел дождь или над заливом стоял густой туман, Шеветте приходилось сперва накачать примус — музейную редкость с ярко-красным бачком и латунной, дочерна закопченной горелкой. Обычно Скиннер делал это сам, но в сырую погоду он почти не вылезал из кровати, жаловался, что ноют все кости, особенно бедро.

Шеветта высунулась из квадратного отверстия и присела на край, свесив босые ноги в комнату. Солнце пекла уже в полную силу, серебристая дымка тумана таяла буквально на глазах. Скоро будет совсем жарко, черный прямоугольник крыши накалится, смоляной запах размягченного асфальта проникнет даже в комнату.

Скиннер показывал ей «Нэйшнл Джиографик» со снимками карьеров Ла-Бреа и бедных-несчастных зверюг, живших миллионы лет назад в тех местах, где теперь Лос-Анджелес, и утонувших в смоле. Вот так-то и добывают асфальт; асфальт — минерал, а не какая-то там гадость, изготовленная на химическом заводе. Скиннер любил точно знать, откуда что берется.

Куртка, которую он дал Шеветте, была сшита в ателье Д. Льюиса, на Грейт-Портленд-стрит. Это не здесь такая улица, а в Лондоне. Скиннер любил карты. К некоторым номерам «Нэйшнл Джиогр-

эфик» прилагались карты, и все изображенные на них страны были похожи друг на друга — большие, от края до края листа, пятна, выкрашенные одним цветом. Неимоверное множество стран, среди которых попадались и настоящие гиганты: Канада, СССР, Бразилия, — только этих, больших, теперь уже нет, они рассыпались по кусочку. То же самое, говорит Осиннер, происходит и с Америкой, хотя она и не хочет в этом признаваться. Вот, скажем, теперь две Калифорнии, а когда-то была одна, один большой штат.

Если посмотреть на комнату и на крышу, то комната вроде как больше, хотя она и забита всяким скиннеровским барахлом, а на крыше только-то и стоит, что ржавая металлическая тележка с парой рулонов толя, и размеры у них, у крыши и комнаты, конечно же, одинаковые — двенадцать футов на восемнадцать.

Слева, чуть подальше четвертой опоры, виднелся Остров Сокровищ, струйка дыма от горящего на берегу костра бесследно терялась в тумане. На самой опоре недавно установили здоровую штуку вроде купола, почти шар; треугольные секции сверкали, как начищенная латунь, но Скиннер объяснил, что это просто майлар, натянутый на деревянный каркас. У них там релейная станция,

штука такая, которая разговаривает со спутниками; надо сходить как-нибудь посмотреть.

Рядом, на уровне глаз, скользнула серая чайка.

Город выглядел точно так же, как и всегда: частокол административных башен — Шеветта знала их все по номерам, — а дальше холмы, похожие на спящих бегемотов. И гостиницу эту, ее тоже отсюда должно быть видно, раз оттуда был виден мост.

Вчерашний вечер грубо схватил Шеветту за загривок.

Она сама не верила, что умудрилась сморозить такую глупость. Футляр, вытащенный из кармана этого мудака, переместился в карман скиннеровской куртки, куртка же висит сейчас на железном крюке, сделанном в форме слоновой головы. И добро бы что интересное, а то очки — дорогие, судя по виду, и жутко темные, ничего сквозь них не видно. Гориллы, которые в вестибюле, просканировали на входе значки; с их точки зрения, она так до сих пор и торчит в той гостинице. Компьютер, конечно же, через какое-то время всполошился, начал ее искать. Если они запросят «Объединенную», можно сказать, что доставила пакет в восемьсот восьмой, а потом забыла про проверку на выходе и спустилась служебным

лифтом. И ни про какую там пьянку слыхом не слыхала, да и кто ее, собственно, там видел? Да нет, засранец этот видел. И помнит, наверное, не такой уж он был пьяный. И мог сообразить, что это она прихватила его очки. Может, даже почувствовал что-нибудь в тот момент.

Скиннер крикнул, что кофе готов, а вот яиц нет, кончились. Шеветта спрыгнула вниз, ухватилась на лету за верхнюю перекладину лесенки и повисла.

— Оставь мне кофе.

Она натянула черные бумазейные лосины и сунула ноги в ботинки, даже не позаботившись их зашнуровать, а затем открыла люк, который в полу, и вылезла наружу, все еще полная тревожных мыслей про этого засранца, про его очки и свою работу. Теперь вниз, по десяти стальным ступенькам, приваренным к опоре старого подъемного крана. Корзина на месте, там, где она оставила ее вчера. Велосипед тоже на месте, да куда же он денется, прикованный цепью к опоре, с охранной системой да еще с двумя дополнительными сиренами на всякий пожарный случай. Шеветта перевалила через высокую, по пояс, боковину желтой пластмассовой корзины и стукнула по кнопке.

Заскулил мотор; здоровенный зубец, удерживающий корзину на месте, убрался, и она заскользила вниз. Скиннер называл подъемник своим фуникулером. Только он не сам сделал подъемник, его сделал черный парень по фамилии Фонтейн, это когда Скиннеру стало трудно карабкаться наверх и вниз. Фонтейн жил на другом, оклендском, конце с двумя женщинами и целой оравой детей, на нем держалось чуть не все электрическое хозяйство моста. Время от времени он приходил к Скиннеру в своем длинном твидовом пальто с двумя чемоданчиками, по одному в каждой руке, — у него там лежали инструменты. Он смазывал подъемник, проверял и говорил: «Все в порядке». У Шеветты был записан номер, чтобы позвонить ему, если что сломается, но такого еще не было.

При остановке корзину сильно тряхнуло. Шеветта выбралась на деревянные мостки и пошла вдоль сплошной стены молочно-белого туго натянутого пластика, ярко подсвеченной изнутри галогенными лампами, испещренной тенями растений. Из-за стены доносилось неустанное бормотание воды в гидропонных грядках. Теперь за угол и вниз, к утреннему шуму и суете моста. Навстречу попался Найджел с одной из своих

тележек, самой новой. Работает уже, доставляет.

— Привет, Вета, — широко ухмыльнулся Найджел. Это он ее всегда так называет.

— Яичную бабушку не видел?

— Поближе к городу. — «Городом» был исключительно Сан-Франциско, а Окленд — просто «Земля». — Сильная штука? — он указал на тележку, малость придурочное лицо расцвело гордой улыбкой творца.

Черненая алюминиевая рама, тайваньские ступицы и ободья, новенькие, сверкающие спицы. Найджел ремонтировал велосипеды, среди его заказчиков были и курьеры «Объединенной» — те, которые все еще катались на металле. Ему не понравилось, когда Шеветта перешла на бумажную раму.

— Хорошая, — кивнула Шеветта, проведя пальцем по безукоризненно гладкому чернению.

— А это японское говно, оно еще не расслоилось?

— Ни в коем разе.

— Не расслоилось, так расслоится. Стукнешь посильнее, и разлетится твоя новомодная хрень, как стекло.

— Вот тогда я и приду к тебе, пожалуюсь.

— Тогда будет поздно, — покачал головой

Найджел; облезлый рыболовный поплавок, свисавший с его левого уха, дернулся и закрутился.

Расставшись с Найджелом — он покатил свою тележку в сторону Окленда, — Шеветта нашла старушку и купила у нее три яйца. Каждое яйцо было обернуто двумя большими сухими листьями какой-то травы. Фокус, волшебство. Эту упаковку не хотелось снимать, нарушать ее совершенство, а если уж снимешь, то никогда не завернешь яйца снова, и непонятно, как она это делает. Яичная старушка опустила пятидолларовую монету в маленькую сумочку, висевшую на костлявой шее. Зубов у нее не было, ни одного, от влажной щели запавшего рта радиально расходилась сеть глубоких, словно ножом прорезанных морщин.

Скиннер уже сидел за столом, больше похожим на полку, чем на стол, и пил кофе из стальной, сильно помятой термосной кружки. Вот так вот зайдешь, посмотришь, и он — ну разве это старик? Крупный мужик, ширококостный и совсем не такой вроде и старый. Седые волосы гладко зачесаны назад, на лбу — богатая, за долгую жизнь накопленная коллекция шрамов, вмятины всякие, борозды и пара черных пятнышек вроде татуировки: это где в рану попала какая-то

черная пыль, да так там и осталась.

Шеветта нарушила волшебство яичной старушки, развернула яйца и положила их в пластиковую миску. Скиннер тяжело встал со своего скрипучего стула, поморщился от боли в ноге. Взяв у Шеветты миску, он повернулся к примусу. Яичницу-болтушку Скиннер жарил без масла, на воде, говорил, что научился этому на каком-то корабле у кока. Яичница получалась хорошая, а что сковородку потом не отскребешь, так это уж не его забота. Оставив Скиннера заниматься яичницей, Шеветта подошла к висящей на слоновом крючке куртке и вынула футляр.

Совершенно непонятно, из чего он сделан; верный признак, что вещь дорогая. Что-то такое темно-серое, как карандашный грифель, и тонкое, как та же самая яичная скорлупа; и все-таки почему-то кажется, что по скорлупе этой хоть на грузовике катайся и ничего ей не будет. Вроде японской велосипедной рамы, которую Найджел хает. Как футляр открывать, это Шеветта сообразила еще вчера, — одним пальцем нажать сюда, другим сюда, и все в порядке. Никаких защелок, никаких пружин, ничего. И фирменной марки тоже нет, и номера патента. Внутри — что-то вроде черной замши, только это не замша, а какая-то

другая хрень, потолще, и мягкая, как поролон.

И очки, большие и черные. Вроде как у этого Орбисона на постере, приклеенном к стене над Скиннеровой кроватью, черно-белом постере. Скиннер говорит: если хочешь приклеить постер, чтобы навсегда, нужно брать не клей, а сгущенное молоко. Молоко из консервной банки. Теперь консервную банку днем с огнем не сыщешь, но Шеветта еще помнила, что это такое, а странный мордастый парень в черных очках вот так вот и был намертво приклеен к белой фанерной стене.

Шеветта вынула очки из футляра; черная, вроде замши, подстилка мгновенно спружинила, выпрямилась, превратилась в гладкую, без малейшей вмятины, плоскость.

Очки беспокоили Шеветту. И не только, что она их украла, а и вообще, странные они были какие-то. Слишком уж тяжелые, даже если учесть большие заушники. Оправа словно выточена из графита, а может, не «словно», а и вправду, вот ведь велосипедная рама: там бумажная серединка покрыта графитом, и это — самая современная технология, «Асахи Инжиниринг» иначе не работает.

Стук деревянного шпателя: Скиннер взбалтывает яйца.

Шеветта надела очки. Темнота, полная темнота.

— Кэтрин Хэпберн, — сказал Скиннер.

— А? — переспросила Шеветта.

— У нее тоже были такие вот очки. Большие.

Шеветта взяла зажигалку, лежавшую рядом с примусом, щелкнула и попыталась рассмотреть пламя сквозь одно из стекол. Фиг там.

— И для чего же они такие, для сварки?

Скиннер выложил ее долю яичницы па алюминиевую армейскую тарелку с отштампованным годом выпуска «1952», а затем поставил тарелку на стол, рядом с вилкой и уже налитой кружкой черного кофе.

— Ничего не видно, черные, и все.

Шеветта положила очки на стол, пододвинула табуретку, села и взялась за яичницу. Скиннер тоже сел и начал есть, время от времени поглядывая на Шеветту.

— Советский Союз, — сказал он, глотнув кофе.

— Чего?

— Вот так вот они делали солнечные очки в светлой памяти Советском Союзе. Два завода солнечных очков, и один из них такие вот все время и выпускал. И прямо на склад, ведь никто их не покупал, покупали нормальные, с другого завода.

Забили склад под самую крышу.

— Завод выпускал непрозрачные очки?

— Советский Союз, что ж ты хочешь.

— Они там что, были совсем с приветом?

— Не так-то все это просто… А где ты их взяла?

Шеветта взглянула на свою кружку.

— Нашла.

Она взяла кружку со стола, старательно глотнула.

— Работаешь сегодня?

Скиннер встал, заправил рубаху в джинсы, потрогал проржавевшую пряжку ремня, перевязанную для верности проволокой.

— С обеда до пяти.

Шеветта взяла очки со стола, взвесила их в руке. Да, слишком уж тяжелые.

— Нужно позвать кого-нибудь, чтобы проверил топливные элементы.

— Фонтейна?

Скиннер не ответил. Шеветта уложила очки на черную замшу, закрыла футляр, встала, собрала со стола посуду и отнесла к раковине. Искоса взглянула на футляр.

Выкинуть надо, подумала она, и дело с концом.

Глава 9

Когда дипломатия бессильна

В тот же день, поближе к вечеру, Райделл сел в Бербанке на конвертиплан «Кал-Эр». Фредди, мужик из Сан-Франциско, сказал: приходи на аэродром, я забронирую билет и оплачу. Пассажиры здесь были попроще, и «Кал-Эр» считала излишним баловать их компьютерными развлечениями. Противно пищали дети. Райделлу досталось место у окна. Внизу плыла россыпь огней, чуть размытая и радужная, — кто-то из предыдущих пассажиров прислонился к стеклу набриолиненной головой. Калифорнийская долина. Бирюзовые бездны плавательных бассейнов, подсвеченных из-под воды. Большая это теперь редкость — плавательный бассейн. Тупая боль в руке.

Райделл прикрыл глаза и увидел отца, стоящего у кухонной раковины их флоридского автофургона. В этот момент смерть уже вызревала в нем, превращалась в факт, какая-то грань была пройдена. Отец стоял у раковины, мыл стакан и говорил о своем брате. Дядя Райделла был на три

года младше отца и к тому времени пять лет уже как умер; однажды он прислал Райделлу из Африки футболку в пакете с мягкой, из пузырчатого пластика, подкладкой и с армейскими марками. На марках был один из древних бомбардировщиков, «B-52», и надпись: «КОГДА ДИПЛОМАТИЯ БЕССИЛЬНА».

— Как вы думаете, это что — Прибрежный хайвэй?

Райделл открыл глаза. Соседка чуть привстала и вглядывалась в затянутый бриолиновой пленкой иллюминатор. Старая, старше, чем был бы сейчас отец, и похожа на миссис Армбрастер из пятого класса.

— Не знаю, — сказал Райделл, — может быть. То есть, — добавил он, — мне они все кажутся улицами, я не здешний.

Любознательная соседка улыбнулась и снова втиснулась в узкое кресло. Ну, точно как миссис Армбрастер, такое же дикое сочетание твида и оксфордского хлопка, та же индейская накидка. Уж эти бодрые старушонки в крепких, на толстой подошве, ботинках!

— Никто из нас не здешний. — Морщинистая рука похлопала Райделла по коленке цвета хаки. («Да оставь ты себе эти брюки», — сказал Ке-

вин.) — Такие уж времена.

— Угу, — промычал Райделл, отчаянно нащупывая кнопку, опускающую сиденье, маленький стальной кружок, который поможет опрокинуться в некое подобие сна. Он снова закрыл глаза.

— Хорошо, что до Сан-Франциско так близко. Я лечу туда, чтобы перевести своего покойного мужа в одну из малых криогенных фирм, — не отставала «миссис Армбрастер». — В фирму, предоставляющую клиентам индивидуальные консервационные модули. Реклама называет их «салонами» — гротескно, не правда ли?

Райделл нашел кнопку и выяснил, что «кал-эровские» сиденья откидываются не больше чем на десять сантиметров.

— Он в крио — сколько же это? — уже девять лет, и все это время я с ужасом думаю, что его мозг болтается там, в этом гелии, вместе с сотнями других. Завернутый в фольгу. Ну, совсем как печеная картошка, верно?

Райделл открыл глаза. В данной ситуации не подходил ни один из возможных ответов.

— Или как кроссовки в сушилке, — сказала старуха. — Я понимаю, что все они насквозь промерзшие, и все равно вот как-то не чувствуется в этом настоящего, достойного упокоения.

Райделл разглядывал спинку переднего сиденья. Голый пластик. Серый. Безо всякого всего — телефона и того нет.

— Конечно же, эти маленькие конторы не могут обещать ничего нового в смысле грядущего пробуждения, но так будет пристойнее. Я уверена, что так будет пристойнее.

Молчать дальше было уже просто невежливо. Райделл повернул голову и, сам того не желая, встретился со старухой взглядом. Светло-карие глаза запутались в паутине тончайших морщинок.

— К тому времени, как он оттает — или что уж там они с ним в конечном итоге сделают, — меня к тому времени уже не будет, я не буду при этом присутствовать. Идея замораживания в корне противоречит моим принципам. Мы постоянно с ним спорили. Я не могла забыть о миллиардах мертвецов, о бесчисленных людях, умирающих в бедных странах. «Дэвид, — говорила я, — ну как ты можешь помыслить о таком, когда большая часть человечества не знает, что такое кондиционер?»

Райделл открыл рот. И снова закрыл.

— Лично я имею членский билет «Угасни в полночь».

Райделл не понимал выражения «членский билет», а вот что такое «Угасни в полночь», это он знал. Общество коллективной самоэвтаназии, запрещенное в штате Теннесси, только кто же сейчас смотрит на законы и запреты? Рассказывали, что они даже накрывают для врачей и санитаров скорой помощи стол — печенье обычно и молоко. Собираются группой в восемь-девять человек и — прямиком на тот свет. Никого не подводят, травятся хитрыми смесями лекарств, имеющихся в свободной продаже, ни стуку, ни грюку, сплошная благодать, вот они какие, эти УП. Упыри — так называют их санитары.

— Простите, пожалуйста, мэм, — сказал Райделл, — но мне просто необходимо немного поспать.

— Спите, юноша, спите, у вас и вправду очень усталый вид.

Райделл откинул голову на спинку, закрыл глаза и открыл их снова только тогда, когда резко изменился рев двигателей; конвертиплан шел на посадку.

— Томми Ли Джонс, — произнес черный парень. Его прическа напоминала перевернутый цветочный горшок, обвитый аккуратно выдавленной спиральной дорожкой. Нечто вроде

шрайнерской фески, только без кисточки.[124] Росту — пять футов, ядовито-желтая рубаха на три размера велика и разукрашена пистолетами всех существующих в природе систем, в натуральную величину, огромные темно-синие шорты болтаются ниже колен, круглые зеркальные очки со стеклами размером в пятидолларовую монету, длинные гольфы, кроссовки с крошечными красными светлячками по краю подошв.

— Обознался, — сказал Райделл.

— Не, мужик, ты выглядишь точно как он.

— Как кто?

— Томми Ли Джонс.

— Кто?

— Это, мужик, актер был такой.

Райделл на секунду решил, что этот парень тоже из последователей преподобного Фаллона. Вот даже очки — один к одному как Саблеттовы линзы.

— Ты Райделл. Мы прогнали тебя через «Двойника».

— Так ты — Фредди?

«Двойником» называлась полицейская про-

---

[124] Примечания: 124

Шрайнеры (от англ. shrine — святыня) — члены Древнего арабского ордена аристократов Таинственной Святыни (американская масонская ложа, образованная в конце XIX в.)

грамма, очень полезная при розыске пропавших. Сканируешь фотографию нужного тебе человека, получаешь на выходе фамилии полудюжины знаменитостей, а затем начинаешь опрашивать всех подряд, не попадался ли им в последнее время некто, хоть отдаленно напоминающий А, В, С… Странным образом, эта методика давала гораздо лучшие результаты, чем если попросту показывать людям снимок. В Ноксвиллской академии инструктор объяснял курсантам, что так в работу вовлекается отдел мозга, куда отложены сведения о знаменитостях. Райделл представлял себе этот отдел как специальный бугор, или там шишку, занимающуюся кинозвездами и ничем кроме. Интересно, неужели и вправду такие есть? Тогда понятно, почему Саблетт все фильмы наизусть знает, шишка у него большая. Только вот когда Райделла прогоняли через «Двойника» в Академии, получилось, что он точь-в-точь похож на Хауи Клактона, бейсболиста из Атланты, и никаких тебе Томми Ли Джонсов. Да и с Хауи Клактоном дело очень сомнительное, во всяком случае, сам Райделл не усматривал никакого сходства между собой и этим типом.

— Багаж есть? — спросил Фредди, протягивая Райделлу очень большую и очень мягкую ла-

донь.

— Только это. — Райделл подхватил свой «самсонит».

— А вон там мистер Уорбэйби.

Фредди указал кивком на одетую в полувоенную форму охранницу, проверявшую у пассажиров корешки билетов. Нет, не на охранницу, а чуть левее, где за барьером маячила чудовищная фигура негра, такого же широкого, как и сам Фредди, но раза в два выше.

— Большой человек.

— Угу, — кивнул Фредди, — и нам бы лучше поскорее, чтобы он долго не ждал. У мистера Уорбэйби болит нога, я говорил ему: да сидите вы в машине, но он буквально настоял, что придет сюда и встретит тебя лично.

По пути к турникету и пока охранница проверяла посадочный талон, Райделл внимательно изучал своего нового работодателя. Шесть с лишним футов, широкий, как шкаф, но главное, что огромный этот человек лучился огромным спокойствием — спокойствие, а еще какая-то такая печаль на лице. Черный телевизионный проповедник, которого отец смотрел в последние месяцы, вот у него было такое же лицо. Смотришь на этого проповедника, на его лицо, и чувству-

ешь, что он успел повидать все печальное дерьмо, какое только бывает, чувствуешь и вроде как начинаешь ему верить. Во всяком случае, отец верил. Может быть. Отчасти верил.

На негре было длинное пальто из оливкового, ромбиками простеганного шелка.

— Люциус Уорбэйби, — сказал он, вытаскивая из глубоких карманов огромные, Райделл таких в жизни не видел, ладони. В неимоверно низком голосе почти ощущались инфразвуковые гармоники. На старомодном, тяжелом, как кастет, кольце сверкала надпись алмазной крошкой по золоту: «УОРБЭЙБИ».

— Рад познакомиться, мистер Уорбэйби.

Рука Райделла утонула в гигантской черной клешне, его пальцы ощутили колкую шершавость алмазов.

Черный с загнутыми вверх полями стетсон сидел на голове Люциуса Уорбэйби ровно, как по ватерпасу, очки — прозрачные, без диоптрий, стекла в тяжелой черной оправе — не исполняли никаких функций, кроме чисто декоративных. Сквозь никчемные эти стеклышки печально глядели чуть раскосые глаза необычного, золотисто-коричневого оттенка. Китайские глаза, решил про себя Райделл. Или кошачьи.

Великий сыщик опирался на больничный, с регулируемой длиной костыль; его новехонькие черные джинсы были заправлены в зеркально начищенные ковбойские сапоги трех разных оттенков все того же черного цвета, под левой штаниной угадывались контуры углеродно-волоконной шины.

— Ты вроде бы прилично водишь машину. — В голосе Уорбэйби звучала черная, беспросветная тоска. — Хуанито говорит, ты не знаешь этих мест…

— Совершенно не знаю.

Райделл никогда еще не слышал, чтобы Эрнандеса называли Хуанито.

— Это хорошо, — продолжал Уорбэйби. — Значит, и тебя здесь не знают. Фредди, возьми у парня сумку.

Фредди с явной неохотой освободил Райделла от багажа. По его лицу можно было подумать, что «самсонитовская» сумка — нечто не совсем пристойное, с чем не стоит появляться на людях.

Украшенная кольцом рука опустилась на плечо Райделла. Создавалось впечатление, что кольцо это весит фунтов тридцать.

— Хуанито говорил тебе, чем мы тут занимаемся?

— Сказал, что гостиничная кража. Что «Интенсекьюр» привлек вас по контракту и…

— Да, вот именно, кража. — Судя по виду и голосу Уорбэйби, на нем лежала ответственность за все беды земные, и он твердо решил нести свое непосильное бремя до конца — каким бы ни был этот конец. — Нечто пропало. А теперь еще возникли… осложнения.

— Какие?

— Человек, заявивший о пропаже, умер, — тяжело вздохнул Уорбэйби.

В золотистых глазах — острый, настороженный блеск. Тяжелая, как гиря, рука убралась наконец с плеча Райделла.

— Умер? Каким образом?

— Убийство, — сказал Уорбэйби. Сказал тихо, печально, но очень отчетливо.

— Ты задаешься вопросом, откуда у меня такая фамилия, — сказал Уорбэйби, успевший уже втиснуть свое огромное тело на заднее сиденье черного фордовского «Патриота».

— Я задаюсь вопросом, в какую дырку засунуть ключ зажигания, — пробурчал Райделл, изучавший непривычную приборную панель. Американские производители упорно ставили на свои машины приборы, по одному на каждый

показатель, в то время как весь остальной мир давно перешел на дисплеи. Возможно, именно поэтому в мире так мало американских машин. И мотоциклов с ценной передачей, вроде «харлей-дэвидсона», тоже мало.

— Моя бабушка была вьетнамкой, — пророкотал Уорбэйби. Вот с таким, наверное, звуком скальная платформа, подпирающая Калифорнию, сдвинется однажды с места и ухнет куда-нибудь там в Китай. — А дедушка — из Детройта. Солдат. Привез ее из Сайгона, но потом они разбежались. Мой папа, его сын, сменил свою, то есть его, фамилию на Уорбэйби.[125] Жест такой. Дань чувствам.

— Угу, — промычал Райделл, запуская двигатель «форда» и проверяя трансмиссию. Для него Сайгон был местом, куда богатенькие ребята летают отдыхать.

Привод на все четыре колеса. Керамическая броня. Гудировские «стритсвиперы», хорошие шины, враз не простреляешь, разве что из очень серьезного оружия. Перед вентиляционной решеткой болтается картонный освежитель воздуха, сделанный в виде симпатичной такой

---

[125] Примечания: 125
Уорбэйби (англ.) — дитя войны

елочки.

— А насчет «Люциус» — этого я тебе сказать не могу.

— Мистер Уорбэйби, — раздраженно обернулся Райделл, — куда мы едем?

Негромко загудел вмонтированный в приборную доску модем.

— Мать твою, — присвистнул Фредди. — Ну что, суки, делают!

Райделл взглянул на выползавший из прорези факс. Толстый, абсолютно голый мужик на пропитанной кровью простыне. Лужа, море крови, не верится даже, что в человеке ее так много.

— Что это у него под подбородком? — спросил Райделл.

— Кубинский галстук.

— Нет, правда, что это? — Райделл говорил высоким, дрожащим, непривычным для самого себя голосом.

— Его собственный язык.

Фредди сорвал факс и передал его на заднее сиденье.

Райделл услышал шорох бумаги.

— Страшные люди, — сказал Уорбэйби. — Ужасно.

Глава 10

Современные танцы

Ямадзаки сидел на низкой деревянной табуретке и смотрел, как Скиннер бреется. Для такого случая Скиннер опустил ноги с кровати на пол; он выскребал лицо одноразовой бритвой, окуная ее время от времени в серый помятый алюминиевый тазик, зажатый между коленями.

— Бритва старая, — сказал Ямадзаки. — Вы не собираетесь ее выбросить?

Скиннер взглянул на пластиковую бритву, затем на японца.

— Дело в том, Скутер, что посте некоторого момента эти штуки больше не тупятся.

Он намылил и выбрил верхнюю губу. Первые дни Ямадзаки был «Кавасаки». А теперь вот — «Скутер». Выцветшие, полуприкрытые красными набрякшими веками глаза старика смотрели спокойно, равнодушно, однако Ямадзаки казалось, что Скиннер внутренне смеется.

— Вам смешно на меня смотреть?

— Сегодня — нет. — Скиннер уронил бритву в тазик, хлопья пены и седые волоски шустро

разбежались к краям. Поверхностное натяжение. — Во всяком случае, не так, как в тот день, когда ты гонялся за говешками.

Ямадзаки потратил недавно целое утро на составление схемы канализации группы жилищ, которую он называл про себя «квартал Скиннера». Прозрачные пятидюймовые шланги превращали это не очень аппетитное занятие в нечто вроде увлекательной детской игры. Ямадзаки выбирал какой-нибудь приметный ком отходов и следил, как тот движется от одного жилища к другому. Шланги свисали изящными, безо всякого порядка расположенными дугами, перепутывались, как нервные волокна, уходили в тысячегаллонный буферный бак, приваренный под мостом. Скиннер сказал, что, как только бак наполняется, ртутный выключатель, управляемый поплавком, приводит в действие струйный насос и все накопившиеся отбросы перекачиваются по трехфутовой трубе в городскую канализацию.

Интересный пример связи между автономной подпрограммой моста и программой города, есть о чем подумать, но сейчас гораздо важнее вытащить из Скиннера историю моста. Убежденный, что именно Скиннер обладает ключом к экзистенциальному смыслу моста, Ямадзаки

полностью забросил прямые физические исследования здешних, крайне необычных структур, чтобы проводить в компании старика как можно больше времени. Ежевечерне он отсылал собранные за день материалы на кафедру социологии Токийского университета.

Сегодня по пути к лифту он разминулся на лестнице с этой девушкой, она несла вниз велосипед. Девушка работает где-то в городе, курьером.

Важно ли, что Скиннер делит кров с особой, зарабатывающей хлеб свой насущный на этом архаичном перекрестке информации и топографии? Конторы, между которыми она мечется на велосипеде, объединены электронно, являются, по сути дела, одним огромным рабочим местом, все расстояния смазаны и упразднены монолитной системой, обеспечивающей мгновенную связь. Но ведь эту самую монолитность, благодаря которой материальная почта стала дорогостоящим капризом, можно рассматривать и как пористость, естественным образом создающую спрос на услуги, предоставляемые Скиннеровой жиличкой. Физически перенося клочки информации за пределами вездесущей, из той же самой информации состоящей Сети, она обеспечивает абсолютную, осязаемую надежность, нечто вроде

твердой опоры в текучем, безбрежном океане. Вы знаете, что посланное вами письмо находится в сумке курьера и нигде кроме; если обратиться к услугам электроники, в момент передачи текст окажется нигде, а может — везде.

Ямадзаки находил Скиннерову девушку с белыми крепкими ногами и воинственно вздернутым хвостиком черных, чуть рыжеватых, волос привлекательной, хотя и странноватой. Иностранка…

— Засыпаешь, Скутер?

Скиннер отставил тазик и привалился плечами к горе серых, чуть ли не плесневелых подушек. Фанерная, выкрашенная в белый цвет стена негромко скрипнула.

— Нет, Скиннер-сан. Но вы обещали рассказать мне про первую ночь, когда люди решили захватить мост…

Ямадзаки включил свою книжку на запись. Негромко и почтительно он произносил слова, специально подобранные, чтобы вызвать в собеседнике раздражение, развязать ему язык.

— Я ничего не обещал. Я уже говорил тебе, что… — руки Скиннера слегка подрагивали.

— Но ведь как-то это случилось.

— Случиться может все что угодно. Случилась

та ночь. Никаких планов, никаких сигналов и вождей. А вы думаете, что это была политика. Этот танец, мальчик, он давно закончился.

— Но вы говорили, что люди были готовы?

— Готовы, но не па все что угодно. Вот этого-то ты, похоже, и не понимаешь — верно? Мост — мост, он был здесь, но нам совсем не казалось, что он нас ждет. Ты понимаешь разницу?

— Я думаю…

— Ты думаешь жопой — и мысли у тебя соответственные.

Идиоматика Скиннера нередко приводила записную книжку в замешательство. К тому же он говорил не очень разборчиво, проглатывал куски слов. Экспертная система Осакского университета высказала предположение, что у данного субъекта повреждены ткани головного мозга, причиной чего может быть либо употребление низкокачественных наркотиков, либо микроинсульт. Сам же Ямадзаки думал, что Скиннер попросту слишком уж долго находился в сфере действия странного аттрактора, который и позволил мосту стать тем, чем он стал.

— Никто… — Скиннер говорил медленно, с расстановкой, словно подчеркивая значение своих слов. — Никто не использовал уже мост, ни для

какой цели. И не собирался использовать, ты понимаешь?

Ямадзаки кивнул, глядя, как на экран ложится перевод Скиннеровых слов.

— Землетрясение раздолбало его на хрен. Туннель к острову завалило. Здесь же зона тектонической неустойчивости. Сперва они говорили, что подождите, все отстроим, от нуля, лучше, чем раньше, а потом оказалось, что нет денег. Тогда они огородили его с обоих концов бетонными надолбами, кольчужной сеткой, колючей проволокой. А потом появились немцы, года, наверное, через два, и продали им нанотехнологию, как построить новый туннель. Дешевый, для машин и поезда на магнитной подушке одновременно. Ты не поверишь, как быстро они все сварганили — как только сумели уломать в законодательном собрании «зеленых», протащить проект. Ясное дело, это зеленое биотехническое лобби, оно заставило их выращивать секции в Неваде, в пустыне. Вроде как тыквы. Затем они притащили секции сюда вертолетами и покидали в залив. И соединили. Крошечные механизмы ползали там, как тараканы, скрепили все намертво, алле-оп! — и вот вам туннель. А мост — мост так и остался.

Ямадзаки затаил дыхание, опасаясь, что Скин-

нер потеряет нить рассказа. Он делал это часто и, похоже, намеренно.

— Была эта женщина, она все повторяла, что нужно засадить его ползучими растениями, виргинским плющом… Другие, они говорили: снесите его к чертовой бабушке, а чего его сносить, еще одно землетрясение, и сам упадет. Одним словом — стоял он, мост. В городах — уйма народу и негде жить. Картонные поселки в парках — так это еще кому повезет. Из Портленда привезли спринклеры, установили вокруг зданий. Обрызгивают все вокруг и не очень вроде сильно, но уже на землю не ляжешь, не захочется. Хреновый он город, Портленд этот, такую пакость изобрели… — Скиннер закашлялся. — А затем, однажды ночью, люди взяли и пошли. Теперь чего только не рассказывают, как это вышло. И дождь тогда хлестал — страшное дело. Не лучшая погода для бунта.

Перед глазами Ямадзаки стояли два пролета заброшенного моста, ливень, разбухающие, как на дрожжах, толпы. Он видел, как люди штурмовали заграждения, облепили кольчужную сетку. Как сетка не выдержала веса сотен тел и упала. Затем они полезли на устои, многие падали и разбивались, но остальные упорно карабкались

вверх. Утром насчитали больше тридцати трупов, вертолеты информационных агентств кружили вокруг стальных, облепленных людьми башен, как большие встревоженные стрекозы.

Ямадзаки много раз видел эти сцены у себя в Осаке, на экране видеомагнитофона, а Скиннер — он был там.

— Тысяча людей, а может, и больше. Это с нашего конца. И еще тысяча там, в Окленде. Мы пошли, потом побежали. Копы и не пытались нас остановить, да и чего бы ради? Чего там было сторожить? Просто у них был приказ предотвращать беспорядки, не позволять людям собираться большими толпами. У них и вертолеты были, светили на нас прожекторами, сверху, через дождь. Это нам только помогало. У меня сапоги были, такие, с острыми носами. Подбежал к сетке, она была высотой футов в пятнадцать. Вбил с размаху в нее сапоги и полез. Лезть на такую сетку очень просто, всегда есть опора для ног. Лезешь себе и лезешь. Я буквально взлетел наверх. Там колючка спиралями, но люди, которые сзади, подавали доски, куртки, спальники, все что угодно, чтобы накрыть колючку. У меня было такое чувство, словно я… ну, совсем ничего не вешу.

А у Ямадзаки было чувство, что он подобрался

к самому сердцу проблемы.

— Я прыгнул. Не знаю уж, кто прыгнул первым, я просто прыгнул. Ударился о бетон. Кричали, все кричали. На той стороне, в Окленде, тоже прорвали заграждения. Там сетка была пониже. Мы видели, как они бегут по мосту. Полицейские вертушки освещали их прожекторами, а еще у некоторых были сигнальные красные фонари. Они бежали к Острову Сокровищ. С того времени, как ушли военные моряки, там никого не было. Мы тоже бежали. Встретились посередине и заорали: «Ура!» — все вместе… — глаза Скиннера смотрели куда-то внутрь, в далекое прошлое. — А потом все пели — гимны, псалмы, да любую хрень. Толклись просто на месте и пели. Как сдуревшие. Я и многие другие, мы были под кайфом. И мы видели копов, как они прут с обеих сторон. Суки подлые.

Ямадзаки судорожно сглотнул.

— И что тогда?

— Мы полезли. На башни эти, на устои. На них же, понимаешь, ступеньки были приварены, чтобы малярам забираться. Ну, мы и полезли. К тому времени уже прилетели телевизионные вертолеты. Мы были сенсацией, нас показывали всему миру, а мы ничего не знали. Я так точно

не знал. А и знали бы, так нам бы все равно это по хрену. Мы просто лезли. А эти, с вертолетов, снимали и передавали все прямым эфиром. На другой день, потом, у копов была веселенькая жизнь, они же тоже засветились. Ребята падали, срывались и падали. Парень прямо передо мной, у него ботинки были обмотаны изоляционкой, чтобы подошва не отваливалась. Лента размокла, сползла, ноги соскальзывают. Прямо у меня перед мордой соскальзывают и соскальзывают, не увернешься — так каблуком в глаз… Сорвались у самого верха, обе сразу, ну будто договорились.

Скиннер замолк, словно прислушиваясь к отдаленному звуку. К удару тела о мостовую? Ямадзаки затаил дыхание.

— Когда лезешь наверх, сюда, — снова заговорил Скиннер, — первое, что надо запомнить, это не смотри вниз. Второе — чтобы всегда три точки опоры, отрывай от моста только одну руку или ногу, а остальными держись. А этот чудик, он этого не знал. Да еще в таких ботинках. Вот и полетел, спиной вниз. Не крикнул, не пискнул. Вроде как… ну… мужественно.

Ямадзаки зябко поежился.

— А я как лез, так и лез. Дождь кончился, рассвело. Вот тут и остался.

— И что вы при этом чувствовали?

— Чувствовал? — недоуменно сморгнул Скиннер.

— Ну, тогда — что вы сделали, когда взобрались наверх?

— Я увидел город.

Желтая люлька напоминала одноразовую пластиковую чашку, выкинутую великаном. Ямадзаки опустился Скиннеровым лифтом туда, где начиналась лестница, сделал шаг и замер. Из темной приоткрытой двери доносились шлепанье карт, женский смех, возбужденные голоса, говорящие по-испански, а над всеми этими звуками, не заглушая их, но лишь оттеняя, — ровный, неумолчный шум вечерней жизни. За огромными, изогнутыми, как надутые паруса, листами пластика — винно-красный закат, вечерний бриз доносит запахи пригорелого масла и древесного дыма, сладковатый аромат гашиша. Мальчишки в драных кожаных куртках сидят на корточках, передвигают гладкие, ярко выкрашенные камешки — фишки в какой-то непонятной игре.

Ямадзаки стоял не двигаясь, его правая рука лежала на деревянном поручне, испещренном дефисами аэрозольного серебра. Рассказ Скиннера гулом отдавался во всем окружающем, в тысяче

мелких деталей, в неумытых улыбках и кухонном дыме, словно звон колокола, слишком низкий, чтобы его восприняло неопытное ухо чужака.

Закончилось не столетие, думал он, и даже не тысячелетие, закончилось нечто другое. Эра? Парадигма? Везде приметы конца.

Кончалась современность.

Здесь, на мосту, она давно уже кончилась.

А что родилось взамен? Теперь он пойдет к Окленду, прощупывать странное сердце этого нового, народившегося.

Глава 11

Крути педали

Сегодня, во вторник, она была как в отрубе. Драйва не было, наката. Банни Малатеста, диспетчер, он-то сразу просек и загундосил:

— Шев, не пойми меня не так, но у тебя что, месячные или что?

— Иди ты на хрен.

— Слышь, я же только и хотел сказать, что сегодня ты не такой, как всегда, живчик, только и хотел сказать.

— Давай адрес.

— Миссури, шестьсот пятьдесят пять, пятнадцатый, приемная.

Взяла пакет, двинула на Калифорнийскую, пятьсот пятьдесят пять, пятьдесят первый этаж. Сдала, получила подпись на корешке — и назад. День, такой многообещающий вначале, превращался в серую тягомотину.

— Монтгомери, четыреста пятьдесят шесть, тридцать третий, приемная, поднимайся грузовым лифтом.

Вложив уже руку в опознавательную петлю велосипеда — замерла.

— А это еще почему?

— Они говорят, курьеры исцарапали надписями все пассажирские лифты. Так что — грузовой, иначе они вышвырнут тебя и отнимут допуск, а «Объединенная» разорвет контракт. Ты же не хочешь без работы остаться, нет?

Она вспомнила эмблему Рингера, вырезанную на стенке одного из пассажирских лифтов этого самого Монтгомери, четыреста пятьдесят шесть. Долбаный Рингер испоганил больше лифтов, чем кто-либо другой в истории человечества. Инструменты с собой специально таскает, совсем спсихел.

В четыреста пятьдесят шестом ее нагрузили

коробкой шире, чем по правилам, можно бы отказаться, но ничего, на багажник поместится, зачем передавать работу этим, с коляской? Отвезла, сдала, не успела выйти, как позвонил Банни, послал на Бил-стрит, пятьдесят, в кафе на втором этаже. Шеветта сразу догадалась, что там будет такое — дамская сумочка, завернутая в пластиковый мешок. И верно — коричневая кожаная сумка, кожа непонятная, то ли змеиная, то ли с ящерицы, а из угла какие-то зеленые стебельки торчат. Бабы всегда так — забудут свою сумку, потом вдруг вспомнят, звонят управляющему и просят: пришлите с рассыльным. Дают хорошие чаевые. Обычно. Рингер и некоторые другие, они обязательно пороются в сумке, нет ли там наркотиков, если есть — прикарманят. А вот я такого не сделаю, подумала Шеветта. И сразу же вспомнила этого засранца с его сраными очками…

Сегодня ей много не наработать. В «Объединенной» не было системы, что отвез пакет — тут же получаешь новый адрес и крути педали; за каждым заказом приходилось возвращаться в диспетчерскую. Иногда, конечно, повезет — что-нибудь, как сейчас, срочное, и звонят: возьми там, отвези туда, а потом еще раз и еще, тогда за день набирается много до ставок, но это редкость.

Курьеры «Объединенной» выкладываются до предела. Однажды Шеветта сумела сделать за день шестнадцать ездок, так это было все равно что сорок в другой фирме.

Она отвезла сумку на Фултон-стрит и получила две пятерки — после того как клиентка проверила, все ли на месте.

— По правилам, ресторан должен был сдать ее копам, — сказала Шеветта. — Мы не любим брать на себя ответственность.

Пустой, непонимающий взгляд сумковладелицы, какой-то секретарши или еще что. Шеветта спрятала пятерки.

— Алабама, двести девяносто восемь, — провозгласил Банни, словно преподнося ей бесценную жемчужину. — Хорошая разминка.

Ну да, пока туда доберешься — жопу до костей сотрешь. А потом — доставка, И сюда еще возвращаться, вот день и кончится. С такими маршрутами хрен что заработаешь.

И очки еще эти…

— Из тактических соображений, — сказала блондинка, — мы не одобряем использование насилия и черной магии в отношении частных лиц. Пока.

Шеветта только, что вернулась в контору, на

сегодня — все. Блондинка говорила с плоского Си-эн-эновского экранчика, повешенного над дверью диспетчерской. Лицо ее было затянуто чем-то вроде черного чулка с тремя треугольными дырками для глаз и рта. По нижнему краю экрана светились голубоватые буквы: «ФИОНА ИКС, ПОЛНОМОЧНАЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦА ФРОНТА ОСВОБОЖДЕНИЯ САУТ-АЙЛЕНДА[126]».

Залитый слепящим светом флуоресцентных ламп коридор насквозь пропах горячим стиролом, копировальным порошком и пропотевшей обувью. А еще — лежалыми объедками прихваченных из дома завтраков. Этот запах на мгновение воскресил в памяти Шеветты муниципальный детский садик в Орегоне, промозглую сырость неотапливаемого помещения, унылые лучи бесцветного зимнего солнца, косо падающие сквозь высокие, густо покрытые пылью окна. Безрадостные воспоминания длились недолго — хлопнула входная дверь, по металлическим ступенькам загрохотали шаги, через мгновение Шеветту догнал Сэмьюэл Саладин Дюпре. Огромные умопомрачительно красные кроссовки густо заляпаны грязью, подсохшие брызги той

[126] Примечания: 126

Саут-Айленд, или Южный Остров, — самый большой из островов Новой Зеландии

же самой грязи облепили широкое, от уха до уха улыбающееся лицо.

— Чего лыбишься?

Сэмми Сэл Дюпре, самая мощная и красивая двухколесная машина в штате «Объединенной», вне всякой конкуренции. Под шестью футами двумя дюймами черного электричества угадывается невероятного совершенства каркас, прочный, как легированная сталь, подвижный, как ртуть. Шеветте иногда казалось, что кости у Сэмми и вправду металлические — вроде как у этого парня из старого кино, которого перекалечили, а он сделал себе протезы и пошел в политику. Тело Сэмми вызывало у большинства девиц острое желание шлепнуться на спину и раздвинуть ноги — у большинства, но не у Шеветты, прекрасно знавшей, что Сэмми голубой. Не говоря уж о том, что последнее время она как-то утратила интерес к этому занятию.

— Правду говоря, — сказал Сэмми Сэл, стирая тыльной стороной ладони грязь со щеки, — я решил убить Рингера. А правда, как тебе известно,

дает свободу...[127]

— Ясненько, — кивнула Шеветта. — Тебя посылали сегодня в четыреста пятьдесят шестой.

— Да, лапа, да, именно так и было. На самую верхотуру, грязным служебным лифтом Грязным, еле ползущим служебным лифтом. А почему бы это, как ты думаешь?

— Потому что они обнаружили на своей драгоценной латуни и нежно любимом розовом дереве высокохудожественную резьбу некоего неизвестного им, но прекрасно известного нам мастера.

— Точнехонько, зайка. — Сэмми Сэл снял с шеи белую с синим бандану и вытер лицо начисто. — А потому этот придурок умрет в страшных мучениях.

— ..и обязан незамедлительно перейти к саботажу, — сказала Фиона Икс. — Каждый уклонившийся будет объявлен врагом человечества.

Дверь диспетчерской, увешенная сменными графиками, картами городских районов, мунистскими воззваниями и жалобами, полученными от клиентов по факсу, настолько плотно, что

---

[127] Примечания: 127

Сэмми ссылается на любимую песню борцов за гражданские и прочие права «Мы победим» (We Shall Overcome). В этой песне есть строчка. «Правда сделает тебя свободным». Фраза взята из Евангелия от Иоанна (8: 32) и в русском переводе звучит: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными»

Шеветта даже не знала, какая поверхность скрывается под этой многослойной бумажной массой, распахнулась. Банни, словно встревоженная черепаха, высунул в коридор покрытую шрамами, неровно выбритую голову, прищурился от яркого света и взглянул вверх, привлеченный агрессивным голосом Фионы Икс. При виде чулочной маски лицо Банни стало абсолютно безразличным, внутренний переключатель каналов в этой битой-лупленой башке сработал чуть ли не быстрее, чем глаза сфокусировались на экране.

— Ты. — Теперь он уставился на Шеветту. — Зайди-ка сюда.

— Не уходи, Сэмми, — сказала Шеветта. — Я сейчас.

Банни Малатеста мотался по Сан-Франциско на велосипеде тридцать лет кряду, мотался бы и дальше, не забарахли у него суставы и позвоночник. Работать с ним было очень хорошо — и, одновременно, очень плохо. Хорошо потому, что велосипедная карта города, хранившаяся в его щербатой репе, далеко превосходила все, что может вывести на экран компьютер. Банни знал каждое здание, каждую дверь, повадки всех охранных служб, знал курьерское дело насквозь. Более того, он знал весь курьерский фольклор,

всю неписаную историю; слушая его рассказы, ты ощущал себя частью чего-то большого, хотя иногда и бредового, чего-то такого, что стоит делать. Да он и сам был живой легендой. Банни, ослепивший за свою карьеру семь полицейских машин — рекорд, до сих пор никем не побитый. Плохо — по тем же самым причинам, такому профи лапшу на уши не повесишь. Любого другого диспетчера можно было задурить, только не Банни. Он все знал и не давал никаких послаблений.

Банни подождал, пока Шеветта войдет в диспетчерскую, и закрыл дверь. На его жилистой шее болтались старые, скрепленные прозрачным скотчем наглазники. Окон в тесной конуре не было, лампы не горели — Банни считал, что ему вполне достаточно света, исходящего от полудюжины цветных мониторов, расставленных полукругом перед его черным вращающимся креслом. Патентованная медицинская подушка, привязанная к спинке кресла, напоминала розовую, чудовищно раздувшуюся гусеницу.

Банни потер спину, чуть повыше крестца, и болезненно сморщился.

— Позвонок проклятый, — сказал он не то чтобы Шеветте, а так, никому.

— Попросил бы Сэмми Сэла вправить, — посо-

ветовала Шеветта. — У него здорово получается — хрустнет и на месте.

— Спасибо, у меня уже один раз хрустнуло. А теперь расскажи, чем ты занималась вчера в «Морриси». Пустяковый вопрос, тебе ведь нечего скрывать.

— Доставляла пакет, сказала Шеветта, переходя в автоматический режим, как всегда, когда появлялась необходимость убедительно соврать. Она ожидала чего-то подобного, но не так же скоро.

Банни неторопливо снял наглазники с шеи, отключил их, положил на один из мониторов.

— А чего же это ты не отметилась на выходе? Охранники звонят мне, говорят, что ты вошла — точно вошла, они просканировали значки — и пропала. Испарилась. Слушайте, ребята, говорю я им, сейчас ее в вашей гостинице нету, я это точно знаю, потому что видел эту красавицу здесь собственными глазами, только что послал ее на Алабама-стрит.

Он внимательно следил за реакцией Шеветты.

— Понимаешь, Банни, без запинки заговорила Шеветта, — это ж была последняя ездка, я торопилась, а велосипед остался на подземной стоянке. Увидела служебный лифт, идущий вниз, и вскочила, чтобы напрямую. На выходе, конеч-

но же, нужно отмечаться, но я решила, что там, на выезде, тоже кто-нибудь стоит. Поднялась по пандусу, а там никого, а сзади машина едет, ну я и рванула на улицу. Мне что, нужно было вернуться и отметиться?

— Да, и ты сама это знаешь. Такие правила.

— Спешила я, поздно уже было.

Банни опустился, покряхтывая, в свое гусеничное кресло, чуть расставил колени, накрыл их большими, мосластыми грабками и уставился на Шеветту. Очень на него, на Банни не похоже. Что-то его сильно беспокоит. Что-то серьезное, а не просто вопли этих горилл, что нельзя выходить без регистрации.

— Как поздно?

— Чего?

— Они спрашивают, когда ты вышла.

— Минут через десять после того, как вошла. Максимум через пятнадцать. Ну, еще в подвале задержалась, пока стоянку искала, там такие ходы-выходы, черт ногу сломит.

— Ты вошла, сказал Банни, — в шесть тридцать две и восемнадцать секунд, время отмечено при сканировании. Они поговорили с адвокатом этим, с клиентом, и знают, что пакет ты доставила. С его лица не сходила все та же странная

озабоченность.

— Да о чем, собственно, шум? Ну, скажи им, что я проскочила, нарушила, что ты выпорешь меня по заднице.

— Ты никуда больше не заходила? В гостинице этой?

— Заходила. — По телу Шеветты пробежала волна странной холодной дрожи. Сейчас будет пройдена черта, из-за которой нет возврата. Я же говорю, что отдала этому мужику пакет.

— Не думаю, чтобы их так уж волновал твой пакет, — раздраженно бросил Банни.

— Так в чем же дело?

— Слушай, Шев, — он говорил медленно, с расстановкой, словно втолковывая глупому ребенку азбучные истины, — звонок от охранника — это одно дело. «Извините, шеф, мы не допустим, чтобы такое повторилось». Но этим делом занялся кто-то из руководителей охранной фирмы «Интенсекьюр» — так она называется, — и он позвонил прямо Уилсону. В результате мне нужно разбираться не только с мистером Охранником, но еще и с хозяином нашей фирмы. Мне придется просить Грассо, чтобы тот прикрыл меня на совете директоров, а у Грассо, конечно же, все выйдет сикось-накось.

— Банни, — сказала Шевётта, — мне очень жаль, что так вышло.

— Ну да. Тебе очень жаль. Мне тоже очень жаль, только вот сейчас, прямо сию минуту, какой-то там сраный самый главный рентакоп допрашивает с пристрастием долбаного Уилсона, чем же это таким занималась ты после того, как отдала адвокату пакет. И на каком ты здесь счету, и как долго ты работаешь на «Объединенную», и имела ли ты дела с полицией, и не замечена ли в употреблении наркотиков, и где ты живешь.

Шевётта отчетливо увидела засранцевы очки — Скиннерову комнату и черный футляр, спрятанный за пачку «Джиогрэфиков» с цифрами 1997 на тонких желтых корешках. Она попыталась извлечь их оттуда мысленным усилием. Сквозь люк, на пахнущую смолой крышу, направо и через край. Сбросить это дерьмо в залив, где ему самое и место. Но нет, очки лежали на прежнем месте. Утром нужно было, ручками.

— Ведь это ненормально, — сказал Банни. — Ты понимаешь, о чем я?

— Они спросили тебя, где я живу? Что ты им ответил?

— Где-то на мосту. — По лицу Банни скользнуло бледное подобие улыбки. — Не слишком-то точ-

ный адрес, верно?

Он крутнулся на кресле и начал выключать мониторы.

— Банни. — Голос Шеветты предательски подрагивал. — Что они теперь сделают?

— Найдут тебя, — пожал плечами Банни, все еще занятый своими мониторами. — Здесь. Больше им некуда идти. Ты ведь ничего такого не сделала, верно?

На его затылке пробивалась седая щетина.

— Нет, — все так же, на автопилоте. — Нет… Спасибо, Банни.

Банни хмыкнул нечто неопределенное, на чем беседа и закончилась. Теперь Шеветта думала об одном — как поскорее попасть домой. С бешено бьющимся сердцем она планировала кратчайший путь, мысленно проскакивала под красный свет, почти не замечала окружающего — ярко освещенный коридор, лестницу, дверь. Нужно выкинуть эти очки, избавиться от них, нужно…

Сэмми Сэл прижал Рингера к синему мусорному контейнеру. В рудиментарном сознании Рингера постепенно проступало нечто вроде тревоги.

— Слышь, я ж тебе ничего не сделал.

— Сколько раз тебе говорили: не корябай лифты! А ты снова за свое.

— Но я ж ничего не сделал тебе!

— Причинно-следственный ряд, Загреба. Чрезмерно сложная для тебя концепция, но ты все равно попробуй врубиться: если ты кому-нибудь насрешь, неизбежно насрут и тебе. Ты поганишь лифты клиентов — мы устраиваем козью морду тебе. Круговорот говна в природе.

Сэмми Сэл накрыл ободранный шлем Рингера левой ладонью, дернул с поворотом вверх. У кого другого такой номер не вышел бы, но в длинных коричневых пальцах Сэмми шлем умещался совсем легко, как баскетбольный мяч.

— Ничего не сделал! — придушенно хрюкнул Рингер.

Шеветта проскочила мимо них, прямо к велосипедной стоянке. Глухую стену над стоянкой украшала роспись — огромный портрет Шейпли. Кто-то залепил великомученику в глаз солидную дозу серо-голубой краски, кривые голубоватые струйки исполосовали всю правую щеку.

— Шеви, — окликнул Сэмми Сэл, — иди сюда. Давай, подвергнем этого говноеда адским пыткам.

Сунув руку в опознавательную петлю, Шеветта попыталась вытащить свой велосипед из путаницы молибденовой стали, графита и арми-

рованного пластика. Прочие велосипеды дружно заорали; на фоне оглушительных взвизгов, сумасшедшего звона и страдальческих завываний шипящий, ненавидящий голос извергал поток самой грязной испанской похабели. Шеветта поставила ногу на педаль, вскочила в седло и рванула вперед, успев краем глаза заметить, как Сэмми Сэл выпустил, вернее сказать — выронил Рингера.

Выехав на улицу, она обернулась. Сэмми Сэл уже выхватил со стоянки свой велосипед — розовое в черную крапинку чудовище; при первом же повороте педалей ободья колес вспыхнули призрачным фиолетовым светом.

Сэмми решил составить ей компанию. Нашел моментик.

Шеветта рванула изо всех сил.

Крути педали. Крути педали, пока не дали.

Как в том, утреннем сне, только — гораздо страшнее.

Глава 12

Контролируемые движения глаз

А тут, похоже, не соскучишься, подумал Рай-

делл, разглядывая Шитова и Орловского. Серьезные ребята эти сан-францисские копы, настоящие профи. Супертяжеловесы. В любом полицейском департаменте отдел расследования убийств — самый важный.

И вот, пробыв в Северной Калифорнии всего ничего, каких-то сорок восемь минут, он уже пьет кофе за компанию с ребятами из убойного отдела. Точно, без балды. Если не считать того, что ребята эти пьют не кофе, а чай. Из стаканов. С диким количеством сахара. Райделл сидел у самого конца стойки, рядом с Фредди. Фредди пил молоко. Дальше си цел Уорбэйби, так и не снявший свою шляпу, потом Шитов и, наконец, Орловский.

Шитов почти не уступал в росте Люциусу Уорбэйби, но при этом состоял из сплошных сухожилий и широких выпирающих мослов. У него была массивная голова с широким лбом, длинными льняными волосами, гладко зачесанными назад, и бледными бровями; полупрозрачное костлявое лицо, туго обтянутое розоватой блестящей кожей, выглядело так, словно он только что отошел от костра. На макушке тощего смуглого Орловского намечалась лысина, у него были цепкие, густо поросшие черным волосом пальцы и очки с перепиленными пополам стеклами.

Глаза обоих копов испускали какую-то невидимую, но почти реальную, осязаемую хрень, которая пришпиливала тебя к месту, не давала пошевелиться, проникала тебе в самое нутро и лежала там, тяжелая и тусклая, как свинец.

«Десенсибилизация оппонента посредством контролируемых движений глаз» входила в учебный план Полицейской академии, но Райделл так и не научился этим фокусам — то ли способностей не хватало, то ли мало старался. Профессор Багли, заведовавший до выхода на пенсию кафедрой психологии преступности Дьюковского университета, не столько читал лекции, сколько рассказывал курсантам байки о маньяках, проходивших через его руки в Дьюке, об автоэротичных самодушителях и прочей белиберде. Кроме того, этот курс стоял в расписании очень неудачно — между «Захватом вооруженного преступника» и «Имитатором огневого контакта». Занятия по «Захвату преступника» проводили попеременно разные инструкторы, и все они, словно сговорившись, отводили Райделлу роль захватываемого преступника. Райделл не понимал, почему так получается. В результате он приходил на следующую лекцию перевозбужденный, не мог толком сосредоточиться на

поучениях Багли, а уж последующая работа на ИОКе начисто выбивала из его головы даже то немногое, что успело там чудом застрять. ИОК — это нечто вроде компьютерной игры, только с использованием настоящего оружия.

Подсчитав результат, ИОК демонстрировал тебе раны — как раны противника, так и твои собственные — и просил решить, от чего загнулся проигравший — от потери крови, болевого шока или гидравлического удара. Поработав пару раз на ИОКе, некоторые курсанты начинали вздрагивать и заикаться, Райделлу же все было как с гуся вода. И не то чтобы он любил насилие или был безразличен к виду крови, просто работа на тренажере требовала скорости и внимания, не позволяла отвлекаться на посторонние мысли, а экранную кровь он воспринимал именно как экранную, ненастоящую кровь. За все про все, курсант Райделл так и не научился строить глазки противникам, или напускать на них сглаз, или как уж там эта плешь называется. Вот лейтенант Шитов — у того был явный талант, да и напарник его зыркал поверх своих перепиленных гляделок вполне убедительно. Впрочем, лейтенанту Орловскому было проще — он и так сильно смахивал на вурдалака.

Райделл с интересом изучал одежду сан-францисских копов. Под светло-бежевыми плащами — черные бронежилеты, под бронежилетами — белые рубашки и галстуки. Рубашки английские, на пуговках, а галстуки полосатые, вроде как намекающие на принадлежность к какому-нибудь там клубу. Брюки с обшлагами, ботинки из пузырчатой кожи, на толстой рифленой подошве. Такие рубашки, галстуки и ботинки не носит практически никто, разве что иммигранты, косящие под стопроцентных американцев. Однако в сочетании с броней и поношенными английскими дождевиками картина получается совсем иная. Округлая пластиковая рукоятка пистолета «хеклер-и-кох», выглядывающая у Шитова из-под расстегнутого жилета, смотрелась тоже весьма внушительно. Какая модель — враз и не сообразишь. Одна из этих новомодных штучек с магазином поверх ствола. Использует безгильзовые боеприпасы, смахивающие на восковые карандаши, — стрелы из твердого сплава, облепленные пластичным порохом.

— Если бы вы, Уорбэйби, рассказали нам все, что вы уже знаете, наша беседа стала бы значительно продуктивнее.

Шитов окинул взглядом крошечное кафе и

вынул из кармана пачку «Мальборо».

— В этом штате курение запрещено, — со злорадным наслаждением процедила официантка, крупная баба с огромной копной черных волос.

И кто же это ходит в такие забегаловки? — подумал Райделл. Ну, разве что, какой несчастный, отстоявший ночную смену у станка, вымотавшийся до такого состояния, что нету уже сил поискать что-нибудь получше. А тот, кто уж совсем невезучий, может получить в дополнение к завтраку еще и эту красавицу.

Шитов пригвоздил официантку к месту десятикиловольтным полицейским взглядом, вытащил из-под бронежилета бляху на тонком нейлоновом шнурке, продемонстрировал ее и небрежно уронил себе на грудь. Судя по стуку, под белой рубашкой скрывалась еще одна, дополнительная броня.

— Вот зайдут сюда двое мормонов из дорожного патруля, — прошипела официантка, — вот им и показывай. И я посмотрю, что они тебе на это скажут.

Шитов зажал сигарету губами.

В руке Уорбэйби появился кусок золота размером с противотанковую гранату.

Над устрашающим предметом возник бледно-

голубой язычок пламени.

Уорбэйби поднес пламя к сигарете полицейского.

— Зачем это вам, Уорбэйби? — спросил Шитов, разглядывая зажигалку. — Вы что, тоже курите?

— Курю все что угодно, кроме этих китайских «Мальборо», — скорбно признался Уорбэйби. — В них же сплошная стекловата.

— С чего это? — удивился Шитов. — Американская марка, лицензионное производство.

— За последние шесть лет в нашей стране не было изготовлено ни одной легальной сигареты, — похоронным голосом сообщил Уорбэйби.

— «Маль-бо-ро». — Шитов вытащил сигарету изо рта, ткнул пальцем в буковки, напечатанные на фильтре. — Когда мы ходили в школу, «Мальборо» — это были деньги.

— Когда мы ходили в школу, даже деньги были деньгами.

Орловский расхохотался.

— Так вернемся к делу, — сказал Шитов. — Что вам известно?

— Мистер Бликс найден в гостинице мертвым. Убийство.

— Профессиональная работа, — кивнул Орловский. — Они хотят, чтобы мы приняли этниче-

скую версию.

— В точности мы этого не знаем. — Шитов внимательно смотрел на Уорбэйби.

— Да какая там нужна еще точность? — убежденно возразил Орловский. — Язык. Национальный колорит. Хотят увести нас в сторону. Чтобы мы занялись латинскими королями.

Шитов глубоко затянулся и выпустил дым в сторону официантки.

— Что вы про него знаете?

— Ганс Рутгер Бликс, сорок три года, натурализованный костариканец. — Могло показаться, что Уорбэйби стоит у свежевырытой могилы и перечисляет необыкновенные достоинства безвременно почившего друга.

— Хрень собачья, — поморщился Шитов, не выпуская сигарету изо рта.

— Уорбэйби, — терпеливо заговорил Орловский, — нам известно, что ты ввязался в дело до того, как этому засранцу перерезали глотку.

— Засранец, — укоризненно покачал головой Уорбэйби. — Человек умер, вот и все. Неужели это делает его засранцем?

— Стопроцентный засранец. — Шитов глубоко затянулся и раздавил окурок о тарелку с так и не тронутой порцией тунцовой икры. — Ты уж

мне поверь.

— Тебе виднее, — вздохнул Уорбэйби. — Скажи, Аркадий, на него было досье?

— Хочешь получить досье, — равнодушно бросил Шитов, — так расскажи сперва, что ты должен был для него сделать. Мы знаем, что он с тобой говорил.

— Я в жизни не слышал его голоса.

— О'кей, — устало кивнул Шитов. — С тобой говорили интенсекьюровцы. Ты свободная пташка, работаешь по контракту.

— Сугубо.

— Что сказал этот Бликс «Интенсекьюру»?

— Он потерял некий предмет.

— Что именно?

— Нечто сугубо личного свойства.

— Люциус, — вздохнул Шитов. — Ради бога.

— Очки.

Шитов с Орловским недоуменно переглянулись и снова уставились на Уорбэйби.

— «Интенсекьюр» привлекает к расследованию Люциуса Уорбэйби по той единственной причине, что кто-то там посеял свои очки?

— А вдруг, — негромко заметил Фредди, — это очень дорогие очки?

Он внимательно и, похоже, с удовлетворением

изучал свое лицо в висевшем за стойкой зеркале.

Орловский начал — бывает же у людей такая мерзкая привычка — хрустеть суставами волосатых пальцев.

— Он считал, — сказал Уорбэйби, — что мог потерять их на вечеринке. Не исключено даже, что кто-то их взял.

— Что за вечеринка? — подался вперед Шитов. Райделл отчетливо услышал, как скрипнула многослойная броня.

— Вечеринка в гостинице. В «Морриси».

— Кто устраивал? — вурдалачьи глазки Орловского двустволкой смотрели поверх стеклянных полумесяцев.

— Некий мистер Коди Харвуд, — пожал плечами Уорбэйби.

— Харвуд, — повторил Орловский. — Харвуд…

— Фамилия Павлов ничего не напоминает? — спросил у своего отражения Фредди.

— Деньги, — буркнул Шитов.

— Не имеющие ни малейшего отношения к «Мальборо», — заметил Уорбэйби. — Мистер Бликс зашел к мистеру Харвуду, выпил несколько рюмок…

— Проспиртовался, как двухголовый младенец

в Кунсткамере, — косо усмехнулся Орловский.

— Выпил несколько рюмок. Упомянутый предмет находился в кармане его куртки. Наутро он обнаружил пропажу и позвонил в охрану «Морриси». Те связались с «Интенсекьюром», «Интенсекьюр» связался со мной.

— Его телефон исчез, — сказал Шитов. — Уходя, прихватили с собой. Концы обрубали. Ни записной книжки, ни откуда приехал, ни куда собирался ехать дальше — ничего.

— Профи работали, — кивнул Орловский.

— Так значит — очки, — продолжал Шитов. — Какие очки?

— Солнечные. — Фредди все не мог на себя налюбоваться.

— Мы там нашли что-то вроде очков.

Шитов вытащил из кармана плаща стандартный полицейский мешочек для сбора вещественных доказательств. Райделл различил сквозь прозрачный полиэтилен иззубренные осколки черного пластика.

— Дешевый аппаратик ВС. Растоптан вдребезги.

— А вы не знаете, — поинтересовался Уорбэйби, — какие он ставил программы?

Теперь настала очередь Орловского. Победно

ухмыльнувшись, он вытащил из-под бронежилета второй такой же мешочек.

— Никак было не найти их, эти программы. Потом мы просветили жмурика рентгеном. Кто-то засунул эту штуку ему в глотку.

Черный прямоугольник. Наклейка протерта чуть не до дыр и вся в буроватых пятнах.

— В перерезанную уже глотку.

— Так что же это? — спросил Уорбэйби.

— Макдонна, — выплюнул Шитов.

— Чего? — Фредди перегнулся через своего шефа, стараясь получше разглядеть кассету. — Мак-что?

— Дрочилка.

Что еще за точилка, удивился на мгновение Райделл, но тут же понял: Макдонна.

— А вот интересно, прочитали они ее всю, насквозь? — на этот раз Фредди сидел сзади. Он взгромоздил ноги на спинку переднего пассажирского сиденья, красные огоньки, бежавшие по краям подошв, складывались в текст какой-то песни.

— Что они должны были читать?

Райделл смотрел на русских и Уорбэйби, стоявших рядом с законспирированной, без мигалки и надписей, полицейской машиной. Непримет-

ная такая машина — сланцево-серый кашалот, фары и радиатор защищены мощной графитовой решеткой. По ветровому стеклу «Патриота» медленно сползали капельки дождя.

— Порнуху, извлеченную из пищевода этого парня.

В каждом слове Уорбэйби звучала тяжелая, неизбывная тоска, а вот Фредди — тот говорил спокойно, вроде как расслабленно. Только вот если тоска Уорбэйби казалась самой настоящей, неподдельной тоской, то за расслабленностью Фредди угадывалось нечто, ну вроде как обратное.

— У программы такого рода колоссальный объем, там можно спрятать все что угодно.

Для описания текстуры кожи используют фрактальную технику, замешать туда текстовую информацию — пара пустяков.

— А ты что, Фредди, сечешь в компьютерах?

— Я у мистера Уорбэйби технический консультант.

— Как ты думаешь, о чем они там говорят?

Фредди тронул пальцем одну из кроссовок. Красные огоньки потухли.

— Вот сейчас-то у них и пошла настоящая беседа.

— Какая?

— Деловые переговоры. Нам нужно все, что у них есть по Бликсу, по жмурику этому.

— Да? А что можем предложить им мы?

— «Мы»? — присвистнул Фредди. — Ты крутишь для мистера Уорбэйби баранку, вот и все твое дело. — Он убрал ноги со спинки сиденья и выпрямился. — Впрочем, тут нет никаких особых секретов. «Интенсекьюр» и «Дэйтамерика», считай, одна и та же контора.

— Не слабо. — Уорбэйби почти не раскрывал рта, и Орловский — тоже, зато Шитов говорил не переставая. — И что все это значит?

— Это значит, что полиция может только завидовать базе данных, с которой мы работаем. Придет время, этот старый трепач захочет заглянуть в нее, хоть краешком глаза, вот тогда-то он вспомнит сегодняшний день и возблагодарит Господа, что не отказал нам в пустяковой услуге. А вот сейчас — сейчас ему расставаться с информацией, все равно что ржавым серпом по его русским яйцам.

Райделл вспомнил, как ходил как-то к «Большому Джорджу» Кечакмадзе в гости на шашлык и тот пытался завербовать его в «Национальную стрелковую ассоциацию».

— У вас тут, гляжу, много русских в органах.

— Тут? До хрена и больше.

— Странно даже, чего это их так тянет на полицейскую работу?

— А ты покрути мозгами. У них же там было целое полицейское государство. Привыкли, поднабрались, в гены, небось, впиталось.

Шитов и Орловский полезли в брюхо своего серого кашалота. Уорбэйби повернулся и зашагал к «Патриоту», тяжело наваливаясь на блестящую металлическую тросточку. Полицейская машина приподнялась дюймов на шесть (гидравлическая подвеска, подумал Райделл), взвыла и задрожала; на длинном блестящем капоте плясали дождевые капли.

— Мама родная, — поразился Райделл. — Они что, вот так вот и работают, совсем не скрываясь?

— Они хотят, чтобы их видели, — не слишком вразумительно объяснил Фредди.

Уорбэйби открыл дверцу и начал протискиваться на сиденье. Операция эта оказалась длинной и сложной.

— Езжай, — сказал он, захлопывая дверцу. — Протокольные правила. Мы покидаем точку рандеву первыми.

— Только не сюда, — всполошился Фредди. — Это же ты прямо к Кэндлстикпарку. Направо, направо!

— Да, — кивнул Уорбэйби. — У нас еще дела в центре.

Ну откуда, откуда, спрашивается, у него эта мировая скорбь?

Да, Сан-Франциско — это кое-что. Бесчисленные холмы, окаймляющие город, улицы, карабкающиеся по крутым склонам, создавали у Райделла впечатление… ну, не совсем, в общем-то, понятное впечатление. Впечатление, что он находится где-то. Где-то во вполне определенном месте. А вот нравится ли ему это место — вопрос особый, тут еще надо разобраться. В Лос-Анджелесе ты словно бы затерялся в огромной, без конца и края, решетке, сотканной из света, ощущение совсем другое, прямо противоположное, вот эта-то противоположность и дает, наверное, о себе знать. Здесь же ясно понимаешь, что приехал куда-то, приехал откуда-то. Старые, тесно поставленные здания, ничего более современного, чем этот здоровый шипастый небоскреб с решетчатой вышкой наверху — так ведь и он, говорят, построен очень давно. Сырой, прохладный воздух, пар, клубящийся из вделанных в мостовую решеток.

Люди на улицах тоже другие, отдельные люди, у каждого своя одежда, своя работа. Вроде как в Ноксвилле, сказал себе Райделл, но свежеизготовленный ярлык никак не приклеивался. Нет, еще одно новое, совершенно незнакомое место.

— Да не сюда, налево, налево!

Фредди подкреплял каждое свое слово ударом по спинке водительского сиденья. Новый город, новая сеть улиц, которую нужно откладывать в память. По навигационной карте медленно полз зеленоватый курсор; Райделл начал искать подходящий поворот налево, к этой самой гостинице, к «Морриси».

— Не стучи по сиденью мистера Райделла, — сказал Уорбэйби, бегло проглядывавший огромную кипу распечатки. — Он за рулем.

Распечатку (Райделл догадывался, что это — досье Бликса, мужика, которому перерезали глотку) они прихватили по пути, в какой-то непонятной конторе.

— Фассбиндер, — отчетливо, чуть не по слогам проговорил Фредди. — Кто-нибудь из вас слышал о таком? Райнер Фассбиндер.

— Знаешь, Фредди, — проворчал Уорбэйби, — мне сейчас не до шуток.

— Какие там шутки? Я прогнал этого Бликса

через «Двойника», отсканировал снимок трупа, полученный от русских, и прогнал — и что же вы думаете? По мнению машины, он выглядит точь-в-точь как Райнер Фассбиндер. Это мертвяк-то, с перерезанным горлом. Интересно бы взглянуть на герра Фассбиндера, вот уж красавец, наверное, так красавец.

— Уймись, Фредди, — вздохнул Уорбэйби.

— Наверное, этот тоже немец. Национальность, она все-таки проявляется.

— Мистер Бликс не был немцем. Если верить этой бумаге, мистер Бликс не был даже мистером Бликсом. А теперь не мешай мне. Да и мистеру Райделлу тоже, а то еще заедет не туда в незнакомом городе.

Фредди недовольно хмыкнул. Через пару секунд Райделл услышал дробный перестук клавиатуры — технический консультант мистера Уорбэйби взялся за компьютер, с которым он, похоже, не расставался даже во сне.

Поворот налево, и — сразу, безо всякого предупреждения — мирная улица сменилась зоной боевых действий. Развалины. Дымное пламя костров, темные пригнувшиеся фигуры, мучнисто-белые лица.

— Не тормози, — сказал Уорбэйби. — И не газуй,

езжай, как едешь.

Нечто, вылетевшее из жутковатой группы сутулых, узкоплечих людей, шлепнулось о ветровое стекло, прилипло на секунду, упало, оставив после себя грязно-желтое пятно. Длинная, гибкая штука, серая и вроде бы окровавленная. Кишка, что ли?

На перекрестке — красный.

— Гони под красный, — приказал Уорбэйби.

Сзади — негодующее гудение десятков клаксонов.

— Тормози. Нет, заезжай прямо на тротуар.

Колеса «Патриота» перескочили через выщербленный поребрик.

— В бардачке.

Райделл открыл дверцу бардачка. Вспыхнувшая лампочка осветила банку аэрозольного «Виндэкса», рулон серых бумажных полотенец и одноразовые хирургические перчатки.

— Давай, — сказал Уорбэйби. — Никто нас не тронет.

Райделл натянул на правую руку перчатку, взял банку, серый рулон и выбрался на тротуар.

— Смотри, на себя не капни, — сказал он, вспомнив Саблетта, а затем щедро обрызгал желтое пятно «Виндэксом», оторвал три полотенца, ском-

кал их в правой, защищенной, руке и начисто вытер стекло. Теперь — как учили в Академии. Аккуратно снимем перчатку, наворачивая ее на влажный ком. Все. И куда же теперь, спрашивается, это дерьмо девать?

— Бросай на землю, — сказал Уорбэйби.

Райделл швырнул перчатку со всем ее содержимым в сторону, отошел от машины на пять шагов, согнулся пополам и окатил тротуар мутным широким потоком блевотины. Затем он оторвал еще одно полотенце, вытер рот, вернулся в машину, захлопнул дверцу, аккуратно ее запер, вернул рулон и банку на прежнее место и закрыл бардачок.

— А чего горло не ополоснул?

— Заткнись, Фредди, — рявкнул Уорбэйби. — Скорее всего — просто отбросы с бойни, — сказал он, наклонившись вперед. Рессоры «Патриота» негромко скрипнули. — Но все равно хорошо, что ты не забыл о предосторожностях. У нас тут была одна компания, называли себя «Орден кровавой свиньи», слышал о таких?

— Нет, — качнул головой Райделл. — Никогда не слышал.

— Воровали, где попало, огнетушители. Заправляли их кровью. Кровью с бойни. Но только

они распускали слух, что эта кровь — она человеческая. Затем подстерегали какую-нибудь религиозную процессию. Прихватив с собой огнетушители.

— Господи, — выдохнул Райделл.

— Вот именно, — скорбно согласился Уорбэйби.

— Видишь эту дверь, вон там? — спросил Фредди.

— Какую дверь?

Холл «Морриси» ошеломлял; войдя сюда, Райделл непроизвольно перешел на шепот, как в церкви или в похоронном бюро. Толстый, фантастически мягкий ковер вызывал острое желание лечь, свернуться калачиком и уснуть.

— Черная.

Райделл уставился на черный прямоугольник, совершенно гладкий, без какого бы то ни было подобия ручки. Если подумать, прямоугольник этот абсолютно не гармонировал с остальной обстановкой холла — с полированным деревом, матовой бронзой, граненым стеклом. Если бы не Фредди, Райделл принял бы эту дверь за какое-нибудь произведение модернового искусства, картину там или еще что.

— Да? И чего в ней такого?

— Это ресторан, — уважительно сказал Фредди. — Такой дорогой, что туда даже и не войдешь.

— Ну-у, — разочарованно протянул Райделл, — таких заведений везде хоть пруд пруди.

— Нет, я не про то, — качнул головой Фредди. — Там просто дорого, а сюда тебя вообще не пустят, даже будь у тебя денег — хоть жопой ешь. Приватное вроде как заведение. Японские штучки.

Они стояли около конторки охранников, ждали, пока Уорбэйби переговорит с кем-то там по местному телефону. Ребята за конторкой, дежурные охранники, были все в интенсекьюровской форме, только хитрой, дорогой, с бронзовыми значками фирмы на смешных, остроконечных, на манер шлема, шапочках.

Райделл оставил «Патриота» в гараже, на одном из бесчисленных подземных уровней гостиницы. Там, внизу, жизнь била ключом: десятки людей в поварских халатах и колпаках раскладывали по сотням тарелок непонятного вида салат, по полу ползали, попискивая, маленькие японские пылесосы — здесь, в спокойном, просторном холле, вся эта суета казалась чем-то невероятным.

В Ноксвилле, в этих самых служебных номерах, где он жил несколько дней, тоже были такие вот

корейские роботы, наводившие порядок, когда тебя дома нет. Был даже такой специальный железный паук, который объедал пыль со стенного экрана, но на Карен все это не производило ни малейшего впечатления. Экономят, сказала она, живые уборщики обходятся дороже.

Уорбэйби отдал телефон одному из ребят в остроконечных шапках, повернулся, махнул рукой, подзывая Фредди и Райделла.

— Нас проведут, — сказал он.

Охранник, взявший у Уорбэйби телефон, вышел из-за конторки. Он, конечно же, заметил на Райделле интенсекьюровскую рубашку со споротыми эмблемами, однако воздержался от комментариев. Райделл давно уже задумывался, когда же наконец можно будет улучить свободную минуту, забежать в магазин и одеться хоть малость поприличнее. И где это лучше сделать? Мелькнувшая было мысль посоветоваться с Фредди пропала при первом же взгляде на разукрашенную пистолетами да пулеметами рубашку.

— Сюда, сэр.

Уорбэйби двинулся вслед за охранниками, его трость глубоко погружалась в ковер, шарнирная титановая шина негромко пощелкивала. Фредди

и Райделл скромно пристроились в кильватер.

Глава 13

Дрожь в коленках

Гони. Гони. Гони.

В такие вот моменты, когда Шеветта гнала из последних сил, выкладывалась по-черному, к ней приходило — изредка приходило — ощущение безграничной свободы, независимости от города, от собственного тела, даже от времени. Она понимала, что это — обычная для курьеров галлюцинация, что никакая это не свобода, а наоборот — полная включенность, вплавленность в мир. Зажатый между коленями велосипед казался частью ее самое, неким странным хвостом, возникшим за тысячелетия неспешной эволюции, — великолепный в своей простоте костяк рамы постепенно оброс сверхпрочными лексановыми покрышками и пневматическими амортизаторами, подшипниками, которые отменили понятие «трение». Слившись с велосипедом, Шеветта превращалась одновременно и в часть города, в своевольную, хотя и полностью зависящую от обстоятельств, крупицу вещества,

она ежесекундно делала тысячи свободных выборов — и все эти выборы зависели от уличного движения, от блеска дождя на трамвайных рельсах, от роскошных, цвета красного дерева волос незнакомой женщины, бессильно спадавших на плечи темно-синего плаща.

И вот сейчас это состояние приближалось, приближалось, несмотря ни на что. Если гнать и гнать, ни о чем не думая, не воспринимая ничего, кроме движения собственных ног, кроме педальной звездочки, цепи и японской бумажно-углеродной рамы.

Но рядом возникла долговязая фигура на велосипеде, воздух наполнился гулкими, ритмичными ударами басов — у Сэмми, как и многих курьеров, вуфер стоял в седле. Чтобы не поскользнуться, тормозя на вентиляционной решетке, Шеветта свернула влево, через поребрик; покрышки, намертво зажатые энергетическими тормозами, оставили на тротуаре длинные черные полосы. Сэмми Сэл остановился рядом, ярко сверкавшие ободья колес потускнели, погасли совсем.

— Что-то ты, зайка, не в себе. — Его пальцы грубо, со злостью сдавили руку Шеветты. — А может, некий чудодейственный продукт сделал

тебя хитрее и проворнее?

— Отпусти.

— Ни в коем разе. Я устроил тебя на хорошее место. Теперь ты идешь вразнос, словно хочешь вылететь с работы. Почему?

Не выпуская Шеветту, он хлопнул левой ладонью по обтянутому черным поролоном рулю; велосипед замолк.

— Сэмми, пожалуйста. Мне нужно поскорее добраться до Скиннера…

Сэмми разжал пальцы.

— С чего бы такая спешка?

Шеветта судорожно закашлялась, затем сделала три глубоких медленных вдоха.

— Слушай, Сэмми, а вот ты — ты когда-нибудь воровал? Не вообще, а во время работы?

Сэмми пристально всмотрелся в ее лицо.

— Нет, — сказал он, наконец. — Вот трахнуть клиента — это я за милую душу.

— Я такого и в мыслях не имею, — брезгливо поежилась Шеветта.

— Само собой, — кивнул Сэмми Сэл. — Но у нас с тобой разные клиенты. Не говоря уж о том, что ты девушка.

— Вчера я украла одну штуку. У мужика этого, прямо из кармана. Я встретила его в отеле «Мор-

риси», там у них была пьянка.

Сэмми задумчиво обвел губы кончиком языка.

— А как это твоя рука попала в его карман? Ты что, с ним знакома?

— Да нет, — качнула головой Шеветта. — Засранец он, вот и все.

— А-а. Этот. Его я встречал, и не раз.

— Он достал меня. Эта штука торчала у него из кармана.

— Ты точно знаешь, что штука, которой он тебя достал, торчала именно из кармана?

— Сэмми, — взмолилась Шеветта, — кончай свой треп! Я же серьезно говорю. Я боюсь, очень боюсь.

Сэмми снова всмотрелся в ее лицо.

— Вот так вот, значит? Ты боишься. Сперла какое-то там говно и прибздела?

— Банни говорит, охранники позвонили в «Объединенную», прямо к Уилсону. Они меня ищут.

— Вот же мать твою, — вздохнул Сэмми, продолжая разглядывать Шеветту. — А я-то решил, ты уторчалась на «плясуне» или еще на какой дури. И что Банни заметил. Он многое терпит, но за такие штучки может с говном съесть. Так ты что — просто боишься?

— Да, — кивнула Шеветта. — Просто боюсь.

— Ну хорошо, — снова вздохнул Сэмми. — И чего же именно ты боишься?

— Боюсь, что они заявятся к Скиннеру и найдут эту штуку.

— Какую штуку?

— Очки.

— Ты бы не могла поконкретнее — какие очки? Очки, как на картах? Или как на игральных костях? — Сэмми побарабанил пальцами по рулю. — Или как у кобры на голове?

— Черные очки. Вроде как солнечные, только через них совсем ничего не видно.

— Очки, сквозь которые ничего не видно? Это в каком же смысле?

— Черные они. Непрозрачные.

— Солнечные очки?

— Да. Только они совсем черные.

— Ясненько. Вот если бы ты трахалась с приличными клиентами — с такими, как я, с приличными, — ты бы знала, что это такое. Извини меня, лапа, но сразу видно, что все твои кавалеры — голь перекатная. Встречайся ты с архитекторами, хирургами и прочей умственной публикой, они бы между делом тебя просветили.

Длинный черный палец насмешливо качнул цепочку, свисающую с застежки скиннеровской

куртки.

— ВС-очки, вот это что. Виртуальный свет.

Шеветта слышала где-то такой термин, но не понимала его значения.

— Так они что, дорого стоят?

— Это уж как сказать. Не дешевле хорошей японской машины — но и не сильно дороже. Крошечные электромагнитные излучатели, установленные вокруг линз, действуют прямо на оптические нервы. Один мой приятель приносит иногда такую штуку домой, из конторы. Они там занимаются ландшафтной архитектурой. Так вот, наденешь эти очки и идешь гулять, и все видно нормально, только на каждом дереве, какое попадется по дороге, на каждом растении вроде как висит бирка с названием на нормальном языке, а внизу еще и по латыни…

— Так они же совсем черные!

— Это пока ты их не включила. А включишь, так они даже не темные, вроде как совсем без стекла. От солнца не защищают, зато придают тебе вид — ну такой, вроде как серьезный. Только тебе это ни к чему, — ухмыльнулся Сэмми, — ты у нас и так чересчур серьезная. Главная твоя беда.

Шеветта поежилась.

— Слушай, Сэмми, поехали со мной, к Скинне-

ру. О'кей?

— Не люблю я высоту, — качнул головой Сэмми. — А эта его коробочка, она точно сверзится как-нибудь с верхотуры, помяни мое слово.

— Ну, пожалуйста, Сэмми. У меня от этой истории коленки дрожат. Вместе с тобой я буду о'кей, а если ты останешься внизу, я снова начну думать и совсем опупею от страха. Ну, правда, ну что мне делать? Вдруг я приеду, а копы уже там? И что скажет Скиннер, если к нему вот так, ни с того ни с сего, завалятся копы? А вдруг я выйду завтра на работу, а Банни меня уволит? Ну что мне делать, что делать?

Сэмми Сэл посмотрел на Шеветту тем же взглядом, как в тот вечер, когда она просила, чтобы он устроил ее в «Объединенную». А затем косо ухмыльнулся. Блеснули ровные, идеально белые зубы.

— Засовывай тогда эту штуку себе в промежность. И держись. Старайся держаться.

Он вскочил на велосипед и съехал с тротуара, при первом же повороте педалей колеса вспыхнули бледно-фиолетовым светом. До рванувшейся следом Шеветты донеслись гулкие удары басов.

Глава 14

Лавлесс

— Ну, как, приятель, хочешь еще пива?

Женщина за стойкой. Ее выбритую голову украшал сложный черный орнамент, доходивший, как понимал Ямадзаки, примерно до естественной границы волосяного покрова. Основными элементами татуировки были кельтские узлы и зигзагообразные, как в детских книжках, молнии. Сохраненные на макушке волосы напоминали шкурку некоего ночного животного, питающегося исключительно вазелином и перекисью водорода. Сквозь десяток, а то и больше отверстий, случайным образом проколотых в левом ухе буфетчицы, был протянут кусок тонкой стальной проволоки. В другое время Ямадзаки проявил бы к подобной картине живейший интерес, однако сейчас ему не хотелось отрываться от записной книжки, от составления путевых заметок.

— Нет, — сказал он. — Большое спасибо.

— Ты что, боишься с двух бутылок нажраться в жопу, или что?

Веселый, даже вежливый голос. Ямадзаки под-

нял голову. Женщина ждала.

— Да?

— Хочешь здесь сидеть, так закажи что-нибудь. Или мотай.

— Пиво, пожалуйста.

— Такое же?

— Да, пожалуйста.

Женщина смахнула с бутылки мексиканского пива налет инея, откупорила ее, поставила на стойку и переключилась на клиента, сидевшего от Ямадзаки слева. Ямадзаки вернулся к своей записной книжке.

Скиннер все время старался объяснить мне, что нет и не было никакого плана, никакой глубинной структуры. Только вот этот, очевидный костяк, мост, наивысшее из воплощений Томассона. Малое Великое пришло — и совсем не оказалось Годзиллой. В этом месте, в этой культуре даже нет эквивалентного мифа (нельзя исключать, что в Лос-Анджелесе дело обстоит совершенно иначе). Бомба, ожидавшая столь долго, исчезла. Ее место заняли эпидемии, медленнейшие из катаклизмов. Когда Годзилла явился, наконец, в Токио, мы пребывали в глубочайшем отчаянии. И катастрофу мы приветствовали. Приветствовали, хотя ни за что не решились бы в этом себе

признаться. Не успев еще оплакать своих мертвых, мы начали осознавать всю неимоверность выпавшей на нашу долю удачи.

— Красивая штука, — сказал сосед слева, накрывая записную книжку левой ладонью. — Японская, не иначе, а то с чего бы она такая красивая.

Ямадзаки поднял голову и неуверенно улыбнулся. Глаза соседа поражали своей странной, необыкновенной пустотой. Живые, блестящие, настороженные — и абсолютно пустые.

— Да, это из Японии, — сказал Ямадзаки. Ладонь неспешно соскользнула с записной книжки.

— Лавлесс, — сказал мужчина.

— Простите?

— Лавлесс. Моя фамилия — Лавлесс.

— Ямадзаки.

Белесые, широко посаженные глаза. Глаза, словно глядящие на тебя из озера, сквозь зеркально-гладкую поверхность.

— Ага. Так я и думал, что будет что-нибудь в этом роде.

Непринужденная улыбка, акцентированная архаичным золотом.

— Простите? В этом роде?

— Что-нибудь этакое, японское. Какое-нибудь там «заки» или «зуки». Такая, в общем, срань.

Улыбка вроде бы не изменилась и в то же самое время стала угрожающей.

— Допивайте свою «Корону», мистер. — Пальцы незнакомца сомкнулись на запястье Ямадзаки. — И пошли. А то жарковато тут.

Глава 15

Тысяча пятнадцатый номер

Среди всего прочего Райделла познакомили в Академии и с аэрозолем «Килз», применявшимся для дезинфекции помещений, загрязненных большим количеством крови или любой другой из жидкостей человеческого тела. Антивирусный препарат с запахом, как у древнего цветочного одеколона, выжигавший почище водородной бомбы все — от первой до пятой включительно — разновидности ВИЧ, а также лихорадку Мокола, Тарзана-Денге, конго-крымскую лихорадку и канзасскую инфлюэнцу — любую, в общем, высокозаразную гадость.

Вот его-то прохладный запах и уловил Райделл, пока интенсекьюровский охранник открывал вороненым ключом дверь тысяча пятнадцатого номера.

— Уходя, мы все запрем как надо, — сказал Уорбэйби, притронувшись указательным пальцем к полям шляпы.

— Да, сэр. — Охранник чуть помедлил. — Что-нибудь еще?

— Нет.

Уорбэйби повернулся и вошел в комнату. Фредди не отставал от него ни на шаг, как разукрашенная пистолетами тень. Помявшись немного в нерешительности, Райделл последовал их примеру и притворил за собой дверь. Темно. Шторы задернуты. Сильный запах «Килза». Под потолком вспыхнул свет. Рука Фредди на выключателе. Уорбэйби смотрит вниз, на кирпичного цвета ковер. На светлый прямоугольник — место, где, скорее всего, стояла прежде кровать.

Райделл огляделся. Обстановка солидная, старомодная. Дорогая. Как в хорошем клубе. Стены обиты блестящей в белую и зеленую полоску тканью, может даже — шелком. Мебель деревянная, полированная. Кожаные болотно-зеленые кресла. Бронзовый торшер с темно-зеленым абажуром. Старинная гравюра в широкой золотой раме. Райделл подошел поближе и вгляделся в потускневшее изображение. Лошадь, запряженная в двухколесную повозку очень странного

вида — крошечное сиденье и никакого кузова. Бородатый возница в шляпе, как у Эйба Линкольна. Внизу надпись: «Каррир и Айвз»;[128] Райделл задумался на секунду, где здесь имя бородатого мужчины, а где — лошади. Потом он заметил на стекле, прикрывающем гравюру, круглое коричневато-красное пятно. Потек крови успел уже растрескаться, вроде как грязь, остающаяся от подсыхающей лужи, только здесь трещинки были совсем крохотные. И никто его, похоже, не продезинфицировал, не брызгал «Килзом». Райделл боязливо отступил.

Фредди уже расположился в одном из зеленых кресел и раскрыл свой компьютер. Он размотал тонкий черный шнур и подсоединился к розетке, вроде телефонной, но поменьше. Глядя на Фредди, Райделл не переставал поражаться: ноябрь, сыро, холодно, а он в шортах ходит, это ж насмерть замерзнуть можно. Странные они, эти негритянские пижоны, — одеваются, ориентируясь исключительно на моду, а погоды для них, вроде как, и вообще не существует.

— Ну, так что? — спросил Уорбэйби, все так же

---

[128] Примечания: 128

Натаниэль Каррир и Джеймс Мередит Айвз — американские граверы конца XIX века, совладельцы фирмы, издававшей литографии со сценами из американской истории и быта

смотревший на светлое пятно, оставшееся после кровати; лицо его выражало все ту же неизбывную скорбь.

— Сейчас. Сейчас все будет. — Фредди сосредоточенно крутил трэкболл компьютера.

Уорбэйби недовольно хмыкнул, стекла его очков на мгновение почернели — фокусы освещения, не иначе. Секунду спустя у Райделла появилось неуютное ощущение, что Уорбэйби смотрит сквозь него, что взгляд огромного негра внимательно следит за неким далеким, быстро передвигающимся предметом; Райделл даже обернулся, но не увидел ничего, кроме бледной, в бело-зеленую полоску стены.

Он снова взглянул на Уорбэйби. Металлическая трость поднялась, указала на место, где стояла прежде кровать, и снова воткнулась в ковер. Уорбэйби печально вздохнул.

— Хотите данные СФДП[129] по осмотру места преступления? — спросил Фредди.

Уорбэйби пробурчал нечто неразборчивое, его глаза метались из стороны в сторону. Райделлу вспомнились документальные ТВ-фильмы про вуду, глаза жрецов, вошедших в контакт с богами,

---

[129] Примечания: 129
СФДП — сан-францисский департамент полиции

или дьяволами, или с кем уж там они общаются.

Фредди продолжал крутить свой шарик.

— Отпечатки пальцев, волосы, чешуйки кожи… В гостиничном номере чего только не найдешь…

Райделл не выдержал, шагнул вперед и посмотрел Уорбэйби прямо в глаза.

— Не понимаю, вы тут что, колдуете или что?

Уорбэйби медленно, печально улыбнулся, снял очки, тщательно протер их большим темно-синим платком, извлеченным из кармана пальто, и протянул Райделлу.

— Надень.

Райделл посмотрел на очки. Их стекла были совершенно черными.

— Надень, — повторил Уорбэйби.

Очки оказались непривычно тяжелыми. Кромешная тьма. Затем появились расплывчатые вспышки, вроде как если надавить на закрытые глаза; еще мгновение, и он увидел Уорбэйби. За спиной Уорбэйби повисло нечто вроде прозрачной стены, исписанной ярко-желтыми словами и цифрами. Райделл присмотрелся к надписям (лицо Уорбэйби немного расплылось) и понял, что это — данные следственной экспертизы.

— А если хочешь, — сказал Фредди, — можешь поприсутствоватъ…

На пропитанной кровью кровати лягушкой разбросался жирный, громоздкий человек. Мертвый человек. Труп. Голова далеко закинута, подбородок смотрит вверх, в потолок. А там, где полагается быть кадыку, темнеет нечто страшное, заставляющее отвести глаза. Вспухший, раздувшийся темно-лиловый нарост.

Желудок Райделла завязался в тугой болезненный узел, он с трудом сдерживал подступившую к горлу тошноту, но тут на месте этого ужаса появилась другая кровать, стоящая в другой комнате, и нагая женщина с волосами, как старое серебро, озаренная невероятным лунным светом.

Райделл сдернул очки. Фредди закинул голову, вздрагивая от беззвучного хохота, длинные черные пальцы придерживали поставленный на колени компьютер.

— Ты бы, — выдавил он, наконец, — только поглядел сейчас на свою рожу! Я вставил сюда кусок этой порнухи, о которой говорил Аркадий, из кассеты, приобщенной к протоколу.

— Фредди, — вздохнул Уорбэйби, — тебе что, так уж не терпится заняться поисками работы?

— Нет, сэр.

— Иногда я бываю очень жестким. И ты это знаешь.

— Да, сэр.

В голосе Фредди звучало искреннее беспокойство.

— В этой комнате умер человек. Некто нагнулся над этой кроватью, — Уорбэйби указал на отсутствующую кровать, — перерезал ему глотку и протащил через щель язык. Это не какое-нибудь там случайное убийство. По телевизору таким анатомическим шуткам не научишься.

Он взял у Райделла очки. Угольно-черные диски, которые и стеклами-то не назовешь, оправленные в темно-серый графит.

— Да, сэр. — Фредди опустил глаза и сглотнул. — Извините, мистер Уорбэйби.

— А как это получается? — спросил Райделл.

Уорбэйби неспешно протер очки, неспешно их надел. Стекла снова стали хрустально-прозрачными.

— В оправе и линзах установлены индукторы, действующие прямо на оптические нервы.

— Виртуальный свет, — пояснил Фредди; новая тема разговора устраивала его гораздо больше, чем прежняя. — На этот дисплей можно вывести абсолютно все, представимое в цифровой форме.

— Телеприсутствие?

— Нет, — мотнул головой Фредди, — там работа-

ет свет. Вылетают фотоны, попадают тебе в глаз. Здесь все иначе. Мистер Уорбэйби ходит по комнате, рассматривает ее — и может одновременно видеть данные из протокола, да хоть какие. Надень эти очки на человека, потерявшего глаза, но сохранившего оптические нервы, и он увидит. Их так сначала и придумали, для слепых.

Райделл подошел к окну, раздвинул шторы и посмотрел вниз, на ночную улицу нового, незнакомого города. Редкие прохожие спешили по своим неизвестным делам.

— Фредди, — сказал Уорбэйби, — выведи-ка мне из интенсекьюровских файлов эту Вашингтон. Девушку, работающую в «Объединенной курьерской».

Фредди кивнул и что-то сделал с компьютером.

— Да, это возможно. — Уорбэйби внимательно изучал нечто, видимое ему одному. — Вполне возможно. Райделл, — он снял очки, — я бы хотел, чтобы и ты взглянул.

Райделл отпустил шторы, подошел к Уорбэйби, взял очки, тем же движением их надел. У него было отчетливое чувство, что сейчас не стоит медлить, мяться в нерешительности — хотя бы даже в результате пришлось снова смотреть на того мужика, на жмурика.

Чернота, цветные вспышки, а затем — лицо девушки, спереди и в профиль. Отпечатки пальцев. Сетчатка правого глаза, увеличенная до размеров ее головы. Цифровые данные. ВАШИНГТОН, ШЕВЕТТА-МАРИ. Большие серые глаза, длинный прямой нос, легкая улыбка, предназначенная, видимо, фотографу. Темные, коротко остриженные волосы собраны на макушке не то в метелку, не то в хвост.

— И что же ты думаешь? — спросил Уорбэйби.

Райделл напрочь не понимал, о чем его спрашивают, не знал, что тут можно ответить.

— Симпатичная.

Похоже, я сморозил глупость, подумал он, услышав приглушенное фырканье Фредди.

Однако Уорбэйби спокойно кивнул.

— Прекрасно. Значит, ты ее не забудешь.

Глава 16

«Санфлауэр»

В бетонном лабиринте противотанковых заграждений Сэмми Сэл оторвался и пропал из виду, при всех своих внушительных размерах он был непревзойденным мастером езды по узким,

петляющим проулкам. Он умел делать абсолютно невозможные повороты, при необходимости Сэмми мог вздыбить велосипед и развернуться на триста шестьдесят градусов. Шеветта пару раз видела, как он делал такое на спор. А что оторвался, так она прекрасно знала, где его найти.

Проскакивая между первой парой надолбов, Шеветта взглянула вверх и почувствовала, что мост тоже на нее смотрит, смотрит сотнями освещенных окон, фонарей и неоновых вывесок. Она видела картинки, на что был похож мост раньше, в те времена, когда по нему днем и ночью мчались машины, видела, но как-то вроде и не верила этому. Мост для нее был то, что он есть, он не мог быть иным ни сейчас, ни прежде. Убежище, дикое, странное, но — убежище, где можно лечь и уснуть, единственный приют бесчисленных людей и их бесчисленных снов.

Она миновала тележку рыбника, проскочив юзом на мелких осколках льда и серых, тускло поблескивающих кишках. Кишки пролежат тут всю ночь, на рассвете их расхватают чайки. Рыбник крикнул что-то вслед, но Шеветта не разобрала ни слова.

Она ехала между лотками и тележками в вечерней сутолоке, ехала и высматривала Сэмми Сэла.

Сэмми оказался там, где и должен был оказаться, — рядом с кофейной тележкой. Он ничуть не запыхался и стоял теперь, лениво опершись о свой велосипед; смуглая девушка с раскосыми глазами и острыми азиатскими скулами заваривала кофе. Шеветта притормозила рядом и соскользнула на землю.

— Решил, — сказал он, — что успею выпить маленькую без сахара.

Ноги Шеветты отчаянно ныли, гнать за Сэмом — это тоже тебе не сахар.

— Успеешь, если поторопишься, — сказала она, взглянув на мост, и повернулась к девушке:

— Мне тоже.

Удар перевернутым ситечком по краю тележки, комок коричневой гущи полетел на землю и рассыпался, над ним поднялось легкое облачко пара. Девушка засыпала в ситечко кофе, чуть утрамбовала его пальцем, подняла ручку экспресски, вставила ситечко, снова опустила ручку.

— Понимаешь… — сказал Сэмми Сэл и замолк, осторожно пробуя горячий кофе. — Ты не должна иметь таких проблем, ни к чему тебе это. Существуют две и только две разновидности людей. Люди, останавливающиеся в гостиницах вроде «Морриси», и мы с тобой. Существовал, говорят,

и средний класс, люди, которые посередине, но это было давно и не правда. Как мы и подобные нам связаны с теми, другими? Мы развозим их конверты. Мы получаем за это деньги. Мы стараемся не наследить на ковре. Если дело этим и ограничивается, то все о'кей. Но что произойдет при более близком контакте? Что случится при соприкосновении?

Неосторожный глоток обжег Шеветте рот и горло.

— Преступление, — сказал Сэмми. — Секс. Возможно — наркотики. — Он допил кофе и поставил чашку на фанерную стойку. — Это практически исчерпывает все возможные варианты.

— Но ты-то их дерешь, — заметила Шеветта. — Ты сам говорил.

— Деру, — пожал плечами Сэмми, — ибо мне это нравится. Я понимаю, что могу нарваться на неприятности, и знаю, на что иду. А ты просто взяла и сделала черт знает что, безо всякой нужды и причины. Нарушила мембрану, отделяющую нас от них. Ручки у нее, видите ли, очень шаловливые. Дурь собачья.

Шеветта подула на кофе.

— Понимаю.

— Ну и как же ты намерена выпутываться из

этой истории?

— Пойду к Скиннеру, возьму очки, отнесу их на крышу и выкину в воду.

— А что потом?

— Потом буду делать все, как всегда, пока кто-нибудь не придет по мою душу.

— А придет — что ты ему скажешь?

— Сделаю большие глаза. Скажу, что ни хрена не понимаю, о чем это он. Не было такого — и все тут.

— Угу. — Сэмми медленно кивнул, в его голосе не чувствовалось особого энтузиазма. — Может, и проскочит. А может, и нет. Если каким-то там людям эти очки нужны позарез, они могут нажать на тебя так, что пискнешь и околеешь. Другой вариант: мы берем эти очки, отвозим их в «Объединенную» и ты рассказываешь все как на духу.

— Мы?

— Угу. Я буду играть роль почетного караула.

— Меня выкинут с работы.

— Найдешь себе другую.

Шеветта допила кофе, поставила чашку, вытерла рот тыльной стороной ладони.

— Работа — это все, что у меня есть. И ты, Сэмми, ты сам это знаешь. Ты сам ее мне нашел.

— А еще у тебя есть место, где спать, — там, на

верхотуре. И этот придурочный старый раздолбай, который пустил тебя.

— Я его кормлю…

— И у тебя есть твоя собственная жопа, в целости и сохранности. А если некий хорошо обеспеченный джентльмен врежет тебе по известному месту мешалкой за то, что ты без спросу взяла его информационные очки, ситуация может сильно измениться.

Порывшись в карманах, Шеветта положила на стойку три никелевые пятерки за две чашки кофе и два доллара чаевых. Затем она храбро расправила обтянутые Скиннеровой курткой плечи. Негромко звякнули цепочки многочисленных молний.

— Нет. Отправлю это говно на дно залива, и никто ничего не докажет. Никогда.

— Невинное дитя, — вздохнул Сэмми.

Это звучало очень странно. Шеветта никогда не думала, что слово «невинность» можно использовать таким вот образом.

— Так ты идешь со мной?

— Зачем?

— Заговоришь Скиннеру зубы. Встанешь между ним и его журналами. Это там я их спрятала, за журналами. Тогда он не увидит, как я их выни-

маю. Потом я поднимусь на крышу — и все, с концами.

— О'кей, — кивнул Сэмми. — Только я думаю, ты ищешь на вышеупомянутую жопу приключений. Доиграешься.

— Ничего, рискну.

Шеветта покатила велосипед к Скиннеровому подъемнику.

— Тебя не переспоришь, — еще раз вздохнул Сэмми и пошел следом.

В жизни Шеветты было всего три по-настоящему хороших, волшебных момента. Один — это когда Сэмми Сэл сказал, что попробует устроить ее в «Объединенную», и действительно устроил. Другой — когда она расплатилась наличными за свой велосипед и тут же, у дверей магазина, села на него и поехала. И еще вечер, когда она встретила в «Когнитивных диссидентах» Лоуэлла, хотя это еще как сказать, хорошо это было или плохо.

Не нужно только путать хорошие моменты с удачными; самые большие удачи неизменно приходили к Шеветте при обстоятельствах, которые никак не назовешь хорошими, когда вся жизнь вроде как намазана ровным толстым слоем говна, и нет этому говну ни конца, ни края, и неизвестно даже, доживешь ты до завтра или

нет, а тут вдруг раз — и удача.

Шеветте крупно повезло в памятную ночь, когда она сбежала из Бивертонской колонии для малолетних, сумела, самой непонятно как, перелезть через колючую проволоку, но все равно та ночь была хреновая, до предела хреновая. О чем свидетельствуют шрамы, так и сохранившиеся на обеих ладонях.

А как она впервые забрела на мост? Ведь это ж была дикая удача. Двигаясь в Сан-Франциско по побережью, Шеветта подхватила лихорадку и едва переставляла подламывающиеся ноги. Все, буквально все причиняло ей боль — свет, звуки, ветер, обдувающий кожу; мозг ее точно лишился защитных покровов, превратился в огромный ком боли, в чудовищный серый гриб, неудержимо рвущийся наружу. Она помнила, как хлюпала оторвавшаяся подошва правой кроссовки, какую нестерпимую муку причиняло ей это хлюпанье, как ноги подкосились окончательно и она села на густо усыпанную мусором мостовую. Мир стал светлым и прозрачным, плыл и вращался, и тут этот кореец выскочил из своей лавки и стал кричать: вставай, вставай, здесь нельзя, иди в другое место. Предложение показалось Шеветте весьма привлекательным, и она направилась

прямо в Другое Место — завалилась назад и потеряла сознание, не успев даже почувствовать, как ударилась затылком о бетон.

Здесь-то, надо думать, и нашел ее Скиннер, хотя он толком этого не запомнил, а может — Шеветта не была уверена, — просто не хотел об этом говорить. Вряд ли он мог сам затащить ее наверх, в свою конуру — ведь и нога больная, и вообще, — позвал, наверное, пару мужиков на помощь. А может, и не звал никого, сам справился, со Скиннером ведь не угадаешь. Старый, больной, а иногда — словно подключится к стокиловольтному питанию и делает вещи, непосильные даже молодым крепким парням, хоть стой, хоть падай. Вытащил он Шеветту — это точно, а уж как вытащил и сколько провалялась она потом в беспамятстве — дело темное.

Открыв глаза, она увидела круглое окно с мелким переплетом, заткнутое кое-где тряпками; солнце пробивалось сквозь сохранившиеся стекла цветными точками и пятнами, каких Шеветта никогда прежде не видела; эти точки и пятна плыли в ее воспаленных глазах, как водяные жуки в пруду. Затем прошло огромное, мучительное время, вирус выжимал, выкручивал Шеветту так же, как этот старик выкручивал се-

рые полотенца, которыми обматывал ей голову. Когда горячка кончилась, отступила, откатилась куда-то на сотни миль вдаль, когда Шеветта вернулась, перевалила через край болезни, голова ее оказалась лысой, как яйцо, волосы лежали на мокрых полотенцах, словно набивка из старого, грязного матраса.

Когда волосы отросли, они поменяли цвет, стали темнее, почти черными. Может быть, поэтому Шеветта почувствовала себя вроде как тоже изменившейся, другой. Только почему, думала она, другой? Не другой, а именно что собой, какая я есть.

Шеветта прижилась на новом месте, взяла на себя все обязанности по добыванию еды и поддержанию порядка в комнате. Скиннер посылал ее на нижний уровень моста, где раскладывали свой товар торговцы старьем, посылал то с гаечным ключом, украшенным надписью «БМВ», то с мятой картонкой этих плоских черных штук, которые когда-то играли музыку, то с мешком пластмассовых динозавров. Шеветта не могла поверить, что весь этот хлам кому-то нужен, однако покупатели неизменно находились. Гаечный ключ позволил безбедно прожить целую неделю, за два черных диска из пачки заплатили

еще больше. Скиннер знал старые вещи, знал, где они изготовлены и для чего предназначены, мог с уверенностью сказать, что на это вот желающие найдутся быстро, а на это — нет. Первое время Шеветта боялась продешевить — товар непонятный, поди разберись, сколько стоит, но Скиннера это, похоже, не беспокоило. Непроданный товар — те же, скажем, пластмассовые динозавры — возвращался «на склад», в кучи барахла, сложенные на полу вдоль всех четырех стен комнаты.

Отрастив новые волосы и немного окрепнув, Шеветта начала делать дальние вылазки — в пределах моста, город все еще оставался чем-то чужим, пугающим. Дважды она добиралась до самого Окленда, знакомилась с обстановкой. Жизнь там была вроде и похожая, но какая-то немного другая, а чем именно другая — не понять. Больше всего Шеветте нравилось у себя, на подвесном мосту, — одни люди слоняются без дела, другие шустрят; кто чем хочет, тот тем и занимается; и все это вместе вроде как растет, каждый день что-то новое — маленькие, едва заметные, но изменения. В Орегоне нет ничего подобного, да что там Орегон, такого, наверное, и нигде больше нету.

Сперва Шеветта даже не понимала, что ей здесь

нравится, просто странное такое ощущение, психованное вроде, вроде как остатки горячечного бреда, но потом она подумала и решила, что это, наверное, и есть счастье и к счастью этому нужно привыкать.

Совершенно неожиданно выяснилось, что счастье — это совсем еще не все, что можно испытывать одновременно и счастье, и беспокойный, непоседливый зуд. Шеветта начала делать осторожные вылазки в город; чтобы не ходить с совсем уж пустыми карманами, она утаивала часть — совсем маленькую часть — денег, вырученных за Скиннерово барахло. Изучать Сан-Франциско — этого занятия могло хватить надолго. Шеветта обнаружила Хайтстрит, прошла по ней до Скайуокера, поглазела издалека на Храм Судьбы, но заходить за стену не стала. Вела туда аллея, даже не аллея, а узкий такой парк с очень подходящим названием: «Пэнхэндл»[130] — общедоступный парк (это ж представить себе, что такие еще сохранились!). Народу там было не протолкнуться, в любое, считай, время дня, и все больше старики, во всяком случае, выглядели они стариками, и все они лежали бок о бок, почти

---

[130] Примечания: 130
Panhandle (англ.) — ручка сковородки

впритирку, и каждый завернут от ультрафиолета в серебристый пластик, блестящий, как костюмы Элвиса, только сами эти люди совсем не были похожи на Элвиса из видеофильмов, которые показывали иногда в Бивертоне. Так уж говоря, они и вообще походили не на людей, а на червяков, завернутых в серебряную фольгу, каждый — в свой, отдельный клочок, и шевелились они тоже как червяки, у Шеветты прямо мурашки бежали по коже. Не любила она это место.

На Хайт-стрит она тоже чувствовала себя вроде как неуютно, хотя там и были такие участки, что идешь, смотришь и все как на мосту: люди делают, что хотят, ни от кого не прячась, вроде как копов и на свете не существует. Только на мосту Шеветта ничего не боялась, да и чего же бояться, если рядом всегда есть знакомые, если не свои, так хотя бы Скиннеровы, уж его-то, Скиннера, там каждая собака знает. И все равно она любила ходить по Хайт — где же еще найдешь столько мелких лавочек, такую дешевую еду. Вот, скажем, булочная, где всегда можно купить вчерашние бублики, дешево и хорошо; Скиннер говорит, что такие бублики и нужно есть, вчерашние, а свежие бублики все равно что яд, от них кишки склеиваются, или затыкаются, или еще что-то

в этом роде. У него, у Скиннера, много таких заморочек. Пообвыкнув, Шеветта начала даже заходить в хайт-стритские лавочки, почти во все, только старалась вести себя там очень тихо, улыбаться и не вынимать руки из карманов.

Однажды она заметила вывеску «Цветные люди», подошла — и не смогла понять, чем же это таким торгует лавка. По занавешенной сзади витрине были расставлены и разбросаны странные вещи — кактусы в горшках, большие ржавые железяки и еще какие-то маленькие, зеркально отшлифованные стальные штучки. Кольца, короткие стержни с шариками на концах и всякое такое, и одни из них висят на кактусах, прямо на иголках, а другие лежат на тех ржавых железяках. И эта самая занавеска, из-за нее не видно, что там внутри. Дверь лавки не была заперта, люди входили туда безо всякого звонка или там стука; Шеветта набралась смелости и решила, что не будет ничего страшного, если она откроет дверь и хоть краем глаза посмотрит, что же там такое делается. Из лавки вышел, посвистывая, толстый мужик в белом комбинезоне, затем вошли две высокие черноволосые женщины, с головы до ног в черном, как вороны. Интересно, чем они там таким занимаются.

Шеветта сунула голову в дверь. За прилавком стояла женщина с короткими огненно-рыжими волосами, все стены помещения были увешаны потрясными картинками, краски такие, что ослепнуть можно, и все сплошные змеи и драконы, и всякое такое. Дикое количество картинок, все сразу и не рассмотришь; Шеветта стояла раскрыв рот, а потом эта женщина за прилавком сказала: да ты заходи, чего дверь загораживаешь, — и Шеветта вошла, и только тут она увидела, что продавщица, или кто там она еще, одета во фланелевую рубашку без рукавов, распахнутую до пупа, и что ее руки и все, сколько видно, тело сплошь разрисованы такими же в точности картинками.

Тоже, казалось бы, новость — татуировка, татуировок Шеветта насмотрелась по это самое место и в подростковой колонии, и так, на улице, но ведь там была сплошная кустарщина, для которой достаточно иголок, цветной туши, нитки и шариковой ручки. Она подошла к прилавку и уставилась на безумное неистовство красок, сверкавшее между грудей женщины (не таких больших, как у Шеветты, хотя женщине этой было уже под тридцать, а может, и все тридцать), и там были осьминог, и роза, и голубые зигзаги

молний, и все это переплетено, перемешано, ни хоть вот столько неразрисованной кожи.

— Вы хотите что-нибудь купить, — спросила женщина, — или просто так смотрите?

Шеветта испуганно сморгнула и потупилась.

— Нет, — услышала она свой голос, — я только вот никак не могу понять, что это за маленькие металлические штучки, которые в витрине.

На прилавке лежала большая книга, переплетенная в черную кожу с хромированными накладками. Женщина развернула ее к Шеветте, раскрыла на первой странице, где красовался странного вида член — здоровенный, с двумя маленькими стальными шариками по бокам клиновидной головки.

Шеветта хрюкнула от удивления.

— Амфаланг, — пояснила татуированная продавщица, — или амфитрахий, как называют его некоторые, имеет много разновидностей. Это — гантель, а это, — она перелистнула страницу, — шпора. Запонки. Кольцо. Грузила. А эта модель известна как «мутовка». Нержавеющая сталь, ниобий, белое золото пятьсот восемьдесят третьей пробы.

Она перекинула страницы назад, и перед Шеветтой снова возник тот, самый первый болт.

Фокусы, подумала Шеветта. Нарисовать любое можно.

— Так больно же будет, — сказала она вслух.

— Не так больно, как тебе кажется, — прогудел низкий бархатистый голос, — а потом, как привыкнешь, так чистый кайф.

На черном-черном, как черное дерево, лице парня сверкала широкая, в тридцать два ослепительно белых зуба, улыбка, под подбородком болталась нанопористая маска, — вот так и произошло первое знакомство Шеветты с Сэмьюэлом Саладином Дюпре.

Двумя днями позднее она увидела его на Юнион-сквер, в компании велосипедных курьеров. Она давно уже пялилась на этих ребят. Одежда и прически — как ни у кого кроме, а главное — велосипеды со светящимися колесами и рулями, загнутыми вверх и вперед, как скорпионьи хвосты. А еще шлемы со встроенными рациями. Они либо неслись куда-то во весь опор, либо вот так вот, как сейчас, мирно тусовались — чесали себе языками да пили кофе.

Сэм стоял вместе со всеми, скинув ноги с педалей на землю, и ел верхнюю половинку бутерброда. Розовая в черную крапинку рама гудела низкой, почти одни басы, музыкой, длин-

ные черные пальцы левой руки безостановочно плясали по рулю, отбивая такт. Шеветта подошла поближе, чтобы присмотреться к велосипеду. Переключение скоростей, тормоза, все такое хитрое и, ну, красивое, что чистый отпад.

— В пуп и в гроб, — несколько гнусаво провозгласил Сэм, его рот был забит бутербродом. — В пуп и в гроб мой амфи… мой амфитрахий. Амфалл-ланг. Где ты раздобыла такие туфли?

Старые парусиновые кеды, позаимствованные у Скиннера. Настолько длинные, что Шеветте пришлось запихать в каждый чуть не по целой газете.

— Вот, бери. — Сэм сунул ей в руку вторую половинку своего бутерброда. — Я уже заправился.

— Велосипед у тебя… — восхищенно помотала головой Шеветта.

— Чего там с моим велосипедом?

— Он… Ну, он…

— Нравится?

— Ага.

— А то, — гордо ухмыльнулся Сэм. — «Сугаваровская» рама. «Сугаваровские» передачи и подшипники. Гидравлика от «Зуни». Полный абзац.

— И колеса, — добавила Шеветта. — Потрясные

колеса.

— Ну, — ухмыльнулся Сэм, — это больше так, для балды. И чтобы мудак, который сшибет тебя на улице, хоть заметил, что кого-то там сшибает.

Шеветта потрогала руль. Потрогала музыку, гудевшую в велосипеде.

— Да ты ешь, — сказал Сэмми. — За фигуру тебе бояться не приходится.

Шеветта послушно откусила бутерброд, и они разговорились, и это, собственно, и было их настоящее знакомство.

Затаскивая велосипед по хлипкой фанерной лестнице, Шеветта рассказала Сэму о японке, как та вывалилась из лифта. И как она сама, Шеветта, в жизнь не попала бы на ту пьянку и даже не знала бы, что где-то там идет пьянка, если бы не оказалась в том самом месте — перед лифтом, значит, — в тот самый момент. Сэмми отвечал неразборчивым хмыканьем; колеса его велосипеда погасли, стали тускло-серыми.

— А чья же это была пьянка и по какому случаю? Ты там ни у кого не спросила?

Мария. Мария же говорила.

— Коди. Мне сказали, что хозяин — какой-то Коди и…

Сэмми Сэл резко притормозил, брови его по-

ползли вверх.

— Так-так. Коди Харвуд?

— Не знаю, — равнодушно пожала плечами Шеветта. Бумажный, почти невесомый велосипед абсолютно не сковывал ее движений.

— А кто это такой — Коди Харвуд, ты хоть это-то знаешь?

— Нет.

Площадка. Теперь можно не тащить велосипед, а катить.

— Ба-альшие башли. Реклама. Харвуд Левин — это его папаша.

— Ну да. — Шеветте было по фигу, кто там чей папаша. — Я же говорила, что там и публика, и все-все там было богатое.

— Папашина фирма руководила избирательной кампанией президентши Миллбэнк и на этих выборах, и на прошлых.

Но Шеветта была занята более важным делом — активировала распознающую петлю. Сэмми поставил свой велосипед рядом, загоревшиеся было колеса потускнели и снова стали серыми.

— Я прицеплю его к своему, на той же петле. Да здесь их вообще никто не тронет.

— Вот так же думал и я, — сказал Сэмми, наблюдая, как Шеветта вытягивает петлю, как она

осторожно, чтобы не оставить на розовой с черным эмали ни царапинки, обматывает раму его велосипеда, как запечатывает петлю большим пальцем. — В тот раз, когда у меня сперли первый велосипед. И следующий.

К величайшей ее радости, желтая корзина подъемника была внизу; гостей у Скиннера, похоже, нет.

— Ну, так что, поехали?

Шеветта запоздало вспомнила, что обещала утром купить у Джонни-таиландца суп, кисло-сладкий лимонный суп, любимое блюдо Скиннера.

Когда она сказала Сэму, что хочет курьерить, хочет иметь свой собственный велосипед, он принес ей мексиканский шлем с наушниками и наглазниками, обучающий, где в Сан-Франциско какая улица и как куда проехать. Через три дня Шеветта знала город вдоль и поперек, хотя и не так, как знают его курьеры. У курьера, сказал Сэмми, в голове такая карта, какой нигде больше и нет. Тут же нужно знать все основные здания, и как в них войти, и как там себя вести, и что нужно делать, чтобы какая-нибудь сволочь не стырила твой велосипед. Но когда он привел ее к Банни, все прошло без сучка, без задоринки, чудо

да и только.

За три недели она заработала достаточно, чтобы купить себе вполне приличный велосипед, это тоже было вроде как чудо.

Примерно в это же время Шеветта начала встречаться после работы с парой других «Объединенных» велосипедисток, с Тэми Ту и Элис Мэйби, через них-то она и забрела тогда к когнитивным диссидентам. Забрела и познакомилась с Лоуэллом.

— Здесь у вас никто не запирается, — сказал Сэмми, глядя снизу, как Шеветта поднимает крышку люка.

Шеветта зажмурилась и увидела целую толпу копов, набившуюся в Скиннерову клетушку, попыталась рассмотреть, как они одеты, но не смогла. Затем она открыла глаза и просунула голову в люк.

Обычная, ежедневно наблюдаемая сцена. Скиннер лежит в постели, взгромоздив маленький телевизор прямо себе на грудь, из серых дырявых носков выглядывают желтые, ороговевшие ногти.

— Привет, — сказала Шеветта, поднимаясь наверх. — Я привела Сэмми. Мы с ним вместе работаем.

В люк просунулись голова и плечи Сэмми Сэла.

— Здрасьте, — кивнул Сэмми.

Скиннер молчал, по хмурому морщинистому лицу бегали цветные отсветы экрана.

— Как поживаете? — вежливо осведомился Сэмми; он поднялся в комнату и прикрыл за собой крышку люка.

— Ты поесть что-нибудь принесла? — Скиннер словно и не замечал гостя.

— Джонни говорит, что суп будет готов чуть попозже, — сказала Шеветта, двигаясь к стеллажу с журналами, и тут же осеклась: ну надо же — сморозить такую глупость! Суп этот готов всегда, двадцать четыре часа в сутки — Джонни заварил его много лет назад и с тех пор только и делает, что добавляет продукты в постоянно кипящий котел.

— Как поживаете, мистер Скиннер? — терпеливо повторил Сэмми. И подмигнул Шеветте. Он стоял, чуть наклонившись, чуть рас ставив ноги, и держал шлем перед собой, в обеих руках, ни дать ни взять — подросток, пришедший засвидетельствовать почтение папаше своей подружки.

— А чего это ты там подмигиваешь?

Скиннер щелкнул выключателем, и экран погас. Шеветта купила этот телевизор в Мыше-

ловке, с контейнеровоза. Скиннер говорил, что не в силах больше разобрать, какие из передач «программа», а какие «реклама», что бы эти слова ни значили.

— Да нет, мистер Скиннер, — сказал Сэмми Сэл, — что вы, просто в глаз что-то попало.

Он переступил с ноги на ногу и стал еще больше похож на нервозного, неуверенного в себе подростка. Шеветта бы, пожалуй, расхохоталась, если бы не другое, важное дело. Прикрытая широкой спиной Сэмми, она пошарила за журналами. На месте, слава богу. Вытащим и — в карман.

— Сэмми, а ты смотрел когда-нибудь на город с нашей верхотуры?

Шеветта чувствовала на своем лице широкую, придурочную улыбку, чувствовала недоумение Скиннера, пытавшегося понять, что же тут происходит, но ей сейчас все было по фигу. Она взлетела по стремянке к потолочному люку.

— Нет, лапа, никогда. Полный, наверное, отпад.

— Слышь, — сказал Скиннер, глядя, как Шеветта открывает люк, — что это с тобой, сдурела, что ли?

Но она уже поднялась в недвижность навалившегося на мост воздуха. Чаще всего здесь

дул ветер, вызывавший острое желание лечь ничком и вцепиться во что-нибудь покрепче, но бывали и такие вот моменты мертвого, абсолютного затишья. Сзади послышались шаги Сэмми. Шеветта вынула футляр из кармана и шагнула к краю крыши.

— Подожди, — сказал Сэмми. — Дай посмотреть.

Шеветта занесла руку для броска. Цепкие черные пальцы выхватили у нее футляр.

— Ты что!

— Стихни. — Сэмми открыл футляр, извлек из него очки. — Отличная штука…

— Отдай!

Шеветта протянула руку, но получила только сланцево-серую скорлупку футляра.

— Видишь, как это делается? — Сэмми держал очки за дужки. — Слева «aus», справа — «em». Вот так вот, слегка сдвинуть — и все.

В тускловатом свете, пробивающемся из люка, — длинные черные пальцы.

— Вот, попробуй сама, — сказал Сэмми, надевая на Шеветту очки.

Деловые кварталы Сан-Франциско, Пирамида, стянутая после землетрясения стальными скрепами, дальние горы — все это исчезло.

— Еж твою в двадцать, — пораженно выдохнула Шеветта, глядя на ровный строй невероятных зданий. Огромные — шириной, пожалуй, в четыре городских квартала каждое, — они отвесно уходили к небу, чтобы там, на головокружительной высоте, распуститься широкими, похожими на дуршлаги полусферами. Затем небо заполнилось китайскими иероглифами.

— Сэмми…

Она покачнулась и тут же почувствовала на правом локте твердую руку Сэма.

Китайская надпись искривилась, поплыла, выстроилась в нормальные буквы.

«САНФЛАУЭР КОРПОРЕЙШН».

— Сэмми…

— А?

— Что это за хрень?

Стоило Шеветте присмотреться к чему-нибудь повнимательнее, как в небе вспыхивала новая надпись, тесные строчки непонятных технических терминов.

— Откуда мне знать, я же не вижу, чего ты там видишь. Дай посмотреть.

— Скутер, — донесся снизу голос Скиннера. — Чего это ты вдруг вернулся?

Шеветта беспрекословно отдала Сэмми Сэлу

очки, опустилась на колени и заглянула в люк. Ну да, тот самый японский недотепа, который ходит все время к Скиннеру, студентик или социальный работник, или кто уж он там такой. Только чего этот японец так странно выглядит, он и всегда-то как пыльным мешком ударенный, а тут и вообще. Испуганный какой-то. И кто это с ним второй?

— Ну так что, Скутер, — сказал Скиннер, — как жизнь молодая?

— Это мистер Лавлесс, — пробормотал Ямадзаки. — Он хочет с вами познакомиться.

— Эй, на крыше! — незнакомец сверкнул золотыми коронками и вытащил из кармана длинного черного дождевика пистолет. Он держал оружие с привычной непринужденностью профессионала, как плотник свой молоток или смазчик — масленку. На его руке была хирургическая перчатка. — Чего ты туда залезла, спускайся к нам.

Глава 17

Мышеловка

— А делается это так, — сказал Фредди, вручая

Райделлу кредитную карточку. — Ты платишь пять сотен за вход и имеешь потом право набрать на эти пять сотен товару.

Райделл взглянул на карточку. Какой-то голландский банк. В счет, нужно понимать, зарплаты. Сейчас, пожалуй, самое время спросить, какая она будет, эта зарплата. А может — и не самое время, может, лучше подождать, а то больно уж у него, у Фредди, мрачное настроение.

По словам Фредди, этот Контейнерный город — лучшее место, чтобы быстро и без хлопот купить одежду. Нормальную, будем надеяться, одежду. Уорбэйби пьет сейчас травяной чай в этом странноватом кафе. Сказал, что ему нужно спокойно подумать. Отослал Райделла к машине, а Фредди задержал и пару минут с ним секретничал.

— А что, если мы ему понадобимся? Поехать захочет куда-нибудь или еще что.

— Позвонит и вызовет.

Следуя указаниям Фредди, Райделл засунул кредитную карточку в кассовый автомат и получил пятисотдолларовый магнитный чек Контейнерного города плюс разрешение на парковку «Патриота».

— Теперь сюда, — сказал Фредди, указывая на турникеты.

— А ты что, не будешь платить?

— На хрена? — ухмыльнулся Фредди. — Я покупаю одежду в других местах.

Он открыл бумажник и продемонстрировал Райделлу карточку с эмблемой «Интенсекьюра».

— А я-то считал, что вы на них работаете сугубо по договору.

— Сугубо, но очень часто, — пояснил Фредди, засовывая в прорезь интенсекьюровскую карточку. Райделл прошел через соседний турникет с помощью своего магнитного чека.

— Так это что же, без пяти сотен сюда и не войдешь?

— Да, потому и название такое — «Мышеловка». Они это придумали, чтобы не прогореть на эксплуатационных расходах, защитили себя от зевак, не собирающихся ничего покупать. Каждый вошедший оставит здесь не меньше этих пяти сотен.

Контейнерный город оказался исполинским крытым рынком, если можно назвать «рынком» место, где паркуются не грузовики, а корабли, большие корабли. Судя по всему, пятисотдолларовый минимум никого особенно не отпугивал, люди здесь толклись даже теснее, чем на улице.

— Гонконгские деньги, — сказал Фредди. — Эти

ребята откупили целый кусок набережной.

— Слышь, — удивленно воскликнул Райделл, указывая на смутный силуэт, вырисовывавшийся за крановыми балками и прожекторными мачтами, — так это ж мост, тот самый, на котором люди живут.

— Да, — криво усмехнулся Фредди, — только лучше бы сказать не «люди», а «психи».

Он направил Райделла к эскалатору, неутомимо взбегавшему на безупречно белый борт огромного контейнеровоза.

— Охренеть можно, — восхитился Райделл, оглядывая сверху Контейнерный город. — Куда там Лос-Анджелесу, там такого не найдешь!

— Ну уж, не скажи, — качнул головой Фредди, — и я родился в Лос-Анджелесе, так что знаю, о чем говорю. А это — рынок себе и рынок, плешь собачья.

Райделл купил бордовую нейлоновую куртку, две пары черных джинсов, три черные футболки и белье, за все про все — пять сотен с небольшим, так что пришлось доплатить по кредитной карточке.

— Совсем и не дорого, — сказал он, укладывая покупки в желтый полиэтиленовый мешок с эмблемой Контейнерного города. — Спасибо,

Фредди, что показал такое место.

— Не за что, — пожал плечами Фредди. — А что там на джинсах написано, где они произведены?

Райделл изучил ярлык.

— Африканский союз.

— Ну вот, — кивнул Фредди, — принудительный труд. Не нужно было тебе брать это говно.

— Я как-то не подумал… А как тут с едой, поесть тут можно где-нибудь?

— Сколько душе угодно…

— А ты-то пробовал когда такую вот корейскую хрень маринованную? Ну, прямо огонь во рту…

— У меня язва. — Фредди методично закладывал себе в рот ложку за ложкой простого, безо всяких там примочек йогурта.

— Стресс, Фредди, это все от стресса.

— Очень смешно. — Фредди оторвался от розовой пластиковой миски и окинул Райделла недружелюбным взглядом. — Ты что, всегда такой юморист?

— Какой там юмор, — печально улыбнулся Райделл, — просто так уж вышло, что я про язву много знаю — у моего отца тоже думали, что язва.

— Так была она у него или нет, язва, у твоего папаши?

— Нет, потом вдруг оказалось, что не язва, рак

желудка.

Фредди болезненно сморщился, отставил свой йогурт, покрутил в пальцах бумажный стаканчик с ледяной минеральной, отхлебнул из него и тоже отставил.

— Эрнандес говорит, — сказал он, — что ты учился на копа в какой-то там глухой дыре.

— Ноксвилль, — кивнул Райделл. — И не просто учился, я был копом. Только недолго.

— Ну да, конечно, понимаю. — Фредди не то успокаивал Райделла, не то извинялся за свою «глухую дыру». — Так ты что, прошел полную тренировку по всем этим полицейским штучкам?

— Н-ну, — протянул Райделл, — в нас старались впихнуть всего понемногу. Осмотр места происшествия. Вот, скажем, в этом номере, сегодня. Я точно знаю, что они не работали с суперклеем.

— Не работали?

— Нет. В суперклее есть такая химическая зараза, которая липнет к содержащейся в отпечатках воде, а ведь они, отпечатки, из той воды, считай, и состоят, на девяносто восемь процентов. Ну, так вот, есть такой маленький нагреватель, специально для клея, вставляется прямо в обычную розетку. Включаешь его, затыкаешь окна и двери мусорными мешками, да хоть чем угодно, лишь

бы заткнуть, и оставляешь так на двадцать четыре часа, потом возвращаешься и очищаешь там воздух.

— Как это — очищаешь?

— Ну, проветриваешь. Открываешь окна и двери. Потом все как обычно — ищешь отпечатки, обрабатываешь порошком. А там, в отеле, ничего этого не сделали. После такой обработки на всем остается тоненькая такая пленка. И еще запах, как ни проветривай…

— Ни хрена себе, — уважительно протянул Фредди, — да ты, получается, настоящий спец.

— Тут же все на уровне здравого смысла, — отмахнулся Райделл. — Ну, вроде как не пользоваться туалетом.

— Туалетом? Не пользоваться?

— На месте преступления. Не ходить в туалет. Не спускать воду. Ведь если бросить что-нибудь в унитаз… Ты обращал внимание, как там все устроено, вода прет вниз, а потом вверх и снова вниз.

— Ага, — кивнул Фредди.

— Так вот, вполне возможно, что преступник, или кто там еще, бросил туда что-нибудь и спустил. А эта хрень не спустилась совсем и так и болтается там, в трубе. А ты придешь, спустишь

воду — и все, с концами.

— Вот же мать твою, — восхитился Фредди. — Ну, никогда такого не знал.

— Здравый смысл, — повторил Райделл, вытирая губы бумажной салфеткой.

— А ведь прав мистер Уорбэйби, точно прав.

— Это про что?

— Он говорит, что мы зря усадили тебя за баранку, что ты можешь заниматься куда более серьезными делами. Сам-то я, если по-честному, совсем не был в этом уверен.

Фредди замолчал, словно ожидая, что Райделл обидится.

— Ну и?

— Ты заметил, что у мистера Уорбэйби на ноге шина?

— Да.

— Ты знаешь этот мост, на который ты еще показывал?

— Да.

— И ты помнишь снимок этой рассыльной соплячки, малолетка такая, крутая, как яйцо?

— Да.

— Ну, так вот, — вздохнул Фредди, — мистер Уорбэйби уверен, что она-то и обворовала этого мужика. И она живет на мосту. А мост этот самый

— местечко страшное, жуткое. Там сплошные анархисты, жуть сплошная…

— А я слышал, там самые обыкновенные люди, бездомные. — Райделл смутно припомнил какой-то старый документальный фильм о мосте. — Устроились там и живут.

— Хрен там, бездомные. — Для убедительности Фредди сжал правую руку в кулак и стукнул по ее сгибу ребром левой ладони. — Бездомные, они живут на улице. А эти, на мосту, они же все там сатанисты и хрен знает что. Вот ты, наверное, думаешь, что можешь пойти туда и так себе спокойно разгуливать? Хрен ты там погуляешь. Они ж туда только своих пускают. Это у них вроде как культ, инициации и все такое, белье-мое.

— Инициации?

— Черные инициации, — наставительно поднял палец Фредди.

Нужно думать, ухмыльнулся про себя Райделл, красавчик не имеет в виду расовый аспект этих ритуалов.

— О'кей, — сказал он вслух, — только как это все связано с ногой мистера Уорбэйби?

— Вот там-то, на мосту, ему и повредили колено, — торжественно поведал Фредди. — Он пробрался туда, отчетливо понимая, что рискует

своей жизнью, но он был готов на все, лишь бы спасти это дитя. Маленькую девочку. — Фредди прямо упивался своим повествованием. — Эти суки с моста, они же часто это делают.

— Что — «это»? — в глазах Райделла стояли постные, невыразительные физиономии «Медведей-Шатунов».

— Воруют детей, — объяснил Фредди. — И теперь ни мистер Уорбэйби, ни я, ни один из нас не может и близко туда подойти, ведь эти суки, они на нас охотятся, понимаешь?

— А потому вы хотите, чтобы туда пошел я?

Райделл запихнул скомканную салфетку в картонную коробку из-под кимчи.[131]

— Пусть уж мистер Уорбэйби сам все это объясняет, — вздохнул Фредди. — У него лучше получится.

Они нашли Уорбэйби там же, где и оставили, — в темноватом, с высоким потолком кафе; район, сказал Фредди, зовется Норт-Бич. На Уорбэйби снова были эти хитрые очки, но что уж там изучал знаменитый сыщик, оставалось полной загадкой.

Райделл прихватил из машины свой синий

---

[131] Примечания: 131
Кимчи (чимчи) — корейское овощное блюдо, очень острое и пряное

«самсонит» и мешок с покупками, ему не терпелось переодеться. Туалет в кафе имелся всего один, на одну персону вне зависимости от пола, в туалете этом была даже ванна, так что он вполне заслуживал гордое название «ванная комната». Судя по всему, ванной этой никто никогда не пользовался — на внутренней ее поверхности была намалевана русалка в натуральную величину. Неизвестный злоумышленник прилепил к животу морской девы коричневый окурок, чуть повыше того места, где кончается кожа и начинается чешуя.

Райделл обнаружил, что Кевиновы брюки лопнули сзади по шву, и с тоской задумался, сколько же это времени разгуливал он в таком вот пикантном виде, с голой задницей. Ладно, будем считать, что авария произошла только что, в машине, иначе кто-нибудь да сказал бы, да хоть тот же самый Фредди. Он снял интенсекьюровскую рубашку, затолкал ее в урну для мусора, надел одну из черных футболок, расшнуровал ботинки и задумался. Предстояла сложная задача — переодеть трусы, брюки и носки, ни разу не встав босыми ногами на подозрительно мокрый пол. Залезть в ванну? Да нет, там тоже грязно. В конечном итоге ему удалось выполнить все

необходимые операции, сперва — стоя на снятых ботинках, а затем — полусидя на стульчаке; вся старая одежда отправилась в ту же самую урну. Размышляя, сколько же там осталось на этой голландской кредитной карточке, Райделл переложил бумажник в правый задний карман новых джинсов, а затем надел бордовую куртку. Умылся под жиденькой струйкой чуть тепловатой воды. Причесался. Уложил остальную одежду в «самсонит», не забыв и магазинный мешок — пригодится для грязного белья.

Хорошо бы, конечно, принять душ, но с этим придется повременить, переодеться удалось — и то слава богу.

На этот раз очки Уорбэйби оказались прозрачными.

— Фредди рассказал тебе немного насчет моста?

— Ну да, — кивнул Райделл. — Они там все сатанисты, пьют кровь христианских младенцев.

Уорбэйби сверкнул глазами на скромно потупившегося Фредди.

— Описание излишне колоритное, однако, очень близкое к истине. Место не из самых приятных. К тому же оно фактически выпадает из сферы действия правоохранительных органов.

К примеру, там ты не встретишь наших друзей Шитова и Орловского, во всяком случае — в их официальном качестве.

Еще один ледяной взгляд, и улыбка, появившаяся было на лице Фредди, увяла.

— Фредди мне все уже объяснил. Вы хотите, чтобы я отправился на мост и нашел эту девушку.

— Да, — мрачно кивнул Уорбэйби, — совершенно верно. Очень хотелось бы сказать тебе, что ничего опасного там нет, однако это не так. К крайнему моему сожалению.

— Да-а… И насколько же это опасно?

— Очень, — вздохнул Уорбэйби.

— А эта девушка, она что, тоже опасна?

— В высшей степени, — отчеканил Уорбэйби. — Тем более что внешность ее не внушает ни малейших опасений. Да что там говорить, ты же сам видел, что они сделали с горлом этого человека.

— Господи, — поражение выдохнул Райделл, — неужели вы думаете, что эта девочка способна на такое?

— Ужас, — печально кивнул Уорбэйби. — Люди делают ужасные вещи.

Только теперь, вернувшись к машине, Райделл заметил, что припарковал ее прямо под огромной

стенной росписью. Джей-Ди Шейпли, в черной кожаной куртке на голое тело, возносится в рай на руках полудюжины белокудрых, предельно педерастичных ангелов. Голубыми сверкающими спиралями ДНК, исходящими из его живота, Шейпли поражал вирус СПИДа — ржавый, отвратительного вида шар со множеством зловещих механических лап, очень похожий на боевую космическую станцию из какого-нибудь фантастического фильма.

До чего же это было дико — быть этим вот парнем, Шейпли. А быть кем-нибудь другим, разве это не дико? Тоже дико. Но вот что особенно дико, так это быть Шейпли и умереть, как он, а потом глядеть на эту вот картинку.

«ТЕПЕРЬ ОН ЖИВЕЕ НАС, — гласила надпись большими, в добрый фут высотой, буквами, — И ТОЛЬКО ИМ МЫ ЖИВЕМ».

Истина, с которой мог бы поспорить разве что Саблетт, так и не сделавший себе ни одной прививки.

Глава 18

Конденсатор

У Шеветтиной матери был одно время дружок по фамилии Оукли, который пил по-черному, а в свободное от пьянки время возил бревна на лесопилку, если, конечно, не врал. Долговязый мужик с голубыми, широко посаженными глазами и лицом, изборожденным глубокими вертикальными морщинами. Мамаша восхищалась этими морщинами, говорила, что с ними Оукли похож на самого взаправдашнего ковбоя. И никакой у него не ковбойский вид, а такой, ну вроде как опасный, думала про себя Шеветта, но с матерью не спорила. К слову сказать, ничего опасного в Оукли не было, ну разве что примет на грудь слишком уж много — бутылку там виски или две — и перестанет понимать, что к чему. Иногда он начинал приставать к Шеветте, путал ее с мамашей, но Шеветте каждый раз удавалось вывернуться; проспавшись, Оукли не знал, куда глаза деть, и он шел в лавку и покупал ей всякие побрякушки, ну чтобы вину свою хоть как-то загладить. А сейчас, глядя сверху, через люк, на этого незнакомого мужика, Шеветта вспомнила тот случай, когда Оукли, трезвый как стеклышко, отвел ее в лес и дал пострелять из револьвера.

У этого, в комнате, было лицо вроде как у Оукли, и глаза такие же, и морщины на щеках. Такие морщины, как вроде человек много улыбается, да он и сейчас улыбался, тип этот, только вот улыбка у него была такая, что никого не развеселит, не успокоит, и еще эти золотые зубы.

— Спускайся, — сказал он не очень громко, но все равно это звучало как приказ, за невыполнение которого того и гляди поставят к стенке.

— Ты что, парень, с буя сорвался? — в голосе Скиннера не чувствовалось страха — недоумение, любопытство, но никак не страх.

Сухой, совсем негромкий щелчок, и яркая голубая вспышка. Японец осел на пол, сразу как-то осел, неожиданно. Шеветта даже сперва подумала, что этот тип его застрелил.

— Заткнись, — бросил бандюга Скиннеру и снова повернулся к Шеветте. — Спускайся. Сколько раз тебе говорить?

Пальцы Сэмми Сэла тронули ее за затылок, чуть подтолкнули к люку, снова исчезли где-то там сзади.

Этот тип, он же, пожалуй, и не подозревает даже, что здесь, на крыше, есть еще какой-то Сэмми Сэл. А очки у Сэмми Сэла. И никакой этот мужик не коп, скорее уж наоборот.

— Извините, пожалуйста, — сказал японец. — Мне очень неудобно перед вами, но…

— Сейчас я всажу тебе пулю в правый глаз.

И все лыбится, лыбится, и голосок — ну прямо словно предлагает: «Хочешь, я куплю тебе сэндвич?»

— Сейчас, — сказала Шеветта, — иду. — И этот не стал больше стрелять ни в нее, ни в никого.

Она вроде как слышала, как Сэмми Сэл шагнул по крыше, отступил от нее и от люка, но не стала, конечно, оборачиваться. И она не знала, стоит закрывать за собой люк или нет, и решила, что не стоит, ведь мужик сказал ей спуститься и ничего больше. Чтобы закрыть, ей нужно будет повернуться и протянуть руку назад, к крышке, а хрен там хрена этого знает, подумает еще, что она достает оттуда пистолет или еще что. Ну прямо тебе как в кино. Чистый цирк.

Спрыгивая с нижней ступеньки на пол, Шеветта старалась держать руки на виду, чтобы хрену этому было видно.

— Что ты там делала?

И улыбочка, все та же долбаная улыбочка. Пистолет и близко не похож на старый громадный и неуклюжий револьвер, привезенный Диком Оукли из Бразилии. Маленькая такая, тупорылая,

почти квадратная хреновина из тускло-серого, точь-в-точь как инструмент в Скиннеровом ящике, металла. А на кончике дула, вокруг дырки, кольцо другого металла, блестящего, вроде как глаз с черным зрачком.

— На город смотрела.

Шеветта не ощущала особого страха. Да она сейчас и вообще ничего не ощущала, кроме дрожи в ногах.

Тип поднял голову, скользнул взглядом по черному зеву люка; рука, сжимавшая пистолет, не шевелилась, как каменная. Шеветта боялась, а вдруг он спросит, одна она была на крыше или с кем; ответишь неуверенно, или там со слишком горячей уверенностью, так он ведь сразу поймет, что врешь.

— Ты знаешь, за чем я пришел.

Скиннер сидел в кровати, привалившись спиной к стенке; от недавней его сонливости не осталось и следа. Японец — не только живой, но, похоже, даже не раненый — сидел на полу, широко раскинув длинные костлявые ноги.

— Ясненько, — сказал Скиннер, — наркотики или деньги. Только ты сильно ошибся адресом. Если хочешь, могу дать тебе пятьдесят шесть долларов и лежалый хабарик с дурью.

— Заткнись. — Золотоносная улыбка исчезла, теперь у мужика словно вообще не было губ — тонкая, как карандашом проведенная линия и все. — Я не с тобой разговариваю.

Скиннер хотел вроде бы что-то сказать или, может, засмеяться, но не сделал ни того, ни другого.

— Очки.

Тип снова сверкнул этой своей улыбкой, которая и на улыбку-то не похожа, и поднял пистолет, так что Шеветта глядела теперь прямо в злобный черный зрачок. Ну, пристрелит он меня, — мелькнула у нее мысль, — ну и что? А где он их потом искать будет?

— Хэпберн, — сказал Скиннер с этой своей легкой, чуть ненормальной улыбочкой, и только теперь Шеветта заметила, что во лбу Роя Орбисона, который на стене, на постере, появилась круглая, аккуратная такая дырочка.

— Там. — Она указала на люк. На нижний люк, люк в полу.

— Где?

— В багажнике велосипеда.

(Только бы Сэмми не наткнулся в темноте на эту ржавую тележку, не загремел.)

Тип взглянул на потолочный люк — ну прямо мысли слушает.

— Лицом к стене, раскинь руки. — Он подошел ближе. — Ноги пошире. — Холодное прикосновение к затылку, пистолет, наверное. Бесстрастная, словно механическая, рука скользнула под куртку, ищет оружие…

— Так и стой.

Скиннеров нож — тот, керамический, с фрактальным лезвием — бандит прозевал. Шеветта чуть повернула голову и увидела, как он одной рукой обкручивает запястье японца чем-то красным и вроде как резиновым — яркая такая штука, ну вроде как эти мягкие жевательные конфеты, на червяков похожие, которыми торгуют из больших стеклянных банок. Потом он проволок косоглазого дурика через всю комнату, пропустил красную хреновину через стальной кронштейн столика, того самого, за которым Шеветта завтракала, и обмотал свободным ее концом второе, покорно подставленное запястье. Этим дело не кончилось. Затянутая в резиновую перчатку рука извлекла из левого кармана черного дождевика еще одну такую же штуку и встряхнула ее, как игрушечную змею.

— Сиди, старик, на своей кровати и не рыпайся.

Бандюга ткнул Скиннера пистолетом в висок,

наклонился и опутал его руки. Скиннер молчал и не шевелился.

Затем настала очередь Шеветты.

— Тебе мы сделаем спереди, а то по лестнице не сможешь спуститься.

Веревка эта, или как ее, оказалась холодной, скользкой, и типу этому не пришлось ее завязывать там или защелкивать, она сама склеилась на запястьях в кольцо, даже не склеилась, а срослась, безо всяких там швов. Веселенькие такие пластиковые браслеты, ярко-красные, ну прямо тебе детская игрушка. Теперь с молекулами каких только фокусов не делают.

— Я буду за тобой следить, — сказал он и снова стрельнул глазами на потолочный люк. — Так что спускайся медленно, безо всяких штучек. Если ты спрыгнешь или побежишь, когда будешь внизу, — я тебя убью.

Шеветта ни секунды не сомневалась, что так он и сделает, если сможет, а вот сможет ли? Оукли, помнится, говорил в тот раз, в лесу, что это очень трудно — попасть в цель, когда стреляешь прямо вниз, а прямо вверх еще труднее. Так что стоило, пожалуй, рвануть, как только под ногами будет ровное место, всего-то и надо что отбежать от лестницы на шесть футов, а там уже угол, и по-

минай, как звали… Шеветта еще раз взглянула в черный с серебряной радужкой зрачок пистолета и решила, что эта, насчет рвануть, идея не такая уж, в общем-то, и удачная.

Она подошла к люку и встала на колени. Спускаться по чуть ли не вертикальному трапу со связанными руками — номер трудный, почти акробатический; мужик помог Шеветте, ухватив ее за шкирку Скиннеровой кожанки. В конце концов, она поставила ноги на третью от верха ступеньку и вцепилась пальцами в край люка, дальше уже было попроще. Она переставляла ноги на одну ступеньку вниз, отпускала ступеньку, за которую держалась руками, и хваталась за следующую — тут-то, собственно говоря, и был весь фокус: не успеешь перехватить достаточно быстро, потеряешь равновесие и сверзишься вниз, сделаешь чересчур резкое движение — тот же самый плачевный результат. А потом — все по новой.

Шеветта опускалась почти механически, думая совсем о другом, и как-то так вышло, что лестничная эта эквилибристика помогла ей просмотреть все возможные варианты и выбрать из них самый вроде бы осуществимый. Она думала спокойно и методично, немного даже удивляясь

собственному спокойствию, знакомому спокойствию. Точно так же чувствовала себя Шеветта в Бивертоне, в ту ночь, когда она перебралась через колючую проволоку, взяла и перебралась, ничего не планируя заранее. А еще в тот раз, когда эти шоферюги-дальнобойщики решили затащить ее в свою спальную конуру; она тогда сделала вид, что не имеет, собственно, ничего против, а затем выплеснула одному из них в морду целый термос горячего кофе, врезала другому ногой по балде и выскочила наружу. Шоферюги искали ее битый час, светили повсюду и фарами, и фонариками, а она все лежала и лежала в болоте, в кустах, и боялась пошевелиться, а комары жрали ее заживо. Так и стоят перед глазами ослепительно-яркие лучи, пляшущие на чахлых болотных кустиках.

Все, площадка. Шеветта отступила от лестницы, стараясь держать связанные руки на виду, а то еще что подумает. Мужик спустился быстро, бесшумно и даже красиво — ни одного лишнего движения. Только сейчас Шеветта обратила внимание, из какой странной ткани сшит его дождевик — ни малейшего глянца, и даже не матовая она, а словно вообще не отражает света, нисколько. А на ногах — ковбойские сапоги, тоже черные. Бегать в таких не хуже, чем в кроссовках,

хотя мало кто об этом догадывается.

— Где они?

Короткая улыбка, мгновенная вспышка золота. Темно-русые волосы гладко зачесаны назад. Демонстративное движение стволом — чтобы Шеветта не забывалась, не думала ни о каких глупостях. Рука, держащая пистолет, начинала потеть, под белой резиновой перчаткой угадывались темные капли влаги.

— Дальше можно спуститься на… — Шеветта осеклась. Желтая корзина подъемника была наверху, точно на том месте, где ее оставили они с Сэмми Сэлом. А как же этот-то поднялся, и японец тоже?

Новый проблеск золота.

— Мы воспользовались лестницей.

Ну да, служебная лестница, для маляров, стальные, чуть не насквозь проржавевшие скобы. Мало удивительного, что у японца поджилки потом дрожали.

— Так что, — спросила Шеветта, — ты идешь?

По пути к подъемнику она старательно смотрела себе под ноги, чтобы не забыться, не взглянуть назад и вверх — что там делает Сэмми. Спуститься он не мог — если медленно, осторожно, то не хватило бы времени, а скатываться по трапу

быстро, так это какой бы грохот стоял.

Шеветта перекинула ногу через высокий пластиковый борт и беспомощно оглянулась. Золотозубый подсадил ее, затем тоже влез в корзину и выжидательно замер.

— Этот вниз, — сказала она, указывая на один из рычагов.

— Давай.

Шеветта сдвинула рычаг на деление, на другое; снизу донесся вой мотора, корзина поползла под уклон. Внизу, под лампочкой, заключенной в мятую алюминиевую сетку, виднелся пятачок света. Интересно, подумала Шеветта, а что бы было, если бы Фонтейн, или там кто еще, появился бы сейчас, пришел бы, скажем, электрическое хозяйство проверить? Пристрелил бы его этот хмырь, точно пристрелил бы, а если двое или трое — всех бы пристрелил. Перещелкал бы одного за другим, а потом скинул в воду, это ж у него прямо на морде написано, большими буквами.

Он вылез из корзины боком, не спуская с Шеветты глаз, затем помог и ей. Помост под ногами ощутимо вибрировал — снова поднялся ветер, и мост гудел, как гигантская эолова арфа. Издалека доносились обрывки смеха.

— Где? — спросил бандюга.

— Вон тот, розовый с черным. — Шеветта указала связанными руками на два велосипеда.

Бандюга даже не сказал «иди вперед», или там «достань», а только молча махнул пистолетом.

— Держись подальше, — сказал Шеветтин велосипед, когда до него оставалось футов пять.

— В чем дело?

Толчок стволом в спину, не то чтобы болезненный, но неприятный.

— Второй велосипед выступает, у этой рухляди охранная система.

Шеветта нагнулась, нажимом большого пальца освободила велосипед Сэмми Сэла, однако не стала просовывать руку в распознающую петлю.

— Ты что, засранец, английского языка не понимаешь? — угрожающе процедил велосипед. — Может, тебе по-другому объяснить?

— Выключи его, — скомандовал бандюга.

— О'кей.

Шеветта знала, что нужно сделать это одним быстрым движением — взяться двумя пальцами за резиновую изолирующую покрышку и качнуть велосипед в сторону.

А вот что бандюга наклонился так низко, что рама влепила прямо в его пистолет, — это уж было чистым везением. Конденсаторы энерге-

тических тормозов выбросили весь свой заряд в охранную систему, замаскированную липовой ржавчиной и артистически замусоленной проводящей лентой; рванувшись наружу, заряд превратился в короткую ослепительную молнию. Бандюга громко ударился коленями о помост, глаза его помутнели, на губах раздулся и тут же лопнул серебристый пузырек слюны. Шеветте показалось даже, что над тупорылым пистолетом поднимается струйка пара.

— Беги, — скомандовала она себе и пригнулась, но тут послышался звук, похожий на суматошное хлопанье крыльев, а еще через мгновение какой-то длинный черный предмет ударил полуобморочного бандита по спине, бросил его ничком на помост. Рулон толя; Шеветта подняла голову. Сэмми Сэл стоит на одной из углепластовых стяжек, обхватив рукой вертикальную опору. Стоит и улыбается, хотя нет, не может она этого видеть, слишком уж далеко, да и темно тоже.

— Ты забыла, — сказал Сэмми и бросил вниз что-то маленькое и темное. Ни на что не надеясь, Шеветта подняла связанные руки и выхватила из воздуха гладкий продолговатый футляр — очки словно сами стремились к ней вернуться. Она так и не поняла, зачем Сэмми это сделал.

И никогда уже не поймет — тупорылый пистолет разразился долгим кашляющим звуком, засверкали, сливаясь воедино, голубые вспышки; Сэмми Сэл качнулся назад и исчез, словно его и не было никогда на этом месте.

Шеветта бросилась бежать.

Глава 19

Супербол

Красная пластиковая змейка, пропущенная сквозь стальной кронштейн скиннеровского стола, цепко держала Ямадзаки за руки, не позволяя подняться с колен. Где-то вдалеке дробно застучал и тут же смолк автомат — или какой-нибудь пневматический инструмент.

Голова Ямадзаки кружилась от сильного, едкого запаха; чуть подумав, он решил, что это — запах его собственного страха.

На столике прямо перед глазами стояла щербатая тарелка с пятном засохшей зеленоватой грязи на краю.

— Все, что у меня есть, я ему так и сообщил, — сказал Скиннер, поднимаясь на ноги; его руки были связаны за спиной. — А ему не надо. Нико-

гда не угадаешь, что им надо, верно?

Миниатюрный телевизор соскользнул с края кровати и грохнулся об пол, плоский экран вылетел и повис на радужной ленте кабеля.

— Мать твою.

Скиннер нагнулся и сморщился от боли; Ямадзаки был уверен, что старик сейчас упадет, однако тот наклонился вперед, чтобы удержать равновесие, и шагнул раз, другой.

Ямадзаки напряг руки — и вскрикнул, почувствовав, как затягиваются пластиковые узы. Словно живые.

— Тянешь их, выкручиваешь, а они все туже и туже, — послышался сзади голос Скиннера. — Стандартное снаряжение копов — не теперь, когда-то. Потом это говно запретили.

Комната содрогнулась от тяжелого удара, лампочка под потолком испуганно замигала. Ямадзаки оглянулся и увидел, что Скиннер сидит на полу, выставив вверх костлявые колени и чуть наклонившись вперед.

— Тут у меня двадцатидюймовые бокорезы. — Старик указал левой ногой на ржавый, помятый ящик с инструментами. — Только бы их достать.

Пальцы левой ноги Скиннера расширяли дыру в сером драном носке, выбирались наружу.

— А и достану, так хрен я с ними управлюсь… — он замер и взглянул на Ямадзаки. — Есть идея получше, не знаю точно, как тебе понравится.

— Да, Скиннер-сан?

— Посмотри на этот кронштейн.

Сломать кронштейн? Нет, не получится. Грубая, небрежная сварка, незачищенные капли застывшего металла, и все же сооружение выглядит весьма солидно. Девять головок разнокалиберных болтов. Подкос изготовлен из пачки стальных пластин, стянутых внизу и вверху ржавой железной проволокой.

— Я сам это сделал, — сказал Скиннер. — В подкосе три толстых ножовочных полотна. Зубья не сточены, как-то все недосуг было. Пощупай, они там кверху, чтобы портки не цеплялись.

Ямадзаки провел пальцем по мелким острым зазубринам.

— Давай, Скутер, работай. Отличный металл, перережет все что угодно. Почему я их и взял.

— Я перепилю эту веревку?

Ямадзаки поставил кисти на равном расстоянии от кронштейна и чуть натянул пластиковую змею.

— Постой. Этой долбаной штуке не понравится, что ты ее пилишь. Нужно сделать все очень быст-

ро, иначе она врежется в руки до самых костей. Да подожди ты, кому говорят!

Ямадзаки застыл.

— Не нужно посередине. Перепилишь в этом месте — на каждом запястье останется по браслету, и это говно будет затягиваться ничуть не хуже, чем раньше. Нужно работать прямо на стыке, перепилить один браслет и сразу же заняться вторым, пока он тобой не занялся. А я попробую открыть эту хрень… — Скиннер стукнул ногой по ящику, там что-то забренчало.

Ямадзаки приблизил лицо к пластиковой змейке и повел носом; пахло чем-то медицинским. Он глубоко вздохнул, стиснул зубы и начал яростно пилить. Красные, словно игрушечные, браслеты стянулись, превратились в стальные тиски, запястья обожгло невыносимой болью. Ему вспомнилась хватка Лавлесса.

— Терпи, — сказал Скиннер, — ты сможешь.

Пластик распался с неожиданно громким щелчком, это было похоже на звуковой эффект какого-нибудь детского мультфильма. На мгновение он почувствовал свободу — левый браслет расслабился, вбирая в себя массу правого и перемычки.

— Скутер!

Расслабился — чтобы тут же стянуться с удвоенной силой. Не помня себя от боли, Ямадзаки бросился к инструментальному ящику, успел смутно удивиться, что крышка уже откинута, и в тот же момент Скиннер ударил по ржавому, облупленному боку пяткой; ящик перевернулся, на пол посыпались сотни замысловатых металлических предметов.

— Синие ручки!

В куче хлама мелькнули длинные, неуклюжие рукоятки, обмотанные синей изолентой. Времени было в обрез — красная удавка ушла уже в тело почти наполовину и продолжала сжиматься. Правой, свободной, рукой Ямадзаки схватил кусачки, безжалостно вонзил толстые короткие лезвия в тыльную сторону левого запястья и навалился на верхнюю рукоятку. Взрыв боли. Звонкий щелчок. Все.

Скиннер шумно, с облегчением выдохнул.

— Как ты там? В порядке?

Ямадзаки осмотрел свои руки. На левой — глубокая синеватая борозда. Кровоточит, но не сильно, можно было ожидать и худшего. Он окинул взглядом пол; остатки наручников куда-то запропастились.

— Теперь меня, — сказал Скиннер. — Только

подцепи снизу, ладно? Постарайся не прихватить тело. А потом вторую руку — как можно быстрее.

Ямадзаки пощелкал кусачками, встал на колени, подсунул одно из лезвий под яркое, совершенно безобидное пластиковое кольцо, свободно висевшее на правом запястье старика. Полупрозрачная, вся в коричневых пятнах кожа, вздутые, перекрученные вены. Наручник лопнул на удивление легко — и тут же захлопнул левое запястье Скиннера; он извивался, как самая настоящая змея, только что не шипел. Не дожидаясь, пока злобная тварь сольет два своих кольца в одно и начнет сжиматься, Ямадзаки подцепил ее кусачками и перерезал. Новый, четвертый уже по счету щелчок, и наручники исчезли, только что были — и нет их; Ямадзаки недоуменно моргнул.

— Старуха, дверь закрой! — зычно заорал Скиннер.

— Что?

— Запри этот долбаный люк!

Ямадзаки бросился в угол, захлопнул крышку люка, запер ее на засов. Вполне возможно, что эта массивная бронзовая пластина была когда-то частью корабля.

— А девушка? — оглянулся он на Скиннера.

— Постучит, если надо. Ты что, хочешь, чтобы

сюда вернулся этот хрен со своим пистолетиком?

Ямадзаки не хотел. Его взгляд скользнул по потолочному люку. По открытому потолочному люку.

— Сбегай наверх, посмотри, как там Дон Педрила.

— Простите, Скиннер-сан?

— Ну тот — черный голубой, длинный.

Ямадзаки не понимал, о ком (или о чем) говорит Скиннер, однако послушно полез по лестнице и высунул голову наружу. Сильный, порывистый ветер бросил ему в лицо пригоршню дождя, мост превратился на мгновение в древний корабль, в проржавевшую железную шхуну, бесцельно дрейфующую в безбрежности ночного океана: пластиковые паруса разорваны ветром, матросы — кто умер, кто сбрендил, кто попросту напился, а Скиннер, выживший из ума капитан этой посудины, все еще пытается что-то сделать, все еще выкрикивает снизу никому не нужные, никому не понятные команды.

— Тут нет никого, Скиннер-сан.

Дождь хлынул как из ведра, городские огни исчезли.

Ямадзаки нырнул в люк, захлопнул крышку,

запер на хлипкую — никакого сравнения с тем бронзовым засовом — щеколду.

Спустился вниз.

Скиннер сумел каким-то образом встать и шел теперь, покачиваясь, к своей кровати.

— Вот же мать твою, — пробормотал он, падая на матрас, — кто-то сломал телевизор.

— Скиннер?

Ямадзаки наклонился над кроватью. Глаза Скиннера закрылись, дышал он часто, неглубоко и неровно. Скрюченные пальцы левой руки судорожно скребли спутанную поросль седых волос, вылезавшую из расстегнутого воротника до дыр заношенной фланелевой рубахи. Сквозь едкую вонь пороха, выбросившего пулю из короткого, тупого ствола лавлессовского пистолета, пробивался кислый запашок мочи. Ямадзаки печально вздохнул — по засаленным, серым от грязи джинсам Скиннера расползалось темное пятно.

Ну и что же теперь? Несколько минут Ямадзаки не двигался, затем присел на заляпанную краской табуретку, стоявшую у того самого, на кронштейне, столика. Он благодарно провел рукой по зубьям ножовочных полотен, посмотрел вниз, увидел на полу, рядом со своей левой ногой, нечто вроде мячика и нагнулся.

Нет, не мячик. Блестящий шар из алого пластика, прохладный и чуть податливый. Наручники, либо Скиннеровы, либо его собственные.

Ямадзаки сидел, смотрел на Скиннера и слушал, как стонет на ветру мост. Только безымянный, почти суеверный страх не позволил ему прижаться ухом к тянущемуся вдоль комнаты ванту — источнику этих тревожных звуков.

В какой-то момент Скиннер очнулся, почти очнулся, и попытался сесть. Он кого-то звал. Девушку?

— Она ушла, — сказал Ямадзаки, придерживая Скиннера за плечо. — Разве вы не помните?

— Давно, — пробормотал Скиннер, — давно ушла. Двадцать лет. Тридцать лет. Блядство. Время.

— Скиннер-сан?

— Время. Вот оно-то и есть самое блядское блядство.

— Посмотрите. — Ямадзаки показал старику красный шар. — Видите, во что они превратились?

— Супербол, — с неожиданной отчетливостью сказал Скиннер.

— Простите?

— Иди, Скутер, и выброси его на хрен. — Глаза

Скиннера снова закрылись. — Зашвырни это говно далеко-далеко…

Глава 20

Полная пустота

— Ты не поверишь, — сказал Найджел. — Вот только что, секунду назад, эта хрень пошевелилась. Сама.

Шеветта сидела, плотно зажмурившись. Найджел пробормотал что-то еще, затем тупая сторона керамического ножа плотно прижалась к ее запястью, раздался резкий звук — вот так же примерно лопается латаная-перелатаная велосипедная камера, — и правая рука ощутила свободу.

— В рот компот! Господи…

Сильные пальцы бесцеремонно рванули левую руку Шеветты, она услышала второй щелчок и решилась наконец открыть глаза. По монбланам металлолома плясало ярко-красное пятнышко. Голова Найджела — он следил за этими дикими прыжками — качалась вверх-вниз, точно так же как голова гипсовой собачки из Скиннеровых запасов, которую Шеветта продала с неделю назад.

Узкое помещение было загромождено металлом — куски старых велосипедных рам, пыльные банки, набитые ржавыми спицами, все что угодно. Мастерская, где Найджел мастерил свои тележки и ремонтировал как уж мог велосипеды немногих своих клиентов. Поплавок, свисавший с левой его мочки, раскачивался в противофазе движениям головы и закрутился на месте, когда резко выброшенная рука выхватила из воздуха непонятный предмет. Красный пластиковый шар.

— Да-а, — уважительно протянул Найджел. — И кто же это нацепил на тебя такое?

Шеветта дрожала с головы до ног, дрожь пробегала по ней, как нечто отдельное от тела, живое. Живое, как эти красные наручники.

Вот так же чувствовала она себя, когда вернулась к трейлеру и обнаружила, что мать ушла, ушла насовсем, собрала вещи и ушла. Ни записки, ничего, только кастрюлька на плите да банка равиолей. И открывалка для консервов. Шеветта даже не прикоснулась к банке; с того самого дня она ни разу не ела равиоли и точно знала, что никогда не будет их есть.

В тот день и пришло ощущение, проглотившее все прочие, проглотившее весь мир, ощущение

настолько огромное, что убедиться в его присутствии можно было только от противного — подсчитав потери или вспомнив о лучших временах, а так его, ощущения этого, вроде и не было вовсе. Шеветта бродила внутри него бессмысленными кругами, тыкалась то туда, то сюда, пока не попала за колючую проволоку, в Бивертон, в место настолько скверное, что оно было как бритвенно-острый осколок стекла, чьи уколы проникали даже сквозь эту мутную, непомерно огромную пустоту. Но даже теперь это ощущение, проглотившее мир, было едва заметно, оно всегда таилось где-то сбоку, ускользало от прямого взгляда. Не ощущение даже, а нечто вроде газа, пара, от него першило в горле, его мертвенный холод заполнял каждую комнату, встречал Шеветту за каждым углом.

— Ты как, в порядке?

Найджел. Сальные нечесаные волосы, в правой руке — красный блестящий шар, в уголке рта — янтарно-желтая зубочистка.

Долгое время Шеветта боялась, а вдруг оно вернется, ведь может же быть, что лихорадка не выжгла начисто какую-то там цепь в мозгу, а только слегка повредила. Однако по мере того как она привыкала к мосту, и к Скиннеру, и к

работе, пустота все больше заполнялась новыми, обыденными вещами, на месте старого мира вырастал новый, за одним днем приходил другой, такой же безбедный, что бы она ни делала ночью — танцевала в «Диссидентах», трепалась с друзьями и подружками или спала, свернувшись калачиком, в своем спальном мешке, в Скиннеровой комнатушке, под завывание ветра и низкое пение тросов, уходившее по опорам моста вниз, в скальную породу, в материковую платформу, которая (это все Скиннер рассказывал) тоже плывет, как корабль в море, только это море — самое медленное на свете.

А теперь все это сломалось.

— Вета?

Та парашютистка, девушка, которую выудили полупрозрачным пластиковым багром и втащили на борт катера, она была вся обвисшая, как макаронина, и такая же белая, ну, не белая, а вроде как бесцветная, а изо рта ее текла вода, и из носа тоже. Шлепнешься соответствующим образом, так ни одной косточки не останется целой, это тоже Скиннер сказал. Она из бара прыгала — влетела в чем мать родила, вскочила на ближний к перилам столик и сиганула головой вперед, а потом ее затащило, не ее, конечно, а

тело ее затащило в эту светящуюся сеть, которую вроде как забрасывают с японских рыболовных плотов, только это все декорация, для туристов. Вот и Сэмми Сэл, он тоже сейчас так, если не попался в сети, не зацепился ни за что, выплыл уже из мертвой зоны, где вода отравлена шелупайками бессчетных слоев свинцовой краски, так что рыбы и нос сунуть боятся, выплыл и попал в течение, которое подхватывает всех мертвецов моста, проносит их мимо Мишшн-Рок, чтобы выкинуть в конечном итоге к ногам затянутых в микропору богачей, бегающих, драгоценного своего здоровья ради, трусцой по бетонным набережным Чайна-Бэйзин.[132]

Не в силах сдержать тошноту, Шеветта согнулась над пустой железной банкой.

— Тебе что, плохо? Да? Плохо? — неуверенно бормотал Найджел.

Он порывался дотронуться до Шеветты, успокоить ее — и тут же смущенно отдергивал руку. Ужас какой-то. А что, если она возьмет вот сейчас и шлепнется в обморок? Или промахнется

---

[132] Примечания: 132

Мишшн-Рок, Чайна-Бэйзин — старые прибрежные районы Сан-Франциско, где располагаются заброшенные доки и верфи. Существует план (у Гибсона он уже реализован) «освоить» район заново, застроить престижными домами

мимо так удачно подвернувшейся банки из-под грунтовки (этой густой серой замазкой Найджел выравнивал самые грубые огрехи своих ремонтных работ)? Ведь тогда предстоит нечто неслыханное, невообразимое — генеральная уборка.

— Вот, выпей воды, тебе нужно, выпей.

Вообще-то эта жестянка предназначалась для закаливания мелких стальных предметов; взглянув на воду с радужными пятнами машинного масла, Шеветта почувствовала новый приступ тошноты, но через секунду ей полегчало.

Сэмми Сэл умер. А может быть — и Скиннер. И Скиннер, и этот студент-аспирант, или кто он там, остались наверху, связанные этими кошмарными пластиковыми червяками.

— Шев?

На этот раз Найджел совал ей в руку предусмотрительно открытую банку пива. Шеветта отрицательно помотала головой и зашлась долгим, мучительным кашлем.

Найджел неуверенно переступил с ноги на ногу, затем повернулся к единственному в мастерской окну — треугольной дырке, забранной осколком люцита.

— Льет, — удовлетворенно сообщил он. Вечер-

ний мир продолжал жить нормальной, пусть даже не очень уютной жизнью. — Льет как из ведра.

Убегая от убийцы, от его пистолета и его глаз, от жуткой, с золотым высверком, ухмылки, сжимая связанными руками плоский темно-серый футляр, Шеветта заметила, что бегут и все остальные, только они бегут от начинающейся грозы, от первых, почти еще теплых капель дождя. Вот Скиннер, он, конечно же, знал о ненастье заранее, у него же есть этот здоровый, в футляре, как колесо допотопного парохода, барометр, он всегда следит за погодой. Скиннер, жив ли он там, в своем гнезде, на самой верхотуре моста? Другие тоже, наверное, знали, но это тут стиль такой — дождаться дождя, а затем от него улепетывать, задерживаться ради каких-нибудь последних дел, последней затяжки, последнего покупателя. В это время — лучшая торговля, люди покупают, почти не задумываясь, некогда им задумываться. Потом, правда, кое-кто гибнет — если гроза окажется слишком уж сильной, и не всегда это новички, никому не знакомые люди, остающиеся снаружи и цепляющиеся, вместе со своим жалким скарбом, за стены, за лотки убежавших домой торговцев, за что придется. Иногда, если

ветер сильный и под каким-нибудь таким подходящим углом, в воду рушатся целые секции с обитателями и со всем; Шеветта не видела еще такого ни разу, только слышала. Странное дело, редко кто из новичков спускается на нижний уровень, где нет дождя и ветер слабее, а ничто ведь им не мешает, и никто.

Шеветта провела тыльной стороной ладони по губам, взяла у Найджела банку, сделала один глоток и тут же ее вернула — теплое пиво не лезло в горло. Найджел вытащил изо рта зубочистку с явным намерением глотнуть пива, но передумал и поставил банку на стеллаж, рядом с паяльной лампой.

— Что-то у тебя не так, — сказал он. — Сильно не так, я же чувствую.

Шеветта помассировала запястья. На тех местах, где находились недавно пластиковые наручники, быстро вспухали красные влажноватые рубцы.

— Да… — она заметила свой керамический нож, взяла его, машинально закрыла и спрятала. — Да, сильно не так…

— А что не так, что случилось?

Найджел мотнул головой, стряхивая упавшие на глаза волосы, — движение лохматого встре-

воженного пса. Потрогал кончиками пальцев один непонятный инструмент, другой. Его руки казались чем-то самостоятельным, отдельным — бледные, грязноватые зверьки, ловкие и безгласные, способные быстро, безо всякой помощи со стороны разрешить проблемы, непосильные для самого Найджела.

— Ясно, — решил он, — это японское дерьмо расслоилось, как ему и полагается, и ты…

— Нет.

Шеветта почти его не слышала.

— Сталь. Курьеру, при его-то работе, нужен стальной велосипед. Тяжелый. С большой корзинкой впереди. А не туалетная бумага, обмотанная каким-то там дурацким арамидом. Он же ничего, считай, и не весит, велосипед этот твой. А что, если ты столкнешься с автобусом? В-в-врежешься в-в з-заднюю стенку? У т-тебя же м-м-масса больше, ч-чем у в-велосипеда, п-перелетишь ч-через руль, расшибешь г-г-г… расшибешь с-себе…

Руки плясали в воздухе, изгибались и сплетались, демонстрируя кинематику придуманной Найджелом аварии. Шеветта подняла глаза и увидела, что он дрожит.

— Найджел. — Она встала. — Эту штуку надели на меня просто так, ради шутки. Есть тут один

такой юморист. Вот так оно все и было, ты понимаешь?

— Она двигалась, — неуверенно возразил Найджел, — я точно видел.

— Не очень удачная шутка, не очень смешная. Но я знала заранее, к кому нужно обратиться. К тебе. И ты все сделал, быстро и хорошо.

Найджел смущенно мотнул головой, длинные лохмы снова упали ему на глаза.

— Хорошо, что у тебя был этот ножик, здорово режет. — Он замолчал и нахмурился. — Только все равно ножик должен быть стальной…

— Да, — кивнула Шеветта. — Мне нужно идти.

Она наклонилась и взяла банку из-под грунтовки.

— Выкину куда-нибудь. Извини.

— Гроза ведь, — забеспокоился Найджел. — Ты подождала бы, пока кончится.

— Нужно. Ничего со мной не сделается.

А если бы этот, золотозубый, нашел, куда она спряталась, — что бы тогда? Он бы и Найджела убил. Или изуродовал. Или перепугал.

— Я их разрезал — и вот. — В руке Найджела поблескивал красный шар.

— Выброси эту штуку.

— Почему?

— Посмотри. — Шеветта показала свои воспаленные запястья.

Найджел выронил шар, словно тот жег ему руку, и тщательно вытер пальцы о собственную грязную футболку.

— Ты не мог бы одолжить мне отвертку? Простую, не крест.

— Они у меня все изношенные… — бледные зверюшки радостно заплясали по нескончаемым полкам с инструментами, Найджел мрачно за ними наблюдал. — Все эти винты со шлицем, я их сразу выкидываю и заменяю. Шестиугольная головка под ключ, вот это — самое то…

— Мне и нужна изношенная.

Правая рука замерла, словно делая стойку, и ловко выхватила из залежей хлама желанную добычу — чуть погнутую, с черной рукоятью отвертку.

— То, что надо, — кивнула Шеветта, расстегивая один из карманов Скиннеровой куртки.

Отвертка лежала на почти молитвенно протянутых ладонях, глаза Найджела робко прятались в зарослях волос.

— Я… Ты… Ты мне очень нравишься.

— Да. — В одной руке Шеветты была гнутая отвертка, в другой — банка, полная блевотины. —

Да, я знаю.

Стесненная вкривь и вкось наляпанным пластиком крыш, дождевая вода пробиралась вдоль канализационных труб и силовых кабелей, обрушиваясь на верхнюю палубу в самых неожиданных местах, под самыми неожиданными углами — миниатюрные ниагары, струящиеся по рифленому железу, слоистому пластику и фанере. Прямо на глазах Шеветты, стоявшей в дверях Найджеловой мастерской, лопнул брезентовый навес — огромный, туго натянутый пузырь громко затрещал и раздался, обрушив на мостовую десятки галлонов серебристой воды; налетевший ветер взметнул мокрые, тяжелые лохмотья. Здесь, на мосту, ничто никогда не планировалось — в общепринятом смысле этого слова, — так что и проблемы дренажа разрешались не впрок, а по мере их возникновения. Или не разрешались.

Света на мосту было мало, скорее всего, потому, что люди повыключали электричество, выдернули все рубильники, какие только можно. Шагнув из дверей, Шеветта уловила краем глаза призрачную розоватую вспышку, секунду спустя со стороны Острова Сокровищ донесся глухой раскатистый взрыв. Трансформатор. Теперь пятнышки света можно было пересчитать по пальцам,

темнота стала почти непроницаемой. И никого вокруг, ни души, только ветер мотает провод с жалкой стосвечовой лампочкой, вкрученной в оранжевый пластмассовый патрон.

Шеветта вышла на середину моста, там было поменьше опасности запутаться в сорванных проводах. Вспомнив о банке, она откинула ее в сторону, банка звонко ударилась о бетон, покатилась, стихла.

Где-то там мокнет под дождем беззащитный, с разряженными конденсаторами, велосипед. Уведут его, это точно, да и Сэмми Сэл лишится своего розового в крапинку чудовища… лишится? Жизни он лишился… Велосипед был самой важной, самой ценной вещью в жизни Шеветты, каждый доллар, выложенный на прилавок того магазина, достался ей тяжелым, в поте лица, трудом. Она думала о своем велосипеде, как о чем-то одушевленном, примерно так же, как другие люди — о принадлежащих им лошадях. Наверное, так же, ведь у нее никогда не было знакомых лошадников. Некоторые рассыльные давали своим велосипедам имена, но Шеветте такое даже в голову не приходило — именно потому, что она воспринимала его как живое существо.

Двигай, сказала она себе, здесь они живо до

тебя доберутся. Беги на остров, в Сан-Франциско опасно.

Они — кто они? Тот, с пистолетом. Он пришел за очками. Пришел за очками и убил Сэмми Сэла. Кто его послал — те самые люди, звонившие Уилсону и Банни? Они, кто же еще. Рентакопы. Охранники.

Футляр в кармане. Гладкий, округлый. И этот фантастический, как из мультика, город, гигантские башни с грибообразными верхушками. «Санфлауэр».

— Господи, — простонала Шеветта. — Куда, куда мне деться?

На Остров Сокровищ, в лес, к маньякам и озверевшим убийцам, изгнанным с моста?

Бывшая военно-морская база, говорил Скиннер, но моровая язва покончила с этим раз и навсегда, зараза такая, от которой выпадают все зубы, а глаза превращаются в кисель. Лихорадка Острова Сокровищ выползла, наверное, из какой-нибудь пробирки, разбившейся во время землетрясения, — у военных же, у них чего только не было запасено. Поэтому теперь туда никто не ходит — никто нормальный. Ночью там видны огоньки, днем — струйки дыма, и если идешь на окленд-ский, консольный конец моста, то стараешься

пройти мимо острова побыстрее, а люди, живущие там, на консоли, совсем не такие, как здесь, на подвеске.

Или вернуться, попытать счастья с велосипедом, если его, конечно же, никто еще не спер? Час езды — и конденсаторы зарядятся. Рвануть на восток, куда глаза глядят, через пустыни, которые показывают по телевизору, мимо зеленых полей, где бродят стадами непонятные сельскохозяйственные машины, занятые какой-то своей, непонятной работой. Но затем Шеветта вспомнила дорогу из Орегона, грузовики, ревущие в ночи, как бешеные бесприютные животные, и попыталась представить себе, как это будет — ехать по такой дороге? Нет, там ведь негде приткнуться, там нет ничего нормального, в человеческую меру, ни одного огонька в бесконечных ночных просторах. Там можно идти и идти, идти до бесконечности и не найти даже места, где бы присесть. И велосипед — он тоже не сильно поможет.

А можно вернуться в Скиннерову конуру. Подняться и глянуть, что там делается… Нет. Забудем.

Шеветта ощутила вокруг себя полную пустоту, словно удушливый газ, и задержала дыхание.

Что имеем — не храним, потерявши — плачем.

Потеряв что-нибудь, только и начинаешь замечать, что оно же у тебя, оказывается, было. Только с уходом матери замечаешь по-настоящему, что она была, была рядом, прежде это воспринималось как нечто само собой разумеющееся, вроде погоды. Вот так же и со Скиннером, и с его примусом, и с масленкой, из которой нужно капать в крохотную дырочку, чтобы кожаный колпачок на поршне не пересыхал и примус накачивался. Проснувшись поутру, ты и не думаешь здороваться с каждой мелочью окружающего мира, но ведь эти мелочи — из них же и состоит мир, весь мир. И людей, которых видишь, их тоже вот так воспринимаешь, что есть они, и это — нормально, и говорить тут особенно не о чем, и никуда они не денутся. Вот, например, Лоуэлл. Когда у Шеветты был Лоуэлл — если, конечно, можно сказать, что он у нее был, сомнительно это очень, — словом, когда он был поблизости, это тоже казалось…

— Шев? Это ты, что ли?

Вот он, легок на помине. Сидит по-турецки на ржавом леднике с надписью: «КРЕВЕТКИ», курит и смотрит на капли, скатывающиеся с навеса. Шеветта не видела Лоуэлла уже добрые три недели, ей хотелось что-нибудь сказать, но в голове крутилась одна-единственная мысль: «Ну

и видок же у меня, наверное». Тут же сидел и этот Коудс, нахлобучил на бритую голову капюшон, втянул руки в длинные рукава и сидит. Коудс никогда не любил Шеветту — и пользовался полной взаимностью.

Тусклый огонек сигареты осветил ухмылку Лоуэлла.

— Ну, так что, — поинтересовался он, — ты намерена сказать «здрасьте», или как?

— Здрасьте, — сказала Шеветта.

Глава 21

Когнитивные диссиденты

Так что же все-таки там творится, на что он похож, этот мост? И в Контейнерном городе, и потом, на обратном пути, словоохотливый Фредди рассказал уйму весьма красочных историй, однако все эти страшилки не вызвали у Райделла никакого доверия. В Ноксвилле он видел документальный фильм, и там не было ни слова ни о каких людоедах или, скажем, сатанинских культах. Врет Фредди, запугивает, интересно только — зачем? Хочет, чтобы Райделл был осторожен, когда пойдет на мост искать эту самую девицу,

Шеветту Вашингтон?

Теперь же, когда люди носились как очумелые, торопясь укрыть свое добро от непогоды, мост и вовсе ничем не напоминал мрачные картины, нарисованные ассистентом великого сыщика. Скорее уж нечто вроде передвижного цирка. Или провинциальная ярмарка — с той, конечно, разницей, что здесь, на верхнем уровне, над головой висит целая деревня, дикая мешанина самых разнообразных домиков, хижин, халуп — называйте, как хотите. Все что угодно, вплоть до целых, с колесами и со всем, жилых трейлеров; вздернутые наверх лебедками, прикрепленные к вантам огромными сгустками клея, они напоминали кузнечиков, запутавшихся в паутине. Для сообщения между уровнями моста в верхнем настиле было прорублено множество отверстий; среди стальных, деревянных и пластиковых лестниц Райделл заметил даже старый, на спущенных шинах, трап из какого-нибудь аэропорта.

Наверху торговали по преимуществу едой, нижний же уровень изобиловал барами — маленькими, крошечными и совсем микроскопическими, где едва помещались четыре табуретки, а дверью служила гофрированная железная штора.

Во всем этом не замечалось никакого плана, ни-

какого замысла. В обычном молле каждый хозяин покупает один из свободных участков, ставит там свой магазинчик и внимательно следит, как пойдет торговля, если плохо — нужно менять ассортимент. Здесь же, судя по всему, происходило нечто вроде органического роста, одно заведение пристраивалось к другому, бесформенная масса расползалась вкривь и вкось, пока не заполнила все доступное пространство; более того, если клетки древесины или, скажем, гриба более-менее одинаковы, то среди клетушек, образовавших этот псевдорастительный организм, не было и двух, похожих друг на друга. Разнообразнейшие материалы — и почти все они использованы не по прямому своему назначению. Фасады, облицованные бирюзовым слоистым пластиком, плитами с имитацией под кирпич, даже зелеными с медью прямоугольниками печатных плат. Одну из стен украшали цветы, спирали и волосатые солнечные диски, выложенные из обломков разноцветного кафеля.

Райделл непроизвольно улыбался всему этому буйству форм, а заодно и прохожим, ни один из которых не проявлял к нему интереса, ни гастрономического, ни сатанинского, ни еще какого. Мирная публика, такая же разношерстная, как

и здешние строительные материалы. Смешение всех на свете рас, всех возрастов, всех оттенков кожи, и все эти люди бегут, подгоняемые резкими порывами ветра, спешат укрыться от неизбежной уже грозы. Райделл едва успевал уворачиваться от торговцев с тележками, от старух, волочивших непомерно тяжелые корзины. Споткнувшись о неожиданное препятствие, он опустил глаза и увидел мальчика лет шести с лицом, сплошь покрытым разноцветной, на редкость затейливой татуировкой. Мальчик пробормотал что-то на непонятном языке, перехватил ненадежнее большой, чуть не в свой рост, красный огнетушитель и смешался с толпой.

Райделл остановился и вынул из кармана полученную от Уорбэйби карту, точнее — схему, показывающую, где живет Шеветта Вашингтон и как туда попасть. На самом верху, в крохотной халупе, приклеившейся к одной из опор, поддерживающих ванты этого чертова моста Схема аккуратная, без единой помарки, подписи — буковка к буковке, покажи кому, ведь и не поверят, что этот шедевр каллиграфии создан прямо в машине, на коленке, на ходу. Лестница, затем подвесная дорожка, в конце которой должно быть нечто вроде подъемника.

Вот только как ее найти, эту самую лестницу? Лестниц здесь чертова уйма, хорошо, если они ведут к какой-то там общей площадке, тогда можно идти по любой, а если вдруг нет?

Господи, да когда же, наконец, я смогу поспать? И где? — неотвязно крутилось в одуревшей от усталости голове Райделла. И вообще — что все это значит? Вот уж втравил Эрнандес, так втравил…

Ветер резко усилился, по настилу моста застучали крупные капли; последние, самые нерасторопные из аборигенов бросились сломя голову под укрытия. Райделл проводил счастливчиков завистливым взглядом, обреченно вздохнул и забился между двух допотопных — японских, конечно же, — торговых автоматов. Щелястое, беспорядочное нагромождение халуп и лавчонок, лестниц, площадок и переходов почти не защищало от дождя, однако обладало огромной парусностью. Под напором резкого, шквалистого ветра вся эта, с позволения сказать, конструкция жалобно стонала и поскрипывала. Огни гасли один за другим.

Громкий треск, голубоватая, ослепительно яркая вспышка, еще мгновение — и откуда-то сверху упал длинный змеящийся провод; ветер

смял и унес чей-то отчаянный крик. Райделл посмотрел вниз и увидел, что стоит в глубокой луже. Вода под ногами, мокрые ботинки, переменный ток — такое сочетание не сулило ничего хорошего.

За правым торговым автоматом начиналась сплошная стена, к левому примыкал лоток, вкривь и вкось сколоченный из горбылей и каких-то неописуемых обрезков. Нелепое это сооружение сильно смахивало на детскую игрушечную крепость, однако имело и помост, дюймов на шесть приподнятый над бетонным настилом моста, и на удивление водонепроницаемый навес. Чтобы залезть под навес, Райделлу пришлось скрючиться в три погибели, от грязных досок воняло то ли гнилыми мандаринами, то ли еще какой гадостью, однако здесь было сухо, да и ветер почти не чувствовался.

Райделл застегнул куртку до самого верха, сунул руки в карманы и предался грустным размышлениям. Он мечтал о невозможном — горячей ванне и сухой постели. Он вспомнил Мар Виста, вспомнил свой надувной диван и ощутил укол самой что ни на есть взаправдашней ностальгии. Господи, сонно подумал он, этак ты начнешь еще тосковать по этим пластиковым

ромашкам…

Раздался громкий треск, деревянные стойки одного из соседних лотков переломились, как спички, брезентовый навес обрушился, выплеснув на мостовую несколько ведер во ды. Райделл оглянулся, поднял голову и увидел ее, эту девушку, Шеветту Вашингтон. Шеветта стояла совсем рядом, футах в двадцати от его горбыльного укрытия.

Во Флориде, когда отец переехал туда и заболел, у Райделла была такая вроде как подружка. Клаудиа Марсалис, так ее звали, приехала из Бостона, трейлер ее матери стоял на том же участке, что и трейлер Райделлового отца, прямо у залива Тампа. Райделл учился уже в Полицейской академии, но бывали ведь и выходные, и отпроситься на пару дней всегда можно, а что лететь дорого, так отец умел договориться насчет билетов со скидкой.

Вот Райделл и летал во Флориду, повидаться с отцом, а уж заодно катался иногда с Клаудией Марсалис на ее, а точнее — мамашиной машине, «линкольне» урожая девяносто четвертого года. По словам Клаудии, совсем еще недавно «линкольн» был как огурчик, это когда они во Флориду переехали, но потом соль его порядком разъела.

Судя по всему, там, у себя в Бостоне, они ездили только летом, берегли машину ото всей этой химической дряни, которой снег растаивают. Еще бы не беречь, коллекционный ведь был экземпляр, и номера даже не такие, как у всех, а древние, штампованные из металла и, конечно же, безо всякой подсветки изнутри, и надпись на номерах, аккуратная такая, синяя по белому: «МАСС. ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ».[133]

Обстановочка в этой части Тампы была неспокойная, так себе обстановочка; дорожные, скажем, знаки все как решето, даже и не разберешь, что это за знак — местная публика использовала их как мишени, чтобы потренироваться, не терять снайперского мастерства, а то и просто захочет кто-нибудь продемонстрировать приятелю: видал, как кучно бьет моя двустволка? А уж двустволок тех, да и прочей артиллерии, хватало там за глаза и за уши — в каждом, считай, пикапе или джипе по несколько штук, на самом виду, и собаки тоже чуть не у всех — здоровенные собаки, и не по одной собаке в машине, а по две, а то и по три. Клаудиа все приставала к Райделлу насчет этих флоридских ребят в нахлобученных

---

[133] Примечания: 133
Масс. — сокращение от Массачусетс

чуть не до подбородка шляпах: как это они так разъезжают всюду спокойно со своими стволами и волкодавами, не понимала она этого. Райделл терпеливо объяснял ей, что пусть с ними местная полиция разбирается, его тут дело телячье, он ведь из Ноксвилля, и там, в Ноксвилле, люди не разъезжают с ружьями напоказ. И в дорожные знаки не стреляют, а если кто выстрелит сдуру, так ему быстренько устроят веселую жизнь. Но Клаудиа была из этих, которые думают, что к югу от округа Колумбия нет никакой разницы, что тот штат, что другой, — везде одни и те же порядки, а может, она так и не думала, а просто поддразнивала Райделла.

Ружья там или пулеметы, собаки или бегемоты, но вечерний бриз приносил в открытые окна «линкольна» запахи соли, цветущих магнолий и болота, а из приемника лилась музыка. Когда опускалась густая тропическая ночь, можно было смотреть на огоньки кораблей и грузовых вертолетов, эти громадины проплывали над головой медленно, с низким, утробным ревом — паралитичные НЛО, да и только. А еще — скучноватая, безо всякого энтузиазма акробатика на заднем сиденье; Клаудиа говорила, что Флорида плохо приспособлена для подобных развлечений

— жарко, душно, кожа вся от пота липкая; Райделл с ней, в общем-то, соглашался. Одиночество и неприкаянность — вот, пожалуй, и все, что толкало их друг к другу.

Однажды вечером какая-то там местная алабамская станция неожиданно выдала «Мы с Христом надерем тебе жопу» — такой себе пятидесятничный хэви-металл, где все насчет абортов, аятолл и так далее, по всему алфавиту, до язычников. Клаудиа не слышала прежде этой песни и чуть не обписалась от хохота. Она просто не верила, что такая песня может существовать, что кто-то может петь такие вещи всерьез. А кто-то слушать всерьез. Придя немного в себя, она вытерла слезы и спросила Райделла, как это вышло, что он захотел стать полицейским? Райделл неловко замялся. Это что же, она, значит, считает желание поступить в Академию до колик смешным — таким же смешным, как эта идиотская песенка? Да и что, собственно, можно ответить на вопрос, о котором ты прежде никогда и не задумывался, особенно если тебя спрашивают вот так, с бухты-барахты?

Главной не главной, но одной из причин была передача «Копы влипли»; они с отцом смотрели ее чаще любой другой, и там в каждом выпуске

старались внушить уважение к защитникам правопорядка. Показывали во всех красках, с какими проблемами сталкивается полиция. Уторчавшиеся в хлам, вооруженные до зубов бандиты — это само собой, но ведь есть еще и адвокаты этих бандитов, и трижды долбаные суды, и чего только нет. Но если так вот взять и брякнуть, что я, значит, пошел в полицейские из-за телесериала, Клаудиа снова расхохочется, как только что. Подумав немного, Райделл выдал обычную жвачку насчет возможности помогать людям, выручать их из беды. На лице Клаудии появилось откровенное недоумение.

— Берри, — сказала она, — ты что, и вправду так думаешь?

— Ну да, — кивнул Райделл. — Конечно.

— Но ты пойми, вот ты станешь копом, и люди будут тебе врать. Они будут смотреть на тебя, как на врага, — до тех, конечно же, пор, пока сами не попадут в неприятности, тут уж они разговорятся.

— А ты-то откуда все это знаешь? — поинтересовался Райделл.

— Сужу по своему папаше, — пожала плечами Клаудиа, на чем разговор и закончился. Больше они эту тему не поднимали.

Работа на «Интенсекьюр» очень походила на полицейскую — с той единственной разницей, что ты не был полицейским. Люди, которым ты помогал, даже не давали себе труда соврать, насрать им было на какого-то рентакопа, они же платили за его услуги.

А теперь — этот мост, и нужно вылезать из вонючего фруктового лотка под дождь, выслеживать девушку, которая — если верить Уорбэйби и Фредди, а верить им нельзя ни на вот столько — зарезала в гостинице этого немца, или кто уж он такой был, если не немец. И украла очки, такие же, как у великого Уорбэйби, и очки эти нужно у нее отнять. Только если девица украла их где-то там раньше, кой хрен она потом вернулась и прикончила этого мужика? А главный вопрос — какой во всем этом смысл и как все это связано с телепередачей «Копы влипли», любимой программой покойного отца? Ответ, надо полагать, состоял в том, что надо же как-то зарабатывать деньги, а то ведь с голоду сдохнешь.

Дождь не прекращался, кое-где с висячих трущоб срывались настоящие водопады. Впереди, поближе к Окленду, полыхнула розовая вспышка, через мгновение оттуда донесся сухой треск. Шеветта сделала движение рукой, словно от-

брасывая что-то в сторону. Что бы это значило? Хорошо бы остановиться и поискать, но нет времени — можно потерять объект из вида.

«Объект» постоял еще немного и двинулся в направлении Окленда, уворачиваясь от хлеставших сверху потоков воды.

Техника наружного наблюдения преподавалась в Академии с пятого на десятое, почти без практических занятий — ну разве что ты покажешь себя жуть каким многообещающим сыщиком; подобных уникумов переводили в специальную группу повышенного уровня. Однако Райделл не пожалел денег и купил себе учебник, не только купил, но и прочитал. Многоопытные авторы книги даже не рассматривали вариант, когда наблюдение проводится в одиночку; более того, они считали само собой разумеющимся, что оперативник все время находится на связи и что он всегда имеет возможность слиться с толпой мирных сограждан. Где она, та толпа? Сейчас Райделлу оставалось одно — тишком-молчком волочиться следом за Шеветтой и молить Бога, чтобы та не обернулась.

Он узнал Шеветту по этой дикой прическе, по короткому, вздернутому вверх хвостику на затылке, вроде как у борцов сумо — так они, что

ли, называются? Одним словом — у неимоверно жирных японцев, которых показывают по телевизору. Только девушка совсем не была толстой, просторная мотоциклетная куртка болталась на ней, как на вешалке. (И сколько же, интересно, лет этой куртке? На какой помойке она ее подобрала?) Крепкие мускулистые ноги туго обтянуты чем-то черным, блестящим — такой же, наверное, микропорой, из которой сшиты все эти Кевиновы серфинговые костюмы. Обувь прочная, серьезная, не то короткие сапоги, не то высокие ботинки на шнуровке.

Разглядывая Шеветту и стараясь не попасться ей на глаза, Райделл не особенно выбирал дорогу, а потому угодил прямо под один из водопадов; по спине потекли противные холодные струйки.

— Шев? Это ты, что ли?

Вот и подтверждение первоначальной идентификации. Райделл опустил глаза, увидел, что стоит в глубокой луже, но выхода не было. Проклиная все на свете, он плюхнулся на колени и укрылся за невысоким штабелем грязных, явно побывавших уже на свалке, досок.

Там, впереди, о чем-то беседовали, однако монотонный плеск оставшегося сзади водопада заглушал все слова; Райделл вздохнул и начал

разглядывать новых персонажей. Молодой парень в черной кожаной куртке и еще какая-то личность в чем-то черном, натянутый на голову капюшон не позволяет определить ни пол, ни возраст. Сидят на каком-то прилавке или леднике, кожаный парень курит в кулак, его волосы собраны на макушке в нечто вроде конуса — очень подходящая прическа для такого дождя. Сигарета описала в воздухе огненную дугу и потухла, кожаный спрыгнул со своего насеста, его губы шевелились. Уговаривает он ее, что ли? На что уговаривает? Парень в черном капюшоне тоже спрыгнул. Да, это точно парень, а одет он в длинную, не по росту, рубашку. Рукава дюймов на шесть длиннее рук, это потому, что ли, кажется, что движения у него какие-то паучьи? А еще он похож на тень из того старого фильма, где тени отделялись от людей, потом их ловили и водворяли на место, пришивали что ли. Саблетт, вот кто мог бы и название фильма вспомнить, и сюжет от начала до конца, со всеми подробностями.

Райделл стоял на коленях в луже и старался не двигаться, а затем двинулись они, девушка посередине, а эти, в черном, по краям, и тот, который тень, оглянулся, нет ли кого сзади. Мелькнула часть мучнисто-белого лица и жесткие, осторож-

ные глаза.

Раз… два… три. Он встал и пошел следом.

Через сколько-то там ярдов — или миль? — Райделл вконец потерял ощущение пространства и времени — троица исчезла, словно сквозь землю провалилась. Как же это так? Райделл протер мокрые от дождя глаза и с трудом сообразил, что девушка и ее провожатые попросту спустились по лестнице на нижний уровень; прежде он не замечал, что здесь есть такие люки. Над люком висело призрачное голубоватое сияние. Подойдя поближе, Райделл услышал обрывки музыки и увидел источник света — надпись: «КОГНИТИВНЫЕ ДИССИДЕНТЫ», выполненную паутинно-тонкими неоновыми трубками.

Мокрый от дождя трансформатор вывески негромко шипел.

Райделл постоял у люка несколько секунд и начал спускаться.

Фанерные ступеньки были оклеены какой-то шероховатой, вроде наждачной бумаги, хренью, это чтобы не поскользнуться, и все равно он чуть не поскользнулся. Уже к середине спуска его ноздри различили хорошо знакомую смесь запахов: пиво, табак и более экзотические разновидности курева. Все понятно.

В баре было жарко, как в парилке. Народу — не протолкнуться. Кто-то швырнул Райделлу тугой, насквозь мокрый ком, оказавшийся при ближайшем рассмотрении полотенцем. Райделл вытер полотенцем лицо и руки, снова его скомкал и швырнул назад. Из дальнего угла донесся громкий женский смех. Райделл протолкался к стойке, нашел свободное место, выудил из мокрого кармана пару пятидолларовых монет, звонко уронил их на мраморный, с желтоватыми разводами пластик.

— Пиво.

Чья-то рука поставила перед ним бутылку, сгребла монеты, снова исчезла. Пиво оказалось японское, американского изготовления, в Тампе такое не пьют. Райделл плотно зажмурился, одним глотком ополовинил бутылку, поставил ее на стойку и только тогда открыл глаза.

— Подкат, — произнес рядом чей-то голос.

— Чего? — обернулся Райделл.

У этого хмыря были маленькие розоватые очки, маленький розоватый ротик и реденькие набриолиненные мышиного цвета волосенки, зачесанные со лба назад. Подбородка у него не было вовсе. Ну, не вовсе, а почти не было.

— Я сказал «подкат», — сказал хмырь.

— Вот так мне и послышалось, — кивнул Райделл.

— Ну и? Тебе нужен сервис?

— Слушай, — вздохнул Райделл, — давай договоримся. На данный момент мне нужно это вот пиво — и ничего кроме. Ясно?

— Телефон, — терпеливо объяснил хмырь. — Телефон или факс. Подкат с месячной гарантией. Тридцать дней, а иначе — следующие тридцать бесплатно. Местные звонки без ограничения. Нужны международные — можно поговорить о международных. Но сперва — базовый подкат. Три сотни.

Тусклый, неразборчивый голос, не голос, а жужжание сонной мухи. Вот с такими же примерно интонациями разговаривают детские игрушки, снабженные грошовыми, бог весть в каком подвале сляпанными голосовыми чипами.

— Подожди-ка секунду, — сказал Райделл.

Прикрытые розовыми очками глаза несколько раз моргнули.

— Ты это про карманный телефон, да? Насчет подключить его каким-то там хитрым образом и говорить на халяву, так что ли?

Хмырь молчал, смотрел на Райделла во все глаза, как на чудо какое, и молчал.

— Большое спасибо, только у меня нет при себе телефона. — Райделлу не терпелось закончить поскорее этот никчемный разговор. — А то бы я с радостью принял твое соблазнительное предложение.

Хмырь продолжал пялиться.

— Где-то я тебя вроде бы видел… — он неуверенно смолк.

— Ни в коем разе, — твердо отрезал Райделл. — Я из Ноксвилля. И тут, у вас, впервые — забежал спрятаться от дождя.

Длинное, во всю стенку, зеркало, висевшее за стойкой, густо запотело, первоначальная надежда осмотреть с его помощью зал не оправдалась. Ничего не поделаешь, придется так, в простоте. Райделл повернулся и увидел японку — ту самую, что и тогда, в горах, здорово тогда Саблетт испугался. Японка стояла на небольшом, низеньком подиуме. Голая. Длинные, почти до талии, волосы — и все, никакой больше одежды.

— Слышь? — не отставал хмырь. — Нет, ты послушай…

Райделл встряхнулся, как мокрая, из реки вылезшая собака, но привидение никуда не исчезло.

— Так ты слышь, можно и в кредит. — Снова

тот же монотонный, утомительный бубнеж. — Проблемы есть? Может, ты хочешь узнать, что они имеют на тебя? Или на любого другого, если у тебя есть номер…

— Подожди, — сказал Райделл. — Вот эта вот женщина, видишь? — розовые очки развернулись. — Кто это?

— Голограмма это, — сообщил хмырь нормальным человеческим голосом и удалился.

— Ну, ты даешь, — уважительно протянул бармен. — Отшил Билли Говнилу в рекордно короткое время, прямо хоть в книгу Гиннеса. Честно заработал себе пиво. — Бармен, черный парень с медными бусинами в волосах, весело ухмылялся. — Билли Говнила — это потому, что он и сам говно, и все его предложения — тоже. Подключит к твоему телефону какую-нибудь коробочку, без ничего внутри, без батарейки даже, понажимает для вида кнопки, навесит лапши, возьмет деньги — и поминай как звали. Говнила — он и есть Говнила.

Длинные черные пальцы ловко откупорили бутылку, поставили ее рядом с той, недопитой.

Райделл еще раз оглянулся. Японка так и не сдвинулась с места.

— Зашел вот от дождя спрятаться, — пробор-

мотал он, пытаясь поддерживать нечто вроде светской беседы.

— Да уж, погодка, — кивнул бармен.

— Слушай, — решился, наконец, Райделл, — а вот эта, вон там, на сцене, женщина…

— Это — танцовщица, Джози ею танцует, — еще шире ухмыльнулся бармен. — Подожди чуток, вот будет подходящая песня — она сразу ее запустит.

— Джози?

Бармен молча ткнул пальцем в глубь зала; Райделл чуть не присвистнул от удивления.

Странно, мелькнуло в его голове, и как это обыкновенное инвалидное кресло выдерживает вес такой туши? Толстая баба была одета аккуратно, даже с некоторой претензией на элегантность: ослепительно-белый свитер и синий, с иголочки, комбинезон без рукавов, сшитый на манер детских ползунков; седые жесткие волосы сильно смахивали на стальную проволоку. На жирных коленях Джози лежал какой-то продолговатый предмет из серого пластика, ее руки были спрятаны в этом предмете, как в муфте. Глаза прикрыты, на сером, словно из теста вылепленном лице — ноль эмоций. Даже и не поймешь, спит она или нет.

— Голограмма, да?

Японка все еще не шевелилась. Райделл отчетливо помнил ту ночь, женщину на шоссе. Серебряная корона с рожками. Волосы на лобке, подбритые в форме восклицательного знака. Ничего этого сейчас нет, но нет и сомнений. Это она. Она.

— Любит Джози проецировать, хлебом ее не корми.

Бармен словно извинялся за капризного, непослушного ребенка.

— Из этой штуки, у нее на коленях?

— Вроде того, — кивнул бармен. — Это интерфейс, а сам проектор — вон там. — Он ткнул большим пальцем через плечо. — Над знаком НЭК.

Чуть повыше старинной, подсвеченной изнутри рекламной эмблемы чернело нечто вроде оптической кинокамеры, какими пользовались в прошлом веке. А что это такое — НЭК, пиво или что? Вся стена была увешана и оклеена такими значками; названия некоторых фирм вызывали у Райделла смутные воспоминания. Похоже, все это были рекламы древней электроники.

Райделл перевел взгляд с черного угловатого прибора на толстуху в инвалидном кресле. Его

охватила непонятная тоска. И нечто вроде злобы. Вроде как если потеряешь что-нибудь личное, дорогое для себя.

— Даже и не знаю, чего я, собственно, ожидал, — сказал он не то чтобы бармену, а так, самому себе.

— Тут кто хочешь ошибется, — понимающе кивнул бармен.

Значит, кто-то сидел там, на склоне, чуть повыше дороги. Машины подстерегал. Вроде как они, школьниками еще, прятались за кустами на Джефферсон-стрит. А потом кидали под колеса проезжающих машин пустые консервные банки. Звук — ну точно как если ступичный колпак отвалится. Машины тормозили, водители вылезали на дорогу, смотрели, как и что, трясли головами. И там, в долине, было что-то вроде, какие-то ребята играли с дорогой игрушкой.

— Хрен с ним, — сказал Райделл и начал высматривать Шеветту Вашингтон; запахи пива и дыма исчезли за густой вонью пота и мокрой одежды.

А вот и они, девушка и двое ее приятелей, в самом углу, за маленьким круглым столиком. Тот, похожий на тень, скинул свой капюшон, явив изумленному миру голову, поросшую короткой

белесой щетиной, с летучей мышью, а может — какой птицей, отсюда не разберешь, вытатуированной чуть повыше левого виска. Потому, наверное, и лысый — отпусти он волосы, так вся красота пропадет. Ручная работа, не компьютерная. Лысый — его маленькое жесткое личико было повернуто к Райделлу в профиль — молчал. Шеветта что-то объясняла второму, выглядела она безрадостно, еще секунда — и расплачется.

И тут музыка изменилась, вступили барабаны, казалось, что их, барабанов этих, тысячи и миллионы, что за тонкими стенками бара выстроилась несметная армия барабанщиков, и на этот неумолчный грохот накатывались волны шипения и свиста, вроде помех в радиоприемнике, накатывались, и откатывались, и накатывались снова, а затем вступили женские голоса, только голоса эти звучали не по-человечески, а вроде каких-то птичьих криков, и все это искусственное, синтезированное, голоса улюлюкали, как сирены полицейской машины на пустынном шоссе, а барабаны, если прислушаться, также не были барабанами, а состояли из крошечных звуковых обрезков, или там осколков, и все это гремело, било по ушам и по нервам.

Японка — голограмма, напомнил себе Райделл

— вскинула руки, качнула бедрами, заскользила по сцене петлями и восьмерками медленного шаффла.[134] Не обращая внимания на барабаны, она подчиняла свои движения океаническому ритму шумовых волн, мерно накатывающихся на крохотный зал. Райделл оглянулся — глаза студнеобразной Джози были широко открыты, запястья рук, засунутых в пластиковую муфту, шевелились.

Никто из посетителей бара не уделял танцу ни малейшего внимания, только они двое, Райделл и женщина в инвалидном кресле. Впрочем, Райделл и сам смотрел на голографическую японку вполглаза, его занимала сейчас совсем иная проблема: что делать дальше?

Оперативное задание выглядело следующим образом: лучше всего, если ты доставишь очки и девицу, очки без девицы — чуть похуже, но тоже вполне удовлетворительно. Если очков нет — тащи хотя бы девицу.

С шорохом отхлынула последняя волна электронного прибоя, японка замерла. Кое-кто из посетителей захлопал, прозвучало несколько пьяных, ободряющих выкриков. Джози изобрази-

---

[134] Примечания: 134
Шаффл — танец с характерными шаркающими движениями ног

ла нечто вроде поклона.

Самое ужасное, думал Райделл, что вот эта втиснутая в инвалидное кресло женщина попросту не умеет толком танцевать свою голограмму. Вроде этого ноксвиллского слепого, который сидит с утра до вечера в парке и бренчит на старой, антикварной, считай, гитаре. Он, слепой этот самый, добыл где-то эту гитару, но играть на ней не умел, абсолютно. И сколько он там ни сидит, сколько ни мучает инструмент, ни одного аккорда так и не выучил. Неверно это как-то, вроде даже нечестно, только вот не понять: по отношению к кому нечестно? К старику-слепому, к ни в чем не повинным прохожим или к гитаре?

Заметив, что за ближайшим к Шеветте столиком встают, Райделл прихватил честно заработанную бутылку, перебазировался на одно из освободившихся мест и напряг уши. Хрен там что услышишь, при таком-то шуме. Хорошо бы, конечно, встрять в их разговор, только как это сделаешь? Райделл не чувствовал себя в этой пивной белой вороной, чужеродным элементом; судя по всему, здесь сидела сейчас разношерстная публика, не постоянные клиенты, а случайные люди, забежавшие спрятаться от дождя. Но он не понимал этого заведения, его духа, его идеи. Вот,

скажем, название, «Когнитивные диссиденты» — ну с чем это, спрашивается, едят? Узнать у кого-нибудь? А что толку, сильно это тебе поможет? Тем временем разговор между Шеветтой Вашингтон и ее парнем заметно накалялся.

Ее парень, это точно. Во всем поведении Шеветты, в каждом ее жесте чувствовалась Отшитая Подружка, а парень, так тот прямо из кожи вон лез, чтобы продемонстрировать, насколько безразлична ему какая-то там быв…

Мудрые эти рассуждения мгновенно утратили всякий смысл. Шум в зале смолк, Райделл поднял глаза и увидел на нижней ступени лестницы знакомую фигуру Орловского. Голову вурдалака из отдела убийств СФДП прикрывала нежно-оранжевая пластиковая шляпа с примятой посередке тульей и закрученными вверх полями; странные, не как у людей, половинковые очки зловеще поблескивали. Орловский расстегивал пуговицы потемневшего от влаги плаща, вокруг его ботинок быстро набегала лужа. Под плащом обнаружился знакомый уже Райделлу бронежилет; расстегнув последнюю пуговицу, рука Орловского легла на гладкую, цельнолитую из оливкового пластика рукоятку «хеклер-и-кох». На этот раз Райделл разобрал, что пистолет у этого красавца очень

и очень приличный, плавающий затвор и все такие дела. Зато бляхи полицейской, висевшей в тот раз на нейлоновом шнуре, он не обнаружил, сколько ни старался.

Весь бар молча вытаращился на Орловского. «Явление Христа христопродавцам», неизвестный художник, XIX век.

Орловский неторопливо осмотрел зал. Полуприкрытые полуочками глаза отпускали каждому из присутствующих щедрую дозу Парализующего Взгляда. С его приходом даже музыка, монотонный техно-долбеж, похожий на взрывы бомб в резонансных камерах, зазвучала иначе, обрела новый смысл.

На лице Джози, разглядывавшей русского из своего инвалидного кресла, появилось какое-то напряженное, непонятное Райделлу выражение.

Заметив Шеветту Вашингтон, Орловский зашагал к ее столику. Он двигался с подчеркнутой, выматывающей нервы медлительностью, волосатые пальцы сжимали рукоятку пистолета.

Райделл все больше и больше опасался, что русский возьмет вот сейчас и застрелит девушку. Все вроде бы к тому и шло — но разве может коп сделать такое?

Орловский остановился перед столиком на точ-

но выверенной дистанции — не слишком близко, чтобы выхватить оружие и перестрелять парней, если те дуром на него кинутся.

«Кавалер» совсем обосрался, Райделл отметил это с непонятным для себя самого удовлетворением. Лысый замер, застыл, не живой человек, а восковая фигура. Его руки лежали на столе, в левой ладони чернел карманный телефон.

Свет флуоресцентных ламп придавал лицу Орловского пепельно-серый оттенок, четко прорисовывал каждую морщинку. И хоть бы малейшая тень улыбки. Он пронзил девушку стокиловольтным глазным излучением, тронул левой рукой поля пластиковой шляпы и сказал:

— Вставайте.

Девушку била мелкая дрожь. Ни у кого не возникло сомнений, что Орловский имеет в виду ее, а не парней. Обосравшийся кавалер побледнел, того и гляди, в обморок шлепнется, лысый продолжал изображать из себя восковую фигуру.

Шеветта поднялась на дрожащих, подламывающихся ногах. Ее стул упал, негромкий стук показался Райделлу грохотом.

— Выходи.

Движением подбородка Орловский указал на лестницу. Волосатая лапа все так же лежала на

рукоятке.

Райделл судорожно напрягся. Его руки сжимали края столика. Снизу столик был густо облеплен засохшими комочками жевательной резинки.

Свет в зале потух.

«Джози швырнула на него свою голограмму, и это выглядело точь-в-точь как в конце «Затерянного ковчега», когда все ангелы, или кто уж там они были, вылетели клубком из сундука и бросились на фашистов» — в таких словах описал Райделл последовавшую сцену Саблетту, но разговор их состоялся позднее, через много дней.

А тогда было не до сравнений, события развивались слишком быстро. Потух не только верхний свет, потухли все лампы, до последней, даже эти рекламные знаки на стене, и Райделл вскочил, ни о чем даже не думая, а так, автоматически, отшвырнул столик вместе с так и не допитой бутылкой дармового пива и бросился туда, где стояла Шеветта. В то же мгновение на стене — чуть повыше рекламы этой загадочной НЭК, только сейчас рекламы не было видно — вспыхнула ослепительная точка, и точка эта рванулась вниз, превращаясь по дороге в трехфутовый, а то и больше, шар света. Желтоватый такой шар, или, лучше сказать, цвета слоновой кости, одним

словом, точно такой же, как кожа той японки, и весь в темных пятнах, фрагментах глаз и волос, и он вертелся волчком, как снятая со спутника Земля на экране телевизора в заставке прогноза погоды. И все это — вокруг головы Орловского и его плеч, и когда шар вращался, на нем мелькала то прядь ее волос, то глаз, то рот, разинутый в беззвучном крике, и все это — увеличенное. Каждый глаз становился на долю секунды огромным, во весь шар, и зубы тоже огромные, с руку длиной.

Орловский вскинул руки, отмахиваясь от неожиданной напасти, как от роя мух, и это его задержало, чуть-чуть, но задержало, и он не успел выхватить пистолет.

Убедившись (спасибо шару за освещение), что схватил в темноте именно Шеветту, а не Кавалера или Лысого, Райделл сгреб ее в охапку и бросился к лестнице; в Академии учили специальным приемам и захватам, чтобы задержанный шел с тобой и не рыпался, однако сейчас, в нужный момент, академическая премудрость вылетела у него из головы.

Орловский орал вслед нечто совершенно непонятное — по-русски, наверное.

Райделлов дядя — тот, который служил в Африке, — говорил, что любит смотреть на женские

задницы, как они перекатываются на ходу, ну прямо тебе две росомахи в холщовом мешке. Сейчас, когда Райделл тащил Шеветту Вашингтон по лестнице, странное это сравнение наполнилось для него новым глубоким смыслом — и безо всякого там сексуального подтекста.

Еле ребра уцелели.

Глава 22

Неприличная фамилия

Шеветта не успела заметить, кто это ее схватил, да и какая, собственно, разница, что один бандит, что другой. Она брыкалась как бешеная, но без особого успеха — разве ж тут ударишь хорошенько, когда этот гад тащит тебя на вытянутых руках.

А потом он споткнулся и чуть не упал, и они оказались снаружи, на верхнем уровне, и в руке высокого, здоровенного мужика был здоровенный пластиковый пистолет, или там автомат, очень похожий на детскую игрушку, их тоже делают такого вот грязно-зеленого цвета, который называется «защитный», и на мужике этом был такой же плащ, как на том, другом, который

остался внизу, а шляпы не было, ни пластиковой, никакой — только мокрые волосы, гладко зачесанные назад, а еще кожа у него на роже была натянута неестественно туго, прямо как на барабане, чуть-чуть — и порвется.

— Отпусти ее, мудила.

Странный был акцент у этого мужика, вот так же точно говорил какой-то монстр в одном старом фильме ужасов. Тот, другой, который вытащил Шеветту наружу, поставил ее на землю, она не успела напрячь ноги и едва не грохнулась.

— Только пошевелись, — сказал монстр с пистолетом, — и я тебя, мудилу…

— Уор… — тот, зацапавший ее, согнулся пополам и начал хрипло, натужно кашлять. — …бэйби, — добавил он, выпрямляясь, а затем ощупал свои ребра, болезненно сморщился и пробормотал:

— Ну, мать твою, и лупишь ты ногами.

Вот этот — точно американец, только не с Тихоокеанского побережья. Рукав дешевой нейлоновой куртки почти оторван, из дырки лезет какой-то белый пух.

— Только пошевелись…

Пластиковый ствол глядел этому, драному, прямо в лицо.

— Уор-бэйби, уор-бэйби, — сказал драный, во всяком случае, звучало это именно так. — Уор-бэйби поручил мне найти ее и привести. Его машина припаркована у въезда, сразу за этими надолбами, он сидит там и ждет меня. С ней.

— Аркадий…

Ну вот, еще один явился. Старый знакомый. Теперь из-под его дурацкой шляпы торчал короткий тупой рог — объектив прибора ночного видения. В правой руке — какая-то круглая штука — аэрозольный, что ли, баллончик? Он махнул баллончиком в направлении лестницы и сказал что-то на непонятном языке. По-русски?

— Нельзя поливать перцем в закрытом помещении, — заметил тот, американец. — Люди ж до смерти с носоглоткой будут мучиться.

— Ты водила, да? — спросил Барабанная Рожа.

И тут же махнул своему напарничку левой, свободной, рукой, чтобы тот спрятал баллончик, или что уж там у него было.

— Мы пили кофе, а вы — чай. Шитов, так, что ли?

Не хочет, чтобы я знала его фамилию, подумала Шеветта, поймав на себе опасливый взгляд Барабанной Рожи. Да не боись ты, бандюга, ничего я не расслышала, мне и вообще показалось, что

этот парень сказал: «Шит-офф», а ведь такой фамилии просто не может быть.

— Зачем ты ее утащил? — спросил Барабанная Рожа, Шит-офф.

— А если б она смылась в темноте? Я что, знал, что у этого, твоего напарничка, есть ночные очки? Кроме того, Уорбэйби меня за ней и послал. А вот вас тут вроде и не должно было быть, во всяком случае, я так понял.

— Отпусти! — заорала Шеветта.

Тот, в шляпе, грубо заломил ей руку. И когда это только успел он зайти сзади?

— Не бойся, — сказал американец. — Эти ребята из полиции. СФДП, отдел расследования убийств.

Успокоил, называется.

— Ну ты и мудила, — присвистнул Шит-офф.

— Копы? — переспросила Шеветта.

— Ну да.

Шит-офф громко, со злостью сплюнул.

— Пошли, Аркадий. Пока эти говнюки из подвала…

Шляпник снял прибор ночного видения и теперь нервно переминался с ноги на ногу, почти приплясывал — точь-в-точь как перед запертой кабинкой туалета.

— Подождите, — сказала Шеветта. — Сэмми

убили. Вы же копы, вы должны что-то сделать. Он убил Сэмми Сэла.

— Какой еще Сэмми? — заинтересовался тот, с оторванным рукавом.

— Мы с ним работаем! В «Объединенной»! Сэмми Дюпре. Сэмми. Он его застрелил!

— Кто застрелил?

— Рай-делл. Заткни хле-ба-ло.

— Она говорит нам, что обладает-информацией-связанной-с-возможным-убийством, и ты говоришь мне: «Заткни хлебало»?

— Да. Я говорю тебе: заткни на хрен свое долбаное хлебало. Уорбэйби. Он все объяснит.

Они пошли в сторону Сан-Франциско, и Шеветта пошла тоже — а как тут не пойдешь, если руку тебе заломили.

Глава 23

Была не была

Шитов чуть не силком заставил Райделла пристегнуться к Шеветте Вашингтон наручниками и наручники дал свои, «береттовские», точно такие же, как у ноксвиллской полиции. Сказал, это чтобы у них с Орловским руки были свободные,

на случай если местные заметят, что девушку арестовали, и захотят ее отбить.

Арестовали? А где же тогда «миранда»?[135] Да девице и не сказали даже, что вот, значит, ты теперь под арестом. Райделл твердо решил, что так прямо на суде и выложит, что не слышал никакой «миранды», хотя все время находился рядом, и дались они конем. Не было еще заботы — лжесвидетельствовать ради каких-то там раздолбаев. В Академии каждый, считай, день капали курсантам на мозги, что на полицейских ложится колоссальная ответственность и как они должны себя вести, так вот эти, прости Господи, крутые ковбои — хрестоматийный пример, как не нужно себя вести.

А с другой стороны, именно ведь такими и представляют себе люди копов, именно такого поведения и ожидают от них, сознательно или бессознательно, и все это связано с мифологией — так объяснял один шибко умный лектор. Мифология, она страшная сила, взять, напри-

---

[135] Примечания: 135

«Миранда» — знаменитая формула: «Вы имеете право молчать. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в качестве доказательства. Вы имеете право на совет адвоката». В 1966 г, некий Эрнесто Миранда, обвиняемый в похищении и изнасиловании, был, несмотря на признание, оправдан Верховным судом США, т, к, полицейские при аресте в спешке не зачитали ему эту формулу. Потом он, правда, все равно сел — но за другое.

мер, синдром преподобного Малкахи. Это когда кто-нибудь держит заложников в запертом помещении и копы решают, что же им такое делать. И все они видели этот фильм про патера Малкахи и начинают действовать соответственно. Ясно, говорят, понятно, нужно привести сюда священника. Нужно привести родителей этого парня. А я пойду туда без оружия и постараюсь его уговорить. Слово за слово, а потом какой-нибудь герой и вправду кладет ствол на землю и идет этого психа уговаривать, со всеми вытекающими последствиями. И все по одной-единственной причине — он забыл, что жизнь не похожа на кино, совсем не похожа. Но это — редкий случай, чаще бывает наоборот, живой коп начинает подражать крутым телевизионным копам, проходит какое-то время, и ему не нужно даже подражать, он и вправду становится таким вот ковбоем. Несмотря на все, чему его учили, несмотря на все предупреждения. А иностранцы, вроде тех же Шитова и Орловского, на них эта телевизионная хрень действует еще сильнее. Да хоть на одежду взглянуть — сразу видно, с кого они узоры пишут.

Добраться бы до душа. До горячего душа, чтобы почти как кипяток. И терпеть, пока хватит сил

— или пока вода в кране не кончится. Вытереться, надеть новые, совершенно сухие шмотки и сесть по-человечески, в своей комнате, в свое кресло. Уорбэйби наверняка заказал уже новому сотруднику номер в какой-нибудь гостинице, или сам заказал, или Фредди своему поручил. Позвонить, чтобы прислали пару клубных сэндвичей и пяток этих длинных бутылок мексиканского пива, в Лос-Анджелесе оно везде есть, так и здесь, наверное, тоже. В ведерке со льдом. Посмотреть телевизор. Включить, скажем, а там как раз «Влипших копов» показывают. Позвонить Саблетту, почесать языком, рассказать ему, какой тут бардак в этой ихней Северной Калифорнии. Саблетт не переносит яркого света и старается работать ночью, так что одно из двух — либо он сейчас в патруле, либо смотрит свои старые фильмы…

— Смотри, куда идешь!

Рывок за наручники чуть не опрокинул его на мостовую.

— А? — пришел в себя Райделл. Они с Шеветтой огибали вертикальный стояк с разных сторон. — Прости.

Шеветта хмуро промолчала. И все-таки — ну никак не смотрелась она на девицу, способную

полоснуть мужика по горлу и вытащить его язык наружу сквозь не предусмотренное анатомией отверстие. Правда, вот нож… А что, собственно, нож? Ведь нельзя же каждого, у кого в кармане нож, так вот сразу считать за убийцу. Кроме ножа Шитов вытряс из нее карманный телефон и эти долбаные очки, из-за которых весь переполох. Точно такие же, как у великого сыщика, и футляр такой же. Теперь очки у него, во внутреннем кармане брони; увидев их, русские прямо кипятком в потолок от радости.

И даже боялась она не так — душные волны страха, исходящие от пойманного преступника, не перепутаешь ни с чем, для этого и опыта никакого не надо. А тут скорее ужас затравленной жертвы — и это при том, что она с ходу призналась Шитову, что да, украла я эти очки. Прошлым вечером в гостинице этой самой, в «Морриси», во время пьянки. И никто ведь из русских ковбоев и слова не сказал про убийство, и вообще про мужика этого зарезанного, Бликс он там или как. Подумать если, так они и ни в чем ее не обвиняли, ни в убийстве, ни в воровстве даже, — вообще ни в чем. А она говорила, что кто-то там убил какого-то Сэмми. Может, Сэмми — это и есть тот немец, зарезанный? А русские, словно не слыша-

ли, и сами ничего не ответили, и Райделлу рот заткнули, и она теперь тоже молчит, ну разве что огрызнется иногда, прикрикнет, когда он начинает засыпать на ходу.

Дождь закончился, ветер стих, но большого оживления на мосту не наблюдалось — да и то сказать, странно бы было, если бы сейчас, в невесть какой час ночи, все повыскакивали наружу и начали устранять причиненный непогодой ущерб. Однако кое-где зажегся свет, какие-то люди сгребали с мостовой воду и мусор. И пьяные — уж без них-то, конечно, никак. Круто уторчавшийся на «плясуне» мужик — во всяком случае, он непрерывно разговаривал сам с собой, молотил языком со скоростью тыща слов в минуту — пристроился в хвост процессии и так и плелся следом, пока Шитов не развернулся и не прошипел, что, мол, уторчался, мудила, так и уматывай на хрен в Окленд, а то искрошу тебя к такой-то матери в капусту, и все это со стволом в руках. Мужик вылупил глаза и послушно, без спору, повернул назад, да и кто бы на его месте спорил, а Шитов оглушительно заржал.

Участок моста, где час назад (или два? сколько же времени прошло?) стояла в нерешительности Шеветта Вашингтон, был освещен несколькими

фонарями. Райделл споткнулся о какую-то доску, взглянул вниз и только теперь заметил на ногах девушки черные десантные ботинки, один к одному, как его собственные. И тоже, небось, с кевларовыми стельками.

— Классная обувка, — уважительно прокомментировал он и тут же смутился. Шеветта взглянула на него, как на психа. На ее щеках блестели слезы.

— Заткнись, мудила! — рявкнул шагавший рядом Шитов; ствол пистолета болезненно ткнул Райделла в ямку между челюстной костью и правым ухом. — И чтобы больше ни слова!

Райделл скосился на русского придурка, подождал, пока рука с пистолетом уберется, и только тогда кивнул:

— О'кей.

Весь дальнейший путь прошел в полном молчании. Райделл украдкой поглядывал на Шитова и решал в уме сложную задачу: когда начистить морду этому сучьему потроху — сразу, как расстегнут наручники, или чуть погодя?

В тот момент, когда Шитов вытаскивал свою долбаную пушку из Райделлова уха, Райделл заметил через его плечо какого-то парня, заметил безо всякого интереса — ну парень себе и парень.

Высокий, крепкий, длинноволосый, вылез из узкой, не шире фута, двери, и даже не дверь это, а щель какая-то, вылез и стоит, моргает, то ли от яркого света, то ли от удивления.

Райделл не относился как-нибудь там по-особому ни к иммигрантам, ни к черным, ни к голубым — пусть себе хоть зеленый в крапинку, был бы человек хороший. Это, к слову сказать, сильно выручило его при поступлении в Полицейскую академию — прогнали его через все ихние тесты, увидели, что не расист парень, ни вот на столько не расист, и взяли — несмотря на очень грустные отметки в школьном аттестате. Райделл и вправду не был расистом, только не из каких-нибудь там идейных соображений, а так, по житейскому смыслу. Ну, на кой, спрашивается, быть расистом, если от этого никакой радости, одни заморочки? Ясно же, что люди никогда не вернутся назад, не будут жить, как жили когда-то; а даже и случись такая невероятная вещь — что бы в том хорошего? Тогда бы, небось, не по одной станции долбили пятидесятничный хэви-металл, а по всем, двадцать пять часов в сутки. И кто бы, спрашивается, жарил монгольский шашлык? Да и вообще, что толку думать о такой бредятине, когда в Белом доме сидит черная баба?

Однако сейчас, когда они с Шеветтой Вашингтон пробирались между бетонных надолбов, взмахивая руками в идиотском общем ритме, ни дать ни взять детский сад на прогулке, черт бы побрал эти наручники, Райделл не мог не признать, что некоторые конкретные иммигранты и негры его достали. Сильно достали. И Уорбэйби с его вселенской скорбью и постной, как у телевизионного проповедника, харей. И Фредди этот самый, технический, в рот его и в ухо, консультант. Отец, царствие ему небесное, на дух не переносил таких вот типов, скользких и хитрожопых; «ублюдки сраные» — так он их называл, любимое папашино выражение. А уж Шитов и Орловский — посмотришь на них и сразу поймешь, что имел в виду дядя, который в Африке воевал, когда рассказывал про дубин, у которых голова хрящом проросла.

И вот он, пожалуйста, Фредди тот драгоценный, — привалился задницей к радиатору «Патриота» и дергает башкой в такт какой-то там из наушников мелодии, а по краям его кроссовок бегут красные буковки, слова песни или там что. Этот-то под дождь не вылезал, в машине отсиделся, вон ведь, все у него сухонькое, и рубашка эта пистолетная, и необъятные портки.

И начальничек его, Уорбэйби, в стеганом этом пальто и в шляпе, нахлобученной почти на глаза. Почти на эти сраные ВС-очки. Широкий, как шкаф, только нормальный шкаф сам по себе стоит, а этот на тросточку опирается.

Нос к носу с «Патриотом» стояла неприметная такая серенькая машинка размером с океанский лайнер; армированные покрышки и графитовая решетка на радиаторе прямо-таки кричали каждому любопытному: «КОПОВОЗКА». И любопытные были — несмотря на поздний (или уже ранний?) час, они стояли среди бетонных надолб, сидели на ящиках и продуктовых тележках. Дети, пара мексиканок — поварихи, наверное, судя по волосам, затянутым сетками. Крепкие, угрюмого вида мужики в грязных робах опирались на лопаты и швабры. Никто не подходил особенно близко, просто смотрели — и все, на лицах подчеркнутое безразличие, обычное поведение людей, наблюдающих за работой копов.

На переднем пассажирском сиденье полицейского броненосца клевал носом еще один блюститель закона.

Русские сомкнули строй, зажали Райделла и Шеветту в плотные клещи; Райделл чувствовал, что собравшаяся толпа их нервирует. А вот не

хрен было выставлять свою машину на всеобщее обозрение.

Теперь, когда Шитов шагал совсем рядом, стало слышно, как поскрипывает под его рубашкой броня. Он благоразумно припрятал пистолет и, как и подобает настоящему ков бою, не выпускал изо рта китайскую «Мальборо».

И куда же теперь? В полицейскую машину? Да нет, вроде бы к «Патриоту». Лучезарная улыбочка Фредди прямо напрашивалась на хороший удар каблуком, зато Уорбэйби глядел на приближающуюся процессию с чуть ли не большей, чем обычно, скорбью.

— Снимите с меня эту хрень.

Райделл сунул Уорбэйби под нос охваченное тонким стальным ободком запястье; рука Шеветты Вашингтон дернулась вверх. Стоило зрителям заметить наручники, как их безразличие словно ветром сдуло; послышался негромкий угрожающий рокот.

Уорбэйби повернулся к Шитову.

— Добыл?

— Да. — Шитов похлопал себя по груди. — Здесь они, как миленькие.

— Вот и прекрасно, — кивнул Уорбэйби.

Он взглянул на Шеветту, на Райделла и наконец

повернулся к Орловскому.

— Сними с него наручники.

Орловский взял Райделла за запястье и сунул в прорезь наручника магнитный ключ.

— Садись в машину, — скомандовал Уорбэйби.

— Они не читали ей «миранду», — запротестовал Райделл.

— Садись в машину. Ты же у нас водитель, или забыл?

— Скажите, мистер Уорбэйби, она что, арестована?

Фредди мерзко хихикнул.

Шеветта протянула Орловскому свое, все еще закованное, запястье, но тот уже засовывал магнитный ключ в карман.

— Райделл, — печально вздохнул Уорбэйби, — садись в машину. Мы тут больше не нужны.

Правая дверца серой машины распахнулась; полицейский (полицейский?), дремавший прежде на пассажирском сиденье, вышел наружу и потянулся. Черные ковбойские сапоги, длинный, угольно-черный плащ. Светлые волосы, не короткие и не длинные. От уголков рта — глубокие, словно стамеской вырубленные морщины. Бесцветные, водянистые глаза. Тонкие губы широко разошлись в улыбке, сверкнули искорки золота.

— Это он. — Голос Шеветты Вашингтон срывался. — Он убил Сэмми.

И тут высокий длинноволосый парень — тот самый, которого Райделл видел на мосту, только теперь он был на велосипеде — с разгона врезался в спину Шитова. Старый ржавый велосипед с крепким стальным багажником перед рулем тянул на добрую сотню фунтов, столько же, а то и больше, весил металлолом, набитый в глубокую корзину переднего багажника, еще две сотни — сам лихой велосипедист. Шитов негромко хрюкнул и рухнул на капот «Патриота»; Фредди подпрыгнул, как ошпаренная кошка.

Длинноволосый парень, похожий сейчас на взбесившегося медведя, перелетел через руль, упал на Шитова сверху и начал молотить его мордой о капот. Рука Орловского метнулась к пистолету, но в тот же момент Шеветта выхватила из ботинка отвертку и саданула его в спину. Бронежилет, конечно, не прошибла, но от удара коп качнулся.

Безгильзовые боеприпасы и плавающий затвор обеспечивают невероятную скорострельность. Надсадный, душераздирающий вой, издаваемый современным оружием при автоматической стрельбе, ничуть не похож на ритмичный пере-

стук древних пулеметов и автоматов.

Первая очередь ушла в темное ночное небо; Шеветта Вашингтон повисла на правой руке Орловского. Орловский попытался повернуть ствол в ее сторону, но не сумел — вторая очередь полоснула в сторону моста. Из толпы раздались испуганные крики, люди хватали и прятали детей.

У великого сыщика отвалилась челюсть, он явно не верил своим глазам.

Орловский снова попытался вырвать руку из Шеветтиной хватки. Райделл стоял прямо за его спиной, и это было снова как тогда, с Кеннетом Терви. Или — когда «Громила» выносил ворота шонбрунновской усадьбы.

Он ударил Орловского ребром ботинка по голени, тот рухнул и третья очередь ушла вертикально вверх.

Фредди попытался схватить Шеветту — и едва успел прикрыться драгоценным своим компьютером. Отвертка пробила тоненький чемоданчик насквозь; Фредди уронил его на землю, истошно завопил и отпрыгнул.

Райделл поймал на лету расстегнутый наручник — тот самый, который висел недавно на его собственном запястье, — и дернул.

Открыв правую дверцу «Патриота», он пролез на водительское место и втащил следом за собой Шеветту. Длинноволосый все еще продолжал выяснять, что прочнее — русская голова или американский металл.

Ключ. Зажигание.

Райделл заметил на капоте радиотелефон и ВС-очки, вывалившиеся из кармана Шитова. Опустить стекло, схватить телефон и тускло-серый футляр, поднять стекло. Короткая очередь прошила длинноволосого, смела его на землю. Врубая задний ход, Райделл снова заметил того, золотозубого из коповозки. Золотозубый стоял, широко расставив ноги, и водил из стороны в сторону стволом. Правая рука сжимает оружие, левая сжимает запястье правой — все, как учили в Академии. Корма «Патриота» врезалась в какое-то препятствие, Шитов слетел с капота за компанию с ржавыми цепями и обрезками труб. Шеветта все еще рвалась наружу (и что же это она там забыла?), так что Райделлу приходилось придерживать ее за наручник и крутить баранку одной левой. Затем он выпустил наручник, чтобы перевести передачу с заднего хода на передний, и тут же вцепился в него снова.

Следующим номером программы Райделл бро-

сил «Патриота» на золотозубого; тот настолько увлекся стрелковыми упражнениями, что едва успел выскочить из-под колес. Шеветта оценила, наконец, ситуацию и захлопнула дверцу.

«Патриот» проскочил в каком-то дюйме от края моста и едва не врезался в хвост огромного оранжевого мусоровоза.

Последняя картина, которую Райделл увидел и боковом зеркальце, выглядела почти нереально, как обрывок горячечного бреда, а потому намертво врезалась в его память. Громада моста, похожая на затонувший, опутанный водорослями корабль, на заднем плане — предрассветное, чуть сереющее небо, на переднем — громоздкая фигура великого сыщика. Уорбэйби шагнул раз, другой и ткнул тростью в направлении удаляющегося «Патриота». Сейчас он сильно напоминал фокусника или волшебника, манипулирующего своим волшебным жезлом.

Затем нечто, вылетевшее из трости, вышибло заднее стекло «Патриота»; Райделл заложил такой крутой правый вираж, что чуть не перевернул машину.

— Господи… — Шеветта говорила медленно, недоуменно, словно только что проснулась и не совсем еще воспринимает окружающее. — Что

это ты делаешь?

Райделл не знал, что он делает, он просто делал.

Глава 24

Песня стальной рептилии

Свет вырубился, Скиннерову комнатушку залила густая, чернильная темнота. Ямадзаки встал со стула, нашел Шеветтин спальный мешок, нащупал фонарик.

Яркое белое пятно скользнуло по стенам, задержалось на кровати. Скиннер спал, укрывшись двумя одеялами и рваным спальником, из угла открытого рта сочилась тонкая струйка слюны.

Ямадзаки осмотрел надкроватную полку. Маленькие стеклянные баночки со специями, банки побольше с винтами, гайками и шурупами, черный бакелитовый телефон с диском — живое напоминание о том, откуда взялось выражение «набрать номер». Разноцветные колесики клейкой ленты, мотки толстой медной проволоки, рыболовные снасти — или что-то на них похожее, Ямадзаки не очень в этом разбирался — и, наконец, свечные огарки, штук десять, стянутые

черной резинкой, пересохшей и растрескавшейся. Зажигалка нашлась быстрее — она лежала на самом естественном месте, рядом с примусом. Ямадзаки оплавил самый длинный из огарков в пламени зажигалки, прилепил его к блюдцу и зажег. Узкий оранжевый язычок испуганно заметался и потух.

С фонариком в левой руке Ямадзаки подошел к окну, закрыл его поплотнее, подоткнул две грязные тряпки — не очень эквивалентную замену утраченных сегментов витража.

На этот раз свечка не потухла, хотя пламя и колебалось — по комнате все еще гуляли сквозняки. Ямадзаки вернулся к окну. Все огни на мосту погасли, и он исчез, растворился в темноте. Дождь лупил по стеклам в упор, почти горизонтально; крошечные капельки прорывались сквозь трещины и щели, холодили лицо.

А ведь эту комнату, подумал Ямадзаки, можно превратить в первоклассную камеру обскуру. Вынуть из витража миниатюрное центральное стеклышко, чем-нибудь закрыть остальные сегменты, и на противоположную стену спроецируется перевернутое изображение.

Ямадзаки слышал, что центральная опора, удерживающая на себе середину моста, считалась

когда-то одной из лучших в мире камер-обскур. Свет, проникавший в ее темную утробу через крошечное отверстие, рисовал на дальней стене исполинскую картину изнанки моста, ближайшего устоя и водных просторов. А теперь в этих мрачных казематах поселились самые нелюдимые обитатели моста; Скиннер настоятельно советовал воздержаться от какого бы то ни было с ними общения.

— Это тебе не Остров Сокровищ, никаких таких Мэнсонов[136] там нет, но ты, Скутер, все равно к ним не лезь. Ребята как ребята, только не любят они гостей, не любят — и все тут.

Ямадзаки подошел к стальному канату, разделявшему комнату пополам. Скиннерова халупа сидела на канате, небольшая его часть, выступавшая над уровнем пола, напоминала малую поправку, едва проглядывающую при компьютерном представлении поверхности, описываемой сложной математической формулой. Ямадзаки нагнулся и потрогал стальной горб, отполированный сотнями чьих-то рук.

Каждый из тридцати семи тросов, составляв-

---

[136] Примечания: 136

Чарльз Мэнсон — глава небольшой сатанинской секты, зверски убившей актрису Шарон Тэйт (жену режиссера Романа Поланского) и всех собравшихся у нее гостей

ших канат, был сплетен из четырехсот семидесяти двух жил, каждый из тросов выдерживал — всегда, в том числе и сейчас, в этот самый момент — нагрузку в несколько миллионов фунтов. Позвоночник… нет, даже не позвоночник, а спинная струна, хорда исполинской реликтовой рептилии, чудом дожившей до нашего времени. И по ней, по этой хорде, струится информация, смутная и темная, как даль геологических эпох. Доисторическая тварь не совсем еще утратила подвижности — мост вибрировал под напором ветра, натягивался и сжимался при смене жары и холода, стальные когти его огромных лап цепко держались за материковую платформу, укрытую донным илом, за скалу, почти не пошевелившуюся даже при Малом великом землетрясении.

Годзилла. Ямадзаки зябко поежился, вспомнив давние телевизионные репортажи. Он тогда был в Париже, с родителями. Теперь на развалинах Токио вырастили новый город.

Да, кстати. Он подобрал с пола Скиннеров телевизор, поставил его на стол и начал рассматривать. Экран вроде бы в порядке, просто вывалился из корпуса и повис на короткой пестрой ленте кабеля. Ямадзаки приложил тускло-серый, с округлыми углами прямоугольник к

пустой рамке, нажал большими пальцами, что-то щелкнуло, и экран сел на место. Только будет ли эта штука работать? Он нагнулся, высматривая нужную кнопку. Вот эта. ВКЛ.

По экрану побежали красно-зеленые полосы, через секунду они исчезли, в левом нижнем углу вспыхнула эмблема NHK.

— ..Наследник Харвуда Левина, создателя и единоличного владельца одной из крупнейших рекламных империй, покинул сегодня Сан-Франциско, где провел, согласно нашим конфиденциальным источникам, несколько дней.

Непропорционально длинное и все же симпатичное лицо. Тяжелый, лошадиный подбородок прячется в поднятый воротник плаща. Широкая белозубая улыбка.

— Его сопровождает… — прямо на камеру идет стройная темноволосая женщина, закутанная в нечто черное и — тут уж никаких сомнений — умопомрачительно дорогое, на коротких черных сапогах поблескивают серебряные шпоры. —..Мария Пас, дочь падуанского кинорежиссера Карло Паса. Лицо Марии Пас известно каждому, кто хоть немного следит за светской хроникой. Все вопросы, касающиеся цели этого неожиданного визита, остались без ответа.

Известное каждому — и очень несчастное, чуть ли не заплаканное — лицо исчезло, теперь по экрану ползли бронетранспортеры, снятые в инфракрасном свете. Японские миротворческие силы продвигаются к местному аэропорту какого-то богом и людьми забытого новозеландского городка.

— ..Потери, вина за которые возлагается на запрещенный Фронт освобождения Саут-Айленда. Тем временем в Веллингтоне…

Ямадзаки попробовал переключить канал. Несколько секунд красно-зеленого мелькания, и на экране проступил портрет Шейпли, заключенный в аккуратную рамочку. Документальная постановка Би-би-си. Лицо спокойное, серьезное, даже чуть гипнотичное. После двух безуспешных попыток поймать что-нибудь другое Ямадзаки прибавил громкость, голоса британских актеров отодвинули в сторону все прочие звуки — и завывание ветра, и гудение тросов, и скрип фанерных стен. Он сосредоточился на хорошо известной истории, с хорошо известным — хотя и не очень хорошим — концом.

Джеймс Делмор Шейпли привлек к себе внимание антиспидовой промышленности в самые первые месяцы нового тысячелетия. Тридца-

тилетняя проститутка мужеского пола, он был инфицирован уже двенадцать лет. В тот момент, когда доктор Ким Кутник, работавшая в Атланте, штат Джорджия, сделала свое открытие, Джеймс Шейпли отсиживал в тюрьме двухсотпятидесятидневный срок за непристойное поведение в общественном месте (его статус ВИЧ-инфицированного должен был повлечь за собой значительно более серьезные обвинения, однако судьи этого «не заметили»). Ким Кутник, работавшая на компанию «Шарман», филиал «Сибата Фармасьютикалс», просматривала медицинские карты заключенных. Ей были нужны личности вполне определенного — и экзотического — плана: ВИЧ-инфицированные не менее десяти лет, не проявившие за это время никаких болезненных симптомов и имеющие в крови нормальное (либо, как в случае Шейпли, повышенное) количество т-лимфоцитов.

Шармановские лаборатории атаковали СПИД по многим направлениям; одно из них было связано с надеждой обнаружить и выделить мутантные штаммы вируса. Многие биологи считали, что высокая, практически стопроцентная летальность единственной известной на тот момент генетической разновидности ВИЧ про-

тиворечит законам естественного отбора. Вирус рубит сук, на котором сидит: распространяясь без помех, он не сегодня, так завтра уничтожит человечество, единственную свою питательную среду. Уничтожит самого себя. (Другие ученые столь же убежденно утверждали, что необычно долгий инкубационный период СПИДа не даст человечеству погибнуть.) Собственно говоря, идея выделить непатогенные штаммы вируса и применить их для подавления штаммов легальных была выдвинута лет на десять раньше, однако так и осталась идеей: «этические» соображения не позволяли проводить прямые эксперименты на людях. Шармановские исследователи опирались на идеологию этих старых работ: если вирус хочет жить, он не должен убивать своею «хозяина». Исследовательская группа, куда входила и доктор Кутник, намеревалась вакцинировать пациентов на стадии СПИДа сывороткой из крови ВИЧ-положительных индивидуумов — в надежде на вытеснение летального штамма безвредным.

Поиски таких индивидуумов были поручены семерым вирусологам, в том числе и Ким Кутник. Она решила начать прямо с ближайшей тюрьмы. Первоначальный отбор выявил шестьдесят шесть заключенных, которые: а) были инфициро-

ваны вирусом иммунодефицита человека десять и более лет назад; и б) не имели никаких жалоб на здоровье. Одним из этих шестидесяти шести был Дж. Д. Шейпли.

Действие переместилось в Рио-де-Жанейро, в патио загородного особняка.[137] Доктор Кутник (чью роль исполняла молоденькая английская актриса) вспоминала свою первую встречу с Шейпли.

— Трудно сказать, что поразило меня больше — количество т-лимфоцитов в крови Шейпли, значительно превышавшее норму, или его ответы на вопросник, из которых следовало, что Шейпли не больно-то следовал нормам «безопасного секса». Шейпли произвел на меня впечатление очень искреннего, отзывчивого и, как это ни странно, очень невинного человека. Мой вопрос об оральном сексе заставил его смутиться и покраснеть. Затем он рассмеялся и сказал… он сказал… — «Кутник» потупилась, ее щеки вспыхнули пунцовой краской. — Сказал, что «сосет — с хлюпом и досуха». Конечно же, — продолжила актриса, — в те дни все наши представления о путях распространения инфекции базировались на

---

[137] Примечания: 137
Патио — крытый двор.

догадках и предположениях. Странно подумать: не было проведено ни одного прямого эксперимента по выявлению механизма передачи.

Ямадзаки выключил телевизор. Федеральный закон о добровольных участниках экспериментов по борьбе со СПИДом и ходатайство доктора Кутник позволят Шейпли выйти из тюрьмы. «Безбожные и безнравственные» эксперименты шармановской группы, связанные с переливанием людям, умирающим от СПИДа, «нечистой крови», встретят яростное сопротивление со стороны христианских фундаменталистов. Эксперименты застопорятся — в тот самый момент, когда Ким Кутник получит первые обнадеживающие результаты. Состояние пациентов, имевших половые сношения с Шейпли, заметно улучшится, они явно пойдут на поправку. Взбешенная Кутник уволится с работы, увезет ничего не понимающего Шейпли в стоящую на пороге гражданской войны Бразилию, найдет щедрых спонсоров и продолжит свои исследования — там к таким вещам относятся просто и по-деловому.

Все бы хорошо, не будь у этой истории такого печального конца.

Лучше уж сидеть при свечке и слушать песню стальной рептилии.

Глава 25

Хоть вброд, хоть вплавь

Он все говорил, что он из Теннесси, и что он в гробу видал все это говно. А она оставила уже всякие надежды дожить до завтра, так он гнал машину, а и доживешь, так что толку — все равно поймают копы или этот, который застрелил Сэмми. Она все еще не могла понять, как и что случилось, и ведь этот мужик, который вырубил краснорожего, — это же точно был Найджел.

И его все тянуло куда-то направо от Брайанта, и тогда она сказала ему свернуть по Фолсом налево, ведь если эти суки и вправду висят на хвосте, так нужно выезжать на Хайт, лучшего места, чтобы затеряться среди людей, и не придумаешь, сама-то она точно намеревалась двинуть туда при первой же возможности. А «форд» был точь-в-точь такой же, как у мистера Маттьюза, директора Бивертонской колонии. И она пыталась заколоть этого типа отверткой, это подумать только, никогда бы от себя такого не ожидала. А потом сломала этому черному парню, который с такой мощной прической, его компьютер. И этот

чертов браслет на левом запястье, а другая его половинка, открытая, болтается на короткой, в три звена, цепочке.

Он оторвал правую руку от руля и схватился за пустой наручник. Что-то такое с ним сделал — вслепую, не отрывая глаз от улицы. Отпустил. И зачем это, интересно, он его защелкнул?

— Зачем ты его защелкнул?

— Для твоей же пользы. А то зацепишься за дверную ручку или еще за что…

— А теперь сними.

— Дай ключ — сниму.

— Что же мне, так теперь и ходить?

Она побренчала наручниками перед самым его носом.

— Засунь в рукав. Это же «береттовские» наручники. Серьезная штука.

Ему вроде как нравилось, что наконец-то нашлась тема для разговора, даже машину повел вроде как поспокойнее. Карие глаза. Не старый, лет двадцать с небольшим. Дешевая, насквозь мокрая одежда. Волосы не темные и не светлые, серединка на половинку, подстрижены слишком уж коротко, но не так коротко, чтобы было ясно, что это нарочно, из пижонства. А мышца на нижней челюсти все ходит и ходит, словно он жует

резинку, только он ничего не жует.

— Куда мы едем?

— А я-то откуда знаю? — он прибавил газа. — Это же ты сказала «налево».

— Кто ты такой?

— Райделл. — Его глаза на мгновение оторвались от дороги, скользнули по Шеветте. — Берри Райделл.

— Барри?

— Берри.[138] Вроде малины. Или волчьей ягоды. Кой хрен, это же большая улица, фонари и все такое…

— Направо.

— И куда же я должен…

— Направо!

— О'кей. — Он крутанул руль. — И куда ж это мы?

— На Хайт-стрит. Ночью там много народа, а копы и носа не суют.

— И бросим там машину?

— Отвернись на две секунды, и от нее останутся одни воспоминания.

— Банкоматы в этих краях водятся?

— А то.

---

[138] Примечания: 138
Берри (англ.) — ягода

— Ну да, вот он и есть.

На поребрике «Патриот» сильно тряхнуло, из рамы заднего окна посыпались осколки пуленепробиваемого стекла. Кто же это его выбил? — удивилась Шеветта. И когда? Я же все время здесь была…

Он выудил из насквозь мокрого бумажника кредитную карточку, затем — вторую, третью.

— Без денег нам никак, придется попробовать. А если ты хочешь выскочить из машины и сделать ноги, так за ради бога. — Он пожал плечами. — Никто тебя не держит.

А потом он вытащил из кармана куртки очки, те самые. И телефон. Как только в «Диссидентах» потух свет, она внаглую выхватила этот телефон прямо из пальцев Коудса. Ведь Лоуэлл, он всегда говорил, что в неприятности лучше не попадать, а если уж попал, нужно иметь под рукой телефон, без чего другого можно и обойтись, только не без телефона. А этот, бритоголовый, перетопчется как-нибудь. Ну а этот, бзикнутый, который машину гнал, кинул ей на колени и засранцевы очки, и телефон и буркнул:

— Забирай свою хурду-мурду.

А потом он хлопнул дверцей машины, подошел к банкомату и начал совать в него карточки. Бан-

комат чуть подумал и вылез из бронированной будки, осторожно и вроде как стеснительно, они всегда так делают, и камеры тоже высунулись — следить, чтобы клиент ничего такого не выкинул. А он стоял, прищелкивая пальцами правой руки, и рот такой, будто свистит он, но свиста никакого не было. Шеветта взглянула на футляр с очками и телефон и еще раз удивилась, чего она сидит здесь, он же, считай, хороший дал совет — делай, говорит, отсюда ноги.

В конце концов, он вернулся, пересчитывая на ходу толстую пачку денег, сунул деньги в передний карман джинсов, плюхнулся на водительское место, захлопнул дверцу и швырнул — окно с его стороны было открыто — одну из карточек под ноги банкомату, который задом, словно рак, втягивался в свою скорлупу.

— Ума не приложу, как это они сумели с такой скоростью аннулировать эту штуку, и добро бы у Фредди был компьютер, так ты же ему его раздолбала.

Чуть помедлив, он отправил следом за первой карточкой и вторую. И третью. Лексановый щит банкомата с грохотом опустился, карточки остались снаружи, лежат на мостовой в свете галогенных прожекторов и на каждой поблески-

вает крошечная голограмма.

— Так их же кто-нибудь подберет, — удивилась Шеветта.

— На что я и надеюсь, — ухмыльнулся этот. — Подберет и уедет с ними куда подальше. Лучше всего — на Марс.

А потом он врубил передачу, «форд» подпрыгнул и выскочил на улицу задом, чуть не столкнувшись с какой-то другой машиной, и тут сразу визг тормозов и длинный отчаянный вой сигнала, и машина обогнула их в каком-то дюйме, и водитель ее тоже, наверное, кричал, потому что рот его превратился в большое черное «О», только крика не было слышно, и та часть Шеветты, которая все еще оставалась курьером, была в полном восторге — ведь сколько раз эти гады подрезали ее, просто не сосчитать.

— Вот же мать, — сказал этот и начал дергать рычаг передач, и дергал, пока не нашел ту, что нужно, и тогда они поехали нормально.

Наручник болезненно натирал воспаленное место, где висела когда-то эта красная гадюка.

— Ты коп? — спросила Шеветта.

— Нет.

— Охранник? Вроде как эти, гостиничные?

— Ага.

— Ну и что ты намерен делать?

Парень этот, охранник там или кто он, молчал. По его лицу мелькал свет уличных фонарей и вывесок.

— Вляпался в говно, так надо выбираться. Хоть вброд, хоть вплавь.

Глава 26

«Цветные люди»

Райделл свернул в переулок, заглушил мотор и вылез из машины. И прибалдел. Однорукий, одноногий человек катился на роликовой доске. Инвалид лежал на ней животом и отталкивался от мостовой странными, вихляющими взмахами двух сохранившихся конечностей. Как недорезанная в лаборатории лягушка. Правая рука и левая нога (ступни на ноге не было) позволяли ему сохранять хоть какую-то симметрию движений. Серое, землистое лицо словно впитало цвет грязного бетона. Райделл и под страхом смерти не сумел бы ответить, к какой из человеческих рас принадлежит этот кошмарный персонаж. Все его тело было затянуто в черный резиновый чехол, сшитый, по всей видимости, из автомобильных

камер, шевелюра (или лысина?) пряталась под черной вязаной шапочкой. Человек катился прямо по не успевшим еще высохнуть лужам; проезжая мимо Райделла, он взглянул вверх и сказал:

— Хочешь со мной поговорить? Хочешь со мной поговорить, так заткни на хрен хлебало…

Сзади и чуть справа что-то негромко звякнуло. То ли наручники, то ли цепочки многочисленных молний, украшавших кожаную куртку.

— Пошли, — сказала Шеветта Вашингтон. — Не стоит здесь задерживаться.

— Ты видела? — с надеждой спросил Райделл.

— Постоишь здесь, так не то еще увидишь.

Райделл оглянулся на «Патриота». Не желая облегчать будущим ворам работу (а то подумают еще что), он спрятал ключ зажигания под коврик и запер дверцы. И начисто забыл про заднее окно. Странное это ощущение, когда ты прямо мечтаешь, чтобы твою машину угнали и поскорее.

— Ты точно знаешь, что ее приберут к рукам?

— А заодно и нас с тобой. Линять нужно отсюда, в темпе вальса.

Шагая следом за Шеветтой, Райделл скользил глазами по глухим, без единого окна стенам. От самого низа и до уровня, куда можно еще дотя-

нуться рукой, кирпичная кладка была сплошь покрыта рисунками и буквами, только буквы эти не складывались ни в какие нормальные слова. Вот так же примерно выглядят вопли, хрипы и ругательства, которыми изъясняются герои комиксов.

Едва они свернули налево и сделали пару шагов по тротуару Хайт-стрит, как сзади донеслось негромкое; сытое урчание — кто-то запустил двигатель «Патриота». Спина и затылок Райделла покрылись гусиной кожей, он словно забрел ненароком в фильм про привидения. Ведь там, в переулке, не было ни души, только этот, в черном презервативе, но и он давно выкатил на своей доске на улицу, скрылся из вида.

— Смотри вниз, в землю, — шепнула Шеветта. — Не поднимай глаза, а то они нас убьют.

Райделл послушно уставился на заляпанные грязью носки своих десантных говнодавов.

— Так ты что, знаешь все повадки и обычаи автомобильных воров? Близко знакома с этой публикой?

— Иди, как идешь. Не разговаривай. Никуда не смотри.

Райделл слышал, буквально видел затылком, как машина выворачивает из переулка… прибли-

жается… едет рядом. Ну почему так медленно? Насквозь промокшие ботинки противно чавкали. Неужели так и придется умереть, думая о каком-то там мелком, жалком неудобстве, о том, что в ботинках полно воды, что надо бы вылить ее и переодеть носки, только вряд ли это удастся…

Но тут водитель совладал, наконец, с непривычной американской схемой переключения скоростей; «Патриот» взревел и рванулся вперед. Райделл начал поднимать голову.

— Не надо, — прошептала Шеветта.

— Так это что, приятели твои что ли?

— Да не знакома я с ними ни с кем. Лоуэлл, он называет их «сухопутные пираты».

— Какой еще Лоуэлл?

— Ты видел его в «Диссидентах».

— В баре?

— Это не бар. Тусовка.

— Бар не бар, а спиртное подают.

— Тусовка. Сидят там, треплются. Тусуются.

— Кто тусуется? Этот Лоуэлл, он часто туда ходит?

— Да.

— А ты?

— Нет! — с неожиданной злостью отрезала Шеветта.

— Ты хорошо знаешь Лоуэлла? Он ведь твой дружок, верно?

— Вот и видно, что ты коп, по всему разговору видно.

— Нет, — качнул головой Райделл, — не коп. А не веришь — спроси у них сама.

— Не дружок, а знакомый, — снизошла Шеветта. — У меня их много.

— С чем тебя и поздравляю.

— А у тебя есть в этой сумке пистолет или что еще в этом роде?

— Сухие носки. И белье.

— Не понимаю я тебя, — вздохнула Шеветта.

— А ты и не обязана.

Пару минут они шли молча.

— Так мы что, с тобой воздухом дышим или ты знаешь, куда идти? — не выдержал, наконец, Райделл. — На улице хорошо, но хотелось бы куда-нибудь в помещение.

— Мы хотим посмотреть на картинки, — сказала Шеветта.

Сквозь каждый сосок толстого мужика было продето по паре таких штук, вроде как висячие замки, только поменьше и блестящие, хромированные. Тяжелые, судя по тому, как они оттягивали кожу; Райделл посмотрел на них разок, зябко

поежился и отвел глаза. Кроме жутковатых этих подвесок на мужике имелись мешковатые белые брюки с мотней, болтавшейся где-то в районе коленей, и синий бархатный жилет, обильно расшитый золотом. И татуировки. На большом, жирном, мягком, как подушка, теле не было ни вот такого лоскутка неразрисованной кожи.

У Райделлова дяди, у того, который служил в Африке да так оттуда и не вернулся, у него тоже были татуировки. Та, что на спине, так прямо роскошная — громадный извивающийся дракон с крыльями, когтями, рогами и добродушной, чуть придурковатой улыбкой. Это дяде в Корее сделали, на компьютере, в восемь аж цветов. Он рассказывал Райделлу, что компьютер построил сперва точную схему его спины и нарисовал, как все это будет в готовом виде. А потом оставалось только лечь на татуировочный стол, и робот сам, безо всяких там людей, наносил татуировку. Райделл представлял себе этого робота вроде пылесоса, только с гибкими хромированными лапами, и в каждой лапе по игле, а дядя объяснил, что все было совсем не так и робот тот просто серая такая коробка, а ощущение, когда под ним лежишь, такое, словно тебя пропускают через матричный принтер. И за один день такая слож-

ная штука не делается, пришлось прийти в салон и на следующий день, и еще на следующий, и так восемь раз, на каждый цвет по разу, но уж дракон получился просто загляденье — здоровенный, весь закрученный и гораздо ярче, чем орлы, какие на американском гербе, и фирменная марка «Харлей-Дэвидсон», вытатуированные на дядиных предплечьях. Когда дядя выходил на задний двор, снимал рубаху и качал Райделловы гантели, Райделл обязательно выходил тоже — смотреть, как дракон вроде как извивается. Красиво, ничего не скажешь.

А у этого жиряги с грузилами на сиськах татуировки были везде — кроме ладоней и лысины, ну и лица тоже. Прямо словно не голое тело, а в таком костюме, и все картинки разные, все хитрые, безо всяких там орлов и мотоциклов, и все они переходят одна в другую, сплетаются воедино. Райделл смотрел-смотрел на жирного, а потом почувствовал, что голова кружится, и начал смотреть на стены, где тоже были сплошь татуировки, то есть рисунки для татуировок, образцы, из которых можно выбирать.

— Ты ведь была здесь раньше, — сказал мужик.

— Да, — кивнула Шеветта, — с Лоуэллом. Вы

ведь помните Лоуэлла?

Мужик равнодушно пожал плечами.

— Мы с другом, — сказала Шеветта, — мы хотим что-нибудь выбрать…

— А вот друга твоего я что-то не припоминаю.

Жирный говорил спокойно, дружелюбно, но Райделл уловил в его голосе какое-то недоверие, вопрос. И еще он косился на Райделлову сумку.

— Все о'кей, — уверенно заявила Шеветта. — Он знает Лоуэлла. Он оттуда, с оклендского конца.

— Вот вы тут, мостовые, — начал жирный; было видно, что люди, живущие на мосту, вызывают у него искреннее уважение, — так как вы перенесли эту жуткую бурю? Надеюсь, она не слишком много у вас переломала? В прошлом месяце один клиент подкинул нам снимок, сделанный широкоугольником, хотел перенести к себе на спину. Весь ваш подвесной пролет и все, что там есть. Прекрасный снимок, только он не поместился на спину, а от предложения уменьшить клиент отказался. Вот у твоего друга, — он взглянул на Райделла, — спина пошире, ему бы в самый раз.

— И как, получилось?

Райделл уловил в голосе Шеветты инстинктивное желание растянуть разговор, поддержать интерес собеседника.

— Наш салон обеспечивает полный сервис, — значительно сообщил жирный. — Ллойд прогнал снимок через графический компьютер, повернул изображение на тридцать градусов, усилил перспективу, получилось нечто необыкновенное… Возвращаясь к началу, какими образцами ты интересуешься — для себя или для своего друга?

— Ну, вообще-то, — скромно потупилась Шеветта, — мы хотим подобрать что-нибудь для нас обоих. Ну, значит, вроде как бы парное, гармонирующее…

— Весьма романтично, — улыбнулся жирный.

Райделл с сомнением покосился на свою непредсказуемую спутницу.

— Сюда, пожалуйста. — При каждом шаге жирного в низко болтающейся мотне что-то негромко, но отчетливо позвякивало; Райделл болезненно сморщился. — Позвольте угостить вас чаем.

— А кофе? — оживился Райделл.

— Прошу меня извинить, — покачал головой жирный, — но Батч кончает в двенадцать, а я не умею пользоваться этой машиной. Но я могу угостить вас очень хорошим чаем.

— Да. — Шеветта предостерегающе ткнула Райделла острым, как карандаш, локтем. — Чай, пожалуйста.

Вся обстановка маленькой комнаты, куда проводил их жирный, состояла из двух стенных экранов и кожаного диванчика.

— Я сейчас, только заварю вам чай, — сказал он и удалился, притворив за собой дверь. Побрякивание стихло.

— Чего это ты там намолола про парные татуировки?

Райделл бегло осмотрел комнату. Чисто. Голые стены. Мягкое освещение.

— Теперь он отвяжется от нас, даст время повыбирать. Ну а парные — чтобы не удивлялся, чего мы так долго копаемся.

Райделл поставил сумку в угол и сел на диван.

— Так мы что, можем здесь посидеть?

— Да, нужно только вызывать образцы.

— А это как?

Шеветта взяла дистанционный пультик, включила правый экран и пошла гулять по меню. Увеличенные, с высоким разрешением снимки татуированной кожи. Минут через десять жирный принес подносик с двумя большими керамическими кружками.

— Тебе зеленый, а тебе… — он повернулся к Райделлу. — Мормонский, раз уж ты просил кофе.

— Спасибо, — неуверенно сказал Райделл, беря

тяжелую, как булыжник, кружку.

— Располагайтесь поудобнее и никуда не спешите, — любезно улыбнулся жирный. — А если что потребуется — не стесняйтесь, зовите меня.

Он широко улыбнулся и ушел, помахивая пустым подносом.

— Мормонский?

Райделл с сомнением принюхался к поднимавшемуся над кружкой пару. Ничем вроде не пахнет.

— Им кофе не полагается. А в этом чае эфедрин.

— Это что, наркотик?

— Его делают из одного растения, в котором есть что-то такое, мешающее уснуть. Все точно, как в кофе.

Не до конца убежденный, Райделл решил, что чай все равно слишком горячий, и поставил кружку на пол, рядом с ножкой дивана. Девушка на экране демонстрировала дракона вроде дядиного, только этот был поменьше и не на спине, а на левом бедре. Сквозь верхнюю часть ее пупка было продето маленькое серебряное колечко. Шеветта нажала кнопку. С потного байкерского предплечья глядело лицо президентши Миллбэнк, выполненное в черно-белых тонах.

Райделл вылез из мокрой куртки, только теперь заметив разодранное плечо и белые клочья синтетической ваты.

— А у тебя есть татуировки? — он отбросил куртку в угол.

— Нет.

— Так откуда ты все про это знаешь?

— Лоуэлл. — Шеветта перебрала еще с полдюжины картинок. — Вот у него есть. Гигер.

— Какой еще гигер?

Райделл открыл сумку, достал носки и начал распутывать мокрые ботиночные шнурки.

— Художник такой. Девятнадцатого, что ли, века. Классика, самая взаправдашняя. Биомеханика. Лоуэлл сделал себе на спину картину этого Гигера «N. Y. C. XXIV».[139] — Шеветта назвала римские цифры, как буквы: «экс-экс-ай-ви». — Там вроде этого города, Сан-Франциско. Без никаких цветов, все черно-серо-белое. А он хочет еще и рукава, чтобы в масть, вот мы и зашли сюда как-то,

---

[139] Примечания: 139
N.Y.C. — Нью-Йорк-Сити

посмотрели других Гигеров.[140]

— Слушай, — сказал Райделл Шеветте, нервно разгуливавшей вдоль экранов, — ты бы села, что ли, а то шея устала головой вертеть.

Он снял мокрые носки, закинул их в мешок с эмблемой «Контейнерного города» и натянул сухие. Обуваться не хотелось, но что если придется мотать отсюда в темпе? Райделл вздохнул, надел ботинки, начал их шнуровать, и тут, наконец, Шеветта угомонилась, села.

Она расстегнула куртку, скинула ее с плеч и потянулась; негромко звякнул болтающийся на цепочке наручник. Черная футболка с по плечо обрезанными рукавами, бледные, без малейшего признака загара руки. Шеветта перегнулась через диванчик и вроде как прислонила куртку к стенке; сшитая из жесткой, негнущейся кожи, она так и осталась стоять с бессильно обвисшими рукавами, словно уснула. Райделл остро ей позавидовал.

— Слышь, — вспомнил он вдруг, — а этот мужик в плаще — ну тот, который застрелил…

---

[140] Примечания: 140

Гигер Г. Р. (р. 1940) — швейцарский художник, работающий также в театре и кино. Достойный продолжатель традиций Босха, Бёклина, Гауда, не говоря уж о Дали и Эрнсте. Для его творчества характерно сочетание машиноподобных и квазибиологнческих форм. Широким массам известен благодаря работе над фильмом Ридли Скотта «Чужой» (1979)

Райделл не успел сказать про волосатика на велосипеде — Шеветта больно вцепилась ему в запястье. Снова звякнул наручник.

— Сэмми. Он застрелил Сэмми, там, наверху, у Скиннера. Он… он охотился за очками, а очки были у Сэмми, и он…

— Подожди. Подожди секунду. Очки. Всем нужны эти долбаные очки. Их ищет этот мужик, их ищет Уорбэйби…

— Какой еще Уорбэйби?

— Здоровый негр, который высадил заднее окно машины — ну, когда я от них смывался. Вот он и есть Уорбэйби.

— И ты думаешь, я знаю, что они такое?

— И ты не знаешь, почему все на свете за ними охотятся?

Шеветта взглянула на него, как на лошадь, вежливо спросившую, не кажется ли ей, что сегодня самый подходящий день потратить все, какие есть, деньги на этот вот лотерейный билетик.

— Давай-ка начнем с самого начала, — предложил Райделл. — Расскажи мне, где ты их взяла.

— С какой такой стати?

Райделл обдумал вопрос.

— А с такой, что ты давно была бы на том свете — не выкинь я там, на мосту, этого идиотского

номера.

Теперь задумалась Шеветта.

— О'кей, — кивнула она секунд через двадцать.

Может, в этом мормонском чае и вправду было что-то намешано, а может, смертельно усталый Райделл просто перевалил критическую черту, отделяющую обычную, вязкую усталость от парадоксальной, при которой мир становится светлым и прозрачным и ты чувствуешь себя даже бодрее, чем обычно, и сна — ни в одном глазу. Так или иначе, но он отхлебывал из кружки и слушал Шеветту, а когда она слишком уж увлекалась рассказом и забывала перелистывать образцы татуировки, то брался за дистанционный пультик сам и жал какие попало кнопки.

Если расставить все по порядку, провинциальная, без роду, без племени девчонка бросила свой захудалый орегонский городишко и двинула на юг, в Сан-Франциско. Дальше — мост. Больную и беспомощную, ее подобрал этот хромой, малость тронутый старик. Старик нуждается в уходе, она — в крыше над головой, так что все вышло ко всеобщему удовольствию. Затем она нашла себе работу — мотаться по Сан-Франциско на велосипеде, развозить пакеты. В Ноксвилле тоже были курьеры, так что за недолгую свою работу пешим

патрульным Райделл достаточно насмотрелся на эту публику. То по тротуарам разъезжают, то под красный лезут, то еще какие нарушения, а задержишь такого, чтобы оштрафовать, так непременно скандал закатит. Вкалывают по-черному, но и зарабатывают вполне прилично. Сэмми, негр, которого застрелил (по ее словам, застрелил) золотозубый, тоже работал курьером, он-то и нашел ей это место в «Объединенной».

Рассказ о том, как Шеветту случайно занесло на чужую пьянку, и как она вытащила эти самые очки из кармана незнакомого мужика, звучал вполне правдоподобно. Если хотят соврать, то придумывают обычно что-нибудь другое. А тут — не «нашла», не сами в руку прыгнули, а просто взяла и сперла, по мгновенному побуждению. Достал ее этот гнусный тип — вот и вся причина. Ерунда, мелкое воровство — не окажись эти очки такими для кого-то ценными.

С другой стороны, из Шеветтиных описаний однозначно следовало, что именно этот ее «засранец» окончил жизнь с кубинским галстуком на шее, да и место событий совпадало — гостиница «Морриси». Коста-риканский гражданин германского происхождения — что, скорее всего, не соответствовало истине ни по первому, ни

по второму пункту. А по состоянию на настоящий момент — труп, чей похабный портретик передали великому Уорбэйби по факсу, прямо в эту, украденную теперь сухопутными пиратами машину. Человек, чье убийство расследуют Шитов и Орловский, если они его действительно расследуют.

— Вот же мать твою, — пробормотал Райделл.

Шеветта — она все еще продолжала свой рассказ — оборвала фразу на полуслове:

— Что?

— Ничего, это я так. Да ты говори, говори.

Русские работают налево, это уж точно. Служат в убойном отделе — и косят налево. Можно поставить пачку долларов против рулона туалетной бумаги, что эти типы и вообще не задействованы в расследовании. Они организовали великому Люциусу доступ на место преступления, они залезли в полицейский компьютер, а все остальное — спектакль, рассчитанный на одного-единственного зрителя. На Райделла. Чтобы-взятый со стороны водитель не подумал чего плохого. И еще. Если верить болтовне Фредди, «Интенсекьюр» и «Дэйтамерика» — фактически одна и та же фирма. Очень, очень интересно.

А Шеветту Вашингтон словно прорвало. С

людьми, у которых много накопилось, такое часто бывает — сперва мнутся, заикаются, а как разговорятся, так и не остановишь. Теперь она рассказывала про Лоуэлла, что это который с волосами, а не тот, бритоголовый, и что он и правда был ее ну вроде как дружком, но это раньше, давно, и что он может сделать для тебя, считай, что угодно — это в смысле с компьютером сделать, и не бесплатно, а за хорошие деньги, — и это ее, Шеветту, всегда пугало потому что он постоянно болтал про копов, что он совсем их не боится, ничего они ему не сделают, никогда.

Райделл машинально перелистывал образцы татуировок — вот, скажем, дамочка с розовыми гвоздиками на животе и груди, в аккурат по краям бикини, — так же машинально кивал, но слушал не Шеветту, а свои собственные мысли. Эрнандес — «Интенсекьюр», Уорбэйби — «Интенсекьюр», да и в «Морриси» тоже интенсекьюровские. А Фредди говорит, что «Интенсекьюр» и «Дейтамерика» — одна и та же лавочка, так что…

— ..желаний…

Райделл сморгнул и уставился на экран. Костлявый парень со скорбным Джей-Ди Шейпли во всю грудь. Будешь тут скорбным, когда у тебя волосы из глаз растут.

— Как?

— Держава. Держава Желаний.

— А что это?

— Вот потому-то Лоуэлл и говорит, что копы ни в жизнь его не тронут, а я ему сказала — хрень это все собачья.

— Хакеры, — вспомнил Райделл.

— Я говорю, говорю, а ты ни слова не слышал.

— Нет, — помотал головой Райделл. — Очень даже слышал. Держава Желаний. Проиграй-ка этот кусок по новой, о'кей?

Шеветта отобрала у него пульт, вывела на экран бритую голову с солнцем на самой макушке и планетными орбитами вокруг, затем чью-то ладонь с орущим, широко разинутым ртом, ноги, покрытые голубовато-зеленой чешуей, рыбьей или чьей там еще.

— Так вот, — сказала она, — я тут сказала, что Лоуэлл всю дорогу хвастает, как он связан с этой самой Державой Желаний, и как они могут сделать с компьютером все что угодно, и что поэтому если кто покатит на него бочку, то схлопочет, по-крупному схлопочет.

— Не слабо, — восхитился Райделл. — А ты сама, ты их видела когда-нибудь, этих ребят?

— А их нельзя увидеть — Шеветта нажала одну

из кнопок пульта, но Райделл уже не видел экрана. — Живьем нельзя, по-настоящему. С ними только говорят, по телефону. Ну, или через гляделки, и вот это — самое дикое.

— Почему?

— Потому что они получаются вроде как раки и вся такая срань. Или — как телевизионные звезды. Как все что угодно. Не знаю только, почему это я так растрепалась.

— Потому что иначе я усну и как же мы тогда решим, что нам больше подходит — чешуя на ногах или гвоздики в промежности.

— Теперь твоя очередь, — сказала Шеветта и замолчала. И молчала, пока Райделл не начал рассказывать.

Он рассказал ей про Ноксвилль и про Академию, и как он всегда смотрел «Копы влипли», а потом, когда сам стал копом и тоже влип, получалось, похоже, что и его покажут в этой передаче. Как они привезли его в Лос-Анджелес, потому что не хотели связываться с Дожившими Сатанистами, а появился этот Медведь-Шатун, это убийцы эти, и телевизионщики вроде как утратили к нему интерес, и тогда он устроился в «Интенсекьюр», сел за баранку «Громилы». Он рассказал ей про Саблетта и про Кевина Тарков-

ского, и про домик на Мар Висте, но вроде как опустил Державу Желаний, вроде как она и не имела отношения к той ночи, когда он загнал «Громилу» прямо в гостиную Шонбруннов. Рассказал, как вдруг, ни с того, ни с сего, заявился Эрнандес (это ж подумать только, двух еще дней не прошло, а кажется — год) и как он, Эрнандес, значит, предложил ему место водителя при Уорбэйби — лететь, значит, сюда, в Сан-Франциско, и шоферить. Тут Шеветта заинтересовалась, спросила, чем занимаются эти ищейки, и он объяснил ей, чем они, считается, занимаются и чем они занимаются в действительности, как ему теперь кажется, и она сказала: хреново, от таких типов лучше держаться подальше.

А потом Райделл истощился и замолчал, и Шеветта тоже несколько секунд молчала, только смотрела на него ошалелыми глазами. А потом сказала:

— Это что, вот так все и есть? Вот так ты и попал сюда — и вот этим ты и занимаешься?

— Да, — чуть смутился Райделл. — Вроде того.

— Мамочки, — вздохнула Шеветта.

Они полюбовались на мужика, с головы до ног разрисованного древними печатными платами, даже не похоже, что голый, а вроде в таком элек-

тронном костюме.

— Если поссать на сугроб, — сказала Шеветта и широко зевнула, — получаются дырки. Вот глаза у тебя точно такие. Честно.

В дверь постучали. Затем она приоткрылась на полдюйма, и кто-то — не тот мужик, который звенел на ходу, — сказал:

— Ну, как, нашли что-нибудь? Генри ушел домой…

— Очень трудно выбрать, — пожаловалась Шеветта. — Их так много, а нам хочется, что нам лучше подходит…

— Ну, тогда смотрите дальше, — безразлично предложил голос. — Выберете — скажете.

Дверь закрылась.

— Покажи-ка мне эти очки, — сказал Райделл.

Шеветта перегнулась через диван, достала из кармана куртки футляр с очками и телефон. Материал футляра выглядел необычно — не металл, не пластик, а что-то такое темно-серое, тонкое, как яичная скорлупка, и жесткое, как сталь. Как же он открывается?.. А… понятно. Очки — точно такие же, как у Люциуса Уорбэйби. Черная оправа, стекла — сейчас — тоже черные. И чего они такие тяжелые, словно свинцом налитые?

Шеветта раскрыла клавиатуру телефона.

— Да ты что, — вскинулся Райделл, — они же знают твой номер, не могут не знать. Позвонишь по этой штуке — или даже не ты, а тебе позвонят, так через пять минут здесь будут сто машин с мигалками.

— Ничего они не знают, — качнула головой Шеветта. — Это ж не мой телефон, а Коудса, я прихватила его со столика, сразу как свет потух.

— А говорила, что никогда не воруешь, что с очками это случайно вышло.

— У Коудса не считается, его телефоны все ворованные. Коудс выменивает их у городских, а другие знакомые Лоуэлла мастырят подкат.

Шеветта потыкала пальцами в клавиатуру, поднесла телефон к уху и недоуменно вскинула брови.

— Молчит чего-то.

— Дай-ка сюда. — Райделл положил очки себе на колени и взял у Шеветты телефон. — Может, промок или батарейки не контачат. Кстати, а на что это Коудс их выменивает?

Он поскреб ногтем по задней стенке футляра, отыскивая съемную крышку.

— Да так, на всякое.

Крышка щелкнула и открылась. Неисправность обнаружилась очень быстро: узкий пластико-

вый мешочек, втиснутый рядом с батарейками, нарушил питание. Райделл вытащил мешочек, осмотрел.

— Всякое?

— Ага.

— Всякое — в таком вот роде?

— Ага.

Райделл чуть помрачнел.

— Тетратиобускалин, тут и анализа не надо. Запрещенный наркотик.

Шеветта взглянула на мешочек с темно-серым порошком, затем на Райделла.

— Какая разница, ты же теперь не коп.

— А как ты сама, балуешься?

— Нет. Ну, один там раз пли два. Вот Лоуэлл — он почаще.

— Дело, как говорится, хозяйское, но на ближайшее время тебе бы лучше воздержаться; я видел, как действует эта зараза. Одна щепотка — и спокойный, вежливый парень превращается в буйнопомешанного. А здесь, — он постучал пальцем по мешочку, — вполне хватит на десяток людей. Ты не представляешь себе, какой это ужас.

Райделл отдал пакетик Шеветте и взялся исправлять погнутый контакт.

— Представляю, — тускло улыбнулась она. — На живом примере Лоуэлла.

— Ну вот, — удовлетворенно возвестил Райделл. — Гудит. Кому будешь звонить?

Шеветта чуть задумалась, затем взяла телефон и закрыла наборную панель.

— Некому, вроде.

— У старика твоего есть телефон?

— Нет. — Казалось, еще секунда — и она расплачется. — Боюсь, они и его убили. Из-за меня, все ведь из-за меня.

Райделлу хотелось сказать что-нибудь ободряющее, но слова не шли на ум. Прежняя усталость навалилась с новой силой. Забыв про пульт, про свою обязанность листать каталог татуировок, он тупо смотрел на экран. Чей-то бицепс, украшенный конфедератским флагом. Ну прямо как дома. Он взглянул на Шеветту. Вон ведь какая бодренькая, даже странно. Будем надеяться, что это возраст, а не «плясун» или еще какая дрянь. А может, она все еще в шоке. Сэмми этого застрелили, и еще там двое, то ли живы, то ли нет, в такой ситуации кто угодно дергаться начнет. А парня этого, который впилился в Шитова на велосипеде, его она тоже, конечно же, знает, только не знает, что и его застрелили. Странно, как много

эпизодов можно не заметить, когда смотришь на драку. Ну не знает — и хорошо, что не знает, а то завелась бы еще больше.

— Фонтейну, что ли, попробовать?

Шеветта снова раскрыла телефон.

— Кому?

— Мужик из наших. Чинит Скиннеру электричество и все такое.

Она набрала номер и приложила телефон к уху.

Глаза Райделла закрылись, он ударился затылком о валик дивана с такой силой, что едва не проснулся.

Глава 27

После грозы

— Мочой воняет, — пожаловался Скиннер. Ямадзаки с трудом разлепил глаза. Только что они с Джей-Ди Шейпли стояли посреди бескрайней равнины — даже не равнины, а гладкой, почти геометрически абстрактной плоскости, — перед черной, как обсидиан, стеной, исписанной именами мертвых.

Он поднял голову и огляделся. Темно. Сквозь

витраж пробивается тусклый предутренний свет.

— Откуда ты взялся, Скутер? Что ты здесь делаешь?

Крестец и поясница японца тупо, противно ныли.

— Гроза, — пробормотал он, все еще не совсем проснувшись.

— Какая еще гроза? А где девица?

— Ушла, — сказал Ямадзаки. — Вы что, не помните? Лавлесс.

— Чушь ты какую-то мелешь.

Скиннер приподнялся на локте и елозил ногами, пытаясь скинуть на пол одеяла, на покрытом седой щетиной лице застыла гримаса отвращения:

— Мне нужно помыться. И сухую одежду.

— Лавлесс. Он нашел меня в баре. Заставил вернуться сюда, сам он дороги не знал. Думаю, он давно за мной следил…

— Конечно, конечно. А пока — заткнись, ладно?

Ямадзаки смолк.

— Нам нужна кастрюля воды. Горячей. Сперва кофе, а в том, что останется, я вымоюсь. Ты умеешь обращаться с примусом?

— С чем?

— Вон та красная штука. Его нужно накачать, я объясню тебе, как это делается.

Ямадзаки встал, сморщился от боли в пояснице и неуверенно шагнул к загадочному устройству, на которое указывал Скиннер.

— Да знаю я, чем она занята. Пилится. Снова учесала к дружку своему этому, мудиле сраному. Ну, точно, Скутер, сколько волка ни корми…

Опасливо подойдя к краю плоской черной крыши, Ямадзаки взглянул на огромный го род, залитый странным железным светом. Игривый ветерок, шевеливший его волосы, трепавший обшлага брюк, вчистую отрицал любое, пусть самое отдаленное родство со вчерашним ураганом. В голове вяло кружились осколки недавнего сна. «Я простил их», — сказал Шейпли, имея в виду своих убийц.

Ямадзаки смотрел на желтый клык «Трансамерики», перетянутый — в память о Малом великом — стальными скрепами, и не вспоминал, а слышал бархатистый, как у молодого Элвиса Пресли, голос. Они же — ты пойми это, Скутер, — они же хотели как лучше.

Ветер рвал в клочки доносившиеся из распахнутого люка ругательства — там, внизу, Скиннер

ополаскивался согретой на примусе водой.

Ямадзаки думал об Осаке, о своем научном руководителе.

— Наплевать мне на них, — сказал он по-английски. Сказал, словно призывая Сан-Франциско в свидетели.

Весь этот город — огромный томассон. А возможно — и вся Америка.

Ну, как понять такое им, живущим в Осаке, в Токио?

— Эй, на крыше! — окликнул его чей-то голос.

Ямадзаки обернулся. Рядом с желтой корзиной Скиннерова фуникулера стоял худощавый чернокожий мужчина в плотном твидовом пальто и вязаной шапочке.

— Как там у вас наверху, все тип-топ? Как Скиннер?

Ямадзаки вспомнил золотозубого Лавлесса и замялся. А что, если и этот человек принадлежит к врагам Скиннера и девушки? Как отличить друга от врага?

— Моя фамилия Фонтейн, — сказал чернокожий. — Звонила Шеветта, она попросила меня зайти сюда проверить, все ли в порядке со Скиннером, как он грозу перенес. Я обслуживаю здесь электропроводку, и подъемник этот, и все такое.

— Скиннер сейчас моется, — неуверенно объяснил Ямадзаки. — Во время грозы он… он немного утратил контроль над собой. И он совсем ничего не помнит.

— Напряжение будет через полчаса, — сказал чернокожий. — На нашем конце все гораздо хуже. Полетели четыре трансформатора. Пятеро погибших, двадцать серьезно раненных, это то, что я знаю. Кофе там у вас есть?

— Да, — подтвердил Ямадзаки.

— Не отказался бы от чашки-другой.

— Да, — сказал Ямадзаки и вежливо поклонился. Чернокожий человек сверкнул широкой белозубой улыбкой. Ямадзаки вернулся к люку и осторожно спустился по стремянке.

— Скиннер-сан! Человек по фамилии Фонтейн — он ваш друг?

Скиннер пытался влезть в грязно-серые, застиранные кальсоны с электроподогревом.

— Ублюдок он безрукий, а не друг, провода починить и то не может…

Ямадзаки отодвинул тяжелый бронзовый засов и открыл нижний люк. Через несколько секунд внизу появился Фонтейн. Он оставил одну из своих парусиновых сумок на площадке, повесил другую через плечо и начал карабкаться по ржа-

вым стальным скобам.

Ямадзаки взял самую чистую из грязных кружек и аккуратно, чтобы не прихватить гущу, слил в нее остатки кофе.

Фонтейн положил сумку на край люка и только затем просунул в комнату голову.

— Топливные элементы звезданулись, — недовольно сообщил Скиннер. Он заправлял в шерстяные армейские брюки полы трех, а то и больше, фланелевых, ветхих от старости рубашек.

— Работаем, шеф, стараемся, — сказал Фонтейн, одергивая смявшееся пальто. — Уже скоро. Мощная была гроза.

— Вот и этот, Скутер, он тоже про грозу какую-то говорит, — пробурчал Скиннер.

— Ну и верно говорит, без балды, — улыбнулся Фонтейн. — Благодарствую, — добавил он, принимая из рук Ямадзаки дымящуюся кружку. — Шеветта сказала, что задержится, чтобы вы постарались без нее обойтись. В чем там дело?

Ямадзаки взглянул на Скиннера.

— Дрянь паршивая. — Скиннер затянул ремень и проверил ширинку. — Снова смылась к этому мудиле.

— Шеветта ничего такого не говорила, — заметил Фонтейн. — Да и весь разговор был не больше

минуты. Так или не так, но если ее нет, вам нужен кто-нибудь другой, чтобы о вас заботиться.

— Справлюсь и сам, — проворчал Скиннер.

— Ничуть не сомневаюсь, шеф, — заверил его Фонтейн, — только в этом вашем фуникулере поджарились два сервопривода. Быстрее двух дней я их не сменю — тут же, после этой грозы, работы невпроворот, люди вообще без света сидят. Так что нужен кто-нибудь, способный лазать по скобам, чтобы носил вам еду и вообще.

— Вот Скутер и будет лазать, — сказал Скиннер.

Ямадзаки недоуменно сморгнул.

— Это точно? — повернулся к нему Фонтейн. — Вы останетесь здесь и примете на себя заботы о мистере Скиннере?

Ямадзаки вспомнил квартиру в высоком викторианском доме, облицованную черным мрамором ванную. Роскошь, после которой даже не хочется возвращаться в Японию, в Осаку, в холостяцкую конуру, которая вся поместилась бы в одной этой ванной. Он перевел глаза с Фонтейна на Скиннера, затем обратно.

— Если Скиннер-сан не будет возражать, я буду крайне польщен возможностью пожить в его обществе.

— Делай, как хочешь, — снизошел Скиннер. — Да что она там, приклеилась что ли? — он никак не мог стащить со своего матраса мокрую простыню.

— Шеветта так и думала, что вы здесь — такой, говорит, парень университетского типа. — Фонтейн отставил пустую кружку, нагнулся и придвинул сумку поближе. — Говорила, что вы с мистером Скиннером опасаетесь незваных гостей, — добавил он, отщелкивая никелированные застежки.

Тускло поблескивающие инструменты, темно-красные мотки изолированной проволоки. Фонтейн вытащил со дна сумки нечто, завернутое в промасленную тряпку, оглянулся на перестилающего постель Скиннера и засунул тряпку вместе с ее содержимым на дальнюю полку, за покрытые пылью банки.

— Никто незнакомый сюда не пройдет, мы уж позаботимся. — Он понизил голос почти до шепота. — А на всякий пожарный там лежит полицейский револьвер тридцать восьмого калибра. Шесть тяжелых пуль со сминающейся оболочкой. Если вы их используете — окажите мне услугу, утопите ствол, хорошо? Он… ну, как бы это сказать… сомнительного происхождения.

Фонтейн заговорщически подмигнул.

Ямадзаки вспомнил Лавлесса и сглотнул застрявший в горле ком.

— Ну, как вы думаете, — спросил Фонтейн, — все тут у вас будет в порядке?

— Да, — сказал Ямадзаки. — Благодарю вас.

Глава 28

Ар-Ви

В половине одиннадцатого прибежала Лори, та самая продавщица, с которой Шеветта познакомилась при самом еще первом своем посещении «Цветных людей». Прибежала и заохала, что с минуты на минуту должен приехать заведующий, Бенни Сингх, и что им никак нельзя больше здесь оставаться, особенно когда этот вот, твой дружок, вырубился вчистую, так что даже не поймешь, живой он или нет, и чего это он, интересно, наглотался.

— Хорошо, — сказала Шеветта, — я все понимаю. Спасибо.

— Увидишь Сэмми Сэла, — сказала Лори, — передавай приветик.

Шеветта уныло кивнула и попыталась растол-

кать Райделла. Тот пробормотал нечто невразумительное и перевернулся на другой бок.

— Вставай. Нам нужно идти.

В первый момент, когда Райделл только-только уснул, Шеветта крыла себя последними словами за неожиданный для нее самой приступ болтливости. Но если так подумать, она ведь должна была кому-то исповедаться, не этому парию, так другому, пятому, десятому. Иначе и в психушку попасть недолго. Ну и что теперь? Яснее ничего не стало, а только еще больше запуталось. Новость, что кто-то там не поленился и замочил этого засранца, казалась дикой, абсурдной. Шеветта понимала, что так оно, скорее всего, и есть и что теперь она в говне не по колено, а по уши, понимала — и все же чувствовала себя гораздо лучше, чем несколько часов назад.

— Вставай!

— Господи Иисусе…

Райделл сел, ошалело помотал головой и начал тереть глаза.

— Нужно сматывать. Скоро придет ихний босс. Моя подружка и так не трогала нас до последнего, дала тебе поспать.

— И куда же мы теперь?

Этот вопрос Шеветта уже обдумала.

— Коул, это сразу за Пэнхэндлом. Тамошние заведения сдают комнаты на любой срок — хоть на сутки, хоть на час.

— Гостиница?

— Не совсем, — косо усмехнулась Шеветта. — Это больше для людей, которым постель нужна совсем ненадолго.

По неписаному закону природы части города, яркие и оживленные ночью, оказываются наутро тусклыми и малопривлекательными. Каким-то чудом даже здешние попрошайки выглядели сейчас на порядок страшнее, чем в нормальные свои рабочие часы. Например, этот мужик с язвами на лице, пытавшийся продать початую банку томатного соуса. Шеветта обошла его по самой бровке тротуара. Через пару кварталов пойдут более оживленные улицы — ранние туристы спешат поглядеть на Скайуокер-парк. Больше возможностей спрятаться в толпе — и больше шансов нарваться на полицию. Шеветта попыталась вспомнить, от какой полиции работают скайуокерские рентакопы. Не от этого ли самого «Интенсекьюра», о котором говорил Райделл?

А еще Фонтейн — сходил он к Скиннеру или нет? Она не доверяла телефонам и сказала сперва просто, что исчезает на некоторое время, и не

мог бы Фонтейн забежать к Скиннеру, проверить, как он там — он, а может, и японский этот студент-аспирант, который шляется к нему чуть не каждый день. Но Фонтейн сразу усек, что голос у нее встревоженный, и начал допрашивать, что да как, и ей пришлось сказать, что она беспокоится за Скиннера, что появились какие-то темные личности, которые могут подняться туда и что-нибудь с ним сделать.

— Ну, это уж не наши, не мостовые, — уверенно сказал Фонтейн, и она согласилась, что да, что, конечно, не мостовые, но тем и ограничилась, не стала говорить ни про полицию, ни про стрельбу.

Несколько секунд в трубке слышались только треск и далекое, словно с другого конца света, пение — кто-то из Фонтейновых детей тянул заунывную, с какими-то странными горловыми прищелкиваниями (и чем они это только делают, гландами что ли?) африканскую песню.

— О'кей, — сказала Шеветта и торопливо выключила телефон.

Фонтейн оказывал Скиннеру много самых разнообразных услуг. У Шеветты создалось впечатление — ни на чем, собственно, не основанное, — что эти двое знакомы не первый

десяток лет и уж во всяком случае — с той легендарной ночи, когда толпы бездомных снесли проволочные заграждения. Старожилов на мосту много, ни один из них не откажется посторожить опору и подъемник от чужаков, тем более, если попросит Фонтейн, главный электрик, перед которым все в неоплатном долгу.

Впереди показалась эта хитрая бубличная с такой пристройкой, вроде как клеткой, сваренной изо всякого железного хлама, где можно сидеть за столиками, пить кофе и есть бублики. Шеветта вдохнула запах свежего хлеба и чуть не упала в голодный обморок. Она уже почти решила купить на вынос десятка полтора бубликов и пару баночек плавленого сыра, когда почувствовала на плече руку Райделла.

Она повернула голову и увидела впереди громадный, безупречно белый Ар-Ви,[141] только что вывернувший на Хайт-стрит из переулка, и словно чудом перенеслась домой, в Орегон, где старые пердуны — богатенькие старые пердуны — предпочитают этот вид транспорта всем прочим. Целые караваны сухопутных кораблей, на каждой корме непременно висит вельбот

[141] Примечания: 141

Ар-Ви — RV, аббревиатура от «recreational vehicle», транспортное средство, предназначенное для отдыха

— мотоцикл, а то и миниатюрный джип. А еще прицепы с прогулочными катерами и изящными, почти игрушечными лодками. Они ночуют на специальных стоянках, где и колючка вокруг, и собаки, и охранные системы, и таблички «ВХОД ВОСПРЕЩЕН» повешены не так, для балды, а вполне всерьез.

Райделл вроде и не верил своим глазам, и морда у него была совсем ошалелая, а шикарный этот Ар-Ви притормозил рядом, и пожилая такая, очень приличная леди опустила окошко с водительской стороны, высунулась наружу и радостно завопила:

— Молодой человек! Простите мою старушечью назойливость, но мы же с вами уже встречались — вчера, в самолете рейсом из Бербанка. Меня звать Даника Эллиот.

Даника Эллиот оказалась пенсионеркой из Алтадины, это городок такой в Южной Калифорнии, рядом с Лос-Анджелесом, и она прилетела в Сан-Франциско тем же самолетом, что и Райделл, чтобы переложить своего супруга в другой холодильник — не супруга, конечно же, а только его мозг, вынутый из черепа через несколько минут после смерти и замороженный до какого-то там жуткого градуса.

Шеветта никогда не понимала людей вроде покойного мистера Эллиота, зачем они пишут такие завещания, ну как же это можно издеваться над собственным трупом, и Даника Эллиот их тоже не понимала. А теперь, вздохнула она, опять приходится бросать деньги на ветер. Страшно было и подумать, что мозг Дэвида болтается в этой цистерне вместе с десятками неизвестно каких соседей, вот я и решила переселить его в заведение получше, хотя цены там просто грабительские. Слова сыпались из миссис Эллиот, как горох из рваного мешка; вскоре сидевший за рулем Райделл перестал что бы то ни было воспринимать, а только кивал, когда разговорчивая старушка делала паузу. Шеветта тоже слушала вполуха — она взяла на себя обязанности штурмана, а кроме того, зорко приглядывала, не вывернет ли откуда полицейская машина.

Переложив мужнины мозги в новый холодильник, миссис Эллиот «пришла, как бы это получше выразиться, в сентиментальное настроение, даже плохо спала ночью». Наутро она «забежала в прокатную контору и взяла у них вот эту чудесную машину, чтобы не связываться с аэропортами и самолетами, я их просто ненавижу, а вернуться домой спокойно, безо всякой спешки,

чтобы поездка была приятной». К величайшему своему сожалению, она не знала Сан-Франциско, не сумела выехать с Шестой стрит, где располагалась прокатная контора, на шоссе, а затем и вовсе заблудилась, «и проплутала бы до вечера, если бы не ваша, мистер Райделл, великодушная помощь, избавившая меня ото всех забот и мучений». Хайт-стрит показалась ей «несколько, я бы сказала, опасной, но очень интересная улица, очень».

Проклятый наручник то и дело норовил вывалиться из рукава Скиннеровой кожанки, однако все внимание миссис Эллиот было поглощено ее собственным бесконечным монологом. Райделл вел машину, Шеветта сидела посередине, а миссис Эллиот — справа, у дверцы. Японская (а какая же еще?) машина имела впереди три роскошных глубоких кресла со встроенными динамиками, с регулировкой подголовника, подлокотников и угла наклона — со всеми, в общем, делами.

Там, на Хайт-стрит, миссис Эллиот с ходу сообщила Райделлу, что «совсем заблудилась в этом невозможном городе».

— Не могли бы вы, — с надеждой добавила она, — сесть за руль и отвести машину в какое-нибудь такое место, откуда легко выехать на Прибрежное шоссе? Мне нужно в Лос-Анджелес.

Райделл пялился на нее с добрую минуту, а затем вышел из ступора и сказал, что да, с удовольствием, правда, я тоже не очень здесь ориентируюсь, зато моя знакомая, ее звать Шеветта, знает город как свои пять пальцев, а меня звать Берри Райделл.

— Шеветта, — повторила миссис Эллиот. — Какое прелестное имя!

Райделл сел за руль, справился по компьютерной карте и повел машину на выезд из города. Шеветта сильно подозревала, что он хочет набиться к старушке в компаньоны — не один, конечно же, а вместе с ней, с Шеветтой. Это ж надо такое везение — всего минуту назад они только и мечтали забиться поскорее в любую дыру, лишь бы подальше от людей, каждый из которых мог оказаться шпиком, а теперь сидят себе, как миллионеры какие, в этих роскошных креслах, за непрозрачным снаружи (Райделл сразу же включил фильтры) стеклом и катят себе в Лос-Анджелес, подальше от мужика, который убил Сэмми Сэла, и от этого Уорбэйби, и от русских копов — нет, ну ведь точно, бывает же такая пруха. Вот только бубликов купить не успели. В животе ужас какой-то, кишка кишке кишкой по башке, скоро они с голодухи друг друга жрать

начнут. Ладно, потерпим, не в первый раз и не в последний.

За окном промелькнула вывеска бургерной, Шеветта вспомнила, как Франклин, ее орегонский знакомый, взял как-то ночью духовой пистолет и разбил в точно такой же вывеске пару букв. Смешная получилась надпись, не то чтобы похабная, а… как это называется?., двусмысленная.[142] Она поделилась этой историей с Лоуэллом, а тот скривился пренебрежительно и спросил, а в каком месте нужно смеяться? Лоуэлл… Если Лоуэлл узнает, что она понарассказывала про него Райделлу, так ведь зашибет на месте, тем более что Райделл если и не коп, то почти все равно, что коп. А сам-то, гад, хорош — крутой, как яйцо, и связи у него везде, и все такое, а вот пришла она к нему, пожаловалась, что влипла по-крупному, что Сэмми Сэла эти уже застрелили, а скоро и до нее доберутся, а они с этим Коудсом сидят себе и переглядываются, видно, что эта история нравится им все меньше и меньше, а потом, когда вломился этот дуболом в дождевике, они прямо обосрались, вот и вся

[142] Примечания: 142

Для любопытных — на вывеске было написано IN-AND-OUT BURGER Франклин разбил буквы B и второе R, получилось вроде «импульс сунь-вынь»

ихняя крутизна.

А и поделом ей, раньше думать было надо. Ведь Лоуэлл — он никому, буквально никому из знакомых не нравится, а Скиннер — так тот прямо возненавидел его с первого же взгляда. Сказал, что у Лоуэлла в голове одно дерьмо и что понятно, почему он сигарету из зубов не выпускает, это чтобы люди не перепутали, где у него рожа, а где — жопа. Да разве ж поверишь всем этим разговорам, если парень у тебя считай что первый в жизни, да и к тому же Лоуэлл — он же не сразу был такой, сперва он был хороший. А как вмажет «плясуна», так такое становится говно, что и не узнаешь, а может, он и есть в действительности говно, только обычно сдерживается, а под «плясуном» все наружу лезет. И еще сучонок этот, Коудс, он же сразу ее чего-то невзлюбил и всю дорогу подзуживал Лоуэлла, что ну чего ты, спрашивается, связался с этой дурой деревенской. Да ну их всех на хрен.

— Знаете, — не выдержала, наконец, Шеветта, — я ведь сейчас помру от голода.

Тут миссис Эллиот стала суетиться, сказала, чтобы Райделл поворачивал к ближайшей закусочной и «купил что-нибудь поесть, а то у несчастной девочки совсем измученный вид»,

и как же это она не спросила сразу, успели они сегодня позавтракать или нет.

— Это все верно, — протянул Райделл, хмуро вглядываясь в боковое зеркальце, нет ли сзади чего подозрительного, — только мне не хотелось бы терять времени, сейчас ведь ленч, движение на улицах слабое, а чуть попозже тут будет не проехать, сплошные пробки.

— Ну, если так… — развела руками миссис Эллиот.

И тут же просияла:

— Шеветта, вы бы сходили назад, порылись в холодильнике. Я уверена, что прокатчики поставили туда корзину с едой, они всегда так делают.

Идея здравая и весьма привлекательная. Шеветта расстегнула страховочные ремни, протиснулась между креслами и открыла невысокую узенькую дверцу; вспыхнувшие лампы осветили неожиданно просторное помещение.

— Так здесь же самый настоящий дом!

— Милости просим, — улыбнулась миссис Эллиот.

Шеветта прикрыла за собой дверь. Она никогда еще не видела такую машину изнутри и была поражена, как же много здесь места — ничуть не меньше, чем в комнате Скиннера, только все

в тысячу раз удобнее. Светло-серый ковер, светло-серые стены, мебель обтянута светло-серой — не кожей, наверное, но очень похоже на кожу. Узкий, вроде стойки бара, столик со встроенным холодильником, в холодильнике — корзинка, упакованная в пластик и перевязанная веселой розовой ленточкой. Шеветта развязала ленточку, сняла пластик и торопливо изучила содержимое корзинки. Вино, маленькие брусочки сыра, яблоко, персик, крекеры и несколько шоколадных батончиков. Дверца холодильника забита кока-колой и бутылками артезианской воды. Шеветта отобрала себе бутылку воды, пачку крекеров, один из сырков и шоколадный батончик, изготовленный аж во Франции, перенесла все хозяйство на кровать и включила телевизор (спутниковая антенна, двадцать три канала).

Покончив с едой, она засунула пустую бутылку и прочие отходы в мусорную корзину, выключила телевизор, сняла тяжелые ботинки и растянулась на кровати.

Странное это было ощущение — лежать в самой вроде бы настоящей комнате, которая летит по шоссе, и неизвестно даже, что там сейчас снаружи, что видят сквозь лобовое стекло Райделл и миссис Эллиот, а еще неизвестно, где эта комната

будет завтра.

Засыпая, Шеветта вспомнила, что тот, из телефона вынутый, пакетик «плясуна» так и лежит в кармане джинсов. Выкинуть его надо, вот что, это ж десяток, а то и больше, доз, верный билет за решетку.

И еще она вспомнила, как чувствуешь себя под кайфом, и подумала, что как же все-таки странно, что есть люди, готовые отдать за это ощущение все, до последнего доллара.

Вот Лоуэлл, он ведь тоже такой. А жаль…

Райделл лег на самый край кровати, он двигался тихо, осторожно, но Шеветта все равно проснулась. Темно. Стоим, что ли? Да нет, едем.

— А кто за рулем?

— Миссис Армбрастер, — откликнулся голос Райделла.

— Кто?

— Миссис Эллиот. Миссис Армбрастер — это у нас была такая училка, она точь-в-точь на нее похожа.

— И куда мы едем?

— В Лос-Анджелес. Я обещал сменить ее, как только устанет. Сказал, чтобы не будила нас, когда будем проезжать границу штата. Ну, с чего бы, спрашивается, копам шмонать такую

культурную старушку? Поверят ей на слово, что в машине нет никаких сельскохозяйственных продуктов, и отпустят.

— А если нет?

Она почувствовала, как Райделл пожал плечами.

— Райделл?

— А?

— Откуда все эти русские копы?

— Это в каком смысле?

— Ну, вот по телевизору, если какой полицейский боевик, там половина главных копов обязательно русские. И эти, которые на мосту. Почему именно русские?

— По телевизору… — Райделл широко, до хруста в челюсти, зевнул. — По телевизору они малость… ну, в общем, преувеличивают. Это все из-за «Треста», зрителям нравится такое видеть, вот им и показывают. А так ты же знаешь, что русские бандиты прибрали к рукам чуть не всю организованную преступность, в такой ситуации без русских копов не обойтись. — Он снова зевнул.

— И они что, все такие, как эти двое?

— Нет, — мотнул головой Райделл. — Продажные копы были и будут, но это никак не

зависит…

— А вот приедем мы в Лос-Анджелес, и что же дальше?

Райделл не ответил. Через несколько секунд Шеветта услышала тихое, мирное похрапывание.

Глава 29

Мертвый молл

Райделл открыл глаза.

Машина не двигалась.

Он выпростал из-под живота левую руку, включил подсветку циферблата. Три пятнадцать ночи. Шеветта Вашингтон спит без задних ног, куртку свою она так и не сняла. Словно и не девушка лежит рядом с тобой, а старый драный чемодан.

Райделл перевернулся на другой бок, нащупал и приподнял оконную шторку. И тут темно, и там темно.

Ему снился урок миссис Армбрастер. Начальная школа имени Оливера Норта, пятый класс. Их распускают по домам — Лёрнинг-нет настоятельно рекомендует закрыть все школы Теннесси и обеих Вирджиний на недельный

карантин по канзасскому гриппу. Перед началом занятий медсестры разложили по партам гигиенические респираторы, теперь лица всех ребят укрыты за белыми бумажными масками, не сразу и поймешь, кто здесь кто. Миссис Армбрастер объясняет значение слова «пандемия». Поппи Маркова (буфера у нее — чистый отпад) поднимает руку и говорит миссис Армбрастер: «А вот папа сказал, что канзасский грипп убивает почти мгновенно, вышел из дома вроде здоровый, а по дороге к автобусу упал и умер». Миссис Армбрастер — у нее маска своя, покупная, из микропоры — начинает объяснять слово «паника», связывая его с «пандемией» по общему корню «пан», но тут Райделл проснулся.

Он скинул ноги на пол, осторожно потрогал голову. Болит. И насморк вроде начинается. Канзасский грипп. А то и лихорадка Мокола.

— Только без паники, — приказал себе Райделл.

А как тут без паники?

Он встал, подошел к двери, из-под которой пробивалась узенькая полоска света. Нащупал ручку, нажал и чуть приоткрыл дверь.

— Ну, как, выспался?

Золотой высверк улыбки. И черный зрачок

маленького, тупорылого пистолета. Убийца развернул пассажирское сиденье влево и откинул спинку. Взгромоздил сапоги на среднее сиденье. Лампочка под потолком едва горит.

— Где миссис Эллиот?

— Миссис Эллиот ушла.

— На кого она работает? — Райделл распахнул дверь до упора. — На вас?

— Нет. — Улыбка стала еще шире. — На «Интенсекьюр».

— Так они что, специально отправили ее тем же рейсом? Чтобы за мной приглядывала?

Равнодушное пожатие плечами. Райделл обратил внимание, что пистолет при этом даже не шелохнулся. А еще — что рука, сжимающая пистолет, обтянута тонкой хирургической перчаткой. И что плащ на мужике тот же самый, в котором он вылез из полицейской машины, — длинный такой, вроде австралийского пыльника, только из черной микропоры.

— Как она сумела перехватить нас на улице?

— Уорбэйби совсем не такой придурок, как можно бы подумать. Тебя вели от самого моста.

— Как же это я не заметил?

— А тебе и не полагалось.

— Слушай, ты скажи мне одну вещь… Это ведь

ты замочил в гостинице этого, как его, Бликса, да?

Тусклые глаза над черным зрачком пистолета. Такой маленький калибр не обеспечивает хорошей убойной силы. Обычно не обеспечивает — а тут, скорее всего, какие-нибудь хитрые боеприпасы.

— А тебе-то какое дело? — удивился убийца.

— Я видел снимки, как все это было, — объяснил Райделл. — А смотрю на тебя — нормальный вроде мужик.

— Работа у меня такая.

Ясненько, подумал Райделл. Одни баранку крутят, другие картошку жарят, а третьи — вот так. Каждому свое. Справа от двери располагаются столик с холодильником и раковина, так что в ту сторону не нырнешь. А если налево, этот тип прошьет очередью переборку, чего доброго и девушку зацепит.

— И думать не моги.

— О чем?

— Об этой срани. О героических поступках. — Золотозубый скинул ноги с кресла. — Делай, как я скажу. Медленно. Очень медленно. Иди к водительскому месту… Садись… Берись за баранку.

Руки на девять часов и на два.[143] Вот так и держи. Если ты их сдвинешь, я всажу тебе пулю чуть позади правого уха. Выстрела ты не услышишь.

Монотонный, почти гипнотизирующий голос. Как ветеринар с кобылой.

Райделл сделал все по сказанному и застыл. Снаружи — полная, непроглядная тьма.

— А где мы? — поинтересовался он.

— Ты любишь моллы? Как там у вас в Ноксвилле? Тоже есть моллы?

Райделл покосился на него, но смолчал.

— Я очень прошу тебя смотреть прямо вперед.

— Да, у нас есть моллы.

— А вот этому моллу не повезло. Хилая была коммерция.

Райделл стиснул мягкую, обтянутую губчатой резиной баранку.

— Расслабься.

Громкий стук, наверное, сапогом по переборке.

— Мисс Вашингтон! Восстаньте ото сна! Почтите нас своим присутствием!

Райделл услышал два глухих удара — проснувшись, Шеветта попыталась вскочить на ноги,

---

[143] Примечания: 143

По положению цифр на часовом циферблате. Таким способом наблюдатель сообщает стрелку, в какое место мишени попала пуля (напр. «девятка на четыре часа»).

ударилась головой о потолок и упала с кровати. А затем в ветровом стекле появилось бледное отражение ее лица.

Тут бы другая хлопнулась в обморок. Другая.

— Ты убил Сэмми Сэла, — сказала Шеветта.

— А ты меня чуть током не поджарила, — сказал золотозубый и беззлобно улыбнулся. — Сейчас ты пойдешь вперед, повернешься, сядешь на центральную панель лицом сюда. Никаких резких движений. Так, правильно. Теперь наклонись и положи руки на кресло.

Шеветта села рядом с Райделлом, свесив ноги по бокам компьютерной стойки. Ну, прямо, как на карусели.

Если что, он прострелит одну голову, сдвинет пистолет на два дюйма и прострелит вторую.

— Я хочу, чтобы ты сняла куртку. — Снова эти монотонные интонации. — Для этого тебе потребуется оторвать руки от сиденья. Постарайся отрывать их по очереди, чтобы в каждый момент одна из твоих рук лежала на сиденье. Операция сложная, но ты не торопись, времени у нас уйма.

В конце концов, Шеветта вытащила руки из рукавов и скинула куртку с плеч, прямо к ногам золотозубого.

— Что там в карманах? Шприц? Ножи, бритвен-

ные лезвия, прочие опасные предметы?

— Ничего такого, — мотнула головой Шеветта.

— А как насчет электрических зарядов? Давняя твоя слабость.

— Только очки этого засранца и телефон.

— Вы только послушайте ее, Райделл, — простонал убийца. — Засранец! Вот таким и останется он в памяти людской. Ни имени, ни фамилии — просто какой-то там безымянный засранец…

Левая его рука ловко обшарила карманы куртки, выложила на приборную панель сперва телефон, а затем и серый плоский футляр.

Райделл плюнул на все запреты и повернул голову. Обтянутые резиной пальцы открыли на ощупь футляр, достали очки. Бесцветные, как оловянные пуговицы, глаза скользнули по добыче, проверили, все ли в порядке, и снова уставились на пленников.

— Они это, они, — сказал Райделл. — Радуйся.

Рука положила очки на черную замшу и закрыла футляр.

— Радуюсь.

— И что теперь?

Улыбка исчезла, а вместе с ней исчезли и губы, осталась только тонкая, словно карандашом проведенная линия.

— А ты не могла бы принести мне кока-колу? — улыбка не только вернулась, но даже стала шире, уголки рта задрались еще выше. — Все окна там задраены, дверь — тоже.

— Кока-колу? — поразилась Шеветта. — Да ты же пристрелишь меня. Как только я встану.

— Нет, — покачал головой золотозубый, — совсем не обязательно. Ведь я действительно хочу пить. В горле пересохло.

Шеветта повернулась к Райделлу, в ее глазах застыл ужас.

— Да принеси ты ему эту колу, — сказал Райделл.

Она слезла с панели, протиснулась между креслами, вошла в дверь и остановилась перед холодильником.

— Я же сказал, чтобы ты не крутил башкой, — напомнил золотозубый.

Глядя в ветровое стекло, Райделл увидел, как открылась дверца холодильника, как вспыхнула в нем лампочка, как Шеветта присела на корточки.

— Д-диет-тическая или обычная?

— Диетическую. Если это не составит тебе большого труда.

— Классическую или «декаф»?

— Классическую.

Негромкий звук, отдаленно — весьма отдаленно — похожий на смех.

— С-т-таканов нет.

— Тогда банку, пожалуйста.

Снова этот тявкающий звук.

— Я т-тут пролила н-немного, — сказала Шеветта. — Р-р-руки т-трясутся.

Чуть скосившись, Райделл увидел, как рука в резиновой перчатке берет красную банку, обрызганную коричневыми каплями кока-колы.

— Благодарю вас. Теперь вы можете снять штаны.

— Чего?!

— Штаны. Вот эти самые, черные. Стягивайте их медленно, без рывков. А носки мне нравятся. Их мы, пожалуй, оставим.

Лицо, отраженное в черной бездонности ветрового стекла, исказилось, а затем застыло, стало каким-то равнодушным, отсутствующим. Шеветта расстегнула пояс, наклонилась и начала стягивать с себя узкие, непослушные лосины.

— Теперь вернитесь, пожалуйста, на прежнее место. В ту же позицию. Вот так. Я хочу рассмотреть вас получше. А ты, Райделл, ты тоже хочешь?

Райделл повернулся. В свете потолочной лампочки крепкие, мускулистые ноги девушки казались мертвенно-бледными. Убийца жадно приложился к банке, затем поставил ее на приборную панель, рядом с очками, и отер рот тыльной стороной затянутой в полупрозрачный пластик руки.

— Ну, как, Райделл, недурно? — он кивнул в сторону Шеветты. — Тут намечаются определенные перспективы.

Райделл смолчал.

— Или ты возражаешь?

Райделл продолжал молчать.

Короткий, тявкающий смешок. Еще один глоток из красной банки.

— Ты ведь думаешь, что мне нравилось свежевать этого говнюка, верно ведь, Райделл?

— Я не знаю.

— Не знаешь, но думаешь, что мне нравилось. Ты считаешь, что я получал удовольствие, я знаю, что ты так считаешь. И правильно считаешь. Я действительно получал удовольствие. Ловил кайф. Только тут есть один отличительный момент, знаешь какой?

— Момент?

— У меня не стоял. Я работал над этим говню-

ком, а у меня не стоял. Вот такой вот отличительный момент.

— Ты его знал?

— Что?

— Я подумал, может, ты его вот так из каких-то там личных чувств.

— А-а. В некотором смысле я знал его. Знал. Знал так, как никто не должен знать никого. Я знал все, что он делает, все, Райделл, все. Я засыпал под его храп. Дело дошло до того, что по храпу, да просто по дыханию я мог точно определить, сколько он принял.

— Принял?

— Он пил. Он, серб этот. Ты ведь был полицейским, верно?

— Да.

— А приходилось тебе вести за кем-нибудь наблюдение?

— До этого не дорос.

— Забавная это штука — следить за людьми. Ездить за ними повсюду — куда объект, туда и ты. Они тебя не знают. Но они знают, что ты где-то здесь. Ну, не знают, конечно, но догадываются. Исходят из того, что ты здесь, рядом. Но они тебя не знают. Иногда они смотрят на кого-нибудь в баре или, там, в холле гостиницы, и ты понима-

ешь, что они думают, что это ты — тот, который за ними следит. И всегда ошибаются. А когда понаблюдаешь за таким месяц, два месяца, три месяца, начинаешь его любить. Любить, Райделл, любить.

По белому, судорожно напряженному бедру Шеветты прокатилась волна дрожи.

— Ну а потом, еще через несколько месяцев, через два десятка перелетов с места на место, через две дюжины гостиниц все меняется. Становится совсем наоборот.

— И ты больше их не любишь?

— Нет. Не люблю. Проходит какое-то время, и ты уже ждешь, чтобы он оступился. Чтобы он предал, не оправдал доверия. Ведь курьеру оказывается колоссальное доверие. Жуткая это вещь — доверие.

— Курьеру?

— Вот ты посмотри на нее, Райделл, посмотри. Уж она-то знает. Она всего лишь развозит по Сан-Франциско какие-то там бумажки, и все равно — она курьер. Ей оказывают доверие. Информация обретает материальную форму. И она переносит эту информацию с места на место, так ведь, красавица?

Шеветта молчала и не шевелилась. Сфинкс

— вот кого она напоминала сейчас, в этой позе. Белые пальцы глубоко зарылись в светло-серую обивку центрального сиденья.

— Вот этим я, Райделл, и занимаюсь. Слежу за доставкой. Слежу за курьерами. Охраняю их сон и покой. — Он допил кока-колу и уронил банку на пол. — Людей, пытающихся изъять у них информацию, я убиваю. Это — самая приятная часть моей работы. Ты бывал в Сан-Хосе?

— Коста-Рика?[144]

— Да.

— Нет, не приходилось.

— Вот где люди понимают, как нужно жить.

— Ты работаешь на эти хранилища информации, — догадался Райделл.

— Я этого не говорил. Это кто-то другой проболтался.

— И он тоже, — добавил Райделл. — Он должен был доставить кому-то очки из Коста-Рики, а она их украла.

— Узнав о пропаже, я обрадовался. Несказанно обрадовался. Мой номер был рядом, смежный. Я открыл дверь и вошел. Я представился. Он увидел Лавлесса. В первый и в последний раз.

---

[144] Примечания: 144

В Калифорнии, неподалеку от Сан-Франциско, есть свой Сан-Хосе.

Левая рука убийцы поднялась и начала ожесточенно скрести голову, можно было подумать, что его заели вши. Однако пистолет не дрогнул, не шелохнулся, словно зажатый в тисках пристрелочного станка.

— Лавлесс?

— Мой nom de хрень.[145]

Последовала длинная трескучая фраза, вроде бы по-испански, из которой Райделл уловил только слова nombre de что-то там.[146]

— А вот ты, Райделл, ты как думаешь, у нее там туго? Я люблю, когда туго.

— Ты американец?

Голова убийцы слегка качнулась, глаза поплыли куда-то в сторону, но тут же снова воткнулись в Райделла, такие же светлые и незамутненные, как хромированный ободок на дульном срезе его пистолета.

— А ты хоть знаешь, кто завел эти хранилища?

---

[145] Примечания: 145

Nom de guerre (фр.) — псевдоним, букв, «боевое имя». Лавлесс — главный отрицательный персонаж американского телесериала «Дикий, дикий Запад» (1965–1969). Известен киноримейк конца 90-х (реж. Барри Зоненфельд)

[146] Примечания: 146

Nombre (исп.) — имя

— Да, — кивнул Райделл. — Картели.[147] Колумбийцы.

— Верно. В восьмидесятых они завезли в Центральную Америку первые экспертные системы, координировать транспортировку. Для установки и отладки этих систем потребовались специалисты. Война наркотиков, Райделл, война. В ней участвовало много американцев, кто — на одной стороне, кто — на другой.

— Седая старина, — пожал плечами Райделл. — Теперь мы сами производим все нужные нам наркотики.

— А у них за это время появились хранилища. Теперь им даже не нужно мараться с наркотиками. У них есть то, что было когда-то у Швейцарии. Место, единственное место в мире, где люди могут хранить любые свои секреты.

— Ты вроде как слишком молод, чтобы участвовать в организации всего этого.

— Мой отец. Ты знаешь своего отца?

— Конечно.

(В некотором, конечно же, смысле.)

— А я своего никогда не видел. Травма. Мне потребовалась долгая психотерапия.

---

[147] Примечания: 147
Имеются в виду колумбийские кокаиновые картели

Вот так-то тебя и вылечили, съязвил про себя Райделл.

— Уорбэйби. Он тоже работает на коста-риканские хранилища?

Правая рука убийцы метнулась вверх, смахнула со лба капли пота и вернулась на место, словно притянутая магнитом. И все это время пистолет смотрел прямо на Райделла.

— Включи фары. Я разрешаю тебе снять левую руку с руля.

— Зачем?

— Затем, что иначе ты труп.

— Ну а все-таки зачем?

— Не спрашивай, а делай, что сказано. О'кей?

Пот заливал ему глаза, струями бежал вдоль морщин, капал на грудь и колени.

Райделл медленно снял левую руку с баранки, щелкнул тумблером. Щелкнул еще раз, чтобы включить фары на максимальную мощность. Резкий, безжалостный свет словно проявил скрытое прежде изображение. Заброшенные магазины, покосившиеся вывески, грязный, покрытый коростой пыли пластик. На самой крупной из вывесок отчетливо выделялось одно-единственное слово: «ПРОВАЛ».

— Господи, — поразился Райделл, — да кому

же это взбрело на ум дать магазину такое название?[148]

— Очень ты хитрожопый, да? Мозги мне засрать хочешь?

— Нет, — качнул головой Райделл. — Только больно уж дикое название. Теперь-то, конечно, все эти лавчонки — сплошной провал, но тогда…

— Уорбэйби просто мальчик на побегушках. Наемный работник. Его привлекают, «Интенсекьюр» его привлекает, когда дела идут наперекосяк. А они всегда наперекосяк. Всегда у них что-нибудь наперекосяк.

Райделл оценил обстановку. Судя по всему, Ар-Ви стоит в широком центральном проходе молла. Все, сколько видно, витрины либо заколочены, либо густо закрашены белым. Проход крытый. Или даже подземный.

— Так что же, очки пропали в гостинице, гостиницу охраняет «Интенсекьюр», «Интенсекьюр» не справился с делом сам и кликнул на помощь Люциуса Уорбэйби?

Он взглянул на Шеветту. Сфинкс. Или что-то вроде хромированной хреновины, какими украшали капоты древних автомобилей. Только ни

---

[148] Примечания: 148

Имеется в виду всемирная сеть магазинов «The Gap». Основана в 1969 г., торгует одеждой, сумками и т, д.

на камне, ни на металле не бывает таких вот пупырышков, как на ее бедре. Гусиная кожа. А ведь точно мы под землей — вон какая холодина.

— А знаешь что, умник?

— Что?

— Ты не знаешь ни хрена про ни хрена. Сколько бы я тебе ни рассказывал, ты не сумеешь понять ситуацию. Ситуация слишком масштабна для понимания таких, как ты. Ты просто не умеешь мыслить такими понятиями. «Интенсекьюр» принадлежит той же самой компании, что и информация в этих очках.

— Сингапур, — кивнул Райделл. — И «Дэйтамерика» тоже принадлежит Сингапуру.

— Но ты никогда этого не докажешь. Конгресс и тот не смог.

— Крысы! Ты только посмотри.

— Опять мозги мне засираешь…

Последняя из трех крыс исчезла в магазине с диким названием «Провал». Дырка там какая-то или что? Провал.

— Не-а. Я их видел.

— А ты знаешь, что тебя и не было бы здесь, на этом месте, не вздумай Люциус дважды в рот долбаный Уорбэйби покататься на роликовых коньках?

— Как это?

— Колено он расшиб себе, коленную чашечку. Уорбэйби расшибает себе колено, не может сидеть за рулем, а в результате ты оказываешься здесь. Задумайся над этим, вникни. История, весьма характерная для позднего, загнивающего капитализма, или тебе так не кажется?

— Характерная для чего?

— Они вас что, в Академии этой долбаной вообще ничему не учили?

— Учили, — вздохнул Райделл. — Много чему учили.

А в частности — как вести себя со свихнутыми придурками, буде ты попадешь к ним в заложники, только вот трудно вспомнить все эти мудрые советы. Не спорь с ними, не возражай, дай им выговориться, как только замолкнут — скажи что-нибудь и снова слушай. Да, что-то в этом роде.

— А чего это все так переполошились из-за этих очков?

— Они хотят перестроить Сан-Франциско. Полностью, снизу доверху, как Токио. Для начала врежут в существующую инфраструктуру решетку из семнадцати комплексов. Восьмидесятиэтажные административно-жилые корпуса,

и еще подземный цоколь, тоже жилой. Полная автономность, самообеспечение. Управляемые параболические зеркала, парогенераторы. Ультрамодерновые здания. Они будут жрать свое говно.

— Кто будет жрать говно?

— Здания. Их вырастят, Райделл, вырастят, понимаешь? Как в Токио. Или как этот туннель.

— Санфлауэр, — сказала Шеветта и тут же осеклась.

— Я вижу, что кто-то совал свой нос… — (Желтые искры.)

— Слышь, а вообще-то… — (Как там учили разговаривать с вооруженными психами?)

— Да?

— А чего тогда весь этот шухер? В чем проблема? Хотят строить — ну и пусть себе строят.

— Проблема, — Лавлесс начал расстегивать рубашку, — состоит в том, что у города, подобного Сан-Франциско, примерно столько же понимания, куда он хочет двигаться и куда он должен двигаться, сколько у тебя. То есть — до прискорбия мало. Есть люди — миллионы людей, — которые возмутятся самим уже фактом, что такой план существует. А еще — торговля недвижимостью.

— Торговля недвижимостью?

— Ты знаешь три главных соображения, учитываемых при покупке недвижимости?

Безволосая, покрытая искусственным загаром грудь Лавлесса лоснилась от пота.

— Три?

— Место, место, — Лавлесс поучительно поднял палец, — и еще раз место.

— Чего-то я не врубаюсь.

— И не врубишься. Никогда. А вот люди с деньгами, люди, знающие, что нужно покупать, люди, видевшие планы начальной застройки, — они врубятся. Врубятся так, что даже щепки не полетят. Они приберут к рукам все.

(Очень, очень интересно!)

— Так ты что, смотрел? — невинно поинтересовался Райделл.

— В Мехико-Сити, — кивнул Лавлесс. — Он оставил их в номере. Не имел права, ни в коем случае.

— Но ведь ты тоже не имел права смотреть? — сорвалось у Райделла.

Несмотря на промозглый холод, Лавлесс обливался потом, вся его лимфатическая система — или что уж там этим заведует — пошла вразнос. Он часто смаргивал и стряхивал пот со лба.

— Я сделал свою работу. Делал свою работу.

Работы, задания. И я, и мой отец. Ты не видел, как они там живут. В компаундах. Здесь, здешние, они и понятия не имеют, что можно получить за деньги. Они не знают, что такое настоящие деньги. Они живут как боги, они, в этих компаундах. И старики — некоторым из них за сто…

В уголках безумного оскала прятались крошечные белые крупинки, Райделл словно вернулся в квартиру той стервы, снова заглянул в глаза Кеннета Терви — и ТУТ словно что-то щелкнуло, головоломка собралась, все встало на свои места.

Она вбухала в эту кока-колу весь пакетик «плясуна». Часть порошка просыпалась на банку, и тогда она вроде как расплескала колу, смыла предательский порошок внутрь.

Лицо Лавлесса налилось кровью, он расстегнул уже рубашку до самого низа, грубая ткань потемнела от пота, липла к мокрой коже.

— Лавлесс… — начал Райделл.

Начал, не зная, что сказать, — и тут же осекся, оглушенный высоким, нечеловеческим воплем; вот так же примерно верещит кролик, запутавшийся в проволочном силке. Лавлесс молотил рукояткой пистолета по собственному паху, молотил, словно стараясь прикончить некое жуткое существо, забравшееся ему в джинсы. Каждый

удар сопровождался выстрелом, каждая пуля пробивала в полу машины отверстие размером с пятидолларовую монету.

Словно подброшенная пружиной, Шеветта взметнулась над консолью, перемахнула через спинку среднего кресла и скрылась за дверью, в спальне.

Лавлесс замер, словно каждый атом его тела вдруг остановился, переходя на новую орбиту. Замер, улыбнулся, довольный победой над загадочной тварью, — и начал стрелять сквозь ветровое стекло. Кто-то из преподавателей Академии говорил, что по сравнению со сверхдозой «плясуна» даже сверхдоза фенциклидина все равно, что аспирин, разболтанный в кока-коле. В кока-коле.

А Шеветта Вашингтон тоже спсиховала не хуже Лавлесса — судя по грохоту, доносившемуся из спальни. Да успокойся ты, дура, стихни, голыми руками стенку не прошибешь.

— По сто лет, по сто лет этим мудакам… — начал Лавлесс, а затем громко всхлипнул и поменял пустую обойму на свежую. — Столетний хрен, а у него все еще стоит…

— Там! — Райделл ткнул пальцем в изрешеченное ветровое стекло. — Там, у «Провала»…

— Кто?

— Шитов! — ляпнул наугад Райделл.

Пули летели сплошным потоком, как резиновые кубики из чанкера; после третьего выстрела Райделл ткнул пальцем в кнопку, дезактивирующую замок боковой дверцы, и вывалился наружу. Он приземлился посреди россыпи консервных банок и прочего хлама. Перекатился. И продолжал катиться, пока не ударился о какое-то препятствие.

Маленькие пули пробивали в слепых, как бельма, витринах заброшенных лавок огромные дыры. Звонким дождем сыпались на бетон осколки зеркального стекла.

Шеветта Вашингтон все еще колотилась о заднюю дверь фургона — и не было никакой возможности ее утихомирить.

— Эй! Лавлесс!

Стрельба затихла.

— Шитов ранен! Ты его срезал!

Грохот отчаянных бесполезных ударов. Господи!

— Ему нужна медицинская помощь!

Стоя на четвереньках рядом с чашей давно пересохшего фонтана, откуда несло хлоркой и затхлостью, Райделл увидел, как Лавлесс вылезает

из распахнутой дверцы машины, с водительской стороны; багровое лицо и обнаженная грудь блестели от пота. Великолепный профессионал, чьи навыки прорывались даже сквозь густую пелену наркотического безумия, он двигался точно так, как учат на НОКе, — чуть пригнувшись, на полусогнутых ногах, зажатый двумя руками пистолет плавно обходит потенциальные секторы огня.

А Шеветта Вашингтон все еще пыталась проломить ячеистый пластик или из чего уж там сделана задняя стенка фургона. Затем Лавлесс обернулся, выпустил две пули, и грохот смолк.

Глава 30

Погребальный карнавал

В четыре часа Ямадзаки отодвинул тяжелый бронзовый засов, распахнул люк и начал спускаться по ржавым скобам. Тем же, по которым гнал его вчера Лавлесс.

Фонтейн обещал, что электричество будет через двадцать минут, и ушел, прихватив с собой, несмотря на все протесты Скиннера, огромный тюк грязного белья. Свет вспыхнул минут через пятнадцать. Скиннер провел весь день, раскла-

дывая и перекладывая содержимое зеленого инструментального ящика, перевернутого прошлым вечером в поисках бокорезов.

Руки старика, прикасавшиеся то к одному инструменту, то к другому, словно вновь обретали силу и ловкость, а может, в них просто пробуждались воспоминания о давних замыслах и работах, исполненных или заброшенных на полпути.

— Инструменты продать проще простого, — размышлял вслух Скиннер. — Уж на них-то покупатель найдется. Но затем непременно придет день, когда позарез понадобится та самая железяка, которую ты загнал.

По большей части металлические предметы, хранящиеся в зеленом ящике, были для Ямадзаки полной загадкой; хуже того, он не знал, как называются по-английски даже немногие известные ему инструменты, кроме, разве что, самых простых.

— Конусная развертка. — Из кулака Скиннера зловеще выглядывал стальной, чуть тронутый ржавчиной шип. — На редкость удобная штука, а ведь люди в большинстве своем даже не знают, что это такое.

— Для чего она, Скиннер-сан?

— Расширяет отверстия. И не портит их, остав-

ляет круглыми, надо только правильно все делать. Для листового металла, но может работать и по пластику. По любому тонкому, достаточно жесткому материалу. Кроме стекла.

— У вас очень много инструментов, Скиннер-сан.

— А пользоваться ими я почти не умею. Так толком и не научился.

— Но ведь вы сами построили эту комнату?

— Ты видел когда-нибудь, как работает настоящий плотник?

— Да, однажды.

Ямадзаки вспомнил запах кедровых стружек, желтую, масляно-гладкую поверхность брусьев, черные плоские рубанки, так и летавшие в руках рабочих… Демонстрационное возведение чайного домика, который будет снесен через неделю по окончании фестиваля.

— У нас в Токио дерево в большой цене. Никто никогда не выбросит даже самую маленькую дощечку.

— Здесь его тоже не враз достанешь, — сказал Скиннер, пробуя на палец острие стамески. «Здесь» — это где? В Америке? В Сан-Франциско? Или на мосту? — Когда-то, прежде чем сюда провели электричество, мы жгли тут мусор —

грелись, готовили. А городу не нравилось. Воздухмы, Скутер, им загрязняли. Теперь-то этого почти нет.

— В результате консенсуса?

— Самый обычный здравый смысл.

Скиннер вложил стамеску в брезентовый, насквозь промасленный чехольчик и аккуратно спрятал в зеленый ящик.

Увидев шествие, направляющееся в сторону Сан-Франциско, Ямадзаки сразу же пожалел об оставленной наверху записной книжке. Первое за все эти недели свидетельство того, что на мосту существуют общественные ритуалы.

В узком, стиснутом лавками проходе не развернешься, люди шли не рядами, а по одному, по двое, и все же это было шествие, судя по всему — похоронное. А заодно и мемориальное. Возглавляли его семеро (вроде бы семеро, Ямадзаки не был уверен в своем подсчете) детей; одетые в неописуемую рвань, густо посыпанные пеплом, они двигались гуськом, один за другим. И маски — гипсовые, аляповато раскрашенные маски святого Шейпли. Однако в поведении детей не было ничего похоронного; в восторге от всеобщего внимания они подпрыгивали и размахивали руками.

Ямадзаки мгновенно забыл о горячем супе, основной цели своего похода, и остановился между тележкой с книгами и лотком птицелова. Незнакомый с местными обычаями, скованный громоздким, непривычным термосом, он чувствовал себя здесь лишним, даже неуместным. А что если свидетели похоронного шествия обязаны провожать усопшего каким-либо определенным жестом, вести себя каким-либо определенным образом? Он покосился на торговку книгами. Высокая, одетая в засаленную овчинную жилетку женщина поправляла левой рукой две розовые пластиковые палочки, скрепляющие на затылке тяжелый узел седых волос. Нет, это не ритуальный жест.

На тележке теснились ряды ветхих, замызганных книг, каждая — в отдельном пластиковом мешочке. Несколько секунд назад женщина рекламировала свой товар, выкликала странные названия.

— Долина кукол, кровавый меридиан, соло для бензопилы…

В этих словосочетаниях звучала какая-то дикая, варварская поэзия; Ямадзаки был уже готов попросить «Соло для бензопилы», но тут женщина замолкла, он удивленно обернулся и увидел

детей.

И все же в ее поведении не чувствовалось какого-либо особого благоговейного отношения к шествию — ну увидела, замолчала, а могла бы кричать и дальше. Ямадзаки заметил, как шевелятся губы женщины, как руки ее двигаются над затянутыми в пластик книгами — глядя на проходящих мимо детей, она машинально пересчитывала непроданный товар.

Торговец птицами, бледный человек с черными как смоль, любовно ухоженными усами, зевнул, сунул руку под рубашку и меланхолично поскреб живот.

Следом за детьми появились танцующие скелеты. Ямадзаки обратил внимание, что костюмы этих персонажей «La Noche de Muerte»[149] не отличаются ни особой полнотой, ни тщательностью изготовления — некоторые из масок прикрывали только нижнюю часть лица, да и не маски это были, а микропорные респираторы, пародирующие мертвую ухмылку.

Танцоры, совсем еще молодые парни, бились в конвульсиях под какую-то внутреннюю, неслышную зрителям музыку хаоса и запусте-

---

[149] Примечания: 149

La Noche de Muerte (исп.) — «Ночь мертвых», традиционный для Латинской Америки карнавал, проводимый в начале ноября

ния. Тазовые кости на узких ягодицах, бедренные кости, белеющие на черных бедрах, — нет, в этом не было ничего зловещего, только эротика и, пожалуй, агрессия. Один из танцоров окинул Ямадзаки острым, цепким взглядом — голубые, чуть прищуренные глаза над черной, заляпанной белым полумаской.

Дальше — две долговязые фигуры в светло-зеленых лабораторных халатах и красных, по локоть длиной, резиновых перчатках, черные лица густо размалеваны желтоватым гримом. Кто это — врачи, провожавшие в могилу одного пациента за другим, пока не явился миру великий Шейпли? Или сотрудники бразильских биомедицинских компаний успешно и с немалой для себя выгодой превратившие Шейпли из неграмотного проститута (а вот такого слова вроде бы нет) в бесценный источник надежды, источник спасения?

А вот и главные герои сегодняшнего карнавала. Немые и безучастные, завернутые в плотный молочно-белый пластик, они лежат на двухколесных тележках, изготовленных здесь же, на мосту, и применяемых обычно для перевоза громоздких предметов. Каждую из тележек катят четверо людей, мужчины и женщины, черные и белые, старые и молодые. Ни в одежде катальщиков,

ни в их поведении нет ничего примечательного — если только не считать примечательной подчеркнутую будничность, резко отличающую их от остальных участников шествия… Нет, все-таки есть, подумал Ямадзаки. Они молчат и смотрят только вперед, словно не замечая зрителей. Немые и безучастные, как и те, завернутые в пластик…

— Бедняга Найджел, — вздохнула торговка книгами. — Делал тележку на продажу, а получилось, что для себя.

— Эти люди погибли в грозу? — осторожно поинтересовался Ямадзаки.

— Ну уж только не Найджел. — Женщина окинула чужака цепким, подозрительным взглядом. — Весь как решето, какая уж там гроза…

Семь тележек, семь покойников, на этот раз никаких сомнений в подсчете не возникало. Следом за ними появились мужчина и женщина с большой ламинированной литографией. Ввалившиеся щеки, огромные, горящие состраданием глаза; глядя на эти приторно-сладкие портреты, Ямадзаки неизменно испытывал почти физическую тошноту.

В самом конце процессии приплясывала и кривлялась маленькая ярко-красная фигурка.

Бесхвостый, безрогий чертенок с древним, непомерно огромным АК-47. Затвора у автомата нет, вместо магазина торчит кривой деревянный брусок, грозное когда-то оружие выкрашено в красный цвет, превратилось в бутафорию, ритуальную принадлежность.

Все предельно ясно. Красный чертенок символизирует ненужную, от начала до конца бессмысленную смерть Шейпли. Жуткую первозданную глупость, гнездящуюся в самой сердцевине мироздания.

— Скиннер-сан? — записная книжка раскрыта, включена, готова к работе. — Сегодня я видел процессию. Покойников уносили с моста на берег. Людей, погибших во время грозы.

— Здесь их класть некуда. В воду тоже нельзя. Раньше сбрасывали, а теперь город уперся рогом и ни в какую. Мы передаем их в крематорий. Некоторые люди против огня, так мы хороним их на Острове Сокровищ. Тоже не лучший выход, если учесть, что за публика там живет.

— Многие элементы процессии были связаны с Шейпли, с его биографией.

Скиннер кивнул. За все время разговора глаза его ни разу не оторвались от маленького, с почтовую открытку, экрана телевизора.

— Дети в масках Шейпли, чернокожие мужчины, одетые и загримированные под белых врачей, портрет…

Скиннер безразлично хмыкнул.

— Я уж почти и забыл, как это бывает, — пробормотал он через пару секунд. — Все сижу здесь в четырех стенах, как проклятый.

— А в конце — маленький человечек, весь в красном, с автоматом. Он плясал и кривлялся.

— Угу, — кивнул Скиннер.

Ямадзаки нажал кнопку «Транскрипция и перевод».

Во мне-то этого вируса нет. Защитного, прививочного. Этого кусочка Шейпли, который теперь во всех. В моем возрасте вроде и ни к чему, да я и вообще не люблю медицину. Никогда не любил. И того, другого, я тоже как-то не подцепил, хотя возможностей было сколько угодно. Впрочем, ты слишком молод и не понимаешь, как это было, что мы тогда ощущали. Ну да, я знаю, вам теперь кажется, что все времена рядом, рукой подать, ведь все для вас записано, включай — и словно живешь в прошлом. Цифровая форма. А хрен ли в той форме, в том проигрывании? Вы же все равно не помните, что это было за ощущение — наблюдать, как горы трупов громоздятся все

выше и выше. Не столько, правда, у нас, как в других местах — Таиланд, Африка, Бразилия, но мы дрожали заранее, знали, что скоро и наша очередь. К нам эта штука только подбиралась. Медленно-медленно, ретровирусы — они всегда так. Помню, мы как-то говорили с одним мужиком, у него был уже вирус, этот, который старый, и он потом от него загнулся; так вот, мы с ним вспоминали, как жилось в это клевое, но совсем, к сожалению, короткое время, когда многие люди стали трахаться направо и налево, считая, что в этом нет ничего страшного, никто от этого не пострадает, многие люди, и мужики, и даже женщины. Им-то, женщинам, всегда приходилось беспокоиться, они всегда рисковали подзалететь, а дальше — новый риск, можно умереть при родах, или при аборте, а если все и благополучно, все равно жизнь уже станет другая, не такая, как раньше. А вот в это, про какое я говорю, время и пилюли появились, и прочее, и уколы ото всяких там болезней, и от тех даже, от которых люди гнили и мерли как мухи — раньше мерли. Да, Скутер, времечко было что надо. А потом появляется эта штука, и все опять, как раньше, еще во сто раз хуже. Мы въезжаем в третье тысячелетие, весь мир на хрен меняется, не узнать, в Европе

уже начались гражданские войны, а этот самый СПИД все борзеет и борзеет. Ты же знаешь, на кого только вину не сваливали, одни говорили, что это все гомики, другие — что ЦРУ, и еще про американскую армию, про какой-то там форт в Мэриленде. И что какие-то там придурки трахали в жопу зеленых макак и заразились, и от них все и пошло, вот ей-же-ей, так прямо и говорили — и сами тому верили. А ты знаешь, что это было в действительности? Люди. Слишком уж много их стало, Скутер, слишком уж много. Летали хрен знает куда, а потом возвращались, носились по свету как очумелые. Ну, уж тут-то обязательно кто-нибудь подхватит микроба-другого и привезет домой в подарок. Маленькой стала она, эта долбаная планетка, от любого места до любого — пара часов пути. Вот так мудила этот грешный, Шейпли, тоже прихватил где-то вируса, только у него оказался другой штамм, мутантный, которого можно носить в себе сколько хочешь, и он тебя не убьет. И вообще ни хрена тебе не сделает, только сожрет того, старого. А насчет, что он — Иисус, так хрень это собачья, не верю я и никогда не верил. Я и в самого-то Иисуса не верю.

— А кофе там остался?

— Сейчас, только накачаю примус.

— Видишь, Скутер, эту дырочку в насосе, маленькая такая? Капни туда чуть-чуть масла. У поршня кожаный колпачок, нужно, чтобы он был чуть влажный.

Глава 31

С водительской стороны

Пуля прошила стенку, зацепила, наверно, какой-то провод, и зажегся свет. Вторую пулю Шеветта увидела — не пулю, конечно, а то, как в пупырчатой обивке кресла появилось отверстие. Шеветта застыла. Некто, сидящий у нее в голове, медленно и неохотно впитывал два жизненно важных урока. Первое: стреляют. Второе: так вот что такое пуля — это когда сперва дырки не было, а через секунду она есть. И ничего между. Ты видишь, что это случилось, но не успел заметить, как это случилось.

Потом она опустилась на четвереньки и поползла, ведь нельзя же просто так стоять и ждать, пока тебя продырявят. За фут до двери она ухватилась правой рукой за край холодильника и встала. И заглянула в освещенную наружным светом кабину. На полу рядом со скомканными

черными брюками поблескивает связка ключей. Серый продолговатый брелок сделан из того же пупырчатого материала, что и пробитое пулей кресло. Коврик между правым и средним сиденьями сплошь изрешечен. Остро пахнет порохом. И гарью, наверное, — вон ведь какие края у дырок, черные и вроде как оплавленные.

И все это время убийца орал. Хриплые бешеные вопли отскакивали от стен и скрытого во тьме потолка, возвращались гулким, многократным эхом. Шеветта прислушалась. Что-то насчет, что они (кто — они?) — лучшая рекламная компания в мире и как они втюхали публике Ханнис Миллбэнк, а теперь втюхают и этот «Санфлауэр». Если только она правильно все разобрала.

— Я здесь, у двери, с водительской стороны.

Райделл. Сидит на корточках, в двух шагах от распахнутой настежь дверцы.

— Он забыл здесь ключи, — сообщила Шеветта.

— Ничего придурок не соображает — вон же куда учесал, к этому павильону, где был «Мир мечты».

— А если вернется?

— Непременно вернется, если мы будем здесь долго валандаться. Слушай, подползи сюда и

кинь мне их, ладно?

Шеветта снова опустилась на четвереньки, проползла в дверь, протиснулась между сиденьями. Краем глаза увидела голову Райделла. Подобрала с полу ключи, швырнула их куда-то в направлении дверцы, а затем схватила свои брюки и попятилась назад, в спальню. Торопливо одеваясь, она поймала себя на идиотском желании спрятаться в холодильник. Подтянуть колени к груди, пригнуть, сколько можно, голову и попробовать, а вдруг получится, не такой уж он и маленький…

— А почему бы тебе не лечь на пол? — прервал ее размышления Райделл.

— Лечь на пол?

— Минимальная площадь поражения.

— Чего?

— Он ведь снова начнет стрелять. Вот сейчас, когда я…

Звук запускаемого двигателя. Новые дырки в стекле и дождь мелких бритвенно-острых осколков оказались лучшими доводами, чем любые слова, — Шеветта послушно шлепнулась на пол. Ар-Ви дернулся назад, круто повернул налево и снова замер. Райделл сдавленно ругался, пытаясь найти какую-то нужную ручку или кнопку, а

тем временем невидимый великан раз за разом обрушивал на машину мерные сокрушительные удары стотонной кувалды.

Райделл разобрался, наконец, в незнакомом управлении, машина рванула вперед.

Шеветта и сама не заметила, в какой момент она закричала. Ни слов, ничего — просто дикий, истошный вопль.

Машина чуть не опрокинулась на повороте, и Шеветта подумала, что этот огромный Ар-Ви вряд ли предназначен для такой езды. Они мчались все быстрее и быстрее, похоже — куда-то вверх.

— Абзац.

Шеветта успела еще подумать, что голос Райделла звучит совсем обыкновенно, даже скучно, и тут через мгновение они протаранили ворота или что-то еще в этом роде, и это было, как однажды в Лафайет-парке, когда она слишком уж резко тормознула, прижимаясь к обочине, и собралась целая куча народу, и они все объясняли и объясняли ей, как это вышло, что она врезалась головой в бетонку, и она все вроде как понимала, но тут же забывала снова, вчистую.

Она снова была в Скиннеровой комнате, читала в «Нэйшнл Джиогрэфик» статью про Канаду, как распалась та Канада на пять отдельных го-

сударств. Запивала соленые крекеры молоком, прямо из картонки. А Скиннер лежал в кровати, смотрел по телевизору один из своих любимых исторических фильмов. Смотрит и комментирует, что вот он смотрит эти фильмы всю свою жизнь и они с каждым годом все лучше и лучше. Как сперва они были еще черно-белые и такие вроде как дерганые, солдаты носились по экрану, как наскипидаренные, и еще это жуткое зерно, и небо все в царапинах. Как постепенно люди стали в них двигаться нормально, без рывков этих и помедленнее, и цвет появился, сперва плохой, а потом — получше, и зерно становилось все мельче и мельче, и даже царапины куда-то исчезли. И все это, сказал он, дерьмо собачье, потому что каждое такое улучшение — это не то, как все по-настоящему было, а чье-то там личное представление, как оно должно было выглядеть, нажал бы он пару других кнопок, и все было бы так же вот гладко, но совсем иначе. И все равно, добавил он, какая это была потрясуха, особенно сперва, все равно что Билли Холидей, когда слушаешь запись, очищенную от треска и дребезжания.

Билли Холидей — это был такой парень, вроде Элвиса, тоже в костюме с блестками, но только

вроде бы помладше и не толстый — так, во всяком случае, представлялось Шеветте.

Скиннер снова сел на своего любимого конька, насчет истории. Как она превращается в пластик — и делается пластичной, податливой. Шеветта слышала все это сто уже, наверное, раз, но она старалась показывать Скиннеру, что внимательно слушает его рассуждения, а то ведь он такой — надуется и замолчит на несколько дней. Потому она оторвалась от фотографии, где ликующие, распаленные девицы размахивали бело-голубыми флагами Квебека, и взглянула на Скиннера, и вдруг увидела, что рядом с ним сидит мама, ослепительно прекрасная, грустная и вроде как усталая — точно такая, какой она бывала, когда вернется с работы, но не успеет еще смыть косметику.

— Он прав, — кивнула мама.

— Мама?

— Прав насчет истории. Насчет, как они ее изменяют.

— Мама, ты…

— Это делали, делают и будут делать, ничего нового в этом нет. Просто фильмы изменились на памяти одного поколения, вот и заметно.

Шеветта заплакала.

— Шеветта-Мария, — сказал напевный, почти позабытый голос. — Ты расшибла голову и потеряла сознание.

Глава 32

Фаллонтаун

— Так ты хорошо знаешь этого парня? — спросила Шеветта.

Каждый раз, когда Райделл вдавливал тормозную педаль, раздавался противный скрип стекла. Подмести бы здесь, так для этого нужно останавливаться, а времени нет. И швабры нет. На первый случай он ограничился тем, что подобрал на обочине ржавую гнутую монтировку и начисто вышиб остатки ветрового стекла, а то ведь с этими пробоинами дальше первого дорожного патруля не уедешь.

— Я работал с ним в Лос-Анджелесе.

Он скинул скорость и осторожно обогнул в клочья изодранную покрышку тяжелого грузовика. Черная и чешуйчатая, она валялась на грязном гудроне, как шкура, сброшенная при линьке каким-то чудовищем.

— А то я боюсь, не оказался бы он вроде этой

самой миссис Эллиот. Тоже ведь твоя знакомая.

— Да какая там знакомая, — вздохнул Райделл. — Попутчица, перекинулись в самолете парой слов — вот и все знакомство. Ну а если уж Саблетт — подставка, так тогда весь мир — сплошной тайный заговор. Тогда уж мне впору беспокоиться, кто такая, скажем, ты.

Вместо того чтобы беспокоиться, а не прицепил ли Лавлесс — или та же самая миссис Эллиот — к этой таратайке маленький такой, незаметненький маячок? И не приглядывает ли сейчас за ними недреманное око «Звезды Смерти»? А то ведь говорят, что она, «Звезда» эта самая, может прочитать заголовки в газете, а по хорошему, отчетливому следу определит и размер обуви, и фирменную марку.

В свете фар возник деревянный крест футов двадцати высотой с надписью: «НАСТРОЙСЯ» — на перекладине — и: «НА ЕГО ПРИСНОСУЩИЙ КАНАЛ» — на столбе. Там, где полагалось бы быть голове Иисуса, висел древний портативный телевизор. Неизвестные герои успели издырявить экран пулями. Мелкашка или пистолет двадцать второго калибра.

— Похоже, подъезжаем.

Шеветта недоверчиво хмыкнула, взяла с сосед-

него сиденья бутылку воды, прихваченную на «шелловской» заправке, сделала пару глотков, обтерла ладонью горлышко и протянула бутылку Райделлу.

Райделл прошибал ворота молла в святой надежде сразу же вывернуть на один из главных хайвэев. Снаружи молл выглядел как невысокий штабель грязно-желтого кирпича, все его окна были заколочены листами жуткого, под цвет вчерашней блевотины, пластика, получаемого термопрессовкой мелко искрошенных отходов. Покрутившись на огромной, отгороженной высоким забором автостоянке, где сейчас не было ничего, кроме нескольких старых, в хлам разбитых машин да каких-то рваных матрасов, он обнаружил покосившиеся, настежь распахнутые ворота, но никакого хайвэя за ними не оказалось.

Никакого, только узкое заброшенное четырехполосное шоссе. В довершение всех радостей одна из лавлессовских пуль прошила навигационный компьютер, карта застыла на центральных кварталах Санта-Аны и полностью игнорировала все попытки вывести на экран что-нибудь более злободневное. Судя по мерзостному запустению, Лавлесс выбрал для своих игр окраину одного

из городков, выраставших, как грибы-поганки, на границе обжитых районов с пустыней и заброшенных, обезлюдевших, когда обрушилась евровалюта.

Шеветта Вашингтон свернулась калачиком на полу рядом с холодильником и не реагировала ни на голос, ни на что. Райделл очень боялся, не зацепило ли ее пулей, но не мог этого проверить — останавливаться, не отъехав подальше от молла, было рискованно. Да нет, успокаивал он себя, вырубилась от напряжения, вот и все. И крови нигде не видно.

Миль через десять показалась «шелловская» заправка. «Шелловская» — судя по столбам, на которых крепилась когда-то вывеска. Дверь мужского туалета сорвана с петель, на двери женского висит большой ржавый замок. Кто-то расстрелял попкорновый автомат из автомата крупнокалиберного. Райделл обогнул заправку и увидел самый настоящий старинный трейлер — точно такой же «Эрстрим» был в Тампе у одного из отцовских соседей. Невысокий старик в красном комбинезоне стоял на коленях рядом с тлеющим хибати[150] и помешивал что-то в кастрюльке,

[150] Примечания: 150
Хибати — японская жаровня

рядом с ним сидели два черных Лабрадора.

Райделл заглушил мотор, проверил, дышит ли Шеветта, и выпрыгнул из кабины. Старик встал, распрямился и вытер ладони о комбинезон. Над его лицом нависал длинный, дюймов в девять, козырек оливково-зеленой рыбацкой шапочки, «шелловская» эмблема на левом нагрудном кармане выгорела до полной неразборчивости.

— Ты заблудился? — спросил старик. — Или есть проблемы?

Выглядел он лет на семьдесят с хвостиком. С длинным хвостиком.

— Нет, сэр, никаких проблем, но что я заблудился, так это точно. — Райделл посмотрел на лабрадоров. Лабрадоры смотрели на Райделла. — Только эти ваши собаки — они, похоже, не очень мне рады.

— Редко видят чужих, — пожал плечами старик.

— Да, сэр, — кивнул Райделл. — Я так и думал, что редко.

— У меня и пара котов есть. Покупаю им всем сухой корм. Коты — те иногда птицу еще поймают, мышку. Заблудился, говоришь?

— Да, сэр, заблудился. Я не знаю даже, в каком мы штате.

— А кто это знает? — презрительно сплюнул старик. — Когда я, сынок, был в твоем возрасте, все это вместе называлось Калифорния, как то и назначено Господом. Теперь говорят, что здесь Южная, но только ты знаешь, что это такое в действительности?

— Нет, сэр. А что?

— Большая куча все того же дерьма. Вроде как баба, обосновавшаяся в долбаном Белом доме.

Старик снял шапочку, достал из кармана засаленный носовой платок, вытер со лба пот и водрузил шапочку на прежнее место. На темной от загара лысине четко выделялись серебристо-белые шрамы. Рак кожи…

— Так ты, говоришь, заблудился?

— Да, сэр. У меня сломалась карта.

— А простую, бумажную, ты понимаешь?

— Да, сэр. Понимаю.

— А что это за чертовщина с ее головой?

Старик смотрел куда-то вдаль, мимо Райделла.

Райделл повернулся и увидел Шеветту. Шеветта сидела на водительском месте рядом с открытой дверцей и смотрела прямо на них.

— Это у нее такая прическа, — неуверенно объяснил он.

— Ну ни хрена себе, — покачал головой ста-

рик. — А так ведь была бы вроде как и хорошенькая.

— Да, сэр, — согласился Райделл.

— Видишь эту пачку? Ты сумеешь засыпать чашку толокна в воду, когда закипит, и разболтать, чтобы без комков?

— Да, сэр, — кивнул Райделл, — сумею.

— Ладно, тогда я схожу поищу карту. А Скитер и Уайти посидят здесь, чтобы тебе не скучно было.

— Да, сэр…

ПАРАДИЗ. Ю. КАЛИФОРНИЯ

ХРИСТИАНСКАЯ ОБЩИНА.

ТРИ МИЛИ

ПАЛАТКИ НЕ СТАВИТЬ

БЕТОННЫЕ ПЛОЩАДКИ

ВОДА И ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

ВЫСОКОВОЛЬТНОЕ ОГРАЖДЕНИЕ

БЕСПЛАТНОЕ КУПАНИЕ

ХРИСТИАНСКИЙ ДЕТСКИЙ САД

(лицензия штата Ю. Кал.)

327 СПУТНИКОВЫХ КАНАЛОВ

И крест, на этот раз — высокий, сваренный из ржавых рельсов, набитый старыми телевизорами, огромные бельма потухших экранов слепо уставились на шоссе.

Жаль, что Шеветта спит, такое зрелище пропустила.

Когда Райделл позвонил Саблетту, первый гудок был такой необычный, что он чуть не дал отбой, но это оказалось просто переключение связи на другой номер. Саблетта в Лос-Анджелесе не было, он взял отпуск, чтобы поухаживать за больной матерью.

— Так ты что, в Техасе?

— В Парадизе, Берри. Мама малость прихворнула. Потому, наверное, что она и еще куча наших перебрались в Парадиз, это Южная Калифорния.

— Парадиз?

— Да. На карте его нет, но это очень просто…

Райделл развернул бумажную карту и начал водить по ней пальцем.

— Слушай, — сказал он, получив, наконец, общее представление, где находится поселок, — а что если я к тебе заеду?

— Так ты же вроде на работу устроился, в Сан-Франциско, — удивился Саблетт.

— Я тебе потом объясню, по телефону неохота.

— Ты знаешь, а на меня здесь бочку катят, — печально сообщил Саблетт. — Апостатом называют.[151]

— Как?

— Апостатом. И все потому, что я показал маме этот кроненберговский фильм. «Видеодром», ты же его вроде видел. И вдруг оказывается, что он от дьявола.

— А я-то думал, что все фильмы от Бога.

— Нет, Берри, есть фильмы, которые точно от Сатаны. Во всяком случае, так говорит преподобный Фаллон. Вот и кроненберговские тоже от Сатаны, все до единого.

— Он что, тоже в Парадизе?

— Нет, помилуй Господи, — почти испугался Саблетт. — Он на этих островах, между Англией и Францией, в старых бункерах. Не может оттуда и носу высунуть, прячется.

— От кого?

— От налогов. А знаешь, Берри, кто их построил, эти бункера?

— Кто?

— Гитлер. С применением рабского труда.

— Никогда не слышал, да у меня и вообще с

---

[151] Примечания: 151
Апостат — вероотступник

историей не очень.

Райделлу живо представился этот кошмарный замухрышка с усами вроде черных зубных щеток, как стоит он на большом камне — чтобы за всеми, значит, уследить — и щелкает длинным бичом.

И еще один знак, грубый деревянный щит и надпись от руки, черной аэрозольной краской — никакого сравнения с тем, профессиональным:

ТЫ ГОТОВ К ВЕЧНОСТИ?

ОН ЕСТЬ И ПРЕБУДЕТ!

А ТЫ?

СМОТРИ ТЕЛЕВИЗОР![152]

— Смотреть телевизор? — недоуменно спросила Шеветта. И когда же это она проснулась?

— Фаллониты, они же верят, что Бог вроде как там и находится. В телевидении, во всем сразу.

— Бог в телевизоре?

— Ага. Вроде как на заднем плане, фоном. Саблетт, он отошел от этой Церкви, не знаю только, совсем или не совсем, а мама его, так та страстно верит.

— И они что, смотрят телевизор и молятся,

---

[152] Примечания: 152

В оригинале применено американское письменное сокращение «R. U.», обозначающее «Are you» (по названиям букв алфавита, «Ар-Ю»)

или как?

— Ну, я думаю, это скорее похоже на медитацию. Если пересмотреть все старые фильмы, смотреть их по много раз и внимательно, то на тебя вроде как Дух Святой сойдет, это им так преподобный Фаллон объяснил.

— А у нас в Орегоне есть Новоявленные Арийские Назареи,[153] — сказала Шеветта. — И Первая Иисусова Церковь.[154] И Выживанцы. Злые как собаки, любого, кто не ихний, с дерьмом съесть готовы.

— С такими христианами лучше не связываться, — согласился Райделл.

Ар-Ви перевалил невысокую гряду, и впереди открылся Парадиз, залитый светом уличных фонарей. (Уличных? Улиц в нем не было вовсе.)

Полтора акра земли, обнесенные колючей проволокой. Никакими высокими вольтами и

---

[153] Примечания: 153

Назареи считали Иисуса Христа истинным Мессией, придерживаясь во всем остальном законов и обычаев иудаизма. Секта вела свою родословную от евреев, слышавших Христа и уверовавших, подвергалась гонениям со стороны более ортодоксальных иудаистов и давным-давно исчезла. (Не путать с назореями, они — нечто совсем другое.)

[154] Примечания: 154

Первая Иисусова Церковь — подразумевается вымышленная юмористами Первая Церковь Иисуса Христа, Элвиса. В произведениях киберпанка эта Церковь часто фигурирует как реально существующая (напр., «Амбиент» Джека Вомака, «Армагеддон-крейзи» Мика Фаррена)

не пахнет, хотя сигнальные ревуны, развешанные по колючке с крохотными, фута по два-три, промежутками, обеспечивают щедро разрекламированному «высоковольтному заграждению» вполне удовлетворительную надежность. Подъездная дорога упирается в приличные ворота со сторожкой, только что тут, собственно, сторожить? Может, они за антенны свои боятся?

Гордый поселок Парадиз состоял из неполной дюжины старых разнокалиберных трейлеров. В самом его центре высилось нечто вроде древней радиобашни, ажурную конструкцию густо усеивали приплюснутые шары из темно-серого пластика — миниатюрные спутниковые антенны, очень современные и очень дорогие. Как там было написано? «Бесплатное купание»? Перегороженный земляной запрудой ручей разлился, образовав нечто вроде лужи, однако вода в ручье сильно смахивала на промышленные отходы, трудно было представить, чтобы кто-то стал купаться в этих помоях бесплатно и даже за деньги.

А вот освещения здесь хватало, даже с избытком, воздух дрожал от тяжелого гула электрогенераторов.

— Мамочки, — сказала Шеветта.

Райделл притормозил у ворот и опустил чудом уцелевшее стекло дверцы. Секунд через десять из сторожки появился мужик в махровой, ослепительно оранжевой куртке и шапочке того же приятного оттенка.

— Частные владения. — Мужик перехватил поудобнее крупнокалиберную с откидным металлическим прикладом двустволку. — А что это случилось с вашим лобовым стеклом?

— Олень, — небрежно бросила Шеветта.

— Мы тут хотим повидать наших знакомых, Саблеттов, знаете таких? — затараторил Райделл в надежде отвлечь внимание охранника от машины; пулевые пробоины — их ни оленем не объяснишь, ни тюленем. — Саблетты нас ждут, мы договорились, вы только позовите кого-нибудь из них.

— Что-то не очень вы похожи на христиан.

Шеветта перегнулась через Райделла и окинула христианнейшего стража ледяным взглядом.

— Не знаю, кто уж там такой ты, брат, но мы — Арийские Назареи, из Юджина. Нам не очень-то и хочется заезжать внутрь, у вас же тут, говорят, кого только не встретишь — мулаты, полукровки, любое смешение рас. В наши дни, куда ни плюнь, везде расовые предатели.

— Назареи? — с сомнением переспросил охранник. — А чего вы тогда не бритоголовые?

— Шибко умный? — презрительно фыркнула Шеветта. — Ты скажи мне еще, что Христос был евреем. Ты дурак или только притворяешься? Знаешь, что это такое? — она тронула свою голову, короткие шипастые пучки волос.

Охранник растерянно молчал.

— У нас там священные гвозди. Ну что, дошло?

Пора выручать беднягу, подумал Райделл. Вон как побледнел, того и гляди, в обморок хлопнется.

— Слышь, приятель, — лениво бросил он, — так ты позовешь старину Саблетта или как?

Охранник молча повернулся и исчез в сторожке. И чего он, спрашивается, так дрожит?

— Какие еще гвозди? — спросил Райделл.

— Долго рассказывать, — отмахнулась Шеветта. — Это я от Скиннера слышала. Страшные дела.

Дора, Саблеттова мать, пила мексиканскую водку с кока-колой. Пьют и такое, пьют и похуже, но чтобы безо льда, при комнатной температуре… Да и наливалось все это из больших пластиковых бутылок, купленных, судя по внешнему виду, еще до Рождества Христова — может, последнего,

а может, и того, самого первого. Водка-то еще и ничего, а вот кока-кола выдохлась напрочь, ни одного пузырька; по некотором размышлении Райделл решил, что ему и вообще не хочется водки — ни теплой, ни холодной.

В гостиной Дориного трейлера не было ни стульев, ни табуреток, только диван и кресло с откидной спинкой. Дора полулежала в кресле, положив ноги на край столика, — это я, извинилась она, для кровообращения. Райделл и Шеветта примостились на крошечном, чуть побольше банкетки, диванчике, а Саблетт сидел прямо на полу, подперев коленями широкий костлявый подбородок. Гостиная поражала стерильной чистотой, полным — несмотря на изобилие безделушек — отсутствием пыли. Саблетта берегут, догадался Райделл. А украшалок быта было действительно много — картинки и фотографии, декоративные теремки и статуэтки, резные полочки с теми же самыми статуэтками и знаменитые молельные платочки. Ну, крыса крысой, подумал Райделл, взглянув на плоский голографический портрет преподобного Фаллона. Кожу себе на морде подтянул, загар искусственный навел, а все равно как был крысой, так и остался. Большой портрет Джей-Ди Шейпли действовал

Райделлу на нервы, его глаза, казалось, все время смотрели на тебя. Самые, нужно думать, любимые в семье вещи, включая портрет Фаллона, группировались вокруг старомодного телевизора — большого, сверкающего хромировкой ящика, разительно непохожего на современные ультраплоские модели. По экрану беззвучно метались герои какого-то черно-белого фильма — громкость Саблетт убрал до нуля.

— А может, вы все-таки выпьете?

— Большое спасибо, — чуть поклонился Райделл, — но мне правда не хочется.

— Джоэлю я не предлагаю, он у нас трезвенник. Аллергия, и никак с ней не справиться.

— Да, мэм, я знаю.

Джоэль? До этого момента Райделл даже и не задумывался, что у Саблетта есть какое-то имя, Саблетт себе и Саблетт.

Одежда Джоэля Саблетта сверкала непорочной белизной — новехонькие белые джинсы, белая футболка, белые нитяные носки и белые одноразовые тапки.

— Джоэль всегда был очень чувствительным мальчиком, мистер Райделл. Один раз он взял у кого-то из других детей волчок, немного пососал ручку — и, вы не поверите, что с ним тогда было,

ну прямо рот наизнанку вывернуло.

— Мама, — вмешался Саблетт, — ты забыла, что сказал доктор? Тебе нужно побольше спать.

— Понимаю, Джоэль, понимаю, — вздохнула миссис Саблетт. — Вы, молодежь, хотите поговорить. И все-таки, — она повернулась к Шеветте, — это просто ужас, что сделалось с твоими волосами, и ведь такая красивая девушка. Но ничего, отрастут они, и все будет как надо. Помню, в Галвестоне еще, я хотела опалить на газе курицу, а плита была старая, никудышная, давно это было, когда Джоэль был совсем еще маленьким, он у нас очень чувствительный, очень, так плита взорвалась, чуть меня совсем не убила. Я тогда только что сделала себе перманент, и от него просто ничего…

Шеветта промолчала.

— Мама, — твердо сказал Саблетт. — Выпила ты вполне достаточно, так что пора бы…

Он помог матери встать и повел ее в спальню.

— Господи, — прошептала Шеветта, — да что это с его глазами?

— Ничего особенного, — пожал плечами Райделл. — Просто повышенная чувствительность к свету.

— Уж больно это выглядит жутко, прямо му-

рашки по коже.

— Да он и мухи не обидит, — ухмыльнулся Райделл.

Саблетт вернулся в гостиную, взглянул на бегущее по экрану изображение, вздохнул и выключил телевизор.

— Ты знаешь, Берри, а ведь мне запретили выходить из трейлера.

— С чего это?

— Нечто вроде карантина. Я же апостат, а ну как кого-нибудь заражу.

Он примостился на краешке кресла.

— Мне-то казалось, что у тебя с этой дурью покончено, — заметил Райделл.

— Понимаешь, — окончательно смутился Саблетт, — она же больная, уход нужен, вот я и сказал им, что раскаялся, а то бы ведь не пустили. Сказал, что буду медитировать над этим ящиком, и все такие дела. Укрепляться в вере. А потом, — он нервно побарабанил длинными бледными пальцами, — потом они засекли меня с этим «Видеодромом». А ты сам, Райделл, ты видел когда-нибудь Дебору Харри?

Он на мгновение оживился, но тут же вздохнул и поник.

— Как тебя засекли?

— Они могут подключаться и проверять, кто что смотрит.

— Кстати, давно хочу спросить. Чего это вашим на месте не сиделось? Что им в Калифорнии — лучше, что ли?

— Спроси чего полегче, — пожал плечами Саблетт. — Думаю, это как-то там связано с налоговыми заморочками преподобного Фаллона. Последнее время он ни о чем, кроме них, и не думает. А у тебя-то как, Берри? Выгорело что-нибудь с работой?

— Нет, — криво усмехнулся Райделл, — не выгорело.

— Расскажешь? Нет, если это секрет или ты не хочешь…

Райделл рассказал.

— Эта сволота, он же и печку прострелил, — пожаловался Райделл.

Им предстояло ночевать в Ар-Ви, по ту сторону забора.

— Мне нравится твой приятель, — сказала Шеветта.

— Мне тоже.

— Нет, я в том смысле, что он ведь и вправду беспокоится, как у тебя все будет.

— Занимай кровать, — сказал Райделл. — А я

устроюсь в кабине.

— Там же и стекла нет. Замерзнешь.

— Ничего, выживу как-нибудь.

— Ложись и ты в спальне, нам же не впервые. Ложись.

Он перекатился на правый бок, чуть не упал с кровати и проснулся. Темно. И никаких звуков, кроме ровного дыхания Шеветты. И скрип кожи — это она пошевелилась под своей гиппопотамовой курткой.

Слушая длинный — и довольно сумбурный — рассказ, Саблетт кивал, время от времени вставлял вопросы; в его зеркальных глазах плавали крошечные отражения Райделла и Шеветты, сидевших бок о бок на диванчике. Потом, когда слушать было уже нечего, он негромко присвистнул и сказал:

— Вот теперь-то, Берри, ты и вправду влип. Крупно влип.

Да уж, не поспоришь.

Он выпростал руку из-под живота и осторожно, чтобы не разбудить Шеветту, ощупал задний карман. Здесь, в бумажнике, лежат все какие есть деньги. Других не предвидится. Деньги и визитная карточка Веллингтона Ма. Вернее сказать, то, что от нее осталось: последний раз, когда он

смотрел, кварцевая пластинка была расколота на три куска.

— Крупно влип, — сказал он темноте.

Чуть слышно скрипнула кожа, звякнула молния, и Шеветта прижалась к его спине. И даже не проснулась, судя по дыханию. И хорошо, что не проснулась.

Он лежал и думал, и прошел, может быть, час, и у него начала вырисовываться эта идея. Самая бредовая изо всех, когда-либо приходивших ему в голову.

— Да, кстати, дружок твой этот, Лоуэлл…

Кухня в Дорином трейлере была микроскопическая, двоим и не повернуться.

— А что Лоуэлл?

— Ты знаешь его телефонный номер?

Шеветта запила кукурузные хлопья молоком, только что приготовленным из порошка. Гнусная жидкость, словно мел разболтанный, но Дора другого не держит. Все Саблетт с его аллергией.

— Знаю, ну и что?

— Да вот решил я с ним поболтать.

— О чем?

— Об одном деле, в котором он мог бы мне помочь.

— Лоуэлл? Тоже мне, помощничка нашел, да он

на всех кладет с прибором.

— Зачем спорить? — пожал плечами Райделл. — Вот поговорю с ним, и сразу все выяснится.

— Если ты скажешь ему, где мы находимся, или Лоуэлл сам отследит наши координаты по сотовой сети, он нас сдаст. Если, конечно, поймет, что нас можно сдать, что за нами охотятся.

— Почему?

— А вот такое он говно.

Но в конце концов Райделл получил от нее и телефонный аппарат, и номер.

— Лоуэлл?

— Кто это? Какого хрена…

— Привет, Лоуэлл, ну как там твое драгоценное здоровье?

— Кто дал тебе…

— Только не надо вешать трубку.

— Слушай, ты, зае…

— Полиция Сан-Франциско, отдел расследования убийств.

Пауза. Было слышно, как Лоуэлл глубоко затягивается сигаретой.

— Так что ты там сказал?

— Я сказал, где работает Орловский. Здоровенный мудила со здоровенным шпалером, который вломился тогда в бар. А потом еще свет потух,

да ты же помнишь. Я сидел у стойки, беседовал с Билли Говнилой, а потом передвинулся к вам поближе.

Пауза. На этот раз Лоуэлл затянулся послабее.

— Слушай, я не понимаю, чего ты…

— А ты и не обязан ничего понимать. Ты можешь просто взять и повесить трубку. А потом можешь смело вешаться сам, на ближайшем крюке. Ведь ты же видел, как Орловский пришел туда за девушкой, верно? А ему это не понравится. Он же пришел туда не от полиции, а сам от себя, как частное лицо, если только эту жопу с ушами можно назвать лицом. А Орловский, надо тебе сказать, офицер очень серьезный. Серьезный, как рак матки.

Пауза. Без затяжек.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Не понимаешь, так слушай. Слушай внимательно, и ты все прекрасно поймешь. Я скажу Орловскому, что ты его видел. Дам ему твой номер — и твой, и этого бритоголового. Скажу, что вы треплетесь о нем направо и налево. И знаешь, Лоуэлл, что он тогда сделает? Он найдет тебя и пристрелит. И никто ему не помешает. Убойный отдел — это тебе не шуточки. А потом он сам же и займется поисками твоего убийцы, не знаю уж

точно, найдет или нет. Серьезный мужик, этого у него не отнимешь.

Лоуэлл закашлялся. Прочистил горло. Сплюнул.

— Это ведь шутка, да?

— А чего же ты не смеешься?

— О'кей, — сдался Лоуэлл, — будем считать, что все на полном серьезе. Ну и что тогда? Чего ты от меня хочешь?

— Говорят, ты знаешь людей, которые всякое там умеют. С компьютерами и со всяким там.

Щелкнула зажигалка, Лоуэлл раскуривал новую сигарету.

— Ну, — неохотно протянул он, — вроде того.

— Держава Желаний, — добавил Райделл. — Я хочу, чтобы ты попросил их оказать мне некую услугу.

— Только без имен и названий, — всполошился Лоуэлл. — Есть система сканирования, вылавливающая из телефонных разговоров…

— «Они». Пусть будут «они», о'кей? Так вот, я хочу, чтобы ты попросил их оказать мне некую услугу.

— Их услуги стоят, ой, как дорого, — заметил Лоуэлл. — Так что будь готов заранее.

— А я-то тут при чем? — удивился Райделл. —

Это ты будь готов.

Он дал отбой, захлопнул телефон и пошел к трейлеру. Пусть старина Лоуэлл пораскинет мозгами, проверит список гражданских служащих, убедится, что Орловский действительно работает в отделе расследования убийств.

В трейлере было холодновато — Дора упорно врубала кондиционер на полную катушку.

Саблетт сидел на диванчике, печально уставившись в пол. Белая одежда придавала ему сходство с художником, или там со скульптором, только художники всегда замызганные, а Саблетт сверкал чистотой.

— Ты знаешь, Берри, я подумал и решил вернуться в Лос-Анджелес.

— А как же твоя мама?

— Ну, тут недавно приехала миссис Бейкер из Галвестона, помнишь, я тебе рассказывал? Они же соседки, подружки, знакомы не знаю уж сколько лет, так что миссис Бейкер будет даже рада за ней поухаживать.

— Надоело быть апостатом?

— Еще бы. — Саблетт не очень дружелюбно покосился на голографического Фаллона. — Ты не думай, Берри, я все так же верую в Господа и ничуть не сомневаюсь, что видел Его лик на экране,

в этом отношении преподобный Фаллон прав. Ну а все остальное… не знаю, но мне кажется, что все остальное — хрень собачья.

Саблетт поднял на Райделла серебряные, полные муки глаза; казалось, еще секунда — и он разрыдается.

— А еще, Берри, я все думаю и думаю про «Интенсекьюр». Про все, что ты мне вчера рассказывал. Ну как могу я вернуться к ним на работу, если знаю, какими делами они занимаются? Ведь я же считал, что помогаю людям, защищаю их хоть от какой-то малой доли вселенского зла, а тут вдруг выясняется, что все это время я работал на абсолютно аморальную фирму.

Райделл подошел к телевизору и начал разглядывать молельные платочки. Интересно, который из них спасает от СПИДа?

— Нет, — сказал он через пару минут, — ты должен вернуться на работу. Ты, действительно, защищаешь людей, в этом нет никакой фальши. И тебе нужно зарабатывать на хлеб.

— А как же ты?

— Что — как же я?

— Они выследят тебя и убьют. И тебя, и ее.

— И тебя тоже, если узнают о наших разговорах. Зря я сюда приехал, да что уж теперь плакаться.

Просто нам с Шеветтой нужно линять, и поскорее, чтобы не впутать в это дело тебя и твою маму.

— Нет, — качнул головой Саблетт, — что бы ты там, Берри, ни говорил, на них я работать не буду. Но и здесь я тоже не останусь. Надоело.

Райделл вспомнил упрямого техасца в полной интенсекьюровской форме, нашивки, глок и все дела, и в тот же момент эта бредовая идея вроде как вздрогнула, перевернулась, открыв глазу свои новые, совершенно неожиданные стороны. Ты что, хочешь еще одного человека затащить в дерьмо по самые уши? — спросил кто-то, прятавшийся в его мозгу. Это просто нечестно.

— Саблетт, — сказал Райделл через минуту, — я бы мог предложить тебе такую работу, о какой ты, скорее всего, никогда и не думал.

— Какую? — заинтересовался Саблетт.

— Влипнуть на пару со мной.

Глава 33

Записная книжка

Рис
Кухонные мочалки
Швабра

Моющий раствор
Спальный мешок
Топливо для примуса
Масло, поршневой колпачок

Сейчас он спит. Рис и карри с таиландского лотка. Спрашивал, куда делась девушка. Сказал ему, что она звонила Фонтейну, неизвестно откуда. Почему ушла и когда вернется — тоже неизвестно. Револьвер на полке. Трогать его не хочется (холодный, тяжелый, пахнет оружейным маслом, на выступах ребристого барабана и по краям ствола воронение стерлось, обнажив тусклый, серебристый металл. «СМИТ И ВЕССОН». Томассон). Перед сном он снова говорил о Шейпли.

А что его замочили, так это, Скутер, чистое паскудство, то же паскудство, что и всегда и везде. Такая вот гнусь, посмотришь и думаешь, ну какого хрена эти долбаные религии существуют так долго, да и вообще, откуда они взялись на нашу голову. Вот и с ним будет то же самое, мудаков всегда хватает, и пойдут они мочить людей и будут считать, что ради него, скажут, что ради него, а там разбирайся, как хочешь. Ты не знаешь, наверное, а были такие психи, почитатели Распятого Христа, так они даже не разговаривали,

кроме как в понедельник, а в понедельник они знаешь что делали? Шли и выкапывали одну лопату земли из могилы, каждый из своей. А время от времени кто-нибудь из них решал, что на него сошел Дух, вот тогда они это и делали, все честь по чести, специальными хромированными гвоздями, которые у них всегда при себе были, на шее в мешочке, обязательно из кожи нерожденного ягненка, только так. Кой хрен, да они ж были еще психованнее тех, что его замочили. Где-то после девяносто восьмого их и вообще не осталось, поубивали друг друга — и дело с концом, не знаю уж, куда делся последний.

Глава 34

Звонок из рая

— «Полостная операция», вот как он называется. Талита Морроу, Тодд Проберг, Гэри Андервуд, девятьсот девяносто шестой.

Миссис Саблетт лежала в кресле с холодным компрессом на лбу. Вчетверо сложенная тряпка — из точно такой же ткани были сшиты ее шлепанцы — начинала уже подсыхать.

— Нет, не видела, — сказала Шеветта.

Она перелистывала журнал, чуть ли не целиком посвященный преподобному Фаллону.

Бывшая эта артистка, Гудрун Уивер, стоит на какой-то сцене, облапила Фаллона сзади и улыбается. А если бы лицом к лицу, подумала Шеветта, то его нос уперся бы ей в ключицу или чуть пониже. А кожа у него розовенькая и гладкая, как на парафиновых фруктах, которыми украшают витрины, — может, и ему парафин впрыснули? Розовый. И волосы тоже жуткие, вроде короткого парика, но только это такой парик, что того и гляди слезет с головы и пойдет прогуляться.

— Там все вертится вокруг телевидения, — объяснила миссис Саблетт. — Ты понимаешь, насколько это важно для Церкви?

— А про что он?

— Талита Морроу, она телевизионный репортер, а Тодд Проберг — грабитель, банки грабит. Только он хороший грабитель, деньги ему нужны не на что-нибудь там, а чтобы сделать жене пересадку сердца. Кэрри Ли, ее-то ты наверняка знаешь. Поздняя роль, когда она достигла уже полной артистической зрелости. Эпизодическая, но очень яркая. Ну так вот, Гэри Андервуд, они были когда-то с Талитой и разошлись, но он все еще по ней сохнет — даже чересчур. У него эта

— как там это слово? — эротомания, он вообще ни про что больше и не думает, и это толкает его на жуткие поступки. Он посылает ей непонятные, угрожающие вещи, сперва порубленные «барби», затем — дохлый белый кролик, кружевное белье с пятнами крови…

Понесло старушку. Еще в раннем детстве Шеветта научилась отключать внимание, чтобы не слушать материнских нотаций, сейчас она сделала то же самое. Интересно, о чем это они на кухне перешептываются? Не иначе что-то задумали.

Большая синеватая муха взлетела с одной из резных полочек, описала по комнате круг и уселась на телевизор. Вялая она какая-то, сонная, тоже небось страдает от холода, ну как же можно врубать кондиционер на такую температуру?

Да нет, сказала себе Шеветта, и ничего я в него не втюрилась, просто он диво как похорошел, когда умылся, побрился, достал из своей дурацкой сумки все чистое и переоделся. И ведь что интересно, одежда оказалась точь-в-точь такая же, как и раньше. Может, он никогда другой и не носил. А вот задница у него ничего себе, аккуратная. Вот и Саблеттовой матери тоже понравился, ну прямо, говорит, как молодой Томми Ли Джонс. А может, и не в этом даже дело, а в том, что он

вроде хочет устроить Лоуэллу веселую жизнь, только вот как у него это выйдет? Совсем недавно Шеветта считала, что все еще любит Лоуэлла или что-то в этом роде, а теперь вдруг выяснилось, что нет. Вот если бы не «плясун» этот проклятый, тогда бы еще неизвестно. А этот-то, и вспомнить страшно, в какого буйного психа превратила его одна ложка этой дури. Она спросила тогда у Райделла, может, он и вообще от такой дозы сдохнет, а Райделл сказал: нет, маловато, попсихует-попсихует и очухается, но вот ломка будет такая, что не позавидуешь. Еще она спросила, почему это Лавлесс лупил себя по яйцам, и тут Райделл почесал в затылке и сказал, что точно не знает, но это что-то такое с нервной системой, что эта дурь вызывает приапизм — так, по крайней мере, говорят. Тогда она спросила, а что такое приапизм. Ну, сказал Райделл, это, ну, вроде, когда мужчина перевозбужден. Она никогда о таком не слыхала, но ведь точно, все сходилось, вот, значит, почему у Лоуэлла иногда бывало, что встанет колом и ни в какую, не опадает и все тут. Оно бы вроде и ничего, и даже хорошо, но только Лоуэлл в таких случаях зверел, и все кончалось тем, что все у нее насквозь болело, а он еще крыл ее последними словами, прямо на глазах этих парней, с кото-

рыми он тусовался, вроде того же Коудса. Ладно, пусть Райделл делает с этим типом все, что хочет, беспокоиться нужно о Скиннере, жив ли старик, кто за ним ухаживает. Она не звонила больше Фонтейну, боялась и, когда Райделл куда-нибудь звонил, тоже боялась, а вдруг звонок перехватят, узнают откуда. А с велосипедом и вообще хоть плачь, ведь точно сделали ему ноги, точно, даже проверять не стоит. Гибель Сэмми и пропажа велосипеда огорчали Шеветту примерно в одинаковой степени, хотя она никогда бы себе в этом не призналась. А тут еще Райделл говорит, что и Найджела вроде бы ранили, а может, и убили…

— И тогда Гэри Андервуд вываливается из окна и попадает прямо на забор — ну, знаешь, такой, с шипами наверху…

— Слышь, мама, — укоризненно сказал Саблетт, — ты же совсем замучила Шеветту.

— Я просто пересказываю ей «Полостную операцию». — Миссис Саблетт обиженно замолчала и сдернула со лба окончательно высохшую тряпку.

— Тысяча девятьсот девяносто шестой, — машинально отрапортовал Саблетт. — Прости, мама, но она нам нужна, дело есть небольшое.

— Только знаешь, Берри, — сказал он, пройдя следом за Шеветтой на кухню, — не стоило бы ей

выходить наружу, а уж днем и тем более.

Шеветта взглянула на свое запястье. Узкий синеватый стальной ободок — не знаешь, так можно подумать, что это и вправду браслет, для красоты. Слава еще богу, что второго нет — Райделл разжился по дороге керамической ножовкой и перепилил цепочку под корень. Два часа работы, без обеда и перекуров.

А сейчас Райделл сидел за кухонным столиком — и упорно стоял на своем.

— Ты, Саблетт, не можешь выйти наружу из-за своего апостатства. А я не хочу идти в одиночку. Ну, представь себе, надел я эту штуку на голову, ничего вокруг не вижу и не слышу, а тут вдруг появляются его родители. Или он сам подслушает.

— Слушай, Берри, — взмолился Саблетт, — да позвони ты им по нормальному телефону.

— Рад бы, да не могу, — развел руками Райделл. — Они этого не любят. Он сказал, что, если связаться с ними по этой ВР-штуке, они хотя бы выслушают меня, а иначе — никак.

— Да о чем это вы? — не выдержала, наконец, Шеветта.

— У одного из Саблеттовых приятелей есть аппарат с наглазниками.

— У Бадди, — кивнул Саблетт.

— Бадди?

— Ну да, Бадди, звать его так,[155] — пояснил Саблетт. — Только эта штука считается вроде как богохульством, нарушением церковных законов. Преподобному Фаллону было откровение, что виртуальная реальность — от дьявола, ведь если ею увлечешься, так потом телевизор меньше смотришь.

— Но сам-то ты этому не веришь, — заметил Райделл.

— Бадди тоже не верит, — вздохнул Саблетт. — Только если папаша узнает про наглазники, он открутит ему голову.

— Так ты позвони ему, — сказал Райделл, — и все объясни. Две сотни наличкой плюс стоимость связи.

— Но ведь тогда ее люди увидят. — Саблетт покосился на Шеветту, залился густой краской и торопливо отвел глаза.

— Это в каком же смысле они меня «увидят»?

— Да вот прическа у тебя… — окончательно смутился Саблетт. — Необычная. Они же в обморок все попадают.

— Вот две сотни, как я и обещал, — сказал Рай-

---

[155] Примечания: 155
Buddy (англ.) — дружок. Иногда это слово используется как имя

делл. — И когда, говоришь, вернется твой отец?

— Часа через два, не раньше. — Бадди осторожно, словно боясь обжечься, взял протянутые Райделлом деньги. — Там сейчас заливают фундамент под топливные элементы, церковный вертолет уже вылетел за ними в Финикс. — Круглые, как пуговицы, глаза воровато стрельнули в сторону Шеветты.

Соломенная шляпка с широкими мягкими полями, купленная миссис Саблетт в каком-то незапамятном году, плюс огромные солнечные очки с широкой лимонно-желтой оправой — в этом наряде Шеветта чувствовала себя пугалом огородным. Она ободряюще улыбнулась мальчику, чем смутила его еще больше.

— А вы оба друзья Джоэля?

Сквозь короткую, почти под корень, стрижку любителя виртуальной реальности просвечивала розовая кожа, его верхнюю губу оттопыривала металлическая скобка для выправления зубов, по тонкой, цыплячьей шейке нервно прыгал огромный, чуть не в кулак размером, кадык.

— Из самого Лос-Анджелеса?

— Да, — кивнул Райделл.

— Я… я т-тоже хочу т-туда уехать.

— Молодец. — Райделл потрепал его по пле-

чу. — Верной идешь дорогой. Так вот, ты подожди снаружи, а если кто-нибудь появится — ты ей сразу свистни, Шеветте.

Бадди послушно вышел из крохотной комнаты и прикрыл за собой дверь. Ну, прямо не верится, подумала Шеветта, что здесь живет мальчишка. Все чистенько, аккуратно, даже на постерах не попсовые звезды, а Христос и Фаллон. Я бы на его месте не то что в Лос-Анджелес, к черту на рога сбежала. А почему в этой живопырке так душно? Вот уж вспомнишь Саблеттов трейлер.

Она с наслаждением сняла шляпу.

— Так вот, — сказал Райделл, беря со стола пластиковый шлем, — ты сидишь на кровати, а если что — щелкаешь этим выключателем, видишь — мальчонка все приготовил.

Он сел на пол, надел шлем, затем натянул специальную, для работы в виртуальной реальности, перчатку.

Обтянутый перчаткой палец быстро набрал номер на невидимой клавиатуре и замер. Затем Райделл попросил, чтобы сразу после звонка ему сообщили, на сколько он наговорил.

Прошло несколько секунд.

— Ну, поехали. — Райделл набрал в воздухе новый номер. Номер, полученный от Лоуэлла.

Затем сжал руку в кулак. Покачал ею из стороны в сторону, словно передвигал какую-то рукоятку. Опустил на колени.

Теперь он крутил головой, словно осматриваясь в незнакомом месте. Перестал крутить. Увидел, наверное, что-нибудь.

— О'кей, — сказал Райделл.

Нет, не ей сказал, не Шеветте, а куда-то туда, голос у него был странный, почти незнакомый.

— О'кей, так есть здесь кто-нибудь или нет?

Шеветте стало страшно.

— О! — сказал он и чуть повернул голову. А потом уже не сказал, а почти вскрикнул:

— Мамочки!

Глава 35

Держава желаний

В Ноксвилле, школьником, Райделл увлекался «Мирами Мечты». Франчайзинговая фирма, купившая у японцев эту игру, приспосабливала под нее самые разные помещения — опустевшие кинотеатры, старые магазины, большие секции моллов. Даже заброшенный кегельбан, но там Райделлу не очень понравилось — узкий такой,

очень длинный коридор, вроде бы и интересно, но только гнется все, искажается, особенно если двигать объекты побыстрее.

Играть там можно было по-разному, только мало кто этим разнообразием пользовался, ноксвиллские ребята предпочитали стрелялку. Берешь в руки пару пистолетов и палишь себе во всяких мерзких злодеев, они отстреливаются, а в конце тебе показывают результат, кто кого больше продырявил. ИОК, который в Академии, в нем разрешение повыше да и колорита побольше — крови, кишок всяких, а так — стрелялка стрелялкой.

Райделл тоже иногда постреливал, но больше всего он любил то место, где ты вроде как лепишь вещи из ничего, из облачка пикселей, или многоугольников, или кто уж они там такие, и ты видишь, как другие занимаются тем же самым, и может, даже соединяешь свое творение с чьим-нибудь еще, если, конечно, и ты этого хочешь, и он. Женское рукоделие — посмеивались другие ребята, хотя какое же оно женское, ведь девочки единорогов лепят, радуги по небу выкладывают и все такое, а он, Райделл, строил экспериментальные автомобили, как взаправдашний японский конструктор, тут и сравнивать

даже нельзя. Хочешь сохранить свои творения — закажи распечатку, а если в динамике, то и кассету. Девицы, так те прямо обожали колдовать над своими собственными снимками — прическу поменяют, нос подправят, еще что-нибудь, а самые лучшие варианты выводят на печать, прямо тебе пластическая хирургия без ножа и топора.

Недоделанные красавицы кучковались обычно в самом дальнем конце, а Райделл работал поближе ко входу — изображал каркас, формовал из зеленых, полупрозрачных полотнищ корпус, затем накладывал цвет и текстуру, еще раз подправлял обводы…

Да бог с ними, с машинами этими. Войдя в Державу Желаний, Райделл сразу же вспомнил пространство «Мира Мечты» — не то, в котором ты строишь автомобиль или там что-то другое, а наружное, то, что вокруг. Если отвлечешься от работы и начнешь оглядываться, то все вроде бы в порядке, но как только сосредоточишься, появляется странное такое ощущение, будто стоишь на краю мира, над обрывом, а дальше ничего нет, не просто ничего, а даже пространства — и того нет.

И стоишь ты уже не на полу старого кинотеатра или там кегельбана, а на стекле, на стеклянной

такой равнине, и ты не видишь, конечно, что у тебя за спиной, но точно знаешь, что распростерлась эта равнина на тысячи миль и нет ей конца.

Здесь, в Державе Желаний, все было вроде и так же, и совсем не так. Когда логотип телефонной компании исчез и Райделл оказался на стеклянной равнине, он невольно сказал: «О!» — потому что отчетливо видел ее края, и равнина эта словно висела в пустоте, а вокруг нее колыхалось нечто неопределенное, то ли туман, то ли облако, то ли дымка, и было это оно никакого цвета и всех цветов сразу, призрачное такое мерцание.

А затем появились эти огромные, выше всего на свете фигуры, стеклянная равнина висела на уровне их… груди, что ли, хотя какая же у них грудь? И они смотрели на Райделла сверху, словно на муравья или там на игрушку детскую.

Один из них был похож на тиранозавра, только его короткие передние лапы заканчивались не когтями, а чем-то вроде пальцев. А рядом — гора с человеческими чертами. Широкое бесстрастное лицо, обрамленное растафарианскими косицами, полуприкрытые веки — и все это бурый, изборожденный расселинами камень, мелкий кустарник и мох. И еще плотная, слежавшаяся

глина — из нее сформованы косицы.

Затем Райделл перевел глаза на третью фигуру и сказал: «Мамочки».

Такая же огромная, как и две предыдущие, она состояла из бесчисленных телевизоров, даже не телевизоров, а телевизионных изображений, слитых воедино и непрерывно меняющихся. Калейдоскопический экран мерцал миллионами цветов, от попытки присмотреться к какому-нибудь его участку повнимательнее кружилась голова, звуковое сопровождение сплеталось в нечто, отдаленно похожее на рокот водопада, в шум, который не был шумом, в звук, который не был звуком.

— Добро пожаловать в Державу, — улыбнулся динозавр.

Из его кошмарной пасти звучал голос веселой, очаровательной женщины, огромные зубы были обточены в форме храмов и пагод. Райделл вгляделся в искусную резьбу, какую-то долю секунды она была видна отчетливо, но затем дрогнула и расплылась.

— У тебя не больше тридцати процентов необходимой частотной полосы, — сказала гора с растафарианскими косичками голосом горы с растафарианскими косичками. — Ты находишься

в Кей-Ти-пространстве и…

— Может, эмулятор вырубить? — предложил голос, смодулированный из рокота телевизионного водопада.

— Лишние хлопоты, — проворковал динозавр. — Не думаю, чтобы это был серьезный разговор.

— Фамилия, имя, — сказала гора.

Райделл неуверенно замялся.

— И страховочный, — динозавр прикрыл пасть ладонью и зевнул, — номер.

Райделл вспомнил вечные рассуждения отца, что обозначала «страховка» прежде и что — теперь; кого теперь, от чего и как страхуют, присваивая человеку при рождении этот самый номер.

— Имя и номер, — сказала гора, — или мы уходим.

— Райделл, Стивен Берри. — А затем — цепочка цифр.

— Ясненько, — кивнул динозавр. — Бывший полицейский.

— Мамочки, — ужаснулась гора.

Кого-то она Райделлу страшно напоминала.

— Бывший — и безо всякой надежды на будущее, — добавил динозавр. — Затем работа в

«Интенсекьюре».

— Вляпался, сердечный. — Гора ткнула в сторону Райделла — рукой? лапой? Гранитная, поросшая мхом клешня заслонила половину неба, словно идущий на посадку космолет. — Крутой облом?

— Да уж куда там круче, — согласился телевизионный водоворот. — Впервые вижу, чтобы Лоуэлла волновали чужие проблемы. Более того, он даже не сказал нам твоего имени.

— Не знает, вот и не сказал.

— Кули валять да к стенке приставлять — это дело он знает туго, а больше — ни хрена, ха-ха-ха, — ответила гора издевательски сэмплированным голосом самого Райделла. Тот попытался заглянуть горе в глаза, увидел на мгновение пару голубых озер, кусты, рыжеватого зверька, стремительно несущегося по склону… Картина расплылась и пропала. — Лоуэлл и ему подобные воображают, что мы нуждаемся в них больше, чем они — в нас.

— Изложи суть своего дела, Стивен Берри, — сказал динозавр.

— В Бенедикт-Каньоне было некое происшествие…

— Да, конечно, — прервал его динозавр, — и ты

сидел за рулем. Но при чем здесь мы?

Только теперь Райделл осознал, что динозавру, да и остальным тоже, доступны все его досье — полицейское, интенсекьюровское, любое; что они просматривают эти материалы прямо сейчас. Странное было ощущение.

— Так вы что, в файлы мои залезли?

— И не нашли там ничего интересного. — Динозавр снова прикрыл рот рукой, но зевка не получилось. — Бенедикт-Каньон?

— Ну да, — сказал Райделл. — Это ваша работа.

Гора приподняла брови. Вздрогнули и поползли вверх чахлые, прибитые ветром кусты, лавиной посыпались стронутые с места камни, но Райделл этого почти не замечал.

— Строго говоря, это не совсем так. Мы придумали бы что-нибудь более изящное.

— Но зачем вы это сделали?

— Если тебе так уж важно, кто именно задумал и организовал это скандальное происшествие, — вмешался динозавр, — поинтересуйся супругом темпераментной леди. Он успел уже подать на развод, имея к тому весьма основательные причины.

— Так он что, нарочно ее подставил? И уехал нарочно, и садовника подговорил?

— Теперь я понимаю, с чего это Лоуэлл стал таким добреньким, — заметила гора.

— Так что же вам нужно, мистер Райделл? — пророкотал Телевизор. — Вы так ничего и не сказали по существу.

— Работу примерно того же рода. Я хочу, чтобы вы сделали такое еще раз. Для меня.

— Ох, Лоуэлл, Лоуэлл…

Гора сокрушенно покачала головой. Покатились вырванные из косичек комья глины, склон окутался пылью.

— Вы забываете, — заметил динозавр, — что работы подобного рода опасны. А опасная работа стоит весьма дорого. А у вас, мистер Райделл, нет ни гроша за душой.

— А что если вам заплатит Лоуэлл?

— Лоуэлл не заплатит. — На огромном непроницаемом лице змеились и переплетались миллионы изображений. — Рассчитался бы за старое, и то спасибо.

— Ничего страшного, не заплатит Лоуэлл — заплатят другие. — Райделл и сам не понимал, вранье это или не совсем вранье. — Только вы должны выслушать меня. Всю историю, от начала до конца.

— Нет, — сказала гора. Только теперь до Рай-

делла дошло, кто послужил образцом для ее внешности. Этот мужик, которого показывают иногда в исторических программах, изобретатель наглазников или какой-то там еще хрени. — Нам обрыдли халявщики — можешь, кстати, передать это Лоуэллу.

Гиганты начали блекнуть, рассыпаться на крошечные цветные пятнышки, первичные атомы виртуального мира; Райделл терял их, терял навсегда.

— Подождите, — крикнул он. — Есть среди вас кто-нибудь из Сан-Франциско?

— А что, если да? — из расплывчатого, почти утратившего форму облака материализовался динозавр.

— И он вам нравится?

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому что он изменится, и очень скоро. Нашлись желающие переделать его по образу и подобию Токио.

— Токио? — телевизионный водоворот принял на этот раз форму бешено вращающегося шара. — Кто тебе сказал?

— В Токио не больно-то развернешься, — заметила вернувшаяся из небытия гора.

— Выкладывай, — коротко бросил динозавр.

Что Райделл и сделал.

Шляпу Шеветта уже надела, а очки держала в руке. Покачивала очками и смотрела, как Райделл снимает шлем, вытирает со лба пот, кладет шлем на крошечный столик.

— Не врубилась я что-то в идею, — сказала она. — Крыша у тебя съехала, вот это уж точно. Вместе с карнизом.

— Очень может быть, — согласился Райделл. — Сколько там, кстати, с меня.

Оказалось, что изрядно. Остатков наличности едва хватило.

— На кой ляд было через Париж? — пробормотал он.

— Спроси чего полегче, — сказала Шеветта и встала.

Глава 36

Записная книжка (2)

Залитый солнцем город, с крыши этой крошечной, прилепившейся к устою коробки. Люк открыт. Слышно, как Скиннер перебирает свое имущество. Медленно наполняет картонный

ящик предметами, которые я должен отнести вниз, туда, где торговцы старьем раскладывают свой товар на вытертых одеялах и грязных, насквозь промасленных кусках брезента. Осака далеко. Ветер приносит обрывки песни, стук молотка. Сегодня утром Скиннер поинтересовался, видел ли я в штейнеровском аквариуме щуку.

— Нет.

— Она не двигается, Скутер. Совсем не двигается.

Жаль, что я не поговорил с Фонтейном сам. Так он точно ничего больше не сказал? И он нашел велосипед? Плохо это, очень плохо. Она ж без велосипеда не может. Жопу до костей стерла, пока заработала. Он из бумаги склеен, внутри. Японская конструкционная бумага, как она там называется? Ни хрена ты, Скутер, не знаешь. Это ж твой долбаный язык. Забываешь его еще быстрее, чем мы… Трубки из этой бумаги, затем их покрывают арамидом или чем там. А она, она, думаешь, все так и оставила? Хрен там. Приволокла его как-то домой и три часа напыляла фальшивую ржавчину. Фальшивую ржавчину, ну вот ты, Скутер, ты можешь себе такое представить? И тряпьем старым оклеивала, раму, все подряд. Чтобы не выглядел новым. Вообще-то от этого

больше толку, чем от замков и всей этой хрени, точно больше. Знаешь, Скутер, как взломать криптонитовый замок? Домкратом от «вольво». Вольвовский домкрат подходит тик-в-тик, ну как нарочно подгоняли. Качнуть раза два — и пиздец котенку. Ими больше не пользуются, замками этими. А некоторые люди их все еще любят. Вон там лежит один такой, вон, посмотри… Я ее считай что нашел, на помойке подобрал. Они уже решили отвезти ее на тележке к концу моста, пусть город с ней разбирается. Да мы, говорят, и довезти ее не успеем, помрет раньше. А давитесь вы, говорю, конем, имел я вас в рот и в ухо. Затащил ее сюда, наверх. Сумел как-то. Почему? Потому. Вот ты увидишь, как человек умирает, так что, пройдешь мимо, словно это по телевизору?

Глава 37

Сенчури-сити

Шеветта не понимала, нравится ей Лос-Анджелес или нет.

Но уж пальмы-то эти, это уж точно дикость.

По пути в город Саблеттов электромобиль чуть

не полчаса тащился следом за огромным белым трейлером с надписью «ЖИВЫЕ ИНСТАЛЛЯЦИИ, НАНОТРОННАЯ РАСТИТЕЛЬНОСТЬ» по боку, вот там-то Шеветта и увидела эти деревья — зеленые, обернутые прозрачным пластиком верхушки, торчащие из кузова.

Вообще-то она видела их и раньше, по Скиннерову телевизору, передача была специальная, как их сажают на место настоящих, погибших от мексиканского вируса. Они, деревья эти фальшивые, они вроде магнитной дороги, заменившей мост, или вроде тех зданий, которыми «Санфлауэр» хочет застроить Сан-Франциско, все эти штуки вроде как растут, но не как трава растет, а просто потому, что у них внутри крошечные такие механизмы. В той передаче все хвастались, как здорово эти деревья сконструированы, и что в них даже могут жить всякие птицы и крысы, и всякие там разные, которые жили в настоящих, которые засохли. А Скиннер тогда рассказал, как он раз впилился на джипе в настоящую пальму, это здесь же, в Лос-Анджелесе, и было, и сверху, из веток на капот шлепнулись крысы, штук десять, и они постояли на капоте несколько секунд, стоят себе, и все, а потом все-таки испугались и убежали.

Лучше там или хуже, но что Лос-Анджелес совсем не такой, как Сан-Франциско, это уж точно. Расхлюстанный он какой-то, всего много и все раскидано как попало, а с другой стороны — сразу понимаешь, что прикоснулся к чему-то большому — и все эти горы на горизонте, и еще энергия, которая вот прямо чувствуется, как течет сквозь город, зажигает его, освещает. А может, это все потому, что приехали они сюда ночью, может, днем бы все совсем по-другому казалось.

Машина у Саблетта была маленькая, белого цвета, со странным названием «Монтксо» — слово это было написано на приборной доске, Шеветта удивлялась на него всю дорогу от Парадиза до Лос-Анджелеса, а потом Саблетт сказал, что произносится оно «Мончо», в рифму с пончо. Сделали «Мончо» в Европе, в Барселоне, и обращаться с ним было совсем просто — подключи к домашней сети и жди, пока батареи там или что зарядятся. Скоростью машинка эта не отличалась, сорок миль в час и не больше, но Саблетт предпочитал ее всем другим из-за своей аллергии. Получается, сказала Шеветта, что электромобили ну прямо для тебя придумали, и что бы ты без них делал? И Саблетт начал тогда жаловаться, как он боится теперь электромагнитных полей, ведь от них и

рак бывает, и всякое.

Они оставили Саблеттову мать под присмотром миссис Бейкер, только никто из них в тот момент ни за кем не присматривал: они смотрели по телевизору «Космического охотника» и были до крайности возбуждены — ведь это же первый фильм Молли Рингуайлъд! Да хоть бы и последний, подумала тогда Шеветта. Вот каждый раз так — восторга море, а хрен поймешь из-за чего.

Она взглянула на свое запястье; яркая эпоксидка и горстка цветного бисера (слава богу, миссис Саблетт увлекалась когда-то рукоделием) превратили наручник вроде как в фенечку… Говно это, а не фенечка. Ладно, переживем, уж лучше говенная фенечка, чем самый роскошный наручник.

А Райделл как сел в машину, так и прилип к телефону, попросит иногда Саблетта остановиться, сбегать за свежими батарейками, и чешет языком дальше.

Шеветту вроде как тревожило такое невнимание, а ведь в мотеле они снова спали вместе — и снова ничего не произошло, хотя ведь никто не мешал, Саблетт лег прямо в машине на разложенных сиденьях.

А он, Райделл, все разговаривал и разговаривал с этими Лоуэлловыми дружками, с Державой

Желаний, теперь они не возражали против обычного телефона, а еще он пытался послать кому-то сообщение по голосовой почте. Странная какая-то фамилия. Ну да, мистер Ма. Только сообщение это вроде как никто не принял, и тогда он снова позвонил этим «Желанным» и сказал им, что вот так, не получается, а потом пересказал всю историю с начала до конца, все, что с ним и с ней случилось, а те, Держава, все записывали, чтобы протолкнуть потом в почту этого мистера Ма. И они обещали стереть все остальное, что там ему успели наприсылать, чтобы Райделлово письмо было одним-единственным, уж тогда-то он, мистер Ма, точно его заметит.

На окраине Лос-Анджелеса Саблетт свернул к мотелю, и Шеветта очень обрадовалась; по рассказам матери эти заведения представлялись ей в самом радужном свете. На практике мотель оказался чем-то вроде трейлерного поселка, только без трейлеров — россыпь маленьких бетонных домиков, поделенных на совсем уже крошечные комнатушки. В растрескавшемся, сто лет как пересохшем плавательном бассейне иностранцы готовили на костре мясо, Шеветте запах даже понравился, но Саблетт впал в черную тоску, начал говорить, что ему нельзя, чтобы какие-то

углеводороды и еще что-то, а Райделл сказал: ничего, одну ночь потерпишь. Затем он, Райделл, сходил к иностранцам, поговорил с ними немного, вернулся и сказал, что это тибетцы. Мясо у тибетцев получилось вкусное, но Саблетт отказался даже пробовать, пожевал взятую с собой еду, желтоватые такие брикеты, с виду точно как мыло, и по вкусу, наверное, тоже; так он пожевал этих брикетов, запил дистиллированной водой из бутылки и пошел к своему «Мончо» спать.

А теперь Шеветта чуть не дрожала от страха, входя в этот самый Сенчури-Сити-П, а дрожать было нельзя, никак нельзя — опытный курьер, спешащий к адресату с письмом, выглядит независимо и даже нахально. Сенчури-Сити-второй — это дом не дом, неизвестно даже, как назвать, зеленоватая такая штука, вроде сиськи и на трех подпорках, только подпорки эти не снаружи, а внутри, а снаружи их тоже видно, потому что стенки там стеклянные или еще какие, в общем — прозрачные. Огромная штука, больше всего, что есть в городе, а Райделл называет се просто «Пузырь».

И внутри тоже шикарно, вроде как в Чайна-Бейзин, и люди такие же — такие, каких видишь в финансовом районе, или в моллах, или когда

работаешь на доставке.

Шеветта хорошенько вымылась, благо душевая в мотеле работала, и значки курьерские прицепила, и все равно это место действовало ей на нервы. Деревья и деревья, вся эта гигантская пустотелая подпорка усажена изнутри деревьями, словно лес какой, только не нормальный это лес, не горизонтальный, а наклонный, круто уходящий вверх, и свет, сочащийся сквозь прозрачные стенки, тоже странный, мутно-зеленый, как болотная вода. А посреди — эскалатор, в милю, наверное, длиной, и она стоит на нем и едет куда-то вверх, а вокруг эти здешние, и ей так все и кажется, что они косятся на нее и думают: а эта-то как сюда попала? Райделл сказал, что тут есть и лифты, в двух других подпорках, и кабины там поднимаются наискось, вроде как эта, у Скиннера, желтая корзина, но Саблеттов друг сказал: лифтами не стоит, уж там-то интенсекьюровские рентакопы каждого с ног до головы осматривают, бдят.

Шеветта знала, что Саблетт где-то сзади, во всяком случае, они так договорились. Райделл только подвез их ко входу, а внутрь не пошел. Она спросила: а куда ты теперь, а он сказал: да вот съезжу, фонарик возьму. Райделл нравился ей все больше и больше — и это ее тревожило. И

она задавалась вопросом — а каким бы был он, Райделл, в другой ситуации, не в такой, как эта, и еще — а какой бы была она сама, не влипни она в эту самую ситуацию?

Удачно это вышло, что и в Сенчури-Сити интенсекьюровская охрана — Саблетт связался с каким-то своим приятелем и все разузнал. Аккуратно разузнал, осторожно, ну словно хочет он попросить у фирмы перевод на новую работу, а потом они с Райделлом обсудили все и решили, что она, Шеветта, вполне может проникнуть внутрь, особенно если Саблетт будет прикрывать ее сзади.

Плохо вот только, что Саблетт ведет себя по-дурному, ну, прямо, словно не операцию проводит, а в петлю лезет. Выслушал программу, Райделлов, значит, план, и словно отрешился от всего земного, ну, прямо, блаженненький какой-то. Говорит все про свое апостатство, про любимые фильмы и еще про какого-то Кроненберга. Не нервничает, не дергается, ведет себя абсолютно спокойно, только вот спокойствие у него какое-то беспокойное, тревожное, в общем, спокойствие, словно знает человек, что скоро умрет, и вроде как с этим примирился, жалуется иногда на аллергию, а больше ни на что.

Зеленый свет. И все вокруг зеленое.

Там же, в мотеле, они соорудили этот пакет. В пакете очки. Адресат — Карен Мендельсон.

Шеветта на мгновение зажмурилась, представила себе, что скажет Банни, если она сорвет доставку (скажет? да он голову напрочь открутит!), и нажала кнопку.

— Да? — спросил компьютер.

— «Объединенная курьерская», для Карен Мендельсон.

— Доставка?

— Она должна расписаться.

— Я имею полномочия расписываться штрихкодом…

— Подпись от руки. Я обязана видеть, как она расписывается, понятно?

Пауза.

— Что в пакете?

— А я их что, вскрываю по дороге или что?

— Что в пакете?

— На нем, — сказала Шеветта, — написано: «Суд по делам о наследстве», доставлен из Сан-Франциско. И если вы, мистер Волшебник, не откроете дверь, он туда же и вернется, ближайшим авиарейсом.

— Подождите, пожалуйста, — сказал компью-

тер.

По обеим сторонам двери стояли в кадках деревья — не какие-нибудь там чахлые прутики в горшочках, а большие и вроде бы самые настоящие. Шеветта не видела Саблетта, но знала, что он где-то там, за этой зеленью.

Между корней одного из деревьев валялся окурок.

Дверь приоткрылась.

— Да?

— Карен Мендельсон?

— В чем дело?

— «Объединенная курьерская», Сан-Франциско. Распишитесь в получении.

Только вот корешка, где расписываться, нету.

— Сан-Франциско?

— Тут так написано.

Дверь открылась чуть побольше. Темноволосая женщина в светлом махровом халате. Глаза женщины скользнули по значкам «Объединенной». Проверяет.

— Я не понимаю, — сказала Карен Мендельсон, — обычно мы пользуемся услугами «Глобэкс».

— Наша фирма доставляет гораздо быстрее, — сказала Шеветта.

Из-за деревьев вышел Саблетт в черной интенсекьюровской форме. Шеветта увидела в серебристых контактных линзах два своих маленьких, искривленных отражения.

— Миссис Мендельсон, — сказал Саблетт, — тут возникла небольшая проблема, связанная с безопасностью. Чрезвычайные обстоятельства.

— Чрезвычайные? — поразилась Карен Мендельсон.

— Не беспокойтесь. — Саблетт протолкнул Шеветту в дверь, мимо Карен. — Ситуация находится под контролем. Благодарю вас за оказанное содействие.

Глава 38

Чудесная миля

Уломать «Уолли» Дивака оказалось совсем просто, хотя в первый момент серб воспринял просьбу Райделла без малейшего энтузиазма.

— Я отдам фонарик сегодня, крайний срок — завтра, а заодно подыщу для тебя в «Интенсекьюре» что-нибудь серьезное, — беззастенчиво врал Райделл. — Что-нибудь такое профессиональное. Ну, скажем, телескопическую дубинку с

тазерным наконечником.

Уолли относился к полиции с чрезмерным обожанием, подстать тринадцатилетней соплюхе, визжащей от восторга на концерте провинциальной рок-группы. Он любил теплое ощущение сопричастности, связанное со всем «профессиональным», и, подобно большинству своих сограждан, не проводил никакого различия между настоящими копами и наемными. Дом на Мар Виста находился под охраной; к вящей радости Райделла, на предостерегающей табличке стояло название какой-то мелкой, малоизвестной фирмы. «Интенсекьюр» был для Уолли недоступной роскошью, так же как и новая машина. К слову сказать, он называл свою машину не «подержанная», а «обкатанная», словно первоначальный ее владелец был этаким батраком, укротителем диких, необъезженных автомобилей.

Но зато кополюбивый серб являлся полноправным хозяином не только домика с нежно-голубой пластиковой обшивкой и синтетическим газоном (пластик очень походил на крашеное дерево, а газон выглядел даже лучше настоящего), где жили Райделл и Кевин, но и двух других. Сестра Уолли бежала из охваченной беспорядками Сербии в тысяча девятьсот девяносто четвертом,

а сам он — чуть позже. Уолли не тосковал по родине. Он говорил, что Америка — прекрасная страна, вот ограничить бы только иммиграцию.

— Что это у тебя за машина? — спросил Уолли с верхней ступеньки крыльца.

— «Мончо», — объяснил Райделл. — Испанский электромобиль, из Барселоны.

— Не забывай, что ты живешь в Америке, — поучительно сказал Уолли; его седые волосы были гладко зачесаны назад, на узком, покатом лбу поблескивали бисеринки пота. — Ну как же можно ездить на такой таратайке?

Рядом с домиком стоял аккуратный, чуть не языком вылизанный «БМВ»; доставая фонарик, Уолли потратил добрые пять минут на выключение охранной системы. Райделл вспомнил тот случай, когда ноксвиллская бригада по борьбе с наркотиками решила проверить новенькие, только что полученные уоки-токи. Тогда (было это в аккурат под Рождество) разом взвыли тысячи автомобильных сирен — неудачная радиоволна стронула все охранные системы в радиусе десяти миль.

— Почему? — удивился Райделл. — Это же очень хорошо для экологии страны.

— Это плохо для имиджа страны. Американец

должен покупать автомобиль, вызывающий уважение. Баварский, в крайнем случае — японский.

— Спасибо, Уолли. — Райделл взмахнул длинным черным фонариком. — Скоро верну.

— С довеском, ты обещал.

— Раз обещал, значит, сделаю.

— И за квартиру заплати.

— Обращайся к Кевину, это по его части.

Он забрался в крохотный «Мончо», включил мотор и стал ждать, пока разгонится маховик. Уолли пожал плечами, махнул на прощание рукой и прикрыл за собой дверь. Прежде Райделл ни разу не видел его без всегдашней тирольской шляпы.

Райделл осмотрел фонарик, пытаясь разобраться, где у него предохранитель и где спуск. Не бог весть какое оружие, но на сегодня хватит. А что не смертельно, так это даже хорошо. Обзавестись стволом проще простого, в Лос-Анджелесе этого добра навалом, но если повяжут с оружием — припаяют больше.

На обратном пути к Пузырю Райделл вел машину медленно и осторожно, не нарушая никаких дорожных правил, и держался по возможности улиц, на которых были специальные полосы для

электромобилей. Достав из бардачка Шеветтин телефон, он набрал номер в Юте, полученный от Пожирателя Богов еще в Парадизе, при первом разговоре. Пожирателем Богов представился тот, который гора. «А что это за имя такое?» — поинтересовался Райделл, и тогда Пожиратель сказал, что он — чистокровный индеец. Врал, наверное.

Да какие там имена, у них голоса и те ненастоящие, цифровое моделирование. Вполне возможно, что Пожиратель Богов — женщина или трое разных людей. Или наоборот, все эти трое — гора, динозавр и телевизор, — все они — один-единственный человек. Райделл вспомнил «Когнитивных диссидентов», женщину в инвалидном кресле. Это могла быть она. Это мог быть кто угодно, в том-то и штука с этими хакерами.

Гудок, другой… Где-то там, в Юте, звонил телефон. Как и всегда, Пожиратель поднял трубку посередине пятого гудка.

— Да?

— Парадиз, — сказал Райделл.

— Ричард?

— Никсон.

— Все в порядке, Ричард, твой заказ выполнен. Осталось последнее маленькое усилие.

— Вы можете назвать цену?

На светофоре вспыхнул зеленый. Отчаянные гудки сзади — какого-то торопыгу достала полная неспособность «Мончо» быстро брать с места.

— Пятьдесят, — сказал Пожиратель Богов.

Пятьдесят тысяч долларов! Райделл болезненно сморщился.

— О'кей, — сказал он. — Цена нормальная.

— Еще бы не о'кей. — Райделл представил себе косую ухмылку на гранитном лице горы. — А то ведь мы можем устроить тебе веселенькую жизнь, даже в тюрьме. Не «даже в тюрьме», а «тем более», там жизнь и сама по себе веселая, а с нашей-то помощью…

Это уж точно, подумал Райделл. Где-где, а в тюрьме-то у тебя дружков хватает.

— Вы можете оценить время реакции, хотя бы примерно? Как быстро появятся они после моего звонка?

Пожиратель Богов рыгнул, громко и беззастенчиво. Обожрался богами?

— Быстро. Минут через десять, максимум пятнадцать. Мы устроили все точно так, как и договаривались, эти ваши приятели навалят в штаны. Да и сам ты держись подальше, тут же будет такое, что ни в сказке сказать. Это у них новая, только что организованная бригада.

— Хотелось бы надеяться, — сказал Райделл и выключил телефон.

Райделл дал смотрителю автостоянки правильный номер квартиры — ну какой тут смысл врать? Перед тем как выйти из машины, он засунул фонарик за брючный ремень, сзади, и накинул на плечи джинсовую куртку, позаимствованную у Бадди. Судя по размеру, куртка принадлежала не Бадди, а его папаше. Отдам, сказал Райделл, в Лос-Анджелесе, а заодно подыщу тебе там какую-нибудь работу. Он очень надеялся, что мальчишка передумает, останется дома, ведь сколько раз бывало, что не успеет такой вот Бадди отойти от автобусного вокзала, как нарвется на шустрого городского хищника. Сверкнут волчьи зубки, хлопнет дверца, закрутятся колеса — и все, остались от козлика рожки да ножки. А с другой стороны, если войти в его положение… Ну что у мальчишки за жизнь в этой комнатушке метр на два, оклеенной благочестивыми постерами? Одна в жизни радость — виртуалку посмотреть, так и то приходится ночью, крадучись, чтобы папаша, упаси Фаллон, не засек. Если не сделать хоть одну попытку вырваться из этого болота — ну как ты будешь потом смотреть себе в глаза?

А Саблетт молодец — это какую же надо иметь

смелость, чтобы уйти вот так, в никуда, да еще с аллергией этой.

Неладно с ним, с Саблеттом. Не время сейчас думать о посторонних вещах, но ведь он, псих этот несчастный, совсем какой-то квелый стал. Двигается как во сне, ни на что внимания не обращает, ну разве что на аллергию.

А еще Райделл думал о Шеветте, о полоске белой кожи между черными велосипедными лосинами и футболкой, когда она лежала на кровати, лицом к стенке, и как он все хотел потрогать эту полоску, но так и не потрогал.

И соски, проступавшие сквозь футболку, когда она села и потянулась, и еще — темный завиток под мышкой. А ведь в ближайшие полчаса может произойти любое, вот упекут тебя за решетку, и кусай тогда локти, что упустил свой шанс, а если пристрелят, так и еще обиднее будет.

Прямоугольная головка хитроумного фонаря болезненно впивалась в позвоночник. Райделл свернул направо, к кофеварке, заказал чашку с двойным коньяком, расплатился последними своими деньгами и взглянул на часы. Без десяти три. Прошлой ночью он позвонил из мотеля по личному, не внесенному ни в какие справочники номеру Люциуса Уорбэйби и обещал перезвонить

завтра — то есть сегодня — ровно в три.

Пожирателю Богов абсолютно безразлично, внесен номер в справочник или не внесен. Пожиратель Богов может узнать любой номер.

В голосе Уорбэйби звучала глубокая, неподдельная скорбь. Обида и разочарование.

— Мы и подумать не могли, что ты выкинешь такой фортель.

— Простите великодушно, мистер Уорбэйби. А все эти долбаные русские. И этот еще, ковбой хренов, Лавлесс. Ну, достали меня эти суки, вот я и сорвался.

— То же самое можно было бы выразить, не прибегая к непристойным выражениям. Кто дал тебе этот номер?

— Эрнандес, еще тогда, раньше.

Молчание.

— Мистер Уорбэйби? Очки все еще у меня.

— Где ты находишься?

Шеветта Вашингтон лежит на кровати, в ее глазах беспокойство.

— В Лос-Анджелесе. Не нравятся мне эти русские, чем дальше от них, тем лучше.

Снова молчание. Очень похоже, что Уорбэйби прикрыл трубку рукой. Десять секунд молчания, пятнадцать…

— Я понимаю твое поведение. Не одобряю, но понимаю. Вполне возможно, что и я бы на твоем месте…

— А вы не могли бы приехать сюда и забрать их? И будем считать инцидент исчерпанным.

Новая пауза. Долгая. Очень долгая.

— Да, Райделл, да, я могу приехать. Только… — вздох, словно вобравший в себя все скорби мира. — Только не хотелось бы, чтобы ты забыл, как ты меня расстроил.

— Но только чтобы без посторонних, вы и Фредди, и никого больше, хорошо?

— Разумеется.

Райделл представил себе, как Фредди отчаянно молотит по клавиатуре какого-нибудь нового лэптопа, затем поднимает голову, виновато смотрит на своего шефа и пожимает плечами. Проверка по телефонной сети не дала ровно ничего. Звонок пришел с оклендской подстанции, а туда — с «пиратского» подключения.

— Мистер Уорбэйби, вы успеете сюда к завтра, да? Тогда я позвоню вам по этому же номеру и назначу место встречи. Ждите звонка в три ровно.

— Вот сейчас, Райделл, ты поступаешь совершенно правильно, — сказал Уорбэйби.

— Хотелось бы надеяться, — сказал Райделл и

выключил телефон.

Райделл подул на горячий кофе, сделал осторожный глоток, взглянул на часы. Ровно три. Он поставил чашку на стойку, вынул телефон и набрал номер Уорбэйби.

Они приехали через двадцать минут, в двух машинах, с двух противоположных направлений. Черный «линкольн» с белой спутниковой антенной на крыше и потрепанная серебристо-серая «Лада», наверное, прокатная. С водительского места «линкольна» вышел Фредди. Он покрутил зачем-то головой, обошел машину, открыл правую заднюю дверцу и подал боссу руку. Орловский и Шитов выскочили на мостовую одновременно и дружно хлопнули дверцами. После короткой — секунд десять, не больше — беседы вся четверка вошла под Пузырь, миновала кинетические скульптуры и направилась к ближайшему лифту. Уорбэйби выглядел точно так же, как и прежде, — то же оливковое пальто, тот же стетсон, та же самая бронебойная трость, та же самая скорбная рожа, зато Фредди щеголял новой рубашкой, выдержанной в ядовито-розовых тонах, и новым компьютером, одноякцевым близнецом старого. Русские вышли на дело в серых, со стальным отливом костюмах. Интересно,

они костюмы выбирали под цвет машины или наоборот?

А Лавлесса нет как нет.

И ждать больше нельзя. Пора звонить в Юту.

Райделл набрал номер.

— Господи спаси и помилуй, — пробормотал он, отсчитывая гудки.

— Неужели кофе плохой? — всполошился чернявый азиатский парнишка, заправляющий кофеваркой.

— Все в порядке, — сказал Райделл и тут же услышал голос Пожирателя Богов.

— Да?

— Парадиз.

— Это Ричард?

— Никсон. Они здесь. Четверо, без Юмориста.

— Двое русских, Уорбэйби и этот, его помощничек?

— Все, как один.

— А последнего нет?

— Я его не видел…

— Неважно, в пакете описание всех пятерых. О'кей, Райделл, начинаем.

Щелчок. И короткие гудки.

Райделл сунул телефон в карман и почти побежал к эскалатору, оставив кофеварщика в тоске

и недоумении.

Пожиратель Богов и его дружки — если только это разные люди, а не какая-нибудь, скажем, престарелая оклендская леди с аппаратурой на пару миллионов и скверным характером, — так вот они (будем считать, что они) поражали Райделла своим уникальным идиотизмом. Они — если верить их же словам — могли сделать абсолютно все. Но почему же тогда всемогущие эти люди вынуждены прятаться и зарабатывать деньги преступным путем?

Компьютерная преступность не входила в программу Академии отдельным предметом, а в двух обзорных лекциях пережевывались по преимуществу старые, любому ребенку известные факты. История того, как появились однажды на свете хакеры, такие себе хитрожопые ребята, хулиганившие не на улицах, а в телефонной сети. «Строго говоря, — сказал лектор, заезжий фэбээровец, — любое преступление, относившееся прежде к «беловоротничковым», неизбежно превращается в компьютерное, так как в наше время все конторские операции осуществляются через компьютер. Не следует путать этот вид правонарушений со все еще сохранившимися компьютерными преступлениями в старом смыс-

ле слова; если в первом случае нам противостоят жуликоватые чиновники и бизнесмены, то во втором — профессиональные преступники, называющие себя по старой памяти хакерами.

Рядовой гражданин, — продолжал фэбээровец, — все еще видит хакеров в романтическом свете. Веселые, безобидные шутники, вроде ребят, перетаскивающих ночью дощатый загородный сортир на новое место. В старые дни многие люди даже и не подозревали, что у них в хозяйстве есть сортир, который можно куда-то там перетащить, а потом окунались в говно по самые уши и начинали вопить. — Он сделал паузу. Курсанты послушно рассмеялись. — Теперь все переменилось, — продолжил федерал. — Современный хакер ничуть не романтичнее, чем боевик героинового картеля или тупой качок, выколачивающий долги из потребителей «плясуна». И поймать его несравненно труднее. Средний хакер очень быстро колется на допросе — нажми чуть посильнее, и он выдаст всех своих сообщников. К сожалению, эти ребята переняли у террористов систему конспиративных ячеек, ячейки объединяются в группы покрупнее и так далее. В результате улов почти всегда ограничивается членами одной ячейки, они просто не

знают, кто состоит в других ячейках, не знают и не желают знать.»

Практически наверняка Пожиратель и его приятели, сколько уж их там есть, составляют одну из многих ячеек так называемой Державы Желаний. И они выполнят заказ (если это действительно входит в их намерения) по трем причинам. Первое. Они не хотят перестройки Сан-Франциско, предпочитая его теперешнюю щелястую инфраструктуру. Второе. Они надеются получить с заказчика весьма приличные деньги — деньги, которых у него нет. И третье. Они намерены сделать нечто такое, чего никто и никогда прежде не делал. Судя по всему, именно третья причина является главной, именно она поддерживает в них необходимый для столь сложной операции энтузиазм.

Сейчас, шагая вверх по ступенькам эскалатора, чувствуя на себе недоуменные взгляды людей, то ли живущих, то ли работающих в этом то ли доме, то ли городе, сдерживая себя изо всех сил, чтобы не перейти на бег, Райделл почти уже не верил, что Пожиратель Богов сотоварищи действительно сделают то, что обещали сделать. А если не сделают? Тогда все, полный пиздец.

Да нет, успокаивал он себя, почему же не сде-

лают? Сделают, непременно сделают. Где-то там, в Юте, параболическая антенна развернулась к Тихоокеанскому побережью, нацелилась в калифорнийское небо. И с нее срываются эти упаковки — нет, пакеты сигналов. Пожиратель всегда говорит «пакеты» — кто их там, интересно, пакует.

А где-то здесь, над Пузырем, над лос-анджелесским бассейном, висит «Звезда Смерти».

До верха оставалось метров тридцать; Райделл протиснулся мимо седовласого джентльмена в снежно-белом теннисном обмундировании и рванул бегом. Вот он, бронзовый сосок. Люди входят и выходят из этого хитрого молла, в фонтане бьются и переливаются рваные полотнища зеленоватой воды. Две широкие серые фигуры уверенно шагают в направлении жилого комплекса. Не озираются, не ищут дорогу, идут прямо к нужной квартире. Великий Люциус и верный его соратник куда-то запропастились.

Три тридцать две.

— Вот же мать твою, — сказал Райделл. Ну, вот он и есть, тот самый пиздец. Ни хрена у этого пожирателя говна не вышло, а раз так, то Шеветта погибла, и Саблетт — тоже, и даже Карен Мендельсон, которая вообще здесь сбоку припека. Ну что, доигрался? Смелый ты мужик, чуть что

— «была не была» и вперед, на танки. Вот больше и не будешь, никогда.

И в этот момент с юга, со стороны кортов для игры в мяч, появились непонятные угольно-черные предметы. Штук десять, а то и больше. Предметы проскользнули сквозь узкую щель в стеклянной стене и стали быстро приближаться. И все это — почти беззвучно.

Игроки в мяч провожали их недоуменными взглядами.

Вертолеты, вот что это такое. Маленькие беспилотные вертолеты огневой поддержки, хорошо знакомые по телерепортажам из Мехико. Гордость французской государственной компании «Аэроспасьяль». И можно ручаться, что управляет ими ЭККС, Экстренная командно-коммуникационная система. «Звезда Смерти» тоже находится под контролем ЭККС, это, так сказать, глаза, а теперь вот и руки появились. Один из вертолетов проскользнул совсем близко, футах в двадцати, над головой; Райделл отчетливо различил стволы то ли пушек, то ли ракетных пусковых установок.

Будущее «Интенсекьюра» виделось в очень мрачном свете.

— ЭКСТРЕННАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ.

СОХРАНЯЙТЕ СПОКОЙСТВИЕ.

Со стороны молла донесся истошный женский вопль.

— СОХРАНЯЙТЕ СПОКОЙСТВИЕ.

И в большинстве своем обитатели этой подоблачной страны вели себя весьма достойно, никто из них не шарахался, не суетился, не пытался спрятаться.

Райделл сорвался с места.

Три вертолета снизились до высоты человеческого роста и хищно нацелились на сан-францисских копов. Шитов замер с отвисшей челюстью, половинковые очки Орловском го съехали на кончик носа, еще секунда — и упадут.

Райделл обогнал русских.

— НА ПОЛ, ЛИЦОМ ВНИЗ. БЫСТРО, ИЛИ МЫ СТРЕЛЯЕМ.

Но и эта угроза не произвела ни малейшего впечатления на стройных, подтянутых, по преимуществу белокурых небожителей. Кто с ракеткой в руке, кто с покупками, упакованными в темный глянцевый бумажный мешок, они стояли и смотрели. Смотрели на вертолеты. Смотрели на опрометью несущегося Райделла. В их холодных глазах не было ни тени испуга, только умеренное, хорошо сдерживаемое любопытство

и какая-то малоприятная жесткость.

А вот Фредди послушно выполнил приказ бестелесного голоса — плюхнулся на гранитные плиты тротуара ничком и прикрыл голову драгоценным своим компьютером.

Хрен с ним, с Фредди.

— СОХРАНЯЙТЕ СПОКОЙСТВИЕ.

Немолодой, отошедший от дел господин устал сидеть в четырех стенах, вышел погулять, присел на чугунную скамейку и который уже час безучастно созерцает текущую мимо жизнь, самая обычная для городских улиц фигура. Уорбэйби поднял голову и взглянул на Райделла.

— ПОЛИЦЕЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ.

Судя по металлической тросточке, прислоненной к боковине скамейки, у господина неладно с ногами. Уорбэйби взялся за трость, начал медленно ее поднимать.

Пиздец, мелькнуло в голове у Райделла. Дырка будет больше головы.

— СОХРАНЯЙТЕ СПОКОЙСТВИЕ.

Но бесконечно скорбный Уорбэйби лишь тронул концом трости поля стетсона, салютуя Райделлу.

— БРОСАЙ ЭТУ ПАЛКУ.

Громовой голос полицейского, засевшего в

каком-то подземном бункере Восточного Сити-холла и управляющего крошечным вертолетом с помощью аппарата телеприсутствия.

Уорбэйби медленно пожал плечами и откинул трость в сторону.

Райделл стрелой пролетел сквозь распахнутые ворота и бросился к двери Карен Мендельсон. Дверь была приоткрыта. На пороге стояли Карен и Шеветта. Удивленные, широко распахнутые глаза делали их похожими друг на друга.

— В комнату! — заорал Райделл.

Нуль реакции. Стоят и пялятся.

— Прячьтесь!

Из-за стоявшего рядом с дверью дерева вышел Лавлесс. На Лавлессе была серебристая спортивная куртка. Темные, не в тон коже нашлепки микропористого пластыря, густо усеявшие его лицо, казались пятнами проказы или экземы, левая рука на перевязи, правая поднимает тот самый пистолет. И улыбка — тоже та самая.

— Ах ты сучий потрох! — завизжала Шеветта. — Убирайся!

Пистолет почти уперся Шеветте в голову, позолоченная улыбка исчезла. Вместе с улыбкой исчезли и губы, прежде Райделл этого не замечал. Исчезли, будто их и не было совсем.

— НЕ ДВИГАЙТЕСЬ, — напомнил вертолетный голос, но Райделл уже вскинул полученный от Уолли фонарик.

Лавлесс так и не успел выстрелить. Перечный газ сделал с ним примерно то же самое, что аллергия делала с Саблеттом, только в десять раз хуже и во сто раз быстрее.

— Придурок, идиот, псих ненормальный!

Глаза Карен Мендельсон заплыли, превратились в узкие щелочки, Шеветта выглядела еще хуже — им обеим досталось по небольшой дозе перечного аэрозоля. Саблетт не пострадал — узнав о химической атаке, он залез в кладовку и собирался сидеть там до победного конца, пока не осядут последние микроскопические капли.

— Да ты, придурок, ты сам-то хоть понимаешь, что ты наделал?

Райделл сидел в белом «ретроагрессивном» кресле, наслаждался заслуженным отдыхом и слушал, как орут за стенкой вертолеты. Позднее он узнает, что Держава Желаний представила Уорбэйби и остальную компанию как бомбистов-наемников, работающих на Сонорский Фронт

Независимости.[156] Нехорошие эти люди натаскали в квартиру Карен Мендельсон взрывчатку в количестве вполне достаточном, чтобы оторвать сосок от сиськи и забросить его аж в Малибу.[157] Чтобы спецназ действовал не слишком размашисто, Пожиратель Богов и его дружки придумали какую-то историю с заложниками. Выдумка помогла — но только на первое время. Настоящие, безо всяких там вертолетиков, спецназовцы устроили обитателям квартиры веселую жизнь; не будь Карен юристкой из знаменитого телешоу «Копы влипли», дело могло бы дойти и до членовредительства; чуть позднее на сцене появился Персли со своей командой, и обстановка разрядилась окончательно.

Вскоре выяснился очень интересный момент: ДПЛА и не думал признаваться, что какие-то там хакеры взломали «Звезду Смерти». Тревожный сигнал был получен от неизвестной личности по телефону — копы заявили это с самого нача-

---

[156] Примечания: 156

Сонора. Судя по всему, автор имеет в виду мексиканский штат, граничащий с Калифорнией. В Калифорнии есть городок Сонора, но он находится в Северной Калифорнии и настолько мал, что вряд ли будет бороться за свою независимость

[157] Примечания: 157

Малибу-Бич — приморский поселок километрах в пятидесяти от центра Лос-Анджелеса

ла и твердо стояли на своем. Они были готовы спустить дело на тормозах, закрыть глаза на самые подозрительные обстоятельства — все что угодно, лишь бы не пострадала репутация наисовершеннейшего из полицейских спутников.

Но это все потом, а пока Райделл сидел в кресле, слушал руготню Карен, проникался понемногу идеей, что да, он, конечно же, идиот, но ей нравятся такие идиоты. И еще думал о «Фольклорном КошмАрте» и о той, как ее там, женщине. Вот именно — как ее там. Как ее там берут в оборот лихие стражи порядка. Дело в том, что Пожирателю Богов потребовался лос-анджелесский номер телефона, с которого вроде бы и пришла липовая информация. Райделл не хотел давать номер Кевина, а другого у него не было, он порылся в бумажнике и нашел обрывок «Пипла» с номером «КошмАрта», и сказал этот номер Пожирателю.

А затем пришла Шеветта и спросила, с трудом шевеля раздувшимися от перца губами: так что же получается, удалась эта штука или все-таки пиздец? Райделл сказал, что да, удалась, и нет, не пиздец, и тут вломились копы и так круто взялись за дело, что иногда уже казалось — а может, все-таки пиздец, ну а потом явился во всем своем великолепии Аарон Персли с такой мощной ко-

мандой, что на каждого спецназовца получилось по два юриста и еще свободные остались, а еще через пару минут пришел Веллингтон Ма в нежно-голубом блейзере с золотыми пуговками.

Вот так-то вот и вышло, что Райделл сподобился лицезреть великого человека.

— Познакомиться с клиентом — величайшее для меня удовольствие, — сказал Веллингтон Ма и протянул руку.

— Очень рад с вами познакомиться, мистер Ма, — сказал Райделл.

— Я не буду спрашивать, что вы сделали с моей голосовой почтой, — сказал Веллингтон Ма, — но очень надеюсь, что это было в последний раз. Я прослушал ваш рассказ с огромным, огромным интересом.

Райделл вспомнил Пожирателя и подумал: а вдруг Ма и Карен станут возникать из-за тех пятидесяти тысяч? Да нет, вряд ли, вон ведь Аарон Персли два уже раза говорил, что сюжет получится куда сильнее, чем тот, с «медведями-шатунами», и Карен трещала без умолку, что какая, значит, телегеничная у Шеветты внешность и как «Крутой Коран» в лепешку разобьется, лишь бы получить заказ на саундтрек.

И Веллингтон Ма сам, лично, заключил кон-

тракты с Шеветтой и Саблеттом, правда, Саблетт так и не захотел вылезать из кладовки, сунули ему бумаги в щель, он расписался и вернул через ту же щель.

За это время, пока Саблетт и Шеветта держали Карен взаперти и следили, чтобы она не исхитрилась нажать какую-нибудь там интенсекьюровскую сигнальную кнопку, Шеветта успела рассказать ей, считай, всю историю, от начала до конца. Карен, конечно же, разбиралась в этих ВС-очках, умела просматривать заложенный в них материал, так что теперь она знала о «Санфлауэре», или как он там называется, во сто раз больше всей остальной компании, вместе взятой. И она все говорила Персли, что это настоящий динамит, что тут же можно прижать к ногтю этого Коди дважды долбаного Харвуда, нужно только нигде не лопухнуться, а его, ублюдка этого долбаного, давно пора прищучить.

А вот Райделл так ни разу и не посмотрел, что же там за картины такие в этих очках, а сейчас уже было не до того, возникали проблемы поважнее.

— Мистер Персли?

— Да, Берри?

— А что с нами будет?

— Ну, — Персли подергал себя за подбородок, — для начала тебя и двоих твоих друзей арестуют.

— В тюрьму?!

— Да. — Персли взглянул на массивные золотые часы. В тех местах, где часы крепятся к браслету, красовались две большие цельные пластинки бирюзы, цифры на циферблате были выложены мелкими бриллиантиками. — Минут через пять. Первая пресс-конференция начнется около шести. Это как, удобно или вы хотите сперва поесть? Позвоните тогда в доставку, закажем что-нибудь.

— Но ведь нас арестуют.

— Залог, Берри. Освобождение под залог — вам знакомо такое понятие? Завтра утром вы снова будете на свободе.

— Ну а потом, мистер Персли? Что будет потом?

— Берри, — широко ухмыльнулся Персли, — ты вляпался. Ты — коп. Ты — честный коп. И ты вляпался. Вляпался по уши, в на редкость — извини, я должен это сказать — в на редкость героическое говно. — Он хлопнул Райделла по плечу. — А раз так, сынок, то «Влипшие копы» сделают все возможное и невозможное, чтобы эта история завершилась к полному твоему — и нашему — удовлетворению.

— Тюрьма? — переспросила Шеветта. — Вот и чудесно. Только мне нужно сперва позвонить в Сан-Франциско, Фонтейну.

— Звони куда угодно, милая. — Карен взяла бумажную салфетку и промокнула слезы, брызнувшие из глаз Шеветты. — Они все запишут, но мы тоже получим копию. И ты не напомнишь мне имя твоего друга, черного, которого потом застрелили?

— Сэмми Сэл, — всхлипнула Шеветта.

— Персли, — повернулась Карен, — нужно связаться с Джексоном Кейлом, и побыстрее.

Джексон Кейл? — удивился про себя Райделл. А зачем? При чем тут этот долговязый молодой артист, чью черную нахальную физиономию знают все любители мыльных опер?

Вопросы остались без ответа, потому что в этот момент Шеветта обняла его, прижалась к нему всем телом. Она смотрела на Райделла снизу вверх из-под этой своей бредовой прически, глаза у нее были совсем красные, из носу текло, но Райделлу все равно было приятно.

Глава 39

Праздник в непогоду

Пятнадцатого ноября, в субботу, после четвертой ночи, проведенной в Скиннеровом гнезде, Ямадзаки надел балахонистую шерстяную куртку, от которой воняло парафином, открыл запертый на огромную бронзовую щеколду люк, обвязал большую картонную коробку веревкой, спустил ее на дощатый помост, спустился следом сам, сел вместе со своей поклажей в желтую пластиковую корзину лифта и поехал вниз, на барахолку. Коробка содержала несколько обломков окаменевшего дерева, левый рог оленя-самца, пятнадцать компакт-дисков, фаянсовую кружку с ребристой поверхностью и выпуклыми буквами ОХО (рекламный подарок какой-то фирмы?) и вздувшуюся от сырости книгу с поблекшими, еле различимыми буквами на синем картонном переплете: «Литературная история Соединенных Штатов».[158]

---

[158] Примечания: 158

«ОХО». ОКСО — фирменное название бульонных кубиков, производимых компанией «Брук Бонд Оксо Лимитед»

Серые, унылые облака плотно обложили все небо, от стылого, как в подземелье, воздуха коченели пальцы; Ямадзаки сунул руки в карманы Скиннеровой куртки, замусоренные опилками, песком и еще какими-то крошечными непонятными объектами. Торговцы раскладывали свой товар. Ямадзаки волновался, что не знает, как к ним подойти, не знаком с принятой в их обществе манерой общения, но торговцы взяли инициативу в собственные руки, они сгрудились вокруг, изучая содержимое коробки и часто повторяя имя Скиннера.

Первыми — и дороже всего — ушли куски окаменевшего дерева, затем — кружка, затем — восемь компакт-дисков. Мало-помалу Ямадзаки распродал все, кроме «Литературной истории» — слишком уж она заплесневела. Он положил синюю, рассыпающуюся по листочку книгу в мусорную кучу, пересчитал деньги и пошел искать старую женщину, торгующую яйцами. Кроме того, у них со Скиннером почти не осталось кофе.

Подходя к магазинчику, где жарили и мололи кофе, Ямадзаки заметил в утренней сутолоке знакомую фигуру. По случаю холода и сырости Фонтейн застегнул длинное твидовое пальто на все пуговицы и поднял воротник.

— Ну что, Скутер, как там наш старикан?

— Он все время спрашивает об этой девушке…

— Она в лос-анджелесской тюрьме, — ухмыльнулся Фонтейн.

— Тюрьма?

— Сегодня же утром выйдет под залог, она звонила мне вчера вечером и так и сказала: сейчас меня повинтят, а завтра утром выпустят. Я же, собственно, к вам и собирался, чтобы обрадовать. Да, кстати. — Фонтейн достал из кармана телефон. — Бери, у нее есть этот номер. Захочешь позвонить домой — звони, только не очень часто.

— Домой?

— В Японию.

— Конечно, — кивнул Ямадзаки. — Я прекрасно понимаю…

— Не знаю, чем уж там она занималась все это время, да и знать не хочу, у меня и так хлопот полон рот. Энергоснабжение восстановлено, но теперь я не понимаю, что делать с этим раненым, никто его не знает, никому он не нужен. Вытащили красавчика в среду утром из остатков чьей-то теплицы. Тут вот, рядом, почти прямо под вами. Придет на пару минут в сознание и снова отключается — не знаю уж там, сотрясение у него или что. Так-то все вроде в порядке, кости целы.

И еще ожог на боку, вроде как от теперешней хитрой пули.

— И вы не хотите отвезти его в больницу?

— Нет, — качнул головой Фонтейн. — Это только если парень сам попросит или будет совсем при смерти, на мосту иначе не делается. В больнице сразу прогоняют тебя через компьютер, устанавливают личность, а у многих из нас есть серьезные основания держаться от таких штук подальше.

— А-а, — тактично кивнул Ямадзаки.

— Вот тебе и «а», — передразнил Фонтейн. — Думаю, кто-то нашел этого парня раньше нас, во всяком случае, карманы у него пустые, ни бумажника, ничего. Ну да ладно, рано или поздно кто-нибудь его узнает — не по морде, так хоть по прибамбасам на болту.

— Да. — Ямадзаки сделал мысленную заметку спросить у Скиннера, что такое «прибамбасы» и о каком болте мог говорить Фонтейн в связи с опознанием травмированного человека. — А ваш револьвер так у меня и лежит.

— Лежит, говоришь? — Фонтейн опасливо огляделся. — Знаешь, если эта штука точно тебе не нужна, закинь ее в воду, ладно? А телефон я у тебя потом заберу. Да, кстати, сколько ты здесь

еще пробудешь?

— Я… я не знаю, — чистосердечно признался Ямадзаки.

— А на парад сегодня пойдешь?

— Парад?

— Пятнадцатое ноября, день рождения Шейпли. Приходи, будет что посмотреть. Что-то вроде Марди Грас.[159] Молодежь, так та вообще раздевается догола, не знаю уж, как сегодня будет, при такой-то погоде. Ладно, увидимся. Приветик Скиннеру.

— Да, приветик, — улыбнулся Ямадзаки. Фонтейн пошел дальше. Яркий поплавок вязаной шапочки поплясал над морем людских голов и пропал из вида.

По пути к кофейной лавке Ямадзаки вспоминал похоронную процессию, приплясывающую фигуру с багровым автоматом. Символ ухода Шейпли.

Шейпли убили в Солт-Лейк-Сити. (Некоторые называли это самопожертвованием.) Так или иначе, но семеро убийц, христианские фундаменталисты, члены белой расистской секты, загнанной после налета на аэропорт в подполье, все еще отбывали срок. Только, поправил себя

---

[159] Примечания: 159

Mardi Gras (фр.) букв. — «жирный вторник». Вторник на масленичной неделе. В некоторых городах в этот день устраивается карнавал

Ямадзаки, их уже не семеро, а пятеро — двое умерли от СПИДа, подхваченного, по всей видимости, там же, в тюрьме штата Юта. Умерли, стойко отказываясь от прививки, запатентованной на имя Шейпли.

На суде они молчали. Перед оглашением приговора шестеро отказались от последнего слова, а седьмой, вожак, сказал, что СПИД — кара Господня, воздаяние грешникам по грехам их. Документальные пленки сохранили облик этих убийц Именем Божьим — сухопарые мужчины с наголо выбритыми головами и пустыми, стеклянными глазами, такими и останутся они в истории, в памяти людской.

Ямадзаки подошел к лавке и встал в довольно длинную очередь.

К концу недолгой своей жизни Шейпли стал очень богатым человеком. Может быть, он даже был счастлив. Он успел увидеть, как продукт, полученный из его крови, остановил наползавшую на мир тьму. Опасных болезней много, с каждым годом их количество нарастает — и все же живая вакцина Шейпли спасла бессчетные миллионы жизней.

Ямадзаки решил, что обязательно посмотрит на парад. Только бы не забыть записную книжку.

Он дышал запахом свежесмолотого кофе и терпеливо ждал своей очереди.

Идору
(роман)

Роман является косвенным продолжением «Виртуального света»: действие его происходит в том же мире. Если настоящее иногда кажется сном, то будущее — только продолжение этого сна. В этом будущем и развивается сюжет «Идору».

Япония после катастрофического землетрясения. Нанотехнологические небоскребы. Ночной клуб по мотивам Франца Кафки. «Идол молодежи, певец Рез, собирается жениться на виртуальной актрисе Рэи Тоэи» …

Глава 1

Куб казни К

После «Слитскана» Лэйни услышал от Райделла о другой работе. Кто такой Райделл? Ночной охранник из «Шато». Большой, спокойный теннессиец, всегда в дешевых солнечных очках и

с уоки-токи в ухе, всегда чему-то грустно улыбается.

— «Парагон-Эйша Дейтафлоу», — сказал Райделл.

Это было уже под утро, в пятом, что ли, часу, и они сидели в громадных старых креслах. Там, в вестибюле «Шато», вся мебель была такая громоздкая, что человек в ней словно как терялся, становился меньше ростом. А бетонные потолочные балки кто-то не очень убедительно раскрасил под светлый дуб.

— Да? — вежливо отозвался Лэйни, хотя откуда уж там было Райделлу знать, в каких местах его еще могут взять на работу.

— Токио, Япония, — сказал Райделл и потянул через пластиковую соломинку охлажденный кофе с молоком. — Парень, которого я встретил в том году в Сан-Франциско. Ямадзаки. Он у них работает. Говорит, они ищут серьезного нет-раннера.

Нет-раннер. Лэйни, предпочитавший считать себя исследователем, с трудом подавил печальный вздох.

— По контракту?

— Наверное. Он не говорил.

— Не очень мне что-то хочется жить в этом

Токио.

Райделл покрутил соломинкой пену и кубики льда, оставшиеся на дне высокого пластикового стакана, словно в надежде обнаружить там какой-нибудь подарок от фирмы, и поднял глаза.

— Он такого не говорил, что жить обязательно там. А ты был когда-нибудь в Токио?

— Нет.

— Интересное, наверное, место, после этого землетрясения и вообще. — Уоки-токи пискнул и начал что-то нашептывать. — Ну вот, теперь мне надо проверить ворота со стороны коттеджей. Хочешь прогуляться?

— Нет, — мотнул головой Лэйни. — Спасибо.

Райделл встал. На нем был черный нейлоновый ремень, сплошь увешанный черными футлярчиками с какими-то хитрыми приспособлениями, и белая тенниска с подозрительно неподвижным черным галстуком.

— Я оставлю телефон в твоем ящике, — сказал он, привычно разглаживая складки на форменных, цвета хаки, брюках.

Райделл пересек устланное разнообразными коврами фойе и исчез где-то за темной, полированного дерева конторкой. Лэйни смутно помнилось, что у него вроде бы были в прошлом

крупные неприятности. Приятный парень. Неудачник.

Когда Лэйни покинул наконец свое кресло, сквозь высокие арочные окна уже сочился тусклый рассвет, а в темной, как пещера, столовой начала сдержанно позвякивать тайваньская нержавейка. Иммигрантские голоса, степной диалект, понятный разве что Чингисхану. Звуки отражались от выстланного терракотовой плиткой пола, от потолочных балок, чудом оставшихся со времени, когда здесь впервые появились такие, как Лэйни, или их предшественники со своей экологией известности и жуткой, нерушимой и непререкаемой иерархией взаимного пожирания.

Райделл сдержал обещание и оставил Лэйни сложенный пополам листок бумаги. Токийский номер. Лэйни извлек его из ящика на следующий день вместе с самой свежей оценкой своего гостиничного счета.

Теперь он не мог даже делать вид, будто номер в «Шато» ему по карману.

Неделю спустя в Токио он увидел свое лицо, отраженное в большом, с золотыми прожилками зеркале в лифте, поднимавшемся на четвертый

этаж агрессивно-невзрачного здания «Боже Ж Ты Мой». Целью поездки был «Куб Казни К», такой себе бар по мотивам Франца Кафки.

Прямо из лифта — в длинный зал, поименованный на травленой стальной пластинке как «Превращение». Где твердозарплатники в непременных белых рубашках, скинув пиджаки и расслабив узлы непременных темных галстуков, пили за искусно изоржавленной стальной стойкой, сидя на стульях с высокими спинками из какого-то бурого, хитиноподобного пластика.[160] Над их головами хищно нависали иззубренные инсектоидные мандибулы.[161]

Лэйни окунулся в коричневый свет, в негромкий прибой разговоров. Он не знал японского. На прозрачной местами стене регулярно повторялись изображения таких же мандибул, а еще огромных жестких надкрылий и шипастых коленчатых конечностей. Он ускорил шаг, направляясь к изогнутой лестнице со ступеньками на манер блестящих коричневых панцирей.

---

[160] Примечания: 160

Хитиноподобный пластик — пластик, похожий на хитин, наружный твердый покров ракообразных, насекомых и членистоногих. От хитон — род одежды (греч.).

[161] Примечания: 161

Мандибулы — нижние челюсти насекомых. От mando — жевать (лат.).

С другой стороны за ним следили глаза русских проституток, кукольно-пустые в тусклом, тараканьем свете. Эти Наташи были тут везде, рабочие девчонки из Владивостока, товар, доставляемый Комбинатом. Элементарная пластическая операция наделяла их бездушной, конвейерной красотой. Славянские Барби. А вживить для удобства надзирателей радиомаячок, так это еще проще.

За лестницей — «Исправительная Колония», дискотека, совершенно в такой час пустая. Лэйни пересек зал, так никого и не встретив, под беззвучные вспышки красных молний. С потолка свисал дикого вида механизм, каждая из его членистых, в стиле древнего зубоврачебного оборудования, лапок заканчивалась острым стальным шипом. «Борона», смутно вспомнил он. И эти самые — зубья, резцы. Рассказ Кафки, машина, исполняющая смертный приговор, вырезая его текст на теле осужденного. Устремленные вверх глаза. Невидящие. Он зябко передернулся, стряхивая воспоминания, и пошел дальше.

Вторая лестница, узкая и покруче, привела в «Процесс», мрачный и с низким потолком. Стены цвета антрацита. За синим стеклом трепещут языки пламени. Замешкался у входа — джет-лаг

плюс проклятая куриная слепота.

— Колин Лэйни, если не ошибаюсь?

Австралиец. Огромный. Стоит за маленьким столом, по-медвежьи ссутулившись. Что-то странное в форме наголо бритой башки. И второй, гораздо меньше, сидит. Японец, клетчатая, с широченным воротником, ковбойка застегнута до самого горла. Мигает сквозь круглые стекла очков.

— Садитесь, мистер Лэйни, — сказал австралиец.

Чуть попривыкнув к темноте глазами, Лэйни рассмотрел, что у него нет левого уха, срезано чуть не начисто, остался какой-то скрученный обрубок.

Когда Лэйни работал на «Слитскан», его супервайзера звали Кэти Торранс. Светлейшая из светлых блондинок. Бледность на грани полной прозрачности, при определенных углах освещения начинало казаться, что в ней течет не кровь, а некая странная жидкость цвета свежей соломы. На ее левом бедре было пронзительно синее изображение чего-то гнутого и крученого, со множеством шипов. Дико дорогая дикарская пиктограмма. Доступная наблюдению ежепятнично, когда Кэти приходила на работу в шортах.

Она всю дорогу жаловалась, что известность очень быстро снашивается. Зациклилась, как думал Лэйни, на расхожем мнении многих поколений своих коллег.

В тот раз она сидела, закинув ноги на край своего мультистола. Абсолютно точные, разве что крошечные, копии футбольных ботинок, застегнутые на подъеме, с крепкой шнуровкой по щиколоткам. Лэйни смотрел на ее ноги, длинный, упругий взлет от грубошерстяных носков к бахроме коротко обрезанных джинсов. Татуировка казалась чем-то инопланетным, таким себе знаком или посланием, выжженным на подручном материале кем-то из дальнего космоса на радость человечеству — пусть себе сидит и разгадывает.

Он спросил, что она имеет в виду. Кэти не спеша извлекла из упаковки беленькую, с мятным ароматом зубочистку. Лэйни сильно подозревал, что глаза, смотревшие на него сквозь мятного цвета линзы, были в действительности серыми.

— Теперь больше нету настоящих знаменитостей. Ты что, сам этого не замечаешь?

— Нет.

— Я имею в виду настоящих знаменитостей. Славы почти не осталось, если в старом смысле этого слова. Так, немножко, по мелочам.

— В старом смысле?

— Мы, Лэйни, мы — масс-медиа. Мы делаем этих засранцев знаменитыми. Подтолкнуть, вытащить, рутинная работа. Они приходят к нам, чтобы мы их слепили из чего уж там есть.

Шипастые подошвы взбрыкнули и пропали. Кэти подобрала ботинки под себя, каблуками к джинсовым бедрам, белесые коленки скрыли ее рот. И как она не сверзится со стула, неудобно же так сидеть.

— Ну и что, — заметил Лэйни, возвращаясь к своему дисплею. — Как ни крути, слава, она и есть слава.

— А она что, настоящая?

Лэйни недоуменно обернулся.

— Мы научились чеканить из этого дерьма деньги, — продолжила Кэти. — Валюта нашего околотка. А теперь мы нашлепали ее слишком много, даже аудитория начинает догадываться. Это видно по рейтингам.

Лэйни кивнул, мечтая, чтобы она оставила свой треп, дала ему поработать.

— А потому, — сказала Кэти, — иногда мы решаем уничтожить какую-нибудь ее часть.

За ней, за анодированной сеткой «Клетки», за обрамляющим прямоугольником стекла, не

пропускающего внутрь ни молекулы атмосферных загрязнений, висело пустое, безукоризненно гладкое небо Бербанка, образчик небесно-голубого пигмента, предоставленный прорабом Вселенной.

Обрубок уха зарос по краю розовой, гладкой, как воск, кожицей. Странно, можно же было пришить, а потерялось — так реконструировать.

— Чтобы не забыть, — сказал австралиец, по глазам читая мысли Лэйни.

— Не забыть что?

— Не забыть вспомнить. Садись.

Лэйни опустился на нечто если и напоминавшее стул, то лишь весьма отдаленно — хлипкую конструкцию из черных металлических прутиков и ламинированного пластика. Столик был круглый, размером с автомобильную баранку. За синим стеклом колыхались огни невесть какому богу возженных лампад. Японец в ковбойке и круглых, металлом оправленных очках яростно моргал. Австралиец сел на такой же, из обгорелых спичек, стул, полностью скрыв его под своей непомерной, как у борца сумо, горой мускулов.

— Ты вроде справился уже с джет-лагом?

— Таблетки принял.

Вспомнилась тишина в сверхзвуковом самоле-

те, ощущение, что он вроде и не летит никуда, а застыл на месте.

— Таблетки, — повторил толстый. — Гостиница приличная?

— Да, — кивнул Лэйни. — Я готов к интервью.

— Ну что ж… — Мужик энергично помял свое лицо огромными, сплошь в шрамах руками, а затем взглянул на собеседника, словно удивляясь, откуда он взялся. Лэйни опустил глаза на нанопорный тренировочный костюм, словно снятый с кого-то другого — тоже очень крупного, но все-таки малость поменьше. Цвета не разберешь, в такой темноте все кошки серы. Расстегнут почти до середины груди. Чуть не лопается на этой чудовищной туше. Обнаженный треугольник кожи исполосован десятками разнообразнейших по форме и текстуре шрамов, речная дельта из какого-то бредового атласа. — Ну так что?

Лэйни перестал изучать шрамы и поднял глаза.

— Я насчет работы. Пришел на предварительное интервью.

— Серьезно?

— Вы интервьюер?

— Интервьюер? — Неопределенная улыбка, демонстрирующая вполне определенные встав-

ные зубы.

Лэйни повернулся к японцу.

— Колин Лэйни.

— Синья Ямадзаки. — Японец чуть привстал и пожал Лэйни руку. — Мы с вами говорили по телефону.

— Это вы проводите интервью?

Глаза очкарика заморгали еще чаще.

— К сожалению, нет. Я занимаюсь экзистенциальной социологией.

— Я ничего не понимаю, — вышел из себя Лэйни.

Молчание. Синья Ямадзаки смущенно отводит глаза. Одноухий нахмурился.

— Вы австралиец, — констатировал Лэйни.

— Тэззи,[162] — поправил одноухий. — В Смуту мы были за южан.

— Попробуем сначала, — предложил Лэйни. — «Парагон-Эйша Дейтафлоу». Это вы?

— Упорный, гад.

— Обстановка обязывает, — объяснил Лэйни. — В смысле профессия.

— Да и то. — Одноухий вскинул глаза. Его правую бровь рассекал розовый перекрученный

---

[162] Примечания: 162

Тэззи — прозвище жителей Тасмании.

жгутик шрама. — Тогда Рез. Что ты думаешь о нем?

— Это в смысле рок-звезда? — спросил Лэйни после краткого и не очень успешного сражения с проблемой контекста.

Кивок. Одноухий смотрел на него с предельной серьезностью.

— Из «Ло/Рез»? Группы? Полуирландец-полукитаец. Сломанный нос, так и не выправленный. Длинные зеленые глаза.

— Ну и что ты думаешь о нем?

В кэтиторрансовской системе отсчета этот певец воспринимался как нечто особо презренное. Она считала его живой окаменелостью, досадным пережитком давней, первобытной эпохи. Огромная, бессмысленная, как она говорила, известность вкупе со столь же огромным, бессмысленным богатством. Кэти воспринимала славу как некую тонкую материю, первозданную стихию типа флогистона, как нечто изначально распределенное по всей вселенной равномерно, но затем, при благоприятных условиях, концентрирующееся вокруг отдельных личностей и их карьер. Чтобы затем рассеяться, перераспределиться. С ее точки зрения, Рез продержался слишком уж долго. Он подрывал стройность ее

теории. Он нагло бросал вызов сложившемуся порядку взаимопожирания. Возможно, все шнырявшие поблизости хищники оказались мелковаты для такой добычи, все, не исключая и «Слитскана». В результате группа «Ло/Рез» выдавала свой продукт с прямо-таки оскорбительной регулярностью в различных медиа, а их певец с упорством, достойным лучшего применения, отказывался убить кого-нибудь, связаться с политикой, признаться в неумеренном употреблении какой-либо любопытной субстанции или в неординарных сексуальных пристрастиях — сделать хоть что-нибудь, за что мог бы зацепиться «Слитскан». Он сиял, может, и тускловато, но зато устойчиво, вне досягаемости для Кэти Торранс. Что и было, по мнению Лэйни, истиной причиной ее жгучей ненависти.

— Ну, — протянул Лэйни по некотором размышлении и ощутил какое-то странное нежелание отвечать начистоту, — я купил тогда их первый альбом. Когда он только вышел.

— Название?

Одноухий стал еще серьезнее.

— «Ло Рез Скайлайн», — отрапортовал Лэйни, крайне благодарный своему мозгу, что тот выкинул эти слова на поверхность. — Но я не знаю,

сколько там они выродили с того времени.

— Двадцать шесть, не считая сборников, — сказал мистер Ямадзаки и поправил свои очки.

Лэйни чувствовал, что принятые им таблетки, те, которые должны были, по идее, смягчить джет-лаг, трещат под ним и проваливаются, как некие прогнившие фармакологические леса. Стены «Процесса» сблизились. И продолжали сближаться.

— Если вы не собираетесь объяснить мне, о чем, собственно, весь этот разговор, — сказал он одноухому, — я, пожалуй, вернусь в гостиницу. Устал я, вот что.

— Кит Алан Блэкуэлл. — Лэйни пожал протянутую ему руку. Ладонь одноухого была похожа на ощупь на элемент какого-то спортивного тренажера. — Кити. Теперь мы, пожалуй, выпьем и немного поговорим.

— А может, — предложил Лэйни, — вы сперва скажете мне, каким тут местом задействована эта самая «Парагон-Эйша»?

— Упомянутая вами фирма, — вздохнул Блэкуэлл, — есть не более чем несколько строчек кода в машине, где-то там на Лайгон-стрит. Чистой воды декорация. Наша декорация, если вам от этого легче.

— Легче? — переспросил Лэйни. — Не знаю. Не уверен. Сперва привезли меня сюда для предварительного интервью, а теперь сообщаете, что компания, для которой я должен был интервьюироваться, не существует.

— Но она же существует, — возразил Кит Алан Блэкуэлл. — В машине на Лайгон-стрит.

Подошла официантка. В сером бесформенном бумажном комбинезоне и с косметическими кровоподтеками.

— Большая бочкового. «Кирин». Холодное. А вам, Лэйни.

— Кофе со льдом.

— Коку лайт.

— Вот и прекрасно, — сказал безухий Блэкуэлл, мрачно глядя вслед растворившейся во мраке официантке.

— Я был бы крайне благодарен, если бы вы объяснили мне, чем мы, собственно, здесь занимаемся, — сказал Лэйни и тут же заметил поблескивание светового карандаша; Ямадзаки увлеченно карябал что-то на экране маленького ноутбука. — Вы что, все это записываете?

— К сожалению, нет. Небольшие заметки насчет костюма официантки.

— Зачем? — удивился Лэйни.

— Извините. — Ямадзаки сохранил записанное, выключил ноутбук и аккуратно засунул карандаш в пружинный зажим. — Я специалист по таким вещам. У меня сложилась привычка фиксировать мелкие преходящие детали народной культуры. Ее костюм вызывает естественный вопрос: является он простым отражением мотивов этого клуба или, напротив, представляет некий глубинный отклик на травмирующий опыт землетрясения и последующего восстановления?

Глава 2

«Ло Рез Скайлайн»

Они встретились в джунглях.

Келси сделала растительность: большие яркие листья, как у Руссо,[163] мультиковые орхидеи самых что ни на есть тропических расцветок (Кья сразу вспомнила сеть магазинчиков, продающих «природные» косметические средства ярчайших неизвестных природе тонов). Сона, единственная из телеприсутствовавших, непосредственно ви-

[163] Примечания: 163

Анри Руссо (1844–1910) по кличке Таможенник — французский художник-примитивист, часто изображал тропическую природу.

девшая хоть что-нибудь, отдаленно похожее на настоящие джунгли, подложила аудио — пение птиц, невидимых, но очень натурально жужжащих насекомых и такое шуршание листьев, не как словно змеи ползут, а будто там какие-то пушистые зверьки, с мягкими лапами и любопытные.

Свет, какой уж он там был, сочился сквозь зеленый полог леса — совершенно, по мнению Кья, диснейлендовый, — хотя какая уж там особая необходимость в «свете», когда все это из одного света и сделано.

У Соны, как и всегда, не было тела, только синий, горящий ацтекский череп да синие призраки ладоней, мерцающие, как подсвеченные стробами голуби.

— Совершенно ясно, что эта бесхуевая шлюха, бесплотная, замыслила опутать его душу своими силками.

Подчеркивая категоричность суждения, над черепом вспыхнули стилизованные зигзаги молний.

Интересно, подумала Кья, как она выразилась в действительности? Что такое эта самая «бесхуевая шлюха» — артефакт мгновенного онлайнового перевода или по-мексикански дей-

ствительно можно так выразиться?

— Мы ждем надежную подтверждающую информацию из токийского отделения, — напомнила им Келси.

Келси была из Хьюстона, дочь налогового адвоката, и на нее налипло много из папашиного лексикона, а заодно и умение ждать, вызывавшее у Кья прямое раздражение, особенно в исполнении этакой феечки из древнего «аниме» с глазами, как синие блюдечки. И ведь доведись им когда-нибудь встретиться вживую, наверняка оказалось бы, что Келси выглядит как угодно, но уж точно не так, тут уж и ждать нечего. (Саму Кья представляла разве что самую малость отредактированная версия того, как она видела себя в зеркале. Ну, может, носа чуть поменьше. Губы пополнее. Но это, собственно, и все. Почти.)

— Вот именно, — сказала Сона, в ее глазищах яростно вращались миниатюрные каменные календари. — Мы ждем. А тем временем он приближается к роковой черте. А мы тут ждем. Если бы я и мои девочки только и делали, что ждали, «крысы» давно смели бы нас с проспектов.

Если верить Соне, у нее под началом была чиланга — девчоночья, вооруженная ножами шайка. Ну, может, и не самая крутая в Мехико-си-

ти, но достаточно серьезная в смысле территории и авторитета. Кья не то чтобы слишком этому верила, но так было вроде как прикольно.

— Ты так думаешь? — Феечка по-эльфийски надменно вскинулась и пораженно захлопала длинными, как у Бэмби, ресницами. — А в таковом, Сона Роса, случае, почему бы тебе не слетать в Токио и не выяснить лично, что же там происходит в действительности? То есть действительно ли Рез так и сказал, что он на ней женится, или что? Ну а заодно ты могла бы выяснить, существует она все-таки или нет.

Календари остановились, превратились в десятицентовые монетки.

Синие руки исчезли.

Череп словно уплыл в головокружительную даль, оставаясь абсолютно четким, вплоть до мельчайших деталей.

Старые штучки, подумала Кья. Увиливает.

— Но ты же знаешь, что я не могу, — сказала Сона. — Без меня тут никак не обойтись. Мария Кончита, военачальница «крыс», заявила, что…

— А нам вот по фигу, чего она там заявила! — Келси взмыла к нависавшим над поляной ветвям и повисла там, голубая феечка на фоне роскошной зелени; солнечный луч выигрышно высветил

невозможную, небывалую в природе правую скулу.

— Сона Роса — трепло вонючее! — заорала она не так чтобы очень феисто.

— Не лайтесь, — сказала Кья. — Пожалуйста. Ведь это же очень важно.

Келси мгновенно спустилась и взглянула на миротворицу:

— Тогда поедешь ты.

— Я?

— Ты, — кивнула феечка.

— Я не могу, — сказала Кья. — В Токио? Да как же я могу?

— Самолетом, а как еще.

— Не забывай, Келси, что у нас нет твоих денег.

— У тебя есть паспорт. Мы знаем, что есть. Твоя мать должна была выправить тебе паспорт во время всех этих дел с таможней. И мы знаем, что ты, нежно выражаясь, в одну школу уже не ходишь, а в другую — еще, так ведь?

— Да, но…

— А в чем проблема?

— Твой папаша большой налоговый адвокат!

— Ну да, — кивнула Келси, — и он летает взад-назад по всему миру, рубит капусту. Но ты

знаешь, Кья, что еще он заодно зарабатывает?

— Что?

— Баллы регулярного клиента. Охуенные баллы регулярного клиента. На «Эйр Магеллан».

— Интересненько, — процедил ацтекский череп.

— Токио, — сказала разнузданная фея.

Вот же я влипла, подумала Кья.

Стена напротив ее кровати была украшена огромным, шесть на шесть футов, лазерным увеличением обложки «Ло Рез Скайлайн», их первого альбома. Не такого, как продаются сейчас, а оригинального, групповой снимок, сделанный ими для этого первого, прорывного релиза на индилейбле «Сучий суп». Она скачала файл с клубного сайта в первую же неделю, как вступила, а затем нашла заведение рядом с Рынком, где делали такой большой формат. Этот снимок остался для нее самым любимым, и не просто потому, как часто говорила мать, что они там еще молодые. Матери не нравилось, что члены «Ло/Рез» такие старые, примерно ее возраста. Ну почему Кья не западает на музыку своих сверстников?

— А кто там есть, мама, ну кто?

— Ну, скажем, этот самый, «Крутой Коран».

— Отстой, мама.

Кья подозревала, что мать воспринимает время совершенно не так, как она. И не в том даже дело, что месяц казался матери не таким уж и длинным промежутком, а в том, что материнское «сейчас» было поразительно узким и буквальным. Полное подчинение сводкам новостей. Кабельное питание, вроде как бессознательным пациентам жидкую кашицу через шланг закачивают. Настоящее, заточенное до вот этого вот, прямо сейчас, момента в сводке о вертолетном трафике.

Для Кья «сейчас» было цифровым, бесконечно эластичным, мгновенное вспоминание всего чего угодно, обеспечиваемое глобальными системами, совершенно ей непонятными, да и не нуждавшимися в ее понимании.

Релиз «Ло Рез Скайлайн» состоялся — если здесь применимо это слово — за неделю (вернее, за шесть дней) до рождения Кья. Кья прикидывала, что вряд ли на этот момент в Сиэтле была хоть одна жесткая копия альбома, но ей нравилось думать, что даже тогда кто-нибудь его там слушал, какие-нибудь задвинутые визионеры, шарящие по самым захолустным инди-лейблам, вплоть до Восточно-Тайбейского «Сучьего супа».

Ну конечно же, вступительные аккорды «Позитронного предчувствия» сотрясали молекулы

сиэтлского воздуха где-нибудь здесь, в каком-нибудь соседнем подвале, в решительный момент ее появления на свет. Она знала это, точно так же, как знала, что «Заклинивший пиксель» — почти что и не песня, а просто Ло терзает чуть не на помойке подобранную гитару — проигрывался где-то, когда ее мать, почти не владевшая на тот момент английским, подбирала имя для дочки из чего-то там, крутившегося по «Телемагазинному», и вот там, в палате послеродового ухода, ласковая фонетика этих слов показалась ей наиболее подходящим сочетанием английского с итальянским, в результате чего эту самую дочку (даже тогда уже рыжую) окрестили Кья Пет Маккензи (что, как узнала потом Кья, немало позабавило ее отсутствовавшего отца-канадца).

Все эти мысли всплыли в густой, хоть сапоги ею намазывай, предрассветной темноте за секунды до того, как инфракрасная мигалка будильника беззвучно приказала галогенному софиту осветить «Ло/Рез» во всей их «Сучий-суповой» славе. Рез в расстегнутой (вроде для стеба, а вроде и нет) рубахе и Ло со своей улыбочкой и всегдашними, тогда еще не очень отросшими усами.

Хай, ребята. Нашарить дистанционное. Пощелкать инфраредом в темноту. Щелк: «Эспрессома-

тик». Щелк: обогреватель помещения.

Под подушкой непривычные формы паспорта, нечто вроде антикварного игрового картриджа, жесткий темно-синий пластик, текстурированный под кожу, золотое тиснение: герб с орлом. Мягкая бежевая пластиковая папочка с эйр-магелановскими билетами, полученная в молле от агента компании.

Ехать так ехать, как сказал попугай, когда кошка потащила его за хвост.

Она глубоко вздохнула. Материнский дом сделал то же самое, но вроде как неуверенно, хрустнув своими деревянными, озябшими от утреннего мороза костями.

Да, такси подъехало точно в назначенное время, все равно как по волшебству, и — нет, таксер не гудел, в точном соответствии с указаниями. Это Келси объяснила, как такие вещи делаются. Кроме того, Келси коротенько опросила Кья по основным обстоятельствам ее жизни и тут же сообразила подходящую легенду для ее отлучки из дома: десять дней на Сан-Хуанах[164] у Эстер Чен, чья богатенькая мать-луддитка настолько

[164] Примечания: 164

Сан-Хуаны — острова Сан-Хуан, принадлежащие США и расположенные вблизи от тихоокеанского побережья на стыке США и Канады.

боялась электромагнитного излучения, что жила в своем сооруженном из плавника и крытом дерном замке не то что без телефона, но даже без электричества.

— Скажи, — посоветовала Келси, — что ты хочешь устроить себе информационный пост, хоть на то время, пока утрясаются дела с новой школой. Ей это понравится.

Так то и вышло. Мать давно ворчала, что Кья проводит до безобразия много времени «в этих твоих гляделках и наперстках».

Кроткая, умненькая Эстер вроде бы и въезжала в музыку «Ло/Рез», но почему-то относилась к ним куда с меньшим энтузиазмом, чем следовало бы, не торчала на них. Кья любила Эстер и успела уже однажды воспользоваться гостеприимством миссис Чен в ее уединенном островном убежище. К сожалению, мамаша Эстер заставляла девиц носить специальные бейсбольные шапочки, сшитые из какой-то там ЭМИ-непроницаемой ткани, чтобы их молодые мозги хоть немного отдохнули от неощутимой, но ничуть от того не менее тлетворной электромагнитной / информационной скверны.

Кья жаловалась Эстер, что они выглядят в этих

шапочках как деревня.[165]

— Не будь расисткой, Кья.

— А я и не расистка.

— Ну, классистка.

— Да нет, тут же все дело в эстетике.

И вот теперь, закидывая в жаркий, как духовка, салон такси свою единственную сумку, она подумала о матери, спавшей сейчас за этими темными, промерзшими окнами, под грузом своих тридцати пяти лет и веселенькой, в цветочек, перины, которую Кья купила ей в «Нордстроме», и тут же почувствовала себя паршивкой, вруньей. Когда Кья была маленькая, мама носила длинную косу, увешанную на конце ракушками, ну прямо волшебный хвост какого-то мифического животного, Кья ловила эту штуку и громко хохотала. И дом тоже выглядел как-то грустно, словно жалел о ее отъезде, белая краска на девяностолетней кедровой вагонке шелушилась, обнажая серую, предыдущую. А вдруг я никогда сюда не вернусь? — подумала Кья и зябко поежилась.

— Куда? — спросил водила, негр в нейлоновой

---

[165] Примечания: 165

Здесь и дальше Гибсон употребляет слово «meshback», буквально обозначающее летнюю кепочку с сетчатым затылком, как якобы существующую идиому для провинциальной ограниченности и т. д., см. по тексту. Соответствует русскому «деревня», «темнота», «придурок».

пуховке и плоской клетчатой шапочке.

— «Си-Так»,[166] — сказала Кья и откинулась на спинку. Разворот, и — мимо древнего «лексуса», соседи выставили его в своем подъезде, взгромоздили на большие бетонные блоки.

В этот ранний час в аэропорту было не просто неуютно, а даже жутковато. Какая-то такая пустота, что-то такое над тобой нависает, что-то большое, полое и грустное. Коридоры и уходящие по ним люди. Соседи в очереди, люди, которых ты никогда прежде не видел и никогда больше не увидишь. Кья переложила билет и паспорт из правой руки в левую, поправила на плече ремень сумки. Ей очень хотелось кофе. Кофе был дома, в «Эспрессоматике», вторая, так и не выпитая чашка. Нужно было хоть вылить его, а чашку вымыть, а то ведь плесенью зарастет.

— Да?

У контролера была полосатая рубашка, галстук с косой полоской эйр-магеллановских логотипов и тускло-зеленый нефрит в нижней губе. Интересно, он вынимает эту штуку на ночь? И как тогда выглядит его губа? Кья решила, что уж она-то

[166] Примечания: 166

«Си-Так» — аэропорт «Сиэтл-Такома». Такома — портовый город в штате Вашингтон, примерно в 100 км к югу от Сиэтла.

никогда такого с собой не сделает. Она подала ему свою бежевую папочку. Мужик раскрыл папочку, вытащил билет и вздохнул, всем своим видом показывая, что она и сама могла бы это сделать.

Прошелся по билету сканером.

— «Эйр-Магеллан» один-ноль-пять до Нариты, с экономическим обратным.

— Да, все правильно, — услужливо подтвердила Кья, но мужик вроде не оценил ее стараний.

— Паспорт.

— Пожалуйста.

Мужик взглянул на паспорт так, словно в жизни не видел ничего подобного, а потом запихнул его в прорезь своей конторки. У прорези были алюминиевые закраины, сильно ободранные и обклеенные прозрачным скотчем. Скотч кое-где отставал и на этих местах густо облип с оборота грязью. Мужик смотрел на невидимый Кья монитор. Вот возьмет сейчас и скажет, что ей лететь нельзя. Кья снова вспомнила ту чашку кофе. Даже остынуть-то не успеет.

— Двадцать три «дэ», — сказал мужик, глядя, как из другой прорези выползает посадочный талон. Он взял высунувшийся из первой прорези паспорт и вернул его Кья вместе с билетом и талоном. — Выход пятьдесят два, синий зал.

Багаж сдаете?

— Нет.

— Пассажиры, прошедшие проверку, могут быть подвергнуты безболезненной и безопасной, не нарушающей целостности организма процедуре взятия образцов ДНК.

Мужик выпалил это залпом, как одно кошмарно длинное слово; пассажиры и сами все знали, но по закону он обязан был их предупредить.

Кья спрятала паспорт и билет во внутренний карман парки, оставив в руке только посадочный талон, и пошла искать синий зал. Чтобы добраться до него, ей пришлось пройти вниз и воспользоваться одним из этих поездов, которые вроде как из лифтовых кабинок, только ползут не сверху вниз, а вбок. Через полчаса она уже прошла проверку и недоуменно разглядывала пломбы, навешанные на все застежки ее сумки. Какие-то колечки из ярко-красной резинистой карамели. Кья никак этого не ожидала, она рассчитывала найти в зале отправления платный терминал, подключиться и сообщить подружкам, что пока что все в порядке. Когда она летала в Ванкувер пожить у дяди, никаких там пломб не навешивали, но это же, считай, и не международный рейс, во всяком случае, теперь, после

соглашения.

Подъезжая на резиновой движущейся дорожке к пятьдесят второму выходу, она уже издалека увидела яркую синюю мигалку. Небольшой барьерчик, солдаты. Пассажиры все подходили и подходили, а солдаты выстраивали их в очередь. Все они были в камуфляже и выглядели немногим старше, чем ребята из ее последнего класса.

— Вот же мать твою, — сказала ехавшая впереди женщина, блондинка с роскошными — и, конечно же, удлиненными за счет чужих, приживленных — волосами. Большие красные губы, многослойный грим, подложенные плечи, микроскопическая красная юбочка, белые ковбойские сапоги. Вроде этой кантри-певицы, на которой торчит мама. Ашли Модин Картер. Темнота, но с деньгами.

Кья сошла с резиновой дорожки и встала в очередь за женщиной, похожей на Ашли Модин Картер.

Солдаты брали у пассажиров образцы волос и совали их паспорта в прорезь вроде той, недавней. Кья сообразила, что это чтобы проверить, правда ли ты действительно ты, ведь в паспорте записано что-то такое про твою ДНК, полосатым кодом.

Приборчик, бравший образцы, представлял собой маленькую серебряную трубочку, которая засасывала несколько прядей и обрезала их кончики. Таким манером, подумала Кья, они могут собрать крупнейшую в мире коллекцию волосяных обрезков. Подошла очередь блондинки. На проверке ДНК стояли два зеленых солдатика, один орудовал этой самой трубочкой, а другой тараторил каждому пассажиру, что, дойдя досюда, вы тем самым согласились на отбор образцов и предъявите, пожалуйста, паспорт.

Подавая свой паспорт, блондинка как-то мгновенно вспыхнула откровенной, вызывающей сексуальностью, ну словно лампочку в ней включили; сраженный лазерной улыбкой солдатик часто заморгал, сглотнул, чуть не выронил паспорт, но затем все-таки засунул его в маленькую, подвешенную к барьеру консоль. Второй солдатик поднял свой жезл. Блондинка небрежно подцепила одну из наращенных прядей и протянула солдату ее кончик. Вся эта процедура, включая возвращение паспорта, заняла не больше восьми секунд, по лицу солдатика, бравшего у Кья паспорт, все еще гуляла глупая, мечтательная улыбка.

Блондинка прошла за барьер. Кья была почти

уверена, что вот сейчас, на ее глазах было совершено тяжкое, проходящее по юрисдикции федеральных властей преступление. Сказать солдатам?

Ничего она им не сказала, а они уже отдавали ей паспорт, и она взяла его, миновала барьер и пошла к пятьдесят второму выходу. А блондинка куда-то вдруг пропала.

Потом Кья стояла и смотрела на бегающие по стенам рекламы, а потом из динамика сказали проходить на посадку, первым проходит первый ряд сидений, затем второй и так далее.

Кья ждала взлета, посасывая выданный стюардессой леденец, а место 23E все пустовало и пустовало. Единственное вроде бы пустое место во всем самолете. Если никто не придет, можно будет опустить подлокотники и прилечь. Она пыталась выставить защитное психическое поле, вайбы, которые никому не позволят прибежать в самую последнюю секунду и плюхнуться в это кресло. Сона Роса — вот кто настоящая специалистка, ведь это же одно из боевых искусств, практикуемых ее бабской шайкой. Кья никогда не понимала, ну как можно всерьез верить, что такая штука сработает.

А она и не сработала, потому что в проходе

появилась та самая блондинка, и она, похоже, узнала свою соседку, а может, Кья это просто показалось.

Глава 3

Почти цивильно

Лэйни не представилось возможности полюбоваться напоследок на эту татуировку, потому что была среда. Кэти Торранс стояла посреди «Клетки», смотрела, как он подчищает свой шкафчик, и орала. На ней был серый с розовым отливом бумазейный блейзер от Армани и юбка в масть, скрывавшая послание из дальнего космоса. В расстегнутом вороте белой, мужского покроя рубашке скромно поблескивает ниточка жемчуга. Парадная форма. Сегодня Кэти вызывали на ковер, один из ее подчиненных оказался дезертиром, ренегатом, а может, и вероотступником.

Лэйни умозаключал, что ее гнев извергается из широко распахнутого рта, однако все звуки этой ярости бесследно тонули в громовом шипении генератора белого шума. Инструктируя Лэйни перед его последним визитом в «Слитскан», адвокаты настоятельно рекомендовали ему не

выключать эту штуку ни на секунду. И он не должен был делать никаких заявлений. А что уж там заявляли — или орали — другие, этого он попросту не слышал.

Потом он иногда задумывался: каким конкретно образом могла она сформулировать свое бешенство? Краткое изложение все той же теории славы и ее цены с дополнениями о роли, играемой в этих делах «Слитсканом», и о неспособности Лэйни функционировать в рамках системы? Или она полностью сосредоточилась на его предательстве? Но он ничего не слышал, он попросту складывал никому не нужные вещи в мятую пластиковую коробку, все еще хранившую запах мексиканских апельсинов. Испорченный, с треснувшим экраном ноутбук, прошедший с ним через колледж. Кружка-термос с полуотклеившимся лого «Ниссан Каунти». Кое-какие заметки, написанные на бумаге, в грубое нарушение правил фирмы. Залитый кофе факс от женщины, с которой Лэйни спал в Икстапе; он уже не помнил, как ее звали, а инициалы на этой бумажке невозможно разобрать. Бессмысленные ошметки его личности, которым уготован вечный покой в ближайшем мусорном бачке. Но он хотел забрать оттуда все, подчистую, а Кэти все орала и орала.

Теперь, в кафкианском этом клубе, он подумал, что, наверное, она сказала, что он никогда не найдет работу в этом городе, и так оно, пожалуй, и есть. Предательство интересов фирмы, на которую работаешь, это и вообще один из самых серьезных проколов в биографии, а в этом городе так и самый, пожалуй, серьезный, тем более когда причиной этого предательства стали, если выражаться языком столетней давности, «угрызения совести».

Сейчас это выражение показалось ему очень забавным.

— Вы улыбнулись, — сказал Блэкуэлл.

— Дефицит серотонина.

— Пища, — сказал Блэкуэлл.

— Да я, в общем-то, и не голодный.

— Нужно подзаправиться углеводами, — сказал Блэкуэлл и встал. Стоя, он занимал поразительно много места.

Лэйни и Ямадзаки тоже встали и последовали за австралийцем. Из тараканьего света в хром и неон каньона Роппонги-дори. В ночной промозглости — вонь тухлой рыбы и лежалых фруктов, чуть смягченная приторной сладостью китайского топливного спирта, выхлопом машин, мчащихся по экспресс-вэю. Однако ровный, при-

вычный голос трафика успокаивал, да Лэйни и просто нравилось быть в вертикальном положении, двигаться.

Если двигаться и двигаться, он, возможно, сумеет проникнуть в смысл Кита Алена Блэкуэлла и Синьи Ямадзаки.

Блэкуэлл вел их пешеходным мостиком. Рука Лэйни, скользившая по металлическим перилам, споткнулась о небольшую неровность. Он повернул голову и встретился взглядом с голой, обворожительно улыбающейся девушкой. Маленький, с ладонь размером, голографический стикер, а неровность — какая-то складка, плохо наклеили. Угол зрения чуть изменился, и девушка указала на телефонный номер, горевший над ее головой. Весь, из конца в конец, парапет заклеен подобными рекламками, а немногие аккуратные бреши — это кто-то отодрал понравившуюся голограмму для своих личных нужд.

Мостик закончился, пешеходы на тротуаре расступились перед громадой Блэкуэлла, как прогулочные лодки перед океанским лайнером.

— Углеводы, — бросил австралиец через горный кряж своего плеча и свернул в проулок.

В тесную, многоцветно освещенную утробу, мимо круглосуточной ветеринарной клиники.

За витринным стеклом два человека в белых халатах, хирурги, оперируют… кошку? Наверное, кошку. У витрины собралась небольшая кучка скучающих зевак.

Блэкуэлл боком протиснулся в яркую пещеру. Массивная, из искусственного гранита стойка, пар над варочным автоматом.

Когда подошли Лэйни и Ямадзаки, раздатчик уже раскладывал по мискам порции ароматной, жирно поблескивающей коричневой лапши.

Лэйни смотрел на Блэкуэлла. Блэкуэлл поднес миску ко рту и разом — вдохнул, что ли? — все содержимое, перерубив приставшие ко дну лапшинки одним точным движением пластиковых зубов. Мускулы на его шее мощно заходили.

Лэйни смотрел.

Блэкуэлл вытер рот тыльной стороной огромной ладони, розовым лабиринтом шрамов. Отрыгнул.

— Дай-ка нам один из этих детских рожков «сухого»…

Один глоток, и он рассеянно, словно бумажный стаканчик, раздавил пустую стальную банку. Постучал миской, привлекая внимание раздатчика.

— То же самое.

Лэйни почувствовал острый голод (из-за этой малоаппетитной сцены? Несмотря на нее?) и занялся своей собственной миской, саргассовой путаницей лапши, украшенной сверху розовыми (краска?), бумажно тонкими ломтиками мяса.

Лэйни ел молча, Ямадзаки — тоже. Блэкуэлл осушил еще три банки пива, безо всякого видимого эффекта. Когда Лэйни допил остатки бульона и поставил миску на стойку, его глаза зацепились за висевшую на стенке рекламу напитка, именуемого «Эппл Ширз Отентик Фаин Фрут Беверидж». Но сперва он прочитал «Элис Ширз». Так звали девушку, из-за которой в нем так не вовремя проснулась совесть.

«Эппл Ширз — теплая влага жизни» — сообщала реклама.

Элис Ширз, увиденная впервые на анимированных снимках на пятом месяце его работы в «Слитскане». Довольно привлекательная девушка, бормочущая свои данные воображаемым режиссерам, вербовочным агентам, неизвестно кому, кому угодно.

Он изучал лицо на экране, а Кэти Торранс — его собственное.

— Ну как, Лэйни, не заторчал? Аллергия на смазливых? Первые симптомы: постоянная раз-

дражительность, обида на весь свет, смутное, но неотступное ощущение, что тебе делают гадости, используют в своих целях…

— Да она ж даже не такая «смазливая», как две предыдущие.

— Вот именно. Она выглядит почти нормально. Почти цивильно. Зацепи ее.

— Зачем? — повернулся Лэйни.

— Зацепи. Он может соскочить, притворяясь, что она официантка или еще что в этом роде.

— Ты думаешь, это та самая?

— Можно без труда насчитать еще сотни три кандидаток. Но ты же понимаешь, Лэйни, что надо с чего-то начинать.

— Наугад?

— Мы называем это «чутье». Зацепи ее.

Лэйни щелкнул клавишей, бледно-голубая стрелка курсора впилась в затемненное веко потупленного глаза, выделяя девушку для более тщательного изучения, как возможную любовницу некоего знаменитого артиста, чья безупречная семейная жизнь была предметом всеобщего восхищения. Вот его славу Кэти Торранс и понимала, и одобряла. Человек, не пытающийся идти против жестких законов пищевой пирамиды. Крупный, но не настолько, чтобы «Слитскан»

не мог его проглотить. Правда, до настоящего времени он — и те, кто уж там им крутит, — вели себя очень осторожно. Или им просто везло.

Но хорошенького понемножку. По одному из «тайных каналов», на которые опиралась Кэти Торранс, ее ушей достиг некий слушок, так что теперь пищевая пирамида сможет заняться своим привычным делом.

— Проснитесь, — сказал Блэкуэлл. — Вы падаете лицом в миску. Расскажите лучше, как вы потеряли последнюю свою работу, иначе мы не сможем предложить вам другую.

— Кофе, — сказал Лэйни.

Лэйни особо подчеркнул, что он не вуайер, не любитель подглядывать в замочную скважину. Просто у него есть умение обращаться с информационными структурами, плюс медицински зафиксированная неспособность подолгу концентрировать внимание на одном предмете, которую он может при определенных обстоятельствах переводить в состояние патологической гиперсосредоточенности. В результате, продолжал он над кофе с молоком в одном из заведений токийского филиала «Амос + Анды», из него получился очень хороший исследователь. (Лэйни не стал

упоминать ни федеральный детский приют в Гейнсвилле, ни предпринимавшиеся там попытки вылечить его от недостатка концентрации, испытания «5-SB» и все такое.)

В смысле устройства на работу существенным было только то, что он обладал интуитивной способностью подмечать информационные следы, своеобразные отпечатки пальцев, непроизвольно оставляемые каждым человеком в процессе рутинной, но бесконечно многогранной жизни в цифровом обществе. В большинстве случаев недостаток концентрации почти что и не был заметен, однако при работе на компьютере он заставлял Лэйни все время «щелкать переключателем» — перескакивать от программы к программе, от базы данных к базе данных, от платформы к платформе, перескакивать таким… ну, скажем, интуитивным образом.

Ну и конечно же, при устройстве на работу эта интуитивность неизбежно порождала трудности: Лэйни был чем-то вроде шамана, кибернетического лозоходца. Он не мог объяснить, как он делает то, что делает. Он и сам этого не знал.

Он пришел в «Слитскан» из «Дейтамерики» со скромной должности ассистента-исследователя в проекте с кодовым названием TIDAL. К чести

корпоративной культуры «Дейтамерики», Лэйни так никогда и не узнал, ни что значит это слово, ни (хотя бы отдаленно) с чем связан этот проект. Он проводил все свое время, мечась по необозримым просторам недифференцированных данных в поисках «узловых точек», различать которые обучила его группа французских ученых.

Все эти французы были страстными теннисистами, и ни один из них не обеспокоился объяснить ему, что это такое — узловые точки. Мало-помалу Лэйни начало казаться, что он — нечто вроде негра-проводника, сопровождающего европейских охотников в африканских джунглях. Они там на что-то такое охотились, а он вспугивал на них дичь. Но уж всяко там было лучше, чем в Гейнсвилле, смешно и сравнивать. А затем TIDAL, чем бы он там ни занимался, прикрыли, а другой работы ему вроде как и не нашлось. Французы уехали, а когда Лэйни пробовал поговорить с другими исследователями, мол, чем вы тут, ребята, занимаетесь, они смотрели на него, как на психа.

Когда он пришел устраиваться в «Слитскан», интервьюировала его Кэти Торранс. Он и знать не знал, что она начальница отдела и что скоро она будет его боссом, и без особых, в общем-то, разду-

мий рассказал ей о себе всю правду. Почти всю.

Лэйни в жизни не видел таких бледных, представить себе не мог, что такие бывают. Такая бледная, что чуть не просвечивала. (Позднее он узнал, что это наполовину от природы, а наполовину благодаря косметике, в частности некоей британской линии кремов, в рекламах которой упоминались «уникальные светопреломляющие свойства».)

— Мистер Лэйни, вы всегда носите малазийские имитации брукс-бразеровских рубашек из синего Оксфорда?

Лэйни недоуменно скосился на свою рубашку.

— Малайзия?

— Шаг строчки тик в тик, но они так еще и не научились регулировать натяжение нитки.

— О!

— Ничего. Мелкое идиотское пижонство вроде привычки одеваться в оригиналы могло бы вызвать здесь определенный frisson.[167] Кстати, вы могли бы расслабить галстук. Непременно расслабьте галстук. И так и храните в нагрудном кармане эту очаровательную коллекцию фломастеров. Непожеванных, пожалуйста. Хорошо бы

---

[167] Примечания: 167
Дрожь, содрогание (франц.).

дополнить ее таким, знаете, толстым, плоским хайлайнером какого-нибудь особо мерзкого флюоресцентного оттенка.

— Вы шутите?

— Возможно, мистер Лэйни. Можно, я буду называть вас Колин?

— Конечно.

Она никогда не называла его Колин — ни тогда, ни потом.

— Вы скоро увидите, мистер Лэйни, что в «Слитскане» невозможно без юмора. Необходимый инструмент выживания. Параллельно вы увидите, что по большей части юмор бытует здесь в весьма неявной своей разновидности.

— Это как, мисс Торранс?

— Кэти. Это так, что цитировать его в докладной записке весьма затруднительно. Равно как и в судебных показаниях.

Ямадзаки был хорошим слушателем. Он молчал, сглатывал, теребил верхнюю пуговицу своей ковбойки, делал десятки других, столь же малозначительных жестов и как-то так все время этим показывал, что внимательно слушает Лэйни, не теряет нить его рассказа.

Кит Алан Блэкуэлл, этот вел себя совершенно иначе. Он сидел чудовищной грудой мяса, совер-

шенно неподвижно, разве что иногда начинал тискать пальцами пенек своего левого уха. Блэкуэлл делал это откровенно и беззастенчиво и, как показалось Лэйни, то ли с удовольствием, то ли ради облегчения. После каждого очередного тискания рубцовая ткань благодарно розовела.

Лэйни сидел на обтянутой мягким пластиком скамейке спиной к стене. Ямадзаки и Блэкуэлл расположились по другую сторону узкого стола. За ними, над однообразно черноволосыми головами местных полуночников, на фоне неправдоподобно красочного заката в заснеженных Андах парила голографическая физиономия.

Губы шаржированного под мультфильм Амоса были как ярко-красные сосиски; где-нибудь в районе Лос-Анджелеса заведение, рискнувшее выставить такую расисткую карикатуру, быстро схлопотало бы десяток бутылок «молотов-коктейля». Трехпалая, обтянутая белой перчаткой лапища картинно держала белую же дымящуюся кофейную чашку.

Ямадзаки вежливо кашлянул.

— Продолжайте, пожалуйста. Вы делились с нами своими впечатлениями от «Слитскана».

Для начала Кэти Торранс предоставила Лэйни возможность побаловаться нет-серфингом в

слитскановском стиле.

Она прихватила из «Клетки» пару компьютеров, шуганула из SBM четверых сидевших там сотрудников, пригласила Лэйни и заперла дверь. Стулья, круглый стол, на стене — большая доска, чтобы развешивать иллюстративный материал. Подключив компьютеры к дейтапортам, Кэти вызвала на оба экрана одинаковые изображения. Парень лет двадцати пяти — двадцати шести, с длинными, мышиного цвета патлами. Козлиная бородка, золотая серьга. Лицо, не означавшее для Лэйни ровно ничего. С равной вероятностью это могло быть лицо, которое он видел час назад на улице, или лицо занюханного актеришки из низкорейтинговой мыльной оперы, или лицо маньяка, в чьем морозильнике нашли несколько пластиковых мешков, битком набитых пальцами убитых людей.

— Клинтон Хиллман, — сообщила Кэти Торранс. — Парикмахер, специалист по приготовлению суси, музыкальный журналист, статист в среднебюджетной жесткой порнухе. — Она постучала по клавиатуре, натурализуя изображение. Глаза и подбородок второго, на ее экране, Клинтона сильно поубавились в размере. — Скорее всего, он сам это и делал. С профессиональной обработ-

кой нам попросту было бы не с чего начинать.

— Он что, правда снимался в порно?

В Лэйни шевельнулась смутная жалость к Хиллману; теперь, без подбородка, он был весь какой-то жалконький, беззащитный.

— Их мало интересует размер подбородка. — Кэти машинально взглянула на экран. — Главное в порно — это действие, движения. Сверхкрупным планом. Там снимаются сплошь дублеры, одно тело, а лица приделывают потом. Но как ни крути, кто-то все равно должен вставать из окопа и пороть уродин.

— Ну если вы так считаете…

— Сделай его. — Она протянула Лэйни профессиональные, обтянутые резиной томпсоновские очки.

— Сделать?

— Его. Поищи эти самые узловые точки, о которых ты мне тут рассказывал. Этот снимок — выход на все, что о нем имеется. На все эти гигабайты зеленой тоски. Эта информация, Лэйни, подобна морю крахмального клейстера. Бескрайние просторы пошлой заурядности — или заурядной пошлости, как уж тебе больше нравится. Он скучал, Лэйни, скучал непогрешимо, эталонно. Сделай его, доставь мне хоть малую

радость. Сделай, и мы возьмем тебя на работу.

Лэйни взглянул на свой экран, на приукрашенного Хиллмана.

— Вы не сказали мне, что я должен искать.

— Все, что может заинтересовать «Слитскан». Иначе говоря, Лэйни, все, что может заинтересовать обобщенного зрителя «Слитскана». Какового можно для удобства визуализировать в виде ленивого, порочного, патологически невежественного, ненасытного существа, вечно алчущего свеженького, с кровью, мяса избранников божьих. Лично мне он представляется как нечто размером с карликового бегемота, цвета вареной картошки, на месяц забытой в кастрюле, живущее в темноте, в полном одиночестве, в отдельном домике на задворках Топеки.[168] Оно сплошь покрыто глазами и все время потеет. Пот попадает в эти глаза и щиплет их. У него, Лэйни, нету рта, нету гениталий, а потому оно может выражать свою звериную ярость и свои инфантильные желания только одним способом: переключая каналы на пульте дистанционного управления. Ну или участвуя в президентских выборах.

---

[168] Примечания: 168

Топека — умеренных размеров город, столица Канзаса.

— «Эс-би-эм»?

Ямадзаки раскрыл свой ноутбук и вытащил световой карандашик. Лэйни не имел ничего против. С этими штуками в руках японец выглядел вроде даже как более уютно.

— Стратегический бизнес-модуль, — объяснил он. — Небольшой такой зал для совещаний. Слитскановская почтовая контора.

— Почтовая контора?

— Калифорнийская система. У сотрудников нет своих столов. Берешь в «Клетке» компьютер и телефон, тащишь туда. Если нужно много периферии, подключаешься к мультистолу. SBM предназначены для деловых встреч, но модулей постоянно не хватает — потребуется, а все заняты. Там теперь в моде виртуальные встречи, секретность выше. Все твое барахло хранится в твоем личном шкафчике. Делать распечатки не рекомендуется, а внешнюю рассылку — и тем более.

— Почему?

— Ты можешь скопировать что-нибудь из внутренней сети, а потом оно может просочиться наружу. Вот этот ваш ноутбук, его бы никогда не выпустили из «Клетки». А если ничего не делается на бумаге, они регистрируют абсолютно все:

каждое соединение, каждую вызванную картинку, каждый нажим на клавишу.

— Секьюрити, — кивнул Блэкуэлл; на его щетинистом черепе играли красные отблески толстых, как автомобильные камеры, губ Амоса.

— И что же, мистер Лэйни, вы добились успеха? — спросил Ямадзаки. — Вам удалось найти эти… узловые точки?

Глава 4

Разархивированная Венеция

— А теперь заткнись, — сказала женщина с места 23E, хотя Кья ничего и не говорила, а пробиралась себе по одиннадцатому уровню дурацкой, специально для авиапассажиров, версии «Звезданутых войн». — Сестра расскажет тебе историю.

Кья подняла голову от встроенного в спинку кресла 22Д экрана. Блондинка смотрела не на нее, а куда-то вперед. Ее экран был откинут вниз как столик, и она успела уже прикончить последний из пяти стаканов охлажденного томатного сока, которые раз за разом приносил стюард за отдельную плату. В каждом стакане зачем-то торчал квадратный, обструганный кусок сельдерейного

корня, на манер соломинки или палочки для помешивания, но блондинка их даже и в рот не брала, а просто складывала на столике квадратной рамочкой, вроде как ребенок строит стены игрушечного домика или загородку для маленьких игрушечных зверюшек.

Кья посмотрела на свои пальцы, переставшие бегать по эйр-магеллановскому одноразовому тачпэду. Снова на блондинку. И встретила взгляд лихорадочно блестящих, щедро подведенных глаз.

— Есть такое место, где всегда свет, — сказала блондинка. — Яркий, везде. Ни одного темного уголка. Яркий, как туман, как словно что-то сыплется, всегда, каждую секунду. Всех, какие бывают, цветов. Башни, что верхушки и не увидишь даже, и падает свет. Внизу они нагромождают бары. Бары, и стрип-клубы, и дискотеки. Нагромождены, как коробки от обуви, один на другом. И там без разницы, как далеко ты залезла вглубь, сколько лестниц прошла, на скольких лифтах поднялась, забейся ты хоть в самую дальнюю, самую крошечную комнатку, свет все равно тебя отыщет. Свет, который взрывается из-под двери, как порох. Прекрасный, ты не представляешь себе, какой прекрасный. Взрывается под твоими

веками, если ты вдруг сумеешь уснуть. Но разве ж ты захочешь спать — там. В Синдзюку. Разве захочешь?

Кья неожиданно ощутила огромный вес самолета, устрашающую невозможность его движения сквозь промерзлую ночь, над черными, невидимыми водами Тихого океана. Невозможность, ставшую будничным фактом.

— Нет.

Тем временем «Звезданутые войны» скинули ее за невнимательность уровнем ниже.

— Нет, — кивнула женщина, — ты не захочешь. Я знаю. И никто не захочет. Но они тебя заставляют. Заставляют. В самом центре мира.

Она откинула голову на спинку, закрыла глаза и начала похрапывать.

Кья вышла из «Звезданутых войн» и убрала тачпэд в карман сидения. Ей хотелось вопить во весь голос. Что это такое? О чем она, эта женщина?

Подошедший стюард смел сельдерейные палочки в салфетку, взял пустой стакан, вытер и поднял столик.

— Моя сумка? — сказала Кья, указывая вверх. — В ящике?

Стюард открыл лючок, достал сумку, опустил ей на колени.

— А как открыть эти штуки? — Она тронула пальцем красные упругие кольца, соединившие замки молний.

Стюард потянулся к поясу и достал из маленького черного футлярчика маленький черный инструмент, сильно смахивавший на штучку, которой ветеринары стригут собакам когти. Перекусываемые кольца звонко щелкали и превращались в крошечные шарики, стюард ловко ловил эти шарики в подставленную ладонь.

— Ничего, что я это погоняю?

Она открыла сумку и показала ему «Сэндбендерс», засунутый между четырьмя парами колготок.

— Выхода в сеть отсюда нет, только в первом и в бизнес, — развел руками стюард. — А так — пожалуйста. Можете, если хотите, подключиться к дисплею в спинке кресла.

— Спасибо, — кивнула Кья. — У меня есть очки. Стюард пошел дальше.

Блондинка мерно похрапывала.

Самолет качнуло на воздушной яме, блондинка чуть сбилась с ритма и захрапела еще громче. Очки и наперстки лежали в сумке сбоку, аккуратно упакованные в чистое белье; Кья развернула их и положила на сиденье между собой и правым под-

локотником. Затем она вытащила «Сэндбендерс», застегнула сумку, опустила ее на пол и затолкала ногой под переднее сиденье. Ей хотелось уйти отсюда, из этой обстановки, и чем скорее — тем лучше.

Пристроив «Сэндбендерс» себе на колени, она тронула кнопку «проверка аккумуляторов». Восемь часов в самом экономном режиме, а то и меньше. Ничего, хватит. Кья размотала вывод очков, подключила его к разъему. Выводы наперстков перепутались, как это у них принято. Не спеши, сказала она себе, только не спеши. Порвешь сенсорную ленту, и сиди здесь потом всю ночь в компании клона Ашли Модин Картер. Маленькие серебряные колпачки, гибкие каркасики, куда засовывать пальцы, спокойно, не дергайся, вот видишь, все и получилось. Теперь повключать их. Разъем, разъем, разъем…

Блондинка что-то пробормотала во сне. Если это называется сном.

Кья взяла очки, надела их, даванула большую красную кнопку.

— И на хрен отсюда.

Так оно и было.

Она сидела на краю своей кровати и смотрела на постер «Ло Рез Скайлайн». Пока Ло не обратил

на нее внимание. Он провел пальцем по своим недорослым усикам и ухмыльнулся.

— Привет, Кья.

— Привет.

Приходилось говорить почти беззвучно, чтобы вокруг не слышали, но она давно уже так умела.

— Что нового, сестричка?

— Я в самолете. Лечу в Японию.

— В Японию? Круто. Слышала наш Будоканов-вый диск?[169]

— Знаешь, Ло, мне чего-то не хочется сейчас разговаривать.

А тем более — с виртуальным персонажем, пусть и самым милейшим.

— Как знаешь.

Ло сверкнул своей кошачьей ухмылочкой и застыл, снова стал фотографией. Кья окинула комнату взглядом и ощутила укол разочарования. Все было вроде и так, и как-то не так, не нужно было использовать эти фрактальные пакеты, которые все малость поганят, вот и в углах вроде как пыль, и вокруг выключателя какие-то

---

[169] Примечания: 169

Будокан («Ниппон будокан») — спортивно-концертный комплекс в Токио; по основному профилю и в буквальном переводе — «Дворец боевых искусств». Концертные альбомы «Live at Budokan» выпускали Боб Дилан, Эрик Клэптон, Ян Гиллан, Оззи Осборн и т. д. и т. п.

потеки. Сона Роса, так та от этих штук вообще беленится. В нормальной обстановке Кья любила, чтобы конструкт был чистехонький, чище, чем сама комната после большой приборки, и теперь ей остро захотелось домой, к качественной картинке.

Движением пальцев она направила себя в гостиную, с лету проскочив мимо, считается, двери в материнскую спальню. Дверь была едва намечена, а за ней, внутри, не было никакого «внутри», интерьера. Гостиная тоже была так себе, приблизительная, мебель в ней Кья прямо скинула из старой, до «Сэндбендерса», системы «Плеймобил». В стеклянном кофейном столике (это ж во сколько лет я его сделала? В девять, вот во сколько) ходили кругами хило оцифрованные золотые рыбки. Деревья за окном были еще старее: коричневые, идеально цилиндрические стволы с ядовито зелеными ватными комьями непроработанной листвы. Если посмотреть на них подольше, там, за окном, появится Мумфалумфагус и захочет поиграть, поэтому она поспешила отвести глаза.

Кья пристроила себя на плеймобилскую кушетку и окинула взглядом программы, разбросанные по кофейному столику. Софтвер системы «Сэнд-

бендерс» выглядел как брезентовый мешок для воды, из тех, какими пользовались когда-то в армии (вот где лишний раз пригодился любимый ее справочник «На что похожи вещи»). Потертый бурдюк выглядел на редкость натурально, с крошечными бисеринками воды, проступающими сквозь плотную ткань. Если приблизиться совсем вплотную, оказывалось, что в этих капельках отражаются самые разные вещи: участок микросхемы, напоминающий то ли вышивку бисером, то ли шкурку на горле ящерицы, длинный, пустынный пляж под серым, пасмурным небом, горы под дождем, вода ручья, бегущего по разноцветной гальке. Хорошая фирма «Сэндбендерс», самый топ. На запотевшем брезенте чуть проступала надпись: СЭНДБЕНДЕРС, ОРЕГОН, словно выгоревшая под жарким пустынным солнцем. СИСТЕМА 5.9. (У Кья были все апгрейды, вплоть до 6.3. Народ говорил, что в 6.4 полно багов.)

Рядом с бурдюком лежало ее школьное хозяйство: канцелярская папка, сильно поеденная нарочно наведенной цифровой плесенью. Нужно переформатировать, напомнила себе Кья. Стыдно же являться с таким в новую школу, детство какое-то.

Записи «Ло/Рез», альбомы, сборники и бутлеги

имели вид оригинальных дисков. Все они были навалены, вроде как небрежно, рядом с архивом. Архив этот Кья собирала с того самого времени, как ее приняли в Сиэтлское отделение, и выглядел он, благодаря потрясающему обмену с одним шведским фэном, как жестяная, ярко литографированная коробка для завтрака. Сильная вещь. Кья прямо тащилась от плоской прямоугольной крышки, с которой глупо пялились мутноглазые и какие-то ошалелые, словно пыльным мешком стукнутые, Ло и Рез. Этот швед, он сканировал пять раскрашенных поверхностей с оригинала и навел их на пространственный каркас. Оригинал был вроде непальский и уж точно нелицензированный.

Сона Роса все хотела махнуться, но ничего толком не предлагала, разве что комплект не совсем приличных рекламных роликов к их пятому выступлению в Мексиканском Куполе, но ролики эти были не такие уж слишком неприличные, да и вообще скучные, так что Кья отказывалась. Другое бы дело документальный фильм, сделанный — вроде бы сделанный — одним из филиалов «Глобо» во время их бразильского турне. Вот это бы Кья хотела, а ведь Мехико, он в той же стороне, что и Бразилия.

Она пробежала пальцем по корешкам дисков (рука контурами, на кончике пальца — дрожащее пятнышко, вроде капельки ртути) и снова задумалась о Слухе. Слухи и раньше бывали, и сейчас есть, и всегда они, слухи, будут. Был, скажем, слух про Ло и эту датскую модель, что они думают пожениться, и слух этот вполне мог быть верным, хотя свадьба так и не состоялась — ну думали, а потом передумали. И про Реза тоже всегда ходили слухи, что он то с той, то с этой. Но это ж всегда были люди. И датская модель, она тоже человек — засранка, конечно же, но все равно человек. А этот Слух — он совсем другое дело.

Какое? А для того она и летела в Токио — чтобы выяснить наконец какое.

Она выбрала «Ло Рез Скайлайн».

Виртуальная Венеция, присланная ей отцом на тринадцатилетие, выглядела, как древняя, пыльная книга, коричневая кожа переплета кое-где протерлась и стала похожей на замшу — цифровой аналог обработки джинсов в стиральной машине, набитой мячиками для гольфа. Рядом с книгой лежала серая, безликая папка с копиями свидетельства о разводе и соглашением о передаче Кья под опеку матери.

Она пододвинула Венецию к себе и раскрыла.

Рыбка дернулась и на мгновение вспыхнула — прошел запуск подпрограммы.

Разархивированная Венеция.

Пьяцца в зимнем монохроме, фасады текстурированы под мрамор, порфир, шлифованный гранит, яшму, алебастр (вкусные названия минералов прокручиваются при желании в периферийном, на самом краю поля зрения, меню). Город крылатых львов и золотых коней. В недвижный час серого, нескончаемого рассвета.

Можно навестить его в одиночку, а можно с Мьюзик-мастером.

Отец — он звонил из Сингапура, поздравлял ее с днем рождения — сказал тогда, что Гитлер при своем первом и единственном посещении города смылся от сопровождения, чтобы побродить по этим улицам одному, в эти же самые предрассветные часы, совсем, наверное, спсихевший, и не ходил он, а трусил, такой собачьей трусцой.

Кья если и знала что-то про Гитлера, то исключительно из каких-то там упоминаний в песнях, но она вполне его понимала. Подняв посеребренный палец, она пронеслась над каменными плитами Пьяццы и бросила себя в головоломный лабиринт воды и мостов, арок и стен.

Она пребывала в полном неведении, что такое

этот город, к чему он и зачем, но чувствовала, что он идеально подходит к месту, им занимаемому, эти камни и эта вода, они точно, без малейшего просвета, складывались в единое таинственное целое.

Самый балдежный шмат софтвера, какой вообще бывает, и тут же пошли вступительные аккорды «Позитронного предчувствия».

Глава 5

Узловые точки

— Клинтон Эмори Холлиан, двадцать пять лет, парикмахер, специалист по суси, музыкальный журналист, статист в порнофильмах, надежный поставщик запрещенных зародышевых тканей троим более эндоморфным[170] членам группы «Дьюкс оф Ньюк'Ем»,[171] чья песня «Дитя войны в

[170] Примечания: 170

Эндоморфный — пикнический, «тяжелый» тип телосложения; характеризуется относительным преобладанием структур, развившихся из зародышевой энтодермы.

[171] Примечания: 171

Dukes (англ.) — герцоги, Nuke'em = Nuke Them (англ.) — «раздолбите их атомными бомбами», но при этом все название в целом произносится как «Герцоги Ньюкемские» — титул несуществующий, но звучащий вполне натурально. Источником названия группы является, по-видимому, компьютерная «стрелялка» «Duke Nukem».

Заливе» стояла восемнадцатой в чарте «Биллборда», поминутно крутилась на «Аи лав Америка» и успела уже вызвать ряд дипломатических протестов со стороны исламских государств.

На лице Кэти Торранс появилось нечто вроде удовлетворения.

— Так что там с этими зародышевыми тканями?

— В общем-то, — сказал Лэйни, кладя очки рядом с компьютером, — мне кажется, что это может быть самым сильным моментом.

— Почему?

— Культуры непременно должны быть иракскими. Мужики особо на этом настаивают. Не хотят себе вкалывать ничего другого.

— Я беру вас на работу.

— Так сразу?

— Вам бы следовало еще сопоставить звонки в «Вентуру» со счетами за парковку и из этого гаража в «Беверли-центре». Хотя эту расхожую шуточку насчет «Деток войны в Заливе» все равно было бы трудно просмотреть.

— Секунду, секунду, — прервал ее Лэйни. — Вы что, все уже знали?

— И поставили уже в эфир, на ближайшую среду. Гвоздь программы. — Она выключила

компьютер, даже не позаботившись убрать с экрана разретушированный подбородок Клинта Хиллмана. — Но сейчас, Лэйни, я получила возможность посмотреть на вас в деле. Вы настоящий. Я почти уже готова поверить, что во всей этой срани насчет узловых точек что-то есть. Некоторые из ваших шагов не имели ровно никакого логического смысла, и все же я сейчас собственными глазами видела, как вы точно вышли на материал, до которого три квалифицированных исследователя докапывались месяц с лишком. У вас это заняло менее получаса.

— Не все здесь было законно, — заметил Лэйни. — Вы имеете выход на разделы «Дейтамерики», закрытые для частных пользователей.

— А вы знаете, Лэйни, что такое подписка о неразглашении?

Ямадзаки поднял голову от ноутбука.

— Прекрасно, — кивнул он, обращаясь, похоже, к Блэкуэллу. — Да, прекрасно.

Блэкуэлл чуть сдвинул свою тушу; углеродноволоконный каркас стула жалобно скрипнул.

— Но ведь он недолго там продержался, так ведь?

— Чуть больше шести месяцев, — уточнил Лэйни.

Шесть месяцев могут быть и очень длинным сроком, например в «Слитскане».

Он использовал большую часть своей первой месячной зарплаты на съем микрохолостяцкой квартиры в Санта-Монике, на Бродвей-авеню. Он обзавелся рубашками, более, как ему казалось, похожими на то, что носят они, в «Слитскане», а те, малайские, разжаловал в пижамы. Он купил дорогие солнечные очки и настрого запретил себе показываться на люди даже с одним-единственным фломастером, торчащим из нагрудного кармана.

В атмосфере «Слитскана» царила суховатая сдержанность. Лэйни быстро обнаружил, что его коллеги ограничивают внешне выказываемые эмоции весьма узким диапазоном. В полном соответствии со словами Кэти, здесь высоко ценили некий весьма специфический тип юмора, но и он практически никогда не вызывал смеха. Реакция на шутку ограничивалась вскинутыми глазами, кивком, много если тенью улыбки. Здесь ломались — а изредка и строились наново — жизни, рушились — либо переиначивались самым ирреальным, неожиданным образом — карьеры. Потому что деловой специализацией «Слитскана» было ритуальное кровопускание, и кровь,

хлеставшая на экраны в его телепрограммах, была драгоценнейшего, сакрального свойства: кровь знаменитостей.

Способность Лэйни выудить ключевые данные из бессмысленных необозримых нагромождений случайной информации заслужила ему завистливое восхищение более опытных исследователей. Он стал любимчиком Кэти и был почти доволен, узнав, что про них уже ходят сплетни.

Реальных оснований для сплетен не было — не считая одного-единственного эпизода в Шерман-Оукс, у нее на квартире, да и тот оказался крайне неудачным. Во всяком случае, повторять не захотелось ни ему, ни ей.

Но зато Лэйни день ото дня оттачивал, фокусировал свой талант, или уж как там это назвать. К вящей радости Кэти. Он почти сросся со своими очками и слитскановским выделенным кабелем, мгновенно переносившим его в любую точку унылых просторов «Дейтамерики». Он шел туда, куда посылала его Кэти. Он искал — и находил — узловые точки.

А ночью, перед тем как уснуть, он начинал иногда смутно подозревать, что где-то, неизвестно где, может быть и большая система, поле с куда большими перспективами. Как знать, может

быть, «Дейтамерика» как целое тоже имеет свои узловые точки, инфопровалы, спустившись в которые можно обнаружить иную разновидность истины, иной способ знать и понимать, погребенный под серыми массами информации. Но только если кто-нибудь сумеет задать нужный вопрос. Лэйни не имел ни малейшего представления, что же это должен быть за вопрос, да и существует ли он вообще, но был почти уверен, что в слитскановском SBM такого вопроса не зададут, никогда.

«Слитскан» вышел из «производства реальности» и сетевых таблоидов конца двадцатого века, однако походил на них ничуть не больше, чем некое крупное, шустрое двуногое млекопитающее на своих неуклюже ползавших по мелководью пращуров. «Слитскан» был зрелым, совершенным организмом, раскинувшим свои щупальца по всему земному шару. Доходов «Слитскана» хватало на покупку целых спутников и на строительство здания в Бербанке, где и работал Лэйни.

«Слитскан» пользовался такой популярностью, что превратился в нечто похожее на древние телевизионные сети. Он поддерживался массой дополнительных и побочных программ, созданных с единственной целью — вернуть за-

гулявшего зрителя к святая святых, к знакомому и непременно окропленному свеженькой кровью алтарю, к «Дымящемуся Зеркалу»,[172] как выражался один из коллег Лэйни, мексиканец по происхождению.

Работая в «Слитскане», нельзя было не проникнуться чувством своей сопричастности истории, или, по едкому замечанию Кэти Торранс — тому, что заменило историю. Лэйни подозревал, что сам «Слитскан» может быть одной из этих больших узловых точек, которые он пытался себе представить, некоей информационной сингулярностью, открывающей путь к глубинным, немыслимым структурам.

Что же касается узловых точек поменьше, за которыми, собственно, и посылала его Кэти в дебри «Дейтамерики», Лэйни отлавливал их и успел уже тем повлиять на результаты муниципальных выборов, на рынок фьючерсных контрактов на генные патенты, на закон об абортах в Нью-Джерси и на суматоху вокруг «Угасни в полночь» (движение, боровшееся за свободу

---

[172] Примечания: 172

Дымящееся Зеркало (Тескатлипока) — один из основных богов у большинства племен южноамериканских индейцев. Тескатлипока — судья и мститель за все злое, он всеведущий, беспощадный и крайне непредсказуемый в своих деяниях.

эвтаназии, — или изуверская секта самоубийц, это уж как хотите), не говоря уж о жизнях и карьерах нескольких десятков знаменитостей самого разнообразного толка.

И не все изменения были к худшему, даже если смотреть с точки зрения невольных героев шоу. Материал Кэти Торранс, изобличавший пагубное пристрастие членов группы «Дьюкс оф Ньюк'Ем» к иракским зародышевым тканям, мгновенно сделал их следующий альбом платиновым, а заодно привел к целой серии показательных судебных процессов и публичных казней в Багдаде (ну и что такого, думал Лэйни, там и так и так жизнь хреновая).

Сам-то Лэйни никогда не был любителем «Слитскана», что, как он подозревал, сыграло в его пользу при устройстве на работу. И не то чтобы он был противником этой программы, он просто никогда о ней особенно не задумывался, ну есть такая и есть. «Слитскан» был способом создания и подачи некоторых, не очень ему интересных новостей. «Слитскан» был местом, где ему платили зарплату.

«Слитскан» позволял Лэйни заниматься единственным делом, к которому у него был истинный, яркий талант, а потому он инстинктивно

избегал думать о своей работе в терминах причин и следствий. Даже теперь, стараясь объяснить внимательному Ямадзаки свою позицию, он не замечал за собой никакой вины, никакой ответственности. Как сказала однажды Кэти, люди богатые и знаменитые редко бывают таковыми по чистой случайности. Можно по случайности стать богатым или знаменитым, но чтобы и то и другое сразу — это уж слишком.

Отдельной строкой шли знаменитости чисто временные, случайные, ни имевшие ни богатства, ни, собственно говоря, славы, — ну, скажем, убийца-маньяк или родители последней его жертвы. Их Кэти воспринимала как тяжкий крест, который она вынуждена тащить: ну что это за знаменитость, у которой нет ровно никаких качеств, делающих человека знаменитостью? Правда, к убийцам она относилась с некоторой надеждой, считая, что у них обычно имеется некоторый потенциал, пусть пока и не раскрытый.

Но все это так, между прочим, а в основном Кэти нацеливала внимание Лэйни и прочих исследователей (общим числом около трех десятков) на не предаваемые огласке аспекты жизни людей не просто известных, но добившихся своей известности вполне сознательно.

Элис Ширз пользовалась известностью разве что среди нескольких десятков своих знакомых, но вот человек, с которым у нее была связь (Лэйни это быстро подтвердил), был весьма известной личностью.

А затем до Лэйни начало доходить нечто неожиданное.

Непонятно как, но Элис Ширз знала, что он здесь, рядом, что он за ней следит. Она словно чувствовала, что он всматривается в крошечный заливчик информационного океана, отражающий ее жизнь, в неизгладимый отпечаток, оставляемый всеми ее поступками на цифровой ткани мира.

Лэйни наблюдал за узловой точкой, формировавшейся в информационном отображении Элис Ширз.

Эта женщина решила себя убить.

Глава 6

Друг

Кья запрограммировала своего Мьюзик-мастера на сродство к мостам. Стройный молодой человек со светло-голубыми глазами и неистреби-

мым пристрастием к длинным, развевающимся на ходу плащам, он появлялся в виртуальной Венеции на каждом мосту, которым она проходила с более-менее умеренной скоростью.

С самого начала, еще в бета-версии, он стал предметом судебного иска: юридических представителей некоего почтенного британского певца возмутило, что дизайнеры Мьюзик-мастера использовали изображения их клиента в слишком уж юном возрасте. Конфликт был разрешен во внесудебном порядке, и все последующие версии, включая и ту, которой пользовалась Кья, обладали большим сходством с теперешним оригиналом (Келси говорила, что в основном переделали его левый глаз, но почему только левый?).

Кья ввела его в программу уже при второй своей прогулке по Венеции, для компании и некоторого разнообразия, а эта фишка насчет мостов и сейчас казалась ей очень удачной. В Венеции ведь пропасть мостов, некоторые из них совсем уж крохотные, такие себе каменные ступенчатые арки, переброшенные через узенькие боковые канальчики. Там есть мост Вздохов (Кья его не любила, печальный какой-то и даже чуть жутковатый) и мост Кулаков, который она лю-

била, в основном из-за такого названия, и много, много других. И еще есть мост Риалто, большой, горбатый и фантастически старый; по словам отца, именно там, на этом мосту, придумали банковское дело, а может, какую-то его разновидность. (Ее отец работал в банке, потому-то ему и приходилось жить в этом Сингапуре.)

Как только Кья замедлила свой бег по городу до нормальной скорости пешехода и начала подниматься по ступенькам Риалто, рядом с ней появился Мьюзик-мастер, неотразимо элегантный в своем светло-коричневом, развевающемся на ветру тренче.

— ДРУГ, — сказал он, активированный ее молчанием. — Диатоническое развертывание устойчивой гармонии. Известное также как мажорный аккорд с нисходящим басовым тоном. Бах, ария из «Сюиты номер три ре-мажор», тысяча семьсот тридцатый год. «Прокол харум», «Белее бледного»,[173] тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год.

Если взглянуть ему в глаза, она услышит музыкальные иллюстрации, звучащие словно ниоткуда и с как раз правильной громкостью.

---

[173] Примечания: 173
Procol Harum, «A Whiter Shade of Pale».

Затем еще про ДРУГ и снова иллюстрации. Но она ввела его сюда ради компании, а не для того, чтобы слушать лекции. К сожалению, в нем не было ничего, кроме этих лекций да классной цифровой графики (голубоглазый, узкокостный блондин, умеющий носить одежду с изяществом, недоступным никому из живых людей). Он знал о музыке все, что только можно знать, — и больше ничего ни о чем.

Кья не знала, сколько продолжалась ее сегодняшняя прогулка по Венеции, здесь всегда было ее любимое время — одна минута до начала восхода.

— А про японскую музыку ты что-нибудь знаешь? — спросила она.

— Про какую именно?

— Ну, про ту, что народ слушает.

— Популярная музыка?

— Ну да, наверное.

Прежде чем продолжить, Мьюзик-мастер повернулся к Кья и сунул руки в карманы брюк, мелькнула подкладка распахнутого тренча.

— Можно начать, — сказал он, — с музыки, называемой «энка», только вряд ли она тебе понравится. — (Ну да, торговцы софтвером всегда выясняют, что тебе нравится, а что нет.) — Со-

временная японская поп-музыка оформилась позднее, после появления так называемого «группового звука». Это было чистейшее подражание, даже не скрывавшее своей коммерческой направленности. Жиденькая смесь различных западных влияний, очень слащавая и однообразная.

— А у них правда есть исполнители, которые не существуют?

— Певцы-идолы. — Он скользнул взглядом по крутому горбу моста. — Идору. Некоторые из них пользуются бешеной популярностью.

— А бывает, чтобы кто-нибудь из-за них убил себя?

— Я не знаю. Но думаю, что такое вполне возможно.

— А чтобы кто-нибудь на них женился?

— Насколько я знаю — нет.

— А как насчет Рэи Тоэи? (А вдруг это имя произносится как-нибудь по-другому?)

— К сожалению, это имя мне незнакомо.

Мьюзик-мастер страдальчески поморщился — как и всегда, когда его спрашиваешь про музыку, появившуюся после его релиза. Ну а Кья всегда в этих случаях его жалела, хоть и понимала, что это смешно.

— Да ладно, — сказала она, закрывая глаза. —

Ерунда.

И сняла очки.

После Венеции салон самолета стал еще уже, теснее — клаустрофобная труба, забитая креслами и людьми.

Блондинка успела уже проспаться и смотрела прямо на нее с расстояния в несколько дюймов. Удалив со своего лица большую часть косметики, она почти утратила сходство с Ашли Модин Картер.

А потом она улыбнулась. Это была странная улыбка — медленная и словно многоступенчатая, ну, словно состоящая из отдельных стадий, каждая из которых проявлялась своей отдельной застенчивостью или нерешительностью.

— Мне нравится твой компьютер, — сказала блондинка. — Он выглядит, будто его смастерили индейцы, ну вроде.

Кья взглянула на «Сэндбендерса».

— Коралл, — сказала она, нажимая красную кнопку. — А тут бирюза. Вот эти, ну вроде слоновой кости, они из ядра какого-то там ореха. Никакого вреда природе.

— А все остальное — серебро?

— Алюминий. Они раскапывают на пляже старые пивные банки, плавят и отливают по-

старому, в формовочный песок. А эти панели из микарты. Ткань, пропитанная какой-то смолой.

— Вот уж не знала, что индейцы делают компьютеры, — сказала женщина, трогая изогнутый бок «Сэндбендерса»; ее голос звучал нерешительно, как-то по-детски. Ноготь указательного пальца, лежавшего на компьютере, был покрыт ярко-красным лаком, начавшим уже облезать. Рука чуть вздрогнула и вернулась к ней на колени.

— Я слишком много выпила. Да к тому же все с текилой. «Витамин Т», это Эдди ее так называет. Я тут ничего такого не делала?

Кья качнула головой.

— Я когда переберу, потом, бывает, и не помню, чего я делала.

— А ты не знаешь, сколько нам еще до Токио? — спросила Кья. Надо было вроде бы что-то говорить, а ничего другого ей в голову не приходило.

— Часов десять, если не больше. — Блондинка широко зевнула. — Мутотень с этими дозвуковыми, верно? Эдди заказал мне на супер, бизнес-классом, но потом там с билетами что-то такое вышло. Эдди заказывает все билеты в Осаке, в этой такой конторе. Один раз мы летели на «Эр Франс», первым классом, так там сиденье

совсем откидывается и получается кровать, и они укрывают тебя таким маленьким пледом. А еще у них там, прямо в салоне, бесплатный бар, и там бутылки стоят просто так, бери не хочу, и шампанское, и что угодно, и самая лучшая еда. — Воспоминания об эр-франсовской роскоши заметно ее приободрили. — И еще они дают тебе духи и косметику, положенные в красивый футляр от «Эрме». Настоящая кожа. А зачем ты собралась в Токио?

— 0… — Кья чуть замялась. — Ну, в общем… У меня там подруга. Повидать подругу.

— Там все так странно. Знаешь, да? После землетрясения.

— Но они же там все наново отстроили. Ведь правда отстроили?

— Конечно, только все это делалось как-то чересчур быстро, в основном этой самой нанотехникой, которая сама растет. Эдди, он примчался туда, когда пыль еще не осела. Рассказывал, что можно было прямо видеть, как растут все эти дома, ночью. На верхушке комнаты, вроде пчелиных сотов, а стенки растут и смыкаются под ними, и дальше вверх, и дальше. Он сказал, это было вроде как смотреть, как плавится и сгорает свечка, но только наоборот. Страшно все это

как-то. И без единого звука. И машины такие маленькие, что и глазом не увидишь. Они же, которые эти, они могут прямо тебе в тело забраться, ты это знаешь?

Кья чувствовала, что еще немного, и эта красавица сама себя запугает до полной истерики.

— Эдди? — переспросила она, надеясь сменить предмет разговора.

— Эдди, он вроде как бизнесмен. Он приехал в Японию, чтобы делать деньги после землетрясения. Он говорил, что там тогда вся инфра… инфра… вся структура распалась. Он говорил, что из нее, ну, будто вынули позвоночник, так что можно было прийти и укорениться в ней, только быстро, пока она не выздоровела и снова не затвердела. Ну и она потом выздоровела и затвердела вокруг Эдди, словно он какой пересаженный орган или что еще, и теперь он стал частью инфра… инфра…

— Инфраструктуры.

— Структуры. Да, точно. И теперь он намертво подключился ко всем этим деньжищам. У него и просто недвижимость, и всякие там клубы, и у него дела и в музыке, и в видео, и не знаю в чем.

Кья наклонилась, вытащила из-под переднего сиденья свою сумку и спрятала туда «Сэндбен-

дерса».

— А ты что, там и живешь, в Токио?

— И там, и не только там.

— Тебе там нравится?

— Там все… я… ну… перекошено как-то, понимаешь? Не как в других местах. На них обрушилось такое, ну, огромное, а потом они все починили, и это было, пожалуй, еще огромнее, еще большая перемена, а теперь все они ходят там и делают вид, что ничего у них там и не случилось, ничего не случилось. Но ты знаешь что?

— Что?

— Посмотри на карту. И на старую карту. Так вот, там же многое, очень многое, даже не там, где оно было раньше. И даже не рядом. Ну, конечно, кое-что осталось на месте — императорский дворец, экспресс-вей, ратуша эта здоровая в Синдзюку, но все остальное они ну просто сделали наново. Они сгребли все, что осталось после землетрясения в воду, как мусор, а теперь еще ведут на этом мусоре строительство. Новые острова.

— Прости, пожалуйста, — сказала Кья, — но вчера я поздно легла, а сегодня рано встала, совсем глаза слипаются. Посплю я немного, а то ведь так и сломаться можно.

— Меня звать Мэриэлис. В одно слово.

— А меня — Кья.

Кья закрыла глаза и попробовала откинуть спинку сиденья чуть подальше, однако оказалось, что та и так на пределе.

— Красивое имя, — сказала Мэриэлис.

Кья вздохнула и устроилась поудобнее. Сквозь рев двигателей ей будто слышался Мьюзик-мастеровый ДРУГ — уже и не звуки, а вроде часть ее самое. Белее, что ли, бледного или как-то так, но разобрать было почти невозможно.

Глава 7

Теплая влага жизни Элис Ширз

— Она думает покончить жизнь самоубийством, — сказал Лэйни.

— Почему?

Кэти Торранс неспешно пила кофе. Понедельничный вечер в «Клетке».

— Потому что она знает. Она чувствует, как я за ней слежу.

— Уймись, Лэйни. Это невозможно.

— Она знает.

— Ты не «следишь» за ней. Она ежесекундно порождает информацию — так же, как и все мы,

а ты исследуешь эту информацию. Она не может об этом знать.

— Не может, но знает.

Белая чашка негромко клацнула о блюдце.

— Хорошо, но ты-то сам, ты-то откуда знаешь, что она знает? Ты просматриваешь список ее телефонных разговоров, узнаешь, какие программы она смотрит и когда, какую слушает музыку. Ну как ты можешь знать, что она ощущает твое внимание?

По узловой точке, хотел сказать Лэйни. Но не сказал.

— Мне кажется, ты просто переработал. Пять дней отпуска.

— Да нет, я уж лучше…

— Я не могу позволить, чтобы ты сжег себя, убыток для фирмы. Я знаю эти симптомы. Отпуск для отдыха, со стопроцентной оплатой, пять суток.

И бонус на оплату поездки. Кэти не поскупилась. Через посредство слитскановского транспортного агентства Лэйни получил номер в выдолбленной изнутри вершине горы. Какой-то шибко продвинутый дизайнер расставил по зеркально-гладкому бетонному полу гостиничного фойе огромные каменные шары. Стены фойе были сплошь из стекла: древние, как мир, игуаны

философически взирали на портье и его подручных, яркая зелень чешуи на пыльно-коричневом фоне каких-то местных растений.

Женщина, с которой познакомился Лэйни, сказала, что редактирует торшеры для некоего сан-францисского дизайнерского бюро. Вторник, вечер. Он прилетел в Мексику три часа назад. Коктейли в гостиничном баре.

— Редактируешь торшеры? — удивился он. — А это как?

Последнее время Лэйни стал подмечать, что лично его не заинтересовала бы ни одна из тех работ, смысл которых понятен с первого слова, из одного уже названия. Сам он отвечал любопытствующим, что занимается количественным анализом, даже не пытаясь что-то такое рассказывать про узловые точки и Кэти Торранс с ее теорией славы и известности.

Женщина сказала, что ее компания выпускает малотиражную мебель и аксессуары, в частности торшеры. Делают все это не в одном цехе, а что где, по преимуществу в Северной Калифорнии. Надомное производство. Один человек может подрядиться изготовить двести гранитных подставок, другой — согнуть двести стальных трубок и покрасить их в синий цвет некоего весьма спе-

цифического оттенка. Она достала свой ноутбук и показала ему анимированные эскизы. Болезненно тощие, сплошь из каких-то палочек торшеры живо напомнили Лэйни недавнюю передачу по каналу «Природа» об африканских насекомых.

Так это что, она придумывает? Нет. Их конструируют в России, в Москве. А она — редактор. Она подбирает поставщиков комплектующих. Она осуществляет надзор за изготовлением отдельных элементов, доставкой их в Сан-Франциско и сборкой на производственных площадях бывшего консервного заводика. Если техническая документация предусматривает использование чего-то там такого, чего никак не достать, она либо подыскивает нового поставщика, либо вырабатывает некий компромисс в смысле материала и технологии.

Лэйни спросил, а кто же такое покупает? Люди, которые хотят иметь вещи, которых ни у кого больше нет, объяснила женщина. А ей нравится эта работа? Да. Потому что ей и вообще нравится этот русский дизайн, да и люди, которые делают составные элементы, они тоже очень приятные, чаще всего. А больше всего ей нравится создавать что-то такое, чего раньше в мире не было, смотреть, как присланные из Москвы чертежи

превращаются в осязаемые предметы, стоящие на полу бывшего консервного завода.

Сперва их нет, говорила она, а в один прекрасный день они тут, перед тобой, ты можешь посмотреть на них и потрогать их, и понять, хорошо это или нет.

Лэйни задумался над ее словами. Женщина сидела и молчала, серьезная и спокойная. Тени, исполосовавшие блестящий, словно лакированный бетонный пол ползли с почти ощутимой скоростью.

Он накрыл ее руки своими.

И потрогать их, и понять, хорошо это или нет.

До восхода оставались какие-то минуты, торшерная редакторша мирно спала на его кровати, а он стоял на балконе и смотрел, как светлеет небо над заливом, как растворяется в зачинающемся дне молочно-бледная, полупрозрачная луна.

Ночью в федеральном округе — это где-то там, на востоке, — был совершен теракт, ракетный обстрел, сопровождавшийся паническими слухами о применении химического оружия. Очередной эпизод одной из малопонятных, ни на секунду не стихающих войн, которые стали уже настолько привычными, что трудно даже представить себе мир, где их нет.

Внизу, на деревьях, просыпались птицы, звуки, знакомые ему еще по Гейнсвиллскому приюту, по другим, давним рассветам.

Кэти Торранс изъявила свое удовлетворение видом Лэйни. Она сказала, что он заметно посвежел.

Лэйни сильно подозревал, что следующий отпуск может оказаться бессрочным, а потому тут же и без дальнейших комментариев отправился бороздить мир «Дейтамерики». Кэти поглядывала на него, как искушенный ремесленник на ценный инструмент, на котором появились первые микроскопические трещинки.

За прошедшую неделю узловая точка несколько изменилась, хотя описать это изменение словами было бы крайне затруднительно. Лэйни скрупулезно изучил бесчисленные обрывки информации, нагромоздившиеся вокруг Элис Ширз в его отсутствие, пытаясь нащупать причину своих недавних предчувствий. Он прослушал музыку, которую вызывала Элис за последние дни, в том же, что и она, порядке, песню за песней. Выбор оказался более жизнеутверждающим, чем прежде; она перешла на нового провайдера, «Апфул групвайн», чей неустанно позитивный продукт был музыкальным эквивалентом «Кана-

ла добрых новостей».

Сопоставив расходы Элис с документацией оптовика, предоставлявшего ей кредит, и его розничной сети, Лэйни составил список всех ее покупок за неделю. Шестибаночная упаковка пива, пачка лезвий для канцелярского ножа «токкай». Ну да, у нее же вроде был такой. Но тут ему вспомнилось предостережение Кэти, что именно в этой части исследования возможны подсознательные искажения, подробное знакомство исследователя с делами объекта исследований ведет к утрате перспективы. «Не забывайте, Лэйни, что все мы очень легко идентифицируем себя с другими людьми на покупательском уровне. В наше время человек — существо покупающее. Если вы однажды заметите, что сменили бренд замороженной фасоли сразу после того, как это сделал объект, — берегитесь».

В многоэтажных гаражах парковочные площадки наклонные, из-за этого пол его квартиры, располагавшейся в бывшем гараже, был устроен ступеньками. Спал он в глубоком конце комнаты на надувной гостевой кровати, заказанной в «Телемагазине». Окон в квартире не было. Санитарные правила предусматривали освещение безоконных жилых помещений при помощи

светового насоса, поэтому потолочная панель иногда сочилась воссозданным солнечным светом, но Лэйни этого почти и не видел, он редко возвращался с работы засветло.

Он сидел на податливом, скользком крае пластиковой надувашки и пытался представить себе Элис Ширз в ее квартире на Фаунтан-авеню. Он знал, что у нее там просторнее, чем у него, но не слишком. Окна. Платит за квартиру, как установил в конце концов «Слитскан», этот самый женатый артист. Платит по хитрой цепочке подставных счетов, но это и не важно, главное, что платит. Из своей заначки, как выражалась Кэти Торранс.

Он мог охватить умом всю жизненную историю Элис Ширз сразу, как единый объект, как идеально детализированную модель чего-то вполне заурядного, но при этом чудесного, ярко освещенную его же собственным пристальным взглядом. Он не был с ней знаком, в жизни не перебросился ни единым словом, но все равно знал ее так, как никогда не узнает никто другой. Никакие супруги не знают друг друга с такой подробностью. Психи, по пятам преследующие предмет своей одержимости, очень хотели бы знать его подобным образом, но это всегда оста-

ется для них недостижимой мечтой.

Так оно продолжалось до той ночи, когда он проснулся с тупой пульсирующей болью в голове. Жара и духота, что в твоей Флориде, опять у них там что-то с кондиционером. Синяя рубашка противно липнет к рукам и спине. Интересно, что она сейчас делает?

Не спит, смотрит на освещенный уличными фонарями потолок и слушает «Апфул групвайн»?

Кэти опасалась, не едет ли у него крыша. Лэйни посмотрел на свои руки, как на что-то постороннее. Он смотрел на них, словно видел впервые в жизни.

Он вспомнил 5-SB в приюте. Вкус, появляющийся уже после укола, сразу. Ржавый металл. Плацебо не давало никакого вкуса.

Лэйни встал с кровати. Кухонный уголок тут же проснулся. Откатилась дверца холодильника. На белых пластиковых прутиках одной из полок уныло обвис почерневший листик салата. На другой полке — недопитая бутылка воды «Эвиан». Он накрыл салатный листик куполом из сложенных ладоней, стараясь ощутить радиацию его гниения, какую-нибудь там тонкую жизненную силу, или оргоны, кванты энергии, не восприни-

маемой физическими приборами.[174]

Элис Ширз решила покончить с собой. Он знал это, знал абсолютно точно. Непонятно как, но он различил это в ворохе случайной информации, порожденной этой женщиной при ее соприкосновениях с миром вещей.

— Эй, там, — сказал холодильник. — Нельзя же так долго держать меня открытым.

Лэйни молчал.

— Так что, приятель, так и будешь держать дверцу открытой? Ты же знаешь, что это мешает автоматическому размо…

— Стихни.

Ладоням стало получше. Попрохладнее.

Лэйни держал руки в холодильнике, пока совсем не застыли, а затем вынул их и прижал пальцы к вискам; холодильник не упустил такой возможности и торопливо закрылся, воздержавшись, однако, от комментариев.

Лэйни даже не стал снимать мятую, пропотевшую малайзийскую рубашку. Двадцать минут спустя он уже ехал в Голливуд. Одинокие фигуры на платформе метро, мелькающие за окнами

---

[174] Примечания: 174

«Оргонную энергию», пронизывающую все мироздание, придумал австрийский, позднее американский психоаналитик Вильгельм Райх (1897–1957).

отходящего поезда.

— Насколько я понимаю, вы не считаете это сознательным решением, верно? — Блэкуэлл снова помял обрубок своего левого уха.

— Нет, — качнул головой Лэйни. — Я и сейчас не очень понимаю, что я собирался сделать.

— Вы пытались ее спасти. Эту девушку.

— У меня было ощущение, словно что-то лопнуло. Резинка какая-то. Я чувствовал, что меня туда тянет.

Лэйни вышел из метро на станции Сансет и торопливо зашагал по уходившей вниз улице. Где-то на полпути он увидел человека, поливавшего свой газон, прямоугольник размером с два биллиардных стола, освещенный медицинским сиянием соседнего уличного фонаря. На ярко-зеленых, идеально гладких пластиковых травинках блестели крупные капли воды. Пластиковый газон был отгорожен от улицы стальным забором. Массивные, как в тюрьме, вертикальные брусья, увенчанные блестящей, без единого пятнышка ржавчины спиралью бритвенно-острой колючей проволоки. Домик полуночного поливальщика был немногим больше его газона — пережиток полузабытых дней, когда по всему этому склону

стояли одноэтажные дачки. Некоторые из них все еще сохранились — крошечные строеньица, заткнутые между однообразно разнообразными, сплошь в балконах, фасадами кондоминиумов и жилых комплексов, последние напоминания о том времени, когда этот район еще не входил в состав города. Лэйни чувствовал запах апельсинов, а может, это ему просто казалось, во всяком случае, апельсиновых деревьев не было видно.

Человек со шлангом поднял голову, его глаза прятались за черными нашлепками видеокамер, напрямую связанных с оптическими нервами. Слепой. Неприятное ощущение, никогда не понимаешь, смотрит такой на тебя или нет.

Лэйни пошел дальше, сквозь путаницу сонных улиц и мимолетный запах цветущих деревьев, доверив выбор пути тому непонятному чувству, которое вынудило его сорваться из дома и приехать сюда. Где-то на Санта-Монике взвизгнули тормоза.

Через пятнадцать минут он был уже на Фаунтан-авеню, перед ее домом. Остановился. Взглянул вверх. Пятый этаж. Квартира пятьсот два.

Узловая точка.

— Вам не хочется об этом говорить?

Лэйни поднял глаза от пустой чашки и встретил внимательный взгляд Блэкуэлла.

— Я никогда еще этого никому не рассказывал, — сказал он, ничуть не погрешив против истины.

— Погуляем немного.

Огромная туша Блэкуэлла поднялась безо всяких видимых усилий, всплыла, как гротескный воздушный шарик. «Это какой же теперь час? — подумал Лэйни. — Здесь, в Токио. А, какая разница. Главное — какой сейчас час в Лос-Анджелесе?» О счете позаботился Ямадзаки.

Лэйни вышел вместе с ними под сыплющуюся с неба морось, которая превратила мостовую в сплошной потоп черных, ритмично подпрыгивающих зонтиков. Ямадзаки извлек из кармана черный предмет размером с визитную карточку, но чуть потолще. Резко его согнул. Предмет расцвел черным зонтиком. Ямадзаки отдал зонтик Лэйни. Сухая, чуть тепловатая, бесплотно-невесомая ручка.

— А как его потом складывают?

— Их не складывают, — сказал Ямадзаки, раскрывая второй зонтик для себя. — Их просто выкидывают.

Бритоголовый, одетый в нанопору Блэкуэлл не

обращал на дождь никакого внимания.

— Мистер Лэйни, — сказал Ямадзаки, — вы не могли бы, пожалуйста, продолжить ваш рассказ.

В просвете между двумя высотными зданиями маячило третье, еще выше. Лэйни увидел на его фасаде огромные, смутно знакомые лица, искаженные непонятной мукой.

«Слитскан» брал со всех сотрудников подписку о неразглашении, чтобы по возможности скрыть те случаи, когда он использовал свои связи с «Дейтамерикой» для незаконного проникновения в частную информацию. По опыту Лэйни такое происходило сплошь и рядом, особенно на глубинных, продвинутых уровнях исследования. Так как Лэйни успел уже близко познакомиться с «Дейтамерикой», он не находил в этом ничего особо удивительного. «Дейтамерика» давно уже стала чем-то вроде суверенного государства; во многих отношениях она сама устанавливала для себя законы.

Длительная слежка за Элис Ширз также была связана с массой незаконных действий, одно из которых дало Лэйни коды, требовавшиеся, чтобы попасть в ее дом, активировать лифт, отпереть дверь ее квартиры, а также две цифры,

без которых все предыдущие коды срабатывали, однако параллельно вызывалась вооруженная охрана. (Это давало некоторую страховку против популярной в последнее время преступной техники проникновения в квартиру, при которой жильца подстерегали в парковочном гараже и заставляли выдать свои коды.) Элис выбрала для страховочного кода число двадцать три, ее возраст годом раньше, когда она въехала в этот дом и подписалась на услуги охраны.

Эти-то цифры и шептал Лэйни, стоя перед восьмиэтажным зданием, фасад которого отражал чьи-то весьма смутные представления о неотюдорском стиле. Первые лучи лос-анджелесского рассвета прорисовали этот архитектурный кошмар с дотошной, всеобъемлющей подробностью.

Двадцать три.

— А потом, — подсказал Блэкуэлл, — вы попросту взяли и вошли. Понажимали эти самые коды, бах — и вы там.

Они стояли на переходе в ожидании зеленого света.

— Бах.

Стены холла сплошь в зеркалах, и — ни звука. Словно в вакууме. Он пересек просторы чистого, новехонького ковра в компании дюжины отра-

женных Лэйни. Вошел в лифт, где пахло чем-то цветочным, и использовал следующую часть кода. Лифт поднялся на пятый этаж. Двери лифта раздвинулись. Новехонькая ковровая дорожка. Под свежим слоем нежно-бежевой краски проступают легкие неровности старомодной штукатурки.

Пятьсот два.

— Да что же это такое ты делаешь? — громко спросил Лэйни. Он не знал и никогда не узнает, кого он тогда спрашивал. Себя или Элис Ширз.

На него уставился старинный, в медной оправе дверной глазок, наполовину затянутый бельмом бежевой краски.

Наборная панель заподлицо со стальной основой двери, чуть пониже глазка. Он смотрел на свой палец, нажимавший по очереди кнопки.

Двадцать три.

Но Элис Ширз, совершенно голая, открыла дверь сама еще до того, как сработал код. За ее спиной весело гремела музыка. «Апфул групвайн». Лэйни отчаянно вцепился в скользкие от крови запястья и увидел в глазах Элис даже не укор, а простое узнавание. Этот момент запомнился ему навсегда.

— Не получается, — сказала она, словно жалу-

ясь на какую-то неполадку в домашней технике; Лэйни громко всхлипнул, чего не случалось с ним уже много лет, с раннего детства. Нужно было осмотреть эти запястья, но он не мог, потому что держал их в руках. Он повел ее спиной вперед к плетеному креслу, неизвестно когда и как им замеченному.

— Сядь, — сказал он ей, как упрямому ребенку, и она села. Затем он отпустил ее запястья. Метнулся туда, где вроде бы должна была быть ванная. Схватил полотенца и нечто вроде пластыря.

А потом словно безо всяких промежуточных этапов оказалось, что он стоит рядом с ней на коленях. Ее руки лежали красными ладонями вверх, красные пальцы чуть согнуты, как в медитации. Он намотал на ее левое запястье маленькое темно-зеленое полотенце, прихватил его сверху пластырем, только это был не пластырь, а такая бежевая резинистая лента, которой прикрывают отдельные участки кожи при наложении аэрозольной косметики. Он знал это из данных о ее покупках.

А может, там, под этой липкой красной массой, ее пальцы уже синеют? Он вскинул глаза. В то же самое узнавание. Левая скула измазана кровью.

— Не надо, — сказал Лэйни.

— Уже почти и не течет.

Он взял рулончик пластыря в зубы и начал наматывать полотенце на правое запястье.

— Я промахнулась мимо вены.

— Сиди спокойно.

Лэйни вскочил, чтобы закончить перевязку стоя, но запутался в собственных ногах, рухнул лицом вниз и сломал себе переносицу об — как он заметил в самый последний момент — одно из творений редакторши торшеров. Впечатление было такое, словно ковер поднялся и швырнул эту штуку ему в лицо.

— Элис…

Ее щиколотка, метнувшаяся мимо него к кухне.

— Элис! Сядь на место!

— Прости, пожалуйста.

Хотя вполне возможно, что ничего она не говорила и ему это просто померещилось. А затем выстрел.

Блэкуэлл громко вздохнул, его плечи тяжело поднялись, задержались, словно в неуверенности, что им делать дальше, и упали. В очках Ямадзаки дрожали и переливались яркие разноцветные пятнышки, стены здесь были сплошь в неоне, освещение на зависть Лас-Вегасу, каждая

поверхность сверкает и дергается. Блэкуэлл смотрел на Лэйни и молчал.

— Сюда, — сказал он в конце концов и свернул за угол, в относительную темноту, чуть подкрашенную запахом мочи. Лэйни, а затем и Ямадзаки последовали за ним. Узкий проулок вывел их в сказочную страну.

Ни неона, ни даже обычных уличных фонарей. Мягкий, без теней свет из окон тактично отступивших небоскребов. Крошечные, вроде древних купальных кабинок на каком-нибудь заброшенном пляже, строеньица помечены черными иероглифами, аккуратно выведенными на аскетичных, размером с большую поздравительную открытку прямоугольниках белого матового стекла. Тесно поставленные вдоль одной стороны мощенного булыжником переулка, они были похожи на закрытые, лишь для избранных зрителей, аттракционы некоего тайного городского цирка. Бруски поседевшего от старости кедра, промасленная бумага, соломенные циновки, никаких признаков времени, века, кроме разве что электрической подсветки стеклянных табличек.

Лэйни даже не пытался скрыть свое удивление. Такое могли построить гномы. Или эльфы. Но уж никак не люди.

— Золотая улица, — сказал Кит Алан Блэкуэлл.

Глава 8

Нарита

Кья шла к выходу, дыша в затылок Мэриэлис, которая приняла на грудь еще пару витаминизированных коктейлей, а потом засела в туалетной кабинке на добрые двадцать минут, расчесывая свои лохмы и накладывая грим. Результат этого трудоемкого процесса напоминал не столько Ашли Модин Картер, сколько что-то такое, на чем Ашли Модин Картер спала.

Когда Кья встала, ей пришлось вроде как отдавать своему телу отдельные приказы на каждое требуемое действие. Ноги: шагайте.

Нужно будет пару часов поспать, обязательно, а то ведь куда так. Она уложила «Сэндбендерса» назад в сумку и теперь брела нога за ногу следом за Мэриэлис, шаркавшей белыми ковбойскими сапогами по узкому самолетному проходу.

Высадка заняла целую вечность, но в конце концов они все-таки оказались в коридоре аэропорта под огромными логотипами, знакомыми Кья чуть ли не с внутриутробного развития, все

эти японские компании, и толпа народу, и все идут в одну сторону.

— Ты сдавала что-нибудь в багаж? — спросила Мэриэлис.

— Нет, — сказала Кья.

Теперь Кья шла первой, а Мэриэлис — сзади. На паспортном контроле Кья предъявила японскому полицейскому паспорт и смарт-карту «Кэшфлоу»; Сона Роса, это она заставила Келси выписать эту карточку, напирая на то, что все это ее, Келси, идея. Теоретически расходы по карточке ограничивались суммой, какая имелась в казне сиэтлского отделения, но Кья подозревала, что в конечном итоге Келси, глазом не моргнув, оплатит все расходы и не сильно от этого обеднеет.

Полицейский вытащил паспорт из прорези сканера и вернул ей, карточка его и вообще не заинтересовала.

— Максимальное пребывание две недели, — сказал он и кивнул Кья проходить дальше.

Матовое стекло отъехало и впустило ее в зал. Толкучка в зале — куда там «Си-Таку», это ж сколько самолетов должно прилететь сразу, чтобы выгрузить всех этих людей, ждущих своего багажа. Кья посторонилась, пропуская маленького робота с горой чемоданов. У робота были

розовые резиновые колеса, он пробирался сквозь толпу, дебильно крутя большими мультяшковыми глазами.

— И все совсем просто.

Кья оглянулась и увидела, как Мэриэлис глубоко вздохнула, задержала дыхание и медленно выдохнула. Глаза у нее были совсем измученные, как от дикой головной боли.

— А куда тут, чтобы сесть на поезд? — спросила Кья. В «Сэндбендерсе» были любые карты, но не хотелось его доставать.

— Вон туда, — сказала Мэриэлис.

Следуя за Мэриэлис, Кья пробиралась сквозь толпу, придерживая рукой сумку, чтобы не цепляться за людей. В конечном итоге они оказались перед «каруселью», на которую выползали с наклонного лотка сумки и чемоданы.

— Один, — сказала Мэриэлис, выхватывая черный чемодан, сказала с такой натужной радостью, что Кья даже обернулась. — И… два.

Второй точно такой же, только с ярким стикером «Ниссан Каунти», третьего по размеру калифорнийского парка аттракционов.

— Лапочка, ты не против понести его немного? У меня после этих самолетов всегда спина отказывает.

И, не дожидаясь ответа, нагрузила Кья вторым, со стикером, чемоданом. Чемодан был, в общем-то, не слишком тяжелый, словно полупустой, но зато очень большой, Кья приходилось сильно наклоняться в другую сторону, чтобы он не волочился по земле.

— Спасибочки, — сказала Мэриэлис. — Вот, держи. — Она сунула ей мятый бумажный квадратик с полосатым кодом. — Это квитанция. А теперь… нам сюда…

Теперь, с чемоданом, проталкиваться сквозь толпу стало куда труднее. Кья напрягла все свое внимание, чтобы не наступать людям на ноги и не слишком толкать их чемоданом, а потом и сама не заметила, как отстала от Мэриэлис. Она осмотрелась по сторонам в надежде, что где-нибудь из толпы торчит знакомая, с наращенными волосами, голова этой жердины, но Мэриэлис как сквозь землю провалилась.

ВСЕ ПРИБЫВШИЕ ПАССАЖИРЫ ДОЛЖНЫ ПРОЙТИ ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ.

Буквы задрожали и изогнулись, стали японскими, а потом снова английскими.

Таможня так таможня. Она встала в очередь за мужчиной в красной кожаной куртке с надписью «Столкновение концепций» во всю спину серыми

ворсистыми буквами. Кья смотрела на эту надпись, пытаясь представить себе, как концепции сталкиваются, что, надо думать, само по себе являлось отдельной, самостоятельной концепцией, а потом подумала, что, может, это просто название авторемонтной фирмы или один из этих японских слоганов, переведенных ими на английский, которые вроде как что-то и значат, а вдумаешься, так чушь. Серьезная все-таки вещь этот транстихоокеанский джет-лаг, по мозгам шибает.

— Следующий.

Они пропускали чемодан «Столкновения концепций» через машину размером с двуспальную кровать, но сильно выше. Они — это чиновник в таком вроде как видеошлеме, смотревший, надо думать, что там выдают сканеры, и просто полицейский, чтобы взять у тебя паспорт, засунуть его в щель, а затем скормить твой багаж машине. Сперва Кья дала полицейскому Мэриэлисовый чемодан, и он хлопнул его на ленту транспортера.

— Здесь у меня компьютер, — сказала Кья, протягивая ему сумку. — Как там эти сканеры, ничего ему не сделают?

Полицейский словно не слышал. Сумка поползла

ла в машину следом за чемоданом.

Чиновник в шлеме, закрывавшем ему глаза, крутил головой из стороны в сторону, переключая таким образом меню.

— Багажная квитанция, — сказал полицейский, и Кья вспомнила о бумажном квадратике, еще больше смявшемся от пребывания в ее кулаке. Странно, подумала она, с чего это Мэриэлис мне ее дала, а теперь вот удачно вышло. Полицейский провел по квитанции сканером.

— Вы сами укладывали эти сумки? — спросил чиновник в шлеме. Он, конечно же, не видел ее прямо, но наверняка видел все бумажки, вложенные в ее паспорт, а возможно, и ее изображение с какой-нибудь телекамеры. В аэропортах, в них полно этих камер.

— Да, — сказала Кья, решив, что так будет проще, чем пускаться в объяснения насчет Мэриэлис. Она попыталась определить по губам, какое у этого, в шлеме, выражение лица, и решила, что нету него никакого выражения, вообще нет.

— Так это вы укладывали?

— Да… — сказала Кья уже не так уверенно. Шлем кивнул.

— Следующий.

Кья обошла машину, взяла сумку и чемодан.

Снова отъехало матовое стекло. Этот зал был просторнее, и потолки выше, и реклам больше, и сами они больше, а толкучка такая же. Возможно, это не потому, что самолетов прилетело много, а тут, в Токио, и во всей Японии, всегда так. Много людей, мало места, вот тебе и толкучка.

И много багажных тележек, роботов этих. Кья подумала, сколько стоит нанять такую. А потом лечь поверх своего багажа, сказать ей куда и уснуть. Только ей сейчас и не хотелось, в общем-то, спать, а просто голова какая-то мутная. Кья перехватила Мэриэлисов чемодан из левой руки в правую и снова задумалась, что же ей делать, если Мэриэлис не объявится, скажем, в ближайшие пять минут. Она уже по это место наелась аэропортов и не имела ни малейшего представления, где будет спать этой ночью. Да и вообще, ночь сейчас или что?

Кья как раз оглядывалась по верхам в надежде найти где-нибудь часы с местным временем, когда на ее правом запястье сомкнулись чьи-то пальцы. Опустив глаза, она увидела золотые кольца и золотые часы на массивном золотом браслете, все кольца соединялись с часами тоненькими золотыми цепочками.

— Это мой чемодан.

Кья скользнула глазами с раззолоченного запястья на белый манжет, затем вверх по черному рукаву к светлым глазам на длинном лице, на каждой щеке — ряд длинных, аккуратных морщин, словно нарочно процарапанных каким-нибудь резцом. На мгновение она приняла его за Мьюзик-мастера, вырвавшегося каким-то образом на свободу. Но Мьюзик-мастер в жизни не наденет такие вот часы, да и волосы у этого пусть и блондинистые, но потемнее, длинные и вроде как мокрые и зачесаны с высокого лба прямо назад. И видок какой-то не очень радостный.

— Не твой, а Мэриэлис, — сказала Кья.

— Она сама тебе его дала? В Сиэтле?

— Она попросила меня поднести.

— В Сиэтле?

— Нет, — качнула головой Кья. — Здесь, уже в зале. Мы с ней в самолете сидели рядом.

— А где она сама?

— Не знаю, — сказала Кья.

На нем был черный костюм с длинным, доверху застегнутым пиджаком, вроде как в старых фильмах, только новехонький и дорогой с виду. Все это время он вроде как и не помнил, что так и держит ее за руку, а теперь отпустил.

— Давай лучше я понесу, — сказал он. — Най-

дем мы ее, никуда не денется.

Кья немного смешалась, не зная, как будет правильней.

— Мэриэлис хотела, чтобы я его несла.

— Вот ты и поносила. А теперь моя очередь, — сказал мужик, забирая у нее чемодан.

— А ты, наверно, ее бойфренд, Эдди, да?

Уголок его рта чуть дернулся, вроде как в огрызке улыбки.

— Можно и так сказать.

V Эдди был «дайхацу грейсленд» с рулем не на той стороне. Кья сразу это поняла, потому что в одном клипе Рез ехал на заднем сиденье как раз такой машины, только в той была еще ванна из черного мрамора с золотыми кранами в виде хитрых тропических рыбок. Народ говорил, что это такой вроде стеб над деньгами, над всякой жутью, которую ты можешь сделать, если у тебя их чересчур много. Кья рассказала про это матери, а та сказала, что нет смысла слишком уж беспокоиться, что ты можешь сделать, если у тебя будет жуть как много денег, потому что у большинства людей их не бывает хотя бы достаточно, а потом еще сказала, что уж лучше попробовать разобраться толком, что оно такое, это «достаточно».

А вот у Эдди была эта штука, «грейсленд»,

сплошь черная эмаль и хром. Снаружи она выглядела как что-то среднее между «ар-ви» и этими длинными, клиновидными хаммеровскими лимузинами. Сомнительно, думала Кья, чтобы они так уж здорово шли на японском рынке, в Японии больше в ходу машины веселеньких расцветок, похожие на обсосанные леденцы. А «грейсленд» — это прикол в чистейшем, неразведенном виде, ее и сконструировали, и делают специально для американцев, бзикнутых на том, чтобы покупать только отечественное. Что применительно к машинам оставляет тебя, считай, и без выбора. (Мамаша Эстер, мадам Чен, водит один из этих страхолюдных канадских грузовиков, которые дорогие, будто они из чистого золота, но зато имеют гарантии на восемьдесят лет — это, считается, лучше для экологии.)

Изнутри этот «грейсленд» был сплошь в лиловом бархате, простеганном ромбиками и маленькими хромированными пупочками, где ромбики соединяются, — самая, пожалуй, китчуха, какую Кья в жизни видела, и Мэриэлис, похоже, тоже так думала; она, Мэриэлис, еще тогда, в самолете, рассказывала, что у Эдди есть этот крутой, с кантри-музыкой клуб «Виски Клон» и он прикупил себе «грейсленд», чтобы этому клубу

в масть, а заодно и одеваться стал, как одевались когда-то в Нашвилле.[175] Мэриэлис думала, что оно ему самое то, так она и сказала.

Кья кивнула своим мыслям. Эдди вел машину и разговаривал по громкоговорящему телефону по-японски. Они нашли Мэриэлис в двух шагах от аэропорта, в крошечном баре, третьем из обследованных. У Кья сложилось впечатление, что Эдди не так уж и обрадовался, увидев Мэриэлис, но самой Мэриэлис это было, похоже, по фонарю.

Это Мэриэлис придумала, чтобы довезти Кья до Токио. Она сказала, что в поезде все кишки выдавить могут, и билеты очень дорогие, и что она будет рада оказать Кья хоть маленькую услугу за то, что Кья носила ее чемодан. (Кья заметила, что Эдди закинул другой чемодан в багажник, а этот, со стикером «Ниссан Каунти», поставил в салоне, рядом с собой.)

В общем-то, Кья не слушала, что там она, Мэриэлис, говорит, было уже сколько-то там ночи, и голова от джет-лага совсем задурела, и они ехали по этому длинному мосту, который словно весь из неона, с чертовой уймой полос движения, и маленькие ихние машины, как яркие бусинки на

---

[175] Примечания: 175

Город Нашвилл, столица штата Теннесси, считается заодно и столицей кантри-музыки.

ниточках, все сплошь новые и блестящие. И все время мимо проплывали экраны, узкие, но высоченные, и на одних плясали японские буквы, а на других были люди, лица, с такими улыбками, словно стараются что-то тебе втюхать.

А потом появилось женское лицо: Рэи Тоэи, идору, на которой хочет жениться Рез. Появилось и сгинуло.

Глава 9

Совсем без тормозов

— Райс Дэниелз, мистер Лэйни. Совсем без тормозов.

Прижимает к той стороне исцарапанного пластика, отделяющего комнату «Для посетителей» от тех, кого эти посетители посещают, какую-то карточку. Лэйни хотел ее прочитать, но попытка сфокусировать глаза отозвалась в переносице ослепительной вспышкой боли. Тогда он взглянул сквозь навернувшиеся слезы на Раиса Дэниелза. Темные, ежиком стриженные волосы, плотно прилегающие солнечные очки с маленькими стеклами, черные овалы оправы сжимают голову, как лапки хирургического зажима.

И ровно ничего такого, без тормозов.

— Сериал, — сказал посетитель. — «Совсем без тормозов». Как во фразе «Задумайся на секунду, и ты поймешь, что наши масс-медиа совсем без тормозов». «Совсем Без Тормозов — боевой авангард контррасследовательной журналистики».

Лэйни осторожно тронул полоску пластыря, наклеенную на переносицу. И зря так сделал.

— Контррасследовательной?

— Вы же количественник, мистер Лэйни. — (Количественный аналитик. Не то чтобы да, но формально он числился таковым.) — В «Слитскане».

Лэйни молчал.

— Эта девушка стала предметом доскональнейшего расследования. «Слитскан» обложил ее со всех сторон. Вы знаете почему. Мы надеемся привлечь «Слитскан» к ответственности за смерть Элис Ширз.

Лэйни опустил глаза на свои кроссовки. Лишившиеся шнурков стараниями помощников шерифа.

— Она сама себя убила.

— Но мы-то с вами знаем почему.

— Нет, — сказал Лэйни, твердо взглянув в черные овалы. — Нет, я — не знаю. Не совсем знаю.

Узловая точка. Протоколы какой-то совершенно иной действительности.

— Вам, Лэйни, потребуется помощь. Очень потребуется. Вам грозит обвинение в убийстве. Побуждение к самоубийству. Они захотят узнать, почему вы там оказались.

— Я скажу им почему.

— Наши продюсеры сумели устроить, чтобы я добежал сюда первым. Это было ой как непросто. Там сейчас сшивается слитскановская аварийная команда. Ждут своей очереди поговорить с вами. Если им позволить, они все это перекрутят как хотят. Им нужно вытащить вас на свободу, нужно позарез, чтобы вместе с вами не пострадало их шоу. Они точно вас вытащат, с их-то деньгами и юристами. Но вы спросите себя — хотите ли вы позволить им это сделать?

Дэниелз все прижимал к пластику свою визитку. При вторичной попытке на ней сфокусироваться Лэйни заметил надпись, выцарапанную кем-то с той стороны. Маленькие, корявые, зеркально отраженные буквы, и читать их приходилось слева направо.

Я ЗНАЮ, ЭТО ТЫ СДЕЛАЛ.

— Я не слыхал про эту вашу «Без тормозов».

— Часовая пилотная программа готовится пря-

мо сейчас, пока мы с вами здесь разговариваем. И все мы очень волнуемся.

— Почему?

— «Без тормозов» — это не просто новый сериал. Это абсолютно новая парадигма. Новый подход к телевидению. Ваша история — история Элис Ширз — это в точности то, что нам нужно. Наши продюсеры — это люди, захотевшие вернуть зрителям долг. Они сделали хорошую профессиональную карьеру, добились прочного положения, самоутвердились, а теперь хотят вернуть своим зрителям долг — восстановить до некоторой степени честность, раскрыть новые перспективы. — Черные овалы приблизились к грязному, исцарапанному пластику. — Наши продюсеры — это те же люди, которые делают «Копы влипли» и «Семь раз отмерь, один раз зарежь».

— А это еще что такое?

— Хроника предумышленных убийств в мировой индустрии моды.

— Контррасследовательная? — Карандаш японца завис над ноутбуком.

— Это у них программа о программах вроде «Слитскана», — объяснил Лэйни. — 0 нарушениях закона и злоупотреблениях при их подготовке.

Бар был футов десять в длину и без единой

табуретки. Стоишь, и все тут. Если не считать бармена, одетого на манер артистов кабуки, они были здесь совершенно одни. По той элементарной причине, что заполнили помещение до предела. Миниатюрнейшее самостоятельное коммерческое заведение, какое можно себе представить, и оно, похоже, находилось здесь всегда, осколок древнего Эдо, города теней и узеньких темных улочек. Стены в сплошной чешуе выгоревших открыток, пропитанных никотином и кухонным чадом до ровного коричневого цвета.

— Понятно, — кивнул наконец Ямадзаки. — Мета-таблоид.

Бармен варил на кукольной электроплитке пару сардин. Он подхватил их по очереди стальными палочками для еды, переместил на крошечную тарелку, положил сверху какую-то маринованную растительность, бесцветную и почти прозрачную, пододвинул тарелочку к Лэйни.

— Спасибо, — сказал Лэйни.

Бармен не то чтобы кивнул, а чуть двинул вниз свои выбритые брови.

Несмотря на предельную скромность обстановки, за спиной бармена стояли десятки бутылок дорогого виски, на каждой бутылке — коричневая бумажка с аккуратно выведен-

ными иероглифами. Ямадзаки объяснил, что это имена владельцев, ты покупаешь бутылку, и она стоит тут специально для тебя. Блэкуэлл не спеша приканчивал второй стакан местного аналога водки с местным аналогом льда (во втором случае аналогия была полной). Ямадзаки так и придерживался коки лайт. Лэйни смотрел на нетронутую рюмку сюрреалистически дорогого кентуккского бурбона в смутном раздумий, а как отреагирует его джет-лаг, если и вправду взять да и выпить эту штуку.

— Короче говоря, — сказал Блэкуэлл и допил водку, звякнув кубиками льда о вставные зубы. — Короче говоря, они вас вытащили, чтобы вы дали им материал на тех, других ублюдков.

— В общих чертах да, — кивнул Лэйни. — У них уже была наготове юридическая команда, нарочно для этого, и вторая, для работы по моей подписке о неразглашении.

— И этой второй, — сказал Блэкуэлл, — пришлось попотеть куда больше.

Бармен с ловкостью фокусника снял со стойки отодвинутый Блэкуэллом стакан и так же ловко поставил на его место новый, извлеченный словно ниоткуда.

— Верно, — сказал Лэйни.

Соглашаясь тогда на не слишком определенное предложение Раиса Дэниелза, он слабо представлял себе, в какую кашу влезает, но зато точно знал, что «Слитскан» не должен, ни в коем случае не должен уйти от ответственности за выстрел, негромко треснувший на кухне Элис Ширз. (У нее была грошовая русская стрелялка, состоявшая из патрона, коротенькой трубочки и простейшего спускового механизма. Эти устройства предназначались почти исключительно для самоубийства, прицелиться из них во что-нибудь, находящееся на расстоянии свыше двух дюймов, было невозможно. Лэйни и раньше слышал о «пятничных специальных»,[176] как окрестил эти штуки известный юморист, но никогда их не видел.)

А что «Слитскан» соскочит, тут уж можно было не сомневаться. Бросят, раз уж так вышло, разработку по милому дружку Элис, вся эта история тихо канет на дно и тут же скроется под ежесекундно нарастающим слоем мертвой, мусорной информации.

И жизнь Элис Ширз, известная ему с кошмарной доскональностью, останется там навечно,

[176] Примечания: 176

Давно существует идиома «субботний специальный» (Saturday night special), обозначающая дешевенький, легко добываемый револьвер.

никем не узнанная, а чуть позднее — и не могущая быть узнанной.

А если он стакнется с «Без Тормозов», ее жизнь может задним числом превратиться в нечто иное, хотя тогда, сидя на жестком, неудобном стуле перед исцарапанным листом пластика, разгораживавшим мир на две принципиально различные части, он и не очень понимал, во что именно.

Он думал о кораллах, о рифах, вырастающих вокруг потопленных авианосцев; возможно, она тоже станет чем-нибудь вроде тайны, погребенной под причудливыми наростами догадок, предположений и даже легенд.

Ему казалось, что это будет для нее лучший, не такой мертвый способ быть мертвой. И он ей этого желал.

— Вытаскивайте меня отсюда, — сказал он Дэниелзу. Дэниелз сразу же заулыбался под своим хирургическим зажимом и торжествующе спрятал едва не прилипшую к грязному пластику карточку в карман.

С Райделлом Лэйни познакомился чуть позже, когда «бестормозная» бригада поселила его в «Шато», древней копии еще более древнего оригинала, вызывающе экстравагантной куче бетона,

намертво зажатой между двумя одинаковыми и какими-то уж особо тошнотворными корпусами, поставленными здесь как раз к исходу прошлого века. Эти агрессивно-дебильные близнецы как в зеркале отразили милленниальные страхи и тревоги года, когда они являлись на свет, преломляя их к тому же через некую другую, более смутную, жутковато-приглушенную истерию, что делало их не такими безликими — и еще менее привлекательными.

Номер, куда поселили Лэйни, был значительно просторнее его жилища в Санта-Монике и представлял собой нечто вроде квартиры 1920-х годов, растянувшейся вдоль длинной неглубокой бетонной террасы с видом на бульвар Сансет, чуть более глубокой террасы нижнего этажа и круглого крошечного газона — все, что осталось от былых садов.

Лэйни этот выбор казался странным, мало соответствующим ситуации. Он бы скорей ожидал, что они предпочтут что-нибудь более уединенное, более укрепленное, более опутанное охранными системами, но Райс Дэниелз сказал, что у «Шато» есть свои, и очень серьезные преимущества. Во-первых, его имидж должен способствовать гуманизации Лэйни, «Шато» выглядит как жили-

ще, нечто со стенами, окнами и дверями, место, где постоялец может вести нечто похожее на жизнь, — чего никак не скажешь о серьезных бизнес-отелях, с их бездушными кубами и квадратами. Кроме того, эта гостиница имеет глубоко укоренившиеся ассоциации с голливудской системой звезд и, опосредованно, с человеческими трагедиями. Звезды жили здесь в золотые дни старого Голливуда, а позднее кое-кто из них здесь же и умирал. «Без Тормозов» планирует подать смерть Элис Ширз как трагедию в освященной временем голливудской традиции, с тем отличием, что она была спровоцирована «Слитсканом», сущностью более чем современной. Кроме того, объяснял Дэниелз, «Шато» охраняется куда серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Тут-то Лэйни и был представлен Барри Райделлу, ночному охраннику.

Как показалось Лэйни, Дэниелз знал Райделла еще до того, как тот нанялся в «Шато», хотя было не совсем ясно как и откуда. Райделл проявил совершенно неожиданную осведомленность во внутренних порядках и обычаях развлекательно-информационной индустрии и чуть позже, когда Дэниелз уже ушел, спросил Лэйни, кто его представляет.

— Это в каком смысле? — удивился тогда Лэйни.

— У тебя же есть агент, да? Лэйни сказал, что не да, а нет.

— Тогда найми себе агента, и не очень с этим затягивай, — сказал Райделл. — Я не говорю, что это спасет тебя ото всех накладок и что с агентом все будет, точно как ты того хочешь, но кой хрен, это же шоу-бизнес, не надо об этом забывать.

Это и вправду был шоу-бизнес, и до такой степени, что Лэйни уже через несколько минут начал всерьез задумываться, а не лопухнулся ли он, связавшись с этой конторой. В его номер набилось шестнадцать человек для «предварительной беседы» продолжительностью в четыре часа, хоть бы подумали своими головами, что он только шесть часов как из-за решетки. Когда они наконец ушли, Лэйни прошагал заплетающимися ногами чуть не весь, длинный, как кишка, коридор, тупо открывая двери каких-то кладовок и чуть не плача оттого, что спальня куда-то подевалась. Найдя ее, он даже не стал снимать одежду, за которой они сгоняли Райделла в Беверли-центр, а просто заполз на кровать и уснул.

Что, думал Лэйни, ему стоило бы сделать прямо здесь и сейчас, в этом баре на Золотой улице,

думал, отвечая тем самым на свой вопрос о взаимодействии джет-лага и бурбона. Но чуть позже, допив рюмку до дна, он почувствовал, как дошедший, казалось бы, до низшей точки отлив сил начал сменяться приливом — парадоксальное состояние, связанное, вероятно, не столько с алкоголем, сколько с внутренней химией усталости и перемещения на другой конец света.

— А Райделл бодро держится? — спросил Ямадзаки.

Лэйни на мгновение удивился такому вопросу, но тут же вспомнил, что Райделл упоминал тогда какого-то японца, знакомого ему по Сан-Франциско, и это, конечно же, был этот самый Ямадзаки.

— В общем, — сказал Лэйни, — этот мужик не показался мне каким-нибудь совсем уж отчаянно несчастным, но в нем иногда проглядывало нечто вроде пришибленности. Пожалуй, проглядывало. В смысле я с ним не то чтобы близко знаком, так что не могу быть уверен.

— Жаль, — вздохнул Ямадзаки. — Райделл — смелый человек.

— А как насчет вас, Лэйни? — вмешался Блэкуэлл. — Вот как вы сами, вы считаете себя смелым человеком?

Червячок шрама, рассекавший его левую бровь,

пошевелился, словно собираясь уползти наверх, и замер в новой позиции.

— Нет, — сказал Лэйни. — Не считаю.

— Но ведь вы пошли против «Слитскана», верно? Пошли из-за того, что они сделали с этой девушкой. У вас была работа, была еда, было где жить. Вы получали все это от «Слитскана», но затем они убили эту девушку, и вы взяли на себя задачу за нее посчитаться, так ведь?

— Ничто и никогда не бывает так просто, — сказал Лэйни.

Секундное молчание, а когда Блэкуэлл заговорил, Лэйни неожиданно столкнулся с иным способом мыслить, таким, который принято скрывать, считать вроде бы не существующим.

— Что да, то да, — сказал Блэкуэлл. — Хрен там что бывает просто.

Большая, сплошь в розоватой сетке рубцовой ткани кисть его левой руки поползла, подобно некоему неуклюжему самостоятельному животному, к нагрудному карману микропорной рубашки, некоторое время в нем копалась, извлекла маленький, тускло поблескивающий металлический предмет и положила его на стойку бара.

— Это — гвоздь, — сказал Блэкуэлл. — Полуто-

радюймовый, оцинкованный, для кровельных работ.[177] Я иногда прибивал людей за руки, такими вот примерно гвоздями к таким примерно стойкам. Среди них, людей этих, встречались самые форменные ублюдки. — В голосе огромного австралийца не было ни грамма злобы. — И некоторые из этих ублюдков, пока ты прибиваешь им одну руку, другая извлекает бритву или хирургические щипцы. — Палец Блэкуэлла машинально потрогал багровый шрам, выглядевший так, словно что-то пронзило ему кожу прямо под правым глазом и ушло в сторону, натолкнувшись на скульную кость. — Ну и что прикажешь с ними делать?

— Со щипцами?

— С ублюдками. Хочешь не хочешь, приходится их убивать. Вот такая вот, Лэйни, бывает «смелость». А теперь подумайте о своем поведении в истории со «Слитсканом» — так ли уж оно отличается от поведения этих ублюдков?

— Я просто не хотел, чтобы они все это втихую забросили. Чтобы она… ну, опустилась на дно. Исчезла из памяти. Мне было почти безразлично, сильно пострадает на этом «Слитскан» или

---

[177] Примечания: 177

Техническая деталь. У кровельных гвоздей больше шляпка.

нет, и даже пострадает ли он вообще. Я думал не столько о мести, сколько о том, чтобы… ну, вроде сохранить ее в живых.

— А бывают и такие люди, что ты прибиваешь им руку к столу, а они сидят и смотрят на тебя. Вот они-то и есть самые крепкие. Вы думаете, что вы — один из них?

Лэйни перевел взгляд с Блэкуэлла на свою пустую рюмку, затем снова на Блэкуэлла. В руках у бармена появилась бутылка бурбона, но Лэйни качнул головой и прикрыл рюмку ладонью.

— Если вы, Блэкуэлл, начнете меня приколачивать, — он положил другую ладонь на темно-коричневую, сплошь в круглых отпечатках рюмок и стаканов стойку, — я буду орать в голос, ладно? Я не знаю, к чему это все и о чем. Может быть, вы просто псих. Может быть. А уж я-то точно не герой, ни с какого боку. И сейчас не герой, и тогда, в Эл-Эйс, тоже не был.

Блэкуэлл и Ямадзаки переглянулись. Блэкуэлл пожевал губами, еле заметно кивнул и снова повернулся к Лэйни.

— Ну и молодца.[178] Пожалуй что вы подходите для этой работы.

---

[178] Примечания: 178

Блэкуэлл употребляет здесь специфически австралийский оборот «good on you».

— Не так быстро. — Лэйни снял ладонь с рюмки, и бармен тут же налил ему вторую порцию бурбона. — Я не буду слушать ни о какой работе, пока не узнаю, кто меня нанимает.

— Я возглавляю службу безопасности «Ло/Рез», — сказал Блэкуэлл, — и я обязан этому мудозвону жизнью. Последнюю пятерку из которой я провел бы в пенитенциарных заведениях трижды долбанного штата Виктория. Если бы не он. И какая там пятерка, я бы там раньше повесился или не знаю что.

— Группа? И вы их охраняете?

— Райделл хорошо о вас отзывается, мистер Лэйни. — Шея Ямадзаки словно стала чуть длиннее.

— Да что он про меня знает, этот ваш Райделл? — возмутился Лэйни. — Он просто ночной сторож из слишком дорогой для меня гостиницы.

— Райделл хорошо разбирается в людях — по моему, во всяком случае, мнению, — сказал Ямадзаки и с любопытством повернулся к Блэкуэллу.

— «Ло/Рез»? У них что, сложности?

— У Реза, — уточнил австралиец. — Он говорит, что женится на этой японской шкуре, которой ни хрена и нет совсем. И он и сам не знает, что

ее нет, а когда ему говоришь, говорит, что у нас нету ни черта никакой фантазии! А я вот что скажу. — Блэкуэлл коротко взмахнул зеркально отполированным, с круглой дыркой в верхнем переднем углу стальным прямоугольником; неизвестно откуда появившийся, этот предмет казался в его огромной клешне совсем миниатюрным, не больше кредитной карточки. — Кто-то его загрузил, ясно? Загрузил его. Не знаю кто, не знаю как. Хотя лично я поставил бы на этот гребучий Комбинат. На этих русских ублюдков. А вы, Лэйни, вы сделаете для нас эту свою узловую хрень, на нашего Реза, и все на хрен узнаете. Узнаете, кто. — Прямоугольник с негромким, но отчетливым стуком опустился на стойку бара и остался в ней торчать. Поперек волокон дерева. Теперь, когда Блэкуэлл убрал руку, Лэйни увидел, что это очень маленький секач для мяса с изящной палисандровой рукояткой.

— А когда вы это сделаете, — сказал Блэкуэлл, — мы устроим им такую на хрен веселую жизнь, что обхохочешься.

Глава 10

«Виски Клон»

Кантри-клуб, куда привел их Эдди, располагался в чем-то вроде административного здания, да еще на самом верху. В Сиэтле, подумала Кья, так никогда не делают. Вроде бы не делают. Большую часть пути она проспала и проснулась только тогда, когда Эдди уже заезжал в гараж, а потом во что-то такое вроде чертова колеса или барабана старомодного револьвера, только здесь вместо патронов были машины. Потом эта штука начала поворачиваться и подняла их наверх, и Эдди выехал на парковочную площадку, точно такую же, как в любом другом гараже, и машины там стояли сплошь черные и большие, хоть и не такие большие, как «грейсленд».

— Поднимешься с нами, милочка, — сказала Мэри-элис. — Умоешься, приведешь себя в порядок, а то на тебя же страшно смотреть.

— Мне нужно подключиться к сети, — сказала Кья. — Найти эту подругу, у которой я хочу остановиться…

— Проще простого, — сказала Мэриэлис, откры-

вая дверцу.

Эдди уже вышел из машины, не забыв прихватить чемодан со стикером «Ниссан Каунти». Выглядел он все так же скучно. Кья взяла свою сумку и последовала за Мэриэлис. Когда они вошли в лифт, Эдди приложил ладонь к контуру ладони на стене и сказал что-то по-японски. Лифт что-то ему ответил, закрыл двери и повез их вверх. Скорость была вроде бы очень большая, и все равно они ехали и ехали.

В лифте настроение Эдди ничуть не улучшилось. Он стоял совсем рядом с Мэриэлис и смотрел на нее, Кья видела, как играют у него желваки на скулах.

— Да не дергайся ты, — сказала Мэриэлис, — все же получилось.

Желваки заиграли еще сильнее.

— Это не по плану, — сказал наконец Эдди. — Мы так не договаривались.

— Да? — удивилась Мэриэлис. — А ведь раньше ты, помнится, любил небольшие новации.

— Новации? — Эдди коротко покосился налево, где стояла Кья. — Ты называешь это новацией?

Лифт остановился и распахнул двери.

— И чувство юмора у тебя тоже раньше было, — сказала Мэриэлис. Эдди еще раз обжег ее

глазами и вышел наружу. — Не обращай на него внимания, — сказала Мэриэлис, подталкивая Кья к двери. — С ним такое бывает.

Кья ожидала увидеть все что угодно, но только не эту дико запущенную, заставленную штабелями упаковочных коробок комнату. Потолок здесь был совсем низкий, из этих самых фибергласовых плиток на металлических рейках; половина плиток повываливалась, образуя пыльные проемы, из которых свисали какие-то провода и проводочки. В комнате были две маленькие настольные лампы, одна из них светила на кучу пустых упаковок из-под лапши быстрого приготовления и черную кофейную кружку с букетом пластиковых ложек. Японец в сетчатой шапочке с надписью над козырьком: «Виски Клон», сидевший на крутящемся стуле перед стойкой с мониторами внутреннего наблюдения, наливал себе что-то горячее из большого термоса с цветочками.

— Йо, Калвин, — сказала Мэриэлис, во всяком случае, так оно звучало или примерно так.

— Хай, — сказал японец.

— Калвин из Такомы, — пояснила Мэриэлис. Эдди, все с тем же чемоданом в руке, пересек, не останавливаясь, комнату и исчез за какой-то дверью.

— Чего это босс такой веселенький? — поинтересовался японец, отхлебывая из термосного колпачка. Если судить по голосу, он был таким же японцем, как Кья или Мэриэлис.

— А это он радуется, что я приехала, — сказала Мэриэлис. — Прямо из штанов выпрыгивает от радости.

— И это пройдет.

Еще один хлебок. Взгляд на Кья из-под козырька. «Виски Клон» написано такими буквами, какими пишут вывески в моллах, чтобы все подумали, что у них старое, с почтенными традициями заведение.

— Это Кья, — сказала Мэриэлис. — Мы с ней в «Си-Таке» познакомились.

«Почему в аэропорту, а не на самолете?» — удивилась Кья и тут же вспомнила всю эту историю с анализами на ДНК и наращенными волосами.

— Приятно услышать, что он никуда не делся, — сказал неяпонский японец. — В смысле, что есть еще дорога назад из всего этого дерьма.

— Ну как же так, Калвин, — покачала головой Мэриэлис. — Ведь тебе же нравится в Токио.

— А то. Когда-то в Редмонде у меня была ванная размером со всю мою здешнюю квартиру, и это ж даже не была особо большая ванная. В смысле,

там был только душ, без никакой ванны, и вообще без ни хрена.

Кья смотрела на экраны за его спиной. Уйма народу, а что они все делают — непонятно.

— Удачный, похоже, вечер, — сказала Кья, глядя на телеэкран.

— Средний. Средний между хреновым и очень хреновым.

— Кончай так разговаривать, — сказала Мэриэлис. — Вот доведешь меня, и я знаешь что сделаю?

— Да ну, Мэриэлис, — ухмыльнулся Калвин, — ты же у нас хорошая девочка.

— А можно мне подключиться к сети? — спросила Кья.

— Вход у Эдди в офисе, — сказала Мэриэлис, — но он сейчас висит на телефоне. Чего бы тебе не сходить пока в туалет, — она указала на другую, не куда ушел Эдди, закрытую дверь, — и не умыться? А то вид у тебя какой-то не очень свежий. Тем временем Эдди кончит трепаться, и ты сможешь позвонить своей подружке.

В туалете была старая нержавеющая раковина и очень новый, очень хитроумный унитаз с доброй дюжиной кнопок на бачке. И под каждой кнопкой надпись. По-японски. Полимерное сиде-

нье мягко прогнулось под ее весом и даже вроде как слегка пошевелилось, Кья чуть не подпрыгнула с испугу, но затем успокоила себя, что все о'кей, это просто ихняя иностранная технология. Покончив со своими делами, она нажала первую попавшуюся кнопку и тут же отскочила в сторону, задохнувшись от широкой струи теплой, ароматизированной, тончайше распыленной воды. Кья вытерла глаза тыльной стороной ладони, встала сбоку от унитаза и издалека, насколько хватило руки, нажала другую кнопку. Вторая попытка оказалась удачнее — туалет спустился с реактивным ревом, напомнившим ей полет самолета.

Пока она мыла руки, а затем умывалась над ободряюще привычной раковиной бледно-голубым жидким мылом из раздатчика, сделанного в виде одноглазого динозаврика, рев воды в унитазе сменился каким-то другим звуком. Кья посмотрела и увидела, что под сиденьем пульсирует круг красноватого света. Ультрафиолет, догадалась она. Вирусов убивает.

На стенке красовался постер «Дьюкс оф Ньюк'Ем», металлистов этих вонючих. Потные, пустоглазые парни дебильно скалятся в камеру, у барабанщика нет передних зубов. Японские

иероглифы. Кья немного поудивлялась, японцам-то они зачем, ведь такие, вроде «Дьюков», группы на каждом углу орут о своей ненависти ко всему, кажущемуся им «неамериканским», но потом вспомнила слова Келси, много раз сопровождавшей своего папашу в Японию, что с ними, с японцами этими, никогда не поймешь, что им нравится и почему.

В туалете не было ни полотенца, ни сушилки для рук; немного подумав, Кья воспользовалась — с весьма средним успехом — одной из запасных футболок. Заталкивая футболку назад в сумку, она заметила краешек чего-то вроде бы незнакомого, но в этот самый момент дверь туалета чуть-чуть приоткрылась.

— Извини, пожалуйста, — сказал Калвин.

— Ничего, — сказала Кья, задергивая молнию поставленной на пол сумки. — Все путем.

— Если бы, — сказал Кальвин, оглядываясь через плечо. — Ты действительно встретила Мэриэлис в «Си-Таке»?

— В самолете, — уточнила Кья.

— Так ты сама ни при чем?

Кья распрямилась, и все вокруг нее немного поплыло.

— Ни при чем?

— Тогда тебе надо мотать отсюда. — Глаза Калвина, смотревшие из-под черного козырька дурацкой шапочки, были какие-то слишком уж серьезные. — И поскорее.

— Почему? — спросила Кья, хотя эта идея казалась ей вполне разумной.

— Нечего тебе про это знать.

За стеной что-то грохнуло и зазвенело.

— Ничего страшного, — сказал Калвин и чуть поморщился. — Она просто швыряется вещами. Это для них так, легкая разминка. Пошли.

Он подхватил ее сумку и начал вдруг двигаться с такой скоростью, словно опаздывал на самолет. Из туалета, резкий поворот направо, почти бегом мимо двери, за которой скрылся Эдди, мимо стойки с экранами (Кья увидела там вроде бы людей в ковбойских шляпах, отплясывавших цепочкой, сцепившись руками, но где там что рассмотришь, когда нужно догонять этого психа).

Калвин влетел в распахнутые двери лифта и с размаху хлопнул ладонью по сенсорной пластине.

— Довезет тебя до гаража, — сказал он. В офисе Эдди разбилось что-то стеклянное и, видимо, большое. — Иди налево, там футах в двадцати будет другой лифт. Через вестибюль тебе не сто-

ит, у нас там камеры. Нажми нижнюю кнопку и попадешь прямо в метро. Садись на поезд.

— На какой? — спросила Кья, забирая у него свою сумку.

Мэриэлис завопила, и не придуривая, а как от настоящей боли.

— На любой.

Калвин сказал что-то по-японски и выскочил наружу за мгновение до того, как лифт успел ответить, а затем двери закрылись, пол дернулся вниз, и сумка в руке Кья стала на мгновение легче.

«Грейсленд» так и стоял на прежнем месте, огромный вожак стаи тяжелых блестящих черных автомобилей. Свернув, как велел Калвин, налево, Кья обнаружила второй лифт. Помятый и обшарпанный, он не умел разговаривать и по нажатию самой обыкновенной кнопки послушно опустил ее в лабиринт залитых ярким, как в полдень, светом переходов, по которым текли толпы людей, к путанице эскалаторов и платформ, к магнитным поездам в туннелях и вечным логотипам, парящим в вышине.

Вот теперь она точно была в Токио.

Глава 11

Коллапс новых зданий

Лэйни получил комнату в узком, трапецевидном в плане, высотном здании, облицованном белой керамической плиткой. То, что эта высотка, наследие строительного бума восьмидесятых, пережила землетрясение, свидетельствовало о мастерстве ее создателей, а головоломное хитросплетение прав собственности и незатухающая борьба между двумя старейшими криминальными кланами позволили ей пережить и последующую реконструкцию. Лэйни узнал все это от Ямадзаки в такси, которое везло их сюда с Новой Золотой улицы.

— Мы не знали, — сказал Ямадзаки, — как вы относитесь к новым зданиям.

— Новые — это нанотехнические?

Все силы Лэйни уходили на то, чтобы держать глаза открытыми. На водителе были белоснежные, безукоризненно чистые перчатки.

— Да. Некоторые люди относятся к ним с недоверием, даже опаской.

— Пока что я никак к ним не отношусь. Посмот-

реть сперва надо.

— Вы сможете увидеть нанотехнические здания уже сегодня, прямо из окна своего номера.

Что да, то да. Собственно говоря, Лэйни был знаком с этими непомерно огромными монстрами по виртуальным конструктам, но там слабо ощущалась необычная заглаженность их формы, их псевдобиологичность.

— В них есть что-то от Нью-Йорка, изображенного Гигером, — сказал Ямадзаки, но для Лэйни это имя было пустым звуком.

А теперь, сидя на гостиничной кровати, он смотрел на эти чудеса ультрасовременной технологии, пытался проникнуться их величием, все-таки крупнейшие в мире обитаемые сооружения (Чернобыльский саркофаг еще больше, но уж там-то точно ни один человек жить не станет), и не чувствовал ничего, кроме скуки и легкого раздражения.

Зонтик, который дал ему Ямадзаки, опал и начал быстро съеживаться, сходить на нет.

Где-то запиликал телефон. Где?

— Телефон, — сказал Лэйни. — Где он здесь?

Плоский деревянный брусок, белый на черном квадратном подносе, пристроенном у изголовья кровати, начал подмигивать в такт пиликанью

пятнышком красного света. Лэйни взял брусок. Надавил крошечный перламутровый квадратик.

— Алло, — сказал чей-то голос. — Это Лэйни?

— А сам-то ты кто?

— Райделл, из «Шато». Ганс разрешил мне попользоваться телефоном. Ну да, Ганс, главный ночной смотритель. Я не ошибся со временем? Ты там завтракаешь?

Лэйни протер глаза, еще раз взглянул на новые здания.

— Ага.

— Я звонил Ямадзаки, — сказал Райделл. — Взял у него твой номер.

— Спасибо, — сказал Лэйни и широко зевнул. — Только я…

— Ямадзаки говорит, они тебя взяли.

— Да вроде, — сказал Лэйни. — Спасибо. Думаю, с меня причи…

— «Слитскан», — прервал его Райделл. — В «Шато» от них не продохнуть.

— Нет, с этим покончено.

— Лэйни, ты знаешь такую Кэтрин Торранс? Живет на Шерман-Оукс, знаешь? Она сейчас в бывшем твоем номере с техниками и тонной всякого оборудования. Ганс считает, они пытаются разнюхать, чем ты тут занимался. Найти хоть

какие обрывки информации.

Лэйни смотрел на уходящие в небо башни. Фасад одной из них вроде как пошевелился, но это был, конечно же, просто обман зрения.

— Но он, Ганс, говорит, что в этих номерах нет никакой возможности отсортировать остаточные молекулы. Слишком много наслоений.

— Кэти Торранс? Из «Слитскана»?

— Она этого, собственно, не говорила, но там же такая прорва техников, а техники никогда не умеют держать язык за зубами, а к тому же Чингиз из гаража заметил при разгрузке надпись на некоторых ящиках. Их тут человек двадцать, плюс гориллы. Сняли два больших номера и четыре одноместных. Чаевых не дают.

— Да что же они там делают?

— Всякая сенсорная хрень. Хотят узнать, что ты тут делал и что замышлял. Один из рассыльных видел, как они устанавливали камеру.

Весь фасад одного из новых зданий подернулся рябью и вроде как поплыл. Лэйни закрыл глаза, сжал пальцами переносицу и почувствовал легкую боль, напоминание о недавней травме. И снова открыл глаза.

— Я ровно ничего не замышлял.

— Нет так нет, — обиделся Райделл. — Я просто

подумал, что тебе стоит об этом знать, вот и все.

Нет, с этим фасадом точно что-то происходит.

— Я понимаю. Спасибо. Прости, пожалуйста.

— Если я что-нибудь тут узнаю, сразу тебе позвоню, — сказал Райделл. — А как там оно, в этом самом Токио?

Лэйни смотрел, как по фасаду здания скользит пятнышко отраженного света, это было похоже на последовательное сокращение щупальцев какого-то морского животного.

— Странно тут как-то.

— Но наверняка интересно, — сказал Райделл. — Ну ладно, доедай свой завтрак. Я буду позванивать.

— Спасибо, — сказал Лэйни, и Райделл повесил трубку.

Лэйни вернул телефон на лаковый подносик и как был, не раздеваясь, растянулся на кровати. Он закрыл глаза, чтобы не смотреть на эти здания, но они снова встали перед ним, словно спроецированные на внутреннюю сторону век. Затем они начали расползаться, разжижаться, струйками утекать в лабиринты старого города.

А следом за ними куда-то утек и он сам.

Глава 12

Мицуко

Спустившись на самый нижний уровень станции, Кья подключилась к общественному дейтапорту. «Сэндбендерс» набрал номер Мицуко Мимура, числившейся «социальным секретарем» токийского отделения (в токийском отделении у них вроде у всех были какие-то должности). Сонный голос в динамиках компьютера — по-японски, и тут же, почти мгновенно — перевод.

— Алло? Да? Чем я могу быть полезна?

— Это Кья Маккензи, из Сиэтла.

— Ты звонишь из Сиэтла?

— Я уже здесь, в Токио. — Кья прибавила масштаб карты, горевшей на экране «Сэндбендерса». — На станции метро, которая называется Синдзюку.

— Понятно. Очень хорошо. Ты сейчас сюда приедешь?

— Да, хорошо бы. Я очень устала.

Голос автопереводчика начал объяснять дорогу.

— Не беспокойся, — прервала японку Кья, —

мой компьютер прекрасно со всем справится. Ты только скажи, до какой станции ехать. — Услышав название, она нашла станцию на карте и пометила ее маркером. — А сколько тут до вас ехать?

— От двадцати до тридцати минут, в зависимости от того, какая в метро толкучка. Я тебя встречу.

— Да зачем? — удивилась Кья. — Дай мне только адрес.

— Японские адреса очень трудны.

— Ерунда, — отмахнулась Кья. — У меня есть глобальное позиционирование.

«Сэндбендерс» уже сумел навести по телекоммуникационной сети справки, на его экране высветились координаты Мицуко Мимура. В Сиэтле по личным номерам такого не получалось, только по деловым.

— Нет, — твердо сказала Мицуко. — Я должна тебя поприветствовать. Я же социальный секретарь.

— Спасибо, — сказала Кья. — Так я еду.

Вскинув на плечо полурасстегнутую — чтобы следовать устным указаниям «Сэндбендерса» — сумку, она поднялась на эскалаторе двумя уровнями выше, купила по кредитной карточке

билет и нашла нужную платформу. Толкучка тут была почище, чем в аэропорту, но, когда подошел поезд, Кья просто поддалась толпе и позволила вдавить себя в ближайший вагон; остаться на перроне было бы куда труднее.

Когда поезд тронулся, она услышала голос «Сэндбендерса», сообщавшего, что они отъезжают от станции Синдзюку.

Двадцать минут спустя Кья снова поднялась на поверхность. Перламутровое небо, серые здания, настенный неон вывесок, все элементы городского пейзажа какие-то чуть-чуть не те, непривычные. Велосипеды — а они пачками припаркованы на каждом свободном месте — все больше этой, почти невесомой разновидности, с рамами из бумажных трубок, обмотанных углеродным волокном. Кья попятилась на шаг, пропуская огромный ярко-бирюзовый мусоровоз; руки водителя, крутившие большую, высоко посаженную баранку, были затянуты в белоснежные перчатки. Когда мусоровоз проехал, она увидела девочку-японку в короткой клетчатой юбке и черной байкерской куртке. Девочка улыбнулась. Кья помахала рукой.

Отец Мицуко был хозяином ресторана, и она

жила на втором этаже, прямо над подсобками. Снизу доносилось какое-то глухое тюканье, и Мицуко объяснила, что это шустрит пищеприготовительный робот, шинкует там что-то или нарезает…

Ее комната была заметно меньше, чем спальня Кья в Сиэтле, и куда как чище, очень аккуратная и разумно организованная. То же касалось и самой Мицуко; косая, медного цвета полоска, вытравленная в ее черной челке, казалась нарисованной по линейке, крепкие, на двойной подошве кроссовки сверкали чистотой. Ей было тринадцать, на год меньше, чем самой Кья.

Мицуко познакомила гостью со своим отцом. Мистер Мимура, в белой рубашке с короткими рукавами и при галстуке, руководил тремя мужчинами в синих комбинезонах и белых перчатках, которые энергично и целеустремленно наводили в ресторане чистоту. Он кивнул, сверкнул широкой улыбкой, сказал что-то по-японски и тут же вернулся к исполнению своих руководящих обязанностей. По дороге на второй этаж Мицуко, почти не знавшая английского, сказала, что она сказала отцу, что Кья здесь по программе культурного обмена, краткое посещение страны с проживанием в семье, как-то там связанное со

школьными делами.

У нее на стене висел точно такой же постер, снимок с обложки оригинального, «сучье-супного», альбома.

Сбегав вниз, Мицуко принесла чайник чаю и пластиковую коробку с отделениями, где лежал калифорнийский рулет и всякая другая, менее знакомая, еда. Обрадовавшись рулету, Кья съела все, за исключением одной какой-то штуки с липкой оранжевой икрой морского ежа сверху. Мицуко похвалила ее за умение обращаться с палочками. Кья сказала, что у них в Сиэтле часто пользуются палочками.

Теперь они обе получали перевод от компьютеров через беспроводные наушники. Перевод шел почти без накладок, кроме тех случаев, когда Мицуко использовала очень уж новый японский сленг или вставляла английские слова, не зная толком, как они произносятся.

Кья все хотела расспросить ее про Реза и идору, но не находила случая, и разговор шел о каких-то других, не слишком важных вещах. Затем Кья уснула, уснула как была, сидя по-турецки на полу, и Мицуко, надо понимать, как-то сумела перекатить ее на маленький жесткий матрасик, где Кья и обнаружила себя три часа спустя, когда

проснулась.

В узкое окошко сочился серебристый пасмурный свет.

Мицуко вошла в комнату с новым чайником и сказала что-то по-японски. Кья пошарила вокруг, нашла свой наушник и прицепила его к уху.

— Ты, наверное, очень устала, — перевел наушник, а затем Мицуко сказала, что договорилась и не пойдет сегодня в школу, чтобы побыть с Кья.

Они пили почти бесцветный чай из маленьких пупырчатых керамических чашечек. Мицуко рассказала, что их в семье четверо: мать, отец, она сама и Масахико, ее старший брат. Мать сейчас в Киото, гостит у родственников. Потом Мицуко сказала, что Киото — очень красивый город и Кья непременно должна его посмотреть.

— Я тут не на экскурсии, а по поручению нашего отделения, — сказала Кья. — Мне нужно кое-что выяснить.

— Я понимаю, — кивнула Мицуко.

— Так это правда? Рез действительно хочет жениться на этом программном агенте?

— Я всего лишь социальный секретарь, — смутилась Мицуко. — Тебе лучше поговорить об этом с Хироми Огава.

— А кто это?

— Хироми — президент нашего отделения.

— Хорошо, — согласилась Кья. — А когда я смогу с ней увидеться?

— Мы решили, что для проведения этой дискуссии нужно возвести специальный сайт. Скоро он будет готов.

Мицуко явно чувствовала себя не в своей тарелке.

— А твой брат, он чем занимается? — сменила тему Кья. — Сколько ему лет?

— Масахико уже семнадцать, — повеселела Мицуко. — Он у нас патологический-технофетишист-с-дефицитом-общения. — Заключительная цепочка слов прозвучала почти слитно, первый признак того, что липс-переводчик работает на крайнем пределе своих возможностей. У Кья мелькнула на мгновение мысль прогнать хитрое японское понятие через «Сэндбендерса», чья переводящая программа автоматически обновлялась при каждом подключении к сети.

— Кто-кто?

— Отаку, — сказала Мицуко, и липе снова пробубнил свою тарабарщину.

— А, — кивнула Кья. — У нас такие тоже есть. Мы даже называем их тем же самым словом.

— Я думаю, — сказала Мицуко, — в Америке

они не совсем такие.

— А чем не такие? — удивилась Кья. — Ведь это все мальчиковые забавы, верно? В моей последней школе была куча этих самых отаку, так они торчали на пластиковых анимированных девицах, военных имитациях и прочей дребедени. Классические специалисты по никому не нужной дребедени.

— Все похоже, — кивнула Мицуко, — но вот ты говоришь, они ходят в школу. А наши — не ходят. Ребята получают онлайновое образование, и это плохо, потому что они всегда находят способ сжульничать. Потом, на заключительном тестировании, они попадаются и пролетают, но им это по фонарю. Это серьезная социальная проблема.

— Так твой брат, он что, тоже из этих?

— Да, — сказала Мицуко. — Он живет в Крепости.

— А что это такое?

— Мультиюзерный домен. Эта штука засасывает, как наркотик. У Масахико тут своя комната. Он почти из нее не выходит. Или спит, или торчит в этой своей Крепости. Да и когда спит, тоже, наверное, там.

Чтобы хоть как-то подготовиться к назначенной на полдень встрече, Кья попробовала хоть

что-то разузнать о Хироми Огава, но результаты оказались довольно туманными. Семнадцатилетняя (того же возраста, что и Сона Роса) Хироми вступила в клуб пять с лишним лет назад. Она обладала излишней полнотой (об этом не говорилось прямо — так, неопределенные намеки на общем для девочек всех цивилизаций коде) и имела склонность к усложненной графике. Но все попытки Кья выведать что-либо более существенное разбивались о неколебимую преданность Мицуко своему отделению, на ее понимание себя как подчиненной, а Хироми — как руководительницы.

Судя по всему, клубная политика (Кья ее терпеть ненавидела) могла оказаться здесь весьма серьезной проблемой.

Мицуко достала из шкафчика компьютер — одну из этих корейских штук, похожих на плоский пакет белой студенистой массы, в которой болтается куча разноцветных червяков. Кья расстегнула свою сумку и вытащила из нее «Сэндбендерса».

— А что это? — заинтересовалась Мицуко.

— Мой компьютер.

— О-о! — почтительно протянула Мицуко. — А кто такие делает? «Харли-Дэвидсон», да?

— «Сэндбендерс», — улыбнулась Кья, доставая из сумки наглазники и перчатки. — Это коммуна такая на Орегонском побережье. Они все делают, и компьютеры, и софтвер.

— Так он что, американский?

— Конечно.

— Вот здорово! — восхитилась Мицуко. — А я и не знала, что американцы делают компьютеры.

Кья аккуратно, не торопясь, надела серебристые наперстки, обкрутила запястья ремешками и взглянула на Мицуко.

— Ну так что, познакомишь меня с вашими? Мицуко нервно хихикнула.

Глава 13

Постижение личности

Ямадзаки позвонил чуть до полудня.

В тусклом свете, сочившемся сквозь серые облака, нанотехнические здания выглядели еще безрадостнее, а потому Лэйни с самого утра задернул занавески и сел смотреть телевизор. По NHK показывали чемпионат по запусканию волчков. Главной, как он понял, звездой была маленькая девочка с тощими косичками на голове, одетая

в синее платье со старомодным матросским воротником. Она казалась малость косоватой, не иначе как из-за самозабвенного усердия.

— Хелло, мистер Лэйни, — поздоровался Ямадзаки. — Вы хорошо отдохнули? Чувствуете себя получше?

Девочка резким отработанным движением дернула аккуратно намотанную бечевку, и красно-желтый волчок ожил. Ведущий поднес к волчку ручной микрофон, дал зрителям несколько секунд послушать ровное гудение, а затем сказал что-то по-японски.

— Лучше, чем вчера, — сказал Лэйни.

— В настоящее время мы организуем для вас доступ к информации, окружающей нашего общего знакомого. Дело далеко не простое, поскольку эта информация защищена самыми разнообразными способами. Не было и не могло быть единой, универсальной стратегии. Его частная жизнь ограждается от посторонних глаз весьма сложной, многослойной завесой.

— А этот самый «общий знакомый», он-то об этом знает?

Неловкое молчание. Бешено крутящийся волчок не проявляет ни малейших признаков усталости. Перед глазами Лэйни возникло расте-

рянно моргающее лицо Ямадзаки.

— Нет, он не знает.

— Мне еще так и не сказали, на кого я буду работать. На него? На Блэкуэлла?

— Вашим работодателем является «Парагон-Эйша Дейтафлоу», место регистрации Мельбурн. И вашим, и моим.

— А как насчет Блэкуэлла?

— Блэкуэлл работает на корпорацию, через которую проходит часть доходов нашего знакомого. Эта структура, созданная когда-то исключительно для оптимизации финансовых потоков, максимального снижения потерь, стала с течением времени полноразмерной корпорацией.

— Менеджеры, — кивнул Лэйни. — Менеджеры, работающие на этого парня, наложили в штаны от страха, что он выкинет какой-нибудь номер. Это так, да?

Красно-желтый волчок начал еле заметно подрагивать. Скоро его верхний конец станет описывать все расширяющиеся круги, а потом — все.

— Я все еще малосведущ в обычаях этого бизнеса, мистер Лэйни. Мне трудно давать сколько-нибудь определенные оценки.

— А что это такое говорил вчера Блэкуэлл, что

будто Рез решил жениться на этой японской девице, которой и нету вовсе?

— Идору, — сказал Ямадзаки.

— Что?

— Певица-идол по имени Рэи Тоэи. Она представляет собой личностный конструкт, совокупность программных продуктов, порожденных группой инфодизайнеров. Некий аналог того, что именуется в Голливуде «синтактер», если только я не ошибаюсь.

Лэйни прикрыл на несколько секунд глаза. Снова открыл.

— Так как же тогда он может на ней жениться?

— Я не знаю, — вздохнул Ямадзаки. — Но наш знакомый выражает такое намерение, и весьма определенно.

— А вы не могли бы мне сказать, для чего они наняли вас?

— Первоначально, как мне кажется, они надеялись, что я смогу объяснить им феномен идору: что делает ее столь привлекательной для аудитории и — возможно — для него. К тому же мне кажется, что и они, подобно Блэкуэллу, так и не смогли окончательно расстаться с убеждением, что все это — результат некоего зловещего заговора. А теперь они поручили мне ввести вас в

культурный контекст ситуации.

— Кто такие они?

— В данный момент я не могу говорить более определенно.

Волчок начал вихлять. Лэйни заметил в глазах девочки что-то близкое к ужасу.

— Сегодня вечером я попытаюсь ответить на все ваши вопросы. Тем временем, пока специалисты организуют для вас доступ к информации, ознакомьтесь, пожалуйста, с этими…

— Эй, — возмутился Лэйни, но на месте девочки с волчком уже появился незнакомый ему логотип: мультипликационный бульдог в шипастом ошейнике, по уши залезший в миску с супом.

— Два документальных видео по «Ло/Рез», — пояснил Ямадзаки, — вышедшие под маркой «Сучьего супа». Мелкой независимой фирмы, базировавшейся в Восточном Тайбее. «Сучий суп» выпустил первые записи «Ло/Рез», позднее группа приобрела этот лейбл и использовала его для выпуска не очень коммерческих материалов других артистов.

Лэйни едва сдерживал желание выругаться — девочка с косичками была куда симпатичнее этого идиотского бульдога.

— Так это что же, — спросил он, — докумен-

тальные фильмы о самих себе?

— Эти фильмы не отдавались группе на утверждение. Они не являются корпоративными документами «Ло/Рез».

— И то слава богу, — мрачно заметил Лэйни.

— Так вы посмотрите, пожалуйста, — сказал Ямадзаки и отключился.

Виртуальная камера сделала наплыв на один из шипов собачьего ошейника, и он превратился в огромную стальную пирамиду. На сверкающей треугольной грани, по которой плыли отражения облаков, медленно проступило стандартное предупреждение из Всеобщего соглашения об авторских правах.

Вскоре стало ясно, что фильм попросту слеплен из огрызков рекламного материала групп, и Лэйни со спокойной совестью пошел в ванную разбираться с загадочной японской техникой.

Почистив зубы и приняв душ за шесть рекордных минут, он вернулся к экрану, на котором продолжали мелькать кадры все того же вроде бы фильма. Все это было похоже на какие-то художественные выкрутасы, Лэйни видел такие штуки не раз и не два, но никогда в них особенно не вникал. Надевая белый махровый халат с меткой гостиницы, он решил, что сегодня нужно

смотреть повнимательнее, а то ведь Ямадзаки может устроить экзамен, с него станется.

Ну и для чего, спрашивается, люди такое делают? Ни последовательного повествования, ни хоть бы признаков какой-то разумной структуры, некоторые эпизоды повторяются чуть не по десять раз, то на одной, то на другой скорости…

В Лос-Анджелесе были целые бесплатные каналы, посвященные подобным штукам, и домодельные ток-шоу с самозваными ведьмочками, восседающими в чем мать родила перед огромными изображениями своих богинь, ими же и измалеванными где-нибудь в гараже. Но там-то все это хоть смотреть можно. Судя по всему, замысел этой лапши из эпизодов состоял в сознательном нарушении всех законов построения кадра — нечто вроде хождения по водам, простейшее, многократно повторяемое действие, временно создающее иллюзию равенства с подлежащей основой. Но для Лэйни, проведшего сотни, тысячи часов в глубинных пучинах океанов информации, для которых все масс-медиа — наносная пена, подобные экзерсисы выглядели до крайности убого. И до ломоты в скулах — скучно, хотя, надо думать, скука здесь тоже ставилась на службу общему замыслу — еще одно нарушение

общепринятых правил.

А с чего бы иначе кто-то стал подбирать и склеивать все эти кадры, где Ло и Рез, китаец и полуирландец, гитарист и певец, говорят глупейшие вещи в десятках различных мест перед телевизионными камерами и, надо думать, под перевод? Лейтмотивом были приветствия и благодарности. «Мы счастливы, что смогли наконец приехать к вам во Владивосток. Говорят, у вас появился недавно новый огромный аквариум?» — «Мы хотели бы поздравить вас с проведением свободных выборов и с вашей успешной кампанией по борьбе с лихорадкой денге!» — «Нам всегда, всегда нравился Лондон!» — «О, Нью-Йорк, вы здесь все такие… прагматичные!»

Обследовав остатки своего завтрака, Лэйни нашел под крышкой из нержавейки тарелку с довольно большим огрызком ржаного тоста. В кофейнике оставалось еще на два пальца кофе. Ему не хотелось задумываться о звонке Райделла и его возможном значении. А он-то верил, что совсем покончил со «Слитсканом», покончил со всей этой адвокатской братией…

— Сингапур, ты прекрасен! — сказал Рез.

— Хелл-о, Львиный город![179] — поддержал его Ло. Лэйни взял дистанционный пульт и ткнул быструю перемотку. По нулям. Отключение звука? По нулям. Так-так, значит, Ямадзаки где-то там гоняет всю эту чухню для удовольствия единственного привилегированного зрителя — некоего Лэйни. Он хотел было вообще отключить на хрен телевизор, но поостерегся — а вдруг это будет им как-нибудь видно.

Фильм начал разгоняться, эпизоды становились все короче и шли все чаще, происходящее на экране утратило последние остатки смысла, слилось в сплошное, одуряющее мелькание. Улыбка Реза начинала выглядеть зловеще, превратилась в некую отдельную, самостоятельную сущность, перепрыгивавшую, почти не меняясь, из одного эпизода в другой.

А затем все это исчезло, растворилось в смутных тенях, из которых постепенно выступила золоченая ампирная лепнина. Приглушенный звон бокалов. Своеобразное, словно лишенное глубины изображение, знакомое Лэйни по работе в «Слитскане», такое получается при использовании сверхминиатюрных камер, маскируемых

---

[179] Примечания: 179
«Львиный город» — буквальный перевод названия Сингапур.

под прилипшие к одежде соринки.

Ресторан? Клуб? Кто-то, сидящий прямо напротив камеры за строем зеленых бутылок. Темнота и хилое разрешение крошечной камеры делают черты лица совершенно неразборчивыми. Человек наклоняется вперед, теперь понятно, что это Рез. Он раздраженно взмахивает недопитым бокалом красного вина.

— Если мы когда-нибудь кончим болтовню про музыку, музыкальную индустрию и внутри музыкальную политику, я попробую рассказать вам, насколько легче привлекать к себе внимание миллионов безличных, безразличных тебе слушателей, чем принять любовь и преданность людей, самых тебе близких.

Женский голос, несколько слов по-французски. Скорее всего, именно эта женщина и спрятала на себе камеру.

— Полегче, Роззер. Она не понимает и половины того, что ты тут говоришь.

Лэйни вздрогнул от неожиданности. Блэкуэлл? Ну да, конечно. Да и что тут, собственно, удивительного?

— Не понимает? — Рез отодвинулся, его лицо снова превратилось в смутное пятно. — Очень жаль, ведь иначе я рассказал бы ей, как это оди-

ноко — быть непонятым. А может, мы одиноки потому, что боимся быть понятными, не позволяем себя понять?

Стоп-кадр размытого лица. Метка даты-времени. Два года тому назад. На экране появляется слово «непонятый».

Телефон.

— Да?

Голос Ямадзаки.

— Мне только что звонил Блэкуэлл. У них появился удачный просвет. График сдвинулся. Вы можете входить прямо сейчас.

— Слава богу, — сказал Лэйни, — а то этот первый фильм — вряд ли я что-нибудь из него высосу.

— Рез в поисках нового художественного смысла? Не беспокойтесь, мы покажем вам его еще раз, попозже.

— У меня прямо камень с души упал. А что, второй, он тоже в таком духе?

— Второй документальный фильм сделан в более обычной стилистике. Подробное интервью, элементы биографии. Би-би-си, три года назад.

— Прекрасно.

— Блэкуэлл уже едет к вам в гостиницу. До свидания.

Глава 14

Токийское отделение

Сайт, возведенный токийским отделением для предстоящей встречи, напоминал японские гравюры в музее, куда Кья ходила со школьной экскурсией, такой же коричневый свет, словно сочащийся сквозь наслоения древнего лака. На дальних холмах виднелись перекрученные деревья с сучьями, как размашистые росчерки китайской тушью. Они с Мицуко сразу же направились к деревянной хижине с широкими скатами соломенной крыши. В такую вот хижину прокрадываются под утро мультипликационные ниндзя, чтобы разбудить спящую героиню и сказать ей, что все не так, как ей думалось, что ее дядя состоит в сговоре с преступным полководцем. Кья проверила свою внешность в маленьком периферийном окошке и после короткого колебания сделала губы чуть поярче.

Приблизившись к хижине, она обнаружила, что буквально все там сделано из материалов по «Ло/Рез», хранящихся в клубном архиве. Вот, скажем, бледные, сильно увеличенные фрагмен-

ты снимков, то появлявшиеся на промасленной бумаге стенных панелей, то исчезавшие с естественной хаотичностью пятен солнечного света, пробивающегося сквозь листву: Резова скула и кусочек черных очков, рука Ло на грифе гитары. Изображения исчезали, сменялись другими, и, если присмотреться получше, все они состояли из других, более мелких изображений, а те — из совсем уж крошечных и так далее, сколько позволяла разрешающая способность сайта, его цифровая ткань. Кья не знала точно, возможно ли сделать такое просто силами каких-нибудь там фрактальных пакетов или одним софтвером тут не обойдешься, нужно, чтобы и железо было специальное. Ее «Сэндбендерс» тоже умел кое-что в этом роде, но по большей части в демонстрационных материалах, рекламирующих возможности фирменного программного обеспечения.

Панели разъехались в стороны, они с Мицуко проплыли внутрь, сидя в позе лотос, аккуратно остановились и зависли дюймах в трех над циновкой (на которую Кья старалась не смотреть, заметив, что она соткана из телефильмов, снятых на концертах группы, — не хотелось отвлекаться). Хороший получился вход, да и выглядели они вполне достойно, не придерешься. Мицуко

была в кимоно с этим, как положено, широким поясом, традиционный японский костюм, но только сплошь сотканный из приглушенных, не лезущих в глаза анимаций. Кья загрузила для такого раза костюм от Силке-Мари Колб из блузона с плотно облегающими рейтузами, хотя ей было в лом платить за виртуальный прикид, который они не разрешали даже тебе скопировать. Правда, платила она опять с той, от Келси, карточки, хоть какое-то утешение.

Все семь девушек, ждавшие их в виртуальной хижине, тоже парили, поджав под себя ноги, в нескольких дюймах над циновкой; все они были в кимоно, но при этом одна из них, расположившаяся чуть поодаль, словно во главе воображаемого стола, выглядела несколько необычно. Робот, но совсем не такой, как настоящие роботы, а гибкий, изящный, сверкающий полированным металлом. Нечто вроде огромной ртутной капли, отлитой в безупречную женскую фигуру. Не было никаких сомнений, что это Хироми Огава и что, как язвительно подумала Кья, у этой девушки действительно есть проблемы с излишним весом.

Ее тускло-бежевое, как старые фотоснимки, кимоно было сотканно из совместных интервью

Ло и Реза.

Для начала «нашей уважаемой американской гостье» были последовательно представлены все присутствующие, все они действительно имели свои должности и звания, так что процедура знакомства растянулась на какое-то немыслимое время; Кья быстро перестала вникать в происходящее и только вежливо кивала в нужные моменты. Ей не нравилось, что Хироми явилась на встречу в таком виде. Это нахальство, думала она, и нахальство намеренное, а то, что они вложили в свой сайт столько сил, только подчеркивает это нахальство.

— Встреча с тобой, Кья Маккензи, представляет для нас высочайшую честь. Наше отделение с нетерпением ждет возможности оказать тебе всяческую помощь. Мы горды своей причастностью к неудержимо разрастающемуся движению, цель которого — всемирное, всемерное признание группы «Ло/Рез», ее музыки и ее искусства.

— Спасибо, — сказала Кья.

Все молчали. Через несколько невыносимо долгих секунд Мицуко негромко откашлялась. Вот оно что, догадалась Кья. Речугу нужно толкать.

— Я не нахожу слов, чтобы поблагодарить вас за ваше предложение помощи, за ваше сердечное

гостеприимство, — сказала она. — Вы можете быть уверены, что любую из вас ждет в Сиэтле столь же радушный, прием. И мне действительно нужна ваша помощь, потому что мы там крайне обеспокоены дошедшими до нас известиями, что Рез публично изъявил намерение жениться на некоем программном продукте, а так как он, согласно тем же слухам, сказал это во время своего пребывания в вашей стране, мы решили…

Кья чувствовала, что делает ошибку, что не надо было так уж сразу…

Мицуко снова кашлянула.

— Да, — сказала Хироми Огава, — мы рады видеть тебя здесь, с нами, а сейчас Томо Осима, наш историк, порадует нас подробным и точным изложением истории нашего отделения, истории того, как из горстки неискушенных, но преданных почитателей талантов Ло и Реза взросло самое деятельное, самое уважаемое из японских отделений нашего клуба.

Кья прибалдела.

Девушка, сидевшая между ней и Хироми, поклонилась и начала рассказывать историю токийского отделения клуба поклонников (вернее сказать — поклонниц) группы «Ло/Рез» во всех ее скучнейших, выматывающих силы по-

дробностях. Как две девочки, вместе учившиеся в школе-интернате, две вернейшие, неразлучнейшие подруги нашли, гуляя по Акихабара,[180] «сучий-супный» альбом, выброшенный кем-то в мусорную урну, как они принесли его в школу, проиграли и это сразу изменило их жизни. Как смеялась над ними вся школа, как стойко держались они, когда кто-то из одноклассников украл и спрятал от них драгоценный альбом… И так далее, и так далее, и конца этому не было видно, а Кья должна была сидеть и слушать всю эту тягомотину. Еле сдерживая желание в голос завыть, она прилепила на зеркальную физиономию робота часы, на то примерно место, где полагалось бы быть глазам. Никто их, конечно же, не видел, но ей самой стало как-то поприятнее.

Теперь описывался первый всеяпонский съезд почитательниц «Ло/Рез», на белых бумажных стенах замелькали фотоснимки маленьких девочек в джинсах и футболках, пьющих кока-колу в каком-то подсобном помещении гостиницы Осакского аэропорта, на заднем плане маячат фигуры бдительных родителей.

Через сорок пять минут по все тем же часам, за-

[180] Примечания: 180

Акихабара — квартал в Токио, знаменитый изобилием магазинов бытовой электроники.

метно оживлявшим бессмысленное лицо Хироми Огава, Томо Осима подобралась к заключительной фазе.

— Что переносит нас к настоящему моменту, к историческому визиту Кья Маккензи, достойнейшей представительницы сиэтлского, штата Вашингтон, отделения нашего общества. И теперь мы все надеемся, что она почтит нас изложением истории своего отделения, расскажет нам, как оно зародилось, о его многогранной деятельности, способствующей всемерной популяризации музыки «Ло/Рез»…

— К сожалению, я должна вас разочаровать, — сказала Кья, когда отзвучал шелест аплодисментов, адресованных то ли Томо Осима, то ли ей самой. — Наш историк подготовил все нужные материалы, но они совершенно перекорежились, когда мою сумку пропускали в аэропорту через этот большой сканер.

— Нам очень жаль, — вздохнула роботоподобная Хироми. — До чего же неудачно!

— Да, — согласилась Кья, но, с другой стороны, так у нас будет больше времени на обсуждение вопроса, который привел меня к вам.

— Мы надеялись…

— Помочь нам разобраться во всей этой исто-

рии с Резом, да? Мы так и знали. И мы заранее благодарны вам за вашу помощь. Потому что этот слух нас крайне обеспокоил. И ведь он, похоже, возник здесь, у вас, и эта Рэи Тоэи, она тоже местный продукт, так что вы должны понимать происходящее лучше, чем кто-либо другой.

Хироми молчала. Трудно было ожидать, чтобы на гладком металлическом овале ее лица появилось какое-нибудь выражение, но Кья все равно убрала свои часы — на всякий случай.

— Вот за этим я сюда и приехала, — заключила она. — Чтобы узнать, неужели он действительно хочет на ней жениться?

В виртуальной хижине повисло неловкое молчание. Шестеро девочек усердно рассматривали циновку, словно впервые заметив пробегающие по ней картинки. Кья не видела Мицуко и не решалась на нее взглянуть — это было не совсем вежливо.

— У нас официальное отделение, — сказала в конце концов Хироми. — Мы имеем честь работать в непосредственном контакте с представителями группы. Их агенты по связям с общественностью обратились к нам с просьбой помочь им сдержать дальнейшее распространение этого неприятного слуха.

— Дальнейшее распространение? Да он уже неделю висит в сети, куда уж там дальше!

— Это не более чем слух.

— Так пусть они опубликуют опровержение.

— Опровержение не погасит слух, а лишь укрепит его.

— Если верить первоначальному сообщению, Рез публично объявил, что любит эту Рэи Тоэи и хочет на ней жениться. Там была длинная цитата.

Кья все сильнее чувствовала, что что-то здесь не так. И разве стоила эта беседа того, чтобы лететь на другой конец света? С тем же успехом она могла бы сидеть сейчас в Сиэтле в своей собственной комнате.

— Мы думаем, что это первоначальное сообщение было чьей-то грубой шуткой. Такое уже случалось.

— Вы думаете? Иначе говоря, вы и сами ничего точно не знаете?

— Наши источники заверили нас, что нет никаких причин для беспокойства.

— Ну да, конечно, — усмехнулась Кья. — «Положение нормальное, идем ко дну».

— Так это что же, ты думаешь, что сотрудники группы «Ло/Рез» нам врут?

— Послушай, — сказала Кья, — я торчу на этой команде не меньше кого угодно. А то чего бы я, собственно, сюда прилетела? Но ведь ребята, работающие на «Ло/Рез», — это не ангелы, а просто ребята, работающие на «Ло/Рез». И если Рез забредет однажды вечером в клуб, возьмет микрофон и заявит во всеуслышание, что любит эту самую идору, а для полноты комплекта еще и даст клятву на ней жениться, его ребята будут потом говорить ровно то, что они, по ихнему мнению, должны говорить, абсолютно не заботясь, правда это или нет.

— Но у тебя нет никаких доказательств, что все это было. Только какое-то там анонимное сообщение, какая-то там якобы транскрипция записи, сделанной в каком-то там клубе.

— «Обезьяний бой». Мы проверили, этот клуб находится здесь, в Синдзюку.

— Проверили? А ты вот сходи и посмотри сама.

— Зачем?

— А затем, что такого клуба больше нет.

— Как это — нет? Ведь был же.

— Был, да весь вышел, в Синдзюку это дело обычное. — Злорадное торжество Хироми пробивалось даже сквозь тусклый фильтр машинного перевода.

Вот и выведай что-нибудь у этой стервы, думала Кья, с ненавистью глядя на непроницаемое металлическое лицо. А что теперь делать? Что сделала бы Сона Роса, будь она здесь, на этом месте? Что-нибудь такое, демонстративно-психованное, в своем коронном стиле.

— Спасибо, — сказала она. — Мы ведь просто хотели увериться, что ничего такого не происходит. Прости, пожалуйста, если я вела себя не совсем вежливо, это ведь только для того, чтобы развеять последние сомнения. Раз ты говоришь, что все это пустые слухи, значит, так оно и есть. Я же понимаю, что вы, ваше отделение, заботитесь о благе Реза ничуть не меньше, чем мы, сиэтлские. И еще раз спасибо за все. — Кья вежливо поклонилась.

Хироми ответила не сразу и совершенно другим тоном. Она явно не ожидала от гостьи такого миролюбия.

— Наши друзья в компании «Ло/Рез» очень обеспокоены возможным влиянием этих беспочвенных слухов на публичный имидж Реза. Вы же знаете, что всегда была тенденция изображать его как более креативного, но в то же самое время и менее стабильного члена группы.

Что, конечно же, соответствовало истине,

хотя Резов стиль нестабильности и выглядел достаточно скромно, если сравнивать с тем, что вытворяли подчас его предки по поп-культуре. Он никогда не имел неприятностей с полицией, не провел ни одной ночи в камере. И все же как-то так создавалось впечатление, что он очень даже может влипнуть в какую-нибудь историю. Это всегда было частью его обаяния.

— Ну да, конечно, — согласилась Кья, наслаждаясь очевидным замешательством нахальной японки. — А еще они стараются нарисовать Ло таким себе занудным технарем, насквозь практичным типом, хотя уж мы-то, — она заговорщицки улыбнулась, только что не подмигнула, — знаем, что это совсем не так.

— Да, — кивнула Хироми. — Конечно. Ну так ты, значит, полностью удовлетворена? Ты объяснишь своему отделению, что в действительности с Резом все в порядке?

— Конечно, — горячо согласилась Кья. — Какие ж еще сомнения, если ты так говоришь. Так что с этим мы разобрались, и мне нужно как-то убить еще здесь, в Японии, три дня.

— Убить?

— Идиома такая. Свободное время. Вот Мицуко говорит, что я должна посмотреть Киото.

— Киото прекрасен…

— Ну вот туда я и отправлюсь, — сказала Кья. — Спасибо за сборку этого сайта для нашей сегодняшней встречи. Здорово получилось, и, если вы его сохраните, я бы очень хотела зайти сюда как-нибудь потом, вместе с нашими девочками. А то соберемся все вместе, будем дружить отделениями.

— Да, пожалуй… — Хироми определенно не понимала, что все это должно значить.

Вот и поломай голову, злорадно подумала Кья.

— Ты знала, — сказала Кья, — ты знала, что она выкинет этот номер.

— Прости, пожалуйста. — Мицуко покраснела до корней волос. Она сидела опустив глаза и бесцельно теребила свой студенистый компьютер. — Хироми решила, что так надо.

— Они с ней связались, да? Сказали, чтобы она как-нибудь от меня отделалась, заткнула мне глотку.

— Она общается с людьми из «Ло/Рез» без нас, частным образом. Это одна из привилегий ее положения.

Кья взглянула на свои пальцы, все еще унизанные серебристыми наперстками.

— Мне нужно поговорить со своим отделением.

Можешь ты оставить меня на несколько минут одну? — Она и злилась на Мицуко, и жалела ее. — И я совсем не злюсь на тебя, понимаешь?

— Я пойду приготовлю чай, — сказала Мицуко и вышла, прикрыв за собой дверь.

Кья убедилась, что «Сэндбендерс» все еще подключен к сети, снова надела гляделки и вызвала главный сайт сиэтлского отделения.

И попала в совсем другое место, где ее поджидала Сона Роса.

Глава 15

Акихабара

Низкие, серые облака над серым, унылым городом. Взгляд на новые здания сквозь тонированные, с кружевными занавесочками окна лимузина-недоростка.

Промелькнула реклама «Эппл Ширз», булыжная улочка, уводящая в своего рода голографическую сказку, где приплясывают добродушные, широко улыбающиеся бутылки с соком. Лэйни снова ощущал джет-лаг, в более мирной, но и более ухищренной форме. Некий противоестественный гибрид грызущего чувства вины и на

удивление убедительной иллюзии удаленности от своего тела, когда все сенсорные сигналы добираются до тебя какими-то несвежими, потрепанными в долгом пути через запретные для тебя самого пространства.

— Я-то думал, что теперь все будет в порядке, — сказал Блэкуэлл. — Теперь, когда мы избавились от этих сибирских психопатов.

Сегодня австралиец оделся сплошь в черное, что несколько скрадывало его чудовищные габариты. На нем было нечто вроде свободной, бесформенной блузы из черной, как душа злодея, бумажной ткани со множеством карманов по нижнему краю. Нечто смутно-японское. В неопределенно-средневековом роде. Что-то подобное мог носить какой-нибудь ремесленник. Ну, скажем, плотник.

— Свихнутые, как не знаю что, — сказал Блэкуэлл. — Прилипли к нему во время турне по комбинатским странам.

— Психопаты?

— Накачивали Реза всякой отравой. А он податлив на любые влияния, и дома тоже, а в турне так особенно. Стресс, умноженный на скуку. Все города начинают выглядеть одинаково. Гостиница за гостиницей, гостиница за гостиницей, тут кто

хочешь свихнется.

— А куда мы едем?

— Акихабара.

— А что это такое?

— То, куда мы едем. — Блэкуэлл взглянул на огромные, с уймой непонятных циферблатов часы. Укрепленные на массивном стальном браслете, они подозрительно смахивали на технику двойного применения. Такие себе часы-кастет. — Я видел, что происходит, а что толку, они ж целый месяц не давали мне ничего сделать. Потом мы запихнули его в эту парижскую клинику, а там нам сказали, что эти ублюдки с этим ихним дерьмом в хлам порушили его эндокринную систему. Починили в конце концов, но ведь этого просто не должно было случиться, допускать этого было нельзя.

— Но потом-то вы от них избавились? — Лэйни абсолютно не понимал, о чем это Блэкуэлл, но нужно же было как-то поддерживать иллюзию разговора.

— Сказал им, что подумываю пропустить их через хондовскую промышленную шинковку, а то вот купил механизм и не знаю, что с ним делать, — ухмыльнулся Блэкуэлл. — Не потребовалось, хватило и демонстрации на холостом

ходу. В конечном итоге мы просто малость отретушировали им фотокарточки, вот и вся недолга.

Лэйни смотрел на затылок шофера. Он никак не мог привыкнуть к правостороннему управлению, все казалось, что на водительском месте никого нет.

— А вы давно работаете на эту команду?

— Пять лет.

Лэйни вспомнил видеоролик, знакомый голос в полумраке клуба. Два года назад.

— Так куда мы едем?

— Скоро будем, теперь уже близко.

Пейзаж за тонированными стеклами резко изменился. Узкие улочки, безликие, неухоженные здания. Ни одна реклама не светится, не живет. Огромные щиты с незнакомыми Лэйни названиями. Некоторые здания повреждены, надо думать — при том самом землетрясении. Косые трещины, исполосовавшие один из фасадов, заляпаны большими, с голову, комками бурой стекловидной массы, грошовая игрушка, кое-как подклеенная каким-то неумехой. Машина вильнула к обочине и остановилась.

— «Электрический город», — объявил Блэкуэлл и добавил, тронув шофера за плечо: — Жди нас здесь.

Шофер кивнул, не оборачиваясь и как-то совсем уж не по-японски. Блэкуэлл открыл дверцу машины и со все той же кошачьей грацией выскользнул наружу; ближний к обочине край машины облегченно качнулся вверх. Лэйни, уныло волочивший свой зад по серому бархатному сиденью, чувствовал себя разбитым и окостенелым.

— Я как-то ожидал оказаться в месте малость пофешенебельнее, — сказал он, захлопнув за собой дверцу и оглядевшись по сторонам.

— А вот не надо ничего ожидать, — посоветовал Блэкуэлл.

За растрескавшейся, с коричневыми наростами стеной таилось море разливанное белой, розовой, нежно-салатной и какой только некухонной техники. По низкому потолку змеились многочисленные, на скорую руку протянутые трубы и кабели. Блэкуэлл уверенно направился по центральному проходу. В боковых проходах слонялись какие-то люди, то ли продавцы, то ли задумчивые покупатели.

В конце прохода нескончаемо уползала вверх складная гармошка старомодного эскалатора; прямоугольные зубья выскальзывающих из-под пола ступенек тускло поблескивали истертой ста-

лью. Блэкуэлл не остановился и даже не сбавил шага, словно не замечая, что лестница движется, Лэйни едва за ним поспевал.

Второй этаж. Здесь ассортимент был поразношерстнее: настенные экраны, погружные консоли, автоматизированные шезлонги с массажными модулями, выпиравшими из них, как головы огромных механических червей.

По проходу, тесно заставленному гофропластиковыми ящиками, руки Блэкуэлла туго вбиты в карманы черной, как у киношных ниндзя, распашонки. В голубой лабиринт пластиковых шторок, свисающих с потолка, с каких-то ржавых труб. Непонятные инструменты. На кафельном полу — алюминиевые козлы, на козлах — красный продолговатый ящичек, на ящичке — термос из нержавейки, на термосе — глубокая вмятина. Шрамы на руке Блэкуэлла, откинувшего последнюю занавеску.

— Послушайте, Блэкуэлл, а побыстрее было нельзя? — ядовито поинтересовался незнакомый женский голос. — Мы уже битый час поддерживаем для вас этот чертов доступ. Думаете, это очень легко?

Лэйни поднырнул под занавеску, и она упала за его спиной.

— Заезжал за ним в гостиницу, — буркнул Блэкуэлл.

Лэйни обвел помещение глазами. С трех сторон пластиковые занавески, с четвертой — глухая стена. Места вроде бы и много, раза в два больше, чем в том гостиничном номере, и все равно тесно, в первую очередь — от техники. Да и от мусора тоже. Солидная батарея черных аппаратурных стоек буквально утопает в белой трясине пенополистирольной упаковки, обломков гофрированного пластика и скомканных пузырьковых «простыней». Три человека, замершие в ожидании у стоек, — двое мужчин и женщина.

— Хоть бы порядок какой навели. — Блэкуэлл раздраженно пнул груду упаковочного хлама.

— А мы в уборщики не нанимались, — любезно сообщила женщина. Вот таким же примерно голосом и в такой же манере изъяснялись сотрудницы Лэйни, слитскановские аналитички.

Все трое техников — один рыжий, один японец с волосами, стянутыми на затылке в тугой самурайский хвостик, и эта самая женщина, коротко стриженная шатенка, — были одеты в джинсы и самые нормальные, без никакой экзотики, короткие куртки.

— Это ж сдуреть, чтобы такая работа и почти

без предупреждения, — проворчал рыжий.

— Совсем без предупреждения, — поправил его японец. Уж этот-то точно был свой, из Калифорнии.

— За то вам и платят, — сказал Блэкуэлл.

— Нам платят за развлекательную прогулку, — ухмыльнулся рыжий.

— Молитесь, чтобы эта хрень работала, — Блэкуэлл указал подбородком на опутанные проводами стойки, — а то все ваше развлечение быстро закончится.

Пока шел этот обмен любезностями, Лэйни заметил у дальней — и единственной в этом загоне — стены складной стол. Пластиковый, ядовито-розовый. На столе стоял тускло-серый компьютер и лежали очки. От компьютера к ближайшей стойке тянулись плоские радужно-многоцветные ленты кабелей. Стена хранила многолетние наслоения старых, незнакомых реклам, из-за розового стола тупо таращился огромный, фута в четыре, женский глаз.

— Ладно, — сказал Лэйни, осторожно пробираясь к столу сквозь завалы пенополистирола. — Посмотрим, что там у вас такое.

Глава 16

Сона

Здесь не было ни одного мало-мальски целого дома, только жалкие пеньки обвалившихся стен да немногие прямоугольники ржавой гофрированной кровли, косо сидевшие на серых, обветшавших деревянных столбах. И еще — плавательные бассейны, густо поросшие кактусами и огненно-красными молочаями, на белой мозаике битого кафеля сторожко дремали ящерицы, загадочные письмена неведомых цивилизаций. Кое-где чернели пятна дотла прогоревших костров.

Здесь всегда был ранний вечер.

— Сона?

— Тебя кто-то ищет.

Белая футболка, заношенная кожаная куртка. Здесь, в своей долине, Сона всегда представлялась мелькающим коллажем деталей, вырванных из фильмов и журналов, реклам и мексиканских газет: темные глаза, ацтекские скулы, еле заметная россыпь подростковых прыщиков, спутанные черные волосы. Она поддерживала низкое разре-

шение, всегда была чуть не в фокусе.

— Мама?

— Нет. Кто-то с серьезными возможностями. Кто-то, точно знающий, что ты в Токио. — Узкие носы черных сапог припорошены пылью долины. Медные молнии по наружным швам выгоревших черных джинсов, от талии до щиколоток. — А чего это ты так вырядилась?

— А? — Кья так и была в прикиде от Силке-Мари Колб. — Ну да. Это для встречи с местными. У них тут все официально, как я не знаю, помрешь и не встанешь. Дорого, но я заплатила по карточке нашей общей знакомой.

— А где ты входила в сеть, когда платила?

— Там же, где и сейчас. У Мицуко.

— Да? — нахмурилась Сона. — А что еще ты покупала?

— Ничего.

— Ничего?

— Ну, еще в метро платила.

— В метро, говоришь! — Сона щелкнула пальцами. Ящерка, выскользнувшая из-под соседнего валуна, взбежала по ее ноге и легла в подставленную ладонь. Сона любовно погладила узкое, верткое тельце, и узор чешуи изменился. Затем Сона постучала ящерку по голове, та стремглав

сбежала на землю и исчезла за смятым, насквозь проржавевшим листом кровельного железа. — Келси испугалась. Испугалась настолько, что ко мне пришла.

— Испугалась? Чего?

— Какие-то типы трясли ее насчет твоего билета. Они пытались связаться с ее отцом, потому что билет был куплен на его баллы, но он, отец, сейчас в отъезде. Тогда эти типы взялись за Келси. Думаю, они ей угрожали.

— Чем?

— Я не знаю. Но она им все выложила: и твое имя, и номер карточки.

Кья вспомнила Мэриэлис. И Эдди.

Сона Роса достала из кармана кожанки складной нож и присела на корточки; в пластиковых накладках неустанно вились золотые драконы. Легкое прикосновение к луженой кнопке, и наружу вылетело длинное, с гравированным драконом лезвие, тыльная сторона лезвия — хребет дракона, иззубренный и безжалостный.

— Яиц у нее нет, у твоей Келси.

— Она такая же твоя, как и моя.

Сона подобрала с земли веточку, из-под ножа побежали крутые завитки стружки.

— В моем мире она не продержалась бы и часа.

В тот последний раз она рассказывала про свою войну с «крысами», про ночные марш-броски сквозь ржавые джунгли обветшавших гаражных комплексов и генеральные сражения на загаженных детских площадках. Как началась эта война? Чего они там не поделили? Сона с ходу отметает все подобные вопросы как несущественные.

— А я и того меньше.

— Так кто же тогда тебя ищет?

— Ну, если бы мама узнала, что я здесь…

— Твоя мама ни в жизнь не нагнала бы на Келси такого страху.

— Если кто-нибудь узнает номер моего места в самолете, он тогда сможет узнать номер билета, а потом узнать, где и как был куплен билет, верно?

— Да, если у него есть определенные возможности. Это незаконно.

— А отсюда недалеко и до Келси…

— Но сперва он должен будет залезть в файл регулярных клиентов «Эйр Магеллан», а для этого нужны весьма, весьма серьезные возможности.

— Там, в самолете, была одна женщина… Она сидела рядом со мной. Потом вышло так, что я несла ее чемодан, а они с ее мужиком подкинули меня до Токио…

— Ты несла ее чемодан?

— Да.

— Ну-ка, ну-ка, расскажи. И поподробнее, ничего не опуская. Где ты познакомилась с этой бабой?

— В аэропорте. В «Си-Таке». Там на входе брали пробу на ДНК, и она сделала такую странную вещь…

Сона слушала, строгала свою палочку и все больше мрачнела.

— Fuck your mother, — сказала она, когда Кья замолкла. Автоматический переводчик передал ее интонацию, как не поймешь что, то ли мрачное веселье, то ли отвращение.

— Чего? — смешалась Кья.

Сона посмотрела на нее вдоль гладко обструганной палочки, словно прицеливаясь.

— Обсценный арготизм. Идиома. Очень сложная и богатая, твоя мать тут совершенно ни при чем.

Она сделала что-то своим ножом, и он сложился, трижды отчетливо щелкнув. Та же, что и прежде, ящерица стрелой пронеслась по пыльной земле и выжидающе замерла, плоский мозаичный силуэт на тускло-розовом, прогретом солнцем камне. И снова, как и тот раз, пальцы

Соны изменили ее окраску.

— Что это ты делаешь?

— Усложняю криптосистему. — Сона приложила ящерицу к лацкану своей куртки, и та повисла на вытертой, порыжевшей коже, как причудливая брошка с блестящими ониксовыми глазами. — Тебя разыскивают. А может, и нашли. Нам нужно по возможности защитить себя от посторонних глаз и ушей.

— А она что, способна на такое?

— Возможно. Она довольно новая. Но вот эти, — Сона ткнула палочкой куда-то вверх, — будут ненадежнее.

Кья вскинула голову к закатному небу, к темным, с розовой опушкой облакам и вроде бы различила широко раскинутые крылья. Два парящих силуэта. Больших. Не птицы. И сразу исчезли.

— Запрещенные в вашей стране. Колумбийское производство. Птички из информационного рая.[181] — Сона поставила палку заточенным концом на землю и начала крутить ее между ладонями, туда-обратно, туда-обратно. Был когда-то древний мультфильм, где кролик точно вот так

---

[181] Примечания: 181

Понятие «информационный рай» образовано по модели существующего понятия «налоговый рай».

же добывал огонь. — Ты идиотка. Полная.

— Почему?

— Ты пронесла чемодан через таможню? Чужой чемодан?

— Да…

— Идиотка!

— Да что тут такого?

— Эта твоя Мэриэлис — контрабандистка. А ты — наивная раззява.

Но ведь ты-то тоже считала, что мне надо ехать, подумала Кья и едва не заплакала.

— А если даже и так, зачем они меня ищут?

— Да какая разница? — пожала плечами Сона. — Серьезный, опытный контрабандист никогда не отпускает ишака на свободу…

В животе Кья, чуть пониже пупка, шевельнулось что-то скользкое, холодное, серебристое, и в тот же самый момент пришло пугающее воспоминание туалетной комнаты в «Виски Клоне». Краем глаза замеченный уголок чего-то чужого, незнакомого. В ее сумке, между футболками. Когда она взяла одну из них, чтобы вытереть руки.

— Что с тобою?

— Слушай, я пойду. Мицуко сейчас вернется, она ведь только чай заварить… — Кья строчила как пулемет, глотая половину слов.

— Пойдешь! Ты что, сдурела? Нам еще нужно…

— Извини. Пока.

Компьютер отключен, гляделки сдернуты, теперь расстегнуть эти проклятые ремешки на запястьях… Сумка на месте, стоит как стояла.

Глава 17

Стены славы

— Мы не успели организовать все это путем, — сказала женщина, передавая Лэйни очки. Он сидел на детского размера пластиковой скамеечке. Розовой, в пандан столу. — Да и вряд ли возможно организовать такую штуку путем.

— Есть участки, до которых мы не можем добраться, — пояснил хвостатый японо-американец. — Блэкуэлл говорит, у вас был опыт работы по знаменитостям.

— Артисты, — кивнул Лэйни. — Музыканты, политики…

— Здесь все будет иначе, да вы сами увидите. Крупнее на пару порядков.

— А что осталось недоступным? — спросил Лэйни, надевая очки.

— Мы не знаем, — сказала женщина. — Сейчас

вы почувствуете общий масштаб этого хозяйства. Слепые пятна могут быть по бухгалтерии, налоговым хитростям, контрактам… Мы же просто вспомогательный технический персонал. У него есть другие люди, которым специально платят за то, чтобы они обеспечивали максимальную конфиденциальность определенных массивов.

— А почему бы тогда не привлечь их? Этих людей? — удивился Лэйни и тут же почувствовал на плече тяжелую, как мешок с дробью, руку.

— Это мы обсудим как-нибудь потом, — сказал Блэкуэлл. — А вы бы пока посмотрели, что там и как. Мы же за это вам платим, верно?

Первые дни после смерти Элис Ширз Лэйни так и продолжал присматривать за ее делами (благо «Бестормозные» разрешили воспользоваться их счетом в «Дейтамерике»). Узловая точка сразу исчезла, да и вообще информации поуменьшилось, ее не то чтобы косою выкосили, а так, слегка пропололи, привели в божеский вид.

Но главное было в том, что Элис попросту не порождала новой информации. Замерла кредитная активность, даже ее счет в «Апфул групвайн» был аннулирован. По мере того как исполнялось ее завещание и завершались незавершенные сделки, информация все больше обретала аккуратный,

словно по клеточкам расписанный вид. Лэйни думал о закоченевших, плотно спеленатых телах, о гробах и склепах, об аккуратно распланированных кладбищах тех давно минувших дней, когда мертвецы могли еще рассчитывать на свою долю недвижимой собственности.

Узловая точка существовала, пока Элис Ширз жила, пребывала в беспорядочном, постоянно ветвящемся взаимодействии с обыденным — и все равно бесконечно сложным — миром. А теперь взаимодействие исчезло.

Он осторожно взглянул, не проводил ли ее артист что-нибудь вроде своей любительской подчистки, — и не заметил ничего подозрительного. Впрочем, можно было не сомневаться, что «Бестормозные» и сами за этим присматривали.

Информация по Элис почти застыла, остались только некие медленные, методичные изменения, связанные, надо думать, с юридическими механизмами, с последовательным исполнением различных пунктов завещания.

Ирландия, спальня дома для гостей. Подробный каталог обстановки. Субкаталог. Предметы, находящиеся в ореховом, семнадцатый век, прикроватном комоде: зубная щетка, зубная паста, таблетки от головной боли, тампоны, бритва,

гель для бритья. Кто-то периодически проверяет этот каталог и при необходимости пополняет содержимое комода. Последний гость взял гель, а бритву не трогал. Один из пунктов первого каталога: мощный, установленный на треноге австрийский бинокль со встроенной цифровой камерой.

Лэйни вошел в память камеры и узнал, что функция видеозаписи использовалась ровно один раз, в день, с которого пошел отсчет гарантийного срока. Гарантия кончилась два месяца назад, единственная запись — вид с занавешенного балкона, выходящего, как решил Лэйни, на Ирландское море. В кадре — неожиданная для этих мест пальма, ограда из стальной сетки, железнодорожная насыпь с тускло поблескивающими рельсами, грязновато-желтый песок широкого пляжа, а дальше — серое, с проблесками серебра море. Поближе к морю в кадр попала часть приземистого форта, сильно смахивающего на приплюснутую крепостную башню. Камни форта почти неотличимы по цвету от песка.

Лэйни вышел из спальни, вышел из дома и оказался в окружении археологически-точных отчетов о реставрации пяти изразцовых печей для некоей стокгольмской квартиры. Печи были

огромны, четырнадцатифутовые башни из красного кирпича, облицованные фигурными, Щедро разукрашенными изразцами. В топке каждой из них могли спокойно встать в рост несколько людей. В отчетах подробно описывалась судьба каждого кирпича и каждого изразца, как они нумеровались, разбирались, очищались, реставрировались и собирались наново. Вся остальная квартира оказалась вне доступа, но одни уже эти печи создавали впечатление о ее размерах. Лэйни кликнул в конец реставрационного отчета и отметил готовую стоимость работ — в несколько раз больше его годовой зарплаты в «Слитскане», если по теперешнему валютному курсу.

Он пошел тем же путем назад, пытаясь обрести более широкую перспективу, ощущение формы, но вокруг были непроницаемые стены, огромные массивы безликой, безукоризненно размещенной информации, и ему снова вспомнилась Элис Ширз, ее вторая, информационная смерть.

— Свет горит, — сказал Лэйни, снимая очки, — а дома никого.

Наголо выбритый, весь в черном Блэкуэлл пристроился на литом пластиковом ящике, изваяние Будды на грязно-голубом постаменте. Техники, вся троица, стоят, засунув руки в карманы

одинаковых курток, и прилежно изображают безразличие.

— Это в каком же смысле? — мрачно поинтересовался Блэкуэлл.

— Странная история, — пожал плечами Лэйни. — Он словно вообще ничего не делает.

— Не делает? — Рассеченная шрамом бровь саркастически приподнялась. — Да он всю дорогу норовит что-нибудь такое сделать. А я потом расхлебывай.

— Хорошо, — кивнул Лэйни. — А вот где он, скажем, завтракает?

— Завтракает? — смутился Блэкуэлл. — В своем номере.

— В номере чего?

— Отеля «Империал», — раздраженно буркнул Блэкуэлл и покосился на техников.

— И в какой же это такой империи?

— Здесь. В этом трижды долбанном Токио.

— В Токио?

— Вы, компания, — сказал Блэкуэлл, — кыш отсюда.

Женщина равнодушно пожала плечами и побрела к выходу, раскидывая ногами обломки пенополистирола, мужчины последовали ее примеру. Блэкуэлл проводил их взглядом и поднялся

со своего постамента.

— Если вы думаете водить меня за нос…

— Я просто хочу сказать, что это зряшная затея. Его там нет, нет и все тут.

— Но это же и есть его долбаная жизнь!

— Как он платит за завтрак?

— И завтрак, и все остальное включается в счет за гостиницу.

— А на чье имя снят этот номер? На него?

— Конечно же нет.

— Ну а если, скажем, он захочет что-нибудь купить?

— Покупку сделает кто-нибудь другой, из сопровождающих.

— И заплатит наличными?

— По карточке.

— Но не на его имя?

— Нет.

— А значит, нет никакой возможности связать эту покупку с ним?

— Естественно.

— И все это потому, что вы хорошо делаете свое дело, верно?

— Да.

— А значит, он невидим. Для меня. Я не вижу его, не могу увидеть. Его там попросту нет, Я не

могу сделать то, для чего вы меня наняли. Это невозможно.

— Но как же так? Ведь там уйма информации.

— Это не человек, не личность. — Лэйни покачал; очки на пальце и положил их на клавиатуру. — Это корпорация.

— Но ведь мы предоставили вам все! Его долбаные особняки! Его квартиры! Да хоть бы даже, где и когда садовники засадили каменную стену долбаными цветочками!

— Но я не знаю, кто он такой. Я не могу выделить его из окружающей обстановки. Он сливается с фоном. Он не оставляет следов, не образует нужных мне структур.

Блэкуэлл надолго закусил верхнюю губу. Негромко клацнул сошедший с места зубной протез.

— Мне нужно сформировать хоть какое-то представление, кто он такой в действительности, — сказал Лэйни.

Губа вышла наружу, пунцовая, влажно поблескивающая.

— Да-а, — протянул Блэкуэлл. — Ни хрена себе задачка.

— Мне нужно с ним встретиться.

Прежде чем ответить, Блэкуэлл вытер губу

тыльной стороной ладони.

— А может, сойдемся на его музыке? А еще ведь есть видео…

— Я уже видел ваш фильм, имел такое удовольствие. Этот материал может пригодиться — но только если я познакомлюсь с Резом вживую.

Блэкуэлл осторожно потрогал свой ушной обрубок.

— Ну а если я организую вам такую встречу, вы точно сможете найти эти свои точки-узелочки, сделать эту хрень, о которой треплется драгоценный Яма?

— А кто его знает? — пожал плечами Лэйни. — Попробую.

— В пуп и в гроб. — Блэкуэлл пропахал мусорные завалы, отшвырнул занавески, рявкнул томившимся в ожидании техникам: «Идите сюда!» — и развернулся к Лэйни: — Иногда я очень жалею, что не остался в «Джина-Джина» с корешами. Там, если что утрясешь, оно так утрясенным и останется, без никаких тебе новых бардаков.

В комнату просунулась женская голова с челочкой.

— Побросайте всю эту фигню в фургон, — сказал Блэкуэлл. — И держите ее наготове.

— У нас нет фургона, — сообщила женщина.

— Нет, так купите, — сказал Блэкуэлл.

Глава 18

Отаку

Что-то прямоугольное и вроде бы мягкое, когда дотронешься, но это только снаружи, а внутри оно жесткое. Завернутое в желто-голубой пластиковый мешок си-таковского дьюти-фри магазина. Сикось-накось заклеенное мятыми кусками коричневого скотча. Тяжелое. Компактное.

— Хелло.

Кья, сидевшая на корточках у своей расстегнутой сумки, едва не шмякнулась задом на пол, так неожиданно появился этот мальчик. Ну да, мальчик, хотя в первый момент ей показалось, что это еще одна девочка, чуть постарше, с длинными до плеч волосами, разделенными посередине на пробор.

— Я Масахико.

Говорит без переводчика. Темная балахонистая куртка, малость смахивающая на какой-нибудь армейский китель, застегнута до высокого стоячего воротника, свободно болтающегося на тонкой шее. Серые, затрепанные, с пузырями на

коленях треники. Белые бумажные шлепанцы, только теперь они не белые, а грязные.

— Мицуко приготовила чай, — мальчик указал на поднос с керамическим чайником и двумя чашками, — но ты была в сети.

— А где она сама?

Кья затолкала непонятный предмет поглубже, на самое дно сумки.

— Ушла куда-то. А можно мне взглянуть на твой компьютер?

— Компьютер? — не поняла Кья.

— Это ведь «Сэндбендерс», да?

— Само собой. — Кья налила себе чаю и обернулась к Масахико: — А ты будешь?

— Не-а, я пью только кофе. — Мальчик присел на корточки рядом с низким столиком и восхищенно потрогал ребро литого алюминиевого корпуса. — Потрясно. Я видел маленький плейер того же производства. Это культ такой, да?

— Коммуна. Или там племя. В Орегоне. — Кья заметила в его длинных, шелковистых, аккуратно причесанных волосах тонкий крутой завиток лапши, точь-в-точь такой, какую кладут в коробочки для быстрого приготовления. — Жалко, что я даже не видела, как Мицуко принесла чай. Нехорошо как-то вышло.

— Ты из Сиэтла.

Не вопрос, а констатация факта.

— А ты ее брат?

— Да. А зачем ты сюда приехала?

Глаза у него были большие и темные, а лицо узкое и бледное.

— Мы с твоей сестрой обе торчим на «Ло/Рез».

— Ты приехала из-за того, что он хочет жениться на Рэи Тоэи?

— Что? — По подбородку Кья покатились капли горячего чая. — Это она тебе сказала?

— Да, — кивнул Масахико. — В Крепости, там некоторые люди работали над ее дизайном. — Он весь ушел в изучение «Сэндбендерса», крутил его и так и сяк. Пальцы у него были длинные и бледные, с обкусанными до мяса ногтями.

— А где это?

— В сети, — сказал Масахико, закидывая назад упавшие на лицо волосы.

— И что же они о ней рассказывают?

— Оригинальный замысел. Почти революционный.

— А ты где учил английский? Здесь?

— В Крепости.

Кья сделала еще глоток чая и отставила чашку.

— У тебя есть кофе?

— Конечно. — Масахико встал, не выпуская «Сэндбендерс» из рук. — Пошли ко мне.

Чтобы попасть в его комнату (кладовку в девичестве), потребовалось спуститься на первый этаж, пройти на зады ресторана и спуститься еще раз по короткой бетонной лестнице. Сама же эта комната… Кошмар, конечно, но Кья уже достаточно насмотрелась на такие мальчишеские берлоги, братья некоторых ее подружек устраивали в своих комнатах бардак и почище. Пол и узкая, вроде вагонной полки кровать завалены грудами грязной одежды, пластиковых оберток (в первую очередь — от той самой лапши). И мятых, растерзанных японских журналов. В углу, за пределами круга света, отбрасываемого галогенной лампой с коническим абажуром, мерцают и подмигивают голографические этикетки пустых пенопластовых плошек из-под еды, их там целая башня. Стол, образующий вторую, повыше, полку, выпилен из куска какого-то вторичного материала, сильно смахивающего на спрессованные обрезки коробок из-под фруктовых соков. На столе стоит компьютер, безликий черный куб. И еще одна узкая полка из того же прессованного картонного крошева, на ней — голубая микроволновка, цельные, еще в упаковке, пенопластовые

ложки и батарея крошечных стальных баночек кофе.

Одна из таких баночек была уже разогрета в микроволновке и открыта; Кья осторожно пригубила крепкий, обжигающе горячий, обильно приправленный сливками и сахаром кофе. Она сидела бок о бок с Масахико на жесткой, буграстой кровати, опираясь спиной о сложенную в несколько раз пуховку. Здесь пахло кофе, лапшой и чуть-чуть — мальчиком, хотя при всем этом бардаке в комнате Масахико производил впечатление чистюли. Да Кья и вообще привыкла считать всех японцев чистюлями. Они же только и делают, что моются. От этих мыслей ей очень захотелось под душ.

— Классная штука, мне нравится.

Масахико снова провел пальцем по алюминиевому ребру. Войдя в комнату, он первым делом смел со стола весь хлам — карандаши и одноразовые ложки, непонятные куски металла и пластика — и водрузил «Сэндбендерс» прямо перед своим компьютером.

— А как ты его запускаешь? — спросила Кья, указывая кофейной баночкой на черный куб.

Короткая японская фраза. По граням куба поползли пульсирующие, нежных тонов световые

червяки. Еще одна фраза, и куб потух.

Стены комнаты от пола до потолка были во много слоев залеплены плакатами и афишами, рисунками и графическими распечатками. Над компьютером висело нечто вроде большого платка, квадратный кусок шелковистой ткани с какой-то то ли картой, то ли диаграммой, исполненной в красном, черном и желтом цветах. Сотни угловатых пятен (комнат? кварталов?) теснились вокруг центрального элемента — неровного густо-черного вертикального прямоугольника.

— Крепость, — сказал Масахико, заметив направление ее взгляда. — А это моя комната. — Он перегнулся над столом и ткнул пальцем в одно из пятнышек. — Восьмой уровень.

— А там у вас что? — Кья указала на середину диаграммы.

— Черная дыра. В оригинале это было нечто вроде вентиляционной шахты. А ведь в Токио тоже есть черная дыра. Ты еще не видела?

— Нет, — качнула головой Кья.

— Дворец. Ночью с какого-нибудь высотного здания императорский дворец выглядит как черная дыра. Как-то раз я заметил там пламя факела.

— А что было с ним во время землетрясения?

— Ну, этого никому никогда не покажут. А теперь там все, как раньше. Нас в этом заверили. — Масахико улыбнулся, но только уголками рта.

— А Мицуко, куда она пошла?

— Да кто ее знает.

— Она сказала хоть, когда вернется?

— Нет.

Кья подумала о Хироми Огава и тут же вспомнила, что кто-то запугивал Келси. Хироми? Но тут же еще это самое неизвестно что, лежащее сейчас наверху, в сумке. Мэриэлис, это надо ж, как она вопила тогда, в кабинете Эдди. Нет, скорее всего, Сона Роса права.

— Ты знаешь тут такой клуб «Виски Клон»?

— Нет.

— А «Обезьяний бой»?

Масахико вскинул глаза и покачал головой.

— Ты, наверное, не очень много чтобы гуляешь?

— Да нет, гуляю. — Короткая улыбка. — По Крепости.

— Я хочу сходить в этот клуб, «Обезьяний бой», только он мог сменить название. Это где-то в Синдзюку. Есть такая станция метро, я на ней

садилась.

— В такое время все клубы закрыты.

— Ничего. Ты только покажи мне, где это. Назад я и сама доберусь.

— Не могу. Мне нужно вернуться в Крепость. Уйма дел. Найди адрес этого клуба, и я объясню твоему компьютеру, как туда добраться.

Оно, конечно, «Сэндбендерс» нашел бы дорогу куда угодно, но ей совсем не хотелось идти одной. И Масахико годился в провожатые куда лучше, чем Мицуко с ее беззаветной преданностью этому ихнему отделению. Что же касается клуба, Кья не столько даже хотела попасть туда, сколько уйти отсюда. Куда угодно. Сона Роса не на шутку встревожила ее своим рассказом. Кто-то знает, что она здесь. И что теперь делать с этой штукой в сумке?

— Он тебе понравился, верно? — спросила Кья, указывая на «Сэндбендерс».

— Да, — кивнул Масахико.

— А софт еще лучше. У меня там есть эмулятор для установки виртуального «Сэндбендерса» в любую операционную систему, хоть бы и в твою. Отвези меня в «Обезьяний бой» и бери скачивай.

Глядя на шагавшего рядом Масахико, Кья не могла отделаться от впечатления, что ему на ули-

це вроде как неуютно. А может, даже не на улице, а вообще под открытым небом. Перед выходом он сменил серые треники на черные — и такие же мешковатые — хлопчатобумажные брюки, схваченные в щиколотках черными нейлоновыми резинками, а бумажные шлепанцы — на грубые черные ботинки. Черная куртка осталась та же, но теперь ее дополнила черная кепка. Масахико сильно надвинул кепку вперед, так что короткий козырек навис прямо над глазами.

— А ты всегда жил здесь? — спросила Кья. — В смысле, в этом районе?

— Я живу в Крепости, — пожал плечами Масахико.

— Мицуко так мне и говорила. Это вроде как мультиюзерный домен?

— Крепость не похожа ни на что.

— Ты дай мне потом адрес, ладно? Я тоже посмотрю этот ваш город.

Тротуар перекинулся через бетонный желоб, по которому текла мутно-серая вода. Кья вспомнила Венецию. Когда-то и здесь была настоящая речка, наверное.

— У него нет адреса, — сказал Масахико.

— Чего? — удивилась Кья. — Так не бывает.

Масахико смолчал.

Кья снова начала думать о том, что она увидела, вскрыв желто-голубой пластиковый мешок. Странная какая-то штука. Плоская, прямоугольная, темно-серая. Какой-нибудь из этих хитрых пластиков, в которых есть металл. На одном конце — ровные ряды маленьких дырочек, на другом — фигурные выступы, металлические и пластиковые, но тут пластик какой-то другой. И никак вроде не открывается, швов не видно. Без маркировки. Не бренчит, когда потрясешь. Стоило бы проверить по справочнику «На что похожи вещи», но где там в такой спешке. Масахико остался внизу переодеваться и должен был прийти с минуты на минуту, так что слава еще богу, что хватило времени вспороть мешок швейцарским армейским ножом (нумерованный экземпляр из сувенирной серии в честь «Ло/Рез», собственность Мицуко) и посмотреть, что там внутри. Ну и что же теперь с этой штукой делать? Кья торопливо огляделась, но Мицуко развела в своей комнате такую чистоту, что плюнуть некуда, не то что вещь заныкать.

Тем временем на лестнице послышались шаги Масахико, и она без дальнейших размышлений засунула непонятное устройство назад в сумку. Где оно и пребывало, на пару с «Сэндбендерсом»,

сумка же в настоящий момент висела у нее на плече. Глупость? Вполне возможно. Но так уж оно вышло, и ничего тут не поделаешь.

Билеты в метро купила Кья, по полученной от Келси карточке.

Глава 19

Арли

Лэйни распрощался с Блэкуэллом, захлопнул дверцу машины и вошел в гостиницу. Там его ждал факс от Райделла. Факс, отосланный из «Счастливого дракона», круглосуточной лавки на Сансет-бульваре, разительно контрастировал с роскошной, благородно-сероватой бумагой фирменного бланка, на которой его распечатали. Улыбающийся дракончик с дымом из ноздрей расположился прямо под рельефно оттиснутым серебряным Логотипом гостиницы, «колпаком злого эльфа» в терминологии Лэйни. Колпак там или не колпак, но декораторы гостиницы влюбились в эту загогулину с такой страстью, что построили на ее основе все оформление фойе. В номера она, правда, не просочилась — к крайней радости Лэйни.

Райделл написал текст фломастером, поразительно аккуратными печатными буквами.

Факс был адресован К. ЛЭЙНИ, ПОСТОЯЛЬЦУ, и К. Лэйни, постоялец, прочитал его уже в лифте.

Я ДУМАЮ, ОНИ ЗНАЮТ, ГДЕ ТЫ НАХОДИШЬСЯ. ОНА И ДНЕВНОЙ ПОРТЬЕ ПИЛИ В ФОЙЕ КОФЕ И ВСЕ ПОГЛЯДЫВАЛИ НА МЕНЯ. ОН ЗАПРОСТО МОГ ПРОВЕРИТЬ СПИСОК ИСХОДЯЩИХ ЗВОНКОВ. ГЛУПОСТЬ Я СМОРОЗИЛ, НЕ НУЖНО БЫЛО ТЕБЕ ЗВОНИТЬ С ЭТОГО АППАРАТА. ИЗВИНИ. КАК БЫ ТАМ НИ БЫЛО, ПОТОМ ОНА И ДРУГИЕ БЫСТРЕНЬКО ОТСЮДА СЪЕХАЛИ, ОСТАВИЛИ ТОЛЬКО ПАРУ ТЕХНИКОВ СОБИРАТЬ ХОЗЯЙСТВО. ОДИН ТЕХНИК СКАЗАЛ ЧИНГИЗУ ИЗ ГАРАЖА, ЧТО ЧАСТЬ ИХ КОМАНДЫ УЖЕ ЛЕТИТ В ЯПОНИЮ, И ОН РАДОВАЛСЯ, ЧТО НЕ ПОПАЛ В ЭТУ ЧАСТЬ. ПОГЛЯДЫВАЙ ПО СТОРОНАМ, О'КЕЙ? РАЙДЕЛЛ.

— О'кей, — сказал Лэйни. Однажды ночью, когда не спалось, он махнул на все Райделловы предупреждения и прогулялся до «Счастливого дракона». И ничего вроде бы страшного, если не считать страхолюдных бионических проституток, маячивших чуть не на каждом углу. Некие безвестные живописцы украсили одну из стен «Счастливого дракона» мемориальной фреской

в честь Дж. Д. Шейпли, а персоналу достало здравого смысла ее не трогать, что послужило еще большей культурной интеграции круглосуточного магазинчика в повседневную — и тоже круглосуточную — жизнь Стрипа. В «Драконе» можно было купить буррито, лотерейный билет, батарейки, тесты на самые различные заболевания. Отсюда можно было отправить электронную почту, голосовую почту или факс. Лэйни пришло в голову, что ведь этот магазин — единственный на мили вокруг, где продается что-то действительно нужное, все остальные торговали такими вещами, что и не придумаешь, кому бы и зачем могли они понадобиться.

В коридоре, по пути к своему номеру, он прочитал факс еще раз и только потом вложил карточку-ключ в щель замка.

Посреди безукоризненно застеленной кровати стояла неглубокая корзиночка с какими-то незнакомыми вещами. По ближайшем рассмотрении оказалось, что это его собственные трусы и носки, выстиранные, выглаженные и разложенные по бумажным конвертикам со все тем же тисненым эльфийским колпаком. Когда Лэйни открыл узкую дверцу зеркального шкафа, вспыхнувшая внутри лампочка осветила аккуратно

развешенные по плечикам рубашки — в том числе и те, синие, над которыми измывалась Кэти Торранс. Все они выглядели как новенькие. «Шаг строчки», — сказал Лэйни, тронув в меру накрахмаленный манжет. И взглянул на вдвое сложенный факс. И снова подумал про Кэти Торранс, коршуном несущуюся из Лос-Анджелеса в Токио. По его голову. Лэйни неожиданно осознал, что не может представить ее спящей. Он никогда не видел, как Кэти спит, и был странным образом уверен, что она делает это неохотно, по досадной необходимости. Вот и сейчас, в парадоксальной тишине сверхзвукового полета, она не спит, смотрит на экран своего компьютера либо в серую пустоту окна.

Думая о нем.

Мягкий мелодичный звон заставил Лэйни подпрыгнуть. Он повернулся к самовольно ожившему телевизору и увидел на экране эмблему Би-би-си. Второй видеофильм про Реза.

К тому времени как в дверь позвонили, фильм уже вовсю разогнался. Рез в потертой и выцветшей военной форме без знаков различия пробирался по узенькой тропе сквозь какие-то джунгли. Попутно он намурлыкивал некую мелодию, пробуя ее и так и сяк, смещая тона и

акценты. Его голая грудь лоснилась от пота, а когда рубашка распахивалась пошире, мелькала татуировка из ицзиновых гексаграмм. В его руке была бамбуковая палка, он расчищал ею путь, отшвыривая свисающие сверху лианы. У Лэйни было сильное подозрение, что вот эта едва нащупанная, еще лишенная слов мелодия превратилась позднее во всемирно известную, издававшуюся миллиардными тиражами балладу, но он никак не мог сообразить — в какую именно. В дверь снова позвонили.

Он встал, пересек комнату и нажал кнопку переговорного устройства.

— Да?

— Хелло!

Голос женский.

Лэйни тронул пальцем маленький, вмонтированный в дверной косяк экранчик и увидел женщину. Брюнетку. С челкой. Блэкуэллову техничку. Он нажал кнопку замка, а затем распахнул дверь.

— Ямадзаки решил, что нам с вами нужно побеседовать, — сказала женщина.

Она успела переодеться в черный костюм с узкой юбкой и черные чулки.

— А чего ж вы фургон-то не покупаете? — поин-

тересовался Лэйни, пропуская ее в комнату.

— Уже купила. — Нежданная гостья прикрыла за собой дверь. — Если уж эта контора решила швырять деньги, она будет швырять деньги. Как правило — не туда, куда надо. — Она взглянула на экран, на Реза, который все еще продирался сквозь джунгли, отмахиваясь от комаров и шлифуя свежесочиненную мелодию. — Домашнее задание?

— Ямадзаки.

— Арли Маккрей. — Брюнетка открыла маленькую черную сумочку и протянула Лэйни визитку. Имя, фамилия, четыре телефонных номера, два адреса, оба электронные. — А у вас есть визитка, мистер Лэйни?

— Колин. Нет. Нету меня визитки.

— Обратитесь к портье, он вам мигом сварганит. Здесь у каждого есть визитка.

— Правда? — Лэйни положил карточку в карман рубашки. — А почему же Блэкуэлл не дал мне свою? И Ямадзаки тоже.

— У каждого за пределами конторы «Ло/Рез». Непременный предмет туалета, как носки.

— Носки у меня есть. — Лэйни указал на бельевую корзинку. — Есть желание посмотреть английский документальный фильм о «Ло/Рез»?

— Нет.

— Не хочется вырубать. Он же узнает.

— Можно убавить громкость. Вручную. — Арли подошла к телевизору и прикрутила ручку.

— Специалистка, — восхитился Лэйни.

— Вооруженная фургоном. И горой оборудования, от которого ни на грош толку.

Она села в одно из двух кресел и закинула ногу на ногу.

— Не ваша вина. — Лэйни сел во второе кресло. — Вы обеспечили мне доступ к данным. Вот только не те это данные, с какими я могу работать.

— Ямадзаки рассказал мне, что за штуки вы вроде бы как умеете делать. Я ему не поверила.

— Не поверили так не поверили, — пожал плечами Лэйни. — Ничем не могу помочь.

На внутренней стороне ее левой икры белели три нарочито примитивных оттиска улыбающегося солнца.

— Они прямо вытканы. Каталонская мода.

— Надеюсь, — сказал Лэйни, — вы не попросите меня объяснить, за что эти люди мне платят. За какую такую планируемую работу. Я и сам этого не знаю.

— Не беспокойтесь. Я здесь последняя спица

в колеснице. — Арли поменяла ноги. На правой икре солнечных дисков не было. — Лично мне платят сейчас за то, чтобы я определила, что можем мы дать вам из того, что позволит вам сделать то, что вы, как предполагается, можете сделать.

Лэйни взглянул на экран. Теперь шли кадры, снятые на каком-то концерте. Рез приплясывал и беззвучно пел в радиомикрофон.

— Вы ведь видели уже этот фильм, верно? Все эти «сино-кельтские» заморочки в интервью, неужели он это всерьез?

— Вы с ним еще не встречались?

— Нет.

— Трудное это дело, определить, что у Реза всерьез, а что нет.

— Но как может существовать этот самый «сино-кельтский» мистицизм, если у китайцев и кельтов нет общей истории?

— Дело в том, что Рез наполовину китаец, наполовину ирландец. И если есть хоть что-то, к чему он относится с полной серьезностью…

— Да?

— …то это Рез.

Поющего в микрофон Реза сменил на экране Ло со своей гитарой. Крупный план пальцев, бешено

бегающих по черному блестящему грифу. Чуть раньше почтенный британский гитарист, облаченный в восхитительный твидовый костюм, вещал, как они ну никак не ожидали, что из недр тайваньской попсы явится миру новый Хендрикс. Так они же вроде и первого никак не ожидали.

— Я уже слышала, как это с вами все случилось, — сказала Арли Маккрей. — Ямадзаки меня просветил. Но не до конца.

Лэйни прикрыл глаза.

— Передача так и не пошла в эфир. «Без Тормозов» забросили этот проект. Почему?

Он взял за обычай завтракать на берегу небольшого овального пруда, за невзрачными дощатыми домиками — позднейшим добавлением к «Шато», как сказал Райделл. Блаженные минуты, когда он принадлежал самому себе, заканчивались с появлением Раиса Дэниелза, что происходило, как правило, где-то поближе к концу большого, на три чашки, кофейника, перед яичницей с беконом.

Дэниелз подходил к его столику «легким, пружинистым шагом», иначе, пожалуй, и не скажешь. Лэйни был склонен связать эту козликовую резвость с употреблением наркотиков, чему не имелось ровно никаких доказательств.

Более того, Дэниелз вообще не был замечен в пристрастии к каким бы то ни было излишествам, если не считать бессчетного множества чашек декофеинизированного эспрессо с завитками лимонной цедры. Он предпочитал мягкие, крупной вязки костюмы и рубашки без воротничка.

Этим утром Дэниелз был не один, и Лэйни сразу заметил, что шагает он скучно, без настроения, что во всем его облике чувствуется какая-то горестная обида, даже всегдашние черные очечки казались сейчас тисками, болезненно сжимающими исстрадавшуюся голову. Его спутником был седовласый господин в темно-коричневом, консервативного покроя костюме, обветренный и загорелый, с внушительным рубильником, выпирающим из огромных, Чуть не в пол-лица, солнечных очков. На ногах этого колоритного персонажа были черные, аллигаторовой кожи сапоги «увези меня на ранчо», в руках — видавший виды портфель из дубленой, потемневшей от времени кожи; порванная когда-то ручка портфеля была аккуратно замотана проволокой типа той, какой на плантациях увязывают кипы хлопка.

— Лэйни, — возгласил, подойдя к столику, Райс Дэниелз, — это Аарон Персли.

— Да ты не вставай, сынок, — сказал Персли,

хотя Лэйни и в мыслях не имел вставать. — Вон же, там этот парень несет тебе завтрак.

Со стороны дощатых домиков шел один из монголов-официантов с подносом. Персли сел на белый, из гнутых металлических трубок стул и раскрыл свой заслуженный портфель. Официант подал Лэйни яичницу. Лэйни подписал счет, добавив пятнадцать процентов чаевых. Персли перебирал содержимое своего портфеля. На каждой его руке было по шесть колец, некоторые — с бирюзой. Лэйни никогда еще не видел, чтобы человек носил при себе столько бумажных документов.

— Вы адвокат, — сказал Лэйни. — По телевизору.

— И во плоти, сынок, и во плоти.

Персли регулярно появлялся в программе «Копы влипли», а до того прославился, защищая всяких знаменитостей. Дэниелз так и не сел, он стоял за спиной Персли в не характерной для себя позе, уныло ссутулившись и засунув руки в карманы.

— А вот и оно, — возвестил Персли, доставая из портфеля несколько листов голубоватой бумаги. — Да ты ешь, сынок, а то остынет.

— Вы бы сели, — посоветовал Лэйни Дэниелзу.

Дэниелз страдальчески поморщился.

— Ну так вот, — сказал Персли, — здесь написано, что в возрасте от двенадцати до семнадцати лет ты воспитывался в Гейнсвиллском федеральном детском приюте.

— Да, — кивнул Лэйни, не отрывая глаз от яичницы.

— И в этот период времени ты неоднократно принимал участие в испытании медицинских препаратов? Ты был подопытным?

— Да, — ответил Лэйни. Яичница стала какой-то ненастоящей, вроде картинки в журнале.

— Ты делал это абсолютно добровольно?

— Там давали вознаграждение.

— Одним словом — добровольно. Ты принимал когда-нибудь этот самый «пять эс-би»?

— Мы не знали, что там они нам вводят, — сказал Лэйни. — Иногда это были просто пустышки.

— «Пять эс-би» никак не спутаешь с никакой пустышкой, да ты, сынок, и сам это, наверно, знаешь.

Что вполне соответствовало истине. Но Лэйни молчал.

— Ну так как же? — Персли снял черные очки. Глаза у него были голубые и холодные, оправленные в паутину тончайших морщин.

— Может, и принимал, — сказал Лэйни.

— Вот то-то и оно. — Персли хлопнул себя пачкой бумаг по бедру. — Почти наверняка так оно и было. А знаешь ли ты, как это вещество воздействовало с течением времени на большую часть подопытных?

Дэниелз выпростал голову из очков и начал мять пальцами переносицу. Глаза его были закрыты.

— Субъекты мужского пола превращаются в маниакальных убийц, они выбирают себе какую-нибудь конкретную жертву, а затем начинают ее выслеживать. — Персли водрузил очки на прежнее место и запихнул синие бумажки в портфель. — Симптомы проявляются далеко не сразу, бывает, что и через много лет. А жертвами становятся, как правило, политики, телевизионные знаменитости и прочее в этом роде. Потому-то эта отрава и стала теперь одним из самых запрещенных веществ в любой, какую ни возьми, стране. Наркотик, вызывающий неудержимое желание выслеживать и убивать политиков, уж его-то политики запретили в первую очередь.

— Ко мне все это не относится, — сказал Лэйни. — Я не такой, как эти ваши маньяки.

— Да какая разница? — вмешался Дэниелз. —

Стоит «Слитскану» указать на малейшую тень такой возможности, и весь наш материал пойдет псу под хвост.

— Понимаешь, сынок, — вздохнул Персли, — они непременно заявят, что ты избрал этот род занятий вполне целенаправленно, руководствуясь неуемной страстью шпионить за знаменитыми людьми. Ведь ты же не рассказывал им про эти эксперименты, верно?

— Нет, — сказал Лэйни, — не рассказал.

— Вот то-то и оно, Они скажут, что наняли тебя как прекрасного, высококвалифицированного работника, но твоя квалификация оказалась малость чересчур высокой.

— Она не была звездой, — сказал Лэйни. — Так что я не понимаю…

— Зато он — звезда, — оборвал его Райс Дэниелз. — И они скажут, что вы охотились за ним. И что вообще это была ваша идея. Они будут рвать на себе волосы, что не смогли вовремя вас раскусить. Будут говорить о новых процедурах проверки количественных аналитиков, процедурах, исключающих повторение этой трагической ошибки. И никто, Лэйни, абсолютно никто не будет смотреть нашу программу.

— Вот такая, в общем, картина. — Персли щелк-

нул замком портфеля и встал. — А что, сынок, это правда настоящий бекон, со свиньи?

— Да вроде да, — пожал плечами Лэйни. — И они так говорят.

— Чтоб я так жил! — восхитился Персли. — Вот что значит хороший голливудский отель. Ну, счастливо оставаться, сынок. — Он протянул Лэйни руку. — Было очень приятно познакомиться.

Дэниелз не стал утруждать себя никакими прощаниями. А два дня спустя, когда Лэйни получил распечатку гостиничного счета, он обнаружил, что отнесение всех расходов на его собственное имя началось с большого кофейника кофе, яичницы с беконом и пятнадцатипроцентных чаевых.

— А они это знают? — спросила Арли Макрей. — Блэкуэлл знает?

— Нет, — качнул головой Лэйни. — Эту часть — нет.

На прикроватной тумбочке белела бумажка, сложенный пополам факс Райделла. Эту часть они тоже не знали.

— А что было потом? Что вы сделали?

— Тут еще выяснилось, что я плачу и за часть адвокатов, которых они мне понанимали. Я не знал, что мне делать, просто сидел и сидел у этого пруда. В приятной такой расслабленности. Не

строил никаких планов, не думал ни о чем конкретном. Вам знакомо такое состояние?

— Возможно.

— А потом я услышал про эту работу, от одного из гостиничных охранников.

Арли медленно покачала головой из стороны в сторону.

— Что? — спросил Лэйни.

— Да так. В этой вашей истории примерно столько же смысла, как и во всем остальном. Может статься, что вы вполне прилично встроитесь.

— Встроюсь? Во что?

Арли взглянула на свои часы. Стальной корпус, черный циферблат, черный нейлоновый ремешок.

— Ужин в восемь, но Рез непременно задержится, у него это в обычаях. Давайте прогуляемся и пропустим по коктейлю. Я попробую рассказать вам все, что я об этом знаю.

— Ну, если вам так хочется…

— Они мне за это платят. — Она распутала ноги и встала. — И это, пожалуй, будет куда труднее, чем таскать тяжелые электронные блоки взад-назад по эскалаторам.

Глава 20

«Обезьяний бой»

Серый трепет за окнами бесшумно летящего поезда, не заурядное мелькание бетонных стен, а словно вибрирует там некая мелкодисперсная материя, вибрирует на разрыв, на подкритической частоте, за миг до пришествия нового порядка вещей.

Кья и Масахико сидели между стайкой школьниц в клетчатых юбочках и неопределенного возраста бизнесменом, который с головой ушел в толстый японский комикс. Груди женщины, украшавшей бумажную обложку, были замотаны бечевкой в два тугих конических клубка, соски выпирали наружу, как глаза затравленной жертвы из старого мультика. Издательский художник уделил куда больше внимания точному изображению бечевки, как она там намотана и завязана, чем самим грудям. По лицу женщины струился пот, она в ужасе отшатывалась от чего-то (кого-то?), оставшегося за краем картинки.

Масахико расстегнул две верхние пуговицы черного френча и достал из внутреннего кармана

тонкую черную пластинку размером примерно шесть на шесть дюймов. Узкие, бледные пальцы мальчика погладили пластинку слева направо, и на ней вспыхнул узор из тонких, словно унизанных разноцветными бусинками линий. Вот так же точно выглядела лицевая, управляющая грань его компьютера, только там, в затененном подвале, линии казались куда ярче, чем здесь, при ярком свете.

Масахико вгляделся в дисплей, погладил его еще раз, пробежался глазами по изменившемуся узору и помрачнел.

— Кто-то проявляет интерес к моему адресу. И к сестричкиному тоже.

— К ресторанному?

— К нашим юзерским адресам.

— А какой конкретно интерес?

— Не знаю. И мы ведь с ней никак не связаны.

— Разве что через меня.

— Расскажи мне про «Сэндбендерс». — Масахико спрятал дисплей в карман и застегнул френч.

— Все это началось с одной женщины, конструктора интерфейсов, — начала Кья, с радостью переходя на безопасную тему. — Ее муж был ювелиром, он умер потом от разжижения нервов, тогда еще не умели с этим бороться. Так вот, он

был убежденным зеленым и дико ненавидел потребительскую электронику, и даже не ее, а как ее делают. Берут пару литров чипов и плат и засовывают все это в пластиковый корпус. Он говорил, что корпуса эти дребедень, грошовая приманка для глаза, чтобы полегче продать содержимое, и что они неизбежно оказываются потом на свалке, где им и место, можно бы, конечно, переработать, только никто этим обычно не занимается. А поэтому он брал ее, жены своей, технику, корпуса выкидывал, а функциональную начинку вставлял в другие, которые делал сам в своей мастерской, он тогда еще был здоровый. Делал, скажем, для мини-дискового плейера футляр из бронзы, инкрустированный черным деревом, управляющие поверхности вытачивал из мамонтовых бивней, бирюзы, горного хрусталя. Получалось, конечно же, тяжелее, но все равно было много людей, кому такое нравилось, ну вроде как чтобы их музыка или там память; и что еще, чтобы все это было в чем-то таком ощутимом, что берешь в руки и чувствуешь, что оно здесь. И все эти материалы, их и трогать было приятно — металл, полированный камень. А если у тебя такой футляр, то потом, когда производитель выпускает новую модель, электроника там

совершеннее или что, ты просто вытаскиваешь из футляра старую начинку и вставляешь новую, и получается, что у тебя вещь вроде та же самая, только работать стала лучше.

Масахико сидел с закрытыми глазами и время от времени чуть кивал головой, а может, это просто поезд покачивало.

— И вот оказалось, что некоторым людям нравится и это, очень нравится. Он начал получать заказы на изготовление таких штук. Среди самых первых была клавиатура, где все клавиши были вырезаны из пластинок слоновой кости от старого рояля, а цифры на них и буквы инкрустированы серебром. Но потом он заболел…

Масахико открыл глаза, и Кья увидела, что он не просто слушает, а слушает с напряженным вниманием.

— И вот, когда он умер, жена его, софтверный конструктор, стала обо всем этом думать, и ей захотелось продолжить то, что он делал, только в большем масштабе. Она продала акции всех компаний, на которые прежде работала, купила участок земли в Орегоне, на побережье, и…

Поезд остановился у платформы Синдзюку, все встали и направились к дверям; бизнесмен захлопнул свой комикс с перевязанными сиськами,

сунул его подмышку и тоже встал.

Кья стояла закинув голову и таращилась на самое странное здание, какое вообще может быть. Оно имело форму, как когда-то рисовали роботов, схематическое подобие человека с туловищем из цветного, красного, желтого и синего, кирпича. Ноги и вознесенные кверху руки были сделаны из прозрачного пластика на стальном каркасе, по ним проходили лестницы, эскалаторы и плавно изгибающиеся пандусы, из прямоугольного рта вылетали время от времени клубы белого дыма. И все это — на фоне серого, гнетущего неба.

— «Тецудзин-билдинг», — сказал Масахико, не поднимая глаз от рябящего цветными закорючками дисплея. — Нам не туда.

— А что это такое?

— Осакский институт механических игрушек. А этот твой клуб там.

Он указал налево, мимо фаст-фудового заведения со странноватым названием «Калифорнийский райх» и еще более странной вывеской: стальная, сильно стилизованная пальма на фоне перекореженного креста. Как-то раз на уроке европейской истории трое придурков разрисовали себе такими крестами руки, так историчка тогда вообще в осадок выпала, но вот пальм они ника-

ких не рисовали, эта Кья помнила точно. А потом двое из них сцепились насчет того, куда нужно загибать концы этих крестов, когда рисуешь, направо или налево, и один шарахнул другого электрошоком. Эти гопники всю дорогу с такими ходят, делают их себе из одноразовых фотоаппаратов со вспышкой, и историчке пришлось вызывать полицию.

— Дом Миллиона Мокрых Листьев, девятый этаж, — сказал Масахико, пробираясь сквозь запрудившую тротуар толпу. Кья следовала за ним, размышляя, сколько надо времени, чтобы прошел джет-лаг, и как вообще отличить его от самой обычной усталости.

Но сильнее усталости, сильнее последствий джет-лага было то, что проходило в школьном курсе основ гражданственности под названием «культурный шок». Куда ни посмотришь, все в этом городе было не так, до того не так, что не столько уже вызывало интерес, сколько угнетало. Кья ощущала, что ее глаза словно устали подмечать все бесчисленные отклонения от привычного порядка вещей: деревце на тротуаре, заключенное в нечто вроде плетеного чехла, пронзительно-зеленый цвет таксофона, серьезного вида девушка в круглых очках и сером

хлопчатобумажном свитере с надписью «Free Vagina».[182]

Первое время она старалась вникать, запоминать все эти вещи в бессознательной надежде, что со временем они как-нибудь там переварятся и подвергнутся осмыслению, но несообразности шли таким сплошным, нескончаемым потоком, что вскоре большая их часть стала проскакивать мимо перегруженного сознания — примерно так же, как льется мимо узкого бутылочного горлышка вода, если пустить слишком сильную струю. В то же самое время у нее было такое чувство, что если вот сейчас взять и прищуриться — ну, не просто прищуриться, а неким специальным, правильным образом, — то все это, что вокруг, превратится в Сиэтл, в какую-нибудь из центральных улиц. А рядом будет мама. Ностальгия, так это называется. И каждый раз, когда она шагала левой ногой, ремень сумки болезненно врезался в плечо.

Масахико свернул за угол.

В Токио, похоже, не было проулков — проулков в привычном смысле, узких боковых улочек, где стоят мусорные баки и нет никаких магазинов.

---

[182] Примечания: 182

«Свободное влагалище», или «Бесплатное влагалище», или даже — «Свободу влагалищу» (англ.).

Здесь были маленькие улицы на задах больших и совсем уже крошечные на задах маленьких, но там, на этих улочках, могло быть абсолютно все что угодно: будка сапожника, дорогущая с виду парикмахерская, кондитерский магазин, газетный киоск, где Кья заметила знакомую обложку с замотанными сиськами.

Еще один поворот, и они снова вышли на какую-то улицу, которая уж точно не была проулком, во всяком случае, машины по ней ездили. Одна из этих машин свернула в узкий просвет между зданиями и исчезла. Кья ощутила неприятный холодок. А что, если это как раз и есть клуб этого Эдди, «Виски Клон»? Он же где-то здесь, в этих местах, в Синдзюку. И что такое Синдзюку — квартал или целый городской район? Что, если Эдди и Мэриэлис ее разыскивают?

Они миновали просвет, куда въехала машина. Там было нечто вроде заправочной станции.

— Так куда мы идем? — спросила Кья.

— Миллион Мокрых Листьев, — сказал Масахико, указывая вверх.

Высокое узкое здание, по всей его высоте из углов торчат квадратные щиты с какими-то надписями и логотипами. Примерно такие же, как и все остальные. То, в котором Эдди, было,

пожалуй, побольше.

— А как туда попасть?

Они вошли в нечто вроде вестибюля, большое помещение с уймой крошечных магазинчиков по стенам. Слишком много света, зеркал, товаров, в глазах — сплошная рябь. В тесную кабинку лифта, где пахло застоявшимся дымом. Масахико сказал что-то по-японски, и двери закрылись. Коротенькая песня лифта под аккомпанемент нежной, позвякивающей музыки. Лицо Масахико раздраженно нахмурилось.

На девятом этаже лифт остановился и распахнул двери. Кья оказалась носом к носу с плотным, густо припорошенным пылью мужиком.

— Если ты из журнала, — сказал мужик, вытирая лицо стянутым с головы хайратником, — то зря торопилась. Зайди денька через три.

Кья не могла разобрать, японец он или нет, среднего возраста или старше. Его карие, кошмарно воспаленные глаза прятались под тяжелыми дугами надбровий, в черных, гладко зачесанных назад волосах проглядывала седина.

За спиной мужика что-то грохало и скрежетало, время от времени слышались суматошные крики. Еще один, такой же пыльный мужик толкал оранжевую пластиковую тележку, плотно

забитую грязными, кое-как свернутыми проводами и красными с золотом обломками пластика. Заскрипела и рухнула на пол секция подвесного потолка. Новый всплеск криков.

— Я ищу «Обезьяний бой», — сказала Кья.

— А вот тут наоборот, опоздала ты малость. — На мужике был черный бумажный комбинезон, сквозь дырки на локтях проглядывали голубоватые кружки и стрелы какой-то татуировки под примитив. Он протер тыльной стороной ладони глаза и прищурился. — Так ты что, от этого лондонского журнала?

— Нет, — ответила Кья.

— Нет, — согласился мужик. — Они бы прислали кого постарше. Так откуда ж… — Треск, грохот, крики. На этот раз секция потолка упала чуть поближе. — Так откуда ж ты тогда?

— Сиэтл.

— И вы что, слышали про «Обезьяний бой» в этом своем Сиэтле?

— Да…

— Это надо ж такое — в Сиэтле… — Пыльный мужик улыбнулся, но не слишком весело. — А ты что, милочка, и сама как-нибудь с клубами связана?

— Меня зовут Кья Маккензи.

— А меня Дзюн. Хозяин, дизайнер, ди-джей, все сразу. Но ты, милочка, малость опоздала. Прости уж, пожалуйста. Мой «Обезьяний бой» — вернее, то, что от него осталось, — вывозят сейчас на этих вот телегах. Прямиком на свалку. Разбитая мечта — такой же мусор, как и все прочие битые, ломаные вещи. А ведь как тут было здорово все эти три месяца. Ты слышала про нашу шаолинскую тематику — всю эту штуку с монахами-воинами? — Он горько вздохнул. — Это было божественно. От начала до конца. Уже после трех первых ночей окинавские бартендеры выбрили себе головы и нарядились в шафранные балахоны. Я, в диджейской кабине, превзошел самого себя. В этом было некое прозрение, ты понимаешь? И это вполне нормально, такова уж природа текучего мира.[183] Торгуя водой (а чем мы еще занимаемся?), поневоле становишься философом. А как зовут твоего друга? Мне нравятся его волосы.

— Это Масахико Мимура, — сказала Кья.

— Люблю этот черный опрощенный стиль, — прицокнул языком Дзюн. — Такая себе богемная

[183] Примечания: 183

Очевидным образом Дзюн употребляет термин японского буддизма «укиё», переводимый на английский язык как «floating world», а на русский — как «текучий мир», «бренный мир» или, что чаще, оставляемый вообще без перевода.

биполярность, Мисима и Дитрих в одном флаконе.

Масахико нахмурился.

— А куда же вы теперь? — спросила Кья. — Теперь, когда «Обезьяний бой» закрылся?

— Куда? — Дзюн как-то сразу поскучнел. — Мало ли на свете клубов. Но дизайна мне не дадут. Скажут, что я продался. Ну продался, ну и что. Все равно я сохраняю руководство, приличное жалование, квартиру, но вот концепция… — Он отрешенно пожал плечами и снова натянул на голову хайратник.

— Вы были здесь в ту ночь, когда Рез прилюдно заявил, что хочет жениться на идору?

Лоб Дзюна сошелся морщинами, хайратник пополз вверх.

— Мне пришлось подписать определенное соглашение, — сказал он. — Ты точно не от журнала?

— Точно.

— Не приди он сюда тем вечером, мы бы крутились себе и крутились. Да и вообще такие, как он, совсем не по нашей части. Вот была у нас Мария Пас, сразу после того, как она разбежалась со своим бойфрендом, этим пиаровским чудищем, так репортеров налетело, как мух на говно. Она же

здесь самый топ, ты это знаешь? А когда заходил Синий Ахмед из «Крутого Корана», пресса считай что и не заметила. Ну, правда, что касается Реза и его компании, тут уж с прессой проблемы не было. Прислал сюда своего гувернера, здоровенного мужика с рожей, словно на ней мясо рубили. Тот прямо ко мне и говорит, что Рез прослышал про наше заведение и думает забежать с небольшой компанией, и не могли бы мы организовать столик, чтобы вроде как приватно… Правду говоря, я даже сразу не врубился — какой такой Рез? Потом-то, конечно, в мозгах щелкнуло, и я сказал: да, с преогромным. Мы поставили столик подальше от сцены и даже одолжили у ребят из заведения сверху красный шнурок на столбиках.

— И он пришел? Рез?

— Как штык. Через час — вот он, пожалуйста. Улыбался, руки жал, расписывался, на чем ни попросят, хотя, в общем, его не то чтобы рвали на части. С ним четыре женщины и два мужика, это не считая того гувернера. Очень приличный черный костюм. Йодзи. Малость помятый. Рез, в смысле. Был, похоже, где-то на ужине, ну и принял на грудь. Много смеялся, ну ты понимаешь. — Дзюн повернулся и что-то сказал одному из подсобников, парню в обувке на манер черных

кожаных носков с отдельным большим пальцем.

Кья пыталась представить себе Реза за столиком, вместе с кучей других людей, за красным шнурком на столбиках, а на заднем плане — японскую тусовку, занятую чем уж там занимается японская тусовка в таком клубе. Пляшет? Да и вообще — что это был за клуб, этот «Обезьяний бой»?

— А потом наш мальчонка встает, в туалет ему надо. Громила этот тоже хочет встать, но мальчонка машет ему, чтоб сидел. За столиком хохочут, все, кроме громилы, а у громилы рожа кислая. Две телки тоже встают, вроде как они его проводят, но он и им машет остаться, и снова хохот. А народ, кроме тех, за его столиком, на него особенно и не смотрит. Я как раз собирался минут через пять в кабину с подборкой в конец суровой североафриканщины, так присматривался к народу, чтобы быть в струе, знать, когда это лучше вбросить. Так вот, он прошел через весь зал, и его заметили разве что один-двое, да и те не остановились, продолжали плясать.

Да что же это был за клуб, где даже Реза не замечали?

— И я вот, значит, думаю о своей подборке, в какой давать последовательности, и вдруг он

прямо передо мной. Улыбается как не могу. Глаза какие-то непонятные. Хотя я не стал бы вот так божиться, что это из-за чего-то там такого, что он сделал в туалете, — ну ты понимаешь, про что я.

Кья кивнула, хотя напрочь не понимала, про что он.

— А не буду ли я возражать, спросил он, положив мне руку на плечо, если он скажет всей нашей публике несколько слов. И что он давно уже обдумывает одну вещь, а теперь как раз принял решение и хочет поделиться своей радостью с людьми. Тут рядом с нами материализовался его гувернер и захотел узнать, что, какие-нибудь трудности? Да никаких трудностей, сказал Рез и сжал мое плечо, вроде как заговорщицки, а просто он хочет сказать публике пару слов.

Кья взглянула на плечи Дзюна, прикидывая, какое из них было тогда сжато Резовой рукой.

— Ну, так он, в общем, и сделал, — подытожил Дзюн.

— Но что же он все-таки сказал? — спросила Кья.

— Да ничего он, милочка, хорошего не сказал, грузил что ни попадя. Эволюция, технология чувств, необходимость для человечества найти красоту в новом, нарождающемся порядке ве-

щей, какая-то там софтверная игрушечная девка и его собственная жгучая потребность сойтись с ней поближе. Хрень. Собачья. — Дзюн приподнял хайратник повыше, но уже через мгновение тот снова сполз ему на лоб. — И вот, из-за того, что он это сделал, раззявил пасть в моем клубе, Ло дробь трижды долбанный Рез купил этот долбаный клуб. А заодно и меня самого, я дал подписку, что не буду говорить ни с кем из вас ни о чем из этого. А теперь, милочка, с твоего разрешения и с разрешения твоего очаровательного друга я хоть немного поработаю.

Глава 21

Стоялец

На ближнем к гостинице перекрестке толпа прохожих равнодушно обтекала тощую, неестественно высокую фигуру с рекламными щитами на груди и спине. По щитам непрерывно бежали столбики иероглифов. Время от времени сэндвичмен покачивался и судорожно переступал ходулями, его лицо пряталось под остроконечным капюшоном белого бумажного плаща и противогазной маской.

— Что это? — спросил Лэйни.

— Где? — Шагавшая впереди Арли обернулась и проследила за направлением его взгляда. — «Новая логика». Секта такая. Они считают, что, как только суммарная масса нервной ткани рода человеческого достигнет некоей критической величины, наступит конец света.

На грудном щитке сэндвичмена возникло длинное многозначное число.

— Вот эта, что ли, величина? — спросил Лэйни.

— Нет, это их текущая оценка нервной массы на настоящий момент.

На Арли был короткий черный плащ. Пока она ходила за этим плащом к себе в номер, Лэйни поменял белье, носки и рубашку. Рубашку он выбрал синюю, малайзийскую и застегнул ее до самого верха, размышляя при этом, все ли сотрудники «Ло/Рез», приехавшие сейчас в Токио, остановились в этой гостинице или не все.

Проходя мимо сэндвичмена, Лэйни увидел сквозь стекло противогаза его глаза. Суровые и спокойные. А ходули у него были суставчатые, из какого-то легкого сплава, точно такие, с помощью которых работяги устанавливают подвесные потолки.

— А что это будет за конец света? Война? По-

топ?

— Новый порядок вещей. Подробнее они не рассказывают. Рез тоже было начал ими интересоваться. Пытался получить аудиенцию у их основателя.

— Ну и?

— По нулям. Основатель сказал, что Рез зарабатывает на манипуляциях с нервной тканью своих слушателей, и это делает его неприкасаемым.

— Рез сильно расстроился?

— Да нет вроде бы. Если верить Блэкуэллу, это даже подняло ему настроение.

— А так он что, чаще не в настроении? — Лэйни отшагнул в сторону, пропуская парня, катившего навстречу им велосипед.

— Я бы просто сказала, что Реза волнуют совсем не те проблемы, которые волнуют других людей, большую их часть.

Рядом с ними полз, чуть не заезжая на тротуар, темно-зеленый мини-вэн с гнутыми зеркальными стенами и номерными платами, светящимися и подмигивающими, как консоль игрового автомата.

— Мне кажется, за нами следят, — встревожился Лэйни.

— Надеюсь. Вообще-то я хотела другой, такого

таракана с блестящими усами, чтобы поребрик нащупывать, но из-за спешки пришлось ограничиться номерными знаками в «специальном исполнении». Он сам за тобой ходит всюду, как собачка. А припарковаться в этих краях — задачка потруднее, чем все то, что хочет от тебя Блэкуэлл.

Узкая крутая лестница вниз, стены сплошь заляпаны розовыми комками, неприятно похожими на воспаленные гланды. Лэйни резко остановился, но тут же заметил вывеску, надпись, выложенную сотнями разноцветных продолговатых лепешечек: LE CHICLE. Вопреки обещанию Арли, сюда фургончик не поехал.

«Жевательная резинка, — подумал Лэйни. — Тематический бар. А я уже не очень и удивляюсь, привык». И все же стены из жеваной жвачки вызывали у него легкую тошноту; спускаясь вслед за Арли, он старался держаться от них подальше.

Спускаясь в серое и мучнисто-розовое, на этот раз — представляющие продукт нежеваный — огромные, во всю стену бруски, увешанные рекламами и вывесками его неоспоримой родины. Жесть с набивной печатью и древний, в рамки вставленный картон с искусной, как в музее, подсветкой. Кумиры и идолы жвачки. И главный

из них — Базука Джо,[184] личность для Лэйни неизвестная.

— Часто сюда заглядываете? — спросил Лэйни, пристраиваясь на круглую табуретку с пухлым сиденьем какого-то совсем уж кошмарного жвачно-розового цвета. Поверхность стойки была сплошь облеплена обертками от жвачки.

— Да, — кивнула Арли, — но просто потому, что это заведение не пользуется особой популярностью. К тому же здесь не курят, большая для Японии редкость.

— А что такое «Блэк Блэк»? — Он указал на вставленный в рамку плакат с изображением старинного автомобиля, несущегося сквозь еле намеченный городской пейзаж. Под надписью «Блэк Блэк» чернели иероглифы, выполненные в некоем японском варианте «ар деко».[185]

— Жвачка. Ее все еще выпускают. Очень популярная у водителей такси. Из-за кофеина.

— Кофеин? В жвачке?

— А бодрящую жвачку с никотином не пробо-

---

[184] Примечания: 184

Популярный герой комиксов-вкладышей в американскую жевательную резинку, появился в 1954 г.

[185] Примечания: 185

Art Deco (франц.) — букв, «декоративное искусство», стиль 1920-1930-х гг., отличающийся яркими красками и геометрическими формами.

вали? Здесь продают.

— Я уж лучше возьму пива.

Когда официантка в некоем серебристом, исчезающе малом подобии шортов и пушистом, оглушительно розовом лифчике приняла у них заказ, Арли открыла свою сумочку, достала ноутбук и быстро пробежалась по клавиатуре.

— Здесь линейные топографии части структур, с которыми вы сегодня знакомились. — Она передала ноутбук Лэйни. — В формате «Риалтри семь-два».

Лэйни бегло просмотрел несколько картинок. Сплошь какие-то абстрактные, стереометрические построения.

— Я этого не понимаю.

Арли налила себе сакэ.

— Вы действительно получили подготовку в «Дейтамерике»?

— Меня натаскивали какие-то французы. Страстные любители тенниса.

— Мы получили «Риалтри» в «Дейтамерике». Их лучший инструмент количественного анализа. — Она закрыла ноутбук и спрятала его в сумочку.

Лэйни налил себе пива, отхлебнул и отставил стакан.

— А вам ничего не говорит название TIDAL?

— TIDAL?

— Аббревиатура. Наверное.

— Нет. — Арли взяла фарфоровую чашечку и подула на сакэ, как ребенок — на горячий чай.

— Это тоже их инструмент, а может — предварительная разработка. Очень сомнительно, чтобы готовый продукт уже вышел на рынок. Вот тогда-то, работая по проекту TIDAL, я и научился искать узловые точки.

— О'кей, — кивнула Арли. — Но что это такое, эти ваши узловые точки?

— Это примерно как высматривать корабли и верблюдов в рисунке облаков. — Лэйни взглянул на узкий ободок пены, прилипший к стенкам стакана. — Только тут ты видишь реальные вещи.

— Верблюды? — Арли поставила чашечку. — Ямадзаки заверял, что вы не сумасшедший.

— Это не сумасшествие, просто я как-то там по-особому обрабатываю широкополосные сигналы. Нечто, связанное с распознаванием образов.

— И на основе всего этого, что вы мне рассказываете, слитскановцы взяли вас на работу?

— Они взяли меня на работу, когда я продемонстрировал им, что узловые точки работают. С данными, которые вы мне сегодня предоставили,

такого сделать не могу.

— Почему?

— А вы попробуйте выпить на пару с банком. Он не личность. Он не пьет. Его никуда не пригласишь, никуда не посадишь. — Лэйни отхлебнул пива, чуть подумал и допил стакан до конца. — Рез не порождает нужных мне структур, потому что никогда ничего не делает сам, только через посредников. Это все равно что выискивать в годовом отчете какой-нибудь корпорации привычки и пристрастия председателя совета директоров. Их там нет. Файлы, которые вы мне предоставили утром, ничуть не информативнее этих картинок в вашем ноутбуке. Знакомясь с каким-нибудь конкретным разделом, я не ощущаю, как эти вот данные связаны со всеми остальными. Мне нужна взаимосвязанность. — Он побарабанил пальцами по залитым в пластик оберткам от жвачки. — Где-то там в Ирландии. Дом с видом на море. Пустой, ни души. Записи о снабжении: зубная паста, крем для бритья…

— Я была там, — сказала Арли. — Он купил это поместье у одного пожилого музыканта. Ирландца. Очень живописное. Чем-то похоже на Италию.

— Как вы думаете, он повезет туда эту свою

идору, когда они с ней окрутятся?

— Никто не понимает, что же, собственно, имел он в виду, говоря, что хочет на ней «жениться».

— Потом квартира в Стокгольме. Огромная. В каждой комнате по огромной изразцовой печке.

— Этой я не знаю. У него же масса квартир и домов по всему миру, часть этого жилья держится в большом секрете. Поместье на юге Франции, особняк в Лондоне, квартиры в Нью-Йорке, Париже, Барселоне… Когда разразился этот скандал с идору, я как раз работала в каталонском офисе, доводила до ума их хозяйство, а заодно и то, что в Испании. А теперь вот торчу здесь, с самого того времени.

— Но вы его знаете? Знали его прежде?

— Рез, мистер Лэйни, это пуп мира, в котором я работаю. Пуп можно видеть, но знать…

— А как насчет Ло?

— Спокойный. Очень. Умный. Очень. — Арли хмуро взглянула на чашку с сакэ. — Я не думаю, чтобы эта история так уж волновала Ло. Сдается, он и всю-то их карьеру воспринимает как некий забавный казус, выверт судьбы, не имеющий ни причин, ни последствий.

— Всю? И даже то, что его партнер решил жениться на некоей виртуальной особе?

— Ло рассказал мне как-то одну историю из своей прошлой жизни. Дело было в Гонконге, он нанялся там помогать уличному торговцу супом. У торговца была тележка с котлом, суп варили прямо здесь же, на улице. Он говорит, что их тележка была в деле уже более полувека, и главный секрет супового бизнеса состоял в том, чтобы никогда не мыть котел. Они варили суп все время, без малейшего перерыва. По сути дела, они пятьдесят лет подряд продавали один и тот же рыбный суп, один и тот же и не один и тот же, потому что они постоянно добавляли туда какие-то новые ингредиенты, те, что удавалось достать. Он сказал, что воспринимает свою музыкальную карьеру как нечто подобное и это ему нравится. Ну а Блэкуэлл говорит, что если бы Рез был таким же, как Ло, то он, Блэкуэлл, и по сю пору сидел бы за решеткой.

— Почему?

— Блэкуэлл тянул девятилетний срок в австралийской тюрьме максимально строгого режима, и тут вдруг Резу вздумалось посетить как раз эту тюрьму. Дать концерт для заключенных. Сольник. Ло и остальные отказались, считая эту затею слишком опасной, их предупредили, что тамошняя публика вполне способна взбунтовать-

ся и взять заезжих филантропов в заложники. Администрация тюрьмы отказалась брать на себя ответственность за возможные последствия и потребовала от Реза расписку, что его предупредили. Рез дал им эту расписку. Все его охранники тут же уволились. Он пошел в тюрьму с двумя гитарами, беспроводным микрофоном и минимальным комплектом усилительной аппаратуры. Во время концерта вспыхнул бунт. Судя по всему, заводилами были итальянцы, арестованные и осужденные в Мельбурне. Пятеро из них затащили Реза в тюремную прачечную — глухое, без окон, помещение, где было легче организовать оборону. Они сказали Резу, что убьют его, если он не сможет договориться с администрацией об их освобождении. Грозились отрезать ему как минимум один палец, чтобы поотчетливее показать серьезность своих намерений. Или что-нибудь из более интимных частей тела, хотя вполне возможно, что тут они просто хотели напугать его посильнее. Напугали. — Арли подозвала пушистую официантку и заказала еще сакэ. — Блэкуэлл, который был крайне раздражен срывом понравившегося ему концерта, появился в прачечной минут через сорок после того, как Реза взяли в заложники.

Ни Рез, ни итальянцы не видели, как он туда вошел, для итальянцев это стало полной неожиданностью. — Официантка поставила перед Арли чашечку, забрала пустую и отошла. — Он убил троих из этой компании, томагавком. Проломил им головы, как рассказывает Рез. Одному, другому, третьему. Спокойно, без всякой суеты.

— Томагавк?

— Нечто вроде узкого топорика с острым шипом на обухе. Страшное оружие, если в умелых руках. Блэкуэлл настолько уважает томагавк, что даже им клянется. Остальные двое успели убежать. Но потом, когда бунт был подавлен и стали разбираться, оказалось, что и они как-то там погибли. Лично я думаю, что их убил либо Блэкуэлл, либо его дружки, чтобы Рез остался единственным очевидцем убийства тех троих. Ну а потом Блэкуэлл отвел Реза к баррикаде, возведенной тюремщиками посреди прогулочного двора, и сдал им с рук на руки. — Арли отхлебнула из чашечки. — Резовы юристы взяли дело Блэкуэлла, накопали каких-то мелких процедурных нарушений, и через три месяца приговор был отменен, а нового обвинения в этом самом тройном убийстве ему так и не предъявили. С тех пор они неразлучны.

— А за что он сидел, Блэкуэлл?

— Убийство. Вы знаете, что такое стоялец?

— Нет.

— Это чисто австралийская реалия. Я склонна думать, что такое явление и не могло бы возникнуть нигде, кроме культуры, основы которой были заложены каторжниками, хотя мои австралийские друзья напрочь с этим не согласны. Стоялец — это волк-одиночка, хищник, охотящийся на других преступников, достаточно богатых, а зачастую и крайне опасных. Он ловит их, а затем «стоит» над ними.

— Что это значит?

— Пытками вымогает у них деньги. И ведь ему приходится иметь дело с весьма серьезными мужиками, у которых есть охрана, бдительно следящая, чтобы ничего подобного не случилось…

— Пытками?

— Есть еще родственный термин, «педикюрщик», только педикюр тут проводится весьма радикальный, под корень пальца. Ну а узнав у них все необходимое, он их убивает.

Блэкуэлл возник рядом с ними неожиданно и бесшумно, огромная фигура в черном клеенчатом плаще на фоне выгоревших американских реклам и настенного многоцветия жвачки. Его

изрезанный скальп надежно скрывался под тульей черной клеенчатой шляпы.

— Арли, дорогая, да никак ты поминаешь некое имя всуе?

Но на лице его играла улыбка.

— Я тут знакомила мистера Лэйни с ранними периодами вашего жизненного пути. Мы только что добрались до салона красоты, а вы пришли и все испортили.

— Ничего страшного. Обед сдвинут на попозже, по просьбе Роззера. Я вас подброшу. Место встречи тоже поменялось. Надеюсь, вы не будете сильно возражать.

— И что это такое за место? — Арли отхлебнула сакэ, словно и не собиралась никуда идти.

— «Западный мир».

— Ну вот, — вздохнула она. — А я-то надела парадные туфли.

Глава 22

Гоми-бой

Теперь в поезде не то что сесть, протолкнуться было трудно, и правила зрительного контакта тоже вроде изменились, хотя Кья и не могла по-

нять — как именно. Ее сумка с «Сэндбендерсом» плотно притиснулась к спине Масахико, который снова работал со своим дисплеем, держа его перед глазами примерно так же, как пассажиры переполненной утренней электрички — газету, сложенную квадратиком на нужной статье.

Назад в ресторан ихнего отца, а потом — неизвестно что. Она сделала то, чего никак не хотела Хироми. И не узнала ничего нового, кроме того, что есть на свете люди, считающие Реза треплом и занудой. Ну и что же дальше? Она все-таки использовала полученную от Келси карточку, чтобы заплатить за метро в одну сторону, а теперь и в другую. А ведь Сона предупреждала, что ее ищут, что они могут проследить за использованием карточки. А нельзя ли как-нибудь ее обналичить? Хорошо бы, но вряд ли.

Все шло наперекосяк, совсем не так, как она представляла себе это в Сиэтле, но кто же мог ожидать, что на пути встретится такая вот Мэриэлис. Или Эдди, или даже Хироми.

Масахико смотрел на дисплей с таким лицом, словно увидел какую-то мерзость, хотя там были все те же крючки-закорючки.

И еще эта штука, которую подсунула Мэриэлис. Прямо здесь, в сумке. Нужно было оставить

в комнате Мицуко, а не таскать при себе. Или вообще выкинуть. Ну да, вот так выкинешь, а потом появится Эдди или Мэриэлис, и что тогда делать, что говорить? А вдруг там какие-нибудь наркотики?

В Сингапуре за такое вешают прямо на площади. Отцу публичные казни не нравятся, из-за них он ее к себе и не приглашает, ну, может, не только из-за них, но отчасти. Там же все это показывают по телевизору, так что трудно не увидеть, а он не хочет, чтобы она смотрела на такое. А Сингапур — это далеко от Токио? Ей хотелось мотнуть вот так сразу туда, доехать до отцовской квартиры с закрытыми глазами, и сразу выдернуть телевизор из розетки, и не включать его больше, а просто быть там с ним и запахом его лосьона для бритья, и прижаться щекой к его колючей шерстяной рубашке, только ведь в Сингапуре таких, конечно, не носят, потому что там жарко. Ну ладно, она просто закроет глаза и будет слушать, как он рассказывает про свою работу, про Спрос и Предложение, которые снуют, подобно невидимым драконам, по биржевым площадкам всего мира, сшибая чешуйки прибыли для таких, как отец, брокеров…

Масахико резко повернулся, чуть не сорвав сум-

ку с ее плеча; поезд тормозил у какой-то — совсем незнакомой — платформы. Женщина с желтым магазинным мешком сказала что-то по-японски. Масахико схватил Кья за запястье и потащил к открывшимся дверям.

— Так нам же не здесь…

— Пошли! Пошли!

Почти бегом из вагона на платформу. И пахнет здесь тоже не так — чем-то едким, химическим. И стены не такие вроде чистые. Треснувшая плитка кафельного потолка.

— В чем дело? Зачем мы сошли?

Молча и не останавливаясь, Масахико утащил ее в угол между кафельной стеной и гигантским торговым автоматом.

— В ресторане тебя ждут. — Он взглянул на свою руку и мгновенно, чуть ли не испуганно отпустил запястье Кья.

— Откуда ты знаешь?

— Крепость. Сперва, час назад, они просто наводили справки.

— Кто?

— Русские.

— Русские?

— После землетрясения здесь появилось много комбинатских. Налаживают отношения с гуми.

— А кто такие гуми?

— Мафия, если по-вашему. Якудза. У моего отца договор с местным гуми. Если держишь ресторан, без этого никак. Представители этих гуми говорили с отцом про тебя.

— Так что же, у вас там в квартале вся мафия русская?

За головой Масахико, на боковой стенке торгового автомата — анимированный логотип чего-то, называемого «Эппл Ширз».

— Нет. Франчайз от Ямагучи-гуми. Отец знает этих людей. Они сказали отцу, что тобой интересуются русские, и это плохо. Они не могут гарантировать такую, как всегда, безопасность. Русские ненадежны.

— Я не знаю никаких таких русских, — твердо сказала Кья.

— Нам нужно идти.

— Куда?

Масахико повел ее в дальний конец платформы, битком забитой людьми и мокрой от сотен сложенных зонтиков, к эскалатору.

— Когда Крепость заметила, что к нашим адресам, моему и сестричкиному, проявляется внимание, одному из друзей поручили забрать мой компьютер…

— Зачем?

— Потому что на мне лежит определенная ответственность. Перед Крепостью. Распределенная обработка.

— Так у тебя что, MUD в твоем компьютере?

— Крепость нигде не находится, — сказал Масахико, ступая на эскалатор. — Так что теперь мой компьютер у друга. И он знает про людей, которые тебя подстерегают.

Гоми-бой,[186] так звали этого друга.

Его одежду составляли замызганная хлопчатобумажная фуфайка с закатанными манжетами и необъятные, как бегемотье брюхо, штаны от армейской робы, не сваливавшиеся с его тщедушного тела только благодаря флюоресцентно-оранжевым, трехдюймовой ширины подтяжкам. Ботинки у него были розовые, точь-в-точь такие, как носят маленькие дети, только на несколько размеров больше. В данный момент он сидел на угловатом алюминиевом стуле, и младенческие ботинки болтались в воздухе, чуть-чуть не доставая до пола. Его шевелюра была словно вылеплена из какой-то вязкой массы, сплошь тугие, клейко поблескивающие завитки и ямки.

---

[186] Примечания: 186
Гоми (яп.) — мусор, хлам.

Вот так же точно изображали прическу Дж. Д. Шейпли авторы этих стенных росписей на площади Пионеров; Кья знала из школьных уроков, что это как-то там связано со всей этой Элвисовой историей, но не помнила, как именно.

Он разговаривал с Масахико по-японски; под неумолчный, как морской прибой, грохот игровой аркады. Кья хотела бы послушать, о чем они там, но для этого требовалось расстегнуть сумку, найти там наушники и включить «Сэндбендерс». А как же такое сделаешь, когда этот Гоми-бой и рад, похоже, что она их не понимает.

Он пил из банки что-то, именуемое «Покари свит», и курил сигарету. В воздухе стелились слои голубоватого дыма. В Сиэтле за такое сразу бы арестовали, потому что рак. И сигарета, похоже, фабричного производства — аккуратный белый цилиндрик с коричневым кончиком, чтобы брать в рот. Такие можно увидеть в старых фильмах, да и то изредка, в тех, до которых не добрались еще с цифровой цензурой, а так в Сиэтле торгуют из-под полы грубыми, кустарными или можно купить маленький мешочек табачной отравы вместе с квадратиками тонкой бумаги и крутить сигареты самостоятельно. Придурки в их школе так и делали.

Дождь как шел, так и шел. Сквозь иссеченное струями воды окно Кья видела на другой стороне улицы другую аркаду, из этих, с автоматами, где катятся серебряные шарики. Дождь, неон и серебряные шары сливались в единое марево, и Кья думала, о чем там говорят Масахико с Гоми-боем.

Компьютер Масахико, запакованный теперь в клетчатую пластиковую сумку с розовыми международными знаками биологической опасности, стоял на столике, рядом с банкой «Покари свит». Что это такое — покари? Ей представилась дикая свинья, вся в щетине, с торчащими клыками, вроде как показывают по каналу «Природа».

Гоми-бой пососал сигарету, и на ее конце вспыхнул красный огонек, вроде светодиода. Затем он выпустил изо рта облачко дыма, прищурился и что-то сказал. Масахико пожал плечами. Перед ним стояла разогретая в микроволновке баночка эспрессо. Кья взяла себе коку лайт. В Токио и присесть-то нигде нельзя, если не купишь себе какой-нибудь еды-питья, а питье купить быстрее, чем еду. Да и стоит дешевле. Правда, сейчас Кья не платила, платил Гоми-бой, потому что они с Масахико не хотели, чтобы она пользовалась этой карточкой.

Гоми-бой что-то сказал и посмотрел на Кья.

— Он хочет с тобой поговорить, — сказал Масахико.

Кья наклонилась, расстегнула сумку, нашла наушники, отдала один из них Гоми-бою, прицепила другой себе на ухо, еще раз нагнулась и включила «Сэндбендерса».

— Я из Крепости, — сказал Гоми-бой, надевая наушник. — Ты знаешь, что это такое?

— Ну да, это у вас такой MUD. Мультиюзерный домен.

— Не в том смысле, как ты думаешь, но примерно так. Зачем ты приехала в Токио?

— Собрать информацию насчет намерений Реза жениться на этой идору Рэи Тоэи.

Гоми-бой кивнул. Все отаку относились к информации крайне серьезно, и он понимал, что такое быть фэном.

— У тебя были какие-нибудь дела с Комбайном? — Кья понимала, что он сказал «Комбинат», а это переводник так исковеркал. Комбинат, мафиозное правительство России.

— Нет.

— И ты оказалась у Масахико потому, что?..

— Мицуко — социальный секретарь токийского отделения нашего Ло-Резовского общества.

— Сколько раз ты выходила в сеть? Из рестора-

на, в смысле.

— Три раза. — Костюм от Силке-Мари Колб. Встреча с японскими девочками. Сона Роса. — Я заплатила за декоративный софтвер, мы с Мицуко участвовали во встрече. Я связалась с домашними.

— Ты оплатила софт по своей карте?

— Да.

Кья перевела взгляд с Гоми-боя на Масахико. Между ними и за ними — дождь. За дождем, на той стороне улицы, за стеклом, нескончаемый грохочущий поток серебряных шаров. Напряженно ссутуленные спины игроков, управляющих движением металла. По лицу Масахико ничего не поймешь.

— Компьютер Масахико поддерживает определенные аспекты Крепости, — сказал Гоми-бой. — На случай возникновения критических обстоятельств имелись заранее составленные планы перемещения его в безопасное место. Когда выяснилось, что юзерские адреса Масахико и его сестры стали предметом неожиданного внимания, мне поручили забрать его машину. Мы с ним часто обмениваемся железом. Я торгую подержанным оборудованием, чем и объясняется мое прозвище Гоми-бой. У меня есть ключи

от комнаты Масахико. Его отец знает, что мне позволено заходить туда в любое время. Его отец не имеет ничего против. Я пришел и забрал компьютер. Рядом есть небольшая муниципальная рекреационная площадка. Оттуда виден вход в ресторан. Заметив «Оклендских овербомберов», я перешел улицу и заговорил с ними.

— Заметив чего?

— Скейтбордовая команда. Они назвали себя по калифорнийскому футбольному клубу. Я спросил их, не замечали ли они в последние часы какой-либо необычной активности. Они сказали мне, что видели очень большой автомобиль около часа назад…

— «Грейсленд».

— «Дайхацу грейсленд». Насколько я знаю, здесь они встречаются реже, чем в Америке.

Кья кивнула, с трудом удерживая на месте желудок, порывавшийся выскочить наружу вместе со всем своим содержимым.

Гоми-бой протянул в сторону руку с сильно укоротившейся сигаретой и раздавил ее тлеющий кончик в маленькой хромированной чашечке, прикрепленной к боковой стороне игровой консоли. Кья не очень понимала, для чего в действительности предназначена эта чашечка и

почему Гоми-бой так сделал, но, с другой стороны, должен же он как-нибудь потушить сигарету, иначе она обожгла бы ему пальцы.

— «Грейсленд» свернул к ресторану и припарковался. Из него вышли два человека…

— Как они выглядели?

— Представители гуми.

— Японцы?

— Да. Они прошли в ресторан. «Грейсленд» ждал их. Через пятнадцать минут они вернулись, сели в «грейсленд» и уехали. Затем из ресторана вышел отец Масахико. Некоторое время он глядел по сторонам, внимательно изучая улицу. Затем он вынул из кармана телефон и с кем-то поговорил. Затем вернулся в ресторан. Я не хотел задерживаться на рекреационной площадке с такой вещью, — Гоми-бой скользнул взглядом по клетчатой сумке, — как компьютер Масахико. Я сказал лидеру «Овербомберов», что поменяю его телефон на другой, лучший, если он задержится на площадке и будет звонить мне при любых новых случаях необычной активности. «Овербомберы» все равно ничего не делают, и он согласился. Я ушел. Он позвонил через двадцать минут и доложил о появлении серого хондовского мини-вэна. За рулем сидел японец, но трое

пассажиров были иностранцами. Он думает, что они русские.

— Почему?

— Потому что они очень крупные и одеты в манере, которая ассоциируется у него с Комбайном. Они все еще там.

— Откуда ты знаешь?

— Если они уедут, он обязательно мне позвонит. Он хочет получить новый телефон.

— А здесь можно подключиться к сети? Я сейчас же свяжусь с «Эйр Магеллан» и поменяю билет. Я хочу вернуться домой! — (И оставить Мэриэлисовый пакет прямо вот в этой, за спиной Гоми-боя, мусорной урне.)

— Тебе нельзя подключаться, — сказал Масахико. — Нельзя пользоваться этой карточкой. А то они тебя найдут.

— Так что же мне тогда делать? — спросила Кья и удивилась собственному голосу, он звучал как чей-то чужой. — Я же просто хочу домой!

— Дай-ка мне взглянуть на эту карточку, — попросил Гоми-бой.

Карточка лежала в кармане парки, вместе с паспортом и обратным билетом, Кья достала ее и протянула Гоми-бою. Гоми-бой расстегнул один из карманов своих необъятных штанов

и вытащил оттуда маленький прямоугольный приборчик, замотанный серебристым, грязным по краям скотчем, с прорезью во всю его ширину и круглым глазком. Проведя карточкой поперек прорези, он отложил ее и на несколько секунд прильнул к глазку.

— Обналичить ее нельзя. Зато проследить крайне просто.

— Моя подруга почти уверена, что они и так уже знают номер.

Гоми-бой начал постукивать ребром карточки по краю своей банки.

— Тут есть одно место, где ты можешь воспользоваться ей без всякого риска, — сказал он. Стук-стук. — Откуда Масахико может войти в Крепость. — Стук-стук. — Откуда ты сможешь позвонить домой.

— Где это?

— «Гостиница любви». — Стук. — Ты знаешь, что это такое?

— Нет, — сказала Кья.

Стук.

Глава 23

Здесь, в «Западном мире»

Из пупырчато-розовой глотки жвачного бара LE CHICLE под роняющее первые капли небо. Ходульный апостол «Новой логики» все еще топтался на боевом посту, серый вечер словно прибавил яркости его светящимся плакатам. Пока Блэкуэлл придерживал для Арли дверцу мини-лимузина, Лэйни смотрел на меняющиеся строчки цифр и жалел, что так никогда и не узнает, насколько возросла совокупная масса людской нервной ткани за то время, пока они прохлаждались в баре.

Забираясь в машину вторым, вслед за Арли, он снова заметил на внутренней стороне ее ноги эти три каталонских солнца, уменьшающихся по размеру сверху вниз. Блэкуэлл захлопнул за ними левую заднюю дверцу, а затем открыл переднюю водительскую, если по-нормальному, и перелил себя на сиденье, как невозможную, в сотни футов весом, каплю ртути. Машина качнулась и осела на амортизаторах, страдальчески принимая почти непосильный груз.

Поля черной клеенчатой шляпы Блэкуэлла бы-

ли сзади приспущены. Сильно. Но не так сильно, чтобы полностью скрыть сеть тонких красных рубцов на его затылке.

Водитель — судя по его затылку — был тот же самый, который отвозил их в Акихабару. Наверное. Он резко ввел машину в зеркально обращенный трафик. Быстро разошедшийся дождь бежал потоками и собирался в лужи, расшвыривая отраженный свет неоновых вывесок по тротуару и мостовой.

Сидя с Арли Маккрей бок о бок, Лэйни чувствовал запах ее духов, и ему от этого хотелось, чтобы не было рядом никакого Блэкуэлла, и чтобы ехали они в какое-нибудь другое место, а не в это, куда уж там они едут сейчас, чтобы было это в каком-нибудь другом городе, и чтобы многое из того, что случилось с ним за последние семь месяцев, не случилось совсем, а если бы и случилось, то как-нибудь иначе, чем случилось в действительности, а может, и не за семь месяцев, а начиная с «Дейтамерики» и этих французских теннисистов, но чем дальше он забирался, тем сложнее все становилось и многовариантнее. И тоскливее.

— Я не уверена, что вам там понравится, — сказала Арли.

— Почему?

— Да вы, кажется, не из таких.

— Почему вы так решили?

— Ну не знаю, может, я ошибаюсь. Есть уйма людей, которым там нравится. Мне кажется, что вы воспримете это как чрезмерно сложную и затянутую шутку…

— А что это, собственно, за заведение?

— Клуб. Ресторан. Место с атмосферой. Заявись мы туда одни, без Блэкуэлла, нас бы вообще не пустили. Даже не признали бы, что там что-то такое есть.

Лэйни вспомнил японский ресторан в Брентвуде, куда водила его Кэти Торранс. Не японский японский, а просто принадлежавший японцам. Ресторан на тему некоей обобщенно-воображаемой восточноевропейской страны. Декорированный предметами народного искусства этой страны, а все, кто там работал, были одеты либо во всякое такое национальное, либо в серые тюремные робы и громадные, грубые, черные башмаки. У всех мужчин были прически с высоко подбритыми висками, а у всех женщин — две косы, уложенные на манер кругов сыра. Ему подали груду разнообразных, микроскопически крохотных колбасок с гарниром из чего-то вроде маринованной капусты, и вкус все это имело со-

вершенно неопределенный, но, может, так оно и было задумано. А потом они вернулись в ее квартиру, оформленную на манер слитскановской «Клетки», только «в роск. перепл. с цв. литографиями». Здесь тоже результаты оказались сильно ниже среднего, и Лэйни порой подозревал, что это удвоило ее злость потом, когда он переметнулся к «Бестормозным».

— Лэйни?

— Прости, пожалуйста… А это заведение — Резу оно нравится?

Мимо непролазного леса черных зонтиков, ждущих на перекрестке зеленого света.

— Я бы сказала, что он любит предаваться там скорбным раздумьям.

«Западный мир» занимал два верхних этажа административного корпуса, который устоял при землетрясении, но не то чтобы совсем. Ямадзаки мог бы сказать (а возможно, и сказал), что он символизирует собой ответ на травму позднейшей реконструкции. В первые же дни (кое-кто говорит — часы) после обрушившегося на Токио бедствия в помещениях таймшерной фирмы, промышлявшей долями членства в гольф-клубах, самозародился импровизированный диско-бар. Спасатели признали здание аварийным и за-

колотили все его двери, однако окна первого этажа и рухнувшие кое-где перекрытия оставляли достаточное количество лазеек. Смело преодолев одиннадцать пролетов умеренно растресканной бетонной лестницы, вы получали возможность воочию узреть «Западный мир», крайне необычную (и, по мнению некоторых, не только неизбежную, но и неким таинственным образом жизненно важную) реакцию на, не убоимся двусмысленности, потрясения, только что (по тому времени) унесшее жизни восьмидесяти шести тысяч обитателей мегаполиса (но пощадившего остальные тридцать шесть с хвостиком миллионов, что давало некоторые основания для оптимизма). Бельгийский журналист, тщившийся описать эту неописуемую сцену, уподобил ее чему-то среднему между затянувшимися поминками, нескончаемым разгульным торжеством в честь явления на свет дюжины юных, неслыханных до катастрофы субкультур, спекулянтскими кафе в оккупированном Париже и танцевальной вечеринкой, преломленной через сознание Гойи (с дополнительным непреложным требованием, чтобы тот Гойя был японцем и без продыху смолил метамфетамин, каковой, наряду с нескончаемыми потоками алкоголя, являлся основной

специализацией раннего «Западного мира»).

Немногие уцелевшие окна были наглухо закрашены черной битумной краской, чтобы не лезли в глаза окружающие развалины; все было, так говорит бельгиец, словно сам город породил в муках и судорогах этот крошечный мирок, где можно было забыть обо всех ужасах мира большого. К тому времени как реконструкция набрала полные обороты, «Западный мир» успел уже стать важной вехой в духовной истории Токио, общеизвестным секретом, местной легендой.

Но теперь, как объяснила Арли на середине первого из вышеупоминавшихся одиннадцати пролетов, все это стало чистой коммерцией; аварийное здание должны были уже десять раз снести, и если этого не происходит, то лишь благодаря дорогому нелицензированному клубу, который, если можно так выразиться, остался его единственным обитателем. Если он и на самом деле остается нелицензированным, в чем у Арли были большие сомнения.

— Здесь публика дотошная и аккуратная, — сказала она, аккуратно переступая со ступеньки на ступеньку, — а в таких делах и подавно. То, что в этом здании функционирует «Западный мир», известно всем и каждому. Скорее всего, где-то там

на каком-то там уровне было достигнуто тайное соглашение, чтобы этот клуб был вроде как бы нелицензированным. Потому что это нравится клиентам и они за это платят.

— А кому принадлежит само здание? — спросил Лэйни, глядя на всплывавшего впереди Блэкуэлла, на его руки в черных широких рукавах плаща, похожие на одевшие траур окорока.

— Если верить слухам, то одной из двух команд, которые все никак не поделят нашу гостиницу.

— Мафия?

— Местный аналог, но аналог весьма приблизительный. Если прежде, до толчка, структура прав на местную недвижимость была всего лишь предельно запутанной, то теперь она перешла в категорию чистой мистики.

Единственным освещением лестницы были развешенные кое-где петли тусклого биолюминесцентного провода. Проходя под одной из них, Лэйни заметил под ногами окаменевшие потеки чего-то зеленовато-желтого.

— А что это на ступеньках? — спросил он.

— Моча.

— Моча?

— Связанная, отвердевшая, биологически нейтральная моча.

Лэйни растерянно смолк. Моча? До верха было далеко, а его ноги начинали уже побаливать.

— Землетрясение, — сказала Арли. — Канализация вышла из строя. Люди стали мочиться прямо на лестнице. Послушать очевидцев, так это был полный кошмар. Впрочем, теперь кое-кто из них чуть ли не тоскует по тем временам.

— А почему она затвердела?

— У них тут есть такой хитрый продукт, порошок. Похожий с виду на стиральный. Какие-то там ферменты. Очень удобно для мамаш с малолетними детьми. Ребенок захотел пи-пи, а туалет далеко, он делает свое пи-пи в бумажную чашку или там пакет из-под сока, ты высыпаешь туда содержимое маленького изящного пакетика, секунда — и все затвердело. В твоей бумажной чашке образовался кусок чего-то вроде чуть зеленоватого янтаря. Биологически нейтральный. Абсолютно гигиеничный, без всякого запаха и — надо думать — вкуса. Закинь его в урну и прогуливай дитятко дальше.

Проходя под очередной петлей, Лэйни заметил миниатюрные сталактиты, свисавшие с краев ступеньки.

— Так они, значит, применяли эту штуку…

— Все время. Широчайшим образом. В какой-то

момент им пришлось срубать наслоения.

— И это что же, так и продолжается?

— Конечно, нет. Но «Грот», эта вот лестница, сохранен в первозданном виде.

Еще один пролет. Еще одна петля призрачного подводного света.

— А что они делали с… твердыми? — спросил Лэйни.

— Не знаю. Да и не очень хочу узнать.

Тяжело дыша, с гудящими от усталости ногами, Лэйни вошел в голубой свет, бессильно увязавший в непроглядной черноте стен, в смутное пространство, лишь слегка организованное позолоченными стояками несущих конструкций здания. После химией остановленных мочепадов «Грота» «Западный мир» выглядел тускло и убого. Заурядная контора, выпотрошенная, а затем кое-как обставленная невзрачной разнокалиберной мебелью. В глубине помещения, прямо напротив входа темнеет что-то громоздкое, неуклюжее. Танк? Лэйни недоуменно сморгнул. Ну да, танк. Американский и жуть какой старый.

— Как они его сюда затащили? — спросил он у Арли, отдавшей кому-то свой плащ. — И почему пол не проваливается?

— Это эпоксидка, — улыбнулась Арли. — Мем-

бранная скульптура. Игрушка для отаку, они клеят такие модели из набора деталей.

Блэкуэлл тоже расстался со своим плащом, явив миру одеяние, напоминавшее пиджак, но пиджак не совсем обычный, сотканный из чуть потускневшей алюминиевой нити. Он прокладывал путь сквозь лабиринт низких столиков и диванчиков со все той же целеустремленностью и изумительной легкостью, почти физически увлекая за собой Лэйни и Арли.

— Да это же «Шерман», — радостно вспомнил Лэйни, бравший когда-то в гейнсвиллской библиотеке си-ди-ром по истории бронетанковой техники.

Арли молчала, название знаменитого танка было для нее пустым звуком. Ну так она же, небось, в жизни не пользовалась си-ди-ромом, а в приюте, там поневоле знакомишься с безнадежно устаревшими носителями.

Глядя по сторонам и вспоминая слова Арли, что теперь «Западный мир» совсем не тот, что прежде, Лэйни поражался, какая ж тогда публика собиралась здесь вначале, когда улица внизу была погребена под шестифутовым слоем битого стекла.

В людях, которые сидели здесь сейчас, хмуро

сутулились над своими стаканами, резко ощущалась необычная, не похожая ни на что виденное Лэйни в Токио отдельность, неслиянность с окружающим, как у капелек масла на поверхности воды. Долгий зрительный контакт с кем-либо из них мог привести к очень интересным, а может — и очень опасным последствиям. Если проанализировать совокупную нервную ткань, содержащуюся в этом зале, в ней непременно обнаружатся крайне необычные примеси. А может, здешняя клиентура проходит предварительный отбор по некоему сочетанию пристальности взгляда и низкой подвижности лицевых мышц?

— Лэйни, — сказал Блэкуэлл, роняя на плечо Лэйни ладонь и разворачивая его под взгляд двух зеленых миндалевидных глаз, — это Рез. Рез, Колин Лэйни. Он работает вместе с Арли.

— Добро пожаловать в «Западный мир», — улыбнулся Рез. — Добрый вечер, мисс Маккрей.

Лэйни снова заметил явление, знакомое ему по встречам со знаменитостями в «Слитскане», — зыбкое мерцание образа между опосредованным, предзаданным представлением и воспринимаемой реальностью. И каждый раз это мерцание, перемежение образов становилось с секунды на секунду все быстрее и быстрее, пока они не сли-

вались в некое целое, твое новое представление об этом человеке. (Там, в «Слитскане», кто-то говорил ему, что научно доказано существование в мозгу некоей области, специально ответственной за узнавание знаменитостей. Треп? Может, треп, а может, и правда.)

Но это все были ручные знаменитости, те, которых Кэти уже выдрессировала. Договорилась (в обычном кабинете, ни в коем случае не в «Клетке») о режиссировании различных граней их многогранной общественной жизни, на тех или иных условиях. А этот парень не был ручным, он был слишком крупен и своеобразен для подобных игр, чем и заслужил яростную ненависть Кэти.

Рез приобнял Арли за плечи и повел ее в чуть затененный конец зала, за пустотелую тушу «Шермана», что-то говоря на ходу.

— Добрый вечер, мистер Лэйни, — сказал Ямадзаки и несколько раз сморгнул; зеленая в клеточку спортивная куртка болталась на его узких плечах, как на вешалке.

— Ямадзаки.

— Вы уже познакомились с Резом? Хорошо, очень хорошо. Столик приготовлен, чтобы поужинать. — Словно спасаясь от удушья, Ямадзаки растянул указательными пальцами широкий,

свободно болтавшийся на его шее воротник дешевой бежевой рубашки. — Насколько я понимаю, первая попытка идентифицировать узловые точки не увенчалась успехом.

Он вежливо сглотнул.

— Я не могу понять человека по материалам, структурированным, как бухгалтерский отчет. Его там попросту нет.

Рез и Арли уже исчезли за танком.

— Идемте и мы, — сказал Ямадзаки и добавил, понизив голос почти до шепота: — Нечто экстраординарное. Она здесь. Она ужинает с Резом. Рэи Тоэи.

Идору.

Глава 24

Отель «Дай»[187]

В крошечном такси вместе с Масахико и Гоми-боем, Масахико спереди, на водительском, если по-нормальному, месте, Гоми-бой сзади, рядом с ней. У Гоми-боя было так много карманов и так

---

[187] Примечания: 187

По фамильярному прозвищу принцессы Дианы «Леди Дай» (английское произношение ее имени — Дайана).

много вещей в каждом кармане, что ему стоило большого труда устроиться более-менее удобно. Кья в жизни не видела такой маленькой машины, а уж такси — так и подавно. Колени Масахико почти упирались в подбородок. На шофере были белые перчатки и шапка с козырьком, вроде тех, какие носят шоферы такси в фильмах сороковых годов. На всех подголовниках были белоснежные, накрахмаленные кружевные салфетки, прищепленные специальными прищепками.

Кья рассудила, что машина такая маленькая потому, что платить будет Гоми-бой, наличными, у него их не густо, сам говорил.

После недолгого подъема они вывернули из дождя на этот старомодный, но все равно дико красивый многоуровневый экспресс-вей, и мимо понеслись средние этажи застроенного высотками района, может, даже того же Синдзюку, потому что вдали на мгновение показалось здание-робот, под другим углом, но все равно узнаваемое, а затем — она так никогда и не поняла, было это в действительности или только показалось, — мелькнуло окно, точно такое же, как и все остальные, а за ним голый человек, сидящий со скрещенными ногами на конторском столе, и рот его был раскрыт до предела, словно в

беззвучном крике.

Время от времени в общей массе темных, едва различимых за пеленой дождя зданий попадались другие, необычные, залитые светом, как аттракционы тематического парка «Ниссан Каунти» в телевизионной рекламе, на каждом из них сверкала огромная вывеска: ОТЕЛЬ «ЦАРЬ МИДАС» с многоцветно мерцающей короной и скипетром, ВОДОПАД СВОБОДЫ БАНФ[188] с голубыми горами и золотым водопадом. Еще штук шесть таких, в быстрой последовательности, а затем Гоми-бой сказал несколько слов по-японски. Черный легковой козырек водителя согласно кивнул.

Крошечная машинка свернула направо и покатилась, притормаживая, вниз, по плавному изгибу эстакады. В бездушном, бессмысленно ярком свете натриевых прожекторов Кья увидела пустой перекресток, заросли бледной, буйно взлохмаченной травы на узких крутых обочинах. Ни одной машины, словно они здесь и вообще никогда не ездят. Это безликое, никакое место могло бы находиться на окраинах Сиэтла, на окраинах чего угодно, и она на мгновение задохнулась от

---

[188] Примечания: 188

Банф — национальный парк (и город) на юго-западе Канады.

острого желания вернуться домой, быть дома.

Искоса взглянув на соседку, Гоми-бой занялся раскопками в некоем, очень внутреннем кармане. Расстегнув подтяжки, он запустил руку в штаны чуть не по плечо и извлек солидную пачку денег, перетянутую широкой, черной резинкой. Кья с интересом наблюдала, как пальцы Гоми-боя оттянули резинку и отделили три купюры. Побольше размером, чем американские, а на той, что сверху, изображен логотип компании, название которой она узнала чуть ли не в грудном возрасте. Гоми-бой сунул три купюры в рукав фуфайки и начал пристраивать пачку на прежнее место.

— Скоро и там, — сказал он, застегивая подтяжки.

— Скоро и где?

Крутой поворот направо, остановка. Приехали. Откуда-то сверху сочится бледный дрожащий свет, на черном, с масляными пятнами бетоне нарисованы две параллельные белые стрелки, вперед и назад. Та, что вперед, указывает прямо на квадратный проем в гладкой белой стене. В проеме сплошная, до самого низа, завеса из полосок блестящего нежно-розового пластика; глядя на них, Кья вспомнила ленточки серпантина на

школьных танцульках, хотя те, конечно же, были узенькие, а эти — чуть не в две ладони шириной. Гоми-бой отдал три купюры шоферу и теперь ждал сдачу.

В нетерпении размять затекшие ноги Кья потянулась к углубленной в дверцу ручке — и была, как тут же выяснилось, сильно неправа.

— Не трогай, — сказал Масахико, торопливо хватая ее за руку. — Замком управляет водитель. Если ты откроешь сама, механизм сломается. Очень дорогой механизм.

Шофер отсчитал наконец сдачу. Кья думала, что теперь Гоми-бой даст ему на чай, но фига с два. Шофер потянулся рукой куда-то вниз, сделал там что-то, и дверца, которую пыталась открыть Кья, открылась сама собой.

Кья вышла под дождь, волоча за собой сумку, взглянула вверх, на источник странного света. Вывеска, а на ней здание, похожее на свадебный торт, и надпись: ОТЕЛЬ «ДАЙ», каждая из белых газосветных букв обведена цепочкой крошечных, шустро подмигивающих лампочек. Масахико уже стоял рядом и нетерпеливо подталкивал ее к проему в белой стене. Сзади донесся звук отъезжающей машины.

— Пошли.

Чуть пригнувшись, Гоми-бой нырнул сквозь розовую завесу.

В полумрак почти пустой парковочной площадки, где сиротливо жались две маленькие машины, серая и темно-зеленая, с номерами, прикрытыми черным матовым пластиком. И стеклянная двустворчатая дверь, бесшумно разъехавшаяся перед Гоми-боем.

Короткая японская фраза, сказанная бесплотным, ниоткуда идущим голосом. Ответ Гоми-боя.

— Дай ему свою карточку, — сказал Масахико.

Кья достала из кармана парки карточку и протянула ее Гоми-бою, который, судя по интонациям, задавал голосу вопрос за вопросом. Кья огляделась по сторонам. Бледно-голубое, розовое, светло-серое. Тесное помещение, оформленное под вестибюль гостиницы, но только под, присесть даже негде. На стенных экранах часто сменяющиеся кадры — интерьеры каких-то странноватых комнат. Голос, раз за разом отвечающий на вопросы Гоми-боя.

— Он просит комнату с наилучшими возможностями выхода в сеть, — негромко объяснил Масахико.

В конце концов переговоры завершились каким-то соглашением. Гоми-бой вложил карточку

в щель, расположенную над небольшой розовой чашей, типа фонтанчика для питья. Голос снова что-то сказал — похоже, поблагодарил. Открылся узенький лючок, в розовую чашу мягко скользнул ключ. Гоми-бой взял его и передал Масахико. Из щели высунулась карточка. Гоми-бой вытащил ее совсем и передал Кья. Затем он отдал Масахико клетчатую сумку с компьютером, повернулся и вышел через ту же, послушно распахнувшуюся дверь.

— А он что, не с нами?

— В номер пускают только двоих. А у него есть дела в другом месте. Нам сюда.

— А что это за такой отель? — поинтересовалась Кья, входя в автоматически распахнувшиеся двери лифта.

— Отель? — Масахико неловко откашлялся. — Это отель любви.

— Какой еще любви? — Лифт плавно пошел вверх.

— Ну, комнаты такие. Для секса. С поминутной тарификацией.

— А-а, — кивнула Кья, словно теперь ей все стало ясно.

Лифт выпустил их в узкий коридор со множеством дверей и тусклыми светополосами,

вделанными в стены на высоте щиколотки. Масахико уверенно двинулся налево. Подошел к одной из дверей и открыл ее ключом из розовой чашки. Как только он переступил порог, в комнате вспыхнул свет.

— А ты уже бывал в таких местах? — Кья почувствовала, что краснеет, и смутилась из-за этого еще больше.

— Нет. — Масахико закрыл дверь, секунду поизучал замок и нажал две кнопки. — Но здешним клиентам иногда требуется выйти в сеть. У отеля хорошая система переадресовки, проследить, что ты работал именно отсюда, почти невозможно. Ну и телефон, тоже очень надежная защита.

Кья огляделась по сторонам. Главное место в комнате занимала круглая кровать, обитая розовой пушистой материей, на манер той, из которой делают игрушечных зверей. Ковер на полу был белый как снег и лохматый — сочетание, живо напомнившее ей мерзейший сахарный батончик «Ринг-динг».

Треск расстегиваемой «липучки»; Кья обернулась и увидела, что Масахико снимает черные подтяжки. Затем он разулся (один из серых нитяных носков продран на большом пальце) и сунул ноги в белые бумажные сандалии. Кья взглянула

на свои мокрые ботинки, не слишком уместные на пушистой белизне ковра, и решила сделать то же самое.

— А почему тут все так странно выглядит? — спросила она, наклоняясь, чтобы развязать шнурки.

Масахико безразлично пожал плечами, Кья заметила, что значок биологической опасности на клетчатой сумке был почти того же цвета, что искусственный мех кровати.

Заметив в углу открытую дверь, за которой угадывалась ванная, она прошла туда и закрылась на задвижку. В ту же самую секунду вспыхнул неяркий свет и зазвучало птичье пение. Ванная была немногим меньше спальни, с черными, блестящими стенами и кафельным полом в черно-белую шашечку. Кроме черной ванны (такой большой, что ее можно было считать миниатюрным плавательным бассейном), здесь имелось некое устройство, в котором смутно угадывался унитаз. Навороченный почище того, у Эдди в конторе. Оставив сумку с «Сэндбендерсом» у двери, Кья осторожно подошла к опасному устройству и начала его изучать. Черный пластик, черный фаянс и хромированный металл. Спинка и подлокотники, вроде как у парикмахерского

кресла. На установленном рядом дисплее непрерывно, по циклу, меняются японские надписи с небольшими английскими включениями… (A) Удовольствие… (B) Суперудовольствие…

— Ага, — кивнула Кья.

Внимательнейшим образом осмотрев черное сиденье, она спустила трусы, присела, упираясь руками в колени, и помочилась, так и не войдя в соприкосновение со зловещей посудиной.

Ну а спускать, это мы оставим кому-нибудь другому, решила Кья, ополаскивая руки над раковиной, но в тот же момент от унитаза донесся шум бурно льющейся воды.

Рядом с раковиной лежал пакет из глянцевой розовой бумаги с надписью белыми загогулистыми буквами: «Туалетный наборчик для юных». Кья открыла пакет, для чего ей потребовалось отлепить бантик из серебристой пластиковой ленточки, и заглянула внутрь. Уйма мелко расфасованной косметики, а еще презервативы, самые разные, штук десять — пятнадцать, и все упакованы на манер конфеток.

Чуть левее зеркала над раковиной висел черный лакированный шкафчик, единственный предмет в ванной, выглядевший по-японски, в смысле по-старо-японски. Кья открыла дверцу,

вспыхнувшая внутри лампочка осветила три стеклянные полочки, на которых выстроились по росту пластиковые модели мужиковых членов, от самых больших до совсем маленьких, самых разных, порою диких расцветок, и все аккуратно завернуты в целлофан. Были там и другие, непонятные штуки: пупырчатые шарики, нечто вроде большой соски-пустышки, резиновые, надутые воздухом колечки с длинными упругими усиками. А посреди всего этого хозяйства стояла кукла с черными волосами, одетая в красивое кимоно из золотистой ткани и цветной бумаги. Кья хотела взять куклу, чтобы рассмотреть поближе, но кимоно и парик снялись с нее, как чехольчик, а на полке осталась еще одна пластиковая модель, только у этой были нарисованы глаза и губы. При попытке вернуть кимоно с париком на место все на полке попадало, и тогда она просто закрыла шкафчик. И еще раз вымыла руки.

А в спальне Масахико занимался делом, подключая извлеченный из клетчатой сумки компьютер к черной консоли, стоявшей на полке вместе с какими-то еще штуками. Кья поставила свою сумку на кровать. Раздался негромкий мелодичный звон, а затем меховая поверхность ожила, по ней покатились медленные концентри-

ческие волны, сходящиеся к сумке, приподнимая ее и опуская, поднимая и опуская…

— Ик, — сказала Кья и сдернула сумку на пол; кровать снова звякнула и начала успокаиваться.

Масахико мельком оглянулся и продолжил свое занятие.

Вопреки первому впечатлению в комнате все-таки было окно, прикрытое чем-то вроде раздвижной ширмы. Кья подергала защелки, державшие ширму на месте и в конце концов сдвинула ее в сторону. Окно выходило на парковочную площадку, обнесенную металлической сеткой, и низкое коричневатое строение со стенами из гофрированного пластика. На площадке стояли три грузовика, не слишком новые и даже не слишком чистые, в отличие от всех машин, которые она видела в Японии до этого. Серая (вроде бы) мокрая (уж это точно) кошка вылезла из-под одного грузовика и в два прыжка переместилась под другой. Дождь как шел, так и шел.

— Порядок, — сказал Масахико. — Теперь можно и в Крепость.

Глава 25

Идору

— Она здесь? Это в каком смысле? — спросил Лэйни, огибая корму «Шермана». На массивных стальных траках висели шматки закаменевшей грязи.

— Здесь мистер Куваяма, — прошептал Ямадзаки. — Ее доверенное лицо…

Группа людей за столиком. Двое мужчин и женщина. Идору.

Попробуй Лэйни заранее представить себе ее внешность, получилось бы нечто вроде профессионально выполненного микса из главной обоймы звезд современного японского телеэкрана. Обычная голливудская практика, приобретавшая при создании виртуальных персонажей силу непреложного закона: все их черты алгоритмически выводились из некоего человеческого среднего, надежно доказавшего свою популярность.

К Рэи Тоэи все это не относилось.

Ее длинные черные волосы свободно спадали по бледным обнаженным плечам. Бровей у нее не было, а белые, словно чем-то припудренные веки

и ресницы резко контрастировали с огромными черными зрачками.

Их глаза встретились.

Весь мир куда-то поплыл. В самой структуре ее лица, в очертаниях подлежащих костей читались древние истории династической борьбы, бедствий и лишений, побегов от кошмара в кошмарную неизвестность и долгих бесприютных странствий. Он видел могильные камни на крутых склонах альпийских лугов, снег, заметающий наспех высеченные буквы. Белый пар из ноздрей низкорослых вьючных лошадок, бредущих след в след по неверному краю обрыва, видел тусклое серебро вьющейся внизу реки, слышал, как звенят в голубых, быстро сгущающихся сумерках привязанные к сбруе колокольчики.

Лэйни с трудом сдерживал дрожь, его рот наполнился едкой металлической горечью.

— Сядем сюда.

Арли. Держит его за локоть. Другой рукой указывает на два места за низеньким столиком.

— Что с тобой? — еле слышно спросила Арли. — Сними ботинки.

Блэкуэлл смотрит на идору, смотрит страдальчески, но затем это выражение исчезает, впитывается в густую сеть его шрамов.

Лэйни встает на колени, чтобы разуться, движения его неуверенные, как у пьяного или не совсем проснувшегося, он это чувствует, но не может ничего с этим поделать. На лице идору вспыхивает улыбка.

— Лэйни?

Стол расположен над плоским, как большое корыто, углублением в полу. Лэйни садится на подушку, пристраивает ноги под столом, вцепляется в подушку руками.

— Что?

— Ну как ты там? О'кей?

— О'кей?

— Ты сейчас выглядел… ну… словно вдруг ослеп.

Тем временем Рез занимал свое место во главе стола; справа от него сидела идору, слева — Ло, гитарист, Лэйни сразу его узнал. С другой стороны от идору сидел импозантный пожилой господин в очках без оправы, с благородной сединой в зачесанных назад волосах. На нем был очень простой по покрою — и очень, очень дорогой — костюм из какой-то черной, чуть ворсистой материи и белая рубашка со стоячим воротничком. Когда этот господин повернулся к Рэи Тоэи, исходивший от ее лица свет — свет, Лэйни видел это совершенно

ясно — блеснул на мгновение в больших, почти круглых стеклах его очков.

Шумный короткий вдох сидящей рядом Арли. Она тоже заметила.

Самая заурядная голограмма. Бесплотная тень, кем-то там созданная и анимированная. Пальцы Лэйни, намертво сжимавшие края подушки, облегченно расслабились.

Но затем он вспомнил припорошенные снегом надгробья, далекую реку, лохматых лошадок с колокольцами в сбруе.

Узловая точка.

Лэйни как-то спросил Жерара Делуврие, самого спокойного и покладистого из французов, работавших в свободное от тенниса время над проектом TIDAL, как это вышло, что именно его, Лэйни, избрали первым (и, как оказалось потом, единственным) получателем этой необычной способности? Подавая заявление о приеме на работу, он и в мыслях не имел никаких узловых точек, да и каким бы образом, если про них никогда ничего не писали. Он просто хотел получить место стажера в отделе ремонта и обслуживания оборудования.

Крепкий, с ровным, полученным в солярии загаром и ранней сединой в стриженных ежиком

волосах, Делуврие откинулся в кресле рабочей станции и на минуту предался изучению своих профессиональных, на натуральном каучуке, теннисных туфель. Затем он взглянул в окно на тускло-рыжие прямоугольники зданий, безликий пейзаж, февральский снег.

— Неужели вы еще не заметили, что мы вас ничему не учим? Мы наблюдаем. Это мы хотим у вас научиться.

Айова, исследовательский центр «Дейтамерики». Там был даже крытый корт с плохим, как утверждал Делуврие со товарищи, покрытием.

— Но почему именно я?

— Думаете, это благотворительность, забота о сиротах? — устало вздохнул Делуврие. — Островок тепла и сочувствия в кремниевых джунглях «Дейтамерики»? Нет, Лэйни. С вами что-то сделали. Я не исключаю, что нами до некоторой степени движет желание возместить это «что-то». Здесь подходит слово «возместить»?

— Нет.

— Будем считать, что вам повезло. Вы в нашей группе, вы занимаетесь важной работой. Зима не зима, а работа кипит. — Теперь он смотрел прямо на Лэйни. — Вы — наше единственное доказательство.

— Доказательство? Чего?

— Был один человек, слепой, который овладел искусством эхолокации. Прищелкивал языком, понимаете? — Делуврие закрыл глаза и пощелкал языком. — Как летучая мышь. Чистая фантастика. — Он снова открыл глаза. — Этот человек получал весьма подробную картину окружающей обстановки. Ездил на велосипеде по оживленным улицам и все время щелкал. Реальная, легко проверяемая способность. Но он не мог объяснить, как это делается, не мог передать свое умение другим… — Делуврие сцепил длинные загорелые пальцы и пощелкал суставами. — Будем надеяться, что с вами все будет иначе.

Не думай о красной корове. Красной? Или бурой? Лэйни не помнил. Не смотри на лицо идору. Она не человек, а бесплотная информация. Видимая верхушка айсберга, нет, антарктического ледника информации. Только взгляни на ее лицо, и опять все это начнется. В ней сосредоточен немыслимо огромный объем информации. Она воздействует на узловое зрение неким новым, беспрецедентным образом: индуцирует связное сюжетное повествование.

Можно смотреть на ее руки. Смотреть, как она ест.

Ужин был сложный, множество мелких блюд, подаваемых на отдельных прямоугольных тарелках. Каждый раз, когда официант подавал Рэи Тоэи новое блюдо (непременно в поле действия какой-то там штуки, которая проецировала ее образ), вокруг него мгновенно возникала безупречная голографическая копия, призрачная еда на призрачной тарелке.

И даже движение палочек в ее пальцах пробуждало периферийные проблески узлового зрения. Потому что палочки эти тоже были информацией, хотя и гораздо менее концентрированной, чем черты ее лица, ее взгляд. И каждый раз, когда убиралась пустая тарелка, на ней мгновенно возникала нетронутая еда.

Когда появлялись эти проблески, Лэйни переключал все свое внимание на свою собственную тарелку, на свое неумелое обращение с палочками, на разговоры других участников застолья. Куваяма, тот господин в очках без оправы, отвечал Резу на какой-то его, Реза, вопрос.

— …построение организованной совокупности сложных конструктов. Так называемых «желающих машин». — (Зеленые глаза Реза горят напряженным вниманием.) — Не стоит понимать этот жаргонный термин сколько-нибудь

буквально, — продолжал Куваяма, — и все же попробуйте заглянуть в недалекое будущее, где возникнут комплексы субъективных желаний. Исследования показали, что для описания сложного, ясно оформленного устремления лучше всего подходит модульная конструкция…

В его красивом, отлично поставленном голосе проскальзывали еле заметные следы акцента. Какого?

Рез улыбнулся и взглянул на идору. Лэйни — совершенно машинально — сделал то же самое.

И провалился в ее глаза. Он глядел на отвесный обрыв, сплошь состоящий из маленьких прямоугольных балконов, и все они — на разной высоте и глубине. Жар оранжевого заката, отраженный косым, со стальною рамой окном. Небо, расцвеченное, как бензиновое пятно в придорожной луже.

Он закрыл глаза, взглянул вниз, открыл их снова. Новая нетронутая тарелка.

— Вдумчиво ты ешь, — заметила Арли. — Нравится? Предельно сосредоточенный на работе палочками, он сумел поймать и донести до рта дюймовый кубик некоей субстанции, отдаленно напоминавшей омлет с кислой фруктовой приправой.

— Восхитительно. Только без фугу я как-нибудь уж лучше обойдусь. Рыба-собака с какими-то там жуткими нейротоксинами, слышала о таком лакомстве?

— Так ты уже ел фугу, — улыбнулась Арли. — С добавкой. Помнишь большую тарелку с сырой рыбой, уложенной, как лепестки хризантемы?

— Ты шутишь.

— Губы и язык слегка онемели? Вот оно и есть.

Лэйни пробежал кончиком языка по губам. Дразнится или правда? Сидевший слева Ямадзаки наклонился к его уху:

— К вашей проблеме с информацией по Резу можно подойти с несколько неожиданной стороны. Вы слышали о глобальной активности фэнов «Ло/Рез»?

— О чем?

— Очень много поклонников, вернее — поклонниц. Они составляют подробные отчеты о каждом замеченном появлении на люди Реза, Ло и работающих с ними музыкантов, с массой подробностей, вплоть до наимельчайших.

Из сегодняшних видеофильмов Лэйни узнал, что «Ло/Рез» теоретически считались дуэтом, но реально группа включала по меньшей мере двоих «дополнительных участников», а как пра-

вило, и больше. И что Рез питал и питает стойкое отвращение к драм-машинам; Вилли («Слепой») Джуд, их теперешний барабанщик, работал с группой уже много лет. Весь вечер он то и дело поворачивал огромные черные очки в сторону идору, а теперь, похоже, почувствовал на себе взгляд Лэйни. Очки — видеокамеры, подключенные к нервам, — резко развернулись.

— Ну, вообще, — сказал Джуд, — это ж сдохнешь и не встанешь, как наш Роззер всю дорогу строит глазки здоровенной алюминиевой фляге.

— А ты ее не видишь?

— С этими голами, кореш, у меня, — он тронул пальцами очки, — чистый облом. Когда я думаю прогулять детишек в «Ниссан Каунти», сперва звоню им, чтобы поднастроили под мои гляделки. Потом я там все вижу. А с этой леди никак, то ли она на частоте какой-то дикой, то ли еще что. Мне только и видно, что проектор и эта вроде как, ну, аура называется, да? Вроде как, в смысле, сияние.

Японец, сидевший между Джудом и Куваямой (мистер Одзаки, вспомнил Лэйни), повернулся к барабанщику и сконфуженно забормотал, кланяясь на каждой фразе:

— Мы очень сожалеем. Мы глубочайше сожа-

леем. Требуется совсем небольшая поднастройка, но ее невозможно осуществить на ходу.

— Да чего там, — великодушно отмахнулся Джуд. — Тоже мне проблема. Я ж ее уже видел. Эти мои штуки, они принимают все музыкальные каналы. И этот клип, где она, считается, монгольская принцесса или что-то там вроде в горах…

Лэйни уронил одну из палочек.

— Самый свежий сингл, — сказал Одзаки.

— Во-во, — кивнул Джуд. — Классно сделано. Она там еще в золотой маске. Улетная хрень.

Он закинул себе в рот кусочек маки[189] и начал жевать.

Глава 26

Хак-Нам

Кья и Масахико сидели на белом ковре лицом к лицу, в комнате был всего один стул, да и тот какой-то хлипкий, с ножками из крученой проволоки и розовым, с блестками, пластиковым сиденьем в форме сердечка. Кья пристроила

---

[189] Примечания: 189

Маки (яп.) — рулетик. Может быть мясным или одна из разновидностей суси.

«Сэндбендерса» себе на колени и теперь вдевала пальцы в наперстки. Масахико поставил свой компьютер на пол, вернул на место его дисплей, а затем достал из выемки в задней стороне куба очень компактный комплект наперстков и пару черных овальных чашечек с тонкими оптическими выводами. Еще один оптический провод тянулся от его компьютера к разъему на задней стороне «Сэндбендерса».

— О'кей, — сказала Кья, надевая последний наперсток, — поехали. Мне тут надо связаться с одной…

— Ага. — Масахико взял черные чашечки и накрыл ими свои глаза. Чашечки так там и повисли, словно приклеенные, это выглядело даже как-то малость неприятно.

Кья последовала его примеру и натянула свои очки.

— А что мне теперь…

Что-то лежащее в центре мира рванулось сразу во всех взаимоисключающих направлениях. Ничего похожего на обычный выход в сеть. Несовместимость софта?

А затем возникло это. Здание — или биомасса — или обрыв, беспорядочно, без малейшего намека на регулярность, изрезанный бесчисленными

складками. Лоскутное одеяло маленьких, вкривь и вкось посаженных балконов, окна, окошки и оконца, дробящие свет на тысячи тысяч тусклых серебристых квадратиков. Влево и вправо, сколько хватает взгляда. А по верхнему неровному гребню чернеет густая поросль перекрученных проводов, а еще дальше, за бесчисленными этими каракулями, расцветает небо. Похожее на бензиновое пятно в придорожной луже.

— Хак-Нам, — сказал где-то рядом Масахико.

— А что это такое?

— «Город тьмы». Средостенье мира.

Кья вспомнила платок в его комнате, головоломную схему чего-то хаотичного и компактного, крошечные неровные лоскуты черного, красного и желтого. А они уже плыли вперед, к узкому проходу.

— Это мультиюзерный домен, верно?

Нечто вроде большой перманентной версии сайта, где имела место быть та идиотская встреча с токийским отделением, или тропического леса, нарисованного Соной и Келси. Но ведь MUD — это просто игрушка, место, где каждый может притворяться кем-то другим, разыгрывать придуманную для себя роль. Этим занимаются либо дети, либо очень одинокие люди.

— Нет, — сказал Масахико, — это не игрушка.

Они были уже внутри и неслись дальше, плавно ускоряясь в густой, барабанившей по оптическим нервам тесноте.

— Тайваньская улица.

Стены, сплошь покрытые бегущими надписями, призрачные двери, сменяющиеся, как карты тасуемой колоды.

А еще — фантомные фигуры, то и дело пролетающие мимо, и постоянное ощущение, что на тебя смотрят.

Фрактальная грязь, цифровая гниль, узкий проход, завешенный сверху дикими извивами каких-то чуть мерцающих линий.

— Приютский переулок.

Крутой поворот. Еще один, а затем они помчались все быстрее и быстрее вверх. Кья набрала в легкие побольше воздуха и крепко зажмурилась; под опущенными веками беззвучно вспыхивали радужные фейерверки, но невыносимое давление исчезло.

Когда вспышки потухли, она открыла глаза и увидела знакомую комнату Масахико. Только в куда более чистом варианте: без завалов грязной одежды, без пустых одноразовых плошек и прочего хлама. Она сидела на аккуратно застланной

кровати, Масахико сидел рядом и напряженно смотрел на экран своего компьютера. Здесь же, на девственно-чистой поверхности стола, стоял и «Сэндбендерс». Проработка текстуры более чем приблизительная, все предметы слишком уж гладкие и блестящие. А как он себя-то нарисовал? Да тоже, в общем, без особых хитростей. Элементарное сканирование годичной примерно давности — вон волосы совсем короткие. А одет в ту же самую черную куртку.

И платок тоже висит на том же месте, только анимированный, красные, черные и желтые пятнышки слегка пульсируют. Кроме того, появилась извилистая зеленая линия, ведущая от края платка к одному из квадратиков, желтому, и от этого квадратика волнами разбегаются зеленые кольца.

Кья еще раз взглянула на Масахико, но тот так и сидел, вперившись в свой экран.

Негромкий звон. Она оглянулась на дверь (ну до чего же все-таки убого сделана текстура дерева) и увидела, как внизу протискивается в щель маленький белый прямоугольник. Не останавливая движения, прямоугольник пополз по полу прямо в ее сторону и скрылся под кроватью. Кья посмотрела вниз, и вот он, пожалуйста, лезет

уже вверх, по матрасу, с той же самой скоростью. Забравшись на кровать, нахальный прямоугольник выбрал такое место, чтобы было удобнее читать, что на нем написано, и замер. Шрифт вроде того, что в «Виски Клоне», а может, и не вроде, а совсем тот же самый, а написано: «Ку-клукс-клан. Коллекционные курьезы» — и еще всякие буквы и цифры, адрес, наверное, только странный какой-то.

Снова звякнуло; на этот раз из-под двери вырвалось серое, бешено вращающееся пятно. Плоское и многолапое, как тень краба или паука, оно мгновенно взлетело на кровать, накрыло белый прямоугольник, поглотило его и с той же стремительностью бросилось к двери.

— Теперь я свободен от обязанностей перед Крепостью, — сказал Масахико, отворачиваясь от компьютера.

— А что это были за штуки? — спросила Кья.

— Какие штуки?

— Вроде визитной карточки. Вылезла из-под двери. А потом другая, вроде краба, вырезанного из серой бумаги, накинулась на нее и сожрала.

— Рекламное объявление, — улыбнулся Масахико. — И подпрограмма с критическими соображениями.

— Эта серая штука ничего не критиковала, она просто сожрала белую.

— Скорее всего, человек, написавший подпрограмму, не любит рекламы как таковой. Это не редкость. Или не любит данного конкретного рекламодателя. Причины могут быть политическими, эстетическими, личными, да какими угодно.

Кья окинула взглядом крошечную комнату.

— А почему ты не сделал себе что-нибудь попросторнее? — спросила она и тут же смутилась, что, может, это потому, что он японец и им, японцам, так привычнее. А иначе с чего бы? Самое, если подумать, тесное виртуальное пространство, какое она в жизни видела, а ведь сделать что-нибудь попросторнее было бы совсем не дороже, если, конечно, не размахиваться, как Сона, на целую виртуальную страну.

— Сама суть Крепости связана с масштабом. Очень важный момент. Ведь масштаб, он и есть место, понимаешь? Население оригинала составляло тридцать три тысячи. Два и семь десятых гектара. До четырнадцати этажей.

Все это было не слишком понятно.

— Я выйду в сеть, ладно?

— Конечно, — сказал Масахико, указывая на

«Сэндбендерса».

Она заранее приготовилась к этой фишке с двумя направлениями одновременно, но в этот раз как-то обошлось. В стеклянном кофейном столике ходили кругами грубо оцифрованные рыбки. Кья посмотрела в окно на бутафорские деревья и подумала о Мумфалумфагусе, что давно что-то его не видно. Большой розовый динозавр с длинными дурацкими ресницами, она и говорить-то еще толком не умела, когда отец сделал эту игрушку.

Как там на столе в смысле почты? Ничего нового.

Можно позвонить отсюда. Поговорить с мамой. Ну да, конечно.

«Привет, мамочка, а я в Токио. В «отеле любви». Тут за мной какие-то гоняются. Потому что одна тетка подложила мне в сумку одну штуку. Ну и, значит, что бы ты мне посоветовала?»

Тогда, может, Келси? В облицованной мрамором прихожей (ну вот зачем такое пижонство?) чей-то, не Келсин, голос сообщил, что в настоящий момент Келси ван Тройер нету дома. Кья удалилась, не оставив никаких сообщений. Потом она попробовала адрес Соны, но там у провайдера завис сервер. В Мексике такое сплошь и

рядом, а особенно в Мехико-сити, где живет Сона. Оставалось одно: попытать счастья в ее тайной стране, там сервер другой, аризонский, и никогда не падает. Правда, Сона сильно не любила, чтобы люди шастали туда без приглашения, и не по злобе какой, а просто из опасения, что фирма, создавшая когда-то этот сайт, вспомнит о нем и узнает, что Сона прибрала его к рукам и полностью перестроила.

Кья спросила у «Сэндбендерса», откуда она сейчас работает, и он ответил, что из Хельсинки, так что переадресовочная система отеля работает, хоть это слава богу.

Во владениях Соны были вечерние сумерки. Чуть-чуть после заката, как и всегда. Кья осмотрела дно пересохшего бассейна на предмет Сониных ящериц, но их чего-то не было. А ведь обычно сидят там, ждут. Странно.

— Сона?

Она взглянула вверх, надеясь увидеть этих жутковатых кондоров не кондоров, огромных птиц, которых держала у себя Сона. Небо — просто закачаешься, но совершенно пустое. Первоначально именно небо было самым важным элементом этого сайта, фирма на него не поскупилась. Серьезное небо: глубокое и чистое, фантастического

мексиканского цвета, вроде как бледная бирюза. Они приводили сюда клиентов, покупателей, демонстрировали им самолеты бизнес-класса, существовавшие еще только в чертежах. Здесь была тогда взлетно-посадочная полоса из белого бетона, но потом Сона сложила из нее каньон и разрисовала все по-своему. И весь этот местный колорит тоже был от Соны — прогоревшие костры, и сухие бассейны, и обвалившиеся стены. Она включила сюда пейзажные файлы, а может, даже кое-что из настоящих пейзажей, знакомых ей по какому-нибудь уголку Мексики.

— Сона?

На ближнем склоне что-то загремело, словно камешки по жести.

Ерунда. Ящерица, наверное. А Соны здесь нет.

Треск, как сухой сучок сломался. Ближе.

— Не выдрючивайся. Сона!

И все же ее выход из сайта был похож на поспешное бегство.

Рыбки. Как плавали, так и плавают.

Жуть какая-то в этой Сониной стране, прямо мурашки по коже. Никаких вроде бы оснований, а все равно жуть. И даже теперь все равно жутко. Кья взглянула на дверь своей спальни и вдруг задумалась — что там, за ней? Вот если войти, что

там будет? Кровать, постер «Ло Рез Скайлайн», виртуальный Ло, приветствующий ее в своей всегдашней беззаботной манере. А вдруг там что-нибудь другое? Затаилось и ждет. Вроде как там, когда со склона покатились камни. Или вот если взять и войти в еле намеченную дверь маминой спальни, что тогда? А вдруг там и вправду будет мамина спальня, только не мама будет в этой спальне, а что-то другое?

Ну да, конечно, серый волк в чепчике с оборочками. Чушь это все, и не надо нагонять на себя идиотские страхи. Кья взглянула на стопку альбомов «Ло/Рез», на литографированную жестяную коробку, на виртуальную Венецию. Пообщаться с Мьюзик-мастером? Какая ни на есть, а все же компания. Она открыла Венецию, пару секунд наблюдала, как разархивируется Пьяцца, как огромной, небывало сложной бумажной игрушкой разворачиваются и встают колонны и фасады, как повисает над ними предрассветное небо.

Отвернувшись от воды, где чернели гондолы, похожие на знаки древней, забытой и сгинувшей музыкальной нотации, Кья подняла палец и ринулась в каменный лабиринт; в голове ее крутилась неотвязная мысль, что вот же, когда-то

это место было таким же чужим и непонятным, как Крепость со всеми его окнами и закоулками, а где-то в глубине сознания другая мысль, тревожная: это что же такое происходит?

И только на третьем мосту она заметила, что его, Мьюзик-мастера, почему-то нет.

— Эй!

Кья остановилась. За витринным стеклом — карнавальные маски. Старинные, настоящие. Черная кожа, пенисовидные носы, пустые глазницы. Мутное зеркало, задрапированное вылинявшим крепом.

А может, сама же его и отключила? Проверила компьютер. Нет, не отключила.

Она закрыла глаза, досчитала до трех. Вспомнила отель «Дай», заставила себя ощутить ворсистую жесткость застланного ковром пола. Снова открыла глаза.

В конце узкой, мощенной булыжником улочки, там, где она выходила на крохотную, с фонтаном посередине площадь, маячила какая-то незнакомая фигура.

Кья сдернула очки, не позаботившись даже выключить Венецию.

Глаза Масахико прикрыты черными присосками, губы беззвучно шевелятся, пальцы в черных

наперстках выводят в воздухе мелкую кружевную вязь, а за его спиной…

На лохматой розовой кровати сидела Мэриэлис. С незажженной сигаретой в губах. В ее правой руке был маленький, странноватой формы пистолет. Кья машинально отметила, как контрастируют красные, свеженаманикюренные ногти с жемчужно-серым пластиком рукоятки.

— Ну вот опять, — сказала Мэриэлис, не выпуская сигарету изо рта, и нажала курок. Из дула пистолета метнулся узкий язычок золотистого пламени. Мэриэлис прикурила, выпустила облако дыма и вздохнула.

— Токио, он и есть Токио. Здесь всегда так.

Глава 27

Настоящая жизнь

В туалете, стоя у черного резинового писсуара, Лэйни краем глаза заметил русского, который причесывался перед зеркалом.

Во всяком случае, писсуар был похож на резиновый, с такими вроде как обвислыми краями. Интересно, а вот теперь, при работающей канализации, что бы они сказали человеку, пожелав-

шему внести свой скромный (скромный?) вклад в «Грот»? По пути сюда он обратил внимание на бар со стойкой из подсвеченной снизу плиты какого-то прозрачного мутно-зеленого камня; оставалось только надеяться, что плиту эту выпилили где-нибудь, ну, скажем, в горах, а не здесь же рядом, на лестнице.

Ужин уже закончился, и Лэйни чувствовал, что немного перебрал по части сакэ. Весь вечер они с Арли и Ямадзаки наблюдали за встречей Реза с этой новой, исправленной и улучшенной, версией идору — той, которая представлялась Вилли Джуду большой алюминиевой флягой. А Блэкуэллу приходилось понемногу осваиваться с ситуацией; судя по всему, он и в мыслях не имел ничего подобного, пока не услышал от Реза, что вот она, здесь.

Арли разговаривала в основном с Ло, в основном о недвижимости. О всяких его владениях по всему миру. Тем временем Лэйни слушал, как Ямадзаки развивает свою мысль насчет попытать счастья с этим малолетковым фэн-клубом; может статься, в этом и вправду что-то есть, но сразу вот так не скажешь, надо попробовать. Блэкуэлл и двух слов никому не сказал, он пил не сакэ, а лагер и ел с такой истовой старательностью,

словно хотел что-то такое закупорить, словно в системе охраны обнаружилась брешь, которую можно устранить, если набить в нее побольше сасими. Австралиец орудовал палочками с ловкостью циркового жонглера, он мог бы, пожалуй, засадить тебе такую палочку в глаз с расстояния в полсотни шагов. Но главным аттракционом этого цирка были Рез с идору и — в несколько меньшей степени — Куваяма, поддерживавший беседу с ними обоими. Другой японец, Одзаки, держался в стороне; надо думать, его пригласили просто на случай, если потребуется заменить в этой фляге батарейки. Вилли Джуд был весьма приветлив и общителен, только вот общался он преимущественно ни о чем.

Памятуя, что техники разносят сплетни, как мухи заразу, Лэйни пару раз попробовал закинуть удочку в этом направлении, однако поплавок даже не шелохнулся. Одзаки отвечал коротко и сугубо по существу. Поскольку Лэйни не мог смотреть на Рэи Тоэи, не срываясь в узловое восприятие, ему пришлось ограничить намеченное на этот вечер подглядывание прочими доступными объектами, самым привлекательным из которых представлялась Арли. В очертаниях ее подбородка было нечто такое…

Лэйни застегнулся и пошел мыть руки. Раковина здесь была из того же черного дряблого материала, что и писсуар. Русский все еще причесывался. Конечно же, на этом мужике не было прямо вот так написано, что он русский, но уж больно примечательная экипировка: черные спецназовские ботинки с белой прострочкой, штаны с черными шелковыми лампасами и белый кожаный смокинг. Пусть даже и не русский, но наверняка нечто связанное с Комбинатом, этой мутантной комми-мафиозной заразой.

Русский чесал свои кудри столь самозабвенно, что поневоле приходила на ум муха, охорашивающаяся передними лапками. Мужик он был длинный и крепкий, и голова у него тоже была длинная, хотя и узкая, похожая по форме на винтовочную пулю концом вверх. Усердие русского казалось несколько избыточным, потому что причесывать ему было в общем-то нечего, особенно на острой макушке. Чего только не бывает, вяло удивился Лэйни, слыхавший от кого-то, что вся эта публика — большие энтузиасты по части имплантирования волос. Если верить Райделлу, здесь, в Токио, этих комбинатских что собак нерезаных, он видел про них документальный фильм, про то, какие они жестокие и что из-за

этой их дикой, почти сюрреальной жестокости все остальные боятся с ними связываться. Потом Райделл начал рассказывать о двоих русских, сан-францисских вроде бы копах, с которыми он где-то там схлестнулся, но Лэйни нужно было на встречу с Райсом Дэниелзом и телевизионным гримером, и он так и не дослушал эту историю.

Лэйни оскалил зубы, проверяя, не застряла ли между ними какая-нибудь часть ужина.

Когда он выходил из туалета, русский все еще причесывался.

Ямадзаки стоял посреди зала, моргая и потерянно озираясь.

— Это здесь, рядом, — сказал Лэйни.

— Это?

— Сортир.

— Сортир?

— Туалет. Мужской.

— Но я ищу не туалет, а вас.

— Ну вот и нашли.

— Я обратил внимание, когда мы сидели за столом, что вы избегали смотреть на идору.

— Верно.

— Я рискнул предположить, что плотность потока информации была достаточна для перехода восприятия в узловую…

— Опять верно.

— Понятно, — кивнул Ямадзаки. — Однако с видеоклипами и даже с живым выступлением все будет иначе.

— С чего бы это? И вообще, чего нам здесь стоять? — Лэйни повернулся и пошел к столу.

— Частотная полоса. — Ямадзаки последовал за ним. — Сегодня нам продемонстрировали прототип широкополосной версии.

— А нам оплатят участие в бета-тестировании?

— Вы не могли бы, пожалуйста, описать в общих чертах свои узловые впечатления?

— Что-то вроде воспоминаний. Или отрывков из фильма. Но то, что сказал этот барабанщик, наводит на подозрение, что я попросту видел ее последний клип.

Сильный толчок в спину бросил Лэйни прямо на ближайший столик; он почувствовал, как вдребезги разлетелся под ним стакан, увидел на мгновение туго обтянутые серым колени какой-то женщины, услышал первые звуки ее нарастающего, как вой сирены, крика, а затем столик рухнул. Что-то — возможно, ее же нога — садануло его по голове.

Лэйни привстал на колени, держась за гудящую от боли голову, посмотрел по сторонам и живо

вспомнил физический опыт, который делали в Гейнсвилле на уроке. Поверхностное натяжение. Припороши воду в стакане мелко размолотым перцем. Поднеси к поверхности воды кончик иголки, и перчинки мгновенно разбегутся по сторонам, словно живые и до смерти перепуганные. То же самое происходило сейчас и здесь, только в роли перчинок выступали клиенты «Западного мира», а иголка была явно нацелена на Резов столик.

Фалды белого кожаного смокинга… Но тут сорванный с места танк завертелся и двинулся в его сторону, огромный и невесомый, на плечах брызнувших врассыпную людей, а еще через мгновение свет потух.

В темноте крик толпы взмыл до такого невыносимого визга, что Лэйни заткнул уши, вернее — попытался заткнуть, потому что кто-то о него тут же споткнулся, и он упал на спину, инстинктивно сжавшись в тугой комок и прикрывая руками затылок.

— Вставай, вставай, — сказал где-то рядом Вилли Джуд. — А то по тебе ходить будут. Я тут все вижу. — Невидимая в темноте рука взяла его за запястье. — В инфракрасном.

— А в чем дело? — Лэйни позволил поднять

себя на ноги. — Что тут происходит?

— Не имею ни малейшего, но надо делать ноги. Тут скоро такое начнется…

Словно в подтверждение его слов по ушам ударил чей-то дикий, болезненный вопль.

— Блэкуэлл. — Вилли схватил Лэйни за пряжку ремня и потащил за собой. — Один — ноль в его пользу.

Какое-то время Лэйни пытался ощупывать воздух, однако после того, как кто-то врезался в него, лоб в лоб, и что-то рявкнул по-японски, он прикрыл лицо согнутыми в локтях руками и покорно шел туда, куда тащил его барабанщик.

Еще несколько шагов, и крики переполошенных людей заметно стихли, стали звучать словно издалека.

— Где мы сейчас? — спросил Лэйни.

— Сюда…

Правая голень Лэйни болезненно ударилась о что-то твердое.

— Табуретка, — сказал Вилли. — Прости, пожалуйста.

Хруст стекла под ногами.

Проблеск света, тут же превратившийся в зеленую, повисшую в темноте петлю, еще несколько шагов, и Лэйни увидел «Грот». Рука Вилли Джуда

отпустила его ремень.

— Здесь ты уже видишь, да? При этой биолюминесцентной хрени?

— Да, — кивнул Лэйни. — Спасибо.

— А мои очки ее не берут. Или нормальный свет, или инфракрасное от нагретых тел, а ступеньки холодные, я их не вижу. Отведи меня вниз.

Рука в руке, Лэйни и Вилли Джуд начали осторожно спускаться по лестнице. Три одетые в черное фигуры мелькнули мимо них и исчезли внизу, оставив на зассанных ступеньках черную лаковую туфельку с высоким каблуком; Лэйни отфутболил ее в пролет.

Этажом ниже, на темной лестничной площадке, их поджидала Арли с высоко занесенной бутылкой из-под шампанского. В призрачном биолюминесцентном свете помада на ее губах казалась темно-серой, а пятнышко крови в уголке рта — черным.

— Где ты был? — спросила она и медленно опустила бутылку.

— В туалете, — ухмыльнулся Лэйни.

— Ты пропустил весь спектакль.

— А что это было?

— Ну вот, пожалуйста, — сокрушенно вспомнила Арли, — я еще и плащ забыла.

— Двигайтесь, двигайтесь, — поторопил их Вилли.

Ступеньки, площадки, снова ступеньки, зеленоватые наросты постепенно исчезли, сменились гладким, безликим бетоном, а люди все сыпались и сыпались сверху, группами и поодиночке, перескакивая через две-три ступеньки. Саднящая боль в груди напоминала Лэйни о недавнем падении на столик, о громко хрустнувшем стакане. Он опасливо потрогал пострадавшее место. Да нет, вроде обошлось, ничего не разрезано.

— Комбинат, наверное, — сказала Арли. — Здоровенные мужики, кошмарно одетые, а морды, так вообще не приведи Господь. Не знаю уж, кто был им нужен, Рез или идору. Думали, наверное, что могут вот так вот заявиться туда и делать что угодно.

— А что им угодно?

— Не знаю. Но за двумя соседними столиками сидела сплошь охрана Куваямы, человек двенадцать. А Блэкуэлл, так тот, наверное, каждый день, отходя ко сну, просит Бога послать ему заварушку вроде этой. Я видела, как он сунул руку в карман, и сразу же свет потух.

— Ну да, — кивнул Вилли Джуд, — это он все выключил. Пульт какой-то дистанционный. Сам-

то он видит в темноте получше, чем я с этими инфракрасными штуками. То ли глаза у него такие, то ли еще что.

— А ты-то как оттуда выбралась? — спросил Лэйни.

— Фонарик. В сумочке был.

— Лэйни-сан…

Пролетом выше Ямадзаки, левый рукав зеленого клетчатого пиджака полуоторван, в очках недостает одного стекла. Арли вынула из сумочки мобильник и негромко ругалась, пытаясь заставить его работать.

Ямадзаки догнал их на следующей площадке. Дальше они спускались все вместе, Лэйни все так же вел слепого барабанщика за руку.

Первый этаж. Входная дверь широко распахнута, все мрачные стражи «Западного мира» куда-то запропастились. Сиротливый полицейский в пластиковой накидке поверх плаща истерически бормочет в пристегнутый к лацкану микрофон. В процессе истерического бормотания он ходит тесными кругами, драматически жестикулируя белой дубинкой. Разноголосое улюлюканье нескольких сирен, мчащихся к «Западному миру» со всех четырех сторон света, сверху — рокот заходящего на посадку вертолета. Снизу вроде

бы тихо.

Вилли Джуд отпустил руку Лэйни и отрегулировал свои очки на уровень уличного освещения.

— Где моя машина?

Арли опустила руку с заработавшим вроде бы телефоном.

— Слушай, Вилли, иди-ка ты лучше с нами. Сейчас здесь будет целая армия…

— Бесподобно, — сказал Рез; он вышел из «Западного мира», отряхивая темный пиджак от чего-то белого. — Настоящая, телесная жизнь. Мы столько сидим в виртуале, что начинаем ее потихоньку забывать. Вас ведь звать Лейнер?

Протянутая для пожатия рука.

— Лэйни, — поправил Лэйни, и тут же рядом с ними притормозил темно-зеленый мини-вэн.

Глава 28

Проблема доверия

Мэриэлис открыла изогнутый ящичек, вделанный в изголовье розовой кровати, и достала оттуда синее стеклянное блюдечко. На ней был черный костюм с большими, в стиле Ашли Модин Картер, золотыми розами на лацканах.

— Терпеть не могу эти забегаловки, — сказала она, пристраивая блюдечко на колене. — Есть уйма способов сделать секс безобразным, но тут и того хуже, просто смех и убожество. — Кроваво-красный ноготь скинул на блюдечко серый столбик сигаретного пепла. — Да и вообще, сколько тебе лет?

— Четырнадцать, — сказала Кья.

— Вот так я им и говорила. Четырнадцать, ну, может, пятнадцать, и думать нельзя, что такая малолетка меня окрутила. Это ж я окрутила тебя, верно? Все делалось по моей инициативе. Я сама придумала зарядить тебя. А они все равно не верят. Говорят, что ты вроде как агент, а я — дура набитая, что Рез нарочно подослал тебя в Си-Так, чтобы перехватить эту хрень. Говорят, что ты подстава, и только такая, как я, дура может думать, что ребенок на такое не способен. — Мэриэлис выпустила круглое облачко дыма и прищурилась. — А где она сейчас? — Взгляд вниз, на расстегнутую сумку, стоящую рядом с кроватью. — Здесь?

— Я совсем не хотела ее брать. Я и не знала, что она там.

— Да понимаю я, все понимаю, — вздохнула Мэриэлис. — Я так им сразу и сказала. Я не спешила

снять ее с тебя, думала, в клубе будет удобнее.

— Я ничего в этом не понимаю, — сказала Кья. — И мне страшно.

— Иногда я провожу для Эдди всякую хрень. Мелкие услуги кому-то там еще, кто устроил ему клуб. Это незаконно, но, как бы это тебе сказать, не очень незаконно. Ничего жесткого. А на этот раз он решил приработать на стороне, связался с русскими, и мне это сразу не понравилось. Эта хрень меня попросту пугает. Она словно живая.

— Какая хрень?

— Эта. Ассемблеры, так их называют. Кья взглянула на свою сумку.

— Так эта штука в моей сумке — это нанотеховый ассемблер?

— Скорее это затравка, для начала. Нечто вроде яйца или маленького заводика. Включаешь ее в другую машину, которая их программирует, и они начинают мастерить себя из всего, что есть под рукой, а когда их наберется достаточно, они начинают мастерить то, что уж там ты от них хотел. Есть какой-то вроде как закон, запрещающий продажу этих штук Комбинату, поэтому они готовы на все, лишь бы их достать. А Эдди, он придумал, как это сделать. Я встретила двух этих жутких немцев в си-таковском «Хайате».

Они прилетели туда откуда-то, я так думаю, из Африки. — Мэриэлис раздавила окурок о голубое блюдце, отчего табачная вонь стала еще хуже. — Они не хотели давать мне эту штуку, говорили, что ожидали увидеть самого Эдди. Начались звонки туда-сюда. В конце концов их уломали. Мне полагалось закинуть ее в чемодан вместе с обычными шмотками, но я замандражировала. Начала налегать на лекарство от мандража.

Она бегло осмотрелась по сторонам, поставила блюдце с раздавленным окурком на прикроватную тумбочку и сделала что-то такое, отчего передняя стенка тумбочки откинулась. Это был холодильник, заставленный маленькими бутылочками. Мэриэлис наклонилась и начала изучать ассортимент, хитрая зажигалка соскользнула с кровати на белый ковер.

— А текилы нету, — пожаловалась Мэриэлис, доставая из холодильника квадратную бутылочку с рыбой на этикетке. — Ну вот кто бы, спрашивается, мог назвать водку «Возвращение лосося»? Только японцы, это для них нормальный ход. А сделать зажигалку в виде пистолета, — она скользнула глазами по упавшей зажигалке, — это уж точно только русские могут, это для них нормальный ход.

Кья заметила, что волосы Мэриэлис стали раза в два короче, лишились тех удлинений.

— В «Си-Таке», — сказала она, — когда брали пробы на ДНК, вы подсунули им удлинения…

Мэриэлис вскрыла бутылочку, залпом ее осушила и удовлетворенно передернулась. И только потом ответила.

— Все эти удлинения, — сказала она, — из моих родных волос. Отрастила их на стороне, пока сидела на ну вроде как диете, ты меня понимаешь? Эти, в аэропорту, они со своими анализами заодно секут людей, любящих поразвлечься. Некоторые развлекалки остаются в волосах на не знаю сколько времени. — Пустая бутылочка встала рядом с блюдцем-пепельницей. — А этот, — Красный ноготь ткнул в сторону Масахико, — он что сейчас делает?

— В сети работает, — сказала Кья; объяснять про Крепость было бы слишком долго, да и вообще ни к чему.

— Уж это-то я и сама вижу. Вы пришли сюда из-за того, что эти забегаловки переадресовывают, верно?

— Но ты меня все равно нашла.

— Хорошие связи в таксомоторной компании. Я решила, что стоит попробовать. Но русские, они

ведь тоже об этом подумают. Или уже подумали.

— Но как ты вошла? Тут же все заперто.

— Я, милочка, знаю в таких местах все ходы и выходы. Я вообще знаю больше, чем следовало бы.

Масахико снял с глаз черные чашечки, увидел Мэриэлис, взглянул на чашечки, а затем — на Кья.

— Это Мэриэлис, — сказала Кья.

Гоми-бой был аниме-шаржем на самого себя: огромные глаза, а прическа даже выше и загогулистее, чем в натуре.

— Кто пил водку? — вопросил он.

— Мэриэлис, — сказала Кья.

— Какая еще Мэриэлис?

— Она сейчас там, в этом номере.

— Это эквивалентно двадцати минутам в сети, — сказал Гоми-бой. — А как она попала в ваш номер? В отеле «Дай» такого не бывает.

— Долго объяснять, — ответила Кья.

Они снова были в комнате Масахико. Возвращение в Крепость прошло легко и быстро, без всякой беготни по лабиринтам, просто кликнули «возврат» и в секунду добрались. Мимо иконки, напоминавшей ей про незакрытую Венецию, но иконка мелькнула и сразу исчезла, так что не

было времени среагировать. Возможно, там так устроено, что, если раз зашел, вернуться можно по-быстрому. Масахико сказал, что им нужно туда, и поскорее, потому что какие-то неприятности, а Мэриэлис сказала, что пожалуйста, она не возражает, и они ушли в сеть, хотя Кья была совсем не в восторге, что Мэриэлис остается в номере считай что одна.

— Этой карточки хватит еще на двадцать шесть минут в номере, — сказал Гоми-бой. — Если только твоя подружка не вдарит еще раз по водке. У тебя есть счет в Сиэтле?

— Нет, — мотнула головой Кья, — только у мамы…

— Туда мы уже заглянули, — сказал Масахико. — На съем этого номера плюс выходы в сеть кредита твоей матери никак не хватит. У твоего отца…

— Отца?

— …есть подотчетный счет в сингапурском коммерческом банке, где он работает…

— Откуда вы это знаете?

— Откуда? — Гоми-бой пожал плечами. — Крепость. Мы умеем узнавать. Наши люди много знают.

— Я не хочу, чтобы вы залезали в папин счет, —

твердо сказала Кья. — Это у него для работы.

— Осталось двадцать пять минут, — напомнил Масахико.

Кья сняла очки. Все вроде в порядке. Кроме одного. Мэриэлис вытаскивает из мини-холодильника очередной пластиковый пузырек.

— Не трогай!

Мэриэлис виновато взвизгнула и уронила бутылочку.

— Тогда, может, немножко рисовых крекеров?

— Ничего, — отрезала Кья. — Здесь все очень дорого. У нас кончаются деньги.

— О! — Мэриэлис вскинула глаза и несколько раз сморгнула. — Ведь и правда. А у меня так и вообще ничего нет. Эдди наверняка аннулировал мои карточки, а к тому же, попробуй я ими за что-нибудь заплатить, он тут же узнает, где мы.

— Мы вышли на подотчетный счет твоего отца, — сказал Масахико, не поворачиваясь и не снимая наглазников.

— Вот и чудненько, — разулыбалась Мэриэлис.

— Пусть они ее забирают, эту свою нанофиговину, — сказала Кья, торопливо сдергивая наперстки. — Я ее тебе верну, прямо сейчас, а ты отнесешь ее им, отдашь и скажешь, что это была просто ошибка.

Не вставая с пола, на четвереньках, она подобралась к расстегнутой сумке, покопалась в ней и протянула Мэриэлис растерзанный сверток. Между лохмотьями скотча и сине-желтого си-таковского дьюти-фри мешка проглядывали темно-серый пластик и ряды маленьких, аккуратных дырочек; наноассемблер (если это действительно наноассемблер) выглядел странновато, но вполне невинно, нечто вроде перцемолки работы какого-то шизанутого дизайнера.

— Вот, бери. Объясни им, что все в порядке. Что это просто недоразумение.

— Не надо, — отшатнулась Мэриэлис, — положи ее на место. Видишь ли, — она судорожно сглотнула, — проблема совсем не в том, недоразумение это или не недоразумение. Проблема в том, что и так и так они нас убьют, потому что мы знаем об этой штуке. А Эдди, он и слова им против не скажет. Потому что не может. А еще потому, что он вроде как сыт мной по горло, этот мелкий, неблагодарный, вонючий говнюк… — В ее голосе не было злобы, только тоска и усталость. — Так что на него рассчитывать не приходится.

— Счет вскрыт, — сказал Масахико. — Вернись к нам, пожалуйста. Тут у тебя гость.

Глава 29

Ее плохая сторона

В фургончике пахло резиной и разогретой электроникой. На месте снятых задних сидений чернели аппаратурные блоки, опутанные проводами и проложенные комками пузырьковой упаковки.

Рез сидел впереди, рядом с водителем, тем самым калифорнийским самураем из Акихабары. Лэйни пристроился на одном из блоков, между Арли и Ямадзаки; за их спинами с такими же примерно удобствами разместились Вилли Джуд и третий техник, рыжий. При каждом толчке Лэйни страдальчески морщился; боль в ушибленном о столик боку не только не утихала, но и становилась все сильнее. Уже здесь, в машине, он обнаружил на своем левом носке кровь, но так и не сумел разобраться, из какого она места, да и вообще — своя или чья-нибудь.

Арли прижимала к уху мобильник.

— Восьмой вариант, — сказала она, обращаясь, как видно, к водителю. Тот тронул клавишу дорожной карты, по экрану побежали кварталы

Токио, нарезанные Координатными линиями на ровные квадратики. — Мы берем Реза с собой.

— Отвезите меня в «Империал», — сказал Рез.

— Приказ Блэкуэлла.

— Дай-ка я сам с ним поговорю. — Рез повернулся и взял у нее трубку.

При повороте налево, с узкой улочки на широкую, свет фар на мгновение выхватил людей, вразброд спешивших оказаться как можно дальше от «Западного мира»; никто из них не переходил на бег, все изображали из себя случайных прохожих, таких себе любителей поразмять ноги перед сном. Обе улицы были довольно невзрачными, плотно застроенными и — если не считать прикидывающихся ветошью пешеходов — совершенно пустынными.

— Кити, — сказал Рез, — я хочу вернуться в свой отель.

Справа и чуть впереди из-за домов вынырнула жестокая, ослепительная звезда полицейского вертолета, по белому бетону побежали угольно-черные тени. Рез слушал трубку. Мелькнула и исчезла позади всенощная лапшовая обжираловка, тусклая желтизна пластиковых полупрозрачных занавесок, суматошливое мелькание на экранчике маленького телевизора. Арли схватила Лэйни

за колено и ткнула пальцем вперед, через плечо Реза. Справа на перекресток вылетели три белых броневика с пронзительно-голубыми мигалками на кургузых, угловатых башнях; они пересекали улицу чуть не под самым носом мини-вэна и пропали из вида, беззвучные, как тени.

Рез снова повернулся и протянул Арли ее мобильник.

— Кити малость не в себе. Хочет, чтобы я пошел с вами и ждал его там.

— А он уже знает, что это такое было? — поинтересовалась Арли, забирая трубку.

— Любители автографов, — ухмыльнулся Рез и начал поворачиваться.

— А что случилось с идору? — спросил Лэйни.

— С идору? — уставился на него Рез. — А вот если бы вы умыкнули эту новую платформу — прекрасная, кстати, работа, — что бы это вам дало?

— Не знаю.

— Единственная реальность Рэи находится в плоскости непрерывного творчества, порождения. Не состояние, а процесс, бесконечно больший суммы всех ее «я», прошлых и будущих. Платформы тонут под ней, одна за другой, а она становится все сложнее, все осязаемее… —

Зеленые миндалевидные глаза мечтательно затуманились.

Рез отвернулся. Арли осторожно прикладывала к рассеченному углу рта бумажный носовой платок.

— Лэйни-сан… — Ямадзаки, шепотом. Сует что-то в руку. Наглазники с проводом. — У нас тут база данных по глобальной активности фэнов…

Ребра ноют со страшной силой. Может, трещина? А кровь, это из ноги?

— Чуть попозже, ладно?

Номер Арли был вдвое больше номера Лэйни. В нем имелась даже миниатюрная гостиная, отделенная от спальни и ванной золочеными створчатыми дверьми. У четырех стульев, стоявших в гостиной, были очень высокие, очень узкие спинки с навершиями из матированной нержавейки в форме неизбежных эльфийских колпаков. На одном из этих поразительно неудобных стульев и сидел сейчас Лэйни, сидел, скрючившись от боли и нянькая пострадавший бок. Кровь оказалась все-таки его собственной, с ободранной лодыжки. У Арли в ванной нашлась вполне профессиональная аптечка скорой помощи, и он залепил ссадину микропоровым пластырем. С ребрами было сложнее; здесь, пожалуй, могло бы

помочь что-нибудь вроде эластичной повязки, но в аптечке ничего на этот счет не нашлось.

Справа, на соседнем стуле, Ямадзаки воссоединял пиджак с рукавом при посредстве анодированных под золото булавок из эльфийско-колпачного швейного набора. Такие наборы имелись в каждом номере каждой, наверное, гостиницы, но Лэйни никогда еще не видел, чтобы ими пользовались. Ямадзаки снял поврежденные очки и работал, чуть не прижимая пиджак к носу; в его фигуре было что-то мирное, почти старушечье. Еще правее сидел, молодецки распрямившись, огненновласый техник с весьма для такой масти уместной фамилией Шаннон; он читал глянцевый журнальчик, явно прихваченный из какой-то халявной раскладки.

Рез лежал на кровати, подоткнув под плечи все наличествующие подушки, а Вилли Джуд сидел у него в ногах, прочесывая с помощью своих гляделок телевизионный эфир. Судя по всему, разгром «Западного мира» не попал еще в выпуски новостей, хотя на одном из клубно-развлекательных каналов и проскользнуло нечто вроде намека.

Арли стояла у окна, прижимая к распухшей губе кубик льда, завернутый в белую тряпочку.

— А когда его ждать, хотя бы примерно? — спро-

сил Рез.

— Понятия не имею, — сказала Арли. — Но Блэкуэлл весьма настойчиво просил, чтобы ты его дождался.

Рез обреченно вздохнул.

— Слушай, Рез, — сказал барабанщик, — ты бы не мешал людям о тебе заботиться. Это их работа.

Блэкуэлл велел Резу ждать его, неявно подразумевая, что ждать будут и все остальные. Лэйни ничуть в этом не сомневался, но все равно решил улизнуть в свой номер. Ничего они ему не сделают, в крайнем случае не выпустят. Оставалось только выбрать подходящий момент.

Долгожданный австралиец вошел в гостиную без стука, на ходу засовывая в карман нечто черное, и близко не похожее на стандартный гостиничный ключ. На его правой щеке нежно розовел косой крест из пластыря; та полоска, что подлиннее, начиналась у подбородка и почти достигала единственного уха.

— Привет, Кити, — ухмыльнулся Рез.

— Вот ты слинял без сопровождения, — сказал Блэкуэлл, — а совершенно зря. Эти русские, они ребята серьезные. И грубые. Было бы очень некстати, если бы они тебя повинтили. Совсем

некстати. Тебе бы это не понравилось.

— А как там Куваяма и платформа?

— Платформа, говоришь? — Блэкуэлл подошел к кровати и почти навис над певцом. — Знаешь что, Рез, я видел тебя в обществе таких баб, что я бы с ними срать в одном поле не стал, ни самой темной ночью. Но так это были, по крайней мере, бабы. Люди. Ты слышишь, что я говорю?

— Слышу, Кити, прекрасно слышу. Я знаю, как ты к этому относишься. Но ты еще изменишь свою точку зрения. Такие уж, Кити, наступают времена. Новые времена. Новый мир.

— Я ничего такого не знаю. Мой папаша состоял в профсоюзе маляров и докеров, секция докеров. Когда я пошел по кривой дорожке, стал преступником, это разбило его сердце. Он умер как раз перед тем, как ты вытащил меня из секции «Б». Он бы очень порадовался, что я принял на себя ответственность. За тебя, Рез. За твою безопасность. А вот теперь я уже и не знаю. Может, он и не стал бы особо радоваться. Может, он сказал бы, что я подтираю сопли придурку с чрезмерно раздутым самомнением.

Рез спрыгнул на пол одним длинным, кошачьим движением и встал перед Блэкуэллом, положив руки на его огромные плечи.

— Но ведь ты только так говоришь, Кити, ты так не думаешь, верно? В Пентри же ты так не думал. Когда ты пришел за мной. И когда я вернулся за тобой — тоже не думал.

Блэкуэлл открыл было рот для ответа, но в этот самый момент встал Ямадзаки, чтобы надеть аварийно отремонтированный пиджак. До предела вывернув шею, японец близоруко прищурился на сверкающие золотом булавки — и вдруг почувствовал, что все на него смотрят. Он смущенно прокашлялся, несколько раз моргнул и сел.

В комнате повисла тишина.

— Не по делу, Роззер, — сказал наконец Блэкуэлл.

— Ну ладно. Перегнул я немного. Понимаю. — Рез улыбнулся и хлопнул охранника по плечу. — Так что все-таки с Куваямой? С платформой?

— У него была там своя бригада.

— А что наши веселые гости?

— Вот тут малость странно, — нахмурился Блэкуэлл. — Комбинатские, Рез. Говорят, что мы что-то там у них украли. Во всяком случае, тот, с кем я успел побеседовать, ничего больше не знал.

По лицу Реза скользнуло удивление, тут же, правда, исчезнувшее.

— Отвези меня в отель, — сказал он.

— Мы еще там прочесываем. Я свяжусь с ребятами… — Взгляд на огромные стальные часы. — Минут через двадцать.

Момент казался вполне подходящим.

— Я пойду приму горячий душ, — сказал Лэйни, направляясь мимо Блэкуэлла к двери. — В ребрах, похоже, трещина. — Будто не слышат. — Буду нужен, так свистните.

Он открыл дверь, вышел в коридор, закрыл ее за собой и поковылял в сторону (вроде бы) лифта.

Не вроде бы, а точно. Войдя в лифт, он привалился спиной к зеркальной стенке и тронул кнопку своего этажа.

Лифт сказал что-то ласковое и утешительное. По-японски.

Дверь закрылась. Лэйни закрыл глаза.

Мягкий толчок остановки, дверь открылась. Лэйни открыл глаза. Вышел, повернул не туда, куда надо, затем — туда, куда надо. Нащупывая в кармане бумажник, где лежит ключ. Вот, все на месте. Ванна, горячий душ, по мере приближения к номеру эти понятия становились все более абстрактными. Спать. Вот именно. Раздеться, лечь и вырубиться.

Он затолкнул ключ в паз. По нулям. Еще раз.

Щелк.

Кэти Торранс сидит на его кровати. Улыбнулась. Указала на экран, на фигуры на нем. Одна из фигур — он сам, голый. С эрекцией, превосходящей все разумные пределы. Лицо девушки смутно знакомо, но никак не вспомнить. А уж такого, что на экране, он точно никогда и ни с кем не выделывал.

— Заходи, — сказала Кэти, — чувствуй себя как дома. На это стоит посмотреть.

— Это не я, — сказал Лэйни.

— Знаю. — Кэти явно наслаждалась ситуацией. — У него гораздо больше. Я прямо мечтаю посмотреть, как ты это будешь доказывать.

Глава 30

Этруск

Кья торопливо надела наперстки, гляделки, кивнула Масахико, и он вернул ее в свою комнату. Тот же самый мгновенный переход, мигающая иконка Венеции… Кроме Гоми-боя, там был еще кто-то, хотя сперва она его не увидела. Только этот стакан на столе, где его раньше не было, проработанный с куда большим разрешением, чем

все остальное в комнате: грязный, захватанный жирными пальцами, со сколом у края, ко дну что-то присохло.

— Эта женщина… — начал Гоми-бой, но тут кто-то откашлялся. Странное, сухое дребезжание.

— Вы интересная юная особа, — сказал голос, не похожий ни на что, что Кья когда-либо слышала, потусторонний, приглушенный скрежет, который, пожалуй, можно было бы скомпилировать из библиотеки сухих, еле слышных, случайных звуков. Чтобы долгие гласные — из пения проводов на ветру, а согласные — из стука сухих листьев об оконное стекло. — Юная особа, — повторил голос, за чем последовало нечто совсем уж неописуемое, наверное — смех.

— Это Этруск, — сказал Масахико. — Этруск вскрыл для нас подотчетный счет твоего отца. Он весьма искусен.

Что-то там, на секунду. Вроде черепа. Над грязным стаканом. Кривая пренебрежительная улыбка.

— Пустое…

Презентация, вот и все. Вроде как Сона — на ней, как она себя рисует, никогда не сфокусируешься. В этом роде, но доведено до крайности. Уйма работы по звукам. И все равно, сказала себе

Кья, мне это не нравится.

И повернулась к Масахико:

— Ты привел меня сюда, чтобы познакомить с ним?

— О, нет, — сказал этруск, о — многоголосый хорал. — Я просто хотел на вас взглянуть. — И та, вроде смеха, штука.

— Эта женщина, — повторил Гоми-бой. — Ты сама организовала встречу с ней? В отеле «Дай»?

— Нет, — качнула головой Кья. — Она проверила такси, так что ты совсем не такой хитрый, как хотел бы думать.

— Вот-вот. — Как два камешка, брошенные в мраморную чашу пересохшего фонтана. Кья всмотрелась в стакан. На его дне свернулась сороконожка, огромная, тошнотворно-бледная тварь. С крошечными, нежно-розовыми руками…

Стакан исчез.

— Прости, — сказал Масахико. — Он хотел на тебя посмотреть.

— Кто эта женщина в отеле «Дай»? — Мультяшковые глаза Гоми-боя светятся пониманием, но тон довольно жесткий.

— Мэриэлис, — ответила Кья. — Ее бойфренд стакнулся с этими русскими. Штука, за которой они охотятся, лежит там, в моей комнате.

— Какая штука?

— Мэриэлис говорит, это наноассемблер.

— Сомнительно, — поморщился Гоми-бой.

— Поди скажи это русским.

— Как бы там ни было, у тебя есть контрабанда, да? В том номере?

— У меня есть нечто, им нужное.

Гоми-бой страдальчески скривился и исчез.

— Куда он вдруг?

— Это меняет всю ситуацию, — сказал Масахико. — Ты не говорила, что таскаешь при себе контрабанду.

— Но вы же не спрашивали! Вы ни разу не спросили, почему они за мной гоняются!

— А с чего бы нам спрашивать? — пожал плечами Масахико. — Мы никак не думали, что им нужна именно ты. Другое дело — кто-нибудь вроде Этруска, его таланты могли бы вызвать у Комбината самый живой интерес. Многие люди слышали про Хак-Нам, но мало кто умеет туда войти. Мы действовали, чтобы защитить целостность города.

— Но ведь твой компьютер стоит сейчас в этом номере. Кто угодно может войти и взять его.

— Ничего страшного, — отмахнулся Масахико, — я уже не задействован в обработке материа-

ла. Мои обязанности перешли к кому-то другому. А Гоми-бой опасается возможных неприятностей. Владение контрабандой карается очень жестоко, а он к тому же торгует подержанным оборудованием, что делает его особо подозрительным — и уязвимым.

— Да что ты все о полиции, разве в ней сейчас дело! Я-то вообще считаю, что нам бы следовало вызвать полицию. Мэриэлис говорит, что эти русские, как только нас найдут, сразу убьют.

— Мы не можем вызвать полицию. Этруск взломал сингапурский счет твоего отца, это уголовное преступление.

— Знаешь, если выбирать между тем, чтобы меня убили или арестовали, я предпочту арест.

Масахико задумался.

— Пошли, — сказал он наконец. — Там тебя ждут.

— Сороконожка? — брезгливо поморщилась Кья. — Нет уж, увольте.

— Да не Этруск это, не Этруск. Пошли.

Из комнаты — в недра Хак-Нама, в бешеное мелькание странного, тесного мира, в головокружительное хитросплетение перекрученных лестниц и узких проходов…

— Так что же это все-таки такое? Обществен-

ный сайт? А чего тогда столько мельтешения? Зачем все эти секреты?

— Крепость в сети, но ей не принадлежит. Здесь нет никаких законов, только договоренности.

— И в сети, и не в сети? — переспросила Кья, взлетая по очередной (последней, как оказалось) лестнице. — Так не бывает.

— Распределенная обработка, — сказал Масахико.

— Сона!

Там, за хаотичным нагромождением крыш, поросших диким и странным…

— Ничего не трогай. Среди этих штук есть ловушки. Я сама к тебе приду.

Сона, в обычном своем виде, вся сплошь из набросков и обрывков, двинулась вперед.

Справа — вроде как старинный автомобиль, стоит, накренившись, в беспорядочном наносе случайных текстур; сквозь целехонькое, без единой трещины, лобовое стекло проросла рождественская елка, а дальше…

Судя по всему, обитатели Крепости использовали свои крыши в качестве свалки ненужного хлама, но это был хлам особого рода, словно увиденный во сне. Цифровые фантазии, отвергнутые их создателями, головокружительная мешанина

форм и текстур. Некоторые из них шевелились.

А затем — какое-то движение в бензиновой луже неба. Те, что были у Соны, птицы?

— Я зашла на твой сайт, — сказала Кья. — Тебя там не было, а что-то…

— Знаю. А ты рассмотрела, что это такое?

Сона обогнула машину с елкой. На елочных игрушках прорезались черные глазницы, дружно следившие за каждым ее движением.

— Нет. Там ничего не было видно, только слышно.

— Я не знаю, что это такое. — Сегодня презентация Соны была даже более дерганой, чем обычно. — Я пришла сюда посоветоваться. Они сказали, что ты здесь и что ты навещала мой сайт.

— Так ты знала это место?

— Кто-то из них помогал мне в организации моего сайта. Сюда нельзя заявиться без разрешения. Мое имя внесено в список, но я все равно не могу пройти вниз, в город, сама, только с кем-нибудь из них.

— Сона! Я тут влипла со страшной силой. Мы прячемся в каком-то кошмарном отеле, а теперь к нам прибилась и Мэриэлис…

— Это та сучка, которая окрутила тебя в ишаки,

да? Где она сейчас?

— Да здесь, в нашем номере. Она говорит, что порвала со своим бойфрендом и что это его, эта самая нанохрень…

— Что-что?

— Она говорит, это что-то вроде наноассемблера. Дерганое изображение на мгновение сфокусировалось, густые брови Соны взметнулись вверх.

— Нанотехнология?

— Эта штука в твоей сумке? — вмешался Масахико.

— Да, и завернута в полиэтиленовый пакет.

— Секундочку. — Он испарился.

— Кто это? — спросила Сона.

— Масахико, брат Мицуко, у которой я остановилась. Он здесь живет.

— А куда он сейчас дернул?

— Вернулся в отель, из которого мы работаем.

— Это говно, в которое ты вляпалась, это вообще бред какой-то.

— Помоги мне, Сона, ну пожалуйста! Я уже не надеюсь вернуться домой!

— Я просканировал этот прибор. — В правой руке вновь возникшего Масахико тускло поблескивала серая коробочка. — Предположительная

идентификация — первичный биомолекулярный программирующий модуль С-дробь-семь-А производства Родель ван Эрп. Это лабораторный прототип. Мы затрудняемся с точным определением его легального статуса, однако серийная модель, С-дробь-девять-Е, относится к нанотехнологии первого класса, запрещенной международным законом. Согласно японскому законодательству, незаконное владение любым устройством первого класса автоматически карается пожизненным заключением.

— Пожизненным? — тупо переспросила Кья.

— Так их же уравняли с ядерным, химическим и биологическим оружием. — Масахико словно извинялся за столь неприятную новость.

— Fuck your mother, — сказала Сона, вглядевшись в невзрачную коробочку; в ее голосе звучало глубочайшее уважение.

Глава 31

Как оно в жизни бывает

— Видишь, Лэйни, как оно в жизни бывает? Сколько веревочке ни виться, а конец найдется. От беды бежал, да в беду попал. Ты слыхал такие

пословицы? Старые, избитые, но не кажется ли тебе, Лэйни, что это как раз и свидетельствует об их истинности? Поговори со мной, Лэйни.

Лэйни опустился в одно из миниатюрных кресел и вцепился обеими руками в пронзительно ноющий бок.

— Хреновенько ты выглядишь, Лэйни. Где ты был?

— В «Западном мире».

Он не хотел смотреть на то, что происходило на экране, и все равно не мог отвести глаз. Он знал, что этот, там, это не он. Они пририсовали его лицо кому-то другому. И лицо было точно его. Он вспомнил чье-то там древнее высказывание насчет зеркал, что они вроде как противоестественны и даже опасны.

— А теперь, значит, ты решил попытать счастья на востоке?

Она не поняла, подумал он, то есть она не знает, где он был сегодня вечером. Значит, там они за ним не следили.

— Это тот парень, — сказал он. — Хиллман этот. На котором ты меня проверяла при приеме на работу. Он снимался в порнофильмах.

— Тебе не кажется, что он с ней как-то слишком уж грубо обходится?

— Кто она, Кэти?

— А ты покопайся в памяти. Если ты сумел вспомнить Хиллмана…

Лэйни покачал головой.

— Думай, Лэйни, думай. Думай о том актере. Думай об Элис Ширз…

— Его дочь, — сказал Лэйни. Не спросил, а сказал.

— Нет, мне точно кажется, что все это слишком грубо, даже жестоко. На грани изнасилования, и даже за гранью. Думаю, нам хватит этого материала, чтобы возбудить дело об изнасиловании.

— Но она-то почему согласилась? Как вы ее заставили? А может, — он отвернулся от экрана и взглянул на Кэти, — это и вправду изнасилование?

— А ты, Лэйни, включи звук и послушай. Послушай, что ты там говоришь. Это прольет свет на побудительные мотивы…

— Нет, — почти испугался Лэйни. — Я не хочу это слушать.

— Ты, Лэйни, всю дорогу говоришь о ее отце. Бывает, конечно, всякая зацикленность, но чтобы вот так, безостановочно бормотать о нем в процессе жесткого, напряженного пропихона в Роттердаме…

Вскакивая на ноги, Лэйни зацепился за кресло и чуть не упал. Где же тут это проклятое ручное управление? Ладно, хрен с ним, можно выдрать провода сзади. Один, другой… На третьем проводе экран погас.

— Поставил, значит, на «Ло/Рез», Лэйни? Рок-н-роллу захотелось? Вот уж никак не ожидала.

— Ты бы сказала, Кэти, прямо, что тебе от меня нужно?

Ослепительная улыбка. Точно такая же, как тогда, при приеме на работу.

— Можно, я буду называть вас Колин?

— Иди ты на хрен, Кэти.

Сухой, короткий смех.

— Похоже, Лэйни, что мы прошли полный круг.

— Это в каком же смысле?

— Можешь считать, что я интервьюирую тебя на предмет приема на работу.

— У меня есть работа.

— А мы, Лэйни, предлагаем тебе еще одну. Ну можешь же ты подхалтурить на стороне?

Лэйни вернулся к своему креслу. Сел, со всей возможной осторожностью. И задохнулся от боли.

— Что это тебя так корежит?

— Ребра. Больно. — Он кое-как нащупал более-менее приемлемую позу.

— Ты подрался? Это что там, кровь?

— Я поужинал в клубе.

— Это Токио, Лэйни. Здесь не дерутся в клубах.

— Так это действительно она, его дочка?

— Без всяких сомнений. И она с радостью расскажет в слитскановской программе всю правду. Как некий тип, по пятам преследовавший ее великого, любящего папочку, вовлек ее самое в мерзкие садистические игры. К слову, об этом самом папочке. Он с того времени сильно переменился. Теперь он наш.

— Но почему? Почему она это делает? Он ей, что ли, приказал?

— Почему? — Кэти смотрела на Лэйни почти с состраданием, словно опасаясь, не повредился ли он заодно и в уме. — А потому, что она тоже актриса. Молодая, ищущая известности. Шанс. Ты понимаешь, что это такое — шанс? — В ее взгляде вспыхнула надежда, что заторможенный мозг Лэйни хоть со скрипом, но сдвинется с места.

— Так что, это самое и будет ее шансом.

— Шанс, — поучительно сказала Кэти Торранс, — это шанс, это шанс. И ты знаешь одну вещь? Я ведь стараюсь. Я очень стараюсь дать

шанс не ей, а тебе. Вот сейчас, здесь я пытаюсь дать тебе шанс. И даже не первый, правда?

Пиликанье телефона.

— Поговори, а то ведь всполошатся, — сказала Кэти, подавая ему белую кедровую плашку.

— Да?

— База данных о деятельности фэн-клубов. — Ямадзаки. И чего ему не спится? — Вам нужно войти в нее прямо сейчас.

— Где вы находитесь?

— В гостиничном гараже. И машина наша здесь.

— Послушайте, я тут сильно не в форме. Нельзя это малость отложить?

— Отложить? — ужаснулся Ямадзаки.

Лэйни повернулся к Кэти Торранс. На ней было что-то черное и достаточно длинное, чтобы скрыть татуировку. А волосы вроде покороче.

— Я немного соберусь с духом, а потом сразу к вам. Не закрывайте, я быстро. — Он положил трубку, не дожидаясь ответа.

— О чем это вы?

— Сиацу.

— Врешь.

— Зачем ты пришла, Кэти? Что тебе нужно?

— Он. Мне нужен он. Я хочу получить внутрен-

нюю информацию. Я хочу знать, что он делает. Я хочу знать, о чем он думает. Пытаясь взять кусок этого японского софта.

— Жениться.

— Не надо. — Она уже не улыбалась. — Не надо поправлять меня, Лэйни.

— Ты хочешь, чтобы я за ним шпионил.

— Проводил исследование.

— Не сри мне на мозги.

— Это же твоя профессия.

— Я узнаю что-нибудь для вас полезное, и вы тут же захотите, чтобы я его подставил.

Улыбка. Лэйни на мгновение показалось, что Кэти хочет ему подмигнуть.

— Ну, не будем забегать так далеко вперед.

— А что я получу?

— Жизнь. Жизнь без позорного клейма. Жизнь, в которой никто не будет считать тебя маньяком, зверски терзавшим смазливую дочурку объекта своей мании. Жизнь, в которой почти никто не будет знать об этом фармацевтическом кошмаре, дико и бесповоротно сдвинувшем твою психику. Неужели мало?

— А как же она? Дочка? Получится, что она делала все это с этим вашим Хиллманом за так, для чистого удовольствия?

— Тебе выбирать, Лэйни. Поработай на нас, добудь, что мне нужно, и мы скажем ей: извини, такая уж тебе непруха.

— Так просто? И она будет молчать? После того, что вы с ней сделали?

— Если она хочет сохранить хоть малейшую надежду на продолжение своей карьеры, — да.

В комнате повисло молчание.

— Это не я, — сказал Лэйни, морщась от нового всплеска боли. — Это морф. Если я докажу, что это морф, я смогу подать на вас в суд.

— Да неужто? И ты это осилишь? Суд ведь затянется на много лет. И совсем еще не факт, что ты его выиграешь. У нас, Лэйни, есть и деньги, и прекрасные юристы, и опыт обращения с такими проблемами. В дверь позвонили.

— Сиди, — сказала Кэти, — это ко мне.

Она встала, тронула кнопку охранного экрана, и Лэйни увидел через обтянутое черным плечо кусок какого-то мужского лица. Дверь открылась. В комнату вошел Райс Дэниелз, без, почему-то, своих вечных темных очков.

— Вот, Лэйни, — сказала Кэти, — Райс теперь тоже с нами. Если бы не его помощь, нам пришлось бы еще долго разбираться с твоей биографией.

— Так что там, Дэниелз? — спросил Лэйни. —

Обломилась ваша бестормозная затея?

Дэниелз сверкнул полным комплектом безукоризненно белых зубов.

— Я уверен, Лэйни, что мы еще поработаем вместе. Надеюсь, у вас нет никаких претензий по нашему прошлому сотрудничеству.

— Да какие уж там претензии.

— Позвони мне. — Кэти протянула Лэйни белую карточку с аккуратно выведенным номером. — Завтра, до девяти. Оставь сообщение. Да или нет.

— Даешь мне шанс?

— Так интереснее. Я хочу, чтобы ты подумал. — Она поддела пальцем уголок воротника его рубашки. — Шаг строчки.

А затем повернулась и вышла. Дэниелз последовал ее примеру. Не прощаясь.

Лэйни сидел и смотрел на закрывающуюся за ними дверь. Может, долго, а может, и нет. Пока не запикал телефон.

Терпеливый Ямадзаки начинал проявлять нетерпение.

Глава 32

— Мы должны атаковать.

Чтобы подчеркнуть последнее слово, Сона Роса превратилась в пылающий ацтекский череп. Все они, включая Гоми-боя, снова находились в комнате Масахико — месте куда более спокойном, чем гипнотический хаос крыш со всеми этими глазастыми елками.

— Атаковать? — Как и всегда, выпученные глаза Гоми-боя блестели весело, дурашливо, однако голос его дрожал, как натянутая струна. — И кого же ты думаешь атаковать?

— Нам нужно так или иначе перенести схватку на территорию противника, — сказала Сона Роса. — Бездействие — это смерть.

Из-под двери вынырнуло нечто вроде ярко-оранжевого подноса. Поднос заскользил через комнату, однако серая многолапая тень заглотила его так быстро, что Кья не успела ничего толком рассмотреть.

— Ты, — сказал Гоми-бой, глядя прямо на Сону Росу, — сидишь в своем Мехико-сити. И ничто из здесь происходящего не представляет для тебя опасности, ни физической, ни юридической!

— Физической? — Сона Роса мгновенно пе-

решла в еще более яростную версию своего предыдущего представления. — Физического захотел, недоделок сучий? Да я замочу тебя на хрен, физически. Думаешь, не могу? Ошибаешься, ты же здесь живешь, не на Марсе. Вот свистну своих девочек, прилетим мы сюда и отрежем твои желтые яйца! Думаешь, не могу?

Еще в начале этой пламенной речи из ее кармана появился на свет расписанный драконами нож; теперь зловеще иззубренное лезвие дрожало в сантиметрах от мультяшковой физиономии Гоми-боя.

— Сона, пожалуйста! — взмолилась Кья. — Он же ничего плохого мне не делал, а только помогал! Не надо!

Сона фыркнула и сложила нож.

— Но ты это брось, катить на меня бочку, — сказала она уже более миролюбиво. — Моя подруга, она тут вляпалась в дерьмо по самые уши, а у меня самой, на моем сайте, завелась какая-то призрачная хрень.

— И у меня в «Сэндбендерсе» тоже, — подхватила Кья. — Я видела эту штуку в Венеции.

— Ты ее видела? — Клочки образов замелькали еще быстрее.

— Я видела что-то…

— Что? Что ты видела?

— Там кто-то был. В конце переулка, у фонтана. Вроде женщина, а может, и нет. Я испугалась и рванула оттуда. Оставила Венецию открытой…

— Дай-ка мне на нее взглянуть. — Сона Роса не глядя сунула нож в карман. — У себя на сайте я ее не вижу. И ящерки тоже не видят, дергаются туда-сюда, и все без толку. Птицы стали летать ниже, но даже они не могут ничего найти. Пошли, ты мне ее покажешь.

— Но Сона…

— Пошли! — повторила Сона. — Зуб даю, это тоже часть того дерьма, в которое ты вляпалась.

— Мамочки, — выдохнула Сона, не сводя глаз с собора. — Да кто же такое написал?

— Это такой город в Италии, когда-то он был отдельным государством. Банки всякие и кредиты, это они здесь изобрели. А это, — Кья указала рукой, — собор Святого Марка. Можно переключиться на модуль, где показано, что тут делается на Пасху, когда Папа выносит все эти кости и прочее, оправленные в золото куски святых угодников.

— Святых? — Сона Роса истово перекрестилась. — Вроде как у нас, в Мексике. А это тот самый город, где вода подходит к самым дверям

и улицы не улицы, а каналы, вода?

— Я думаю, очень многое из этого теперь вообще под водой, — вздохнула Кья.

— А почему тут темно?

— Это я так устроила. — Кья обшаривала глазами все затененные уголки площади. — А эта Крепость, Сона, что же она все-таки такое?

— Они говорят, что все началось с общего килл-файла. Ты знаешь, что такое килл-файл?

— Нет.

— Очень древнее понятие. Способ уклоняться от нежелательной входящей корреспонденции. Килл-файл не пропускал эту корреспонденцию, она для тебя все равно что вообще не существовала. Это было давно, когда сеть была совсем еще молодая.

Кья знала, что, когда родилась ее мать, сети вообще не было или там почти не было, хотя, как любили говорить школьные учителя, такое даже трудно себе представить.

— А как могла эта штука стать городом? И почему там все так стиснуто?

— Кто-то загорелся идеей вывернуть килл-файл наизнанку. Ну ты понимаешь, это не то, как в действительности все было, а как это рассказывают: что люди, основавшие Хак-Нам, разозлились,

потому что сперва в сети было очень свободно, можно было делать все, что ни захочешь, а потом пришли компании и правительства со своими соображениями, что тебе можно делать, а чего нельзя. Тогда эти люди, они нашли способ высвободить хоть что-то. Маленькую территорию, кусочек, клочок. Они сделали что-то вроде килл-файла на все, что им не нравилось, а сделавши, они вывернули его наизнанку. — Сона подкрепляла свой рассказ чем-то вроде магических пассов. — И они протолкнули его до предела, до другой стороны…

— Другой стороны чего?

— Так это же не то, как они это сделали, а как это рассказывают. Я не знаю, как там все делалось, а рассказывается это вот так. И они ушли туда, чтобы спрятаться от законов. Чтобы жить совсем без законов, как раньше, когда сеть была совсем молодая.

— Но почему они придали своему городу такой странный вид?

— А вот это я знаю, — сказала Сона. — Женщина, помогавшая мне строить мою страну, она мне все рассказала. Раньше, когда Гонконг не был еще китайским, рядом с аэропортом было такое место, Цзюлун, а когда-то совсем-совсем давно сделали

какую-то ошибку, и это место, очень маленькое, но людей там жило много, оно принадлежало Китаю, а в результате вроде как вообще никому не принадлежало. Поэтому и законов не было. Беззаконное место. И туда стекалось все больше и больше людей, и они строили вверх, все выше и выше. Никаких правил, никаких законов, только огромное здание и живущие в нем люди. Полиция туда и носа не совала. Наркотики, проституция, азартные игры. Но тут же и нормальная человеческая жизнь. Мастерские, рестораны. Город. Без законов.

— И он все еще там?

— Нет. — Кья на мгновение подумала, что Сона Роса сейчас вздохнет. — Его снесли прямо перед тем, как отдать весь Гонконг китайцам. Снесли, залили бетоном и устроили парк. А эти люди, которые сделали эту дырку в сети, они собрали всю информацию. Историю, планы, снимки, рисунки. И отстроили город наново.

— Зачем?

— Спроси их самих. По-моему, они все тронутые. — Теперь взгляд Соны тоже блуждал по пустынной Пьяцце. — Зябко мне здесь как-то.

Кья хотела было поднять солнце, но в этот момент Сона указала куда-то направо.

— Кто это?

От каменной аркады, где располагались мелкие ресторанчики, к ним шагал Мьюзик-мастер — или кто-то очень на него похожий, фигура в темном распахнутом пальто с подкладкой цвета полированного свинца.

— У меня есть виртуальный персонаж примерно такого вида, — сказала Кья, — но он, по идее, появляется, когда я выхожу на какой-нибудь мост. А в прошлый раз он и вообще куда-то подевался.

— Ты говорила, что видела кого-то, так это он?

— Нет, — качнула головой Кья.

Сона рывком выросла и ощетинилась жестким, колючим сиянием, окуталась смерчем радужной мошкары.

В дальней части площади пошел снег, быстро засыпавший брусчатку; темная фигура неуклонно приближалась, оставляя за собой четкую строчку следов.

Сона стала еще выше, ее сияние дрожало нарастающей угрозой, над рваными полотнищами возникло и стало разрастаться грозовое облако мерцающей тьмы, раздался звук, словно в поле электронной мухобойки попал особо сочный жук, совсем рядом мелькнули огромные крылья колумбийских кондоров, Сониных стражей,

рожденных в информационном раю. Мелькнули и пропали. Сона выплюнула поток испанских проклятий, настолько цветистых, что автопереводчик ошеломленно заглох.

Мьюзик-мастер был уже совсем близко, все фасады за его спиной скрылись в кружении снега.

В руке Соны возник нож, тот же самый, но теперь он был размером с электропилу, иззубренный хребет жил мелкой напряженной дрожью. Золотые драконы с рукоятки вились вокруг смуглого, тесно сжатого кулака, гонялись за своими огненными хвостами сквозь миниатюрные облака китайских орнаментов.

— А вот теперь мы на тебя посмотрим, — зловеще процедила Сона.

Кья увидела, как пелена снега, поглотившая ее Венецию, резко съежилась и стала отступать, следуя цепочке следов, а на лице Мьюзик-мастера проступили черты Рэи Тоэи.

— Пожалуйста, — сказала идору.

Глава 33

Топология

Арли ждала Лэйни у лифта, на пятом, самом

нижнем из парковочных уровней гостиницы; она успела уже переодеться в знакомую ему робу. Несмотря на распухшую, заклеенную пластырем губу, джинсы и короткая нейлоновая куртка придавали ей вид на зависть бодрый и компетентный.

— На тебя страшно смотреть, — сказала Арли.

Потолок здесь был низкий, обитый для уменьшения шума чем-то грязно-желтым, вроде войлока. Призрачный свет протянутых по потолку кусков биолюминесцентного провода, густая, сладковатая вонь бензинового выхлопа. Ряды за рядами мелких японских автомобильчиков, чистеньких, как посуда у хорошей хозяйки, влажно поблескивающих, как яркие обсосанные леденцы.

— Похоже, Ямадзаки считает это очень срочным, — сказал Лэйни.

— Да, — кивнула Арли. — Нужно сделать все прямо сейчас. Мы не знаем, сколько потребуется времени, чтобы обеспечить второй заход.

— Нужно так нужно. Сделаем.

— Тебе, с твоим таким видом, вообще не стоило бы ходить.

То ли в подтверждение, то ли в опровержение ее слов Лэйни пошел, заметно покачиваясь,

вперед.

— Блэкуэлл отвез его в «Империал». Прочесывательная команда ничего не обнаружила. Нам сюда.

Они шли вдоль ровного строя хирургически чистых облицовочных решеток и бамперов. Зеленый мини-вэн стоял носом к стене, с настежь распахнутыми дверями; небольшой пятачок вокруг него был обнесен оранжевым пластиковым барьером и заставлен аппаратурными модулями. Шаннон, рыжий техник, возился с каким-то черно-красным кубом.

— Эспрессница. — Шаннон засунул руку внутрь кожуха и что-то там нашаривал. — Прокладка полетела.

— Садись, герой, сюда. — Арли указала на переднее пассажирское сиденье. — Оно откидывается.

— А вот этого лучше не надо, — сказал Лэйни, забираясь в машину. — Потом ты меня не разбудишь.

За спиной девушки появился Ямадзаки.

— Лэйни-сан, вы войдете в те же данные по «Ло/Рез», что и прежде, но теперь у вас будет параллельно доступ к базе данных по деятельности фэн-клубов. Глубина. Дополнительное измерение. Оно обеспечит необходимую вам степень

персонализации. Параллакс, так это называется?

— Взгляни, — сказала Арли, подавая ему очки. — А не получится, так и хрен с ним. — Ямадзаки поморщился и часто заморгал. — Так или не так, потом мы покажем тебя гостиничному коновалу.

Лэйни надел очки и откинулся затылком на подголовник.

Ничего. Он закрыл глаза. Услышал легкий щелчок включенного питания. Открыл глаза и увидел те же самые массивы данных, что и утром, в Акихабаре. Тоскливые, строго и однообразно упорядоченные. Безликие.

— А теперь фэн-клуб, — сказал голос Арли, и тут же тусклые, безжизненные массивы стали прозрачными, раскрылись в глубину умопомрачительными хитросплетениями.

— Тут что-то… — начал Лэйни, а затем он вновь оказался в той, с огромными кафельными печками, стокгольмской квартире. Но теперь это было жилище, а не просто скопище тысяч скрупулезно табулированных фактоидов. За узкими слюдяными окошками кованой печной дверцы плясали языки пламени.

Зажженные свечи. Дощатый пол — каждая половица шириной в мужские плечи — застелен

старыми, мягких тонов коврами. Что-то неподконтрольное Лэйни переместило его в соседнюю комнату, мимо кожаного дивана с ворохом маленьких ковриков к узкому высокому окну. В просвете полураздвинутых гардин, за покрытым по краям изморозью стеклом — густая тьма и мерное падение больших, словно ножницами вырезанных снежинок.

— Что-нибудь получается?

Арли. Как с другого конца земли.

Лэйни не ответил, пассивно наблюдая, как его разворачивают и ведут по главному коридору; по пути он взглянул в высокое овальное зеркало и не увидел своего отражения. И сразу вспомнился приют, си-ди-ромы с «бродилками» — заколдованные замки, космический корабль, покинутый командой из-за кошмарной внеземной заразы… Клик туда, клик сюда. Он всегда остро ощущал, что так и не нашел некоего главного чуда, той вещи, которая оправдала бы все эти поиски. Потому что ее там и не было, решил он в конце концов, решил и утратил всякий интерес к этим играм.

Но здесь — клик в спальню — было главное чудо. Рэи Тоэи. Откинувшись на подушки, в белопенном море кружев тонкого хлопка.

— Вы были сегодня нашим гостем, — сказала

идору. — Я не имела возможности побеседовать с вами. Очень жаль. И кончилось все плохо, вы были ранены.

Лэйни смотрел на нее в ожидании горных троп и колокольчиков, но ничего такого не появилось, и тогда он вспомнил слова Ямадзаки насчет полосы пропускания.

Острый приступ боли в боку.

— Откуда вы это знаете? Что я был ранен?

— Предварительный доклад охранной службы «Ло/Рез». Техник Пол Шаннон утверждает, что вы, судя по вашему виду, пострадали в драке.

— Почему вы здесь?

(«Лэйни, — забеспокоилась Арли, — ты там как, в порядке?»)

— Моя находка, — сказала идору. — Восхитительная квартира, правда? Жаль, что он так ни разу и не бывал в ней по завершении реставрации — фактически никогда не бывал. Но вы-то ведь бывали, да? Думаю, потому я ее и нашла.

Ослепительная улыбка. Ослепительная красота, парящая в облаках белизны. Там, в «Западном мире», он так и не смог ее толком рассмотреть.

— Я входил в нее раньше, — сказал Лэйни. — Но тогда она смотрелась иначе.

— А теперь она… сформировалась, да? Стала

гораздо лучше. Потому что один из реставраторов, перебиравших камины, делал снимки и подробные записи. Не для отчета, просто для себя и своих друзей, но в результате вы можете увидеть, что у них получилось. Эти данные попали в распоряжение фэн-клуба. — Она взглянула на единственный в комнате источник света — тонкую, с синими и кремовыми горизонтальными полосками восковую свечу в подсвечнике из полированной бронзы. Рядом с подсвечником на прикроватном столике лежали апельсин и книга. — Здесь я чувствую себя как-то ближе к нему.

— Лично я почувствую себя ближе к нему, если вы спровадите меня наружу.

— На улицу? Там же снег идет. И я совсем не уверена, что здесь есть улица.

— В общий массив данных. Пожалуйста, чтобы я мог вернуться к своей работе.

— Лэйни? — Арли тронула его за плечо. — С кем это ты разговариваешь?

— С идору.

— В узловом проявлении? — Ямадзаки.

— Нет. Она проникла сюда, в данные, не знаю уж как. Расположилась в модели его стокгольмской квартиры, говорит, что это я проложил ей путь. Потом я попросил ее вернуть меня сюда…

— Куда? — Арли.

— Туда, где я смогу что-нибудь видеть, — ответил Лэйни, глядя на причудливо заросшие ущелья, на побеги и ветвления, сходные с «Риалтри 7.2» в ноутбуке Арли, но живые, без этой абстрактной сухости, сплошь покрытые мхом примечаний. — Ямадзаки был прав. Фэновский материал — это то, чего нам не хватало.

Из прошлого — голос Жерара Делуврие, убеждающий его не концентрировать внимание. То, что вы делаете, противоположно концентрации, но мы научим вас направлять эту не-концентрацию.

Отдаться течению. Влиться в поток подружек, лучших подружек и бывших подружек, отчетов о появлении Реза или Ло с той или иной женщиной в том или ином месте. Каждый отчет расцвечен в меру важности, придаваемой данному конкретному эпизоду данной конкретной наблюдательницей. И вот здесь — самое необычное, своеобразное. То, как вырисовываются эти двое. Нормальные во всех проявлениях люди, и — более того. Масса подробностей, зафиксированных с фанатичной, исчерпывающей точностью, и каждый раз они наклеены на пустой, схематичный каркас известности. Здесь Лэйни видел

известность, и не как тонкую субстанцию из теоретических построений Кэти, а как некое парадоксальное качество, изначально присущее субстанции мира. Количество информации, собранной здесь поклонницами группы, многажды превышало все, созданное когда-либо самой этой группой.

— А вот мое любимое, — сказала где-то идору, и Лэйни увидел, как Рез поднимается на низенькую эстраду переполненного клуба. Господствующий цвет — красный, вроде арбузной мякоти, но куда насыщеннее, корейская психоделика.

— Это именно то, что мы с ним чувствуем.

Рез взял микрофон и начал говорить о новых образах бытия, о какой-то «алхимической свадьбе».

А где-то вдали — рука Арли на его плече, ее встревоженный голос:

— Лэйни? Извини, но ты нам срочно нужен. Здесь мистер Куваяма.

Глава 34

Казино

На улице, за пыльными жалюзи, хлещет дождь. Это сделала идору. Кья никогда не устраивала

здесь дождь, но теперь ей вроде даже нравилось. Такая погода подходила Венеции. Делала ее похожей на Сиэтл.

Идору сказала, что это место, куда она их привела, это казино. Кья знала, что такое казино, видела их по телевизору, но там они были совсем другие: большие, многолюдные и сплошь в неоне. А здесь — несколько маленьких комнат, облупленные стены и старомодная мебель с золочеными ножками в виде львиных лап. Все проработано во фрактальной технике, так что вроде как даже чувствуешь, как тут пахнет — пылью и, пожалуй, парфюмерией. Духами. Кья почти не посещала эти модули, нутро Венеции, потому что в них было вроде как малость жутковато. Вот на улицах — там совсем другое ощущение.

Голова Соны, лежавшая на львинолапом столе, снова щелкнула, как лопнувшим жуком. Она, Сона, ужала свой образ до минимума: синий пылающий ацтекский череп размером с маленькое яблоко. Потому что Кья попросила ее заткнуться и убрать этот зубчатый тесак. Это привело ее в ярость, а может, даже обидело, но что еще было делать, если Кья хотела послушать, что там скажет идору, а Сона со всеми этими спектаклями, насчет сейчас убью всех и зарежу, не давала ни-

кому и слова сказать. И именно что спектакли это все, потому что в сети люди не могут причинить друг другу никакого вреда. Во всяком случае — физического. А с ней, с Соной, всегда эти заморочки — да я такая, да я сякая, да я всех вас сейчас. Келси и другие девочки сперва смеялись, но Сона реагировала настолько яростно — в словесной, естественно, форме, — что теперь они это делают только за ее спиной. Кья никогда не понимала, для какой такой радости Сона устраивает весь этот цирк, можно подумать, что у нее расщепление личности.

Так что теперь Сона ничего не говорила, только время от времени издавала этот звук раздавленного жука, чтобы Кья не забывала, что она все еще здесь и все еще злится.

А вот идору говорила, объясняла Кья старое венецианское значение слова «казино»,[190] что это не огромное, вроде гипермаркета, здание, где играют в азартные игры и смотрят всякие шоу, а скорее что-то вроде этих отелей любви. В смысле, что у людей были дома, где они жили, а были еще эти казино, маленькие тайные квартирки, рассеянные по всему городу, куда они приходили,

---

[190] Примечания: 190
Casino (um.) — домик. Читается «касино».

чтобы побыть с другими людьми. Странно только, что они мало заботились о своем уюте, во всяком случае, в этом казино уюта особого не замечалось, хотя идору и понаставила уйму зажженных свечей. Она сказала, что очень любит свечи.

У идору была теперь прическа Мьюзик-мастера, и это делало ее похожей на девушку, которая переоделась мальчиком. И ей, похоже, очень понравился его тренч, потому что она время от времени крутилась на каблуке — его каблуке, — чтобы полы развевались.

— Я увидела так много новых мест, — сказала она и улыбнулась, — так много новых людей и вещей.

— Я тоже, — начала Кья, — но только…

— Он сказал мне, что так и будет, но все равно я себе не представляла, что это такое. — (Крутьверть.) — Посмотрев на все это, я словно выросла… А вот как с тобой, когда ты путешествуешь, ты тоже такое чувствуешь?

Череп вспыхнул ярким голубым светом и издал резкий малопристойный звук.

— Сона! — прошипела Кья и торопливо повернулась к идору. — Я еще не слишком много путешествовала и не думаю, что мне это так уж нравится, а сюда мы пришли, чтобы посмотреть,

что ты такое, потому что мы не знали, а ты появилась в моем софтвере, а может быть, и на Сонином сайте тоже, а это ее встревожило, потому что он у нее секретный.

— Это страна с очень красивым небом?

— Да, — кивнула Кья, — и туда вроде как нельзя проникнуть, если она сама тебя не пригласит.

— А я не знала, — смутилась идору. — Извините. Я думала, что могу идти куда угодно — кроме того места, откуда ты пришла.

— Сиэтл?

— Муравейник снов, окна, громоздящиеся к небу. Я вижу его, но не могу войти. Я знаю, что вы с ней пришли оттуда, но это «там» — его там нет!

— Крепость? — Ну конечно же, ведь сейчас они с Соной пришли именно оттуда. — Мы не там, мы только подключились оттуда. Сона сейчас в Мехико-сити, а я в этом отеле, понятно? И нам бы надо поскорее вернуться, потому что я не знаю, что там сейчас происходит…

Синий череп распух и стал Соной, мрачной и надутой.

— Наконец-то ты сказала хоть что-то осмысленное. И чего вообще разговаривать с этой штукой? Она ведь ничто, чуть усовершенствованная версия этой твоей игрушки, которую она украла и

приспособила для своих целей. Теперь, посмотрев на нее, я прихожу к печальному выводу, что Рез и вправду сошел с ума, запутался в какой-то бредятине.

— И ничего он не сошел с ума, — возмутилась идору. — Мы это чувствуем, с ним вдвоем. Он говорил мне, что нас не поймут. Во всяком случае — сперва; что будет неприятие, враждебность. Но мы же не хотим ничего плохого, и он верит, что в конечном итоге от нашего с ним союза будет только польза.

— Слушай ты, синтетическая шлюха, — ощерилась Сона, — ты что, нас за дурочек держишь? Мы что, не видим, что ты делаешь? Ты ненастоящая! Ты даже меньше настоящая, чем эта имитация затонувшего города! Ты пустое место — и ты хочешь высосать из Реза все реальное. — Над ней опять разрасталась грозовая туча, дрожало колючее сияние. — Эта девушка, она пересекла океан, чтобы найти тебя и вывести на чистую воду, а теперь ее жизнь в опасности. А она даже не понимает, что это ты в этом виновата. Вот такая она у нас дура!

Идору перевела взгляд с Соны на Кья.

— Твоя жизнь?

— Может быть. — Кья зябко передернула пле-

чами. — Я ничего точно не знаю. Мне страшно.

И идору исчезла, вытекла из Мьюзик-мастера, как краска, не имеющая названия. Мьюзик-мастер щурился на свет двадцати свечей, на лице его была полная растерянность.

— Извините, пожалуйста, — сказал он, — но о чем мы сейчас говорили?

— Ни о чем, — отмахнулась Кья, а затем очки были сняты с ее головы, вместе с Мьюзик-мастером, венецианским «казино» и Соной, а на пальцах, державших очки, жирно поблескивали золотые кольца, и каждое кольцо соединялось с золотым браслетом золотых часов тоненькой золотой цепочкой. И светлые, почти бесцветные глаза.

Эдди медленно улыбнулся.

Кья хотела закричать, но тут другая, не Эддина, ладонь, большая и белая, с металлическим запахом какого-то одеколона, закрыла ей рот и нос. И еще одна ладонь прижала сверху ее плечо, а Эдди уронил очки на белый мохнатый ковер и отступил.

Все еще глядя ей в глаза, все еще улыбаясь, он поднес палец к губам, сказал «т-с-с», а затем отвернулся и шагнул в сторону, и Кья увидела Масахико, черные присоски на его лице и беспре-

станно шевелящиеся пальцы.

Эдди бесшумно приблизился к сидевшему на полу мальчику, вынул из кармана какую-то черную штуку, что-то с ней сделал и нагнулся. И тронул этой штукой его шею.

Масахико резко дернулся, выкинул ноги вперед, свалился набок и застыл, вытянувшись в струнку и чуть подрагивая. Его рот раскрылся, одна из присосок упала на пол, вторая, правая, так и осталась на месте.

Эдди повернулся, взглянул на Кья и спросил:

— Где эта штука?

Глава 35

Испытательный стенд будущности

Шаннон протянул Лэйни высокую пенопластовую чашку, на дне которой плескалось с полдюйма очень горячего, очень черного кофе. За его спиной, по ту сторону оранжевого барьера, виднелся длинный белый «лендровер» с «кенгурятником» и зелеными стеклами. Рядом с машиной стоял Куваяма, высокая фигура в темно-сером костюме и тускло поблескивающих очках без оправы; одетый в черное водитель тактично

держался чуть сзади.

— Что ему нужно? — спросил Лэйни, осторожно пробуя обжигающе горячий кофе. И сплюнул попавшую в рот гущу.

— Мы не знаем, — сказала Арли. — Но его направил сюда Рез.

— Рез?

— Он так говорит.

Рядом с Лэйни появился Ямадзаки. Очки на нем были целые, не иначе как запасные, но зато рукав так и держался на булавках; две из них успели уже расстегнуться.

— Мистер Куваяма — творец Рэи Тоэи в некотором смысле. Основатель и бессменный руководитель «Аспекта славы», корпорации, являющейся ее юридическим лицом. Инициатор и вдохновитель всего этого проекта. Он выразил желание пообщаться с вами.

— Мне казалось, что эта работа с комбинированными данными жуть какая срочная.

— Да, да, конечно, — закивал Ямадзаки. — Но все равно я думаю, что вам нужно сейчас поговорить с мистером Куваямой.

Он провел Лэйни мимо черных аппаратурных блоков за барьер и обменялся с Куваямой поклонами.

— Это мистер Колин Лэйни, наш специальный исследователь, — сказал Ямадзаки, а затем повернулся к Лэйни: — Митио Куваяма, исполнительный директор «Аспекта славы».

Глядя на Куваяму, никто бы и не предположил, что какой-то час назад он был в непроглядной тьме «Западного мира», в самой гуще визжащей, панически мечущейся толпы. И как он только оттуда выбрался, тем более что сидевшая рядом идору должна была сверкать, как рождественская елка? Лэйни чувствовал кровь в своем ботинке, пальцы левой ноги неприятно липли друг к другу. Интересно бы знать, насколько возросла совокупная масса человеческой нервной ткани с того времени, как Блэкуэлл увел их с Арли из жвачного бара? И какая часть этого прироста приходится на его долю?

— Извините, — сказал он, — у меня нет визитной карточки.

— Это не имеет значения. — Куваяма говорил на безукоризненном, если не считать несколько странной акцентировки, английском. Рука для пожатия, уступка иноземным обычаям. — Я знаю, что вы очень заняты. Мы весьма признательны, что вы сочли возможным выделить нам время.

Множественное число заставило Лэйни поко-

ситься на водителя, обутого в примерно такие же, как и Райделл из «Шато», ботинки — черные, эластичные, с высокой шнуровкой и рифлеными каучуковыми подошвами. Нет, не похоже, чтобы он был второй половиной этого «мы».

— А теперь, — Куваяма повернулся к Ямадзаки, — с вашего разрешения…

Ямадзаки коротко кивнул и ретировался на огороженную площадку, где Арли возилась с кофеваркой, не забывая поглядывать краем глаза на происходящее. Водитель распахнул перед Лэйни дверцу «лендровера»; Куваяма сел в машину сам, с другой стороны. Щелчок захлопнувшейся дверцы, и они остались один на один.

Между сиденьями, на подставке с обтянутыми фетром зажимами, располагалось нечто вроде большой серебряной фляги.

— Ямадзаки говорит, что во время обеда вы испытывали определенные трудности с частотой пропускания, — сказал Куваяма.

— Да, — кивнул Лэйни.

— Мы провели небольшую юстировку… — между ними появилась улыбающаяся идору; заранее подготовленная иллюзия обеспечила ее даже своим, отдельным сиденьем, которое втиснулось между двумя настоящими.

— Вам удалось найти то, ради чего вы покинули меня в Стокгольме, мистер Лэйни?

Лэйни посмотрел ей в глаза. Это какие ж нужны вычислительные мощности, чтобы создать нечто такое, что отвечает тебе взглядом на взгляд. В разговоре с Резом Куваяма упоминал «желающие машины», «комплексы субъективных желаний», «модульную конструкцию ясно оформленного устремления»…

— Нет, — сказал он, — но уже был на подходе…

— А что вы такое увидели во время нашего ужина, из-за чего не смогли потом смотреть на меня?

— Снег… — Лэйни с удивлением почувствовал, что краснеет. — Горы… Но теперь я понимаю, что это попросту был сделанный вами клип.

— Клипы Рэи не «делаются», — вмешался Куваяма. — Во всяком случае, в общепринятом смысле этого слова. Они возникают из ее непрерывного общения с миром. Это, если вам угодно, ее фантазии.

— Вы ведь тоже фантазируете, да, мистер Лэйни? — поддержала его идору. — В этом ваш талант. Ямадзаки говорит, что это — как видеть лица в облаках. С тем отличием, что эти лица действительно существуют. Я не могу видеть лица в облаках, но Куваяма-сан обещает, что и это

когда-нибудь придет. Здесь все дело в практике.

(Ямадзаки? Говорит?)

— Я и сам этого не понимаю, — сказал Лэйни. — Делаю, но не понимаю.

— Экстраординарный талант, — сказал Кувояма. — Мы считаем, что нам улыбнулась удача, огромная удача. И нам очень повезло с мистером Ямадзаки, который, даже будучи подчиненным Блэкуэлла, проявляет необыкновенную широту взглядов.

— Мистер Блэкуэлл не слишком одобряет отношение Реза с… — Лэйни кивком указал на идору. — Мистер Блэкуэлл может огорчиться, что я разговаривал с вами.

— Блэкуэлл любит Реза, хотя и по-своему, — сказала Рэи Тоэи. — Он тревожится. Но он не понимает того, что наш союз уже состоялся. Наше «бракосочетание» будет постепенным, нарастающим. Мы просто хотим развиваться вместе. Когда Блэкуэлл и остальные поймут, что наш союз благотворен для нас обоих, все будет хорошо. И вы, мистер Лэйни, можете нам в этом помочь.

— Я? Могу?

— Ямадзаки объяснил нам смысл вашей работы с архивом фэнов группы «Ло/Рез», — сказал Кувояма. — Но в этих архивах нет ничего — почти

ничего — о Рэи. Мы предлагаем добавить к двум вашим слоям информации третий, касающийся ее, и тогда перед вами вырисуется картина их союза.

Информация о ней? Лэйни взглянул на идору. Но ведь она же сама — информация. Чудовищный объем информации, в обработке которой задействовано бог уж там знает сколько машин. И в то же самое время — тревога и надежда в ее глазах. Нечто, абсолютно неотличимое от тревоги и надежды.

— Вы согласитесь, мистер Лэйни? Вы нам поможете?

— Послушайте, — сказал Лэйни, — я же здесь ничем не распоряжаюсь. Я сделаю то, что скажет мне Ямадзаки. Захочет он взять на себя ответственность, ну и ради бога. Но я хотел бы, чтобы вы сказали мне одну вещь.

— Что вы желаете узнать? — Куваяма.

— Про что это все? — Вопрос удивил самого Лэйни, который не совсем понимал, что именно он собирался спросить.

Внимательные глаза Куваямы за круглыми стеклами очков.

— Это про будущность, мистер Лэйни.

— Будущность?

— Знаете ли вы, мистер Лэйни, что какую-нибудь сотню лет назад у нас не было слова «природа»? У нас не было и нет пессимистичного отношения к технике. Техника — одна из граней природного, единого. Нашими усилиями единое совершенствует себя. А популярная культура, — улыбнулся Куваяма, — это испытательный стенд нашей будущности.

Арли справилась с эспрессницей не в пример лучше Шаннона. В зеленом фургоне, сидя на корточках среди звонко хлопающих обрывков пузырьковой упаковки, Лэйни смотрел на Ямадзаки через край чашки с новой порцией кофе. — Не понимаю, Ямадзаки, о чем вы только думаете? Вы что, хотите, чтобы мы с вами носили ботинки на пару размеров меньше, или что? Блэкуэлла хлебом не корми, только дай прибить чьи-нибудь руки к столу, а вы тут стакнулись с идору и ее боссом.

Разговор был перенесен с площадки в мини-вэн по его настоянию, из соображений конфиденциальности.

— Стакнулся? — недоуменно сморгнул Ямадзаки. — Очевидно, вы считаете, что я вошел с ними в сговор, но это совершенно не в моих обычаях. Рез и Рэи Тоэи находятся теперь в почти постоян-

ном контакте, а последние усовершенствования обеспечили ей очень большую степень свободы. Рез дал ей доступ ко всем данным, с которыми вы пытались работать. Не информируя об этом Блэкуэлла. А теперь она ознакомилась и с данными фэн-клуба. Их предложение кажется мне вполне продуктивным, оно может приблизить всю эту историю к развязке. Блэкуэлл окончательно уверился в наличии некоего заговора. Нападение на ночной клуб…

— А что это было такое?

— Я не знаю. Неудавшееся похищение? Попытка искалечить Реза? Украсть периферийные устройства идору? Поразительная топорность работы, но Блэкуэлл говорит, что это как раз и есть клеймо Комбината… Так говорят — «клеймо»?

— Не знаю.

— Или «тавро»?

— А вы не боитесь, что Блэкуэлл оттяпает нам за это пальцы? Хромать ведь будем, на две ноги каждый.

— Нет. Мы работаем на одну из подставных фирм «Ло/Реза»…

— «Парагон-Эйша»?

— …но сам-то Блэкуэлл работает на Товарищество Ло/Рез. Если Рез приказывает нам что-то

сделать, мы должны ему подчиниться.

— Даже если Блэкуэлл думает, что это ставит под угрозу безопасность Реза?

Ямадзаки пожал плечами. Глядя в заднее окно мини-вэна, Лэйни видел, как Шаннон катит на тележке серый аппаратурный блок, выгруженный ими ранее из багажника «лендровера». Блок был большой, раза в два больше тех черных, которые у Арли.

Шаннон протолкнул тележку в просвет оранжевого барьера.

Глава 36

Мэриэлис

— Не кричать, пожалуйста, — сказал этот, зажимавший ей рот, и снял свою лапу с ее рта.

— Где эта вещь? — Бесцветные глаза Мэриэлисового Эдди.

— Там. — Кья указала на сумку, из которой торчал драный угол сине-желтого пластикового мешка. А потом увидела, что Мэриэлис лежит на мохнатой розовой кровати. Спит себе, прижав подушку к лицу, даже туфли свои на шпильках не сняла. А крошечный холодильник сплошь застав-

лен сверху маленькими пустыми бутылочками.

Эдди достал из кармана черную с золотом авторучку и подошел к сумке. Наклонился и осторожно, словно мину разминируя, отодвинул авторучкой край мешка. Всмотрелся.

— Здесь оно.

— Это там?

Вторая рука все еще давила на плечо Кья, не давая ей встать.

— Это оно, точно, — сказал Эдди.

— Оставайся сидящей.

Рука убралась. А мужик, который, наверное, все это время стоял на коленях у нее за спиной, встал, подошел к Эдди и тоже заглянул в сумку. Он был заметно выше, в темно-бежевом костюме и ковбойских сапогах со всякими прибамбасами. Ширококостное лицо, волосы посветлее, чем у Эдди, и большая багровая родинка на правой скуле.

— Каким образом ты уверен?

— Да господи, Евгений…

Мужик распрямился, посмотрел на Мэриэлис, снова нагнулся и отнял у нее подушку.

— Как твоя женщина спит на кровати этой комнаты, Эдди?

Эдди взглянул на Мэриэлис.

— Черт.

— Ты говоришь нам девочка и твоя женщина это «случайно». Ты говоришь нам они встретились на самолете это только случайно. Твоя женщина здесь это тоже случайно? Мы не любим такие случайно.

Эдди перевел взгляд с Мэриэлис на мужика (русский он, не иначе), а затем на Кья.

— Какого черта эта сука здесь делает? — Словно Кья в этом виновата.

— Она нашла нас, — сказала Кья. — Она сказала, что знает кого-то в таксишной фирме.

— Нет, — покачал головой русский, — мы знаем кого-то в таксишной фирме. Это слишком много случайного.

— Но ведь теперь-то все в порядке, эта штука у нас, — вмешался Эдди. — Зачем усложнять ситуацию?

— Пожалуйста, разберись. — Русский потер правой рукой щеку, словно в надежде отшелушить родимое пятно. — Мы даем тебе изотоп. Ты хочешь узнать, есть изотоп, ты можешь тестировать. Ты даешь нам это. — Он пнул сумку острым носком сапога. — Как мы уверены?

— Евгений, — вздохнул Эдди, — ты должен знать, что подобные сделки неизбежно основы-

ваются на определенном доверии.

Русский задумался и упрямо покачал головой.

— Нет, основа не хорошая. Наши люди проследили эту девочку к большой рокерской команде. На что она работает, Эдди? Сегодня мы послали людей с ними поговорить, они бросились на нас, как долбаные волки. Одного из людей я еще недостаю.

— Да не работаю я на «Ло/Рез»! — взмолилась Кья. — Я просто состою в клубе. Мэриэлис подсунула эту штуку мне в сумку в самолете, когда я спала.

Масахико застонал, вздохнул и снова отключился.

— Очухался? Мало было? Добавить? — Эдди угрожающе поднял руку с парализатором.

— Эдди, — сказала Мэриэлис. — Ты неблагодарное говно.

Она сидела на краю кровати, сжимала свою зажигалку двумя руками и целилась из нее в Эдди.

Эдди окаменел. Как струя мочи, посыпанная хитрым японским порошком.

— Вот это основа, — сказал русский.

— Господи, Мэриэлис, — затараторил Эдди, — да где ты взяла этот ствол? Ты хоть представляешь себе, насколько это незаконно, здесь, в Японии?

— Сняла с одного русского мальчика. Выходные отверстия размером с грейпфрут… — Мэриэлис говорила вполне нормально, без всяких заплетаний языком, но вот в ее покрасневших, с набрякшими веками глазах было что-то определенно пьяное, устрашающе пьяное. — Ты думаешь, Эдди, что можешь так вот пользоваться людьми? Попользовался и выбросил?

Мэриэлис сковырнула левую туфлю носком правой, затем пальцами левой ноги — правую и встала. Чуть покачиваясь, однако зажигалка, которую она держала, точь-в-точь как копы в телевизоре, двумя плотно сцепленными, вытянутыми вперед руками, оставалась направленной прямо на Эдди.

В руке Эдди тускло поблескивал парализатор.

— Мэриэлис, — крикнула Кья, — скажи ему бросить эту черную штуку.

— Урони на ковер, и без резких движений, — сказала Мэриэлис, явно наслаждаясь, что вот выпал и ей случай произнести эту тыщу раз по телевизору слышанную фразу, и произнести вполне серьезно, без шуток.

Эдди беспрекословно разжал пальцы.

— Теперь отбрось ногой в сторону.

Вторая половина той же фразы, подумала Кья.

Парализатор остановился в паре футов от ее коленки, рядом с так и подключенными к «Сэндбендерсу» гляделками. На черных слепых стеклах гляделок выделялись плоские квадратики простейших видеокамер; если она их активирует, то увидит с тараканьей точки зрения босые ступни Мэриэлис, ботинки Эдди, ковбойские сапоги этого Евгения и, может быть, щеку Масахико.

— Говно, — сказала Мэриэлис. — Говно неблагодарное. Убирайся в ванную.

Непрерывно удерживая Эдди и русского под прицелом зажигалки, она переместилась по широкой дуге, теперь открытая дверь ванной была прямо за их спинами.

— Я понимаю, что ты раздосадована…

— Говно. А говну, Эдди, место в сортире. Убирайся в ванную.

— Сейчас, сейчас.

Эдди вскинул перед собой раскрытые ладони, словно призывая ее к разуму и пониманию. И осторожно попятился. Русский последовал его примеру.

— Семь, — сказала Мэриэлис. — Семь трижды долбанных лет. Тогда, вначале, ты еще не был говном. С виду не был. Господи. Ты и все эти твои разговорчики по пижонскому мобильнику. Меня

сейчас стошнит. Кто платил за эту долбаную квартиру? Кто покупал еду? А кто тебе, пижону сраному, покупал твои долбаные костюмы? Ты с твоим хитрым мобильником и твоим долбаным имиджем, и тебе ж, конечно, нужно иметь самый маленький мобильник, потому что член у тебя совсем не самый большой, уж это ты мне поверь.

Руки Мэриэлис начали трястись, теперь зажигалка казалась вдвойне опасной.

— Мэриэлис, — сказал Эдди, — ты должна понимать, что я прекрасно понимаю, чем я тебе обязан, сколько ты сделала для моего роста. Я не забываю об этом ни на секунду, ни на полсекунды, и никогда, поверь мне, лапочка, никогда не забуду, а все это, это просто небольшое недоразумение, случайный ухаб на нашем с тобой, лапочка, жизненном пути, и если ты только перестанешь махать этим долбаным пистолетом и успокоишься и мы с тобой выпьем, как разумные, культурные люди…

— Заткнись на хрен! — взвизгнула Мэриэлис, взвизгнула с такой пронзительной громкостью, что Кья всерьез испугалась за свои барабанные перепонки.

Рот Эдди захлопнулся почти со стуком.

— Семь трижды долбанных лет, — сказала

Мэриэлис и повторила, как заклинание: — Семь трижды долбанных лет. Год за годом. И два из них здесь, Эдди, два из них здесь, мотаясь взад-назад, Эдди, и все это для тебя, и все для тебя. И всегда свет, здесь… — По щекам Мэриэлис покатились цветные от смытой косметики слезы. — Везде. Никогда не уснуть из-за этого света, как туман над городом… В ванную.

Мэриэлис шагнула вперед; Эдди и русский отшагнули назад.

Кья протянула руку и схватила парализатор, не совсем понимая — зачем. Спереди у него были два тупых металлических зуба, а сзади, сбоку, — красная рифленая кнопка. И поразительно легкий. В школе, у гопников, их самоделки из одноразовых фотокамер были куда тяжелее.

— И он всегда находит меня, этот свет, — пожаловалась Мэриэлис. — Всегда. И все равно, что я пью, сколько пью и чем догоняю. Он находит меня и будит. Взрывается из-под двери, как порох. И ничего с ним не сделаешь. Залезает в глаза. И вся эта яркость сыплется…

Эдди был уже наполовину в дверях, а русский за его спиной, совсем в ванной, и Кья это совсем не нравилось потому что рук его не было видно. Ванная почувствовала русского и защебетала

птичьими голосами.

— И это ты затащил меня туда, Эдди. — Мэриэлис перестала жаловаться, она снова обвиняла. — В этот твой Синдзюку. Ты затащил меня, где этот свет всегда может меня достать, а я никогда не могу от него спрятаться.

А затем она нажала курок.

Эдди завопил как резаный, начисто заглушив щелчок зажигалки, которая даже и не зажглась.

Мэриэлис не растерялась, не запаниковала, а прицелилась получше и снова нажала курок.

Из черного короткого ствола выплеснулся язычок пламени; умолкнувший было Эдди яростно взревел вышиб зажигалку из рук Мэриэлис, схватил ее за горле и начал молотить кулаком по лицу, выкрикивая в такт ударам: «Сука!.. Сука… Сука!»

Ни о чем не думая, Кья вскочила на ноги — и тут же обнаружила, что они онемели от долгого сидения на полу и не слушаются. Тогда она превратила свой бросок в кувырок, перекувырнулась еще раз, увидела перед собор щиколотку Эдди, ткнула в нее парализатором и нажала красную кнопку.

Она не была уверена, что щиколотка — подходящее место и что разряд пройдет через носок, но

все обошлось наилучшим образом. Может быть, потому, что Эдди отдавал предпочтение самым тонким носкам.

Однако разряд достал и Мэриэлис, так что они с Эдди дружно содрогнулись и упали друг другу в объятья.

Мгновение спустя Масахико вихрем пересек комнату, захлопнул дверь перед носом русского, схватился обеими руками за ручку, в прыжке упер одну ногу в дверь, а другую в стену и так повис.

— Беги, — пробормотал Масахико, изо всех сил напрягая руки и ноги, а затем его пальцы соскользнули с круглой хромированной ручки, и он приземлился задом на милосердно мягкий ковер.

Кья увидела, что ручка начинает поворачиваться, прижала к ней парализатор и нажала кнопку. А потом нажала еще, и еще, и еще…

Глава 37

Трудовая практика

Лэйни вернулся на переднее пассажирское сиденье зеленого фургончика и теперь ждал,

пока Арли подключит серый Куваямов блок. За ветровым стеклом серела глухая бетонная стена. Бок малость отошел, но вот встреча с Куваямой и идору плюс последующее выяснение отношений с Ямадзаки окончательно его запутали. Если Рез и Рэи Тоэи решают все вместе и если Ямадзаки решил им подыгрывать, в какое положение ставит все это его? Трудно ожидать, чтобы Блэкуэлл так вот сразу взял и проникся идеей, как это мило и очаровательно, что Рез и Рэи соединят свои судьбы. С его точки зрения, Рез все еще пытался жениться на виртуальной девице, а это есть чушь, если не того хуже.

С другой стороны, Лэйни теперь понял, что идору куда сложнее и мощнее любого голливудского синтактера. Особенно если Куваяма не врет насчет ее фантазий, превращающихся потом в клипы. Все — крайне немногие — познания Лэйни об искусственном интеллекте были получены в «Слитскане» как побочный продукт исследования бестолковой личной жизни одного из ведущих специалистов по этому предмету, однако он твердо усвоил, что, по всеобщему мнению, настоящий ИИ так еще и не создан и что все последние разработки осуществляются в направлениях, и близко не лежащих с созданием

программы, разыгрывающей из себя очаровательную юную особу.

Считалось, что, если истинный ИИ будет в конце концов построен, в нем, скорее всего, не будет ровно ничего внешне человеческого. Лэйни запомнился просмотр лекции, в которой этот самый специалист высказывал предположение, что ИИ может быть создан по чистой случайности, так что сами его создатели не сразу поймут, что же это такое у них получилось.

— Прости, что мы так долго возимся, — сказала Арли, залезая в фургончик с водительской стороны.

— Да понятно, вы же ничего такого не ожидали.

— И заморочка-то самая глупая, с оптическим разъемом. Кабель не присоединить. Они применяют другой стандарт, французский. — Арли обвила баранку руками и уткнула в них подбородок. — Вот так-то и получается, мы спокойно справимся с этими огромными объемами информации — и не имеем под рукой нужного переходника.

— А что же тогда?

— Шаннон побежал в свой номер, говорит, у него там есть. Не иначе как порнуху японскую

смотрит. И еще. У него, у Шаннона, есть дружок в охране, и он говорит, что Блэкуэлл «порасспрашивал» одного из мужиков, которые пытались сегодня захватить Реза.

— Так это что, это все-таки он был им нужен? Рез?

— Вроде так. Они комбинатские, и им сказали перед налетом, что Рез что-то такое у них украл.

— Украл? Что?

— Этот мужик не знает. — Арли прикрыла глаза.

— А что с ним теперь, с этим, которого допрашивал Блэкуэлл?

— Не знаю. — Она открыла глаза и села прямо. — И как-то сомневаюсь, что мы когда-нибудь это узнаем.

— Он что, и вправду такое может? Пытать людей, убивать?

Арли молчала.

— Как бы там ни было, — сказала она в конце концов, — заставляя нас думать, что это возможно, он получает серьезное преимущество. А в прошлой своей жизни он точно этим занимался. Ты знаешь, что меня больше всего в нем пугает?

— Что?

— Иногда я ловлю себя на том, что вроде и при-

выкла к нему.

Стук в дверцу с ее стороны. За окном — Шаннон с соединительной кишкой в руках.

— Скажи, когда будешь готов. — Арли открыла дверцу и выскользнула наружу.

Лэйни смотрел сквозь тонированное ветровое стекло на бетонную стену и вспоминал ступеньки у дверей гейнсвиллского муниципального суда, как он следил за чистотой на этих ступеньках вместе с еще двоими приютскими, Шакиллом и Кенни. Шакилл тоже участвовал в тестировании медицинских препаратов, а Келли вскоре перевели в другое место, куда-то около Денвера. Лэйни не знал их дальнейшей судьбы, но это Шакилл первым заметил, что, когда вкалывают настоящий препарат, во рту появляется такой металлический вкус, вроде как алюминий или еще что. От пла-це-бо, сказал Шакилл, нет привкуса.

И ведь точно. Ты всегда мог сказать, то тебе ввели или это.

Они трое проходили там «трудовую практику», пять или шесть дней убирали подношения, которые оставляли люди, ожидавшие суда. Считалось, что эти подношения могут быть источником заразы, а жертвователи всегда старались их получше спрятать, так что иногда и не найдешь,

пока не завоняет или мухи не слетятся. Чаще всего куски курицы, перевязанные цветной ниткой. А однажды была, как определил тот же Шакилл, козлиная голова. Шакилл говорил, что все это оставляют распространители наркотиков, у них религия такая. Работать приходилось в зеленых резиновых перчатках с оранжевыми кевларовыми кончиками пальцев, от этого на руках высыпала потница. А чтобы складывать подношения, было белое ведро с защелкивающейся крышкой и облезлыми наклейками биологической опасности. Шакилл хвастался, что знает имена некоторых из этих, для кого подношения, богов, но Лэйни ему не верил. Все эти имена, вроде как О'Ганн или Сэм Эдди, были, конечно же, чистой выдумкой, и даже он, Шакилл, сказал как-то, забрасывая в ведро белый комок слипшихся куриных перьев, что уж лучше бы они наняли себе лишнего адвоката. «Но их тоже можно понять — ждут суда, мандражируют, вот и хотят подстраховаться с другой стороны».

А в общем эта «трудовая практика» была вполне ничего, лучше, чем в фаст-фудовых заведениях, плохо только, что потом, в приюте, их каждый раз обыскивали на предмет наркотиков.

Он рассказал Ямадзаки и Блэкуэллу, как знал

тогда заранее, что Элис Ширз собирается покончить с собой, и они наверняка решили, что он может видеть будущее. Но сам-то он знал, что не может. Это было бы все равно как если бы эти куриные потроха, подброшенные к ступенькам суда, изменяли решение судьи. То, что произойдет потом, вырастает из того, что происходит сейчас, а предсказывать будущие события… Лэйни твердо знал, что сам он этого не может, а опыт работы с узловыми точками наводил его на сильное подозрение, что и никто не может. Судя по всему, образование узловых точек было каждый раз связано с какими-то назревающими изменениями. Он просто умел выделять места, где достаточно маленького толчка, чтобы изменение действительно произошло. Малейшего толчка, вроде этой покупки лезвий для канцелярского ножа. Но если бы той ночью чуть пораньше произошло бы землетрясение и ее дом обвалился… Или она попросту потеряла бы эту пачку лезвий… А с другой стороны, если бы она купила себе «пятничный специальный» по карточке — что совершенно невозможно, потому что штука эта незаконная и купить ее можно только втихаря, — тогда любому было бы ясно, что она там замышляет… Арли открыла дверцу

с его стороны.

— Ну как ты тут, в порядке?

— В полном, — сказал Лэйни и взял с коленей очки.

— Точно?

— Ладно, давай работать.

— Как знаешь. — Она тронула его за руку. — А потом мы тебя сразу к доктору, ладно?

— Спасибо, — сказал Лэйни, надевая очки, и тут же его рот наполнился знакомым привкусом…

Данные по «Ло/Рез», прозрачные и прихотливо переплетенные с архивом фэн-клуба, пополнились россыпью новых текстур, превращавшихся, если к ним присмотреться, в…

Шакилл, в приютском тренировочном костюме. Показывает ту козлиную голову. Вся шкура с головы ободрана, а еще в нее забиты гвозди, а потом Шакилл раздвинул ее челюсти, и оказалось, что языка там нет, а на его месте лежит пропитанная кровью бумажка с какой-то надписью. Имя прокурора, объяснил Шакилл, гордясь своей осведомленностью.

Лэйни закрыл глаза, но картина не исчезла.

Он открыл их и увидел идору, лицо, окаймленное мехом. Она смотрела на него. На ней была вышитая меховая шапка с ушами, очень

кстати, потому что шел снег, а потом она уплощилась, слилась с текстурами, струившимися вниз, сквозь рифы информации, и он тоже отдался на волю этого течения и ощутил, как проходит через самое ядро, сердцевину, и вынырнул на другой стороне.

— Подожди… — сказал Лэйни и услышал свой голос с заметной задержкой.

— Перспектива, — сказала идору. — Параллакс Ямадзаки.

Что-то развернуло его, так что теперь он смотрел прямо на информацию, но под новым углом и словно с огромного расстояния. А вокруг нее… ничего — или, вернее, ничто.

Но всю эту информацию пронизывали две смутно параллельные структуры, похожие на «Риалтри» из ноутбука Арли, но бесконечно более сложные. Рез и идору. Они были изваяны во времени, структура Реза зарождалась на самом дальнем краю хлипким, тонким проростком, это были первые проблески его карьеры. Далее — рост, усложнение, превращение в нечто мощное и разветвленное… но затем она вновь начала уменьшаться, многие ветви иссохли и бессильно обвисли… Должно быть, подумал Лэйни, это и есть та точка, за которой Рез навлек на себя все

нарастающую ненависть Кэти, стал человеком, чья слава определяется не тем, что он есть, а тем, чем был раньше, светом догоревшей звезды…

Структура идору появилась чуть позже, как нечто плавное, продуманное, несколько примитивное. Но дальше, в местах наибольшего сближения с Резом, она начала обретать определенную сложность. Или, подумал Лэйни, непредсказуемость. Нечто сугубо человеческое. Она училась.

И обе эти структуры, скульптуры во времени, были узловыми, и это их качество нарастало с приближением к «теперь», где они плотно сплетались…

Лэйни стоял рядом с идору. Он уже видел этот пляж в ирландском гостевом доме, когда просматривал снятую бинокле пленку. Грязно-зеленое, с россыпью белых барашков море, свежий ветер треплет и рвет уши ее меховой шапки. Лэйни не чувствовал ветра, но слышал его вой, настолько громкий, что было трудно разговаривать.

— Так ты их видишь? — крикнула она.

— Что — вижу?

— Лица в облаках! Узловые точки! Я ничего не вижу! Покажи их мне!

Но затем она исчезла, а вместе с ней и море, и

Лэйни снова смотрел на информацию, на оцифрованные истории Реза и Рэи Тоэи, которые сплетались на грани превращения в нечто иное. А если бы тогда, в Лос-Анджелесе, он попытался, могло бы так быть, что из узловой точки Элис Ширз выплыл бы канцелярский нож?

И он попытался.

Перед ним расстилалась белая пушистая равнина. Не снег. А вдали, на фоне ядовито-розового обрыва, величественно переступали исполинские, щедро разукрашенные коричневым по коричневому ковбойские сапоги. Равнина исчезла, на ее месте медленно вращался непонятный, неопределенных размеров предмет, отдаленно похожий на лос-анджелесский автобус, если с него снять колеса.

— Семнадцатый номер, — сказала идору. — Отель «Дай».

— Дай? — переспросил Лэйни. Автобус исчез, поехал догонять сапоги.

— Что такое «отель любви»?

— Как?

— Отель. Любви.

— Ну, наверное, это где люди занимаются любовью…

— А что такое «первичный биомолекулярный

программирующий модуль С-дробь-семь-А производства Родель ван Эрп»?

— Представления не имею.

— Но вы же мне сейчас показывали! Это средоточие нашего союза, наше пересечение, то, из чего должно развернуться и все остальное!

— Подождите, — сказал Лэйни, — у вас тут есть другой, они вроде как смыкаются…

Напряжение отзывалось болью в боку, но вдали виднелись горы, перекрученные деревья, низкая крыша деревянного домика…

Идору исчезла, а затем и дом, словно съеденный изнутри, — его структура замерцала и съежилась. И на мгновение — образ чего-то громоздящегося, беспорядочная россыпь непохожих друг на друга окон и взвихренное, радужное небо.

— Кончай орать! — сказала Арли, сдергивая с него очки.

Рядом с ней — Ямадзаки.

— Остановитесь, Лэйни-сан.

Лэйни длинно, судорожно вздохнул, уперся ладонями в мягкий пластик приборной доски и закрыл глаза; рука Арли легла ему на затылок.

— Нужно туда бежать.

— Бежать? Куда?

— Семнадцатый номер… Мы опоздаем. На сва-

дьбу…

Глава 38

Звезда

Парализатор перестал щелкать, и Кья уронила его на пол. Дверная ручка не поворачивалась. Из ванной — ни звука, кроме птичьего щебетанья. А что в комнате? Масахико торопливо заталкивает свой компьютер в клетчатый пластиковый мешок. Кья бросилась к «Сэндбендерсу», схватила его (очки потянулись следом, на проводе) и повернулась к сумке, из которой так и торчал угол сине-желтого мешка. Она рывком вытащила мешок вместе с его содержимым, бросила эту мерзость на кровать и нагнулась, чтобы запихнуть «Сэндбендерс» в сумку. И услышала со стороны ванной какой-то звук. Оглянулась.

Ручка медленно поворачивалась.

Русский шагнул в комнату. На его правой руке было нечто вроде ослепительно-розовой рукавицы, без пальцев, но зато с лысой кукольной головой. Сексуальная игрушка из черного шкафчика, сыгравшая роль изоляции. Он сдернул розовую шкурку с руки и небрежно швырнул ее

через плечо. Птицы в ванной смолкли.

Масахико, начавший было надевать правый ботинок, замер, уставившись на русского; его левая нога все еще была в бумажном шлепанце.

— Вы уходите? — спросил русский.

— Она на кровати, эта ваша штука, — сказала Кья. — Мы не хотим иметь с ней никакого дела.

Заметив на полу парализатор, русский поднял ногу и припечатал его каблуком, словно некую ядовитую тварь; жалобно хрустнул крошащийся пластик.

— Артемий, мой друг из Новокузнецка, делает себе большое унижение этим. — Он поворошил обломки носком сапога. — Носит очень тесные джинсы, Артемий, кожаные, это мода. Кладет в передний карман, спуск случайно нажимается. Артемий парализует свое мужество. — Крупные, неровные зубы оскалились в подобии улыбки. — А нам смешно, да?

— Ну пожалуйста, — сказала Кья. — Мы просто хотим уйти.

Русский обогнул Эдди и Мэриэлис, так и обнимавшихся на полу.

— Ты случайность, как Артемий своему мужеству, да? Ты только случилась владельцу этого прекрасного ночного клуба. — Носок сапога

указал на бессознательного Эдди. — Который контрабандист и прочие вещи, очень сложные, но ты, ты есть просто случайность.

— Да, — кивнула Кья.

— Ты из «Ло/Рез» (Ло-ресс). — Он шагнул к кровати и заглянул в пластиковый мешок. — Ты знаешь, что такое это.

— Нет, — соврала Кья. — Я не знаю.

Русский повернулся к ней.

— Мы не нравимся случайности, никогда. Не допускаем случайности.

Руки русского начали подниматься; на третьем суставе каждого его пальца, со стороны ладони, розовело круглое пятнышко размером с горошинку. Кья видела такие у ребят в школе и знала, что это следы татуировки, недавно удаленной лазером.

Она взглянула ему в лицо. В лицо человека, который собирается с духом, чтобы сделать нечто очень неприятное, но совершенно необходимое.

Но тут взгляд его метнулся куда-то вдаль, через ее плечо; Кья обернулась и увидела, как дверь в коридор толчком распахивается внутрь. В комнату не вошел, а словно влился огромный, шире дверного проема мужик в сером, с металлическим отливом пиджаке; его правая щека была

сикось-накось заклеена полосками бледно-розового пластыря. А руки — тоже огромные и сплошь в шрамах, в левой зажато что-то черное с концом, похожим на магнитный ключ, правая лезет во внутренний карман пиджака.

— Yob tvoyu mat, — пораженно выдохнул русский.

— Мою мать? — обрадовался огромный. Его рука вынырнула наружу с предметом, похожим на очень большие ножницы; предмет начал быстро, сухо пощелкивая, раскладываться и через долю секунды превратился в топорик с металлической ручкой, искривленным, опасно поблескивающим лезвием и узкой, острой, как карандаш, головкой на обухе. — Ты сказал «мою мать»?

Его лицо и выбритая, с начинающей отрастать щетиной, голова тоже были сплошь испаханы шрамами, розовели бороздками рубцовой ткани, а на месте левого уха торчал пунцовый обрубок.

— Нет, нет, — сказал русский, поднимая руки раскрытыми ладонями вперед. — Речевое оборачивание, только.

Из-за спины мужика с топором в комнату вошел еще один мужик, темноволосый, в черном свободном костюме. Правый глаз новенького закрывал видеомодуль, подвешенный к черному,

до бровей надвинутому хайратнику. Глаз, оставшийся на всеобщее обозрение, был большой, веселый и зеленый, и все равно ей потребовалось не меньше секунды, чтобы узнать — кто это.

А узнавши, она так и села на… ну, скажем, розовую кровать.

— Где эта штука? — спросил мужик, похожий на Реза (очень похожий, разве что чуть поплотнее и щеки не ввалены).

Оба эти, русский и с топором, молчали. Мужик с топором, не оборачиваясь, захлопнул дверь ногой.

Зеленый глаз и видеомонокль переместились на Кья.

— А ты знаешь, где эта штука?

— Какая?

— Биомеханический стартовый модуль, или как ее там… — Он замолк, тронул пальцем засунутый в правое ухо наушник и прислушался. — Первичный биомолекулярный программирующий модуль С-дробь-семь-А, Родель ван Эрп. Я тебя люблю.

Кья ошалела.

— Рэи Тоэи, — объяснил мужик, тронув пальцем хайратник, и тогда она окончательно уверилась, что это он.

— Здесь. Вон в том мешке.

Он залез в сине-желтый мешок, вытащил серую, с зализанными углами коробочку и повертел ее в руках.

— Это? Это и есть наше будущее, то, что позволит нам пожениться?

— Извините, пожалуйста, — встрял русский, — но вы должны знать, что это принадлежит мне.

В его голосе звучало искреннее сочувствие.

— Ваше? — Рез вскинул глаза, чуть наклонил голову вбок и сразу стал похож на любопытную птицу. — А где вы это взяли?

— Обмен. — Русский смущенно кашлянул. — Этот джентльмен на полу.

И только тут Рез заметил Эдди и Мэриэлис.

— Они мертвые?

— Вольты, да? Есть обычно не смертельно. Ваша девочка на кровати.

— А ты кто? — повернулся к ней Рез.

— Кья Пет Маккензи, — автоматически отрапортовала Кья. — Я из Сиэтла. Я… Я в вашем фэн-клубе. — Она очень боялась покраснеть и покраснела еще сильнее.

Рез наморщил лоб и, похоже, прислушался.

— О, — сказал он наконец и, продолжая слушать, смолк. — И это все она? Действительно?

Ну, как здорово. — Зеленый глаз снова сфокусировался на Кья. — Рэи говорит, что твоя роль во всем этом была ключевой и что мы должны быть тебе по гроб благодарны.

Кья судорожно сглотнула.

— Она так думает?

Но Рез уже повернулся к русскому.

— Эта штука должна быть нашей. — Он поднял нанотехнический модуль. — Вот давайте прямо сейчас и договоримся. Сколько вы за нее хотите?

— Роззер, — сказал мужик с топором, так и стоявший у двери, — что это ты еще придумал? Этот ублюдок из Комбината.

Рез прикрыл глаз, словно стараясь взять себя в руки. А потом открыл глаз и сказал:

— Но ведь они правительство. Ты же не станешь с этим спорить? А с правительствами мы и раньше договаривались.

— Так ведь то с законными, — возразил топорник, но как-то без прежней уверенности.

Русский, похоже, тоже это почувствовал и медленно опустил руки.

— А вам-то зачем эта штука? — спросил его Рез. — Что вы хотите с ней делать?

Русский взглянул на предмет в руках Реза, словно соображая, а к чему бы, действительно,

его применить, а затем поднял глаза. На его щеке прыгала жилка: трудное решение было принято.

— Мы, — сказал он, — разрабатываем масштабный общественный проект сооружений.

— Господи. — Мэриэлис говорила так хрипло и неразборчиво, что Кья не сразу и поняла, что это за звуки. — Они туда что-то подсыпали. Точно подсыпали, клянусь моей мамой. — Слово «мамой» завершилось струей блевотины.

Глава 39

Шок

Прижав мобильник Арли к приборной доске, Лэйни набирал номер отеля «Дай». Как только мини-вэн вырвался из подземного гаража, сзади раздался грохот — потерявший равновесие Ямадзаки рухнул на завалы пузырьковой упаковки. Еще одна кнопка, еще… Телефон пискнул, по экрану карты помчались линии координатной сетки.

— Как вы там, Ямадзаки? В порядке?

— Спасибо, — сказал Ямадзаки. — Да, в порядке. — Стоя на коленях, ом смотрел в просвет между спинками сидений. — Вы обнаружили

этот отель?

— Экспресс-вэй. — Арли взглянула на экран и свернула направо, на въездную эстакаду. — Нажми там быстрый набор — три. Спасибо. Дай его мне. — Она взяла у Лэйни телефон. — Маккрей. Да. Срочность? Иди ты на хрен, Алекс. Соедини меня с ним. — Пауза. — «Дай»? Именно «Дай»? Ни хрена себе. Спасибо.

Она нажала отбой.

— Так что там? — спросил Лэйни.

При выезде на экспресс-вэй мимо них просвистел, сверкая ребристой стальной обшивкой, исполинский суставчатый грузовик; мини-вэн ощутимо тряхнуло.

— Я пыталась связаться с Резом. Алекс говорит, что они с Блэкуэллом уехали. Туда же, куда и мы сейчас.

— Когда это было?

— Примерно тогда же, когда у тебя был этот припадок с воплями и мне пришлось вмешаться. Так что извини.

Там, в гараже, Лэйни уламывал ее добрые пятнадцать минут и так до конца и не уломал. Арли говорила, что ему нужно к врачу. Говорила, что она техник, а не исследователь и не охранник, что Реза сторожит Блэкуэлл с его командой, а у

нее свои обязанности, она должна сторожить информацию, эти вот блоки, потому что любой, кто до них доберется, получит в свое распоряжение почти полный бизнес-план товарищества «Ло/Рез», плюс бухгалтерию, плюс то, что уж там доверил им Куваяма в этом сером блоке. Она сдалась, согласилась ехать только после клятвенного обещания Ямадзаки, что он берет на себя полную ответственность за все возможные последствия, и пылких заверений Шаннона и его хвостатого напарника, что они ни на шаг не отойдут от аппаратуры. Ни даже, уточнила Арли, чтобы отлить. «А если уж припрет, — сказала она, — мочитесь на стенку. И свистните сюда полдюжины блэкуэлловских молодцов, для компании».

— Он знает, — сказал Лэйни. — Она сказала ему, что это там.

— А что там находится, Лэйни-сан? — поинтересовался сзади Ямадзаки.

— Я не знаю. Но что бы это ни было, они считают, что это поможет им пожениться.

— А ты тоже так считаешь? — спросила Арли, обходя цепочку маленьких ярких автомобильчиков.

— Мне кажется, что эта штука вполне на такое способна, — сказал Лэйни, и в тот же самый

момент откуда-то снизу, из-под водительского сиденья, раздался оглушительный звон. — Но в то же время я совсем не думаю, что все это так уж обязательно произойдет. А это еще что за тарарам?

— Мы превысили допустимую скорость, — объяснила Арли. — Здесь, в Японии, законом предписано, чтобы каждое транспортное средство было снабжено таким вот устройством. Как только начнешь гнать, оно звенит.

Лэйни обернулся к глядевшему в щель Ямадзаки.

— Это что, правда?

— Конечно. — Голос Ямадзаки почти потонул в настырном дребезжании.

— Так наверняка же можно что-нибудь там отключить. Неужели никто этого не делает?

— Отключить? — удивился Ямадзаки. — А зачем?

Вполне возможно, что мобильник звонил уже давно, но Арли услышала его только сейчас.

— Маккрей, — сказала она в трубку. — Вилли? — И надолго смолкла.

Мини-вэн слегка вильнул и начал притормаживать. Звон прекратился. Арли отняла трубку от уха.

— Что там еще? — спросил Лэйни.

— Вилли Джуд, — пробормотала Арли. — Он… он просто смотрел один из клубных каналов. Там сказали, что Рез умер. Сказали, что он умер. В «отеле любви».

Глава 40

Бизнес

Видя, что никто и не думает помочь несчастной Мэриэлис, Кья встала и протиснулась мимо русского в ванную. Птички зачирикали, в раскрытом черном шкафчике горел свет, все его содержимое — разноцветные члены и прочая мерзость — валялось на полу. Кья сняла с сушилки черное полотенце и черную махровую салфетку, намочила салфетку под краном и вернулась в комнату; салфетку она отдала Мэриэлис, а полотенце сложила пополам и накрыла им блевотину на ковре.

Никто не вмешивался в ее действия. Масахико сидел на полу, поставив компьютер между ног. Безухий, который занимал собой чуть не половину комнаты, опустил свой топор и держал его теперь вдоль чудовищно толстой ноги, шишка на

обухе остро поблескивала чуть ниже его колена.

Мэриэлис кое-как села и вытерла рот, оставив на салфетке большую часть своей помады. Кья распрямилась — и чуть было тоже не блеванула, так воняло от стоявшего рядом русского его поганым одеколоном.

— Так вы, значит, строитель? — Рез все еще держал нанотеховый модуль в руке.

— Вы задаваете много вопросов. — Русский взглянул на невнятно замычавшего Эдди, шарахнул его ногой и добавил: — Основа.

— Общественные сооружения? — не унимался Рез. — Очистка воды или еще что в этом роде?

— В Таллине, — русский покосился на топор, — мы скоро строим эксклюзивный мегамолл, богатые огороженные пригороды и мирового класса фармацевтическую мануфактуру.

— Рез, — вздохнул безухий, — ну чего ты тут дурью маешься? В переводе на нормальный, этот бандюга и его приятели хотят построить себе в Эстонии завод по производству наркотиков. Давай я лучше отвезу тебя в гостиницу.

— Но может быть, их больше заинтересует… ну, скажем, недвижимость в Токио?

Глаза безухого выпучились, шрамы на лысой репе побагровели. Верхний, что под целым ухом,

конец пластырного креста отклеился, обнаружив свежую, глубокую царапину.

— Недвижимость? Да где она у тебя, эта японская недвижимость?

— «Аспект славы», — сказал Рез. — Компания, ведущая дела Рэи. Они вкладывают ее доходы в самые разные вещи.

— Вы обсуждаете нанотех, обмененный на токийскую недвижимость? — живо вскинулся русский.

— Совершенно верно.

— А какая именно недвижимость?

— Насыпной остров в Заливе, один из двух. В районе одного из полигонов старого «Ядовитого ожерелья», но после землетрясения его закрыли и рекультивировали.

— М-минуточку, — сказала с пола Мэриэлис. — Я тебя знаю. Ты был в этой команде, с этим тощим китайцем, гитаристом. Мощно вы задвигали.

— Я думаю, это не хорошо, здесь обсуждать бызнес, — сказал русский, озабоченно потирая родинку. — Но я Старков, Евгений. — Он протянул Резу руку (Кья снова заметила лазерные шрамы), и Рез ее пожал.

Безухий глухо застонал.

— Я смотрела его по телевизору, в Дейтоне, —

сказала Мэриэлис, словно это что-то доказывало.

Безухий сунул свободную от топора руку в карман, вынул мобильник и приложил его к безухому уху.

— Спасибо, — сказал он и направился к окну, тому самому, за ширмой, которое нашла Кья. — Ты, Роззер, тоже иди сюда. На это стоит посмотреть.

Рез подошел к безухому, тронув по дороге свой монокль, и встал рядом с ним.

— Что такое, Кити? Что они там делают?

— Тебя хоронят, — ответил безухий.

Глава 41

Свечи и слезы

Темные окна административных корпусов проносились совсем рядом, в каких-то метрах от ограждения экспресс-вэя. Высотки сменились зданиями пониже, затем в отдалении выплыла яркая вывеска: ОТЕЛЬ «ЦАРЬ МИДАС». Карта на приборной доске начала попискивать.

— Третий съезд направо, — сказал Лэйни, следивший за курсором. Ускорение прижало его к спинке, надсадно зазвенел сигнал превышения скорости. Еще одна сверкающая вывеска:

ВОДОПАД СВОБОДЫ БАНФ.

— Лэйни-сан, — позвал сзади Ямадзаки, — вы замечали какие-нибудь указания на близкую смерть Реза либо иные беды?

— Нет, да и как бы? Для этого нужна определенная степень преднамеренности, отраженная к тому же в изучаемом материале. А несчастные случаи, действия совершенно посторонних личностей… — Звон прекратился, они тормозили перед указанным картой съездом. — Но я видел информацию по ним во временной перспективе как два сливающихся потока, и то, вокруг чего они сливаются, было там, куда мы сейчас едем.

Арли свернула направо, на широкую дугу съездной эстакады, и Лэйни увидел трех совсем молоденьких девочек в облепленных грязью кроссовках, спускавшихся по крутому травянистому склону. Одна из них была, похоже, в школьной форме: гольфы и короткая клетчатая юбочка. Жесткий свет натриевых фонарей придавал их фигуркам какую-то ирреальность, а потом мини-вэн остановился, заглядевшийся Лэйни посмотрел вперед, в чем там дело, и увидел, что дорога полностью перекрыта безмолвной, неподвижной толпой.

— Боже, — сказала Арли. — Поклонницы.

Если там и были отдельные мальчики, Лэйни их не заметил. Это было сплошное море черных блестящих волос, все девочки смотрели вперед, где на белом бетонном здании сверкала белая, обрамленная неким подобием короны надпись: ОТЕЛЬ «ДАЙ». Арли опустила стекло, и Лэйни услышал далекое улюлюканье сирен.

— Нет, — сказал он, — нам тут в жизни не продраться.

Каждая из девочек держала в руках зажженную свечку, колышащееся море света омывало их скорбные, мокрые от слез лица. Малолетки, соплюхи, совсем еще дети… Наглядная демонстрация того, что вызывало в Кэти Торранс особо лютую ненависть: поклонницы «Ло/Рез» никогда не старели, их армия постоянно обновлялась за счет притока только что вышедших из младенческого возраста девочек, которые без памяти влюблялись в Реза, виртуально обитавшего во вневременном мире сети, вечно двадцатилетнего Реза его ранних хитов.

— Ямадзаки, — сказала Арли, — поищите там сзади черный футляр.

После недолгого, но интенсивного копошения Ямадзаки просунул в щель между сиденьями небольшой, очень плоский чемоданчик; Лэйни

его подхватил.

— Открой, — сказала Арли.

В чемоданчике лежало что-то серое, плоское. Прямоугольная пластинка с логотипом «Ло/Рез». Арли поставила пластинку перед собой и пробежала пальцем по ее ребру. Легкий щелчок, и на ветровом стекле вспыхнули зеркально обращенные буквы зеленой, обрамленной мигающими звездочками надписи:

ЛО/РЕЗ

ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА

Арли подала машину немного вперед. Ближайшие девочки оглянулись, увидели надпись и потеснились в стороны; мини-вэн начал медленно, с частыми остановками пробираться сквозь молча расступающуюся толпу.

А затем Лэйни заметил, что чуть впереди над этой толпой возвышаются длинная, с жидкими волосами голова и обтянутые белым кожаным смокингом плечи — сочетание, хорошо запомнившееся ему по туалету «Западного мира». Судя по смятенному, почти испуганному лицу русского, громила уже и не чаял вырваться из бескрайней трясины черных волос и трепещущих огоньков, но затем он тоже заметил Лэйни,

скривился и начал с удвоенной энергией проталкиваться в новом направлении — к зеленому фургончику.

Глава 42

Разъезд гостей

Кья тоже подошла к окну и увидела, что дождь кончился. Парковочная площадка, отделенная от отеля «Дай» проволочной сеткой, была сплошь забита неподвижными фигурками с зажженными свечками в руках. И на припаркованных грузовиках тоже стоят, и на крыше низкого здания, которое чуть вдали. Девочки. Японские девочки. И все они смотрят сюда, словно прямо в окно.

Громадный мужик рассказывал Резу, что кто-то объявил, будто он умер, найден мертвым в этом самом отеле, а потом новость повесили в сети и вообще принимают ее на полном серьезе.

Русский достал свой мобильник и начал было трепаться с кем-то по-своему, а потом опустил мобильник, даже вроде не договорив, и прислушался.

— Мистер Ло-ресс, — сказал он, — мы слышим, полиция приезжает. Этот нанотех строго запре-

щен, а потому очень большая проблема.

— Ну что ж, — сказал Рез, — наша машина стоит в гараже.

Кья почувствовала, что кто-то дергает ее за локоть, повернулась, и Масахико сунул ей в руки ее сумку, уже застегнутую, и «Сэндбендерс» был уже там, по весу чувствовалось. Его компьютер тоже был упакован в тот клетчатый мешок.

— Обуйся, — сказал он.

Эдди лежал скрючившись на полу; с того времени, как русский саданул его ногой, он вроде даже и не пошевелился. Теперь русский снова шагнул к Эдди, и Мэриэлис, сидевшая рядом с ним, испуганно съежилась.

— Тебе очень повезло, — сказал русский, обращаясь к бесчувственному Эдди. — Мы соблюдаем наше соглашение. Изотоп будет доставлен. Но мы не хотим больше никакого бизнеса с тобой.

Что-то щелкнуло, и еще раз. Кья посмотрела и увидела, что безухий складывает свой топор, ловко и быстро, и даже на него не глядя.

— Слушай, Роззер, — сказал он, — эта, что у тебя, хреновина, за нее можно загреметь по максимуму. А тут еще эти твои свистульки, из-за них сюда копы едут. Дай-ка я ее возьму, пусть уж «обладание» будет на меня.

А Рез посмотрел на него и говорит:

— Нет, Кити, я ее сам понесу.

— Ну что ж, — сказал здоровый, и в глазах его появилось что-то такое, обида или даже печаль, — тогда пошли. — Он сунул сложенный топорик в карман и махнул рукой, указывая Кья и Масахико на дверь. — Вы, парочка, идите вперед.

Рез последовал за Масахико, а русский сразу за ним, но потом Кья вспомнила, что ключ от номера так и остался на прикроватной тумбочке, которая в действительности холодильник, бросилась назад и схватила его. И остановилась, глядя на Мэриэлис.

Рот Мэриэлис, с которого стерлась вся помада, выглядел каким-то старым и печальным. Рот, которому много в жизни досталось.

— Пошли с нами, — предложила Кья. А Мэриэлис подняла глаза и ничего не говорит.

— Да пошли, — повторила Кья. — Тут сейчас полиция будет.

— Я не могу, — сказала Мэриэлис. — Нужно же об Эдди позаботиться.

— Скажите своему Эдди, — сказал здоровый, хватая Кья за руку, — что, если он обо всем этом хоть кому хоть слово скажет, останется без пальцев на ногах, всю обувь придется менять.

Мэриэлис и глаз не подняла, словно не слышала, а здоровый выдернул Кья из комнаты и захлопнул дверь, и Кья пошла по коридору следом за русским, глядя на его пижонские сапоги и бежевую спину.

Масахико и русский вошли в лифт первыми, Рез тоже было сунулся, но здоровый поймал его за плечо, сказал: «Ты останешься со мной» — и подтолкнул к лифту Кья.

Масахико нажал кнопку, лифт поехал, а русский повернулся к нему и спросил:

— Ты обладаешь машиной?

— Нет, — ответил Масахико.

Русский недовольно хрюкнул; от него так воняло одеколоном, что Кья с трудом удерживала свой желудок на месте. Когда лифт открылся в тот самый, маленький, холл, русский выскочил первым и стал крутить головой, словно ожидая, что кто-то на него из-за угла бросится.

Кья и Масахико тоже вышли, и дверь лифта закрылась.

— Поиск машины, — сказал русский. — Пошли.

Следом за ним они выскочили через раздвижные стеклянные двери на парковочную площадку, чуть не наполовину занятую Эддиным «грейслендом». Рядом стоял серебристо-серый

японский седан, и Кья подумала, что вот этот, наверное, Реза. Кто-то успел уже закрыть номера обеих машин черными пластиковыми пластинками.

Сзади зашуршала раздвигающаяся дверь, Кья обернулась и увидела Реза с этим нанотеховым блоком подмышкой, а в шаге за ним — безухого.

А потом сквозь занавеску из розовых полосок прорвался длинный, совершенно ошалелый мужик в белом кожаном смокинге, и он держал за шиворот парня поменьше, а тот все старался вырваться. Как только этот парень увидел Реза и остальных, он заорал: «Блэкуэлл!» — рванулся и выскочил из своего пиджака, но тот, в белом смокинге, все равно поймал его за ремень.

Русский заорал что-то по-русски, тот, который в смокинге, повернулся, увидел его и, похоже, узнал. И отпустил того парня.

— У нас тут мини-вэн, — сказал парень.

Безухий шагнул к тому, в смокинге, посмотрел на него, будто прямо вот сейчас прикончит, но ничего такого не сделал, а только отобрал у него парнев пиджак.

— О'кей, Роззер, — сказал он, повернувшись к Резу, — ты знаешь, как это делается. Ничего нового, то же самое, как вырваться из того дома

на Сент-Килда,[191] когда снаружи нас ожидали эти мельбурнские ублюдки. Он накинул пиджак Резу на голову и плечи, хлопнул его ободряюще по руке, а затем подошел к розовой занавеске, отодвинул одну из ее полосок, посмотрел наружу и сказал не то удивленно, не то восхищенно:

— Долбать и резать. Ну ладно, слушайте тогда меня. Двигаться быстро и не разбиваться, всем вместе, Рез посередине. Прямо к зеленому минивэну. Досчитаю до трех, и — рванем.

Глава 43

Завтрак педикюрщика

— Вы совсем не едите, — сказал Блэкуэлл, прикончив вторую порцию яичницы с сосисками.

Сегодня он оккупировал для завтрака небольшую столовую на одном из служебных этажей «Эльфийского колпака» и попросил, чтобы Лэйни составил ему компанию. Вид отсюда был примерно тот же, что из номера Лэйни, располагавшегося шестью этажами ниже, встающее солнце золотило вдали верхушки новых зданий.

---

[191] Примечания: 191
Сент-Килда — крошечные островки из группы Гебридских.

— Блэкуэлл, а кто все-таки распустил слух о смерти Реза? Идору?

— Она? А почему вы так думаете? — Блэкуэлл отломил уголок тоста и теперь подчищал им с тарелки последние крошки яичницы.

— Не знаю, — пожал плечами Лэйни. — Но мне кажется, что она любит что-нибудь такое выкинуть. И что понять ее поступки ой как не просто.

— Нет, — качнул головой Блэкуэлл, — это не она. Мы сейчас все проверяем. Похоже, какая-то его мексиканская поклонница совсем взбесилась и взломала главный сайт токийского клуба весьма суровым софтверным оружием. Она действовала из Штатов, с захваченного корпоративного веб-сайта. Выпустила бюллетень, а затем обзвонила всех девиц, какие были в членском списке, чтобы вставали и мчались к этому самому «отелю любви».

Он закинул тост себе в рот, проглотил его, вроде бы и не жуя, и вытер губы салфеткой.

— Но Рез и вправду был там, — напомнил Лэйни.

— Ну да, — кивнул Блэкуэлл. — Вот мы и пробуем с этим разобраться. И вообще у нас сейчас забот выше ушей. — Он машинально потрогал свой ушной обрубок. — Нужно отмежевать Реза от

этой погребальной шуточки, успокоить его аудиторию. Дать инструкции юристам, уже летящим сюда из Нью-Йорка и Лондона для переговоров со Старковым и его людьми. И с ее людьми, — добавил он. — Так что тут не соскучишься.

— А что это были за детишки? — спросил Лэйни. — Рыжая пигалица и японский хиппи.

— Рез говорит, они в порядке. Мы разместили их в этой гостинице под наблюдением Арли, пусть она с ними разбирается.

— А где нанотеховый модуль?

— Вы. Этого. Не говорили, — размеренно произнес Блэкуэлл. — И впредь не будете говорить. Сейчас формулируется официальная правда о событиях минувшей ночи, и ничего подобного в ней не будет. Я ясно выражаюсь?

Лэйни кивнул. Нет, ну точно парапет того здания чуть-чуть сместился. Или просто свет такой? Так и не придя ни к какому выводу, он взглянул на Блэкуэлла.

— А вот скажите, вы действительно изменили свое отношение ко всей этой истории или мне только кажется? Прежде я считал вас неколебимым противником союза Реза с идору.

— Прежде так и было, — вздохнул Блэкуэлл. — Но теперь-то, похоже, дело уже сделано, верно?

Нечто вроде брака де-факто. Я-то в своей старомодности все надеялся, что в конце концов он сойдется с какой-нибудь обычной девицей. Чтобы чистила его винтовку, штопала носки, родила ему ребенка-другого. Но ведь это уже отпадает, верно?

— Думаю, что да.

— В каковом случае у меня есть два варианта. Либо я бросаю этого придурка, чтобы жил как знает, либо остаюсь с ним, делаю свое дело и пытаюсь приспособиться к тому, что уж из всего этого выйдет. И в каждом, Лэйни, в каждом из этих случаев я должен помнить, что было бы со мной, не заявись он тогда в Пентридж, чтобы дать этот сольный концерт. Так вы собираетесь есть яичницу или нет?

— Я выполнил свою работу, — сказал Лэйни. — Не с тем результатом, как вам хотелось, но выполнил. Вы согласны?

— Никаких возражений.

— А тогда мне лучше отчалить. Организуйте с оплатой, и меня уже к вечеру здесь не будет.

— Что так вдруг? — удивился Блэкуэлл. — Видеть нас больше не можете?

— Нет, просто так всем будет лучше.

— А вот Яма думает совсем иначе. И Рез. Не

говоря уж об ее иначестве, каковое, вне всяких сомнений, тоже имеет свое мнение на этот счет. Вас, Лэйни, прочили в судебные прогнозисты — если бы только не оказалось, что вы попросту высасываете всю эту узловую бредятину из пальца. Что, к слову сказать, очень бы меня позабавило. Но ничего подобного не произошло, так что в настоящий момент ваши услуги представляются нам более чем желательными, и ваш уход нас бы крайне огорчил.

— Я вынужден уволиться, — сказал Лэйни. — Меня шантажируют.

Блэкуэлл подался вперед, веки его вскинулись, розовый червячок в правой брови чуть шевельнулся.

— Ну неужели? — Мягкий, благожелательный голос. Голос сексолога, к которому пришел чрезмерно стеснительный пациент. — И кто же это такое придумал?

— «Слитскан», Кэти Торранс. Отчасти и по личным мотивам.

— Ну-ка расскажите мне эту историю. Во всех подробностях. Пожалуйста.

И Лэйни рассказал ему все, рассказал, что участвовал в испытаниях «5-S8», рассказал, что, по имеющимся данным, люди, подвергавшие-

ся действию этого препарата, рано или поздно становятся маньяками, начинают охотиться на знаменитостей.

— Я не говорил об этом раньше, — заключил он, — из опасения, что вы не захотите со мной связываться. Решите, что вдруг я тоже спсихую.

— В общем-то такие типы не редкость, — пожал плечами Блэкуэлл. — Прямо вот сейчас в Токио находится некий молодой человек, сочинивший все песни Ло и Реза, не говоря уж о таких мелочах, как весь репертуар Синего Ахмеда. Для пущей радости этот молодой человек прекрасно разбирается во взрывных устройствах, так что за ним нужен глаз да глаз. По счастью, мы тоже кое-что умеем. А потому, Лэйни, если вы когда-нибудь смените шкуру и захотите нас укусить, и нам, и вам будет лучше, если вы будете здесь, поближе к бдительному оку нашей службы безопасности.

Лэйни на минуту задумался. В общем-то, все это звучало вполне разумно.

— Ну а если «Слитскан» все-таки покажет эту запись? Вам ведь сразу захочется, чтобы я был где-нибудь подальше. Мне захочется, чтобы я был где-нибудь подальше. У меня нет семьи, нет никого, кто пострадает, но самому-то мне все равно придется с этим жить.

— Ну и как вы себе это представляете?

— Я уеду в какое-нибудь место, где люди не смотрят это говно.

— Ну что ж, — вздохнул Блэкуэлл, — когда вы найдете эту блаженную страну, возьмите меня с собой. Мы будем питаться орехами и плодами, сливаться с тем, что уж там осталось от долбаной природы. Но пока что, Лэйни, я перекинусь парой слов с этой вашей Кэти Торранс. Я ей кое-что объясню. Ничего особо сложного. Простые, предельно простые механизмы действия причинно-следственных связей. И она никогда не допустит, чтобы «Слитскан» показал миру вашего малосимпатичного двойника.

— Блэкуэлл, — сказал Лэйни, — меня она терпеть не может и хотела бы мне отомстить, но вот Реза она ненавидит, ненавидит слепой ненавистью и должна его уничтожить. Кэти Торранс — очень влиятельная особа из мощной глобальной организации. Ваши угрозы не испугают ее и не остановят, а только повысят ставку в игре. Она обратится к своей службе безопасности.

— Нет, — покачал головой Блэкуэлл, — ни к кому она не обратится, потому что это было бы грубым нарушением некоей, весьма личной договоренности, которая будет достигнута в

ходе нашей будущей беседы. Именно личной, это здесь ключевое слово. Мы встретимся с ней лицом к лицу, мы построим этот незабываемый, полный глубочайшего смысла эпизод отнюдь не как представители двух безликих организаций. Наше с вашей Кэти общение может оказаться для нее более интимным и — смею надеяться — более поучительным, чем все, что она знала прежде. Потому что я внесу в ее жизнь новую непреложность, а мы все нуждаемся в непреложностях. Они помогают формированию личности. Я вселю в вашу Кэти глубочайшее возможное убеждение, что при первой же попытке нарушить нашу договоренность она умрет. И не сразу, а лишь после того, как смерть станет ее единственным, всепоглощающим желанием. — Блэкуэлл обнажил в улыбке два ряда искусственных, ослепительно белых зубов. — Так каким же конкретно способом должны были вы известить ее о своем решении?

Лэйни вынул из бумажника белую карточку с от руки написанным номером.

— Спасибо. — Блэкуэлл взял карточку и поднялся. — Жаль, что вы так ничего и не съели, такой хороший завтрак пропал. Вернетесь в свой номер, сразу позвоните гостиничному врачу, пусть он с вами разберется. И — ложитесь спать. А с

этим, — он засунул карточку в нагрудный карман алюминиевого пиджака, — я уж сам разберусь.

После ухода Блэкуэлла Лэйни заметил посреди его чистой, словно языком вылизанной тарелки полуторадюймовый оцинкованный гвоздь, поставленный торчком на широкую, надежную шляпку.

По ближайшем рассмотрении бок Лэйни оказался черно-желто-синим, как флаг некоей неведомой мордобойной державы. Врач туго замотал эту красоту тривиальным микропорным бинтом, оставил на тумбочке какое-то снотворное и удалился. Лэйни проглотил снотворное, вымок хорошенько под душем, лег в постель и совсем было собрался потушить свет, когда рассыльный принес факс.

Факс был адресован К. ЛЭЙНИ, ПОСТОЯЛЬЦУ.

ДНЕВНОЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ ДАЛ МНЕ РАСЧЕТ. «ЧРЕЗМЕРНО БЛИЗКИЕ ОТНОШЕНИЯ С ГОСТЯМИ». КАК БЫ ТАМ НИ БЫЛО, ТЕПЕРЬ Я СТОРОЖУ «СЧАСТЛИВЫЙ ДРАКОН», СМЕНА НАЧИНАЕТСЯ В ПОЛНОЧЬ, МОЖЕШЬ ПРИСЫЛАТЬ МНЕ ФАКС, E-MAIL, ТЕЛЕФОН ТОЛЬКО ДЛЯСЛУЖЕБНОГО, НО В ОБЩЕМ РЕБЯТА ЗДЕСЬ ХОРОШИЕ. НАДЕЮСЬ, ТЫ В ПОРЯДКЕ. ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ОТВЕТСТВЕННЫМ.

НАДЕЮСЬ, ТЕБЕ ТАМ НРАВИТСЯ. РАЙДЕЛЛ.

— Спокойной ночи, — сказал Лэйни, роняя факс на прикроватную тумбочку, и мгновенно заснул.

И проспал до того момента, когда позвонила Арли, чтобы сказать, что она в холле и не хочет ли он выпить. Девять вечера, если верить голубенькому циферблату на углу тумбочки. Лэйни надел свежевыглаженное белье и вторую малайзийскую рубашку с правильным шагом строчки и неправильным натяжением нити. Тут же выяснилось, что «белый смокинг» надорвал пару швов на его единственном пиджаке, но ведь, с другой стороны, главный русский, Старков, не пустил этого типа в мини-вэн, так что можно было считать возмездие свершившимся.

Пересекая холл, Лэйни наткнулся на совершенно взъерошенного Раиса Дэниелза. Шустрый юрист снова защемил свою голову черным хирургическим зажимом былых бестормозных времен — надо думать, чтобы не распухла от забот.

— Лэйни! Господи! Вы не видели Кэти?

— Нет. Я весь день проспал.

— Послушайте, все это как-то дико, но я… вот клянусь, я уже начинаю думать, что ее похитили. — Дэниелз пританцовывал от возбуждения, привставая на носки роскошных замшевых мо-

касинов.

— А в полицию вы обращались?

— Конечно, мы сразу так и сделали, но вы бы попробовали сами, это все равно что разговаривать с долбаным и марсианами, все эти анкеты в их ноутбуках, и даже какая у нее была группа крови… А вы, Лэйни, вы, часом, не знаете, какая у нее кровь?

— Жидкая, — ответил Лэйни. — Такого вроде как соломенного цвета.

Но Дэниелз словно не слышал, он схватил его за плечо и оскалил зубы — надо думать, в их стае это означало благорасположение.

— Я вас уважаю, очень уважаю. За вашу невозмутимость.

Лэйни заметил в дальнем конце холла Арли. На ней было что-то черное и короткое.

— Вы бы поосторожнее, Райс. — Он стряхнул с себя холодную цепкую руку. — Она еще появится. Я в этом не сомневаюсь.

А затем он шел к Арли и улыбался, и она тоже улыбалась и махала ему рукой.

Глава 44

Ля пуриссима

Кья лежала в постели и смотрела телевизор. Это успокаивало нервы вроде транквилизатора. Вот и мама тоже, когда ушел отец, она тогда вообще не выключала телевизор, сидела перед ним с утра до вечера.

Но здесь было другое телевидение, японское, с девочками вроде Мицуко, только чуть помладше и в матросках, которые запускали на длинном столе громадные деревянные волчки. Здорово запускали. Это было такое соревнование, у кого дольше не упадет. Можно было включить перевод, но картинка, сопровождаемая японским, непонятно о чем, бормотанием, даже лучше успокаивала. А самым убаюкивающим были крупные планы тихо жужжащих волчков.

А вот чтобы узнать, как подает NHK все эти вчерашние заморочки, мистификации в сети и свечное действо у отеля «Дай», тут перевод был очень кстати.

Весьма, весьма пухлявенькая Хироми Огава с пеной у рта утверждала, что она знать не знает,

кто это вдребезги разнес сайт ее отделения и оттуда, с еще дымящихся развалин, призвал всех токийских поклонниц Реза хором поскорбеть. Но в любом случае, подчеркнула Хироми, злоумышленником был кто-то посторонний, никак не связанный ни с одним из отделений всемирного клуба. Только Кья-то ничуть не сомневалась, что все это устроила Сона, а Хироми врет, врет по наущению этих своих знакомых из «Ло/Рез». Арли успела уже выяснить, что нападение было совершено из Аризоны, с заброшенного веб-сайта, и что раньше этот сайт принадлежал какой-то авиационно-космической компании. Откуда следовало, что Сона засветила свою секретную страну и навсегда ее потеряла. (Пускай там Арли сто раз хорошая, незачем ей знать про Сону.)

А еще показали снятые с вертолета кадры, море свечей на подступах к отелю «Дай» и ошарашенные лица спецназовцев, которым пришлось иметь дело с двадцатью пятью тысячами (приблизительная оценка) зареванных девчонок. Пострадавших было совсем немного, и все по мелочам, только одна девочка скатилась с крутой насыпи и поломала себе обе лодыжки. А вот как их всех оттуда вывезти, это была настоящая проблема, потому что девочки приезжали на такси,

по пятеро-шестеро в одной машине, ничуть не задумываясь, где они поймают такси для обратной дороги. А некоторые приехали на родительских машинах и побросали их, торопясь к центру событий, где попало, что создало дополнительную неразбериху. Арестованных тоже было немного, несколько десятков, в основном — за «незаконное проникновение».

Рез сделал публичное заявление, что он жив и здоров и крайне сожалеет обо всей этой истории, к каковой он, естественно, не имеет ни малейшего отношения. Он был в том же самом черном костюме и в той же рубашке, но уже без видеомонокля и вроде как похудощавее, это уж кто-то поработал над записью. В начале Рез улыбался и шутил, говорил, что в жизни не бывал в отеле «Дай», да и вообще ни в каком «отеле любви», а теперь, пожалуй, стоит наверстать упущенное, а затем вдруг стал очень серьезным и сказал, как ему жаль, что люди испытали столько неудобств, а некоторые из них даже пострадали из-за чьей-то безответственной выходки. В завершение он снова улыбнулся и сказал, что вся эта история была очень трогательной и произвела на него неизгладимое впечатление, потому что не так уж часто доводится человеку поприсутствовать на

своих собственных похоронах.

Хозяева отеля «Дай» тоже выразили свое сожаление и тоже не понимали, как такое могло случиться. Судя по всему, здесь, в Японии, их хлебом не корми, только дай выразить сожаление или сочувствие, но эти, хозяева, сумели заодно сообщить, что в их заведении нет постоянно присутствующего персонала и что таким образом всем клиентам обеспечивается максимальная приватность. Арли потом сказала, что это реклама и можно не сомневаться, что ближайшие месяцы в отеле «Дай» не будет отбоя от посетителей, он теперь прославился.

В общем, все это подавалось как некая дурь, чреватая, однако, серьезными последствиями, избежать которых удалось исключительно благодаря хладнокровию и профессионализму полицейских, которые быстро сориентировались в ситуации, пригнали из пригородов электробусы и развезли девиц по городу.

Арли была из Сан-Франциско, работала на «Ло/Рез» и знала Реза лично, это она сидела за рулем мини-вэна и провела его сквозь зареванную толпу. А потом она сделала такое, что вообще сдуреть можно, — оторвалась от полицейского вертолета, вывернув на встречную полосу этого экспресс-

вэя, для чего потребовалось перемахнуть через бетонный разделитель.

Арли привезла их с Масахико в этот отель, разместила в сообщающихся номерах, кособоких каких-то, ни одного прямого угла, но зато при каждой комнате свой отдельный душ. Она попросила их не выходить в сеть и никуда не звонить без ее разрешения, ну кроме если потребуется позвать обслугу, и ушла.

Кья тут же залезла под душ. Это было неслыханное блаженство, а те одежки, которые были на ней все это время, она точно знала, что никогда их больше не наденет, ей и смотреть-то на них было тошно. Она взяла мешок, куда полагается класть одежду, чтобы ее постирали, покидала туда все с себя и засунула мешок в мусорную корзину. Затем она достала из сумки сменку, все там, конечно же, было мятое, словно корова жевала, но это ерунда, главное, что чистое, коже приятно. В стенку ванной был вделан электрофен, так что волосы высохли буквально в секунду, а унитаз не разговаривал, и разобраться в нем было совсем не трудно, всего три кнопки управления.

Потом она легла в постель и сразу уснула. Не слишком надолго.

Помешала Арли, она то и дело забегала посмот-

реть, как там Кья, и рассказывала ей последние новости, чтобы она, Кья, ощущала свою ко всему этому причастность. Арли сказала, что Рез живет в другом отеле и сейчас он там, но потом, попозже, он обязательно придет, чтобы поговорить с ней и поблагодарить ее за все, что она сделала.

Кья вроде обрадовалась, а вроде и нет. Теперь, когда она посмотрела на Реза в жизни, все то, что она знала и думала о нем прежде, поблекло и отошло на задний план, а прежнее ее восхищение сменилось чем-то неопределенным, близким к замешательству. Вневременная фигура закрепилась в настоящем, теперешнем времени, тут уж и не хочешь, а вспомнишь слова матери, что Ло и Рез немногим младше, чем она.

И было еще одно неотвязное впечатление, оставшееся от тех минут, когда Кья сидела на корточках у задней стенки мини-вэна, втиснувшись между Масахико и маленьким японцем, у которого рукав едва висел на ниточке: она взглянула в окно и увидела девочек, провожавших мини-вэн глазами. Они не знали и не могли знать, что там, на полу этой машины, сидит, накрывши голову пиджаком, сам Рез — не знали, но вроде как чувствовали. И Кья почувствовала, что никогда уже больше не будет такой, как они, одним из лиц в

теплом уюте толпы. Потому что теперь она знала, что есть комнаты, которые им и во сне не снились, комнаты, в которых происходят бредовые, а порой даже попросту скучные вещи, и именно оттуда, из этих комнат, и приходят в мир «звезды». Вот эта мысль и одолевала ее сейчас, когда она узнала, что Рез придет с ней повидаться. Эта и то, что он такой старый.

И все это заставляло задуматься, что она скажет другим, у себя в Сиэтле. Да разве ж они поймут? А вот Сона поймет, это уж точно. Ей не терпелось поговорить с Соной, но Арли сказала, что пока лучше этого не делать.

Самый долгоиграющий волчок начал подрагивать, и кадр сместился на глаза девочки, которая его запустила.

Масахико открыл дверь, соединявшую (разделявшую?) их комнаты.

Волчок коснулся краем стола, подпрыгнул и покатился. Девочка прижала руки ко рту, из глаз ее брызнули слезы.

— Сейчас тебе нужно сходить со мной в Крепость, — сказал Масахико.

Кья взяла со стола дистанционный пультик и выключила телевизор.

— Так ведь Арли не велела нам пользоваться

сетью.

— Она знает, — сказал Масахико. — Я с утра там сижу. — Одежда на нем была все та же, но постиранная и выглаженная; на черных пузырящихся штанинах появились безукоризненные складки, что выглядело довольно дико. — И с отцом по телефону поговорил.

— Он сильно на тебя злится? Ну, за то, что эти гуми к нему приходили.

— Арли Маккрей попросила Старкова, чтобы кто-нибудь поговорил с представителем наших гуми. Они извинились перед отцом. Но там еще история с Мицуко, ее арестовали у отеля «Дай». Это поставило его в неприятное положение.

— Арестовали?

— За попытку незаконного проникновения. Мицуко тоже участвовала в этом свечном действе. Она залезла на сетку, а там сигнализация. Набежала полиция, а она еще наверху, не успела слезть.

— И как все это утряслось?

— Мой отец договорился об ее освобождении. Но он очень расстроен.

— Мне даже кажется, что это я во всем виновата, — сказала Кья.

Масахико пожал плечами и вернулся к себе

в комнату. Кья последовала за ним, прихватив по дороге с полки «Сэндбендерса», очки и наперстки.

Постель на кровати только что узлом не завязана, дверь в ванную нараспашку, за ней на залитом водой кафельном полу валяются мокрые, скомканные полотенца, туалетная полочка залита шампунем из упавшего набок флакона. В номере скопилось по меньшей мере три гостиничных подноса с полуопустошенными керамическими мисочками лапши, и все, буквально все вокруг заставлено мини-банками из-под эспрессо. За один неполный день Масахико создал вокруг себя близкое подобие своей домашней берлоги. Свой компьютер он поставил на стол, а рядом положил ту дурацкую кепочку.

— А Сону кто-нибудь видел? — спросила Кья, сдвигая к ногам кровати подушку и какой-то растерзанный журнал. Она села на расчищенное место, поставила «Сэндбендерса» себе на колени и начала надевать наперстки.

— Не думаю, — сказал Масахико и как-то странно на нее покосился.

— Отведи меня той же дорогой, что и в первый раз, — попросила Кья. — Я хочу снова там посмотреть.

Хак-Нам. Тайваньская улица. Стены, сплошь покрытые живыми, наползающими друг на друга надписями в графике всех известных письменных языков. Сотни дверей, и каждая из них — намек на свой особый, тайный мир. На этот раз Кья не только ощущала чьи-то пристальные взгляды, но и стала замечать вокруг себя бессчетное множество полупрозрачных теней. Надо думать, именно так представлялись местные жители, кроме тех, с кем ты общался напрямую. Город бесплотных призраков. Сегодня Масахико вел ее в какое-то другое место, они не взбирались по перекрученному лабиринту лестниц, а петляли по нижнему уровню — «первому этажу», как, вероятно, называли его обитатели оригинального Хак-Нама, — и Кья вспомнила «черную дыру» на том, висевшем в берлоге Масахико, платке.

— Теперь я должен тебя оставить, — сказал Масахико, когда они влетели с кишащей призрачной жизнью улицы в огромную пустоту. — Они не хотят ничьих глаз.

Он исчез. Кья осталась одна, и сперва ей показалось, что здесь действительно нет совсем ничего, кроме тусклого света, сочащегося откуда-то сверху, но потом она присмотрелась получше и смутно различила источник этого света —

прозрачный, вроде как стеклянный потолок, огромный, очень-очень высокий и сплошь заваленный какими-то смутными, проникающими друг в друга предметами. И вспомнила крыши этого города, свалку виртуального хлама.

— Странное место, правда? — спросила возникшая рядом идору; тонкая, прихотливая вышивка на ее платье горела радужным светом и двигалась. — Темно и пусто. Но он захотел, чтобы мы встретились именно здесь.

— Кто захотел? Вы не знаете, где сейчас Сона?

Перед идору возник маленький, ветхий столик, его резные, в форме драконов ножки были покрыты толстым, уже шелушащимся слоем бледно-зеленой краски. Посреди столика стоял грязный, захватанный стакан, на дне которого свернулась сороконожка. Кто-то негромко откашлялся.

— Это сердце Хак-Нама, — продребезжал знакомый голос, словно собранный из тысяч и тысяч сухих, древних и хрупких звуков. — Традиционное место для серьезных бесед.

— Вашей подруги нет, — сказала идору. — Я хотела известить вас об этом сама. А он, — жест в сторону стакана, — добавит подробности, которые я не понимаю.

— Как это «нет»? — удивилась Кья. — Там же просто прикрыли ее сайт, а сама она, Сона, так и сидит в этом Мехико-сити со своей шайкой.

— Ее нет нигде. — В голосе Этруска прорезалось нечто вроде сочувствия.

— Когда вас оттуда забрали, — сказала идору, — забрали из этой комнаты в Венеции, ваша подруга обратилась к софтверу вашего компьютера и активизировала видеокамеры в ваших очках. То, что она увидела, заставило ее предположить, что вам угрожает серьезнейшая опасность. Как оно, видимо, и было. Насколько я понимаю, у нее тут же зародился план. Вернувшись в свою тайную страну, она связалась с сайтом токийского отделения общества почитателей группы «Ло/Рез» и приказала Хироми Огава, президенту этого отделения, обнародовать сообщение о смерти Реза в отеле «Дай». В противном случае она угрожала применить оружие, которое развалит сайт токийского отделения.

— Нож, — догадалась Кья. — Так он что, настоящий?

— И крайне незаконный, — заметил Этруск.

— Когда Огава отказалась, — продолжила идору, — ваша подруга пустила свое оружие в ход.

— Что, — пояснил Этруск, — рассматривается

законодательством каждой из вовлеченных в эту историю стран как тяжкое преступление.

— Да, — согласилась идору, — а затем она воспользовалась остатками уничтоженного сайта и сама разослала это сообщение, после чего к отелю «Дай» начали стекаться толпы потенциальных свидетелей.

И снова ее сменил Этруск.

— Но в результате, — сказал он, — ваша подруга раскрыла свое присутствие на заброшенном вебсайте. Это дошло до сведения первоначальных владельцев сайта. Ваша подруга его покинула, однако они организовали преследование и в конечном итоге вынудили ее расстаться со своим образом.

— С каким еще «образом»?

Кья заранее знала ответ и боялась его услышать.

— «Сона Роса» — это образ, который создала себе Мерседес Пуриссима[192] Варгас-Гутьерес. Ей двадцать шесть лет, и она является жерт-

[192] Примечания: 192
Purissima (исп.) — чистейшая, непорочная, честнейшая и т. д.

вой энвиронментального[193] синдрома, очень распространенного в федеральном округе Мехико. — Сейчас его голос был как шелест дождя по тонкой железной крыше. — Она — дочь весьма преуспевающего адвоката по уголовным делам.

— Ну, тогда-то я ее найду, — обрадовалась Кья.

— Только она бы этого не хотела, — сказала идору. — Мерседес Пуриссима тяжело и безнадежно искалечена. Последние пять лет она живет в почти полном пренебрежении своей телесной сущностью.

Кья сидела и тихо плакала. Масахико снял с глаз присоски и подошел к кровати.

— Сона… — всхлипнула Кья. — Соны больше нет.

— Я знаю, — сказал Масахико и сел рядом с ней. — Ты так и не дорассказала мне историю «Сэндбендерсов». Мне интересно. Что там было дальше.

И она начала рассказывать.

---

[193] Примечания: 193

Энвиронментальный — связанный с окружающей средой, обычно с ее загрязнением. Гибсон раз за разом рисует Мехико-сити недалекого будущего как город с кошмарно загрязненной атмосферой.

Глава 45

Счастливый

— Колин, — пробормотала она заплетающимся со сна языком, — что это ты там делаешь?

Светящаяся панель деревянного телефона.

— Звоню в Лос-Анджелес, в «Счастливый дракон».

— Куда?

— Магазинчик такой. Круглосуточный.

— В три часа ночи…

— Нужно поблагодарить Райделла, сказать ему, что с работой все удачно.

Она тяжело вздохнула, перекатилась на другой бок и накрыла голову подушкой.

За окном, вдали, янтарными иззубренными утесами высились новые здания, освещенные огнями огромного города.

Глава 46

Сказки реконструкции

Ей снился низкий, отмелистый берег, усыпанный сплющенными обломками бытовой электроники, снились суетливые, похожие на крабов твари с полосатыми, как древние резисторы, лапками. Токийский залив, спеленутый серым туманом, в старых фильмах эта колышащаяся завеса временно скрывала ужасы начальных кадров — инопланетную армаду либо каких-нибудь там чудовищ.

Она ступила в воду и пошла дальше; с каждым шагом Хак-Нам поднимался все выше, но, по искаженной логике сна, не становился ближе. Море лизало ей щиколотки. Крепость растет. Взращивается. Из ткани берега, обломков и останков мира бывшего — мира, бывшего при прежнем порядке вещей. Из миллионов тонн хлама, ссыпанного сюда баржами и исполинскими грузовиками в ходе великой реконструкции. А теперь здесь суетятся крошечные жучки Родель ван Эрпа, суетятся, вознося железные клетки будущих комнат, бессчетные, беспорядочные окна, прорезающие серую пелену тумана девственно чистыми серебряными прямоугольниками. Продукт беспорядочного людского сошествия,

чудовищный и великолепный, он воссоздается по образу и подобию своей вторичной, бесплотной версии.

Инфракрасное трепыхание будильника. Черно-желто-красный платок, выхваченный из тьмы галогенным сиянием софита, в центре платка — прямоугольник, репрезентирующий безадресную пустоту, килл-файл из легенды. Врубив эспрессницу, Кья откладывает пульт и снова сворачивается калачиком, слушая тишину, которую скоро прорежет нарастающее сипение пара. Теперь она чуть не каждое утро проводит в городе, на Сай-Шин-роуд, в своей любимой парикмахерской, где можно узнать все последние сплетни. Случается, сюда заходит Этруск, в компании Клауса и Петуха и прочих духов, с которыми он водится, и Кья им ничуть не мешает. Она этим очень гордится, ведь вот, скажем, к Масахико отношение совсем другое, вроде как к постороннему. Интересно, они и вправду старые, невероятно древние или просто ведут себя так? Как бы там ни было, они обычно обо всем узнают первыми, и она научилась это ценить. И Этруск уже пару раз намекал на какую-то свободную комнату, совсем-совсем маленькую, но зато с окном, выходящим вроде бы на Лун-Чунь-роуд.

И вообще заметно, что Этруск хорошо к ней относится. Странно это даже, ведь все говорят, что по большому счету ему никто не нужен, а вот же он восстановил папин счет, даже хотя она забыла вернуть этот ключ и там жуть сколько набежало (ключ от семнадцатого номера лежит теперь в красивой, из муарового шелка, косметичке, которую ей дали в самолете, когда летела домой; он из белого пластика и сделан по форме старых механических ключей, магнитная полоска расположена вдоль длинного стержня, а плоский конец в виде короны, какую носят принцессы. Иногда Кья достает его и рассматривает, хотя чего там такого увидишь, просто кусок грошового пластика).

Этруск и другие всю дорогу шпионят за «Проектом», как они это дело называют. Они говорят, что остров идору все еще не закончен. Он вроде бы уже и есть, но недостаточно стабилен, и прежде, чем начать строительство, пусть даже и с помощью нанотехов, его нужно укрепить, а то вдруг опять землетрясение. Кья иногда задумывается, а что, интересно, сделают со своим островом эти русские, а иногда она думает, а как там Мэриэлис, и Эдди, и Калвин, тот парень из «Виски Клона», который выволок ее оттуда, хотя какое ему вроде

бы было дело, что там с ней будет и как. Но теперь, когда столько забот, и Крепость, и школа, кажется, что все это было очень давно.

Мама, похоже, догадывается, что она не ездила тогда к Эстер, хотя прямо ничего и не говорит, а только пару раз ни с того ни с сего пускалась в объяснения насчет контрацептивов и безопасного секса. Да и вообще, если разобраться, она была там немногим более двух суток, не считая, конечно, того времени, что в самолете, потому что Рез так и не сумел выкроить времени, чтобы зайти и сказать ей спасибо, а Арли сказала, что лучше бы вернуться домой поскорее, пока никто не начал задавать вопросы, и что зато они отправят ее рейсом «Джапан Эйр Лайнс», первым классом. Так что она, Арли, тем же вечером отвезла ее в Нариту, только не на том зеленом мини-вэне, потому что его уже отправили на свалку. А Кья все еще убивалась насчет Соны и из-за этого чувствовала себя полной дурой, потому что ей казалось, что умерла ее лучшая подруга, но ведь эта подруга никогда, по сути, и не существовала, а зато была эта девушка в Мехико-сити с ее кошмарными проблемами, и в конце концов как-то так вышло, что она ревела и рассказывала все это Арли.

А Арли сказала, ты просто подожди. Ведь эта

девушка из Мехико-сити, она больше чем кто угодно другой нуждается в том, чтобы быть кем-нибудь другим. И какая разница, что она не была Соной, если она создала Сону, а это ничуть не меньшая реальность. Просто подожди, сказала Арли, и обязательно появится кто-то другой, кто-то совсем новый и будет такое чувство, что он тебя уже знал. А Кья сидела рядом с Арли в ее быстрой маленькой машине и думала, как это будет.

— Но я же никогда не смогу сказать ей, что я ее знаю.

— Нет, это сразу все испортит.

В аэропорту Арли купила ей билет на ближайший рейс «JAL», проводила в зал ожидания (нечто среднее между баром и приемной очень богатого концерна) и дала ей сумку с фирменной курткой группы технической поддержки «Ло/Рез». Куртка была специальная, от турне по Комбинату, с датами всех концертов, вышитыми на трех языках, ее рукава были из прозрачной синтетики с подкладкой, переливающейся, как ртуть. Арли сказала, что это полный отстой, но, может, у нее найдется дружок или подружка, кому такое нравится.

Кья так ни разу и не надела эту куртку и даже никому ее толком не показала, просто запихнула

в пластиковый мешок из химчистки и повесила в шкаф. И с отделением своим стала общаться поменьше (Келси, к слову сказать, вообще куда-то сгинула). И никому там не рассказывала про эти японские заморочки, ведь все равно же толком не врубятся, тем более что есть моменты, которые вообще нельзя рассказывать.

А главное, что теперь все ее время уходило на Город, потому что там были Рез и Рэи, две из множества теней, почти не отличимые от прочих, но все же отличимые. Работали над своим «Проектом».

Многим эта идея не нравилась, но многим и нравилась. Например — Этруску. Он сказал, что это самая дикая бредятина с того самого времени, как вывернули наизнанку тот, первый килл-файл.

Иногда Кья думает, что они просто пудрят всем мозги, потому что кто ж это сможет сделать такое? Построить эту штуку в Токийском заливе, на насыпном острове.

Но идору сказала, что теперь, поженившись, они непременно хотят жить в Городе. А потому обязательно его построят.

И если у них получится, подумала Кья под змеиное шипение раскочегарившейся эспрессницы,

я тоже уеду туда.

Все вечеринки завтрашнего дня
(роман)

Последний роман «мостовой» трилогии Гибсона. В нем истории старых и новых персонажей — и мира в целом — сходятся в узловой точке…

Сетевой сталкер, и неудачливый охранник, и виртуальная звезда — все они неожиданным для себя образом найдут то, что искали. Мост внесет свои коррективы, и мир изменится — весь и разом, и почти никто не заметит, какую роль сыграет в этом таинственный человек, который «…оставляет что-то вроде негативного следа; делая любой вывод, исходя из посылки, что его как бы нет…»

Глава 1

Картонный город

Сквозь вечерний поток лиц, меж спешащих черных ботинок, свернутых зонтов, через толпу,

втекающую как единый организм в удушливое чрево станции, незамеченный, неузнанный, пробирается Шинья Ямадзаки, его ноутбук зажат под мышкой, как раковина некоего скромного, но вполне удачного экземпляра подводной фауны.

Не обращая внимания на многочисленных посетителей магазинов Гинзы с их бесцеремонными локтями, огромными пакетами и безжалостно бьющими по ногам кейсами, Ямадзаки и его ноутбук — легкая кладь информации — спускаются в неоновые бездны. В это подземелье относительного спокойствия, выложенное плиткой, с эскалаторами, движущимися вверх и вниз.

Центральные колонны, облицованные зеленой керамикой, поддерживают потолок, изрытый мохнатыми от пыли вентиляторами, дымоуловителями, громкоговорителями. За колоннами, у дальней стены, жмутся нестройным рядом потрепанные картонные ящики для грузовых перевозок, импровизированные укрытия, возведенные городскими бездомными.

Ямадзаки замирает на месте, и в тот же миг на него обрушивается океанский грохот спешащих с работы и на работу ног. Его не удерживает больше его миссия, и Ямадзаки вдруг испыты-

вает искреннее и глубокое желание оказаться где-нибудь в другом месте, подальше отсюда. Он морщится от боли, когда стильная молодая дама, черты лица скрыты маской «Шанель Микропор», проезжает ему по ногам дорогостоящей детской коляской на трех колесах. Судорожно выпалив извинения, Ямадзаки успевает заметить крошку-пассажира, промелькнувшего сквозь подвижные шторки из какого-то розоватого пластика, свечение видеодисплея, мерцающего в такт шагам матери, которая, как ни в чем не бывало, катит коляску вперед.

Ямадзаки вздыхает, никем не услышанный, и направляется, прихрамывая, к картонным укрытиям. Долю секунды он гадает, что подумают проходящие мимо пассажиры, увидев, как он залезает в пятый слева картонный ящик. Ящик едва доходит ему до груди, но длиннее, чем другие, и отдаленно напоминает гроб; кусок захватанной пальцами белой рифленки, свисающей пологом, служит дверью.

А может, меня и не заметят, думает он. Так же как он сам ни разу не видел, чтобы кто-то входил в одну из этих методично расставленных хибар или покидал ее. Как будто обитатели стали невидимками в ходе особой сделки, позволившей таким

структурам существовать в контексте станции. Он изучает экзистенциальную социологию, и такие сделки всегда его особенно интересовали.

А сейчас он колеблется, сопротивляясь желанию снять ботинки и поставить их рядом с засаленной парой желтых пластиковых сандалий, размещенных у входа на аккуратно сложенном листе подарочной бумаги «Парко».

Нет уж, думает он, представляя, как попадает в поджидающую внутри западню, как борется с неизвестными врагами в чреве картона. С обувью лучше не расставаться.

Снова вздохнув, он падает на колени, сжимая ноутбук обеими руками. Замирает на миг, коленопреклоненный, слушая за спиной звуки идущих мимо торопливых шагов. Потом опускает ноутбук на керамическую плитку пола, толкает его вперед, под рифленый занавес, и на четвереньках движется за ним.

Он отчаянно надеется, что попал в тот самый ящик.

Застывает на месте от неожиданного света и жары. Единственная галогенная лампа опаляет тесное помещение с частотой пустынного солнца. Лишенное вентиляции пространство нагрето, как вместительный террариум.

— Входи, — произносит старик по-японски, — и убери задницу из прохода.

Он почти голый, если не считать подобия набедренной повязки, скрученной из останков того, что когда-то давно, возможно, было красной футболкой. Он сидит, скрестив ноги, на грубом, заляпанном краской татами. В одной руке — ярко раскрашенная игрушка, в другой — тонкая кисть. Ямадзаки видит, что игрушка представляет собой модель робота или воина в защитной броне. Поделка сверкает в солнечно-ярком свете, переливаясь синим, красным и серебряным. По татами разбросаны мелкие инструменты: бритва, резец, — наждачная стружка.

Старик очень худ, свежевыбрит, но явно нуждается в стрижке. Космы седых волос свисают по обеим сторонам лица, рот застыл в вечно недовольном изгибе. На старике очки в тяжелой оправе из черного пластика с допотопными толстыми стеклами. В стеклах прыгают зайчики света.

Ямадзаки послушно вползает в картонный ящик, чувствуя, как сзади с хлопком опускается дверь. Стоя на четвереньках, он с трудом удерживается от попытки сделать поклон.

— Он ждет, — говорит старик, кончик кисти

парит над фигуркой в руке. — Там, внутри. — Движение головы.

Ямадзаки видит, что картон был недавно укреплен трубами пневмопочты, система определенно заимствована у традиционной свайно-стропильной японской архитектуры, трубы стянуты мотками видавшей виды полимерной ленты. В этом маленьком пространстве слишком много предметов. Полотенца и одеяла, кастрюли на картонных полках. Книги. Маленький телевизор.

— Там внутри? — Ямадзаки указывает на то, что, по его предположению, является еще одной дверью и напоминает ход в кроличью нору, скрытый от посторонних глаз засаленным квадратом желтого, дынного оттенка одеяла на пенной основе, вроде тех, что попадаются в капсюль-отелях.

Но кончик кисти опускается, касаясь поделки, и старик целиком сосредоточивается на работе, так что Ямадзаки остается только ползти на четвереньках через крохотное до нелепости помещение и отдернуть в сторону край одеяла.

— Лэйни-сан?

Что-то похожее на смятый спальник. Запах болезни.

— Ну? — хрип. — Давай сюда.

Сделав глубокий вдох, Ямадзаки заползает

внутрь, толкая впереди себя ноутбук. Когда дынно-желтое одеяло падает, снова закрывая вход, яркий свет просачивается сквозь синтетику ткани и тонкую пенную основу, как тропическое солнце, проникающее в глубину кораллового грота.

— Лэйни?

Американец стонет. Кажется, пытается повернуться или сесть. Ямадзаки не разглядеть. Глаза Лэйни чем-то прикрыты. Мигает красный огонек диода. Кабели. Слабый отблеск интерфейса, отраженный на тонкой проводке вдоль скользкой от пота скулы Лэйни.

— Вот теперь я увяз, — говорит Лэйни и кашляет.

— Увязли в чем?

— За тобой не следили, случайно?

— Не думаю.

— Я бы почуял, если бы следили.

Ямадзаки чувствует, как пот внезапно начинает струиться из обеих подмышек, стекая ручьями по ребрам. Он заставляет себя сделать вдох. Воздух здесь тяжелый, гнилой. На ум приходят семнадцать известных науке штаммов устойчивых к лекарствам палочек туберкулеза.

Лэйни хрипло вздыхает.

— Но ищут-то они не меня, так?

— Нет, — говорит Ямадзаки, — ищут ее.

— Им ее не найти, — говорит Лэйни. — Не здесь. И нигде. Не сейчас.

— Почему вы сбежали, Лэйни?

— Долбаный синдром, — отвечает Лэйни и снова кашляет, а Ямадзаки чувствует ровное, на низких частотах содрогание включившейся магнитной подвески, где-то в самом нутре станции, не механическую вибрацию, а мощные толчки отработанного воздуха, рвущегося через клапаны. — В конце концов, он меня доконал. Этот долбаный 5-SB. Сталкер-эффект.

До Ямадзаки доносится топот ног, пробегающих где-то рядом, рукой подать, прямо за картонной стеной.

— Так вы из-за этого кашляете? — Ямадзаки моргает, от чего его новые контактные линзы начинают неприятно елозить.

— Нет, — отвечает Лэйни и кашляет, прикрывая рот худой рукой. — Какой-то долбаный вирус. Здесь он у всех поголовно.

— Я переживал, когда вы исчезли. Вас стали искать, но когда пропала она…

— Дерьмо угодило прямиком в вентилятор.

— Дерьмо?

Лэйни тянется и снимает громоздкий старомодный шлем виртуальной реальности. Ямадзаки не удается разобрать, каким образом в него подается информация, в неровном свете дисплея становятся видны запавшие глаза Лэйни.

— Все скоро изменится, Ямадзаки. Мы подбираемся к материнской плате всех узловых точек. Теперь-то я это вижу. Все скоро изменится.

— Не понимаю.

— Знаешь, в чем фишка? Ничего не изменилось, когда все думали, что изменится. Миллениум был всего-навсего христианским праздником. Я изучаю историю, Ямадзаки. Я вижу ее узловые точки. Последний раз у нас такое было в тысяча девятьсот одиннадцатом.

— А что случилось в тысяча девятьсот одиннадцатом?

— Все изменилось.

— Как?

— Раз — и все. Так уж эта штука действует. Теперь-то я понимаю.

— Лэйни, — произносит Ямадзаки, — когда вы мне рассказывали о сталкер-эффекте, вы упомянули, что жертвы, то есть тестируемые, становятся одержимы одной отдельной личностью из мира медиа.

— Да.

— А вы одержимы ею?

Лэйни смотрит на него в упор, глаза вспыхивают от прихлынувшего потока данных.

— Нет. Она ни при чем. Некто по имени Харвуд. Коди Харвуд. Впрочем, они еще встретятся. В Сан-Франциско. И еще один человек. Оставляет что-то вроде негативного следа; делая любой вывод, исходи из посылки, что его как бы нет.

— Почему вы вызвали меня сюда, Лэйни? Это жуткая дыра. Хотите, я помогу вам выбраться? — Ямадзаки вспоминает о швейцарском армейском ноже, лежащем в кармане. Одно из лезвий зазубрено; с его помощью он мог бы легко сделать прорезь в этой стене. Но энергетика места сильна, очень сильна, она подавляет его. Он чувствует себя бесконечно далеко от Синдзюку, от Токио, от всего. Он слышит запах пота Лэйни. — Вам нездоровится.

— Райделл, — говорит Лэйни, натягивая шлем, — тот рентакоп из Шато. Тот самый, ты его знаешь. Собственно, он и навел меня на тебя тогда, в старом добром Эл-Эй.

— И что?

— Мне нужен надежный парень на месте, в Сан-Франциско. Я сумел перевести туда кое-какие

деньжата. Не думаю, что их перехватят. Я запутал к чертям весь банковский сектор «Дейтамерики». Найди Райделла и скажи, что это его гонорар.

— За какую работу?

Лэйни трясет головой. Кабели шлема сплетаются в темноте, как змеи.

— Он должен быть там, вот и все. Что-то наступает. Все меняется.

— Лэйни, вам плохо. Давайте, я отвезу вас…

— Обратно на остров? Там же ничего нет. И никогда не будет, раз теперь ее нет.

И Ямадзаки знает, что это правда.

— Где Рез? — спрашивает Лэйни.

— Отправился в поездку по Штатам Комбината, когда решил, что она ушла.

Лэйни задумчиво кивает, шлем подпрыгивает во тьме, как кузнечик.

— Найди Райделла, Ямадзаки. Я скажу тебе, где он сможет взять деньги.

— Зачем это все?

— А затем, что он часть целого. Часть узла.

Спустя время Ямадзаки стоит, пристально глядя на башни Синдзюку, на стены бегущего света, летящие в небо в бесконечном ритуале коммерции и сластолюбия.

Огромные лица заполняют экраны, знаки кра-

соты, одновременно ужасной и банальной.

Где-то внизу, под его ногами, Лэйни ежится и заходится кашлем в своем картонном убежище, вся «Дейтамерика» непрерывно течет в его глаза. Лэйни — его друг, и другу сейчас плохо. Американские гении данных — результат опытных испытаний, проведенных в одном из федеральных сиротских приютов во Флориде, с субстанцией, известной под кодом «5-SB». Ямадзаки видел, что Лэйни может творить с данными и что данные могут творить с Лэйни.

И у него нет никакого желания увидеть это снова.

Скользя взглядом вниз по светящимся стенам, по медиа-лицам, он чувствует, как его контактные линзы двигаются, меняются, регулируя глубину фокуса. К этому он до сих пор не привык.

Неподалеку от станции, в переулке, светлом как днем, он находит киоск, торгующий анонимными дебитными картами. Покупает одну. В другом киоске опускает ее и покупает одноразовый телефон с зарядом ровно на тридцать минут, Токио — Эл-Эй.

Он задает ноутбуку вопрос о номере Райделла.

Глава 2

«Счастливый дракон»

— Героин, — заявил Дариус Уокер, коллега Райделла по охране супермаркета «Счастливый дракон», — это опиум для народа.

Дариус только что закончил подметать. Он осторожно поднял большой бак для мусора и направился к встроенному контейнеру, наподобие медицинского для острых предметов, на котором стоял знак «Опасно для жизни». Туда они и выбрасывали иглы, когда находили их.

В среднем находили пять-шесть в неделю.

Райделл фактически ни разу не поймал в супермаркете с поличным ни одного наркомана, хотя в принципе он считал, что они способны и не на такое. Казалось, люди просто бросают использованные иглы на пол, обычно где-нибудь в глубине торгового зала, рядом с кормом для кошек.

Регулярно подметая в «Счастливом драконе», можно было обнаружить и другие предметы: таблетки, иностранные монеты, больничные браслеты для опознания личности, смятые бумажные купюры государств, где такие были в

ходу. Не то чтобы было желание рыться в этом мусорном баке. Когда приходила очередь Райделла подметать, он надевал те же перчатки из кевлара, что были сейчас на Дариусе, а под них — проверенный латекс.

Он полагал, что Дариус все же был прав в своем суждении, и это заставляло задуматься: сколько развелось кругом новой дряни, а народ и не думал забывать о старой. Запрети, скажем, сигареты — и люди придумают, что можно курить вместо них! «Счастливому дракону» не разрешалось продавать бумагу для самокруток, но шла бойкая торговля мексиканскими папильотками, которые пускались в дело ничуть не хуже. Самая популярная марка называлась «Больше волос», и Райделл порой гадал, была ли использована хотя бы одна папильотка для завивки шевелюры. И как вообще можно завить волосы на прямоугольнички папиросной бумаги?

— Без десяти, — бросил через плечо Дариус. — Хочешь проверить поребрик?

В четыре часа одному из них выпадал десятиминутный перерыв — одна нога здесь, другая там. Если Райделл шел проверять поребрик, это означало, что он был обязан первым уйти на перерыв, а потом дать передохнуть Дариусу. Проверка

поребрика была мероприятием, учрежденным родительской корпорацией «Счастливого дракона» в Сингапуре по совету принятой на работу в компанию команды американских культурологов-антропологов. Мистер Парк, менеджер ночной смены, объяснил это Райделлу, отмечая галочками пункты в своем ноутбуке. Для большей важности он щелкал пальцем по каждому параграфу на экране, в его голосе ясно читалась скука, но Райделл счел это частью работы, а мистер Парк был редкий педант.

— Для демонстрировать забота «Счастливый дракон» о безопасность в район, охранный персонал будет патрулировать поребрик перед магазин на постоянный основа, каждый ночь.

Райделл кивнул.

— Вы не позволено долго отсутствовать из магазин, — добавил мистер Парк. — Пять минута. Непосредственно перед перерыв! — пауза. Щелчок. — «Счастливый дракон» должен быть высокопрофессиональный, дружелюбный, чувствительный к местной культура.

— А что это значит?

— Кто-нибудь спит, вы их подвинуть. Дружелюбный. Работать шлюха, вы ей «привет», анекдот, подвинуть.

— Я боюсь этих старух, — сказал Райделл без всякого выражения на лице. — В Рождество они наряжаются эльфами Санта-Клауса.

— Никакой шлюха перед «Счастливый дракон».

— Чувствительный к местной культуре?

— Рассказать анекдот. Шлюха любит анекдот.

— Может быть, в Сингапуре, — сказал Дариус, когда Райделл изложил ему инструкции Парка.

— Он не из Сингапура, — сказал Райделл. — Он из Кореи.

— Так что, по сути, они хотят, чтобы мы «показали себя», расчистили несколько ярдов тротуара, были дружелюбными и чувствительными?

— И рассказать анекдот.

Дариус прищурился:

— Знаешь, какой народ зависает перед второсортной лавочкой на Сансет в четыре утра? Малолетки под «плясуном» со съехавшими крышами и галлюцинациями из фильмов про монстров. Угадай, кому достанется быть монстром? Плюс там тебе еще и зрелые социопаты: старше, изощренней, полифармней…

— И что?

— С дерьмом их смешать, — сказал Дариус, — отобрать к черту наркоту.

— Давно пора. Сам бог велел.

Дариус глянул на Райделла:

— Ты первый.

Он был из Комптона и единственный из знакомых Райделла, кто действительно родился в Лос-Анджелесе.

— Ты крупнее.

— Размер — это еще не все.

— Точно, — согласился Райделл.

Все лето Райделл и Дариус вкалывали в ночной охране «Счастливого дракона», изготовленного на заказ модуля, который был доставлен вертолетом к стоянке бывшего автопарка на Стрипе. До этого Райделл работал ночным охранником в Шато, чуть выше по улице, а еще раньше водил фургон для компании «Интенсекьюр». А еще раньше, весьма недолго — и об этом он старался думать как можно реже, — он служил офицером полиции в Ноксвилле, штат Теннесси. Когда-то в те времена он дважды чуть не стал героем телешоу «Копы влипли», на котором он вырос, но с тех пор старался никогда не смотреть. Ночные дежурства в «Счастливом драконе» оказались куда интереснее, чем Райделл мог себе представить. Дариус говорил, что это все потому, что на милю-другую в округе больше нет других точек,

торгующих чем угодно, что только может понадобиться кому угодно, на регулярной основе и наоборот. Лапша для микроволновок, диагностические тесты для большинства вензаболеваний, зубная паста, весь ассортимент одноразовых товаров, карточки доступа в сеть, жвачки, вода в бутылках…

«Счастливые драконы» расплодились по всей Америке, по всему миру, если на то пошло, и чтобы это доказать — вот вам у входа, как фирменный знак, стояла «Всемирная Интерактивная Видеоколонна «Счастливого дракона»». Встречи с ней нельзя было избежать ни на входе, ни на выходе из магазина — и, конечно, нельзя было не увидеть очередную дюжину «Счастливых драконов», связанных на данный момент по сети с лавкой на Сансет: в Париже, в Хьюстоне или Браззавилле — где угодно.

Их тасовали каждые три минуты, исходя из практических соображений и установленного факта, что, если максимальное время просмотра будет длиться чуть дольше, детишки со всех дебильных задворков мира начнут на спор трахаться перед камерой. Вам и так доставалось определенное число голых задниц и прочих частей тела. Или еще привычней, как этот урод из

пражского захолустья, который, как раз когда Райделл выходил проверить поребрик, выставил напоказ в камеру свой «универсальный палец».

— У нас все так же, — ответил Райделл неизвестному чеху, прикрепляя на пояс неоново-розовую сумку с эмблемой «Счастливого дракона», которую он должен был по контракту таскать с собой во время дежурства.

Вообще-то он не возражал, хотя сумка и выглядела дерьмово: зато она была пуленепробиваемой, с выдвижным нагрудным кевларовым «слюнявчиком», который можно было закрепить вокруг шеи, если дела шли совсем плохо.

Однажды некий обдолбанный в дым посетитель с керамическим кнопарем предпринял попытку проткнуть Райделла прямо через логотип «Дракона», — и это на второй неделе работы! — после чего Райделл даже как-то сдружился с несуразной штуковиной. Он повесил памятный кнопарь на стену в своей комнате над гаражом миссис Сикевиц. Они нашли нож под банками с арахисовым маслом, после того как парни из ДПЛА, Департамента полиции Лос-Анджелеса, забрали того обдолбанного. У кнопаря было черное лезвие, похожее на стекло, облепленное песком. Райделлу нож не нравился: лезвие из керамики

давало странную балансировку и было такое острое, что он успел уже дважды порезаться. Он не знал, что с ним делать.

Сегодня ночью проверка поребрика была необременительна. Неподалеку стояла молодая японка с ошеломительно длинными ногами, торчавшими из вовсе ошеломительно коротких штанишек. Не то чтобы японка. В Эл-Эй Райделл понял, что разницу здесь уловить очень трудно. Дариус как-то сказал, что гибридная стать стала ходовым товаром, и Райделл решил, что он прав. Эта девица — сплошные ноги! — была почти с Райделла ростом, а ему казалось, что японцы обычно пониже. Но кто его знает, может, она выросла здесь, как перед этим выросли ее предки, и местная пища сделала их высокими. Он слыхал о подобных случаях. Но нет, решил он, приближаясь, дело в том, что это вовсе не девушка. Смех, да и только, как вас могут обдурить. Обычно различия не так очевидны. Он едва не принял ее за настоящую девушку, но, подсознательно оценив ее телосложение, понял, что это не так.

— Эй, — сказал он.

— Хочешь меня подвинуть?

— Ну, — сказал Райделл, — мне положено.

— А мне положено стоять здесь на улице и

клеить истасканную клиентуру, чтобы купила у меня минет. В чем разница?

— Ты вольный стрелок, — наконец решил он, — а я получаю зарплату. Спускайся по улице и иди минут двадцать, никто тебя за это не уволит. — Он чувствовал запах ее парфюма сквозь сложную смесь ядовитых газов в воздухе и прозрачный аромат апельсинов, витающий здесь порой по ночам. Где-то рядом цвели апельсиновые деревья, вернее, должны были цвести, но он до сих пор ни одного не видел.

Она стояла и хмурилась на него.

— Вольный стрелок?

— Так и есть.

Она профессионально качнулась на своих навороченных каблуках и выудила пачку русского «Мальборо» из эксклюзивной розовой сумочки. Мчащие мимо машины уже вовсю сигналили о ночном охраннике «Счастливого дракона», о чем-то болтающем с девочкой-мальчиком шести с лишним футов ростом, а теперь она с явным умыслом делала ему нечто и вовсе противозаконное. Она открыла красно-белую пачку и с вызовом протянула Райделлу сигарету. Сигарет в пачке осталось две, с фабричными фильтрами на концах, но одна была явно короче другой, со

следами малиново-синей губной помады.

— Нет, спасибо.

Она вытащила короткую недокуренную сигарету и сунула ее в рот.

— Знаешь, что бы я сделала на твоем месте? — ее губы, огибая коричневый фильтр, казались парочкой миниатюрных надувных матрацев, покрытых блестящей голубоватой глазурью.

— И что же?

Она выудила из сумочки зажигалку. Точно такие продают в этих чертовых табачных магазинах. Скоро их тоже прикроют, как он слышал. Она щелкнула и прикурила. Втянула дым, задержала, выпустила, отвернувшись от Райделла.

— Я бы, твою мать, растворилась в воздухе.

Он оглянулся на «Счастливого дракона» и увидел, как Дариус что-то говорит мисс Хвалагосподу Сгиньсатана, контролеру ночных дежурств. У старухи Хвалагосподу было отменное чувство юмора, что, как считал Райделл, и неудивительно — с таким-то именем! Ее родители были членами особо ревностной секты небезызвестных неопуритан Южной Калифорнии и взяли фамилию Сгиньсатана еще до того, как родилась Хвалагосподу. Все дело в том, разъясняла она Райделлу, что никто сейчас толком не знает, что значит

«сгинь», так что если она по глупости сообщала свою фамилию, все дружно записывали ее в сатанистки. Поэтому в миру она обходилась фамилией Проуби, принадлежавшей ее папаше еще до того, как он заразился религией.

Тут Дариус сказал что-то смешное, и Хвалагосподу захохотала, откинувшись всем телом. Райделл вздохнул.

Ему хотелось, чтобы сегодня была очередь Дариуса проверять поребрик.

— Слушай, — сказал Райделл, — я же не говорю, что ты не имеешь права здесь стоять. Тротуар — это общественное место. Просто пойми, в компании существует такая политика.

— Я докуриваю эту сигарету, — сказала она, — после чего звоню своему адвокату.

— А нельзя решить проблему попроще?

— Не-а, — широкая, ядовито-синяя, вздутая коллагеном улыбка.

Райделл мельком глянул назад и увидел, что Дариус делает ему какие-то знаки, показывая на Хвалагосподу с телефоном в руке. Он надеялся, что они еще не звонят в ДПЛА. Почему-то он почувствовал, что у девицы действительно есть адвокат, а это совсем бы не понравилось мистеру Парку.

Дариус вышел наружу.

— Это тебя! — крикнул он. — Слышишь, из Токио!

— Прошу прощения, — сказал Райделл и отвернулся.

— Эй! — сказала она.

— Что «эй»? — он снова посмотрел назад.

— А ты симпатяга.

Глава 3

В затруднении

Лэйни слышит, как его моча булькает, заполняя литровую пластиковую бутылку с наверчивающейся крышкой. Неловко стоять на коленях здесь в темноте, и ему не нравится, как бутылка теплеет в его руке, наполняясь. Он закрывает ее на ощупь и ставит осторожно в дальний угол от изголовья. Утром он отнесет ее, накрыв пиджаком, в мужскую уборную и опорожнит в раковину. Старик знает, что он слишком болен, чтобы выползать и тащиться по коридору каждый раз как приспичит, и у них есть соглашение по этому поводу. Лэйни мочится в пластиковую бутылку и выносит ее, когда может.

Он не знает, почему старик позволяет ему торчать здесь. Он предлагал заплатить, но старик только и знает, что делать свои модели. Он тратит целые сутки, чтоб закончить одну, и они всегда безупречны. И куда они исчезают, когда он их заканчивает? И откуда берутся комплектующие детали?

По теории Лэйни, старик — сенсэй сборки, сокровище нации, знатоки всего мира привозят ему комплекты, с волнением ожидая, когда мастер сложит трансформеры на старинный манер с непревзойденным небрежным изяществом, своим дзэнским штрихом оставляя на каждом единственный крохотный и при этом совершенный изъян, одновременно и подпись, и отражение сущности мироздания. Действительно, как все несовершенно. Ничто не завершено. Все лишь процесс, утешает себя Лэйни, застегивает ширинку и валится в свое отвратительное логовище из спальных мешков.

Однако процесс оказался намного более странным, чем оговаривалось в контракте, размышляет он, сбивая угол спальника в подобие подушки, чтобы не касаться головой картона, сквозь который он чувствует твердую облицовку коридорной стены.

И все же, думает он, мне нужно оставаться здесь. И если в Токио существует место, где люди Реза меня не найдут, так это здесь. Он не совсем представляет, как тут оказался: все слегка затуманилось, когда навалился синдром. Некий сдвиг в сознании, некий сдвиг в природе восприятия. Недостаточно памяти, некий провал. Что-то не срастается.

Теперь ему интересно, а что, если он на самом деле о чем-то договорился со стариком? Возможно, он уже покрыл все расходы, ренту, что там еще. Возможно. Поэтому старик дает ему пищу, приносит бутылки минералки без газа, терпит запах мочи. Может быть, все именно так, как он думает, но он не уверен.

Здесь темно, но он видит цвета, неясные сполохи, клочья, пунктиры, движение. Как будто остатки потоков «Дейтамерики» остались с ним навсегда, впечатанные в сетчатку. Ни лучика света не проникает снаружи из коридора — он залепил черной лентой все булавочные проколы, и теперь стариковская галогенная лампа отключена. Он допускает, что там, за стеной, старик спит, но он никогда не видел его спящим, не слышал ни звука, который бы мог означать переход ко сну. Возможно, старик спит, сидя прямо на татами,

трансформер в одной руке, кисть в другой.

Иногда ему слышится музыка в соседних коробках, но смутно, как будто жильцы надевают наушники.

У него нет ни малейшего представления о том, сколько людей живет в этом коридоре. Судя по всему, здесь хватит места на шестерых, но он видел и больше, а может, они ночуют посменно. Он не сильно понимает по-японски, даже спустя восемь месяцев, а если бы и понимал, решает Лэйни, все равно эти люди чокнутые, и говорят они только о том, о чем говорят чокнутые.

И конечно, любой, кто бы увидел его здесь и сейчас, с его лихорадкой, на куче спальников, с его шлемом и сотовым портом для скачивания данных, его бутылкой с охлаждающейся мочой, решил бы, что он тоже чокнутый. Но он вовсе не чокнутый. Он знает, что он не чокнутый, несмотря ни на что.

Да, теперь у него синдром, болезнь, настигающая каждую жертву тестов, что проводились в том гейнсвилльском сиротском приюте, но он вовсе не чокнутый. Он лишь одержимый. И эта одержимость имеет свою особую форму в его голове, свою особую текстуру, свой особый вес. Он знает об Этом от самого себя, может Это

распознавать и потому возвращается к Этому по мере надобности, чтобы проверить. Отслеживает. Убеждается, что еще не стал Этим. Это напоминает ему разболевшийся зуб или эмоции, которые он испытывал, когда однажды влюбился, не желая любить: его язык всегда находил больной зуб, он всегда чувствовал эту боль, этот собственный недостаток — свою возлюбленную.

Но синдром был совсем другим. Он жил отдельно от Лэйни и не имел никакого отношения ни к кому и ни к чему, чем Лэйни хотя бы интересовался. Почувствовав впервые, что Это начинается, он принял как должное то, что Это связано с ней, с Рэи Тоэи, потому что был там, рядом с ней, или близко, как только возможно находиться к существу, физически не бывшему. Они общались почти каждый день, он — и идору.

И вначале, размышляет он теперь, Это, наверное, и было связано с ней, но потом он как будто рванулся вслед за чем-то сквозь потоки данных, не думая, что творит, точь-в-точь как механически нащупываешь нить основы и начинаешь тянуть, распуская всю ткань.

И то, что распустилось, — стало, в его понимании, схемой бытия. И за всем этим он обнаружил Харвуда, который был знаменит, но знаменит

в смысле «быть знаменитым своей знаменитостью». Харвуд, который, как говорят, избрал президента. Харвуд — гений пиара, унаследовавший компанию «Харвуд Левин», самую мощную в мире пиаровскую фирму и изменивший ее самым серьезным образом, направив на совсем иные сферы влияния, но каким-то образом сумевший не стать жертвой механизма, производящего знаменитостей. Который мелет, как отлично знал Лэйни, очень мелко. Харвуд, который, предположительно, только предположительно, вращал все эти жернова, каким-то образом сумел не дать механизму защемить себе палец. Он, непонятно как, умудрялся быть знаменитым и при этом не казаться значительным, центром чего бы то ни было. В самом деле, на него почти никогда не обращали внимания, разве что когда он развелся с Марией Пас, и даже в тот раз героиней была сама звезда из Падании[194], блиставшая в конце каждого эпизода, и был Коди Харвуд, улыбавшийся из вереницы боковых экранов, окружающих изображение гипертекстовых ромбов: красавица и этот мягкий с виду, скрытный, демонстративно лишенный всякой харизмы миллиардер.

---

[194] Примечания: 194

Падания — самопровозглашенная республика в Северной Италии (здесь и далее примеч, ред.).

— Привет, — говорит Лэйни, его пальцы нашаривают рукоятку механического фонарика из Непала, примитивной вещицы, ее крохотный генератор приводит в движение механизм, похожий на скрепленные пружиной плоскогубцы. Накачав фонарь жизнью, он поднимает его, слабо мерцающий луч упирается в картонный потолок. Потолок плотно залеплен множеством наклеек, маленьких, прямоугольных, произведенных на заказ продавцом-автоматом, стоящим рядом с западным входом на станцию: все наклейки — разнообразные фото отшельника Харвуда.

Он не помнит, что вообще ходил к автомату, произвел простой поиск фотографий Харвуда и заплатил за их распечатку, но вполне допускает, что проделал все это. Потому что знает, откуда они взялись. И точно так же не помнит, как отдирал защитную пленку с каждого фото и прилеплял его к потолку. Но кто-то проделал и это.

— Я вижу тебя, — говорит Лэйни, рука его слабеет, от чего тусклый луч фонарика еще более мутнеет и окончательно гаснет.

Глава 4

Формальное отсутствие драгоценных вещей

На Маркет-стрит: безымянный мужчина, наваждение узловых конфигураций Лэйни, только что видел девушку.

Утонувшая тридцать лет назад, она ступает, свежа, как первое творение, из бронзовых дверей какой-то маклерской конторы. И в тот же миг он вспоминает, что она мертва, а он — жив, и что это другое столетие, и что, вполне очевидно, это другая девушка, просто новенькая, с иголочки, незнакомка, с которой он никогда не заговорит.

Проходя мимо нее сквозь легкий расцвеченный туман подступающей ночи, он чуть заметно склоняет голову в честь той, другой, ушедшей давным-давно.

И вздыхает, — на нем длиннополое пальто, доспехи, которые он носит под ним, — один безропотный вдох и безропотный выдох, — он движется в толпе коммерсантов, спешащих из своих многочисленных контор. Они плывут по осенней улице в сторону выпивки, или обеда, или просто дома и сна, которые их ждут.

Но вот и та, с которой он никогда не заговорит, исчезает, и его омывает невыразимое чувство не то чтобы утраты, но какого-то острого осознания собственной протяженности во всем мире и во всех городах, а в этом городе — особенно.

Под его правой рукой, надежно укрытой, подвешен клинок, покоящийся, словно летучая мышь, вниз острием, лезвие отточено до тонкости хирургического скальпеля.

Клинок прихвачен магнитами, вставленными в нехитрую рукоятку из сплава никеля с серебром. Угольчатый кончик лезвия, вызывающий в памяти острый резец гравера, отклоняется в сторону пульсирующей под мышкой артерии, будто напоминая, что он тоже всего лишь в нескольких шагах от того места, куда ушла в безвременье уже так давно утонувшая девушка. В нескольких дюймах от той, другой, ждущей страны.

Его профессия — стражник у дверей в эту страну.

Если вынуть черное лезвие, оно превращается в ключ. Когда он держит его, он держит ветер в своей руке.

Дверь с нежным скрипом приотворяется.

Но он не спешит распахнуть ее настежь, и служащие фирм видят всего лишь седовласого

мужчину, строгого профессора, в серовато-зеленом пальто — такой цвет есть у некоторых сортов лишайников, — профессор часто моргает под изящной золотой оправой своих маленьких круглых очков и поднимает руку, чтобы остановить проезжающее такси. По какой-то причине коммерсанты вовсе не рвутся, как вполне бы могли, заявить свои права на экипаж, и мужчина проходит мимо них, его щеки исчерканы глубокими вертикальными морщинами, будто от старой привычки часто улыбаться. Никто не видит, как он улыбается.

Дао, напоминает он себе, застряв в пробке на Постстрит, старше Бога.

Он видит нищего попрошайку, сидящего под витриной ювелирной лавки. В витрине стоят небольшие пустые подставки, формальные отсутствия драгоценных вещей, запертых где-то на ночь. Нищий обмотал свои ноги коричневой бумажной пленкой, и эффект получился поразительный, словно он надел рыцарские латы, изготовленные из офисных материалов. Стройные икры, изящные ступни, элегантность, подобающая обладателю орденских лент. Поверх мотков пленки — сам человек, будто смазанное пятно, загогулина, его личность растерта бетоном

и неудачами. Он слился цветом с мостовой, его расовая принадлежность неопределенна.

Такси медленно продвигается вперед. Мужчина сует руку за пазуху, чтоб развернуть лезвие ножа от ребер. Он левша, и ему приходится часто задумываться о таких тонкостях.

Девушка, утонувшая так давно, ныне уже покоится на дне, утянута вниз вихрем рыжеватых волос и притупившихся воспоминаний, туда, где его юность мягко скрывается своими привычными волнами, и ему становится легче.

Прошлое — это прошлое, будущее еще бесформенно.

Есть только мгновение, и именно в нем он предпочитает пребывать.

И вот он склоняется, чтоб постучать водителю один раз в затемненную защитную перегородку.

Просит остановиться у моста.

Такси тормозит около изъеденной дождем свалки бетонных ловушек для танков, огромных ромбоидов в ржавых потеках, покрытых замысловатыми инициалами каких-то любовных парочек.

Эта дыра наверняка занимает почетное место в здешней романтической мифологии и является темой многих популярных баллад.

— Простите, сэр, — говорит ему таксист сквозь несколько слоев защитного пластика через цифровой переводчик, — не будете ли вы так любезны высадиться здесь? Этот район опасен. И я не смогу вас дожидаться.

Вопрос формальный, требование закона, во избежание неприятностей.

— Спасибо. Мне ничего не грозит. — Его английский так же формален, как у программы-переводчика.

Ему слышится мелодичный стрекот, его слова звучат на некоем азиатском наречии, которое он не может узнать. Карие глаза таксиста оглядывают его, мягкие и бесстрастные, сквозь защитные очки и щит безопасности — многократные слои отражений.

Водитель открывает магнитный замок.

Мужчина выходит из такси, расправляя пальто. За танковыми ловушками высятся ощетиненные, устремленные вниз террасы, лоскутная суперструктура, в которую завернут мост. Косвенно его мозг осознает: это знаменитое место, открытка для туристов, символ этого города.

Он закрывает дверь, и машина отъезжает, оставив после себя в воздухе карамельную сладость отработанного газойля.

Он стоит, глядя на мост, на посеребренную облицовку бессчетных крохотных жилищ, это напоминает ему фавелы в Рио, хотя масштаб составных частей несколько иной. В этой надстройке есть что-то сказочное по контрасту с опорными конструкциями основы моста. Индивидуальные укрытия — если это действительно укрытия — очень малы, пространство здесь доминирует. Он помнит, что видел вход в нижний дорожный ярус, по бокам освещенный оплывшими факелами, хотя теперь, как он знает, местные жители по большей части сотрудничают с городскими властями в борьбе со всеобщим загрязнением.

— «Плясуна» не желаете?

В тени между бетонными сооружениями она держит в ладонях миниатюрную склянку. Отвратительная гримаса как способ облегчить процесс торговли. Этот наркотик вызывает тотальное разрушение десен, порождая у тех немногих, кто переживает его, прочие побочные эффекты, характерный и жуткий оскал.

Он отвечает глазами, сила его твердого взгляда вызывает в ее глазах сполох паники, и она исчезает.

Рыжеватые волосы извиваются в бездне.

Он опускает взгляд на носки своих туфель.

Черные и четко очерченные на фоне случайной мозаики утрамбованного мусора.

Он перешагивает пустую жестянку пива «Королевская кобра» и идет между двух ромбоидов прямо к мосту. Недобры их тени, сквозь которые он движется, тени от его ног словно лезвия еще более глубокой тьмы. Это зловещее место, куда приходят волки в ожидании слабых овец. Он не боится ни волков, ни прочих хищников, которых только мог породить город, — ни сегодня, никогда. Он просто представляет все себе в одно мгновение.

Он позволяет себе предвосхитить вид, который ожидает его за последним ромбоидом: некое чрево, врата в его мечту, в его память, где торговцы рыбой раскладывают свой товар на прилавках, устланных грязным льдом. Вечная толкотня, прилив и отлив, пульс города.

И выходит в ослепляющий свет, красный росчерк ложного неона тлеет над ровным изгибом сингапурского пластика.

Память предана.

Кто-то пробирается мимо, слишком близко, еле живой, плохо ориентируясь в темноте, магниты слетают с неясным щелчком, который скорее чувствуешь, нежели слышишь. Он дотрагивается

до лезвия, и пьяница, спотыкаясь, бредет дальше, слегка в забытьи.

Он возвращает рукоятку на место и холодно смотрит на непредвиденное новшество: «Счастливый дракон» — извивается аккуратная вывеска не то по плавнику, не то по пилону, чье основание, кажется, сложено из дюжин и дюжин видеомониторов.

Глава 5

Статика под Марьячи

— Значит, она тебя бросила ради этого телепродюсера, — сказал исполнитель кантри, запихивая остатки тринадцати унций водки обратно за пояс джинсов цвета индиго, таких новых и тугих, что они поскрипывали. Вогнутая плоская бутылка примостилась под старинной пряжкой, похожей на гравированную мемориальную доску «кто-то когда-то где-то что-то завоевал», как решил Райделл, в честь победы на родео ил и в каком-нибудь другом соревновании. Райделл приспустил боковое стекло, оставив щель, чтобы выпускать клубы дыма.

— Продюсера-координатора, — сказал Райделл,

желая, чтобы водка опять помогла его пассажиру, которого звали Бьюэлл Кридмор, задремать. Тот проспал изрядную часть пути, слегка похрапывая, на что Райделл не обращал внимания. Кридмор был другом или, скорее, знакомым Дариуса Уокера. Дариус некогда работал наркодилером в Южном Централе и подсел на свое же дерьмо. Ныне, излечившись, он проводил много времени с людьми, у которых были проблемы с наркотиками, пытаясь им как-то помочь. Райделл решил считать Кридмора одним из них, хотя по всем внешним признакам парень был просто конченым алкашом.

— Спорим, та штучка надрала тебе задницу, — сказал Кридмор, глаза, залитые спиртным, напоминали щелочки. Он был невысокий, хрупкого сложения, будто ни разу не видал спортзала. Мышцы землекопа. То, что Райделл принял за налет искусственного загара, начало облезать, обнажая природную бледность. Выбеленные волосы, темные у корней, были зализаны назад и закреплены каким-то составом, будто парень только что вышел из душа. Однако вряд ли он был в душе, он потел, несмотря на включенный кондиционер.

— Ну, — сказал Райделл, — я решил, что на этот

раз у нее есть право требовать своего.

— Что за либеральную лапшу из драной задницы ты мне вешаешь на уши? — спросил Кридмор. Он вытащил бутылку из-за пояса и, прищурившись, рассмотрел остатки жидкости, как плотник, проверяющий уровень. Оказалось, уровень не соответствовал его теперешнему стандарту, и он вернул бутылку на место, за мемориальную доску. — Что же ты за человек такой, а?

Райделл на секунду насладился мыслью притормозить у обочины, поколотить Кридмора, бросить его прямо там же, на краю Пятой автострады, чтобы добраться спокойно до Сан-Франциско. Но делать он этого не стал и ничего не стал отвечать.

— Кобели не должны подставляться, как сучки, — вот что сегодня не в порядке с Америкой.

Райделл подумал о запрещенных приемах, о коротком и точном пережатии сонной артерии. Может, Кридмор даже не вспомнил бы, что Райделл с ним нечто этакое проделал. Но это не вырубит его полностью, по крайней мере, надолго, а Райделла еще в Ноксвилле научили, что нельзя рассчитывать на реакцию пьяницы, так как пьяница на все реагирует непредсказуемо.

— Эй, Бьюэлл, так чья же это все-таки маши-

на? — спросил Райделл.

Райделл с самого начала подозревал, что машина могла быть краденой. На самом деле думать об этом он совсем не хотел, так как ему требовалось в кратчайшие сроки добраться до Северной Калифорнии. Билет на самолет ему пришлось бы выкраивать из выходного пособия «Счастливого дракона», а с тратой денег придется быть предельно осторожным, пока он не определится, светит ли чем-то полезным та странная байка Ямадзаки — якобы в Сан-Франциско есть деньги, которые он вполне бы мог получить.

Ямадзаки темнит, сказал себе Райделл. Он так и не выяснил по-настоящему, чем, в сущности, тот занимается. Что-то вроде японского антрополога на вольных хлебах, изучающего американцев, вот и все, что мог понять Райделл. Возможно, японский эквивалент американцев, которых «Счастливый дракон» нанимал для того, чтобы рассказать им о необходимости «проверки поребрика». Хороший человек, этот Ямадзаки, вот только непонятно, откуда он появился. Последний раз, когда он говорил с Ямадзаки, тот хотел, чтобы Райделл нашел ему сетевого менеджера, и Райделл отправил к нему этого парня, Лэйни, поисковика данных, который только

что ушел из «Слитскана» и шатался не у дел по Шато, имея здоровенный счет. Лэйни ухватился за предложение, отправился в Токио, и впоследствии Райделла уволили за то, что было названо «фамильярностью с гостями». Так вот, в общих чертах, и вышло, что Райделл оказался ночным охранником в захолустной лавчонке — потому что пытался помочь Ямадзаки.

И вот он гонит родстер «хокер-аиши» вверх по Пятой автостраде, и совершенно понятно, что его ждет впереди, и вялое удивление, что он сейчас перевозит угнанный автомобиль через границу штата. И все потому, что Ямадзаки сказал, дескать, все тот же тип Лэйни в Токио хотел бы нанять его на какую-то «полевую» работу. Так именно и сказал Ямадзаки — «полевая работа».

И этого, особенно после того как он побеседовал с Дариусом, Райделлу хватило.

«Счастливый дракон» начал утомлять Райделла. К тому же он никогда толком не ладил с мистером Парком, и когда уходил на перерыв, на заднем дворе сразу после «проверки поребрика» настроение его совсем падало. Клочок земли, на котором был выстроен «Счастливый дракон», был словно выкопан экскаватором у подножия ближайшего холма, и в одном месте ничем не

прикрытый, почти вертикальный срез был защищен от землетрясений с помощью странного каучукоподобного полимера серого цвета, не жидкого и не твердого, который напрочь схватывал почву и не без изыска был утыкан покрышками, так как раньше это место было автостоянкой. Покрышками и бутылками и прочей мусорной дрянью. В безотчетном страхе, который стал испытывать во время этих перерывов на заднем дворе, он стал собирать пригоршнями камешки и изо всех сил швырять в полимер. При ударе они издавали неясный звук; в сущности, они полностью исчезали. Просто врезались в эту странную массу, и она затягивалась над ними как ни в чем не бывало. Райделл стал видеть в этом символ чего-то более значительного, будто он сам, подобно этим камешкам, летит через пространство и будто этот полимер — сама жизнь: затягивается над ним, не оставляя даже намека на то, что он когда-то жил.

Когда Дариус приходил на свой перерыв и говорил Райделлу, что пришло время вернуться в магазин, то иногда заставал Райделла за этим занятием — киданием камешков.

— Попади в покрышку, — советовал ему Дариус. — Кокни бутылку.

Но Райделлу не хотелось.

Когда Райделл поведал Дариусу о Ямадзаки и Лэйни и о деньгах, возможно ожидающих его в Сан-Франциско, Дариус выслушал очень внимательно, задал пару вопросов, а потом посоветовал Райделлу брать дело в свои руки.

— А как насчет договора? — спросил Райделл.

— Договора? Это же дерьмо, не работа! Спятил ты, что ли?

— Льготы, — парировал Райделл.

— А ты хоть раз пользовался здешней медицинской страховкой? За ней надо гнать в Тихуану.

— Я так не могу, — сказал Райделл, — просто взять и свалить.

— Поэтому тебя и увольняют с любой работы, — объяснил Дариус, — я читал твое досье.

В общем, Райделл вручил мистеру Парку письменное заявление, и мистер Парк моментально уволил его, вспомнил многочисленные нарушения Райделлом порядков «Счастливого дракона» вплоть до предложения медицинской помощи жертве столкновения с автомобилем на Сансет — поступок, который, как настаивал мистер Парк, мог вовлечь головную корпорацию «Счастливого дракона» в разорительную тяжбу по поводу страховки.

— Но она вошла сюда без посторонней помощи, — запротестовал Райделл, — и все, что я сделал, — предложил ей бутылку чая со льдом и вызвал дорожный патруль.

— Пройдоха адвокат заявлять, чай со льдом вызвать у ней системный шок.

— В задницу шок.

Но мистер Парк знал, что если он уволит Райделла, то расчетный чек будет меньше, чем если Райделл свалит по собственному желанию.

Хвалагосподу, которая обычно проливала слезу, если кто-то уходил, всплакнула, сдавила его в объятиях, а потом, когда он вышел из магазина, сунула ему тайком пару бразильских солнцезащитных очков с GPS[195], со встроенным телефоном и AM-FM-радио, чуть ли не самую дорогую статью ассортимента «Счастливого дракона». Райделл не захотел их принять, так как знал, что пропажа обязательно всплывет при ближайшей инвентаризации.

— В задницу инвентаризацию, — заявила Хвалагосподу.

Вернувшись в свою клетушку над гаражом миссис Сикевиц, в шести кварталах чуть ниже

---

[195] Примечания: 195

GPS — Global Positioning System (англ.) — система определения местонахождения

Сансет, Райделл вытянулся на узкой кровати и попытался заставить работать радио, встроенное в очки. Однако он смог поймать лишь статичные разряды, в которых еле-еле различалось что-то похожее на музыку марьячи.

Чуть больших успехов он добился с GPS, в левую дужку которых был вмонтирован пульт управления. Пятнадцатиканальный приемник, казалось, четко держал сигнал, но обучающая программа была переведена отвратительно, и все, что мог делать Райделл, так это скользить с крупного плана на общий, как он вскорости понял, городской схемы Рио, а не Эл-Эй. Ну и пусть, решил он, снимая очки, я все равно разберусь с этой штучкой. Тут у левого виска запищал телефон, и он снова надел очки.

— Да?

— Райделл, здорово!

— Привет, Дариус!

— Хочешь завтра проехаться до Северной Калифорнии в клевой новенькой тачке?

— Кто туда навострился?

— Зовут Кридмор. Знает одного парня, с которым я знаком по программе.

У Райделла как-то был дядя, состоявший в масонах, и программа, где был занят Дариус,

напомнила ему об этом.

— Да уж… Нет, в смысле, с ним все о'кей?

— Похоже, что нет, — радостно сказал Дариус. — Так что парню нужен водитель. У него есть трехнедельная электрическая тачка, которую позарез надо туда перевезти, и парень говорит, что на тачке можно ехать. Ты же работал шофером, так?

— Было дело.

— Короче, это бесплатно. Этот тип Кридмор заплатит за подзарядку.

Вот таким образом Райделл оказался за рулем двухместного «хокер-аиши», одного из этих низкопосаженных клиновидных скоплений выставочных материалов, который, возможно, весил — без людей — чуть меньше парочки небольших мотоциклов. Казалось, во всем этом нет и грамма металла, просто обтекаемые сандвичи с легкой прослойкой, прошито для прочности угольными волокнами. Двигатель помещался сзади, а баки с горючим были распределены равномерно внутри самих сандвичей, одновременно служивших и шасси и кузовом. Райделл и знать не хотел, что случится, если во что-нибудь врежешься на такой таратайке.

Однако она, черт возьми, почти совсем не шу-

мела, превосходно слушалась и неслась вперед, как летучая мышь, только придай ей скорость. Что-то в этой машине напоминало Райделлу о горизонтальном велосипеде, на котором он когда-то ездил, только здесь не нужно было жать на педали.

— Ты так мне и не сказал, чья это тачка, — напомнил Райделл Кридмору, только что проглотившему последние остатки водки на два пальца.

— Одного дружка, — сказал Кридмор, приспустив стекло и выкинув пустую бутылку.

— Эй, — сказал Райделл, — это десять баксов штрафу, они тебя сцапают.

— Они могут на прощанье поцеловать нас в задницу — вот что они могут, — ответил Кридмор. — Сучьи ублюдки, — добавил он, после чего закрыл глаза и уснул.

Райделл вдруг обнаружил, что опять вспоминает о Шеветте. Жалея, что вообще позволил «певцу» втянуть себя в разговор. Он знал, что не хочет об этом думать.

Просто жми вперед, вот и все, сказал он себе.

На коричневом склоне холма, справа от трассы, белые крылья чьей-то ветряной мельницы. Поздний свет полдневного солнца.

Просто жми вперед, вот и все.

Глава 6

Силенцио

Силенцио достается носить. Он самый маленький, кажется почти пацаном. Он сам не торчок, но если копы схватят его, он будет молчать. Во всяком случае, про гадость.

Силенцио уже какое-то время таскается за Крысу-ком и Плейбоем, смотрит, как они торчат, как они добывают бабки, которые им нужны, чтобы торчать еще и еще. Крысук делается злым, когда ему хочется заторчать, и Силенцио навострился в таких случаях держаться подальше от его ног и кулаков.

У Крысука длинный узкий череп, он носит контактные линзы с вертикальными радужками, как у змеи. Силенцио интересно: специально ли Крысук придумал выглядеть будто крыса, проглотившая змею, и теперь эта змея глядит наружу сквозь глазницы крысы? Плейбой говорит, что

Крысук — это pinche Chupacabra[196] из Уотсонвилля, а они все там так выглядят.

Плейбой крупный, его туша обтянута длинным прямым пальто, под которое надеты джинсы и старые рабочие сапоги. Он носит усы а-ля Панчо Вилья [197], желтые очки авиатора и черную федору[198]. Он подобрее с Силенцио, покупает ему буррито[199] с лотков, воду, жестянки попкорна, а один раз купил большую картонку фруктового напитка с мякотью.

Силенцио интересно, а может, Плейбой — его отец? Он не знает, кем бы мог быть его отец. Его мать чокнутая, торчит в своем Лос-Прожектосе[200]. На самом деле он вовсе не думает, что Плейбой — его отец, потому что помнит, как встретил Плейбоя на рынке на Брайент-стрит, и

---

[196] Примечания: 196

Pinche Chupacabra — букв, «гад (змея) чупакабра» — латиноамериканский сленг, явно пародия на латинские научные названия животных и растений; что такое чупакабра, станет ясно далее

[197] Примечания: 197

Панчо Вилья — Франсиско Вилья (наст, имя Доротео Аранлья) (1877–1923), руководитель крестьянского движения на Севере Мексики в период Мексиканской революции 1910–1917 годов

[198] Примечания: 198

Федора — название фасона мягкой фетровой шляпы

[199] Примечания: 199

Буррито — мексиканская лепешка с начинкой из мяса, сыра или бобов

[200] Примечания: 200

Los pojectos — букв. «новостройки», нищие латиноамериканские кварталы в долине Лос-Анджелеса

это вышло по чистой случайности, но иногда ему все-таки интересно — когда Плейбой покупает ему поесть.

Силенцио уселся и смотрит, как Крысук и Плейбой торчат, прямо за этим пустым лотком, воняющим гнилыми яблоками. Крысук сунул в рот небольшой фонарик, поэтому видит, что делает. Сегодня черная ночь, и Крысук надрезает маленькую пластиковую трубку специальным ножом, рукоятка длинней, чем короткое гнутое лезвие. Все трое сидят на пластиковых упаковочных ящиках.

Крысук и Плейбой торчат от черного два, а может, три раза в сутки — и днем и ночью. Три раза по черному, а потом им нужно заторчать и от белого. Белое подороже, но когда слишком много черного, они начинают говорить быстро-быстро, а может, и видят людей, которых тут нет. «Разговор с Иисусом» — так это называет Плейбой, но белое он называет «прогулка с королем». Но это совсем не прогулка: от белого они не двигаются, молчат и спят. Силенцио предпочитает белые ночи.

Силенцио знает, что они покупают белое у черных, а черное — у белых, и думает, что это и есть тайна, что изображена на картинке, которую

Крысук носит на цепочке на шее: черная слеза и белая слеза, изгибаясь, сливаются вместе, чтоб получилась окружность; в белой слезе небольшой кружок черного, в черной слезе — небольшой кружок белого.

Чтобы добыть деньги, они заговаривают с людьми, обычно в темных местах, так что люди пугаются. Иногда Крысук показывает им нож, а Плейбой в это время держит их за руки, чтобы не убежали. Деньги — внутри маленьких пластиковых чеков, на которых напечатаны бегущие картинки. Силенцио хотел бы оставлять у себя эти чеки, когда все деньги в них кончаются, но делать так не разрешается. Плейбой от них избавляется, тщательно перед тем протирая. Он бросает их в щели на обочине улицы. Он не хочет, чтобы на них оставались отпечатки его пальцев. Иногда Крысук делает людям больно, чтобы они ему выдали заклинания, которые вызывают деньги из бегущих картинок. Заклинания — это фамилии, буквы и цифры. Силенцио знает все заклинания, которые выучили Крысук и Плейбой, но сами они об этом не знают; если бы он им сказал, они бы, наверное, рассердились.

Все трое спят в комнате, которая в Миссии. Плейбой сразу стаскивает матрац с кровати и

кладет его на пол. Плейбой спит на матраце. Крысук — на голой кровати. Силенцио спит на полу.

Крысук разрезает трубку и кладет половину черного на палец Плейбоя. Плейбой лижет свой палец, чтобы черное прилепилось. Плейбой сует палец в рот и втирает черное в десны. Силенцио интересно, какое оно на вкус, но он не хочет разговаривать с Иисусом. Теперь и Крысук втирает черное в десны, фонарик забыт и зажат в свободной руке. Крысук и Плейбой похожи на идиотов, но Силенцио не смешно. Скоро им снова захочется заторчать, а черное даст им энергию, чтобы добыть необходимые для этого деньги. Силенцио знает, что денег нет, потому что все они не ели со вчерашнего дня.

Обычно они находят людей в темных местах между большими фигурами в начале Брайент-стрит, но теперь Крысук думает, что полиция наблюдает за теми местами. Крысук как-то рассказывал Силенцио, что полиция видит и в темноте. Однажды Силенцио посмотрел на полицейских, когда они проезжали мимо в своих машинах, и ему стало очень интересно, как это полиция видит и в темноте.

Но сегодняшней ночью Крысук вывел их на охоту на мост, где живут люди, и говорит, что

здесь они найдут деньги. Плейбою не нравится этот мост, потому что люди с моста, говорит он, все pinche[201]; они не любят, когда на их территории орудуют чужаки. Крысук же уверен, что чует удачу.

Крысук швыряет пустой пузырек в темноту, и Силенцио слышит, как тот обо что-то стукается, издав еле слышный звук.

Змеиные зрачки Крысука расширены от черного. Он проводит пятерней по волосам от лба до затылка и делает знак рукой. Плейбой и Силенцио следуют за ним.

Силенцио второй раз проходит вдоль винного погреба, следя за мужчиной в длинном пальто, пока тот сидит за маленьким белым столиком, пьет свой кофе.

Крысук говорит, какое клевое пальто. Смотри, какие у старика очки, говорит Крысук, они же золотые. Силенцио склонен думать, что у Плейбоя тоже золотые, но у плейбоевских желтые стекла. А у очков мужчины — простые. У него седые, очень коротко стриженные волосы, и глубокие морщины прорезали лицо. Он сидит в одиночестве, глядя на самую маленькую чашечку

---

[201] Примечания: 201
Pinche — здесь: гады (исп.)

кофе, какую Силенцио видал в жизни. Кукольная чашечка.

Они дошли за стариком до этого места. Он шел в направлении Острова Сокровищ. Плейбой говорит, что это место на мосту — для туристов. Здесь есть винные погреба, магазины со стеклянными окнами, много прохожих.

Теперь они ждут, чтобы понять, куда двинет старик, покончив со своим лилипутским кофе. Если он двинет обратно, в сторону Брайент-стрит, тогда будут трудности. Если двинет дальше на Остров, Крысук и Плейбой будут счастливы.

Обязанность Силенцио — дать им понять, что мужчина уходит.

Силенцио, проходя мимо, чувствует на себе взгляд старика, но старик лишь рассматривает толпу.

Силенцио смотрит, как Крысук и Плейбой идут за мужчиной к Острову Сокровищ.

Теперь они на нижнем ярусе моста, и Силенцио время от времени смотрит наверх, на дно верхней палубы — краска ее облупилась. Это напоминает ему о стене в Лос-Прожектосе. Здесь почти нет людей. Почти нет огней. Человек идет легкой походкой. Он не торопится. Силенцио чувствует, что человек всего лишь прогуливается, что идти

ему, собственно, некуда. Силенцио чувствует, что человеку ничего не нужно: он не ищет денег, чтобы поесть или заторчать. Должно быть, потому что у него и так есть деньги, которые нужны, чтобы поесть или заторчать, и именно по этой причине Крысук и Плейбой выбрали его, они поняли, что у него есть деньги, которые им нужны.

Крысук и Плейбой стараются идти рядом с мужчиной, но отстают. Идут на расстоянии. Плейбой держит руки в карманах своего большого пальто. Он снял очки с желтыми стеклами, под глазами у него черные круги, как у всех, что торчит на черном. Он выглядит печальным, когда собирается добыть деньги, чтобы заторчать. Он выглядит так, будто слушает очень внимательно.

Силенцио следует за этими троими, время от времени оглядываясь. В данный момент его работа — дать им знать, если кто-то появится.

Человек останавливается и смотрит в витрину магазина. Силенцио делает шаг назад и прячется за тележкой, груженной рулонами пластика, видит, как Крысук и Плейбой встают за другими укрытиями на тот случай, если человек оглянется. Человек не делает этого, но Силенцио интересно, отражается ли в витрине улица. Силенцио сам смотрит в витрину.

Человек не оглядывается. Он стоит, держа руки в карманах длинного пальто, и смотрит в витрину.

Силенцио расстегивает джинсы и тихонько мочится на рулоны пластика, осторожно, чтобы не наделать шума. Застегивая джинсы, он видит, что человек отошел от витрины и по-прежнему движется в сторону Острова Сокровищ, где, говорит Плейбой, есть люди, которые живут как звери. У Силенцио, видавшего в жизни лишь собак, голубей и чаек, в голове моментально возникает картинка: крылатые люди с клыками собаки. Раз возникнув, картинка остается в голове у Силенцио.

Выйдя из-за тележки одновременно с Крысуком и Плейбоем, решившими и дальше преследовать человека, Силенцио замечает, как тот вдруг сворачивает направо. Исчез. Человек исчез. Силенцио яростно моргает, трет кулаками глаза и смотрит еще раз. Крысук и Плейбой прибавили шагу. Они не пытаются прятаться. Силенцио тоже скачет вприпрыжку, чтобы не потеряться, и оказывается на том месте, где свернул человек. Узкая спина Крысука скрывается за углом вслед за Плейбоем и исчезает.

Силенцио замирает. Чувствует, как колотится

сердце. Делает шаг вперед и выглядывает из-за угла.

Это место, где по всем признакам должен быть магазин, но магазина там нет. Сверху свисают широкие листы пластика. Деревянные брусья, сплошные рулоны пластика. Человек стоит там.

Он стоит у дальней стены здания и переводит взгляд с Плейбоя на Крысука, с Крысука на Силенцио. Смотрит сквозь круглые стекла очков. Силенцио чувствует, что человек спокоен.

Плейбой направляется к человеку, перешагивая брусья и пластик. Плейбой молчит. Руки он все еще держит в карманах пальто. Крысук не двигается, он наготове и на глазах человека вытаскивает свой нож, щелчком раскрывает его выразительным жестом, приготовляясь.

Лицо человека не дрогнуло, а Силенцио помнит лица других людей и страх в их глазах, когда они видели нож Крысука.

В этот момент Плейбой спрыгивает с деревянного бруса, выдергивает руки из карманов, чтобы схватить человека за плечи и резко повернуть. Вот как все делается.

Силенцио видит, что человек слегка пошевелился, а может, ему это кажется.

Все замирают.

Силенцио точно видел, как левая рука человека рванулась под складки длинного пальто, которое только что было застегнуто. Но он не заметил, как получилось, что человек стоит, почти уже уперев свой кулак Плейбою в середину грудной клетки, выставив большой палец. Плейбой остолбенел. Его руки нелепо застыли, пальцы растопырены.

Силенцио смотрит, как Плейбоевы руки хватают воздух. Правая рука человека медленно поднимается, чтобы оттолкнуть Плейбоя, и из Плейбоевой грудной клетки медленно появляется тонкая черная штуковина. Силенцио становится интересно, давно ли он там ее прятал, а Плейбой навзничь валится на рулоны пластика и деревянные брусья.

Силенцио слышит, как кто-то кричит pinche madre[202], и это, конечно, Крысук. Когда Крысук торчит от черного и дерется, он очень быстрый, и ни за что не угадаешь, что он сделает; он калечит людей и трясется, смеясь, оскаливая зубы. Сейчас он прыгает вниз по рулонам пластика, будто летит, нож сверкает в его руке, и перед глазами Силенцио возникает картинка про человека с крыльями и клыками собаки, а оскал Крысука

---

[202] Примечания: 202
Pinche madre — букв, «чертова мать» (исп.)

точно такой, его змеиные зрачки расширены от черного.

И черная штука, как длинный и влажный палец, протыкает насквозь шею Крысука. И все замирает снова.

Потом Крысук пытается что-то сказать, кровь выступает в него на губах. Он хочет достать своим ножом человека, но нож рассекает лишь воздух и, наконец, выпадает из руки Крысука.

Человек вынимает черную штуковину из горла Крысука. Крысук шатается на ослабевших ногах, и Силенцио вспоминает, как тот, бывало, перебер белого и пытается ходить. Крысук пытается обеими руками сжать горло. Его губы шевелятся, но слова не выходят. Один из змеиных глаз Крысука выпадает. Под ним настоящий глаз, круглый и карий.

Крысук валится на колени, все еще сжимая горло руками. Его глаза — змеиный и карий — глядят снизу на человека, и Силенцио чувствует, что смотрят они уже из другого мира и видят уже другие картины.

Из горла Крысука вырывается негромкий слабый звук, после чего он заваливается назад, по-прежнему стоя на дрожащих коленях, падает на спину с широко разведенными коленями,

поджав обе ноги под задницу.

Силенцио видно, как серые штаны Крысука темнеют в промежности.

Силенцио смотрит на человека. Тот глядит на него.

Силенцио смотрит на черный клинок, тот спокоен в руке человека. Чувствуется, что клинок владеет человеком, а не человек — клинком. Что клинок может дать человеку команду действовать.

Но вот человек поворачивается. Кончик клинка почти квадратный, будто обрубленный. Клинок поворачивается еле заметно. Силенцио понимает, что должен что-то предпринять.

Он делает шажок вбок, чтобы человек его видел.

Клинок поворачивается. Силенцио понимает.

Ближе.

Глава 7

Кондоминиум

Однажды Тесса сказала Шеветте: оставь без присмотра пустой дом в Малибу — и кто ни попадя сползет с холмов и станет варганить барбекю

из собак у тебя в камине.

От этой швали трудно избавиться, а замки их ничуть не смущают. Вот почему нормальные люди, привыкшие жить здесь еще до Слива, охотно сдают свои дома студентам.

Тесса была австралийкой, студенткой, изучавшей теорию медиа в университете в Южной Калифорнии, и причиной, по которой Шеветта жила здесь, в основном валяясь на диване.

Ко всему вышесказанному добавьте тот факт, что у Шеветты не было ни работы, ни денег, и она только что сбежала от Карсона.

Тесса сказала, что Карсон был на редкость драчливым куском дерьма.

И поглядите, куда меня занесло, думала Шеветта, накручивая педали на тренажере, который имитировал швейцарскую горную дорогу, и стараясь игнорировать вонь заросшей плесенью прачечной, которая находилась за кирпичной перегородкой. Кто-то оставил мокрое белье прямо в машине, скорее всего в прошлый вторник, перед пожаром, и теперь оно там прокисало.

И это было просто ужасно, поскольку весьма затрудняло велогонки на тренажере. Этот тренажер мог принимать конфигурацию разных велосипедов и создавать иллюзию разных ландшафтов,

но Шеветта обожала именно этот старомодный десятискоростник со стальною рамой, на котором она легко одолевала горную дорогу, да так, что альпийские цветы по обочине размывались в неясные полосы по периферии зрения. Другим ее любимчиком был «крейсер» на шинах-аэростатах для гонок по пляжу, что было неплохо в Малибу, потому что в реальности гонять по пляжу было нельзя, если, конечно, вам не хотелось карабкаться через ржавую колючую проволоку и игнорировать предупреждения «ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ», торчащие через каждую сотню футов.

Однако вонь от прокисших гимнастических носков продолжала догонять ее, и не было в этой вони ни намека на цветущие альпийские луга, и вонь говорила Шеветте, что у нее нет ни цента и нет работы, и что она прозябает в кондоминиуме в Малибу.

Дом стоял прямо на пляже, проволока тянулась примерно в тридцати футах от черты прибоя. Никто не знал точно, что же «слилось», так как правительство упорно молчало. Что-то с грузового судна, говорили одни, а другие твердили, что это было судно с отходами, затонувшее в шторм. Однако правительство использовало

наноботы[203], чтобы все расчистить; все на это рассчитывали, и вот почему ходил слух, что гулять на пляже не стоит.

Шеветта нашла тренажер на следующий же день, как попала сюда, и гоняла на нем два-три раза в день или, как в этот раз, глубокой ночью. Казалось, больше никто не проявлял к нему интереса и даже не заглядывал в эту маленькую комнатенку, пристрой гаража, рядом с прачечной, и это ее вполне устраивало. Живя на мосту, она привыкла быть среди людей, но там, наверху, каждый всегда занимался делом. В кондоминиуме было полно студентов из университета, занимавшихся теорией медиа, и они ей действовали на нервы. Они сидели повсюду, весь день торчали в сети и трепались об этом и, казалось, ровным счетом ничего не делали.

Она почувствовала, что повязка интерфейсвизора промокла и пот потек по лицу. Она сейчас здорово вжарила; ощущалось напряжение именно тех мышц спины, до которых обычно дело не доходило.

Тренажер гораздо лучше справлялся с имитацией желто-зеленого велосипедного лака, чем

---

[203] Примечания: 203

Наноботы — мельчайшие механизмы, созданные на основе нанотехнологии

с рычагами переключения скоростей, — она обратила на это внимание. Рычаги были какие-то мультяшные, дорожное покрытие неслось под ними, смазываясь в стандартную текстурную карту. Облака, наверное, тоже были «условным обозначением», подними она взгляд; обычная стандартная фрактальная ерунда.

Она была определенно не слишком счастлива от своего пребывания здесь, да и от своей жизни в общем и целом на данном этапе. Она разговорилась об этом с Тессой после обеда. Ну, скажем так, разругалась.

Тесса хотела снять документальный фильм. Шеветта знала, что такое документальный фильм — Карсон работал на телеканал «Реальность», по которому шли исключительно документальные фильмы, так что Шеветте в свое время пришлось просмотреть их сотнями. В результате, как считала она, теперь у нее была масса информации ни о чем конкретном, в том числе ничего конкретного о том, что ей вроде бы реально стоило знать. Например, что конкретно ей делать теперь, раз уж жизнь занесла ее в такое место.

Тесса хотела съездить с ней в Сан-Франциско, но Шеветта испытывала смешанные чувства по этому поводу. Темой документального фильма,

который желала снять Тесса, были маргинальные сообщества, и Тесса сказала, что, дескать, Шеветта как раз принадлежала к одному из них, потому что жила на мосту. «Маргинальный» значит «находящийся на обочине», и Шеветта считала, что в этом определении, как ни крути, есть толика смысла.

И она действительно скучала по жизни там, наверху, скучала по людям, но ей не хотелось об этом думать. Из-за того, как все сложилось после ее приезда сюда, и из-за того, что ни с кем не общалась.

Просто жми на педали, сказала она себе, уже достигнув иллюзорной вершины. Переключи передачу еще раз. Жми еще сильней. Поверхность дороги местами стеклянно поблескивала, так как Шеветта превысила скорость смены образов симулятора.

— Наезд, — голос Тессы.

— Черт, — сказала Шеветта, сорвав с лица визор.

Платформа камеры, как надутая гелием подушка из серебристого майлара, на уровне глаз в открытом дверном проеме. Детская игрушка с небольшими пропеллерами, заключенными в клетки, управляется из спальни Тессы. Световое

кольцо отразилось в раструбе объектива, когда он начал растягиваться, «наезжая».

Пропеллеры смазались в серое, вынесли платформу в дверь, остановка; вновь смазались в серое, разворот. Конструкция покачалась там, пока не обрела устойчивость из-за балласта подвешенной снизу камеры. «Маленькая Игрушка Бога», так окрестила Тесса свой серебристый воздушный шар. Бестелесный глаз. Она посылала его в медлительные круизы по дому, добывая фрагменты образов. Каждый, кто жил здесь, непрерывно снимал на пленку кого-то другого, за исключением Йена; Йен носил стоп-кадр-костюм, даже спал в нем и записывал свои собственные движения.

Тренажер, простая машина для трюков, почувствовал, что Шеветта утратила фокусировку, тяжко вздохнул, замедляясь, сложная система гидравлических приводов начала перестраиваться. Узкое клиновидное сиденье между ее бедер расширилось, раскинулось, чтобы охватить ягодицы в режиме «бич-байк». Ручки руля пошли вверх, приподнимая ее руки. Она продолжала крутить педали, но тренажер начал потихоньку тормозить.

— Сожалею, — голос Тессы из крохотной колон-

ки. Но Шеветта знала, что Тесса не сожалеет.

— Я тоже, — сказала Шеветта, когда педали проделали финальный полуоборот, защелкнув замки для спуска. Она толкнула ограждения вверх и спустилась на землю, неловко толкнув платформу и испортив Тессе кадр.

— Une petite problemette[204]. У тебя, я так думаю.

— Что?

— Пойдем на кухню, и я тебе покажу. — Тесса запустила один из пучков пропеллеров в обратную сторону, заставив платформу повернуться на оси. Потом направила два пучка вперед, и платформа поплыла обратно через дверной проем, в гараж. Шеветта проследовала за ней, стянув полотенце с гвоздя, вбитого в дверной косяк. Закрыла за собой дверь. Стоило бы закрыть ее на все время тренировки, но она забыла. «Маленькая Игрушка Бога» не умела открывать двери.

Полотенце нуждалось в стирке. Чуточку жестковатое, но не зловонное. Она вытирала им пот с подмышек и груди. Она догнала воздушный шар, поднырнула под него и оказалась на кухне.

Почувствовала, как в спешке скрываются

---

[204] Примечания: 204
Une petite problemette — небольшая проблемка (франц.)

тараканы. Каждая плоская поверхность, за исключением двери, была занята немытой посудой, пустыми бутылками, деталями съемочного оборудования. За день до пожара у них была вечеринка, и никто до сих пор не прибрался.

Сейчас здесь нет света, только пара огней сигнальных устройств и методичное перемигивание охранной системы, переключавшейся с одной внешней камеры ночного видения на другую. 4:32 ночи в углу экрана. Наверное, почти половину системы охранники отключили, потому что люди входили и выходили весь день, и снаружи всегда кто-нибудь был.

Жужжание платформы, которую Тесса подняла сзади над ее головой.

— В чем дело? — спросила Шеветта.

— Наблюдай за проездом.

Шеветта подвинулась поближе к экрану. Палуба, нависшая над песком… Пространство между их домом и соседним… Проезд. И машина Карсона, прямо там.

— Дерьмо, — сказала Шеветта, когда изображение «лексуса» сменилось изображением пространства между домами с другой стороны, а потом панорамой камеры из-под палубы.

— Стоит там с 3:42. Палуба…

— Как он меня нашел? Между домами…

— Сетевой поиск, наверно. Сличение образов. Кто-то скачивал фотографии с вечеринки. Ты была на нескольких.

«Лексус» в проезде. Пустой.

— Где он?

Между домами… Под палубой…

— Без понятия, — сказала Тесса.

— А где ты?

Еще раз палуба. Посмотришь на такое, и начнут мерещиться вещи, которых нет. Она опустила взгляд на хлам, заваливший стойку, и увидела там мясницкий тесак в фут длиной, лежащий в остатках шоколадного торта, лезвие все залеплено засохшим кремом.

— Пролетом выше, — сказала Тесса. — Тебе лучше подняться.

Шеветта вдруг замерзла в своих коротких велосипедных шортах и майке. Ее охватил озноб. Перешла из кухни в гостиную. Предрассветная серость сквозь стеклянные стены. Англичанин Йен лежал, растянувшись, слегка похрапывая, на длинной кожаной кушетке, красный светодиод на стоп-кадр-костюме помигивал на его груди. Нижняя часть лица Йена всегда казалась Шеветте не в фокусе; зубы неровные, цвет лица такой,

будто он слегка навеселе. Чокнутый, считала Тесса. И он никогда не менял костюм, в котором спал сейчас; шнуровал его туго, как корсет.

Что-то пробормотал во сне и повернулся на бок, когда она прошла мимо.

Она стояла в нескольких дюймах от стекла, ощущая сырость, которой тянуло снаружи. На палубе — ничего, только призрачный белый стул, пустые пивные жестянки. Где же он?

Лестница на второй этаж была винтовой, клиновидные ступени из очень толстой доски закручивались вокруг металлической стойки. По этой лестнице она и пошла, углеродно-волоконные педальные скобы в подошвах туфель клацали при каждом шаге.

Тесса ждала на самом верху, стройная белокурая тень, утопленная в мохнатом пальто, которое, как знала Шеветта, при солнечном освещении было темно-оранжевым.

— У соседнего подъезда припаркован фургон, — сказала она. — Погнали!

— Куда?

— Вверх по берегу. Мой грант утвержден. Я не спала, говорила с мамой, и как раз ей об этом рассказывала, когда явился твой друг.

— Может, он просто хочет поговорить, — сказа-

ла Шеветта. Она однажды поведала Тессе, как он ее избил, и теперь сожалела об этом.

— Не уверена, что на это стоит надеяться. Мы уезжаем, о'кей? Видишь? Я упаковалась. — Раздутый ромб мешка со съемочной техникой, свисающий с плеча, шлепал по бедру.

— А я нет, — сказала Шеветта.

— А ты и не распаковывалась, помнишь? — что было правдой. — Мы выйдем с тобой через палубу, обогнем дом Барбары, и сразу в фургон: считай, мы свалили.

— Нет, — сказала Шеветта, — давай всех разбудим, включим внешний свет. Что он нам сделает?

— Не знаю, что он сможет нам сделать. Но он всегда сумеет вернуться. Теперь он знает, что ты живешь здесь. Тебе нельзя оставаться.

— Я не думаю, что он снова захочет мне навредить, Тесса.

— Ты хочешь с ним жить?

— Нет.

— Ты приглашала его сюда?

— Нет.

— Хочешь с ним повидаться?

Колебание.

— Нет.

— Тогда тащи свою сумку. — Тесса прошла мимо нее, толкнула, прокладывая путь мешком. — Живо, — добавила она, уже спускаясь по лестнице.

Шеветта открыла было рот, чтобы что-то сказать. Повернулась, пошла на ощупь вдоль коридора к двери в свою комнату. Бывший чулан, вот чем было это помещение, хотя внутри попросторнее, чем в некоторых домах на мосту. Когда открывалась дверь, на потолке вырастал льдистый купол. Кто-то вырезал толстый шмат пены размером с ширину пола и занимавший около половины узкого пространства без окон, между изысканной стойкой для обуви из какой-то светлой твердой тропической древесины и плинтусом из того же материала. Шеветта никогда не видела изделий из дерева, столь надежно собранных. Весь дом был такой под слоем брошенного скарба, и она часто гадала, кто жил здесь раньше и что он и чувствовали, зная, что уезжают. Кем бы они ни были, судя по обувной полке, туфель у них было больше, чем у Шеветты за всю ее жизнь.

Ее рюкзак валялся на краю узкой кровати из пены. Как и сказала Тесса, все еще нераспакованный. Хотя открытый. Косметичка со всякой всячиной брошена рядом. Старая байкерская куртка Скиннера висит над кроватью, плечи

расправлены и сидят уверенно на резных деревянных плечиках. Некогда черная конская кожа вытерлась и стала почти серой. Куртка старше тебя, сказал он однажды. Новые черные джинсы на перекладине рядом с курткой. Она стянула их вниз и скинула с ног велотуфли. Надела джинсы поверх шорт. Достала черную водолазку из раскрытой пасти рюкзака. Ощутила запах чистого хлопка, натянув ее через голову, — она все постирала, еще у Карсона, когда решила, что уйдет от него. Поставив ногу на край кровати, зашнуровала шипованные штурмовые ботинки; обошлась без носков. Встала и сняла куртку Скиннера с плечиков. Куртка была тяжелой, как будто помнила тяжесть лошади. Надев ее, Шеветта почувствовала себя в большей безопасности. Вспомнила, как всегда ездила в ней по Сан-Франциско, несмотря на ее изрядную тяжесть. Как броня.

— Пошли давай, — Тесса тихо зовет из гостиной.

Тесса однажды явилась к Карсону с какой-то девицей из Южной Африки в день их первой с Шеветтой встречи, чтобы взять у него интервью о работе на канале «Реальность». Что-то сработало; Шеветта улыбалась в ответ тощей блондинке, чьи черты были великоваты для ее лица, но она

выглядела на все сто, смеялась и казалась умной.

Слишком умна, подумала Шеветта, запихивая косметичку в рюкзак, потому что теперь она все же собиралась с ней в Сан-Франциско, не будучи до конца уверенной в правильности этой идеи.

— Пошли давай.

Нагнулась, чтобы до конца втиснуть косметичку в рюкзак, защелкнула замок. Забросила рюкзак на плечо. Взглянула на велотуфли. Нет времени. Вышла и закрыла дверь чулана.

Наткнулась на Тессу в гостиной; та проверяла, отключена ли сигнализация на раздвижных стеклянных дверях.

Йен рычал, колошматя что-то во сне.

Тесса потянула одну из дверей, открыв ее ровно настолько, чтобы можно было протиснуться, рама проскрежетала по заржавевшему пазу. Шеветта ощутила холодное дыхание моря. Тесса вышла наружу, просунула руку, вытащила свой мешок со съемочным оборудованием.

Шеветта вышла следом, рюкзак клацнул о раму. Что-то слегка коснулось ее волос, Тесса, вытянув руку, поймала «Маленькую Игрушку Бога». Она протянула ее Шеветте, та взяла ее за одну из клеток, окружавших пропеллеры; платформа казалась совсем невесомой и хрупкой, такую легко

сломать. Потом они с Тессой взялись за дверную ручку и совместным усилием медленно закрыли ее, превозмогая трение механизма.

Шеветта выпрямилась, обернулась, с опаской глянув на светлеющую массу, единственный признак океана в этот час, на черные петли колючей проволоки и ощутила что-то похожее на головокружение, как будто всего на одну секунду встала на самый край крутящегося мира. К ней раньше уже приходило такое чувство, там, на мосту, на крыше лачуги Скиннера: будто стоишь на самой высокой точке мира, когда просто стоишь там, в тумане, поглотившем бухту, возвращающем эхом все звуки с иного, нового расстояния.

Тесса спустилась к пляжу по четырем ступенькам, и Шеветта услышала, как песок скрипит под ее каблуками. Было так тихо… Она вздрогнула. Тесса пригнулась, проверяя, нет ли кого под палубой. Где же он?..

Они так его и не увидели, по крайней мере, там и тогда, с трудом пробираясь сквозь зыбучий песок, миновав персональную палубу старой Барбары, где широченные окна были сплошь заклеены рваной фольгой и побуревшим от солнца картоном. Барбара была владелицей кондоминиума вплоть до самого Слива, теперь ее редко

видели. Тесса попыталась как-то уговорить ее сняться в своем фильме — маргинальное сообщество из одного человека, ставшего отшельником в своем доме. Шеветте подумалось, не подглядывает ли сейчас Барбара за их побегом. Вдоль дома и за угол, потом между ним и соседним, туда, где ждал фургон Тессы, почти кубической формы, цветная раскраска облезла от песчаного ветра.

С каждым новым шагом все это больше походило на сон, и вот уже Тесса отпирает фургон, сначала посветив фонариком внутрь кабины, проверяя, не ждет ли там он, и когда Шеветта вскарабкивается на пассажирское место и устраивается на скрипучем сиденье — одеяло привязано к рваному пластику специальным шнуром для прыжков с моста, — она понимает, что уезжает.

Куда-то.

И это ей нравится.

Глава 8

Дыра

Дрейф.

Лэйни дрейфует.

Вот что он, в сущности, делает. Он знает: все,

что для этого нужно, — забыть о страхе. Он признает случайность.

Опасность признания случайности в том, что случайность может признать Дыру.

Дыра — это то, вокруг чего смонтирована личность Лэйни. Дыра — это отсутствие фундаментальной сердцевины. Дыра — это то, во что он вечно запихивал вещи: наркотики, карьеру, женщин, информацию.

По большей части — с недавних пор — информацию.

Информацию. Этот поток. Эту… коррозию.

Дрейф.

Однажды, еще до того, как он перебрался в Токио, Лэйни проснулся в спальне своего люкса в Шато.

Было темно, лишь шуршание шин откуда-то сверху, с Сансет; глухое стрекотание вертолета, охотившегося над холмами позади.

И Дыра, прямо там, рядом с ним, в одиноком размахе его королевских размеров кровати.

Дыра, очень близкая, персональная.

Глава 9

Мгновение

Правильные пирамиды фруктов под жужжащим неоном.

Человек наблюдает за тем, как мальчик опустошает второй литр сока с мякотью, заглатывая все содержимое высокого пластикового стакана непрерывным потоком без видимых усилий.

— Не стоит пить холодные напитки так быстро.

Мальчик глядит на него. Между взором мальчика и его душой нет ничего: отсутствие маски. Отсутствие личности. Он, по всей видимости, не глухой, потому что понял предложение выпить прохладительного. Но пока ничто не свидетельствует о том, что он наделен даром речи.

— Говоришь по-испански? — сказано на мадридском наречии, не звучавшем на его устах долгие годы.

Мальчик ставит пустой стакан рядом с первым и смотрит на человека. Страха в нем нет.

— Люди, которые на меня напали, — это были твои друзья? — приподняв одну бровь. Совсем

ничего.

— Сколько тебе лет?

Старше, думает человек, своего эмоционального возраста. Намек на сбритую щетину в уголках верхней губы. Карие глаза чисты и безмятежны.

Мальчик разглядывает два пустых пластиковых стакана на исцарапанной металлической стойке. Поднимает взгляд на мужчину.

— Еще? Ты хочешь пить еще?

Мальчик кивает.

Человек делает знак итальянцу за стойкой. Снова поворачивается к мальчику.

— Тебя хоть как-нибудь зовут?

Ничего. Ничего не меняется в карих глазах. Мальчик глядит на него так спокойно, как может глядеть мирный пес.

Окруженная горками фруктов серебряная соковыжималка коротко хлюпает. Наструганный лед вбивается миксером в мякоть. Итальянец переливает напиток в пластиковый стакан и ставит его перед мальчиком. Мальчик смотрит на сосуд.

Человек двигается на скрипящем металлическом стуле, его длинное пальто покоится складками, как крылья отдыхающей птицы. У него под рукой, тщательно вычищенный, спит клинок, свободно качаясь в своих магнитных

ножнах.

Мальчик берет стакан, открывает рот и вливает густую смесь льда и фруктовой мякоти прямо в горло. Задержка в развитии, думает человек. Синдром трагической матки города. Жизненные сигналы искажены химикатами, недоеданием, ударами судьбы. И все-таки он, как и все остальные, как и сам человек, существует в точности так, в точности там и в точности в тот момент времени, как, где и когда он задуман существовать. Это дао: тьма внутри тьмы.

Мальчик ставит пустой стакан рядом с двумя другими.

Человек выпрямляет ноги, встает, застегивая пальто.

Мальчик протягивает руку. Два пальца прикасаются к часам, которые человек носит на левом запястье. Рот мальчика приоткрывается, будто он хочет что-то сказать.

— Время?

Что-то шевелится в лишенных выражения карих безднах глаз мальчика. Часы старинные, добыты у специалиста-дилера в одной из укрепленных аркад Сингапура. Это артиллерийские часы. Они говорят человеку о сражениях иных времен. Они напоминают ему о том, что любое

сражение однажды станет таким же смутным воспоминанием и что лишь мгновение имеет значение, что мгновение абсолютно.

Познавший истину воин идет в битву, как на похороны любимой, да и как может быть иначе?

Мальчик наклоняется вперед; то, что таится в его глазах, видят только часы.

Человек размышляет о тех двоих, оставленных им этим вечером на мосту. Охотники в своем роде, отныне для них охота закончилась. И этот, третий, следующий за ними по пятам. Чтобы подбирать объедки.

— Тебе нравится?

Никакой реакции. Ничто не способно сломать концентрацию, связь между тем, что всплыло из бездн глаз мальчика, и аскетическим черным циферблатом наручных часов.

Дао делает ход.

Человек расстегивает стальную скобу, скрепляющую браслет. Он отдает часы мальчику. Он делает это, не раздумывая. Он делает это с той же бездумной уверенностью, с какой чуть раньше убивал. Он делает это, потому что так нужно, потому что так правильно поступить; потому, что жизнь его бьется в такт с дао.

Нет никакой нужды прощаться.

Он уходит от мальчика, оставленного навеки в созерцании черного циферблата и стрелок.

Он уходит сейчас. Мгновение — в равновесии.

Глава 10

Американский акрополь

Райделл все-таки сумел настроить бразильские очки на фрагмент схемы Сан-Франциско, но ему еще требовалось узнать от Кридмора, как добраться до гаража, где они собирались оставить «хокер-аиши». Кридмор, разбуженный Райделлом, казалось, не сразу уяснил, кто такой, собственно, сам Райделл, но похвально быстро начал соображать. Взяв консультацию у сложенной пополам визитной карточки, извлеченной из «часового» кармана джинсов, он четко разузнал, куда нужно двигать.

Это было старое здание в районе, где подобные строения обыкновенно преображались в резиденции, но густота колючей проволоки намекала, что эта территория до сих пор не обуржуазилась. Вход контролировала пара «шкафов» со значками фирмы «Универсал», занимавшейся в основном обычной охраной промышленных объектов.

«Шкафы» размещались в офисе у ворот и смотрели канал «Реальность-1» на плоском экране, подпертом огромной стальной пластиной, у которой был такой вид, будто по каждому ее квадратному дюйму прошлись большим отбойным молотком. Одноразовые кофейные чашки и пищевые контейнеры из белой пены. Все это показалось Райделлу по-домашнему родным, и он прикинул, что скоро там должна быть пересменка, в семь утра. Не такая уж дурная, наверное, работенка, бывает и хуже.

— Ставим на временную стоянку, — сказал им Райделл.

На плоском экране был виден олень. За ним — знакомые очертания заброшенных небоскребов центра Детройта. Логотип «Реальности» в нижнем правом углу дал ему нужный контекст: одно из этих шоу о природе.

Ему дали список, чтобы он ткнул в номер предварительного заказа, записанный у Кридмора на бумажке, и оказалось, что за стоянку уплачено. Его заставили расписаться прямо там же, рядом с номером. Сказали поставить тачку на место номер двадцать три, уровень шесть. Он вышел из офиса, забрался обратно в «хокер», рванул вверх по скату, мокрые шины визгнули по бетону.

Кридмор проводил операцию по наведению лоска, глядя в подсвеченное зеркальце за противосолнечным забралом на пассажирском месте. Операция состояла из многократного прочесывания волос пальцами, вытирания пальцев о джинсы, потом растирания глаз. Затем он оценил результаты.

— Самое время выпить, — обратился он к отражению своих налитых кровью буркал.

— Семь утра, — сказал Райделл.

— О чем я и говорю, — сказал Кридмор, откинув забрало обратно наверх.

Райделл нашел номер двадцать три, написанный краской на бетоне, между двух неизвестных транспортных средств, задрапированных в чехлы. Он осторожно втиснул «хокер» меж ними и начал отключать машину. Он был способен проделать это, не обращаясь к меню подсказок.

Кридмор вылез наружу и отошел помочиться на чью-то шину.

Райделл проверил салон — убедиться, что они ничего не оставили, расстегнул ремень безопасности, потянулся, чтобы закрыть пассажирскую дверь, дистанционно открыл багажник, открыл дверь водителя, проверил, не забыл ли ключи, вышел и захлопнул дверь.

— Эй, Бьюэлл! Твой приятель собирается забрать ее отсюда, я правильно понял? — Райделл вытаскивал свои вещи из странно узкого багажника «хокер-аиши», чем-то похожего на младенческий гробик. Больше там ничего не было, и Райделл решил, что Кридмор, видимо, пустился в вояж без багажа.

— Нет, — сказал Кридмор, — они бросят ее здесь пылиться к чертовой бабушке. — Он застегивал ширинку.

— Тогда я отдам ключи тем парням из «Универсала», шестью этажами ниже, ладно?

— Нет, — сказал Кридмор, — ты отдашь их мне.

— Я расписался, — ответил Райделл.

— Дай их сюда.

— Бьюэлл, данное транспортное средство теперь находится под моей ответственностью. Я расписался за это.

Он захлопнул багажник, активировал системы безопасности.

— Пожалуйста, отойдите на шаг, — сказала «хокер-аиши». — Уважайте мои частные границы так же, как я уважаю ваши. — У нее был красивый, странновато-бесполый голос, нежный, но жесткий.

Райделл отступил на шаг, потом еще на один.

— Это машина моего друга и ключи моего друга, и мне надо отдать их ему. — Кридмор положил руку на большую ковбойскую пряжку, как на штурвал персонального корабля-государства, но вид у него был неуверенный, словно похмелье обессилело его.

— Просто скажи ему, что ключи будут здесь. Просто так скажи. Так будет безопаснее. — Райделл закинул комплект на плечо и пошел вниз по скату, радуясь возможности размять ноги. Он оглянулся на Кридмора. — Увидимся, Бьюэлл.

— Сукин сын, — сказал Кридмор, хотя Райделл принял это, скорее, за обращение к миру, породившему Райделла, чем лично к себе самому. Кридмор казался в отключке, щурился под мутно-зелеными лентами освещения.

Райделл же продолжал шагать вниз по разбитой бетонной спирали парковочной площадки еще пять уровней, пока не наткнулся на офис у самого входа. «Шкафы» из «Универсала» сидели и пили кофе, досматривали конец своего шоу о природе. Теперь олень пробирался сквозь снег, снег, что косо летел по ветру, леденящему совершенные вертикали стен мертвого и монументального сердца Детройта, широкие черные зубцы кирпича, уходящие ввысь, чтобы исчез-

нуть в белесом небе.

В Детройте снимали множество шоу о природе.

Он вышел на улицу, чтобы найти такси или место для завтрака. Он почувствовал по запаху, что Сан-Франциско весьма отличается от Лос-Анджелеса; ощущение это было ему по душе. Сейчас он найдет, где поесть, и наденет бразильские очки, чтобы дозвониться в Токио.

Выяснить все насчет этих самых денег.

Глава 11

Другой парень

Шеветта никогда не сдавала на права, так что везти их обеих до самого Сан-Франциско пришлось Тессе. Тесса, кажется, не возражала. В голове у нее сидела только документалка, которую они отснимут, и она могла продумывать ее вслух, не отрываясь от дороги, рассказывая Шеветте о разных сообществах, которые хотела охватить, и о том, как она все это смонтирует. Шеветте оставалось лишь слушать или делать вид, что слушает, и, в конце концов, она просто заснула. Она заснула в тот момент, когда Тесса

рассказывала ей о месте под названием Крепость, о том, что когда-то и вправду был такой город, рядом с Гонконгом, и был разрушен еще до того, как Гонконг вновь стал частью Китая[205]. И вот тогда эти сумасшедшие хакеры совместно построили свой собственный город, что-то вроде огромного коллективного веб-сайта, после чего они вывернули его наизнанку и исчезли внутри. Все это казалось очередной небылицей, когда Шеветта заклевала носом, но рассказ остался у нее в голове картинками. Снами.

— Ну и что там твой другой парень? — спросила Тесса, когда Шеветта очнулась от этих снов.

Шеветта спросонья поглядела в окно на Пятую автостраду, на белую полосу, которая будто сматывалась в рулон под колесами фургона.

— Какой другой парень?

— Ну, коп. С которым ты гоняла в Лос-Анджелесе.

---

[205] Примечания: 205

Коулун — полуостров, континентальная часть Гонконга. В 1847 году на его территории была построена небольшая крепость. В архитектурном отношении город-крепость Коулун представлял собою удивительный феномен крайне хаотичной городской застройки и исключительно высокой плотности населения. В 1991 году власти Гонконга начали эвакуацию местного населения с целью уничтожить «городскую язву, рассадник преступности, проституции и наркоторговли», а в 1993 году город-крепость был разрушен окончательно. В память об этом месте Гибсон и создает сюрреалистический виртуальный Город-крепость хакеров

— Райделл, — сказала Шеветта.

— И почему же вариант не сработал? — спросила Тесса.

Шеветта на самом деле не знала ответа.

— Просто не сработал, и все.

— И тогда тебе пришлось приклеиться к Карсону?

— Нет, — сказала Шеветта, — не пришлось.

— Что это за белые штуки, их так много там, далеко в полях?

— Ветряные штуки: они дают ток. Просто казалось, что так надо поступить.

— Я сама так не раз поступала, — отозвалась Тесса.

Глава 12

«Эль Примеро»

Фонтейн первый раз замечает мальчишку, когда раскладывает утренний ассортимент в своей узкой витрине: жесткие темные волосы над лбом, прижатым к бронированному стеклу.

Фонтейн никогда не оставит на ночь в витрине ничего ценного, но вид полной пустоты ему не нравится.

Ему не нравится думать, что кто-то проходит мимо и мельком смотрит на пустоту. Это напоминает ему смерть. Так что каждую ночь он оставляет в витрине пару-другую не особо ценных предметов — якобы обозначить ассортимент лавки, на самом же деле в качестве частного акта искупительной магии.

Этим утром в окне содержится тройка плохоньких швейцарских механизмов с циферблатами в крапинках времени, двойной перочинный нож IXL с точеными костяными ручками, щит (в приличном состоянии) и восточногерманский военно-полевой телефон такого внушительного вида, будто он сконструирован не только для того, чтобы выдержать ядерный взрыв, но и для нормального в случае чего функционирования.

Фонтейн, все еще под действием первого утреннего кофе, пристально смотрит вниз, сквозь стекло, на немытые ершистые волосы. Поначалу думает о трупе, и далеко не первом, найденном им вот так, но ни разу в подобной позе, торчком, на коленях, как при молитве. Однако нет, этот труп живой: дыхание туманит витрину Фонтейна.

В левой руке Фонтейна часы «Кортебер» 1947 года выпуска — тройная дата, фазы Луны, ручной

подзавод, корпус из золота, практически в том состоянии, в каком они в свое время покинули фабрику. В правой руке — оплавленная чашка из красного пластика с черным кубинским кофе. Лавка наполнена запахом кофе Фонтейна — таким, как он его любит: жженым и резким.

Конденсат вяло пульсирует на холодном стекле: ореолы серого цвета очерчивают ноздри преклонившего колени.

Фонтейн кладет «Кортебер» обратно в поддон со всем своим лучшим ассортиментом, в узких секциях выцветшего велюра лежат по дюжине часов в каждой. Он ставит поддон в сторону, на стойку, за которой стоит, когда приходят покупатели, перемещает чашку из красного пластика в левую руку и правой рукой с облегчением нащупывает боевой «смит-и-вессон кит ган» 22-го калибра, в правом нижнем кармане поношенного тренча, который служит ему халатом.

Маленький пистолет, древнее многих его лучших часов, на месте, потертая рукоять орехового дерева удобна и хорошо знакома. Возможно, предназначенный для хранения в сундучке рыболова и защиты от назойливых водных змей или обезглавливания пустых бутылок из-под пива, все-таки «кит ган» — продуманный выбор Фон-

тейна: шестизарядный револьвер со вставной обоймой и дулом в четыре дюйма. Он, Фонтейн, не хочет никого убивать, хотя, говоря по правде, ему приходилось и, вполне вероятно, еще придется. Ему неприятно ощущать отдачу стрелкового оружия и страшный грохот выстрела, он с недоверием относится к полуавтоматическому оружию. Он историк: он знает, что система «смит-и-вессон» развивалась вплоть до появления револьвера 32-го калибра с крутящимся барабаном, давным-давно исчезнувшего, но некогда бывшего стандартом американского карманного оружия. Превратившись в уютный «кит ган» 22-го калибра, система приняла форму этой модели и просуществовала почти до середины двадцатого века. Удобная вещь и, как и все предметы его коллекции, подлинный раритет.

Он допивает свой кофе, ставит пустую чашку на стойку рядом с поддоном, полным часов.

Он, Фонтейн, прекрасный стрелок. С расстояния в двенадцать шагов, встав в архаичную позу дуэлянта — одна рука за спиной, он при свидетелях попадал в середину туза червей.

Он никак не решается открыть парадную дверь своей лавки, это сложный процесс. А может, тот, преклонивший колени, там не один? У него на

мосту почти нет настоящих врагов, но кто его знает, какую гадость может занести сюда с обоих концов, будь то Сан-Франциско или Окленд? А дикие джунгли Острова Сокровищ традиционно предлагают познакомиться с еще более зверским безумием.

Но все же.

Он сдвигает последний засов и вытаскивает пистолет.

Солнечный свет, будто некое странное благословение, пробивается сквозь пластик и ободранное дерево обшивки моста. Фонтейн вдыхает соленый воздух, причину коррозии.

— Эй, ты, — говорит он. — Мистер! — пистолет у него в руке, спрятан в складках тренча.

Под тренчем, который надет нараспашку по причине отсутствия пояса, на Фонтейне линялые, в крупную клетку, фланелевые пижамные штаны и белая сорочка с подогревом и длинными рукавами, загрубевшая от неоднократных стирок. Черные туфли без шнурков, на босу ногу, они заскорузли и потрескались.

Темные глаза смотрят на него снизу вверх, лицо почему-то упорно отказывается попасть в фокус.

— Что ты здесь делаешь?

Мальчик склоняет голову набок, словно вни-

мая чему-то, недоступному для слуха Фонтейна.

— Отойди от моей витрины.

С полнейшим и странным отсутствием грации, которое потрясает Фонтейна как приближение к самой сути понятия грации, странная личность поднимается на ноги. Карие глаза таращатся на Фонтейна, но будто бы не видят его или, возможно, не признают в нем другое человеческое существо.

Фонтейн демонстрирует «смит-и-вессон», палец лежит на спусковом крючке, но дуло не направлено на мальчика. Он наводит дуло только тогда, когда бесповоротно решил пристрелить, — урок, давным-давно преподанный отцом.

Этот стоявший в молитвенной позе и дышащий на витринное стекло не живет на мосту. Фонтейну было бы трудно объяснить, откуда он это знает, но он знает. Это просто-напросто инстинкт, выработанный долгим проживанием в этом месте. На мосту он знает, конечно, не всех, да и вряд ли хотел бы, но, тем не менее, отличает людей с моста от прочих с абсолютной уверенностью.

В этом же типе явно чего-то недостает. Что-то с ним не в порядке; его состояние выдает не зависимость от наркотиков, а гораздо более серьезный вид умственного расстройства. И хотя среди насе-

ляющих мост есть такие дурачки, все они как-то сумели раствориться в своей среде и не склонны появляться вот так, ни с того ни с сего, да еще для того, чтобы мешать торговому бизнесу.

Где-то там, наверху, высоко-высоко, ветер с бухты лупцует съехавший шмат пластика, бешеные хлопки, будто сумасшедшее крыло гигантской раненой птицы.

Фонтейн, глядя в карие глаза на лице, которое по-прежнему упорно не желает быть в фокусе (по той причине, думает он сейчас, что оно на это не способно), сожалеет о том, что вообще открыл дверь. Соленый воздух даже сейчас вгрызается в начищенный металл жизненно важных деталей его товара. Он делает жест пистолетом: прочь отсюда.

Мальчик протягивает руку. Часы.

— Что? Ты хочешь мне это продать?

Карие глаза не реагируют на речь.

Фонтейн, побуждаемый чем-то, вроде чужой воли, делает шаг вперед, его палец напрягается на спусковом крючке с повторным срабатыванием. Полость под головкой детонатора пуста безопасности ради, но стоит лишь резко и сильно дернуть, и смертельный номер удастся.

Выглядят как нержавеющие. Циферблат чер-

ный.

Фонтейн видит грязные черные джинсы, изношенные кроссовки, линялая красная майка топорщится над вздутым животом, выдавая характерный признак недоедания.

— Ты хочешь мне их показать? Мальчик смотрит на часы в руке, потом указывает пальцем на те трое часов, что лежат в витрине.

— Конечно, — говорит Фонтейн, — у нас есть часы. Любых видов. Хочешь на них посмотреть?

Все еще вытянув палец, мальчик глядит на него.

— Давай, — говорит Фонтейн, — давай заходи. Здесь очень холодно. — Все еще держа в руке пистолет, хотя и ослабив нажим на спусковом крючке, он делает шаг назад, в лавку. — Ты идешь?

После короткой заминки мальчик входит следом, держа часы с черным циферблатом так, как держат маленького зверька.

Чтоб тебе пусто было, думает Фонтейн. «Армии Уолтам» с проржавевшими внутренностями. Дерьмо собачье.

Дерьмо собачье, зачем он впустил сюда этого урода. Мальчик стоит, уставившись в одну точку, посередине крохотной лавки. Фонтейн закрывает

дверь, всего на один засов, и отступает за свою стойку. Все это он проделывает, не опуская ствола, оставаясь вне радиуса захвата и не спуская глаз с визитера.

Глаза мальчика становятся еще больше, когда он видит поддон с часами.

— Сначала — первое, потом — второе, — говорит Фонтейн, ловко убрав поддон свободной рукой с глаз долой. — Давай-ка посмотрим. — Показывает на часы в руке мальчика. — Сюда, — приказывает Фонтейн, постукивая по облупленному золоченому логотипу «Ролекс» на круглой подушечке темно-зеленой искусственной кожи.

Мальчик, кажется, понимает. Кладет часы на подушечку. Фонтейн видит грязь под обломанными ногтями, когда рука отпускает часы.

— Черт, — говорит Фонтейн. Командует глазами. — Отойди на минуточку во-он туда, — говорит он, нежно указывая нужное направление дулом «смит-и-вессона». Мальчик отступает на шаг.

По-прежнему глядя на мальчика, он копается в левом кармане плаща, извлекает оттуда черную лупу, зажимает ее левым глазом.

— Не вздумай теперь двинуться, понял? Не хочу, чтобы эта штука пальнула…

Фонтейн берет в руки часы, позволяет себе один

раз прищуриться на них сквозь лупу. Невольно присвистывает. «Жаже Лекультр». Перестает щуриться, проверяя, не шелохнулся ли мальчик. Щурится снова, теперь уже на артикул на задней поверхности корпуса. «Королевские военно-воздушные силы Австралии, 1953 год», читает он.

— Где украл?

Ни звука.

— Они почти новые, — Фонтейн мигом ощущает неожиданную и глубокую растерянность. — Это копия?

Ни звука в ответ.

Фонтейн прищуривается в лупу.

— Так это подлинник?

Фонтейн хочет эти часы.

Он кладет их обратно на зеленую подушечку, поверх потертого символа золотой короны, заметив, что ремешок из черной телячьей кожи — штучной работы, вручную обшит вокруг стерженьков, намертво закрепленных между держателей. Один этот ремешок, сделанный, как он прикидывает, в Италии или в Австрии, может стоить дороже многих часов, что он продает. Мальчик мгновенно забирает часы.

Фонтейн выставляет поддон.

— Посмотри-ка на это. Хочешь, поменяемся?

Вот «Грюэн Кюрве». Вот «Тюдор Лондон» 1948 года. Отличный, подлинный циферблат. А вот «Вюлькэн Крикет», золотая головка, стекло очень чистое.

Но он уже знает, что совесть никогда не позволит ему лишить эту потерянную душу часов, и от этого ему становится больно. Фонтейн всю жизнь пытался взрастить в себе семена бесчестья, того, что отец его называл жульничеством, но неизменно терпел фиаско.

Мальчик склоняется над поддоном, не замечая Фонтейна.

— Вот, — говорит Фонтейн, откатив поддон в сторону и заменив его своим подержанным ноутбуком. Он открывает на нем веб-страницы, где обычно покупает часы. — Просто жми вот сюда, потом вот сюда, и тебе скажут, как называется то, что ты видишь. — Он демонстрирует «Жаже» с серебристым циферблатом.

Фонтейн нажимает вторую кнопку.

— Хронометр «Жаже» 1945 года выпуска, нержавеющая сталь, подлинный циферблат, гравировка на задней поверхности корпуса, — сообщает ноутбук.

— Задней, — говорит мальчик, — поверхности корпуса.

— Вот смотри, — Фонтейн демонстрирует мальчику нержавеющую заднюю крышку нашпигованных золотом часов «Тиссо», имеющих форму бочонка, — но только с надписью типа: «Ударному Джо в двадцать пятую годовщину службы в Ударном корпусе, поздравляем!»

Мальчик выглядит совершенно бесстрастным. Нажимает на кнопку. На экране появляются другие часы. Нажимает вторую кнопку.

— Хронометр «Вюлькэн», движение часовой стрелки скачкообразное, корпус хромированный, ушки латунные, циферблат в очень хорошем состоянии.

— В очень хорошем, — советует Фонтейн, — а значит, недостаточно хорошем. Видишь вот эти пятнышки? — он показывает на явные червоточины, разбросанные по поверхности отсканированной картинки. — Если бы было сказано в «отличном состоянии», тогда без вопросов.

— В отличном состоянии, — говорит мальчик, подняв взгляд на Фонтейна. И нажимает на кнопку, выводящую на экран изображение следующих по списку часов.

— Дай я еще раз гляну на те часы, ладно? — Фонтейн показывает на часы в руке мальчика. — Все в порядке. Я тебе их отдам.

Мальчик переводит взгляд с Фонтейна на часы и обратно. Фонтейн убирает «смит-и-вессон» в карман. Показывает мальчику пустые руки.

— Я тебе их отдам.

Мальчик протягивает руку. Фонтейн берет часы.

— Так ты мне не скажешь, где ты их взял?

Ни звука.

— Хочешь кофе?

Фонтейн показывает на булькающую в глубине лавки кастрюльку на электроплитке. Чувствует крепчающий запах горького варева.

Мальчик понимает.

Кивает головой.

Фонтейн снова вкручивает лупу и углубляется в созерцание.

Черт побери. Он хочет эти часы.

Позже, после полудня, когда мальчик-разносчик бенто[206] приносит Фонтейну ленч, артиллерийский «Жаже Лекультр» лежит в кармане Фонтейновых слаксов из серого твида, с высокой талией и экстравагантными складками, но Фонтейн знает, что часы — не его. Мальчик помещен в глубине лавки, в той захламленной

---

[206] Примечания: 206
Бенто — традиционные японские коробочки для еды

маленькой зоне, что отделяет бизнес Фонтейна от его частной жизни, и Фонтейн, увы, осознает тот факт, что чувствует запах своего гостя: чуть приглушенный утренним ароматом кофе ясный и настойчивый смрад застарелого пота и нестиранного тряпья.

Когда разносчик выходит из лавки к своему перегруженному коробками велосипеду, Фонтейн открывает защелки на собственной коробке. Так, сегодня совсем не любимая им темпура[207], совсем не любимый им сорт, потому что темпура быстро остывает, но ему все равно, потому что он голоден. Пар клубится над тарелкой мисо[208], когда он со щелчком снимает крышку из пластика. Пауза.

— Эй, — обращается он в пространство за лавкой, — хочешь немного мисо? — ни звука. — Суп. Ты слышишь меня или нет?

Фонтейн вздыхает, спускается вниз по деревянной лесенке и несет горячий суп в чулан.

Мальчик сидит на полу, скрестив ноги, у него на коленях раскрыт ноутбук. Фонтейн видит фото очень большого, сложной системы хронометра,

---

[207] Примечания: 207
Темпура — японское блюдо: рыба, обжаренная в кляре

[208 Примечания: 208
Мисо — соевая паста. Здесь: суп, приготовленный с мисо

которое плавает по экрану. Эта вещь из восьмидесятых, судя по виду.

— Хочешь немного мисо?

— «Зенит», — отвечает мальчик, — «Эль Примеро». Нержавеющий корпус. Тридцать один камень, точность хода 3019 РНС. Тяжелый нержавеющий браслет с замком-застежкой. Оригинальная ввинчивающаяся головка для перевода стрелок и подзаводки. С дарственной надписью.

Фонтейн таращит на него глаза.

Глава 13

Ночное видение

Ямадзаки возвращается, набрав антибиотиков, пакетов с едой и жестянок-самогреек с кофе. Он одет в пилотскую куртку из черного нейлона, тащит припасы и свой ноутбук в синей сетчатой сумке.

Он спускается в метро сквозь разреженную толпу задолго до вечернего часа пик. Он обнаружил, что стал плохо спать, его сны, как колдунья, посещает Рэи Тоэи со своим прекрасным лицом, Рэи Тоэи, которая в одном смысле является его работодателем, а в другом смысле вообще не

существует.

Она — это голос и лицо, знакомые миллионам. Она — это море кода, вершина развития компьютерных программ индустрии развлечений. Публика знает, что ее не встретишь, прогуливаясь по улице; что она — это медиа. И в этом — основная причина ее очарования.

Если бы не Рэи Тоэи, думает про себя Ямадзаки, Лэйни бы здесь сейчас не было. Именно желание понять ее, еще раз угадать ее мотивацию и занесло Лэйни в Токио. Он работал на менеджеров Реза, Реза — певца, объявившего о намерении жениться на ней. И каким же образом, раздавались вопросы, он намерен это проделать? Как может человек, даже столь непосредственно проникший в медиа, взять в жены конструкт, пакет компьютерных программ, мечту?

Однако Рез, китайско-ирландский певец, попзвезда, попытался. Ямадзаки об этом известно. Он уверен в этом не меньше, чем сам Рез, потому что Рэи Тоэи обсуждала это с ним. Он понимает, что Рез воплощен в цифровую форму настолько, насколько это вообще возможно для человека. Если Рез-человек вдруг умрет, Рез-идол, вне всяких сомнений, будет существовать и дальше. Но страстным желанием Реза было войти туда пол-

ностью, в буквальном смысле, туда, где находится Рэи Тоэи. Или, что ближе к истине, находилась, так как она недавно вдруг куда-то исчезла.

Певец пожелал соединиться с ней в неком цифровом мире или же в некой никем-еще-не-постигнутой пограничной зоне, в некоем промежуточном состоянии. И потерпел фиаско.

Но там ли сейчас она? И почему Лэйни тоже сбежал?

Сейчас певец гастролирует по штатам Комбината. Настаивает на путешествии по железной дороге. Станция за станцией, конечная цель — Москва, слухи о сумасшествии.

Это темный бизнес, темное дело, думает про себя Ямадзаки и недоумевает, спускаясь по лестнице в картонный город, что конкретно делает Лэйни здесь и сейчас. Все эти разговоры про узловые точки в истории, про какой-то узор, возникший в текстуре событий. О том, что все скоро изменится.

Лэйни — каприз природы, мутант, случайный продукт секретных клинических испытаний наркотика, пробуждавшего у небольшого процента испытуемых способности, сходные с экстрасенсорными. Но Лэйни не экстрасенс в иррациональном смысле; скорее, он способен,

благодаря органическим изменениям, вызванным давным-давно 5-SB, тем самым наркотиком, воспринимать глобальные перемены, всплывающие из глубин огромных потоков данных.

И вот теперь Рэи Тоэи исчезла, заявляют ее менеджеры, а как такое могло случиться? Ямадзаки подозревает, что Лэйни, возможно, знает, как или куда, и для Ямадзаки это причина, чтобы принять решение вернуться и найти его. Он вел себя крайне осторожно, чтобы избежать слежки, прекрасно зная, что все предосторожности напрасны.

Запах токийской подземки, знакомый, как запах родного дома, ненадолго расслабляет его. Запах крайне характерный и в то же время не поддающийся описанию. Это — запах японской цивилизации, частью которой он себя чувствует на все сто процентов, цивилизации, в данный момент воплощенной в этой уникальной среде, в мире тоннелей, белых коридоров, едва слышных серебряных поездов.

Он находит проход между двумя эскалаторами, видит кафельные колонны. Он почти убежден, что картонных укрытий здесь уже нет.

Но они по-прежнему на месте, и, когда он напяливает белую микропорную маску и вползает

в залитую ярким светом хибару мастера, там тоже все неизменно, за исключением заготовки, над которой сосредоточен старик: теперь это многоголовый динозавр с ногами робота, весь серебряно-синий. Кончик кисточки тщательно обрабатывает глаз рептилии. Старец не поднимает взгляда.

— Лэйни?

Ни звука из-за лохмотьев дынно-желтого одеяла. Ямадзаки кивает старику и ползет мимо него на четвереньках, толкая мешок с припасами перед собой.

— Лэйни?

— Тихо, — отвечает Лэйни из узкого утробного мрака. — Он говорит.

— Кто говорит? — проползает с мешком под хлипкой тканью, прикосновение которой к лицу заставляет вспомнить о детских яслях.

Когда Ямадзаки окончательно вползает, Лэйни включает проектор своего скособоченного шлема: картинка, которую он рассматривает, ослепляет Ямадзаки. Ямадзаки дергается, пытаясь увернуться от луча. Видит фигуры в кадре, снятые камерой ночного видения.

— …Представляете себе, что он это делает на регулярной основе? — дрожание материала, снято

с руки, но потом оцифровано. — Что-то связанное с фазами Луны?

Ближний план одной из фигур, стройной, мужской, как и все остальные. Нижняя половина лица скрыта под черным шарфом. Жесткие черные волосы над белым высоким лбом.

— Никаких оснований для подобного заключения. Он просто пользуется случаем. Он ждет, пока они сами не придут к нему. Потом он берет их. Эти вот, например… — камера плавно дает панораму лица и голой груди мертвеца с широко раскрытыми глазами. — …Типичные торчки. У данного экземпляра в кармане был найден «плясун». — На бледной груди мертвеца видна темная запятая, прямо под грудиной. — У второго просто проткнуто горло, но он умудрился каким-то образом не попасть в артерию.

— А вы как думали? — голос человека за кадром.

— У нас есть досье, — также за кадром говорит человек с шарфом, изображение мертвого лица отбрасывается лучом на картонную стену, на желтое одеяло Лэйни. — У нас имеется полный научный отчет о психотипе. Но вы его попросту игнорируете!

— Конечно же, игнорирую.

— Вы решительно все отрицаете, — две пары рук в хирургических перчатках хватают труп и грубо переворачивают. Под левой лопаткой видна еще одна рана, меньших размеров; кровь скопилась под кожей, свернулась и потемнела. — Однако он представляет для вас такую же реальную опасность, как и для всех остальных.

— Но он интересная личность, не так ли?

Рана, показанная крупным планом, похожа на маленький печальный ротик. Кровь кажется черной.

— Не для меня.

— Вы сами не интересная личность, случайно?

— Нет. — И камера идет вверх, луч света ловит острую скулу над черным шарфом. — И вы не хотите, чтобы я был таким же интересным, я правильно понял?

Раздается еле слышимый звон, передача прерывается. Лэйни запрокидывает голову, лицо человека с шарфом в стоп-кадре на потолке из картона, слишком яркое, искаженное, и Ямадзаки видит, что потолок в этом месте усеян мельчайшими наклейками, множеством разных портретов невзрачного на вид человека, странно знакомого. Ямадзаки моргает, его контактные линзы съезжают, ему не хватает очков. Без очков

он чувствует себя не в своей тарелке.

— Кто это был, Лэйни?

— Помощник, — говорит Лэйни.

— Помощник?

— Трудно найти хорошего помощника в наши дни. — Лэйни вырубает проектор и снимает массивный шлем. От внезапно наступившего сумрака его лицо похоже на детский рисунок, черные дырки глаз на фоне мертвенно-белой мазни. — Человек, который вел этот разговор.

— Который говорил?

— Он владеет миром. Почти как любой из нас.

Ямадзаки хмурится.

— Я привез лекарства…

— Это было на мосту, Ямадзаки.

— В Сан-Франциско?

— Они преследовали там одного моего человека. Они преследовали его прошлой ночью, но якобы потеряли его. Они постоянно все теряют. Зато этим утром нашли трупы.

— Кого они преследовали?

— Человека, которого нет. Которого я вычислил логически.

— Это портреты Харвуда? Харвуда Левина? — Ямадзаки узнал лицо, размноженное на стикерах.

— Это его шпионы. Наверно, лучшие, каких можно купить за деньги, но они не смогут даже приблизиться к человеку, которого нет.

— Какому человеку?

— Я полагаю, что он из… коллекции Харвуда. Харвуд коллекционирует людей. Интересных, любопытных людей. Я полагаю, что он мог работать на Харвуда, выбивать долги. Он не оставляет следов, вообще никаких. Если кто-то встает у него на пути, этот кто-то попросту исчезает. После чего он стирает себя.

Ямадзаки находит антибиотики в сетчатой сумке.

— Лэйни, почему бы вам не принять вот это? Ваш кашель…

— Где Райделл, Ямадзаки? Он уже должен быть наверху. Все начинает сходиться.

— Что сходиться?

— Я не знаю, — говорит Лэйни, склоняясь вперед, чтобы порыться в содержимом сумки. Он находит банку с кофе и включает нагрев, перебрасывая банку из руки в руку по мере нагревания. Ямадзаки слышит хлопок и шипение вакуума, когда Лэйни вскрывает жестянку. Аромат кофе. Лэйни прихлебывает напиток из испускающей пар емкости.

— Что-то затевается, — говорит Лэйни и кашляет в кулак, плеснув обжигающий кофе со сливками на запястье Ямадзаки. Ямадзаки морщится.

— Все сейчас меняется. Или не меняется, на самом-то деле. То, как я вижу, вот что меняется. Но с тех пор как я стал видеть иначе, стало твориться что-то еще. Что-то нарастает. Что-то большое. Больше, чем большое. Это скоро случится, и начнется каскадный эффект…

— Что случится?

— Не знаю. — Очередной приступ кашля вынуждает его отставить кофе. Ямадзаки открывает коробку с антибиотиками и пытается предложить их. Лэйни отмахивается. — Ты возвращался на остров? У них есть хотя бы догадка, где она может быть?

Ямадзаки часто моргает.

— Нет. Она просто отсутствует.

Лэйни улыбается, слабый блеск зубов во тьме рта.

— Это хорошо. Она тоже участвует в этом, Ямадзаки. — Он нашаривает свой кофе. — Она тоже участвует в этом.

Глава 14

Завтрак на плитке

Райделл решил зайти в одно из тех зданий, которое некогда служило банком — в те времена, когда банкам нужны были здания. Толстые стены. Помещение превращено в круглосуточную закусочную, где подают только завтраки, что Райделл, собственно, и искал. На деле здание выглядело так, будто до закусочной здесь был магазин со скидками и кто его знает, что еще раньше, но внутри пахло яичницей и горелым жиром, а он был голоден.

У входа стояла парочка типов, явно строителей, огромного роста, покрытых белой пылью от стенной кладки, они ждали столик, но Райделл заметил, что стойка свободна, отправился прямиком туда и забрался на табурет. Официанткой здесь была женщина рассеянного вида и неопределенного происхождения, шрамы от угревой сыпи покрывали ее скулы, она налила ему кофе и приняла заказ, хотя было неясно, понимает ли она по-английски. Будто вся процедура сводилась к чистой фонетике, подумал он про себя, и она

выучила, как звучит «два яйца, слегка недожарьте» и все остальное. Услышала, перевела на кто его знает какой язык, написала и отдала повару. Райделл достал бразильские очки, надел их и пробежался глазами по списку в поисках номера, который Ямадзаки дал ему в Токио. После трех гудков кто-то поднял трубку, но очки не смогли дать на карте координаты ответившего телефона. Возможно, это был тоже мобильный.

На линии была тишина, но она имела текстуру.

— Эй, — сказал Райделл, — Ямадзаки?

— Райделл? Говорит Лэйни… — внезапный взрыв кашля, потом мертвая тишина, будто кто-то стукнул по кнопке «убрать звук».

Когда Лэйни вновь вышел на связь, голос его звучал полузадушенно.

— Извините. Где вы находитесь?

— Сан-Франциско, — ответил Райделл.

— Это я знаю, — ответил Лэйни.

— В забегаловке на… на… — Райделл листал меню GPS, пытаясь в него войти, но очки упорно давали нечто схожее с транзитными картами Рио.

— Забудьте об этом, — сказал Лэйни. Говорил он устало. Который час, интересно, по токийскому

времени? Все это есть в меню телефона, если бы он только в нем разбирался… — Важно лишь то, что вы там.

— Ямадзаки сказал, что у вас для меня есть дельце здесь, наверху.

— Да, — ответил Лэйни, и Райделл вспомнил свадьбу кузины, голос Кларенс тогда прозвучал так же счастливо, произнося это слово.

— Может, скажете мне, что за дельце?

— Нет, — сказал Лэйни, — но я хочу заплатить вам аванс. Деньги наличными по первому требованию, пока вы там, наверху.

— Лэйни, законно ли то, что вы просите меня сделать?

Наступила пауза.

— Я не знаю, — ответил Лэйни. — Кое-что из этого никто ни разу, возможно, не делал, так что — трудно сказать.

— Что ж, я считаю, мне нужно знать чуть больше, прежде чем я возьмусь за дело, — сказал Райделл, раздумывая, как, черт возьми, он сможет вернуться назад в Лос-Анджелес, если здесь ничего не выгорит. Если, впрочем, есть какой-то смысл туда возвращаться.

— Можете считать, что речь идет о пропавшем без вести, — сказал Лэйни после очередной

паузы.

— Имя?

— Отсутствует. Или, что ближе к истине, у него их несколько тысяч. Слушайте, вам ведь нравится всякая полицейская дребедень, разве нет?

— Как это понимать?

— Только без обид; вы же рассказывали мне при встрече полицейские байки, припоминаете? О'кей. Короче, человек, которого я ищу, прекрасно владеет искусством не оставлять никаких следов. Ничего никогда нельзя обнаружить, даже путем глубочайшего количественного анализа. — Лэйни имел в виду что-то связанное с сетевым поиском; собственно, этим он и занимался. — Он просто некий физический объект.

— Откуда вы знаете, что этот объект существует, если он не оставляет следов?

— Потому что умирают люди, — ответил Лэйни.

И именно в этот момент по обе стороны от Райделла за стойку уселись люди, запахло резким водочным перегаром…

— Я вам перезвоню, — сказал Райделл, прикрыв подушечку микрофона и стянув с головы очки. Кридмор, радостно скалится слева.

— Как оно? — сказал Кридмор. — А это, зна-

комься, Мэри-Джейн.

— Мэри-Элис. — На табурете справа от Райделла — крупная пожилая блондинка, верхняя половина торса туго затянута чем-то черным и блестящим, а неутянутая часть образует ложбину, в которую Кридмор мог бы с легкостью засунуть одну из своих пинтовых бутылок. Райделл почуял что-то бесконечно усталое в ее глазах, какую-то смесь страха, покорности и слепой и автоматической надежды: для нее не были добрыми ни это утро, ни этот год, ни, возможно, вся жизнь, но в этих глазах было что-то, что хотело ему понравиться. Чем бы это на самом деле ни было, оно помешало Райделлу встать, схватить сумку и выйти вон, а ведь именно так, он прекрасно знал, ему и стоило поступить.

— Ты чего, блин, даже не поздороваешься? — дыхание Кридмора было токсичным.

— Привет, Мэри-Элис, — сказал Райделл. — Меня зовут Райделл. Польщен встречей с вами.

Мэри-Элис улыбнулась, десять процентов усталости испарились всего на секунду из ее глаз.

— Вот, Бьюэлл мне тут говорит, что вы из Лос-Анджелеса, мистер Райделл.

— Да ну? — Райделл смерил Кридмора взглядом.

— Вы там по части медиа, мистер Райделл? — спросила она.

— Нет, — сказал Райделл, прибив Кридмора к табурету самым тяжелым взглядом, на какой был способен, — розничная торговля.

— Я сама по части музыкального бизнеса, — сказала Мэри-Элис, — мой бывший и я держали самый успешный кантри-клуб в Токио. Но я почувствовала тягу вернуться к своим корням. В Божью страну, мистер Райделл.

— Ты слишком много трещишь, — сказал ей Кридмор, не обращая внимания на Райделла, когда официантка принесла тому завтрак.

— Бьюэлл, — произнес Райделл тоном, в чем-то даже близким к пожеланию доброго здравия, — заткнись, твою мать. — Он начал отрезать пригоревший край своей яичницы.

— Пива мне, — сказал Бьюэлл.

— О, Бьюэлл, — сказала Мэри-Элис. Она с трудом подняла с пола большую сумку из пластика с впаянной молнией, разновидность бесплатных «раздаток» рекламных кампаний, и начала копаться внутри. Извлекла на свет божий длинную запотевшую банку чего-то такого и передала ее Кридмору поверх колен Райделла, пряча под стойкой. Кридмор открыл ее и поднес к уху, ви-

димо, восхищаясь шипением углекислого газа.

— Звук завтрака на плитке, — возвестил он, после чего глотнул.

Райделл сидел на месте, жуя похожую на резину яичницу.

— Короче, идете на этот сайт, — говорил ему Лэйни, — даете им мой пароль, «Колин-пробел-Лэйни», заглавная «К», заглавная «Л», первые четыре цифры этого телефонного номера, и слово «Берри». Это ведь ваш ник, так?

— Вообще-то меня так зовут, — сказал Райделл, — фамилия по материнской линии. — Он сидел в просторной, но не слишком чистой кабинке туалета бывшего банка. Он пошел туда, чтобы избавиться от Кридмора и его спутницы и перезвонить Лэйни. — Значит, я даю им все это. Что они дадут мне? — Райделл поднял взгляд на свою сумку, которую он повесил на внушительный хромированный крюк на двери кабинки. Он не хотел оставлять ее в закусочной без присмотра.

— Они вам дадут еще один номер. Вы идете с ним к любому банкомату, показываете любое удостоверение личности с фотографией, набираете номер. Банкомат вам выдаст кредитный чип. На нем должно быть достаточно, чтобы продержаться несколько дней, но если не хватит,

звоните мне.

От нахождения в замкнутом помещении у Райделла появилось чувство, что он попал в один из тех старомодных фильмов о подводных лодках, в эпизод, где вырубают все двигатели и ждут, тихо-тихо, потому что знают, что торпеды уже в пути. Здесь было в точности так же тихо, возможно, из-за того, что банк был прочно построен; единственным звуком было журчанье бачка унитаза, что, подумал он, только усиливало иллюзию.

— Ладно, — сказал Райделл, — допустим, что все сработает, как должно сработать; кого же вы все-таки ищете, и что значила ваша фраза об умирающих людях?

— Европеец, мужчина, далеко за пятьдесят, возможно, с военным прошлым, но это было очень давно.

— Что сужает круг поисков, скажем, примерно до миллиона подозреваемых — здесь, в Северной Калифорнии.

— Райделл, все сработает таким образом, что он сам вас найдет. Я скажу вам, куда пойти и что попросить, и все вместе привлечет к вам его внимание.

— Звучит чересчур просто.

— Попасть в поле его внимания будет легко.

Остаться в живых после этого — нет.

Райделл немного подумал.

— Так что я должен буду для вас сделать, когда он найдет меня?

— Вы зададите ему вопрос.

— Какой вопрос?

— Еще не знаю, — ответил Лэйни, — я над этим сейчас работаю.

— Лэйни, — сказал Райделл, — что все это значит?

— Если б я только знал, — сказал Лэйни, и вдруг его голос стал очень усталым, — мне бы, наверно, не пришлось находиться здесь. — Он замолчал. И повесил трубку.

— Лэйни?

Райделл сидел и слушал, как журчит унитаз. В конце концов, встал, снял сумку с крюка и покинул кабинку.

Вымыл руки под тонкой струйкой холодной воды, убегавшей в черную раковину из искусственного мрамора, всю покрытую коркой желтушного промышленного мыла, после чего проделал обратный путь по коридору, узкому из-за картонных коробок, набитых, как ему показалось, сантехническим инвентарем.

Он был полон надежды, что Кридмор с ма-

машей музыки кантри уже позабыли о нем и свалили.

Не тут-то было. Дама трудилась над тарелкой яичницы, а Кридмор — пиво зажато меж джинсовых бедер — злобно таращился на двух огромных, припорошенных гипсом работников стройки.

— Привет, — сказал Кридмор, когда Райделл прошел мимо них, таща на плече свою сумку.

— Привет, Бьюэлл, — ответил Райделл, взяв направление на входную дверь.

— Эй, ты куда пошел?

— На работу, — ответил Райделл.

— Работа, — донесся до него голос Кридмора, — вот ведь дерьмо!

Но дверь с размаху захлопнулась за ним, и он очутился на улице.

Глава 15

Вновь здесь, наверху

Шеветта стояла рядом с фургоном, глядя, как Тесса выпускает на свободу «Маленькую Игрушку Бога». Платформа камеры, будто лепешка майлара или надувшаяся монета, наполнилась водянистым светом дня, поднимаясь в воздух и

трепыхаясь, а потом выровнялась и закачалась на высоте примерно пятнадцати футов.

Шеветта чувствовала себя очень странно, вновь оказавшись здесь, видя знакомые бетонные танковые ловушки, за ними — немыслимые формы самого моста. Место, где она когда-то жила, — хотя теперь это казалось сном или жизнью постороннего ей человека, — там, на вершине ближайшей кабельной башни. Вон в том кубике из фанеры, высоко-высоко, она и спала, пока огромные порывы ветра толкали, крутили, хватали мост, и порой она слышала, как тайно стонали сухожилия моста, звук этот несся вверх по скрученным канатам, слышимый только ею, Шеветтой, прижавшей ухо к гладкому, словно дельфинья спина, кабелю, который поднимался из овальной дыры, пропиленной в фанерном полу лачуги Скиннера.

Ныне Скиннер был мертв, и она это знала. Он умер, пока она ошивалась в Лос-Анджелесе, пытаясь стать кем-то, кем, как она тогда думала, ей хотелось бы стать.

Она не приехала на похороны. Народ на мосту не устраивал из этого события; а владение собственностью здесь было главной заботой закона. Она не была дочерью Скиннера, а если бы и была

и захотела владеть этим кубом из фанеры на вершине кабельной башни, вопрос сводился только к проживанию в нем, пока он был ей нужен. Он не был ей нужен.

Но горевать в Лос-Анджелесе по Скиннеру было попросту невозможно, а сейчас это все вдруг всплыло, она вернулась в то время, когда жила у него. Как он нашел ее, слишком больную, чтобы идти, и перенес к себе в дом, и откармливал супом, который покупал у корейских торговцев, пока она не поправилась. Потом он оставил ее в покое, ни о чем не спрашивая, принимая ее, как принимают птицу, севшую на подоконник, пока она не научилась в городе велосипедной езде и не стала курьером. И вскоре они поменялись ролями: слабеющий, нуждающийся в помощи старик, и она — та, кто достанет суп, принесет воды, позаботится, сварен ли кофе. И так шло до тех пор, пока она, по собственной глупости, не попала в беду и в результате встретила Райделла.

— Ветер унесет эту штуку, — предостерегла она Тессу, которая надела очки, позволявшие видеть сигнал порхающей камеры.

— У меня в машине еще целых три, — сказала Тесса, натянув на правую руку скользкую с виду черную контрольную перчатку. Она поэкспери-

ментировала с тачпадом, запустив миниатюрные пропеллеры платформы и прогнав ее по кругу диаметром в двадцать футов.

— Нам нужно нанять кого-нибудь охранять фургон, — сказала Шеветта, — если хочешь увидеть его снова.

— Нанять кого-нибудь? Кого же?

Шеветта указала на тощего чернокожего мальчишку с немытыми дредами до самого пояса.

— Ты, как тебя звать?

— А тебе-то что?

— Заплачу, если присмотришь за фургоном. Вернемся — чип на пятьдесят. По рукам?

Мальчик равнодушно смотрел на нее.

— Звать Бумзилла, — сказал он.

— Бумзилла, — сказала Шеветта, — присмотришь за этим фургоном?

— По рукам, — сказал он.

— По рукам, — сказала Тессе Шеветта.

— Эй, леди, — сказал Бумзилла, ткнув пальцем в сторону «Маленькой Игрушки Бога», — я хочу эту штуку.

— Оставайся тут, — сказала Тесса, — нам понадобится местный оператор.

Тесса касается пальцами черного тачпада на ладони перчатки. Платформа камеры пролетает

второй круг и выплывает из поля зрения, над танковыми ловушками. Тесса улыбается, увидев то, что увидела камера.

— Пошли, — сказала она Шеветте и направилась в проем между ближайшими ловушками.

— Не туда, — сказала Шеветта. — Вон туда. — Существовала единственная тропа, по которой все шли, если просто хотели пройти к мосту. Избрать другой путь означало или невежество, или желание срочно облегчиться.

Она показала Тессе дорогу. Дорога воняла мочой из расщелин между бетонными блоками. Шеветта шла быстрее, Тесса поспевала сзади.

И снова вышли в этот влажный свет, но теперь он лился не на киоски и торговцев, как помнила Шеветта, а на красно-белый фасад типового магазина самообслуживания, нагло, по самому центру загородившего вход на оба уровня моста, на надпись «Счастливый дракон» и на содроганье картинок, ползущих вверх по фирменной башне из видеомониторов.

— Чтоб мне гореть в аду, — заявила Тесса, — это что, тоже часть «промежуточного сообщества»?

Шеветта остановилась в изумлении.

— Как они только осмелились?

— Так и осмелились, — сказала Тесса. — Самое

выгодное расположение.

— Но это… это прямо как «Округ Ниссан».

— «Платный аттракцион на входе». Этот район — приманка для туристов, так?

— Много же народа отправится туда, где нет полиции.

— Автономные зоны заманчивы сами по себе, — сказала Тесса. — Данная зона здесь уже так давно, что стала для города почтовой открыткой номер один.

— Страх божий, — сказала Шеветта, — это… это же просто убийство.

— Кому, как ты думаешь, корпорация «Счастливый дракон» платит за аренду? — спросила Тесса, гоняя платформу туда и обратно, чтобы снять панораму фасада.

— Без понятия, — сказала Шеветта. — Эта хрень стоит прямо посреди того, что раньше было улицей.

— Забудь об этом, — сказала Тесса, двинув вперед, в гущу пешеходного движения, втекающего и вытекающего с моста. — Мы прибыли как раз вовремя. Мы сделаем хронику местной реальной жизни, пока никто не успел застолбить эту тему.

Шеветта отправилась следом, еще не разобравшись, что она чувствовала.

Ленч они ели в мексиканской забегаловке под названием «Грязен Господь».

Шеветта не помнила ее по прошлой жизни, но забегаловки на мосту частенько меняли название. А также размеры и форму. Так получались странные гибриды: например, салон причесок и устричный бар решали объединиться в более крупное заведение, где подстригали волосы и подавали устриц. Иногда этот метод срабатывал: одним из «долгожителей» на мосту со стороны Сан-Франциско был салон татуировок, наносимых вручную, кормивший завтраками. Там можно было сидеть над тарелкой яичницы с беконом и наблюдать, как кого-то колют иголкой по нарисованному от руки трафарету.

Но «Грязен Господь» предлагал лишь мексиканскую еду плюс японскую музыку — мило и без претензий. Тесса взяла уэвос ранчерос[209], а Шеветта заказала кесадилью[210] с курицей. Обе взяли по пиву «Корона», и Тесса припарковала платформу камеры прямо под пластиковым потолком тента. Никто ее там, висящую, похоже, не разглядел, так что Тесса получила возможность

---

[209] Примечания: 209

Уэвос ранчерос — жареные яйца с помидорами и острым соусом (исп.)

[210] Примечания: 210

Кесадилья — лепешка из слоеного теста (исп.)

снимать документальное кино и есть одновременно.

Тесса ела много. Она говорила, что такой у нее метаболизм: она одна из тех людей, кто никогда не набирает вес, сколько бы ни съел, а есть ей нужно для того, чтобы подпитывать себя энергией. Тесса разделалась со своими уэвос еще до того, как Шеветта наполовину управилась с кесадильей. Она осушила стеклянную бутылку «Короны» и принялась возиться с долькой лайма, сжимая и запихивая ее в горлышко.

— Карсон, — сказала Тесса. — Ты из-за него беспокоишься?

— А что с ним такое?

— Он довольно драчливый, твой бывший, вот что с ним такое. Это ведь его тачку мы видели там, в Малибу?

— Полагаю, что да, — сказала Шеветта.

— Ты полагаешь? Ты что, не уверена?

— Слушай, — сказала Шеветта, — тогда было раннее утро. Все было очень и очень странно. И знаешь что? Это была не моя идея — ехать сюда и забираться наверх. Это была твоя идея. Ты хочешь снять кино.

Лайм провалился в пустую бутылку «Короны», и Тесса уставилась на нее с таким выражением,

будто только что проиграла пари.

— Знаешь, что мне в тебе нравится? Я имею в виду одну из многих вещей, которые мне в тебе нравятся.

— Что же? — спросила Шеветта.

— Ты не из среднего класса. Ты просто не такая, и все. Ты въезжаешь в квартиру к этому типу, он начинает тебя поколачивать, и что же ты делаешь?

— Съезжаю с квартиры.

— Правильно. Ты съезжаешь с квартиры. Ты не устраиваешь консилиум с адвокатами.

— У меня нет адвокатов, — сказала Шеветта.

— Я знаю. Я именно это и имею в виду.

— Я не люблю адвокатов, — сказала Шеветта.

— Конечно, не любишь. И у тебя нет рефлекса тяжбы.

— Тяжбы?

— Он тебя избивает. У него престижная студия на верхнем этаже, восемь сотен квадратных футов. У него есть работа. Он тебя избивает, но ты же не заказываешь автоматически ответного хирургического вмешательства; ты не из среднего класса.

— Я просто не хочу иметь с ним ничего общего.

— Это я и имею в виду. Ты же из Орегона, верно?

— В каком-то смысле, — сказала Шеветта.

— Ты когда-нибудь думала об актерской профессии? — Тесса перевернула бутылку вверх дном. Раздавленный ломтик лайма попал в горлышко. Несколько капель пива упало на исцарапанный черный пластик стола. Тесса засунула в бутылку мизинец правой руки и попыталась выудить ломтик.

— Нет.

— Ты нравишься камере. У тебя такое тело, что тебя парни лизать готовы.

— Отстань, — сказала Шеветта.

— Как ты думаешь, почему они поместили на веб-сайт твои фотографии с вечеринки[211] — там, в Малибу?

— Потому что напились, — сказала Шеветта. — Потому что у них просто нет занятия получше. Потому что они — студенты и изучают медиа.

Тесса выудила из бутылки остатки лайма.

— Все три ответа верны, — сказала она, — но

---

[211] Примечания: 211

Название романа «Все вечеринки завтрашнего дня» заимствовано У. Гибсоном из дебютного альбома группы «Velvet Underground» («Velvet Underground & Nico», 1967) из песни с тем же названием — «All Tomorrow's Parties»

все-таки главная из причин — твоя внешность.

За спиной Тессы, на одном из стенных экранов «Грязного Господа», сделанных из вторсырья, появилась очень красивая молодая японка.

— Посмотри на нее, — сказала Шеветта, — вот это внешность, верно?

Тесса глянула через плечо.

— Это Рэи Тоэи, — сказала она.

— Ну, так вот, она красива. Она.

— Шеветта, — сказала Тесса, — она же не существует. Такой девушки нет на самом деле. Это код. Пакет программ.

— Не может быть, — сказала Шеветта.

— Ты что, не знала об этом?

— Но она же сделана с кого-то, верно? Что-то типа обработки живой киносъемки.

— Ни с кого, — сказала Тесса, — из ничего. Она — это настоящий обман. Нереальна на сто процентов.

— Тогда это то, чего хотят люди, — сказала Шеветта, глядя, как Рэи Тоэи грациозно плывет по какому-то ретро-азиатскому ночному клубу, — а не какую-то экс-курьершу на велосипеде из Сан-Франциско.

— Нет, — сказала Тесса, — ты все понимаешь в точности наоборот. Люди не знают, чего хотят,

пока не увидят. Каждый объект желания — это найденный объект. Традиционно, во всяком случае.

Шеветта взглянула на Тессу поверх пустых пивных бутылок.

— К чему ты клонишь, а, Тесса?

— Документалка. Она должна быть про тебя.

— Забудь об этом.

— Нет. Я уже вижу все в голове, грандиозный успех. Ты мне нужна для фокусировки. Мне нужно то, что сцементирует рассказ. Мне нужна Шеветта Вашингтон.

Шеветта уже начала потихоньку пугаться. И от этого разозлилась.

— Разве ты не получила грант на конкретный проект, о котором рассказывала? Про все эти штуки с промежуточными…

— Слушай, — сказала Тесса, — если проблема в этом, а я этого не говорю, то это моя проблема. И это — совсем не проблема, это — возможность. Это — шанс. Мой шанс.

— Тесса, ты меня ни за что не заманишь играть в твоем кино. Ни за что. Понятно?

— «Игра» здесь не при чем, Шеветта. Все, что тебе нужно делать — это быть собой. И для этого потребуется выяснить, кто же ты на самом деле.

Я сниму фильм о том, как ты выясняешь, кто ты на самом деле.

— Не снимешь, — сказала Шеветта, встав и чувствительно стукнувшись о платформу камеры, которая, стало быть, спустилась до уровня ее головы, пока они разговаривали. — Останови ее! — она яростно шлепнула «Маленькую Игрушку Бога».

Четыре других клиента забегаловки «Грязен Господь» просто скользнули по ним взглядом.

Глава 16

Подпрограммы

Эта дыра в сердцевине личности Лэйни, это подспудное отсутствие, как он начинает подозревать, есть не столько отсутствие части его Я, сколько отсутствие Я как такового.

Что-то случилось с ним после спуска в картонный город. Он начал понимать, что раньше у него не было в каком-то немыслимом и буквальном смысле никакого Я.

Но что же там тогда было? — недоумевает он.

Подпрограммы: неадаптированные поведенческие подпрограммы выживания, отчаянно

стремящиеся сконструировать существо, которое будет бесконечно приближаться, — но никогда им не станет, — к настоящему Лэйни. Раньше он этого не знал, хотя уверен, что всю свою жизнь подозревал, что с ним происходит что-то безнадежно и в корне не то.

Что-то упорно твердит ему об этом. Кажется, это что-то — в самом центре монолита «Дейтамерики». Возможно ли это?

Но вот он, сегодняшний, лежит в куче спальных мешков, в темноте, как будто в самом сердце земли, и за картонными стенами — стены из бетона, покрытые керамической плиткой, а за ними — опорная основа этой страны, Японии, и дрожь поездов как напоминание о тектонических силах, о смещении платформ континентов.

Где-то глубоко внутри Лэйни тоже что-то смещается. В нем присутствует движение и потенциал еще более великого движения, и он удивляется, почему это его больше не пугает.

И все это в некоем смысле есть дар болезни. Не кашля, не лихорадки, но того, другого, подспудного не-здоровья, которое он считает результатом действия 5-SB, проглоченного им полжизни назад в сиротском приюте Гейнс-вилля.

Мы все были добровольцами, думает он, на-

мертво вцепляясь в шлем и прыгая вслед за своим взглядом с края утеса данных, ныряя все глубже рядом с плоскогорьем кода, его поверхность состоит из фрактальных полей информации, которые, как он начал подозревать, скрывают некую мощь или даже разум, превосходящий его понимание.

Что-то — существительное и глагол одновременно.

Тогда как Лэйни, ныряльщик, широко раскрывший глаза от давления информации, воспринимает себя как просто прилагательное: мазок «цвета Лэйни», абсолютно бессмысленный вне контекста. Микроскопический винтик в каком-то катастрофическом замысле. Но ввинченный, как он чувствует, в самый центр.

Решающий.

Это и есть та причина, по которой «спать» — неприменимая более опция.

Глава 17

Зодиак

Они — черный мужчина с длинным лицом и белый толстый мужчина с огненной бородой —

отводят Силенцио, голого, в комнату с мокрыми деревянными стенами. Оставляют его одного. Горячий дождь хлещет сверху из дырочек в черных трубках из пластика. Хлещет еще сильнее, жалит.

Они унесли его одежду и обувь в пластиковом мешке, затем толстяк приходит обратно, дает ему мыло. Он знает про мыло. Он помнит и теплый дождь, который хлестал из трубки тогда, в Лос-Прожектосе, но этот дождь лучше, и он здесь один в большой комнате, обитой деревом.

Силенцио с полным брюхом еды, он трет себя мылом снова и снова, потому что они так хотят. Он яростно намыливает голову.

Он закрывает глаза от жгучего мыла, и перед его внутренним взором в боевом порядке построились часы под зеленоватым, кое-где поврежденным стеклом, будто рыбы, вмерзшие в озерный лед. Яркие блики стали и золота.

Его захватил непостижимый порядок — многозначный факт присутствия этих волшебных предметов, их нескончаемые различия, их специфические особенности. Бесконечное разнообразие, воплощенное в циферблатах, стрелках, циферках часовой разметки… Ему нравится теплый дождь, но ему отчаянно хочется вернуться,

увидеть больше, услышать слова.

Он стал словами, тем, что они означают.

Стрелки «брегет». Расписной циферблат. Ушки «бомбей». Оригинальная головка. С дарственной надписью.

Дождь стихает и прекращается совсем. Толстяк, обутый в пластиковые сандалии, приносит Силенцио большую сухую тряпку.

Толстяк пялится на него.

— Часы, говоришь, ему по нраву? — спрашивает он у черного.

— Да, — отвечает чернокожий, — кажется, он любит часы.

Бородатый и толстый обертывает Силенцио полотенцем.

— А он умеет по часам узнавать время?

— Не знаю, — отвечает черный мужчина.

— Ну, — говорит бородатый толстяк, — пользоваться полотенцем он, похоже, не умеет.

Силенцио чувствует замешательство, стыд. Он смотрит в пол.

— Оставь парня в покое, Энди, — говорит черный. — Дай мне те шмотки, что я принес.

Имя чернокожего Фонтейн. Точно слово на языке Лос-Прожектоса, означающее «вода». Теплый дождь в деревянной комнате.

Вот Фонтейн ведет его по верхнему уровню, где одни люди кричат, потому что торгуют фруктами, мимо других, продающих старые вещи, разложенные на одеялах, туда, где другой тощий черный мужчина стоит и кого-то ждет рядом с пластиковой корзиной. Корзина перевернута, дно залатано пеной и драной серебряной пленкой, а этот мужчина одет в полосатую штуку из ткани, с карманами спереди, из карманов высовываются ножницы и еще штуки, похожие на ту штуку, которой Крысук любил без конца чесать свои волосы, когда ему удавалось добиться правильного баланса между черным и белым.

На Силенцио одежда, которую ему дал Фонтейн: она велика, болтается, она чужая и она вкусно пахнет. Фонтейн дал ему ботинки из белой ткани. Слишком уж белой. От них глазам больно.

От мыла и теплого дождика волосы у Силенцио стали тоже какие-то странные. Фонтейн приказывает Силенцио сесть на корзину, а этот мужчина начинает стричь ему волосы.

Силенцио дрожит, а черный тем временем чиркает по его волосам одной из штук Крысука, которую достал из кармана, и что-то бормочет сквозь зубы.

Силенцио поднимает глаза на Фонтейна.

— Все о'кей, — говорит Фонтейн, снимая обертку с маленькой острой палочки и засовывая ее в угол рта, — ничего не почувствуешь.

Силенцио интересно, как действует палочка, как черное или как белое, но Фонтейн не меняется. Он стоит, где стоял, с этой палочкой у себя во рту, и глядит, как тощий черный мужчина ножницами снимает с Силенцио волосы. Силенцио глядит на Фонтейна, слушая, как лязгают ножницы и как звучит в его голове новый язык.

«Зодиак Морской Волк». Очень чистый корпус. Ввинчивающаяся головка. Оригинальный желобок для стекла.

— «Зодиак Морской Волк», — говорит Силенцио.

— Ну, мужик, — говорит тощий черный мужчина, — да ты не прост!

Глава 18

Селвин Тонг

У Райделла была своя теория насчет виртуальной недвижимости. Чем меньше и дешевле реальный офис фирмы, тем больше и помпезнее ее веб-сайт. В соответствии с этой теорией, Сел-

вин Ф. К. Тонг, нотариус из Коулуна, вероятней всего вел дела из свернутой в домик газетки.

Райделл не смог придумать, как перескочить через входную заставку, по-настоящему монолитную, с отдаленным египетским колоритом, который напомнил Райделлу о том, что его приятель Саблетт, кинофанат, называл «метафизикой коридоров». Заставка была вытянутым в перспективу сплошным коридором, и если бы коридор был реальным, в него можно было бы въехать на мощном трейлере. Горели барочные канделябры, заливая пространство кроваво-алым виртуальным светом, текстура стен была странновато-липкой на вид и смахивала на мрамор с золотыми прожилками.

И где это Лэйни откопал подобного типа?

Каким-то образом Райделл сумел вырубить музыку — подобие классики, с непрерывным крещендо, — но все равно ему пришлось минуты три ползти до дверей офиса Селвина Ф. К. Тонга. Двери были высокие, просто высоченные, текстура их намекала на чье-то весьма абстрактное представление о ценной древесине.

— Тоже мне, тик, — сказал Райделл.

— Добро пожаловать, — произнес с придыханием гиперженственный голос, — в контору

Селвина Ф. К. Тонга, нотариуса!

Двери широко распахнулись. Райделл смекнул, что, не выруби он вовремя музыку, она бы сейчас зашкалила.

Виртуально офис нотариуса был размером с олимпийский плавательный бассейн, но насчет деталей здесь явно поскупились. Райделл нажал клавишу на очках и приблизил картинку прямо к столу, размером примерно с бильярдный стол, и с той же, что у дверей, имитацией плохо обструганного дерева. На столе лежала парочка не поддающихся описанию металлических с виду вещей и стопка листов виртуальной бумаги.

— Что означает «Ф. К.»? — спросил Райделл.

— Фрэнсис-Ксавье, — сказал Тонг, похожий на лишенную юмора карикатуру на маленького китайца в белой рубашке, черном костюме и черном галстуке. Его черные волосы и черный костюм имели одну и ту же текстуру, эффект был странный, но, как решил Райделл, не преднамеренный.

— Я думал, вы будете сняты на видео, — сказал Райделл, — ну, вроде как это у вас такой ник — «Ф. К.», «эффекты камеры», вы понимаете?

— Я католик, — сказал Тонг, сохраняя нейтральность тона.

— Без обид, — сказал Райделл.

— Никто и не обижался, — сказал Тонг, его пластиковое на вид личико сияло, как и его пластиковые глаза.

Все время забываешь, отметил про себя Райделл, как отвратительно все это может выглядеть, если это делать левой пяткой.

— Чем могу быть полезен вам, мистер Райделл?

— Разве Лэйни вам не сказал?

— Лэйни?

— Колин, — сказал Райделл. — Пробел. Лэйни.

— И?..

— Шесть, — сказал Райделл. — Ноль. Два. Четыре.

Пластиковые глаза Тонга сузились.

— Берри.

Тонг поджал губы. Позади него в широком окне с другим уровнем разрешения Райделлу открывался вид на Гонконг.

— Берри, — повторил Райделл.

— Благодарю, мистер Райделл, — сказал нотариус. — Мой клиент уполномочил меня сообщить вам следующий семизначный номер идентификации. — В правой руке Тонга вдруг возникла золотая пишущая ручка, будто монтажный ляп

в студенческом фильме. Ручка была огромная, с тщательной текстурой, с завитыми драконами, их чешуя отсканирована с таким высоким разрешением, что затмевала собой все остальное на сайте. Должно быть, подарок на память, решил Райделл. Тонг написал семь цифр на листке виртуальной бумаги, после чего повернул листок так, чтобы Райделл мог их прочесть. Ручка исчезла так же ненатурально, как и появилась. — Пожалуйста, не читайте этого номера вслух, — сказал Тонг.

— Почему?

— В целях шифровки, — не очень понятно ответил Тонг. — У вас неограниченный запас времени для заучивания номера.

Райделл уставился на семь цифр и начал придумывать мнемонический код. В конце концов, он остановился на дате своего рождения, количестве штатов в стране, когда он родился, возрасте, в котором умер его отец, и мысленном образе двух банок «7-Up». Когда он уверился в том, что сможет припомнить номер, он посмотрел на Тонга.

— Куда мне идти за кредитным чипом?

— Подойдет любой автоматический банкомат. У вас есть удостоверение личности с фотографией?

— Конечно, — сказал Райделл.

— Тогда наши дела закончены.

— Один момент, — сказал Райделл.

— В чем дело?

— Скажите, как убраться отсюда, минуя этот ваш… коридор? Мне нужен просто прямой выход, понятно?

Тонг вежливо взглянул на него.

— Кликните на моем лице.

Райделл щелкнул, вызвав с помощью клавиши на очках курсор в виде карикатурной неоново-зеленой руки-указателя.

— Спасибо, — сказал он, когда офис Тонга начал сворачиваться.

Он снова стоял в коридоре, спиной к дверям офиса.

— Черт, — сказал Райделл.

Опять заиграла музыка. Он завозился с крутящейся клавишей, пытаясь припомнить, как в первый раз убил звук. Впрочем, он хотел найти через GPS ближайший АБМ, поэтому не стал отключать очки.

Он кликнул на конце коридора.

Этот клик, похоже, и вызвал волну осыпания битов, все аккуратные текстурные карты будто по новой составила рука какого-то извращенца:

красный ковер стал серо-зеленым, на нем появились странные бугры и клочкастый мех, похожий на донышко месяц не мытой кофейной чашки, стены тем временем прошли все градации от бордельного мрамора до влажной бледности брюха протухшей рыбы, огни канделябров померкли, как свечи. Тонговская псевдоклассическая мелодия треснула, стала полой, жуткие басовые ноты рокотали где-то над самым порогом инфразвука.

Все это произошло за какую-нибудь секунду, и еще примерно через секунду до Райделла дошло, что кто-то, похоже, желает его безраздельного внимания.

— Райделл!!!

Это был голос, который монтируется из найденных случайно аудиофайлов: речь, состряпанная из воя ветра в каньонах между небоскребами, треска льда на Великих Озерах, ора древесных лягушек в южной ночи. Райделл слышал подобные голоса. Они действовали на нервы, для чего, собственно, и предназначались, и служили удобной маскировкой для голоса говорящего. Если говорящий, конечно, имел голос.

— Эй, — сказал Райделл, — я кликнул, чтобы просто убраться отсюда.

Перед ним появился виртуальный экран,

ромб с закругленными углами, пропорции явно заимствованы из культурной парадигмы видеоэкранов двадцатого века. На экране, под странным углом — монохромный вид огромной темной долины, тускло подсвеченной сверху. Детали отсутствовали. Ощущение распада, глубокой древности.

— Хочу сообщить вам важную информацию. — Последняя гласная последнего слова напоминала завыванье сирены, промчавшейся мимо со всеми последствиями эффекта Доплера.

— Ну, — сказал Райделл, — если в вашем имени есть буквы «Ф. К.», то у вас, несомненно, скоро будут проблемы.

Последовала пауза; Райделлу оставалось лишь глядеть на мертвую пустую долину, изображенную, а может, воспроизведенную на экране. Он ожидал, что там сейчас что-нибудь произойдет; возможно, весь смысл был в том, что ничего не произошло.

— Вам лучше как можно серьезнее отнестись к полученной информации, мистер Райделл.

— Я серьезен, как раковая опухоль, — ответил Райделл. — Валяйте.

— Используйте банкомат АБМ в «Счастливом драконе», у входа на мост. Потом предъявите свое

удостоверение в филиале «ГлобЭкс» у заднего выхода из магазина.

— Зачем так сложно?

— Там для вас кое-что припасено.

— Тонг, — сказал Райделл, — это вы?

Но ответа он не услышал. Экран пропал, а коридор вернулся в прежнее состояние.

Райделл протянул руку и выдрал арендованный кабель из бразильских очков.

Поморгал.

Кафешка около Юнион-сквер, особого типа, с цветами в горшках и интернет-деками. Утренняя офисная толпа начала образовывать очередь за сандвичами.

Он встал, сложил очки, запихал их во внутренний карман куртки и поднял сумку с земли.

Глава 19

Промежуточные места

Шеветта движется мимо бесцветного пламени костра торговца каштанами, серый порошок древесного угля спекается в перевернутом V-образном капоте двигателя какой-то древней машины.

Она видит иное пламя, горящее в памяти: сияние кокса в кузнечном горне, который работает на выхлопе пылесоса. Старик кузнец стоит рядом с ней и держит в руке приводную цепь какого-то допотопного мотоцикла, тщательно свернутую в компактную массу и закрепленную куском ржавого провода. Держит, чтобы взять щипцами и сунуть в плавильный горн. И чтобы в конце концов отковать из нее, добела раскаленной, странно-зернистое лезвие дамасского кинжала, призраки звеньев становятся явственно видны, когда клинок выкован, погашен водой, выправлен и отполирован на точильном круге.

Куда же делся тот клинок, размышляет она.

Она наблюдала, как мастер искусно вытачивает и тушит, как мясо, медную рукоять, ломает пласты ламинированной печатной платы и придает им нужную форму шлифовальным ремнем. Жесткая, ломкая на вид плата, слоистая ткань, попавшая, как насекомое, в ловушку фенольной смолы, на мосту была буквально повсюду — единая валюта мусорных ям. Каждый пласт это и платы — как карта с тусклым металлическим узором, похожим на улицы и города. Когда их приносили мусорщики, платы были усеяны мелкими деталями, которые с легкостью снимала

горелка, плавя серый припой. Детали летели на землю, и получались обожженные зеленые доски с утонувшими в них станиолевыми картами воображаемых городов, останками второй эры электроники. Скиннер говорил ей, что эти доски вечны и инертны, как камень, что их не берут ни влажность, ни ультрафиолет, никакие другие силы распада; что их назначение — заполонить всю планету, а поэтому стоит их использовать снова, объединять, по возможности, с материей других вещей, что они — бесценный ресурс, если хочешь построить что-нибудь долговечное.

Она знает, что сейчас ей нужно побыть одной, поэтому она бросила Тессу на нижнем уровне, пусть собирает наглядный материал со своей «Маленькой Игрушкой Бога». Шеветта не хочет слышать ни слова о том, что фильм Тессы должен быть более личностным, связанным с ней, с Шеветтой, и Тесса, видимо, не способна заткнуться или принять в качестве ответа слово «нет». Шеветта помнит Банни Малатесту, он был ее диспетчером, когда она работала здесь курьером, помнит, как он любил повторять: «Какой слог слова «нет» до тебя не доходит?» Но у Банни была способность выдавать подобные штучки с видом грозной силы природы, а Шеветта знает,

что лишена подобной способности, что ей не хватает жесткости Банни, того напора, без которого никогда ничего никому не вдолбить.

В общем, она добралась эскалатором, которого напрочь не помнит, до верхнего уровня, и теперь бредет, сама того не сознавая, к подножию их со Скиннером башни. Водянистый свет превратился в редкий порывистый дождь, бьющий о ветхую надстройку моста. Люди втаскивают в дома постиранное белье, висящее там, где они его обычно развешивают, прямо на тросах, и кругом царит обыденная предштормовая неразбериха, которая, как она знает, тут же сойдет на нет, стоит лишь проясниться погоде.

И ведь до сих пор, размышляет она, я не видела ни одного лица, знакомого по прошлой жизни, и никто не сказал мне «привет», и она уже ловит себя на мысли, что все население моста подменили в ее отсутствие. Нет, вот прошла женщина, владелица книжного лотка, та самая, костяные палочки для еды торчат из крашенного черной краской узла волос, и еще Шеветта узнает того мальчика-корейца с больной ногой, он тащит куда-то отцовскую суповую тележку с таким лязгом, будто на ней стоят тормоза.

Башня, по которой она каждый день взбира-

лась наверх, в фанерную лачугу Скиннера, вся облеплена пристройками, ее железный остов погребен в сердцевине органического комплекса помещений, приспособленных для особых нужд. На туго натянутые, бьющиеся на ветру листы молочно-белого пластика падают огромные тени от листьев, отброшенные неземным светом устройств гидропоники. Она слышит рычанье электропилы из крохотной мастерской мебельщика, его помощник терпеливо сидит, натирая воском маленькую скамейку, коллаж из наборных дубовых досок с облупленной краской, растасканных мусорщиками с облицовки старых домов. А еще кто-то варит джем, большой медный чайник кипит над пропановой конфоркой.

Вот то, что нужно Тессе, думает она: люди с моста, занявшие свои промежуточные места. Занятые своими нехитрыми делами. Но Шеветта видела, как они пьют по-черному. Видела накачанных наркотой, видела сумасшедших, навеки исчезающих в серой безжалостной зыби. Видела, как мужчины режут друг друга насмерть ножами. Видела окаменевшую мать, бредущую на рассвете с задушенным младенцем на руках. Мост не туристическая фантазия. Мост абсолютно реален, и жить здесь — значит платить за это

твердую цену.

Это мир внутри мира, и раз уж есть промежутки между вещами мира, пространства, построенные в промежутках, то в них обязательно есть свои вещи, и между ними — свои промежутки, а в тех промежутках — снова вещи, и так без конца.

Тесса этого не знает, и не дело Шеветты ей это объяснять.

Она пригибается, проходя, мимо съехавшего листа пластика, во влажное тепло и свет гидропонных ламп. Вонь химикалий. Черная вода побулькивает среди обнаженных корней. Это лекарственные растения, предполагает она, но, наверное, не наркотические, в уличном смысле слова. Те выращивают поближе к Окленду, в особом секторе, специально для этого отведенном, и в теплые дни дурман смолистого душка повисает там в воздухе, отчего почти ощутимо звенит в ушах, незаметно меняется восприятие.

— Эй, есть здесь кто-нибудь?

Бульканье жидкости в системе прозрачных трубок. Пара измазанных илом разбитых желтых болотных сапог болтается рядом, но нет и намека на присутствие их хозяина. Она движется быстро, ноги сами помнят — туда, где виднеются изъеденные коррозией алюминиевые ступеньки

в зарослях больших, словно кулаки, пузырей суперэпоксидки.

Когда она начинает карабкаться, застежка старой Скиннеровой куртки, массивный шарик на цепи, цепляется и позвякивает. Эти ступеньки — пожарная лестница, запасной выход на случай опасности.

Миновав тошнотворно-зеленое солнце главного гидропонного фонаря, помещенного в ржавую строительную арматуру, она подтягивается на последней алюминиевой ступеньке и пролезает в узкое треугольное отверстие.

За ширмами стен из разбухшего от дождей композита темно. Одни лишь неясные тени там, где она помнит яркий свет, и она замечает, что верхнюю лампочку в этом глухом помещении кто-то выкрутил. Это нижний конец фуникулера Скиннера — маленькая подъемная тележка, взятая у мусорщиков. Фуникулер соорудил для старика чернокожий мужчина по имени Фонтейн, и именно здесь она пристегивала велосипед в свои курьерские дни, втаскивая его на плече по другой, не потайной лестнице.

Она рассматривает зубчатый трос фуникулера, от скопившейся пыли смазка на нем стала тусклой. «Гондола», желтый муниципальный ящик

для вторсырья, достаточно глубокий, чтобы стоять в нем, держась за край, ждет, где и положено. Но если «гондола» находится здесь, это скорей всего значит, что нынешнего жителя кабельной башни нет дома. Если, конечно, тачку не спустили вниз в ожидании гостя, а в этом Шеветта сомневается. Когда находишься наверху, лучше, чтобы тачка была под боком. Шеветте знакомо это чувство.

Она начинает карабкаться по деревянным ступенькам кое-как сбитой стремянки, и карабкается, пока не ударяется головой о трос, и вот уже щурится от ветра и серебристого света. Видит чайку, неподвижно зависшую в воздухе в каких-нибудь двадцати футах на фоне городской башни.

Ветер треплет волосы Шеветты, изрядно отросшие с тех пор, пока ее здесь не было, и в ней возникает чувство, которому не найти названия, но которое всегда было с ней, и она не видит смысла забираться дальше, потому что теперь она знает, что дома, который живет в ее памяти, больше нет. Лишь пустая скорлупка, дребезжащая на ветру, — там, где она лежала когда-то, закутавшись в одеяла, чувствуя запах машинного масла, кофе и свежих опилок.

И где, вдруг она понимает, была порой счастлива от полноты бытия и готовности встретить завтрашний день.

И она сознает, что стала другой и что, когда была счастлива, вряд ли осознавала это.

Она, сутулясь, втягивает голову в спасительный панцирь куртки и представляет себе, как плачет, хотя знает, что этому не бывать, и начинает спускаться вниз.

Глава 20

Бумзилла

Бумзилла сидит себе на поребрике, рядом с фургоном, эти две сучки сказали, заплатим, если присмотришь. Еще полчаса не придут, он найдет подмогу и разденет фургон. Хочется заиметь того надувного робота, который был у сучки блондинки. Вот это круто. Гонять эту летучую говешку.

Вторая сучка, типа как байкерша, на ней старая куртка, очень крутая, посмотришь — так снята с какого бандюги. Напинаю в задницу, такая вот куртка.

Куда они смылись? Голодно что-то, ветер с опилками в рожу, дождь накрапывает.

— Ты не видел вот эту девчонку? — белый мужик, с виду киноактер, рожа вся в темном гриме, как у этих, с южного побережья. Вон как выпендриваются, когда надумают сюда сунуться, шмотки заношены на хрен, типа как все путем. Кожан такой, типа только что припарковал за углом свой раздолбанный самолет. Синие джинсы. Черная фуфайка.

Бумзилла точно бы блеванул, попробуй кто запихать его в такое дерьмо. Бумзилла, — он знает, чего напялить, когда со своим дерьмом тут разгребется.

Бумзилла таращится на снимок, мужик его сует прямо под нос. Видит ту сучку, которая типа как байкерша, только шмотки покруче.

Бумзилла смотрит на харю в гриме. Видит белесые голубые буркалы на фоне грима. Типа: сиди, где сидишь. Типа: не рыпайся, башню разворочу.

Бумзилла смекает: мужик не в понятии, что это ихний фургон.

— Она потерялась, — говорит мужик.

«Сам ты, мудак, потерялся», — думает Бумзилла.

— Никогда не видал. Буркалы смотрят пристальнее.

— Пропала без вести, понял? Хочу ей помочь.

Сбежавший ребенок.

Мысленно: ну и ребенок, бля; сучка-то старше моей мамаши.

Бумзилла качает головой. Еще как серьезно качает, самый децл, туда-сюда. В смысле «нет».

Голубые буркалы шарят вокруг, ищут кого другого, чтобы засветить свой снимок; шарят мимо фургона. Ясно, в непонятках мудила.

Мудила отваливает налево, туда, где тусуется народ у кафешки, сует им свой долбаный снимок.

Бумзилла смотрит, как мудила сваливает.

Бумзилла сам сбежавший ребенок и собирается им оставаться, пока не сдохнет.

Глава 21

«Парагон-Азия»

Сан-Франциско и Лос-Анджелес больше походили на две разные планеты, чем на два разных города. И дело было не в трениях между Северной Калифорнией и Южной Калифорнией, а в более глубоких корнях. Райделл помнил, как много лет назад сидел где-то с пивом, смотрел «церемонию отсоединения» по Си-эн-эн и даже тогда не про-

никся всей этой заморочкой. Но вот сама разница — это было.

Жесткий порыв ветра швырнул ему в лицо дождь, когда он шел вниз по Стоктон, чтобы выйти на Маркет. Девицы из офисов придерживали руками юбки и хохотали, и Райделлу тоже захотелось смеяться, впрочем, это прошло еще до того, как он пересек Маркет и двинулся вниз по Четвертой.

Именно здесь он встретил Шеветту, здесь она когда-то жила.

Они с Райделлом ввязались в этих местах в одну авантюру, потом встретились, а уж окончание этой авантюры занесло их в Эл-Эй.

Ей просто не понравился Эл-Эй, постоянно твердил он себе, хотя знал, что совсем не по этой причине все вышло так, как вышло.

Они приехали на Юг настоящей парой, а Райделл зачем-то решил превратить в телешоу то, через что им вместе пришлось пройти. «Копы влипли», конечно, заинтересовались, так как «Копы» уже проявляли к Райделлу интерес давно, еще в Ноксвилле.

Свеженький после Академии Райделл с ходу применил смертоносное оружие при задержании удолбанного «плясуном» психа, который пытался

прикончить детей своей собственной подружки. Подружка впоследствии пыталась судиться с округом, городом и самим Райделлом, так что «Копы влипли» решили, что с Райделлом может выйти неплохой эпизод. И они его дернули самолетом в Южную Калифорнию, где у них была база. Он получил личного агента и все такое, но сделка не состоялась, и его взяли в «Интенсекьюр» водителем броневика, выезжать по вызовам. Как только он умудрился устроить так, что его уволили, случилась поездка в Северную Калифорнию, для временной и сугубо неофициальной работы — участия в местной операции «Интенсекьюр». Тут-то он и влип в заваруху, которая «подарила» ему Шеветту Вашингтон. В общем, когда он вернулся в Эл-Эй с готовым сюжетом и под ручку с Шеветтой, «Копы влипли» уже делали стойку. Они как раз раскручивали свой бизнес, превращая каждый эпизод в сериал для укрепления своих позиций на рынке, и отделу демографии понравилось, что Райделл — мужчина, что он не слишком молод, не слишком образован и, кроме того, — южанин. Еще им понравилось, что он не расист и уж конечно то, что при нем была эта смазливая, альтернативного типа деваха, такая крепенькая, будто может легко колоть грецкие

орехи, зажав их между ляжек.

«Копы влипли» засунули их в сомнительный маленький отель неподалеку от Сансет, и они с Шеветтой были там так счастливы — первые две недели, что Райделл едва мог вынести одни лишь воспоминания.

Каждый раз, когда они ложились в кровать, ему начинало казаться, что они творят историю, а не просто занимаются любовью. Номер был похож на небольшую квартирку, с отдельной кухней и газовым камином, и по ночам они кувыркались перед камином на одеяле, брошенном на пол, все окна открыты, весь свет погашен, синее пламя чуть мерцает, боевые вертолеты ДПЛА гудят над головой, и когда он оказывался в ее объятиях или она ложилась, повернувшись к нему лицом, он понимал, что это — хорошая история, самая лучшая и что все теперь выйдет просто замечательно.

Не вышло.

Райделл никогда особо не задумывался о своей внешности. Ему казалось, с этим все в порядке. Женщинам он, похоже, вполне нравился, ему даже говорили, что он похож на молодого Томми Ли Джонса, а Томми Ли Джонс был кинозвездой в двадцатом веке. И потому, что ему так сказали,

Райделл однажды взял и посмотрел пару фильмов с этим парнем; фильмы ему понравились, хотя никакого сходства он не увидел и слегка озадачился.

Однако он начал беспокоиться, когда «Копы влипли» назначили к нему костлявую белобрысую стажерку по имени Тара-Мэй Аленби, которая ходила за ним как привязанная и набирала метраж установленной на плече неподвижной камерой.

Тара-Мэй жевала жвачку, мудрила с фильтрами и, в общем и целом, бесила Райделла до зубовного скрежета. Он знал, что сигнал с ее камеры идет напрямую к «Копам влипли», и стал подозревать, что они не слишком довольны тем, что видят. Тара-Мэй не развеяла его опасений, объяснив Райделлу, что камера добавляет верные двадцать фунтов к любой внешности, но, дескать, подумаешь, ей самой Райделл нравится вот таким, натуральным, в самом соку. В то же время она постоянно намекала, что он мог бы и подкачаться. Почему бы не последовать примеру этой вашей подружки, говорила она, вот так крепышка, даже зависть берет.

Но Шеветта ни разу в жизни не была в гимнастическом зале; крепышкой ее сделали родитель-

ские гены да еще те несколько лет, что она гоняла вверх-вниз по холмам Сан-Франциско на горном гоночном велосипеде с рамой из пропитанной эпоксидкой японской строительной бумаги.

Так что теперь Райделл просто вздохнул, дойдя до угла Четвертой и Брайент и свернув по Брайент на мост. Сумка на плече начала заметно тяжелеть, явно в сговоре с гравитацией. Райделл остановился и еще раз вздохнул, поправляя сумку. Выкинул мысли о прошлом из головы.

Просто топай, и все.

Никаких проблем с поисками этого филиала «Счастливого дракона». Пропустить его было попросту невозможно: бац! — и вот он, торчит прямо там, где была середина Брайент, в самом центре, у входа на мост. Райделл не видел его, когда шел по Брайент, потому что его заслоняли груды старых бетонных ловушек для танков, сброшенных после землетрясения, но стоило их миновать, и вот, пожалуйста, любуйтесь.

Райделл заметил, пока шел к магазину, что это заведение — более новая модель, чем та, где он работал, на Сансет. У этой было меньше выступающих углов, так что отделка меньше крошится и ремонт требуется реже. Он предположил, что проектирование «драконовских» модулей было

на самом деле проектированием объекта, способного выдержать натиск миллионов небрежных и даже враждебных рук. В конце концов, подумал он, должно получиться что-то вроде раковины моллюска — гладкое и твердое.

У магазина на Сансет было покрытие, которое пожирало граффити. Подростки из уличных банд приходили и что-нибудь малевали; двадцать минут спустя из-за угла, скользя, появлялись плоские темные и какие-то крабообразные пятна темно-синего цвета. Райделл никак не мог вникнуть в принцип их действия, но Дариус говорил, что их разработали в Сингапуре. Казалось, они были встроены на несколько миллиметров вглубь прямо в покрытие, которое представляло собой некий густой непрозрачный гель, и при этом были способны в нем свободно передвигаться. Он слыхал, что это называется «умный материал». «Крабы» сползались и набрасывались на граффити, какие чудные каракули ни были бы нанесены аэрозольным баллоном, чтобы расписаться в фанатстве, пометить территорию или поклясться в мести (Дариус был наделен талантом «читать» эту дурь и выстроить из нее целую историю), — сползались и начинали жрать. Нельзя сказать, что «ноги» у «крабов» при этом так уж явственно

двигались. Они всего лишь принюхивались к граффити, и постепенно каракули начинали распутываться, бледнеть, синева «драконовских буквоедов» всасывала молекулы краски.

А однажды кто-то оставил после себя умные каракули, какой-то вид переводной картинки, по-хитрому прилепленный к стене, хотя ни Райделл, ни Дариус так и не поняли, как злоумышленнику удалось это сделать и остаться незамеченным. Может быть, сказал Дариус, ее выстрелили с большого расстояния. Это была эмблема банды под названием «Чупакабрас», жуткая шипастая тварь, вся черно-красная, мерзкая и зловещая и, как считал сам Райделл, довольно забавная на вид и прикольная, что ли. Он даже видел такую наколку, когда сидел в магазине. Парни, щеголявшие такими тату, обожали носить эти ужасные контактные линзы, от которых зрачки становятся похожими на змеиные. Однако когда пожиратели граффити явились полакомиться «чупакаброй», она отползла.

Они крались за ней осторожно, а она их чуяла и отползала. Настолько медленно, что движение было почти незаметно, но все-таки отползала. Тогда пожиратели граффити приближались к ней снова. Райделл и Дариус в первый вечер

наблюдали за ней, пока она не доползла до края стены. Она обогнула магазин сзади и начала продвигаться обратно к фасаду по противоположной стене, когда их смена закончилась.

В начале их следующей смены она все еще там красовалась; компанию ей составляла пара стандартных клякс от аэрозольных хлопушек. Пожирателей заворожила «разумная чупакабра», и они даже не думали делать свое дело. Дариус показал сие безобразие мистеру Парку, которому не понравилось, что они ему не сказали сразу. Райделл показал ему, где именно в вахтенном журнале находился подробный отчет, сделанный еще в конце прошлой смены, отчего мистер Парк только разозлился еще больше.

Примерно через час два типа в белых комбинезонах «Тайвек» приперлись к ним в хирургически чистом, без всяких опознавательных знаков, белом фургоне и принялись за работу. Райделл очень хотел посмотреть, каким образом они вытравят хитрые граффити, но в ту ночь на магазин напали воры, и ему так и не удалось увидеть, что же фургонщики сделали с «чупакаброй». Они не использовали ни скребков, ни растворителей, он это знал. Они использовали ноутбук и два щупа с присосками. Он догадался, что, в сущности, парни

просто взломали программу граффити, запутали код, и после того как они уехали, пожиратели граффити приползли, чтобы всосать без помех последний писк «чупакабровой» живописи.

Этот «Счастливый дракон» у моста был такой же гладкий и белый, как новая фарфоровая тарелка, отметил Райделл, подойдя чуть поближе. Он казался фрагментом чужого сна, свалившимся с неба. От этого вход на мост приобрел какое-то дикое, явно не запланированное противоречие, и Райделл подивился, много ли было дискуссий в Сингапуре до того, как поставили здесь модуль. «Счастливый дракон» имел филиалы во многих первоклассных местах с интересной для туристов недвижимостью, Райделл их видел на экранах «Всемирной Интерактивной Видеоколонны» в Эл-Эй; один размещался в торговом центре под Красной площадью, другой — модный «Кей-Дам» — в центре Берлина, третий — для крутой клиентуры — на Пикадилли, в Лондоне, но то, что модуль поставили здесь, показалось Райделлу поразительно странной или, если угодно, до странности преднамеренной акцией.

Мост был заковыристым местечком, достаточно безопасным, но вот только не для туристов.

Нет, конечно, пешие туристы наблюдались,

и в довольно изрядном количестве, особенно на этом конце моста, но никаких экскурсий, никаких гидов. Если ты шел на мост, ты шел по собственному почину. Шеветта говорила ему, что люди на мосту люто ненавидят евангелистов, и Армию спасения тоже, и вообще любые организации. Райделл смекнул, что, безусловно, одной из причин привлекательности моста была его неподконтрольность.

«Автономная зона» — так называл это Дариус. Он сказал Райделлу, что Сансет-стрип изначально была одной из этих зон на стыке разных полицейских юрисдикции, и это как-то изменило ДНК улицы — вот отчего, скажем, под Рождество на Стрипе по-прежнему паслись шлюхи в колпаках эльфов.

Но, возможно, «Счастливый дракон» знает что-то такое, чего люди не знают, подумал он. Все в мире может меняться. Его отец, например, постоянно божился, что Таймс-сквер когда-то был тем еще опасным местечком.

Райделл с трудом пробивался через толпу, втекавшую и вытекавшую с моста мимо «Всемирной Интерактивной Видеоколонны», и, пока пробивался, грезил, так сказать, наяву, что вот сейчас он поднимет взгляд и увидит родной филиал на

Сансет, и Хвалагосподу радостно просияет ему с парадного входа.

Все, что он увидел, был юный скейтбордист в Сеуле, трясущий мошонкой в камеру.

Он вошел внутрь, где его немедленно остановил очень крупный джентльмен с очень низким лбом и белесыми бровями.

— Сумку сюда, — приказал охранник, украшенный точно таким же неоново-розовым «драконовским» ранцем, какой Райделл таскал на себе в Эл-Эй. По сути, ранец Райделла лежал в вещмешке, которого этот парень домогался.

— Пожалуйста, — сказал Райделл, передавая сумку. «Драконовские» охранники были обязаны говорить это слово: пожалуйста. Так гласил ноутбук мистера Парка, но в принципе, если уж ты просил у кого-то сумку, ты признавал тем самым, что считал клиента потенциальным воришкой, а коли так, то почему бы тебе не оформить это повежливей? Охранник с подозрением сощурил глаза. Он засунул сумку в нумерованный кубический шкафчик за своим боевым постом и протянул Райделлу бирку с логотипом «Счастливого дракона», которая выглядела, как огромная подставка для стакана с цифрой «5» на обратной стороне. Размер, как прекрасно знал Райделл, был

рассчитан на то, что бирки такого размера больше, чем размер стандартных карманов; таким образом, исключалась возможность, что, положив в карман, народ забудет об этом и утащит бирки с собой. Один из способов снизить себестоимость. Абсолютно все в «Счастливом драконе» было продумано таким образом. И вы вроде как были просто обязаны восхищаться этим.

— Добро пожаловать, — сказал Райделл. Он направился к банкомату Международного Банка «Счастливого дракона» в конце модуля. Он знал, что машина наблюдает за тем, как он приближается и вынимает бумажник из заднего кармана.

— Я здесь, чтобы мне выдали чип, — сказал он.

— Пожалуйста, назовите себя, — у всех «драконовских» банкоматов был один и тот же голос, странноватый, напряженный, сипловатый голос маленького кастрата, и Райделл никак не мог понять почему. Но можно было не сомневаться, что это тоже продумано: вполне вероятно, что такой голосок отбивал у людей охоту ошиваться вокруг и от нечего делать трепаться с машиной. Но Райделл знал, что, в любом случае, это сучье отродье могло прыснуть в клиента перечным газом. Аппараты были обклеены предупреждениями об этой опасности, хотя лично он глубоко

сомневался, что кто-то хоть раз реально прочитал эти наставления. Если же вам взбрело в голову серьезно шутить с аппаратом, к примеру, попробовать засунуть отмычку в отверстие, откуда выскакивал чип, зловредная тварь облила бы водой и вас, и себя, а потом пустила электрический ток — об этом помалкивали все.

— Берри Райделл, — сказал он, достав из бумажника свои водительские права, выданные в Теннесси, и вставив их операционным концом в сканер банкомата.

— Контактная проверка ладони.

Райделл положил свою руку на вмятину в форме руки. Он ненавидел эту процедуру. Разносчики лишаев и всякой заразы — вот что такое эти штуки для сканирования ладони. Грязь с чужих рук.

Он вытер ладонь о штаны.

— Пожалуйста, введите ваш персональный идентификационный код.

Райделл ввел, шаг за шагом восстановив мнемонический код и закончив двумя жестянками «7-Up».

— Обрабатываю ваш запрос о кредите, — сказал аппарат с такой болью в голосе, будто ему отдавили яйца.

Райделл глянул назад и понял, что, в принципе,

он единственный клиент, если не брать в расчет седовласую женщину в черных кожаных брюках, которая мучила кассира на языке, который Райделл счел немецким.

— Транзакция завершена, — сказал банкомат. Райделл повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как «драконовский» кредитный чип выползает из отверстия выдачи. Он толкнул его обратно, не до конца, чтобы сумма остатка высветилась на экране. Недурно. Очень даже недурно. Он спрятал чип в карман, убрал бумажник подальше и развернулся в сторону кассы «ГлобЭкс», которая также служила местным отделением ВПС, Всеамериканской Почтовой Службы. Как и банкомат, эта штука представляла собой очередной спецузел, или, точнее, просто вздутие в пластиковой стене. У них на Сансет такой беды не было, и Хвалагосподу была вынуждена числиться одновременно клерком «Глобал Экспресса» и/или служащей ВПС, причем вторая должность заставляла ее периодически хмуриться, так как секта ее родителей однозначно идентифицировала все федеральные организации как происки Сатаны.

Того, кто медлит, как учил в свое время Райделла его отец, того Бог хранит, и Райделл старался изо всех сил в течение всей своей жизни прак-

тиковать этот вид благостной неторопливости. Практически все, из-за чего он когда-либо попадал в глубокую задницу, насколько он помнил, было просто побочным продуктом неумения медлить. В его характере была такая черта — он сам не знал откуда, — которая просто брала его и тащила, при этом в самый неподходящий момент.

Смотри, куда прыгаешь. Сто раз отмерь. Задумайся о последствиях.

Он задумался о последствиях. Некто воспользовался его кратким, но вынужденным визитом в виртуальный коридор Селвина Ф. К. Тонга, чтобы ненавязчиво намекнуть, что ему стоит вынуть кредитный чип из данного конкретного банкомата, а потом кое за чем заглянуть в «ГлобЭкс». Этим «некто» мог быть сам Селвин Тонг, говоривший, так сказать, через «черный канал», а может, это был кто-то другой, неизвестно кто, да кто угодно, взломавший, как решил Райделл, едва ли самый надежно защищенный сайт в мире. Впрочем, сама картина деформации, произведенной в честь Райделла, была буквально подписана словом «хакеры». Как он убедился на собственном опыте, хакеры просто не могут удержаться от показухи, а также склонны к модной зауми. И еще Райделл знал, что они могут запросто усадить тебя в кучу

дерьма, и чаще всего сажают.

Он посмотрел на выпуклость «ГлобЭкс».

И потащился туда.

С этим делом он управился быстрее, чем с получением кредитного чипа: показал лицензию — замочек открылся. Посылка была крупнее, чем он ожидал, но даже для такого размера казалось тяжеловатой. Попросту тяжеленной. Дорогостоящая на вид упаковка на пенной основе, очень тщательно опечатанная серой пленкой из пластика и утыканная со всех сторон анимированными голограммами «ГлобЭкс Максимум Экспресс», стикерами таможни. Он изучил накладную. Она вроде бы пришла из Токио, но только на первый взгляд, потому что накладная была подписана фирмой «Парагон-Азия Дейтафлоу» по адресу Лайгон-стрит, Мельбурн, Австралия. У Райделла не было знакомых в Австралии, но зато ему было известно, что доставка любого груза на международном судне в любой из подобных приемных пунктов «ГлобЭкс» считалась предприятием, во-первых, невозможным, а во-вторых, определенно подсудным и незаконным. Без адреса получателя, будь то частное лицо или фирма, было не обойтись. Эти приемные пункты занимались исключительно местной доставкой.

Черт побери. Штуковина была слишком тяжелой. Он обхватил ее рукой — все два фута в длину и шесть дюймов в диаметре — и потащился обратно, забрать свою сумку.

Которая теперь стояла открытой на маленькой стойке, а безбровый охранник, в свою очередь, держал на весу неоново-розовый «драконовский» ранец Райделла.

— Что ты тут делаешь с моей сумкой?

Охранник поднял голову.

— Это имущество «Счастливого дракона».

— Тебе не положено копаться в сумках клиентов, — сказал Райделл, — так говорит ноутбук.

— Я обязан рассматривать это как кражу. У вас здесь имущество «Счастливого дракона».

Тут Райделл вспомнил, что положил керамический кнопарь в свой ранец, потому что не смог придумать, что с ним еще можно сделать. Он попробовал вспомнить, законно ли это или же незаконно — здесь, наверху, на Севере. В Южной Калифорнии было, например, так, а в Орегоне эдак.

— Это мое имущество, — сказал Райделл, — и ты мне его отдашь, прямо сейчас.

— Уж извините, — сказал охранник с вызовом.

— Эй, Райделл, — раздался знакомый голос, и

дверь распахнулась с такой страшной силой, что Райделл услышал отчетливый хруст в механизме автоматической защелки. — Сукин ты сын, ты все еще с яйцами или хана?

В мгновение ока Райделла поглотили пары водки и похотливого тестостерона. Он обернулся и увидел Кридмора, который зловеще скалился, однозначно потеряв человеческий облик. У него за спиной маячил мужчина, коренастый, бледное лицо, темные глаза близко посажены.

— Ты, алкаш, — рявкнул охранник, — пошел вон отсюда.

— Так-так, значит, я алкаш. — Кридмор скорчился, будто его мучила душевная боль. — Говорит, что я алкаш… — Кридмор поворотился к стоявшему позади мужчине. — Рэнди, этот козел говорит, что я алкаш.

Уголки губ дородного мужика, у которого был странно маленький и нежный для такого тяжелого и заросшего лица рот, мгновенно опустились вниз, как будто он был неподдельно и очень, очень глубоко огорчен тем фактом, что одно человеческое существо смело третировать другое таким непотребным образом.

— Ну так порви этому педриле очко, — мягко посоветовал крепыш, будто подобная перспекти-

ва сулила радующую душу возможность, пусть и маловероятную, поиметь веселье после такого большого разочарования.

— Я алкаш?!! — Кридмор опять повернулся к охраннику. Он наклонился над стойкой, так что его подбородок коснулся верха райделловской сумки. — В каком дерьме ты здесь собираешься вывалять моего приятеля?

Кридмор излучал опасность не хуже рептилии, обожравшейся амфетаминов, его гнев не поддавался измерению по шкале млекопитающих. Райделл увидел, что у Кридмора начался тик, размеренно и непроизвольно пульсировал мускул на щеке, словно крохотное запасное сердце. Поняв, что Кридмор безраздельно владеет вниманием охранника, Райделл сгреб левой рукой сумку, а правой — розовый ранец.

Охранник сделал попытку вернуть их себе. Что, несомненно, было ошибкой, так как хватательный рефлекс заставил его выбросить вперед обе руки.

— Соси член!!! — взвизгнул Кридмор, выдав удар с такой бешеной скоростью и энергией, каких Райделл от него не ожидал, кулак певца кантри погрузился по самое запястье в брюхо охранника, прямиком под ложечку.

Ошалев от такой неожиданности, страж согнулся пополам. Кридмор уже замахнулся, чтобы врезать ему по роже, но Райделл успел опутать запястья Кридмора лямками сумки, едва не грохнув объемистую посылку на пол.

— Канаем, Бьюэлл, — сказал Райделл, вытолкав Кридмора в дверь. Райделл знал, что сейчас кое-кто долбанет ногой по особой кнопке в полу.

— Этот козел утверждает, что я алкаш, — выразил свой протест Кридмор.

— Ну что тебе сказать, Бьюэлл, ты действительно алкаш, — задумчиво сказал крупный мужчина, поспевая следом.

Кридмор хихикнул.

— Пошли отсюда, — сказал Райделл, двигая к мосту. Не снижая темпа, он пытался не выпустить «подарок» «ГлобЭкс», ненадежно зажатый подмышкой. Порыв ветра швырнул ему горсть опилок в глаза, проморгавшись, скосив глаза, чтобы их очистить, он впервые заметил, что в накладной все же стояло имя получателя, но не его, Райделла, а Колина Лэйни.

«Колин-пробел-Лэйни». Как же так вышло, что Райделлу отдали чужую посылку?

Но тут они очутились в гуще толпы, направлявшейся вверх по широкому трапу на нижний

уровень.

— Что это там за дерьмо? — спросил Кридмор, вытянув шею.

— Мост Сан-Франциско — Окленд, — ответил Райделл.

— Вот ведь какое дерьмо, — сказал Кридмор, косясь на толпу, — воняет, как банка с тухлой наживкой. Спорим, здесь можно найти себе такую дырку, каких свет не видывал.

— Мне нужно выпить, — тихо сказал чувак с деликатным ртом.

— Похоже, мне тоже, — откликнулся Райделл.

Глава 22

В ярости

У Фонтейна две жены.

Не такое это положение, скажет он вам, чтобы к нему стремиться.

Они живут в неустойчивом перемирии в одной квартире, ближе к Оклендскому концу. Фонтейн уже какое-то время уклоняется от общения с ними и спит здесь, в своей лавке.

Молодая жена, ей сорок восемь, а с виду лет на пять меньше, сама с Ямайки, а жила в Брикстоне,

высокая и светлокожая; для Фонтейна она сущее наказание за все грехи его жизни.

Ее имя Кларисса. Впадая в ярость, она сбивается на говор, усвоенный в детстве: «Прыз тебе в студию, Фонтен».

Фонтейну достается «прыз» вот уж несколько лет, и сегодня он опять его получает: рассерженная Кларисса стоит перед ним, держа в руке сумку для покупок, полную, как кажется, японских младенцев, больных кататонией.

На самом деле это куклы младенцев в натуральную величину, произведенные в последние годы прошлого века для утешения бабушек с дедушками, живущих вдалеке от внуков, каждая кукла сделана по фотографии реального ребенка. Выпускала их в Мегуро фирма под названьем «Близняшки», и они вскоре стали популярной среди коллекционеров ценностью, ибо каждый экземпляр был уникальным.

— Не нужны мне они, — говорит Фонтейн.

— Слушай, ты, — наседает Кларисса, борясь со своим говором. — Никуда ты не денешься, ты их возьмешь. Ты их берешь, ты их толкаешь, ты получаешь не меньше доллара, и ты отдаешь его мне. Потому что иначе я ни за что не останусь в этой дыре, где ты бросил меня рядом с этой

сумасшедшей сукой, на которой ты женат.

На которой я был женат, когда ты «женила» меня на себе, размышляет Фонтейн, и это ни для кого не секрет. К упомянутой Турмалине Фонтейн, известной также под кличкой Жена Номер Раз, вполне адекватно, как полагает Фонтейн, походит эпитет «сумасшедшая сука».

Турмалина — воплощенный кошмар; лишь ее необъятная талия и неизлечимая тупость не дают ей сюда заявиться.

— Кларисса, — протестует он, — если б они хоть были новенькие, в упаковке…

— Они не бывают в упаковке, ты, идиот! С ними всегда играют!

— Ну, значит, ты знаешь рынок лучше, чем я, Кларисса. Сама, значит, и продавай.

— Ты хотишь поговорить про алименты?

Фонтейн смотрит на японских кукол.

— Господи, вот ведь уродцы. Выглядят как мертвые, ты понимаешь?

— Потому что их надо заводить, болван. — Кларисса кладет сумку на пол и хватает за голову голого мальчика. Она вонзает свой длинный изумрудно-зеленый ноготь в затылок куклы. Пытается продемонстрировать еще одну уникальную, сугубо индивидуальную особенность

этих игрушек — цифровую запись младенческих звуков, а может быть, даже первых слов прототипов, — но вместо них раздается чье-то нарочито тяжелое дыхание, а после него — ребячливое хихиканье в сопровождении разноголосья детских ругательств. Кларисса нахмуривается. — Кто-то их уже поломал.

Фонтейн вздыхает.

— Сделаю все, что смогу. Оставь их здесь. Ничего не могу обещать.

— Лучше молись, чтобы я их здесь оставила, — говорит Кларисса, швырнув младенца в сумку вниз головой.

Фонтейн украдкой бросает взгляд вглубь лавки, где на полу, скрестив по-турецки ноги, сидит босой мальчик, постриженный почти под ноль, раскрытый ноутбук — на коленях, сам весь внимание.

— Это еще что за черт? — вопрошает Кларисса, подойдя ближе к стойке и впервые заметив мальчика.

Данный вопрос почему-то ставит Фонтейна в тупик. Он теребит свои лохмы.

— Он любит часы, — говорит Фонтейн.

— Ха, — говорит Кларисса, — он любит часы. Что же ты не приведешь сюда своих собственных

детей? — ее глаза сужаются, морщинки у глаз становятся глубже, и Фонтейну вдруг очень хочется их поцеловать. — Что же ты завел здесь какого-то «толстяка-латиноса-любит-часы» вместо них?

— Кларисса…

— В задницу «Кларисса»! — ее зеленые глаза расширяются от гнева, становятся белесыми и ледяными, как далекое эхо ДНК неизвестного британского солдата: Фонтейн часто с улыбкой воображал себе душную ночь зачатия где-нибудь в Кингстоне, — эхо, что отозвалось через несколько поколений. — Ты двигаешь эти куклы или я в ярости, понял?

Она лихо делает поворот на пятках, что совсем нелегко в ее черных галошах и, гордая и прямая, с достоинством уходит из лавки Фонтейна, в мужском твидовом пальто, которое, вспоминает Фонтейн, он купил в Чикаго лет пятнадцать назад.

Фонтейн вздыхает. Тяжесть наваливается на него к концу дня.

— В этом штате законно быть мужем двух женщин сразу, — говорит он в воздух, который пахнет кофе. — Ко всем чертям, это безумно, но все же законно. — Он шаркает к входной двери, в ботинках с развязанными шнурками и закрывает

ее за ушедшей, запирает замок. — Ты все еще думаешь, что я двоеженец или что-то типа того, малыш, но это — штат Северная Калифорния.

Он возвращается и еще раз смотрит на мальчика, который, похоже, только что открыл веб-сайт аукциона «Кристи».

Мальчик смотрит на него снизу вверх.

— Наручные часы в виде бочонка, платиновый корпус, поминутный репетир, — говорит он, — Патек Филипп, Женева, лот 187154.

— Думаю, — говорит Фонтейн, — не совсем для нас.

— Карманные часы «Хантер», золотой корпус, четвертьчасовой репетир…

— Забудь об этом.

— …со скрытым внутри эротическим механизмом.

— Это нам тоже не по зубам, — говорит Фонтейн. — Послушай, — говорит он, — вот что я тебе скажу: этот ноутбук слишком медленный способ смотреть. Я покажу тебе быстрый способ.

— Быстрый. Способ.

Фонтейн идет рыться в выдвижных ящиках стальной картотеки, покрытой засохшей краской, и роется до тех пор, пока не находит старый военный шлем виртуальной реальности. Резино-

вая «губа» вокруг бинокулярного видеодисплея вся в трещинах, крошится. Еще несколько минут уходит на то, чтобы найти совместимый аккумулятор и определить, заряжен он или нет. Мальчик игнорирует Фонтейна, уйдя с головой в каталоги «Кристи». Фонтейн подключает к шлему аккумулятор и возвращается.

— Вот, смотри. Видишь? Надеваешь эту штуку на голову…

Глава 23

Русский холм

Квартира огромна, в ней отсутствуют предметы, не имеющие практической пользы.

Поэтому паркет из дорогого дерева не скрыт коврами и очень тщательно начищен.

Расположившись в удобном полуинтеллектуальном шведском офисном кресле, он заостряет клинок.

Это задача (он думает о ней, как о функции), которая требует пустоты.

Он сидит перед столом — выполненная в девятнадцатом веке реконструкция трапезного стола семнадцатого столетия. На расстоянии шести

дюймов от ближайшего края в ореховом дереве с помощью лазера просверлены два треугольных гнезда под прямым углом. В эти гнезда он только что вставил два графитово-серых керамических стержня длиной девять дюймов каждый, треугольных в поперечном сечении, образующих теперь острый угол. Эти точильные камни прочно сидят в глубоких, просверленных лазером выемках, потому стержни держатся намертво.

Клинок лежит перед ним на столе, его лезвие меж керамических стержней.

Он берет клинок в левую руку и прикасается основанием лезвия к левому точильному камню. Он направляет клинок на себя и вниз, одним резким, ровным, решительным рывком. Он услышит малейший намек на несовершенство, но это возможно только в том случае, если была пробита при ударе кость, а этот клинок в последний раз пробивал кость много лет тому назад.

Ничего.

Человек выдыхает, вдыхает и прикасается лезвием к правому точильному камню.

Звенит телефон.

Человек выдыхает. Кладет клинок на стол, лезвием между керамических стержней.

— Да?

Голос, звучащий из нескольких скрытых колонок, хорошо ему знаком, хотя человек почти десятилетие не встречался с обладателем голоса в обычном физическом пространстве. Человек знает: слова, что он слышит, исходят из миниатюрного сверхдорогого, надежного в эксплуатации обломка недвижимости, повисшего где-то среди спутников планеты. Это прямая передача, ничего общего с аморфным облаком ординарной человеческой коммуникации.

— Я видел, что вы делали на мосту прошлой ночью, — говорит голос.

Человек молчит в пустоту. На нем изысканная фланелевая рубашка из тонкого хлопка, воротник застегнут, галстук отсутствует, манжеты с простыми плоскими круглыми запонками из платины. Человек кладет руки на колени и ждет.

— Они считают, что вы сумасшедший, — говорит голос.

— Кто из ваших наемников говорит вам подобные вещи?

— Дети, — говорит голос, — жестокие и способные. Я нашел самых лучших.

— Почему вас это волнует?

— Я хочу знать.

— Вы хотите знать, — говорит человек, поправ-

ляя складку на левой брючине, — почему?

— Потому что вы мне интересны.

— Вы боитесь меня? — спрашивает человек.

— Нет, — отвечает голос. — Не думаю.

Человек молчит.

— Почему вы убили их? — спрашивает голос.

— Они просто умерли, — говорит человек.

— Зачем вы ходили туда?

— Я хотел посмотреть на мост.

— Мои ребята считают, что вы ходили туда специально, чтобы кого-то завлечь, кого-то, кто на вас нападет. Чтобы кого-то убить.

— Нет, — говорит человек, в его голосе слышится разочарование. — Они просто умерли.

— Но вы были действующим лицом.

Человек слегка пожимает плечами. Поджимает губы. Потом:

— Случается всякое.

— «Случается всякое дерьмо», как мы говаривали когда-то. Не оно ли и случилось?

— Мне не знакомо данное выражение, — говорит человек.

— Я давно не просил вас о помощи.

— Это результат взросления, надеюсь, — говорит человек. — Вы стали меньше сопротивляться инерции случая.

Голос умолкает. Молчание затягивается. Наконец:

— Вы научили меня этому.

Когда человек убеждается, что беседа окончена, он берет клинок в правую руку и приставляет конец лезвия к правому точильному камню.

И плавно сдвигает клинок на себя и вниз.

Глава 24

Два фонарика сзади

Они отыскали темную забегаловку, которая, чувствовалось, нависала над землей далеко за пределами несуществующих перил моста. Не очень просторное помещение, но довольно длинное, с баром вдоль стены, выходившей на мост, а напротив — ряд разномастных окон, глядевших на юг, через пирсы, на Китайский залив. Давно немытые стекла вставлены в рамы, промазанные бурыми стекловидными сгустками силикона.

Кридмор, пока суть да дело, оживился, выглядел искренним и благожелательным, представив своего спутника, упитанного парня, как Рэндалла Джеймса Бранча Кейбелла Шоутса, из города Мобил, штат Алабама. Шоутс был гитаристом-га-

стролером, если верить Кридмору, в Нэшвилле и еще где-то там.

— Рад встрече с вами, — сказал Райделл. Рука Шоутса была прохладная, сухая и мягкая, но с крохотными, твердыми мозолями, будто лайковая перчатка, вышитая острыми камешками граната.

— Друг Бьюэлла — значит мой друг, — ответствовал Шоутс без малейшей иронии.

Райделл глянул на Кридмора, пытаясь понять, какие бездны нейрохимии парень преодолевал в данный момент и сколь долго он был намерен держаться избранного курса.

— Я должен сказать тебе спасибо, Бьюэлл, за то, что ты там устроил, — сказал Райделл, ибо это была чистая правда. Чистой правдой было и то, что Райделл не мог с уверенностью сказать, устроил ли это Кридмор или кто-то другой, но сама ситуация выглядела так, будто Кридмор и Шоутс нарисовались в нужное время и в нужном месте — впрочем, собственный опыт работы в «Счастливом драконе» подсказывал Райделлу, что история еще будет иметь продолжение.

— Сукины дети, — подал голос Кридмор, комментируя в общих чертах положение дел. Райделл заказал всем пиво.

— Слушай, Бьюэлл, — сказал он Кридмору, — возможно, нас станут искать из-за того, что случилось.

— Какого хрена? Мы здесь, эти сукины дети там.

— Значит, так, Бьюэлл, — сказал Райделл, представив, что вынужден объясняться с упрямым и капризным ребенком, — я как раз получил вот эту посылку, до того, как у нас там случился маленький спор, а потом ты врезал охраннику под дыхло. Сейчас он не сильно этому рад, и, вполне вероятно, он вспомнит, что у меня была в руках эта посылка. Вот большой логотип «ГлобЭкс», видишь? Значит, охранник может взять записи «ГлобЭкс» и найти меня на видео или аудиозаписи, неважно как, и сдать все это в полицию.

— В полицию? Сукин сын будет нарываться на проблемы, мы их ему предоставим, правильно?

— Нет, — сказал Райделл, — это не поможет.

— Ну, если все так безнадежно, — Кридмор положил руку Райделлу на плечо, — тогда мы будем тебя навещать, пока тебя не выпустят.

— Ну, уж нет, Бьюэлл, — сказал Райделл, стряхнув с плеча руку, — на самом деле я вовсе не думаю, что тот тип станет обращаться в полицию. Скорей, он захочет узнать, на кого мы работаем,

и стоит ли подать на нас в суд и выиграть.

— Подать на тебя?

— На нас.

— Ха, — сказал Кридмор, переваривая эту новость, — ну ты и попал, чувак.

— Не факт, — сказал Райделл, — смотря что скажут свидетели.

— Намек понял, — сказал Рэнди Шоутс, — но мне будет нужно поговорить с моим лейблом, поговорить с адвокатами.

— С твоим лейблом? — оторопел Райделл.

— Так точно.

Тут прибыло пиво в бутылках с длинным коричневым горлышком. Райделл хлебнул из своей.

— Кридмор работает на твой лейбл?

— Нет, — сказал Рэнди Шоутс.

Кридмор перевел взгляд с Шоутса на Райделла и снова на Шоутса.

— Рэнди, я всего-навсего дал тому типу разок под дыхло. Я и знать не знал, что это может сказаться на нашей сделке.

— Оно и не скажется, — откликнулся Шоутс, — если ты все еще будешь в состоянии войти в студию и принять участие в записи.

— Черт тебя дери, Райделл, — сказал Кридмор, — я тебя не просил лезть в это дело и делать

мне гадость.

Райделл, рывшийся в эту секунду в своем вещмешке под столом, вытащил из вещмешка злополучный ранец, открыл его, посмотрел снизу вверх на Кридмора, но ничего не сказал. Он нащупал кратоновую рукоять керамического кнопаря.

— Вы, ребята, меня извините, — сказал Райделл, — но мне срочно нужен толчок. — Он встал, взял под мышку коробку «ГлобЭкс» и с кнопарем в кармане двинулся к официантке, чтобы спросить, где мужская уборная.

Во второй раз за сегодняшний день он убедился, что можно сидеть в туалетной кабинке и не использовать ее по назначению; эта благоухала значительно сильнее первой. Водопроводную систему здесь монтировали явно впопыхах, как, впрочем, и везде — куда ни глянь, пучками змеились прозрачные, отвратительного вида трубки, над раковиной с капавшими кранами отслаивались стикеры «ВОДА НЕ ПИТЬЕВАЯ», характерные для Северной Калифорнии.

Он вынул из кармана нож и надавил на кнопку, черное лезвие выскочило и щелкнуло. Он надавил на кнопку еще раз, сняв защелку с лезвия, закрыл кнопарь и открыл его снова. И что в этих

кнопарях такого, озадачился он, отчего с ними хочется вот так баловаться? Ему казалось, что люди по большей части любят иметь кнопари как раз ради этого баловства, что это как-то связано с психологией — рефлексами тупых обезьян. Сам он считал, что на самом деле эти механизмы абсолютно бессмысленны, если не брать в расчет их простого бытового удобства. Малолеткам кнопари нравились своей крутостью, но если уж кто-то увидит, как ты открываешь такую штуку, он сразу поймет, что ты парень с ножом, и либо сбежит, либо пнет тебя пару раз, либо просто пристрелит, в зависимости от того, что он думает о парнях с ножами, и от того, как сам вооружен. Райделл допускал, что теоретически возможны весьма специфические ситуации, когда ты можешь просто щелкнуть кнопарем и воткнуть его в кого-нибудь, но он не верил, что это так уж часто случается.

Он положил коробку со стикером «ГлобЭкс» себе на колени. Кончиком лезвия — осторожно, чтобы не порезаться, как тогда, в Эл-Эй, — рассек серую пленку. Нож прошел сквозь материю, как сквозь масло. Когда разрез стал достаточно длинным, чтобы посылку можно было открыть, он опасливо сложил нож и отложил его в сторону.

После чего поднял крышку.

Сперва ему показалось, что он смотрит на термос, на один из тех дорогостоящих шероховатых нержавеющих экземпляров, но, достав предмет из коробки, по его тяжести и высокому качеству изготовления сразу понял, что это нечто иное.

Он перевернул хреновину вверх тормашками и обнаружил вставленную в дно прямоугольную розетку с кластером микрогнезд — и больше ничего, за исключением слегка потертого синего стикера, на котором было написано: «Отличный вид». Он потряс «термос». Тот не забулькал, не издал вообще звуков. Монолит да и только, крышки нигде не видно, как открыть — непонятно. Райделл был удивлен, что подобную штуку пропустила таможня; интересно, как чиновники «ГлобЭкс» смогли объяснить, что это вообще такое, и как доказал и, что этот «термос», чем бы он ни был на самом деле, не напичкан какой-нибудь контрабандой? Лично он смог бы сам назвать хоть дюжину видов контрабанды, которой можно нашпиговать предмет таких габаритов и жить припеваючи, получив его здесь посылкой из Токио.

Может, внутри наркотики, подумал он, или еще какая-нибудь дрянь, и его просто-напросто

хотят подставить. Может, копы сейчас выбьют дверь сапогами и нацепят на него наручники за незаконный ввоз эмбриональной ткани или вроде того.

Он сидел без движения. Ничего не произошло.

Он положил предмет на колени и обшарил плотную упаковку из пены, надеясь найти хоть какую-нибудь записку, какой-нибудь ключик, который мог бы объяснить, что это такое. Там было пусто, так что он засунул предмет обратно в коробку, покинул кабинку, вымыл руки не питьевой водой и вышел из уборной, намереваясь покинуть бар, а заодно и Кридмора с Шоутсом, после того как захватит сумку, которая находилась под их присмотром.

Оказалось, что к ним присоединилась та самая дама, Мэри-Элис, утренняя знакомая, и что Шоутс где-то успел достать гитару, потертую старую громину с длинной трещиной в корпусе, как попало заклеенной чем-то вроде изоленты. Шоутс отставил свой стул подальше, чтобы гитара влезла в пространство между его брюхом и краем стола, и настраивал инструмент. У него было выражение лица «я-слышу-тайные-гармонии», которое обычно бывает у людей, настраивающих гитары.

Кридмор весь вытянулся вперед, наблюдая; его

будто мокрые, обесцвеченные прядями волосы тускло блестели в полутьме бара, и Райделл увидел взгляд Кридмора, нескрываемый голод, от которого ему стало не по себе, как будто он вдруг увидел, как Кридмор к чему-то стремится сквозь стену дерьма, которой сам себя окружил. От этого Кридмор внезапно стал выглядеть человечнее, но и менее привлекательно.

И тут Шоутс с отсутствующим видом извлек из кармана рубашки нечто, похожее на колпачок старомодной губной помады, и начал играть, используя трубку из золотистого металла как «слайд». Звуки, которые он ласково извлекал из гитары, ударили Райделла прямо под ложечку, так же точно, как Кридмор недавно одним кулаком уделал охранника: они липли к сердцу, как канифоль липнет к пальцам, когда играешь в пул. Мелодия этой волнующей музыки властно забирала сердце Райделла.

В баре в этот ранний час посетителей было немного, и все они затихли, завороженные будоражащими гитарными экспрессиями Шоутса, а потом Кридмор запел, с дрожью в голосе, о чем-то неземном, похожем на отходную молитву.

Кридмор пел о поезде, отбывающем со станции, о двух огнях последнего вагона — синим фонари-

ком была его крошка.

Красным фонариком был его разум.

Глава 25

Костюм

Перестав спать, Лэйни, некурящий и непьющий, завел привычку опрокидывать содержимое крохотных коричневых стеклянных бутылочек патентованного средства против похмелья, старинного, но все еще популярного японского средства, состоящего из алкоголя, кофеина, аспирина и жидкого никотина. Он откуда-то знает (откуда-то он теперь знает все, что ему нужно знать), что это, наряду с периодическим приемом его успокаивающего сиропа от кашля, именно та комбинация, без которой ему никак не жить.

Сердце — как молот, глаза — нараспашку входящим данным, руки — ледяные; он решительно прыгает в бездну.

Он больше не выползает из своего картона, полагаясь одинаково на Ямадзаки (тот приносит лекарства, от которых Лэйни отказывается) и на одного из соседей по картонному городу, холеного безумца, очевидно, знакомого старика,

конструктора трансформеров и хозяина помещения, в которое каким-то образом попал Лэйни.

Лэйни не помнит первого появления этого ходячего сумасшествия, о котором он думает, называя его Костюм, но это не главная информация.

Костюм, очевидно, бывший служащий. Костюм носит костюм — один и тот же костюм — всегда и везде. Костюм черный, и некогда был и вправду очень хороший костюм, и если судить по его состоянию, очевидно, у Костюма — в каком бы картоне он ни окопался — есть утюг, иголка и нитка (вне всяких сомнений), а также умение всем этим пользоваться. Нельзя, например, и предположить, что пуговицы на этом костюме были бы пришиты вкривь и вкось или чтобы белая рубашка Костюма, сияющая в галогеновом свете картонной коробки у мастера трансформеров, не отличалась бы белизной.

Но не менее очевидно и то, что Костюм знавал лучшие времена, что, впрочем, можно с уверенностью сказать обо всех обитателях этих мест. Вполне возможно, к примеру, что белая рубашка Костюма бела оттого, что Костюм ее ежедневно красит, по предположениям Лэйни (хотя информация эта ему не нужна), белым средством, предназначенным для обновления спортивной

обуви. Тяжелые черные рамки очков Костюма скреплены подозрительно правильными дугами черной электропленки, нарезанной узенькими и ровными, как на заказ, полосками с помощью взятых у старика напрокат ножа «Экс-Экто» и миниатюрной стальной Т-образной линейки, — и только потом приклеены точно и аккуратно.

Костюм настолько опрятен, правилен, насколько это возможно для человека. Но Костюм не мылся очень давно — несколько месяцев, а может, и несколько лет. Каждый квадратный дюйм его видимой плоти, конечно, начищен и безупречно чист, но Костюм источает почти не поддающийся описанию запах самого отчаяния и безумия. Он носите собой всегда и везде три идентичные, упакованные в пластик копии книги про самого себя. Лэйни, не разбирающий японских иероглифов, заметил, что на всех трех копиях красуется одна и та же расплывшаяся в улыбке фотография самого Костюма, вне всяких сомнений Костюма лучших времен, почему-то сжимающего в руке хоккейную клюшку. И Лэйни знает (не зная, откуда он это знает), что книга — одна из тех самодовольных, вдохновенных автобиографий, которые наемные писатели сочиняют за деньги для некоторых чиновников. Но

история Костюма покрыта для Лэйни туманом неизвестности, и весьма вероятно, что и для самого Костюма тоже.

Разум Лэйни занят другими делами, но ему случается осознавать, что если он просит сходить в аптеку Костюма как своего более презентабельного представителя, тогда он, Лэйни, действительно в плохой форме.

Так оно, конечно, и есть, но по сравнению со всемирным потоком данных, которые, не иссякая и вольно, как воды Нила, текут сквозь него, заполняя весь его внутренний мир, все это кажется сущим пустяком.

Теперь Лэйни знает о существовании талантов, для которых нет имени. О режимах восприятия, которых, возможно, никогда раньше не было и в помине.

Например, в нем развилось непосредственно пространственное чувство чего-то очень близкого к тотальности всей инфосферы.

Он ощущает ее как некую единую неопознанную форму, как нечто набранное шрифтом Брайля лично для него, на фоне декорации он сам не знает чего именно, и эта форма причиняет ему боль — ту боль, которую, как было сказано

поэтом, мир причиняет Богу[212]. Внутри этой формы он нащупывает узлы потенциальности, нанизанные на линии, которые являются историями случившегося, становящегося еще-не-случившимся. Он очень близок, как ему кажется, к видению, в котором прошлое и будущее сливаются воедино; его настоящее, когда он вынужден вновь поселяться в нем, кажется все более бесконтрольным, а его конкретное расположение на временной линии, которая является Колином Лэйни, стало теперь скорее условностью, нежели чем-то абсолютным.

Всю свою жизнь Лэйни слышал треп о смерти истории, но, оказавшись лицом к лицу с буквальной формой всех человеческих знаний, всей человеческой памяти, он начинает видеть путь, которому в реальности попросту не было аналогий.

Никакой истории. Только эта форма, состоящая, в свою очередь, из меньших форм, и так далее — головокружительным фрактальным каскадом до бесконечно высокой степени разрешения.

Но есть еще будущее. «Будущее» — всегда во множественном числе.

---

[212] Примечания: 212

Если ты грешишь, что делаешь ты Ему? И если преступления твои умножаются, что причиняешь ты Ему. — Иов. 35:6

И поэтому он решает больше не спать, и посылает Костюма купить побольше микстуры «Восстановитель», и вдруг замечает, — когда Костюм выползает наружу из-под одеяла дынного оттенка, — что лодыжки бедняги обмазаны чем-то чертовски напоминающим асфальт, вместо носков.

Глава 26

«Сбойный сектор»

Шеветта купила два сандвича с курицей прямо с тележки на верхнем уровне и пошла назад искать Тессу.

Ветер переменился, потом затих, а заодно с ним спало и предштормовое напряжение — это странно окрыляющее состояние.

Шторм на мосту всегда был делом серьезным; даже просто ветреный день усиливал вероятность того, что кто-нибудь расшибется. А если ветер крепчал, мост содрогался, словно корабль, зацепившийся якорем за дно бухты, но стремящийся в море. Сам мост стоял прочно, что бы ни стряслось (хотя Шеветта полагала, что он все же сдвинулся из-за прошлого землетрясения, по этой

причине и не использовался по назначению), но все, что на нем потом наросло, абсолютно все было очень даже подвижно, и если случалось особое невезение, то порою с весьма катастрофическими результатами. Вот что заставляло людей бежать, когда поднимался ветер, — бежать, чтобы проверить стяжки авиакабелей, кое-как сколоченных пихтовых досок, сечением два на четыре дюйма каждая…

Скиннер научил ее всем этим штучкам между делом, хотя по-своему уроки он давать умел. Один из этих уроков касался того, каково было находиться здесь в ту самую ночь, когда мост впервые захватили бездомные. Что это было за чувство — карабкаться через баррикады, возникающие после того, как землетрясение разнесло конструкцию и движение транспорта остановилось.

Это было не так уж давно, если мерить время годами, но целую жизнь назад с точки зрения этого места. Скиннер показывал ей картинки — как выглядел мост до того, — но она, хоть убей, до сих пор не может представить себе, что раньше люди здесь не жили. Еще он показывал ей рисунки, изображавшие старые мосты, мосты с магазинами и домами, что показалось ей логичным: иметь мост и при этом на нем не жить?

Ей нравится здесь до сих пор, мост живет в ее сердце, но в то же время в ней что-то наблюдает со стороны и не принимает все это так, будто она сама снимает документалку вроде той, что хотела снять Тесса, некую внутреннюю версию всех видеопроектов, которые Карсон продюсировал для канала «Реальность». Как будто она вернулась и не вернулась. Как будто она стала иной, пока ее тут не было, за время отсутствия она не заметила в себе перемены, а сейчас наблюдает сама за собой.

Она обнаружила Тессу сидящей на корточках перед узким торцом какого-то магазина, слова «Сбойный сектор» разбрызганы аэрозольным баллончиком по фанерному фасаду, который выглядит так, будто его покрасили серебристой краской с помощью метлы.

На коленях у Тессы лежала «Маленькая Игрушка Бога», часть воздуха выпущена, а сама Тесса возилась с креплением камеры.

— Балласт, — заявила Тесса, подняв глаза, — всегда гибнет первым.

— Держи, — сказала Шеветта, протянув ей сандвич, — пока еще теплый.

Тесса зажала воздушный майлеровский шарик коленями и взяла промасленный бумажный

пакет.

— Придумала, где собираешься спать? — спросила Шеветта, разворачивая свой сандвич.

— В фургоне, — сказала Тесса с набитым ртом. — Там все есть, в смысле пена, спальные мешки.

— Только не там, где он стоит, — сказала Шеветта, — там место такое, людоедское, в общем.

— Ну и где тогда?

— Если у него еще остались колеса. Есть место, рядом с одним пирсом, в самом начале улицы Фолсом; люди паркуют там тачки и там же спят. Копы знают об этом, но смотрят на это сквозь пальцы; им же легче, раз все паркуются в одном месте — получается вроде как кемпинг. Но свободное место порой найти трудно.

— Это хорошо, — сказала наевшаяся Тесса и тыльной стороной ладони вытерла жирные губы.

— Цыплята с моста. Их разводят у Оклендского конца, кормят объедками и всякой дрянью, — Шеветта откусила сандвич — белая квадратная булочка, присыпанная мучной пылью. Она стала жевать, уставившись от нечего делать в окошко «Сбойного сектора».

Квадратные плоские бирки — или просто пластины? — из пластика разных цветов и размеров

сперва озадачили ее, но потом она поняла: это были диски для данных, древние магнитные носители информации. А вон те здоровенные круглые плоские черные пластиковые штуки — аналоговые аудиомедиа, механическая система. Ставишь иголку на спиральную царапину и крутишь эту хреновину. Откусив еще кусочек, она отошла от Тессы, чтобы получше все рассмотреть. В окошке виднелись мотки отличной стальной проволоки, зазубренные розовые цилиндры из воска с выцветшими бумажными ярлыками, желтоватые прозрачные пластиковые катушки четвертьдюймовой коричневой пленки…

Разглядывая этот склад, она увидела в глубине шеренги старинных процессоров, большинство в корпусах из этого бежевого, как личинка жука, пластика. Почему это люди в первые двадцать лет компьютерной эры абсолютно всему придавали этот мерзкий цвет? Все цифровые устройства, изготовленные в том веке, были почти на сто процентов такого же убогого сиротского цвета беж — если, конечно, дизайнеры не хотели придавать им оттенок драматизма, какой-то особенной крутизны, и в таком случае неизменно красили все черным. Но в основном эту старую рухлядь штамповали по одному шаблону — безымянных

оттенков, не поддающихся описанию.

— Все, теперь этой штуке каюк, — печально вздохнула Тесса, которая, прикончив свой сандвич, снова взялась ковырять отверткой в «Маленькой Игрушке Бога». Она протянула руку, предлагая отвертку Шеветте. — Верни это ему, ладно?

— Кому?

— Борцу сумо из магазина.

Шеветта взяла небольшой инструмент с микрорезьбой и вошла в «Сбойный сектор».

За прилавком стоял молодой китаец, весивший, судя по виду, фунтов двести, а то и больше. Голова, как обычно у борцов сумо, недавно обритая, с петушиным хвостом на макушке, маленькая бородка под нижней губой. На нем была хлопковая рубашка с короткими рукавами — большие тропические цветы, а мочку левого уха пронзал конический шип голубого люсайта[213]. Парень стоял за прилавком возле стены, обклеенной рваными постерами с рекламой доисторических игровых приставок.

— Это ведь ваша отвертка?

— Она с ней справилась? — он даже не шелох-

---

[213] Примечания: 213

Люсайт — исключительно прочное и прозрачное стекло из особого пластика

нулся, чтобы взять инструмент.

— По-моему, нет, — сказала Шеветта, — но думаю, она решила проблему.

Послышалось тихое быстрое щелканье. Она посмотрела вниз и увидела робота шести дюймов ростом, стремительно семенящего поперек прилавка на длинных мультяшных ножках. Он был похож на рыцаря в доспехах: глянцево-белые щитки-сегменты, надетые на сверкающий каркас из стали. Она уже видела таких роботов: это были дистанционные периферийные устройства, контролируемые программой, которая заняла бы почти весь объем памяти стандартного ноутбука. Робот остановился, сложил кисти ручек вместе, виртуозно исполнил миниатюрный поклон, выпрямился и протянул свои крохотные кистевые зажимы к отвертке. Шеветта позволила ему взять отвертку, резкий рывок его маленьких рук испугал ее. Он встал по стойке «смирно», взяв инструмент на плечо, словно крохотную винтовку, и отдал Шеветте честь.

Парень сумо, видимо, ожидал реакции, но Шеветта никак не среагировала. Она ткнула пальцем в бежевое «железо».

— Отчего вся эта старая рухлядь всегда одного цвета?

На лбу сумо появилась складка.

— Есть две теории. Суть первой в том, что это должно было помочь людям, торчащим на своих рабочих местах, испытывать больший комфорт от новаторских технологий, которые вполне могли привести к модернизации или сокращению рабочих мест. Поэтому производители и выбрали оптимальный цвет — он напоминал окраску дешевых кондомов. — Он ухмыльнулся.

— Да ну? А вторая теория?

— Люди, которые занимались дизайном этого барахла, подсознательно пришли в ужас от собственного продукта и, чтобы не испугаться до смерти, постарались придать ему максимально невзрачный вид. В буквальном смысле «ванильное мороженое без наполнителя». Следите за ходом мысли?

Шеветта поднесла кончик пальца к роботу; тот совершил уморительный кувырок, упав на спину и засучив лапками, чтобы избежать прикосновения.

— Кому же нужна эта старая рухлядь? Коллекционерам?

— Разве не понятно?

— Кому тогда?

— Программистам.

— Не понимаю, — сказала Шеветта.

— Начнем с того, — сказал он, протянув руку, чтобы позволить крохе киберу отдать отвертку, — что когда это старье было новьем, когда эти бедняги писали программы во много миллионов строк каждая. По умолчанию предполагалось, что через двадцать лет весь этот софт заменит некая улучшенная, усовершенствованная версия. — Он взял отвертку и сделал ею жест в сторону процессоров на полках. — Но производителей ждал сюрприз: они обнаружили, что есть порочные, но могущественные силы, не согласные тратить десятки миллионов долларов на замену существующего софта — не говоря уже о «железе», — а также на переобучение, возможно, нескольких тысяч наемных работников. Поспеваете за мной? — он поднял отвертку на уровень глаз и прицелился ей в Шеветту.

— О'кей, — сказала она.

— Так, идем дальше. Если вам нужно, чтобы техника стала способна на новые трюки или лучше справлялась со старыми, что вы делаете — пишете новые программы, так сказать, с нуля или же комбинируете старые программы?

— Комбинирую старые?

— В самую точку. Ты наращиваешь новые про-

цедуры. Когда машины заработали быстрее, стало не важно, что процедура тратит на выполнение задачи триста шагов, хотя в принципе обошлась бы всего тремя. Все равно на это уходит почти бесконечно малая доля секунды, так что кому до этого дело?

— Ладно, — сказала Шеветта, — так кому до этого дело?

— Разным умникам, — сказал он и почесал свой «петушиный хвост» концом отвертки, — потому что они понимают, что все, что сейчас реально творится, следующее: такой вот ископаемый софт непрерывно наращивает кору подпрограмм, пока дело не доходит до точки, в которой ни один программист в буквальном смысле не может понять, как же конкретно достигается решение любой из возможных проблем.

— Я все равно не вижу, какой может быть прок от этой туфты.

— Ну, на самом-то деле, — сказал он, — ты абсолютно права. — Он подмигнул ей. — Ты рубишь, сестричка. Но факт остается фактом: существуют очень продвинутые ребята, которым нравится иметь под боком всю эту рухлядь — может быть, просто чтобы не забывать, откуда пошли все нынешние навороты и что все, чем каждый в наши

дни занимается, — это всего лишь непрерывные доработки. Ничто не ново под луной, сечешь?

— Благодарю за отвертку, — сказала Шеветта. — Мне нужно срочно пойти повидать одного маленького африканца.

— Что, правда? И зачем?

— Фургон, — сказала Шеветта.

— Ну, подруга, — сказал он, приподняв брови, — соображаешь!

Глава 27

Ночлег и завтрак

Райделл видит, как здесь, на нижнем уровне, темно, узкая главная улица запружена деловито снующей толпой, зеленоватый свет отрытых на свалках флуоресцентных ламп пробивается сквозь пугающие сплетения прозрачных водопроводных труб, ручные тележки громыхают мимо, чтобы занять свои дневные позиции. Он вскарабкался по пролету лязгающей стальной лестницы, через отверстие, небрежно пробитое в дорожном покрытии над головой, и вылез на верхний уровень.

Сюда попадало чуть больше рассеянного света.

Освещение скрадывалось наваленными лачугами-коробками, между ними — навесные мостики, мокрые паруса постиранного белья, поднятые последним вздохом угасшего ветра.

Юная девушка с карими глазами, большими, как глаза персонажей старых японских мультиков, раздает желтые бумажные рекламки «Ночлег и завтрак». Он изучил карту на обороте.

Потопал дальше, с сумкой через плечо и посылкой из «ГлобЭкс» под мышкой, и через пятнадцать минут наткнулся на нечто, украшенное розовой неоновой вывеской «Тарелка мяса от шеф-повара гетто». Он узнал имя с оборотки желтой рекламки, на карте оно значилось как ориентир для поиска «ночлега и завтрака».

Очередь, стоящая к «Шеф-повару гетто», заведению с запотевшими окнами, цены написаны на клочке картона чем-то вроде лака для ногтей.

Он лишь однажды был на мосту, да и то только ночью, в дождь. То, что он видел сейчас, напомнило ему платный аттракцион, Ниссан Кунти или Скайуокер Парк, и он удивился, как же можно держать подобное заведение и не обеспечить при нем охрану или хотя бы элементарного полицейского поста.

Он вспомнил, что Шеветта говорила ему об

отношениях людей с моста и полиции: одни стараются держаться моста, а другие — держаться от него подальше.

Он заметил стопку желтых рекламок у фанерной двери в стене, всего в нескольких футах от входа в «Шеф-повар гетто». Дверь оказалась не заперта и вела в некое подобие коридора — узкого, обитого белым упругим пластиком, натянутым на каркас из бревен. Кто-то успел накарябать на обеих стенах граффити — похоже, толстым черным маркером, — но коридор был слишком узким, так что общего замысла «художника» не разобрать. Звезды, рыбы, круги с крестами внутри… Ему пришлось нести сумку за спиной, а коробку из «ГлобЭкс» спереди, чтобы спуститься по коридору, а когда дошел до конца и свернул за угол, очутился в чьей-то чрезвычайно тесной кухне.

Стены, оклеенные безвкусными полосатыми обоями, казалось, вибрировали. Женщина помешивала что-то на маленькой пропановой плитке. Не такая уж старая, вот только седая, с пробором посередине. Такие же огромные глаза, как у девушки, только серые, а не карие.

— Ночлег и завтрак? — спросил он ее.

— Бронировали место? — на ней были мужская

твидовая спортивная куртка с рукавами, протертыми на локтях, надетая поверх джинсовки, и фланелевая бейсбольная рубашка без воротничка. Никакой косметики. Лицо обветренное. Длинный нос с горбинкой.

— Нужно было бронировать?

— Мы сдаем комнаты через агентство в городе, — сказала женщина, вынув деревянную ложку из закипавшего варева.

— Это мне дала девушка, — сказал Райделл, показав ей рекламу, которая все еще была у него в руках, прижатая к сумке.

— Вы хотите сказать, она их действительно раздает?

— Она дала мне это прямо в руки, — ответил он.

— Деньги есть?

— Кредитный чип, — сказал Райделл.

— Заразные болезни?

— Нет.

— Наркоман?

— Нет.

— Наркодилер?

— Нет, — сказал Райделл.

— Что-нибудь курите? Сигареты, трубку?

— Нет.

— Агрессивны?

Райделл заколебался.

— Нет.

— И еще, признаете ли вы Господа Иисуса Христа своим личным спасителем?

— Нет, — сказал Райделл, — не признаю.

— Прекрасно, — сказала она, погасив пропановую горелку. — Вот чего я действительно не переношу. Я выросла среди этих психов.

— Что ж, — сказал Райделл, — так мне бронировать, чтобы переночевать у вас здесь, или нет? — он разглядывал кухню, недоумевая, где может находиться это самое «здесь»; кухня была примерно семь на семь футов, и дверной проем, в который он втиснулся, был единственным видимым входом. Из-за обоев, кое-где отставших от пара, помещение казалось декорацией на сцене любительского театра.

— Нет, — сказала она, — не нужно. У вас есть рекламный проспект.

— А место у вас есть?

— Конечно, — она сняла горшок с плитки, поставила его на круглый металлический поднос, лежавший на маленьком крашеном белом столике, и накрыла чистым кухонным полотенцем. — Ступайте, откуда пришли. Ступайте,

ступайте. Я пойду следом.

Он поступил, как она велела, и подождал ее у открытой двери. Кстати, он заметил, что очередь у «Шеф-повара гетто» стала длиннее.

— Нет, — сказала женщина у него за спиной, — это здесь, наверху.

Он обернулся и увидел, как она дернула за конец длинной оранжевой веревки из нейлона, отчего каскадом обрушилась алюминиевая лесенка на противовесе.

— Лезьте наверх, — сказала она, — я пришлю ваши сумки.

Райделл опустил на пол свой вещмешок и посылку из «ГлобЭкс» и встал на нижнюю ступень лесенки.

— Смелее, — сказала она.

Райделл вскарабкался наверх и обнаружил невероятно тесное помещение, в котором, очевидно, ему и предполагалось спать. Сперва он подумал, что кто-то решил устроить здесь японский гробик-отель из обрезков досок, приобретенных в магазине стройматериалов со скидкой. Стенки были из какой-то обшивки дешевого дерева, которая имитировала скверную имитацию какой-то другой обшивки, которая, вероятно, имитировала некий ныне забытый оригинал. Крохотный

квадрат пола рядом с Райделлом — единственная часть комнаты, не занятая кроватью, — был застлан практичным покрытием с коротеньким ворсом странного бледно-зеленого цвета с оранжевыми блестками. Уличный свет проникал из дальнего конца комнаты, где, как решил Райделл, было изголовье кровати, но ему пришлось бы встать на колени, чтобы в этом убедиться.

— Хотите снять этот номер? — крикнула снизу женщина.

— Конечно, хочу, — сказал Райделл.

— Тогда тяните наверх свои сумки.

Он обернулся и увидел, как она ставит его вещмешок и посылку от «ГлобЭкс» в ржавую проволочную корзину, которую подвесила к лесенке.

— Завтрак в девять ноль-ноль, — сказала она, не глянув наверх, и исчезла.

Райделл подтянул к себе лесенку с багажом за оранжевую веревку. Он вытащил из корзины вещи, лесенка осталась в том же положении — видно, ее удерживал невидимый противовес.

Он встал на четвереньки и вполз в свою спальню по шмату пены, накрытой типичным микрошерстным одеялом на пенной основе, и достиг чего-то вроде полусферического пузыря

пластика, — возможно, детали аэроплана, — который держался на эпоксидке с внешней стороны стены. Снаружи, казалось, он был покрыт слоем соли: корка засохшего «спрея». Он пропускал едва брезжащий свет. Судя по всему, спать придется, засунув голову прямо в эту хреновину. Ничего, сойдет и так. Пахло здесь странно, но не противно. Надо было спросить, сколько стоит ночлег, но с этим можно повременить.

Он сел на край кровати и снял туфли. Из обоих носков пальцы торчат. Нужно купить побольше носков.

Он достал из куртки очки, надел их и набрал по памяти номер Лэйни. Слушая, как где-то в Токио звенит телефон, он представлял себе комнату, в которой звенит телефон, некий роскошный отель, хотя, возможно, телефон звенел в офисе на столе, громадном, как у Тонга, только реальном. Лэйни взял трубку, прервав девятый звонок.

— «Сбойный сектор», — пробормотал Лэйни.

— Что?!

— Кабель. Он там.

— Какой еще кабель?

— Который вам нужно воткнуть в проектор.

В эту секунду Райделл глядел на посылку «ГлобЭкс».

— Какой проектор?

— Который вы сегодня забрали в «ГлобЭкс».

— Погодите минутку, — сказал Райделл, — откуда вы знаете?

Минутная пауза.

— Я просто знаю, Райделл.

— Слушайте, — сказал Райделл, — я влип в неприятность. Подрался. Не я подрался, другой парень, но драка вышла из-за меня. Они просмотрят записи охранной системы «ГлобЭкс» и узнают, что я расписался за вас. И у них будет видеоролик с моим участием.

— Ничего у них на вас нет.

— Да есть у них все! — запротестовал Райделл. — Я же там был!

— Не были, — сказал Лэйни, — у них есть видеоролик с моим участием.

— О чем вы болтаете, Лэйни?!

— О бесконечной пластичности цифры.

— Но я расписался. Написал свое имя, не ваше.

— На экране, не так ли?

— О, — Райделл был озадачен. — Кто это, интересно, может взломать «ГлобЭкс» и изменить эти данные?

— Не я, — сказал Лэйни, — но я вижу, что их изменили.

— Ну и кто это сделал?

— Сейчас это чисто академическая проблема.

— Что это значит?

— Это значит — не задавать вопросов. Где вы находитесь?

— На мосту, в ночлежке с кормежкой. Вы стали меньше кашлять.

— Это синий сироп, — сказал Лэйни. Райделл понятия не имел, что тот имеет в виду. — Где проектор?

— Похожий на термос? Он у меня.

— С собой не берите. Найдите магазин под названием «Сбойный сектор» и скажите, что вам нужен кабель.

— Какой именно кабель?

— Вас будут ждать, — сказал Лэйни и дал отбой.

Райделл сидел на кровати, в солнцезащитных очках, порядком разозленный на Лэйни. Чувствовал жгучее желание провалить операцию. Найти работу в парковочном гараже. Сидеть себе и глазеть на природу в бывшем деловом центре Детройта.

Но тут чертова служебная этика не дала ему покоя. Он снял очки, засунул их в карман куртки и принялся вновь надевать туфли.

Глава 28

Фолсом-стрит

Начало Фолсом-стрит под дождем, все эти испачканные сажей транспортные средства, страдающие костным шпатом домики на колесах, рванобрюхие колымаги любых марок — лишь бы в названии было слово «старый»; машины, что работали — если вообще работали — на газолине.

— Глянь-ка на это, — сказала Тесса, подогнав свой фургон впритык к старому «хаммеру», в прошлом — военному, каждый квадратный дюйм облеплен микромусором на эпоксидке, миллион мельчайших обломков производства, блестящих в свете фар и дождя.

— Думаю, здесь найдется свободное место, — сказала Шеветта, вглядываясь в мутные размывы «дворников». «Дворники» фургона Тессы были с лезвиями, в стиле Малибу — старые и успевшие отвыкнуть от влаги. Подругам пришлось снизить скорость и буквально ползти весь последний квартал до самого Эмбаркадеро, когда дождь зарядил всерьез.

Теперь он размеренно барабанил по металличе-

ской плоской крыше фургона, но Шеветта знала Сан-Франциско и понимала, что это ненадолго.

Черный парень с дредами честно заработал свой чип на пятьдесят. Вернувшись, они обнаружили его скорчившимся на поребрике, словно горгулья, выражение лица его неприветливое; он покуривал русские сигареты из красно-белой пачки, сунутой за закатанный рукав поношенной армейской рубашки, которая была ему на три размера велика. Фургон, как ни странно, все еще был на колесах, и шины были целы.

— Как ты думаешь, что он имел в виду, — сказала Тесса, маневрируя между поросшим мхом школьным автобусом, воистину антикварiатом, и развалившимся катамараном, стоявшим на трейлере со сгнившими шинами, — когда пробубнил, что тебя искали?

— Не знаю, — сказала Шеветта. Она спросила мальчишку кто, но он лишь пожал плечами и отвалил, предприняв сначала решительную попытку выклянчить у Тессы «Маленькую Игрушку Бога». — Может, он и сказал бы кто, если бы ты дала ему свою камеру.

— Вряд ли, — сказала Тесса, заглушив двигатель, — это же половина моей доли от дома в Малибу.

Шеветта увидела, что в крохотной кабинке катамарана включен свет, струящийся сквозь маленькие щели-окна, и что кто-то копошится внутри. Она принялась опускать окошко, но ручку заело через два оборота, так что ей пришлось открыть дверь.

— Эй, это место Бадди, — сказала девочка, высунувшись из люка катамарана; она говорила громко, стараясь перекрыть шум дождя, хриплым, немного испуганным голосом. Стояла, съежившись то ли под старым пончо, то ли под куском брезента, так что Шеветта не могла разглядеть лица.

— Да ладно… — сказала Шеветта, — нам нужно встать здесь на ночь или хотя бы пока не стихнет дождь.

— Здесь паркуется Бадди.

— Ты не знаешь, когда он собирался вернуться?

— А тебе-то что?

— Мы уедем отсюда завтра на рассвете, — сказала Шеветта, — мы просто две тетки. Не возражаешь?

Девочка немного приподняла брезент, и Шеветта мельком увидела блеск ее глаз.

— Две тетки, и все?

— Давай мы останемся, — сказала Шеветта, — тогда тебе не придется дергаться, кого еще принесет вместо нас.

— Ладно, — сказала девчушка. И исчезла, нырнув обратно. Шеветта услышала, как, скрипя, закрывается люк.

— Подтекает, тварь, — сказала Тесса, изучая крышу фургона с помощью черного карманного фонарика.

— Не думаю, что дождь на всю ночь, — сказала Шеветта.

— Мы можем припарковаться?

— Пока не вернулся Бадди, — сказала Шеветта. Тесса включила свет на заднем сиденье фургона. Там тоже сильно натекло.

— Где-то здесь наверху есть пленка и спальники, — сказала Шеветта, — но придержи их пока сухими, на всякий случай.

Она пролезла между сиденьями в глубину фургона.

Глава 29

Порочный круг

Райделл нашел карту моста внутри солнцеза-

щитных очков — магазинный и ресторанный путеводитель для туристов. Текст был на португальском, но с помощью рычажка можно было войти и в английскую версию.

Справился он не сразу; одно неверное нажатие на крутящуюся клавишу, и он вновь оказывался в проклятых картах метрополитена Рио, но, в конце концов, он умудрился-таки вытащить искомое. Не карту GPS, а просто чертежи обоих уровней, расположенные рядом; и ему ни за что было не определить, насколько они устарели.

Его «ночлежки-с-кормежкой» на карте не было, зато были и «Тарелка мяса от шеф-повара гетто» (три с половиной звезды) и магазин «Сбойный сектор».

Табличка, выскочившая над картой, когда он щелкнул на «Сбойный сектор», описала его как «склад софта в стиле ретро с характерным уклоном в двадцатый век». Он не был уверен, что понял последние слова, но, к счастью, смог увидеть, где находится нужное место: нижний уровень, неподалеку от бара, который они посетили с Кридмором и его приятелем-гитаристом.

За слоем трижды поддельных панелей имелся шкафчик для всякого скарба, в него он и спрятал свой вещмешок и посылку от «ГлобЭкс» с «тер-

мосом». Немного подумав, он спрятал кнопарь под шмат пены. Он поразмыслил о возможности скинуть его с моста в бухту, но не был уверен, что сможет найти здесь для этого безлюдное место. Он не хотел таскать нож с собой, а вообще-то он всегда сможет избавиться от него позднее.

Когда он вышел наружу, оказавшись рядом с «Шеф-поваром гетто», дождь поливал вовсю; он уже видел раньше дождь на мосту — когда в первый раз оказался здесь. Происходило это так: дождь падал на беспорядочное скопление коробок-лачуг, построенных местным народом на самом верху, и вскоре просачивался вниз сквозь шлюзы большими разбегающимися ручьями — словно кто-то вынул пробку из ванны. Ничего похожего на дренажную систему здесь не было, постройки возводились случайным образом, так что верхний уровень, хоть и под крышей, был каким угодно, только не сухим.

Казалось, из-за дождя очередь к «Шеф-повару гетто» весьма поредела, и он быстро прикинул, не поесть ли, но потом вспомнил, что Лэйни выдал ему аванс и теперь хочет, чтобы он незамедлительно пошел в этот «Сбойный сектор» и достал этот чертов кабель. Так что вместо того чтобы поужинать, он, опустив голову, стал спускаться

на нижний уровень.

Здесь было относительно сухо. Возникало ощущение, будто проталкиваешься через очень длинный неудобный вагон подземки в час пик, вот только добрая половина одних «пассажиров» занималась в точности тем же, двигаясь в обоих направлениях, а другие стояли как вкопанные, загораживая проход и пытаясь изо всех сил торговать всяким барахлом. Райделл вынул свой бумажник из правого заднего кармана брюк и переложил его в правый передний.

Толпа действовала Райделлу на нервы. Ну, скорее не сама толпа, а связанная с ней толкучка. Слишком тесно, люди напирают со всех сторон. Кто-то быстро обшарил его задний карман, пытаясь нащупать бумажник, которого там уже не было. Кто-то сунул ему прямо под нос эти длинные тонкие мексиканские штуки из обжаренного теста, выкрикивая цену по-испански. Он обнаружил, что инстинктивно втягивает голову в плечи.

Здешний запах начал его доставать: пот и парфюм, мокрые шмотки, жареная пища. Ему захотелось вернуться к «Шеф-повару гетто» и выяснить, что означал и те «три с половиной» звезды.

Еще немного этого безобразия, и с меня хватит, решил он и высмотрел над головами толпящихся еще одну лестницу на верхний уровень. Уж лучше насквозь промокнуть.

Но тут вдруг проход расширился и стало довольно просторно, толпа отхлынула в обе стороны, где были лотки с продуктами, кафешки и магазинчики и где, в числе прочих, был «Сбойный сектор» — прямо по курсу, отделанный, как ему показалось, чем-то похожим на старомодную алюминиевую краску, которой красили печи для обжига.

Он передернулся, пытаясь стряхнуть тяжесть с плеч, вызванную толпой. Он весь вспотел; сердце бешено билось. Он заставил себя сделать пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Что бы на самом деле он тут ни делал для Лэйни, он хотел все сделать как надо. Если так психовать, как сейчас, то кто его знает, что может случиться. Спокойствие. Здесь никто никогда не должен терять спокойствия.

Он потерял его почти тут же, не сходя с места.

За прилавком стоял здоровенный китаец, почти наголо обритый, у него была такая маленькая бородка под нижней губой, какие всегда действовали Райделлу на нервы. Очень уж здо-

ровенный парень, со странным, гладким на вид телом, просто гора мускулов. Гавайская рубашка с огромными розовато-лиловыми орхидеями.

Антикварные, в золотой оправе, авиационные очки «Рэй-Бэн» и ухмылочка, означавшая «съем-с-говном». Именно с ухмылочки и началось.

— Мне нужен кабель, — сказал Райделл приглушенным голосом; звучание голоса ему не понравилось, и это окончательно вывело его из себя.

— Я знаю, что вам нужно, — ответил китаец с такой показной скукой, которой Райделл не мог не заметить.

— Тогда ты, должно быть, знаешь, какой именно кабель мне нужен, не так ли? — теперь Райделл подошел ближе к прилавку. К стенке были прикноплены старые рваные постеры с рекламой непонятных штук под названием «Heavy Gear II» или «Yai Fu»[214].

— Вам нужны два кабеля. — Ухмылочка исчезла, парнишка делал все возможное, чтобы выглядеть крепким орешком. — Первый шнур — сетевой: воткнете в любой источник постоянного тока либо в стенную розетку со встроенным

[214] Примечания: 214

Heary Gear II и Yai Fu — распространенные на момент написания романа компьютерные игры

трансформатором. Как думаете, справитесь?

— Может, и справлюсь, — ответил Райделл, вплотную прижавшись к прилавку и разминая ноги, — расскажи-ка мне про второй кабель. Ну, например, что именно он соединяет и с чем?

— Мне платят не за то, чтобы я вам тут все рассказывал, понятно?

На прилавке валялся какой-то длинный тонкий инструмент. Что-то вроде специальной отвертки.

— Нет, — сказал Райделл, взяв с прилавка отвертку и изучая ее острый конец, — но ты мне сейчас объяснишь.

Он схватил парня за левое ухо свободной рукой, взял с дюйм черенка отвертки между большим и указательным пальцем и засунул острие ему в правую ноздрю. Держать его за ухо было легко, потому что китаец продел через мочку какой-то толстый шип из пластика.

— Ой, — сказал парень.

— Больно?

— Да.

— Могло быть хуже. — Он отпустил его ухо. Китаец стоял, боясь шелохнуться. — Надеюсь, ты не будешь дергаться?

— Нет…

Райделл снял с него очки «Рэй-Бэн» и швырнул их через правое плечо.

— Меня уже тошнит от людей, которые скалят на меня зубы оттого, что знают всякую хренотень, которой не знаю я. Дошло?

— О'кей.

— Что значит «о'кей»?

— Ну, просто… о'кей.

— «О'кей» означает ответ на вопрос, где чертовы кабели?!

— Они под прилавком.

— «О'кей» означает ответ на вопрос: откуда они там взялись?

— Сетевой шнур стандартный, но лабораторного класса: трансформатор, фильтр. Второй шнур… я не могу сказать вам…

Райделл чуть-чуть сместил инструмент, и зрачки у парня расширились.

— Не о'кей, — сказал Райделл.

— Не знаю я! Знаю, что нам пришлось собирать его по спецификациям в самом Фресно[215]. Я всего лишь работаю здесь. Никто мне не сообщает, кто за что платит. — Он сделал глубокий, судорожный вдох. — А если б хоть раз сообщили, то

---

[215] Примечания: 215

Фресно — в городе Фресно располагается Калифорнийский государственный университет

кто-нибудь вроде вас пришел бы сюда и заставил меня говорить, разве нет?

— Да… — протянул Райделл, — и это значит, что сюда в любой момент могут явиться люди, которые будут рвать твою задницу на куски, пока ты не скажешь им все — даже то, чего ты не знаешь…

— В кармане моей рубашки, — осторожно сказал китаец, — есть адрес. Пойдите туда, потолкуйте с кем-нибудь, может, они вам и скажут.

Райделл легонько прощупал перед рубашки, чтобы убедиться в отсутствии там использованных игл и прочих сюрпризов. Мощная мышца под самым карманом слегка напрягла его. Он просунул внутрь два пальца и извлек вырезанную из чего-то картонную карточку. Райделл увидел адрес веб-сайта.

— Кабельный народ?

— Не знаю. Не знаю также, зачем бы мне давать вам это.

— И это все, что ты знаешь?

— Да.

— Не двигайся, — сказал Райделл. Он вытащил инструмент из ноздри парнишки. — Кабели под прилавком?

— Да.

— Не думаю, что позволю тебе за ними нагнуться.

— Стойте, — сказал парень, подняв обе руки, — я должен предупредить вас: там, под прилавком, робот. Ваши кабели у него. Он просто хочет вручить их вам, но мне не хотелось бы, чтобы вы все не правильно поняли.

— Робот?

— С ним все о'кей!

Райделл увидел, как показалась крохотная, тщательно отполированная стальная клешня, сильно напоминающая щипчики для сахара, которые когда-то были у его матери. Щипцы уцепились за край прилавка. Потом существо подтянулось на подбородке, будучи, видимо, одноруким, и Райделл увидел голову. Робот закинул ногу и вскарабкался на прилавок, волоча за собой пару пластиковых конвертов с запаянным краем. Голова его была непропорционально мала, и из нее с одной стороны торчала кверху какая-то крыловидная голограмма или антенна. Все было в лучших традициях японского стиля: крохотный худой сверкающий робот одет в белые доспехи не по росту; предплечья и лодыжки шире верхней части рук и ног. Робот протащил прозрачные конверты — в каждом аккуратно

свернутый кабель — через прилавок, положил их и осторожно, по-рачьи, дал задний ход. Райделл поднял конверты, засунул в карман своих брюк цвета хаки и, передразнивая движения робота, дал задний ход — осторожно, по-рачьи.

Краем глаза он заметил, что рэй-беновские очки китайца целы.

Уже стоя в дверях, он швырнул черную отвертку парню, который рванулся схватить ее, но промахнулся. Она отскочила от постера «Heavy Gear II» и завалилась куда-то за стойку.

Райделл нашел гибрид автопрачечной и кафешки, под названием «Порочный круг», в глубине которого имелась интернет-дека, отгороженная ширмой из черного пластика. По наличию ширмы он догадался, что интернет-дека использовалась для доступа на порно-сайты, но зачем заниматься этим в автопрачечной, ему было непонятно.

Как бы то ни было, он обрадовался ширме, потому что ему не нравилось разговаривать с людьми, которых нет рядом, на публике, поэтому чаще всего он старался не заходить на веб-сайты из интернет-кафе. Он сам не понимал, почему телефонная связь, обычное аудио, не смущала его. Не смущала, и все. Когда ты беседуешь с кем-то

по телефону, по твоему виду не скажешь, что ты разговариваешь с людьми, которых нет рядом, хотя, разумеется, так оно и есть. Ты ведешь беседу с телефоном. Однако, подумал он, использование телефона через наушник бразильских очков, должно быть, не менее странно.

Он плотно задвинул за собой ширму, оставшись наедине с грохотом сушильных машин. Этот звук всегда действовал на него успокаивающе. Кабель уже соединял очки с декой. Он надел их и с помощью колесика ввел нужный адрес.

Пролетел сквозь короткую и, по всей вероятности, чисто символическую заставку в виде неонового дождя с преобладанием розовых и зеленых штрихов и вдруг оказался там.

Среди пустого пространства образ, промелькнувший в коридоре Тонга, — внутренний двор потустороннего замка, занесенный песком и освещенный сверху жутким, безжизненным светом.

На этот раз, впрочем, он мог посмотреть наверх. Казалось, он стоит на полу огромной, пустой вентиляционной шахты, стены из покрытой причудливой текстурой тьмы вздымаются, как в каньоне.

Высоко-высоко виднеется отверстие, размером, как он прикинул, с большой плавательный

бассейн, пропускавшее мрачный дневной свет через вековую грязь и груды чего-то, что на таком расстоянии трудно было разобрать. Перемычками из черного металла разделялись длинные прямоугольники, некоторые в дырах, как от пулеметной очереди; он догадался, что это останки архаичных стеклянных монолитов в металлических рамах.

Когда он опустил голову, те двое уже ждали, откуда-то взявшись, — сидят на причудливых китайских стульях.

Один тощий, бледный, в темном костюме неопределенной эры производства, с высокомерно поджатыми губами. На нем очки в массивной прямоугольной оправе из черного пластика и шляпа с загнутыми полями — такую Райделл видел только в старом кино. Шляпа низко надвинута на глаза, чуть выше очков. Он сидит, положа ногу на ногу, и Райделлу видны его черные «оксфорды» с загнутыми отворотами. Руки сложены на коленях. Второй являл собой куда как более абстрактную фигуру: он лишь смутно напоминал человека; место, где, по идее, должна быть голова, украшала корона из пульсирующей крови, как будто жертву снайпера в момент попадания засняли на видео, после чего закольцевали запись.

Ореол из крови и мозгов мерцал, не успокаиваясь. Под «взрывом» — рот отверст в беззвучном вопле. Все остальное — за исключением рук, вцепившихся, словно в агонии, в тускло блестящие ручки стула, — казалось, распадалось под натиском страшного огненного ветра. Райделлу вспомнилась черно-белая кинохроника, эпицентр атомного взрыва в замедленной съемке.

— Мистер Райделл, — сказал человек в шляпе, — благодарю за визит. Вы можете называть меня Клаус. А это… — он сделал жест своей бледной, словно из бумаги рукой, которая незамедлительно вернулась на колено, — это Петух.

Некто по имени Петух не шевельнулся, когда заговорил, но разинутый рот периодически оказывался не в фокусе. Голос страшилища был звуковым коллажем, как в офисе у Тонга.

— Послушайте меня, Райделл. В данный момент вы несете ответственность за некий предмет, имеющий чрезвычайную важность и обладающий величайшей потенциальной ценностью. Где же он?

— Я не знаю, кто вы такие, — ответил Райделл, — и не скажу вам ни слова.

Ни один из них не отозвался, но Клаус сухо кашлянул.

— Единственно верный ответ. Вы поступите мудро, если будете держаться такой позиции. Действительно, вы не имеете ни малейшего понятия, кто мы такие, и если бы нам через какое-то время вновь пришлось предстать перед вами, вы бы нас не узнали.

— Так чего ради мне вас слушать?

— Учитывая ситуацию, в которой вы находитесь, — сказал Петух, и в этот момент его голос напоминал звук бьющегося стекла и лишь тембр придавал ему сходство с человеческой речью, — я бы дал вам совет слушать каждого, кто решит к вам обратиться.

— Но доверять или не доверять тому, что вы услышите, — ваш выбор, — сказал Клаус, щегольски поправляя манжеты и вновь скрещивая руки.

— Вы хакеры, — сказал Райделл.

— На самом деле, — сказал Клаус, — для нашего описания лучше подходит слово «послы». Мы представляем… — он сделал паузу, — другую страну.

— Хотя, конечно, — сказал непрерывно распадающийся Петух, — в любом устаревшем смысле чисто геополитических…

— Слово «хакер», — перебил Клаус, — имеет

определенные криминальные коннотации…

— Чего мы никак не можем принять, — встрял Петух, — так как давным-давно учредили автономную реальность, где…

— Успокойся, — сказал Клаус, и Райделл перестал сомневаться, кто здесь главный. — Мистер Райделл, ваш работодатель мистер Лэйни недавно стал, за неимением точного термина, нашим союзником. Он привлек наше внимание к определенной проблеме, и, вне всяких сомнений, мы только выиграем, оказав ему посильную помощь.

— Что это за проблема?

— Объяснить это достаточно трудно, — сказал Клаус, прочистив горло. — Если, действительно, вообще возможно. Мистер Лэйни наделен исключительно любопытным талантом, который он недавно с блеском продемонстрировал нам. Мы находимся здесь для того, мистер Райделл, чтобы заверить вас в том, что ресурсы Города-Крепости будут в вашем распоряжении в грядущем кризисе.

— Какой еще город? — спросил Райделл. — Какой еще кризис?

— Узловая точка, — сказал Петух голосом, схожим с журчанием струйки воды в какой-то

незримой цистерне.

— Мистер Райделл, — сказал Клаус, — вы должны ни на секунду не расставаться с проектором. Мы советуем вам использовать его при самой первой возможности. Вы подружитесь с ней.

— С кем?

— Нам стало известно, — продолжал Клаус, — что мистер Лэйни, ввиду состояния здоровья, окажется неспособен продолжить дело. Среди нас считанные единицы, наделенные его талантом, но нет никого со столь выдающимся даром. Если Лэйни будет потерян для нас, мистер Райделл, то мы опасаемся худшего из возможных исходов.

— Господи Иисусе, — сказал Райделл, — вы полагаете, что я понимаю, о чем идет речь?

— Я не преднамеренно придерживаюсь афористического стиля, мистер Райделл, уверяю вас. Сейчас нет времени для объяснений, а для некоторых вещей, по-видимому, объяснений вовсе не существует. Просто запомните то, что мы вам сказали, и знайте, что мы всегда к вашим услугам, вот адрес. А теперь вы должны незамедлительно вернуться в ту точку пространства, где спрятан проектор.

Они исчезли, вместе с ними исчез и черный двор замка, сжатый во фрактальную сферу ро-

зового и зеленого неона, оставившего искры на сетчатке глаз Райделла, съеживаясь и ускользая во тьму за бразильскими солнцезащитными очками.

Глава 30

Близняшки

Фонтейн провисел почти все послеполуденное время на телефоне, пытаясь сбагрить зловещих японских пупсов Клариссы, обзванивая дилеров по списку в порядке убывания интереса.

Он знал, что так дела не делаются, если хочешь разжиться гарантированной наличкой, но он не был экспертом на кукольном рынке; кроме того, от этих копий «близняшек» у Фонтейна начинались кошмары.

Дилеры в основном хотели дешево купить оптом, чтобы потом набить цену, торгуясь с коллекционерами. Фонтейн пришел к выводу, что если ты коллекционер, то дилеров насылает на тебя матушка-природа — в целях разъяснения, что у тебя, парень, для начала слишком много денег. Но всегда был шанс отыскать прощелыгу, который знает кого-нибудь из числа особых по-

купателей, к кому стоит обратиться. Вот на что надеялся Фонтейн, когда начал набирать номера телефонов.

Но после восьми бесполезных звонков ему пришлось вести переговоры с этим подонком Эллиотом — Бискайский залив, Флорида, — которого, как он знал, однажды посадили под электронный домашний арест за махинации с фальшивыми Барби. Это было федеральное преступление, а Фонтейн обычно старался избегать подобных людей, но у Эллиота, кажется, имелся выход на покупателя. Хотя подонок, как и следовало ожидать, был уклончив, как черт.

— Состояние товара, — говорил Эллиот. — Три первостепенных пункта в этом деле суть состояние, состояние и еще раз состояние.

— Эллиот, по-моему, они выглядят замечательно.

— «Замечательно» не входит в шкалу оценок НАКАК, Фонтейн.

Фонтейн не был уверен на сто процентов, но подумал, что данное сокращение могло означать лишь Национальную Ассоциацию Коллекционеров Анимированных Кукол.

— Знаешь, Эллиот, я не знаю, как оценивается состояние всех этих штучек-дрючек. Все пальцы

на руках и на ногах у них на месте, так? В смысле, эти чертовы твари будто живые, понятно?

Фонтейн услышал, как Эллиот вздыхает. Он ни разу с ним не встречался.

— Мой клиент, — сказал Эллиот, произнося слова медленно, со значением, — помешан на состоянии. Мой клиент хочет, чтобы они были свежайшими. Чтобы они были свежее свежего, упакованные в коробочки. Клиенту нужен новехонький антиквариат.

— Эй, послушай, — сказал Фонтейн, вспомнив, что говорила Кларисса, — эти штуки не бывают нетронутыми, так? Бабушки-дедушки покупали их в качестве… э… суррогатных отпрысков, так? Они были дорогущими экземплярами. Их тискали, ими пользовались.

— Не всегда, — ответил Эллиот. — Самые лакомые кусочки — и у моего клиента есть несколько таких — это копии, заказанные незадолго до безвременной кончины новорожденного внука.

Фонтейн отнял трубку от уха и посмотрел на нее, как на мерзкую тварь.

— Чтоб мне гореть в аду, — прошептал Фонтейн.

— Что ты сказал? — спросил Эллиот. — А?

— Прости, Эллиот, — сказал Фонтейн, вновь

поднеся трубку к уху, — меня срочно ждут на другой линии. Я перезвоню. — Фонтейн прервал связь.

Он сидел, нахохлясь, на высоком табурете за стойкой. Наклонился вбок, чтобы еще раз посмотреть на полную сумку «близняшек». Они выглядели отвратительно. Они были отвратительны. Эллиот был отвратителен. Кларисса тоже была отвратительна, но внезапно на Фонтейна накатило мимолетное напряженно-эротичное видение с участием той, с кем он давно уже не имел сексуального контакта. То, что в этой фантазии в буквальном смысле участвовала именно Кларисса, он воспринял как весьма знаменательный факт. То, что эта фантазия тут же вызвала у него полноценную эрекцию, он воспринял как еще более знаменательный факт. Он вздохнул. Оправил штаны.

Жизнь, философски отметил он, штука твердая, как орех.

Сквозь шум дождя, сбегающего по канавкам вокруг его лавки (он починил водостоки), он расслышал неясное, но быстрое щелканье, доносящееся из задней комнаты, и обратил внимание на его особую регулярность. Каждый из этих кликов-щелчков, как он знал, представлял собой

очередные часы. Он показал мальчишке, как «открывать» аукционы на ноутбуке — не все эти «Кристи» и «Антикворум», а настоящие, полные жизни, лишенные правил драки-аукционы в сети. А еще он ему показал, как делать «закладки», потому что решил, было бы забавно собирать все то, что понравится парню.

Фонтейн вздохнул снова, на этот раз потому, что не имел ни малейшего понятия, что ему теперь делать с этим мальчишкой. Впустив его однажды по той причине, что ему захотелось — чертовски захотелось — взглянуть поближе на «Жаже Лекультр» военного образца, Фонтейн теперь не смог бы никому объяснить, почему он потом начал подкармливать парня, сводил его в душ, купил ему новые шмотки и показал, как пользоваться шлемом виртуальной реальности. Он не смог бы этого объяснить даже самому себе. Он не был склонен к благотворительности, нет, едва ли, но иногда он ловил себя на том, что будто пытается исправить одно конкретное зло в мире, от которого все пошло вкривь и вкось. В этих попытках Фонтейн никогда не видел реального смысла, ибо то, что следовало исправить, исправлялось совсем ненадолго, а на самом деле вовсе не менялось.

И вот теперь — этот мальчик; вполне может быть, у него какая-то мозговая травма, и наверняка при этом врожденная, но Фонтейн полагал, что беда не имеет первопричины. Могла быть и чистой воды неудача, Фонтейн знал об этом, но гораздо чаще ему приходилось видеть то, как жестокость, пренебрежение или неблагополучные гены прорастают сквозь поколения, сплетаясь, как виноградные лозы.

Он сунул руку в карман своих твидовых штанов, где берег «Жаже Лекультр». Там они лежали в целости и сохранности. Он вынул их и полюбовался, но общий настрой его мыслей помешал минутному развлечению, маленькому удовольствию, которое он надеялся получить.

Ну, как, скажите на милость, в который раз подивился он, как этот парнишка сумел завладеть столь элегантным предметом серьезной коллекции артиллерийского снаряжения?

И еще его поражало мастерство выделки ремешка. Он в жизни не видел ничего даже отдаленно похожего, при том, что ремешок был предельно прост. Ремесленник сел за рабочий стол, взял часы, «ушки» которых были закрыты не пружинными защелками, а намертво приваренными стерженьками нержавеющей стали,

неотъемлемыми частями корпуса, и вырезал, и склеил, и прошил вручную чертову прорву полосок черной телячьей кожи. Фонтейн исследовал изнанку ремешка, но на ней ничего не было, никакого торгового знака или подписи.

— Если бы вы могли говорить, — сказал Фонтейн, разглядывая часы.

И что, интересно, они поведали бы, гадал он. История того, как мальчик завладел ими, могла оказаться банальным приключением в их собственной истории. На мгновение он представил часы на запястье какого-нибудь офицера, вышедшего в бирманскую ночь, взрыв осветительного снаряда над холмистыми джунглями, визг обезьян…

Водились ли в Бирме обезьяны? Он твердо знал, что британцы там воевали, когда была изготовлена эта вещица.

Он глянул на исцарапанное зеленоватое стекло, покрывавшее витрину. Вон они, его часы; каждый циферблат — маленькая поэма, карманный музей, поддающийся со временем законам энтропии и случайности. Бьются крохотные механизмы — их драгоценные сердца. Бьются все более устало, как он знал, от удара металла о металл. Он ничего не продавал без ремонта,

все вычищал и смазывал. Каждый полученный экземпляр он немедленно относил к молчаливому, чрезвычайно искусному поляку в Окленд, чтобы тот все почистил, смазал и проверил. Он понимал, что делает это совсем не затем, чтобы его товар стал надежнее и лучше, а чтобы быть уверенным в том, что у каждого из маленьких механизмов будет больше шансов на выживание во враждебной по определению Вселенной. Он не стал бы в этом признаваться, но это была чистейшая правда, и он знал об этом.

Он засунул «Жаже Лекультр» обратно в карман и встал с табурета. С отсутствующим видом уставился на стеклянную горку; на полке на уровне глаз, как на выставке, — военные «Нарядные Игрушки» и «Десантник», «рэндалл» 15-й модели — короткий и широкий тесак с зазубренным лезвием и черной рукояткой «микарта». С «Нарядными Игрушками» успели наиграться; тусклый серый металл виднелся сквозь облезлую зеленую краску. «Рэндалл» был прямо с конвейера, даже не заточен, лезвие из нержавеющей стали словно только что от шлифовального ремня. Фонтейну было любопытно: сколько их — ни разу не использованных в бою? Будучи тотемными объектами, они теряли значительную часть ко-

миссионной стоимости, если их затачивали, и у него сложилось впечатление, что ножи имеют обращение почти как некая ритуальная валюта, исключительно для мужского пола. В данный момент в его ассортименте были два таких ножа; вторым был маленький, без эфеса кортик с раздвижным лезвием, который, по слухам, был изготовлен специально для секретных служб США. Ценной меткой у него было имя изготовителя на ножнах, и Фонтейн определял их датировку приблизительно в тридцать лет. Подобные вещи были лишены для Фонтейна особой поэзии, однако он понимал и законы рынка, и умел оценить стоимость предметов. В основном они говорили ему — как и витрина любого магазина списанного армейского вооружения — о мужском страхе и мужской беспомощности. Он стал презирать их, когда однажды увидел глаза умирающего человека, которого застрелил в Кливленде — возможно, в том самом году, когда изготовили один из этих ножей.

Он запер дверь, повесил табличку «ЗАКРЫТО» и вернулся в заднюю комнату. Мальчик сидел в той же позе, в какой он его оставил, лицо скрыто массивным старым шлемом, подключенным к открытому ноутбуку на коленях.

— Эй, привет, — сказал Фонтейн, — как рыбалка? Клюнуло что-нибудь, на что стоит поставить, как думаешь?

Мальчик по-прежнему монотонно кликал одну и ту же клавишу на ноутбуке, шлем слегка колыхался в такт.

— Эй, — сказал Фонтейн, — так ты получишь сетевой ожог.

Он сел на корточки рядом с мальчиком, морщась от боли в коленях. Разок постучал по серому куполу шлема, потом аккуратно стянул его. Глаза мальчика недовольно сверкнули, взгляд устремлен на свет миниатюрных видеоэкранов. Рука его кликнула ноутбук еще несколько раз, после чего замерла.

— Давай посмотрим, что ты там наловил, — сказал Фонтейн, забрав у него ноутбук. Пробежался по клавишам: любопытно было посмотреть, где мальчик мог вставить закладки.

Он ожидал, что это будут веб-страницы аукционов, лоты и описание выставленных часов, но вместо них обнаружил пронумерованные списки изделий, которые были набраны архаичным шрифтом пишущих машинок.

Он изучил один список, потом другой. Почувствовал холод в затылке и на секунду решил, что

парадная дверь открыта, но потом вспомнил, что сам ее запер.

— Черт, — сказал Фонтейн, выводя на экран все больше и больше списков, — черт побери, как ты сумел их достать?

Это были банковские счета, конфиденциальные расписки, перечни содержимого депозитных сейфов, стоящих в старых, из кирпича и цемента построенных банках, которые, очевидно, еще имелись в штатах Среднего Запада. Каждый список содержал по меньшей мере одни часы — весьма вероятно, часть чьего-то наследства, и, весьма вероятно, забытую часть.

«Ролекс Эксплорер» в Канзас-Сити. Какая-то разновидность золотого «Патека» в одном из маленьких городков Канзаса.

Он перевел взгляд с экрана на мальчика, четко осознавая, что стал свидетелем криминальной акции.

— Как ты попал в эти файлы? — спросил он. — Это же частная информация! Это невозможно. Это действительно невозможно! Как ты это сделал?

В ответ — только пустота в карих глазах, неподвижно уставленных на него, бесконечная или же совсем лишенная глубины — он не смог бы сказать.

Глава 31

Вид с лифта, едущего в ад

Ему снится огромный лифт, плывущий вниз, пол как в бальной зале старинного лайнера. Стены частично открыты, и он вдруг видит ее, стоящую у перил рядом с вычурным чугунным столбиком-подпоркой, который украшают херувимы и виноградные гроздья, покрытые толстым слоем черной эмали, блестящей, словно пролитые чернила.

Щемящее очертание ее профиля он видит на фоне огромного мрачного пространства, пейзаж островов, темные воды океана, которые их омывают, огни грандиозных безымянных городов кажутся с этой высоты маленькими светлячками.

Лифт, этот бальный зал с сонмом вальсирующих призраков, сейчас невидимых, но ощущаемых как неизбежный гештальт[216], кажется, едет вниз сквозь дни его жизни, в таинственном течении истории, которая приводит его в эту ночь.

---

[216] Примечания: 216
Gestalt — образ (нем.)

Если это действительно ночь.

Он чувствует прикосновение к ребрам простой рукояти клинка сквозь накрахмаленную вечернюю рубашку.

Рукояти оружия, изготовленного искусным мастером; простые, именно простейшие формы дают руке пользователя величайший диапазон возможностей.

То, что устроено слишком изощренно, чересчур сложно, предвосхищает результат действий; предвосхищение результата гарантирует если не поражение, то отсутствие грации.

Так вот, она поворачивается к нему, и в это мгновение становится всем и чем-то намного большим, ибо в тот же миг он понимает, что это сон: и эта огромная клетка, которая едет вниз, и она, что навсегда потеряна. Он открывает глаза и видит ничем не примечательный потолок спальни на Русском Холме.

Он лежит вытянувшись поверх солдатского одеяла из серой овечьей шерсти в своей серой фланелевой рубашке с запонками из платины, черных штанах, черных шерстяных носках. Руки сложены на груди, будто средневековый горельеф — рыцарь на крышке собственного саркофага, — а телефон все звонит.

Он прикасается к одной из запонок, чтобы ответить.

— Еще не слишком поздно, я надеюсь, — говорит голос.

— Поздно для чего? — спрашивает он, не шевелясь.

— Мне необходимо вступить с вами в контакт.

— Все еще необходимо?

— Теперь особенно.

— Почему, интересно?

— Времени в обрез.

— Времени? — и перед ним снова пейзаж, виденный из огромной клетки, едущей вниз.

— Разве вы не чувствуете? Ведь ваша любимая поговорка «нужно быть в нужном месте в нужное время». Вы с вашим «ожиданием развития событий» — неужто этого не чувствуете?

— Я не работаю на достижение результата.

— Работаете, — говорит голос, — в конце концов, вы несколько раз достигали нужных мне результатов. Вы сами и есть результат.

— Нет, — говорит человек, — я просто знаю место, где я должен быть.

— В ваших устах это звучит так просто. Жаль, что это не так просто для меня.

— Возможно, — говорит человек, — вы нарко-

ман и пристрастились к сложности.

— В буквальном смысле, — говорит голос. Человек представляет несколько квадратных дюймов электросхем на спутнике, через которые голос доходит до него. Это самая крохотная и самая дорогая собственность. — В наши дни все завязано на сложности.

— Все в мире связано только вашей волей, — говорит человек, закидывая руки замком на затылок. Пауза.

— Было время, — наконец решается голос, — когда я считал, что вы ведете со мной игру. Что все ваши штучки вы придумали специально для меня. Чтобы действовать на меня. Или чтобы развлекать меня. Не давать угаснуть моему интересу. Чтобы заручиться моим покровительством.

— Я никогда не нуждался в вашем покровительстве, — мягко говорит человек.

— Да, полагаю, вы не нуждались, — продолжает голос, — но всегда будут люди, которым необходимо, чтобы и еще кое-кто не нуждался, и будут платить за это хорошие деньги. Но что правда, то правда: я считал вас просто наемником, возможно, наемником с четко выраженной философией, однако я считал, что философия ваша не более чем метод, который вы разработали, чтобы быть

интересным, выделяться из толпы.

— Там, где я, — говорит человек пустому серому потолку, — там нет толпы.

— О, толпа есть, и какая! Талантливая молодежь, по приказу добивающаяся гарантированных результатов. Брошюры. У них есть брошюры. И строки, между которыми можно читать. Чем вы занимались, когда я вам позвонил?

— Видел сон.

— Мне трудно представить, что вам снятся сны. Сновидение было приятным?

Человек задумчиво смотрит в пустоту серого потолка. Он боится вновь увидеть строго очерченный профиль. Он закрывает глаза.

— Мне снился ад, — говорит человек.

— На что это было похоже?

— Лифт, идущий вниз.

— Господи Иисусе, — говорит голос, — такая поэзия… На вас не похоже.

Еще пауза.

Человек садится на кровати. Гладкая, темная полировка паркета холодит его ноги сквозь черные носки. Он проделывает серию особых упражнений, которые не требуют видимых телодвижений. Его плечи слегка затекли. Он слышит, как невдалеке проезжает машина, звук шин по

мокрой мостовой.

— В данный момент я нахожусь недалеко от вас, — прерывая молчание, говорит голос, — я в Сан-Франциско.

Теперь молчит человек. Он продолжает свои упражнения, вспоминая кубинский пляж, где много десятков лет тому назад ему впервые показали комплекс этих упражнений. Его учителем в тот памятный день был мастер аргентинской школы борьбы на ножах, которую единодушно объявили вымыслом самые авторитетные специалисты в области боевых искусств.

— Сколько времени прошло с тех пор, — задает вопрос голос, — как мы виделись в последний раз?

— Несколько лет, — говорит человек.

— Полагаю, мне нужно с вами увидеться, прямо сейчас. Очень скоро должно случиться нечто экстраординарное.

— Вот как, — говорит человек, злорадная улыбка мелькает на его лице, — вы что, собрались уйти на покой?

В ответ слышен смех, передающийся тайными проходами микроскопического города на геосинхронной орбите.

— Не настолько экстраординарно, нет. Просто

определенную узловую структуру вскоре ждут глобальные перемены, а мы находимся вблизи эпицентра.

— Мы? Мы не связаны никакими текущими обязательствами.

— В физическом смысле. В географическом. Это случится здесь.

Человек переходит к завершающей фазе своих упражнений, мысленно видя вспотевшее лицо учителя во время их первого урока.

— Зачем вы ходили на мост прошлой ночью?

— Мне нужно было подумать, — говорит человек и встает с кровати.

— Что вас туда потянуло?

Память. Потеря. Призрак из плоти на Маркет-стрит. Волосы, пахнущие сигаретным дымом. Ее свежие губы холодят его губы и раскрываются чудесным теплом.

— Ничего, — отвечает он, его руки смыкаются, ловя пустоту.

— Пора повидаться, — говорит голос. Руки раскрываются. Отпустив пустоту.

Глава 32

Меньшие братья

В задней части фургона скопилось на четверть дюйма воды, прежде чем кончился дождь.

— Картон, — сказала Тессе Шеветта.

— Картон?

— Нам нужно найти картон. Сухой. Коробки, любые. Берешь, раскрываешь, кладешь на пол в два слоя. Будет сухо. Вполне.

Тесса включила карманный фонарик и посмотрела еще раз.

— Мы что, собираемся спать в этой луже?

— Как маргиналы, — сказала Шеветта.

Тесса выключила свет, развернулась, глядя назад.

— Слушай, — сказала она, указывая фонариком, — по крайней мере, больше не льет вниз. Пошли обратно на мост. Найдем паб, поедим чего-нибудь, об остальном подумаем позже.

Шеветта ответила, что идея прекрасна — вот только Тессе не стоит таскать с собой «Маленькую Игрушку Бога» или как-то иначе записывать события этого вечера, — и Тесса согласилась.

Они бросили фургон на парковке и пошли вдоль Эмбаркадеро, мимо колючей проволоки и баррикад, которые закрывали подходы (неэффективно, как знала Шеветта) к руинам, оставшимся от пирсов. Там, в тени, стояли наркоторговцы, и по пути на мост подругам предложили «скорость», «винт», травку, опиум и «плясуна». Шеветта объяснила, что эти дилеры не слишком удачливы, чтобы занять и удержать местечко поближе к мосту. Такие местечки были лакомым кусочком, и наркодилеры с Эмбаркадеро медленно двигались либо в сторону особой зоны, либо прочь от нее.

— А как они конкурируют? — спросила Тесса. — Они что, дерутся?

— Нет, — сказала Шеветта, — это же рынок, верно? Те, у кого хороший товар, хорошие цены, — те… ну, в общем, клиенты хотят иметь дело с ними. Кто-то явился с плохим товаром — плохие цены, клиенты его посылают подальше. Но когда здесь живешь, видишь их каждый день, всю эту дрянь; если они подсядут на свое же дерьмо, то рано или поздно им конец. Докатятся до того, что сами будут торчать здесь на задворках, а потом ты их просто больше не увидишь.

— То есть на мосту они не торгуют?

— Ну, — сказала Шеветта, — торгуют, конечно,

но не то чтобы очень. И если торгуют, то ведут себя тихо. На мосту тебе ничего не предлагают, разживается тот, кто просит так вот прямо и в лоб — если не знают, кто ты такой.

— Ну и что получается? — спросила Тесса. — Откуда им знать, предлагать или нет? Какое здесь правило? Шеветта задумалась.

— Правила нет, — сказала она, — просто им не положено так делать. — Она засмеялась. — Ну, я не знаю, на самом-то деле, просто так получается. Получается точно как с драками: драки бывают нечасто, но зато серьезно, люди калечат друг друга.

— И сколько же народу здесь живет? — спросила Тесса, когда они миновали Брайент и направились к лестнице.

— Не знаю, — сказала Шеветта, — и не уверена, что кто-нибудь знает. Раньше как было? Если ты что-то делаешь на мосту, если держишь какое-нибудь заведение, то в нем и живешь. Потому что вынужден. Вынужден быть собственником. Никакой тебе арендной платы, вообще ничего. Однако теперь здесь есть заведения, которые ничем не отличаются от обычных, понимаешь? Как тот «Сбойный сектор», в котором мы были. Кто-то владеет всем этим барахлом — они же оформили

фасад магазина, и наверняка они платят тому парню, сумо, чтобы он спал на складе, охранял их лавочку.

— Но ты сама не работала здесь, когда здесь жила?

— Нет — сказала Шеветта, — я гоняла быстро, как только могла. Отыскала себе велик и объездила весь город, вдоль и поперек.

Они протолклись на нижний уровень и шли мимо ящиков с рыбой, разложенной на льду, пока не наткнулись на забегаловку, которую Шеветта запомнила со времени одной из поездок на южный конец моста. Порой там бывала еда, порой — только музыка; названия у забегаловки не было.

— Здесь бывают отличные копченые крылышки, — сказала Шеветта. — Ты любишь копченые крылышки?

— Я дам тебе знать, когда выпью пива. — Тесса разглядывала забегаловку, будто пытаясь определить, насколько та «маргинальная».

Оказалось, что можно купить австралийского пива, которое Тесса очень любила, — называлось оно «Красный паук», — его принесли в коричневой бутылке с наклейкой в виде красного паука, и Тесса объяснила, что такие пауки считаются

австралийским аналогом «черной вдовы», а может, и хуже. Впрочем, пиво было действительно недурно, Шеветте пришлось согласиться с этим, и после того как они выпили по одной и заказали по новой, Тесса решила съесть чизбургер, а Шеветта — тарелку копченых крылышек с гарниром из жареной картошки.

В забегаловке и вправду пахло как в настоящем баре: прокисшим пивом, табачным дымом, подгоревшим жиром и потом. Шеветта вспомнила первые бары, в которые осмелилась зайти, — забегаловки вдоль сельских дорог в родном Орегоне — там пахло в точности так же. В барах, куда ее водил Карсон в Эл-Эй, почти что ничем не пахло. Пахло свечами для ароматерапии или вроде того.

У дальней стены заведения была построена сцена — попросту низкий черный помост, всего на фут выше уровня пола, — и на ней маячили музыканты, возились с проводами и аппаратурой: клавишными, барабанами, микрофонной стойкой. Шеветта никогда особенно не увлекалась музыкой, хотя в бытность курьером и любила потанцевать в каком-нибудь сан-францисском клубе. Вот Карсон, он был очень разборчив и пытался научить Шеветту ценить его музыкаль-

ные пристрастия, но ее это просто-напросто не увлекало. Он обожал разнообразное старье из двадцатого века, по большей части французское, особенно этого Сержа Как-его-там — действительно, редкостное дерьмо, будто парень онанировал, когда пел, но и это его не сильно вставляло. Шеветта купила тогда последний «Хромированный Коран» — «Моя война — это моя война», — вроде как из самозащиты, но даже ей самой не очень понравилось, а когда она в первый и единственный раз поставила запись при Карсоне, он так на нее посмотрел, будто она нагадила ему на ковер или еще хуже.

Парни, которые сейчас настраивались на маленькой сцене, были не с моста, но Шеветта знала, что есть музыканты, и при том знаменитые, кому не лень выступать и записываться на мосту — просто чтобы потом всем об этом рассказывать.

Больше всех на сцене суетится здоровяк, заросший белокурой щетиной, в какой-то дурацкой мятой ковбойской шляпе, сдвинутой на затылок. Он возился со своей не подключенной к усилителю гитаре и слушал другого парня, поменьше ростом, который был в джинсах с пряжкой на поясе, похожей на гравированный серебряный поднос.

— Эй, знаешь анекдот? — спросила Шеветта, показывая на бледного, как бутылочное стекло, блондина с пряжкой-подносом. — Одну девку насилуют в темноте, а она потом копам говорит: это сделал какой-то сетчатый. Ну, они отвечают: откуда ты знаешь, что это был сетчатый, раз было темно? А она: да у него же был такой крохотный член и такая здоровая пряжка на поясе!

— Кто такой «сетчатый»? — Тесса опрокинула в рот остатки пива.

— Скиннер их называл «красными шеями», — сказала Шеветта. — А сетчатый — это из-за нейлоновых бейсбольных кепок, которые они носили в то время, у них еще сзади такая сеточка, для вентиляции. Моя мать называла такие кепки «подайте-мне-кепочки».

— Это еще почему?

— Песня была такая: «Дайте мне кепочку». Их раздавали бесплатно, на них всякую рекламу тискали.

— Это что, музыка в стиле кантри или как там ее?

— Ну, нет, это больше похоже на «Герцогов Атомной Бомбы». Не думаю, что это кантри.

— Это музыка тех, кто лишен избирательных прав, в основном представителей белого проле-

тариата, — сказала Тесса, — которые влачат свое жалкое существование в пост-постиндустриальной Америке. Это если верить тому, что вещает «Реальность». А у нас в Австралии тоже есть анекдот про большие пряжки, только там пилот и наручные часы.

Шеветте почудилось, что блондин с большой пряжкой тоже пялится на нее, так что она отвела глаза и уставилась на толпу вокруг стола для игры в пул; там тусовалась парочка самых настоящих «сетчатых кепочек», и она показала их Тессе в качестве иллюстрации.

— Дамы, прошу меня извинить, — сказал кто-то. Женщина. Повернувшись, Шеветта оказалась прямо на линии огня двух очень серьезных сисек, зашнурованных в черный блестящий топ. Огромная копна нечесаных белых волос а-ля Эшли Модин Картер, певица, которую, должно быть, любят слушать «сетчатые», как считала Шеветта, — если они вообще слушают женщин, в чем она сомневалась. Женщина поставила две только что открытых бутылки «Красного паука» на их с Тессой столик.

— С комплиментами от мистера Кридмора, — сказала она, лучезарно улыбаясь.

— Какого мистера Кридмора? — спросила Тес-

са.

— Бьюэлла Кридмора, дорогуша, — ответила женщина. — Вон он, на сцене, готовится к проверке звука вместе с легендарным Рэнди Шоутсом.

— Он что, музыкант?

— Он певец, дорогуша, — сказала женщина и как-то внимательно посмотрела на Тессу. — Вы из отдела контрактов?

— Нет, — сказала Шеветта.

— Черт побери, — сказала женщина, и на мгновение Шеветте почудилось, что она сейчас заберет принесенное пиво, — я думала, вы представители альтернативного лейбла.

— Альтернативного чему? — спросила Тесса. На женщину будто снизошло просветление.

— Бьюэлл поет, дорогуша. И это совсем не похоже на то, что ты, наверное, называешь «кантри». Ну, на самом-то деле, это больше к корням относится. Бьюэлл хочет вернуть стилю кантри былое величие, обратить время вспять, мимо Уэйлона и Уилли[217], вернуться на забытую и, типа, «первобытную» родину. Так вот. Вещь. — Женщина просияла, глаза ее немного косили. У Шеветты

[217] Примечания: 217

По всей видимости, имеются в виду известные исполнители музыки кантри Уэйлон Дженнингс и Лесил Травис Мартин (сценический псевдоним Товарнян Уилли)

возникло такое чувство, что эту тираду женщина заучила наизусть, и, судя по всему, не очень, но что ей, Шеветте, надо, дескать, самой разбираться, что тут к чему.

— Рэнди недавно научил Бьюэлла петь одну старую песню под названием «Виски и кровь потекли по дороге, но я не слыхал, чтобы кто-то молился». Это гимн, дорогуша. Очень традиционный. У меня от него мурашки по коже. Во всяком случае, называется он именно так. Но сегодня концерт будет более жизнерадостным, электрическим.

— Ваше здоровье, — сказала Тесса, — спасибо за пиво. Казалось, женщина озадачилась.

— О… на здоровье, дорогуша. Пожалуйста, не уходите, потусуйтесь. Это дебют Бьюэлла в Северной Калифорнии, он в первый раз будет петь со своими «Меньшими братьями».

— С кем? — переспросила Шеветта.

— «Бьюэлл Кридмор и его Братья меньшие». Думаю, это что-то из Библии, хотя не могу назвать вам главу и стих. — Женщина пошевелила в сторону сцены своей рвущейся на свободу грудью и решительно двинула в указанном направлении.

Шеветте, собственно, больше не хотелось пива.

— Она купила нам выпивку, потому что при-

няла нас за агентов из отдела контрактов. — Шеветта знала, что это такое, от Карсона. Отделом контрактов назывались те люди из музыкального бизнеса, которые искали и раскручивали новые таланты.

Тесса от души отхлебнула из своей бутылки и проводила глазами женщину — та остановилась у стола для игры в пул, чтобы перекинуться парой слов с одним из парней, красовавшихся в сетчатых кепочках.

— Здесь что, все вроде нее?

— Нет, — сказала Шеветта, — в городе, впрочем, есть особые клубы, где играют что-то в этом духе, но такой толпы на мосту я еще никогда не видала.

Проверка звука заключалась в том, что мужик в расплющенной ковбойской шляпе заиграл на гитаре, а блондин с большой пряжкой на поясе — запел. Они несколько раз начинали и прекращали исполнять какую-то песню, одну и ту же, каждый раз по-другому накручивая ручки на пульте, но сразу стало понятно, что гитарист действительно умеет играть (у Шеветты возникло чувство, что он пока не показывает, на что на самом деле способен), а певец действительно поет. Песня была про то, что ему так тоскливо, и

про то, что ему надоело, что ему так тоскливо.

Бар тем временем начал заполняться народом, судя по виду, как местным — завсегдатаями, так и не местным; последние явно пришли специально, чтобы послушать группу. Местные отличались обилием татуировок, пирсингов на лице и асимметричных причесок, гости — головными уборами (по большей части сетчатыми кепочками и ковбойским шляпами), джинсами и свисающими (у мужиков, во всяком случае) брюшками. Брюшки выглядели так, будто переехали к своим обладателям как-то незаметно для последних и прописались на их, в общем и целом, обезжиренных телах. Подобное брюшко свисает над джинсами с достаточно узкой талией и распирает фланелевую рубашку, но ниже талии загоняется в штаны при помощи здоровенной пряжки.

Она уже пригубила, от скуки, присланное Кридмором пиво, когда увидела, что певец двинул в их сторону. Он одолжил у кого-то сетчатую кепочку и натянул ее задом наперед на свои противные, мокрые с виду, явно выбеленные волосы. Он был одет в ковбойскую рубашку цвета «электрик», на которой все еще виднелись горизонтальные, поперек грудной клетки, магазинные складки;

белые, в виде жемчужин, пуговицы рубашки были расстегнуты на бледной впалой груди, совсем не похожей цветом на лицо, которое, как решила Шеветта, было загримировано. В каждой руке у певца было что-то вроде томатного сока в высоком бокале со льдом.

— Как оно? — сказал он. — Я тут только что видел эту… Мэри-Элис. Думал, вот принесу старушке чего-нибудь выпить. Я Бьюэлл Кридмор. Вам нравится пиво, дамы?

— Да, спасибо, — сказала Тесса и уставилась в противоположную сторону.

Кридмор, видимо, быстро, так, во всяком случае, показалось Шеветте, пораскинул мозгами и решил, что есть шанс получить благосклонность Шеветты.

— Слышали про нас в городе или там, в Окленде?

— Мы зашли сюда исключительно за копчеными крылышками, — сказала Шеветта, показывая на стоящую перед ней тарелку с куриными костями.

— И как они?

— Нормально, — сказала Шеветта, — мы как раз уходим.

— Уходите? — Кридмор сделал добрый глоток

томатного сока. — Дьявол, мы же в десять начнем. Вам надо остаться и послушать. — Шеветта заметила странный налет на краях бокалов, похожий на зеленый песок, и теперь часть «песка» прилипла к верхней губе певца.

— Что ты там делаешь с этими «цезарями»[218], Бьюэлл? — это был верзила-гитарист. — Ты же мне обещал перед концертом не пить.

— Это для Мэри-Элис, — ответил Кридмор, жестикулируя одним из бокалов, — а это — для прелестной дамы. — Он поставил бокал, из которого отхлебнул, прямо перед Шеветтой.

— Тогда почему у тебя на губах эта чертова чесночная соль? — спросил верзила.

Кридмор оскалился и вытер губы тыльной стороной ладони.

— Нервы, Рэнди. Важная ночь. Все будет тип-топ…

— Да, Бьюэлл, должно быть. Если я вдруг увижу хотя бы намек на то, что тебя тошнит, для тебя это будет последний со мной концерт. — Гитарист отобрал у Кридмора бокал, осторожно хлебнул, с отвращением сморщился и куда-то пошел, унося с собой выпивку.

---

[218] Примечания: 218

Коктейль «Цезарь» приготовляется из взятых в равном количестве водки и лимонного сока с добавлением вустерского соуса и табаско

— Сукин сын, — констатировал Кридмор.

Именно в этот момент Шеветта увидела Карсона, входящего в бар.

Узнавание — с ее стороны — было мгновенным и стопроцентным. Это не был Карсон, одетый для посещения светских лож, пахнущих ароматерапией, — это был Карсон, экипированный для экспедиции в адские угодья.

Шеветта была вместе с ним, когда он покупал эту «экипировку», из-за чего ей пришлось выслушивать, что куртка сшита из аляскской воловьей шкуры (у аляскских волов, дескать, шкура толще, потому что зимы там холоднее) и является музейного качества воспроизводством оригинала, сшитого в тысяча девятьсот сороковых годах. Джинсы были чуть ли не дороже, и история их была более сложная. Деним для них ткали в Японии — древние американские станки бережно ремонтировались, — а уже, собственно, шили их не где-нибудь, а в Тунисе, по выкройкам группы голландских дизайнеров и историков моды. С подобной чушью Карсон носился как с писаной торбой — со всей этой «абсолютно аутентичной» поддельной чушью, так что, когда Шеветта увидела, как он переступил порог забегаловки, у нее не возникло и тени сомнения, что это он.

А еще, хотя и сама не знала, как, она поняла, что попала в беду. Возможно, подумалось позже, так вышло из-за того, что Карсон не знал, что она здесь, и поэтому был не сильно озабочен выглядеть рубахой-парнем, каким всегда притворялся рядом с ней, когда знал, что она смотрит.

Она смотрела и видела другого человека — очень страшного, очень холодного, озлобленного человека, — смотрела и знала, что это Карсон. Карсон медленно повернулся, чтобы просканировать бар…

Номер, который она исполнила, сильно удивил ее саму. А еще сильнее, наверно, этот номер удивил Кридмора. Верхушка огромной серебряной пряжки вдруг показалась ей удобным поручнем. Она схватилась за нее, потянула вниз, и Кридмор от неожиданности упал на колени, а она обняла его руками за шею и поцеловала взасос, полагаясь на то, что его затылок в перевернутой сетчатой кепочке закроет ее от Карсона.

Радостный энтузиазм Кридмора, к сожалению, примерно соответствовал тому, что она вполне могла ожидать, если бы было время подумать.

Глава 33

Дариус

Райделл был на полпути назад, пробираясь через хруст и скрежет нижнего уровня, когда зазвонили очки. Он прислонился спиной к ближайшей стене, достал очки из кармана, раскрыл и надел.

— Райделл?

— Я.

— Приятель, это Дариус. Как ты?

— Сносно, — ответил Райделл. Очки почему-то чудили; странно растянутые фрагменты карт Рио неслись сверху вниз в поле его зрения. — Сам-то ты как? — он слышал визг электродрели, а может, электроотвертки — там, где-то в Эл-Эй. — Ты в «Драконе»?

— Да, — сказал Дариус, — у нас тут, похоже, большое строительство.

— Строительство чего?

— Не знаю, — ответил Дариус, — они тут монтируют новый узел, сразу за банкоматом. Где раньше у них продавалось детское питание и всякие там подгузники, помнишь? Парк не желает

говорить, что за спешка; наверное, сам не знает. Но чем бы их чертов узел не был, ставят его во всех филиалах… Да, как добрался? И как там этот, как его, Кридмор?

— Думаю, он алкоголик, Дариус.

— Базара нет, — сказал Дариус. — Как новая работа?

— Ну, — сказал Райделл, — кажется, я пока в ней мало что понимаю, но становится все интересней.

— Что ж, это здорово, — сказал Дариус. — Я, кстати, просто так позвонил, узнать, как твои дела. Вот Хвалагосподу тут, привет тебе от нее… Хочет знать, по душе ли тебе очки.

Карты Рио задергались, съежились, вновь понеслись сверху вниз.

— Скажи ей, очки великолепны, — ответил Райделл. — Скажи ей «спасибо».

— Скажу, — сказал Дариус. — Давай там, смотри в оба.

— И ты не зевай, — сказал Райделл.

Дариус дал отбой, и карты потухли.

Райделл снял очки и убрал их подальше.

Кусок говядины. Может, зайти по пути и съесть немного говядины у «Шеф-повара гетто»?

Но тут он подумал про Клауса с Петухом и тут

же решил, что сперва проведает «термос».

Глава 34

Разрывы в рыночном континууме

— На что это, по-твоему, похоже, Маршалл? — спросил Фонтейн своего адвоката, Маршалла Матитсе из фирмы «Матитсе, Рапелего и Ньембо», чья собственность состояла из трех ноутбуков и антикварного китайского велосипеда.

Маршалл на другом конце линии поцокал языком, и Фонтейн догадался, что адвокат как раз смотрит на списки, которые где-то нарыл мальчишка.

— Кажется, это описи содержимого депозитных сейфов, согласно требованиям государственного закона во всех штатах. Антитеррористическое законодательство. Не дает кому попало скапливать сырье для производства наркотиков, ядерные боеголовки и все в таком духе. Еще предполагалось, что оно поможет борьбе с отмыванием денег, но это было давно, когда деньги еще были большими пачками зеленой бумаги. Но на твоем месте, Фонтейн, я задал бы своему адвокату другой вопрос. Например: не нарушаю ли я закон,

храня у себя подобные документы?

— А я нарушаю? — спросил Фонтейн. Маршалл несколько секунд хранил в телефоне молчание.

— Да, — наконец сказал он, — нарушаешь. Но это зависит от того, каким образом ты их получил. И я только что выяснил, что действительных владельцев собственности, указанной в каждой описи, уже нет в живых.

— Нет в живых?

— Абсолютно. Эти документы прилагались к завещаниям. Они все еще охраняются законом, но я вижу, что некоторые предметы являются собственностью, которая автоматически пошла с молотка, когда завещания вступили в силу.

Фонтейн оглянулся через плечо и увидел мальчика, по-прежнему сидящего на полу и сосущего через соломинку третий по счету стакан гуавы со льдом.

— Как ты это добыл? — спросил Маршалл.

— Не уверен, что знаю, — ответил Фонтейн.

— По умолчанию предполагается, что эти файлы нельзя взломать, — сказал Маршалл, — если ты, конечно, не федерал, Фонтейн. Если взлом произведен не тобой, то ты всего лишь нарушаешь закон о частной информации, не более того. Но если это сделал ты или если ты являешься

сообщником взломщика, то ты виновен во владении запрещенной технологией, за каковое преступление ты можешь сесть в одну из тех на редкость эффективных тюрем, которые так заботливо обустроены.

— Не виновен, — сказал Фонтейн.

— Пусть будет по-твоему, — сказал Маршалл, — но если ты все-таки виновен, ты можешь, разумно все спланировав и обеспечив должную секретность, использовать такую технологию для выявления особых, крайне выгодных разрывов в рыночном континууме. Ты понимаешь, о чем я, Фонтейн?

— Нет, — ответил Фонтейн.

— Скажем так: если ты нашел способ завладеть документами, которые больше никому не по зубам, ты можешь поговорить об этом с человеком, знающим, какие именно документы нужно раздобыть, чтобы рассчитывать на максимальную отдачу.

— Слушай, Маршалл! Я вовсе не интересуюсь…

— Фонтейн, успокойся. Я понимаю, что торговать подержанными ножами и старыми, обглоданными крысами игрушками — твое любимое дело. Твое призвание. Ты занимаешься этим не ради денег, я знаю. Однако же если у тебя

появился «черный ход» для доступа сам знаешь куда, я советую тебе тайно проконсультироваться со своим адвокатом, то есть со мной, и чем раньше — тем лучше. Слышишь?

— Маршалл, я вовсе…

— Кларисса наводит справки у одного из моих партнеров по фирме, Фонтейн. Я говорю тебе об этом строго конфиденциально.

Фонтейн не обрадовался.

— Она говорит о разводе, мой друг.

— Мне пора, Маршалл. Покупатели…

Фонтейн дал отбой. Новости Маршалла о Клариссе были не так уж новы для него, но до сих пор он старался избегать даже мыслей об этом.

Он понял, что слышит тихое, ритмичное щелканье, и, обернувшись, увидел, что мальчишка опять надел на себя шлем.

Глава 35

На автопилоте

Шеветта не закрыла глаза, когда притянула к себе и поцеловала Кридмора, но, крепко обхватив его руками за шею, чтобы он не вырвался и спрятал ее от Карсона, она все равно ничего не могла

разглядеть из-за рукава Скиннеровой куртки. Она могла лишь разглядеть — за расплывшимися на переднем плане скулой и левым ухом Кридмора — резкое, как выброс адреналина, продвижение Карсона сквозь толпу. Этот кадр был настолько шокирующим, что она не заметила ответной реакции Кридмора, язык которого ловко и напористо стремился сплестись с ее языком, а руки, забравшиеся под скиннеровскую куртку, страстно пытались поймать хоть один сосок.

Четкий кадр идущего Карсона тут же затмил крупный план лица Тессы, выпучившей от изумления глаза и готовой расхохотаться. Кридмор коснулся, наконец, вожделенной груди, и Шеветта, повинуясь рефлексу, сняла с его шеи левую руку и дала ему под дых, как сумела, жестко и точно, вложив в удар всю силу, которая у нее была.

Кридмор открыл голубые, налитые кровью глаза, и Шеветта оттолкнула его, отпихнула свой стул и скатилась под столик, теперь уже действуя целиком на автопилоте. Ей показалось, что она слышит, как Кридмор ударился головой о столешницу, пытаясь поймать ее, но теперь, когда он больше не впивался ей в губы, она почувствовала вкус его губ, и в этом было что-то до боли знакомое, и, в то время как разум еще механи-

чески воспринимал происходящее, тело решило уберечь ее от опасности простым способом. А именно бегом, на четвереньках — под столиком; на открытом пространстве — все так же на четвереньках, но набирая скорость; на спринтерской скорости — низко нагнувшись и выбросив руки вверх, чтобы сбить с ног любого, кто решит ее остановить; наружу — в дверь.

Туда, где инстинкт, шестое чувство, какое-то смутное воспоминание заставили ее повернуть направо, в сторону Окленда.

Она не снижала скорости, пока не почувствовала себя в безопасности и к тому времени уже поняла, каков был вкус поцелуя у Кридмора: вкус «плясуна». Ей стало любопытно, сколько же этой дряни досталось ей. Не много, наверное, но она ощущала наркотик в грохоте своего сердца, видела его в призрачных ореолах каждого фонаря и узнавала в том факте, что ничто из произошедшего на самом деле ее не так уж сильно волнует.

Под «плясуном» беда могла казаться незначительной.

Беда — это Карсон, подумала она, и именно выражение его лица, взгляд, который она всегда ловила, но никак не могла увидеть по-настоящему, заставили ее сильно испугаться. Она боялась

его с тех пор, как он ударил ее, но не понимала этого так отчетливо. Он не сильно покалечил ее тогда, по крайней мере, в физическом смысле. Она жила там, где люди калечили друг друга, ранили по-настоящему, а этот симпатяга, мальчик из мира медиа, который даже не знал, как правильно бить, — разве он был опасен?

Но теперь под действием остатков наркотика из слюны Кридмора она испугалась вовсе не того, что Карсон ее когда-то ударил или что он может сделать это опять, а того, что как-то инстинктивно догадалась: с ним что-то не то, что-то решительно не в порядке. Что Карсон — значит «плохие новости», и Карсон умело скрывает это — всегда, постоянно и более тщательно, чем выбирает свои чертовы шмотки.

Тесса, после знакомства с Шеветтой, в результате которого Шеветта переехала в Малибу, сказала ей, что завидует мужскому бессилию как сигналу бедствия. Даже если они сами не отдают себе отчета в этом, сказала Тесса, все равно от них ничего не дождешься. Но нам, женщинам, этого не дано: мы остаемся с ними, если даже помочь уже ничему нельзя, — но ты не можешь с ним оставаться, если он ударил тебя, потому что он сделает это снова.

Теперь Шеветта просто шла в сторону Острова Сокровищ; мост казался призрачным, однотонным, может быть и под действием «плясуна», но ей было все равно.

— Беспредел, — сказала она. Такова была ее реакция на события. Она остановилась. Может быть, всего лишь реакция на Карсона.

— Эй, Шеветта.

Обернувшись, она увидела знакомое лицо, вот только не помнила имени. Растрепанные бледные волосы, узкое жесткое лицо, по левой щеке змеится страшный шрам. Когда-то он был тоже курьером, в бытность ее службы в «Объединенной», — не из Шеветтиной бригады, а так, знакомый по вечеринкам.

— Цапля, — она вспомнила имя.

— Я думал, тебя здесь нет, — сказал Цапля, было заметно, что несколько зубов у него сломаны.

Может, у него и в голове что-то сломано, испугалась она. А может, просто случился какой-то выброс в атмосферу сегодня вечером.

— Меня не было, — сказала Шеветта.

— А где ты была?

— В Южной Калифорнии.

— Ты там гоняешь? Курьеришь?

— Нет, — отвечала она.

— Я теперь не могу гонять, — проговорил Цапля, переступая с ноги на ногу, левая нога не сгибалась: с его коленом было что-то не то. — Я врезался в «воронок».

— Точно, авария! — и Шеветта на миг задумалась, сколько воды утекло, раз она не помнит. — Страховку дали?

— Мать их так, не дали — тачка-то оказалась из городского ДЮ. — Ну да, Департамент юстиции! Напустил на них адвокатов… — калека пожал плечами. — Один из моих адвокатов, Ньембо… Знаешь этих трех типов? Беженцы из Африканского Союза, помнишь? Ньембо — он знает этого, как его, Фонтейна. Фонтейн, помнишь?

— Да, — сказала Шеветта и оглянулась на всякий случай. — Он все еще в Окленде, дети, жены и все такое?

— Нет, — сказал Цапля, — нет, у него магазин, прямо тут, наверху, — он махнул рукой. — Там и спит. Продает всякий хлам туристам. Ньембо сказал, что женушки решили с ним покончить. — Он искоса взглянул на нее, шрам на щеке стал заметнее. — Хорошо выглядишь. Прическу сменила.

Вид шрама вызвал новую реакцию «плясуна»; она содрогнулась: в голове возник прежний расклад карт — Карсон со злобным лицом, засунув

руки в карманы кожаной куртки, идущий ей навстречу по мосту.

— Хорошо, что увиделись, Цапля.

— Да, — сказал он с печалью и безнадежностью в голосе. Он зябко повел плечами, будто хотел немного освободиться от боли, потупил глаза и двинулся прочь, в ту сторону, откуда пришел. Шеветта посмотрела вслед его хромающей походке, изуродованная нога прямая, словно палка.

Она застегнула молнию своей кожаной куртки и пошла искать лавку Фонтейна, гадая, узнает ли он ее, если она вообще найдет его.

Глава 36

Отличный вид

Райделл купил в «Шеф-поваре гетто» «тарелку мяса» в одноразовой миске из белой пены, после чего ему пришлось думать, как забраться по лестнице, ничего не пролив.

Взбираться по лестнице с горячей тарелкой в руке была из тех еще затей, которые обычно не приходят нормальным людям в голову, и Райделлу было нелегко. Карабкаться, цепляясь одной рукой за долбаные ступеньки, а другой

старяясь удержать горячее варево, надо было иметь сноровку.

Однако он добрался до верха, не расплескав ни капли, потом поставил еду и стал отпирать решетку (сечением два на четыре дюйма с ячейками в виде сот). Решетку держали хромированные непальские замочки по обоим краям на скобах; ключи, висевшие на гвозде, он обнаружил, когда уходил. В смысле защиты это была абсолютно бессмысленная конструкция, так как любой мог забраться внутрь, открыв отмычкой замочки, выломав ломиком скобы или просто дергая сетку, пока не вылезут гвозди. С другой стороны, подумалось Райделлу, если уйдешь и не запрешь эту доску и кто-то попросту вынесет твое барахло, даже не приложив к этому усилий, будешь чувствовать себя еще большим придурком.

Управившись, он присел на край кровати с миской и пластмассовой ложкой, которую ему дали бесплатно. Едва он начал вдыхать пар, поднимающийся от горячей еды, ему пришло в голову, что стоит сначала проверить «термос». Проектор — так назвал его Лэйни. Райделл вздохнул, поставил тарелку на пол и встал (правда, в три погибели).

Посылка «ГлобЭкс» была по-прежнему в шкаф-

чике, за вещмешком, и обтекаемый металлический цилиндр по-прежнему был на месте.

Он сел обратно, поставив посылку рядом с собой на кровать, и принялся уплетать остывающее мясо, которое и вправду стоило того. Странное дело — и почему такое, как попало настроганное, в сущности, напрочь разваренное мясо неясного происхождения — возможно, и вправду говядина — при определенных обстоятельствах бывает вкуснее, чем настоящий сочный бифштекс? Он слопал все, до последнего зернышка риса, до последней капли бульона, и решил, что зазывалы поставили три с половиной звезды на карте для туристов в нужное место.

Потом он открыл посылку «ГлобЭкс» и вынул оттуда «термос». Снова увидел стикер «Отличный вид» и понял не больше, чем в прошлый раз. Поставил предмет на пестренький коврик и достал спрятанный в изголовье кровати кнопарь. С его помощью он открыл пластиковые конверты, в которых хранились кабели, и уселся их рассмотреть.

Вот этим, подумал он, стандартным сетевым, подключается любой ноутбук к обычной стенной розетке, хотя конец, который втыкается в «термос», выглядит несколько иначе. А вот

второй, однако, серьезная вещь, одни разъемы на концах чего стоят. Райделл нашел гнездо, в которое, очевидно, втыкался один конец этого кабеля, — только куда, скажите на милость, втыкать второй? Если малыш сумо сказал ему правду, то это был специальный кабель, которым «термос» подключался туда, куда его редко кто подключает. Оптический кабель, судя по виду.

Сеть — это просто. Над чем пришлось ломать голову, так это над тем, где в этой каморке стенная розетка, но, в конце концов, он ее нашел (на самом деле это была отводка обычной желтой промышленной жилы) там же, в вещевом шкафчике.

На цилиндре не видно ни ручек, ни выключателей. Он подключил сетевой кабель к розетке, снова уселся на кровать, держа свободный конец в руке и разглядывая серебристый цилиндр.

— Черт знает что, — сказал Райделл и воткнул в цилиндр кабель. В момент подключения его посетило ясное, почти реальное видение, в котором «термос» — ни малейших сомнений — был нашпигован пластиковой взрывчаткой, снабжен детонатором и только ждал, что…

Но нет, если бы «термос» был бомбой, Райделл был бы уже мертвым. Мертвым он не был.

Но и «термос» не подавал признаков жизни. Райделлу показалось, что он слышит тихое гудение — вот, собственно, и все.

— Ни хрена не понятно, — констатировал Райделл.

Какое-то мерцание. Неоновая бабочка. Порванные крылья.

И тогда ниоткуда возникла эта странная девушка, стоящая на коленях, — так близко, что его сердце перевернулось и замерло.

Что это — вот ее не было и вот она есть. Закололо в груди, и тогда он вспомнил, что нужно дышать.

Если бы Райделла попросили описать ее, он сказал бы: красивая, и встал бы в тупик, не сумев объяснить, почему. Ему показалось, что она прекрасный пример той «гибридной страсти», о которой говорил Дариус, но он понятия не имел, какие расы скрестили здесь свою кровь.

— Где мы? — спросила она.

Он заморгал от растерянности, не понимая, кого она видит и к кому обращается — к нему или к кому-то другому в другой реальности.

— Ночлежка с кормежкой, — сказал он в порядке эксперимента. — Бухта Сан-Франциско и Окленда.

— Вы друг Лэйни?

— Я… Ну да.

Теперь она осматривалась — с явным интересом, и Райделл почувствовал, что мурашки побежали по его спине; он увидел, что на ней одеяние, повторяющее, как в зеркальном отражении, его собственное, хотя на девушке все сидело прекрасно и, разумеется, смотрелось совсем по-другому. Свободные штаны цвета «хаки», синяя джинсовая рубашка, черная нейлоновая куртка, на груди прямоугольник на «липучке» — в него вставляется логотип компании. И так далее, вплоть до черных носков (с дырками на пальцах? — вдруг подумал он) и меньших по размеру черных рабочих ботинок, которые он купил, чтобы ходить в «Счастливый дракон». Но он оторопел потому, что знал, видел, действительно видел, что в момент своего появления она стояла перед ним на коленях голой.

— Я Рэи Тоэи, — сказала она. Волосы у нее были жесткие и блестящие, стрижка небрежная, но безупречная, губы полные, но неулыбчивые. Райделл протянул руку, и рука прошла прямо сквозь ее плечи, сквозь кольца когерентного света, которым, как он прекрасно знал, она и была. — Это голограмма, — сказала она, — но я настоящая.

— Где вы?

— Я здесь, — сказала она.

— Но где вы по-настоящему?

— Здесь. Голограмма не ретранслируется. Ее генерирует узел «Отличный вид». Я здесь, вместе с вами. Комната очень маленькая. Вы бедны? — она протиснулась рядом с Райделлом (он догадался, что она бы легко прошла сквозь него, не подвинься он вовремя) на край кровати, чтобы рассмотреть покрытую солью полусферу из пластика. Райделл заметил, что она в буквальном смысле является источником света, хотя этот свет почему-то казался ему отраженным, лунным.

— Комнату я снимаю, — ответил Райделл. — Да, я не очень богат.

Услышав это, она оглянулась.

— Я не хотела обидеть вас.

— Все о'кей, — сказал Райделл, глядя то на проектор, то на нее. — Я просто имел в виду, что многие люди сказали бы, что я беден.

— Но еще больше людей сказали бы, что вы богаты.

— В этом я что-то не уверен…

— А я уверена, — сказала она. — Сейчас в мире большинство живущих людей гораздо менее богаты, чем вы. У вас есть ночлег, у вас есть одежда.

Я вижу, что вы только что ели. Как вас зовут?

— Берри Райделл, — сказал он, вдруг застеснявшись. Но, подумал он, по крайней мере, я знаю, кто такая она или кем считается. — Слушайте, я вас узнал. Вы — японская певица, ну та, которой… В смысле, которая…

— Не существует?

— Я этого не говорил. В смысле, это ведь вы должны были выйти замуж за этого парня — ирландца, китайца, то есть неважно, в общем, из этой дурацкой группы?

— Да. — Она вытянулась на кровати, лежа на животе, подперев руками подбородок, головой всего в нескольких дюймах от затуманенного пузыря из пластика. (Райделл на миг отчетливо представил, как, словно из-под воды, тусклым глазом какого-нибудь бегемота, смотрит на нее этот пузырь.) — Но мы не поженились, Берри Райделл.

— Откуда вы знаете Лэйни? — спросил он ее, надеясь нащупать хоть какую-нибудь нить, связывающую их.

— Мы с Лэйни друзья, Берри Райделл. Вы знаете, где он сейчас?

— Точно не знаю, — ответил Райделл, что было правдой.

Она перевернулась — великолепная и в буквальном смысле светящаяся, в нелепой зеркальной копии его экипировки, которая смотрелась на ней, как образец последней высокой моды, и поразила его своим полным печали взором. В эту секунду он вполне готов был добровольно и счастливо смотреть в ее глаза, была бы она только согласна, — и просидеть так, разумеется, вечность.

— Нас разлучили с Лэйни. Я не могу понять почему, но хочется верить, что в наших интересах. Кто дал вам проектор, Берри Райделл?

— Я не знаю, — ответил Райделл. — Сюда он был доставлен из «ГлобЭкс» на имя Лэйни. Адрес отправителя — Мельбурн, компания «Парагон-Азия»…

Она подняла брови.

— Вы не знаете, почему мы оказались с вами здесь, в Сан-Франциско, Берри Райделл?

— Нет, — сказал он. — А вы?

— Лэйни считает, что мир скоро рухнет, — сказала она, и улыбка ее была лучезарна. Он не мог не улыбнуться в ответ.

— Я считаю, что мы уже пережили это, когда кончился век.

— Лэйни говорит, что миллениум был всего

лишь датой. Лэйни уверен, что на этот раз все случится по-настоящему. Но я не говорила с ним очень давно, Берри Райделл. Не знаю, насколько мы стали ближе к узловой точке.

Глава 37

Дерьмовые деньги

Сегодня вечером Бумзилла с дрянной деньжонкой, тем дебитным чипом, который ему дали эти сучки дальнобойщицы, пойдет с моста в «Счастливый дракон». Он всегда туда ходит, когда у него есть бабки, потому что у этих гадов прорва всякого дерьма.

Жратва ему там нравится, потому что это не «мостовая» жратва, а, как по телику, все в лучшем виде. И вообще там все есть: всякая хрень, на которую можно пялиться, игры и все такое. Классное место.

В один распрекрасный день он разгребется со своей жизнью. У него будет дом, красота, как в «Счастливом драконе». Везде свет, как у них, и еще он надыбает этих летающих камер, как у тех сучек с фургоном. Он будет заглядывать всем в задницу, и никто не устроит ему разборок.

Чип надо показать, когда подходишь к парадному входу, если держишь чип в руке, помашешь перед носом охранника, он тебя впустит. Он должен убедиться, что ты тоже в игре, а не вор какой-нибудь. Бумзилла давно это просек.

Сегодня вечером все по-другому. У главного входа в «Дракон» здоровенный белый фургон. Самый большой, самый белый фургон, какой он когда-нибудь видал. Никаких надписей, кроме номера тачки из Северной Калифорнии, рядом стоит пара охранников. Бумзилле интересно, не на нем ли привозят новые игры? Никогда не видал такого фургона.

И вот он уже в дверях, предъявляет чип и идет для начала, как обычно, за леденцами.

Бумзилла любит этот японский леденец, эту маленькую химлабораторию. Смешиваешь разные компоненты, эта штука шипит, нагревается, а потом остывает. Берешь, выдавливаешь в формочку, и — гляди-ка ты! — оно уже твердое. Когда его ешь, оно просто как леденец, но Бумзилле нравится сам процесс.

Он покупает шесть штук, злится, что нет с виноградным вкусом, и парочку шоколадок. Долго прикалывается на аппарат, который делает журналы на заказ, смотрит на экранах всякое

дерьмо, из которого можно слепить свой личный журнал. Потом — в дальний отдел магазина, купить лапши, типа просто добавь воды и тяни за макаронину.

Решая, что лучше — лапша с говядиной или курицей, он замечает, что разобрана целая секция «драконовской» стенки. Между «ГлобЭкс» и кассовым аппаратом.

Ага, так вот почему здесь белый фургон, видно, здесь будут ставить какую-то новую хрень, и чешет в затылке — а может, это игровой автомат?

Белые люди в белых хлопковых костюмах демонтируют стену.

Он смотрит на них, потом идет обратно к главному входу, показывает ту дрянь, что успел набрать. Кассир катает по окошку на поверхности своей стойки, которое как калькулятор, это дерьмо, берет у Бумзиллы чип и — вжик! — счету конец. Вот и ушли его дерьмовые деньги…

Он выходит с кульком на улицу, в полутьме находит поребрик, чтобы присесть. Сейчас он начнет готовить первый из шести леденцов. Красный.

Он смотрит на экраны главного входа, у которого стоит белый фургон, и видит точно такие фургоны почти что на всех экранах. Значит,

сейчас во всем мире у «Счастливых драконов» торчат эти белые фургоны, а стало быть, нынче ночью везде установят какую-то новую хрень.

Бумзилла вскрывает коробочку с леденцом и изучает многословные, но абсолютно непонятные инструкции.

Надо делать все правильно.

Глава 38

«Винсент Чёрная Молния»

Должно быть, Фонтейнова лавка — вот эта, фиолетовая, узкая, с высоким окном, законопаченным таким количеством силикона, что хватило бы на обмазку целого свадебного торта. Весь фасад был когда-то выкрашен нудной фиолетовой краской, теперь облупившейся из-за дождей и солнца; она смутно помнила, что раньше здесь торговали подержанной одеждой, что ли. Фиолетовым было решительно все: потеки силикона, процессоры, прибитые к старой деревянной двери со вставленными сверху окошками.

Если это действительно лавка Фонтейна, то он не побеспокоился дать ей название — впрочем,

это вполне в его духе. И кучка предметов, лежащих в окне под лучом старинного «Тензора», тоже была в его духе: несколько старомодных наручных часов с проржавевшими циферблатами, большой складной нож с костяной рукояткой, отполированной до блеска, и огромный уродливый телефон, обтянуты и складчатой черной резиной. Фонтейн был помешан на старых вещах и раньше, бывало, притаскивал разную рухлядь, показывал ее Скиннеру.

Иногда ей казалось, что он это делал лишь для того, чтобы «завести» старика, чтобы вытянуть из него истории. Скиннер был молчуном, но, крутя и вертя в руках какое-нибудь ветхое Фонтейново сокровище, он порой начинал рассказывать, и тогда Фонтейн садился и слушал, время от времени согласно кивая, будто истории подтверждали какие-то его давние подозрения.

Зная о прошлой жизни Скиннера, Фонтейн принимался сам изучать предмет с новым любопытством, задавать вопросы.

Ей казалось, Фонтейн живет в мире вещей — мире вещей, сделанных людьми, с их помощью ему легче приблизиться к людям. Если Скиннер не мог рассказать ему историю какой-нибудь штуки, он выдумывал собственную, по особым

приметам вычитывал предназначение вещи из ее формы, судил о ее применении. Казалось, это его утешает.

Для Фонтейна все имело историю. Каждый предмет, каждая деталь, составляющая существующий мир. Многоголосый хор, прошлое, что живет во всем, море, волны которого раскачивают корабль настоящего. Когда он строил для Скиннера фуникулер, лифт, который полз по канату к верхушке наклонной железной башни, — тогда поясница у Скиннера разболелась настолько, что он уже не мог взбираться вверх с прежней легкостью, — Фонтейн имел наготове историю о происхождении каждой детали. Он сплел эти истории вместе, пустил электричество: тележка подъезжала, клацая, к люку в полу стариковской комнаты.

Сейчас Шеветта стоит здесь, рассматривая в витрине часы с порыжевшими циферблатами и неподвижными стрелками, она боится истории.

Потому что знает: Фонтейн определит ее историю совершенно по-своему, и это будет история, которой ей не избежать.

Сквозь дверное стекло, достаточно толстое, преломляясь, словно сквозь воду, в дальнем конце лавки горят огни. Туда ведет неприкрытая дверь.

«CLOSED/CERRADO» — сообщает картонка с загнутыми уголками, висящая за стеклом на крючке с присоской, какие встречаются в душевых комнатах.

Шеветта стучится.

Почти сразу первая дверь открывается, чья-то фигура маячит на фоне яркого света.

— Эй, Фонтейн! Это я, Шеветта.

Фигура, шаркая, приближается, это действительно он — угловатый чернокожий с седеющими волосами, скрученными в несимметричные косички, которые висят, как веточки пыльного комнатного растения, вянущего без воды. Когда он огибает тускло отблескивающую стеклянную витрину, она замечает в его руке пистолет устаревшей модели, с крутящимся барабаном, одна пуля на выстрел.

— Фонтейн? Это я…

Он замирает у стойки, смотрит. Делает шаг вперед. Опускает ствол.

— Шеветта?

— Да.

— Подожди. — Он подходит ближе и пристально смотрит на нее, потом вглядывается в темноту за ней. — Ты одна?

— Да, — говорит она, тоже оглядываясь.

— Подожди… — лязг замков, снимаемых засовов, наконец дверь открывается, и он изумленно таращится на нее. — Ты вернулась.

— Как ты, Фонтейн?

— Прекрасно, — говорит он, — прекрасно. — Он делает шаг назад. — Заходи.

Она входит. Запах машинного масла, политуры, убежавшего кофе. Тысяча разных вещей угадываются в темноте с рифа истории Фонтейна.

— А я-то думал, что ты в Эл-Эй.

— Была. Вернулась…

Он закрывает дверь и запирает ее — процесс сложный, но он справляется с ним и в темноте, и, может быть, даже во сне.

— Старик помер. Ты знаешь об этом?

— Знаю, — говорит она. — Отчего?

— Совсем дряхлый стал, — говорит он, убирая в карман пистолет. — Не мог однажды встать с постели. Свернулся калачиком, как младенец. Кларисса ходила, нянчилась с ним. Она, Кларисса, сиделкой раньше была. Говорит, когда кто отвернется к стене — считай, скоро помрет.

Шеветте мучительно хочется что-то сказать, но слова не идут.

— Эй, подруга, мне нравится твоя стрижка, — говорит Фонтейн, рассматривая ее. — Не такая

колючая, как прежде.

— Все меняется, — говорит Фонтейн, имея в виду мост и его население.

Он рассказывает ей о новой моде строить магазины, чаще всего — не на деньги людей с моста; о том, что владельцы нанимают людей, чтобы те жили в этих лавках и охраняли чужую собственность.

— Этот «Счастливый дракон», например, — говорит он, держа обеими руками белую фарфоровую кружку с горьким густым кофе, — стоит там потому, что кто-то решил сделать на нас деньги. Туристы там покупают все подряд, потом идут на нас поглазеть. Раньше такого ни за что бы не было.

— А как ты думаешь, отчего все так изменилось?

— Да не отчего, само по себе, — отвечает он. — У всего есть срок.

— А Скиннер? — спрашивает она. — Он здесь жил всю жизнь, разве нет? В смысле, когда все было так, как было. С самого начала. С тех пор, как построили мост.

— Ну не всю жизнь. Только под конец. Вот эта куртка, которая на тебе, он ее в Англии купил, когда был молодой. Он там жил и гонял на мо-

тоциклах. Он мне рассказывал. Гонял на них до самой Шотландии, все на свете объездил на очень старых мотоциклах.

— Да, он однажды рассказывал что-то такое. Потом он вроде вернулся сюда, и случился Первый толчок. Мост разрушился. Вскоре он и поселился здесь.

— Вот, — говорит Фонтейн, — я тебе кое-что покажу. — Он открывает шкафчик. Вынимает оттуда клинок с рукояткой из позеленевшей меди с чеканкой. Вытаскивает его из начищенных до блеска кожаных ножен. Лезвие из дамасской стали все в патине темных узоров.

Клинок воспоминаний Шеветты, рукоять в чешуе обточенных шлифовальным ремнем сегментов печатной платы.

— Его при мне ковали, — произносит она, наклоняясь поближе, чтобы рассмотреть.

— Из приводной цепи мотоцикла «Винсент Черная Молния» 1952 года выпуска. Скиннер гонял на нем по Англии. Этому зверю тогда самому было добрых лет сорок. Он говорил, что ни один мотоцикл не мог с ним сравниться. Хранил его цепь, пока не нашел того кузнеца. — Фонтейн подает ей клинок. Пять дюймов лезвие, пять дюймов рукоять. — Пусть будет у тебя.

Шеветта проводит пальцем по плоскости лезвия, по чешуйчатому узору черно-белых пятен металла, кованного из звеньев мотоциклетной цепи.

— Я недавно думала об этой штуке, Фонтейн. Сегодня. Вспомнила, как мы ходили к тому кузнецу, что жег кокс в кофейной жестянке.

— Да. Я тоже помню, как он это ковал. — Он протягивает ей ножны.

— Но тебе ведь нужно продать эту штуку. — Она пытается вернуть нож.

— Это не для продажи, — отвечает он, — я хранил это для тебя.

У Фонтейна в задней комнате сидит очень странный мальчик. Неуклюжий латиноамериканец, коротко стриженный. Он все время сидит на полу, скрестив ноги, на голове — старый шлем виртуальной реальности, скорее всего подобранный на свалке военных роботов. На коленях — старый ноутбук. Мальчик методично жмет кнопку, картинки на экране меняются.

— Кто это? — спрашивает она тихо, чтобы мальчишка не услышал, когда они выходят и Фонтейн начинает заваривать новую порцию своего ужасного кофе.

— Не знаю, — отвечает Фонтейн, обернувшись

и внимательно глядя на парнишку. — Я нашел его утром возле лавки, он стоял у витрины и дышал на стекло.

Шеветта глядит на Фонтейна, не понимая, что он имеет в виду.

— Он любит часы, — говорит Фонтейн, зажигая бутановую горелку от пьезозажигалки. — Утром я показал ему, как искать часы, успехов пока не вижу. — Фонтейн подходит к мальчику, смотрит на него сверху вниз.

— Не уверен, знает ли он английский, — говорит Фонтейн, — а если и знает, то понимает по-своему.

— Может, он знает испанский?

— Ко мне заходил Большой Карлос, — отвечает Фонтейн, — и, кажется, парень разницы не заметил.

— Ты теперь и живешь здесь, Фонтейн?

— Да, — говорит он, — мы не ладим с Клариссой.

— Как твои ребята?

— У них все в порядке. Черт, у Турмалины тоже все в порядке, все так считают, кроме нее. В смысле жить с ней невозможно, понимаешь, но на здоровье она не жалуется.

Шеветта берет зачехленный дамасский клинок

и пытается засунуть его во внутренний карман с молнией. Он туда влезает и, если застегнуть молнию до упора, лежит вертикально.

— А что он делает с твоим ноутбуком?

— Охотится за часами. Я показал ему аукционы в сети, и теперь он роется везде. Залезает в такие места, что я не пойму, как он это делает.

— Он будет здесь жить?

Фонтейн морщит лоб.

— Вообще-то я этого не планировал.

Шеветта встает и потягивается, образ Скиннера, ее старика, сидящего на кровати в комнате на вершине кабельной башни, стоит перед ней. «Плясун», который она «получила» от Кридмора, выветрился, оставив только усталость. Долгий был день. Какой долгий день.

— Мы будем спать в фургоне, в самом начале Фол-сом-стрит.

— Мы — это кто?

— Я и Тесса. Моя подруга.

— Знаешь, я всегда рад тебе.

— Тесса будет волноваться, — отвечает она. — Рада, что повидалась, Фонтейн. — Она застегивает молнию на куртке. — Спасибо, что сохранил нож. — Она так и не услышала истории, которую хотела узнать. Теперь она просто чувствует уста-

лость и, кроме усталости, не чувствует больше ничего.

— Твой нож. Он сделал его для тебя. Хотел, чтобы он достался тебе. Так и сказал, — он поднимает глаза и глядит на нее, седые косицы падают на лоб. И добавляет тихо:

— Все спрашивал, где ты, ты же знаешь.

Вот она, встреча с историей, и как это больно.

Глава 39

Паноптикум

Перемещение Лэйни по мировой информации (или движение этой информации сквозь него) давно уже перестало быть лишь занятием и стало способом существования.

Страшная Дыра, пустота в самой его душе перестала ужасать его. Он выполнял миссию, хотя с готовностью признавал, что не имеет ни малейшего понятия о том, в чем, в конце концов, заключается его миссия.

Это началось, размышляет он, попивая сироп от кашля в утробной тьме своей картонной лачуги, с моего интереса к Коди Харвуду. С первых признаков так называемого сталкер-синдрома,

который, как полагают, рано или поздно пробуждается в каждом подопытном, когда-либо получавшем дозу 5-SB. Его собственной первой реакцией было, конечно же, отрицание: со мной этого просто не может случиться, через столько-то лет! Харвуд, однако, был ему интересен и по весьма определенной причине; осознание узловых точек, точек, которые генерируют перемены, заставляло его постоянно задумываться о Харвуде. Дело было не в том, что он зациклился на Харвуде, а в том, что события притягивались к Харвуду, ненавязчиво, но неуклонно, как стрелка компаса к магнитному полюсу.

Жизнь Лэйни в этот момент была однообразна: нанятый менеджерами поп-группы «Ло Рез» для содействия «браку» певца Реза и японской виртуальной звезды Рэи Тоэи, он зажил в Токио жизнью, которая вращалась вокруг тусовки на частном, искусственного происхождения островке в Токийском заливе, дорогостоящем холмике из промышленных отходов, на котором Рез и Рэи Тоэи собирались создать какую-то новую реальность. То, что Лэйни оказался неспособен уловить суть этой новой реальности, не сильно его удивило. Рез был настоящим самодуром — очень может быть, последней предпостчелове-

ческой мегазвездой, — а Рэи Тоэи, идору[219], была развивающейся системой, личностью, которая с помощью непрерывных итераций создавалась из поступающего на вход опыта. Рез был Резом и, по определению, существом негибким, а Рэи Тоэи была той рекой, в которую никто не войдет дважды. Становясь все более независимой благодаря усвоению нового опыта и взаимодействию с людьми, она росла и менялась. Рез не менялся, и психолог, работавший с менеджерами его группы однажды признался Лэйни, что Рез, которого психолог характеризовал как страдающего нарциссическим расстройством личности, был попросту не способен на это. «Я общался с массой людей, особенно в шоу-бизнесе, страдающих этим недугом, — сказал психолог, — но не видел никого, кто бы от этого излечился».

В общем, каждый рабочий день в токийском порту Лэйни поднимался по трапу на борт надувного «Зодиака», который безмятежно скользил по ровной глади залива до безымянного круглого островка, чтобы там вступить во взаимодействие с идору (глагол «обучать» здесь не подходил). И хотя никто этого не планировал, он вовлек ее в

---

[219] Примечания: 219
Идору — идол, «звезда» (яп.)

тот поток информации, в котором чувствовал себя как дома (или, по крайней мере, дальше всего от Дыры). Он показал ей, так сказать, инструмент для плаванья, хотя как называется этот инструмент, сам не знал, как и никто другой. Он показал ей узловые точки этого потока, и они вместе наблюдали, как изменения перетекают из этих точек в физический мир.

Он ни разу не спросил ее, каким образом она собирается «выйти замуж» за Реза, и вообще сомневался, что она это знает — в обыденном смысле этого слова. Она просто продолжала возникать, существовать и становилась все более настоящей. И Лэйни влюбился в нее, хотя понимал, что она была спроектирована для того, чтобы он, и весь мир вместе с ним, влюбился в нее. Как порождение целого коллектива она была усиленным отражением желания; в силу того, что ее дизайнеры постарались на славу, она была сном наяву, объектом любви, близким мировому коллективному бессознательному. Это было, как прекрасно понимал Лэйни, не только лишь сексуальное желание (хотя, конечно, он чувствовал его, к огромному сожалению), но и самое настоящее, и поначалу болезненное, пробуждение его чувств.

Он влюбился в нее, а влюбившись, понял, что сам смысл понимания этого слова стал для него другим, вытеснив усвоенные прежде понятия и концепции. Целиком и полностью новое чувство он держал в себе, ни с кем не делясь, и в первую очередь — с самой идору.

Под конец этой истории Коди Харвуд, застенчивый, улыбчивый и уклончивый, — человек, который никогда не вызывал у Лэйни ни малейшего интереса, — стал преследовать его как наваждение. Харвуд, чаще всего подаваемый как образец двадцать первого века, синтез Билла Гейтса и Вуди Аллена, до сих пор был для Лэйни не больше чем неясным источником раздражения, одной из тех знакомых «картинок», которые мелькают время от времени в медиа, всплывая, чтобы затем кануть в вечность — до следующего появления. У Лэйни не было никаких идей насчет Харвуда, за исключением того, что этот тип мелькал перед ним всю его жизнь, непонятно почему, и он, Лэйни, как-то устал от этого.

Но чем больше времени он проводил, бороздя потоки данных, которые были связаны с Харвудом и деятельностью его фирмы «Харвуд Левин», тем более очевидным становилось, что это было место схождения узловых точек, что-то вроде

метаузла, и что в этом месте затевалось нечто грандиозное, хотя он не мог определить, что именно. Более пристрастное изучение Харвуда и всех харвудских дел заставило его признать, что историю тоже можно увидеть с точки зрения узловой точки, а та история, которую обнаружил Лэйни, имела мало или вообще никакого отношения к любой общепринятой.

В свое время, конечно, его учили, что история — так же, как география, — мертва. Что история в устаревшем смысле этого слова была всего лишь концепцией. История была повествованием, историями, которые мы рассказываем сами себе о своем происхождении, о прошлых эпохах, и каждое новое поколение по-своему интерпретировало эти повествования. Так было всегда. История казалась гибкой материей, она зависела от интерпретации. Цифры и даты сделали историю слишком банальной. История была всего лишь способом сохранения данных, объектом манипуляции и интерпретации.

Но история, которую открыл Лэйни через искажение восприятия, вызванное многократным приемом 5-SB, выглядела совсем иначе. Она была той самой формой, состоящей из всех возможных рассказов, всех мыслимых версий; она была

формой, которую только он (и он понимал это) способен был видеть.

Сперва, сделав это открытие, он пытался поделиться им с идору. Может быть, если ей показать эту форму, она, как новая постчеловеческая сущность, просто начнет видеть так же. Но он был разочарован, когда она сказала ему, что его видение ей недоступно; что его способности распознавать узловые точки — проявляющуюся структуру истории — она лишена и не надеется обрести ее в ходе своего развития.

— Этой способностью наделен только человек, я полагаю, — наконец призналась она, когда он настаивал на своем. — Это проявление вашей биохимической природы, усиленной особым образом. Это чудесно, но это не для меня.

А вскоре — так как из-за усиливающейся сложности она все более отчуждалась от Реза, о чем Лэйни стало уже известно, — она сама обратилась к нему с просьбой проинтерпретировать данные, которые обтекали их с Резом. Он это сделал, — впрочем, весьма неохотно, — так как любил ее. Интуиция подсказывала, что вслед за этим ему придется с ней проститься.

Поток данных вокруг Реза и Рэи буквально кишел узловыми точками, особенно в тех ме-

стах соединения с сетью, через которые к идору непрерывно поступала тайная информация из Города-Крепости, этой полумифической параллельной вселенной преступных иконоборцев.

— Зачем ты связалась с этими типами? — спросил он тогда.

— Они нужны мне, — ответила она, — я не знаю, в чем дело, но знаю, что это так. Таковы обстоятельства.

— Если бы не они, — сказал он, — у тебя не было бы таких обстоятельств.

— Я знаю. — Улыбка.

Интерес к Харвуду все возрастал, поездки на остров и совместные с идору экспедиции в дебри данных стали тяготить его. Ему словно бы стало неловко от того, что она его видит подавленным; он был рассеян, невольно сосредоточиваясь на другом объекте — банальном объекте. Ощущение присутствия Харвуда, потоки информации, создаваемые им, заполняли Лэйни. И однажды утром, проснувшись в токийском отеле, который ему оплачивала группа «Ло Рез», он решил не ходить на работу.

Спустя время он узнал от Ямадзаки, и это подтверждалось наблюдениями за информационными потоками, что идору тоже покинула Токио. У

него были соображения по поводу ее контактов с гражданами (ему казалось, что они бы стали настаивать на этом термине) заблокированного цифровым способом Города-Крепости; в данный момент, очевидно, она была в Сан-Франциско.

Впрочем, он заранее знал, что она там окажется, иначе и быть не могло. По той причине, что Сан-Франциско, — он понял это, наблюдая за формой событий, — то место, где кончался мир. Заканчивался на его глазах. И она была частью конца света — точно так же, как сам Лэйни и Харвуд.

Но что-то важное должно было произойти — происходило на его глазах. Именно поэтому он не смел спать. Поэтому должен был и дальше гонять Костюма, безупречного и дурно пахнущего, с лодыжками, обмазанными черным, за «Восстановителем» и синим сиропом.

В последнее время, уже на грани истощения, он иногда на несколько секунд, которые кажутся ему долгими часами, превращается в другое существо.

Он будто бы становится сетчаткой, равномерно покрывающей внутреннюю поверхность атмосферы. Пристально, не мигая, он смотрит глобально внутрь глаза, видит собственный ор-

ган зрения, в то время как из незримой радужки одно за другим появляются разрозненные, похожие на карточного валета изображения Харвуда.

Ямадзаки недавно принес ему подушки, новые спальники, воду в бутылках, комплект одежды, которым он так и не воспользовался. Он смутно осознает происходящее, но когда он становится глазом, направленным внутрь себя и на бесконечную цепь образов, он не осознает ничего, кроме этой внутренности, бесконечной и замкнутой.

Какая-то часть его сознания задается вопросом, является ли это следствием болезни, реакцией на 5-SB, или этот огромный, глядящий внутрь глаз на самом деле внутренняя ипостась той единой формы, в которую входит каждый бит мировой информации?

Последнее предположение, по крайней мере, отчасти, подтверждается тем, что он не раз ощущал, как глаз выворачивается, словно в конвульсии мебиусовой ленты, после чего неизменно обнаруживал, что смотрит снаружи на эту форму, которую невозможно описать.

Однако в последнее время у него появляется ощущение, что он не единственный, кто смотрит. Кто-то еще чрезвычайно интересуется Харвудом. Он чувствует, что они оба знают о присутствии

друг друга. Возможно ли это?

Старинный пластиковый наручный будильник «Гансмит Кэтс»[220] вырывает его из потока. Он нащупывает его в темноте и выключает звонок. Непонятно, откуда он взялся. Может, старик принес?

Пора звонить Райделлу в Сан-Франциско. Он деликатно проводит пальцами по одноразовым телефонам, ища, не осталось ли в каком на десять минут разговора.

Глава 40

Жёлтая лента

Рэи Тоэи умела быть очень маленькой.

Шесть дюймов ростом, она сидела на подушке Райделла в покрытой пластиком нише его комнатки в ночлежке с кормежкой, и он чувствовал себя счастливым, как ребенок.

Когда она была маленькой, проекция казалась более четкой; она становилась ярче, и он невольно вспоминал диснеевские штучки, волшебниц

---

[220] Примечания: 220

Гансмит Кэтс — главный персонаж одноименной серии японских аниме

из старых мультиков. У нее запросто могли бы быть крылья, думал он, и она летала бы по воздуху, оставляя сверкающий шлейф, если бы захотела. Но она всего лишь сидела на подушке, маленькая и прекрасная, и болтала без умолку.

Он прикрыл глаза, нет, он не хотел спать, он прикрыл глаза, чтобы они отдохнули, и понял, что ее голосок на самом деле звучит из проектора, стоящего на кровати. Она рассказывала ему что-то про Реза, певца, за которого хотела выйти замуж, объясняла, почему из этого ничего не вышло, но поспевать за ее мыслью было трудно. Райделл понял, что Резу был интересен только сам Рез и мало что другое, а Рэи Тоэи стали интересовать другие люди (или, подумал он, для нее мы другие существа). Райделл терял нить рассказа и действительно начал засыпать под ее нежный голосок.

Перед тем как сон окончательно свалил его, она показывала ему, какой может сделаться маленькой. Райделл в это время ставил на место сетку и хотел поправить занавеску, прикрепленную кнопками, какую-то выцветшую помятую тряпку с узором в виде затейливых ключей и странных кошек с длинными шеями (он решил, что это все-таки кошки).

Он не сразу услышал, что зазвенели очки, потом искал в полумраке куртку. Оказалось, что на нем не было только куртки, а так он был полностью одет и даже обут, хотя помнил, что спал очень крепко.

— Алло? — он нацепил очки левой рукой. Правой рукой уперся в потолок. Панельная обшивка подалась вверх, и он решил впредь быть осторожнее.

— Где вы? — это был Лэйни.

— Ночлежка с кормежкой, — ответил Райделл. От темных очков стало совершенно темно. Он видел только слабую искру собственного зрительного нерва, для ее цвета не нашлось бы наименования.

— Вы достали кабели?

— Да, — сказал Райделл. Он вспомнил, как нагрубил парнишке сумо и почувствовал себя неловко. Да, слегка дал маху. А все из-за этой клаустрофобии, или как ее там, которая на него порой нападает в толпе. Тара-Мэй Алленби сказала ему, что это называется «клаустрофобия», что означает «боязнь замкнутого пространства», но на самом деле у него это не от тесноты. На самом деле он просто не переносит этих дурацких бородок под нижней губой. — Оба кабеля.

— Уже подключили?

— Только питание, — сказал Райделл. — Второй… я не знаю, куда он втыкается.

— И я не знаю, — сказал Лэйни, — но она на месте?

— Только что была, — сказал Райделл, высматривая во тьме свою волшебную звездочку, но потом вспомнил, что на нем очки.

Его рука нащупала выключатель, свисавший с провода над его головой. Щелкнул. Загорелась голая пятидесятиваттная лампочка. Он сдвинул очки на нос, посмотрел поверх них, обнаружил, что проектор на месте и все еще подключен.

— «Термос» у меня.

— Не выпускайте из поля зрения, — сказал Лэйни, — и кабели тоже. Не знаю, что именно она должна для нас сделать, но вокруг нее крутится все.

— Что крутится вокруг нее?

— Изменение.

— Лэйни, она сказала, что вы считаете, будто наступает конец света.

— Он и наступает, — поправил Лэйни.

— С чего вы взяли?

Лэйни вздохнул; вздох перешел в кашель, который он, очевидно, пытался подавить.

— Тому миру, который мы знаем, — выдавил он. — Как мы его знаем… И это все, что я или любой другой мог бы вам сказать. И я не хочу, чтобы вы об этом думали. Вы работаете на меня, помните?

«Да, а ты — сумасшедший, — подумал Райделл, — но у меня в кармане твой кредитный чип…»

— Ладно, — сказал он, — что дальше?

— Вам нужно пойти на место двойного убийства, произошедшего прошлым вечером на мосту.

— И что я для вас должен там выяснить?

— Ничего, — сказал Лэйни. — Просто сделайте вид, будто пытаетесь что-то выяснить. Притворитесь, будто ведете расследование. Перезвоните мне, когда будете готовы, я дам вам координаты места в GPS.

— Стоп, — сказал Райделл. — А если я вправду что-нибудь выясню?

— Перезвоните мне.

— Не вешайте трубку, — попросил Райделл. — Как

Случилось, что вы потеряли контакт с ней, Лэйни? Она мне сказала, что вас разлучили.

— Люди, которые… владеют ею… хотя это слово

здесь не совсем годится… в общем, они не прочь со мною потолковать, потому что она сбежала. И люди Реза тоже. Так что нынче мне приходится быть incommunicado[221], по крайней мере, для них. Впрочем, она и не пыталась связаться со мной, Райделл. Она сможет, если ей будет нужно. — Он дал отбой.

Райделл снял очки, положил их на подушку и добрался ползком до кровати.

— Эй, — обратился он к «термосу», — вы там?

Тишина.

Он взял себя в руки и стал собираться. Распаковал вещмешок, прорезал в нем пару дырок своим кнопарем, снял нейлоновый пояс и пропустил его через прорези так, что получился ремень, который можно было накинуть через плечо.

— Эй, — позвал он «термос» еще раз, — вы здесь? Я собираюсь вас сейчас отключить. — Поколебался и отключил. Сложил в сумку «термос», сетевой кабель, другой кабель и свой «драконовский» ранец, который уже однажды спас его задницу и, может, был и вправду «счастливым». Натянул свою нейлоновую куртку, сунул очки в карман и, подумав немного, осторожно спрятал

[221] Примечания: 221

Incommunicado — букв, некоммуникабельный, здесь — недостижимый (исп.)

кнопарь в правый передний карман брюк. Потом представил, что нож может там открыться — нет защелки-предохранителя, еще осторожнее вытащил кнопарь из штанов и положил в боковой карман куртки.

…И дошел до места преступления без особых проблем, хотя идея, предложенная Лэйни, — сообщать координаты в GPS по телефону, — была довольно смешной.

У Лэйни была точная привязка к местности (Райделл понятия не имел откуда), и ведь карты моста у него не было, так что он, непонятно как, привязал к местности Райделловы очки и велел ему шагнуть в сторону Сан-Франциско, на нижний уровень, шагай дальше, шагай дальше, уже теплее. О'кей, сворачивай направо.

Райделл уткнулся носом в глухую фанерную переборку, обклеенную пожухшими от дождя рекламными постерами (на европейском языке, которого он не знал) концерта какого-то типа по имени Оттоман Бэдчер. Райделл описал Лэйни увиденное.

— Это не то, — сказал Лэйни, — но вы совсем рядом.

По соседству обнаружилась закрытая лавка — Райделл не смог понять, чем там торговали,

дальше в стене был проем. В глубине виднелись рулоны пластика, деревянный брус. Кто-то строит еще одну лавку, подумал Райделл. Если это действительно место преступления, оно должно быть отгорожено желтой пластиковой лентой с буквами ДПСФ[222], тут он вспомнил, что копы не так уж часто появлялись, и задал себе вопрос: как они избавляются от трупов? Если сбросить в воду, город будет не слишком рад, хотя, конечно, город ни за что не докажет, что данный конкретный труп был именно сброшен с моста. Райделл озадачился — никакой желтой ленты тут не было. Для Райделла она была символом уважения.

Он вошел в проем, обогнул рулоны пластика, забрался на невысокий штабель фанеры и вдруг увидел в резком свете найденных на свалке флуоресцентных ламп, висевших ближе к тротуару, — два похожих на морозные узоры белых пятна, напыленных поверх двух более темных пятен каким-то аэрозолем, и сразу понял, что это такое. «Килз», та самая дрянь, которой заливают кровь на тот случай, если у человека была какая-то зараза. Он знал, как выглядит «Килз», попавший на кровь. Это он сейчас и видел.

---

[222] Примечания: 222
ДПСФ — Департамент полиции Сан-Франциско

Тоже мне, место преступления, подумал он. Разглядывая, недоумевал, как, по мнению Лэйни, он должен себя вести, чтобы выглядеть сыщиком? Он опустил вещмешок с проектором Рэи Тоэи на груду рулонов пластика.

Осадок «Килз» — вещество водоустойчивое, поэтому дождем его не смыло. Он тут же вспомнил, что жертвы, кем бы они ни были, погибли здесь прошлой ночью.

Он почувствовал себя идиотом. Когда-то он мечтал стать копом, спал и видел, как пересекает желтую линию и изучает место преступления. И всех выводит на чистую воду. И вот теперь он здесь.

Он вынул из кармана очки и набрал номер Лэйни. Однако Лэйни, в каком бы роскошном отеле он ни сидел в своем Токио, не соизволил ответить.

— Ни хрена, Шерлок Холмс, — сказал самому себе Райделл, слушая, как в Токио звенит телефон.

Глава 41

«Трансамерика»

— Его зовут Райделл, — говорит Харвуд. — Мы

узнали это мгновенно, сличив образы. Кратко-срочно сотрудничал с «Копами влипли».

— Сотрудничал с кем? — клинок вместе с ножнами находится под надежной охраной в потайном месте неподалеку от центральной лифтовой шахты, приблизительно в восьмистах футах ниже.

— «Копы влипли», — говорит Харвуд. — Культурная ценность. Вы что, не смотрите телевизор?

— Нет. — Он смотрит на восток с сорок восьмого, последнего, этажа высочайшего городского здания на руины разрушенного Эмбаркадеро, на цыганский блеск моста, на страшную темень Острова Сокровищ.

Подойдя ближе к окну, трогает свой пояс. Между двумя слоями черной телячьей кожи проложена лента из дорогостоящей удивительной материи. При определенном воздействии она перестает быть тонкой, как паутина, тканью, которую шаловливый ребенок мог бы легко порвать на кусочки, и превращается в тридцать дюймов гибкой, шершавой с обеих сторон и очень твердой прокладки. Ее текстура тогда напоминает ему свежеснятый панцирь каракатицы.

— У вас есть чувство юмора, — раздается позади него голос Харвуда.

— Я знаю. — Он глядит на окна вниз. Устремленный вверх обелиск, эта так называемая «пирамида»; темные вздутия от специального японского средства, которым заполнены щели в стенах зданий после землетрясений. Это новинка, заменившая прежние полиуглеродные перекрытия, — и предмет жарких дебатов архитекторов и эстетов. На миг очарованный, он наблюдает, как отраженный свет огней близлежащих зданий слегка колеблется, когда глянцевитая поверхность пузыря напрягается в ответ на порыв ветра, которого он не чувствует. Живая грыжа.

Он оборачивается к Харвуду, который сидит за огромным столом из темной матовой древесины; груды архитектурных моделей и холмы документов намекают на течение воображаемых рек — топография, в которой можно прочесть перемены, происходящие с миром за окном, если известен код и есть достаточная заинтересованность в результате.

Глаза Харвуда — самая настоящая деталь его внешности, все остальные создают впечатление, что он, отступив на шаг, существует в другом измерении. Несмотря на высокий рост, он, кажется, занимает немного пространства, поддерживая связь с окружающим посредством намеренно

узких каналов. Стройная фигура, спокойное продолговатое лицо, моложавость, характерная для людей состоятельных. Глаза, увеличенные немодными линзами, тревожны.

— Почему вы притворяетесь, что вам не интересен этот бывший полицейский, побывавший на месте недавних ваших подвигов? — на его запястье браслет из золота и титана отражает пойманный свет; какая-то многофункциональная побрякушка с запутанными дисплеями.

— Я не притворяюсь. — На огромный плоский экран, стоящий слева от стола Харвуда, четыре камеры передают различные ракурсы высокого, крепко сбитого человека, который стоит с опущенной головой, будто занят своими мрачными мыслями. Камеры, должно быть, не больше жучков, но четыре картинки, несмотря на плохое освещение, очень четкие. — Кто поставил туда эти камеры?

— Мои талантливые ученики.

— Зачем?

— Именно на тот случай, если кому-нибудь взбредет в голову посмотреть, где совершилось это двойное убийство, он будет стоять там и думать. Посмотрите на него. Он думает.

— Он выглядит несчастным.

— Он пытается вообразить вас.

— Это вы воображаете, что он воображает.

— Тот факт, что он вообще сумел найти это место, указывает на наличие знания и мотива. Он знает, что там погибли два человека.

Среди моделей на столе Харвуда стоит одна, блестящая, красно-белая, украшенная работающими миниатюрными видеомониторами на фирменной стойке. Крохотные картинки движутся и меняются в жидких кристаллах.

— Не вы ли владелец компании, построившей это? — он тычет в модель указательным пальцем.

Глаза Харвуда через линзы передают удивление, потом интерес.

— Нет. Мы их консультируем. Мы — фирма по связям с общественностью. Мы всего лишь, как я помню, посоветовали им нанести удар. Мы также консультировали городские власти.

— Это ужасно.

— Да, — говорит Харвуд, — как человек со вкусом, я согласен. И это вызвало открытое недовольство муниципалитета. Но наши исследования показали, что размещение модуля около моста поможет развитию пешего туризма, а это — решающий аспект нормализации.

— Нормализации?

— Существует реальная инициатива возвращения местного сообщества к нормальному существованию, так сказать. Но вопрос это тонкий. Дело здесь, на самом деле, в имидже, и тогда, разумеется, начинается наша работа. — Харвуд улыбается. — Во многих крупных городах есть подобные автономные зоны, и то, как конкретный город сумеет справиться с ситуацией, может радикально воздействовать на имидж этого города. Например, Копенгаген был одним из первых, кто добился прекрасных результатов. А Атланта, я полагаю, может служить классическим примером того, чего делать нельзя. — Харвуд подмигивает. — Вот с кем мы теперь расправляемся, вместо прежней богемы, — говорит он.

— Вместо чего?

— Богема. Альтернативные субкультуры. Они составляли жизненно важную прослойку индустриальной цивилизации в двух прошедших столетиях. Они образовывались там, где индустриальная цивилизация начинала строить иллюзии. Что-то вроде бессознательного полигона для разработки альтернативных социальных стратегий. Каждая субкультура имела собственный стиль одежды, характерные формы

художественного самовыражения, излюбленный вид или несколько видов наркотика, а также сексуальные пристрастия, не совпадавшие с ценностями культуры в целом. У них были «тусовки», место, с которым они себя ассоциировали. Но теперь они вымерли.

— Вымерли?

— Мы начали уничтожать их одну за другой до того, как они сформировались. Они пропустили кульминацию своего развития, когда начал развиваться маркетинг и рыночные механизмы стали агрессивнее. Для созревания аутентичным субкультурам нужны застой и время, а теперь с застоем покончено. Времени у них нет. Их постигла участь всей планеты. Автономные зоны, однако, обеспечиваются определенной изоляцией от мировой монокультуры, они с трудом поддаются ассимиляции рынка — к ним нужен другой подход. Почему это так, мы пока не знаем. — Маленькие картинки смещаются, мигая.

— Не стоило это ставить туда.

В глазах Харвуда изумление.

— Не думаю, что мне когда-либо доводилось слышать из ваших уст столь специфичное мнение.

Ответа нет.

— У вас есть шанс еще раз увидеть это. Я хочу, чтобы вы узнали, что замышляет наш задумчивый друг.

— Это как-то связано с тем, на что вы намекнули во время нашей предыдущей беседы, с предстоящим глобальным событием?

— Да.

— И что это за событие?

Харвуд задумчиво смотрит в пространство.

— Вы верите в силы истории?

— Я верю в то, что приводит к этому мгновению.

— Кажется, я и сам начал верить в это ваше мгновение. Я полагаю, что мы приближаемся к нему, повинуясь силе его властного притяжения. Это мгновение изменит все и ничего. Я заинтересован в таком исходе, потому что я должен сохранить свой статус, я хочу, чтобы слова «Харвуд Левин» не превратились в четыре бессмысленных слога. Если мир должен перевернуться, то и я хочу перевернуться вместе с ним и остаться самим собой.

Он думает о множестве оптических прицелов, наведенных сейчас на него скрытыми системами управления огнем. Однако он вполне уверен, что смог бы убить Харвуда, если потребуют интересы

мгновения, — хотя, с другой стороны, знает, что почти наверняка умрет раньше, чем он, пусть даже на долю секунды.

— Я думаю, вы стали более сложным с момента нашей последней встречи.

— Изощренным, — отвечает Харвуд с улыбкой.

Глава 42

Красные призраки европейского времени

Фонтейн готовит себе чашку растворимого мисо. Вот что он пьет перед сном — успокоительное пойло и кусочки водорослей на донышке. Он вспоминает встречу со скиннеровской девчонкой. Обычно, раз покинув мост, никто не возвращается туда. Что-то необычное было связано с ее уходом, но он уже позабыл, что именно. Не дело так бросать старика, он все равно бы долго не протянул.

Мальчишка все еще молча сидит и щелкает по экрану — охотится за часами. Фонтейн выливает мисо в кружку с отбитой ручкой, с наслаждением вдыхает приятный аромат. Он устал за день, но нужно подумать, где уложить мальчика на ночь, если тот вообще станет спать. Может, так и проси-

дит всю ночь, охотясь за своими часами. Фонтейн качает головой. Щелканье прекращается.

С кружкой в руках он оборачивается, чтобы взглянуть, что там случилось.

На экране ноутбука, лежащего на коленях мальчика, отсканированный циферблат покореженных часов «Ролекс-Виктори», дешевая модель военных лет, предназначенная для канадского рынка; такие часы можно довольно выгодно продать, но не в таком жалком состоянии. Стальной корпус исцарапан, циферблат местами в пятнах. Черные арабские цифры различаются четко, но внутренний круг, красный, «европейское время», почти что стерся.

Фонтейн отхлебывает мисо и пытается понять, чем же так приковали к себе внимание мальчика красные призраки европейского времени.

Вдруг голова мальчишки склоняется под тяжестью шлема, и Фонтейн слышит, как он начинает похрапывать.

Глава 43

Ливия и Пако

Лэйни видит себя на острове, где-то в широком

интеллектуальном потоке, по которому он непрерывно курсирует.

Это место не похоже на конструкт, деталь окружающей среды, скорее — узловатое сплетение ветвей информации, уходящих корнями в субстрат старого кода. Оно похоже на наспех сколоченный плот из случайных обломков, но «плот» стоит на приколе, он неподвижен. Лэйни знает, что есть причина, по которой остров поставлен у него на пути.

Причина, как он вскоре выясняет, в том, что с ним хотят выйти на контакт Ливия и Пако.

Они сообщники Петуха, юные граждане Города-Крепости, и представлены здесь в виде сферы из ртути в условиях невесомости и черного кота с тремя лапами. У сферы из ртути (Ливия) — милый девичий голосок, а трехлапый кот, у которого недостает еще и глаза (Пако), общается с помощью искусно модулированного мяуканья и напоминает Лэйни старый мексиканский мультик. Эти двое почти наверняка из Мехико, если географию вообще нужно принимать во внимание, и, вполне вероятно, принадлежат к той группировке революционной молодежи, которая в данный момент добивается повторного затопления осушенных озер Федерального Окру-

га и радикальной урбанистической перестройки, которой была озабочена по неизвестной причине и Рэи Тоэи в последний месяц своего пребывания в Токио.

Она была вообще увлечена мегаполисами, и Лэйни стал ее гидом по некоторым странноватым информационным разработкам, считавшимся градостроительными планами.

Он завис в точке срастания старых корневых кодов, в пространстве, лишенном какой-либо определенной формы или текстуры, если не считать таковыми Ливию и Пако, и слушает их.

— Петух говорит, что вы чувствуете, как кто-то наблюдает, как вы наблюдаете за Коди Харвудом, — говорит сфера из ртути, пульсируя от звуков собственного голоса, в ее поверхности отражается оживленная улица с бегущими автомобилями.

— Возможно, это просто артефакт, — возражает Лэйни, начиная сомневаться, стоило л и вообще доводить это до сведения Петуха, чья паранойя уже стала легендарной — побочное действие наркотика 5-SB.

— Мы так не думаем, — отвечает кот, его одноглазая замурзанная морда выглядывает из кучи пойманных данных. Зевая, он обнажает серова-

то-белые десны и единственный желтый клык. Его глаз смотрит с ненавистью, не мигает. — Мы установили, что за вашими наблюдениями действительно наблюдают.

— Но не сейчас, — говорит Ливия.

— Потому что мы сконструировали это «слепое пятно», — говорит кот.

— Вы знаете, кто это делает? — спрашивает Лэйни.

— Харвуд, — отвечает Ливия; сфера из ртути деликатно колышется.

— Харвуд? Харвуд знает, что я наблюдаю за ним?

— Харвуд, — говорит кот, — впрыснул себе 5-SB. Через три года после того, как вас освободили из сиротского приюта в Гейнсвилле.

Лэйни внезапно с ужасом осознает себя существом из плоти и крови и плачевное состояние своего здоровья. Свои легкие, угасающие в картонной коробке бетонной утробы станции Синдзюку.

Харвуд. Так это Харвуд, которого он порой полагал знаком Бога на Земле.

Харвуд, который…

Такой же, как он, Лэйни.

Харвуд, который видит, как теперь понимает

Лэйни, узловые точки. Который видит, из чего вырастает история. Так вот почему он находится в самом сердце назревающего кризиса, этой неизвестности, которую Лэйни никак не может охватить целиком. Конечно же, Харвуд там.

Потому что Харвуд в определенном смысле и есть причина.

— Откуда вы знаете? — слышит Лэйни свой голос и силой воли отрешается от своих размышлений. — Вы в этом уверены?

— Мы вскрыли пароль, — мелодичным звоном отзывается Ливия, сфера растягивается, как учебное пособие по топографии, превращая отражения бегущих авто в ожившие фрагменты гравюр Эшера, которые движутся по окружности, отражаясь друг в друге. — Петух приказал, и мы сделали это.

— А он знает об этом? — спрашивает Лэйни. — Харвуд знает?

— Видимо, он не заметил, — мурлычет кот; кровавые коросты там, где было ухо.

— Посмотрите на это, — говорит Ливия, не пытаясь скрыть гордость. Морщинистая поверхность зеркальной формы растекается, идет рябью, на Лэйни смотрят серые глаза молодого и очень серьезного человека.

— Вы хотите, чтобы мы убили его? — говорит молодой человек. — Или я вас не правильно понял?

— Вы понимаете меня правильно, — отвечает Харвуд; голос знаком Лэйни, его ни с чем не спутаешь, хотя в этом голосе слышится усталость.

— Знаете, лично я считаю, что это удачная идея, — говорит молодой человек, — ее можно решить наверняка, если бы вы дали нам время на подготовку. Я предпочитаю выбрать время и место самостоятельно.

— Нет, — отвечает Харвуд, — действуйте по обстоятельствам.

— Конечно, вы не обязаны раскрывать мне причину, — говорит молодой человек, — мне все-таки интересно. Ведь мы советовали убрать его с момента подписания нашего контракта.

— Теперь время настало, — отвечает Харвуд. — Момент наступил.

Ветер развевает темный шарф молодого человека. Шарф трепещет, изображение мелькает.

— А что насчет того рентакопа?

— Уберите его, если покажется, что он попытается бежать. В противном случае полезно его допросить. Он тоже каким-то образом замешан в этом.

Ливия, вращаясь, вновь становится сферой.

Лэйни, закрыв глаза, нащупывает в наэлектризованной тьме свой успокоительный сироп. Он чувствует, как ненавидящий желтый глаз наблюдает за ним, ему кажется, что это глаз Харвуда.

Харвуд знает.

Харвуд впрыснул себе 5-SB.

Харвуд такой, какой.

Но Харвуд сам устанавливает порядок событий, и именно по нему, по крайней мере, отчасти, формируется ситуация.

Лэйни отвинчивает крышку. Пьет синий сироп. Ему нужно подумать.

Глава 44

Только подумать

Дождя больше не будет, решает Шеветта, съежившись под скиннеровской курткой.

Она сидит на скамейке за пустыми курятниками, понимает, что нужно куда-то идти, но не может сдвинуться с места. Мысли о покойном Скиннере и словах Фонтейна не покидают ее. Ручка ножа, лежащего во внутреннем кармане, упирается ей под левую ключицу — так она

сгорбилась. Она распрямляется, прижавшись к фанерной стенке, и пытается собраться.

Она должна найти Тессу, вернуться к фургону и постараться, если получится, не натолкнуться на Карсона. Может быть, размышляет она, он и не заметил, как она убежала; тем не менее, она была почему-то уверена, что он искал именно ее. Но если он ее не заметил там, тогда, возможно, в баре его уже и нет. А если он все-таки ее видел, то ему и в голову не придет, что она может туда вернуться. В любом случае, не исключено, что они могут столкнуться в другом месте. А вот Тесса, любительница пива, возможно, все еще там, потому что ей точно не улыбается идея ночевать в промокшем фургоне. Может быть, Тесса решила, что бар — очень даже маргинальное место, так что Шеветта, соблюдая осторожность, могла бы проскользнуть туда, забрать ее с собой и уговорить вернуться в фургон. Карсон едва ли отправится вынюхивать их на Фолсом-стрит, а если отправится, то может нарваться на тех, кто примет его за легкую добычу.

Не дело сидеть здесь рядом с пустыми курятниками, потому что это верный способ подцепить вшей — от одной мысли у нее зачесалась голова. Она встала, потянулась, чувствуя легкую аммиач-

ную вонь куриного помета, и пошла по верхнему уровню моста в сторону города, боясь встретить Карсона.

Не так уж много народа кругом, и ни одного туриста. Дождь способен расчистить пространство, вспомнилось ей. На нее вновь нахлынуло чувство привязанности к мосту, но, слава богу, она здесь больше не живет. Внутри у нее все сжалось от острой и глубокой боли. Она вздохнула, вспомнив туманные утренние часы, когда спускалась с кабельной башни с велосипедом через плечо, на котором потом гоняла до «Объединенной», пытаясь угадать, приберег ли Банни для нее сразу же заказ, так сказать, счастливый билетик, или даст ей «порожняк» — так они называли доставку на городские окраины. Иногда ей нравилось получать «порожняк», потому что появлялся шанс повидать кварталы, в которые она прежде не ездила. А иногда ей выпадало «чисто», что на их языке означало «заказов на доставку нет», и это тоже бывало здорово — берешь и гонишь в «Алкоголокост» или еще какой бар для курьеров, и попиваешь эспрессо, пока Банни не вызовет на базу по пейджеру. Чудесно быть курьером «Объединенной». Она никогда не обижалась на критику, выкладывалась до предела, а копы вовсе

не рвутся оштрафовать тебя, если ты девушка; ты можешь безнаказанно гонять по тротуарам и выкидывать прочие штучки. Не то чтобы она могла представить себя снова за рулем, снова курьером, но к ней вернулось прежнее настроение — она не знала, чем бы еще могла заняться. Во всяком случае, она не собиралась играть главную роль у Тессы ни в какой версии документалки.

Она вспомнила тощую женщину-техника по имени Тара-Мэй, которую «Копы влипли» прислали, чтобы «набрать метраж» бедолаги Райделла, который всего-то только и хотел, что сняться в одном из эпизодов этого дурацкого шоу. Нет, одернула она себя, несправедливо так думать, потому что чего Райделл действительно хотел — так это быть копом, поэтому и пошел в полицейские еще в Теннесси. Но карьера не сложилась, и эпизод с его участием тоже не получился, не говоря уже о мини-сериале, который хотели запустить. А все из-за того, предположила Шеветта, что материал, который отсняла Тара-Мэй, вызвал у «Колов влипли» впечатление, что Райделл выглядит на экране несколько грузноватым. Не то чтобы он был толстый, он весь был сплошные мышцы и длинные ноги, но на экране он выглядел совсем по-другому. И от этого у него поехала крыша, от

этого и еще от того, что Тара-Мэй без умолку трещала, что Шеветте стоит начать брать уроки речи и актерского мастерства, научиться всем этим чертовым боевым искусствам и бросить баловаться наркотиками. Когда Шеветта объяснила, что она не балуется никакими наркотиками, Тара-Мэй заявила, что если нечего бросать, то это затруднит налаживание нужных связей, что есть всевозможные группы поддержки, а это ведь лучший способ встретить людей, которые помогут твоей карьере.

Но Шеветте не нужна была карьера, по крайней мере, не та, на которую намекала Тара-Мэй, а Тара-Мэй оказалась попросту неспособна понять. На самом деле в Голливуде была масса народа вроде Тары-Мэй, может, они даже составляли большинство; у каждого, кроме того, чем они в настоящее время зарабатывали на жизнь, была еще какая-то другая, настоящая работа. Водители писали прозу, бармены играли в театре; массажистка, к которой ходила Шеветта, «на самом деле» была дублершей какой-то актрисы, о которой Шеветта до этого слыхом не слыхивала, вот только той массажистке так и не позвонили, впрочем, у них был ее номер, но Шеветте стало казаться, что все их номера, все до единого,

прибрала к рукам судьба и никто на самом деле не выигрывал, но никто не хотел даже слышать об этом и продолжал трепаться с тобой, если ты покупался на их треп, об их «настоящей работе».

Думая об этом теперь, она поняла, что произошло между ней и Райделлом: он всегда покупался на все, что ему врали. И тоже рассказывал им, как он сильно хочет сняться в эпизоде для «Копов влипли» и что, похоже, действительно снимется, потому что шоу оплачивает его жилье. О чем на самом деле никто знать не желал, потому что это было уж слишком «по-настоящему», но Райделл так этого и не понял. И тогда они стали выкачивать из него телефонные номера, имена, рекомендательные письма и заваливать дисками и списками, надеясь на то, что он тупой и будет показывать все это продюсерам. Он оказался достаточно туп, или, во всяком случае, достаточно простодушен, что помешало ему наладить отношения с людьми из «Копов влипли».

И в результате она, непонятно как, оказалась с Карсоном. Райделл сидел на кушетке в своей квартире, выключив свет, и потерянно смотрел один за другим старые эпизоды «Копов влипли», а она оказалась неспособной ему помочь. Все было хорошо, когда их объединяло какое-нибудь

занятие, но когда дело доходило до того, чтобы просто быть вместе, их отношения не складывались как надо, да еще Райделл впал в тоску, когда стало ясно, что с шоу ничего не получится…

Но вот и бар, небольшая толпа у дверей, звуки музыки, которые она пропускала мимо ушей, смолкли, когда она подошла.

Бар был битком набит. Она проскользнула между парочкой мексиканцев, похожих на дальнобойщиков, с такими стальными, будто острие долота, штуками, прибитыми гвоздями к носкам их черных ковбойских сапог. Протолкавшись внутрь, поверх голов посетителей она увидела Кридмора с микрофоном в руке, глупо улыбавшегося толпе. Это был оскал «плясуна», десять тысяч ватт дурного электричества, его десны уже были задеты той штукой, которую «плясун» вытворяет с наркоманами.

Люди хлопали и свистели, требуя продолжения, и Кридмор, по лицу которого градом катился пот, по всей видимости намеревался задать им жару.

— Спасибо вам, сердечное спасибо! — услышала она усиленный динамиками голос Кридмора. — Следующая песня, которую я сочинил сам, скоро выйдет на первом сингле нашей группы «Бьюэлл Кридмор и его Братья меньшие», он называется…

«И только ты подумал, что вставил»!

Может, ей показалось, что именно это он сказал, но в этот момент оглушительно грянула вся группа, гитарист извлекал из старой большой блестящей электрогитары стальной серпантин аккордов, так что слов разобрать было невозможно. Хотя она была вынуждена признать, что Кридмор действительно умеет петь.

Люди набились сюда как сельди в бочку, так что ей было трудно высматривать Карсона, но, с другой стороны, он бы тоже едва ли ее разглядел.

Она продолжала проталкиваться изо всех сил, пытаясь найти Тессу.

Глава 45

Ход конём

Райделл прошел курс внешнего наблюдения еще в Академии, и его любимой темой было преследование подозреваемого. Этим не приходилось заниматься в одиночку — как правило, вдвоем, и чем больше у тебя было напарников, тем лучше. Их учили подменять друг друга: кто-то занимает твое место, ты контролируешь объект, опережая его, чтобы быть готовым подменить

очередного напарника в нужную минуту. За спиной у объекта никогда слишком долго не маячило одно и то же лицо. В этом было определенное искусство, и когда ты становился мастером, слежка делалась своего рода танцем.

Ему так ни разу и не выпал шанс испытать это искусство на практике, ни во время краткой службы офицером полиции, ни потом, когда он работал на «Интенсекьюр», но он знал, что тренировки не пропали даром: они дали ему представление о том, каково это чувствовать, когда тебя преследуют, особенно если преследователи делают это правильно.

На этой мысли он и поймал себя сейчас, закинув на плечо вещмешок с проектором Рэи Тоэи и намереваясь покинуть жалкое подобие места преступления. Если Лэйни хотел, чтобы он привлек чье-то внимание, постояв здесь, — что ж, он постоял здесь. Но, может, сейчас, подумал он, это самое ощущение, что за тобой следят, возникло лишь оттого, что Лэйни сказал, что кто-то обязательно заметит, если я здесь появлюсь.

Нервы, наверное. Вполне возможно, но на самом деле он совсем не нервничал, просто устал. Всю ночь гнал вверх по побережью с Кридмором и единственный раз за весь день отдохнул

чуть-чуть, когда заснул, слушая Рэи Тоэи. Сейчас он больше всего на свете хотел вернуться в комнатушку, проверить проектор — вернулась ли она? — и завалиться спать.

Но, черт возьми, неприятное ощущение в затылке не проходило. Он глянул назад, но там не было ни души, только место, где засохшую кровь обрызгали «Килзом».

Мимо неспешно шел парень, направляясь в сторону Окленда и «Ночлега и завтрака».

Молодой парень с темным ежиком по-военному, черная куртка, на подбородок натянут черный шарф. Кажется, и не видит Райделла, просто идет себе, руки в карманах. Райделл тихонько двинул за ним, на расстоянии примерно пятнадцати футов.

Он пытался представить себе это место, каким оно было раньше, когда было обычным мостом. Миллионы машин проехали здесь когда-то по дороге, по которой он шел сейчас. Тогда здесь был хороший обзор, просто фермы, перила и дорожный настил; теперь это был настоящий туннель, стены сплетены из всяких отходов: досок, пластика — всего, что люди смогли отыскать, и скреплены чем попало, лишь бы не развалились, и не развалились ведь, несмотря на ветра,

которые дуют всегда и везде. Однажды он был проездом в Луизиане, и что-то в облике этого места напомнило ему о тамошних байу[223]: всюду болталась всякая ерунда, трубы и кабели и какие-то штуки, назначения которых он не мог определить, и все это отчасти смахивало на испанский бородатый мох, все контуры были мягко размыты. И освещение сейчас было тусклым, словно бы смотришь под водой, — просто раздобытые на свалке флуоресцентные лампы, подвешенные с интервалом около двадцати футов, одни вовсе не светят, другие едва мерцают.

Он обошел большую лужу, образовавшуюся там, где какой-то торговец сбросил на землю куски грязного наколотого льда.

Посмотрев вперед, он увидел, как парень в черном шарфе сворачивает в кафе, одну из тех забегаловок, которых здесь пруд пруди — два маленьких столика и стойка, за которой уместятся четверо, от силы — пятеро. Здоровенный блондин, похожий на штангиста, как раз выходил из дверей, когда «шарф» зашел внутрь, и здоровяк всего на миг скосил глаза на Райделла, и этого хватило, чтобы Райделл понял.

---

[223] Примечания: 223

Байу — заболоченный рукав реки, озера или морского залива на юге США

Они отрабатывали на нем смену следящих. Ему сели на хвост, причем как минимум трое.

Здоровяк направился в сторону райделловской ночлежки, Острова Сокровищ и Окленда. У него был мощный затылок. Проходя мимо, Райделл быстро заглянул внутрь кафешки, увидел, что «шарф» заказывает кофе. Невинный, как младенец. Райделл не стал оглядываться, потому что знал — сделай он так, и они поймут. Поймут, что он догадался. Поймут, как сам он понял, когда здоровяк выдал себя неосторожным взглядом.

Пояс, который он пропустил через вещмешок, сквозь нейлоновую куртку, начал резать ему плечо; он шел и думал про Лэйни, Клауса и Петуха — про то, что все они явно считали проектор чем-то чрезвычайно важным и ценным. Поэтому-то за ним следят — из-за проектора или из-за того таинственного человека, про которого говорил Лэйни. Человека, которого нет? В любом случае, он не мог припомнить, чтобы у него на мосту были когда-то серьезные враги, хотя в этом трудно быть уверенным. Еще он подумал, что вряд ли эти парни обычные грабители, очень уж уверенно они выглядели.

Он сунул руку в карман куртки и нащупал нож. Нож был на месте, и Райделл обрадовался ему, но,

представив, что может пустить его в дело, весь передернулся. История с ножами состоит в том, что люди, которые намереваются продырявить других людей, обычно понятия не имеют о том, как это противно. Это вам не кино, где из людей брызжет кровь, будто из забитых свиней. Ему довелось иметь дело с людьми, получившими ножевые ранения рядом с «Драконом» на Сансет-стрип. И еще одно: кто знает, может, убитый был болен какой-то заразой? У него и у Дариуса были какие-то защитные очки, которые им полагалось надевать, чтобы кровь не попадала в глаза, но обычно все случалось слишком быстро и про очки они не вспоминали, а там уже было поздно.

Но главная проблема с ножами — даже с такими, что режут железо, как спелые бананы, — заключается в том, что от них мало толку, когда начинается пальба.

Кто-то подвесил над закрытым ларьком старое зеркало для наблюдения за магазинными ворами, и, подобравшись поближе к этой конструкции, Райделл попытался посмотреть, не идет ли кто следом, но разглядел только толпу.

Он стал беспокоиться: он делал в точности то, чего, вероятно, от него и ждали, — шел обратной дорогой к тому месту, где собирался провести

ночь (допустим, решил он, они еще не знают, где это самое место). Ну, придет он туда, и что дальше? Он окажется в комнате, как в ловушке, единственный выход из которой — хлипкая лесенка, а он — легкая добыча. Он решил просто идти вперед, но чувствовал, что ни к чему хорошему это тоже не приведет.

Мне нужно, подумал он, выкинуть номер, которого от меня не ждут. Хоть надеть ботинки задом наперед, да что угодно — лишь бы избавиться от этих типов, кем бы они там ни были. А потом позвонить Лэйни и узнать — кто эти мерзавцы.

В Ноксвилльской академии был инструктор, который любил читать лекции о нелогичном мышлении. Что, по сути, не очень-то сильно отличалось от того, что Дариус говорил о конченых наркоманах, торчащих со съехавшей крышей на мостовой у «Дракона». С ними обычные способы общения не годились, для этого требовалось нечто радикальное — неожиданный ход конем.

Посмотрев направо, Райделл заметил, что идет мимо участка стены, который на самом деле был огромным холстом, натянутым на каркас из бруса и покрытым толстым слоем краски, накладываемой многие годы. Фреска не фреска, ему было не до деталей.

Открывшийся кнопарь щелкнул так громко, что они наверняка это услышали, так что Райделл просто рванул к стенке и, широко махнув керамическим лезвием вниз и вбок, прорезал дыру в виде перевернутой буквы «эль». Он проскочил в отверстие, как во сне, холст затрещал, краска посыпалась. Он очутился в тепле, ярком свете и в компании совершенно чужих людей, сидящих вокруг стола с картами в руках, перламутровые фишки горками навалены около каждого. Дама — пирсинг на сосках обнаженной груди, тоненькая сигарета в уголке рта — встретила взгляд Райделла и сказала сквозь зубы:

— Ставлю на тебя один к одному.

— Не обращайте на меня внимания, — услышал Райделл свой голос и увидел, как мужчина с лысой татуированной головой, по-прежнему держа в одной руке карты, поднял из-под стола другую руку, в которой был пистолет. В ту же секунду до Райделла дошло, что он все еще держит у всех на виду свой раскрытый черный кнопарь. Он почувствовал, как озноб побежал по позвоночнику, а ноги автоматически понесли мимо стола, человека с картами и глубокой, бесконечной, огромной черной дыры, окруженной поблескивающим кольцом нержавеющей стали, которое

было дулом пистолета.

Сквозь толстый занавес из коричневого велюра, отдававшего запахом старинных кинотеатров, он все еще двигался, видимо невредимый. Он на ходу щелкал у бедра кнопкой ножа, открывая и закрывая его, — что ему и в голову не пришло бы при других обстоятельствах. Он убрал нож в карман. Перед ним грубо сколоченная лесенка. По ней наверх и как можно скорее.

Вылез наружу через квадратный проем в деревянном настиле из горбыля, узкий проход между стенами, выпиленными из облупившихся рекламных щитов, огромный женский глаз на обрывке заляпанной выцветшей афиши, будто устремленный в бесконечную даль.

Стоп. Отдышись. Сердце как молот. Слушай.

Хохот. Картежники?

Он двинулся вперед по проходу с нарастающим чувством удовлетворения — он сделал их. Сбросил с хвоста. На каком бы чердаке он сейчас ни был, он сможет отсюда выбраться, спустится вниз, а там уже разберется, как и что. Но у него по-прежнему был проектор, и он сбросил этих гадов с хвоста, и задницу не прострелили за то, что влез в чей-то покерный расклад.

— Вот что значит — смотреть со стороны! —

произнес он громко, поздравляя себя с успехом, после чего дошел до конца прохода и ступил за угол.

Ребро его хрустнуло от удара здоровяка, и он понял, что черная перчатка, точь-в-точь такая, какой он упражнялся в Нэшвилле, была нашпигована свинцом.

Он отлетел к противоположной стенке и стукнулся головой, вся левая половина тела отказалась двигаться, когда он попытался встать прямо.

Здоровяк занес черную перчатку над головой, чтобы нокаутировать Райделла прямо в лицо. И ухмыльнулся.

Райделл попытался тряхнуть головой.

Еле заметное удивление, а может быть, замешательство отразилось в маленьких глазках противника. Потом они потухли. Ухмылка исчезла.

Здоровяк внезапно тяжело рухнул на колени, покачнулся и грохнулся боком на серый деревянный настил. За ним стоял худощавый седоволосый человек в добротном длиннополом пальто темно-зеленого цвета: рукой он прикрывал ворот, будто что-то прятал. Глаза бесстрастно смотрели на Райделла сквозь очки в золотой

оправе. Морщины на лице. Человек отряхнул свое модное пальто и опустил руки.

— Вы ранены?

Райделл захрипел в ответ и сморщился от боли, так как ребро сильно болело.

— Ребро, — еле-еле выдавил он.

— Вы вооружены?

На Райделла смотрел чистый неподвижный взгляд.

— Нож, в правом кармане куртки, — ответил он.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — сказал человек. — Вы способны передвигаться самостоятельно?

— Конечно, — ответил Райделл, сделал шаг и споткнулся о тело здоровяка.

— Прошу вас, следуйте за мной, — сказал человек и повернулся.

Райделл последовал за ним.

Глава 46

Сосновый ящик

Кридмор успел перейти к кульминационной части своего выступления, прежде чем Шеветта

заприметила «Маленькую Игрушку Бога», курсирующую над головой публики. У бара, как и у многих других заведений, расположенных здесь, на бывшей палубе, не было собственно потолка — только изнанка верхних палуб, поэтому то, что считалось потолком, было неровным, с выступами днищем. В какой-то момент администрация выкрасила это безобразие черной краской, и Шеветта вполне могла бы и не заметить парящую платформу камеры, если бы ее майларный воздушный шар не отражал огни рампы. Движения камеры определенно контролировались человеком, казалось, она осторожно подбиралась, чтобы заснять лицо Кридмора крупным планом. Потом Шеветта разглядела еще два серебряных шара — они были установлены в чем-то вроде ниши, образованной щелью в потолке.

Значит, сообразила она, Тесса заставила кого-то свозить ее на Фолсом-стрит. Потом она либо вернулась сюда на фургоне, либо кто-то ее подбросил (Шеветта была абсолютно уверена, что Тесса ни за что не пошла бы пешком — во всяком случае, не с воздушными шариками). Шеветта надеялась на второе, потому что ей вовсе не улыбалось снова искать парковку. Чем бы Тесса не надумала здесь заниматься, позже им все равно нужен

будет ночлег.

Песня Кридмора завершилась кодой, чем-то похожей на срывающийся крик безмозглого протеста, на который страшным ревом отозвалась толпа «сетчатых». Шеветту просто ошеломил их энтузиазм — не из-за Кридмора, а потому, что подобную реакцию могла вызвать его музыка. Впрочем, музыка в этом смысле — странная штука; казалось, у любого стиля всегда есть свои поклонники, и если собрать в одном баре достаточное количество таких фанатов, можно совсем неплохо повеселиться.

Она все еще продолжала проталкиваться сквозь толпу, сбрасывая с себя наглые руки, высматривая Тессу и опасаясь наткнуться на Карсона, когда Мэри-Элис, подружка Кридмора, первой нашла ее. Мэри-Элис, похоже, развязала пару затейливых шнурков на своем бюсте и представляла собой весьма внушительное зрелище. Она казалась очень счастливой или, во всяком случае, настолько счастливой, насколько может выглядеть сильно пьяная женщина, каковой она сейчас определенно была.

— Дорогая! — вскричала она, схватив Шеветту за плечи. — Куда ты пропала? У нас тут любая выпивка для наших гостей из шоу-бизнеса бес-

платно!

Мэри-Элис явно не помнила, что они с Тессой вовсе не из «отдела контрактов», но Шеветта догадалась, что Мэри-Элис много чего не помнила.

— Замечательно, — сказала Шеветта. — А вы не видели Тессу? Мою подругу, с которой я здесь была? Она австралийка.

— Там, наверху, в осветительной будке, с самим Святым Виттом, дорогая! Она снимает все представление Бьюэлла на эти летающие штучки! — Мэри-Элис просияла. Запечатлела смачный, жирный от помады поцелуй на щеке Шеветты и мгновенно забыла про нее, с равнодушием повернувшись туда, где, как решила Шеветта, был бар.

Теперь и Шеветта разглядела осветительную будку: что-то вроде огромного упаковочного ящика, прибитого в углу напротив сцены, с покореженным пластиковым окошком по периметру, за которым она увидела Тессу и какого-то бритого парня в противных узеньких черных очках. Их головы торчали над ширмой, как марионетки. Туда можно было забраться по стремянке, прикрепленной к стенке ржавыми водопроводными трубами.

На Тессе были ее специальные очки, и Шеветта

поняла, что подруга следит за сигналом, посылаемым «Маленькой Игрушкой Бога», контролирует угол съемки и фокусировку с помощью своей черной перчатки. Кридмор запел снова, публика стала притопывать и подпрыгивать в такт более энергичной музыке.

У стремянки стояли двое парней в «сетчатых» кепочках, попивая пиво из банок. Шеветта проскользнула мимо, вскарабкалась вверх, не обращая внимания на одного из них — он заржал и шлепнул ее по заду.

Нырнула головой в квадратную дырку, нос на уровне пыльного, залитого пивом коричневого ковра.

— Тесса, привет.

— Шеветта, ты? — Тесса не обернулась, поглощенная тем, что видела в своих очках. — Куда ты ходила?

— Я встретила Карсона, — сказала Шеветта, залезая в будку сквозь дырку, — и убежала.

— Какие чудесные кадры, — сказала Тесса. — У этих типов такие лица… Как у Роберта Фрэнка[224].

---

[224] Примечания: 224

Имеется в виду, скорее всего, известный фотограф Роберт Фрэнк. Серия его фоторабот «Американцы» (1955) запечатлела Соединенные Штаты Америки эпохи битников и стала одним из важных моментов в истории фотографии XX века. Введение к серии «Американцы» написал известный американский писатель Джек Керуак

Я сведу запись в моно и уберу цвет…

— Тесса, — сказала Шеветта, — нам пора убираться отсюда.

— Мать твою, да кто ты такая? — обернулся к ней бритый. На нем была глухая безрукавка, бицепсы не толще Шеветтиной руки, узкие голые плечи, как куриные косточки.

— Его зовут Святой Витт, — пояснила Тесса спокойно, словно пыталась предотвратить возможную ссору, которая помешала бы ей сосредоточиться. — Он здесь заведует светом, а также сидит на звуке в двух других клубах на мосту — в «Когнитивных Диссидентах» и еще где-то… — ее рука манипулировала черной перчаткой.

Шеветта в прошлом была знакома с «Когнитивными».

— Тесса, это бар для любителей «плясуна», — сказала она.

— Мы уйдем, когда отснимемся здесь, — ответила Тесса. — Святой Витт утверждает, что они там как раз раскачаются, и шоу будет в сто раз интересней, чем здесь.

— Где угодно будет интересней, чем здесь, — сказал Святой Витт, в его голосе слышалась безмерная усталость.

— Синий Ахмед записал там сингл, — сказала

Тесса, — «Моя война — это моя война».

— Отстой, — сказала Шеветта.

— Ты имеешь в виду кавер-версию «Хромированного Корана», — сказал Святой Витт; его голос был полон презрения, — ты никогда не слышала версию самого Ахмеда.

— Почему ты в этом уверен, черт возьми? — рассердилась Шеветта.

— Потому что тот сингл так и не выпустили, — самодовольно заявил Святой Витт.

— А может, он взял и сбежал, на хрен? — Шеветта кипела желанием как следует отшить эту обкуренную мартышку и знала, что это не так уж и трудно, хотя никогда нельзя предвидеть, что может случиться, если накачанный «плясуном» обидится по-настоящему. Чего стоят только байки о сопляках двенадцати лет от роду, которые, говорят, иногда до того доходят, что хватают полицейскую машину за бампер и переворачивают ее — хотя в этих байках обычно упоминалось, что от натуги кожа малолеток рвалась, каковые подробности Шеветта искренне считала брехней. Наверняка так и было: Карсон называл это городским фольклором.

Песня Кридмора завершилась стальным лязгом. Шеветта повернулась к сцене. Кридмор

выглядел возбужденным до предела, с видом триумфатора стоял перед залом, будто перед ним был огромный стадион, запруженный поклонниками.

Толстый гитарист снял свою красную гитару и передал ее одетому в черный кожаный жилет парню с бакенбардами, который, в свою очередь, подал ему черную гитару с более узким корпусом.

— А сейчас будет песня «Сосновый ящик», — объявил Кридмор, когда был взят первый аккорд. Шеветта толком не разобрала слова, которые пел Кридмор; мелодия напоминала старинную скорбную песнь о том, что все кончается «сосновым ящиком», видимо, подразумевался этот, как его, гроб — ну, в чем раньше хоронили людей, — хотя Шеветта подумала, что это выражение с успехом можно применить к осветительной будке, в которой она сейчас застряла вместе с Тессой и этим козлом. Она заметила хромированную табуретку, разрезанное сиденье которой было заклеено скотчем, и, за неимением лучшего, уселась на нее и решила спокойно дождаться, пока Тесса не запечатлеет на пленке столько ужимок Кридмора, сколько захочется. А потом она придумает способ, как им обеим убраться отсюда.

Глава 47

Сай-Шенг-роуд

Ливия и Пако привели Лэйни в парикмахерскую на Сай-Шенг-роуд. Он не понял, как они попали сюда. Сай-Шенг-роуд находится в Городе-Крепости, а Лэйни не был местным жителем. Координаты Города-Крепости, концептуальные механизмы, при помощи которых его подданные смогли исчезнуть из баз данных человечества в целом, являются главной и тщательно охраняемой тайной этого места. Город-Крепость — целая вселенная, живая легенда.

Лэйни уже бывал здесь, хотя и не в этом специфическом конструкте, в парикмахерской, и ему не по душе это место. Что-то в самом коде, легшем в основу создания Города-Крепости, вызывает метафизическое головокружение, а его видимое представление утомительно агрессивно; ощущение такое, будто попал в видеофильм какого-нибудь арт-колледжа с изощренной операторской работой. В Городе-Крепости все с подвохом: тебе никогда не покажут истинного изображения — все прогоняется через полдю-

жины разных фильтров, словно обитатели этого места твердо решили запечатлеть свои радикальные воззрения во всем, вплоть до наименее фрактальных текстур города. Там, где ловко придуманный веб-сайт слегка намекнул бы на грязь или потертость,

Город-Крепость тщательно камуфлируется руинами, текстурные карты непрерывно меняются, обнажая другие текстуры, также битые молью.

Вот эта парикмахерская, к примеру, выложена из наползающих друг на друга текстурных черепиц, не стыкованных по краям, что намеренно разрушает любую иллюзию цельной поверхности или пространства. И все здесь исполнено в цвете залитого дождем Китайского квартала: неоново-розовый, неоново-синий, неоново-бледно-зеленый и сильно выцветший неоново-красный.

Ливия и Пако мгновенно удаляются, оставив Лэйни в недоумении: во что бы он сам, дойди до этого дело, воплотился в подобной обстановке? Наверно, в большой картонный ящик?

Эти размышления прерываются появлением Клауса и Петуха, которые внезапно возникают на двух из четырех стульев в парикмахерской. Он сразу узнал их, разве что теперь Клаус носит

черную кожаную широкополую Федору — поля ее загнуты кверху по всей окружности, — а Петух стал еще больше похож на орущих римских пап работы Фрэнсиса Бэкона[225].

— Пошла совсем другая игра, — начинает Лэйни.

— Какая? — Клаус, кажется, языком трогает больной зуб.

— Харвуд впрыскивал себе 5-SB. И вы это знаете, потому что эти ваши недоноски-чилаго[226] только что раскололись. Когда вы узнали об этом?

— Мы действуем по принципу необходимых знаний… — начинает Петух тоном дегенерата понтифика, но Клаус прерывает его:

— За десять минут до вашего появления. Мы с нетерпением ждем вашего мнения.

— Это совсем другое дело, — говорит Лэйни. — Каких успехов он добился за эти годы! Пиаровская империя, рекламные кампании и слухи о том, что он сыграл главную роль в избрании прези-

---

[225] Примечания: 225

Фрэнсис Бэкон (1909–1992) — выдающийся европейский художник ирландского происхождения. В его творчестве прослеживается влияние Пикассо, сюрреализма и экспрессионизма. Сам Бэкон утверждал, что он просто реалист: «Ничто не может быть ужаснее, чем сама жизнь…» Широко известна его серия «Орущие папы», в которой он использовал работы старых мастеров, например Веласкеса

[226] Примечания: 226

Чилаго (исп.) — слэнговое самоназвание жителей Мехико

дента Миллбэнк, а также способствовал разделу Италии…

— Я думал, что это все его подружка, — говорит Петух мрачно, — эта паданская принцесса…

— Вы хотите сказать, что он просто чует удачу? — наступал Клаус. — Вы намекаете на то, что он находится в узловом модусе и предчувствует назревающие перемены? Если в этом секрет его фирмы, мой друг, то почему же не вы самый богатый человек в мире?

— Эта штука работает не так, — протестует Лэйни. — 5-SB пробуждает чувствительность к узловым точкам, к разрывам в информационной текстуре. Они индикаторы назревающих перемен, а не носители информации о самих переменах!

— Верно, — соглашается Клаус и поджимает губы.

— Я хочу знать, — продолжает Лэйни, — мне нужно знать — прямо сейчас! — что задумал Харвуд на этот раз. Он сидит в потенциальной точке грандиозных перемен. Видимо, он способствует им. Рэи Тоэи тоже вовлечена во все это, и этот наемный ластик для стирания людей из коллекции Харвуда, и безработный рентакоп… Эти люди скоро изменят историю человечества

каким-то неизвестным пока способом. Подобной ситуации не было с тысяча девятьсот одиннадцатого года…

— А что случилось в девятьсот одиннадцатом? — требует ответа Петух.

Лэйни вздыхает.

— Мне кажется, все очень запутанно, у меня не было времени заняться этим вплотную. В тысяча девятьсот шестом году в Париже под экипаж попал муж мадам Кюри. Видимо, с этого все и началось. Но если в нашем случае Харвуд и впрямь является аттрактором[227], ключевым сгустком странности событий, которые притягиваются к нему, и при этом он осознает свою роль, — что же в его голове такого, что потенциально в буквальном смысле может изменить все?

— Мы не можем сказать наверняка, — начинает Петух, — но…

— Нанотехнология, — говорит Клаус. — Харвуд был главным игроком корпорации «Санфлауэр». План перестройки Сан-Франциско. Весьма радикальная реструктуризация с привлечением нанотехнологий, вполне в духе той, что была проведена после землетрясения в Токио. С

[227] Примечания: 227

Странный аттрактор — математический образ сложного движения в нелинейных динамических системах

Сан-Франциско этот номер не прошел, и, что действительно забавно, ваш парень — Райделл, как нам кажется, способствовал тому, чтобы это не случилось, но об этом потом. Меня действительно беспокоит, что Харвуд продолжает интересоваться нанотехнологиями, подтверждением служит сделка, заключенная фирмой «Нанофакс АГ» из Женевы…

— Сначала Харвуд, — вставляет Петух, — купил по дешевке подставную фирму в Антигуа, и…

— Заткнись! — Петух замолкает. — «Нанофакс АГ» из Женевы и корпорацией «Счастливый дракон» из Сингапура. «Счастливый дракон», конечно же, клиент фирмы «Харвуд Левин».

— «Нанофакс»?

— Самим названием сказано все, — говорит Клаус, — и почти ничего.

— Как это понимать?

— «Нанофакс АГ» предлагает технологию, которая цифровым методом воспроизводит физические объекты на расстоянии. Область применения технологии, разумеется, довольно сильно ограничена. Но обычная кукла, помещенная в «Нанофакс» в лондонском «Счастливом драконе», будет в точности воспроизведена «Нанофаксом» в нью-йоркском «Драконе»…

— Как?

— С помощью наносборщиков из любых доступных материалов. Однако на систему наложены жесткие юридические ограничения. Например, «Нанофакс» не имеет права воспроизводить функционирующее оборудование. И, конечно же, «Нанофакс» не имеет права ни при каких обстоятельствах воспроизводить функционирующие наносборщики.

— Я думал, они уже доказали, что такая система не способна работать, — говорит Лэйни.

— О нет! — говорит Петух. — Они просто этого не хотят.

— Они — это кто?

— Государства, — отвечает Петух. — Помните о таких?

Глава 48

В этот момент

Райделл смотрел в спину человека, уверенно идущего впереди, и испытывал сложное чувство, чувство, которому не мог дать название, которое было сильней боли в боку, остро пронзавшей его, когда он оступался. Он, Райделл, всю жизнь

мечтал хорошо владеть своим телом: просто двигаться, двигаться правильно, не задумываясь об этом. Быть расслабленным и в то же время точным в движениях. Он инстинктивно понимал, что перед ним именно такая свободная пластика; мужчине было около пятидесяти, но двигался он абсолютно естественно и постоянно оказывался в тени. С прямой спиной, в длиннополом кашемировом пальто, руки в карманах, он просто скользил, и Райделл топал за ним, остро чувствуя свою неуклюжесть из-за физической боли и боли своего все еще юношеского сердца: мальчик, что жил у него внутри, всегда мечтал хоть немного быть похожим на этого человека, кем бы он ни был.

Он убийца, киллер, напоминал себе Райделл, думая о лежащем трупе здоровяка; Райделл прекрасно знал, что убийство — это не энергичный обмен рукопожатиями, как в кино, а страшное братание с тем светом (он очень надеялся, что ошибается), потому что к нему во сны до сих пор являлся призрак Кеннета Тёрви, единственного человека, которого он вынужден был прикончить. Хотя никогда не сомневался в необходимости прикончить Тёрви, так как Тёрви продемонстрировал серьезность своих наме-

рений, стреляя в дверь шкафа, где запер детей своей подружки. Убийство было вратами в нечто страшное и бесконечное. Райделл истово в это верил и точно знал, что отчаянные бандиты в реальной жизни не более романтичны, чем ворох остывших кишок. И все же он шагает, старается изо всех сил поспеть за этим, с седыми волосами, человеком, который минуту назад убил человека способом, какого Райделл, похоже, не смог бы определить, убил тихо и не напрягаясь; убил человека так привычно, как другие меняют рубашку или вскрывают жестянку пива. Что-то внутри Райделла завидовало этому, он покраснел, осознав эту зависть. Мужчина остановился в тени и оглянулся.

— Как самочувствие?

— Сносно, — ответил Райделл, который почти всегда отвечал так на этот вопрос.

— Только не «сносно». У вас гематома. А может, и внутреннее кровотечение.

Райделл стоял перед ним, держась рукой за опухший бок.

— Что вы сделали с этим типом?

Нельзя сказать, что человек улыбнулся, но морщины на его щеках стали чуть глубже.

— Я завершил движение, которое он начал,

замахнувшись на вас.

— Вы его чем-то зарезали, — сказал Райделл.

— Да. Это был самый элегантный финал при сложившихся обстоятельствах. Его необычный центр тяжести дал мне возможность рассечь спинной мозг, не задев позвонки. — Все это тоном, которым сообщают об открытии нового, чрезвычайно удобного автобусного маршрута.

— Покажите мне.

Человек чуть качнул головой. Птичья острота восприятия. Свет отразился в круглых очках с золотой оправой. Человек сунул руку за пазуху своего длиннополого пальто и с непринужденной грацией извлек загнутый кверху клинок с похожим на долото острием. Райделл знал, что такой клинок называется танто — уменьшенная разновидность одного из японских мечей. Свет, что на мгновение блеснул в круглых линзах, теперь вспыхнул тончайшей радугой вдоль искривленного лезвия и соскочил со скошенного конца. Человек проделал движение, которым извлек клинок, в обратную сторону. Клинок исчез в глубине пальто, как прокрученная назад видеозапись.

Райделл вспомнил, каким действиям обучали его на случай, если нападают с ножом, а ты без-

оружен. Если другого выхода нет, рекомендуется снять куртку и обмотать ею запястья, чтобы их не повредили. Он представил себе, что использует проектор, лежащий в сумке, в качестве щита против клинка, который только что видел, и безнадежность этой затеи неожиданно показалась ему смешной.

— Чему вы улыбаетесь? — спросил человек.

Улыбка соскочила с лица Райделла.

— Не думаю, что смогу объяснить, — сказал он. — Кто вы такой?

— Этого я вам не могу сказать, — ответил человек.

— Меня зовут Берри Райделл, — сказал ему Райделл. — Вы только что спасли мою задницу.

— Но не ваше тело, я полагаю.

— Он мог убить меня.

— Нет, — сказал человек, — он бы вас не убил. Он бы лишил вас возможности сопротивляться, доставил бы кое-куда и стал пытать, чтобы выбить информацию. И только тогда он убил бы вас.

— Что ж, — сказал Райделл; бесстрастность собеседника его смущала. — Тогда большое спасибо.

— Всегда к вашим услугам. — Ответ был не

лишен высокомерия.

— Что ж, — сказал Райделл, — но почему вы сделали это, ну, убрали его?

— Было необходимо завершить движение.

— Не понимаю, — сказал Райделл.

— Это было необходимо, — сказал человек. — Сегодня ночью вас разыскивают многие. Я не знаю точно, сколько их. Наемные убийцы.

— Вы убили еще кого-то прошлой ночью? Кровь уже засыпана «Килзом».

— Да, — сказал человек.

— Неужели я в большей безопасности с вами, чем с теми парнями, которых вы считаете киллерами?

— Да, полагаю, это так, — чрезвычайно серьезно сказал человек и нахмурился.

— Вы больше никого не убивали за последние сорок восемь часов?

— Нет, — сказал человек, — не убивал.

— Что ж, — сказал Райделл, — думаю, с вами мне ничего не грозит. Я, разумеется, не собираюсь с вами драться.

— Это мудро, — сказал человек.

— И не думаю, что смогу идти достаточно быстро или достаточно долго с таким ребром.

— Это верно, — сказал человек.

— Ну и что же мы будем делать? — Райделл пожал плечами и в тот же момент пожалел об этом, его лицо исказила гримаса боли.

— Мы покинем мост, — сказал человек, — найдем медицинскую помощь, вы ранены. Я лично могу применить свое практическое знание анатомии, если будет необходимо.

— С-спасибо, — выдавил Райделл. — Я лучше просто куплю бинты и каких-нибудь пластырей с анальгетиками в «Счастливом драконе», этого мне, наверное, хватит. — Он поглядел по сторонам, ища парня с шарфом, который, возможно, наблюдал за ним именно сейчас. У него было чувство, что шарф особенно опасен. — А если киллеры засекут, что мы уходим?

— Не предвосхищайте результата ваших действий, — сказал человек. — Спокойно ждите развития событий. Живите сейчас.

В этот момент Райделл понял, что, несомненно, пропала его задница. Прощай, поминай, как звали.

Глава 49

Фонтейн отыскал для мальчика старую походную подушку, должно быть, оставленную его детьми, и уложил мальчика на спину; тот все похрапывал. Сняв с него тяжелый шлем, он заметил, что мальчик спит с полуоткрытыми глазами, видно, снятся ему часы, которые сменяют друг друга и отсчитывают время. Он укрывает мальчика старым спальным мешком с выцветшими медвежатами; задумавшись, ставит мисо на стойку.

Чувствовалась едва заметная вибрация, то ли шаткая конструкция его лавки, то ли остов моста, глубинные ли плиты земли слегка подрагивали — определить было нельзя, старинные крохотные вещицы регистрируют то невнятное движение. С одной из полок падает вниз головой оловянный солдатик — отчетливый звук напоминает Фонтейну, что надо бы купить воску, липкой субстанции для предотвращения подобных казусов.

Усевшись на высокий табурет за стойкой, Фонтейн подумал, что будет, если он решит проследить, что видел сегодня мальчик на своем ноутбуке. Все эти дела с камерами хранения и то, как завелся его адвокат Маршалл. Куда еще мог

залезть этот мальчик? Впрочем, вряд ли в по-настоящему опасное место, решает Фонтейн, раз он всего лишь охотится за часами. Но как он достал описи частных хранилищ? Фонтейн ставит чашку на стойку и, покопавшись, выуживает «Жаже Лекультр» из кармана, читает артиллерийские метки на задней крышке:

G6B/346
RAAF
172/53

6B — означает степень точности хода, он это знает, но 346 для него — загадка. Широкая стрелка в центре — королевский знак, ее собственность. 53 — конечно, год выпуска, но что означает 172? Сумеет ли мальчик разгадать эти цифры, если правильно задать ему вопрос? Фонтейн знает, что бесполезный бит информации вливается в общий поток. Он кладет часы на подушечку с логотипом «Ролекс» и снова берется за мисо. Глядя сквозь покрытый узором царапин стеклянный верх стойки, он замечает одну из недавних покупок, до сих пор он не рассмотрел ее как следует. Часы «Хелброз», сороковые годы двадцатого века, сделаны по дизайну военных наручных часов, но «Хелброз» — часы не «казенные». Ерунда, которую он купил у старьевщика с холмов Окленда.

Он сует руку в витрину и достает это барахло, подлинное барахло по сравнению с G6B.

Окантовка вокруг стекла сильно побита — и полировка не спасла, а люминесцентные детали на матовом циферблате приобрели серебристый оттенок. Он достает из другого кармана лупу, ввинчивает ее в глаз и переворачивает «Хелброз», внимательно разглядывая через своего «циклопа» с десятикратным увеличением. Заднюю крышку когда-то снимали, потом привинтили обратно, но не плотно. Он откручивает ее пальцами и изучает следы истории механизма, оставленные часовщиком.

Он щурится в лупу: последняя дата починки, отчеканенная внутри крышки, — август 1945 года.

Он вертит часы, рассматривает их со всех сторон. Кристалл искусственный, какой-то сорт пластика, определенно старинный и очень похоже, что оригинальный и подлинный. Потому что он видит, повернув часы к свету под определенным углом, что под действием радиации оригинальных радиевых цифр кристалл помутнел — каждая цифра, в сущности, впечатала свою рентгеновскую проекцию кристалла.

Это открытие и дата — 1945-й — заставляет Фонтейна ужаснуться. Он ставит крышку на место,

кладет часы «Хелброз» обратно под стекло, проверяет замки и засовы на двери, съедает остатки мисо и идет укладываться.

Мальчик лежит по-прежнему на спине, уже не храпит. Все тихо. Фонтейн устраивается на своей узкой постели, револьвер «смит-и-вессон», как всегда, лежит наготове.

Глава 50

«Лишние хлопоты»

Умиравший от рака отец рассказал Райделлу одну историю, якобы вычитанную им в сборнике афоризмов и занимательных рассказов.

В Англии в стародавние времена казнили одного человека. Казни там были жесточайшие — каленым железом, колесованием и прочее. Человек увидел перед собой плаху, топор палача. Он все время молчал и как бы равнодушно претерпел разнообразные муки, посмотрел на топор, на плаху, толстого палача и даже в лице не изменился.

Перед ним предстал другой заплечных дел мастер с настоящим арсеналом пыточных орудий. Человека предупредили, что сначала его будут

потрошить и только потом отрубят голову. Послышался вздох. «Лишние хлопоты», — сказал человек.

— Если я им так нужен, — сказал Райделл, ковыляя за незнакомцем, прячущим танто во внутреннем кармане, — то почему они просто не схватят меня?

— Потому что вы идете со мной.

— Что же они вас не застрелят?

— Потому что у нас, у меня и этих людей, общий хозяин. В каком-то смысле.

— Он не позволит им вас застрелить?

Они подходили к забегаловке, в которой, как помнил Райделл, Бьюэлл Кридмор пел одну старую песню. Было шумно: громкая музыка, хохот, толпа у двери, все с пивом и, не скрываясь, дымят сигаретами.

Каждый шаг отзывался болью в боку Райделла, а он вспоминал Рэи Тоэи, сидящую на его подушке. Что, интересно, значит для нее тот «термос», то есть проектор, который он тащит на своем плече? Неужели это единственный способ ее вхождения в мир и общения с людьми? Осознает ли она, что она — голограмма? (Райделл сомневался.) А может, создавшие ее программы дают ей иллюзию существования? Но если вы нереальны изначаль-

но, то как вы можете ощущать реальность?

Впрочем, сейчас его больше всего волновало, что и Лэйни, и Клаус, и Петух настаивали на исключительной важности проектора, а он, Райделл, беззаботно хромает по доброй воле рядом с этим убийцей, типом, который явно работает на охотника за ним, Райделлом, ну и за проектором тоже, а он, понимаете ли, тащится как на поводке. Овцой на бойню.

— Мне нужно зайти сюда на минутку, — сказал Райделл и остановился.

— Зачем?

— Повидаться с другом, — ответил Райделл.

— Это что, благовидный предлог улизнуть?

— Я не хочу идти с вами.

Человек бесстрастно взирал на него из-за тонких очков.

— Вы осложняете положение, — наконец сказал он.

— Ну, так убейте меня, — сказал Райделл, стиснув зубы. Он перекинул ношу с плеча на плечо и, пошатываясь, прошел в дверь мимо курильщиков, в лицо ему пахнуло теплым ядреным пивным духом и разгоряченной толпой.

Кридмор стоял на сцене рядом с Рэнди Шоутсом и волосатым басистом с бакенбардами,

они как раз заканчивали исполнение какой-то композиции. Кридмор подпрыгнул, издав заключительное «вау», музыка прогрохотала коду, и толпа взревела, топая ногами и бурно аплодируя. Райделл увидел глаза Кридмора — пустые, сверкающие — кукольные — в свете софитов.

— Эй, Бьюэлл! — закричал Райделл. — Кридмор! — он оттолкнул кого-то плечом и захромал дальше. Теперь он был всего в нескольких футах от сцены. — Кридмор!!! — сцена была маленькая и невысокая, от силы фут высотой, толпа не такая уж и плотная.

Кридмор заметил его. Спрыгнул со сцены. Его ковбойская рубашка с жемчужными пуговицами была расстегнута до пупа, впалая белая грудь лоснилась от пота. Кто-то подал ему полотенце, и он стал вытирать им лицо, показывая длинные желтые зубы с изъязвленными деснами.

— Райделл, — сказал он, — сукин ты сын. Где ты был?

— Тебя искал, Бьюэлл.

Человек с танто положил руку на плечо Райделла.

— Это неразумно, — сказал он.

— Слушай, Бьюэлл, — сказал Райделл, — возьми мне пива, ладно?

— Ты видел меня, Райделл? Мать твою, мужик, я был сыном гребаного Иисуса! Гребаным Хэнком Уильямсом[228], мать твою так! — Кридмор сиял, Райделла поразил его вид на грани безумия. Кто-то вручил Кридмору пару высоких пивных банок, уже открытых. Передав одну Райделлу, Кридмор вылил холодный солодовый напиток себе на грудь и принялся им растираться. — Черт возьми, я в отличной форме!

— Здесь нас слишком легко окружить, — сказал человек в пальто.

— А ну отпусти моего приятеля, ты, — сказал Кридмор, впервые заметив незнакомца. — Педрила, — добавил он, будто читая на его лице и с трудом подыскав ему оскорбительное определение.

— Бьюэлл, — сказал Райделл, схватив человека за руку, — познакомься с моим новым приятелем.

— Кажется, одному педриле пора подобрать подол лопатой, — отметил Кридмор, теперь уже в бешенстве сузив глаза; повод был найден.

— Отпустите мое плечо, — тихо сказал человеку Райделл. — Выглядит не очень хорошо.

---

[228] Примечания: 228
Хэнк Уильяме — американский певец в стиле кантри

Человек снял руку с его плеча.

— Мне очень жаль, — сказал Райделл, — но я собираюсь остаться здесь с Бьюэллом и примерно сотней его закадычных друзей. — Он посмотрел на жестянку в своей руке. Какая-то хрень под названием «Королевская кобра». Он сделал глоток. — Если хотите уйти, уходите. Или просто убейте меня, да и дело с концом.

— Черт тебя дери, Кридмор, — сказал Рэнди Шоутс, тяжело ступив на пол со сцены. — Гребаный наркоман. Ты напился! Напился и до сисек обдолбался «плясуном»!

Кридмор выпучил глаза на верзилу гитариста, глаза его, казалось, были сплошными зрачками.

— Господи, Рэнди, — начал было он, — ты же знаешь: мне надо было немного расслабиться…

— Расслабиться? Расслабиться?! Господи Иисусе! Ты забыл слова такого хита, как «Брось мудака и пошли со мной!». Это ж как надо обсадиться, чтоб так облажаться? Чертова публика знает слова этой песни, мужик; они даже тебе подпевали! Пытались, по крайней мере. — Шоутс для пущей ясности ткнул Кридмору в грудь свой мозолистый большой палец. — Я говорил тебе, что не работаю с обдолбанными макаками. Ты понял, алкаш? Пошел вон отсюда. Абзац.

Кридмор, казалось, пытался заглянуть внутрь своей души, будто искал там какое-то подобие достоинства, необходимого, чтобы с честью встретить этот неожиданный поворот. Видимо, нашел. Чуть выпрямился.

— А пошел ты! — сказал Кридмор. — Козел! — добавил он, когда Шоутс с отвращением отвернулся и двинулся прочь.

— Бьюэлл, — сказал Райделл, — на тебя заказан столик или что-нибудь типа того? Где бы мне присесть?

— Мэри-Элис, — ответил Кридмор, явно думая о своем, и неопределенно махнул рукой куда-то в сторону. После чего отвалил, по всей видимости — за Шоутсом.

Не обращая внимания на человека с танто, Райделл направился к бару, где обнаружил Мэри-Элис, одиноко сидящую за столиком. На нем стояла табличка из гофрированного коричневого картона, разукрашенная разноцветными фломастерами: надпись, сделанная вручную, гласила: «БЬЮЭЛЛ КРИДМОР & ЕГО БРАТЬЯ МЕНЬШИЕ», обе «О» выведены красным цветом и разрисованы смеющимися рожицами. Столик был уставлен пустыми бутылками, а у Мэри-Элис был такой вид, будто ей только что крепко стукнули пыль-

ным мешком по голове.

— Вы из отдела контрактов? — вздрогнув, спросила она у Райделла, словно очнулась от сна.

— Меня зовут Берри Райделл, — ответил он, выдвинув стул и опустив с плеча вещмешок с проектором. — Мы недавно встречались. Вы — Мэри-Элис.

— Да, — улыбнулась она, польщенная тем, что ей так любезно об этом напомнили, — я Мэри-Элис. Правда ведь, Бьюэлл чудесно выступил?

Райделл присел осторожно на стул, чтобы не потерять сознание от боли в ребре.

— Есть здесь где-нибудь розетка, Мэри-Элис? — он уже открывал вещмешок, выпрастывая проектор, разматывал сетевой кабель.

— Вы из отдела контрактов! — сказала Мэри-Элис, зачарованно наблюдая за движениями Райделла. — Я так и знала! А из какого вы лэйбла?

— Пожалуйста, воткните эту штуку туда, — Райделл показал на розетку в неровной стене рядом с Мэри-Элис и протянул ей штепсель. Она поднесла его к самому носу, в недоумении поморгала, огляделась, увидела розетку. Воткнула в нее штепсель и повернулась в Райделлу, будто озадаченная тем, что только что сделала.

Человек с ножом принес с собой стул, поставил его у столика и сел напротив Мэри-Элис. Но никто не обратил на него внимания.

— Так, теперь вы, — обратилась к нему Мэри-Элис, украдкой бросив взгляд, чтобы проверить, в порядке ли ее корсаж, — вы, видимо, глава лэйбла, не так ли?

— Голова Гэйбла?

— Я это сразу поняла, — сказала Мэри-Элис.

Райделл услышал гудение проектора.

И в тот же момент появилась Рэи Тоэи, она стала рядом с их столиком, и Райделл понял, что снова, всего на секунду, видел ее обнаженной, ее белая кожа сияла, и вот на ней уже красуется наряд, как на Мэри-Элис.

— Привет, — сказал Райделл.

— Отсосите досуха мне молокососом… — промолвила Мэри-Элис тихим от изумления голосом, уставясь на Рэи Тоэи. — Богом клянусь, я не видела, что вы тут стоите…

Человек с танто тоже смотрел на Рэи Тоэи, свечение ее голограммы отражалось в круглых линзах очков.

— Мы в ночном клубе, Берри Райделл?

— В баре, — уточнил Райделл.

— Резу нравились бары, — сказала она, с инте-

ресом разглядывая толпу. — У меня сложилось впечатление, что посетители баров только делают вид, будто разговаривают друг с другом, а на самом деле разговаривают сами с собой. Для того чтобы их высшая нервная деятельность слегка затухала в оздоровительных целях?

— Я просто балдею от вашего топа, — сказала Мэри-Элис.

— Меня зовут Рэи Тоэи.

— Мэри-Элис, — сказала Мэри-Элис, протянув ей руку. Идору сделала то же самое, ее рука прошла сквозь руку Мэри-Элис.

Мэри-Элис вздрогнула.

— Что-то я нынче вечером перебрала, — пробормотала она.

— Меня зовут Рэи Тоэи, — сказала идору человеку с танто.

— Добрый вечер.

— Я знаю, как вас зовут, — сказала она ему мягко. — Я очень многое знаю о вас. Вы удивительная личность.

Он спокойно смотрел на нее.

— Благодарю вас, — сказал он, наконец. — Мистер Райделл, как я понял, вы решили остаться здесь с друзьями?

— Ненадолго, — ответил Райделл. — Мне нужно

кое-кому позвонить.

— Воля ваша, — сказал человек. Он повернулся, чтобы видеть вход, и в это время в двери стремительно вошел человек в шарфе и разом увидел всех.

«Лишние хлопоты», — подумал Райделл.

Глава 51

Смысл жизни

Лэйни особенно любил два токийских бара. В счастливый период своей работы на «Параган-Азия Дейта-флоу» — «Нервный персик», тихое местечко «посидеть и выпить» неподалеку от станции «Симо-Китадзава», и «Смысл жизни», бар для ценителей искусства, расположенный в подвале офисного здания в Аояме. Лэйни считал «Смысл жизни» баром для ценителей искусства по той причине, что он был украшен огромными черно-белыми снимками юных барышень, фотографирующих собственные промежности старомодными «зеркалками». Барышни на картинках выглядели так скромно, что требовалось время на осознание факта, чем они, собственно, занимаются. В основном они просто стояли на

фоне людных городских пейзажей, положив свои камеры на мостовую, улыбались в объектив того, кто их фотографировал, и нажимали на дистанционный спуск. На них были надеты свитера и юбки в крупную клетку, и улыбались они невинно и старательно. Никто не объяснял Лэйни смысл фотографий, а ему самому не приходило в голову спрашивать, но он всегда был способен оценить искусство, и сейчас он снова смотрел на эти снимки — благодаря любезности Петуха, который откуда-то знал, что Лэйни нравился тот бар в Аояме, и потому решил воспроизвести его в Городе-Крепости.

Как бы то ни было, Лэйни здесь уютнее, чем в парикмахерской из несовпадающей мозаики. Можно просто смотреть на этих барышень, на спокойные монохромные изображения шерстяных одежд, плоти и прочих городских текстур, и это его расслабляет. Хотя странное ощущение — сидеть в баре, когда твое тело отсутствует.

— Скромничают, — Петух говорит о Ливии и Пако. Они сумели взломать личные средства коммуникации Коди Харвуда. — Возможно, они физически внедрили некое устройство в коммуникационный спутник фирмы «Харвуд Левин». Нечто маленькое. Очень маленькое. Но как они

смогли контролировать его? И как быстро оно смогло вызвать физические изменения в работе процессора на спутнике, чтобы его не засекли?

— Я уверен, что они нашли более красивое решение, — говорит Клаус, — но суть в том, что мне абсолютно безразлично какое. Доступ есть доступ. Способ доступа — академический вопрос. Важен сам факт, что мы взломали его «горячую линию». Его «красный телефон».

— Да, и у вас есть склонность, так сказать, похвастаться, — говорит Лэйни. — Итак, мы знаем, что Харвуд впрыснул себе 5-SB, но мы не знаем, зачем, как он использует узловое восприятие. Кажется, вы убеждены, что это как-то связано с «Счастливым драконом» и поспешным запуском «Нанофакса».

— А вы — нет? — спрашивает Клаус. — «Нанофаксы» устанавливаются в «Счастливых драконах» во всем мире. Прямо сейчас. В буквальном смысле слова. Большинство из них установлено и находится в полной готовности.

— То есть скоро первый тайваньский игрушечный медведь будет послан по факсу из

Де-Мойна[229] в Сиэтл[230]? Что он надеется с этого получить?! — Лэйни устремляет взгляд на барышню с фото, которая ему особенно нравится, представляя, как ее палец нажимает на поршень дистанционного спуска в виде шприца для подкожных инъекций.

— Я думаю, он надеется получить сеть, — отзывается Петух. — Сама функция, пусть она служит всего лишь предлогом, на самом деле здесь ни при чем. На этом уровне всякая функция — только предлог. Нечто временное. Он мечтает создать сеть. А потом решит, как ее использовать.

— Но остается главный вопрос: зачем ему все это нужно?! — не унимается Лэйни.

— Затем, что он живет между молотом и наковальней, — откликается Клаус. — Возможно, он самый богатый человек в мире и всегда опережает события. Он агент перемен и инвестировал гигантские деньги в статус-кво. Он олицетворяет парадоксальные уравнения. Слишком продвинутый, чтобы жить, слишком богатый, чтобы

---

[229] Примечания: 229

Де-Мойн — в наши дни — столица штата Айова на Среднем Западе США

[230] Примечания: 230

Сиэтл — в наши дни — крупнейший город и порт штата Вашингтон и главный торговый центр на Северо-Западе США

умереть. Понимаете?

— Нет, — отвечает Лэйни.

— Мы думаем, что, по сути, он такой же, как мы, — говорит Клаус. — Он хочет взломать реальность, но он — игрок глобального казино и, вне зависимости от результата игры, рискует всем человечеством, чего бы это ему ни стоило.

— Это вызывает восхищение, не так ли? — голос Петуха доносится из глубины замершего бэконовского крика.

Лэйни не может с ним согласиться.

Ему интересно, включает ли в себя скопированный Петухом «Смысл жизни» крохотный, на шесть персон, бар этажом ниже, — он слабо освещен, там сидишь под огромными фотографиями, сделанными самими барышнями: очень увеличенные треугольники белых женских трусиков, блестящих от желатиновой эмульсии.

— Я могу взглянуть на Харвуда через ваш «жучок»?

— Да, пока он не вычислил вас.

Глава 52

«Мой дружок вернулся»

Когда Шеветта жила на мосту, у нее был парень по имени Лоуэлл, который принимал «плясун».

У Лоуэлла был друг по прозвищу Коудс[231], которого звали так потому, что он запутывал коды сотовых телефонов и ноутбуков, и Святой Витт напомнил Шеветте этого Коудса. Коудсу она тоже не нравилась.

Шеветта терпеть не могла «плясун». Она терпеть не могла водиться с теми, кто им накачивался, потому что он делал их эгоистичными, самодовольными и при этом нервными, подозрительными, склонными к бредовым фантазиям: будто каждый хочет их «кинуть», что им врут и сговариваются за их спиной. И ей было особенно противно смотреть, как кто-нибудь принимает эту дрянь, втирает ее себе в десны — чистый ужас, от этого просто тошнило. Первым делом у них отекали губы, изо рта тянулась слюна, а они считали, что это прикольно. Больше всего она ненавидела «плясун» за то, что когда-то сама принимала его и даже сейчас, несмотря на то, что имела причины для ненависти, видя, как Святой

---

[231] Примечания: 231
Коудс — по-английски, буквально, «коды»

Витт энергично массирует десны солидной дозой, боролась с желанием выпросить у него кусочек.

Вот что имеют в виду, думала она, когда говорят, что эта штука коварна. Ведь ей попала лишь крупинка с поцелуем этого певца кантри, засунувшего ей в рот язык (ей пришло в голову, что если бы это был единственный способ его принимать, она бы никогда и не пробовала), и теперь подлые молекулы наркоты стучали ей по мозгам, хныча «хочу-хочу». А ведь она даже никогда не «сидела» на «плясуне» — с том смысле, в каком это понимали уличные торчки.

Как-то Карсон продюсировал для съемки «Реальности» историю стимуляторов, так что Шеветта знала, что «плясун» намного опаснее чистого крэка-кокаина. «Плясун» был менее беспощадным — в смысле полного улета, но она все равно лишь чудом сумела не вляпаться, зависая с Лоуэллом. Лоуэлл любил объяснять — детально и очень долго, — как режим приема «плясуна» поможет ему оптимизировать свое функционирование в мире и не приведет к такой отвратительной штуке, как привыкание. Типа надо просто-напросто знать, как это делать, и когда это делать, и, самое важное, зачем это делать. Мощные вещества вроде этого, доказывал Лоуэлл,

существуют вовсе не для того, чтобы подрочить и расслабиться, когда приспичит. «Плясун» создан затем, чтобы ты мог делать дела. Он дает тебе энергию, говорил он, чтобы ты делал дела и, что круче всего, был способен заканчивать их.

Все было правильно, только Лоуэлл под «плясуном» в основном хотел заниматься сексом, но из-за того же «плясуна» не мог кончить. Что, с точки зрения Шеветты, было и неплохо, потому что в противном случае он обычно кончал очень быстро. В сюжете «Реальности» говорилось, что «плясун» позволяет мужчинам испытывать что-то вроде женского оргазма, вроде продолжительного крещендо.

«Плясун» был убийственной дрянью, валившей с ног и в прямом смысле в одну постель. Незнакомые люди, вместе приняв «плясун», — если был хоть намек на взаимную симпатию, были склонны решать, что это, в принципе, замечательная идея, которую нужно немедленно воплотить, но только при условии, что обе стороны согласны были заниматься этим в буквальном смысле чуть ли не до смерти.

И они действительно умирали: сердца прекращали биться, легкие — дышать, выгорали жизненно важные участки мозга. Люди убивали

друг друга, обезумев от дряни, а потом убивали уже хладнокровно, чтобы достать еще.

Это было зловещее вещество.

— У тебя еще хоть немного осталось? — спросила Шеветта Святого Витта, который вытирал слюнявые уголки рта какой-то ветошкой в коричневых пятнах ссохшейся крови.

Вид Святого Витта в узких очках был устрашающим.

— Шутишь, что ли? — сказал он ей.

— Да, — сказала Шеветта, отпихнув табуретку, — шучу. — Должно быть уже ночь.

И как она только подумала об этом? Она чувствовала хриплое дыхание парня в звуковой кабинке.

— Снято, — сказала Тесса, стягивая очки. — Народ расходится. Шеветта, помоги собрать камеры.

Святой Витт ухмыльнулся. От удовольствия, что не только он должен тут вкалывать, подумала Шеветта.

— Выходит, Карсона ты не видела? — спросила Шеветта, прильнув к окошку. Редеющую толпу, увиденную сверху, можно было описать чем-то вроде логарифмической функции, беспорядочной и рассеивающейся.

— Карсона?

Прямо перед сценой она увидела Бьюэлла Кридмора, беседующего с высоким парнем в черной куртке, он стоял спиной к будке. Потом верзила гитарист в помятой ковбойской шляпе спрыгнул со сцены и задал Кридмору взбучку. Тот пытался возражать, заткнулся, потом еще раз огрызнулся. Гитарист отвернулся и пошел прочь. Шеветта смотрела, как Кридмор что-то опять говорит тому высокому, махнув рукой в сторону будки, парень повернулся и пошел к будке — лица его было не видно из-за провисшего черного кабеля.

— Он недавно здесь был, — сказала Шеветта. — Вот почему я целовалась с тем дураком и еле ноги унесла. Ты не удивилась?

Тесса уставилась на нее.

— Откровенно говоря, да. Но я подумала, что, возможно, просто узнала о тебе что-то новое. — Она рассмеялась. — Уверена, что это был именно он?

— Это был он, Тесса.

— Откуда он знает, что мы здесь, на мосту?

— А может, ему в кондоминиуме сказали? Ты там много трепалась о своей «документалке».

— Может быть, — сказал Тесса, теряя интерес. — Помоги-ка мне лучше поймать платформы,

ладно? — она протянула Шеветте четыре нейлоновых поводка, на концах которых имелись петли и металлическая прищепка.

— Слушай, — сказала Шеветта, — я не хочу до утра торчать в «Когнитивных диссидентах». Тебе, наверное, тоже не хочется. Я сейчас видела, как этот твой новый приятель втер себе в десны столько «плясуна», что запросто оседлает мула.

— Шеветта, — сказала Тесса, — мы забрались на мост, чтобы свидетельствовать, помнишь? Мы теперь маргиналы.

Святой Витт противно хихикнул.

— Тесса, пойдем спать, пожалуйста. Где твой фургон?

— Там, где мы его припарковали.

— А как ты доставила сюда свои воздушные шарики?

— Элмор, — сказала Тесса, — у него есть одна из этих кепочек, и вездеход в придачу.

— Постарайся его отыскать, — сказала Шеветта, спускаясь по лесенке. — Будет неплохо, если он нас подбросит.

Шеветта на самом деле не знала, какие силы способны заставить Тессу забыть о «Когнитивных диссидентах». В худшем случае ей все же придется туда пойти, хотя бы для того, чтобы Тесса не

пострадала. «Диссиденты» и так были суровым испытанием, а уж если ты головой зароешься в видеошлем…

Она спустилась по лесенке и вышла на середину зала, куда под управлением Тессы уже спускалась «Маленькая Игрушка Бога». Она дотянулась до нее, пристегнула поводок и повернулась, чтобы махнуть Тессе, сидящей в звуковой будке, мол, можно спускать остальные камеры.

И еще не осознав, что происходит, она поняла, что смотрит — бесконечно долгие секунды, как во сне, — в глаза Карсона, и тут он ударил ее.

Изо всех сил, прямо в лицо, точно так же, как тогда, в первый раз, и она снова увидела разноцветные искры, как обратный кадр, увидела, как навзничь падает на большую кушетку в его мансарде, кровь течет из носа, и ей не верится, что это сделал он.

Вот только сейчас она отлетела и врезалась в парочку припозднившихся зрителей, которые поймали ее, воскликнув «Хей, оп!» — и Карсон снова настиг ее, крепко захватив пятерней Скиннерову куртку…

— Эй, приятель, — сказал один из мужиков, поймавших ее, и выставил вперед руку с растопыренными пальцами, словно пытаясь блокировать

второй удар, который Карсон собрался ей нанести с таким же спокойным и серьезным лицом, какое она видела у него в монтажной канала «Реальность». И, посмотрев в глаза Карсона, она не увидела в них ничего похожего на гнев или ненависть — только абстрактную и даже в чем-то техническую необходимость удара.

Карсон попробовал ударить ее снова: удар пришелся по руке добровольного защитника, тот заорал. Это дало Шеветте возможность вырваться из его рук.

Она прошла шага два и потрясла головой — в голове сильно шумело. С глазами тоже было не в порядке.

Карсон снова двинулся на нее, не изменившись в лице, и в это мгновение она поняла, что на самом деле не знает, ни кто он такой, ни что с ним происходит.

— До тебя в тот раз просто не дошло, не так ли? — сказал он, а может, ей только почудилось, что он это сказал; она чувствовала, как из распухшего глаза по щеке текут слезы, и слышала звон в голове.

Она отступила на шаг. Он придвинулся.

— До тебя в тот раз не дошло.

Вдруг чья-то рука опустилась ему на плечо и

развернула его. Вслед за этим Карсон мгновенно был сбит с ног. Шеветта не успела опомниться.

Это был Райделл.

Не может быть.

И все-таки это был он.

Райделл в своей нейлоновой куртке охранника, с изумлением глядящий на нее.

Наверное, я сплю, подумала Шеветта, без сомнения это был сон, и она почувствовала невероятное облегчение, потому что жизнь обретет смысл, когда она проснется.

Карсон там временем заворочался на полу, поднялся на колени, отряхнулся, смахнув пепел от сигареты с рукава куртки, и замахнулся было, чтобы врезать Райделлу в живот; Райделл попробовал увернулся, но кулак Карсона прошелся ему по ребрам, а не в солнечное сплетение.

Райделл, испустив вопль от острой невыносимой боли, согнулся пополам.

…И именно тогда парень в черной спортивной кожаной куртке, какие носят гонщики, постриженный военным «ежиком», в черном шарфе, завязанном высоко на шее, парень, которого Шеветта до этого ни разу не видела, возник перед Карсоном.

— Ошибочка, — послышалось ей, сказал этот

парень. Он что-то извлек из кармана, проговорив:

— На тебя не рассчитывали.

И выстрелил в Карсона, прямо в упор, не целясь.

Звук был негромким, совсем негромким, больше похожим на выстрел большого пневматического гвоздомета, в сопровождении желто-синей вспышки, и Шеветта впоследствии никак не могла с уверенность сказать, что видела это, хотя и знала, что видела: Карсона отбросили в сторону целые тысячи футов энергии, жаждавших успокоиться в его теле.

Картина эта не закрепилась в памяти, она смазалась, о чем Шеветта не сожалела.

А еще она была благодарна, хотя совсем по другим причинам, Тессе, которая из звуковой будки под потолком вырубила свет.

Глава 53

«Знаешь, я не могу тебе позволить выскользнуть из моих объятий»

Райделл понял, что это за хлопок: инфразвуковая пуля, через глушитель, который тормозит

ее, выпуская излишки расширяющихся газов вспыхнувшего заряда, но начальная скорость все равно остается достаточной, и сила удара в точке попадания…

Он понял это, несмотря на острую боль в боку, будто ему засунули раскаленное железо между ребер; понял, несмотря на шок (он в буквальном смысле слова был в шоке, даже в нескольких смыслах) от встречи с Шеветтой (этим новым вариантом Шеветты, с совсем другой стрижкой — примерно такой он всегда представлял ее). Он понял это в темноте, наступившей после смерти (вне всяких сомнений) этого мужика — кем бы он ни был, — который пришел за Шеветтиной душой, которого он свалил с ног и который встал и, судя по всему, вогнал часть его сломанного ребра в диафрагму. Райделл узнал этот звук, и он зацепил его — по той весьма специфической причине, что звук этот значил: «шарф» — тренированный профессионал, не какой-нибудь ресторанный espontaneo[232].

В первые мгновения темноты Райделл понял, что у него есть шанс: если «шарф» действительно был профи, то шанс имелся. Пьяница, псих, лю-

---

[232] Примечания: 232
Espontaneo — драчун (исп.)

бой обычный бандюга в кромешной тьме бара стал бы палить наугад. Профи всегда постарается свести на нет случайность.

Случайный фактор был довольно высок: шум все еще не разошедшейся толпы, крик Шеветты. Толпа визжала, напирала и билась, чтобы протиснуться в двери. Райделл понял, что дело плохо и чревато последствиями; одно время он подрабатывал охранником на концертах и видел, как трупы счищают с барьеров.

Он старался стоять потверже, уговаривая боль немного уняться, и стал ждать следующей атаки «шарфа».

Куда делась Рэи Тоэи? Она должна была высветиться во тьме, как сияющая вывеска кинотеатра.

Но она появилась, светящимся столбиком взмыв из-за плеча Райделла и ринувшись туда, где стоял «шарф», — больше похожая на комету, чем на фею, и угрожающе светясь. Она дважды стремительно обогнула голову «шарфа», и Райделл увидел, как тот отбивается от нее пистолетом. Словно шар серебристого света, она двигалась так быстро, что в глазах Райделла рябило. «Шарф» пригнулся, когда она влетела ему прямо в глаза; он завертелся на месте и ринулся

влево. Райделл завороженно смотрел, как шар, слегка разгоревшись, со свистом несется по периметру бара, будто холодная бледная шаровая молния; люди стонали, ахали и визжали, когда она пролетала над ними. Над свалкой у самых дверей, там несколько человек уже валялись без сознания; а Шеветты не было видно.

Рэи-сфера нырнула вниз, на середину бара, и Райделл увидел Шеветту, на четвереньках ползущую к двери. Он бросился к ней, хромая, его ребро, казалось, вот-вот лопнет от боли, нагнулся, схватил ее и рывком поставил на ноги. Она вырывалась.

— Это я, — нереальность происходящего его потрясала — он снова встретил ее здесь, на мосту, при таких обстоятельствах, — это я, Райделл.

— Какого хрена ты здесь делаешь, Райделл?

— Убираюсь вон.

Еще одна яркая вспышка и «фьють!» гвоздомета совпали во времени. Райделлу показалось, что пуля свистнула рядом с его головой на долю секунды раньше. Мгновенным ответом на выстрел были тугие сгустки света, один за другим застрочившие за его спиной. Из проектора, догадался он, и, видимо, прямо в глаза «шарфу».

Райделл схватил Шеветту за руку и потащил за

собой по полу; выделившийся адреналин заглушил боль в боку. Яркий поток света из проектора осветил часть стенки справа от двери. Райделл взмолился, чтобы стенка оказалась фанерной и не слишком твердой, выхватил из кармана кнопарь, нажал кнопку и, размахнувшись, вогнал лезвие в стенку прямо перед собой. Нож ушел вглубь по самую рукоятку, он рванул его вправо и вниз, слыша странный тихий звук рассекаемых древесных волокон. Он разрезал стенку на несколько футов вниз, повернул нож влево и успел прорезать почти до исходной точки, когда раздался стеклянный «тинк!» лопнувшей керамики.

— Ударь сюда, — сказал он, стукнув по центру незаконченной дырки обломком лезвия. — Упрись в меня спиной и пинай!

И Шеветта пнула. Она умела пинаться, как мул. Со второй попытки стенка подалась, он подтолкнул Шеветту вверх и наружу, стараясь не кричать от боли. Он так и не понял, как ему удалось превозмочь боль, но он это сделал, ожидая, что в любую секунду в него угодит одна из чертовых инфразвуковых пуль.

Снаружи у двери несколько человек лежали в отключке, другие, встав на колени, пытались

им помочь.

— Сюда! — крикнул он, захромав по пандусу в сторону «Счастливого дракона». Но Шеветты рядом не было. Он развернулся и увидел, что она направилась в противоположную сторону.

— Шеветта!

Он пустился за ней, но она и не думала останавливаться.

— Шеветта!

Она обернулась. Ее правый глаз заплыл синяком и слезился; левый был невидящим и сумасшедшим. Словно она видела, Райделла, но не понимала, кто он.

— Райделл?

И хотя он все это время думал о ней, вспоминал, увидеть ее сейчас лицом к лицу было чем-то совсем иным: он узнавал ее прямой носик, линию подбородка и губы.

— Все нормально, — сказал он, у него не было больше слов.

— Это не сон?

— Нет, — сказал он.

— Они застрелили Карсона. Кто-то убил его. Я видела, как кто-то выстрелил в него.

— Да кто он такой? Почему он ударил тебя?

— Он был… — она запнулась, прикусив ниж-

нюю губу. — Просто парнем, с которым я недавно жила. В Эл-Эй.

— Ага, — сказал Райделл; он понял пока одно: «шарф» только что застрелил парня Шеветты.

— В смысле, я с ним больше не живу. Теперь уже нет. Он преследовал меня, но, Господи, Райделл, почему этот тип… вот так вот просто пристрелил его?!

Потому что он преследовал меня, подумал Райделл. Потому что он хотел запугать меня и думал, что я тут же сдамся. Но Райделл не стал ей этого говорить. Вместо этого он сказал:

— Тот тип с пистолетом будет искать меня. И не только он. Это значит, что тебе не нужно быть рядом со мной, когда он меня отыщет.

— Зачем ты ему?

— Затем, что у меня есть одна вещь… — но этой вещи у него не было; он оставил проектор в баре.

— Ты что, меня там искал, что ли?

Я искал тебя с тех самых пор, как ты вышла за дверь. Я каждый день прочесывал дебри этой неспящей Вселенной со слабой надеждой найти тебя. И каждый день я находил пустоту, и ни разу, никогда — тебя. В памяти его раздался звук, с которым камешки плюхались в полимерную стену за «Счастливым драконом» на Сансет-стрип.

Мимо, мимо…

— Нет, — сказал он. — Я здесь просто работаю. Частное расследование для человека по фамилии Лэйни.

Она не поверила ему.

— Карсон загнал меня сюда, на мост. Я не хотела быть с ним. А теперь вот — ты. Что происходит?

Лэйни говорит, что это конец света.

— Я просто здесь, Шеветта. И ты — просто здесь. А теперь мне нужно идти…

— Куда?

— Обратно в бар. Я забыл там одну штуковину. Это важно.

— Не ходи туда!

— Я должен.

— Райделл, — сказала она, ее стало трясти, — ты… ты… — и она посмотрела на свои руки, ладони которых были в чем-то темном. И он увидел, что это кровь, и понял, что это кровь ее парня. Она зарыдала и начала тереть ладони о джинсы, чтобы избавиться от нее.

— Мистер Райделл?

Это был человек с танто, бережно державший, будто младенца, на сгибе локтя райделловский вещмешок.

— Мистер Райделл, я полагаю, что с вашей сто-

роны будет неблагоразумно пытаться покинуть мост. Оцепление почти наверняка уже выставили, и они скорее застрелят вас, чем дадут вам уйти. — Мертвенно-бледный свет флуоресцентных ламп, свисавших сверху рядами, мерцал в его круглых линзах; на Райделла смотрел сухопарый, собранный человек, глаза его ничего не выражали. — Вы вместе с этой юной дамой?

— Да, — сказал Райделл.

— Мы должны двигаться в сторону Окленда, — сказал человек, вручая Райделлу вещмешок, солидную тяжесть проектора. Райделл надеялся, что человек захватил с собой и сетевой кабель. — В противном случае они обгонят нас и отрежут нам отступление.

Райделл повернулся к Шеветте:

— Может, они не видели, что мы вместе. Ты спокойно можешь уйти.

— Я бы не советовал, — сказал человек. — Я видел вас вместе. Они, скорее всего, тоже.

Шеветта смотрела на Райделла снизу вверх.

— Каждый раз, когда ты появляешься в моей жизни, Райделл, я попадаю… — она скорчила рожу.

— …в дерьмо, — закончил за нее Райделл.

Глава 54

Отнюдь не всему суждено случиться

Наручный будильник «Гансмит Кэтс», приклеенный скотчем к стенке коробки Лэйни, уносит его домой из Города-Крепости. Будильник жужжит, объявляя о неизбежном приходе Костюма. У Костюма нет своих наручных часов, но он безжалостно пунктуален, его регулярные прогулки проверяются по часам подземки, которые, в свою очередь, подводятся по радио автоматическими часами в Нагое.

Лэйни чувствует вкус крови. Он уже давненько не чистил зубы, они ему кажутся чужими и неровными. Он сплевывает в бутылку, для этого предназначенную, и пытается оценить свои силы для посещения туалета, ему важно следить за собой. Чувствует щетину, отросшую на щеках, и вычисляет усилие, необходимое для ее устранения. Он мог бы потребовать, чтобы Костюм раздобыл одноразовую электробритву, но на самом деле предпочел бы станок. Он один из мужчин, никогда не отращивающих бороду, даже случайно. (И теперь внутренний голос, который

он, в лучшем случае, игнорирует, намекает ему: бороды уже не отрастить.)

Он слышит, как старик в соседней коробке что-то говорит по-японски, и понимает, что Костюм уже прибыл. Он задумывается, какой трансформер старик собирает в данный момент, и тут же видит внутренним взором — с галлюцинаторной четкостью, — как последние мазки краски ложатся на трансформер — копию Колина Лэйни.

Этот Лэйни изготовлен из пластиковых деталей, производимых ограниченными партиями только для самых серьезных коллекционеров — отаку[233] сборки пластиковых моделей, и потому отлит из полистирола тошнотворного розовато-лилового цвета. Пластик, используемый в конструкторах-самовалах, имеет, как правило, отвратительные оттенки, так как производители знают, что собранные из деталей модели будут затем окрашиваться.

Модель Лэйни, которую расписывает старик, — это молодой Лэйни, Лэйни лос-анджелесских времен, когда он работал «количественным аналитиком» на «Слитскан», таблоидном телешоу беспрецедентной порочности; этот Лэйни носит

---

[233] Примечания: 233
Отаку — фанатик (яп.)

одежду от паданского дизайнера и щеголяет очень дорогими солнцезащитными очками, оправу которых — прямо сейчас! — серебром прорисовывает самая тонкая соболиная кисточка старика, кисточка едва ли толще волоса.

Сон прерывается появлением Костюма, его прическа похожа на отлитый из пластика помпадур[234], будто на старинном манекене. Лэйни, скорее, чувствует, нежели видит, с какой аккуратностью Костюм в последний раз починил черную оправу своих очков, и когда он вползает внутрь под пологом дынно-желтого одеяла, от костюма Костюма несет плесенью. Странно, что запах теплого тела создает ощущение холода, но Костюм пахнет именно так.

Костюм несет Лэйни новую порцию сиропа от кашля, новую порцию «Восстановителя», несколько больших шоколадных батончиков с сукразитом[235] и кофеином и двухлитровую бутылку обычной колы. Выкрашенная манишка Костюма слабо мерцает, будто цифры наручных часов у водолаза в глубине неосвещенного колодца, а может, жертвенного кенотафа. Лэйни

---

[234] Примечания: 234
Помпадур — высокая мужская прическа с начесом

[235] Примечания: 235
Сукразит — заменитель сахара

на мгновение подхватывается потоком смутных обрывистых воспоминаний об отпуске на Юкатане.

Что-то случилось, думает Лэйни; что-то случилось с моими глазами, потому что теперь рубашка Костюма сияет светом тысячи солнц, а все остальное черным-черно, как старые негативы. Но он находит в себе силы отдать Костюму два новых дебитных чипа, которые невозможно выследить, и даже кивает в ответ на приличный наемному работнику поспешный короткий поклон среди спальных мешков и конфетных оберток. Костюм уходит в своей светящейся рубашке; вне всяких сомнений, это был артефакт того непонятного процесса, который Лэйни должен изучить.

Лэйни высасывает половину бутылочки сиропа, жует и проглатывает кусочек шоколадного батончика и запивает все это большим глотком теплой колы.

Он закрывает глаза, и, еще до того, как надевает шлем, ему кажется, что его поглощает поток данных.

Он моментально ощущает присутствие Ливии и Пако, показывающих ему направление. Они не тратят время на разговоры и представление, но он узнает их по особому почерку, стилю навига-

ции. Он позволяет им унести себя туда, куда им угодно, и, конечно же, не жалеет об этом.

Ромб раскрывается перед ним.

Он видит сверху очень большую комнату, полагает, что это офис Харвуда в Сан-Франциско, видит Харвуда, сидящего за широким, темного дерева столом, уставленным архитектурными моделями и стопками распечаток. Харвуд держит в руке телефон.

— Да, это абсурдный запуск, — говорит Харвуд, — но, с другой стороны, это дурацкий вид услуг. Система будет работать, потому что она не нужна, понимаете? Она слишком дурацкая, чтобы не сработать.

Лэйни не слышит ответа и делает вывод, что Ливия и Пако взломали камеру слежения в офисе Харвуда. Аудиосигнал — звук реального окружения, а не отводка от телефонной линии.

Харвуд закатывает глаза.

— Люди очарованы бессмысленностью услуги. Вот что их привлекает. Да, это безумно, но это весело. Вы хотите послать игрушку своему племяннику в Хьюстон, а сами в Париже: покупаете, несете в «Счастливый дракон», и игрушка копируется с точностью до молекулы в хьюстоновском «Драконе»… Что? Что происходит с

игрушкой, купленной вами в Париже? Оставьте ее себе. Отдайте кому хотите. Разорвите на части, вы, занудная, примитивная сука. Что? Что вы, нет. Нет, Норико, мне очень жаль, но это, должно быть, выходки вашей программы-переводчика. Как вы только могли подумать, что я способен на такое? — Харвуд смотрит перед собой с выражением непередаваемой скуки. — Конечно, я хочу дать интервью. Да это же эксклюзив, в конце концов! Я сразу подумал о вас. — Харвуд улыбается, успокаивая журналистку, но улыбка исчезает в тот же миг, когда она задает свой следующий вопрос.

— Люди боятся нанотехнологии, Норико. Мы знаем об этом. Даже в Токио семнадцать целых восемь десятых процента вашего удивительно технофетишистского населения по сей день отказываются принять нанотехнологическую нишу. Здесь, на побережье, ярким примером является Малибу, где произошла очень серьезная биотехнологическая катастрофа, — впрочем, никак не связанная с нанотехнологией. Вода там сейчас очищается комплексом трех видов специальных водорослей, но местные жители почему-то убеждены, что пляжи кишат невидимыми наноботами, готовыми активно внедриться в

вашу сморщенную норку. Что? Неприязненная кошка? Нет. Что-то случилось с вашим программным обеспечением, Норико. И я надеюсь, что вы просто стенографируете, потому что мы договаривались об интервью без записи. Если хоть одно мое слово вообще появится в записанной форме, больше вам интервью не видать. Что? Прекрасно. Рад, что вы понимаете. — Харвуд беззвучно зевает. — Последний вопрос, пожалуйста.

Харвуд слушает, поджав губы.

— Потому что «Счастливый дракон» создан в целях удобства. «Счастливый дракон» существует для того, чтобы люди имели возможность купить те вещи, которые им на самом деле нужны, и тогда, когда они им нужны, — двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. В то же время «Счастливый дракон» существует для развлечений. Люди с удовольствием будут пользоваться этими устройствами. Мы провели достаточно много исследований и поэтому знаем, что на самом деле не знаем, какое именно применение этой технологии найдут покупатели «Счастливого дракона», но это тоже весело.

Харвуд исследовал закоулки своей левой ноздри ногтем мизинца, но, по всей видимости, не нашел там ничего интересного.

— Поцелуй мой член, — сказал он. — Что-о? «Поцелуй — моя составная часть»? Я так не думаю, Норико, но на вашем месте я бы проверил эту вашу программу. Да. Всего наилучшего.

Харвуд кладет телефонную трубку, взгляд его сосредоточен. Телефон звонит. Он берет трубку, слушает. Хмурится.

— Почему это не удивляет меня? Почему это совсем не удивляет меня? — Лэйни кажется, что Харвуд готов рассмеяться. — Ну что же, вы можете попытаться. Несомненно, можете. Пожалуйста, попытайтесь. Но если у вас не получится, тогда он убьет вас. Всех. До единого. Но я не должен из-за этого волноваться, не так ли? Потому что у меня есть ваш буклет, и это действительно чудесный буклет — женевская типография, роскошное оформление, полноцветная печать, огромный тираж — это издание убеждает меня, что я нанял лучших, самых лучших. Я убежден, что самые лучшие — вы. Мы провели сравнительный анализ рынка. Но я знаю также, что он — это он. И да поможет вам Бог.

Харвуд дал отбой.

Лэйни чувствует, что Ливия и Пако дергают его, торопят куда-то в другое место.

Он хочет остаться с Харвудом: расположиться

бы друг против друга за этим столом и поделиться своим восприятием. Он был бы счастлив, к примеру, услышать, как Харвуд интерпретирует узловую точку тысяча девятьсот одиннадцатого года. Он хотел бы обсудить с Харвудом запуск «драконовских» нанофаксов. Он представляет, как отправляет (хотя этот термин здесь не годится) копию Лэйни, собранного из деталей, — вот только куда, да и кому?

Ливия и Пако тянут его туда, где это разрастается, и Лэйни видит, что оно изменилось. Ему интересно, давно ли Харвуд не рассматривал образ нового мира, — если, конечно, какой-то мир действительно может быть назван новым. Он спрашивает себя, будет ли у него шанс пообщаться с Харвудом? Он сомневается в этом.

Отнюдь не всему суждено случиться, напоминает он себе.

Но этому — суждено, откликается тихий спокойный голосок смерти.

Поцелуй мой член, отвечает ей Лэйни.

Глава 55

Талантливая молодёжь

Позднее Фонтейн вспоминал, что, когда он проснулся, услышав за дверью какую-то возню, подумал не о своем «смит-и-вессоне», а о русском чейн-гане[236], спрятанном под слой штукатурки в марле, пропитанной гипсом добрых четыре месяца назад, — с глаз долой.

И удивлялся, почему, интересно, он сразу подумал об этой на редкость уродливой штуке, когда до его сознания дошло, что кто-то требовательно стучит в застекленную дверь.

— Фонтейн! — театральный шепот.

— Боже правый, — сказал Фонтейн, спустив ноги на пол. Он протер глаза и покосился на светящиеся стрелки бездушного черного кварцевого японского будильника, вроде как подарка Клариссы, которая любила подчеркивать, что Фонтейн частенько опаздывает, особенно платить алименты, хотя и владеет таким количеством старых часов.

Он и часа не спал.

---

[236] Примечания: 236

Чейн-ган — chain — цепь (англ.); в обычных вооружениях и компьютерных играх — многоствольный пулемет, обладающий исключительной разрушительной силой, в котором, однако, быстро заканчиваются боеприпасы

— Фонтейн! — шепот женский, да, но не Клариссы.

Фонтейн натянул штаны, ноги ощутили неприятный холодок расхлябанных ботинок и взял свой «кит ган».

— Я буду говорить, что действовал в целях самозащиты, — сказал он себе, поглядев, что его загадочный мальчишка спит, беспечно развалившись на походной подушке и громко посапывая во сне.

Шаркая ботинками, он подошел к двери и увидел лицо скиннеровской девчонки. Под глазом у нее был здоровенный фингал, одежда грязная, и сама она очень испугана.

— Это я, Шеветта! — скребет по стеклу.

— Дорогая, не надо бить мои чертовы окна. — Фонтейн держал пушку за спиной, чтобы не вызвать ее подозрения, — как обычно он говорил через дверь, — тут он заметил, что девчонка была не одна; за нею стояли двое белых мужчин — один здоровенный русоволосый, похожий на копа, другой же напомнил ему профессора музыки, с которым он был знаком в Кливленде с полвека назад. Вид профессора вызвал у Фонтейна мурашки, хотя он не мог понять почему. Уж больно спокойный вид.

— Шеветта, — сказал Фонтейн, — я сплю.

— Нам нужна помощь.

— Кому это «нам»?

— Это вот Райделл, — сказала она. — Помнишь его?

Фонтейн вспомнил, хотя и смутно: парень, с которым она свалила в Лос-Анджелес.

— Райделл — и?..

Она хотела было ответить, замешкалась, растерянно оглянулась.

— Друг, — не очень убедительно сказал верзила, названный Райделлом. Он прижимал к себе дешевенький мешок на шнуровке, в котором, казалось, лежит большой термос, а может, и портативная рисоварка. (Фонтейн надеялся, что все это не окажется очередной сценой, когда его по ошибке принимали за владельца ломбарда.)

— Впусти нас, Фонтейн. У нас неприятности.

«Сейчас вы, наверное, сами ходячие неприятности, — подумал Фонтейн, — а иначе почему у тебя такой страшный фингал?» Он начал отпирать дверь, обратив внимание на то, что Шеветта вертит по сторонам головой, будто опасаясь нежелательных попутчиков. Этот похожий на копа Райделл тоже оглядывался. Профессор же пристально смотрел на него, на Фонтейна, и Фон-

тейн был рад, что держит в кармане «кит ган».

— Запирай дверь, — сказала Шеветта, войдя, наконец, в сопровождении Райделла и профессора.

— Не уверен, что хочу ее запирать, — заметил Фонтейн. — Может, я захочу вам на нее показать.

— Показать на дверь мне?

— Вам. Это слово во множественном числе. Показать вам на дверь. Следите за ходом мысли? Я спал.

— Фонтейн, на мосту полно людей с пушками!

— Конечно, полно, — ответил Фонтейн, трогая пальцем насечки на маленьком самовзводном бойке.

Профессор молча затворил дверь.

— Эй! — протестуя, воскликнул Фонтейн.

— Отсюда есть другой выход? — спросил профессор, глядел на засовы.

— Нет, — сказал Фонтейн.

Профессор осмотрелся, стена, возле которой спал мальчик, навела его на мысль.

— За той стеной — обрыв?

— Верно, — сказал Фонтейн, чувствуя странную обиду от того, что этот человек с такой легкостью получил у него информацию.

— А над вами никто не живет? — человек глянул вверх, на крашеный фанерный потолок

лавки.

— Честно говоря, не знаю, — признался Фонтейн. — Если кто и живет, то очень уж тихо. Никогда их не слышал.

У этого копа Райделла, кажется, были проблемы. Он кое-как дотащился до застекленной витрины и со стуком поставил на нее вещмешок.

— Эй, слушай, ты же не хочешь сломать мне витрину?

Райделл обернулся, держась рукой за бок:

— Есть пластырь, широкий?

У Фонтейна, конечно, была аптечка для оказания первой помощи, но в ней не было ничего полезного. Там была парочка марлевых повязок производства аж 1978 года и хитроумная глазная повязка, с инструкцией вроде на финском.

— У меня есть электролента, — ответил Фонтейн.

— Что это?

— Эластичная лента. Серебристая, знаешь? Хорошо липнет к коже. Подойдет?

Райделл с трудом снял черную нейлоновую куртку и неуклюже, одной рукой, начал возиться с пуговицами измятой джинсовой рубашки. Девчонка бросилась помогать, и, когда она стянула с него рубашку, Фонтейн увидел серо-желтый

свежий синяк. Плохой синяк.

— У вас что, авария? — он затолкал «смит-и-вессон» в карман штанов, не очень-то безопасный тайник, но удобный, учитывая обстоятельства. Потертое ореховое дерево рукоятки торчало наружу как раз настолько, чтобы было сподручно выхватить пистолет, если понадобится. Он достал катушку с лентой из верхней выдвижной секции старого металлического ящика для картотеки. Отмотал примерно фут; лента отошла с характерным звуком.

— Хочешь, наклею тебе эту штуку? Я клеил ею боксеров в Чикаго. На ринге, знаешь?

— Пожалуйста, — сказал Райделл и, сморщившись, поднял руку с ушибленной стороны.

Фонтейн оторвал отмотанный кусок ленты и осмотрел ребра Райделла.

— Эта лента — мистическая, понятно? — он резко, со щелчком растянул ее руками, повернув темной, клеящей стороной к Райделлу.

— Почему это? — спросил Райделл.

— Потому что у нее есть темная сторона… — Фонтейн продемонстрировал, — и светлая сторона… — он показал серебристую тусклую изнанку, — и она не дает Вселенной распасться на части.

Райделл завопил было, когда лента приклеилась, но сдержался.

— Дыши, — сказал Фонтейн. — Дети есть?

— Нет, — выдавил Райделл.

— Ну, — сказал Фонтейн, готовя следующий кусок, подлиннее, — ты должен сейчас подышать точно так, как приказывают бабам, когда у них схватки. Итак: выдыхай…

Процесс пошел быстрее, и, покончив с перевязкой, Фонтейн смотрел, как Райделл застегивает пуговицы сразу обеими руками.

— Добрый вечер! — внезапно сказал профессор; услышав, Фонтейн обернулся, все еще держа катушку с лентой в руках, и увидел, что мальчик уже не спит — сидит, широко распахнув свои карие невидящие глаза, и таращится на человека в серо-зеленом пальто. — Хорошо выглядишь. Это твой дом?

Что-то шевельнулось в глубине глаз мальчика, посмотрело и втянулось обратно.

— Вы что, знакомы? — спросил Фонтейн.

— Мы встретились вчера поздно вечером, — ответил профессор. — Здесь, на мосту.

— Минуточку, — сказал Фонтейн. — Он стянул у вас часы?

Человек обернулся и без выражения молча

уставился на Фонтейна.

Фонтейн почувствовал угрызения совести.

— Все в порядке, — сказал он. — Я их просто спрятал, чтобы он не сломал.

— Понял.

— Это чудесные часы, — сказал Фонтейн. — Где вы их достали?

— В Сингапуре.

Фонтейн перевел взгляд с продолговатого лица человека, который, скорее всего, вовсе не был профессором музыки, на ничего не выражающее лицо мальчишки.

— Я вижу, вы прячете пистолет в кармане, — сказал человек.

— Я просто рад вас видеть, — сказал Фонтейн, но никто не засмеялся.

— Каков калибр пистолета?

— Двадцать второй.

— Длина ствола?

— Четыре дюйма. Не для прицельной стрельбы, — сказал Фонтейн, — но для ствола в четыре дюйма бьет вполне точно.

От того допроса он сильно занервничал, ему захотелось почувствовать пистолет в руке, и в то же время ему было ясно, что если он дотронется до него, что-то непременно случится. Непременно.

— Дайте его мне, — сказал человек.

— Забудьте об этом, — ответил Фонтейн.

— Этой ночью неустановленное число вооруженных людей разыскивают мистера Райделла. Они хотели бы поймать его живым и допросить, но, несомненно, убьют его, если он попытается скрыться. Они убьют всех, кто окажется рядом с ним. Для них это, так сказать, просто принцип ведения хозяйства. Вы понимаете?

— А кто они?

— «Талантливая молодежь», — сказал человек.

— Что?

— Они — наемные убийцы, которым платит некто, считающий мистера Райделла наемником конкурента, то есть врага.

Фонтейн уставился на человека.

— Зачем вам мой пистолет?

— Чтобы уложить как можно больше этих людей.

— Я не знаю, кто вы, — сказал Фонтейн.

— Верно, — сказал человек, — вы не знаете.

— Дурдом… — Фонтейн посмотрел на Шеветту. — Ты знаешь этого человека?

— Нет, — сказала Шеветта.

— А ты, Райделл? Ты его знаешь?

Райделл перевел взгляд с Фонтейна на челове-

ка, снова на Фонтейна.

— Нет, — сказал Райделл, — но знаете…

— Что?

— Я бы отдал ему пистолет.

— Почему?

— Я не знаю, — ответил Райделл изменившимся голосом, — просто знаю, что я бы отдал.

— Дурдом!.. — сказал Фонтейн, повторяясь, внезапно охрипнув. — Ну и ну, Шеветта! Зачем ты сюда пришла? Привела ко мне этих людей…

— Райделл не мог быстро идти, — сказала она. — Мне очень жаль, Фонтейн. Нам нужна была помощь.

— Мать твою, — сказал Фонтейн и вытащил из штанов «смит-и-вессон»; металл нагрелся от тепла его тела. Он открыл барабан и высыпал пять патронов на ладонь. Хрупкие латунные штучки с карандаш толщиной, на конце каждой — покрытый медью, безукоризненно отштампованный, полый шарик свинцового сплава.

— Вот эта штука, о'кей? Все мои боеприпасы, — он протянул револьвер человеку, направив ствол в потолок и не закрыв барабан, потом отдал патроны.

— Благодарю вас, — сказал человек. — Могу ли я зарядить его прямо сейчас?

— Джентльмены, — сказал Фонтейн, чувствуя какую-то непонятную слабость, — можете запускать свой долбаный мотор.

— Я советую, — сказал человек, вставляя патроны один за другим, — запереть дверь, когда я уйду, и спрятаться подальше от окон и двери. Если эти молодчики узнают, что вы здесь, они постараются вас устранить. — Он закрыл барабан и прицелился в стену.

— Отдача сносит немного влево, — сказал Фонтейн, — бьет одиночными. Приходится мысленно корректировать прицел.

— Благодарю вас, — снова сказал человек и вышел, закрыв за собой дверь.

Фонтейн посмотрел на Райделла и увидел, что глаза его предательски заблестели.

Глава 56

Произведение комбината

— Мистер Фонтейн, — сказал Райделл, — у вас не найдется еще какой-нибудь пушки?

Все трое сидели рядом на полу, привалившись к стенке, выходившей в сторону Окленда, в задней комнате тесной фонтейновской лавки.

Между Райделлом и Фонтейном стоял вещмешок с проектором. Мальчик, недавно спавший здесь на полу, сидел на узкой койке Фонтейна у противоположной стены, щелкая ноутбуком, что-то искал; на голове у него был огромный уродливый старый военный видеошлем, из-за чего он казался роботом, — впрочем, виднелась нижняя половина лица с приоткрытым ртом. Все лампы были погашены, так что во тьме пульсировало сияние пикселей, утекающее из-под шлема, оттуда, где копался мальчик.

— Я не торгую огнестрельным оружием, — сказал чернокожий. — Антикварные часы, ножи известных марок, военные игрушки…

«Хватит с меня ножей», — подумалось Райделлу.

— Мне просто не нравится сидеть тут и ждать.

— Никому не нравится, — раздался голос Шеветты. Она прижимала к глазу влажную тряпку.

На самом деле Райделлу не нравилось сидеть главным образом потому, что он не был уверен, сможет ли он встать. Его бок, заклеенный эластичной лентой, болел теперь не так сильно, но Райделл знал — запросто можно окочуриться. Он уже собирался попросить у Фонтейна какой-нибудь нож, когда тот сказал:

— Ну…

— Что «ну»? — спросил Райделл.

— Ну, — сказал Фонтейн, — эта штука на самом деле не входит в мой ассортимент, понимаешь?

— Какая штука?

— У меня есть адвокат, он из Африканского Союза, понимаешь? Политический беженец.

— Да ну?

— Ну да, — сказал Фонтейн, — сам ведь знаешь, как оно бывает, люди выбираются из подобных ситуаций, все эти этнические чистки и прочее говно…

— И что?

— Ну, понимаешь, эти люди, им нравится чувствовать, что у них есть защита, а то мало ли что может случиться.

Райделлу стало интересно.

— Дело в том, — продолжал Фонтейн, — что у них там такие нравы… массовые убийства, страшное дело. И мой адвокат Маршалл, он вот точно такой. На самом деле он с этим борется, понимаешь? Ходит к психотерапевту, и все такое… пытается научиться ходить по улицам без пистолета и при этом не бояться, что его в любой момент могут пристрелить враги из другого племени, просекаешь? Типа, это Америка, да?

— Думаю, что в Америке по сей день любого могут пристрелить враги из другого племени, мистер Фонтейн.

— Это правда, — сказал Фонтейн, заелозив задницей, — но у Маршалла все равно этот… как его, посттравматический синдром, да?

— И вы помогаете ему решать проблемы с психикой? Помогаете тем, что храните его оружие у себя, мистер Фонтейн? Вещь, которую он не хотел бы держать в своем собственном доме?

Фонтейн посмотрел на Райделла. Закусил губу. Кивнул.

— И где эта штука?

— Она в стене, у нас за спиной.

Райделл уставился на кусок стены между собой и Фонтейном.

— Это фанера?

— В основном да, — сказал Фонтейн, развернувшись. — Видишь, вот тут? Это как бы заплатка, гипсовый наполнитель для стен. Мы сколотили ящик, вставили внутрь, заштукатурили и закрасили.

— Думаю, эту штуку легко обнаружить металлическим искателем. — Райделл припомнил, как его обучали обнаружению подобных тайников.

— Не думаю, что в ней много металла, — сказал

Фонтейн. — Уж точно, не в системе доставки.

— Можно на нее посмотреть?

— Ну, — сказал Фонтейн, — если мы ее достанем, я попал.

— Нет, — сказал Райделл, — я попал.

Фонтейн вытащил откуда-то маленький складной нож с костяной ручкой. Раскрыл и стал осторожно тыкать в стену.

— Можно взять нож побольше, — посоветовал Райделл.

— Тсс! — шептал Фонтейн.

Райделлу оставалось смотреть, как под ножом появляется темное кольцо диаметром как раз, чтоб носить на пальце. Фонтейн поддел его и вытащил из затвердевшего гипса, но, по всей видимости, оно к чему-то крепилось.

— Дерни его.

Райделл просунул сквозь кольцо средний палец, слегка потянул. Держится прочно.

— Давай, — сказал Фонтейн, — посильней.

Штукатурка треснула, посыпалась, и тонкая стальная проволока, припаянная к кольцу, пошла по периметру заплаты в стене, прорезая ее, как засохший сыр. Шероховатый, в дюйм толщиной, квадрат отвалился под рукой Райделла. Фонтейн стал вытаскивать что-то из открывшейся

квадратной норы. Какой-то предмет, завернутый вроде в старую зеленую рубашку.

Райделл смотрел, как Фонтейн осторожно развертывает зеленую тряпку, из которой появился небольшой тяжелый пакет, похожий одновременно на пакет из-под молока (времен детства Райделла) и электродрель. Он был шинельного, блекло-оливкового цвета, а если и вправду являлся огнестрельным оружием, то самым нелепым и неуклюжим из всех, какие встречались Райделлу. Фонтейн взял предмет, направив вверх под углом в потолок. На другом конце была неудобная с виду пистолетная рукоятка, а где-то дюймах в шести перед ней — какая-то рифленая насадка, напоминавшая помело.

— Что это? — спросил Райделл

— Чейн-ган, — ответил Фонтейн. — Одноразовый. Не перезарядишь. Корпуса, считай, нет: эта длинная квадратная штука — и патроны, ствол — два в одном. Никаких подвижных деталей: запал электрический. Вот тут, где должна быть гашетка, две кнопки — направил куда тебе надо и жмешь на обе одновременно. Четыре выстрела. Четыре заряда.

— А почему чейн-ган?

— Маршалл говорит, что это, скорее, граната

направленного действия, понимаешь? Или вроде как портативная осколочная мина. Главное, как он сказал, — не пользоваться в закрытых помещениях и палить исключительно в тех, кого не жалко увидеть разнесенными в бога душу мать.

— Так где же «цепная» часть?

Фонтейн вытянул свободную руку и легонько стукнул указательным пальцем по толстому квадратному стволу.

— Здесь, внутри. В эту штуковину набито четыреста двухфутовых обрезков тоненькой стальной цепочки, острой как бритва.

Райделл взвесил в руках нелепый предмет, взяв его за обе рукоятки и оттопырив пальцы, чтобы случайно не нажать на кнопки.

— И эта штука…

— ..сделает из тебя котлету, — закончил Фонтейн.

— Я слышала выстрел, — сказала Шеветта, убрав с глаза мокрую тряпку.

— Ничего не слышал, — сказал Райделл.

— А я слышала, — сказал Шеветта. — Всего один.

— Мой маленький двадцать второй калибр, — заметил Фонтейн, — почти что не слышно.

— Я не могу здесь оставаться. На этот раз Рай-

деллу послышался выстрел. Просто хлопок. Короткий, отчетливый.

— Знаете что, ребята, — сказал он, — пойду-ка я, посмотрю, что к чему.

Шеветта наклонилась к нему — один глаз заплыл, темно-лиловый, распухший, почти закрылся, второй — серый, одновременно испуганный и гневный.

— Это не телешоу, Райделл. Понял? Знаешь, в чем разница? Это не эпизод какой-то. Это жизнь. Твоя жизнь. И моя. И его, — она показала на Фонтейна, — его тоже, — она показала на мальчика в шлеме. — Почему ты не можешь просто посидеть?

Райделл покраснел, почувствовал, как у него горят уши.

— Я не могу просто сидеть и ждать, когда…

— Да знаю я, — сказала Шеветта. — Чего от тебя еще ждать.

Райделл протянул Фонтейну чейн-ган и встал на ноги; его бок затек, но не так страшно, как он боялся. Фонтейн вернул ему пушку.

— Входная дверь закрыта на ключ?

— Нет, — ответил Фонтейн. — Я не запер.

Райделл вышел из-за невысокой перегородки, скрывавшей их от застекленной двери и окон.

И сразу же кто-то, сидевший в засаде напротив, выдал очередь из какого-то автомата с таким эффектным глушителем, что был слышен лишь шум отлаженного механизма и стрекотанье пуль. Оба фонтейновских окна мгновенно обрушились — как и застекленная дверь.

Райделл обнаружил, что лежит на полу; он не мог вспомнить, как там оказался. Стрельба по ту сторону улицы враз смолкла.

Райделл вспомнил, как падал в подвальном тире Ноксвилльской академии, вынимал обойму полумесяцем из приклада убойной штурмовой винтовки, доставал другую обойму и шлепком вгонял ее на место. Вспомнил, сколько времени уходит на это точное количество необходимых движений.

В его ушах отдавался высокий, тонкий, прерывистый звук, и тут он понял, что это плачет Шеветта.

Он вскочил и выставил молочную картонку из Комбината, принадлежащую адвокату Фонтейна, сквозь дырку в двери, где только что было стекло.

Нажми одну из кнопок, сказал он себе, это вполне безопасно. И другую.

Улица заполняется огнем. Отдача была столь

сильной, что он чуть не сломал себе запястье; но, похоже, больше никто, решительно никто не собирался стрелять.

И уж точно не там, куда врезались обрезки цепи.

Глава 57

Центр

На следующий день, прибираясь, Фонтейн обнаружил на полу в задней комнате разорванную картонную коробку крупной мексиканской соли.

Он поднял ее — очень уж тяжелую — и стал вытряхивать соль на ладонь, пока оттуда не вывалился распустившийся экзотический цветок пули с полой головкой, пули, которая пробила фанерную перегородку и врезалась в центр этой круглой коробочки, стоявшей на полке. Кинетическая энергия перешла в тепловую, но теперь пуля была холодной, похожей на растопорщенное золотистое зернышко попкорна. Форма этой пули доказывала, что ее изготовили, чтобы поражать плоть человека.

Фонтейн положил ее на полку рядом с оловянным солдатиком — еще одним выжившим в этой

войне. Он даже двигаться мог сейчас, и будто во сне, в вязкой тишине, которая окружала его, ярко возникло воспоминание об отце, который однажды, несмотря на безумный страх матери, повел Фонтейна во двор за их домиком в прибрежной Вирджинии, чтобы вместе очутиться в центре урагана.

Когда первая ярость шторма уже позади, не движется ничто. Птицы молчат. Каждая ветка на облетевших деревьях отчетливо видна и исполнена покоя. Но самым краем сознания, пожалуй, можно заметить присутствие какого-то вращения. Что-то инфразвуковое, что-то, что только чувствуешь, но не слышишь. Что-то, что снова вернется. Вне всяких сомнений.

Вот и сейчас он чувствует что-то подобное. Он видит, что руки мальчика застыли, дрожа, над клавишами ноутбука, голова по-прежнему в этом старом военном шлеме. На мгновение Фонтейну кажется, будто мальчик ранен, — но крови не видно, он просто напуган.

Пушки созданы, чтобы стрелять, Фонтейн это знает, и Райделл только что доказал это, выстрелив из маршалловской пушки, этой безобразной русской штуки, зловещего трофея штатов Комбината, пришедшего через Африку, напоминанием

о тупых войнах, этнических конфликтах, тлеющих не одно столетие, как безвоздушные пожары в недрах торфяных болот. Пушка для тех, кто неспособен научиться стрелять.

Он дышит вонючей гарью, в горле резкий химический привкус. Хруст битого стекла под каблуками. Райделл стоит у двери, громоздкий чейн-ган тянет вниз его руку, словно пистолет дуэлянта. Фонтейн становится рядом с ним, смотрит в узкий крытый въезд на мост, будто разглядывает декорации, а может, диараму, — там все залито мутным красноватым светом. Мрачные тени скрывают вещественные доказательства случившегося.

— Шеветта, — зовет ее Райделл, будто внезапно вспомнив, что она здесь, и, хромая, хрустя битым стеклом, идет ее искать.

Фонтейн щурится от странного красного зарева, пятно, в которое кто-то так стремительно превратился, и замечает краем глаза какое-то движение — там, высоко. Что-то серебряное.

Он испуганно пятится, но это всего лишь воздушный шар, сплющенная подушка из надутого майлара с маленькими пропеллерами за металлическими решетками и видеокамерой. Шар спускается вдоль фасада его лавки; затем пропел-

леры начинают вертеться в обратную сторону, шар останавливается, плавно вращаясь, объектив направлен на Фонтейна.

Фонтейн смотрит вверх на странное существо со страхом, может оно тоже угрожает смертью, но оно просто висит себе в воздухе, будто наблюдает за ним. Он отворачивается и опять видит разгромленную лавку. Битое стекло — наиболее очевидное свидетельство разрушения, пулевые отверстия заметны меньше. Два из них, впрочем, образовались в круглой эмалевой эмблеме «кока-колы», которая раньше считалась сохранившейся на восемьдесят процентов, а теперь едва ли сойдет за «очень хорошую».

Больше всего его волнует витрина, хотя он боится того, что увидит, когда подойдет: часы, засыпанные стеклянным крошевом, будто рыбы в разбитом аквариуме. Выудив оттуда «Грюэн Кюрве» за ремешок из поддельной крокодиловой кожи, Фонтейн обнаруживает, что они не тикают. Он вздыхает. Кларисса в последнее время донимала его уговорами купить несгораемый шкаф и запирать в нем на ночь самые ценные вещи. Если бы он послушался, все часы тикали бы по-прежнему. Стоп: эти вот тикают — хронометр «Докса» со слегка заржавленным циферблатом

— его любимая вещь, хотя почему-то никогда не пользуется у покупателей спросом. Фонтейн подносит его к самому уху и слышит работу механизма, собранного за много лет до его рождения.

Но вот он замечает то, от чего Кларисса расстроится еще больше: ее младенцы, «близняшки», валяются кучей, напоминая фото нераскрытого зверского преступления из бульварной газеты, их лопнувшие головы и туловища сочатся силиконом (это жидкость, которая ведет себя, как твердое тело, а может, наоборот, — Фонтейн никак не запомнит). Ни одна из кукол не уцелела, и, наклонившись, чтобы их рассмотреть, он вдруг слышит лепет: механизм воспроизводит один и тот же слог, неразборчивый слог непонятно на каком языке, японском или английском. Это зрелище поражает Фонтейна настолько, что на память сразу приходят воспоминания детства: сквозь полицейский кордон видны развалины гарлемского кинотеатра; пожар, погубивший здание, пощадил витрину с конфетами, хотя внутри все расплавилось, растеклось и затвердело карамельной лавой. Но отвратительный запах пожарища не смог окончательно перебить вкусный сладкий аромат. Чего не скажешь об этом силиконе.

До Фонтейна доносятся громкие голоса Шеветты и Райделла, похоже, они о чем-то спорят. Фонтейну хочется, чтобы они замолчали.

Он — в центре урагана, и он хочет его понять.

Глава 58

Маленькое синее отверстие

Крупным планом, снятым с руки, Лэйни видит маленькое синее отверстие около глаза этого мертвеца — оно похоже на радикальный эксперимент с тушью для ресниц. Входное отверстие от пули очень маленькое.

— Обратите внимание на отсутствие пороховых ожогов, — говорит владелец камеры. — Выстрел произведен с расстояния.

— Зачем вы мне это показываете? — спрашивает Харвуд, он представлен только своим голосом.

Камера отъезжает, общий план покойника — блондин в черной кожаной куртке, видимо, скатился по какой-то вертикальной поверхности, когда-то выкрашенной эмалью. Он выглядит удивленным и слегка косоглазым. Камера отъезжает еще раз: виден второй труп — человека в черном бронежилете, ничком лежащего на

мостовой.

— По пуле на брата. Мы не ждали, что у него будет пистолет.

— Как вы знаете, на мосту не часто бывают разборки с огнестрельным оружием.

Человек разворачивает камеру на себя, камера берет лицо снизу, от пояса.

— Я просто хотел напомнить вам: я вас предупреждал.

— Если он покинет это место живым, у вашей фирмы будут проблемы посерьезнее, чем просто нарушение отдельных пунктов договора. Вы подписали соглашение о том, что позаботитесь обо всем, припоминаете?

— А вы дали обещание следовать нашим советам.

— Я к ним прислушался.

— Я взялся за дело с командой из пяти человек. Теперь двое из них мертвы, нет связи с тремя другими, и я только что слышал что-то похожее на взрыв. Этому поселению свойственна нестабильность, это какой-то вооруженный муравейник. Эти люди возбуждаются от малейшей искры, над ними нет никакой власти. Легко может вспыхнуть бунт, и если это произойдет, бесполезно будет даже пытаться устранить этого вашего

сумасшедшего убийцу или пытаться захватить Райделла.

— Вы хотели сказать «перехватить Райделла».

— У меня есть еще один, последний совет. — Человек слегка поднимает камеру, лицо во весь экран, на треть обернутое черным шарфом.

— Слушаю.

— Сжечь.

— Что?

— Мост. Легко загорится.

— Но вы потеряете время на подготовку.

— Все уже подготовлено. — Человек направляет камеру на небольшой пульт дистанционного управления, который он держит в другой руке. — Мы установили радиоуправляемое устройство. Мы всегда готовы к непредвиденным ситуациям.

— Но разве наша парочка не сбежит, воспользовавшись суматохой? В конце концов, вы сами сказали, что опасаетесь бунта…

— Никого не минет чаша сия… Мост загорится с обоих концов — от Брайент-стрит до Острова Сокровищ.

— А вы как собираетесь спасаться?

— Все предусмотрено.

Харвуд молчит.

— Ну что ж, — говорит он, наконец, — полагаю,

вам следует попробовать.

Человек нажимает кнопку на пульте.

Лэйни в панике выскакивает из ромба, ищет Ливию и Пако.

Проектор все еще там, все еще на мосту. Лэйни по-прежнему не понимает, для чего предназначен этот предмет, но Рэи Тоэи должна быть в центре событий.

И он понимает, что Харвуд знает, а может, просто чувствует это и делает все — уже сделал, — чтобы этому помешать.

Он срывает с головы шлем и шарит в темноте, ища телефон.

Глава 59

Птицы чуют огонь

Шеветта не могла отвести глаз от отверстий в фанерной перегородке между лавкой и подсобкой. Вокруг дырок образовались щелястые неровности. Она проследила траекторию пули через эти дырки дальше, сквозь комнату.

Она до сих пор не могла поверить, что сама едва не стала мишенью. Ее все еще била дрожь, которую она никак не могла унять, крепко стис-

кивала зубы, чтобы они не стучали. Кроме того, у нее началась икота, и ей совсем стало не по себе. Свое состояние она вымещала на Райделле, одновременно чувствуя себя виноватой — потому что он, судя по всему, тоже был в шоке.

Она смутно осознавала, что к двери подходят какие-то люди и заглядывают внутрь, но, видя Райделла с чейн-ганом, исчезают. Это люди с моста, а они всегда так себя вели. Если человек был безоружен, спрашивали, все ли в порядке, не надо ли помочь, в противном случае сразу соображали «все ли о'кей» (как любил выражаться Скиннер).

Шеветта раздвоилась; одна ее часть ругалась с Райделлом из-за того, что он снова втянул ее в какое-то дерьмо, вторая — не уставала изумляться, что осталась жива в такой передряге.

Что-то загудело в кармане Райделла, он вытащил темные очки, черная оправа с дешевой хромированной отделкой, и нацепил их на нос.

— Алло? — сказал Райделл. — Лэйни?

Она не заметила, как человек, уговоривший Фонтейна отдать пистолет, открыл дверь — раздался скрежет стекла — и вошел в лавку; выглядел он точно так же, когда уходил, вот только теперь у него на щеке была длинная свежая ссадина с капельками крови. Он достал из кармана плос-

кий маленький револьвер и протянул Фонтейну, отставив в сторону ствол и обхватив рукой ту самую штуку, в которую суют пули.

— Благодарю вас, — сказал человек.

Фонтейн поднес пушку к носу, понюхал и вопросительно поднял брови.

— Я отрегулировал снос, — сказал человек (что бы это ни значило). — Компенсировать отдачу больше не нужно.

Фонтейн со щелчком открыл штуку для пуль и высыпал на ладонь пять пустых латунных патронов. Посмотрел на них, поднял взгляд на человека.

— Как успехи?

— Трое, — сказал человек.

— Похоже, один у них есть, — говорил тем временем Райделл. — Тут один мальчик на нем работает. Вы хотите, чтобы я подключил кабель? Хотите поговорить с ней, Лэйни? Она мне сказала, что вы много общались… — Райделл выглядел смешно; стоял и болтал будто сам с собой, одна рука поднята, держит в руке наушник, вторая опущена, держит чейн-ган. Шеветте хотелось, чтобы он его куда-нибудь спрятал, хоть обратно в тайник, куда угодно.

— Райделл, хватит, — сказала она, но внезапно

увидела «Маленькую Игрушку Бога», парящую над дверью и глядящую на нее. — Тесса? Тесса, ты слышишь меня?

Пронзительный визг статического электричества; так пытаются говорить попугаи.

— Тесса, очень жаль, — сказал человек в длиннополом пальто. — Люди, которые на вас напали, поддерживают связь по нескольким каналам. Я использую излучатель помех на этих частотах. — Он посмотрел на «Маленькую Игрушку Бога». — Контрольные механизмы этого устройства не повреждены, но звуковая связь в данный момент невозможна.

— Тесса! — Шеветта яростно замахала воздушному шару, но тот просто таращился на нее своим главным объективом.

— Что значит «поджигают»? — говорил Райделл. — Сейчас? Прямо сейчас?! — Райделл стянул очки с носа. — Они поджигают мост.

— Что-о?! — она вспомнила предостережения Скиннера и то, как осторожно люди на мосту пользовались газом и спичками; знала, что брошенный на землю окурок мог стоить здесь жизни.

Райделл снова надел темные очки.

— Вы хотите, чтобы мы бежали, я не ослышал-

ся? Что значит «оставьте там»? Черт возьми, Лэйни? Алло? — она увидела, насколько был потрясен Райделл, когда снял очки. — Слушайте все сюда. Сейчас мы уходим. Лэйни утверждает, что мост поджигают.

Райделл наклонился, морщась от боли, развязал вещмешок и достал оттуда странную серебряную штуку. Она блеснула в льющемся снаружи свете. Будто большой стальной термос. Райделл вытянул из вещмешка какие-то свернутые кольцом кабели и бросил один Шеветте:

— Найди розетку.

Держа в руке второй кабель, он подошел к мальчику в старом военном шлеме.

— Эй, парень! Придется одолжить у тебя ноутбук. Ты слышишь меня?

Шлем приподнялся, и, казалось, на Райделла уставился гигантский термит. Райделл взял ноутбук, выдернул провод, подключенный к шлему. Шеветта увидела, что парень от неожиданности оторопел. На экране ноутбука красовался циферблат настенных часов. Нет, подумала Шеветта, это, наверное, какие-то старомодные карманные часы, увеличенные до размеров детской головки.

Райделл близко поднес к глазам концы кабеля,

внимательно разглядел, выбрал один и попробовал воткнуть в гнездо на задней панели ноутбука, потом в другое. Подошло. Шеветта нашла розетку, косо торчащую из стены. Подключила кабель и протянула второй конец Райделлу, который втыкал кабель от ноутбука в серебряный «термос». Райделл воткнул оба кабеля в спаренное гнездо. Ей послышалось, будто термос начал гудеть.

И между Шеветтой и Райделлом возникла девушка, бледная и худая, тело ее светилось, на миг она показалась голой. Но тут же она явилась в скиннеровской куртке из потертой конской кожи, черные джинсы, черная водолазка, кроссовки с ребристой подошвой. Все гораздо более новое и стильное, чем одежда Шеветты, но, в общем, очень похоже.

— Меня зовут Рэи Тоэи, — сказала девушка. — Берри Райделл, вам нужно немедленно покинуть мост. Он горит.

— Вы сказали, что знаете мое имя, — сказал человек в пальто; в излучаемом Рэи Тоэи сиянии длинная тонкая ссадина на его щеке стала черной. — Там, в таверне.

— Вас зовут Конрад, — сказала она. — Первая буква «к».

Человек удивленно поднял брови над золотой

оправой круглых очков.

— И откуда вам это известно?

— Мне известно многое, Конрад, — сказала она и немедленно на несколько секунд превратилась в другую девушку, голубоглазую блондинку, радужки окаймлены черным ореолом.

И человек застыл, как изваяние, стал казаться тяжелым и оцепенелым, — и Шеветта почему-то вспомнила пылинки, плывущие в залитом солнцем старом музее, — чем-то, что она уже где-то когда-то видела, вот только не помнила, где и когда.

— Лиза, — сказал человек; имя будто всплыло из какой-то мучительной глубины. — Вчера мне приснилось на Маркет-стрит, что я видел ее.

— Очень многое возможно, Конрад.

Райделл тем временем вынул из вещмешка розовый ранец и стал опоясывать себя его ремнями. Спереди на ранце красовался ухмыляющийся мультяшный дракон. Шеветта уставилась на дракона, а Райделл расстегнул молнию, достал из ранца сложенный розовый нагрудник, развернул его и застегнул вокруг шеи. Нагрудник гордо сообщал: «Служба безопасности «Счастливого дракона»» — черными рублеными буквами.

— Что это за штука? — спросила Шеветта.

— Бронежилет, — ответил Райделл и повернулся к светящейся девушке. — Лэйни говорит, что я должен оставить проектор на мосту. Но это значит, что мы вас покинем…

— Это то, чего я хочу, — сказала она. — Мы собираемся проникнуть в суть харвудовского замысла. Помешать ему. И изменить все, — она улыбнулась Райделлу, и Шеветта почувствовала укол ревности.

Но тут же услышала приближающийся шум, рев и вой надрывающегося электрического двигателя. Раздался грохот металла, и Фонтейн отпрыгнул от двери. Трехколесный вездеход, лязгнув, остановился снаружи; Тесса сидела позади мальчишки с круглой, словно луна, физиономией, в черной сетчатой кепочке, надетой задом наперед, и черной футболке. На Тессе были видеоочки, на обеих руках красовались контрольные перчатки. Она стянула очки и откинула волосы со лба.

— Шеветта, быстро!

— Слезь-ка с трака, дорогуша, — сказал круглолицый мальчишка. — Здесь хрен развернешься.

Тесса спрыгнула с вездехода и вошла в лавку, глядя вверх на «Маленькую Игрушку Бога».

— Звук почему-то не записывается, — сказала она.

Мальчишка стукнул кулаком по двигателям, вмонтированным во втулки задних колес вездехода, и дал задний ход. Трак, накренясь, подался по кривой назад и снова вперед, развернувшись в сторону Сан-Франциско.

— Скорее, дорогуша! — сказал мальчишка.

— Две камеры снимают пожар, — сказала Тесса. — Этот отстойник горит.

— Пора сваливать, — сказал Райделл, положив руку на плечо Шеветты. — Мистер Фонтейн, не желаете прокатиться на этой штуке с Шеветтой?

— Никуда я не собираюсь, сынок, — ответил Фонтейн.

— На мосту пожар, мистер Фонтейн.

— Я здесь живу.

— Райделл, пошли, — сказала Шеветта, схватив его за брючный ремень.

Тесса залезла обратно на сиденье позади водителя в сетчатой кепочке и снова надела видеоочки.

— Господи Иисусе, — сказала Тесса. — Глазам не верю! Вот это ракурсы!

Шеветта вытащила Райделла за дверь и вскарабкалась на вездеход сзади (там было что-то вроде коляски), оставив место для Райделла.

— Стойте, — сказал Райделл. — Мы не можем

просто так их оставить…

— Мы?! Приятель, ты никуда не едешь… — но тут круглолицый мальчишка заметил чейн-ган и заткнулся.

— Езжайте, — сказал Фонтейн. Он стоял теперь в дверях, обнимая одной рукой мальчика за плечи, который недавно был в шлеме, глаза парнишки смотрели на Райделла с равнодушием зверька. — Езжайте. У нас все будет в порядке.

— Мне очень жаль, — сказал Райделл. — Жаль, что так вышло с лавкой…

— Задницу твою будет жаль, если ты сейчас не уедешь.

Шеветта услышала, как со стороны Сан-Франциско завопила какая-то женщина, и изо всех сил дернула Райделла за ремень, так что от ширинки его «хаки» отлетела пуговица. Он забрался в «коляску», сел напротив Шеветты, одной рукой держась за сиденье, другой крепко держа чейн-ган.

Последнее, что видела Шеветта, это была светящаяся девушка, которая говорила что-то человеку по имени Конрад. Потом «сетчатый» врубил двигатели, и вездеход рванул в сторону города.

— До свидания, Фонтейн! — прокричала Шеветта, но ей показалось, что он ее не услышал.

Ей вспомнилась ночь, когда загорелись холмы над кондоминиумом, вспомнилось, как в темных кустах вокруг дома проснулись птицы, чуя огонь. Их пронзительные голоса.

Сейчас, сквозь грубо сколоченный фанерный навес над головой, она чувствует утробный рокот большого пожара.

Глава 60

Крысы всё знают

Фонтейн понимает, что мост и вправду горит, когда, выглянув наружу, видит крысу, бегущую в сторону Окленда. Потом вторую. И третью. Крысы все знают, а «мостовые» крысы считаются самыми знающими — да и как им такими не стать, когда на них постоянно охотятся дикие «мостовые» коты и многочисленные не менее дикие дети, вооруженные рогатками, сделанными из авиационного алюминия и хирургических резиновых трубок. Эти «мостовые» рогатки убийственны не только для крыс; их владельцы любят использовать шарики плотной влажной глины — военная хитрость, пришедшая из Средневековья, ее со счетов не скинешь.

Фонтейн смотрит, как мимо несутся крысы, и тяжко вздыхает. В лавке у него где-то спрятан пожарный топор, трофей с буксира, затонувшего в 2003 году в Китайской бухте, а также огнетушитель, но он не думает, что от них будет какой-нибудь толк, хотя прорубить топором в стене дыру и выпрыгнуть прямо в бухту — это тоже вариант. Интересно, вправду ли там полно акул, как думают здешние дети. Он доподлинно знает, что в бухте водятся рыбы, мутировавшие из-за оксидов, которые образуются от соленой воды на пирсах у кабельных башен.

Но Фонтейн пережил многочисленные катастрофы — и общественные и личные, — и в нем теперь живет вера, которая не полагается на случай или надежду, что все в конце концов будет хорошо. И уж во всяком случае, всегда есть силы, с которыми никто не способен бороться, а если кто и способен, то уж точно не Фонтейн.

И вместо того чтобы спешно рыться в шкафу, куда, как смутно помнит, он засунул тот пожарный топор, — Фонтейн берет щетку и начинает прибираться в лавке, стараясь захватить как можно больше стекла и смести в одну кучу. Стекло, размышляет он, относится к той субстанции, которая занимает относительно мало места, пока

его не разбили. Но в то же время, вспоминает он чей-то рассказ, стекло — это жидкость, если рассматривать по-настоящему космические временные отрезки. Любое стекло в любой раме, в любом окне претерпевает бесконечно медленный процесс таяния, оседания, расползания, вот только едва ли хоть одно окно переживет тысячелетия, необходимые для превращения в твердую лужу.

Тем временем к бегущим крысам присоединяются люди — разношерстная толпа, какая обитает лишь на мосту. Фонтейн только надеется, что Кларисса и дети в безопасности; он им звонил, но никто не брал трубку, а оставлять сообщение было довольно бессмысленно, учитывая обстоятельства.

Он оглядывается и видит, что голограммная подружка Райделла стоит на коленях у койки, говорит что-то мальчику. Рядом с ним сидит профессор, одолживший у Фонтейна «кит ган». Фонтейн поражен: они производят впечатление одной семьи, не правдоподобной, возможно, но не лишенной тепла. Фонтейн достаточно долго живет на свете и кое-что понимает в техническом прогрессе, чтобы ломать себе голову над вопросом — кем или чем является эта девушка:

она похожа на компьютерную игрушку, которая будто вышла из компьютера и сидит у вас в комнате, и найдутся люди, думает он, которым это очень нравится.

Он натыкается на загубленных кукол-близняшек, лежащих в силиконовой пене. Теперь молчат все. Когда он сметает их в кучу осколков, его охватывает ужас. И тогда, отставив метлу, поднимает одного из младенцев за безжизненную руку. Выносит маленького кукольного японца наружу, кладет на спинку перед лавкой. Потом всех по очереди, и, когда он кладет последнего, мимо лавки тяжелой увалистой походкой тащится грузная тетка с тюком каких-то пожитков. Она видит, что делает Фонтейн, и начинает кричать. И кричит, пока не скрывается с глаз, и ее все еще слышно, когда Фонтейн возвращается в лавку, думая о Турмалине, своей первой жене.

В воздухе уже виден дым, и, наверное, пора поискать топор.

Глава 61

«Футуроматика»

Форма, которую Лэйни видит, когда смот-

рит на Харвуда, на идору, на Райделла, на всех остальных, до сих пор никогда не казалась ему пространством, местом, где можно жить. Но теперь, когда его подгоняет новое неотложное дело (и сопровождает практически все население Города-Крепости, действующее с синхронностью хора, поющего в унисон), — теперь ему удается на самом деле быть там, в пространстве, координаты которого заданы появившимися факторами узловой точки. Это место, где метафоры бессильны, дескриптивная черная дыра. Он не способен описать ее не только самому себе, хотя ощущает ее, но и кому-нибудь другому.

Все больше эта штука, эта поворотная точка истории похожа на ту Дыру, которую он помещает в центре своей души, пустота, лишенная и тьмы и света.

Мгновенно Лэйни понимает, хотя и не знает, каким образом, что Харвуд рядом с ним.

— Харвуд?

— О, Колин Лэйни! Вечер чудес! Неожиданных…

— Ты приказал сжечь мост?

— А как насчет тайны частной жизни?

— Ты пытаешься остановить ее, не так ли?

— Полагаю, да, хотя и не знаю, что она пытается

сделать. Она — развивающаяся система. Она не знает себя.

— А ты? Ты знаешь, что ты хочешь?

— Я хочу, чтобы нанотехнология пришла в мир, который сохранит хотя бы видимость сходства с тем миром, в котором я проснулся сегодня утром. Я хочу, чтобы мой мир преобразился, но не очень отличался от теперешнего. Я хочу сразу всего. И мне кажется, я нашел способ это устроить. Хотя и у тебя есть свой вариант. Теперь мы должны спросить себя: в чем здесь ошибка?

— Ты сделал свой выбор. Ты решил попробовать 5-SB. В сиротском приюте мы добровольно участвовали в экспериментах, но не имели понятия о том, что нас ждет.

— А я решил попробовать 5-SB, наблюдая за тобой, Лэйни. За тобой и за девушкой по имени Дженнифер Мо, которой в голову пришла идея убить этого актеришку Кевина Берка. Она покончила с собой, когда взяла его в заложники в медитационном центре штата Айдахо.

Лэйни знал историю Дженнифер Мо; эта история преследовала его с тех самых пор, когда он впервые узнал ее — несколько лет назад — из официального сообщения.

— Почему сталкер-синдром не подействовал

на тебя, Харвуд? Почему ты оказался нечувствительным?

— Возможно потому, что я слишком уж одержим самим собой, чтобы всерьез заинтересоваться кем-нибудь другим. Для меня это все игрушки. Но лучше этого — только точное знание будущего. Даже наоборот: мы получаем немного свободной воли, и вы только гляньте, насколько мы счастливее! Разве нет? А смотреть назад почти так же весело, как смотреть вперед, хотя наш прославленный цифровой суп довольно быстро теряет густоту: вся эта история с мужем мадам Кюри… изменила все, но кто знает об этом? Я спрашиваю тебя, Лэйни, кто знает?

— Только мы с тобой.

— Да, только мы двое.

— Все изменится снова. Сегодня ночью.

— Утром, если точнее. По тихоокеанскому времени очень рано. Конечно, все изменится, и я пришел сюда для того, чтобы все изменилось именно так, как хочу я.

— Мы собираемся сорвать твои планы.

— Конечно, такова ситуация этой ночи, не так ли? Я и не ждал, что будет по-другому.

Теперь Лэйни чувствует две вещи одновременно: холод физический и неотвратимый, который

поднимается у него под сердцем, и незримое присутствие множества индивидуумов, населяющих Город-Крепость, стоящих у него за спиной, словно глиняные солдаты, готовые вечно маршировать в императорской гробнице. Эти солдаты двинутся, если Лэйни прикажет им, и еще он чувствует присутствие Рэи Тоэи и понимает, что еще не все закончено.

— Она здесь, Лэйни. Она попала в поток. Ты сделал это — ты и твои друзья. Но вам это не поможет, потому что я отправляюсь туда, где вы меня не найдете. Кратковременный отпуск. Пока все не кончится. Твои друзья не единственные, кто умеет исчезать без следа.

И с холодом, охватывающим его сердце, Лэйни понимает, что это правда, что Харвуд уходит, выворачиваясь наизнанку, в информационную червоточину, подобную той, в которой существует Город-Крепость.

И он тянется вниз (кажется, вниз, хотя в этом месте нет ни координат, ни направления), и вместе с ним воинство, чтобы найти…

Глава 62

Лос-Прожектос

Силенцио вспоминает огонь в ржавых жестянках во дворах Лос-Прожектоса, люди стоят, сплевывают и греют руки. Плейбоя и Крысука он встретил около такого костра, и теперь в этой комнате тоже воняет жестянками. Силенцио страшно, и даже это существо, которое светится само по себе и говорит с ним на языке его мамы (только по-доброму), не может вернуться к часам, к циферблатам, оценке состояния и ценам, в эту вселенную, которая сама отыскала его, в этот способ существования, вне которого — только страх.

Съежившись на кровати черного мужчины, с доброй феей, сияющей с ним рядом, он чувствует еще больший страх, а черный мужчина забрался в шкаф и кидает наружу какие-то штуки, но Силенцио хочет только часы.

На границе его сознания притаились люди с собачьими клыками и крыльями, их лица черней, чем лицо у черного мужчины с часами. Их лица черные, как та черная гадость, которую люди втирают в десны.

— Придвинь к нам проектор, — говорит фея тому человеку, который остановил Плейбоя и Крысука. Силенцио замечает, что когда она говорит, то делается другая — волосы гладкие, золотые, лицо какое-то чужое. — Принеси ноутбук. Осторожнее с кабелем.

Человек придвигает серебристую штуку, которая пугает Силенцио (теперь Силенцио боится всего), несет на кровать искатель часов, из которого тянется провод.

— Подключи шлем. Быстро!

Человек втыкает провод от шляпы в искатель часов и подает Силенцио шляпу. Внутри нее Силенцио близко видит картинки, на них — те же часы, что на экране искателя, и Силенцио чувствует облегчение, страх уходит за контуры вещей, где можно не бояться людей с собачьими клыками. Он надвигает шляпу на глаза.

И оказывается в странном месте, где нет ни верха, ни низа, бесконечное пространство шире дворов Лос-Прожектоса, такого он никогда не видел.

Но та, что светится, тоже здесь, и рядом с ней — еще кто-то, только менее четкий.

— Это мистер Лэйни, — говорит она на языке, на котором говорила мать. — Ты должен

помочь ему. Он ищет часы. Вот такие. — И в ее ладони Силенцио видит часы, которые были на экране искателя. Это «Лекультр Футуроматика», с обратным ходом, черным циферблатом и автоматическим заводом. Силенцио знает их серийный номер, историю их хождения по торгам, номер лота на сегодняшнем аукционе. — Кто-то украл их. Ты должен идти за ними.

Силенцио переводит взгляд с прекрасного вида «Футуроматики» на лицо женщины.

— Ты должен найти для мистера Лэйни…

Часы исчезают, вместе с ними и она, и тот, другой, тоже. Они бросили Силенцио в этом пространстве, в котором только простор, лишенный цвета и формы. Силенцио кажется, что сейчас он заплачет.

Где-то там, очень-очень далеко, он чувствует их, чувствует часы. Он узнает их, они все еще там, но кругом только эта бесконечность, эти серые поля света. Снова исчезли.

Нет. Возникает система: система из всех часов. Сходства. Различия. Слова. Кодировка. Ничто не теряется в этой системе, и «Футуроматика» выступает на первый план, будто всплывает из чистой воды. До часов подать рукой.

И снова исчезли. Пустота.

Но он хочет видеть их. И он снова входит в систему.

Он несется над серыми полями, ища только «Футуроматику», — вслед за часами…

Глава 63

Фуникулёр

Хотя в Ноксвилле Райделл прошел курс контроля над общественными беспорядками и поэтому кое-что знал — правда, чисто теоретически — о пожарах и прочих стихийных бедствиях, но то, что случилось, застало его врасплох: едва он успел уцепиться одной рукой за заднюю часть вездехода, как Элмор, «сетчатый», которого подружка Шеветты кое-как уговорила ехать, газанул назад в сторону Брайент-стрит и понесся через верхний уровень моста. До сих пор Райделл ни разу не видел здесь никакого транспорта, за исключением велосипедов, и ему пришло в голову, что в нормальных условиях им бы не дали уйти далеко.

Вот только условия сейчас были точно ненормальные, да и само это место «нормальным» никак не являлось. Люди валили бурлящим потоком из верхних построек этой коммуны

поселенцев, как муравьи бегут из развороченного муравейника, но Райделла поразила их общая невозмутимость. В каком-то смысле эти люди не были обыкновенными гражданами — скорее, закаленными борцами за выживание, привыкшими жить среди себе подобных, полагаясь только на себя. Кажется, некоторые из них кричали, а кое-кто, может быть, бежал не в ту сторону или по кругу, — но этого нельзя было разобрать, несясь в болтающемся из стороны в сторону вездеходе. Райделл просто чувствовал их решительность; они поняли, что мост горит, и потому решили, что надо сваливать. Большинство, кажется, что-то тащили. Некоторые тащили на себе детей, но больше всего домашнюю утварь, и Райделл заметил, по меньшей мере, трех человек с оружием.

Стиль езды Элмора сквозь толпу был на редкость прямолинейный; он просто гнал машину вперед, не глядя, кто и что перед ним, и долбал рукой в мерзко пищащий маленький рожок (сигналов которого, подумал Райделл, все равно никто не слышал), — гнал, полагаясь на то, что люди успеют отскочить. И они успевали порой лишь чудом, но тут правое заднее колесо вездехода сбило колонну из желтых пластиковых

корзин для овощей и обрушило ее на головы двух обильно татуированных типов в кожаных штанах и заляпанных краской строительных сапогах. Элмору пришлось ударить по тормозам, и Райделл увидел, как Шеветта слетела с сиденья; он не смог ее удержать, потому что в руке у него был чейн-ган, девать который было некуда.

Столкнувшись с препятствием в виде кучи желтых пустых корзин, Элмор дал задний ход, откатил вездеход на четыре фута, поставил его на дыбы и впахался в корзины и в татуированных типов; те, обезумев от ярости, закопошились в куче, вскочили и набросились на Элмора, который отнюдь не выглядел силачом.

— Отцепитесь от него! — заорала подружка Шеветты, сопротивляясь попыткам стащить ее с сиденья вместе с водителем. Райделл вскинул чейн-ган и ткнул им в лицо одного из татуированных. Тот скосил глаза, поморгал, посмотрел на Райделла и рванулся, чтобы схватить и его, но какой-то коповский рефлекс заставил Райделла прореветь «ДПЛА! Лечь на землю!» — что было абсолютно бессмысленно, учитывая обстоятельства, но тем не менее сработало.

— Это — пушка, — добавил Райделл и вспомнил предупреждение Фонтейна о том, что из чейн-га-

на невозможно прицелиться.

— Вы совсем рехнулись! — выпалил второй татуированный, с голой грудью, в затейливых наколках, и драпанул по желтым корзинам; свет отразился от круглого стального болта в его нижней губе. Его напарник рванул за ним.

Райделл спрыгнул на землю и обнаружил Шеветту, пытавшуюся выбраться из кучи раздавленных баклажанов. Оглянувшись в сторону вездехода, он увидел, как женщина со спортивной стрижкой и серьезными бицепсами нокаутировала Элмора, кувырнувшегося в корзины.

— Где Тесса?!

— Не знаю, — ответил Райделл, подавая Шеветте руку. — Пошли!

Когда они отдалились от вездехода (который все равно, похоже, никуда не ехал), Райделл почувствовал, что на мосту происходит что-то странное. Всю дорогу от лавки Фонтейна люди бежали в сторону Брайент, а теперь он видел, что они устремились обратно, на их лицах был страх.

— Похоже, у трапа тоже пожар, — сказал Райделл. В воздухе уже висел дым, и Райделл заметил, что он становится все гуще.

— Где Тесса, Райделл?

— Потерялась где-то.

Визжа, на них налетела девушка в горящей рубашке, бежавшая со стороны города. Райделл повалил ее, бросив Шеветте чейн-ган, и склонился, чтобы сбить с нее пламя. Она кричала не переставая, потом вскочила и побежала дальше. Райделл видел, что рубашка уже не горит. Он забрал у Шеветты чейн-ган.

— Туда мы даже не будем соваться, — сказал он ей. Ему не хотелось думать о том, что там сейчас творится, если толпа действительно попала в огонь.

— Давай попробуем здесь. — Он поволок Шеветту в двери пустого кафе: чашки с кофе на столиках, слышна спокойная музыка, пар поднимается от кастрюли с супом, стоящей на электроплитке за стойкой. Он втащил Шеветту за стойку, в маленькую тесную кухню, но обнаружил, что окна в ней забраны от воров ажурными металлическими решетками.

— Черт, — сказал Райделл, внимательно всматриваясь в окно, все в отложениях морской соли, и пытаясь прикинуть высоту над уровнем моря на случай, если придется выбираться здесь.

Теперь была очередь Шеветты схватить его и тащить на улицу. Выскочив из кафе, они чуть не

попали под ноги других людей, в панике спасающихся от происходящего на Брайент. Они оба упали, и Райделл увидел, как чейн-ган провалился в канализационное отверстие палубы. До него донесся звук от удара снизу, и он накрыл руками голову, ожидая взрыва, но взрыва не последовало.

— Смотри, — сказала Шеветта, встав на ноги и махнув рукой, — мы как раз у подножия башни Скиннера. Давай попробуем забраться на верхотуру.

— С нее потом не спустишься, — вставая на ноги, возразил Райделл; боль в ребрах была просто убийственной.

— Но и гореть на ней нечему, — сказала она, — надо только пройти через гидропонную теплицу.

— Задохнемся от дыма.

— Не факт, — сказала она, — но здесь внизу он нас точно задушит.

Она посмотрела на него.

— Прости меня, Райделл.

— За что?

— За то, что я думала, что все случилось по твоей вине.

— Я очень надеюсь, что не по моей, — сказал

Райделл.

— Как тебе жилось?

Он ухмыльнулся, несмотря на боль, тому, что она спросила об этом сейчас.

— Я по тебе скучал, — сказал он.

Шеветта замялась.

— А я — по тебе.

Она снова схватила его за руку и бросилась к пластиковой конструкции у подножия кабельной башни. Судя по движению, толпа все-таки прорезала ход сквозь пламя. Шеветта вошла в пятифутовую прорезь. Райделл, нагнувшись, последовал за ней — во влажный, как в джунглях, воздух и запах химических удобрений. Но в теплице тоже был дым, клубящийся в мареве гидропонных ламп. Шеветта закашляла. Тени бегущих людей проносились за полупрозрачным пластиком. Шеветта вскочила на лестницу и полезла вверх. Райделл застонал.

— Что? — она остановилась и глянула вниз.

— Ничего, — сказал он и пополз за ней, кусая губы каждый раз, когда приходилось поднимать руки.

Где-то вдали послышались сирены — странный нарастающий вой, голоса сплетались и расходились — настоящий концерт волков-роботов.

Райделл подумал, не такой ли вой стоял здесь в первые минуты после Великого землетрясения[237].

Он на самом деле не знал, сколько ступеней этой лестницы осилит. Лестница была металлическая, приклеена к стене этим суперже́ле, которое здесь повсеместно использовалось; он поднял голову вверх, увидел, как ребристые пластиковые подошвы Шеветты исчезают в треугольном проеме.

И он почувствовал, что улыбается — потому что это действительно была она, это были ее подошвы, и она только что сказала, что скучала по нему. Остаток пути показался ему не таким уж и трудным, но когда он добрался до верха и, втиснувшись в проем, присел отдышаться на самый край, увидел, что она начала подниматься по наклонной ферме, цепляясь обеими руками за тупозубые рельсы, по которым ездила маленькая тележка, видневшаяся у верхушки башни.

— Господи, — сказал Райделл, представив себе, что ему придется последовать за ней.

— Стой на месте, — бросила она через плечо. —

---

[237] Примечания: 237

В мире «трилогии моста» ключевое событие, происходящее за кадром, — землетрясение, разделившее Калифорнию на Северную и Южную

Я попробую спустить к тебе эту рухлядь.

Райделл смотрел, как она поднимается, боялся, что она поскользнется на смазке, но она упорно карабкалась вверх и вскоре уже сидела в тележке, которая с этого расстояния напоминала мусорный бак, вроде тех, что стояли за «Счастливым драконом», только меньших размеров.

Райделл услышал, как заскулил электродвигатель. Скрипнув, маленькая тележка с Шеветтой направилась вниз.

Он встал на ноги, дым попал ему в легкие, сломанное ребро кололо, словно штык, изнутри каждый раз, когда он начинал кашлять.

— Кто-то лазал туда, наверх, — сказала Шеветта, доехав до Райделла. — Рельсы все в смазке. Я буквально недавно забиралась туда посмотреть, и на них была только пыль.

— Может, там просто кто-то живет, — сказал Райделл, рассматривая темные хлипкие стены, окружавшие башню на высоте двенадцати футов от платформы, на которой он стоял. Он забрался в тележку, и Шеветта нажала кнопку. Тележка скрипнула, застонала и поехала по ферме.

Первое, к чему Райделл был не готов, — масштаб пожара, вид на который открылся, когда они миновали закрывавшую обзор стену. Оказа-

лось, что конец моста со стороны Брайент-стрит полностью охвачен огнем, огромные тучи черного дыма валили клубами в ночное небо. Сквозь эту завесу виднелись огни спасательных вертолетов — целые дюжины огней, — и, заглушая скрип зубчатого колеса, до Райделла донесся хор завывающих сирен.

— Господи Иисусе! — выдохнул он.

Он посмотрел в сторону Острова Сокровищ — тот тоже горел, хотя, казалось, менее интенсивно; впрочем, может быть, просто было далеко.

— У тебя есть фонарик? — спросила Шеветта.

Он расстегнул молнию своего «драконовского» ранца и выудил оттуда маленький одноразовый фонарик, которым обзавелся еще в Лос-Анджелесе. Шеветта включила его, повернув вверх лампочку, и полезла по лесенке, ведущей к дырке, пропиленной в полу маленькой кубической хижины на самой верхушке башни — здесь она жила, когда Райделл впервые встретил ее. Просто квадратный лаз, в который она сейчас светила фонариком.

— Открыто, — негромко сказала Шеветта, и Райделл, собравшись с силами, двинул за ней.

Когда он протиснулся в комнатенку, Шеветта стояла там и светила в разные стороны. Внутри

ничего не было, только мусор. В одной из стен круглое отверстие; Райделл вспомнил, что раньше там было вставлено старое цветное стекло.

В тусклом свете фонарика он увидел новое выражение ее лица.

— Здесь и вправду ничего не осталось, — сказала она, будто не веря своим глазам. — Я почему-то думала, что здесь все по-прежнему…

— Никто здесь больше не живет, — как-то неуверенно сказал Райделл.

— Люк на крышу тоже открыт, — сказала Шеветта, направив луч вверх.

Райделл подошел к старой стремянке, прихваченной к стенке болтами, и полез вверх, ощущая ладонями влажное шершавое дерево. До него стало доходить, что идея лезть на эту верхотуру была плохая, потому что если мост действительно сгорит до основания, они, скорее всего, уже никогда отсюда не спустятся. Он знал, что дым так же опасен, как пламя, и не был уверен, что она это понимает.

Второе, к чему он оказался не готов, когда высунул голову из люка наружу, — к тому, что в ухо ему тут же сунут ствол пистолета.

Его приятель в шарфе.

Глава 64

Наживка

Харвуд начинает, искажаясь, убывать, и все остальное вместе с ним, среди ужасного всепоглощающего холода. Лэйни чувствует, будто на огромном расстоянии его ноги скручивает судорога в путанице спальников и конфетных фантиков. Вдруг появляется сама Рэи Тоэи и вручает ему тайный символ — круглую печать, циферблат, двенадцать знаков дня, двенадцать — ночи, черный лак и золотые цифры, он кладет этот символ туда, где мгновение назад был Харвуд.

Лэйни видит, как этот символ втягивает внутрь себя Харвуда; он полностью во власти сил превращения, и вот он исчезает совсем.

Лэйни убывает тоже, но не за Харвудом.

— Попался, — шепчет Лэйни во тьму своей зловонной коробки, стоящей в подземке метро среди инфразвуковых вздохов пригородных поездов и постоянного топота проходящих ног.

В то же мгновение он оказывается во Флориде на залитых солнечным светом широких бетон-

ных ступенях, ведущих наверх к невзрачному входу в федеральный сиротский приют.

Там, наверху лестницы, — девчушка по имени Дженнифер, ей в точности столько же лет, сколько Лэйни, на ней джинсовая юбочка и белая тенниска, у нее прямая черная челка, она осторожно идет — пятка — носок, пятка — носок, руки — в стороны, для равновесия, — по самому краю верхней ступеньки, как по натянутому канату.

Она очень сосредоточенна и серьезна.

И кажется, что если бы она упала, то непременно бы разбилась.

Лэйни, увидев ее, улыбается, вспомнив внезапно приютские запахи: бутерброды с джемом, дезинфекцию, глину для лепки, чистые простыни…

Холод обступает его со всех сторон, но наконец-то он дома.

Глава 65

Свежий воздух

Фонтейн, работая топором, размышляет о том, что прожил довольно долгую жизнь, но то, что случилось сегодня, для него абсолютно ново:

поднять топор над головой, потом — резко вниз по задней стене магазина, фанера гулко грохочет. Он слегка озадачен тем, как легко отскакивает топор, но при следующем замахе он поворачивает его обухом и колотит по стене, наконец, пробивая ее на третьем ударе насквозь. Фонтейн удваивает усилия.

— Нам нужен свежий воздух, — говорит он скорее самому себе, чем парочке, чинно сидящей на его койке, — седовласому человеку и мальчику, чью голову опять не видно из-под шлема. Посмотришь на этих двоих — так подумаешь, что и проблем-то, собственно, нет никаких и этот чертов мост не горит.

Куда девалась голограммная девица?!

Работа топором дает результаты, хотя его руки уже разболелись. Дыра в стене уже размером с блюдце и становится все больше.

Он еще не знает, что ему делать, когда она станет достаточно велика, но он любит, чтобы были заняты руки.

Таков он всегда, Фонтейн: когда дела идут плохо, да что говорить, хуже некуда, а вероятнее всего, подошли к концу, — он любит, чтобы были заняты руки.

Глава 66

Грузовоз

Шеветта выползает через люк на крышу Скиннеровой лачуги и видит там Райделла, стоящего на коленях, в этом своем «счастливом» «драконовском» защитном слюнявчике, но критическим фактором здесь является человек из бара — тот, который застрелил Карсона, он воткнул в ухо Райделла пистолет, а сейчас смотрит на нее и улыбается.

Он немного старше меня, размышляет она, вот его короткая стрижка, как у военного, черный кожаный плащ, шарф повязан небрежно, но ясно, что ему пришлось с ним повозиться. Она задается вопросом: как это люди становятся вот такими — берут и тычут своим пистолетом кому-нибудь в ухо, и вы знаете, что они обязательно нажмут на курок? И почему ей кажется, будто Райделл специально находит таких людей, — или это они его специально находят?

За спиной человека в черном, над мостом, она видит поднятую фонтаном воду и понимает, что это, должно быть, палят из пожарной лодки, так

как она буквально только что видела пожарную лодку в действии — когда загорелся пирс на Эмбаркадеро.

Господи, как же здесь наверху сейчас все-таки странно: все ночное небо в дыму, огонь повсюду, он будто бросается в море и гаснет от катящегося дыма. Вокруг нее падают и, мерцая, умирают маленькие красные светящиеся искры, в воздухе запах гари. Она знает, что не хочет, чтоб Райделлу было больно, но она не боится. Теперь она просто-напросто не боится; она не знает почему.

Рядом, на крыше, она замечает какой-то предмет — планер, сидящий на собственной небольшой платформе, своими шасси вцепившийся в асфальтовое покрытие.

Около планера навалены черные нейлоновые мешки. Шеветта принимает их за спальники. Кто-то, видно, готов провести здесь всю ночь, если будет нужно, и она понимает, что парень с военной стрижкой подготовил себе укрытие на случай, если ему придется прятаться. До нее вдруг доходит, что, вероятно, это он поджег мост и виновен уже во множестве смертей, а сейчас стоит себе улыбается, будто очень рад ее видеть, и пистолет его воткнут Райделлу в ухо.

У Райделла сокрушенный вид. Такой печаль-

ный сейчас.

— Ты убил Карсона, — слышит она собственный голос.

— Кого?

— Карсона. В баре.

— Он здорово попортил твою вывеску.

— Он был задницей, — сказала она, — но ты не должен был его убивать.

— К счастью, — ответил «шарф», — вопрос тут не в том, кто задница, а кто нет. Если б вопрос был в этом, мы ни за что бы не справились с нашей работой.

— Ты умеешь управлять этой штукой? — Шеветта махнула рукой в сторону планера.

— Конечно. Я собираюсь убрать этот пистолет из вашего уха, — сказал он Райделлу.

И убрал. Она заметила, Райделл взглянул на нее. Парень с военной стрижкой ударил его пистолетом по голове. Райделл опрокинулся навзничь. Лежал там, как большая сломанная кукла. Одна из светящихся искр упала на его дурацкий розовый защитный слюнявчик, прожгла в нем черную метку.

— Я собираюсь оставить вас здесь, — сказал «шарф». Он навел пистолет на ноги Райделла. — Коленная чашечка, — сказал «шарф».

— Не надо, — сказала она.

Он улыбнулся.

— Ложись там, где стоишь. На самом краю. Лицом вниз. — Пистолет не сдвинулся с места.

Она поступила, как ей велели.

— Руки за голову.

Она поступила, как ей велели.

— Так и лежи.

Она могла наблюдать самым краешком глаза, как он движется к планеру. Крыло трепещет под дуновеньем бриза, издавая ритмичное бренчание.

Она увидела, как «шарф» нырнул под похожее на воздушного змея крыло и оказался внутри углеродно-волоконного каркаса. Там имелась панель управления; она видела в фильмах «Реальности», как люди летают на этих конструкциях.

В руке «шарф» по-прежнему держал пистолет, но в Райделла он уже не целился.

Она вдыхала запах асфальта, спекшегося на крыше. Она помнила, как размазывала асфальт со Скиннером в жаркий безветренный день, как они разогревали ведро с затвердевшим гудроном над пропановой горелкой.

Мир, в котором Скиннер помогал строить, горел на ее глазах, и они с Райделлом могли сейчас

запросто сгореть вместе с ним, а парень с военной стрижкой спасал свою шкуру.

— Неужели ты долетишь на этой штуковине до самого Эмбаркадеро?

— Легко и непринужденно, — ответил он. Она увидела, что он сунул пистолет в карман черного плаща и вцепился в перекладину обеими руками, приподнимая планер. Бриз подхватил его. «Шарф» поймал ветер, напомнив ей отчего-то шагающего ворона, из тех больших воронов, которых она видела в детстве в Орегоне. Теперь он был всего в нескольких футах от края, на той стороне крыши Скиннеровой лачуги, что смотрела на Китайский залив. — Ты со своим дружком доставила мне чертову массу хлопот, — сказал он, — но теперь вы оба либо сгорите заживо, либо задохнетесь от дыма, так что, я полагаю, мы квиты. — Он огляделся, ступил вперед.

Шеветта, не успев принять никакого сознательного решения, вскочила на ноги, идет, открыв нож, который оставил ей Скиннер. Ножом прорезает — в тот момент, когда «шарф» уже шагает через край, — трехфутовую полосу в черном крыле планера.

Не успев издать ни звука, дернувшись всем телом, он ринулся вниз, все быстрей и быстрей

вращаясь, словно лист, и разбился, ударившись обо что-то внизу.

Она осознала, что стоит на самом краю, рука протянута в пустое пространство, — и сделала шаг назад. Посмотрела на нож, зажатый в руке, на впечатанный в него узор кованых звеньев мотоциклетной цепи. Потом она бросила его прочь, повернулась и пошла к Райделлу, опустилась рядом с ним на колени. На голове его была рана, волосы мокрые от крови. Глаза открыты, но, казалось, он ничего не видит.

— Где он? — спросил Райделл.

— Не верти головой, — сказала она, — его больше нет.

Бриз изменил направление, на них навалился такой густой дым, что города не стало видно. Оба начали кашлять.

— Что там за шум? — еле выдавил Райделл, пытаясь вытянуть шею, чтобы посмотреть.

Она решила, что это, должно быть, грохот огня, но звук перешел в уверенный барабанный бой, и, всмотревшись, она увидала — точно на уровне своей головы — невозможный, с целый квартал шириной, блестящий серый нос грузовоза, украшенный буквами «Омаха трансфер», тридцати футов каждая.

— Господи Боже, — сказала она, когда чудовище нависло над ними; его гладкое, невероятно широкое брюхо было так близко, что она могла бы потрогать его.

А потом грузовоз сбросил вниз свой груз — около двух миллионов галлонов чистой ледниковой воды, предназначенной для городов южнее Лос-Анджелеса, и ей оставалось только прижаться к Райделлу и держать рот закрытым, сопротивляясь давлению этого океана, а потом она оказалась совсем в другом месте, и плыла по течению, и еще ей казалось, что она так давно, так давно не спала.

Глава 67

Серебряный замок

В серых полях Силенцио находит серебряный замок, место пустое и какое-то новое. Здесь совсем нет людей, одни лишь коридоры, и он удивляется, зачем кто-то построил подобную штуку.

Система наручных часов ведет его вглубь, все глубже и глубже, каждый следующий коридор похож на предыдущий, и он устал от этого, но «Футуроматика» все еще где-то там, впереди, и он

обязательно ее найдет.

А когда, наконец, он находит ее в очень маленькой комнате, у корня, из которого растет серебряный мир, он обнаруживает, что он не один.

В этой комнате какой-то мужчина, и мужчина глядит на Силенцио и не может поверить, что Силенцио тоже в комнате, в глазах мужчины страх, который, Силенцио чувствует, отражает, как зеркало, его собственный страх, и Силенцио хочет сказать мужчине, что он пришел сюда только затем, чтобы взять часы, потому что они — часть системы стрелок, циферблатов и приклеенных цифр, и что Силенцио не сделает ничего плохого, но глаза у мужчины похожи на глаза тех, кому Крысук показывал нож, и вдруг кто-то кашляет за спиной у Силенцио. Обернувшись, Силенцио видит страшного человека, его голова как облако крови, окровавленный рот раскрыт в безмолвном вопле, и этот рот совсем не шевелится, когда страшный человек произносит:

— Привет, Харвуд.

И вдруг почему-то он вновь рядом со светящейся девушкой.

Она говорит Силенцио, чтобы он снял с себя шляпу, и он снимает ее и видит, как в шляпе

гаснут картинки замка, а комната вся заполнена дымом, и снаружи, через разбитую дверь проникает еще больше дыма, а черный мужчина, седые веточки его волос бессильно свисают, пробил в стенке дырку своим топором. Дырка не очень большая, но он залезает в нее по самые плечи, и Силенцио видит, как черный мужчина дергается, будто что-то его колотит. Он вылезает из дырки обратно в комнату, с выпученными глазами и мокрый, весь мокрый, с него ручьями льется вода, вода хлещет в комнату через дырку, седые волосы, спутавшись, липнут к лицу мужчины, вдруг сверху падает еще больше воды, будто в туннель, похожий на улицу, там, за разбитой дверью, — так много воды!

А человек в длиннополом пальто стоит себе, руки в карманах, и смотрит, как льется вода, и Силенцио видит, как морщины на лице человека становятся глубже. Потом человек кивает Силенцио, кивает черному мужчине и выходит вон через разбитую дверь.

Силенцио очень хочется знать, стало ли в серебряном замке так же мокро.

Глава 68

Абсолютная свобода

Бумзилла — в «Счастливом драконе», приперся обратно, на этот раз потому, что знает: сегодня они в первый раз запустят этот свой долбаный драконовский «Нанофакс», это вам не игрушки, а типа того, что копируешь любое дерьмо из одного магазина в другой. Он не уверен, что врубается, как это, но в магазине бесплатно дают конфеты и много газировки всем детям, к которым он определенно навострился пристраиваться, прямо сейчас, но все псу под хвост, потому что мост загорелся и эти, мать их так, грузовозы слетелись и сбросили чертову прорву воды, приехала сотня, наверно, грузовиков, и все при делах, и полиция тут, и тактические отряды, и вертолеты в воздухе, короче «Счастливый дракон» обломался, и супершоу в честь первого запуска «Нанофакса» не будет, менеджер спятил, ходит взад-вперед по проходу, сам с собой разговаривает. Но магазин все равно торгует на всю катушку, шишки из главного офиса не разрешают ему закрываться, в общем, Бумзилла начал лопать конфеты

бесплатно, а все потому, что охранники знай себе смотрят, как дым валит из мокрого черного мусора, больше на этом конце моста ничего не осталось, так что сам настоящий мост стало видно, ну, старую часть, вон она, тоже черная, висит себе в воздухе, как скелет.

И потом заявляется менеджер и читает по ноутбуку: леди и джентльмены, сей судьбоносный момент истории, трали-вали, и вот мы видим, как самый первый предмет помещается в передатчик в нашем главном филиале в далеком Сингапуре (Бумзилла видит по телевизору, который висит на пилоне, что этот «предмет» — золотая статуэтка «Счастливого дракона» собственной персоной, улыбка до ушей), и через минуту он будет репродуцирован на молекулярном уровне в каждом филиале нашей сети по всей планете.

Кассирша и двое охранников хлопают. Бумзилла сосет ледышку со дна своей газировки. Ждет, чего будет.

У «Нанофакса» в «Счастливом драконе» спереди такой большой люк, что Бумзилла точно туда поместится, коли приспичит, так что в башке у него возникает вопрос: а можно ли так наделать много-много Бумзилл в других местах и можно ли будет доверять этим сраным Бумзиллам? Если

да, тогда он сколотит, в натуре, крутую банду, но вот в чем загвоздка: лично он сам никому не доверяет, так с какой стати они ему будут доверять?

Фонарик над люком делается зеленым, люк отъезжает кверху, и наружу вылазит, типа как раскладная, эта самая голозадая девка, волосы черные, китаянка, а может, японка, в общем, что-то типа того, длиннющая, и титьки маленькие такие. Бумзилле такие не нравятся, но она улыбается, и у всей этой кодлы — кассирши, охранников, менеджера — челюсти отвисают, глаза на лоб лезут: девка потягивается, по-прежнему улыбаясь, и быстро чешет к парадному входу вдоль стойки охранников, и Бумзилла видит, как она тянет руку и открывает дверь, типа все, я ушла, всем привет, а уж там, снаружи, такой бардак вперемешку с катастрофой, что на какую-то голую девку-японку никто и смотреть-то особо не станет.

Но самый что ни на есть сумасшедший бардак заключается в том… и Бумзилла настолько от этого обалдевает, стоя там, в магазине, и глядя на долбаную видеоколонну через стеклянные двери, что решает выйти наружу и скурить последнее русское «Мальборо», чтобы как следует обмозговать увиденное… заключается в том, что, когда

он видит ее проходящей мимо экранов, он видит ее на всех экранах без исключения, выходящей из всех «Счастливых драконов» на всей планете, с одной и той же счастливой улыбкой.

Бумзилла все еще думает, что бы это значило, от «Мальборо» остается лишь фильтр, и тогда он решает: какого черта, время полакомиться омлетоладьями из «драконовской» микроволновки, Бумзилла считает, что это его заслуженный бизнесменский завтрак, у него даже деньги есть, но, когда он заходит обратно, омлетоладьи, как выясняется, кончились, сраные суки пожарные все их сожрали.

— Какого хрена, — говорит он пожарным, — отфаксуйте хоть одну из долбаного Парижа!

Так что охранникам приходится наподдавать ему под зад.

Глава 69

Всё навсегда

Райделл просыпается от боли там, что казалось ему ближайшим приближением к раю, в этом чудесном, сухом, абсолютно новом, высокотехнологичном спальном мешке, рядом со

свернувшейся калачиком Шеветтой, ребра горят; он лежит, слушает, как вертолеты гудят подобно стрекозам, и вяло думает, а не содержит ли чего-нибудь вредного клеящая поверхность, которой он обмотан.

Они нашли этот спальный мешок в герметичной прозрачной упаковке сразу после потопа, болтающимся на одном из клиньев, которыми планер «шарфа» крепился к крыше. И не было в их жизни более желанной находки — скинуть промокшую одежду и забраться в сухое тепло, в этот мешок с водонепроницаемой и, вероятно, пуленепробиваемой подкладкой, — в эту весьма дорогую часть военного обмундирования. И лежать себе там, внутри, и смотреть, как прибывают еще два грузовоза — огромные, неповоротливые, беспилотные гудящие трутни, свернувшие с курса, как впоследствии выяснится, в соответствии с планом, разработанным несколько лет назад группой быстрого реагирования Северной Калифорнии, — прибывают, чтобы сбросить вниз еще больше воды, погасив огонь со стороны Острова Сокровищ, а заодно затопив весь центральный участок. И каждый из грузовозов, истощившийся и ослабевший, мгновенно взлетал, избавившись от балласта, как слон в нелепом слоновьем ба-

лете.

Они держали друг друга в объятиях там, наверху, пока не рассвело, морской ветер уносил с собой запах гари.

Райделл окончательно проснулся и видит голое плечо Шеветты, он ни о чем особо не думает, вот разве что медленно формируется в голове мысль о завтраке, хотя это может и подождать.

— Шеветта? — голос из маленькой дребезжащей колонки. Он смотрит вверх и видит серебряный майларный шарик, натягивающий поводок, глаз видеокамеры наблюдает за ними.

Шеветта шевелится.

— Тесса?

— С тобой все в порядке?

— Да, — отвечает она, голос сонный, — сама-то ты как?

— Это художественный фильм, — говорит голос из воздушного шарика. — Огромный бюджет. У меня есть такие кадры… ты не поверишь, настоящий экшн.

— Что значит «это художественный фильм»?

— Я подписала контракт. Они вылетели сюда этим утром. Что ты делаешь на этой верхотуре?

— Пытаюсь спать. — Шеветта перекатывается на другой бок, натянув на голову спальный

мешок.

Райделл лежит, наблюдая за тем, как воздушный шарик подпрыгивает на своем поводке, пока, наконец, не исчезает.

Он садится и трет руками лицо. Выкатывается из мешка и неуклюже встает — голый мужчина с большой заплатой из серебристой непроницаемой пленки на ребрах. Интересно, на скольких телеэкранах он виден в эту секунду. Хромая, он топает к люку и лезет вниз, в темноту, где с облегчением прислоняется к стенке.

— Райделл?

Райделл вздрагивает. Это Кридмор, сидит на полу, подняв колени к подбородку и обхватив руками голову, мокрую на вид.

— Райделл, — говорит Кридмор, — есть выпить?

— Что ты делаешь на этой верхотуре, Бьюэлл?

— Сначала я залез в эту теплицу, ну, которая внизу. Я думал, там будет вода. Потом я понял, что сварюсь, как жопа каракатицы, ну и залез на эту верхотуру. Сучьи дети.

— Кто?

— Мне крышка, — продолжает Кридмор, не отвечая на вопрос. — Рэнди разорвал со мной контракт, а долбаный мост сгорел. Вот так дебют,

а? Господи!

— Ты можешь сочинить про это песню, я так думаю.

Кридмор глядит на него снизу вверх в полнейшем отчаянии. Нервно сглатывает. Когда он вновь заговаривает, в голосе его ни следа акцента.

— Ты, правда, из Теннесси?

— Конечно, — отвечает Райделл.

— Мать твою, зачем я не оттуда, — говорит Кридмор, голос его тих, но эхом отдается внутри пустого деревянного ящика, солнечный свет пробивается через квадратную дырку над головой, освещая часть досок, два на четыре дюйма сечением, которые выложены в длину, чтобы пол был прочнее.

— А откуда ты, Бьюэлл? — спрашивает Райделл.

— Сукин ты сын, — отвечает Кридмор, снова с акцентом, — я из Нью-Джерси.

И начинает плакать.

Райделл снова влезает наверх, и потом, стоя на лестнице, высовывает голову и смотрит в сторону Сан-Франциско. Конец света, о котором твердил Лэйни, видимо, не случился.

Райделл переводит взгляд на спальный мешок,

внутри него то, что он жаждет больше всего на свете, — та, которую хочет любить всю свою жизнь. Ветер меняется, шевелит его волосы, и когда он выходит на крышу, залитый солнечным светом, все еще слышно, как Кридмор рыдает внизу.

Глава 70

Визит вежливости

Взяв такси до «Трансамерики», он закрывает глаза и видит часы, которые вручил мальчику, — часы, время которых движется по черному циферблату, его собственное внутреннее время вырвалось на свободу, с мертвого якоря его сняла незнакомка, воссоздавшая для него облик Лизы. Стрелки часов вычерчивают орбиту радия, мгновение за мгновением. В это утро он видит спираль бесконечных возможностей, открытых, впрочем, не для него.

Мост, оставшийся за его спиной, — возможно, что навсегда, — это транспортное средство, достигшее конечной станции: соленый воздух, свалочный неон, отрывистые крики чаек. Здесь он краем глаза увидел кусочек жизни, которая,

как он понял, вечна и бесконечна. Видимый беспорядок, организованный неким глубинным, неким немыслимым образом.

Возможно, он слишком долгое время пробыл наемником и сообщником тех, кто якобы правит миром. Тех, чьи мельницы мелют все более мелко, все более близко к какой-то невообразимой точке омега чистой информации, к какому-то чуду, которое вечно должно вот-вот произойти. Которое, подсказывает ему интуиция, явлено не будет, теперь уже — никогда, а если и будет, то совсем не в той форме, о которой мечтали его бывшие работодатели.

В атриуме отеля он описывает цель своего прихода как визит вежливости. Его разоружают, обыскивают, надевают наручники и по приказу Харвуда препровождают в лифт. Когда двери лифта бесшумно закрываются, он ощущает легкое чувство вины перед своими конвоирами за их возбуждение и неопытность, за то, что надели на него наручники спереди, а не сзади.

Еще до того, как скоростной лифт достигнет этажа, на котором находится офис Харвуда, он останется в одиночестве.

Он дотрагивается до пряжки пояса и думает о простом, но убийственно эффективном орудии

между слоями изысканной итальянской телячьей кожи.

И существует в мгновении.

Глава 71

Ямадзаки

Ямадзаки, мрачный и нервный, спускается в метро в час пик ранним утром в сопровождении громадного бритоголового, с изувеченным ухом австралийца.

— Ты знал, что он здесь? — спрашивает здоровяк.

— Он желал уединения, — говорит Ямадзаки, — мне очень жаль.

Ямадзаки ведет австралийца к картонному городу и указывает коробку Лэйни и вход в нее.

— Эта?

Ямадзаки кивает.

Австралиец достает нож, который беззвучно раздвигается от нажатия кнопки. Он вырезает верх ящика и поднимает его, будто крышку коробки с крупой, и Ямадзаки видит наклейки с Коди Харвудом.

Австралиец, будучи намного выше Ямадзаки,

внимательно смотрит внутрь коробки. Сам Ямадзаки не решается туда посмотреть.

— От чего он бежал? — спрашивает австралиец.

Ямадзаки глядит снизу вверх в его маленькие, очень умные глазки, не идущие его тяжелому лицу.

— Ни от чего, — говорит Ямадзаки. — Он бежал навстречу чему-то.

Прибывший поезд в глубинах системы выпускает наверх, на улицу, по запасному пути теплый спертый воздух навстречу новому дню.

Глава 72

Фонтейн

Фонтейн выбирается из почерневших балок и бредет к Брайент-стрит с кувшином воды и парой сандвичей, выданных Красным Крестом. Там царит странная обстановка, уж очень похоже на фильмы-катастрофы. Они Фонтейну никогда не нравились. У медиа больше машин, чем у спасателей, хотя и тех там полно. Жертв удивительно мало, и он решает, что это связано с духом людей, живших на мосту: они всегда серьезно подходили

к делу выживания и верили в неорганизованное сотрудничество. Может быть, думает он, ему никогда не узнать, что все это значило — в смысле причин и следствий, — хотя он уверен, что был свидетелем чего-то значительного.

Он хочет надеяться, что Шеветта и ее парень пробились, — впрочем, он полагает, что это именно так, и профессор исчез, ушел по делам, которыми занимаются люди вроде него, а об этих делах лучше вовсе не знать. Маршалла придется поставить в известность, что его чейн-ган пропал, но это все так, частности. Кто-то разбрызгал напротив лавки целый галлон этой штуки под названием «Килз» — на всякий случай, если липкая масса, оставленная выстрелом чейн-гана, вдруг окажется зараженной какой-нибудь опасной болезнью.

Он подходит к лавке, и до его слуха доносится шорох сметаемых стеклянных осколков. Фонтейн видит, что косолапый парень в больших белых ботинках проделал большую работу, даже расставил вещи на сохранившихся полках. Серебристый кусок железа, похожий на большой шейкер для коктейлей, занимает почетное место, возвышаясь над разбитой витриной между оловянными солдатиками и двумя вазами — из-

делиями окопного искусства, изготовленными из кайзеровских пушечных гильз.

— Куда она делась? — спрашивает Фонтейн, оглядываясь.

Парень перестает подметать, вздыхает, опирается на метлу и молчит.

— Улетела, а?

Парень кивает.

— Сандвичи, — говорит Фонтейн, протянув один из них парню. — Нам тут придется затянуть пояса на какое-то время. — Он вновь поднимает взгляд на серебряный сосуд. Откуда-то ему известно, что там ее нет — кем и чем бы она ни была. Сам сосуд стал историей — ни больше, ни меньше, чем грубые, но в своем роде элегантные вазы из пушечных гильз, выделанные в какой-то французской траншее. В этом тайна вещей.

— Фонтейн…

Обернувшись, он видит Клариссу, стоящую в дверях с сумкой в руках.

— Кларисса…

Беспокойство плещется в глубине ее глаз, зеленых, как море, или тревога, а может, забота.

— У тебя все нормально?

— Да, — говорит Фонтейн.

— Я думала, ты помер, Фонтейн.

— Нет.

— Я принесла еду.

— Дети в порядке?

— Им страшно, — отвечает она, — они с Турмалиной.

— С ней мне тоже было бы страшно.

Улыбка слегка касается ее губ. Она подходит к нему, отставив в сторону сумку. Ее губы мимолетом касаются его губ.

— Спасибо, — говорит он ей, приподнимая тяжелую сумку, откуда поднимаются приятные запахи. — Спасибо, Кларисса.

В глазах ее слезы.

— Подонок, — говорит она, — где мои куклы?

— Мне очень жаль, — отвечает он серьезно, как только может, — они стали жертвами страшного пожара. И они оба начинают смеяться.

Глава 73

Силенцио

— Где ты это нашел?

— Остров Сокровищ, — врет мальчик, передавая часы — солидную ржавую луковицу — через стеклянную витрину.

Силенцио пристально смотрит сквозь лупу на влажный бисквит из металла. Царапает ржавчину алмазным резцом.

— Нержавеющие, — соглашается он и знает, что парень поймет: «нержавеющие» — это прекрасно, хотя не так прекрасно, как «золотые». В общем, стоят, как нормальный обед.

— Я хочу посмотреть, как вы будете их чинить, — подает голос мальчик.

Силенцио вынимает лупу из глаза и смотрит на парня, как будто видит его в первый раз.

— Я хочу посмотреть, как вы будете их чинить. Мальчик тычет пальцем в стекло, показывая на часы, разложенные в витрине.

— Ах, ты про стенд! — говорит Силенцио. — Ты ведь был здесь с Сандро, когда мы реставрировали тот «Вашерон».

Силенцио приносит реставрационный стенд из задней комнаты лавки — квадратную подушечку десять на десять дюймов. Он ставит ее на витрину, и мальчик наклоняется ближе, чтобы рассмотреть бархатисто-зеленую поверхность, которая состоит из миллионов манипуляторов.

Силенцио кладет часы на стенд. Смотрит вместе с парнем, как часы легко и плавно, будто сами по себе, встают на ржавое ребро и, кажется, тонут

— не может быть! — в неглубокой площадке и стекле под нею. Исчезают, как монета, брошенная в ил.

Силенцио смотрит на часы на своем запястье — военный «Жаже Лекультр», Королевские ВВС Австралии.

— Девять минут, — говорит Силенцио, — кофе вон там.

— Я хочу посмотреть, — говорит мальчишка.

— Ничего там не видно.

Внутри стенда ржавый диск часов сканируется и демонтируется. Молекулы приходят в движение. Через девять минут часы снова всплывут, блестящие и безупречные — как в тот день, когда они покинули швейцарскую фабрику.

— Я хочу посмотреть, — повторяет мальчишка.

Силенцио понимает.

Он идет за кофе.

ТРИЛОГИЯ СИНЕГО МУРАВЬЯ

Распознавание образов
(роман)

Сивилла нашего времени. «Охотница за головами» мира моды. Девушка, профессия которой — предсказывать, что войдет в моду в ближайшие месяцы, — вносит новый смысл в само понятие «продвинутость». Ее новое задание — отыскать создателей серии загадочных видеоклипов, появление которых в Сети буквально взорвало весь мировой андеграунд.

Лондон…

Токио…

Москва…

Охота начинается!

Глава 1

Ночной вебсайт

Пять часов разницы с Нью-Йорком. Кейс Поллард просыпается в Камден-тауне, в волчьем

хороводе нарушенных циркадных ритмов.

Безликий выхолощенный час качается на лимбических волнах. Мозг ворочается в черепе, вспыхивает неуместными земноводными желаниями. Голод, вожделение, усталость — сплетаются, сменяют друг друга, и ни одно нельзя удовлетворить.

Даже голод; новенькая кухня Дэмиена начисто лишена съедобного содержимого. Словно демонстрационный стенд в камденском магазине современной мебели. Все очень стильно: верхние шкафчики покрыты желто-лимонным пластиком, нижние — яблоневым шпоном. Везде пустота и стерильность, не считая коробки с двумя шайбами хлопьев «Витабикс» и нескольких пакетиков травяного чая. Новый немецкий холодильник тоже пуст, там живут лишь запахи холода и пластиковых мономеров.

Слушая плеск белого шума под названием Лондон, Кейс думает, что Дэмиен прав, со своей теорией дальних перелетов. Ее душа еще летит над океаном, торопится среди туч, цепляясь за призрачную пуповину реактивного следа. У душ есть ограничение по скорости, они отстают от самолетов и прибывают с задержкой, как потерявшийся багаж.

Похоже, что с возрастом безликий час углубляется, выхолащивается еще сильнее, а спектр его чувственных проявлений становится шире и одновременно скучнее.

Полубесчувственный полусон в полутьме Дэмиеновой спальни, под тяжелым серебристым покрывалом, на ощупь напоминающим рукавицу для духовки. Изготовители, наверное, не предполагали, что кому-то придет в голову под ним спать. Но у Кейс уже не было сил, чтобы искать настоящее одеяло. Роскошная шелковая простыня, изолирующая тело от этого синтетического покрывальника, еле уловимо пахнет Дэмиеном. Кейс это приятно: в безликий час радует любая форма физического контакта с собратом-млекопитающим.

Дэмиен просто друг.

Он говорит, что их «мама-папа» разъемы не совпадают.

Дэмиену уже тридцать лет, он всего на два года моложе Кейс. Но в его душе до сих пор остался генератор ребячества, излучающий волны стеснительного упрямства, которые отпугивают людей с деньгами. Кейс и Дэмиен — безупречные профессионалы: оба отлично знают свое дело и не имеют понятия, откуда берется это знание.

Наберите в «Гугле» имя Дэмиена, и выскочит: «режиссер музыкальных и рекламных клипов». Наберите Кейс Поллард — выскочит «стиль-разведчик», а если копнуть поглубже, то обнаружатся туманные ссылки на «особое чутье», позволяющее играть роль лозоходца в пустыне глобального маркетинга.

На самом деле, говорит Дэмиен, это больше напоминает аллергию. Тяжелая, временами даже буйная реакция на рыночную семиотику.

Дэмиен сейчас в России: скрывается от ремонта и заодно снимает документальный фильм. Едва уловимое ощущение обжитости его квартиры — заслуга иногда ночующей здесь ассистентки режиссера.

Кейс перекатывается на кровати, обрывая бессмысленную пародию на сон. Ощупью находит сброшенную одежду. Мальчиковая черная футболка «Фрут оф зе лум», севшая до нужного размера; тонкий серый свитерок с треугольным вырезом, один из полудюжины купленных в Новой Англии, на оптовом складе школьной одежды; мешковатые черные джинсы «Ливайс 501», с которых тщательно срезаны все лейблы, и даже сбита чеканка с металлических пуговиц — неделю назад, маленьким и весьма удивленным

корейским мастером в Гринвич-виллидж.

Выключатель итальянского торшера. Странный на ощупь, с непривычным щелчком — сконструированный, чтобы выдержать нестандартное заморское напряжение.

Кейс потягивается, надевает джинсы, вздрагивает от холода.

Зазеркалье. Все вилки на бытовых приборах большие, трезубые, заточенные под особую породу электричества, обитающего в Америке лишь в цепях электрических стульев. Руль у машин справа. Телефонные трубки тяжелее и сбалансированы иначе. Обложки бульварных романов напоминают австралийские банкноты.

От яркого галогенного света сужаются зрачки; щурясь, Кейс оглядывается на зеркало, притулившееся у стены в ожидании повешения. Оттуда на нее смотрит черноногая заспанная кукла с волосами торчком, как на щетке для унитаза. Кейс корчит рожу, вспоминая почему-то старого дружка, который постоянно сравнивал ее с портретом обнаженной Джейн Биркин работы Хельмута Ньютона.

На кухне она наполняет итальянский чайник водой из немецкого фильтра. Разбирается с выключателями на чайнике и на розетке. Ожидая,

пока закипит вода, задумчиво разглядывает лимонные плоскости настенных шкафов. Пакетик импортного калифорнийского чая падает в чашку. Журчит кипяток.

В гостиной обнаруживается, что Дэмиен оставил свой верный «Кубик» включенным. Компьютер спит, помигивая огоньками. В этом противоречивое отношение Дэмиена к дизайну: он на пушечный выстрел не подпустит к себе декораторов, пока те не поклянутся, что не будут ничего декорировать, — и в то же время обожает свой «Макинтош» лишь за то, что его можно перевернуть и вынуть внутренности, потянув за волшебную серебряную ручку. Так же, как половые органы у механических девочек из его клипа, думает Кейс.

Усевшись в высокое кресло, она щелкает прозрачной мышкой. Красная подсветка ползет по бледной поверхности деревянного стола. Открывается браузер. Она пишет адрес. Фетиш: Фрагменты: Форум. Дэмиен, помешанный на чистоте настроек, отказывается ставить на него закладку.

Загружается главная страница, где все знакомо, как в гостиной старого друга. На заднем плане стоп-кадр из фрагмента № 48, тусклый и

практически обесцвеченный, так что фигур не разглядеть. Принято считать, что этот фрагмент как-то перекликается с Тарковским. Фильмы Тарковского Кейс знает лишь по фотографиям, хотя однажды все же пошла на «Сталкера», где невзначай уснула во время одной из бесконечно затянутых панорам — крупного плана лужи на разбитом мозаичном полу. Нет, она не из тех, кто постоянно ищет в почерке автора следы влияния классиков. Но есть люди, которые считают по-другому. Культ фрагментов распадается на подкульты, объединенные вокруг известных имен. Трюффо, Пекинпа[238]… Поклонники Пекинпа еще только собираются с силами.

Она заходит на форум, пробегает заголовки постов в новых разделах, высматривая имена друзей, врагов, вообще что-нибудь новенькое. Но уже ясно: новых фрагментов не появилось. Последней по-прежнему остается пляжная панорамка. По одной из теорий, она снята зимой в Каннах, но Кейс с этой теорией не согласна. Французским фрагментщикам так и не удалось отыскать похожий пейзаж, несмотря на бесконечные часы,

[238] Примечания: 238

Франсуа Трюффо — французский режиссер, представитель «новой волны»; Сэм Пекинпа — скандально известный американский режиссер, автор жестоких фильмов.

проведенные с камерой на каннских пляжах.

Она замечает, что ее друг Капюшончик, ездивший в отпуск в Калифорнию, уже вернулся в Чикаго. Открыв его пост, она обнаруживает там лишь одно слово: привет.

Кейс жмет на ответ, называет себя КейсП.

Привет, Капюшончик. (-)

Возвратившись в форум, она с удовлетворением отмечает, что ее пост добавился к списку.

Лишь так можно почувствовать себя дома, хотя бы отчасти. Этот форум стал островком стабильности в ее кочевой жизни. Как привычная кофейня, существующая вне географии и часовых поясов.

На Ф: Ф: Ф примерно двадцать постоянных членов, не считая массы случайных посетителей. Кейси видит, что в чате висят трое. Но нужно зайти, чтобы узнать, кто именно. А в чате она никогда не чувствует себя комфортно, даже с друзьями. Это все равно что общаться, сидя в разных углах темного подвала. Ее раздражают краткость реплик, рваный темп разговора и ощущение, что каждый тараторит о своем.

«Кубик» вздыхает и тихонько жужжит диском, как гоночная машина, сбросившая передачу

на пустынном шоссе. Кейс поднимает чашку, пробует отхлебнуть так называемый чай: все еще слишком горячо. Комната постепенно наливается мутным утренним светом. Из мрака выступают элементы Дэмиенианы, пережившие недавний ремонт.

Два полуразобранных робота у стены — только торсы и головы, очертаниями напоминающие эльфов; точь-в-точь манекены для испытаний машин на удар. Реквизит для одного из видеоклипов Дэмиена. Почему их вид действует так успокаивающе? Очевидно, потому, что они объективно прекрасны, думает она. Женские лица светятся оптимизмом. Ни намека на научно-фантастический китч — Дэмиен этого не терпит. Призрачные порождения предрассветного полумрака с маленькими пластмассовыми грудями, отсвечивающими, словно старый мрамор. Не обошлось и без фетишизма: Кейси знает, что куклы изготовлены по формам, снятым с тела его подружки номер два, считая с конца.

«Хотмэйл» скачивает четыре новых письма; ни одно из них читать не хочется. Письмо от матери, плюс три спама. «Удлините Ваш Член» продолжает ее преследовать. В двух экземплярах. Да еще в компании с «Радикально Увеличьте

Размер Груди».

Удалить спам. Отпить так называемый чай. Следить, как утренние сумерки превращаются в день.

В конце концов она добирается до свежеотделанной ванной Дэмиена. В такой ванной хорошо мыться перед посещением орбитальной станции. Или после расчистки чернобыльских развалин. Не хватает только советских техников в резиновых передниках, которые помогли бы снять свинцовый скафандр, а потом потерли спину жесткими щетками на длинных рукоятках. Краны в душевой устроены с хитрым расчетом: ими можно управлять при помощи локтей. Очевидно, чтобы не испачкать только что вымытые руки.

Она стягивает свитер с футболкой и по-простому, пользуясь руками, а не локтями, включает душ и регулирует температуру воды.

Четыре часа спустя она уже на тренажере в студии пилатеса[239], в фешенебельном переулке под названием Нильс-Ярд. Машина с шофером, предоставленная «Синим муравьем», ожидает за углом. Тренажер — это длинная, приземистая

---

[239] Примечания: 239

Пилатес — комплекс упражнений, напоминающий йогу и созданный около ста лет назад немецким врачом, тренером и спортсменом Джозефом Пилатесом. Популярен среди танцоров и голливудских актеров.

и в чем-то зловещая веймарская штуковина, нашпигованная пружинами. Кейс отрабатывает позицию «клин», положив ноги на специальную подпорку. Платформа, на которой она лежит, катается взад-вперед по металлическим рельсам. Позвякивают амортизаторы. Десять подходов, а потом еще десять на носках и десять на пятках… В Нью-Йорке она тренируется в спортклубе, где всегда полно профессиональных танцоров. Но в Нильс-Ярде в этот час никого нет. Судя по всему, студия открылась недавно. К такому виду фитнеса здесь еще не привыкли. В этом зазеркалье, думает Кейс, популярны другие стимуляторы, более старомодные. Люди курят и пьют так, словно это полезно для здоровья, а с кокаином у них вообще затянувшийся медовый месяц. Она где-то читала, что здешние цены на героин упали до рекордной отметки, потому что рынок перенасыщен демпинговым афганским опиумом.

Закончив с носками, она переходит к пяткам, выгибая шею, чтобы убедиться, что ноги стоят правильно. Ей нравится пилатес: в отличие от йоги медитация здесь неуместна. Нужно следить за тем, что делаешь, и держать глаза открытыми.

Сосредоточенность — это единственное, чем можно скомпенсировать нервное возбуждение

перед новым заданием. Такого она уже давно не испытывала.

Кейс находится здесь по вызову агентства «Синий муравей». Штат у агентства относительно небольшой, филиалы разбросаны по всему миру, образуя структуру скорее внегеографическую, чем транснациональную. В мире неповоротливых рекламных мастодонтов «Синий муравей» с самого начала занял экологическую нишу небольшого проворного хищника. Это новая неуглеродная форма жизни, словно бы целиком выпрыгнувшая из-под иронично выгнутой брови своего основателя, Хьюберта Бигенда, бельгийца по паспорту, который похож на Тома Круза, откормленного трюфелями и коктейлями «вирджин блад».

Кейс нравится в Бигенде только одна черта: он ведет себя так, словно и не подозревает, насколько дурацкая у него фамилия[240]. Если бы не эта деталь, с ним вообще невозможно было бы общаться.

Но это личная эмоция; ровно в час ее надо отключить.

Продолжая отрабатывать пятки, Кейс смотрит

---

[240] Примечания: 240

Бигенд — звучит как big end. Вызывает ассоциации с неким толстым концом (напр., бревна).

на свои часы — корейский клон классических «Кассио джи-шок», с пластикового корпуса которых спилено фирменное клеймо при помощи японского надфиля. Через пятьдесят минут ей надо быть в «Синем муравье».

Она кладет на ножную подставку два зеленых пенопластовых щитка, поднимается на носки, воображая, что стоит на шпильках, и приступает к положенным десяти взмахам.

Глава 2

Стерва

ПК для деловой встречи отражается в витринах бутиков Сохо: свежая черная футболка «Фрут оф зе лум», черная кожаная куртка «Баз Риксон», безымянная черная юбка, найденная на барахолке в Тулсе, черные гетры для занятий пилатесом и черные школьные туфли «Хараджуки». Вместо дамской сумочки — черная дерматиновая папка производства Восточной Германии, бывшая собственность какого-нибудь чиновника «Штази»[241], купленная на аукционе «и-Бэй».

---

[241] Примечания: 241
«Штази» — служба госбезопасности в ГДР.

Кейс ловит бледное отражение своих серых глаз в стеклах витрин, на фоне бесконечных рядов сорочек «Бен Шерман», приталенных дубленок, запонок, напоминающих эмблемы на крыльях британских истребителей «Спитфайр».

ПК — это прикиды Кейс. Так Дэмиен называет ее одежду. ПК могут быть только черными, белыми или серыми и должны выглядеть так, будто появились на свет сами, без участия человека.

То, что люди принимают за минимализм, — это аллергия, развившаяся в результате слишком долгого и тесного контакта с реакторной зоной генераторов современной моды. Перед тем как надеть новую вещь, Кейс безжалостно спарывает все этикетки. Стиль ее одежды невозможно датировать точнее, чем в интервале между 1945-м и 2000-м. Она остается единственным представителем собственной школы аскетизма, несмотря на постоянную опасность превратиться в родоначальницу новомодного течения.

Вокруг бурлит утренний Сохо, постепенно нагреваясь до полуденной отметки, когда корпоративная орда хлынет через край и затопит окрестные бары и рестораны, пустующие в ожидании пятничного наплыва. После переговоров Кейс тоже приглашена на обязательный обед

— в ресторан под названием «Узкоглазые не серфингуют»[242]. Но она уже предчувствует другой серфинг: временная разница утягивает ее в унылое болото серотонинового голодания, где серфингуют перелетные оболочки, поджидая свои заплутавшие души.

Кейс смотрит на часы и ускоряет шаг, направляясь к зданию, из которого «Синий муравей» недавно выкурил другое, более консервативное агентство.

Над головой сверкает ослепительное небо, исчерканное самолетными следами. Нажимая кнопку звонка, Кейс жалеет, что не взяла темные очки.

Она сидит напротив Бернарда Стоунстрита, с которым имела дело еще в Нью-Йорке. Бледное лицо Бернарда покрыто неизменными веснушками, морковно-рыжий чуб зачесан наверх в духе Обри Бердсли с небрежностью, доступной лишь в дорогих салонах. На нем черный костюм от «Пола Смита», пиджак модели 118, брюки модели 11-Т. В Лондоне Стоунстрит придерживается особого стиля: вся одежда выглядит так, словно ее вчера впервые надели, а потом прямо в ней завалились

---

[242] Примечания: 242
Цитата из фильма Копполы «Апокалипсис».

спать, причем каждая вещь стоит не дешевле тысячи фунтов. В Нью-Йорке он предпочитает несколько другой имидж — этакого стиляги, только что побывавшего в жестокой потасовке. Два мира, две разных шкалы культурных ценностей.

Слева от Бернарда сидит Доротея Бенедитти, зализанная, застегнутая и затянутая в пучок на угрожающе деловой манер. Эта женщина, с которой Кейс встречалась в Нью-Йорке лишь мельком, занимает высокое кресло в отделе графического дизайна фирмы «Хайнц и Пфафф». Сегодня утром она прилетела из Франкфурта с проектом новой эмблемы кроссовок. Проект разработан по заказу одного из крупнейших в мире производителей спортивной обуви. Бигенд убежден, что этому сегменту рынка необходимо радикально обновить лицо. Правда, непонятно, каким образом. В зазеркалье объем продаж кроссовок продолжает падать, но и «скейтики», которые их вытесняют, тоже не очень популярны. У Кейс есть свои соображения на этот счет. Она заметила, что на улицах появляются признаки спонтанного зарождения моды на обувь в духе «городской хищник». Эта юная мода переживает пока стадию потребительского переосмысления, но за ней неизбежно последуют стадии коммер-

циализации и глобальной стилизации.

Эмблема должна обеспечить прорыв «Синего муравья» в новую эру. Поэтому Кейс, с ее уникальной рыночной аллергией, попросили прилететь в Лондон и сделать то, что умеет делать только она.

Просьба кажется Кейс немного странной или по крайней мере несовременной. Ей уже давно не приходилось покидать Нью-Йорк по такого рода контрактам. Почему бы не провести телеконференцию? Может, ставки настолько высоки, что вступают в силу соображения безопасности?

Да, похоже, что так. По крайней мере Доротея настроена весьма серьезно. Она серьезна, как раковая опухоль. Перед ней, на тщательно выверенном расстоянии от края стола, лежит элегантный серый конверт, украшенный строго-причудливым знаком «Хайнц и Пфафф» и запечатанный на претенциозно-старомодный манер — веревочкой, обвитой вокруг двух картонных катушек.

Кейс отрывает взгляд от конверта и осматривает обстановку. Деревянные сводчатые перекрытия наводят на мысль о банкетном зале в первом классе трансатлантического дирижабля. Можно представить, во сколько обошелся такой

дизайн в середине девяностых. На бледной облицовке одного из перекрытий видны следы от шурупов — очевидно, там висел фирменный знак предыдущих хозяев. «Синий муравей» собирается все переделать на свой лад. Кое-где уже заметны следы надвигающегося ремонта: стремянка у стены прямо под вентиляционной решеткой; рулоны нового паласа, сложенные в углу, как синтетические бревна из полиэфирного леса.

Кейс слегка улыбается: сегодня Доротея, похоже, решила посоревноваться с ней в аскетизме. Если так, попытка не удалась. Черное платье этой дамы, с виду очень простое, содержит по крайней мере три разных намека, каждый из которых закодирован на своем собственном языке. Кейс замечает острый взгляд, пущенный Доротеей в сторону висящего на стуле «Баз Риксона».

Этот «Баз Риксон» — уникальный, практически музейный экспонат, реплика легендарной куртки «МА-1», которую американские летчики носили во время Второй мировой войны. Апофеоз практичного минимализма. Тихая зависть Доротеи поистине мучительна: она ведь не может не понимать, что японцы, работавшие над дизайном «Баз Риксона», руководствовались соображениями, весьма далекими от моды.

Например, кривые сморщенные швы на рукавах. Подобные швы получались на промышленных швейных машинах довоенного образца, не приспособленных для работы с такой скользкой штукой, как нейлон. Дизайнеры «Баз Риксона» слегка преувеличили этот недостаток, наряду с некоторыми другими мелочами, чтобы подчеркнуть восторженное уважение к своей истории, и в результате получилась имитация, которая выглядит правдоподобнее оригинала. В гардеробе Кейс это, безусловно, самая дорогая вещь, утрата которой была бы практически невосполнимой.

— Не возражаете? — Стоунстрит достает пачку сигарет «Силк кат», которые у некурящей Кейс ассоциируются с британским аналогом японских «Майлд севен». Два типа сигарет, два типа творческих личностей.

— Да, курите.

Кейс только сейчас замечает на столе маленькую белую пепельницу. В контексте деловой Америки этот аксессуар давно уже сделался анахронизмом, подобно плоским серебряным ложечкам для приготовления абсента. (Она слышала, что здесь, в Лондоне, такие ложечки еще можно кое-где увидеть, придя на деловую встречу.)

Стоунстрит протягивает пачку Доротее.

— Сигарету?

Та отказывается. Стоунстрит ввинчивает фильтр в узкую щель между нервными губами; в руке у него появляется коробка спичек — судя по всему, купленная вчера в ресторане, на вид не менее дорогая, чем серый конверт на столе. Он закуривает и говорит:

— Извините, что пришлось тащить вас через океан…

Обгоревшая спичка с легким керамическим звоном падает в пепельницу.

— Это моя работа, Бернард.

— Что-то вы неважно выглядите, — замечает Доротея. — Долетели нормально?

— Пять часов разницы. — Кейс улыбается одними губами.

— А кстати, вы не пробовали новозеландские таблетки? — спрашивает Стоунстрит.

Кейс вспоминает, что его американская жена, в прошлом инженю одного из неудачных клонов сериала «Секретные файлы», недавно открыла новую линию по производству гомеопатической косметики.

— Жак Кусто считает, что временная разница лучше любого наркотика, — отвечает она.

— Ну-с. — Доротея многозначительно смотрит на серый конверт.

Стоунстрит выпускает струйку дыма.

— Ну что же. Думаю, можно начинать?

Они оба смотрят на Кейс. Кейс отвечает, глядя Доротее прямо в зрачки:

— Я готова.

Доротея отматывает веревку с одной из катушек. Открывает конверт. Засовывает туда пальцы.

Наступает тишина.

— Ну что же, — повторяет Стоунстрит, давя окурок в пепельнице.

Доротея извлекает из конверта картонку формата А4 и предъявляет ее Кейс, вцепившись в верхние углы безупречно наманикюренными ноготками.

Рисунок небрежно выполнен широкой японской кистью. Кейс слышала, что сам герр Хайнц любит делать наброски в таком стиле. Изображение больше всего напоминает летящую каплю синкопированной спермы, как ее нарисовал бы в 1967 году американский мультипликатор-авангардист Рик Гриффин. Внутренний радар Кейс моментально сигнализирует, что эмблема никуда не годится. Почему — она не смогла бы

объяснить.

На мгновение перед Кейс возникает бесконечная вереница изможденных азиатских рабочих, которым из года в год придется наносить этот символ на кроссовки, скажи она сейчас «да». Что они будут при этом думать? Возненавидят ли этот прыгающий сперматозоид? Будет ли он им сниться по ночам? Будут ли их детишки рисовать его мелками на асфальте еще до того, как узнают, что это фирменный знак?

— Нет, — говорит она.

Стоунстрит вздыхает, но не особенно тяжело. Доротея засовывает рисунок в конверт и бросает на стол, не потрудившись запечатать.

В контракте Кейс специально оговорено, что, давая подобные консультации, она не обязана мотивировать свое мнение, критиковать образцы и предлагать советы. Она просто выступает в роли одушевленной лакмусовой бумажки.

Доротея берет сигарету из пачки Стоунстрита, закуривает, бросает спичку рядом с пепельницей.

— Говорят, зима в Нью-Йорке была холодной? — спрашивает она.

— Да, холодней обычного, — отвечает Кейс.

— Наверное, очень тоскливо.

Кейс молча пожимает плечами.

— Вы не могли бы задержаться на несколько дней? Подождать, пока мы исправим рисунок?

Кейс недоумевает. Что за вопрос? Доротея должна знать правила игры.

— Я здесь пробуду две недели. Приятель просил присмотреть за квартирой, — отвечает она.

— Значит, фактически вы будете в отпуске?

— Фактически я буду работать на вас.

Доротея ничего не отвечает.

— Наверное, это очень трудно. — Стоунстрит подносит ладонь к лицу; его огненный чуб качается над тонкими веснушчатыми пальцами, как пламя над горящим собором. — Я имею в виду, трудно принимать решения на эмоциональном уровне, по принципу «нравится — не нравится».

Доротея встает из-за стола и, держа сигарету на отлете, подходит к буфетной стойке, где стоят бутылки с водой «Перье». Кейс провожает ее взглядом, затем поворачивается к Стоунстриту.

— Бернард, дело не в том, нравится или не нравится. Это как тот рулон паласа. Он либо синий, либо нет. И никаких эмоций я по этому поводу не испытываю.

Кейс ощущает волну негативной энергии за спиной: Доротея возвращается на место. Обойдя

стол, она неловко гасит сигарету и ставит стакан рядом с конвертом.

— Хорошо, я свяжусь с Хайнцем сегодня вечером. Раньше не могу: он сейчас в Стокгольме, на переговорах с «Вольво».

В воздухе висит сигаретный дым; у Кейс першит в горле.

— Ничего страшного, время есть, — отвечает Стоунстрит таким голосом, что Кейс понимает: времени очень мало.

Ресторан «Узкоглазые не серфингуют» набит битком. Кухня здесь, естественно, вьетнамская, модулированная калифорнийскими мотивами с добавлением французской закваски. Белые стены украшены огромными черно-белыми плакатами с изображениями зажигалок «Зиппо» времен вьетнамской кампании, а зажигалки украшены армейской символикой, грубыми сексуальными сценами и фронтовыми афоризмами. Они напоминают надгробия участников гражданской войны на южном кладбище — если не обращать внимания на картинки и содержание афоризмов. Судя по упору на вьетнамскую тему, этот ресторан существует уже давно.

ВЬЕТНАМЕ.

Зажигалки на плакатах помяты и покрыты ржавчиной, надписи едва различимы; посетители практически не обращают на них внимания.

ПОЛОЖИТЕ В ГРОБ НИЧКОМ И ПОЦЕЛУЙТЕ В ЗАДНИЦУ.

— Вы знаете, что Хайнц — его настоящая фамилия? — спрашивает Стоунстрит, подливая Кейс калифорнийского каберне; она не отказывается, хотя знает, что будет потом жалеть. — Многие думают, что это не фамилия, а прозвище. А вот имени не знает никто, покрыто мраком.

— Каким раком?

— А?..

— Извините, Бернард. Просто очень устала.

— Я же говорю, пейте таблетки. Новозеландские.

БАРДАК ВОЙНЫ — ЗАКОН ПРИРОДЫ.

— Да я уж как-нибудь без таблеток. — Кейс отхлебывает вина.

— Она еще та штучка, да?

— Кто, Доротея?

В ответ Стоунстрит закатывает глаза. Они у него карие, выпуклые, словно покрытые меркурохромом. А по краям радужный ореол с оттенком медно-зеленого.

173-Я ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНАЯ.

Кейс спрашивает Стоунстрита о жене. Тот послушно пускается в воспоминания о триумфальном дебюте огуречной маски, сетуя на политические интриги вокруг захвата розничных торговых точек. Им приносят обед. Кейс переключает внимание на жареные фаршированные блинчики, запустив мимический автопилот на равномерные кивки и поднятие бровей. Она рада, что Стоунстрит взял на себя бремя активной беседы. Мысли начинают опасно путаться, закручиваясь в пестрый танец вокруг недопитого бокала вина.

Дослушать рассказ. Докушать обед. Добраться до кровати и заснуть.

Но надгробия-зажигалки не отпускают, нашептывают свои экзистенциальные элегии.

КОТ ГОВНОГЛОТ.

Декорации в ресторанах должны быть неза-

метными, фоновыми. Особенно если посетители, подобно Кейс, обладают острым звериным чутьем на такие вещи.

— А когда мы поняли, что Харви Никерс не собирается к нам присоединяться…

Кивнуть, поднять брови, откусить блинчик. Полет нормальный, осталось совсем чуть-чуть. Стоунстрит пытается подлить вина, но Кейс накрывает бокал ладонью.

Автопилот помогает ей продержаться до конца обеда, несмотря на помехи, наведенные двусмысленной топонимикой зажигалочьего кладбища: КИНЬ КУЙ ЧАЙ, ВЫНЬ САМ ПЕЙ… Наконец Стоунстрит расплачивается, и они встают.

Сняв куртку со спинки стула, Кейс замечает слева на спине круглую дырочку, прожженную сигаретой. Нейлон по краям оплавился и застыл в коричневые бусинки. Сквозь дырку видна серая подкладка из специального материала. Перед тем как выбрать этот материал, японские дизайнеры наверняка проштудировали целые горы армейских спецификаций.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего, — отвечает Кейс, надевая испорченную куртку.

У самого выхода светится стенд: под стеклом

в несколько рядов висят настоящие зажигалки. Кейс останавливается, чтобы посмотреть.

МЕЧ В КРОВИ, ХРЕН В ДЕРЬМЕ.

Да, приблизительно в таком виде хотелось бы сейчас стоять над Доротеей. Но все равно уже ничего не докажешь. А от пустой злости один только вред.

Глава 3

Приложение

Ей стало плохо в «Харви Николсе».

Ничего удивительного — при ее-то реакции на фирменные знаки.

Началось с того, что она заметила огромную кипу вычурной викторианской одежды рядом с входом в торговый центр, напротив станции метро «Кингсбридж», и подумала: если кто-то и продает «Баз Риксоны», то это «Харви Николс».

Спустившись вниз, к секции мужской одежды, Кейс прошла мимо отдела косметики с подборкой огуречных масок от Елены Стоунстрит. Бернард рассказывал за обедом, каких трудов стоило по-

ставить здесь этот стенд.

Первые звоночки появились рядом с витриной «Томми Хилфигера» — внезапно, без предупреждения. Некоторым людям достаточно съесть один орешек, и голова сразу распухает, как баскетбольный мяч. А у Кейс распухает какая-то нематериальная субстанция в душе.

«Томми Хилфигер» — давно известная опасность, для которой уже найдено ментальное противоядие. В Нью-Йорке эта фирма переживает бурный подъем, вкупе с «Бенетоном», но расположение зон риска знакомо, и враги не могут застать врасплох. А здесь все по-другому. Наверное, все дело в контексте. Кейс просто не ожидала встретить этих монстров в Лондоне.

Даже еще не видя самой эмблемы, она сразу почувствовала: реакция началась. Ощущение, как будто изо всех сил прикусываешь кусок фольги. Достаточно было одного неосторожного взгляда направо, чтобы лавина поехала. Целый склон с надписью «Томми Хилфигер» обрушился у нее в голове, подняв тучу пыли и изменив мир.

Боже мой, неужели они не понимают? Это же поддельный симулякр клонированной имитации подобия! Слабый раствор «Ральфа Лорена», получившийся из жидкой настойки «Брук Бразерз»,

которую в свою очередь приготовили из смеси Джермин-стрит и Савил-роу, взяв за образец худший ширпотреб с тесемками и армейскими полосками. Хуже, чем «Томми Хилфигер» просто не бывает. Это черная дыра, недостижимая асимптота бесконечного процесса клонирования, крайняя степень выхолощенности, после которой уже невозможно взять следующую производную. Точка, наиболее удаленная от первоисточника и начисто лишенная души. «Томми Хилфигер» вездесущ и неразрушим, потому что из торговой марки он превратился в абстрактную категорию.

Надо срочно выбираться прочь из этого лабиринта эмблем!.. Однако не так все просто: эскалатор выходит назад, к станции «Кингсбридж», которая теперь тоже перекинулась в монстра. А если ее удастся проскочить, то дальше улица упирается в площадь Слоана, где притаилась зловещая «Лора Эшли».

Остается только одно — пятый этаж, прибежище мелких магазинчиков в калифорнийском стиле. «Дин и Делюка» в облегченном варианте, с традиционным рестораном, в центре которого, словно футуристический имплант, сверкает и стучит ножами странный механизированный суши-бар, а чуть в стороне скромно помалкивает

обычный бар, где можно заказать превосходный кофе.

Кофеиновую инъекцию она припасала на крайний случай, как серебряную пулю, которой можно сразить химер, поднявшихся на дрожжах серотонинового голода. Сейчас как раз такой случай. Надо немедленно ехать на пятый этаж! Где-то тут должен быть лифт. Да, лифт — это именно то, что нужно. Небольшой безликий замкнутый объем. Ну где же он?!

Она находит лифт, нажимает кнопку. Двери открываются. Внутри никого, как на заказ. Загорается лампочка «5». Лифт трогается.

— Боже мой, я так взволнована! — восклицает захлебывающийся женский голос.

Кейс вздрагивает: кроме нее в тесном зеркально-металлическом гробу никого нет.

К счастью, она уже ездила в таком лифте и быстро осознает, что бесплотные голоса — это аудиореклама. Для удобства покупателей.

— У-уу, это интер-рресно! — вступает урчащий мужской бас.

Нечто похожее она слышала много лет назад, в туалете дорогого гриль-бара на Родео-драйв. Правда, там были не голоса, а спокойное полифоничное гудение луговых насекомых. Звук здорово

напоминал жужжание мух над кучей навоза, хотя вряд ли хозяева стремились создать именно такое впечатление.

Кейс усилием воли блокирует вкрадчивые призрачные голоса. Лифт возносит ее на пятый этаж — слава богу, без единой остановки.

Двери открываются; она выскакивает в просторный светлый объем. Солнце сверкает сквозь стеклянную крышу. Людей меньше, чем обычно. Несколько человек обедает в ресторане. Но главное — на этаже практически нет одежды, за исключением той, что лежит в сумках и надета на плечах. Наконец-то можно передохнуть.

Она задерживается у мясного прилавка, где выложены розовые куски говядины, залитые ярким светом, словно лица телеведущих. Экологически чистое мясо. Гораздо чище человеческого. У бедных коровок диета построже, чем в рекламных брошюрках жены Стоунстрита.

У стойки бара стайка европижонов в темных костюмах, с неизменными сигаретами.

Кейс подходит, подзывает бармена.

— «Тайм-аут», да? — спрашивает тот, приглядываясь.

Его тело заметно деформировано; он сверлит ее взглядом сквозь тяжелые итальянские очки

в черной оправе. Эти очки делают его похожим на «смайлик». Лицо-эмоция, составленное из текстовых символов. Очки-восьмерка, нос-тире и рот — косая черта.

— Простите, не поняла.

— Еженедельник «Тайм-аут». Вы тогда сидели в президиуме. Помните лекцию в ИСИ?

ИСИ, Институт современного искусства. Когда же это было? Лекция о систематике торговых марок, докладчица откуда-то из провинции. Мелкий дождик, моросящий по крыше. Сонные лица в зале, запахи мокрой шерсти и сигарет. Кейс согласилась участвовать, потому что Дэмиен предложил остановиться у него. Он как раз получил деньги за новый ролик для скандинавской автокомпании и купил дом, который прежде несколько лет арендовал. «Тайм-аут» тогда напечатал статью с фотографиями участников.

— Вы ведь следите за фрагментами? — Глаза за стеклами черной восьмерки превращаются в узкие щелочки.

Дэмиен иногда шутит, что фрагментщики — это зарождающиеся масоны двадцать первого века.

— Значит, вы тоже были на лекции? — спрашивает Кейс, выбитая из колеи грубым нарушением контекста. Она отнюдь не знаменитость и не при-

выкла, чтобы ее узнавали в лицо. Правда, культ фрагментов существует вне социальных границ и привычных правил, и его служители должны быть готовы ко всему.

— Не я. Мой приятель. — Бармен проводит по стойке белоснежной салфеткой, смахивая невидимую пыль. Обгрызенные ногти, большой безвкусный перстень. — Потом он мне рассказал, что встретил вас на сайте. Вы с кем-то спорили насчет «Китайского посланника»… Вы ведь не думаете, что это он?

Он — это значит Ким Хи Парк, молодой корейский режиссер, любимец богемы, снявший «Китайского посланника». Стиль фильма многие сравнивают со стилем последних фрагментов, а некоторые даже впрямую считают Кима Парка автором. Задавать такой вопрос Кейс — все равно что спрашивать у Папы Римского, как он относится к катарской ереси[243].

— Конечно же, нет!

— Вышел новый фрагмент, — быстрый хрипящий шепот.

— Когда?

— Сегодня утром. Длина сорок восемь секунд. С

[243] Примечания: 243

Катары (они же альбигойцы) отрицали папскую и епископскую власть.

обоими персонажами.

Вокруг Кейс и бармена словно бы образуется защитный пузырь, сквозь который не проникают звуки. Она тихо спрашивает:

— С диалогом?

— Нет.

— А вы уже посмотрели?

— Еще не успел. Пришло сообщение на мобильник.

— Ладно, не портьте впечатление, — предупреждает Кейс, спохватившись.

Бармен аккуратно складывает салфетку. Сизая струйка «Житана» плывет по воздуху, оторвавшись от европижонов.

— Хотите что-нибудь выпить?

Защитный пузырь лопается, впуская внешний гомон.

— Двойной эспрессо. — Порывшись в папке «Штази», она извлекает горсть тяжелой зазеркальной мелочи.

Бармен выцеживает эспрессо из черной машины в глубине бара. Свистит вылетающий пар. Форум сегодня будет стоять на ушах. Начнется с единичных постов, с какого-нибудь одного очага, в зависимости от часового пояса и места появления фрагмента. А затем разойдется, как взрывная

волна. Отследить людей, которые подкидывают фрагменты, до сих пор никому не удавалось. Они пользуются либо одноразовым имэйлом с динамического Ай-Пи, либо мобильным телефоном, либо какой-нибудь приладой, заметающей следы. Иногда просто оставляют фрагмент на одном из публичных серверов, чтобы активисты форума, рыщущие в сети, сами его обнаружили.

Бармен приносит белую чашку на белом блюдце, ставит ее на черную полированную стойку. Рядом появляется металлическая корзинка, разбитая на секции. В каждой секции особый сорт сахара. Три разноцветных сорта. Еще одна особенность зазеркалья — сахар здесь едят в огромных количествах, добавляя в самые неожиданные блюда.

Кейс сооружает столбик из шести фунтовых монет.

— Не надо, кофе за счет заведения.

— Спасибо.

Европижоны жестами сигнализируют о желании добавить. Бармен отходит к ним. Сзади он похож на Майкла Стайпа[244], накачавшегося анаболиками. Кейс убирает четыре монетки в

---

[244] Примечания: 244
Солист группы REM.

папку, а оставшиеся задвигает в тень от сахарной корзинки. Допив несладкий кофе, она встает и направляется к лифтам. На полпути почему-то оглядывается — и натыкается на пристальный взгляд сквозь черную восьмерку.

Черное такси довезло до Камденского туннеля.

Приступ «Томми»-фобии прошел без следа, но душа все еще не подлетела. Болото усталости вышло из берегов и разлилось до горизонта.

Кейс боится, что уснет на ходу. Автопилот влечет ее по супермаркету, в корзине сами собой появляются продукты. Зазеркальные фрукты, молотый колумбийский кофе, двухпроцентное молоко. В отделе канцелярских принадлежностей прибавляется моток черной изоленты.

Приближаясь по Парквею к дому Дэмиена, она замечает на столбе затрепанную листовку. Выцветший стоп-кадр из позапрошлого фрагмента.

Герой пристально глядит в камеру, сзади угадывается вывеска «Кантор Фицджеральд». На пальце у него обручальное кольцо.

Имэйл от Капюшончика: без слов, только приложение.

Кейс сидит перед «Кубиком» Дэмиена; рядом бурчит полулитровая французская кофеварка,

купленная на Парквее. Аромат убийственно-крепкого кофе. Не стоило бы ей пить это зелье: сон все равно не прогнать, а вот кошмары будут обеспечены, и опять придется просыпаться в предутренний полумрак, в дрожащий неуют безликого часа. Но служение фрагментам требует жертв.

Последний миг на краю пропасти. Момент отрыва, перед тем как открыть новый файл.

Капюшончик назвал его «№ 135». Перед этим было уже сто тридцать четыре фрагмента — чего? Нового фильма, который кто-то продолжает снимать? Старого фильма, который был зачем-то нарезан на кусочки?

Кейс решила пока не заходить на форум. Столкновение с новым фрагментом должно быть чистым и прямым, без посторонних воздействий.

Капюшончик говорит: прежде чем смотреть новый фрагмент, надо постараться забыть о предыдущих, чтобы освободиться от влияния виртуального видеоряда, уже сконструированного в мозгу.

Мы разумны, потому что умеем распознавать образы, утверждает он. В этом наше счастье и наша беда.

Кейс нажимает поршень кофеварки. Густая

жидкость льется в чашку.

Кожаная куртка накинута на плечи одной из кибернимф. Белый торс прислонен к серой стене, нержавеющий лобок упирается в пол. Равнодушное внимание. Безглазая ясность.

Всего-то пять вечера, а уже хочется спать.

Отхлебнуть горячую горькую жидкость. Щелкнуть мышкой.

Сколько раз она сидела вот так, с чашкой кофе, ожидая появления первых кадров?

Сколько времени прошло с тех пор, как она, если пользоваться терминологией Мориса, «бесстыдно отдалась этому фантому»?

Плоский «Студио-дисплей» наливается абсолютной чернотой. Кейс словно присутствует при зарождении кинематографа, в тот судьбоносный люмьеровский момент, когда пыхтящий паровоз налетел на зрителей из тряпичного экрана, повергнув их в первобытный мистический ужас, и они разбежались прочь, оглашая криками улицы ночного Парижа.

Игра светотени. Острые скулы влюбленных, готовых обняться.

У Кейс по спине пробегают мурашки.

До сих пор они ни разу не притрагивались друг к другу.

Чернота на заднем плане смягчается, обретает структуру. Бетонная стена?

Герои выглядят, как обычно. Стиль их одежды стал темой бесчисленных постов Кейс: ее восхищает невозможность точной датировки. Такой анонимности добиться очень трудно. Прически героев тоже ни о чем не говорят. Мужчина может быть и моряком, сошедшим с подводной лодки в 1914 году, и джазменом, отправляющимся в ночной клуб в 1957-м. Нет ни одного намека, ни одной стилистической детали, за которую можно было бы зацепиться. Мастерство высшей пробы. Черный плащ с характерно поднятым воротником принято считать кожаным, однако с таким же успехом он может быть виниловым или резиновым.

Девушка одета в длинное пальто, тоже темное, из неопределенного материала. Форма подплечников уже проанализирована вдоль и поперек в сотнях постов. В принципе подплечники должны указать хотя бы на десятилетие, но к единому мнению пока прийти не удалось.

Голова девушки непокрыта. Это можно расценить либо как намерение сбить хронологическую привязку, либо как намек на силу личности: героиня плюет на этикет и правила приличия своего

времени. Вокруг ее прически тоже сломано немало копий, опять-таки безрезультатно.

Сто тридцать четыре предыдущих фрагмента многократно перетасовывались и сшивались фанатиками всего мира в бессчетное количество возможных видеорядов, но по этим обрывкам до сих пор не удалось определить ни времени действия, ни даже элементарного связующего сюжета.

Историю не раз пытались досочинить, заполнить пробелы собственными измышлениями; наиболее интересные спекуляции новоявленных запрудеров[245] давно живут своей жизнью, превратившись в независимые кинематографические артефакты. Кейс по большому счету не одобряет этих попыток.

Сидя в полумраке Дэмиеновой квартиры, она наблюдает, как на экране сливаются в поцелуе две пары губ, и знает только, что ничего не знает. Хотя отдала бы все на свете, чтобы целиком посмотреть фильм — а он существует, не может не существовать, — из которого надерганы эти восхитительные кусочки.

Над головами обнявшейся пары вспыхивает

---

[245] Примечания: 245

Абрахам Запрудер — автор любительского документального фильма об убийстве Джона Кеннеди.

белый огонь, и черные тени тянутся кривыми когтями, как в «Кабинете доктора Калигари»[246]… Это все, экран гаснет.

Кейс нажимает кнопку, проигрывает фрагмент еще раз.

На форуме полным-полно новых постов: за день набежало несколько страниц. В основном догадки и возбужденный треп в ожидании номера 135. Нужно быть в настроении, чтобы это читать.

Сонливость накатывает, как тяжелая мутная волна; бессилен даже колумбийский кофе.

Кейс вяло раздевается, чистит зубы. Одеревеневшее тело вибрирует от кофеина. Она выключает свет, добредает до кровати и заползает — в буквальном смысле слова — под жесткое серебряное покрывало.

Тяжелая волна нарастает, расшибается с налета.

Свернуться калачиком, в позе зародыша. Отдаться тяжелой волне. Остро прочувствовать одиночество.

---

[246] Примечания: 246

Классический немой ужастик, снятый немецким режиссером Робертом Вине в 1919 г.

Глава 4

Арифметические гранаты

Каким-то чудом Кейс удается промахнуть мимо безликого часа и доспать до зазеркального утра.

Ее будит странный гибрид легкой мигрени и металлических бликов на крыльях отлетевшего сна.

По-черепашьи высунув голову из-под гигантской печной рукавицы, она щурится на сияющие квадраты окон. Солнечный день. Душа, судя по всему, успела за это время подлететь поближе; отношения с зазеркальем перешли в новую фазу — экзотермический скачок, сопровождающийся выбросом энергии. Кейс выпрыгивает из кровати — прямиком в ванную, где хромированный итальянский душ можно настроить на массажный режим. Шипят бодрящие колючие струи. Водяная составляющая Дэмиенова ремонта выше всяких похвал.

Кейс кажется, что рычагами ее тела завладела некая деятельная сущность, обладающая собственным разумом и преследующая непостижимые цели. Любопытно посмотреть, к чему это

приведет.

Высушить голову. Составить ПК на основе черных джинсов. Залить хлопья «Витабикс» молоком, добавить кусочки банана. У молока неуловимый зазеркальный привкус.

Кейс остается только наблюдать, как деятельная сущность уверенно орудует рычагами: отрывает зубами кусок черной изоленты, небрежно заклеивает прожженную дыру. Элемент устаревшего панковского стиля. Надеть вылеченную куртку, проверить деньги и ключи, сбежать по ступенькам, которых еще не коснулся ремонт, мимо чьего-то спортивного велосипеда и стопок старых журналов.

Улица залита солнечным янтарем: полная неподвижность. Исключение — кот, промелькнувший мазком коричневой акварели. Кейс прислушивается на ходу: белый лондонский шум набирает силу.

Чувствуя прилив необъяснимого счастья, она шагает по Парквею; на углу Хай-стрит подворачивается такси, которое вовсе не такси, а просто голубая зазеркальная «джетта», покрытая пылью. Русский водитель за рулем; они едут в Ноттинг-Хилл. Кейс не боится: водитель слишком стар, слишком интеллигентен и слишком неодобри-

тельно на нее поглядывает.

Машина выезжает из Камден-тауна. Кейс сразу же теряет чувство направления. У нее в голове нет дорожной карты города — только схема метро с прилегающими пешеходными маршрутами.

Тошнотворные крутые повороты в лабиринте незнакомых улиц. За окном мелькает непрерывная череда антикварных магазинчиков с периодическими вкраплениями пабов.

Голые блестящие щиколотки черноволосого мужчины, одетого в дорогое вечернее платье — он стоит в дверях с газетой и стаканом молока. Армейский грузовик с непривычно-хмурым выражением фар; кузов, затянутый брезентом; беретка водителя.

Элементы зазеркальной уличной обстановки, назначение которых Кейс не может угадать. Местные аналоги странного заведения под названием «Пункт проверки качества воды» рядом с ее манхэттенской квартирой. Приятель однажды пошутил: внутри ничего нет, кроме крана и стаканчика. Кейс часто представляет себя в этой роли — инспектор-обходчик, который проверяет вкус воды в разных частях города. Не то чтобы этим хочется заниматься всерьез, просто успокаивает сама возможность существования такой

профессии.

К моменту прибытия в Ноттинг-Хилл деловая сущность неожиданно покидает командный пункт, и Кейс остается одна, в растерянности. Расплатившись с русским, она выходит из машины напротив Портобелло и спускается в подземный переход, воняющий пятничной мочой. Большие зазеркальные банки из-под пива, раздавленные, как тараканы. Метафизика коридора. Острая жажда кофеина.

Увы, «Старбакс» на втором этаже за углом еще не открылся. За стеклом опрятный юнец сражается с огромными лотками, нагруженными выпечкой.

Кейс бесцельно бредет по улице, приближаясь к субботней ярмарке. Время семь тридцать. Она не помнит, во сколько открываются магазины, но к девяти здесь уже будет не протолкнуться. Зачем понадобилось сюда ехать? Она ведь не собирается покупать антиквариат.

Кейс продолжает идти в сторону ярмарки. Мимо тянутся миниатюрные домики, раздражающе ухоженные; здесь их, кажется, называют «конюшни». И вдруг замечает этих людей: трое по-разному одетых мужчин, с одинаково поднятыми воротниками. Они неподвижно и

озабоченно глядят в открытый багажник маленькой, нехарактерно старой зазеркальной машины. Точнее, не зазеркальной, а просто английской: по ту сторону океана у нее нет эквивалента. Чуткая память с болезненной поспешностью подсказывает возможное название: «Воксхолл».

Кейс не в состоянии объяснить, что в этих троих кажется столь необычным. Может, серьезность, с которой они разглядывают содержимое багажника? Бритоголовый негр, самый крупный из них, хотя и не самый высокий, затянут наподобие сардельки в нечто черное и блестящее, напоминающее искусственную кожу. Рядом сутулится длинный тип с цементным лицом; его допотопный водонепроницаемый плащ «Барбур» сверкает и лоснится на рукавах, как свежий конский навоз. Третий, молодой блондин с короткой стрижкой, одет в мешковатые скейтбордистские шорты и потрепанную джинсовую куртку; на плече у него объемная сумка, как у почтальона. Шорты и Лондон совсем не вяжутся друг с другом, думает Кейс, приближаясь к троице и заглядывая в багажник.

Там лежат гранаты.

Черные компактные цилиндры, всего шесть штук, покоятся на сером свитере среди картон-

ных коробок.

— Эй, девушка! — окликает парень в шортах.

— Алле! — раздраженно вторит серолицый тип.

Пора уносить ноги, думает Кейс. Но вместо этого поворачивается к мужчинам:

— А?

— Вот, это и есть «Курты», — говорит блондин, подступая ближе.

— Да это же не она, идиот! — прерывает серолицый, уже со злостью. — Она не придет, ясно!

Блондин озадаченно моргает:

— Так вы не за «Куртами»?

— За чем, простите?

— Ну, за арифмометрами.

Кейс, не в силах сдержать любопытства, склоняется над багажником.

— Что это за штуки?

— Арифмометры, — отвечает негр.

Скрипя пластиковой курткой, он наклоняется, берет одну из гранат и отдает Кейс. Тяжелая штука, с насечкой, чтоб не соскальзывала рука. По бокам вертикальные прорези с ползунками, сверху окошки с циферками. На торце ручка, как на кофемолке. Стратегическая кофемолка.

— Ничего не понимаю, — говорит Кейс, борясь

с ощущением нереальности. Вот сейчас все поплывет, и она проснется в Дэмиеновой кровати.

Покрутив предмет в руках, она находит то, что искала — фирменный знак. СДЕЛАНО В ЛИХТЕНШТЕЙНЕ. Лихтенштейн?

— Для чего они нужны?

— Особо точный инструмент, — отвечает негр, — для арифметических операций. Заметьте, ни одной электронной детали, голая механика. С ним работать — все равно что снимать на старую тридцатипятимиллиметровую камеру. Это самый маленький механический калькулятор, когда-либо созданный человеком. — Голос у негра мягкий, сладкозвучный. — Его изобрел австралиец Курт Герцтарк еще во время войны. Он тогда был узником Бухенвальда. Лагерное начальство о его работе знало, но не препятствовало. Это вписывалось в концепцию «интеллектуального рабства». Арифмометр хотели подарить фюреру, когда закончится война. Однако в 1945 году Бухенвальд освободили американцы. А Герцтарк сумел выжить и даже сохранил свои чертежи.

Негр осторожно берет арифмометр у Кейс. Какие огромные у него руки! Толстые пальцы двигают ползунки, выставляя число. Сжав ребристое утолщение, он прокручивает ручку. Мягко

стрекочет механизм, в окошках меняются цифры. Негр подносит прибор к глазам:

— Ну вот, в отличном состоянии. Цена восемьсот фунтов. Что скажете?

Его веки опускаются, он замирает в ожидании ответа.

— Красивая вещь, — говорит Кейс. — Только что я с ней буду делать?

Теперь она чувствует себя увереннее, предложение негра заполнило недостающий контекст. Это просто дилеры, они торгуют этими штуками.

— На хрен я тогда приезжал?! — взрывается серый тип, выхватывая у негра цилиндр. — Овца, блин!

Кейс понимает, что последнее относится не к ней. Серый тип сейчас похож на фотографию Сэмюеля Беккета из школьного учебника. У него ногти с черной каемкой, на длинных пальцах рыжая потрава от никотина. Он злобно поворачивается и кладет цилиндр в багажник, рядом с остальными гранатами.

— Хоббс, имей терпение, — вздыхает негр. — Она еще придет, давай подождем!

— Пошел ты! — огрызается Хоббс.

Склонившись, он ловко укутывает товар свитером. Заботливое, даже материнское движение.

Он захлопывает багажник и дергает крышку, проверяя, закрылся ли замок.

— Только время зря потерял!

Он подходит к передней двери и распахивает ее — с оглушительным лязгом. Кейс успевает заметить салон мышиного цвета, сальную кожаную обивку и переполненную пепельницу, которая выпирает из приборной доски наподобие выдвижного ящика.

— Она придет, Хоббс, — повторяет негр без особого энтузиазма.

Хоббс молча залезает в кабину, хлопает дверью, бросает яростный взгляд через грязное боковое стекло. Мотор заводится с астматическим хрипом. Продолжая злобно сверкать глазами, Хоббс дергает рычаг. Машина трогается, едет в сторону Портобелло и на первом же перекрестке сворачивает направо.

— Не человек, а проклятие какое-то… — вздыхает негр. — Сейчас она придет, и что я скажу? — Он поворачивается к Кейс. — А все вы! Да, вы его разочаровали. Он подумал, что вы — это она.

— Она — это кто?

— Она покупатель. Работа на японский коллекционер, — вступает блондин. У него высокие славянские скулы, открытый взгляд и сильный

акцент, как у эмигранта, еще не привыкшего к английскому. — Не ваша вина, не надо обижайтесь. Нгеми просто огорчился. — Он указывает на негра.

— Ну ладно. — Кейс пожимает плечами. — Извините. Удачи!

Она разворачивается и идет к Портобелло. Рядом открывается зеленая дверь, и на тротуар вываливается полная женщина средних лет. Черные кожаные штаны, собака на поводке. Появление этой матроны из Ноттинг-Хилла словно бы разрывает невидимые путы. Кейс ускоряет шаг.

За спиной стучат ботинки; она оглядывается. Блондин бежит следом, сумка шлепает его по заду. Негр уже куда-то исчез.

— Я вас проводить, пожалуйста, — говорит блондин, поравнявшись с ней и улыбаясь, словно для него это большая радость. — Меня зовут Войтек Бирошек.

— Имя мне Измаил, — отвечает она, не замедляя шаг.

— Разве женское имя? — Он семенит сбоку, по-собачьи заглядывая в лицо. Редкая разновидность наивности, не вызывающая отвращения.

— Да нет, меня зовут Кейс.

— Кейс… Как чемодан?

— Вообще-то имя произносится, как «Кейси». — Она зачем-то начинает объяснять. — Мать назвала меня в честь одного человека по фамилии Кейси. Но мне больше нравится Кейс.

— А кто такой был Кейси?

— Эдгар Кейси, «спящий пророк» из Вирджинии-Бич.

— А зачем так делать ваша мать?

— Потому что она типичная вирджинская чудачка. Вообще она не любит об этом говорить.

Это чистая правда.

— А что вы здесь делать?

— Иду на ярмарку, — по-прежнему не замедляя шаг. — А вы?

— Тоже на ярмарку.

— Что это были за люди?

— Нгеми продавать мне «Зи-Экс 81».

— А что это такое?

— «Синклер Зи-Экс 81», персональный компьютер. Делали такие в восьмидесятых. В Америке называли «Таймекс 1000», то же самое.

— Нгеми — это толстяк?

— Да, торгует старый компьютер, антикварный калькулятор. С девяносто седьмой год.

— Ваш партнер?

— Нет. Организовать мне встречу. — Он похло-

пывает по сумке, внутри что-то гремит. — Для «Зи-Экс 81».

— Но сейчас он продавал арифмометры?

— Да, «Курты». Замечательные! Правда, да? Нгеми и Хоббс надеются на совместная продажа. Коллекционер из Японии. Но Хоббс большая проблема. Всегда большая проблема.

— Что, тоже дилер?

— Математик. Гениальный печальный человек. Сильно любит «Курты», но себе не может позволить. Только посредник, купить и продать.

— Не очень приятный тип.

Кейс решает воспользоваться случаем и поработать стиль-разведчиком на выезде, как она это называет. Ей не впервой высаживаться в трущобных районах типа Дог-тауна, где был изобретен скейтборд, чтобы разнюхать, не вызревает ли там что-нибудь новое. В таком деле главное не ошибиться со следующим вопросом. Именно так она вышла на легендарного мексиканца, который впервые надел бейсболку задом наперед: правильно выбрала следующий вопрос. Вот такая она крутая.

— А на что похожи эти «Зи-Экс 81»?

Войтек останавливается, роется в сумке и извлекает на свет невзрачный потрепанный

прямоугольник черного пластика, размером с видеокассету, к которому сверху привинчена маленькая клавиатура — на манер того, как в дешевых мотелях привинчивают к тумбочке телевизионный пульт, чтобы не украли жильцы.

— Это что, компьютер?

— Один килобайт памяти!

— Всего-то?

Они уже дошли до улицы с названием Вестборн-гроув; дорогие магазинчики попадаются чаще. Впереди, на перекрестке с Портобелло, бурлит ярмарочная толпа.

— А какая от них польза?

— О, это очень сложно.

— Сколько же их у тебя?

— Много, очень много.

— И зачем они тебе нужны?

— Важная веха в истории персональных компьютеров, — отвечает он серьезно. — И в истории Великобритании. Причина, почему здесь так много программисты.

— Да? И почему же?

Вместо ответа Войтек извиняется и ныряет в переулок, где рабочие разгружают помятый фургон. Короткий обмен фразами с крупной женщиной в бирюзовом плаще. Он возвращается, засовывая в

сумку еще два черных прямоугольника.

Они идут дальше. Войтек рассказывает про английского изобретателя Синклера, который был гением в одних вещах и полным профаном в других. Он предугадал потребность в дешевых персональных компьютерах, но почему-то решил, что люди будут в первую очередь использовать их для изучения программных языков. Стоимость «Зи-Экс 81», известного в Америке, как «Таймекс 1000», не превышала тогдашнего эквивалента ста долларов, однако все команды надо было вводить при помощи дурацкой мотельной клавиатуры. Это определило недолгую рыночную жизнь продукта, а также, по мнению Войтека, привело к увеличению процента хороших программистов в Англии. Необходимость вручную кодировать каждый шаг приучила их к определенному складу мысли.

— Как хакеры в Болгарии, — приводит он не совсем понятное сравнение.

— В Америке тоже продавали «Таймексы», — замечает Кейс. — Почему же у нас нет хороших программистов?

— У вас тоже есть программисты, но Америка все по-другому. Америка захотела игровая приставка, «Нинтендо». А «Нинтендо» не может

воспитать программиста. Потом еще другая причина. Компьютер привезли в Америку, самая первая партия. А модуль расширения памяти опоздал на три месяца. Люди купили продукт, принесли домой. А он совсем ничего не может. Катастрофа!

Кейс думает, что люди везде одинаковые. В Англии они хотели «Нинтендо» не меньше, чем в Америке, — и, разумеется, получили то, что хотели. Так что если теория Войтека верна, то грядущее поколение английских программистов будет являть собою печальное зрелище.

— Я хочу кофе, — заявляет она.

Войтек кивает и ведет ее по одряхлевшей галерее на углу Портобелло и Вестборн-гроув — мимо русских лоточников, торгующих старыми часами, потом вниз по ступенькам, в тесное подвальное кафе, и угощает так называемым белым кофе. Этот напиток Кейс помнит по первым детским визитам в зазеркалье, когда здесь еще не было «Старбакса». Слабый кофейный раствор, круто заправленный сгущенкой и тяжелым сахаром. Она пьет и вспоминает отца, их первый поход в лондонский зоопарк. Тогда ей было десять лет.

Они с Войтеком сидят на раскладных деревянных стульях, которые стояли здесь, наверное, еще

до войны, и осторожно прихлебывают обжигающий белый кофе.

И тут Кейс замечает Мишлена — рядом с кассой, буквально в пяти метрах от нее. Белый полуметровый опарыш, насаженный на палочку. Внутри, судя по всему, электрическая подсветка. «Мишлен» — это торговый знак, который впервые вызвал у нее болезненную реакцию — в возрасте шести лет.

— Он получил утку в лицо на скорости двести пятьдесят узлов, — тихонько произносит она.

Войтек смотрит на нее и озадаченно моргает:

— Что?

— Не обращай внимания.

Это ее заклинание.

Один из друзей отца, летчик, когда Кейс была еще ребенком, рассказал историю про своего коллегу, который взлетел из аэропорта Сиу-Сити и столкнулся с уткой, набирая высоту. Лобовое стекло разбилось, в кабину ворвался ветер. Самолет каким-то чудом сумел приземлиться. Пилот остался в живых и даже вернулся к полетам, но в его левом глазу навсегда застряли микроскопические осколки стекла. История буквально заворожила Кейс, и позднее она обнаружила, что даже самых страшных рекламных чудовищ

можно нейтрализовать, если при их появлении произнести эту волшебную фразу.

— Это как вербальный тик, — поясняет она.

— Тик?

— Ну, трудно объяснить…

Кейс оглядывается по сторонам. У стены раскинута небольшая палатка, торгующая викторианскими хирургическими инструментами. Продавец — древний старик с высоким пятнистым лбом, с белыми бровями, которые кажутся грязными. Его голова по-птичьи упрятана в плечи. Он стоит за прилавком, который со всех сторон забран стеклом. Внутри сверкают необычные предметы. Некоторые из них лежат в открытых футлярах, обшитых выцветшим бархатом. Кейс хватается за этот предлог, чтобы как-то вырулить из разговора про утку. Взяв чашку с кофе, она встает, пересекает посыпанный опилками коридор и подходит к прилавку.

— Что это такое? — Она показывает на первую попавшуюся коробку.

Продавец смотрит на нее, потом на коробку, потом снова на нее.

— Набор для трепанации черепа работы Еванса Лондонского, сделанный в 1780 году, в оригинальном футляре из акульей кожи.

— А вот это?

— Французский набор с лучковой дрелью для удаления камней из почек. Начало девятнадцатого века, мастер Гранжере. Футляр красного дерева, с бронзовыми заклепками.

Глубоко посаженные воспаленные глазки ощупывают Кейс, словно прикидывая, не пройтись ли по ней хитроумным изделием мастера Гранжере, которое в разобранном виде блестит в углублениях побитого молью бархата.

— Спасибо, — благодарит Кейс, коря себя за неудачный выбор отвлекающего предлога.

Повернувшись к Войтеку, она машет рукой:

— Пойдем на воздух.

Тот обрадованно встает, поправляет сумку на плече и следует за ней к выходу.

К этому часу на улице полно народу. Любители старины и просто туристы — в основном соотечественники Кейс либо японцы. Толпа, как на стадионе во время концерта. Люди лениво ползут вдоль Портобелло в обоих направлениях, прямо по проезжей части, а тротуары заняты пестрыми лотками мелких торговцев. Тучи разошлись, солнце сияет в полную силу. У Кейс кружится голова — от яркого света, медлительной толпы и внутренней суматохи, вызванной прибытием

отставшей души.

— Сейчас уже плохо, ничего не найдешь, — бормочет Войтек, озираясь и прижимая сумку к животу. — Мне надо пойти, надо работать.

— Кем ты работаешь? — спрашивает Кейс, чтобы разогнать головокружение.

В ответ Войтек кивает на свою сумку:

— Надо проверить исправность. Рад был встретиться!

Покопавшись в кармане, он достает белый картонный прямоугольничек с чернильным штампом. Его электронный адрес.

Кейс не признает визитных карточек. Ни к чему давать значимую информацию малознакомым людям.

— У меня нет визитки, — говорит она, но все же сообщает ему свой имэйл: все равно не запомнит.

Войтек расцветает. Торжествующая улыбка зажигается под геометрически правильными славянскими скулами. Повернувшись, он растворяется в толпе.

Кейс отпивает кофе. Все еще горячий, обжигает язык. Она осторожно выкидывает стаканчик в переполненную урну. Ей хочется пешком вернуться на Ноттинг-Хилл, зайти в «Старбакс» и заказать

нормальный кофе с зазеркальным молоком. А оттуда на метро доехать до Камдена.

Прилетевшая душа угомонилась, головокружение прошло. Кейс чувствует себя комфортно.

— Он получил утку в лицо на скорости двести пятьдесят узлов, — тихонько повторяет она, чтобы закрепить приятное ощущение, и направляется в сторону Ноттинг-Хилла.

Глава 5

По заслугам

«Крестовый поход детей» за несколько лет почти не изменился.

Этим термином Дэмиен называет подростковую тусовку в Камден-тауне. Каждую субботу толпы тинейджеров наводняют Хай-стрит от станции метро до Камден-лока.

Кейс оказывается в этой толпе, поднявшись из гулких громыхающих глубин подземки; ее вывозит на свет трясучий эскалатор, ступени которого обиты запачканной и очень прочной на вид деревянной рейкой.

Запруженная тинейджерами улица похожа на средневековую гравюру, где изображена публич-

ная казнь.

Фасады домов по обеим сторонам украшены искаженными барельефами: макеты старых самолетов, ковбойских сапог и шнурованных ботинок «Доктор Мартенс». Объемные фигуры выглядят коряво, словно их вылепили из пластилина великанские детишки.

В свое время Кейс провела здесь много часов — иногда в компании ведущих дизайнеров обувных гигантов, сколотивших миллионы на кроссовках для бесчисленных молодых ног, а иногда одна, в поисках случайных самородков уличной моды.

Это бурливое скопление совсем не похоже на вялую толпу в Портобелло. Работают другие движущие пружины, летают другие запахи. Феромоны, ароматизированные сигареты, гашиш.

Кейс прокладывает курс в толчее, ориентируясь на вывеску «Вирджин Мегастор», господствующую над местностью. По пути она могла бы немного задержаться, поработать, повертеться в толпе. В Нью-Йорке есть заказчики, которые заплатят хорошие деньги за отчет с подписью «Кейс Поллард» о том, что сегодня делают, носят и слушают эти юные крестоносцы. Но сейчас она просто не в настроении. К тому же формально у нее контракт с «Синим муравьем». Так что

лучше провести тихий вечер в уютной квартире Дэмиена — тем более что добраться туда можно буквально за пару минут, если пройти через овощные ряды на Инвернес-стрит. Заодно и запасы пополнить.

Продукты здесь посвежее, чем в супермаркете. Кейс покупает апельсины, очевидно, привезенные из Марокко или Испании, и несет их домой в розовом прозрачном пакете.

Хорошо, что у Дэмиена нет сигнализации. Кейс уже не раз попадала в дурацкие ситуации, ночуя у друзей, чьи квартиры были поставлены на охрану. Она нащупывает в кармане ключи — большие, увесистые, как фунтовые монеты. Один от подъезда и два от квартиры.

Войдя внутрь, она прислушивается к своим ощущениям. Квартира уже не вызывает дискомфорта: отставшая душа возвратилась, и давешние предрассветные страхи испарились без следа. Сейчас это просто жилище старого друга, недавно отремонтированное. Кейс скучает по Дэмиену. Жалко, что он сейчас на съемках в России. Побродили бы вместе в камденской толпе или поднялись на Примроуз-Хилл.

События сегодняшнего утра кажутся сном: встреча с Войтеком, серолицый математик, чер-

ные калькуляторы из Бухенвальда.

Кейс запирает дверь и усаживается перед компьютером. «Кубик» дремлет, помаргивая огоньками. У Дэмиена выделенная линия, интернет всегда под рукой. Пора зайти на Ф: Ф: Ф, посмотреть, что думают о поцелуе Капюшончик, Кинщик, Мама Анархия и прочие братья-фрагментщики. Форум наверняка запружен свежими теориями.

Капюшончик из них самый интересный. Они постоянно обмениваются имэйлами, даже когда на Ф: Ф: Ф затишье. Кейс знает о нем очень мало: живет где-то в Чикаго; судя по всему, гомосексуалист. Ни имени, ни фамилии. Но когда доходит до фрагментов, они понимают друг друга с полуслова, как никто в мире. Разделяют сомнения, комплексы, интуитивные догадки.

Чтобы не набивать заново адрес форума, Кейс кликает на историю браузера. Открывается окошко журнала.

АЗИАТСКИЕ ШЛЮХИ ПОЛУЧАЮТ ПО ЗАСЛУГАМ.
ФЕТИШ: ФРАГМЕНТЫ: ФОРУМ.

Рука замирает на мыши, глаза — на первой строчке.

Кейс чувствует, как волосы в буквальном смысле шевелятся на затылке.

Она сознает, что это уже непоправимо, что простым умственным усилием не удастся поменять местами азиатских шлюх и Ф: Ф: Ф, тем не менее отчаянно желает, чтобы азиатские шлюхи перескочили на вторую строчку. Однако шлюхи ей не подчиняются. Кейс неподвижно смотрит на экран, словно это не экран, а маленький коричневый паучок из цветника в Портленде. Тогда она тоже застыла в ужасе, а паучок неторопливо полз по цветку, и подошедший хозяин сообщил, что в этом невзрачном насекомом достаточно нейротоксина, чтобы гарантированно и мучительно лишить жизни их обоих.

Квартира Дэмиена уже не кажется надежным убежищем; она превратилась в незнакомое и опасное место. В безвоздушное замкнутое пространство, в котором происходят странные, нехорошие вещи. Кейс вспоминает, что в квартире есть еще второй этаж, куда она в этот приезд так и не поднималась.

Она смотрит на потолок.

И почему-то вспоминает, как однажды лежала на спине, чувствуя легкую радость или скорее приятное полузабвение, а сверху ритмично дви-

гался бывший эпизодический дружок по имени Донни.

У Донни по жизни было больше проблем, чем у других парней, и в конце концов Кейс пришлось признать, что это как-то связано с его именем. Ее подруга с самого начала так и заявила: никто в здравом уме не станет встречаться с парнем по имени Донни. Это был нищий пропойца из Ист-Лансинга, полуирландец-полуитальянец с исключительно красивым лицом и мягким чувством юмора. Очевидно, благодаря этому последнему качеству Кейс неожиданно для себя несколько раз оказывалась на несвежей постели в тесной квартире на Клинтон-стрит между Ривингтоном и Делэнси, созерцая ритмично двигающуюся на фоне облезлого потолка ухмылку Донни.

История закончилась, когда однажды, лежа на спине и наблюдая на лице Донни приметы фазового перехода к неизбежному оргазму, Кейс решила роскошным движением закинуть руки за голову. Ее левая ладонь попала в щель между грязной стеной и спинкой кровати и наткнулась там на что-то твердое, холодное и геометрически правильное. Это был ствол автоматического пистолета, приклеенного, должно быть, при

помощи изоленты той же марки, которой она сегодня утром залепила дыру на «Баз Риксоне».

Донни был левша, и пистолет прилепил соответственно — чтобы можно было легко дотянуться, лежа на спине.

Это был конец романа. В голове у Кейс с легким треском замкнулась простая логическая цепочка: если парень спит с пистолетом — значит, Кейс не спит с парнем. Осталось только подождать, положив пальцы на ребристую рукоять пистолета, пока Донни завершит свой последний конкур на этой лошадке…

Но здесь, в Камден-тауне, в квартире Дэмиена на втором этаже есть комната. Та самая, где Кейс обычно спала во время прошлых визитов. Насколько ей известно, эта комната сейчас переоборудована в монтажную студию.

Может, там кто-нибудь прячется? А в ее отсутствие сходит вниз и от нечего делать смотрит на азиатских шлюх?.. Дико, невозможно! И все же какая-то доля вероятности существует. Страшная мысль.

Кейс заставляет себя внимательно осмотреться. Моток изоленты лежит на ковре — вернее, стоит на боку, как будто он упал и откатился. А ведь она ясно помнит, что положила моток на

журнальный столик, откуда он самостоятельно спрыгнуть не мог.

Паническая пружина подбрасывает ее и влечет на кухню, где она начинает рыться в поисках оружия. Ножи в ящике. Новые, неиспользованные, острые как бритва. Но Кейс не уверена, что сможет с ними управиться, а присутствие режущих объектов только обострит ситуацию. Она выдвигает другой ящик; там коробка с какими-то деталями. Тяжелые блестящие железки, очевидно, запасные органы для киберманекенов. Короткий увесистый цилиндр плотно ложится в руку, плоские торцы едва выступают из кулака. Столбик монет — весьма неплохое оружие, вспоминает она. Хоть какая-то польза от общения с Донни.

Сжимая железку, она осторожно поднимается по ступенькам и осматривает монтажную студию на втором этаже. Никого. И спрятаться негде. Из старой мебели остался только узкий диван — ее привычное спальное место, когда Дэмиен дома.

Кейс спускается и методично обыскивает квартиру, с замиранием сердца открывая двери кладовок. Но обе кладовки тоже пусты: Дэмиен не любит аккумулировать хлам.

В кухне она проверяет нижние шкафы, потом

заглядывает в отсек под раковиной. Притаившегося злодея там нет, зато есть желтая измерительная рулетка, забытая рабочими.

Кейс закрывает входную дверь на латунную цепочку, весьма хлипкую по нью-йоркским стандартам. Да и вообще, в Нью-Йорке дверным цепочкам доверять не привыкли. Но пусть будет хоть какая-то преграда.

Все окна, кроме одного, герметично заперты и закрашены белой эмалью поверх щелей. Доброму плотнику с добрым инструментом потребуется добрых три часа, чтобы какое-то из них открыть. Единственное незапечатанное окно, вскрытое, надо полагать, все тем же добрым плотником, притянуто к раме внушительными зазеркальными болтами с хитрыми головками. Для таких болтов нужен специальный ключ. Интересно, есть ли он у Дэмиена? Так или иначе, это окно можно открыть только изнутри, а стекло цело, и значит, отсюда никто не мог проникнуть.

Кейс снова оглядывается на входную дверь.

У кого-то есть ключи. От обоих замков, плюс еще ключ от подъезда.

Может, Дэмиен завел новую подружку и забыл об этом сообщить? Или, может, старая подружка сохранила ключи. Или уборщица что-то остави-

ла в квартире, а потом вернулась, пока Кейс не было дома.

И тут она вспоминает, что замки поменяли в процессе ремонта. Новые ключи она получила по «Федексу», накануне отъезда. Их выслала ассистентка Дэмиена, та самая, что сразу после ремонта прибрала квартиру. Эта женщина специально звонила в Нью-Йорк, спрашивала, дошли ли ключи, потому что дубликатов у нее не было. И в разговоре, кстати, упомянула, что уборщицу Дэмиен недавно уволил.

Кейс идет в спальню и внимательно осматривает свои вещи. Непохоже, чтобы кто-нибудь в них рылся. Она вспоминает первого «Джеймса Бонда» с чудовищно юным Шоном Коннери. Перед походом в казино тот имел привычку запечатывать дверь гостиничного номера при помощи благородного шотландского плевка и глянцевой черной волосинки.

Теперь уже поздно запечатывать.

Она возвращается в гостиную, где беззаботно дремлет «Кубик» и лежит на ковре рулон изоленты. Комната обставлена просто и семиотически нейтрально. Дэмиен под страхом увольнения запретил декораторам привносить в дизайн стандартные элементы журнальной роскоши.

Где еще могут остаться следы вторжения?

Телефон.

На столе, рядом с компьютером.

Примитивный зазеркальный аппарат без обычных наворотов, даже без индикатора вызовов. Дэмиен считает, что эти штучки только похищают время и создают лишние проблемы.

По крайней мере есть кнопка повторного набора.

Кейс снимает трубку и вопросительно смотрит на нее, словно ожидая ответа. Но слышит лишь равнодушное гудение.

Она нажимает повторный набор. Пищат зазеркальные звоночки. Трубку наверняка поднимет автоответчик «Синего муравья» или дежурный секретарь. Именно туда она звонила последний раз в пятницу утром, чтобы узнать, выехала ли машина.

— *Lasciate un messagio, rispondero appena possible.*

Быстрый, напряженный женский голос.

Гудок.

Кейс яростно бросает трубку, едва сдерживая крик.

«Оставьте сообщение, я перезвоню».

Проклятая Доротея.

Глава 6

Спичечная фабрика

Оглядывая квартиру, Кейс вспоминает голос отца. И повторяет вслух:

— Задача номер один: обеспечить безопасность периметра.

Уин Поллард в течение двадцати пяти лет обеспечивал безопасность зданий американского посольства в различных странах. Выйдя на пенсию, он изобрел и запатентовал особо гуманное ограждение для сдерживания толпы во время рок-концертов.

Любимой детской сказкой Кейс был обстоятельный и подробный рассказ отца о том, как ему удалось обеспечить безопасность канализационных шахт на территории американского посольства в Москве.

Кейс простукивает входную дверь, покрашенную белой краской. Скорее всего это цельный дуб. Причем сработано, подобно многим старым вещам, гораздо крепче, чем требуется. Петли, разумеется, с внутренней стороны, то есть дверь открывается вовнутрь и упирается вот в эту сте-

ну. Кейс прикидывает расстояние до стены, потом критически оглядывается на письменный стол.

Достав из-под раковины рулетку, она замеряет сначала длину стола, потом расстояние между дверью и стеной. Получается зазор в восемь сантиметров. Если подпереть дверь столом, то злодеям потребуется либо топор, либо динамит, чтобы вломиться в квартиру.

Она снимает со стола аппаратуру и аккуратно, не отсоединяя проводов, переносит ее на ковер. Телефон, клавиатура, «Студио-дисплей», колонки. Потревоженный «Кубик» просыпается, и на экране снова возникают азиатские шлюхи. Первой строчкой. Кейс берется за «Кубик», пальцы случайно задевают выключатель. Компьютер вырубается. Она ставит его на пол, включает питание и подходит к опустевшему столу. Верхняя часть легко снимается с боковых подножек. Тяжеленная доска. Но Кейс принадлежит к типу женщин, которые при кажущейся хрупкости фигуры обладают поразительной физической силой. В университете она была гораздо лучшим скалолазом, чем ее тогдашний мускулистый дружок с факультета психологии. Дружок злился и не раз пытался доказать обратное, но Кейс неизменно добиралась до вершины первой, причем

по более сложному маршруту.

Кейс подносит доску к стене, ставит ее на попа и возвращается за остальными частями. Подтащив боковины к двери, она раздвигает их на нужное расстояние и осторожно, стараясь не поцарапать свежеокрашенную стену, опускает на них верхнюю доску. Баррикада готова, можно проверять. Кейс отпирает замки. Дверь открывается на положенные восемь сантиметров и натыкается на стол. Снаружи в образовавшуюся щель нельзя даже заглянуть. Безопасность периметра обеспечена. Она запирает дверь и накидывает цепочку.

«Кубик» выдает на экран предупреждение, что его выключили неожиданно. Кейс подходит, садится на ковер и нажимает «О'кей». Компьютер загружается; она открывает браузер и еще раз убеждается, что азиатские шлюхи никуда не делись. Подавив волну брезгливости, Кейс решительно тычет в них курсором.

К ее немалому облегчению, на сайте нет ни пыток, ни убийств, ни даже грубых извращений. По заслугам азиатские шлюхи получают не что иное, как толстые «болты» во все дыры. Причем эти «болты», в соответствии с канонами сугубо мужской порнографии, показаны абстрактно, вне привязки к мужским телам, словно это не чело-

веческие органы, а наконечники механических манипуляторов.

Закрыв страницу, Кейс вынуждена еще какое-то время сражаться с оппортунистическими рекламными окошками; некоторые из них на быстрый взгляд содержат гораздо худшие вещи, чем азиатские шлюхи.

Теперь в истории браузера эти шлюхи представлены дважды, перед Ф: Ф: Ф и после. Типа, чтоб не сомневалась.

Кейс пытается вспомнить, какой этап в рассказах отца следовал за обеспечением безопасности периметра. Наверное, поддержание нормального жизненного цикла. Психологическая профилактика. Да, именно так он это называл. Займись обычными делами. Сохраняй присутствие духа. Сколько раз за последний год ей приходилось прибегать к этому приему?

Она прикидывает, чем сейчас можно отвлечься, — и вспоминает о форуме и десятках непрочитанных постов, в которых обсуждается новый фрагмент. Вот этим она и займется: вскипятит чаю, почистит апельсин и начнет штудировать набежавшие посты, сидя по-турецки на ковре. А потом спокойно подумает, как поступить с азиатскими шлюхами и Доротеей Бенедитти.

Кейс не впервой использовать форум в качестве защитного фильтра. Пожалуй, только в этом качестве она его и использует. Инструмент для отсечки. Все, что не связано с фрагментами, отсекается. Проблемы, новости, весь окружающий мир.

Наливая в чайник воду, она снова вспоминает голос отца, перипетии его московской миссии.

В глубине души Кейс всегда болела за агентов КГБ. Ей хотелось, чтобы они обошли хитроумную отцовскую защиту и проникли в посольство. Она представляла, как маленькие заводные субмарины, изящные, словно яйца Фаберже, поднимаются по канализационным трубам и всплывают в посольских унитазах, жужжа заводными моторчиками. Иногда ей делалось стыдно: ведь работа отца, которой он так гордился, заключалась как раз в том, чтобы не пускать их в унитазы. Но стыд быстро проходил. Было неясно, почему послы должны бояться забавных плавающих игрушек, и вся миссия воспринималась как некая взрослая игра.

На кухне свистит чайник.

Устроившись перед «Кубиком», будто на пикнике, Кейс заходит на Ф: Ф: Ф. Новых постов действительно много, причем многие из них

далеко не безобидны. Страсти уже начали накаляться.

Мама Анархия опять сцепилась с Капюшончиком.

Капюшончик фактически является спикером фракции «сборщиков». Эти ребята уверены, что найденные фрагменты представляют собой части еще не снятого фильма, которые автор выкладывает в сеть по мере их завершения.

Их противники — фракция «разбивщиков», составляющая крикливое меньшинство. «Разбивщики» придерживаются иного мнения. Они убеждены, что фильм уже отснят и смонтирован, а фрагменты вырезаются из готовой ленты и подбрасываются в произвольном порядке. Мама Анархия — законченный «разбивщик».

На форуме не утихают теософские споры по этому вопросу, но Кейс смотрит на дело проще. Если фрагменты нарезаны из уже отснятого фильма, значит, все фрагментщики стали жертвами одного из самых изощренных издевательств, когда-либо придуманных человеком.

Фрагментщики-основатели, которые нашли и связали друг с другом первые кусочки, были безусловными «разбивщиками». Им казалось очевидным, что за всем стоит какой-нибудь вредный

талантливый студент, выбросивший в интернет куски своей дипломной короткометражки. Однако число фрагментов продолжало расти, а их неизменное качество все убедительнее свидетельствовало против авторского дилетантизма, и постепенно большинство фрагментщиков начало склоняться к мысли, что им показывают свежие монтажные куски нового, еще не снятого полнометражного фильма. Выдающаяся, ни на что не похожая красота операторской работы говорила о том, что в распоряжении таинственного автора находятся весьма серьезные ресурсы, даже если большая часть видеоряда смоделирована на компьютере. В то же время ни в сети, ни в рекламных анонсах не было никаких упоминаний о кинопроекте такого масштаба.

Капюшончик был первым, кто высказал идею о «Кубрике-самоучке». Это произошло вскоре после того, как Айви создала и запустила сайт Ф: Ф: Ф, сидя в своей сеульской квартире. Идея Капюшончика пришлась по душе как «сборщикам», так и «разбивщикам», и даже Мама Анархия скрепя сердце взяла на вооружение термин «Кубрик-самоучка», несмотря на идеологическую неприязнь к его автору. Представим себе, говорил Капюшончик, что фрагменты создает в ночи

непризнанный гений-одиночка, имеющий доступ к студийным мощностям. Представим, что в силу каких-то причин он держит свою работу в тайне, а декорации и героев моделирует на компьютере, от начала и до конца… Обе партии фрагментщиков считают, что такая гипотеза имеет право на жизнь. Только «разбивщики» добавляют, что фильм, разумеется, уже создан, а «сборщики» возражают, что «Кубрик-самоучка» просто выкладывает в сеть свежеиспеченные куски.

Впрочем, сейчас предмет конфликта в другом. Капюшончик опять наорал на Маму Анархию за ее склонность к цитированию Бодриярда и других французских философов, которых он так люто ненавидит. Вздохнув, Кейс нажимает «ответ» и делает Капюшончику стандартный выговор.

> Не стоит забывать, что наш сайт существует только благодаря безграничному терпению и энтузиазму Айви, которая, как и большинство из нас, не одобряет грубых ссор на Ф: Ф: Ф. Айви наша хозяйка, а мы у нее в гостях, поэтому давайте вести себя прилично — если не хотим, чтобы нас всех выставили за дверь.

Она отправляет пост и видит, как его заголовок появляется в списке:

Не надо рвать рубаху. КейсП.

Капюшончик ее друг, он не станет обижаться. На форуме у Кейс такая негласная обязанность: одергивать Капюшончика, когда тот начинает задираться, что случается довольно часто. Айви и сама могла бы с ним управиться, но она занятая женщина, работает в сеульской полиции и не всегда находит время заниматься модерацией сайта.

Кейс перегружает страницу. Ответ уже появился.

Ты где? (-)
В Лондоне, работаю. (-)

Все это очень успокаивает; лучшей психологической профилактики не придумаешь.

Звонит телефон. Дурацкие зазеркальные звонки, которые и в хорошие минуты ее пугали. После минутного колебания она берет трубку.

— Алло?

— Кейс, здравствуйте, это Бернард. — Голос Стоунстрита. — Мы с Еленой приглашаем вас

на ужин.

— Спасибо, Бернард, — она смотрит на стол, подпирающий дверь, — но я что-то неважно себя чувствую.

— Что, временная разница? Ну вот, как раз попробуете таблетки Елены.

— Бернард, спасибо, я…

— Хьюберт тоже будет. Он хотел с вами поговорить. Расстроится, если вы не придете.

— У нас же встреча в понедельник.

— Завтра он улетает в Нью-Йорк, в понедельник его не будет.

Это одна из тех ситуаций, в которых британцы, поднявшиеся в искусстве пассивного давления почти так же высоко, как в искусстве иронии, всегда добиваются своего. Если она сейчас покинет квартиру, то безопасность периметра будет нарушена. С другой стороны, контракт с «Синим муравьем» составляет добрую четверть ее годового заработка.

— Критические дни, Бернард. Извините за прямоту.

— Тогда вы тем более должны прийти! У Елены есть отличные таблетки — как раз для этого.

— Вы что, сами пробовали?

— Что пробовал?

Кейс сдается. Любое общение с людьми сейчас пойдет на пользу.

— Где мы встречаемся?

— Моя квартира в Докланде, в семь часов. Форма одежды обычная. Я закажу вам машину. Рад, что вы согласились! До свидания.

Стоунстрит отключается. Такой внезапной манере вешать трубку он, без сомнения, научился в Нью-Йорке. В зазеркалье существует очень тонкий ритуал окончания телефонного разговора, сложная последовательность вопросов и пожеланий, которую Кейс так и не смогла освоить.

Психологическая профилактика пошла насмарку.

Десять минут спустя, набрав в поисковике «металлоремонт, север Лондона», она звонит в контору под названием «Замки и двери как в тюрьме».

— Вы, случайно, в субботу не работаете? — спрашивает она с надеждой.

— Семь дней в неделю, двадцать четыре часа в сутки, — отвечает мужской голос.

— Но вы, наверное, не сможете приехать прямо сейчас?

— Где вы живете?

Она говорит ему адрес.

— Буду через пятнадцать минут.

— А карточку «Виза» принимаете?

— Принимаем.

Кейс вешает трубку и осознает, что этим звонком затерла номер Доротеи. Правда, непонятно, как извлечь его из телефона, но это была единственная улика, не считая азиатских шлюх. Для проверки она нажимает повторный набор и попадает на человека из «Замков и дверей как в тюрьме».

— Извините, случайно нажала повтор.

— Ровно через четырнадцать минут, — говорит он, словно оправдываясь.

Его фургон приезжает через десять.

Еще через час Дэмиенова дверь обзаводится двумя новыми, очень дорогими немецкими замками. Ключи скорее напоминают детали суперсовременного автоматического пистолета. «Кубик» снова водружен на стол, на привычное место. Замок на подъезде она менять не стала: некоторые из соседей Дэмиена с ней даже не знакомы.

Так. Ужин с Бигендом. Кейс вздыхает и идет переодеваться.

Машина «Синего муравья» поджидает у дверей. Кейс выходит; новые ключи висят на шее на

черном шнурке. Второй комплект она спрятала за микшерным пультом на втором этаже.

Уже стемнело, начинает моросить.

Садясь в машину, Кейс думает, что дождик приостановит «крестовый поход детей», заставит их искать укрытия под гигантскими пластилиновыми сапогами и самолетами, а снаружи останется лишь мокрая шеренга уличных фонарей, оснащенных камерами наблюдения.

Кейс устраивается на заднем сиденье и спрашивает у водителя, худенького опрятного африканца, есть ли станция метро там, куда они едут.

— Да, метро «Бау-роуд», — отвечает тот.

Такой станции она не знает.

Затылок водителя аккуратно подстрижен, в верхнем полукружье правого уха торчит ниобиевая серьга. Снаружи проплывают вывески магазинов, обесцвеченные сумерками и дождем.

То, что Стоунстрит называет обычной формой одежды, для Кейс скорее попадает в категорию парадной, поэтому в состав ПК включена «типа юбка», как говорит Дэмиен. Длинный узкий цилиндр из черного джерси, подшитый с обоих концов. Тесновато, но достаточно удобно. Подчеркивает линию бедер, подворачивается на любую длину. А также: черные чулки, черная вязаная

кофта, с которой маникюрными ножницами спорот ярлык «Ди-Кей-Эн-Уай», и старомодные черные лодочки, купленные в антикварном магазинчике в Париже.

Кейс вдруг испытывает острое желание проехаться на парижском метро — и вспоминает неподражаемое изящество, с каким француженки умеют повязывать шарфик. Мечты о дальних странах — признак нормализации уровня серотонина. А может, стремление унестись подальше от азиатских шлюх, без спроса забравшихся в браузер?

Непонятно, как подступиться к этой внезапно вспухшей проблеме по имени Доротея, о существовании которой она еще вчера не имела понятия. Кейс в который раз безуспешно пытается вспомнить, чем и когда могла насолить этой женщине.

У Кейс практически нет врагов, хотя определенные аспекты ее профессии чреваты конфликтными ситуациями. Например, консультации, подобные вчерашней, когда ее задача сводится к приговору типа «да-нет». «Нет» может привести к расторжению крупных контрактов, люди могут потерять работу. Один из ее клиентов даже вынужден был распустить целый отдел. Но

такое случается крайне редко. Большую часть рабочего времени она проводит на улице, разведывая новые тенденции. Иногда ее приглашают выступить с лекцией перед прилежным отрядом администраторов-новобранцев. Все это достаточно безобидно и вряд ли способно породить конфликты.

Мимо с рычанием проплывает красный двухэтажный автобус. Скорее, не зазеркальный объект, а реквизит диснеевского Лондонленда. На боку приклеен плакатик — стоп-кадр из последнего фрагмента. Поцелуй. Уже успели.

Кейс вспоминает: нью-йоркское метро, час пик, апогей истории с сибирской язвой. Она как раз прошептала утиное заклинание — и вдруг заметила маленький квадратик, приколотый к лацкану изможденной негритянки. Стоп-кадр из нового фрагмента, который Кейс еще не видела. Утка потребовалась, чтобы отогнать навязчивую фантазию: террорист бросает на рельсы стеклянную колбу с концентрированным носителем сибирской язвы. Отец рассказывал про секретные испытания, проведенные в 1960 году. Они показали, что зараза дойдет по туннелям от Четырнадцатой до Пятьдесят девятой улицы всего за пару часов.

Негритянка поймала ее взгляд и сдержанно кивнула, приветствуя единомышленника. Кейс сразу стало легче, внутренняя чернота расступилась от осознания, что в мире их очень много, гораздо больше, чем она могла предположить. Движение-невидимка.

Число фрагментщиков продолжает расти, хотя ведущие СМИ по-прежнему игнорируют это явление. Кейс не возражает — пусть игнорируют. Попытки популяризации, конечно, были, но тема всякий раз соскальзывала с журналистских вилок, как вареная макаронина. Феномен фрагментов проникает в общество незаметно, будто ночная бабочка, под носом у неповоротливых медийных радаров. Бесплотный призрак. Своеобразный «черный гость» — термин Дэмиена, заимствованный у китайских хакеров.

Популярные телешоу, специализирующиеся на поп-культуре и загадочных явлениях, пару раз упомянули о таинственных видеоклипах и даже пустили в эфир несколько убого смонтированных последовательностей, но общество осталось равнодушным, и только Ф: Ф: Ф откликнулся на эти компиляции коротким всплеском саркастических постов. Надо же было додуматься — засунуть номер 23 перед номером 58!

Ряды фрагментщиков растут спонтанно, за счет личных контактов, либо через случайные столкновения с каким-нибудь из фрагментов.

Кейс встретилась со своим первым фрагментом в позапрошлом ноябре, после вечеринки в галерее «Нолита», выйдя из общего туалета. Прикидывая, как обеззаразить подошвы туфель, не притрагиваясь к ним голыми руками, она вдруг заметила небольшую группу: двух человек рядом с третьим, который держал в руках переносной дивиди-плеер. Группа напоминала трех царей со святыми дарами.

На экране дарохранительницы мелькнуло некое лицо; Кейс машинально остановилась и вытянула шею. Пришлось прищуриться, чтобы лучше разглядеть изображение.

— Что это такое? — спросила она.

Девушка в капюшоне обернулась. Колкий взгляд, заостренный птичий нос, блестящий шарик стального гвоздика под губой.

— Фрагменты.

Так началась новая жизнь. Кейс покинула галерею, сжимая в кармане бумажку с адресом сайта, где были выставлены все собранные к тому времени фрагменты.

Впереди, в мокром вечернем полумраке, на-

чинает пульсировать голубой крутящийся свет. Словно сказочный маяк, предупреждающий о водовороте.

Они медленно ползут по крупной магистрали: плотное движение в несколько рядов, на грани пробки. Машина останавливается, сзади тут же подпирают. Водитель чуть подает вперед.

Это авария. Они тихо проезжают мимо, и Кейс разглядывает желтый мотоцикл, лежащий на боку. Передняя вилка неестественно выгнута. Рядом стоит другой мотоцикл — очевидно, служба спасения. У него на мачте вертится голубая мигалка. Чисто зазеркальная концепция: экипаж, способный пробраться к месту аварии сквозь любые пробки.

Спасатель в форме «Белстафф» с широкими светящимися полосами стоит на коленях перед лежащим мотоциклистом. Рядом валяется шлем. Шея мотоциклиста зафиксирована в пенопластовом воротнике, спасатель держит у его лица переносную кислородную маску с баллончиком. Сзади раздается настойчивое уханье — наверное, пробивается машина «скорой помощи». На секунду перед Кейс мелькает лицо пострадавшего: подбородок спрятан под маской, дождь капает на закрытые глаза. Ей представляется душа этого

бедняги, которая сейчас томится в унылом коллекторе на грани двух миров. Или просто на краю всепожирающей бездны.

Трудно понять, с чем столкнулся бедняга, почему упал. Может, сама дорога, по которой он ехал, вдруг изогнулась и сбросила его? Роковой удар часто получаешь, откуда не ждешь.

— Раньше здесь была спичечная фабрика, — рассказывает Стоунстрит.

Они стоят на втором ярусе просторного двухэтажного объема. Глянцевый темный паркет упирается в стеклянную стену, за которой виден широкий балкон. Свечи в подсвечниках.

— Это временное убежище, — добавляет он, — мы подыскиваем что-нибудь другое. — На нем мятая черная рубашка, манжеты расстегнуты. Домашняя вариация образа непроспавшегося кутилы. — Хуби на мостике. Только что приехал. Хотите что-нибудь выпить?

— А почему Хуби?

— Ну, он же в Хьюстон летал, — подмигивает Стоунстрит.

— Тогда уж Хьюби. Они его, наверное, так и звали за глаза.

Хьюби Бигенд, Кубарец.

У Кейс к Бигенду неприязнь чисто личного

свойства, хотя и не из первых рук: с ним встречалась одна из ее нью-йоркских подружек. Старые добрые времена. Марго — так звали подругу. Марго из Мельбурна. Она почему-то называла своего избранника «Кубарец». Сначала Кейс думала, что это как-то связано с его прямоугольной внешностью, но однажды Марго открыла секрет. Кубарец — это аббревиатура краткой характеристики Бигенда: куча бабок, редкий циник. Их роман какое-то время процветал; постепенно, ближе к концу, отношения усложнились и вышли далеко за рамки краткой характеристики.

По просьбе Кейс Стоунстрит подходит к влажной стойке, высеченной в гранитном кухонном острове-монолите, и готовит большой стакан газированной воды со льдом и с лимонной корочкой.

На одной из стен висит триптих японского художника, имени которого Кейс не помнит. Три большие, в человеческий рост, деревянные панели, покрытые многослойной шелкографией. Накладывающиеся изображения фирменных знаков, вперемешку с большеглазыми девочками манга. Каждый слой отшлифован до полупрозрачности и покрыт лаком, а поверх наложен следующий, который тоже отшлифован и по-

крыт лаком. И так много раз. Эффект необычный, очень мягкий и глубокий, поначалу даже успокаивающий, но чем дольше Кейс смотрит, тем отчетливее шевелится внутри необъяснимая паника.

Она переводит взгляд на стеклянную стену и замечает Бигенда, который стоит на балконе, опираясь руками на блестящие мокрые перила. На нем длинный плащ и настоящая ковбойская шляпа.

— Интересно, что о нас будут думать потомки? — внезапно спрашивает Бигенд.

Стол у них сугубо вегетарианский, но этот человек выглядит так, будто ему в вену только что впрыснули чудовищную дозу экстракта сырого мяса. Румяные лоснящиеся щеки, сверкающие зрачки. Не хватает только пушистого хвоста.

Разговор до сих пор тек весьма нейтрально, без упоминания Доротеи или «Синего муравья», и это Кейс вполне устраивает.

Елена, жена Стоунстрита, только что закончила рассказ о применении экстракта бычьих нервных клеток в современной косметике. К этой теме она перешла после фаршированных баклажанов, начав с упоминания о губчатой энцефалопатии, которая развивается у травоядных, если их на-

сильственно кормить мясом собратьев.

Бигенд любит подбрасывать острые вопросики в скучную беседу. Он кидает их, как колючки под колеса. Можно обрулить, а можно наехать, порвать покрышки, нестись дальше со скрежетом на ободах. Сегодня он делает это с самого начала, как только сели за стол — то ли потому, что он начальник, то ли ему действительно скучно: меняет темы равнодушно и безжалостно, как переключают каналы, когда не идет ничего интересного.

— Они вообще не будут о нас думать, — отвечает Кейс, наезжая на колючку. — Не больше, чем мы думаем о средневековье. Я имею в виду, конечно, не знаменитостей, а простых людей.

— Наверное, они будут нас ненавидеть, — вставляет Елена, вглядываясь прекрасными глазами в туманные образы грядущих энцефалопатических химер. В этот момент она похожа на экзальтированную героиню сериала «Архив 7», которая занималась перекодировкой людей, похищенных инопланетянами. Кейс когда-то посмотрела одну серию, потому что ее знакомый снялся там в эпизодической роли работника морга.

— Простых людей? — переспрашивает Бигенд, пристально глядя на Кейс, пропуская мимо ушей

реплику Елены.

Бигенд говорит по-английски без акцента. Впечатление жутковатое, как будто слушаешь вокзальные объявления по громкоговорителю, хотя громкость тут ни при чем.

Кейс выдерживает его взгляд, тщательно пережевывая последний кусок фаршированного баклажана.

— Разумеется, мы не можем представить, как будут выглядеть наши потомки, — говорит Бигенд. — И в этом смысле у нас нет будущего. В отличие от наших предков, которые верили, что оно у них есть. Наши прадедушки могли спрогнозировать мир будущего, исходя из того, как выглядело их настоящее. Но сейчас все изменилось. Развернутые социальные прогнозы — это для нас недоступная роскошь; наше настоящее стало слишком кратким, слишком подвижным, и прогнозы на нем не могут устоять. — Он улыбается, как Том Круз, страдающий переизбытком белоснежных крупных зубов. — Мы не ведаем будущего, мы только оцениваем риск. Прокручиваем различные сценарии. Занимаемся распознаванием образов.

Кейс моргает.

— А прошлое у нас есть? — спрашивает Сто-

унстрит.

— История — это произвольная фантазия на тему, где и что случилось, — отвечает Бигенд, прищурившись. — Что и когда изобрели, что открыли, кто выиграл, кто проиграл. Кто мутировал, а кто вымер.

— Будущее есть, — неожиданно для себя говорит Кейс, — и оно за нами наблюдает. Потомки всматриваются в нас. И в то, что было до нас. Они пытаются понять, на чем стоит их мир. Хотя с их точки зрения наше прошлое совсем не похоже на то, что мы называем нашим прошлым.

— Вы говорите, как гадалка. — Вспышка белых зубов.

— В истории есть лишь одна постоянная, — продолжает Кейс. — Это ее изменчивость. Прошлое все время меняется. Сегодняшняя версия прошлого будет интересовать наших потомков не больше, чем нас интересует прошлое, в которое верили викторианцы. Для будущего наши исторические теории не имеют значения.

Кейс сейчас вольно цитирует Капюшончика, его мысли в споре с Кинщиком и Морисом. Пытается ли автор фрагментов передать атмосферу какого-то исторического периода? Или, наоборот, подчеркнуто избегает хронологических деталей,

чтобы выразить свое отношение ко времени, к неактуальности прошлого?

Теперь очередь Бигенда задумчиво жевать, разглядывая Кейс.

У него бордовый «хаммер» с левым рулем и бельгийскими номерами. Но не типичный приплюснутый суперджип с хроническим тонзиллитом, а последняя, более компактная модель, которая выглядит почти столь же нагло и угрожающе. Салон у новой модели неудобный, несмотря на мягчайшую кожаную обивку. Единственное, что нравилось Кейс в старых «хаммерах», — это огромный, словно лошадиная спина, короб трансмиссии, разделяющий водителя и пассажира. Правда, это было еще до того, как армейские «хамби» сделались привычной деталью нью-йоркского дорожного пейзажа.

Стандартный «хаммер» всегда воспринимался как машина, мало подходящая для свиданий, однако в новой модели Кейс сидит ближе к Бигенду — разделительный горб здесь поуже. Бигенд положил на него свою ковбойскую шляпу «стетсон». В Англии водитель должен сидеть справа, и Кейс постоянно давит на воображаемый тормоз, реагируя на зазеркальное движение. Она пытается удержаться от этих движений, вцепившись в

папку «Штази».

Бигенд твердо заявил, что не позволит ей ехать на такси, а тем более пользоваться томительным гостеприимством неторопливого лондонского метро. О том, чтобы снова вызвать фирменную машину с опрятным водителем, он почему-то даже не упомянул.

Дождь прекратился, и воздух прозрачен, как стекло.

Они мчатся по объездной; мимо пролетают указатели на Смитфилд. Это где-то рядом с рынком.

— Заедем в Кларкенуэлл, выпьем по стаканчику, — сообщает Бигенд.

Глава 7

Предложение

Бигенд паркует «хаммер» на ярко освещенной улице. Очевидно, это и есть Кларкенуэлл. Никаких выдающихся деталей, обычный лондонский район. Магазинчики довольно невзрачны, фасады жилых домов недавно обновлены. Чем-то похоже на Трибеку — не то что Стоунстритова спичечная фабрика.

Открыв бардачок, Бигенд извлекает пластико-

вый квадрат размером с зазеркальный номерной знак и кладет его на переднюю панель. На квадрате большие буквы «ЕС», изображение британского льва и номер машины.

— Разрешение на парковку, — объясняет он.

Кейс выходит из машины и видит, что они стали у бордюра, покрашенного желтым. Неужели у него насколько крутые связи?

Бигенд нахлобучивает коричневый «стетсон», захлопывает дверь, нажимает кнопку на брелке. «Хаммер» дважды мигает фарами и издает короткое мычание. Сигнализация. Хочется ли прохожим потрогать эту машину, похожую на огромную дорогую игрушку? Позволяет ли она к себе прикасаться?

Две минуты ходьбы до места. Бар-ресторан, намеренно отделанный так, чтобы как можно меньше напоминать бар-ресторан. Свет из окон наводит на мысли о перегоревших матовых лампочках, о тенях вольфрамовых нитей, напыленных на стекло. Ритмично бухает музыка.

— Бернард о вас очень хорошо отзывается.

Голос у Бигенда внятный, как у экскурсовода в музее. Странное, завораживающее чувство.

— Спасибо.

Кейс с порога оглядывает плотную толпу. Сразу

видно, что это место из разряда старомодных, для любителей белого порошка. Слишком широкие улыбки, плоские стеклянистые глаза. Картинки из юности.

Бигенд мгновенно получает свободный столик — кому-нибудь другому это вряд ли бы удалось, — и Кейс вспоминает, как ее нью-йоркская подруга признавалась в одном несомненном плюсе времяпровождения с Кубарцом: никогда не приходится ждать. Непохоже, чтобы его здесь знали; просто работает особая манера держаться, невидимая авторитетная татуировка, действующая на определенный тип людей. Одежда тут ни при чем: на нем ковбойская шляпа, архаичный охотничий плащ телячьей кожи, серые фланелевые брюки и ботинки «Тони Ламба».

Официант принимает заказ: «Пильзнер» для Кейс, «Кир» для Бигенда. Они сидят за круглым столиком; посередине мерцает масляная лампа с плавающим фитилем. Бигенд снимает «стетсон», словно какую-нибудь шляпу-федору, и этот короткий жест делает его удивительно похожим на бельгийца.

Напитки появляются, как по волшебству. Бигенд сразу же расплачивается, вынув новую двадцатифунтовую банкноту из толстенного

кошелька, набитого крупными купюрами евро. Официант наливает пиво в стакан. Бигенд оставляет сдачу на столе.

— Не устали? — спрашивает он.

— Временная разница. — Она автоматически с ним чокается.

— Вы знаете, что длинные перелеты приводят к сжатию лобных долей? Физически, так что видно на томографе.

Кейс отхлебывает пиво, морщится. Потом отвечает:

— Нет, просто душа не может летать так быстро. Она отстает, прибывает с задержкой.

— Сегодня вы уже говорили про душу.

— Правда?

— Да. Вы верите, что есть душа?

— Не знаю.

— Я тоже не знаю. — Он делает глоток. — Значит, вы не поладили с Доротеей?

— Кто вам сказал?

— У Бернарда возникло такое чувство. С ней мало кто может поладить. Трудная женщина.

Кейс внезапно вспоминает о папке «Штази», лежащей на коленях. Одна сторона папки перевешивает: перед уходом Кейс неизвестно зачем положила туда импровизированный кастет —

Дэмиенову кибердеталь.

— В самом деле?

— Да. Особенно если заподозрит, что вы хотите присвоить то, что принадлежит ей.

Зубов у Бигенда стало еще больше; они размножаются, как метастазы, уже не помещаются во рту. Его влажные от «Кира» губы выглядят кроваво-красными в тусклом свете. Он откидывает прядь со лба. Кейс врубает сексуальную защиту на максимум; двусмысленные комментарии начинают ее нервировать. Неужели дело в том, что Доротея считает ее своей соперницей? Неужели она стала объектом вожделения Бигенда? Жутковатая перспектива. По словам подруги, поразительная донжуанская настойчивость этого человека сочетается с крайним непостоянством.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, Хьюберт.

— Лондонский филиал. Она думает, что я собираюсь предложить вам должность директора лондонского филиала.

— Но это же абсурд!

Огромное облегчение. Во-первых, действительно абсурд. Кейс не тот человек, которого захотят назначить директором чего-либо. Она чрезвычайно узкий специалист, свободный художник, ее нанимают для решения строго определенных ра-

зовых задач. У нее практически никогда не было постоянной работы. Она живет исключительно на гонорары и начисто лишена управленческих навыков. А во-вторых — и это главная составляющая облегчения, — секс тут, слава богу, ни при чем. По крайней мере Бигенд так утверждает. Его глаза по-прежнему пристально изучают ее, завораживают, словно пытаются куда-то увлечь.

— Доротее просто не понравилось, что я обратил на вас внимание. — Бигенд поднимает стакан, допивает до дна. — Она давно хотела работать в «Синем муравье», метила на место Бернарда. Собиралась уволиться из «Х и П» — еще до того, как мы начали с ними работать.

— Даже не верится, — говорит Кейс, пытаясь представить Доротею на месте Стоунстрита. — Она ведь не из тех, кто любит работать с людьми.

Еще бы. Свихнувшаяся стерва, прожигательница курток и квартирная взломщица.

— Да, я знаю. У нее вряд ли получится. К тому же с Бернардом я работаю много лет, сам его нанимал. И очень им доволен. Вообще, Доротея вряд ли переживет предстоящие перемены.

— Какие перемены?

— Рекламный бизнес будет сокращаться, как и

многие другие. Останутся только лучшие игроки, действительно нужные люди. Профессионального жаргона и крутого выражения лица уже мало.

Кейс и сама слышит рокот приближающихся порогов и даже порой задумывается: удастся ли сохранить свою специальность, донести ее до спокойной воды на той стороне?

— Любой умный человек должен это понимать, должен готовиться, — продолжает Бигенд, глядя ей в глаза.

Кейс решает поиграть в его игру, подбросить ему колючку под колеса.

— Хьюберт, этот последний контракт… зачем он вам? Зачем переделывать эмблему преуспевающего концерна? Это же один из крупнейших в мире производителей кроссовок. Кто продавил эту идею, вы или они?

— Я никогда и ничего не продавливаю. Не мой стиль. Мы с клиентом просто вступаем в диалог, и в процессе диалога рождается некий путь. И это совместное решение уже ничем нельзя изменить. Даже грубым давлением чьей-либо творческой воли.

Его взгляд становится очень серьезным; Кейс буквально бросает в дрожь. Она надеется, что со стороны это не очень заметно. Самому Бигенду,

наверное, и в голову не приходит, что грубому давлению его воли можно сопротивляться.

— Все дело в готовности, в предвосхищении перемен, — говорит он. — Я просто направляю клиента туда, куда все и так движется. Знаете, что самое интересное в Доротее?

— Что?

— Какое-то время она работала в одном очень специализированном агентстве в Париже. Хозяин агентства — отставной французский разведчик довольно высокого ранга. В прошлом он выполнял деликатные правительственные поручения в Германии и в Соединенных Штатах.

— Так она… шпионка?!

— Промышленный шпионаж. Правда, в наше время это звучит несколько старомодно. Думаю, она еще сохранила кое-какие связи. Знает, куда позвонить, если потребуются определенного рода услуги. Но шпионкой я бы ее не назвал. Меня занимает другое: на самом деле их бизнес зеркально противоположен нашему.

— Вы имеете в виду, рекламному?

— Да. Моя задача — донести до людей информацию, которую они уже знают, хотя сами того еще не поняли. Или по крайней мере намекнуть. Как правило, этого достаточно. Просто показать им

примерное направление, и они самостоятельно до всего дойдут, понимаете? И будут верить, что обошлись без посторонней помощи. Я даю только рекомендации общего характера, без конкретных деталей.

Кейс пытается связать это с тем, что она знает о рекламных кампаниях «Синего муравья». Какой-то смысл в его словах есть.

— Но в бизнесе, которым занималась Доротея, — продолжает Бигенд, — все по-другому. Там, наоборот, все крутится вокруг информации о конкретных деталях. По крайней мере мне раньше так казалось.

— А на самом деле?

— На самом деле не всегда. Часто их деятельность сводится к примитивному черному пиару. Конкурентов просто обливают грязью. Малоинтересное занятие.

— Однако вы же думали о том, чтобы ее нанять.

— Да, думал. Правда, не на ту роль, которой она добивалась. А недавно мы вообще дали понять, что не заинтересованы в ее услугах. И теперь она сильно разозлится, если заподозрит, что на ее место собираются взять вас.

Чего он хочет? Может, рассказать ему про курт-

ку, про азиатских шлюх? Нет, не стоит. Кейс ему совсем не доверяет. Доротея — бывшая промышленная шпионка? А Бигенд, выходит, собирался предложить ей работу. Или только говорит, что собирался. А сейчас якобы уже не собирается? Все это может быть ложью.

— Ну что ж, — Бигенд слегка наклоняется вперед, — рассказывайте, я жду.

— Рассказывать? О чем?

— Поцелуй. Что вы о нем думаете?

Кейс мгновенно понимает, что за поцелуй он имеет в виду. Но внезапное превращение Бигенда во фрагментщика требует столь радикальной смены контекста, что несколько секунд она просто сидит и слушает музыку, на которую до сих пор практически не обращала внимания. Диафрагма слегка пульсирует в такт низким частотам. За соседним столиком кто-то смеется. Женский смех.

— Какой поцелуй? — спрашивает она на рефлексе.

В ответ Бигенд лезет в карман плаща и выкладывает на стол щегольской серебристый портсигар, который оказывается титановым дивиди-плеером. Плеер открывается сам по себе; Бигенд поворачивает его, трогает кнопку, и на

экране возникает фрагмент № 135. Кейс просматривает клип до конца, потом поднимает глаза.

— Вот этот поцелуй, — говорит Бигенд.

— Что именно вы хотите узнать? — Она все еще в шоке.

— Я хочу узнать ваше мнение: насколько важен этот фрагмент по сравнению с предыдущими.

— Но как мы можем судить об относительной важности фрагментов? Мы же не знаем их сюжетной последовательности.

Бигенд выключает плеер, убирает его в карман.

— Я говорю не о сюжете, а о порядке появления фрагментов.

Кейс не привыкла так думать о фрагментах, хотя этот подход ей знаком. Она уже догадалась, куда Бигенд клонит, однако продолжает прикидываться дурочкой.

— Но ведь фрагменты не появляются в логическом порядке. Их последовательность либо случайна…

— Либо тщательно продумана, чтобы создать иллюзию случайности. Дело не в этом. А в том, что я впервые встречаю столь эффективный механизм подпольного маркетинга. Я отслеживаю посещаемость на сайтах энтузиастов, анализи-

рую динамику — где и как эта тема упоминается в сети. Темпы распространения просто поразительны. Ваша корейская подруга…

— Откуда вы знаете?

— Мои люди постоянно наблюдают за сайтами, где упоминаются фрагменты. Кстати, ваши высказывания — один из самых ценных источников информации. Активистов не так уж много; несложно догадаться, что вы и есть «КейсП». Поймите, ваш интерес к фрагментам — достояние общественности. А значит, вы фактически участвуете в создании новой субкультуры.

К мысли, что Бигенд и его люди рыщут на Ф: Ф: Ф, еще предстоит привыкнуть. Форум стал для Кейс вторым домом, уютным, как гостиная старого друга, но она всегда помнила, что по сути дела это аквариум. Своеобразная текстовая трансляция, на которую может настроиться любой желающий.

— Хьюберт, — осторожно спрашивает она, — зачем вам это нужно?

Бигенд улыбается. Ему надо перестать так улыбаться. Если бы не эти зубы, его можно было бы назвать привлекательным. Интересно, существуют ли дантисты, специализирующиеся на косметическом уменьшении?

— Насколько искренен мой интерес, вы ведь это хотите спросить. Потому что сами увлечены совершенно искренне. Для вас фрагменты — серьезная страсть. Чтобы убедиться, достаточно почитать ваши посты. И именно в этом ваша ценность. Плюс еще ваш особый талант, необычная аллергия, укрощенная патология, которая сделала вас живой легендой современного маркетинга. Искренен ли мой интерес к фрагментами? Вы ведь знаете, моя страсть — маркетинг, реклама, стратегия пиара. Когда я впервые столкнулся с фрагментами, именно этот аспект меня привлек. Устойчивое, пристальное внимание людей к продукту, которого, возможно, даже не существует. Мог ли я спокойно пройти мимо? Мимо гениальнейшей, а главное, абсолютно новой рекламной выдумки еще совсем юного века?

Кейс наблюдает за пузырьками, бегущими сквозь почти нетронутый «Пильзнер». И пытается вспомнить, что говорят в интернете о корнях этого человека, об истории взлета «Синего муравья». Его отец — богатый брюссельский промышленник. Неизменные летние каникулы на вилле в Каннах, старая престижная школа в Англии. Потом учеба в Гарварде и дерзкий, но бесславный набег на Голливуд в качестве незави-

симого продюсера. Потом таинственный период тихого бездействия где-то в глуши, в Бразилии. «Синий муравей» возник сначала в Европе, потом открылись филиалы в Лондоне и в Нью-Йорке.

Биографические факты, скупые обрывки таблоидных сплетен, странная связь с Марго, развитие которой Кейс наблюдала со стороны, хотя и в режиме реального времени — все это надо увязать со столь неожиданно открывшимся интересом к фрагментам. Истинной причины этого интереса Кейс не понимает, но уже начинает о ней догадываться. И это ее тревожит.

Она смотрит ему в глаза.

— Вы думаете, на этом можно сделать хорошие деньги?

Взгляд Бигенда становится серьезным.

— Я не гонюсь за деньгами. Меня интересует только совершенство.

Кейс видит, что он не лжет. Но от этого не легче.

— Хьюберт, куда вы клоните? В моем контракте написано, что я должна оценить дизайн фирменного знака. И все. Про фрагменты там ничего не говорится.

— Пока что мы с вами просто болтаем, — произносит он тоном приказа.

— Не думаю. Вы вообще никогда просто так не болтаете.

Бигенд улыбается уже по-другому: меньше зубов и больше искренности. Судя по всему, эта улыбка означает, что Кейс удалось проникнуть сквозь первую линию обороны, и теперь она уже не совсем посторонний человек. Она узнала его более интимную оболочку, образ странного, нечеловечески настырного мальчика-гения тридцати с лишним лет, рыщущего в рыночных дебрях юного века в поисках если не абсолютной правды, то хотя бы информации о движущих пружинах. Этот образ она уже встречала в некоторых статьях, в восторженных отзывах журналистов, купившихся на особую улыбку и прочие приемчики.

— Я хочу, чтобы вы его нашли.

— Его?..

— Автора.

— А почему именно его? Может, ее? Или их?

— Не важно. Автора. Я обеспечу вас всем необходимым. Работать будете не с фирмой «Синий муравей», а лично со мной. Мы будем партнерами.

— Но почему?

— Потому что я хочу узнать, кто он. Так же,

как и вы.

Тут он прав.

— А вам не приходило в голову, что если вы его найдете, то процесс может прерваться?

— А зачем ему знать, что мы его нашли?

Кейс открывает рот — и не находит, что возразить.

— Вы думаете, мы одни хотим его отыскать? — продолжает Бигенд. — Подумайте, ведь сегодня реклама товара требует гораздо больше творческих ресурсов, чем производство. Не важно, кроссовки это или фильм. Именно поэтому я основал такую фирму — «Синий муравей». И с этой точки зрения человек, который создает фрагменты, — настоящий гений, без дураков.

* * *

Бигенд везет ее в Камден-таун. Или по крайней мере в направлении Камден-тауна. Они только что проехали поворот на Парквей и углубились в лабиринт улочек, окружающих Примроуз-Хилл. Это главная лондонская возвышенность, один из самых богатых районов, даже более престижный, чем Камден. Кейс не раз гуляла здесь с Дэмиеном, но единственное название, которое приходит на ум, это Сильвия Плас. У ее знакомых была здесь

небольшая мансарда. Продав ее, они смогли купить галерею в Санта-Монике, в двух шагах от Фрэнка Гери.

Кейс чувствует себя неловко, происходящее ей не нравится. Она не знает, что думать о предложении Бигенда. Он переключил ее в один из тех режимов, которые последний терапевт называл «старыми привычками». Суть режима состоит в том, что она говорит «нет», но недостаточно уверенным тоном, и потом все равно продолжает слушать, в результате чего у оппонента появляется возможность постепенно подгрызать это «нет», незаметно для самой Кейс превращая его в «да». Ей казалось, что этот режим давно побежден, но сейчас он снова включился.

Бигенд, ее безжалостный партнер в этом нелепом танце, искренне не может представить, чтобы кто-нибудь отказался выполнять его волю. Марго называла это качество наиболее проблемным и в то же время наиболее эффективным аспектом его сексуальности: к объекту своего вожделения Бигенд подходит так, будто уже получил согласие на предложение переспать. Кейс только что обнаружила, что в бизнесе он ведет себя точно так же. Любая предстоящая сделка воспринимается им как уже заключенная. Если

вы не решаетесь подписать с ним контракт, он заставляет вас поверить, что все уже подписано, только вы почему-то об этом забыли.

Его воля похожа на что-то липкое, аморфное, словно сгусток сырого тумана. Этот туман наползает, обволакивает, сковывает мысли и желания, и начинаешь поневоле двигаться вслед за ним.

— Вы не видели альтернативный монтаж последнего Лукаса?

«Хаммер» сворачивает, проезжает мимо ресторанчика, который выглядит удивительно по-ресторанному, будто его открыли только позавчера или недавно перестроили, чтобы привлечь новых клиентов. Свеженький симулякр, пугающий своим совершенством. Большие окна вымыты до идеальной прозрачности. Внутри мелькает силуэт рыжеволосой женщины в зеленом свитере и бокал, поднятый в приветственном тосте. Все исчезает, как сон. Машина с рычанием ныряет в темный переулок, пролетают спящие фасады жилых домов. Еще один поворот.

— Лукас — только начало. Почему-то решили взяться именно за него. Если так пойдет, то даже археологи не смогут восстановить оригинальные, классические сюжеты. — Руль влево, поворот, визжат шины. — Современные музыканты, ко-

торые посообразительней, выкладывают новые композиции в интернет, как пирожки на подоконник, в расчете на то, что люди их анонимно доработают. Девять редакций из десяти окажутся полным дерьмом, зато десятая может получиться гениальной. Причем совершенно бесплатной. Впечатление такое, что творческий процесс больше не ограничен рамками отдельно взятого черепа. Продукт любой деятельности является отражением чего-то еще.

— И фрагменты? — Кейс не может удержаться.

— В этом вся прелесть! Автор умудрился вырваться из порочного круга. Фрагменты можно монтировать как угодно, но их невозможно перемонтировать.

— Это только пока. Когда он закончит фильм, появится возможность альтернативного монтажа.

— Он? — ухмыляется Бигенд.

— Автор. — Она пожимает плечами.

— Вы уверены, что фрагменты — части какого-то одного фильма?

— Конечно! — Ни секунды колебания.

— Почему?

— Не могу рационально объяснить. Просто чувствую сердцем.

Ей самой странно, что она так выразилась.

— Сердце — это мышца, — назидательно говорит Бигенд. — То, что вы называете «чувствую», происходит в лимбической части вашего мозга, которая досталась в наследство от млекопитающих. Глубокий древний уровень, не признающий логики. Уровень, на котором работает реклама. А кора с извилинами тут ни при чем. То, что мы привыкли называть рассудком, — не что иное, как самоуверенный нарост, который совсем недавно появился на зверином мозгу. А тот в свою очередь насажен на доисторический земноводный стержень. Современная культура пытается нас убедить, что все наше сознание заключено в коре, в этом тонком наросте. Но при этом забывают, что под наростом покоится здоровенный шмат звериного мозга — могучего и молчаливого, занятого своими древними делами. И именно там рождается желание покупать.

Кейс бросает на него быстрый взгляд. Сосредоточенное лицо, без тени улыбки. Возможно, его истинное лицо.

— Когда я создавал «Синего муравья», это было определяющим правилом. Хорошая реклама должна быть нацелена на древнюю, глубинную часть мозга, минуя речь и логику. Люди, кото-

рых я нанимаю, должны уметь работать на этом уровне, сознательно или бессознательно. Это главное условие. И такой подход себя оправдывает.

Кейс вынуждена согласиться: действительно, оправдывает. «Хаммер» тормозит у подножия большого холма, поросшего травой. Мягкий свет зазеркальных фонарей. Дэмиен рассказывал ей легенду о местном Икаре, когда-то слетевшем отсюда — очень давно, еще до основания Римской империи. Деталей она не помнит. Этот холм всегда был священным местом, местом казней и жертвоприношений. В старые времена он назывался Гринберри. Друидское слово.

На этот раз Бигенд уже не выставляет разрешение на парковку, этот современный эквивалент средневековых городских вольностей. Хлопнув дверцей и плотно нахлобучив шляпу, он начинает бодро взбираться по склону холма. На секунду его фигура пропадает в полоске черноты между фонарями. Кейс идет за ним. За спиной отрывисто бибикает включенная сигнализация. В этом весь Бигенд — вперед, к вершине, не оглядываясь на ковыляющих позади. Кейс пытается за ним угнаться, мысленно ругая себя за слабоволие. Дура, зачем ты ему позволяешь? Что может быть

проще? Просто повернуться и уйти. Пешком добраться до дома, вдоль пустынной набережной, слушая плеск чернильной воды. Мимо темных шлюзов, мимо бомжей, пьющих сидр на лавочках. Но она продолжает карабкаться. Трава здесь выше, чем кажется на первый взгляд. Ноги уже промокли от росы. Совсем не городское ощущение.

На самой вершине одинокая скамейка, и Бигенд сидит там, глядя вниз, на Темзу, на сказочные лондонские огоньки, мерцающие сквозь мутную дымку городских испарений.

— Скажите мне «нет», — говорит он, не оглядываясь.

— Что?

— Скажите «нет», откажитесь от моего предложения. Снимите тяжесть с души.

— С удовольствием. Нет.

— Подумайте до утра.

Кейс начинает хмуриться, но вдруг понимает, что в ситуации есть определенный комизм. Бигенд намеренно, чуть ли не застенчиво дает понять: он прекрасно знает, что ведет себя шокирующе. Простой и весьма эффективный обезоруживающий приемчик.

— Что вы будете делать, если я найду автора?

— Еще не знаю.

— Станете его продюсером?

— Сомневаюсь. Люди еще не придумали названия для роли, которую я буду играть. Защитник, устранитель проблем…

Он сидит чуть сгорбившись, подняв плечи фавновского плаща, словно бы вглядываясь в мерцающий Лондон. Но Кейс замечает, что на коленях у него лежит дивиди-плеер. Он снова смотрит фрагмент с поцелуем.

— Вам придется обойтись без моей помощи.

Бигенд отвечает, не поднимая головы:

— Подумайте до утра. Иногда утром все выглядит по-другому. Я хочу, чтобы вы познакомились с одним человеком.

— Повернитесь. — Кейс снимает с него шляпу. — Вот, смотрите!

Она берет шляпу в левую руку, средний и указательный пальцы ложатся в углубление. Легким движением надевает ее, потом сбивает чуть набекрень, хлопнув по полям.

— Вот так. — Она смотрит на него, подбоченясь. — А снимать надо вот так. — Она показывает. — А то вы похожи на городского старпёра, который не может залезть на лошадь без стремянки.

Она возвращает ему шляпу. Бигенд нахлобучивает ее, отклоняется назад, смотрит из-под полей:

— Спасибо.

Кейс поворачивается в сторону города.

— А теперь отвезите меня домой. Я устала.

Перед дверью квартиры она встает на цыпочки и убеждается, что черный волосок марки «Кейс Поллард», наклеенный на дверную щель посредством плевка той же марки, никуда не делся. Потом находит в папке пудреницу, которой почти никогда не пользуется. Пальцы по пути задевают холодную сталь киберцилиндра. Опустившись на колени, она подставляет зеркальце и видит непотревоженный слой пудры на нижней половине дверной ручки.

Спасибо, мистер Бонд!

Глава 8

Водяной знак

Убедившись, что остальные, внутренние ловушки тоже не сработали, Кейс будит компьютер и проверяет почту.

Два письма: от Дэмиена и от Капюшончика. Она начинает с Дэмиена.

Привет из оттаявшего сердца сталинградских болот — от вороны, все еще не утратившей белизны, несмотря на комариные укусы и недельную щетину! Чтобы слиться с местной стаей, надо пить так, как я еще не скоро научусь. Место для съемок здесь просто улетное. Не помню, успел ли рассказать тебе перед отъездом: тема моего фильма — черная археология. Это такой постсоветский летний ритуал. Каждый год в гнилые комариные леса съезжается долбанутая русская молодежь с лопатами. Едут со всей страны, но больше всего из-под Ленинграда. Во время войны здесь была одна из самых жестоких, грандиозных и продолжительных битв. Все изрезано окопами, линия фронта многократно перемещалась взад-вперед, поэтому останки залегают слоями. Когда начинаешь копать, натыкаешься сначала на немецкий слой, потом идет русский, потом опять немецкий. В основном, конечно, кости: темно-серые облом-

ки, плавающие в илистой липкой грязи, которая зимой замерзает, как камень. Грязь, если я правильно понял, анаэробная. Плоть, конечно, сгнивает (и слава богу), однако кости и предметы сохраняются идеально, и это привлекает черных археологов. Часы, ордена, оружие всех видов. Вчера один парнишка откопал нераспечатанную бутылку водки. Правда, пить ее не стали, испугались, что может быть отравлена. Визуально — просто нет слов! Пьяные бритоголовые копатели, пирамиды серых костей, вещи, которые они извлекают из-под земли… Хотя работать очень непросто. С одной стороны, мы должны постоянно пить, иначе нас побьют и изгонят, как чужаков. Такая здесь атмосфера. С другой стороны, нужна относительная трезвость ума, чтобы удерживать в руках камеру и не забывать менять батарейки. Поэтому я так долго не писал. Работа, водка, работа, водка… И так 24 часа в сутки. Поначалу я думал, что это будет разведывательная поездка, а по-настоящему снимать начнем следующим летом. Но теперь мне ясно, что это чушь.

Во-первых, такой уровень безумия вряд ли повторится — даже здесь, в России. Второй раз в эту речку уже не войти. А во-вторых, если я отсюда уеду, то уже никогда не вернусь, ни за какие коврижки. Мик (наш ирландский оператор) подхватил хронический кашель. Боится, что это неизлечимая форма туберкулеза. Другой оператор, малютка Брайан, в порядке культурного обмена напился с копателями в дрова, после чего уснул в канаве. А проснувшись, обнаружил на плече огромную свежую татуировку на кинжально-паучью тему, выколотую, судя по всему, при помощи ржавого гвоздя. Другой бы на его месте заработал нервный срыв, но Брайан австралиец, рост два метра, этим его не проймешь. Умывшись, он пошел разбираться, разыскал злосчастного художника и сломал ему челюсть. Теперь опухоль на плече сошла, а Брайан ходит в полосатой безрукавке, пользуясь неоспоримым и всеобщим уважением. Мы с ним считаем, что Мик просто нытик и баба, и никакого туберкулеза у него нет. Правда, близко к нему не подходим — на

всякий случай. А что у тебя? Как дела? Поливаешь мои цветы и кормишь рыбок? Не обижают тебя рекламные онанисты из Сохо? Я сейчас отдал бы левую ступню за пять минут в горячем душе. Думаю, у меня завелись лобковые вши — и это после того, как я обрил голову, чтобы не подцепить каких-нибудь паразитов! Малютка Брайан каждый раз перед сном покрывает себе яйца бесцветным лаком для ногтей. Утверждает, что это отпугивает насекомых. Но я-то знаю правду! Ему просто нравится это делать, потому что он скрытый гомик и эстетствующий мазохист.

Ладно, целую. До скорого! Дэмиен.

P. S. Если кто еще не понял: от поездки я в полном восторге!!! Еще никогда в жизни я не был так счастлив.

Кейс открывает письмо Капюшончика.

Пока народ истекает слюнями по поводу «поцелуя», как впоследствии несомненно назовут № 135, мы с Мусаши, взяв молитвенники, гордо удалились в виртуальную глушь. Не знаю, следишь ли ты за

Ф: Ф: Ф в промежутках между попытками заработать денежку на то, что некоторые люди самоуверенно называют «жизнь», но форум буквально сошел с ума из-за номера 135, причем это помешательство, судя по всему, затяжное. Ты уже слышала про Си-эн-эн?

Нет, она ничего не слышала.

Сообщаю — на тот случай, если ты была в коме (счастливица): вчера они показали слегка сокращенную запись 135-го в вечернем выпуске, и теперь все сайты планеты наводнены мычащими стадами завороженных новичков-фрагментщиков.

Кейс делает паузу, чтобы это переварить. Если номер 135 показали вчера по Си-эн-эн, то Бигенд не мог об этом не знать. Однако он ни словом не обмолвился. Почему? Возможно, хотел, чтобы она обнаружила сама, уже после разговора. Надеялся, что проявление столь глобального интереса к фрагментам склонит чашу весов в пользу его предложения? Если так, то она вынуждена признать: он не ошибся в расчетах. При одной мысли,

что фотография таинственного автора будет напечатана во всех газетах, ее передергивает.

> В силу этой, а также ряда других причин я временно забросил Ф: Ф: Ф, превратившийся за последние два дня в исключительно зловонное место благодаря псевдофилософским миазмам толстухи М.А., и прицепился по интернету к сенсэю Деррилу на предмет дальнейшего изучения кандзи, начатого мною во время недавнего визита в Калифорнию.

Деррил, он же Мусаши — это калифорнийский фрагментщик, свободно говорящий по-японски. Японские сайты, посвященные фрагментам, — предмет пристального и восхищенного интереса Капюшончика. Используя Мусаши в качестве переводчика, он периодически отправляется туда на разведку, всякий раз публикуя результаты своих рейдов на Ф: Ф: Ф. Кейс поначалу тоже пробовала пройтись по некоторым адресам, но скоро поняла, что это пустая трата времени. Страницы, сделанные на кандзи (таких оказалось большинство), не поддавались машинному переводу, а редкие исключения, использовавшие кану, в интерпретации автопереводчика напоминали

бред стеснительного матерщинника, к речи которого применили устаревший цензурный фильтр для ненормативной лексики в ранних мультфильмах, когда буквы в нехороших словах заменяли звездочками и другими специальными символами.

> Незадолго до моего отъезда мы с Деррилом погрузились в загадочные глубины одного из форумов на региональном сервере Осаки и обнаружили ссылку на весьма любопытный факт: японские коллеги несколько раз упомянули, что на фрагменте № 78 удалось якобы обнаружить цифровой водяной знак. Промежуточные этапы этого удивительного открытия я опускаю (все они тщательно заархивированы на тот случай, если тебе придет охота их подробно просмаковать).

Кейс знает о цифровых водяных знаках лишь понаслышке. До сих пор никто не употреблял этот термин применительно к фрагментам. Что это значит — поставить водяной знак на видеоклип?

> Но сейчас уже не вызывает сомнения:

номер 78 действительно помечен цифровым водяным знаком! Значит ли это, что остальные фрагменты тоже помечены? Этого мы, к сожалению, не знаем. Зато нам известно, что для нанесения водяного знака использовалась технология под каббалистическим названием «стеганография». Считаю нужным подчеркнуть — на случай, если ты ушибла голову и утратила способность понимать очевидные вещи, — что это самый грандиозный прорыв с момента появления в сети первого фрагмента. И свершился этот прорыв только благодаря стальной настойчивости и остроумию твоего покорного слуги. Я мог бы еще упомянуть скромный вклад Мусаши-сана, но прежде мы с ним должны разобраться с фрагментами полупереваренной пиццы, которыми этот нетрезвый свинтус заплевал одну из моих лучших футболок во время последнего очного диспута.

Кейс отворачивается от экрана. Не спеша отхлебывает чай. Сегодняшний день и так уже можно назвать одним из самых странных за последнее

время. Но то, о чем она собирается прочесть, может стать одним из поворотных моментов всей ее жизни. Капюшончик не шутит с такими вещами. Тайна происхождения фрагментов важнее, чем все бигенды, синие муравьи и доротеи, вместе взятые. Важнее даже, чем карьера. Кейс не может понять причину, однако твердо знает, что это так. Всепоглощающая страсть, которая объединяет их всех: Капюшончика, Айви, других истинных фрагментщиков. Объяснить это нельзя, можно только почувствовать.

> Стеганография — это способ спрятать информацию, перемешав ее с другой информацией. Вот все, что я пока знаю. Но вернемся к нашему открытию. Вынырнув из шепелявых бездн кандзи и почувствовав под ногами твердь родного английского, мы с Мусаши какое-то время задумчиво рассматривали наш трофей, странное слово, которое я поначалу принял за артефакт небрежного перевода. План действий родился у меня уже по возвращении в Чикаго — и мы с Деррилом сразу же принялись за его воплощение. Мы создали виртуальную

японскую личность по имени Кейко, которая начала постить на форуме в Осаке. Очень мило, очень дружелюбно. Разумеется, по-японски. Никакой пошлости и дешевых секс-приманок. Кейко, правда, выходит в сеть через калифорнийского провайдера, но лишь потому, что она изучает английский в Сан-Франциско. Не прошло и двух дней, как некто Такаючи начал робко клевать с нашей ладошки. Этот Таки, как он попросил себя величать, вхож в одну из отаку-тусовок[247] с претенциозным названием «Мистика», хотя ее членам запрещено упоминать это имя всуе. Таки утверждает, что хакеры секты сумели обнаружить водяной знак на № 78. Знак, говорит Таки, представляет собой некий номер, который ему каким-то образом удалось узнать. Более того, сей пылкий юнец, движимый желанием запустить потную руку под нашу клетчатую мини-юбочку, описанную нами во всех подробностях, пообещал поделиться этим номером на первом

[247] Примечания: 247

Отаку *(яп.)* — фанатик чего-либо, например, аниме. Слово имеет негативный оттенок.

же свидании, как только мы вернемся в Токио. Я, конечно, горжусь бесспорной славой первооткрывателя столь важного, хотя и не до конца проверенного факта (часть этой славы по праву принадлежит моему верному пиццаизрыгающему переводчику). Мамуля Анархия обгадит панталоны ядовито-зеленой завистью, если я расскажу на Ф: Ф: Ф о нашем открытии. Но стоит ли рассказывать? Ведь непонятно, что делать дальше. Осмотрительный Таки (кстати, он послал свое фото: просто кончить и умереть) соглашается сообщить номер только при личном контакте. Это единственное, в чем он абсолютно непреклонен, хотя во всем остальном охотно подставляет уши под нашу лапшу. Поразительный образчик избирательной ушлости!

На сим позволю себе поставить точку. Искренне раздосадованный,

Капюшончик.

P.S. Подскажи, что делать! Друг ты или нет?

Кейс какое-то время сидит неподвижно. Затем

встает, проверяет дверь и окна и трогает ключи на шее.

В ванной она открывает воду, умывается, чистит зубы.

Отражение в зеркале, на фоне белой кафельной плитки. Как фотография, вырезанная из журнала и наклеенная на клетчатую бумагу. Причем вырезанная небрежно.

Наплывают картинки, спровоцированные письмом Дэмиена. Пирамиды костей. Семнадцать уцелевших этажей. Смятое, перекрученное железо. Запах гари. Пепел. Горький привкус в горле.

Но сейчас она здесь, в подозрительной квартире, куда недавно проникли какие-то злодеи. Доротея в роли промышленной шпионки?.. Женщина в зеркале качает головой, губы измазаны зубной пастой. Гидрофобия.

Как там Бигенд говорит? Утро вечера мудренее? Что ж, придется выяснить.

Кейс складывает и убирает жесткий парус серебристого покрывальника. Меняет его на тонкое серое одеяло, найденное в шкафу.

— Он получил утку в лицо на скорости двести пятьдесят узлов.

Вечерняя молитва в темноте.

Закрыв глаза, она пытается представить себе водяной знак. Призрачный символ в уголке ее существования; постоянно присутствующий ярлык — невидимый, неощутимый, помечающий ее принадлежность… чему?

Глава 9

Транс

Ее будит солнечный свет, бьющий в окна.

Квадраты неба, декорированные облаками.

Потянуться под одеялом. Зевнуть. Вспомнить о поджидающих проблемах.

Ладно, пусть подождут. Сначала нужно встать, выбраться на улицу и спокойно позавтракать.

Десятиминутная готовность. Хирургический душ, джинсы, футболка. Кейс выходит, запирает дверь и проделывает ритуал Джеймса Бонда: черный волос и плевок, пахнущий мятой. Заговор от злых сил.

Вниз по Парквею, потом по короткой, в один квартал, улочке под названием Инвернес-стрит. Там есть французское кафе, где они с Дэмиеном однажды завтракали.

Мимо витрин, столбов и телефонных будок,

оклеенных бумажными объявлениями, среди которых можно и не искать стоп-кадры из «поцелуя».

А вот и кафе. Псевдофранцузское, но с настоящими французскими официантами. Подростки с материка, дешевая рабочая сила.

Первое, что она видит, войдя в кафе, — это Войтек, сидящий за одним столиком с легендарным Билли Прайоном, бывшим солистом группы под названием «БГЭ».

Кейс нравится следить за динамикой зазеркальных поп-звезд. Интерес представляют не личности, а судьбы — сжатые, квантово-неуловимые, словно элементарные частицы, существование которых можно доказать только постфактум, по следам на поверхности специальных чувствительных пластин, установленных в заброшенных солевых шахтах.

След, оставленный Билли Прайоном, — это левая нижняя сторона его лица, которую он специально парализовал при помощи «Ботокса»[248] перед выходом на сцену. Марго как раз слушала курс «болезнь как метафора» в нью-йоркском

[248] Примечания: 248

Нейротоксин ботулизма типа А; применяется в косметике как средство от морщин. Инъекции «Ботокса» вызывают локальное расслабление мимических мышц.

университете, и Кейс предложила ей взять парализованный рот Билли темой для реферата. Марго отказалась, потому что уже выбрала болезнь под названием «Бигенд», и дело было лишь за подходящей метафорой.

Все эти годы Кейс краем глаза следила за карьерой Билли. Группа «БГЭ» быстро распалась, а сам он пережил бурный роман с финской певичкой, которая назвала свою группу «Велкро Китти», в пику закону о торговых марках, тем самым заработав себе кучу неприятностей[249].

Проходя мимо их столика, Кейс видит, что Войтек разложил поверх посуды многочисленные перфорированные блокноты, испещренные красными письменами. Диаграммы, квадраты, соединенные стрелками. Судя по линии рта Билли Прайона, косметический нейротоксин уже давно выдохся: если бы он сейчас улыбнулся, его лицо выглядело бы симметрично. Войтек что-то сосредоточенно объясняет, морща лоб от напряжения.

Раздраженная официантка с ярко-алым ртом и с подведенными красной тушью глазами, обмахиваясь рекламным буклетом, машет рукой в

---

[249] Примечания: 249

«Велкро» — запатентованное название застежки-липучки.

сторону свободного столика у задней стены. Кейс садится, отодвигает меню и старательно, на ломаном французском, заказывает кофе и яичницу с колбасками.

Официантка смотрит на нее с изумленным отвращением, как на кошку, отрыгнувшую комок шерсти.

— Ну и черт с тобой, будь француженкой, — цедит Кейс в ее удаляющуюся спину.

Однако кофе появляется на удивление быстро, и вкус у него замечательный. То же можно сказать и о яичнице. Закончив завтрак, Кейс поднимает голову и видит, что Войтек ее пристально разглядывает. Билли Прайона нигде не видно.

— Кейси! — окликает Войтек, неправильно вспомнив имя.

— Это был Билли Прайон, да?

— Можно присоединиться?

— Пожалуйста.

Войтек начинает собирать свои блокноты: аккуратно закрывает, засовывает в сумку по одному. Потом подходит и садится за столик Кейс.

— Так Билли Прайон — твой друг?

— Владетель галереи. Мне нужно место, чтобы выставить проект «Зи-Экс 81».

— А проект закончен?

— Нет, еще собираю компьютеры.

— Сколько же тебе надо?

— Очень много. И еще нужен спонсор.

— Значит, Билли Прайон — потенциальный спонсор?

— Нет. Вы работать большая корпорация? Они не хотят услышать про мой проект?

— Я свободный художник.

— Но здесь по работе?

— Да, контракт с рекламным агентством.

Войтек поправляет сумку на плече.

— Не «Саачи»?

— Нет. Войтек, ты знаешь что-нибудь о цифровых водяных знаках?

Он кивает:

— Да. Что?

— Такая вещь, как стеганография.

— Угу.

— Что это значит: на цифровой видеоклип нанесен водяной знак? Какой-то номер?

— Он видимый?

— Нет, скорее скрытый. По крайней мере изначально.

— Это называется стеганография — когда номер прячут. Многоразрядный номер?

— Скорее всего.

— Значит, это код. Клиент получает код от фирмы, фирма специалист, делает водяные знаки. Фирма дает код и средства, чтобы спрятать. Это стеганография. Клиент потом проверяет интернет, ищет свой код. Если видео украл пират, то поиск принесет успех.

— То есть по водяным знакам можно отслеживать динамику распространения видеоклипов?

Войтек кивает.

— Кто этим занимается, кто ставит водяные знаки?

— Есть многие фирмы.

— А можно по знаку определить, какая фирма его поставила?

— Клиенту не понравится такое. Проблема — безопасность.

— Может ли кто-нибудь обнаружить водяной знак, прочитать его? Не зная кода, не зная, кто его поставил? Не зная даже, есть ли этот знак?

Войтек несколько секунд думает, потом отвечает:

— Трудно, но сделать можно. Хоббс знает про эти вещи.

— Кто такой Хоббс?

— Вы встречались. Человек с «Куртами».

Кейс вспоминает злобное, беккетовское лицо,

грязные ногти.

— Интересно. А откуда он знает?

— Математика. Тринити, Кембридж, потом работа на Америка, сотрудник АНБ[250]. Очень, очень сложный.

— Что, работа?

— Нет, человек. Хоббс.

Утро солнечное, «крестовый поход детей» бурлит вовсю.

Кейс стоит на Инвернес-стрит рядом с Войтеком, глядя на бескрайний людской поток. Запыленные фигуры действительно кажутся средневековыми в ярком солнечном свете; только идут не на Вифлеем, а в сторону Камденского шлюза.

Войтек нацепил на нос круглые солнечные очечки, которые делают его похожим на покойника с монетками на глазах.

— Я должен встретить Магду.

— Кто она?

— Сестра. Продает шапки возле Камденского шлюза. Пойдем!

Войтек ныряет в поток юных крестоносцев, увлекает Кейс за собой.

---

[250] Примечания: 250
Агентство национальной безопасности США.

— Субботу торгует в Портобелло, на ярмарка. Воскресенье здесь.

Кейс идет за ним, думая о водяных знаках, о вопросах, которые нужно задать.

Утреннее солнце действует умиротворяюще. Они незаметно доходят до шлюза, окруженные топотом молодых ног, которые обеспечивают производителям кроссовок миллиардные доходы.

Войтек рассказывает, что помимо продажи шапок Магда иногда занимается рекламой, но Кейс не может взять в толк, что именно она делает.

Рынок разбит за шлюзом, в лабиринте кирпичных викторианских строений. Склады и подземные конюшни, где держали лошадей, тащивших баржи по каналу. Кейс все еще путается в этом лабиринте, хотя бывала здесь много раз. Войтек ведет ее мимо похоронных одежд, висящих на шестах огромными гроздьями, мимо старых киноафиш, стопок грампластинок, русских будильников, высушенных пучков курительных трав.

В сумрачных недрах лабиринта, среди лавалампов и неоновых светильников необычных цветов, они наконец находят Магду, которая совершенно не похожа на своего брата, если

не считать характерно высоких скул. Маленькая, симпатичная, крашенная хной, затянутая в «конверсионный» корсет, должно быть, переделанный из какой-нибудь противоперегрузочной авиаамуниции. Магда бодро собирает товар, сворачивает стенд.

Войтек спрашивает что-то на их родном языке. Она отвечает, смеется.

— Говорит, французы покупают оптом, — переводит Войтек.

— А еще она сама хорошо говорит по-английски, — добавляет Магда, протягивая руку. — Меня зовут Магда.

— Кейс Поллард. — Они обмениваются рукопожатием.

— Кейси тоже работать в реклама.

— Ну, думаю, не так глупо, как я. Лучше не напоминай мне. — Магда заворачивает очередную шапочку в тряпицу и укладывает в картонную коробку.

Кейс начинает ей помогать. Именно такие шапочки она могла бы покупать, если бы вообще носила шапочки. Серые и черные, вязаные крючком или сшитые из промышленного фетра, без наклеек и ярлычков, без привязки ко времени.

— Симпатичные шапочки.

— Спасибо!

— Подрабатываете в рекламе?

— С деловым видом хожу по барам, по ночным клубам, знакомлюсь с людьми. В разговоре как бы невзначай упоминаю продукт моего клиента. Разумеется, с хорошей стороны. Моя главная задача — привлечь внимание. Я только недавно начала это делать, но уже так надоело!

Магда действительно хорошо говорит по-английски. Кейс странно, что между братом и сестрой такая разница в языке.

— Да вы не думайте, я правда его сестра, — смеется Магда, заметив ее взгляд. — Мать нас сюда привезла, когда мне было всего пять лет.

Она убирает последнюю шапочку, закрывает картонный короб, отдает его Войтеку.

— Значит, вам платят за то, что вы ходите по клубам и отзываетесь о разных продуктах?

— Да, фирма называется «Транс». Делает неплохой бизнес. Я вообще студентка, учусь на дизайнера. Конечно, нужно как-то жить, подрабатывать, но такая работа — это уже слишком! — Она накрывает опустевший стенд пластиковым экраном. — Зато я сегодня двадцать шапочек продала. По этому поводу надо выпить, да?

— Вот ты сидишь в баре, пьешь пиво, — гово-

рит Магда.

Они втроем сидят в уголке за стойкой переполненного камденского бара и пьют пиво.

— Да, знаю! — обиженно говорит Войтек.

— Я не о том! — отмахивается она. — Допустим, ты сидишь в баре, пришел отдохнуть. И тут к тебе подсаживается симпатичная девчонка. Или парень, у нас парни тоже работают. Ну, знакомится, начинает разговор. И так, между делом упоминает какую-нибудь марку одежды или фильм, который недавно вышел. Естественно, никаких попыток впарить — просто доброжелательный отзыв. И знаете, что потом происходит? Вот этого я никак не могу понять! Знаете, что происходит?

— Не знаю, — отвечает Кейс.

— Ты в ответ заявляешь — да, я тоже обожаю этот продукт! То есть банально врешь! Сначала я думала, только мужчины так поступают. Но нет, женщины тоже врут!

Кейс уже слышала о таком способе рекламы, в Нью-Йорке чего только не встретишь. Однако впервые видит человека, который лично этим занимается.

— Ну да, это называется забросить якорь, — кивает она. — Доброжелательная оценка продукта подвязывается к воспоминанию о симпатичном

представителе противоположного пола. А врут они потому, что это одно из инстинктивных правил флирта. Сходство предпочтений увеличивает вероятность сексуального контакта. Вот они и поддакивают.

— Да, но покупают потом джинсы? — восклицает Войтек. — Идут смотреть кино? Нет!

— Ну правильно, — отвечает Кейс. — Продукт они не покупают, зато заставляют информацию циркулировать. Используют ее, чтобы произвести впечатление на случайных знакомых в барах.

— Способ распространения информации? Сомневаюсь, что эффективно.

— Как раз очень эффективно! — настаивает Кейс. — Вирусный механизм. Проникновение в глубь рыночного сегмента. Надо только тщательно выбрать места первичного ввода информации…

— Именно! — кивает Магда. — Меня посылают в крутейшие места. Я каждый вечер ошиваюсь в шикарных клубах, причем все оплачено: вход, выпивка, еда…

Магда делает большой глоток, ставит кружку, вздыхает:

— Но это уже начинает давить на мозги. Допу-

стим, я иду в бар. Просто так, не по работе. И ко мне кто-нибудь подсаживается, начинает говорить. И упоминает какой-нибудь продукт.

— И что?

— Ничего особенного; типа ему что-то нравится. Фильм или там модельер. И все, я замыкаюсь! — Она смотрит на Кейс. — Вы понимаете?

— Да, наверное.

— Как будто внутри что-то девальвировалось: во мне самой, в том, как я воспринимаю людей. Я уже не доверяю самому безобидному трепу… — Магда угрюмо пожимает плечами. — Ну а вы какой рекламой занимаетесь?

— Консультациями по дизайну, — отвечает Кейс. Но это звучит как-то пресно, и она добавляет: — А еще я провожу так называемую стиль-разведку. Производители нанимают меня, чтобы отслеживать новые веяния в моде.

Магда поднимает брови:

— И вам понравились мои шапочки?

— У вас замечательные шапочки. Я бы их сама носила, если бы вообще носила шапочки.

Магда обрадованно кивает.

— Но просто так новые веяния не разглядишь, — продолжает Кейс. — Это как увидеть лес за деревьями.

— Из отдельных составить целое! — торжественно провозглашает Войтек.

— Я хочу сказать, что моды как таковой не бывает, она проявляется только через действия потребителей. То есть возникает групповой поведенческий стереотип по отношению к некоторому классу объектов. А я просто занимаюсь распознаванием образов. Распознаю поведенческие стереотипы раньше, чем это делают другие.

— А что потом?

— Потом я докладываю о них «потребительщикам».

— А дальше?

— На основе этой информации возникает новый коммерческий продукт. На него навешивают эмблему, начинают продавать.

Кейс отпивает из кружки, оглядывает бар. Большинство посетителей явно не из числа «юных крестоносцев». Должно быть, просто живут по соседству, на параллельных улицах. Район здесь не очень престижный. Стойка бара изношена, как старая рыбацкая лодка — практически до щепок, которые склеены толстым слоем какого-то гробового лака.

— Так значит, — говорит Магда, — меня используют для создания нового стереотипа? Чтобы

искусственно сформировать новую моду? Чтобы сэкономить время, сократить процесс?

— Да, — отвечает Кейс.

— Тогда зачем они взялись за дурацкие видеоклипы с интернета? — спрашивает Магда. — С целующейся парочкой? Это что, тоже продукт? Они нам ничего не объяснили.

Кейс смотрит на нее, вытаращив глаза.

— Здравствуйте, Елена. Это Кейс. Спасибо за ужин, все было замечательно.

— Как Хьюберт? Хорошо себя вел? Бернарду показалось, что он на вас, как говорится, запал.

— Спасибо за прямоту, Елена. Но знаете, это не тот случай. Мы просто зашли в бар, выпили пива. Раньше я с ним ни разу не общалась с глазу на глаз.

— Он удивительный человек, правда?

Что-то новое в ее голосе. Как будто оттенок разочарования.

— Это уж точно. Скажите, Елена, а Бернард дома? Не хотела его беспокоить, но есть вопрос по работе.

— Очень жаль, он сейчас вышел. Что-нибудь передать?

— Может, вы знаете? У «Синего муравья» есть такой партнер или дочерняя фирма — под

названием «Транс»? Как первая часть в слове «…крипция». Или «…вестит».

Помолчав, Елена говорит:

— Да, есть. Ею управляет некая Лора Даус-Трамбул. Которая живет с двоюродной сестрой Бернарда, как ни странно. Ну да, торговля газонокосилками.

— В каком смысле?

— Двоюродная сестра Бернарда продает газонокосилки. А Лора управляет фирмой «Транс». Ну да, точно. Это один из домашних проектов Хьюберта.

— Спасибо, Елена! Мне надо бежать, извините.

— До свидания.

Кейс вешает трубку, вынимает карточку из телефона-автомата, выходит на улицу. В освободившуюся будку заскакивает юный крестоносец с гривой мелких косичек.

Солнечный свет уже не радует. Кейс выдумала предлог, сбежала из бара, купила карточку, отстояла в очереди. И теперь выясняется, что Магда действительно работает на подразделение «Синего муравья»! Подразделение, которое зачем-то разжигает интерес к фрагментам. Что еще Бигенд задумал?

Кейс форсирует запруженную улицу и на-

правляется назад, к Портобелло. Бурлящий «крестовый поход детей» выглядит нереально, как часть видеоклипа.

В бледном свете дня уже угадывается терпкий привкус близкой осени. Кейс пытается представить предстоящую зиму. Где она ее проведет, здесь или в Нью-Йорке? Неизвестно. О чем это говорит — если тебе за тридцать, а ты не знаешь, где окажешься через пару месяцев?

Она подходит к месту, где «крестовый поход» замедляется, обтекая главное узловое скопление местных камденских алкоголиков. Дэмиен именно из-за них мог позволить себе снимать жилье в этом районе — еще до того, как заработал денег и купил собственную квартиру. Где-то рядом находится старинная ночлежка, приземистое и отвратительное в своей откровенности здание из красного кирпича, обитатели которого с незапамятных времен отравляли окрестности Хай-стрит. Дэмиен как-то показал ей эту ночлежку — ночью, в полнолуние — и назвал ее надежным бастионом на пути облагораживания района и роста цен. Строители престижного жилья неоднократно пытались вторгнуться сюда, но вид жуткой ночлежки, обросшей инфраструктурой злачных питейных нор, всякий раз отбивал

у них охоту. Эта алкогольная фортификация сохранилась и по сей день, и пропахшие спиртом защитники стоят незыблемыми валунами в потоке шумной молодежи.

В основном это мирные, замкнутые в себе люди. Однако сейчас Кейс, проходя мимо одного нестарого еще парня, ловит на себе пронзительный, древний как мир взгляд, и бледное ацетиленовое пламя выцветших глаз заставляет ее вздрогнуть и ускорить шаг.

На Инвернес-стрит продавцы закрывают зеленые ставни ларьков, закончив день пораньше. Кафе, в котором она завтракала, работает в режиме бистро, выплескивая на тротуар излишки переполняющей его веселой молодежи.

Кейс идет, ощущая себя гостьей на чужом празднике, а над крышами сгущается и наползает на мир что-то невидимое, душное и тяжелое. Бигенд и «Транс».

> Да, не балуешь ты меня письмами. Чем ты там вообще занимаешься? Ты знаешь, что Папа Римский тоже фрагментщик? Ну может, не сам Папа, но кто-то в Ватикане точно этим занимается. Представь, что в далекой Бразилии, где народ не

видит разницы между интернетом, телевизором и телефоном, уже расцвел целый культ вокруг фрагментов. Вернее, вокруг стремления их уничтожить. Безграмотные потребители видеопродукции убеждены, что фрагменты порождены самим дьяволом. Странные дела! Рим уже выступил с заявлением, где подчеркнул, что лишь Ватикану дана власть изобличать дела Сатаны, а посему энтузиасты из бразильского филиала должны умерить пыл и дождаться результатов официального расследования. Даже завидно, что я сам до этого не додумался — просто, чтобы порадовать Мамашу Анархию.

* * *

Кейс закрывает последнее письмо Капюшончика и идет на кухню, чтобы поставить чайник. Кофе или чай? Донни однажды признался, что ненавидит обживать новые места.

Она пытается сравнить жилище Дэмиена со своей нью-йоркской квартирой, откуда безжалостно изгнаны все лишние предметы. Пожалуй, она тоже не любит обживаться. Марго считает, что у Кейс меньше барахла, чем у любого другого

человека.

Собственные вещи всегда угнетали ее сильнее, чем предметы, принадлежащие другим людям. Это значит, говорит Марго, что процесс взросления зашел слишком далеко, и материальные носители самоидентификации сделались ненужными.

Чайник вот-вот закипит; Кейс оглядывается на дверь, на безглазых кибердевочек, подпирающих стену гостиной. Да, у Дэмиена мухи не заведутся. Запретив дизайнерам что-либо украшать, он сохранил свое жилье семиотически нейтральным, и чем дольше Кейс здесь находится, тем больше ей это нравится. Ее нью-йоркская квартира — выбеленная нора, лишенная индивидуальности. Неровные полы покрыты особым оттенком голубого, найденным на севере Испании. Старинный рецепт, основанный на мышьяке. Тамошние крестьяне на протяжении многих веков красили стены такой краской, чтобы отпугивать мух. Кейс сама, сверяясь с фотографией, смешала бесцветную эмаль с красителем — разумеется, без мышьяка. Покрытие заполнило царапины и трещины, подобно гробовому лаку в баре на Хай-стрит, и квартира приобрела безликий, но уютный вид.

Свистит чайник. Кейс заваривает кружку колумбийского кофе и возвращается к компьютеру. На экране висит страница Ф: Ф: Ф. Кейс щелкает мышкой по разным постам, чтобы понять общую картину. Ничего из ряда вон. Продолжается анализ номера 135, что вполне естественно. Некоторые люди обсуждают ватикано-бразильскую историю. Интересно замечание Мориса: и сама история, и текст заявления Ватикана появились одновременно, причем именно на бразильском сайте, а других подтверждений до сих пор не обнаружено. Розыгрыш?

Кейс хмурится, вспоминая рассказ Магды. На совещании перед выходом в город им показали № 135, снабдив соответствующей легендой. Дано: в интернете появился новый художественный фильм, очень интересный, неизвестных авторов. Выяснить: слышал ли кто-нибудь из опрашиваемых об этом фильме? А на следующий день провели разбор полетов и тщательно зафиксировали собранные отзывы. Кейс спросила, где проводился опрос. Магда ответила, что ее послали в частный клуб «Конвент гарден», где собираются журналисты. На совещании был один из членов клуба, который отвез ее туда, провел внутрь и оставил работать.

«Транс». «Синий муравей». Бигенд.

А завтра снова предстоит встреча со Стоунстритом. И с Доротеей.

Глава 10

Резкие движения, сладкие личики

Кейс созрела для резкого движения.

Эта мысль посещает ее в студии пилатеса на Нильс-Ярде, во время «короткой спинной растяжки». Ее босые ноги продеты в кожаные петли, еще слишком жесткие и неразработанные. Сразу видно, что студия недавно открылась. Могли бы смазать петли маслом.

Резкие движения… Кейс до сих пор не совсем понимает, что Донни имел в виду под этими словами. Он так выражался, когда был зол или раздосадован. Именно то, что она сейчас чувствует. Доротея шпыняет ее как хочет, а она даже отпор дать не может. Пожаловаться Бигенду или Бернарду? Она им не доверяет. Особенно Бигенду. Что у него на уме, на что он способен? Самое разумное — закончить работу, получить деньги и улететь, сдав эту историю в багаж жизненного опыта.

Но есть еще Доротея с ее зловещими старыми связями. Эта бешеная сучка окрысилась без всякой видимой причины, просто потому, что ей что-то не понравилось. А может, Бигенд прав, и Доротея подозревает, что Кейс собираются назначить директором лондонского филиала? Или эта стерва состоит в списке его бывших любовниц? Все возможно. Кейс чувствует, как внутри начинает сплетаться маленький горячий узелок: прожженная куртка, вторжение азиатских шлюх, наступающие месячные… Ей хочется схватить Доротею за горло и трясти, как погремушку, пока мозги не запрыгают в черепе.

Резкие движения. Судя по контексту, Донни имел в виду либо намеренный, но неожиданный поступок, обескураживающий противника, либо, что более вероятно, какую-нибудь спонтанную идиотскую выходку — с тем же результатом. Донни никогда не уточнял, в чем будет состоять то или иное резкое движение. Похоже, он и сам этого не знал. Считал, что резкие движения должны быть сымпровизированы в контексте ситуации. Дзен-буддизм в стиле Восточного Лансинга, штат Мичиган. Кейс не может припомнить, осуществил ли Донни хотя бы одно из этих движений. Единственное, что приходит на

ум, — его неожиданная попытка озвучить свои сексуальные предпочтения. «Слушай, ты это… можешь сделать сладкое личико?»

Сладкое личико, как она потом выяснила, — это стриптизерский сленг, обозначающий стандартный набор мимических признаков оргазма.

А может, все дело в деньгах? Сделать резкое движение — значит, раздобыть денег? Донни неизменно находился на мели, когда употреблял это выражение. Вообще-то денег у него никогда не было, но временами положение становилось критическим. Обычно все кончалось тем, что он брал взаймы у Кейс. Может, в этом и заключалось его резкое движение? Если так, то термин не подходит к ситуации. То, что она собирается сделать, наоборот, чревато финансовыми потерями.

Кейс знает, что это идиотский план. Сделав выдох, она следит, как ее вытянутые ноги поднимаются в кожаных петлях под прямым углом. Вдох, колени сгибаются, петли скрипят, пружины сжимаются в недрах платформы. Снова выдох — как говорится, вхолостую. На вдохе она выпрямляет ноги, растягивая пружины до упора. До положенных десяти остается еще шесть подходов.

Невозможно следить за правильностью дви-

жений и одновременно думать о чем-нибудь другом. Потому Кейс и ходит в студию — чтобы остановить нежелательные мысли. Если как следует сосредоточиться, то это удается. С годами она все больше убеждается, что беспокойство не помогает при решении проблем. Но разве есть иной путь? Нельзя же просто не обращать на них внимания… Проблемы, с которыми предстоит сегодня разобраться, достаточно серьезны. Через пару часов она встретится со Стоунстритом и Доротеей, чтобы оценить последнюю версию мистера Хайнца. Определить, годится эмблема или нет. Все строго по контракту.

Маленький горячий узелок нашептывает ей, что на встречу надо явиться в прожженном «Баз Риксоне», с изолентой на плече (края заплатки уже начали закручиваться), ибо Доротея должна знать, что ее выходка не прошла незамеченной. А когда они покажут новую картинку, которая почти наверняка будет в порядке, ведь Хайнц первоклассный специалист, то она подумает секунду-другую, а потом просто покачает головой. И Доротея будет видеть, что это ложь, но сделать ничего не сможет.

А потом Кейс попрощается, вернется в квартиру Дэмиена, упакует чемодан и отправится в

аэропорт Хитроу. И зарегистрируется на ближайший нью-йоркский рейс по обратному билету бизнес-класса.

Ее контракт скорее всего будет сорван, придется побегать по Нью-Йорку в поисках новой работы, но по крайней мере можно будет вышвырнуть из памяти Бигенда, Доротею и Стоунстрита, вместе с подозрительным довеском их интриг. Зазеркалье отправится под замок, в свою шкатулку, до следующего визита — скорее всего в отпуск, когда вернется Дэмиен. А Доротея и азиатские шлюхи останутся за скобками.

Правда, придется солгать клиенту, чего делать, конечно, не хочется, тем более из-за дурацких детских обид. Потерять контракт, серьезно повредить карьере — и все ради того, чтобы позлить Доротею!.. Сомнительное удовольствие.

Смысл в этом может увидеть только маленький горячий узелок.

Кейс сидит, скрестив ноги, в позиции «сфинкс». Пружины ослаблены. Она вытягивает руки ладонями вверх. Позиция «проситель». Как избавиться от мыслей? Чем больше думаешь о том, чтоб не думать, тем больше думаешь… Чушь, надо сосредоточиться на правильной технике каждого повтора.

Под нежное позвякивание пружин.

Кейс попросила водителя подъехать к «Синему муравью» пораньше.

Перед встречей ей хочется побыть одной, погулять по улице, выпить кофе из бумажного стаканчика. В понедельник утром Сохо звенит особой энергией, в которую приятно окунуться хоть на несколько минут.

Купить кофе, пойти прочь от «Синего муравья», подстроиться к скорости спешащих на работу людей. Почувствовать их близость.

Эти люди зарабатывают на жизнь, увлеченно изучая механизмы привлекательности, и Кейс завидует их молодому энтузиазму. Неужели и она когда-то была такой же? Вряд ли. Свой первый контракт, сразу после института, она подписала в Сиэтле, с фирмой, производящей спортивные велосипеды. Потом были коньки, кроссовки… Талант, который Бигенд назвал «укрощенной патологией», влек ее по жизни, определяя места работ и обеспечивая относительно безбедное существование. Она привыкла считать, что просто плывет по течению, но сейчас ей становится ясно, что это путь наименьшего сопротивления. Что в общем-то неудивительно: любое течение выбирает такой путь. А куда этот путь может

привести?

— В болото, — говорит она вслух.

Человек, следующий параллельным курсом, испуганно оглядывается. Молодой, очень симпатичный азиатский парнишка. Кейс улыбается — мол, все в порядке. Он хмурит брови и ускоряет шаг. Приостановившись, она смотрит ему вслед. Черный кожаный пиджак, похожий на шоферскую куртку; швы прострочены серой ниткой, как у старого классического чемодана. А в руке у него как раз такой чемоданчик, сделанный из телячьей кожи и отполированный до красно-коричневого блеска. Этот цвет напоминает Кейс стариковские ботинки под вешалкой в доме, где умер ее дед. Она провожает парнишку взглядом — с сожалением, даже с грустью. Это чувство не романтическое, а скорее урбанистическое: тысячи незнакомых лиц, возникающих на мгновение, чтобы исчезнуть навсегда. Такого сожаления Кейс не ощущала уже очень давно, и вот сейчас оно снова вернулось — наверное, приближается некий поворотный момент, когда не знаешь, как поступить, и нуждаешься в поддержке.

Меняется даже отношение к фрагментам. Марго говорила, что фрагменты — это хобби. Но у Кейс не бывает хобби. Бывают одержимости.

Альтернативные миры, куда можно сбежать. «У фрагментов нет названия, — сказала Марго, — поэтому ты их любишь. Это как с эмблемами на вещах». Марго знает об аллергии на ярлыки: однажды она обратила внимание на отсутствие у Кейс бытовой техники известных фирм, и той пришлось признаться, что дело не в экономии.

Азиатский парень уже успел затеряться в толпе; Кейс вглядывается, но не может его различить. Она поднимает руку, смотрит на клон «Кассио». Пора возвращаться назад, к «Синему муравью» и Доротее.

Третий этаж. Стоунстрит сидит на старом месте; костюм его столь же изысканно измят. Правда, на этот раз цвет костюма серый, а рыжие волосы зачесаны на другую сторону. Он курит сигарету и лениво листает какой-то документ в розовой папке с клеймом «Синего муравья».

— Здравствуйте, милочка! Спасибо за субботний ужин, спасибо, что составили нам компанию. Как добрались домой?

— Нормально. По пути еще остановились выпить — где-то в баре, в Кларкенуэлле.

— А, это улучшенная версия нашего района. Квартиры там просто замечательные. О чем вы говорили, о работе?

— Да нет, не о работе. Мы говорили о фрагментах. — Кейс внимательно следит за выражением его лица.

— Фрагменты? Какие фрагменты? — Он поднимает голову, словно испугавшись, что упустил нить разговора.

— Видеоклипы в сети. Какой-то неизвестный фильм выставляют в интернет по кусочкам. Знаете, о чем я?

— А, это…

Что именно он знает?

— Елена сказала, что вы звонили, интересовались фирмой «Транс».

— Да.

— Довольно известная концепция — распространение из уст в уста. Мы и сами толком не знаем, чем они занимаются. Где вы о них слышали?

— От кого-то в баре.

— Сам я в это не влезаю. Фирмой управляет моя двоюродная сестра. Хотите, я вас познакомлю?

— Бернард, мне просто было любопытно. А где Доротея?

— Должна прийти с минуты на минуту. Тяжелая женщина, да?

— Я ее почти не знаю. — Кейс поправляет при-

ческу перед зеркальной панелью и садится за стол. — Хьюберт еще в Нью-Йорке?

— Да, на переговорах с корпорацией «Мерсер».

— Я его однажды там видела. В здании «Мерсера». У них внизу есть бар, он там разговаривал с собакой Кевина Бэйкона.

— С собакой?

— Да, там был Кевин Бэйкон со своей собакой. И Хьюберт с ней разговаривал.

— Хм, не знал, что он любит животных.

— Животных знаменитостей. И потом, с самим Кевином Бэйконом он даже не поздоровался, говорил только с собакой.

— Что вы о нем думаете?

— О Кевине Бэйконе?

— О Хьюберте.

— Вы серьезно?

Стоунстрит поднимает голову, смотрит на нее.

— Отчасти.

— Скажем так: я рада, что это контракт, а не постоянная работа.

— Гхм…

Бернард озадаченно морщит лоб, но тут в комнату входит Доротея, затянутая в нешуточные черные бизнес-доспехи от «Армани». У Кейс мелькает мысль, что этот наряд — своеобразный

протест против моды. Лучше всего он подошел бы для ритуальной казни.

— Доброе утро. — Доротея поворачивается к Кейс. — Как ваше самочувствие?

— Спасибо, прекрасно. А ваше?

— Вы же знаете, мне пришлось слетать во Франкфурт к Хайнцу. (Типа по вашей милости.) И маэстро опять оказался на высоте. Кстати, Хайнц очень хорошо отозвался о «Синем муравье». Слышите, Бернард? Он сказал, что это как глоток свежего воздуха.

Доротея глядит на Кейс с улыбочкой. Стерва.

Кейс улыбается в ответ.

Доротея садится рядом со Стоунстритом; в руках у нее очередной конверт с катушками.

— Хайнц нарисовал эмблему прямо при мне. Большая честь — наблюдать, как маэстро работает.

— Покажите.

— Да, конечно.

Доротея не торопясь разматывает веревочку, засовывает пальцы в конверт и вынимает картонный квадрат формата А4, как и в прошлый раз. На картонке нарисован Мишлен в одной из своих ранних, наиболее тошнотворных ипостасей — не сегодняшняя раздутая нидзя-черепашка без

панциря, а пожилое пресыщенное существо с сигарой, похожее на мумию со взбухшими ногами.

— Бибендам, — произносит Доротея.

— Это что, ресторан? — удивленно спрашивает Стоунстрит. — На Фулхам-роуд?

Он сидит рядом с Доротеей и не видит, что нарисовано на картонке.

Кейс едва сдерживает крик.

— Ой, — говорит Доротея. — Как же я дура. Это ведь другой проект.

Бибендам отправляется обратно в конверт.

Доротея извлекает новый дизайн эмблемы, несколько секунд держит его перед Кейс, а потом с какой-то небрежностью показывает Бернарду.

Бывший сперматозоид-шестидесятник превратился в нечто кометообразное, размытую и более энергичную версию существующей эмблемы, которой уже более десяти лет.

Кейс безуспешно пытается открыть рот и что-то сказать. Откуда Доротея узнала? Кто ей сказал?

Пауза затягивается.

Рыжие брови Стоунстрита медленно ползут вверх — миллиметр за миллиметром, — изгибаясь вопросительными дугами.

— Ну?

Бибендам. Это его имя. И еще так называется

ресторан в обновленном «Домике Мишлена», который Кейс, разумеется, обходит за три квартала.

— Кейс, вам нехорошо? Хотите выпить воды?

Впервые она увидела Бибендама во французском журнале, когда ей было шесть лет. Ее вырвало прямо на страницу.

— Он получил утку в лицо на скорости двести пятьдесят узлов.

— Простите?..

В голосе Стоунстрита звенит беспокойство, он начинает вставать.

— Все в порядке, Бернард. — Кейс изо всех сил вцепляется в край стола.

— Принести вам воды?

— Нет, не надо. Я имею в виду новый дизайн. Он подойдет, все в порядке.

— Вы так побледнели… Как будто увидели призрака.

Доротея ухмыляется.

— Я… просто… Это работа Хайнца. Она меня… потрясла. — Кейс пытается сложить губы в улыбу.

— В самом деле? Ну, это просто замечательно!

— Да, — кивает Кейс. — Но мы ведь с вами закончили, да? Теперь Доротея вернется к себе во

Франкфурт. А я вернусь в Нью-Йорк. — Она неуверенно встает, держась за спинку стула. — Если можно, вызовите мне машину.

Она не хочет смотреть на Доротею. Вот кто сделал сегодня резкое движение. Один-ноль, Доротея выиграла. Потрясение очень глубокое, не идет ни в какое сравнение с вторжением азиатских шлюх. Это гораздо хуже. Очень мало людей знает об истинном масштабе ее фобии, и еще меньше — о конкретных эмблемах, вызывающих болезненную реакцию. Ее родители, несколько психиатров, самые близкие друзья, максимум трое бывших любовников. Больше никто.

А Доротея знает.

Кейс на негнущихся ногах подходит к двери, берется за ручку, оглядывается.

— До свидания, Бернард. До свидания, Доротея.

Стоунстрит выглядит озадаченным.

Доротея светится от радости.

К этому часу энергичная толпа на улицах Сохо рассосалась. Машина, слава богу, уже стоит у входа.

На подъезде к Парквею Кейс берется за кошелек, чтобы расплатиться с водителем, но вспоминает, что это машина «Синего муравья».

Открыть подъезд. Подняться по лестнице, пе-

решагивая через две ступеньки. Приготовить черные немецкие ключи.

К дверной ручке привязан жирный Мишлен, сделанный из белого фетра. Подвешен за горло на черном шнурке.

Кейс начинает кричать. Берет себя в руки. Закрывает рот ладонью.

Вдох, выдох.

— Он получил утку в лицо на скорости двести пятьдесят узлов.

Черный волосок на месте. Пудру с ручки, разумеется, смахнули, но периметр по-прежнему в безопасности.

Кейс старается не глядеть на чудовище, прикрученное к двери. Это просто кукла. Обычная кукла. Немецкий ключ вонзается в замок.

Зайти внутрь, запереть дверь, накинуть цепочку.

Дребезжит телефон.

Она вскрикивает.

После третьего звонка поднимает трубку:

— Але?

— Это Хьюберт.

— Хьюберт?..

— Конечно, кто же еще. Итак?

— Что, «итак»?

— Утро вечера мудренее.

Кейс открывает рот, но слова застревают в горле.

— Вы подписались под эмблемой Хайнца, — продолжает он. — Значит, дело сделано. Поздравляю.

В трубке слышен приглушенный звук рояля. Фоновая музыка коктейльного зала. Сколько сейчас времени в Нью-Йорке?

— Я собираю чемоданы, Хьюберт. Беру такси в Хитроу, потом первым же рейсом домой.

Наконец-то озвучено то, чего она хочет больше всего на свете.

— Замечательно. Значит, мы можем все обсудить, как только вы прибудете.

— Вообще-то я лечу в Париж.

— Париж? Ладно. Я там буду завтра утром. Мой клиент как раз должен мне один полет на «Гольфстриме»[251]. Заодно и долг получу.

— Послушайте, Хьюберт, тут нечего обсуждать. Я все сказала в субботу.

— Вы помирились с Доротеей?

Он меняет тему разговора.

— Вы меняете тему, Хьюберт.

---

[251] Примечания: 251
Небольшой реактивный самолет.

— Бернарду показалось, что вам стало плохо при виде нового дизайна.

— Вы опять меняете тему. Буду ли я на вас работать, искать автора фрагментов? Нет, не буду.

— Почему?

Вопрос ставит ее в тупик. Потому что Бигенд ей несимпатичен? Потому что она ему не доверяет? Потому что ей не интересно, откуда берутся фрагменты, кто их делает и зачем? Это последнее неправда: ей очень хочется узнать правду об источнике чуда, как и любому фрагментщику. Достаточно зайти на Ф: Ф: Ф, чтобы в этом убедиться. Но все дело в том, что слова «фрагменты» и «Бигенд» в одном предложении смотрятся весьма неприятно и пугающе. Не Бигенд-человек, неправильно надевающий ковбойскую шляпу, а Бигенд-сила, стоящая за «Синим муравьем». Бигенд, бесспорный гений своей профессии, открыватель новых путей.

— Я хочу вас кое с кем познакомить, — говорит он. — По моей просьбе этот человек пришел в офис сегодня утром. Бернард должен был устроить так, чтобы вы вместе пообедали. Но вы ушли слишком быстро.

— Познакомить? С кем, для чего?

— Он американец, по имени Бун Чу.

— Бунчу?

— Два разных слова, Бун Чу. Думаю, вы с ним отлично сработаетесь. Я хочу, чтоб вы просто поболтали.

— Хьюберт, ну как вам еще объяснить? Это бесполезно! Мне совершенно не интересно…

— Он сейчас на другой линии. Бун, вы слышите нас? Где вы находитесь?

— На выходе из Камденского туннеля, — жизнерадостно откликается мужской американский голос. — Смотрю на вывеску «Вирджин».

— Вот видите, — говорит Бигенд, — он совсем рядом.

— Дальше по Парквею, да? — уточняет американский голос. — Прямо вверх, от станции?

— Хьюберт, в самом деле, это бессмысленно…

— Я вас прошу, — говорит Бигенд. — Поговорите с Буном. Что вы теряете? Если вас не зацепит, полетите в свой Париж.

Что он имеет в виду? Что значит «зацепит»?

— Каникулы за счет «Синего муравья», — продолжает он. — Я распоряжусь, чтобы вам забронировали гостиницу. В качестве премии за консультацию по дизайну «Х и П». Мы с самого начала знали, что можем на вас положиться. Наш клиент готов перейти на новую эмблему

уже весной. Да, кстати, для вас снова будет работа: предстоит утвердить варианты для каждого конкретного продукта.

Он снова применяет этот трюк. Кейс уже начинает думать, что будет проще встретиться с этим Буном, а потом поехать в аэропорт. А в Нью-Йорке она всегда сможет избежать Бигенда.

— Он все еще на линии, Хьюберт?

— Да-да, — отзывается американский голос. — Я на Парквее.

— Звоните два раза, — говорит Кейс и дает номер дома и квартиры.

Повесив трубку, она идет на кухню и вооружается новеньким немецким ножом и черным мусорным пакетом. Мусорный вкладыш, как их здесь называют. Кейс открывает входную дверь. *Это* все еще висит на ручке. Стиснув зубы, она одевает *его* в черный пластик, потом ножом перерезает шнурок. *Это* падает в мешок. Кейс оставляет мешок за порогом, идет на кухню, кладет нож в ящик. Потом возвращается к двери. Глубокий вдох. Выйдя за порог, она нашаривает ключ на шее, запирает замок. Осторожно поднимает черный пакет. *Это* теперь лежит внутри, словно дохлая крыса, только не такая тяжелая. Кейс спускается вниз и оставляет мешок на

площадке, за кипой старых журналов, предназначенных на выброс. Вот и все дела. Она садится на ступеньки, прислоняется к стене и обхватывает колени руками. Узелок внутри начинает шевелиться. Кейс с раздражением чувствует, что начались месячные.

Она встает и возвращается в квартиру, чтобы об этом позаботиться. И едва успевает закончить, как дважды трещит звонок.

— А, ч-черт!..

Она сбегает по ступенькам, забыв запереть квартиру.

Все это должно занять не более минуты. Она извинится за то, что Бигенд настоял на встрече, но будет твердо стоять на своем: ни в каких проектах по поиску автора фрагментов она участвовать не будет. Просто и ясно.

Наружная дверь сделана из дуба и выкрашена белой эмалью, которая уже пожелтела и потрескалась по краям. Глазок, должно быть, не протирали со времен Второй мировой.

Кейс отпирает дверь.

— Кейс? Здравствуйте, я Бун Чу. Рад познакомиться! — Он протягивает руку.

На нем все та же шоферская куртка, прошитая серой ниткой. Правая рука вытянута, в левой

красно-коричневый чемоданчик, который привлек внимание Кейс несколько часов назад, на улице в Сохо.

— Здравствуйте, — говорит она, пожимая его руку.

Глава 11

Бун Чу

Бун Чу развалился на коричневом диване, по-ковбойски скрестив ноги.

— А вы раньше никогда не работали с «Синим муравьем»?

Его глаза сверлят, как буравчики. Типичная черта американо-китайских ботаников? Этакое интенсивное бесстыжее любопытство.

— Да, в Нью-Йорке, несколько раз, — отвечает Кейс со своего насеста за столом.

— По контракту?

— Да.

— Я тоже.

— А что вы делали?

— Настраивал компьютеры. — Он умолкает на секунду. — Сначала окончил Техасский университет, потом Гарвард. Потом открыл ин-

тернет-компанию. Которая лопнула, конечно.

По голосу не скажешь, что он огорчен. Кейс заметила: мало кто из бывших владельцев огорчается по поводу провала своих интернет-проектов. В основном они относятся к этому с циничным фатализмом, считают, что это к лучшему. Хорошо, если Бун не из их числа.

— Если ваше имя набрать в «Гугле», то…

— То услышите громкий хлопок, какой бывает, когда лопается перспективная интернет-компания. А еще встретите кое-какие упоминания о «цивилизованном хакере». Впрочем, это все сплетни.

Он бросает взгляд на кибердевочек у стены, но ничего не спрашивает.

— А чем занималась ваша фирма?

— Сетевой безопасностью.

— Живете в Америке?

— В штате Вашингтон. У меня земельный участок на острове Оркас. Небольшой пятачок и часть горного склона. И кузов от трейлера «Аэростим» пятьдесят первого года, подпертый шпалами. Все держится на плесени и еще на какой-то дряни, которая окисляет алюминий. Я давно собираюсь построить дом, да жалко портить вид на скалу.

— И это ваша постоянная база?

— Моя база вот. — Он пинает ногой свой антикварный чемоданчик. — А вы где живете, Кейс?

— В Западном Манхэттене, на перекрестке Сотой и Одиннадцатой.

— Да, я знал, что вы живете в Нью-Йорке.

— Откуда?

— Нашел вас в «Гугле».

На кухне начинает свистеть чайник. Кейс встает. Бун тоже встает, идет за компанию на кухню.

— Интересный желтый цвет, — комментирует он.

— Дэмиен Пиез.

— Вы о чем?

— Фамилия такая — Пиез. «Завтрак с овсянкой». Режиссер видеоклипов. Не знакомы с его работами?

— Так сразу не вспомню.

— Это его квартира. Бун, а что вам предложил Бигенд?

— Партнерство, как он выразился, — говорит Бун, и Кейс чувствует, что он внимательно следит за ее реакцией. — Хотя я не вполне понял, что он имеет в виду. Он хочет, чтобы я работал с вами. Мы должны найти человека, который выкладывает видеоклипы в интернет. Все расходы будут

покрыты; насчет гонорара я еще не говорил.

Волосы у него плотные, жесткие, типичная китайская щетка. Лицо чуть вытянутое, изначально женственное, но впоследствии, должно быть, закалившееся в передрягах, которых наверняка хватало в жизни китайского мальчика по имени Бун, выросшего в американском городке под названием Тулса.

— Он вам объяснил, почему мы должны работать вместе? И вообще, зачем ему нужна я? — Кейс кладет в заварник пакетики так называемого чая, заливает кипятком. — Извините, забыла спросить: может, вам кофе?

— Нет, пусть будет чай.

Бун подходит к раковине и начинает мыть стоящие там кружки. Что-то в его движениях напоминает повара, с которым Кейс одно время встречалась. Тот так же сноровисто складывал полотенце перед тем, как вытереть посуду.

— Бигенд сказал, что не хочет изобретать велосипед. — Бун ставит чашки на стол. — Сказал, что если кто и сможет вычислить, откуда берутся эти обрывки, так это вы.

— А ваша роль какая?

— Я должен вам помогать. Вы даете идею, я воплощаю ее в жизнь.

Кейс смотрит на него:

— А вы уверены, что справитесь?

— Конечно, я не всесилен, но пригодиться могу. Как говорится, практик-ассистент широкого профиля.

Кейс разливает чай в кружки.

— А сами вы хотите это делать?

Он выуживает пакет так называемого чая, нюхает его.

— Что это такое?

— Не знаю. Нашла у Дэмиена в шкафу. Кажется, чай без кофеина.

Бун дует на кружку, осторожно пробует, морщится:

— Горячо.

— Ну так как? Вы хотите это делать?

Он держит кружку у рта, смотрит на Кейс сквозь ленточки пара.

— Честно говоря, пока не решил. — Он опускает кружку. — Это интересная задача, теоретически. Насколько мы знаем, с ней никто еще не справился. Время у меня сейчас есть. А у Бигенда есть деньги, которые он готов потратить.

— Это ваши «за»?

Он кивает, делает глоток, снова морщится.

— Да. А против в общем-то одно: Бигенд. Такие

вещи трудно сопоставить, правда?

Бун подходит к окну и, похоже, смотрит на улицу. Потом показывает на круглый прозрачный вентилятор, который вмонтирован в верхнюю панель одной из створок:

— У нас таких нет. А здесь они везде, во всех окнах. Непонятно, зачем они вообще нужны.

— Эффект зазеркалья, — отвечает Кейс.

— Зазеркалья?

— Разные мелкие отличия.

— Для меня зазеркалье — это Бангкок. Все чужое, азиатское. А здесь практически все, как у нас.

— Нет, не все, — возражает Кейс. — Вы же заметили вентилятор. Это местная английская вещь, они его сами изобрели, разработали конструкцию. И скорее всего здесь же изготовили. Британия всегда была индустриальной страной. Зайдите в магазин, купите ножницы — это наверняка будут английские ножницы. Они здесь все делают сами. А цены на импорт всегда искусственно завышали, чтобы ничего не ввозить. В Японии та же ситуация — там каждая мелочь, каждый шурупчик местного производства.

— Да, я понимаю, о чем вы говорите. Но знаете, такое положение долго не продержится. Сейчас

все бигенды мира над этим работают: над стиранием границ. Скоро уже не останется таких зеркал, за которые можно будет убежать. — Бун смотрит ей в глаза. — По крайней мере в смысле мелочей и шурупчиков.

Они несут кружки в гостиную, садятся на старые места.

— А вы? — спрашивает Бун. — Что вы думаете о Бигенде?

Кейс не может понять, зачем она вообще продолжает этот разговор. Наверное, из-за мимолетной утренней встречи в толпе, которую Бун не помнит. Или только делает вид, что не помнит. Это идет вразрез с концепцией урбанистической разобщенности: сначала сталкиваешься со случайным прохожим, которого наверняка больше никогда не увидишь, а потом он снова появляется в твоей жизни.

— Хьюберт Бигенд — умный человек, — отвечает она. — Но он мне не очень симпатичен.

— Почему?

— Ну, мне не нравится, как он себя ведет. Как обращается с людьми. Трудно объяснить. Какая-то смутная неприязнь. Конечно, этого мало, чтобы отказаться от контрактов с его фирмой. Однако работать на него лично…

Кейс тут же жалеет, что проговорилась. Она ведь совсем не знает этого человека. Что, если он сейчас пойдет к Бигенду и обо всем доложит?

Бун сидит на диване, обхватив кружку длинными пальцами и глядя на Кейс.

— Бигенд может позволить себе покупать людей, — говорит он. — Я, конечно, не хочу превратиться в один из ключиков на его цепочке. Но речь идет о больших деньгах, у меня нет иммунитета к таким деньгам. Когда моя фирма стала разваливаться, я вынужден был делать некоторые вещи, о которых теперь жалею.

Кейс смотрит на него. Это правда, или он просто рисуется?

Бун хмурится и спрашивает:

— Как вы считаете, зачем это ему надо?

— Он думает, что сможет превратить фрагменты в товар.

— Да, а потом в деньги. — Бун ставит кружку на ковер.

— Он говорит, это не из-за денег. А из стремления к совершенству.

— Ну да, конечно. Деньги — побочный эффект. Очень удобная позиция. Позволяет ему темнить насчет нашего гонорара.

— Но если бы он впрямую назвал цену — ведь

это было бы уже не так интересно! Если он точно скажет, сколько заплатит, то мы получим обычный контракт. А он играет на более глубоких вещах.

— И ведет себя так, как будто уже все решено.

— Да, я заметила. И что, вам хочется ему подыгрывать?

— Если сейчас не подыграть, то никогда не докопаешься до сути, — отвечает Бун. — А я уже начал, я уже влез в это дело.

— Вот как? Уже?

— Ну да, много ли надо. Мне достаточно вот этого, — он кивает в сторону своего чемоданчика, — чтобы начать работать. Правда, результат пока нулевой.

— А что у вас в чемодане?

Бун кладет чемоданчик на колени, щелкает замками. Внутри все выстелено серой губкой; в центральном углублении покоится металлический прямоугольник, по бокам разложены шнуры, три мобильных телефона и большая универсальная отвертка. Один из телефонов одет в яркий пятнистый чехольчик.

— Что это? — Кейс показывает на пятнистый телефон.

— Это из Японии.

— Что, и отвертка нужна?
— Конечно! Без нее ни шагу.
В это она почему-то сразу верит.

Они едят китайскую лапшу в паназиатском ресторане на Парквее. Полированные деревянные панели, керамические миски. Бун самозабвенно рассуждает о технических вещах, о разрешении. Даже признанному ветерану Ф: Ф: Ф интересно послушать мнение свежего человека.

— Все фрагменты обладают одинаковым разрешением, очень высоким. Чтобы хватило для проекции на большой экран. Вся видеоинформация, все детали, размер зерна — все это здесь есть. Видеоматериал с меньшим разрешением невозможно увеличить, чтобы одновременно сохранилась четкость. Если фильм смоделирован на компьютере, то всю эту мелкую физику нужно добавлять руками. — Бун поднимает палочки. — Слышали что-нибудь о рендер-фермах? — Он забрасывает лапшу в рот, начинает жевать.

— Нет.

Он глотает, кладет палочки на стол.

— Огромный зал, масса компьютеров, множество людей. Обрабатывают видеоматериал вручную, кадр за кадром. Очень трудоемкий процесс. Шекспировские обезьяны, которых за-

ставили вкалывать по плану. Рендеринг — это окончательный обсчет цифрового видеоматериала. Очень дорогая штука, требует серьезных вычислительных ресурсов, рабочей силы. Это практически невозможно осуществить втайне, особенно в данной ситуации. Нужны корпоративные средства безопасности, иначе кто-нибудь обязательно проговорится. Представьте, куча людей сидят и ковыряются в вашем видео, разбирают по пикселям. Добавляют детали. Делают волосы. Волосы — это вообще кошмар. А получают за труд гроши.

— То есть гипотеза о «Кубрике-самоучке» не работает?

— Ну, если только у него есть доступ к технологии, которая сегодня считается несуществующей. Если допустить, что фрагменты сделаны на компьютере, то автор либо изобрел принципиально новую концепцию создания цифровой графики, либо у него есть засекреченная рендер-ферма. Если отмести первую возможность, что у нас остается?

— Остается Голливуд.

— Правильно. Только в более широком, глобалистском смысле. Сейчас вы можете создавать компьютерную графику в Голливуде, а обсчиты-

вать ее будут в Нью-Йорке или в Новой Зеландии. Или в том же Голливуде. В любом случае это останется серьезным производством. А на производстве люди общаются, говорят. Учитывая уровень интереса к фрагментам, потребуются крайние меры безопасности, чтобы избежать утечек.

— Получается уже не «Кубрик-самоучка», а какой-то «Спилберг-инкогнито». То есть фрагменты создают люди, которые сидят на олимпе киноиндустрии. В их распоряжении находятся неограниченные ресурсы. Эти люди зачем-то производят весьма необычный продукт и распространяют его весьма необычным путем. Сохраняя строжайшую секретность.

— Вы в это верите?

— Не очень.

— Почему?

— Сколько времени вы провели, просматривая фрагменты?

— Не так уж много.

— И какое чувство у вас возникло?

Бун смотрит на миску с лапшой, потом на Кейс.

— Пожалуй, чувство одиночества.

— Многие считают, что со временем чем боль-

ше появляется новых фрагментов, тем глубже, полифоничнее от них впечатление. Словно все куда-то движется, и вот-вот случится нечто… радикальное, когда все круто изменится. — Кейс пожимает плечами. — Это трудно объяснить, но если погрузиться, то постепенно начинаешь чувствовать нагнетание. Удивительно мощный эффект, если учесть столь незначительный объем видеоматериала. Я просто не верю, чтобы кто-то из теперешних кинематографистов мог такое создать. Хотя если вы походите по форумам, то увидите, что разные известные режиссеры постоянно выдвигаются на роль автора.

— Вы не думали, что все дело в повторении? Может, вы уже посмотрели фрагменты столько раз, что начинаете додумывать несуществующие вещи? А общение с другими фрагментщиками только усугубляет…

— Думала, конечно. Даже пыталась себя уговорить, что надо избавиться от зависимости. Но всякий раз открываю файл, и это чувство возвращается. Чувство, что стоишь на пороге… не знаю чего. Другой вселенной? Или понимания сюжета?

— Ешьте лапшу, пока не остыла. Еще успеем поговорить.

Они и вправду много говорят — прогуливаясь по Хай-стрит в сторону Камденского шлюза, мимо магазина, где Дэмиен купил новую мебель. «Юные крестоносцы» уже разошлись по домам. Бун рассказывает про детство в Оклахоме, про взлеты и падения своей фирмы, про изменения в экономике после сентябрьских терактов. Похоже, он хочет, чтобы Кейс поняла, что он за человек. Она в свою очередь рассказывает немного о своей работе, не упоминая о лежащей в ее основе аллергии.

В конце концов они оказываются на замусоренной служебной дорожке, которая идет вдоль канала. Небо наливается тревожным серым светом, как на черно-белой репродукции Тёрнера[252]. Это место напоминает Кейс о поездке в Диснейленд с родителями, когда ей было двенадцать. «Пираты Карибского моря» сломались; актеры, надев болотные сапоги поверх пиратских костюмов, сняли посетителей с аттракциона и провели через служебную дверь в огромный подземный зал с цементными стенами, забитый уродливыми механизмами, среди которых ко-

[252] Примечания: 252

Тёрнер Джозеф Мэллорд (1775–1851 гг.) — английский живописец и график. Ведущий представитель школы, признававшей лишь «фотографически» точное изображение природы.

пошились чумазые рабочие, словно морлоки из «Машины времени».

Для Кейс это была трудная поездка: втайне от родителей она начала избегать Микки-Мауса, постоянно от него отворачивалась и в результате на четвертый день натерла себе шею. Впоследствии Микки-Маус почему-то перестал вызывать болезненную реакцию, но Кейс еще долго относилась к нему с подозрением.

Бун извиняется: ему надо проверить почту. Может прийти письмо, которое будет ей интересно. Присев на скамейку, он достает лэптоп, кладет его на колени. Кейс подходит к парапету и смотрит вниз, в мутную воду. Серый презерватив, похожий на медузу. Полузатонувшая пивная банка. Нечто трудноразличимое на глубине — громоздкая масса, замотанная в подвижные обрывки целлофановой пленки. Она пожимает плечами и отворачивается.

— Вот, посмотрите, — зовет Бун, поднимая голову.

Кейс пересекает служебную дорожку, садится рядом с ним. Он передает ей лэптоп. На бледном от дневного света экране она читает:

Каждый из сегментов чем-то помечен,

каким-то шифром. Конкретнее сказать не могу. Формат всех меток одинаковый, однако информации в них, к сожалению, немного. Поэтому прочитать не получится. Могу только подтвердить, что иголка в этом стоге есть.

— Кто это пишет?

— Мой друг из университета «Райс». Я послал ему все сто тридцать пять сегментов, попросил посмотреть.

— Чем он занимается?

— Теоретической математикой. Считает чертей на кончике иглы. Я в этих вещах вообще не разбираюсь. Он какое-то время работал в моей фирме, занимался шифрованием данных. Еще удивлялся, что его знаниям нашлось хоть какое-то практическое применение.

Неожиданно для себя Кейс говорит:

— Это цифровой водяной знак.

Бун смотрит на нее с каким-то непонятным выражением.

— Почему вы так решили?

— В Токио живет один человек. Он утверждает, что знает некий код, который считали с фрагмента номер 78.

— Кто считал?

— Японские фрагментщики. Какая-то отаку-группа.

— У вас есть этот номер?

— Нет. Я даже не уверена, что это правда. Он мог выдумать всю историю.

— Зачем?

— Чтобы порисоваться перед девушкой. Которая тоже выдумана.

Какое-то время Бун смотрит на нее с тем же непонятным выражением. Потом спрашивает:

— Что вам нужно для того, чтобы проверить эту историю?

— Аэропорт, — отвечает она, понимая, что уже переступила черту, окунулась в задачу, и назад хода нет. — Билет на самолет. И подходящая легенда.

Бун выключает лэптоп, закрывает крышку, кладет ладони на серый металл, опускает голову. Сидит неподвижно. Со стороны можно подумать, что он молится. Наконец он поднимает глаза и говорит:

— Ну что ж. Если это правда, если номер удастся достать, то у нас будет зацепка.

— Да, я знаю.

А что еще скажешь? Кейс просто сидит и ду-

мает о тех силах, которые только что пришли в движение. И о том, куда это все может завести.

Глава 12

Апофения

Поднявшись по ступенькам, Кейс вспоминает, что забыла совершить ритуал Джеймса Бонда. Однако тревоги нет: последние события разрушили чары азиатских шлюх.

Даже *это*, лежащее в мешке за стопкой журналов, не кажется таким уж страшным. Если, конечно, на нем не зацикливаться.

Лучше подумать о том, куда она только что влезла. По пути к метро Кейс еще раз подтвердила: да, она будет участвовать в поисках. Полетит в Токио, попытается найти Таки и выведать у него номер — с помощью Капюшончика и Мусаши. А дальше видно будет.

Бун посоветовал не воспринимать это партнерство как фаустовскую сделку с Бигендом. Они могут выйти из дела в любой момент, а друг с другом будут вести себя честно, играть в открытую. И все закончится хорошо.

Впрочем, Кейс уже слышала подобные речи в

контексте некоторых контрактов, которые закончились отнюдь не хорошо.

Так или иначе, решение принято. Два черных вычурных ключа качаются на шнурочке, и Кейс не собирается переживать из-за безопасности периметра.

К черту Доротею.

Нужно доверять качеству немецких замков.

Что на самом деле ведет к еще одной проблеме, думает она, отпирая дверь.

Непонятно, где оставить новые ключи. Дэмиен, надо полагать, захочет как-то попасть к себе домой, если вернется в ее отсутствие. Офиса у него нет и никогда не было, а координат его агентов она не знает. Общих знакомых — таких, которым можно было бы доверить ключи от квартиры, где лежит компактная и очень дорогая аппаратура, — тоже нет. Неизвестно, как регулярно он проверяет свою почту в России. Если сейчас написать ему письмо, спросить совета, то ответ может прийти слишком поздно.

И тут Кейс вспоминает Войтека и Магду, которые не знают адреса квартиры. Можно оставить им вторые ключи, а Дэмиену сообщить их номер телефона.

Она заходит в квартиру и еще раз осматривает-

ся. На вид все в порядке. Даже вмятина на диване, где сидел Бун, уже разгладилась.

Звонит телефон.

— Алле?

— Здравствуйте, Кейс. Меня зовут Памела Мэйнуоринг. Я организую поездки для Хьюберта. Для вас забронирован рейс. Хитроу — Нарита, время в пути десять часов пятьдесят пять минут. Первый класс, вылет завтра. Устраивает?

Кейс хмурится, уставившись на кибердевочек.

— Э-э… да. Спасибо.

— Замечательно! Я сейчас заеду, привезу билет. У меня еще ваш лэптоп и мобильный телефон.

До сих пор Кейс ухитрялась как-то обходиться без этих вещей, по крайней мере во время командировок. Дома у нее есть лэптоп, но он подключен к большому экрану и нормальной клавиатуре и играет роль домашнего компьютера. А поездки в зазеркалье она всегда воспринимала, как отдых от мобильника. Но сейчас другое дело. По-японски она не говорит, а надписей на английском в Токио практически нет — она это помнит с прошлого визита.

— Я уже в пути, звоню из машины, — сообщает трубка. — Буду у вас ровно в десять. До свидания.

Щелчок.

Кейс находит картонку с имэйлом Войтека и пишет ему письмо: дает номер Дэмиена и просит срочно позвонить. Ей нужно одолжение, которое может стоить нескольких «Зи-Эксов». Второе письмо — Капюшончику: послезавтра она будет в Токио, пусть подумает, как подступиться к Таки.

Отправив письма, она с колебанием подводит мышь к имэйлу матери. Читать, не читать? И вспоминает, что до сих пор не ответила на два предыдущих письма.

Ее мать зовут Синтия, **synthia@roseoftheworld.com**, а слова «Роза мира» в адресе — это название общины на Мауи, в стране красной пыли.

Кейс никогда не была на Мауи, но мать присылала фотографии: покосившееся невзрачное ранчо в стиле шестидесятых у подножия бурого холма, а вокруг редкая высокая трава, сквозь которую проглядывает красная почва. Будто кожная болезнь под волосами. Они там день и ночь занимаются прослушиванием пустых аудиокассет, пытаясь в белом шорохе разобрать голоса усопших. Фанатики ФЭГ[253], к которым Синтия приобщилась еще с давних пор. Кейс помнит,

---

[253] Примечания: 253
ФЭГ — феномен электронных голосов.

как мать клала старый отцовский катушечник в микроволновую печь, чтобы защититься от случайных помех.

Кейс никогда не разделяла увлечения матери голосами с того света — так же как и ее отец. В разговорах они оба старались избегать этой темы. Только однажды Уин, после тщательного раздумья, определил это увлечение, как апофению. Поиск связи и смысла в несвязанных вещах. Больше они к этому вопросу не возвращались.

Кейс нерешительно водит курсором вокруг письма матери, которое озаглавлено «Алле-о-о???!».

Нет, сейчас она к этому не готова.

Лучше заняться чем-то полезным. Подойти к холодильнику и решить, что можно съесть, а что выкинуть перед отъездом.

Апофения. Кейс задумчиво смотрит в холодное, красиво освещенное нутро немецкого холодильника. Что, если смутное чувство, возникающее при просмотре фрагментов, и есть апофения? Иллюзия смысла в несвязанных вещах, псевдораспознавание образов? Они не раз обсуждали это с Капюшончиком, который любит поразглагольствовать на подобные темы. Нейромеханика галлюцинаций, личный опыт Августа Стриндбер-

га, перенесшего нервный срыв, воспоминания самого Капюшончика о юношеских опытах с наркотиками, когда «вселенная общается с твоим мозгом на билинейном диалекте ангельского языка». Пользы от этих разговоров практически не было.

Вздохнув, Кейс закрывает холодильник.

Трещит наружный звонок. Она идет вниз и впускает Памелу Мэйнуоринг, двадцатилетнюю блондинку в черной мини-юбке и клетчатых колготках. В каждой руке у Памелы обтекаемые нейлоновые чемоданчики. Кейс успевает заметить машину «Синего муравья», стоящую у тротуара. Водитель, облокотившись на капот, беседует с пустотой: в руке сигарета, в ухе пластиковый наушник.

Памела Мэйнуоринг — образец быстроты, эффективности и агрессивной ясности. Этой женщине ничего не приходится повторять дважды. Они еще не дошли до дверей квартиры, а Кейс уже расписалась за номер в гостинице «Парк Хайатт» в районе Шинджуки, с видом на императорский дворец.

— Виден только кусочек крыши, — уточняет Памела, положив чемоданчики бок о бок на стол. — Там у вас что, кухня? Интересный жел-

тый цвет.

Она открывает первый чемоданчик: лэптоп и принтер.

— Давайте проверим. — Она включает лэптоп. — Обратный билет открытый, на любое время и любую авиалинию. Вообще, можете заказывать билеты куда угодно. Мой имэйл и телефон в лэптопе. Все поездки Хьюберт организует через меня, так что звоните в любое время.

На экране появляется таблица с расписанием рейсов.

— Да, все в порядке, — кивает Памела.

Она достает из конверта бланки билетов, вставляет их в миниатюрный принтер. Раздается энергичное жужжание. Билеты вылезают с другой стороны.

— Регистрация за два часа до вылета. — Памела ловко вкладывает билеты в конвертик с эмблемкой «Бритиш Эйруэйз». — Еще у меня для вас компьютер, «Айбук». Стандартные программы, сотовый модем. И мобильный телефон. Работает в Европе, Японии, США. В аэропорту Нарита вас встретит наш представитель. Токийский офис «Синего муравья» в вашем полном распоряжении. Переводчики, водители, все что угодно. Буквально все.

— Я не хочу, чтобы меня встречали.

— Хорошо. Значит, не встретят.

— Скажите, Хьюберт еще в Нью-Йорке?

Памела поднимает левую руку: часы «Оукли таймбом», чуть шире запястья.

— Хьюберт сейчас на пути в Хьюстон, но завтра снова вернется в «Мерсер». Его имэйл, номера телефонов — все в вашем «Айбуке».

Памела открывает второй чемоданчик, где обнаруживаются: плоский «Макинтош», серый мобильник — судя по размеру либо старый, либо очень мощный; провода и разная периферия в нераспечатанном пакете; колода глянцевых инструкций. На крышке лэптопа лежит фирменный конверт «Синего муравья». Памела выключает свой компьютер, застегивает чемоданчик, затем поднимает конверт и вытряхивает оттуда кредитную карту.

— Распишитесь, пожалуйста.

Кейс берет карту: платиновая «Виза» на ее имя. В углу эмблема «Синего муравья». Кибернасекомое, стилизованное под египетский иероглиф, — вне всяких сомнений, детище Хайнца. Памела протягивает роскошную немецкую шариковую ручку. Кейс переворачивает карту и расписывается на девственной светлой полоске.

За кулисами ее этической вселенной что-то с грохотом осыпается.

— Рада была познакомиться, — говорит Памела. — Удачи и счастливого пути. Обязательно звоните, если что-нибудь понадобится. Все что угодно. — Она крепко жмет руку Кейс. — Провожать не надо, я сама найду выход. До свидания!

Гостья выходит, Кейс запирает за ней дверь. Потом возвращается к столу, берет из чемоданчика мобильный телефон. Тот уже включен. Потыкав кнопки, она находит, как его выключить, и кладет обратно. Застегивает чемоданчик, отодвигает в сторону.

Глубоко вдохнуть. Наклониться вперед — растяжка спины, упражнение из пилатеса. Медленно, позвонок за позвонком, до положения эмбриона. Осторожно выпрямиться.

Звонит домашний телефон.

— Алле?

— То Войтек.

— А, Войтек. Слушай, мне нужна помощь. Хочу оставить тебе ключи. Отдашь их моему другу, если он вдруг объявится. Я заплачу тебе двадцать фунтов.

— Не надо деньги, Кейси.

— Это пожертвование на твой проект «Зи-Экс».

Я получила новую работу, и все расходы оплачиваются, — выдумывает Кейс, но тут же осознает, что это в общем-то правда. — Можешь встретиться со мной через два часа? В кафе, где мы завтракали?

— Да.

— Замечательно. До встречи! — Она кладет трубку.

И задумывается — первый раз за эти дни, а по большому счету и за всю свою жизнь, — не прослушивается ли телефон. Может, этим и объясняется история с азиатскими шлюхами? Почему бы нет? Ведь стерва Доротея — промышленная шпионка, пусть даже бывшая. Это их излюбленные методы. Жучки, прослушивание. Кейс прокручивает в памяти все телефонные разговоры с момента появления азиатских шлюх. Единственный значимый звонок — разговор с Еленой, насчет фирмы «Транс» — был сделан из автомата на Хай-стрит. Значит, остается только звонок Войтеку. Но это не страшно, ведь никто не знает, где они завтракали. Хотя, с другой стороны, они наверняка могут отследить его номер…

Кейс идет в спальню, где лежат ее вещи и чемодан. Ритуальный танец: складывание и упаковывание ПК. Верный способ сказать своему

телу, что скоро оно перестанет зависеть от безопасности этого периметра.

Закончив собираться, Кейс ложится поверх одеяла, ставит внутренний будильник на час вперед, чтобы успеть на встречу с Войтеком в кафе на Абердин-стрит, и мгновенно засыпает.

Ей снится, что она едет в лондонском такси, на заднем сиденье. Обычно она редко видит сны — точнее, редко их помнит, — однако сейчас в память впечатывается каждая деталь. Тихая августовская ночь. Желтоватая листва, оттеняющая возраст города, глубину его истории, его упрямую несокрушимость. Фасады высоких домов, отрешенные и неприступные. Кейс зябко вздрагивает, хотя ночь тепла, а окна в такси закрыты. Наплывает картина из имэйла Дэмиена: серая пирамида мокрых костей посреди русского болота. Как можно так относиться к своей истории, к своим мертвецам?.. Кейс слышит пьяный смех, звон кирки о камень; она одновременно в двух местах: и в такси, объятая лихорадкой, и в гнилом заболоченном лесу — свидетель жуткого, невозможного пиршества каннибалов, поедающих мертвые тела. Ее собственный голос повторяет слова, сказанные Бигенду: прошлое все время меняется, оно так же неопределенно, как и будущее… Тогда

она еще забыла добавить, что прошлое нельзя выкапывать, нельзя разрушать и выбрасывать! Кейс хочет об этом сказать, но слова густеют, как смола, застывают в горле, и она вдруг видит — это Бигенд сидит за рулем такси, надвинув на глаза ковбойскую шляпу, а между ними толстая стеклянная перегородка, и даже если слова вырвутся из горла — он все равно не услышит, так и будет гнать вперед, в неизвестность, вцепившись в руль и сверля глазами черную дорогу…

Кейс просыпается, чувствуя быстрые толчки сердца.

Встать, умыться холодной водой. Подняться на второй этаж, забрать спрятанный там запасной комплект ключей.

По пути в кафе она будет осторожна. Ей никогда раньше не приходилось замечать слежку, отрываться от хвоста. Просто не было необходимости. Но сейчас все изменилось.

Откуда-то из глубины, из-под сердца всплывает крохотная заводная субмарина. Бывают ситуации, когда остается только сделать следующий шаг. А потом еще один.

Глава 13

Маленькая лодочка

Сиденье Кейс на верхней палубе рейса «Бритиш Эйруэйз» 747 превращается в кровать, похожую на маленькую лодочку. Уютное рыбачье суденышко из кожи и красно-коричневого пластика. Это самое переднее место: другие пассажиры в поле зрения не попадают.

Футуристическая колыбель оптимизирована для создания абсолютного удобства и буквально нашпигована высокоэргономичными причиндалами. При желании разработчики легко могли бы вмонтировать в спинку кресла питательные трубки с одноразовыми загубниками, а под сиденье поместить соответствующую систему гигиеничной утилизации отходов.

Полет уже длится какое-то время. Точнее сказать нельзя: часы сняты с руки и спрятаны, согласно ритуалу. Обед съеден, посуда убрана, свет в салоне пригашен. Кейс представляет, как ее отставшая душа вприпрыжку разгоняется по взлетной полосе, хлопает крыльями, пытается высмотреть в лондонском небе белую снежинку

самолета. Какая-то доля страха тоже осталась позади: они сейчас летят над океаном, и человеческого фактора можно не опасаться. Раньше Кейс боялась именно этой части — полета над безбрежной и забывчивой водой, но теперь фокус опасности сместился в сторону густонаселенных областей, где есть опора для систем «земля-воздух» и прочих сюжетов, безжалостно обрисованных в репортажах Си-эн-эн.

Коммерческие рейсы обладают еще одним недостатком, существенным для Кейс. Это нескончаемое и безвыходное повторение эмблемы авиакомпании в замкнутом пространстве. К счастью, с «Бритиш Эйруэйз» не возникает особых трудностей, а вот, скажем, знак «Вирджин», волокущий за собой целый хвост товарных ассоциаций, был бы настоящей катастрофой.

Проблема только одна — вынужденное бездействие. На жалком экранчике, вылезающем из подлокотника, фильмы смотреть невозможно, на любые новости объявлен самозапрет, читать нечего, а сна ни в одном глазу. Призрак Лондона уже подергивается туманом, а призрак Токио по-прежнему зыбок, воспоминания о нем еще не всплыли на поверхность; Кейс, скрестив ноги, сидит в центре своей узенькой кровати и трет

кулачком глаза, как капризный ребенок, не умеющий уснуть.

И тут вспоминает о бигендовом «Айбуке», на крышке которого красуется новенький стикер службы безопасности аэропорта Хитроу.

Подняв с пола чемоданчик, она достает компьютер. Вчера она поиграла с ним минут двадцать, но только сейчас на глаза попадается какой-то ненадписанный диск. Кейс вставляет его и обнаруживает, что это полный архив Ф: Ф: Ф, от момента возникновения до последних постов, да еще и с возможностью поиска. Люди Бигенда также записали туда все 135 фрагментов и три наиболее популярных варианта монтажа, включая вариант, сделанный Кинщиком и Морисом.

Сидя по-турецки, Кейс пишет памятку и наклеивает на диск: «Сделать копию для Айви».

Айви уже давно, чуть не с самого начала, хотела заполучить архив Ф: Ф: Ф с возможностью поиска. Бесплатный софт, на котором написан форум, не обладает такой возможностью, а желающих написать новый софт пока не нашлось. Фрагментщики просто ставят в браузере закладки на любимые темы, однако до сих пор не существовало способа сделать поиск по автору, теме или ключевому слову.

А теперь такой способ появился.

Кейс никогда раньше не задумывалась, сколько постов содержит архив Ф: Ф: Ф, сколько из них принадлежит ей. Она набирает «КейсП» в окошке поиска.

Напротив! Как я уже вчера говорила…

Нет, это явно не первый пост. Все правильно, КейсП появилась не сразу. Она набирает «Кейс».

> Всем привет. Сколько всего сегментов обнаружено? Я только что скачала последний — где герой стоит на крыше. У кого-нибудь есть соображения по поводу каминных труб? (Или как там еще называются эти штуки?)

Буква «П» прибавилась чуть позже, когда на форуме появился еще один Кейс. Правда, у него это была фамилия, а не имя. Некто Марвин Кейс из Уичиты. Он довольно быстро пропал, а буква «П» осталась.

Ощущение такое, будто разглядываешь альбом со старыми школьными фотографиями.

Вот первый пост Капюшончика:

> Так и быть, разрешаю вам напиться из моей груди. Можно даже с помощью молокоотсоса. Неужели я единственный, кого потрясла необычная красота этой пестро-аномальной кинематографической прерии? Надеюсь, здесь на форуме обретаются истинные поклонники ковбойской поэтики, потому что я уж точно не из их числа.

Это было еще до того, как на форум пришла Мама Анархия. Через три дня после ее появления Капюшончик впервые проделал маневр, который потом вошел у него в привычку: покинул сайт «навсегда» — демонстративно, с шумом и хлопаньем дверями.

Кейс экспериментирует с матовыми металлическими кнопками на подлокотнике: кровать должна превратиться в кресло. Сиденье приходит в движение; стонут маленькие, но мощные моторы, верные слуги комфорта. Успокаивающее чувство. Она откидывается на спинку, вытягивает ноги в черном трико (предложенная стюардессой пижама была отвергнута) и накрывается клетчатым пледом, положив сверху «Айбук». Гибкий оптоволоконный ночник напоминает полицей-

ский фонарь.

Архив Ф: Ф: Ф закрыт, она запускает вариант Кинщика и Мориса.

Действие открывается сценой на крыше, на фоне необычных каминных труб. Герой медленно подходит к невысокому парапету. Смотрит на городские огни, которые остаются не в фокусе. Анализ стоп-кадра показал, что размытый пейзаж составлен из схематичного пересечения вертикальных и горизонтальных линий. Без деталей. Ясно, что это дома, но невозможно определить, в каком именно городе. Точно не Нью-Йорк и не Лондон. Список отвергнутых городов занимает несколько страниц. Отсюда Морис сразу переходит к последовательности затянутых ракурсных кадров, где героиня гуляет по некоему классическому парку.

Когда смотришь хороший вариант монтажа — а монтаж Мориса один из лучших, — то кажется, что видишь это впервые. Заново погружаешься в иной странно-красивый мир, исполняешься радостью и предвкушением. И всякий раз неизменно шокирует внезапный, на полуслове, обрыв. Как, и это все?! Не может быть!

Фильм кончается.

Кейс засыпает с включенным «Айбуком» на

животе.

Проснувшись, она видит, что свет в салоне погасили. Ей хочется в туалет. Хорошо, что не надела эту дурацкую пижаму!.. Она убирает лэптоп, отстегивает ремень, нашаривает выданные тапочки и направляется к светящемуся знаку.

По пути минует неподвижное тело, принадлежащее не кому иному, как Билли Прайону. Бывшая звезда мирно похрапывает; его приоткрытый рот лишен всяких признаков паралича, торс по-стариковски укутан клетчатым пледом. Наружу выглядывает лишь бесстрастное, чуть оплывшее лицо. Кейс моргает, пытаясь убедить себя, что это ошибка. Но никакой ошибки нет — перед ней действительно бывший лидер «БГЭ», предпочитающий одеваться, судя по штанам, в «Агнесс Би для мужчин».

В соседней с Прайоном ячейке спит блондинка с маской на глазах; ее обтягивающая блузка ясно обрисовывает скромные колечки в обоих сосках.

Приглядевшись, Кейс узнает в ней певичку из распавшейся группы «Велкро Китти», и это лишний раз подтверждает правильность идентификации Билли Прайона, который, если верить таблоидам, недавно с этой певичкой расстался.

Сделав усилие, Кейс возобновляет шаркающий

ход, по-лыжному двигая синими виниловыми шлепанцами в направлении туалета перового класса. В туалете, можно сказать, относительно просторно; ее встречают чистота, свежие цветы и косметические пузырьки от «Молтон Браун». Кейс запирает дверь, садится на унитаз и задумывается о невероятности совпадений: тот самый Билли Прайон, чью галерею Войтек хочет арендовать под выставку своих «Зи-Эксов», вдруг оказывается с ней на одном рейсе. Мир стал тесен уже настолько, что это начинает плохо пахнуть.

Нажать на смыв. Ярко-голубая жидкость шипит и хлещет.

Возвращаясь на место, Кейс видит, что блондинка с окольцованной грудью проснулась. Повязки на глазах уже нет; подруга Прайона, подняв спинку кресла, рассматривает глянцевый журнал в сиянии оптоволоконного ночника. Сам Билли по-прежнему похрапывает.

Добравшись до своей лодочки, Кейс принимает горячую салфетку из заботливых щипцов стюардессы.

Почему они летят в Токио? Билли и эта певичка из «Велкро Китти»?

Кейс вспоминает, что ее отец говорил про паранойю.

Уин, работавший в контрразведке во времена холодной войны, относился к этой болезни, как к некоему животному, которое необходимо приручить. Подобно беднягам, научившимся жить с хроническим недугом, он не отождествлял себя со своей паранойей — та существовала сама по себе и часто оказывалась весьма полезной; надо было только держать ее под контролем, не давать завладеть рассудком. Уин выдрессировал ее по специальной программе, и она ежедневно приносила ему различные намеки, подозрения, странные аномалии, которые он не спеша сортировал.

Можно ли считать присутствие Билли Прайона странной аномалией?

Только в том случае, думает Кейс, если поставить себя в центр некой опасной и непонятной интриги. Первая заповедь психологической обороны Уина: не надо выпендриваться. Как правило, ты только пешка в чьей-то большой игре. Паранойя, говорил он, эгоцентрична по своей природе; любая мания преследования так или иначе возвеличивает того, кто ею страдает.

С другой стороны — и это тоже слова Уина, — даже у параноидных шизофреников бывают реальные враги.

Наверное, паранойя — это разновидность апофении.

Влажная салфетка, зажатая в руке, уже остыла.

Кейс кладет ее на подлокотник и закрывает глаза.

Глава 14

Гайджинское лицо «Биккли»

Кейс выходит из здания вокзала Шинджуки, катя за собой черный чемодан; ее встречают электрические сумерки, смешанные с запахами незнакомых углеводородов.

Она приехала из аэропорта на экспрессе «Джей-Ар», чтобы не стоять в пробках на шоссе. Поездка на автобусе в час пик, по опыту прошлых визитов, может превратиться в сущее мучение. Машина, предложенная Памелой Мэйнуоринг, тоже не решила бы проблемы, да еще пришлось бы общаться с персоналом «Синего муравья», а Кейс хочет свести это удовольствие к минимуму.

Прайон с подружкой куда-то исчезли сразу после посадки. Сейчас, наверное, томятся в еле ползущей машине, проклиная токийские пробки. Непонятно, зачем они вообще сюда прилетели.

Над головой лихорадочно пляшут заросли световых реклам. На большом экране пульсирует эмблема «Кока-колы», а под ней лозунг: ПОВОД НЕ НУЖЕН! Изображение сменяется клипом новостей: смуглые дикторы в светлых костюмах. Кейс моргает и отворачивается, представив на экране образы двух горящих башен.

Воздух здесь теплый и слегка влажный.

Надо поймать машину. Такси подъезжает, задняя дверь открывается сама собой, таинственным японским образом. Кейс вталкивает в кабину чемодан, забирается следом и усаживается на сиденье, обитое белоснежной материей, чуть не забыв оставить дверь открытой.

Водитель в белых перчатках дергает рычаг под сиденьем, и дверь закрывается.

— Гостиница «Парк Хайатт».

Он кивает.

Такси вливается в плотный, удивительно тихий поток машин.

Кейс достает новый мобильник, включает его. На экранчике загораются иероглифы кандзи. И тут же раздается звонок.

— Алле?

— Кейс Поллард?

— Да, я слушаю.

— Добро пожаловать в Токио, Кейс. Меня зовут Дженнифер Броссард, я из «Синего муравья». — Американский голос. — Где вы сейчас находитесь?

— У вокзала Шинджуки, на пути в гостиницу.

— Вам что-нибудь нужно?

— Выспаться прежде всего.

Конечно, все немного сложнее. Отсутствие души воспринимается здесь совсем под другим углом. Кейс не помнит, чем заполняла эту пустоту во время последнего визита. С тех пор прошло уже десять лет. Скорее всего танцами и обильной выпивкой — ведь она была на десять лет моложе, а здешний экономический пузырь как раз достиг максимума.

— Звоните, если что.

— Спасибо.

— Спокойной ночи.

— До свидания.

Она вновь остается одна, в спокойном полумраке токийского такси.

За окном мелькает перепляс чуждой рекламной культуры, язык которой Кейс помимо воли уже начинает смутно понимать. В сознании вспыхивают туманные намеки, ассоциации… Нет, сейчас она слишком устала. Надо закрыть

глаза.

Очередная пара белых перчаток у входа в гостиницу; ее багаж помещен на тележку и накрыт чем-то похожим на рыбацкую сеть, с грузиками по краям. Странный ритуал. Должно быть, пережиток эпохи процветания европейских отелей.

Еще одни белые перчатки — в просторном лифте производства «Хитачи». Белый палец нажимает кнопку с надписью «Фойе». Скользящий, безупречно плавный подъем, так что кровь отливает от головы — мимо бесчисленных немаркированных этажей. Приехали. Двери разъезжаются, открывая вид на живую бамбуковую рощу, высаженную в квадратном бассейне размером с теннисный корт.

Регистрация, прокатывание кредитной карты «Синего муравья», подписывание квитанции. Потом снова лифт наверх: прибавляется еще множество этажей, в итоге не меньше пятидесяти.

И вот ее номер: невероятно большая комната, с гигантской черной мебелью. Носильщик проводит мини-экскурсию и откланивается, не ожидая чаевых.

Кейс удивленно моргает. Типичный номер Джеймса Бонда — в интерпретации скорее Броснана, чем Коннери.

Следуя полученным указаниям, она нажимает кнопку на пульте, и занавески тихо расползаются. Весь видимый горизонт залит светящейся электрической мозаикой, над которой пульсирует какое-то виртуальное небо. Здесь и там в узор вкраплены незнакомые элементы, словно при составлении мозаики вдобавок к стандартному использовали еще и специальный токийский комплект. Эмблемы компаний, о которых она даже не слышала. Завораживающее зрелище. Только из-за одного этого стоило сюда прилететь. Включается память: десять лет назад она испытала такое же ощущение. Многие привычные символы в новом контексте меняют свою злую природу. Утрачивают весь яд такие опасные семейства, как «Берберри», «Монблан» и даже «Гуччи». Кто знает, может, дело дойдет и до «Прады»?

Кейс задвигает занавески и начинает разбирать чемодан. ПК бесследно исчезает в недрах бездонных шкафов. Закончив, она еще раз оглядывает комнату. Все та же пустота, никаких следов человека — не считая черной папки «Штази» и чемоданчика с «Айбуком», сиротливо жмущихся друг к другу на полотняных просторах огромной кровати.

Изучив инструкцию по выходу в интернет, Кейс включает «Айбук» и проверяет почту.

Капюшончик, с двумя приложениями.

Она написала ему перед самым отлетом — сообщила, что будет в Токио, но не сказала, под чьей эгидой. Капюшончик не дурак, он бы сразу понял, кто такой Бигенд и что такое «Синий муравей».

В письме она спрашивала совета насчет встречи с Таки и стратегии получения тайного номера. Скорее всего это ответ на ее вопрос.

Письмо озаглавлено «КЕЙКО». Кейс открывает его.

> Токио?! Круто! Как тебе удалось? Короче — я и мой верный Мусаши по твоей милости всю ночь дымили визжащими покрышками по пустынным улицам — и не безрезультатно. Сдержанный кивок в сторону Саши, ибо именно ему удалось в конце концов найти нашу Кейко. Только она не Кейко, а Джуди…

Кейс открывает первое вложение.

— Боже, какой ужас!

Чудовищное, возмутительное создание, судя по всему, состряпанное специально для Таки, каким его воображают себе Капюшончик и Мусаши.

В облике Кейко-Джуди невинность сочетается с агрессивной женственностью. Ее стройные и в то же время полные ножки низвергаются из-под школьной клетчатой юбочки и впадают в приспущенные белые гольфики необычайно грубой вязки. Внутренний стиль-эксперт Кейс, обладающий безошибочным нюхом на любой популярный фетиш, тотчас определяет, что эти суперносочки являются в Японии традиционным сексуальным атрибутом. Здешние киоски наверняка забиты мужскими журналами с девочками в приспущенных гольфиках. Обуты чудо-ножки в матерчатые ретротуфли на внушительной платформе, призванные уравновесить утолщения вокруг щиколоток, так что ниже колен Кейко-Джуди похожа на белоногую савраску.

У Кейко-Джуди трогательные косички, мешковатый свитер со складками, превращающими грудь в тайну, и огромные черные глаза, которые сияют столь откровенным плотским огнем, что Кейс становится не по себе. Бигенд сразу распознал бы типичный образ-пульсар, в котором вспышки детской невинности с неуловимой для глаза частотой чередуются со вспышками самой разнузданной похоти.

Кейс закрывает картинку и продолжает читать

письмо.

Джуди Цудзуки, рост метр семьдесят восемь, возраст двадцать семь. Японского в ней не больше, чем в тебе, если не считать ДНК. Родом из Техаса. Работает барменшей в небольшом трактирчике по соседству с домом Мусаши. Чтобы усилить мощность воздействия на либидо нашего друга Таки, мы сделали следующее: сфотографировали ее в полный рост, а потом в «Фотошопе» ужали снимок по вертикали примерно на треть. Вырезали фигуру, наложили на изображение комнаты в общаге, где живет младшая сестра Мусаши. Деррил собственноручно разработал костюм для красавицы. В качестве заключительного штриха мы решили увеличить ее глаза — буквально на пару делений, и тем не менее это возымело магический эффект, особенно когда были подчищены гусиные лапки и мешки, посредством того же «Фотошопа», хотя Деррил предлагал перед съемкой применить к бедняжке метод туго заплетенных косичек вкупе с несколькими полоска-

ми пластыря телесного цвета. Результат нашего скромного гения перед тобой: чистейший образец чистейшей прелести в стиле аниме. Такой девушки не существует в несовершенной природе, но именно о ней Таки мечтал всю свою жизнь. Он это сразу поймет, как только увидит фото. Что касается второго вложения, то это…

Кейс подводит мышку и открывает его. Отсканированное изображение текста, написанного от руки на кандзи, с многочисленными восклицательными знаками.

…записка от Кейко. Попроси какого-нибудь местного носителя японского языка (предпочтительно молоденькую девушку) переписать это на бумагу. Теперь насчет встречи с Таки. Ее готовил я, пока Мусаши занимался ретушированием морщинок. Объект, похоже, повелся, хотя действовать надо осторожно, чтобы не спугнуть. Кейко только что отправила ему радостную весть: ее подруга прилетает в Токио, а с ней посылочка — небольшой сюрприз. Я дам тебе знать, что он ответит. Ты там в командировке? Я

слышал, эти варвары действительно едят сырую рыбу.

Кейс встает и пятится назад, пока ноги не упираются в кровать. Раскинув руки, она падает навзничь на покрывало и лежит, глядя в белый потолок.

Зачем она здесь? Где сейчас трепыхается ее душа? Может, заплутала, затерялась в небесах, исхлестанных реактивными следами? Зацепилась не за тот самолет?

Надо бы отдохнуть. Кейс смеживает веки… Увы, сон не приближается; такое чувство, что ее глаза на два размера больше, чем глазницы.

Привратник сохраняет подчеркнутое равнодушие, когда Кейс выходит из гостиницы в «Ливайсах» и «Баз Риксоне», отказавшись от предложения вызвать такси.

Пройдя пару кварталов, она покупает у израильского лоточника черную вязаную шапочку и китайские темные очки. Заправив волосы под шапочку и до подбородка застегнув молнию на куртке, она превращается в относительно бесполое существо.

Дело не в том, что здесь стало опаснее, чем во время прошлых визитов. Просто Кейс еще не при-

выкла. Правда, уровень уличной преступности сейчас возрос, но об этом не стоит думать. Нельзя же весь вечер сидеть взаперти, в огромной черно-белой камере с видом на город. Пустоту, образовавшуюся на месте отставшей души, необходимо проветрить. Выдуть накопившийся горький туман.

Уин. Она начала проецировать его образ на белые стены, а это никуда не годится. Боль еще слишком сильна.

Отставить мысли. Ноги ступают крепко и уверенно. Походка, как у мужчины. Я восстал против закона. Руки в карманах; в правой зажаты темные очки.

Но закон победил.

Кейс проходит мимо быстрой, по-муравьиному слаженной команды ночных дорожных рабочих. Они выставили на мостовую светящиеся конусы удивительной красоты — красивее, чем любые абажуры, — и вспарывают асфальт стальными дисками с водяным охлаждением. Токио никогда не спит; только замирает на минутку, когда муравьям надо починить инфраструктуру. Кейс думает, что еще ни разу, ни в одном из разрезов не видела здесь живую землю. Можно подумать, что под асфальтом у них только равномерная

стерильная масса труб и проводов.

Прислушиваясь к полузабытому чувству направления, она довольно быстро приходит в Кабукичо, район ночных развлечений, который называют «Бессонный замок». Здесь всегда светло как днем; не найдешь ни одной плоскости, даже самой маленькой, на которой не сиял бы хоть какой-нибудь фонарь.

Она уже бывала в этом районе — правда, всегда в компании. Царство порносалонов, клубов для игры в маджонг, крохотных баров со строго дифференцированной клиентурой, секс-магазинчиков и многого другого. Но, как и в Лас-Вегасе, вся эта мишура содержится в идеальном, трезвом порядке, всем правит железный расчет. Самозабвенно отрываться в такой атмосфере, должно быть, нелегкая задача даже для безнадежных прожигателей жизни.

Кейс надеется, что опасаться здесь нечего. Разве что вяло пристанет какой-нибудь пьяный пролетарий, нетвердо стоящий на ногах.

Чем глубже она погружается в яркий лабиринт, тем выше становится уровень шума: музыка, пение, завывание механических драконов, реклама секс-услуг на японском языке. Оглушительно, как в заводском цеху.

Словно грохот прибоя.

Домики здесь очень узкие. Сплюснутые фасады наперебой проталкиваются на улицу, образуя на уровне первого этажа сплошную полосу бешеного неонового огня. Выше порядка уже больше — одинаковые квадратные вывески аккуратно висят бок о бок, рассказывая о товарах и удовольствиях, доступных на верхних этажах.

МОЗГ КРАСОТЫ И МИЛАШКА ФАННИ

Эта непонятная вывеска заставляет ее остановиться. Красные буквы на желтом фоне в центре одного из фасадов. Кейс заторможенно разглядывает надпись. Какой-то прохожий натыкается на нее, резко вскрикивает по-японски и удаляется, слегка покачиваясь. Она вдруг осознает, что стоит перед разверстым входом ревущего порнодворца. У дверей скучают два вышибалы. Внутри на огромном экране мелькает качественное изображение грубо-клинического, явно иностранного совокупления. Кейс поворачивается и торопливо идет прочь.

Она продолжает сворачивать в переулки, пока темнота не сгущается настолько, что уже можно снять очки. Грохот прибоя звучит заметно тише.

Накатывает, чуть не сбивает с ног волна сон-

ливости. Даже колени подгибаются. Здешняя временная разница — это вам не лондонские пять часов.

— Ну что, мозг красоты, — говорит Кейс, обращаясь к пустынному переулку, — милашке Фанни пора домой.

Вот только в какую сторону?

Кейс оглядывается. Переулок, по которому она пришла, настолько узок, что даже не осталось места для тротуара.

Трещит приближающийся моторчик.

На перекресток выскакивает и останавливается мотороллер. Человек в зеркальном шлеме поворачивает голову. Лица не видно, фигура облита остаточным светом секс-реклам.

Постояв секунду, он дает газ и уносится, рыча мотором — был и нету, словно фантом.

Кейс какое-то время глядит на опустевший перекресток, который кажется освещенным, как театральная сцена.

После нескольких поворотов к ней возвращается чувство направления, и она уверенно ложится на обратный курс, ориентируясь по далеким огням магазина «Гэп».

Телевизор раскрывает тайну Билли Прайона.

Кейс как раз пыталась разобраться с универ-

сальным пультом, чтобы раздвинуть занавески и полюбоваться электрической мозаикой (а перед этим приняла душ и завернулась в белый махровый халат). Но вместо занавесок вдруг ожил гигантский телевизор. И вот, пожалуйста — Билли собственной персоной, в полном неопанковском обличье, словно в звездные годы «БГЭ», и даже пол-лица парализовано, как встарь, а другая половина щерится в идиотской ухмылке. В протянутой руке Билли сжимает бутылочку молочного напитка под названием «Биккли» — кажется, производства «Сантори». Было время, когда Кейс нравился этот напиток. Среди засилья разной дряни, типа лимонада «Покари суит» и питьевой воды «Калпис», холодный «Биккли» был настоящим спасением.

На вкус как толченые ледышки, вспоминает Кейс. И тут же чувствует острое желание выпить бутылочку.

Понятно, думает она, досматривая рекламный ролик. Значит, Билли Прайон — гайджинское лицо «Биккли». Тот факт, что на Западе эта звезда уже давно закатилась, похоже, здесь никого не смущает.

Кейс находит нужную кнопку и выключает телевизор. Занавески так и остались закрыты-

ми. Не экспериментируя больше с пультом, она вручную, один за другим, гасит все светильники и прямо в халате забирается в кровать.

Свернувшись калачиком между белыми простынями, она молится, чтобы волна скорее накатила, накрыла, удержала в себе как можно дольше.

И волна приходит. Где-то в ней неявно присутствует отец, и человек на мотороллере поворачивает безликий шар хромированного шлема.

Глава 15

Особая точка

Уин Поллард пропал без вести в Нью-Йорке, утром 11 сентября 2001 года. Привратник гостиницы «Мэйфлауэр» вызвал для него такси, но так и не смог вспомнить, куда в то утро отправился человек в сером пальто, давший на чай один доллар.

Кейс может думать об этом спокойно, потому что киберзанавески раздвинуты, и японское солнце простреливает комнату под каким-то невообразимым углом.

В уютной теплой норке, образованной просты-

нями и махровым халатом, зажав в руке пульт, она разрешает себе вспомнить, что отец пропал без вести.

Ни она, ни ее мать не знали, что Уин в тот день был в Нью-Йорке. Причины, по которым он туда прилетел, до сих пор не ясны. Последние десять лет он жил в Теннесси, на заброшенной ферме, разрабатывая особо гуманный вид ограждений для толпы во время рок-концертов. Как раз перед исчезновением он приступил к оформлению нескольких патентов, которые должны были обеспечить его старость. Фирма, которая помогала ему с регистрацией патентов, располагалась на Пятой авеню, но работавшие там люди понятия не имели, что 11 сентября он находился в Нью-Йорке.

Прежде Уин никогда не останавливался в «Мэйфлауэре». Он прибыл туда накануне вечером; номер был забронирован через интернет. Поднявшись к себе, он до самого утра никуда не выходил и никому не звонил, только заказал бутерброд с тунцом и банку «Туборга».

Причины его визита в Нью-Йорк остались невыясненными, а значит, не было никаких оснований предполагать, что в роковое утро он поехал к Торговому центру. Однако Синтия, ведо-

мая потусторонними голосами, с самого начала была уверена, что ее муж попал в число жертв. А когда открылось, что в одном из прилегавших к Торговому центру зданий находился офис ЦРУ, у нее отпали последние сомнения: конечно же, Уин перед терактом зашел повидать бывшего коллегу.

Когда ударил первый самолет, Кейс находилась в Сохо, и ей довелось стать свидетелем микрособытия, которое шепнуло ей на ушко, что весь мир в этот миг получил утку в лицо.

Она увидела, как с засохшей розы упал лепесток.

Эта роза была выставлена в витрине эксцентричного антикварного магазинчика на Спринг-стрит. Кейс нужно было убить пятнадцать минут перед деловым завтраком, назначенным на девять часов в гостинце «Сохо Гранд», и она просто гуляла по улице, наслаждаясь погодой и разглядывая витрины. В знакомом окне ее блуждающий взгляд зацепился за три чугунных сувенира, по-разному изображавших одно и то же здание, Эмпайр-Стэйт-билдинг. В этот момент раздался гул самолета, летевшего, как ей показалось, очень низко, а в проеме зданий над Западным Бродвеем промелькнула какая-то тень. Наверное, снимают

кино, подумала она.

Засохшие розы в серо-белой вазе стояли здесь уже давно, несколько месяцев. Изначально они были белыми, но постепенно превратились в подобие пергамента. Кейс ни разу не заходила в этот магазин и даже не знала, чем они торгуют. Витрина всегда казалась ей чуть странной: задняя стенка была забрана черной фанерой, не позволяющей заглянуть внутрь, а предметы, выставленные на обозрение, периодически менялись местами, словно повинуясь какой-то внутренней поэзии. Всякий раз, проходя мимо этой витрины, она задерживалась, чтобы оценить узор новой комбинации.

С розы упал лепесток — и в тот же миг донесся глухой удар, словно где-то столкнулись грузовики. Обычное дело, необъяснимый закулисный звук Южного Манхэттена.

И вот уже тревожно гудят сирены. Но ведь это Нью-Йорк, здесь всегда гудят сирены.

Кейс идет к гостинице, в сторону Западного Бродвея. Опять сирены.

На углу Западного Бродвея начинает собираться толпа. Люди останавливаются, глядят на юг. Показывают пальцами. Черный столб дыма на фоне синего неба.

Это пожар — горят верхние этажи Всемирного торгового центра.

Кейс ускоряет шаг, направляется в сторону Канал-стрит, минует группу людей — они склонились вокруг лежащей женщины. Наверное, обморок.

Обе башни теперь хорошо видны. Невероятное количество дыма, захлебываются сирены.

Она все еще думает о деловой встрече: в девять часов, со знаменитым немецким дизайнером верхней одежды. Войдя в вестибюль «Сохо Гранд», взбегает по ступенькам, сделанным из какого-то подобия деревянного бруса. Ровно девять. Освещение здесь странное, словно ты под водой. Словно все это тебе снится.

Во Всемирном торговом центре пожар.

Кейс находит внутренний телефон и звонит дизайнеру. Он отвечает по-немецки, хриплым возбужденным голосом. Похоже, он забыл про девятичасовой завтрак.

— Поднимитесь по лестнице, пожалуйста, наверх, — говорит он на английском. — Произошел самолет… — и добавляет что-то неразборчивое, по-немецки. И вешает трубку.

Самолет? Ему надо на самолет? Хочет провести встречу у себя в номере?

Кейс заходит в лифт, нажимает цифру восемь, закрывает глаза. И снова видит, как засохшая роза роняет лепесток. Одиночество неживых объектов. Их тайное существование, скрытое от наших глаз. Тихая возня в коробке с игрушками.

Дизайнер сам распахивает дверь — Кейс не успевает даже постучать. Бледное лицо, молодой, небритый. Очки в черной оправе. Свежая рубашка перекошена, ширинка расстегнута, на ногах черные носки. Смотрит так, словно перед ним какое-то невиданное чудо. У него за спиной на полную громкость включен телевизор, репортаж Си-эн-эн, и Кейс проходит в комнату, не дожидаясь приглашения, потому что не торчать же так, — и смотрит в телевизор, на котором стоит пластиковое ведерко для льда. А на экране под этим ведерком второй самолет врезается во вторую башню.

И Кейс, повернув голову, глядит в окно, где башни-близнецы видны, как на ладони. И на всю жизнь запоминает, что взорвавшееся топливо горит с оттенком зеленого.

Потом они с немецким дизайнером будут смотреть, как башни горят и рушатся одна за другой, и память милосердно не запишет людей, прыгающих из окон, хотя впоследствии она узнает,

что такие кадры были в новостях. Жутковатое и странное чувство — как будто смотришь по телевизору собственный страшный сон: грубый и глубоко оскорбительный взлом периметра, ограждающего внутренний мир.

Эмоция, выходящая за рамки культуры.

Кейс находит нужную кнопку, занавески раздвигаются до упора. Она вылезает из уютной белой норки, закутывается в халат и подходит к окну.

Синее чистое небо. В прошлые визиты оно не было таким синим. Японцы перешли на неэтилированный бензин.

Она смотрит вниз, на заросли деревьев, окружающие императорский дворец. Сквозь листву проглядывают фрагменты крыши, как и обещала ассистентка Бигенда.

Там, среди деревьев, наверное, есть тропинки неземной красоты, о которых она никогда не узнает.

Кейс пытается определить, скоро ли подлетит душа, но внутренний радар регистрирует лишь пустоту.

Полная тишина и одиночество, не считая деликатно гудящего кондиционера.

Она тянется к телефону и заказывает завтрак.

Глава 16

Связь в движении

Этот запах держался еще несколько недель. Кислый привкус в гортани, как от подгоревшего очистителя для духовки. Он до сих пор висит в памяти и, может, уже никогда не выветрится.

Кейс пытается сосредоточиться на завтраке: яйца в идеальный мешочек и ломтики тоста, отрезанные от буханки иностранных пропорций. Две полоски бекона — сухие и абсолютно плоские, как будто их разгладили утюгом. Высококлассные японские отели интерпретируют западные завтраки так же, как дизайнеры «Баз Риксона» интерпретировали куртку «МА-1».

Вилка замирает на полпути; Кейс оглядывается на шкаф, где висит ее куртка.

«Синий муравей» подрядился удовлетворять любые желания.

Она заканчивает завтрак, наливает вторую чашку кофе, включает лэптоп и находит в адресной книге местный телефон «Синего муравья». В трубке раздается смешное «муши-муши». Попросив Дженнифер Броссард, Кейс заявляет без

предисловий, только поздоровавшись, что ей нужна черная пилотская куртка модели «МА-1», в интерпретации «Баз Риксона», японский эквивалент американского 38-го размера.

— Что-нибудь еще?

— Эти куртки невозможно достать. Люди заказывают их заранее, за год.

— Кроме куртки ничего не нужно?

— Нет, спасибо.

— Прислать ее вам в гостиницу?

— Да, спасибо.

— Хорошо, до свидания. — Дженнифер Броссард вешает трубку.

Кейс щурится на синее небо, сверкающее над зубчатым контуром небоскребов. Похоже, любые ее требования, даже самые бессмысленные, обсуждению не подлежат. Интересный расклад.

Если в гортани начинает горчить от запаха подгоревшего очистителя, то надо найти какое-нибудь занятие, желательно полезное, чтобы отвлечь память. Кейс принимает душ, одевается и садится писать ответ Капюшончику.

Муши-муши. Надеюсь, вы уже сняли с Джуди пластырь и ослабили косички. Кейко из нее получилась замечательная.

Я распечатаю фото и попрошу кого-нибудь из местных написать текст. А дальше все в твоих руках. У меня лэптоп с сотовым модемом, который еще не опробован, но сегодня я с ним разберусь. Буду носить его с собой и регулярно проверять почту. Так что пиши. Или звони, если хочешь. Вот номер моего мобильного.

Она считывает с телефона номер и вбивает его в письмо.

Теперь мое дело — ждать, пока ты договоришься с Таки.

Прежде она говорила с Капюшончиком всего дважды, и оба раза ощущение было странным и неловким, как бывает, когда люди знакомятся и долго общаются в сети, а потом пытаются поговорить по телефону.

Она собирается с духом, чтобы прочитать письмо матери, затем передумывает: после утренних воспоминаний впечатление может быть слишком тяжелым.

В бизнес-центре на нижнем этаже юная девушка в изящном деловом костюмчике в стиле

Мияки[254] распечатывает цветное изображение Кейко на плотной глянцевой фотобумаге формата 8.5 x 11 дюймов.

Кейс смущается при виде картинки, однако девушка в изящном костюмчике остается равнодушной. Это придает Кейс отваги, и она отдает на распечатку записку Деррила, а потом просит девушку написать этот текст на фотографии.

— Нам это нужно для съемок, — лжет она в оправдание.

Ложь оказывается излишней. Девушка спокойно берет черный фломастер, прикидывает, откуда начать, и живенько переносит на фотографию все иероглифы, включая многочисленные восклицательные знаки. Закончив, она задумывается, покусывая кончик фломастера.

— Что-нибудь не так?

— Извините, но будет лучше, если в конце смайлик.

— Да, конечно.

Девушка быстро дорисовывает улыбающийся кружочек. Затем убирает фломастер, обеими руками протягивает фотографию и кланяется.

— Огромное спасибо! — благодарит Кейс.

---

[254] Примечания: 254
Иссей Мияки — известный японский фотограф и дизайнер.

— Пожалуйста. — Девушка снова кланяется.

Проходя мимо бамбуковой рощи, Кейс косится на свое отражение в зеркальной панели, поправляет прическу и достает мобильный телефон.

— Але, Дженнифер? Это Кейс. Мне надо подстричься.

— Когда вам удобнее?

— Прямо сейчас.

— Есть чем писать?

Двадцать минут спустя, в районе Шибуи, в полутемном зале на пятнадцатом этаже цилиндрического здания, напоминающего музыкальный автомат, ей делают массаж с горячими камнями, которого она не заказывала. Никто из персонала не говорит по-английски, и Кейс решила просто подчиниться и плыть по течению в надежде, что в конце концов ее все же подстригут.

Так и происходит — причем процедура длится без малого четыре часа, в окружении неземной роскоши, и включает в себя маску из водорослей, очистку лица, бессчетные и разнообразные выщипывания, маникюр, педикюр, удаление волос на ногах при помощи горячего воска и эпиляцию зоны бикини (последнего чудом удается избежать).

Кейс пытается расплатиться картой «Синего

муравья», но девушки из персонала начинают хихикать и махать руками. Она настаивает, и тогда кто-то из них показывает на членистоногую эмблемку в уголке карты. Либо у «Синего муравья» здесь абонемент, либо это их собственный салон для подготовки фотомоделей.

Выйдя наружу, на улицы Шибуи, залитые ярким солнечным светом, Кейс чувствует легкость и некоторое отупение, как будто вместе с волосками и кожными чешуйками она лишилась какой-то части мозгов. В обычной жизни она за месяц не использует столько макияжа, столько эти профессионалы с дзен-буддистским спокойствием нанесли ей на лицо. Причем косметика дорогая, японский эквивалент фирмы «Эния».

У первой же зеркальной плоскости она останавливается и осматривает результат. Постригли ее, конечно, замечательно. Парадоксальная смесь лоска и спутанности. Прическа в духе аниме, с высоким разрешением.

Однако в остальном имидж не работает. Стандартный ПК сильно не дотягивает до сенсэйского уровня косметической презентации.

Кейс открывает и закрывает рот, боясь облизать губы. Правда, в сумке есть подаренная сенсэями аварийная косметичка, которая стоит, наверное,

не меньше лежащего рядом с ней лэптопа. Но своими руками Кейс ни за что не воспроизвести такую красоту.

А ведь наверняка где-нибудь рядом находится один из нашпигованных бутиками филиалов «Парко», по сравнению с которым торговый центр «Фред Сигал» на Мелроуз тушуется и бледнеет, словно какой-нибудь оптовый магазин дешевой одежды в глухой Монтане.

Примерно через час Кейс выходит из «Парко». На ней заклеенный изолентой «Баз Риксон», черная вязаная юбка, черный свитер, черные колготки «Фогал», которые, наверное, стоят половину ее месячной платы за квартиру в Нью-Йорке, и черные французские замшевые ботинки в стиле неявного ретро, которые с лихвой потянут на другую половину. Элементы старого ПК уложены в фирменный пакет «Парко», а лэптоп перекочевал в эргономичную вогнутую сумку цвета графита. Наплечный ремень по диагонали пересекает грудь, помогая свитеру подчеркнуть то, что нужно.

Последнюю точку в переходе на новую версию ПК поставили швейные ножницы, купленные в галантерейном отделе филиала «Муджи» на восьмом этаже; споротые этикетки остались там же,

в урне — кроме ярлычка на сумке с нейтральной надписью «багажное изделие».

За все это великолепие заплачено кредитной картой Бигенда. В своих ощущениях по этому поводу Кейс еще успеет разобраться.

Прямо через дорогу — двухэтажная кофейня, точный клон «Старбакса». Каждый посетитель курит, как паровоз. Купив стакан охлажденного чая, в придачу к которому дают пакетики лимонного сока и жидкого сахара (почему в Америке до этого не додумались?), Кейс поднимается на второй этаж, где не так накурено.

Свободное место у окна, за длинной стойкой из светлого дерева в скандинавском стиле. Отсюда виден центральный вход в «Парко». Кейс раскладывает перед собой лэптоп, телефон и буклеты. Она не из тех, кто принципиально не читает инструкции. Если надо, можно и почитать. Через десять минут, разобравшись с сотовым модемом, она открывает в браузере Ф: Ф: Ф и добавляет лимонный сок в стакан с чаем. Посмотрим, что говорят братья фрагментщики. Сейчас, когда первые впечатления от номера 135 улеглись, когда каждый успел его неоднократно посмотреть и обдумать, высказывания становятся более личными и глубокими.

Кейс смотрит на улицу. Редкие автомобили необычного вида оживляют ровный поток японских машин, привычных американскому взгляду. Здесь машины выглядят чище, чем дома. В потоке вдруг мелькает мотороллер ярко-серебристого цвета, с седоком в зеркальном шлеме и в американской армейской куртке образца 1951 года. На спине седока горит эмблема военно-воздушных сил Великобритании: сине-бело-красный кружок, похожий на мишень. Память тут же прокручивает запись недавней прогулки мимо витрин бутиков в лондонском Сохо, когда она спешила на первую встречу с «Синим муравьем».

Этим Кейс всегда отличалась: умением выхватить из потока впечатлений какую-нибудь деталь — такую, как этот заблудившийся символ, британская армейская эмблема, сначала адаптированная агрессивными послевоенными модельерами Запада, а потом перенесенная в чужеродный азиатский контекст на волне кросс-культурного эха. Но парень на мотороллере в чем-то прав: армейская куртка 51-го года — не самое плохое место для этой эмблемы.

Кейс проверяет почту. Письмо от Капюшончика.

Приветствую, о госпожа Муджи!

Кейс поначалу пугается — ведь она только что оттуда. Потом вспоминает, что уже рассказывала Капюшончику про аллергию на определенные торговые знаки и про симпатию к фирме «Муджи», которая не перегружает товары изображениями фирменных эмблем.

Где ты сейчас находишься? Насколько я могу понять, Таки работает в Шинджуки. Он может встретиться с тобой в Роппонджи сегодня вечером. Я ему сказал, что у тебя для него передачка от Кейко, с дарственной надписью. По легенде, ты преподаешь в университете, но Кейко на твоем потоке не учится. Вы познакомились недавно, и ты сейчас помогаешь ей с английским. И конечно, вы обе увлекаетесь фрагментами. Кейко туманно намекнула ему, что этот номер, который ты должна получить, каким-то образом поможет ей в учебе. Таки знает, что ты не говоришь по-японски, однако утверждает, что его английского должно хватить для такого рода свидания… Уф! (Это я так вздыхаю.) Нелегкая работа — быть Кей-

ко. Похоже, нам с Деррилом удалось его убедить, и он расколется на номер, если захочет продолжения романа. Надеюсь, ты сумеешь втиснуть эту встречу в свой рабочий график. Не выключай мобильник. Я тебе позвоню, когда определится точное время и место. И проверяй имэйл: я переброшу тебе схему улиц, которую Кейко должна получить от Таки.

Кейс собирается, упаковывает лэптоп и мобильный телефон. От сигаретного дыма першит в горле. Она оглядывает помещение. Все мужчины дружно опускают головы или отводят взгляды: на нее явно глазели. Сделав последний глоток, она слезает со стула, забрасывает на плечо багажное изделие и направляется к выходу, помахивая фирменным пакетом «Парко».

Отсутствие души сказывается на восприятии времени — оно то бежит, то замедляется, причем непредсказуемо. Например, время, потраченное в салоне мозга красоты на превращение в милашку Фанни, вместе с последовавшим за этим визитом в «Парко», воспринимается адекватно, как совокупные пять часов. Но все, что было потом, включая беспорядочные перемещения по горо-

ду, на такси и пешком, пока она не оказалась в огромном магазине игрушек перед секцией «Хелло Китти», — все скомкалось в маленький серый шар под названием «японские впечатления».

Отрешенно глядя на висящие повсюду образчики местного рекламного искусства, Кейс в который раз удивляется: почему уродливые регалии японских франчайзов типа «Хелло Китти» не вызывают приступов паники? Почему не надо задействовать утку в лицо?

Ответа на вопрос нет, но факт остается фактом: здешние раздражители не действуют, включая даже пресловутого «Когепана», дебильного гомункула, чье имя по-японски означает, если она не ошибается, «подгоревший тост». Эта фирма так и не сумела освоить глобальные рынки. Товары с маркой «Когепан» разложены по внешнему периметру, вокруг товаров «Хелло Китти». Сумочки, магниты для холодильника, ручки, зажигалки, расчески, часы, декоративные фигурки. А вокруг них расположилась продукция еще одного франчайза, символом которого служит унылая бескостная панда с кривобокими детенышами. Ни один из этих чистейших примеров бессмысленного маркетинга не вызывает болезненной реакции.

Откуда-то доносится странный неприятный звук, пробивающийся даже сквозь завесу электронного гула над детским магазином, и в конце концов Кейс осознает, что звонит ее телефон.

— Алле?

— Кейс? Это Капюшончик. — Голос звучит совсем не так, как «звучат» его электронные письма, если можно так выразиться. Старше, что ли? Трудно объяснить.

— Привет! Как ты там?

— Нормально, еще не сплю.

— А сколько у вас времени?

— Ты хочешь спросить, какое число? — уточняет он. — Знаешь, не хочу даже произносить вслух. Еще разрыдаюсь. Ну короче, не важно. Главное — дело на мази! Объект назначил встречу в баре в Роппонджи… да, похоже, это все-таки бар. Он говорит, английского названия там нет, только красные фонари на входе.

— Красноречиво.

— Короче, этот тип уже достал своими объяснениями! Такое чувство, что я сам там живу. Свихнуться можно! Знаешь, мы с Деррилом как операторы марсохода: страдаем от виртуальной временной разницы. Во-первых, токийское время, во-вторых, мы сидим в разных часовых

поясах. И при этом еще пытаемся не вылететь с работы. Короче, Таки послал Кейко карту района. А я ее послал тебе. Ваша встреча назначена на шесть тридцать.

— Как я его узнаю?

— Насколько я понял, он отнюдь не Рюичи Сакамото[255]. Но помни: Кейко так не считает! Она практически заявила открытым текстом, что готова раскинуть ноги и отдать свое сокровище сразу, как только вернется в Токио.

Кейс морщится, как от боли: нравственный аспект этой миссии ей очень неприятен.

— Но он пообещал, что скажет номер?

— Вроде бы. Если не скажет, не отдавай ему фотографию.

— Ты ему… она ему так и сказала? — Такой шантаж нравится ей еще меньше.

— Да нет, конечно. Никаких ультиматумов. Фотография — просто залог любви и верности. Чтобы ему было чем вдохновляться по ночам, пока не прибудет живое сокровище. Только сначала номер! Иначе никаких фотографий. Дай ему это понять.

— Каким образом?

---

[255] Примечания: 255
Рюичи Сакамото — японский актер и композитор.

— Не знаю. Действуй по обстоятельствам.

— Угу, спасибо.

— Ну слушай, ты ведь хочешь узнать, откуда берутся фрагменты!

— Какой ты… беспощадный.

— Такой же, как и ты. Поэтому мы и дружим. Вот смотри, у меня тут есть здоровенный пакет, кофейные зерна в шоколаде. Я сейчас сяду, открою и буду грызть, и с места не сдвинусь, пока ты не позвонишь.

Он вешает трубку.

Кейс оглядывается по сторонам. Все уроды, как один, таращатся на нее: и «Хелло Китти», и «Когепан», и бескостная панда.

Глава 17

Поднять переполох

Выйти из такси у гостиницы «Ана». Спуститься по Роппонджи-дори, в тени многополосной эстакады, которая выглядит, как старейшее сооружение в городе.

Кто-то рассказывал, что Тарковский снимал здесь некоторые сцены «Соляриса». Эстакада служила декорацией, создававшей атмосферу города

будущего. Но полвека бесперебойной службы и агрессивной выхлопной химии расшатали ее, выщербили бетон по краям, превратили в серый коралловый риф, годный разве что на декорацию к «Бегущему по лезвию бритвы». Сумерки сгущаются стремительно, и сразу становятся заметны следы присутствия бездомных: замотанные целлофаном одеяла мелькают сквозь жидкую стену замусоренных муниципальных кустов. Над головой с грохотом проносятся машины, заставляя вибрировать воздушную прослойку под эстакадой, перемешивая висящую в воздухе невидимую пыль.

Кейс припоминает, что Роппонджи — не самая хорошая часть города. Своеобразная внутренняя зона, пограничный район, эпицентр кросс-культурной секс-индустрии времен экономического бума. Они с друзьями пару раз приходили сюда повеселиться — здешние бары пользовались популярностью. Сейчас все наверняка пришло в упадок. А растворенный в воздухе привкус враждебности, которым это место всегда выделялось, сделался еще острее.

Ручка пластикового пакета врезается в ладонь; Кейс приостанавливается. Этот пакет она носит по городу уже несколько часов. Совершенно ни к

чему тащить его с собой на встречу. Внутри нет ничего ценного: не лучшая в ее гардеробе юбка, колготки, севшая черная футболка. Кейс ставит пакет на землю и ногой заталкивает его в проем между кустами, которые похожи на деревья бонсай из-за падающей на них тени эстакады.

Поднявшись на пригорок, она одновременно пересекает границу вечера и границу настоящего Роппонджи. Пора свериться с картой-салфеткой, срисованной с экрана лэптопа. Капюшончик переслал ей схему улиц, где место встречи помечено жирным крестом: в маленьком переулке, параллельном главной магистрали района. Кейс знает такие места, они могут быть либо вылизанными, либо загаженными, в зависимости от расположенных там заведений.

Переулок оказывается загаженным. Кейс выходит на него после двадцати минут блужданий с салфеточной картой в руке, миновав по пути знакомый бар для экспатриантов под названием «Генри Африка».

А вот и нужное место. Кейс для разведки проходит мимо: действительно, безымянный закуток, явно не для туристов, и красный фонарь на входе. Здешний аналог западного низкопошибного бара. Такие заведения существуют в стороне от

оживленных улиц, на первых этажах старых зданий. Интерьер практически лишен украшений. Ей вспоминается одна сугубо функциональная питейная в Южном Манхэттене, которая сейчас дышит на ладан, потому что энергетические каналы города сместились на север — сначала из-за «диснеификации» центра, а потом и из-за более серьезных потрясений.

На входной двери висит выцветшая занавеска, сквозь которую видна непривычно низкая стойка бара, а перед ней шеренга столь же низких хромированных стульчиков с круглыми сиденьями, обитыми красной кожей. Обивка местами протерта и заклеена отстающей изолентой, как ее куртка.

Глубоко вздохнув и расправив плечи, Кейс отодвигает занавеску и погружается в древний, слоистый и даже отчасти приятный аромат жареных сардин, пива и сигарет.

Узнать Таки не составляет труда: он здесь единственный посетитель. Увидев ее, он суетливо вскакивает и кланяется с пунцовым от смущения лицом.

— Вы, наверное, Таки? Здравствуйте! Меня зовут Кейс Поллард, я калифорнийская подруга Кейко.

Его глаза старательно моргают за припорошенными перхотью очками. Он переминается и подпрыгивает, словно не зная, сидеть ему или стоять. Кейс придвигает стул, вешает на спинку сумку, потом куртку. Потом садится сама.

Таки присаживается рядом. Перед ним на стойке открытая бутылка пива. Он продолжает молча моргать.

Перед тем как срисовать карту на салфетку, Кейс открыла старое письмо Капюшончика и перечитала описание Таки.

> Этот Таки, как он попросил себя величать, вхож в одну из отаку-тусовок с претенциозным названием «Мистика», хотя ее членам запрещено упоминать это имя всуе. Таки утверждает, что хакеры секты сумели обнаружить водяной знак на № 78. Знак, говорит Таки, представляет собой некий номер, который ему каким-то образом удалось узнать.

Существо, сидящее рядом с ней, можно классифицировать как идеальный образчик ярко выраженного японского ботаника. Такие парни могут наизусть цитировать технические характеристики какой-нибудь советской балли-

стической ракеты, а стены их квартир выложены нераспечатанными коробками с моделями самолетов.

Похоже, он умеет дышать только ртом.

Кейс подзывает бармена, показывает на рекламный плакат пива «Асахи лайт» и утвердительно кивает.

— Кейко много о вас рассказывала, — начинает она, пытаясь войти в роль; беспокойство Таки при этом заметно усиливается. — Она, правда, не сказала, кем вы работаете.

Он молчит, как рыба.

Утверждение Капюшончика, что английского Таки хватит для поддержания легкой беседы, судя по всему, безосновательно.

Она тоже хороша: сидит в этом баре, облетев половину земного шара, и пытается обменять кустарную порнографию на какой-то непонятный номер.

Ее собеседник продолжает шумно дышать через рот, и больше всего на свете ей хочется оказаться сейчас где-нибудь далеко, в другом месте. Где угодно, только не здесь.

На вид ему лет двадцать пять. Лишний вес, волосы торчат в разные стороны, дешевые очки в железной оправе. Синяя рубашка и бесцветная

куртка в шашечку. Вся одежда какая-то жеваная, словно ее постирали, но не погладили.

Капюшончик прав. Этот тип далеко не самый симпатичный из парней, с которыми она недавно пила пиво. А кто же тогда самый? Получается, что Бигенд. Она невольно морщится.

— Вы… как? Работает? — выдавливает Таки. Надо полагать, в ответ на ее гримасу.

— Да, кем вы работаете?

Бармен приносит пиво, ставит на стойку.

— Игра, — с натугой произносит Таки. — Я пишу игра. Для мобильный телефон.

Кейс улыбается, надеясь, что эта улыбка обнадеживающая, и отпивает «Асахи лайт». С каждой минутой ей становится все более стыдно. У Таки, фамилию которого она, судя по всему, так никогда и не узнает, под мышками расплываются темные круги нервного пота. Губы его влажны, и при быстром разговоре он, наверное, брызгает слюной. Такое впечатление, что если ситуация напряжется хотя бы еще на одно деление, бедолага просто скрючится и умрет.

Кейс уже жалеет, что преобразилась в милашку Фанни и напялила всю эту крутую одежду. Получается, что она вырядилась специально для встречи. Но кто же мог знать, что придется иметь

дело со столь ярким случаем социальной неприспособленности? Если бы она выглядела чуть попроще, он бы, наверное, немного расслабился. А может, и нет.

— Очень интересно, — лжет она. — Кейко рассказывала, что вы много знаете о компьютерах и всех этих вещах.

Теперь его очередь морщиться — как от удара в живот. Он одним махом допивает остатки пива и с натугой повторяет:

— Всех вещах… Кейко… Рассказывал?

— Да-да. Вы слышали о фрагментах?

— Да, сетевое кино.

Он выглядит совсем плохо. Тяжелые очки неумолимо соскальзывают по блестящему от пота носу. Кейс едва удерживается, чтобы не поправить их пальцем.

— Вы… Знаете Кейко? — выдавливает он наконец, мучительно гримасничая.

Ей хочется аплодировать.

— Да, конечно! Кейко очень славная! Она просила меня вам кое-что передать.

Кейс вдруг нестерпимо остро ощущает пустоту на месте заплутавшей души; это уже не волна, а схлопывание вселенной. Перед глазами пролетает видение: она перелезает через стойку, ползет

мимо рябого круглолицего бармена, за стеллажи с бутылками, и там, в темноте, ложится на пол и проваливается в многомесячную спячку.

Таки лезет в боковой карман и достает измятую пачку «Кастер». Протягивает ей сигарету.

— Спасибо, я не курю.

— Кейко… передать? — Он втыкает сигарету в рот и оставляет ее там, незажженную.

— Да, передать вам фотографию. — Она рада, что не видит собственной улыбки. Должно быть, отвратительное зрелище.

— Давать мне… фотографию Кейко! — Он возвращает в рот сигарету, выхваченную во время этой реплики. Сигарета прыгает между губами.

— Таки, Кейко сказала мне, что вы кое-что обнаружили. Какой-то номер. Он спрятан в одном из фрагментов. Это правда?

Его глаза сужаются — уже не смущенно, а даже, пожалуй, с подозрением.

— Вы увлекаетесь фрагменты… как фанат?

— Да.

— Кейко любит фрагменты?

Кейс приходится импровизировать: она уже не помнит, что Капюшончик с Деррилом ему наплели по этому поводу.

— Кейко очень милый человек. Она очень хо-

рошо ко мне относится, согласилась помочь с моим хобби.

— Вам Кейко нравится очень-очень?

— Да, конечно! — Она кивает и улыбается.

— Вам нравится… Зеленоглазая Энн[256]?

Кейс открывает рот и замирает, не зная, что сказать.

— Моей сестра нравится Зеленоглазая Энн, — говорит он. — Но Кейко… Кейко не знает Зеленоглазая Энн.

Незажженная сигарета перестает прыгать; узкие глазки за присыпанными перхотью стеклами словно бы что-то подсчитывают. Может, Капюшончик и Мусаши прокололись, пытаясь создать достоверный образ японской девушки? Может, настоящая Кейко просто обязана знать, кто такая Зеленоглазая Энн? Кейс ничем не может помочь: все, что она могла когда-либо слышать о культе Зеленоглазой Энн в Японии, надежно заблокировано синапсическим туманом.

И тут Таки улыбается — впервые за весь разговор — и вынимает сигарету изо рта.

— Кейко современный девушка, — говорит он, кивая. — Боди-кон.

---

[256] Примечания: 256

Зеленоглазая Энн — героиня сказок канадской писательницы Люси Мод Монтгомери. Прототип популярного персонажа аниме.

— О да! Это точно! Очень, очень современная! — Кейс знает, что «боди-кон» здесь, в Японии, употребляется в смысле «культ тела».

Сигарета с влажным от слюны фильтром снова возвращается в рот. Таки шарит по карманам, извлекает зажигалку «Хелло Китти» и прикуривает. Это не одноразовая пластиковая чиркалка, а солидный, хромированный клон «Зиппо». У Кейс мелькает мысль, что зажигалка преследует ее от самого магазина игрушек, как агент группового сознания «Хелло Китти». В воздухе пахнет бензином. Таки убирает зажигалку в карман.

— Номер… Очень трудный.

— Кейко сказала, что гордится вами. Надо быть очень умным, чтобы обнаружить номер.

Таки кивает. Наверное, ему приятно. Затянувшись, он стряхивает пепел в пепельницу с эмблемкой «Асахи». Сбоку над стойкой бара, на границе периферийного зрения, висит маленький телевизор, сделанный из прозрачного пластика и напоминающий по форме шлем для американского футбола. На шестидюймовом экране мелькают беззвучные картинки: кричащее лицо, обтянутое резиновой пленкой; запись падающей южной башни Торгового центра; четыре зеленые дыни идеально круглой формы,

скатывающиеся по белой плоскости.

— Кейко сказала, что вы дадите мне этот номер. — Кейс снова вымучивает неестественную улыбку. — Она говорит, вы очень добрый.

Лицо Таки темнеет. Кейс хочет надеяться, что это не ярость, а признак смущения, или результат отсутствия у японцев фермента, перерабатывающего алкоголь. Внезапно он лезет в карман, выхватывает мини-компьютер и направляет ей в лицо инфракрасный порт.

Он хочет переслать ей номер!

— У меня нечем принять. — Она разводит руками.

Таки хмурится и достает плоскую старомодную ручку. Кейс с готовностью придвигает ему салфетку, на которой нарисована карта Роппонджи. Покопавшись в мини-компьютере, он находит номер и начинает писать на уголке салфетки. Кейс следит, как на бумаге возникают расплывающиеся цифры — три группы по четыре. 8304 6805 2235. Как номер на квитанции почтовой службы «Федекс».

Она забирает салфетку. Таки прячет ручку в карман.

Кейс шарит в багажном изделии, которое она заранее расстегнула, и отдает ему конверт с фо-

тографией.

— Кейко просила передать вам это.

Таки начинает возиться с конвертом, его руки дрожат. Того и гляди, ненароком разорвет. Наконец фотография появляется на свет. Таки смотрит на нее не отрываясь. Его глаза наполняются слезами.

Это уж слишком.

— Извините, Таки. — Кейс наугад указывает в направлении предполагаемого туалета. — Я сейчас вернусь.

Она сжимает в кулаке салфетку и встает, оставив куртку и сумку на спинке стула. Бармен знаками показывает, куда идти. Узенький коридор заканчивается, наверное, самым мерзким из всех виденных японских туалетов: бетонная ступенька с дырой, как в старые времена. Нестерпимо воняет смесью дезинфицирующего средства и мочи. Но по крайней мере здесь можно хоть на время укрыться от Таки.

Кейс делает глубокий вздох — и тут же жалеет об этом. В руке салфетка с номером. Чернила расплылись на волокнистой бумаге, цифры уже едва различимы. На электросушилке кто-то оставил шариковую ручку; Кейс берет ее. На пыльной металлической поверхности остается блестящий

след. Для пробы она проводит тонкую синюю линию на желтой девственно-чистой стене.

Переписав цифры на левую ладонь, она кладет ручку обратно. Смятая салфетка исчезает в черном отверстии. После некоторого колебания. Кейс присаживается над дыркой — раз уж она здесь. Конечно, ей не первый раз приходится пользоваться таким туалетом. Но хочется верить, что последний.

Вернувшись, она обнаруживает, что Таки нет. На стойке лежат две смятые купюры — рядом с бутылкой, недопитым стаканом и обрывками конверта. Она смотрит на бармена, который, кажется, не замечает ее присутствия.

На экране телевизора жукообразные супергерои на обтекаемых мотоциклах несутся по нарисованному городу.

— Он получил утку в лицо на скорости двести пятьдесят узлов, — говорит Кейс бармену, надевая куртку и цепляя сумку на плечо.

Бармен угрюмо кивает.

Снаружи никаких следов Таки. Как и следовало ожидать. Она смотрит по сторонам, прикидывая, где лучше поймать такси до гостиницы.

— Вы не знаете, какой это бар?

Кейс поворачивается и видит гладкое, загоре-

лое европейское лицо, очень неприятное. Она опускает глаза: блестящий нейлон, черная кожа, туфли с омерзительными квадратными носами. Клон «Прады».

Сзади ее кто-то обхватывает — поверх локтей, так что нельзя пошевелить руками.

Что-то сейчас случится, думает она. Что-то случится…

Когда Кейс переехала в жить в Нью-Йорк, отец настоял, чтобы она взяла несколько уроков самообороны у пухлого ироничного шотландца по имени Банни. Кейс пыталась возражать, что Нью-Йорк уже давно перестал быть тем рассадником бандитизма, каким его помнит Уин. И действительно, уровень преступности значительно снизился. Но отец не отставал; в конце концов она решила, что легче взять эти шесть уроков, чем спорить.

По словам отца, Банни раньше служил в британском спецназе. Однако на все расспросы ирландец отвечал, что работал врачом, так как всегда был слишком толстым для оперативных задач. Он был ровесником ее отца, предпочитал шерстяные кофты и мягкие рубашки и сразу же заявил, что научит ее драться, как дерутся в барах простые парни. Кейс важно кивнула в ответ,

подумав, что если когда-нибудь на нее полезет литературная богема, околачивающаяся в баре «Белая лошадь», то ей будет чем их удивить. И вот, пока некоторые из ее друзей занимались таиландским боксом, она выучила несколько очень простых движений, пользующихся популярностью в британских тюрьмах строгого режима.

Любимым выражением Банни было «поднять переполох». Он произносил его с неизменным удовольствием, выгибая бровь песчаного цвета. За все время жизни в Манхэттене Кейс ни разу не попала в ситуацию, когда эти навыки могли бы ей пригодиться.

И вот сейчас, пока клон «Прады» теребит «липучку» на ремне, пытаясь сорвать у нее с плеча сумку, голос Банни четко объясняет, что надо делать. Она вытягивает руки, хватается за кожаные лацканы вражеского пиджака. И резко дергает на себя. Второй налетчик, пытаясь ее удержать, невольно помогает. Ее лоб с размаху врезается в переносицу «Прады».

Во время тренировок она никогда не доводила этот прием до конца — у Банни не было в запасе лишнего носа — и поэтому совершенно не готова ни к вспышке боли, ни к нестерпимо интимному звуку ломающейся переносицы.

«Прада» оседает мертвым грузом, кожаные лацканы выскальзывают из рук. Голос Банни напоминает, что теперь надо сделать шаг назад, чтобы вывести второго противника из равновесия, а потом посмотреть вниз, найти его ногу (черный мужской ботинок с тем же безобразным квадратным носом) и изо всех сил наступить на нее каблуком. Вот так! Взрыв истошного визга над самым ухом.

А теперь вырваться и бежать.

Этим рефреном — вырваться и бежать — Банни заканчивал практически каждый урок. Кейс бежит во все лопатки, сумка с лэптопом нещадно колотит по бедру, освещенный перекресток все ближе.

На дороге вдруг вырастает серебристый мотороллер, визжат тормоза, и человек в зеркальном шлеме открывает забрало.

Это Бун Чу.

Кейс словно бы погрузилась в какую-то прозрачную жидкость — чистейший адреналиновый сон.

Бун Чу открывает рот, его губы шевелятся, однако слов не слышно. Подхватив юбку, повинуясь хрустальной логике сна, Кейс запрыгивает на заднее сиденье мотороллера. Рука Буна делает

круговое движение, их резко швыряет вперед, две черные фигуры выдергиваются из кадра. В сознании остается лишь застывший образ: первый балансирует на одной ноге, помогая второму подняться.

У Кейс перед глазами прыгает эмблема британских BBC. Она обхватывает Буна руками, чтобы не упасть. Ей приходит в голову, что это он проехал сегодня под окнами «Старбакса». И вчера, на перекрестке в Кабукичо. Они стремительно несутся по узкому проходу, мимо двух рядов припаркованных машин. Полированные дверцы сверкают, как медузы в неоновом море.

Мотороллер пролетает на желтый свет и закладывает головокружительный левый поворот. Кейс едва успевает вспомнить, что на виражах надо наклоняться вместе с машиной. И вообще, она никогда не любила мотоциклов. Они мчатся по довольно фешенебельной прямой улице; мимо мелькает вывеска бара: «Сахарные каблучки».

Бун протягивает назад голубой металлический шлем, на котором нарисованы два глаза в обрамлении языков пламени. Кейс кое-как нахлобучивает его, но не может справиться с застежкой. Шлем пахнет табаком.

Ее лоб саднит.

Чуть сбавив ход, мотороллер сворачивает налево, в узкий переулок, куда въезд машинам запрещен. Это один из токийских спальных районов — с обеих сторон мелькают фасады миниатюрных домиков вперемешку с яркими кластерами торговых автоматов. Проносится светящийся плакат: парализованная улыбка Билли Прайона, в руке бутылка «Биккли».

Она даже не знала, что мотороллеры могут ездить так быстро; наверное, это против правил.

Бун останавливается на пересечении с более широкой улицей. Он откидывает ногой подпорку и слезает, одновременно снимая шлем. Два японских паренька с холодными глазами выбрасывают сигареты. Бун передает одному из них шлем и расстегивает куртку.

Кейс слезает с мотороллера, одергивает юбку.

— Как ты здесь оказался? — спрашивает она, как будто ничего особенного не произошло.

Бун снимает у нее с головы шлем и отдает второму пареньку.

— Отдай ему куртку.

Скосив глаза, Кейс смотрит на дырку, заклеенную изолентой. Затем снимает куртку и протягивает ее парню, который поправляет на голове голубой шлем — растопыренные пальцы

перекрывают изображение пылающих глаз, одной фаланги не хватает. Парень надевает «Баз Риксон», застегивает молнию и запрыгивает на мотороллер, на пассажирское место. Его напарник, одетый в куртку и шлем Буна, садится за руль. Захлопнув зеркальное забрало, он поднимает большой палец. Бун отвечает тем же жестом. Они уезжают.

— У тебя кровь на лбу, — говорит Бун.

— Это чужая, — отвечает Кейс и трогает лоб. Под пальцами скользит что-то липкое. — Наверное, у меня сотрясение. Похоже, вот-вот стошнит. Или в обморок упаду.

— Ничего страшного. Я же здесь, с тобой.

— Куда они поехали?

Фонарный столб, вокруг которого навален пестрый городской мусор, раздваивается и начинает зыбко дрожать, через секунду снова приходит в фокус.

— Назад. Посмотреть, что делают те двое.

— Они похожи на нас.

— Правильно, так и задумано.

— А если те двое их поймают?

— Ну, тогда я им не завидую. Но ты их так отделала — вряд ли захотят кого-нибудь ловить.

— Бун.

— Что?

— Что ты здесь делаешь?

— Слежу за ними. Пока они следят за тобой.

— За кем — «за ними»?

— Еще не знаю. Думаю, они итальянцы. Тебе удалось достать номер? Ты занесла его в лэптоп?

Она не отвечает.

Глава 18

Хонго

Кейс прижимает к шишке холодную банку с тоником. Почти вся пачка местных салфеток ушла на то, чтобы отмыть кровь со лба.

Такси протискивается по узкой улочке. Мимо плывут одинаковые бетонные здания с неравномерными выступами кондиционеров и мотоциклы, укрытые серыми чехлами.

Бун Чу произносит по-японски какую-то фразу — но не водителю, а в микрофон гарнитуры мобильника. Потом оглядывается назад, на дорогу, и еще что-то говорит.

— Они их нашли? — спрашивает Кейс.

— Нет.

— А куда делся Таки?

— Вышел из бара, свернул налево. Очень спешил. Это он должен был дать тебе номер?

Кейс борется с искушением посмотреть, остался ли номер на ладони. Сейчас в этой руке влажная банка. Что, если чернила расплылись?

— Когда ты здесь появился? — Она имеет в виду Японию.

— Одновременно с тобой. Я летел эконом-классом.

— Зачем?

— За нами следили. Помнишь, как мы вышли из ресторана в Камден-тауне?

Она молча смотрит на него.

— Молодой парень, брюнет, в черной куртке. Шел за нами до канала, потом наблюдал из-за шлюза, снимал на камеру. А может, это был бинокль. Потом проводил нас до метро, а когда мы разделились, пошел за мной. Я от него оторвался в галерее на Ковент-Гарден: он не успел на лифт.

Кейс вспоминает, как впервые прочитала Конан Дойла. «Знак четырех», человек на деревянной ноге.

— А потом ты стал следить за мной?

Бун снова говорит по-японски в микрофон. Затем поворачивается к ней.

— Думаю, нам пора подбить кое-какие итоги.

Давай начнем сначала. Мы с тобой работаем на Бигенда. А на кого работают те, кто за нами следит? Если на кого-то другого, то…

— То что?

— Понятия не имею. Вчера я проехал мимо этой парочки, и они говорили по-итальянски. Ты в это время гуляла по веселому району.

— О чем они говорили?

— Я не знаю итальянского.

Кейс опускает банку с тоником и спрашивает:

— Куда мы сейчас?

— Мотороллер пока что едет за нами. Они следят, чтобы не увязался кто-нибудь еще. Если хвоста нет, мы поедем на квартиру к моему другу.

— Тех двоих не нашли?

— Нет. Тот, которого ты боднула, наверное, сейчас в больнице. Приклеивает нос на место. — Бун поднимает бровь. — Это тебя на факультете маркетинга так научили?

— Нет.

— А может, это были сотрудники «Синего муравья»? Представь, ты только что сломала нос какому-нибудь ассистенту режиссера.

— В следующий раз, когда тебя станет грабить ассистент режиссера, можешь тоже сломать ему

нос. Я знаю одно: итальянцы, если они работают в Токио, не станут одеваться в паленую албанскую «Праду».

Такси едет по извилистому шоссе, петляет среди перелесков и каких-то древних стен. Это императорский дворец. Кейс думает о тропинках неземной красоты, которые она представляла, глядя из окна гостиницы. Обернувшись, чтобы посмотреть на мотороллер, она морщится от боли в шее: растянута какая-то мышца. Стены и перелески живописны и бесстрастны. Хранят свою тайну.

— Они хотели отнять у тебя сумку? В которой лэптоп «Синего муравья»?

— Там еще кошелек, телефон…

Телефон в сумке, словно услышав свое имя, тут же начинает звонить. Кейс нашаривает его и отвечает:

— Алле?

— Капюшончик на проводе. Помнишь такого?

— Слушай, тут возникли проблемы.

— Ну что ж. — Она слышит, как он вздыхает там, у себя в Чикаго. — Я все равно разучился спать.

— Короче, мы с ним встретились, — сообщает она.

Может ли Бун слышать, что говорит Капюшончик? Гуляя по городу, она увеличила громкость до предела, чтобы не мешал уличный шум, и теперь об этом жалеет.

— Да уж знаю. Он даже до дома не смог дотерпеть. Зашел в ближайшее интернет-кафе и начал изливать Кейко свою любовь.

— Слушай, нам обязательно надо поговорить, но только не сейчас. Извини!

— Понимаю. Он сказал, что отдал тебе номер, и я просто волновался. Напиши мне! — Капюшончик вешает трубку.

— Твой друг? — Бун Чу берет у нее банку с тоником и отпивает глоток.

— Да, фрагментщик из Чикаго. Они с приятелем нашли Таки.

— Так ты достала номер?

Теперь уже некуда деваться. Сейчас она должна либо соврать, потому что Буну доверять нельзя, либо сказать правду, потому что она ему все же доверяет.

Протянув руку, Кейс показывает ладонь с написанным синими чернилами номером.

— Ты не вводила его в компьютер, не отсылала по имэйлу?

— Нет.

— Хорошо.

— Почему?

— Потому что мне надо посмотреть твой лэптоп.

Бун просит водителя остановиться. Этот район, говорит он, называется Хонго; здесь поблизости находится Токийский университет. Они расплачиваются, выходят из машины. Такси уезжает. Тут же подруливает серебристый мотороллер.

— Могу я забрать свою куртку?

Бун обращается по-японски к заднему парню. Тот расстегивает куртку и протягивает ее Кейс, не слезая с мотороллера. Лицо под огненноглазым шлемом разъезжается в неприятной улыбочке. Бун достает из сумки на поясе белый конверт, отдает водителю. Тот кивает, прячет его во внутренний карман куртки и дает газ. Мотороллер рычит мотором и уезжает.

«Баз Риксон» едва заметно пахнет тигровым бальзамом. Кейс бросает банку из-под тоника в эргономичную урну и следует за Буном, трогая пульсирующий лоб.

Минуту спустя она в изумлении останавливается перед трехэтажной дощатой структурой, которая словно бы парит над узкой улицей и выглядит настолько зыбкой и старой, что, кажется,

вот-вот развалится. Слово «дощатая» не совсем точно; скорее, это похоже на рейки гигантских жалюзи. Кейс еще никогда не видела в Токио ничего более древнего, тем более в таком буднично неухоженном состоянии.

Потрепанные коричневые пальмы косо торчат по обеим сторонам входной двери, украшенной сверху традиционным японским козырьком, а чуть в глубине дополняют картину две гипсовые колонны, подпирающие пустоту. Верхушка одной из них как будто обглодана гигантским червем. Кейс оглядывается на Буна.

— Что это за место?

— Довоенный жилой дом. Они почти все сгорели во время войны, от зажигательных бомб. Здесь семьдесят квартир. Общие туалеты в коридоре, общественная баня за углом.

В балкончики вмонтированы кронштейны, очевидно, для проветривания постелей. Кейс и Бун заходят внутрь, минуют густые металлические заросли велосипедов, взбираются на три широкие бетонные ступени и попадают в небольшое фойе, которое выстелено блестящим бирюзовым линолеумом. В воздухе висят незнакомые кухонные запахи.

Они поднимаются на второй этаж по сумрачной

деревянной лестнице. Коридор здесь настолько узкий, что приходится идти гуськом. На потолке пульсирует одинокая неоновая трубка. Бун останавливается, звенят ключи. Он открывает дверь, щелкает выключателем и отступает, пропуская Кейс вперед. Она заходит в квартиру и тотчас же вспоминает отца: как тот объяснял дежавю с точки зрения неврологии.

Помещение тускло освещено большими стеклянными лампами, внутри которых тлеют оранжевые нити. Лампочки Эдисона. Необычный и в то же время смутно знакомый свет — непрактичный и волшебный. Мебель внутри приземистая и потрепанная, как само здание, и это создает странное ощущение уюта.

Бун заходит следом и запирает замок. Входная дверь выкрашена белым; неброская, современная. Кейс замечает на столе открытый красно-коричневый чемоданчик Буна. Рядом разложены телефоны и лэптоп с поднятой крышкой.

— Чья это квартира?

— Моей подруги Марисы. Она модельер, работает с тканями. Сейчас в Мадриде.

Он проходит на загроможденную кухню и включает другую лампу, гораздо более яркую и белую. На столике стоит розовая рисоварка

«Санио», а рядом какой-то белый пластиковый агрегат, из которого выходит прозрачная трубка. Посудомоечная машина?

— Я поставлю чай, — говорит Бун, наливая воду в чайник.

Кейс подходит к подъемному бумажному окну с матовыми стеклянными вкладышами. Сквозь полупрозрачное стекло видны покатые крыши соседних зданий, местами поросшие какой-то зеленью, которую она вначале принимает за мох, но потом догадывается, что это нечто похожее на кудзу[257], почти как на ферме Уина в Теннесси. Скорее всего это и есть настоящее кудзу — ведь здесь его родина.

Крыши забраны гофрированным железом; свет соседних окон выхватывает квадраты коричневой бугристой ржавчины. Большое темное насекомое пересекает световой поток в стробоскопическом полете.

— Удивительное место, — говорит Кейс.

— Таких осталось очень мало. — Бун гремит банками в поисках чая.

Она приоткрывает окно. Сзади доносится свист закипевшего чайника.

---

[257] Примечания: 257

Вьющееся растение семейства бобовых, занесенное в южные районы США из Японии.

— Ты знаешь Доротею Бенедитти?

— Нет, — отвечает он.

— Она работает в фирме «Хайнц и Пфафф». Графика, рекламный дизайн. Ведет все проекты, связанные с «Синим муравьем». Я думаю, она наняла каких-то людей, чтобы обыскать квартиру Дэмиена. И они что-то нахимичили с компьютером.

— Откуда ты знаешь?

Кейс подходит к широкой нише в стене. Должно быть, раньше здесь хранилось постельное белье. Сейчас ниша приспособлена под платяной шкаф, на западный образец. На деревянной перекладине висят плечики с женской одеждой. Ей вдруг становится неловко; будь у шкафа дверь, она бы ее прикрыла.

— Они позвонили из квартиры, с домашнего телефона. Я нажала повторный набор и попала на ее автоответчик…

Кейс рассказывает ему всю историю: Доротея, прожженная куртка, азиатские шлюхи. Они сидят на татами, скрестив ноги, и пьют зеленый чай из керамического чайника. Яркий кухонный светильник выключен. Выслушав ее рассказ, Бун задумчиво говорит:

— Значит, наши итальянцы могут и не иметь

отношения к Бигенду. Или к фрагментам. Ведь в квартиру они вломились еще до этого.

— Я бы не стала говорить — «вломились». Ничего же не сломано. Я вообще не знаю, как они проникли внутрь.

— Открыли замок пистолетом-отмычкой, если это профессионалы. Ты бы вообще ничего не заметила, если бы они не трогали телефон и компьютер. Кстати, это совсем не профессионально. Ну ладно, оставим это на их совести. Значит, Бигенд говорит, что Доротея в Париже занималась промышленным шпионажем?

— Да. Но по его теории, она на меня взъелась из-за места в «Синем муравье». Решила, что мне собираются предложить должность, на которую она сама метила. Директор лондонского филиала.

— А ты ему не рассказывала про куртку, про квартиру?

— Нет.

— Интересно. А эти парни говорили по-итальянски. Может, они местные, а может, их послали вслед за нами. На нашем рейсе их точно не было. А здесь я их засек в первый же день. Поездил за ними, пока они следили за тобой. Трудно сказать, как хорошо они знают город. У них была машина

с японским водителем.

Кейс вглядывается в его лицо, освещенное красноватым светом лампочек Эдисона.

— Доротея про меня кое-что знает. Очень интимную вещь, что-то вроде фобии. Об этом известно только моим родителям, психиатру, еще нескольким друзьям.

— Ты мне расскажешь?

— У меня аллергия. На определенные торговые знаки.

— Торговые знаки?

— Да, еще с детства. Это обратная сторона медали. Цена, которую я плачу за способность предсказывать реакцию рынка на ту или иную эмблему. — Кейс с раздражением чувствует, что ее лицо краснеет.

— Можешь привести пример?

— Мишлен. Есть и другие. Некоторые появились совсем недавно… Вообще, мне неприятно об этом говорить.

— Я понимаю. — Бун кивает. — Спасибо, что рассказала. И ты думаешь, Доротея об этом знает?

— Да, я уверена.

Она рассказывает ему о второй встрече, о нарисованном Бибендаме и о кукле, подвешенной к дверной ручке.

Он хмурится, молчит, подливает себе чая. Потом произносит:

— Я думаю, ты права.

— В каком смысле?

— Ну смотри: она о тебе знает что-то очень личное, чего просто так не узнаешь. А она узнала. Значит, кто-то вложился в это дело, затратил ресурсы на сбор информации. Она показала тебе картинку. И подвесила куклу на дверь. Ну, или кто-то подвесил, по ее приказу. Получается, тебя хотели прогнать, заставить вернуться домой. Но ты не вернулась. А тут появился я, мы прилетели в Японию, и… В общем, полагаю, эти двое работают на нее.

— С какой целью?

— Ну, этого мы уже не узнаем. Разве что поймаем их и заставим все рассказать. Но где их найдешь? Да и вряд ли они что-то знают. Интересно, на кого работает сама Доротея… Можно я взгляну на твой лэптоп?

Кейс дотягивается до сумки, открывает ее, вынимает «Айбук» и протягивает Буну. Он кладет его на стол рядом со своим компьютером, достает из чемодана скрученный кабель.

— Не обращай внимания. Я могу и говорить, и одновременно делать…

— Делать что?

— Хочу посмотреть, не стоит ли у тебя жучок, который перехватывает нажатия клавиш.

— Ты сможешь его найти?

— Ну, в наши дни ни в чем нельзя быть уверенным. — Бун соединяет кабелем оба компьютера, потом вставляет в свой лэптоп лазерный диск. — После прошлого сентября многие концепции безопасности пришлось пересмотреть. Если бы ФБР посадило в твой компьютер какого-нибудь стандартного жучка, я бы, наверное, смог его отловить. Если нестандартного — совсем другая история. А ведь есть еще другие, кроме ФБР.

— При чем здесь ФБР?

— Это я так, для примера. Сейчас такое время, самые разные люди делают самые разные вещи. Причем не только американцы. И не только государственные службы. И это проявляется во всем. — Он стрекочет пальцами по клавиатуре, смотрит на экран.

— Чья это квартира?

— Марисы, я уже говорил.

— А кто такая Мариса?

Бун поднимает голову, смотрит на нее.

— Моя бывшая подружка.

Кейс так сразу и подумала. И почему-то это

было неприятное чувство. Хотя какое ей дело?

— Теперь мы просто друзья, — добавляет Бун и склоняется над компьютером.

Кейс поднимает вверх левую ладонь, показывая написанный на ней номер.

— А что будем делать с этим?

Он поднимает глаза от экрана, замечает ее руку, улыбается с облегчением.

— А, с этим! Ну, сначала я найду фирму, которая поставила водяной знак. Если это фирма. Потом попытаюсь что-нибудь из них выжать. Если они помечают каждый клип — значит, должен быть какой-то контракт, заказчик. А это уже шаг к автору фрагментов.

— Разве такая информация доступна?

— Нет, конечно. Но это не значит, что ее нельзя добыть.

Он возвращается к работе. Кейс прихлебывает чай и оглядывает небольшую квартиру в восемь татами[258], наполненную янтарным светом эдисоновых ламп, и мысли ее помимо воли возвращаются к женщине, которая здесь живет.

На лбу у Кейс шишка; образ милашки Фанни, должно быть, превратился черт знает во что.

---

[258] Примечания: 258

Татами — мера площади, 1,5 х 1 м.

Она думает, что надо встать, найти освещенное зеркало, осмотреть повреждения, — но остается сидеть.

Это не усталость: она не хочет спать, не чувствует временно**й** разницы. И эффект зазеркалья ни при чем. Синдром отсутствия души, похоже, перешел в новую, более глубокую стадию, когда взвинченный уровень серотонина становится нормой.

Глава 19

Мистика

Ночной охранник в гостинице — более молодой и неприступный вариант Беата Такеши, японского актера, чьи экзистенциальные гангстерские фильмы сводили с ума двух последних парней Кейс. Угрожающе стройный, застегнутый на все пуговицы, в безупречном костюме. Он провожает Кейс сначала к лифту, потом до дверей номера.

Она солгала дежурному администратору, сказала, что забыла ключ в номере, и теперь этот суровый молодой человек подходит вместе с ней к двери, достает свой ключ — настоящий, металлический, надежно прикрепленный к поясу — и

отпирает замок. Войдя внутрь, включает свет и делает приглашающий жест.

— Спасибо. Вы не могли бы подождать, пока я найду свой ключ?

На самом деле ключ лежит наготове, в кармане «Баз Риксона», но она сначала заходит в ванную, затем ищет в платяном шкафу, заглядывает за мебель — и замечает серую сумку с эмблемой «Синего муравья», стоящую у спинки кровати. Кейс опускается на колени, чтобы заглянуть под кровать, и обнаруживает, что это такая модель, под которой нет зазора. Выпрямившись, она показывает охраннику ключ: магнитную пластиковую карточку.

— Вот, нашла! Спасибо, что подождали.

Охранник кланяется, выходит и закрывает за собой дверь. Кейс запирает замок и накидывает цепочку. Потом на всякий случай придвигает к двери большое черное кресло. Усилие отдается болью в шее. Борясь с желанием упасть, свернуться калачиком и отключиться, она подходит к кровати и осматривает серую сумку. Внутри лежит новенький, аккуратно сложенный «Баз Риксон» модели «МА-1», завернутый в черную салфетку. Сегодняшнее утро было, кажется, так давно!

Кейс вновь чувствует запах «тигрового бальзама» — это пахнет старая куртка. Уложив обновку обратно в серую сумку, она снимает с плеча багажное изделие и раздевается.

В ванной светло, как в операционной. Зеркало показывает, что шишка на лбу едва заметна. То, что осталось от образа милашки Фанни, напоминает первые опыты начинающего гробовщика-ретушера. Кейс распаковывает мыло, отставляет нетронутым гостиничный шампунь (водородный показатель не годится для гайджинских волос), предусмотрительно переписывает добытый номер в блокнот с эмблемой «Парк Хайатт» и заходит в стеклянную душевую кабинку, размером не уступающую кухне в квартире подружки Буна.

После душа Кейс чувствует себя намного чище и в то же время еще более усталой. Завернувшись в халат, она просматривает меню и останавливается на небольшой пицце и порции картофельного пюре. Успокаивающая, неяпонская еда.

Пицца оказывается на удивление вкусной, хотя вид у нее очень японский. Зато пюре просто безупречно: суперсимулякр классического западного рецепта, в стиле «Баз Риксона». Помимо этого в заказ входят две бутылки «Биккли»; до-

едая картошку, Кейс открывает вторую.

Перед сном надо проверить почту и позвонить Памеле Мэйнуоринг насчет обратных билетов на ближайший рейс. Да, и еще позвонить Капюшончику.

Одно новое письмо — как раз от него, с заглавием «Очарованный странник». Кликнув мышкой, она обнаруживает внутри приложенную картинку: файл WS.jpg.

> Покой нам только снится. По дороге домой нетерпеливый Таки дважды связывался с нами (вернее, с Кейко) из разных интернет-кафе. Добравшись до своего компьютера, он послал нам вот это.

Кейс открывает файл с картинкой.

Это карта. Толстая кривая буква «Т», испещренная названиями улиц и какими-то цифрами. Очертания напоминают недоеденную баранью лопатку: верхушка обглодана, левая половинка отрезана. Сама буква «Т» серая, фон бледно-голубой, контуры улиц черные, а цифры красные.

> Если раньше Таки был влюблен, то сейчас он охвачен вожделением. Или наоборот. Так или иначе, изнемогая от

страсти и желания угодить, он послал Кейко сию картинку и объяснил, что это последняя находка группы «Мистика». Деррил, в жилах которого тоже течет кровь отаку, дает руку на отсечение, что Таки не член «Мистики», а просто периферийный помощник. Его наверняка используют как источник профессиональной информации, потому что он пишет игры для мобильников. Деррил говорит, что все эти группы технарей на самом высоком уровне признают только одну ценность — информацию. Он считает, что ребята из «Мистики» относятся к фрагментам не так, как мы. Для них это всего лишь головоломка, которую еще никто не решил. Группу «Мистика», говорит Деррил, можно рассматривать как узкий круг теоретиков, специализирующихся в разных областях информатики. Эти люди объединены в отаку-группу, и информация для них превратилась в своеобразный наркотик. Возможно, они работают в исследовательском отделе какой-нибудь крупной корпорации, а наш Таки поставляет им некие полез-

ные сведения. Но сейчас ему удалось повернуть этот информационный поток вспять, а значит, наша психосексуальная боеголовка под названием «Джуди-Кейко» попала в цель. Короче, чтобы тебе не пересчитывать, на карте ровно 135 номеров, каждый из которых состоит из трех групп по четыре цифры.

Кейс чувствует, как на затылке шевелятся волоски. Она идет в ванную и возвращается с блокнотом.

8304 6805 2235.

Положив блокнот рядом с «Айбуком», она впивается взглядом в красное облако цифр, покрывающее город «Т».

Вот этот номер. Прямо под ним улицы-ручейки искривляются и впадают в залив, образованный правым верхним углом буквы «Т». Хотя еще не факт, что это именно карта острова — настоящего или воображаемого. Может, это просто Т-образный сегмент какой-нибудь большей карты? Правда, крайние улицы — если это улицы — совпадают с границами…

Помнишь белую вспышку в конце, когда они целуются? Как будто над ними

что-то взорвалось? На Ф: Ф: Ф многие считают, что это намек на начало артобстрела Англии, и действие таким образом переносится в Лондон 1940 года. Разумеется, бездоказательная чушь. Но я сейчас о другом. Белая вспышка, заполняющая весь экран. Таки говорит, что карта была закодирована в этой белизне. Правда, я понятия не имею, как можно что-либо закодировать в пустом кадре, но это уже вопрос к историкам мирового искусства. Что же мы в результате имеем? Если допустить, что все фрагменты помечены водяными знаками, содержащими номера, то перед нами схема относительного расположения фрагментов, а это в принципе позволяет нам смонтировать весь фильм — при условии, что мы установим соответствие между фрагментами и номерами. (Я забил номера в базу данных и не обнаружил явной закономерности. Похоже, что использовался генератор случайных чисел.) Деррил сейчас пытается раздобыть поисковый бот, который ищет в интернете графику, и в частности, карты. А я тем временем остаюсь

— искренне твой, уставший, разбитый и болезненно возбужденный,
Капюшончик.

Кейс задумчиво смотрит на карту города «Т». Потом снимает трубку и звонит Памеле Мэйнуоринг.

Глава 20

Суперфигура

Ее будит безжалостный писк наручных часов. Она испуганно садится в огромной кровати, пытаясь вспомнить, что это за комната.

На часах шесть утра. Памела Мэйнуоринг зарегистрировала ее на рейс, вылетающий в полдень из аэропорта Нарита.

Убедившись, что на электрическом чайнике горит красная лампочка, Кейс запахивает халат, подходит к окну и раздвигает занавески. Тусклый городской пейзаж, погруженный в аквариум дождливого дня. Студенистый темный массив Императорского сада колышется на дне аквариума.

Звонит мобильный телефон. Кейс возвращает-

ся к кровати и находит его среди простыней.

— Алле?

— Это Бун. Как твоя голова?

— Еще не проснулась. Слушай, я поговорила с Памелой…

— Да, знаю. Я тоже с ней поговорил. В восемь тридцать я тебя встречу в фойе. Мы летим одним рейсом.

Недостаток автономности ее слегка раздражает.

— До встречи, — говорит Бун и вешает трубку.

Вода в чайнике закипает. Кейс распахивает дверцу мини-бара и начинает перебирать разноцветные пакетики в поисках кофе.

* * *

Гостиничный спортзал настолько огромен, что может служить наглядным пособием для изучения закона перспективы. Тут есть все, и даже тренажер для пилатеса — псевдоклассическая японская версия, деревянные части которой покрыты черным лаком, а обивка похожа на акулью кожу. Кейс успевает отработать свой комплекс, принять душ, высушить голову и упаковать вещи. Ровно в восемь тридцать она спускается в фойе.

Бун появляется через минуту. В одной руке он держит красно-коричневый чемоданчик, а в другой дорожный монстр-чемодан фирмы «Филсон», похожий на сумку «Л. Л. Бин», обколотую анаболиками.

Кейс подхватывает свой нейлоновый корейский чемодан, и они с Буном направляются к лифтам, огибая бамбуковую рощу.

Кейс просыпается, когда стюардесса протягивает ей горячую салфетку. На секунду ей кажется, что она еще на пути в Токио, а все остальное просто приснилось.

Мысль эта ужасна; Кейс поворачивает голову, чтобы проверить, здесь ли Бун. Шея отзывается болью. Бун тут как тут, мирно посапывает в соседнем кресле — тих и временно аннулирован, как всякий человек, спящий в маске.

По дороге в аэропорт они почти не разговаривали. В зале ожидания Кейс немного вздремнула. Перед этим они прошли усиленную проверку, включая томографию обуви и небольшой допрос перед инфракрасным датчиком, регистрирующим микроизменения в температуре кожи вокруг глаз. Согласно теории, у пассажиров, которые лгут насчет принадлежности багажа, в этих местах возникают локальные очаги покрас-

нения. Японцы также верят, что группа крови определяет характер. По крайней мере верили десять лет назад, во время прошлого визита. Буна эта процедура привела в восторг; он заявил, что в Америке тоже скоро появятся такие детекторы.

Когда они садились в самолет, Кейс рассказала, что Таки прислал Капюшончику кое-что еще. Но показать пообещала позже, когда выспится.

Она не знает, откуда берется это неосознанное желание отсрочить разговор, утаить информацию. Наверное, нужно время, чтобы привыкнуть к партнерским отношениям. Сюда примешивается еще одно чувство, в котором сейчас не хочется копаться: какой-то неприятный осадок, оставшийся от посещения квартиры в Хонго. А еще ей просто нужно время, чтобы переварить информацию о городе «Т». И вообще, этот Бун чересчур назойливый.

Но что же это за буква «Т»? Кейс садится, превращает кровать в кресло, достает из сумки «Айбук». Включив его, она находит письмо Капюшончика и открывает картинку.

Сейчас карта кажется еще более загадочной, чем в первый раз.

Парнишка по имени Таки. Может, он все это выдумывает, чтобы порисоваться перед Кейко?

Правда, Капюшончик с Деррилом сами нашли его на японском сайте, где он упомянул о водяном знаке на одном из фрагментов. Кейко тогда еще не было в природе. Нет, Таки не выдумывает. Для выдумщика он слишком печален. Кейс представляет, как это могло быть. Таки, воодушевленный письмами Кейко, добился встречи с темными зловещими фигурами, чтобы в обмен на какую-нибудь странную услугу получить от них карту, извлеченную из белой вспышки.

Но скромность и осторожность не позволили ему принести карту на встречу в Роппонджи. Он принес только номер. А потом сработала отретушированная фотография Джуди Цудзуки, и бедный Таки, придя домой, послал карту Капюшончику, думая, что посылает ее своей большеглазой возлюбленной в белых гольфиках.

Кейс вспоминает Айви, хозяйку Ф: Ф: Ф из Сеула. Интересно, что бы она посоветовала?

Эта мысль заставляет ее нахмуриться. Только сейчас она понимает, что работа с Бигендом и Буном перекосила ее отношения с Ф: Ф: Ф и друзьями-фрагментщиками. Даже Капюшончик, который помог в этой авантюре, понятия не имеет, на кого она работает и что у нее на уме.

— Что это? — Бун стоит в полутемном проходе,

заглядывая через плечо. Черная маска сдвинута вниз, на горло, и в совокупности с черной футболкой это делает его похожим на священника. Не хватает только белого квадратика, чтобы закончить костюм: молоденький семинарист с припухшими от сна глазами.

Кейс поднимает спинку кресла, и Бун присаживается в изножье, на небольшой стульчик для гостей. Она передает ему «Айбук».

— Этот парнишка, Таки — ему очень понравилось фото. Он даже до дома не мог дотерпеть, заходил по дороге в каждое интернет-кафе и отправлял Кейко имэйлы. А когда добрался до своего компьютера, сразу послал ей вот это.

— Сколько их здесь, сто тридцать пять? — Очевидно, Бун имеет в виду номера.

— Я не считала, но похоже, что да. Номер, который он мне дал, находится у пересечения ножки и перекладины буквы «Т».

— Очевидно, каждый пронумерованный участок соответствует определенному фрагменту. Если это карта виртуального мира, то составлена она как-то неверно. В нарушение правил картографии виртуальных миров.

— А может, картография тут ни при чем?

— В каком смысле?

— Может, схема составляется на ходу, по мере того, как появляются новые фрагменты. Откуда мы знаем, что виртуальный мир существует?

— Даже если он и существует, автор может картографировать его по-своему, каким-то неочевидным способом. Создатели первых игр для «Нинтендо» рисовали схемы на длинных рулонах бумаги. Другого пути просто не было. А рулон — это удобная вещь, его можно промотать и увидеть, как развивается сюжет. География тогдашних игр была двумерной, действие прокручивалось на экране в одну сторону…

Бун неожиданно замолкает.

— Что случилось?

Он трясет головой:

— Мне нужно еще поспать.

Отдав ей лэптоп, он встает и уходит на место.

Кейс рассматривает картинку на экране; «Айбук» лежит на коленях, как теплый зверек. Что делать, когда самолет приземлится в Хитроу? Ключи от квартиры Дэмиена лежат в папке «Штази», на дне багажного изделия. Первым делом она направится туда. Правда, остаточная боль во лбу наводит на некоторые сомнения.

Справились ли немецкие замки со своей защитной ролью? Кейс очень смутно представляет,

кто живет в соседних двух квартирах. Судя по всему, обычные люди, которые каждое утро ходят на работу. Днем ничто не мешает злоумышленнику зайти в подъезд и спокойно поковыряться в замках.

Можно, конечно, пойти в какую-нибудь гостиницу, «Синий муравей» оплатит все счета. Но она уже устала от гостиничной обстановки. Решено — она поедет в Камден-таун. Сначала до Паддингтона на «Экспрессе Хитроу», а там можно взять такси.

Облегченно вздохнув, Кейс убирает компьютер и переводит сиденье в режим кровати.

Пройдя паспортный контроль, они выходят в зал прилетов — и сразу же видят Бигенда. Единственное улыбающееся лицо в толпе хмурых шоферов, держащих плакатики с именами. У Бигенда тоже плакатик: кусок картона, на котором красным фломастером написаны слова ПОЛЛАРД И ЧУ.

Кроме шуток, у этого мужчины слишком много зубов! Ковбойская шляпа опять насажена по самые уши, как на чурбан. И плащ тот же, что и в прошлый раз.

— Сюда, пожалуйста! — Бигенд отнимает у Буна тележку с багажом и устремляется к выходу.

Недоуменно переглядываясь, они следуют за ним и выходят на улицу, где толпа прибывших пассажиров с наслаждением выкашливает дым первых затяжек. Бигенд решительно минует вереницу лимузинов и такси. Его «хаммер» одиноко припаркован на другой стороне дороги — там, где парковка, конечно же, строго запрещена. Бун забегает вперед; они с Бигендом открывают багажник и начинают грузить чемоданы.

Кейс подходит к машине, Бигенд открывает для нее переднюю дверь, она садится. Бун закрывает багажник и забирается на заднее сиденье. Кейс наблюдает, как Бигенд сворачивает разрешение на парковку.

— Вам не обязательно было нас встречать, Хьюберт, — говорит она, потому что надо что-то сказать. К тому же это правда.

— Вовсе нет! — двусмысленно отвечает Бигенд, заводя мотор и отъезжая от тротуара. — Просто хочу поскорей услышать, что вы раскопали.

Они удовлетворяют его любопытство. В основном говорит Бун, причем по мере его рассказа Кейс постепенно осознает, что он решил опустить две немаловажные детали: драку с итальянцами и картинку, которую послал Таки. Свой рассказ он начинает с того, как они с Кейс решили сле-

тать в Токио, чтобы проверить информацию о цифровом водяном знаке, якобы обнаруженном на одном из фрагментов.

— Ну и что, проверили? — спрашивает Бигенд, поворачивая руль.

— В общем, да, — отвечает Бун. — Нам удалось раздобыть двенадцатизначный номер, которым, судя по всему, был помечен один фрагмент.

— И что дальше?

— В Токио за Кейс следили.

— Кто?

— Двое мужчин. Скорее всего итальянцы.

— Что за итальянцы, кто они какие?

— Мы не знаем.

Скосив глаза, Кейс видит, как Бигенд поджимает губы.

— У вас есть какие-нибудь соображения? — спрашивает он, бросив на нее быстрый взгляд. — Почему за вами следили? Какие-то прошлые дела?

— Мы надеялись, Хьюберт, что вы поможете нам с ответом, — вставляет Бун.

— Вы думаете, это я организовал слежку?

— На вашем месте я бы, наверное, так и сделал.

— Что ж, похвально, — кивает Бигенд. — Но

пока что вы не на моем месте. А я так не работаю. Мы ведь с вами партнеры.

Они едут по вечернему шоссе; первые капли дождя начинают стучать в лобовое стекло, и Кейс думает, что привезла с собой токийскую погоду. Включаются дворники — лопатообразные штуки, укрепленные сверху, над стеклом. Нажав кнопку на приборной панели, Бигенд понижает давление в колесах.

— С другой стороны, — продолжает он, — надеюсь, вы понимаете возможные последствия. Партнерство со мной повышает вероятность, что за вами будут следить. Такова специфика крупной игры.

— Но кому известно, что мы ваши партнеры? — спрашивает Кейс.

— «Синий муравей» не ЦРУ, а рекламное агентство. Люди болтают. Даже те, кому это запрещено по долгу службы. Секретность — одно из важнейших условий, особенно когда планируешь новую рекламную кампанию. Но утечки все равно есть. Я, конечно, проведу расследование. Попытаюсь выяснить, кто мог знать о том, что вы на меня работаете. Однако сейчас меня больше интересуют мнимые итальянцы.

— Мы от них отвязались, — говорит Бун. — Кейс

как раз получила номер от своего знакомого, и я решил, что самое время оторваться от хвоста. Позже я попробовал их разыскать, но безрезультатно.

— А кто этот знакомый?

— Один человек, которого я нашла через фрагментщиков, — объясняет Кейс.

— Именно на это я и рассчитывал.

— От него, похоже, ничего больше не удастся получить. — Слова Буна заставляют Кейс удивленно оглянуться. — Но если водяной знак настоящий, то это уже хорошая зацепка.

Кейс смотрит прямо перед собой, пытаясь сосредоточиться на мерном движении дворников. Бун лжет Бигенду. Вернее, говорит не всю правду. И теперь ей кажется, что она тоже не до конца откровенна. Может, настало время рассказать о происках Доротеи и вторжении азиатских шлюх — хотя бы для того, чтобы спутать Буну карты? С другой стороны, она не знает, зачем он лжет. Возможно, у него есть уважительная причина. Кейс решает подождать, пока они окажутся наедине, и поговорить начистоту.

Машина резко сворачивает с шоссе и ныряет в лабиринт лондонских улиц. Начинаются светофоры.

После Токио все здешние пропорции кажутся странными. Другие стандарты, другие масштабы. Эти два города очень разные, хотя в чем-то неуловимо похожи, в обоих есть неповторимый древний шарм. Можно сказать, они похожи своей непохожестью. Кейс думает, что даже если бы дома в Лондоне строили из дерева и бумаги, а в войну сожгли, как случилось с Токио, то неповторимое обаяние этих улиц и площадей все равно проступало бы сквозь безликие нагромождения стали и бетона.

«Хаммер» останавливается у подъезда Дэмиена; Бигенд будит задремавшую Кейс — к ее немалому смущению и замешательству.

Бун помогает ей донести чемодан.

— Я зайду с тобой, — говорит он.

— Нет, не надо. Я в порядке, просто слишком устала.

— Позвони, как проснешься. Дай знать, что все хорошо.

На подлете к Хитроу он нашпиговал ее лэптоп многочисленными телефонными номерами.

— Хорошо, — отвечает Кейс, чувствуя себя, как последняя идиотка.

Открыв дверь, она выдавливает из себя улыбку и заходит в подъезд.

Стопка журналов, лежавшая на площадке, куда-то исчезла. А вместе с ними и черный мусорный вкладыш.

Подойдя к квартире и приготовив немецкий ключ, Кейс вдруг замечает полоску света под дверью.

Она замирает и прислушивается — в одной руке сумка, в другой ключи. Голоса за дверью; один из них принадлежит Дэмиену.

Надо постучать.

Дверь открывает молодая высокая блондинка. Идеально вылепленные скулы и огромные, чуть раскосые васильковые глаза. Блондинка холодно оглядывает Кейс с головы до ног:

— Вам кого?

У нее странный акцент, который Кейс поначалу принимает за часть какого-то розыгрыша. Но экстравагантная, тщательно прорисованная нижняя губа женщины кривится с таким искренним и несомненным презрением, что всякая мысль о шутке пропадает.

И тут из-за плеча этой суперфигуры выглядывает голова Дэмиена, остриженная под ноль. В таком виде его почти невозможно узнать. Обняв блондинку за талию, он расплывается в широченной улыбке.

— Познакомься, Марина. Это моя подруга Кейс. Где ты пропадала, Кейс?

— В Токио. Извини, я не знала, что ты приехал. Я пойду в гостиницу.

Но Дэмиен и слышать об этом не хочет.

Глава 21

Мертвые не забывают

Суперфигура Марина Щеглова оказывается новым русским продюсером Дэмиена. Это не первая из его подружек, которая с первого же взгляда воспылала к Кейс острой ненавистью. Самой непримиримой была та, чье тело послужило моделью для кибердевочек. Кейс вспоминает о ней, глядя на одинаковые пластиковые торсы у стены.

К счастью, их с Мариной почти сразу же разводят по разным углам. С одной стороны в этом участвует Войтек, присутствию которого Кейс даже не удивляется, приняв это за эффект наложения нескольких временных разниц, а с другой — ирландец Фергал Коллинз, адвокат и финансовый советник Дэмиена, с которым она познакомилась во время одного из прошлых

визитов. Войтек немедля возвращается к разговору с Мариной, прерванному появлением Кейс. Говорит он на иностранном языке, скорее всего по-русски, и проявляет при этом завидную беглость и убедительность, которые не свойственны его англоговорящей ипостаси. Марина слушает покорно, хотя и без видимого удовольствия.

Одет Войтек как обычно, в стиле застенчивого скейтбордиста. Наряд Марины, напротив, состоит исключительно из того, что Кейс вынуждена признать последними хитами «Прады». Все только черное. По сравнению с Мариниными скулами даже скулы Войтека кажутся не вполне славянскими. Такое впечатление, что у нее там установлены два комплекта, один поверх другого. Музейный экспонат, безупречный эталон белой расы.

Словно манекен для новой серии «Матрицы», думает Кейс. Будь Маринины сиськи чуть побольше, она могла бы красоваться на обложках подростковых компьютерных стрелялок.

Фергал представляет собой типичный образец бизнес-волка в овечьей шкуре богемного чудака. С Дэмиеном он работает уже давно, хотя специализируется в основном на музыке.

— Как поживает Токио после девальвации? —

осведомляется адвокат, усаживаясь на кушетку рядом с Кейс.

— Он более чем когда-либо похож на то, как выглядит сейчас.

Это цитата из Дуайта Дэйвида Эйзенхауэра, к которой она иногда прибегает, когда не знает, что сказать. Фергал недоуменно хмурится.

— Простите… Я была проездом, почти ничего не увидела. Дэмиен уже закончил свой фильм?

— Как бы не так! Он вернулся, чтобы достать еще денег, взять три добавочные камеры, нанять больше людей. И еще… — Фергал понижает голос, — еще потому, что их высочеству, наверное, захотелось посетить столицу Англии.

— Она ведь его продюсер, да?

— Так только говорится. На самом деле перед нами пережиток советской специфики, весьма полезный в сложившейся ситуации. Связь с Мариной — это *blat*.

— Что?

— Русское слово, *blat*. Если не ошибаюсь, у вас в Америке это называлось «блат». Связи с нужными людьми. При коммунистах ее отец был директором алюминиевого комбината, а после приватизации, естественно, стал его владельцем. Потом прибавились еще пивзавод и коммерче-

ский банк. Пивзавод вообще оказался золотой жилой. Ребятам каждый день пиво подвозят, прямо на съемочную площадку. Поэтому Дэмиен так популярен — без него им пришлось бы пить только водку.

— Вы что, ездили туда?

— Да, всего на полдня. — Фергал морщится.

— Ну и как?

— Представьте себе коктейль из рок-фестиваля, массового разграбления могил и фильма «Апокалипсис». Трудно сказать, какой из этих компонентов привлек нашего Дэмиена… Вы знаете этого поляка?

— Его зовут Войтек.

— Кто он такой?

— Художник. Я оставила ему ключи от квартиры.

— Слава богу, хоть один человек может поговорить с Мариной на ее языке. А мы можем спокойно поговорить на нашем. Думаете, он подбивает клинья?

— Вряд ли, — отвечает Кейс, глядя, как Войтек достает один из своих блокнотов. — Думаю, он пытается выжать из нее деньги на проект.

Спасаясь от назойливого блокнота, Марина ретируется в туалет, захлопнув за собой дверь.

Войтек встает и направляется к кушетке. В одной руке у него блокнот, в другой бутылка пива.

— Привет, Кейси! Где вы были?

— Далеко. Ты не знаком с Фергалом?

— Да, да! — Он присаживается на кушетку. — Дэмиен звонил из аэропорт, просил встретить здесь с ключами, купить пиво и тандури[259]. Эта продюсерка Марина, она очень интересная. Имеет связи в Москве, выставочный зал.

— Ты говоришь по-русски?

— Конечно! Магда, она родилась там, в России. А я еще в Польше. Наш отец работал гражданский инженер в Москве. Я уже не помню Польша.

— Боже правый! — орет Дэмиен из кухни. — Какой вкус у этой хурмы!

— Извините меня, — говорит Кейс, вставая.

На кухне Дэмиен перебирает продукты, завернутые в фольгу. Его глаза светятся детским восторгом. Увидев Кейс, он радостно восклицает:

— Понимаешь, это НЕ рагу! На раскопках мы едим одно только чертово рагу. Там ведь нет холодильников! Есть огромный котел, в котором варится рагу — постоянно, 24 часа в сутки. Мы просто подбрасываем туда продукты. Куски неиз-

---

[259] Примечания: 259

индийское блюдо; мясо или птица, маринованные с травами и запеченные в глиняной печи.

вестного мяса, картошку, какую-то серую дрянь, похожую на подливку «Бисто». И еще хлеб. У них в России очень вкусный хлеб. Но эта хурма, ты только посмотри…

Кейс подходит, обнимает его.

— Дэмиен, я не могу здесь остаться.

— Не говори глупостей.

— Нет, правда. Твоя подружка уже злится.

— Ничего она не злится. — Дэмиен улыбается. — Это ее нормальное состояние. Ты тут ни при чем.

— Да, с годами у тебя вкус не улучшается. Даже наоборот, если сравнить с твоей прошлой пассией.

— Ты же понимаешь, без Марины я фильм не закончу.

— И при этом обязательно с ней спать?

— Да, к сожалению. Иначе она просто не поймет. Короче, когда ты приезжаешь?

— Куда?

— На раскопки, конечно! Ты должна это увидеть! Поразительное зрелище.

В воображении Кейс появляется огромная гора серых костей.

— Дэмиен, я не могу. У меня работа, контракт.

— Опять с той фирмой? Как ее, «Синий мура-

вей»? Ты ведь писала, что уже отстрелялась.

— Нет, это другое.

— Ну смотри, ты только что с самолета, наверху есть кровать. А мне завтра надо улетать. Если ты поедешь в гостиницу, то мы уже не увидимся. Поднимись наверх, поспи немного, если сможешь. А я пойду успокою Марину. — Он улыбается. — Привычное дело.

Кейс и сама не хочет уходить: придется куда-то ехать, искать гостиницу. Слишком сложно.

— Ну ладно, уговорил. У меня правда глаза слипаются. Только разбуди, слышишь? Если улетишь и не разбудишь, я тебе голову оторву.

— Хорошо, хорошо. Давай отправляйся в кровать. Кстати, где ты этого Войтека нашла?

— На рынке в Портобелло.

— Нормальный мужик.

Она вдруг чувствует, что ноги отказываются подчиняться. Приходится упрашивать, чтобы они отнесли ее наверх.

— Он безобидный. — Кейс сама толком не понимает, что имеет в виду.

Поднявшись на второй этаж, она кое-как раскладывает диван и падает на него, как подкошенная. Бун просил позвонить. Она достает телефон и набирает его номер.

— Слушаю.

— Привет, это Кейс.

— Ты где?

— У Дэмиена. Он вернулся.

После небольшой паузы Бун говорит:

— Это хорошо. Я о тебе беспокоился.

— Я и сама о себе беспокоилась. Сегодня в машине, когда услышала, как ты вешаешь Бигенду лапшу. Что это значит, Бун?

— Просто играл по обстоятельствам. Может, он знает гораздо больше, чем мы думаем.

— Откуда?

— Это уже второй вопрос. Такая возможность не исключена. Подумай, кто дал тебе мобильник?

Он прав.

— Значит, ты надеялся, что он проговорится?

— Да, решил попробовать.

— Мне это не нравится, Бун. Ты сделал меня соучастницей и даже не спросил, не дал мне выбора.

— Ну извини.

Кейс не слышит в его голосе раскаяния.

— Мне нужна картинка, — говорит он. — Ты можешь ее переслать?

— А это безопасно?

— Ее уже столько раз посылали взад-вперед.

Сначала твоему другу, потом тебе. Если враги перехватывают имэйлы, то картинка уже у них.

— Зачем она тебе?

— Позову своего друга, будем считать чертей на кончике иглы.

— Серьезно.

— Буду импровизировать. Поковыряюсь в ней. Покажу парочке людей, которые умнее меня.

— Ну ладно. — Кейс не нравится, что он командует, а она подчиняется. — У меня есть твой имэйл?

— Нет, запиши. Чу, точка, Бэ…

Она записывает адрес.

— Что это за домен?

— Моя бывшая компания. Это все, что от нее осталось.

— Хорошо, сейчас отправлю. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Чтобы послать картинку, надо достать «Айбук» и подключиться к телефону. Она делает это на автопилоте — и, судя по всему, успешно, так как письмо уходит без проблем. Заодно можно проверить почту.

Новое письмо от матери — на этот раз с какими-то необычными приложениями. Не успев подумать, Кейс открывает его.

Эти шумовые фрагменты были случайно записаны студентом нью-йоркского колледжа с факультета антропологии. 25 сентября он проводил опрос рядом с баррикадой на пересечении улиц Хаустон и Варрик, где наклеены фотографии пропавших без вести. Мы обнаружили, что сделанная им запись чрезвычайно богата элементами ФЭГ. При помощи различных методов нам удалось выделить несколько десятков значимых сообщений.

— Он получил утку в лицо, — шепчет Кейс и закрывает глаза. Посидев так несколько секунд, она вздыхает и продолжает читать.

Я уверена, что эти четыре сообщения отправил твой отец. Знаю, ты не веришь в такие вещи, но мне кажется, что он пытается что-то сказать именно тебе, а не мне (он дважды отчетливо произносит «Кейс»), и судя по всему, это очень срочно.

Такого рода записи плохо поддаются обычным методам расшифровки. Усопшие предпочитают общаться с нами, модулируя белый шум, и поэтому

увеличение отношения «сигнал-шум» неизбежно приводит к уничтожению сообщения. Но если надеть наушники и прислушаться, то можно различить, как твой отец говорит следующее:

Файл № 1: Овощной магазин… (??) Световая башня… (жизнь?)

Файл № 2: Кейс… Сто двадцать… (начало твоего адреса?)

Файл № 3: Здесь холодно… Корея (скорее?) Незамеченный…

Файл № 4: Кейс, эта кость… В голове, Кейс…

(Некоторые здесь считают, что последняя фраза означает «в голом веке», но вряд ли твой отец сказал бы такую бессмыслицу.)

Я понимаю, все это далеко от твоей реальности. Но для меня это часть жизни, и поэтому я сейчас здесь, в «Розе мира», с моими друзьями, пытаюсь помочь в расшифровке. Твой отец пытается тебя о чем-то предупредить. Честно говоря, больше всего я хотела бы, чтобы он прямо сказал, где и когда свершился его переход. Тогда мы смогли бы организовать поиск,

провести анализ ДНК и доказать, что он действительно погиб. Официальное расследование, как и следовало ожидать, буксует, хотя я сменила адвоката и написала заявление в…

Кейс смотрит на свою руку, которая только что закрыла письмо Синтии — сама, без команды.

Дело не в том, что ее мать сумасшедшая (Кейс знает, что это не так), и не в том, что она в верит в такую чушь (хотя это действительно чушь), и даже не в мутном и банальном содержании так называемых сообщений (к этому Кейс уже привыкла), а в том, что вся эта суета превращает Уина в какого-то живого мертвеца.

Когда близкий человек пропадает в Манхэттене утром 11 сентября, но нет никаких свидетельств, что во время теракта он находился рядом со Всемирным торговым центром, — уже одно это делает неопределенность нестерпимой. Об исчезновении Уина они узнали только через неделю. Полиция работала с перебоями, а банк, выдавший ему кредитную карту, в неразберихе не сразу связался с родственниками. Кейс пришлось одной заниматься поисками; ее мать какое-то время боялась летать и оставалась на Мауи, хотя

аэропорты уже открыли. 19 сентября лицо Уина прибавилось к сотням других, наклеенных на баррикады, мимо которых Кейс проходила каждый день. Вполне возможно, что студент нью-йоркского колледжа стоял с диктофоном рядом с фотографией Уина, когда тот подал голос сквозь невидимую мембрану, отделяющую мир Кейс от мира, в который верят у себя на Гавайях Синтия и ее свихнувшиеся приятели. Кейс собственными руками наклеила несколько карточек на баррикаду у пересечения Хаустона и Варрика. Карточки были отсканированы в ближайшем центре «Кинко» и заламинированы в пластик. После Уина, не любившего сниматься из-за специфики своей профессии, почти не осталось фотографий. На карточке, которую выбрала Кейс, ее отец слегка напоминал молодого Уильяма Берроуза.

Многие незнакомые лица стали тогда знакомыми, навсегда отпечатались в памяти.

Копируя в то утро в «Кинко» фотографию Уина, Кейс видела, как из соседних ксероксов выползают изображения других мертвецов, чтобы занять место на фанерных страницах городского альбома потерь. И ни разу, прикрепляя фотографии к баррикаде, она не видела, чтобы одно лицо было наклеено поверх другого. Именно этот факт в

конце концов сломал запрет и позволил ей заплакать, сгорбившись на скамейке на Юнион-сквер, рядом с дрожащими язычками свечей у подножия памятника Вашингтону.

Перед тем как расплакаться, она несколько раз переводила взгляд с подножия памятника на странную инсталляцию на другой стороне Четырнадцатой улицы, над входом в «Вирджин мегастор», где гигантский метроном отсчитывает секунды и испускает струю пара, — а потом назад, на органический нарост из свечей, цветов и фотографий, и ей казалось, что разгадка кроется в понимании связи между этими двумя объектами.

Затем она пешком пришла домой, в свою тихую пещеру с голубыми полами, и первым делом стерла программу, позволяющую смотреть Си-эн-эн на компьютере. С тех пор она перестала смотреть новости и вообще старалась пореже включать телевизор.

Но со временем оказалось, что выражение «пропавший без вести» в ее случае несет дополнительный и какой-то усложненный смысл.

Где сейчас мог находиться ее отец? После того как он вышел в то утро из гостиницы, его больше никто не видел. По совету матери Кейс наняла

частных детективов, которые опросили таксистов, — но город словно заболел избирательной амнезией, и все, что касалось Уингроува Полларда, оказалось стертым настолько тщательно, что доказать его смерть стало невозможно.

Синтия часто любила повторять: мертвые не забывают. Не забывают о чем? У Кейс никогда не возникало желания спросить…

— Ты не спишь? — В дверях появляется обритая голова Дэмиена. — Мы собираемся пойти в «Брасье». Хочешь, присоединяйся.

— Нет, спасибо. Я буду спать.

Она надеется, что это правда.

Глава 22

Тарн

Сон налетает, как торнадо — подхватывает, уносит в глубокую черную воронку, окружает вспышками картин, которые слишком обрывочны, чтобы их можно было назвать снами, — и опять выбрасывает на поверхность. Она лежит в темноте: сердце колотится, глаза широко открыты.

Судя по часам, поспать удалось всего сорок

пять минут.

Снизу не доносится ни звука. Кейс вспоминает, что они пошли в «Брасье». Любимый ресторан Дэмиена — недалеко отсюда, на Хай-стрит.

Она встает, надевает джинсы и свитер и босиком ковыляет вниз по ступенькам. Ей кажется, что она восьмидесятилетняя старуха. Эффект отсутствия души вышел за рамки метафор; это уже грань физического коллапса.

Заглянув в спальню Дэмиена, она обнаруживает там Маринин багаж фирмы «Луи Виттон» с повторяющимися монограммами — серьезная и жуткая вещь, на которую у нее сильнейшая аллергия. Два новеньких чемодана раскрыты; оттуда через край выплескивается черная «Прада». Серебристое покрывало отброшено в угол, на смятых простынях лежит камуфляжный костюм с рисунком, который, если она правильно помнит, называется «тарн». Кейс выучила названия всех этих узоров, когда работала на фирме, проектирующей одежду для скейтбордистов. Самый красивый из них — южноамериканский, составленный из розово-лиловых экспрессионистских мазков и похожий на закатный неземной пейзаж. Откуда пришел узор «тарн»? Из Германии или из России? Кейс не может вспомнить. У этого слова

есть еще одно значение, что-то из словаря Эдгара По. Мертвые озера?

В ванной она старается не глядеть на свое отражение, опасаясь чудовищ, которые могли подняться на поверхность из-за серотонинового голода. Быстро принять душ, вытереться, одеться. Аккуратно расправить полотенце (Марина развела настоящий свинарник). Кейс морщит нос, увидев на полках горы разнообразной косметики. Среди пестрых этикеток попадается нечто из другой оперы — первоклассный калифорнийский мелатонин, который в Англии без рецепта не продают. Кейс глотает полдюжины крупных бежевых капсул, запивает их водопроводной водой, у которой странный лондонский привкус, и бредет обратно, наверх, изо всех сил притворяясь, что смертельно устала (это правда) и что мгновенно уснет, лишь только доберется до дивана (это вряд ли).

Но к ее последующему удивлению сон все же приходит — неглубокий и щадяще пустой, хотя из-за ватной мелатониновой стены все же доносятся какие-то звуки.

Открыв глаза, Кейс опять видит в дверях бритую голову Дэмиена. На нем застегнутый под самое горло камуфляж — тот, что лежал в спальне.

— Прости, не хотел тебя будить. Просто решил проверить, — говорит он тихо, почти шепотом.

Кейс смотрит на часы. Семь утра.

— Ничего, я уже проснулась.

— А Марина еще нет. Она любит поспать. Хочешь, сходим куда-нибудь? Выпьем кофе, поговорим. Только тихо, чтобы ее не разбудить.

— Дай мне пять минут.

Бритая голова исчезает.

«Флек-тарн». Вот как это называется. Словно капельки шоколада, разбрызганные поверх конфетти цвета прошлогодней листвы.

* * *

Кофе здесь стоит дороже, если пить его за столиком. Навынос платишь меньше. В Токио, наверное, такие же порядки. У Кейс не было времени, чтобы узнать.

На улице дождь; Дэмиен надел под камуфляж черный свитер с капюшоном. Этот капюшон он не снимает даже за столиком клонированного «Старбакса». Кейс ему благодарна: бритый череп сбивает ее с толку. Сколько она помнит, он всегда носил черные волосы до плеч, разделенные прямым пробором. Своеобразная антиприческа.

Прямо как в старые добрые времена: они си-

дят в привычной кофейне напротив станции Камден-таун, в промокшей одежде, с большими бумажными стаканами, рассчитанными на несколько порций.

— Про отца ничего не слышно? — Карие глаза Дэмиена блестят из-под черного капюшона.

— Никаких следов. Моя мать уверена, что он погиб. Они у себя на Гавайях получают от него сообщения — на кассетах, где записан белый шум.

— Черт, западло, — говорит Дэмиен с таким простым и неприкрытым участием, что ей хочется его обнять. — Представляю, как тяжко.

Она кивает, отхлебывает кофе из стаканчика.

— Еще проблемы со страховкой. Но это, наверное, вопрос времени.

— Ты сама веришь, что он погиб?

— Я с самого начала не сомневалась. Не знаю почему.

В ярко освещенной урбанистической пещере пахнет кофе, уютно шипит пар, посетители стоят в очереди у стойки. А за окнами сеет дождь и снуют целеустремленные пешеходы.

— Так ты работаешь на «Синего муравья»? — Дэмиен снял для них несколько рекламных роликов; Кейс слышала, что Бигенд был в восторге от его работы. — В Токио тоже?

Она отворачивается от окна.

— Они меня вызвали, чтобы определить, годится ли новая эмблема. — Кейс называет имя фирмы, и Дэмиен кивает. — А потом все повернулось неожиданно…

— Как я понимаю, не лучшим образом.

— Да, не лучшим. Ты не спросил, зачем я поменяла замки.

— В самом деле, зачем?

— Потому что приходили гости. Незваные. Когда меня не было дома.

— Кто-то взломал замок?

— Нет, замки были целы и даже заперты. И вообще ничего не сломано. Может, у кого-то остался ключ?

— Вряд ли. Я с такими вещами не шучу. Поменял замки сразу после ремонта.

— Еще они ковырялись в твоем компьютере. — Она вспоминает, как Бун проверял ее «Айбук».

— А что толку в нем ковыряться? У тебя есть подозрения, кто это мог быть?

В его голосе больше любопытства, чем возмущения. Вернее, вообще нет возмущения. Кейс сразу заметила бы, она хорошо его знает. Дэмиен испытывает к людям какой-то абстрактный интерес: его занимают поступки, а не причины.

Кейс рассказывает про Доротею, прожженную куртку и азиатских шлюх. Про то, как она поменяла замок, как второй раз встретилась с Доротеей. Про рисунок Мишлена и про куклу, подвешенную к дверной ручке.

— Постой, постой. Ты ведь об этом никому не говоришь!

— Не говорю.

— А кто еще знает?

— Ну… ты. Потом еще пара близких друзей. Три-четыре бывших парня, которым я сдуру рассказала. Один психотерапевт. И еще два психолога.

— А зачем ты летала в Токио?

— Бигенд хочет найти автора фрагментов.

Кейс внимательно следит за выражением его лица. Дэмиен принадлежит к людям, на которых магия фрагментов не действует. Наверное, это связано с его профессией: не зритель, а создатель, сам делает фильмы.

— Зачем ему?

— Трудно сказать. Он полагает, что за этим стоит что-то новое, очень большое. И хочет захватить это в самом начале.

— Значит, у тебя новый контракт с «Синим муравьем»?

— Нет, Бигенд называет это партнерством. Лично с ним. И есть еще один человек, американец по имени Бун Чу. Консультант по безопасности компьютеров.

— Бунчу?

— Два разных слова. Бун Чу.

— И что, уже есть успехи?

— Пока только досада. Думаю, если бы не временная разница, которая все притупляет, у меня уже развилась бы паранойя.

Кейс вкратце рассказывает о своих токийских приключениях, сосредоточившись на Буне и мнимых итальянцах и опустив подробности насчет Таки и Капюшончика.

— Ну ты даешь! Что, скорлупу ему расколола?

— Да нет! Я его боднула, разбила лицо.

— Я это и имел в виду. Здесь так говорят. По крайней мере раньше говорили. Удивительно! Не думал, что ты на такое способна.

— Я и сама не думала.

Вокруг сидят люди с мокрыми, небрежно сложенными зонтами. Болтают, читают газеты. Какой-то уроженец Глазго с умопомрачительным акцентом заказывает четверной кофе. Дэмиен и Кейс одновременно улыбаются.

— Ну а у тебя что происходит? — спрашивает

она. — По уши погрузился в проект? И в своего продюсера?

— Угу. Иногда думаю, лучше было переспать с ее отцом. Старый новый русский, из первой волны. Поднялся на мародерстве, обирая труп советской экономики. Конечно, это временная ситуация, долго не продлится. По валовому национальному доходу Россия до сих пор шла вровень с Голландией, но теперь ситуация изменилась. Новые русские выползают на свет: официально регистрируют фирмы, исправно платят налоги. Они поняли, что так можно заработать еще больше. Путин ведь не случайно говорит о себе, что он юрист. Он и ведет себя, как юрист. Однако отец Марины — представитель старой школы. Именно это нам сейчас и нужно. Отогнать от раскопок местную милицию, договориться с людьми, которые отвечают за землю…

Дэмиен трижды плюет через плечо, потом поднимает стакан и отпивает кофе.

— Фергал сказал, ты вернулся за деньгами?

— Уже нашел. Вчера в «Брасье» мы говорили с инвестором.

— А у старого нового русского взять не хочешь?

— Еще чего. Пока что хватит еще недели на три.

Думаю, управимся.

— Не боишься связываться с дочкой крестного папы?

— Нет, он не мафиози, — отвечает Дэмиен очень серьезно, хотя Кейс всего лишь шутила. — Обычный карликовый олигарх. И ко мне нормально относится. Думаю, он даже рад, что дочку удалось куда-то пристроить.

— Смотри, он еще привыкнет…

— Ладно, не пугай меня. Я больше о тебе волнуюсь. Работать на Хьюберта Бигенда — жутковатая перспектива даже при идеальном раскладе.

Дэмиен поднимается; Кейс тоже встает, снимает багажное изделие со спинки стула.

— Чем сегодня занимаешься?

— Днем мы улетаем в Санкт-Петербург. А еще надо насчет груза распорядиться, с новыми операторами поговорить. Плюс Марина. Мы же летим на «Аэрофлоте», самолет «Ту-154», кошмарный драндулет. Не знаю, как я ее туда затащу. Фергал очень жестко контролирует бюджет. И правильно делает — чтобы закончить фильм, надо экономить. А у тебя какие планы?

— Сейчас иду в спортзал, на пилатес. Во сколько у тебя рейс?

— В два тридцать пять.

— Ладно, не буду мешаться под ногами. Слушай, ничего, что я у тебя живу? А то все эти квартирные взломы…

— Не говори глупостей. Только у меня! Где же еще?

Они выходят на крыльцо; Дэмиен кладет ей руки на плечи и смотрит в глаза.

— Ты как, вообще? В порядке?

— Не волнуйся, все будет нормально. Хорошо, что мы увиделись.

— Да, я знаю. — Он машет рукой, подзывая черное такси. — В смысле, я тоже очень рад.

Такси подъезжает, Дэмиен открывает для нее дверь, целует в щеку. Она садится в машину и говорит:

— Нильс-Ярд.

Глава 23

Козлы

Выйдя из спортклуба в Нильс-Ярде, Кейс пытается слиться с толпой, превратиться в обычного праздного туриста, хотя в глубине души знает, что уже никогда не сможет стать такой, как они. Подобно Магде, которой «Синий муравей» прика-

зывает разносить рекламные бациллы под видом невинной болтовни, Кейс чувствует, что и сама уже давно соучастница. Соучастница чего? Она не в состоянии четко сформулировать. Соучастница заговора, цель которого — уничтожить различия между Лондоном и Нью-Йорком, разорвать мембраны, разделяющие неповторимые зазеркальные миры.

Она слишком много знает о жизненном цикле товаров, об их круговороте. Иногда кажется, что кроме этого круговорота во вселенной ничего не происходит… Просто дурное настроение, говорит она себе. Недомогание, вызванное временным отсутствием души, которая рано или поздно разыщет ее, долетит через часовые пояса и океаны. А пока остается только одно: быть здесь, гулять по Лондону, смотреть по сторонам, излучать в пространство свои впечатления, — чтобы душе было легче ее обнаружить.

Дождь прекратился, но капли еще падают с карнизов и крыш, оставляя темные точки на новом «Баз Риксоне». Забывшись, Кейс трогает место на плече, где должна быть изолента. Там ничего нет. Дырка исчезла. Историю отредактировали посредством подстановки идентичного объекта.

Если бы человеческие жизни можно было так

же тасовать и обменивать! К сожалению, это запрещено правилами. Каждая жизнь имеет свои границы допустимого, и любые странности, происходящие с человеком, не должны нарушать этих границ. В жизни Кейс всегда было место необычному, однако с недавнего времени в ткани происходящего стали появляться чужеродные вкрапления. Какие-то темные атрибуты, с которыми раньше не приходилось иметь дела. Потайные двери, секретные переходы… Признаки того, что концентрация *лжи* в окружающем пространстве превысила границу допустимого. За ней никогда еще не следили, не вламывались в ее жилище, не пытались ограбить — даже во время бесчисленных рейдов в неблагополучные районы мировых мегаполисов, куда ее посылали для разведки новых стилистических течений. Что же теперь изменилось? Где она ошиблась, что сделала не так?

А может, дело в том, что весь мир резко поменял направление полета — в тот момент, когда с засохшей розы упал лепесток? Может, все стало по-другому, и старые границы жизни больше недействительны? Может, количество мерзких странностей будет неизбежно возрастать, по мере удаления от поворотной точки у витрины в

манхэттенском Сохо?

Остановившись перед магазином «Даффер», Кейс смотрит на куртки с капюшонами. От нехватки серотонина по телу пробегают странные холодные волны; она вздрагивает, вспомнив Роппонджи и жесткие пальцы налетчика, обхватившего ее сзади. Запоздалый страх приходит изнутри, вместе с холодной волной.

— Он получил утку в лицо…

Точнее, не задний, а тот, что стоял спереди, это он получил в лицо голову Кейс, на скорости сколько-то там узлов.

Еда. Ее отсутствие грозит сумасшествием. Кейс целенаправленно идет вперед и скоро замечает небольшую бутербродную, сумевшую пережить глобализацию. Это весьма опрятное заведение, что неудивительно — она уже дошла до улицы святого Мартина. Заказав салат с яйцом на французской булке и чашку кофе, она садится за столик у окна и начинает есть, глядя на улицу.

Она вспоминает, как впервые увидела Ковент-Гарден зимой, после сильного снегопада. Они гуляли с отцом, и маленькая Кейс вцепилась ему в руку, пораженная таинственной лондонской тишиной, которую нарушал лишь скрип мокрого снега под ногами и редкий звук срывающихся с

проводов белых трапеций. Уин говорил ей, что Лондон сейчас выглядит, как в старые времена: машины убраны в гаражи, все современные элементы укутаны снегом, и начинают проступать очертания чего-то более древнего. В тот день Кейс поняла, что этот город не состоит из отдельных домов, как города Америки; это живой неделимый лабиринт, организм из кирпича и булыжника, постоянно растущий и развивающийся.

Из багажного изделия раздается звонок мобильного телефона. Надо было его отключить. Кейс отвечает, думая, что это Бун:

— Алле?

— Как самочувствие, Кейс? Уже выспались? — Это Бигенд.

— Да, спасибо.

— Где вы сейчас находитесь?

— На улице святого Мартина.

— Хорошо, совсем рядом. Зайдите в «Синий муравей», нам надо поговорить.

Выработанный с годами бизнес-инстинкт помогает ей сдержать стон.

— Когда?

— Прямо сейчас.

— Сейчас я завтракаю.

— Ну заходите, как позавтракаете. Я высылаю

машину.

— Нет, не надо. — Ей нужно время, чтобы разогнаться до рабочей скорости Бигенда. — Я хочу пройтись.

— Поторопитесь, пожалуйста. — Он вешает трубку.

Телефон тотчас же начинает снова звонить.

— Алле?

— Привет, это Капюшончик. Ты сейчас где?

— На улице святого Мартиина.

— В Лондоне, что ли? Слушай, нам надо поговорить. Тут возникла проблема с Джуди.

— Какой Джуди?

— Джуди Цудзуки. Которая Кейко.

— Девушка на фотографии?

— Да, именно она! Во всем своем двухметровом великолепии. Понимаешь, она после работы любит выпить. А Деррил — он озабочен по линии девчонок. Короче, он зовет ее к себе в гости. Джуди приходит, он подливает ей в стакан, показывает, какой у него большой компьютер, и все такое. Это не помогает, и тогда Деррил начинает ей втюхивать, что он крутейший лингвист, сумел изящно развести японского лоха. И зачитывает кое-что из имэйлов Таки. Эта великанша в кожаной миниюбке, конечно, приходит в бешенство, потому что

только законченный похотливый козел может так издеваться над светлым чувством наивного японского паренька, который пишет ей такие возвышенные вещи. Ничего подобного ей еще ни разу в жизни ни один мужчина не говорил…

— Подожди, но ведь Таки думает, что она школьница!

— Я знаю! Но она же выпила, разволновалась. И поэтому Деррил — законченный козел…

— Правильно! И ты точно такой же козел. И я ничем не лучше. Потому что согласилась в этом участвовать.

Две строгие британские старушки, которые только что вошли, испуганно сморят на нее. И сразу же отворачиваются.

— Ладно, давай пока оставим метафизику. Проблема в том, что Джуди пожалела Таки. И рассердилась на Деррила, а значит, и на нас. И теперь сама хочет написать в Японию, хочет послать свои фотографии, чтобы бедняга был счастлив. Она требует, чтоб Деррил ей помог. Иначе она пойдет к знакомому журналисту из «Ежедневных новостей», с которым однажды переспала, и расскажет о хакере-извращенце, обманувшем честного токийского парня, чтобы выудить информацию о каких-то фрагментах в сети.

— Она и об этом знает?

— Это ясно из его имэйлов. Она их прочитала, заставила Деррила отдать ей переводы.

— Ну а от меня ты чего хочешь?

— Помощи. Скажи, как ей помешать.

— Никак. Помешать уже невозможно. Пусть пишет.

— Хм-м… Серьезно?

— Ну конечно! Только попроси, чтобы она вошла в роль, а то будет только хуже. Ведь Таки любит не Джуди, а женщину, которую вы придумали.

— Ну да, наверное… Я, в общем, и сам к такому же выводу пришел. Просто не люблю терять контроль.

— Вы с самого начала ничего не контролировали. Это была иллюзия.

— Неудивительно! Когда имеешь дело с таким козлом, как Деррил… Ну ладно. Удалось что-нибудь узнать насчет буквы «Т»?

— Люди сейчас над этим работают.

— Какие люди?

— Друзья моего друга. Подробностей не знаю.

— Ты вообще в порядке? Какой-то у тебя голос убитый.

— Да нет, просто устала.

— Ну ладно, держись там. До скорого.

Кейс задумчиво смотрит на телефон. Кто такой Капюшончик — помимо того, что он зацикленный фрагментщик и теоретик-забияка? Чем он занимается в мирской жизни? Как выглядит? Откуда в нем страстное желание понять природу фрагментов? До сих пор она как-то не задумывалась об этих вещах. Но сейчас замкнутая вселенная Ф: Ф: Ф выворачивается наизнанку, выплескивается в окружающий мир, и разъяренная барменша Джуди из Техаса — только один из аспектов процесса.

На самом деле Кейс даже рада: по крайней мере еще одному человеку не понравилось, как они обошлись с Таки.

* * *

Телефон звонит, когда она подходит к «Синему муравью».

— Где вы, Кейс?

— Совсем рядом. Две минуты.

Бигенд вешает трубку.

Она проходит мимо витрины выставочного зала. В глубине виден контур абстрактной инсталляции, напоминающей букву «Т». Что это за карта? Зачем ее закодировали в световую

вспышку? Что может быть закодировано в других фрагментах?

Кейс останавливается у входа и подносит палец к звонку с табличкой «Синий муравей». В этот момент дверь открывается, и на пороге возникает черноволосый мужчина в темных очках. Его нос аккуратно заклеен пластырем телесного цвета. На миг он замирает, потом судорожно дергает головой, словно уклоняясь от удара, и сбегает по ступенькам. Оглянувшись, Кейс видит, как он быстро уходит в направлении, откуда она только что пришла.

— Эй! — говорит она, придерживая дверь и заходя внутрь. По шее у нее пробегают мурашки.

— Они ждут наверху. — Юная секретарша за стойкой улыбается; в ноздре вспыхивает бриллиантовый гвоздик.

— Козлы, — говорит Кейс. — Кто это сейчас был? Человек, который вышел?

Девушка смотрит на нее с недоумением.

— Ну, с пластырем на носу.

Девушка облегченно улыбается:

— А, это Франко. Водитель Доротеи из «Хайнца и Пфаффа». Он недавно попал в аварию.

— Она тоже здесь?

— Да, все вас ждут. — Девушка снова улыбает-

ся. — На третьем этаже.

Глава 24

Кипр

Бернард Стоунстрит прохаживается взад-вперед по площадке третьего этажа. Вид у него недовольный и слегка ошарашенный. Рыжий чуб и дорогой, словно вчера купленный черный костюм болезненно напоминают Кейс о прошлом визите.

— О, приветствую, — говорит он после секундного замешательства. — А я уже думал, куда вы подевались… На встречу с Хьюбертом и Доротеей?

— Угу, судя по всему.

— Кейс, вы в порядке? — спрашивает он с беспокойством, реагируя на ее тон.

— Абсолютно. — Она точно откусывает это слово.

— Странные вещи творятся, вы не находите? — Стоунстрит понижает голос, хотя рядом никого нет. — Я насчет Доротеи.

— А что случилось?

— Бигенд взял ее на работу, в отдел графики.

Посредником для переговоров с клиентами. Совершенно неожиданный поворот. Он сам всегда говорил, что дизайнеры должны напрямую общаться с клиентом! — Бернард прикусывает губу. — Хотя, конечно, Доротея опытный работник. — Он пожимает плечами, красивый черный пиджак подчеркивает экспрессивность этого движения. — Она сегодня утром послала Хайнцу заявление об уходе.

— А когда ее наняли?

— Сегодня же и наняли. — Стоунстрит удивленно разводит руками. — Я сам только что узнал.

— Где они?

— Там же, где и раньше. В той комнате. — Он показывает рукой.

Кейс обходит его, приближается к двери и распахивает ее.

— О, доброе утро! — восклицает Бигенд.

Он сидит во главе стола, там, где в прошлый раз сидел Стоунстрит. Слева от него, спиной к двери, сидит Доротея, а напротив нее Бун Чу. Оба они молчат.

Кейс с силой захлопывает дверь.

— Кейс, послушайте… — начинает Бигенд.

— Помолчите! — Странный, почти незнакомый голос. Неужели ее собственный?

— Кейс… — начинает Бун.

— Какого черта?! Что здесь происходит?

Хьюберт хочет что-то сказать.

— Вы что, взяли ее на работу? — Кейс указывает на Доротею.

— Ваше возмущение естественно, было бы странно ожидать другого, — говорит Доротея ангельским голосом. Она одета во что-то мягкое и серое, хотя волосы по-прежнему туго затянуты в узел на затылке.

— Этот человек, — Кейс поворачивается к Бигенду, — который напал на меня в Токио…

— Франко, — тихо вставляет Доротея.

— Заткнитесь!

— Так это же водитель Доротеи! — говорит Бигенд таким тоном, как будто это все объясняет. Лицо его буквально прыскает самодовольством.

— Налетчик, — уточняет Кейс.

— И что же сделал бедный Франко, когда столкнулся с вами внизу? — спрашивает Доротея.

— Убежал.

— Причем в ужасе, — замечает Доротея. — Врач в Токио сказал, что угоди вы на пару сантиметров ниже, он был бы уже мертв. Переносица вошла бы ему в мозг, прямо между лобными долями. Кажется, это так называется. У него сотрясение

мозга, огромные синяки под глазами, и дышать он может только через рот — пока не сделают операцию.

Мягкость тона Доротеи сбивает Кейс даже сильнее, чем смысл ее слов.

— Водить машину он точно уже не будет, — заканчивает та. — По крайней мере мою.

— Ничего, пойдет в грабители, — отвечает Кейс уже обычным голосом. Тот, малознакомый, спрятался обратно в свою коробочку. А жаль.

— Конечно, все получилось нехорошо, — говорит Доротея. — Если бы я сама там была, ничего подобного не произошло бы. Франко добродушный человек, просто кое-кто давил, требовал результатов.

Сохраняя неподвижность, она как-то умудряется создать впечатление, что пожала плечами.

— Кейс, — говорит Бигенд, — я знаю, вы расстроены. Но присядьте, пожалуйста. Послушайте. У нас тут идет очень полезный разговор, открываются все карты. Доротея может рассказать много интересного о том, что здесь происходит, и это впрямую касается вас. Ваши отношения, как выясняется, начались раньше, чем контракт с фирмой «Хайнц и Пфафф». По крайней мере еще до нашей встречи в Лондоне. Пожалуйста,

садитесь.

Кейс с возмущением замечает, что Бун держится собранно, но подчеркнуто нейтрально: в неизменной черной курточке, с непроницаемым лицом. Точь-в-точь китайский карточный шулер, только что не насвистывает.

Она чувствует, что уже приняла решение, хотя еще не знает какое. Придвинув стул, Кейс садится боком — чтобы не делать лишних движений, если придется уходить.

— Бун решил мне рассказать, — продолжает Бигенд, — про ваши столкновения с Доротеей. А также о том, что произошло, и о вашей версии событий.

— Моей версии?

— Которая полностью подтвердилась. — Бигенд откидывается на спинку стула; сейчас ему не хватает ковбойской шляпы. — Да, Доротея вам грубила. Она прожгла вашу куртку, подослала Франко и его помощника в квартиру вашего друга, где они поставили в компьютер жучок для перехвата нажатий клавиш. Во время второй встречи она намеренно показала вам изображение, которое должно было выбить вас из колеи, и она же оставила куклу на двери, чтобы вас напугать. Кроме того, телефон вашего друга поставлен

на прослушивание, и Франко следил за вами. Например, когда вы гуляли с Буном вдоль канала. И в Токио, конечно.

Кейс кидает на Буна взгляд, который, как она надеется, означает «я до тебя еще доберусь», и поворачивается к Бигенду.

— Ну и что? Что дальше, Хьюберт? Вы это узнали — и сразу ее наняли?

— Да. — Бигенд терпеливо кивает. — Потому что лучше держать ее в союзниках. И вот теперь она наш союзник. — Он смотрит на Доротею.

— Поймите, Кейс, — говорит Доротея, — для меня это вопрос карьеры. — Слово «карьера» она произносит, как «религия». — Мне сейчас выгоднее быть на стороне «Синего муравья». И Хьюберт знает об этом.

— Хьюберт, — спрашивает Кейс, — а вам не приходило в голову, что Доротея просто…

— Что? — Он подается вперед, кладет ладони на стол.

— Злобная и лживая сучка?

Бигенд хихикает. Жутковатый звук.

— Ну что же, наш бизнес — реклама, нам не привыкать. И вообще, здесь речь не о честности, а о преданности. А я ни на минуту не сомневаюсь, что Доротея абсолютно предана своей… — он

холодно смотрит на Доротею, — своей карьере.

Кейс неохотно признает, что Бигенд, пожалуй, прав.

Он покупает Доротею тем, чего никто другой не может предложить: стремительным взлетом по служебной лестнице «Синего муравья». Да, так оно и есть. Кейс становится интересно послушать, что эта женщина о ней знает.

— Ну ладно, расскажите мне. — Она поворачивается к Доротее, демонстративно игнорируя Буна. — О чем это Хьюберт говорил? Что мне будет интересно узнать?

— Хорошая курточка, — отвечает Доротея. — Новенькая?

В этот момент у Франко едва не появляется товарищ по судьбе, которому тоже чуть не вогнали переносицу в мозг между лобными долями. Однако Доротея сидит вне радиуса прямого удара, и Кейс удерживается от искушения.

Доротея улыбается.

— Три недели назад, — начинает она, — когда я была во Франкфурте, мне позвонили с Кипра. Какой-то русский. Представился, как специалист по налогам. Сначала я подумала, что его интересует контракт с Хайнцем, но потом поняла, что речь идет об особых услугах по линии моей

предыдущей работы. — Она смотрит на Кейс и вопросительно поднимает бровь.

— Я знаю о вашей прошлой работе.

— Русский попросил меня поставить одного человека в неловкое положение, чтобы этот человек отказался работать на определенную фирму. Разумеется, речь шла об этой фирме, а человеком были вы. — Доротея складывает руки на коленях. — Заказчик в тот же день вылетел с Кипра, если он действительно был на Кипре. Мы встретились, и он рассказал о вас кое-какие детали. Кое-что я знала и сама, потому что уже не первый год занимаюсь этим бизнесом. Рекламным, я имею в виду. Вообще, он был неплохо осведомлен, знал о моем прошлом. И о планах, которые я строила насчет «Синего муравья».

— Значит, русский?

— Да. Что вам известно о Кипре?

— Почти ничего.

— Это свободная налоговая зона для русских бизнесменов. Там их очень много. В общем, мне сообщили о вас некоторые сведения и заплатили аванс.

— Простите, Доротея, — подает голос Бун. — Не хотел вас прерывать, когда вы говорили об этом раньше, но в какой валюте вам заплатили?

— В американских долларах.

— Спасибо!

Бун снова умолкает.

— Какие сведения? — спрашивает Кейс.

— Когда вы перестали посещать Кэтрин МакНелли? — задает Доротея встречный вопрос.

— В феврале, — автоматически отвечает Кейс, чувствуя, как шевелятся волосы на затылке.

— Мой русский заказчик передал мне записи ваших бесед.

Кэтрин действительно делала записи во время каждой сессии.

— Так я узнала о вашей чувствительности к…

— Не будем вдаваться в детали, — обрывает Кейс.

Мог ли ее терапевт совершить такое предательство? У Кэтрин, правда, были некоторые сомнения насчет прекращения визитов, она считала, что процесс еще не закончен. Но они расстались в мире и согласии. Кэтрин хотела поработать над проблемами, связанными с исчезновением Уина, но для Кейс это было слишком рано, и они договорились подождать.

— Не могу поверить, чтобы Кэтрин… — начинает Кейс.

— Она скорее всего ни при чем, — отвечает До-

ротея, будто прочитав ее мысли. — Этот человек с Кипра… Вы никогда не имели дела с такими людьми? А я имела. Вероятно, он послал своих людей в Нью-Йорк, чтобы те забрались к ней в офис и сфотографировали записи. Кэтрин ни о чем не догадывалась.

— Прошу заметить, — вставляет Бун, — мы не можем точно датировать это событие. Кейс прекратила лечение в феврале. Значит, записи могли похитить в любое время между февралем и моментом первого контакта заказчика с Доротеей.

Кейс переводит взгляд с Бигенда на Буна, потом обратно на Доротею.

— И как было сформулировано ваше, э-э… — трудно подобрать слово, — ваше задание?

— Поставить вас в неловкое положение, чтобы вы покинули Лондон и впоследствии избегали контакта с «Синим муравьем». И особенно с Хьюбертом. Плюс мне дали программу, которую следовало установить на ваш компьютер. И я должна была следить за всеми вашими перемещениями в Лондоне.

— Они настояли, чтобы Доротея вернула установочный диск, — добавляет Бун. — К сожалению, она так и сделала.

— Значит, Франко залез в квартиру Дэмиена

и установил какую-то программу. А что насчет азиатских шлюх?

— Азиатских… кого? — Глаза Доротеи расширяются в изумлении.

— А потом он вам позвонил, да? Отчитался, что все установлено?

— Откуда вы знаете?

— Он звонил с домашнего телефона Дэмиена.

Доротея вполголоса произносит какое-то итальянское ругательство.

Наступает тишина. Все смотрят друг на друга.

— Узнав, что вы летите в Токио, — продолжает Доротея, — они, судя по всему, сильно взволновались. Потребовали, чтобы я за вами проследила. Но у меня были обязанности перед Хайнцем, я не могла это сделать сама. Пришлось послать Франко и Макса.

— Что значит «они»?

— Не знаю. Я контактировала только с русским, но он явно на кого-то работал. Ему непременно хотелось получить информацию, которую вам должен был передать некий человек.

— Откуда они знали, что…

— В этом я еще должен разобраться, — говорит Бун.

— Памела Мэйнуоринг на нас больше не рабо-

тает, — добавляет Хьюберт.

— Ее было несложно вычислить, — улыбается Доротея.

— А теперь, — говорит Хьюберт, — если вы с Буном нас извините, мне надо познакомить Доротею с нашими дизайнерами.

Они выходят, оставив Кейс и Буна наедине.

Глава 25

Магия-символ

Сидя в «Старбаксе» напротив «Синего муравья» и глядя на маятниковую лампу в стиле псевдо-«Мурано», точь-в-точь такую же, как в нью-йоркском «Старбаксе» рядом с ее квартирой, Кейс думает: в таком уютном месте странно чувствовать себя так скверно.

Они с Буном оказались здесь в результате нескольких неловких и практически невербальных решений. Кейс ни минуты не хотела оставаться в «Синем муравье» без крайней необходимости.

Нейтральная обстановка действует успокаивающе. Кейс чувствует, что эмоции постепенно приходят в норму; наверное, сказывается эффект

знакомой территории. Но тут подходит Бун, держа в руках стаканчики с кофе.

— А почему «Старбакс» тебя не бесит, — спрашивает он, опуская стаканчики на стол, — если ты так чувствительна к торговым маркам?

Кейс бросает на него гневный взгляд; от раздражения она буквально лишилась дара речи.

— Ты что, сердишься? — Он садится напротив нее.

— А как ты думаешь? Во-первых, Хьюберт сошелся с Доротеей, которая сперла записки моего терапевта. Во-вторых… Не знаю, как мы дальше будем работать.

— Да, понимаю…

— Я не люблю, когда так делают. Там в машине, с Бигендом, когда ты начал врать, даже не посоветовавшись…

— Ну извини, виноват. Зашел дальше, чем нужно. Меня просто разозлило, что он вот так взял и заявился. Тебе ведь это тоже не понравилось?

Еще бы, конечно, не понравилось!

— Ну а зачем ты ему все выложил? Про мои подозрения насчет Доротеи? Мог бы сначала со мной поговорить. Я тебе открылась, а ты пошел и ему рассказал.

— Я думал, ты спишь…

— Все равно надо было позвонить!

— И потом, Франко и Макс сидели в машине, через дорогу от дома твоего друга.

— Они следили за домом? Когда?

— В час ночи, когда я проезжал мимо.

— Ты проезжал мимо? Зачем?

— Хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

Она молча смотрит на него.

— Вот тогда я и позвонил Бигенду. Рассказал, что происходит, про этих парней в машине. И намекнул, что они, похоже, работают на Доротею. Он сразу же ей позвонил — знал, что она в Лондоне. Не знаю, о чем они говорили, однако буквально через десять минут Франко ответил на телефонный звонок, и они тут же смылись. Я еще какое-то время там поторчал, увидел, что все чисто. И поехал к Бигенду в гостиницу. Мы с ним позавтракали — очень рано, еще было темно. А потом пришла Доротея, и мы вместе стали пить кофе.

— Ты что, вообще не спал?

— Нет.

— И ты видел, как они договорились с Доротеей?

— Нет, они договорились по телефону, а детали обсудили уже потом, без меня. Но свою историю

она рассказала при мне. Поэтому я знаю, что Франко и Макс вернулись в Лондон еще раньше нас. Они вылетели, как только ты позвонила Памеле Мэйнуоринг. Представляешь, они ехали прямо за нами, когда Хьюберт вез нас из аэропорта! А он даже не заметил. Такие мелочи его, похоже, не интересуют.

Кейс начинает понимать: Бун открылся Бигенду, чтобы обеспечить ее безопасность. Правда, сейчас она отнюдь не чувствует себя в безопасности.

— А если Доротея опять врет, ведет двойную игру, на самом деле продолжая работать на тех людей?

— Все может быть. Ты ведь знаешь, Хьюберт игрок. Очень методичный, но все равно игрок. Он ставит на то, что понимает ее психологию лучше, чем они. Эти русские, или киприоты, или кто бы они ни были — все, что они могут ей предложить, это деньги. Ну, и еще могут пригрозить. Это Бигенд сам упомянул, когда мы с ним говорили.

— В каком смысле?

— Зачем мертвой Доротее головокружительная карьера?

— Ты слишком драматизируешь.

— Не уверен. Люди, которые приказывают

русскому киприоту нанять промышленную шпионку, могут иметь некоторую склонность к драматизму. Особенно если они и сами русские.

— Доротея до сих пор поддерживает с ними связь? Они действительно русские? Вообще, кто они такие?

— Она говорила с заказчиком вчера вечером. На данный момент их контракт считается разорванным.

— А почему ты говоришь «они», во множественном числе?

— Доротея думает, что за этим стоит какая-то организация. Сама она встречалась только с тем русским. Но когда она отчитывалась, по телефону говорили какие-то другие люди. И у нее сложилось впечатление, что эти люди либо русские, либо работают на русских.

Кейс пытается разложить по полкам хотя бы некоторые из этих фактов.

— Они знают о тебе?

— Только из жучка в телефоне твоего друга. Они знают, что Бигенд попросил тебя со мной встретиться. И еще они нас фотографировали, когда мы гуляли по набережной. И они наверняка поняли, что это я был в Роппонджи, на мотороллере. Вот и все. Конечно, если ты никому ничего

не рассказывала. Особенно по тому телефону.

— Нет, я ничего не говорила. А как же мой мобильник? Ведь если Памела работала на Доротею…

— Доротея говорит, там все чисто. У них просто не хватило времени. Мисс Мэйнуоринг взяла этот телефон из дежурного запаса «Синего муравья». Доротея обязательно поставила бы туда жучок, если бы у нее было время. Твой «Айбук» купили в магазине напротив. Я поговорил с парнишкой, который его забрал. Он его распаковал, проверил систему и установил софт, который ему дал Хьюберт. Памела забрала компьютер по дороге к тебе; на улице ее уже ждала машина. И потом, в Токио я его проверил и ничего не нашел. Что еще она тебе дала?

— Вроде ничего. — Кейс пытается вспомнить. — Да, еще кредитную карту.

— Значит, у них наверняка есть номер этой карты. На твоем месте я бы попросил новую.

— Тот человек, который пытался отнять у меня сумку в Токио…

— Франко. Потенциально слабое звено. — Бун достает из кармана телефон, проверяет время. — Сейчас он как раз подъезжает к Хитроу. Бигенд взял ему билет до Женевы, где очень до-

рогой швейцарский хирург должен бесплатно починить ему нос. Заодно Франко там отдохнет, оправится. И не будет путаться под ногами. Его напарник получил двухнедельный отпуск в Каннах, плюс неплохую премию. Будем надеяться, они не станут особо болтать. С наемными агентами всегда какие-то проблемы.

— А что Доротея скажет киприоту?

— Скажет, что Бигенд взял ее на работу. Это скрыть невозможно, пресс-релиз уже выходит. Они, конечно, заподозрят, что он ее перевербовал. Но она опытный игрок, что-нибудь придумает.

— А ее мобильник, по которому она говорила с Бигендом? Может, там тоже стоит жучок?

— Этот телефон он дал ей раньше. Она им не пользовалась, просто держала включенным на всякий случай. Хотя с мобильниками проблема не в жучках, а в том, что твою частоту можно прослушивать. Этот способ связи небезопасен по умолчанию, если только сигнал не кодируется.

— И ты в час ночи специально поехал к Дэмиену? Убедиться, что я в порядке?

— Ну, мне все равно не спалось.

Кейс ставит на стол кофе, смотрит ему в глаза.

— Спасибо.

— Значит, мир? Работаем вместе?

— Если будешь держать меня в курсе. Никаких сюрпризов, я должна точно знать, что ты замышляешь. Согласен?

— Да, в определенных пределах.

— Это как?

— Я улетаю в Коламбус, штат Огайо. Сегодня вечером. Если повезет, если что-то узнаю, то сразу все рассказать не смогу. Слишком рискованно. Тебе придется читать между строк, пока мы не встретимся.

— А что там, в Коламбусе?

— Фирма «Магия-символ». Любые виды водяных знаков для любых форм цифровой информации. Их вебсайт демонстративно умалчивает о клиентах; по словам моих друзей, их услугами пользуются довольно крупные фирмы.

— Думаешь, это они помечают фрагменты?

— Похоже на то. Я послал номер Таки своему другу из «Райса». Если знаешь, что искать, то дело идет живее. Он подтвердил: семьдесят восьмой фрагмент действительно помечен этим номером. Причем сделано это характерным образом, подразумевающим определенную школу мысли. Такую школу, которой пользуются в фирме «Магия-символ».

— Что ты там будешь делать? У тебя есть план?

— Потолкаюсь в толпе, займусь социотехникой.

— Ты что, специалист?

— Смотря по обстоятельствам. — Он улыбается, прихлебывает кофе.

— А букву «Т» ты своему другу тоже послал?

— Да. Теперь он знает про семьдесят восьмой фрагмент, а значит, можно поэкспериментировать. Он попробует привязать остальные фрагменты к участкам на карте. Если это карта, конечно.

— Похоже, что карта. Я знаю одного человека… — Кейс думает о Дерриле. — Он хочет заложить картинку в поисковый бот, который специализируется только на картах. Если это снято с какого-то реального города, то можно найти соответствие.

— М-м, недурно. Но сейчас меня больше интересует, каким боком тут замешана «Магия-символ». Как они работают? Кто-то посылает им фрагменты, они их помечают, потом отсылают назад? Если так, то можно узнать, кому они их отправляют. И это выведет нас на автора.

— Когда ставят водяной знак, при этом надо посмотреть материал?

— Не знаю, вряд ли. Постараюсь выяснить.

— С чего ты намерен начать?

— Просто постучусь в дверь, назовусь представителем маленькой, но очень перспективной фирмы, которая проявляет интерес к скрытым водяным знакам. Дальше видно будет. А почему ты спросила, смотрят ли они видео?

— Потому что фрагментщики могут появиться везде, даже среди работников этой фирмы. Достаточно один раз посмотреть какой-нибудь фрагмент. Может, там есть люди, которые уже знают то, что ты хочешь узнать.

— Не исключено. Тогда нам придется засветиться.

Да, он прав.

Посмотрев еще раз на часы, Бун говорит:

— Мне пора идти.

— Куда?

— В «Сефридж». Я должен купить костюм.

— Не могу представить тебя в костюме.

— И не надо, — говорит он, вставая; кожаный чемоданчик уже у него в руке. — Ты все равно меня в нем не увидишь. — Он улыбается.

А ты бы хорошо смотрелся в костюмчике, неожиданно думает Кейс. И краснеет от этой мысли. Она тоже встает, протягивает руку, чувствуя себя ужасно неловко.

— Ну, удачи в Огайо.

Бун сжимает ее ладонь, подается вперед, быстро целует в щеку.

— Будь осторожна. Я с тобой свяжусь.

Он поворачивается и уходит. Она смотрит ему вслед. Бун идет мимо женщины в штанах-парашютах «Махариши» с зоологическим орнаментом, и вышитые тигры, заметив выражение лица Кейс, улыбаются и подмигивают.

Глава 26

Радиоэлектронная разведка

Уборка квартиры вырастает в целый проект, но Кейс не унывает: монотонный физический труд поможет душе найти дорогу домой. У Дэмиена в гостиной распаковывали камеры; весь пол засыпан мусором. Абстрактные пенопластовые фигуры, мелкое белое зерно, разорванные пакеты, гарантийные талоны и буклеты инструкций. Как будто капризный ребенок нетерпеливо открывал дорогие подарки. В общем, так оно и было, с улыбкой думает Кейс, вспоминая Дэмиена.

Пивные бутылки, блюдце в роли импровизированной пепельницы, переполненное окурками

«Мальборо» со следами губной помады, грязная посуда, объедки тандури, парочка очень дорогих женских трусиков, которые Кейс радостно бросает в урну, вслед за остатками не менее дорогой косметики. Поменять постельное белье, расправить на кровати гигантскую рукавицу для духовки, вытереть пыль. В заключение пройтись по ковру ярко-красным немецким пылесосом, которым ни разу еще не пользовались. Теперь подняться на второй этаж, посмотреть, что здесь нуждается в уборке. Но тут физическое изнеможение бьет по голове, как огромная мультипликационная кувалда, и Кейс падает на услужливо разложенный диван.

Проснувшись, она слышит, как внизу звонит телефон. Свет снаружи изменился. Клон «Кассио» показывает время: прошло восемь часов.

Телефон замолкает, потом опять начинает звонить.

Кейс спускается вниз, поднимает трубку. Это Магда — предлагает вместе поужинать.

Подходя к станции, Кейс ожидает увидеть только Магду, однако обнаруживает также Войтека и бритоголового негра. Все трое выглядят на удивление беззаботно — сразу видно, что им не приходится думать о временно**й** разнице и про-

чих осложнениях, какими с недавнего времени изобилует жизнь Кейс. Нгеми сияет ярче остальных: огромная куртка из черной искусственной кожи застегнута под горло, широченная улыбка не сходит с лица. По пути к греческому ресторану, расположенному за станцией, Кейс узнает причину этой радости.

Нгеми наконец-то продал арифмометры, которые она видела во время прогулки в Портобелло. Их купил тот самый коллекционер из Японии, причем за весьма круглую сумму. Сейчас Нгеми похож на человека, который вдруг узнал, что дело, считавшееся проигранным, закончено в его пользу. На секунду, правда, его радость омрачается.

— Теперь надо ехать в Ливерпуль, забирать арифмометры у Хоббса, — вздыхает он.

Кейс вспоминает несимпатичного типа на старой грязной машине.

— Не люблю его! — без обиняков заявляет Магда, обращаясь главным образом к Войтеку.

— Он гениальный человек, — отвечает тот, пожимая плечами.

— Мерзкий, пьяный старый шпион!

Услышав слово «шпион», Кейс начинает о чем-то думать, но вскоре забывает мысль.

Выбранный ими ресторан оставляет впечатление тихого, уютного греческого местечка, открывшегося задолго до «крестового похода детей». Белизной стен, голубым эгейским орнаментом и традиционным антуражем, рассчитанным на туристов, он почему-то напоминает Кейс один китайский ресторанчик в Роануке, штат Виржиния.

— Классная у вас прическа, — с искреннем восхищением замечает Магда, пока официант разливает по бокалам рецину[260]. — Это вас в Токио так подстригли?

— Спасибо. Да, в Токио.

— Но вы ведь там были всего ничего.

— Да, по делам. — Кейс прикрывает зевок, который взялся невесть откуда. — Извините.

— Наверное, все еще живете по их времени? Представляю, как это трудно.

— Я уже, кажется, живу в своем собственном часовом поясе, — отвечает Кейс. — Не знаю, правда, сколько там времени.

Нгеми заводит речь о девальвации йены и о том, как это может повлиять на его бизнес; потом разговор переходит на школьного друга Магды,

---

[260] Примечания: 260
белое греческое вино с привкусом смолы.

который недавно получил должность дизайнера одежды в крупной японской фирме, разрабатывающей видеоигры. Войтек и Нгеми выражают удивление, но Кейс убеждает их, что это нормальное явление: модельный бизнес постепенно проникает и на этот рынок.

— Жаль, что аниме-персонажи не носят шляпок! — Магда доливает себе смолистого желтого вина, отпивает и морщится от горечи. — У них просто непокрытые головы. И прически — прямо как у вас!

Магда затянута в кожаный корсаж голубого цвета. Этот цвет называется «турбо-блю»; на крупных заводах в него красят электрическое оборудование. Тени на ее веках подобраны в тон.

— Жизнь совсем нелегка у серьезного художника, — замечает Войтек, который держится угрюмее, чем обычно. — Время — это деньги. Но и деньги — это деньги.

— Да не переживай ты из-за этого каркаса, — утешает Магда. — Все будет хорошо, придумаем что-нибудь.

Она объясняет, что Войтек уже собрал где-то около трехсот экземпляров «Зи-Экс 81», и теперь перед ним стоит мучительная задача: приделать к каждому компьютеру специальный переход-

ник и объединить их в подобие сети на основе оригинального протокола «Синклер». Войтек слушает очень внимательно, явно наслаждаясь тем, как его сестра описывает препоны на пути серьезного художника.

Насколько Кейс понимает, он хочет создать собирательный образ рудиментарной логической машины. Войтек рисует схему на салфетке: трехмерный несущий каркас, составленный из старых строительных лесов, которые Нгеми нашел где-то в Бермондси. Наблюдая, как синие чернила расплываются на рыхлой бумаге, Кейс вспоминает Таки и маленький бар в Роппонджи.

Нгеми уверяет, что леса исключительно старые и ржавые — как раз то, что нужно для придания инсталляции нужной текстуры. Однако если каждый компьютер модифицировать вручную, потребуются недели, если не месяцы, работы. Леса, конечно, стоят недорого, но все же не бесплатно, и потом их надо перевезти, отмерить, распилить, собрать, потом снова разобрать и сложить куда-нибудь до тех пор, пока не найдется выставочный зал.

— В общем, без спонсора не обойтись, — заключает Войтек.

Кейс думает о Билли Прайоне, но удерживается

от упоминания, что видела его в Токио, в новом рекламном проекте.

— Перед тем, как мы с вами познакомились, — говорит Нгеми, — Войтек уже почти решил проблемы с деньгами. К сожалению, этот план не сложился.

— А что случилось? — спрашивает Кейс, догадываясь, что сейчас ее начнут разводить на роль спонсора.

— Ни у меня, ни у Хоббса по отдельности нет ничего, что могло бы заинтересовать этого японца. Но если объединить наши запасы, то можно сыграть на «синдроме оптовой партии». Покупатели на это клюют. По-немецки оптовая партия называется *konvolut*. Хорошее слово. Коллекционеры влипают в такие сделки, как в паутину; им кажется, что они наткнулись на клад. — Нгеми улыбается; пламя свечей отражается в его зеркально выбритой голове. — Я собирался дать Войтеку деньги на леса, если сделка с японцем состоится.

— Вы же сказали, что все прошло удачно, — говорит Кейс. — Вы продали арифмометры.

— Да, верно, — подтверждает Нгеми с тихой гордостью. — Но я уже веду переговоры, чтобы купить «инструмент» Стивена Кинга.

Кейс изумленно поднимает глаза.

— Подлинность не вызывает сомнений, — заверяет Нгеми в ответ на ее взгляд. — Цена высокая, но разумная. Это здоровенная штуковина, одна из первых электронных пишущих машинок. Одна только доставка обойдется дороже, чем эти леса.

Кейс кивает.

— Теперь мне придется иметь дело с Хоббсом Барановым, — продолжает Нгеми, — а он сейчас в дурном настроении.

Если тогда в Портобелло он был в хорошем настроении, думает Кейс, то я не хотела бы увидеть его в дурном.

— На деньги от продажи «Куртов» Хоббс хотел купить очень редкий экземпляр, на аукционе в Ден-Хааге в прошлую среду. Это фабричный прототип одной из ранних моделей «Курта» — с необычной, даже уникальной конструкцией механизма. Но его перехватил дилер с Бонд-стрит, причем по очень низкой цене. Так что Хоббс теперь, мягко говоря, не в духе.

— Но вы продали и его арифмометры, он же заработал.

— Бесполезно: если вещь попала на Бонд-стрит, то простым смертным она не достанется. И даже не простым, вроде Хоббса Баранова. Слишком

дорого.

Магда, которая с самого начала налегала на рецину более целеустремленно, чем остальные, строит недовольную гримасу.

— Омерзительный тип. С ним вообще лучше не знаться. Если все американские шпионы такие же уроды, то чем они лучше русских, которые им проиграли?

— Хоббс никогда не был шпионом, — мрачно возражает Нгеми, опуская бокал. — Он просто шифровальщик, хороший математик. Если бы американцы действительно были такими бездушными прагматиками, какими их обычно рисуют, они не оставили бы этого беднягу спиваться в ржавом прохудившемся трейлере.

Кейс, которая никогда не считала себя особенно прагматичной или бездушной, интересуется:

— А что бы они тогда сделали?

Нгеми замирает, не донеся до рта вилку с кальмарами.

— Наверное, — говорит он, — они бы его убили.

Детство Кейс прошло за призрачным и в то же время, судя по ощущениям, очень банальным экраном, которым отгораживались от мира люди, так или иначе связанные с американскими

спецслужбами. Поэтому когда речь заходит о таких вещах, у нее есть свой набор понятий насчет того, что принято, а что нет. Сам Уин никогда не занимался оперативной работой, но у него были друзья-оперативники, которых он очень любил. У всех этих людей было одинаковое нравственное ядро, сформированное спецификой секретного мира и его невидимых войн. Кейс мало знает о законах этого мира, однако всякий раз, когда в ее присутствии люди, знающие еще меньше, начинают на эту тему рассуждать, она воспринимает их слова как пустое фантазирование.

— На самом деле, — говорит Кейс, — это своего рода традиция — оставлять их спиваться.

Что-то в ее голосе заставляет всех замолчать, хотя она этого не добивалась.

— Почему вы сказали «в трейлере», Нгеми? — спрашивает она, чтобы прервать молчание.

За свою жизнь Уин похоронил немало коллег, которых погубило не что иное, как стресс и чрезмерная работа, да еще, может быть, особый вид депрессии, вызванной слишком долгим и пристальным наблюдением за человеческими душами под определенным углом — предсказуемым и, в общем, довольно неестественным.

— Потому что Хоббс в нем живет, — объясняет

Нгеми. — Там у них целый трейлерный поселок. Практически это сквот[261] — недалеко от Ливерпуля.

— Но у него же пенсия от ЦРУ! — возмущается Магда. — Никогда не поверю в сказки насчет ржавого трейлера. И потом, он покупает «Курты», которые стоят кучу денег. Как хотите, а этот тип явно что-то скрывает! — Она делает большой глоток рецины.

— Не ЦРУ, а АНБ, — поправляет Нгеми. — Да, есть какое-то пособие по инвалидности, хотя впрямую я не спрашивал. В общей сложности у него около десяти тысяч фунтов. Большая часть, как правило, вложена в арифмометры. Не так уж много. И даже эти деньги он не может себе позволить просто хранить. Как коллекционер он хочет покупать, но как бедный человек вынужден продавать. — Нгеми вздыхает. — Это удел многих людей. Даже мой, в какой-то степени.

Магда не унимается:

— Да он шпион, говорю вам! Продает секреты за большие деньги. Мне Войтек рассказывал.

Войтек нервно переводит взгляд с Кейс на Нгеми.

---

[261] Примечания: 261

Сквот — нелегально занятые помещения, превращенные в коллективное жилье; своеобразная коммуна.

— Не шпион, нет! Не секреты. Нельзя так говорить, Магда!

— Что же он продает? — спрашивает Кейс.

— Иногда, — Войтек понижает голос, — он находит для людей информацию.

— Я и говорю — шпион! — радостно заключает Магда.

Войтек морщится.

— Наверное, он просто сохранил старые связи, — предполагает Нгеми, — и поэтому имеет доступ к определенным вещам. Думаю, в городе есть люди, которые… — Он умолкает, морщит черный широкий лоб. — В общем, ничего незаконного тут нет. Обычные связи с бывшими коллегами. И никто не задает лишних вопросов.

— А, вспомнила! — торжествующе восклицает Магда. — Радиоэлектронная разведка! Войтек сказал, что Хоббс продает данные радиоэлектронной разведки.

Войтек мрачно разглядывает свой бокал.

Радиоэлектронная разведка. Кейс знает этот термин.

Она решает сменить тему разговора. Сейчас надо расслабиться, а мысли о таких вещах только портят вечер.

После ресторана они заходят в переполненный

бар рядом со станцией. Памятуя, что рецина плохо сочетается с другими видами алкоголя, Кейс заказывает кружку шанди[262], к которому почти не притрагивается.

Она чувствует, что развод на спонсора сейчас начнется в полную силу, и решает нанести упреждающий удар.

— Я надеюсь, ты найдешь покровителя, Войтек. У тебя обязательно получится, это интересный проект. Если бы у меня были такие деньги, я бы сама в нем поучаствовала.

Как она и ожидала, все трое переглядываются и затихают. Наконец Нгеми решает попробовать:

— Может, ваш работодатель заинтересуется…

— Я не могу обращаться с просьбой. Мой контракт только начался.

Говоря это, она думает не о Бигенде, а о кредитной карте, лежащей у нее в кошельке. Она легко могла бы купить Войтеку груду ржавых лесов. Да, так она и сделает, если ничего лучшего они не найдут. И пускай русские киприоты, в которых она не очень-то верит, поломают над этим головы.

---

[262] Примечания: 262
смесь пива с лимонадом.

Глава 27

Истинный энтузиаст

Поднимаясь по ступенькам, Кейс отмечает, что ритуал Джеймса Бонда ее больше не интересует.

Никаких волосинок и плевков, никакой пудры. Это скорее фатализм, чем вера в надежность немецких замков. Если уж они смогли забраться в кабинет Кэтрин Мак-Нелли на Пятой авеню и незаметно похитить записи психотерапевтических сессий, то никакие замки их не остановят. А действительно, как им это удалось? Какой-нибудь человек, одетый в черное трико, прокрался в ночи мимо журнального столика, где лежат стопки журналов «Тайм» и «Космополитен» трехлетней давности…

Она открывает дверь и видит, что забыла оставить свет включенным.

— Козлы! — кричит она в темноту.

Дотянуться до выключателя, зажечь свет, запереть дверь. Подняться для проверки на второй этаж.

На часовом поясе «Кейс Поллард» сейчас, судя по всему, белый день. О сне не может быть и

речи.

Включив «Кубик», Кейс запускает «Нетскейп» и открывает Ф: Ф: Ф, отмечая каждое прикосновение к клавиатуре. Если Доротея не врет, то поклонники азиатских шлюх установили здесь программу, которая регистрирует нажатия клавиш. Записанная последовательность может быть скачана через какой-нибудь «черный ход». Интересно, регистрирует ли программа движения мыши? Если да, то как они узнают, где находится курсор? Скорее всего они видят только нажатия клавиш и адреса страниц в браузере.

После относительно долгого перерыва Ф: Ф: Ф выглядит каким-то незнакомым. Многих авторов Кейс вообще встречает впервые. Капюшончик рассказывал, что в новостях недавно пустили сюжет, породивший волну новичков. Может, это и есть незнакомые имена? Бегло просмотрев заголовки постов в нескольких разделах, она видит, что номер 135 все еще остается популярной темой, наряду с историей о бразильских фрагментщиках-сатанистах.

Кейс смотрит на экран, положив руки на колени (клавиатура ее теперь пугает), и представляет, как в полутемном компьютерном зале, где высвечена эта же страница Ф: Ф: Ф, сидят зловещие

фигуры, одетые, как герои шпионских сериалов, и ждут, когда она откроет какой-нибудь пост.

Помедлив несколько минут, чтобы потрепать им нервы, она закрывает «Нетскейп» и выключает компьютер.

В несколько отработанных движений она присоединяет «Айбук» к мобильному телефону и выходит в интернет. Если Бун не ошибся при проверке, то лэптоп ничего не посылает злодеям, сидящим в полутемном компьютерном зале. Правда, они могли залезть в квартиру, пока она была в греческом ресторане, думает Кейс, открывая «Хотмэйл». И тогда…

— Ну и черт с ним! — говорит она вслух, обращаясь к Дэмиеновым кибердевочкам.

Так жить просто невозможно. Она отказывается так жить.

Три новых письма. Первое от Буна.

> Привет из Ла-Гуардии, аэропорта повышенной безопасности! Вылетаю в Коламбус с минуты на минуту. Договорился о встрече с интересующей нас фирмой. Придется ориентироваться на месте. Как у тебя дела? Дай знать.

Да, Бун, думает она, ты не самый красноречи-

вый из моих корреспондентов. Впрочем, чего она ожидала? Эссе в шекспировском стиле за минуту до посадки в самолет?

> И тебе привет. Пишу на лэптопе, согласно инструкции. Обстановка спокойная, новых донесений нет.

Следующее письмо от Капюшончика начинается словами:

> Боже милостивый! (Моя мать, при всех ее отклонениях, была очень религиозной женщиной. Я тебе, кажется, уже рассказывал. Очевидно, именно поэтому манифестация моих страхов всегда сопровождается богохульством.) Деррил разрешил Джуди быть Кейко, согласившись с твоим утверждением, что другого выхода у нас нет. Она практически переехала к Деррилу на квартиру и уже две ночи подряд не выходит на работу, ссылаясь на плохое самочувствие. Ее буквально потрясла сила (или, как она выражается, «пронзительная чистота») страсти Таки, и смягчить это потрясение не могут ни посредничество Деррила, который в

обе стороны переводит их переписку, ни даже тот факт, что Таки считает ее миниатюрной японской школьницей. Деррил признался, что при переводе пытается по мере сил притушить огонь желания в ее письмах — вплоть до ссылок на недостаточное знание японского альковного жаргона (ложь). По его словам, Джуди почти все время плачет и сквозь слезы признается, что о такой любви мечтала всю свою жизнь. Честно говоря, это одна из самых странных вещей, которые я когда-либо видел. Ситуацию можно было бы даже назвать смешной, если бы мы не пытались добиться… Кстати, а чего мы пытаемся добиться? Теперь, когда в роли Кейко выступает Джуди, мы утратили контроль над единственным каналом, по которому поступала информация от группы «Мистика». Не говоря уже о том, что Таки может просто помереть — от приапизма. Твой К.

Последний имэйл — от Айви, основательницы и хозяйки Ф: Ф: Ф. Кейс не получала от нее писем с тех пор, как уехала из Нью-Йорка.

Здравствуйте, Кейс! Что-то вас давно не видно на форуме. Вы сейчас в Японии? Я по-прежнему в Сеуле, в доме с большой цифрой.

Айви как-то послала ей фотографию своего дома: серый прямоугольный небоскреб с нарисованной на фасаде огромной — высотой в десять этажей — цифрой «4». Сзади угадывались точно такие же здания, помеченные соответственно цифрами «5» и «6».

Мама Анархия обычно не балует меня письмами. Я, в общем, и не в претензии: не секрет, что я ее недолюбливаю.

Кейс и Айви несколько раз приходилось объединять усилия и растаскивать по углам сцепившихся Капюшончика и Маму Анархию, перебранка которых могла запрудить весь форум.

Чувствуя холод под сердцем, Кейс перечитывает первые строки.

Вы сейчас в Японии?

Происходит что-то жуткое и необъяснимое.

Единственный, кто мог ей рассказать, — это Капюшончик, что практически невозможно, учитывая обстоятельства.

Сегодня я получила от нее очень странное письмо. Очень доброжелательное. Сначала идут выражения благодарности за Ф: Ф: Ф и все такое. А потом она спрашивает о вас — так, словно вы ее старинная подруга. И между прочим упоминает, что вы сейчас в Токио. В общем, подозрительное какое-то письмо. Вот выдержка, где говорится о вас. Если хотите, я могу послать вам полный текст.

«А как дела у КейсП? Давненько она не заходила на форум. Вы ведь помните, что я не сразу начала постить, а поначалу была просто пассивным читателем. Но посты КейсП, искрящиеся свежими идеями, показали, каким должен быть истинный энтузиаст. Особенно меня поразило ее предположение, что автор фрагментов может пользоваться финансовой поддержкой русской мафии, или какой-либо другой, столь же секретной организации. Вы помните тот пост? Наде-

юсь, мне удастся встретиться с ней лично, когда она вернется из Токио».

Кейс злобно смотрит на экран. Ей хочется запустить лэптоп в голову ближайшей кибердевочки. Это уже нечестно. Чем она заслужила?

Ну ладно. Допустим, Мама Анархия как-то связана с недавними событиями. Но зачем ей так бездарно раскрывать карты? Специально, чтобы напугать Кейс? Или…

Или Мама Анархия просто допустила ошибку. Типичная фрейдистская оговорка: хотела написать «Лондон», а написала «Токио». Такие вещи, по утверждению Уина, чрезвычайно тяжело контролировать, на этом многие засыпались.

Мама Анархия ей вовсе не подруга, об этом даже подумать смешно.

За все это время они в лучшем случае обменялись двумя-тремя сухими имэйлами. Всему форуму отлично известно, что Кейс дружит с Капюшончиком, а его ненависть к Маме Анархии проявляется во всем, начиная с критики за чрезмерную склонность к цитированию французских философов и кончая откровенно грубыми дразнилками, звучащими тем более абсурдно, что он понятия не имеет, как она в действительности

выглядит. Понятно, что письмо к Айви — попытка что-то разнюхать, причем весьма неуклюжая. Хотя, по идее, Мама Анархия не должна знать о дружбе Кейс и Айви и уж тем более о том, что они постоянно обсуждают поведение самых активных участников форума.

Чертовщина. Кейс делает глубокий вдох.

— Он получил утку в лицо на скорости двести пятьдесят узлов.

Механически, словно неудачник, дергающий рычаг игрового автомата в надежде на лучший расклад, Кейс еще раз проверяет почту — и обнаруживает, что за это время пришло еще одно письмо.

Марго, австралийская подруга из Нью-Йорка, бывшая любовница Бигенда, которой поручено присматривать за квартирой в отсутствие Кейс.

> Салют, подружка! У нас тут происходят разные странности. Сегодня я, как обычно, зашла к тебе. Твой комендант подметал крыльцо и выглядел, как ни странно, чуть ли не добродушно. Впрочем, речь не об этой аномалии. А о другой, более серьезной. На самом деле я до конца не уверена, но мне кажется, что в твоей

квартире кто-то недавно побывал. Об этом говорят две вещи. Во-первых, протекал бачок в унитазе. В прошлый приход я спустила воду, но он все продолжал течь. Тогда я сняла крышку, пошебуршила эту штучку в середине, и он перестал. А сегодня гляжу — снова течет. Я даже не сразу обратила внимание. Понимаешь, все остальное в идеальном порядке, разложено по полочкам (как тебе это удается?), и только бачок опять протекает. Бр-рр, мороз по коже. Правда, сантехнику у тебя не меняли со времен Бурской войны, так что бачок, вполне возможно, сам начал течь, от старости. Ну я, естественно, начинаю все осматривать, в смысле, ничего ли не пропало; и конечно, всего не упомнишь, но у тебя так мало вещей, и они так аккуратно расставлены, и я вижу, что все вроде бы на месте. А день такой ясный, знаешь, солнечный, и свет падает прямо на письменный стол, потому что белые занавески чуть-чуть раздвинуты. И вот я стою и смотрю — стопка почты лежит рядом с компьютером. И я пытаюсь вспомнить, там ли она лежит,

где я ее положила позавчера. А сегодня, кстати, почты вообще не было. Ну в общем, в солнечном свете видно, до чего все пыльно, и я думаю, надо сделать Кейс одолжение, вытереть пыль, — и тут замечаю на столе темный прямоугольник! Как раз там, где раньше лежала почта. Которая теперь лежит в стороне. Понимаешь? А на темном прямоугольнике даже чуть-чуть пыль видна, накопилась за два дня. Может, еще у кого-то есть ключи? Может, твой пьяный комендант приходил, чтобы починить унитаз? Скажи, я могу что-нибудь сделать, предпринять какие-то шаги? Когда ты возвращаешься? Я думала, ты уехала ненадолго. Как у тебя дела? Довелось ли повидать этого подонка? Нет, лучше не говори, не хочу огорчаться. Марго.

Кейс закрывает глаза и видит свою берлогу с голубыми полами, чистую квартирку на Сто одиннадцатой улице, за фиксированные 1200 долларов в месяц, безраздельно перешедшую к ней, когда сосед, с которым она снимала вскладчину, переехал в Сан-Франциско. Ее дом. Кто туда

приходил? Уж точно не комендант. Разве что его подкупили.

Как же она все это ненавидит! Насколько эти знаки кажутся мелкими, едва различимыми — и в то же время насколько они серьезны! Как невидимый груз, лежащий на жизни; словно пытаешься уснуть под серебристым Дэмиеновым покрывалом, похожим на рукавицу для духовки…

И вдруг она чувствует, что смертельно устала. Время на часовом поясе «Кейс Поллард» разом перепрыгнуло на несколько часов вперед. Тело буквально дрожит от усталости, хотя это еще не значит, что удастся заснуть. Выключить «Айбук», отсоединить мобильник, проверить замки. Поискать мелатонин в ванной. Увы, он уехал в Россию. Как и следовало ожидать.

Кейс чувствует, что готова расплакаться — просто так, без причины. Странность назойливо лезет в ее мир, а она даже не знает почему.

Погасив свет, она раздевается и ложится в кровать, радуясь, что избавилась от серебристой печной рукавицы…

И практически мгновенно оказывается на Западном Бродвее, посреди пустой заснеженной улицы; вокруг тишина, глухая ночь, выхоло-

щенный час, когда не спится одиноким людям. Кейс тоже одна: ни машин, ни прохожих, и окна в домах темные, и даже фонари не горят, но видно все равно хорошо, потому что в снегу отражается мерцание неба. На белой девственной поверхности нет ни одной помарки и даже ее собственных следов. Справа нависает темный фасад гостиницы «Сохо Гранд». Слева — бистро, где она однажды обедала с Донни. И тут впереди, на перекрестке, она замечает его. Черный плащ, то ли кожаный, то ли нет. Характерно поднятый воротник. Силуэт, знакомый по бесчисленным просмотрам ста тридцати пяти фрагментов.

Кейс хочет окликнуть его, однако в груди что-то мешает. Она собирается с силами и делает мучительный шаг, потом еще и еще — оставляя следы на нетронутом снегу, переходя постепенно на бег, и фалды расстегнутого «Баз Риксона» хлопают на ветру, как черные крылья, но расстояние между ними не сокращается, сколько ни беги, а вокруг уже лабиринт Чайна-тауна, и занесенные улицы все так же пустынны… И тут она теряет его из виду. Возле магазина с выбитой витриной. Задыхаясь от бега.

Она поднимает голову и видит впереди два параллельных луча, которые бьют вертикально

вверх — неяркие, будто северное сияние, но с четко очерченными границами. Она запрокидывает лицо: на головокружительной высоте лучи сходятся в одну точку, как рельсы у горизонта.

— Спроси у него, — произносит отец.

Повернувшись, Кейс видит, что отец стоит рядом, одетый точь-в-точь как в то утро — в распахнутое пальто поверх серого костюма. В протянутой руке он держит черный цилиндр — арифмометр «Курт».

— Мертвые тебе не помогут, а от мальчишки толку нет, — говорит он.

Стальные глаза с золотистым ободком: бледнеют, растворяются на фоне серого неба.

— Папа…

Кейс произносит это вслух и просыпается, облепленная паутиной страха и жалости. И чувствует, что решение принято — хотя неясно, как и какое. И вообще, хватит ли у нее смелости…

Она зажигает свет, чтобы убедиться, что это квартира Дэмиена. Ей хочется, чтобы Дэмиен был здесь. Чтобы хоть кто-то был здесь.

Глава 28

В поход за правдой

Привет, Войтек.

Когда Негеми собирается поехать к Баранову? Мне надо поговорить с Барановым.

Отправить.

Кейс отсоединяет принтерный кабель от «Кубика» и подключает его к «Айбуку», надеясь, что нужный драйвер установлен. Да, установлен. Она следит, как из принтера выползает глянцевая бумага с изображением города «Т». Карта может пригодиться. Подробнее она думать не хочет.

Проверить почту.

Новых сообщений нет.

Сон больше не актуален.

Кейс разглядывает распечатку: площади и авеню, занесенные красной метелью номеров.

Проверить почту. Одно письмо.

Кейси, он едет сегодня утром, поезд от Ватерлоо до Борнмута в 8.10. Имя пишется

Нгеми. Там один друг даст ему машину, чтоб доехать до Баранова. Почему вы не спите! Войтек.

Часы в правом верхнем углу экрана: четыре тридцать три.

Почему ты сам не спишь? Спроси, пожалуйста, Нгеми, могу ли я поехать с ним? Это очень важно.

Ответ приходит практически мгновенно.

Работаю над проектом «Зи-Экс 81». Нгеми встает рано. Я позвоню сначала ему, потом вам.

Кейс отсылает короткий ответ: благодарность за помощь и номер мобильного телефона.
Принять душ.
Отключить мысли.

Вокзал Ватерлоо, семь пятнадцать. Архаичные эскалаторы выносят Кейс в зал ожидания. Вверху парочка голубей и четырехгранные викторианские часы. Внизу пестрые табло и пассажиры, катящие черный обтекаемый пластик к поездам через Ла-Манш. Кто-то из них едет в Бельгию, на

родину Бигенда.

Нгеми должен ждать ее под часами, но еще слишком рано, и Кейс покупает таблоид, бутерброд с беконом и бутылку «Фанты». Кофе противопоказано: в поезде она надеется поспать.

Стоять под часами, жевать бутерброд. Наблюдать плавную круговерть воскресного вокзала. Гулкие голоса гремят и клокочут над толпой, словно пытаясь протолкнуть важную информацию сквозь пыльную жесть столетних громкоговорителей.

У «Фанты» противный синтетический привкус. Зачем она ее купила? Таблоид ничуть не лучше — его страницы пропитаны яростью вперемешку со стыдом. Авторы упрямо теребят некий воспаленный национальный подтекст, надеясь, что это принесет временное облегчение.

Кейс бросает обе покупки в урну, заметив приближающегося Нгеми — большого, черного, застегнутого в неизменную кожаную куртку. В руке у него саквояж с африканским узором.

— Доброе утро! — Он выглядит слегка озадаченным. — Войтек сказал, что вы хотите повидать Баранова.

— Да, хочу с ним поговорить. Можно поехать с вами?

— Странное желание. Этого человека нельзя назвать приятным собеседником. Его настроение меняется только от плохого к худшему. Вы уже купили билет?

— Еще нет.

— Тогда идемте.

До Борнмута два часа езды. Нгеми объяснил, что раньше выходило быстрее, но теперь по старым путям пустили новый скоростной поезд, который должен еле плестись.

На Кейс успокаивающе действует присутствие этого человека, с его скрипучей кожей и профессиональной серьезностью.

— Вчера вы сказали, что Баранов был на аукционе и проиграл. И теперь очень расстроен, — начинает она.

Парень в синтетическом форменном пиджаке катит по проходу тележку с зазеркальными утренними закусками: треугольные белые сандвичи с яичным паштетом, банки светлого пива, мини-бутылочки с виски и водкой.

— Точно, — отвечает Нгеми. — Он бы в любом случае огорчился из-за потери арифмометра. Но тот факт, что его перебил Люциан Гринуэй с Бонд-стрит…

— Кто?

— Есть такой дилер. До недавнего времени занимался старинными часами. Его все коллекционеры ненавидят. В прошлом году в нем проснулся интерес к «Куртам». Понимаете, рынок в этой области еще не до конца рационализирован.

— Рационализирован?

— Еще не превратился в глобальную среду, которую контролируют специалисты, как это произошло, например, с марками или с монетами. Или с часами, которыми торгует Гринуэй. В случае с «Куртами» цены пока только формируются. Еще можно наткнуться на редкий экземпляр, где-нибудь в пыли на чердаке, и купить его за гроши. Рынки, подобные этому, обычно рационализируются через интернет.

— Через интернет?

— Конечно! Возьмите хотя бы Хоббса, — говорит он, и Кейс не сразу вспоминает, что это имя Баранова. — Он сам участвует в этом процессе.

— Каким образом?

— Через «И-Бэй», — объясняет Нгеми. — Он там как рыба в воде. Сколько уже «Куртов» впарил американцам. Причем намного дороже, чем они стоят здесь. Вот так и формируются глобальные цены.

— Вы тоже любите «Курты»? Так же, как он?

Нгеми вздыхает, его куртка раздувается и скрипит.

— Я их ценю. Я ими восхищаюсь. Хотя не до такой степени, как Хоббс. Понимаете, меня интересует история развития компьютеров. А «Курты» — это всего лишь ступень. Замечательная ступень, спору нет. Но у меня в коллекции есть «Хьюлетт-Паккарды», которые я ценю ничуть не меньше.

Он смотрит в окно, где бегут блеклые поля и проплывает шпиль далекой церкви. Потом поворачивается к ней и продолжает:

— Хоббс относится к ним как истинный специалист. Думаю, что для него это не вопрос обладания редким артефактом, а вопрос происхождения.

— В каком смысле?

— Эта история с концентрационным лагерем. Представьте: Герцтарк сидит в Бухенвальде, а вокруг смерть, методичное уничтожение, практически полная обреченность. И среди этого кошмара он продолжает работать. А потом приходят американцы, выпускают заключенных, и он оказывается на свободе, сохранив чертежи, ни разу не изменив своей идее. Хоббс преклоняется перед этим триумфом, перед торжеством твор-

ческого разума, у которого невозможно отнять свободу.

— Наверное, он сам хочет от чего-то освободиться.

— От самого себя, — кивает Нгеми и сразу меняет тему: — Так чем вы занимаетесь? Там, в ресторане, я не совсем понял.

— Маркетингом.

— Продаете что-нибудь?

— Нет, я ищу вещи… новые стили, тенденции. А потом другие люди, другие фирмы их рекламируют. И еще я занимаюсь экспертизой. Оцениваю эмблемы, фирменные знаки.

— Вы ведь из Америки?

— Да.

— Сейчас такое время… Трудно быть американцем.

Нгеми опускает свою большую, тяжелую голову на спинку кресла. Во втором классе сиденья не откидываются.

— Если не возражаете, я хочу поспать.

— Да, конечно.

Он закрывает глаза.

Кейс смотрит в окно. Разноцветные заплатки полей, солнечные блики в лужах. Когда она последний раз ездила на поезде? Уже и не вспом-

нить.

Вместо этого она вспоминает, как впервые увидела «нулевой уровень». Платформы обозрения. Неестественное обилие солнечного света. Они как раз извлекали из-под завала погребенный вагон.

Кейс закрывает глаза.

В Борнмуте Нгеми ведет ее по странным переулкам (любой английский город, кроме Лондона, кажется странным) и в нескольких кварталах от вокзала останавливается у небольшого продуктового магазина.

Их встречает серьезный старик в синем переднике без единого пятнышка. Более светлый оттенок кожи, аккуратная стрижка, классический эфиопский нос. Похож на консервативного последователя растафари[263]. Очевидно, владелец магазина. Нгеми обменивается с ним несколькими фразами на непонятном языке, который может быть либо амхарским[264], либо каким-то непроходимым диалектом английского. Присутствия Кейс они будто не замечают.

---

[263] Примечания: 263
религиозно-политическое движение ямайских негров.

[264] Примечания: 264
официальный язык Эфиопии.

Старик передает Нгеми ключи от машины и целлофановый пакет с несколькими сливами и парой спелых бананов.

Нгеми серьезно кивает — должно быть, в знак благодарности — и подходит к стоящей у тротуара темно-красной зазеркальной машине. Кейс идет следом. Нгеми открывает для нее дверь. Вот это и есть настоящий «воксхолл», думает она. Ничего общего с тем драндулетом, на котором Хоббс приехал в Портобелло. В салоне пахнет незнакомым освежителем — скорее африканским, чем зазеркальным.

Нгеми садится за руль, несколько секунд сохраняет неподвижность, затем решительно поворачивает ключ.

Скоро они уже лихорадочно петляют в сложной паутине улиц. От бешеной скорости Кейс приходится то и дело закрывать глаза. В конце концов она понимает, что их проще вообще не открывать.

Когда она решается осмотреться, вокруг бегут зеленые холмы. Нгеми сосредоточенно гонит по прямой, вцепившись в руль.

Мимо проносятся развалины древнего замка.

— Нормандцы, — скупо комментирует Нгеми, бросив на нее быстрый взгляд.

Не дожидаясь приглашения, Кейс достает из пакета банан и начинает его чистить. Сгущаются тучки, на стекло начинает падать мелкий дождь. Нгеми включает дворники.

— Мы могли бы заехать куда-нибудь пообедать, — говорит он, — но когда имеешь дело с Хоббсом, очень важно выбрать правильный момент.

— Можно позвонить, убедиться, что он дома.

— У него нет телефона. Вчера вечером я с ним поговорил. Позвонил в местный бар, где он обычно напивается. Он уже, конечно, был никакой. Сейчас, наверное, только проснулся — и надеюсь, еще не успел начать.

Двадцать минут спустя они съезжают с шоссе на грунтовую дорогу. Пейзаж приобретает аграрные черты: на пригорке пасутся овцы. Машина взбирается по склону холма, и с вершины открывается вид на странный поселок, как будто заброшенный. Разнокалиберные кирпичные строения, никаких следов жизни.

Они начинают спускаться. В днище «воксхолла» стучат камешки. Кейс замечает, что поселок окружен колючей проволокой.

— Бывший учебный полигон, — говорит Нгеми. — Какая-то из спецслужб, либо разведка, либо

контрразведка. Скорее всего контрразведка. А сейчас здесь тренируют служебных собак, если верить Хоббсу.

— Кто тренирует?

— Черт их знает. Неприятное место.

Кейс понятия не имеет, где они находятся. В Борнмуте? Или в Ливерпуле?

Нгеми сворачивает на едва заметную заросшую дорогу. Колеса расплескивают бурые лужи.

Между лесом и колючей проволокой припарковано несколько трейлеров, семь или восемь. Выглядят они почти так же заброшенно, как и кирпичный поселок, хотя сразу видно, что это две разные структуры.

— Он здесь живет?

— Да.

— Что это такое?

— Цыганские семьи. Хоббс арендует трейлер у цыган.

— Вы их видели? Цыган?

— Нет. — Нгеми останавливает машину. — Ни разу.

Кейс замечает большой квадратный знак — лист расслоившейся фанеры на цинковой трубе. Печатные буквы, черным по белому:

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ.
ОХРАНЯЕМЫЙ ОБЪЕКТ.
ВХОД СТРОГО ЗАПРЕЩЕН.
НАРУШИТЕЛИ БУДУТ
ЗАДЕРЖАНЫ И НАКАЗАНЫ
В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОМ

Глава 29

Протокол

Нгеми вылезает из машины, потягивается, скрипит курткой. Потом забирает с заднего сиденья пестрый саквояж. Кейс тоже выходит.

Здесь тихо; даже птицы не поют.

— Почему не слышно собак?

Она смотрит на безмолвные кирпичные здания, окруженные колючей проволокой, которая натянута между квадратными бетонными столбами. Все очень старое, словно давно умершее. Построено, наверное, еще перед войной.

— Их никогда не слышно, — хмуро отвечает Нгеми.

Выбравшись на тропинку, он шагает, разбрызгивая мелкие лужи. На ногах у него черные шнурованные ботинки «Доктор Мартенс», обя-

зательный элемент экипировки первых панков, впоследствии разжалованный в дешевую обывательскую обувку.

Неподстриженная трава, дикий кустарник, усыпанный маленькими желтыми цветами. Нгеми направляется к ближайшему зазеркальному трейлеру, Кейс идет следом. Трейлер покрашен в два цвета: верхняя часть бежевая, нижняя темно-красная, с вмятинами и потеками. Плоская крыша в центре слегка приподнята, как на детских рисунках Ноева ковчега. К задней стенке привинчен потемневший квадрат зазеркального номера. Непохоже, чтобы на этом трейлере в последнее время куда-то ездили. Колеса, если они еще остались, скрыты в густой траве. Кейс замечает, что все окна наглухо забиты листами оцинкованного железа.

— Эй, Хоббс! — негромко окликает Нгеми. — Хоббс, это Нгеми!

Подождав, он подходит ближе. Приоткрытая дверь тоже покрашена в два цвета. Похоже, ее вообще невозможно закрыть до конца.

— Эй, Хоббс! — Нгеми поднимает руку и тихо стучит.

— Пошел вон! — раздается изнутри слабый, болезненный голос, пронизанный безграничной

усталостью.

— Я пришел за арифмометрами, — говорит Нгеми. — Надо завершить сделку с японцем. Я принес деньги, твою долю.

— Сука.

Баранов пинком распахивает дверь — похоже, не вставая с места. Черный прямоугольник входа кажется нарисованным.

— А что за баба?

— Вы с ней уже встречались, в Портобелло, — объясняет Нгеми. — Она дружит с Войтеком.

Это даже можно назвать правдой, думает Кейс. Хотя и постфактум.

— Зачем ты ее сюда притащил? — Баранов копошится в темноте, сверкая очками. В голосе уже ни боли, ни усталости; только жесткая расчетливая подозрительность.

— Она тебе сама объяснит. — Нгеми искоса смотрит на Кейс. — После того, как мы закончим наши дела.

Он приподнимает саквояж, как бы иллюстрируя, о каких делах идет речь. Потом поворачивается к Кейс:

— У Хоббса мало места, он может принимать только по одному. Извините!

Нгеми забирается внутрь, и трейлер наклоня-

ется со сложным полифоническим звоном, как будто внутри полно пустых бутылок.

— Не беспокойтесь, мы недолго.

— Вот занудная стерва, — бормочет из темноты Баранов, адресуя эти слова то ли Нгеми, то ли Кейс, то ли жизни вообще.

Согнувшись почти вдвое, Нгеми усаживается на что-то невидимое, виновато сверкает глазами и захлопывает дверь.

Кейс остается одна. Изнутри звучат приглушенные голоса. Она начинает разглядывать другие трейлеры. Некоторые из них выглядят побольше и поновее; другие, кажется, вот-вот развалятся. Неприятное зрелище. Чтобы не видеть их, она заходит за трейлер Баранова и оказывается перед колючей проволокой, ограждающей мертвые кирпичные здания. Это зрелище нравится ей еще меньше.

Она опускает голову и вполголоса произносит утиное заклинание.

Между носками ее замшевых ботинок змеится черный кабель. Он спускается из дыры, проделанной в стене трейлера. Пройдя вдоль забора, Кейс обнаруживает место, где кабель сворачивает на огражденную территорию и теряется в жухлой траве. Электричество? От контрразведчиков, или

кто там хозяева этой базы.

— Эй! — окликает Нгеми, стоя рядом с трейлером. — Идите, ваша очередь. Не бойтесь, он не укусит. Я бы даже сказал, у него настроение улучшилось.

Кейс возвращается, стараясь не смотреть на кабель.

— Ну, давайте, — торопит Нгеми, глядя на старомодные часы-калькулятор. Хромированный корпус вспыхивает на солнце. В другой руке у него потяжелевший, раздувшийся саквояж. — Не знаю, сколько времени он вам отпустит. Но я хотел бы успеть на следующий поезд.

Трейлер покачивается, когда она влезает внутрь. Темнота воняет застарелым никотином и грязным бельем.

— Садитесь, — приказывает Баранов. — И закройте дверь.

Повинуясь, Кейс усаживаясь на стопку старых толстых книг в бумажных обложках. Баранов подается вперед.

— Журналистка?

— Нет.

— Как зовут?

— Кейс Поллард.

— Из Америки?

— Да.

Глаза начинают привыкать к темноте. Кейс видит, что Баранов полулежит на низкой кушетке, которая, должно быть, служит ему постелью. Хотя непонятно, как на ней спать: кушетка буквально завалена грудами мятой одежды. Рядом узкий раскладной столик, прикрепленный к стене и опирающийся на одну ножку.

Баранов втыкает в рот бледную сигарету и наклоняется вперед. Пламя дешевой зажигалки освещает замызганную поверхность стола: «формайка», огнеупорное пластиковое покрытие с узором из бумерангов. Такие были популярны в пятидесятых. Гора окурков, под которой, наверное, погребена пепельница. Три толстые пачки банкнот, перетянутые розовыми резинками.

Красный огонек разгорается, как метеорит, влетающий в атмосферу; первая же затяжка уничтожает добрую половину сигареты. Кейс с ужасом ожидает выдоха, но ничего не происходит. Баранов не торопясь убирает пачки денег в карман истрепанного плаща «Барбур», который она помнит еще по Портобелло.

Наконец, он выпускает облако дыма — гораздо более жидкое, чем следовало ожидать. Дым клубится в солнечных лучах, бьющих сквозь

дырочки в стенах, и трейлер делается похож на карликовую декорацию к фильму Ридли Скотта.

— Вы знаете этого чертова поляка?

— Да.

— За одно это вас надо бы послать куда подальше! Только время у меня отнимаете.

Еще один метеорит вспыхивает в атмосфере, прибирая оставшуюся половину сигареты. Баранов втыкает окурок в вершину горы.

Кейс осознает, что до сих пор не видела его левой руки. Все манипуляции с зажигалкой, банкнотами и сигаретой он проделывал одной правой.

— Я не вижу вашей левой руки.

В ответ Баранов наставляет на нее пистолет, идеально освещенный одним из миниатюрных прожекторов Ридли Скотта.

— Я тоже не вижу ваших рук, — говорит он.

До сих пор ей ни разу не приходилось глядеть в дуло пистолета. Правда, у этого старого револьвера практически не на что глядеть — ствол и передняя часть спусковой скобы отпилены, на металле остались борозды от ножовки. Худые грязные пальцы обвивают массивную рукоятку; внизу висит колечко, наводящее на мысли о пробковых шлемах и банановых плантациях.

Кейс поднимает руки. Забытый жест из далекой детской игры.

— Кто вас послал?

— Никто, я сама пришла.

— Что вы хотите?

— Нгеми и Войтек говорят, что вы… торгуете информацией.

— Неужели?

— Я хочу получить некую информацию — в обмен на определенную услугу.

— Бросьте врать.

— Это правда. Я точно знаю, что мне надо. А у меня есть то, что надо вам.

— Вы опоздали, милая. Шлюхи меня не интересуют.

Металлический кружок обреза упирается в центр ее лба — немыслимо холодный и шершавый.

— Люциан Гринуэй, — говорит она, и холодный кружок слега вздрагивает. — Дилер с Бонд-стрит. Он перехватил ваш арифмометр. Я куплю вам этот арифмометр.

Холодный кружок прижимается сильнее.

— Я не могу дать вам денег, — продолжает она, чувствуя, что эту единственную ложь надо сыграть безупречно. — Но я могу заплатить за

арифмометр чужой кредиткой.

— Нгеми слишком много болтает.

Кейс только сейчас понимает, почему не стоит предлагать наличные, хотя Бигенд наверняка покрыл бы этот расход. Получив деньги, Баранов никогда не отдаст их дилеру, которого он так ненавидит.

— Если бы у меня были наличные, я бы вам просто заплатила. Но я могу только купить этот арифмометр. И отдать его вам. В обмен на то, что мне нужно.

Она закрывает глаза. Горизонт ее мира сужается до размеров холодного металлического кружка.

— Гринуэй. — Горизонт отдаляется. — Вы знаете, сколько он просит?

— Не знаю. — Ее глаза закрыты.

— Четыре с половиной тысячи. Фунтов.

Кейс смотрит на него. Пистолет направлен уже не в лоб, а чуть в сторону.

— Вы могли бы не наставлять на меня эту штуку? Если мы собираемся говорить?

Баранов словно только сейчас вспоминает о пистолете.

— Вот, — он с грохотом бросает оружие на зыбкий столик, — теперь вы на меня наставьте.

Она переводит взгляд с пистолета на его лицо.

— Купил на толкучке. Мальчишки откопали в лесу. Стоит всего два фунта. Внутри только грязь и ржавчина, даже барабан не крутится. — Он улыбается.

Кейс глядит на лежащий перед ней пистолет. Сейчас она его возьмет, улыбнется в ответ на улыбку Баранова и что есть силы ткнет ему дулом в лоб… Ее руки опускаются. Она смотрит ему в глаза.

— Итак, мое предложение.

— У вас есть чья-то кредитка с лимитом больше, чем четыре с половиной?

— Да.

— Скажите, что вам нужно. Хотя это еще не значит, что я соглашусь.

— Сейчас я достану кое-что из сумки. Распечатку.

— Давайте.

Баранов сдвигает в сторону револьвер и щербатую белую кружку, освобождая место для глянцевого изображения города «Т». Его рука тянется вправо. Щелкает выключатель, на стол падает яркий конус галогенного света. Кейс вспоминает черный кабель, уходящий за колючее ограждение. Баранов молча разглядывает картинку.

— Каждый из этих номеров, — объясняет Кейс, — соответствует определенному сегменту цифровой информации. Сегменты помечены номерами, чтобы их распространение можно было отслеживать.

— Стего, — говорит Баранов и тычет в карту тонким прокуренным пальцем. — Вот этот. Почему он обведен?

— Кодированием занимается одна американская фирма, «Магия-символ». Я хочу узнать, по чьему заказу они работают. Конкретно меня интересует электронный адрес. Куда был отправлен этот обведенный сегмент после того, как его пометили?

— Значит, «Магия-символ»?

— Да. Штат Огайо.

Баранов с каким-то птичьим звуком втягивает воздух сквозь зубы.

— Это реально? — спрашивает Кейс.

— Протокол, — бурчит он. — Допустим, да. И что дальше?

— Если вы согласны, то я иду к дилеру и покупаю арифмометр.

— А дальше?

— Вы сообщаете мне адрес.

— А дальше?

— Я передаю арифмометр Нгеми. Но если адреса нет…

— То что тогда?

— Тогда я несу арифмометр к Камденскому шлюзу и бросаю в канал.

Баранов подается вперед. Глаза за круглыми стеклышками сжимаются в узкие щелки, тонут в паутине морщин.

— Что, действительно утопите?

— Утоплю. Если не достанете имэйл. Или если мне покажется, что вы обманываете.

Несколько секунд Баранов вглядывается в нее.

— Верю, — произносит он наконец тоном, в котором звучит что-то похожее на одобрение.

— Вот и хорошо. Позвоните Нгеми, когда будут результаты. Он знает, как со мной связаться.

Баранов ничего не отвечает.

— Спасибо, что выслушали мое предложение.

Кейс встает, пригибает голову, чтобы не зацепить потолок. Локтем распахивает дверь. И выбирается наружу, в ослепительную белизну и живительный чистый воздух.

— До свидания.

Нгеми подходит, скрипя кожей.

— Ну что, в каком он настроении?

— Он показал мне свой пистолет.

— Голубушка, это Англия, — говорит Нгеми. — Здесь у людей нет пистолетов.

Глава 30

Точка Ру

В поезде Нгеми подзывает парня с тележкой и покупает банку пива и пакет чипсов со вкусом курятины.

Кейс берет бутылку минеральной.

— Как он туда попал? — спрашивает она.

— В тот трейлер?

— Вообще в такую ситуацию. Он что, действительно спивается?

— Мой двоюродный брат, — отвечает Нгеми, — полностью пропил свой бизнес. Мастерскую по ремонту электрического оборудования. Представляете? А был нормальный парень, общительный. Единственная проблема — спиртное. С Хоббсом другая история, спиртное тут только симптом, а причина глубже. Правда, сейчас это уже не важно. Хоббс — девичья фамилия его матери. При рождении его так и записали: Хоббс-Баранов, через дефис. Отец был советским дипломатом. В пятидесятых он женился на богатой англичанке,

сбежал в Америку. Хоббс вроде бы сумел избавиться от дефиса, но иногда еще опирается на него, как на перила. Особенно когда выпьет. Однажды он признался, что всю жизнь прожил внутри этого дефиса, хотя сам же его и похоронил.

— Он работал на американскую разведку? Математиком?

— Его взяли прямо из Гарварда, если не ошибаюсь. Он мало про это говорит. Только когда выпьет.

Нгеми открывает банку и отхлебывает.

— Я знаю, не мое дело… но вы добились, чего хотели?

— Думаю, что да. И кстати, мне придется попросить вас об одном одолжении.

— Слушаю.

— Мне кое-что нужно, и Баранов может это найти. В обмен я куплю ему арифмометр у дилера с Бонд-стрит.

— У Гринуэя? Но он же ломит неприличную цену!

— Не имеет значения. Если Баранов достанет то, что я хочу, он получит арифмометр.

— И вам нужна моя помощь?

— Да. Вы могли бы пойти со мной к дилеру и помочь с покупкой? Нужно убедиться, что это

именно тот экземпляр. А потом, если он раздобудет то, о чем я прошу, вы передадите ему арифмометр.

— Да, конечно, я вам помогу.

— С чего мы начнем?

— У Гринуэя есть вебсайт. Его контора по воскресеньям не работает.

Кейс открывает багажное изделие, достает «Айбук» и мобильный телефон.

— Будем надеяться, что арифмометр еще не ушел, — говорит она.

— Не волнуйтесь, не уйдет, — успокаивает Нгеми. — По такой-то цене.

Вечерне-воскресная версия вокзала Ватерлоо движется по-особому. Голуби, которые утром летали под потолком, сейчас бесстрашно снуют под ногами пассажиров, подбирая скопившуюся за день добычу.

Кейс при содействии Нгеми отправила Гринуэю имэйл с просьбой отложить опытный образец «Курта» (он действительно еще не был продан) до завтрашнего утра, когда она сможет прийти в магазин и завершить сделку.

— Конечно, это не гарантия, — объясняет Нгеми по пути к эскалаторам. — Вдруг найдется другой бедняга, согласный заплатить. Но пись-

мо привлечет его внимание. И с самого начала задаст правильный тон. Хорошо и то, что вы американка.

По настоянию Нгеми Кейс упомянула в письме, что она живет в Нью-Йорке, а в Лондоне находится проездом.

— Вы знаете, когда Хоббс достанет информацию? — спрашивает он.

— Понятия не имею.

— И все равно хотите купить арифмометр?

— Да.

— Вы ведь не очень богатая женщина?

— Отнюдь нет. Я покупаю не за свои деньги.

— Если бы вы предложили Хоббсу ту же сумму наличными, он бы вам, наверное, отказал. Он никогда не заплатит Гринуэю такую цену из своих денег. Так же, как и я. Были случаи, когда он отказывал людям в подобного рода услугах. Хотя предлагали ему, как я догадываюсь, гораздо больше.

— Ему что, не нужны деньги?

— Нужны, конечно. Но у него, наверное, почти не осталось людей, которых можно попросить об одолжении.

— Почему об одолжении?

— Вряд ли у него самого есть какие-то источ-

ники. То, что он может для вас достать, никак не связано с его талантами или знаниями. Скорее всего он просто звонит тем, кто у него в долгу. И порой ему помогают.

— Вы не знаете, кому он звонит? — спрашивает она, не надеясь на ответ.

— Не слышали об «Эшелоне»?

— Нет. — Слово знакомое, однако Кейс не может вспомнить, где она его слышала.

— Говорят, у американской разведки есть система, которая позволяет сканировать весь трафик в интернете. Если такая система существует, то Хоббс вполне может быть одним из ее отцов. По крайней мере он принимал участие в ее создании.

Нгеми поднимает бровь, как бы сигнализируя, что не собирается глубже влезать в столь деликатный предмет.

— Понимаю, — кивает Кейс, мало что понимая.

— Что ж, — Нгеми останавливается возле эскалатора, ведущего вниз, — надо полагать, вы знаете, что делаете.

— Хотелось бы верить. Но все равно, спасибо за помощь!

— Не за что. До свидания. Утром я вам позвоню.

Глянцево-черный купол его черепа косо уезжает в лондонское подземелье.

Кейс выходит на улицу и ловит такси.

Чтоб меня разнесло. Есть такое крылатое выражение.

Она решила лечь пораньше, в соответствии с временем на меридиане «Кейс Поллард». Но перед тем как почистить зубы, нужно проверить почту. Первое письмо от Капюшончика.

Джуди до сих пор пребывает в гостях у Деррила. Романтический котел бурлит и дымится, и Таки уже готов запрыгнуть в самолет и лететь в Калифорнию. Останавливает лишь японская обязательность: он работает, пишет игры для мобильных телефонов. Мой главный вопрос на сегодня — стоила ли игра свеч? Удалось ли тебе продвинуться в изысканиях?

Может быть, думает Кейс. Больше ей сказать нечего.

Может быть. Что-то вроде наклюнулось, но нужно время, чтобы понять, куда

это приведет. Как только узнаю, сразу напишу.

Отправить.
Следующее от Буна.

Привет из гостиницы «Холидэй», через дорогу от технопарка. Традиционное местечко, интерьер в бежевых тонах. Удалось завязать некоторые знакомства по линии нашего вопроса, хотя сомневаюсь, что выйдет толк. Следующий пункт — бар в фойе, где обычно кучкуются заблудшие овцы. У тебя порядок?

Так он может долго провозиться, думает Кейс. Но, наверное, другого пути нет: остается только вертеться среди работников «Магия-символ» в надежде на случайность.

У меня порядок.

Подумав, она добавляет:

Свежих донесений нет.

Что вполне может оказаться правдой.
Отправить.

Последнее письмо… спам? Адрес, состоящий из одних цифр, домен «Хотмэйл».

> Да, кончается на. ru. Соблюдайте протокол. Х-Б

Баранов. Залез в свой дефис и шлет оттуда имэйлы.

Точка ру.

Россия?

Глава 31

Прототип

Утро понедельника. Кейс отрабатывает обычный набор упражнений в Нильс-Ярде, держа под рукой включенный мобильный телефон.

Звонок раздается в тот момент, когда она выполняет подход на тренажере под названием «педипол», который напоминает рисунки Леонардо да Винчи — отношение пропорций человеческого тела к пропорциям вселенной. Ее руки раскинуты в стороны, ладони упираются в черные поролоновые гнезда.

Женщина на соседнем тренажере хмурится.

— Извините. — Кейс освобождает пружину, расстегивает ремни и достает телефон из кармана куртки. — Алле!

— Доброе утро, это Нгеми. Как у вас дела?

— Все в порядке. Как вы?

— Замечательно. Сегодня должен прийти «инструмент» Стивена Кинга. Не могу дождаться.

— Откуда, из штата Мэн?

— Из Мемфиса. — Слышно, как он причмокивает губами. — Звонил Хоббс. У него есть то, что вам нужно. Теперь, говорит, дело за вами. Ну что, готовы навестить Гринуэя и заплатить эту возмутительную сумму?

— Да, конечно! Давайте прямо сейчас.

— Он раньше одиннадцати не откроется. Встретимся на месте, у магазина?

— Да, если вам не трудно.

Он сообщает ей номер дома на Бонд-стрит.

— Увидимся там.

— Спасибо!

Кейс кладет телефон на светлую деревянную платформу «педипола» и возвращается к прерванной серии.

В Англии есть только одна вещь, которая вызывает принципиальное неприятие Кейс: так называемый класс — понятие, имеющее здесь

совершенно особый, зазеркальный смысл. Она уже давно оставила попытки объяснить чувства, связанные с этим словом, своим английским друзьям.

Самая близкая аналогия, которую ей удалось придумать, — это отношение к американской идее владения личным оружием, которую англичане находят дикой, принципиально ошибочной и ведущей к ужасным и бессмысленным жертвам. На уровне рассудка Кейс понимает, что они имеют в виду. Но она знает также, насколько фундаментально для Америки это право и насколько маловероятна его отмена. Разве что очень постепенно, со временем. И ей кажется, что с «классом» в Англии дело обстоит примерно так же.

Обычно она пытается игнорировать это явление, хотя здесь у них есть особые приемчики для обнюхивания собеседника при первой встрече, от которых ее бросает в дрожь.

Кэтрин Мак-Нелли склонялась к мысли, что такая реакция на поведение англичан вызвана избытком ритуальности — как и во всех явлениях, к которым Кейс гиперчувствительна. Кейс согласна: действительно, их поведение чересчур схематично. Первым делом они обязательно посмотрят на вашу обувь. Гринуэй только что так и

сделал: оценил ботинки Нгеми.

И остался недоволен.

Запыленные черные красавцы «Доктор Мартин» с «жирозащитными» (как утверждает реклама) подошвами плотно стоят на отполированном полу перед прилавком магазина со скромным названием «Л. Гринуэй». Это обувь солидного размера — не меньше одиннадцатого по британской шкале. Туфель самого Гринуэя из-за прилавка не видно, но Кейс прикидывает, что если бы дело происходило в Америке, то он бы носил плосконосые мокасины с кожаными кисточками. Хотя здесь у них другие понятия. На нем вполне может оказаться что-нибудь изготовленное для Савил-Роу, но не на заказ.

— Должен еще раз спросить, мисс Поллард. Вы всерьез намерены совершить покупку?

«Л. Гринуэй» относится к типу закрытых магазинов, оснащенных наружным домофоном, а сам хозяин держится так, словно у него под ногой кнопка сигнализации, и если что-то случится, то через минуту здесь будет полно полицейских с резиновыми дубинками.

— Да, мистер Гринуэй.

Он внимательно осматривает ее черную куртку.

— Вы коллекционер?

— Не я, мой отец.

Гринуэй на несколько секунд задумывается.

— Ваше имя мне незнакомо. «Курты» — очень специфический товар, и круг коллекционеров весьма узок…

— Мистер Поллард, — вступает Нгеми, — работал на американское правительство в качестве научного консультанта. В его коллекции есть образцы первого типа, 1949 года выпуска, с серийными номерами меньше трехсот, а также несколько экземпляров второго типа, в отличном состоянии, с нестандартным дизайном корпуса.

Этот портрет Уина-коллекционера составлен на основе двух-трех осторожных вопросов, которые Нгеми задал перед входом в магазин.

Гринуэй смотрит на него в упор. И молчит.

— Могу я задать вам вопрос? — Нгеми подается вперед, громко скрипнув курткой.

— Вопрос? Мне?

— Да, насчет подлинности. Как известно, у Курта Герцтарка было три рабочих прототипа, которые он держал дома в Нендельне, в Лихтенштейне. После его смерти в 1988 году эти прототипы были проданы частному коллекционеру.

— И что же вы хотите узнать?

— Я хочу узнать, мистер Гринуэй, является ли предлагаемый вами экземпляр одним из трех прототипов. На вашем вебсайте об этом впрямую не сказано.

На щеках Гринуэя выступает легкий румянец.

— Нет, не является. Арифмометр, который я продаю, принадлежал некоему выдающемуся механику. В сопроводительной документации есть фотографии, где с арифмометром в руках запечатлены как сам Герцтарк, так и этот механик, который был одновременно и изготовителем. Три прототипа из дома в Нендельне помечены соответственно римскими цифрами один, два и три. Экземпляр, выставленный у меня на продажу, помечен цифрой четыре. — Гринуэй, сохраняя каменное лицо, смотрит на Нгеми с выражением чистейшей ненависти. — Римской цифрой, прошу заметить.

— Можем мы на него взглянуть? — спрашивает Кейс.

— Выдающийся механик, — задумчиво повторяет Нгеми. — Изготовитель.

— Прошу прощения? — отзывается Гринуэй ледяным тоном.

— А когда именно был изготовлен этот прото-

тип? — Нгеми вежливо улыбается.

— Как прикажете понимать ваш вопрос?

— Буквально, как же еще? — Нгеми поднимает бровь. — В сорок шестом? Или в сорок седьмом?

— В 1947 году.

— Будьте добры, мистер Гринуэй, покажите нам арифмометр, — снова пытается Кейс.

— Позвольте узнать, как вы собираетесь оплачивать покупку? К сожалению, чеки я принимаю только от покупателей, с которыми знаком лично.

«Виза» с эмблемой «Синего муравья» уже наготове — Кейс достает ее из кармана куртки и кладет на прилавок, рядом с блокнотом в замшевой обложке, похожим на торговую книгу. Гринуэй с сомнением смотрит на карточку, пытаясь разгадать таинственную эмблему. Затем, должно быть, замечает название банка-эмитента.

— А, понятно, — говорит он. — Ваш лимит, я полагаю, достаточен, чтобы заплатить требуемую цену плюс налог?

— Это оскорбительный вопрос, — спокойно замечает Нгеми, но Гринуэй игнорирует его, продолжая глядеть на Кейс.

— Да, мистер Гринуэй, — отвечает она. — Поче-

му бы вам не связаться с банком и не убедиться самому?

На самом деле она не уверена на все сто. Бигенд вроде бы упоминал что-то про лимит, достаточный для покупки машин, но не самолетов. Будем надеяться, что на арифмометр этого хватит. У Бигенда, конечно, много недостатков, однако преувеличивать он точно не склонен.

Гринуэй теперь выглядит так, будто они пытаются ограбить его магазин, угрожая пистолетами, причем ограбление не вызывает у него ни страха, ни возбуждения, а одно лишь брезгливое удивление их нахальству.

— В этом нет необходимости, — отвечает он. — Все станет ясно в процессе авторизации.

— Можем мы теперь взглянуть на товар? — Нгеми кладет пальцы на прилавок, словно заявляя на что-то свои права.

Гринуэй наклоняется и достает серую картонную коробку — квадратную, примерно 30 на 30 сантиметров, с двумя проволочными скрепками по бокам. Коробка, должно быть, гораздо старше самой Кейс. Гринуэй замирает; наверное, считает про себя до десяти. Затем снимает крышку и кладет ее на прилавок.

Арифмометр покоится в мягкой бумаге похо-

ронного серого цвета. Гринуэй поддевает его пальцами, осторожно вынимает и кладет на замшевый блокнот.

Кейс думает, что арифмометр выглядит совсем как те, что лежали в багажнике у Баранова. Разве что не такой полированный.

Нгеми ввинчивает в левую глазницу невесть откуда взявшуюся часовую лупу. Скрипнув курткой, он подается вперед и подвергает «Курт» скрупулезному циклопическому осмотру. Кейс слышит его дыхание на фоне полифонического тиканья бесчисленных часов, на которые она до сих пор не обращала внимания.

— Хм-м, — произносит Нгеми. И через несколько секунд повторяет, уже громче: — Гхм-м!

Похоже, это бессознательные звуки. Нгеми сейчас находится где-то очень далеко. Кейс даже чувствует себя одиноко.

Наконец он выпрямляется, вывинчивает лупу, моргает.

— Мне нужно посмотреть его в действии. Выполнить какую-нибудь операцию.

— Послушайте, вы действительно собираетесь его купить? Если вы просто пришли, чтобы подразнить меня…

— Отнюдь нет, мы абсолютно серьезны! — за-

веряет Нгеми.

— Тогда смотрите.

Нгеми берет арифмометр и первым делом переворачивает его. На дне Кейс замечает цифру «IV», выдавленную в металле. Пальцы Нгеми скользят по бокам цилиндра, перемещая ползунки в вертикальных прорезях. Глаза его закрыты, он словно прислушивается к чему-то. Взявшись за ручку, он делает несколько вращательных движений. Механизм издает тихий скользящий звук.

Нгеми открывает глаза и смотрит на цифры в окошках. Потом переводит взгляд на Гринуэя и кивает.

— Порядок.

Кейс указывает на кредитную карту.

— Мы берем его, мистер Гринуэй.

Они стоят на перекрестке, в одном квартале от магазина «Л. Гринуэй». Нгеми прижимает коробку с арифмометром к животу, словно это урна с прахом покойника. Баранов ждет; изо рта торчит вторая половина сигареты.

— Вот это? — спрашивает он.

— Да, — отвечает Нгеми.

— Настоящий?

— Конечно.

Баранов забирает коробку.

— Это тоже пригодится. — Нгеми расстегивает куртку и достает коричневый конверт. — Документы, подтверждающие подлинность.

Баранов сует коробку под мышку, забирает конверт. Повернувшись к Кейс, протягивает ей визитную карточку.

Ресторан «Огни Индии», город Ливерпуль.

Кейс переворачивает карточку. Рыжие чернила, аккуратный почерк.

stellanor@armaz.ru

Глаза за круглыми стеклами очков наполняются презрением.

— Балтийская нефть, да? Я думал, вы более интересны.

Баранов выплевывает сигарету и уходит — в ту сторону, откуда они только что пришли. Под мышкой у него коробка с «Куртом», в руке коричневый конверт.

— Могу я спросить, — подает голос Нгеми, — что он имел в виду?

— Можете. — Кейс отводит взгляд от удаляющейся спины цвета конского навоза и снова подносит к глазам карточку с рыжей строчкой электронного адреса. — Но я понятия не имею.

— Вы получили то, что хотели?

— Да, наверное, — говорит она. — Надеюсь,

что да.

Глава 32

Проникновение в чудо

Нгеми надо на станцию «Бонд-стрит»; он прощается и уходит. Кейс остается одна посреди улицы, залитой неожиданно ярким солнечным светом. Без четкого плана, куда и зачем идти.

Такси везет ее к Хай-стрит. Индийская визитная карточка спрятана в специальный кармашек на рукаве «Баз Риксона», изначально предназначенный для пачки американских сигарет.

Момент отрыва, думает она, выходя из такси. Перед ней высится туманная многоуровневая пещера ярмарки «Кенсингтон маркет», изрытая лабиринтами торговых рядов с побрякушками для панков и хиппи. Момент отрыва. Этим термином Кэтрин Мак-Нелли обозначала душевное состояние накануне больших перемен. Переживает ли Кейс момент отрыва? Или просто запуталась и растерялась? Она выходит из машины, платит водителю через окно. Такси уезжает.

Как там сказал Баранов? Нефть?

Кейс идет по направлению к парку. Сверкает на

солнце памятник принцу Альберту, отреставрированный в 1998 году. Она помнит, как памятник выглядел до реставрации: черный, похоронный, даже зловещий. Уин рассказывал, что раньше весь Лондон был таким же черным. Город сажи и копоти, где недостаток цвета возмещался избытком текстуры.

Дождавшись зеленого сигнала, Кейс пересекает Хай-стрит. Замшевые ботинки хрустят по гравию; она заходит в Кенсингтонский парк. Время на меридиане «Кейс Полларда» приближается к часу волка. Как долго человек может жить без души?

Красноватые дорожки парка шире, чем загородные шоссе в Теннесси. По одной из этих дорожек Кейс приходит к статуе Питера Пэна, где у основания сидят бронзовые кролики.

Она кладет на землю багажное изделие, снимает куртку, расстилает ее на подстриженной траве. Садится. По гравиевой дорожке размеренно трусит одинокий бегун.

Расстегнув кармашек на рукаве «Баз Риксона», она достает барановскую карточку.

Stellanor@armaz.ru. На солнце буквы кажутся выцветшими, словно Баранов написал их много лет назад.

Она убирает карточку обратно в кармашек.

Потом достает из сумки «Айбук» и мобильный телефон.

«Хотмэйл». Новых сообщений нет.

Кейс начинает новое письмо.

> Меня зовут Кейс Поллард. Я сижу на траве в лондонском парке. День ясный, солнечный. Мне тридцать два года. Мой отец пропал без вести 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, но у нас нет доказательств, что он погиб в результате теракта. Я начала следить за фрагментами, которые вы…

На этом «вы» она останавливается. Стучит по клавише, стирает последние несколько слов.

Кэтрин Мак-Нелли часто просила ее писать письма в никуда, без адресата. Сообщения, которые невозможно отправить. Некоторые из них предназначались умершим людям.

> Мне случайно показали один из фрагментов, и с тех пор я стала интересоваться ими. Я нашла сайт, где люди обсуждали фрагменты, и начала активно участвовать в форуме. Не знаю, как вам объяснить…

На этот раз слово «вам» ее не останавливает.

> …но это увлечение превратилось в очень важную часть моей жизни. И не только моей. Мы все: Капюшончик, Айви, Морис, Кинщик, многие другие — все приходили на сайт, чтобы общаться с теми, кто тоже понимает. Мы с нетерпением ждали появления каждого фрагмента. Наши активисты ночи напролет дежурили в интернете, проверяя, нет ли новых клипов.

Прошлая зима была самой мягкой манхэттенской зимой на ее памяти. Хотя эмоциональный след от нее остался самый резкий. Почти все время Кейс провела на Ф: Ф: Ф, укрывшись в облаке грез.

> Мы не знаем, что вы пытаетесь сделать. И зачем. Капюшончик считает, что вы просто мечтаете. Мечтаете для нас. Или ПРО нас. У него есть такая теория — теория «проникновения в чудо». Он считает, что если мы погрузимся достаточно глубоко в изучение вашей работы, то сами постепенно превратимся в ее героев, пе-

рейдем в придуманный вами мир. Это как у Колриджа, или Де Квинси[265]. Своеобразный шаманский ритуал. На первый взгляд кажется, что мы просто сидим перед экранами, а на самом деле некоторые из нас уже проникли сквозь мистическую мембрану и странствуют по вымышленной вселенной, рискуя, ища и надеясь. Надеясь вернуться назад и принести с собой чудеса, которых в реальной жизни так не хватает… Я с тревогой осознаю, что и сама незаметно пересекла границу и превратилась в одного из таких странников.

Кейс поднимает голову. Солнечный свет делает все вокруг бледным, выцветшим. Она снова забыла взять темные очки.

Я блуждаю в странном, незнакомом мне мире — ищу, попадаю в приключения. Рискую. Даже сама не знаю зачем. Мне страшно. Здесь можно встретить очень злых, нехороших людей. Хотя в этом как

[265] Примечания: 265

Сэмюэль Колридж, Томас Де Квинси — представители романтического направления в английской литературе конца XVII — начала XIX вв.

раз нет ничего удивительного.

Задумавшись, она смотрит на статую Питера Пэна. Уши бронзовых кроликов отполированы бесчисленными прикосновениями детских рук.

> Знаете, с каким нетерпением мы ждем новых фрагментов? День и ночь караулим в интернете, снова и снова проверяем места, где вы можете их оставить. Сама я, правда, от этого отошла. Последовала совету Капюшончика: найти другие лазейки в мир чуда. И думаю, что мне — точнее, нам — это удалось. Мы обнаружили коды, которыми помечены фрагменты, нашли карту города, или острова, или как еще это можно назвать. И теперь нам известно, что вы, сами или с чьей-то помощью, отслеживаете по кодам динамику движения фрагментов. Через номера, вплетенные в ткань видео, мне удалось раздобыть ваш электронный адрес. И вот я сижу в этом парке, рядом со статуей Питера Пэна, и пишу вам письмо, потому что хочу узнать…

Узнать что?

Кто вы?
Где вы?
Мечтаете ли вы?
Живете ли вы моем мире — так же, как я живу в вашем?

Кейс перечитывает написанное. Подобно другим письмам, написанным по просьбе Кэтрин — матери, отцу (как до его исчезновения, так и после), своим бывшим парням, предыдущему терапевту, — это письмо тоже заканчивается вопросительными знаками. Кэтрин считает, что это тревожный признак. В идеале такие послания должны заканчиваться точками или восклицательными знаками.

Искренне ваша,
Кейс Поллард.

Ее пальцы деловито и уверенно пляшут по клавиатуре в лучших традициях первоклассных машинисток — словно у серьезной женщины, которая заканчивает важный и полезный труд.

(КейсП)

Парк приглушает шум Лондона, создавая во-

круг Кейс невидимый пузырь, на поверхность которого спроецирована вся вселенная, а гравиевые дорожки силовыми линиями сходятся в центр, к статуе Питера Пэна.

Пальцы тарабанят по клавишам, как непослушные упрямые дети.

stellanor@armaz.ru

Адрес появляется в поле «Кому», как будто она и впрямь собирается это отослать.

Кейс останавливает курсор на кнопке «Отправить».

Конечно, она не станет нажимать…

И видит, как письмо уходит.

— Нет, — протестующее говорит она выцветшему экрану «Айбука». — Нет, я не отправляла, — повторяет она статуе Питера Пэна.

Она просто не могла этого сделать. И все-таки письмо отправлено.

Сидеть по-турецки на расстеленной куртке. Сгорбившись, глядеть на «Айбук».

Кейс не знает, как себя чувствовать.

Она автоматически проверяет почту.

Пусто.

Мимо бежит женщина в потной футболке, хрустя гравием и пыхтя, как паровоз.

Кейс механически жует тайский салат в первом попавшемся азиатском ресторане. Сегодня она не завтракала, и еда может успокоить.

Хотя вряд ли.

Надо просто принять случившееся, как данность. Вопросы об осознанности поступка могут подождать.

Во всем, наверное, виноват парк. Обстоятельства места и времени, как сказал бы Капюшончик. Слишком много солнца. Гравиевые дорожки, сходящиеся в центре. Силовые линии, сходящиеся в той части ее сознания, куда нет прямого доступа.

Открытый «Айбук» снова лежит перед ней на столе. Она только что посмотрела, на чье имя зарегистрирован домен armaz.ru. Некто А. Н. Поляков, с адресом на Кипре.

Кейс даже жаль, что она не курит. Сейчас она могла бы, наверное, составить конкуренцию самому Баранову.

Сверившись со своими анти-«Кассио», она пытается сосчитать время в Огайо. У «макинтошей» должна быть такая маленькая карта с часовыми поясами, вот только лень искать.

Надо позвонить Буну, рассказать ему о том, что случилось. Кейс выключает «Айбук» и отсоединяет телефон. Внутренний голос ехидно замечает:

сначала Буну, а не Капюшончику — это неспроста. Она просит его помолчать.

Первый номер из длинного списка, который он ввел в телефон по пути из Токио.

— Алле, Бун?

В трубке женский смешок:

— А кто его спрашивает?

На заднем плане слышен голос Буна:

— Дай сюда!

Кейс смотрит на чашку с зеленым чаем. И вспоминает, что последний раз пила зеленый чай с Буном, в Хонго.

— Кейс Поллард.

— Бун Чу слушает, — отвечает он, отобрав трубку у женщины.

— Это Кейс, Бун.

Она вспоминает заросли кудзу на железных крышах. И думает: ты же сказал, что она в Мадриде.

— Хотела узнать, как дела.

Мариса.

А у Дэмиена Марина. А у кого-то еще будет Марика.

— Хорошо, — отвечает Бун. — Есть какие-нибудь новости?

Кейс смотрит в окно, на проезжающие по Хай-

стрит машины.

— Никаких.

— Я здесь вроде что-то нащупал. Сообщу, когда станет яснее.

— Да я уж вижу. Молодец! — Она яростно нажимает отбой.

Официант, заметив выражение ее лица, озабоченно хмурится. Выдавив улыбку, Кейс опускает глаза в тарелку. Потом с преувеличенным спокойствием кладет телефон и берется за палочки.

— Черт! — говорит она вполголоса, пытаясь заставить себя есть.

Почему так получается? Почему она все время попадает в дурацкие ситуации?

Когда с лапшой покончено, и официант приносит новый чай, Кейс звонит Бигенду — просто для того, чтобы сделать что-нибудь самостоятельно, по своей воле.

— Да.

— Хьюберт, это Кейс. У меня вопрос.

— Слушаю.

— Тот человек с Кипра. Доротея знает его имя?

— Да, знает. Минутку… Андрей Поляков.

— Вы где-то посмотрели?

— Да, а что?

— Где?

— В распечатке телефонного разговора.

— Доротея в курсе, что вы прослушиваете ее звонки?

— Вы сейчас где?

— Не меняйте тему разговора.

— Уже поменял. У вас есть для меня новости?

— Пока нет.

— Бун улетел в Огайо.

— Знаю. До свидания.

Кейс снова включает «Айбук», подсоединяет телефон. Следует рассказать Капюшончику о том, что она узнала. И о том, что сделала.

Она проверяет почту.

Одно письмо, от stellanor@armaz.ru.

Поперхнувшись, Кейс едва не опрокидывает чашку на клавиатуру.

Надо просто прочитать сообщение — так, как будто это обычный имэйл. Как будто…

> Здравствуйте! Это очень странное письмо.

Кейс закрывает глаза. Открыв их, она видит, что строчки никуда не исчезли.

> Я в Москве. Мой отец тоже погиб от взрыва. И моя мать. Откуда у вас этот ад-

рес? Вы говорите о разных людях — кто эти люди? Что значит «фрагменты»? Вы имеете в виду части проекта?

И все. Больше ничего.

— Да, — говорит она «Айбуку». — Значит, это проект.

Проект.

— Хьюберт, это опять Кейс. С кем я могу поговорить насчет билетов?

— Ее зовут Сильвия Джеппсон. Звоните в офис. Куда вы летите?

— В Париж. В следующее воскресенье.

Это уже третий зеленый чай. Официант начинает коситься: она слишком долго занимает столик.

— Почему Париж?

— Объясню вам завтра. Спасибо. До свидания.

Она звонит в «Синий муравей» и просит соединить ее с Сильвией Джеппсон.

— Мне нужна виза, чтобы поехать в Россию?

— Да, нужна.

— Сколько времени это займет?

— Смотря сколько вы заплатите. Чем больше, тем быстрее. Могут и за час сделать. Однако перед этим придется еще целый час посидеть в пустой

комнате в посольстве. Ритуал у них такой, ностальгия по советским временам. К счастью, в российском Министерстве иностранных дел есть наш человек.

— Вот как?

— Мы им в свое время помогли. Не афишируя, разумеется. Где вы сейчас?

— На Кенсингтон-Хай-стрит.

— Совсем рядом. Паспорт с собой?

— Да.

— Можете встретиться со мной через полчаса? Улица Палас-Гарденз, дом номер пять. У гостиницы «Бэйсуотер», рядом со станцией метро «Квинсуэй». И принесите три фотографии на паспорт.

— Вы действительно поможете? Прямо сегодня?

— Хьюберту не понравилось бы, если бы мы заставили вас ждать. Мне надо только поговорить с нашим человеком, и все будет в порядке. Но пожалуйста, не опаздывайте! В полдень они закрываются.

Когда они выходят из российского посольства, Сильвия — высокая, бледная и невозмутимая — интересуется:

— Когда собираетесь лететь?

— В воскресенье утром. В Париж.

— Тогда лучше на «Бритиш Эйруэйз». Если, конечно, вы не патриотка «Эйр Франс». На поезде поехать не хотите?

— Нет, спасибо.

— А когда в Россию?

— Пока не знаю. Может быть, вообще не придется лететь. Но на всякий случай я хотела сделать визу. Так что спасибо за помощь!

— Не за что, — отвечает Сильвия с улыбкой. — Мне поручено исполнять любые ваши желания.

— У вас отлично получается.

— Я беру такси назад в Сохо. Вас подбросить?

Кейс видит, что подъезжают сразу две свободные машины.

— Нет, спасибо. Мне надо в Камден.

Она уступает первую машину Сильвии, а сама садится во вторую.

— «Аэрофлот», — говорит она водителю.

— Это на Пиккадили, — кивает тот.

Достав телефон, она набирает номер Войтека.

— Алло?

— Войтек, это Кейс.

— О, Кейси! Здравствуйте!

— Я снова уезжаю из города. Хочу оставить у тебя ключи. Ты можешь подъехать к дому Дэмие-

на? Скажем, в четыре тридцать? Извини, что все так неожиданно.

Она дает себе слово, что купит ему леса.

— Хорошо, Кейси! Не проблема.

— Спасибо! До встречи.

Да, она купит ему эти леса. Заплатит за них картой Бигенда. А билет в Россию она купит на свою карту.

— Ну что ж, начнем проникновение в чудо, — говорит она, обращаясь одновременно и к Капюшончику, и к Лондону, и ко всем загадкам ее сегодняшней жизни.

Водитель такси недоуменно смотрит на нее в зеркальце.

Глава 33

Бот

Рейс «Аэрофлота» номер SU-244, вылетающий из Хитроу в двадцать два тридцать, обслуживает «Боинг 737», а не «Туполев», как она надеялась.

Кейс еще ни разу не была в России, и ее знания ограничиваются рассказами Уина о странном мире по ту сторону периметра — мире двойных стандартов и шпионских устройств, плавающих

в канализации. В России ее детства всегда идет снег, и люди ходят в темных меховых шапках.

Пробираясь по проходу эконом-класса в поисках своего места, Кейс думает об эмблеме «Аэрофлота». Интересно, как им удалось сохранить изображения серпа и молота? Насколько это эксклюзивно? Эффект узнавания должен быть просто потрясающим. Версия с крылышками, выполненная в довольно утонченном стиле, практически не поддается датировке: нечто викториански-футуристическое. Отрицательных эмоций дизайн не вызывает — к ее немалому облегчению.

Национальная символика всегда воспринимается нейтрально, за исключением фашистской свастики, реакция на которую связана не столько с историческим злом (хотя это тоже присутствует), сколько с избыточной концентрацией художественного таланта. На Гитлера работала армия гениальнейших дизайнеров, отлично понимавших значение визуального фактора. Хайнц в те времена не остался бы без работы. Хотя первые роли ему вряд ли доверили бы.

Любая нацистская символика, и особенно стилизованный шеврон войск «СС», вызывают острейшую болезненную реакцию — сродни

реакции на «Томми Хилфигер», только гораздо сильнее. Однажды Кейс пришлось целый месяц проработать по контракту в Австрии, где эти символы не запрещены законом, как в Германии. Тогда-то она и научилась переходить на другую сторону, завидев впереди вывеску антикварного магазина.

Эмблемы родной страны до сих пор оставляли Кейс равнодушной. И слава богу, иначе появившиеся в последний год в Нью-Йорке бесчисленные флаги и изображения орлов вынудили бы ее круглые сутки оставаться взаперти. Проблема, которую можно назвать семиотической агорафобией.

Положив куртку в верхний шкафчик, Кейс садится и задвигает сумку с «Айбуком» под переднее сиденье. Здесь не так уж и тесно. Она с ностальгией вспоминает рассказы Уина об «Аэрофлоте» советских времен: грубые стюардессы, засохшие бутерброды с ветчиной и пластиковые пакеты для мелких предметов — мера предосторожности против частых разгерметизаций. Еще он рассказывал, что Польша с высоты похожа на Канзас, населенный лилипутами: земля столь же плоская и бескрайняя, но лоскуты полей гораздо меньше.

Самолет выруливает на взлетную полосу. Соседние сиденья остались незанятыми, и Кейс думает, что ей повезло: заплатив немногим больше, чем за российскую визу, она получила не меньше комфорта и уединения, чем в первом классе токийского рейса.

О том, куда она летит, знают только три человека: Магда, пришедшая за ключами вместо Войтека, Капюшончик и Синтия, которой она наконец-то решилась ответить. И еще там, в России — кое-кто тоже знает и ждет ее прибытия.

Рев турбин «Боинга» переходит в другую тональность.

> Здравствуй, мама!
>
> Надеюсь, ты простишь меня за долгое молчание — я вовсе не хотела тебя огорчить. Мой контракт уже закончен, но теперь хозяин фирмы, на которую я работала, нанял меня для проведения чего-то вроде культурного расследования, лично для него. Ничего таинственного: просто проект, связанный с новыми способами распространения видеоклипов и с некоторыми особенностями монтажа. На первый взгляд скучновато, однако я с

головой ушла в работу — настолько, что до сих пор даже не собралась написать тебе ответ. Так или иначе, эта работа, кажется, пошла мне на пользу: удалось выбраться из Нью-Йорка и отвлечься от мыслей об отце (еще одна причина моего молчания). Я знаю, мы согласились не соглашаться насчет всех этих ФЭГ-штучек. Но записи, которые ты прислала — от них, честно говоря, мороз по коже… Не знаю, как еще сказать. А недавно я видела про него сон. Во сне он дал мне один совет, которому я последовала, и это оказалось правильным решением. Вот видишь — получается, что кое в чем я с тобой согласна. Во всем этом трудно разобраться. Похоже, я постепенно начинаю привыкать к мысли, что его больше нет. И суета со страховкой и пенсией превращается в обычные бюрократические проблемы. Скорее бы уже все закончилось! Тянется, тянется… В общем, я хочу, чтоб ты знала: сегодня вечером я вылетаю в Москву. Это связано с работой, о которой я говорила. Странное чувство — я своими глазами увижу мир, о котором

папа столько рассказывал, когда я была маленькой. Для меня Россия всегда была сказочной страной, откуда он привозил пасхальные яйца и невероятные истории. Я помню, как он говорил: все дело в том, чтобы держать их в напряжении, пока не начнутся голодные бунты. А когда их система развалилась — сама, без всяких голодных бунтов, — я напомнила ему эти слова. И он ответил, что до голодных бунтов дело не дошло: их погубили «Битлз» и проигранная война в собственном Вьетнаме… Мне уже пора в аэропорт. Я рада, что в «Розе мира» тебя окружают люди, которых ты любишь. Спасибо, что не забываешь меня; я тоже постараюсь писать почаще. С любовью,

Кейс.

Никогда не думала, что это случится, но вот, пожалуйста — пишу тебе, чтобы сказать: я его нашла! Он прислал письмо, на которое я сейчас собираюсь ответить. Я сижу в Хитроу, жду посадки на ночной рейс до Москвы; прибываю туда завтра в полшестого утра. Наш автор живет в Москве. Один человек помог узнать его

имэйл — по номеру, который мы получили от Таки. Не спрашивай, как ему это удалось. Такие вещи на самом деле лучше не знать. А потом я сидела в парке, и произошло что-то очень странное. Я стала писать автору письмо, которое вовсе не собиралась отправлять. Знаешь, как будто пишешь письмо Богу. Только в этот раз у меня был адрес. В общем, я все написала — а потом вдруг взяла и нажала кнопку «отправить»! Даже не знаю, как это случилось. Я действительно не собиралась! И меньше чем через час он ответил. Сказал, что находится в Москве… Слушай, я понимаю, ты хочешь немедленно узнать абсолютно все, но в письме больше действительно ничего не было. Очень короткий имэйл. Пересылать тебе его было бы неправильно. И вообще — то, как мне достался адрес, наводит на мысли… В наше время ничто нельзя сохранить в тайне. Поэтому я стараюсь привлекать как можно меньше внимания. Так что потерпи, Капюшончик! Скоро все станет ясно. Завтра я точно узнаю больше, и тогда мы с тобой созвонимся. Мне просто

необходимо выговориться, слить информацию. Волнуюсь ли я? Пожалуй, что да… Какое-то дурацкое чувство: хочется одновременно завизжать и наложить в штаны.

Здравствуйте! Спасибо, что ответили. Даже не знаю, что сказать; я очень волнуюсь. Очень рада, что вы отозвались. Значит, вы сейчас в Москве? Я сама буду в Москве завтра утром, по делам. Меня зовут Кейс Поллард. Я остановлюсь в гостинице «Президент-отель», можете туда позвонить. Или свяжитесь по имэйлу. Буду ждать вашего ответа.

С уважением,
КейсП.

Кейс перечитывает письма, разложив на коленях «Айбук»; самолет уже набрал высоту. Ей не хочется думать, что случится завтра, или послезавтра, или через неделю — если это последнее письмо останется без ответа. Что, в общем, не исключено.

Россия. Россия выбирает пепси. Кейс отхлебывает из стаканчика.

Хозяин Доротеи — русский киприот. И на него

же зарегистрирован домен *armaz.ru*. Интересно, какие еще русские мотивы встречаются на Ф: Ф: Ф?

Кейс достает диск с архивом форума, который она так и не скопировала для Айви. Вставляет его в лэптоп, делает поиск.

Как ни странно, на экран выскакивает один из ее ранних постов — глубоко в недрах темы, которая начинается с утверждения, что автор может быть известным кинематографистом, работающим инкогнито.

> Не знаю. Мне кажется, это чушь. Автором может быть кто угодно. Например, какой-нибудь русский мафиози со склонностью к самовыражению. Нереализовавшийся талант, обладающий необходимыми ресурсами для создания и распространения фрагментов. Маловероятно? Да, но ведь не исключено! Я просто хочу сказать, что нам не стоит быть такими прямолинейными.

Кейс с трудом вспоминает, как она это писала. Прежде она никогда не перечитывала свои старые посты. Даже в голову не приходило. Теперь она начинает читать все подряд, до конца темы.

Следующей идет Мама Анархия. Помнится, это было первое ее сообщение.

> На самом деле говорить стоит только о сюжете, хотя и не в том смысле, как вы это понимаете. Вам известно такое понятие, как нарратология? Как насчет концептов Гваттари? Насчет «игры» и избыточности Деррида? Или языковых игр Лиотара? Или воображения естества Локана? Где ваша приверженность практикуму, который позиционирует обскурантизм ритуалов постижения Фуко, наряду со свойственным Хабермасу страхом иррационального, в качестве панического дискурса, провозглашающего поражение гегемонии просвещения и триумф теории культуры? Увы, эти концепты вам бесконечно чужды, а посему дискурс на вашем сайте безнадежно ретроградeн. Мама Анархия.

Да уж, думает Кейс, Мамуля в своем репертуаре. Даже слово «гегемония» употребила. Капюшончик утверждает, что посты Мамы, в которых не встречается это слово, нельзя считать подлинными. (Для полной идентификации, настаивает

он, необходимо еще присутствие слова «герменевтика».)

Между тем на часовом поясе «Кейс Поллард» наступает время сна. Она вынимает диск, убирает «Айбук» в сумку и закрывает глаза.

Неприятный сон: крупные незнакомые мужчины, чем-то похожие на Донни, обыскивают ее нью-йоркскую квартиру. Кейс тоже там присутствует, незримо и неслышимо. И хочет, чтобы они ушли.

В «Шереметьево-2» Кейс проходит паспортный контроль и таможню; все окрашено в единообразный бежевый цвет, в духе семидесятых. Зал ожидания взрывается ей в глаза невероятным обилием рекламы — буквально на каждой плоской поверхности. На багажной тележке по крайней мере четыре рекламных плаката: прокат автомобилей «Герц» и три незнакомых, на русском. Как и в Японии, ее сбивает с толку абсолютное незнание языка. С другой стороны, так даже спокойнее — по количеству коммерческих сообщений московский аэропорт ничуть не уступает токийскому.

Оглядевшись, Кейс замечает банкомат, над которым латинскими буквами написано *Bankomat*. Наверное, в Америке их бы так и назвали, если

бы изобрели в пятидесятых. Воспользовавшись своей карточкой, а не карточкой «Синего муравья», она получает пухлую пачку рублей и выкатывает тележку наружу, навстречу первому глотку русского воздуха, насыщенного запахом незнакомой разновидности выхлопных газов. Вокруг суетятся водители разномастных машин, предлагают подвезти до города, но Кейс помнит, что ее задача — найти то, что Магда назвала «официальное» такси.

Это удается довольно легко: ее увозит из аэропорта зеленый дизельный «мерседес», приборная панель которого освящена фигуркой православного храма на аккуратной белой салфеточке.

Широкая мрачная дорога в восемь рядов называется «Ленинградское шоссе», если верить «Путеводителю по планете Москва», купленному в аэропорту Хитроу. Движение в обе стороны очень плотное, но без пробок. Огромные грязные грузовики, роскошные машины, дряхлые автобусы — вся эта публика шныряет и меняет ряды с поразительным бесстрашием, от которого у Кейс начинают подрагивать коленки. Да еще ее водитель постоянно говорит по мобильнику при помощи наушника, ввинченного в левое ухо, и одновременно слушает музыку через вторые

наушники, надетые сверху. Понятие разметки здесь, судя по всему, весьма условно. Так же, как и понятие правил дорожного движения. Кейс пытается сосредоточить внимание на разделительной полосе, где растут симпатичные мелкие цветочки.

На горизонте появляются высокие оранжевые здания, над которыми стоят чудовищные колонны белого дыма. Непривычное зрелище. Очевидно, к такому понятию, как изоляция промышленных зон, здесь тоже не испытывают большого уважения.

Чем ближе к городу, тем чаще мелькают рекламные щиты. Компьютеры, электроника, роскошная мебель. В голубом небе нет ни облачка, если не считать монументальных столбов дыма и желто-коричневой выхлопной прослойки у горизонта.

Первое впечатление о Москве: все объекты слишком большие — гораздо больше, чем необходимо. Циклопические сталинские здания из желтоватого камня, украшенные темно-красным орнаментом, созданные, чтобы запугивать и подавлять. И остальное в том же духе: фонтаны, площади, фонарные столбы.

Они пересекают восемь рядов забитого маши-

нами Садового кольца, и коэффициент урбанизации подпрыгивает сразу на несколько делений. Рекламный бурелом становится еще гуще. Справа мелькает грандиозное здание железнодорожного вокзала в стиле арт-нуво — пережиток ушедшей эпохи, по сравнению с которым лондонские вокзалы кажутся игрушками. Затем появляется «Макдоналдс», столь же неоправданно-огромный.

Деревьев здесь неожиданно много. Привыкнув к увеличенным масштабам, Кейс начинает замечать более мелкие дома — одинаковые, поразительно уродливые, построенные, должно быть, в шестидесятых. Если так, то более безобразного образца архитектуры шестидесятых она еще не видела. Углы зданий потрескались и выкрошились, некоторые вообще полуразвалились, многие стоят в строительных лесах. Вообще, признаки строительства заметны на каждом шагу. На одной из широких улиц (судя по путеводителю, это Тверская) толпы людей по густоте соперничают с «крестовым походом детей», только движутся более озабоченно и целеустремленно.

Через улицу протянуты рекламные транспаранты. На большинстве фасадов навешаны

огромные яркие щиты.

Невероятное количество бело-голубых электрических автобусов; кажется, они называются «троллейбусы». Очень редкий оттенок голубого, как у английских игрушечных машинок. В реальной жизни машины в такой цвет не красят. Многие из троллейбусов просто стоят у обочины.

До сих пор ее опыт прямых столкновений с советской и постсоветской реальностью ограничивался однодневным визитом в Восточный Берлин. Это было через несколько месяцев после падения Берлинской стены. Вернувшись тогда в безопасность своей гостиницы на западной стороне, Кейс чуть не расплакалась от неприкрытой жестокости и тяжелой, безнадежной тупости всего увиденного. Уин, которому она позвонила, чтобы пожаловаться, попытался ее утешить.

— Эти сукины дети столько лет подделывали собственную статистику, что сами стали в нее верить, — объяснил он. — ЦРУ проанализировало восточногерманскую экономику, как раз перед ее обвалом, и признало ее самой жизнеспособной во всем коммунистическом блоке. А все потому, что мы исходили из их собственных цифр. Берем, например, какой-нибудь завод. На бумаге он выглядит довольно хорошо — не так, как у нас, но

все же выше, чем стандарты третьего мира. А потом стена падает, мы туда приходим и видим, что завод в руинах. Добрую половину оборудования вообще не использовали в течение десяти лет. И ценность всех активов не превышает стоимости их весового эквивалента в металлоломе. Фактически они обманывали сами себя.

— Но ведь они были так жестоки к своему народу! — возмущалась Кейс. — Так мелочны, так ограниченны! Представляешь, здесь все окрашено только в два цвета: трупно-серый и коричневый, который так похож на дерьмо, что от него воняет!

— Ну, зато реклама тебе не досаждает.

Она усмехнулась.

— А в Москве что? То же самое?

— Нет, конечно! Восточная Германия — случай уникальный. Подумай сама: немцы, строящие коммунизм! Это же чушь, русские над этим сами смеялись. Они прекрасно понимали, что немцы ни во что такое не верят…

Машина проезжает под громадным щитом с эмблемой «Прады». Кейс хочется сжаться в комочек.

Некоторые плакаты, как ни странно, выполнены в печально известном стиле социали-

стического реализма: красные, белые и серые плоскости, перегруженные черными символами абсолютной власти.

И вдруг среди этого пестрого хоровода она замечает (или только думает, что замечает) знакомое полупарализованное лицо Билли Прайона.

В фойе «Президент-отеля» легко можно разместить небольшой военный парад, и еще для мавзолея останется место. Четыре диванных кластера сиротливо разбросаны на бескрайнем — в половину футбольного поля — ковровом пространстве, по которому нервно вышагивает взад-вперед девушка в высоких изумрудно-зеленых сапогах-шпильках, похожих на гибрид флорентийских перчаток с нижним бельем фирмы «Фредерикс оф Голливуд». Кейс наблюдает за ней, облокотившись на стойку и дожидаясь окончания затяжной регистрации, в процессе которой у нее отобрали паспорт. У девушки невообразимо высокие скулы, почти как у продюсерши Дэмиена; линия скул дублируется элегантным изгибом бедер, который подчеркивает облегающая миниюбка в стиле позднего Версаче, с аппликациями из змеиной кожи в виде языков пламени на каждой ягодице.

На часах десять утра. Еще три девушки в по-

хожих нарядах спорят снаружи с четырьмя здоровенными охранниками, одетыми в кевларовые бронежилеты. Должно быть, лоббируют разрешение войти и присоединиться к своей нервной коллеге.

Кейс надоедает мелькание зеленых сапог, придающих осенней палитре фойе какое-то сказочное очарование, и она берет с мраморной бежевой стойки брошюру на английском языке. Там дается объяснение красно-коричневым тонам: это место раньше называлось «Октябрьская». Если читать между строк, гостиница по-прежнему находится под эгидой Кремля.

Номер на двенадцатом этаже просторнее, чем она ожидала. Из эркера открывается панорамный вид на Москва-реку и город на противоположном берегу. В отдалении сверкают купола большой церкви, а на небольшом островке торчит какое-то немыслимо уродливое сооружение. Путеводитель поясняет, что это памятник Петру Великому, который необходимо охранять, чтобы местные эстеты его не взорвали. Больше всего монумент напоминает старомодный фонтан шампанского, заказанный для пролетарской свадьбы.

Кейс поворачивается и оглядывает номер: те же хмурые осенние декорации. На кровати

грязно-темное покрывало. Во всем ощущается какой-то назойливый диссонанс, как будто люди, обставлявшие номер, руководствовались картинками западных отелей восьмидесятых годов, но не видели ни одного оригинала. В ванной плитка трех оттенков коричневого (слава богу, не восточногерманского), а на унитазе, раковине, ванне и биде бумажные наклейки с надписью DIZINFEKTED. На столе табличка, предлагающая воспользоваться интернетом прямо из комнаты, или посетить BIZNES-центр в фойе.

Достав «Айбук», Кейс подключается к разъему над столом. Если она правильно помнит инструкции Памелы Мэйнуоринг, то все должно получиться. И телефон здесь должен работать. Ей только сейчас приходит в голову: она до сих пор не сообщила автору номер своего мобильного. Может, подсознание что-то подсказывает? Связь с интернетом медленная, но в конце концов она добирается до «Хотмэйла».

Два письма.

Капюшончик и stellanor@armaz.ru.

Кейс делает глубокий вдох.

Вы сейчас в Замоскворечье, на берегу реки напротив Кремля. Район старых

зданий и церквей. Ваша гостиница находится на улице Bolshaya Yakimanka — Большая Якиманка. Сначала вы пойдете по ней в сторону Кремля (см. приложенную схему), потом пересечете Bolshoi Kamennii Most — Большой Каменный Мост. Справа от вас будет Кремль. Идите дальше по схеме, до вывески «Кофеин» (написано по-русски). Приходите сегодня в семнадцать ноль-ноль и сидите около рыбы, чтобы вас было видно.

— Рыба, — говорит Кейс. — Клюнула.

Ну конечно, я хочу узнать абсолютно все, и желательно вчера, но ты сейчас, наверное, в полете, а по твоему номеру отвечает какая-то мерзкая английская тетка. Абонент, говорит, недоступен, ля-ля-ля… Представляю, как ты себя чувствуешь. Знаешь, я никогда не сомневался, что этот день наступит. И вот он наступил — мы нашли автора. Он действительно существует. И ждет с нами встречи. Жду и я — когда ты расскажешь мне абсолютно все. У меня новости довольно убогие, по сравнению с твоими.

Джуди упорхнула — на крыльях любви, навстречу распростертым объятиям. Сейчас она уже должна быть в Токио. Вчера купила билет на самый дешевый рейс и полетела к своему Таки. Деррил в восторге, что от нее избавился. Наша легенда, конечно, лопнет, когда Таки обнаружит, что его возлюбленная в два раза крупнее обещанного и к тому же не говорит по-японски. Зато здоровью Деррила больше ничего не угрожает. Теперь, когда никто не стоит над душой и не мешает кушать растворимый супчик «якисоба», он снова стал самим собой. Что приводит нас к убогой новости номер два. К букве «Т», которую прислал Таки. Деррил вцепился в нее мертвой хакерской хваткой, со своим дружком из Пало-Альто, который разрабатывает проект визуальной поисковой системы. У этого дружка есть такие боты — ты задаешь картинку с параметрами, а они ищут в интернете похожие изображения. Деррил запустил два таких бота. Один, который специализируется на картах, должен был найти конфигурацию улиц, соответствующую

улицам города «Т». Этот ничего не нашел, хотя на него возлагались большие надежды. А второго запустили просто так, на всякий случай, чтобы он поискал любые картинки, по форме совпадающие с нашей буквой «Т». И представь себе, он нашел стопроцентное соответствие с большей частью (75 %) картинки Таки! Если не считать верхушки с неровным краем, изображение в точности совпадает с деталью механического взрывателя американской противопехотной мины направленного действия M18A1 «Клэймор», которая практически представляет собой кусок взрывчатки C4, прикрепленный к кассете из 700 стальных шариков. При взрыве шарики разлетаются в секторе 60 градусов, с высотой убойного потока до 4 метров на предельной дальности. То есть все живое на расстоянии 50 метров превращается в гамбургер (расстояние может меняться в зависимости от ландшафта). Эта мина применяется для засад и приводится в действие электродетонатором. По виду она напоминает компактную спутниковую антенну: та-

кой толстый изогнутый прямоугольник. Только не спрашивай меня, что все это значит. Мое дело маленькое: бот принес, я рассказал. А теперь… пожалуйста! не откладывая! позвони мне. Я хочу знать АБСОБЮТНО все.

Глава 34

Замоскворечье

Но Кейс не торопится ему звонить; она слишком возбуждена, слишком взвинчена.

Москва — нарядный город, а Кейс здесь просто гость. Для более долгого визита это не имело бы значения, но сейчас она переодевается в ПК, купленный в «Парко», и даже пытает счастья с подарочной косметичкой из токийского салона красоты. Результаты этой попытки наверняка заставили бы девушек из салона прыснуть от смеха, зато теперь никто не упрекнет ее в отсутствии макияжа. При беглом взгляде ее можно принять за корреспондента какой-нибудь заштатной образовательной программы — разумеется, на радио, а не на телевидении.

Убедившись, что ключ от номера не забыт, Кейс

надевает «Баз Риксон», берет багажное изделие с телефоном и «Айбуком» и выходит в мини-фойе, к лифтам. В углу под внушительным букетом из сухих цветов сидит женщина в форменной одежде — очевидно, круглосуточная дежурная по этажу. Кейс приветствует ее кивком; женщина никак не реагирует.

Большое окно между двумя лифтовыми шахтами занавешено по всей длине грубой охряной тканью. Рядом стоит прозрачный холодильник с шампанским, минеральной водой, несколькими запотевшими бутылками бургундского вина и огромным количеством пепси. Вызвав лифт, Кейс раздвигает охряные занавески и видит старые жилые дома, островерхие белые крыши и поразительную оранжево-бирюзовую зубчатую башню. В отдалении вздымаются золотые луковицы куполов.

Туда, к этим куполам, она и направится.

В огромном фойе ни души; нет даже девушки в зеленых сапогах. Кейс проходит через охраняемый предбанник, мимо широкоплечих парней в кевларовых бронежилетах и оказывается на улице. Теперь можно свернуть за угол и двигаться в направлении золотых луковиц.

Уже через пару минут она безнадежно теряет

ориентацию. Ну и ладно, это ведь просто прогулка, чтобы успокоить нервы. Кстати, в какой-то момент надо позвонить Капюшончику.

Почему она откладывает звонок? Наверное, просто боится. Ведь придется рассказать обо всем: о Бигенде, о Буне… Неизвестно, как он отреагирует. Но если сейчас не открыться, то их дружба, которую она ценит столь высоко, начнет утрачивать искренность.

Кейс останавливается, оглядывается по сторонам. Старый жилой район. Ее ум уже запустил «это-почти-как» алгоритм, который включается всякий раз в присутствии незнакомого культурного явления: это почти как Вена, это почти как Стокгольм, это почти как…

Она продолжает бродить по безлюдным улицам, как убежавшая с уроков школьница, иногда поглядывая наверх в надежде увидеть золотые луковицы куполов. Наконец раздается звонок телефона.

С чувством вины она отвечает:

— Да?

— Ну, давай! Живо. Абсолютно все.

— Я как раз собиралась тебе звонить…

— Вы уже встретились?

— Нет еще.

— Но собираетесь?

— Да.

— Когда?

— Сегодня вечером, в пять часов. Не то в ресторане, не то в кафе, я точно не поняла.

— Что, прямо в «Старбаксе»?

— Нет, не в «Старбакс». Здесь вообще нет «Старбаксов».

— Ничего, скоро появятся.

— Капюшончик, послушай…

Ей странно произносить вслух его имя. Точнее, даже не имя, а ник. Настоящего имени она не знает. И это еще более странно.

— Да?

— Мне надо тебе что-то сказать…

После небольшой паузы он спрашивает:

— У нас будет ребенок?

— Нет, я серьезно…

— Да уж куда серьезнее! Первый случай виртуального зачатия.

— Нет, я работаю на одного человека.

— Погоди, я думал, ты работаешь на суперкрутое рекламное агентство.

— Нет, я работаю на человека, который ищет автора фрагментов. Он спонсирует поиски, оплачивает все счета. Поэтому я и смогла полететь в

Токио, встретиться с Таки.

— Ну и кто это?

— Ты знаешь такое имя: Хьюберт Бигенд?

— Пишется, как «биг» плюс «энд»?

— Да.

— Владелец того самого рекламного агентства?

— Да.

— Знаменитость! У него еще брали интервью, новые стратегии компостирования мозгов.

— Да, это он. И я на него работаю. Он называет это «партнерство». Благодаря ему я здесь нахожусь. Он дал денег, чтобы узнать имэйл автора…

Капюшончик молчит.

— Я боялась, что ты меня возненавидишь, — говорит она.

— Ну, не говори глупостей. Ты, как-никак, будущая мать нашего ребенка.

— Извини, надо было сказать тебе раньше.

— Ну смотри: ты ведь нашла автора, так? Договорилась с ним о встрече. И мы с тобой сейчас об этом разговариваем. То есть мы добились чего хотели. Мне наплевать, скольких уродов тебе пришлось для этого ублажить и какими способами. И скольких из них ты потом придушила. Абсолютно наплевать! Я даже помогу избавиться от трупов.

— Ты, наверное, просто так говоришь.

— Что значит просто так? А что ты еще хотела? Чтобы я эти слова у себя на руке акриловым гвоздиком нацарапал? — Помолчав, он добавляет: — Что же надо мистеру Бигенду от нашего автора?

— Говорит, еще не знает. Он считает эти фрагменты самым хитроумным образцом маркетинга, рекламной стратегией нового века. Говорит, что хочет узнать об этом побольше. Я даже думаю, что он не врет.

— Ну, бывают и более странные желания. Это меня сейчас меньше всего волнует.

— А что же тебя волнует?

— Как мне туда добраться. Действителен ли мой паспорт, который еще надо найти. Где можно срочно достать дешевые билеты, чтоб не пришлось брать ссуду в банке.

— Ты серьезно?

— А как ты думаешь?

Светловолосая нянечка, выглядящая очень по-калифорнийски, ведет за руку смуглого мальчика с красным воздушным шариком. Покосившись на Кейс, она прибавляет шаг, увлекая за собой ребенка.

Кейс вспоминает, как они с Сильвией Джепп-

сон выходили из российского посольства.

— Тебе понадобится виза, — говорит она Капюшончику. — Ее можно получить очень быстро, если доплатить за срочность. Про билет можешь не беспокоиться. В лондонском филиале «Синего муравья» есть женщина по имени Сильвия Джеппсон. Я ей позвоню, дам твой телефон. Она тебя посадит на ближайший рейс; билет будет ждать в аэропорту. И еще… я понимаю, вопрос дурацкий, но мне нужно твое имя. Я ведь не знаю, как тебя зовут.

— Торнтон Вассельтарп.

— Чего?

— Гилберт.

— Гилберт?

— Да, Питер Гилберт. Он же Капюшончик. Ничего, привыкнешь. Во сколько мне влетит билет до Москвы?

— Ни во сколько. Мне оплачивают все расходы, и я включу тебя в список. Потому что ты нужен в Москве. Вот и все.

— Ну, спасибо!

— Только не говори Сильвии, что я уже здесь. Она думает, что я полечу через неделю.

— Ты всегда так все запутываешь?

— Недавно научилась. Слушай, Капюшо… Пи-

тер, я позвоню ей прямо сейчас.

После паузы он говорит:

— Спасибо… Ты ведь понимаешь, мне необходимо там быть.

— Да, знаю. Я тебе перезвоню. Счастливо.

Кейс идет с телефоном в руке, оглядываясь по сторонам, пока не находит толстую гранитную тумбу неизвестного назначения. Присев на нее и чувствуя сквозь ткань юбки тепло нагретого камня, она звонит в «Синий муравей». В трубке что-то шипит, качество связи здесь похуже. Включается автоответчик Сильвии.

— Сильвия, это Кейс Поллард. Я хочу, чтоб вы доставили одного человека из Чикаго в Москву, как можно быстрее. Его зовут Питер Гилберт.

Имя, произнесенное вслух, звучит непривычно. Кейс дважды повторяет номер его телефона. И добавляет:

— Забронируйте ему номер в «Президент-отеле». И пожалуйста, постарайтесь взять ближайший рейс. Это очень важно. Спасибо! До свидания.

Мимо проносится немаркированный полицейский автомобиль — новенький «мерседес» с синей мигалкой на крыше.

Убрав телефон, Кейс встает и идет дальше.

Буквально через несколько шагов накатывает волна неодолимой сонливости — откуда-то со стороны реки. Часовой пояс «Кейс Поллард» на глубоком органическом уровне заявляет, что пора отключиться. Кейс решает не спорить. Развернувшись, она направляется тем же путем обратно, к «Президент-отелю».

Ее будит мобильный телефон, а не звонок дежурной, и не будильник наручных часов, поставленный на всякий случай. Она садится на кровати, обнаженное тело дрожит от озноба. Кутаясь в белую простыню и землистое президентское покрывало, Кейс пытается понять, где находится. Солнечный свет под каким-то неправильным углом бьет сквозь щели в занавесках. Телефон продолжает звонить.

Она встает, копается в сумке.

— Алле?

— Привет, это Бун. Ты где?

— Только проснулась. А ты где?

— Все еще в Огайо. Кое-что удалось раскопать.

— И что же? — Она присаживается на кровать, смотрит на часы.

— Имя домена. Армаз-точка-ру.

Она не может придумать, что сказать.

— Назрань, — говорит он.

— Что это значит?

— Столица республики Ингушетии. *Ofshornaya zona.*

— Что это значит?

— Офшорная зона, налоговый рай. Для России. Им понравилась идея с Кипром, и они решили создать у себя собственный Кипр. В Ингушетии. Парень, на которого зарегистрирован домен, живет на Кипре, но работает на ингушскую офшорную фирму. Теперь понятно, откуда у Доротеи этот русский душок.

— Откуда ты знаешь, что он из… ингушей?

— Посмотрел в «Гугле».

Ей это не пришло в голову.

— Значит…

Она медлит перед тем, как солгать. И лжет:

— Значит, фрагменты приходят оттуда? С этого домена?

— Именно так.

— Но адреса ты не знаешь. Только имя домена.

— Ну, это лучше, чем ничего. — В его голосе звучит разочарование. — Да, я еще кое-что выяснил.

— Что?

— Связь с нефтью.

— В смысле?

— Точно не уверен. Но я навел справки насчет

этого парня, привлек своего друга из Гарварда, с факультета международных отношений. Он говорит, что фирма, где работает наш парень, связана с ведущими игроками российского нефтяного бизнеса.

— Российская нефть?

— Ну да. Саудовская нефть сейчас утратила привлекательность. После одиннадцатого сентября регион стал слишком неспокойным. Серьезным людям это не нравится, им нужен стабильный источник. И Россия как раз подходит. То есть мировые денежные потоки будут радикально перенаправлены. Все наши машины будут ездить на русской нефти.

— Какое это имеет отношение к фрагментам?

— Расскажу, если удастся выяснить. Как у тебя дела? Есть какие-нибудь новости?

Кейс глубоко вздыхает. Надеется, что он не услышал.

— Нет, никаких. Послушай, Бун…

— Что?

— Кто взял трубку, когда я позвонила?

Пауза.

— Это один человек, работает в «Магия-символ».

— Ты… ты знал ее раньше?

Она понимает, что вопрос неправильный. Однако в голове крутится имя Марисы, квартира в Хонго, странные нотки в его голосе.

— Я с ней познакомился в коктейль-зале. Они там собираются после работы. — Должно быть, сам того не замечая, Бун переходит на более сухой тон. — Я не в восторге от всего этого. Но она работает в бухгалтерии — как раз то, что нам нужно.

— Угу. Понятно. — Кейс вспоминает, как ее рука нащупала пистолет Донни за спинкой кровати. — Еще одна ночь, и ты узнаешь весь имэйл.

Она тут же жалеет о своих словах.

— Кейс, зачем ты так?

— Извини, не хотела обидеть. Слушай, мне надо идти. У меня встреча в пять. Поговорим позже. Пока.

— Ладно… Пока. — Голос у него совсем убитый.

Отбой.

Кейс сидит в полутемной комнате, думая о том, что сейчас случилось.

И тут начинает бибикать будильник в ее часах, и гостиничный телефон взрывается странными звонками, каких она еще никогда не слышала.

Глава 35

Кофеин

Большой Каменный мост оказывается действительно большим, хотя это явно уже не первая реинкарнация оригинала, когда-то заслужившего такое название.

Найти его не составляет труда — так же, как и кафе «Кофеин». Кейс ориентируется по карте, которую она срисовала на листок из гостиничного блокнота.

Вот, вывеска **«КОФЕИН»** чернеет зловещими славянскими буквами.

— Он получил утку в лицо, — шепчет Кейс, проходя мимо входа.

«Кофеин» напоминает не кофейню, а скорее бар с высокими креслами; в Сиэтле, где Кейс начинала работать в области дизайна для скейтбордистов, кафе выглядели, помнится, примерно так же, только вместо кресел там были диваны «Гудвил».

Заведение забито до отказа.

Играя мигалкой, пролетает еще одна немаркированная полицейская машина, пятая или

шестая за день. И все новенькие, блестящие, дорогие.

Утиное заклинание почему-то не срабатывает.

— Перешагни свой страх, — пробует она заклинание Магды, которому та научилась в группе психологической поддержки.

Тоже не помогает.

— Да наплевать!

Старая проверенная мантра оказывается более действенной. Кейс решительно заходит в кафе.

Уютное переполненное помещение. Медь и полированное дерево.

Все столики заняты — кроме одного, окруженного парой гигантских пустых кресел. А рядом с этим столиком стоит несомненная рыба: крупная скульптура с чешуей, сделанной из фунтовых кофейных банок «Медалья д'Оро», похожих на те, что использовал Василий Кандинский. Здесь они составлены в манере, больше напоминающей Фрэнка Гери.

Кейс пересекает зал слишком быстро и не успевает прочитать лицо толпы, но чувствует на себе множество изучающих взглядов. Подойдя к рыбе, она усаживается в одно из кресел.

Официант материализуется рядом практически мгновенно — молодой, симпатичный, с

перекинутой через руку белой салфеткой. Он явно не рад ее присутствию; отрывисто произносит что-то по-русски — с интонацией скорее утверждения, чем вопроса.

— Извините, — отвечает Кейс, — я говорю только по-английски. У меня здесь назначена встреча с другом. Можете принести мне кофе?

Как только она начинает говорить, его поведение меняется. Причем явно не из любви к английскому языку.

— Да-да, конечно. Американо?

Она кивает, догадавшись, что итальянский является рабочим языком здешних кофеен, и вопрос относится к типу напитка, а не к ее национальности.

— Да, пожалуйста.

Официант испаряется, и Кейс наконец-то оглядывает толпу. Да, будь у них на одежде ярлыки, ей бы пришлось несладко. Сплошные «Прада» и «Гуччи», чересчур яркие, по-цыгански демонстративные по сравнению с Лондоном и Нью-Йорком. Почти Лос-Анджелес, думает она. Если не считать двух девушек-готок в черных парчовых хламидах, да собравшегося уходить юноши в безукоризненном панк-рокерском наряде, это заведение напоминает улицу Родео-драйв с ано-

мальным переизбытком славянских скул.

Но женщина, которая только что вошла… она одета во все тускло-серое. Светлая кожа, темные глаза, волосы на прямой пробор, не по моде длинные. Белое лицо с угловатыми и в то же время мягкими чертами. Лицо, затмевающее все вокруг.

Пальцы Кейс до боли вцепляются в подлокотники.

— Вы та, которая пишет письма? — Низкий, исключительно внятный голос с легким акцентом. Как бы долетающий издалека.

Кейс начинает вставать, однако незнакомка жестом останавливает ее и усаживается в другое кресло.

— Стелла Волкова. — Она протягивает руку.

— Кейс Поллард. — Кейс отвечает на рукопожатие. Значит, это и есть автор? Значит, ее зовут Стелла? Разве Стелла — русское имя?

Стелла Волкова сжимает ее руку, потом отпускает.

— Вы первая.

— Первая? — Кейс чувствует, что ее глаза вот-вот вывалятся из орбит.

Официант ставит на стол две чашки, наливает кофе из фарфорового кофейника.

— Здесь делают очень хороший кофе. Когда я была ребенком, только номенклатура могла пить хороший кофе. И он был хуже, чем этот. Вам с сахаром? Со сливками?

Не доверяя своим рукам, Кейс качает головой.

— Я тоже пью только черный. — Стелла поднимает чашку, вдыхает аромат, делает маленький глоток. Говорит что-то одобрительное по-русски. — Вам нравится Москва? Были здесь раньше?

— Нет, ни разу, — отвечает Кейс. — Все так необычно.

— Думаю, для нас тоже. Каждый день что-то новое, необычное.

Серьезное лицо, широко раскрытые глаза.

— Почему здесь так много полицейских машин? — спрашивает Кейс, только чтобы не допустить молчания, которое, она боится, может ее убить. Задать следующий вопрос. — Они проезжают очень быстро, но без сирен.

— Полицейские машины?

— Немаркированные, с голубыми мигалками.

— О нет! Это не полицейские. Это машины важных людей, богатых людей. Или тех, кто на них работает. Они купили разрешение, могут не подчиняться правилам движения. Мигалки

— предупреждение другим, знак вежливости. Вам это странно, да?

Мне все странно, думает Кейс. Или ничего.

— Стелла, можно вас спросить?

— Да?

— Это вы автор фрагментов?

Стелла склоняет голову набок:

— Я близнецы.

Если она сейчас раздвоится, то Кейс даже глазом не моргнет.

— У меня сестра, она художница. А я только распространитель. Я нахожу аудиторию. Конечно, не такой уж большой талант, я знаю.

— Боже мой, — говорит Кейс, которая не верит в Бога. — Значит, это действительно правда.

Глаза Стеллы распахиваются еще шире:

— Да, правда. Моя сестра Нора — она художница.

Кейс чувствует, что опять начинает тормозить. Следующий вопрос. Что угодно.

— Это русские имена? Стелла и Нора?

— Наша мать была большой поклонницей вашей литературы. Особенно Уильямса и Джойса.

— Уильямс?

— Теннесси Уильямс.

Ну да, Стелла. И Нора[266].

— Мой отец жил в Теннесси, — говорит Кейс, чувствуя себя марионеткой, которую дергают за ниточку.

— Вы писали, что он умер, когда упали башни.

— Да, пропал без вести.

— Наши родители погибли. От взрыва, в Ленинграде. Я и моя сестра, и наша мать, мы все жили в Париже. Нора изучала кинематографию, конечно. А я бизнес. Наш отец не хотел, чтобы мы были в России. Слишком опасно. Он работал у своего брата, нашего дяди, который стал очень влиятельным человеком. В Париже он сказал: мы должны быть готовы, что никогда не вернемся назад. Но умерла его мать, наша бабушка, и мы приехали на похороны. Всего на три дня. — Огромные черные глаза внимательно смотрят на Кейс. — Бомба была привязана к дереву. Ее взорвали по радио, когда мы вышли из подъезда, все одетые в черное, для похорон. Наши родители погибли мгновенно, им повезло. Нора была тяжело ранена. Очень тяжело. У меня только вывихи — челюсть, плечо. И много мелких царапин.

---

[266] Примечания: 266

Стелла — действующее лицо пьесы Теннесси Уильямса «Трамвай «Желание». Нора Джойс — жена Джеймса Джойса; считается прототипом Молли из романа «Улисс».

— Мне очень жаль…

— Да. — Стелла кивает, словно в подтверждение чего-то. — С тех пор мы живем в Москве. Мой дядя здесь часто бывает, а Норе сейчас нужно много разных вещей. Кто ваши друзья?

— Простите?

— Вы писали, что следите за работой Норы со своими друзьями. И с большим увлечением. — Улыбка пробивается сквозь бледное спокойствие Стеллы, как чудо. Вернее, это даже не спокойствие, думает Кейс, а чуткая, настороженная неподвижность. Не шевелись, и они нас не заметят. — Кто такой Морис? Очень красивое имя.

— Он работает в банке, в Гонконге. Англичанин. Мы с ним не встречались, но я знаю, он хороший. Вы ведь понимаете, что мы общаемся через вебсайт? И по имэйлу?

— Да. Я даже, наверное, видела сайт. У меня есть такая программа, от фирмы «Магия-символ». Я слежу за распространением работы Норы по специальным номерам. Программа очень хорошая, ее нашел Сергей.

— Кто это?

— Его наняли, чтобы помогать. Из политехнического, один из лучших аспирантов. Я боюсь, он теперь забросит карьеру: дядя слишком хорошо

платит. Но ему нравится то, что делает Нора. Так же, как и вам.

— Скажите, Стелла, фрагменты… работа Норы — это компьютерная модель? Или там снимаются живые актеры? — Кейс боится, что вопрос слишком прямой, слишком тупой.

— В институте кинематографии в Париже она сняла три короткометражных фильма. Самый длинный — шестнадцать минут. Он был показан на фестивале в Каннах, имел успех. Вы там были? Набережная Круазетт.

Кейс лихорадочно делает внутренние заметки.

— Только один раз.

— После взрыва нас отвезли в Швейцарию. Норе требовались операции. Здешняя кровь ей не подходит. Нам повезло, что не было большого вреда от первых переливаний, которые сделали в России. Я все время была с ней, конечно. Сначала она не могла говорить, никого не узнавала. Потом заговорила — только со мной, на нашем детском языке.

— Язык близнецов?

— Да, Стеллы и Норы. Потом вернулся и другой язык. Врачи меня спросили, что ее интересует. Я сказала, конечно, кино. И скоро по заказу дяди сделали монтажную студию — прямо там, в кли-

нике. Мы показали Норе кино, над которым она работала раньше, в Париже. Никакой реакции. Как будто смотрит на пустой экран. Потом показали кино, которое возили в Канны. На это она отреагировала, но очень болезненно. Постепенно она стала пользоваться оборудованием. Менять, монтировать.

Кейс слушает, как зачарованная. Бесшумно возникает официант, подливает кофе в опустевшую чашку.

— Проходит три месяца, она все перемонтирует. Ей успели сделать пять операций, а она не прерывала работы. Я видела, как фильм меняется, становится короче. В конце концов от него остался один кадр.

«Кофеин» на мгновение стихает, с какой-то жутковатой синхронностью. Кейс вздрагивает.

— Что было на этом кадре?

— Птица. Летящая птица. Размытое изображение. Распростертые крылья на фоне серых туч. — Официант подходит с кофейником, Стелла закрывает чашку рукой. — После этого она ушла внутрь.

— Внутрь?

— Перестала говорить, перестала реагировать. Отказалась есть. Ее снова стали кормить через

трубки. Я сходила с ума. Заговорили о том, чтобы перевезти ее в Америку. Потом вызвали американских докторов. В конце концов сказали, что ничего не могут сделать, что его невозможно удалить.

— Удалить? Что удалить?

— Последний фрагмент. Он застрял в голове, как раз между полушариями. Его нельзя трогать, риск слишком велик. — Темные глаза становятся бездонными, заполняют собою весь мир. — И тогда она заметила экран.

— Экран?

— Да, монитор. Под потолком в коридоре. Сигнал от камеры наблюдения, направленной на стойку регистрации у входа в приемный покой. Дежурная сестра сидит, читает. Люди проходят мимо. Один доктор понял, что она смотрит на экран. Самый умный из докторов, из Штутгарта. Он приказал, чтобы сигнал с камеры подали в ее монтажную студию. Она смотрела на изображение, и взгляд становился осмысленным. Убирали сигнал — она опять начинала умирать. Доктор записал два часа трансляции, дал ей на кассету. Она начала редактировать, манипулировать. И скоро выделила одну фигуру — мужчину, кого-то из персонала. Его привели в студию, но она никак

не отреагировала. Не обратила внимания. Она продолжала работать. Однажды я вошла, а она редактировала его лицо в «Фотошопе». Это было начало.

Кейс прижимается затылком к спинке кресла. Заставляет себя закрыть глаза. Сейчас она их откроет — и увидит старый «Баз Риксон», наброшенный на плечи Дэмиеновой кибердевочки. Или нишу в квартире в Хонго, набитую чужой одеждой.

— Вы устали? Плохо чувствуете?

Она открывает глаза. Стелла все еще здесь.

— Нет, просто слушаю ваш рассказ. Спасибо, что согласились со мной встретиться.

— Не за что.

— Стелла?

— Что?

— Зачем вы мне это рассказали? Все, что вы с сестрой делаете, держится в строжайшей тайне. Но когда я нашла ваш адрес — а это было очень непросто, — вы сразу же ответили. Я прилетела сюда, вы согласились со мной встретиться. Я не понимаю.

— Вы самая первая. Моя сестра — ее не интересуют зрители. Вряд ли она сознает, что я делаю с ее работой. Я даю миру возможность увидеть…

Ей все равно. А я все это время ждала. И когда вы написали, я поняла, что вы настоящая.

— Настоящая?

— Мой дядя очень важный человек, большой бизнесмен, сейчас даже больше, чем раньше, когда погибли наши родители. Мы его редко видим, но его люди нас охраняют. Понимаете, они его боятся. И поэтому они очень осторожны. Я считаю, это жалкая и безрадостная жизнь, однако в этой стране, если ты богат, приходится так жить. Я хотела, чтобы мир узнал о работе сестры. Но они настояли, чтобы все было анонимно. — Печальная улыбка всплывает на поверхность неподвижного бледного лица. — Когда вы сказали, что ваш отец погиб, я подумала: вы не станете нам вредить. — Улыбка сменяется озабоченным выражением. — Она очень расстроилась, моя сестра. Она сделала себе больно.

— Потому что я приехала?

— Ну что вы. Она не знает. Нет, когда мы увидели теракт в Нью-Йорке.

Теперь Стелла смотрит уже не на Кейс, а в сторону входа, где стоят два молодых человека в широких черных брюках и в кожаных куртках.

— Сейчас мне надо уйти, — говорит она. — Это мои водители. На улице ждет машина, отвезет

вас в гостиницу. — Она встает. — Нехорошо, когда женщина ходит ночью одна.

Кейс тоже встает; Стелла на полголовы выше ее.

— Я вас еще увижу?

— Конечно.

— И я смогу встретиться с вашей сестрой?

— Да.

— Когда?

— Завтра. Я с вами свяжусь, пришлю машину. Пойдемте.

Стелла идет к выходу — не спросив счет, не оставив денег; симпатичный официант почтительно нагибает голову, пожилой мужчина в белом переднике тоже кланяется. Она выходит на улицу, игнорируя двух парней в кожаных куртках. Кейс следует за ней.

— Вот ваша машина.

Черный «мерседес».

Стелла пожимает ей руку.

— Была рада встретиться.

— Да, — отвечает Кейс. — Спасибо вам.

— Спокойной ночи.

Один из парней забегает вперед, открывает пассажирскую дверь. Кейс садится в машину. Парнишка захлопывает дверь, обходит машину

сзади, садится за руль. Они трогаются. Оглянувшись, Кейс видит, что Стелла машет ей рукой.

Когда «мерседес» въезжает на Большой Каменный мост, водитель трогает клавишу на приборной панели. Включается синяя мигалка. Он разгоняется, виртуозно меняет передачи. Машина молнией пролетает по горбатому мосту и ныряет в улочки Замоскворечья.

Глава 36

Раскопки

Открыв глаза, Кейс видит узкий треугольник дневного света на потолке — как продольное сечение клинка, острие которого вонзается в щель между охряными занавесками.

Она помнит, что, вернувшись в номер, пересмотрела на «Айбуке» варианты монтажа Мориса и Кинщика, и впечатление было абсолютно новым. Даже сейчас его невозможно описать или характеризовать.

Выбравшись из-под тяжелых простыней, она раздвигает занавески. В окно брызжет яростный свет, и с островка на реке столь же яростно прыгает в глаза гнуснейший монументальный уродец.

В ванной, в окружении назойливого обилия коричневых тонов, Кейс экспериментирует с душевыми кранами, автоматически отмечая сходство с дизайном «Колер». Тоже конструкция, только без фирменного знака. Распаковав новое мыло, она забирается в ванну.

Двадцать минут спустя, одевшись и высушив волосы, Кейс стоит в буфете на первом этаже, обескураженно разглядывая накрытые к завтраку столы. Горы копченого мяса, гигантские пирамиды красной и белой рыбы, серебряные тазики с черной икрой, миски со сметаной. Блинчики. Еще какие-то похожие на блинчики штуковины, начиненные сладким сыром. Наконец, уже отчаявшись, она обнаруживает на самом последнем столе кукурузные хлопья и свежие фрукты. Рядом стоят большие кувшины с соками и кофе в огромных старомодных термосах с никелированными крышками.

Кейс находит свободный столик, садится и начинает методично есть, глядя в тарелку. За соседним столиком француз — легкий, как пение птички на темном фоне тяжелой русской основательности.

Произошло что-то очень большое, думает Кейс. И все еще продолжает происходить. Но словами

не выразить. Понятно, что это связано со Стеллой, с ее рассказом, с историей ее сестры, однако вместить эту историю в рамки своей жизни Кейс уже не может. Она словно переселилась в эту историю, а ее жизнь осталась позади, как покинутая комната — если оглянуться, можно увидеть открытую дверь.

Поднявшись в номер, она звонит Капюшончику в Чикаго.

— Я буду с вами откровенен, — отвечает он после последнего неполного гудка. — Сейчас в квартире никого нет. Но наличных и наркотиков я дома не держу, а у моего питбуля бешенство…

Она вешает трубку, не оставляя сообщения.

Значит ли это, что он уже вылетел?

Можно позвонить Сильвии Джеппсон и спросить у нее, но Кейс не хочется лишний раз общаться с «Синим муравьем».

Стелла ей доверяет. В какой бы страшный, дикий и глубоко трагичный русский сценарий ни были впаяны судьбы этих близнецов, Кейс отчаянно не хочет предать неуловимо-трепетное чудо, блеснувшее вчера на поверхности неподвижного бледного лица.

Капюшончик это понял бы. А кто еще? Уж точно не Бун, сейчас она не сомневается. Может быть,

Бигенд — по-своему, как он обычно понимает эмоции, которых сам никогда не испытывал.

Кейс открывает бутылку русской минеральной воды.

Доротея работает на русского, который живет на Кипре и является владельцем домена armaz.ru, связанного, если верить Буну, с российской нефтяной промышленностью.

Интересно, люди, которые забрались в офис Кэтрин Мак-Нелли, — они тоже были русскими? Вовсе не обязательно, думает Кейс. Те двое в Токио, например, были итальянцами. Это политкорректный заговор, без расовой дискриминации.

С другой стороны — Баранов, если разобраться, тоже русский. Точнее, англо-русский. Правда, он как-то выпадает из цепочки, которую она пытается выстроить. Так же как и Дэмиен, снимающий в российской глуши свой археологический панк-проект. Хотя отец его подружки тоже считается крупным мафиози.

Уин говорил, что всегда надо допускать возможность совпадений. Иначе соскользнешь в апофению, и каждая мелочь начнет казаться частью распухающего заговора, и ты увязнешь, пытаясь распутать сложную симметрию чу-

довищной паутины, и наверняка пропустишь настоящую угрозу, которая чуть менее симметрична, чуть несовершенна, но существование которой Уин всегда принимал, как должное.

Россия. Было еще что-то такое…

Кейс вдруг вспоминает — как раз в середине глотка — и начинает судорожно кашлять.

Один из ее старых постов. Тот самый, что выскочил, когда она задала слово «Россия» как параметр поиска по Ф: Ф: Ф.

Она вставляет диск и повторяет поиск.

> Автором может быть кто угодно. Например, какой-нибудь русский мафиози со склонностью к самовыражению. Нереализовавшийся талант, обладающий необходимыми ресурсами для создания и распространения фрагментов.

Датировано январем. Тогда она еще посещала Кэтрин. И понятия не имела, что будет работать на «Синего муравья», полетит в Лондон и свяжется с Бигендом.

Мафия.

Необходимые ресурсы.

Она вытирает губы тыльной стороной руки.

Значит, не склонность к самовыражению. А

любовь к осиротевшим племянницам.

Если уж у Баранова в недрах Лэнгли или АНБ нашелся старый друг-должник, сумевший выудить адрес Стеллы и Норы из потока сетевого трафика, то что говорить об очень богатом и влиятельном русском бизнесмене? Страшно подумать, чего он может добиться в своей родной стране. А хоть даже и не в своей.

Нет сегодня такой мерзости, для которой не могло бы служить эвфемизмом выражение «богатый и влиятельный», если речь заходит о России.

Кейс чувствует, как узел напряжения между лопатками запутывается все сильнее.

Когда вебсайт московской телефонной книги отказывается выдать информацию по студиям пилатеса, она надевает тренировочный костюм и поднимается в спортзал, расположенный этажом выше. В зале ни души, если не считать толстого русского старика с выражением религиозной скорби на лице, тяжко топающего по электрической беговой дорожке.

Все тренажеры здесь новые, блестящие и, судя по всему, отечественного производства. Дэмиен наверняка захотел бы их заснять. В дальнем углу Кейс находит что-то похожее на борцовский мат и пытается вспомнить комплекс упражнений на

ковре, который им показывали в самом начале.

Отрабатывая полузабытые движения, она постоянно чувствует на себе печальный взгляд толстяка. И к своему удивлению осознает, что даже рада его присутствию.

Такое уж сегодня утро.

Кейс борется с желанием выйти на улицу, спуститься в ближайшее метро и за легендарно низкую плату оказаться в вычурном мире минеральных чудес. Посетить эти станции, эти единственные из дворцов, действительно доставшиеся пролетариату. Хоть чем-то ослабить нестерпимое напряжение ожидания.

Но уходить нельзя. И она не уходит.

Она ждет ответа от Стеллы.

После полудня звонит мобильный телефон.

— Алле?

— Где вы, Кейс? — Это Бигенд.

— В Ливерпуле. — Она *лжет* рефлекторно, не успев подумать. — А вы где?

— В Париже. Сильвия говорит, вы скоро ко мне присоединитесь.

— Пока не уверена. Я пытаюсь кое-что разузнать. Надеюсь, вы не только из-за меня там сидите? Я могу и вообще не прилететь.

— Вовсе нет, не беспокойтесь. Не хотите по-

дробнее рассказать про «кое-что»?

— Не по мобильному. Лучше при встрече. — Кейс надеется, что причина звучит достаточно по-бунски.

— Вы говорили с Буном. — Это даже не вопрос.

— Да.

— У него сложилось впечатление, что вы без энтузиазма отнеслись к информации, которую он раздобыл в Огайо.

— Он слишком много значения придает интонациям.

— Что, нет искры в отношениях?

— Хьюберт, у нас с ним не роман.

— Вы дадите мне знать, если случится что-то важное?

Кейс принимает как должное, что по звонку нельзя определить местонахождение ее телефона. Она надеется, что это так. Даже если нет — все равно ничего не поделаешь.

— Разумеется. Мне надо идти, Хьюберт. До свидания.

Отбой. Она представляет, как он с недоумением смотрит на телефон.

И тут же раздается новый звонок.

— Да?

— Здравствуйте. Это Стелла. Вы еще хотите

встретиться?

— Очень хочу.

— Не слишком рано? Вы успели поспать?

— Да, спасибо.

Интересно, по какому расписанию живет Стелла.

— Тогда спуститесь вниз, к будке охранника. Туда подъедет машина. Через тридцать минут. Это нормально?

— Конечно!

— До свидания.

Кейс встает — в трусиках и футболке «Фрут оф зе лум» — и начинает одеваться. Она понимает, что такая встреча требует самого формального наряда, какой только можно придумать. Лучшие чулки из Японии, французские туфли, «типа юбка», раскатанная на всю длину и подтянутая вверх, чтобы создать приемлемую имитацию платья. Она идет в ванную и накладывает косметику, затем возвращается и надевает черную вязаную кофту. И напоследок проверяет почту.

Письмо от Дэмиена.

> Трудный день. Я уже, наверное, пятьдесят раз говорил, насколько глубоко верю в документальность. Знаю, людям это

кажется странным: я же мастер фальши, розыгрыша, одно выдаю за другое и т. д., и т. п. Наверное, они правы, если даже в журнале «Лицо» так написано. Но сегодня у меня есть повод всерьез усомниться в этом ярлыке, потому что мы только что полностью откопали «Юнкерс-87 Штука». Я тебе не рассказывал? Это практически целый самолет, который по какой-то дурацкой причине был похоронен под полутораметровым слоем грязи. Тут есть один гуру, он точно указал нам место. Говорит, что во сне ему было видение. Думаю, он просто ходит здесь зимой с металлодетектором. Так вот, этот гуру сказал — здесь! Ройте здесь, и обрете-те самолет. Как раз перед тем, как мы улетели в Лондон, ребята прорыли тран-шею и наткнулись на него. Пришлось прибегнуть к взяткам и угрозам, чтобы заставить их дождаться нашего возвра-щения, потому что я хотел сделать эпизод с самолетом кульминацией всего фильма. Я даже не подозревал, что это окажется именно «Штука» — самый нацистский из всех нацистских самолетов! Поразi-

тельно! Пикирующий бомбардировщик, их применяли в Испании — Герника и все такое. Абсолютно легендарный экспонат. И вот — свершилось! Представь, он лежит на дне огромной ямы, весь облепленный грязью, как дикарь из Новой Гвинеи. Если я правильно понял, это самый крупный трофей из всех, что были здесь отрыты, и можешь себе вообразить, сколько социотехники потребовалось, чтобы убедить их не открывать фонарь и не лезть в кабину. Последние две ночи Брайан и Мик постоянно дежурили рядом, отгоняя археологов, но долго это продолжаться не могло. Наконец настал великий день: мы установили камеры и приготовились снимать то, ради чего был затеян весь этот проект. И вот уже два самых крутых мужика с паучьими татуировками на плечах взбираются на покрытые скользкой слякотью крылья, и со своей позиции на краю раскопа я вижу, что в тех местах, где их ботинки сдирают грязь, металл даже не заржавел, и что весь самолет сохранился в идеально-музейном состоянии. Просто не верится! А

потом Брайан тоже залезает на крыло, чтобы снимать крупным планом, ручной камерой, и мужики начинают горстями соскребать грязь с фонаря. А там — пилот! Проступают очертания его головы, очков… Прежде я еще ни разу не видел, чтобы Брайан оторвался от видоискателя во время съемки. Но тут он обернулся ко мне, глаза ошалевшие — типа ЧТО ЗА ЧЕРТ?! — а я кричу ему во всю глотку: «Давай, давай снимай!!!» И он снимает весь процесс: как сбивают фонарь, как вынимают пилота — буквально по кускам… Представляешь, труп просто развалился на глазах. Они набросились, сняли часы, компас, кобуру с пистолетом, начали делить, драться, соскальзывая с крыльев вниз, — и просто разорвали его на части. И Брайан все это заснял, а Мик работал на второй камере и тоже много чего поймал, и плюс еще новые ребята снимали. Взяли всю сцену, с разных углов. И в один момент я оглядываюсь назад — и вижу, что эта идиотка Марина смеется! Причем не истерически, как можно было подумать, а просто ржет, как лошадь, потому, что ее

прикалывает это зрелище… И вот теперь я сижу в палатке один и пишу это письмо, потому что слово за слово… в общем, я ее послал куда подальше. Мик и Брайан уже успели нажраться. А я просто боюсь смотреть отснятый материал. Страх, конечно, пройдет, может быть, даже завтра. Но сейчас я, наверное, пойду и тоже надерусь. Как он ухитрился попасть в это болото, с целым самолетом? В общем, как говорится, спасибо, что выслушала. И не забудь полить цветы и покормить чертовых рыбок. Надеюсь, у тебя все в порядке.

С любовью,
Дэмиен.

Кейс трясет головой, перечитывает письмо.

Я тоже тебя люблю. Спешу, не могу много писать. Со мной все в порядке. Я сейчас тоже в России, в Москве. Подробнее расскажу позже.

Она начинает упаковывать «Айбук» в сумку, потом передумывает. Как-то неправильно — приносить лэптоп на встречу с автором фрагментов.

Лучше взять с собой восточногерманскую папку. Перекладывая необходимые предметы из багажного изделия, она вспоминает, что при регистрации у нее забрали паспорт. И до сих пор не отдали. Его можно взять по дороге. На дне папки рука натыкается на что-то холодное. Это камденский импровизированный кастет: металлическая деталь от Дэмиеновой кибердевочки. Хорошо, что эта папка была сдана в багаж. Кейс кладет железку обратно, на счастье. Потом проверяет, не забыла ли ключи от номера, и выходит в коридор — с головой, наполненной картинами из только что прочитанного письма.

У приехавшего за ней водителя темные очки и чисто выбритый череп интересной лепки. Обтекаемый.

«Мерседес» выезжает на улицу, где Кейс вчера гуляла. Она вспоминает, что опять не взяла у администратора паспорт.

Глава 37

Кино

Они сворачивают на широкую магистраль. Тверская — интуитивно определяет Кейс; утром

она успела полистать схемы окружающих улиц. От водителя, уже вставившего в ухо наушник, пахнет одеколоном.

Машина спокойно едет по предполагаемой Тверской, двигаясь вместе с основным потоком, не включая мигалки.

Над дорогой протянут транспарант с надписью по-английски: ВЫСТАВКА ВОСКОВЫХ ФИГУР.

На вывесках то и дело встречаются вкрапления латинских букв. «Бутик», «Кодак», аптека под названием «Фармаком».

Когда они поворачивают налево, Кейс спрашивает:

— Какая это улица?

— Георгиевский, — отвечает водитель. Хотя с тем же успехом это может быть его имя.

Они еще раз поворачивают и останавливаются в узком переулке.

Кейс начинает было объяснять, что не имела в виду «остановиться», но водитель выходит, обегает вокруг машины и открывает ей дверь.

— Выходите.

Неровный серый бетон. На стене граффити, кириллица. Буквы раздуты в неуклюжем подражании Нью-Йорку и Лос-Анджелесу.

— Прошу. — Водитель дергает помятую сталь-

ную дверь. Она распахивается с гулким стуком. За дверью темнота.

— Сюда.

— Стелла там?

— Кино, — отвечает он.

Кейс следует за ним и оказывается в непонятном полутемном объеме. За спиной захлопывается дверь. Единственный источник света — голая лампочка наверху, в конце невообразимо крутого лестничного пролета. Цементные ступени, никаких перил.

— Прошу. — Водитель указывает в сторону лестницы.

Приглядевшись, Кейс замечает, что перила все же есть: призрачная стальная полоска, опирающаяся всего на два прута — сверху и снизу. Провисает в середине, как веревка. Вибрирует, когда за нее возьмешься.

— Он получил утку в лицо…

— Вверх, пожалуйста.

— Простите. — Она начинает подниматься, слыша за спиной его дыхание.

Наверху еще одна стальная дверь, более узкая, прямо под сорокаваттной лампочкой. Кейс открывает ее.

Кухня, залитая красным светом.

Как общие кухни в старых нью-йоркских квартирах, только чуть больше. Приземистая плита сталинской эпохи — шире, чем машина, на которой они приехали. Такие топятся дровами или углем.

Там, где в нью-йоркских кухнях располагается общая ванна, установлен душ: отделанный кафелем квадратный бортик окружает цементное углубление в полу. С пятиметрового потолка, покрытого полувековым слоем коричневой копоти, свисает старинный оцинкованный разбрызгиватель — по виду ветеринарного или сельскохозяйственного предназначения. Источником красного света служит ворованный знак метро — буква «М» с лампочкой внутри, прислоненная к стене.

— Вот вы и здесь, — говорит Стелла, открывая дверь; из проема бьет яркий свет.

Стелла обращается к водителю по-русски. Тот кивает, выходит на лестницу, прикрывает за собой дверь.

— Здесь — это где?

— Идемте.

Стелла ведет ее в комнату с высокими грязными окнами; похоже, раньше эти окна были наглухо закрыты ставнями.

— Кремль. — Стелла указывает на зубчатую стену, видную в проеме соседних зданий. — А вон там Дума.

Кейс оглядывается по сторонам. Потертые стены, некрашенные еще с советских времен, напоминают бар в Роппонджи. Многолетняя никотиновая копоть скрывает то, что изначально было кремовой краской. Царапины, трещины. Рисунок паркета на полу практически не виден под несколькими слоями краски; верхний слой красно-коричневый. Два новеньких белых стола из «Икеи», два вращающихся стула, несколько компьютеров, корзины для бумаг. На стене над столами какая-то сложная схема, нарисованная фломастерами на нескольких смежных белых досках.

— Сергей называет это проектом, который никогда не кончится, — говорит Стелла, заметив, что Кейс смотрит на схему, а не в окно. — Здесь, конечно, только начало работы.

— Но ведь у фильма будет конец? — Кейс чувствует, что краснеет: разве можно так сразу задавать лобовой вопрос?

— Вы имеете в виду линейный сюжет?

— Я должна была спросить.

Она чувствует, что сейчас они все — и Капю-

шончик, и Айви, и Кинщик, и Морис, и весь Ф: Ф: Ф — все незримо стоят у нее за спиной.

— Понятия не имею. Она может начать редактировать, как свой студенческий фильм: чтобы свести все к одному кадру. А может, однажды они заговорят, ее герои. Кто знает? Нора ведь молчит.

В комнату заходит парень с густыми рыжими волосами; кивает, садится за один из компьютеров.

— Пойдемте. — Стелла показывает на дверь, откуда вышел рыжий парень. — Вы знаете эту идею: сквот? Как в Амстердаме, Берлине?

— Да.

— У вас это есть? В Америке?

— В общем, нет.

— Здесь, в этих комнатах был сквот. Очень популярный в восьмидесятых. Праздник никогда не кончался. Знаете, одни люди приходят, другие уходят, а веселье продолжается. Говорили о свободе, об искусстве, о духовных вещах. Мы с Норой были еще школьницами, когда нас сюда привели. Наш отец очень рассердился бы, если бы узнал.

Комната, куда они попали, гораздо больше предыдущей. Здесь собран импровизированный компьютерный зал: рабочие места разделены некрашеными фанерными перегородками.

Экраны не светятся, стулья пусты. На одном из мониторов сидит плюшевая фигурка кота Гарфилда; видны и другие признаки офисного уюта. Кейс берет со стола квадратную акриловую пластинку. В прозрачном материале трехмерная лазерная гравюра: эмблема кока-колы и стилизованное изображение башен-близнецов, а внизу слова «МЫ ПОМНИМ». Она быстро кладет гравюру на место.

— Когда видишь это сейчас, даже представить трудно. Здесь однажды пел Виктор Цой. Тогда люди действительно жили. Система рушилась под собственным весом, но у всех была работа — часто бессмысленная, с маленькой зарплатой, однако на еду хватало. Люди ценили дружбу, спорили, ели, пили. Этакая студенческая жизнь. Духовная жизнь. Теперь у нас говорят: все, что Ленин рассказывал о коммунизме, — ложь, а все, что он рассказывал о капитализме, — правда.

— А что вы делаете в этой комнате?

— Здесь готовят к обсчету работу моей сестры.

— Она сейчас здесь?

— Да, она работает. Вы ее увидите.

— Но я не хочу прерывать…

— Вы не понимаете. Она с нами, пока работает. Как только остановится — сразу уходит.

Дверь в четвертую комнату расположена в конце узкого высокого коридора. Стены неоднотонные: на уровне человеческого роста побелка потемнела от бесчисленных касаний, а выше выглядит светлей. Сама дверь — новенькая, глянцево-белая — кажется непрочной на фоне тусклого шершавого гипса.

Стелла открывает ее, отступает в сторону, пропускает Кейс вперед.

Такое впечатление, что в комнате нет окон, а светится только огромный плоский монитор — самый большой из всех, которые Кейс когда-то видела. Но постепенно глаза привыкают к темноте, и она замечает три узких окна, закрашенных черной краской. Наверное, это работает автономный звериный инстинкт, который в любой незнакомой обстановке первым делом ищет потенциальные выходы. Все ресурсы высшего сознания сосредоточились на экране, где замерла сцена из нового, еще никем не виденного фрагмента.

Точка зрения героини: герой протягивает руку, словно для того, чтобы коснуться ее щеки в прощальном жесте.

Курсор мечется по экрану, как перекрестье прицела. Замирает на уголке его рта. Щелчок

мыши — зум, увеличение. Несколько быстрых поправок. Еще щелчок. Возвращение к нормальному размеру.

Выражение его лица слегка изменилось. Как и настроение всей сцены.

Да, думает Кейс, «разбивщики» могут сушить сухари. Фрагменты — это живой, незавершенный проект.

— Нора. — Стелла бесшумно выступает вперед и опускает руки на укутанные шалью плечи человека, который сидит перед экраном. Правая рука Норы, лежащая на мыши, на мгновение замирает; Кейс каким-то образом чувствует, что это не связано ни с руками на плечах, ни с присутствием незнакомца.

Кейс пока не видит ее лица — только длинные темные волосы, разделенные прямым пробором. Совсем как у сестры. На волосах блик от светящегося монитора.

Стелла склоняется, говорит что-то по-русски, и Нора медленно поворачивает голову. Контур ее лица резко очерчен в свете изображения на экране.

Это лицо Стеллы — с небольшой, практически неуловимой вертикальной погрешностью. Никаких шрамов, только легкое смещение костей

черепа. Кожа такая же гладкая и белая, как у сестры.

Кейс смотрит в темные глаза. Одну секунду Нора видит ее. Потом опять не видит. И поворачивается к экрану.

Стелла придвигает свободный стул:

— Садитесь. Смотрите, как она работает.

Кейс качает головой, ее глаза щиплет от слез.

— Садитесь, — очень мягко повторяет Стелла. — Сейчас вы ей не помешаете. Вы проделали долгий путь. Вам надо увидеть, как она работает.

Кейс проверяет время: она пробыла в комнате Норы чуть больше трех часов.

Вряд ли ей когда-нибудь удастся описать свои ощущения от увиденного. Даже Капюшончик вряд ли поймет.

Она наблюдала, как скелет нового фрагмента появляется практически из ничего. Из случайных обрывков видеоматериала. Из образа незнакомца, который стоял однажды на пригородной платформе, а потом обернулся и поднял руку в приветствии, и был пойман на пленку, чтобы сегодня, бог знает сколько времени спустя, оказаться на одном из вспомогательных экранов в студии Норы и попасть под беспокойный блуждающий курсор. Она наблюдала, как эле-

менты случайного жеста становятся частью героя в черном плаще, чья жизнь, как и жизнь других героев, заключена в границы города «Т», очертания которого Нора накладывает на создаваемые фрагменты. Ее сознание тоже привязано к Т-образному осколку, застрявшему в мозгу: к фрагменту взрывателя мины «Клэймор», убившей ее родителей, к обломку металла, который вошел в череп так глубоко и прочно, что его нельзя извлечь. Тысячи таких штампованных деталей вышли из-под автоматического пресса где-то в Америке, и рабочие, стоявшие за прессом, должно быть, думали — если им вообще свойственно думать о конечном результате, — что с помощью этой детали будут убиты русские злодеи. Но та война уже давно закончилась — война Уина и Баранова, старая, как кирпичные здания за колючей проволокой позади ржавого трейлера, где угрожающие знаки стерегут гулкое отсутствие служебных собак. Каким-то образом этот осколок старого арсенала, ставший бесхозным после проигранной советами последней войны, нашел новых хозяев среди врагов русского бизнесмена, и одна маленькая деталь, только слегка поврежденная взрывом безжалостно-простого устройства, впечаталась в мозг девушки по име-

ни Нора. И оттуда, из ее ран, под аккомпанемент терпеливо-ритмичных пощелкиваний мыши появляется на свет это чудо — фрагменты.

В темной комнате, где из окон можно увидеть Кремль, если с них соскоблить черную краску, Кейс ощутила присутствие ослепительного творческого начала, оказалась у вожделенных истоков цифрового Нила, очаровавшего ее друзей. Эти истоки — здесь, в слабых, но точных движениях бледной женской руки. В легких щелчках мыши. В глазах, которые светятся мыслью, только когда смотрят на экран.

Одна большая рана, беззвучно говорящая в темноте.

Стелла находит ее в коридоре — с мокрым от слез лицом, с закрытыми глазами, спиной к гипсовой стене — такой же неровной, как лобная кость Норы.

Она подходит, кладет ей руки на плечи:

— Теперь вы видели ее работу.

Кейс открывает глаза, кивает.

— Пойдемте, — говорит Стелла, — у вас потекла тушь.

Стелла ведет ее мимо пустых рабочих мест в сумеречное сияние кухни. Открыв бронзовый кран, она мочит серую салфетку и передает ее

Кейс. Та прижимает мокрую холодную бумагу к горячим глазам.

— Сейчас осталось очень мало таких домов, — рассказывает Стелла. — Земля слишком дорого стоит. Это здание, которое мы с Норой с детства любим, — собственность моего дяди. Он не позволяет его сносить, потому что Норе здесь удобно. Цена для него не имеет значения. Он просто хочет, чтобы мы были в безопасности. И чтобы Нора чувствовала себя спокойно и уютно.

— А вы, Стелла? Чего хотите вы?

— Я хочу, чтобы мир узнал о ее работе. И об остальном, чего вы не знали и не могли знать. О том, как здесь жилось творческим людям. О том, как в квартирах, подобных этой, возникали целые вселенные, замешанные на крови и воображении, — возникали, чтобы умереть вместе со своими создателями и раствориться в океане хаоса. Нора со своей работой тоже постепенно уходила в этот океан. — Стелла улыбается. — Однако теперь появились вы.

— Они ваши родители? Та пара в кино?

— Может быть. В молодости. Они их действительно напоминают. Но если у ее работы есть сюжет, то он не из их жизни. Это вообще не их мир. А какой-то другой. Это всегда другой мир.

— Да, — соглашается Кейс, положив на стол размокшую салфетку. — Это всегда другой мир… Скажите, Стелла, те люди, которые вас охраняют по приказу дяди, — от кого они вас охраняют, как вы думаете?

— От его врагов. От любого, кто захочет использовать нас, чтобы навредить ему. Поймите, предосторожности — обычное дело для такого человека, как мой дядя. Необычно другое: что Нора художница. И вся ее ситуация необычна, и ее состояние, и то, что я хочу показать людям ее работу, — да, это все необычно. А в том, что нас надо охранять, — тут ничего необычного нет.

— Вы понимаете, что они заодно охраняют вас от и других вещей, может, сами того не зная?

— Нет, я не понимаю.

— Работа вашей сестры стала очень ценной. Ваши усилия не пропали даром. Искусство Норы воспринимается как настоящее чудо, выходящее из самого сердца нашего мира. И все больше людей в разных странах следят за этим проектом.

— Но в чем здесь опасность?

— У нас есть свои богатые и влиятельные люди. Любое явление, которое стабильно притягивает к себе внимание, становится очень ценным с точки зрения потенциальных возможностей.

— Чтобы сделать из него коммерческий продукт? Мой дядя никогда не допустит такой огласки.

— Продукт и так уже очень ценный. Гораздо ценнее, чем вы можете себе представить. Коммерческая часть — это просто создание брэнда, открытие франчайзов. Они уже готовятся к этому. По крайней мере один из них. И этот человек очень умен. Я знаю, потому что работаю на него.

— Вы на него работаете?

— Да. Но я уже решила: я не скажу ему, что нашла вас. Кто вы такие, где находитесь, что случилось с Норой, и все, что я сегодня увидела, — он ничего не узнает. Я на него больше не работаю. Однако придут другие, и в конце концов вас найдут. Вы должны быть готовы.

— Готовы? Как?

— Пока не знаю. Но постараюсь что-нибудь придумать.

— Спасибо, — говорит Стелла. — Я рада, что вы увидели, как работает моя сестра.

— И вам спасибо.

Они обнимаются, Стелла целует ее в щеку.

— Ваш водитель ждет.

— Пожалуйста, отошлите его. Я хочу прогуляться, почувствовать город. Я еще не видела вашего

метро.

Стелла достает телефон из кармана серой юбки, нажимает кнопку, говорит что-то по-русски.

Глава 38

Пуппенкопф

Кейс оказывается на шумном Арбате.

Покинув сквот на задворках Георгиевского, она безвольно дрейфовала, сорванная с якоря чудесным процессом, который ей довелось наблюдать. Теперь она знает, что фрагмент с панорамой пустынного пляжа привязан к неровной верхушке буквы «Т». Немыслимая степень интимности.

Задумавшись, Кейс брела наугад, поворот за поворотом, из одной улицы в другую, пока не увидела на одном из перекрестков красное «М» станции метро. Она спустилась под землю и с некоторыми трудностями купила несколько жетонов[267], получив ворох сдачи со слишком большой купюры. Прозрачные кружочки из зеленоватого пластика, по цвету похожие на фигурки игрушечных скелетов, которые светятся в темно-

---

[267] Примечания: 267

Так у автора. На самом деле жетоны были упразднены в январе 1999 г.

те. На каждом буква «М».

Одного жетона хватило на всю долгую поездку, с переходами и пересадочными станциями.

Кейс просто растворилась в одной из своих детских фантазий, в жутковатой сталинской грандиозности московской подземки, которая так потрясала ее отца.

Чувство, преследовавшее ее с самого начала — что все здешние объекты необоснованно огромны, — под землей стало вдвое сильнее. Избыточная роскошь станций превзошла самые смелые фантазии. Сверкающая бронза, розовый мрамор с аквамариновыми вставками, ослепительные хрустальные люстры на мощных колоннах, подпирающих высокие потолки, — элементы, уместные скорее для бальных залов, чем для станций метро. Как будто все богатство таинственной страны, которую Уин называл последней империей девятнадцатого века, влилось сюда через темные каналы тридцатых годов, чтобы превратиться в эти великолепные дворцы общественного транспорта.

Столь сильное и необычное впечатление на время освобождает Кейс от тяжелых чар, владевших ее сознанием с того момента, как она спустилась по узкой лестнице в солнечное сия-

ние дня, и за спиной лязгнула стальная дверь.

Она понятия не имеет, где успела побывать за эти два часа бесцельного дрейфа по сказочно прекрасным галереям и эскалаторам, но в конце концов случай приводит ее на Арбат, широкий и переполненный народом, и тут снова включается алгоритм «это-почти-как», и она говорит себе, что это почти как Оксфорд-стрит — хотя общего, конечно, мало.

Почувствовав жажду, она заходит в почти-как-итальянский кафетерий с прохладительными напитками и доступом в интернет и покупает бутылку воды и полчаса сетевого времени, чтобы проверить почту.

Клавиатура по умолчанию настроена на кириллицу; Кейс постоянно нажимает не ту кнопку и теряет английский язык, а потом не может вспомнить, как его вернуть. С грехом пополам ей удается прочитать письмо Капюшончика.

> За свою долгую и трудную жизнь я повидал достаточно недобросовестных агентов, чтобы безнадежно разочароваться в этом сословии, тем не менее должен признать, что твой агент — приятное исключение. Доказательством служит

мой статус: я сейчас сижу в парижском аэропорту, завернутый в нежнейший кожаный кокон ручной работы от «Эйр Франс», и ожидаю посадки на ближайший рейс до Москвы, посматривая Си-эн-эн на французском языке. Задержка произошла отнюдь не по вине Сильвии. Просто что-то всполошило здешние бомбодетекторы, и теперь даже мы, элита из первого класса, должны ждать разрешения полетов. Чтобы как-то скрасить ожидание, вышеупомянутую элиту в составе пяти человек препроводили в чудо-инкубатор, оснащенный, я вынужден признать, самым лучшим во вселенной ассортиментом бесплатных закусок, в дополнение к которому нас постоянно обносят шампанским. Наверное, я тебе еще не говорил, но после печально известных событий мне, как и многим другим, не очень-то хотелось летать. Поэтому я и к Деррилу поехал на поезде. Однако сейчас, благодаря общей взвинченности и невообразимому уровню заботы, я практически не чувствую дискомфорта. Мои американские страхи остались по ту сто-

рону регистрации багажа. И как только вправят мозги бомбодетекторам, я прилечу тебе на помощь. Боюсь, правда, что меня придется заново учить самостоятельно есть и подмываться. Если хочешь помочь, приготовь маленькие горячие полотенца. Еще раз спасибо за билет.

Кейс пытается ответить, но опять случайно нажимает эту дурацкую кнопку. Официант помогает ей переключиться назад, и она пишет:

Я побывала там, встретилась с ней. Вернее, увидела ее. Сидела и смотрела, как она работает. Я сейчас в интернет-кафе, все еще перевариваю впечатления. Об этом трудно писать. Да и ни к чему — ты уже почти здесь. Я так рада, что ты прилетаешь! Может, ты уже прилетел? Я еще не была в гостинице.

Снаружи доносится тяжелый грохот: столкновение или взрыв. Кейс поднимает голову. Воют сирены. Официант подбегает к двери, выглядывает на улицу. Кейс закрывает глаза. Она снова в машине, по пути к дому Стоунстрита, а на дороге, подставив лицо дождю, лежит мотоциклист со

сломанной шеей… Она остро ощущает собственную смертность.

> Я должна тебе это сказать, потому что никто
> больше не знает: stellanor@armaz.ru. Ее зовут Стелла. Не самого автора, ее сестру.

Отправить.

Она допивает воду, закрывает браузер, встает со стула. Сирены все еще слышны в отдалении.

Теперь нужно поймать такси. «Официальное».

Кивнув парням в кевларовых бронежилетах, она вспоминает, что все еще не забрала паспорт.

Фойе «Президент-отеля» по-прежнему огромно и еще более безлюдно, чем раньше. Ее просьба запускает в администраторе глубокую атавистическую программу, оставшуюся с советских времен. Лицо его каменеет, глазки сжимаются, и он молча ныряет в неприметную дверь за стойкой. Десять минут все тихо; потом он выныривает с паспортом в руках и так же молча кладет его на стойку.

Вспомнив рассказы Уина, Кейс проверяет, что паспорт действительно ее, и все страницы на месте, и сзади не прибавилось новых штампов и

виз. На первый взгляд все в порядке. Она благодарит администратора и убирает паспорт в папку «Штази».

Самое время напустить горячей воды в длинную коричневую ванну и хорошенько расслабиться. А потом сойти вниз и спросить, не прибыл ли мистер Гилберт.

Кейс поворачивается — и оказывается нос к носу с Доротеей Бенедитти.

— Нам надо побеседовать.

Доротея тщательно прилизана в своей обычной манере, только косметики чуть побольше. Черные одежды, массивное золотое ожерелье.

— Доротея?

Ну да, а кто же еще? Но инстинкт советует пока сыграть в дурочку. Другой, более древний инстинкт советует уносить ноги.

— Я знаю, что вы их нашли. Хьюберт еще не знает, однако им уже известно.

— Кому?

— Охране Волкова. Людям, которые меня наняли. Нам надо срочно поговорить, с глазу на глаз. Давайте пройдем туда, в бар.

— Я думала, вы работаете на Хьюберта.

— Я работаю на себя. И о вас тоже забочусь. Пойдемте, я все объясню. У нас мало времени.

Доротея поворачивается и, не дожидаясь ответа, шагает через красно-коричневый плац в сторону гостиничного бара. Швы у нее на чулках сделаны в форме стилизованных извивающихся змеек.

Кейс следует за ней, чувствуя глубокое недоверие; узел страха между лопатками становится все туже. Но она твердо решила узнать, в чем дело.

В декорациях бара преобладают осенне-пиковые мотивы: охапки сушеных цветов, гирлянды листьев вокруг буфета, муляжи тыкв, неприятно похожие на черепа. На стене огромное потемневшее зеркало с золотыми прожилками.

Давешняя девушка в зеленых сапогах тоже здесь; только теперь она уже не в сапогах. Кейс замечает знакомые языки пламени — на высоком стульчике они смотрятся особенно выигрышно. Рядом сидят ее коллеги, по-видимому, сумевшие договориться с охраной. Их клиентуру составляют преимущественно крупные, гладковыбритые, коротко подстриженные мужчины с удивительно квадратными головами, в одинаковых темных костюмах. Картинка напоминает затерявшийся в пространстве-времени кусочек Америки — вплоть до сизых слоев сигаретного дыма и начисто лишенного иронии голоса Фрэн-

ка Синатры, — только все это соткано из другого материала, из обрывков имперского триумфа, поражений и разочарований.

Доротея уже сидит за столиком для двоих. Бармен в белом пиджаке сгружает с подноса напитки — для Доротеи бокал белого вина, а для ее оппонента бутылку минеральной воды «Перье» и стакан со льдом. Кейс садится на свободный стул.

— Я заказала воду, — говорит Доротея. — Вам предстоят серьезные физические нагрузки, поэтому алкоголь ни к чему.

Официант наливает «Перье» в стакан и уходит.

— О чем вы говорите?

Доротея пристально смотрит на нее.

— Давайте сразу определимся: я не собираюсь добиваться вашего расположения. Мне на это плевать. Просто в данный момент наши интересы совпадают. Я знаю, вы мне не доверяете, но прошу вас по крайней мере выслушать. Что вам известно об Андрее Волкове?

Волкова. Стелла Волкова. Не зная, что сказать, Кейс отпивает из стакана. Вода кажется безвкусной.

— Это их дядя, — нетерпеливо говорит Доротея. — Я знаю, где вы сегодня были. Знаю, с кем вы

встречались. И очень скоро Волков тоже узнает.

— Первый раз слышу это имя.

В горле пересохло; Кейс делает еще глоток.

— Теневой олигарх, человек-призрак. Возможно, самый богатый в России. Умудрился без потерь пережить войну банкиров в девяносто третьем, даже увеличил свое состояние. Корни, разумеется, уходят в организованную преступность. Его семья пострадала, как и многие другие семьи. Он потерял родного брата — скорее, из-за политики, чем из-за криминальных разборок. Хотя в этой стране было бы наивным проводить черту между такими вещами. — Она делает глоток вина.

— Доротея, что вы здесь делаете?

В другое время Кейс, наверное, чувствовала бы себя иначе: испуганной, злой. Сейчас интриги кажутся сущей ерундой по сравнению с раскрытой тайной фрагментов. Узел между лопатками начинает потихоньку распускаться.

— Кейс, поймите, ваша жизнь в опасности. За вами охотится охрана Волкова. Вы встретились с его племянницами, а этого не должно было произойти.

— Что-то не верится, чтобы их так уж строго охраняли. Я только отправила имэйл, и они сразу ответили.

— Как вы узнали адрес?

Барановские очки вспыхивают в британском солнечном луче, пробившем крышу ржавого трейлера. В глазах за стеклами стоят бездны холодного недоверия.

— От Буна, — лжет Кейс.

— Ну ладно, не имеет значения, — отмахивается Доротея.

Кейс рада: вот и хорошо, что не имеет. У нее вдруг возникает желание рассказать, что Бун сейчас в Огайо, в фирме «Магия-символ».

— Давайте поговорим о вашем отце, — предлагает Доротея. — Сейчас это более важно. Как его зовут?

— Уин, — отвечает Кейс. — Уингроув Поллард.

— Он ведь пропал без вести? Во время теракта в Нью-Йорке?

— Да. Зарегистрировался в гостинице накануне вечером, а утром взял такси и куда-то поехал. Но мы так и не нашли водителя. Все ищем, ищем и никак не можем найти.

— Ну ничего, не исключено, что я помогу вам его найти, — говорит Доротея. — Вы пейте водичку.

Запрокинув голову, Кейс залпом допивает воду. Кубики льда соскальзывают вниз, больно ударя-

ют по передним зубам.

— Ой, я ударила зубы, — говорит Кейс, ставя стакан на стол.

— Вам надо быть осторожнее, — ласково улыбается Доротея.

Кейс смотрит на людей, сидящих у стойки. На юбке у девушки шевелятся и переливаются аппликации из змеиной кожи. Точнее, это просто вырезы в ткани в виде языков пламени, а сквозь них видна живая черно-зеленая змеиная кожа. Кейс хочет рассказать Доротее об этих вырезах, но она почему-то стесняется. Ей вообще очень стыдно и неловко.

Доротея берет бутылку, доливает в стакан остатки воды.

— Вам когда-нибудь приходило в голову, что я и есть Мама Анархия?

— Нет, нет, не может быть! — удивляется Кейс. — Вы даже не знаете слова «гегемония»!

— Что?

Кейс чувствует, что краснеет.

— Нет, вы не подумайте! Конечно, вы очень образованы. Я просто не могу поверить, что вы сами могли до такого додуматься. Все эти вещи, которые Капюшончик так ненавидит. Ведь это невозможно придумать!

Наверное, не стоило ей этого говорить.

— Конечно, нет. Пейте водичку.

Кейс пьет, следя, чтобы лед не ударился о зубы. Доротея улыбается:

— Но у меня есть помощник, маленький пуппенкопф. Я говорю все, что мне надо, а он переводит на язык Мамы Анархии. Чтобы потрепать нервы вашему любимому дружку.

— Пуппен?..

— Пуппенкопф. Марионетка. Аспирант из Америки, который помогает Маме. Ты ведь теперь тоже мой пуппенкопф, правда? — Подавшись вперед, она треплет Кейс по щеке. — И больше никогда не будешь нас огорчать. Ты будешь паинькой, будешь хорошей девочкой и расскажешь Маме, откуда у тебя этот имэйл.

Но там, на буфетной стойке, стоят черепа! Кейс открывает рот, чтобы рассказать о них Доротее, — и вдруг видит: сам Бибендам колышется в воздухе над баром, как сдувшийся белесый дирижабль, и его лоснящаяся плоть висит по бокам дряблыми мерзкими складками. Кейс так и замирает с открытым ртом, не в силах произнести ни звука, а ужасные глазки Мишлена буравят ее с непереносимой жгучей сосредоточенностью, и в этот момент она испытывает, наверное, впервые в

жизни, эффект ФЭГ: откуда-то из тайного водоворота в песне Фрэнка Синатры выскакивает яркая мультипликационная ленточка постороннего звука, которая проделывает акустический эквивалент заднего сальто и превращается в голос отца, искаженный невообразимым расстоянием:

— В воде наркотик. Кричи!

И Кейс кричит.

И перед тем как провалиться в черноту, успевает почувствовать холод металла под пальцами, на дне папки «Штази».

Глава 39

Красная пыль

В голову Кейс вживлена стальная проволока, в точности повторяющая все неровности внутренней поверхности черепа. Странно, что она раньше ее не замечала.

Эта проволока, судя по всему, толщиной не более миллиметра, но очень прочная и упругая. Кейс ее ясно чувствует, потому что кто-то начал проворачивать центральный ключ, тоже металлический, в виде буквы «Т» с изображением карты города, название которого она когда-то

помнила, а теперь забыла из-за нестерпимой боли. С каждым поворотом ключа стальная проволока расширяется, причиняя ей ужасные страдания.

Открыв глаза, Кейс обнаруживает, что зрение не работает. По крайней мере не так, как раньше.

Теперь придется носить очки, думает она. Или контактные линзы. Или можно сделать лазерную операцию. Сейчас они уже научились, успех практически гарантирован. Изначально технология пришла из советской медицины. Эффект был обнаружен случайно: первый пациент получил микропорезы сетчатки, попав в автокатастрофу где-то в России…

Кейс снова открывает глаза.

Это Россия.

Она пробует поднять руки и потрогать голову. Руки отказываются подчиняться.

Пространственная ревизия. Положение горизонтальное, лицом вверх, должно быть, на кровати. Руки не двигаются. Она осторожно приподнимает голову — как в студии пилатеса, перед упражнением «сотня». По крайней мере руки на месте: лежат под тонким серым одеялом, из-под которого выступает краешек белой простыни. Те-

ло перехвачено двумя тонкими смирительными ремешками — один чуть ниже плеч, другой на уровне пояса.

Это плохо.

Кейс опускает голову. И стонет, потому что в ответ на движение ключ проворачивается дважды, и очень быстро.

Белый и гладкий потолок, на котором с трудом удается сфокусировать взгляд. Осторожно повернув голову вправо, она видит стену, такую же белую и гладкую. А что слева? Простой квадратный плафон на потолке. А дальше несколько кроватей. Три пустые металлические кровати, покрашенные белым.

Движения очень утомительны; она чувствует страшную усталость.

Рядом стоит седая женщина в серой вязаной кофте, накинутой поверх бесформенного серого платья. В руках у женщины поднос.

Изголовье кровати приподнято, и смирительные ремешки куда-то исчезли. Так же, как и стальная проволока в черепе.

— Где я?

Женщина отвечает каким-то четырехсложным восклицанием и опускает поднос на ажурную подставку, переброшенную поперек кровати.

На подносе пластиковая миска с чем-то густым, напоминающим суп из моллюсков, только без моллюсков. Рядом пластиковый стакан с мутной светло-серой жидкостью.

Женщина протягивает странную плоскую ложку, сделанную словно из резины — достаточно жесткую, чтобы ею можно было есть, и в то же время достаточно гибкую, чтобы ее можно было сложить вдвое. Кейс начинает хлебать теплый, густой и удивительно вкусный суп, приправленный гораздо острее, чем вся больничная еда, которую ей когда-либо доводилось пробовать.

Стакан с серой жидкостью вызывает подозрения; Кейс не решается пить. Женщина указывает на него и издает односложный звук.

На вкус напиток чуть-чуть похож на «Биккли». Органический «Биккли».

Допив все без остатка, она ставит стакан на поднос. И зарабатывает еще одно короткое восклицание, на этот раз нейтральное по тону. Женщина убирает поднос и выходит, прикрыв за собой кремовую дверь.

Кейс не может разглядеть, что там за дверью, но госпитальная логика предполагает коридор.

Сев на кровати, она обнаруживает, что одета в больничный халат из тонкой застиранной

фланели, с глубоким вырезом на спине. На ткани халата выцветший рисунок: желто-розовые клоуны на синем фоне.

Лампа на потолке меркнет, однако полностью не выключается.

Кейс отбрасывает одеяло. Ее бедра украшены многочисленными синяками. Она спускает ноги на пол и встает, опасаясь, что это движение приведет к каким-нибудь новым страданиям. Но ничего страшного не происходит.

Пол в палате покрыт чем-то серым и упругим. Поверхность под пятками слегка шершавая.

Сдвинув ноги вместе, Кейс находит «магниты» из упражнения «полотенце». Сгибается вперед, растягивая задние мышцы бедер. Сосредотачивает внимание на точке внутреннего равновесия. Удлиняет позвоночник.

Накатывает волна головокружения; Кейс терпеливо пережидает.

Теперь нижний перекат: медленно, позвонок за позвонком, одновременно опускаясь на колени. Припасть к полу. Все мышцы расслаблены, голова болтается…

Под кроватью лежит что-то черное.

Кейс замирает, вглядывается в бесформенный предмет. Протянув руку, осторожно трогает… Это

ее дорожная сумка. Она вытаскивает ее из-под кровати. Молния расстегнута, внутри в беспорядке напихана одежда. На ощупь можно распознать джинсы, свитер, холодный скользкий нейлон «Баз Риксона». Ни телефона, ни «Айбука», ни кошелька, ни паспорта.

Сплющенные замшевые ботинки обнаруживаются в одном из боковых карманов.

Кейс встает, нашаривает на шее завязки и освобождается от клоунского халата. Несколько секунд стоит обнаженная в зеленоватом флюоресцирующем полумраке. Затем нагибается и начинает одеваться. Трусики, джинсы, черная футболка. Носков найти не удается. Сев на кровать, она завязывает шнурки на ботинках.

И тут ей приходит в голову, что дверь наверняка заперта. Иначе просто быть не может.

Нет, не заперта. Кнопка на круглой ручке бесшумно выскакивает, дверь приоткрывается. Кейс распахивает ее.

Так и есть, коридор. Только не больничный. Школа? На стене бирюзовые дверцы шкафчиков. Трехзначные номера на маленьких табличках. Колбы дневного света на потолке. Синтетический пол цвета пробки.

Кейс смотрит налево: коридор заканчивает-

ся глухими коричневыми дверями. Пожарный выход. Она смотрит направо. Там тоже двери, но стеклянные, с металлическими нажимными ручками. Снаружи пробивается солнечный свет.

Выбор очевиден.

Разрываясь между желанием бежать со всех ног и желанием сойти за местную (какие они, здешние местные?), она подходит к стеклянным дверям и нажимает ручку.

Дневной свет слепит. Воздух не московский, пахнет летней травой. Прикрыв глаза рукой, Кейс направляется к статуе, едва различимой в солнечном сиянии. Это бетонный Ленин. Аэродинамические обводы, безликая стилизованная фигура. Простертая рука указывает пролетариату путь. Исполинский привратник марксизма.

Кейс оглядывается. Она только что вышла из уродливого красно-кирпичного школьного здания времен шестидесятых. Над крышей возвышается бетонная зубчатая башня, наподобие венца у статуи Свободы. Между зубцами видны маленькие окошки.

Ладно, сейчас не время разглядывать архитектурные детали. Вот широкая тропинка — ведет вниз по склону, петляя в сухой траве. Кейс спускается по ней в какой-то овражек или водосток.

Теперь ее из окон не увидят.

Жухлая мятая трава усеяна окурками, бутылочными пробками, обрывками фольги.

Кейс долго идет по дну оврага и наконец упирается в пыльные заросли кустов, которые образуют сумрачную беседку. Судя по всему, это популярное местное убежище. Кругом пустые бутылки, банки, бумаги. Засохший презерватив болтается на ветке, словно часть жизненного цикла какого-то большого насекомого. Значит, это еще и грот любви.

Она приседает, переводит дух. Слушает, нет ли погони.

Далеко в небе гудит реактивный самолет.

Тропинка ныряет в кусты и через несколько метров сливается с нагромождением гладких валунов. Очевидно, дно пересохшего ручья. Кейс идет по камням через густые, посвежевшие заросли и вскоре снова замечает тропинку, которая уходит по склону вверх. Взобравшись по ней, Кейс видит заграждение.

Здесь поработали сравнительно недавно. Оцинкованные столбы закреплены в бетонных тумбах; между ними натянута обычная панцирная сетка. Подойдя ближе, Кейс замечает, что поверху в два ряда пущена колючая проволока. Оглянувшись,

она видит верхушку зубчатого орнамента на крыше школы.

Вытянуть палец. Глубоко вздохнуть. Быстрым скользящим движением потрогать сетку. Не тряхнуло. Хотя где-то, может быть, уже завыли сирены над бараками, разорвав скучающее ожидание вооруженной до зубов охраны.

Кейс переводит взгляд с панцирной сетки на носки своих ботинок. Не самый лучший вариант. Из опыта летних отпусков в Теннесси она знает, что для преодоления таких заборов нет ничего лучше, чем ковбойские сапоги. Просто втыкаешь в дырочки узкие носы и поднимаешься, как по лестнице. Но у ботинок, купленных в «Парко», носы округлые, а подошвы только слегка рифленые.

Усевшись на пыльную траву, Кейс перешнуровывает ботинки, затягивает их потуже. Затем снимает куртку, обвязывает рукава вокруг талии. Готово.

Она встает, смотрит в небо.

Солнце в зените. Издалека доносится звонок. Перерыв на обед.

Она вцепляется пальцами в ячейки ограды и начинает взбираться, упираясь подошвами. Шаг за шагом: руки тянут, ноги толкают. Вес

тела помогает удерживать ботинки на сетке. Это тяжелый путь, но по-другому в такой обуви не залезешь. Не обращая внимания на боль в пальцах, она добирается до верхней перекладины — стальной трубы диаметром пять сантиметров, за которую можно ухватиться, подсунув руки под первую линию колючки.

Отпустив левую руку, Кейс аккуратно развязывает рукава куртки и перебрасывает ее через верхнюю проволоку.

Пытаясь перенести ногу через забор, она чуть не срывается, ухитряется как-то удержаться и выпрямляется, оседлав куртку и чувствуя, как острые шипы рвут нейлоновую армейскую подкладку и увязают в толстой, любовно выделанной коже.

С перебрасыванием второй ноги возникают проблемы. Кейс пытается представить, что это такое упражнение: надо двигаться плавно и грациозно. Не спеша. (На самом деле, спешить надо, потому что руки уже начинают дрожать.) Ну вот, теперь порядок. Остается забрать куртку. Можно, конечно, и оставить, но Кейс упрямо начинает отцеплять ее от колючек, мысленно оправдывая себя тем, что по куртке преследователи сразу определят место; в действительности ей просто

жалко ее бросить.

Материя рвется с треском, ботинки соскальзывают по сетке, и Кейс приземляется на ягодицы, подняв облако пыли, с курткой в правой руке.

Поднявшись, она осматривает прорехи и надевает порванную куртку.

* * *

Кейс делает первый привал, когда от ограды ее отделяет, судя по солнцу, три часа быстрой ходьбы.

Все это время количество растительности продолжало равномерно уменьшаться; теперь вокруг только красная сухая земля. Ни дорог, ни воды. Запасы Кейс состоят из декоративной зубочистки гостинично-токийского происхождения и одного завернутого в целлофан мятного леденца — должно быть, из Лондона.

Она начинает подозревать, что находится где-то в Сибири. Если бы она знала побольше о российской природе, то могла бы сказать наверняка. Ландшафт сильно напоминает австралийскую пустыню, только еще более вымершую. До сих пор не встретилось никаких признаков жизни: ни птицы, ни зверя, ни даже насекомого. Лишь около часа назад она пересекла едва заметные

следы от машины и уже жалеет, что не пошла вдоль них.

Присев на пыльную кочку, Кейс посасывает зубочистку и старается не думать о ногах, которые болят нестерпимо. Наверняка натерла пузыри. Думать об этом неприятно; разуваться и смотреть тем более не хочется. Но делать что-то придется. На следующем привале можно будет разорвать подкладку куртки и обмотать ноги.

В небе звенит невидимый самолет, словно в дополнение к пейзажу. Интересно, как бы она объяснила этот звон, если бы не знала о существовании самолетов? Остались ли в мире люди, которым незнаком этот звук? Трудно сказать.

Морщась, она поднимается на ноги и начинает идти, кусая размякшую зубочистку. От этого во рту не так сухо.

Закаты здесь, в Сибири, очень долгие. Затяжные. Фантастические оттенки красного.

Продолжать движение в темноте практически невозможно; поняв это, Кейс сдается и садится на землю.

Состояние крайней выдроченности — выражение Дэмиена, идеально подходящее к случаю.

Развернув мятный леденец, Кейс кладет его под язык.

Ночи в Сибири, как выясняется, прохладные. Она развязывает рукава «Баз Риксона», надевает его, застегивает молнию. Ветер поддувает в дырявую спину, потому что от подкладки остались одни лохмотья — Кейс вырвала куски нейлона и обмотала разбитые ноги. Чуть-чуть помогло, хотя все равно она сомневается, что завтра сможет далеко уйти.

Хорошо бы оставить кусочек леденца на потом, но не во что завернуть. Кейс расстегивает кармашек на рукаве и находит там индийскую визитку с адресом Стеллы, написанным рукой Баранова. Аккуратные коричневые буковки, похожие на засохшую кровь. Кейс смотрит на них, пока не становится совсем темно.

В небе сверкают звезды.

Глаза быстро привыкают к темноте, и на горизонте, в той стороне, куда она все время шла, становятся видны два вертикальных луча. Они не похожи на световой памятник на месте разрушенных башен — скорее, на лучи из ее лондонского сна, только гораздо дальше и слабее.

— Что вы делаете в Сибири? — спрашивает она их.

И тут же чувствует, что он где-то рядом.

— Я ведь могу умереть в этой пустыне, — гово-

рит она. — Вполне реально умереть.

Да, можешь, — отвечает он.

— Значит, это конец?

Откуда мне знать?

— Но ты ведь умер, да?

Трудно сказать.

— Скажи, в тот вечер — это был твой голос? Сквозь музыку?

Просто галлюцинация.

— А уж я подумала — вот, наконец-то услышала один из маминых ФЭГов.

Без комментария.

Она улыбается.

— А тот сон, в Лондоне?

Без комментария.

— Я тебя люблю, пап.

Я знаю. Мне надо идти.

— Почему?

Слушай.

И он исчезает — в этот раз, кажется, навсегда.

Тут же сзади доносится рокот вертолета. Оглянувшись, Кейс видит длинный луч белого света, бегущий по мертвой земле. Он перемещается беспорядочно, как маяк, обезумевший от одиночества и сорвавшийся бродить в темноте, в слепой надежде отыскать кого-нибудь в этом

безжизненном царстве.

Глава 40

Академия мечты

Вертолет пролетает прямо над ней, но прожектор шарит где-то в стороне. Машина идет так низко, что видны продолговатые желтые полозья, освещенные красным бортовым огнем. Прожектор моргает и гаснет; красный огонь удаляется.

Световых башен на горизонте уже не видно.

Рокот опять становится громче: вертолет возвращается.

Он зависает в пятидесяти метрах, включает прожектор, нащупывает ее лучом сквозь облако поднявшейся пыли.

Кейс прикрывает рукой глаза и сквозь пальцы следит, как вертолет опускается на землю. Из боковой двери выпрыгивает человеческая фигура и приближается, отбрасывая перед собой широкую зыбкую тень.

Звук мотора становится тише, реже: винты постепенно останавливаются.

Человек выходит из светового луча и останавливается в двух метрах от нее.

— Кейс Поллард?

— А вы?

— Капюшончик.

Не может быть. Кейс молчит, пытается это переварить. Наконец она спрашивает:

— Кто открыл тему, из которой выросли «сборщики»?

— Морис.

— В ответ на чей пост?

— Пост Дэйва Аризонского о теории ограничений при съемках с живыми актерами.

— Капюшончик! Ты?!

Он заходит сбоку и поворачивается так, чтобы свет падал на лицо. Рыжеватые волосы с залысинам, зачесанные назад. Мешковатые камуфляжные штаны, плотная черная рубаха, под ней белая футболка. На шее большая штуковина, похожая на бинокль: два окуляра сходятся в одну трубу, которая расширяется наподобие фонаря.

Порывшись в нагрудном кармане, он достает визитную карточку, делает шаг вперед, протягивает ее Кейс. Та берет и читает, щурясь от пыли и яркого белого света:

ПИТЕР ГИЛБЕРТ
БЕЛЫЙ МУЖЧИНА СРЕДНИХ ЛЕТ

Она поднимает глаза.

— Специфика музыкального бизнеса, — поясняет он. — У нас в Чикаго, если группа играет определенную музыку, без него не обойтись.

— Без кого?

— Без БМСЛа. Белого мужчины средних лет. — Он садится на корточки, по-прежнему выдерживая дистанцию в два метра. — Ты можешь идти? В вертолете есть врач.

— Как… каким образом ты здесь оказался?

— Так, прилетел на всякий случай. Вдруг ты передумаешь.

— Передумаю?

— Ну да. Ты же сбежала из единственной русской тюрьмы, в которую люди, наоборот, стараются проникнуть.

— Почему?

— Ее называют «академией мечты». Тебя туда отвезла одна из бригад Волкова. После того, как Мама переборщила с «крышесносом».

— С чем?

— Рогипнол, наркотик для изнасилований. Его добавляют девушкам в коктейли. Шутки шутками, а ты могла бы и коньки отбросить. Но что ж

поделать, такая у нас Мамочка. У тебя, кстати, была парадоксальная реакция. По идее эта дрянь превращает людей в послушных дурачков, на все согласных, но в тебе она пробудила какую-то буйную средневековую агрессию.

— Правда? Ты что, видел?

— Нет. Я как раз заканчивал регистрироваться, когда подъехали «скорая помощь» и полиция. Помнишь, в старых вестернах: ковбой умирает в пустыне от жажды, а друзья тут как тут, приподнимают ему голову и говорят — вот, выпей, только немного.

Кейс озадаченно моргает.

Он отстегивает от пояса пластиковую фляжку и передает ей.

Она делает глоток, полощет горло, выплевывает. Затем осторожно пьет.

— Мама сначала пыталась всех убедить, что контролирует ситуацию, — продолжает Капюшончик. — Но на фоне разбитого носа и заплывшего глаза это звучало, прямо скажем, несерьезно.

— Ты знал, что это она?

— Нет, откуда? Я бы и тебя не узнал, если бы не услышал, как кто-то повторяет: «Поллард, Поллард». Вообще я, конечно, видел пару твоих

фоток. Нашел в «Гугле». Но в тот момент, с кастетом в кулаке, сама понимаешь, ты смотрелась несколько… э-э… необычно. А рядом дамочка с расквашенным носом. Она держалась очень настырно, я даже думал, что ее арестуют. Похоже, она пыталась их уговорить, чтобы тебя отвели в номер. А она типа останется с тобой. Но тут вошли три мужика в черных плащах, и все кроме Мамы моментально стушевались и принялись раскланиваться. А ты просто вырубилась. Затихла, как зайчик, в обнимку со своим кастетом. И эти трое взяли Маму под руки и куда-то повели. Вид у нее, надо сказать, был не очень веселый. Ну а я чувствовал себя… не у дел. И для начала пошел проверил почту. А там твое письмо с адресом Стеллы. Ну, я ей написал, представился, как твой друг, рассказал все, что видел. И буквально через полчаса — бум! Я уже сижу в «БМВ», на крыше голубая мигалка, а вокруг квадратные парни в кожанках, и мы мчимся через центр города по встречной полосе, проскакивая все светофоры. И не успел я вздохнуть, как мы оказались в одной из «семи сестер», а там уже люди Волкова…

— Погоди, каких сестер?

— Сталинские готические небоскребы, с рюшками и финтифлюшками, как на свадебном торте.

Крутейшее жилье, шелупонь там не живет. И твой мистер Бигенд…

— Бигенд?!

— Да, и Стелла, и еще целая куча волковитов. И китайский хакер из Оклахомы…

— Бун?

— Парень, который читал твои имэйлы, по приказу Бигенда.

Кейс вспоминает. Квартира в Хонго, янтарный свет. Бун соединяет кабелем два лэптопа.

— Ты извини, конечно, — говорит Капюшончик, — но пыль, на которой ты сидишь… в ней слишком много титана. Давай-ка я сейчас позову врача, и мы отведем тебя к вертолету.

Он забирает у нее фляжку, делает глоток, вешает ее обратно на пояс.

— Откуда здесь титан?

— Последствия советской экологической катастрофы. Не Аральское море, конечно, но достаточно серьезно. Узкая зона промышленного загрязнения: восемьдесят километров в длину и четыре в ширину. Все это время ты шла вдоль нее, точно по центру. В общем, хороший душ тебе сейчас не помешает.

— Где мы находимся?

— Примерно полторы тысячи километров к

северу от Москвы.

— А день недели?

— Пятница. Отрубилась ты в среду. И провалялась без сознания до сегодняшнего утра. Похоже, они держали тебя на снотворном.

Кейс пытается встать; Капюшончик вдруг оказывается рядом, кладет руки ей на плечи.

— Не надо, сиди.

Странный одноглазый бинокль покачивается в нескольких сантиметрах от ее лица. Капюшончик поворачивается в сторону белого света и машет рукой.

— Если бы не приборы ночного видения, — говорит он через плечо, — мы бы тебя не нашли.

— Что ты слышала о русской тюремной системе? — спрашивает Капюшончик.

У них на головах бежевые пластиковые наушники с микрофонами, вниз уходят зеленые скрученные провода. Поролоновые нашлепки приглушают рев моторов. Его голос доносится как со дна глубокого колодца.

— В общем, ничего хорошего.

— Да уж. СПИД, туберкулез, все прелести. Причем с эпидемическим размахом. То место, куда мы летим, — это в общем-то приватизированная тюрьма.

— Приватизированная?

— Ну да. Как говорится, антрепренерский эксперимент в новорусском стиле. Местная версия наших исправительных учреждений. Государственная система тюрем в России практически развалилась, это уже реальная угроза для здоровья населения. Их тюрьмы — готовые лаборатории для выращивания вакциноустойчивых штаммов туберкулезной палочки. И плюс еще СПИД — некоторые считают, что через несколько лет он превратится в российскую чуму, и тоже не без помощи тюремной системы. Поэтому если одна из волковских компаний предложит на свои средства организовать экспериментальное исправительное учреждение, где здоровые энергичные заключенные будут вести здоровый энергичный образ жизни, да при этом еще осваивать новую перспективную специальность, — кто же станет возражать?

— Значит, вот где обсчитываются фрагменты?

— А знаешь, что мотивирует этих образцово-показательных заключенных? Только собственные интересы! Во-первых, они здоровы. Иначе бы их не выбрали. В государственной системе от их здоровья очень быстро ничего не останется. Это раз. А два — когда они сюда попадают, то сразу

видят, что им крупно повезло. Мальчики-девочки живут вместе, питание отменное, даже лучше, чем на воле, да еще и деньги платят. Не много, конечно, но можно откладывать или отсылать семьям. У них тридцать каналов спутникового телевидения, библиотека, видеотека, можно заказывать книги, музыку. Но никакого интернета. И никаких телефонных звонков. Это строгое условие, за нарушение без разговоров отправляют назад, в туберкулезник. И выбор профессии, разумеется, только один.

— Они обсчитывают фрагменты.

— Точно. — Капюшончик протягивает ей фляжку. — Как твои ноги?

Она знаком отказывается от воды.

— Ничего. Если не шевелить.

— Видишь, уже почти прилетели. — Он указывает пальцем вперед, через прозрачный носовой фонарь. — Однако главный фактор, который держит их в узде, — сам Волков. Его имя, конечно, впрямую не упоминается, но любой нормальный русский зек сразу видит, откуда растут ноги. А они как раз и есть нормальные русские зеки.

Пилот в шлеме, до сих пор не показавший своего лица, произносит короткую хриплую фразу по-русски. Чей-то голос отвечает ему из черноты.

Впереди появляется кольцо огней.

— Я все равно не могу понять. Организовать такую сложную систему лишь для того, чтобы обслуживать работу Норы? Как им это удалось? Вернее, вопрос даже не *как*, а *почему*?

— Очень просто. Избыточное планирование на службе у абсолютной власти. Мы же имеем дело с постсоветскими структурами. Плюс огромное личное состояние. Волков пока еще не Билл Гейтс, но их имена уже вполне можно встретить в одном предложении. Он стоял у истоков многих здешних перемен и при этом ухитрился остаться в тени. Что само по себе уже замечательно. У него всегда, при любой власти, были хорошие связи в правительстве. И поэтому он уцелел во многих передрягах.

— Ты с ним встречался?

— Сидел за одним столом. Говорил в основном Бигенд, через переводчика. Волков не говорит по-английски. Ты знаешь французский?

— В общем, нет.

— Я тоже. И еще никогда об этом так не жалел, как во время их разговора.

— Почему?

Капюшончик смотрит на нее.

— Ну, это все равно что наблюдать брачный

танец пауков.

— Они о чем-то договорились?

— Скорее обменялись информацией друг о друге. Причем большей частью невербально, без переводчика и без французского языка.

Шасси вертолета неожиданно ударяются о бетон — все равно что упасть с полуметровой высоты, сидя в автокаре для гольфа. Удар отдается болью в ее ногах.

— Сейчас они тебя осмотрят, подлатают. А потом Волков хочет с тобой встретиться.

— Зачем?

— Не знаю. Когда ты сбежала, он нас сразу выслал сюда, причем на гораздо более быстром вертолете, чем этот.

— Кого это — «вас»?

Но он уже снял шлем, возится с ремнем безопасности. И не может ее слышать.

Глава 41

За здоровье мистера Полларда

Кейс старается не шаркать огромными войлочными тапками, надетыми поверх бинтов на ногах. Они с Капюшончиком идут по коридору,

мимо желтых шкафчиков. Их пригласили на обед.

В течение последнего часа или что-то около того (она так и не нашла своих часов) Кейс успела принять душ и побывать у врача, где ей забинтовали натертые ноги. Сейчас на ней черная вязаная кофта и «типа юбка»: Капюшончик посоветовал приодеться для предстоящего события.

Ее вещи, косметичка, одежда — все было аккуратно выстирано и разложено на одной из кроватей в той палате, где она пришла в сознание.

Кейс чувствует себя по-идиотски в войлочных тапках, которые ей одолжила седая женщина, кормившая ее супом. Но из-за бинтов на ногах нельзя надеть французские туфли, а замшевые ботинки доктор разрезал ножницами, чтобы не причинять ей лишних мучений.

— Как, ты говоришь, называется эта дрянь, которую мне дала Доротея?

— Рогипнол.

— Доктор сказал, это было что-то другое. Или мне так показалось. Какое-то «психотропное средство».

— Сначала нам сообщили, что тебя отвезли в частную клинику, прямо из гостиницы. Потом

сказали, что перевели на «охраняемую территорию». Очевидно, имелась в виду эта тюрьма. В общем, возили туда-сюда, как мешок с картошкой. Отсюда я решил, что она дала тебе рогипнол. Хотела сделать более послушной.

— Где она сейчас? Ты знаешь? Вообще, кто-нибудь знает?

— Как я понял, эту тему здесь не принято обсуждать. Они сразу делают рыбьи глаза, стоит только упомянуть ее имя. А чего она от тебя хотела?

— Хотела узнать, каким образом я достала адрес Стеллы.

— Мне и самому интересно. — Капюшончик успел помыться, побриться и переодеться в новые черные джинсы и чистую, хотя и невыглаженную белую рубашку. — Но какую именно дрянь она тебе подсунула, можно только гадать. Бармену показалось, что у тебя были галлюцинации.

— Верно.

— Нам наверх. — Он указывает на лестницу. — Ты как, в порядке?

Она поднимается на несколько ступенек и останавливается:

— Ну как тебе сказать? У меня на ногах туфли «Минни-Маус»; я устала так, что уже не помню, что значит слово «отдых»; временная разница ка-

жется вообще детской игрушкой; все тело болит, как будто меня пороли резиновыми шлангами. И плюс ко всему на пятках почти не осталось кожи.

Они взбираются по бетонных ступенькам; три лестничных пролета. Чем дальше вверх, тем больше Кейс налегает на перила. Наконец они оказываются в просторном округлом зале — очевидно, внутри той уродливой короны, которую она видела во время побега.

Узкие окна зажаты между наклонными вертикальными выступами; потолок выгибается вверх и под острым углом встречается с боковой стеной. Посреди стены большая фреска: земной шар с контурами Евразии, в обрамлении героических пшеничных снопов, из которых вылетают остроносые ракеты и круглые спутники. Цвета фрески потускнели, как на старом пыльном глобусе, найденном на школьном чердаке.

Кейс видит в центре зала группу людей, и среди них Бигенда, поднявшего в приветствии бокал.

— Что ж, пора встретиться с главным пауком, — шепчет Капюшончик, с улыбкой отставляя локоть. Она берет его под руку, не к месту вспомнив школьный выпускной бал, и они вместе идут через зал.

— Питер! — восклицает Бигенд. — Мы все наслышаны, что именно вы ее нашли.

Он пожимает Капюшончику руку. Потом обнимает Кейс, целует воздух рядом с ее щекой:

— Вы нас всех заставили поволноваться.

Он буквально светится каким-то незнакомым розовым оттенком свежей энергии, черные пряди падают на глаза; Бигенд отбрасывает их, картинно мотнув головой, затем поворачивается к стоящему рядом человеку.

— Андрей, познакомьтесь: это Кейс Поллард. Та самая женщина, которая нас всех объединила. С Питером вы уже знакомы. Кейс, это Андрей Волков. — Бигенд демонстрирует устрашающе многочисленные зубы.

Кейс смотрит на Волкова и сразу же вспоминает Адольфа Эйхмана в стеклянной клетке[268].

Невзрачный плешивый человечек чуть старше среднего возраста. Блики на золотых дужках очков; темный костюм, достоинство которого главным образом в его незаметности; воротник белой рубашки — как фарфор, обтянутый льняной тканью; однотонный темно-синий галстук

---

[268] Примечания: 268

Адольф Эйхман — нацистский преступник, казненный в Израиле в 1962 г. Во время суда он сидел в стеклянной пуленепробиваемой клетке.

из плотного блестящего шелка.

Волков пожимает ей руку: короткий ритуальный жест.

— Мой английский очень слаб, — говорит он. — Но я должен сказать, нам очень жаль, что с вами дурно обошлись. Еще я хочу извиниться… — тут он поворачивается к молодому человеку, которого Кейс уже видела в сквоте на Георгиевском, и продолжает уже по-русски.

— Мистер Волков просит прощения, — переводит молодой человек. — В Москве ждут неотложные дела, и он не сможет составить нам компанию за обедом.

У этого парня пышная рыжая шевелюра — чуть светлее, чем у Капюшончика. Темный костюм сидит на нем дурно, как будто он взял его напрокат.

Волков еще что-то говорит по-русски.

— Мистер Волков просит передать, что Стелла тоже извиняется за неудобства, которые вам столь безосновательно причинили. Она была бы рада к нам присоединиться, но состояние сестры требует ее присутствия в Москве. Они обе будут с нетерпением ждать вашего следующего визита.

— Спасибо, — отвечает Кейс.

У Волкова из верхней части правого уха вы-

резан аккуратный треугольный сектор; она вспоминает доктора и слышит звук ножниц, разрезающих замшевые ботинки.

— До свидания, — говорит Волков.

Повернувшись к Бигенду, он быстро произносит по-французски какую-то фразу, скорее всего идиоматическую.

— До свидания, — автоматически отвечает Кейс. Но он уже идет к двери, и двое молодых людей следуют за ним по пятам. Третий молодой человек остается на месте, пока Волков не исчезает за дверью. Потом тоже уходит.

— Система, — говорит Бигенд.

— Что?

— Эти трое. Секретная школа русского рукопашного боя. Раньше ее знали только в спецназе и КГБ. У нее в основе лежит казацкий народный танец. Очень мало общего с восточными единоборствами. — Бигенд похож на настырного ребенка, которому утром в Рождество удалось наконец добраться до подарков. — Но вы еще не познакомились с Сергеем Магомедовым.

Он кивает в сторону рыжего переводчика. Тот улыбается и протягивает ей руку:

— Я видел вас в студии.

Ему еще, наверное, нет двадцати трех.

— Я помню.

— А это Виктор Маршвинский-Вирвал. — Бигенд представляет последнего из пяти оставшихся.

Высокий мужчина с аккуратной седой стрижкой, одетый как французский щеголь, которого пригласили на английский воскресный пикник. Его мягчайший твидовый пиджак, кажется, сделан из шерсти нерожденных ягнят. Кейс пожимает ему руку. У него идеально вылепленные горизонтальные скулы, почти как у Войтека. В правом ухе торчит наушник.

— Очень приятно, — говорит он. — Я весьма рад видеть вас здесь, в безопасности и относительно добром здравии. Позвольте представиться: новый начальник службы безопасности мистера Волкова. И этим назначением я обязан вам.

— Вот как? Почему?

В комнату входят три человека в белых пиджаках и черных брюках. Они катят блестящие металлические тележки на резиновых колесах.

— За обедом я могу рассказать подробнее.

Повернувшись, он делает приглашающий жест в сторону круглого стола, которого Кейс до сих пор не замечала. Стол накрыт на шестерых. Два человека в белых пиджаках начинают разбирать

содержимое тележек; третий убирает со стола шестой прибор.

— Кто-то не смог прийти? — спрашивает Кейс.

— Бун, — отвечает Бигенд. — Он решил улететь в Москву вместе с Волковым. Просил передать свои извинения.

Кейс смотрит на Капюшончика, потом на Бигенда. Потом на шестой стул. Но ничего не говорит.

— Андрей Волков, — без предисловий начинает Маршвинский-Вирвал, как только официанты уносят тарелки с супом, — сейчас является самым богатым человеком России. Тот факт, что об этом не знает практически никто, говорит о замечательном характере мистера Волкова.

Обед проходит при свечах; длинные изогнутые лампы на потолке притушены до тусклого янтарного накала.

— Его, если угодно, финансовая империя собиралась по кусочку и достигла расцвета в значительной степени благодаря последним хаотическим поворотам нашей экстраординарной истории. Этот выдающийся стратег до недавнего времени не мог позволить себе заняться реорганизацией накопленного; многочисленные корпорации и различные виды собственности

приумножались, если угодно, беспорядочно. Однако сейчас пришло время строгой систематизации, и я горжусь, что мне доверено участвовать в этом процессе. Вы, должен заметить, тоже сыграли не последнюю роль в происходящих переменах.

— Но каким образом?

— Разумеется, — говорит Виктор, — сразу это трудно увидеть. Особенно вам.

Он прерывается, чтобы проследить за официантом, который доливает в его бокал белое вино. Кейс замечает над белым воротником официанта черные фрагменты какой-то татуировки. И вспоминает письмо Дэмиена.

— Андрей очень любил своего брата, — продолжает новый начальник охраны, — и после его убийства приложил все силы, чтобы обеспечить племянницам должную защиту. Он также сделал все возможное, чтобы эти достойные девушки ни в чем не нуждались. Состояние Норы беспокоило его особенно сильно, как и всех нас, и он настоял, чтобы в швейцарской клинике для нее устроили монтажную студию. По мере того, как развивался этот аспект направленных на ее выздоровление усилий, появилась необходимость развивать и определенные структуры…

— Да без этого было просто никуда, — перебивает Сергей Магомедов, который с самого начала слишком налегал на вино. — Старая система охраны была основана на жесткой секретности. А чтобы распространять работу сестер, нужны были новые подходы. Анонимность, шифрование, стратегия отслеживания…

— Процедуры, честь разработки которых принадлежит именно вам, Сергей, — мягко, но значительно замечает Маршвинский-Вирвал.

— …во всем была потенциальная угроза обнаружения, — заканчивает Сергей. — Работа Норы должна была привлечь внимание. Иначе ее никто не увидел бы. И Стелла непременно хотела, чтобы это внимание было глобальным. Пришлось разработать методологию, с которой вы уже знакомы. Для затравки мы сами «нашли» несколько первых фрагментов.

— Вы сами? — Кейс обменивается взглядами с Капюшончиком.

— Ну да. И потом тоже иногда подталкивали вас в нужную сторону. Хотя, конечно, таких результатов мы не ожидали.

— Вы свидетели зарождения новой субкультуры, — говорит Бигенд, — которая стала расти экспоненциально.

— Да, мы ошиблись с цифрами, — соглашается Сергей. — А еще мы недооценили уровень вовлеченности людей, их желание разгадать тайну фрагментов.

— Когда вы начали этот проект, Сергей? — спрашивает Капюшончик.

— По-моему, в 2000 году. Да, Стелла как раз вернулась в Москву.

— Откуда?

— Из Беркли. — Он улыбается. — Частная стипендия, подарок дяди.

— Мистер Волков одним из первых понял решающее значение компьютеров в современном мире, — вставляет Маршвинский-Вирвал.

— А конкретно, Сергей, что вы сделали? — спрашивает Кейс.

— Сергей помог в создании этой рендер-фермы, — отвечает Маршвинский-Вирвал. — А также разработал механизм отслеживания с помощью водяных знаков, при содействии фирмы «Магия-символ». Нам особенно интересно узнать, каким образом вы получили электронный адрес Стеллы. Информация поступила из «Магии-символ»?

— Я не могу вам это сказать, — отвечает Кейс.

— Уместно ли предположить, что информация получена с использованием старых связей ваше-

го отца? Или даже от него самого?

— Мой отец погиб.

— Виктор, — говорит Бигенд, до сих пор хранивший нехарактерное для него молчание. — У Кейс был очень длинный и трудный день. Может, сейчас не лучшее время?

Кейс со звоном роняет вилку на белый фарфор.

— Почему вы это сейчас сказали? — спрашивает она, глядя в глаза Маршвинскому-Вирвалу. — О моем отце?

Тот начинает отвечать, но Бигенд перебивает:

— Давайте оставим эти старосветские расшаркивания и назовем все своими именами. Виктор и Сергей, как известно, представляют собой два плохо скоординированных конца волковского охранного пинцета. И Виктор, кажется, забыл, что его главная задача сейчас — извиниться перед вами за ту неуклюжесть, с которой этот пинцет вас прихватил.

— Я не понимаю, — говорит Кейс. — Вы правы, я действительно очень устала.

— Я могу объяснить, — предлагает Сергей. — Если Виктор мне позволит.

— Пожалуйста, — говорит Виктор с ледяной любезностью.

— Понимаете, безопасностью Стеллы и Но-

ры всегда занимались две структуры. Первая — личная охрана самого Волкова. Бывшие кагэбэшники. Вернее, такие же, как Путин: сначала юристы, а потом уже кагэбэшники. А вторая — это в основном мои коллеги. Менее традиционная структура, с упором на интернет. Виктора взяли на работу совсем недавно — именно затем, чтобы он устранил критическое непонимание между структурами. Ваше внезапное появление и та легкость, с какой вы вышли на Стеллу — ярчайшая иллюстрация наших организационных проблем.

— Но какое это имеет отношение к моему отцу?

— На вас обратили внимание, — говорит Бигенд, — когда вы предположили, что автором фрагментов может быть русский мафиози. Помните этот пост? Это было сказано для примера, но они сразу насторожились.

— Ну, насторожились, конечно, не мы, — вставляет Сергей, — а пара американских аспирантов. Мы их наняли, чтобы в интернете отслеживать комментарии о фрагментах. Ваш сайт очень быстро стал самым популярным и интересным очагом обсуждения. А значит, потенциально самым опасным.

— Вы наняли людей, чтобы шпионить за Ф:

Ф: Ф?

— В общем, да. Практически с самого начала. Они только пассивно следили, мы запретили им светиться. Правда, впоследствии выяснилось, что один из них взял себе псевдоним и начал постить, причем весьма регулярно.

— Кто это был? — спрашивает Капюшончик. И тут же добавляет: — Нет, не надо, не говорите. Лучше уж не знать.

— Понимаете, Кейс, — продолжает Сергей, — когда вы привлекли к себе внимание, отчет попал в руки первой, более традиционной структуры. Отсюда и начинается связь с вашим отцом. Через провайдера подняли ваше имя и адрес, а потом в Москве сработал очень старый механизм. В архивах нашли досье вашего отца, убедились, что вы действительно его дочь. Тут еще сыграл такой фактор… — Сергей ухмыляется. — Ведь это люди старой закалки, да плюс к тому еще и русские. Разумеется, они исполнились подозрений. Вы только представьте: перед ними вдруг всплывает имя этого замечательного человека, их старого противника, который давно вышел в отставку, — и в то же время они не могут его найти! Он исчез, испарился. Пропал без вести одиннадцатого сентября. Погиб в теракте? Где доказательства?..

Были предприняты определенные шаги… — Сергей делает паузу. — Ваша квартира, гм… была обследована, телефон поставлен на прослушивание, имэйлы тоже отслеживались.

— Когда это случилось? — спрашивает Капюшончик.

— Через неделю после того, как появился пост про мафию.

— У меня в квартире кто-то побывал совсем недавно, — говорит Кейс.

— Они просто смотрели, в порядке ли аппаратура, — поясняет Маршвинский-Вирвал. — Обычная рутинная проверка.

— Записи вашего терапевта были скопированы, — продолжает Сергей. — Она, конечно, об этом ничего не знала. Никаких взяток, обычная кража. Но это все не мы, это действовала традиционная структура. А мы наняли Доротею Бенедитти, чтобы присматривать за вами — на сайте и по работе, через контакты с вашими заказчиками в Нью-Йорке.

— Почему именно ее? — снова встревает Капюшончик.

Все оглядываются на него. Он пожимает плечами.

— Традиционалисты вели кое-какие дела с ее

предыдущими хозяевами, — поясняет Сергей. — Они думали, что понимают ее. А нам казалось, что она понимает нас.

— Она сработала, как мостик между двумя культурами. — Бигенд улыбается, делает глоток вина.

— Вот именно. А когда выяснилось, что вы летите в Лондон по контракту с «Синим муравьем» — это был еще один звонок. Мистер Бигенд уже находился у нас на заметке. Его фирма весьма настойчиво и изобретательно изучала сетевую культуру вокруг фрагментов. Мы это выяснили при помощи программы, которую «Магия-символ» дала для отслеживания водяных знаков. Естественно, интерес к фрагментам такого человека, как Хьюберт Бигенд, вызвал самые серьезные опасения.

— Спасибо, — говорит Бигенд.

— Пожалуйста. А мысль о том, что вы двое можете объединиться — это уж нам совсем не понравилось. И еще меньше это понравилось традиционалистам. Мы позволили им курировать Бенедитти, и ей было приказано испортить ваши отношения с «Синим муравьем». Она привлекла своих людей, чтобы подсадить жучков на телефон и на компьютер в лондонской квартире.

— А человек с Кипра? — спрашивает Кейс.

— Один из традиционалистов. Ее прямой хозяин.

Кейс переводит взгляд с Сергея на Маршвинского-Вирвала, потом на Бигенда, потом на Капюшончика. Мутная неопределенность последних недель тяжело шевелится в глубинах памяти, перестраиваясь в соответствии с новой исторической парадигмой. Неприятное чувство. Как будто Сохо вдруг решил подняться и переползти на Примроуз-Хилл, потому что там его истинное место… Уин любил повторять, что настоящие заговоры, как правило, не закручиваются вокруг нас; мы просто мелкие пешки в чьей-то крупной игре.

Официанты убирают грязную посуду и приносят бокалы поменьше, для десертного вина.

Кейс приходит в голову, что весь обед прошел без тостов, хотя принято считать, что ни одно русское застолье без них не обходится. Возможно, причина в том, что это застолье не вполне русское. Возможно, они обедают на территории той виртуальной страны, лишенной границ и названия, гражданином которой так стремится стать Бигенд — страны, где нет зазеркалий, где правит призрачная рука маркетинга, и все разнообразие ощущений сведено к региональным различиям в

цене на один и тот же товар. Но Кейс не успевает додумать эту мысль: Маршвинский-Вирвал звенит ложечкой по краю бокала.

— Я хочу предложить тост за отца мисс Поллард, покойного Уингроува Полларда. Нам, представителям старой школы, помнящим ушедший порядок, трудно удержаться и не соскользнуть в яму старой вражды. Я и сам поддался этому соблазну, о чем сейчас сожалею, и прошу принять мои извинения. Где бы мы сегодня оказались, если бы на стороне демократии и свободного рынка не было людей, подобных мистеру Полларду? Уж разумеется, не здесь. И наша организация не служила бы, как сейчас, прогрессу искусства и улучшению жизни и будущего тех, кому повезло меньше, чем нам.

Взяв паузу, он переводит дыхание и оглядывает сидящих за столом. Кейс пытается понять, чего он хочет добиться. Подлизывается к ней, прикрывает свою задницу? Верит ли он в то, что говорит?

— Друзья мои! Такие люди, как Уингроув Поллард, храбро и беззаветно защищая идеалы свободы, позволили таким людям, как Андрей Волков, выйти на передний край и вступить в честную конкуренцию с другими свободными людьми. Если бы не Уингроув Поллард, друзья

мои, Андрей Волков мог бы сейчас томиться в застенках советского режима. Выпьем за Уингроува Полларда!

И все сидящие за столом, включая Кейс, повторяют последние слова, поднимают бокалы и пьют — под гипсовые залпы баллистических ракет и спутников, вылетающих из старой облезлой фрески.

После обеда Капюшончик, Бигенд и Кейс направляются в гостевой домик, предназначенный для новобранцев «академии мечты», где им предстоит провести ночь. Перед тем как попрощаться, Маршвинский-Вирвал извиняется и отводит Кейс в сторонку. В руках у него неизвестно откуда появляется прямоугольный объект толщиной не больше десяти сантиметров, в бежевом фланелевом чехле.

— Андрей Волков просит вас это принять, — говорит он. — Как символ. Еще раз хочу извиниться за свою недавнюю настойчивость. Если бы мы знали, как вам удалось раздобыть адрес Стеллы, нам было бы легче закрыть бреши в волковской службе безопасности. В данный момент нас очень беспокоит надежность фирмы «Магия-символ». К сожалению, услуги этой фирмы необходимы для поддержки проекта сестер.

— Вы сказали, что мой отец может быть жив. Но я в это уже не верю.

— Боюсь, что вы правы. Наши люди в Нью-Йорке занимались этим делом вплотную и не обнаружили прямых доказательств его смерти. Однако лично я убежден, что он действительно погиб. Вы уверены, что не хотите нам помочь в вопросе с фирмой «Магия-символ»?

— Я ничего не могу вам сказать, потому что сама ничего не знаю. Но это не было оплошностью или предательством со стороны «Магии-символ». Просто один человек со старыми связями оказал мне услугу. Деталей я не знаю, но ответ он получил очень быстро.

Глаза Виктора сужаются.

— Система «Эшелон»… Ну конечно! — Он улыбается. — Позволю себе догадку: старый товарищ вашего отца?

Кейс ничего не отвечает.

Он достает из кармана белый конверт.

— Это тоже вам. Подарок от меня. У традиционных методов есть свои плюсы. Наши люди в Нью-Йорке очень талантливы и исполнительны и располагают весьма значительными средствами. — Он кладет конверт на прямоугольный фланелевый пакет, который Кейс все еще держит

перед собой.

— Что это?

— Все, что нам удалось узнать о последнем утре вашего отца — после того, как он покинул гостиницу. Всего хорошего, мисс Поллард.

Развернувшись, он уходит назад, в сумрачную овальную комнату, освещенную свечами, где за столом в одиночестве сидит Сергей, распустив галстук и раскуривая сигарету.

Глава 42

Его отсутствие

Работники волковской рендер-фермы, похоже, не обязаны носить спецодежду — если не считать поголовной любви к изделиям фирмы «Гэп». Некоторые из них попадаются на пути в коридоре и во дворе, пока Кейс с Бигендом и Капюшончиком идут в гостевой домик.

Бигенд рассказывает, что ограда, через которую перелезла Кейс, была установлена совсем недавно, для защиты от местных жителей, которые постоянно лазили воровать.

Обычно здесь находится шестьдесят человек. Отдают долг русскому обществу, добавляя дета-

ли к фрагментам, готовя их к обсчету, согласно полученным инструкциям. Раньше здесь был техникум, рассчитанный на сто пятьдесят человек. Эта недонаселенность, наверное, и объясняет висящую здесь сонно-ленивую атмосферу летних каникул.

— Какие у них преступления? — спрашивает Кейс, старательно шаркая рядом с Капюшончиком, который несет ее подарки.

— Ничего насильственного, — отвечает Бигенд. — Это одно из требований. По большому счету они просто совершили ошибки.

— Какие ошибки?

— Не рассчитали размер взятки или подкупили не того чиновника. Или пострадали от врагов. Агенты Сергея постоянно следят за слушаниями в судах. Важно успеть их перехватить до того, как они понюхают — в буквальном смысле слова — государственную тюремную систему. Первым делом они проходят медкомиссию и психологическую экспертизу. Некоторые, надо полагать, не проходят. Потом тех, кто прошел, привозят сюда.

Вокруг фонаря, освещающего бетонную дорожку, вьются ночные бабочки, усиливая жутковатое ощущение безлюдного летнего кампуса где-нибудь в заштатном американском колледже.

— А что происходит, когда кончается их срок? — спрашивает она.

— Пока еще такого вопроса не возникало. Это новая структура, а приговоры здесь в основном от трех до пяти. Так что правила придумываются по ходу игры. Обычное дело в этой стране.

Дорожка взбегает на холм; сквозь редкие молодые сосенки проглядывает одноэтажное оранжевое здание, похожее на небольшой мотель. В здании четыре окна и четыре одинаковые двери. Но свет горит только над тремя.

— Ты что-то совсем расклеилась. — Капюшончик отдает ей фланелевый прямоугольник. — Ложись-ка сразу спать.

— Я знаю, Кейс, вы очень устали, — говорит Бигенд, — но нам надо поговорить. Всего несколько минут.

— Не давай ему увлекаться, — советует Капюшончик, — а то он до утра будет болтать.

Он поворачивается и заходит в одну из дверей, открыв ее без ключа. За кружевной занавеской вспыхивает свет.

— Они не заперты, — говорит Бигенд, входя в соседнюю дверь. Кейс шаркает следом. Ее ноги болят уже меньше. Бигенд включает свет.

Кремовые стены, коричневая линолеумная

плитка на полу. Американский ковер. Некрасивая мебель из темной фанеры — должно быть, сороковых годов. Кейс кладет фланелевый прямоугольник на комод, перед зеркалом с матовой насечкой по краям.

Пахнет какой-то дезинфекцией или инсектицидом.

Белый конверт она по-прежнему держит в руке.

— Бун читал мою почту, — говорит она Бигенду.

— Да, правда.

— Значит, вы знали? Все это время?

— Нет. Только с тех пор, как он позвонил мне из Огайо и сказал, что надо срочно лететь в Москву. Мой друг слетал за ним на «Гольфстриме», привез в Париж. По пути в Россию он мне признался.

— Поэтому он не остался?

— Он не остался, потому что я решил разорвать наше партнерство.

— Вот как? Разорвать партнерство с Буном?

— Да.

— Почему?

— Он постоянно пытается создать впечатление, что его компетенция выше, чем на самом деле. А я предпочитаю людей, которые на деле более

компетентны, чем они думают.

— Где сейчас Доротея?

— Не знаю.

— Вы что, даже не спросили?

— Спросил. Один раз. Они сказали, что не знают.

— И вы поверили?

— Я решил, что про такие вещи лучше не спрашивать.

— Чего она пыталась добиться?

— Переметнуться на другую сторону. В очередной раз. Она действительно хотела получить работу в Лондоне. А им сказала, что будет по-прежнему работать на них. Как мы и договорились. Но когда Стелла ответила на ваш имэйл, события начали развиваться очень быстро. Служба безопасности Волкова, естественно, отслеживала весь трафик через домен armaz.ru. Они сразу же связались с Доротеей, и в ходе этой, надо полагать, очень бурной дискуссии до нее впервые по-настоящему дошло, каких именно людей она кидает, переходя на мою сторону. Она также поняла, что если успеет первой добраться до вас и выяснить, откуда вы узнали адрес, то у нее появится хороший козырь. Ее могут даже наградить, да еще и работу в «Синем муравье» сохранить удастся.

— Но откуда она узнала, что я в Москве?

— Наверное, она очень быстро нашла замену тем двум шпикам. А может, у нее с самого начала было больше людей. Так или иначе, она не переставала за вами следить даже после Токио. Ей же надо было докладывать русским о ваших действиях. А излишним воображением она не отличается. Когда ей сообщили, что вы сели на самолет «Аэрофлота» в Хитроу, она, естественно, сделала вывод, что вы летите в Москву. Тем более что в этот час у «Аэрофлота» нет других рейсов. После этого ей не составило труда организовать за вами слежку в России. Люди Волкова ничего не знали; очевидно, она воспользовалась своими старыми связями. — Бигенд пожимает плечами. — Доротея постила на вашем сайте, под другим именем. Вы знаете?

— Да.

— Поразительно. Она не больше нашего знала о том, кто автор фрагментов, пока они ей сами не сказали, чтобы помочь остановить вас… Ну ладно. Вы действительно очень устали. Увидимся утром.

— Хьюберт, скажите, Буну удалось что-нибудь выяснить в Огайо?

— Нет. Имя домена он взял из вашего письма

Стелле. Не только домен, конечно, но и весь адрес. Но что с ним делать дальше, он понятия не имел. Поэтому и сказал вам, что раздобыл имя домена. Надеялся, что ему достанется хотя бы часть лавров. Но потом все закрутилось, нужно было совершать быстрые движения, и, чтобы не повредить делу, ему пришлось во всем признаться. — Бигенд снова пожимает плечами. — Вы тоже мне не докладывали, что у вас на уме, какие планы. Но по крайней мере вы хоть не лгали. Кстати, как вам удалось достать адрес?

— Через одного человека со связями в АНБ. Я понятия не имею, как он это сделал, и вряд ли когда-нибудь узнаю.

— Вот видите. Я понял, что ставлю на победителя, как только вас увидел.

— А куда поехал Бун?

— Наверное, назад в Токио. К своей подружке дизайнерше, у которой он жил, когда вы были там. Вы с ней не встретились?

— Я видела ее квартиру, — отвечает Кейс, помолчав.

— Думаю, его вообще ничего не интересует, кроме денег. — Бигенд морщится. — В этом корень всей проблемы интернетных фирм-однодневок. Ну ладно, спокойной ночи!

Он уходит.

Кейс садится на оранжевое шестидесятническое покрывало и распечатывает белый конверт, подарок Маршвинского-Вирвала.

Внутри обнаруживаются три листа хорошей голубой бумаги, которые содержат, судя по всему, краткий конспект некоего более объемного документа. Она быстро читает, сражаясь с некоторыми неточностями перевода, но смысл почему-то ускользает.

Что-то насчет последнего утра ее отца в Нью-Йорке.

Она перечитывает еще раз.

Только с третьей попытки становится ясно, о чем идет речь.

Уин прибыл в Нью-Йорк для встречи с конкурирующей фирмой, которая тоже занималась безопасностью публичных мероприятий. Регистрация его патентов должна была вот-вот завершиться, и с этой фирмой могли возникнуть юридические осложнения по поводу авторских прав. Чтобы обсудить потенциальные проблемы, Уин договорился о встрече с президентом фирмы. Переговоры были назначены на утро 11 сентября, в офисе по адресу Уэст-стрит, 90.

Выйдя из гостиницы «Мэйфлауэр», Уин дей-

ствительно, как и показал привратник, взял такси.

Ранее неизвестные детали: номер машины, данные таксиста. Камбоджийская фамилия, адрес, телефон.

Авария произошла, когда они находились в Гринвич-виллидж, следуя на юг по Кристофер-стрит.

Такси почти не пострадало; продуктовому фургону, с которым оно столкнулось, досталось чуть больше. Таксист практически не говорил по-английски. Авария случилась по его вине.

Сама Кейс в это время находилась в метро. Она тоже ехала на юг, чтобы заранее прибыть на свою встречу. Как близко они были друг от друга? Видел ли отец башни-близнецы, когда вылез из такси в то ясное солнечное утро?

Он дал таксисту пять долларов и поймал проезжавший мимо свободный лимузин. Таксист на всякий случай записал номер лимузина. Он понимал, однако, что Уин в случае чего сможет только подтвердить его вину.

На суде таксист соврал, и его признали невиновным. Впоследствии ему пришлось соврать еще дважды: сначала полицейским, разыскивающим Уина, а потом детективам, которых наняла Кейс.

Он не брал никаких пассажиров у «Мэйфлауэра». И впервые видит человека на фотографии.

Кейс просматривает информацию о водителе лимузина. Доминиканец, из Бронкса. Адрес, телефон. Имя его вдовы.

Лимузин был извлечен из-под обломков через три дня после теракта. Труп водителя находился внутри.

Других тел рядом не было.

Таким образом, заключает неизвестный и дурно переведенный автор, прямых доказательств смерти Уина нет, однако есть факты, неопровержимо свидетельствующие о том, что в момент теракта он находился в непосредственной близости от «нулевого уровня». Дополнительный опрос показал, что до офиса на Уэст-стрит он так и не доехал.

Лепесток, падающий с розы.

Кто-то тихо стучится в дверь.

Кейс с усилием встает и открывает, не успев ни о чем подумать, держа в руке листы голубой бумаги.

— Ну что, гуляем? — Капюшончик с порога протягивает литровую бутылку питьевой воды. — Помнишь, я говорил: из-под крана здесь пить не стоит. — Его улыбка исчезает. — Что

случилось?

— Читаю про своего отца. Да, вода — это хорошо. Можно чуть-чуть?

— Они что, его нашли?

Капюшончик знает историю исчезновения Уина; Кейс рассказывала ему в письмах. Он идет в ванную, берет стакан, наполняет его из бутылки. Возвращается, протягивает ей воду.

— Нет. — Кейс делает глоток, расплескивает, начинает плакать. Потом успокаивается. — Люди Волкова попытались его найти, продвинулись гораздо дальше, чем мы. Но здесь, — она показывает голубые листки, — здесь его тоже нет…

Она снова начинает плакать. Капюшончик протягивает руки, обнимает ее… Когда она приходит в себя, он говорит:

— Ты только не злись, ладно?

— За что?

— Понимаешь, я помираю от любопытства: что тебе подарил этот польский политтехнолог? Похоже на декоративный набор кухонных ножей.

— Дурак. — Она шмыгает носом.

— Ну так что, давай посмотрим?

Кейс кладет помятые голубые листки и берет бежевый пакет.

Фланелевый клапан держится на двух малю-

сеньких золотых защелках. Она расстегивает их, отгибает клапан.

Внутри обнаруживается изящный плоский чемоданчик «Луи Виттон» с золотыми замками.

Она в замешательстве смотрит на него.

— Ну давай же открывай, — торопит Капюшончик.

Кейс откидывает крышку: внутри плотными рядами уложены пачки новых банкнот, перехваченные белыми бумажками.

— Что это?

— Сотенные купюры. Новенькие, с последовательными номерами. Пять, десять… похоже, тут пятьсот тысяч.

— Но почему?

— Потому что им нравятся круглые цифры.

— Нет, почему здесь деньги?

— Очевидно, для тебя.

— Не знаю… мне это совсем не нравится.

— Ну, если хочешь, можем выставить его на «и-Бэй». Кто-нибудь в Майами наверняка заинтересуется.

— О чем ты говоришь?

— О чемоданчике. Он совсем не в твоем стиле.

— Я даже не знаю, что с этим делать!

— Давай поговорим об этом утром. Сейчас тебе

надо поспать.

— Чушь какая-то!

— Россия… — Он ухмыляется. — И вообще, какая разница? Главное, мы нашли автора.

Кейс смотрит на него.

— А ведь правда. Мы нашли автора…

Он уходит, оставив ей бутылку воды.

Кейс робко, одним пальчиком, закрывает чемоданчик, накидывает сверху бежевый чехол. Надо почистить зубы. Она идет в ванную, прихватив бутылку, чтобы прополоскать рот хорошей водой.

Потом, сидя на кровати, снимает тапочки и осматривает ноги. Левая чуть подтекла, красное пятнышко на бинтах. Щиколотки кажутся распухшими. Она снимает кофту, через голову стягивает «типа юбку», бросает одежду поверх возмутительного чемоданчика с деньгами.

Разобрав постель, ковыляет к выключателю, гасит свет. Затем возвращается, залезает под оранжевое покрывало и до подбородка натягивает грубую простыню. Постель пахнет, как непроветренное гостиничное белье в начале летнего сезона.

Кейс лежит, глядя в темноту и слушая далекий гул самолета.

— Значит, они тебя тоже не нашли? Но я и сама знала, что тебя больше нет.

Само его отсутствие каким-то образом становится им, занимает его место.

Мать однажды сказала: после удара второго самолета отцовская горькая досада, его личное и профессиональное возмущение той чудовищной легкостью, с которой был нарушен периметр, были столь велики, что он просто исчез, испарился в знак протеста. Кейс, конечно же, в это не верит. Но сейчас, вспоминая, она улыбается.

— Спокойной ночи, — говорит она темноте.

Глава 43

Почта

Мой непутевый брат, стоя по колено в грязном ржавом металлоломе в галерее Билли Прайона, выражает вам самую громкую и изумленную благодарность. Когда я ему сказала, что деньги достались вам от русских гангстеров и что вы не хотите брать их себе, у него буквально челюсть отвалилась. (Сначала он решил было, что это розыгрыш, но Нгеми его

убедил, сказал, что и сам часто получает наличные от американских коллекционеров.) В общем, с вашей стороны это просто невообразимо добрый поступок, ведь дело уже шло к тому, что он собрался отказаться от своей комнатенки (да, увы!) и переехать жить ко мне, чтобы расплатиться за эти дурацкие леса, а он ужаснейшая свинья, нечистоплотный, волосы везде оставляет. Конечно, тут денег гораздо больше, чем стоят леса, но он хочет на остальное арендовать большой плазменный дисплей для выставки. Теперь мы обсуждаем с Прайоном дату открытия, и вы обязательно должны приехать. У Прайона новый контракт, он будет рекламировать в Англии какой-то русский йогурт, который производят, кажется, японцы. Я знаю, потому что по работе нас как раз заставляют впаривать этот йогурт. И еще в галерее стоит целый холодильник — вращающийся! Похоже, они собираются раздавать посетителям бесплатные образцы в день открытия. Ну, это мы еще посмотрим! В общем, загадочное сетевое кино нам приказано

оставить, а переключиться на йогурт и еще на какого-то русского нефтяного магната: типа, какой он весь милашка, образованный, «альтернативный», прямо славянский Саачи[269], а вовсе не нувориш или злой мафиози. Вот такие сплетни я сейчас распространяю по ночным клубам. Ну ладно, что же делать. Может, когда-нибудь открою свою мастерскую по изготовлению шапочек. Желаю хорошо погулять в Париже! Магда.

В самом деле, милая, это ведь наверняка незаконно! На коробке «Федекса» так и написано: не посылайте наличные. Но я все получила, спасибо тебе огромное. И очень вовремя. Правда, адвокаты говорят: теперь мы сможем доказать, что Уин находился в районе теракта, а значит, официальное заключение о смерти дадут автоматически, и больше не будет никаких проблем со страховкой и пенсией. Но это еще минимум через месяц, а пока что деньги очень кстати. Они говорят, что

[269] Примечания: 269

Чарльз Саачи — британский рекламный магнат, активный покровитель искусств.

подтвердилась вся информация, которую ты им дала, буквально до последней детали, и очень хотят узнать, как ты получила такие сведения, ведь ни полиции, ни детективам это не удалось. Я им, конечно, объяснила, чем мы тут занимаемся в «Розе мира». Ведь я ни на миг не сомневаюсь, что отец сам помог тебе собрать все подробности о его последнем часе. Но если тебе почему-либо хочется держать это в тайне — что ж, я понимаю и уважаю твое желание. И надеюсь, что когда-нибудь ты мне обо всем расскажешь. Твоя любящая мать Синтия.

Уважаемая Кейс Поллард! Сожалею, что нам не удалось встретиться во время Вашего визита. От лица фирмы хочу поблагодарить Вас за рекомендации по кандидатуре Джуди Цудзуки. Сегодня, сразу после получения Вашего письма, наш отдел кадров провел с ней собеседование, и все остались очень довольны. Уверена, что мы найдем для нее подходящее место. Ее восторженное отношение к нашему городу (и к своему юному другу!) показалось нам очень милым, и я наде-

юсь, что ее живость и энтузиазм окажутся кстати на любой должности, какую бы мы ни предложили. С уважением,

Дженнифер Броссард,

Токийский филиал «Синего муравья».

Сс: Хьюберт Бигенд.

Да, я помню его! Ты все время говорила, какой он прикольный, как смешно пишет на вашем сайте. Так, значит, он не голубой? Музыкальный продюсер из Чикаго? Надеюсь, что не очередной Кубарец. (Если он не Кубарец, то (просто из любопытства) как вы можете позволить отпуск в Париже?). Кстати, вчера я видела самого главного Кубарецкого Кубарца, собственной персоной — по телевизору на Си-эн-эн. По правую руку от него сидел какой-то русский триллионер, а по левую — ваш министр внутренних дел. А сам он выглядел так, словно только что сожрал сырые внутренности невинного ягненка: румяный и очень довольный собой. Короче, когда ты уже возвращаешься домой? А в общем, ладно, не торопись. Наслаждайся жизнью! Марго.

Дорогая Кейс! В литературе описаны случаи, когда пациенты, страдающие расстройствами панического типа, полностью излечивались, пережив стрессовую ситуацию. Однако механизм этого процесса еще не вполне понятен. Что касается «советских психотропных средств», то тут мне практически нечего сказать. Я проконсультировалась с коллегой из Германии, который добровольцем работал с жертвами чернобыльской катастрофы; по его мнению, вещества, принадлежащие к этой категории, считаются орудиями пытки и состоят из промышленных химикатов, изначально не предназначенных для введения в организм человека. Довольно мерзкая штука. Надеюсь, доза была не очень большой. По поводу прекращения Ваших приступов паники — советую просто подождать и посмотреть, насколько полно и окончательно выздоровление. Если у Вас возникнет потребность обсудить это подробнее, можете записаться на прием; у меня есть несколько окон в осеннем графике. Искренне ваша, Кэтрин Мак-

Нелли.

Ну что ж, дела закончены, сворачиваемся, готовимся в дорогу. Классно, что вы заехали! И Питер мне понравился, нормальный пацан. И вообще, молодцы, что согласились терпеть мою Марину, чей коэффициент стервозности до сих пор еще не вернулся в норму после вашего визита. Особенно ты молодец — ты же знала, что я ее послал к такой-то бабушке после истории со «Штукой», но все равно не стала меня тыкать носом в дерьмо. Ты же понимаешь, особенно теперь, когда увидела все сама: у меня просто не было другого варианта, съемки можно было продолжать только через Маринин blat. Я уверен — нам бы просто не дали вывезти пленки из страны, если бы я начал брыкаться и упрямиться. Теперь, правда, чувствую себя каким-то лукавым прохиндеем… С другой стороны, у меня есть долг перед историей, перед материалом, который нам удалось заснять. Ну ладно. С вопросами морали разберусь в Лондоне, когда начну работать над первой редакцией фильма. Какие планы после

Парижа? Заедешь к нам, я надеюсь? Твой поляк, кстати, открывает выставку в галерее Билли Прайона из «БГЭ»; он и его сестричка просто с ума по тебе сходят. Не простят, если ты не заедешь. Ты знаешь его сестру? Такая рыженькая, пухленькая, веселенькая. Что-то в ней есть от той атмосферы — знаешь, как в первые дни после падения Берлинской стены. Думаю, у нас с ней могло бы что-нибудь получиться…

Целую,
Дэмиен.

Здравствуйте! Когда вы снова собираетесь к нам приехать? Сегмент, который вы видели, почти закончен. Его уже несколько раз отправляли на обсчет. Нора, конечно, ничего не говорит, но я чувствую, что скоро он будет завершен. Мы надеемся, что вам понравится! Стелла.

«Айбук» все еще у Кейс, но она больше не пользуется им для имэйлов. Просто держит в гостинице под кроватью, рядом с чемоданчиком «Луи Виттон», который теперь ее совсем не

раздражает, хотя себе бы она никогда такой не купила. Секция «Томми Хилфигера» в галерее Лафайетт, куда она зашла неделю назад, тоже не вызвала раздражения. И даже Мишлен теперь воспринимается спокойно. Кейс не знает, повлияет ли перемена в восприятии на ее способность отличать хорошие фирменные знаки от плохих. Это станет ясно только после нового контракта, а возвращаться к работе она пока не торопится.

Питер говорит, что сейчас им надо отдыхать. Он сам не был в отпуске очень долго — уж и не помнит, сколько лет. Разные группы и записывающие компании постоянно пытаются с ним связаться, однако он их просто игнорирует. Париж ему нравится; он говорит, что последний раз приезжал сюда очень давно, еще когда был совсем другим человеком, гораздо более глупым.

Кейс сомневается, что он когда-то был глупым.

Она несколько раз в неделю посещает интернет-кафе, чтобы проверить почту, приходящую на новый адрес. Войтек сделал для нее почтовый ящик на британском домене.

Иногда она думает о связи Бигенда с русскими. О том, мог ли Бигенд с самого начала знать, что фрагменты делают племянницы Волкова. Но эти мысли всегда заканчиваются тем, что она

вспоминает изречение Уина о совпадениях, без которых не обходится ни один заговор.

В Москве они с Питером еще раз навестили сквот Стеллы и Норы, а потом слетали на раскопки, где Дэмиен уже заканчивал съемки фильма и где Кейс, сама не зная почему, вдруг спрыгнула в свежеразрытую траншею и со слезами на глазах стала перебирать обломки грязных серых костей. Дэмиен и Питер сделали вид, что ничего не произошло, но если бы они спросили, то она ответила бы, что плачет по своему веку. Вот только не уверена, по какому из них — ушедшему или настоящему.

А теперь уже поздно, и стрелки приближаются к волчьему часу, бессонному часу путешественников, когда особенно остро чувствуешь отсутствие заплутавшей души. Но сейчас, лежа с Питером в маленькой комнате и слушая журчащую фонограмму ночного Парижа, Кейс знает, что ее душа нашлась, долетела на трепещущих серебряных крылышках и уютно свернулась теплым калачиком в своем привычном гнезде.

Она целует спящего Питера в спину и спокойно засыпает.

Страна Призраков
(роман)

…Бывшая рок-звезда Холлис Генри, ныне репортер несуществующего, «призрачного», компьютерного журнала «Нод», готовит материал о так называемом, «призрачном», «локативном искусстве», которое может существовать только в «призрачном» виртуальном мире…

…Кубинский эмигрант, этнический китаец по прозвищу Тито, соблюдая строгую конспирацию, регулярно доставляет айподы некоему загадочному, «призрачному» старику…

…Наркоман Милгрим вынужден помимо своей воли работать на таинственную «призрачную» спецслужбу, осуществляющую слежку за Тито…

Все эти герои — жители «страны призраков» — современной Америки, которая продолжает болезненно переживать «синдром 11 сентября». Три сюжетных линии, составляющих фабулу романа, то

переплетаются, то вновь расходятся, чтобы в финале, наконец, вновь сплестись в один тугой узел.

Глава 1

Белый «Лего»

— Это Рауш, — представился голос в трубке. — Из «Нода».

Холлис Генри зажгла у кровати лампу — свет выхватил оставшиеся с прошлого вечера пустые банки из-под «Асахи драфт»[270] из «Пинк дота»[271] — и от души позавидовала пауэрбуку, продолжавшему мирно спать под обклеенной стикерами крышкой.

— Здравствуй, Филипп.

«Нод» — это название журнала, на который в данное время работала Холлис, если можно сказать, что она вообще на кого-нибудь работала, а Филипп Рауш — его редактор. Последний их разговор заставил ее перелететь в Лос-Андже-

---

[270] Примечания: 270

Японское пиво. — *Здесь и далее примеч. пер.*

[271] Примечания: 271

Магазин в Лос-Анджелесе, поставляющий продукты, напитки и товары личного пользования на дом, в офисы и номера отелей.

лес и зарегистрироваться в отеле «Мондриан»; правда, решающую роль сыграл скорее денежный вопрос, нежели сила убеждения. Название журнала Рауш умудрился произнести чуть ли не курсивом. Холлис подозревала, что эта манера скоро набьет ей оскомину.

Из ванной, негромко обо что-то ударившись, прикатил робот Одиль Ричард.

— У вас теперь три часа. Не разбудил?

— Нет, — солгала Холлис.

Собранный из «Лего», сплошь из белых кирпичиков, робот Одиль передвигался на белых пластмассовых колесиках с черными шинами, а на спине у него было привинчено что-то вроде солнечной панели. Устройство беспорядочно, хотя и с заметным упорством, каталось по ковру. Неужели где-нибудь продаются детали исключительно белого цвета? Здесь, в окружении множества белых вещей (приятное сочетание с ярко-синими, словно Эгейское море, ножками стола), робот смотрелся как родной.

— Они дозрели, хотят показать свое лучшее творение, — сообщил Рауш.

— Когда?

— Сейчас. Тебя будут ждать. В «Стандарте».

Знакомый отель. Полы в нем устланы ярко-си-

ними коврами из астротурфа[272]. Всякий раз, оказываясь там, Холлис чувствовала себя самым дряхлым живым существом в здании. За стойкой регистрации располагалось подобие огромного террариума, в котором иногда лежали, будто на пляже, девицы сомнительной этнической принадлежности, щеголяя бикини и полистывая толстые учебники, щедро украшенные иллюстрациями.

— Вы позаботились о здешних издержках, Филипп? Когда я въезжала, на кредитке было…

— Все улажено.

Она не поверила.

— А что, уже назначили крайний срок для подачи материала?

— Нет еще. — Собеседница без труда представила, как где-то там, в Лондоне, Рауш громко втянул воздух между зубами. — Выпуск отложен. До августа.

Холлис только предстояло познакомиться с кем-то из «Нода» — хотя бы с кем-нибудь из коллег по журналу. Похоже, она имела дело с

---

[272] Примечания: 272

Искусственная трава, которую расстилают перед соревнованиями на больших крытых стадионах в США; вид напольного покрытия. Названа в честь Астродома, знаменитого стадиона в Хьюстоне.

европейской версией «Вайред»[273]. Само собой, никто так не говорил, однако бельгийские деньги через Дублин, офисы в Лондоне… Хорошо, пусть не офисы, а один этот Филипп. Судя по голосу, ему можно было дать лет семнадцать. Да, лет семнадцать — плюс хирургическая операция по удалению чувства юмора.

— Куча времени.

Холлис и сама не знала, что имеет в виду, но смутно задумалась о своем банковском балансе.

— Тебя ждут.

— Ладно. — Она опустила веки, захлопнула сотовый.

Интересно, прикинула Холлис, может ли постоялец отеля формально считаться бездомным?

Лежа под белой простыней, она слушала, как робот француженки врезается в разные предметы, пощелкивает шестеренками, меняет направление. Очевидно, его запрограммировали, как японский пылесос: натыкаться на все подряд, пока работа не будет выполнена. По словам Одиль, он собирал данные с помощью встроенного блока GPS.

---

[273] Примечания: 273

Американский журнал, посвященный проблемам компьютеров и Интернета, а также открытиям и изобретениям и в других областях науки и техники.

Холлис присела на кровати. Легкая ткань соскользнула до самых бедер. Воющий снаружи ветер отыскал новый угол атаки на окна. Рамы и стекла жутко задребезжали. Любая местная погода с четко выраженным характером не сулила ничего доброго. Стоило зарядить ненастью, и сомневаться не приходилось: завтрашние газеты сообщат по меньшей мере о скромном землетрясении. Пятнадцать минут дождя грозили потопом в центре Беверли и торжественным сползанием валунов размером с дом со склонов на оживленные перекрестки. Однажды Холлис уже довелось видеть подобное.

Встав с кровати, она пошла к окну. Главное — не наступить на робота. Рука на ощупь потянула шнур, раздвигавший тяжелые белые шторы. Шестью этажами ниже рвались и метались пальмы, словно танцоры-мимы, изображающие предсмертную агонию мира в предсказанных каким-нибудь фантастом катаклизмах. Десять минут четвертого, еще не настало утро среды, а ураган превратил Стрип[274] в настоящую пустыню.

---

[274] Примечания: 274

Распространенное название центрального участка бульвара Сансет в Голливуде, вдоль которого расположены фешенебельные рестораны, сувенирные магазины, театральные агентства и ночные клубы.

Лучше не думай, посоветовала она себе. Не проверяй электронную почту. И живо дуй в ванную: дорогостоящие лампы высветят все, что никогда не удавалось сделать нормально.

Пятнадцать минут спустя, сделав как можно лучше то, что, по ее мнению, никогда не удавалось нормально сделать, Холлис спустилась в вестибюль на лифте Филиппа Старка[275]. Как-то раз ей попалась статья о Старке; там говорили о принадлежащей дизайнеру устричной ферме, где в особых стальных рамках выращивали кубических устриц.

Двери плавно разъехались. На открывшихся просторах царило бледное дерево. Откуда-то сверху на пол проецировался маленький восточный коврик; даже не просто коврик, а его платоническая идея — стилизованные закорючки света напоминали чуть менее стилизованные загогулины крашеной шерсти. Холлис торопливо пересекла это произведение искусства (кто-то рассказывал, будто поначалу оно задумывалось в

---

[275] Примечания: 275

Бывший арт-директор в студии Пьера Кардена, создатель яркого авторского стиля в современном дизайне. За свою четвертьвековую карьеру он проектировал практически все — от зубной щетки до жилых кварталов. В этот спектр вошли всевозможные стулья, телевизоры, а также интерьеры ресторанов, роскошных отелей, ночных клубов, бутиков «Ямамото», «Хьюго Босс» и даже личных покоев Франсуа Миттерана в Елисейском дворце.

угоду Аллаху) и направилась к выходу.

Лицо обжег ужасный ветер. Охранник у двери «Мондриана» — в ухе гарнитура «блютус», кряжистая голова побрита на армейский манер — покосился и что-то спросил, но его слова утонули в завываниях налетевшего вихря.

— Нет, — наугад ответила Холлис.

Скорее всего мужчина предлагал подогнать ее автомобиль, которого не было, или вызвать такси. Одна желтая машина уже стояла у входа. Водитель, похоже, уснул за рулем, и снились ему, должно быть, луга Азербайджана. Холлис прошла мимо. Ее и так захлестывали чувства, а тут еще жуткий непредсказуемый ветер, бушевавший на бульваре подобно вихрям обратной тяги, словно магазин звукозаписей «Тауэр Рекордс» надумал вдруг улететь.

Вроде бы охранник что-то крикнул вдогонку, но «адидасы» Холлис уже нашли настоящий, нестилизованный тротуар Сансет, усеянный в стиле пуантилизма[276] абстрактными точками почернелой резины, и чудовище по имени «Мон-

[276] Примечания: 276

Пуантилизм — прием создания эффекта свечения, освещенности, изобретенный французскими импрессионистами; состоит в нанесении на поверхность холста большого количества мелких точек, не различимых человеческим глазом.

дриан», раззявившее парадные двери, осталось позади. Холлис застегнула толстовку на молнию и зашагала прочь, не слишком заботясь о верном направлении.

В воздухе тучами жалящих насекомых носились сухие пальмовые волокна.

Ты спятила, повторяла она на ходу. Хотя сейчас все казалось совершенно нормальным, умом Холлис понимала, что выбрала не самое спокойное место для прогулки, тем более в одиночестве. Женщине, да и любому пешеходу в такое время нечего делать на улице. Однако сама погода, устроившая очередное безумие в Лос-Анджелесе, казалось, притупляла чувство опасности. Улица была совершенно пуста, как в кино: еще секунда — и топнет Годзилла. Трещали пальмы, воздух бился в судорогах, а Холлис, укрывшись черным капюшоном, решительно шла вперед. То и дело вокруг лодыжек с трепетом обвивались газеты и рекламные листовки модных клубов.

Мимо промчалась полицейская машина — в сторону «Тауэр Рекордс». Водитель, крепко вцепившись в руль, даже не взглянул на одинокую женщину. «Служить и защищать», — усмехнулась она. Ветер головокружительно переменил направление, сорвал капюшон и мгновенно

растрепал прическу. Которая, впрочем, и так нуждалась в обновлении.

Одиль Ричард ожидала гостью под вывеской «Стандарта», закрепленной — одним дизайнерам ведомо почему — вверх тормашками. Француженка еще не отвыкла от парижского времени, но Холлис сама предложила предрассветную встречу. Когда же еще любоваться подобным искусством?

За спиной Одиль стоял юный широкоплечий латиноамериканец: бритая голова, рукава ретро-этнического «Пендлтона»[277] отрезаны ножницами повыше локтей, незаправленные по́лы болтались почти до колен мешковатых хэбэшных штанов.

— А вотри Санте, — заявил он, когда увидел пришедшую, и поднял серебристую банку «Текате»[278].

Вниз по его руке вилась татуировка — очень четкие, изумительной работы буквы на старо-

---

[277] Примечания: 277

«Пендлтон» — товарный знак мужской и женской верхней одежды высшего качества, спортивной одежды, одеял и других изделий «из настоящей шерсти» производства компании «Пендлтон вулен Миллс», г. Пендлтон, штат Орегон. Знаменитые шерстяные сорочки из шотландки выпускаются с 1924 г.

[278] Примечания: 278

Мексиканское пиво.

английском.

— Извините, не поняла?

— *A votre sante*[279], — поправила Одиль, прижимая к носу мятую тряпку с лохматыми краями.

Холлис не приходилось встречать менее утонченной француженки, хотя этот высокозанудливый европейский стиль только придавал ей мерзкого шарма. На Одиль были черный свитер три икс-эль — творение какого-нибудь давно умершего выскочки, носки из коричневого нейлона в полоску, мужские, с особо противным блеском, и прозрачные пластмассовые сандалии цвета вишневого сиропа от кашля.

— Альберто Корралес, — представился парень.

— Очень приятно. — Ладонь пришедшей утонула в его пустой руке, сухой, как опилки. — Холлис Генри.

— Группа «Кёфью», — заулыбался Альберто.

Надо же, фанат. Холлис, как всегда, удивилась, и ей отчего-то сразу стало не по себе.

— Сколько дряни в воздухе, — посетовала Одиль. — Дышать нечем. Может, поедем уже смотреть?

— Ладно. — Бывшая солистка обрадовалась

---

[279] Примечания: 279
Ваше здоровье *(фр.)*.

перемене темы.

— Прошу, — пригласил Альберто, по-милански точно метнув пустую банку в белое мусорное ведро «Стандарта». Ветер тут же утих, как по заказу.

Холлис заглянула в вестибюль, бросила взгляд на безлюдную конторку портье, в темноту террариума для девиц в бикини — и последовала за своими спутниками (при этом Одиль раздражающе шаркала ногами) к автомобилю Альберто, классическому «жуку», дерзко сверкающему, словно лоурайдер[280], бесчисленными слоями краски. Глазам бывшей певицы предстали: жаркий вулкан, кипящий расплавленной лавой, грудастые латинские красотки в еле заметных набедренных повязках, ацтеки с перьями на головах и свернувшийся разноцветными кольцами крылатый змей. Либо хозяин авто переборщил со смесью этнических культур, либо она упустила момент, когда «фольксваген» сделался частью пантеона.

---

[280] Примечания: 280

Дорогая модель классического автомобиля, оттюнингованная, с опущенной подвеской, способная прыгать на одном или на всех колесах сразу, разукрашенная вручную яркой живописью (для пущего эффекта кладется до 28 слоев краски). Культ лоурайдеров зародился в криминальных районах Лос-Анджелеса среди выходцев из Латинской Америки. Звезды хип-хопа и соула подчеркивают свой статус с помощью лоурайдеров, которые становятся «визитными карточками» знаменитых хозяев.

Парень открыл пассажирскую дверь и придержал спинку, пока Одиль проскользнула на заднее сиденье, где, как выяснилось, уже лежало какое-то оборудование, и торжественным жестом, разве что не раскланявшись, пригласил в машину Холлис.

Та изумленно заморгала, впечатленная прозаичной семиотикой старенькой приборной доски. Салон благоухал этническим освежителем воздуха. А ведь это, как и боевая раскраска, — часть особого языка, смекнула Холлис. Впрочем, парень вроде Альберто мог нарочно выбрать неподходящий аромат.

Асфальтовую дорогу тонким слоем покрыла гниющая биомасса из пальмовых волокон. Автомобиль вырулил на Сансет и после аккуратного разворота на сто восемьдесят градусов поехал к отелю «Мондриан».

— Я столько лет ваш поклонник, — сказал Альберто.

— Его интересует история как субъективный космос. — Голос Одиль раздался почти над ухом попутчицы. — Он полагает, что этот космос рождается из страданий. Всегда и только из них.

— Кстати о страданиях, — вырвалось у Холлис при виде «Пинк дота». — Альберто, тормозни,

пожалуйста, у магазина. Сигарет куплю.

— ’Оллис! — нахмурилась француженка. — А сама говорила, не курю.

— Вот и начну.

— Так мы ведь уже приехали. — Альберто свернул налево и припарковался на Ларраби.

— Куда приехали? — Холлис приоткрыла дверь, подумывая удрать, если что.

Водитель заметно помрачнел.

— Сейчас достану все, что нужно. Хочу, чтобы ты первая посмотрела. Потом обсудим, если пожелаешь.

Он вышел из машины. Холлис — за ним. Ларраби-стрит круто сбегала навстречу озаренным огнями долинам города; даже стоять на ней было не очень удобно. Альберто помог Одиль выбраться с заднего сиденья. Та прислонилась к «фольксвагену» и спрятала голые ладони под мышками свитера.

— Холодно, — пожаловалась она.

И вправду, заметила Холлис, разглядывая громаду непристойно розового отеля над собой: без теплого ветра в воздухе сразу посвежело. Альберто пошарил на заднем сиденье, достал оттуда помятый алюминиевый футляр для камеры, обмотанный крест-накрест клейкой лентой, и

повел своих спутниц вверх по крутому тротуару.

Длинный серебристый автомобиль беззвучно проплыл в сторону бульвара Сансет.

— А что здесь? Что мы такого должны увидеть? — не выдержала Холлис, когда троица дошла до угла.

Парень опустился на колени, раскрыл футляр. Предмет, появившийся на свет из пенопластовой упаковки, Холлис поначалу приняла за сварочную маску.

— Надень.

Альберто протянул ей головную повязку с каким-то козырьком.

— Виртуальная реальность? — Только сказав эти слова, Холлис поняла, как давно не слышала, чтобы их произносили вслух.

— Да нет, устарелое «железо». — Парень достал из сумки лэптоп и включил его. — Другого позволить себе не могу.

Холлис опустила козырек на глаза и будто сквозь мутную пелену посмотрела на пересечение бульвара Сансет и Кларк-стрит, отметив про себя вывеску «Whisky A Go-Go»[281]. Альберто про-

---

[281] Примечания: 281

Дискотека, известная тем, что именно там играла свои первые концерты группа «Doors». Дискотека была на самом деле ночным клубом с баром и стриптизом (т. е. виски + «гоу-гоу герлз»).

тянул руку, чтобы осторожно вставить провод возле козырька.

— Сюда. — Спутник повел ее вдоль тротуара к низкому, выкрашенному в черный цвет фасаду без окон.

При виде вывески Холлис поморщилась. «Viper Room»[282].

— Сейчас, — произнес парень и, судя по звуку, застучал по клавишам лэптопа. Та, к кому он обращался, уловила краем глаза какое-то мерцание. — Смотри. Вон туда.

Повинуясь жесту, она повернулась. На тротуаре лицом вниз лежал худой темноволосый человек.

— Ночь на ’Эллуин, — объявила Одиль. — Тысяча девятьсот девяносто третий год.

Холлис подошла ближе. Тела не было. Но оно *было*. Альберто шагал следом и нес лэптоп, заботясь, чтобы не вылетел провод, и даже вроде бы затаив дыхание. А может, она судила по себе.

Холлис наклонилась. Мертвый парень смахивал на птичку. Четко очерченная скула отбрасывала собственную маленькую тень. С чрезвычайно темными волосами хорошо сочетались рубашка и брюки в тонкую полоску.

---

[282] Примечания: 282

Приватный ночной клуб, одним из владельцев которого является Джонни Депп.

— Кто это? — спросила наконец Холлис.

— Ривер Феникс[283], — еле слышно ответил Альберто.

Она подняла взгляд, увидела вывеску «Whisky A Go-Go» и вновь опустила глаза. Какая у него хрупкая белая шея.

— Но Ривер Феникс был блондином.

— Перекрасился, — пояснил Альберто. — Для роли.

Глава 2

Муравьи в воде

Старик напомнил Тито вывеску-призрак из тех, что блекнут на глухих стенах почерневших от ветхости зданий, являя взорам прохожих названия товаров, давно утративших актуальность.

Даже если бы на одной из них вдруг обнаружился текст из самых злободневных, самых свежих и страшных новостей, вы все равно не усомнились бы, что и он висел тут всегда, теряя

---

[283] Примечания: 283

Американский актер (1970–1993), снимался в таких фильмах, как «Индиана Джонс и последний крестовый поход», «Мой личный штат Айдахо», «Противостояние». Должен был сниматься в «Интервью с вампиром», когда умер от передозировки наркотиков.

краски на солнце и под дождем, просто не попадался никому на глаза. Похожее чувство Тито пришлось испытать, когда он повстречал старика на Вашингтон-сквер, подсел к нему за бетонный шахматный столик и осторожно передал айпод, прикрывшись газетой.

Всякий раз, как этот старик, без выражения глядя куда-то в сторону, прятал очередной айпод, на его запястье тускло блестели золотые часы. Циферблат и стрелки были почти не видны под мутным исцарапанным стеклом. Часы мертвеца. Такими торгуют на блошиных рынках, свалив их заодно с прочей рухлядью в ящики из-под сигар.

Если говорить об одежде, то и она могла принадлежать покойнику. Ткань, казалось, источала безжизненный холод, какой бывает исключительно в Нью-Йорке в конце своенравной зимы. Холод забытого багажа, казенных коридоров, проржавевшего шкафчика для одежды.

Но ведь не мог же бедный человек иметь дело с дядями Тито. Это все ради протокола, условный костюм, не иначе. Старик излучал такую мощь и безграничное терпение, что Тито, по некоторым своим соображениям, воспринимал его как мстителя, явившегося поквитаться с миром за прошлое южного Манхэттена.

Каждый раз, когда он брал айпод (так в зоопарке дряхлая и проницательная обезьяна примет у посетителя кусочек не слишком лакомого фрукта), Тито почти ожидал увидеть, как старик расколет девственно белый корпус подобно скорлупе ореха и достанет на свет что-нибудь ужасно мерзкое и нестерпимо современное.

И вот теперь, сидя перед дымящейся супницей в надстроенном ресторане с видом на Канал-стрит, он понял, что не в состоянии объяснить это своему кузену Алехандро. Немногим ранее Тито пытался у себя в номере создать музыкальную композицию, передающую те ощущения, которые пробуждал в нем старик. Но вряд ли стоило когда-нибудь заводить о ней речь.

Алехандро — расправленные плечи, гладкий лоб, волосы на прямой пробор — не интересовался музыкой. Молча глядя на брата, он зачерпнул утиный суп и аккуратно разлил по тарелкам — сначала ему, а потом себе. За окнами ресторана, за вывеской из красного пластика с надписью на кантонском, которую невозможно было прочесть, раскинулся мир оттенка старой серебряной монеты, залежавшейся в ящике.

Алехандро был буквалистом, весьма одаренным, но крайне практичного склада ума. Поэтому

его и выбрала себе в ученики седая Хуана, их тетка, лучший в роду специалист по поддельным документам. По воле кузена Тито приходилось таскать по улицам механические печатные машинки — старинные неподъемные устройства, приобретенные на пыльных складах за рекой, — а также, словно мальчику на побегушках, бесконечно покупать заправочные ленты и скипидар для стирания чернил. Родная Куба, как учила Хуана, представляла собой бумажную державу, сплошной бюрократический лабиринт из анкет и написанных под копирку тройных экземпляров. Посвященные знали в этом царстве все ходы и выходы, а потому действовали уверенно и точно. Точность везде и всегда — таков был девиз Хуаны, исследовавшей жизнь в глубочайших, покрашенных в белый цвет подвалах строения, чьи верхние окна выходили прямо на Кремль.

— А он тебя напугал, этот старик, — произнес Алехандро.

Ученик перенял от Хуаны тысячи трюков с использованием бумаги и клея, печатей и водяных знаков, постиг чудеса, творившиеся в ее импровизированных темных фотолабораториях, и еще более темные тайны детей, умерших во младенчестве.

Время от времени, а под конец и целыми месяцами, Тито носил при себе подгнившие бумажники, до отказа набитые фрагментами паспортов, созданных за время ученичества Алехандро, так чтобы долгая близость к человеческому телу истребила всякие следы новизны, недавнего изготовления. Молодой человек никогда не касался этих карточек и бумаг, состаренных за счет его собственного тепла и движений. Сам же Алехандро, когда доставал их из кожаных конвертов, покрытых трупными пятнами, надевал хирургические перчатки.

— Да нет, — ответил Тито, — не напугал.

Впрочем, он был не уверен, что сказал правду; какой-то страх, несомненно, присутствовал, но не имел отношения к самому старику.

— А может, и стоило бы, братец.

Силы бумажных чар начали рассеиваться в разгар появления новых технологий и возрастающего внимания правительства к вопросам «безопасности», читай: «контроля». С тех пор родные уже меньше полагались на способности Хуаны, приобретая львиную долю документов где-то в других источниках, точнее отвечающих насущным потребностям. О чем Алехандро, насколько знал его кузен, ничуть не сожалел. В

тридцать, будучи на восемь лет старше Тито, он уже научился рассматривать жизнь в семье в лучшем случае как условное благословение. Картины, повешенные напротив окон в его квартире и понемногу выцветающие на солнце, были тому подтверждением. Алехандро рисовал играючи, владел, казалось, любым известным стилем и, по негласному соглашению с теткой, переносил особые, изощренные навыки из ее сказочного подпольного мира в мир галерей и собирателей искусства.

— А Карлито, — Алехандро назвал имя дяди, бережно передавая кузену белую фарфоровую тарелку супа с душистым ароматом и жирком на поверхности, — он тебе не рассказывал о старике?

— Только то, что, если он ко мне обратится, можно отвечать по-русски.

Мужчины общались по-испански.

Собеседник изогнул бровь.

— И еще — в Гаване они были знакомы с нашим дедом.

Алехандро нахмурился; его фарфоровая белая ложка застыла над супом.

— А он американец?

Тито кивнул.

— В Гаване, — Алехандро понизил голос, хотя в ресторане больше никого не было, кроме официанта, читавшего «Чайниз Уикли» за стойкой, — наш дед общался с американцами, но только из ЦРУ.

Его кузен вспомнил, как незадолго до переезда в Нью-Йорк отправился с матерью на китайское кладбище на *Calle*[284] 23, где из семейного склепа была извлечена маленькая урна, и Тито, гордящийся своей сноровкой, кое-куда ее переправил; вспомнил закусочную «Малекон» и вонючую туалетную кабинку, в которой бегло пролистал бумаги, спрятанные в плесневелом конверте из прорезиненной ткани. Он до сих пор не имел понятия об их содержании, потому что с трудом разбирал полузнакомые английские слова.

Тито никому не рассказывал о том случае, вот и сегодня решил промолчать.

Ноги ужасно мерзли в черных ботинках «Рэд Винг»[285]. Вот бы нырнуть в деревянную японскую ванну с таким вот горячим супчиком.

— Он смахивает на тех людей, которые раньше

---

[284] Примечания: 284

Улица *(исп.)*.

[285] Примечания: 285

Марка «внедорожной» обуви — высокие 18-дюймовые башмаки, предназначенные для пеших загородных прогулок.

отирались в скобяных лавках по этой улице, — сказал Тито. — Такие старички в обносках, кому нечем заняться.

Скобяные лавки с Канал-стрит уже исчезли. Их место заняли точки продажи сотовых телефонов и поддельной «Прада».

— Скажи мы Карлито, что ты дважды видел одного и того же мужчину или хотя бы женщину, — проговорил Алехандро, обращаясь к дымящейся поверхности супа, — и он послал бы кого-то другого. Так требует протокол.

Автор упомянутого протокола, их дед, ушел в мир иной, как и те старички с Канал-стрит. Его насквозь нелегальный прах был развеян промозглым апрельским утром со стейтен-айлендского парома. Дяди прикрывали ритуальные сигары ладонями от ветра, и даже прижившиеся на борту карманники уважительно держались на расстоянии, понимая, что здесь дело сугубо интимное.

— Да ведь там ничего не было, — сказал Тито. — Ничего интересного.

— Если нам платят за доставку ему контрабанды, а мы по долгу ремесла ничего другого не доставляем, значит, кому-то наверняка интересно.

Кузен мысленно попытался расшатать его ло-

гику, нашел ее неколебимой и кивнул.

— Слышал выражение: «не разевай рот»? — Алехандро перешел на английскую речь. — Это всех нас касается, если хотим удержаться здесь.

Тито ничего не ответил.

— Сколько всего было поставок?

— Четыре.

— Многовато.

Дальше они ели свой суп молча, под металлический грохот грузовиков на Канал-стрит.

А потом Тито стоял перед глубокой раковиной в своей комнате в Чайнатауне и стирал свои зимние носки с порошком. Сами по себе они уже не казались такой уж экзотикой, зато их плотность изумляла до сих пор. А ведь ноги по-прежнему то и дело мерзли, несмотря на кучу стелек из бродвейского магазинчика.

Перед глазами встала раковина в гаванской квартире матери. Пластиковая бутылка, заполненная мыльным раствором (его использовали вместо моющего средства), жесткая волокнистая тряпка и мисочка с углем. По краю раковины постоянно бежали куда-то мелкие муравьи. В Нью-Йорке, как однажды заметил Алехандро, эти твари передвигались гораздо медленнее.

Другой кузен, переехавший из Нового Орлеана

после наводнения, рассказывал, как видел на волнах целый шар из рыжих муравьев, живой и блестящий. Очевидно, так насекомые спасались от полного вымирания. «Вот и мы, — подумал тогда Тито, — чтобы выплыть в Америке, держимся друг за друга на плотике общего ремесла. Нас меньше, но наша сила — в протоколе».

Порой он смотрел российские новости на «Russian Network of America»[286]. Со временем начало казаться, что голоса ведущих доносятся из далекого сна или с борта глубоководной подлодки. Интересно, каково это — совсем потерять язык?

Мужчина отжал мыльную воду, заново наполнил раковину и, оставив носки отмокать, вытер ладони о старую футболку, висевшую рядом вместо полотенца.

Окон в квадратной комнате не было, только белые гипсокартонные стены и стальная дверь да высокий бетонный потолок. Порой Тито лежал на матраце, пытаясь разглядеть вверху границы между замазанными листами фанеры и окаменелые следы потопов с верхнего этажа. Других постоянных жильцов здесь не было. Квартира

---

[286] Примечания: 286
Первое русскоязычное телевидение в Америке.

соседствовала с фабрикой, где кореянки шили детскую одежду, и еще одной мелкой фирмой, имеющей какое-то отношение к Интернету; да и саму ее, в действительности, дяди снимали в аренду. Когда помещение требовалось им для некоторых дел, Тито ночевал на кушетке «Икея» у Алехандро.

Ну а в его комнате, кроме глубокой раковины, был еще туалет, электроплитка, матрас, компьютер, микрофон, динамики, клавиатуры, телевизор «Сони», утюг и гладильная доска. Одежда висела на допотопного вида железной вешалке на колесиках, обнаруженной на обочине Кросби-стрит. За одним из динамиков стояла синяя вазочка из китайского универмага; эту хрупкую вещицу Тито втайне посвятил богине Ошун, известной среди католиков Кобре под именем Пречистой Милосердной Девы.

Подключив клавиатуру «Касио» к длинному кабелю, он пустил в раковину с носками горячую воду, взобрался в очень высокое режиссерское кресло, купленное в том же универмаге на Канал-стрит, и, кое-как пристроившись в люльке из черной парусины с «Касио» на коленях, погрузил ноги в теплую мыльную пену. Потом закрыл глаза и коснулся пальцами кнопок. Тито подыскивал

звук, похожий на потускневшее серебро.

Если сыграть хорошо, быть может, музыка наполнит пустоту Ошун.

Глава 3

Волапюк

Кутаясь в пальто «Пол Стюарт», украденное месяц назад в закусочной на Пятой авеню, Милгрим смотрел, как Браун отпирает обитую сталью дверь парой ключей из прозрачного пакетика на молнии — точно в таком же Деннис Бердуэлл, знакомый дилер из Ист-Виллиджа, хранил кокаин.

Но вот Браун выпрямился и пробуравил Милгрима уже привычным взглядом, исполненным злобного презрения.

— Открывай, — приказал он, переступив с ноги на ногу.

Милгрим повиновался, но прежде чем взяться за ручку, обмотал ладонь толстым черным шарфом шведской марки «H&M».

Дверь распахнулась. В темноте слабо тлела красная искорка индикатора — должно быть, от выключенного компьютера. Милгрим шагнул вперед, не дожидаясь толчка в спину. Сейчас его

занимала крошечная таблетка ативана[287], которая тихо таяла под языком. Она еще не успела раствориться до конца, еще неуловимо ощущалась кожей, напоминая микроскопические чешуйки на крыльях бабочек.

— И за что его так назвали? — рассеянно произнес Браун, методично обшаривая комнату нестерпимо ярким лучом фонаря.

Милгрим услышал, как за спиной закрылась дверь и щелкнул замок.

Брауну было несвойственно думать вслух; видимо, в этот раз он здорово перенервничал.

— Как назвали?

Меньше всего сейчас Милгриму хотелось говорить. Он бы с радостью сосредоточился на мгновении, когда таблетка тает под языком на грани бытия и небытия.

Круг света остановился на складном режиссерском кресле возле какой-то казенного вида раковины.

Судя по запаху, не лишенному некой приятности, в комнате явно кто-то жил.

— Почему его так назвали? — повторил Браун с намеренно грозным спокойствием.

---

[287] Примечания: 287
Транквилизатор.

Он был из тех, кто не любит лишний раз произносить имена или упоминать понятия, которые ставит ниже себя по причине их недостаточной важности либо иностранного происхождения.

— Волапюк, — догадался Милгрим, как только таблетка исполнила свой знаменитый трюк с исчезновением. — В качестве ключа при составлении текстов берется визуальное сходство с русским алфавитом, кириллицей. Используются и наши буквы, и даже цифры, но только по принципу сходства с буквами кириллицы, которые они больше всего напоминают.

— Я говорю, откуда название?

— Эсперанто, — продолжал Милгрим, — это язык искусственный, его изобрели для универсальной коммуникации. А волапюк — совсем другое дело. Когда русские обзавелись компьютерами, то обнаружили на дисплеях и клавиатурах романский алфавит, а не славянскую азбуку. Вот и состряпали, пользуясь нашими символами, что-то вроде кириллицы. Язык окрестили волапюком. Думаю, в шутку.

Однако Браун был не из тех, кого пронимают подобные шутки.

— Отстой, — процедил он, вложив в это слово все, что думает о волапюке, собеседнике и даже о

НУ, которыми столько интересовался.

На языке Брауна, как уяснил Милгрим, «НУ» означало Нелегального Упростителя, преступника, облегчающего жизнь остальным нарушителям закона.

— Держи.

Браун сунул своему спутнику фонарь из рифленого неблестящего железа.

Так полагалось по статусу. Спрятанный под паркой Брауна пистолет тоже совершенно не блестел. Это как с обувью и аксессуарами, рассуждал про себя Милгрим; стоит кому-нибудь, например, щегольнуть крокодильей кожей, и через неделю она уже будет у всех. Вот и городе Браунтаун царил сезон неблестящего антицвета. Только, пожалуй, он уже несколько затянулся.

Между тем Браун достал из кармана зеленые хирургические перчатки из латекса и натянул их на руки.

А Милгрим держал фонарик там, где ему велели, и предвкушал блаженную минуту, когда таблетка подействует.

Как-то ему довелось встречаться с женщиной, утверждавшей, что витрины магазинов, где распродаются излишки военного имущества, навевают мысли о мужской несостоятельности.

Интересно, в чем слабость Брауна? Этого Милгрим не знал, однако сейчас его восхищали эти руки в хирургических перчатках, похожие на глубоководных тварей в каком-то сказочном театре на дне морском, обученных подражать ладоням искусника-чародея. Вот они нырнули в карман и достали маленькую коробочку, откуда проворно извлекли крохотный предмет очень бледного голубовато-серебристого оттенка, почему-то напомнившего Милгриму о Корее.

Батарейка.

Действительно, батарейки нужны везде. Даже в том призрачном приборчике, что помогает Брауну и его когорте перехватывать, пусть и немногочисленные, исходящие и входящие сообщения НУ прямо из воздуха этой квартиры. Милгрим недоумевал: насколько он знал, подобные фокусы невозможны, если только не спрятать «жучок» в телефоне. А этот НУ, по рассказам Брауна, редко использовал одну и ту же трубку или счет, покупая их ворохами, а потом избавляясь, как от мусора. А впрочем, если вдуматься, так поступал и Бердуэлл.

Браун опустился на колени возле вешалки с одеждой и принялся ощупывать ладонями в зеленых перчатках чугунное основание на колесиках.

Милгрим с любопытством щурился на рубашки НУ и черную куртку: ему хотелось взглянуть на фирменные ярлычки, но приходилось держать фонарь, освещая чужие руки. Какая же это марка? Может, «А.Р.С.»? Или нет?.. Однажды, когда они вдвоем сидели в закусочной на Бродвее, мимо прошел НУ собственной персоной; он даже посмотрел на них через потное окно. Ошеломленный Браун взбесился и что-то быстро зашипел в головной телефон. Милгрим поначалу даже не понял, что этот парень с мягкими чертами лица и в черной кожаной шляпе с загнутыми впереди полями и есть интересующий его спутника НУ. Скорее незнакомец смахивал на помолодевший вариант Джонни Деппа неопределенной этнической принадлежности. Как-то раз Браун упомянул, будто НУ с родными прибыл откуда-то с Кубы, и вроде бы все они китайской крови, однако по виду этого не скажешь. Ну, филиппинец — еще куда ни шло, да и то навряд ли. К тому же вся семья говорила по-русски. Или по крайней мере переписывалась похожими знаками, ведь голосов людям Брауна так и не удалось засечь.

Эти-то *люди* и беспокоили Милгрима. Вообще-то его тревожила масса разных вещей, в том числе сам Браун, однако его невидимые товари-

щи давно удостоились отдельной мысленной папки. Во-первых, казалось, что их чересчур много. Откуда? Неужто Браун — сотрудник полиции? Или же тот, кому она помогала перехватывать нужные разговоры? Последнее вызывало у Милгрима большие сомнения, но если бы это вдруг оказалось правдой, кто же такой Браун?

Тот словно услышал беззвучный вопрос и, не вставая с колен, тихонько, с пугающим удовлетворением, хмыкнул. Морские зеленые твари вернулись на сцену, держа что-то черное, матовое, частично обернутое столь же черной и матовой изолентой. Следом тянулся крысиный хвост черного неблестящего провода. А старая вешалка из Швейного квартала[288], должно быть, служила дополнительной антенной.

Браун менял батарейку, а Милгрим усердно держал фонарь так, чтобы освещать ему работу, но и не попадать в глаза.

И все-таки кто же он? Сотрудник ФБР или

[288] Примечания: 288

Район г. Нью-Йорка в центре Манхэттена, известный как центр пошива модной женской одежды.

DEA[289]? Милгриму довелось достаточно узнать и тех, и других, чтобы понять, насколько различаются между собой (и взаимно недолюбливают друг друга) эти два племени, но не мог вообразить Брауна ни в одном из них. Правда, в последнее время наверняка появились новые, невиданные прежде разновидности федералов. И все-таки Милгрима не отпускало неприятное чувство. Браун явно был не обезображен чрезмерным интеллектом и к тому же слишком независимо держался во время всей операции, в чем бы ни заключалась ее суть. И лишь мечты о заслуженной дозе ативана удерживали его невольного спутника от воплей ужаса.

Между тем Браун склонился почти к основанию старой проржавленной вешалки и самозабвенно устанавливал «жучок» обратно. Затем поднялся, и Милгрим увидел, как с перекладины упало что-то темное и беззвучно легло на пол.

Отобрав у спутника фонарь, Браун тут же отвернулся и продолжил осматривать квартиру НУ, а Милгрим протянул руку к черному пиджаку на вешалке и пощупал холодную влажную шерсть.

---

[289] Примечания: 289

Drug Enforcement Administration (DEA) — Администрация по контролю за соблюдением законов о наркотиках, Управление по борьбе с наркотиками.

Раздражающе яркий луч отыскал в темноте за динамиком аудиосистемы довольно дешевую с виду вазочку, голубую с перламутром. Усиленный синевато-белый диодный свет играл на блестящей лакированной поверхности, создавая впечатление нереальной прозрачности; казалось, внутри сосуда протекает какой-то взрывоопасный процесс. Потом свет погас, но и тогда ваза продолжала мерещиться Милгриму.

— Уходим, — объявил Браун.

Уже на улице, торопливо шагая по тротуару в направлении Лафайет-стрит, Милгрим решил про себя, что стокгольмский синдром — это выдумка. Сколько недель прошло, а он так и не проникся к Брауну теплыми чувствами.

Ну вот ни капли.

Глава 4

Погружаясь в локативность

В «Стандарте», за вестибюлем, работал длинный застекленный ночной ресторан. На фоне матовой черной обивки широких кабин торчали яркие обглоданные фаллосы огромных кактусов Сан-Педро. Крепкое тело Альберто плавно

опустилось на скамью напротив Холлис. Одиль оказалась между ним и окном.

— Взгляни на пустое пространство, — провозгласила она, словно стояла на древнегреческой сцене. — Оно навыворот…

— Что выварит?

— Пространство, — подтвердила Одиль. — Выкручивается навыворот.

Для пущей наглядности она так повела руками, что Холлис пришла на ум тряпичная модель матки, которую она видела в школе на уроках семейной жизни. Не самое приятное воспоминание.

— Выворачивается наизнанку, — ради ясности предложил свой вариант Альберто. — Киберпространство. Фруктовый салат и кофе.

Последние слова, как после некоторого усилия сообразила собеседница, предназначались официантке. Одиль заказала *café au lait*[290], Холлис пожелала кофе с пончиком. Официантка развернулась и ушла.

— Можно сказать, я думаю, все началось в двухтысячном году, первого мая, — произнес латиноамериканец.

---

[290] Примечания: 290
кофе с молоком *(фр.).*

— Что именно?

— Геохакерство. По крайней мере в зародыше. Тогда правительство отключило избирательный доступ[291] в сферах, которые прежде принадлежали исключительно военной системе. Гражданские впервые были допущены к геокоординатам PS.

Холлис очень смутно представляла себе со слов Филиппа Рауша, что будет писать о всякой всячине, которой занимаются художники, пользуясь географическими координатами и сетью Интернет, поэтому виртуальное изображение смерти Ривера Феникса потрясло ее до глубины души. И вот она, казалось, нащупала начало своей статьи.

— Сколько у вас таких творений, Альберто?

«…И все ли они посмертные?» — мысленно прибавила Холлис.

— Девять, — отвечал молодой человек. — В «Шато Мармон», — он указал куда-то вдаль, — я буквально на днях завершил виртуальную

---

[291] Примечания: 291

Алгоритм, позволяющий закрывать неавторизованным пользователям доступ к высокоточным навигационным данным, искусственно внося ошибки в координаты, получаемые с помощью GPS.

усыпальницу в честь Хельмута Ньютона[292]. У подножия спуска, на месте роковой аварии. После завтрака я тебе покажу.

Официантка принесла кофе. Бывшая певица смотрела, как худощавый бледнокожий англичанин берет в кассе желтую пачку «Американ спирит». Жидкая бородка покупателя смахивала на мох у мраморного водостока.

— Выходит, — продолжала Холлис, — постояльцы «Мармон» не имеют понятия о ваших художествах в отеле? И никак об этом не узна́ют?

«…Подобно пешеходам, шагающим по телу спящего Ривера на тротуаре бульвара Сансет».

— Нет, никак. — Альберто порылся в рюкзаке у себя на коленях, вытащил сотовый телефон, повенчанный посредством серебристой ленты с неким электронным приборчиком. — Хотя при помощи вот этой штуки… — Парень нажал какую-то кнопку, открыл телефон и ловко застучал по клавишам. — Когда она станет всем доступна…

---

[292] Примечания: 292

Хельмут Ньютон — знаменитый фотограф, делавший черно-белые снимки обнаженных моделей. 23 января 2004 года Хельмут Ньютон выезжал на своем «кадиллаке» с территории гостиницы «Шато Мармон» в Голливуде, но не справился с управлением и врезался в стену здания напротив. Его срочно увезли в госпиталь, но там он скончался от полученных травм. Мэтру фото было 83 года.

Предмет оказался у Холлис в руке. Это был телефон в сочетании с блоком GPS — правда, на корпусе виднелся надрез, откуда росли странные устройства, примотанные серебристой лентой.

— Это для чего?

— Смотри.

Она прищурилась на маленький экран. Поднесла его к глазам. Увидела волосатую грудь Альберто, исчерченную призрачными линиями по вертикали и по горизонтали, как если бы над ней всласть потрудился кубист. Что еще за бледные кресты? Холлис подняла взгляд на собеседника.

— Это не произведение локативного искусства, — сказал тот. — Нет привязки к месту. Попробуй навести на улицу.

Она направила обмотанный клейкой лентой гибрид на Сансет — и увидела идеально гладкую плоскость, размеченную ровными белыми крестами, будто нанизанными на невидимую решетку, которая тянулась через бульвар и уходила в бескрайнее виртуальное пространство. Белые вертикали, расположенные примерно на уровне тротуара, вдали уменьшались, бледнели, убегали под землю у самого подножия Голливудских холмов.

— Американские жертвы в Ираке, — произнес Альберто. — Я с самого начала подключился к сайту, на котором появлялись новые кресты при каждом сообщении о новых смертях. Эту штуку можно взять куда угодно. У меня есть слайд-шоу кадров из разных местностей. Хотел отослать его в Ирак, но там решат, будто я отфотошопил настоящие снимки багдадских могил.

Оторвав глаза от усеянного крестами поля, по которому ехал черный «рендж-ровер», Холлис успела заметить, как парень пожал плечами.

Одиль прищурилась над белым краем чашки.

— Картографические характеристики невидимого. — Француженка поставила свой *café au lait* на стол. — Гипермедиа с привязкой к местности. — Теперь она говорила почти без акцента: казалось, терминология вдесятеро усиливала ее способность бегло говорить по-английски. — Художник помечает каждый сантиметр пространства, любого материального предмета. Все могут видеть при помощи подобных устройств. — Она указала на телефон соседа с таким видом, словно в обвитом серебристой лентой чреве таился зародыш будущего.

Холлис кивнула и протянула латиноамериканцу его прибор.

Тут прибыли фруктовый салат и пончик.

— И ты курируешь это искусство в Париже, да, Одиль?

— Повсюду.

А ведь Рауш был прав, решила Холлис, тут есть где развернуться. Впрочем, она по-прежнему не имела понятия, о чем речь.

Методично уничтожив полпорции фруктового салата, Альберто внимательно посмотрел на бывшую певицу; вилка застыла в воздухе.

— А можно спросить?

— Да?

— Как вы поняли, что время «Кёфью» вышло?

Холлис увидела, как потемнели его зрачки: типичный *отаку*. Обычно так и получалось, стоило кому-нибудь признать в ней культовую певицу начала девяностых годов. Похоже, о существовании группы подозревали одни лишь ее фанаты, не считая радиодиджеев, поп-историков и коллекционеров. Однако в само́й природе музыки «Кёфью» было заложено нечто вневременное, что до сих пор позволяло завоевывать поклонников. Новички вроде Альберто чаще всего вели себя с пугающей серьезностью. Холлис не представляла себе, сколько лет ему стукнуло, когда группа распалась, но с тем же успехом это могло случиться

вчера, если учесть показания его подпрограммы, отвечающей за подростковые увлечения. В сердце бывшей певицы схожая подпрограмма все еще занимала почетную позицию, а ме́ста в ней хватало самым разным артистам, поэтому она чувствовала себя обязанной если не утолить любопытство собеседника, то хотя бы ответить честно.

— Да мы не то чтобы поняли. Просто время вышло, и точка. Все как-то само собой прекратилось, я даже не поняла когда. Мы с болью осознали это и разбежались в разные стороны.

Как и ожидалось, Альберто выглядел недовольным, зато по крайней мере он услышал правду. Холлис сделала все, что могла. Она и сама не могла разобраться в случившемся; да в общем-то и не очень пыталась.

— Мы как раз выпустили тот компакт-диск на четыре песни. Чувствуем, это конец. Остальное — вопрос времени… — Надеясь, что тема исчерпана, она принялась намазывать половину пончика сливочным сыром.

— Это произошло в Нью-Йорке?

— Да.

— А было какое-то точное время или место, когда вы поняли, что «Кёфью» дошла до предела?

Когда группа приняла решение перестать быть группой?

— Надо подумать.

Пожалуй, не стоило так отвечать.

— Я бы хотел это изобразить, — заявил парень. — Ты, Инчмэйл, Хайди и Джимми. Расстаетесь.

— Инчмэйл? — Одиль недовольно заерзала на черном сиденье: очевидно, ей было невдомек, о чем разговор.

— Что бы еще посмотреть, пока я в городе? — обратилась к ней Холлис, одарив собеседника улыбкой, означающей, что тема закрыта. — Посоветуешь? Мне еще нужно выделить время на интервью с тобой. И с тобой, Альберто. А сейчас я так вымоталась. Надо поспать.

Одиль сплела свои пальцы вокруг фарфоровой чашки. Ногти смотрелись так, словно их покусала зверушка с очень мелкими зубками.

— Мы тебя вечером заберем. Спокойно успеем заехать в дюжину мест.

— Может, сердечный приступ Скотта Фицджеральда? — предложил парень. — Это вниз по улице.

Яростно изукрашенные буквы-переростки на его руке наползали друг на друга, отливая

тюремным оттенком цвета индиго. Интересно, подумала Холлис, что они означают?

— Но ведь он там не умер? Правда?

— Это в магазине «Virgin», — ответил латиноамериканец. — Отдел мировой музыки.

Мемориал Хельмута Ньютона щеголял изобилием черно-белой наготы в стиле, отдаленно напоминающем «ар-деко», — в память о творческих трудах того, кому посвящался. После осмотра Холлис пешком возвращалась в «Мондриан». Выдалась одна из тех странных мимолетных минут, какие случаются чуть ли не каждым солнечным утром в западном Голливуде, когда запах зелени и невидимых нагретых плодов наполняет воздух извечными благодатными обещаниями, пока с небес не опустилось тяжелое углеводородное одеяло. И краем глаза легко уловить отпечаток эпохи невинности, красоты, чего-то давно прошедшего, но именно в это мгновение почему-то болезненно близкого. Словно город можно стереть со стекол очков и забыть навсегда.

Солнечные очки… Надо было взять с собой хоть одну пару.

Она опустила глаза на пятнистый тротуар, на черные точки резины среди бурых и бежевых волокон мусора, оставленного ураганом, — и

великолепный миг отлетел в прошлое, как ему и полагалось.

Глава 5

Два вида пустоты

Возвращаясь из японского супермаркета «Санрайз», уже перед самым закрытием, Тито остановился поглазеть на витрины «Йоджи Ямамото» на Грэнд-стрит.

Шел одиннадцатый час вечера. Улица была совершенно безлюдна. Мужчина огляделся по сторонам: кругом ни души, даже желтые такси куда-то запропастились. Затем перевел взгляд обратно, к асимметричным отворотам какого-то плаща или накидки на пуговицах. Стекло витрины отражало его темный костюм и темные глаза. В руке — санрайзовский пакет, нагруженный почти невесомой японской лапшой моментального приготовления. Алехандро посмеивался над этим пристрастием кузена: дескать, можно с тем же успехом съесть упаковку из белого пенопласта, но Тито лапша нравилась. Япония оставалась для него страной благословенных тайн, родиной игр, аниме и плазменных телевизоров.

Впрочем, асимметричные отвороты «Йоджи Ямамото» не представляли никакой загадки. Это была всего лишь мода, и Тито полагал, что постиг ее суть.

Временами ему приходилось бороться с раздвоенностью сознания: глядя на подобные витрины, оформленные в духе строгого, но дорогого аскетизма, мужчина видел перед собой их гаванских двойников, не менее — но только по-иному — суровых в своей простоте.

Там даже не было стекол. По ночам за грубыми железными решетками горели одинокие люминесцентные лампы, мерцая подводным светом. И никаких товаров, хотя заведения работали каждый день. Лишь аккуратно выметенные полы и грязная, покоробленная штукатурка.

Отражение в стекле «Ямамото» еле заметно пожало плечами. Тито продолжил путь, радуясь теплым сухим носкам.

Интересно, где теперь может быть Алехандро? Наверное, в своем излюбленном безымянном баре на Восьмой авеню за Таймс-сквер; неоновая вывеска так и возвещала: «БАР», и ни слова больше. Именно здесь кузен предпочитал встречаться с представителями галерей; он обожал затаскивать кураторов и дилеров в эти красноватые

сумерки, в общество полусонных трансвеститов из Пуэрто-Рико и проституток, желающих отдохнуть от портового начальства. Тито недолюбливал это место. Казалось, оно холодной рептилией заползло в свою особую нишу, в бесконечный тупик разбавленного пойла и вечной подспудной тревоги.

Вернувшись к себе, Тито заметил упавший с вешалки на колесиках недавно постиранный носок и аккуратно повесил его обратно — сушиться дальше.

Глава 6

«Райз»

Спору нет, Милгрима радовала необыкновенная четкость наполненной азотом оптики в австрийском монокуляре Брауна. Но только не запах его жевательной резинки в холодном воздухе у задней двери наблюдательного фургона, нарочно припаркованного неизвестным помощником на Лафайет-стрит.

Браун проскочил на красный свет, лишь бы успеть на место, едва наушники сообщили, что

НУ сюда направляется, и вот интересующий его человек застрял перед витриной «Йоджи Ямамото» будто вкопанный.

— Что он там делает? — Браун отнял обратно свой монокуляр, серовато-зеленый и неблестящий — под стать фонарю и пистолету.

Милгрим наклонился вперед и припал невооруженным глазом к смотровому отверстию, одному из полудюжины тех, что были прорезаны в стенах и закрыты привинченными подвижными клапанами из черного пластика; снаружи они терялись внутри широких черных пятен на стенках фургона, где были нарисованы краской номера́.

Милгриму эти поддельные и, наверно, устаревшие надписи напоминали городскую версию неудачно подобранной зелени для камуфляжа.

— Смотрит на витрину, — ответил он, понимая, что мелет чушь. — Пойдете за ним до самого дома?

— Еще чего, — буркнул Браун. — Как бы не засветить фургон.

Милгрим даже не представлял, сколько человек наблюдали, как НУ делает покупки в японских продуктовых магазинах, пока они вдвоем хозяйничали в его квартире, меняя батарейку в

«жучке». Этот мир людей, постоянно следящих за другими людьми, был ему в новинку. Хотя, конечно, мы всегда подозреваем, что где-то так и происходит. Мы видим подобные вещи в кино, читаем о них, но разве кто-то задумывается всерьез, что когда-нибудь ему придется втягивать носом густые пары чужого дыхания у задней двери студеного фургона?

Теперь уже Браун склонился вперед и прижал упругий край монокуляра к запотевшему холодному металлу, чтобы лучше видеть. Милгрим лениво, почти разнеженно подумал: а что, если прямо сейчас найти что-нибудь потяжелее, да и стукнуть соседа по голове? Он даже пошарил глазами в поисках подходящего предмета, но увидел только сложенный брезент и перевернутые пластмассовые ящики из-под молока, на которых они оба сидели.

Словно прочитав его мысли, Браун круто развернулся и сердито сверкнул глазами.

Милгрим поморгал, напустив на себя смиренный и безобидный вид. Это было не сложно: в последний раз он бил кого-то по голове в начальной школе и не очень склонялся к тому, чтобы начинать теперь. Впрочем, как и не бывал в роли пленника, напомнил он себе.

— Рано или поздно парень перешлет или получит из дома сообщение, — проворчал Браун, — а ты переведешь.

Милгрим покорно кивнул.

Они зарегистрировались в «Нью-Йоркере», на Восьмой авеню. Смежные комнаты, четырнадцатый этаж. Похоже, Браун питал особую привязанность к этой гостинице, поскольку въезжал сюда не то в пятый, не то в шестой раз.

В спальне Милгрима едва размещалась двуспальная кровать перед горкой из ДСП с телевизором. Постоялец снял краденое пальто и присел на край постели.

Тут появился Браун и повторил свой фокус: укрепил на косяке и на двери по маленькой коробочке уже знакомого серого оттенка, гармонирующего с фонарем, пистолетом и монокуляром. То же самое он проделал у себя комнате — все ради того, чтобы спать спокойно, зная, что пленнику не придет на ум улизнуть. Милгрим до сих пор не представлял, как действуют эти коробочки, но только Браун однажды припугнул его, велев не касаться двери, когда они висят на ней. Милгрим и не пытался этого делать.

Окончив дело, Браун швырнул на цветное покрывало упаковку таблеток и возвратился к

себе. Через минуту в соседней комнате заработал телевизор. Теперь уже Милгрим легко узнавал музыкальную заставку канала «Фокс Ньюс».

Он покосился на таблетки. О нет, совсем не коробочки на двери удерживали его от побега.

Милгрим поднял заветную упаковку. И увидел надпись: «РАЙЗ, 5 мг» и дальше что-то… вроде бы… ну да, по-японски. Или подделка под японскую аннотацию на товаре.

— Эй?

В соседней комнате за открытой дверью Браун перестал барабанить пальцами по «бронированному» лэптопу.

— Чего тебе?

— Что это такое?

— Твое лекарство.

— Тут написано «Райз» и еще что-то по-японски. Это не ативан.

— Да ладно тебе, — угрожающе протянул Браун. — Не один ли хрен? Тот же, мать его, четвертый список DEA. Ну все, а теперь заткнись.

И пальцы снова застучали по клавишам.

Милгрим посмотрел на упаковку и опустился на кровать. «Райз»? Первым порывом было позвонить своему знакомому на Ист-Виллидж. Мужчина покосился на телефон: понятное дело,

тот не работал. Тут же пришла другая мысль: позаимствовать у Брауна лэптоп и поискать название в «Гугле». На странице DEA дотошно перечислялись наркотические средства из четвертого списка, в том числе иностранного производства. А впрочем, если Браун действительно федерал, он мог напрямую раздобыть лекарство у сотрудников по борьбе с наркотиками. И потом, в положении пленника просить о чем-то столь же бессмысленно и бесполезно, как и звонить своему дилеру по умолкшему телефону.

К тому же Милгрим успел задолжать Деннису Бердуэллу. Надо же было угодить в такой переплет. Что хочешь, то и делай.

Он положил упаковку на край ближайшего прикроватного столика, по углам которого красовались черные дуги из пятен, оставленных окурками предыдущих жильцов. Дуги чем-то напоминали арки «Макдоналдса». Интересно, скоро ли Браун закажет сандвичи?

Значит, «Райз»…

Глава 7

Буэнос-Айрес

Холлис приснилось, что она в Лондоне с Филиппом Раушем, торопливо шагает по Монмут-стрит по направлению к шпилю Севен-Дайлз[293]. Журналистка никогда не видела Рауша, но теперь, в мире снов, он представлялся одновременно Регом Инчмэйлом. Стоял пасмурный день, взгляд беспомощно увязал в небесах, почему-то зимних и серых, как вдруг Холлис вся съежилась от ужаса, увидев пылающие карнавальные огни: прямо на нее опускалась вурлитцеровская[294] туша космического корабля-носителя из «Близких контактов третьей степени»[295] — этот фильм вышел на экраны, когда ей стукнуло семь, мать его обожала, — так вот невесть откуда взявшаяся громадина, престранным образом способная втиснуться в рамки узкой улицы, напоминала гигантскую электробатарею для обогрева клеток

---

[293] Примечания: 293

Колонна с семью гранями, обращенными к семи расходящимся от площади радиальным улицам.

[294] Примечания: 294

Вурлитцер — электроорган со специальным звукосветовым устройством. Использовался в кинотеатрах.

[295] Примечания: 295

«Close Encounters of the Third Kind», реж. С. Спилберг, 1977.

с рептилиями, и люди пригнули головы, разинув от изумления рты.

Но тут Рауш-Инчмэйл грубо отбросил руку своей спутницы, сказав, что это всего лишь рождественское украшение, только большого размера, подвешенное в воздухе между отелем справа и кофейней слева. И правда, теперь Холлис ясно увидела натянутые провода, однако в окне кофейни зазвонил телефон, вернее сказать, полевой аппарат из тех, что использовались во время Первой мировой войны; холщовая сумка была перемазана светлой глиной, как и отвороты колючих шерстяных брюк товарища…

— Алло?

— Это Рауш.

«Неужто сам?» — подумала она, прижимая к уху раскрытый сотовый. Солнце Лос-Анджелеса игриво покусывало края многослойных занавесок отеля «Мондриан».

— Вообще-то я спала.

— Есть разговор. Мы тут откопали одного человечка, вам надо встретиться. Одиль с ним навряд ли знакома, а вот Корралес — наверняка.

— Это кого же знает Альберто?

— Бобби Чомбо.

— Кого?

— Он — король среди технических ассистентов у этих локативных художников.

— Хочешь, чтобы я с ним потолковала?

— Если не сможешь устроить через Корралеса, сразу звони. Придумаем еще что-нибудь.

Это был не вопрос и даже не просьба. Собеседница выгнула брови, молча кивнула в темноте: есть, босс.

— Будет сделано.

Молчание.

— Холлис?

Она тут же выпрямилась и приняла защитную позу лотоса, не заботясь о точном исполнении.

— Ну?

— Будешь с ним — постарайся ни намеком не касаться темы судоходства.

— Какое еще судоходство?

— Систему всемирных морских перевозок. Особенно в связи с геопространственной разметкой, которой бредят Корралес и Одиль. — Опять молчание. — И не вздумай упоминать айподы.

— Айподы?

— Как средство хранения данных.

— То есть когда их используют в качестве жестких дисков?

— Именно.

Внезапно ей совершенно разонравилась эта история. В воздухе как-то иначе, по-новому запахло жареным. Постель представилась гостье отеля белой песчаной пустыней, в недрах которой описывало круги некое существо — возможно, смертоносный монгольский червь, один из воображаемых любимчиков Инчмэйла.

Бывают минуты, когда чем меньше мы говорим, тем лучше, решила она.

— Ладно, я спрошу Альберто.

— Хорошо.

— А вы разобрались с моими счетами?

— Конечно.

— Не отключайся, — попросила Холлис. — Только позвоню на рецепцию по другой линии…

— Подожди минут десять. Я перепроверю на всякий случай.

Ее брови круто выгнулись в темноте.

— Спасибо.

— Тут у нас был о тебе разговор, Холлис.

Ох уж это безличное администраторское «у нас»!

— Да?

— Мы тобой очень довольны. Как насчет того, чтобы поступить на оклад?

Смертоносный монгольский червь подбирался

все ближе, прячась в хлопковых дюнах.

— Серьезное предложение, Филипп. Это надо обдумать.

— Думай.

Холлис закрыла сотовый. Ровно десять минут спустя при свете маленького экрана она позвонила из номера на рецепцию и получила подтверждение: теперь ее проживание, включая непредвиденные расходы, оплачивалось карточкой «АмЭкс» на имя Филиппа М. Рауша. Постоялица обратилась в отельный салон красоты, узнала, что через час у мастера «окно», и записалась на стрижку.

На часах было около двух: стало быть, в Нью-Йорке около пяти, а в Буэнос-Айресе — на два часа позже. Холлис вывела на экран сотового нужную комбинацию цифр, но предпочла позвонить прямо из номера.

Трубку мгновенно сняли.

— Рег? Это Холлис. Я в Лос-Анджелесе. Вы сейчас на кухне?

— Анжелина кормит Уилли. — Это их годовалый младенец. Анжелина (в девичестве Райан) — жена Инчмэйла, аргентинка, чей дед служил рулевым на рио Парана. Будущие супруги познакомились, когда работали вместе не то

на «Dazed & Confused»[296], не то на кого-то еще; Холлис не очень-то разбиралась в лондонских журналах. Зато Анжелина знала о них так много, что и представить нельзя. — Как жизнь?

— Сложновато, — признала Холлис. — А вы как?

— Понемножку. Не сказать, чтобы плохо. Здесь, я даже не знаю, все кругом — по старинке. Одна только сажа и копоть. Похоже на то, каким был раньше Лондон. Ну или Нью-Йорк.

— Можешь кое-что спросить у жены?

— Дать ей трубку?

— Нет, пусть кормит Уилли. Спроси, *что* она слышала, если слышала вообще, про новый журнал под названием «Нод».

— «Нод»?

— Вроде бы они косят под «Вайред», но никогда не призна́ются. А капиталы, думаю, бельгийские.

— Тебя позвали на интервью?

— Нет, предложили работу. Сейчас я у них на договоре, в командировке. Просто подумала, вдруг Анжеле что-нибудь известно.

---

[296] Примечания: 296

«Глянцевый» британский журнал, где можно найти главное о мире моды, репортажи музыкальных и прочих культурных событий. Выходит каждый месяц, распространяется более чем в 40 странах. Одно из самых влиятельных изданий Европы.

— Погоди, — сказал Рег. — Я положу телефон. А то он на стенке висит, на проводе…

Трубка стукнула о твердую поверхность. Холлис тоже опустила свой сотовый и прислушалась к дорожному шуму на Сансет. Неясно, куда подевался робот Одиль, но в комнате было тихо.

В Буэнос-Айресе Инчмэйл снова взял трубку.

— Бигенд, — только и произнес он.

С бульвара донеслись визг тормозов, удар и звон стекла.

— Прости, не поняла.

— Бигенд. Ну, «биг» плюс «энд». Рекламный магнат.

Снаружи запела автомобильная сигнализация.

— Тот, который женат на Найджелле?

— Да нет же, того звали Саатчи[297]. А это Хьюберт Бигенд. — Рег повторил по буквам. — Он бельгиец. Агентство называется «Синий муравей».

— И что?

— Анжи говорит, если твой «Нод» и правда журнал, то это проект Бигенда. В Лондоне у него

---

[297] Примечания: 297

Найджелла Лоусон, род. 6 января 1960 г. Женщина — мечта британских мужчин и ведущая кулинарных шоу. Автор четырех книг, собравших огромное множество наград. Десять лет обозревала гастрономию в британском «Vogue». Замужем за магнатом Чарлзом Саатчи, владельцем всемирно известного рекламного агентства «Saatchi & Saatchi».

еще несколько маленьких фирм. Вспомнил: у жены, пока она работала в журнале, с ними были кое-какие дела. Что-то неприятное.

Сигнализация замолчала, зато раздался вой сирены.

— Что за шум? — спросил Инчмэйл.

— Авария на Сансет. Я в отеле «Мондриан».

— У них до сих пор не берут на работу посыльных без специалиста по кастингу?

— По-моему, да.

— Платит-то Бигенд?

— Еще бы, — ответила Холлис.

Где-то поблизости завизжали тормоза, вопли сирены достигли высшей точки и стихли.

— Значит, не так уж все и скверно.

— Пожалуй, — поддакнула собеседница. — Не так.

«Разве?»

— А мы по тебе скучаем. Звонила бы нам почаще.

— Хорошо, Рег, буду. Спасибо тебе. И Анжелине тоже.

— Ну, до свидания.

— Ладно, пока, — сказала она и повесила трубку.

Приближалась другая сирена — должно быть,

карета «скорой помощи». Холлис решила не подходить к окну. Судя по звукам, ничего ужасного не произошло, а все же смотреть на чужие беды совсем не хотелось.

Она нащупала в темноте квадратный блок белой бумаги с тиснением, взяла безупречно отточенный карандаш с символикой отеля и записала большими печатными буквами: «БИГЕНД».

Надо будет поискать в «Гугле».

Глава 8

Мороз по коже

Альберто пришлось объясняться с охраной «Virgin» по поводу шлема и лэптопа. Обходительные служаки в униформах явно ни сном ни духом не смыслили в локативном искусстве. Положа руку на сердце: наблюдавшая за ним Холлис пока что не слишком их в этом опередила.

Корралес хотел показать ей на Вандерленд-авеню представление, посвященное Джиму Моррисону, но бывшей певице почему-то не хотелось прыгать от радости. Пусть даже автор сумеет избежать легендарного бесстыдства «Короля Ящерицы» и сосредоточится, скажем, на

сладкогласых партиях Рэя Манзарека — Холлис не улыбалась перспектива писать о невидимом виртуальном монументе в честь группы «Doors» и любого из ее участников. Хотя, как несколько раз указывал Инчмэйл, будучи вместе, Манзарек и Кригер творили чудеса, отыгрываясь за пьяные художества большого парня.

Дыша вечерним углеводородом здесь, на углу Кресент-Хайтс и Сансет, наблюдая, как Альберто доказывает ее, Холлис Генри, право осмотреть виртуальное представление под названием «сердечный приступ Скотта Фицджеральда», она вдруг ощутила нисшедшую свыше отстраненность, в сердце наступил некий период затишья — возможно, это из-за новой стрижки, которую, к вящей радости постоялицы «Мондриан», виртуозно исполнил молодой, обаятельный и весьма одаренный стилист.

Приступ Фицджеральда оказался не смертельным. Вот и статья не пострадала бы, пропусти бывшая участница «Кёфью» все представление. Ну или львиную долю, что и случилось на самом деле, поскольку Холлис досталось лишь краем глаза увидеть, как мужчина в твидовом костюме и с пачкой «Честерфилда» в правой руке схватился за грудь у хромированной стойки в

стиле «модерн». Пожалуй, «Честерфилд» был прорисован чуть более четко, чем остальное, хотя окружение тоже интриговало любопытными подробностями вплоть до незнакомых машин за окном, но тут охрана «Virgin», раздосадованная присутствием незнакомки в маске или даже в маскоподобном козырьке у «мировой музыки», положила конец «безобразию». Холлис пришлось вернуть Альберто его шлем и в спешном порядке ретироваться.

Одиль с ее чарами могла бы умаслить этих стражей порядка, если бы не слегла, по ее словам, от жестокого приступа астмы, вызванного не то загрязненным воздухом во время вчерашнего урагана, не то критической массой разнообразной ароматерапевтической продукции, заполнившей номера «Стандарта».

И вот, несмотря ни на что, на Холлис снизошла безмятежность; то странное, нежданное спокойствие, которое Джимми Карлайл из Айовы, басист «Кёфью», прежде чем удалиться в героиновую долину, называл просветлением.

В этом состоянии она осознала, что более или менее довольна «здесь и сейчас», эпохой и обстоятельствами своей жизни, или по крайней мере была довольна еще неделю назад, покуда

ей не позвонили из «Нода» с предложением, не оставляющим возможности для отказа и в то же время недоступным ее пониманию.

Если «Нод», как описал его моложавый, но металлический голос Рауша, это научный журнал с культурным уклоном, то разве отсюда следует, что редакция станет выбрасывать солидные деньги, нанимая бывшую вокалистку «Кёфью», а нынче — мало кому известную журналистку писать о каком-то бредовом направлении в искусстве?

Ну уж нет, ответило сердце среди внезапно наступившего молчания. Не станет, и думать нечего. А главная странность отчетливо проявилась тогда, когда вдобавок ко всему прочему Рауш потребовал встретиться с неким Бобби Чомбо, в беседе с которым запрещено упоминать судоходство, «систему всемирных морских перевозок». Вот в чем загвоздка, осенило Холлис, а Одиль Ричард и остальные вообще ни при чем.

Взгляд ее праздно следил за потоками дорожного движения на Сансет и вдруг различил барабанщицу «Кёфью» Лауру Гайд по прозвищу Хайди за рулем мелкогабаритного внедорожника с германскими, как показалось Холлис, не много смыслившей в автомобилях, корнями.

Участницы группы уже года три не общались, но вокалистка знала, что Хайди переехала на Беверли-Хиллс и устроилась на работу в районе Сенчури-Сити, а сейчас она скорее всего возвращалась домой в конце рабочего дня.

— Фашисты долбаные, — возмущался побагровевший Альберто, шагая вслед за спутницей с лэптопом под мышкой и шлемом в другой руке.

Говоря эти слова, он выглядел как-то слишком серьезно, и Холлис на миг вообразила его персонажем примитивного рисованного мультфильма.

— Все в порядке, — заверила она Альберто. — Нет, правда. Я кое-что разглядела. Я видела. Получила общее впечатление.

Он странно заморгал. Неужто боролся со слезами?

От Кресент-Хайтс Альберто по просьбе Холлис отвез ее в закусочную «Гамбургер Гамлет».

— Мне нужен Бобби Чомбо, — произнесла она, когда собеседники нашли свободный столик.

Молодой человек озабоченно нахмурился.

— Бобби Чомбо, — повторила Холлис.

Корралес мрачно кивнул.

— Он у меня занят во всех представлениях. Гений.

Холлис попыталась прочесть бесчеловечно вычурные черные буквы у него на руках — и ничего не разобрала.

— Альберто, а все-таки что у тебя здесь написано?

— Ничего.

— Как ничего?

— Рисовал один художник из Токио. Он изобрел собственный алфавит, абстрагирует буквы до полной нечитаемости, а потом набирает их в произвольном порядке.

— Слушай, а что тебе известно про «Нод», журнал, в котором я сейчас работаю?

— Европейский? Какая-нибудь новинка?

— А с Одиль вы встречались, пока не выяснилось, что она этим занимается?

— Нет.

— И раньше ты про нее не слышал?

— Слышал. Она куратор.

— То есть она сама тебя нашла и убедила дать мне интервью для «Нода»?

— Да.

Официант принес две «Короны». Холлис подняла бутылку, со звоном открыла крышку и начала пить из горлышка. Корралес подумал и сделал то же самое.

— К чему эти вопросы?

— Прежде я не писала для «Нода». Хочу разобраться, как они делают дела и какие именно.

— А при чем здесь Бобби?

— Я пишу про ваше искусство. Почему не поинтересоваться технической стороной?

Парень явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Ну, он… — Альберто запнулся. — Очень скрытный человек.

— Правда?

Мужчина сник.

— Идея всегда моя, и я выстраиваю изображение, а Бобби привязывает его к конкретному месту. И еще устанавливает маршрутизаторы.

— Маршрутизаторы?

— На сегодняшний день каждое представление требует отдельной беспроводной сети.

— И где же маршрутизатор для Ривера?

— Не знаю. Тот, что для Ньютона, закопан в цветочную грядку. С Фицджеральдом гораздо сложнее.

— Значит, Бобби не станет со мной говорить?

— Думаю, он будет недоволен, что ты вообще о нем слышала. — Корралес нахмурился. — Кстати, откуда?

— От моего лондонского редактора из «Нода» по имени Филипп Рауш. Он сказал, что вы с этим парнем знакомы, а вот Одиль — вряд ли.

— Правильно.

— Может, уговоришь Бобби потолковать со мной?

— Это не…

— Разве он не поклонник «Кёфью»?

Выбросив на стол эту карту, она внутренне поморщилась.

Альберто прыснул — как будто под мощным корпусом забулькал углекислый газ — и расплылся в блаженной ухмылке, вспомнив, что перед ним звезда.

— Вообще-то, — сказал парень, выпив еще немного, — вас он слушает. Это единственное, что связывает нас помимо работы.

— Альберто, мне по душе твоя работа. То, что я видела, мне понравилось. Буду рада увидеть еще. Твой Ривер Феникс — мое первое впечатление об этом искусстве, и очень сильное… — Собеседник выжидающе напрягся. — Но я никогда не писала таких статей. Послушай, без твоей помощи не обойтись. Надо же как-то освоиться в «Ноде», а редакция требует разговора с Бобби. Понятно, что у тебя нет причин доверять мне…

— Да я доверяю, — возразил парень, заметно понизив голос. И следом: — Доверяю, просто… — Он сморщился. — Ты не знаешь Бобби.

— Расскажи. Расскажи про него.

Альберто провел указательным пальцем на белой скатерти черту, которую пересек другой под прямым углом.

— Координатная сетка GPS, — произнес он.

На спине собеседницы, чуть выше талии, зашевелились мельчайшие волоски.

Мужчина наклонился вперед.

— Бобби расчертил жилье на квадраты в пределах линий сетки. Он мысленно все вокруг переводит на координаты GPS, он весь мир так видит. И ладно бы, но… — Художник насупил брови. — Парень все время спит в разных квадратах. То есть постоянно меняет их и никогда не возвращается на прежнее место.

— Тебя это смущает?

Саму Холлис это смущало, однако почем ей знать, каковы критерии странности у Альберто.

— Ну, Бобби… он и есть Бобби. Чудно́? Конечно.

Беседа явно катилась не по тем рельсам.

— И еще я хочу побольше узнать, как ты делаешь свои представления.

Фраза должна была подействовать безотказно.

И действительно, парень тут же просветлел.

Прибыли заказанные гамбургеры. Казалось, художник вот-вот отшвырнет свой в сторону.

— В первую очередь, — начал он, — надо прочувствовать событие и место. Потом я провожу исследования. Ищу фотографии. В случае с Фитцджеральдом, разумеется, никаких снимков сердечного приступа не было, записи пришлось собирать по крупицам. Впрочем, сохранились его портреты, сделанные приблизительно в то же время. Фасон стрижки, заметки о моде того времени. Прочие снимки. Плюс то, что удалось найти о «Schwab's», — уйма информации, ведь это был самый знаменитый в Америке драгстор[298]. Отчасти из-за того, что владелец, Леон Шваб, не уставал доказывать, будто Лану Тёрнер нашли именно там, попивающей «колу» из автомата. Она, правда, отрицала все до последнего

[298] Примечания: 298

Драгстор — типично американское заведение, сочетающее аптеку и магазинчик товаров первой необходимости. Долгое время здесь также предусматривались стойки с автоматами газированной воды и небольшие закусочные. В 1940 г. американский писатель Ф. Скотт Фицджеральд заглянул сюда, чтобы купить пачку сигарет, и у него начался сердечный приступ. В 1986 г. «Shwab's» закрыли; декадой позже на его месте появился магазин «Virgin».

слова[299]. Похоже, очередная «утка» для привлечения покупателей. Зато в журналах появилась куча снимков. В мельчайших подробностях.

— И ты обработал фотографии в… — Холлис запуталась. — 3D?

— Издеваешься? Я все смоделировал заново.

— Как?

— Строю виртуальные модели, покрываю вещи нужной текстурой — либо с найденных образцов, либо собственного производства. У каждого предмета — собственный виртуальный скелет, который можно разместить в окружении, чтобы примериться. Цифровое освещение прибавляет теней и отблесков. — Альберто изучающе прищурился, словно подозревал, что его не слушают. — Это как лепить из глины поверх сочлененного скелета с позвоночником, плечами, локтями, пальцами… Похоже на создание героев для игры. Потом я моделирую множество голов с немного разными выражениями лиц и

---

[299] Примечания: 299

Лана Тёрнер — американская актриса. На ее счету — пятьдесят девять картин, в том числе — «Доктор Джекилл и Мистер Хайд», «Почтальон всегда звонит дважды» и др., номинация на «Оскар», роли с Кларком Гейблом и Шоном Коннери. Согласно легенде, шестнадцатилетнюю Лану пригласили сняться в кино, когда она пила «кока-колу» в закусочной, мимо которой проходил главный редактор газеты «Hollywood Reporter». Схожая история имела место в действительности, однако произошла в кафе «Top Hat».

собираю их в одно.

— Зачем?

— Так правдоподобнее. Тогда выражение не кажется искусственным. Потом оборачиваю каждую модель раскрашенной текстурой. У меня их целая коллекция; некоторые сканированы с реальной кожи. Для Ривера, например, я никак не мог отыскать подходящий оттенок, пока не наткнулся на образец одной совсем юной вьетнамки. Оказалось то, что надо. Знакомые Феникса сказали, очень похоже.

Бывшая певица проглотила большой кусок и положила гамбургер.

— Надо же, сколько трудов. Я думала, все получается… само собой. С помощью… э-э-э… технологий?

Альберто кивнул.

— Ну да. Этого добра тоже достаточно. Мне остается самая, казалось бы, старомодная часть работы. Расставить виртуальное освещение так, чтобы тени падали правильно. И потом создать эту особую атмосферу, чувство пространства… — Он пожал плечами. — Когда все готово, оригинал существует лишь на сервере, в одних только виртуальных измерениях: высота, длина, ширина. Иногда мне мерещится, что если сервер

«накроется», то созданное мной пространство продолжит существовать, по крайней мере в виде априорной вероятности, и что мир, в котором мы живем… — Молодой человек удрученно замолк.

— Да?

— Существует по тем же законам. — Художник снова пожал плечами и взялся за бургер.

«Ну и ну, — подумала Холлис. — Просто мороз по коже».

Но ничего не сказала, только серьезно кивнула и последовала примеру собеседника.

Глава 9

Холодная гражданская война

Его разбудил сигнал телефона: пришло сообщение. Тито нашарил сотовый в темноте и быстро перемотал короткий текст, составленный на волапюке. Алехандро ждал снаружи, чтобы его впустили. Стояло раннее утро, десять минут третьего. Мужчина сел на постели, натянул на себя свитер и джинсы с носками. Обулся и тщательно завязал шнурки: так требовал протокол.

На лестничной площадке было свежо, в лифте немного теплее. Спустившись в узкий, озаренный

люминесцентными лампами вестибюль, Тито негромко стукнул в дверь подъезда. В ответ он услышал три условных удара и еще один после паузы. И только тогда открыл. Вошел Алехандро, окутанный нимбом уличной стужи и алкогольными пара́ми виски. Кузен быстро запер за ним.

— Что, разбудил?

— Да, — ответил Тито и направился к лифту.

— Я тут был у Карлито, — сообщил Алехандро, входя в кабину вслед за ним. — У нас кое-какие общие дела… — Имелось в виду: «не связанные с семейным бизнесом». — Так вот я спрашивал насчет твоего старика.

— С какой стати? — поинтересовался Тито, отпирая квартиру.

— Да вот, показалось, что ты не принимаешь меня всерьез.

Они вместе вступили в кромешную темноту. Тито зажег маленький затененный светильник, соединенный с клавиатурой MIDI[300].

— Кофе налить? Или чаю?

— *Zavarka?*

— Пакетики.

---

[300] Примечания: 300

Цифровой интерфейс музыкальных инструментов, стандарт сопряжения электронных музыкальных инструментов с компьютером и программным обеспечением.

Тито уже не готовил чай по-русски, но по привычке продолжал опускать бумажные мешочки в дешевый китайский *chainik*.

Ночной посетитель пристроился в ногах матраса, подтянув колени к лицу.

— А Карлито еще заваривает. И пьет с ложкой варенья. — Зубы гостя блеснули при тусклом свете маленькой лампочки.

— Ну и что тебе рассказали?

— Наш дед работал дублером Семенова, — произнес Алехандро.

Тито повернулся к электроплитке и наполнил чайник.

— А кто это?

— Семенов? Первый советник Кастро, из КГБ.

Тито посмотрел на кузена. Он словно услышал детскую сказку, причем не самую новую. «А потом детишки повстречали летающую лошадь», — как любила говаривать мама. «А потом наш дедушка повстречал советника из КГБ». Уж лучше заняться чаем.

— Мало кто слышал, а ведь он принимал участие

в создании *Direccion General de Inteligencia*[301].

— Это тебе Карлито сказал?

— Я уже знал. От Хуаны.

Тито поразмыслил над его словами, опуская чайник на нагревательный элемент. Дедушка не унес всех секретов с собой. Семейные легенды продолжали множиться, как грибы. Помойка общей истории рода хоть и была глубока, но вширь не росла из-за строгих рамок секретности. Хуана, так долго отвечавшая за создание нужных документов, не могла упустить возможность заглянуть в архивы. И потом, она была самой мудрой, серьезной, невозмутимой и терпеливой в семье. Тито и здесь часто ее навещал. Тетка водила его в супермаркет «El Siglo XX» за малангой и боньято[302]. Соус, который она к ним готовила, обладал поразительной крепостью, неприемлемой в последнее время даже для племянника.

---

[301] Примечания: 301

Служба безопасности, DGI. Кубинская спецслужба — ДГИ, Главное управление разведки Министерства внутренних дел. ДГИ состояла из множества отделов по образу и подобию КГБ: внешней разведки, контрразведки, оперативный, следственный. Особенно выделялись два: тайная полиция и отдел по тайным акциям и связям с зарубежным левым подпольем.

[302] Примечания: 302

Сладкий картофель.

Зато, уписывая ее эмпанадас[303], он чувствовал себя просто на седьмом небе. Хуана не упоминала никакого Семенова, но зато научила Тито многому другому. Подумав об этом, он незаметно покосился на сосуд с Ошун.

— Так что ты узнал про старика?

Алехандро посмотрел на него поверх коленей.

— Карлито говорит, в Америке идет война.

— Какая война?

— Гражданская.

— Здесь никто не воюет.

— А когда наш дед помогал создавать ДГИ в Гаване, разве Америка вела сражения с русскими?

— Это называлось «холодная война».

Алехандро кивнул и обхватил колени руками.

— Вот-вот. Холодная гражданская война.

Со стороны, где стояла вазочка Ошун, раздался резкий щелчок, но Тито задумался об Элеггуа, Открывающем и Закрывающем Пути. И внимательно посмотрел на кузена.

— Ты не следишь за новостями, Тито?

Мужчина мысленно услышал голоса ведущих, исподволь тающие в туманной дали заодно с познаниями в русском языке, и сказал:

---

[303] Примечания: 303
Печеные пирожки.

— Иногда слежу.

Чайник засвистел. Тито снял его с плитки, плеснул в заварник немного воды, добавил пару пакетиков и по привычке стремительно залил их кипятком. А потом нахлобучил крышку.

Манера кузена сидеть на матраце напомнила Тито детство; вот так же они с однокашниками, устроившись на корточках, по утрам любовались плясками деревянной юлы и с помощью прутиков заставляли ее скакать по булыжникам мостовой, покуда улица впитывала в себя зной наступающего дня. На мальчиках были тогда отглаженные белые шорты и красные галстуки. Интересно, дети в Америке знают, что такое юла?

Чаю требовалось время, чтобы настояться, и Тито в ожидании присел рядом с Алехандро.

— Братишка, ты понимаешь, как наша семья стала тем, что она есть?

— Все началось с деда и ДГИ.

— Ну, это длилось недолго. КГБ нужна была собственная сеть в Гаване.

Тито кивнул.

— Бабушкина родня всегда жила в квартале

Колумба. Еще до Батисты[304], если верить Хуане.

— Карлито сказал, твоего старика разыскивают люди из правительства.

— Какие люди?

— По словам Карлито, нынешняя ситуация напоминает ему Гавану в годы перед уходом русских. Что было прежде, того уже не узнать. Он говорит, этот самый старик содействовал нашему переселению сюда. Тут ведь нужно было настоящее чудо, братишка. Даже дед не управился бы в одиночку.

Внезапно Тито припомнился тлетворный запах англоязычных бумаг, упрятанных в заплесневелый конверт.

— А ты сказал Карлито, что это может быть опасно?

— Сказал.

Тито поднялся, чтобы разлить по стаканам чай.

— А тот ответил, что наша семья ему обязана? — предположил он. И посмотрел в упор на собеседника.

— Да, и что на тебя у них особые виды.

— Почему?

---

[304] Примечания: 304

Рубен Фульхенсио Батиста-и-Сальдивар был диктатором Кубы дважды — в 1933–1944 и в 1952–1959 годах.

— Ты напомнил ему своего деда. И отца, который работал со стариком перед са́мой смертью.

Тито протянул кузену стакан с чаем.

— *Gracias*[305], — произнес Алехандро.

— *De nada*[306], — ответил Тито.

Глава 10

Новый девонский период

Милгриму снился мессия флагеллантов, воплотивший в себе черты лже-Балдуина[307] и «Учителя из Венгрии»[308], когда Браун бесцеремонно вторгся в его душный поверхностный сон и, впившись пальцами в плечи, затряс пленника, словно грушу.

---

[305] Примечания: 305
Спасибо *(исп.)*.

[306] Примечания: 306
Не за что *(исп.)*.

[307] Примечания: 307
Балдуин I Фландрский (1171–1205), первый император Латинской империи, был взят в плен болгарским царем Калояном и вскоре умер в заточении (возможно, убит). Кое-кто утверждал, что император попросту исчез во время битвы и что в последний раз его видели раненным. Подобные слухи со временем породили легенду, согласно которой Балдуин остался в живых. Во Фландрии даже появился лже-Балдуин, пытавшийся выдавать себя за пропавшего императора.

[308] Примечания: 308

В 1251 г. проповедь Крестового похода дала повод к мощному антифеодальному восстанию крестьян и городского плебса на севере Франции. На простой люд оказывали особенно большое воздействие фанатичные речи некоего пожилого проповедника, который называл себя «учителем из Венгрии» и призывал народ к немедленной расправе с попами и феодалами.

— Это что? — повторял он как заведенный.

Милгриму вопрос показался чисто философским. Но потом Браун вонзил свои пальцы в те места, где соединялись челюсти, и вызвал такую жестокую боль, что та поначалу представилась чем угодно, только не болью. Милгрим словно вознесся над полом и невольно скривился, чтобы закричать, однако рот зажала рука, как обычно в таких случаях особой близости — в зеленой перчатке.

В ноздри ударил запах свежего латекса, обтянувшего указательный палец.

Другая рука тыкала пленника носом в экран «Блэкберри».

— Это что?

«Карманный персональный компьютер», — едва не ответил Милгрим, но прищурился и сквозь слезы различил на экране коротенький текст. Опять эти родичи НУ. Волапюк.

Рука наконец оставила рот в покое, и запах перчатки рассеялся.

— «Я снаружи», — торопливо перевел Милгрим, — «а ты где, на месте?» Подпись: А-Эль-Е. Але.

— Все?

— Больше. Ничего. Нет. — Милгрим принялся

растирать кончиками пальцев суставы ноющей челюсти — там, где располагались большие нервные узлы. Вот так же парамедики[309] приводят в чувство людей, пострадавших от передозировки.

— Надо же, десять минут третьего, — сказал Браун, посмотрев на экран «Блэкберри».

— Зато вы убедились, что «жучок» работает, — вставил Милгрим. — Батарейки-то поменяли; вот и доказательство: все исправно.

Браун выпрямился и пошел к себе, не позаботившись захлопнуть за собой дверь.

«Не за что», — подумал пленник, откинувшись на кровати с раскрытыми глазами — вероятно, чтобы снова увидеть флагеллантского мессию.

В прорезном боковом кармане ворованного пальто «Пол Стюарт» обнаружился толстый томик выпуска тысяча девятьсот шестьдесят первого года в мягком переплете — история революционного мессианства в Средневековой

[309] Примечания: 309

Спасатели, служба скорой медицинской помощи при чрезвычайных ситуациях (пожары, автомобильные катастрофы, взрывы, захват заложников с перестрелкой и т. п.). Укомплектована тренированным медицинским персоналом фельдшерского уровня, способным оказать первую помощь пострадавшему, в том числе в труднодоступном месте, и принять меры по сохранению его жизни до момента доставки в больницу.

Европе[310]. Многие строки были подчеркнуты черной авторучкой, поэтому книгу совсем недавно перепродали всего за три с половиной доллара. Возможно, тому самому человеку, чье пальто стянул Милгрим.

Мессию флагеллантов пленник видел ярко раскрашенным героем с полотна Иеронима Босха, отлитым из японского винила наивысшего качества. В обтягивающем желтом капюшоне. Мессия перемещался в тускло-коричневом пространстве, населенном другими фигурками из того же винила. На некоторых явно лежал отпечаток босховой кисти — скажем, на исполинских ходячих ягодицах, между которыми торчало древко гигантской стрелы. Прочие, вроде флагеллантского мессии, сошли со страниц украденного томика. Милгрим читал его каждый вечер, хотя, насколько помнил, раньше никогда не интересовался историями подобного рода. Теперь его даже утешали грезы в подобном колорите.

Невесть почему НУ являлся в виде птицеголовой босховой твари, за которой гнались люди Брауна верхом на геральдических животных, не

[310] Примечания: 310

Норман Коэн, «В поисках Тысячелетнего царства: история революционного мессианства в Европе Средних веков и времен Реформации и ее влияние на современные тоталитарные движения».

очень похожих на коней; высоко над коричневыми капюшонами преследователей развевались длинные стяги с девизами на волапюке. Порой они много дней напролет путешествовали по стилизованным рощицам, окаймляющим пейзаж, где рыскали под сенью древесных крон таинственные существа. Временами Браун сливался с мессией в одно и до са́мого пробуждения бичевал милгримову плоть кнутом с кривыми шипами зеленовато-серого оттенка, общего для пистолета, фонарика и монокуляра.

Однако новое, теплое, словно кровь, девонское море, на волнах которого дрейфовали нынешние видения, породил не ативан, а «Райз» — японский продукт, моментально внушивший Милгриму глубокое уважение. Мужчина сразу почуял потаенные возможности лекарства; правда, им еще только предстояло раскрыться со временем. Появилось ощущение подвижности, которого так не хватало в последнее время, — не потому ли, что Милгрим вел жизнь пленника?

Между прочим, «Райз» облегчил размышления об этой жизни, но все они были мучительны и действовали на нервы. Положение и так не радовало, когда на горизонте возник Браун с неограниченными запасами ативана и предло-

жением-приказом, показавшимся не такой уж плохой затеей. Говоря по совести, если бы не тот престранный случай, Милгрим уже отошел бы в мир иной. Скончался бы от жестокого приступа, не получив очередной дозы. А это очень даже возможно, когда не имеешь денег.

И все-таки… Долго ли он протянет в духоте, отравленной зловонием тестостерона, закисшего в крови мучителя? «Меня могли просто исчезнуть», — напомнил внутренний голос из глубины развалин, оставшихся от прежней личности. Кажется, раньше Милгрим не употреблял этого глагола в особом, чисто аргентинском значении, но теперь оно подошло как нельзя лучше. Хотя, судя по тому, куда покатилась жизнь, его и так уже «исчезнули». Никто, кроме Брауна, не имел понятия о местонахождении пленника. Милгрим остался без наличных, без кредитки, даже паспорт у него забрали, а спать приходилось в комнатах с зеленовато-серыми коробочками на дверях — сигнализацией, оберегающей покой Брауна.

Но главная проблема — это лекарство. Даже если бы Милгрим нашел возможность улизнуть, он прожил бы в лучшем случае ровно сутки. Браун каждый раз выдавал ему дневную дозу и

не больше того.

Мужчина тяжко вздохнул, качаясь на теплых волнах в густом супе из мыслей.

Хорошая таблетка. Очень хорошая. Набрать бы таких побольше.

Глава 11

В мире Бобби

Лакированный «фольксваген» Альберто с ацтекскими рисунками повернул к востоку от Ла Бреа.

— У Бобби агорафобия, — предупредил хозяин автомобиля свою спутницу, стоя в ожидании сигнала светофора за черным джипом «гранд-чероки-ларедо» с непроницаемо тонированными стеклами. — Не любит парень выбираться на люди. С другой стороны, у него склонность все время спать в разных местах, так что задача не из легких.

«Чероки» поплыл вперед, и Корралес тронулся следом.

— Давно это с ним? — поддержала беседу Холлис.

— Не знаю, мы всего два года знакомы.

— А его занятие принесло известность в ваших кругах?

«Круги» — слово расплывчатое, но она решила не уточнять, надеясь, что художник догадается заполнить определенные пробелы.

— Да, Бобби лучше всех. Его даже взяли тестировать оборудование, когда одна компания в Орегоне работала над каким-то военным проектом профессионального оборудования для навигации. Говорит, это было что-то очень передовое.

— И вот теперь он снизошел до помощи художникам?

— Да. Если бы не Бобби, я бы не смог нанести свои виде́ния на сетку координат. И все мои знакомые — тоже.

— А как же ваши коллеги в Нью-Йорке или, скажем, в Талсе? Как я понимаю, это не местное развлечение?

— Да, всемирное. По всему миру.

— Ну и кто для них играет роль Бобби?

— Тем, что в Нью-Йорке, он тоже как-то помогает. И потом, есть какие-то люди в Америке, в Лондоне, где угодно. А у нас вот есть Бобби.

— То есть он как бы… продюсер? — Собеседник должен был сообразить, что в виду имеется сфера

музыки, а не кино.

Молодой человек бросил на нее быстрый взгляд.

— Точно. Хотя, пожалуй, лучше меня не цитировать.

— Значит, не для прессы.

— Ну да, он вроде продюсера. Если бы делом Бобби занимался кто-нибудь еще, то и мои произведения смотрелись бы по-другому. Иначе бы действовали на зрителя.

— Выходит, можно сказать, что художник вашего плана, обладая его способностями, мог бы…

— Лучше творить?

— Ага.

— Не обязательно. Но аналогия со звукозаписью верная. Что-то зависит от материала, от художника, а что-то держится на способностях и чутье продюсера.

— Расскажи про его чутье.

— Бобби, конечно, технарь и нечто вроде реалиста-подражателя, только сам этого не знает…

А парень отнюдь не слывет у них культурным гением, хоть и «лучше всех», заключила про себя Холлис.

— Он хочет выглядеть «настоящим» и даже не заморачивается на тему, *что* это значит. В итоге

получается убедительно…

— Как с Ривером?

— Главное дело, не будь Бобби, мы могли бы прийти на место — и вообще не найти представления. Оно бы просто сдвинулось на несколько футов — за стены клуба, например.

— Не поняла.

— Всегда есть небольшое отклонение в трактовке координат. Мы же пользуемся гражданской версией сигналов, а они не такие точные, как у военных… — Альберто пожал плечами.

Интересно, мелькнуло в голове Холлис, много ли он понимает из того, о чем ведет речь?

— Бобби не понравится, что я тебя привел.

— Ну, если б ты спросил разрешения, он бы все равно отказал.

— Да уж.

На перекрестке Холлис обратила внимание на дорожный знак: теперь они ехали по Ромейн, меж длинных рядов приземистых промышленных построек неописуемого, в основном устарелого вида. Бывшая певица подозревала, что могла бы найти здесь киноархивы, компании по спецэффектам и даже какую-нибудь студию звукозаписи. Уютные, ностальгические текстуры: кирпич, побеленные известкой бетонные блоки,

замазанные краской окна и световые люки, на деревянных столбах массивными гроздьями висели трансформаторы. Машина будто заехала в мир американской легкой промышленности, как он описывался в «Основах гражданства и права» в тысяча девятьсот пятидесятых годах. Днем эта улица наверняка не так пустовала, как сейчас.

Свернув с Ромейн-стрит, Альберто вырулил на обочину, припарковался и снова полез на заднее сиденье за лэптопом и шлемом.

— Если посчастливится, увидим одну из новых работ.

Холлис выбралась из машины и, закинув на плечо сумку с пауэрбуком, пошла вслед за художником к неприметному бетонному зданию, покрашенному белой краской и почти лишенному окон. Молодой человек остановился перед зеленой дверью, обитой листом железа, передал спутнице интерфейс и нажал на утопленную в бетоне кнопку.

— Посмотри в ту сторону, — сказал Корралес, указывая куда-то вверх и направо от двери.

Бывшая певица так и сделала; она ожидала увидеть камеру, но так и не нашла.

— Бобби, — произнес Альберто, — понимаю, ты терпеть не можешь гостей, тем более незваных,

но мне кажется, ты сделаешь исключение ради Холлис Генри. — Он выдержал паузу, словно заправский актер. — Можешь сам убедиться. Это она.

Та, о ком он говорил, уже собралась улыбнуться невидимому объективу, но передумала и представила, будто позирует на обложку диска. Во времена «Кёфью» у нее было «фирменное», чуть насупленное выражение: стоило чуть расслабиться и припомнить прошлое, как лицо по умолчанию становилось именно таким.

Послышался тонкий голос, не мужской, но и не женственный:

— Альберто… Черт… Ты что вытворяешь?

— Бобби, у меня здесь Холлис Генри из «Кёфью».

— Ну, знаешь…

Обладатель тонкого голоса явно лишился дара речи.

— Простите, — вмешалась артистка, возвращая Корралесу шлем с козырьком. — Не хотела причинять беспокойства. Просто Альберто знакомил меня со своим искусством, рассказывал, как важно твое участие, вот я и…

Зеленая дверь загрохотала, приотворяясь на пару дюймов. В щели показались белокурая чел-

ка и небесно-голубой глаз. Зрелище, может, и забавное, детский сад какой-то, но журналистка испугалась.

— Холлис Генри, — проговорил Чомбо уже нормальным, мужским голосом, и голова показалась уже целиком.

Подобно Инчмэйлу, Бобби обладал архаическим носом настоящего рокера. Это был типичный рубильник в стиле Тауншенда и Муна[311] — из тех, что раздражали Холлис только в мужчинах, не ставших музыкантами, поскольку выглядели (жуткий бред, конечно) чем-то показным. Словно люди по собственной прихоти отращивали носы, желая смахивать на рокеров. Но самое ужасное, все они — дипломированные бухгалтеры, рентгенологи, кто там еще, — вышагивая по Масвел-хилл[312] или Денмарк-стрит[313], как один, развевали длинными челками — просто обязательным приложением к солидному шнобелю. А может, все дело в парикмахерах?

---

[311] Примечания: 311

Пит Тауншенд и Кит Мун — участники британской рок-группы «The Who».

[312] Примечания: 312

Район «белых воротничков», зеленый богемный район Лондона.

[313] Примечания: 313

Улица в Лондоне, почти полностью состоящая из магазинов музыкальных инструментов.

Либо, рассуждала бывшая вокалистка, представители этой профессии, едва увидев роковый меганос, бросались делать стрижку в полном соответствии с исторической традицией либо повиновались глубинным, чисто парикмахерским инстинктам, которые непременно диктовали закрыть глаза клиента косой тяжелой челкой из тривиального чувства гармонии.

Впрочем, невыразительный подбородок Чомбо действительно требовал некоего противовеса.

— Привет, — сказала Холлис и первой сунула руку для приветствия.

Она потрясла холодную безвольную ладонь, которая будто мечтала вырваться на волю и оказаться где-нибудь подальше.

— Не ждал, — отвечал Бобби, приоткрывая дверь еще на пару дюймов.

«Звезда» проскользнула в щель, обогнула растревоженного хозяина — и неожиданно увидела перед собой огромные просторы. Сразу же пришли на ум олимпийские бассейны и крытые теннисные корты. Вдобавок освещение здесь — по крайней мере полусферы из граненого технического стекла, подвешенные на перекладинах в центральной части, — точно так же било в глаза.

Бетонный пол когда-то был выкрашен и со временем приобрел приятный серый оттенок. Подобные помещения напоминали Холлис площадки для декораций и реквизита либо для съемок сцен второстепенной значимости. А вот для чего предназначалось это, очевидно, гигантское сооружение, трудно было определить на глаз. Серый пол покрывала сетка из квадратов с двухметровыми сторонами, размашисто нанесенная при помощи белого порошка — скорее всего из распылителя, какими пользуются на стадионах. Кстати, у дальней стены стоял одноколесный хоппер[314] оливкового цвета.

На первый взгляд, ячейки не могли совпадать ни с одной из городских систем координат. Надо будет об этом спросить, отметила про себя журналистка. Середину освещенного пространства занимала пара серых раскладных столов по двадцать футов каждый в окружении модных офисных кресел «Аэрон» и тележек, нагруженных персональными компьютерами. В таком помещении спокойно разместились бы рабочие места для полудюжины человек, однако вокруг никого больше не было, только носатый Бобби.

---

[314] Примечания: 314

Саморазгружающийся вагон с открывающимися люками для высыпания груза и с наклонными передней и задней стенками.

И Холлис повернулась к нему: мужчина лет тридцати, в зеленой тенниске «Lacoste» с электрическим блеском, в тесных белых джинсах и черных парусиновых кедах на резиновой подошве с необычно длинными заостренными носами. Одежда, на взгляд журналистки, смотрелась намного чище хозяина. На рукавах вертикальные складки от утюга, на белых штанинах ни пятнышка, а вот самому́ не мешало бы вспомнить про душ.

— Прости, что явилась без приглашения, — сказала гостья. — Очень хотела познакомиться.

— Значит, Холлис Генри.

Бобби не без труда засунул руки в передние карманы джинсов.

— Да, это я, — подтвердила она.

— Альберто, зачем ты ее привел? — чуть не простонал Чомбо.

— Думал сделать тебе приятное.

Корралес подошел к одному из серых столов положить лэптоп и маску с козырьком.

Немного поодаль Холлис увидела на полу нечто похожее на детский рисунок космической ракеты, выполненный при помощи яркой оранжевой изоленты. Если бывшая артистка угадала размеры ячеек, то контуры протянулись на добрых

пятнадцать метров. Внутри все линии были тщательно стерты.

— Ну что, Арчи готов? — спросил Альберто, глядя в сторону оранжевого силуэта. — Новые скины уже анимируют?

Бобби вытащил из карманов руки, потер лицо.

— Не могу поверить, что ты пошел на такое. Надо же было ее сюда притащить.

— Это же Холлис Генри. Разве не здорово?

— Я лучше пойду, — сказала она.

Бобби опустил руки, тряхнул челкой и закатил голубой глаз.

— Арчи готов. Все текстуры наложены.

— Иди посмотри, — позвал свою спутницу Корралес, взяв в руки предмет, похожий на виртуальный шлем, причем не из тех, что можно купить на распродаже на дому. — Это его собственный, беспроводной.

Холлис послушно взяла у него и надела на голову предложенную штуковину.

— Тебе понравится, — заверил художник. — Ну что, Бобби?

— На счет один. Три… два…

— Знакомьтесь, Арчи! — провозгласил Альберто.

На высоте десяти футов над оранжевыми конту-

рами рисунка возник блестящий серовато-белый спрут гигантских размеров общей длиной около девяноста футов. Щупальца грациозно покачивались, видимый глаз был величиной с колесо джипа.

— Архитевтис[315], — пояснил Бобби.

— Скины, — приказал он, и по телу моллюска потекло сияние, подкожные пиксели заскользили, как на искаженном видеоизображении: стилизованные кандзи[316], большеглазые герои аниме. Роскошно, удивительно! Журналистка засмеялась от восторга.

— Это для одного универмага в Токио, — произнес Корралес. — Будет висеть над улицей в Синдзюку[317], в неоновых огнях.

— Они что, уже рекламу из этого делают?

Холлис приблизилась к спруту, прошла под ним. Беспроводная маска давала совершенно другие ощущения.

---

[315] Примечания: 315

Архитевтис, или гигантские кальмары, — самые крупные из ныне живущих головоногих моллюсков.

[316] Примечания: 316

В переводе с японского — «китайские письмена». Китайские иероглифы, используемые в современной японской письменности наряду с хираганой, катаканой, арабскими цифрами и ромадзи (латинским алфавитом).

[317] Примечания: 317

Один из двадцати трех районов Токио.

— В ноябре у меня там целое шоу, — сообщил Альберто.

«Ну да, конечно, — думала журналистка, глазея с поднятой головой на бесконечное мельтешение образов на поверхности Арчи. — Значит, Ривер полетит в Токио».

Глава 12

Запас

Во сне Милгрим видел себя обнаженным в комнате спящего Брауна.

Но это была не привычная нагота, в ней заключалось нечто мистическое, какая-то сверхъестественно обостренная ясность; мужчина почувствовал себя вампиром из книги Энн Райс или зеленым новичком, подсевшим на кокаин.

Браун лежал, накрывшись простынями «Нью-Йоркера» и бежевым гостиничным одеялом. Губы его были приоткрыты, нижняя подрагивала на вздохе. Пленник ощутил что-то отдаленно похожее на жалость.

В номере стояла кромешная темнота, если не считать красного индикатора на панели выключенного телевизора, но спящее «Я» Милгрима,

словно пользуясь неизвестной частотой, четко различало мебель и все предметы, как на экране таможенного сканера; видело даже пистолет и фонарь под подушкой и рядом нечто прямоугольное со скругленными краями, похожее на складной нож (как пить дать зеленовато-серый). Детская привычка — спать в обнимку с любимыми игрушками. Даже в чем-то трогательная.

Милгрим воображал себя Томом Сойером, Брауна — Гекльберри Финном, бесконечную череду «нью-йоркерских» и прочих гостиничных номеров — плотом, ну а Манхэттен — несущими его холодными водами Миссисипи, когда внезапно заметил на полке тумбы из ДСП с телевизором… Пакет. Бумажный пакет. Мятый бумажный пакет. Внутри (казалось, особая нагота обнажала перед глазами все вокруг) лежали, в этом не могло быть ошибки, знакомые прямоугольники фармацевтических упаковок.

Целый ворох. Изрядное множество. Солидный запас. Если тратить с умом, хватит на неделю.

Милгрим наклонился, словно притянутый волшебным магнитом, — и вдруг, без всякого перехода, очутился у себя, в душной комнате. Уже не мистически голый, а в трусах из черного хлопка, которые не мешало бы сменить, он стоял у окна,

упершись носом и лбом в холодное стекло. По Восьмой авеню, четырнадцатью этажами ниже, полз одинокий желтый прямоугольник такси.

Милгрим провел дрожащими пальцами по щеке. Она была мокрой от слез.

Глава 13

Ящики

Она стояла под Арчи, любуясь переливами изображений, пробегающих от стреловидного плавника до самых кончиков пары длинных охотничьих щупалец. Промелькнули какие-то викторианские девушки в нижнем белье — вероятно, героини из «Пикника у Висячей скалы», фильма, которым частенько вдохновлялся Инчмэйл перед концертами. Кто-то состряпал для Бобби прелестную кашу из видеокартинок, причем журналистка пока не замечала, чтобы они повторялись. Кадры пробегали бесконечным потоком.

Удобно спрятав лицо под беспроводной маской, Холлис притворялась, будто не слышит, как Бобби шепотом распекает Альберто за ее неожиданное вторжение.

А темп между тем нарастал; на лихорадочно сменяющихся картинках полыхали беззвучные взрывы на фоне черной ночи. Резко наклонив голову после особенно яркой огненной вспышки, зрительница потянулась поправить шлем и ненароком задела сенсорную панель, вмонтированную над скулой слева от визора. Спрут Синдзюку исчез вместе с мельтешащими скинами.

Повыше места, где он только что находился, висело прозрачное прямоугольное тело из серебристого каркаса, твердого и в то же время хрупкого с виду. Его размеры — словно у гаража для двух автомобилей — производили знакомое и отчего-то банальное впечатление. Внутри, казалось, располагалась еще одна или даже несколько форм, но контуры каркасов неразборчиво сливались друг с другом.

Холлис хотела спросить у Чомбо, а будет ли у его работы продолжение, но тот подлетел и сдернул шлем, да еще так грубо, что женщина едва не упала.

Оба окаменели на месте. Голубые глаза Бобби, большие и круглые, как у совы, темнеющие за косой белокурой челкой, вдруг ясно напомнили журналистке один из снимков Курта Кобейна.

Тут подошел Альберто и отобрал маску.

— Бобби, — укорил он, — давай уже возьми себя в руки. Это важно. Она пишет статью о локативном искусстве. Для «Нода».

— Для «Нода»?

— Угу.

— Что это за ерунда?

— Журнал типа «Вайред», только английский.

— Или бельгийский, — вставила Холлис. — Или еще какой-нибудь.

Чомбо смотрел на гостей так, как смотрит здоровый человек на двух помешанных.

Корралес щелкнул по сенсорной панели, которую нечаянно задела его спутница, погасил какой-то индикатор и отнес шлем на ближайший стол.

— Великолепный спрут, Бобби, — сказала Холлис. — Спасибо, что показал. А теперь я уйду. Извини за беспокойство.

— Ладно, проехали, — со вздохом смирения произнес тот.

Затем отошел к другому столу, разворошил кучу разных мелочей и вернулся с пачкой «Мальборо» и бледно-синей зажигалкой «Бик». Зажег сигарету, опустил веки и глубоко затянулся. Открыл глаза, откинул голову и выдохнул голубой

дым вверх, навстречу граненым полусферам. После новой затяжки он хмуро взглянул на гостей поверх сигареты.

— Все задолбало. Представить нельзя, как меня все задолбало. Это же целых девять часов. Девять. Долбаных. Часов.

— Попробуй антиникотиновый пластырь, — предложил Альберто и обернулся к Холлис. — Ты вроде курила, когда пела в «Кёфью»?

— Я бросила.

— С помощью пластыря? — Бобби вновь затянулся «Мальборо».

— Вроде того.

— Что значит «вроде того»?

— Инчмэйл однажды прочел о том, как англичане открыли табак в Виргинии. И знаете, племена, которым он уже был известен, совсем не курили, вернее, поступали не как мы.

— А что они делали? — Безумные искры в глазах Чомбо под косыми соломенными прядями заметно поугасли.

— Это похоже на наше пассивное курение, только намеренное. Туземцы забирались под навес и поджигали кучу табачных листьев. А еще из них готовили припарки.

— Прип?.. — Собеседник опустил окурок.

— Никотин очень быстро всасывается кожей. Инчмэйл предложил сделать влажную кашицу из толченых листьев, наклеить на кожу куском изоленты…

Глаза Корралеса широко распахнулись.

— И вот так ты перестала курить?

— Не совсем. Опасная затея. Может запросто и убить, как мы потом выяснили. Это ведь то же самое, что впитать организмом весь никотин из целой сигареты — смертельная доза и даже больше. Было так мерзко, что буквально через пару раз мою привычку словно рукой сняло, — заключила она и улыбнулась Бобби.

— Может, и мне рискнуть, — пробормотал тот, смахивая пепел на бетонный пол. — Где он сейчас, ваш Инчмэйл?

— В Аргентине.

— Играет?

— Гигует[318] понемногу.

— Записывается?

— Не слышала.

— А ты теперь занялась журналистикой?

— Я всегда немного пописывала, — ответила она. — Где здесь туалет?

---

[318] Примечания: 318

Гиг — разовый ангажемент на участие в одном концерте, обыкновенно подписывается с ансамблем поп-музыкантов.

— Вон там, в углу. — Чомбо махнул рукой в сторону противоположную той, где Холлис видела Арчи и еще что-то непонятное.

Шагая в указанном направлении, журналистка внимательно следила за тем, чтобы не задеть частые, безупречно ровные линии сетки, нарисованные чем-то вроде белой муки.

Туалет явно был новее самого́ здания и состоял из трех кабинок с нержавеющим писсуаром. Журналистка заперла за собой дверь, повесила сумку на крючок в первой кабинке и достала пауэрбук. Во время загрузки она устроилась поудобнее. Как и ожидалось, компьютер легко обнаружил Wi-Fi. Не желаете ли присоединиться к беспроводной сети «72fofH00av»? Холлис не только желала, но и присоединилась. Любопытно, почему затворник-технарь, страдающий агорафобией, не позаботился защитить свою сеть от несанкционированного доступа; а впрочем, бывшую вокалистку всегда удивляло, как много людей проявляют подобное легкомыслие.

Пришло письмо от Инчмэйла. Холлис вывела послание на экран.

Анжелина вся извелась, когда узнала, что ты, пусть даже не напрямую и в пер-

спективе, работаешь на Бигенда. Кстати, по-настоящему имя произносится «Бэйджэнд» или вроде того, но, по словам жены, он и сам так почти не говорит. Да, кое-что посерьезнее: она списалась со своей подружкой, Мэри из «Dazed», и та обратилась к весьма достоверным источникам. В общем, с этим твоим «Нодом» дело нечисто. Никто о нем и слыхом не слышал. Если печатное издание с грехом пополам напускает на себя таинственность до первой публикации, это уже странно. А твой «Нод» не светится даже там, где засветился бы любой, хоть и самый рассекретный журнал. ХОХ[319] «male[320]».

«Все глубже погружаюсь в глубины когнитивного диссонанса», — отметила про себя журналистка, споласкивая руки. Зеркало уверяло ее, что сделанная в «Мондриане» укладка еще неплохо держится.

Пауэрбук отключился, и Холлис убрала его с

---

[319] Примечания: 319
«Обнимаю, целую».

[320] Примечания: 320
Инч-мейл.

раковины в сумку.

Шагать обратно через мучнистую решетку пришлось с прежней осторожностью. Альберто с Бобби сидели за столом в креслах «Аэрон» весьма обветшалого вида. Похоже, несчастные предметы мебели были когда-то куплены для новенькой фирмы, которая вскорости вылетела в трубу, после чего они пережили конфискацию, аукцион и перепродажу. В просвечивающей темно-серой сетке темнели дыры — следы от окурков.

К ярким огням на потолке медленно уплывали слоистые облака сизого дыма, чем-то напоминая концерты «Кёфью» на стадионах.

Чомбо сидел, подтянув колени к подбородку и вонзив несуществующие каблуки остроносых туфель, похожих на клонированные кеды, в сетку, которая обтягивала сиденье. На столе за его спиной лежала всякая всячина; Холлис разглядела банки с «Ред Буллом», огромные водостойкие маркеры и то, что притворялось кучкой сладостей, а на деле оказалось белыми кирпичиками «Лего».

— Почему только этот цвет? — спросила журналистка, опустившись в «Аэрон» и развернувшись лицом к Бобби. — Что-нибудь вроде коричневых «M&M's» для локативных художников?

— Какие ты имеешь в виду, — прозвучал за ее

спиной голос Корралеса, — те, за которыми все гонялись или которых, наоборот, не хотели[321]?

Чомбо пропустил его реплику мимо ушей.

— Скорее они выполняют роль изоленты: соединяют электронные схемы и защищают платы от повреждений. Однотонный дизайн помогает избежать визуальной неразберихи, а белый цвет — лучший фон для фотографий, детали легче всего различаются.

Холлис покатала кирпичики на ладони.

— И что, их запросто вот так продают, целыми мешками?

— Спецзаказ.

— По словам Альберто, твоя работа похожа на роль продюсера. Это правда?

Бобби пристально посмотрел на собеседницу из-под челки.

— Ну, если в са́мом общем смысле, если очень грубо упростить… Пожалуй, да.

— А как получилось, что ты стал ею заниматься?

— Раньше я работал с коммерческой техно-

---

[321] Примечания: 321

Изначально арахисовые конфеты «M&M's» были коричневыми. В 1969 году были добавлены также красный, желтый и зеленый цвета. Изменения в гамму вносились довольно часто. В наши дни коричневые «M&M's» встречаются реже других, и тот, которому досталось сразу несколько штук, считается «везунчиком».

логией GPS, потому что когда-то мечтал быть астрономом и грезил спутниками. Любопытно же разобраться с глобальной сеткой: что она такое, как с ней работать, выявить скрытые возможности, а кому еще это интересно, кроме художников? Либо они, либо военные. Обычно так и происходит с новыми технологиями: самое увлекательное применение — на поле брани или в галерее.

— Да, только этот проект был военным с самого начала.

— Конечно, — не возражал Чомбо, — как, наверно, и первые карты мира. Координатная сетка — простая вещь. Слишком простая, чтобы допускать к ней кого попало.

— Одна моя знакомая говорила, что киберпространство выкручивается навыворот. Так она выразилась.

— Разумеется. И стоит процессу окончиться, киберпространства больше не будет, верно? Да оно и не существовало никогда, если хотите. Разве что как способ увидеть, куда мы направляемся. Теперь, при сетке, мы оказались по другую сторону экрана. Теперь это здесь. — Он откинул волосы и воззрился на нее сразу двумя глазами.

— А этот ваш Арчи, — журналистка махнула ру-

кой в пустоту, — его повесят над улицей в Токио?

Бобби кивнул.

— Но ведь можно отвезти его туда и в то же время оставить здесь, правда? Это реально — сделать привязку сразу к двум местам? Или ко скольким угодно?

Собеседник улыбнулся.

— Ну и кто будет знать о его присутствии? Вот сейчас, если бы мы не показали, ты бы его и не обнаружила; разве что выяснила бы заранее адрес страницы в Интернете и координаты GPS, тогда конечно. А впрочем, все меняется. Новые сайты, где размещаются представления такого рода, множатся словно грибы. Войди на любой из них, заведи себе интерфейс, — он указал на шлем, — плюс лэптоп и Wi-Fi и любуйся, сколько захочешь.

Холлис подумала над его словами.

— Но ведь каждый из этих сайтов… серверов или как их? Порталов?..

Чомбо кивнул.

— Каждый показывает свою действительность? У Альберто я вижу мертвого Ривера Феникса на тротуаре, а у кого-нибудь еще, ну не знаю, только хорошее. Одних котят, например. То есть мир, где мы обитаем, будет сплошь состоять из

каналов… — Она склонила голову набок. — Правильно?

— Да. Не самый приятный исход, если вспомнить, чем обернулось широковещательное телевидение. Зато подумай о блогах: там тоже каждый автор пытается отразить реальность.

— Правда?

— Теоретически.

— А-а.

— Но давай посмотрим на блоги: где мы ожидаем найти наиболее авторитетную информацию? На ссылках. Тут вопрос контекста, и дело даже не в том, на кого ссылается блог, а в том, кто ссылается на него.

— Спасибо. — Бывшая певица смерила Бобби пристальным взглядом и положила кирпичик «Лего» на стол возле затейливой, как оригами, упаковки с новым айподом.

Гарантийные бумаги вместе с инструкциями лежали в запечатанном виниловом пакете, а рядом, в пакетике поменьше, — тонкий белый кабель, уложенный мелкими кольцами. Холлис подняла ярко-желтый прямоугольник размером чуть покрупнее «Лего» и задумчиво повертела в пальцах.

— Тогда почему втягивается столько нович-

ков? Та же виртуальная реальность, ничего особенного. Помните, как мы все поначалу были увлечены?

Желтый квадрат оказался пустотелой литой железкой, покрытой слоем блестящей краски. Деталь от игрушки?

— Имея дело с виртуальной реальностью, мы постоянно смотрим на экран. Вернее, так было десятки лет назад. Теперь стало проще. Очки не нужны, перчатки тоже. Как-то так само получилось. В общем, ВР — еще один способ указать, куда мы движемся. Причем, согласись, не нагоняя большого страха. А локативное творчество… Им уже многие увлекаются. Сегодня еще нельзя творить представления непосредственно при помощи нервной системы. Настанет день, и будет можно. Интерфейс у нас уже в голове. Скоро поднимем на такой уровень развития, что и думать забудем о его существовании. Представь, идешь ты по улице, и вдруг… — Он ухмыльнулся и развел руками.

— Попадаю в мир Бобби, — закончила журналистка.

— Схватываешь.

Повернув желтую железку нижней стороной, она прочитала надпись «СДЕЛАНО В КИТАЕ»

выпуклыми заглавными буквами крохотного размера. Деталька от игрушечного грузовика? Ящик трейлера? Контейнер? Точно, транспортная тара — из тех, что используют на кораблях.

Уменьшенная копия таинственного прямоугольного каркаса.

Холлис положила миниатюру возле белого кирпичика «Лего» и отвела глаза.

Глава 14

Хуана

Тито вспоминал ее квартиру в Сан-Исидро, неподалеку от крупного вокзала. Оголенные провода, ползущие по стене подобно вьющимся виноградным лозам, лампочки без абажуров, кастрюли и сковородки на грубых крючьях. На алтаре беспорядочно теснились разные предметы, обремененные особым смыслом. Пыльные склянки с тухлой водой, наполовину разобранный пластмассовый макет советского бомбардировщика, солдатская нашивка в пурпурных и желтых тонах, старинные бутылки с пузырьками, запертыми под мутным стеклом, из воздуха дней, миновавших по меньшей мере сотню лет назад…

Все эти предметы, по словам Хуаны, составляли единую цепь, которая помогала яснее выразить ее чувства к своим божествам. Сверху, из-под са́мого потолка, озирала комнату написанная на стене Мадонна Гваделупская.

Тот прежний алтарь, как, впрочем, и нынешний, на квартире в испанском Гарлеме, в первую очередь посвящался Открывающему Путь и Ошун, чьи парные энергии никогда не приходили в равновесие и потому не достигали состояния покоя.

Рабы, которым не разрешалось поклоняться домашним божествам, присоединялись к католической церкви, чтобы почитать их уже в качестве святых. Каждый из идолов получил вторую личину, как, например, Бабалу-Эйе, двойник Лазаря, воскрешенного Иисусом Христом. Танец Бабалу-Эйе перекрестили в Танец Ходячего Мертвеца. Долгими темными вечерами в Сан-Исидро Тито наблюдал, как Хуана курит сигары и пляшет словно одержимая.

И вот сегодня, спустя столько лет, они снова рядом. Раннее утро, Тито сидит перед нью-йоркским алтарем, таким же опрятным, как и остальное жилище. Непосвященный увидел бы перед собой обыкновенную полку, но племянник сразу

разглядел старинные бутылки, заключившие в своих темных чревах погоду давно минувших дней.

Он только что закончил описывать старика.

Хуана больше не курила сигар. И, наверное, не танцевала; впрочем, за последнее он бы не поручился. Она потянулась вперед и взяла с алтарной тарелочки четыре кусочка кокоса, а другой рукой провела по полу, поцеловала кончики пальцев и бесконечно символичную пыль. Закрыв глаза после короткой молитвы на языке, которого Тито не понял, тетка строго задала какой-то вопрос, встряхнула кусочки между сложенными чашечкой ладонями и бросила перед собой. Потом немного посидела молча, упершись локтями в колени и разглядывая полученный результат.

— Все упали мякотью вверх. Это знак справедливости. — Хуана собрала рассыпанные кусочки и бросила снова. На этот раз половина из них упала вверх кожурой. Тетка кивнула. — Подтверждается.

— Что?

— Я спрашивала о судьбе человека, который тебя беспокоит. Он и мне тоже не дает покоя.

Стряхнув кокосовые кусочки в жестяную му-

сорную корзину «Доджерс»[322], она прибавила:

— Иногда ориши[323] служат нам оракулами. Но если говорят, то не много, и даже им не всегда известно будущее.

Тито хотел помочь ей подняться, однако Хуана оттолкнула руки племянника. На ней было темное серое платье с молнией впереди, похожее на униформу. Лысеющую голову прикрывал *babushkin* платок. Белки́ ее темно-янтарных глаз напоминали слоновую кость.

— Пойду приготовлю завтрак.

— Спасибо.

Отказываться было бесполезно. Да и зачем?

Хуана побрела на кухню, шаркая серыми тапочками, подходящими к ее казенного вида платью.

— Помнишь дом, где жил твой отец в Аламаре[324]? — обронила она через плечо.

— Там все дома были похожи на пластмассовый конструктор.

---

[322] Примечания: 322

Декоративные металлические корзины для жилых квартир и офисов.

[323] Примечания: 323

На языке древних йорубанов словом «ориша» называли богов, это название используется и по сей день. Как и лоа вуду, ориша являются сложными человеческими натурами, обладающими сильными желаниями, приоритетами и темпераментами.

[324] Примечания: 324

Массивный квартирный комплекс в Гаване.

— Это точно, — согласилась тетка. — Город хотели сделать копией Смоленска. Я всегда считала, что твой отец мог бы найти место получше. В конце концов, у него был выбор — большая редкость по тем временам.

Тито встал рядом и смотрел на ее терпеливые руки, на то, как они нарезали хлеб, намазали его маслом и положили в духовку, наполнили водой крохотную кофеварку эспрессо из алюминия, всыпали туда кофе и налили молока в металлический кувшин.

— Да, твой отец мог выбирать. Он обладал едва ли не большей свободой, чем дед.

Она обернулась и посмотрела племяннику в глаза.

— А почему так?

— Пока на Кубе стояли русские, твой дед, хотя и держался в тени, был очень могущественным человеком. А твой отец — первенцем и любимчиком очень могущественного человека. Но дед, разумеется, знал, что русские однажды уйдут и все переменится. В тысяча девятьсот девяносто первом году, когда это случилось, он предугадал «особый период», нехватку товаров и ограничения свобод. Предвидел, что Кастро потянется к главному символу злейшего врага — американ-

скому доллару, — и, разумеется, предчувствовал закат своей власти. Хочешь узнать одну тайну?

— Да?

— Он был коммунистом. — Хуана залилась таким поразительно девичьим смехом, что гостю вдруг померещилось, будто на крохотной кухне спрятался кто-то еще. — Да, больше коммунистом, чем сантеро[325]. Он *верил*. Ведь замысел провалился, провалился так, что людям простым и не понять многого, однако твой дед, хотя и по-своему, верил. Он, как и я, бывал в России. Как и я, имел глаза, чтобы видеть. И все же… — Она улыбнулась и пожала плечами. — Думаю, это придавало твоему деду некую силу, особую власть над остальными, с кем мы теперь благодаря ему оказались связаны. Они всегда подозревали о его вере. Не той трагической, клоунской, как у жителей Восточной Германии, а скорее замешенной на каком-то… простодушии.

Кухню наполнил запах поджаренного хлеба. Молоко дошло до кипения, и Хуана взбила пену при помощи маленького бамбукового веничка.

— Разумеется, такие вещи нельзя доказать. В ту пору все кому не лень заявляли о своей вере, по

---

[325] Примечания: 325
Сантерианский жрец.

крайней мере — прилюдно.

— Почему ты сказала, что у него было меньше выбора?

— Глава большой семьи обременен обязанностями. А мы к тому времени стали не просто семьей. Мы уже стали тем, что имеем сегодня. Для деда интересы родни всегда были важнее желания получше устроиться в жизни. Будь он один — может, никуда и не полетел бы. Может даже, не умер бы до сих пор. Гибель сына, конечно, сильно повлияла на его решение переправить нас в Америку. Садись.

Она поставила на столик желтый поднос, белое блюдце с тостами и большую белую чашку *café con leche*[326].

— А этот человек, он что, помогал деду перевезти нас сюда?

— В каком-то смысле.

— Как это понимать?

— Многовато вопросов.

Тито улыбнулся ей снизу вверх.

— Он из ЦРУ?

Хуана сердито нахмурилась из-под серого платка. Бледный кончик языка показался в уголке ее

---

[326] Примечания: 326
кофе с молоком *(исп.).*

рта и тут же исчез.

— А твой дед был из ДГИ?

Тито задумчиво окунул кусочек тоста в кофе и прожевал его.

— Ну да.

— Правильно, — сказала тетка. — Был, конечно.

Она потерла морщинистые ладони друг о друга, словно хотела избавиться от следов какой-то грязи.

— А на кого он работал? Вспомни наших святых, Тито. Два лика. Непременно два.

Глава 15

Жулик

Инчмэйл был вечно лысеющим, вечно серьезным и всегда выглядел солидным мужчиной — даже в день их первой встречи, когда им с Холлис было по девятнадцать. Настоящим поклонникам «Кёфью» обычно либо нравился он, либо она, и крайне редко — оба сразу. Похоже, Бобби Чомбо относится к первым, размышляла бывшая певица, пока Альберто вез ее в «Мондриан». И это даже хорошо. Можно, не сознаваясь

в авторстве, изложить свои самые удачные истории про Инчмэйла, потом перетасовать их, словно колоду карт, кое-что припрятать в рукаве, что-то выкинуть на стол, а кое-где и передернуть, лишь бы разговорить этого парня. Холлис никогда не спрашивала разрешения у самóго Инчмэйла, но почему-то верила: он платит ей той же монетой.

И не беда, что Бобби тоже музыкант, пусть и не в сáмом привычном смысле: не играет на инструментах и не поет, зато создает демозаписи из тщательно отобранных и перемешанных фрагментов. Холлис такой порядок вещей устраивал, она лишь думала, подобно генералу Боске[327], наблюдающему атаку легкой бригады, что это не война[328]. Инчмэйл понимал такие вещи и, кстати, успешно ими пользовался с тех самых пор,

---

[327] Примечания: 327

Боске Жозеф (1810–1861) — французский маршал и сенатор с 1856 г., в крымской кампании отличился при Альме, Инкермане и взятии Малахова кургана.

[328] Примечания: 328

25 окт. 1854 г., во время Крымской войны, русские войска вступили в долину Балаклавы, где столкнулись с бригадой английской тяжелой кавалерии под командованием генерала Скарлетта и были отброшены. В конце дня, повинуясь ошибочному приказу, лорд Кардиган повел легкую бригаду на русские пушки в верховьях долины. Обстреливаемый со всех сторон, он был вынужден отступить с огромными потерями. Об этом эпизоде генерал Боске отозвался так: «Это великолепно, но это не война».

как появилась возможность цифровым способом извлекать гитарные партии из тесных скорлупок гаражного исполнения и видоизменять их, словно душевнобольной ювелир, вытягивающий столовые викторианские приборы и превращающий их во что-то насекомовидное, уже нефункционально хрупкое и опасное для нервов.

Пожалуй, страсть Бобби к «Мальборо» тоже играла ей на руку, хотя Холлис поймала себя на том, что невольно считает про себя сигареты и, поглядывая на пустеющую пачку, начинает волноваться, хватит ли ей самой. Она пыталась отвлечься, потягивала из найденной среди завалов на столе банки «Ред Булл» комнатной температуры, и вскоре глаза у нее полезли на лоб — то ли от кофеина, то ли от другого знаменитого ингредиента под названием «таурин», якобы извлекаемого из бычьих яичек. Странно: как правило, быки смотрелись гораздо спокойнее, чем почувствовала себя журналистка. А может, это вообще были коровы? Она не слишком разбиралась в домашней скотине.

Рассказ Чомбо про поиски нужных образцов помог Холлис хотя бы отчасти понять, что за человек перед ней, оправдать его тесные белые

штаны и дурацкие туфли. Грубо говоря, парень выполнял работу диджея. Или подражал, что тоже считается. Да и его основная специальность — диагностика и устранение неполадок в навигационных системах, так, кажется? — вписывалась в общую картину. Это и есть докучная сторона диджейской или подобной жизни, причем зачастую не та, которая кормит.

— Обошлось. Я думал, будет хуже, — прервал ее мысли Альберто. — Обычно с ним просто так пива не сваришь.

— Пару лет назад я гиговала в Сильверлейке, они это называют реггитон. Смесь регги и сальсы.

— Ну и?

— Чомбо. Был там такой крутой диджей: Ель Чомбо.

— Это не Бобби.

— Ясное дело. Только вот чего ради наш белый парень взял такое же прозвище?

Альберто ухмыльнулся.

— А чтобы другие спрашивали. Вообще-то Чомбо — это компонент программного обеспечения.

— Софт, что ли?

— Ага.

Она решила пока не забивать себе этим го-

лову.

— А ночует он там же?

— Да, и почти не выходит наружу без надобности.

— И, говоришь, никогда не спит в одном и том же квадрате сетки…

— Об этом при нем даже не заикайся ни в коем случае, лады?

— Значит, гигует? Диджействует?

— Он занимается подкастингом[329], — ответил Корралес.

У Холлис зазвонил сотовый.

— Алло?

— Это Рег.

— Только что про тебя подумала.

— По какому случаю?

— Потом расскажу.

— Ты получила мой е-мейл?

— Да.

— Анжелина просила позвонить перепроверить. Пере-пере.

— До меня дошло, спасибо. Но ничего уже не

---

[329] Примечания: 329

Подкастинг (podcasting, от айпод и англ. broadcasting — повсеместное вещание, широковещание) — способ публикации звуковых передач во Всемирной сети (обычно в формат MP3), при котором они анонсируются особым образом, позволяющим автоматизировать загрузку новых выпусков на устройство прослушивания.

поделаешь. Пусть все идет как идет, и посмотрим, что получится.

— Ты опять на каком-нибудь семинаре?

— Почему это?

— Тогда тебя тоже вдруг потянуло философствовать.

— Я тут видела Хайди…

— Боже, — сказал Инчмэйл. — Надеюсь, она передвигалась на задних конечностях?

— Промчалась мимо на очень приличной машине по направлению к Беверли-Хиллс.

— Ну что ж, ее тянуло туда еще из роддома.

— Рег, я не одна. Мне пора.

— Чао.

Трубка умолкла.

— Это был Рег Инчмэйл? — спросил Альберто.

— Он самый.

— Ты сегодня вправду видела Хайди Гайд?

— Видела, пока ты разбирался с охраной «Virgin». Она проезжала по Сансет.

— Ничего себе, — удивился Корралес. — Невероятная встреча, да?

— С точки зрения статистики, может, и так. А по-моему, ничего сверхъестественного. Она живет на Беверли-Хиллс, работает где-то в районе Сенчури-Сити.

— Чем занимается?

— Участвует в делах мужа. Он у нее адвокат по налоговым делам, имеет свою производственную фирму.

— Ого, — помолчав, произнес Альберто. — Значит, все-таки есть жизнь после рока.

— Уж это поверь мне на слово, — заверила его Холлис.

Робот Одиль не то окончательно умер, не то впал в спячку. Во всяком случае, он без движения замер у занавесок с видом недоделанной игрушки. Холлис поддела его носком «Адидаса».

На голосовой почте новых сообщений не было.

Журналистка достала из сумки пауэрбук, поднесла его обратной стороной к окну и выполнила начальную загрузку. Подключиться к проверенной беспроводной сети «SpaDeLites47»? Да, пожалуйста. До сих пор «SpaDeLites47» ни разу не подводила. Бывшая солистка «Кёфью» подозревала, что точка доступа к этой сети находится через дорогу, в здании со съемными квартирами.

Опять никаких писем. Придерживая одной рукой лэптоп, Холлис набрала в «Гугле»: «бигенд».

Первым делом на экране всплыл какой-то японский сайт — судя по всему, реклама лучшего

моторного масла для драгстеров[330].

Холлис попробовала ссылку на страничку Википедии.

> Хьюберт Хендрик Бигенд, род. 7 июня 1967 г. в Антверпене, основатель инновационного всемирного агентства рекламы «Синий муравей». Единственный сын в семье; родители — бельгийский предприниматель Бенуа Бигенд и скульптор из Бельгии Федра Сейнхив. Как очернители, так и почитатели часто припоминают давнюю связь его матери с Ситуационистским интернационалом[331] (Чарльзу Саатчи ошибочно приписывают знаменитые слова: «Это жулик от ситуацио-

---

[330] Примечания: 330

Разновидность гоночного автомобиля-болида, построенного специально для драгрейсинга — соревнований на разгон по прямой.

[331] Примечания: 331

Художественно-политическое движение в Европе, авангардистский проект по созданию «сюрреволюционного» искусства и осуществлению «антикультурной» деятельности, ориентированный на создание «ситуаций», понимаемых как стихийный эксперимент со своей жизнью. Идеи ситуационизма серьезно повлияли на развитие культуры и политики в Европе и США. Так, ситуационисты М. Макларен и Д. Рейд явились создателями британской панк-рок-группы «Sex Pistols». Идейные корни такого вида спорта, как паркур, также находятся в ситуационизме, который требовал освобождения человека от урбанистических и психологических рамок. Некоторые лозунги СИ оказались востребованы не только радикалами (НБП), но и крупными

политическими партиями (КПРФ).

низма»), однако сам Бигенд приписывает успех «Синего муравья» исключительно собственным талантам, одним из которых, по его утверждению, является способность найти нужного человека для каждого проекта. Невзирая на значительный рост фирмы за последние пять лет, он по-прежнему лично занимается подборкой кадров.

В сумке на столе затрезвонил сотовый. Если сейчас поменять расположение пауэрбука, сигнал Wi-Fi потеряется, но эта страница останется в кэше. Журналистка подошла к столу, положила лэптоп и выудила из сумки телефон.

— Это Хьюберт Бигенд, мне нужна Холлис Генри.

Бывшая певица похолодела, охваченная невольным ужасом, словно ее застали за подглядыванием.

— Да, мистер Бигенд, — ответила Холлис, даже не пытаясь изобразить франко-бельгийское произношение.

— Мисс Генри, будем считать, мы представлены друг другу, ладно? Наверное, вас удивил мой звонок. Видите ли, «Нод» — это мой проект.

— Я только что читала о вас в «Гугле». — Она широко раскрыла рот в беззвучном крике: Инчмэйл учил таким образом снимать напряжение.

— Ага, вы опережаете события. Что и требуется от настоящего журналиста. Ну а я только что беседовал с Раушем, он в Лондоне.

«Интересно, а вы тогда где?» — подумала Холлис.

— Где вы?

— В вестибюле вашей гостиницы. Не откажетесь выпить со мной?

Глава 16

Известные выходы

В то время как Милгрим читал «Нью-Йорк таймс», допивая утренний кофе в булочной на Бликер-стрит, Браун успел несколько раз вполголоса переругаться с неведомыми людьми, которым надлежало дежурить у всех известных выходов НУ, пока тот спал дома — или чем он там еще занимался.

Почему-то на Милгрима словосочетание «известные выходы» навеяло приятные, хотя и явно фантастические мысли об опиумных тоннелях с

газовым освещением и подземной курительной комнате.

Между тем утро у собеседников Брауна не задалось. Сегодня рано НУ с каким-то мужчиной покинули здание, дошли до подземки на Канал-стрит, спустились туда и бесследно пропали. Милгрим, кому и раньше перепадало вполуха слушать обрывки некоторых разговоров, уже знал о способности НУ и его родичей вот так исчезать, особенно в районе подземок. Казалось, эти люди владели ключами от потайных ходов и трещин в коре планеты.

А вот пленника начало дня порадовало впервые за долгое время. Конечно, Браун подпортил впечатление, грубо растолкав переводчика ради нового послания. Потом Милгриму снова что-то грезилось, и не очень приятное. Вроде бы во сне от его кожи (а может, сквозь нее) струился голубоватый свет… И все же как отрадно в столь ранний час посиживать за столиком, пить кофе с пирожным и наслаждаться оставленной кем-то «Таймс».

Браун газету недолюбливал. Он вообще не терпел печатные органы за то, что излагаемые в них новости не поставлялись из достоверных — иными словами, правительственных — источников.

Да, по сути, и не могли, если учесть современное положение. Война есть война. Любые стратегические сведения уже по определению слишком ценны, чтобы доверять их простым гражданам.

Разумеется, Милгрим не собирался спорить. Вздумай Браун объявить Королеву Английскую оборотнем, инопланетной рептилией, которая пожирает еще не остывшую плоть человеческих младенцев, пленник и тогда бы не пикнул.

Но теперь, дойдя до середины статьи на третьей странице, он кое о чем задумался.

— А вот… — неуверенно начал Милгрим; Браун как раз окончил беседу и свирепо смотрел на свой телефон, словно прикидывая, можно ли убить или замучить эту бездушную тварь. — Я насчет АНБ[332] и добычи данных…

Фраза повисла в воздухе, где-то над столиком. Милгрим не имел привычки заводить разговоры с опасным соседом, и не напрасно. Браун поднял глаза, ничуть не поменяв их выражения.

— Я тут подумал, — услышал Милгрим точно со стороны, — про вашего НУ. Про волапюк. Если сотрудники АНБ могут все, что здесь написано, то нет ничего проще, чем загнать в программу

---

[332] Примечания: 332
Агентство национальной безопасности.

логарифм, который будет реагировать исключительно на необходимый вам язык. Потребуется буквально полдюжины образцов семейного диалекта. Собрать их и усреднить, тогда все, что проходит через телефонную систему и получит нужный ярлык… Ну, вы поняли, раз — и готово. Можно будет больше не менять батарейки в той вешалке.

Милгрим упивался своей догадливостью. А вот Браун, похоже, был не в восторге.

— Это ж только для трансконтинентальных переговоров, — буркнул он, раздумывая, судя по взгляду, поколотить ему непрошеного советчика или пока не сто́ит.

— А, — протянул тот и сделал вид, что с головой погрузился в чтение.

Браун вернулся к своему телефону и принялся вполголоса отчитывать очередного виновника исчезновения НУ.

Милгриму расхотелось читать, однако он продолжал притворяться. Внутри него нарастало какое-то новое, непривычное замешательство. До сих пор пленник принимал как данность, что Браун и его соучастники работают на правительство. На федеральную службу, к примеру. Но если агенты АНБ способны на все описанное в статье,

а Милгрим прочел это своими глазами, то с какой стати он должен принимать на веру каждое слово Брауна? Вот почему американцев уже не трогает подобная информация, подумалось мужчине. По крайней мере с шестидесятых годов минувшего века они принимали как данность то, что сотрудники ЦРУ прослушивают все телефонные разговоры в стране. Об этом твердили в плохих телефильмах. Этому учились верить с пеленок.

Но если теперь на Манхэттене кто-то решил переписываться на волапюке, а правительству на самом деле так остро понадобилось знать каждое слово, как можно было решить, глядя на Брауна, то в чем загвоздка? Милгрим свернул газету.

«А что, если, — пробивался из глубины сознания тревожный голос, — Браун вовсе и не работает на правительство?»

До сих пор Милгрим в известной степени сам хотел верить, будто угодил в заложники к федеральным агентам: ведь это почти то же самое, что находиться под их защитой. И хотя перевес был на стороне назойливых сомнений, потребовалось время и нечто большее, возможно, перемена лекарства, наделившая мужчину новым покоем и дальновидностью, чтобы собраться с мыслями и хорошенько задуматься. А если Браун — про-

сто-напросто козел с пушкой?

Тут уже стоило пораскинуть мозгами, и, к своему удивлению, Милгрим обнаружил, что способен это сделать.

— Мне надо в туалет, — сказал он.

— Дверь за кухней, — ответил Браун, прикрыв телефон ладонью. — Захочешь удрать, имей в виду: у выхода кое-кто дежурит. Поймаешь пулю в лоб.

Милгрим кивнул и поднялся с места. Он и не помышлял о побеге, однако впервые заподозрил своего спутника в искусном блефе.

В ванной комнате он сунул кисти под холодную воду и с изумлением уставился на свои руки. «Еще мои, надо же». Мужчина пошевелил пальцами. Нет, правда, как интересно.

Глава 17

Пираты и цэрэушники

Сделанная в «Мондриан» укладка спереди начинала напоминать челку Бобби, зараженную слоновьей болезнью. Сколь бы волшебное средство ни применил парикмахер, теперь оно пропиталось насквозь этой жуткой кашей, какую

представлял собой воздух Лос-Анджелеса, не считая дыма бесчисленных сигарет, которые выкурил Бобби Чомбо в присутствии журналистки.

«Не нравится мне все это», — думала Холлис; она имела в виду даже не собственные жалкие потуги навести на себя хоть немного лоска перед встречей с новым хозяином, а общую конфигурацию и направление своей жизни до этой самой минуты, включая беседу с Чомбо на клетчатом бетонном полу. С парнем, который боится дважды уснуть в одном и том же квадрате…

И все-таки… Блеск для губ. Серьги. Блузка, юбка, чулки из видавшего виды пакета «Барни»[333]: в нем журналистка отдельно хранила вещи, не предназначенные для повседневной носки. А сумочка? Холлис вытряхнула содержимое одной из черных косметичек и положила туда лишь самое необходимое. Туфли из «нарядного» пакета напоминали мутировавшие балетные тапочки черного цвета; их создатель, дизайнер из Каталонии, давным-давно сменил поле деятельности.

— Ну все, я пошла, — сказала женщина отражению в зеркале.

В старковском вестибюле с баром стоял

---

[333] Примечания: 333
Культовый нью-йоркский бутик.

неумолчный гул и по-вечернему звенели бокалы. Шатен портье, застывший в фирменной бледной униформе посреди псевдоисламских закорючек коврика-проекции, сотканного из света, внушительно улыбнулся двери, откуда возникла посетительница.

Зубы его, случайно попавшие под сияние ослепительной загогулины, являли взгляду прямо-таки голливудскую белизну. По мере того как Холлис подходила к нему, оглядываясь по сторонам в поисках бельгийского рекламного магната, улыбка набирала ширину и мощь, и наконец, когда журналистка была готова пройти мимо, ее заставил вздрогнуть роскошный голос, так недавно звучавший по телефону:

— Мисс Генри? Я — Хьюберт Бигенд.

Вместо того чтобы заорать, она приняла протянутую ладонь — сухую, твердую, нормальной температуры. Улыбка продолжала расползаться по лицу; мужчина ответил Холлис легким пожатием.

— Приятно познакомиться, мистер Бигенд.

— Хьюберт, — поправил он. — Как вам понравилась гостиница, все на уровне?

— Да, спасибо.

То, что она приняла за униформу портье, оказа-

лось бежевым шерстяным костюмом с иголочки. Ворот небесно-лазоревой рубашки был расстегнут.

— Наведаемся в «Скайбар»? — спросил рекламный магнат, поглядев на часы размером со скромную пепельницу. — Или желаете посидеть прямо здесь?

Он указал на сюрреалистично длинный узкий алебастровый стол со множеством длинных биоморфных ножек в духе вездесущего Старка.

«В толпе безопаснее», — подсказывал внутренний голос; остаться в вестибюле значило пропустить обещанный бокал, отделавшись минимальным набором фраз, какого только требует вежливость.

— «Скайбар», — решила журналистка, сама не зная почему, и тут же вспомнила, насколько трудно туда бывает пробиться, тем более получить столик.

Бигенд повел ее к бассейну и фикусам в горшках величиной не меньше вагона каждый. Перед глазами Холлис вставали картины из прошлого: она останавливалась в этой гостинице незадолго до и сразу же после официального распада группы. Инчмэйл говорил, что люди, не знакомые с музыкальной индустрией, считают, будто в этом

бизнесе главное — вести себя как распоследняя свинья и побольше трепать языком.

Вот и великанский футон из страны Бробдингнег; в его мармеладно-хлюпающих недрах удобно разместился с напитками целый выводок юных, исключительно миловидных распоследних свиней и трепачей. «Но ведь на самом деле ты ничего про них не знаешь, — возразила сама себе Холлис. — Может, они только смахивают на A&R[334]». С другой стороны, здесь чуть ли не каждый выглядел именно так.

Бигенд провел журналистку мимо вышибалы, в упор его не заметив. Или, точнее, вышибала с блютусовым ухом едва успел убраться с дороги: настолько ясно солидный посетитель давал всем понять, что не привык видеть препятствий на своем пути.

Бар оказался забит людьми (Холлис не помнила случая, чтобы было иначе), однако Бигенд без труда отыскал место. Подавая спутнице тяжелый дубовый стул библиотечного вида, он широко расправил плечи и, как-то особенно — по-бельгийски, наверное, — сверкнув глазами, сказал ей на ухо:

---

[334] Примечания: 334
Менеджеры по подбору артистов и репертуара, «Ловцы талантов».

— Я числился в поклонниках «Кёфью».

«Ну да, и еще вы были готом», — чуть не вырвалось у нее. Стоило представить себе, как будущий рекламный магнат поднимает над головой зажигалку «Бик» в затемненном зале во время концерта… Нет, лучше не представлять. Хотя, если верить Инчмэйлу, в те дни над головой уже поднимали сотовые: изумительно, как много света давали их маленькие экраны.

— Спасибо, — ответила Холлис, нарочно не уточняя, за что — то ли за признание в любви к своей группе, то ли за поданный стул.

Уставив локти в бежевой шерсти на стол и переплетя перед собой пальцы с аккуратным маникюром, спутник ухитрился довольно схоже изобразить взгляд пылкого поклонника, воображающего перед собой некую частную версию портрета певицы, сделанного Антоном Корбайном[335], — того, где она в деконструированной

[335] Примечания: 335

Культовый голландский фотограф, специализирующийся на портретах знаменитостей.

твидовой мини-юбке[336].

— Моя мать, — неожиданно начал он, — Федра Сейнхив, безумно обожала «Кёфью». Она была скульптором. Когда я в последний раз был у нее в парижской студии, мать слушала вас. На всю громкость. — Собеседник улыбнулся.

— Благодарю. — Наверное, не стоило углубляться в воспоминания о мертвых родственниках. — Но сейчас я журналистка, и прежние лавры уже не имеют ценности.

— Рауш весьма доволен вашей работой, — произнес Бигенд. — Он собирается взять вас в штат.

У столика вырос официант и вскоре ушел за «джин-тоником» для Холлис и коктейлем «писо мохадо»[337] для ее спутника.

— Расскажите про «Нод», — предложила журналистка. — Что-то не слышно, чтобы он поднимал

---

[336] Примечания: 336

Метод деконструкции был предложен японскими дизайнерами Е. Ямамото и Р. Кавакубо в начале 1980-х годов, затем разработан представителями «бельгийской школы» в дизайне одежды. Метод деконструкции заключается в новом подходе к моделированию одежды: асимметричный крой, неровные края одежды, разрывы, всевозможные прорези и дырки, деление конструкции на правую и левую половины, инверсия (швы наружу, лацканы на спине, застежки в нетрадиционных местах, вытачки «налицо»); элементы незавершенности; нарушение традиционной технологии.

[337] Примечания: 337

Название коктейля (исп. «мокрый пол») происходит от предупреждающей таблички, которая ставится в кубинских барах.

вокруг себя много разговоров.

— Да?

— Да.

Бигенд опустил сплетенные пальцы.

— Система «антишум», — промолвил он. — Выделяемся за счет незаметности.

Холлис ждала знака, что услышала шутку, но его не последовало.

— Странно.

На лице мужчины сверкнула улыбка, точно луч, на секунду пробившийся в щель между створками шкафа. Тут появились заказанные напитки в одноразовых пластиковых стаканах: владельцы гостиницы явно не желали получать нарекания от клиентов, предпочитающих разгуливать босиком по краю бассейна. Журналистка позволила себе окинуть взглядом посетителей, собравшихся в баре. Пожалуй, если бы сию минуту нос крылатой ракеты пробил рифленую крышу, редакции «Пипл» вряд ли пришлось бы спешно менять обложку. «Воображалы», как называл их Инчмэйл, переместились куда-то еще. И сейчас это вполне отвечало замыслам Холлис.

— Скажите-ка… — начала она, слегка наклонившись над своим «джин-тоником».

— Да?

— Чомбо. Бобби Чомбо. Почему Рауш так настаивал, чтобы я поговорила с этим парнем?

— Рауш — ваш редактор, — мягко возразил Бигенд. — Может, поинтересуетесь у *него?*

— Нет, здесь что-то другое, — не отставала журналистка. Казалось, она выходит на тропу войны со смертоносным монгольским червем на его же земле. Не самая удачная затея, но внутренний голос подсказывал: так нужно. — Уж слишком он был озабочен, чтобы дело заключалось в простой статье.

Мужчина пристально посмотрел на нее.

— Вот вы как? Ладно. Тут история позанятнее. И статья будет немного длиннее. Ваша *вторая* статья для «Нода», как мы надеемся. А вы уже встретились с ним, с этим Чомбо?

— Да.

— И что думаете?

— Ему известна тайна, которой никто не знает. По крайней мере он сам так думает.

— И что это может быть, по-вашему, Холлис? Вы же позволите называть себя Холлис?

— Пожалуйста. Сомневаюсь, что Бобби уж очень увлекает карьера в области локативного авангарда. На мой взгляд, ему по душе покорять неосвоенные просторы, но скучно выполнять од-

нообразную тяжелую работу. Вот помогая каким бы то ни было образом создавать контекст для нового представления, он вряд ли скучал.

На сей раз улыбка Бигенда напомнила Холлис огни встречного поезда, пролетевшего мимо в ночи. Огни мелькнули, погасли, и стало темно, как в тоннеле.

— Продолжайте. — Он отпил немного «писо», сильно похожего на лекарство от простуды.

— Дело не в работе диджея, — проговорила журналистка, — не в «мэшапах»[338], или чем он там занимается напоказ. Гораздо любопытнее то, что заставляет его чертить на полу координатную сетку GPS. И никогда не спать в одном и том же квадрате дважды. Не знаю, почему он возомнил себя настолько важной птицей, однако по той самой же причине у Бобби всерьез поехала крыша.

— И что это может быть за причина?

Ей вспомнился призрачный каркас грузового контейнера и то, как она едва не упала, когда Чомбо сорвал шлем. Холлис помедлила.

---

[338] Примечания: 338

«Мэшап» (от англ. mash-up — «смешивать») — неоригинальное музыкальное произведение, состоящее, как правило, из двух (реже нескольких) исходных произведений, записанное на студии путем наложения вокальной партии одного исходного произведения на музыку другого. Встречаются также варианты, когда «смешиваются» только инструментальные части. Официально выходят достаточно редко, большей частью воспроизводятся во время выступлений «вживую».

— Это пираты, — сказал Бигенд.

— Пираты?

— Да, в Малайском проливе и Южно-Китайском море. Маленькие юркие лодки охотятся на грузовые суда, укрываясь в лагунах, бухтах, пещерах. Я имею в виду побережье Малайского полуострова, Явы, Борнео, Суматры…

Она перевела глаза с Бигенда на окружающую толпу и вдруг ощутила себя так, будто попала в разгар чужой вечеринки. Рекламный щит, висящий под массивными потолочными брусьями бара, внезапно завладел ее вниманием, поскольку и был рассчитан на жертву, которая сядет за этот столик. Афиша пиратского фильма.

— Йо-хо-хо, — сказала Холлис, встретив взгляд своего спутника и опуская на стол стакан с остатками «джин-тоника», — и бутылка рому.

— Да, настоящие пираты, — без улыбки подтвердил Бигенд. — По крайней мере многие из них.

— Многие?

— Кое-кто участвовал в секретной морской программе ЦРУ. — Он опустил пустой стаканчик с таким видом, будто бы собирался продать его с аукциона в «Сотбис», и посмотрел на него через рамочку между пальцами, словно режиссер,

подбирающий нужный ракурс для кадра. — Завидев подозрительное судно, его останавливали и обыскивали на предмет оружия массового поражения. — Мужчина по-прежнему не улыбался.

— Это не шутка?

Его голова качнулась — еле заметно, но очень четко.

Значит, вот как они кивают, алмазные торговцы в Антверпене, подумала Холлис.

— Это какая-то ахинея, мистер Бигенд.

— Это самая дорогая якобы достоверная информация, какую я могу себе позволить. Вы же понимаете, материал подобного сорта быстро портится. Да, но в чем ирония? Программа — на мой взгляд, очень даже эффективная, — пала жертвой местных политических распрей. А прежде, когда некоторые факты еще не выплыли наружу и секретный проект не сделался достоянием гласности, команды переодетых цэрэушников заодно с настоящими пиратами брали на абордаж суда, подозреваемые в нелегальном провозе оружия массового поражения. Затем они с помощью радиоактивных датчиков и прочей аппаратуры проверяли груз, покуда их «коллеги» забирали более заурядную добычу, по своему смотрению. Так расплачивались с пира-

тами за право первыми заглянуть в контейнеры и трюмы.

— Контейнеры…

— Ну да. Таким образом они и покрывали друг друга. ЦРУ подмазывало местные власти, а ВМС США, разумеется, во время подобных операций держались в стороне. Экипаж еще ни разу не догадывался о том, раскрыта ли контрабанда. Если что-то находилось, то судно задерживали некоторое время спустя, с виду — без всякой связи с пиратским нападением. — Бигенд жестом велел официанту принести новый стаканчик «писо». — Хотите еще выпить?

— Минералки, — сказала Холлис. — Ну просто Джозеф Конрад. Или Киплинг. Или кино какое-то.

— Лучше всего в этом деле проявили себя пираты из индонезийской провинции Асех, что в северной Суматре. Жертвами становились корабли, принадлежащие Панаме, Либерии, Северной Корее, Ирану, Пакистану, Украине, курсирующие между Суданом, Саудовской Аравией, ОАЭ, Пакистаном, Китаем, Ливией, Йеменом…

— И много им попадалось, фальшивым пиратам?

Еще один важный кивок алмазного торговца.

— К чему этот рассказ?

— В августе две тысячи третьего совместная команда поднялась на борт грузового корабля с панамским флагом, идущего из Ирана в Макао[339]. Цэрэушников особенно интересовал один контейнер. Они уже открыли его, взломав печати, как вдруг по радио передали приказ — ничего не трогать.

— Не трогать?

— Оставить контейнер. Покинуть судно. Естественно, приказ был выполнен.

— Кто вам поведал эту историю?

— Мой источник утверждает, что был в той са́мой команде.

— И вы полагаете, Чомбо как-то с этим связан?

— По моим подозрениям, — Бигенд чуть наклонился и понизил голос, — Бобби время от времени знает местонахождение контейнера.

— Только время от времени?

— Судя по всему, контейнер еще где-то здесь, — произнес бельгиец. — Он вроде «Летучего Голландца»…

Тут появился второй «писо» и минералка.

— За вашу следующую статью, — провозгласил

---

[339] Примечания: 339

Автономная территория в составе Китайской Народной Республики.

Бигенд, и собеседники сомкнули края пластиковых стаканчиков.

— А пираты?

— Что?

— Они-то видели, что внутри?

— Нет.

— В большинстве своем, — произнес магнат, выезжая на Сансет, — люди не садятся за руль такой машины собственной персоной.

— Большинство людей вообще никогда не окажется в такой машине. — Сидящая рядом с ним Холлис вытянула шею, пытаясь заглянуть назад, в пассажирскую кабину.

Вроде бы там горел матированный потолочный светильник? Да, это вам не заурядная «лунная крыша»[340]. Масса сверкающего дерева, обивка из угольно-черной кожи ягненка…

— Это «брабус-майбах», — отозвался Бигенд; повернувшись, Холлис успела заметить, как он ласково погладил руль. — Чтобы выпустить такого красавца, фирма Брабуса всерьез переиначивает продукцию Майбаха. Если бы вы ехали сзади, то могли бы наблюдать локативные пред-

[340] Примечания: 340

Передняя часть крыши легкового автомобиля, изготовленная из плексигласа или другого прозрачного материала.

ставления по мониторам, встроенным в спинки передних сидений. Здесь есть беспроводная локальная сеть и маршрутизаторы GPRS.

— Спасибо, я обойдусь.

Ох уж эти задние кресла с обивкой цвета ружейного ствола! Если их разложить, наверняка получатся кровати, а то и профессиональные хирургические кресла. Сквозь дымчатое оконное стекло Холлис видела, как пешеходы на перекрестке удивленно таращатся на «майбах». Тут светофор переменил сигнал, и машина тронулась с места. Ее интерьер по-прежнему напоминал вечерний зал музея.

— Вы всегда ездите на этом красавце? — спросила журналистка.

— В агентстве есть еще «фаэтоны», — ответил Бигенд. — Добротная машина. Издали можно принять за «джетту».

— Я не очень-то разбираюсь в автомобилях.

Холлис провела большим пальцем по шву сиденья. Вот каковы, должно быть, на ощупь ягодицы супермодели.

— А почему, если не секрет, вы решили посвятить себя журналистике?

— Надо же было зарабатывать на хлеб. На гонорары «Кёфью» не слишком разживешься, а чтобы

выгодно вкладывать деньги, нужен особый дар.

— Это большая редкость, — согласился Бигенд. — Если человеку везет, он начинает мнить, будто бы у него талант. Но в принципе все делают одно и то же.

— В таком случае хоть бы мне кто-нибудь объяснил, что именно.

— Если вам нужны деньги, для этого существуют поля поурожайнее, чем журналистика.

— Вы меня отговариваете?

— Ничуть. Наоборот, поощряю искать большего. Меня интересует ваша мотивация, ваше понимание мира. — Он искоса посмотрел на пассажирку. — Рауш сказал, вы раньше писали о музыке.

— Гаражные группы шестидесятых. Я начала собирать материал еще во времена «Кёфью».

— Это был ваш источник вдохновения?

Холлис оторвала взгляд от четырнадцатидюймового дисплея на приборной доске «майбаха», где красный курсор — символ автомобиля — плыл по зеленой ленте бульвара Сансет, и подняла глаза на спутника.

— Только не в смысле моей профессии, не в музыке. Я просто любила эти группы… *Люблю*, — поправилась она.

Бигенд кивнул — очевидно, понимал разницу.

Холлис опять поглядела на приборную доску: дорожная карта исчезла, вместо нее возникла каркасная диаграмма вертолета незнакомой луковичной формы, развернутая в профиль. Ниже появился каркас корабля. Очень мелкого корабля. Или вертолет был чересчур крупным. Картинку сменило видеоизображение настоящей летающей машины в небе.

— А это что?

— Так называемый «Хук», сделан еще в Советском Союзе[341]. У вертолета чудовищная подъемная способность. В Сирии есть по крайней мере один такой.

Теперь уже «Хук», или его подобие, поднимал над землей советский танк, будто бы для иллюстрации.

— Следите за дорогой, — посоветовала журналистка. — Хватит вам любоваться своим

[341] Примечания: 341

Вертолет Миль Ми-6 (в отчетах НАТО упоминаемый как «Хук» («Hook» — крюк, багор), совершил первый полет в сентябре 1957 г. и был в то время самым большим вертолетом в мире. В 1962 г. установил не менее 14 рекордов скорости и высоты с полезной нагрузкой; четыре из них оставались непревзойденными до 1983 г. Вертолеты Ми-6 экспортировались в Алжир, Египет, Эфиопию, Ирак, Сирию, Вьетнам и Перу. Ми-6 широко эксплуатировался Аэрофлотом в гражданском строительстве и как универсальный тяжелый транспорт.

пауэрпойнтом[342].

Следующий сюжет в виде упрощенной цветной анимации показывал, как вертолет (название которого никак не соответствовало его форме) опускает грузовую тару на палубу и в трюмы судна.

— А тот контейнер из вашей истории… — начала Холлис.

— Да?

— Вам приблизительно сказали, сколько он весит?

— Этого мы не знаем, — произнес Бигенд, — но иногда он размещается в центре груды других контейнеров, потяжелее. Это самое надежное положение, так его обычным путем не достать, если с моря. А вот «Хук» нам поможет. С помощью вертолета ящик можно доставить куда угодно, например, на другой корабль. Это и быстро, и удобно.

— Он повернул на Сто первую автостраду, к югу.

Подвеска «майбаха» превратила изрытую оспинами мостовую в гладкий шелк или растопленную сливочную помадку. Холлис нутром

---

[342] Примечания: 342

«PowerPoint» — программа для подготовки презентаций — компонент пакета «MS Office».

ощутила мощь автомобиля, которой так естественно, без усилий управлял человек. Теперь линии на дисплее приборной доски представляли собой сигналы, испускаемые транспортной тарой: они поднимались под острым углом к вертикали, затем их перехватывал спутник и пересылал обратно, за изгиб горизонта.

— Мистер Бигенд, куда мы едем?

— Хьюберт. В агентство. Там лучше всего обсуждать дела.

— Какое агентство?

— «Синий муравей».

Тут на дисплее возникло то самое насекомое, недвижное и категоричное, как иероглиф. Синего цвета. Холлис вновь подняла глаза на Бигенда. В профиль он ей кого-то смутно напоминал.

Глава 18

Окно Элеггуа

Tia[343] Хуана велела ему пройти пешком по Сто десятой улице до Амстердам-авеню и собора Святого Иоанна Богослова, чтобы спросить со-

---

[343] Примечания: 343
Тетя *(исп.).*

вета у Элеггуа. Властелина, как она выразилась, всех дорог и дверей на свете. Хозяина всех перекрестков между человеческим и божественным. Вот почему, по словам Хуаны, ему отвели особое окно, место для поклонения в огромной церкви на Морнингсайд-Хайтс[344].

— В этом мире, — учила Хуана, — ничто не свершается без его соизволения.

Поднимаясь по склону мимо заграждений из обклеенной постерами фанеры и мелкой проволочной сетки там, где много лет назад ливни обрушили ветхую стену церковных земель, Тито заметил, как с неба посыпались первые белые хлопья. Он поднял воротник, натянул пониже шляпу и продолжал свой путь. Мужчина уже не удивлялся снегу как чему-то чуждому, но все же наполнился благодарностью, когда наконец достиг Амстердама. Неоновая вывеска пиццерии «V&T», не горевшая днем, словно пыталась напомнить о заурядном светском прошлом авеню. Вот уже показался дом священника. Вечно сухой фонтан в его саду украшала совершенно безумная скульптура: Священный Божий Краб, держащий в одной клешне отрубленную голову

[344] Примечания: 344
Жилой и академический район в северной части Манхэттена.

сатаны. Впервые попав сюда в обществе тетки, Тито ужасно заинтересовался этим изваянием. И еще его любопытство возбудили четыре петушка, живущих при соборе. Один из них был альбиносом — священной птицей Орунла[345], как пояснила Хуана.

Двери собора не охранялись. Стражников Тито нашел внутри, они подошли и попросили сделать пожертвование в пять долларов. Тетка научила племянника, как нужно снять шляпу и перекреститься, после чего, уже не обращая на них внимания, сделав вид, будто бы он не понимает английского, зажечь свечу и притворно погрузиться в молитву.

Сколько пространства! «Это самый большой собор в мире», — утверждала Хуана. Однако сегодняшним снежным утром Тито нашел храм пустым (по крайней мере с виду) и почему-то более холодным, нежели сама улица. В соборе висела дымка — или облако звуков. Даже самые тихие движения порождали легчайшее эхо, которое беспокойно гуляло среди колонн и над каменным полом.

Оставив тонкую свечку теплиться рядом с че-

[345] Примечания: 345

В культе вуду — владыка предсказаний, мудрости и человеческой судьбы.

тырьмя другими, Тито двинулся по направлению к главному алтарю. Он шел и смотрел на облачка, вылетающие изо рта, и только раз приостановился, чтобы оглянуться на сумеречное зарево в гигантском круглом окне-розетке над теми дверями, через которые недавно вступил сюда.

Один из каменных эркеров, обрамляющих чудовищное пространство, принадлежал Элеггуа, о чем свидетельствовали образы на цветных витражах. Вот сантеро просматривает свиток: на нем легко различить цифры три и двадцать один, по которым и распознается ориша; мужчина лезет на столб, чтобы установить «жучок» для телефонного прослушивания; еще один человек изучает компьютерный монитор. В общем, самые разные способы управления этим и другими мирами, и над всеми путями — безраздельная власть оришей.

Мысленно, как учила Хуана, Тито со всем почтением поздоровался.

В тумане звуков возникло некое возмущение, источник которого тут же затерялся в причудливых поворотах и движениях эха. Мужчина посмотрел через плечо, окинул взглядом длинный неф и различил одинокий силуэт, приближающийся к нему.

Тогда он снова поднял взор к витражам, где один из персонажей работал с «мышью», а другой — с клавиатурой, хотя очертания этих привычных устройств казались архаичными и незнакомыми. «Призываю тебя, Элеггуа».

Обернувшись, Тито увидел старика, напоминающего иллюстрацию к законам времени — или свидетельство неотвратимости судьбы. Снег запорошил плечи его твидового пальто и темные поля шляпы, прижатой теперь к груди. Голова слегка покачивалась в такт шагам. Седые волосы отливали сталью на приглушенном фоне зашпаклеванного соборного камня.

И вот он возник совсем рядом и замер, как изваяние. Посмотрел Тито прямо в глаза, а затем обратил свой взор к витражам.

— Гутенберг, — пояснил старик, указывая шляпой на сантеро. — А это Сэмюэл Морзе посылает первое сообщение, — сказал он о мужчине с «мышью». — Монтер телефонной линии. Телевизор.

Последние слова относились к аппарату, который Тито ошибочно принял за монитор. Старик опустил шляпу и снова вперился проницательным взглядом в молодого мужчину.

— Ты похож на отца и деда, очень похож, — произнес он по-русски.

— Это *она* вам рассказала, где я буду? — по-испански спросил Тито.

— Нет, — отвечал собеседник с устаревшим кубинским акцентом, — подобного удовольствия мне удалось избежать. Грозная женщина, эта твоя тетка. Я просто велел тебя выследить. — Тут он перешел на английский: — Давненько же мы не виделись.

— *Verdad.*[346]

— Но скоро снова встретимся, — сообщил старик. — Ты полу́чишь еще один предмет, тот же, что и всегда. Доставишь мне, как обычно. Как водится, за тобой будет «хвост».

— Значит, Алехандро был прав?

— Не вините себя. Ваш протокол в высшей степени правилен, а ваша *sistema* довольно хитра. — Он ввернул русское слово в английскую фразу. — Мы сами позаботились о слежке. Так нужно.

Тито молчал и ждал.

— При передаче, — продолжал старик, — тебя попытаются схватить. У них ничего не выйдет, но устройство ты как бы случайно потеряешь. Последнее очень важно, настолько же, как наше

---

[346] Примечания: 346
Правда *(исп.).*

с тобой исчезновение. Для того и существует *sistema*, верно?

Тито еле-еле качнул головой.

— Но потом ты уедешь, как было задумано. Оставаться в городе небезопасно, понимаешь?

Мужчина подумал о своей комнате без окон. Вспомнил свой компьютер. Клавиатуру. Вазу Ошун. И протокол отъезда со всеми его тонкостями, требующими самого строгого соблюдения. Тито не представлял себе, куда ему предстоит отправиться, но точно знал, что это будет уже не Нью-Йорк.

— Понимаю, — сказал он по-русски.

— Где-то там есть арка, посвященная Перл-Харбору. — Старик запрокинул голову, оглядывая неф. — Мне как-то раз показывали, да я позабыл. Каменщики бросают свои инструменты в день нападения. Строительство собора прервалось на десятилетия.

Тито развернулся и поднял глаза, не зная, куда смотреть. Все арки выгибались на такую головокружительную высоту. Однажды он и Алехандро играли с моделью аэростата в Бэттери-парке[347].

---

[347] Примечания: 347

Парк на берегу Нью-Йоркской гавани на южной оконечности Манхэттена. В колониальные времена здесь стояла батарея, охранявшая устье р. Хадсон.

Маленький такой дирижабль с радиоуправлением, заполненный легким гелием. Вот бы запустить сюда такую штуку, было бы интересно исследовать лес из бесчисленных арок нефа, заглядывая в тени опрокинутого глубоководного ущелья. Тито хотел спросить старика о своем отце, почему и как тот погиб.

Подумав об этом, он повернулся, но таинственный пришелец уже бесследно исчез.

Глава 19

Фиш

Браун отвел Милгрима обратно в корейскую прачечную на Лафайет и оставил на время: судя по подслушанным с утра обрывкам телефонных переговоров, он решил, что упустившие НУ не обойдутся без дополнительной головомойки.

На этот раз Браун даже не стал напоминать пленнику о лишней боли, которую принесет любая попытка побега. Может, поверил, что Милгрим уже сроднился с мыслью о невидимых стражах на улице (хотя никогда их не видел и понемногу начинал сомневаться)? Вот ведь как интересно…

Браун даже не попрощался. Развернулся и молча ушел по западному тротуару Лафайет-стрит.

Милгрим обменялся праздными взглядами с владельцем прачечной, смоляным брюнетом-корейцем старше семидесяти, чья вневозрастная, на диво неблестящая прическа напоминала стрижку Ким Чен Ира. Должно быть, у Брауна был с ним договор, потому что кореец ни разу не спрашивал Милгрима, какая машинка стирает его белье, а если никакая, то для чего тот часами просиживает штаны на виниловом красном диванчике, уткнувшись носом в книгу о средневековом мессианстве, листая журналы с давно устаревшими сплетнями или тупо уставившись перед собой.

Милгрим расстегнул пальто, но снимать не стал, так и опустился в нем на диванчик. Бросил взгляд на кофейный столик перед собой, где плотным компостом слежались черты звездных лиц (хотя, наверное, пупки не совсем относятся к лицам), и заметил на обложке «Таймс» президента, одетого как пилот и застывшего на палубе авианосца. Милгрим прикинул: получалось, что номеру стукнуло года три. Пожалуй, один из самых допотопных экземпляров среди этой пачки «желтого» трепа, к которой время от вре-

мени обращался усталый пленник, как только замечал, что его клонит в сон от мессианства двенадцатого столетия. Мужчина уже убедился на горьком опыте: стоит начать клевать носом, кореец обязательно подойдет и ткнет его в бок свернутым в трубку журналом.

Но сейчас Милгрим решительно настроился на амальрикан[348] и Уильяма Голудсмита[349]; поработавших, если можно так выразиться, «на разогреве» у его любимых еретиков Свободного Духа[350]. Рука уже скользнула в карман за уютно потрепанным томиком, когда в прачечной появилась темноволосая девушка в коричневых сапогах и короткой белой куртке. Вошедшая потолковала с корейцем, получила квитанцию в обмен на две пары темных брюк, но не ушла — достала сотовый и бойко затараторила по-испански. А между делом повернула к диванчику,

---

[348] Примечания: 348

Малочисленная христианская секта последователей пантеистического учения Амальрика из Бены, согласно которому добро и зло неотделимы друг от друга, ибо они исходят от Бога. Амальрикане отвергали всю церковную деятельность, духовенство, обрядность.

[349] Примечания: 349

Один из последователей амальриканского учения, прозванный «один из семи апостолов». Сожжен на костре.

[350] Примечания: 350

Секта, процветавшая в Европе в XIII и XIV вв. Классический пример средневековой пантеистической ереси.

присела и принялась равнодушно полистывать «желтую» прессу на столике из фанеры. Президент Буш в костюме пилота тут же отправился куда-то на дно вороха. Девушке так и не удалось откопать в журналах что-нибудь новенькое, чего бы Милгрим еще не видел. А все-таки было приятно делить с ней виниловое сиденье и наслаждаться звуками чужой непонятной речи. Мужчина словно родился с талантом бегло изъясняться по-русски, зато, будто в отместку, не сумел выучить ни одного романского языка.

Незнакомка небрежно бросила трубку в широкий карман, поднялась, мельком улыбнулась Милгриму, едва посмотрев в его сторону, и удалилась.

Тот опять потянулся в карман за книгой, как вдруг заметил на красном виниле оброненный телефон.

Милгрим искоса посмотрел на корейца: тот с головой погрузился в «Уолл-стрит джорнэл»; издали крохотные черно-белые портреты над статьями напоминали причудливые отпечатки пальцев.

Надо же, как изменила пленника судьба. Прежде он, не задумываясь, прикарманил бы брошенную вещицу. Но эта жизнь под неусып-

ной слежкой приучила его даже в случайностях видеть чей-нибудь умысел. Что, если испаноговорящая красотка, якобы заскочившая сдать в чистку рабочие брюки, подослана Брауном? И не по рассеянности оставила тут свой сотовый?

С другой стороны, а вдруг нет?

Осторожно, не сводя с корейца глаз, Милгрим потянулся и сжал телефон в ладони. Трубка еще хранила тепло. Сердце мужчины екнуло: пустяковая, а все-таки близость.

Милгрим встал с места.

— Мне нужно сходить в туалет.

Кореец прищурился на него поверх «Уолл-стрит джорнэл».

— Мне надо пописать.

Владелец прачечной сложил газету, поднялся, отвел рукой занавеску в цветочек и жестом пригласил Милгрима зайти. Тот быстро прошагал мимо гладильных машин и вошел в узкую бежевую дверь под трафаретной табличкой «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА».

Фанерные стены, окрашенные в белый цвет, напомнили мужчине кабинки в летнем лагере под Висконсином. В воздухе стоял сильный, но не лишенный приятности запах дезинфицирующего средства. Милгрим запер дверь на хлипкую

с виду тайваньскую задвижку золотистого цвета. Потом опустил на унитаз крышку, присел и уставился на чужой телефон.

«Моторола», индикатор вызовов плюс камера. Модели было уже несколько лет, хотя, пожалуй, такие до сих пор лежали на витринах. Если выкрасть ради продажи, то и не поживишься. Зато — почти полный заряд и роуминг.

Перед глазами мужчины, на расстоянии десяти дюймов, висел календарь за тысяча девятьсот девяносто второй год. С августа кто-то перестал переворачивать листы. Рекламу коммерческой фирмы недвижимости украшало не в меру яркое изображение Нью-Йорка при дневном свете, все еще с черными башнями Всемирного торгового центра. Теперь, по прошествии времени, они смотрелись до того странно, до того нереально, научно-фантастически голыми, будто цельные монолиты, что на любых старых снимках казались Милгриму плодом обработки «Фотошопа».

Внизу под календарем, на четырехдюймовом горизонтальном выступе дверной рамы стояла жестяная банка без этикетки, с чуть заржавленными боками. Мужчина склонился вперед и заглянул внутрь. На дне тонким слоем лежали гайки, болты, две бутылочные крышки, скрепки,

кнопки, неразличимые железки, трупики мелких насекомых. Все, что могло окислиться, было покрыто ровным и легким рыжим налетом.

Милгрим откинулся к бачку и раскрыл сотовый. Пробежал глазами список испанских имен и фамилий. По памяти набрал номер Фиша и, зажмурившись, нажал кнопку вызова.

Фишер ответил, не дожидаясь третьего гудка.

— Алло?

— Фиш, привет.

— Это кто?

— Милгрим.

— Здоро́во.

Голос в трубке прозвучал удивленно; а впрочем, как же иначе?

Некогда они вместе баловались бензодиазепинами[351]. И оба знали Денниса Бердуэлла, который приходился Милгриму наркодилером. *Бывшим* наркодилером, поправил сам себя пленник.

— Ну, как дела, Милгрим?

В смысле: не одолжишь лишнего?

---

[351] Примечания: 351

Успокоительные средства; из наркотиков, которые продаются в Соединенных Штатах и влияют на функции центральной нервной системы, бензодиазепины находятся в ряду самых часто прописываемых лекарств и, к сожалению, очень часто употребляются.

— Перебиваюсь помаленьку.

— А, — ответил Фиш.

Он, как всегда, был немногословен. Парень работал в области компьютерной анимации, встречался с подружкой, имел от нее ребенка.

— Фиш, ты не видел Денниса?

— Угу. Видел.

— Как он там?

— Ну, как? Говорит, что сердится на тебя.

— А он сказал почему?

— Да вроде бы деньги тебе давал, а ты не вернул.

Милгрим вздохнул.

— Да, это правда, но я не хотел его кидать. Через этого парня мне все и доставалось. Ты-то, наверное, в курсе?

В трубке послышался плач младенца.

— Ага. Только, знаешь, я бы тебе не советовал дразнить Денниса. Особенно сейчас. И в таком деле.

Судя по голосу, Фиша что-то тревожило, но явно не детские слезы.

— Ты что имеешь в виду?

— Ну, — протянул собеседник. — Та, другая дурь.

«Другая дурь» — это прозрачный метиламфета-

мин. И Милгрим, и Фиш воздерживались от этой дряни, с них было достаточно покоя и ясности мышления, приносимых бензодиазепинами. У прочей клиентуры Денниса метиламфетамин порождал возрастающую зависимость от болеутоляющих веществ.

— По-моему, он подсел, — произнес Фиш. — Завяз по уши. Ну, ты понимаешь.

Милгрим изумленно поднял брови, обращаясь к фотографии башен-близнецов.

— Жалко.

— Ну, ты-то знаешь, какими они становятся.

— То есть?

— Свирепые параноики, — только и ответил Фиш.

Деннис когда-то учился в Нью-Йоркском университете. Милгрим легко представлял его себе рассерженным, но чтобы свирепым? Это уже чересчур.

— Он же собирает сувениры, посвященные «Звездным войнам», — сказал Милгрим. — Ночами напролет выискивает их в «и-Бэй».

Последовала пауза. Даже младенец Фиша притих, будто сверхъестественным чутьем уловил общее настроение.

— Он обещал нанять черных из Бруклина, —

сообщил Фиш.

Ребенок завопил с новой силой.

— Вот дерьмо, — сказал Милгрим, обращаясь не столько к телефону, сколько к проржавевшей жестянке. — Сделай одно одолжение.

— А?

— Не рассказывай ему, что я звонил.

— Легко, — заверил Фиш.

— А я позвоню, если вдруг перепадет лишнее, — солгал Милгрим и нажал кнопку «конец разговора».

Выйдя из туалета, мужчина помог вернувшейся пуэрториканке сдвинуть красный диванчик, и пока удрученная девушка искала потерянный сотовый на полу, незаметно сунул трубку под истрепанный номер модного журнала «Ин тач» с Дженнифер Аннистон на обложке.

Когда пропажа нашлась, он стоял, прислонившись к сушилке, и как ни в чем не бывало читал про Уильяма Гоулдсмита.

Глава 20

Тульпа[352]

Кажется, та женщина у перекрестка везла за собой на буксире внутривенную капельницу, одной рукой помогая катиться своему инвалидному креслу, а другой придерживая хромированную стойку? Кажется, у нее не было ног? Впрочем, после встречи со скейтбордистом без нижней челюсти Холлис мало чему удивлялась.

— Значит, ваша компания находится здесь? — полюбопытствовала она, когда «майбах» повернул в переулок, по которому лучше всего было бы ехать на боевой пехотной машине «брэдли».

Миновав застывший яростный вал уличного граффити, похожий на фрактальную волну Хокусая, автомобиль нырнул под нависшие кольца колючей проволоки, увенчавшей сетчатые ворота.

— Да, — отозвался Бигенд, выруливая на бетонный пандус пятнадцатифутовой высоты, приникший к стене, которая, судя по виду, пе-

---

[352] Примечания: 352

Призрак, созданный по специальной методике, основанной тибетскими монахами. Оккультисты считают, что при определенных обстоятельствах сотворенные мыслью люди и предметы могут принимать квазиматериальную форму, демонстрировать независимую индивидуальность и осуществлять целенаправленную деятельность. Тульпу не принято считать галлюцинацией, поскольку другие также могут его видеть.

ренеслась в Лос-Анджелес из бесконечно более древнего города. Может, из Вавилона? Редкие свободные кирпичи между сочными клинописными знаками были покрыты еле заметными царапинами.

Оказавшись на гладкой платформе, где разместился бы целый грузовик, «майбах» притормозил перед металлической дверью на шарнирах. Над ней темнели какие-то выпуклые наросты из дымчатого черного пластика — в них прятались камеры, а то и еще что-нибудь. Украшенная пуантилистским портретом Андре Гиганта[353] поистине оруэлловских масштабов дверь медленно поднялась, и унылый взгляд Андре, наводящий на мысли о базедовой болезни, уступил место галогенному сиянию. Автомобиль заехал в помещение, похожее на ангар, поменьше безлюдной фабрики Чомбо, но все же довольно внушительное. Внутри за блестящим вилочным погрузчиком желтого цвета и ровными грудами новехоньких гипсокартонных листов припарковалось в ряд полдюжины одинаковых серебристых седанов.

---

[353] Примечания: 353

Известный спортсмен в истории рестлинга. Наклейки с его изображением, созданным в 1986 г. в рамках «уличного искусства», впоследствии стали продуктом массовой культуры.

Бигенд остановил машину. За приехавшими внимательно наблюдал из-за зеркальных стекол охранник в униформе — черных шортах и рубашке с коротким рукавом. На его бедре была пристегнута увесистая кобура с многочисленными карманами.

Холлис неодолимо потянуло покинуть салон, что она и сделала.

Движение, с которым открылась дверца автомобиля, неприятно напоминало одновременно банковский сейф и вечернюю сумочку Армани: безукоризненно выверенная, бомбонепробиваемая надежность в сочетании с косметически-совершенной зализанностью. После этого шершавый бетонный пол, усеянный гипсовой крошкой, даже немного успокаивал. Охранник повел радиопультом, и за спиной журналистки загромыхало сегментированное железо.

— Сюда, пожалуйста, — произнес Бигенд сквозь грохот и двинулся прочь, не потрудившись закрыть за собой дверцу.

Холлис последовала его примеру. По пути она обернулась. Машина осталась распахнутой, ее мягкие, обитые кожей ягненка внутренности, особенно четкие в искусственном свете гаража, напоминали небольшую пещеру.

— В процессе ремонта мы теряем львиную долю своих преимуществ, — посетовал Бигенд, обогнув десятифутовую груду кирпича.

— Львиную долю?

— Да, бóльшую часть. Мне будет недоставать прежних неудобств. Они сбивали клиентов с толку, а это всегда полезно. На прошлой неделе мы открыли в Пекине новую систему офисов, так вот я совершенно не доволен. Три этажа в новостройке, что мы там забыли? Хотя, конечно, это же Пекин. — Он пожал плечами. — Выбирать не приходится, верно?

Холлис не нашлась с ответом и промолчала.

Поднявшись по широкому лестничному пролету, они вошли в помещение, которому предстояло превратиться в фойе. Здешний охранник внимательно изучал окна замкнутой телесистемы, выведенные на дисплей с плоским экраном, и даже не поднял головы, когда разъехались двери лифта, сплошь обклеенного пыльными слоями гофрированного картона.

Бигенд приподнял забрызганный побелкой клапан и прикоснулся к панели управления. Через два этажа лифт остановился.

Мужчина жестом пригласил свою спутницу на выход, и они ступили на дорожку из того же

картона, приклеенного изолентой к гладкому серому полу из какого-то незнакомого материала. Дорожка вела к столу для переговоров, окруженному шестью стульями. Над ним на стене висел экран с диагональю в тридцать футов, который изображал портрет Холлис работы Антона Корбайна в идеальном разрешении.

Журналистка обернулась на Бигенда, и тот сказал:

— Чудесный снимок.

— А у меня от него до сих пор мурашки по коже.

— Это потому, что личность любой «звезды» — в каком-то смысле всегда что-то вроде тульпы.

— Вроде чего?

— Проекция мыслеформы, термин взят из учения тибетских йогов. Двойник знаменитости начинает жить своей, отдельной жизнью. При определенных условиях он продолжает безбедно существовать даже после смерти своего прототипа. Собственно, об этом и говорят нам всяческие конкурсы двойников Элвиса.

Тут его взгляды мало чем отличались от рассуждений Инчмэйла; впрочем, Холлис порой и сама так думала.

— А что происходит, — спросила она, — если

«звездная» личность скончается первой?

— Почти ничего, — сказал Бигенд. — В том-то и загвоздка. Но против забвения работают гигантские портреты. Да и музыка менее всех искусств подчиняется времени.

— «Прошлое не мертво. Это даже не прошлое». — Холлис повторила слова Фолкнера, которые часто цитировал Инчмэйл. — Как насчет того, чтобы поменять канал?

Мужчина повел рукой по направлению к экрану. На месте портрета возник советский транспортный вертолет «Хук», вид снизу.

— Ну и что вы об этом думаете?

Улыбка Бигенда блеснула, как луч маяка. В помещении не было окон (разве только их замаскировали), так что единственным источником освещения оставался огромный экран.

— Вам по душе, когда люди сбиты с толку?

— Да.

— Значит, и я вам понравлюсь.

— Уже нравитесь. И я бы сильно удивился, если бы было иначе. Если бы вы сейчас не колебались.

Она подошла к столу для переговоров и провела пальцем по его черной поверхности, прочертив дорожку среди известковой пыли.

— Скажите, журнал и вправду существует?

— Все в этом мире, — проговорил Бигенд, — потенциально.

— Все в этом мире, — проговорила Холлис, — потенциальный треп.

— Пожалуйста, считайте, что я ваш патрон.

— Спасибо, но мне не по вкусу, как это звучит.

— В начале двадцатых годов двадцатого столетия, — промолвил рекламный магнат, — в этой стране еще находились люди, ни разу не слышавшие музыки в записи. Их было не много, но все же. С тех пор миновало около века. Ваша карьера «записывающейся певицы», — он жестом изобразил кавычки, — имела место ближе к окончанию того периода, который продлился менее ста лет и во время которого потребителям недоставало технических средств для производства того, что они потребляли. Они покупали записи, но не могли воссоздавать их. Когда появилась «Кёфью», монополия на средства производства уже начинала расшатываться. Прежде музыканты получали деньги за исполнение, издание и продажу своих произведений или же имели дело с постоянными покупателями. Поп-звезда, в том смысле, как мы ее знали, — тут он слегка кивнул в сторону собеседницы, — на самом деле была

порождением до-вездесущих медиа.

— Порождением чего?

— Состояния, когда так называемые масс-медиа, если хотите, существовали в рамках этого мира.

— А не?..

— А не поглощали его.

При этих словах освещение изменилось. Холлис подняла глаза на экран: теперь на его поверхности царил металлический *синий муравей глиф*.

— А что такого в контейнере Чомбо? — спросила она.

— Это не его контейнер.

— Ваш?

— И не наш.

— «Наш»? Вы имеете в виду себя и?..

— Вас.

— Но это не мой контейнер.

— А я что говорил? — ответил Бигенд. И улыбнулся.

— Тогда чей?

— Не представляю. Однако надеюсь, что вы все выясните.

— Но что внутри?

— Этого мы тоже не знаем.

— Ладно, при чем здесь Чомбо?

— Похоже, ему известен способ узнавать местонахождение контейнера, хотя бы время от времени.

— Тогда почему не спросить прямо?

— Потому что это тайна. Чомбо прилично платят за молчание, а если вы успели заметить, он и так не слишком разговорчив.

— Хорошо, кто именно платит?

— О, этот секрет вообще покрыт полным мраком.

— Разве не хозяин контейнера?

— Или окончательный получатель, если таковой существует. Трудно сказать. Потому-то, Холлис, я и выбрал вас, чтобы вызвать его на откровенность.

— Вы просто не видели. Бобби совсем не был рад нашему знакомству. Я что-то не слышала повторного приглашения.

— Полагаю, тут вы заблуждаетесь, — возразил Бигенд. — Когда он свыкнется с мыслью, что вас можно вызвать на новую аудиенцию, мы наверняка о нем снова услышим.

— А какую роль в этой истории играют айподы?

Мужчина поднял бровь.

— Рауш велел присматриваться к тем, которы-

ми пользуются для хранения информации. Разве так еще кто-то делает?

— Чомбо иногда записывает данные на айпод и отсылает его из Штатов.

— Какого рода эти данные?

— Мы не сумели выяснить. Якобы музыка.

— Куда уходят посылки, тоже не знаете?

— Сан-Хуан, Коста-Рика. Оттуда, возможно, куда-нибудь еще.

— Кто получатель?

— В первую очередь — хозяин дорогого абонентского ящика. В Сан-Хуане таких предостаточно. Мы как раз над этим работаем. Вы там бывали?

— Нет.

— В Сан-Хуане целая община пенсионеров-цэрэушников. И людей из DEA. Мы тоже кое-кого послали, чтобы без лишнего шума разобраться в обстановке. Правда, пока никакого толку.

— А почему вас так интересует содержимое этого контейнера?

Бигенд вытянул из кармана пиджака бледно-голубой микрофибровый платок и тщательно протер один из стульев от пыли.

— Присядете?

— Нет, спасибо. Продолжайте.

Тогда он сел сам. И посмотрел на журналистку

снизу вверх.

— Опыт научил меня ценить все, что выбивается из общих рамок. Теперь я очень внимателен именно к человеческим странностям, особенно тем, которые прячут от посторонних глаз. Я трачу большие деньги на то, чтобы раскопать чужие секреты. Бывает, из них рождаются наиболее удачные достижения «Синего муравья». Например, за основу вирусной рекламы обуви «Троуп Слоуп» мы взяли анонимные видеоролики, выложенные в сети.

— Так это вы сделали? Запихали свое дерьмо на задний план старых фильмов? Вот гадость, блин! Пардон, что я по-французски.

— Но туфли-то продаются. — Он улыбнулся.

— И что вы надеетесь выгадать из тайны контейнера Чомбо?

— Понятия не имею. Ни малейшего. В этом-то весь интерес.

— Не понимаю.

— Разум, Холлис, это реклама с точностью до наоборот.

— В смысле?

— Секреты — отличная штука.

Мужчина повел рукой, и экран показал обоих у переговорного стола. Съемка велась откуда-то

сверху. Причем двойник Бигенда еще не садился. Вот он достал из кармана бледно-голубой платок и вытер пыль с подлокотников, спинки, сиденья стула.

— Секреты, — промолвил настоящий Бигенд, — вот лучшее, что есть в мире.

Глава 21

Софийская соль

Тито пересек Амстердам, пройдя мимо сизой, припорошенной травы публичного сада, и быстро зашагал по Сто одиннадцатой в сторону Бродвея.

Вот и кончился снегопад.

Вдали, у «Банко популар», показалась кузина Вьянка, одетая как подросток. Любопытно, кто еще сопровождает его на обратном пути в Чайнатаун?

К тому времени как Тито достиг середины Бродвея, Вьянка пропала из вида. Мужчина добрался до западного тротуара и повернул на юг, к остановке на Сто одиннадцатой улице. Минуя багетную мастерскую, он поймал отражение кузины в глубинах зеркала, в нескольких ярдах за левым плечом. А потом, глядя на поднимаю-

щиеся к небу клубы́ своего дыхания, спустился в отделанный плиткой подземный окоп с тонкой крышей из железа и асфальта.

Едва он очутился на платформе, как подошел поезд первого маршрута. Можно было усмотреть в этом знамение свыше. Значит, Тито поедет на первом до Канала, а потом будет медленно возвращаться пешком на восток. Мужчина сел на поезд в полной уверенности, что Вьянка и по меньшей мере еще двое других делают то же самое. Согласно протоколу, в подобных случаях требовалось как минимум трое — чтобы вычислить и опознать возможных преследователей.

Вагон был почти безлюден. Вьянка сидела впереди, притворяясь, будто увлечена карманной видеоигрой. Когда позади осталась Шестьдесят шестая улица, из предыдущего вагона зашел Карлито. Его шарф был на один оттенок светлее, чем темно-серое пальто, черные кожаные перчатки создавали впечатление, будто руки вырезаны из дерева, а поверх итальянских туфель из начищенной телячьей кожи красовались черные калоши. Все это придавало Карлито вид не ассимилировавшегося в Америке консерватора-иностранца, отчасти даже с налетом религиозности. Вошедший сел по левую руку от Тито.

— Как Хуана? — спросил он. — Жива-здорова?

— Да, — отвечал Тито. — Вроде бы.

— Ты с *ним* виделся.

Это был не вопрос.

— Да, — подтвердил Тито.

— И получил инструкции.

— Да.

Карлито опустил ему что-то в карман. А потом пояснил:

— Это от болгарина.

— Заряжен?

— Да. И с новым предохранителем.

Болгарские пистолеты, хотя и были изготовлены с полвека назад, служили по-прежнему великолепно. Разве что велосипедный клапан, установленный в плоском стальном резервуаре, служившем заодно рукояткой, время от времени требовал замены, но в целом подвижных деталей было на удивление мало.

— А чем заряжен?

— Солью, — обронил Карлито.

Такие патроны имели вид дюймовых картонных трубочек со странноватым запахом, запечатанных с обеих сторон желтоватой пергаминовой пленкой. И требовали идеально сухих условий хранения.

— Тебе пора готовиться к отъезду.

— Надолго?

Тито прекрасно знал, что вопросы такого рода не слишком приветствуются, но Алехандро научил его по крайней мере подумать, прежде чем задавать их.

Карлито не отвечал.

Тито хотелось еще спросить, что такого делал его отец для старика перед самой смертью.

— Его не должны схватить, — вдруг произнес Карлито, прикасаясь к узлу на шарфе одеревеневшими пальцами. — Тебя тоже. И только *та вещь* угодит к ним в руки, но пусть никто не подозревает, что это и был наш умысел.

— Дядя, чем же мы ему так обязаны?

— Он сдержал свое слово. Помог нам сюда попасть.

Карлито поднялся, как только поезд въехал на Пятьдесят девятую улицу. Негнущаяся ладонь в перчатке на миг задержалась на плече Тито.

— Удачи, племянник. — Он повернулся и был таков.

Мужчина посмотрел сквозь поток заходящих пассажиров, надеясь увидеть Вьянку, но кузина тоже пропала.

Он полез в карман куртки и нащупал там

уникальный, очень тщательно изготовленный болгарский пистолет. Тот был небрежно завернут в новенький, хрустящий китайский носовой платок.

Если вытащить его из кармана, окружающие подумают: человек решил высморкаться, только и всего. Тито не стал доставать оружие. Он заранее знал, что картонный цилиндр с очень мелко помолотой солью целиком заполнил собой чрезвычайно короткий ствол. С той поры, как болгарские резиновые пыжи заменили на силикон, действующий заряд мог храниться двое суток.

А вот интересно, откуда эта соль? Где производят патроны? В Софии? Может быть, в Москве? В Лондоне, где, по слухам, работал болгарин, пока дед Тито не переправил его на Кубу? Или в Гаване, где он доживал теперь свои дни?

Поезд тронулся с места. Позади осталась площадь Колумба.

Глава 22

Ударные и бас

Обратно в «Мондриан» журналистку отвезла на большом серебристом «фольксвагене»-седане

Памела Мэйнуоринг. Англичанка с белокурой челкой, совершенно закрывающей лоб, в прошлом сотрудничала с «Муравьем» в Лондоне на добровольных началах, потом перешла куда-то еще, но вскоре получила приглашение в Лос-Анджелес, следить за ходом некоей местной операции.

— А вы не видели Хьюберта прежде, — предположила она, направив автомобиль к Сто первой улице.

— Что, так заметно?

— Он сам сказал, собираясь на встречу с вами. Хьюберт никогда не упустит возможности пообщаться с новым талантливым работником.

Перед глазами Холлис проплывали пальмы, черные и косматые на фоне сизовато-розового небесного сияния.

— Теперь, когда мы встретились, я удивляюсь, что ни разу не слышала о таком человеке.

— Этого и не нужно. Он даже против того, чтобы люди знали о «Синем муравье». Нередко нас называют первым агентством вирусного марке-

тинга[354]. Хьюберту не по душе такая трактовка, и надо согласиться, он прав. Если стараться нарочно выдвинуть на передний план агентство или его основателя, это приводит к обратным результатам. По словам Хьюберта, он желал бы превратить агентство в черную дыру, но туда будет сложно добираться.

Машина съехала с автострады.

— Скажите, вам что-нибудь нужно?

— Прошу прощения?

— Хьюберт велел предоставить в ваше распоряжение все, что потребуется. Понимайте эти слова в буквальном смысле, ведь вы заняты особым проектом.

— Особым?

— Никаких объяснений, цели не разглашаются, «потолка» у сметы нет, проект объявлен первоочередным. Для Хьюберта это очень важно. — Памела достала визитку из-за солнцезащитного козырька и протянула ее Холлис. — Все, что угодно. Только позвоните. Машина у вас есть?

— Нет.

---

[354] Примечания: 354

Вирусный маркетинг — способ продвижения компании или бренда, когда информацию о новом проекте распространяют сами потребители путем личных рекомендаций, в результате чего информация ассоциируется скорее с досугом, нежели с навязанным рекламным обращением.

— Хотите эту? Могу оставить.

— Спасибо, не надо.

— Наличные?

— Я предоставлю квитанции.

Памела Мэйнуоринг пожала плечами.

Автомобиль подъехал к гостинице, к каменным скульптурам у входа. Холлис разблокировала дверь еще до того, как машина остановилась.

— Спасибо, что подвезли, Памела. Приятно было познакомиться. Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Холлис закрыла дверь. Серебристый седан, на корпусе которого сверкали теперь уменьшенные огни «Мондриан», плавно подался назад, к бульвару Сансет.

Дверь открыл ночной охранник с блютусом в ухе.

— Мисс Генри?

— Да?

— Для вас сообщение. — Он жестом показал, куда нужно идти.

Журналистка направилась к стойке администратора мимо жуткого крестообразного диванчика, обитого девственно белой кожей.

— Ага, вот и вы, — сказал мужчина с фотомодельной внешностью, когда Холлис представи-

лась.

Она хотела было спросить, чем он красит брови, но удержалась. Служащий протянул ей коробку из коричневого картона со сторонами по двадцать дюймов и попросил подписать прилагающуюся форму в нескольких экземплярах.

Холлис поблагодарила, взяла посылку, как оказалось, не слишком тяжелую, после чего повернулась, чтобы идти к лифту.

И увидела Лауру Гайд по прозвищу Хайди. Бывшая барабанщица «Кёфью» ждала у крестообразного диванчика. Вот и еще одно лишнее доказательство, тихонько заметил дотошный внутренний голос: значит, Холлис не обозналась тогда, вечером, увидев, как та промчалась мимо «Virgin».

— Хайди?

Впрочем, сомневаться не приходилось.

— Лаура, — поправила Гайд.

Пожалуй, ее костюм — Жирбо[355], в духе

[355] Примечания: 355

Дизайнеры Марите и Франсуа Жирбо — создатели джинсовой инженерии. Франсуа Жирбо считается родоначальником стиля гранж.

«соккер-мама на грани фола»[356] — неплохо вписывался в здешний стиль. Казалось (хотя Холлис и не смогла бы сказать почему), что и темные волосы были подстрижены специально под обстановку.

— Как ты, Лаура?

— Инчмэйл узнал мой сотовый номер от друга в Нью-Йорке, — сказала она, словно это все объясняло. — Бывшего друга. И позвонил сообщить, что ты здесь.

— Извини…

— Да нет, ты ни при чем. Правда. В двух кварталах отсюда Лоренс отсматривает съемочный материал. Если бы не к тебе, я поехала бы к нему.

— Он стал продюсером?

— Режиссером.

— А, поздравляю. Не знала.

— Я тоже.

Помолчали.

— На такое я не подписывалась. — Широкие полные губы Лауры вытянулись в безупречно

---

[356] Примечания: 356

Т.ж. «хоккейная мама», «балетная мама» — женщина средних лет, обычно белая, домохозяйка, представительница «среднего класса», полностью посвятившая жизнь семье, чья главная забота — вовремя забрать детей из школы и отвезти их в очередной кружок или секцию.

прямую линию: знак, никогда не суливший добра. — С другой стороны, это же не надолго.

Что она имела в виду — режиссерскую работу своего мужа или их брак? Холлис и прежде не умела читать ее мысли. По словам Инчмэйла, подобная задача была никому не под силу, и как раз поэтому группа нуждалась в барабанщице: слушатели должны воспринимать первобытные сигналы — необъяснимые, но действенные.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — Холлис повернулась, прижимая к груди картонную коробку левой рукой, в которой зажала импровизированную сумочку.

Фойе преобразилось: канделябры и свечи исчезли, все было готово для японского завтрака или, во всяком случае, для еды, которую следует брать черными палочками, но которую еще не успели подать. А так не хотелось приглашать Хайди к себе в номер. И Холлис просто продолжала идти по направлению к бесконечно длинному мраморному столу.

— Не хочу, — уладила вопрос Лаура. — А там что за дребедень?

Она указала в дальнее пространство за еще не открытым баром, оформленным в виде гигантского дорожного чемодана на колесиках.

Холлис и раньше заметила их, когда отмечалась. Конга, бонго[357] плюс акустическая гитара и электрический бас, подвешенные на дешевых хромированных стойках. Инструменты были подержанные, и даже очень, хотя вряд ли в последнее время их часто использовали.

На ходу плечи Хайди гладко перекатывались под матовой тканью блейзера цвета индиго. Шагая следом, журналистка припомнила, как эффектно смотрелась она со своими бицепсами в безрукавке во времена «Кёфью».

— Что за дела? — Лаура мрачно посмотрела на инструменты, потом на спутницу. — Кто-то хочет сказать, сюда заглянет Эрик Клэптон? Или хотят устроить нам джем после суси?

Холлис давно поняла: ее отвращение к дизайнерским выкрутасам — лишь слабое эхо отвращения к искусству в целом. Дочь механика из ВВС, она единственная из женщин, знакомых бывшей солистке, обожала заниматься сваркой, но только если что-то действительно важное в самом деле требовало починки.

Журналистка покосилась на деревянную нефирменную гитару.

---

[357] Примечания: 357
Разновидности барабанов.

— Значит, надумали вечеринку. По-моему, они имитируют добитловскую Венецию. Пляж.

— «Имитируют». А Лоренс говорит, что *имитирует* Хичкока. — В ее устах глагол приобрел какой-то сексуальный оттенок.

Холлис никогда не видела мужа Лауры, не слишком надеялась на знакомство, да и не жаждала. В последний раз они с Хайди встречались немногим позже распада «Кёфью». Ее внезапное появление, а теперь еще это странное зрелище вызвали к жизни прежнюю боль от утраты Джимми. Чудилось, будто бы он вот-вот окажется здесь, должен оказаться, а может, он уже где-то рядом, за углом, или просто не попадается на глаза. Или какой-нибудь хитроумный медиум нарочно устроил эту фальшивую сцену, планируя провести спиритический сеанс? Впрочем, из этой четверки именно бас, инструмент покойного, нельзя было при желании взять в руки и поиграть. Ни шнура, ни усилителя, ни микрофона. Интересно, что стало с «Пигнозом»[358] Джимми?

---

[358] Примечания: 358

Усилитель «Legendary Pignose», знаменитый своей ручкой регулирования громкости, выполненной в виде поросячьего пятачка, обтянутый свиной кожей, блестящими хромированными уголками и мощностью, равной пяти ваттам; был и остается ходовым товаром почти четверть века. С самого начала «Pignose» олицетворял свободу, независимость и внушал почтительный трепет нескольким поколениям гитаристов.

— Он ко мне заходил за неделю до смерти. — Реплика Хайди заставила журналистку вздрогнуть от неожиданности. — Мы с Лоренсом едва начали встречаться, я их даже не представила друг другу. Он был не в себе, Джимми. По-моему… — На мгновение внешне грубая, бесцеремонная Лаура стала похожа на маленького испуганного ребенка; в такие моменты Холлис каждый раз поражалась и восхищалась ею. — Ты же была в Нью-Йорке, когда он умер?

— Да. Только не в северной части. Я была в городе, но понятия не имела, что он вернется. Мы не виделись без малого целый год.

— Джимми задолжал тебе денег.

Холлис удивленно посмотрела на собеседницу.

— Да. Задолжал. Я почти позабыла.

— Он рассказывал, как взял у тебя пять тысяч в Париже, в конце гастролей.

— И обещал вернуть, но я не представляла, что это возможно.

— Не знала, как с тобой связаться… — Хайди запустила руки в карманы. — Думала, вдруг ты сама объявишься. Вот и встретились. Жаль, не вышло передать раньше.

— Что передать?

Барабанщица вытащила из блейзера белый

потрепанный конверт и протянула бывшей солистке.

— Здесь пятьдесят сотен. Как он их мне вручил.

Холлис увидела в левом верхнем углу свои инициалы, выведенные бледными красными чернилами. Горло болезненно сжалось. Она заставила себя вздохнуть, приняла конверт и, не зная, как поступить, положила его на коробку. Затем подняла глаза на Хайди.

— Спасибо. Спасибо, что берегла их ради меня.

— Для него это было важно. По-моему, так вообще важнее всего, о чем он говорил. Ну, там, Аризона, ребцентр, какой-то проект в Японии… Но Джимми больше волновало, чтобы деньги вернулись к тебе, а другого пути, как через меня, наверное, не было. И потом, — она прищурилась, — долговые он бы не выпросил обратно, на героин, я бы не отдала, ясное дело.

Инчмэйл утверждал, будто «Кёфью» буквально строилась на непробиваемом фундаменте упрямства и полной нехватки воображения у Хайди, но при общении с ней даже это знание не помогало — ни в са́мом начале, ни позже. Холлис была с ним полностью согласна — вернее, думала, что согласна, однако лишь теперь она как никогда всем

сердцем ощутила глубокую правоту его слов.

— Ладно, я пошла.

Хайди мельком легонько сжала плечо собеседницы — с ее стороны это значило исключительное проявление теплых чувств.

— До свидания… Лаура.

Под взглядом Холлис бывшая барабанщица прошагала через фойе, мимо крестообразного дивана и скрылась из вида.

Глава 23

Два мавра

Браун очень долго не возвращался в прачечную за пленником. Наконец явился юный кореец — возможно, сын владельца, — и молча вручил Милгриму китайский обед в коричневом пакете.

Мужчина сдвинул журналы, чтобы расчистить место на фанерной столешнице, и распаковал еду. Вареный рис, кусочки цыпленка без косточек под красным красителем, расчлененные овощи люминесцентного зеленого цвета и таинственное, мелко нарезанное бурое нечто. Палочки Милгрим трогать не стал, предпочел пластмассовую вилку. В тюрьме, утешал он себя, и такой обед

показался бы роскошью. Только не в китайской тюрьме, прибавил несговорчивый внутренний голос, но пленник понемногу его заглушил. В обществе Брауна умнее всего — есть, как только выпадет возможность, а не капризничать.

За обедом он размышлял о ереси Свободного Духа, имевшей место в двенадцатом веке. Последователи секты утверждали: Бог — либо все, либо ничто, причем сами они склонялись к первой версии. Для них не существовало ничего, что не являлось бы Богом, и в самом деле, откуда такому взяться? Милгрим никогда не был силен в метафизике, однако теперь, в плену, вынужденный коротать время в размышлениях над одним и тем же текстом, исподволь учился получать удовольствие от миросозерцательных умопостроений. В первую очередь от тех, что касались парней из секты Свободного Духа, явно сочетавших в себе черты Чарлза Мэнсона и Ганнибала Лектера. Согласно их учению, если все на свете равно приходит от Бога, то люди, наиболее близкие Божеству, берут себе за правило творить, что им вздумается, особенно если это запрещено обывателями, далекими от послания Свободного Духа. В частности, они трахали все, что не противилось, и даже все остальное, поскольку насилие,

как и убийство, слыло у них особо праведным подвигом. Тайная религия воодушевляющих друг друга социопатов. Пожалуй, это был самый мерзкий образчик человеческого поведения, о каком только слышал Милгрим. Какой-нибудь Мэнсон, к примеру, попросту затерялся бы в этой шайке. А может, рассуждал Милгрим, и вовсе возненавидел бы ее. Какая радость Чарли Мэнсону от целого общества серийных убийц и насильников, каждый из которых не сомневается в своих божественных полномочиях?

Кстати, в этой истории со Свободным Духом его подкупало еще кое-что; хотя нет, это относилось ко всему тексту. Интересно было понять, как вообще зарождались ереси. Частенько это происходило стихийным образом, стоило явиться какому-нибудь безродному одиночке с хорошо подвешенным языком. Организованная религия, размышлял Милгрим, оглядываясь на прошлое, — всего лишь план по отсеиванию помех от основного сигнала, одновременно сообщение и среда, в которой оно распространяется, модель одноканальной вселенной. В Европе таким каналом стало христианство, причем трансляция шла из Рима. Следует, однако, учесть, что в те времена скорость распространения

любой информации не превышала скорости конного всадника. Существовала иерархия по местоположению вкупе с высокоорганизованной методикой обратного распространения сигналов. Постоянное запаздывание, многократно помноженное на отсутствие необходимых технических средств, приводило буквально к чудовищным последствиям, так что помехи ересей неизменно грозили заглушить основное послание…

Тут загремела дверь, и поток размышлений прервался. Подняв глаза от пакета с остатками еды, Милгрим увидел, как в проеме возник настоящий черный великан — мужчина огромного роста, необычайно широкий в плечах, в двубортном плаще до бедра, пошитом из плотной темной кожи, и черной «шапке вахтенного»[359], натянутой на самые уши. Последняя наводила на мысли о вязаных головных уборах, которые скрывались под шлемами крестоносцев. Но в таком случае плащ тоже превращался в подобие удлиненной кирасы. Черный рыцарь ступил на порог прачечной. С улицы потянуло предвечерним холодом.

У Милгрима были серьезные сомнения в существовании черных рыцарей, но с другой стороны,

---

[359] Примечания: 359

Шерстяная шапка, которую носят в холодную погоду военнослужащие ВМС США.

почему бы некоему африканскому исполину не обратиться в христианство и не встать под знамя креста? Такой сценарий выглядел даже правдоподобнее, нежели появление секты Свободного Духа.

И вот черный рыцарь вошел в корейскую прачечную, приблизился к стойке и спросил, принимают ли здесь меха. Владелец заведения ответил отказом, и мавр понимающе наклонил голову. Затем обернулся к Милгриму, встретился с ним глазами, и тот, сам не зная зачем, тоже кивнул.

После этого черный рыцарь удалился. Милгрим наблюдал через окно, как к нему подошел другой мужчина, причем сходство между ними было разительное. Не различались даже подпоясанные двубортные плащи черной кожи, даже обтягивающие шерстяные шапочки. Мавры синхронно повернули на юг, пошли вниз по Лафайет-стрит и мгновенно исчезли из поля зрения.

Убирая за собой грязную посуду вместе с пустой упаковкой, Милгрим ощутил неприятное, сосущее под ложечкой чувство, как если бы упустил из виду что-то важное, однако при всем старании так и не смог припомнить, что именно.

Очень уж долгий выдался день.

Глава 24

Маки

В затемненном номере горели свечи. У кровати, застеленной ослепительным хлопком «только для белых», стоял полный кувшин с водой. Холлис положила на мраморную поверхность высокого столика на мини-кухне коробку, импровизированную сумочку и конверт покойного Джимми Карлайла со стодолларовыми бумажками.

Затем при помощи мелкого тупого лезвия в рукояти штопора разрéзала прозрачную ленту, запечатавшую картон.

Поверх пузырьковой пленки лежала серая квадратная карточка с удивительно вычурной, в вавилонском стиле надписью: «Настало время иметь свой собственный. Нажмите ВКЛ. Х».

Отложив ее в сторону, Холлис развернула пузырьковую упаковку — внутри было что-то неблестящее, черное с серебром — и вытащила на свет более броскую, стильную версию беспроводного шлема, в котором любовалась кальмаром у Бобби Чомбо.

Все те же простые контрольные панели. Она

покрутила подарок в руках, ища фирменный знак производителя, — и не нашла. Правда, увидела крохотные выпуклые буквы: «СДЕЛАНО В КИТАЕ»… Ну конечно, а что там не сделано в наши дни?

Холлис примерила шлем только для того, чтобы покрасоваться при свете зажженных свечей перед зеркалом, но незаметно для себя дотронулась до какой-то сенсорной панели. В дюймах от уха раздался отчетливый голос Одиль:

— Локативная инсталляция у тебя в номере.

Через секунду, опомнившись, журналистка поняла, что вскочила на кровать и вцепилась руками в шлем от неожиданности.

— Это «Маки» Моне. Ротч.

Что за Ротч?

— Цветы всегда совпадать по яркости с фоном.

И вот они появились, закачали ало-рыжими лепестками на уровне одеяла: в комнате выросло целое поле маков.

Холлис поводила головой — посмотреть, что получится.

— Это лишь одна из картин, часть ее аргентинской серии. Ротч.

Ну вот, опять.

— По ее милости, «Маки» Моне теперь повсюду.

Звякни, когда получить. Надо поговорить, и про Чомбо тоже. — Она произнесла «Шомбо».

— Одиль?

Ах да, это же запись. Не слезая с кровати, Холлис наклонилась и левой рукой погладила несуществующие цветы. Она почти ощутила их прикосновения. Затем перекинула ноги за край постели, нащупала ступнями пол и осторожно, бредя по колено в маках, двинулась к занавешенному окну. На миг почудилось, что лепестки просто плавают на глади сонного озера. Автор наверняка не предполагал такого эффекта, подумала журналистка.

Вот и окно. Отдернув многослойные шторы, Холлис выглянула на Сансет. Она почти ожидала увидеть, что Альберто усыпал улицу трупами знаменитостей, живописными картинами славы и горьких мук, но ничего такого не заметила.

Тогда она сняла шлем, подошла к столу по внезапно опустевшей комнате и стала ощупывать сенсорную панель, пока зеленый индикатор наконец не погас. Уже убирая подарок Бигенда в коробку, она обнаружила под пузырьковой пленкой кое-что еще.

И достала на свет виниловую фигурку муравья, синего муравья. Водрузила его на мраморную сто-

лешницу и ушла с вечерней сумочкой в ванную комнату. Открыла горячий кран, а тем временем вытряхнула сумочку и вернула на место ее обычное содержимое. Попробовала, не горячо ли, разделась и забралась в пенистую воду.

Теперь уже трудно было вспомнить, с какой стати Джимми понадобилось столько денег в Париже, а солистка «Кёфью» пожелала с ними расстаться (и как ей вообще удалось заполучить в свои руки наличные).

Да, он взял франками. Как давно это было.

Холлис лежала на спине, оставив над водой только лицо. Игрушечный остров над пенистыми волнами. *Isla de Hollis.*[360]

Перед ее мысленным взором качались маки Одиль. Вспомнились рассказы Альберто о сложностях создания и выбора текстуры для очередного представления, изображающего несчастье какой-нибудь «звезды». Надо думать, эти цветы устроены проще. Хотя, строго говоря, нельзя исключать никакую возможность.

Холлис подняла голову над водой и начала втирать шампунь в волосы.

— Джимми, — произнесла она, — а ты меня все

---

[360] Примечания: 360
Остров имени Холлис *(исп.).*

же достал. Если б ты только знал, как все будет мерзко и глупо.

Намыленные волосы погрузились обратно в воду. Отсутствие покойного друга продолжало заполнять собой ванную, и бывшая певица заплакала раньше, чем начала ополаскивать голову.

Глава 25

Парк Сансет

Вьянка сидела со скрещенными ногами на полу в квартире Тито, пристроив на коленях «Сони», и протирала плазменный экран тряпочкой «Armor All». На голове у кузины была одноразовая сетка для волос, а на руках — белоснежные хлопчатобумажные перчатки. Покончив с телевизором, Вьянка уберет его в заводскую упаковку, которую тоже, в свою очередь, обязательно вытрет.

Тито, в такой же сетке и перчатках, сидел напротив и чистил тряпочкой клавиши «Касио». В коридоре стояла целая коробка с моющими средствами и новенький, дорогóй на вид пылесос — немецкий, как утверждала Вьянка. По ее словам, он не выбрасывал ничего, кроме воздуха, поэтому не оставлял в квартире ни волоска, ни

других следов.

Совсем недавно Тито помогал кузену Эйсебио выполнить похожую процедуру. Впрочем, у того в основном были книги. Согласно протоколу, каждую из них необходимо было перелистать на предмет забытых бумажек и вытереть. Тито не объясняли, почему и куда исчез Эйсебио. Так полагалось по протоколу.

Мужчина посмотрел на симметричные дырочки в стене, оставшиеся после плазменного экрана.

— А ты не знаешь, где теперь Эйсебио?

Вьянка отвлеклась от работы и с прищуром взглянула на кузена из-под белой бумажной повязки, на которой держалась сетка для волос.

— Колония Докторес.

— Как?

— Докторес. Федеральный округ Мехико. Или где-то поблизости. А может, и нет.

Она пожала плечами и продолжала вытирать.

Тито надеялся, что ему не придется возвращаться в Мехико. Мужчина не покидал Соединенные Штаты с тех пор, как попал сюда, и впредь не желал бы этого делать. Особенно теперь. Если бы у него был выбор, Тито предпочел бы Лос-Анджелес; там тоже имелись кое-какие родственники.

— Мы с Эйсебио тренировались по Системе, — произнес он, переворачивая свой «Касио» и продолжая чистку.

— Он был моим первым парнем, — сказала Вьянка.

Неужели правда? Впрочем, напомнил себе кузен, ведь она только внешне смахивала на подростка.

— И ты не в курсе, где он?

Вьянка снова пожала плечами.

— Наверно, в Докторес. Хотя кто его знает.

— Как вообще принимается решение, кого и куда послать?

Она опустила тряпку на крышку контейнера «Armor All» и взяла упаковочный сегмент из пенопласта. Тот безупречно сел на угол «Сони».

— Все зависит от того, кто за тобой, по их мнению, следит.

Вьянка подняла второй сегмент и надела его на другой угол.

Тито попалась на глаза синяя вазочка. Надо же, совсем забыл. Где бы ее пристроить? Неожиданно он догадался.

— А куда вы поехали после дня «девять-одиннадцать»? — спросила кузина. — Ведь не сразу же в этот район?

Прежде он жил с матерью за Канал-стрит.

— В парк Сансет. С нами еще был Антулио. Мы снимали дом из красного кирпича с очень тесными комнатами. Даже поменьше этой. Ели доминиканскую пищу, гуляли на старом кладбище. Антулио нам показал могилу Джо Гало[361].

Отложив чистый «Касио», Тито поднялся и снял с волос тонкую сетку.

— Пойду на крышу, — сказал он. — Кое-что надо сделать.

Вьянка молча кивнула, убирая «Сони» в коробку.

Тито надел пальто, взял синюю вазочку и, не снимая белых перчаток, убрал ее в карман. Потом вышел и запер за собой дверь.

В коридоре он замер, не в силах определить свои чувства. Страх? Но это нормально. Нет, что-то другое. Перелом, беззащитность, слепая пустота? Мужчина вышел через огнестойкую дверь и стал подниматься по лестнице. Добравшись до шестого этажа, он вскарабкался на крышу.

Бетон под слоем асфальта, гравий — тайные следы катастрофы Всемирного торгового центра. Так однажды предположил Алехандро, побывав

---

[361] Примечания: 361

Американский гангстер по прозвищу Безумный Джо (1929–1972), один из главных участников мафиозных войн Нью-Йорка.

здесь. Тито вспомнилась бледная пыль, густо запорошившая подоконник в материнской спальне за Каналом. Пожарные лестницы, забитые офисными бумагами, в районах, далеких от павших башен. Изуродованная автострада Говануc. Крохотный палисадник перед домом, где они жили с Антулио. Поезд N, идущий от Юнион-сквер. Обезумевшие глаза матери.

Облака над головой напоминали гравюры в старинных книгах. Спокойный, приглушенный свет скрадывал краски мира.

Дверь на крышу выходила на южную сторону. Косяк закреплялся на сооружении с наклонной задней стенкой. А напротив клинообразной боковой стены, обращенной к востоку, был устроен стеллаж из давно посеревших некрашеных брусьев. На полках не то расставили, не то позабыли множество разных вещей: заржавленное ведро на колесиках с педальным устройством для выжимания швабры; сами швабры, успевшие поседеть и даже облысеть от старости (облупленная краска на деревянных ручках полиняла до нежно-пастельных оттенков); бочонки из белой пластмассы, пустые, хотя и с грозным изображением костлявой руки скелета внутри черно-белого ромба; россыпь ручных инстру-

ментов, настолько допотопных, что Тито уже не смог бы определить, зачем они нужны; ржавые банки из-под краски с полинялыми до полной нечитаемости этикетками.

Мужчина достал из кармана синюю вазочку и потер ее хлопчатобумажными перчатками. Сколько же у богини Ошун подобных домов, подумал он. Сколько бесчисленных окон. Тито поставил вазу на полку, приставил к стене и задвинул банкой из-под краски, закрыв от постороннего взгляда. Здесь, на крыше, ее могли обнаружить на следующий день, а могли оставить в неприкосновенности на долгие годы.

«Ошун управляет пресными водами этого мира. Младшая среди сестер-оришей, она удостоилась имени Царицы небесной. Знак ее — желтый и золотой цвета, как и цифра пять. Ей посвящаются павлины и грифы».

Мысленно выслушав голос тетки Хуаны, Тито кивнул серой полке, превратившейся в тайный алтарь, а затем повернулся обратно к лестнице.

В комнате он увидел, как Вьянка доставала жесткий диск из корпуса компьютера. Кузина подняла на него глаза.

— Ты скопировал все, что хотел сохранить?

— Да, — ответил Тито и притронулся к драго-

ценному техноамулету на шее.

«Нано»-айпод. Здесь хранилась вся его музыка.

Он снял пальто, пристроил его на вешалке и снова надел сеточку для волос. Потом уселся напротив кузины и опять приступил к дотошному ритуалу очищения, уничтожения собственных следов. Хуана сказала бы, что он омывает порог для нового пути.

Глава 26

«Gray's Papaya»

Порой, когда Брауна к вечеру разбирал аппетит и определенного рода настроение, мужчины отправлялись в «Gray's Papaya» на ужин особой скидки.

Милгрим каждый раз получал оранжад навынос — он хотя бы напоминал приличный напиток, а не жидкий сочок. Конечно, здесь подавали и настоящие фруктовые нектары, но только не с ужином особой скидки. И потом, соки не очень вязались с представлением о «Gray's Papaya» в отличие от мяса на гриле, фисташек, сдобных булочек и приторных водянистых напитков, поглощаемых стоя под ярким сиянием

гудящих флуоресцентных ламп.

От «Нью-Йоркера» — а судя по всему, Браун и сегодня собирался там заночевать, — «Gray's» отделяло каких-то два квартала вдоль по Восьмой авеню. Милгрима заведение успокаивало. Он еще помнил время, когда две булочки с напитком, тогдашний ужин особой скидки, стоили доллар и девяносто пять центов.

Похоже, Брауна «Gray's Parapy» не слишком умиротворяла, но здесь он становился немного словоохотливее. Получив безалкогольную «пина коладу» с булочками, он начинал распространяться об истоках культурного марксизма в Америке. По словам Брауна, прочие люди могли сколько угодно толковать о «политкорректности», но только на самом деле это был самый настоящий культурный марксизм, пришедший в Соединенные Штаты из Германии после Второй мировой войны и зародившийся в хитроумных головах профессоров из Франкфурта. «Франкфуртская школа», как они себя величали, не теряя времени зря, беспрестанно запускала свои интеллектуальные яйцеклады в аудитории ничего не подозревающей американской академии старой выучки. Это место в его рассуждениях, очаровательное своей научно-фантастической

патиной, доставляло Милгриму особую радость. Возбуждение взвинчивалось по нарастающей; вспоминались зернистые, в черно-белом изображении, звезды еврокомма[362] в твидовых пиджаках и вязаных галстуках, плодящиеся как грибы после дождя или даже как вездесущие кофейни «Старбакс». Но каждый раз, когда речь подходила к концу, Браун портил все удовольствие, заявляя, что «Франкфуртская школа» состояла исключительно из евреев.

— И… никого… больше, — говорил он, вытирая испачканные горчицей уголки губ ровно сложенной бумажной салфеткой. — Сам посуди.

История повторилась и сегодня, после долгих часов, которые Милгрим провел в корейской прачечной. Браун только что произнес эти самые слова, и пленник согласно кивнул, дожевывая второй хот-дог; к счастью, правила хорошего тона освобождали его от обязанности говорить с полным ртом.

Наконец с едой было покончено, и настало

---

[362] Примечания: 362

Еврокоммунизм — политика и теоретическое обоснование деятельности ряда коммунистических партий Западной Европы, в 1970-х и 1980-х годах критиковавших руководство КПСС в мировом коммунистическом движении, концепцию диктатуры пролетариата и недостаток политических свобод в странах, принявших советскую модель социализма.

время возвращаться в «Нью-Йоркер». В воздухе смутно веяло близкой весной и даже как будто бы начинало теплеть. Милгрим подозревал, что это самообман, но все же повеселел. Восьмая авеню в этот час не бурлила дорожным движением. По ближней полосе промчался в противоположном направлении желтый «хаммер», и Милгрим невольно обратил на него внимание. Еще бы не обратить, мысленно хмыкнул он, шагая вслед за Брауном. Во-первых, это «хаммер», пусть даже не настоящий, а подделка, состряпанная на скорую руку; во-вторых, он желтого цвета. В-третьих, это был очень желтый «хаммер» с дурацкими колпаками, которые не крутились вместе с колесами, но едва покачивались, поскольку имели противовесы. И даже колпаки сияли желтизной в тон внедорожнику; а еще с них бессмысленно щерились бодрые смайлики — по крайней мере со стороны, обращенной к тротуару.

Но, говоря серьезно, Милгрима занимало другое. Водитель и пассажир пролетевшего мимо «хаммера» поразительно смахивали на рыцарей-мавров, заглянувших в прачечную на Лафайет-стрит. Вязаные черные шапочки, облепившие массивные черепа; безразмерные торсы, затянутые в черную кожу, словно дорогие дива-

ны… Ну просто Гилберт и Джордж[363] на джипе.

Странно? Не то слово.

Глава 27

Межнациональная валюта дерьма последнего

Холлис не разваливалась на части только благодаря теплому белому халату «Мондриан», солнечным очкам и поданному в номер завтраку, состоявшему из гранолы[364], йогурта и арбузного «ликуадо»[365]. Усевшись в просторном белом кресле, она пристроила ноги на мраморе приземистого кофейного столика и принялась разглядывать фигурку синего муравья на под-

---

[363] Примечания: 363

Гилберт Преш и Джордж Пасмор, английские художники, представители постмодернизма, основоположники перфоманса и фото-арта. Их искусство обозначило новый этап постмодернизма, подчеркнуто антиэлитарный и апеллирующий к массовому зрителю. Гуманитарная риторика постоянно сочетается в произведениях художников с гомосексуальными мотивами и иронически-эпатажными деталями (двойной автопортрет на фоне увеличенной микрофотосъемки образцов их кала и пота, 1995–1996, Национальная портретная галерея, Лондон).

[364] Примечания: 364

Смесь плющенного овса с добавками коричневого сахара, изюма, кокосов и орехов — вид натурального продукта. Используется для изготовления сухих завтраков.

[365] Примечания: 365
Прохладительный напиток из свежих фруктов или овощей.

локотнике. Виниловое насекомое не имело глаз — возможно, по воле дизайнера?

Решительная ухмылочка, выражение мультяшного неудачника, уверенного в глубине души, что на самом деле он — супергерой. Осанка говорила о том же, чуть согнутые верхние лапки были прижаты к бокам, кулаки стиснуты, нижние лапки замерли в боевой стойке. Стилизованный египетский фартук и сандалии, видимо, намекали на логотип компании, который уж точно смахивал на иероглиф.

«Если жизнь подсунет тебе что-то новое, — говаривал Инчмэйл, — попробуй перевернуть это и заглянуть, что там на дне».

Холлис перевернула фигурку: подошвы насекомого были чистыми и гладкими, без фирменного знака «Синего муравья». Идеальная обработка. Нет, это не игрушка. По крайней мере не для детей.

Вспомнилось, как Ричи Нагель, звукооператор «Кёфью», затащил упирающегося Инчмэйла на Мэдисон-сквер-гарден[366] посмотреть Брюса Спрингстина. Рег вернулся в глубокой задумчивости, он даже сутулился под грузом впечатлений,

---

[366] Примечания: 366
Нью-йоркский концертно-спортивный комплекс.

но — странное дело — не желал говорить об этом. Выжать из него удалось немного: на сцене Спрингстин проявил высочайшее искусство владения собственным телом, воплотив собой сочетание Аполлона и Багса Банни. С тех пор Холлис долго и не без внутренней тревоги ждала, что Инчмэйл начнет выставлять себя на концертах боссом, но этого так и не произошло. А вот создатель синего муравья, подумала она, опуская фигурку на подлокотник, явно стремился к чему-то подобному — к сочетанию Зевса и Багса Банни.

Тут зазвонил сотовый.

— Доброе утро.

Инчмэйл, легок на помине.

— Ты подослал Хайди. — Голос прозвучал хладнокровно, почти без упрека.

— Она пришла на задних конечностях?

— Ты знал про деньги Джимми?

— Это *твои* деньги. Да, знал, но забыл. Когда он сказал, что готов с тобой расплатиться и только ждет возможности, я посоветовал, если сразу не выйдет, передать весь долг через Хайди. А иначе ты бы икнуть не успела, как денежки унеслись бы в трубу.

— Ты мне не рассказывал.

— Да забыл же. Причем с огромным усилием. Подавил в сознании всю историю после его внезапной кончины.

— И когда вы виделись?

— Никто не виделся. Он мне сам позвонил. А через неделю его нашли…

Холлис обернулась, не поднимаясь с кресла, и через плечо увидела небо над Голливудскими холмами. Пустое, совершенно пустое. Она повернулась назад и подняла бокал с остатками «ликуадо».

— Деньги, конечно, не лишние. Просто… не знаю, что с ними делать.

Сделав глоток, она поставила бокал.

— Лучше потрать. С банками я бы на твоем месте не стал связываться.

— Почему?

— Кто его знает, откуда взялась такая сумма.

— Не хочу даже знать, о чем ты сейчас подумал.

— Холлис, американские сотенные купюры — международная валюта дерьма последнего и, кроме того, любимая бумажка фальшивомонетчиков. Ты еще долго пробудешь в Лос-Анджелесе?

— Не знаю. А что?

— Да вот сорок минут назад выяснилось, что мне туда нужно через два дня. Могу помочь проверить купюры.

— Серьезно? Можешь?

— «Болларды».

— Не поняла.

— «Болларды». Я, наверно, буду их продюсировать.

— Ты правда в курсе, как проверяют фальшивые деньги?

— Я же в Аргентине живу, забыла?

— Анжелина с маленьким тоже приедут?

— Попозже, если выгорит с «Боллардами». А у тебя что?

— Была на встрече с Хьюбертом Бигендом.

— И как?

— Интересно.

— Боже мой.

— Выпили. Потом проехались посмотреть, как строят их новые офисы. Прокатились на танке «от кутюр».

— На чем?

— Жутко непристойная машина.

— Что он хотел?

— Чуть не сказала: «сложный вопрос», но тут все скорее мутно. Очень мутно. Если найдешь

время вырваться от своих «футболлардов», тогда и расскажу.

— Ладно. — Он отключился.

Телефон зазвенел прямо в руке. Наверно, Инчмэйл еще что-то вспомнил.

— Да?

— Алло? Это ’Оллис?

— Одиль?

— Ты посмотреть маки?

— Да. Красивые.

— Из «Нода» звонили. У тебя, сказали, новый шлем?

— Да, новый, спасибо.

— Это хорошо. Ты знать Сильверлейк?

— Более-менее.

— Более?..

— Я знаю Сильверлейк.

— Здесь художница Бет Баркер, у нее квартира. Приходи посмотреть квартиру, обстановку. Это аннотированная обстановка, ты в курсе?

— Как — аннотированная?

— В гиперпространстве к каждой вещи прилагаться описание Бет Баркер, рассказ про этот предмет. На один простой стакан воды — двенадцать ярлыков.

Холлис бросила взгляд на белую орхидею, что

цвела на высоком кофейном столике, и вообразила ее обклеенной виртуальными карточками.

— Одиль, звучит заманчиво, но лучше в другой раз. Мне надо сделать кое-какие заметки. Переварить впечатления.

— Она расстроится, Бет Баркер.

— Скажи, пускай держит хвост пистолетом.

— Хвост?

— Загляну в другой раз. Честно. Маки просто чудесные. Это мы еще обсудим.

— А, отлично. — Собеседница повеселела. — Я передать Бет Баркер. До свидания.

— До свидания… Эй, Одиль?

— Что?

— Твое сообщение. Кажется, ты хотела потолковать о Бобби Чомбо.

— Хочу, да.

— Это потом. Пока.

Она торопливо встала и спрятала телефон в карман халата, словно это могло помешать трубке зазвонить снова.

— Холлис Генри. — Молодой человек из проката машин изучил ее права и поднял взгляд. — Я вас видел по телику?

— Нет.

— Хотите «полное покрытие»?

— Да.

Он черкнул три крестика на контракте.

— Тут подпись, два раза инициалы. В кино, что ли?

— Нет.

— Поете. В той группе. Такой носатый лысый парень на гитаре, англичанин.

— Нет.

— Только не забудьте все заполнить, когда возвращать будете. — Парень уставился на нее с дерзким, хотя и не слишком горячим любопытством. — Все-таки это вы.

— Нет, — отвечала Холлис, принимая ключи, — не я.

После чего направилась к взятому напрокат черному «пассату», положила на пассажирское кресло коробку из «Синего муравья» и села за руль.

Глава 28

Бродерман

Тито и Вьянка упаковали всю обстановку его комнаты в десять свертков разной величины, завернули каждый в два черных мусорных мешка

и заклеили толстой черной изолентой. Остались только матрас, гладильная доска, длинноногий стул с Канал-стрит и старая железная вешалка. Согласно уговору, Вьянка брала себе стул и доску. Матрас, накопивший достаточно чешуек эпидермиса и волосков для анализа ДНК, кузина запечатала в два черных целлофановых пакета еще до того, как пропылесосить комнату; его ожидала прямая дорога на свалку. Достаточно было присесть на матрас, как мешки начинали тихонько шуршать; а ведь Тито предстояло провести на нем целую ночь.

Мужчина еще раз притронулся к «Нано», подвешенному на шею, и про себя порадовался тому, что его музыка с ним.

— *Chainik*-то мы убрали, — спохватился Тито. — Теперь и чая не попить.

— Не хочу вытирать все снова, — нахмурилась кузина.

— А Карлито называл меня и Алехандро словом «chainiki», — сказал ей мужчина. — Оно означает человека невежественного, но готового учиться. Ты знала?

— Нет. — В белой бумажной сеточке Вьянка была похожа на невероятно прелестное и очень опасное дитя. — Я думала, в них только чай за-

варивают.

— Так выражаются в России, это жаргон хакеров.

— Тебе никогда не казалось, что ты забываешь русский язык? — спросила она по-английски.

Прежде чем он успел ответить, кто-то тихонько постучал в дверь, как полагалось по протоколу. Вьянка легко поднялась с матраса с особой, какой-то змеиной грацией.

— Бродерман, — сообщила она, отстучав полагающийся ответ, и открыла дверь.

— *Hola, Viejo*[367]. — Вошедший кивнул Тито и снял с головы черную вязаную повязку, гревшую голову вместо теплых наушников.

Его волосы стояли сплошной вертикальной копной с интересным темно-рыжим оттенком — следом работы перекиси водорода. Как говорила Хуана, в этом мужчине кубинская кровь прежде слилась с африканской, а потом уже к ним подмешалась китайская. В последнее время Бродерман еще усиливал это впечатление к собственной выгоде и на пользу своим родным. С точки зрения расы, он был амбивалентен — самый настоящий хамелеон. Его испанская речь свободно скользила

---

[367] Примечания: 367
«Привет, старик» *(исп.).*

между кубинской, сальвадорской и «чиланго»[368] — версиями, а когда он принимался трещать на языке чернокожих американцев, Тито не мог разобрать ни слова. Бродерман был заметно выше него, отличался худощавостью и вытянутым лицом, а еще — постоянной краснотой в глазных белках.

— *Llapepi*, — кивнул он Вьянке, в шутку переставив буквы в испанском слове *papilla* (девушка-подросток).

— *Hola*, Бродерман. *Qué se cuenta?*[369]

— Все по-старому, — ответил гость, наклоняясь, чтобы поймать и стиснуть ладонь Тито. — А ты у нас герой дня.

— Не люблю ждать, — сказал Тито и встал, чтобы размять затекшие от беспокойства спину и руки.

Голая лампочка над головой, казалось, горела ярче прежнего; Вьянка и ее успела начисто вытереть.

— Зато я видел вашу Систему, братишка. — Бродерман поднял руку с белым пакетом. — Карлито

---

[368] Примечания: 368

Белый мексиканец, житель города Мехико, рожденный в столице или мигрировавший из другого города (сленг.).

[369] Примечания: 369

Что слышно? *(исп.)*

прислал тебе обувь.

На черных туфлях еще сохранились фирменные сине-белые ярлычки «Адидас». Тито присел на корточки у запакованного в мешки матраса и снял старые ботинки. Потом натянул «Адидасы» поверх не очень плотных носков, оторвал ярлычки и, крепко натянув шнурки, завязал их. Поднялся на ноги, покачался, чтобы проверить, удобно ли.

— Модель GSG9, — сообщил Бродерман. — Разрабатывалась для спецподразделений германской полиции.

Тито расставил ноги на ширине плеч, убрал свой «Нано» под майку, набрал в грудь воздуха и сделал сальто назад, едва не задев носками голую лампочку на потолке. Он приземлился в трех футах от места, где только что стоял, и ухмыльнулся Вьянке, но та и не подумала улыбнуться в ответ.

— Схожу куплю еды, — сказала она. — Ты что будешь?

— Все равно, — ответил Тито.

— А я, пожалуй, начну погрузку, — вызвался его кузен, легонько пнув носком ботинка груду черных мешков.

Вьянка передала ему свежую пару хлопчатобумажных перчаток.

— Помочь? — вызвался Тито.

— Не надо. — Бродерман натянул перчатку и погрозил кузену белым пальцем. — Повредишь себе что-нибудь, растянешь, а Карлито нам головы оторвет.

— Он прав, — на полном серьезе поддакнула Вьянка, надевая бейсболку вместо бумажной сеточки. — Так и доиграться можно. Ладно, давай сюда бумажник.

Тито повиновался.

Она достала два документа, оформленных на фамилию, которой чаще всего пользовались в их семье, — Геррера. *Adios*.[370] А деньги и карточку на метро оставила.

Тито посмотрел на кузена, потом на кузину — и опустился обратно на матрас.

Глава 29

Под изоляцией

Лежа в полном облачении на постели, затянутой гостиничным покрывалом, Милгрим думал о новой таблетке. Эзотерический эффект от «Райз»

---

[370] Примечания: 370
До свидания *(исп.)*.

отдаленно напоминал впечатления от поедания исключительно горячего цыпленка, жаренного в сычуаньском стиле с острым соусом.

И не просто горячего, а еще и должным образом приправленного. Настолько, что посетителю приносят блюдце с ломтиками лимона, которые нужно высосать, чтобы немного смягчить последствия ожога. Как давно уже Милгриму не доставалось такой пищи. Он и забыл, когда получал от еды удовольствие. В последнее время мужчина свыкся с китайскими блюдами преувеличенно кантонского направления, вроде той безвкусной мешанины, которую принесли ему в прачечную на Лафайет-стрит, а сейчас вдруг отчетливо вспомнил то удивительное ощущение, когда запиваешь нешуточный ожог от пряностей чашкой холодной воды, и та заполняет рот целиком, но странным манером не касается кожи, как если бы все внутри покрывала серебристая молекулярная мембрана китайской антиматерии, чудо-изоляция из волшебной сказки.

Вот и «Райз» вызывал похожее чувство, только роль холодной воды играло желание быть собой, или быть собой хотя бы в главном, или же просто быть, что на деле сложнее всего. Причем если рецепт погрубее заставил бы выплюнуть воду,

то после «Райз» ее хотелось держать и держать во рту, наслаждаясь ощущением серебристой мембраны.

Не открывая глаз, Милгрим почувствовал, как Браун приблизился к незапертой двери между комнатами. И неожиданно услышал собственный голос:

— Любая нация зиждется на своих законах, которые не зависят от внешних условий. Человек, изменяющий принципам в зависимости от обстановки, лишен их вовсе. Нация, изменяющая собственным законам, не имеет их вовсе и по прошествии времени теряет свое лицо.

С этими словами он распахнул веки: разумеется, Браун стоял на пороге с полуразобранным пистолетом в руке. Вечерняя чистка, смазка и проверка оружия превратились для него в ритуал; так по крайней мере казалось Милгриму, который ни разу не видел, чтобы Браун стрелял в кого-нибудь.

— Что ты сказал?

— Неужели мы вправду настолько боимся террористов, что готовы своими руками разрушить основы общества, которые сделали Америку Америкой?

Милгрим слушал себя как бы со стороны, все

более проникаясь изумлением. Откуда брались эти мысли? Прежде они не мелькали в его сознании… Ну, может быть, и мелькали, но не в таких лаконичных, отточенных формулировках, против которых, пожалуй, нечего было возразить.

— Какого хре…

— Если да, значит, враг своего добился. Ведь в этом и заключалась его цель, его единственная задача — запугать нас, принудить отказаться от правовых норм. Отсюда и слово — «террорист». Страх перед угрозами заставляет нас подрывать свои же общественные устои.

Браун разинул рот. Потом закрыл его.

— А причиной тому давно известное заблуждение, которое внушает человеку нелепую веру в лотереи. С точки зрения статистки, почти никто и никогда не выигрывает по билетам. Вот и акции террора, с точки зрения статистики, явление практически не существующее.

Милгрим еще не видел, чтобы у Брауна было такое лицо. Мучитель молча кинул на покрывало упаковку с лекарством.

— Доброй ночи, — отстраненно пожелал ему пленник, по-прежнему окутанный непроницаемой серебристой мембраной.

Браун без слов повернулся и медленно ушел к

себе, сжимая полуразобранный пистолет.

А Милгрим выбросил правую руку к потолку, вытянув указательный палец и согнув большой; сделал вид, будто стреляет; затем опустил воображаемое оружие обратно. Он даже не знал, что и думать о своей ситуации.

Глава 30

След

Коробка со шлемом от «Синего муравья» покоилась на соседнем сиденье. Журналистка ехала в Малибу. Над Беверли-Хиллс ярко светило солнце, однако, пока машина добиралась до моря, небо затянулось солеными тучами и стало похоже на черно-белый снимок.

Гостиничный завтрак, нечеловечески полезный для здоровья, требовалось чем-то дополнить, и Холлис заглянула в «Гладстон», где, положив коробку со шлемом на массивную деревянную скамейку напротив, подкрепилась супом-пюре из моллюсков и большой «колой». Резкий, пульсирующий свет на побережье напоминал головную боль.

В последнее время кое-что изменилось, раз-

мышляла про себя Холлис. Теперь она выполняет заказ «Нода», и любые затраты будут полностью покрыты. Такой взгляд на вещи ее устраивал; все лучше, нежели видеть себя наемницей Бигенда или «Синего муравья». В конце концов, формально положение журналистки осталось прежним: согласно договору, она на вольной контрактной основе обязалась написать для «Нода» статью о локативном искусстве, состоящую из нескольких тысяч слов. С такой ситуацией можно примириться. Что же касается версии Бигенда, тут все гораздо туманнее. Пиратские лодки, морские команды ЦРУ, грузовое судоходство, оборот оружия массового поражения и охота за ним, связь между Бобби Чомбо и контейнером — журналистка не знала, во что и верить.

Расплачиваясь, она вспомнила про деньги Джимми: конверт остался в номере «Мондриан», в маленьком сейфе под кодовым словом «КАРЛАЙЛ». Как с ними поступить? Инчмэйл обещал удостовериться, что купюры не фальшивые. Надо бы заставить его сдержать слово, а потом уже действовать по обстоятельствам.

Мысль о новой встрече, как всегда, породила двойственное чувство. Газетчики часто трубили о том, что они с Регом — пара, хотя это и не было

правдой, по крайней мере в обычном, плотском смысле слова, никаких пошлостей; и все-таки связь существовала, связь очень глубокая, хотя и без примеси секса. Они рука об руку создавали «Кёфью», стали двумя проводами, по которым бежало электричество музыки, а Джимми и Хайди всеми силами скрепляли группу, сколько могли. Обыкновенно бывшая певица благодарила силы, управлявшие людскими судьбами, за то, что в жизни Инчмэйла возникла божественная Анжелина из Аргентины — и унесла его, по большому счету, прочь из жизни Холлис. Так вышло лучше для всех, но скольких усилий ей стоило растолковать это всем, кроме самого Рега! И только Инчмэйл, всегда подозревавший, что его самобытная личность излучает чересчур сильный радиационный фон, согласился — правда, как-то слишком быстро.

Вернувшись к машине, Холлис поставила коробку на крышку багажника, достала шлем и, немного повозившись с незнакомой системой управления, надела его на голову. Интересно, не баловался ли кто-нибудь поблизости локативным творчеством?..

В тот же миг болезненное зарево соленых металлических небес перестало резать глаза: над

журналисткой выросла рука статуи Свободы, держащая факел высотой с трехэтажный дом. Прилизанное, словно из мультика, запястье торчало прямо из песка Малибу, ладонь могла бы накрыть баскетбольную площадку. Рука превосходила свой прототип размерами, она бесстыдно копировала его — и вместе с тем ухитрялась навевать скорее унылое, нежели смехотворное впечатление. Вот, значит, как оно будет в новой, локативной реальности Альберто? Неужто мир без подписей и ярлыков мало-помалу наводнят виртуальные изображения, столь же прекрасные, уродливые, пошлые, как и все, чем уже сейчас полнится сеть? А разве есть повод ожидать, что человечество переменится к лучшему или к худшему?

Рука Свободы и факел смотрелись будто отлитые из бежевых контейнеров «Тапперуэр»[371]. Вспомнилось, как Альберто рассказывал о своих трудах по поиску нужных скинов и текстур. Перед глазами встали ацтекские принцессы в микроскопических юбочках, нарисованные на

[371] Примечания: 371

«Тапперуэр» — товарный знак пластиковых контейнеров для хранения пищевых продуктов и других кухонных аксессуаров производства компании «Тапперуэр корпорейшн», г. Орландо, штат Флорида. Распространяются не в магазинах, а на т. н. «тапперуэровских вечеринках», ставших явлением массовой культуры, а теперь и через Интернет.

его «фольксвагене». Любопытно, где расположен источник Wi-Fi для этого представления?

Журналистка сняла виртуальный шлем и спрятала в коробку.

На обратном пути, глядя, как солнце исподволь пробивает себе дорогу сквозь тучи, она решила найти фабрику Бобби, хотя бы ради того, чтобы лишний раз присмотреться. Особых сложностей не предвиделось. Тело Холлис, как постепенно выяснялось, прекрасно ориентировалось в Лос-Анджелесе само, без помощи разума.

Некоторое время спустя она уже ехала по Ромейн-стрит, ища ту развилку, на которую в прошлый раз вырулил Альберто. Наконец показались знакомые побеленные стены. Едва повернув, Холлис увидела, как отъехало нечто крупное и еще более белоснежное. Она притормозила и подалась к обочине. Длинный ослепительный грузовик развернулся, вильнул направо и скрылся за угол. Даже и не разбираясь в подобного рода машинах, журналистка могла предположить, что в нем (хотя заднюю часть и не стали превращать в отдельный трейлер) разместилась бы обстановка дома с двумя спальнями. Сверкающий, белый, без опознавательных знаков… И вот он исчез.

— Черт, — ругнулась она, останавливаясь на

том же месте, где останавливался Корралес.

Вот и железная дверь зеленого цвета, через которую они в прошлый раз входили. Но почему на нее упала диагональная тень? Солнце стояло в зените, и темнота могла означать лишь одно: створка открыта, причем дюйма на три, а то и больше. Холлис впервые увидела белые с горизонтальным рифлением двери погрузочной площадки. Подгоняйте грузовик, люди добрые, и забирайте, что пожелаете.

Журналистка открыла багажник, спрятала туда свой пауэрбук и коробку, захлопнула его, достала сумочку, нажала на пульт, чтобы закрыть машину, и, распрямив плечи, направилась к зеленой двери. Та, как и показалось на расстоянии, была на несколько дюймов отворена. Холлис чуть наклонила голову и прищурилась поверх солнцезащитных очков, тщетно вглядываясь в темноту проема.

Затем, порывшись в сумочке, обнаружила на дне маленький светодиодный фонарик на кольце с ключами (один из них открывал коммерческий почтовый ящик, которым она уже не владела, другой имел отношение к автомобилю, который ей больше не принадлежал). Журналистка сжала плоский фонарик большим и указательным

пальцами: против ожидания, батарейка еще работала.

Чувствуя себя довольно глупо, Холлис постучала по крашеному металлу. Костяшки пальцев больно заныли. Тяжелая створка не шелохнулась.

— Бобби? Привет. Это я, Холлис Генри. Бобби…

Она приложила к двери свободную ладонь и надавила. Створка поехала гладко, но очень медленно. Не расставаясь с фонариком, журналистка левой рукой сняла солнцезащитные очки и шагнула в темноту.

Помощи от маленькой лампочки было немного, поэтому Холлис отключила ее и замерла, чтобы дать глазам привыкнуть. Вскоре где-то впереди проявились тусклые пятнышки и слабые лучи — должно быть, просветы в закрашенных окнах.

— Бобби? Это Холлис. Ты где?

Журналистка попробовала снова включить фонарик, в этот раз направив его на пол. В неожиданно ярком круге света возник отрезок белой порошковой линии, чуть смазанный отпечатком остроносой мужской кеды.

— Эй! Это я, Нэнси Дрю[372]. Бобби? Ты здесь?

---

[372] Примечания: 372

Героиня цикла романов и компьютерных игр, девушка-детектив.

Холлис медленно повела лучом от запястья и с трудом разглядела панель переключателей. Подойдя к стене, нажала один из них. За спиной тут же вспыхнуло несколько галогенных светильников.

Вид бетонного пола, просторного, как пустыня, изрезанного координатной сеткой GPS, уже не удивлял. Правда, разметка местами смазалась, точно мел на доске, а компьютеры и столы со стульями кто-то вынес. Холлис осторожно двинулась вперед, стараясь не задевать порошковые линии. Вокруг белело множество самых разных следов. Лишь некоторые из них принадлежали Бобби — ну или человеку в такой же нелепой обуви, что казалось маловероятным. Кое-где желтели сожженные до фильтров, раздавленные по бетону окурки. Даже не наклоняясь, журналистка знала, что это «Мальборо».

Она подняла глаза к освещенному потолку, обвела взглядом пол с отпечатками подошв и окурками и подытожила, вспомнив одно из выражений Инчмэйла:

— Похоже, Бобби ударился в бега.

Кто-то убрал оранжевую ленту, ограждавшую кальмара Арчи.

Холлис вышла на улицу, постаравшись не кос-

нуться приотворенной зеленой двери. Достала из машины пауэрбук и, пока тот выполнял загрузку, вынула из коробки шлем «Синего муравья». Захлопнула багажник и возвратилась в здание с компьютером под мышкой и виртуальным головным убором в левой руке. Открыла пауэрбук, чтобы удостовериться… Так и есть, беспроводная сеть 72fofH00av исчезла заодно с Бобби. Снова сунув лэптоп под мышку, журналистка немного повозилась со шлемом, подключила его и надела на голову.

Арчи бесследно пропал.

Зато грузовой контейнер был на месте. Внутри, под каркасом, что-то мерцало…

Холлис шагнула вперед, и видение растаяло в воздухе.

За спиной раздалась негромкая отрывистая речь, слова звучали не по-английски. Журналистка дернулась, чтобы убежать, потом опомнилась и для начала сняла виртуальный шлем.

В дверном проеме, озаренные ярким солнцем, стояли женщина и мужчина. Оба невысокого роста.

— *Hola*[373], — сказал пришелец с широкой

---

[373] Примечания: 373
Здравствуйте *(исп.)*.

шваброй.

— Здравствуйте. — Холлис двинулась навстречу незнакомцам. — Хорошо, что пришли. Я как раз ухожу. Видите, какой тут оставили беспорядок. — Она неопределенно помахала рукой со шлемом.

Мужчина что-то произнес по-испански — мягко, но с вопросительной интонацией. Журналистка боком протиснулась мимо, бросила: «До свидания» и, не оглядываясь, ушла.

За взятым напрокат «пассатом» стоял видавший виды серебристо-серый микроавтобус «Эконолайн».

Холлис на ходу нажала пульт, чтобы открыть машину; скорее за руль, виртуальный шлем на сиденье, пауэрбук на пол, ключ в зажигание. В зеркале отразились помятые задние двери «Эконолайна». Автомобиль сорвался с места и спустя мгновение вихрем помчался вдоль по Ромейн-стрит.

Глава 31

Puro

Бродерман отнес черные мешки вниз и по-

грузил в фургон; за ними последовали стул и гладильная доска, предназначенные для Вьянки. Вскоре кузина вернулась и принесла для всех мясо «по-восточному», с рисом, луком и соевым соусом. Троица подкрепилась, усевшись в ряд на завернутой в пакеты подстилке и почти не переговариваясь, а потом Бродерман и Вьянка ушли.

Тито остался один, если не считать матраса, болгарского пистолета под ним, зубной пасты и щетки, одежды, в которой он обычно ходил на встречи со стариком, и железной вешалки, где она висела; да еще, пожалуй, двух проволочных плечиков, бумажника, телефона, перчаток из белого хлопка на руках и трех запасных пар носков — их можно будет сунуть за пояс свободных черных джинсов.

Комната стала как будто просторнее и казалась чужой. Утешали только неизменные следы известковых окаменелостей на фанерных щитах высокого потолка. Чистя зубы над раковиной, Тито решил спать прямо в джинсах и футболке. Стоило выключить свет, как наступила непроглядная тьма, совершенно поглотившая размеры пространства. Мужчине пришлось подняться и снова зажечь лампочку. Потом он под громкий хруст целлофана улегся на упакованную подстил-

ку и закрыл глаза парой новых черных носков, от которых пахло свежей шерстью.

Тут раздался условный, до боли знакомый стук Алехандро. Тито убрал с лица носки, скатился с матраса, несколько раз негромко ударил в дверь, дождался ответа и впустил гостя. Кузен застыл на пороге, держа в руке ключи, слегка благоухая алкоголем и глядя мимо Тито на комнату, лишенную последней обстановки.

— Похоже на камеру, — заявил Алехандро.

— Ты всегда так говоришь.

— Причем на пустую, — добавил он, входя и запирая за собой дверь. — Я тут был у дядей. Должен проинструктировать тебя насчет завтра. Но только я скажу больше, чем велено. — Вошедший осклабился, и Тито невольно задался вопросом: сколько же он выпил? — Вот так вот, придется тебе меня услышать.

— Я всегда слушаю.

— Нет, слышать — это другое. Подай мне вон те носки.

Тито протянул ему пару новых носков; кузен разделил их и надел на руки.

— Сейчас кое-что покажу.

Защищенными ладонями он ухватился за стойку вешалки, подпер ее ботинком, чтобы не

укатилась, и сильно наклонил.

— Загляни под низ.

Тито нагнулся, посмотрел под витиевато украшенное основание и увидел что-то маленькое, синего цвета, приклеенное изолентой.

— Что это?

— С ногами поосторожнее, — предупредил кузен, опуская вешалку обратно.

— Но что это?

— Устройство для перехвата исходящего и входящего трафика твоего мобильного. Сообщения. На волапюке. При этом не важно, какой у тебя номер. Каждый раз, когда ты получал инструкции доставить айпод своему старику, они были в курсе.

Алехандро глупо ухмыльнулся, почти как в детстве.

— Кто? Кто — они?

— Враги старика.

Тито припомнил их прошлые разговоры.

— А он из правительства? ЦРУ?

— Когда-то был офицером контрразведки. Теперь, по словам Карлито, стал предателем, повел нечестную игру. И сошел с ума.

— Сошел с ума?

— Ну, это к делу не относится. По воле Карлито

и иже с ним наша семья ввязалась в эту операцию. Ты тоже ввязался. Но теперь хотя бы знаешь правду. Ты не был в курсе насчет «жучка», — Алехандро кивнул на вешалку, — а дяди были. Вся семья наблюдала за тем, как его устанавливали и как недавно приходили менять батарейку.

— Но вам известно, кто это сделал?

— Как тебе сказать. — Кузен подошел к стене и облокотился на край раковины. — В некоторых случаях чем ближе подбираешься к правде, тем больше усложняется дело. Ты замечал когда-нибудь, что мужчина в баре готов разъяснить любую, самую темную тайну человечества? Достаточно трех стаканов. Кто убил Кеннеди? Три стакана. Ради чего Америка на самом деле сунулась в Ирак? Три стакана. Так вот эти трехстаканные ответы никогда не содержат правды. Она чересчур глубока, братишка, и неуловима и ускользает сквозь тонкие щели, словно шарики ртути, с которыми мы забавлялись в детстве.

— Расскажи.

Алехандро поднял обе руки, и черные носки превратились в персонажей кукольного театра.

— Я старик, и я когда-то хранил секреты здешнего правительства, — пропищал он за левый носок. — А сейчас терпеть не могу политиков,

особенно некоторых шишек, за кем, по моему разумению, числятся кое-какие грешки. Может, я и помешанный, чокнутый, но ужасно умный. У меня есть друзья с похожими целями и наклонностями. Пожалуй, не такие сумасшедшие, и, пожалуй, им даже есть что терять. С их помощью я выуживаю тайны, а потом замышляю…

— Скажи, а эта штука нас не слышит?

— Нет.

— Почему ты так уверен?

— Карлито просил одного приятеля разобраться. Ты же видел, там нет ни единого провода. Такие игрушки — вне закона, их разрешается иметь только правительственным службам.

— Значит, правительство?

— Контрактники, — пропищал Алехандро за правый носок. — Мы просто контрактники. В наше время все так и делается. Мы работаем на правительство, это правда. Разве что… — импровизированная черная марионетка приблизилась к лицу Тито и скривила «рот» в выразительной гримасе, — …так бывает не всегда. — Кукловод заставил носки поклониться друг дружке и опустил руки. — Похоже, заказчик и впрямь из правительства, однако еще не факт, что он действует в его интересах. Контрактникам не обязательно знать

подробности, да и не каждому этого захочется, правильно? В некоторых случаях удобнее всего вообще ничего не знать. Ясно теперь?

— Нет, — ответил Тито.

— Если вдаваться в детали, боюсь, я сочиню целую историю. Основанную по большей части на словах Карлито и прочих. Ладно, вот несколько неоспоримых истин. Завтра ты встречаешься с человеком на цокольном этаже «Прада» в отделе мужской обуви. Получаешь от него айпод и кое-какие наставления. К тому времени тебе уже придет сообщение — на волапюке, на эту квартиру, — о том, как передать вещицу старику в час пополудни на фермерском рынке на Юнион-сквер. Получив послание, немедленно уходи отсюда. После того, как тебе вручат айпод, нигде особенно не задерживайся, броди по улицам до часа дня. Родные, конечно, будут поблизости.

— Обычно айподы оставляли в почтовых ящиках, — заметил Тито.

— Только не в этот раз. Ты сможешь узнать этого человека позже. Делай как он скажет. Все в точности. Они со стариком заодно.

— А контрактники, они что же, постараются отнять айпод?

— По дороге никто не станет на тебя охотиться.

Прежде всего им нужен старик. Хотя айпод им тоже не помешает, поэтому, как только старик появится в поле зрения, они сделают все возможное, чтобы тебя схватить.

— А ты в курсе, какую я получил инструкцию?

— Да.

— Можешь объяснить, зачем это надо?

— Сдается мне, — произнес Алехандро, подняв руку и заглядывая в несуществующие глаза черного носка-марионетки, — как будто старик или те, кто посылает ему айподы, решили накормить кого-то чистым *puro*.

Тито кивнул. Этим словом — *puro* — в их семье обозначали самую изощренную и безоглядную ложь.

Глава 32

«Мистер Зиппи»

Ожидая, пока Альберто заглянет к «Мистеру Зиппи», в блаженный оазис покоя и взаимоуважения, расположенный в круглосуточном магазине у заправки «Арко» на углу Одиннадцатой и Блэн, Холлис угостилась зажаренным бараньим ребрышком и картошкой за доллар

пятьдесят девять; бумажная тарелка стояла прямо на багажнике «пассата».

У «Мистера Зиппи» вас никогда не побеспокоят. Памятуя об этом еще с прошлого приезда в Лос-Анджелес, журналистка нарочно заглянула сюда. Приютившееся среди ларьков у автострады заведение было рассчитано на вкусы самой разномастной публики. Столовались тут и бездомные — из тех, кто пошустрее и способен раздобыть деньжат, и сексуальные труженики любого пола и вида, сутенеры, полисмены, наркоторговцы, служащие, художники, музыканты, люди, затерявшиеся на этой земле и в жизни, и всякий, кому позарез не хватало отличной поджаренной картошки. Посетители ели стоя — разумеется, те, у кого был автомобиль, чтобы разместить бумажную тарелку. Остальные сидели попросту на обочине. Обедая здесь, Холлис нередко думала, что Организация Объединенных Наций напрасно пренебрегает исследованиями примиряющей силы жареного картофеля.

Все-таки тут было как-то спокойнее. Возможно, кто-нибудь проследил за непрошеной гостьей от са́мого здания обезлюдевшей фабрики Бобби Чомбо (Холлис не хотела этому верить, хотя чутье говорило: такое вполне вероятно). Одна только

мысль о погоне заставила нервы между лопатками свернуться тугим узлом, но «Мистер Зиппи» помог им расслабиться.

Ближайший автомобиль оттенка слоновой кости смутно напоминал пропорциями «майбах». Приехавшие на нем молодые люди в просторных балахонах с капюшонами и затейливых темных очках почему-то не ели, а вместо этого хмуро возились с оттюнингованными колпаками на колесах. Один из парней сидел за рулем, а другой стоял и рассматривал левый передний колпак, разделенный напополам зловеще мерцающим рядом из разноцветных светодиодных лампочек. Интересно, кто эти люди — хозяева автомобиля или техническая обслуга? Обед у «Мистера Зиппи» редко обходился без вопросов подобного сорта — о ролях и профессиях незнакомцев и так далее. Особенно в предрассветное время — именно в эти часы участники «Кёфью», засидевшись в студии, заглядывали сюда перекусить. Инчмэйлу здесь нравилось.

И вот мимо сказочных колпаков проплыл классический «фольксваген-жук», покрытый глазурью из томнооких ацтекских принцесс и квазифаллических вулканов, с Альберто за рулем. Водитель припарковался чуть поодаль и подошел

к журналистке, когда она доедала картошку.

— Он исчез, — пожаловался Альберто и, с недоверием оглядев местную братию, спросил: — Моя машина не пострадает?

— Знаю, что исчез, — ответила Холлис. — Это я тебе рассказала. А машину твою никто не тронет, мы же у «Мистера Зиппи».

— Ты уверена?

— Все будет нормально. Где Бобби?

— Пропал.

— Ты был у него?

— После того, что ты сообщила? Нет. Но все электронные письма возвращаются назад. И работа стерта. По крайней мере на сервере, которым он пользуется.

— И кальмар?

— Вообще все. Два моих неоконченных представления. Шарон Тейт[374]…

— Даже знать не хочу.

Корралес нахмурился.

— Прости, Альберто. Нервы ни к черту. Думаешь, каково мне было приехать, а там — ни души? Между прочим, Бобби когда-нибудь нанимал

[374] Примечания: 374

Актриса, жена кинорежиссера Романа Полански; была убита вместе с шестерыми своими друзьями в Беверли-Хиллс в августе 1969 г. общиной хиппи, известной как «семья Мэнсона».

уборщиков?

— Уборщиков?

— Ну, парочку испанцев? Среднего возраста, невысоких?

— Вообще-то, когда я тебя привел, по его понятиям, там было чисто. Бобби никого не впускал, тем более для уборки, он просто накапливал мусор. В последний раз ему пришлось переехать, когда соседи заподозрили, что наш нелюдимый приятель тайно держит лабораторию по производству наркоты. Он же почти не выходит…

— А где он спал?

— Там и спал.

— Где именно?

— В мешке с подушкой, и постоянно менял квадраты. Каждую ночь.

— У него, случаем, не было такого большого белого грузовика?

— Ни разу не видел Бобби за рулем.

— И что, он всегда работал в одиночестве?

— Нет. Иногда приводил кого-нибудь, если сроки поджимали.

— Ты знаешь хоть одного?

— Нет.

Холлис разглядывала жирные разводы на бумажной тарелке и думала, что, если бы хорошо

знать греческий, можно было бы придумать название для прорицателя, гадающего на грязных тарелках из-под жареной картошки. Правда, слово получилось бы слишком длинное… Она посмотрела на машину цвета слоновой кости со световыми диодами на колпаках.

— Что у них, дисплей сломался?

— Изображение не идет, когда колеса не крутятся. Система распознает положение колеса и зажигает нужные лампочки, огоньки накладываются друг на друга и создают изображение.

— Любопытно, для «майбаха» тоже такие выпускают?

— Что такое «майбах»?

— Автомобиль. Скажи, Бобби когда-нибудь упоминал грузовые контейнеры?

— Нет. А что?

— Даже в связи с чужими работами?

— Бобби никогда не обсуждал чужие работы. Вот рекламные заказы вроде японского кальмара — это пожалуйста.

— Можешь назвать хоть одну причину, чтобы ему вот так испариться?

Альберто внимательно посмотрел на нее.

— Ну, разве только ты сама его спугнула.

— Я что, настолько страшная?

— По мне, так нет. Но Бобби есть Бобби. Лично меня волнует и даже убивает другое. Не считая угробленной работы, конечно. Никак не умещается в голове, что он так стремительно решился на переезд. В прошлый раз это заняло целых три дня. Чомбо нанял тогда какого-то ширялу на почтовом фургоне. Кончилось тем, что я пришел и помог все устроить.

— Трудно сказать, что меня больше всего тревожит, — произнесла Холлис, — но что-то такое есть…

Парни в балахонах с капюшонами по-прежнему колдовали над колпаками, напустив на себя вид технарей из НАСА перед запуском ракеты.

— А ты что, не перекусишь?

Альберто покосился на бензозаправку и ночной магазин.

— Я не голоден.

— Зря, не попробуешь клевой картошечки.

Глава 33

Второе «он»

Одетый в плащ с облегающим голову капюшоном из гостиничных одеял Браун указал

куда-то вдаль, за холмистую бежевую равнину, увесистым деревянным посохом, по всей длине которого тянулся традиционный узор из черных следов от сигарет.

— Вон там.

Милгрим прищурился в указанном направлении. Собственно, туда они оба и ехали вот уже долгое время. Безликий окоем разнообразили только странные сооружения из бревен, похожие на виселицы.

— Ничего не вижу.

Милгрим готовился получить удар за непослушание, однако Браун лишь повернулся, не опуская палки, положил свободную руку ему на плечо и мягко сказал:

— Просто она за горизонтом.

— Что — «она»? — спросил его спутник.

В бездонном небе, словно написанном кистью обкуренного Тёрнера[375], за тучами, словно в жерле вулкана, что-то мрачно мерцало, суля породить неисчислимые, ужасные смерчи.

— Крепость великого Балдуина, — провозгла-

---

[375] Примечания: 375

Тёрнер Джозеф Мэллорд Уильям (1775–1851) — английский живописец и график, представитель романтизма; более всего известен своими поздними картинами, в которых очертания предметов растворены в стихии света и цвета.

сил Браун, склонившись к Милгриму. — Графа Фландрии, Императора Константинопольского, сюзерена всех крестоносцев, какие княжат на землях Восточной Империи.

— Но ведь Балдуин умер, — возразил ему пленник и тут же втянул голову в плечи.

— Неправда, — ответил Браун по-прежнему ласковым тоном, протягивая посох вдаль. — Там высится оплот его. Как же ты до сих пор не видишь?

— Он мертв, — настаивал Милгрим. — Но среди бедноты ходит миф о Спящем Императоре, и, возможно, явился какой-нибудь самозванец, лже-Болудин.

— Да вот же! — Браун опустил тяжелую палку и крепче сжал ему плечо. — Вот он, истинный и единственный!

Тут Милгрим заметил, что не только плащ и капюшон его спутника, но и сама равнина состояла из бежевой одеяльной пены. Или была лишь укрыта ею, поскольку босые ноги ощущали под тонкой тканью песчаную дюну.

— Вот, вот, — повторял Браун, тряся переводчика за плечи. — Пришло! — и совал ему в лицо свой «блэкберри».

— Карандаш. — Садясь на краю постели, Ми-

лгрим опять услышал себя со стороны. Кромка гостиничных занавесок словно потрескалась от дневного света. — Бумагу. Который час?

— Десять пятнадцать.

Мужчина завладел КПК и узкими глазами уставился на экран, тщетно пытаясь перекрутить текст. Сообщение, о чем бы в нем ни говорилось, было кратким.

— Карандаш. Бумагу.

Браун протянул ему лист почтовой бумаги «Нью-Йоркера» и четырехдюймовый карандашный огрызок желтого цвета, который всегда держал наготове: Милгрим настаивал на том, чтобы иметь возможность стирать неудачные варианты.

— Теперь оставь меня одного.

Браун издал неразборчивый приглушенный звук — не то разозлился, не то выражал разочарование.

— Я сделаю свою работу лучше, если ты пойдешь к себе, — произнес Милгрим, выдержав его взгляд. — Мне нужно сосредоточиться. Это тебе не адаптированный французский текст из учебника. Тут речевые идиомы в чистом виде.

Он по глазам увидел, что собеседник ни сном ни духом не понимает, о чем разговор, и внут-

ренне возликовал.

Браун постоял немного, потом развернулся и вышел из комнаты.

Милгрим еще раз перемотал сообщение к началу и взялся за работу, выводя заглавные печатные буквы на бумаге с эмблемой «Нью-Йоркера».

СЕГОДНЯ В ЧАС НА

Он задумался.

ЮНИОН-СКВЕР СЕЛЬХОЗ…

Ластик почти истерся. Милгрим уничтожил последнее слово, царапая лист металлическим ободком.

ЮНИОН-СКВЕР ОВОЩНОЙ ФЕРМЕРСКИЙ РЫНОК

СЕМНАДЦАТАЯ УЛИЦА ДОСТАВИТЬ ОБЫЧНОМУ КЛИЕНТУ

Все казалось очень и очень просто.

Да так оно и было на самом деле, однако Браун так ждал этой записки, ждал, когда НУ получит ее у себя на квартире, на экран очередного сотового, обреченного тут же на выброс и замену, там, где маленький любопытный «жучок» в основании вешалки уловил бы каждое слово. Браун томился ожиданием с тех самых пор, как обзавелся Милгримом. Предполагалось, что предыдущие сообщения были получены где-нибудь еще, когда

НУ обретался снаружи, курсируя вдоль по южному Манхеттену.

Милгрим понятия не имел, откуда у Брауна взялось представление об этих предыдущих посланиях — взялось, и все тут. К тому же было ясно как день, что его занимает даже не мифический НУ и не предмет доставки, а сам «обычный клиент». Второе «он» во всех телефонных переговорах. Тот, кого иногда величали «субъектом». Милгрим не сомневался: его заточитель спит и видит, как бы захватить этого са́мого Субъекта, а НУ в его глазах — всего лишь Упроститель, не более. Как-то раз, держа постоянную связь со своими невидимыми помощниками, Браун устроил настоящие гонки на Вашингтон-сквер, но, к своему разочарованию, обнаружил, что Субъект бесследно растворился, а НУ, похожий на маленького черного ворона, прогулочным шагом удаляется по Бродвею, перебирая тонкими ножками по рваному покрывалу потемневшего снега. Милгрим наблюдал это своими глазами через окно серого, пропахшего сигарами «фордатаурус», укрывшись за плечом водителя.

А сейчас переводчик поднялся, разминая затекшие бедра, заметил расстегнутую ширинку, застегнул ее, потер глаза и всухомятку принял

утреннюю дозу «Райз». Как хорошо: и Браун уже не помешает. Милгрим взглянул сверху вниз на «блэкберри» на прикроватном столике рядом с готовым текстом.

Прерванный сон вернулся. Опять эти полувиселицы-полунепонятно что. Они ведь из мира Босха, кажется? Орудия пыток, подпорки для разобранных исполинских орга́нов?

Милгрим взял в руки почтовую бумагу и «блэкберри» и подошел к двери, разделяющей комнаты; та, как обычно, была открыта.

— Юнион-сквер, — сказал он.

— Когда?

Милгрим улыбнулся.

— Сегодня. В час.

Браун тут же вырос перед ним, отобрал электронную записную книжку и лист.

— Это здесь так написано? И что, все?

— Да, — подтвердил переводчик. — А меня — снова в прачечную?

Собеседник пронзил его взглядом. Раньше пленник не задавал подобных вопросов. Лучше усваивал уроки.

— Со мной пойдешь. Может, надо будет что-то перевести вживую.

— Думаете, они говорят на волапюке?

— *По-русски* они говорят, — процедил Браун. — На кубинском китайском. И старик тоже. — Он отвернулся.

Милгрим отправился в душ и включил холодную воду. «Райз» пошел сегодня не очень гладко. Мужчина посмотрел в зеркало. Не мешало бы подстричься.

Выпив стакан воды, он подумал: наступит ли время, когда можно будет глядеться в отражающие поверхности не только для того, чтобы не запустить свою внешность? В какой-то момент пленник попросту отказался видеть в них *себя*.

За стенкой Браун кого-то вздрючивал и давал указания по телефону. Милгрим подставлял запястья под холодные струи до тех пор, покуда не заломило мышцы. Потом закрыл воду и вытер полотенцем руки. Прижался к мокрой ткани лицом, воображая, как много незнакомых людей проделывали здесь до него то же самое.

— Да не надо мне больше! — донеслось из-за стенки. — Пусть будет меньше, но лучше. Заруби на носу, это не ваши грязные арабы. И здесь тебе не там. Это же операторы, обученные с нуля. Ты его уже упустил на чертовой Канал-стрит. Если упустишь на Юнион-сквер, тогда я не знаю, что сделаю. Понял? Не знаю, что сделаю.

Милгрим тоже не хотел бы этого знать, по крайней мере в том угрожающем смысле, какой прозвучал в последних словах, однако сама ситуация возбудила его любопытство. Что за кубинский китайский? Что за нелегальные упростители, которые изъясняются на русском языке, а переписываются на волапюке, ютятся на безоконных чердаках на окраине Чайнатауна, носят «А.Р.С.» и умеют играть на клавишных? К тому же не грязные арабы, поскольку здесь нам не там?

Каждый раз, когда Милгрима одолевали сомнения, а желания расслабиться и насладиться мыслительным процессом не возникало, мужчина принимался бриться — если, конечно, условия позволяли, как, например, сегодня.

Операторы. Обученные с нуля.

Старик. Это он — Субъект.

Милгрим повесил полотенце на шею, бросил мочалку в раковину и включил горячую воду.

Глава 34

Страна призраков

— «Эзейза», — произнес Инчмэйл.

— Это что?

— Аэропорт. Международный терминал Б.

Холлис позвонила ему на сотовый, прямо в Буэнос-Айрес. Какая разница, во что обойдется подобная беседа.

— Когда прилетаешь, послезавтра?

— Нет, на день позже. До Нью-Йорка лететь далеко, но это же почти все время на север. Даже странно: такой долгий путь, а часовые пояса не меняются. Я тут обедаю с другом, ужинать буду с кем-то из «Боллардов», а с утра вылетаю к тебе.

— Рег, я, кажется, влипла в историю с этим «Нодом».

— А мы тебе что говорили? Моя благоверная насквозь видит твоего нового дружка Бигенда. С той самой минуты, как ты назвала его имя, она без передышки ругается последними словами, одно хуже другого. Сегодня утром немножко оттаяла, сказала просто: «грязная свинья». Или наоборот, рассвирепела?

— Положа руку на сердце, сам он не показался мне таким уж мерзким, разве что машина безвкусная. Меня смущает другое — бешеные деньги, которыми заправляет Бигенд. Даже не знаю… Как будто встретила младенца-великана с чудовищно развитым интеллектом. Что-то в этом роде.

— Анжелина говорит, он ни перед чем не остановится, лишь бы утолить свое любопытство.

— Пожалуй. Только вот интересуют его такие вещи, которые мне не по вкусу. Чувствуется, Бигенд затевает какую-то игру, и она мне тоже не нравится.

— «Что-то в этом роде», «чувствуется»… Ты сделалась такой скрытницей.

— Знаю, — ответила Холлис и вдруг замерла, даже на миг опустила трубку: она вдруг поняла причину своей тревоги. — Но мы же *по телефону* говорим, верно?

На том конце наступила полная тишина. То есть тишина совершенная, настоящая, оцифрованная, без обычных фоновых помех, которые воспринимаются как должное при международных переговорах. Так человек, идущий по улице, не замечает неба.

— А-а, — протянул Инчмэйл. — Ну да. Это я не учел. Порой даже думаешь, с этим у нас все хуже.

— Вот именно. И думаешь все чаще.

— Хм. Тогда, значит, жду разговора с глазу на глаз. Я еще не так силен в испанском, но вроде бы только что объявили мой рейс.

— Желаю хорошо долететь.

— Я тебе звякну из Нью-Йорка.

Холлис чертыхнулась и захлопнула телефон. Ей хотелось — и надо было — поведать Инчмэйлу пиратскую историю Бигенда, рассказать о встрече с Бобби, об уехавшем белом грузовике и собственных ощущениях в связи с этими событиями. Рег непременно бы все разложил по полочкам. Вряд ли что-нибудь прояснилось бы, просто сейчас не помешало бы обрести новую точку зрения. Инчмэйл вообще отличался большой оригинальностью. Однако случилось нечто другое; Холлис вдруг ощутила, что пересекла некую черту, ступила на зыбкую почву.

Этот Бигенд со своим автомобилем, будто нарочно созданным для злодея из фильма про Джеймса Бонда; этот его недостроенный штаб управления под стать машине; эти бешеные деньги, это запредельное любопытство и вкрадчивые манеры, эта вечная готовность совать нос в чужие дела… Нет, история принимала опасный оборот, не иначе. Причем такой, какого Холлис и не представляла раньше. Если владелец «Нода» не врет, он платит людям за сведения о секретных правительственных программах. «Война

со страхом»[376], так ее до сих пор называют? Чего-чего, а страху журналистка уже набралась с лихвой. Вот он, осколок ужаса, прямо в руке. Больше нельзя доверять своему телефону и паутине, протянувшейся от него по верхушкам жиденького подлеска из вышек сотовой связи, видных с любой магистрали, замаскированных при помощи нелепой искусственной листвы, кубистических папоротников и хвойных лап в стиле «ар-деко»; велика ли разница между этой, невидимой, сеткой и той, которую Бобби чертил у себя на полу неизвестно чем — то ли мукой, то ли мелом, спорами сибирской язвы, слабительным порошком для младенцев… Сплошь оцифрованная и прочее, телефонная паутина внимательно ловила каждое слово Холлис — а как же, ведь журналистка ухитрилась ввязаться в дела, в которые Бигенд любит совать свой нос. Бывают ситуации, когда подобные вещи становятся больше, чем реальностью.

Может, именно здесь и сейчас. Кто-то слушает.

---

[376] Примечания: 376

«Война с террором», геополитическая концепция, разработанная республиканской администрацией Джорджа Буша-младшего сразу после событий 11 сентября 2001 года с целью борьбы против международного терроризма. После июля 2005 года администрация Буша более не употребляет этот термин, говоря теперь о мировой борьбе против насильственного экстремизма.

Или что-то.

Холлис подняла взгляд. Она стояла посреди кофейни «Старбакс», вокруг суетились посетители. Сравнительно мелкая рыбешка из мира фотосессий, телевидения, музыки, компьютерных игр. В эту минуту никто из присутствующих не светился особым счастьем. Однако вряд ли кого-то из них зло коснулось вот так же явно, накрыв своей мрачной тенью.

Глава 35

Guerreros[377]

Упакованный в черное матрац с брошенными на середину ключами остался на полу, зубная щетка и паста — на краю раковины, а проволочные плечики — на старой железной вешалке, в основании которой скрывался «жучок». Тито в последний раз затворил за собой дверь и вышел на улицу, в ослепительно яркий и свежий день; весеннее солнце вовсю пригревало, взявшись оттаивать зимние собачьи колбаски.

Дойдя до Бродвея, он купил бумажный стакан-

---

[377] Примечания: 377
Воины *(исп.).*

чик кофе и теперь на ходу потягивал черный напиток, позволив прогулочному ритму войти в Систему, а самому себе — сосредоточиться исключительно на дороге и на движении. С этой минуты и вплоть до окончания миссии для него не должно существовать ничего, кроме пути вперед; даже если придется зачем-нибудь повернуть обратно или остановиться.

Дяди, научившие Тито Системе, сами учились у одного вьетнамца, из бывших солдат, прилетевшего из Парижа, чтобы коротать остаток дней в кубинской провинции Лас-Тунас. Еще ребенком их племянник видел этого человека на сельских семейных праздниках, но ни разу — в Гаване. И никогда с ним не говорил. Обычно вьетнамец носил свободную рубашку из черного хлопка, неприталенную и лишенную воротника, и банные сандалии из коричневого пластика, затертые на деревенских дорогах до цвета уличной пыли. Покуда другие мужчины потягивали пиво и курили сигары, вьетнамец на глазах у Тито поднимался по бетонной стене высотой с двухэтажное здание, не имея другой опоры, кроме совсем неглубоких, заполненных известью щелей между блоками. Странное это было воспоминание, и даже в детские годы Тито вос-

принимал увиденное как чудо, в самом обычном человеческом понимании. Дяди не аплодировали; они следили за ним в гробовой тишине, выпуская изо рта голубые струйки сигарного дыма. А ловкий вьетнамец, подобно тем легким струйкам, стремительно поднимался в вечерних сумерках все выше и выше, не просто перемещаясь, но как бы крадучись, врастая в стену и беспрерывно меняя свое положение.

Тито, когда настала его пора, схватывал уроки родичей на лету. К тому времени, как семья покинула Кубу, его Система была настолько сильна, что дяди остались весьма довольны.

В то же время, пока он учился у них, тетка Хуана разъясняла племяннику пути *guerreros*: Элеггуа, Огун, Ошоси и Осун. Если Элеггуа открывает любую дорогу, то Огун расчищает ее своим мачете, недаром он — бог войны, железа и тяжкого труда, владыка любых технологий. Знак его — цифра семь, а цвета — зеленый и черный; они-то и были вышиты на подкладке одежды Тито, шагающего по направлению к Принс-стрит с болгарским пистолетом, завернутым в носовой платок, во внутреннем кармане черной нейлоновой куртки. На са́мой грани восприятия «ехал» Ошоси, охотник и разведчик в стане оришей. Посвященный

в пути *guerreros* неизменно делается «конем», принимая в хозяева всю эту троицу (и еще Осун). Хуана вкладывала в племянника нужные знания, как утверждала поначалу, для того чтобы углубить и расширить Систему вьетнамца, и Тито читал доказательства ее слов в глазах своих учителей, однако держал рот на замке. Ведь тетка, кроме прочего, говорила еще, что благородное молчание о сокровенном знании помогает закрепить желанные результаты.

Мимо поехала Вьянка на маленьком мотоцикле; ярко раскрашенный зеркальный шлем повернулся в сторону Тито, блеснув на солнце. Ошоси уже следовал за ним, позволяя видеть окружающее особым образом. Вся улица, с ее пешеходами и дорожным движением, слилась в одно живое целое, превратилась в зверя. Наполовину выпив кофе, Тито поднял пластиковую крышку, украдкой погрузил телефон в напиток и выбросил запечатанный бумажный стаканчик в первую попавшуюся урну.

К тому времени, когда он достиг юго-западного угла Принс-стрит и Бродвея, мужчина влился в поток *guerreros*, словно увлеченный, готовый к бою участник невидимого парада. Ошоси показал ему чернокожего и к тому же одетого в черное

магазинного детектива с блестящей бусиной в ухе, в то время как Элеггуа отвел чужаку глаза. Миновав цилиндр лифта из толстого матового стекла, Тито спустился по лестнице. Он часто приходил в этот магазин полюбоваться на странные витрины, похожие на застывшее в са́мом разгаре карнавальное шествие. Выставленная на продажу одежда его никогда не прельщала, хотя смотреть было интересно. Она чересчур напоминала о деньгах, это ее, по-своему безымянную, но так легко поддающуюся описанию, копировали жители Канала.

Тито заметил еще одного магазинного детектива, на этот раз белого, в бежевом пальто и черной рубашке с галстуком. «Наверно, этим парням продают одежду со скидкой», — подумал Тито, огибая белую модульную стену с по́лками, полными косметики, и заходя в отдел мужской обуви.

Guerreros немедленно распознали незнакомца, застывшего с оксфордским ботинком из крокодиловой черной кожи в руках. Не догадаться было невозможно, но сила этого узнавания поражала в самое сердце.

Приземистый, широкоплечий, с очень короткими темными волосами, лет тридцати. Мужчина поставил ботинок обратно на полку и произнес

по-английски, хотя и с легким незнакомым акцентом:

— Шесть сотен… Ладно, сейчас не до этого. — Он улыбнулся, показав белоснежные, но слишком частые зубы. — Знаешь Юнион-сквер?

— Да.

— В северном конце парка, Семнадцатая улица, фермерский рынок. К часу ровно, раньше не светись, иначе его там не будет. Если подходишь на десять шагов и ничего не происходит, кидайся наутек. Они решат, что ты их заметил. Кто-то попытается схватить старика. Другие бросятся за тобой. Скройся от них, а вот это — потеряй.

Он опустил в карман куртки собеседника белый квадратик айпода в чехле на молнии.

— Бежать надо к «W», это гостиница на углу Семнадцатой и Парка. Знаешь?

Тито кивнул, припомнив, как еще раньше, проходя мимо, удивлялся странному названию.

— Главный вход — со стороны Парка. Только не вращающаяся дверь, первая от угла; там ресторан. Впрочем, тебе-то нужно как раз туда. Мимо портье — и сразу направо. По лестнице в фойе не поднимайся. В фойе не надо, понятно?

— Да.

— Значит, за дверь, направо, и получается пол-

ный разворот. Лицом к югу. Когда доберешься до вращающейся двери на углу здания — налево. Дальше в ресторан, идешь насквозь, через кухню, и выходишь на Восемнадцатую. По южной стороне ищи зеленый автофургон с серебристой надписью на кузове. Я буду ждать там.

Он повел головой, словно изучая ассортимент ботинок (сегодня они внушали Тито неодолимое отвращение).

— У этих парней, которые за вами охотятся, будут и телефоны, и рации, но мы их заглушим помехами, как только ты бросишься бежать.

Тито сделал вид, будто рассматривает ботинок из черной телячьей кожи, потрогал пальцем носок, неопределенно кивнул и повернулся, чтобы уйти.

Как подсказывал Ошоси, белый детектив в бежевом пальто внимательно следил за ними.

В эту минуту матовая дверь прозрачного лифта плавно отъехала в сторону, и появился Бродерман. Копна порыжевших волос, остекленевший взгляд, нетвердая походка. Белокожий детектив немедленно забыл про Тито, который преспокойно прошел к лифту и, нажав на кнопку, отправился в путешествие длиной в двадцать футов до наземного этажа. Пока закрывалась дверь,

он успел заметить, как ухмыльнулся тот, кого указали *guerreros*: через мгновение Бродерману предстояло резко «протрезветь» и с ледяным учтивым недовольством отреагировать на приближение магазинного детектива.

Глава 36

Очки, пупок, бумажник, часы

К тому времени, как Милгрим окончил бриться и одеваться, Браун устроил у себя настоящее собрание. Раньше к нему не ходили гости, а теперь возникли целых три человека, и все — мужского пола. Они появились через несколько минут после телефонного разговора. Милгрим успел мельком заметить посетителей, прошедших в соседнюю комнату. Белые, прилично одетые — вот, пожалуй, и все. Интересно, вдруг они тоже снимали номера в «Нью-Йоркере»? Особенные подозрения вызвали двое пришедших без пиджаков и верхней одежды.

Послышались оживленные голоса, но Милгрим не сумел ничего разобрать. Разве что Браун время от времени веско бросал «да» или «нет» или скороговоркой повторял стратегические правила.

Милгрим решил воспользоваться возможностью собрать вещи и, кстати, учитывая обстоятельства, дозаправиться «Райз». Сборы были недолгими: требовалось лишь положить книгу в карман пальто и позаботиться о гигиенических принадлежностях. Мужчина ополоснул и просушил лезвие синей пластмассовой бритвы. Протер туалетной бумагой зубную пасту «Крэст». Закатал пустой край тюбика, пока тот не раздулся как следовало. Вымыл и немного подержал под проточной водой белую зубную щетку. Просушил щетинки куском туалетной бумаги, свободно завернул во второй. Прикинул, не захватить ли с собой гостиничное мыло, которое давало такую приятную пену. Затем подумал: «А кто сказал, что я сюда не вернусь?»

Все-таки что-то назревало. В воздухе пахло жареным. Вспомнились книги о Шерлоке Холмсе, прочитанные давным-давно, буквально несколько столетий назад. Оставив мокрый обмылок на краю раковины, покрытой пятнами от зубной пасты и сбритыми волосками, мужчина рассовал пожитки по карманам пальто. А ведь Браун наверняка по сей день таскает с собой бумажник и паспорт, изъятые у Милгрима в первый день их знакомства (он удачно прикинулся копом, и

почему было ему не поверить, особенно тогда?). Теперь гражданское имущество пленника составляли туалетные принадлежности, книга, пальто и еще немного одежды. Плюс две таблетки «Райз» пятимиллиметрового диаметра. Мужчина выдавил большим пальцем предпоследнюю дозу из упаковки на ладонь и задумался. Гражданское это имущество или нет? Очевидно, что нет, решил он, глотая таблетку.

В соседней комнате Браун завершил сходку энергичным ударом в ладоши, и Милгрим поспешил отойти к окну. Незачем ему смотреть на этих людей, а тем более — им на него. Хотя еще неизвестно: может, Милгрим уже давно мозолит кому-то из них глаза. И все-таки…

— Шевелись давай, — обронил Браун в дверях.

— Я в полном снаряжении.

— Ты — чего?

— Зверь поднят, охота начинается.

— Бока, что ли, зачесались?

Однако по рассеянному, отстраненному взгляду сразу было заметно: Брауну не до разборок. Все его мысли без остатка занимала предстоящая операция, иными словами, НУ и Субъект. Свободной рукой (в правой у него был лэптоп в чемоданчике, а на плече висела черная нейлоновая сумка)

Браун похлопал себя по карманам, проверяя, на месте ли пистолет, наручники, нож, фонарь и прочие игрушки, без которых он никогда не выходил из номера. «Очки, пупок, бумажник, часы»[378], — мысленно процитировал Милгрим.

— Если ты готов, я тоже, — сказал он и вышел за Брауном в коридор.

Бензодиазипамовая вспышка настигла его в лифте и принесла с собой приятное возбуждение. Нет, сегодня в самом деле что-то затевалось. И это что-то обещало быть интересным, лишь бы не торчать снова в прачечной.

Браун бодро провел всех по коридору и через главный выход — на улицу, залитую неожиданно ярким солнцем. Привратник ожидал у свежевымытой серебристой «короллы», открыв дверцу. Браун взял у него протянутые ключи, а взамен сунул два доллара. Милгрим обошел машину и занял сиденье позади. У его ног уже пристроились лэптоп и черная сумка. Во время таких поездок Браун садился только впереди — возможно, для того, чтобы удобнее было стрелять. Послышался звук сигнализации, запирающей двери.

Автомобиль поехал на восток, на Тридцать

---

[378] Примечания: 378

Мнемотехническая фраза для запоминания правильного порядка движений при крестном знамении.

четвертую улицу. Стояла чудесная погода, предвещавшая приход настоящей весны, и Милгрим вообразил себя беспечным пешеходом на прогулке. Или нет, пешеходом с последней таблеткой «Райз» в кармане. Пришлось поменять картинку — повесить себе на плечо нейлоновую черную сумку, в которой наверняка хранился запас лекарства.

— Красные[379] номер один, — твердым голосом объявил Браун на повороте, — к югу от Бродвея, на Семнадцатой.

В ответ раздался приглушенный голос.

Милгрим пригляделся и заметил у него в ухе серый наушник, от которого тянулся за ворот куртки провод такого же цвета.

— Останешься в машине, — велел Браун, отключив радиомикрофон на воротнике. — Я тут разжился бумагами управления гортранспорта, так что копы не сунутся. И все-таки надо бы тебя пристегнуть наручниками.

Пленник был не настолько глуп, чтобы высказывать свое мнение по этому поводу.

— Но ведь это Нью-Йорк, — продолжал Браун.

Милгрим осторожно поддакнул.

---

[379] Примечания: 379
Условный противник на учениях.

— Коп думает, вот управление гортранспорта, подходит, а ты прикованный, да еще похож на обкуренного. Хреново.

— Да, — кивнул тот.

— Значит, без наручников.

Милгрим ничего не сказал.

— Они мне сегодня еще пригодятся, — заявил Браун и ухмыльнулся — впервые на памяти своего спутника. — Хотя чего же — далеко ты не убежишь без наркоты у меня сумке, правильно?

— Правильно, — согласился Милгрим, успевший прийти к точно такому же выводу несколько минут назад.

— Если вернусь и не увижу в машине твою задницу, тебе крышка.

Куда уж глубже в дерьмо, устало подумал Милгрим. Впрочем, страдать от ломки посреди улицы без документов и без цента в кармане, пожалуй, было бы еще хуже. Казалось, они оба понимали это без слов.

— Я слышу, да, — произнес Милгрим, стараясь попасть в тон собеседнику, но не разозлить его.

В глубине души он подозревал, что «крышка» в понимании Брауна означала попросту насильственную смерть. Причем подозревал намного явственнее, чем ожидал от себя.

— Принято, — ответил Браун голосам у себя в ухе. — Принято.

Глава 37

Фриранеры

Guerreros вели его вверх по Бродвею, залитому солнцем. Этого Тито не ожидал, поскольку рассчитывал добраться до Юнион-сквер по подземке, а потом описывать и сужать круги, дожидаясь назначенного времени. Но вышло иначе, и теперь мужчина двигался по воле влекущих его. Вскоре он превратился в обычного прохожего, а ориши растеклись по сознанию, точно капли чернил в океане воды; пульс успокоился, взгляд радостно ловил солнечные блики на цветочных узорах железных решеток. Он уже знал, хотя и старался не думать об этом, что достиг состояния высшей готовности.

В глубине души неприятно шевелилось беспокойство при мысли о скором — возможно, еще до заката, — прощании с этим городом, в которое почему-то совсем не верилось. А впрочем, было, наверное, время, когда Тито не мог себе представить, что покинет Гавану. Этого он уже не

помнил, хотя сборы и вылет с Кубы произошли точно так же стремительно. Тито не взял с собой ничего, кроме той одежды, в которой мать вытащила его из закусочной, не дав доесть сандвич с ветчиной. Мужчина до сих пор помнил вкус того хлеба, квадратной булочки из детства. Где же он будет завтра?

Тито пересек Хьюстон и увидел, как с тротуара взлетели голуби.

Минувшим летом он встретил на Вашингтон-сквер студентов из Нью-Йоркского университета. Это были фриранеры[380], поклонники движения, отдаленно схожего в чем-то с Системой. Все как один чернокожие, они принимали Тито за доминиканца, но в шутку звали его «китаезой». Может, и сегодня солнце выманит их на Вашинг-

[380] Примечания: 380

Фриран (свободный бег) — более жесткая и агрессивная разновидность паркура (фр. parkour дословно: полоса препятствий) — дисциплины, заключающейся в умении проложить прямой путь к цели, невзирая на преграды. Сочетает в себе особую философию («В жизни нет границ, есть только препятствия»), гимнастику, акробатику, легкую атлетику, элементы брейк-данса, боевых искусств и билдеринг (лазанье по стенам). Участники движения стараются не причинять вреда людям, архитектуре и природе, испытывая на прочность исключительно себя; по их свидетельству, для них не существует понятий «угроза травматизма» и «неоправданный риск». Если, например, у предшественника фрирана, паркура, есть минимальный страховочный набор — перчатки и наколенники, — то фриранеры никакими средствами защиты не пользуются.

тон-сквер? Славная была компания. Тито охотно показывал и делился с ними кое-какими приемами из тех, что попроще, а взамен научился делать сальто назад и другие трюки, которыми обогатил свою Систему; но в конце концов отказался официально присоединиться к людям, уже не раз обвиненным в мелких нарушениях общественного порядка. Вот бы повстречать их снова.

Между тем Тито миновал Бликер-стрит, а потом Грейт-Джонс-стрит, названную, как ему всегда представлялось, в честь огромного великана в котелке, с плечами на уровне окон вторых этажей — плод вымысла кузена еще со времени его ученичества у Хуаны. Тито вспомнил, как ходил по его заданию в гипермаркет «Strand Books» (он скоро встретится на пути) за книгами, изданными в конкретных годах или странах, и все это ради одних форзацев — пустых листов, приклеенных на переднюю и заднюю часть обложки. Эти чистые страницы ненаписанных романов нужны были Алехандро для хитроумного производства поддельных бумаг.

Тито шагал, не оглядываясь, в полной уверенности, что его сопровождают только родственники, а иначе он давно получил бы сигнал от одного из членов семьи, незаметно рассеявшихся на

расстоянии двух кварталов по обе стороны от дороги; они старательно держали шаг и постоянно меняли позиции в согласии с протоколом КГБ, более старым, нежели сама Хуана.

Впереди, на расстоянии полуквартала, на тротуар вышел кузен Маркос — маг и чародей и в придачу карманный вор с очень темными кудрями.

Тито шел дальше.

Близилась Юнион-сквер. Избавившись от сотового, Тито начал сверять время по часам видным сквозь окна банков и химчисток. Ориши не интересовались временем суток; явиться минута в минуту он должен был сам.

Без четверти час, оказавшись на Четырнадцатой Восточной, под причудливыми художественными часами, на которых безумно мигали совершенно неразборчивые цифры, мужчина вместе с Ошоси пристально посмотрел вдаль, на рыночные лавки под навесами.

И тут мимо со смехом прошли те самые фриранеры из прошлого лета, с Вашингтон-сквер. Они его не заметили. Теперь Тито вспомнил: студенты жили в университетском общежитии, расположенном здесь же, на Юнион-сквер. Он проводил знакомых взглядом, жалея, что не может пойти

с ними; по воле оришей воздух вокруг него подернулся легкой рябью, словно по причине жара, какой поднимается и дрожит над асфальтом в августе.

Глава 38

В норе

Холлис лежала не шевелясь в темной прохладной норе из простыни и категорически приказывала своему телу расслабиться. Это напоминало ночные автобусные переезды: тогда спальный мешок исполнял роль простыни, мягкие беруши заменяли просьбу к рецепции удерживать все звонки, а сотовый так и так приходилось переводить в беззвучный режим.

Инчмэйл называл такое поведение «возвращением в материнское лоно», однако Холлис прекрасно знала, что на самом деле все наоборот. Она искала не того покоя, который знако́м еще не рожденным детям, а тишины, которая доступна уже умершим; хотела почувствовать себя не блаженствующим эмбрионом, а лежачим каменным изваянием на крышке холодного саркофага. Как-то раз она поделилась подобными мысля-

ми с Джимми Карлайлом. В ответ он радостно сообщил, что испытывает точь-в-точь такие же ощущения после хорошей дозы героина. Певице оставалось только порадоваться своей непричастности к наркотикам (заурядные сигареты можно не считать).

Но и без этого любое серьезное потрясение заставляло ее забираться «в нору», желательно в затемненной комнате. Окончательный разрыв с очередным молодым человеком, к которому успела привязаться; распад «Кёфью»; первые денежные утраты, когда лопались мыльные пузыри доткомов (чьи акции, если вдуматься, как раз и оставались на память после очередной серьезной связи); ну и конечно, последняя (судя по тому, как развивались события, она действительно грозила стать последней) крупная денежная утрата, когда амбициозная ставка ее приятеля Джардина на империю независимой музыки в Бруклине вполне предсказуемо потерпела крах. Вложения в эту затею казались чем-то вроде занятного развлечения, которое кончится неизвестно чем и даже, вероятно, принесет кое-какую прибыль. Холлис решила, что может себе это позволить — тем более доткомы на короткий срок сделали ее обладательницей миллионов, по крайней мере

на бумаге. Инчмэйл, разумеется, всеми силами убеждал солистку избавиться от акций новоиспеченных компаний, пока те незначительно — и как оказалось, в единственный и последний раз — поднялись в цене. Естественно, ведь это же Рег. К тому времени он и сам давно уже скинул ненужные бумажки, к вящему возмущению знакомых, которые тут же подняли крик: дескать, проброса-ешься своим будущим. Инчмэйл рассудительно отвечал, что, мол, бывает такое будущее, которым не грех и пробросаться. И само собой, он бы не выкинул четверть сетевого дохода на «гиблое», по его же словам, дело — на возведение дутого, агрессивного предприятия по розничной торговле «независимой» музыкальной продукцией.

И вот теперь Холлис очутилась в норе из-за внезапного страха, накатившего на нее в «Старбакс»; страха, что Бигенд втянул ее в очень крупную игру, правила которой известны лишь посвященным. Впрочем, если хорошенько подумать, ощущение странности происходящего накапливалось с той самой минуты, когда журналистку угораздило подписать контракт с «Нодом». Интересно, существует ли этот «Нод» в действительности? Вроде бы существует, но, по признанию Бигенда, ровно до той степени, пока

нужен своему владельцу.

Надо было завести себе вторую профессию, запоздало прозрела Холлис. Не считать же карьерой нынешнее участие в махинациях любознательного рекламного магната, как и все, что может предложить ей «Синий муравей». С неохотой, однако пришлось признать: Холлис всегда тянуло к писательству. В лучшую пору «Кёфью» она, не в пример подавляющему большинству коллег, ловила себя на желании оказаться во время интервью по другую сторону микрофона. Нет, не то чтобы ей хотелось задавать вопросы музыкантам. Будущую журналистку завораживала возможность понять, как и что совершается в мире и почему люди предпочитают совершать те или иные поступки. Стоило ей о чем-то написать, и приходило новое понимание — не только события, но и самой себя. Если бы можно зарабатывать этим на хлеб, служба контроля ASCAP[381] оплатила бы остальное, и еще неизвестно, каких высот достигла бы Холлис.

В дни «Кёфью» она сочинила несколько статей для «Роллинг Стоун» и кое-что для музыкального журнала «Спин». Кроме того, вместе с Инчмэй-

[381] Примечания: 381

Американское общество по охране авторских прав композиторов, писателей и издателей.

лом состряпала обстоятельный обзор истории «Mopars»: оба любили эту гаражную группу шестидесятых, хотя потом так и не смогли отыскать желающего заплатить за публикацию. Правда, в конце концов исследование напечатали в фирменном журнале магазина звукозаписей, принадлежавшего Джардину. Вот, пожалуй, и все, что извлекла Холлис Генри из этого предприятия.

Теперь Инчмэйл наверняка летел в Нью-Йорк бизнес-классом, развернув на коленях «Экономист» — издание, которое он читал исключительно в небесах и клялся, что всякий раз, едва ступив на землю, безнадежно забывает каждое слово.

Холлис вздохнула:

— Ну и пусть, — сама не зная, что имеет в виду.

Перед глазами возник монумент, посвященный Хельмуту Ньютону: девицы из нитрата серебра, овеянные оккультными ветрами судьбы и порнографии.

— Ну и пусть, — повторила она и заснула.

* * *

Открыв глаза, она не увидела солнечных бликов на краях многослойных портьер. Значит, уже вечер. Холлис по-прежнему лежала в своей

норе, но уже не нуждалась в ней так, как раньше. Тревога слегка рассеялась: конечно, туча не ушла за горизонт, зато сквозь нее проглянули лучи любопытства.

Интересно, где Бобби Чомбо? Неужели его со всем добром забрали, как выражается Инчмэйл, в отдел Самопальной Безопасности? За сомнительное участие в заговоре по нелегальному провозу оружия массового поражения? Журналистка припомнила странных уборщиков — и отбросила эту мысль. Скорее парень ударился в бега, а кто-то ему серьезно помог. Явилась бригада, перетащила оборудование в белый грузовик и увезла Бобби неизвестно куда. Возможно, на соседнюю улицу, кто знает? Но если хитрец ускользнул от Альберто и прочей братии от искусства, может ли Холлис надеяться на новую встречу?

А где-то, размышляла она, глядя на тающий в темноте потолок, прятался мифический контейнер. Длинный прямоугольный ящик из… Из чего их изготовляют, из стали? Ну да, разумеется. Когда-то в Дерри, в сельской местности, Холлис переспала с архитектором из Ирландии; они делали это прямо в контейнере, который был превращен в мастерскую. Гигантские окна, прорезанные автогеном, фанерные рамы… Точно

сталь. Ирландец еще рассказывал, как снимал тепловую изоляцию; в ящиках попроще якобы собирались капельки от дыхания.

Прежде Холлис не приходило в голову задумываться о грузовых контейнерах. Это одна из тех вещей, которые время от времени видишь на полном ходу с автострады, обычно сложенные аккуратными стопками, словно кирпичики «Лего» для робота Одиль; всего лишь часть современной реальности, слишком обыденная, чтобы о ней размышлять или задаваться вопросами. В последнее время *что* только не путешествует по миру в таких ящиках. Что угодно, кроме сырья вроде угля или пшеницы. Вспомнились последние сообщения о грузах, утерянных в шторм. Тысячи резиновых уточек из Китая, жизнерадостно подпрыгивающих на волнах. Или теннисные туфли. Что-то про сотни левых теннисных туфель, которые вынесло на пляж: правые плыли в отдельной таре, во избежание мелкого воровства. А еще кто-то с яхты, в Каннской гавани, рассказывал пугающие истории о трансатлантических путешествиях; дескать, смытые за борт контейнеры сразу не тонут, а невидимо и беззвучно плавают неподалеку от поверхности, грозя морякам настоящими бедствиями.

Похоже, Холлис по большей части переросла свои прежние страхи. Теперь она готова была признаться: ее разбирало жгучее любопытство. Самое жуткое в этом Бигенде, определила для себя журналистка, это шанс раскопать что-нибудь этакое. Ну и куда потом деваться? Существуют же вещи, которых лучше не видеть и не слышать? Конечно, существуют, решила Холлис, но все дело в том, кому известно, *что* вы раскопали.

Тут послышался легкий сухой шорох: кто-то просунул под дверь конверт. Знакомый еще по гастрольной жизни звук разбудил в крови допотопный страх, дремлющий во всех млекопитающих, — страх перед вторжением чужака в родное гнездо.

Холлис включила свет.

В конверте, который она подняла с пола, оказалась цветная распечатка на простенькой бумаге — снимок белого грузовика, стоящего возле фабрики Бобби Чомбо.

Журналистка перевернула фото. На обороте почерком Бигенда, смутно напоминающим ассирийскую клинопись, было выведено: «Я в фойе. Надо поговорить. Х.».

Любопытство. Пора утолить хотя бы часть этой жажды. К тому же, как осознала Холлис, настало

время определиться, стоит ли ей продолжать игру.

И она отправилась в ванную комнату — готовиться к новой встрече с Бигендом.

Глава 39

Изготовитель орудий

Милгриму вспоминалась Юнион-сквер двадцатилетней давности. Место, усеянное мусором и поломанными скамейками, где даже труп легко затерялся бы между застывшими, согбенными телами бездомных. В те дни здесь вовсю торговали дурью — как раз тогда, когда было не нужно, — зато теперь открыли «Барнс энд Ноубл»[382], «Серкит-сити»[383], «Virgin», а вот Милгрим, пожалуй, все это время катился с такой же скоростью, только в противоположном направлении. Подсел — ну да, чего уж лукавить, — подсел на таблетки,

---

[382] Примечания: 382

Известная сеть крупных книжных магазинов, принадлежащих одноименной компании. Помимо книг и периодических изданий, торгует музыкальной продукцией, видео, во многих магазинах есть кафе, проводятся встречи с авторами и др.

[383] Примечания: 383

Сеть магазинов по продаже товаров бытовой электроники, принадлежащих компании «Серкит-сити сторз».

которые подавляют напряжение в самом зародыше, а взамен ежедневно грозят уничтожить личность единым внутренним взрывом.

Как бы там ни было, думал Милгрим, лишняя доза японского медикамента, которую он сегодня позволил себе, несомненно, прояснила душу и разум, не говоря уж о неожиданно погожем дне.

Браун остановил серебристую «короллу» неподалеку от Вест-Юнион-сквер и сообщил на свой ларингофон (ну или внутренним бесам), что «красные номер один» прибыли вовремя. Не очень удачное место для парковки, однако мужчина достал с пола свою черную сумку, вытащил два удостоверения официального тускло-серого вида, заключенные в конверты из прозрачного желтоватого пластика. Заглавные черные буквы, рубленый шрифт: «Управление городского транспорта». Браун лизнул большой палец и, смазав слюной присоски, прилепил документы к ветровому стеклу прямо над рулем. Потом опустил сумку на крышку лэптопа. И повернулся к Милгриму, держа наручники на раскрытой ладони, словно предлагал товар на продажу. Браслеты ничуть не блестели, точь-в-точь как и прочие любимые безделушки Брауна. Интересно, делают ли наручники из титана, мелькнуло в голове

Милгрима. Если нет, значит, это искусная имитация, вроде поддельных «Окли»[384], которыми торговали на Канал-стрит.

— Я говорил, что не буду тебя к машине приковывать, — произнес Браун.

— Говорил, — как можно безучастнее отозвался пленник. — И что браслеты еще пригодятся.

— Ты ведь даже не знаешь, как ответить, если вдруг подойдет полиция или дорожный инспектор и спросит, чем ты здесь занимаешься. — Браун убрал наручники в маленькую, подогнанную по форме кобуру на поясе.

«Скажу: «Помогите, меня похитили», — подумал Милгрим. — А лучше так: «В багажнике целая куча пластиковой взрывчатки».

— Поэтому ты сядешь сейчас на скамейку и будешь греться на солнышке.

— Хорошо.

— Руки на крышу, — скомандовал Браун, когда мужчины вышли из автомобиля.

А сам открыл заднюю дверь и закрепил еще одно удостоверение Управления городского транспорта на стекле над багажником. Милгрим стоял, положив ладони на чистую, нагретую

---

[384] Примечания: 384

Американская компания «Окли» является лидером в производстве очков со встроенными аудиоплеерами.

солнцем крышу «короллы». Браун выпрямился, захлопнул дверцу и щелкнул маячком сигнализации. Потом обронил:

— За мной, — и еще что-то неразборчивое, возможно, уже из роли «красных номер один».

«Его лэптоп… — думал Милгрим. — Сумка…»

Повернув за угол, он зажмурился от неожиданности. Впереди раскинулся огромный, залитый светом парк; за деревьями, уже готовыми покрыться листвой, весело пестрели навесы торговых палаток.

Милгрим по пятам проследовал за Брауном вдоль по Юнион-сквер и через овощной рынок, мимо юных мам с колясками на вездеходных колесах и пакетами, полными экологически чистых продуктов. Потом было знакомое здание эпохи Администрации общественных работ[385]; теперь тут размещался ресторан, правда, почему-то закрытый. На пересечении парковой дорожки с Шестнадцатой улицей высился на постаменте Авраам Линкольн. Когда-то Милгрим долго ломал

[385] Примечания: 385

Федеральное независимое ведомство, созданное в 1935 г. по инициативе президента Ф.Д. Рузвельта и ставшее основным в системе трудоустройства безработных. Существовало до 1943 г., с 1939 г. под названием «Администрация программ общественных работ». В основном средства выделялись на строительство общественных сооружений, обустройство парков, в том числе национальных.

голову над вопросом: что же он сжимает в левой руке? Может, сложенную газету?

— Сюда. — Браун ткнул пальцем в скамейку, ближайшую к Вест-Юнион-сквер. — Только не посередине. Вот.

Он указал на место рядом с округлым поручнем, нарочно устроенным так, чтобы какому-нибудь усталому бродяге неудобно было класть голову; вытащил из-за пояса брюк тонкий ремешок из пластика, блестящий и черный. Ловким приемом обвив его вокруг поручня и запястья пленника, Браун затянул петлю и закрепил с резким свистящим звуком. Получился наручник; осталось только спрятать лишний кусок длиной около фута, чтобы не было так заметно.

— Мы за тобой вернемся. Сиди и помалкивай.

— Хорошо.

Вытянув шею, Милгрим глазами проводил Брауна. Потом сморгнул — и мысленно увидел, как разбивается вдребезги заднее стекло «короллы». О, этот сладкий миг, когда осколки еще висят в воздухе, не осыпаясь на землю! Если постараться, сигнализация даже не пикнет. Осторожнее перегнуться через острые зубчатые края и схватить ручку нейлоновой сумки, в которой наверняка отыщется коричневая упаковка «Райз». И уно-

сить ноги…

Милгрим посмотрел на узкую черную полоску из нервущегося пластика вокруг запястья и для начала прикрыл ее рукавом пальто, спрятал от гуляющих вокруг пешеходов. Если Браун воспользовался стандартным кабельным хомутом (что вполне вероятно), Милгрим представлял себе, как избавиться от браслета. Вот гибкие прозрачно-белесые одноразовые пластиковые наручники из тех, что применяли нью-йоркские копы, снимались, судя по опыту, куда тяжелее. Может, Браун попросту не желал носить при себе аксессуар не черного цвета и не из титана?

Однажды Милгрим какое-то время делил квартиру на Ист-Виллидж с одной женщиной, хранившей аварийный запас валиума в алюминиевой коробке для рыболовных снастей. В крышке коробки было маленькое отверстие, куда легко вставлялся висячий замочек, но соседка предпочитала пластиковый кабельный хомут, уменьшенный вариант наручника, приковавшего пленника к парковой скамейке. Когда наставало время срочно воспользоваться запасом, женщина перекусывала хомут клещами или маникюрными ножницами, а взамен привязывала новый — возможно, хотела убедиться, что

вскрывала коробку последней, вроде как ставила восковую печать на письме. Милгрим не видел особого смысла в ее действиях, однако люди часто ведут себя странно, когда заходит речь о наркотиках. Кстати, он постоянно искал ее запас хомутов, но так и не смог найти, а ведь это был бы самый простой способ обвести соседку вокруг пальца.

Зато мужчина установил, что стандартные хомуты застегиваются на крохотную «собачку». Научившись поддевать ее плоским концом ювелирной отвертки, Милгрим получил возможность в любое время отпирать и закрывать импровизированные «замки» даже и с коротко отрезанными концами, как бывало чаще всего. Мелкое воровство не прошло незамеченным, и отношения с дамой быстро свелись на нет.

Пленник наклонился вперед и уставился между коленями на замусоренный тротуар. Он уже мысленно обшарил свои карманы и убедился, что, к сожалению, не держит при себе ничего похожего на ювелирную отвертку.

Случайный прохожий мог принять его за наркомана, который ищет под ногами обломки собственной галлюцинации. И Милгрим изо всех сил напустил на себя серьезный вид: мало ли что он там потерял. На глаза попался коричневый

бутылочный осколок длиной в дюйм. Нет, не то. С точки зрения чистой теории, ремешок можно было перепилить, но пленник не представлял себе, сколько времени это займет, и к тому же боялся порезаться. Хорошо подошла бы скрепка, если над ней немного поработать, однако Милгрим по опыту знал: бумажные скрепки, как и проволочные плечики для одежды, не валяются под ногами, когда они нужны. Зато буквально в нескольких футах от левого носка ботинка тускло блестело что-то узкое, с прямыми углами, кажется, из металла. Мужчина вцепился в поручень прикованной рукой, неловко сполз со скамейки, вытянул левую ногу как можно дальше и принялся скрести каблуком по асфальту, чтобы зацепить вожделенную вещицу. С пятой или шестой попытки у него получилось; зажав добычу в свободной ладони, Милгрим быстро вернулся на сиденье и занял более приличную для общественного места позу.

Затем уставился испытующим взглядом на свой приз, держа его, как держит иголку швея, за кончик между большим и указательным пальцами. Это был обломок ручки — чеканный зажим из жести, а может, из меди, с дешевым серебряным напылением, уже начавший ржаветь.

Почти идеально. Милгрим примерил кончик зажима к узкой щелке, через которую думал сместить невидимую «собачку» (тот оказался широковат, но не слишком), нашел на чугунном поручне удобный выступ и взялся за дело.

Приятно поработать руками — или хотя бы одной рукой — в такой погожий день.

— Человек-изготовитель орудий[386], — пробормотал мужчина, затачивая импровизированный ножичек, словно Гудини, готовящийся к трюку.

Глава 40

Танцы на площади

Тито нагнулся и крепче завязал шнурки «Адидасов GSG9», учтиво напоминая *guerreros* о том, что время настало. Выпрямившись, он покачался на носках, пересек Четырнадцатую улицу и двинулся через парк, сжимая в кармане куртки пластиковый чехол с айподом.

Однажды в Гаване Хуана отвела его к одному зданию, исполненному пышного, но неимоверно

---

[386] Примечания: 386

Имеется в виду название книги «Man the Toolmaker» Кеннета Окли из отделения палеонтологии Британского музея.

растленного великолепия. Правда, в те дни Тито и не подозревал, что сооружение подобного возраста и столь замысловатой постройки можно было бы найти в ином состоянии. Стены и потолок вестибюля, покрытые обшарпанной штукатуркой, напоминали карту с океанами и материками. Лифт громко скрипел и содрогался, возносясь на верхний этаж, а когда Хуана с трудом повернула решетчатую железную створку, Тито внезапно понял, что вот уже некоторое время (возможно, с тех самых пор, как попал на улицу) слышит бой барабанов. Ожидая у длинных дверей единственной на этаже квартиры, он читал и перечитывал записку, начертанную от руки по-испански на покрытом жирными пятнами клочке бурой бумаги и прикрепленную к дереву четырьмя густо заржавленными коверными гвоздями: «Входи в духе Бога и Иисуса Христа — или не входи вовсе». Тито взглянул на Хуану, вопросительно выгнув брови, не зная, как выразить свое недоумение словами.

— С тем же успехом могли бы написать: «Маркс и Энгельс», — пояснила она.

Открывшая дверь высокая женщина в багровом платке и с зажженной сигарой меж пальцев широко улыбнулась гостям и потянулась, чтобы

потрепать молодого человека по голове.

Чуть позже, под портретами Мадонны Гваделупской и Че Гевары, рослая незнакомка изображала Танец Ходячего Мертвеца. Тито сидел, прижавшись к Хуане, щурясь от сигарного дыма и сладкого запаха лосьона после бритья, и следил за тем, как босые ноги слабо шлепали по разбитому паркету.

Сейчас его окружали *guerreros*, общаясь между собой на языке погоды и высоких летучих облаков. Дрожа под курткой, Тито продолжал шагать под солнечным светом, навстречу обнаженным деревьям с зелеными почками на ветках. Ошоси показывал ему мертвые зоны в площадной человеческой матрице — фигуры, не имевшие отношения к бессознательному танцу на этой лесной поляне среди городских высоток. Тито не смотрел в лица замаскировавшимся наблюдателям. Он попросту слегка менял направление и обходил их.

Приближаясь к навесам рынка, Тито увидел старика. Тот медленно брел между овощными лотками в длинном твидовом пальто, причем в этот раз опирался на блестящую металлическую трость и заметно прихрамывал.

В тот же миг Ошоси круто развернулся, налетел

на Тито подобно сухому и неожиданно теплому ветру и показал, как начинают сходиться преследователи. Ближайший из них, рослый широкоплечий мужчина, с грехом пополам притворялся беспечно гуляющим по улице, но S-образная морщина между солнечными очками и козырьком синей бейсболки с лихвой выдавала его напряжение. Ощутив позади еще парочку, как если бы Ошоси ткнул его пальцем в спину, Тито поменял курс, чтобы не оставить ни у кого сомнений: он шагает навстречу старику. Потом немного замедлил ход и нарочно расправил плечи в надежде, что преследователи купятся на этот ложный жест. И тут же увидел, как шевелятся губы мужчины в темных очках. Человек из «Прада» предупреждал о телефонах и рациях.

Теперь уже Система пронизывала каждый шаг черных «адидасов». Рука потянула айпод из кармана, держа его за раскрытый чехол, не касаясь корпуса пальцами.

Близился условный рубеж, те самые десять шагов, но мужчине в бейсболке оставалось и того меньше — а точнее, три шага, — когда старик совершил разворот и грациозно выбросил металлическую трость на уровне вытянутой руки, угодив по шее очкастого. После удара морщина

в виде буквы S разгладилась. Чудовищно долгое время казалось, будто на лице под синим козырьком зияют три черные дыры — стекла очков и точно такой же круглый, беззубый с виду рот. А потом человек упал как подкошенный, тросточка тяжело застучала дальше по тротуару, и Тито замер, почувствовав на плечах чьи-то ладони.

— Воруют! — звенящим, поразительно зычным голосом завопил старик. — Держи вора!

Тито сделал обратное сальто, заставив охотников по инерции пролететь вперед, а когда приземлился, Ошоси показал ему элегантного Маркоса. Тот с учтивой улыбкой выпрямлялся между красиво оформленными овощными лотками, поднимая что-то с асфальта. Его руки в перчатках крепко сжимали какую-то доску, а ноги встали на ширине плеч. Трое мужчин, устремившихся к старику, будто наткнулись на заколдованную невидимую стену и, превратившись в пернатых, полетели через нее по воздуху. Один из них рухнул на овощной лоток. Послышался многоголосый женский визг.

Маркос отбросил деревянную рукоятку, на которой только что держалась натянутая проволока, так, словно вдруг увидел на ней грязь, и зашагал себе дальше.

Преследователи сообразили, что Тито у них за спиной, и дружно повернулись, столкнувшись плечами. Более крупный мужчина хлопал себя по шее, куда тянулись провода от рации.

— Красные победили! — объявил он с дикой, необъяснимой яростью (интересно, что за победа имелась в виду?) и ринулся вперед, на ходу отпихнув товарища.

Тито, которому пришлось изображать панику и с якобы растерянным видом таращиться по сторонам, чтобы охотники поверили, что были близки к победе, увидел его неуклюжие движения и понял: дальше ломать комедию уже не имеет смысла. Он уронил айпод на пути противника и притворно дернулся следом, подчеркивая, куда именно упала его потеря. Неудачливый преследователь инстинктивно отпихнул его в сторону, а сам грузно спикировал за айподом. Тем временем Тито бросился наутек. Второй мужчина попытался остановить его приемом, который наверняка подсмотрел в американском футболе. Тито кинулся между его ногами и что есть мочи пнул врага. Судя по отчаянному визгу, удар пришелся в ахиллесово сухожилие.

А Тито уже бежал на юг, прочь от пересечения Парка и Семнадцатой, а значит, от места

назначения. Мимо человека из обувного отдела в «Прада», одетого в заляпанную краской спецовку лоточника и держащего в руке желтую коробку с тремя короткими черными антеннами.

Со всех сторон от беглеца, дыша, как огромные псы, мчались ориши — охотник и открыватель, открыватель и расчиститель путей. И еще Осун, чья роль оставалась тайной.

Глава 41

Гудини

Милгрим скорее почувствовал, нежели услышал щелчок, с которым крохотная «собачка» поддалась напору заточенного зажима от шариковой ручки. Мужчина глубоко вздохнул, наслаждаясь непривычным чувством победы. Затем ослабил браслет, не снимая его с поручня, осторожно высвободил кисть и как можно равнодушнее огляделся вокруг. Брауна было нигде не видно, но ведь оставались его гостиничные гости, плюс как знать, из кого еще состояла пресловутая команда красных…

И почему они, эти команды, всегда называются красными? От нехватки воображения? Синие — и

то чрезвычайно редки. А уж зеленых и черных вообще не встречается.

Послеполуденное солнце освещало парковые аллеи, заполненные пешеходами. Между тем кое-кто из них наверняка лишь прикидывался, будто гуляет. А сам играл в игру с участием Брауна, и его НУ, и неизвестно кого еще. Полиция поблизости не показывалась. Странное дело. Хотя Милгрим уже давно не бывал в этих местах, и, возможно, служители порядка нашли какой-нибудь новый способ исполнять свой долг.

— А он оказался дефективный, — извиняющимся тоном пролепетал мужчина, репетируя оправдание на случай, если Браун вернется прежде, чем у пленника хватит духа встать со скамейки. — Так я решил здесь подождать.

На плечи Милгрима опустились тяжелые руки.

— Спасибо за ожидание, — произнес размеренный низкий голос. — Только мы вовсе не детективы.

Мужчина посмотрел на левое плечо. Там лежала огромная черная ладонь с отполированными до блеска розовыми ногтями. Он закатил глаза, робко вывернув шею и увидел огромный утес, затянутый в черную конскую кожу с множеством

кнопок, над которым высился мощный, идеально выбритый подбородок.

— Мы не детективы, мистер Милгрим. — Еще один мавр обогнул скамейку с другого конца, на ходу расстегнув плащ, похожий на латы; под кожаной кирасой обнаружился парчовый двубортный жилет иссиня-черного цвета и атласная рубашка с изящным воротником оттенка артериальной крови. — Мы вообще не из полиции.

Милгрим изогнул шею чуть сильнее, чтобы лучше рассмотреть человека, чьи руки лежали у него на плечах словно двухфунтовые мешки с мукой. Черные рыцари были в тех же обтягивающих шапочках, которые он запомнил еще в корейской прачечной на Лафайет-стрит.

— Это хорошо, — сказал Милгрим, лишь бы сказать хоть что-нибудь.

Конская шкура затрещала по швам, когда второй из мавров сел на скамейку, задев неудавшегося беглеца исполинским плечом.

— Я бы на вашем месте не говорил так уверенно.

— Ладно, — кивнул Милгрим.

— А мы вас искали, — произнес первый, не убирая увесистых ладоней. — Правду сказать, не очень активно. Зато когда вы решили позаим-

ствовать телефон у некоей юной леди и связаться со своим знакомым, тот немедленно позвонил по старой дружбе мистеру Бердуэллу, который набрал номер, определившийся у Фиша на экране, и, применив к хозяйке трубки особые приемы социальной инженерии… Видите ли, девушка и так подозревала, что вы пытались украсть ее телефон… Мистер Милгрим, вы успеваете за моими рассуждениями?

— Да, — подтвердил тот, чувствуя, как его захлестывает лишенное всякой логики, но совершенно непреодолимое желание прицепить наручник обратно, чтобы волшебным образом повернуть ход событий вспять и возвратиться на несколько минут назад; теперь уже парк из ближайшего прошлого казался ему райским островком покоя, света и безмятежности.

— По случаю, мы оказались рядом, — вмешался сосед по скамейке, — и заглянули на Лафайет-стрит, где и наткнулись на вас. После чего, в виде одолжения мистеру Бердуэллу, некоторое время следили за вашими перемещениями, ожидая возможности потолковать с глазу на глаз.

Исполинские руки на плечах внезапно потяжелели.

— А где же ваш вечный спутник, этот ублюдок

с рожей копа? Тот, который вас привез?

— Он совсем не коп, — ответил Милгрим.

— Тебя не об этом спрашивают, — отрезал сидящий рядом.

— Ух ты! — воскликнул стоящий позади. — Там белый старикан врезал здоровенному парню!

— Воруют! — завопил кто-то на овощном рынке. — Держи вора!

В торговых рядах началось волнение.

— А еще говорят, район облагораживается[387], — пробормотал сидящий на скамейке, словно досадуя на непрошеное вмешательство.

— Черт, — выругался стоящий за спиной и отпустил плечи Милгрима. — Там облава.

— Он из DEA! — выкрикнул пленник и рванулся вперед.

Старые кожаные подошвы кошмарно скользили, а он перебирал ногами, как в старом-престаром фильме с дергающимися кадрами. Или в очень плохом ночном кошмаре. Тем более что на бегу он воинственно, будто крохотный меч, держал перед собой с трудом заточенный ключ

---

[387] Примечания: 387

Облагораживание района (джентрификация) — постепенное вытеснение малоимущих из городского района и его заселение людьми со средним и высоким достатком. Осуществляется путем улучшения качества и перепланировки жилья, увеличения жилищной платы или налога на недвижимость.

Гудини.

Глава 42

Не даться в руки

Система учит избегать погони любыми средствами, как утверждали дяди. Тот, кто следует Системе, предпочитает не уносить ноги, а не даваться в руки. Разницу объяснить нелегко, однако представьте себе людей, сцепившихся ладонями через стол. Рука, натренированная по Системе, при желании ускользнет, но не дастся.

Впрочем, Тито, которого ждали в определенном месте, а именно в гостинице с загадочным названием «W», уже не мог применить этот прием в полную силу, ведь подобное искусство не признает ограничений, а погоня, о которой предупреждал Ошоси, подразумевала определенные неудобства. Но и для этих случаев Система кое-что предусматривала. Время настало; Тито на полной скорости ухватился за спинку скамейки, упал, перекатился, вскочил, не теряя инерции, и ринулся в противоположную сторону. Казалось бы, ничего особенного, но рядом завизжал от восторга какой-то ребенок.

Ближайший из трех преследователей как раз огибал скамейку, когда беглец перепрыгнул через спинку и благополучно миновал его. Убегая на восток, Тито мельком бросил взгляд назад. Остальные двое, нетренированные рабы собственной инерции, пронеслись мимо первого и едва не врезались в скамейку. Это оказались те самые люди, налетевшие на проволоку Маркоса. У одного их них был окровавлен рот.

Держа своего Ошоси на плече, Тито мчался по направлению к пересечению Вест-Юнион-сквер и Шестнадцатой улицы. Ориши желали, чтобы он как можно скорее покинул парк с его геометрически предсказуемыми возможностями для погони. Добежав до дороги, он увидел перед собой такси — и перекатился через капот, успев заглянуть в глаза водителю через ветровое стекло. Трение обожгло бедро через джинсы. Водитель уперся рукой в гудок, да так и не отпустил. Тут же словно по команде взревели другие автомобильные сигналы. Их лающий вой достиг наивысшей точки, когда преследователи добрались до потока машин. Тито на ходу оглянулся. Мужчина с окровавленным ртом лавировал между тесно прижатыми друг к другу бамперами, высоко подняв руку над головой, словно держал в ней

чудесный талисман. Должно быть, полицейский жетон.

Тито устремился на север, нарочно снижая скорость и пригибаясь, виляя в толпе прохожих, многие из которых спешили посмотреть, из-за чего на улице поднялся шум. В окнах ресторана мелькали вытянутые лица любопытных. Беглец обернулся: кровавый рот настигал его, отпихнув по дороге какую-то женщину.

Тито прибавил прыти, но расстояние между ним и противником, как утверждал Ошоси, по-прежнему сокращалось. Не замедляя шага, он пересек Семнадцатую улицу и нашел вращающуюся дверь нужного ресторана. Тито промчался мимо, ко входу в гостиницу под широким стеклянным козырьком. Нырнул под руку изумленного привратника в черной униформе, обогнул возникшую на пути женщину. Увидел, как по широкой мраморной лестнице, разделенной центральными перилами, спускается Бродерман в униформе «Федерал экспресс», покачивая в руках повернутую вертикально плоскую картонную коробку красно-бело-синей расцветки. Занятно было впервые увидеть его в шортах. Метнувшись вправо (новые туфли заскрипели по белому мрамору), Тито услышал, как позади него мужчина с

кровавым ртом яростно хлопнул дверью.

В глубине вестибюля темнела волнистая драпировка над лестницей. За спиной, у входа, раздался грохочущий перестук: это Бродерман исхитрился рассыпать на беломраморный пол из коробки «ФедЭкса» тридцать фунтов стальных двадцатимиллиметровых шарикоподшипников.

Тито бросился на юг; Ошоси подсказывал: противник благополучно миновал препятствие и уже сократил разрыв до считанных шагов.

Беглец влетел в ресторан и пулей промчался мимо длинных столов, поставленных рядами вдоль обращенных к югу окон; перед глазами замельтешили изрядно удивленные лица посетителей, еще мгновение назад скучавших над кофе с десертом.

Мужчина с кровавым ртом ухватил Тито за левое плечо, и тот, увернувшись, опрокинул столик. Еда и стаканы взлетели на воздух, послышался женский визг. За миг до того Элеггуа с головокружительной скоростью «оседлал своего коня» и заставил Тито выбросить руку назад, чтобы что-то выхватить у противника из-за пояса; почти одновременно он зарядил пневматический пистолет одной левой и выстрелил из-под правой подмышки.

Отчаянный, нечеловеческий вопль выбил оришу из седла; в ту же секунду Тито увидел освещенную табличку «Выход» и ринулся к двери под ней, каким-то чудом не сшибая тележки, нагруженные посудой. Работники кухни в белых одеждах кидались в разные стороны, лишь бы не подвернуться ему под ноги.

Вот она, вывеска. Тито ударом вышиб дверь. Солнечный свет резко ударил в глаза. Позади запела сигнализация.

Большой зеленый фургон с аккуратной серебристой надписью гостеприимно распахнул одну из па́рных дверей. Мужчина из «Прада», успевший избавиться от заляпанной в краске спецовки, стоял и протягивал сверху руку.

Тито сунул ему значок в кожаном чехле, который Элеггуа выхватил из-за пояса у преследователя.

Мужчина мельком заглянул внутрь, заметил:

— ICE, — и убрал вещицу в карман.

После чего втянул Тито в темное, пропахшее дизельным топливом пространство кузова со странными тусклыми огоньками.

— Вы уже виделись, — обронил он, после чего, соскочив на землю, захлопнул и запер дверь.

— Садись, — проговорил старик со скамейки,

закрепленной посередине при помощи парусиновых растяжек. — Не хотим, чтобы ты пострадал, если мы вдруг остановимся.

Тито перелез через спинку мягкой скамьи, нащупал концы обычного ремня безопасности и пристегнулся. Фургон завелся и тронулся на запад, а затем повернул на север, в сторону Парка.

— Полагаю, они забрали то, что хотели? — спросил собеседник по-русски.

— Взяли, — ответил Тито по-английски.

— Вот и отлично, — сказал старик по-русски. — Отлично.

Глава 43

Запах

Бар в фойе был снова переполнен.

Бигенд сидел за длинным алебастровым столиком, закусывал из квадратной тарелки чем-то вроде суси, завернутого в ломтик сырого мяса.

— Кто сделал снимок? — спросила Холлис, едва успев подойти достаточно близко, чтобы лишние уши не расслышали ее слов.

— Памела. Она в этом дока.

— Памела следила за мной?

— Нет, за Чомбо. Наблюдала, как он упаковался и съехал.

— А Бобби точно действовал по собственной воле? Уверены, что его не забрали в Министерство внутренней безопасности?

— Думаю, тогда бы он не смог так спокойно курить сигареты и путаться под ногами, пока эти парни выносили улики.

— Не знаю, но я была бы против узнать это на своей шкуре. А вы?

— Разумеется, тоже. Выпить не хотите?

— Нет, спасибо. Лучше объясните: если все, что вы говорили, правда, то почему вас это не беспокоит? Меня бы, например, беспокоило. Вернее, уже. Если вы в самом деле наслышаны о секретной американской программе по перехвату нелегального оружия, надо полагать, подобные знания грозят нешуточными неприятностями. А если не грозят (и вы не соврали), то почему?

Получилось немного резче, чем она рассчитывала, но Холлис показалось, что так и надо.

— Прошу, садитесь, — произнес Бигенд.

Стулья сильно различались между собой — очевидно, так было задумано. Тот, что предназначался для журналистки, напоминал высокие фигуры воинов масаи, высеченные из железного

дерева, только без грозных шипастых причесок. Магнат расположился на стуле из полированного алюминия в духе Генри Мура.

— Спасибо, лучше постою.

— Знаете, я не имею понятия, что находится в том контейнере. Вы мне верите?

Холлис подумала.

— Может быть. Это зависит…

— От чего именно?

— От того, что вы собираетесь рассказать дальше.

Он улыбнулся.

— Куда бы ни завела нас эта беседа, я ни при каких обстоятельствах не объясню вам, каким образом ввязался в эту историю. Условие принимается?

Холлис подумала.

— Да.

Пожалуй, из-за этого и впрямь не стоило ломать копья.

— И если мы собираемся продолжать беседу, придется потребовать от вас очень серьезно отнестись к моему предприятию. Прежде чем сообщить еще что-нибудь, я должен убедиться в вашей лояльности. Поймите правильно: любые новые сведения только глубже затянут вас в гу-

щу событий. Бывает, чем больше мы знаем, тем сильнее задевает нас происходящее. Надеюсь, это ясно?

Бигенд взял с тарелки багровый флеш-маки, придирчиво оглядел и положил в рот.

А журналистка подумала: во что бы он там ни ввязался, история наверняка серьезная. Серьезная и очень важная. Почему — пока неизвестно. Память подсунула образ белого грузовика, свернувшего за угол и пропавшего из виду. Холлис почувствовала острое желание узнать, куда же он уехал и по какой причине. А если она никогда этого не выяснит… Почему-то перед глазами возник Ривер Феникс работы Альберто, распростершийся на бетонном тротуаре. Тоже вариант.

Бигенд промокнул губы салфеткой и вопросительно поднял бровь.

— Согласна, — решилась Холлис. — Но если я когда-нибудь обнаружу, что вы мне солгали, пусть даже по недосмотру, все кончено. Никаких обязательств с моей стороны. Ни единого. Это ясно?

— Абсолютно. — Магнат повторил уже знакомую улыбку и подозвал официанта. — Выпить, пожалуйста.

— Двойное виски. С кубиком льда, — произ-

несла журналистка, глядя на ослепительный алебастровый стол. Все эти свечи, напитки, дамские запястья…

Что же она сейчас наделала, во что ввязалась?

— По чистой случайности, — проговорил Бигенд, наблюдая за опускающимся подносом с тем же выражением лица, с каким пару минут назад рассматривал свой флеш-маки, — сегодня утром я кое-что выяснил. Это связано с Бобби.

— По-моему, в подобных случаях «чистая случайность» — не самый надежный источник информации. — Холлис решила испробовать стул-масаи; неожиданно ей понравилось.

— Говорят, и у клинических параноиков могут быть настоящие враги.

— Так что же вы выяснили?

— Бобби, как мне известно, в последнее время выполняет по меньшей мере два поручения.

— Чьих?

— Не знаю. Итак, поговорим о заданиях Чомбо. Первое, как я уже говорил, заключается в том, чтобы время от времени принимать сигналы некоего «Летучего Голландца», вылавливать их среди огромного множества других согласно определенному набору параметров, которые ему сообщили. Вот чем занимался наш Бобби. До

сих пор занимается. Периодически контейнер испускает сигнал, оповещая о своем местонахождении, а возможно, и неповрежденности. Сигнал прерывистый, он зашифрован и меняет частоту, но Чомбо, видимо, в курсе, где и когда нужно слушать.

— А какая выгода тем, кто за это платит?

— Не знаю. Могу предположить, что контейнер — не их, и сигнал тоже. В конце концов, Бобби ведь получает свои деньги. Не исключено, что и первоначальные сведения для него были тоже где-то куплены. Или наоборот, если ящик с самого начала принадлежал им, от этой возможности я тоже не отказываюсь.

— Почему?

— Вообще-то я агностик. Во всех вопросах.

— Ладно, в чем заключается вторая работа Бобби?

— Это-то я и выяснил утром. Помните, в «Синем муравье» я сказал про айподы, которые он отсылает в Коста-Рику?

— Точно, говорили. С музыкой.

— Что вам известно о стеганографии[388]?

---

[388] Примечания: 388

Слово в переводе с греческого означает «тайнопись» (от слов steganos — секрет, тайна и graphy — запись). Набор средств и методов скрытия факта передачи сообщения.

— Я даже не представляю, как это слово пишется.

— Второе задание Чомбо состоит в компилировании детально разработанных системных журналов, посвященных фиктивным поискам сигналов контейнера. Это объемные, наукообразные отчеты о непрерывных, но, к сожалению, пока безуспешных попытках попасть на нужную волну. — Бигенд склонил голову набок. — Вы успеваете за моей мыслью?

— То есть он подделывает доказательства, что якобы до сих пор не нашел сигнала?

— Совершенно верно. На сегодняшний день Бобби скомпилировал целых три подобных опуса. Он их стеганографически шифрует и записывает на айподы… — Бигенд умолк, потому что принесли напиток для Холлис.

— Можно еще раз повторить это слово? — спросила она, когда официант удалился.

— Стеганографически. Он очень тонко прячет свои записи среди большого объема музыки. Чтобы их выудить, нужно либо иметь ключ, либо гигантские, сверхмощные ресурсы для дешифровки.

— А ведь айподы почти не проверяются по сравнению с лэптопами?

Бигенд пожал плечами.

— Смотря кто проверяет.

— И как же вы об этом узнали?

— Не могу вам сказать. Извините, но это напрямую связано с моей вовлеченностью в историю с Бобби, а мы условились не касаться этой темы.

— Хорошо.

А что хорошего? Теперь он будет пользоваться этой отговоркой, когда пожелает. Ну да ладно, всему свое время.

— Зато я упоминал, что послания приходили на *poste restante*[389] в Коста-Рике…

— Верно.

— И там следы терялись, но лишь до того дня, когда я наконец почуял близость сотрудников американской разведки. Отчетливый, скажу вам, запах. Разумеется, все имена хранятся в строжайшем секрете. Однако теперь до меня доходят слухи, будто айподы Бобби переправляются морем из Сан-Хуана.

— И куда же?

— В Нью-Йорк. Если, конечно, мой источник не врет. Похоже, получатель из Сан-Хуана очень ленив. Или нервничает. Подлинный адресат ни

---

[389] Примечания: 389

Отделение на почте для корреспонденции до востребования *(фр.)*.

разу не забирал послания. Их отсылают на том же корабле обратно. Экспресс-почтой. На Канал-стрит. Китайский импортер.

— Значит, Бобби следит за блужданиями контейнера, — начала Холлис, — но измышляет поддельные доказательства, будто бы ничего не нашел. Он шлет их в Коста-Рику, откуда послания возвращаются по морю в Нью-Йорк…

— Вы пропустили одну ступень. Согласно намерениям тех, кто нанял Бобби, получатель из Коста-Рики, судя по всему, должен расписаться за бандероль и передать ее кому-то еще — предполагаемому адресату. Под получателем я имею в виду самый обычный полулегальный почтовый ящик. Однако предполагаемый адресат ни разу не объявился, не отыграл свою роль до конца. Вместо этого он заключает сделку с почтой, попросту веля переслать айпод обратно. Как видите, за́мок выстроен затейливо, но с изъяном.

— Чей замок?

— Понятия не имею.

— Можете рассказать, как вы узнали, что груз возвращается в Нью-Йорк?

— Я кое-кого подослал туда с охапкой налички и сделал кое-кому очень приятное неожиданное предложение. Тот еще городок.

— И это все, что вы получили за свои деньги?

— Прибавьте стойкое подозрение, что мистера Почтовый Ящик давно угнетает давление престарелых резидентов ЦРУ в отставке и он не прочь податься от них куда-нибудь подальше, на юга.

Холлис поразмыслила над его словами, болтая в стакане с виски единственный ледяной кубик.

— И что вы теперь думаете?

— Кого-то явно водят за нос. Заставляют верить, что кому-то другому известно про ящик, но пока неясно его местоположение. По-вашему, для чего это нужно?

— Чтобы убедить владельца, будто контейнер еще не выследили. Тогда как это не так.

— Похоже на правду, а?

— И?

— Пора заполнить пробел. Мы знаем, что кто-то в Сан-Хуане уклоняется от своих обязанностей, нарушая букву плана. Думаю, получатель просто боится.

— Кого?

— Возможно, владельца контейнера. А что, интересная версия. И тут нас поджидает второй пробел.

— Какой?

— Памела нацепила на тот грузовик устрой-

ство слежения GPS примерно за час до вашего появления.

— Бог мой, — произнесла Холлис. — Серьезно? Она у вас что, Джеймс Бонд?

— Отнюдь. Просто она такая придумщица, эта Памела. — Он улыбнулся.

— И где грузовик?

Бигенд достал из пиджака свой «Treo»[390] и пробежался пальцами по клавишам.

— В данную минуту он едет к северу от Сан-Франциско.

Глава 44

Стратегия завершения операции

Уже на бегу Милгрим понял, что устремился к автомобилю Брауна, — вернее, обнаружил, что его тело, корчась и задыхаясь от непривычной скорости, судорожно перемещается в нужном, как ему показалось, направлении. Душа мужчины словно вырвалась из плоти после того прыжка со скамейки, а сейчас вернулась обратно.

---

[390] Примечания: 390

Разновидность коммуникатора — наладонный компьютер, оснащенный возможностями беспроводной связи.

Он даже не представлял себе, где теперь могут быть чернокожие джентльмены, только надеялся: вдруг мавры приняли за чистую монету выдумку про DEA? Может, и так; поверил же один из них в мифическую облаву. Вряд ли у Денниса Бердуэлла хватило денег нанять людей большого ума. И вообще не похоже, чтобы он кого-то нанял; такая мысль просто не умещалась в голове. Милгрим бросал по сторонам шальные взгляды, напрасно ища следы великанов в кожаных латах. Или кого-нибудь из команды красных. Или же самогó Брауна.

Фермерский рынок смотрелся на удивление безлюдно, остались одни продавцы. Все они чуть ли не разом пытались дозвониться куда-то по сотовым, а некоторые орали друг на друга истеричными голосами.

Где-то вдали завыли сирены. Они приближались. И вроде бы даже во множестве.

От резкой боли в боку хотелось перегнуться пополам, но Милгрим изо всех сил держался прямо и заставлял себя бежать дальше.

Он уже был на перекрестке Юнион-сквер и Семнадцатой и нашел глазами «короллу», когда сирены вдруг умолкли. Обернувшись, мужчина увидел на пересечении улицы с парком полицей-

ский автомобиль и карету «скорой помощи» с обезумевшими — красной и синей — мигалками на крышах. С восточной стороны тихо подъехали три одинаковых черных внедорожника, из них посы́пались настоящие громилы в черных одеждах, похожих издалека на космические скафандры. Новая суперполиция девять-один-один, догадался Милгрим; вот только не мог припомнить название. «Отряды Самсона», что ли? Как бы там ни было, эти люди зачем-то бросились в здание на углу. Теперь уже слышался рев пожарных сирен.

Захватывающее зрелище, однако Милгриму некогда было глазеть по сторонам. Сумка Брауна все еще лежала в автомобиле.

Тут беглеца словно ударило: на улице, сколько хватал глаз, ну совершенно ничего не валялось такого, чем бы можно было разбить окно в машине. Ладонь невольно сжималась на рукоятке несуществующего молотка-гвоздодера, недорогого корейского орудия, с помощью которого Милгрим в последний раз проникал в чужой автомобиль; но в эту минуту чья-то рука впилась ему в левое плечо, а правую кисть заломили за спину, едва не вывихнув суставы.

— Ушли, — говорил между делом Браун. — Они

заглушили все наши переговоры по телефонам и рациям. А раз мы опять разговариваем, значит, они ушли. Валите оттуда. Остальные уже слиняли. Они его в тюрьму, да? Бойцы «Геркулеса»[391]? — Мужчина вздохнул и под конец прибавил: — Дело дрянь.

«Точно, — вспомнил Милгрим. — Бойцы «Геркулеса».

— Шевелись, — приказал Браун. — Пока не оцепили район.

И рванув на себя заднюю дверцу «короллы», толкнул свою жертву внутрь вниз лицом.

— На пол, — скомандовал он.

Милгрим едва успел подтянуть к себе ноги, как дверца с грохотом захлопнулась. В ноздри ударил запах сравнительно свежего автомобильного коврика. Колени уперлись в лэптоп и вожделенную черную сумку, но было ясно: момент упущен, если вовсе не померещился. Только бы успокоить дыхание и придумать хорошую отговорку; вдруг его спросят: почему разгуливал без наручников?

— Тихо лежи, — велел Браун, садясь за руль, и завел мотор.

Судя по ощущениям Милгрима, «королла»

---

[391] Примечания: 391

Бойцы контртеррористического спецподразделения нью-йоркской полиции «Геркулес».

съехала с обочины, повернула направо, на Юнион-сквер Уэст, и затормозила. Передняя дверца открылась, впуская нового пассажира, и еле успела хлопнуть, как машина сорвалась с места.

— Давай сюда, — процедил Браун.

Что-то зашелестело.

— Ты в перчатках был?

Вопрос прозвучал чересчур спокойно. Дурной знак. Значит, и у команды красных день в парке не задался.

— Да, — отвечал мужской голос; Милгрим как будто слышал его из соседней комнаты нынче утром в «Нью-Йоркере». — Вот это отвалилось, когда он его уронил.

Браун молчал.

— А что случилось? — продолжал пассажир. — Они нас ждали?

— Может, они всегда кого-нибудь ожидают. Может, их так натаскали. Что, съел?

— Как Дэвис?

— Да вроде сломал шею.

— Ты мне не говорил…

Милгрим закрыл глаза.

Браун остановил машину.

— Проваливай. И убирайся из города. Сегодня же.

Щелкнула, открываясь, дверца. Неизвестный покинул салон, и она захлопнулась.

Автомобиль поехал дальше.

— Сними ты с окна эту лицензию, — приказал Браун.

Милгрим вскарабкался на заднее сиденье и оторвал присоски от стекла. «Королла» готовилась повернуть на Четырнадцатую улицу. Мужчина оглянулся на Вест-Юнион-сквер, увидел, как черный автомобиль команды Геркулеса перекрыл перекресток, и повернулся обратно. Только бы Браун не заставил еще раз падать на пол. Милгрим аккуратно поставил ноги по бокам от лэптопа и нейлоновой сумки.

— Возвращаемся в «Нью-Йоркер», да?

— Нет, — отвечал Браун. — В «Нью-Йоркер» мы не возвращаемся.

И в подтверждение своих слов повернул в сторону Трибеки[392].

Мужчины взяли такси до Пенсильванского вокзала, где Браун купил билеты на «Метролайнер»[393] в один конец.

---

[392] Примечания: 392

Район Нижнего Манхэттена: сокращение означает Triangle below Canal («Треугольник ниже Канал-стрит»).

[393] Примечания: 393

Скорый поезд, курсирующий между Нью-Йорком и Вашингтоном.

Глава 45

Мелкие партии

— Куда, по-вашему, направился грузовик? — спросила Холлис, утопая в мягкой уютной ямке на краю гигантского футона.

— По крайней мере не в район Залива[394], — отозвался невидимый Бигенд из соседнего углубления. — Может быть, в Портленд, скоро выясним. Или в Сиэтл.

Журналистка устроилась поудобнее, провожая глазами огни маленького самолета в пустом сияющем небе.

— А почему им не поехать в глубь страны?

— Ну нет, — отвечал магнат. — Тут нужен какой-нибудь порт, возможность хранения тары.

Холлис приподнялась как сумела, оперевшись на правый локоть, чтобы заглянуть в лицо собеседнику.

— Что, уже начинается?

— Вероятно, раз Бобби внезапно уехал. Если

---

[394] Примечания: 394

Один из крупнейших мегаполисов США, в который входят города Сан-Франциско, Окленд, Сан-Хосе и их пригороды — всего девять крупных округов, сконцентрированных вокруг залива Сан-Франциско.

только вы его не спугнули.

— Но вы-то как считаете, начинается?

— Возможно.

— А вам известно, где это?

— Помните «Хук»? Большой советский вертолет? Который способен пролететь тысячи миль, перенося наш контейнер с одного судна на другое?

— Да.

— В наши дни существует масса интересных возможностей следить за коммерческим грузовым судоходством. Вернее, за конкретным кораблем. Только сомневаюсь, что они помогут отыскать наш загадочный ящик. Полагаю, он постоянно меняет суда. Прямо в море. Нам уже доводилось слышать о применении достославного «Хука», но для того, чтобы переместить один-единственный сорокафутовый контейнер, не обязательно создавать себе такие сложности. Разве что требуется покрыть очень дальнее расстояние. К слову, наш ящик длиной сорок футов. Они все такие — либо двадцать, либо сорок. Стандартная форма. Возьмите хоть контейнеры с товаром, хоть пакеты с информацией — никакого штучного товара.

— Это вы о чем?

— Я о разбивке крупных партий на мелкие. Перевозке груза в тюках и деревянной таре, как в прежние времена. По-моему, термин вполне применим к области информации. Наиболее интересные сведения, как правило, стремятся именно к этому. Обычная история: каждому что-нибудь да известно. Полная противоположность «извлечению информации»[395] и прочему.

— Никогда не слышала про извлечение информации, — призналась Холлис, — а уж о прочем и подавно.

— А «Синий муравей» уже в доле.

— Имеете акции в компании?

— Нет. Скорее что-то вроде подписки. В смысле, мы надеемся. Так просто не объяснишь.

— Подписки на что?

— В Швейцарии существует система радиоэлектронного перехвата «Оникс», схожая с американским «Эшелоном», оригинальные разработки велись в Америке и Британии. Главный принцип заключается в том, что информация, проходящая через спутниковые каналы связи, фильтруется с помощью программного обеспе-

---

[395] Примечания: 395

Технология анализа хранилищ данных, базирующаяся на методах ИИ и инструментах поддержки принятия решений. В частности, сюда входит нахождение трендов и коммерчески полезных зависимостей.

чения в целях поиска определенных сведений. Станции системы расположены в Циммервальде и Хамменшвайде, в кантоне Берн и в кантоне Вале. В возрасте тринадцати лет я провел неделю в Хамменшвайде. Из-за «Дада».

— Что-что?

— «Дада». Моя мать исследовала творчество одного не слишком известного дадаиста.

— Это в Швейцарии? У них и вправду есть такая система?

— В прошлом месяце, — произнес Бигенд, — в воскресном номере «Блика»[396] напечатали меморандум швейцарской разведки, где излагалось содержание перехваченного ею факса египетского МИД в посольство Египта в Лондоне. Там говорилось о существовании тайных тюрем ЦРУ в Восточной Европе. Правительство Швейцарии отказалось подтвердить существование доклада. И в то же время развернуло судебный процесс против издателей за публикацию данных, не подлежащих разглашению.

— Хотите сказать, на подобные вещи можно «подписаться»?

— Банкирам нужны достоверные сведения, —

---

[396] Примечания: 396
Швейцарская газета «Зоннтагсблик».

ответил магнат.

— И что с того?

— «Синий муравей» нуждается в хороших банкирах. Так получилось, что лучшие работают в Швейцарии. Но я бы пока не сказал, что дело в шляпе. Новые темы для поисков определяет независимая комиссия.

Тут у Холлис что-то случилось со зрением. В глубинах сияющего неба извивались огромные прозрачные существа. С щупальцами, как у звездных туманностей. Она сморгнула, и видение исчезло.

— Продолжайте.

— На сегодняшний день только два человека из этой комиссии склонны любезно прислушиваться к предложениям наших банкиров. Ладно, поживем — увидим.

Футон тяжело закачался волнами: должно быть, Бигенд сел прямо.

— Выпьем еще?

— Спасибо, я не хочу.

— Впрочем, — начал магнат, — вы сами видите неимоверные сложности, связанные со знанием подобного рода. Не говоря уже о том, что мы не представляем, кто еще может охотиться за нужной нам информацией. Однако вы с вашим

потенциалом подобраться вплотную к Чомбо…

Бигенд встал, потянулся, оправил пиджак, повернулся и наклонился к своей спутнице. Та приняла предложенную руку и с его помощью поднялась.

— Вы наша надежда разбить крупную партию на мелкие. — Мужчина сверкнул улыбкой. — Понимаете?

— Сколько можно повторять: Бобби не прыгал до потолка от счастья, когда Альберто меня привел. По-моему, он решил, что Корралес его предал. Конечно, вы можете думать, будто Чомбо спугнуло из города ожидаемое прибытие корабля, но я-то видела, как мало он обрадовался моему появлению.

— Первое впечатление порой обманчиво, — заметил Бигенд.

— Вы же не ждете, что теперь мы с ним ненароком столкнемся на улице?

— Предоставьте это мне. Во-первых, надо посмотреть, куда он направляется. А пока продолжайте работать с Филиппом. Посмотрим, что еще вам покажут Одиль и ее друзья. Не случайно же Бобби Чомбо совмещает такие разные, на первый взгляд, занятия. Самое главное — то, что наш разговор состоялся и мы пришли к соглашению.

Буду счастлив работать вместе с вами.

— Спасибо, — машинально ответила Холлис и вдруг поняла, что прибавить ей нечего. Когда молчание грозило слишком затянуться, она сказала: — Доброй ночи.

И ушла, оставив спутника у великанских кадок с фикусами.

Глава 46

VIP

— Документов у тебя с собой нет, — произнес по-английски старик, отключив небольшую камеру, на дисплее которой он только что несколько раз подряд просмотрел какой-то видеосюжет.

— Нет, — подтвердил Тито.

Два дешевых пластиковых плафона на батарейках тускло светили с потолка на двоих пассажиров, пристегнутых к неудобной скамейке. Тито мысленно считал повороты, пытаясь определить направление. Казалось, фургон теперь находился к северо-западу от Юнион-сквер и ехал на запад; правда, уверенность таяла с каждой минутой.

Старик достал из кармана конверт и дал его своему спутнику. Тот надорвал край и вынул

водительские права со своей фотографией. Нью-Джерси, Рамон Алькин. Тито внимательно изучил снимок. Он определенно узнал свое лицо, но точно помнил, что никогда не позировал в такой рубашке. Мужчина взглянул на подпись. Вначале, как учил Алехандро, нужно будет потренироваться копировать ее вверх тормашками.

Какое неприятное чувство — иметь документ, подпись на котором еще не умеешь подделывать. В особенности если не знаешь, как водить автомобиль.

Старик забрал конверт обратно, чтобы убрать его в карман. Тито достал из-под куртки бумажник и сунул права за прозрачное окошечко, между прочим заметив, как тщательно кто-то успел поцарапать ламинированную поверхность для большей достоверности. Сразу вспомнились уроки Алехандро.

— Что у тебя еще есть? — осведомился старик.

— Один из болгарских пистолетов, — ответил Тито и спохватился: незнакомец мог и не быть в курсе, о чем речь.

— А, Лечков. Дай посмотреть.

Тито вытащил пистолет, завернутый в носовой платок, и протянул старику. Легкая белая пыль запачкала его черные джинсы.

— Из него стреляли.

— Да, это я. В гостиничном ресторане. Чуть было не попал к ним в руки. За мной погнался один настоящий спринтер.

— Соль? — Старик осторожно принюхался.

— Морская. Очень тонкого помола.

— Лечков любил намекать, будто бы лично изобрел зонтик, с помощью которого убили Георгия Маркова[397]. Это неправда. Говорят, что он начинал у себя в деревне простым велосипедным механиком. — Он убрал за пазуху пистолет и платок. — Я так понимаю, без выстрела нельзя было обойтись?

Насколько бы хорошо этот человек ни разбирался в истории их рода, Тито позволил себе усомниться, что ему многое известно об оришах. Вряд ли имело смысл упоминать Элеггуа, который в конечном счете и решил спустить курок.

— Я же не в лицо, — пояснил Тито. — Пониже.

---

[397] Примечания: 397

Марков Георгий (болг. Георги Иванов Марков; 1929–1978) — болгарский диссидент, писатель и журналист, убитый в Лондоне. Считается, что он был убит агентом болгарских спецслужб. 7 сентября 1978 г., выйдя с работы, Георгий Марков шел к своему автомобилю. Проходя через толпу людей на автобусной остановке, он споткнулся о чей-то зонтик и ощутил укол. На следующий день Маркова стали мучить приступы тошноты, и через некоторое время он скончался. Перед смертью он успел рассказать об эпизоде с зонтиком. Полиция так и не нашла убийцу, и дело Маркова было закрыто.

Облако попало по глазам, но не повредило. — Память подсказывала, что это правда. А впрочем, при любом раскладе выбор остался бы за Элеггуа. — Промоет водой, и слепоту как рукой снимет.

— Белый порошок, — проговорил старик; на его дубленом лице пролегли новые морщины, которые собеседник решил принять за улыбку. — Еще недавно это усложнило бы дело. Теперь — навряд ли. В любом случае ты не пронесешь его на борт через металлодетекторы.

— На борт, — повторил Тито. В горле у него пересохло, а в глубине живота все свернулось от страха.

— Ладно, это мы оставим, — сказал старик, словно почувствовал его панику и хотел утешить. — Еще железо есть?

Темнота; люди в крохотном самолете, плотно прижатые друг к другу; нагретый металл, упершийся в тело; Тито обнимает материнские колени; ее рука у него в волосах; двигатель надрывается, пытаясь поднять на воздух непосильную тяжесть. Безлунная ночь. Еле видны вершины деревьев…

— Нет, — с усилием выдавил он.

Фургон остановился. Тито понял, что слышит

рев, точнее, гул — глубокий и угрожающий. Внезапно шум усилился: задняя дверь открылась, и солнце проре́зало темноту. Человек из обувного отдела «Прада» проворно поднялся в кузов. Старик отстегнулся и ловко перемахнул через спинку скамейки. Тито сделал то же самое; душа его онемела от страха.

— На Юнион-сквер оцепление, — сообщил человек из «Прада».

— Избавься от этой штуки. — Старик передал ему болгарский пистолет в носовом платке. Затем достал свою камеру, освободился от пальто, облачился в любезно поданный светлый плащ и обернулся к Тито: — Снимай свою куртку.

Тот повиновался. Взамен мужчина из «Прада» протянул ему короткую шерстяную ветровку зеленого цвета с желтой вышивкой на спине. Тито надел обновку. После чего получил зеленую кепку с желтым козырьком и надписью «ДЖОНСОН БРОЗ. ГАЗОНЫ И ЛУЖАЙКИ» и надел ее.

— А вот еще, — сказал человек из «Прада», вручая Тито пару солнечных очков, после чего запихнул его старую куртку в маленькую сумку из черного нейлона, закрыл на молнию и отдал обратно. — Не забудь, — напомнил он.

Тито нацепил очки, и вся троица выбралась

наружу, в мир яркого солнечного света и оглушительного рева. В нескольких футах перед фургоном на цепи висела табличка: «Эйр Пегасус. Вертодром VIP». А дальше, за ней, рычали вертолеты.

И тут появилась Вьянка. Она прикатила на мотоцикле, закрыв лицо зеркальным шлемом. Мужчина из «Прада» передал ей болгарский пистолет в носовом платке. Кузина убрала оружие за пазуху, торопливо помахала рукой на прощание и уехала. Свирепый визг ее мотора потонул в вертолетном грохоте.

Желудок потяжелел от холодного страха; Тито побрел за своими спутниками к VIP-вертолету.

После того, как они прошли через металлодетектор, и предъявили свои документы, и сели, пригнувшись, под вращающимися лопастями, и были пристегнуты, и рев стал неимоверно усиливаться, покуда не показалось, будто бы кто-то поднял машину с помощью троса и аккуратно понес, поднимая все выше, через Гудзон, Тито осталось только зажмуриться. Лишь бы не видеть ни города, ни того, как он быстро удаляется где-то внизу.

Наконец, по-прежнему не открывая глаз, мужчина нашел в себе силы вытащить из-за пазухи

«Нано», достать из левого переднего кармана джинсов наушники — и отыскать хвалебный гимн, который он наигрывал на своем «Касио» для богини Ошун.

Глава 47

Улица N

На деревьях, которые помнили еще гражданскую войну, за Филадельфией, водились призраки.

До этого рельсы бежали вдоль бесконечной череды крошечных одноквартирных домов; царящая здесь нищета равнялась по силе только нейтронной бомбе — если, конечно, верить рассказам военных о прошлом.

Пустые, безлюдные улицы, и в тон им — пустые окна без стекол. Бесколесые остовы японских автомобилей на обочинах, лежащие прямо на брюхе. Здания не просто из другого времени, а скорее уже из другого мира; может статься, из Белфаста после сектантской биологической атаки.

Зато миновав Филадельфию (и приняв очередную таблетку), Милгрим начал улавливать краем глаза отблески существ иного мира —

может, ангелов? Предвечернее солнце озаряло пролетающие мимо деревья фосфоресцирующим свечением в духе Максфилда Пэрриша[398], и вероятно, именно эпилептическое мельтешение пейзажа за окном поезда породило призраков. Вид у них был спокойно-безучастный, если не сказать — благосклонный. Эфемерные создания имели самое тесное отношение к этому месту, к этому часу времени года, но только не к истории самого́ зрителя.

Напротив сидел Браун и беспрестанно стучал по клавишам «бронированного» лэптопа. Всякий раз, когда он что-то писал, на его лице исподволь появлялась беспокойная гримаса. Милгриму оставалось лишь гадать о причинах. Возможно, Браун сомневался в своей способности к работе с текстом или заранее ждал отказа и брани со стороны адресата. Или просто чувствовал себя не в своей тарелке, сочиняя доклад о новых провалах? Если Милгрим правильно понимал его цели, то Браун еще никогда не добивался успеха с этим НУ, не говоря уже о Субъекте, хотя и прилагал

[398] Примечания: 398

Пэрриш Максфилд Фредерик (1870–1966) — художник и иллюстратор. Отличался ярким индивидуальным стилем; иллюстрировал «Тысячу и одну ночь», «Сказки матушки Гусыни» и др. Автор плакатов, журнальных обложек и календарей.

все усилия. Зато ему по крайней мере удалось перехватить некий предмет, который должен был перейти из рук в руки на Юнион-сквер. Пожалуй, поимка НУ не входила в задачи Брауна, ведь это могло спугнуть многочисленную родню обоих мужчин, за которыми велась охота. Тогда и квартирный «жучок», потребовавший столько хлопот, уже не помог бы.

Итак, по предположению Милгрима, Браун теперь напрягался над отчетом о событиях на Юнион-сквер. Пленник отчего-то был уверен, что ни в одном из отчетов подобного рода не упоминалось ни его имя, ни чернокожие союзники Денниса. И это к лучшему.

Милгрима беспокоило другое. Браун еще не спрашивал, почему он явился своим ходом и без наручника. Если спросит, придется ответить: дескать, ремешок сам отвалился, а тут началось волнение в парке, так что переводчик, желая облегчить отступление, решил на собственный страх и риск вернуться к машине.

Солнечные лучи, мелькающие сквозь кроны, утомили глаза, и Милгрим подумал, не почитать ли книгу. Но успел только сунуть ладонь в боковой карман и прикоснуться к потрепанной обложке, как тут же уснул, прижавшись щекой

к теплому стеклу. Браун растолкал его уже перед самым вашингтонским вокзалом.

Все тело ужасно ныло — видимо, после непривычного напряжения в парке; да и страху пришлось натерпеться, так что чего уж там. Милгрим поднялся на еле гнущихся ногах и начал отряхиваться от крошек сандвича с индейкой, которым подкрепился еще до Филадельфии.

— Пошевеливайся. — Браун толкнул его в спину.

Сам он обвешался поклажей, точно вьючная лошадь: ремни от лэптопа и сумки перекрещивались у него на груди. Должно быть, учился на каком-нибудь семинаре, как нужно следить за своим багажом, чтобы не украли. Милгрим вообще подозревал, что Браун импровизирует очень редко и с большой неохотой, поскольку свято верит, будто существует единственно верный способ совершить любое дело и только этот способ имеет право на существование.

Наблюдая за тем, как спутник бессознательно пытается шагать с ним в ногу, пленник почуял в этом довольно властном человеке еще и глубоко заложенную необходимость подчиняться чужой воле.

На вокзале Милгрим внезапно почувствовал

себя очень маленьким и втянул голову в плечи, высоко подняв воротник пальто. Он словно видел себя и Брауна со стороны, с высоты украшенных арок: два хлопотливых жучка, ползущих по мраморным просторам. Мужчина буквально принуждал себя бросать косые взгляды сверху вниз на покрытые письменами камни, аллегорические скульптуры, на позолоту — словом, на всю эту суетную роскошь американского ренессанса нового века.

Выйдя на уличный воздух, немного сырой и теплый, пропахший промышленным, но не нью-йоркским дымом, Браун быстро поймал такси и назвал адрес водителю-таиландцу в желтых стрелковых очках. Милгрим никогда не мог разобраться в местной карте города: какие-то круги, радиальные дороги напоминали таинственные знаки масонской ложи… Но адрес был простой, и пленник его запомнил: улица N. Еще один алфавитный город[399], а какая большая разница. В незрелые годы первой администрации Клинто-

[399] Примечания: 399

Намек на Алфавитный город, Алфавитвилль, в г. Нью-Йорке: распространенное название нескольких кварталов района Ист-Виллидж на Манхэттене, расположенных вдоль авеню A, B, C и D. Здесь находятся высотные жилые дома вперемешку с старыми, пришедшими в упадок строениями. В конце XX в. район был известен как место торговли наркотиками.

на Милгрим провел здесь три недели, в составе целой команды переводил с русского языка торговые отчеты для одной лоббистской фирмы.

В какой-то момент машина свернула с оживленной торговой улицы, ослепляющей модными брендами, и очутилась в более тихих окрестностях со старыми домиками, исключительно для местных жителей. Милгрим припомнил название архитектурного стиля — «федеральный»[400], а потом и название самого района — Джорджтаун[401]. Семинары по стилю проходили в одном из особняков, не похожем на те, что пролетали за окном; он был крупнее и с огороженным садом на заднем дворе. Милгрим улизнул туда, чтобы покурить травки, и неожиданно наткнулся на гигантскую черепаху в компании не менее гигантского кролика. Казалось бы, ничего удивительного: просто хозяин прогуливал своих

---

[400] Примечания: 400

Доминирующий стиль в архитектуре и декоративном искусстве в период 1790–1830. Во многом схож с колониальным стилем, но более завершенный и монументальный. Отличается изящными колоннами, крупными портиками без поддержки, кирпичными стенами, веерообразными наддверными окнами, криволинейными декоративными элементами.

[401] Примечания: 401

Престижный район г. Вашингтона, бывший городок на территории Федерального округа Колумбия. Основан в 1665 г. и до конца XIX в. играл роль торгового порта и центра табачной торговли. С 1895 г. включен в г. Вашингтон. Много зданий в федеральном стиле.

любимцев. Однако теперь тот день рисовался в памяти неким чудом из детства. Если подумать, в настоящем детстве Милгриму не хватало чудесных минут; возможно, поэтому он готов был переместить субъективную временну́ю межу дальше, нежели следовало. Но это явно произошло в Джорджтауне. Узкие кирпичные фасады приглушенных оттенков, деревянные черные ставни… Складывалось ощущение, будто бы где-то здесь трудились не покладая рук Ральф Лорен и Марта Стюарт[402] — наконец-то вместе, бок о бок, — натирая мебель и паркеты золотистым пчелиным воском.

Машина резко затормозила, и ядовито-желтые очки повернулись к Брауну.

— Вам сюда?

«Наверное», — молча ответил Милгрим, а Браун протянул таксисту несколько сложенных купюр и велел своему спутнику вылезать.

Подошвы Милгрима то и дело скользили на старых кирпичах со стертыми от времени углами. Пленник поднялся за Брауном по трем

[402] Примечания: 402

Марта Стюарт — американская телеведущая и медиамагнат, сделавшая себе состояние в миллионы долларов на телепрограммах для домохозяек. Ральф Лорен — знаменитый американский дизайнер, получивший титул «Легенда моды».

высоким гранитным ступеням, скруглившимся за несколько столетий. Крашеную черную дверь под веерообразным окном украшал гербовый орел из свежеполированной бронзы, настолько древний, что смахивал не на хищную птицу, которых Милгриму доводилось видеть, а на какое-то существо из древней мифологии — быть может, на феникса. Тем временем внимание Брауна целиком захватила клавиатура из полированной нержавеющей стали, вмонтированная в косяк; мужчина усердно набирал некий код, написанный на клочке голубой бумаги. Милгрим поднял глаза. Вдоль дороги моргали очень дорогие фонари в старинном стиле. Где-то в соседнем квартале лаял огромный пес.

Едва лишь код был набран, послышался резкий короткий скрип, и дверь сама по себе отперлась.

— Входи, — приказал Браун.

Милгрим торопливо ухватился за ручку, утопил большим пальцем кнопку посередине и слегка поднажал. Дверь беззвучно распахнулась, и он шагнул вперед, уже точно зная, что дом окажется пуст. Перед глазами оказалась длинная медная пластина с переключателями сделанная под старину. Вошедший нажал ближайшую к двери круглую кнопку, сделанную из жемчужины. Над

головой загорелась чаша из кремового стекла, обрамленная цветами из бронзы. Милгрим опустил глаза. Кругом блестел полированный серый мрамор.

За спиной коротко щелкнул замок: это Браун запер дверь.

Потом, по-хозяйски нажав еще несколько кнопок на медной пластине, прибавил света. Милгрим заметил, что был не так далек от истины в своих догадках насчет Марты и Ральфа. Правда, мебель оказалась ненастоящая; она скорее напоминала традиционно украшенный вестибюль в «Четырех временах года».

— А здесь мило, — услышал себя как бы со стороны Милгрим.

Браун развернулся на пятке и злобно уставился на него.

— Извиняюсь, — сказал пленник.

Глава 48

Мыс Монток

Тито сидел, решительно не разжимая век, целиком растворившись в музыке.

Если не считать вибраций и шума двигателя,

ничто не указывало на то, что машина летит. Пассажир совершенно утратил чувство направления.

Он продолжал купаться в музыке вместе с богиней Ошун, которая не давала страху поглотить своего поклонника. Наконец Тито увидел ее — как ручей, бегущий вниз по каменистому склону холма сквозь непроходимые заросли. А где-то там, над волнами, за вершинами деревьев, пела птица.

Машина чувствительно развернулась. Человек из «Прада» коснулся руки своего спутника. Тито раскрыл глаза. Сосед куда-то указывал и что-то пытался сказать. Мужчина снял наушники «Нано», однако услышал только рев двигателя. Сквозь изогнутый пластик окна́ виднелось море; пологие волны плескались у пляжа, усеянного камнями. На просторной зеленой поляне, расчищенной в гуще бурого низкорослого леса, квадратной петлей лежала дорога цвета беж, а вокруг белели здания.

Старик, надевший огромные синие наушники, сидел впереди, рядом с пилотом, которого испуганный пассажир почти не заметил, поскольку зажмурился сразу, как только сумел застегнуть ремень безопасности. Теперь Тито видел руку в

перчатке, лежащую на изогнутом стальном рычаге; время от времени большой палец нажимал кнопки на рукояти, словно у человека, увлекшегося аркадной игрой.

Слегка неправильный квадрат дороги со скругленными углами и белые здания вокруг нее постепенно увеличивались в размерах. За границей бурой опушки не росло ни кустов, ни деревьев. Самый крупный из домов с раскинутыми в обе стороны низкими крыльями стоял за пределами бежевой петли, обратившись к морю широкими пустыми окнами. Другие здания, сгрудившиеся за ним при дороге, напоминали жилые дома и один просторный гараж. Уже было видно, что все они выстроены из бревен, побелены краской и отчищены-отмыты до блеска. Здесь, в условиях северного климата, деревянные сооружения могли стоять очень долго, ведь их практически некому было точить изнутри. На Кубе лишь самые твердые породы из болотных джунглей «Полуострова Сапата»[403] выдерживали набеги насекомых.

---

[403] Примечания: 403

Большой Национальный парк на Кубе, объявленный ЮНЕСКО Всемирным заповедником биосферы. Флора здесь очень богата: более 1000 видов растений 110 родов, среди которых 115 эндемических на Кубе и 5 местных.

Тито заметил черный длинный автомобиль, застывший на обочине на полпути между крупным домом и теми, что помельче.

Вертолет устремился к берегу, взметая сухой песок, и низко пролетел над серой крышей большого здания. Потом невероятным образом замер прямо в воздухе и опустился на траву. От удара о твердую землю Тито почувствовал, как у него свело желудок. Небесная машина заревела в другой тональности.

Старик снял наушники. Человек из «Прада» перегнулся, отстегнул безопасный ремень соседа и подал сумку с курткой «А.Р.С.». Затем открыл дверь и жестом позвал его за собой.

Выбравшись наружу, Тито едва не рухнул на траву под мощным потоком ветра от несущих винтов. Глаза сейчас же начали слезиться. Мужчина сильно пригнулся и вцепился в кепку, чтобы ее не сорвало с головы. Тем временем человек из «Прада» протиснулся под фюзеляжем и помог старику спуститься с другой стороны, после чего они оба пошли к черной машине. По лаконичным жестам Тито понял, что ему нужно идти за ними, и, все еще пригибаясь, двинулся следом.

Рев лопастей снова набрал высоту.

Тито обернулся: вертолет поднимался в воздух,

словно показывая неуклюжий волшебный фокус. Потом резко повернул к воде, пронесся над крышей большого дома, взмыл еще выше и скоро превратился в точку на безоблачном небе.

В лицо ударил жесткий ветер, и во внезапно упавшей тишине Тито расслышал слова старика:

— Прости за униформу. Мы решили, что на вертодроме тебе лучше произвести надлежащее впечатление.

Человек из «Прада» полез под левое переднее колесо черного «линкольна» и достал ключи.

— Хорошее местечко, правда? — спросил он, глядя на маленькие домики и гараж.

— Маловато построено, по теперешним понятиям, — отозвался старик.

Тито снял солнечные очки, подумал, что-то прикинул и спрятал их в боковой карман. Следом засунул кепку, после чего снял зеленую куртку, а старую вынул из черной нейлоновой сумки, встряхнул и надел.

— В семидесятых все выглядело точно так же, — заметил человек из «Прада». — Тогда за этот участок просили чуть меньше трехсот тысяч. А теперь уже — сорок миллионов.

— Еще бы, — хмыкнул старик. — Спасибо хоть

разрешили нам тут приземлиться.

Тито убрал зеленую куртку в сумку и застегнул молнию.

— Сторожам и смотрителям, разумеется, не велели нас беспокоить. — Человек из «Прада» нажал кнопку на брелке и открыл водительскую дверцу.

— Правда? Значит, у меня много денег?

— Очень много.

— На чем же я так разбогател?

— Интернет-порнография, — обронил мужчина, садясь за руль.

— Что, правда?

— Отели. Система модных отелей в Дубаи, — ответил он, заводя двигатель. — Садись рядом со мной, Тито.

Старик открыл заднюю дверцу, оглянулся, бросил:

— Залезай, — сел в машину и закрыл за собой.

Тито обошел длинный и блестящий черный капот, обратив внимание на номерной знак Нью-Джерси и тоже забрался внутрь.

— Гаррет, — представился человек за рулем.

Тито пожал протянутую руку и плавно закрыл дверцу. «Линкольн» покатил вперед по хрустящему сланцу.

— Фрукты, сандвичи. — Гаррет указал на корзину между ними. — Вода есть.

Вначале автомобиль ехал по петле к гаражу и домикам, а потом завернул направо, на бежевую дорожку, ведущую в коричневый лес.

— И долго нам туда добираться? — поинтересовался старик.

— В это время года — минут тридцать, — ответил Гаррет. — По Двадцать седьмому маршруту, через Амагансетт и Ист-Хемптон.

— Там есть какая-нибудь сторожка?

— Нет. Просто ворота. Но я получил от риэлтора код.

Одеяло из мертвых опавших листьев заглушало хруст сланца под мощными шинами.

— Кстати, — обратился к своему соседу Гаррет, — я заметил, ты всю дорогу просидел с закрытыми глазами. Не любишь вертолеты?

— Тито не поднимался в небо с тех пор, как покинул Кубу, — вмешался старик. — А вертолет ему и вовсе в новинку, я думаю.

— Да уж, — подтвердил тот.

— А-а… — протянул Гаррет.

Тито во все глаза смотрел на бурые лесные дебри. Последний раз он забирался так далеко от города, когда был на Кубе.

Вскоре человек, назвавшийся Гарретом, остановил машину в нескольких футах от приземистых, тяжеловесных на вид ворот из оцинкованной стали.

— Подсоби-ка, — сказал он, распахивая дверцу. — В прошлый раз, когда мы здесь были с риэлтором, цепь все время соскакивала.

Тито вылез наружу. Двухполосная асфальтобетонная дорога проходила возле самых ворот. Гаррет открыл серую металлическую коробочку, висящую на белом деревянном столбе, и теперь отстукивал код на вмонтированной в нее клавиатуре. Воздух был напоен густым лесным духом. Высоко среди крон промелькнул какой-то зверек, но Тито не разглядел его — только закачавшуюся ветку. Послышался визг электрического мотора, и у ворот загрохотала, дергаясь, длинная-длинная цепочка, похожая на велосипедную.

— Подтолкни, — попросил Гаррет.

Тито взялся руками за створку и толкнул ее вправо, на звук мотора. Цепочка попала, куда было нужно, ворота содрогнулись и разошлись в стороны.

— Садись в машину. Будем проезжать — луч засечет движение и закроет за нами.

Когда багажник «линкольна» миновал ворота,

пассажир на переднем сиденье обернулся. Створки довольно плавно сомкнулись, однако Гаррет остановил машину, вышел из салона и пошел убедиться, что механизм сработал как следует.

— За ними нужен глаз да глаз, — проговорил старик. — Тогда будущий покупатель сразу подумает, что и все прочее — тоже в отличном состоянии.

Гаррет вернулся и вырулил автомобиль на дорогу, быстро набирая скорость.

— На сегодня — больше никаких вертолетов, — обратился он к своему соседу.

— Хорошо, — сказал тот.

— Остался последний этап — домчимся на жестком крыле.

Тито, уже начавший посматривать на бананы в корзине, сразу потерял аппетит.

— Еще этап?

— «Беркут Сессна», — вставил старик. — Тысяча девятьсот восемьдесят пятый год выпуска. Одна из последних моделей. Очень удобная. Тихая. Сможем наконец поспать.

Тито невольно вжался в сиденье. Впереди замаячили какие-то здания.

— И куда мы?

— Прямо сейчас, — отвечал Гаррет, — в ист-

хемптонский аэропорт.

— Это частный самолет, — прибавил старик. — Никаких досмотров, никаких документов. Потом тебе выправят что-нибудь поприличнее, чем водительские права Нью-Джерси, но сегодня ничего такого не потребуется.

— Спасибо. — Тито не знал, что еще сказать.

За окном проплыло маленькое сооружение, на котором было выведено краской: «ОБЕД», а перед фасадом стояли припаркованные автомобили. Тито покосился на фрукты. В прошлый раз он ел минувшим вечером, в компании Бродермана и Вьянки, да и *guerreros* его на время оставили. Мужчина поднял банан и решительно принялся его чистить. «Уж если судьба заставляет учиться летать, так хотя бы не с голодухи», — мысленно убеждал он свой желудок. Тот плохо поддавался на уговоры, но Тито упорно продолжал есть банан.

Гаррет как ни в чем не бывало крутил баранку. Старик молчал.

Глава 49

Ротч

Одиль сидела в белом кресле с белым роботом на коленях и ковыряла гостиничным белым карандашом у него в животе среди пластиковых шестеренок и черных резиновых лент.

— Такая штука, они ломаться.

— Кто же это сделал? — спросила Холлис из своего кресла, сидя со скрещенными ногами в мягком халате.

Минувшая ночь прошла для нее на удивление безмятежно. Теперь было девять часов, и собеседницы потягивали утренний кофе, заказанный прямо в номер.

— Сильвия Ротч.

Француженка что-то поддела кончиком грифеля, раздался щелчок.

— *Bon*[404], — похвалила она.

— Ротч? — Холлис тоже взяла на изготовку белый карандаш. — Как правильно пишется?

— *R-O-I-G*. — Произношение английских букв, как обычно, далось Одиль с большим трудом.

— Это точно?

— Это по-каталонски, — пояснила она, накло-

---

[404] Примечания: 404
Хорошо *(фр.)*.

няясь и опуская робота на ковер. — У них там сложный диалект.

Журналистка записала: «*Roig*».

— А почему именно маки, она их часто изображает?

— Вообще только их и делать. — Огромные глаза француженки округлились, но гладкий лоб хранил серьезную невозмутимость. — Завалила маками весь *Mercat des Flores*, цветочный рынок.

— Ясно. — Холлис положила карандаш и подлила себе кофе. — Ты, кажется, хотела поговорить о Бобби Чомбо.

— Фер-гу-сон, — по слогам отчеканила Одиль.

— Как?

— Его зовут Роберт Фергусон. Он из Канады. Шомбо — просто псевдоним.

Холлис отхлебнула еще кофе, чтобы переварить услышанное.

— Впервые об этом слышу. Думаешь, Альберто знает?

Собеседница пожала плечами, как умеют лишь во Франции, — казалось, для этого нужно иметь немного иной скелет, чем у прочих людей.

— Вряд ли. Я в курсе, потому что мой парень работать в одной галерее в Ванкувере. Ты там бывать?

— В галерее?

— В Ванкувере! Красиво.

— Ага, — поддакнула Холлис, хотя видела, по правде сказать, очень мало — практически лишь номера́ в гостинице «Четыре времени года» да интерьер ужасно тесного зала суда, расположенного в бывшем здании двухэтажного танцевального зала в стиле «деко» на центральной улице с множеством театров, но, как ни странно, без автомобилей. У Джимми в то время выдалась черная полоса; приходилось безотлучно держаться рядом. Не самое приятное воспоминание.

— Мой парень, он говорить, что Бобби — диджей.

— Так он канадец?

— Парень? Француз.

— Я про Бобби.

— А, конечно, канадец. Фер-гу-сон.

— И хорошо он его знал? В смысле, парень твой?

— Доставать у него экстази, — ответила Одиль.

— Так это было прежде, чем Бобби переехал в Орегон работать над проектами GPSW[405]?

---

[405] Примечания: 405

Global Positioning Systems Wing — управляющее системой GPS отдельное подразделение в составе Центра космических и ракетных систем ВВС США.

— Без понятия. По-моему, да. Уже три года? В Париже мой друг видеть его фотку, открытие в Нью-Йорке, Дейл Кьюсак, в память о Натали, ты что-нибудь слышать?

— Нет, — сказала Холлис.

— Бобби работать геохакером для Кьюсак. Мой друг говорить мне, это Роберт Фер-гу-сон.

— И ты уверена?

— Да. Кое-кто из художников, местные, знать, что он из Канады. Это, наверно, не такой большой секрет.

— Но Альберто не в курсе?

— Не каждый знать. Всем нужно Бобби. Для нового искусства. Тут он лучший. Но жить уединенно. Кто помнить его раньше, они стали очень осторожными. Не говорить, если Бобби что-то не хочет.

— Одиль, а тебе известно про его последний… переезд?

— Да. — Собеседница помрачнела. — Емейлы возвращаться назад. Серверы недоступны. Художники не уметь выйти на связь, они волноваться.

— Альберто мне уже рассказал. Не представляешь, куда он мог направиться?

— Это же Шомбо. — Одиль взяла свой кофе. — Он быть где угодно. ’Оллис, ты не хочешь поехать

со мной на Сильверлейк? В гости к Бет Баркер?

Журналистка задумалась. Кажется, она недооценивала очень ценный источник сведений. Если приятель Одиль (случаем, не бывший?) и вправду знал Бобби Чомбо-Фергусона…

— Это та, у которой квартира вся в виртуальных ярлыках?

— ’Иперпространственная обстановка, — поправила собеседница.

«Господи помилуй», — вздохнула про себя Холлис.

И подняла зазвонившую трубку.

— Да?

— Это Памела Мэйнуоринг. Хьюберт просил передать, что собирается в Ванкувер.

Холлис покосилась на Одиль.

— Он уже знает, что Бобби — канадец?

— Вообще-то знает, — ответила Памела.

— А я только что услышала.

— Вы с Хьюбертом обсуждали эту тему?

Журналистка подумала.

— Нет.

— Ну вот видите. Он хочет, чтобы вы тоже полетели.

— Когда?

— Если сорваться прямо сейчас, вы могли бы

успеть на тринадцатичасовой рейс «Эйр-Канада».

— А во сколько будет последний?

— Сегодня в восемь.

— Ладно, закажите два билета. На фамилии Генри и Ричард. Я перезвоню.

— Хорошо. — Памела отключилась.

— ’Оллис, — позвала Одиль, — в чем дело?

— Ты не можешь на несколько дней сгонять со мной в Ванкувер? Вылет — сегодня вечером. За счет «Нода», конечно. Билеты, гостиница, все расходы.

Француженка изумленно выгнула брови.

— Серьезно?

— Да.

— ’Оллис, ты знаешь, «Нод» оплатить мой приезд сюда, платить за «le Standard»…

— Ну, тем более. Так как насчет Ванкувера?

— Само собой, — согласилась Одиль. — Только зачем?

— Поможешь мне отыскать Бобби.

— Я попробовать, но… — Одиль вновь по-французски пожала плечами.

— Вот и отлично, — сказала Холлис.

Глава 50

Галерея шепотов

Милгрим проснулся на узкой кровати под фланелевой простыней с набивным рисунком из лилий, речных пейзажей и многократно размноженного рыбака, забрасывающего удочку. Наволочка была из точно такого же материала. На противоположной стене в ногах постели висел огромный плакат: голова белоголового орлана на фоне раздувающихся складок «Доблести прошлого»[406]. Похоже, Милгрим разделся перед сном, но совершенно не помнил этого.

Он посмотрел на постер, упрятанный за стекло и оформленный в незамысловатую пластмассовую раму с позолотой. Прежде мужчина никогда не видел подобного. Фотография поражала и тревожила взгляд плавным, чуть ли не порнографическим качеством изображения. Казалось,

---

[406] Примечания: 406

Государственный флаг США. Первоначально название конкретного флага, который 10 августа 1831 г. был вручен капитану брига «Чарлз Даггетт» У. Драйверу в г. Сейлем, штат Массачусетс. При подъеме флага на мачте судна капитан объявил: «Именую тебя «Доблесть прошлого»».

будто бы объектив смазали вазелином. Если, конечно, кто-нибудь еще делал это — в смысле, смазывал вазелином объектив. Скорее всего картинку целиком исполнили на мониторе компьютера. Бусина гла́за, сверхреалистично блестящая и выпуклая, словно нарочно была просчитана так, чтобы сверлить лоб зрителя. Не помешал бы еще какой-нибудь лозунг, что-то занудное и ура-патриотическое. А впрочем, и этих волнообразных полос, горстки звезд в верхнем углу и головы́ пернатого хищника довольно устрашающего вида было более чем достаточно для сходства с убийственной иконой. В голову отчего-то лезли мысли о странном фениксоподобном существе внизу, на входной двери.

Милгрим вспомнил, как ел на кухне первого этажа заказанную Брауном пиццу. Один кусок с пепперони и три с сыром. А в холодильнике не оказалось ничего, кроме шести упаковок очень холодной «пепси». Рука до сих пор хранила ощущение от прикосновения к гладким белым кругам нагревательного элемента в жаровне — Милгрим никогда такого не видел. Браун взял пиццу с собой в кабинет, а еще — бокал и бутылку виски. Помнится, до этих пор он еще ни разу не пил на глазах у переводчика. Вскоре из-за двери

стали доноситься обрывки телефонного разговора, но Милгрим не разобрал ни слова. А после, кажется, принял еще «Райз».

Точно принял. Ведь, размышлял он теперь, сидя в нижнем белье на краю постели, уже случалось так, что небольшая передозировка по-особенному прочищала мозги на следующее утро. Мужчина поднял голову: на него в упор, подобно дулу пистолета, смотрел орлиный глаз. Поспешив отвернуться, Милгрим встал и бесшумно, с ловкостью, происходящей от опыта, принялся обыскивать комнату.

Очевидно, она предназначалась для мальчика и должна была сочетаться со стилем всего здания, разве что к обстановке приложили чуть меньше усилий. Уже не столько Ральф Лорен, сколько «diffusion line»[407]. Милгриму пока что не попалось на глаза ни одной настоящей антикварной вещицы, за исключением бронзовой птицы на двери — возможно, ровесницы дома. Мебель носила следы состаривания, причем довольно небрежного: скорее Китай или Индия, нежели Северная Каролина. Если на то пошло, спохватился мужчина, заметив шкаф с пустыми полками, ему

[407] Примечания: 407
Вторая линия известного брэнда.

до сих пор не попалось ни единой книги.

Милгрим осторожно, стараясь не произвести ни звука, по очереди заглянул в каждый ящик маленького бюро. Ничего. И только в нижнем нашлась проволочная вешалка, обтянутая тканью с отпечатанным на ней названием и адресом химчистки в Бетесде[408], и пара кнопок. Мужчина опустился на ковер и заглянул под бюро. Опять пусто.

Маленький письменный стол немного в колониальном стиле, как и бюро, покрытый синей краской и состаренный машинным способом, тоже не баловал находками, если не считать дохлой мухи и черной шариковой ручки с белой надписью «СОБСТВЕННОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА США». За временным отсутствием карманов Милгрим сунул ручку под резинку трусов и аккуратно открыл платяной шкаф. Петли заскрипели: как видно, дверцей нечасто пользовались. Громыхнули пустые вешалки. Лишь на одной из них висел темно-синий приталенный пиджачок с изящно вышитым золотым гербом на груди. Порывшись в карманах, Милгрим нашел мелок и скомканную салфетку «клинекс».

---

[408] Примечания: 408

Населенный пункт в центральной части штата Мэриленд, престижный жилой северо-западный пригород г. Вашингтона.

Этот мелок и детский пиджак наводили на грустные мысли. Не хотелось думать, что в комнате жил ребенок. Возможно, раньше здесь было еще кое-что — например, игрушки, книги, но почему-то в это не очень верилось. Обстановка говорила о трудном детстве, не более радостном, чем было у самого́ Милгрима. Мужчина закрыл шкаф и подошел к синему стулу; на спинке висела его одежда. Надевая штаны, он укололся шариковой ручкой правительства США, про которую совершенно забыл.

Милгрим оделся и приблизился к единственному окну, задернутому полосатыми шторами. Встав так, чтобы как можно меньше потревожить край драпировки, он краем глаза увидел улицу N в невеселый пасмурный день. Да, и еще правое переднее крыло припаркованного автомобиля, черное и блестящее. Судя по величине крыла, машина была внушительных размеров.

Милгрим набросил на себя пальто «Пол Стюарт», нащупал в кармане свою книгу, пристегнул шариковую ручку и попробовал толкнуть выходную дверь. Комната оказалась не заперта.

За ней начинался обшитый панелями, застеленный ковром коридор с верхним освещением. Мужчина заглянул через перила: двумя проле-

тами ниже мягко поблескивал серый мрамор вчерашней прихожей. И тут над самым ухом ложечка звякнула о фарфор. Милгрим подскочил от испуга и обернулся.

— Благодарю, — произнес невидимый Браун с несвойственной ему ноткой признательности.

Коридор был совершенно пуст.

— Я понимаю, с чем вам приходится работать, — точно так же близко и неизвестно откуда проговорил незнакомый голос. — Вам предоставлены лучшие люди, но и этого мало. Мы слишком часто слышим от вас подобные речи. Конечно, я разочарован, что его опять не схватили. В свете вашей последней неудачи, думаю, было бы логично попытаться хотя бы сделать фотографию. Согласны? Следовало подготовиться на тот случай, если вы его снова упу́стите.

Неизвестный говорил как адвокат — размеренно и отчетливо, словно был уверен, что его дослушают до конца.

— Да, сэр, — ответил Браун.

— Тогда мы по крайней мере получили бы шанс узнать его поближе.

— Да.

Милгрим стоял с расширившимися глазами, вцепившись руками в перила, будто в поручень

корабля в разгар ужасного шторма, смотрел на узкую полоску мрамора внизу и чувствовал привкус собственной крови. Он прокусил себе щеку в ту секунду, когда в кофейной чашке звякнула ложечка. Должно быть, беседа за завтраком отражалась от пола, либо поднималась эхом по стенам лестничного пролета, либо и то, и другое сразу. Любопытно, лет сто назад какой-нибудь ребенок тоже подслушивал здесь разговоры взрослых, давясь от смеха?

— По вашим словам, предназначенное ему сообщение указывает на то, что способность к выслеживанию до сих пор к нему не вернулась; таким образом, он пока не в курсе, где наш объект и куда направляется.

— Не знаю, кто на него работает, — заметил Браун, — но дело, похоже, еще не сделано.

— А наши друзья, — продолжал собеседник, — вдруг после просмотра материала им удастся сообразить, что там находится такого, ради чего ведутся столь безуспешные поиски?

— Оценки выполняет человек, не имеющий понятия, о чем речь. Для него это просто данные, а ему каждый день приходится иметь дело с анализом информации.

— Правительство?

— «Телко»[409], — ответил Браун. — Кто занимается расшифровкой, вам известно. Они никогда не видели продукта. А у нашего аналитика все причины как можно меньше вникать в подробности. Об этом я позаботился.

— Хорошо. Я вас понял.

Вилка и нож стукнули о тарелку так громко, что Милгрим поморщился.

— Итак, — спросил незнакомец, — в состоянии ли мы довести дело до конца?

— Полагаю, да.

— Значит, груз наконец придет в порт. После стольких скитаний.

— Но только не в конус, — уточнил Браун.

Конус? Милгрим испуганно поморгал. Уж не мерещится ли ему весь этот разговор?

— Ну да, — согласился второй мужчина. — Только не в Америку.

Ах, конус, сообразил Милгрим. Нужно писать заглавными буквами, как на Четвертое июля. CONUS, сокращенно от Continental United

[409] Примечания: 409

Сокращенное название телефонной компании, предоставляющей интернет-услуги.

States[410].

— А может случиться, что его откроют для досмотра? — спросил незнакомец.

— Навряд ли, — сказал Браун. — В крайнем случае подвергнут гамма-сканированию, мы и сами так сделали в прошлом порту, чтобы убедиться, что упаковка и содержимое не вызывают подозрений.

— Ну да. Я видел.

— Значит, вы согласны?

— Согласен, — не возражал собеседник. — А какие шаги предпринимаются в Нью-Йорке в ваше отсутствие?

Браун помедлил.

— Я послал команду на квартиру к НУ. Дверь была нараспашку, и все внутри покрывал свежий слой латексной краски. Никаких отпечатков пальцев. Айпода, конечно, тоже не обнаружили. Устройство слежения оставалось на месте, под вешалкой. От него сразу избавились.

— Значит, они не нашли устройство?

— Если нашли, то никак этого не выдали.

— Вы хоть на шаг приблизились к разгадке, с кем мы имеем дело?

---

[410] Примечания: 410

Континентальная часть США, включает все регионы США за исключением Аляски и Гавайев (англ.).

— Это один из мелких организованных преступных кланов в США. Возможно, даже семья в буквальном смысле слова. В основном занимаются контрабандой. Очень узкая специализация, баснословные цены. «Мара Салватруча»[411] по сравнению с ними — просто «Ю-пи-эс»[412]. По происхождению члены клана — кубинские китайцы. Все до одного нелегалы, надо полагать.

— Может, обратиться к людям из ICE, пусть арестуют их?

— Для начала их не мешало бы найти. Мы отыскали того парня и проследили за ним до дома. И даже, опираясь на данные вами сведения, подобрались к Субъекту, правда, не ближе обычного. Но все остальные — настоящие призраки.

Тут Милгрим понял, что достаточно хорошо успел изучить Брауна, чтобы расслышать в его голосе нотку безумия. Интересно, заметит ли ее

---

[411] Примечания: 411

Одна из самых мощных и многочисленных в Западном полушарии преступных молодежных группировок. Действует во всех странах Северной Америки, имея «отделения» почти во всех крупных городах Мексики и Соединенных Штатов. Группировка занимается всеми видами преступности — от сутенерства до торговли оружием и наркотиками.

[412] Примечания: 412

«Юнайтед парсел сервис» — частная служба доставки посылок. Владеет собственным воздушным и автомобильным транспортом. Услуги компании дороже, но качественнее услуг государственной почты.

собеседник.

— Призраки? — без выражения повторил второй мужчина.

— Беда в том, — начал Браун, — что у них особая выучка. Настоящая выучка. Что-то вроде кубинской разведшколы. Я просил таких же профессионалов — и не получил, помните?

— Помню, — сказал собеседник. — Но, как вы сами однажды сказали, наша проблема не в них, а в нем. Пусть ему даже известно, что именно мы делаем, зато неизвестно, в какой момент и где, теперь-то я в этом убедился. Со временем, возможно, и мы подтянем своих людей до уровня этих профи. Разумеется, когда вся история останется позади. А сейчас необходимо выяснить, кто этот человек, и как-то с ним разобраться.

На столе зазвенел фарфор: один из собеседников поднялся с места.

Милгрим отпустил перила и вернулся в комнату, сделав два длинных, необычайно осторожных шага. С предельной осмотрительностью закрыл за собой дверь, повесил пальто на стул, разулся и влез под простыню, натянув ее до самого подбородка. Потом закрыл глаза и совершенно затих. Хлопнула дверь на улицу. Мгновение спустя зашумел мотор, и стало слышно, как отъезжает

машина.

Через некоторое время в комнате раздались шаги, а затем приказ:

— Поднимайся.

Милгрим открыл глаза. Браун шагнул к нему и сорвал простынь.

— Твою мать, как можно дрыхнуть в одежде?

— Я нечаянно заснул, — извинился пленник.

— Ладно, ванна внизу. Там найдешь халат и мешок для мусора. Все свои шмотки сложишь туда. Мойся, брейся, надевай халат и спускайся на кухню, будем тебя стричь.

— Вы еще и стрижете? — удивился Милгрим.

— Здешний домоправитель. Он тебя и в порядок приведет, и снимет мерку для одежды. Только не вздумай спать в обновках. Увижу — не поздоровится.

Браун развернулся на пятке и вышел из комнаты.

Милгрим еще немного полежал, уставившись в потолок. Затем поднялся и, достав из кармана пальто свои туалетные принадлежности, отправился в душ.

Глава 51

«Сессна»

Тито выяснил, что может уснуть и в самолете.

Здесь, за маленькой, полной приборов кабиной, где сидел раздобревший седой пилот, располагались кушетка и два откидных кресла на шарнирах. Спутники покоились в креслах, а Тито лежал на кушетке, глядя в изогнутый потолок (обитый, как и мягкая мебель, серой кожей). Самолет был американский, один из последних в своем роде, тысяча девятьсот восемьдесят пятого года выпуска; об этом рассказывал старик, пока троица поднималась по маленькой лестнице на колесах, застывшей на взлетно-посадочной полосе ист-хемптонского аэропорта.

Тито не представлял себе, зачем старику понадобилось такое древнее ископаемое. Может, самолет был его собственностью и просто хорошо сохранился с тех пор? При взгляде на небесную машину на ум приходили земные, американские автомобили в Гаване, столь же почтенного возраста, похожие на китов из мороженого, матово-зеленые или розовые, с украшениями в виде

гигантских зубов и плавников из хрома, каждый дюйм которых всегда начищался до неимоверного блеска. Шагая прочь от «линкольна» вслед за Гарретом и стариком, захватившими кое-какой багаж из фургона, Тито вопреки собственному страху поймал себя на том, что восхищается каждой линией самолета и его завораживающим блеском. Это было великолепно: очень длинный и очень острый нос, пропеллеры на крыльях и круглые иллюминаторы в ряд.

Толстый улыбчивый пилот, судя по всему, был счастлив увидеть старика, с которым, по его же словам, не встречался бог знает как долго. Старик ответил, что, дескать, и в самом деле сколько лет, сколько зим и что с него причитается. Да ничего подобного, возразил пилот, какие могут быть счеты, а сам подхватил пару чемоданов и черную сумку, чтобы убрать их в багажное отделение под крылом, позади двигателя.

Поднимаясь по трапу, Тито зажмурился и не видел, как Гаррет ушел припарковать машину.

Присев на кушетку с закрытыми глазами, мужчина услышал голос пилота, донесшийся из передней кабины:

— Едва успели, управимся от рассвета до сумерек.

Старик промолчал в ответ.

Взлет получился почти столь же ужасным, как и на вертолете. Правда, на этот раз Тито заранее приготовил «Нано» и крепко зажмурился.

Наконец он все же рискнул открыть глаза. В иллюминаторах ослепительно пылал закат. Полет был гладким (в отличие от предыдущего он воспринимался как движение свободное, самостоятельное, а не на привязанном неизвестно к чему тросе) и более тихим, и кроме того, кушетка оказалась гораздо удобнее.

Пока Тито слушал свою музыку, попутчики зажгли над головами маленькие лампочки, надели наушники с микрофонами и принялись беседовать. Наконец они опустили откидные столики. Старик раскрыл свой лэптоп, Гаррет развернул какие-то планы и взялся изучать их, делая пометки механическим карандашом.

В салоне потеплело, но от этого стало только удобнее. Тито снял куртку, свернул ее, положил под голову и заснул на серой кушетке.

Когда он проснулся, уже наступила ночь, и лампочки были потушены. Впереди, в кабине пилота, мерцали сигнальные диоды, светились экраны с какими-то линиями и цифрами.

Покинул ли самолет Соединенные Штаты? И

вообще, на что способна эта модель? Долететь до Кубы? Достичь Мексики? Тито не думал, что его переправят именно туда. Хотя, если верить предположениям Вьянки, кузен Эйсебио проживал сейчас в окрестностях Мехико-Сити, в Докторес.

Мужчина посмотрел на старика, чей профиль еле вырисовывался на фоне мерцающих приборных огней. Тот спал, уронив подбородок на грудь. Тито попытался представить их вместе с дедом в Гаване, много лет назад, когда и революция, и машины-киты были еще в новинку, но не смог.

Тогда он тоже закрыл глаза и продолжал себе лететь сквозь ночь, где-то над неизвестной страной; оставалось только надеяться, что это все еще была Америка.

Глава 52

Школьный костюм

Как и обещал Браун, домоправитель был на кухне, споласкивал тарелки после завтрака, перед тем как поставить их в посудомоечную машину. Это был малорослый мужчина в темных брюках и белом пиджаке. Когда Милгрим пришел из ванной, завернувшись в огромный махровый

халат красного цвета, но босиком, домоправитель уставился на его ноги.

— Он сказал, что вы меня подстрижете, — произнес пленник.

— Садись.

Милгрим опустился на кленовый стул и стал смотреть, как домоправитель убирает со стола в холодильник остатки еды, заполняет посудомоечную машину и включает ее. Потом спросил:

— У вас не найдется на завтрак пары яиц?

Мужчина равнодушно взглянул на него, достал из черного портфеля, лежащего на белой конторке, электрическую машинку для стрижки, расческу и пару ножниц. Затем обернул шею Милгрима тканью (которая, судя по пятнам от варенья, еще утром служила скатертью), провел расческой по его влажным волосам и с видом человека, который точно знает, что делает, принялся орудовать ножницами. Отложив их, подбрил электрической машинкой волоски на ее шее, отступил на шаг, посмотрел оценивающим взглядом и немного подправил свою работу при помощи ножниц и расчески. Напоследок он смахнул салфеткой состриженные волосы со скатерти на пол. Милгрим продолжал сидеть, ожидая, когда ему принесут зеркало. Но вместо

этого мужчина принес веник и совок с длинной ручкой и взялся подметать. Всегда почему-то печально видеть собственные волосы на полу. Милгрим поднялся, снял с себя скатерть, положил ее на стол и повернулся, чтобы уйти.

— Погоди, — обронил домоправитель, не прекращая своего занятия. Когда пол был снова чист, он убрал парикмахерские инструменты в портфель и достал оттуда желтую сантиметровую ленту и ручку с блокнотом. — Снимай халат.

Милгрим повиновался, радуясь, что не последовал приказанию Брауна буквально и оставил себе хотя бы трусы. Домоправитель начал быстро и ловко снимать с него мерку.

— Размер ноги?

— Девятый, — ответил Браун.

— Узкая?

— Средняя.

Домоправитель сделал пометку и махнул блокнотом в сторону двери:

— Иди. Иди, иди.

— А завтрак?

— Иди.

И Милгрим ушел из кухни, раздумывая, где бы поискать Брауна. В кабинете, где тот пил свое виски прошлой ночью?

Кабинет был обставлен так же, как и весь дом, только с добавлением темного дерева и вертикальных полос. И кстати, с книгами. Милгрим шагнул за порог, огляделся и быстро метнулся к шкафу. Но понял, что обманулся. Перед ним были двери шкафа, обклеенные корешками старинных книг. Мужчина наклонился, чтобы поближе взглянуть на останки безвинно казненных томов, однако увидел цельный кусок кожи, облепивший выпуклую деревянную форму в виде книжных корешков. Усердно состаренное золотое тиснение не позволяло прочесть ни названий, ни фамилий авторов. Удивительно тонкая работа. Туманное подражание ремесленников одной культуры произведениям культуры иной. Милгрим распахнул дверцу и, увидев внутри пустые полки, быстро закрыл ее.

Вернувшись в коридор, он подошел к искусственно состаренному зеркалу и внимательно изучил итог ручной работы домоправителя. Опрятно. Но чересчур обыденно. Такая прическа была бы к лицу адвокату или арестанту.

Стоя на прохладном сером мраморе у подножия узкого лестничного колодца, Милгрим прищелкнул языком и вообразил, как щель загадочным образом засасывает звук и уносит его вверх.

Где же Браун?

Поднимаясь на второй этаж, Милгрим прихватил из ванной бритву, зубную щетку и пасту, а также пакет с одеждой. Уже в комнате мальчика он бросил туда и трусы, а сам остался в просторном халате на голое тело. Потом достал свою книгу из кармана пальто, наброшенного на спинку стула. «Полом Стюартом» мужчина разжился в одном гастрономе незадолго до встречи с Брауном. Пальтишко уже тогда было не новое, ношенное по меньшей мере целый сезон, и теперь его не спасла бы даже химчистка. Милгрим положил книгу на письменный стол и аккуратно повесил последнюю деталь своей одежды в шкаф на плечики рядом со школьным синим блейзером.

— Вот тебе приятель, — шепнул он. — Можешь больше не бояться.

И закрыл дверцу. Поднимая со стола книгу, он услышал, как входит Браун. Тот едва посмотрел на новую стрижку и всучил пленнику хрустящий бумажный пакет из «Макдоналдса», помеченный прозрачными пятнами жира, после чего забрал мусорный пакет и, завязав его верхнюю часть узлом, удалился.

«Эгг Макмаффин»[413] капал жиром на халат, но Милгрим решил, что это уже не его забота.

Примерно через час или чуть меньше явился домоправитель с двумя бумажными сумками и черным виниловым чехлом для верхней одежды; на всем стояла надпись «JOS. A. BANKS».

— Вот это я понимаю, быстрое обслуживание, — заметил Милгрим.

— «МакЛин», — ответил домоправитель, словно это все объясняло.

Он бросил сумки на кровать и направился к шкафу, но пленник сам поспешил принять у него чехол.

— Спасибо.

Домоправитель повернулся и, не проронив ни слова, ушел.

Под чехлом обнаружился черный пиджак с тремя пуговицами, смесь шерсти и полиэстера. Милгрим положил его на кровать поверх винила и заглянул в сумки. Двое хлопковых трусов цвета берлинской лазури, две пары серых носков умеренной плотности, белая майка и еще пара синих хлопчатобумажных рубашек с воротниками, застегивающимися на концах, плюс темно-серые

---

[413] Примечания: 413
Гамбургер с яичницей.

шерстяные брюки на пуговицах, без петелек для ремня. Видно, так полагалось. В день их знакомства Браун чуть ли не первым делом отнял у него ремень. Во второй сумке пряталась коробка с кожаными «оксфордами»[414] на резиновой подошве, причем довольно унылого вида: типичная обувь для офиса. Плюс черный нейлоновый рюкзак и бумажник из черной кожи.

Милгрим оделся. Ботинки хотя и смотрелись дешево, но несколько повышали самооценку. В них Милгрим уже не чувствовал себя так, словно должен вернуться в интернат или собирается вступить в ряды ФБР.

В комнату снова вошел Браун. На этот раз он был в темно-сером костюме и белой рубашке, а в руке держал галстук в узкую черно-синюю полоску — возможно, только что снял его? Милгрим впервые видел Брауна в костюме.

— Надевай. Сейчас будешь фотографироваться.

Пленник под строгим присмотром снял пиджак и завязал галстук. Должно быть, в его положении эта часть одежды приравнивалась к ремню.

— Мне нужно пальто, — сказал Милгрим, надевая новый пиджак.

---

[414] Примечания: 414

Оксфордские туфли — мужские полуботинки на шнурках; ср. кембриджские туфли — без шнурков с резинкой на подъеме.

— У тебя есть.

— Ты же велел все выбросить.

Браун нахмурился.

— Там, куда мы отправляемся, тебе потребуется дождевой плащ. Спускайся. Фотограф ждет.

Милгрим покорно сошел на первый этаж; Браун шагал следом.

Глава 53

Не доставить им радости

Сотовый Инчмэйла не отвечал. Холлис позвонила в отель, но там его уже не было. Может, в дороге? Наверное. Обидно было бы его упустить. Хотя выпуск нового альбома — дело не из быстрых. А Ванкувер не так уж далеко, и журналистка не собиралась там долго задерживаться.

Позвонила Одиль из «Стандарта»: она хотела узнать название канадской гостиницы, чтобы сообщить своей матери в Париж. Холлис была не в курсе и связалась с Памелой Мэйнуоринг.

— А где мы остановимся?

— На квартире. Я видела только снимки. Дом стоит у воды. Все в стекле.

— Эта квартира — собственность Хьюберта?

— Компании. Там никто не живет. Мы еще не открывались в Канаде. В следующем году начинаем с Монреаля. Хьюберт уверен, так будет лучше всего; он говорит, что Квебек — не земля, а сновидение.

— Как это понимать?

— Я же там не работаю, — напомнила Памела. — Но у нас есть свои люди в Ванкувере. Один из них вас обязательно встретит и отвезет на квартиру.

— Можно потолковать с этим человеком?

— Прошу прощения, он сейчас на заседании в Сакраменто. Позвонит вам, когда освободится.

— Спасибо.

Журналистка задумчиво посмотрела на шлем, который прислал ей Бигенд. Надо бы, по идее, взять эту штуку с собой — на случай, если в Ванкувере тоже есть локативное искусство. С другой стороны, на таможне наверняка не оберешься хлопот, а таскать его как ручную кладь неудобно.

Однако прежде чем приниматься за чемоданы, Холлис набрала еще один номер. В этом году ее родители зимовали в Пуэрто-Вальярта[415], но

---

[415] Примечания: 415

Приморский город-курорт, расположенный на берегу залива Бандерас, самого большого на тихоокеанском побережье Мексики.

через неделю возвращались к себе в Эванстон. Еще довольно энергичная, мать уже старалась не забивать себе голову незнакомыми реалиями, так что попытки дочери объяснить свой приезд в Лос-Анджелес, похоже, не увенчались особым успехом. Отец, по ее словам, пребывал в добром здравии, разве что вдруг, под семьдесят, ни с того ни с сего заболел политикой. Матери это не нравилось: дескать, очень уж папа сделался нервный.

— А он говорит, раньше лучше было, а я говорю, ты просто внимания не обращал. Да еще Интернет этот. Прежде люди газету ждали, выпуск новостей. А сейчас? Хлещет потоком всякая дрянь, как вода из трубы. А он, конечно, сидит себе днем и ночью, уставится в свой экран — и давай читать. А я ему: ну, ты ж все равно ничего не изменишь.

— Зато хоть какая-то пища для размышлений. В вашем возрасте полезно иметь интересы.

— Тебе хорошо, ты не слушаешь, как он честит президента.

— Передавай привет. Я еще позвоню — из Канады. Или когда вернусь.

— А ты где, в Торонто?

— Ванкувер. Мам, я тебя люблю.

— И я тебя, милая.

Холлис подошла к окну, остановилась и стала рассеянно наблюдать за движением на бульваре Сансет. Родители с самого начала не приветствовали ее выбор. Мать вообще относилась к певческой карьере словно к вздорному недугу, не смертельному, но все же мешающему дочери нормально строить свою жизнь, получить настоящую работу, и вдобавок не видела средств от этой болезни — разве что терпеть и надеяться на авось. Любые доходы за музыку она рассматривала не иначе как пособие по инвалидности, нечто вроде сахарной оболочки для горькой пилюли. Надо заметить, в этом вопросе их с дочерью взгляды не слишком расходились — с той разницей, что Холлис понимала: есть люди, которым пилюли никто не подслащивает. Положа руку на сердце, если бы жизнь прижала всерьез, она бы просто ушла со сцены. А может быть, так и получилось? Резкий взлет группы «Кёфью» к вершине славы застал певицу врасплох. Инчмэйл — дело другое, он из тех, кто чуть ли не с пеленок точно знает, когда и чем ему следует заниматься. А вот застой после взлета они переживали на равных. Ни тот, ни другая не желали испытать на собственной шкуре, что значит катиться под гору.

Зависимость Джимми стала жирной точкой над «i», безымянной кокаиновой вехой на унылой пологой дороге. Группа утратила творческий запал, участники дружно проголосовали за ее распад и пустились на поиски новых интересов. По крайней мере Холлис, Рег и, наверное, Хайди-Лаура. А Джимми недавно скончался. Пожалуй, Инчмэйл сумел устроиться лучше всех. Барабанщица, если вспомнить последнюю встречу, выглядела не очень благополучно. Впрочем, разгадать, что творится в ее голове, для Холлис было труднее, нежели прочитать чьи угодно мысли.

Пузырьковая упаковка обнаружилась на полке в платяном шкафу: ее не только не выбросили, но еще и аккуратно сложили. Горничные явно заслуживали хороших чаевых.

Журналистка сложила коробку, шлем и упаковку на кухонный стол с высокими ножками. И вдруг заметила синего муравья. Фигурка красовалась на кофейном столике. Ее, разумеется, можно оставить. Холлис посмотрела во второй раз и поняла: не сумеет. И заодно почувствовала, что в каком-то смысле до сих пор не повзрослела. Зрелый человек не замедлил бы выбросить антропоморфический кусок прессованного винила — а она медлила. Самое смешное: ей даже

не нравились подобные штучки. Однако Холлис подошла и взяла муравья, уже зная, что заберет его с собой. Заберет и отдаст кому-нибудь — лучше, конечно, ребенку. Не то чтобы это рекламное насекомое внушило ей такую приязнь. Просто подумалось: что, если бы ее саму забыли в пустом гостиничном номере?

…Ладно, только не в ручную кладь. Не хватало еще, чтобы служащий TSA[416] на глазах у всех достал игрушку из коробки вместе со шлемом. И Холлис бросила муравья в пакет с одеждой «на выход».

Одиль огорчилась, когда узнала про съемное жилье. Оказалось, ее всегда привлекали североамериканские гостиницы, и даже «Стандарту» она предпочитала «Мондриан».

Холлис как могла успокаивала разочарованную попутчицу.

— Я думаю, это будет что-то сто́ящее, — говорила она, откинувшись на заднем сиденье автомобиля, заказанного из гостиницы (стои-

[416] Примечания: 416

Transportation Security Administration — Администрация транспортной безопасности США — создана в ответ на события 11 сентября 2001 г. как одна из мер, принятых президентом Джорджем Бушем в области законодательства после трагических событий. В 2002 г. TSA взяла на себя ответственность за безопасность национальных аэропортов.

мость входила в счет оплаты номера). — Мне так рассказывали. И кроме нас, там ни единой души.

«Джетта», взятая напрокат, уже вернулась на стоянку; кстати, машину принял какой-то другой парень, не тот, что почти узнал солистку из «Кёфью». Приближался международный аэропорт Лос-Анджелеса; за дымчатым стеклом окна качались эти странные насосы нефтяных скважин на склоне холма. Журналистка помнила их еще с первой поездки. Причем, насколько ей было известно, они никогда не прекращали движения. Холлис бросила взгляд на экран телефона. Почти шесть часов.

— Кстати, Одиль, ты мне напомнила, и я тоже позвонила своей матери.

— А где она, твоя мама?

— В Пуэрто-Вальларте. Они там зимуют.

— И как у нее дела?

— На отца мне жаловалась. Стареет папа. По-моему, все в порядке, но ей кажется, он чересчур увлекся внутренней политикой. Злится, мол, целыми днями.

— Если бы я жить в этой стране, — француженка сморщила нос, — я бы не злилась.

— Правда? — спросила собеседница.

— Я бы все время глушить горькую. Или глотать

колеса. Что-нибудь.

— Вот вам и здравствуйте, — невесело усмехнулась Холлис, припомнив покойного Джимми. — Ну уж нет, думаю, ты бы не доставила им такой радости.

— Кому? — Одиль встрепенулась, вдруг заинтересовавшись беседой. — Какой радости?

Глава 54

ICE

Тито проснулся, как только шасси «Беркута Сессны» коснулись земли. Яркое солнце било в иллюминаторы. Мужчина вцепился в спинку своей кушетки. Самолет заскользил по посадочной полосе под быстро изменяющийся гул моторов. Потом замедлил ход. Наконец пропеллеры вовсе замерли. Внезапно кругом наступила полная тишина. Мужчина сел на кушетке и заморгал, увидев ровные ряды низкой поросли на необъятных зеленых полях.

— Здесь можно размяться и отлить, — объявил пилот, вылезая из кресла.

После чего прошел через весь салон, отпер дверь, высунулся наружу и расплылся в улыбке,

приветствуя невидимого приятеля:

— А, Карл, привет! Спасибо, что пришел.

Кто-то приставил к выходу простую алюминиевую стремянку, по которой пилот и спустился на землю осторожными, размеренными шагами.

— Надо бы ноги размять, — сказал Гаррет и тоже, встав с откидного кресла, направился к выходу.

Тито проводил его взглядом, потер глаза и поднялся следом.

Внизу, под стремянкой, стелилась прямая накатанная дорога, бегущая через бескрайние зеленые поля в обе стороны. Мужчина в синем рабочем комбинезоне и соломенной ковбойской шляпе помогал пилоту раскатывать резиновый шланг от маленькой автоцистерны. Оглянувшись, Тито увидел, как за ним по стремянке неторопливо спускается старик.

Гаррет достал минеральную воду, щетку, тюбик пасты и принялся чистить зубы, время от времени сплевывая на землю белоснежную пену. Потом, отхлебнув из бутылки, ополоснул рот.

— Зубная щетка есть?

— Нет, — ответил Тито.

Гаррет вытащил из кармана и протянул ему нераспечатанную упаковку заодно с мине-

ральной водой. Тито принялся чистить зубы, наблюдая за стариком; тот отошел от дороги, встал спиной к своим спутникам и помочился.

Мужчина вылил остатки воды на щетку, насухо стряхнул ее и убрал во внутренний карман куртки. Ему хотелось узнать, что это за место, но протокол запрещал подобные вопросы при работе с клиентами.

— Западный Иллинойс, — произнес Гаррет, словно прочел его мысли. — А это местечко принадлежит одному приятелю.

— Вашему?

— Нет, пилота. Он тоже летает; здесь у него запасы авиационного бензина.

Мужчина в ковбойской шляпе взялся заводить мотор насоса у цистерны. В воздухе резко запахло топливом, и собеседники отошли подальше.

— И какая у него дальность перелета? — полюбопытствовал Тито, глядя на остроносого небесного красавца.

— Примерно тысяча двести миль, если с полным баком. Смотря по погоде и количеству пассажиров.

— Ну, это не очень много.

— Пропеллеры с поршневым двигателем. Но зато ни один радар нас не засечет. Никаких аэро-

дромов, сплошь частные ВПП.

Собеседник засомневался, что речь идет о настоящем радаре.

— Джентльмены, — промолвил старик, подходя к ним, — доброе утро. Похоже, в конце концов ты не так плохо выспался, — прибавил он, обращаясь к Тито.

— Да уж, — согласился тот.

— А для чего ты прихватил значок таможенной полиции? — спросил старик.

И точно: увидев жетон, Гаррет сказал: «ICE»[417]. Но Тито и сейчас не имел понятия, зачем так поступил. И потом, ведь это не он, а Элеггуа выхватил у противника толстый чехол. О таком не расскажешь.

— Он собирался меня схватить, — объяснил Тито. — Чувствую: что-то твердое за поясом. Я подумал, оружие.

— И тогда ты вспомнил про болгарскую соль?

— Ну да.

— Хотелось бы знать, как он там теперь. А впрочем, я представляю: парня наверняка забрали в отделение, пробивать личность по базе. Пока

---

[417] Примечания: 417

ICE (US Immigration and Customs Enforcement) — иммиграционная и таможенная полиция США.

кто-нибудь из шишек, скорее всего из DHS[418], не приказал его выпустить. Так что есть вероятность, что ты оказал своему преследователю большую услугу. Думаю, документ был не его, а так и объяснять ничего не пришлось.

Тито кивнул в надежде, что тема исчерпана.

Мужчины молча стояли, наблюдая за тем, как заправляется самолет.

Глава 55

Синдром фантомного пистолета

— Миллер, — втолковывал Браун, сидя в огромном откидном кресле. Мужчин разделяли десять футов ковра из косматого белоснежного ворса. — Тебя зовут Дэвид Миллер. Дата и место рождения — те же самые, возраст тоже.

Небольшой реактивный самолет «Гольфстрим» застыл в ожидании на взлетно-посадочной полосе «Рональда Рейгана»[419]. Когда Милгрим в

---

[418] Примечания: 418

Министерство национальной (внутреннней) безопасности США.

[419] Примечания: 419

Аэропорт «Нэшнл», один из двух аэропортов г. Вашингтона (находится в штате Виргиния). Полное название — Национальный аэропорт имени Рональда Рейгана.

последний раз был здесь, аэропорт еще носил имя «Нэшнл». Сейчас он сидел в отдельном белом кресле, а марку самолета узнал потому, что на блестящем деревянном ободке иллюминатора красовалась изящная медная табличка с гравировкой «Гольфстрим II». Вообще в салоне было много белой кожи, начищенной меди и мохнатых ковров. И древесины. Пожалуй, это сахарный клен, «птичий глаз»[420], никак не меньше, прикинул пленник. Но слишком уж яркая полировка, будто внутренняя отделка в лимузине.

— Дэвид Миллер, — повторил Милгрим.

— Живешь в Нью-Йорке. По профессии — переводчик. Русский.

— Я русский?

— Твой паспорт, — Браун (на нем опять были серый костюм и белая рубашка) помахал документом в синей обложке с тусклым золотым ободком, — американский. Дэвид Миллер, запомни. А Дэвид Миллер наркотой не балуется. По прибытии в Канаду его не застанут под кайфом и не найдут при нем никакой дури. — Он поглядел на часы. — Сколько у тебя таблеток?

---

[420] Примечания: 420

Один из редчайших видов древесины на планете, высоко ценится мебельщиками. Текстурный рисунок «птичий глаз» относится к природным аномалиям, появляется по неизвестным причинам.

— Одна, — ответил Милгрим.

Это была чересчур серьезная тема, чтобы соврать.

— Принимай сейчас, — велел Браун. — Пойдешь на таможню сразу.

— Канада?

— Ванкувер.

— А что, других пассажиров не будет? — полюбопытствовал Милгрим.

Судя по виду, салон мог вместить еще человек двадцать. Или же послужить декорацией для порнофильма; достаточно посмотреть на длинные-предлинные диваны из белой кожи и вспомнить о спальне в хвосте, и у кого угодно встанет, невзирая ни на какие камеры.

— Нет, — отрезал Браун. — Не будет.

Спрятав паспорт обратно в карман костюма, он рассеянно провел рукой по правому бедру, где обычно висел пистолет. Милгрим уже в пятый раз наблюдал у него подобный жест. При этом Браун строил такую гримасу, что было ясно: пистолет остался на улице N. И черная нейлоновая сумка тоже. Похоже, их обладатель страдал от фантомного синдрома: так человек, которому ампутировали ногу, тянется почесать несуществующие пальцы.

Двигатели «Гольфстрима» загорелись, или стартовали, или как это правильно называется. Милгрим посмотрел за спинку своего кожаного кресла, в переднюю часть салона, где за рифленой занавеской из белой кожи скрывалась кабина экипажа. Очевидно, там находился пилот, которого пленник еще не видел.

— Когда приземлимся, — Браун повысил голос, перекрывая гул моторов, — к самолету подкатят таможенники. Они поднимаются на борт, говорят: «здравствуйте», я даю паспорта, их открывают, дают обратно, говорят: «до свидания». На этих самолетах только так и бывает. Номера́ наших документов — и документов пилота — уже проверили, когда мы заполняли полетный лист. Не вздумай показать, будто ждешь каких-то вопросов.

Тем временем воздушная машина медленно пошла на взлет.

Когда она под усиленный рев двигателей рванулась вперед и чуть ли не свечкой взмыла к небу, Милгрим почувствовал, что его застали врасплох. Никто не советовал ему пристегнуть ремень безопасности, не говоря уже о рассказах про кислородные маски и спасательные жилеты. И это было не то чтобы неправильно — это каза-

лось чудовищной, почти осязаемой аномалией. Как и крутой неожиданный взлет, заставивший Милгрима, который шарил глазами по салону за спинкой кресла, судорожно вцепиться в мягкие белоснежные подлокотники.

Пленник посмотрел в иллюминатор. Вашингтонский Национальный аэропорт имени Рональда Рейгана удалялся с невероятной скоростью, причем так плавно, словно кто-то делал отъезд на камере.

Как только траектория полета выровнялась, Браун разулся, встал с места и беззвучными шагами отправился в хвост. Милгрим предположил, что там находится туалет.

Наблюдая за своим спутником, Милгрим увидел, как рука Брауна потянулась к бедру, где не было пистолета.

Глава 56

Генри и Ричард

На выходе из таможни в толпе встречающих стоял молодой человек с бледным лицом и жиденькой бородкой, в запыленном на вид, но, без сомнения, дорогом костюме. В руках у юноши

был белый лист картона с надписью зеленым маркером: «Генри и Ричард».

— Это мы, — представилась журналистка, остановив багажную тележку и протягивая ладонь для знакомства. — Холлис Генри. А вот и Одиль Ричард.

— Оливер Слейт. — Молодой человек убрал плакат под мышку. — Как *sleight of hand*[421], — уточнил он, пожимая руку сначала Холлис, потом Одиль. — Можно просто Олли. Агентство «Синий муравей», Ванкувер.

— Памела говорила, здесь пока нет офисов, — заметила Холлис, толкая тележку к выходу.

Часы аэропорта показывали чуть больше одиннадцати.

— Офисов нет, — согласился мужчина, шагая следом. — А работа есть. Мы обслуживаем клиентов на рабочих местах. Давайте помогу с вещами.

— Спасибо, не надо.

Они прошли через автоматическую дверь и миновали толпу людей, которые жадно курили после перелета, восполняя недостаток никотина в крови. Одиль принадлежала к новому поколе-

---

[421] Примечания: 421
ловкость рук *(англ.)*.

нию недымящих французов и явно радовалась тому, что Холлис покончила с вредной привычкой; зато этот Слейт, Олли, едва оказавшись за пределами аэровокзала, вытащил желтую сигаретную пачку и щелкнул зажигалкой.

Понемногу начинали накатывать воспоминания… Воздух поражал духотой и влажностью после Лос-Анджелеса — почти как в сауне, только прохладной, чуть ли не промозглой.

Троица поднялась по пандусу на крытую автостоянку, где Олли расплатился кредитной карточкой за парковку. А потом отвел их к машине, громадному «фольксвагену» вроде того, какой водила Памела. Перламутрово-белый корпус и маленький стилизованный *муравей глиф* слева от переднего номерного знака. Молодой человек помог убрать картонку и чемоданы в багажник и, уронив недокуренную сигарету, раздавил ее носком длинного, изящно состаренного ботинка. Такая обувь ему очень подходила.

Одиль пожелала сесть впереди; водителя это, кажется, устроило, и вскоре они уже были в пути, а в голове у Холлис отчаянно царапалась некая полумысль-полувоспоминание. Мимо проплывали огромные здания аэропорта, чистенькие и лишенные случайных черт, словно игрушечные

макеты, забавы ради расставленные великанской рукой.

— Вы четвертые гости на этой квартире, — рассказывал Олли. — В прошлом месяце там отдыхали пиарщики дубайского султана. Они приезжали по своим делам, попутно хотели увидеть Хьюберта, вот мы их и разместили, а он потом заглянул. Перед этим два раза селили представителей филиала в Лондоне.

— Значит, это не квартира Хьюберта?

— По-моему, его, — ответил молодой человек, поворачивая на полосу ближе к мосту. — Но точно не единственная. Вид потрясающий.

Взгляду Холлис предстала обычная суета промышленного города, но яркие огни на высоких мачтах за перилами неприятно резали глаза. Тут зазвонил ее сотовый.

— Извините, — сказала она своим спутникам. — Да?

— Ты где? — осведомился Инчмэйл.

— В Ванкувере.

— Ну вот, а я торчу в фойе твоего непристойно вычурного отеля.

— Прости, меня послали в командировку. Пыталась тебе дозвониться, телефон не отвечал, а в отеле сказали, что ты уже съехал.

— И как тебе рассадник локативного искусства?

— Еще не знаю. Только приехала.

— Где остановишься?

— «Синий муравей» снимает квартиру.

— Требуй нормальную гостиницу.

— Вообще-то, — Холлис покосилась на Олли, который в эту минуту слушал Одиль, — говорят, что мы будем не в обиде.

— «Мы, Королева Англии…»?

— Со мной куратор из Парижа, специалист по локативному искусству. Тоже прилетела в Лос-Анджелес ради статьи. У нее тут большие связи.

— Когда вернешься?

— Не знаю. Наверное, скоро. А ты сколько там пробудешь?

— Пока продюсирую «Боллардов». Завтра в первый раз едем смотреть студию.

— Какую из них?

— На бульваре Вест-Пико. Как обычно, уже не наша эра.

— Что?

— Не наша эра, говорю. К слову, с какого перепуга типчики в шлемах из «Звездных войн» торчат у подножия спуска возле «Шато Мармон», словно там медом намазано? Куда они пялятся? Я

их раньше заметил, когда регистрировался.

— Рассматривают монумент Хельмуту Ньютону. Я даже знакома с автором, это Альберто Корралес.

— Там же нет ничего.

— Чтобы видеть, нужен шлем, — объяснила Холлис.

— Господи.

— Так ты у «Мармон»?

— На Сансет, но возвращаюсь туда.

— Рег, я перезвоню. Мне пора.

— Тогда пока.

Мост уже давно остался позади, а они все ехали по просторной улице, на которую повернули, мимо стильных магазинов и ресторанов. Джимми Карлайл, до вступления в «Кёфью» два года игравший на басе в Торонто, говорил, что канадские города выглядят точь-в-точь как американские — какими их показывают по телевизору. Да, но в Америке не найдешь такого множества галерей, решила про себя Холлис: за пару-тройку кварталов она насчитала целых пять штук. А потом начался новый мост.

Сотовый опять зазвонил.

— Извините, — сказала Холлис. — Алло?

— Алло, — произнес Бигенд. — Вы где?

— В машине, с Оливером и Одиль, еду на вашу квартиру.

— Памела мне сообщила, что вы взяли попутчицу. Для чего?

— Она знакома кое с кем, кто знает нашего друга, — ответила журналистка. — Кстати о нем: вы умолчали, что парень — из Канады.

— Не счел это важным.

— Ладно, я уже здесь. А он?

— Не совсем. Оформляет бумаги в штате Вашингтон, как мы полагаем. Координаты GPS совпадают с адресом таможенного брокера.

— И все-таки. Помните мое условие насчет честной игры?

— Даже сегодня, когда мир настолько тесен, — проговорил Бигенд, — мне не приходит в голову первым делом сообщить о человеке, что он из Канады. Во время той нашей беседы я поначалу не знал, куда именно он собирается. А потом как-то вылетело из памяти.

— По-вашему, парень сматывает удочки? — спросила Холлис, глядя в затылок водителю.

— Не думаю. Скорее всего там кое-что появилось.

— Что?

— Увиденное пиратами, — отозвался магнат.

Машина съехала с моста в неожиданно глубокий каньон, исполненный ночной жизни для *чрезвычайно* широких масс. Журналистке представился сияющий каркас грузового контейнера Бобби. Парящий над улицей и более загадочный, чем любой гигантский кальмар с неоновой кожей.

— Ну, мы еще сможем это обсудить, верно?

«Как и я, не доверяет сотовым», — подумала Холлис.

— Верно.

— Вы случайно не увлекаетесь пирсингом?

Автомобиль повернул направо.

— Извините?

— У вас ничего не проколото? Могут возникнуть проблемы с кроватью в главной спальне. На верхнем этаже.

— С кроватью?

— Да. Не надевайте на себя ничего, что намагничивается. Ни железа, ни стали. Ни электронного сердечного стимулятора, ни механических часов. Дизайнеры даже словом не обмолвились, когда показывали мне планы. Все ради красивого визуального эффекта. Магнитная левитация. И вот теперь нужно лично предупреждать каждого гостя. Прошу прощения.

— Пока что, — сказала Холлис, — мое тело меня устраивает в его первозданном виде. И часов я не ношу.

— Значит, не о чем волноваться, — довольно подхватил Бигенд.

— Кажется, приехали, — произнесла журналистка, когда Олли свернул на улицу, где каждое здание, судя по виду, выстроили неделю назад.

— Отлично, — ответил магнат и дал отбой.

Ворота поднялись, «фольксваген» скатился по пандусу и въехал на крытую автостоянку, залитую ослепительным сиянием галогенных ламп; на светлом и гладком, будто стекло, бетонном полу не темнело ни единого пятнышка бензина.

Взвизгнули шины; Олли припарковал автомобиль возле другого «фольксвагена» — переростка в перламутрово-белых тонах.

Покидая салон, Холлис ощутила запах свежего бетона.

Олли достал из багажника вещи спутниц и вручил каждой по две карточки с магнитными полосками без надписей.

— Эта для лифта, — пояснил он, проводя белым прямоугольником сбоку от дверей из полированной нержавейки, — и доступа к пентхаусу.

Внутри молодой человек еще раз повторил

процедуру, и троица медленно и беззвучно поехала вверх.

— Кажется, эту штуку не стоит класть под кровать, — получив свою карточку обратно, заметила Холлис, чем весьма удивила Одиль.

— Да уж, — кивнул Олли. — И ваши кредитки тоже.

Лифт остановился, и двери открылись прямо в короткий, устланный коврами коридор, по которому свободно прогрохотал бы грузовой фургон…

— Вторая карточка, — сказал молодой человек.

Холлис переложила коробку в левую руку и провела, где нужно, магнитной полоской. Олли распахнул гигантскую черную дверь толщиной в добрых четыре дюйма. Помещение, куда вступила троица, напоминало размерами общий зал национального аэропорта в какой-нибудь крошечной, суперэкологичной стране Европы; в воображении рисовался этакий карманный лихтенштейнчик, процветающий на производстве самой дорогостоящей в мире осветительной мини-арматуры.

— Вот это квартира, — сказала Холлис, запрокинув голову.

— Это — да, — согласился Олли Слейт.

Одиль бросила сумку и медленно двинулась к стеклянному экрану; когда-то, во время óно, театральные занавесы выглядели несколько меньше и скромнее. Примерно через каждые пятнадцать футов вид разнообразили большие колонны. Взгляд Холлис различал за экраном лишь смутное серовато-розовое мерцание и далекие красные огоньки.

— А что, внушает! — воскликнула француженка.

— Хорошо, правда? — Олли повернулся к журналистке. — У вас главная спальня. Сейчас покажу. — И, взяв у нее коробку, первым поднялся по головокружительно подвешенной в воздухе лестнице из двух пролетов, ступая по двухдюймовым слиткам узорчатого стекла.

Кровать Бигенда представляла собой идеальный черный квадрат со сторонами по десять футов, парящий над черным полом на высоте трех футов. Холлис приблизилась и заметила тонкие переплетенные кабели из черного металла: они держали конструкцию, словно воздушный шар на привязи.

— Лучше я на полу себе постелю.

— Все так говорят, — отозвался Олли. — Пока не попробуют.

Холлис обернулась что-то сказать — и увидела перед собой молодого человека у ресторанной стойки в отеле «Стандарт»; он спрашивал сигареты «Американ спиритс». Та же пачка. Та же бородка. Словно мох вокруг водостока.

Глава 57

Попкорн

Коммерческие авиалайнеры, решил про себя Милгрим, глядя на рельефный потолок своего номера в «Бест вестерн»[422], похожи на городские автобусы. А вот «Гольфстрим» напоминал ему хорошее такси. Или собственный автомобиль. Как правило, Милгрима не впечатляло богатство. Но этот полет на «Гольфстриме», с декором в стиле Лас-Вегаса, пробудил в его душе самые отчаянные мысли о неравенстве. Ведь большинство людей никогда не ступят на трап такого самолета. Это одна из тех вещей, о существовании которых многим известно, которые воспринимаются как должное лишь теоретически, в качестве чьей-то чужой собственности, но реальность которых

---

[422] Примечания: 422
Сеть мотелей.

мало кто в мире осознает всерьез.

Милгрим плохо представлял себе порядок обычного досмотра на канадской границе, но в варианте «Гольфстрима» все прошло именно так, как обещал Браун. Самолет приземлился в огромном аэропорту и заехал куда-то в темное помещение без опознавательных знаков снаружи. К нему подъехал внедорожник с прожекторами на крыше, оттуда вышли двое мужчин в форме — один в пиджаке с золотыми пуговицами, другой — в обтягивающем пуловере «в резинку» с нашивками на плечах и локтях. Тот, второй, что носил свитер «коммандос», явно был родом из Ост-Индии, а еще, похоже, любил качать железо. Мужчины поднялись на борт, приняли три паспорта из рук пилота, по очереди раскрыли каждый, сравнили с имеющейся у них распечаткой и, поблагодарив, ушли. На этом все и закончилось. Пилот убрал свой паспорт в карман и вернулся в кабину. Милгрим (так и не услышавший от него ни слова) и Браун взяли багаж и сошли по длинному трапу, который тем временем кто-то успел подкатить к выходной двери.

Промозглый воздух полнился гулом самолетов. Браун сразу направился к припаркованной машине и достал из-под переднего бампера ключи.

Автомобиль плавно тронулся с места. Милгрим обернулся на огни фар заправочных грузовиков, подъезжающих к реактивному самолету.

За окном проплыло странное пирамидальное здание. Машина остановилась у сетчатых ворот. Браун вышел наружу, набрал на маленькой клавиатуре несколько цифр и опять сел за руль, пока громыхали, открываясь, тяжелые створки.

Город встретил приезжих необычной тишиной. И безлюдьем. Парочка случайных прохожих. Странная чистота, словно в старой компьютерной «бродилке», созданной до того, как авторы научились придавать обстановке налет реализма, рисуя пыль по углам. Полицейские автомобили, которым, судя по скорости, совершенно некуда было спешить.

— А что будет с самолетом? — полюбопытствовал Милгрим, когда машина стремительно миновала длинный многорядный мост из бетона, протянувшийся, как показалось, над второй рекой.

— А что с ним?

— Он будет нас ждать?

— Нет, полетит в Вашингтон.

— Вот это техника, — с уважением заметил Милгрим.

— Чего только в США не получишь за деньги, — жестко сказал Браун. — Говорят, американцы все до единого материалисты, а знаешь почему?

— Почему? — спросил Милгрим, удивленный столь непривычным тоном собеседника.

— А у них все самое лучшее, — произнес тот. — Тут и гадать нечего.

И вот теперь Милгрим размышлял над его словами, уставившись в потолок. Тот был отделан кусочками жесткого пенопласта размером с крошки, какие остаются на дне пакета с попкорном. Вот он, вид, который доступен любому в самой обычной жизни. Тогда как «Гольфстрим» — нечто иное. Возможно, для этого людям и требуются большие деньги — чтобы сбежать от обыденности. При мысли о том, что Браун имеет возможность пользоваться подобными вещами, Милгрима принималась точить изнутри какая-то новая тревога. Куда легче было представить своего мучителя в контексте «Нью-Йоркера» или «Бест вестерн». Но «Гольфстрим», но домик в Джорджтауне с домоправителем, умеющим делать стрижки, — это было неправильно, порождало раздвоенные чувства.

Потом Милгрим задался вопросом: что, если Браун и в самом деле имеет связи в DEA, как пред-

ставлялось вначале? Может, он позаимствовал самолет там же, где доставал «Райз»?

Медикаменты достаются через очень серьезных дилеров, разве не так? Морские суда… Самолеты… О таких вещах постоянно пишут в газетах.

Это объяснило бы даже ворсистый белый ковер.

Глава 58

Абракадабра

Оказалось, пилот летел над скоростными автомагистралями.

Тито заметил это лишь теперь, сидя рядом с ним в кабине; с отлетом из Иллинойса и приглашением на переднее кресло назойливый страх отлучился неведомо куда, будто его и не было. Это как незнакомый попутчик в автобусе: только что мозолил глаза, а потом вдруг поднялся и вышел. Пожалуй, настало время отправить воспоминания о матери и перелете из Кубы в отдельный ящик сознания. Так будет намного проще.

Благодарение Элеггуа, и да откроет он все пути.

Равнина, пересеченная тонкими линиями

автомагистралей, называлась Небраской, как сообщил пилот, нажав особую кнопку на головном телефоне, чтобы сосед мог слышать его голос у себя в наушниках.

Дожевывая сандвич с индейкой, полученный в Иллинойсе от мужчины в ковбойской шляпе, и чистоплотно собирая крошки в ладонь, Тито смотрел, как внизу расстилалась равнина Небраска. Но вот с едой было покончено. Мужчина сложил коричневый бумажный пакет, облокотился на мягкий карниз между дверью и иллюминатором и опустил голову на руку. В наушниках что-то щелкнуло.

— …отдел использования информации, — договорил старик.

— Это же программа ДАРПА[423], — возразил Гаррет.

— Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы — само собой, но изначаль-

[423] Примечания: 423

Управление научных исследований Пентагона, считается одной из самых малочисленных (240 чел.), но высокопродуктивных и наукоемких бюджетных организаций в мире, выполняющих важные и ответственные правительственные заказы в интересах национальной безопасности США (сеть «Арпанет», ракеты-носители «Сатурн», навигационная система GPS, самолеты-невидимки и др.)

но все предназначалось для IXO[424].

— И он забрался в бета-версию?

— Дело в том, что Шестой флот ВМС[425] использовал программу под названием «Fast-C2AP», — ответил старик. — Она позволяет найти некоторые суда так же просто, как проверить курс акций в режиме онлайн. И все же до PANDA ей далеко. Если не упрощать до абсурда, PANDA охватит все динамические модели торговых судов, как местных, так и по всему миру, от обычных маршрутов до рутинных заходов в порты для дозаправки или какой-нибудь бумажной работы. Если корабль, который постоянно курсирует между Малайзией и Японией, вдруг повернет в Индийский океан, программа тут же заметит. Это потрясающая система, и она в самом деле поможет сделать страну безопаснее. Впрочем, ты прав: похоже, он получил доступ к некой бета-версии, чтобы сделать перекрестную ссылку между судном и последним сигналом контейнера.

— И вполне заслужил свою плату, — заметил

---

[424] Примечания: 424

Information Exploitation Offic — вышеупомянутый отдел использования информации ДАРПА.

[425] Примечания: 425

Ядро Атлантического флота США, постоянно дислоцируется в Средиземном море.

Гаррет.

— Да, но я постоянно задаюсь вопросом, — промолвил старик, — с кем же мы связались? Он либо гений, либо, по большому счету, всего лишь талантливый наглый взломщик.

— А в чем разница? — спросил, помолчав, Гаррет.

— Предсказуемость. Что, если мы по неосторожности сотворили чудовище, вручив ему желаемое и облегчив задачу?

Тито украдкой посмотрел на пилота: тот вел самолет при помощи колен, заполняя какие-то белые бланки, и, судя по его виду, вряд ли слушал странный разговор. А может быть, собеседники могли понять по какому-нибудь сигналу — допустим, по загоревшейся лампочке, — когда посторонний включал свои наушники?

— По-моему, слишком отвлеченный повод для беспокойства, — произнес Гаррет.

— Только не для меня, — возразил старик. — Разве что не такой срочный, конечно. Прямо сейчас меня больше волнует, насколько надежен наш источник сведений. Если ящик угодит не туда, куда нужно, все усложнится. И даже очень.

— Понимаю, но эти двое знают свое дело. Было время, они могли «терять» контейнеры вроде на-

шего; сейчас, при усовершенствованном режиме охраны, об этом даже не думают. Хотя заплатить приличные деньги за то, чтобы ящик попал куда следует, — совсем другое дело.

— Кстати, — начал старик, — если с прошлого раза контейнер сменил маркировку, наши бравые парни его уже не найдут, ведь так?

— Не сменил. При любой пересылке метки ISO[426] сохраняются.

— Не обязательно. Программу создали, когда на ящике уже была маркировка. Мы не можем быть уверены, что все осталось по-прежнему. Я просто хочу напомнить: у нас есть и другой выбор.

— У меня — нет.

Тито снял наушники. Потом, не дотрагиваясь до кнопок, повесил их на крючок над дверью, опустил голову на ладонь и притворился спящим.

Абракадабра, да и только. Не нравились ему такие разговоры.

Глава 59

---

[426] Примечания: 426
Международная организация по стандартизации.

Черный «Зодиак»

Браун взял напрокат исключительно уродливую и неудобную черную лодку под названием «Зодиак». Пара гигантских надутых труб из резины, соединявшихся впереди под относительно острым углом, черная дверь между ними, четыре ковшеобразных сиденья с высокими спинками на столбиках плюс самый огромный подвесной мотор, какой доводилось видеть Милгриму, и тоже черного цвета. В пункте проката на пристани мужчинам выдали красные спасательные жилеты. От того, который достался пассажиру, жутко пахло рыбой; к тому же он царапал и натирал шею.

Милгрим уже забыл то время, когда в последний раз плавал на лодке, и, разумеется, меньше всего ожидал этого сегодня, тем более в такую рань.

На рассвете Браун, как обычно, вошел к нему в комнату и растолкал, но не очень грубо. Серых коробочек на дверях не было — наверное, остались в Вашингтоне, в обществе пистолета, большого складного ножа, а то и фонарика с наручниками. Сегодня Браун надел поверх черной футболки такого же цвета нейлоновую куртку; так он смот-

релся гораздо естественнее, нежели в костюме.

Мужчины, не обменявшись ни словом, позавтракали яйцами в ресторане отеля, выпили кофе, спустились в подземный гараж и снова взяли машину — «форд-таурус», чей задний номерной знак украшала стандартная заводская наклейка.

В последнее время Милгрим предпочитал «короллу».

Города (как он узнал по опыту) привыкли раскрывать свой характер через выражения лиц их обитателей, особенно спешащих по утрам на работу, пока лишь готовящихся к заботам предстоящего дня. В такие минуты по ним легко просчитывался некий коэффициент затраханности. Так вот: в здешних краях, прикинул Милгрим, изучая из окна машины ли́ца и позы пешеходов, этот коэффициент был на удивление низок. Скажем так, ближе к показателям Коста-Меса[427], нежели к Сан-Бернардино[428]; по крайней мере в увиденной части города. Ванкувер и впрямь напоминал Калифорнию больше, чем можно было ожидать. Хотя, наверное, все дело в солнечном свете. Так что скорее Сан-Франциско, а не

---

[427] Примечания: 427
Город на юго-западе штата Калифорния.

[428] Примечания: 428
Город на юге штата Калифорния.

Лос-Анджелес.

Внезапно до Милгрима дошло: а ведь Браун тихо насвистывает за рулем. Немелодично, пожалуй, но с каким-то намеком на жизнелюбие — во всяком случае, с радостным оживлением. Или он непосредственно настроился на колебания, излучаемые солнечным небом, покрытым редкими облачками? В это не слишком верилось, но все же: как странно…

Двадцать минут спустя «форд» с трудом отыскал свободное место на парковке у пристани. Водный простор, далекие горы, зеленоватые стеклянные башни, словно построенные прошлой ночью, лодки с белыми мачтами, чайки, занятые своими чаячьими делами…

— Что это? — спросил Милгрим, увидев, как Браун скармливает кассе-автомату крупные серебристо-золотые жетоны.

— Двухдолларовые монеты, — буркнул мужчина, при любой возможности избегавший расплачиваться кредитной карточкой.

— Двушки приносят неудачу, — неуверенно сказал Милгрим, припомнив рассказы любителей ипподрома.

— Это трешки чертовы удачу не приносят, — заявил Браун.

И вот уже под бешеный рев огромного мотора пристань и город остались вдали. «Зодиак» пущенным камешком скакал по сизовато-зеленым волнам, ужасно холодным на вид. Призрачное отражение лодки было чем-то сродни башням на пристани. Вонючий и жесткий спасательный жилет уютно защищал от ветра, порывы которого заставляли трепетать на лодыжках отвороты брюк «Jos. A. Banks», пошитых под девизом «вернемся в школу». Браун управлял суденышком стоя, наклонившись вперед, кое-как пристегнувшись к сиденью, и ветер лепил из его лица самые нелепые формы. Вряд ли мужчина продолжал насвистывать, но казалось, радость по-прежнему бьет в нем ключом. А вот отдавать швартовы (или это называется по-другому?) Браун явно не привык, пришлось позвать на помощь служащего из пункта проката.

Резкий соленый ветер щипал глаза.

Обернувшись, Милгрим увидел остров или же полуостров, сплошь покрытый деревьями. Прямо над кронами вырастал высокий подвесной мост,

как в оклендской бухте[429].

Милгрим повыше застегнул воротник рыбацкой куртки и зябко втянул шею. Ему хотелось бы спрятать внутрь и руки с ногами. Если на то пошло, жаль, что на лодке не было маленькой каюты или хотя бы тента из красного нейлона с полужесткими пенопластовыми стенками. И койкой внутри. Вот бы растянуться на ней, пока Браун управляет лодкой. Смириться можно даже с рыбной вонью, только бы лечь и укрыться от этого ветра.

Милгрим оглянулся на город: над волнами поднимался гидросамолет. Между тем впереди, далеко и не слишком, качалось несколько больших кораблей с черно-красными корпусами, а где-то за ними уже начинался порт; гигантские оранжевые стрелы подъемных кранов тянулись над линией берега, на вид целиком облепленного промышленными сооружениями.

По левую сторону, на более удаленном берегу, темнели ряды резервуаров или цистерн, другие краны, а рядом — еще грузовые суда.

---

[429] Примечания: 429

Мост «Сан-Франциско — Окленд» (мост Бэй-бридж). Платный мост, соединяющий г. Сан-Франциско с г. Оклендом и другими городами в восточной части Залива. Один из крупнейших в США: длина пролета 693 м, общая длина с подъездами около 13,6 км. Две части моста соединены туннелем под островом Йерба-Буэна.

Другие люди готовы платить за подобные впечатления, подумал Милгрим, но это его не утешило. Все-таки здесь не паром на Стейтен-айленд[430]: здесь нужно с немыслимой скоростью мчаться по волнам на какой-то жуткой посудине, похожей на полусдувшуюся резиновую ванну, на фоне которой гордо позировал Владимир Набоков на одном старом снимке. С точки зрения Милгрима, природа всегда была слишком велика и неудобна. Нет, весь этот вид чересчур давил на психику. В особенности оттого, что взгляд наблюдал так мало следов человеческой деятельности.

Тем временем перед лодкой вырастала какая-то плавучая скульптура в духе кубизма, отмеченная смутным влиянием Кандинского. По мере того как нелепая конструкция надвигалась, Милгрим различил перед собой корабль, но только нагруженный до отказа, ушедший под воду всей красной половиной корпуса, оставив на поверхности одну черную. Впрочем, корма торчала вполне покорабельному, прогнувшись под абсурдистским

[430] Примечания: 430

Стейтен-айленд — остров, на котором расположен округ Ричмонд г. Нью-Йорка; входит в состав территории города, хотя и отделен от основной его части широкой Нью-Йоркской бухтой. Находится в 8 км к югу от Манхэттена. Связан паромом с Манхэттеном, мостом Верразано-Нэрроуз с Бруклином и тремя короткими мостами со штатом Нью-Джерси.

нагромождением груза; она-то и выдала судно. Ящики напоминали своей окраской товарные вагоны с железной дороги. Преобладал, конечно, тусклый буровато-красный цвет с добавлением белого, желтого и бледно-голубого. Суда настолько сблизились, что Милгрим почти разобрал надпись на корме, когда вдруг заметил рядом корабль поменьше, обвешанный черными покрышками, пылко жмущийся к высокой черной корме, выжигая на пенной воде огромное белое V. Неожиданно Браун круто повернул руль, и «Зодиак» помчался вдвое быстрее. Милгрим прочел название буксирного судна: «СОЛНЦЕ-ЛЕВ», затем поднял глаза на огромные буквы на корме корабля, белые, с полосками ржавчины: «Торговое судно Ямайка-стар». И ниже, тоже белым, но чуть помельче: «Панама-Сити».

Тут Браун заглушил мотор, и на мужчин обрушилась тишина. Лодка тяжело вздрагивала, качаясь на волнах. Где-то вдали послышался колокольный звон и вроде бы паровозный гудок.

Браун достал из рыбацкой куртки металлическую трубку с какой-то затейливой надписью, отвернул крышку и вытащил сигару. Небрежно бросив футляр через плечо, при помощи маленького блестящего инструмента отрезал ей кончик,

сунул сигару в рот и щелкнул поддельным шестидюймовым «Биком» из тех, какими торгуют в корейских закусочных. Потом, после долгой ритуальной затяжки, выпустил изо рта огромное облако синего дыма.

— Вот сукин сын, — произнес он с необъяснимым и безмерным, как показалось изумленному пассажиру, удовольствием. — Ты только взгляни на этого мерзавца, — прибавил мужчина, глядя на плавучий штабель из ящиков, именуемый грузовым судном «Ямайка-стар».

На ящиках были какие-то надписи, но Милгрим не мог ничего разобрать, а кораблик медленно удалялся.

Не желая портить такую особенную минуту, хотя и не понимая, в чем ее смысл, Милгрим тихо сидел и слушал, как маленькие волны плещут у мокрых раздутых боков черного «Зодиака».

— Сукин сын, — вполголоса повторил Браун, попыхивая сигарой.

Глава 60

Меняя коды

Проснувшись на магнитной летающей кровати

Бигенда, Холлис почувствовала себя женщиной, возложенной на алтарь ацтекской пирамиды. Словно жертва. В самом деле, над ней возвышалось нечто пирамидообразное, похоже, вершина остроконечной башни со стеклянными стенами. Надо признаться, ночь прошла замечательно, и не важно, сколько магнетизма впитало за это время тело постоялицы. Возможно, подобно браслетам, которые заказывают по почте, кровать обладала особым свойством снимать напряжение в суставах. Или же тонкие энергии пирамиды усилили прану спящей.

— Доброе утро! — донесся с нижнего этажа голос Олли Слейта. — Проснулись?

— Сейчас спускаюсь.

Холлис соскользнула с кровати (та легко и странновато качнулась), влезла в джинсы с топом и заморгала при виде внушительной, дорогостоящей пустоты своей спальни-на-башне. Точно в логове крылатого чудовища, понимающего толк в дизайне.

На море не смотреть, предупредила себя журналистка; на горы тоже. Не надо. Бывает слишком много пейзажа. Она отыскала ванную комнату, где ничто не напоминало привычные удобства санузла, сообразила, как работают краны,

умылась и почистила зубы. После чего босиком спустилась на встречу — или очную ставку — с Олли.

— Одиль вышла погулять, — сообщил он, сидя за длинным стеклянным столом и разложив перед собой куски черного пластика из открытой коробки «ФедЭкса». — Какой у вас телефон?

— «Моторола».

— Стандартный разъем. — Он выбрал из россыпи нужную деталь и указал на самый большой черный предмет на столе. — Хьюберт вам прислал. Это шифратор.

— Зачем?

— Он подключается к наушникам телефона. В основе — цифровой алгоритм. Он приумножает введенный вами шестнадцатизначный код в шестьдесят тысяч раз; шифровальная модель повторяется только через семнадцать часов. Это устройство уже заряжено и запрограммировано Хьюбертом специально для ваших с ним разговоров.

— Очень мило, — заметила Холлис.

— Можно ваш сотовый?

Она достала трубку из кармана джинсов и протянула молодому человеку.

— Спасибо.

Олли подключил к телефону черный прямоугольник, напомнивший журналистке съемные панели автомагнитол.

— У него свой зарядник, который не подойдет для вашего телефона. — Тут он ребром ладони смахнул остальные черные детали вместе с упаковкой в коробку «ФедЭкса». — Я взял фруктов и кое-какую выпечку. Кофе уже варится.

— Спасибо.

Молодой человек положил на стол связку ключей с голубой и серебряной эмблемой «фольксвагена».

— Это для запасного «фаэтона» внизу. Вы уже водили такую машину?

— Нет.

— Будьте поосторожнее: кажется так похоже на «пассат», что забываешь, корпус-то намного шире. При въезде смотрите на разметку, это напомнит.

— Хорошо.

— Тогда я побежал.

Он поднялся и сунул коробку под мышку. Этим утром Олли пришел в футболке и джинсах, судя по внешнему облику, обработанных инструмен-

том фирмы «Дремел»[431] в течение стольких часов, во сколько раз устройство Бигенда может растягивать полученные коды. Вид у него был усталый — возможно, из-за бороды.

Оставшись одна, Холлис поискала кухню (та обнаружилась по другую сторону просторного помещения и была замаскирована под бар; лишь итальянский тостер и кофеварка выдали правду) и с чашкой в руке вернулась за столик. Тут зазвонил телефон, и на черной поверхности взволнованно замигали цветные огоньки.

— Алло?

— Это Хьюберт. Оливер сообщил, что вы проснулись.

— Проснулась. А мы уже «шифруемся»?

— Да.

— У вас такая же штука?

— Иначе ничего не получится.

— Великовата, в карман не влезет.

— Знаю, — ответил Бигенд, — но меня все больше беспокоит вопрос защиты от лишних ушей и глаз. Хотя, конечно, это понятие относительное.

— Значит, наш разговор тоже могут прослу-

---

[431] Примечания: 431

«Dremel» — фирма-производитель ручного инструмента. Выпускает бормашины и твердосплавные боры, использующиеся в ковочном деле.

шать?

— Скорее нет, чем… да. Олли обзавелся операционной системой «Linux», так вот она способна контролировать трафик сообщений, передаваемых по тремстам беспроводным сетям одновременно.

— А зачем он это сделал?

Бигенд на минуту задумался.

— Была возможность, вот и сделал, я полагаю.

— Хочу вас о нем спросить.

— Да?

— Олли заходил в ресторан «Стандарта», когда мы беседовали с Одиль и Альберто. Покупал сигареты.

— И?

— Это была проверка? По вашей просьбе?

— Разумеется. Что же еще?

— Просто проверка, — сказала Холлис. — В смысле, я хотела убедиться. Что не ошиблась.

— Надо же было посмотреть, как вы с ними поладите. В то время мы еще колебались.

«Мы, «Синий муравей»…», — мелькнуло в голове журналистки.

— Ладно, сейчас другое важно. Где Бобби?

— Где-то там, — произнес Бигенд. — В ваших краях.

— Я думала, вы за ним следите.

— За белым грузовиком. А он стоит во дворе прокатной фирмы, в канадском городе-сателлите с названием Барнаби. Сегодня рано утром Бобби со всем оборудованием покинул машину возле торгового склада, к северу от границы. Олли всю ночь глаз не смыкал, ездил по GPS координатам к месту последней остановки.

— Ну и?

— Ясное дело, ничего. Очевидно, транспорт успели сменить по дороге. Как у вас с Одиль?

— Она ушла на прогулку. Когда вернется, попробую выяснить, какие у нее могут быть связи с Бобби. Не хотелось начинать разговор в самолете, торопить события.

— Хорошо, — ответил Бигенд. — Если понадоблюсь, перезвоните по этому номеру.

На этом беседа оборвалась, и на корпусе шифровального устройства заплясали разноцветные огоньки.

Глава 61

Чемодан «Пеликан»

В Монтане они сделали остановку, однако не

для дозаправки, хотя и этого тоже оставалось недолго ждать. С рассветом самолет приземлился на заброшенном участке сельского шоссе. К нему подкатил помятый и дряхлый автомобиль-универсал с двумя мужчинами на крыше, но Тито было сказано держаться подальше от иллюминаторов.

— Эти парни не любят видеть незнакомцев.

Гаррет открыл дверь, и в салон пропихнули черный чемодан, очень тяжелый с виду, так что мужчина даже не попытался поднять его, а напрягся изо всех сил, чтобы втащить внутрь, в то время как некто невидимый толкал снаружи. Тито вспомнилась бронированная, водонепроницаемая продукция фирмы «Пеликан»[432], в которой его кузен Алехандро время от времени закапывал документы и кое-какие припасы. Едва лишь дверь захлопнулась, снаружи раздался рев автомобильного мотора, а самолет сорвался с места. При подъеме над землей дополнительный вес был очень заметен.

Когда траектория полета выровнялась, старик

---

[432] Примечания: 432

Кейсы «Peli» занимают первое место в категории защитных кейсов; они находят применение во всех областях человеческой деятельности: в промышленности и науке, в армии и на флоте, при проведении пожарных и спасательных работ, в медицине и спорте и т. д.

поднес к чемодану некий прибор желтого цвета и подозвал Гаррета, чтобы показать ему данные на маленьком дисплее.

Примерно через час настало время очередной остановки на сельском шоссе, где уже поджидала цистерна с авиационным бензином.

Покуда пилот занимался заправкой, пассажиры пили горячий кофе: водитель автоцистерны любезно предоставил им полный термос и одноразовые стаканчики.

— Но это точно последние данные, которые он успел ввести вручную? — спросил Гаррет.

— Он сказал, что соединил концы эпоксидным клеем «JB Weld», — ответил старик.

— И все?

— В наше время им замазывали дыры в блоках цилиндров.

— Не уверен, что там было столько же радиации, — произнес Гаррет.

Глава 62

Сестра

— Это Сара, — произнесла Одиль.

Пришлось поискать ее среди многолюдного па-

тио в муниципальной галерее. В «фаэтоне» была система GPS, но, к счастью, обнаружилась и простая карта. За то время, пока Холлис добралась до машины, нашла условное место и припарковалась, можно было спокойно дойти пешком. К тому же Олли оказался прав насчет широкого корпуса. И все эти хлопоты — из-за телефонного приглашения на ленч кое с кем интересным, поступившего от Одиль.

— Здравствуй, — сказала журналистка, пожимая руку девушки. — Холлис Генри.

— Сара Фергусон.

Журналистка придвигала к себе кованый стул, гадая, не упущена ли возможность договориться с Одиль о том, чтобы отложить визиты к локативным художникам, когда куратор из Франции повторила:

— Фер-гу-сон.

— Ой, — вырвалось у Холлис.

— Сара — сестра Бобби.

— Да, — подтвердила девушка без особой, как показалось журналистке, радости. — Вы с ним общались в Лос-Анджелесе, Одиль мне рассказала.

На француженке были узкие черные очки в черной оправе.

— Общалась, — кивнула Холлис. — Я тут пишу

для «Нода» статью о локативном искусстве. Похоже, твой брат в этом деле — ключевая фигура.

— Для «Нода»?

— Это новое издание, — пояснила журналистка. Интересно, а Бигенд или Рауш в курсе такого любопытного знакомства? — Я даже понятия не имела, что у Бобби есть сестра. — Она покосилась на Одиль. — Сара, ты художница?

— Нет, — ответила девушка. — Я работаю в галерее. Только не в этой.

Холлис подняла глаза; у основания крыши сооружения, которое она приняла за модернизированный банк или правительственное учреждение, был водружен профиль корабля как образец публичного искусства[433].

— Если мы хотеть поесть, надо войти, — сказала француженка.

Внутри обнаружилась очередь в фешенебельное кафе, и Холлис отчего-то почувствовала себя как в Копенгагене. Судя по наружности людей, которые оказались впереди, каждый из них, если бы перед ним расставили дюжину стульев в стиле классик-модерн, без запинки перечислил

[433] Примечания: 433

Собирательное название произведений искусства, предназначенных для демонстрации в общественных местах: на городских площадях, в интерьерах зданий, в переходах и на станциях метро и т. п.

бы имена дизайнеров. Троица выбрала салаты и напитки с разными сандвичами. При этом Холлис расплатилась кредиткой, объяснив Саре, что «Нод» платит за ленч. Убирая бумажник обратно в сумку, она наткнулась на конверт Джимми Карлайла с пятью тысячами долларов, который чуть не забыла в «Мондриан», в электронном сейфе.

Пока компания искала столик и занимала места, Холлис решила про себя, что Сара похожа на брата, но девушке подобная внешность подходит куда больше. Темные волосы, прелестная стрижка и стильная одежда работницы художественной галереи, продающей искусство людям, которые привыкли требовать определенной серьезности вкуса и манер. Сочетание черного и серого цветов, хорошие туфли.

— Я и не подозревала, что ты знаешь его сестру, — сказала Холлис француженке, беря с тарелки сандвич.

— А мы только что познакомились, — вмешалась Сара, поднимая вилку. — Оказалось, у нас один общий бывший. — Она улыбнулась.

— Клод, — подхватила Одиль, — из Парижа. ’Оллис, я тебе говорила, он знать Бобби.

— Точно, говорила.

— Я ему позвонить, он дать номер Сары.

— За минувшие сутки это далеко не первый звонок от незнакомого человека насчет Бобби, — ввернула девушка. — Но тут по крайней мере был общий знакомый. И вы хотя бы не злитесь.

— А что, остальные злились? — полюбопытствовала Холлис.

— Некоторые — да. Другим просто не хватало выдержки.

— Почему, если не секрет?

— Потому что мой брат — большая задница, — ответила Сара.

— Художники из Лос-Анджелеса, — пояснила Одиль. — Они пытаться добраться до Бобби. Серверы еще недоступны. Все искусство пропало. Электронные письма возвращаются обратно.

— Уже с полдюжины людей позвонили. Похоже, там кто-то прослышал, что у Бобби здесь родственница, а номер нашли в телефонном справочнике.

— Я тоже знаю одного художника, который с ним работает, — вставила Холлис. — Он ужасно расстроился.

— Кто?

— Альберто Корралес.

— Он сильно кричал?

— Нет.

— А в трубку — кричал, — заметила Сара, поддевая кусочек авокадо. — Все твердил, что потерял свой ливер.

— Но ты не в курсе, где брат?

— Да здесь он, — сказала девушка. — Алиса, моя подружка, видела Бобби утром на Коммершиал-Драйв, они знакомы со средней школы, ну и позвонила мне. Если точно, минут за двадцать до тебя, — обратилась она к Одиль. — Алиса его сразу узнала, поздоровалась, и он тоже — а куда деваться? Понял, что бесполезно, не отвертится. Она-то, конечно, понятия не имела, какая тут за братом охота. Он еще наплел про студию, будто надумал выпустить свой CD. Вот так и я выяснила, что Бобби в городе.

— Вы с ним очень близки?

— А по моим словам похоже на то?

— Прости, — стушевалась Холлис.

— Нет, это ты прости, — смягчилась Сара. — Только какой же он все-таки безалаберный, прямо зла иногда не хватает. Что в пятнадцать лет считал себя пупом земли, что сейчас, без разницы. Очень сложно иметь в родне одаренное чудовище.

— И в чем его дар? — уточнила Холлис.

— Математика. Программирование. Знаете, он

и прозвище взял в честь компонента программного обеспечения, разработанного в Национальной лаборатории имени Лоренса в Беркли[434]. Чомбо.

— И что это самое Чомбо… делает?

— Применяет методы конечных разностей для решения дифференциальных уравнений с частными производными на прямоугольных расчетных сетках с блочной структурой. — Сара на миг состроила рожицу, возможно, даже не сознавая этого.

— А попроще?

— Если б я понимала хоть слово. Но *где* там, ведь я же работаю в галерее современного искусства. Чомбо — любимая тема Бобби. Послушать его, мой братец один понимает и ценит эту ерунду. Говорит о ней как о собаке, которую научил очень ловкому фокусу — такому, какой другим хозяевам даже на ум не пришел бы. Тапочки приносить. На спину переворачиваться… — Девушка пожала плечами. — Ты вот его тоже ищешь, так ведь?

— Так, — ответила Холлис, опуская сандвич.

— Зачем?

— Я журналистка, пишу о локативном искус-

[434] Примечания: 434

Радиационная лаборатория — крупный центр исследований в области атомной энергии.

стве. А Бобби, кажется, в самой гуще событий. Не успел исчезнуть — видишь, как все взбесились, забегали.

— Ты была в той группе, — объявила Сара. — Я помню… Там еще гитарист из Англии…

— «Кёфью», — подсказала Холлис.

— А теперь что же — пишешь?

— Понемножку. Вообще-то я в Лос-Анджелесе провела всего несколько недель, изучала вопрос. Потом Альберто Корралес свел меня с Бобби. А тот пропал.

— Ну, «пропал» — слишком драматично сказано, — возразила девушка, — особенно если знать моего братца. Отец называл это: «смылся». Как думаешь, Бобби захочет с тобой увидеться?

Холлис подумала.

— Нет. Он расстроился, когда Корралес меня привел к нему в студию в Лос-Анджелесе. По-моему, он будет против новой встречи.

— Ну, твои песни ему всегда нравились, — заметила Сара.

— Альберто мне тоже так говорил, — ответила журналистка. — Просто Бобби не жалует гостей.

— Тогда… — Девушка запнулась, перевела глаза с Холлис на Одиль, потом обратно. — Тогда я скажу, где он.

— А ты знаешь?

— Восточный район, бывшая обивочная фабрика. Когда Бобби в отлучке, там кое-кто живет, и я до сих пор иногда ее вижу: значит, место еще его. Сильно удивлюсь, если он приехал и не окажется там. Это за Кларк-драйв…

— Кларк?

— Я лучше дам адрес, — решила Сара.

Холлис достала ручку.

Глава 63

Выживание, уклонение, сопротивление, побег

Старик дочитал выпуск «Нью-Йорк таймс» и аккуратно сложил газету. Троица ехала в открытом джипе. Сквозь тусклую серую краску, нанесенную на багажник при помощи кисти, красными точками проступала ржавчина. Тито впервые видел перед собой Тихий океан. Доставив их сюда с континента, пилот поспешил улететь, но перед этим долго прощался со стариком наедине, и под конец они обменялись крепким рукопожатием.

На глазах у Тито самолетик «Сессна» превратился в маленькую точку на небе и скрылся из вида.

— Помню, как мы проверяли цэрэушную памят-

ку ведения допросов, — промолвил старик. — Ее прислали в неофициальном порядке, хотели знать наше мнение. В первой главе излагались доводы, почему при добывании сведений нельзя применять пытки. Причем этические вопросы вообще не учитывались, речь шла лишь о качестве и полноте получаемого продукта, о нерасточительном отношении к потенциальным возможностям. — С этими словами он снял очки в стальной оправе. — Если ведущий допросы избегает любых проявлений враждебности, вы начинаете утрачивать чувство того, кто вы на самом деле. У жертвы наступает кризис личности, и тогда ей исподволь начинают внушать, кем она теперь может стать.

— А ты кого-нибудь сам допрашивал? — осведомился Гаррет, у ног которого стоял черный чемодан «Пеликан».

— Это дело интимное, — ответил старик. — Чрезвычайно личное. — Он вытянул перед собой ладонь, словно держа ее над невидимым пламенем. — Одна простая зажигалка заставит человека выболтать все, что, по его мнению, вы хотите узнать. — Рука опустилась. — И навсегда отобьет у него любое доверие к вам. К тому же мало что поможет жертве настолько же эффективно

укрепиться в сознании собственных целей. — Старик постучал по сложенной газете. — Когда я впервые увидел, *что* они творят, то сразу понял: методики SERE[435] вывернули наизнанку. Фактически мы использовали техники, разработанные корейцами специально для подготовки заключенных к показательным судам, — добавил он и умолк.

Тито слушал, как плещут у берега океанские волны.

Ему сказали, что *это* — еще Америка.

Укрытый брезентом и ветками джип ожидал троицу возле обветренной бетонной платформы, некогда, по словам Гаррета, принадлежавшей метеостанции. Позади автомобиля стояли механические щетки. Перед посадкой самолета кто-то чисто подмел бетон.

Гаррет предупредил о лодке, которой предстояло приплыть и доставить их к канадскому берегу. Тито прикинул, какого же она будет размера. Ему

[435] Примечания: 435

SERE (англ. survival, evasion, resistance and escape) — военная программа США, обучающая методикам выживания, уклонения, сопротивления и побегам. Была разработана для обучения служащих ВВС во время войны с Кореей. Позднее, во время Вьетнамской войны, программу обучения расширили для служащих сухопутных войск и военно-морского флота.

представлялся паром «Секл Лайн»[436], плавучие айсберги… Солнце вовсю пригревало, с океана дул теплый и ласковый бриз. Казалось, мужчины замерли на самом краю мира. Совсем недавно за бортом «Сессны» расстилались пустынные, почти безлюдные просторы. Маленькие американские города сверкали в ночи подобно драгоценным камешкам, рассыпанным по полу в огромном и темном зале. Глядя на них из круглого иллюминатора, Тито воображал спящих людей, которым, возможно, смутно мерещился гул самолетных моторов.

Гаррет подошел к нему, предложил яблоко и грубо сделанный ножик для разрезания — из тех, что еще встречаются на Кубе. Желтая краска на рукояти давно облупилась. Тито раскрыл тускло-черное лезвие с клеймом «ДУК-ДУК»[437] — как выяснилось, очень и очень острое, — и разрезал яблоко на четыре части. Потом вытер нож с обеих сторон о штанину джинсов, вернул его Гаррету и протянул спутникам сочные дольки. Мужчины

---

[436] Примечания: 436

Фирма «Секл Лайн» катает туристов на пароме к статуе Свободы и к другим нью-йоркским достопримечательностям.

[437] Примечания: 437

Складной нож типа дук-дук (дак-дак) носит имя меланезийского духа возмездия, узнаваем по характерному изгибу обуха, орнаменту, имеет очень простую конструкцию (без специального фиксатора).

взяли себе по одной.

Старик посмотрел на свои допотопные золотые часы, а потом устремился взором куда-то за океан.

Глава 64

Глокование

— Купи-ка немного дури, — произнес Браун таким тоном, словно заранее репетировал фразу, и протянул пассажиру несколько сложенных иностранных купюр.

Сияющие хрустящие бумажки были покрыты металлическими голограммами и чуть ли не встроенными микросхемами.

Милгрим перевел глаза на своего спутника, сидящего за рулем «форда-таурус».

— Не понял?

— Дурь, — пояснил Браун. — Наркоту.

— Наркоту?

— Найди мне торговца. Только не первого встречного, а серьезную личность.

Милгрим посмотрел за окно на улицу, где стояла машина. Пятиэтажное кирпичное здание времен короля Эдуарда VII лоснилось от налета

несчастий, порожденных крэком, а может, и героином. Здесь, в этой части города, коэффициент затраханности заметно подскакивал.

— А что тебе нужно?

— Колеса, — сказал Браун.

— Колеса, значит, — повторил Милгрим.

— У тебя на руках три сотенных и бумажник без документов. Если заметут, помни: ты меня не знаешь. Как приехал, по какому паспорту и все такое прочее — забудь. Можешь им назвать свое настоящее имя. Рано или поздно я тебя вытащу, а надумаешь меня кинуть — сгниешь в камере. Попробуй ди́лера привести на стоянку, будешь совсем молодец.

— Я здесь в первый раз, — засомневался Милгрим. — Вдруг мы не на той улице?

— Издеваешься? Разуй глаза.

— Вижу, — ответил Милгрим. — Спрошу кого-нибудь из местных, что у них тут на этой неделе. В смысле, сегодня. *Здесь* у них такие дела делаются, или полиция согнала торговцев квартала на три к югу. Мало ли что.

— Ну, давай смотри, — напутствовал Браун. — Ты похож на торчка, тебе поверят.

— Но я ведь чужой. Могут принять за осведомителя.

— Пошел, — отмахнулся Браун.

Милгрим шагнул на улицу, сжимая в ладони сложенные иностранные купюры, и огляделся. Вокруг не было ни одного заведения, которое осталось бы не заколоченным. На фанерных щитах коробились от потеков дождя бесчисленные слои афиш, зазывающих в кино и на концерты.

Пожалуй, прикинул мужчина, будет лучше сделать вид, будто наркотики нужны ему самому. Это сразу повысит степень доверия. В конце концов, ему известно, какие вопросы задавать и почем нынче таблетки. Таким образом, ему и правда может попасть в руки что-нибудь сто́ящее, что можно припасти для себя.

На душе у него вдруг прояснилось; чужая, но чем-то знакомая улица показалась очень даже любопытной. Выкинув Брауна из головы (теперь он мог себе это позволить), Милгрим двинулся вдоль по улице с удвоенными силами.

Через час и сорок пять минут, отказавшись от предложений приобрести три разных сорта героина, кокаин, метамфетамин, перкодан и шишки марихуаны, Милгрим неожиданно поймал себя на том, что заключает сделку — платит по пятерке за тридцать упаковок валиума, по десять штук каждая. Разумеется, он не имел понятия,

окажутся ли таблетки настоящими и существуют ли они вообще, зато как опытный покупатель твердо знал, что его приняли за обычного заезжего туриста, а значит, в сравнении с обычной таксой заставили переплатить, самое меньшее, в два раза. Отделив затребованные продавцом полторы сотни, Милгрим ухитрился спрятать оставшуюся половину к себе в левый носок. Нечего и говорить, это было сделано по привычке: он всегда поступал так, покупая наркотики, и не мог припомнить особого случая, который заставил бы изменить давней тактике.

Ящер (так звали торговца товарищи по бизнесу) оказался белым мужчиной около тридцати лет. Одевался он как бывший скейтбордист, еще не растерявший до конца своих замашек; на длинной шее красовалась замысловатая татуировка — наверное, маскировала прошлую, не столь удачную. Или того хуже — сделанную в тюрьме. Для чего вообще нужны татуировки на лице или шее? Возможно, для того, чтобы люди сразу видели, что ты не коп, рассудил Милгрим. Однако намек на отсидку вызывал совсем другие, тревожные звоночки. Если уж на то пошло́, то и прозвище Ящер не очень успокоило покупателя. Кстати, кто это — рептилия или амфибия? Не

важно. Милгриму часто приходилось доставать наркоту самыми разными путями; так вот на этой дорожке ему встречались торговцы, внушающие гораздо больше доверия. Но что поделать, если этот Ящер единственный среди всех согласился продать валиум. Правда, предупредил, что не носит запас при себе. «Да уж, это редкость», — подумал клиент, однако кивнул, давая понять, что согласен на любые условия.

— Туда, по улице, — произнес Ящер, теребя кольцо, продетое через правую бровь.

У Милгрима украшения подобного сорта всегда вызывали неприятное чувство, словно могли занести какую-нибудь заразу, в отличие от колец в более традиционных местах, расположенных по центру лица. Он свято верил в эволюцию, а как известно, чаще всего эта леди благоволит к симметричным особям. Все прочие имеют куда меньше шансов на выживание. Разумеется, Милгрим не собирался говорить этого вслух.

— Сюда, — с важным видом сказал Ящер и, повернув с дороги, распахнул какую-то дверь с каркасом из алюминия и фанерой, вставленной на место разбитого стекла.

— Эй, там темно, — возмутился клиент, однако Ящер уже схватил его за плечи и силой втащил в

подъезд, насквозь пропахший мочой.

Ощутив сильный толчок, Милгрим повалился навзничь. Удар о ступени (обо что же еще?) пронзил спину болью. Загремели, опрокидываясь, бутылки. Позади захлопнулась дверь.

— Спокойно, — сказал «покупатель» внезапно наступившему мраку. — Деньги твои. Держи.

Вдруг по глазам полоснуло солнечным светом, дверь отлетела в сторону, и в темноту ворвался Браун. Милгрим скорее почувствовал, чем увидел, как тот своими руками поднял Ящера над полом и швырнул на лестницу, между ног уже упавшего мужчины.

И снова раздался грохот пустых бутылок.

Нестерпимо яркий луч фонаря, знакомый Милгриму еще по квартире НУ на Лафайет-стрит, тщательно обшарил спину и зад притихшего на лестнице Ящера. Браун быстро склонился и, крякнув от натуги, обеими руками перевернул жертву на спину. После чего, светя себе фонариком, правой рукой расстегнул ширинку его обвисших порток.

— «Глок», — объявил Браун и с видом фокусника, исполняющего мерзостный трюк, достал из прорехи большой пистолет.

На улице сюрреалистически ярко сияло солнце.

Мужчины возвращались к «форду-таурус».

— «Глок», — повторил Браун, явно довольный собой.

Тут Милгрим вспомнил, что речь идет о марке пистолета, и ему полегчало.

Глава 65

Ист Ван Хален

Холлис открыла свой пауэрбук на «шифровальной» стойке в кухне Бигенда. Wi-Fi ловилась — ну, это само собой. Правда, не было доступа ни к одной из надежных сетей, зато появился совет подключиться к «BAntVanc1».

«Заслуживающих доверия». Какие слова! Она едва не расплакалась.

А Бигенд не защитил свою Wi-Fi, заметила Холлис, когда взяла себя в руки. Пароль не требовался. Впрочем, когда есть Олли, способный одновременно подслушивать сотни разговоров, может быть, этого более чем достаточно.

Она подключилась к «BAntVanc1» и проверила электронную почту. Пусто. Даже спам не пришел.

В сумочке запел сотовый. Он был по-прежнему

подключен к шифратору. Интересно, сработает ли устройство, если звонит кто-нибудь другой?

— Алло?

— Проверка связи, — сказал рекламный магнат, и Холлис вдруг расхотелось рассказывать о Саре.

Может быть, в ответ на внезапно захлестнувшее ощущение: да ведь он же везде. Если не прямо сейчас, то непременно скоро будет. Стоит Бигенду войти в чью-то жизнь, и он устраивается так похозяйски, как, наверное, не под силу обычному человеку, пусть даже и большому начальнику. Едва пустив его за порог (знать бы, где тот порог), нужно смириться с подобными нежданными звонками в любое время; не успеешь спросить, кто говорит, как уже слышишь: «Проверка связи». Хочет ли Холлис этого? А есть ли у нее выбор?

— Пока ничего, — сказала она, теряясь в догадках: а вдруг Олли уже как-нибудь ухитрился передать в Лос-Анджелес их разговор за ленчем. — Я тут прощупываю знакомых Одиль из творческого мира. Но их так много, и к тому же нельзя действовать напролом. Кто-нибудь может предупредить Бобби о моем приезде.

— Я уверен, что он в городе, — произнес Бигенд. — И еще я уверен, что на данный момент вы с Одиль — наша главная надежда найти беглеца.

Холлис молча кивнула.

— Канада — большая страна. Почему бы ему не податься куда-нибудь подальше от риска «засветиться»?

— Ванкувер — это порт, — напомнил Бигенд. — Сюда прибывают контейнеры из других государств. И наш пиратский сундук. Кому-то (вряд ли самим отправителям) нужно, чтобы Бобби присутствовал при отгрузке. — Повисла необычайно тихая, оцифрованная пауза. — Хочу подключить вас к *darknet*[438], мы для себя уже устроили.

— А что это?

— Если в двух словах, Интернет частного пользования. Невидимый для посторонних. В нашем положении телефон с шифратором — всего лишь нитка, намотанная на палец для памяти о том, как ненадежна между нами связь. Олли над этим работает…

— Кто-то пришел, — прервала его журналистка. — Мне пора, — и отключила трубку.

Обклеенная стикерами крышка пауэрбука, покинутого в открытом виде на стойке, представляла собой самое цветное пятно во всей квартире,

---

[438] Примечания: 438

Частная виртуальная сеть, в которой пользователи (обычно их не более десяти) общаются только с теми, кому доверяют.

не считая вида из окон. Холлис поднялась наверх, разделась и долго стояла под душем, пока Одиль предавалась послеобеденному сну.

Затем просушила волосы и оделась. Все те же джинсы и теннисные туфли. Среди вещей попалась уже знакомая синяя фигурка. Постоялица огляделась: куда бы ее пристроить? Увидела на уровне головы идеально гладкий бетонный выступ, словно для иконы. Муравей на нем смотрелся немного странно. То, что надо.

Складывая одежду, она наткнулась на собственный паспорт и бросила его в пакет «Барни».

Потом накинула куртку из темного хлопка, подхватила сумочку и спустилась на «шифровальную» кухню, чтобы выключить пауэрбук и оставить Одиль записку на бланке для записи покупки на свой счет: «Вернусь позже. Холлис».

«Фаэтон» ожидал ее на прежнем месте. Главное, не забыть совет Олли помнить о ширине корпуса… Пришлось повозиться с картой из «бардачка»: не хотелось активировать экран GPS. На улице вечерело. Журналистка верила, и не без причины, что сумеет найти пристанище Бобби; в чем она сомневалась, так это в том, *что* будет делать дальше.

Судя по карте, до беглеца было рукой подать.

Но карта не учитывала час пик. После нескольких маневров Холлис выбралась на дорогу, ведущую на восток, и влилась в общий сплошной поток автомобилей: очевидно, люди возвращались после работы в пригород. Оказалось, что Бобби не так уж близко — хотя бы и с точки зрения психогеографии. Если заоблачное жилище Бигенда на вершине башни (карта величала это место «Фолс-Крик») отражало последний писк двадцать первого века, то сейчас «фаэтон» ехал по останкам легкопромышленной зоны — такой, как их строили на территории железных дорог, когда земли́ было в избытке. Похожее впечатление внушал район у той фабрики Бобби на Ромейн-стрит, только здесь временами встречались крупные здания современной городской инфраструктуры, по большей части недостроенные.

Когда наконец журналистка свернула налево, на широкую улицу с названием Кларк-драйв, причудливые инфраздания остались позади, уступив место более дряхлым и нереспектабельным постройкам, нередко заколоченным досками. Нелицензионные автомастерские. Мелкие фабрики, производящие ресторанную мебель. Починка стульев. В самом низу широкой улицы на фоне дальних гор, казалось, возвели

совершенно безумный проект в стиле советского конструктивизма — вероятно, запоздалое признание заслуг дизайнера, заслужившего билет до Гулага в один конец. Невероятно длинные стальные стрелы, покрашенные в оранжевый цвет, клонились под разными углами в стороны.

Что за детские игрушки?

Похоже на порт, о котором говорил Бигенд, прикинула Холлис. И Бобби поселился рядом.

Она повернула направо и увидела нужную улицу.

В голове продолжала крутиться неприятная мысль: «А ведь я соврала Бигенду». Сама же поставила условие — работать без обмана, ничего от нее не скрывать, и вот теперь позволила себе такую выходку. На душе скребли мерзкие кошки. Нет, нельзя так грубо нарушать симметрию. Журналистка вздохнула.

В конце квартала она повернула опять направо, съехала на обочину и остановилась у проржавевшего мусорного бака, на задней стенке которого расплывчатым черным спреем кто-то вывел: «Ист Ван Хален».

Холлис вынула из сумочки телефон и шифратор, еще раз вздохнула и перезвонила работодателю.

Тот отозвался немедленно:

— Да?

— Одиль нашла его сестру.

— Очень хорошо. Отлично. И что?

— Я возле места, которое он тут снимает. Сестра сказала, где это. Думает, он здесь.

Незачем уточнять, что все это было известно уже во время прошлой беседы. Главное — справедливость восстановлена.

— Вот почему вы оказались кварталом восточнее Кларк-драйв? — осведомился Бигенд.

— Черт! — вырвалось у Холлис.

— Дисплей распознает лишь главные улицы, — извиняющимся тоном произнес магнат.

— Машина вам рассказывает, где я?!

— Такими уж их выпускают, — пояснил Бигенд. — Львиная доля «фаэтонов» идет на Ближний Восток, а там это функция стандартной защиты. Кстати, почему она вам доверилась? Не знаете?

— В основном — от злости на брата. У них очень сложные отношения. Я видела ваш порт минуту назад. Это вниз по улице.

— Да, — подтвердил магнат. — Очень удобно. Что собираетесь делать?

— Понятия не имею, — призналась она. —

Осмотрюсь немного.

— Хотите я пришлю Олли?

— Ну нет. Вряд ли я здесь надолго.

— Если к вечеру не увижу, что машина вернулась на квартиру, а вы не подадите вестей, я высылаю Олли.

— Логично.

Отбой.

Какое-то время она сидела, глядя на бак «Ист Ван Хален». За ним, на расстоянии нескольких автомобильных корпусов, открывался вид на узкий переулок — возможно, ведущий к заднему входу здания, где нашел себе пристанище Бобби.

Холлис вышла и активировала систему сигнализации.

— Береги свою дорогущую шифрованную задницу, — обратилась она к «фаэтону». — Я еще вернусь.

Глава 66

Засекли

Тито сидел на стальном, забрызганном краской табурете, глядя на грязное окно в потолке. Время от времени туда опускались голуби, а потом уле-

тали, хлопая крыльями, но вряд ли кто-нибудь еще это слышал. Старик и Гаррет беседовали с мужчиной, который ожидал их здесь, на сумеречной квартире третьего этажа, в городе и стране, о существовании которых Тито прежде и не задумывался.

Приплывшая за троицей лодка была совершенно белой, вытянутой, с низкими бортами и развивала приличную скорость. Капитан в больших обшарпанных очках от солнца и облегающем нейлоновом капюшоне оказался на редкость неразговорчив.

Тито смотрел, как остров и платформа долго-долго таяли вдали.

Несколько раз поменяв направление, лодка достигла другого острова. Пологие, обветренные скалы. Горстка разрозненных домишек, обращенных окнами к воде. Проплыв немного вдоль побережья, судно причалило к деревянному пирсу, выдающемуся от более высокой и солидной пристани. Тито помог Гаррету вытащить из лодки черный чемодан. Пластиковые ручки могли сломаться от тяжести, и мужчины решили за них не браться.

Капитан белой лодки, так и не проронив ни слова, поторопился отбыть, причем совсем не в

ту сторону, откуда приплыл.

Послышался лай собаки. У перил на высокой пристани появился какой-то мужчина и приветственно помахал рукой. Гаррет махнул ему в ответ. Незнакомец повернулся и скрылся из вида.

Старик посмотрел на часы, а потом на небо.

Тито услышал пропеллер гидросамолета прежде, чем увидел его в нескольких футах над водой.

— Ни слова, — предупредил Гаррет, когда пропеллер заглох и самолет проплыл последние несколько ярдов до пристани.

— Как поживаете, джентльмены? — спросил усатый пилот, спускаясь на ближайший понтонный мост, пока Гаррет придерживал крыло самолета.

— Замечательно, — промолвил старик, — только боюсь, у нас избыточный вес багажа. — Он указал на черный «Пеликан». — Образцы минералов.

— Геолог, что ли? — полюбопытствовал пилот.

— Ага, в отставке. — Старик улыбнулся. — А вот же до сих пор ворочаю камни.

— Ладно, ничего страшного.

Пилот открыл какой-то люк в борту самолета, совершенно не похожего на «Сессну» (даже про-

пеллер у этой «рабочей лошадки» был только один), и вместе с Гарретом затолкал туда черный чемодан.

Старик поморщился и облегченно выдохнул, когда увидел, что груз попал на место, ни разу не упав на пирс.

— Сколько займет полет? — поинтересовался он.

— Двадцать минут, — ответил пилот. — Заказать вам такси по телефону?

— Нет, спасибо, — ответил старик, поднимаясь на борт. — Мы на своей машине.

Гидросамолет опустился на реку в окрестностях очень крупного аэродрома. Еще очарованный видом дальнего горного хребта Тито помог Гаррету погрузить чемодан «Пеликан» и другой багаж на тележку и закатить ее вверх по длинному решетчатому пандусу.

А потом, усевшись на край тележки, глядел на реку. Еще один гидросамолет готовился взлететь, разгоняясь по волнам, озаренным предвечерними солнечными лучами. Под хруст дорожного гравия тележка вкатилась в кузов белого трейлера. Тито и Гаррет сняли с нее чемодан и остальной багаж.

В трейлере было только два сиденья и ни одно-

го окошка. Тито неудобно пристроился на черном чемодане.

Старик оглянулся.

— Лучше слезь, — произнес он. — А то повредишь своим будущим потомкам.

Тито сразу же отодвинулся и присел на собственную сумку.

Всю дорогу он почти ничего не видел, только фрагменты зданий через ветровое и задние стекла. Прибыв на место, Гаррет распахнул задние двери в узкий, частично мощеный переулок со странными зелеными папоротниками, растущими из щелей между вскрытым асфальтом и облупившимися стенами домов, и с помощью Тито поднял чемодан на два пролета по обветшалой деревянной лестнице в эту длинную, забитую вещами комнату.

Где их ожидал чудаковатый мужчина по имени Бобби. Болезнь матери, начавшаяся в парке Сансет, куда им пришлось переехать с Антулио после падения башен-близнецов, научила Тито не доверять людям, которые ведут себя определенным образом.

Он мерил комнату шагами, этот странный Бобби, к тому же курил и болтал почти без остановки. Гаррет со стариком терпеливо слушали,

переглядываясь друг с другом.

А Бобби продолжал говорить, что ему не по себе от необходимости делать это в собственном доме; не по себе от необходимости находиться в родном городе, делая это, но главное — не по себе от необходимости находиться здесь, у себя, делая это на расстоянии каких-то нескольких кварталов от проклятого ящика.

Тито покосился на черный чемодан. Не его ли назвали «проклятым ящиком»?

— Но ты же знал, — невозмутимо возразил старик. — Ты же знал: если его доставят сюда, он будет именно там.

— Его засекли трижды, — ответил Бобби. — Я думаю, они уже здесь, и еще я думаю, что они засекли его прямо здесь, и еще — что сейчас они кружат где-то рядом, ищут. Мне кажется, они близко. Слишком близко. — Он уронил сигарету, раздавил ее носком туфли и вытер ладони о грязные белые джинсы.

«Что значит — засекли?» — подумал Тито.

— Но, Бобби, — мягко сказал старик, — ты так и не сообщил нам в точности, где он. И где же? В порту? Нам нужно знать.

Бобби зажег новую сигарету.

— Он там, где вам и хотелось. Именно там. Я

покажу, — прибавил он и направился к длинному столу.

Старик и Гаррет потянулись следом. Бобби нервно застучал по клавишам.

— Вот, прямо здесь.

— То есть у них нет связей *наверху*, иначе его бы упрятали глубже.

— А у вас есть, да? — Бобби прищурился сквозь дым.

— Это тебя не касается, — еще мягче ответил старик. — Ты проделал долгую и очень ответственную работу, но теперь она близится к концу. И последняя установка состоится здесь, как было условлено.

Глядя на руки говорящего, Тито почему-то припомнил, как тот орудовал тростью на Юнион-сквер.

Гаррет вытащил из-за пояса пейджер, взглянул на экран.

— Доставлено. Я на пять минут. — Он посмотрел на старика. — Все в порядке?

— Разумеется.

Бобби простонал:

— Я не готов.

Тито поморщился, вспомнив мать.

— Бобби, — начал опять старик, — тебе и не

надо быть ни к чему готовым. От тебя в самом деле ничего такого не требуется, только следи за контейнером. Сегодня вечером не нужно даже выходить. И в ближайшие три месяца тоже, раз уж об этом речь. Еще немного, и мы уйдем по своим делам, а ты оставайся. За квартиру заплачено. Вперед. Как договаривались. Ты чрезвычайно одаренный человек, ты проделал великолепную работу и очень скоро поймешь, что можно расслабиться.

— Я не в курсе, кто они такие, — сказал Бобби. — И не хочу быть в курсе. Не желаю даже знать, что там в ящике.

— Правильно. Ты и не знаешь.

— Мне страшно, — пожаловался Бобби, и Тито услышал голос матери после одиннадцатого сентября.

— Они тоже не имеют понятия, кто ты такой, — возразил старик. — Или кто мы такие. Вот и надо постараться, чтобы все осталось по-прежнему.

На лестнице послышались чьи-то шаги. На пороге возникла женщина, за ее спиной стоял Гаррет. В джинсах и темной куртке.

— Зачем она здесь? — Бобби откинул челку с испуганных глаз. — Что здесь происходит?

— Действительно, — ровным голосом прогово-

рил старик, — что?

— Холлис Генри, — представилась женщина. — Мы с Бобби встречались в Лос-Анджелесе.

— Она была в переулке, — ответил Гаррет, и только сейчас Тито заметил, что он сжимает единственную ручку длинного серого чемодана.

— Ей тут нечего делать. — Судя по голосу, Бобби готов был расплакаться.

— Но это правда твоя знакомая? — уточнил старик. — Из Лос-Анджелеса?

— Самое странное, — вставил Гаррет, — что я ее тоже знаю. Но только мы не встречались раньше. Это же Холлис Генри из «Кёфью».

Старик изогнул брови.

— «Кёфью»?

— Моя любимая группа. Со времен колледжа. — Мужчина, как бы извиняясь, пожал плечами, одно из которых пригибалось под тяжестью длинного чемодана.

— И вот теперь ты находишь ее в переулке?

— Ага, — ответил Гаррет и вдруг улыбнулся.

— Может, я что-то пропустил? — осведомился собеседник.

— Ну ладно, — потупился Гаррет. — Хорошо хоть, это не старина Моррис.

Старик нахмурился и поглядел на женщину

поверх очков.

— Пришли навестить Бобби?

— Я теперь журналистка, — сказала она. — Пишу для «Нода».

Старик вздохнул.

— Боюсь, никогда о таком не слышал.

— Это бельгийское издание. Но я сама вижу, что расстроила Бобби. Бобби, прости. Я ухожу.

— А вот это, по-моему, не совсем удачная мысль, — ответил старик.

Глава 67

Вардрайвинг

Милгрим и Браун сидели в крохотном парке на скамейке, осененной тонкими ветками голых кленов. Перед ними лежал коротко стриженный газон, шестифутовое ограждение из проволочной сетки, покрашенной в зеленый цвет, а дальше, за невысоким ежевичным склоном и широкой железнодорожной насыпью, которую прорезали четыре красно-ржавые колеи, и мощеной дорогой, начинались бесконечные груды металлических ящиков, какие были на корабле в порту. По дороге пронесся блестящий голубой

грузовик обтекаемой формы, таща на прицепе длинный серый контейнер с заржавленными боками, видимо, поставленный на колеса.

За грудами тары начинался горный хребет, а над ним проплывало облако. От них, от этих гор, Милгриму становилось не по себе. Вид у них был ну совершенно не настоящий. Такие близкие, такие большие, со снежными шапками. Словно рекламная заставка в начале фильма.

Милгрим отвернулся и посмотрел направо, на огромный бетонный айсберг не менее пяти этажей высотой, лишенный окон и прочих опознавательных знаков. Разве что на фасаде гигантскими рублеными буквами между массивных колонн было написано:

«МОРОЗИ ЛЬНЫЕ И ХОЛОД ИЛЬНЫЕ УС ТАН КИ ЛТД»

ТАНКИ… Милгрим покосился на энергично мигающий экран лэптопа, где снимки местной портовой зоны то и дело меняли масштаб и покрывались желтыми сетками координат.

С тех самых пор, как Ящер лишился своего пистолета, реквизиторы «Глока» предавались занятию, которое Браун окрестил вардрайвингом. Иными словами, разъезжали в машине, слушая, как «бронированный» лэптоп, раскрытый

у Милгрима на коленях, безжизненно ровным и до странного бесполым голосом (у пленника он вызывал особенное отвращение) объявляет обо всех попадающихся по дороге точках беспроводного доступа к сети. Милгрим даже не представлял себе, что этих сетей — такая прорва и что их действие распространяется так далеко за пределы частных квартир и домов их владельцев. Многие люди присваивали сетям свои имена, другие ограничивались простым «default» или «network», а кое-кто придумывал прозвища вроде «DarkHarvester» или «Doomsmith». Работа Милгрима заключалась в том, чтобы следить за окошком на экране, где сообщалось о защите сети. Если та оказывалась не защищенной, а сигнал был достаточно силен, Браун останавливал автомобиль и через компьютер заходил в Интернет. В такие минуты экран заполняли спутниковые снимки порта, исполненные в цвете. Браун увеличивал их масштаб, позволяя своему спутнику разглядеть крыши отдельных построек и даже различать прямоугольнички отдельных контейнеров. Поначалу было чуть-чуть любопытно, но теперь, спустя добрых три часа, Милгрим желал одного: чтобы Браун скорее нашел то, что ищет, и поспешил вернуться в «Бест Вестерн».

Впрочем, парковая скамейка — это все-таки не салон машины. И, судя по всему, связь на этот раз установилась надолго. Браун подключился к сети «CyndiNet», протянувшейся из квартиры в жилом трехэтажном комплексе с отштукатуренными стенами, на балконах которого, стальных и выкрашенных в коричневый цвет, громоздились жаровни для барбекю, пластмассовые стулья и велосипеды. Вскоре Милгрим почувствовал, что отсидел себе пятую точку. Он встал и потер пострадавшее место. Браун так увлекся своим занятием, что даже не поднял головы. Милгрим пошел вперед по жесткой короткой траве, в любую секунду ожидая приказа остановиться. Но никакого оклика не последовало.

Дойдя до зеленой ограды, он выглянул наружу, посмотрел налево и увидел оранжевый дизельный двигатель от поезда с отчетливыми черно-белыми диагоналями на тупом носу, недвижно лежащий на ближних рельсах возле белого квадратного указателя «Хитли», очевидно, предназначенного для кондукторов. А впереди, на желтом железном треугольнике, можно было прочесть: «Сбавьте скорость». Мужчина различил на стенках поставленных друг на друга ящиков еще несколько надписей: «HANJIN», «COSCO»,

«TEX», ««K» LINE», «MAERSK SEALAND». Позади, в глубине порта, высились разные постройки неизвестного назначения и стрелы оранжевых кранов, замеченные с борта черного «Зодиака». Милгрим обернулся на Брауна: тот по-прежнему сутулился над маленьким экраном, отрешившись от остального мира.

— А ведь я мог бы убежать, — пробормотал Милгрим себе под нос.

Затем потрогал стальную горизонтальную перекладину зеленой ограды, развернулся и побрел обратно к парковой скамейке.

Он уже скучал по старенькому пальто.

Глава 68

Миг на решение

Незнакомец чем-то напоминал Уильяма Берроуза, только без богемного лоска. Или человека, который приглашен на перепелиную охоту с вице-президентом, но слишком боится попасть под выстрел. Очки в тонкой стальной оправе. Модно подстриженные остатки волос. Очень хорошее темное пальто.

Мужчина и Холлис сидели напротив друг друга

на обшарпанных металлических стульях, исправно отслуживших свой срок в какой-нибудь церкви. Натертые до тусклого блеска черные оксфордские туфли на скрещенных ногах незнакомца отчего-то наводили на мысли о стареньких французских священниках, когда бы не толстые подошвы из черной резины.

— Мисс Генри, — начал мужчина и вдруг замялся; точь-в-точь как американский чиновник из консульской службы на Гибралтаре, к которому она обращалась в семнадцать лет, чтобы заявить о краже паспорта. — Прошу прощения, вы не замужем?

— Нет.

— Мисс Генри, мы с вами оказались в очень щекотливом положении.

— Послушайте, мистер?..

— Прошу прощения, — повторил он, — я не могу назвать свое имя. Мой друг заявляет, что вы певица. Это правда?

— Да.

— А по вашим словам, вы еще и журналистка, пишете по контракту для одного британского издания. — Седая бровь изогнулась над полированной дужкой.

— Для «Нода». Главная редакция находится в

Лондоне.

— И вы общались с Бобби в Лос-Анджелесе по поводу вашей статьи?

— Общалась. Но не могу сказать, чтобы он был счастлив меня видеть.

Она покосилась на Бобби; тот скрючился на грязном полу, обхватив руками колени и скрыв за челкой глаза. Темноволосый молодой человек загадочно-неопределенной расы наблюдал за ним, сидя на третьем стуле, со смесью восторга и беспокойства.

Первый мужчина — тот самый, кто обнаружил журналистку в переулке и очень любезно, но твердо пригласил сюда на беседу, — открыл длинный серый чемодан, который он получил в переулке на глазах у Холлис, вздумавшей исподтишка проследить за происходящим. Оказалось, не так уж «исподтишка». Теперь чемодан лежал с откинутой крышкой на одном из вытянутых столов, но содержимое нельзя было разглядеть.

— Извините за мой приход, — сказала Холлис. — Бобби ужасно выглядит.

— В последнее время он сильно напрягается, — произнес мужчина постарше. — Это из-за работы.

— Локативное искусство.

— Бобби работал на меня, помогал с одним проектом. Труд близится к завершению, отсюда и стресс. Вы появились в самое неподходящее время, мисс Генри.

— Холлис.

— Холлис, мы не можем вас отпустить, пока не закончим то, ради чего пришли сюда.

Она хотела что-то сказать, но передумала и закрыла рот.

— Мы не преступники, понимаете?

— Простите, но если это правда и если вы не из полиции, то почему я не могу уйти, когда захочу?

— Вы совершенно правы. Дело в том, что мы здесь намерены нарушить некоторое количество законов, не только канадских, но и американских.

— И после этого вы не преступники?

— В привычном смысле слова — нет. Нами, бесспорно, движут незаурядные мотивы, и, насколько известно, еще никто не пытался осуществить то, что мы задумали. Впрочем, поверьте на слово, убийство не входит в наши планы, и мы также рассчитываем избежать физического ущерба кому бы то ни было.

— «Рассчитываете»? Учитывая обстоятельства,

звучит не слишком обнадеживающе. Думаю, вы все равно не станете посвящать меня в свои замыслы.

— Отчего же, мы намерены повредить определенную собственность и ее содержимое. При благоприятном исходе, — на его лице мелькнула улыбка, — урон останется незамеченным. Поначалу.

— С какой стати я должна это слушать? Назовите хоть одну здравую причину. Или, может, не стоит продолжать этот разговор? Сэкономим время.

Незнакомец помрачнел. Если раньше он сидел со скрещенными ногами, то теперь поменял позу, уперся черными подошвами в пол и качнулся вместе со стулом назад на целый дюйм или около того.

— Мисс Генри, не будь мой партнер так убежден, что вы та, за кого себя выдаете, все было бы совершенно иначе.

— Я не услышала ответа.

— Терпение. Существует история для широких масс, и существует история для избранных. Сегодня вы станете причастны к тайной истории. Даже не потому что работаете в журнале, а потому что вы в каком-то смысле звезда.

— То есть вы собираетесь доверить мне свои секреты как бывшей певице?

— Да, — подтвердил мужчина. — Но не совсем. Дело не в песнях. А в том, что вы, знаменитая артистка…

— Не такая уж и знаменитая.

— …Уже вошли в историю, как ни крутите. Я только что набрал ваше имя в «Гугле» и прочел о вас в Википедии. В сущности, приглашая вас в свидетели нашего замысла, мы сделаем из вас «капсулу времени». Вы теперь — каминный кирпич, за которым останется наше сообщение, вернее даже, *ваше* сообщение обо всем, что случится.

Холлис пристально посмотрела на собеседника.

— Знаете, что самое жуткое? Я вам верю.

— А я говорю серьезно. Однако вы должны знать, чего будет стоить ваше соглашение…

— Кто сказал, что я соглашаюсь?

— Вы станете не просто очевидицей нашей истории, Холлис, но ее непосредственной участницей.

— И я совершенно свободна в описании того, что увижу?

— Конечно, — ответил он. — Правда, соглаша-

ясь остаться с нами, в глазах закона вы можете стать соучастницей. И что еще серьезнее: тот, кому мы собираемся перейти дорогу, облечен властью, и у него все причины желать, чтобы увиденное вами осталось в тайне. Впрочем, с этим уже вам самой предстоит разобраться. Опять же, если мы достигнем договоренности.

— А если нет?

— Придется кое-куда вас отправить и держать там, пока мы отсюда не съедем. Это усложнит нашу задачу, ведь нужно будет перевозить и Бобби со всем оборудованием, но это уже не ваши трудности. Выбирайте, в любом случае мы не причиним вам никакого вреда. Только завяжем глаза.

Мужчина из переулка закрыл свой длинный чемодан и присоединился к темноволосому парню у дальнего стола.

— Не понимаю, почему вы мне так доверяете, — произнесла Холлис. — А вдруг я вызову полицию, едва окажусь на свободе?

— Работая в одной правительственной организации, я научился быстро распознавать людей. Моя служба требовала буквально мгновенных решений, и часто в предельно сложных условиях.

Мужчина поднялся. Холлис посмотрела на него

снизу вверх.

— Раз уж мы об этом заговорили, то с какой стати *я* должна вам верить?

— Вы не нарушите соглашения, поскольку это не в вашем характере, — ответил он. — И по той же самой причине вы готовы положиться на наше слово. По сути, вы нам уже поверили.

Незнакомец повернулся, отошел к мужчине из переулка и заговорил о чем-то вполголоса.

Раздался щелчок зажигалки; это Бобби на полу закурил «Мальборо».

«Как же он будет спать, — мелькнуло в голове Холлис, — без любимой сетки координат?»

И тут журналистка заметила перед самым стулом, на котором сидел мужчина постарше, тонкую голубоватую черту, идеально прямую, из тех, что проводят плотники при помощи мела и натянутой нити.

Другая такая же линия пересекала ее под прямым углом.

Глава 69

Магниты

Гаррет подвел Тито к дальнему концу второго

стола, где на полулисте свежей фанеры лежало десять дисков, каждый не толще монетки, диаметром около трех дюймов.

Кто-то вначале опрыскал их лазурно-голубым аэрозолем, затем нанес серое напыление и под конец — тусклый слой кроющей краски, поэтому все кругляши были окружены расплывчатыми аурами. У края листа выстроились в ряд три аэрозольных баллончика. Натянув перчатки из латекса, Гаррет поднял один из дисков (на фанере остался идеально ровный, ничем не забрызганный круг) и повернул его к Тито обратной стороной из блестящего серебристого металла.

— Магниты из редкоземельных металлов, — сказал он. — Окрашены для максимального сходства с оттенком ящика. — Гаррет кивнул на распечатанные снимки контейнера грязно-бирюзового цвета. — Если приложить их к ровной стальной поверхности, оторвать почти невозможно, разве только с помощью ножа или очень тонкой отвертки. У нас десять штук, хотя отверстий будет не больше девяти. Один — запасной, на всякий случай, но постарайся ничего не ронять.

— Как я их понесу?

— Магниты либо слипаются (и потом не раз-

делишь), либо сильно отталкиваются, смотря по тому, какими сторонами обращены друг к другу. Возьми вот это. — Гаррет показал на квадратный чехол из жесткого пластика, обмотанный серебристой изоляцией. С одной стороны через пару отверстий был продет кусок парашютного троса.

— Здесь мягкие заизолированные пакеты, по одному для каждого диска. Наденешь на пояс джинсов, а когда придет время лезть наверх — перевесь на шею. Доставай магниты по одному, пока не закроешь все отверстия. Так мы и их запечатаем, и скроем любые следы от выстрелов.

— Какие следы?

— Каждый раз, когда пуля пробивает окрашенную сталь, — начал Гаррет, — гибкий металл корежится, а жесткая краска трескается и частично испаряется. В итоге края отверстия начинают ярко блестеть, по ним обычно его и обнаруживают. Ведь само-то оно бывает не крупнее ногтя. И потом, его тоже нужно запечатать как можно плотнее. Мы же не хотим, чтобы сработали датчики.

— Ну а когда я все закрою?

— Ищи путь, как выбраться наружу. Тот, кто провезет тебя на территорию, здесь уже не поможет. Сейчас мы еще раз просмотрим карты и

снимки со спутника. Не начинай подъем, пока не умолкнет полуночная сирена. Закончишь с работой и выбирайся. Окажешься за территорией звони нам. Мы тебя заберем. А так — используй телефон только в самом крайнем случае.

Тито кивнул и спросил:

— Ты знаешь эту женщину?

Гаррет помолчал.

— Ну, мы с ней раньше не встречались.

— Я видел ее плакаты на площади Святого Марка, в магазине. Почему она здесь?

— Это знакомая Бобби, — ответил Гаррет.

— По-моему, он ее не слишком рад видеть.

— Да он все время какой-то пришибленный. Но нам с тобой лучше не отвлекаться, правильно?

— Хорошо.

— Ладно. Будешь подниматься, надень вот это. — Гаррет достал черную защитную маску в большом чехле на молнии. — А то вдохнешь еще что-нибудь… Спустишься — спрячь ее где-нибудь, чтобы сразу не нашли. И, ясное дело, никаких отпечатков пальцев.

— Камеры есть?

— Повсюду. Но наш контейнер — третий снизу, а это «слепая» зона при нормальных условиях. Пока не долезешь, прячь лицо под капюшоном, и

будем надеяться на лучшее.

— А женщина, — не отступал Тито, обеспокоенный очевидно серьезным нарушением протокола. — Если она не из ваших и ты ее раньше не видел, откуда вам знать, что на ней нет микрофона?

Гаррет указал под стол, где прятался передатчик наведенных помех в желтом корпусе с черными антеннами. Этим же устройством подавления связи он пользовался на глазах у Тито на Юнион-сквер.

— Отсюда им ничего не передать, — мягко произнес Гаррет. — Правильно?

Глава 70

Фо[439]

На этот раз Браун повел своего спутника в унылый вьетнамский ресторан, не удосужившийся обзавестись вывеской на английском языке. Влажная духота, словно в сауне, пришлась Милгриму по нраву, чего он не мог бы сказать о резком запахе дезинфицирующего средства. Ка-

---

[439] Примечания: 439
Традиционный вьетнамский суп с говядиной.

залось, будто в здании очень давно располагалось что-то другое, но вот что именно, мужчина так и не сумел определить. Вероятно, шотландское кафе-кондитерская. Фанерная обшивка сороковых годов давно утонула под бесчисленными слоями облупившейся белой краски. Посетители заказали фо и теперь наблюдали, как тонкие ломтики розовой говядины сереют в горячей лужице почти бесцветного бульона поверх лапши и брюссельской капусты. Милгрим впервые видел, чтобы Браун ел палочками. Надо признать, тот мастерски управился с целой миской фо, а когда она была чиста, раскрыл свой компьютер на черном столике из «Формайки»[440]. Милгрим не имел возможности взглянуть на экран, однако догадывался: его сосед либо зашел в Wi-Fi, просочившуюся с единственного верхнего этажа, либо изучает файлы, скачанные из сети ранее. Пожилая официантка принесла пластиковые бокалы с чаем, который вполне мог сойти за простую горячую воду, если бы не особый уксусный привкус заварки. Любопытно, что к семи часам вечера в заведении не появилось больше ни единого посетителя.

---

[440] Примечания: 440

Фирменное название прочного жаростойкого пластика одноименной компании; часто используется для покрытия кухонной мебели.

Милгриму стало немного лучше. В парке он попросил у Брауна «Райз», и тот, уйдя с головой в работу, отрешенно расстегнул карман черной сумки, а потом протянул своему пленнику целую, даже не вскрытую упаковку на четыре дозы. Теперь, под защитой поднятого компьютерного экрана, Милгрим выдавил из целлофана вторую таблетку и запил ее водянистым чайком. Пожалуй, настало время почитать книгу, которую он захватил с собой из машины, предвидя, что Браун и здесь продолжит работать на лэптопе.

Мужчина раскрыл томик и нашел свою любимую главу: «Элита аморальных суперменов (2)».

— Что ты там все время читаешь? — неожиданно спросил Браун из-за экрана.

— «Элита аморальных суперменов», — ответил Милгрим и сам удивился, услышав, как его собственный голос повторяет название главы.

— Все вы так думаете, — проворчал Браун, думая уже о чем-то постороннем. — Либералы…

Милгрим подождал, не добавит ли сосед еще что-нибудь, не услышал ни слова и принялся за

«Бегардов и бегинок»[441]. Он уже дошел до квинтинистов[442], когда Браун опять подал голос:

— Да, сэр. Это я.

Милгрим похолодел от изумления, но быстро сообразил, что разговор идет по сотовому телефону.

— Да, сэр, это я, — повторил Браун. Последовала пауза. — Да. — Молчание. — Завтра. — Еще одна пауза. — Да, сэр.

Экран телефона закрылся с тихим щелчком. А в ушах у Милгрима раздался звон фарфора, долетающий со дна узкого лестничного колодца на улице N.

Тот самый сэр? Человек на черном автомобиле?

Браун потребовал счет.

Милгрим захлопнул книгу.

---

[441] Примечания: 441

Бегарды — члены средневековых полумонашеских общин, обычно занимавшиеся ремеслом, бродяжничеством и собиранием милостыни по обету бедности. Бегарды (и аналогичные им женские общины бегинок) часто являлись распространителями еретических идей, что навлекало на них преследования со стороны католической церкви. Существовали в Нидерландах и Германии.

[442] Примечания: 442

Средневековая либертинская секта, основатель которой распространял, особенно во Франции, учение, что человек делает все лишь по внушению Святого Духа, что, следовательно, грех — воображаемое, ложное представление.

С веток и проводов беспрестанно капало. Пока мужчины потели в сауне для любителей фо, в уличном воздухе копилась влажность иного рода. Горный хребет укрылся за плотной мглистой завесой. От этого небесный купол съежился, и, на взгляд Милгрима, стало только уютнее.

— Видишь его? — спросил Браун. — Вон тот, бирюзовый. Верхний из трех.

Милгрим прищурился, глядя в австрийский монокуляр, через который они когда-то следили за НУ из фургона, припаркованного на Сохо[443]. Четкость была поразительной, но зрителю никак не удавалось отыскать цель. Туман, огни, стальные ящики, сложенные аккуратными штабелями, словно кирпичи; гнутые трубы, похожие на части головоломки, огромные ко́злы подъемных кранов — и все это дрожало, подпрыгивало, накладывалось одно на другое подобно разноцветным стеклышкам в детском калейдоскопе. А потом изображение вдруг сошлось в одной точке — на бирюзовом прямоугольнике, верхнем из трех.

— Вижу, — сказал Милгрим.

---

[443] Примечания: 443

Район г. Нью-Йорка, примерно 20 кварталов в южном Манхэттене. Название произошло от фразы «SOuth of HOuston», т. е. (район) к югу от (улицы) Хаустон.

— Сколько же было шансов, — проговорил Браун, вырвав у него из рук монокуляр, — что его складируют у нас на виду?

Милгрим решил рассматривать вопрос как риторический и промолчал.

— Ладно, хоть не на земле, — буркнул Браун, вдавливая окуляр себе в глазницу. — Сверху. Туда мало кто полезет.

Но даже эта, судя по всему, хорошая новость не помогла ему опомниться от увиденного.

Они стояли у новенького сетчатого ограждения двенадцати футов в длину, рядом с длинной уродливой закусочной из бежевого кирпича, прямо из которой вырастала аккуратная коричневая гостиница в четыре этажа под вывеской «Принстон». Милгрим успел подметить обыкновение здешних баров сохранять на себе останки вымирающих гостиниц. Огромная спутниковая тарелка на здании казалась настолько древней, что прохожий помоложе мог бы счесть их ровесниками.

За спинами мужчин трехполосная трасса, образуя Т-образную развилку, вливалась в улицу, на которой стоял «Принстон». Последняя граничила с портом, неподалеку от крохотного парка «CyndiNet». Сам порт напомнил Милгриму

длинный, но удивительно узкий чертеж поезда, опоясывавший стены в комнате одного приятеля его деда.

— С улицы видно, — сказал Браун с монокуляром, который, казалось, рос у него из глаза. — Это же сколько было шансов, что выйдет по-другому?

Милгрим не знал ответа, да и если бы знал, наверное, придержал бы его при себе, видя, как удручен и сердит его спутник; однако, подстегнутый второй дозой, он вдруг решился поменять тему.

— А как же родные НУ в Нью-Йорке?

— А что?

— Они ведь не переписывались на волапюке, правильно? Вы же обходились без переводчика?

— Насколько мы знаем, они вообще не писали. Не звонили. Не слали е-мейлов. Они совсем не объявляются… Вот уже какое-то время.

Милгрим подумал о следящем устройстве, которое позволило Брауну перехитрить НУ, имевшего обыкновение постоянно менять телефонные трубки и номера́. Вспомнил, как сам предложил обратиться в Управление национальной безопасности, применить «Эшелон» или что-то в этом роде. Последние слова собеседника внушили ему

сомнения: что, если кто-нибудь так и сделал?

— Полезай в машину, — процедил Браун, разворачиваясь к припаркованному «форду». — Еще не хватало сегодня, чтобы ты у нас думать начал.

Глава 71

Такой быть сложно

— Что вам известно об отмывании денег? — спросил пожилой мужчина, передавая Холлис горошек и панир[444] на круглой тарелке из фольги.

Все четверо сидели за дальним концом второго из длинных столов и ели индийский обед. Трапезу, разумеется, заказали по телефону. По убеждению журналистки, так и следовало поступить заговорщикам, не желающим лишний раз показываться на улице.

Бобби терпеть не мог индийскую кухню и не хотел сидеть с остальными; для него заказали простую сырную пиццу, потребовавшую отдельной доставки.

— Наркоторговцы ворочают горами налич-

---

[444] Примечания: 444
Свежий домашний сыр.

ных, — произнесла Холлис, при помощи пластиковой вилки перекладывая горошек на белую бумажную тарелку. — Мне как-то рассказывали, что эти парни выбрасывают пятерки и купюры по доллару, чтобы не возиться с мелочью. — Инчмэйл обожал собирать всевозможные факты о поведении людей из преступного мира. — Но не отправляться же за солидной покупкой с трейлером, набитым деньгами, а в банках разрешается класть на счет лишь определенную сумму. В итоге господин с распухшими чемоданами идет на немыслимые уступки тому, кто возвращает «грязные» денежки в оборот.

— Десять тысяч долларов. Ровно столько можно взнести наличными в банк США, — уточнил мужчина в возрасте, угощаясь разноцветным рисом с кусочками цыпленка в ярко-бежевом соусе. — Любая огромная сумма денег начинает составлять отрицательный баланс. Как бы вы, например, поступили с десятью миллионами, если бы не могли отчитаться, откуда они взялись?

К чему он об этом заговорил?

— А сколько это будет, — Холлис припомнился пухлый конверт от Джимми Карлайла в сумочке, — сотенными бумажками?

— Вечно эти сотенные, — вздохнул мужчина. —

Меньше, чем вы полагаете. Две целых и четыре десятых миллиарда именно такими купюрами занимают место семидесяти четырех стиральных машин, только весят гораздо больше. Миллион сотенными потянет на двадцать три фунта и спокойно уложится в небольшом чемодане. Десять миллионов — это чуть менее двухсот тридцати фунтов чистого веса.

— А вы что же, своими глазами видели два и четыре десятых миллиарда? — Ей вдруг показалось, что это важно.

— В июне две тысячи четвертого года, в воскресенье, — продолжал незнакомец, пропустив вопрос мимо ушей, — федеральный резервный банк Нью-Йорка открыл свои хранилища, чтобы переправить именно такую сумму в Багдад на борту пары военно-транспортных самолетов «С-130».

— Багдад?

— Начиная с марта две тысячи третьего года по июнь две тысячи четвертого мы переслали в Ирак около двадцати миллиардов долларов наличными. Последняя партия должна была покрыть расходы на передачу власти от временной администрации коалиции временному правительству Ирака. Это самый крупный денежный

перевод за всю историю банка.

Холлис пришел на ум лишь один вопрос:

— Чьи это были деньги?

— По условиям резолюции Объединенных Наций, федеральный резервный хранил иракские капиталы, в основном доходы от добычи нефти. Фонд развития Ирака. При более благоприятном раскладе, скажем, в государстве вроде этого и в мирное время, проследить за окончательным распределением даже одного миллиарда практически невозможно. А уж осуществить надзор за двадцатью миллиардами в Ираке в таких обстоятельствах? В наши дни вообще нереально узнать хотя бы с долей достоверности, куда исчезнет львиная доля денег.

— Но их использовали на восстановление страны?

— А что, разве похоже?

— Значит, наличные помогли временному правительству удержаться на плаву?

— Полагаю, да. Какая-то часть, — ответил мужчина и принялся есть — аккуратно, тщательно и с явным удовольствием.

Холлис поймала взгляд англичанина, наткнувшегося на нее в переулке. Темные волосы, очень короткая стрижка — вероятно, попытка

стилистически изобразить преждевременную мужскую лысину… Интересный молодой человек, подумала журналистка. Привлекательный, в отличной форме и, должно быть, занятный. Она могла бы увлечься, не окажись незнакомец международным правонарушителем, террористом, пиратом непонятного статуса. Или на кого там работает Бобби? Мультикультурные преступники. Мечтательного вида парнишка в черном, невнятной национальности, но, трудно сказать почему, определенно не американец. Солидный мужчина — уж этот явно смахивал на американца, только слегка старомодного. Из тех, что заправляли, когда в Штатах солидные люди еще стояли у руля.

— Идите ко мне, — пригласил мистер Симпатичный Злоумышленник в Отличной Форме, указывая на стул возле себя по ту сторону стола.

Мужчина постарше жестом (рот у него был набит) отпустил свою соседку. Она взяла тарелку и обошла стол кругом, по дороге обратив внимание на квадратную пластиковую коробку желтого цвета без особых примет, если не считать трех коротких черных антенн, чуть разных по длине, тумблера и красного индикатора. Прибор неизвестного назначения был включен. Холлис

опустила тарелку на стол и присела рядом.

— Гаррет, — представился молодой человек.

— Я думала, здесь не называют имен.

— Фамилий, — поправил он. — Но это мое настоящее… По крайней мере одно из них.

— Что вы делали, Гаррет, пока не взялись за то, чем теперь занимаетесь?

Молодой человек поразмыслил.

— Я увлекался экстремальными видами спорта. В итоге — больница. Ясное дело, штрафы, самая малость в камере… Работал на киностудии с реквизитом, выполнял заодно кое-какие трюки. А вы что делали, — он поднял брови, — между «Такой быть сложно» и тем, чем теперь занимаетесь?

— Неудачно играла на фондовой бирже. Вкладывала деньги в музыкальный магазин своего приятеля… Как понимать — «экстремальные виды спорта»?

— В основном — прыжки ЗАЛПом.

— Залпом?

— Это акроним. З — означает здание, А — антенна, Л — ландшафтные образования вроде скал, П — пролет, в смысле «мост», «арка», «купол»… Получается — ЗАЛП.

— Где находится самое высокое место, откуда вы прыгали?

— Этого не скажу, — ответил он. — Боюсь, вы станете рыться в «Гугле».

— А что, можно просто так набрать «Гаррет» и «прыжки ЗАЛПом»?

— Я взял спортивный псевдоним. — Молодой человек оторвал от подгоревшей с виду индийской лепешки наан длинную полоску, скатал ее и обмакнул в остатки панира.

— Надо было и мне использовать сценическое имя.

— Вон там стоит Тито, — собеседник указал на парня в черном, — он видел ваш постер на площади Святого Марка.

— Это тоже спортивный псевдоним?

— По-моему, это его единственное имя. У парня много родни, но я ни разу не слышал ни одной фамилии. — Он промокнул губы бумажной салфеткой и спросил: — Вы еще не думаете обзаводиться детьми?

— О чем я не думаю?

— Простите, может быть, вы беременны?

— Нет.

— Что скажете, если придется подставиться под определенную дозу радиации? Не будем уточнять, но это не чересчур много… Наверное. Опасность, конечно, есть. Однако не слишком

серьезная.

— Вы пошутили, правда?

— Нет.

— И даже не знаете дозу?

— Пара серьезных рентгеновских лучей. Это если все пройдет как по маслу. Если же, против нашего ожидания, возникнут сложности, облучение будет выше.

— Какие сложности?

— Трудно объяснить. И вообще вряд ли они возникнут.

— Почему вы меня спросили?

— Потому что вот он, — Гаррет показал на старшего мужчину, — хочет, чтобы вы присутствовали при том, что мы собираемся сделать. Как я уже сказал, определенный риск есть.

— Да, меня пригласили. Вас это не удивляет?

— Честно говоря, нет. Он принимает решения по ходу дела и до сих пор большей частью был прав. Я скорее ошеломлен тем, кто вы такая, если вам понятно, о чем речь. Надо же, Холлис Генри. Никогда бы не поверил. Но раз уж вы здесь, добро пожаловать. Надеюсь, вы не станете меня отвлекать или закатывать истерики. Он считает, это не в вашем характере. Я в этом не уверен. Однако нельзя было не спросить вас про радиацию. В

случае чего не хочу брать лишний груз на свою совесть.

— А мне не придется прыгать с высоты?

Инчмэйл однажды описывал стокгольмский синдром, ту нежность и преданность, которые даже самый жестокий террорист якобы может внушить своей жертве. «А вдруг и со мной происходит что-нибудь в этом роде?» — промелькнуло в голове журналистки. Рег полагал, что после рокового дня под кодом «девять-одиннадцать» Америка прониклась стокгольмским синдромом по отношению к собственному правительству. Впрочем, если бы у Холлис и развилась подобная болезнь, то скорее от Бигенда, нежели от этих троих. Уж он-то, твердил ей внутренний голос, нагонял бесконечно больше суеверного страха (исключая Бобби, конечно, но тот не тянул теперь даже на роль статиста в разыгравшемся спектакле, а не то что на похитителя).

— Нет, не придется, — ответил Гаррет. — Да и мне тоже.

Холлис нервно сморгнула.

— Когда все начинается?

— Сегодня.

— Что, уже?

— Как только пробьет полночь. Секунда в

секунду. Но подготовка на месте потребует времени. — Он посмотрел на часы. — Отправляемся в десять. Мне осталось кое-что доделать, потом немного позанимаюсь йогой.

Журналистка внимательно посмотрела на собеседника. Еще ни разу в жизни с ней не случалось такого, чтобы собираться куда-то — и не представлять себе куда и зачем, и что будет дальше, хотя бы в следующую минуту. Оставалось надеяться, что «следующая минута» не станет последней, что «дальше» все-таки наступит. Однако в этом странном месте все было так необычно, что Холлис просто не хватило времени как следует испугаться.

— Передайте ему, что я в игре, — сказала она. — Согласна на все условия, так и скажите. Еду с вами.

Глава 72

Горизонт событий

— А эта куртка, которую ты надевал в Нью-Йорке, для вертолета… — начал старик, расхаживая вокруг Тито, облачившегося в новую черную рубашку с капюшоном, поданную Гарретом.

— Она у меня, — сказал Тито.

— Надень поверх рубашки. А вот тебе каска.

Тито примерил желтый рабочий шлем, снял его, поправил белый пластиковый обод внутри, надел снова.

— Куртку и каску, само собой, «потеряй» на обратном пути. Теперь давай сюда права. Помнишь свое имя?

— Рамон Алькин. — Тито вытащил права из бумажника и протянул старику, а тот вручил ему прозрачный пакетик с телефоном, парой пластиковых карточек и латексными перчатками.

— Само собой, никаких отпечатков пальцев ни на контейнере, ни на магнитах. Остаешься Рамоном Алькином. Здесь водительские права для Альберты и карточка гражданства. Фикция, не документы. Серьезной проверки не выдержат. А телефон настроен на быстрый набор одного из наших номеров.

Тито кивнул.

— Человек, с которым ты встретишься в «Принстоне», достанет нашейный пропуск на имя Рамона Алькина с твоей фотографией. Тоже не выдержит ни одной проверки, но пусть его хотя бы видят.

— Что такое «Альберта»?

— Провинция. Штат. В Канаде. Значит, этот самый человек припаркуется к западу от гостиницы, на Пауэлл-стрит, в большом черном пикапе с крытым кузовом. Крупный такой мужчина, тяжелый, с темной окладистой бородой. Спрячет тебя под навесом и провезет в контейнерный терминал: он там работает. Если тебя найдут, вы друг друга не знаете. Конечно, будем от всей души надеяться, что этого не случится. А теперь еще раз посмотрим карты: где остановится пикап, где стоит наш контейнер. Если уже на обратной дороге угодишь в руки охраны, вначале избавься от телефона, потом от пропуска и документов. Изображай замешательство. Притворись, что плохо говоришь по-английски. Безусловно, тебе придется несладко, но им все равно не разнюхать, чем ты там занимался. Говори: дескать, пришел искать работу. Попадешь под арест за незаконное проникновение в чужие владения, потом сядешь в тюрьму за нарушение законов об иммиграции. Мы сделаем все, что возможно. Ну и твои родные тоже, разумеется. — Он протянул Тито еще один пакет, на сей раз — с пачкой сильно потрепанных купюр. — Это на случай, если ты выберешься, но по какой-либо причине не сможешь выйти на связь. Тогда постарайся не «светиться» и обратись

за подмогой к родным. Ты знаешь как.

Мужчина в черной рубашке снова кивнул. Старик явно разбирался в тонкостях протокола.

— Простите, — начал Тито по-русски, — можно спросить об отце? Как он погиб? Мне почти ничего не известно. Говорят, он работал на вас.

Старик помрачнел.

— Твоего отца застрелили, — ответил он по-испански. — Мужчина, который это сделал, агент ДГИ, страдал параноидальным бредом. Он был уверен, что твой отец посылает отчеты напрямую Фиделю Кастро. Вообще-то они отправлялись мне, но это никак не связано с беспочвенными подозрениями убийцы. — Старик посмотрел Тито в лицо. — Я очень ценил нашу дружбу, иначе придумал бы, как тебя обмануть. Придал бы его смерти некий высший смысл. Однако для твоего отца истина была превыше всего. Вскоре убийца и сам погиб; это случилось во время пьяной драки, но мы полагаем, что дело не обошлось без агентов ДГИ, окончательно убедившихся в его психической неуравновешенности и неблагонадежности.

Мужчина поморгал.

— Тебе пришлось нелегко в жизни, Тито. Опять же, болезнь матери… Твои дяди обеспечат ей

самый лучший уход и заботу. Если бы не они, я бы сам это сделал.

— Это все запястья, — жаловался Гаррет, покуда Тито помогал ему нести чемодан «Пеликан» к фургону. — Сегодня, после драки с той сволочью, не могу напрягаться в полную силу.

— А что там? — спросил его спутник, намеренно поступая против протокола.

— В основном свинец, — ответил Гаррет. — Почти сплошная свинцовая глыба, вот что.

Старик сидел рядом с Бобби и тихо уговаривал, успокаивал его. А Тито слушал. Бобби уже не напоминал ему больную мать; их страхи словно принадлежали разным частотам. Было похоже, что молодой человек по собственной воле позволил беспокойству захлестнуть себя, причем с большой охотой; ведь это давало возможность переложить ответственность на других, пытаться манипулировать людьми. В то время как страх, овладевший матерью после падения Башен, походил на глубокую и непрерывную вибрацию, еле ощутимый резонанс, который исподволь разрушал основы ее личности.

Тито посмотрел на темное окно в потолке и попробовал представить себе, что находится в

Нью-Йорке. Это грузовики громыхают металлом на Канал-стрит, внушал он себе. А в недрах города проносятся поезда; мчатся по лабиринтам, схемы которых с такой дотошностью перечерчивала его семья, пока в каком-то смысле не породнилась с ними. С каждым углом платформы, с каждой веткой и линией, с замками на дверях служебных помещений, хранилищ и инструментальных шкафчиков. О, это был целый театр, готовая сцена для исчезновений и появлений.

Очевидно, и Тито чертил эти карты, однако сегодня ему было трудно в это поверить. Ведь и русские голоса, звучавшие с плазменного экрана «Сони», давно уже казались чужими.

— Холлис, — представилась женщина и протянула ему руку. — Гаррет сказал, что вас зовут Тито.

Была в ней какая-то упрощенная красота. Глядя на новую знакомую, Тито понял, почему ее внешность растиражировали на постеры.

— Вы подружка Бобби? — спросил он.

— Вообще-то мы не очень близко знакомы. А вы давно его знаете? — Она кивнула на Гаррета, раздевшегося до черных кальсон и майки, чтобы заняться асанами на выметенном участке пола.

Тито покосился в ту же сторону и ответил:

— Нет.

Старик читал сайт новостей на компьютере.

Тито и Бобби уже отнесли вниз все нужное: длинный серый чемодан, складную ручную тележку из алюминия, обмотанную эластичными жгутами, черный штатив для фотокамеры и толстый костюм из парусины.

— Ну что ж, мы уходим, — сообщил Гаррет.

Старик по очереди пожал им руки, а затем протянул ладонь женщине.

— Чрезвычайно рад, что мы с вами пришли к соглашению, мисс Генри.

Та на рукопожатие ответила, однако не проронила ни слова.

Тито, обмотанный под рубашкой — от запястий до подмышек — шестьюдесятью футами альпинистской веревки из черного нейлона; с магнитами, висящими спереди на поясе джинсов, с черной защитной маской, оттопырившей боковой карман зеленой крутки, и с желтой каской в руке, пошел вниз первым.

Глава 73

Войска специального назначения

Ночная поездка в какое-то незнакомое прежде место, в фургоне с двумя мужчинами, с оборудованием, напоминала ей первые годы «Кёфью», только без Хайди Гайд, которая всегда хотела вести сама и могла бы, если придется, загрузить машину в одиночку.

Теперь за рулем сидел Гаррет. Пятьдесят километров в час — идеальная скорость для промышленного малообеспеченного района. Ровное движение, продуманные остановки. Плавный разгон. Образцовый водитель; такого никто не остановит за нарушение правил.

Тито сидел позади, стараясь держаться как можно дальше от черного чемодана, и покачивал головой в такт никому не слышной мелодии у себя в наушниках от белого айпода. Вид у мужчины был отрешенный, как у ребенка, которого надолго поставили в угол. Зачем ему велели обмотаться черной веревкой? (Холлис казалось, что это ужасно неудобно. Впрочем, по его виду нельзя было сказать ничего определенного.) Немногим раньше Тито продемонстрировал один хитроумный прием: завязывал узел вокруг стойки, затягивал чуть ли не намертво, потом отходил

и, встряхнув веревку, мгновенно его распускал. Этот фокус он проделал три раза подряд. Холлис так и не могла уследить за его руками. Тито и в спокойном состоянии был довольно миловиден, почти как девушка, но если уж начинал целеустремленно двигаться, то превращался в настоящего красавца.

В чем бы ни заключался его секрет, Холлис точно знала, что именно этого ей всегда недоставало. Тут-то и была ее сценическая ахиллесова пята. Однажды Инчмэйл, думая хоть как-то изменить положение, послал солистку на Хакни-стрит к учителю пластики, французу. Тот обещал научить ее развязной мужской походке: дескать, она придаст певице нужную мощь. В конце концов Холлис весьма порадовала своего наставника, но потом и не думала применять полученный навык на сцене. В тот единственный раз, когда она (предварительно слегка приняв на грудь) показала усвоенную походку Инчмэйлу, тот объявил, что не стоило и выбрасывать такие деньги за вторую Хайди.

Гаррет вырулил направо, на главную улицу, ведущую на восток. Одноэтажный розничный магазин, прокат автомобилей, лавка с мебелью для закусочных… Через несколько кварталов он

повернул налево. Фургон покатил вниз по склону, некогда застроенному деревянными каркасными домами. Некоторые из них еще сохранились, но стояли с неосвещенными окнами, покрашенные в темный цвет, без отделки. Бессмысленные фишки в играх с недвижимостью. Поблизости располагались мелкие предприятия, магазины автомобильных запчастей и фабрика пластмассовых изделий. Клочки земли, поросшие сорной травой, когда-то представлявшие собой лужайки, дряхлые фруктовые деревья с искривленными стволами. Редкие случайные машины, и ни единого пешехода. Гаррет посмотрел на часы, выехал на обочину, выключил фары и заглушил мотор.

— Как вы ввязались в эту историю? — спросила Холлис, не поворачиваясь.

— Услышал, что где-то нужен человек с определенными навыками, — ответил Гаррет. — А у меня был друг из SAS[445], еще один фанат ЗАЛПа. Мы вместе прыгали в Гонконге. Вообще-то сначала вышли на него, только он отказался. Тогда я прилетел в Лондон и по его рекомендации увиделся с нужными людьми. У меня в голове не укладывается, но парень заявился на встречу в

---

[445] Примечания: 445
Парашютно-десантные части особого назначения.

галстуке. Вот ведь гад. Умереть можно. Оказалось, это был его клубный галстук. Единственный. Клуб спецназа, вот куда мы пошли. Я даже не знал, что такой существует.

— И как он выглядел? В смысле, галстук?

— Черно-зеленый, в узкую косую полоску. — Холлис ощутила на себе взгляд собеседника. — А сам приятель отсиживался в уединенном уголке.

Поняв, что речь идет о старике, она продолжала смотреть в окно, хотя почти ничего не видела.

— Он представил меня и тут же ушел. А мне досталась чашка ужасного кофе. Британского кофе, старой школы. Я подготовил целый список вопросов, но не смог задать ни одного. Только отвечал. Все смахивало на какой-то безумный, перевернутый с ног на голову сценарий. Этот американский старикан в костюме, который купил где-нибудь на Савил-Роу[446] и, наверно, еще в шестидесятых, он сидел и задавал свои вопросы. А сам подливал свой мерзкий кофе. В этом клубе он был как у себя дома. Крохотный знак отличия на лацкане, ленточка от какой-то медали, не крупнее желатинового квадратика ЛСД. — Мужчина тряхнул головой. — Можно

---

[446] Примечания: 446

Улица в Лондоне, где расположены ателье дорогих мужских портных.

сказать, что я подсел. — Он улыбнулся.

— Как я понимаю, — произнесла Холлис, — есть вещи, о которых здесь нельзя спрашивать?

— Почему же. Я ведь не обязан отвечать.

— Зачем ему это нужно? Ну, то… о чем мы толкуем.

— Когда-то он служил в органах национальной безопасности, работал на американское правительство. Был кадровым офицером. Ушел в отставку. А через несколько лет грянуло одиннадцатое сентября. Если честно, по-моему, с тех пор он чуточку тронулся. Больная тема, поэтому при нем ее лучше не поднимать. Сразу доходит до белого каления. Похоже, у старика в свое время были огромные связи. Друзья-приятели повсюду, где только можно. И многие точно так же заводятся, особенно если он затеет разговор. Старая гвардия призраков. Большинство в отставке, кое-кто не совсем, других скоро выкинут.

— То есть, получается, он не один такой?

— Да нет. Сказать по совести, мне удобнее думать, что старик с причудами. Может, и они тоже так рассуждают, но это не мешает оказывать ему помощь, в том числе финансовую. Иногда не верится, как многого можно добиться, имея тугой кошелек и развязанные руки. На самом деле

старик умнее любого из моих знакомых, просто у него свои «пунктики», вопросы, которых лучше не касаться. К примеру — и это важно, — не стоит говорить о тех, кто наживается на войне в Ираке. Старик накопал разных сведений, ему известно, как это делается. Связи есть, а он держит нос по ветру, слушает, сопоставляет…

— Чего ради?

— Честно? Да чтобы оттрахать мерзавцев. Выше крыши. По полной программе. И желательно сбоку. Нравятся ему такие развлечения, для них и живет.

— А кто эти люди?

— Я-то не в курсе. Он сказал, так будет лучше. И еще, что я все равно никого не знаю, даже имен их никогда не слышал.

— У нас с ним был разговор об отмывании денег, о пересылке наличных в Ирак.

— Ну да, верно. — Гаррет посмотрел на часы и повернул ключ зажигания. — В этот раз мы здорово их достали. Любит он поиграть в кошки-мышки, просто хлебом не корми. — Мужчина улыбнулся. — И еще — притворяться мышкой.

— А по-моему, вам тоже интересно.

— Конечно. Само собой. У меня слишком специфический набор умений и навыков, в обычной

жизни его и наполовину не востребуют. К тому же я скоро выйду из нужного возраста. Сказать по-честному, как бы уже не вышел. Вот зачем с нами Тито: главным образом он наш запасной козырь.

Автомобиль свернул налево, потом направо и замер у светофора, готовясь выехать на более оживленную улицу. Гаррет потянулся назад и хлопнул по спинке сиденья:

— Тито! Приготовься!

Тот вытащил из-под капюшона рубашки белые наушники.

— Да?

— Скоро гостиница. Подъезжаем. Поменяйся с дамой местами, ты выходишь с другой стороны. Он припаркуется почти возле са́мого крыльца и будет ждать тебя.

— Ладно, — сказал Тито и вставил наушники от айпода обратно.

Холлис показалось, будто рядом с ней — посерьезневший пятнадцатилетний подросток.

Глава 74

Согласно указаниям

Милгрим раздумывал, не предложить ли Брауну «Райз», когда вдруг заметил НУ, идущего по тротуару.

Машина ехала на восток; судя по направлению, мужчины возвращались к «Принстону», но скорее всего их ожидала очередная сессия Wi-Fi, любезно предоставленная владельцем «CyndiNet».

Все здания на улице были обращены тылом к порту. Наверняка из их задних окон открывался вид на залитые светом прожекторов ящики, в частности, на бирюзовый контейнер, так растревоживший Брауна.

Милгрим понимал, что на самом деле не собирается предлагать ему «Райз», хотя в нынешнем положении это могло бы прийтись кстати. Браун то и дело бормотал себе под нос, а в промежутках было заметно, как двигаются его желваки. Время от времени — впрочем, довольно редко, — Милгрим делился транквилизаторами с «гражданскими», то есть не «подсевшими» людьми. Если, конечно, видел в этом особую нужду и сам обладал солидным запасом. В таких случаях он показывал аптечный рецепт (всегда нужно

иметь при себе несколько штук) и объяснял, что наркотик совершенно безопасен, главное — принимать его согласно указаниям. Правда, не уточнял чьим.

Сегодня его спутник выглядел как никогда растерянным, напряженным.

Браун вошел в его жизнь за неделю до Рождества, на Мэдисон-авеню — солидная фигура, затянутая в ту же черную кожаную куртку, что и сегодня. Ладонь на плече. На миг мелькнувший перед глазами жетон.

— Пройдите со мной.

Вот и все. Они очутились в машине — вполне возможно, в этой же самой. Неулыбчивый моложавый мужчина за рулем был в вязаном галстуке с изображением долговязого Гуфи в наряде Санта Клауса.

Две недели спустя мужчины ели сандвичи за столиком у окна в закусочной на Бродвее, когда мимо торопливым шагом прошел НУ в черной кожаной шляпе с загнутыми спереди полями.

И вот он явился снова, этот НУ, но на этот раз — в короткой ярко-зеленой куртке, с желтым строительным шлемом под мышкой. Работяга, отправляющийся в ночную смену, с внешностью помолодевшего Джонни Деппа. Отчего-то Мил-

грима потрясло это зрелище. Он словно вернулся домой на минуту.

— Это НУ, — сказал он, указывая пальцем.

— Что? Где?

— Вон там. Зеленая куртка. Это он, да?

Вытянув шею, Браун ударил по тормозам и на полном ходу вылетел на встречную полосу.

Милгрим успел увидеть, как отчаянно визжащая девушка на пассажирском сиденьи автомобиля, затормозившего перед бампером, выставила средний палец.

Он успел увидеть, как изумленно расширились при виде «форда» мальчишеские глаза НУ.

Он успел заметить, как однообразен бежевый кирпич гостиницы «Принстон».

Он успел увидеть, как НУ совершил нечто совершенно невероятное: прянул в воздух, поджав колени, и прыгнул через голову; а «таурус» с Милгримом пролетели то место, которое НУ занимал секунду назад. Бампер ударился во что-то совсем другое. Между пассажиром и приборной доской невесть откуда возникла какая-то бледная твердая штука, словно большая игрушка, наполненная вместо ваты бетоном.

В автомобиле завыла сигнализация.

Он замер и больше не тронулся с места.

Опустив глаза, Милгрим увидел у себя на коленях некий предмет и поднял его.

Зеркало заднего вида.

Ужасная бледная и твердая штуковина, больно ударившая по лицу, понемногу сдувалась. Мужчина проткнул ее ручкой от зеркала.

— А-а, — протянул он. — Аварийная подушка.

И повернулся влево, на звук распахнувшейся дверцы. Не успевшая сдуться подушка водителя венчала рулевую колонку подобно зловещему и непонятному аппарату на витрине ортопедического магазина. Браун отбросил ее бессильным, но злым ударом. И встал на дрожащих ногах, держась за открытую дверцу.

Послышался рев сирены.

Милгрим смотрел на его лэптоп, застрявший между сиденьями в черной нейлоновой сумке. Потом увидел собственную руку: она расстегнула молнию на боковом кармане, полезла внутрь и достала несколько упаковок с таблетками. Затем опять поглядел наружу, поверх сдувающейся подушки. Браун, повредивший во время аварии ногу, неуклюже допрыгал до ближайшего мусорного контейнера, достал из куртки пистолет Ящера и стремительно сунул его под крышку на пружинах. Уже спокойнее поковылял обратно

к машине, остановился и оперся на загадочно сморщенный капот. Взгляды мужчин встретились. Браун махнул рукой: мол, вылезай скорее.

Милгрим отрешенно напомнил своей храброй руке убрать лекарство в карман.

Оказалось, дверцу заклинило, но потом она отскочила, и мужчина едва не выпал на тротуар. Из «Принстона» повалила толпа. Замелькали бейсболки и непромокаемые плащи. И прически, как на рок-концерте.

— Давай сюда, — приказал Браун, держа ладони на капоте и пытаясь не давить своим весом на пострадавшую ногу.

С востока быстро приближались машины с мигалками.

— Ну нет, — произнес Милгрим. — Извините.

И, развернувшись, быстро как только мог, пошагал на запад. Он шел и думал: вот-вот на плечо опустится чья-то ладонь.

Мужчина услышал, как захлебнулись и умолкли сирены. Увидел собственную тень, заплясавшую в зареве красных отблесков.

Его рука нащупала упаковку в куртке «Jos. A. Banks» и выдавила одну таблетку. Милгрим не то чтобы одобрил ее решение, но все же заставил себя проглотить дозу всухую: не болтаться же

лекарству в кармане просто так. Впереди белели полоски пешеходного перехода. В эту секунду светофор поменял сигнал, и мужчина двинулся через дорогу, не отрывая пристального взгляда от маленького, ярко подсвеченного человечка на той стороне.

Потом он поднялся по склону туда, где начинали сгущаться сумерки. Где-то вдали затихали гудки покалеченного «форда-таурус».

— Извините, — повторил Милгрим на ходу, обращаясь к темным силуэтам домов.

Беспокойная, умная рука похлопывала карманы, пересчитывая запасы. «Райз». Новый бумажник, пустой. Зубная паста. Зубная щетка. Пластмассовая бритва в куске туалетной бумаги. Милгрим остановился и оглянулся вниз, на дорогу, где Браун пытался прикончить НУ. Беглецу хотелось теперь очутиться снова в «Бест Вестерн» и глядеть в потолок. Включить бы какой-нибудь старый фильм по телевизору, только без звука. Лишь бы ловить краем глаза какое-нибудь движение, словно завел себе домашнего питомца.

Милгрим побрел дальше, чувствуя на себе мертвенные рыбьи взгляды старых домов. Сутулясь под бременем наступающей темноты и тишины, от которых веяло давно забытым уютом.

Но вдруг перед глазами словно ниоткуда возникли высотные здания другой улицы, другого, лучшего мира, во всей зловещей торжественности, какой обладает серьезная галлюцинация. Вот украшенная золотыми листьями, будто светящаяся изнутри вывеска табачной лавки; за ней универсальный магазин, и так далее. В эту самую заветную минуту близость мрачных и темных домов явилась ему во всей своей интимной откровенности.

Тут он увидел, как опустилась и плавно повернулась камера на конце металлического крана, и понял, что забрел внутрь декорации, сооруженной среди невидимых черных руин какого-то выпотрошенного завода.

— Извините, — пробормотал мужчина.

Шагая прочь мимо грузовых фургонов и девушек с переговорными рациями, он остановился почесать лодыжку, наклонился и нащупал у себя в носке сто пятьдесят канадских долларов, оставшихся после похода за наркотой.

Более того: оказалось, его другая, не самая умная рука сжимала книгу.

Милгрим распрямился и прижался к ней щекой. Его захлестнула волна благодарности. Ведь там, под истрепанной бумажной обложкой, жи-

ли пейзажи, герои, образы. Бородатые еретики в расчудесно украшенных нарядах, пошитых из крестьянских обносок. Деревья, похожие на мертвые веточки.

Милгрим обернулся на загадочно мерцающие декорации.

Браун уже наверняка в участке, объясняется с полицейскими.

В гостинице «Принстон» должны быть сандвичи с «кока-колой»; полученной сдачи хватит на билет на автобус, а может, и на такси. Потом он отыщет путь на запад, в самое сердце делового центра, найдет укрытие и, возможно, придумает, как действовать дальше.

— Квинтин, — произнес мужчина и тронулся вниз по склону в направлении «Принстона».

Квинтин по профессии портной. Основатель секты либертинцев. В тысяча пятьсот сорок седьмом году сожжен на костре за совращение почтенных леди города Турнэ.

Странная история, думал Милгрим. Еще какая странная.

На ходу он кивнул девушкам с роскошно зачехленными рациями. Красоткам из мира, в котором легко прижился бы Квинтин.

Глава 75

Эй, приятель

Разведчик и охотник Ошоси «оседлал» Тито на пике переворота назад. Мужчина услышал, как серый автомобиль ударил фонарный столб, и в ту же секунду черные «адидасы» коснулись асфальта; как тут не спутать причину и следствие? Ориша быстро повлек Тито вперед, словно ребенок, который тащит куклу за руку. В голове словно раздулся гигантский пузырь, начавший давить на черепную коробку и ее содержимое. Мужчина хотел закричать, но холодные пальцы Ошоси, похожие на сырое и скользкое дерево, крепко сжали ему горло.

— Эй, приятель, — послышалось откуда-то. — Эй, все нормально?

Ошоси пронес его мимо голоса. В опутанной веревочными кольцами грудной клетке обезумевшей птицей билось и трепетало сердце.

Бородатый мужчина в темном, тепло одетый, огромный, словно медведь, торопился залезть в кабину гигантского пикапа. Тито ударил раскрытой ладонью по стенке кузова. Раздался гул.

— Какого черта? — яростно крикнул водитель, высунувшись из кабины.

— Ты здесь ради меня, — произнес Ошоси, и Тито увидел, как округлились глаза над черной бородой. — Открывай.

Мужчина странно побледнел и бросился трясти запор задней дверцы. Та резко раскрылась, Тито перевалился в салон через борт, уронив на пол желтую каску, и рухнул на огромный лист безупречно чистого коричневого картона. Послышался звук сирены.

Что-то ударило пассажира по руке. Кусок желтого пластика на желтом шнурке. Нашейный личный пропуск. Дверца из черного стеклопластика с гулом опустилась, и охотник Ошоси благополучно исчез. Тито застонал, еле подавив острый приступ тошноты.

Послышался стук запираемой водительской дверцы, мотор заревел, и пикап сорвался с места.

Преследователь с Юнион-сквер. Один из тех, кто гнался за Тито. Этот человек оказался здесь и только что пытался его убить.

Под кольцами туго затянутой веревки ныли ребра. Мужчина с трудом достал телефон из кармана джинсов, раскрыл его (какое облегчение — увидеть свет от экрана!) и набрал первый из

двух номеров.

— Да? — отозвался старик.

— Один из моих преследователей на Юнион-сквер…

— Он здесь?

— Пытался сбить меня машиной перед отелем. Врезался в столб. Полиция уже едет.

— Где он сейчас?

— Не знаю.

— А ты?

— В пикапе вашего друга.

— Не ранен?

— По-моему, нет.

Послышалось шипение, сигнал затих и совсем пропал.

При свете мерцающего экрана Тито огляделся: в кузове было пусто, если не считать рабочего шлема и личного пропуска в желтой рамке. Рамон Алькин. Заурядный снимок, неотличимый от любого другого. Мужчина надел шнурок через голову, закрыл телефон и перекатился на спину.

Полежал, перевел дыхание и начал осторожно потягиваться, проверяя, нет ли в теле вывихов и других повреждений. Откуда здесь взялся человек с Юнион-сквер? Неужели выследил? Этот жуткий взгляд сквозь ветровое стекло серой

машины… Тито впервые увидел приближение собственной смерти в чужих глазах. Отец погиб от рук сумасшедшего, как сказал старик.

Пикап остановился на светофоре, немного переждал, а затем повернул налево.

Тито перевел телефон в беззвучный режим и снова убрал его в боковой карман джинсов.

Автомобиль затормозил и съехал на обочину. Послышались голоса.

А потом они покатили дальше, грохоча колесами по железным решеткам.

Глава 76

Натурные съемки

Высадив Тито и проехав совсем недолго вдоль ряда из автомастерских и лавок корабельных снастей, Гаррет свернул направо, на парковочную стоянку рядом с каким-то высоким сооружением совершенно нездешних размеров. Автомобиль остановился возле шеренги новеньких мусорных баков. На их блестящих стенках красовались расплывчатые трафаретные отпечатки фотоснимков. Здесь явно попахивало коммерческим

искусством[447].

— Мы ищем натуру для съемок. — Гаррет достал из щели между сиденьями оранжевый картонный плакат с надписью «Работа над фильмом» и поставил его на приборную панель.

— А что за фильм?

— Пока без названия, — ответил мужчина. — Однако бюджет не очень убогий даже по меркам Голливуда.

Гаррет вышел наружу, Холлис последовала за ним.

И чуть не ахнула, увидев прямо перед собой, на расстоянии каких-то двенадцати футов, за сетчатым ограждением и железнодорожным полотном, залитые сиянием просторы порта. Прожекторы — как на стадионе во время концерта, только гораздо выше. В искусственном дневном освещении ей всегда мерещилось нечто зловещее. Ряды огромных бетонных цилиндров, плавно соединенных между собой, напоминали абстрактные скульптуры. Должно быть, зернохранилище, прикинула Холлис. Еще один, куда более продвинутый в техническом отношении

[447] Примечания: 447

Направление в изобразительном искусстве, представляющее материалы для рекламы, книг, газет и журналов в форме рисунков или чертежей.

ваятель сотворил поблизости гигантские, до странного призрачные черные резервуары, один из которых дымился подобно кипящему котлу, который вынесли на студеный воздух. А дальше, в недосягаемой вышине, двигались титанические крановые стрелы в стиле конструктивизма: женщина заметила их еще издали, по дороге к порту. Пространство между рельсовым полотном и крупномасштабными скульптурами заполняли геометрически правильные сооружения из рифленого металла, лишенные окон, и великое множество транспортной тары, расставленной рядами, словно кубики, уложенные необычайно прилежным и аккуратным ребенком. Холлис представился каркас контейнера Бобби, подвешенный прямо в небе, никому не видимый, точно покойный Ривер — создание Альберто — на тротуаре перед «Viper Room».

Казалось, это место, это мертвенное железное окружение, испускает собственный белый шум умопомрачительной амплитуды, воспринимаемый на уровне костного мозга. Достаточно провести здесь один-единственный день, и человек перестает его замечать.

Холлис повернулась и задрала голову, в очередной раз потрясенная невероятными размерами

— теперь уже размерами здания, у которого припарковала машину. Восемь необычайно высоких этажей, мало того — ширина и длина периметра заставляли предположить, что перед вами — массивный куб. Размах постройки напоминал об устаревших промышленных сооружениях Чикаго, поэтому в здешних краях смотрелся как-то чуждо.

— Сдаются внаем рабочие и жилые помещения, — сказал Гаррет, распахивая задние дверцы фургона. — Студийные павильоны.

Он достал алюминиевую тележку, развязал эластичные жгуты и привел ее в рабочую готовность. Затем вытащил из кузова и бережно положил рядом длинный серый чемодан. По наблюдениям Холлис, мужчина двигался не чересчур быстро; достаточно быстро, но именно не чересчур.

— Вы не против понести треножник и сумку? — Гаррет крепко обхватил черный чемодан и, негромко кряхтя, развернулся вместе с ним, чтобы опустить свою ношу на тележку; сверху он положил серый чемодан, а затем принялся оборачивать поклажу эластичными жгутами.

— А что там? — спросила Холлис, имея в виду сумку, после того как взяла под мышку сложенный треножник.

— Подзорная труба. И фартук.

Женщина подняла сумку.

— Тяжелый фартук.

Закрыв и заперев задние дверцы фургона, Гаррет наклонился и взялся за ручки тележки.

Холлис оглянулась на шеренги контейнеров. Некоторые располагались так близко, что можно было прочесть надписи вроде: «YANG MING. CONTSHIP». Вспомнились пиратские истории Бигенда.

Гаррет вкатил тележку вверх по наклонному пандусу к двойным дверям, похожим на те, что были на фабрике Бобби, выбрал из связки нужный ключ и вставил его в замóк. Холлис поднялась следом; с каждым шагом тяжелая сумка била ее по колену.

Стоило им войти, как двери захлопнулись. Коричневая плитка на полу, белоснежные стены, яркое освещение. Мужчина воспользовался другим ключом, на этот раз воткнув его в стальную панель у лифта, после чего нажал на кнопку, и та загорелась. Широкие эмалированные двери быстро разъехались, открыв кабину размерами с комнату, стены которой были отделаны листами некрашеной фанеры.

— Солидная грузоподъемность, — одобритель-

но произнес Гаррет, закатывая тележку с двумя чемоданами.

Холлис опустила сумку на забрызганный краской пол и поставила рядом треножник. Спутник нажал на кнопку, двери съехались, и лифт поплыл вверх.

— Я в колледже любил вашу группу, — сообщил Гаррет. — Нет, и сейчас тоже люблю… Ну, вы понимаете.

— Спасибо.

— А почему вы распались?

— Музыкальные группы в чем-то похожи на семьи — по крайней мере лучшие из них. Не скажешь, почему некоторые браки держатся долго, а тем более — почему распадаются.

Кабина остановилась. Холлис опять ступила на коричневую плитку и пошла вслед за Гарретом по белому коридору.

— Вы здесь раньше бывали? — полюбопытствовала она.

— Нет. — Остановив тележку, мужчина снова достал ключи. — Я посылал одну подругу (она тут занята в кинобизнесе и знает, что сказать) договориться насчет аренды. Теперь все думают: мы готовимся к ночным натурным съемкам, ищем точки обзора. — Он повернул ключ в замке. — Но

мы их и в самом деле ищем, так что лучше скрестите пальцы.

Мужчина открыл дверь и втолкнул тележку в какое-то помещение. Холлис вошла за ним.

Гаррет нащупал выключатель. Белое пространство залило сияние галогенных светильников, похожих на нержавеющие прищепки на струнах, туго натянутых под потолком. Очевидно, здесь велись работы со стеклом. Массивные, толщиной с кулак, прозрачные листы с зелеными краями, некоторые размером с дверь, были сложены подобно музыкальным дискам на подставках из тусклых оцинкованных труб с косматой обивкой. Повсюду лежали кабельные короба из гофрированной фольги, фильтры «HEPA»[448], вытяжные вентиляторы. Вошедшая опустила сумку на верстак, поставила рядом штатив и почесалась под курткой, думая о вреде отходов шлифовки стекла.

— Извините, — промолвил Гаррет, поднимая треножник, — мне нужно поиграть в кинооператора. — Он подошел к широкому окну и быстро собрал штатив. — Пожалуйста, не могли бы вы открыть сумку и подать мне трубу?

---

[448] Примечания: 448
Высокоэффективный сухой воздушный фильтр.

Холлис так и сделала, обнаружив поверх ровных и толстых складок бледно-синего пластика нечто вроде усеченного серого телескопа. Гаррет установил прибор на треножнике, снял с объектива черную крышку и начал что-то подкручивать, приникнув глазом к окуляру. А потом присвистнул.

— Ой. Господи. Вот ведь блин! — Он еще раз присвистнул. — Прошу прощения.

— А что такое?

— Мы чуть не обломились. Вон там, на крыше. Смотрите.

Она прищурилась, глядя в окуляр.

Бирюзовый контейнер, казалось, парил над наклонной металлической крышей здания без окон. Похоже, он просто находился на самой вершине ряда других.

— Вот повезло бы нам, будь этот конек на фут повыше, — заметил Гаррет, склонившись над алюминиевой тележкой и отцепляя эластичные жгуты. — А мы-то и не подозревали.

Потом он бережно опустил на верстак рядом с сумкой длинный серый чемодан и вернулся к лежащей на полу тележке за его черным собратом. Опустился на колени, вынул из кармана куртки какой-то желтый прибор размером с айпод,

подержал его над крышкой, нажал на кнопку и поднес еще ближе, внимательно изучая показания на дисплее.

— Что это?

— Дозиметр. Русский. Из распроданных военных излишков. Отличное качество.

— И чем вы только что занимались?

— Измерял уровень радиации. Все в норме. — Мужчина улыбнулся ей, не вставая с колен.

Под его взглядом Холлис вдруг ощутила неловкость. Осмотревшись по сторонам, она заметила занавес из белого брезента, отгораживающий часть комнаты, и с наигранным интересом направилась туда. Когда журналистка частично расстегнула белую молнию, шестифутовый клапан свесился в сторону почти до пола, и ей удалось просунуть голову…

Прямо в чужую жизнь. Причем явно в женскую. На крохотном пространстве теснилось содержимое целой комнаты — кровать, комод с зеркалом, чемоданы, книжный шкаф, вешалка с одеждой. С полки на незваную гостью глазело чье-то детство в виде мягких зверей из акрилового меха. На краешке комода «Икея» стоял забытый бумажный стаканчик «Старбакс» под крышкой. Сквозь белый брезент лился молочный рассеянный свет.

Внезапно Холлис почувствовала себя виноватой. Она убрала голову и застегнула молнию.

Между тем Гаррет открыл длинный серый чемодан.

Внутри лежала винтовка. Или ее подобие, сошедшее с картины сюрреалиста. Замысловато расписанная ложа из тропической лиственной древесины отличалась какой-то биоморфностью, даже провокационностью, словно творение Макса Эрнста[449]. Ствол, похоже, из вороненой стали, как и прочие металлические части, был покрыт блестящим серым сплавом, наводящим на мысли об изысканных кухонных принадлежностях из Европы вроде скалки для теста «Кузинарт». Однако же каким-то непостижимым образом в удивительной вещи с первого взгляда угадывалось оружие. Винтовка с оптическим прицелом и странной подвеской под «кузинартовым» дулом.

Мужчина развернул мешочек из черной материи, внутри которого, казалось, был собственный пластиковый каркас.

— Это что? — спросила Холлис.

---

[449] Примечания: 449

Немецкий и французский художник. Примыкал к дадаизму, работал во Франции и США, выдвинувшись в число крупнейших представителей сюрреализма. Изобрел особую технику сюрреалистического коллажа, соединяя в больших сериях — романах-коллажах — фрагменты гравюр XIX в.

— Сюда попадут выскакивающие гильзы.

— Нет, я не об этом. — Она кивнула на винтовку.

— Калибр 0,30. Ствол с четырьмя нарезами.

— Старик сказал, что вы не собираетесь никого убивать.

За спиной у Гаррета располагалось окно, в котором слабо дымились черные резервуары жутковато хрупкого вида. Что, если он подстрелит один из них?

И тут зазвонил сотовый. Попятившись от мужчины, журналистка начала рыться в сумочке и наконец вытащила трубку с шифратором, качающимся на обрывке кабеля.

— Холлис Генри слушает.

— Олли ждет снаружи, — сообщил Бигенд.

Гаррет уставился на нее с черным патронташем в руке, будто принимал участие в неком эзотерическом траурном ритуале викторианских времен.

Холлис открыла рот, но так ничего и не произнесла.

— Мы потеряли вас, как только вы покинули машину, — продолжал Бигенд. — Она все еще на том же месте. А потом вы вновь объявились к северу от Кларк-драйв. Скажите, вы в безопас-

ности?

Гаррет вскинул голову и выгнул брови.

Женщина покосилась на качающийся шифратор, сообразив, что Памела и туда, похоже, вмонтировала одно из устройств GPS. Сволочи.

— У меня все отлично, — сказала она. — А вот Олли здесь явно не к месту.

— Отослать его?

— Да уж, пожалуйста. Иначе сделка отменяется.

— Идет, — обронил Бигенд и отключился.

Холлис закрыла телефон.

— Работа, — пояснила она.

— Да, раньше они не могли дозвониться, — ответил Гаррет. — Я включил специальный глушитель, еще когда поднимался с вами по лестнице. Это на случай, если бы вы пронесли на себе микрофон. А потом так и не вырубал его, пока мы не добрались до места. Надо было раньше предупредить, но у меня голова была другим забита. — Он указал на винтовку, покоящуюся на ложе из серого пенопласта.

— И что вы с ней намерены делать, Гаррет? Думаю, пора уже мне рассказать.

Он поднял винтовку. Та словно растеклась по рукам, и большой палец плавно вынырнул из

отверстия, как из воды.

— Будет всего девять выстрелов, — произнес мужчина. — Одиночных, с передергиванием затвора. В течение минуты. Отверстия ровно распределятся на сорока футах закаленной стали. На расстоянии одного фута от дна контейнера. Потому что ниже располагается внутренняя рама, нам ее не пробить. — Он посмотрел на часы. — А впрочем, что это я? Вы сами все увидите, не могу же я готовиться и рассказывать одновременно — по крайней мере в подробностях. Главное, он сказал вам чистую правду. Мы не собираемся ни в кого стрелять. — Гаррет положил винтовку обратно и присоединил к ней черный мешочек. — А вам пора надевать передник, — прибавил он, доставая из сумки и разворачивая во всю длину тяжелые складки бледно-синего пластика.

— Что это?

— Фартук рентгенолога. — Мужчина надел ей на шею синюю петлю, зашел сзади и, судя по звуку, застегнул обнову на липучку.

Холлис поглядела сверху вниз на синюю трубу без единого выступа, в которую превратилось ее тело, и поняла, почему ноша была такой тяжелой.

— А вы разве не наденете?

— Ну… — Гаррет достал из сумки нечто поменьше размером. — Мне хватит и «бабочки». — Он закрепил непонятную вещицу на шее, с каким-то наростом под подбородком. — Это для щитовидной железы. Между прочим, вы не против отключить телефон?

Холлис так и сделала.

Между тем Гаррет обматывал ствол винтовки черным нейлоном. Приглядевшись, журналистка заметила петли. Мужчина бросил взгляд на часы и еще раз проверил показания дозиметра, остановившись на этот раз посередине комнаты. Затем подошел к окну, разделенному стальной рамой на пять частей, из которых только две крайние могли открываться. Гаррет распахнул створку, ближайшую к углу (на Холлис повеяло прохладным ветерком с привкусом электричества).

— Три минуты, — произнес он. — Пошел.

Затем опустился на колени рядом с пластиковым черным чемоданом и раскрыл его. Достал трехдюймовый слиток тускло-серого свинца, положил на пол. В слитке, заполнявшем собой чемодан, было просверлено девять отверстий: пять в ряд, и чуть пониже — еще четыре. Орудуя левой рукой, мужчина вытащил из каждого отверстия по завернутому в пленку патрону, по

одному перекладывая их на правую ладонь. После чего поднялся, осторожно держа свою ношу, поспешил к верстаку и с глухим металлическим стуком пересыпал их на серый пенопласт. Потом развернул, поочередно вкладывая в черные нейлоновые петли, как это делают мексиканские бандиты в мультфильмах. И вновь посмотрел на часы:

— Без минуты полночь.

Затем, подняв винтовку, направил ее на стену. И шевельнул большим пальцем. На стене на мгновение появилась ярко-красная световая точка.

— Вы намерены стрелять по контейнеру.

Гаррет одобрительно хмыкнул.

— А что в нем?

Мужчина подошел к окну, бережно прижимая винтовку к своей груди. Обернулся на Холлис. Синяя маска для защиты щитовидной железы топорщилась у него на шее, будто неудачно пошитый ворот свитера.

— Сто миллионов долларов США. В транспортных поддонах глубиной около четырнадцати футов. В общем, чуть больше тонны сотенных купюр.

— Тогда зачем, — начала журналистка, — зачем

стрелять?

— Это «Ремингтон Силветип»[450]. С выдолбленной серединой.

Гаррет достал один из патронов и зарядил.

— В каждом спрятана брахитерапевтическая капсула. Такие используют при лечении рака; они локализуют действие злокачественной ткани, а здоровую не трогают. — Он в который раз посмотрел на часы. — Сначала готовят гильзы, потом вставляют капсулы. С высокорадиоактивными изотопами. — Мужчина встал к ней спиной и вскинул винтовку на плечо, высунув ствол из окна.

— В этих, например, содержится цезий, — донеслось до журналистки.

Тут со стороны порта послышался электрический звон сигнализации, и Гаррет передернул затвор. Выстрел, выброс гильзы, перезарядка, еще выстрел… Он действовал как машина, в удивительно плавном и четком ритме, покуда черные петли не опустели. В то же мгновение звон будто по волшебству оборвался и стих.

---

[450] Примечания: 450

«Ремингтон» — название огнестрельного оружия и боеприпасов производства компании «Ремингтон армс», г. Мадисон, штат Северная Каролина. Фирма — один из первых американских производителей оружия. «Силветип Икспэндин» — полуоболочечная пуля с колпачком из алюминиевого сплава.

Глава 77

Провисшая веревка

Guerreros вовсе не ждали его, когда он покинул темный кузов пикапа, моргая и щурясь от искусственного солнечного света. Вместо этого Тито ощутил присутствие Ошун, спокойное и ласковое, среди железа и грохота, среди сотен ревущих моторов и гигантских перемещающихся грузов.

Ошун позволила ему расслабиться, что было бы совершенно невозможно после встречи с тем сумасшедшим на серой машине и особенно после внезапного вмешательства Ошоси.

Стоя у края многолюдного прохода между рядами контейнеров, мужчина ослабил веревку на животе и принялся легонько покачиваться, чтобы та поскорее раскрутилась. Когда черные кольца уже лежали у ног, Тито поднял их и повесил через плечо. Затем, убедившись, что нашейный пропуск хорошо виден, выбрал из груды две закрытые, почти пустые банки с краской и пошел вперед, напустив на себя чуть более торопливый и озабоченный вид, чем у тех остальных, что суетились вокруг. На ходу он свернул к

рабочим машинам, грузоподъемникам и карете «скорой помощи».

Потом решил, что достаточно удалился, обогнул ряд тары и вернулся, по-прежнему шагая с видом человека, точно знающего, куда он идет.

Впрочем, так оно и было на самом деле, поскольку мужчина оказался в пятнадцати футах от ящика, который интересовал старика, именно в ту минуту, когда со всех сторон зазвенела сигнализация, возвещая начало полуночной смены.

Подняв глаза, он заметил в воздухе легкую рябь, стремительно пробежавшую вдоль бирюзового контейнера. Вспомнились атмосферные вихри на Юнион-сквер, устроенные по воле *guerreros.* Вот только здесь была иная причина.

Тито поставил банки с краской в сторону, так чтобы о них не споткнулись, достал из кармана латексные перчатки, надел их и приблизился к поставленным друг на друга трем контейнерам. Все они были расположены дверцами в одну и ту же сторону, как его и предупреждали. Мужчина вытащил черный респиратор и расчехлил его, после чего (спрятав чехол обратно в куртку) надел под рабочую каску и немного поправил на лице. Ошун пока не возражала.

Тито кивнул и посторонился, пропуская грузо-

подъемник.

Дверцы контейнеров были заперты на вертикальные стальные стержни с петлями и запечатаны при помощи ярлыков из металла и цветного пластика. Мужчина снял с пояса джинсов пластмассовый квадрат с парашютным тросом, надел его на шею и полез вверх, без труда прилипая подошвами «Адидасов GSG9» к окрашенной стали ящиков. Повинуясь внушениям Ошун, он карабкался так, словно это занятие доставляло ему невыразимое наслаждение, и думал только об одном: у него получится.

Из-под черного респиратора с шумом вырывались тяжелые вздохи. Тито не обращал внимания. Добравшись до влажной и скользкой крышки бирюзового контейнера, он быстро влез на нее и попятился прочь от края.

И вдруг опустился на корточки, весь сжавшись от странного ощущения, которое не мог описать словами. Богиня, портовый шум, старик, десяток раскрашенных дисков, висящих на шее подобно гладким печатям… Что-то должно было измениться. В целом мире или только в его жизни — этого мужчина не знал. Он закрыл глаза. И увидел синюю вазу, слабо мерцающую в тайнике на крыше.

«Прими это».

«Принимаю», — ответил он.

И, припадая к ящику, переместился к другому краю. На каждом углу, как рассказывал Гаррет, была надета скоба для скрепления контейнеров между собой. В одну такую скобу со стороны, дальней от океана, совсем не заметного из этой точки, Тито продел конец веревки. Затем передвинулся к противоположному краю, понемногу разматывая черные кольца, и привязал другой конец. Средняя часть соскользнула вниз и провисла. Оставалось надеяться, что мужчина правильно рассчитал эластичность нейлона. А веревка была надежная, страховочная.

«У меня получится», — пообещал он Ошун и спустился вниз, опасливо притормаживая боковыми сторонами «адидасов».

Медленно, прижимая ладони в перчатках к окрашенной стали, мужчина встал на веревке и слегка согнул колени. Между носками черных ботинок серел бетон, а прямо перед глазами оказалось первое пулевое отверстие, по краям которого ярко блестела сталь. Тито вытащил из пластикового конверта первый магнит и закрыл им след от выстрела. Раздался резкий щелчок, и диск прилепился к стенке, защемив перчатку.

Мужчина с большой осторожностью вызволил ладонь и вытащил оторванный кусочек латекса. Переместил сначала левую ногу, левую руку, затем правую ногу и правую руку. Закрыл второе отверстие, на сей раз внимательно следя за тем, чтобы перчатка не пострадала. Внизу, под ногами, проехал грузоподъемник.

Тито мысленно вернулся в день, когда он впервые передал старику айпод на Вашингтон-сквер, у шахматных столиков. Падал снег. Только сейчас мужчина осознал, как многое изменила та встреча, как в конечном итоге привела его сюда. Он приклеил третий магнит. И передвинулся. В памяти всплыл ужин с Алехандро. Четвертый диск с резким щелчком прилепился на место. Тито шагнул дальше. Пятый. Мимо прошли трое мужчин, их рабочие шлемы сверху напоминали круглые пластиковые кнопки, две красные и одну синюю. Тито стоял, прижав ладони к холодной стали. Шестой. Вспомнилась Юнион-сквер и уход от погони под наблюдением *guerreros*. Седьмой и восьмой магниты расположились на расстоянии одного фута. Щелк, щелк. Девятый.

Упираясь ногами в бирюзовую стену, Тито легко взобрался на крышку. Отвязал конец веревки, спустил его черными кольцами на бетон и со-

скользнул вниз. Потом стянул с лица душный респиратор, жадно глотнул прохладного неотфильтрованного воздуха и ловким движением развязал оставшийся на верху конец. Поймав упавшую веревку, быстро свернул ее и зашагал прочь.

Как только бирюзовый контейнер скрылся из вида, мужчина выбросил сумку с респиратором и веревкой в мусорный бак, а растерзанные перчатки оставил на буфере грузоподъемника. Зеленая куртка в мешке из-под цемента точно так же отправилась к портовым отбросам.

Натянув на голову черный капюшон от рубашки, Тито надел поверх него рабочую каску. Ошун бесследно пропала, оставив его в одиночку искать выход.

Мимо, на расстоянии сотни ярдов, неспешно прогромыхал дизельный локомотив с черно-белыми диагоналями на боку. Следом за ним тянулся ряд вагонов-платформ, на каждой из которых стояло по одному контейнеру.

Тито шел вперед, не останавливаясь.

* * *

Он почти уже выбрался, когда неизвестно откуда появился вертолет, обрушив на рельсы круг

яркого света, режущего глаза. На ходу прыгнув с поезда, мужчина десять минут плутал среди зарослей ежевики. Прежде он был уверен, что у него уйма времени и возможностей исполнить задание, и вот, пожалуйста: очутился на вершине шестифутового забора, в разодранных джинсах, словно мальчишка, и никаких следов Системы. Между тем вертолет взмыл в воздух и улетел — наверное, в сторону моря. А потом сделал круг. И вернулся. Прянув на землю с забора, Тито услышал, как затрещали многострадальные джинсы.

— Эй, чудик, — произнес чей-то голос, — ты чё, не в курсе? Там на каждом шагу понатыканы детекторы движения.

— Возвращается, — прибавил незнакомый парень, указывая в небо.

Тито вскочил и собрался было уносить ноги. Внезапно узкая парковая аллея содрогнулась и словно раскалилась добела, почти лишившись теней; вертолет завис над недавно позеленевшими кронами деревьев. В са́мом центре луча оказались Тито и еще трое мужчин. Двое из них, прислонив к спинке скамейки крупное электропианино, воспользовались свободными руками, чтобы показать вертолету средний палец. Третий держал на красном нейлоновом поводке белую

волкоподобную собаку.

— Игорь, — представился он, ухмыляясь. — Ну, как ты в целом, дружище?

— Рамон, — отозвался Тито, оставшись наконец в темноте.

— Не хочешь подсобить? Мы тут перебираемся в новую студию. С меня пиво.

— Конечно, — бросил Тито, зная, что ему пора выбираться с улицы.

— А ты, случаем, ни на чем не играешь, приятель? — полюбопытствовал Игорь.

— На клавишных, — ответил тот, и белая собака лизнула ему руку.

— Вот и чудненько, — подытожил новый знакомый.

Глава 78

Другая барабанщица

— Моя сумочка, — спохватилась Холлис на обратной дороге и заглянула за сиденье. — Сзади тоже нет. Может, отдали мусорщикам?

— Нет, я ее здесь видел, рядом со штативом.

Гаррет собирался отдать треножник приятелю, обустроившему для них мастерскую. Приятель

занимался фотографией, а штатив был очень хороший. Остальное перешло в руки «мусорщиков», подъехавших на стоянку в забрызганном бетоном пикапе и получивших деньги за то, чтобы поутру все улики стали частью фундамента под торговый центр.

— Очень жаль, — произнес молодой человек, — но мы не можем вернуться.

Холлис припомнила шифровальное устройство Бигенда — пропадет, и пусть его. А как же деньги Джимми?

— Ой.

Но вдруг она странным образом ощутила, что рада избавиться и от первого, и от второго. Пухлый конверт угнетал ее, в нем было нечто неправильное. Кроме телефона, шифратора, ключей от квартиры и «фаэтона», водительских прав и одинокой кредитки, вместе с сумочкой пропало лишь немного косметики, фонарик и несколько мятных леденцов. Да, точно: паспорт остался на квартире Бигенда.

— Видно, ее забрали по ошибке, — сказал Гаррет. — Но это была строго односторонняя сделка. Так что извините.

Может, сказать ему про следящую систему GPS? Ну нет, слишком долго объяснять.

— Ладно, не беспокойтесь.

— Ключи от автомобиля тоже были в сумочке? — спросил молодой человек, сворачивая с Кларк-стрит.

— Да. Я припарковалась вверх по улице, за углом, вот здесь, у мусорного бака, как раз у поворота на ваш…

Из маленькой голубой машины, остановившейся возле опаловой громады «фаэтона», появилась высокая фигура в черном.

— …Переулок, — закончила Холлис.

— Кто это?

— Хайди, — ответила журналистка. Проезжая мимо, она увидела, как по другую сторону автомобиля во весь рост распрямился бородатый мужчина; со времени их последней встречи он еще чуть-чуть облысел. — А это Инчмэйл.

— Рег Инчмэйл? Серьезно?

— Остановите здесь, за переулком, — попросила она.

Гаррет так и сделал.

— А что случилось?

— Не знаю, только лучше их увести отсюда. Не представляю, что вы еще задумали, но уверена, что-то есть. Надо уговорить их меня спасти. Кажется, они тут именно за этим.

— Вообще-то неплохая затея, — одобрил молодой человек.

— Как мне с вами связаться?

Он протянул телефон.

— Больше никому не звоните по этой трубке. Я сам объявлюсь, когда все более-менее уляжется.

— Ага.

Журналистка вылезла из кабины и помчалась назад навстречу Хайди Гайд, которая уверенно шагала к ней по тротуару в байкерской куртке. Судя по звукам за спиной, фургон покатил прочь.

— Ну, что за дела? — осведомилась Хайди, похлопывая по ладони трехфутовой дубиной, упакованной в оберточную бумагу.

— Делаем ноги, — на ходу обронила Холлис. — Давно приехала?

— Только что. — Барабанщица развернулась и пошла следом.

— А это как называется?

— Топорище.

— Зачем?

— На всякий случай.

Они приблизились к голубой машине.

— Вот она, собственной персоной, — промолвил Инчмэйл, не выпуская изо рта окурка небольшой сигары. — Где тебя черти носили?

— Рег, увези нас отсюда. Быстро.

— А вон тот красавец, — он указал на «фаэтон», — разве не твой?

— Да я ключи потеряла… Открой, пожалуйста, — сказала она, дергая заднюю дверцу. Та поддалась.

— Едем уже отсюда, — бросила Холлис, забираясь внутрь.

— Ваша сумочка, — сообщил Бигенд, — находится неподалеку от пересечения Мейн и Хейстингс. В данную минуту направляется к югу, в сторону Мейн. Очевидно, пешком.

— Значит, ее украли, — предположила журналистка. — Или нашли… Если попросить Олли привезти запасные ключи, как быстро он доберется?

В самом начале разговора она сказала, где находится. Иначе пришлось бы поволноваться.

— Почти сразу. Я знаю место. Это вблизи от квартиры. Там делают очень приличный «писо мохадо».

— Пусть привезет ключи. Мне сейчас не до баров. — Она захлопнула сотовый, вернула его Инчмэйлу. — Бигенд велел нам попробовать «писо мохадо».

Мужчина изогнул бровь.

— Ты когда-нибудь видела табличку «Осторожно, скользкий пол»?

— Рег, помолчи минутку. Мне надо подумать.

Если верить Бигенду, он отослал Олли по ее просьбе от жилого и офисного здания на Пауэлл-стрит незадолго до полуночи. Шифратор со встроенным блоком GPS оставался там не больше пятнадцати минут, после чего двинулся в западном направлении. Судя по скорости, на каком-то транспорте. По мнению Хьюберта, на автобусе, поскольку тот делал короткие остановки, причем не у светофоров. (Холлис представилось, как магнат наблюдает за этими перемещениями на огромном экране в собственном офисе. Весь мир как видеоигра.) Поначалу Бигенд предположил, что журналистка решила вернуться на квартиру, но потом сигнальный маяк отправился в пеший тур по самому, как заявил Олли, нищему району во всей стране…

Некий таинственный, но сильный внутренний голос нашептывал Холлис: она с охотой забудет как о пяти тысячах Джимми Карлайла, так и о чертовом шифраторе Бигенда.

— Дай телефон, — сказала она Инчмэйлу. — И карту «Виза».

Тот положил перед ней на стол свою трубку и

выудил из кармана бумажник.

— Если решила купить что-нибудь, возьми лучше «Амекс». Это на деловые расходы.

— Мне только номер посмотреть, — ответила Холлис. — Хочу позвонить насчет украденной карточки.

Олли приехал, когда журналистка решала вопрос с пропажей; это избавило их от долгих разговоров. Инчмэйл всегда умел отделываться от чужаков подобного сорта. Олли почти мгновенно исчез.

— Допивай, — сказала Холлис, кивая на бельгийское пиво перед Инчмэйлом. — А где Хайди?

— Кадрит бармена, — отмахнулся Рег.

Холлис высунула нос из белоснежной виниловой кабинки: бывшая барабанщица вела беседу с блондином у бара. Хорошо, что Инчмэйл убедил ее оставить упакованное топорище на сиденье взятой напрокат голубой «хонды».

— А что вы здесь делаете? То есть спасибо, конечно, за хлопоты, но как вы узнали, где меня искать?

— Ну, «Болларды» не явились на запись: оказалось, двое из них подхватили грипп. Тогда я стал названивать в «Синий муравей». Вообще-то номера даже нет в справочнике. Потом пропятился по

их корпоративной лестнице задом наперед к самому́ Бигенду, и тут он как на меня набросится!

— Почему?

— Хочет использовать «Такой быть сложно» в китайской рекламе автомобилей. Вернее, реклама-то всемирная, а машина китайская. Бигенд говорит, мол, давно не слышал этой песни, а встретил тебя — и вспомнил. Швейцарский режиссер, бюджет — пятнадцать миллионов долларов…

— И все — на рекламу машины?

— Надо же пустить пыль в глаза.

— Что ты ответил?

— Нет. А то как же! Самое подходящее начало беседы, правильно? Нет, и точка. А Бигенд продолжал соловьем разливаться, навешал мне на уши раскидистой лапши, дескать, он обеспокоен, дескать, ты пропала в Ванкувере вместе со служебным автомобилем и не объявляешься, прямо кино про Джеймса Бонда, и, дескать, почему бы мне не взять самолет «Синего муравья» минут через пятнадцать и не проверить, как ты там?

— И ты его послушал?

— Не сразу. Не люблю, когда со мной играют в кошки-мышки, а твой начальник — тот еще шулер.

Холлис кивнула.

— Я как раз обедал вместе с Хайди. Выложил ей все, она и клюнула. Разволновалась из-за тебя. Тут уж и я завелся. Хотя понимал, что ему только на руку, если мы явимся вдвоем, но почему не позволить себе небольшое безобидное приключение, да и Бигенд согласился взять нас обоих.

— Куда взять?

— В китайский рекламный ролик. Теперь от нас требуется переписать песню с другими словами. На стихи про китайский автомобиль. Но я уже подцепил паранойю от нашей дивной барабанщицы, которая вон там клеит парня. И вот мы с Хайди уже в машине, гоним в Бербанк[451]. По-моему, дольше добирались туда, чем летели к тебе. У меня в кармане был паспорт, у нее права, и больше никаких пожитков, только то, что на нас.

— Поэтому она себе купила топорище?

— Просто ей не понравился район, где стояла твоя машина. Я сказал, что нужно все правильно истолковывать, читать между строк, глубоко знать подтекст и что здесь не так уж опасно. Но Хайди не слушала — заскочила в первый же склад пиломатериалов и вооружилась. Мне-то ничего

---

[451] Примечания: 451

Город на юго-западе штата Калифорния, северный пригород Лос-Анджелеса.

не перепало.

— А тебе дубинка не пойдет. — Холлис полезла под куртку и принялась отчаянно чесать себе бока. — Скорее бы уже. Мне надо под душ. Сейчас я была в таком месте, где много отходов шлифованного стекла. И цезия.

— Цезия?

Она поднялась и взяла белые карточки, оставленные Олли.

Глава 79

Ловцы талантов

— Так откуда ты, говоришь, взялся? — спросил человек из фирмы Игоря, протягивая открытую бутылку пива.

Тито ничего такого не говорил, однако небрежно бросил в ответ:

— Нью-Джерси.

Добравшись до репетиционной студии, он успел связаться с Гарретом и сообщить ему, что работа выполнена, но самому ему этой ночью лучше держаться подальше от некой известной улицы. Правда, беглец умолчал о вертолете: внутренний голос подсказывал, что собеседнику и так

все известно.

Тито принял бутылку и прижался разгоряченным лбом к ее холодному стеклянному боку. Как же ему понравилось играть! Под конец — пусть и на несколько мгновений, но все-таки, — явились даже *guerreros.*

— Прикольно, — сказал мужчина. — И родные твои оттуда?

— Они в Нью-Йорке, — проронил Тито.

— Ага. — Собеседник кивнул и отхлебнул пива. — Прикольно.

Глава 80

Смертоносный монгольский червь

— Зал ожидания бизнес-класса в «Эйр Хрень»! — с восторгом объявил Инчмэйл, удобно устраиваясь посередине первого этажа на квартире Бигенда.

— Наверху еще спальня, не хуже, — похвастала Холлис. — Я вам покажу, только сначала помоюсь.

Хайди положила завернутое в бумагу топорище на стойку рядом с лэптопом.

— ’Оллис! — На вершине парящей стеклянной

лестницы появилась Одиль в безразмерном спортивном свитере. — Это Бобби, ты его найти?

— Вроде того. Долго рассказывать. Спускайся и познакомься с моими друзьями.

Француженка босиком сошла по ступеням.

— Рег Инчмэйл и Хайди Гайд. Одиль Ричард.

— *C&a va?* — спросила пришедшая, заметив топорище. — Что это?

— Подарок, — ответила Холлис. — Осталось найти, кого им осчастливить. Я в душ.

И она поднялась наверх.

Фигурка синего муравья по-прежнему стояла на своем месте, изготовившись к действию.

Холлис разделась, внимательно себя осмотрела, к счастью, не обнаружив никакой сыпи, и долго-долго старательно мылась под струями горячей воды.

Чем теперь заняты Гаррет и старший мужчина? Куда отправился Тито, когда его высадили? Почему сумочка — или по крайней мере шифратор Бигенда, — отрастив себе ноги, разгуливает по улице? А смертоносный монгольский червь — какую форму он примет сегодня? Этого журналистка не знала.

Неужели она и вправду видела, как облучают сто миллионов долларов при помощи гранул ме-

дицинского цезия? Видела, если Гаррет не врал. Хотя какой в этом смысл? Холлис намыливалась в третий раз, когда ее вдруг осенило.

Цезий нельзя отмыть. Никаким порошком. Значит, и деньги уже не отмоются.

Ей даже не пришло в голову задавать вопросы Гаррету, пока тот готовился покинуть мастерскую. Нет, правда, ни одного вопроса. Холлис чувствовала всем сердцем: нужно делать то же самое, что и он; делать, а не говорить об этом. Молодой человек очень сосредоточенно проверял каждый предмет дозиметром, стараясь ничего не забыть.

Она была совершенно уверена, что не оставила сумочку. Кто-то забрался в фургон, пока все четверо говорили с мусорщиками.

Холлис обтерлась полотенцем, оделась, убедилась, что паспорт на месте, и высушила волосы.

Когда она спустилась, Инчмэйл сидел на краю двадцатифутовой кушетки (цвет кожаной обивки очень близко напоминал оттенок сидений в «майбахе» бельгийского рекламного магната) и читал сообщения на своем телефоне. Хайди с Одиль удалились, казалось, на целый квартал — так обманывала игра светотени на полированном бетонном полу — и походили на человеческие

силуэты, которые нарочно рисуют на архитектурных чертежах для демонстрации масштаба.

— Опять твой Бигенд, — сообщил Рег, отрываясь от телефонного экрана.

— Это не мой Бигенд. Но будет твоим, если продашь ему права на «Такой быть сложно» для рекламы китайских машин.

— На это я, разумеется, пойти не могу.

— Из чисто художественных соображений?

— Просто нужно согласие всех троих: мое, твое, Хайди. У нас же совместные права, если помнишь.

— Лично мне без разницы, решай сам.

— С чего вдруг?

— Ты же до сих пор в бизнесе, до сих пор имеешь долю.

— Он хочет, чтобы ты это написала.

— Что написала?

— Изменила слова в песне.

— И сделала из нее рекламную заставку?

— Главную тему. Целый гимн. Под брендом постмодернизма.

— Это нашу «Такой быть сложно»? Издеваешься?

— Он меня завалил сообщениями, каждые полчаса достает. Решил припереть к стенке. От таких

людей меня просто тошнит. Честно.

Холлис пристально взглянула на него.

— А где смертоносный монгольский червь?

— Ты о чем?

— Не знаю, чего мне сейчас больше бояться. Помнишь, ты на гастролях рассказывал про смертоносного червя? Настолько ужасного, что его никто не может описать?

— Ну да, — подтвердил Инчмэйл. — Эта тварь не то плюется ядом, не то электрическими разрядами. — Он улыбнулся. — А может, гноем.

— И прячется в дюнах. Где-то в Монголии.

— Правильно.

— Так вот я приняла твой рассказ на вооружение. Червяк превратился в символ всех моих страхов. Мне кажется, он ярко-красный…

— Они правда ярко-красные, — вставил Инчмэйл. — Пурпурные. И без глаз. А тело толстое, как бедро ребенка.

— Теперь любой сильный страх, с которым я не могу справиться, обретает такую форму. День или два назад, в Лос-Анджелесе, Бигенд со своим журналом-призраком и эти жуткие странности, куда он сунул свой нос и затянул меня за собой, даже рассказать нельзя, — все это мне представлялось в виде смертоносного червя, который

прячется в дюнах.

Инчмэйл внимательно посмотрел на нее.

— Рад, что мы встретились.

— Я тоже, Рег, просто еще не опомнилась.

— Немудрено. В такое время разве что полный псих не станет волноваться. Мы все как на иголках. Меня больше беспокоит другое: вид у тебя не очень напуганный. Растерянный — да, но я не чувствую страха.

— Этим вечером, — объяснила Холлис, — кое-кто совершил на моих глазах такой поступок, чуднóе которого мне уже, кажется, не увидеть.

— Серьезно? — Собеседник вдруг помрачнел. — Завидую.

— Я-то думала, будет теракт или преступление в нормальном, традиционном смысле, но все было не так. По-моему, это скорее…

— Что?

— Проделка. Шалость, на которую отважится лишь сумасшедший.

— Ты же знаешь, я сгораю от любопытства, — подначил Рег.

— Знаю. Но я слишком часто разбрасываюсь своим словом. Сперва — Бигенду, потом еще кое-кому. Хотелось бы обещать, что я когда-нибудь открою секрет, но не могу. Хотя не исключено,

что все же открою. Когда-нибудь. Смотря по обстоятельствам. Понимаешь?

— Слушай, а француженка твоя, случаем, не лесбиянка? — поменял тему Инчмэйл.

— С чего ты взял?

— Она так и липнет к нашей Хайди.

— Ну, это как раз не доказательство.

— Разве?

— Просто Хайди притягивает к себе людей особого склада. Большинство из них — мужского пола, но не все.

— Точно, — улыбнулся Инчмэйл. — Я и забыл.

Послышался мелодичный аккорд.

— Корабль-носитель идет на посадку, — объявил Рег.

Олли Слейт с тихим звоном вкатил тележку, накрытую белой салфеткой. На этот раз он гладко побрился и снова надел шикарный костюм.

— Мы подумали, вдруг вы еще не ели, — сказал молодой человек и обратился к Холлис: — Хьюберт просил ему позвонить.

— Я не готова, — отрезала журналистка. — Завтра.

— Так, вы у нас подаете еду. — Инчмэйл опустил тяжелую руку на плечо Олли, не давая ему ответить. — Если желаете продвинуться по служ-

бе, — он взялся за лацкан дорогого пиджака и слегка потрепал его, — учитесь не выходить за рамки служебных обязанностей.

— Я как выжатый лимон, — пожаловалась Холлис. — Надо срочно поспать. Завтра позвоню, Олли.

Она поднялась наверх. В небе уже разгорался рассвет, а дизайн спальни не предусматривал ни занавесок, ни жалюзи. Сняв джинсы, Холлис влезла на магнитную летающую кровать Бигенда, натянула покрывало на голову и практически тут же уснула.

Глава 81

Сегодня здесь, завтра там

— А может, оставишь свой номер? Или е-мейл? — с отчаянным видом умолял человек из команды Игоря.

— Да я все время переезжаю, — отозвался Тито, ища глазами фургон Гаррета за окном репетиционной студии, расположенной на втором этаже. — Сегодня здесь, завтра там.

И тут он заметил белый фургон.

— Ладно, моя визитка у тебя есть! — крикнул

вдогонку новый знакомый, увидев, как Тито бегом устремился к выходу.

Вслед ему прозвучал гитарный аккорд, прощальные восклицания и голос Игоря:

— Эй, Тито!

А тот уже кубарем слетел по лестнице, выскочил на мокрый после дождя тротуар совершенно безлюдной улицы, рванул на себя пассажирскую дверцу и влез в кабину.

— Вечеринка? — с улыбкой поинтересовался Гаррет, съезжая с обочины.

— Это группа. У них репетиция.

— Ты что, уже в группе?

— Подменял одного…

— На чем играешь?

— На клавишных. Тот человек с Юнион-сквер — он пытался меня убить. Задавить машиной.

— Знаю. Пришлось задействовать местные связи, чтобы вытащить его из предварительной камеры.

— Так он теперь на воле?

— Его продержали что-то около часа. Обвинения сняты. — Гаррет притормозил у светофора. — Официальная версия: автомобиль потерял управление. Несчастный случай. К счастью, пострадавших нет.

— Был еще пассажир, — напомнил Тито, когда сигнал переменился.

— Ты его узнал?

— Нет. Но видел, как он уходит.

— Твой вчерашний неудачный убийца должен был выследить нас еще в Нью-Йорке.

— Это он оставил у меня на квартире «жучок»?

Гаррет покосился на соседа.

— Не знал, что ты в курсе.

— А мне кузен рассказал.

— Хорошо иметь столько кузенов, да? — усмехнулся Гаррет.

— Меня хотели убить, — напомнил Тито.

— Ну да, и это объяснимо. Похоже, наш приятель так разозлился, когда не сумел схватить тебя — или нас обоих — в Нью-Йорке, что здесь, когда ты возник перед самым носом, у него в голове помутилось. И потом, как было не перенервничать перед самым прибытием контейнера? Между прочим, за последний год мы уже не единожды наблюдали, как он выходит из себя. И каждый раз кто-нибудь страдает. Вот и наступила его собственная очередь. Хотя, судя по медицинскому заключению врачей «скорой помощи», твой преследователь цел и невредим. Так, несколько швов да крупный синяк на лодыжке. Он даже в

состоянии сесть за руль.

— Там был вертолет, — сообщил Тито. — Я вскочил на платформу поезда и ехал, пока не увидел за забором силуэт жилого дома и уличные огни. Наверно, из-за меня сработали детекторы движения.

— Нет. Это он устроил, как только вышел из-под стражи. Что-то вроде общей тревоги. Поднял на ноги всю портовую охрану. И все потому, что увидел тебя на улице.

— Значит, мой протокол потерпел фиаско…

— Твой протокол, Тито, — ответил Гаррет с улыбкой, — чертовски гениальная штука.

— Куда едем?

— В отель. Пора спать. Завтра у нас большой день.

Глава 82

«У Бишни»

Сотовый Гаррета разбудил ее незнакомым рингтоном. Какое-то время Холлис лежала на магнитно-летающей кровати Бигенда, пытаясь сообразить, в чем дело, потом догадалась.

— Ох!

И, все еще барахтаясь в запутанной тине сна, принялась на ощупь искать источник гудения. Телефон обнаружился в переднем кармане вчерашних джинсов.

— Алло?

— Доброе утро, — сказал Гаррет. — Как себя чувствуете?

— Хорошо. — Она с удивлением поняла, что это правда. — А вы?

— Отлично, только жалею, что не дал вам поспать. Не желаете ли попробовать традиционный канадский завтрак рабочего? Тогда подъезжайте через полчаса. Хотим показать вам кое-что. Если, конечно, все прошло, как мы задумали.

— А как все прошло?

— Скоро узнаем. Возникла пара сложностей, но в целом прогноз положительный.

Интересно, что он имеет в виду? Неужели бирюзовый контейнер начнет излучать радиоактивные облака цвета «грязных» денег? Впрочем, в голосе Гаррета не слышалось особого беспокойства.

— Куда подъехать? Я возьму такси. Не знаю, вернули мой «фаэтон» или нет, но за руль меня что-то не тянет.

— Место называется «У Биини», — ответил мо-

лодой человек. — С тремя «и». Ручка есть?

Журналистка записала адрес.

Уже внизу, одевшись, она обнаружила на крышке лэптопа фирменный конверт «Синего муравья», подписанный от руки изящным наклонным почерком. «Ваша сумочка — или по крайней мере устройство — в данную минуту находится в почтовом ящике на углу Гор-стрит и Кифер-стрит. В настоящее время он огражден во избежание недоразумений. Всего наилучшего, О.С.». Внутри, соединенные элегантной скрепкой, лежали две сотни купюрами по пять, десять и двадцать канадских долларов.

Холлис убрала конверт в карман и отправилась на поиски спальни Одиль. Комната оказалась в два раза просторнее полулюкса в «Мондриан», разве что не притворялась внутренним помещением ацтекского храма. Одиль так звучно храпела, что прямо рука не поднималась ее будить. Перед уходом Холлис заметила у кровати на полу знакомое топорище, завернутое в бумагу.

Наружную дверь тоже пришлось поискать. Улица наслаждалась тишиной раннего утра. Окон квартиры Бигенда снизу было не разглядеть: так высоко вздымалось здание, и к тому же нижние этажи сильно выпячивались впе-

ред. На одном из них за скошенными зелеными стеклами располагался гимнастический зал, где стройные как на подбор мужчины и женщины в изящных спортивных костюмах упражнялись на неизменно белых снарядах. Холлис это напомнило рисунки Хью Ферриса[452], посвященные идеальному городу будущего, хотя такое даже ему не пришло бы в голову. Прозрачный зал и добрые белые духи фабричных машин — это пожалуйста, но стеклянные криволинейные мостики, протянувшиеся на большой высоте к соседним башням…

А между тем такси словно в воду канули. Лишь минут через десять журналистка заметила первый «Йеллоу и Приус»[453] — к счастью, тот оказался свободен.

Вскоре она догадалась: безупречно любезный водитель-сикх повез ее уже знакомым маршрутом, только более рационально, без лишних метаний и объездов. Интересно, думала Холлис, как шифровальное устройство Бигенда — или даже вся сумочка — угодило в почтовый ящик? Кто

---

[452] Примечания: 452

Художник-концептуалист середины XX века, значительно повлиявший на современную поп-культуру.

[453] Примечания: 453

Автомобиль такси.

его туда положил? Может, вор, а может, простой пешеход, нашедший пропажу на улице.

Час пик еще не наступил, и машина просто летела на крыльях. Вот уже и Кларк-драйв; за ветровым стеклом «приуса» не по-вчерашнему зашумел порт, как-то иначе топорщась оранжевыми конструктивистскими стрелами.

Вот промелькнул поворот на знакомый переулок — интересно, Бобби все еще там? Как у него дела? Холлис посочувствовала Альберто: жаль, если он потеряет своего Ривера.

Миновали главный перекресток. Далее Кларк раздваивался, огибая навесное дорожное полотно, по сторонам которого выстроились освещенные знаки. Наверное, это и была дорога в порт.

Водитель свернул на обочину и остановился перед малюсенькой белой закусочной из бетонных блоков, нездешнего до нелепости вида. «КАФЕ У БИИНИ. ЗАВТРАК И КОФЕ КРУГЛОСУТОЧНО», — гласила простенькая надпись масляной краской на планках рассохшейся белой фанеры. Красная деревянная рама на двери, обтянутой сеткой от насекомых, придавала облику заведения нечто неуловимо заграничное.

Расплатившись и дав таксисту на чай, Холлис подошла к единственному окну, чтобы заглянуть

внутрь. Очень тесное помещение, два столика и стойка с табуретками, одну из которых, ближайшую к окну, занимал Гаррет. Он приветственно помахал рукой.

Журналистка решилась войти.

Ночная троица сидела у стойки. Холлис увидела свободную табуретку и опустилась между Гарретом и мужчиной постарше.

— Здравствуйте.

— Доброе утро, мисс Генри, — кивнув, отозвался мужчина.

За его спиной Тито чуть наклонился вперед и застенчиво улыбнулся.

— Доброе утро, Тито, — сказала Холлис.

— Вам точно понравятся яйца-пашот, — заявил Гаррет. — Если они вообще вам по вкусу.

— Да, пашот будет в самый раз.

— Лучше с беконом, — прибавил мужчина постарше. — Это что-то.

— Правда?

А с виду не скажешь. Обычная дешевая забегаловка из тех, которые Холлис вот уже долгое время не посещала. За исключением «Мистера Зиппи», конечно. Хотя «У Биини» по крайней мере клиенты занимали места под крышей.

— Здешний шеф-повар готовил самóй короле-

ве, — сообщил мужчина постарше. — Елизавете Первой.

В глубине помещения дряхлый старичок — не то китаец, не то малазиец — согнулся почти пополам над чугунной плитой, покрашенной в белый цвет и по возрасту вполне годившейся ему в бабушки. И только стальной колпак вытяжки, подвешенный над огромной квадратной печью, не выглядел здесь полным антикварiатом. Запах бекона приятно щекотал ноздри.

Необычайно тихая официантка за стойкой, не дожидаясь просьбы, поставила перед вошедшей чашку кофе.

— Яйца-пашот, пожалуйста.

Национальность невозмутимой женщины, как и по́вара, оставалось только угадывать.

Глядя на стены, увешанные типичными восточными видами в диковинных рамах, Холлис подумала: а ведь это заведение наверняка стояло здесь и в год, когда она родилась, и с той поры ни капли не изменилось, если не считать массивного нержавеющего колпака над плитой.

— Чудесно, что вы сегодня с нами, — провозгласил мужчина постарше. — Ночь выдалась долгая, но зато, кажется, пошла всем нам на благо.

— Спасибо, — ответила Холлис. — Правда, я до

сих пор не очень представляю, что же вы сделали. Хотя и наблюдала за Гарретом чуть ли не до утра.

— А как по-вашему, что мы сделали? — осведомился мужчина.

Журналистка подлила себе молока из ледяного нержавеющего кувшинчика.

— Гаррет сказал, что в… — Она покосилась на официантку, застывшую рядом со старичком. — …В ящике была… м-м-м… крупная сумма?

— Да.

— Гаррет, а вы ничего не приукрасили?

— Нет, — отозвался он. — Ровно сотня.

— Миллионов, — хладнокровно уточнил мужчина постарше.

— Эта ваша задумка… Мы говорили про криминальные деньги. Теперь они… не отмоются. Угадала?

— Верно, — кивнул собеседник. — Гаррет запачкал их, насколько это возможно в нынешних условиях. Пробив оболочку контейнера, пули эффективно распылялись на атомы. Разумеется, тут их встречали плотные блоки бумаги высочайшего качества. Мы не собирались уничтожать бумагу, а только затруднить работу с ней. Пометить, если угодно, для дальнейшего обнаружения.

Последние пять лет не принесли особого прогресса в исследованиях подобного рода. Еще одна упущенная сфера, — прибавил он и отхлебнул кофе без молока.

— Вы затруднили отмывание.

— Сделали невозможным, как я надеюсь, — уточнил мужчина. — Но вы должны понимать: для людей, по воле которых та сотня оказалась в том ящике, сам факт возвращения денег уже граничит с настоящим бедствием. Никто не рассчитывал, что они окажутся снова в Северной Америке или в любой части мира, который принято называть первым. Это попросту слишком тяжеловесная сумма. Между тем существуют экономические системы, где даже такие деньги можно обменять на товар определенного сорта и без лишних затрат; в одну из подобных систем контейнер и должен был попасть.

— Что же ему помешало? — спросила Холлис, а про себя поразилась: кажется, она уже имела смутное представление о том, каким будет ответ.

— Во время перевозки его обнаружили сотрудники американской разведки, искавшие груз совсем иного рода. Их немедленно отозвали, однако произошла какая-то бюрократическая заминка, и в результате информация дошла до

меня.

Пираты.

— В масштабах военной наживы, мисс Генри, это пустячная сумма. Тем не менее меня подкупила чистая, безрассудная дерзость замысла; а может, все дело в полном отсутствии воображения. За двери Нью-Йоркского федерального, в кузов багдадского трейлера, то, се, и прочь под парусами.

Холлис едва не помянула вслух гигантский советский вертолет по прозвищу «Хук», но вовремя прикусила язык.

— Пытаясь определить, какие стороны замешаны в этой истории, я выяснил, что интересующий нас контейнер оснащен прибором, который фиксирует его местонахождение, а заодно, до какой-то степени, сохранность, и тайно передает информацию заинтересованным участникам. Так, например, они мгновенно узнали, когда ящик был вскрыт американской командой, и попрятали головы в песок.

— Простите?

— Ударились в панику. Бросились искать другие пути, рынки попроще, где больше потери, но меньше риска. А ящик пустился в собственное, весьма необычное путешествие, и с тех пор все их

планы пошли прахом, деньги словно не желали отмываться.

Холлис поймала его многозначительный взгляд и догадалась: кое-кто всерьез об этом позаботился.

— Представляю, как они к тому времени перетрусили. И вот контейнер стал чем-то вроде резидента в системе — постоянно присутствующего, но никогда не прибывающего на место. Пока, разумеется, не пришвартовался к нам.

— А почему это наконец случилось?

Собеседник вздохнул.

— Искренне надеюсь, что жизнь потихоньку начинает их прижимать. Ветер меняется, возможностей нагреть руки все меньше. И даже такая сумма, пусть и отмытая с огромными потерями, кое-что значит. По крайней мере для мелкой рыбешки. А мы имеем дело с мелкой рыбешкой, на этот счет заблуждаться не стоит. По телевизору вы этих лиц не увидите. Все больше функционеры, бюрократия. Навидался я этого брата в Москве, Ленинграде… Очень печальный опыт.

— Значит, здесь, в Канаде, они в состоянии что-то выгадать?

— Конечно, эта страна тоже не лишена кое-

каких возможностей, но все-таки нет. Не здесь. Деньги переправляют обратно за границу. Думаем, что в Айдахо. Скорее всего через разъезд Портхилл. Это немного южнее Крестона, в Британской Колумбии.

— А разве там отмывка не доставит гораздо больше трудностей? Не далее как прошлым вечером вы утверждали, будто нелегальная наличка в таком количестве становится лишней обузой.

— Полагаю, они заключили сделку.

— С кем?

— Церковь, — только и произнес мужчина.

— Церковь?

— Из тех, кто владеет собственной телестанцией.

— Боже, — вырвалось у Холлис.

— Я бы не стал так далеко заходить в своих предположениях. — Мужчина прочистил горло. — Но говорят, что сотенные на тарелке для денежных сборов — это в порядке вещей.

Женщина неразличимой национальности вернулась от плиты к стойке и поставила две порции яиц с беконом: одну перед Холлис, вторую — перед ее собеседником.

— Посмотрите-ка, — сказал он. — Как изысканно. Закажите вы то же самое блюдо в токийском

отеле «Империал», вам представят его в точно таком же виде. Вот что значит уметь подать, — и был абсолютно прав.

Бекон оказался безукоризненно плоским, можно сказать, отутюженным, твердым, невесомым, лишенным жира. С нежной хрустящей корочкой. Столь же безупречные яйца «в мешочек» покоились на маленьком ложе из картофеля. В компании двух ломтиков помидора и веточки петрушки. Непринужденная, но доведенная до предела элегантность. Женщина из-за стойки принесла для каждого маленькую тарелочку с тостами, намазанными маслом.

— Да вы поешьте, — предложил Гаррет. — А я объясню.

Холлис разломила вилкой первое яйцо. Какой мягкий и яркий желток.

— Прошлой ночью, точнее, ровно в полночь, Тито был на складе, когда зазвенела сирена.

Журналистка кивнула, не раскрывая рта, набитого беконом.

— Я пробил в ящике девять дырок. Оставил девять крохотных, но досадно заметных пулевых отверстий. Сегодня, когда контейнер снимут краном с вершины груды и погрузят на платформу, дырки могли бы бросаться в глаза. Мало того, бы-

ла вероятность, что датчик на складе обнаружил бы заложенное мной вещество. Но Тито сумел забраться и запечатать отверстия сделанным на заказ магнитным пластырем.

Холлис посмотрела туда, где Тито получил свою порцию яиц «в мешочек». Он коротко ответил на ее взгляд и принялся за еду.

— Вы сказали, что ящик сегодня отгрузят, — начала она.

— Правильно.

— И отправят в Соединенные Штаты, в Айдахо?

— Мы так полагаем. Впрочем, устройство до сих пор исправно работает, и Бобби не упускает следа. Мы должны угадать заранее, где они собираются пересечь границу.

— Если не получится и они проберутся в страну незамеченными, — вставил мужчина постарше, — на этот случай тоже кое-что предусмотрено.

— Хотя лучше бы источник радиации засекли на границе, — прибавил Гаррет.

— А это возможно? — полюбопытствовала Холлис.

— Вполне, — ответил Гаррет, — если вовремя предупредить нужные службы.

— Несколько звонков куда следует, — продолжал старший мужчина, вытирая белой бумажной салфеткой остатки яйца на губах, — помогут избавиться от любых осведомителей на разъезде, буде такие найдутся.

Официантка подала Гаррету яйца, и он с улыбкой принялся есть.

— Ну а к чему это приведет? — спросила Холлис.

— Кое для кого жизнь превратится в кошмар, — ответил мужчина. — В конце концов, тут многое зависит от водителя. Мы действительно всего не знаем. Но непременно выясним, и с большим удовольствием. — Он улыбнулся гораздо шире прежнего.

— Легок на помине, — объявил Гаррет, сняв с пояса пейджер и что-то прочитав на экране. — Это Бобби. Велит смотреть. Говорит, началось.

— Подойдите. — Старший мужчина поднялся с бумажной салфеткой в руке и приблизился к окну.

Холлис придвинулась следом за ним. И тут же рядом с ней возник Гаррет.

В тот же миг бирюзовый контейнер на почти незаметной платформе, будто на собственных колесах, спустился по пандусу к перекрестку,

влекомый сверкающим, незапятнанным, красно-белым и щедро хромированным автомобильным тягачом. Его блестящие двойные выхлопные трубы напомнили Холлис покрытие в кузинартовском стиле на стволе винтовки Гаррета. Темноволосый водитель с квадратной челюстью смахивал на полисмена или солдата.

— Он, — еле слышно шепнул Тито.

— Точно он, — подтвердил мужчина постарше.

Светофор поменял сигнал; грузовик с контейнером выехал с перекрестка на Кларк-драйв и скрылся из вида.

Глава 83

Страткона[454]

— Значит, мистер Милгрим, ваша диссертация посвящена баптистам?

Миссис Мэйзенхельтер поставила на стол серебряное блюдце с двумя тостами.

— Анабаптистам, — поправил Милгрим. — Вос-

---

[454] Примечания: 454

Один из самых древних районов в молодом Ванкувере. В 80-е годы XIX века у района уже начала складываться репутация временного прибежища различных этнических меньшинств с доминантой азиатского населения.

хитительная болтунья.

— Я добавляю воду вместо масла, — пояснила хозяйка. — Сковородка сложнее отчищается, но зато яйца становятся вкуснее. Значит, анабаптисты?

— Они тоже, — ответил Милгрим, разламывая первый тост. — Вообще-то на самом деле меня занимает тема революционного мессианства.

— Так, вы говорите, Джорджтаун?

— Да.

— Это же в Вашингтоне.

— Верно.

— Мы так рады оказаться в обществе такого ученого человека, — произнесла женщина, хотя, насколько знал Милгрим, он был единственным постояльцем в этой гостинице, с которой она управлялась в одиночку.

— А я очень рад, что нашел такое уютное и тихое место, — сказал мужчина.

И это была чистая правда.

Миновав пустынный Чайнатаун, он очутился в самом старом, по словам миссис Мэйзенхельтер, жилом районе города. По видимости, не слишком респектабельном. Впрочем, некоторые сдвиги уже начинали ощущаться. С местностью происходило то же самое, что с Юнион-сквер. Заведение

миссис Мэйзенхельтер, предоставлявшее постояльцам постель и завтрак, тоже казалось приметой грядущих перемен. Если хозяйке удастся набирать платежеспособных постояльцев, она еще развернется со временем, когда дела в этом районе пойдут в гору.

— Чем вы думаете сегодня заняться, мистер Милгрим?

— Надо проверить, нашелся ли мой багаж, — ответил он. — Если нет, придется побегать по магазинам.

— Я уверена, что все будет в порядке, мистер Милгрим. А теперь прошу прощения, мне пора наведаться в прачечную.

Когда она ушла, мужчина доел свои тосты, сложил посуду в раковину, ополоснул ее и поднялся к себе в номер, ощущая в левом кармане брюк «Jos. A. Banks» толстую пачку сотенных купюр, похожую на маленькую книгу в мягкой обложке. Это было единственное, что он оставил себе из содержимого сумочки, не считая телефона, фонарика и корейских маникюрных ножниц.

Все прочее, в том числе непонятное устройство, подключенное к трубке, он выбросил в красный почтовый ящик. У миловидной, смутно знакомой женщины, чье фото красовалось на нью-йорк-

ских водительских правах, не обнаружилось канадской валюты, а возня с кредитными карточками не стоила свеч.

Милгрим собирался купить себе лупу и ультрафиолетовую лампочку. И еще карандаш-тестер для проверки валюты, если таковой удастся найти. Купюры смотрелись как настоящие, а все же не мешало бы подстраховаться. Пару раз на его глазах кое-где отказывались принимать американские сотни.

Но прежде — немного общения с криптофлагеллантами[455] из Тюрингии, решил мужчина, сидя на махровом хлопчатобумажном покрывале с имитацией старинной вышивки и развязывая шнурки ботинок.

Том ожидал его в верхнем ящике прикроватного столика в компании телефона, ручки с надписью «Собственность правительства США», фонарика и маникюрных ножниц. Нужное место было заложено обрывком бумаги, когда-то представлявшим собой верхний левый угол конверта с бледно-красными, выведенными шариковой ручкой буквами «НН» — очевидно, частью чего-то целого.

---

[455] Примечания: 455

Тайные флагелланты, умножившиеся после осуждения ереси на Констанцском соборе.

Милгрим припомнил, как прошлым вечером садился в автобус, прижимая к себе под курткой украденную сумку. Разменяв деньги в «Принстоне», как и было задумано, он узнал расписание автобусов, осведомился о ценах и приготовил нужную сумму непривычными, почти гладкими монетами. Как только мужчина занял место у окна, ближе к задней двери, его рука с робостью, словно ждала нападения, принялась исследовать недра такой, на первый взгляд, заурядной и непримечательной сумочки.

И вот теперь, вместо того чтобы взяться за книгу, он достал сотовый. Милгрим отключил его сразу, едва обнаружил, а сейчас надумал опять включить. Номер — нью-йоркский. Роуминг есть. Чуть ли не полный заряд. Список в основном содержал телефоны нью-йоркских жителей, названных исключительно по именам. Милгрим перевел сотовый на вибрацию, просто чтобы убедиться, что он работает, а убедившись, хотел вернуть в беззвучный режим, когда трубка вдруг мелко задрожала.

Рука мужчины самостоятельно раскрыла телефон и поднесла к уху.

— Алло? — повторял неизвестный мужчина. — Алло?

— *Vy oshiblis' nomerom,* — ответил Милгрим по-русски.

— *Net, ya ne oshibsya,* — произнес собеседник вполне отчетливо, хотя и с легким акцентом. Датчанин, должно быть. — *Vy gde?*

— *V Tyuringii.*

Милгрим захлопнул сотовый, но тут же открыл его и поспешил отключить.

Рука потянулась за второй в это утро таблеткой, что было вполне логично, если учесть обстоятельства.

Мужчина убрал телефон обратно в ящик, уже сожалея, что взял его с собой. Надо будет избавиться от этой находки.

Он взялся за книгу и собирался отыскать заложенное место — главу, посвященную маркграфу Фридриху Укушенному[456], — когда перед глазами неожиданно возникла площадь Святого Марка. Это было в прошлом октябре. Милгрим беседовал с Фишем у дверей магазина подержанных грампластинок. Внутри на стене, за стеклом витрины, висел черно-белый женский портрет…

---

[456] Примечания: 456

Фридрих Укушенный (другое прозвище — Радостный; 1257–1324) — маркграф мейссенский и ландграф тюрингенский, сын Альбрехта Выродка. Свое прозвание получил оттого, что его мать, убегая от своего мужа, жестоко обращавшегося с нею, при расставании с сыном, во время судорожных рыданий, укусила ему щеку.

Откидываясь на подушки, мужчина припомнил на миг имя той певицы и даже сообразил, где совсем недавно видел ее лицо.

А потом принялся за чтение.

Глава 84

Застреливший Уолта Диснея

— Неплохо. — Бобби откинулся в кресле, немного расплескав свой второй «писо мохадо», и уставился на верхушку здания Бигенда через шлем Холлис. — Впечатляют размеры.

Журналистка мысленно поразилась тому, какое невероятное действие оказал на молодого человека Инчмэйл. Она все-таки угадала: Бобби оказался его фанатом, но совершенно не ожидала столь благотворного успокоительного эффекта. Хотя, возможно, отчасти сыграли роль пять дней, миновавшие с памятного «выстрела по деньгам»; к тому же Гаррет и старший мужчина давно испарились.

Только Тито еще оставался в стране, как по чистой случайности узнала Холлис, — по крайней мере этим вечером. Они повстречались в галерее магазинов, смежной с «Четырьмя временами

года», куда переехала Холлис, когда Бигенд прилетел из Лос-Анджелеса.

Спутник Тито — вероятно, его старший брат, — носил прямые черные волосы до плеч, разделенные аккуратным пробором. Мужчины успели нагрузиться покупками в раздутых пакетах. Тито журналистку заметил, в этом не могло быть ошибки, он даже улыбнулся, но сразу же повернул в соседний зал, захламленный фирменными брендами. «Вот и все», — подсказал ей внутренний голос.

— Люблю, когда нет лишних деталей, — сказал Инчмэйл. — Ну просто ранний Дисней.

Бобби снял шлем и отвел белокурую челку со лба.

— Но это не Альберто, как ты вчера хотел. Если оставить все в его руках, он подобрал бы такие текстуры, что никаких «ужастиков» не нужно.

Чомбо положил шлем на стол.

Они сидели за уличным столиком возле бара на Мейнленд, куда журналистка первым делом отправилась вместе с Инчмэйлом и Хайди после возвращения.

— А твои «Болларды», — произнесла Одиль с ударением на втором слоге, — они уже видели?

— Только фотографии, — ответил Рег.

Узнав от бывших соучастниц по группе о том, как Бобби бросил локативных художников из Лос-Анджелеса и как Альберто лишился своего Ривера, Инчмэйл быстро сообразил, что делать, и подкатил к молодому человеку с видеопредложением от «Боллардов». Песня называлась «Я застрелил Диснея», и Рег выделял ее среди всего, что собирался продюсировать в Лос-Анджелесе. Бобби предстояло стать режиссером, а проекту — покорить сцену, представить локативное искусство широкой публике на время, пока шлемы вроде того, которым пользовалась Холлис, находились на стадии бета-теста. Чтобы наверняка убедить Чомбо вернуться к оставленным обязательствам, Инчмэйл прикинулся горячим поклонником Альберто. При ловком посредничестве Одиль дело пошло как по маслу. Осталось уговорить Бобби восстановить на новых серверах и прочие незаконченные проекты, что он и сделал.

Хайди вернулась к своему окутанному тайной браку на Беверли-Хиллс. Поначалу Одиль была безутешна. Впрочем, успешная сортировка компьютерных материалов, охватывающих творчество по меньшей мере дюжины художников, за компанию с Чомбо помогла ей прийти в себя.

По всей видимости, француженке-куратору это занятие дало ощущение серьезного достижения и карьерного скачка. Но и нельзя сказать, чтобы Одиль проявляла уж очень явное рвение. Она по-прежнему проживала у Бигенда, в то время как Холлис перебралась в «Четыре времени года», в соседний с Инчмэйлом номер.

Рассказ о видеоклипе, снятом Бобби для «Боллардов», с восторженного одобрения Филиппа Рауша стал частью еще не готовой статьи для «Нода».

После памятного завтрака «У Биини» Холлис надумала рассказать Бигенду, будто ее держали в плену (хотя обращение было бережное и довольно любезное) с той поры, как застали в переулке возле порта, а потом вернули обратно. Идею, сам того не желая, подбросил старший мужчина; именно так он и обещал поступить в случае, если бы журналистка не приняла его условия, — завязать ей глаза, отвезти неизвестно куда и не отпускать до возвращения Гаррета.

Другими словами, она понятия не имеет о событиях той ночи.

К счастью, Бобби не был посвящен во все подробности, а главное — не слышал, как Холлис ответила старшему согласием; значит, не стоило

волноваться, что он проболтается Бигенду о ее вранье. А солгать придется, в этом она уже не сомневалась.

Как ни странно, Бигенд сам облегчил ей задачу. С тех пор как он ушел с головой в рекламу китайских автомобилей, сулившую бешеные квантриллионы долларов, план вторжения в тайные сферы, казалось, перешел на роль второй скрипки. Хорошо, если вообще остался в оркестре. Скорее всего магнат еще извлечет из своего знакомства с Чомбо пользу, рано или поздно вырвет у него все кусочки общей картины, какие завалялись в карманах, но Холлис это уже не волновало.

Отныне и впредь ее дело — быть каминным кирпичом, за которым незнакомый пожилой мужчина решил упрятать тайну своих деяний.

Вот уж и вправду — тайну. Что-то не слышно было никаких сообщений о грузовике, задержанном при въезде в Айдахо из Канады. Хотя, конечно, Холлис об этом предупреждали. Вначале история должна разыграться в стране призраков. Возможно, это займет очень долгое время, вот почему журналистка и удостоилась доверия.

— Холлис, — окликнула Одиль из-за спины. — Ты только взгляни на Уилли Инчмэйла.

— Ой, даже не знаю. — Она повернулась и увидела снимок прекрасной Анжелины с маленьким Уилли Инчмэйлом на руках, сидящей в патио в Буэнос-Айресе. — Лысина похожа, а борода-то где?

— Зато он уже без ума от барабанов, — вставил Рег, допивая последний «писо». — И тоже любит сиськи.

— Ну, это возрастное, — заметила Холлис и потянулась за шлемом.

Со дня на день ей предстояло дать Инчмэйлу ответ насчет автомобильной рекламы. Собственно, ради этого они и проводили эту изумительно прелестную, на глазах расцветающую весну здесь, а не в Лос-Анджелесе, где «Болларды» терпеливо дожидались, когда о них вспомнят.

Рег, разумеется, был только «за». Если для того, чтобы справиться с ролью отца и кормильца, придется заставить свой прежний хит торговать китайскими автомобилями, значит, это судьба, говорил он.

Со своей стороны, Холлис до сих пор колебалась.

Отложив раздумья, она надела шлем, включила его и устремила взгляд под небеса, туда, где исполинский монгольский червь — творе-

ние Альберто, — пронизывая багровым хвостом бесчисленные окна пирамидального «орлиного гнезда», принадлежащего Бигенду, словно угорь, обвившийся вокруг пустого коровьего черепа, величаво развевался в ночи.

Нулевой след
(роман)

Воспользовавшись предложением Хьюберта, Милгрим проходит высокотехнологичную процедуру очистки крови, избавляясь от своей наркозависимости. Разрывая со своим мрачным прошлым, он фактически, начинает жизнь заново. «Побочным эффектом» его социальной отчужденности стала полная прозрачность для общества: у него нет ни кредитки, не телефона, о нем не знают в полиции, он — призрак, его не существует…

Хьюберт Бигенд нанимает главных героев, чтобы с их помощью разобраться с источником происхождения яркого и необычного медиа-явления. Но если в первой книге таковым являются видеоролики, то в последней — линия модной одежды.

Глава 1

Корпус

Инчмэйл махнул рукой и подозвал для нее такси. Одно из тех, что всегда были черными, с ее самого первого знакомства с этим городом.

Это оказалось перламутрово серебряным. Расписанное берлинской лазурью, рекламирующей немецкие банковские услуги или деловое программное обеспечение. Отшлифованный симулякр своих черных предков. Обивка из искусственной кожи ортопедического желтовато-коричневого оттенка.

— Тяжелые у них деньги, — сказал Инчмэйл, пересыпая теплую массу фунтовых монет в ее руку — Можно купить много шлюх.

Монеты до сих пор хранили тепло игрального автомата, из которого он ловко «извлек» их, почти мимоходом, когда они выходили из «King's чего-то там».

— Чьи деньги?

— Моих соотечественников. Дармовые.

— Не надо, — она попыталась вернуть ему монеты.

— Заплатишь за такси, — он назвал водителю адрес на Portman Square.

— Рег, все не так уж плохо. Я играю на валютной бирже, — ответила она — Так в основном и зарабатываю.

— Плохо все остальное. Позвони ему.

— Нет.

— Позвони ему. — повторил он, завернутый в Японский Gore-Tex в «елочку», с множеством клапанов и хаотично расположенных пряжек.

Дверь машины закрылась.

Пока такси отъезжало, она смотрела на него сквозь заднее стекло. Тучный и бородатый он теперь свернул на Greek Street, чтобы несколькими минутами после полуночи снова присоединиться к своему упрямому протеже Клэмми из Bollards. Назад в студию, чтобы возобновить креативно-меркантильные усилия.

Она сидела сзади, ничего не замечая, пока они не проехали Selfridges и водитель не свернул направо.

Клубу на северной стороне Portman Square было всего несколько лет. Она вышла, рассчиталась с водителем, наградив его щедрыми чаевыми, только чтобы избавиться от выигрыша Инчмэйла.

Корпус называют Корпусом Курьезов за глаза. Инчмэйл вступил в его ряды вскоре после того, как три, оставшихся в живых члена Curfew, продали лицензию на право использования песни «Hard to Be One» китайскому автопроизводителю. На тот момент Инчмэйл уже спродюсировал один альбом Bollards в Лос-Анджелесе, а второй альбом Клэмми непременно желал записать в Лондоне. Этим Инчмэйл и аргументировал свое присоединение к Корпусу. Проживание в нем, в конечном итоге, было безоговорочно дешевле чем в отеле. Она предполагала что так бы оно и было, но только если бы речь шла об очень дорогом отеле.

Она остановилась здесь как гость. Гость, который оплачивает свое проживание. Учитывая текущее состояние валютных рынков, и последний разговор с ее бухгалтером в Нью Йорке, она знала что ей следовало бы подыскать размещение с более умеренными ценами.

Будучи местом весьма тесным, но не смотря на это дорогим, Корпус занимал половину вертикального массива городского жилого строения девятнадцатого века, чей фасад напоминал ей лицо опустившегося человека, спящего в подземке. Фойе, украшенное богатыми, но не кичливыми

панелями было общим с теми, кто владел самой западной половиной здания. Ей почему-то смутно казалось что это должен быть некий фонд, возможно благотворительный по сути, или даже посвященный окончательному установлению мира на Ближнем Востоке. Ощущение было весьма приглушенным, потому что посетителей она ни разу не встречала.

Ни на двери, ни на фасаде здания ничто не указывало на то, что бы это могло быть. Так же как ничто не указывало на то, что Корпус — это Корпус.

Она увидела этих знаменитых в своей одинаковости, пепельно-блондинистых исландских близняшек в гостиной, когда первый раз попала сюда, обе они пили красное вино из пинтовых стеклянных бокалов. Инчмэйл назвал это ирландской манерностью. Он заметил, что они не являются членами Корпуса. Состоящие в Корпусе музыканты были конечно вполне себе неплохи, но до суперзвезд не дотягивали. Она считала что это справедливо как в отношении Инчмэйла, так и в отношении ее самой.

По словам Инчмэйла, он купился на декор, вероятно так оно и было. И Инчмэйл и декор оба похоже были чокнутыми.

Толкая дверь, через которую можно было проехать на лошади не наклоняясь, чтобы не расшибить себе лоб об перемычку, она натолкнулась на приветствующего ее Роберта. Большого, уютно упакованного в ободряющий костюм с тонкими, как будь-то меловыми белыми полосками. Казалось, что его главной задачей, без каких-либо дополнительных обязанностей, было просто наблюдение за входом.

— Добрый вечер мисс Генри

— Добрый вечер Роберт

Декораторы установили ЭТО внизу, видимо как нечто невысказанное вслух, яростное, бессознательно-безумное. ЭТО — представляло собой гигантскую, красного дерева витьеваторезную порнографическими мотивами на фоне виноградной лозы и виноградных гроздьев стойку-контору. За ней сидели каждый раз разные сотрудники клуба, по большей части молодые люди, в очках с черепаховыми оправами, которые как ей казалось, действительно были вырезаны из настоящих черепаховых панцирей.

Сзади, за стойкой, приятная старинная мульча мраморных кручено-винтовых лестниц, расположенных симметрично друг напротив друга, ведущих этажом выше. Этаж этот был рассечен

пополам так же, как и все что было расположено выше его, на две области, Корпуса и таинственной выдуманной филантропии. В настоящий момент, со стороны Корпуса, вниз по лестнице, закрученной против часовой стрелки, стекали каскадом звуки рьяной коллективной пьянки.

Смех и громкий разговор жестко отражались от неровно отсвечивающего мраморного камня, имеющего оттенки выдержанного меда, вазелина и никотина. Поврежденные края отдельных ступеней были отреставрированы аккуратными прямоугольными вставками, менее вдохновенными, бледными и приземленными, на них она старалась никогда не наступать.

Обрамленный в черепаховую оправу молодой человек без вопросов передал ей ключ от номера.

— Спасибо

— Добро пожаловать мисс Генри

За аркой, разделяющей лестницы, план этажа вызывал замешательство. Она догадывалась что произошло это из-за раздвоения исходного предназначения здания. Она нажала видавшую виды, но регулярно полированную латунную кнопку чтобы вызвать лифт, самый старый из всех что ей доводилось видеть в Лондоне. Размером с неболь-

шой шкаф, шириной больше чем в глубину, он представлял свое время, опускающейся удлиненной клеткой черной эмалированной стали.

Справа от нее, в тени, отбрасываемой музейным экспонатом эпохи королей Эдвардов стояла витрина с чучелами. По большей части это была дичь. Фазаны, несколько перепелов, еще какие-то птицы, названий которых она не знала. Все они были как будь-то были захвачены в движении на зеленом выцветшем газоне бильярдного оттенка. Все это имело вид весьма поношенный, вполне соответствующий своему возможному возрасту.

За ними, в антропоморфно вертикальной позе, вытянув передние конечности перед собой, очень похоже на мультяшного сомнамбулу шагал побитый молью хорек. Зубы его, поразили ее своими нереалистично огромными размерами, она подумала что они сделаны из дерева и покрашены. Несомненно и губы его были покрашены и возможно даже подрумянены, что придавало им зловеще праздничный вид, как будь-то что-то страшное ворвалось на Рождественскую вечеринку. Инчмэйл предложил ей использовать этого зверька в качестве тотема ее звериного духа, когда она увидела его в первый раз. Он подтвердил что у него уже есть, поведав затем о своей

магической способности вызывать позвоночную грыжу у ни о чем не подозревающих больших шишек музыкального бизнеса, заставляя их испытывать мучительные боли и глубокое чувство беспомощности.

Лифт приехал. Она достаточно давно уже жила здесь чтобы научиться справляться с сочленениями металлических ворот. Сопротивляясь желанию кивнуть хорьку на прощанье она вошла в лифт и медленно поднялась на третий этаж.

Стены узкого коридора были покрашены в глубоко зеленый цвет двойственного оттенка. По пути в комнату требовалось открывать несколько, как она полагала противопожарных дверей. Они были очень толстыми, тяжелыми и закрывались сами. Короткие отрезки проходов между ними были украшены, висящими на стенах акварелями безлюдных пейзажей, с обязательными строениями вдалеке. Она отметила для себя что строение везде одно и то же, независимо от сцены или изображаемого региона.

Она отказалась удовлетворять любопытство Инчмэйла, которое он проявил после ее вопроса об этом. Это требовало преодоления серьезного порогового состояния. Лучше не копаться в этом. Жизнь и так достаточно сложная штука.

Ключ, прикрепленный к тяжелому латунном наконечнику, из которого произрастали толстые мягкие кисти, сплетенного темно-бордового шелка, мягко провернулся в массе замка размером с добрый кирпич. Концентрированный удар дизайнеров Корпуса театрально встретил ее, пропуская в Номер Четыре, после того как она нажала отделанные перламутром, взамен привычной гуттаперчи, кнопки.

Комната была слишком высокая, она думала что это произошло в результате некоего хитрого разделения большой комнаты на меньшие. Казалось что ванная комната к тому же больше чем спальня, хотя возможно это была лишь иллюзия.

Вся высота комнаты была оклеена белыми, заказными обоями, декорированными орнаментом из черных глянцевых картушей. При ближайшем рассмотрении становилось видно что увеличенные картуши представляют собой анатомические рисунки жуков. Ятаганы челюстей, остроконечно удлиненные конечности, аккуратные крылья (это она додумала) поденок. Из мебели, в комнате было два заметных предмета. Кровать, чья массивная конструкция была целиком отделана резными панелями из моржовой кости, цвета слоновой кости, с огромной стойко-экклезиа-

стического вида нижней китовой челюстью, прикрепленной к стене в изголовье. И подвешенная к потолку птичья клетка, такая большая что она могла забраться в нее сама. Клетка была заполнена стопками книг, а внутри ее были смонтированы минималистского стиля Швейцарские галогеновые светильники. Крошечные лампочки которых направленно освещали установленные в Номере Четыре предметы. Инчмэйл гордо подметил что это не просто так книги. Все они казалось были об Англии, и художественные и нет. Она прочитала отрывок из «Чудаков Английских» Dame Edith Sitwell, и большую часть «Мошенник»-а Geoffrey Household.

Она сняла плащ, и повесила его на набивную, отделанную атласом вешалку в шкафу и села на край кровати чтобы развязать обувь. Инчмэйл называл кровать пиблокто истерической. Она вспомнила по памяти значение термина «интенсивная истерия», это означало «депрессию, копрофагию, нечувствительность к холоду, эхохалию». Она скинула обувь в направлении открытой двери шкафа. «Устойчивая копрофагия» — добавила она. Отшельническая, культурно-унаследованная в арктических условиях. Возможно диетического происхождения. Связан-

ная с токсичностью витамина А. Инчмэйл был набит такого рода информацией, с того самого момента, как он прописался в студии. Она предложила скормить Клэмми ведро витамина А, он выглядит так, что это может подействовать.

Ее взгляд упал на три коричневые закрытые коробки, составленные одна на одну с левой стороны шкафа. В них лежали завернутые и обвязанные Британские издания книги, которую она написала в номерах отелей, не таких запоминающихся как этот. Она начала сразу после того, как они получили деньги от Китайского автоконцерна. Она перебралась в Стэплс в Западном Голивуде и купила три хлипких китайских раскладных стола чтобы разложить на них рукопись и множество иллюстраций к ней в своих угловых апартаментах в Мармоне. Это казалось было страшно давно и она понятия не имела что делать с этими копиями книг. Коробки с экземплярами Американской редакции, она сейчас вспомнила, до сих пор лежали в багажной комнате Трибека Гранд.

— Эхолалия — сказала она, встала и сняла свитер, затем свернула его и положила в верхний, на уровне груди ящик шкафа, за маленькую шелковую «бомбу-вонючку» с сушеными лепестками

трав и цветов. Если ее не трогать, то вонять она не будет. Надевая отельный, «вроде бы белый» халат, скорее велюровый, нежели махровый, она так и не смогла вспомнить за что она так не любит велюровые банные халаты. По меньшей мере мужчины в таких халатах выглядят чудовищно ненадежными.

Телефон в номере зазвонил. Он выглядел как коллаж, трубка, корабельного стиля из обернутой каучуком бронзы, лежала на кожаной подложке, на вершине подставки, сверху куба из палисандра, углы которого были обиты латунью. Звук был механический, тихий, как будь-то звонил старинный велосипед где-то вдалеке на тихой улице. Она пристально посмотрела на телефон, страстно желая чтобы он заткнулся.

— Интенсивная истерия — произнесла она

Телефон не замолкал.

Она сделала три шага и положила руку на трубку.

Трубка была нелепо тяжелой.

— Копрофагия — бойко произнесла она в трубку, как будь-то сообщала собеседнику название отделения в большой больнице.

— Холлис — сказал он, — Здравствуйте

Она посмотрела вниз на трубку, тяжелую как

старый молоток, и почти такую же побитую. Толстый провод роскошно отделанный плетеным бордовым шелком висел возле ее голого предплечья.

— Холлис?

— Здравствуйте Хьюберт.

Она представила себе как с размаху опускает трубку сквозь хрупкий антикварный палисандр, сокрушая старинного электро-механического сверчка внутри. Теперь уже слишком поздно. Он и так уже молчит.

— Я видел Рега, — сказал собеседник

— Я знаю.

— Я сказал ему чтобы он попросил тебя позвонить мне.

— Я не позвонила, — ответила она

— Рад слышать твой голос, — сказал он

— Уже очень поздно.

— Ну тогда спокойной ночи, — сказал он вполне сердечно — Я приеду утром к завтраку. Мы возвращаемся ночью. Памела и я.

— Где вы?

— В Манчестере.

Она увидела себя, садящуюся рано утром в такси на безлюдной Паддингтон стрит, на которую смотрит парадный вход Корпуса. Затем экспресс

до Хитроу и улететь куда-нибудь. А потом в другой комнате, будет звонить другой телефон, а в нем его голос…

— В Манчестере?

— Норвежский черный металл — сказал он уныло. Она представила себе Скандинавские народные ювелирные украшения, затем до нее дошло, что это скорее музыкальный жанр. — Рег сказал что это может быть мне интересно.

Неплохо, — подумала она клинический садизм Инчмэйла порой находит достойные цели.

— Я собираюсь лечь спать, — сообщила она, набравшись решительности. Она отлично знала что от этого собеседника так просто не отделаться.

— Завтра в одиннадцать, — сообщил он, — Мне не терпится встретиться.

— Спокойной ночи Хьюберт.

— Спокойной ночи, — он отключился.

Она положила трубку. Аккуратно, чтобы не раздавить спрятанного внутри «сверчка». Это не его проблема.

И не ее.

Возможно и не его.

И не кого-то другого, кто бы он ни был.

Глава 2

Город на краю

Милгрим рассматривал собакоголовых ангелов в магазине Gay Dolphin Gift Cove.

Их головы, выполненные в масштабе чуть меньше чем три четверти, были отлиты из какого-то сорта гипса, когда-то использовавшегося для создания до жути подробных настенных декоров, пиратов, мексиканцев и арабов в тюрбанах. В этой придорожной сокровищнице были собраны наиболее радикальные примеры Американских сувенирных китчей, из всех, что он когда-либо видел.

Их тела, очевидно гуманоидные, под белым сатином с блестками, были длинными, стройными и опасно вертикальными, как на полотнах Модильяни. Лапы свято-скрещенные на манер средневековых надгробных статуй. Крылья были такими, какие бывают на Рождественских украшениях, не смотря на то, что сами они были крупнее, чем праздничная елка среднего размера.

Смотрящие на него сейчас из-за стекла мор-

ды, явно содержали в себя черты полудюжины разных пород. Он решил, что они представляют собой сентиментальное посвящение умершим домашним животным.

Держа руки в карманах брюк, он быстрым взглядом, широко окинул витрину, мысленно отметив множество вещей, декорированных мотивами флага Конфедератов. Кружки, магниты, пепельницы и статуэтки.

Особо выделялась статуэтка, высотой примерно до колена изображающая мальчика-жокея, держащего небольшой круглый поднос вместо традиционного кольца. Голова и руки статуэтки были потрясающего Марсианско-зеленого цвета.

Милгрим узрел также нарочито искусственные орхидеи, кокосы, украшенные резным орнаментом единого стилистического направления, и коллекционные упаковки минералов и камней. Это было похоже на игровой автомат «достань их все», подобный тем, что стоят в нижней части Кони Айленд, вот только в данном случае то, что никто так и не достал, накапливалось десятилетиями.

Он поднял глаза, представив гигантский манипулятор с тремя металлическими когтями-захватами для доставания сувениров, но увидел

только большую, густо покрытую лаком акулу, нависающую над головой как фюзеляж небольшого самолета.

Насколько старым должно быть это место, чтобы в Америке, иметь в названии слово gay? Какая то часть товара по прикидкам Милгрима была произведена еще в Японии, во времена ее оккупации.

Получасом ранее, в районе Бульвара Северный Океан он так же разглядывал воинов-подростков, агрессивно стриженных, упакованных в одежду для скейтбординга с неразгладившимися еще заводскими складками, декорированных противоворковыми лезвиями Китайского производства, шипастыми и зазубренными как челюсти вымерших хищников.

Стойка продавца была завешена бусами в стиле Марди Гра, пляжными полотенцами с флагом Конфедератов и поддельными сувенирами Харлей Дэвидсон. Милгрим удивился большому количеству молодых людей в Миртл Бич. Выглядели они так, как будь-то в последний раз наслаждаются послеполуденной пляжной экзотикой Гранд Стрэнд. Ветром, швыряющим песок и дощатым тротуаром, а завтра им предстоит отправка не меньше чем в зону военных действий.

В развлекательных аркадах, встречались игровые автоматы, которые были старше Милгрима. Так ему показалось. И некоторые из этих его ангелов, выглядели не лучше. Вид их свидетельствовал о глубоком и застарелом влиянии наркокультуры, плотно осевшей в этом карнавале бессмертно-въевшейся грязи, убитой солнцем кожи, выцветших татуировок, и глаз, смотрящих с лиц, как будь-то надутых газом чучел.

Он здесь кое-кого встретил.

Предполагалось что он придет на встречу один. На самом деле это было не так. Где-то неподалеку, Оливер Слейт должен был следить за курсором, представляющим Милгрима на веб сайте, на экране коммуникатора Нео. У Милгрима был точно такой же. Оливер выдал ему его во время первого полета, из Базеля в Хитроу. Милгриму было настоятельно рекомендовано держать телефон все время включенным и не расставаться с ним. Исключения допускались только во время перелетов на обычных коммерческих рейсах.

Милгрим двинулся дальше, покинув собакоголовых ангелов, тень акулы и артефакты якобы естественной истории в виде морских звезд, ежей, коньков и ракушек. Преодолел подъем короткого пролета широкой лестницы с уровня

набережной до бульвара Северный Океан. Пока не обнаружил что разглядывает пупок на очень большом животе молодой беременной женщины. Химически обработанные эластичные панели ее джинсов образовывали невероятные для одежды барочные формы. Розовая футболка в обтяжку не скрывала ее торчащий пупок, разбудив в воображении Милгрима образ одной гигантской женской груди.

— Лучше бы тебе быть им — сказала она и прикусила нижнюю губу.

Блондинка, лицо которое забудешь как только она отвернется. Темные большие глаза.

— Я кое-кого встретил — ответил Милгрим, осторожно, стараясь сохранить зрительный контакт, чувствуя себя неуютно от ощущения что он разговаривает с пупком или соском, расположенным прямо напротив его губ.

Ее глаза увеличились — Ты не иностранец, не так ли?

— Нью Йорк — Милгрим тут же пожалел что может быть зря он так сразу сознался.

— Я не хочу чтобы он вляпался в какие-нибудь неприятности — сказала она мягко но свирепо.

— Никто из нас не хочет неприятностей — мгновенно ответил он. — В этом нет никакой

необходимости.

Он попытался улыбнуться чувствуя себя сдавленной резиновой игрушкой. — А тебя зовут…?

— Семь или восем месяцев — продолжила она, боясь за собственную беременность. — Его здесь не было. Ему не нравилось здесь.

— Никому из нас не нужны неприятности — снова сказал он, тут же усомнившись что сказал правильную вещь.

— У тебя есть GPS?

— Да, — ответил Милгрим. На самом деле, если верить Слейту, их Нео были оборудованы двумя чипами позиционирования, Американским и Русским. Американский чип известен внезапной ненадежностью показаний в некоторых особенных местах.

— Он будет в этом месте через час — произнесла она, передавая Милгриму слегка влажный листок свернутой бумаги. — Тебе лучше отправиться прямо сейчас. И лучше одному.

Милгрим глубоко вздохнул. — Извини, — сказал он, — но если туда надо ехать на машине, то я не смогу отправиться один, я не вожу машину, у меня нет прав. Мой друг отвезет меня. У него белый Форд Таурус Икс.

Она посмотрела на него. Моргнула. — Не со-

бирались же они ебнуть Форд, когда начали моделям давать имена, начинающиеся на ф?

Он судорожно сглотнул.

— У моей матери Форд Фристайл. Коробка передач — безоговорочное дерьмо. А если на компьютер попадает вода, машина не едет вообще. Сначала компьютер надо совсем отключить. Тормозных колодок хватает не больше чем на две недели. И даже новые они все время визжат. — Она вроде бы успокоилась при этом, как будь-то вспомнившись сработала какая-то подсознательная утробно-материнская формула.

— Да все ништяк — сказал он, удивившись тому что произнес фразу, которую до этого в жизни никогда не использовал. Листок бумаги он сунул в карман не глядя.

— Не могла бы ты кое-что для меня сделать? — произнес он обращаясь к ее животу — Не могла бы ты позвонить ему сейчас и сказать ему что мой друг будет за рулем?

Нижняя губа ее вернулась на свое место, под передние зубы.

— У моего друга есть деньги — сказал Милгрим. — Никаких неприятностей.

— Она позвонила ему? — спросил Слейт, сидя за рулем Таурус Икс. В зубах он при этом держал

раскладную карту, которая время от времени скрывала его козлиную бородку.

— Она дала понять что позвонит — сказал Милгрим.

— Дала понять.

Они направлялись вглубь материка, в сторону города Конвей, в местечко, в которое не особенно то стремятся туристы. Окружающий ландшафт напоминал Милгриму местность в окрестностях Лос Анджелеса. Этот хрен знает сколько полосный хайвей был облеплен множеством тематических ресторанов и сетевых магазинов, таких как Home Depot, каждый размером с круизный корабль. Чем дальше они забирались, тем чаще встречали обломки прошлого, свидетельствующие о морской деятельности и выращивании тобака. Сказки, времен еще до Анахейма. Милгрим сконцентрировался на этом, сочтя это достойным внимания. Многие продавали садовую мульчу. В одном месте встретился торговый комплекс на четыре магазина, с двумя ломбардами. Затем магазин фейерверков с собственным тренировочным местом для бейсбольных игроков, отбивающих мяч. Автокредиты. Плотные ряды некрашенных бетонных садовых скульптур.

— В Базеле, тебя прогнали по двенадцати ступенчатому циклу? — спросил Слейт

— Не думаю — ответил Милгрим, полагая что Слейт имел в виду количество переливаний крови, которые ему сделали.

— Насколько близко эти цифры от того места, где нас ждут? — спросил Милгрим. В Миртл Бич Слейт внес координаты с полученной от беременной девушки записки в свой телефон, который теперь лежал на его колене.

— Уже близко —, ответил Слейт, — Похоже вот здесь надо повернуть направо.

Они уже ехали через Конвей, или возможно через то, что было окраиной Конвея. Здания были редкими, ландшафт приобрел открытые очертания вымершего сельского хозяйства.

Слейт сбросил скорость и свернул вправо на гравийную дорогу из мелкого светло серого известняка.

— Деньги под твоим сиденьем — сказал Слейт. Они гладко покатились по хрустящему под колесами гравию, прямо к длинному одноэтажному обшитому досками и покрашенному белой краской строению под нависающей крышей которого отсутствовало крыльцо. Сельская придорожная архитектура прошлых лет, простая, но крепкая.

Четыре небольших окошка на фронтоне здания, были закрыты современным зеркальным стеклом.

Между ног Милгрима вертикльно стояла картонная туба для чертежей. В правом кармане брюк лежали завернутые в салфетку Клинекс два графитовых стержня. На заднем сиденье лежала пенопластовая чертежная доска, размером в половину пятифутового листа, на случай, если ему вдруг понадобится плоская твердая поверхность. Придерживая ярко-красную трубу коленями Милгрим наклонился вперед и пошарив рукой под сиденьем обнаружил виниловый конверт, цвета голубой металлик с выпрессованной в пластике закрывающего клапана молнией и тремя отверстиями для подшивки. Конверт был набит пачками сотенных купюр и весил как изрядного размера карманный словарь в мягком переплете.

Хруст гравия смолк, как только они остановились почти напротив здания. Милгрим видел примитивный прямоугольный знак на двух ободранных непогодой столбах, выцветших и вылинявших от дождей. Читабельным на знаке было только слово «СЕМЕЙНЫЙ», написанное бледно-голубыми курсивными заглавными

буквами. Других машин на этом неровном гравийном пятне не было.

Милгрим открыл дверь, вышел и остановился, держа красную тубу в левой руке. Он подумал, затем откупорил ее, вытянув наружу свернутую миллиметровку. Затем прислонил тубу к пассажирскому сиденью, взял деньги и закрыл дверь. Сверток полупрозрачной белой бумаги выглядел значительно безопаснее.

Автомобили выезжали на автостраду. Милгрим прошагал по хрустящему под подошвами гравию пятнадцать футов, разделявших его и вывеску на доме. Над курсивно-голубой надписью «СЕМЕЙНЫЙ» он обнаружил надпись «ГОРОД НА КРАЮ», на которой осталась лишь немного шелухи от красной краски. В самом низу было написано «РЕСТОРАН». Нижняя левая сторона вывески когда-то была окрашена черной краской, с нарисованными как будь-то детской рукой, и тоже вроде бы красной краской, силуэтами трех домов. Солнце и дожди основательно зачистили картинку чтобы быть в чем-то уверенным. Справа, немного другим голубым, нежели «СЕМЕЙНЫЙ» были нарисованы полуабстрактные представления холмов и возможно озер. Если судить по названию, то местечко это было

неподалеку от официальных городских окраин.

Кто-то, из тишины по-видимому запертого здания резко стукнул в по зеркальному стеклу, похоже кольцом.

Милгрим послушно подошел к двери, держа приподнято, словно скромный скипетр, в одной руке милимметровку, в другой, точно напротив, виниловый конверт.

Дверь открылась внутрь, явив Милгриму мощную фигуру футбольного игрока со стрижкой «порно Восьмидесятых». Ну или кого-то, похожего на футбольного игрока. Высокий, длинноногий молодой человек с исключительно огромными плечами. Он отступил внутрь, приглашая Милгрима войти.

— Привет, — произнес Милгрим, шагнув в теплый, неподвижный воздух, хранящий смесь ароматов годами работавшей кухни и промышленных средств дезинфекции.

— Я привез тебе деньги.

Милгрим продемонстрировал пластиковый конверт. Здание в настоящий момент похоже никак не использовалось, хотя и выглядело готовым к заселению в любой момент. Законсервированный «Город на краю», как Б-52 в пустыне. Он увидел пустую стеклянную голову автомата

для продажи шариков жевательной резинки, на подставке, заканчивающейся коричневой трубой-гармошкой.

— Положи их на стойку, — ответил молодой человек.

Он был одет в голубые джинсы и черную футболку, и то и другое похоже содержало сколько-то процентов волокна Спандекс. На ногах у него были черные спортивные кроссовки, на вид казавшиеся тяжелыми. Милгрим отметил на шве правой штанины узкий, четырехугольный, необычно низко расположенный карман. Защелка из нержавеющей стали прочно удерживала в нем большой складной нож.

Милгрим выполнил указание, попутно разглядев хром и бирюзовый кожзаменитель целого ряда прикрученных к полу стульев вдоль стойки, верх которой был покрыт бирюзовым же композитом Formica. Он слегка развернул бумагу, пояснив — «Мне нужно сделать трассировку. Это лучший способ определиться с подробностями. Сначала я сделаю несколько фотографий.»

— Кто в машине?

— Мой друг.

— Почему ты не ездишь за рулем?

— Управление в нетрезвом виде, — ответил

Милгрим и это была правда… По меньшей мере в философском смысле.

Молодой человек молча обошел пустую стеклянную витрину, где должно быть когда-то лежали сигареты и сладости. Оказавшись напротив Милгрима, он нагнулся под стойку и вытащил что-то в мятом белом пластиковом пакете. Пакет он бросил на стойку а пластиковый конверт с деньгами запустил по стойке на другой конец, продемонстрировав явно отточенный многократным исполнением моторный навык, который его тело выполнило автоматически, в то время как сам он продолжал наблюдать за Милгримом.

Милгрим открыл пакет и достал оттуда пару сложенных, неглаженных брюк. Они были медно-бежевого оттенка, который еще называют коричневый койот. Развернув их, он положил их на плоскую поверхность Formica, достал из кармана куртки камеру и начал фотографировать, используя вспышку. Он сделал шесть снимков спереди, затем перевернул брюки и сдела шесть снимков сзади.

Затем сделал по одному снимку четырех вместительных карманов. Положил камеру, вывернул брюки наизнанку и снова начал сни-

мать. Упаковав камеру он аккуратно расправил штанины, по прежнему вывернутых брюк на поверхности стойки, расправив поверх них первый из четырех листов бумаги. Одним из графитовых стержней начал обводить край изделия.

Ему нравилось делать это. В душе его при этом воцарялся внутренний покой. Когда-то его откомандировали в Hackney к портному, который занимался подгонкой, чтобы он провел послеобеденное время как раз вот за таким занятием. И оно ему понравилось. Это было освященное веками средство похищения информации. Это было как срисовывание контура надгробной каменной или бронзовой плиты в соборе. Средне-твердый графитовый карандаш, если его правильно использовать, захватывал каждую деталь шва и строчки. Все, что потребуется изготовителю копии образца одежды, чтобы воссоздать не только общие очертания, но и характер и детали конструкции.

Пока он работал, молодой человек открыл конверт, распаковал пачки банкнот и тихонько пересчитал их. — «Нужен клин,» — сказал он когда закончил.

— Пардон? — Милгрим остановился. Пальцы его правой руки покрывала графитовая пыль.

— «Клин,»- молодой человек складывал деньги обратно в голубой конверт. — «Где внутренняя поверхность бедер. Он нужен, если ты собираешься заниматься скалолазаньем.»

— Спасибо, — Милгрим показал измазанные графитом пальцы. «Ты не мог бы перевернуть брюки? Не хочется оставлять на них следы графита.»

— Дельтой до Атланты, — Слейт передал Милгриму конверт с билетом. Он опять оделся в невыразимо раздражающий костюм, с причудливо укороченными брюками, который почему-то забыл одеть в Миртл Бич.

— Бизнес класс?

— Тренировочный, — ответил Слейт, выглядел он при этом явно удовлетворенным. Он передал Милгриму второй конверт. — «Из Бритиш Мидланд до Хитроу.»

— Тренировочный?

Слейт нахмурился — «Бизнес класс.»

Милгрим улыбнулся.

— Он хочет чтобы ты встретился с ним, сразу по прилету.

Милгрим кивнул, и сказал — «Пока.» Он повесил красную тубу на плечо и направился к стойке регистрации. В другой руке он держал сумку, на-

правляясь прямо под очень большой флаг штата Северная Каролина, композиция которого показалась ему странно Исламской, с ее пальмовым деревом и полумесяцем.

Глава 3

Пыльные клочья

Она проснулась в серых сумерках, слоями лежащих на шторах и драпировках. И лежала уставившись в тусклый анаморфный вид повторяющихся инсектоидных картушей, уменьшающихся и искажающихся по мере приближения к потолку. Полки с предметами, какие можно увидеть в журнале Wunderkammer. Различного размера головы, мраморные, из слоновой кости и из позолоченной бронзы. Ничем не декорированный круглый низ клетки библиотеки.

Она посмотрела на свои часы. Чуть после девяти.

Она выбралась из кровати, в своей футболке Bollards, размера XXL надетой на невелюровую пижаму, и вошла в ванную, высокую, глубокую бухту из не совсем белой плитки. Чтобы включить громадный душ, потребовались такие же

усилия как и раньше. Викторианский монстр, его оригинальные краны представляли собой неуклюжие латунные узлы. Горизонтальные, четырехдюймовые никелерованные трубы с трех сторон как будь-то образовывали клетку. На трубах было удобно греть полотенца. На этом фоне, листы стекла дюймовой толщины со скошенной кромкой выглядели вполне современно. Оригинальный распылитель душа диаметром тридцать дюймов, располагался прямо над головой. Скинув футболку и пижаму, она надела одноразовую шапочку и забралась в кабину. Намылилась ручной работы мылом с маркой Корпуса, которое едва едва отдавало огурцом.

Душевую кабину она сфотографировала своим iPhone-ом. Кабина напоминала ей машину времени Герберта Уэлса. Возможно эта кабина уже существовала, когда он начал писать ту часть, которая должна была стать первым романом.

Пока вытиралась и наносила на кожу увлажняющий бальзам, слушала сквозь богато украшенную бронзовую решетку радио BBC. Ничего катастрофического, равно как и ничего сколько-нибудь хорошего, с момента, когда она последний раз слушала новости, не произошло. Банальщина, образца начала двадцать первого века, замешан-

ная на спирали смертельного подтекста.

Она сняла шапочку для душа и покачала головой, волосы еще хранили остатки волшебной работы стилиста из салона в Селфридже. Она любила обедать в обеденном зале Селфриджа, выходя наружу через черный ход, чтобы удержаться от падения в коллективный транс шопоголизма. Хотя это было одним из ее любимых занятий в универмаге.

Гораздо сильнее она была подвержена шопоголистическим приступам в небольших магазинчиках, и с этой точки зрения Лондон был очень опасен. Взять например японские джинсы, которые она в этот момент натягивала на себя. Результат посещения местечка за углом от студии Инчмейла, неделю назад. Пустота дзэн, миски с осколками чистого, кристаллизованного индиго, как иссиня-черного стекла. Владелец, пожилая, благообразная японка одетая как в постановке «В ожидании Годо».

Сейчас ты увидишь это, — подумала она про себя. Деньги.

Когда чистила зубы, обнаружила виниловую фигурку Голубого Муравья на мраморной поверхности раковины, среди своих лосьонов и косметики. «Ты меня разочаровал», мысленно

сказала она самодовольному муравью, подбоченившимуся на своих четырех лапках. Не считая нескольких ювелирных изделий, муравей был одной из немногих вещей, которая находилась с ней с момента ее первого знакомства с Хьюбертусом Бигендом. Она однажды пыталась избавиться от этого муравья, тем не менее, он все еще был с ней. Ей казалось что она оставляла его в пентхаузе Бигенда, в котором она жила в Ванкувере, но муравей оказался в ее сумке, когда она вернулась в Нью Йорк. Она смирилась с этим, однако подсознательно ощущала фигурку как инвертированный амулет. Мультяшное воплощение торговой марки Его агентства. Она стала считать муравья секретным символом ее нежелания пересекаться еще хоть когда-нибудь в деловых отношениях с Ним.

Амулет должен был удерживать своего хозяина как можно дальше от нее.

«У тебя не так уж много ликвидного имущества» — напомнила она себе булькая жидкостью для полоскания полости рта. Виноваты в этом были лопнувший пузырь дот-комов и опрометчивое вложение в бизнес по продаже виниловых пластинок. Правда произошло это задолго до того, как Бигенд нашел ее. Нельзя сказать что дела ее

в настоящий момент были совсем уж плохи, но если она правильно поняла своего бухгалтера, она потеряла около пятидесяти процентов своего капитала, когда рынок пошел вниз. Хотя в настоящий момент она не делала ничего такого. Не вкладывала деньги ни в акции новых компаний, ни в донкихотские музыкальные магазины в Бруклине.

Все имеющиеся у нее вещи в настоящий момент находились в этой комнате. Если не считать упавших в цене акций и нескольких коробок с копиями Американского издания ее книги, там, в Трибека Гранд. Она выплюнула жидкость для полоскания рта в мраморную раковину.

Инчмэйл ничего не имел против Бигенда, в отличие от нее. Но Инчмэйл, как личность невыносимо яркая был одарен весьма полезной грубостью ума, этакой встроенной психической мозолью. Бигенда он находил интересным. Возможно он считал его еще и отвратительным, для Инчмэйла интересный и отвратительный были категориями обширно перекрывающимися. Хотя это вряд ли, скорее всего он полагал что Бигенд — безоговорочная аномалия. Чрезмерно богатый, опасно любопытный комбинатор, теневых структур этого мира.

Она точно знала что не существует способа, объяснить такому существу как Бигенд, что вы не хотите иметь с ним дел. От этого, его внимание к вам только возрастет и окрепнет. Кратко выразить впечатление от ее работы на Бигенда, можно было словосочетанием «перенасыщено событиями». Ее книжный проект натурально «вырос» на том, что она делала (или думала что делала) для Бигенда.

«С другой стороны,» — напомнила она себе, застегивая лифчик и натягивая футболку, — «твои уменьшившиеся почти наполовину деньги, ты получила работая на Голубого Муравья.» Что было, то было. Поверх футболки натянула почти черный свитер из ангорской шерсти, длиной до бедер. Сначала натянула на голову, потом продела руки в рукава. Присела на край кровати чтобы надеть обувь. Затем вернулась в ванную, чтобы наложить косметику.

Положила в сумочку iPhone и ключ с его кисточкой.

Выйти в коридор, покинув разноплановые декоры номера. Нажать на кнопку и ждать лифт. Приблизив лицо к железной решетке, смотреть как поднимается кабина. Верх кабины занимает сложный электромеханический Тесла узел,

который нифига не поделка дизайнеров, а совершенно реалистичная штука, выполняющая свое функциональное назначение. Механизмы, она всегда это отмечала с некоторым удовольствием, были слегка подернуты пыльными клочьями, единственное место, где она обнаружила пыль в Кабинете. Отсутствовали даже какие-никакие завалящие сигаретные бычки. Англичане оказались помешанными на чистоте чудовищами.

Спустилась вниз, на этаж, который над декорированным панелями фойе. Никаких следов ночного пьяного разгула. Обслуживающий персонал, успокаивающе невосприимчивый к вытянутому антуражу помещения, занимался своими утренними делами. Она пробралась в дальний угол и заняла место, за столиком для двоих, прямо под сооружением, исполненным в технике деревянной мозаики, которое изначально могло быть ружейной стойкой, а теперь несло на себе полудюжину бивней нарвала.

Девушка итальянка, не дожидаясь заказа принесла два кофейника, один побольше с кофе, второй поменьше, с подогретыми сливками и газету Таймс.

Она как раз занялась второй чашкой, не обращая внимания на газету, когда увидела голову

Хьюбертуса Бигенда, подпирающую лестничный марш в самом конце длинной комнаты. Бигенд был завернут в широкое, нейтрального оттенка пальто.

В отдалении, двигаясь среди а-ля «велюровых халатов», он был словно бы одним из них, скользящим к ней через гостиную, разматывая на ходу пояс пальто, расправляя крымские лацканы и выпуская наружу костюм цвета радикально синего цвета, какого только ей доводилось видеть. Производный от ультрамарина оттенок, обычно называемый Международный Синий Кляйна. Всякий раз, когда она вновь встречалась с Бигендом, ей казалось что он стал заметно больше, хотя нельзя было сказать что он набрал хоть сколько-нибудь дополнительного веса. Просто стал больше. Она подумала что возможно он растет только когда приближается.

Двигающийся Бигенд заставлял завтракающих постояльцев Кабинета раболепно склоняться, не столько из страха быть зацепленными «хвостом» его развивающегося пальто, или опасно раскачивающимся поясом, сколько из опасения что он сметет их просто не заметив.

— Холлис, — сообщил он. — Выглядите потрясающе. — Она покраснела, как от воздушного по-

целуя. Вблизи Хьюберт всегда выглядел слишком полнокровным, по меньшей мере на лишнюю кварту. Розовый как поросенок. Значительно более горячий, нежели обычный человек. Пахнущий каким-то одеколоном, как из старинной Европейской парикмахерской.

— Это вряд ли. — усомнилась она. — Посмотрите-ка на себя. Посмотрите на свой костюм.

— Мистер Фиш, — сказал он, ужасно шумно освобождаясь от пальто, как будь-то одна за другой взорвались несколько гранат или загрохотала якорная цепь. Рубашка на нем была бледно-золотой, узел шелкового галстука почти такого же оттенка.

— Он хорош, — сказала она.

— Он не мертв, — сказал Бигенд с улыбкой, размещая себя в кресле напротив.

— Мертв? — она заняла свое место.

— Очевидно нет. Просто его очень трудно найти. Я нашел его портного. На Сэвил Роу.

— Это Синий Кляйна?

— Точно.

— Костюм выглядит радиоактивно.

— Раздражает окружающих. — сказал он.

— Надеюсь вы не ради меня его надели.

— Вовсе нет. — он улыбнулся. — Я ношу его

потому что он мне нравится.

— Кофе?

— Черный.

Холлис посигналила девушке итальянке. — Как там черный метал?

— Сплошные тремоло. — он сказал это с оттенком легкого раздражения. — Ударные с двойной педалью. Рег считает что в этом что-то есть. — он слегка наклонил голову. — А вы как думаете?

— Я не думаю что в этом что-то есть. — она добавила молока в свой кофе.

Девушка итальянка подошла чтобы принять заказ. Холлис попросила хлопья с фруктами, Биг-энд заказал полный английский завтрак.

— Мне очень понравилась ваша книга. — произнес он. — Мне показалось что приняли ее довольно благосклонно. По меньшей мере Вог.

— Бывшая рок певичка опубликовала иллюстрированный альбом?

— Нет правда. Получилось очень хорошо. — Он подобрал пальто, которое набросил на подлокотник своего кресла. — Работаете еще над чем-нибудь сейчас?

Она отхлебнула кофе.

— Вы хотите продолжать заниматься этим, — сказал он.

— Не сказала бы.

— Грязных скандальных сплетен не будет, — сказал он, — общество благосклонно относится к тому, что кто-то, уже знаменитый в какой-то области станет знаменитым в еще какой-нибудь области.

— Я не пытаюсь прославиться.

— Вы уже прославились.

— Это в прошлом, к тому же весьма недолго.

— Степень неоспоримой прославленности, — сообщил он с видом врача, совершенно точно установившего диагноз.

Некоторое время молчали. Холлис делала вид что просматривает несколько первых страниц Таймс пока не появилась итальянская девушка и похожий на нее довольно симпатичный темноволосый юноша. Завтрак они принесли на темного дерева подносах с латунными ручками. Расставив приборы на низком кофейном солике, девушка и ее спутник удалились. Взгляд Бигенда на какое-то время сосредоточился на движении бедер уходящей девушки.

— Мне очень нравится полный английский завтрак. — сказал он.

— Требуха. Кровяная колбаса. Фасоль. Бекон. Вы были здесь до того, как они изобрели это? — спро-

сил он. — Вы должны были.

— Была, — призналась она, — Я была очень молодой.

— Даже тогда, — сказал он, — полный английский завтрак был гениальной вещью.

Он нарезал колбасу, которая выглядела как ливер, сваренный в желудке небольшого животного, коалы например.

— Есть кое-что, с чем вы могли бы нам помоч, — сказал Бигенд загружая в рот кусок колбасы.

— Нам.

Он дожевал, кивнул и проглотил еду.

— Мы же не просто рекламное агентство. Вы же знаете это. Мы трансформируем восприятие брэндов, предсказываем тенденции, управляем производством, реконструируем развивающиеся рынки и вообще мыслим и планируем стратегически.

— Что случилось с заказчиком, который заплатил нам за полные права на песню «Одному трудно»?

Бигенд погрузил тонкую полоску тоста в жидкий желток поджаренного яйца примерно наполовину, прожевал его, проглотил, вытер губы салфеткой и спросил — Вас что это беспокоит?

— Это были большие деньги.

— Это Китай. — ответил он. — Автомобиль, для которого мы сделали рекламу, не вышел на рынок. Не захотел.

— Почему?

— Проблемы с дизайном. Очень основательные. Правительство решило что это не тот автомобиль, который Китай должен выводить на мировой рынок. По меньшей мере не на фоне нескольких скандалов по поводу испорченных пищевых продуктов и прочей всякой всячины.

— Он действительно был настолько плох?

— Безоговорочно плох. — Бигенд ловко управляясь вилкой перемещал запеченые бобы на тост. — В конце концов им не нужна была ваша песня. — сказал он. — насколько мы знаем ответственные за проект руководители до сих пор живы и здоровы. Для всех заинтересованных сторон результат выглядит вполне оптимальным.

Он взялся за бекон. Она ела свои хлопья с фруктами и смотрела на него. Он ел быстро, методично подпитывая свой неутомимый многоцилиндровый метаболизм. Она никогда не видела его усталым или выбитым из колеи разницей во времени после перелета. Он похоже жил в своем собственном временном поясе.

Он закончил завтракать раньше ее, промокнув

тарелку дочиста последней половинкой треугольного, с золотистой корочкой Кабинетного тоста.

— Трансформация восприятия брэнда. — сообщил он.

— Да? — ее бровь поднялась.

— Истории. Потребители покупают не столько товары, сколько интересные истории.

— Это не новость. — сказала она, — Я и раньше слышала об этом. — Она глотнула остывшего кофе.

— В какой-то момент эта идея становится самоисполняющимся пророчеством. Дизайнеры придумывают персонажей с историями, для которых потом придумывают товары. Стандартный подход. Похожие обобщенные процедуры в брэндинге существуют для создания чего угодно. Новых товаров, новых компаний.

— И это работает?

— Еще как работает, — ответил он, — неоспоримый факт. Только есть нюанс. Как только вы изобретаете новый способ делать что-нибудь, происходит смещение границ. В другие места и точки пространства.

— В какие?

— В те, в которых вы оказались, — ответил он.

— Я нигде не оказалась.

Он улыбнулся. Зубы его, как обычно сверкали неестественной белизной.

— У вас бекон в зубах застрял, — сказала она, хотя никакого бекона там не было.

Прикрыв рот белой, льняной салфеткой, он попытался найти частички несуществующего бекона. Затем опустил салфетку, показав зубы в широкой гримасе.

Она так же оскалилась в ответ. — Я думаю вы достали его. — сказала она с сомнением. — А ваше предложение мне неинтересно.

— Вы представитель богемного сословия, — сказал он, складывая салфетку и пристраивая ее на поднос, за своей тарелкой.

— О чем это вы?

— Вы вряд ли когда-нибудь держались за должность на работе. Вы фрилансер. И всегда были фрилансером. Вы не аккумулируете ничего недвижимого.

— Нельзя сказать что я никогда не пыталась.

— Нет, — согласился он, — но даже когда вы пытались, вы вряд ли делали это от всего сердца. Я сам такой.

— Хьюберт, вы самый богатый человек из всех, кого мне доводилось когда-нибудь встречать. —

Она знала что в буквальном смысле это не было правдой, но прочие ее знакомые, которые могли бы быть более обеспеченными чем Бигэнд, были не в пример значительно более скучными людьми. Он был самым проблематичным из всех богатых людей, которых она знала.

— Это побочный эффект, — заметил он с осторожностью. — Один из побочных эффектов моей фундаментальной незаинтерисованности в богатстве.

В действительности она конечно верила ему, по меньшей мере в этом утверждении. Свою способность рисковать он эксплуатировал на полную катушку. И как раз из-за этого, как она знала по собственному опыту, находиться рядом с ним было просто небезопасно.

— Моя мать тоже была из богемы, — сказал он.

— Федра, — почему-то вспомнила Холлис.

— Я сделал ее старость настолько комфортабельной насколько это возможно. Для представителей богемы это не характерно.

— Вы молодец.

— Рег соответствует образу успешного представителя богемы, вам не кажется?

— Я думаю так оно и есть.

— Он всегда над чем-то трудится Рег. Всегда.

Всегда это что-то новое. — Он смотрел на нее сквозь тяжелую серебрянную посуду. — А вы?

Она поняла что в этот вот момент он ее подловил. Глядя как-то прямо внутрь ее.

— Нет, — сказала она, потому что в самом деле больше и сказать было нечего.

— Вы должны быть чем-то заняты, — сказал он, — Самое интересное конечно в том, что неважно чем вы будете заняты. Что бы вы не делали, поскольку вы художник и артист, принесет в мир новую, созданную вами вещь. Так же, как это произошло в последний раз, помните? Вы написали книгу.

— Но вы обманывали меня, — ответила она, — Вы притворялись издателем журнала, и я писала для него.

— Я почти и был издателем журнала. У меня же были сотрудники.

— Один человек!

— Два, — сказал он, — включая вас.

— Я не могу так работать, — сказала она, — я не хочу.

— В этот раз будет по-другому. Нынешний случай менее… рисковый.

— Хотите сказать что национальное агентство безопасности или кто-то там еще не прослуши-

вал ваш телефон и не читал вашу электронную почту?

— Но мы же знаем теперь, что они всех читали и прослушивали. — Он ослабил свой бледно-золотистый галстук. — Тогда мы не знали.

— Вы знали, — сказала она, постараясь передать в интонации что указывает персонально на Бигенда. — Вы догадывались. Или даже обнаружили.

— Кто-то, — ответил он, — разрабатывает нечто, что может служить доказательством возможности передачи видения брэнда новым способом.

— Из ваших уст это звучит как похвала.

— Достаточно прямолинейно-провокационное использование негативного поля, — сказал он, еще более одобрительно.

— Кто?

— Я не знаю, — ответил он. — Я не смог найти. Я чувствую что кто-то читает и понимает мою схему игры. И возможно дополняет ее.

— Отправьте Памелу, — предложила она. — Памела разбирается во всем это. И кое в чем еще. У вас есть как минимум небольшая армия людей, понимающих все это. Должна быть.

— Так ведь в этом-то и проблема. Поскольку они «понимают все это», они не могут увидеть гра-

ницу. Они не хотят искать новое. Но хуже всего то, что они будут топтаться прямо на том, что мы ищем и раздавят его своей посредственностью, которая у них развита до навыков профессионала. — Он коснулся сложенной салфеткой своих губ, хотя на ее взгляд в этом не было никакой необходимости. — Мне нужен джокер. Мне нужны вы.

Он откинулся в кресле и стал смотреть на Холлис в точности так же, как он рассматривал аккуратную, удаляющуюся задницу девушки итальянки, только в данном случае она знала что секс здесь совершенно ни при чем.

— Господи, — неожиданно произнесла она, одновременно желая стать очень очень маленькой. Настолько маленькой чтобы завернуться в клубок пыли, венчающий стимпанковый лифт, между наконечниками фильтров, цвета пробкового дерева.

— Имя Габриэль Хаундс вам что-нибудь говорит? — спросил он.

— Нет, — ответила она.

Он улыбнулся, явно довольный.

Глава 4

Парадоксальный антагонист

Красная картонная туба лежала рядом с Милгримом, оба были аккуратно накрыты тонким одеялом из Британского Мидлэнда. Милгрим бодрствовал лежа в затемненном салоне самолета, летящего в Хитроу.

Он выпил свои таблетки около пятнадцати минут тому назад, после некоторых расчетов, произведенных на обратной стороне журнала, найденного здесь же. Перемещение между часовыми поясами требовало сноровки, с точки зрения приема лекарственных препаратов, особенно учитывая то, что тебе запрещено точно знать что же это такое ты глотаешь. Все что выдали Милгриму Базельские врачи, не имело оригинальной заводской упаковки, так что определить наименования лекарств не было никакой возможности. Сделано это было намеренно, и как ему объяснили, совершенно необходимо для его лечения. Все было переупаковано в разного размера белые желатиновые капсулы, не имеющие никаких особых примет, которые ему запрещено

было открывать.

Пустую белую упаковку, покрытую изнутри полиэтиленовыми пузырьками, на которой лиловыми чернилами, крошечным четким почерком были написаны дата и время он засунул поглубже в карман на спинке кресла. Она должна была остаться в самолете в Хитроу. Ничто не должно было быть пронесено через таможню.

Его паспорт лежал на груди, под рубашкой, упакованный в сумку Фарадея, которая изолировала от внешнего доступа информацию на его гражданской RFID метке. Слежка и перехват RFID были из области одержимости Слейта. Метки радиочастотной идентификации. Их очевидно встраивали во многие вещи, и обязательно в каждый новый паспорт гражданина Соединенных Штатов. Слейту очень нравилась идея слежки за RFID-ами, Милгрим полагал что именно из-за этого он и волновался об этом. Вы можете расположиться в лобби отеля и удаленно собирать информацию с паспортов ничего не подозревающих американских бизнесменов. Только сумка Фарадея, которая блокирует радио сигналы, делает перехват невозможным.

Нео телефон Милгрима был еще одним примером одержимости Слейта в области безопасности,

или скорее контроля, как полагал Милгрим. У телефона была невообразимо крошечная экранная клавиатура, управляться с которой можно было лишь с помощью стилуса. Координация рук с глазами, если верить заключению медиков клиники была у Милгрима в совершенной норме, но не смотря на это чтобы отправить сообщение с телефона, ему требовалась практически ювелирная концентрация. Больше всего доставало то, что Слейт установил в настройках телефона автоматическую блокировку экрана после тридцати секунд неактивности, и Милгриму теперь требовалось вводить пароль всякий раз, когда он задумывался больше чем на двадцать девять секунд. Слейт аргументировал это тем, что если разблокированный телефон попадет в чужие руки у похитителя будет всего тридцать секунд, а за это время ему не удастся считать данные с телефона или успеть получить полный доступ к нему.

Нео, полученный Милгримом был пожалуй не столько телефоном, сколько испытательным полигоном для Слейта, в котором он мог обновлять прошивки, устанавливать или удалять приложения. Причем Милгрим об этом мог даже и не догадываться, а уж согласия его никто и

не спрашивал. Иногда происходило нечто, что Слейт называл «обрушением ядра». Это означало что телефон безнадежно завис, и для оживления, его надо выключить и снова включить. Точно такое же происходило периодически и с самим Милгримом.

Хотя надо сказать что в последнее время «ядро» Милгрима обрушивалось гораздо реже. И даже когда это происходило, он похоже перезапускался сам. Как объяснил когнитивный терапевт в клинике, это побочный эффект, как следствие каких-то других вещей, а не что-то там само собой самообучающееся. Милгрим предпочитал считатьчто побочный эффект должен быть кратковременным и в какой-то момент прекратится. Как объяснил терапевт, если обсуждать побочный эффект снижения беспокойства, то ключевым действием здесь был отказ Милгрима от постоянного приема препаратов бензодиазепиновой группы.

Он больше вообще не «закидывался» по-видимому подвергнувшись в клинике весьма последовательной «чистке». Когда в точности он прекратил принимать «колеса» он не знал, капсулы без маркировки делали это невозможным. Милгрим получил гору капсул, многие

из которых содержали разного рода пищевые добавки. Клиника грешила какой-то скрытой природно-натуристской направленностью, которую он соотносил со всем Швейцарским. С другой стороны лечение оказалось невероятно агрессивным, комплекс включал все что только можно, начиная от многократных переливаний крови, и заканчивая веществом, которое они называли «парадоксальный антагонист». Вещество это генерировало исключительно своеобразные сны, в которых Милгрима преследовал настоящий Парадоксальный Антагонист, темная фигура которого несколько напоминала цвета, на американских рекламных иллюстрациях 1950-ых годов. Этак весело, дерзко и с задором.

Он скучал по своему когнитивному терапевту. Милгрим очень обрадовался возможности говорить по-русски с такой красивой, образованной женщиной. Он почему-то даже не мог представить себе все как бы выглядели их беседы на английском языке.

В клинике он провел восемь месяцев, дольше чем любой другой клиент. Все, у кого была возможность, негромко спрашивали его название фирмы, в которой он работает. Милгрим отвечал по разному. Однако вначале это всегда

были иконы брэндов из его молодости такие как Кока-Кола, Дженерал Моторс или Кодак. Глаза спрашивавших широко распахивались услышав это. Ближе к концу лечения он переключился на Энрон. Теперь глаза слушателей сужались. Частично в этом была заслуга его врача, которая и рекомендовала Милгриму регулярно просматривать свежие новости в Интернет, дабы быть в курсе происходящих в мире событий. Она правильно подметила, что он совершенно выпал из мирового контекста.

Милгриму приснилось что он в высокой белой комнате, с полом из известкового дуба. Высокие окна. За окнами падает снег. Мир снаружи абсолютно, бездонно тихий. Свет рассеянный, ненаправленный.

— Где вы выучили русский мистер Милгрим?

— В Колумбийском университете.

У нее белое лицо. Черные матовые волосы, разделенные в середине пробором и стянутые сзади в тугой хвост.

— Вы рассказывали что до того, как попасть сюда буквально находились в плену. Это было после Колумбии?

— Да.

— Насколько положение, в котором вы сейчас

находитесь отличается от того, предыдущего?

— Оцениваю ли я его как плен?

— Да.

— Он несколько иного плана.

— Вы понимаете почему кто-то хочет оплатить весьма серьезные суммы за ваше здесь содержание?

— Нет. А вы?

— Нет. Вы понимаете природу отношений между врачом и пациентом в моей профессии?

— Вы не собираетесь никому пересказывать о том, что рассказал вам я?

— Именно так. Вы полагаете я вас обманываю?

— Я не знаю.

— Я не обманываю вас. Когда я согласилась приехать сюда для работы с вами, это было главным условием. Я здесь только для вас мистер Милгрим, не для них.

— Это хорошо.

— И поскольку я здесь для вас мистер Милгрим, то я за вас беспокоюсь. Как если бы вы должны были родиться. Вы понимаете?

— Нет.

— Вы не были самим собой, когда вас сюда привезли. Какая-то часть вашего самосознания

отсутствовала. Сейчас вы ваше самосознание более целостно, но восстановление это сложный органический процесс. И если повезет, то он будет продолжаться всю вашу оставшуюся жизнь. Термин восстановление в данном случае несколько обманчив. Конечно некоторые аспекты вашей личности вы восстанавливаете, но что более важны качества, которымы вы до этого не обладали. Это главный аспект развития. Ваше развитие было определенным образом подавлено. Сейчас у вас есть возможность расти.

— Но это же хорошо.

— Это хорошо, да. А вот комфортно ли? Думаю не всегда.

В Хитроу высокий черный мужчина с безупречно выбритой головой держал на уровне груди планшет, с зажатым в нем листом бумаги. В середине листа среднего размера пером Шарпи, красным было написано «мИЛгРИм».

— Милгрим, — сказал Милгрим.

— Анализ мочи, — сказал мужчина. — Пойдемте.

Отказаться от различного рода анализов означало автоматическое прекращение сделки. На этот счет они обозначили свою позицию совершенно однозначно, с самого начала. Нельзя

сказать что момент для сбора образцов его жизнедеятельности был подходящим, но других вариантов в голову не приходило.

Мужчина убрал листок с красной надписью с именем Милгрима с планшета и указал ему на явно заранее выбранный публичный туалет, на ходу комкая и засовывая листок в свое черное пальто.

— Сюда, — они быстро спустились к ряду настоящих полностью закрытых Британских туалетных кабинок. Не какие-то там перегородки с перемычками, а настоящие узкие небольшие туалеты, с реалистичными дверьми. Это первое культурное различие, которое увидел здесь Милгрим. Он догадался что для англичанина, пользование американским публичным туалетом станет восхитительно полукоммунальным опытом.

Мужчина указал Милгриму на свободный туалет, оглянулся, затем быстро шагнул в дверь, вслед за Милгримом. Закрыл и защелкнул дверь на замок и передал Милгриму пластиковый пакет для сэндвичей, в котором лежала бутылочка с голубой крышкой.

Милгрим аккуратно установил красную картонную тубу в углу туалета. Он уже понял что

мужчина хочет убедиться в том, что получит анализ мочи именно Милгрима, что никакой подмены на заведомо чистый образец не произойдет. Или может быть он хочет удостовериться что у Милгрима нет специального протезного пениса. Он читал о таких в Нью-Йоркских таблоидах.

Милгрим извлек бутылку из пакета, сорвал бумажную печать, снял голубую крышку и заполнил бутылку «без лишних церемоний». Фраза сама собой образовалась в голове. Закрыл бутылку, положил ее в пакет и передал его мужчине. Так, чтобы тот не почуствовал тепло его свежей мочи. Ему это удалось. Мужчина бросил образец в небольшой бумажный коричневый пакет, свернул его и убрал в карман пальто. Милгрим отвернулся и закончил писать, как только мужчина открыл дверь и вышел из кабинки туалета.

Когда Милгрим вышел, мужчина мыл руки. Флюоресцентный свет отражался от впечатляющего купола его черепа.

— Что погода? — спросил Милгрим, принимая в руки порцию мыла из бесконтактного диспенсера. Картонная туба лежала на забрызганной капельками воды плите из искусственного гранит, куда были встроены раковины.

— Дождливо, — сказал мужчина, вытирая ру-

ки.

Милгрим вымыл и высушил руки, а затем влажным бумажным полотенцем промокнул пниз пластиковой крышки своей тубы.

— Куда мы теперь?

— Сохо, — сказал мужчина.

Милгрим последовал за мужчиной, быстро закинув сумку на одно плечо, и зажав тубу подмышкой противоположной руки.

В этот момент он вспомнил о своем Нео телефоне.

Он включил его и телефон тут же начал звонить.

Глава 5

Дефицит

Из своего кресла, она смотрела на удаляющийся воротник его пальто. Он торчал как у вампирской накидки, как их показывают в фильмах. Он спускался в фойе Кабинета, уменьшаясь в поле зрения, с каждой, пройденной вниз ступенькой. Она откинула голову назад, на скользкую парчу обивки и смотрела на заворачивающиеся спирали копий бивней нарвала в декоративной

стойке.

Затем она выпрямилась сидя в кресле и заказала себе кофе с молоком в чашке, а не в кофейнике. Толпа завтракающих уже почти рассеялась. Остались лишь Холлис и пара одетых в темные костюмы русских мужчин, которые выглядели как массовка из фильма Кроненберга.

Она взяла в руки свой iPhone и набрала в гугле строчку «Габриэль Хаундс».

К тому моменту, когда ей принесли кофе, она определила что именем «Габриэль Хаундс» был озаглавлен роман Мэри Стюарт, и по меньшей мере один музыкальный компакт диск и одна музыкальная группа так же были отмечены этим названием.

Все, что удалось узнать, оказалось не более чем названием альбома и группы. А все потому, что группы в последние двадцать с небольшим лет, придумывали себе совершенно незапоминающиеся имена и страшно этим гордились.

Изначально же Габриэль Хаундс оказался легендой фольклора. Топот собачьих лап где-то высоко в воздухе в ветренную ночь. Что-то из области Дикой охоты. Это определенно была территория Инчмэйла хотя нельзя было исключить и более странные варианты. Например с участи-

ем собак с человеческими головами, или собак с головами младенцев. Считалось что Габриэль Хаундс охотился за душами умерших некрещеных детей. Она предположила что это борьба христианства с язычеством. А собаки изначально были «трещотками», этим словом обозначали собак которые идут по следу. Трещотки Габриэля. И даже «тарахтящие трещотки». Стопроцентно в духе Инчмэйла. Он бы тут же организовал коллектив с названием Тарахтящие Трещотки.

— Оставили для вас Мисс Генри. — Итальянская девушка протянула ей глянцевую бумажную сумку, желтого цвета, без надписей.

— Спасибо. — Холлис положила iPhone и взяла сумку. Сумка была запечатана скобками степлера. Она представила себе огромный латунный степлер, стоящий на порнографическом столе внизу в холле. Для полноты картины к степлеру должен быть приставлен настоящий турок в тюрбане.

Ручки сумки были зажаты между двух визиток, которые кто-то так же сшил степлером, совершенно не жалея скобок. На визитке значилось Памела Мэйнуоринг, Голубой Муравей.

Холлис оторвала визитки и потянула бумажные края сумки в разные стороны, прорвав

бумажный глянец скобками.

Очень тяжелая джинсовая рубашка. Она извлекла ее из сумки и разложила на коленях. Не рубашка, жакет. Джинсовая ткань очень темная, граничащая с черным, темне чем ее японские джинсы. Запах индиго очень сильный, землистый запах джунглей, знакомый по магазину, где она нашла свои джинсы. Металлические кнопки. Заклепки черно-мертвого вида, не отражающие свет, выглядят странно, как будь-то сделаны из порошка.

Никаких внешних надписей. Этикетка, внутри, под воротником, из неокрашенной кожи, толстая как ремень. На ней не имя, а расплывчатые и смутно тревожные контуры, в которых она различила собаку, с головой младенца. Клеймо торгового знака похоже было скручено из единого куска тонкой проволоки. Затем его раскалили, и неравномерно придавили к коже, подпалив ее местами. Под нижний край кожи, прямо в середине была вшита небольшая петля, свернутая из белой тканой ленты с машинной вышивкой из трех четких круглых черных точек, расположенных треугольником. Может быть это размерная метка?

Ее взгляд вернулся на изображение собаки на

этикетке, с ее невыразительной, практически кукольной головой.

>>>

— Двадцать унций, — произнесла красиво седеющая профессор денима. Жакет Габриэль Хаундс был разложен перед ней на плите из полированного массива лиственницы почти футовой толщины. Поддерживали плиту цельно-чугунные, выполеннные на токарном стонке ноги. — Плотно-неравномерная.

— Плотно-неравномерная?

Она едва касаясь поверхности, провела рукой по рукаву. — Эта шероховатость. На ткани.

— Это японский джинс?

Брови женщины приподнялись. Сегодня она была одета в твид, который выглядел так, будь-то бы в нем забыли ягоды ежевики. Брюки хаки, застиранные до того состояния, когда определить их цвет становится затруднительно. Грубая, похоже ручной выделки оксфордская ткань. Завершали картину два своеобразно драных галстука с рисунком «огурцами», разной ширины. — Американцы разучились делать такой джинс. Может быть он из Японии. Может быть нет. Где ты взяла его?

— Это моего друга.

— Тебе нравится такая одежда?

— Я даже не меряла его.

— Нет? — Женщина обошла Холлис и помогла ей снять ее пальто. Затем взяла жакет со стола и помогла Холлис забраться в него.

Холлис увидела себя в зеркале. Выпрямилась. Улыбнулась. Сказала — Не плохо, — Подняла воротник. — Я такого не носила лет двадцать, по меньшей мере.

— Сидит очень хорошо, — сказала женщина. Она обеими руками коснулась спины Холлис чуть ниже плеч. — Крой плеча расширенный, внутри эластичные ленты, они удерживают силуэт. Так делали жакеты Lee серии HD, в ранних пятидесятых.

— Если ткань японская, возможно и жакет сшит в Японии?

— Может быть. Сшито добротно, фурнитура лучшая, но это не обязательно Япония. Может быть Тунис? Или Калифорния.

— Где я могу купить такой же? Или что-нибудь еще этого же производителя? — она постаралась не называть марку.

Их глаза встретились в зеркале. — Вы получили образец товара, имя которого засекречено. Вы

понимаете это?

— Думаю да, — ответила с сомнением Холлис.

— Существование этой марки тщательно скрывается, — сказала женщина. — Я не могу вам помочь.

— Вы помогли мне, — ответила Холлис, — спасибо, большое спасибо.

Испытывая внезапное желание покинуть красивый и аккуратный маленький магазин, наполненный мускусным запахом индиго, она накинула пальто прямо поверх жакета Габриэль Хаундс и попрощавшись вышла.

Снаружи, по Аппер Джеймс быстро шагал мимо юноша. Полусфера черной тонкой шерстяной шапки, надвинутой почти «на глаза». Вся одежда черная, подчеркивающая его белое небритое лицо, по детски неравномерно зарастающее жидкой щетиной. И скрадываемые тротуаром белые подошвы его черных кроссовок.

— Клэмми, — рефлекторно произнесла Холлис, в момент, когда он поравнялся с ней.

— Твою мать, — прошипел Клэмми, своим недавно приобретенным и местами звучащим странно западно-голивудским американским акцентом и вздрогнул как будь-то его здорово дернуло хорошим электрическим разрядом. — Ты

чего здесь делаешь?

— Ищу джинс, — ответила она, показывая назад, на магазин, и только что обнаружив что вывески на нем нет, и она совершенно не знает как он называется, продолжила — марку Габриэль Хаундс. Но у них нет таких вещей.

Брови Клэмми чуть не уползли вверх, под его черную шапочку.

— Как вот эта, — сказала она, подергав незастегнутый жакет под пальто.

Его глаза сузились. — Где ты это взяла?

— У приятеля.

— Хрена с два ты найдешь что-нибудь похожее, — совершенно серьезно произнес Клэмми. Чем по настоящему впервые удивил ее.

— Может кофе?

Клэмми вполне заметно дрожал. — Я нахрен заболел, — сказал он и шумно пошмыгал носом. — Пришлось свалить из студии.

— Тогда травяной чай. И что-нибудь для поднятия иммунитета.

— Это ты была девушкой Рега, когда вы играли в группе? Подружка мне сказала.

— Я никогда не была девушкой Рега. Ни символически, ни буквально.

Они помолчали.

— Это старая байка о том, что гитарист должен трахать вокалиста, — уточнила она.

Клэмми попытался ухмыльнуться сквозь простуду. — Таблоиды то же самое пишут про меня и Арфура.

— В точности, — ответила она. — У меня есть канадское патентованное средство на основе женьшеня. А травяной чай — убийца простуд. Безболезненно.

Клэмми, шмыгая и хрюкая кивнул в знак согласия.

>>>

Она надеялась что Клэмми действительно подцепил вирус. Второй вариант был значительно хуже. Ранняя стадия синдрома отмены героина сопровождалась похожими симптомами. С другой стороны работа в студии сама по себе была стрессом немалым, а уж в сочетании с простудой и Инчмэйлом. Возможно все-таки это обычная простуда.

Она заставила его проглотить пять капсул этой штуки, с названием Колд-Эф-Икс, прописав для профилактики три и себе. Вообще то на стадии швырканья, и шмыганья, когда зараза уже вовсю работает средство не демонстрировало «вол-

шебного» действия. Холлис надеялась на эффект плацебо. Она уже два раза пообещала Клэмми исцеление, первый раз на углу возле магазина, второй раз в Старбаксе на Голден Сквер. Инчмэйл кстати совершенно не верил в лечебные возможности Колд-Эф-Икс, списывая все как раз на эффект плацебо, которым Холлис «сама себя лечила».

— Продолжай принимать их, — сказала она Клэмми, и поставила белый пластиковый флакон рядом с картонным стаканчиком ромашкового чая, из которого поднимались струйки пара. — Не читай инструкцию, просто принимай по три штуки, три раза в день.

Он пожал плечами. — Где ты взяла Хаундсов?

— Это вещь одного моего знакомого.

— А он где ее взял?

— Я не знаю. Мне сказали что это засекреченный брэнд.

— Ну это пока ты про него не знаешь, — сказал Клэмми, — Его просто очень трудно найти. Трижды долбанный дефицит, этот твой Габриэль Хаундс.

— Он уже говорил что некоторые неудачные треки надо перезаписать? — Спросила она, уже заведомо предполагая что Клэмми воспротивится

ее попытке сменить тему разговора.

Клэмми дернулся. Кивнул.

— Наверное он предлагал сделать это в Туксоне?

Клэмми нахмурил лоб спрятанный под черным кашемиром. — Вчера вечером. — Он посмотрел через стекло витрины на пустынную из-за дождя Голден Сквер.

— Есть такое местечко там, — сказала она. — Одно из специальных мест Рэга. Поезжай. Сделаете еще несколько дублей поверх, если он захочет позже к этому вернуться.

— У меня уже яйца гудят от всех этих перезаписей. Какого хрена он все время что-нибудь перемикширует?

— Это часть процесса, — ответила она.

Клэмми картинно закатил глаза к небесам, или к своему черному колпачку, а затем посмотрел на нее.

— Ты спросила своего приятеля где он взял Хаундса?

— Еще нет.

Он повернулся на стуле, и демонстративно высунул ногу из-под столешницы со словами — Это Хаундс.

Джинс на его ноге был черным, очень узким. —

Двадцать унций, — сказал он, — Офигенно тяжелые.

— Плотность неравномерная?

— Ты слепая?

— Где ты их взял?

— В Мельбурне. Я там с девчонкой познакомился. Она знала где и как купить.

— Магазин?

— В магазинах их не бывает, — сказал он, — Ну может быть только если в сэкондхендах, и то вряд ли.

— Я искала в Гугле, — сказал она, — Нашла книгу Мэри Стюарт, музыкальную группу и музыкальный диск, ну и все в таком же стиле…

— Ну если погуглить еще, то скорее всего выйдешь на И-Бэй, — ответил он.

— Хаундсы есть на И-Бэй?

— Поддельные. Практически все. Китайские подделки.

— Китайцы подделывают Хаундс?

— Китайцы подделывают все, — сказал Клэмми. — Настоящий Хаундс на И-Бэй ты опознаешь сразу. Он будет стоить очень дорого, так что торговаться никто не будет. Я еще ни разу не видел чтобы за Хаундс шли реальные аукционные торги.

— Это Австралийская марка?

Он посмотрел на нее как на дуру. Он смотрел на нее так уже в течение последних нескольких минут разговора.

— Хрен там, — сказал он, — Это Хаундс.

— Расскажи мне о нем Клэмми, — попросила она. — Мне нужно узнать.

Глава 6

Поствращательное

Пластиковый корпус Нео напоминал Милгриму одно из тех устройств для поиска скрытых в стенах электропроводов, которые он продавал в специализированном магазине всяких аппаратных принадлежностей. Его корпус, простой и незатейливый неудобно расположился напротив уха Милгрима.

— Клинья? — вопрошал голос Рауша из Нео.

— Он сказал они обязательны. По одному, на внутренних поверхностях бедер.

— Что они из себя представляют?

— Дополнительный кусок ткани, между двумя швами. Обычно треугольный.

— Откуда ты это знаешь?

Милгрим подумал и сказал — Я люблю точность.

— Как он выглядит?

— Как американский футболист, — ответил Милгрим, — Только с длинными волосами.

— Что?

— Мне пора, — сказал Милгрим. — Мы на развязке Хэнгер Лэйн.

— Чт…

Милгрим отключился.

Спрятав Нео в карман он сел на сиденье прямо. Трансплантант-мотор четырехдверной, коротокобазной, Тойоты Хайлюкс, переоборудованной фирмой Янкеля в броневик, сурово рычал, набираясь сил перед входом в самую известную в Англии круговую дорожную развязку с семью полосами напряженного движения.

Согласно теории Олдо, еще одного водителя Хайлюкса, этот маршрут из Хитроу был стопроцентно неоптимальным, но был необходим, поскольку позволял развивать некоторые навыки вождения, которые невозможно было практиковать на дорогах Лондона.

Приготовившись к неудобствам быстрого разгона с места на пулезащищенных шинах, Милгрим посмотрел вниз, на тонкую полоску бедра

водителя на соседней полосе движения справа и пропустил переключение светофора.

Затем они полностью погрузились во вращательное движение, в котором водитель успевал уверенно и последовательно перебрасывать боком странно-пугливую, но безопасно-массивную тушу Хайлюкса в безумно-крошечные, открывающиеся на боковых полосах свободные места.

Милгрим не знал почему ему так нравилось это. До его лечения в Базеле он обычно держал глаза закрытыми во время таких моментов. Если бы заранее знал об этой трансформации, попросил бы продолжить лечение. Сейчас же он сидел с довольной ухмылкой, зажав стоящую между колен красную картонную тубу, придерживая ее пальцами обеих рук, как джойстик.

Когда развязка закончилась, он таинственно-удовлетворенно вздохнул и почувствовал на себе взгляд водителя.

Этот водитель не был таким же разговорчивым как Олдо, к тому же занимался еще и анализами мочи. Олдо никогда не ездил обратно в Лондон с флаконом остывающей мочи в кармане пальто.

Олдо как то рассказал Милгриму все, о Тойота Хайлюкс, о броне Янкеля и о пуленепробиваемых стеклах и шинах. — Боевая машина, — уверял его

Олдо, в Лондоне встречалась редко, по крайней мере пока не появились экземпляры серо-серебристой раскраски. Милгрим не спрашивал почему эти характеристики особенно необходимы, подозревая что в этой области есть какие-то свои тонкости.

В конце концов, сейчас, после гораздо менее интересного отрезка пути, показалась Иустон Роад, откуда как он считал уже начинается настоящий Лондон.

Это как вход в компьютерную игру. Ландшафт может быть плоским или перенасыщенным, сконструированным фрактально или детально проработанным, с симпатичными, но порой нереалистичными строениями. При этом порядок их расположения может изменяться с момента, когда ты в последний раз здесь бывал. Фрагменты, из которых все это составлено кажутся знакомыми, но это лишь временные конструкты трансформирующейся территории, шкатулка с сюрпризами, некоторые из которых возможно даже вполне приятные.

Разнородный асфальт под пуленепробиваемыми шинами порождал неприятные ощущения. Булыжные покрытия были еще хуже. Он откинулся на спинке сиденья, держа руки на красной

картонной тубе, когда водитель ввернул машину в бесконечную серию огибающих углы поворотов, стараясь при этом максимально долго удерживать ее параллельно бордюру. Милгрим догадался что это уже Тотенхем Курт Роад. Машина направлялась прямо в сердце города, в Сохо.

>>>

Рауш ждал его перед входом в офис Голубого Муравья. Его короткие, прозрачные, черные волосы, выглядели как нечто, напыленное из баллончика. Водитель позвонил ему когда они ползли в пробке по Бик Стрит. Как прикрытие от капель дождя, Рауш держал над головой журнал.

Выглядел он нарочито растрепанным, однако по-особенному, каким-то одному ему известным способом. Весь внешний вид его был сконструирован так, чтобы нести в массы идею невесомо-выразительного минимализма. Хотя непохоже было что усилия принесли результат. Узкий черный костюм выглядел помятым. Вздувшиеся пузыри в районе колен на брюках. Со стороны руки, которую он поднял над головой, чтобы держать журнал, висел выбившийся из брюк край его белой рубашки. Стекла очков Рауша были оборудованы собственным врожденным

косоглазием, и давно мечтали о чистке.

— Спасибо, — Милгрим поблагодарил водителя, который нажал кнопку, открывая замок пассажирской двери. Водитель ничего не ответил. Они стояли за черной тушкой такси, чуть чуть не доехав до входа.

Милгрим открыл дверь, и она быстро и рванулась распахнуться наружу всей своей немалой массой. От обрыва с петель ее удерживала пара мощных нейлоновых строп. Он выбрался из машины, прихватив свою красную тубу и сумку, мельком успев заметить красный резервуар пенного огнетушителя под пассажирским сиденьем. Затем он попытался закрыть дверь, толкнув ее плечом, которое отозвалось неприятными ощущениями — Оуч, — выдохнул он. Затем поставил сумку на тротуар, зажал тубу подмышкой и другой рукой сумел закрыть бронированную дверь.

Рауш наклонился чтобы поднять его сумку.

— У него анализ мочи, — сказал Милгрим, показав на машину.

Рауш выпрямился, и состроил брезгливую гримасу. — Да, он доставит его в лабораторию.

Милгрим кивнул, обвел взглядом толпы пешеходов, которые чрезвычайно привлекали его в Сохо.

— Они ждут, сказал Рауш.

Милгрим последовал за ним в офис Голубого Муравья. Рауш приложил пластииковый бэйдж ключа к металической пластине и дверь, состоящая из единого листа зеленоватого стекла, толщиной в два дюйма, открылась.

Интерьер фойе представлял собой комбинацию чудовищно дорогой частной школы искусств и государственного учреждения безопасности. Именно так в представлении Милгрима они и должны были выглядеть, хотя на самом деле он ни разу в таких заведениях не бывал. Массивная люстра на потолке, в центре, сконструированная из тысяч пар рецептов на очки, элегантно представляла собой часть школы искусств. Часть же Пентагона (или возможно Белого Дома) выпирала сильнее. Полдюжины больших плазменных экранов, постоянно демонстрирующих новейшие товары фирмы. По большей части реклама Европейских и Японских автомобилей. Бюджеты на производство обычного фильма, в сравнении с бюджетами на производство таких рекламных роликов, выглядели карликовыми. Под этими экранами двигались люди, с такими же бэйджами, каким Рауш открыл дверь. Владельцы бэйджей как правило носили их на шее, на тка-

ных лентах разных оттенков. Некоторые бэйджи были окаймлены повторяющимися изображениями логотипов различных торговых марок и проектов. Над всем этим витал аромат исключительно хорошего кофе.

Милгрим послушно смотрел на большой красный плюс на стене, за рамкой безопасности, пока автоматическая камера лениво ползала за маленьким квадратным окном, как в хорошо технически оснащенном вольере для рептилий. Очень скоро ему выдали его большую квадратную фотографию, весьма низкого разрешения, на отвратительном зеленовато-желтом шнуре, без каких-либо значков торговых марок. Он подумал, как всегда, что эта штука при случае может представлять собой хорошо видимую мишень. Надел ее на себя и произнес — Кофе.

— Нет, — ответил Рауш, — они ждут.

Но Милгрим был уже на полпути источнику божественного аромата, машине капучино, установленной в лобби.

— Пикколо пожалуйста, — сказал Милгрим светловолосой бариста, чья прическа была лишь чуть пышнее, чем у Рауша.

— Он ждет, — сказал Рауш, из-за спины Милгрима, сделав особенный упор на слове «ждет».

— Он ждет что я буду в состоянии говорить, — ответил Милгрим, наблюдая за тем, как девушка профессионально сварила кофе. Она взбила молоко и влила его в виде сердечка на день святого Валентина в ожидающую белую чашку кофе. — Спасибо, сказал Милгрим.

В лифте, пока они ехали до четвертого этажа Рауш тихо дымился от злости, в то время как Милгрим был полностью поглощен тем, чтобы удержать в равновесии чашку кофе на блюдце.

Двери разъехались в стороны, явив Памелу Мэйнуоринг. Милгрим подумал что выглядит она как персонаж особо изощренного порно с зрелыми дамами в главных ролях, прическа ее была великолепно взбитой.

— С возвращением, — сказала она, совершенно игнорируя Рауша. — Как там Южная Каролина поживает?

— Отлично, — ответил Милгрим, он держал красную картонную тубу в правой руке, а чашку с кофе в левой. Осторожно приподняв руку с тубой, он сказал — Мы нашли это.

— Замечательно, — сказала она, — Входите.

Милгрим последовал за ней в вытянутую комнату с длинным столом посередине. Бигенд сидел за дальним концом стола, спиной к окну. Вид

у него был такой, как будь-то он увидел что-то нежелательное на экране компьютера. Затем Милгрим обратил внимание на костюм Бигенда, который был странного электрически кобальтового голубого оттенка.

— Вы не возражаете? — Памела взяла красную картонную тубу и передала ее девушке, из команды дизайнеров одежды Бигенда. Девушка эта была француженкой и нравилась Милгриму больше всех, во всей команде. Сегодня она была в клетчатой юбке и кашемировом свитере. — А фотографии?

— Фотографии в моей сумке, — сказал Милгрим.

Пока его сумку поднимали на стол и открывали, автоматические шторы бесшумно закрыли окно за спиной Бигенда. Накладные светильники включились и осветили стол, на котором уже были аккуратно развернуты листы миллиметровки с контурами, обведенными Милгримом. Он помнил что камера лежала в сумке поверх одежды, и теперь ее передавали из рук в руки вдоль стола.

— Ваше лекарство, — сказала Памела, передавая ему свежую бумажно-пузырьковую упаковку.

— Не сейчас, — произнес Бигенд, — Садитесь.

Милгрим занял кресло справа от Памелы. Это

были исключительно удобные рабочие кресла, Швейцарские или Итальянские, и Милгриму пришлось сдержать себя от того, чтобы не начать из любопытства нажимать ручки и рычажки, торчащие из под спинки.

— Крой такой же как на образцах НАТО для Бундесвера, — сказал кто-то, — Штанины в точности пятьсот первые.

— Только не бокс, — взяла слово девушка в юбке и кашемире. Насколько успел понять Милгрим, бокс на паре джинсов — это все, что выше штанин. — Две мини-складки отсутствуют, подъем ниже.

— Фотографии, — произнес Бигенд из своего кресла. Плазменный экран в верхней части окна, лицом к которому сидел Бигенд сообщил о своем существовании в этой затемненной комнате, в центральном Лондоне, вспыхнув бирюзовым вокруг медно-коричневого оттенка пластика Формика, которым была покрыта стойка в Семейном Ресторане Города на Краю.

— Наколенники, — сказал молодой мужчина, явно американец, — Их нет, и карманов для них нет.

— Мы слышали, у них теперь новая система хранения щитков, — серьезно, как врач-хирург,

сказала французская девушка. — Но я не вижу ее здесь.

Какое-то время они молча смотрели на сменяющие друг друга фотографии, сделанные Милгримом.

— Тактически, что это может быть? — спросиб Бигенд, когда на экране вновь появился самый первый снимок. — Мы рассматриваем прототип для поставок по линии Министерства Обороны?

После паузы девушка-француженка сказала, — Это уличный вариант. — Похоже она была увереннее всех остальных. — Если даже это и армейская одежда, то не для Американской армии.

— Он сказал, обязательно нужны клинья, — высказался вдруг Милгрим.

— Что? — тихо спросил Бигэнд.

— Он сказал что штанины в бедре слишком узкие для скалолазанья и спуска по канатам.

— Точно, — сказал Бигенд. — Это хорошо. Это очень хорошо.

Милгрим позволил себе в первый раз осторожно глотнуть кофе из своей чашки.

Глава 7

Электро-волновая пушка на Фрит Стрит

За выпивкой, в закусочной на Фрит Стрит Бигенд рассказывал историю. Холлис казалось что она уже бывала в этом месте. История была о том, как кто-то использовал нечто, что он называл ПМРЧ пушкой. Аббревиатура расшифровывалась как — повышенной мощности радиочастотная. А использовал ее некто в Москве, чтобы удалить некоторые данные с диска, находящегося за противоположной стороной стены в соседнем здании. Самое интересное в рассказе было то, что Бигенд использовал чисто британское выражение «стороной стены», которое Холлис всегда казалось мягко говоря необъяснимо забавным.

ПМРЧ пушка, по объяснениям Бигенда представляла собой электромагнитное радиоизлучающее устройство, размером с рюкзак, способное выстреливать импульс мощностью в шестнадцать мегаватт. Не смотря на спокойные рассуждения собеседников, мальчишки они и есть мальчишки, Холлис вдруг обнаружила что ей страшновато от перспективы прямого удара,

вызывающего запекание каких-нибудь внутренних органов.

— Хьюберт, — прервала она рассказ Бигенда, — надеюсь ни одно животное не пострадало при создании этого анекдота?

— Я люблю животных, — подключился Милгрим, американец, которого Бигенд представил в Голубом Муравье. Фраза американца прозвучала так, будь-то бы он внезапно удивился чему-то им содеянному. Имя у него похоже было всего одно.

После того как Клэмми решил вернуться в студию, с пластиковой бутылочкой Колд-Эф-Икс опасно торчащей из заднего кармана его Хаундсов, а его выход из Старбакса на Голден Сквер ознаменовался неожиданным проблеском слабого, но весьма доброжелательного солнечного луча Холлис вышла на улицу. Постояла какое-то время среди луж на Голден Сквер. Затем прогулялась, как она считала бесцельно, обратно от Аппер Джеймс до Бик Стрит. Затем повернула направо, пересекла первый перекресток на своей стороне Бик Стрит и обнаружила офис Голубого Муравья в точности там, где он ей и запомнился, не смотря на теплившуюся в ней надежду что по какой-нибудь причине его там не будет.

Когда она нажала кнопку коммуникатора, квад-

рат маленьких круглых дырочек поприветствовал ее. — Холлис Генри для Хьюберта. — Ожидала ли она это? — Вовсе нет.

Красивый, бородатый юноша в спортивном вельветовом пальто, которое было значительно старше его, открыл толстую стеклянную дверь почти мгновенно. — Я Якоб, — сказал он. — Мы как раз пытаемся его найти. — он предложил ей руку.

— Холлис, — сказала она.

— Входите пожалуйста. Я большой поклонник Хефью.

— Спасибо.

— Может быть кофе, пока вы ждете? — Он указал ей на в некоторого рода караульное помещение, окрашенное диагональными полосами искусно размытой желтой и черной краски, в котором девушка с очень короткими светлыми волосами полировала машину эспрессо, которая выглядела так, будь-то бы только что выиграла гонку в Ле Мане.

— Они прислали трех человек из Турина чтобы установить эту машину.

— Должна я буду сфотографироваться? — спросила она своего проводника. Инчмэйлу совершенно не понравились новые меры без-

опасности Голубого Муравья, когда он заходил сюда в последний раз подписывать договоры. Но в этот момент телефон, в правой руке Якоба сыграл вступительные аккорды «Box 1 of 1», одной из немногих, любимых ею песен Хефью. Она сделала вид что не заметила этого. — В лобби, — сказал Якоб в трубку.

— Вы давно работаете в Голубом Муравье? — спросила она.

— Уже два года. До этого занимался продажами. Фирма лопнула, мы разорились. Вы знаете Дэмиена? — Она не знала. — Директор. Абсолютный банкрот.

В этот момент в лобби появился Бигенд в своем чрезвычайно голубом костюме. Плечо объемно задрапировано тенто-палаточными складками наброшенного пальто. Рядом Памела Мейнуоринг и неопределенного вида, небритый мужчина в тонкой спортивной куртке и мятых брюках, с черной нейлоновой сумкой через плечо.

— Это Милгрим, — сказал Бигэнд, затем он представил ее мужчине, — Холлис Генри. Мужчина сказал — Привет, — и с тех пор молчал.

— Каких животных? — спросила она сейчас, предпринимая еще более явную попытку прервать рассказ Бигенда.

Милгрим вздрогнул. И быстро ответил — Собак, — выглядел он так, будь-то его поймали за каким-то запрещенным развлечением.

— Вы любите собак? — Она была уверена что Бигенд готов был пуститься во все тяжкие лишь бы овладеть этой чертовой ПМРЧ пушкой, не смотря на то, что он никогда бы не сознался в этом, если бы только на это не нашлась очень особенная причина.

— Я встретил очень симпатичного пса в Базеле, — сказал Милгрим, — он… — с легким выражением тревоги он продолжил. — Он мой друг.

— Ваш друг — собака?

— Да, — подтвердил Милгрим, с уверенностью кивнув, перед тем как глотнуть своей Колы. — Вы можете использовать индукционную катушку генератора, вместо пушки, — сказал он Бигенду моргая, — сделанную из деталей видеомагнитофона. Она меньше.

— Кто вам такое сказал? — спросил Бигенд, вдруг перефокусировавшись.

— Э… сосед по комнате? — Милгрим выпрямил указательный палец чтобы потрогать свою стопку маленьких, вытянутых белых китайских тарелочек для закусок, как будь-то бы хотел

удостовериться в том, что они действительно существуют.

— Он был заморочен на таких вещах. Все время вслух о них размышлял. Они его раздражали. — Милгрим посмотрел на Холлис как будь-то извиняясь.

— Понятно, — сказал Бигенд, хотя Холлис конечно ничего не было понятно.

После этого Милгрим достал из внутреннего кармана куртки свернутую аптечную белую блистерную упаковку, и хмуро сосредоточившись развернул ее. Холлис показалось что все капсулы были белыми, хотя и разного размера. Милгрим осторожно выдавил три штуки сквозь упаковочную фольгу и проглотил их, залив сверху большим глотком Колы.

— Вы наверное устали, Милгрим, — сказала Памела, сидевшая рядом с Холлис.

— Ваш организм привык к времени восточного побережья.

— Да в общем не так уж плохо, — сказал Милгрим, убирая в карман упаковку с лекарством. Неясность его роли во всем этом возбуждало любопытство, Холлис подумала что это напоминает поведение подростка, не смотря на то, что она понимала что ему уже за тридцать. Он поразил

ее каким-то неизменяющимся выражением лица и отсутствием мимики. Как будь-то он удивился, обнаружив себя здесь, на Фрит Стрит, поедающим устриц, кальмаров и вяленую ветчину.

— Олдо отвезет вас обратно, в отель, — сказала Памела. Холлис догадалась что Олдо, это один из двух чернокожих мужчин, которые вышли вместе с ними из Голубого Муравья. Они несли длинные, свернутые зонты с красивыми лакированными тростниковыми ручками. Сейчас они ждали снаружи. Порознь, на расстоянии нескольких футов друг от друга, молча глядя на Бигенда сквозь окно.

— Какой отель? — спросил Милгрим.

— Ковент Гарден, — ответила Памела.

— Он мне нравится, — сказал Милгрим. Он свернул свою салфетку и положил ее рядом с белой «китайской» башней. Взглянул на Холлис. — Приятно было познакомиться с вами. — Сначала он кивнул Памеле, затем Бигенду. — Спасибо за обед. — Затем отодвинул назад кресло, наклонился чтобы поднять свою сумку, встал, закинул сумку на плечо и вышел из ресторана.

— Где вы его взяли? — спросила Холлис, глядя на Милгрима сквозь окно, где он по-видимому разговаривал с Олдо.

— В Ванкувере, — ответил Бигенд, — несколькими неделями после вашего отъезда оттуда.

— Чем он занимается?

— Переводами, — сказал Бигенд, — синхронными и письменными. С русского. Блестящие идиомы.

— С ним все в порядке? — Она не сообразила как поточнее определить свои наблюдения относительно Милгрима.

— Он выздоравливает, — сказал Бигенд.

— Восстанавливается, — сказала Памела. — Он занимается переводами для вас?

— Да. Хотя сейчас мы понимаем что в действительности он может быть весьма полезен и в других областях.

— Других областях?

— Он замечает тонкости и детали, — сказал Бигенд. — Теперь он просматривает образцы одежды.

— Он не похож на модного дизайнера.

— Это на самом деле преимущество, — заявил Бигенд.

— Он сказал что-нибудь о вашем костюме?

— Ничего не сказал, — ответил Бигенд, и посмотрел вниз на отворот лацкана цвета Международного Голубого Кляйна и фасона раннего

Карнаби. Затем он поднял взгляд на ее Хаундс жакет.

— Удалось что-нибудь узнать? — он сворачивал кусок сухой, прозрачной испанской ветчины, ожидая ответа. Рука его осторожно поднесла ветчину ко рту, как будь-то ожидая укуса. Он начал жевать.

— Японцы называют это секретным брэндом, — ответила Холлис. — Очень секретным. Сделан он может быть в Японии, а может и нет. Нет постоянных розничных каналов сбыта, нет каталога, нет сайта, если не считать нескольких туманных упоминаний в модных блогах. Ну и еще иБэй. Китайские пираты уже подделывают это, но очень некачественно, с минимальным сходством. Как только на аукцион выставляется оригинальный экземпляр, кто-то делает такую ставку, что владелец сразу прекращает торги. — Она повернулась к Памеле. — Где вы взяли эту куртку?

— Это рекламный образец. Из тех, что мы получаем на модных тусовках. В конце концов мы нашли дилера в Амстердаме, узнали его цены. Обычно он продает не бывшие в употреблении образцы рабочей одежды неизвестных дизайнеров середины двадцатого века.

— Он изготовитель?

— Нет, не похоже. Марки редкие по-видимому, ну и исключительность в том, что их можно носить. Сегмент его клиентуры ценит Габриэль Хаундс, хотя они в меньшинстве среди тех, кого мы считаем брэндориентированной демографией. Это такая активная глобальная брэндосведомленная среда, люди, готовые столкнуться с массой проблем, лишь бы найти то, что и нужно, при самом оптимистичном раскладе их не более нескольких тысяч.

— Где Амстердамский дилер взял этот экземпляр?

— Говорит что он достался ему как часть лота новых винтажных вещей из старых запасов. Купил у какого-то сборщика, даже не зная что там. Сказал что предполагал что покупает некие Японские винтажные репродукции отаку класса. Считает что скорее всего распродаст их достаточно легко.

— У сборщика?

— Некто, кто ищет вещи, для перепродажи дилерам. Он сказал что сборщик был странноватый немец. Оплату взял наличными. Имя просил не разглашать.

— Это не может быть такой уж большой секрет, — сказала Холлис. — После завтрака я нашла

по меньшей мере двух человек, знающих о марке то, что я вам рассказала.

— И кто они? — Бигенд наклонился вперед.

— Японка, продавец очень дорогого магазина, недалеко от офиса Голубого Муравья.

— А, — он был явно разочарован. — И кто еще?

— Юноша, который купил пару джинсов в Мельбурне.

— Что правда? — довольно сияя спросил Бигенд. — И он сказал вам у кого он купил их?

Холлис подцепила пергаментный ломтик ветчины, свернула его, обмакнула его в оливковое масло.

— Но я думаю он скажет.

Глава 8

Скобление

Милгрим чистил зубы в ярко, но приятно освещенной ванной своего небольшого, но безусловно высококлассного номера в отеле. Он думал о Холлис Генри, женщине, с которой Бигенд пришел в ресторан. С одной стороны она не была похожа на сотрудницу Голубого Муравья, с другой стороны ему казалось что он ее где-то

видел. Память Милгрима, последних десяти лет была пористой, ненадежной в части последовательностей, и в ней не отыскивался факт встречи с этой женщиной. Не смотря на это, почему то она казалась знакомой. Он заменил наконечник на мини-щетку конической формы, которой он чистил пространство между задними, верхними коренными зубами. Ему хотелось чтобы Холлис Генри нашлось место в этой головоломке. Утром он может быть вспомнит кто она такая. Если нет, то в лобби отеля есть бесплатный МакБук, на котором гуглить будет удобнее, чем на Нео. Холлис Генри весьма приятна в общении, если только ты не Бигенд. Она не была слишком любезной с Бигендом. Это до него дошло во время прогулки по Фрит Стрит.

Он снова заменил насадку на щетке, на более жесткую, с щетинками полудюймовой длины, между свободнодвигающимися пластинами пластика подковообразной формы. Зубы ему в Базеле тоже вылечили. Несколько раз он посещал врача парадонтолога. Ему все выскоблили и вычистили. Было неприятно, но теперь ощущение было таким будь то бы у него новые зубы. Главным, помимо приобретения нового рта, было то, что посещая парадонтолога он увидел чуть больше

Базеля, чем если бы просто все время находился в клинике.

Закончив с этой насадкой, он почистил зубы щеткой с аккумулятором, затем прополоскал их водой из бутылки темно-голубого стекла, напомнившего ему костюм Бигенда. — Пантон 286, но не совсем, — сказал он Милгриму. Больше всего Бигенду в таких оттенках нравилось то, что их нельзя было точно воспроизвести на экране монитора, ну это если не считать того, что такие цвета раздражали окружающих.

Он выплюнул полоскание, которое оказалось похоже на воду из крана в туалете самолета. В самолет можно было взять с собой лишь немного жидкости, хотя багаж они не проверяли. Последний раз он покупал такое полоскание в Миртл Бич. Надо будет попросить кого-нибудь из Голубого Муравья. У них есть специалисты, работа которых состоит как раз в том, чтобы находить что-нибудь.

Он погасил свет в ванне и стоял возле кровати раздеваясь. Отельный номер был перегружен мебелью. Отдельно следовало отметить портновский манекен, который был обтянут загорело-коричневым материалом, таким же как кресло. Сначала он собирался поместить брюки в специ-

альный пресс, затем передумал. Завтра следовало пойти в магазин. Марка называется Хакетт. Это Банана Репаблик, только классом повыше, и с претенциозностью, которую он не мог понять. Он уже устроился в кровати, когда зазвонил Нео, маскируясь под старинный механический телефонный звонок. Это был Слейт.

— Телефон завтра оставь в комнате, — сказал он, — Включи его и поставь на зарядку. — Слейт похоже был раздражен.

— Ты как там Оливер?

— Фирма, которая производила эти телефоны, накрылась медным тазом, — сказал Слейт. — Так что мне надо будет его завтра перепрограммировать. — Он отключился.

— И тебе спокойной ночи, — сказал Милгрим, глядя на Нео в своей руке. Он положил его на прикроватный столик, забрался в постель и натянул одеяло до самого подбородка. Свет был погашен. Зачем-то провел языком по внутренней поверхности зубов. В номере было слишком тепло, и в нем зачем-то стоял портновский манекен.

Милгрим слышал, или даже возможно чувтсвовал фоновую частоту, которую генерировал Лондон. Разнообразный белый шум.

Глава 9

Гребанный урод

Она открывала входную дверь кабинета самостоятельно. Утонченно-полосатый Роберт отсутствовал, поэтому на помощь ей не пришел.

Она сразу поняла почему, как только увидела армейские сапоги Хайди Хайд, которая когда-то была барабанщиком Хэфью. Как раз в ее разнокалиберном багаже погибал Роберт. Обнаружился он возле лифтового грота, сразу за витриной, где проживал волшебный хорек Инчмэйла. Выглядел Роберт откровенно испуганным. Хайди рядом с ним. Причем роста она была такого же как и он, и в плечах ничуть не уже. Ее великолепный, жестко-хищный профиль нельзя было спутать ни с чьим, равно как и ее остервенелость.

— Вы что, ее ждали? — Холлис тихонько спросила юношу в черепаховых очках, за стойкой.

— Нет, — ответил он так же тихо, передавая ей ключ от ее комнаты. — Господин Инчмэйл позвонил нам за минуту до ее прихода, чтобы предупредить. — Глаза юноши за коричневой оправой были широко распахнуты. В выражении

его обычно игрушечного лица, а — ля «человек-отель» в этот момент было что-то от выражения человека выжившего в торнадо.

— Все будет нормально, — заверила его Холлис.

— Что за долбанная херня? — громко провозгласила Хайди.

— Он тебя не понимает, — сказала Холлис направляясь к ним, кивнув Роберту и стараясь улыбнуться ему.

— Мисс Генри. — Роберт выглядел бледно.

— Не надо нажимать кнопку больше одного раза, — сказала Холлис Хайди. — Он все равно будет ехать долго, он так устроен.

— Бля, — голос Хайди раздался как будь-то из пропасти разочарования, заставив Роберта вздрогнуть. Волосы ее были окрашены в готский черный цвет, это означало что Хайди на тропе войны. Холлис догадалась что покрасила она их сама.

— Я не знала что ты приедешь, — сказал Холлис.

— Я тоже не знала, — ответила Хайди мрачно, и добавила, — Это все гребанный урод.

В этот момент Холлис поняла что неправдоподобный Голливудский брак Хайди развалился.

Подопечные Хайди потеряли свои имена по завершении проекта, чтобы с этого момента стать просто людьми без определенного рода занятий.

— Не очень радостное известие, — сказала Холлис.

— Это пирамида, — ответила Хайди, когда приехал лифт. — Это что за хрень?

— Это лифт. — Холлис распахнула сочленения дверей, приглашая Хайди внутрь.

— Поезжайте пожалуйста, — это объявился Роберт. — Я принесу ваши сумки.

— Полезай в хренов лифт, — скомандовала Хайди. — Быстро.

Она с совершенно нескрываемой яростью задвинула его в лифт. Холлис кое-как затерлась вслед за ним, подняв латунные крепления скамьи из красного дерева, чтобы освободить место.

Верхняя одежда Хайди распространяла вокруг сладковатый запах суеты аэропорта и старой кожи. На ней была надета куртка, которую Холлис помнила ее по их гастрольным поездкам. Когда-то она была черной, а теперь напоминала цветом грязный пергамент.

Роберт нажал кнопку. Лифт поехал вверх с натужным гулом перегруженного механизма.

— Долбанная хрень собирается нас убить, — со-

общила Хайди так, будь-то эта мысль не вполне ей нравилась.

— Где номер Хайди? — спросила Холлис Роберта.

— Следующий за вашим.

— Хорошо, — ответила Холлис с несколько большим, нежели она в этот момент ощущала, энтузиазмом. Это должен был быть номер с жезлонгом из желтого шелка. Она никогда такого не понимала. Тему своего собственного номера она тоже не вполне понимала, но хоть как-то ощущала. Номер же с желтым жезлонгом навевал что-то шпионское, печальное, некий чисто Британский стиль с нездоровым запахом политического скандала. И рефлексотерапии.

Холлис открыла ворота лифта, когда они в конце концов поднялись до нужного этажа. Затем она придерживала противопожарные двери для Хайди и тяжелонагруженного Роберта. Хайди похоже кипела все время, пока они шли через маленькие зеленые холлы без окон. Язык ее тела вещал о полной и безоговорочной неудовлетворенности. Ключ от комнаты Хайди Роберт всю дорогу неловко зажимал между пальцев, чтобы он не выпал. Холлис забрала у него ключ, вытянув его за зеленые пряди декоративной кисточки.

— Твой номер прямо рядом с моим, — сказала она Хайди, открывая дверь. Она пропустила Хайди внутрь думая о быках в китайской посудной лавке и тихо сказала Роберту — Просто поставь все здесь. Остальное я сама. — Она сняла с не го две невероятно тяжелых картонных футляра, размер любого из них был достаточен чтобы положить внутрь человеческую голову. Роберт немедленно начал снимать с себя разнообразный багаж Хайди. Холлис вручила ему пятифунтовую банкноту.

— Спасибо Мисс Генри.

— Спасибо тебе Роберт. — Она закрыла дверь перед его просветлевшим лицом.

— Что это за херня? — четко отделяя слова в фразе вопросила Хайди.

— Твоя комната, — ответила Холлис, пытаясь расставить сумки и коробки вдоль стены. — Это частный клуб. Инчмэйл является его членом.

— Что это за клуб? Вот это что такое? — Хайди показывала на большую раму шелкового экрана, которую сама Холлис сочла чрезвычайно экстравагантной деталью декора.

— Я думаю это Уорхол. — Интересно, Уорхол рисовал когда-нибудь скандал Профумо подумала Холлис.

— Твою мать! Я должна была предположить нечто такое. Это в его стиле. Где он сам?

— Не здесь, — произнесла Холлис. — Он арендует дом в Хэмпстеде, для Анджелины и ребенка, они должны приехать из Аргентины.

Хайди взвесила в руке широкий хрустальный графин, извлекла из него пробку и принюхалась.

— Виски.

— Чистый джин, — сообщила Холлис, — без воды.

Хайди плеснула в стакан для хайболла на три пальца Кабинетного Скотча, выпила залпом, передернулась, поставила графин на место и хлопнула хрустальную пробку обратно в горлышко с угрожающе хрустящим щелчком. У нее был жуткий талант в таких вот вещах. Она к примеру никогда в жизни не проигрывала в дартс, но и никогда не играла в дартс просто бросая их как делали все остальные.

— Ты хочешь обо всем этом поговорить? — спросила Холлис.

Хайди выбралась из своей кожаной куртки, бросив ее рядом, затем стянула с себя черную футболку, оставшись в оливкового цвета лифчике, которые был похож на элемент военной формы больше, чем любой другой лифчик, из всех, что

Холлис доводилось когда-либо видеть.

— Симпатичный лифчик.

— Израильский, — сказала Хайди. Она посмотрела вокруг, на содержимое комнаты.

— Господи Боже, — сказала она. — Обои как штаны Хендрикса.

— Я думаю это атлас. — На обоях были вертикальные зеленые полосы, бордовые, бежевые и черные.

— Я так и сказала, мать его, — произнесла Хайди. Затем поправила на себе Израильский армейский лифчик и села в жезлонг из желтого шелка.

— Зачем мы бросили курить?

— Потому что нам нелья было курить.

Хайди кромко вздохнула.

— Он в тюрьме. Гребанный урод. Залог вносить нельзя. Он сделал что-то с чужими деньгами.

— Я думала что продюсеры именно этим и занимаются.

— Они же не так этим занимаются.

— У тебя самой тоже проблемы?

— Ты шутишь? Мой брачный контракт толще чем гребанный урод в полный рост. Это его проблема. Мне просто надо было убраться нахер из Доджа.

— Я никогда не понимала зачем ты за него вышла.

— Это был эксперимент. А что насчет тебя? Чем ты здесь занимаешься?

— Работаю на Хюберта Бигенда, — сказала Холлис, давая понять насколько ей не нравится произносить это.

Глаза Хайди широко раскрылись. — Твою мать! На эту задницу? Ты же терпеть его не могла. Он же противен тебе до изнеможения. Почему?

— Похоже мне нужны деньги.

— Сколько ты потеряла?

— Около половины.

Хайди кивнула.

— Так же как и все остальные. Если только ты не доверил какому-нибудь долбанному уроду инвестировать от твоего имени.

— Ты не доверила?

— Ты шутишь? Церковь отдельно, государство, мать его отдельно. Всегда. Мне никогда не казалось что у него есть какие-то такие финансовые таланты. Не знаю с какого бодуна другие люди так думали. Знаешь что?

— Что?

— Тот, кого ты искал всю жизнь, никогда при встрече не скажет тебе что он именно тот, кого

ты искал всю свою жизнь мать его! Те, кого кинул какой-нибудь мудак, почему-то этого не знают.

— У меня есть виски.

— Побудь моим гостем, — сказала Хайди. Потом улыбнулась. — Охренеть как я рада встрече с тобой! А потом она заплакала.

Глава 10

Eigenblich

Милгрим проснулся, помедитировал, принял душ, побрился, почистил зубы, оделся, подключил Нео к зарядному устройству убедившись что он включен. Вилка-адаптер для подключения электроприборов в Британскую сеть размером была больше, чем собственно зарядное устройство. Милгрим вышел из номера стараясь не смотреть на портновский манекен.

Спускаясь в бесшумном японском лифте на три этажа вниз он думал что поищет Холлис Генри в Гугле на макбуке, стоящем в лобби, но тот был уже занят.

В лобби, он чувствовал себя не вполне уютно. Ему казалось что он может выглядеть так, будь то собирается украсть что-нибудь, хотя не смотря на

его помятую в полете одежду, он был уверен что не собирается. И на самом деле и не может, думал он, ступая на освещенную утренним солнцем Монмут Стрит. Нет необходимости. Во внутреннем кармане его куртки лежал конверт для документов, с тремястами британскими фунтами и он совершенно не представлял себе что мог бы их сегодня на что-нибудь потратить. Абсолютно новая ситуация для человека с его прошлым.

Наркотические зависимости вначале похожи на магических животных, карманных монстров, думал он поворачивая направо, по направлению к Севен Дайалс, на которой стоял обелиск с таким же именем. Они демонстрируют тебе экстраординарные трюки, показывают забавные вещи, которых ты больше нигде и никогда не увидишь. А потом включается какая-то тяжелая алхимия, которая уже принимает за тебя решения. А заканчивается все тем, что все, даже жизненно-важные решения за тебя принимают эти карманные монстры. И как говорил его лечащий врач в Базеле, интеллект их не дотягивает даже до интеллекта золотоых рыбок.

Он пошел в Каффе Неро, похожее на Старбакс, только вкуснее, которое сейчас было переполнено. Он заказал латте и круассан, которые

привозили замороженными из Франции, а здесь выпекали. Его это не напрягало. Он увидел что женщина в костюме в тонкую полоску покинула маленький круглый столик и тут же занял его. Сквозь маленькую карусель снаружи было видно молодых парикмахеров, приступающих к работе в салоне Видал Сассун.

Поедая круассан он размышлял отчего Бигенд так заинтересовался дизайнерскими военными штанами. Он считал что хорошо умеет слушать, так чтобы люди не поняли этого, но мотивы и побуждения Бигенда ускользали от его внимания. Они могли быть просто агрессивно несовпадающими.

Армейские контракты, согласно теории Бигенда, служили доказательством упадка, по меньшей мере для Америки. Они были ее частью, и возможно даже ее ядром. Свидетельствующим об упадке. Бигенд похоже сконцентрировался на одной области военных поставок, той, в которой как казалось Милгриму, стратегические навыки Голубого Муравья были наиболее применимы. Голубой Муравей вообще изучал все, до чего мог дотянуться. И делал это очень быстро, в том числе быстро разобрался он и в том, что касалось разработки, производства и поставок военной

одежды. Как свидетельствовал последний опыт Милгрима, бизнес этот был весьма оживленным.

По этой причине Милгрим сейчас и совершал свое путешествие. Для этого он и побывал в Миртл Бич.

Французская девушка в клетчатой юбке, на вчерашней встрече показывала презентацию, которую Милгрим счел весьма интересной. В ней в частности она отметила то, что армии, формируемые из добровольцев, по большей части состоят из молодых мужчин. Которые в противном случае могли бы к примеру увлекаться катанием на скейтах. Ну или как вариант одеваться в одежду, разработанную для катания на скейте. И в последние пятнадцать лет или около того, в деталях мужской верхней одежды по большей части, можно было наблюдать серьезное влияние подходов, используемых при разработке военной одежды, нежели каких-либо других. В основе всей современной мужской уличной одежды сейчас использовались решения, разработанные для военной одежды в середине прошлого века, по большей части Американские решения. Рабочая одежда, большая часть которой так же была разработана в Америке, так же эволюционировала на основе идей, заложенных в производстве воен-

ной одежды. Кроме того, и в военной и в рабочей одежде сейчас можно было найти элементы изделий для занятий спортом.

Хотя, как сказала французская девушка, в настоящий момент происходит обратная трансформация. Военным нужна форма, которая будет привлекать тех, кого они хотят рекрутировать. Каждое американское армейское формирование, показала девушка на одном из слайдов, обзавелось собственным камуфляжным рисунком. А корпус морской пехоты, сказала она, даже оформил патенты на свои (Милгрим кстати посчитал их слишком уж пестрыми).

В Штатах кстати существовал закон, запрещающий производить форму для Американской армии за границей.

И это как раз была та точка входа, на которую расчитывал Бигенд, насколько удалось понять Милгриму. Производить в Америке можно было и то, что не было разработано в Америке. Производители одежды, спортивных товаров и производители, специализирующиеся на униформе, конкурировали за контракты на поставку одежды для армии США, но одежда эта была разработана как раз армией США. Сейчас, продолжала рассказывать девушка, которой временами

не хватало дыхания, и она становилась похожей на маленькое запыхавшееся животное на лесной поляне, армейским специалистам уже явно не хватает ни инструментов ни навыков чтобы разрабатывать модели, соответствующие современным требованиям. К тому же они обнаружили что разработав в середине века огромное количество мужественных вещей, в настоящий момент уже конкурируют с ними же, только переизданными уже как уличная одежда. Им нужна помощь и они даже знают об этом, сказала французская девушка, а ее завершающие щелчки мыши вызвали на экран шквал соответствующих изображений.

Он отхлебнул свой латтэ глядя наружу, рассматривая проходящих мимо людей, пытаясь обнаружить в деталях одежды утренних пешеходов, доказательства тезисов, озвученных французской девушкой. Если предполагать это неким всеобъемлющим подтекстом, то можно рассмотреть все, что угодно.

— Извините. Вы не против, если я присяду за ваш столик?

Милгрим поднял взгляд на улыбающуюся американку китайского происхождения. Она была в черном спортивном свитере, поверх которого

висел золотой крестик на золотой же цепочке. В волосах он заметил одну белую пластиковую заколку. Недремлющий модуль, наркоманской, уличной настороженности, вшитой в самую сердцевину Милгрима громко оповестил что перед ним полиция.

Милгрим моргнул. — Конечно, пожалуйста. — Он почувствовал что бедренные мышцы задергались напрягаясь на изготовке к стремительному броску на выход. Неисправность в модуле, подумал он. Синдром внезапной отмены. Воспоминание: Со временем, в лимбическом мозге образуются каналы, как колесная колея от повозок Канестога, которая набивалась в песчанике глубиной по щиколотку.

Она положила свою белую похожую на сак из искусственной кожи сумочку на стол. Рядом поставила голубой, закрытый сверху пластиковой крышкой стаканчик Каффе Неро. Выдвинула стул, стоящий напротив Милгрима и села. Улыбнулась.

На черном свитере, белая вышивка, изображающая полумесяц и пальмовую ветвь с флага штата Южная Каролина выглядела крупнее чем любой поло пони Ральфа Лорена. Придавленный Милгримом мозговой модуль немедленно извлек

на поверхность аппарат упреждающего дистанционного обнаружения полицейских.

Врач Милгрима как-то сказал что паранойя — это избыток информации. Он ощутил это сейчас в полной мере, когда женщина углубившись на какое-то время в свою сумочку, извлекла из нее матово-серебристый телефон, открыла его и нахмурилась.

— Сообщения, — сказала она.

Милгрим смотрел прямо в бесконечно глубокий черный зрачок камеры ее телефона.

— Ого, — сказала она, — Мне нужно срочно идти. Но все равно спасибо!

Она взяла сумочку подмышку и вышла на Север Диалс.

Ее кофе остался стоять на столе.

Милгрим взял ее стаканчик в руку. Пусто. На белой крышке нечеткий след темной помады, которой совершенно точно не было у нее на губах.

В окно он видел как она прошла мимо переполненного мусорного контейнера из которого скорее всего и взяла этот стаканчик. Быстро пересекла перекресток по направлению к Сассун и скрылась за углом.

Он встал, расправил свою куртку и вышел наружу не оглядываясь. Вернулся на Монмут Стрит,

двигаясь по направлению к своему отелю. Дойдя до него он пересек по диагонали Монмут Стрит, двигаясь в нарочито прогулочном темпе и нырнул в кирпичный туннель, который вел на Нилс Ярд, который представлял собой современный мини Диснейленд. Он пробрался через него очень быстро, так, что люди оглядывались на него, и вышел на следующую улицу Шортс Гарден.

Двигался он теперь целенаправленно, но не привлекая внимания.

Удар биохимии стресса разбудил зависимость, которую он и без того все время осознавал. И теперь идея принять что-нибудь сдвигающее границы казалась ему вполне своевременной. Это была какая-то новая часть его сущности и он был удивлен так, будь-то обнаружил фашистский танк, в окопе, на своем заднем дворе. Он вроде бы уже порос травкой и одуванчиками и вдруг ты слышишь что двигатель его работает на холостом ходу.

Не сегодня, сказал он нацистам, окопавшимся в его танке, направляясь к станции метро Ковент Гарден через энциклопедическую антологию обувных магазинов для молодежи, в витринах которых красовались весенние гроздья кроссовок, разноцветных как конфетное драже.

Жаль, сказала другая его часть, жаль.

Ощущая все большее желание расслабиться, он заметил что обычная толпа нищих и попрошаек, тусующихся на тротуаре перед станцией, при его приближении рассосалась. Они что-то увидели. Он вновь почувствовал себя таким же как они.

Он видел Ковент Гарден как будь-то бы с большой высоты, толпа на Лонг Акре разбегалась от него в стороны, напоминая частички железных опилок отталкиваемые магнитом.

Следуя рекомендации своего автопилота, ступил на лестницу. Он спустился вниз ни разу не оглянувшись назад, представляя себя звеном в спиральной человеческой цепочке.

Затем он сел в первый же поезд до Лейчестер Сквер, самый короткий переезд во всей системе. Затем вернулся назад, не поднимаясь на поверхность, уже будучи уверенным что его никто не преследует. Он умел определять слежку, но здесь везде были камеры, заключенные в туманные акриловые сферы, похожие на поддельные флаконы для духов Кураж. Камеры в Лондоне были буквально повсюду. Поэтому он постарался не думать о них вовсе. Он вспомнил как Бигенд назвал их симптомом автоимунного заболевания механизма защиты государственности, как при-

ем стероидов перерастает в нечто хроническое и активно-деструктивное, так недремлющие глаза подрывают здоровое функционирование того, что они якобы защищают.

Кто-нибудь сможет защитить его теперь?

Он еще раз выполнил действия, направленные на выявление слежки. Проделывая это, он в любой момент был готов вернуться на станцию. Представляя как он поднимается в мертвом воздухе лифта, где мертвый голос повторяет свои рекомендации держать на готове билет или проездной.

Затем он успокоился.

И решил начать день сначала, как и планировал. Пойти в Хакетт на Кинг Стрит и купить брюки и рубашку.

Нехорошо, сказал другой голос внутри его, заставив его плечи сузиться, а кости и сухожилия напрячся с почти слышимым звуком.

Нехорошо.

Глава 11

Разбор вещей

Комната Хайди выглядела как последствия

не очень удачного теракта в самолете. Что-то, взорвавшееся там, всего лишь открыло люки багажного отделения, не обрушив сам самолет. Такую картинку Холлис видела раньше много раз, во время гастролей с Хефью. Она представляла себе это как механизм выживания, отвергающий череду бездушно засасывающих отельных номеров. На самом деле она никогда раньше не видела чтобы Хайди раскладывала вот так свои вещи, как будь-то пытаясь угнездиться. Похоже она это делала бессознательно, в потоке инстинктивного транса, как собака, выписывающая круги по траве, перед тем как лечь. Она была поражена сейчас эффективностью, с которой Хайди создавала свое собственное пространство, задвигая на задний план вещи, которыми дизайнеры Корпуса пытались придать номеру выразительность.

— Бля, — сказала Хайди. Судя по всему она отрубилась и проспала всю ночь в своем израильском лифчике. Уходя вечером, Холлис забрала ключь с собой. Сейчас она видела что виски в графине осталось едва на донышке. Хайди выпивала не очень часто, но если уж бралась за дело, то вдумчиво. В настоящий момент она возлежала под кучей смятого постельного и не только белья. Холлис разглядела там же несколько

пурпурных сервировочных салфеток и дешевое мексиканское пляжное полотенце, полосатое как национальная шаль. По-видимому Хайди покидая гребанного придурка Чеза загрузила содержимое его бельевого шкафа в одну из своих сумок, а теперь вот вывалила все это здесь. Постельное белье на кровати тоже отельным не было.

— Завтрак? — Холлис начала вытаскивать и разбирать вещи, лежащие на кровати. Здесь же обнаружилась большая сумка-холодильник полная маленьких острых на вид предметов, тонких кисточек, крошечных баночек с красками, бит из белого пластика. Как будь-то Хайди усыновила двенадцатилетнего мальчика.

— Что это?

— Лечение, — прохрипела Хайди, а затем издала звук напоминающий крик стервятника, который сожрал что-то слишком тухлое чтобы его можно было переварить. Холлис и раньше слышала как Хайди издает подобные звуки. Она даже помнила у кого Хайди научилась этому. Это был супернатуральный блондин клавишник из Германии, с татуировками, сделанными похоже в очень юном возрасте, их края размылись как если на туалетной бумаге написать ручкой. Она

положила сумку с ее загадочным содержимым на туалетный столик и сняла трубку французского телефона, сделанного в начале двадцатого века, но покрытого броскими Марокканскими письменами как трубка кальяна на Гранд Базар.

— Кофейник с черным кофе. Две чашки. — сказала она в ответ на запрос голоса обслуживания, — стопку поджаренных тостов, большой графин апельсинового сока. Спасибо.

Холлис подняла старую футболку Рамонес с чего-то футовой высоты, похожего на белого китайского фарфора модель для рефлексотерапии, которая выглядела как ухо, сложнозакрученное в красном. Она положила футболку обратно, расправив ее так, чтобы логотип группы был хорошо виден.

— Как насчет тебя? — спросила Хайди, из под кучи своего белья.

— Что насчет меня?

— У тебя есть мужчина? — спросила Хайди.

— Нет, — ответила Холлис.

— Что с тем киноактером, который прыгал с небоскребов в костюме белки летяги? Он был вполне себе ничего. Очень горячий. Как его звали? Даррел?

— Его звали Гаррет, — произнесла его имя Хол-

лис, первый раз за год, против собственной воли.

— Ты здесь из-за него? Он же англичанин.

— Нет, — сказала Холлис. — В смысле он англичанин, но здесь я по другой причине.

— Ты же с ним в Канаде встретилась. Это Бигенд вас познакомил? Я его больше не видела с тех пор.

— Нет, — ответила Холлис, опасаясь что Хайди продолжит извлекать на поверхность все эти болезненно-неприятные вещи. — Они не знакомы.

— Ты не любишь смазливых спортсменов, — сказала Хайди.

— Он не был таким, — сказала Холлис.

— Все они такие, — сказала Хайди.

— А твой бывший?

— Нет, — сказала Хайди. — Не в этом смысле. Это как будь-то была я, в попытках стать другой. Он был настолько не чужой, насколько это вообще может быть, и в то же время он был кем-то еще. Я могу сравнить это с ощущением, когда надеваешь чьи-то ботинки. Раскладываешь оборудование для гастрольного тура по ящикам. Покупаешь что-нибудь в супермаркетах. Управляя автомобилем никогда ведь не думаешь об управлении автомобилем. Ладно, нахрен, хватит об этом. Заканчиваем.

— Ты не выглядела слишком уж счастливой с ним, когда я тебя видела в Лос-Анджелесе.

— Он какого-то хрена ударился в творчество. Я выходила замуж за налогового юриста. А он стал продюсировать. Какие-то инди материалы. Захотел чтобы о нем говорили.

— И теперь он в тюрьме?

— Залог вносить нельзя. ФБР-овцы в офисе. Одетые в эти свои куртки с надписью «FBI» на спине. Выглядит классно. Клевый кадр для фильма. Но мы были не на съемках.

— Но у тебя то с законом никаких проблем?

— Я встретилась с адвокатом Инчмэйла в Нью-Йорке. Я, как его бывшая, даже не потеряю свою долю законной собственности, на которую имею право. Они не могут забрать все, как бы им этого не хотелось. Но в действительности все это конечно заебывает.

Принесли завтрак. Холлис приняла поднос у итальянской девушки в дверях, подмигнув ей. Затем дала ей чаевые.

Хайди пробилась сквозь бельевой ком и уселась на краю кровати. Натянула на себя огромный хоккейный свитер, который как казалось Холлис, которая родилась без гена, который отвечает за пристрастия к командным видам спорта, при-

надлежал кому-то довольно известному. Хайди определенно любила иметь дела со знаменитыми спортсменами, только если они оказывались достаточно сумашедшими. Когда она барабанила в Хефью, ее друзьями часто оказывались эффектные но чокнутые боксеры и вроде бы с точки зрения общественности это было не так уж и плохо. Помнится одного из них она даже вырубила первым же ударом на вечеринке перед вручением Оскаров. Сейчас Холлис очень часто радовалась тому, что их карьера завершилась до появления YouTube.

— У меня никогда ничего не будет с Гарретом, — сказала Хайди наливая себе половину чашки кофе и выливая в нее остатки виски из графина.

— Ты думаешь Гаррет такая уж хорошая идея?

Хайди пожала плечами, которых почти не было видно в свитере.

— Ты же меня знаешь. Сейчас это пройдет и я стану хорошей и полгода буду пить только минеральную воду. Вот что мне действительно сейчас нужно, так это тренажерный зал. Настоящий. Кстати чем занимался Гаррет?

— Не знаю смогу ли я объяснить это? — сказала Холлис, наливая кофе и себе. — Но я подписала очень жесткий договор на тему неразглашения.

— Подстава?

— Нет, — сказала Холлис, — просто кое-что, из того, что он делает, может привести к нарушению законов. Ты знаешь Бэнкси, художника граффити?

— Ну?

— Бэнкси ему нравится. Он считает себя похожим на него. Они оба из Бристоля.

— Но он же не художник граффити.

— Мне кажется он считает что он художник, только без красок.

— Это как?

— История, — сказала Холлис.

Хайди выглядела убежденной.

— Он работал с неким пожилым человеком, человеком с большим количеством ресурсов. Человек решал что надо сделать, как это должно быть сыграно, жесты, мимика, а Гаррет работал над тем, чтобы выполнить это наилучшим образом. И чтобы при этом их не поймали. Старик играл некую роль драматурга, хотя иногда выступал и как актер.

— Ну и в чем тут проблема?

— Жуть. Нельзя сказать что я не одобряю того, что они делали. Но это было пострашнее чем Бигендовы штучки. Мне надо чтобы в мире бы-

ла такая поверхность, которую видят все. Я не люблю ощущать что я каждый раз проваливаюсь куда-то еще. Посмотри что с тобой случилось.

Хайди подцепила треугольный тост так, как будь-то им можно было зарезаться словно лезвием. — Ты сказала что они не мошенники.

— Они нарушали закон, но мошенниками не были. Ну и природа их деятельности заставляла их все время наживать себе врагов. Они приехали в Эл-Эй, там мы встретились. Я начала писать книгу. Они вернулись в Европу. Я снова увидела его, когда приехала сюда чтобы подписать этот автоконтракт.

— У меня была доверенность. — Она откусила угол тоста и с сомнением принялась жевать его.

— Я хотела быть здесь. — Холлис улыбнулась. — Затем он вернулся со мной в Нью-Йорк. Он тогда не работал. А потом они принялись за старое. Это было начало выборов Обамы. Они готовились что-то сделать.

— Что?

— Я не знаю. Даже если бы знала, я обещала не говорить. Я вообще была очень занята книгой. Он почти не появлялся. А затем просто исчез.

— Ты скучаешь по нему?

Холлис пожала плечами.

— Тебе трудно угодить, ты знаешь об этом?

Холлис кивнула.

— Это надо делать жестче. — Хайди встала, дошла со своей чашкой кофе с виски до ванны и выплеснула содержимое в раковину. Вернулась и налила себе кофе. — Чувствуешь себя забытой?

— Определенно.

— Хреново, — сказала Хайди. — Позвони ему. Посмотри что произойдет. Пусть будет что будет.

— Нет.

— Номер есть?

— На крайний случай.

— Какой еще крайний случай?

— Ну насколько я их знаю, они не оставят меня в беде в случае чего.

— Позвони все равно.

— Нет.

— Очень трогательно, — сказала Хайди. — Это что еще за херня? — Она смотрела в ванную.

— Твой душ.

— Ты шутишь.

— В моем номере такой же, можешь посмотреть. Что в этих двух коробках? — Холлис показала на коробки, которые она забрала у Роберта прошлой ночью, в надежде сменить тему разговора. — Пара бетонных блоков?

— Урны, — ответила Хайди, — кремационные.

— Чьи?

— Джимми. — Джимми был басистом Хефью. — Никто не пришел забрать ее. Он всегда говорил что хочет быть похоронен в Корнуэле, помнишь?

— Нет, — ответила Холлис. — Почему в Корнуэле?

— Бля, откуда я знаю. Может быть он считал что Корнуэл находится в прямо противоположном Канзасу месте.

— Здесь нескоолько урн.

— Вторая моей матери.

— Твоей матери?

— Никак не соберусь что-нибудь с ними сделать. Они лежали в подвале, вместе с моим гастрольным барахлом. Не могла же я оставить их там у придурка? Отвезу обоих в Корнуэл. Джимми все-равно никогда не видел мою мать.

— Ну ладно, — Холлис не нашлась что еще здесь можно сказать.

— Где этот хренов Корнуэл?

— Я покажу тебе. На карте.

— Мне нужно в долбанный душ, — сказала Хайди.

Глава 12

Согласующее средство

Офис Бигенда, в который в конечном итоге пустили Милгрима, был без окон и на удивление маленький. Возможно это не был именно его офис, подумал Милгрим. Вообще это не выглядело офисом, в котором кто-нибудь действительно работал.

Шведский юноша, который привез Милгрима сюда, положил на тиковую столешницу перед ним серую папку и тихо исчез. На столе больше ничего не было, за исключением дробовика, который похоже был сделан из затвердевшего средства от изжоги и диареи Пепто-Бисмол, розового цвета.

— Что это? — спросил Милгрим.

— Макет для одного из ранних этапов переговоров между Тазер и Моссберг, двумя фирмами-производителями оружия. — Бигенд надел одноразовые пластиковые перчатки, из тех, что продаются в рулоне, как дешевые пакетики для бутербродов. — Согласующее средство.

— Согласующее средство?

— Так они его называли, — сказал Бигенд, поднимая предмет со стола, и поворачивая его под разными углами, чтобы Милгрим смог разглядеть его. Выглядел он невесомым и пустотелым, как будь-то был сделан из какой-то смолы. — Я взял его потому что пытаюсь понять, можно ли считать подобного рода переговоры равноценными попытке Роберто Кавалли разработать пальто для Эйч-энд-Эм.

— Меня застукали, — сказал Милгрим.

— Застукали? — Бигенд посмотрел на него.

— Коп сфотографировала меня сегодня утром.

— Коп? Какой коп?

— Китаянка из Америки, выгледела как миссионер. На ее свитере была вышивка с официальным флагом штата Южная Каролина.

— Сядь, — сказал Бигенд.

Милгрим сел, положив пакет из Хакетт себе на колени.

— Откуда ты узнал что она из коп? — Бигенд снял мешковатые перчатки и скомкал их.

— Я просто понял. Может быть она и не штатный офицер какого-нибудь подразделения, но я не ошибся.

— Ты ходил по магазинам, — сказал Бигенд, глядя на сумку Хакетт. — Что купил?

— Брюки, — сказал Милгрим, — рубашку.

— Мне говорили что магазины Ральфа Ларена в Хакетт, — сказал Бигенд. — Концептуально, это очень сложная информация. Правда или нет. — Он улыбнулся. — И как тебе шопинг в Хакетт?

— Я не понял, — сказал Милгрим, — но мне нравятся такие брюки. И некоторые их футболки попроще.

— Что ты не понял?

— Английский футбол.

— Как это?

— Неужели Хакетт всерьез сконцентрирован на этом?

— Вот за что я тебя ценю. Ты практически без усилий добираешься до сути.

— Нет правда?

— Кое-кто считает что минус на минус дает плюс. Где она тебя сфотографировала?

— В кофейне, возле гостинницы. Севен Дайалс.

— Кому ты говорил об этом?

— Тебе.

— Никому больше об этом не рассказываем. За исключением Памелы. Я ее проинформирую.

— А Оливеру?

— Нет, — сказал Бигенд, — однозначно не Оливеру. Ты говорил с ним сегодня?

— Он сказал мне оставить телефон в номере, включенным и присоединенным к зарядному устройству. Он будет его перепрошивать. Я еще не возвращался в отель.

Бигенд посмотрел на розовый дробовик.

— Почему он розовый? — спросил Милгрим.

— Отпечатан на три дэ принтере. Я не знаю почему они используют розовый цвет. Возможно это просто их обычный оттенок. Эти телефоны проект Оливера. Пользуясь таким, нельзя считать свои разговоры, сообщения и электронную почту безопасными. Но поскольку мы в Англии, то вообще любой телефон нельзя считать безопасным. Понимаешь?

— Ты не доверяешь Оливеру?

— Я не доверяю, — сказал Бигенд. — Я хочу чтобы ты продолжил заниматься своим делом сейчас так, как будь-то ты не видел что тебя кто-то сфотографировал. Вот и все.

— А какое у меня дело? — спросил Милгрим.

— Тебе нравится Холлис Генри?

— Мне кажется я ее уже где-то видел.

— Она раньше пела. В группе Хефью.

Милгрим вспомнил большую серебристую черно-белую фотографию. Постер. Молодая Холлис Генри. Нога ее стоит на каком-то возвышении

демонстрируя приподнятое колено. Обтягивающая твидовая мини-юбка, выглядит так, будь-то большую часть ткани снизу распустили, потянув за нитку. Где он видел это?

— Ты будешь работать с ней, — сказал Бигенд. — В другом проекте.

— Переводы?

— Сомневаюсь. Он также касается одежды.

— Там, в Ванкувере, — начал и затем замолчал Милгрим.

— Да?

— Я нашел женскую сумочку. В ней было много денег. Телефон. Бумажник с карточками. Ключи. Сумочку, бумажник, карточки и ключи я положил в почтовый ящик. А деньги и телефон оставил себе. Вы позвонили. Я вас не знал. Мы начали говорить.

— Да, — сказал Бигенд.

— Поэтому я здесь теперь? Да?

— Точно, — ответил Бигенд.

— Чей это был телефон?

— Ты помнишь в сумочке было еще кое что? Черная пластиковая штуковина, примерна раза в два больше телефона?

Теперь Милгрим вспомнил. Кивнул.

— Это был шифратор. Мой. Сумочка принад-

лежала девушке, которая работала на меня. Я хотел знать кто взял ее телефон. Поэтому я набрал номер.

— А потом почему вы снова позвонили?

— Потому что ты разбудил мое любопытство. И потому что ты продолжал отвечать. Потому что мы общались и общение это привело к нашей встрече, и поэтому как ты сказал ты здесь теперь.

— Чтобы заполучить меня сюда сегодня стоило больше чем… — Милгрим задумался на секунду. — Больше чем Тойота Хайлюкс? — Он чувствовал себя так, будь-то его врач смотрит на него.

Бигенд слегка наклонил голову. — Я не уверен, но возможно больше. А почему?

— Это мой вопрос, — сказал Милгрим. — Почему?

— Потому что я узнал о клинике в Базеле. Сведения очень противоречивые, цены очень высокие. Мне стало любопытно возьмутся они работать с тобой или нет.

— Почему? — спросил Милгрим.

— Потому что, — ответил Бигенд, — Я любопытный человек и могу позволить себе удовлетворять свое любопытство. Врачи, которые осматрива-

ли тебя в Ванкувере были мягко говоря весьма пессимистичны на твой счет. Я люблю сложные задачи. И не смотря на то состояние, в каком тебя нашли в Ванкувере, ты был исключительным переводчиком. Позже — тут Бигенд улыбнулся — выяснилось что у тебя очень интересный взгляд на многие вещи.

— Я бы мог умереть уже, да?

— Ну как я понимаю, пожалуй мог бы, если бы наркотики убрали слишком быстро, — сказал Бигенд.

— Значит я задолжал тебе?

Бигенд дотянулся до дробовика, так, будь-то хотел потрогать его пальцем, поймал себя на этом. — Ты не обязан мне жизнью, — сказал он. — Это побочный продукт моего любопытства.

— Все эти деньги?

— Цена моего любопытства.

Милгрим жег его взглядом.

— Не надо считать это ситуацией, в которой ты должен быть мне благодарен, — сказал Бигенд. — Я надеюсь ты это понимаешь.

Милгрим сглотнул. — Да.

— Я хочу чтобы ты поработал с Холлис в этом новом проекте, — сказал Бигенд. — А там посмотрим.

— Посмотрим на что?

— На то, что увидим, — сказал Бигенд, дотягиваясь через ружье до серой папки. — Возвращайся в отель. Мы позвоним тебе.

Милгрим стоял, опустив пакет из Хакетт, поверх которого висел цифровой портрет его удивленного лица, пристегнутый к шнуру из зеленого нейлона.

— Зачем ты носишь это?

— Это необходимо, — сказал Милгрим. — Я же не работаю здесь.

— Напомни мне, чтобы я исправил это, — сказал Бигенд, открывая серую папку, в которой лежала тонкая стопка вырезок из японских журналов.

Милгрим в этот момент уже закрыл за собой дверь, поэтому ничего не ответил.

Глава 13

Ондатра

— Они едят ондатр, — сказала Хайди когда они шли по позолоченному солнцем песку в Селфриджс чтобы встретиться со стилистом Холлис, — но только по пятницам.

— Кто?

— Бельгийцы. Церковь разрешает это, потому что ондатры живут в воде. Как рыба.

— Забавно.

— Это написано в энциклопедии Ларусс Гастрономик, — сказала Хайди. — Посмотри в ней. Или посмотри на своего приятеля. Может быть он тоже будет есть ондатру.

Айфон Холлис зазвонил, когда они были около Оксфорд Стрит. Она посмотрела на экран. Голубой Муравей.

— Да?

— Это Хьюберт.

— Вы едите ондатру по пятницам?

— Почему вы спрашиваете?

— Я защищаю вас от национальных предрассудков.

— Вы где?

— По пути к Селфриджс с подругой. Она хочет сделать стрижку. — Исхитриться записать Хайди в последний момент к стилисту было той еще задачкой, но Холлис была твердо уверена в лечебном эффекте правильной стрижки. Тем более что Хайди не выглядела измученной похмельем или резкой сменой часовых поясов.

— Чем вы будете заниматься пока ее будут стричь? — спросил Бигенд.

Холлис доказывала Бигенду что сама она тоже собирается подстричься, но он этой идеей не проникся. Тогда она прямо спросила. — Что вы там еще задумали?

— Мой друг, с которым мы вчера закусывали, — сказал он. — Я хочу чтобы вы поговорили.

— Это переводчик, который любит собак? Но почему?

— Мы должны это выяснить. Поговорите с ним, пока ваша подруга занимается стрижкой. Я скажу Олдо чтобы он привез его. Где вы могли бы встретиться?

— Наверное где-то в фуд холле, — сказала Холлис. — В кондитерской.

Он отключился.

— Говнюк, — сказала Холлис.

— Ондатра, — произнесла Хайди, потянув Холлис к себе и врезаясь в безжалостный полуденный поток пешеходов на Оксфорд Стрит, словно широкоплечий ледокол, возвращающийся в Селфриджс. — Ты и впрямь у него работаешь.

— Ну да, — сказала Холлис.

>>>

— Холлис?

Она подняла взгляд. — Милгрим. — Имя она

вспомнила, хотя Бигенд похоже не хотел произносить его по телефону. Он был выбрит, и выглядел отдохнувшим. — Я заказала салат. Вы будете перекусывать?

— У них есть круассаны?

— Конечно есть. — От общения с ним оставалось какое-то глубоко специфическое ощущение, даже после такого короткого обмена фразами. Он вроде бы был искренне мягкий и доброжелательный и в то же время исключительно настороженный каким то извращенным образом, как будь-то с ним, чуть в стороне и над, был кто-то еще, кто постоянно следил за тем, что происходит вокруг, заглядывая в углы.

— Я думаю я бы съел один, — сказал он совершенно серьезно и она увидела как он направляется к ближайшей стойке. Одет он сегодня был в темные брюки и ту же самую спортивную куртку что и вчера.

— Он вернулся с белым подносом. Круассан, небольшой прямоугольный кусочек, чего-то мясного, запеченого в тесте и чашка черного кофе.

— Вы русский переводчик мистер Милгрим? — спросила она, когда он поставил поднос и занял свое место.

— Лучше просто Милгрим, — ответил он. — Я

не русский.

— Но переводите с русского?

— Да.

— Вы это делаете для Хьюберта? Для Голубого Муравья?

— Я не работаю в Голубом Муравье. Пожалуй я фрилансер. Я перевожу кое-что для Хьюберта. По большей части это художественная литература. — На свой поднос он смотрел голодным взглядом.

— Ешьте пожалуйста, — сказала она, принимаясь за свой салат. — Поговорим после.

— Я пропустил ланч, — ответил он. — Врачи предписали мне хорошее питание во время лечения.

— Хьюберт сказал что вы поправляетесь после какой-то болезни.

— Наркотики, — сказал он. — Я наркоман. Поправляющийся. — В этот момент Холлис четко ощутила как вторая, наблюдающая периметр, его составляющая обнаружила себя рядом, чуть под углом.

— Какие?

— Транквиллизаторы по рецепту. Звучит в общем респектабельно, да?

— Пожалуй, — ответила она, — хотя вам вряд

ли от этого легче.

— Не легче, — ответил он, — мне никто не выписывал рецептов очень, очень давно. Я был обычным уличным наркоманом. — Он отрезал аккуратный кусочек от своего остывшего мясного пирога.

— Мой друг принимал героин, — сказала она. — Он умер.

— Мне жаль, — сказал он и принялся за еду.

— Год назад. — Она начала есть свой салат.

— А вы что делаете для Хьюберта? — спросил он.

— Я тоже фрилансер. Но я не вполне понимаю что я делаю. По крайней мере сейчас.

— Он любит такое, — сказал Милгрим. Что-то в холле привлекло его внимание. — Зеленый цвета листьев, вон те брюки.

— Чьи?

— Он ушел. Вы знаете коричневого койота?

— Кого?

— Это был такой модный тон для военного инвентаря в Соединенных Штатах. Лиственно-зеленый более новый и модный. Еще недавно был альфа зеленый, а теперь вот лиственно-зеленый.

— Армейские штучки бывают модных тонов?

— Конечно, — сказал Милгрим. — Неужели

Хьюберт не говорил вам об этом?

— Нет.

Он все еще пытался разглядеть где-то там вдалеке эти брюки. — Вряд ли вы увидите этот цвет в этом году в продаже. Скорее в следующем. Я не знаю какой у него номер по шкале Пантона. — Он вернулся к своему мясному пирогу и по-быстрому его прикончил. — Извините, — сказал он, — Я не очень хорошо чувствую себя с новыми людьми. Первое время.

— Я этого не почувствовала. На мой взгляд с вами все в порядке.

— Так он сказал, — сказал Милгрим моргая, и она догадалась, что речь идет о Бигенде.

— Я видел вас на картинке. На постере. Наверное это было в Местечке Сен Марк. Магазин бэу пластинок.

— Это очень старая картинка.

Милгрим кивнул, разрезал свой круассан пополам и стал намазывать его маслом.

— Он говорил с вами о джинсах?

Милгрим посмотрел на нее, рот у него был занят круассаном, и покачал головой.

— Габриэль Хаундс?

Милгрим проглотил. — Кто?

— Очень неафишируемая линия джинсовой

одежды. Похоже это как раз то, чем я занимаюсь для Хьюберта.

— Чем вы занимаетесь?

— Разведкой. Я пытаюсь найти откуда берется эта одежда. Кто ее производит. Почему людям она нравится.

— И почему?

— Наверное потому что ее практически невозможно купить.

— Это она? — спросил Милгрим, глядя на ее куртку.

— Да.

— Пошито добротно. Но это не военная одежда.

— Насколько я знаю, нет. Почему он вдруг заинтересовался модой?

— Он не интересуется модой. В привычном смысле. Насколько я знаю. — Она вновь ощутила что их столик накрыт вниманием со стороны его настороженной сущности. — Вы знаете что существуют специальные торговые выставки для производителей, которые хотят поставлять инвентарь для Корпуса Морской пехоты?

— Нет. Вы были на такой выставке?

— Нет, — сказал Милгрим. — Я опоздал. Это в Южной Каролине. Я там недавно был. В Южной Каролине.

— А что конкретно вы делаете для Хьюберта в области одежды? Вы дизайнер? Маркетолог?

— Нет, — ответли Милгрим. — Я замечаю особенности. Я очень хорошо вижу детали. Я не знаю почему. Именно из-за этого он обратил на меня внимание в Ванкувере.

— Вы там у него жили? В его пентхаузе?

Милгрим кивнул.

— В комнате, где летающая на магнитной подушке кровать?

— Нет. У меня была маленькая комната. Мне нужно… фокусироваться. — Он прикончил последний круассан и глотнул кофе. — Мое состояние пожалуй можно было обозначить словом «институционализировавшийся»? В общем я плохо себя чувствовал в местах, где слишком просторно. Слишком много деталей и вещей. Тогда он послал меня в Базель.

— Швейцария?

— Чтобы начать лечение. Если не возражаете, я тоже спрошу. Почему вы работаете на него сейчас?

— Я и сама себе этот вопрос задаю, — ответила она. — Это же не первый раз. Я же после первого раза сказала что не дай бог еще раз этому случиться. Но в первый раз я заработала очень хорошие

деньги, хотя и какими-то окольными путями, способом, который не имел ничего общего с тем, что я предположительно делала для него. Затем я потеряла большую часть этих денег в кризис. Ничего другого, чем бы я хотела заниматься я не нашла и вдруг опять появился он и он настоятельно хочет чтобы я занималась этим. Мне все это не нравится.

— Я знаю.

— Неужели?

— Я могу объяснить, — сказал Милгрим.

— Почему вы на него работаете?

— Мне нужна работа, — ответил Милгрим. — И еще потому… что он оплатил клинику в Базеле. Мое лечение.

— Это он отправил вас туда?

— Это стоило очень дорого, — сказал он. — Дороже, чем бронированный грузовик армейского образца. — Он положил вилку и нож на белой тарелке, среди крошек. — Это напрягает, — сказал он. — Теперь он хочет чтобы я работал с вами. — Он поднял взгляд от тарелки. В этот момент обе его странно фрагментированные сущности посмотрели на нее в первый раз одновременно. — Почему вы не поете?

— Потому что я не пою, — ответила она.

— Но вы же были знаменитостью. Должны были. Я же видел постер.

— Это не совсем то, о чем мы говорим.

— Я предположил что это может быть проще. Ну для вас я подумал.

— Это не проще, — ответила она.

— Извините.

Глава 14

Желтый шлем

На обратном пути Милгрима в отель, под легким дождиком, на Шафтсбюри Авеню, когда они остановились возле пешеходного перехода, их Хайлюкс перехватил курьер на грязном сером мотоцикле. Олдо опустил электроподъемником стекло со стороны пассажира, стирая уплотнителем капли дождя с пуленепробиваемого стекла, и мотоциклист достал из глубин куртки конверт и передал его Милгриму. Перчатка мотоциклиста напоминала армированную кевларом руку робота. Стекло вновь поднялось, а мотоцикл уехал вперед перестраиваясь между рядами движущихся транспортных средств и желтый шлем мотоциклиста с расстоянием становился

все меньше и меньше. Куртка его на спине была как будь-то смята скользящим ударом огромной лапы, и в месте удара из под нее как будь-то проступал белый субстрат.

Он посмотрел вниз на конверт. На конверте было написано МИЛГРИМ карикатурными, свободно расположенными заглавными буквами. В правом нижнем углу было написано ПМ. Памела. Когда он открыл конверт, ему показалось что он пустой или почти пустой. В мягком, прозрачном файлике для бумаг лежал отпечатанный на струйном принтере снимок встреченной им в Каффе Неро женщины-полицейской. Этот снимок не был из Каффе Неро. Здесь, за ее спиной отлично было видно собакоголовых ангелов из местечка Gay Dolphin Gift Cove. Свитер на ней был красным, хотя на нем все так же красовался белый логотип с пальмой и луной. Другая гамма. Это Слейт сделал снимок? Похоже она не знала что ее сфотографировали. Он представил себе ее спящей в тренерском отсеке самолета Бритиш Мидландс.

Салон наполнился вступительными аккордами «Притормози» Туутс и Мэйтэлс. — Олдо, — сказал Олдо в свой айфон. — Конечно. — Он передал телефон Милгриму.

— Видишь, — сказал Бигенд.

— Это она, — ответил Милгрим. — Это когда я там был?

Вспомнив совет Бигенда насчет телефонов, он не стал спрашивать где они взяли снимок и как.

— Примерно, — ответил Бигенд и отключился.

Милгрим вернул айфон в большую, украшенную изысканным маникюром руку Олдо.

Глава 15

Сброс

— Фицрой, — сказал голос Клэмми в ее айфоне. Она смотрела на круглое дно птичьей клетки в своем Четвертом Номере оставив свежеподстриженную Хайди в Селфриджес. Хайди собиралась проверить остаточную жизнеспособность нескольких кредитных карт ее бывшего.

— Фицрой?

— Это сосед, — сказал Клэмми, — В Мельбурне. Сверток с Брюнсвик Стрит. Это ответвление Роуз Стрит от Брюнсвик. На Роуз Стрит и есть этот рынок художников. Мере взяла меня с собой. Меридит. Ол Джордж знает ее.

Это должно быть был «Олдувай» Джордж.

Алмаз Боллардов, практически безбашенный клавишник, о котором Инчмэйл сказал что у него на кончиках пальцев больше мозгов, чем у всех остальных вместе взятых. Короткая стрижка номер два, выглядит как очень маленькая меховая шапка. Примерно как одна из черных кашемировых шапочек Клэмми, только снять он ее не может. Массивные челюсти и скулы, неизменная черная глянцевая щетина, большие, умные, глубокопосаженные глаза.

— Первое что я увидел были ее Хаундсы, ну на девчонке были Хаундсы, — продолжал Клэмми.

— И как они?

— Убойно.

Она подумала что это скорее всего означало что у него таких нет, но будут. Ну в теории по меньшей мере. — И ты тоже приобрел Хаундсы?

— Я хотел, — сказал Клэмми, — очень сильно. Я видел что у этого дурака Бертона уже есть пара. Жирная жопа. В слове жопа еще довольно явственно проступал Австралийский акцент. Бертон, о большой заднице которого, она слышала и раньше, сделал что-то, за что его ненавидели в группе Клэмми. Интенсивность ненависти которую один профессиональный музыкант может задекларировать в отношении другого

было одной из наиболее неприятных вещей в их бизнесе. Она полагала что ей удавалось избегать этого, просто стараясь не появляться в компаниях музыкантов. Наверное не все музыканты такие, но лучше не нарываться, чем потом жалеть.

— В общем ты восхищался ее джинсами?

— Дал ей понять, — сказал Клэмми, — что я знаю что это такое.

— И?

— Она спросила не хочу ли я приобрести пару. Сказала что знает когда будет сброс.

— Сброс?

— Ну доставка.

— Откуда?

— Я не собирался спрашивать об этом, — сказал он серьезно. — Я же хотел Хаундсы. Завтра, сказала она. Сказала что скажет мне.

Свет снаружи угасал, одновременно погружая во тьму ее Номер Четыре. Дно птичьей клетки висело над ней, как дисковидная тень космического корабля-матки, как застывшие сумерки. Казалось что из черного круга вырвется яркий энергетический луч и вырежет вокруг нее круг. На мгновение она ощутила мерное гудение потоков Лондонского трафика. Пальцы ее свободной руки лежали на резной поверхности моржовой

кости пиблокто безумной кровати. — И?

— У остальных она тоже записала. Кроме Джорджа. Он ее знал.

— Откуда?

— Кордвайнерс. Лондонский модный колледж. Она изучала дизайн обуви. Выпустила два сезона своей собственной линии. После этого вернулась в Мельбурн, производить ремни и сумочки. Серьезная девушка, сказал Джордж.

— Она училась в Кордвайнерс?

— Долбанный Оксфорд Джорджа. Он там встретил еще одну девушку из Кордвайнерс, подружку первой.

Холлис попыталась представить все это, мысленно визуализируя Мельбурн, который почти и не был похож на любой другой город. Они выступали в Мельбурне и в Сиднее по два раза в каждом во время их турне. Каждый раз у нее был жуткий джет-лаг от смены часовых поясов и оба раза были отмечены запутанностью политики группы. Так что она почти не поняла ни первого ни второго города. Ее Мельбурн представлял собой размазанный коллаж, похожий на Лос Анджелес в канадском антураже, что-то англо-колониально-викторианское среди терраформинга пригородной застройки. Инчмэйл сказал что все

огромные деревья в Лос Анджелесе австралийские. Она предполагала что в Мельбурне были такие. Город, в котором она сейчас представляла Клэмми не был настоящим. Скорее нечто, собранное из тех небольших кусочков, которые она помнила. Она внезапно почувствовала интенсивное желание отправиться туда. Не в тот реальный Мельбурн, каким он на самом деле мог бы быть, а в эту вот ее солнечную как будь-то бы выдумку.

— Девушка достала для тебя джинсы? — спросила она у Клэмми.

— Она пришла утром. Отвезла меня на Брюнсвик Стрит. Яйца с беконом в веганском лесбийском кафе баре.

— Веганский бекон?

— Они там без предубеждений. Мы разговаривали о Хаундсах. Я уловил что она встретила кого-то здесь в Лондоне, когда была в Кордвайнерс. И этот кто-то как раз и основал Хаундс.

— Хаундс отсюда?

— Она этого не сказала. Но кое-кто здесь знает кое-что о том, как все начиналось.

Дно клетки теперь было абсолютно темным, а инсектоидные обои выглядели тускло цветочными.

— Мы договорились, — напомнила она ему.

— Договорились, — согласился он, — только не жди слишком многого, у меня было время чтобы все обдумать.

— Давая я сама буду судить об этом.

— Ладно, мы поболтали за завтраком, а потом рванули на рынок. Я думал это будет похоже на одежный уголо Портобелло или Камден Лок. Но там было больше всяких художественных и ремесленных поделок. Японские принты, картины, ювелирные штучки. Вещи, которые сами же продавцы и изготовили.

— Когда это было?

— В марте. Жара еще была. Люди выстроились в очередь за Хаундсами, пока мы перекусывали. Рынок не очень большой. Мере вклинила меня прямо в середину этой очереди. После нас было еще человек двадцать пожалуй. Снаружи, во дворе. Я думал что нам может не обязательно стоять в такой очереди, но она сказала что других вариантов нет.

— Как выглядели эти люди?

— Целеустремленно, — сказал он. — Никто не разговаривал. Каждый из них похоже был в одиночку. Пытались выглядеть обычно.

— Мужчины? Женщины?

— Мужчины в основном.

— Возраст?

— Разный.

Она представила что это могло означать для Кэмми.

— И все они ждали…?

— Под старым пляжным зонтиком стоял стол. А мы стояли и поджаривались на солнце. Он сидел за столом под зонтиком.

— Он?

— Белый. Лет тридцати. Американец.

Она догадывалась что Клэмми вряд ли способен правильно определять возраст людей, которые старше двадцати.

— Откуда ты узнал?

— Поговорил с ним когда очередь подошла.

— О чем?

— Об усадке, — сказал Клэмми. — О размере. Размер Хаундсов в точности такой как написано на этикетке. Только в талии они потом чуть растягиваются. Размеры честные.

— Что-то еще?

— Он продал мне только одну пару. У него было три моего размера. Я хотел купить все три. Он сказал что не может продать. Один покупатель, одна вещь. Движение не должно останавливаться, там еще двадцать, тридцать человек в очереди.

— Как он выглядел?

— Рыжеватые волосы, веснушки. Белую рубашку его я запомнил.

— Почему?

— Она тоже могла быть Хаундс. Простая на первый взгляд, но не совсем простая. Как Хаундсы. В руке он держал свернуты купюры. Никаких монет. Только наличные.

— Сколько?

— Двести австралийских долларов.

— Он один был?

— Две австралийские девушки. Подруги Мере. Это на самом деле была их точка. Они продавали ремни, которые делала Мере, собственные принты и ювелирные изделия.

— Имена?

— Не знаю. Мере знает.

— Она в Мельбурне?

— Нет. В Париже.

Тьма парящего над ней космического корабля закрыла поле зрения. — В Париже?

— Ну да.

— Ты знаешь как ее найти?

— Она на какой-то винтажной ярмарке одежды. Два дня. Начнется завтра. С ней там Ол Джордж. Инчмэйл напился после того, как он уехал, бро-

сив нас в студии.

— Мне надо с ней встретиться. Завтра или через день. Ты можешь организовать это?

— Ты помнишь наш договор?

— До последней буквы. Все в рамках. Перезвони мне.

— Ладн, — сказал Клэмми и отключился. Айфон мгновенно опустел.

Глава 16

Бар Славы

Она ждала Милгрима когда он вернулся в свой отель. На мягкой скамье, где стоял пристегнутый антикражным шнурком их общий МакБук, слева от перекладины Т-образного лобби, напротив стола.

Он ее не увидел, пока не попросил канадскую девушку дать ему ключ от номера. — Кто-то ожидает вас мистер Милгрим.

— Мистер Милгрим?

Он повернулся. Она все еще сидела там в своем черном свитере. Только что закрыла МакБук. Рядом с ней лежала ее большая белая сумочка, и еще больший пакет Ватерстоунс. Она встала,

перебросив сумочку через правое плечо и взяв пакет в руку. Карточка видимо уже была у нее в руке, наготове, потому что он увидел ее в ее правой руке сразу, как только она подошла к нему.

— Винни Вайтэкер мистер Милгрим. — Она подала ему карточку. Сделано как бэйдж, верхний левый угол в золотой фольге. ВИННИ ТАНГ ВАЙТЭКЕР. Он моргнул. СПЕЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТ. Он поднял голову в отчаянии пытаясь отыскать способ сбежать и увидел что в пакете Ватерстоунс лежат по меньней мере два игрушечных медведя Паддингтон в их желтых шляпах. Он снова посмотрел на карточку. МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ. ОФИС ГЛАВНОГО ИНСПЕКТОРА. СЛУЖБА УГОЛОВНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ. Сокращенно это произносилось как «ди сис» с ударением на первый слог.

— Вы меня сфотографировали, — сказал грустно Милгрим.

— Да, сфотографировала. Мне надо поговорить с вами мистер Милгрим. Есть здесь где-нибудь место, где нам не будут мешать?

— У меня очень маленький номер, — сказал он. Что в общем было абсолютной правдой. Как только он это произнес, то понял что в его номере нет ничего такого, чего нельзя было бы показать ей.

— Бар славы, — произнес он, — здесь же, вверх по лестнице.

— Спасибо, — сказала она, и рукой в которой была сумка Ватерстоунс предложила ему показывать путь.

— Давно вы ждете меня? — спросил он, как только она пошла по ступенькам, и обнаружил что голос его звучит как голос робота.

— Около часа, но я переписывалась в твиттере с моими детьми, — ответила она.

Милгрим не знал что это означает. И он никак не мог понять какого размера бар славы и сколько комнат в действительности он занимает. Первая, в которую они сейчас вошли была похожа на одно из помещений с обучающими экранами в главном магазине Ральфа Лорена. Вот только казалось что обитало здесь нечто полумифическое, коленчатое, метастатически жуткое и гиперреальное.

— Ух! — сказала она оценивающе, в тот момент, когда он смотрел вниз на ее удостоверение, в надежде разглядеть еще что-нибудь. — Как Ритц-Карлтон на стероидах. В миниатюре. — Она осторожно опустила сумку с медведями на кожаный пуф.

— Могу я предложить вам выпить? — спросил

Милгрим голосом робота. Он снова посмотрел на злополучную карточку, затем засунул ее в нагрудный карман куртки.

— Здесь есть пиво?

— Конечно есть. — Осмотревшись, он таки обнаружил холодильник, закрытый декоративной панелью из красного дерева. — Какое вы предпочитаете?

Она заглянула в холодные матово-серебрянные внутренности. — Я не знаю ни одного из этих.

— Может Бека, — предположил его робот. — Он конечно не такой как в Америке.

— А вы?

— Я не пью алкоголь, сказал он, передавая ей бутылку Бека и выбирая себе безалкогольный напиток. Она открыла пиво используя что-то фундаментальное с толстой рукояткой из оленьего рога, и сделала глоток прямо из бутылки.

— Зачем вы меня сфотографировали? — спросил Милгрим, неожиданно переключившись с тембра робота на совершенно чужой голос человека, которого следует арестовать автоматически и немедленно.

— Я одержима, — ответила она.

Милгрим вздрогнул и заморгал.

— Изначально, — продолжила она, — Я соби-

раю улики. По большей части в папки с файлами. Документы, фотографии. Иногда я развешиваю их на стене у себя в офисе. У меня есть ваше фото с задержания за наркотики в Нью Йорке в 1997.

— Мне не предъявляли обвинения, — сказал Милгрим.

— Нет, — согласилась она, — не предъявляли. — Она сделала еще глоток Бек. — И у меня есть значительно более свежая копия фотографии из вашего паспорта. Но сегодня утром, когда я за вами наблюдала, я решила что в полдень мы должны поговорить. И прежде чем сделать это я хотела сфотографировать вас. В каком-нибудь месте. К тому же я действительно одержима насчет фото. Сейчас я не уверена, решила ли я сначала поговорить с вами или сначала я решила сделать ваше фото, и это должно было означать что нам следует пообщаться после обеда. — Она улыбнулась. — Вы не пьете ваш напиток?

Милгрим посмотрел вниз на маленькую жестянку, потянул крышку и налил немного чего-то желтоватого и газированного в стакан хайбол.

— Давайте присядем, — сказала она и устроилась в кожаном клубном кресле. Милгрим взял другое и сел напротив ее.

— Что я сделал?

— Я не ясновидящая, — ответила она.

— Извините?

— Ну ладно, — сказала она, — вы не заполняли налоговую декларацию о доходах почти десять лет. Хотя, может быть вы не зарабатывали ту сумму, от которой требуется заполнять декларацию.

— Пожалуй не зарабатывал, — сказал Милгрим.

— Но сейчас вы трудоустроены?

— Я в некотором роде получаю гонорары, — сказал Милгрим сконфуженно. — Ну и мне компенсируют расходы.

— Достаточно серьезные расходы, — сказала она, оглядывая бар вокруг. — Это рекламное агентство Голубой Муравей?

— Формально нет, — сказал Милгрим, ему не понравилось как это прозвучало. — Я выполняю некую работу для владельца и руководителя. Слово «руководителя» в его фразе прозвучало несколько неприятно.

Она кивнула и восстановила визуальный контакт с ним. — Вы почти не оставляете следов мистер Милгрим. Колумбия? Славянские языки? Переводы? И какая-то работа на правительство?

— Да.

— У вас нет истории если воспользоваться тер-

мином компании Чоис Поинт. Это означает что у вас не было кредитной карты десять лет. Это означает что у вас не было никаких адресов эти десять лет. И я бы предположила мистер Милгрим, что у вас были проблемы с наркотиками.

— Были, — сказал Милгрим, — да.

— Но на мой взгляд сейчас вы не выглядите как человек, у которого проблемы с наркотиками.

— Сейчас их нет.

— Нет. Похоже вы приобрели некоторые рефлексы, которых у вас не было, когда вы принимали наркотики. И возможно у вас могут возникнуть проблемы с компанией, для которой вы работаете. И как раз об это я хочу с вами поговорить.

Милгрим сделал глоток содержимого своего стакана. Какая-то коррозионно-горькая Итальянская лимонная газировка. Глаза его распахнулись.

— Зачем вы ездили в Миртл Бич мистер Милгрим? Знаете вы человека, с которым там встречались?

— За его брюками.

— За его брюками?

— Я срисовывал выкройку, — сказал Милгрим. — И сфотографировал их. Человеку за это заплатили.

— Вы знаете сколько?

— Нет, — ответил Милгрим. — Несколько тысяч. — С помощью большого и указательного пальца он жестом бессознательно показал какой толщины была пачка стодолларовых купюр. — Скажем десять штук?

— И брюки эти являются собственностью Министерства Обороны? — спросила она глядя прямо на него.

— Я надеюсь нет, — ответил Милгрим, чувствуя себя глубоко и внезапно несчастным.

Она сделала большой глоток своего пива, продолжая все так же прямо смотреть на него. Кто-то засмеялся в одной из смежных с баром комнат, из-за Французских дверей так же обитых красным деревом. Смех вполне соответствовал окружающему декору.

— Я могу сказать вам, что они действительно не были собственностью Министерства Обороны, — произнесла она.

Милгрим судорожно сглотил. — Не были?

— Но могли бы быть. И это может представлять из себя проблему. Расскажите мне о мужчине, который вам их показал.

— У него была стрижка как у поп-звезды семидесятых, — сказал Милгрим, — и на нем были

Тотерсы модели Блэки Коллинз.

— На нем были что?

— Джинсы Тотерс, — сказал Милгрим. — Я нагуглил их. Карманы на них из ткани Кордура Плюс для оружия. И внешние карманы для ножей и фальшвееров.

— О, — сказала она, коротко улыбнувшись, — действительно.

— Слейт сказал что он служил в каких-то… специальных войсках?

— Я уверена что он так думает.

— Служил?

— Слейт, — сказала она, — Оливер. Подданный Великобритании, Канадский резидент. Работает для Голубого Муравья.

— Да, — сказал Милгрим, представив фото Слейта на ее стене. — В любом случае, он почти ничего не говорил. Сказал только нужны будут клинья.

— Клинья?

— На брюках. — Затем вспомнив добавил: — Очень хороший аналитик-дизайнер из Голубого Муравья сказал что это не военные брюки. Он думает что это уличная одежда. Я полагаю она права.

— Почему?

— Коричневый койот. — Он пожал плечами. —

В прошлом году. В Ираке.

— Я была в Ираке, — сказала она. — Три месяца. В зеленой зоне. Меня этот цвет тоже утомил.

Никакая фраза не пришла Милгриму в голову. — Там было опасно? — спросил его робот.

— Там был Синнабон, — ответила она. — Я скучала по детям. — Она допила свое пиво и поставила бутылку вниз на хрустальную подставку с замечательным гофрированным краем. — Это его жена была в магазине сувениров. Он тоже был в Ираке. Сначала в элитном подразделении, затем служил по контракту.

— Я его испугался, — сказал Милгрим.

— Я думаю он не очень боеспособен, — сказала она как будь-то знала что отсутствие сюрпризов здесь гарантированно. — Что с этой Тойотой?

— Хайлюкс?

— Через представителя ФБР здесь я договорилась о взаимодействии с местными. Британцы вели вас из аэропорта и сказали мне где вы остановились. Они очень любопытствовали на тему этого грузовика.

— Это Бигенда, — сказал Милгрим. — Он бронирован фирмой Янкеля, у него специальный двигатель, и можно ехать даже с простреленными шинами. — Он не стал говорить про армейский

стандарт.

— Его правда так зовут?

— Если произносить по французски, то это будет пожалуй звучать как 'Бай-джан'. Но он похоже предпочитает другое.

— Зачем ему такая машина как этот Хайлюкс?

— Сама по себе она ему не нужна. Она нужна ему чтобы удовлетворить его любопытство.

— Забавно.

— Я не знаю как это объяснить, — сказал Милгрим. — Он очень любопытный.

— И тут мы его зацепили. Когда мои британские коллеги пробили регистрацию, мне показалось что они решили мне ничего не рассказывать, кроме того как вас вели из аэропорта и названия вашего отеля. Хотя в принципе я на большее и не рассчитывала. Но тут они спросили про этот грузовик.

— Действительно эксцентричных богатых людей не так много, — сказал Милгрим. — По-видимому. Даже здесь.

— Я не встречала.

— Я тоже, — согласился Милгрим, и осторожно сделал крошечный глоток своей горькой лимонной шипучки.

— Зачем ему размеры и выкройки этих брюк?

— Они интересуются военными поставками, — сказал Милгрим. — Разработкой моделей. Производство одежды и оборудования возможно только в Соединенных Штатах. Это закон.

— Не шуточно, — сказала она.

— Мне так сказали.

— Да нет, — уточнила она, — Не шуточно то, что они изучают возможность заключения военных контрактов.

— Пожалуй, — сказал Милгрим. — Они это всерьез. Это главный проект сейчас.

— Охуительно весело, — сказала она.

Милгрим сконфуженно посмотрел на свой стакан.

— У тебя есть номер телефона?

— Есть, — сказал Милгрим, выудил Нео из кармана куртки и показал ей его. — Вот здесь, но Бигенд сказал что он прослушивается.

— Не пойдет. Я арестовывала вполне серьезных засранцев с такими штуками.

Милгрим вздрогнул.

— Не потому что у них были такие телефоны. За другие вещи. У тебя есть адрес электронной почты?

— Адрес Голубого Муравья.

— Учетная запись Твиттер?

— Что?

— Зарегистрируйся, — сказала она. — Как Gay Dolphin Два, все заглавные, без пробелов. Двойка цифрой. В лобби есть ноутбук. Сразу как закончишь со своим напитком. Записи свои сделаешь частными. Я пришлю тебе запрос. Я буду Gay Dolphin Один. Примешь мой запрос, все остальные запросы отбивай. Все равно это скорее всего будут порно роботы.

— Порно роботы? Что это?

— Так я говорю моим детям. Зарегистрируйся. Связь будем держать так. Постарайся не попадать в неприятности.

Милгрим вздрогнул.

— Не уезжай из города, не предупредив меня. Если будешь менять отель, тоже предупреди.

— Если меня куда-нибудь отправят я должен буду уехать, — сказал Милгрим. — Для этого меня наняли.

— Замечательно. Я буду рядом. — Она встала. — Спасибо за пиво. Не забудь зарегистрироваться. Gay Dolphin Два. Два цифрой. Все строчные, без пробелов.

Она ушла, а он продолжал сидеть в клубном кресле. Достал из кармана ее карточку. Подержал не глядя на нее, ощущая в пальцах шершавые

края.

— Без пробелов, — сказал робот внутри него.

Глава 17

Гомункулы

Она нашла Хайди в баре Корпуса, монохроматически блистательную в куртке тамбурмажоретки которая могла бы нести постхолокостический барабан. Куртка представляла собой нарезку из почти черных тканей различных оттенков и текстур.

— Карточки придурка работают?

— Две, — сказала Хайди, поднимая исходящий паром стакан чистой, прозрачной жидкости в стакане для хайбола. Ее новая стрижка была тоже свеже-черной, так же разных оттенков и похоже в ее счет еще включили и макияж.

— Что это? — спросила Холлис, показывая на стакан.

— Вода, — сказала Хайди и сделала глоток.

— Хочешь поехать со мной в Париж завтра утром?

— Зачем?

— Это моя работа на завтра. Выставка винтаж-

ной одежды. Я там могу встретить кого-то, кто знает о вещах, которые Бигенд попросил меня разыскать. Ну или какую-то часть.

— И как ты их найдешь?

— Мне кажется у нее свидание с клавишником из Боллардс.

— Крошечный мир, — сказала Хайди. — И единственный красавчик, это он. Остальные гомункулусы.

— Гомункулы.

— Маленькие засранцы, — добавила Хайди. — Я пас. У меня горло болит. Долбанные самолеты.

— Не самолет. Евростар.

— Я имела в виду тот, на котором сюда прилетела. Когда ты возвращаешься?

Если я найду ее завтра, то вернусь послезавтра. Наверное со мной поедет Милгрим.

— Как он?

— Глубоко, мать его своеобразен. — Холлис осторожно подула на тонкий смуглый островок пены на поверхности ее полупинты Гиннеса чтобы посмотреть как она сдвинется, а потом сделала глоток. Гиннес для нее всегда был непостижимым напитком. Непонятно, зачем она заказала его. Ей больше нравилось как он выглядит, нежели какой он на вкус. Для нее было вопросом каким

должен быть вкус у того, что выглядит вот так. Никаких идей. — Хотя возможно все не так уж плохо. Он же не виноват что Бигенд нашел его. Уж я то знаю что это такое.

— Роберт нашел мне тренажерный зал. Старой школы. На восточной стороне.

— Конце, а не стороне.

— Он симпатичный.

— Даже не думай. Гражданские лица неприкосновенны помнишь? Нарушение правила чревато невозможностью развода с засранцем.

— На себя посмотри. Долбоеб на ЁТьюбе, прыгающий с небоскребов в костюме белки-летяги.

— Но это же было твое правило, ты вспомни? Не мое. После боксеров, ты клеила музыкантов.

— Гомункулусы, — сказала Хайди кивая, — напыщеные придурки.

— Я могла бы тебе об этом рассказать, — сказала Холлис.

— Ты и рассказала.

Внезапно шум толпы ранних выпивох в баре затих. Холлис подняла взгляд и увидела Исландских близняшек и их одинаково сияющие блондинистые головы. За ними какой-то тревожно добродушный маячил Бигенд.

— Дерьмо, — сказала Холлис.

— Я сваливаю, — сказала Хайди, поставила свой стакан с водой и встала, раздраженно передернув плечами в своей новой куртке.

Холлис со своей полупинтой в руке покраснела. — Я поговорю с ним, — сказала она. — Про Париж.

— Это только твоя работа.

— Холлис, — сказал Бигенд. — И Хайди. Рад вас видеть.

— Мистер Бигенд, — сказала Хайди.

— Позвольте я вам представлю Ейдис и Фридрику Брандсдоттир. Это Холлис Генри и Хайди Хайд.

Ейдис и Фридрика одинаково, в жуткий унисон улыбнулись. — Очень приятно, — сказала одна. — Да, — сказала другая.

— Я ухожу, — сказала Хайди и мужчины повернулись, провожая ее взглядами, пока она шагала на выход через бар.

— Она себя не очень хорошо чувствует, — сказала Холлис. — После перелета заболело горло.

— Она поет? — спросила Ейдис или Фридрика.

— Она барабанщик, — сказала другая.

— Можно мне вас на минуточку Хьюберт? — Холлис повернулась к близняшкам, — Пожалуйста извините меня. Присаживайтесь.

Пока они устраивались в креслах, в которых сидели Холлис и Хайди, Холлис вплотную шагнула к Бигенду. Он избавился от голубого костюма, в котором был утром, и сейчас был в чем-то странном, из черной ткани, светопоглощающем. Выглядело оно так, будь-то совсем не имело поверхности. Это было похоже на ничто, открывающееся куда-то, антиматерия скрещенная с мохером. — Я и не знал что Хайди здесь, — сказал он.

— Это сюрприз. Но я хочу вам сказать что завтра я еду в Париж, попробую поговорить кое с кем, кто может знать что-то о Хаундс. Милгрима я возьму с собой.

— Как у вас с ним?

— Более, менее, учитывая обстоятельства.

— Я скажу Памеле чтобы она написала вам сейчас. Она может зарезервировать все, что только можно.

— Не беспокойтесь. Я слежу за расходами. Но я не хочу отказываться от моего номера здесь, и вы можете оплатить его.

— Считайте уже оплатил, — сказал Бигенд, — плюс непредвиденные расходы. Вы можете мне что-нибудь рассказать о Париже?

— Возможно я найду там кого-то, кто кто знает или возможно принимал участие в создании

Хаундс. Возможно. Это все, что я знаю. И это может быть неправда. Я вам позвоню оттуда. А компания у вас уже есть. — Она улыбнулась в направлении Ейдис и Фридрики свернувшихся в своих удобных креслах как серебристые арктические млекопитающие. — Спокойной ночи.

Глава 18

140

Нео позвонил как раз когда он все еще пытался разобраться с Твиттером. Он уже зарегистрировался как GAYDOLPHIN2. У него не было подписчиков, он тоже не подписывался ни на кого. Что бы это не означало. И все его несколько записей были защищенными.

Резкий, искусственно-механический голос рингтона привлек внимание девушки за стойкой регистрации. Он тревожно, как будь-то извиняясь улыбнулся со своего места на кожанной подушке скамьи, где обитал лэптоп и поднеся Нео к уху спросил — Да?

— Милгрим?

— Говорите.

— Это Холлис. Вы как там?

— Нормально, — автоматически ответил Милгрим. — А вы?

— Как насчет поездки в Париж завтра? На утреннем Евростар.

— Что это?

— Поезд, — сказала она. — Который в туннеле. Так быстрее.

— Зачем? — Ему показалось что прозвучало это с интонацией сомневающегося ребенка.

— Я кое-кого нашла и нам надо с ним поговорить. Она будет там завтра и еще послезавтра. А потом я не знаю.

— Мы надолго?

— Если все получится то на сутки. Выезжаем в семь тридцать с Сен Панкрас. Я скажу чтобы кто-нибудь из Голубого Муравья забрал вас из отеля.

— Хьюберт в курсе?

— Да. Я только что с ним говорила.

— Ну хорошо, — сказал он. — Спасибо.

— Я позвоню вам в номер как поеду утром.

— Спасибо.

Милгрим положил Нео и вернулся к веб почте и Твиттеру. Твиттер как раз спрашивал его, не желает ли он разрешить пользователю GAYDOLPHIN1 стать его подписчиком. Он желал. Он написал ей о Париже. Последовательностью

сообщений из ста сорока символов.

Как только он закончил, кто-то, с ником CindiBrown32 попыталась стать его подписчиком.

Помня инструкции Винни, он ответил отказом. Затем закрыл Твиттер и вышел из веб почты. Закрыл МакБук.

— Спокойной ночи мистер Милгрим, — сказала девушка за столом, пока он шел в сторону лифта.

Он чувствовал как будь-то что-то новое и очень большое пытается поселиться внутри него. Как будь-то он меняет гражданство или получает новое. Или может быть он просто больше боится Винни, чем Бигенда? Или может быть он боится возможности потерять Бигенда?

— Институционализированный, — сказал он нержавеющему интерьеру лифта Хитачи, когда его двери закрылись.

Он подумал что вот теперь он сменил прежнее место обитания, которое казалось чрезвычайно маленьким и очень недружелюбным на что-то новое, более обширное пространственно, с этой его не совсем работой по выполнению поручений Бигенда, но таки оно к сожалению оказалось не намного больше. Эта последовательность номеров в отелях, которые выбирал не он. Простые

задания, путешествия, анализы мочи и неизменно новая упаковка лекарств каждый раз.

Вспомнив о лечении он занялся рассчетами. На две ночи лекарств должно было хватить. Как бы то ни было.

Двери лифта распахнулись в холл третьего этажа.

Принять лекарство. Почистить зубы. Собраться в Париж.

Когда он последний раз был в Париже? Похоже что никогда не был. Он был где-то когда ему было около двадцати. Этими таинственными деталями его давней прежней жизни безжаластно интересовался его врач в Базеле. Молодой, он гипотетически был самим собой. До того как все пошло не так, затем стало еще хуже, и еще, и в какой-то момент большую часть объективного времени жизни он просто был в отключке. Настолько большую, насколько это вообще возможно.

— Прекрати подглядывать, — сказал он портновскому манекену, как только вошел в комнату. — Мне нужна книга. — Как же давно у него не было ничего, что можно было бы с удовольствием почитать. Действительно ничего, аж с момента этого его выздоровления. Ему попались

здесь несколько дорогих наборов странно нарезанных не то книг, не то журналов, ежедневно перекладываемых домохозяйками. Просмотрев их он понял что это была мягкая реклама пропагандирующая идею богатства и обогащения в терминах глубоко увядшего воображения.

Он поищет книгу в Париже.

Его врач предположил что чтение похоже было его первым наркотиком.

Глава 19

Присутствие

Бросая косметику и туалетные принадлежности в сумку, она обратила внимание что фигурки Голубого Муравья, потерявшего с ее точки зрения всяческий авторитет в качестве тотема для отвода нанимателей, уже нет на стойке. Наверное фигурку куда-то убрали во время вчерашней уборки в номере. Она застегнула сумку с косметикой. Посмотрела на свои волосы в зеркале. Голос БиБиСи ровно вещал какую-то бессмыслицу из-за декоративной сетки стены.

Вышла, оставив позади покрытые паровом стеклянные плиты и никелированные пластины

душевой в стиле Герберта Уэльса, в настоящий момент многослойно задрапированные полотенцами.

Оглядывая Номер Четыре в надежде найти что-нибудь, что она забыла упаковать, обнаружила четыре неоткрытые коробки Британского издания своей книги. Вспомнила Милгрима, когда она в первый раз его увидела по пути в закусочную, и заинтересовалась им. Его конечно привез Бигенд. Идея с Милгримом скорее всего родилась в течение нескольких секунд, так же как ее идея написать книгу.

Она решила что должна дать один экземпляр книги Милгриму.

Она с трудом подняла забавно тяжелую коробку на разобранную кровать и используя приспособления для срезки фольги на Викторианском штопоре, найденном в номере, разрезала прозрачную пластиковую ленту. Из коробки высвободился запах книжного магазина, не очень приятный кстати. Сухой и химический. В коробке лежали книги, квадратные, каждая в отдельности была упакована и обернута, «Присутствие» Холлис Генри. Она взяла верхнюю и втиснула ее в боковой карман дорожной сумки на колесах.

Вышла из номера, прошла сквозь запредельно

зеленые коридоры, спустилась вниз в лифте в пахнущее кофе фойе, где молодой человек в очках с черепаховой оправой выдал ей кофе с молоком в хрустящем белом бумажном стакане, закрытом сверху белой пластиковой крышкой и предложил ей фирменный зонтик с эмблемой Корпуса.

— Машина здесь?

— Да, — ответил он.

— Мне не нужен зонтик, спасибо.

— Он донес ее сумку и положил ее в багажник черного БМВ, багажник которого откинулся при их приближении. За рулем БМВ сидел молодой бородатый человек, который встречал ее в Голубом Муравье.

— Якоб, — сказал он улыбаясь. На нем была мотоциклетнкая куртка из вощеного хлопка. Этим дождливым утром, куртка придавала ему какую-то пост-апокалиптическую пылкость. Из реквизита не хватало только пулемета Стена, или какого-нибудь другого оружия, которое выглядело бы как комплект разнокалиберных трубопроводов.

— Конечно, — ответила она. — Спасибо что приехали за мной.

— Пробок еще нет, — он открыл дверь.

— Мы заберем мистера Милгрима? — Она обна-

ружила у него беспроводную гарнитуру, когда он скользнул за руль.

— Не беспокойтесь, его уже забрали. Вы готовы к поездке в Париж?

— Надеюсь да, — ответила она, когда он отъехал от обочины.

— Они въехали на Глочестер Плэйс. Если бы она шла пешком, она бы пошла по Бэйкер Стрит, о которой так мечтала в детстве, и от которой до сих пор, не смотря на то, что она уже была взрослой, сохранился легкий оттенок разочарования. Хотя возможно все дело было в том, что сейчас она поедет в Париж практически на метро, просто поездка будет значительно более долгой.

В плотном потоке машин на Мэрилебон Роад, где они все время останавливались и затем трогались, внимание ее привлек курьер на мотоцикле, как будь-то бронированном самурайскими пластиковыми щитками. Задняя поверхность его желтого шлема была украшена шрамами, как будь-то кто-то огромный из семейства кошачьих прихлопнул его лапой и чуть не выпустил. Его стекловолоконный обтекатель был перехвачен и скреплен серебристой лентой. Складывалось ощущение что мотоциклист следует за ними, не смотря на то, что он постоянно перестраивался

между полосами и уезжал вперед. Она никогда не понимала как такое возможно.

— Надеюсь я найду Милгрима на вокзале.

— Не беспокойтесь, — сказал Якоб. — Они приведут его к вам

>>>

Голубое небо за переплетом стальных балок. Звук разносится как в башне. Наглые голуби нагло занимаются собственными голубиными делами. Никто больше не делает таких вокзалов для поездов, как Европейцы и особенно Британцы, их вокзалы лучше всех, подумала она. Вера в инфраструктуру в сочетании с подстегивающей потребностью в модернизации.

Один из долговязых и элегантных водителей Бигенда, держа руку возле наушника проталкивался к ней через толпу, буксируя Милгрими как воскресную лодку. Милгрим оглядывался вокруг как ребенок, а лицо его сияло детской радостью, подсвеченной голубым сквозь стальные балки, великолепной и изящной как игрушка вокзальной станции.

Одно из колес ее сумки защелкало как только она направилась к ним.

Глава 20

Наложенные

Милгрим оторвался от квадрата глянцевых страниц *Присутствие: Локативное Искусство Америки*, и увидел что Холлис тоже читает. Одета она во что-то вязаное, черное, без куртки.

Сейчас они ехали где-то под Каналом, расположившись в премьер-бизнес классе, который подразумевал наличие Wi-Fi сети и завтрака с круассанами. Ну или не Wi-Fi, а скорее что-то похожее на сотовую сеть, для которой была необходима штука, которую она назвала «донгл», и которую затем вставила в край своего МакБука. Он взял его до того как начал читать книгу, странно тонкий, с названием Эйр, и открыл Твиттер, чтобы посмотреть ответила ли ему Винни, но она не отвечала.

Он написал «Едем сейчас через Кент», затем стер. Затем он набрал в Гугле «Холлис Генри» и нашел страницу о ней в Википедии. Странно было читать ее в момент когда Холлис Генри сидит прямо перед тобой, с другой стороны стола, хотя и не видит что он читает о ней. Сейчас они уже

ехали в тоннеле и телефон не работал.

В Википедии, первая запись о ней датировалась 2004 и повествовала в ретроспективе о том как выглядела Холлис во время гастролей, когда она была как «заряженная версия Франсуаз Харди». Он не совсем понял что это значит точно, и стал гуглить Франсуаз Харди чтобы сравнить. Франсуаз Харди была красива в традиционном понимании как ему показалось, и он не совсем понял что в данном контексте означало «заряженная». Он предположил что автор пытался охватить что-то что увидел во время живого выступления Холлис.

Холлис в глазах Милгрима совсем не выглядела рок певицей, по меньшей мере так, как это себе представлял он. Она выглядела как кто-то вполне обычный, у кого есть работа, но в офисе ему разрешено одеваться так, как нравится. Ему казалось что у нее есть офис, там же где и у Бигенда.

Когда он закончил пользоваться ее компьютером, она предложила ему экземпляр книги, которую она написала.

— Боюсь только, что там одни картинки, — сказала она, открывая молнию бокового кармана ее сумки и извлекая оттуда плитку в блестящей обертке.

На обложке красовалось цветное фото нескольких высоких и очень тонких обнаженных женщин с маленькими грудями, с одинаковыми, похожими на шлем стрижками и браслетами. Женщины как будь-то росли из чего-то похожего на небольшой цветник. Сделаны они были из материала, напоминающиего затвердевшую ртуть, восхитительно отражающего все, что было вокруг. На оборотной обложке была та же самая фотография, только без героически-эротических хромово-жидких статуй, что позволяло прочитать скрытую ими подпись: Шато Мармон.

— Это мемориал Хельмута Ньютона, — сказала Холлис, — Он какое-то время жил здесь.

— А на обратной стороне фото до того как? — спросил Милгрим.

— Нет, — ответила она, — все, что ты найдешь в этой книге, наложено. На титульной обложке наложение. Конструкция, привязанная к координатной сетке джи-пи-эс. Чтобы это увидеть используется наложенная реальность.

— Никогда не слышал о таком, — сказал Милгрим, глядя на заднюю, а затем вновь на титульную обложку книги.

— Когда я писала эту книгу, коммерческого оборудования для просмотра наложенной реаль-

ности еще не существовало. Энтузиасты строили собственное. Теперь приложение есть в каждом айФоне. Очень много работы, по несколько заходов, чтобы эффективно сделать снимки. Мы делали фотографии высокого разрешения с разных углов, затем сводили их вместе так, чтобы конструкт выглядел максимально реалистично, а затем выбирали что поставить в книгу.

— Ты сама делала все это?

— Я выбирала, а Альберто фотографировал и затем обрабатывал снимки. Мемориал Ньютона и выбрал он, а вообще все снимки он обрабатывал. — Она убрала прядь волос с глаза. — Локативное искусство возможно уже и в Лондоне появилось, и возможно его тут уже много, хотя я не видела. В книге только Американские художники. С одной стороны, я решила охватить ровно столько, сколько смогу охватить, с другой стороны некоторые места здесь в буквальном смысле особенные. Я подумала что так у меня будет шанс лучше понять все это.

— Вы должно быть много знаете об искусстве.

— Нет. Я здорово ошиблась со всем этим. Ну хорошо, не совсем ошиблась. Бигенд предложил мне посмотреть что это такое. Хотя в тот момент я понятия не имела что он на самом деле затеял.

Он потеребил ногтем большого пальца термоусадочную пленку обложки. Сказал — Спасибо, выглядит очень интересно.

Она закрыла свою черную книгу увидев что он смотрит на нее. Улыбнулась.

— Что вы читатете? — спросил он.

— Грубиян. Джеффри Хаузхолда. Это о человеке, который покушался на Гитлера или тех, кому Гитлер нравился.

— Это хорошо?

— Очень хорошо, хотя в действительности это похоже на постепенное погружение в Британскую сельскую местность. Все действия третьей части похоже происходят за живой изгородью, неподалеку от барсучьей норы.

— Мне понравилась ваша книга. Люди, которые способны запечатлеть свои мечты, поместить их в какие-то места, чтобы вы могли пойти туда и посмотреть на них.

— Спасибо, — сказала она. Положила Грубияна на стол, не удосужившись даже заложить то место, где она остановилась.

— Вы видели всех их собственными глазами?

— Да, видела.

— Кто вам понравился больше всего?

— Ривер Феникс на тротуаре. Это было первое,

что я увидела. Я никогда не возвращалась. Никогда больше не видела этого. Это очень сильное впечатление. Я думаю из-за него я решила сделать книгу.

Милгрим закрыл Присутствие. Положил его на стол, прямо напротив Грубияна. — Кого мы собираемся увидеть в Париже?

— Меридит Овертон. Закончила Кордвайнерс, дизайн кожаной обуви. Живет в Мельбурне. Или жила. Поехала в Париж на Выставку Винтажа что-нибудь продать. Она с музыкантом клавишником, которого зовут Джордж, который играет в группе Боллардс. Знаете такого?

— Нет, — сказал Милгрим.

— Я знаю другого участника Боллард, и человека, который сейчас продюсирует их музыку.

— Она знает о Габриэль Хаундс?

— Второй участник Боллард, которого я знаю, сказал что она узнала кое-кого в Лондоне, когда училась в Кордвайнерс, а он в свою очередь знает кого-то кто принимал участие в создании Хаундс.

— Это началось в Лондоне?

— Я не знаю. Клэмми встретил ее в Мельбурне. На ней был одет Хаундс, а он хотел Хаундс. Она знала где его можно купить. Некто продавал Ха-

ундс на местном аналоге рынка художников. Он пошел с ней и купил джинсы. Сказал что торговец был Американец.

— Почему вы думаете что она будет с нами разговаривать?

— Я не думаю, — сказала Холлис. — Я попытаюсь.

— Почему людей это так волнует? Зачем это нужно Бигенду?

— Он думает что кто-то копирует его странные рыночные стратегии, — сказала она, — и улучшает их.

— И вы думаете люди хотят этот брэнд потому что его трудно купить?

— В какой-то мере.

— Наркотики недешевы потому что вы не можете получить их не нарушив закон, — сказал Милгрим.

— Я думала что они дорогие из-за своего действия.

— Из-за действия тоже, — сказал Милгрим, — но рыночная цена зависит от степени запрета. Их цена не зависит от того, что вы что-то сделаете. Так это все и работает. Они действуют, вам они нужны, они запрещены.

— Как вам удалось избавиться от этого, Мил-

грим?

— Постепенное переливание крови. До полной ее замены. В это же время они снижали дозу. И еще там был парадоксальный антагонист.

— Что это?

— Я не вполне знаю, — сказал Милгрим. — Другой наркотик наверное. И когнитивная терапия.

— Звучит жутковато, — сказала она.

— Терапия мне понравилась, — ответил Милгрим. Он почувствовал свой паспорт на груди, надежно закрытый в конверте Фарадея.

Дождливый французский деревенский пейзаж внезапно вспрыгнул и понесся за вагонным окном, как будь-то кто-то щелкнул переключателем.

Глава 21

Минус один

Рассчитываясь с водителем такси купюрами евро, которые ей выдал банкомат на Северном Вокзале, она услышала как Милгрим сказал — Лиственно-зеленый.

— Что? — она повернулась к нему.

Он уже почти выбрался из такси, сжимая сумку

в руках.

— Помните в универмаге Оксфорд Стрит? Лиственно-зеленые брюки. Тот же мужчина. Только что прошел. — сказал он.

— Куда мы идем? — присутствие второй его чуткой и нервной сущности остро чувствовалась теперь. Ее острота была как будь-то слегка придавлена наполовину уже здоровым организмом Милгрима. Хотя сам он выглядел как животное, принюхивавшееся к запахам, витающим в воздухе.

— Оставьте сдачу себе, — сказала она водителю, подтолкнула Милгрима из машины и вытянула наружу свою сумку. Закрыла дверь и такси уехало, оставив их на тротуаре.

— Ты уверен?

— Кто-то за нами наблюдает.

— Бигенд?

— Не знаю. Идите.

— Что ты будешь делать?

— Я буду смотреть.

— Это обязательно?

— Можно мне твой компьютер?

Холлис наклонилась, расстегнула боковую сторону сумки и достала свой Мак. Он засунул его подмышку как папку. Она видела мягкое мигание

вернувшейся неопределенности. Она подумала что так он пытается замаскироваться, интересно что бы это значило.

— Зайди внутрь пожалуйста, — сказал он.

— Евро, — ответила она, передав ему несколько купюр.

Она развернулась и покатила свою сумку через мостовую к толпе, скапливающейся на входе. Может Милгриму что-то мерещится? Возможно, хотя с другой стороны у Бигенда несомненно имеется талант привлекать к себе внимание в наиболее нежелательных формах, а затем следовать за тем, за чем наблюдают его наблюдатели. В точности кстати то, чем сейчас и занимался Милгрим. Она оглянулась, надеясь увидеть его, но он исчез.

Она заплатила пять евро за вход девушке японке и ее попросили сдать сумку.

Сквозь арки было видно мощеный двор. Молодые женщины курили сигареты, делая это совершенно естественно и глубоко привлекательно.

Салон Дю Винтаж сам по себе размещался в реконструированном здании семнадцатого века, частью которого как раз и был двор, представлявший собой десятилетней давности идею гладкой современности, ровно обернутую старой тканью.

Каждое второе или третье лицо в ее поле зрения было Японским, и в основном они перемещались примерно в одном направлении. Она двинулась за ними по минималистской лестнице светлого Скандинавского дерева, и попала в первую из двух очень больших светлых комнат, где над ровными рядами стоек с одеждой, и покрытыми стеклом столами и фрагментами старинной мебели ярко сияли люстры.

В этом году Салон был посвящен восьмидесятым. Об этом ей сообщили страницы, найденные Гуглем. Она всегда ощущала себя странно, когда время, в котором она жила называли периодом и посвящали ему выставки и инсталляции. Это вводило ее в размышления, а вдруг она сейчас живет в еще одном периоде и как же его потом будут называть. Ей показалось что первые десятилетия текущего века еще не обзавелись какой-либо конкретно осязаемой номенклатуры. Разглядывая относительно недавние образцы одежды она испытывала странные ощущения. Она догадалась что бессознательно переосмысляет моду своего собственного прошлого, трансформируя ее во что-то более современное. Насколько она ее помнила, вещи раньше не были такими. Линия плеч стала своеобразной, кайма и талия находились

не там, где она привыкла их видеть

Это не были ее собственные Восьмидесятые. В них не было ничего похожего натех Готье, Мюглера, Алайя и Монтана, чья версия тех времен была представлена здесь в одежде.

Она повернула к себе написанный от руки ценник на курточке Мюглер из шерсти тутовой шелковицы. Она подумала что если бы Хайди приехала сюда, и если бы она захотела купить эти вещи, хотя она конечно же не захотела бы, то кредитки ее придурка обнулились бы в течение часа, причем все добытые приобретения легко поместились бы всего в одно такси.

Она посмотрела вверх затем и вздрогнула, увидев свой портрет, работы Антона Корбижна 1996 года, увеличенного и подвешенного над стойкой Мюглера на прозрачной леске. Анахронизм, подумала она. Это тоже не ее век.

Стремительно отошла от портрета, по пути отказалась от примерки Мюглера. Повернула назад и достала свой АйФон. Бигенд похоже взял трубку не успев еще услышать ни одного звонка.

— У вас здесь есть еще кто-нибудь Хьюбертус?

— Нет, — ответил он. — А должен быть?

— А в Селфриджес вы не отправляли кого-нибудь понаблюдать за нами?

— Нет.

— Милгрим думает что он видел здесь кого-то, кого видел тогда и там.

— Я думаю такое всегда возможно. Я не сообщал Парижскому офису о вашем визите. Вам нужна какая-то компания?

— Нет. Я просто проверяла.

— Для меня у вас есть что-нибудь?

— Еще нет. Я только приехала сюда. Спасибо.

Она нажала отбой не дав ему попрощаться. Стоя так с зажатым в руке телефоном на уровне уха она вдруг осознала знаковую природу ее бессознательной позы. Огромная часть языка жестов публичных мест, которые когда-то относились к сигаретам, теперь задействовала и телефоны. Человеческие фигурки заполонившие улицу чуть дальше, стояли в совершенно знакомых позах, хотя больше и не курили. Женщина на портрете Корбижна никогда такого не видела.

Номер, который дал ей Клэмми прошлой ночью пропустил несколько звонков, прежде чем ей ответили. — Да?

— Джордж? Это Холлис Генри. Мы встречались в Корпусе, когда Рэг там жил.

— Да, — сказал он. — Клэмми звонил мне. Вы хотите поговорить с Мере.

— Хочу, да.

— А вы здесь?

— Да.

— Боюсь что это невозможно. — Джордж говорил скорее как молодой адвокат, нежели как клавишник Боллардов.

— Она не хочет об этом говорить?

— Нет.

— Извини, — сказала она.

— Да нет же, — сказал он, — не совсем так. Она продала весь товар, который привезла из Мельбурна, Шанели. Токийским дилерам. Они увели ее на обед. Оставила меня присматривать за стендом.

Холлис отвела АйФон от уха и вздохнула с облегчением, затем снова вернула его к уху. — Она не откажется поговорить со мной после?

— Конечно нет. Она любит твою музыку. Ее мать твоя фанатка. Ты где?

— На втором этаже. Недалеко от лестницы.

— Ты видела там твой протрет?

— Да, — сказала она, — Я заметила его.

— Мы в самом конце. Я сейчас тебя найду.

— Спасибо. — Она пошла дальше, мимо выставки рабочей джинсовой одежды, которая не была похожа на одежду восьмидесятых. Все образцы

похоже были старше продавца на стенде насколько она могла судить с высоты своих сорока лет. Он пристально смотрел на нее, пока она проходила, видимо разглядывал куртку Хаундс.

Олдувай Джорджа она обнаружила на задах архипелага прозрачной надувной оранжевой мебели, которая тоже не выглядела обломком восьмидесятых. Он улыбался, как аккуратная и привлекательная обезьяна в джинсах и плаще цвета хаки.

— Как ты?

— Спасибо, неплохо, — ответила она, пожимая его руку. — А ты?

— С момента, когда толпа Токийцев утащила Мере, ко мне никто не подходил. Видимо я нифига не гений торговли.

Инчмэйл назвал Джорджа «Оксфорд», когда она надавила на него прошлой ночью. Колледж Баллиол он окончил со степенью ПЗС. Это она хорошо запомнила, хотя и не имела ни малейшего понятия что бы это могло означать. Единственное, что она хорошо понимала, так это что Джордж был просто таки монструозно сверобразованным для своего нынешнего нанимателя. — Никому не говори, — добавил Инчмэйл.

— Это конечно полезная штука, но не для

тебя, — сказала Холлис, увидев восемь очень изящных костюмов, крой которых точно копировал крой Шанель. Костюмы демонстрировались на фоне угольно-серых силуэтов одежды, и похоже что больше складских запасов у Меридит Овертон не было.

Все было скроено из каких-то толстых тканей, рисунок которых был похож на сильно увеличенную «куриную лапку», выполненной в комбинации горячо-оранжевого и горчичного цветов. Холлис смутно помнила кухонные рукавицы сделанные из похожего материала, похожей толщины. Она только один раз видела чтобы похожий костюм на ком-то хорошо сидел, это было в Каннах. Все это очень индивидуально, подумала она, потому что некоторые вещи решительно не сочетаются с формами тела. Сейчас она заметила что все экземпляры одежды нанизаны на тонкий стальной тросик, покрытый сверху прозрачным пластиком.

— Они что? Очень дорогие?

— Надеюсь да. Она купила их на распродаже имущества в Сиднее. Сделаны они были в ранних восьмидесятых, для жены очень обеспеченного застройщика. Эксклюзивные ткани. Кутюрье. У продавцов не было никаких идей на их счет, но

в конечном итоге все сложилось удачно, продать их можно либо здесь, либо в Токио. А все крупные японские закупщики тусуются здесь сегодня, ну и Париж добавляет собственного антуража. К тому же похоже костюмы эти здесь и сшили.

— Она была очень маленькой, — сказала Холлис, собравшись было потрогать обшитую тканью пуговицу, но остановилась.

— Хочешь посмотреть на фото, где она в одном из этих костюмов?

— А можно?

— Мере нашла их в Австралийских глянцевых журналах. Ну и немного видео.

— Нет, спасибо, — сказала Холлис, восемь ярких костюмных форм вдруг показались ей чем-то вроде надгробных статуй, энергетических объектов ушедшей шаманки, оккультно заряженных и готовых к использованию в ритуалах.

— Еще были сумочки и кошельки. Как новые. Они где-то здесь, но она решила не показывать их. Поскольку они не такие дорогие, она просто показывает их и убирает. Не хочет чтобы их разглядывали профессионалы.

— Клэмми не рассказывал тебе почему я здесь Джордж?

— Конкретно нет, но теперь, когда ты здесь, я

догадываюсь что дело в твоей куртке.

Она почувствовала себя странно, услышав что кто-то, за пределами поля зрения Бигенда и не Клэмми, знает о Хаундсе.

— Ты об этом много знаешь?

— Не больше, чем Клэмми, пожалуй. Мере об этом сильно не распространяется. Такого рода бизнес делается лучше, когда секреты остаются секретами.

— Как это?

— Настоящих покупателей не так много. А серьезных дилеров уже немало.

Он понравился ей, когда она встретила его в Корпусе, и сейчас он продолжал ей нравится.

— Клэмми сказал что Мере познакомилась с кем-то, когда училась на обувном факультете в колледже в Лондоне, — сказала она, решив рассказать ему это. Как обычно, этим она сама себя удивила, но начав однажды, остановиться уже не могла. — С кем-то, кто связан с Габриэль Хаундс.

— Может быть, — Джордж улыбнулся. Пропорции его черепа были странно-реверсивными, челюсти и скулы массивными, брови тяжелыми, лоб был не шире двух пальцев от бровей до плотных как вязаная шапочка волос. — Но я лучше не буду распространяться на этот счет.

— Вы давно вместе?

— Чуть раньше, чем Клэмми встретил ее в Мельбурне. Может быть это не правда, но я уже тогда любил ее. Она утверждает что в тот момент чувство не было взаимным, но я в этом сомневаюсь. — Он улыбнулся.

— Она вернулась жить в Лондон? Или сюда?

— В Мельбурн.

— Это действительно очень далеко.

— Действительно. — Он нахмурился.

— Про Инчмэйла, — сказал он, — раз уж ты здесь.

— Да?

— Он очень жесток с Клэмми, когда запись идет хреново. Я поэтому и свалил оттуда.

— Да?

— Можешь что-нибудь посоветовать? Что угодно, что могло бы облегчить работу с ним?

— Вы скоро уедете в Аризону, — сказала она. — В Тусон. Там очень маленькая студия, которой владеет любимый инженер Инчмэйла. С вашими плохими Лондонскими записями они сначала сделают что-нибудь весьма тревожное. Пусть делают. Затем вы перезапишете весь альбом. Очень быстро и практически безболезненно. Я думаю результатом вы будете очень довольны. Я

уже говорила это Клэмми, но мне показалось что он меня не понял.

— С первым альбомом, который он продюсировал для нас, было по другому, а тогда мы были немного ближе к Тусону.

— В терминах процесса Инчмэйла, в тот момент вы еще не были готовы к Тусону. Это произошло только сейчас. Ну или почти произошло.

— Спасибо, — ответил он, — это хорошая новость.

— Звони мне, если тебя все достанет. Это обязательно произойдет. И Клэмми тоже будет в раздрае. Но если вы поможете ему, и доверите ему это, то все будет правильно и альбом получится. Он конечно не очень дипломатичен большую часть времени, а порой становится просто невыносим, по мере того, как ты углубляешься с ним в процесс. Когда Мере может вернуться?

Он посмотрел на очень большие наручные часы, цвета детской игрушечной пожарной машины. — Она уже час как ушла. Не знаю на самом деле. Я и сам был бы рад ее возвращению. Умираю хочу кофе.

— Кафе во дворе?

— Ну да. Большой черный?

— Я принесу, — сказала она.

— Там есть лифт, — показал он.

— Спасибо.

Лифт был немецким, с интерьером из нержавеющей стали, философски он мог бы оппонировать лифту Корпуса, хотя и не значительно. Она нажала 1, а когда индикатор этажей показал 0 поняла что на самом деле нажала -1.

Дверь открылась в тусклой, освещенной голубым пустоте и полной тишине.

Она вышла.

Древние каменные своды, вплоть до выхода на улицу, освещенные скрытыми как на танцполе светильниками, установленными где-то внизу. Небольшой импровизированный загон из запасного инвентаря и выставочного оборудования Салон Дю Винтаж, на голом каменном полу, выглядел крошечным в сравнении с арками сводов. Складные хромированные стойки для образцов и несколько платяных форм, выглядевших в этом свете как картины Дали.

Все чрезвычайно и удивительно неожиданно.

И к тому же в дальнем конце помещения, под голубыми сводами, спускающаяся по лестнице фигура человека, о котором говорил Милгрим. Короткополая шляпа, и короткая черная куртка застегнутая под подбородок.

Он увидел ее.
Она шагнула назад, в лифт и нажала 0.

Глава 22

Фолей

Милгрим, с лэптопом Холлис, аккуратно зажатым подмышкой, и сумкой через плечо другой руки быстро шагал вдоль по маленькой улочке, в сторону, противоположную той, где осталась выставка винтажной одежды.

Ему была нужна беспроводная сеть. Он сожалел что у него не было красного адаптера как в поезде.

В настоящий момент он был возле заведения с названием Блесс, и в первый момент он принял его за бар. Но оказалось что там продается одежда. Заглянув в окно он предположил что там мог бы быть кто-то, кто знал про фантомный джинсовый брэнд Холлис. Ну или предполагал бы что знает о нем.

Он продолжал двигаться, одновременно мысленно общаясь со своим терапевтом, с одним из тех, с которым они обсуждали что он чувствовал. Учитывая то, что он очень напряженно работал

над тем чтобы избегать большинства чувств большую часть своей взрослой жизни, опознание даже простейших эмоций могло потребовать приложения приличных усилий.

Это гнев, решил он. Он был раздражен, хотя и не понимал почему и из-за чего. Если это Винни Танг Вайтэкер, Специальный Агент, отправила мужчину в лиственно зеленых штанах следить за ним, и не сказала ему об этом, то значит он зхлится на нее. Да и в любом случае он разочарован. Вряд ли это могло относиться к качеству его новых профессиональных отношений. Терапевт возможно мог бы предположить что он злится на себя самого. Это был бы наиболее сложный и наименее поддающийся самоанализу случай, хотя и весьма знакомый.

Лучше злиться на мужчину в лиственно-зеленых брюках, подумал он. Пусть он будет Мистер Лиственно Зеленый. Или Фолей. Он не чувствовал в себе благожелательного расположения в отношении этого Фолея. С другой стороно, у него не было абсолютно никаких догадок кем бы мог быть этот Фолей, чего ему нужно, и за кем он наблюдает, за Холлис или за ним, или за ними обоими. Если Фолей не работает на Винни, он может работать на Голубого Муравья или даже

в частном порядке лично на Бигенда, или это может быть новый подход Бигенда в части его отношений со Слейтом. Или что-то совершенно другое, что просто не пришло ему в голову. Это может быть совершенно новая часть уравнения.

— А есть вообще какое-нибудь уравнение? — спросил он себя или своего терапевта. Но она похоже теперь уже не отвечала на его вопросы.

Табличка на стене, на углу здания сообщила ему что он на Рю дю Темпль. Выглядела табличка так, будь то бы нарисовал ее Доктор Сьюз. Рю дю Темпль похоже была большой улицей. Он повернул направо. Миновал богато украшенный в Викторианском стиле китайский ресторан. Обнаружил табачную лавку совмещенную с кофейней. Ее официальный, похожий на шпиндель, подсвеченный красным знак Табак наводил на мысль что никотиновое голодание требует неотложной медицинской помощи. Он вошел не раздумывая.

— Вай-фай?

— Уи.

— Эспрессо пожалуйста. — Он занял место за абсолютно матовой цинковой стойкой. Запах сигаретного дыма был слабым, но вполне ощутимым, хотя никто в помещении не курил. В настоящий момент он вообще был единственным

посетителем здесь.

Его врач полагала что неспособность его к языкам романской группы была слишком основательной и слишком окончательно упорядоченной и корни ее скорее всего были эмоциональными, хотя они так и не смогли докопаться до истинных причин.

Человек за стойкой выдал ему пароль от сети («дютемпль») и он открыл Твиттер. Для Твиттера пароль представлял собой транслитерацию русского перевода «gay dolphin», он привык писать кириллицу романскими символами.

Она написала ему «Где ты?» около двух часов назад из программы ТвитДек.

— В Париже, — написал Милгрим, — нас преследует мужчина, которого я видел вчера в Лондоне. Он работает на тебя?

Он нажал кнопку обновления. Глотнул эспрессо. Окно обновилось.

Меньше чем через пять секунд, опять же с ТвитДек-а пришел ответ «Подробнее».

«Белый, очень короткая стрижка, темные очки, лет двадцать с небольшим, вес средний, спортивный.» Отправил он. И стал смотреть в окно на проходящих мимо людей.

Снова обновил окно. Ничего, кроме короткой

ссылки, отправленной сорок секунд назад опять же с ТвитДек, что бы это не значило. Он щелкнул по ссылке и обнаружил мистера Фолея. Он был одет в оливково-серую версию своей черной куртки и черную вязаную шапочку вместо фуражки. Глаза его были скрыты черным прямоугольником, наложенным видимо Фотошопом, как в старинном порно.

Милгрим посмотрел на заголовок страницы и описание изображения, какое-то «оборудование специальных операций». Он сконцентрировался на фото, чтобы удостовериться в том, что это тот самый мужчина. «Да», написал он ей затем, «кто он?» и снова обновил страницу.

Когда страница вновь загрузилась, оказалось что она ответила почти тридцать секунд назад. «Неважно избегай контакта ты с ним он с тобой» написала она.

Знаю, подумал он, затем написал «Бигенд?»

«Когда назад»

«Холлис думает что мы вернемся завтра.»

«Удачи в Париже и возвращении»

«Надеюсь», написал он, хотя и не вполне был в этом уверен. Ее телеграфная манера общения оказалась заразительной. Он сохранил ссылку на страницу с элитным оператором и вышел

из Твиттера, затем закрыл страницу с почтой и закрыл компьютер. Его Нео начал звонить, наполняя своим архаичным телефонным перезвоном всю табачную лавку. Мужчина за компьютером нахмурился.

— Да?

— Удачно это вы поехали в Париж. — Это была Памела Мэйнуоринг. — В отличии от нас.

В первый момент он подумал что она как-то проследила его с Винни переписку в Твиттере. — А что не так?

— Она позвонила нам. Определенно не так. Было бы здорово получить чего-нибудь из Парижа.

Это она о Холлис. Судя по всему, Бигенд предупредил Памелу о своих подозрениях относительно Слейта и Нео. — Я постараюсь. — ответил Милгрим.

— Развлекайтесь, — сказала она и отключилась.

Милгрим поднял свою сумку на цинковую стойку, потянул за молнию и нашел в ней камеру. В камере была новая флешка, ту, что он отснял в Миртл Бич Голубой Муравей оставил себе. Они всегда так делают. Он проверил аккумулятор и переложил камеру в карман куртки. Положил компьютер ХОллис в свою сумку и наглухо застег-

нул молнию. Оставив несколько мелких манет на цинковой стойке он вышел из магазина и направился обратно на выставку, опять шагая быстро.

Он задался вопросом. Раздражен ли он все еще? Да нет, сейчас он уже спокойнее. Он понял что говорить Бигенду о Винни не стоило. Даже если бы он мог помочь.

Становилось теплее, тучи ушли. Париж теперь выглядел немного нереальным, так же как и Лондон, когда он в первый раз приехал в него. Странно то, что эти два места всегда существовали рядом. Очень близко друг к другу, как две стороны одной монеты, только теперь между ними еще появился туннель двадцати с чем-то миль в длину с быстрым поездом.

На входе в Салон Дю Винтаж, после того как он заплатил пять евро за вход, сумку пришлось сдать. Он никогда не любил это делать. Поскольку сам он украл достаточно много сданного багажа, то понимал насколько легко это сделать. Ну а с другой стороны без сумки он был мобильнее. Он улыбнулся Японской девушке, поставившей его сумку в ячейку и прошел внутрь.

В мире вещей он чувствовал себя лучше, чем в мире людей. Так сказал его врач. Салон был как раз миром вещей, в чем он тут же убедился.

Желающие посетить Салон Дю Винтаж становились менее заметны сами по себе. Он поднялся по красиво отремонтированной лестнице на второй этаж.

Первое, что он увидел здесь оказалось постером с изображением молодой Холлис. Выглядела она одновременно нервной и капризной. Это был не совсем постер, скорее любительская репродукция, увеличенная и с меньшим количеством деталей. Он предположил что она могла бы обрадоваться увидев это.

За последние десять с небольшим лет, он тоже несколько раз фотографировался и возможно Винни видела какие-нибудь из этих снимков. Она вполне могла кому-нибудь отправить какой-то из этих снимков чтобы тот мог опознать Милгрима. Большая часть этих снимков была сделана в полиции и он не был вполне уверен что сам бы смог узнать себя на них. Хотя один из них, который она сделала в Каффе Неро на Севен Дайалс можно было использовать вполне успешно.

Из прохода между стойками появился молодой мужчина в фуражке и лиственно-зеленых брюках, его черная куртка по-прежнему была застегнута, внимание его было захвачено стремительными стайками юных японских девушек.

Свои зеркальные, облегающие лицо очки он снял. Милгрим боком шагнул за манекен в бредовом платье с фотоотпечатками, наблюдая за мужчиной из-за массивно обитого плеча и размышляя о том, что ему следует делать теперь. Если Фолей еще не знает что он здесь и не видел его значит он из Селфриджес. Или наоборот из Южной Каролины. Винни была там, следила за Милгримом и кто-то, скорее всего Слейт сфотографировал ее там. Стоит ли говорить ей об этом? Он подумал что решит это позже. Фолей сейчас удалялся от него, в направлении к задней части здания. Милгрим вспомнил мужчину со стрижкой в законсервированном ресторане. У Фолея такой стрижки не было, решил Милгрим, что бы это не значило, и это было хорошим знаком. Он вышел из-за Готье и последовал за мужчиной, в готовности сделать вид что он просто прогуливается, если его заметят. Если Фолей его не заметил, то это плюс, но главное все же то, что он не следует за Милгримом. В руке, в кармане куртки он держал свою камеру.

Теперь наступила очередь Фолея шагнуть в проход за неоново наряженный манекен. Милгрим повернулся лицом к ближайшей витрине с бижутерией обнаружив Фолея удобно отражаю-

щимся в зеркале.

Рыжая девушка по французски спросила его не нужна ли ему помощь.

— Нет, — ответил Милгрим, — спасибо, — разглядывая вышедшего из-за манекена Фолея в зеркале. Затем Милгрим развернулся, нажал кнопку включившую камеру и выдвинувшую ее объектив, и сделал два снимка Фолея отступая назад. Рыжая девушка смотрела на него. Он улыбнулся ей и пошел убирая камеру в карман.

Глава 23

Меридит

Может быть Меридит вообще галлюцинация думала Холлис, вновь поднимаясь по скандинавской лестнице. В каждой руке она осторожно держала по высокому картонному стакану с четырьмя стандартными порциями американо в каждом. Кофе был обжигающе горячим. Она подумала что если мнимый сталкер Милгрима не дай бог таки появится, она сможет плеснуть в него содержимым стаканов.

Что бы там ни было в пустынном, подсвеченном как в дискотеке подвале, если там вообще

что-то было, теперь это казалось просто каким-то случайно вырезанным кадром из чьего-то фильма, Милгрима ли, Бигенда ли, чьего угодно, только не ее. Хотя, лифта она теперь избегала, ну по меньшей мере именно сейчас и по прежнему оглядывалась, не появится ли опять эта, похожая на нацистскую кепка.

Милгрим со странностями. Глубоко своеобразная личность. Она его едва знает. Может быть он все время видит что-нибудь. Он кстати так и выглядит, как будь-то все время видит что-то, чего не видят другие.

Поднявшись на второй этаж, где начиналась выставка, она осторожно прошла мимо художества Корбижна, так чтобы он остался вне поля ее зрения. Стараясь не вспоминать больше о подвале она размышляла на тему в какой же момент кофе во Франции стали продавать на вынос. Во время ее первого визита сюда, кофе здесь на ходу не пили. Это происходило либо в кафе, либо в ресторане или баре или на железнодорожной платформе, и пили всегда из настоящей посуды, фарфоровой или стеклянной, сделанной во Франции. Может быть это Старбакс привез моду пить на ходу подумала она? Сомнительно. Вряд ли это они, не так уж они и давно здесь. Скорее

это МакДональдс.

Ее античный продавец джинс впечатлительный и с косичками был занят с покупателем. Перед ними лежала пара древних комбинезонов, на которых дырок похоже было больше чем ткани. Он выглядел так, словно к краям прямоугольной оправы его очков навешены дополнительные линзы. Ее он не заметил.

Здесь же, за надувной оранжевой мебельню шли похороны, а Олдувай Джордж весело вышагивал на их фоне улыбаясь во все лицо.

Четыре японских мужчины в темных костюмах без улыбок на лице, между ними черный гроб или сумка с телом.

Они прошли мимо нее, а вот Джордж остановился и с явным удовольствием взял один из стаканов из ее руки. — Спасибо тебе огромное.

— Сахар?

— Нет, спасибо. — Он жадно отхлебнул напиток.

— Это кто? — Она через плечо показала на мрачную четверку с их ношей, которые уже исчезали из поля зрения спускаясь по лестнице.

Он опустил стакан, вытер губы обратной стороной своей потрясающе лохматой руки. — Охрана покупателя Мере. В сумке весь Шанель. Без

остатка. Запакован старинной тканью. А Мере здесь, — и добавил — с покупателем.

Она увидела еще двух охранников в черных костюмах. Покупатель, как она в первый момент подумала оказался мальчиком лет двенадцати, одетый как ребенок в каком-нибудь архаичном комиксе. Обтягивающие, похоже шелковые желтые шорты до середины бедра, желтые ботинки детского фасона, только большого размера. Выглядел он кисло-раздраженным. Лицо второго было представляло собой легкую, небрежную небритость. Он разговаривал с молодой стройной женщиной в джинсах и белой блузке.

— Дизайнер, — сказал Джордж, после второго жадного глотка. — Хараюки. Сказочная коллекция.

— Шанели?

— Похоже не только. Я думаю Мере он понравился.

— С чего ты взял?

— Он все еще жив.

Угольно-серые силуэты фона выглядели теперь голыми.

Дизайнер развернулся, а два оставшихся черных костюма последовали за ним.

— Все люди покупающие Шанель выглядят

так? — спросила Холлис, когда они прошли мимо.

— Никогда раньше не продавал такого. Пора тебе знакомиться с Мере.

Он повел ее за оранжево-мебельные пузыри.

Меридит Овертон листала что-то вдоль горизонтально расположенного экрана Айфона, выщипывая биты информации. Пепельная блондинка, широкие серые глаза. Она посмотрела на них. — Уже в банке, в Мельбурне. Прямой перевод.

— Отлично получилось мне кажется? — Джордж широко улыбался.

— Просто замечательно.

— Поздравляю, — сказал Холлис.

— Холлис Генри, — представил ее Джордж.

— Меридит Овертон, — она сжала руку Холлис. — Мере. Приятно познакомиться.

Холлис догадалась что ее джинсы были Хаундсами, узкие и слишком длинные, заношенные и морщинистые, а не закатанные, и мужская помятая белая оксфордская рубашка, которая сидела слишком хорошо, чтобы быть в действительности мужской.

— Им не понравились кошельки и сумочки, — сказала Меридит. — Только костюмы. Но у меня

есть запасной вариант с их продажей. Покупатели где-то здесь на ярмарке. — Она убрала телефон в карман.

Холлис боковым зрением увидела Милгрима, проходящего мимо. На боку у него висела камера, и похоже что он ничего конкретного не искал и не осматривал. Она проигнорировала его.

— Спасибо что согласились встретиться со мной, — сказала Холлис Меридит. — Я полагаю вы знаете о чем я хочу поговорить.

— Чертов Клэмми, — сказала Меридит, беззлобно, — Вы о Хаундсе, не так ли?

— Не столько об изделиях, сколько о производителе, — ответила Холлис, пытаясь увидеть реакцию Меридит.

— Не вы первая, — та улыбнулась. — Но я вам пожалуй много не скажу.

— Хотите кофе? — Холлис предложила Меридит свой стакан. — Я не трогала его.

— Нет, спасибо.

— Холлис мне открыла пару крайне полезных секретов, — вставил Джордж, — Инчмэйла.

— Жуткий человек, — сказала Меридит Холлис.

— Так и есть, — согласилась Холлис. — Он очень этим гордится.

— Теперь я меньше беспокоюсь, — сказал Джордж.

Холлис попробовала представить себе Джорджа обеспокоенным и не смогла.

— Холлис по собственному опыту знает как Рег организует процесс. Она объяснила мне это в перспективе.

Меридит взяла из рук Холлис кофе и осторожно глотнула его через отверстие в пластиковой крышке. Ее нос сморщился. — Черный, — сказала она.

— У меня есть сахар.

— Вы сейчас пытаетесь на меня давить, — сказала Меридит Джорджу.

— Я пытаюсь, — сказал Джордж. — Я ждал пока у тебя будет очень хорошее настроение.

— Если бы моя цена не устроила этого засранца, — ответила Меридит, — Я бы не была сейчас в хорошем настроении.

— Точно, — сказал Джордж, — но его же устроила твоя цена.

— Я думаю он сам в эти костюмы наряжаться будет, — сказала Меридит. — Нет, он конечно не педик. С ориентацией у него похоже все нормально. Но он настаивал на том, чтобы я выдала ему все документы и что мы там нашли еще

о прежнем владельце. В таких подробностях, что мне душ захотелось принять. — Она снова глотнула горячего черного кофе и вернула его Холлис. — Так вы хотите выяснить кто разрабатывает Габриэль Хаундс.

— Хочу, — сказала Холлис.

— Симпатичная куртка.

— Это подарок, — парировала Холлис, что чисто технически было правдой.

— Сейчас вам придется здорово напрячься чтобы найти еще одну такую. Они не производят их уже несколько сезонов. Да впрочем у них вообще нет сезонов в привычном смысле этого слова.

— Вообще нет? — Холлис приложила определенное усилие чтобы не спросить кто такие «они».

— Когда они снова начнут делать куртки, если вообще когда-нибудь начнут, они будут в точности такие же, от кроя, до швов. Ткань может быть другой, но это только отаку смогут понять. — Она начала собирать тонкие антикражные кабели, на которых висели костюмы Шанель, пока все они не уложились в ее руке как странноватый букет стальных розог.

— Я не очень все это понимаю, — сказала Холлис.

— Это такой вневременной подход. Отказ от участия в новшествах индустриализации. Копать вглубь, а не в ширь.

Холлис вспомнила что Милгрим хотел что-то сказать, но она забыла что в точности. Она посмотрела вокруг, в надежде обнаружить его в поле зрения. Но его не было.

— Что-то потеряли?

— Я не одна здесь. Но это не важно, продолжайте.

— Мне кажется я не должна вам об этом рассказывать. Возможно не должна. И в действительности не могу.

— Не можете?

— Я выпала из цепочки. Их стало гораздо труднее найти с тех пор, потому что я помогла Клэмми купить его джинсы в Мельбурне.

— Но вы же можете рассказать мне то, что знаете. — Холлис увидела что Джордж занимался разборкой хромированных постаментов манекенов, подготавливая стенд к закрытию.

— Вы когда-нибудь были моделью?

— Нет, — ответила Холлис.

— А я была, — сказала Меридит, — два года. У меня был клиент, который любил брать меня на показы. Такой клиент — это ключ ко всему.

Нью-Йорк, Лос-Анджелес, вся западная Европа, потом домой, в Австралию, там снова работать, обратно в Нью-Йорк, в Париж. Кочевая жизнь без остановок. Джордж может добавить что-нибудь он тогда начал работать в группе. Так можно жить пока тебе семнадцать, даже если у тебя нет денег. Почти в буквальном смысле этого слова. Я жила здесь зимой, в снимаемом помесячно номере отеля, с тремя другими девочками. Восемьдесят евро на карманные расходы. Так это называлось. На это надо было жить. Я не могла себе оранжевый билет на метро купить. Я почти везде ходила пешком. Я была на обложке журнала Вог, но я не могла купить себе экземпляр этого журнала. Все заработки были проедены до того, как чеки доходили до меня, они всегда опаздывали. Так это работает для простых пешек модной индустрии, которой была я. Я спала на кушетках в Нью-Йорке, на полу квартиры без электричества в Милане. Вот тогда то я и поняла что вся эта индустрия чудовищно дисфункциональна.

— Модельный бизнес?

— Модный. Люди, которых я встречала, с которыми я все это пережила, за исключением некоторых девочек, были стилистами, они придавали утонченность снимкам крошечными

штрихами, расставляли все на свои места, доставали реквизит в том числе и антикварный. Некоторые из них закончили очень хорошие школы искусств, и все это было глубоко заложено в них. Они не хотели бы работать по правилам, и это на самом деле особенность этой системы. Не так уж много людей способны так работать. Это были выпускники с блестящими навыками стилистов. И школа сделала их мастерами системного анализа своего рода. Они очень хорошо понимали как на самом деле работает вся индустрия, и что в действительности является продуктом, который они постоянно производили, не особенно заботясь о том, что они делают. И я слушала их. И все они были тряпичниками.

Холлис кивнула, вспомнив разъяснения Памелы относительно терминологии.

Они постоянно что-нибудь искали. Ценности в мусоре. Это уникальная особенность отделять одно от другого. Взгляд, извлекающий тонкости и детали. И конечно же знание где все это продать. Я училась этому, смотрела, слушала. Я очень это люблю. При этом я изнашивала в хлам кроссовки, потому что все время ходила.

— Здесь?

— Везде. Очень много в Милане. Рассеянно

слушая лекции стилистов о фундаментальной нефункциональности модной индустрии. То, через что прошли я и мои друзья в модельном бизнесе были лишь отражением чего-то обширного и гигантского. Каждый ждал свой опаздывающий чек. Весь этот бизнес раскачивается как тележка в супермаркете, у которой отпало одно колесо. Вы сможете катить ее, только если будете давить на нее определенным образом и толкать ее, но как только вы остановитесь, она опрокинется. От сезона к сезону, от показа к показу, вы должны толкать двигаться, толкать тележку.

Это напомнило Холлис тур их группы, хотя и не так драматично. Она сделала глоток несладкого Американо, который уже остыл, и продолжила слушать.

Моя бабушка умерла, я была ее единственной внучкой. Она оставила мне немного денег. Мой агент, уволился из агентства и ушел из бизнеса совсем. Я поступила в Кордвайнерс Колледж, Лондонский Колледж Моды, аксессуаров и обуви. Занялась разработкой. Это была обувь для бега.

— Сникерсы?

— Такие, как я носила всегда, когда много ходила. Самые уродливые из них были идеальны для ходьбы, самые красивые от нее разваливались.

Стилисты должны были заметить их, потому что на снимках я всегда была в них. Мы говорили о том, как этот бизнес работает. Заводы в Китае и Вьетнаме. Огромные компании. Я мечтала о модели, которая не будет такой уродливой и не будет разваливатьсяот ходьбы. Я была очарована модой, — она печально улыбнулась. — Я начала рисовать наброски. Сначала очень плохие. Я приняла решение что я должна разобраться в обувном деле, в его истории, как работает этот бизнес, прежде чем двигаться дальше. Это было скорее неосознанное решение. Так я подала документы в Кордвайнерс, меня приняли и я переехала в Лондон. И там я перестала ходить. В Лондоне. Возможно я была влюблена в тот факт, что я просыпаюсь каждое утро в одном и том же городе и у меня была миссия — таинственные кроссовки, которые я пока так и не смогла представить себе.

— И в конце концов вы их сделали?

— Два сезона. Мы не можем выбиться из системы. Но это было уже после окончания колледжа. Я и сейчас могу сделать пару великолепную пару обуви собственными руками, хотя отделка возможно не прошла бы проверку у моих учителей. Но они учили нас всему. Исчерпывающе.

— Сникерсы?

Не только литье и вулканизация, но и крой и пошив верха. Мы использовали лосиную кожу. Очень тонкую и эластичную. Восхитительную. — Она посмотрела вниз, на антикражные кабели в своей руке. — Во время второго года обучения в познакомилась с парнем, Дэнни. Американец. Из Чикаго. Он не учился в Кордвайнерс, но знал всех моих друзей там. Скейтер. Но не из тех, что заморочены на скейтбординге вхлам и только и делают что катают целыми днями. Предприниматель своего рода, но ничего отталкивающего. Делал фильмы для каких-то американских компаний. Мы жили с ним. Снимали квартиру. У него был Хаундс, — Меридит подняла взгляд от кабелей, — еще до того как Хаундс появился.

— Да?

— У него была куртка, очень похожая на твою, но пошитая из специального сорта холста, неотбеленного, с плоскими латунными пуговицами. Она постоянно требовала хорошей стирки. Выглядела совершенно просто, но это была одна из тех вещей, желание обладать которой появляется немедленно, а поскольку это невозможно, то начинаешь спрашивать название брэнда имя дизайнера. Он смеялся в таких случаях над

спрашивающими. Говорил им что нет никакого имени. Говорил им что «это твою мать обычная вещь, никакая не мода». А куртку сшил его друг из Чикаго.

— Чикаго?

— Чикаго. Он был из оттуда.

— Его друг дизайнер?

— Он никогда ее так не называл.

— Ее?

— Он не называл ее имени вообще. Он не хотел называть мне ее имя. Никогда. — Она смотрела прямо в глаза Холлис. — Я не думаю что это была его девушка. Я поняла что она старше его. И как он сказал она вовсе не была дизайнером, это было ее хобби. Он говорил что она занимается этим просто потому что ей это нравится. Она делала очень хорошие вещи. Очень. И это самое главное, потому что я поняла что я на правильном пути с моими кроссовками. Что у меня есть направление движения.

— Что это за путь?

— Делать вещи, которые не привязаны к настоящему моменту. Вообще ни к какому моменту не привязаны, ни ретро, ни что-либо еще.

— А что случилось с твоей обувью? — спросила Холлис.

— Случился бизнес. Обычный бизнес. Мы не смогли реализовать нашу новую бизнес модель. Наши ресурсы не были достаточны чтобы пройти сквозь рутину дисфункции. Мы прогорели и обанкротились. Возможно где-нибудь в Сиэттле есть склад полный коробок с моделью нашего последнего сезона. Если я смогу его найти, я выкуплю его весь и продам через Ибэй, и это принесет больше денег, чем мы выручали от традиционных продаж нашей линейки.

Джордж держал открытой потрепанную сумку Галери Лафайет и Мере затолкала туда пучок кабелей.

— Можно я приглашу вас на ужин? — спросила Холлис.

— Где ты остановилась? — спросил ее Джордж

— Сен Жермен. Около метро Одеон.

— Я знаю где это, — сказал Джордж. — Я закажу столик на восемь часов.

— Меридит?

Меридит посмотрела на Холлис. Затем кивнула.

— На четверых пожалуйста, — сказала Холлис.

Глава 24

Предчувствие

Милгрим сидел за столиком заполненного народом кафе во дворе. На коленях у него лежала камера, на которой он просматривал поочередно четыре сделанных им снимка Фолея.

Два снимка были сделаны сзади и их можно было использовать если бы потребовалось послать кого-нибудь следовать за ним. Профильный в четверть, на фоне разноцветных бликов восьмидесятых годов был наименее полезным. Это мог быть кто угодно. Неужели в восьмидесятых женщины и впрямь носили такую яркую одежду?

По настоящему хорошим получился один снимок, который он сделал вслепую, когда проходил мимо него за крашеной хной немецкой девушкой. Девушка загородила ему обзор, не позволив подойти слишком близко. Он почувствовал запах ее духов, что-то демонстративно неорганическое. Возможно так пахнет хладнокровно сконцентрированный покой. — Извините, — сказал Милгрим, отступая назад, держа в руках свою маленькую камеру, пытаясь разглядеть удалось

ли ему захватить Фолея, который уже теперь снова исчез.

Он смотрел вниз, переключая снимки на экране. И обнаружил Фолея, изображение которого, увеличенное зумом и четко сфокусированное было слегка смещено от центра кадра. Он вспомнил черный, как в порно, прямоугольник на снимке, ссылку на который отправляла ему Винни, увидев тонкие полоски, оставленные на лице Фолея его солнечными очками. Короткий козырек кепки удачно скрыл его лоб, убрав со снимка значительный объем информации об эмоциональном состоянии. Черты лица его были гладкими, не тронутыми жизненным опытом и уверенными той уверенностью, которой как полагал Милгрим, он мог на самом деле и не чувствовать. Как будь-то он пытался планировать независимо от складывающейся ситуации.

Держа камеру в полускрытом состоянии в правой руке, Милгрим двигался вперед, выискивая в заполненном посетителями Салоне Фолея. Вскоре он его нашел, но одновременно с ним она нашел Холлис, которая сосредоточенно слушала молодую женщину в джинсах и белой рубашке. Он был уверен что Холлис его заметила. Милгрим, сфокусированный на поисках Фолея отступил

назад проигнорировав ее и избегая визуального контакта. Когда Фолей спускался по лестнице, Милгрим уже следовал за ним, и видел как тот вышел из здания.

Тогда Милгрим вышел во двор, заказал себе эспрессо и уселся изучать добытые снимки.

Сейчас он выключил камеру, открыл небольшой отсек на нижней ее части и извлек оттуда голубую карту памяти размером с почтовую марку. Когда он в последний раз в действительности пользовался почтовыми марками? Он не смог вспомнить. Он почувствовал себя странно, понимая что думает о какой-то одной вещи. Он наклонился вниз, приподнял край штанины своих новых брюк и заложил карту поглубже в носок, который затем подтянул повыше и вернул край штанины на место.

Врач сказал что по натуре он не был методическим человеком, но постоянно продолжающееся состояние экстренной ситуации, генерируемое его зависимостью показало ему практическую полезность метода, который он начал практиковать.

Он достал новую карту из бокового кармана куртки и распаковал ее как обычно испытывая трудности с извлечением ее из подложки. Он

вставил ее в камеру, закрыл лючок и положил камеру в боковой карман куртки.

Из другого кармана зазвонил Нео. Он достал его. Телефон показался ему еще более уродливым, чем раньше.

— Да?

— Просто проверяю твой телефон, — сказал Слейт, не очень убедительно. — У нас проблемы с системой в целом. — Слейт всегда говорил о Нео как о системе, хотя Милгрим не встречал больше никого кроме Слейта с таким телефоном.

— Вроде работает, — ответил Милгрим.

— Как вообще дела?

Слейт никогда не скрывал что он способен с помощью Нео получать информацию о местонахождении Милгрима, хотя говорил об этом всегда двусмысленно, если вообще говорил. Из контекста только что произнесенной им фразы было понятно что он знает что Милгрим в Париже. Знает что Милгрим сидит в этом дворе именно этого здания, а поправки в расчеты возможно внесены с помощью координат, полученных от русского ГЛОНАСС.

Когда они только познакомились Милгрим не хотел ничего спрашивать. Слейт пояснял термины и так оно и шло само собой.

— Дождь поливает, — сказал Милгрим глядя вверх на голубое небо с яркими облачками.

Тишина затягивалась.

Он пытался заставить Слейта проговориться о том, что тот знает о его местонахождении, но не знал зачем. Ему надо было что-то сделать со злостью, которая его недавно посетила, и часть которой по-прежнему обитала где-то внутри его. Хорошо ли это?

— Как Нью-Йорк? — спросил Милгрим, теряя терпение.

— Торонто, — ответил Слейт, — становится жарко. Пока. — Он отключился.

Милгрим посмотрел на Нео. Что-то внутри него разворачивалось. Пожалуй нечто, похожее на брошюру, нежели бабочку, подумал он, если мыслить общими образами. Какая-то неприятная брошюра, которая делает симптомы слишком явными.

Зачем же вообще Слейт позвонил? Он что правда хотел проверить телефон Милгрима? Или голосовой звонок дает Слейту возможность произвести над Нео какие-то манипуляции, которые в другой момент неовозможно произвести?

Милгрима интересовало, если он сейчас заговорит, сможет ли Слейт услышать его?

Ему вдруг показалось что это вполне вероятно что Слейт сможет.

Он откинулся в своем белом эмалированном алюминиевом кресле вновь ощущая это чувство, которое он считал гневом. Под рубашкой, на его груди, на шнуре висел конверт Фарадея, в котором лежал паспорт. Конверт блокировал радио волны. Защищал радиочастотную метку на паспорте от считывания.

Он посмотрел на Нео.

Совершенно бессознательно он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, извлек конверт, открыл его и положил Нео рядом с паспортом. Затем убрал конверт обратно и застегнул рубашку.

Конверт теперь был толстым и заметным под рубашкой.

Он допил свой остывший и горький теперь эспрессо и оставил несколько монет на маленьком квадратном чеке. Затем встал, застегнул свою куртку над выпуклостью конверта и вернулся в Салон Дю Винтаж. Он снова высматривал Фолея, который как ему казалось вернулся.

Какое-то время он поднимался по лестнице. Затем стоял сколько-то разглядывал буйный постер с Холлис. Затем он снова расстегнул пуговицу, извлек конверт, открыл его и достал из него Нео,

который немедленно зазвонил.

— Але? — Свободной рукой он заправил конверт обратно.

— Ты что в лифте был?

— Меня там зажала толпа молодых японок, — ответил Милгрим, наблюдая за одним из проходов. — Всего три этажа, но выйти никак не получалось.

— Я просто проверяю, — сказал Слейт безразлично и отключился.

Милгрим посмотрел на Нео как на продолжение Слейта, и размышляя выключится ли он если отключить его питание. Возможно потребуется совсем извлечь из него батарею. Хотя Слейт запретил это делать. Так же, как он запретил извлекать из него любую из двух карт.

Слейт сразу заметил пропадание телефона, когда тот был в конверте Фарадея. Милгрим был временно невидимым, как если бы он в этот момент был в лифте.

Принимая во внимание все, что Слейт рассказывал о возможностях Нео, как жучок, тот имел весьма скромную емкость. И кроме того он был весьма капризным устройством, и это объясняло их беспокойство. Тем не менее, Милгрим сейчас был на поводке. Должен ли был Бигенд знать об

этом? Милгрим задавался этим вопросом.

Слейт дал ему Нео во время полета из Базеля в Лондон, по завершении лечения Милгрима. С того момента он постоянно носил его с собой. За исключением вчерашнего дня, когда Слейт сказал чтобы он оставил его в своем номере в отеле. Это было как раз в тот день, когда Винни его сфотографировала. Затем, когда он рассказал об этом Бигенду в Голубом Муравье, тот сказал что он больше не доверяет Слейту. Затем он пошел в универмаг пообедать с Холлис, затем вернулся в отель, где его уже ждала Винни. Так что все это Слейт пропустил потому что как он сам сказал, компания, производившая Нео обанкротилась. «К счастью» — сказал Милгрим и вздрогнул представив Слейта услышавшего эту его фразу через какой-нибудь там блютуз. Но если в таком случае Фолей был человеком Слейта, что вполне вероятно, как он мог найти Милгрима в универмаге? Может быть он идет по следу Холлис? Но с другой стороны, вспомнил вдруг он, Фолей был одним из тех, чье фото висит на стене Винни.

Нео в его руке зазвонил.

— Да?

— Ты где? — это была Холлис. — Я видела, ты недавно прошел мимо.

— Ты можешь меня встретить? Я на входе возле лестницы.

— Наверху?

— Внизу.

— Иду, — ответила она.

— Хорошо, — сказал он, и отключился, едва удержавшись от того, чтобы свистнуть в телефон Слейту. Затем он положил телефон в карман куртки. Снял куртку и несколько раз обернул ею карман с телефоном. Получившийся тюк, засунул подмышку и пошел вверх по лестнице.

Глава 25

Экранирование

Холлис нашла Милгрима сдающим свою куртку японской девушке в камере хранения.

— Я закончила, — сказала она. — Можем идти, если ты готов.

Милгрим повернулся, взял ее за руку и отвел от стойки камеры хранения.

— Что-нибудь не так?

— Мой телефон, — сказал Милгрим, отпуская ее руку, когда они отошли подальше от входа. — Через него прослушивают.

Она представила шапочки из фольги и людей, которые транслируют на расстоянии мысленные команды. — Они это кто?

— Слейт. Бигенд не доверяет ему.

— Я тоже. — Она никогда ему не доверяла. И теперь, когда она подумала о Слейте с этой точки зрения, рассуждения Милгрима уже не казались ей автоматически сумашедшими. В стране Бигендландии явно была проблема. Люди обязательно следили друг за другом. Хотя бы один Слейт всегда присутствовал. С другой стороны Милгрим конечно тоже может оказаться сумашедшим.

Или под кайфом. Что если он снова съехал? И опять принимает дурь, от которой его избавляли в Швейцарии? Куда девался полу-отсутствующий персонаж, с которым она познакомилась за закусками? Сейчас он выглядел вполне живым, слегка взмыленным, и возможно немного раздраженным из-за чего-то. Сейчас он был похож на обычного человека, и она теперь поняла что именно этого в нем и не хватало. Отсутствие этого и делало его одновременно своеобразным и плохо запоминающимся. Сейчас она смотрела в глаза человека, который беспокоится из-за внезапного приезда кого-то. Приезда самого Ми-

лгрима изнутри себя, поняла она. И все потому, что он кого-то увидел. Хотя, этот кто-то реально существует напомнила она себе, ты же сама видела его в подвале.

— Я его тоже видела, — сказала она. — Думаю что его.

— Где? — Милгрим отступил на шаг, пропуская мимо пару бойких пожилых американских мужчин, направляющихся к лестнице.

Они смотрели на Холлис как престарелые волосатые рокеры, просто переодетые в очень дорогую одежду и похоже разговаривали о гольфе. Неужели они тоже коллекционируют винтажную Шанель?

— Он спускался вниз по лестнице, — сказала Холлис. — Я нажала не ту кнопку в лифте. Потом увидела его, спускающегося по лестнице. Я думаю это он.

— Что ты сделала?

— Зашла обратно в лифт. Поднялась. После больше его не видела, я была слишком занята.

— Он здесь, — сказл Милгрим.

— Ты видел его?

— Я его сфотографировал. Памела просила меня. Я могу тебе показать снимок, но сейчас карточка не в камере.

— Он все еще здесь? — она посмотрела вокруг.

— Я видел как он вышел, — Милгрим посмотрел в сторону выхода. — Но это не значит что он не может вернуться.

— Я спрошу Бигенда. Он сказал что не посылал никого присматривать за нами.

— Ты ему веришь?

— Зависит от контекста. Если делать вид что ничего не происходит, проблемы будут лишь усугубляться. Если я опять вляпаюсь во что-нибудь и причиной будет он, я уйду. Он это понимает. — Она посмотрела Милгриму в глаза. — Ты что-нибудь принял?

— Нет.

— Ты теперь другой. Я беспокоюсь о тебе.

— Я восстанавливаюсь, — ответил он. — Это подразумевает что я становлюсь другим. Если бы я что-нибудь принял, я не был бы другим.

— Ты похоже злишься.

— Не на тебя.

— Раньше ты не злился.

— Это же не запрещено, — сказал он, и Холлис уловила в его интонации изумление, как будь-то в этой фразе он узнал о себе что-то такое, о чем не подозревал. Он сглотнул. — Я хочу понять Слейт ли это сдает меня ему? Мне кажется я придумал

как это сделать.

— Что сказал о Слейте Бигенд?

— Он сказал чтобы я был поосторожнее с Нео.

— Что это?

— Мой телефон. Это название брэнда. Они уже банкроты.

— Кто они?

— Фирма, которая их производила. Слейт всегда знал где я. С помощью телефона. Я знал об этом.

— Ты знал?

— Я думал что это Бигенд хотел этого. Возможно хотел этого. Это не был секрет.

— Ты думаешь они подслушивают через него?

— Он сказал чтобы я оставил его в отеле вчера. Подключенным к блоку питания. Он делает так когда хочет перепрограммировать его или добавить и убрать программы.

— Я думала он в Нью-Йорке.

— Он может перепрограммировать его откуда угодно.

— Он сейчас слушает?

— Телефон в кармане моей куртки. В камере хранения. — Он показал на камеру хранения. — Но я не могу оставить его там надолго.

— Что ты собираешься делать?

— Голубой Муравей зарезервировал отель для

нас?

— Я зарезервировала.

— По телефону?

— Через сайт отеля. Я никому не говорила где мы остановимся. Что ты хочешь сделать?

— Мы поймаем такси. Ты сядешь первой, и скажешь водителю чтобы он отвез нас в Галери Лафайет. Слейт не услышит тебя. Затем сяду я. Не говори ничего о Галери Лафайет или об отеле пока будем ехать. Затем я заблокирую Джи-Пи-Эс.

— Как?

— Есть способ. Я уже проверил его. Он думает что я в это время в лифте.

— Что потом?

— Я уйду из Галери Лафайет, а ты войдешь внутрь. Затем я разблокирую телефон и посмотрю сможет ли Фолей найти меня.

— Кто такой Фолей?

— Преследователь в лиственно-зеленых брюках.

— А что если кто-нибудь из них просто проследит за такси?

— Для этого надо много людей. Если у них работает команда, мы ничего не сможем сделать. Значит они следят и за тобой тоже. — Он пожал плечами. — Где мы остановимся?

— Называется Одеон. Это улица. И есть еще станция Метро Одеон. Запомнить легко. Я заплатила за твой номер своей кредитко. Номер снят на одну ночь. В восемь у нас ужин, недалеко от отеля. В мою честь.

— Мы ужинаем?

— С Меридит и Джорджем. Я кое-что узнала в Салоне, и надеюсь за ужином услышать еще что-нибудь.

Милгрим заморгал — Ты хочешь чтобы я пошел с тобой?

— Мы же вроде работаем вместе?

Он кивнул.

— Место называется Лёз Эдитюр. Джордж сказал что его видно из отеля.

— В восемь, — сказал Милгрим. — Когда я заберу куртку, не забывай что в ней телефон, через который Слейт нас слушает. В такси ты садишься первой и говоришь водителю ехать в Галери Лафайет.

— Почему туда?

— Потому что это большой хороший магазин.

— И?

— Там легко затеряться в толпе. — Он был уже возле стойки и подал девушке свой билет. Она отдала ему куртку и его черную сумку. Холлис

представилась и девушка выдала ей ее сумку на колесах.

— Мерси, — сказала Холлис.

Милгрим одел куртку и направился к выходу.

Глава 26

Русская мать

— Клинекс? — Милгрим попросил водителя повернуть направо, туда где он заметил Рю Дю Тампль. — Меня нос мой беспокоит, — добавил он, скорее для Слейта.

Холлис, сидевшая слева, прямо за водителем достала пачку одноразовых платков из сумочки.

— Спасибо. — Он достал три платка, и вернул упаковку обратно, затем развернул один на коленях и достал из кармана Нео. Показал его ей с разных углов зрения, отчего почувствовал себя фокусником, хотя и не был слишком уверен в чем заключается его фокус.

Такси повернуло налево, на другую улицу, примыкающую под острым углом. Он представил как Слейт следит за курсором, повторившим их маневр на экране. Это казалось маловероятным не смотря на то, что он понимал что так оно и

есть. Он знал что Слейт постоянно занимался такими вещами. Сейчас он мог следить за ними на экране его собственного Нео.

Милгрим положил Нео на Клинекс, расположив его в ложбине между коленей, развернул две другие салфетки и начал аккуратно его протирать. Закончив протирать его он вспомнил как во время полета в Атланту из любопытства снимал заднюю крышку телефона. Тогда он перевернул телефон, снял с него крышку, обнажив лицевую поверхность аккумулятора. Вытащил аккумулятор и проделал процедуру чистки над ним и внутренними поверхностями отсека. Закончив, он аккуратно сложил первую салфетку и засунул ее в карман. Две другие он смял и вытер ими ладони.

— Ты раньше бывал в Париже? — спросила Холлис.

Она выглядела расслабленной, ее сумочка лежала у нее на коленях, темный ворот джинсовой куртки расстегнут.

— Один раз, — ответил он, — после окончания Колумбийского университета. Я был здесь месяц на обучении. Мы снимали квартиру.

— Тебе здесь понравилось?

— Я был не один, и это было неплохо.

Она посмотрела в окно, как будь-то что-то вспоминая, а затем повернулась к нему. — Это была любовь?

— Нет.

— Вы просто встречались?

— Да, — сказал он, чувствуя себя при этом странно.

— Что-то не получилось?

— Я был не свободен, — ответил он. — Я этого не знал, но так оно и было. Я это понял в Базеле.

Он вспомнил о гипотетически слушающем их Слейте и показал ей на карман, в котором лежал завернутый в салфетку Нео.

— Извини, — сказала она.

— Ничего.

Они повернули направо, затем снова налево на перекресток, где он увидел знак станции Метро Страсбург-Сен-Дени и тут попали в плотное движение.

Несколько минут они ехали в тишине. Затем он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и вытащил наружу конверт Фарадея.

— Что это?

— Станция метро, — сказал он чтобы услышал Слейт, а затем прикоснулся указательным пальцем к губам.

Она кивнула.

Он открыл конверт, положил в него Нео, затем закрыл его.

— Это блокирует радиосигналы. Как будь-то мы в лифте. Если он слушает, то сейчас не сможет нас услышать. И сейчас он потеряет наш след.

— Зачем это тебе?

— Они дали это мне, — ответил он. — Я храню там паспорт. Он волновался что кто-нибудь может прочитать радиочастотную метку с него.

— Кому это надо?

— Людям, таким как Слейт.

— Как оно работает?

— В ткани металлические волокна. Когдя я его проверял раньше, он терял меня. Думал что я в это время был в лифте.

— Но если это так легко, — сказала она, — зачем они дали тебе этот конверт?

— Он настаивал на этом, — сказал Милгрим. — Мне кажется он действительно волнуется о таких вещах как кража радиочастотной метки. Я думаю он сам таким занимается.

— Но при этом он дал тебе способ избавления от его надзора.

— Когда я положил телефон в конверт, я в первый раз сделал то, что он не хотел бы чтобы я

делал, и я осознавал это. Когда я его встретил я еще был не в порядке. Он работал на Бигенда и я делал то, что он говорил.

Она посмотрела на него. Кивнула. — Я поняла.

— Но Слейт, — продолжил он, — действительно любит чтобы кто-то делал в точности то, что он скажет.

— Пожалуй.

— Я не думаю что он представил бы себе что я могу в какой-то момент убрать Нео в конверт. Вряд ли это ему бы понравилось, если бы он когда-нибудь узнал об этом.

— Что ты будешь делать в Галери Лафайет?

— Подожду пока ты уйдешь, потом достану телефон. И буду смотреть что произойдет.

— А что если кто-нибудь сейчас следит за нами, обычным способом?

— Говоришь водителю чтобы он довез тебя до станции метро. Ты знаешь метро?

— Более или менее.

— Если ты немного соображаешь, то скорее всего сможешь избавиться от преследователей.

— Приехали.

Он увидел что они стоят на бульваре Хаусманн, водитель включил поворт и стал искать место где остановиться.

— Осторожно, — сказала она. — Если это тот, кого я видела в подвале, то мне его вид не понравился.

— В Салоне он мне тоже не показался слишком привлекательным, — сказал он, проверяя ремень сумки, которую он повесил на плечо.

— Нормально?

— Страшно.

Он открыл дверь еще до того как такси полностью остановилось. Водитель сказал что-то раздраженно по-французски.

— Извините, — ответил он ему, когда они остановились и выскользнул наружу, закрыв дверь за собой.

С края тротуара он оглянулся увидев что Холлис улыбается говоря водителю что-то. Затем машина встроилась обратно в дорожное движение.

Он быстро вошел в Галери Лафайет и шел пока не добрался до центра высокого храма торговли из разноцветного стекла. Здесь он остановился, посмотрел вверх, на мгновение испытав рефлексивный испуг деревенского жителя. Судя по всему это была одна из целей архитекторов при создании конструкции здания. Смесь терминала Гранд Централ и атриума дворца Брауна в Денвере, структура, героически направленная в

будущее, которое в действительности никогда не наступило. Все уровни окружали широкие балконы, поднимающиеся к куполу. За перилами виднелись верхушки стоек с одеждой, но не посетители. А если бы они там были, то он Милгрим стоял ровно на том месте, где следовало бы поставить толстую оперную певицу, пение которой услышали бы все.

Он вытянул конверт Фарадея за шнурок и извлек из него Нео, погрузив его в замысловатый бульон, распространяющихся повсюду сигналов. В салфетке Клинекс телефон чем-то напоминал спеленутого ребенка, который тут же принялся звонить.

Слейт настроил телефон так, что выключить звонок было невозможно, но Милгрим убавил громкость звонка до предела и положил телефон в карман куртки. Он еще вибрировал какое-то время, затем стих. Он достал его из кармана, приоткрыв салфетку Клинекс посмотрел время на экране, осторожно, стараясь не касаться корпуса, затем положил телефон обратно.

Он вспомнил о трехстах неразменянных фунтах, евро, которые дала ему Холлис и еще тонкой пачке евро, которые остались у него от карманных денег, которые он получал в Базеле. Он

решил вложить все эти деньги в свое будущее, которое должно было наступить значительно быстрее, нежели то, которое представляли создатели Галери Лафайет.

Он нашел отдел с мужской одеждой за переходом в отдельное, соседнее здание. Там он приобрел себе пару черных французских трусов, затем пару черных из хлопковой смеси носков, заплатив за все это почти всеми остатками Базельских денег. Купюры евро смутно напоминали ему Диснейленд, который изначально был Завтралэндом, куда мать водила его, когда он был ребенком.

Нео снова начал вибрировать в кармане. Он не стал доставать его, пытаясь представить себе лицо Слейта в этот момент. Но Слейт знал где он находится и возможно слышал звук кассового аппарата, пробивающего чек, когда он покупал носки и белье, хотя Милгрим при этом не издал ни звука, совершив покупку невербально с мягкостью пехотинца в состоянии перемирия. Он надеялся что Клинекс глушит часть звуков, хотя в настоящий момент это не имело значения.

Он вернулся обратно в главное здание магазина и поехал на эскалаторах в страну белья, спортивной одежды и маленьких черных платьев. Если

бы он точно знал сколько времени у него есть, он подумал что заглянул бы в отдел мебели. Мебельные отделы больших универмагов обычно были оазисами спокойствия. Он часто считал их успокаивающими. К тому же они хорошо подходили для того чтобы определить следует ли кто-нибудь за тобой. Но в действительности он не думал что сейчас по его следу кто-нибудь идет обычным способом.

Он прошел через лесок стоек с Ральфом Ларенном, затем через рощицу поменьше с Хилфигером и вышел к баллюстраде, через которую был виден центральный атриум. Бросив взгляд вниз он увидел Фолея, шагающего по направлению от Бульвара Хауссманн. «Сними уже кепку», подумал он. Профессионал должен был по сделать по меньшей мере это, и снять уже эту черную куртку.

Когда Фолей добрался до центральной части, где раньше останавливался Милгрим, чтобы посмотреть вверх, он так же остановился, почти на том же самом месте, и так же посмотрел вверх. Милгрим отступил назад, зная что в какой-то момент Фолей начнет осматривать баллюстраду, за которой он находился.

Вы знаете что я здесь, подумал Милгрим, но вы

не знаете где точно я нахожусь. Он увидел что Фолей говорит. Он подумал что тот говорит со Слейтом через гарнитуру мобильного телефона.

Мгновение спустя Милгрим стоял уже один в лифте, нажимая кнопку верхнего этажа, его улучшенный модуль импровизации открытый новым возможностям сработал.

На следующем этаже лифт остановился. Дверь открылась и он обнаружил толстую руку в чем-то темно-сером, руку большого человека.

— Позор, что ты больше не живешь здесь, — сказала на русском языке высокая блондинка другой молодой женщине, которая стояла рядом с ней, такая же высокая и тоже блондинка. Вторая блондинка закатила в лифт массивную детскую коляску категории люкс, на трех шарообразных колесах, сделанную похоже из углепластикового волокна и блестящих шершавых поверхностей, серую как костюм телохранителя.

— Эти пригороды полное дерьмо, — ответила та, что с коляской на русском, сбросив легким движением пальца тормоз. — Вилла. Два часа езды, собаки, телохранители. Дерьмо.

Следом вошел телохранитель, мрачно посмотрев на Милгрима. Милгрим отступил как можно дальше назад, пока поручень довольно больно

не впился ему в спину и стал смотреть вниз. Дверь закрылась и лифт двинулся дальше вверх. Милгрим украдкой посмотрел на двух женщин мгновенно пожалев об этом, потому что это стоило ему дополнительного внимания со стороны их мутного телохранителя. Он стал снова смотреть вниз. Мега-коляска выглядела как что-то из салоно очень дорогого самолета, возможно как тележка с напитками. Младенец, который там возможно находился был скрыт шершавым капотом и обтекателями, возможно пуленепробиваемыми. — Конечно, он не может, он много потерял, — сказала первая блондинка.

— Все это было сильно взаймы, — сказала та, что была с коляской.

— Что это значит?

— Это значит что у нас больше нет апартаментов в Париже и за покупками мы ходим в Галери Лафайет, — ответила дама с коляской с горечью в голосе.

Милгрим не слышал русской речи с тех пор, как уехал из Базеля и теперь чувствовал своеобразное очарование, не смотря на присутствие угрюмого телохранителя и поручень, впившийся в спину. Лифт остановился, дверь открылась и в него вошла юная высокая парижанка. Как только

дверь закрылась, Милгрим обнаружил что телохранитель теперь полностью сосредоточился на наблюдении за девочкой, хотя и не стал менее угрюмым при этом. Худенькая брюнетка, как показалось Милгриму, на двух русских женщин она посмотрела с милостивым презрением, а телохранителя просто проигнорировала.

Когда лифт остановился вновь, а дверь открылась Милгрим извлек Нео из кармана куртки и просунул его в шершавый карман на передней части супер-коляски, чувствуя как тот проскальзывает в компанию игрушек, баночек с бальзамом или возможно с икрой и чем-то еще, что совершенно необходимо ребенку олигарха. Он сделал это так, как когда-то его учил знакомый карманник, как будь-то это не просто не было чем-то неожиданным, но было единственным делом, которое надо сделать. Он посмотрел на телохранителя, который по-прежнему таращился на брюнетку, которая отвернулась и выглядела теперь как скучающая газель, и отступил, пропуская телохранителя, потому что женщина с коляской щелкнула выключателем тормоза и уже вытаскивала карбоновое изделие за собой из лифта, как тележку с запчастями на танковом заводе.

Телохранитель еще раз посмотрел на Милгрима, но быстро вышел наружу, не желая терять из виду своих подопечных.

Милгрим остался в лифте, который как только дверь закрылась вновь начал подниматься вверх.

— Собаки, — сказал он Слейту, который теперь уже не слышал его. — И охрана.

Глава 27

Японский бейсбол

— Как там Париж? — Фотография Хайди, привязанная к ее телефонному номеру была десятилетней давности, черно-белая, зернистая. На заднем плане, не в фокусе белый Фендер бас Джимми.

— Не знаю, — ответила Холлис. Она была на станции Севре-Вавилон, ходила между платформами, колеса ее сумки постоянно щелкали как персональный метроном. Она решила что пусть Милгрим заботится о презумпции невиновности и прокладывала через метро курс изобиловавший короткими переездами, сменой линий, резкими разворотами. Если кто-то и следовал за ней она его не обнаружила. И теперь устав от толпы она

только-что решила ехать прямо на Одеон в отель, и в этот момент позвонила Хайди. — Я думаю я что-то нашла, но кто-то может быть нашел меня.

— Что это значит?

— Милгрим думает что он видел кого-то здесь, кого он видел еще в Лондоне. В Селфриджес, когда мы ходили делать тебе стрижку.

— Ты же говорила он не в себе.

— Я сказала что он не сконцентрирован. В любом случае, теперь он выглядит значительно более сконцентрированным. Хотя и не в себе тоже. — Хорошо что ее сумка не была слишком тяжелой, минус копия ее книги, которую она отдала Милгриму. И ее МакЭйр, о котором она только что вспомнила. Он тоже у него.

— Бигенд может прислать к тебе кого-нибудь там?

— Я не хочу. Я не говорила ему где остановлюсь.

— Где ты остановишься?

— В Латинском квартале. — Она заколебалась. — В отеле, где мы останавливались с Гарретом.

Хайди встрепенулась. — Что правда? И кто выбирал отель? Гаррет или ты?

— Он. — Холлис добралась до своей платформы

и толпы стоящей на ней.

— И в какой руке ты несешь этот любовный факел?

— Я не несу.

— Моя волосатая жопа! Она не несет!

— Кончай. Заведи себе кого-нибудь.

— Вряд ли это хорошая идея, — ответила Хайди. — Я замужем.

— И что?

— Ты все знаешь.

— А как там урод?

— Выпустили под залог. Средства массовой информации немного успокоились. Мошенничество на полмиллиарда долларов. Сегодня они уже стесняются преподносить такие истории публике. Слишком сумма маленькая. Это как иностранные серийные убийцы.

— При чем здесь они? — на станцию въехал поезд.

— Америка же столица серийных убийц. Серийные убийства иностранцев это как японский бейсбол.

— Ты как там вообще Хайди?

— Нашла тренажерный зал. Хаки.

— Хакни.

Дверь открылась и толпа двинулась вперед,

увлекая Холлис за собой.

— Я думала это то место, где они изобрели сак, — в голосе ее звучало разочарование. — Ну как Сильверлэйк. Только лучше. Креативнее. Но тренажерный зал хороший, старой школы. СБИ.

Дверь закрылась позади Холлис, заключая в себе толпу, мягко излучающую личные запахи, ее сумка остановилась возле ее ног. — Что это?

— Смешанные боевые искусства, — сказала Хайди удовлетворенно, как будь-то бы только что съела десерт.

— Даже не думай, — посоветовала Холлис. — Вспомни боксеров. — Поезд тронулся. — Я отключаюсь.

— Отлично, — сказала Хайди и дала отбой.

Шесть минут по десятой линии и колеса ее тележки щелкают уже по платформе Одеон. Затем она сложила ручку сумки чтобы понести ее по лестнице вверх под косой солнечный свет, к звукам и запахам уличного движения Сен Жермен. Все это было слишком знакомо, как будь-то она никуда не уезжала, и теперь ей было страшновато выходить на поверхность, и это подтверждало правоту Хайди. Она обманула себя, решив еще раз посетить место совершенного преступления. Это как в сказке, снова воспылать страстью. Запах ко-

жи на его шее. Его библиотека шрамов, похожих на иероглифы, ожидающие расшифровки.

— О! Пожалуйста, — сказала она. Выщелкнула ручку сумки и покатила ее по разбивающей колеса брусчатке, по направлению к отелю. Прошла мимо тележки продавца сладостей. Затем мимо окна с маскарадным костюмом. Атласных накидок и масок чумных врачей с носами, похожими на пенисы. В витрине маленькой, аккуратной аптеки на пересечении улиц лежали гидравлические устройства для массажа груди и швейцарские сыворотки для кожи, упакованные в инъекции.

Она вошла в отель, где мужчина за стойкой не поприветствовал ее, хотя и узнал. Она сочла это скорее жестом осторожности, нежели невежливостью. Она назвала свое имя, расписалась, подтвердила что оплатит номер Милгрима своей картой и получила свой ключ, с тяжелым медным медальоном, на котором была выгравирована львиная голова. Она вошла в лифт, меньший чем в Корпусе, но более современный, похожий на светло-бронзовую телефонную будку. Ощущение, которое испытываешь, находясь в телефонной будке уже почти забылось. Как быстро уходят вещи.

В холле третьего этажа стояло массивное кривое дерево. Рядом тележка обслуживания с полотенцами и крошечными упаковками с мылом. Она открыла дверь своего номера.

Она вздохнула с облегчением обнаружив что номер не был одним из двух, в которых она когда-то останавливалась с Гарретом, хотя выглядел виртуально идентичным. Комната была размером с ванную в ее номере в Корпусе, а может даже и меньше. Все темно красного, черного и китайского золотого цвета, какие-то странные шинуазри, которые декораторы Корпуса должны были бы прокачать бюстами Мао и героико-пролетарскими постерами.

Она испытывала странные ощущения, находясь не в Корпусе, и сочла это плохим знаком.

Мне нужен дом, сказала она себе, совершенно не представляя в какой стране она могла бы его обрести, не говоря уже о том в каком городе. Положила сумку на кровать. Ходить по комнате было негде. Исключение составлял узенький проход вокруг кровати. Она рефлекторно поднырнула под простой, нецифровой телевизор, подвешенный на окрашенном белом потолочном кронштейне. Гаррет разбил себе голову о такой же.

Она вздохнула.

Посмотрела на здания на противоположной стороне, пытаясь вспомнить их.

Не вспомнила. Вернулась обратно к кровати и своей сумке. Расстегнула ее. Она собиралась максимально минималистически. Туалетные принадлежности, косметика, платье, чулки, туфли, белье. Вытащила платье чтобы повесить его и обнаружила фигурку Голубого Муравья, которую она точно помнила что не ложила в сумку. Муравей задорно ей улыбался. Она точно помнила что оставила его на стойке рядом с раковиной в своем номере в Корпусе.

— Привет, — сказал она, удивившись напряжению, которое потребовалось чтобы повысить тон голоса.

Эта ухмылка становилась улыбкой Моны Лизы, перед которой они стояли с Гарретом держась за руки.

Посмотрев в тот момент на нее она обнаружила что он смотрит вовсе не на Мону Лизу, а скорее на защитный плексигласовый экран, настенные крепления и на прочие устройства, которые представляют собой контур безопасности Лувра, хотя и не очевидно.

— Ты похоже представляешь себе как крадешь

эту картину?

— Чисто академически. Вот этот ламинированый выступ прямо под ней? Это интересно. Ты хочешь узнать точно что там внутри. Он довольно толстый, правда? Пожалуй толщиной в добрый фут. Там внутри что-то есть. Какой-то сюрприз.

— Ты ужасен.

— Абсолютно, — отвечает он, и выпускает ее руку и ласково касается обратной стороны ее шеи. — Я такой.

Она ставит фигурку на встроенный в конструкцию кровати сбоку столик, который значительно тоньше чем защитный экран Моны Лизы и заставляет себя распаковать оставшиеся в сумке вещи.

Глава 28

Чай Белая Груша

Стоимость вай-фая равна стоимости чашки чая Белая Груша.

Милгрим смотрит на стеклянный чайный пресс, объемом в две чашки, который стоит на круглом белом столе, прямо за матовым алюми-

ниевым прямоугольником компьютера Холлис. Он не знает почему он выбрал Белую Грушу. Возможно потому что он не очень любит чай и потому что почти все вокруг было белым. Он решил подождать пока чай заварится посильнее.

Он был совершенно один в этом узком белом магазине с огромным выбором разных чаев и девочкой на которой очень красиво сидело платье в очень тонкую полоску с накрахмаленными до твердого состояния манжетами, воротничками и другими деталями. Он не представлял себе что парижане пьют чай, но если это место считать характерным, то похоже они предпочитают чтобы чай был расфасован в ультрахрупкие стеклянные банки. Вдоль стен стояли узкие белые полки, уставленные модернистскими аптекарскими банками, заполненными сушеной растительностью и сверкающими в галогеновой подсветке разнокалиберными прессами и емкостями. Минимум уюта от толстых серых фетровых чехлов. Несколько зеленых растений. Три маленьких столика, возле каждого по два кресла.

Снаружи иногда раздавался вой и треск моторов проезжающих скутеров. Для автомобилей улица была почти невозможно узкой. Где-то в Латинском Квартале, если водитель такси пра-

вильно его понял.

Теперь девушка начала обметать атпекарские банки метелкой с большими перьями. Это было похоже на актерское представление или некую высококонцептуальную разновидность порнографии. Сюжет которой завязан по большей части вокруг полосок. Или чая.

Он открыл компьютер, который был не толще карандаша и включил его.

На рабочем столе Холлис красовалось цифровое представление межзвездного пространства. Лиловые галактические облака. Ее интересовала астрономия предположил он, или эта это была идея Эппл? Он представил себе что ноутбук отображает изображение сам по себе, чай в прессе на белом ламинате. И в этом вымышленном изображении еще одно такое же изображение. Туннель из картинок в стиле Эшера, сужающийся до нескольких пикселей. Он подумал о фотографиях в книге Холлис и о Нео, который уже скорее всего ехал в какой-то закрытый высококлассный пригород или уже был там. Нео представлялся ему его собственным вкладом в искусство Джи-Пи-Эс.

Он обнаружил что чувствует себя удивительно спокойно, думая о том, что он сделал. Главное как раз было в том похоже, что он это сделал. Что

все уже совершилось. Хотя сейчас он из-за этого конечно же вспомнил Слейта.

После того, как такси увезло его от Галери Лафайет к случайно выбранному перекрестку где-то- недалеко отсюда, он почувствовал что покинул зону видимости на карте Слейта. Теперь он хотел понять мог ли компьютер Холлис помогать Слейту наблюдать за ними. Хотя Холлис и сказала что она совсем недавно стала сотрудничать с Бигендом во второй раз.

Он открыл программу для просмотра Интернет и перешел к сайту с почтой. Мог ли Слейт видеть что я сейчас делаю? — подумал он. Его единственный адрес электронной почты, принадлежал Голубому Муравью. Он открыл Твиттер. Если он правильно понимал, Слейт мог бы знать на каком сайте он сейчас находится, но вряд ли он мог знать что в этот конкретный момент он делает. Он ввел свой логин и пароль.

Винни час назад написала ему — Где ты?

— Все еще в Париже. Надо поговорить.

Он обновил окно программы, но ответа не было.

Девушка в хлопковом платье закончила обметать пыль и смотрела теперь на него. Она была похожа на очень реалистичный персонаж из

японского мультфильма с огромными Диснеевскими глазами. Он встречал уже на улицах молодых людей, которые выглядели подобным образом. Зачем это все? Похоже это было международным явлением, хотя возможно оно еще не охватило весь мир. Это была одна из тех вещей, о которых он хотел спросить Бигенда. Бигенд приветствовал такие вопросы, считая ценным все, о чем спрашивает Милгрим. Милгрим, со слов Бигенда только что вернулся после десятилетнего отсутствия из мест, где ничего подобного не было, он как будь-то бы вышел из какой-то затерянной на время космической капсулы. Чистый лист, ожидающий сказаний о новом веке.

— Это Мак Эйр? — спросила девушка.

Милгрим посмотрел на буквы на нижней части экрана и сказал — Да.

— Очень симпатичный.

— Спасибо, — ответил Милгрим. Он вдумчиво и осторожно нажал на стержень чайного пресса, который венчался небольшим шариком, прогоняя прозрачную жидкость сквозь хирургически тонкую нейлоновую сетку. Налил немного в стеклянную чашку, которая выглядела еще более хрупкой нежели пресс. Сделал глоток. Сложный металлический вкус. Совсем не как чай. Хотя

возможно в лучшую сторону. — У вас есть круассаны?

— Нет, — ответила девушка, — маленькие мадлены.

— Пожалуйста, — сказал Милгрим жестами попросив принести ему мадлены.

Печенье Пруста. Это пожалуй было буквально все что он знал о Прусте, хотя он как-то слышал как кто-то рассказывал что Пруст описал эти маленькие кексы неправильно или вообще в тот момент имел в виду что-то совершенно другое.

Пора было принимать лекарство. Пока девушка ходила за его мадленами в подсобку магазина, он достал из сумки упаковку с лекарством и выдавил дневной рацион белых капсул сквозь фольгу. По старой привычке он держал капсулы спрятав их в зажатой ладони. Когда она вернулась и принесла ему три кекса на квадратной белой тарелке, он уже убрал упаковку с лекарством. Один мадлен был без начинки, один был слегка сбрызнут чем-то белым и один был с черным шоколадом.

— Спасибо, — сказал он ей. Он окунул тот, что был без начинки в свой чай, возможно из-за каких-то смутных суеверий, возникших в связи с мыслями о Прусте, а потом быстро съел их все. Они оказались очень вкусными, особенно

обрызганный белым, он оказался миндальным. Закончив с кексами он запил Базельские капсулы своим белым грушевым чаем.

Затем он вспомнил о компьютере и обновил окно программы.

Две минуты назад пришло сообщение. «Ты здесь?»

«Да. Извини.»

Снова обновил окно.

«Твой телефон прослушивается.»

«Это лэптоп, я взял его взаймы. Телефон потерял.» Он заколебался. «Я думаю Слейт следил за мной через него.»

Обновить окно.

«Как потерял?»

«Избавился от него.»

Обновить.

«Почему?»

Он уже думал об этом. «Слейт говорил моим преследователям где я нахожусь.»

Обновить.

«И что?»

«Мне это надоело.»

Обновить.

«Не делай больше таких резких движений ОК? Все будет нормально.»

«Не хочу чтобы он знал где мы остановились.»

Обновить.

«Где вы?»

«Остановились», — закончил он вслух, затем написал: «Отель Одеон, возле метро Одеон.»

Обновить.

«Обратно следующим утром?»

«Насколько я знаю, да.»

Обновить.

«Что ищет твоя напарница?»

«Джинсы.»

Обновить.

«Забавно! Будь на связи. Удачи.»

«Пока», — сказал Милгрим, ощущая себя почти разочарованным поведением своего федерального агента. Как будь-то пообщался с равнодушной молодой мамашей.

Он закрыл страницу Твиттера и выбрал в закладках страницу, которую сохранил в прошлый раз. Фолей в модельной куртке с молнией и старомодный порнографический четырехугольник. Откуда этот снимок вообще? Он прокрутил страничку, в этот момент в его голове начала складываться какая-то картина. Он вспомнил еще одну презентацию французской девушки в Лондоне, в Сохо. Она была о фетишизации

рынков одеждой в стиле формы оперативных спецподразделений. Она ссылалась на войну во Вьетнаме, как на переломный момент, аргументируя свои предположения коллажем маленьких рекламных постеров с обложек почившех теперь уже в бозе популярных в пятидесятых мужских журналов Правда и Аргоси, бандаж от грыжи, кружки с нарисованными в них обезьянами, которые можно было заказать по почте, курсы для желающих научиться ремонтировать газонокосилки, рентгеновские очки… Эти рекламы, сказала девушка, представляют массовый бессознательный образ американского мужчины, сложившегося после второй мировой войны. Если даже не рассматривать грыжевые бандажи и их заменители (Милгриму даже показалось что Американских послевоенных мужчин постигла просто таки эпидемия грыжи), в остальном эта реклама не очень отличается даже от того, что можно было увидеть на обложках комиксов тех лет. Не смотря на то, что любой желающий тогда мог заказать себе еще одну итальянскую винтовку, в точности такую же, из какой позже был убит Кеннеди (причем дешевле пятидесяти долларов, даже включая расходы на доставку). Послевоенная валоризация вещей американскими

мужчинами сказала еще она, уравновешивалась недавними воспоминаниями о реалиях военных действий, не смотря на то, что эта война была безоговорочно победоносной. Вьетнам все изменил, сказала она, показывая новый набор коллажей. Вьетнам организовал сдвиг в психике американских мужчин. Милгрим не мог вспомнить в точности что там она подразумевала, но он знал что она связывала это с культурой, подобной той, которую генерировали вебсайты, похожие на тот, где он сейчас наблюдал фото Фолея.

Черный прямоугольник на глазах Фолея был предназначен для защиты его личности и это подразумевало его принадлежность к элитному боевому подразделению. Девушка назвала это специализированным маркетинговым приемом.

Он еще раз посмотрел на фото Фолея. Тот не выглядел сколько-нибудь устрашающим. После десяти лет жизни на улице Милгрим точно знал несколько очень страшных вещей. Мужчина со стрижкой в закрытом ресторане на окраине Конвея был человеком, которого следовало опасаться. То, что он излучал, не имело какого-то точного названия, это было очень трудно скрыть и невозможно подделать. Впервые он увидел таких людей среди молодых Албанцев, торгую-

щих героином в Нью-Йорке. Это мог быть и их прошлый военный опыт и что-то другое. Фолея, как он начал подозревать, следовало опасаться скорее из-за подлости, нежели из-за силы. Он предположил это после изучения формы его губ под черным прямоугольником. Хотя ему уже доводилось встречаться с личностями, в которых и подлость и сила вполне себе уживались, и вот от таких то следовало держаться как можно дальше.

Он прокрутил сайт обратно. Бигенду наверное было бы это интересно, хотя возможно его команда уже находили и показывали ему это. Это была одна из тех вещей, которые он искал, когда не указывают не название товара, ни цены. Адрес сайта содержал буквы и цифры. Не как у нормального сайта, а скорее как у какой-то подделки. Страницы «О нас» и «Заказ» совершенно пустые.

Снаружи раздались глубокие пульсирующие звуки выхлопа. Он поднял взгляд и увидел медленно проезжающий черный мотоцикл. Желтый шлем водителя посмотрел на Милгрима темным под козырьком пластиком затем вновь повернулся вперед, уезжая за пределы видимости. На мгновение Милгрим увидел на задней поверхности шлема две широкие, белые диагональные

царапины на желтом гелеобразном покрытии.

Одна из тех деталей, умение подмечать которые так нравилось Бигенду в Милгриме.

Глава 29

Дрожь

— Слейт, — Бигенд произнес это имя так, будь-то оно его очень утомило, — спрашивает о Милгриме. Он с тобой?

— Нет, — ответила Холлис, растянувшаяся после душа на кровати, частично завернувшись в не слишком большие, белые отельные полотенца. — Разве он не в Нью Йорке? Я имею в виду Слейта.

— Он в Торонто, — сказал Бигенд. — Наблюдает за Милгримом.

— Наблюдает? — Она посмотрела на Айфон. На звонки Бигенда она еще не установила изображение. Может быть подойдет пустой прямоугольник цвета Синий Кляйна?

— Изначально, за Милгримом необходимо было постоянно присматривать. В основном этим занимался Слейт.

— А за мной он тоже присматривает? — Она посмотрела на голубую фигурку муравья.

— Мне попросить его об этом?

— Нет. Это послужит причиной расторжения сделки. Нашей с тобой.

— Я это понимаю конечно же. Где ты купила свой телефон?

— В магазине Эппл. В Сохо. В Сохо, в Нью Йорке. А что?

— Давай я дам тебе другой.

— Почему тебя заботит где я купила свой телефон?

— Я хочу быть уверен что ты купила его сама.

— Последний телефон, который ты мне давал Хьюберт, прослушивался и позволял наблюдать за моими передвижениями.

— Я же не собираюсь снова сделать это.

— Забудем о телефоне.

— Не понимаю.

Она легонько щелкнула фигурку муравья и та принялась раскачиваться на своем круглом основании.

— Ты же знаешь, я забочусь о целостности коммуникаций, — сказал он.

— Я не знаю где сейчас Милгрим, — ответила она. — Это все что ты хотел у меня спросить?

— Слейт полагает что он все еще в Париже. Возможно ударился в бега. Ты как считаешь?

— Его не так то просто понять. По меньшей мере для меня.

— Он меняется, — сказал Бигенд. — Интересно наблюдать кого-нибудь в такой ситуации. Он все больше превращается в живого, нормального человека.

— Может быть на этом этапе превращений он уже не хочет чтобы Слейт знал о его местонахождении.

— Если увидишь его, — сказал Бигенд, — попроси его пожалуйста позвонить мне.

— Хорошо, — ответила она, — до свидания.

— До свидания Холлис.

Она взяла в руку фигурку. Навскидку та весила столько же, сколько и раньше, то есть почти ничего не весила. Похоже внутри она была полой, хотя швов и склеек видно не было. Посмотреть что там внутри не было никакой возможности.

Она села на кровати, по прежнему завернутая в слегка влажные полотенца, и в этот момент ее телефон зазвонил снова. На экране было черно-белое фото Хайди. — Хайди?

— Я в спортзале. В Хакни.

— И?

— Один мой спарринг партнер здесь сказал что знает твоего парня.

Золотые загогулины из какой-то искусственной хрени, расписанные китайской каллиграфией замерцали, отслоились от стены и поплыли по направлению к ней. Она моргнула. — Знает?

— Ты никогда не говорила мне его фамилию.

— Нет, — ответила Холлис.

— Начинается с Вэ, а кончается на эс?

— Да.

Нехарактерная пауза. Хайди никогда не думает о том, что ей говорить дальше. — Ты когда последний раз с ним разговаривала?

— Как раз перед выходом Британского издания моей книги. А что?

— Когда ты вернешься?

— Завтра. О чем вообще речь?

— Надеюсь Аджей и я говорим об одном и том же человеке.

— Аджей?

— Он индус. Английский. Я разузнаю все, что смогу, а потом мы побеседуем с тобой. — Она отключилась.

Холлис вытерла глаза уголком одного из полотенец, возвращая золоченые бляшки на место на кроваво-красных обоях и задрожала.

Глава 30

Наведение на цель

Милгрим покинул магазин, в котором подают белый чай. Теперь он шел, как ему представлялось, по направлению к Сене. По улице, которая была практически перпендикулярна той, где он пил чай. Ему было интересно как в точности его отследили до этого места от Салона Дю Винтаж. Вполне вероятно что за ним просто ехали на мотоцикле.

Если желтый шлем был тот же самый, который он видел в Лондоне, то его владелец должен был быть курьером, который привез ему снимок Винни, который сделал Слейт в Миртл Бич. Его отправила Памела, сразу после его встречи с Бигендом по дороге обратно в отель. Они что знали кто такая Винни? У них у всех были снимки друг друга, а теперь они продолжают уделывать его как мальчика.

Он вышел на улицу, где похоже продавались весьма недешевые предметы африканского народного творчества. Большие, темного дерева статуи в маленький, красиво освещенных

галереях. Ощетинившиеся ногтями фетиши, демонстрирующие жуткие эмоциональные состояния.

Здесь же обнаружился крошечный магазин фотопринадлежностей. Он вошел внутрь и приобрел китайский считыватель для карт памяти у любезного иранца в позолоченных очках и аккуратном сером кардигане. Положил считыватель в сумку, вместе с лэптопом Холлис и ее же книгой. Двинулся дальше.

Сейчас он уже не чувствовал тревоги, хотя и радость, которую он испытал избавляясь от Нео, больше не возвращалась.

Главный вопрос который он пытался сейчас решить, на кого работал мотоциклист, на Слейта или на Бигенда? Если конечно он не ошибся со шлемом. Кто послал этого мотоциклиста сюда? Бигенд или Слейт? И если уж на то пошло, то в действительности ли Бигенд так уж не доверял Слейту? Насколько он знал, Бигенд еще ни разу не обманывал его, а Слейт с самого начала казался абсолютно ненадежным. Готовым в любой момент на предательство.

Он вспомнил своего врача. Если бы она была здесь, сказал он себе, она бы напомнила ему что эта ситуация, при всех ее угрозах и опасностях

была вне его. Следовательно она была безоговорочно лучше того состояния, в котором он прибыл в Базель. Тогда проблемы его были внутренними и в тот момент казались абсолютно неразрешимыми. «Не позволяй страху овладеть тобой. В такие моменты организм обрушивает на тебя потоки адреналина и кортизола, сокрушая тебя.»

Он по привычке хотел было достать Нео чтобы посмотреть время. Но естественно не обнаружил его.

Он шагал пока не обнаружил себя стоящим перед эмалированной табличкой, свидетельствующей о том, что он на Рю Жит-ле-Кур. Узкой улочкой, образовавшейся возможно еще в средние века. Сверху упало несколько дождевых капель, небо успело закрыться облаками пока он пил чай. Он поискал глазами следы желтого шлема, хотя профессионал конечно же мог запарковать мотоцикл, и оставить шлем на нем. Или скорее даже мотоциклист мог быть частью целой команды.

Затем он увидел книжный магазин похожий на лавку волшебника с развалами книг словно в фильме о безумном профессоре и завернул в него, жаждая скрыться от действительности в тексте. Но мало того, что полки были в основном

заняты комиксами, которые не способны были обеспечить сколько нибудь приемлемое количество слов в строчке, так они к тому же были еще и на французском. Некоторые, из тех что он просмотрел были французского типа, выглядели весьма литературно, но в них, как и в других герои выглядели как девушка в чайном магазине, стройными и большеглазыми. Он никак не мог уйти из книжного магазина, испытывая огромное желание закопаться в книгах. Вернуться к своим стеллажам и стойкам. Обложиться стопками изданий чтобы его никогда не смогли найти.

Наконец он вздохнул и быстро вышел наружу.

В конце Жит-ле-Кур его ждал зеленый свет на перекрестке, до отказа заполненном машинами, переходя который он вспомнил что тот называется Ке де Гранд Августин. Затем он быстро спустился по высокой, крутой каменной лестнице. Его он тоже вспомнил. Это был солнечный день много лет назад.

Это был узкий проход прямо рядом с рекой. Любого, кто спускался сюда, можно было увидеть сверху, лишь специально вытянув шею. Он посмотрел вверх, ожидая что увидит шлем, голову или головы.

Затем он услышал звук мотора на реке. По-

вернулся. Темная деревянная парусная лодка с зеленой отделкой проходила мимо. Мачта ее была наклонена, а за штурвалом стояла встревоженная женщина в шортах, желтом дождевике и солнечных очках.

Он еще раз посмотрел вверх на баллюстраду. Никого. На лестнице тоже по прежнему никого не было.

Обнаружив небольшую нишу он спрятался в ней от становившегося все более настойчивым дождя.

Из под арки, названия которой он уже не помнил появилась лодка побольше и пошире предыдущей. Похожая на прогулочную лодку для туристов, на которых любят плевать с мостов парижские дети, только эта была оборудована широким плазменным экраном, растянувшимся почти на всю длину, и наверное с дюжину футов в высоту.

На экране, пока он проплывал мимо, Милгрим увидел приятного молодого человека несколько похожего на обезьяну, с которым Холлис общалась в Салон Дю Винтаж. Ошибиться было невозможно, слишком уж характерные черты. Человек играл в составе группы на органе или пианино, его глубоко посаженные глаза были

затенены сценическим освещением. Звука не было, только тихий стук лодочного мотора. Затем изображение вдруг дернувшись свернулось и развернулось вновь, явив двух нудных Исландских близняшек-блондинок, в компании которых иногда таинственно появлялся Бигенд. Сестры Доттирс, изгибающиеся в обшитых блестками костюмах заходились в беззвучном крике на мокром от дождя экране.

Он осторожно поставил свою сумку на мощеную площадку под аркой и потянулся отдавленным плечом, наблюдая как близнецы таинственно проплывают мимо над темной водой.

Дождь закончился, но никто так и не появился. Он повесил сумку на другое плечо и вышел из под арки, направившись к мосту. Он устало поднялся по другой, но такой же длинной каменной лестнице, затем пересек забитую транспортом и пешеходами Гранд Августин и снова очутился в Латинском Квартале, стараясь придерживаться ранее пройденной дороги.

Булыжник тротуара был скользким и блестящим. На полузнакомую конфигурацию улицы быстро опускался вечер. Он стоял на перекрестке, дороги которого пересекались под каким-то случайным углом, он видел такие здесь и раньше.

В условиях совершенно определенной реальности, как говорится.

Он всегда отвергал идею использования галлюциногенов, психоделиков и делириантов. Притягательность использования наркотиков для него была в том, что они делали вещи более простыми и знакомыми.

В Базеле его весьма пристрастно расспрашивали о галлюцинациях во время синдрома внезапной отмены. Были ли они у него? Нет, отвечал он. Нет? Переспрашивали они? Точно? Точно, нет уверял их он. Тогда они пояснили ему что одним из возможных симптомов во время лечения могут быть как раз «галлюцинации в условиях совершенно определенной реальности», из-за отмены наркотика. В тот момент он задался вопросом, как это можно было бы определить, что реальность в тот момент в действительности была бы совершенно определенной. К его огромному облегчению глюки его тогда таки ни разу не посетили, но в настоящий момент пусть и на мгновение, но он вполне явственно увидел перед собой воздушно-призрачного пингвина пересекающего перекресток.

Что-то безоговорочно пингвинообразное, размером от четырех до пяти футов от кончика

клюва до волочащихся ластоногих конечностей, состоящее как будь-то из ртутной субстанции. Пингвин обернутый в жидкое зеркало, отражающее немного неоновых бликов уличных реклам. Он поплыл, двигаясь как пингвин под водой только в воздухе Латинского Квартала, чуть выше уровня окон второго этажа. Он спустился чуть ниже, к центру улицы, пересакающей ту, по которой шел Милгрим. Появился он ровнехонько в точке пересечения улиц. Он плыл грациозно вращаясь вокруг собственной продольной оси, эффектно и мощно работая своими сверкающими ластами. В этот момент улицу пересек велосипедист, двигающийся в противоположном направлении.

— Ты видел это? — Спросил Милгрим вдогонку удаляющемуся велосипедисту, но тот уже уехал и конечно же не услышал его.

Глава 31

Тайные Механизмы

После звонка Хайди она сделала все что было можно, чтобы избавиться от беспокойства. Надела чулки, платье, которое принесла, туфли и нанесла макияж. Места в ванной было не больше,

чем в какой-нибудь нише, площадь пола была меньше чем в Уэльсовском душе в ее номере в Корпусе.

Когда они только начали встречаться, она волнуясь о безопасности Гаррета мудро высказалась что кое-что лучше не начинать, чтобы оно потом не закончилось. Его призванием были очень опасные трюки. Когда ему перестало хватать скромных доходов отставного, некогда популярного музыканта, он нашел этого старика, который был похож на поздние портреты Сэмюэля Беккета, с такой же поразительной жестокостью в глазах, граничащей с безумием.

Старикан этот как будь-то бы когда-то был кем-то, о ком предпочитали помалкивать американские разведки. А теперь, для Гаррета он являлся продюсером и директором в одном лице, в непрекращающемся производстве секретных фрагментов каких-то актерских представлений.

Ей было милостиво дозволено предположить что финансировалось все это безобразие отставными деятелями все тех же пресловутых американских разведок. Некие старикашки-затворники, очевидно сплоченные общей неприязнью к определенным политикам и наклонностям правительства. После Ванкувера она его больше

никогда не видела, но все время, пока она была с Гарретом, она ощущала его незримое, фоновое присутствие, как радио, играющее в пустой соседней комнате. Его голос чаще других раздавался в недолговечных телефонах Гаррета.

Насколько Холлис догадывалась, ее появление было крайне нежелательно для старика, но Гаррета, который обладал уникальным набором разных навыков было просто невозможно кем-то заменить. Мужчина, для которого полет с небоскреба в нейлоновом костюме с вшитой между ног аэродинамической мембраной, и крыльями, вшитыми между рукавами и боками. Мужчина белка-летяга, на фоне смертельно-неумолимо вздымающихся в небеса конструкций из стекла и стали.

Все это было страшно не в духе Холлис, как тогда справедливо подметила Хайди. Совсем не в ее вкусе. Спортсмены, солдаты, больше никогда ничего такого. С этого момента она предпочитает мужчин, занимающихся искусством, любого вида, пусть даже это будут хитромудрые гибриды, бизнесмены, занимающиеся искусством, требующие к себе внимания не меньше, чем модные породистые кобели. Она и так это знала, и успела уже несколько раз убедиться в этом на собствен-

ном печальном опыте.

Больше никаких сумашедших бэйс-джамперов из Бристоля, которые одевают водолазки не задумывась о возможных последствиях и знают наизусть малопопулярные поэмы Дилана Томаса и цитируют их. Это потому, сказал он, что он не умеет петь. И все это время он же наносит каракули граффити на тайные механизмы истории. Гаррет. Которого как она только что поняла в спускающемся вниз бронзовом нутре лифта она по-настоящему любила. Она успела еще раз переосмыслить все это до того как лифт с плавным толчком остановился в лобби отеля Одеон.

Поверх платья она одела свой Хаундс, в надежде что в темноте куртка сойдет за какой-нибудь болеро. Интересно, сколько сезонов вот такой вот дорожно-гостиничной жизни прошло до того момента когда она начала понимать этакие вот несоответствия. Она предполагала что об этом мог бы беспокоиться Бигенд, с его разговорами о стареющей богеме.

Кивнула мужчине, читающему роман за стойкой регистрации и подняла воротник куртки, распространив и оставив за собой в лобби отеля слабый шлейф из пахнущего джунглями индиго.

Снаружи промытый дождем воздух и свер-

кающие тротуары. Айфон показал время 7:50. Джордж или может быть Меридит, кто-то из них сказал что ресторан Лез Эдитюр видно через улицу, правда не через эту, а через следующую, которая под углом.

Она пошла направо мимо слегка причудливой аптеки, затем еще раз повернула направо, чтобы не прийти слишком рано. Эта весьма узкая улочка, проходила за отелем под острым углом. На ней расположились букинистический магазин английской литературы, коктэйль-бар, серьезный на вид суши ресторан, переплетная мастерская и местечко с оборудованием как будь-то для китайской рефлексотерапии. Садистского вида массажные устройства, инструкции, манекены и модели разных частей тела промаркированные меридианами и точками. К примеру здесь было огромное китайское ухо, идентичное тому, что она видела в номере Хайди в Корпусе. Она точно знала что уже видела такое раньше.

Она развернулась и вернулась обратно, к маленькому окошечку переплетной мастерской. Попыталась догадаться кем могут быть ее клиенты. Кто согласится заплатить такие деньги за переоблицовку старых книг? Зачем древним мыслям хоть и стандартный, но высококласный

фасад? Она подумала что Бигенд наверное мог бы, хотя о его библиофильских препочтениях она могла только гадать. Она еще не видела ни одной книги ни в одном из Бигендовских мест. Он скоре был дитя экранов и пустых поверхностей стоек и столешниц. Насколько она знала, он даже не коллекционировал предметы искусства. Наверное он считал что они конкурируют со всем прочим за обладание его сознанием, зашумляя поступающие из окружающей среды сигналы.

Одна из книг в окошке была оформлена как веер, или даже как кусок пирога с золотым тиснением из телячьей кожи цвета слоновой кости с аккуратно откушенным концом.

Улица была пуста совершенно. Холлис беззвучно помолилась за Гаррета. Не понимая даже кому. Ненадежной вселенной. Или тем механизмам, на которых он оставлял свои записи. Пожалуйста.

Книга-веер самодовольно взирала на нее своей безупречностью. В ее содержание возможно никто не заглядывал уже пару столетий.

Она повернулась и пошла в сторону улицы Одеон. Пересекла ее и продолжила движение по направлению к ресторану.

Остаточное чутье бывшей знаменитости подсказало ей что возле ресторана могут быть

папараци. Она моргнула, продолжая шагать. Да, точно, она обнаружила их. Она умела читать эти нервозно-небрежные жесты языка тела, которые вроде бы должны были означать безмятежное безразличие. Это своего рода гневное раздражение, порожденное скукой долгого ожидания. Нетронутые напитки из самых дешевых, на красных скатертях. Телефон возле уха. Некоторые в темных очках. Они смотрели как она приближается.

Инстинктивно, она ждала когда первый поднимет камеру. Звук механизированного хранилища изображений стимулировал напряжение мышц ее тазового дна. Собравшись либо спасаться бегством, либо выглядеть наилучшим образом.

Никто пока не снимал ее. Хотя все они продолжали наблюдать за ее приближением. Она не была целью их ожидания. Больше не была, последние несколько лет. Они возбудила их временный интерес лишь своим внезапным здесь появлением. Почему?

Интерьер внутри Лес Эдитюр напоминал ар-деко, но без хрома и искусственного оникса. Красная кожа в цвет лака для ногтей пятидесятых годов. Черно-белые портреты в рамках, с французскими лицами, незнакомыми ей.

— Ему не нужно было посылать вас, — сказал Рауш, который одно время был редактором несуществующего журнала Нод, принадлежащего Бигенду, этакий фантомный дайджест цифровой культуры. — Все неплохо идет само собой.

Он смотрел на нее поверх тяжелой черной оправы своих очков, которые выглядели так, будь-то были загнуты, почти закрывая ему обзор всего, что находилось слева от него. Его черные волосы словно обтекали изгибы черепа.

— Меня никто не посылал. Что вы здесь делаете?

— Если он не отправлял вас, то почему вы здесь?

— У меня здесь ужин и встреча кое с кем. В Париже я по делам Хьюберта, но не для того чтобы встречаться с вами. Ваш ход.

Рауш приложил ладонь ко лбу и пропуская сквозь пальцы волосы, которых не было провел рукой назад.

— Фридрика. Сестры Доттирс. Они собираются опубликовать новый альбом на этой неделе. Они здесь с Брамом. — Он видимо рефлекторно поморщился.

— Кто такой Брам?

— Брам из Стокерс. Этакий вампирский

типаж. — Он выглядел не на шутку смущенным. — Предполагалось что он будет с Эйдис, а он выбрал Фридрику. Штатовский журнал Пиплс рассматривает все это в пользу Фридрики, а мы придерживаемся Эйдис. Мы до сих пор не разобрались что с этим делать, но должны решить проблему до завтра.

— Не находите что тактика слегка устаревшая?

Рауш дернулся. — Бигенд сказал что это сработает. Он говорит что это двойной маневр, так что его можно считать банальной новинкой. Нет конечно не новинкой, но чем-то привычным и знакомым.

— И поэтому он все время с ними? Они клиентки Голубого Муравья?

— Он в дружбе с их отцом, — сказал Рауш, понижая голос, — это все, что я знаю.

— А кто их отец? — Ей почему-то показалось странным что у близняшек есть отец. Она думала что их механически отделили как твердую фазу некоей дисперсной системы.

— Большая шишка в Исландии. Холлис, правда не он тебя послал?

— А кто решил что вы все должны собраться здесь? — Она только что заметила серебристую прическу одной из близняшек в глубинах ресто-

рана, хотя уже и забыла которая конкретно из них была сейчас здесь. За столом с ней сидел высокий, широкоплечий молодой мужчина, один глаз закрыт тяжелой, словно не очень чистой прядью черных волос.

— Я решил. Место не слишком модное. Выглядит как будь-то они случайно встретились. Не будет отвлекать от беседы.

— Ну да, а если в дополнение к этому один из тех, с кем я ужинаю окажется шпионом Бигенда, то это просто совпадение.

Рауш теперь выглядел рассерженным, что насколько она знала, в действительности означало испуг. — Правда?

— Правда. — Рядом вдруг воспарил явно нетерпеливый мэтрдотель. — Овертон, — сказала Холлис уже ему, — столик на четверых. — Когда она повернулась обратно к Раушу, тот уже исчез. Она последовала за мужчиной через заполненный до отказа ресторан, туда, где уже сидели Джордж и Меридит.

Джордж, слегка порозовевший послал ей воздушный поцелуй. Он был в темном костюме и белой сорочке без галстука. Расстегнутый ворот открывал взгляду небольшой треугольник сверх-плотных волос на его груди, как будь-то

под рубашкой у него была одета черная футболка. Ей показалось что щетина его стала еще длиней, с момента их последней встречи. Он печально улыбнулся ей, обнажив свои крупные как домино зубы. — Извини, — сказал он, — Я понятия не имел. Просто я выбрал место где мы могли бы поговорить, не заморачиваясь сильно о еде. — Он сел обратно, как только мэтрдотель помог ей сесть, придержав кресло.

Когда метрдотель ушел, оставив ей толстую пачку меню, Меридит сказала, — Надо было ужинать в Ле Котуар, напротив. Там бы мы точно заморочились из-за еды.

— Извините, — сказал Джордж. — Еда здесь гораздо лучше. К сожалению она будет выглядеть лишь как дополнение к Браму.

— Ты его знаешь?

— Я слышал о нем. Он талантлив. Мне кажется ему просто не очень везет.

— Работа в студии с Регом уже не представляется тебе ужасной?

— После нашего с тобой сегодня днем разговора, нет. — Он снова продемонстрировал ей свои большие зубы. Она поняла почему Меридит любит его. А теперь она видела что Меридит действительно его любит. Вокруг них присут-

ствовала эта чувственная, но спокойная аура, которая бывает у по-настоящему влюбленных пар. Неплохо было бы когда-нибудь ощутить себя частью такого чувства. — Ваш друг с Фридрикой Брэндсдоттир, — сказала она, возвращаясь к прежней теме.

— По-видимому, — согласился Джордж.

— Вряд ли их можно считать парой в традиционном смысле, мне кажется, — сказала Меридит, глядя поверх открытого меню на столик Брама и Брэндсдоттир.

— Конечно нет, — сказал Джордж. — Он же гей.

— От этого ситуация становится еще более неловкой, — сказала Холлис открывая меню.

— Он делает то, что положено, — сказал Джордж. — Он же хочет избавиться от этого вампирского антуража. Это хитрость.

Возле стола появился Милгрим, волосы его похоже были влажными. Возле него услужливо засуетился мэтрдотель.

— Привет Милгрим, — сказала Холлис, — присаживайся.

Удостоверившись что Милгрим не явился неожиданностью для них, хотя совершенно явственно видно было что он совсем не рад его

появлению, мэтрдотель удалился. Милгрим снял с плеча сумку и опустив ее за ремень на пол рядом со своим креслом, сел в него.

— Это мой коллега Милгрим, — сказала Холлис. — Милгрим, это Меридит Овертон и Джордж. У Джорджа, как и у тебя есть только имя.

— Привет, — сказал Милгрим. — Я видел вас на одежном шоу сегодня.

— Привет, — сказал Джордж, а Меридит посмотрела на Холлис.

— Милгрим и Я, — ответила Холлис на взгляд Меридит, — оба интересуемся Габриэль Хаундс.

— Неопознанные летающие объекты, — обратился Милгрим к Джорджу. — Вы верите в них?

Глаза Джорджа под надбровной дугой сузились. — Я полагаю что то, что принято считать объектами, порой летает, и иногда бывает замеченным. И возможно совершенно неопознанным.

— Вы видели хоть один? — Милгрим наклонился вбок и вниз чтобы задвинуть свою сумку подальше под кресло. Почти касаясь скатерьти он поднял взгляд на Джорджа и добавил. — Лично?

— Нет, — ответил Джордж, стараясь быть осторожно нейтральным. — А вы?

Милгрим выпрямился и утвердительно кив-

нул.

— Давайте закажем что-нибудь, — быстро сказала Холлис, мысленно приветствуя появление их официантки.

Глава 32

Синдром отмены

Официантка уже вернулась с заказами и забрала с собой жесткий переплет меню, когда за столиком, в противоположном конце зала вдруг возник шум.

Шум голосов нарастал. Высокий, широкоплечий, одетый в черное, молодой мужчина с бледными мрачными чертами лица, внезапно встал, опрокинув свой стул. Милгрим наблюдал как он стремительно прошагал к выходу, хлопнув дверью Лез Эдитюр. Снаружи его встретила волна фотовспышек, от которых он прикрылся поднятыми вверх руками.

— Это не надолго, — сказал Джордж, который как раз намазывал маслом круглый ломтик багета. Его элегантно-волосатые руки напоминали какое-нибудь дорогущее чучело Австралийского животного. Своими большими белыми зубами

он откусил сразу половину намазанного маслом куска хлеба.

— Он терпел, сколько мог, — сказала Меридит, в очередной раз обнаружив серьезный ум в очень красивом теле. Милгриму это представилось как будь-то неумолимая машина продавливает натянувшийся шелковый шарф.

Вытянув шею Милгрим нашел одну из Доттирс за столиком, который покинул молодой человек. Ошибиться было невозможно, больше никого с такими серебристыми волосами в зале не было. После пингвина из жидкого металла, это не казалось таким уж странным. Теперь он ощущал себя как будь-то на какой-то бочке. Он увидел как она собирается уходить. Затем посмотрела на диск своих огромных золотых наручных часов.

— Я видел их, — сказал Милгрим, — сестер Доттирс. На реке. На видео.

Он повернулся к Джорджу — И вас я тоже видел там.

— Это к выходу нового альбома, — сказал Джордж. — У них выходит новый релиз. У нас нет, хотя издает нас один и тот же лэйбл.

— А кто это ушел?

— Брам, — сказала Холлис, — вокалист Стокерс.

— Никогда о таком не слышал, — сказал Милгрим, и взял с тарелки один из багетных кругляшей, чтобы занять чем-то руки.

— Вам тринадцать лет? — спросила Меридит, — похоже что нет.

— Нет, — согласился Милгрим, засовывая кусок хлеба целиком в рот. Перорально, как говорила его врач. Она как-то сказала что это большая удача что он ни разу в жизни не пытался закурить. Хлебная мякоть была упругой и эластичной. Он выдержал паузу перед тем как начать жевать. Меридит смотрела на него. Он снова обернулся туда, где стоял столик Брэндсдоттир. Там кто-то как раз помогал ей выбраться из-за стола, придерживая ее стул.

Этот кто-то оказался Раушем, внезапно осознал Милгрим чуть не выплюнув хлеб.

В отчаянии он отыскал глаза Холлис. Она чуть заметно подмигнула ему, практически не используя мимические механизмы, самому ему такие жесты никогда не удавались, и сделала глоток вина из бокала.

— Джордж музыкант в группе, Милгрим, — сказала она, и он понял что она сказала это чтобы успокоить его.

— В группе Боллардс. Рэг Инчмэйл, который

играл на гитаре в группе Хефью со мной, продюсирует их новый альбом.

Милгрим прожевал и проглотил внезапно сухой хлеб и кивнул. Глотнул воды. Кашлянул в хрустяще жесткую ткань салфетки. Какого здесь делает Рауш? Он снова оглянулся, но Рауша уже не обнаружил. Доттир уже выходила наружу, породив при этом вторую волну стробоскопически рваного сияния вспышек, заставивших светиться ее волосы. Он повернулся обратно и посмотрел на Холлис. Та едва заметно кивнула ему.

Судя по всему Джордж и Меридит не догадывались о ее и его связи с Голубым Муравьем. Он точно знал что сестры Доттирс были клиентом Голубого Муравья. Или их отец был клиентом Голубого Муравья? Милгрим его никогда не видел, знал только что это очень большой проект Бигенда. Возможно это даже было партнерство. Кое-кто, включая Рауша, считал что интересы Бигенда в отношении сестер лежат скорее в сексуальной плоскости. Хотя Милгрим, будучи время от времени в привилегированном положении оппонента Бигенда в спорах, догадывался что секс тут не при чем. Бигенд весело опекал близняшек в Лондоне, как будь-то они были парой утомительных, но астрономически дорогих собачек, на владельца

которых он хотел произвести благоприятное впечатление.

— Стокерс издаются на другом лэйбле, — пояснил Джордж, — который принадлежит тому же владельцу. Пресса надумала роман, который якобы случился между Брамом и Фридрикой, ну и ходят слухи что между Брамом и Эйдис тоже что-то есть.

— Это весьма бородатая тактика, — сказала Меридит, — когда у тебя есть два одинаковых близнеца, зачем придумывать что-то более сложное.

— Ну если основными потребителями считать как ты подметила тринадцатилетних, — сказал Джордж, — то для них это вполне новинка, равно как и для Брама.

Милгрим посмотрел на Холлис. Она выразительно вернула ему взгляд. Улыбнулась, как будь-то говоря Милгриму что сейчас не время задавать вопросы. Свою куртку Хаундс она сняла и аккуратно повесила ее на спинку своего стула. На ней было одето платье цвета обветренного непогодой угля, близкого к черному серого. Тонкий трикотаж.

Он в первый раз за вечер посмотрел на платье Меридит. Оно было черным, из тонкой, светя-

щейся ткани, с деталями, отшитыми как на старинных рабочих рубашках. Он не понимал женской одежды, но в данном случае ему показалось что он что-то распознал.

— Твое платье, — сказал он Меридит, — очень симпатичное.

— Спасибо.

— Это Габриэль Хаундс?

Брови Меридит слегка приподнялись. Она перевела взгляд с Милгрима на ХОллис, затем обратно на Милгрима.

— Да, — ответила затем, — это он.

— Приятное, — сказала Холлис. — Из последней коллекции?

— У них нет коллекций.

— Ты купила его недавно? — Холлис очень серьезно смотрела на Меридит через край своего приподнятого бокала с вином.

— Сброс прошлого месяца.

— В Мельбурне?

— В Токио.

— Еще одна дизайнерская ярмарка? — Холлис допила последний глоток вина из своего бокала и Джордж подлил ей еще. Затем Джордж вопросительно направил бутылочное горлышко в сторону Милгрима, но Милгрим перевернул свой

бокал вверх дном.

— Бар. Микро-забегаловка в Тибетском стиле. Я толком даже не поняла где это. Подвал офисного здания. Владелец спит наверху, за декоративными стропилами, которые он там соорудил, хотя это вроде как секрет. У Хаундс нет и никогда не было вещей, сшитых специально для женщин. Трикотажные юбки, которые никто так и не смог скопировать, хотя попытались практически все. Твоя куртка унисекс, хотя ты возможно об этом и не знаешь. Что сделать вот с этими эластичными лямками на плечах. — Она выглядит раздраженной, подумал Милгрим, хотя и старается контролировать себя.

— А можно спросить тебя как ты узнала что это произойдет в том баре?

Им принесли первую смену блюд и Меридит прежде чем ответить, подождала пока официантка уйдет. Когда та удалилась, Меридит выглядела уже более спокойной.

— Они не связываются со мной напрямую, — сказала она Холлис. — Мы не встречаемся и не общаемся с моим другом, которого я знаю еще с Кордвайнерс, теперь уже несколько лет. Когда-то он познакомил меня с кем-то еще. С ним я тоже не встречаюсь и не общаюсь, я даже не знаю как с

ним связаться. Так вот он вписал меня в какой-то список рассылки. В общем я обычно получаю имэйл, если должен произойти сброс. Я не знаю получаю ли я сообщения о всех сбросах, и не уверена можно ли это вообще узнать как-нибудь. Сбросы достаточно редки. С тех пор, как я взяла с собой Клэмми, чтобы купить ему джинсы в Мельбурне, мне пришло всего два имэйла. Один про Прагу, второй про Токио. На удивление, я как раз была в Токио, точнее в Осаке. Одна.

— Что там было из вещей?

— Давайте поедим, — сказала Меридит, — а?

— Конечно, — сказала Холлис.

Милгрим ел очень вкусного лосося. Официантка позволила ему сделать заказ по меню, которое было переведено на Английский. Он еще раз огляделся в попытке обнаружить Рауша, но того нигде не было видно. Зато стала хорошо заметна миграция клиентов. Те, кто как он догадался пришел сюда исключительно из-за Брама, требовали счета и в срочном порядке покидали ресторан, оставляя еду нетронутой. Столы очень быстро убирали, и вновь серверовали. Становилось все более шумно.

— Мне не хотелось бы чтобы вы думали что я рассказывала вам об Инчмэйле в обмен на ин-

формацию о Хаундс, — сказала Холлис, — даже если бы вы не могли мне ничего рассказать, я бы поделилась с вами моим опытом.

Милгрим увидел как Джордж быстро посмотрел на Меридит, а затем сказал — Мы ценим это.

Милгриму совершенно не показалось что Меридит тоже ценит это, хотя «мы» Джорджа могло относиться к его группе.

— Единственное что следует понимать в работе с Инчмэйлом это в какой точке его процесса располагаешься ты, — продолжила Холлис. — На самом деле я больше вам и ничего подсказать то не могу. Процесс никто не может изменить, можно лишь двигаться с ним, напряженно и достаточно долго работая, пока он не завершится. В этот момент все записи будут сделаны.

Для Милгрима все, сказанное Холлис было пустым звуком, он наслаждался своим лососем, в каком-то легком охлажденном соусе.

— Прошу прощения, — сказала Меридит, — но ты собиралась сказать на кого ты работаешь сейчас.

— Мне всегда трудно разбираться с подобного рода проблемами, — сказала Холлис, — поэтому я пожалуй начну рассказ со своей книги. Она о локативном искусстве.

— Никогда о таком не слышала, — сказала Меридит.

— Обычно это теперь называют наложенной реальностью, — ответила Холлис, — но это искусство. Айфоны еще не заполонили весь мир, а оно уже было вокруг нас. Тогда я и написала эту книгу. Если бы я собиралась вам врать, дальше я бы сказала что теперь я пишу новую книгу, об загадочной джинсовой одежде или безумных маркетинговых стратегиях, но я не собиралась врать. Я работаю на Хьюберта Бигенда.

Последний кусочек лосося застрял в горле у Милгрима. Он выпил воды и откашлялся в свою салфетку.

— Вы подавились? — спросил Джордж, который выглядел так, будь-то действительно собирался выполнить процедуру Хеймлича, чтобы спасти Милгрима от удушья.

— Нет спасибо, — сказал Милгрим.

— Голубой Муравей? — спросила Меридит.

— Нет, — ответила Холлис. — Мы фрилансеры. Лично Бигенд хочет знать кто создал Габриэль Хаундс.

— Но зачем? — Меридит положила свою вилку.

— Возможно потому, что он думает, что кто-то обыгрывает его в им же затеянной игре. Или ему

так кажется. Вы знаете его?

— Только по его репутации, — ответила Меридит.

— Голубой Муравей занимается рекламой вашей группы? — Это Милгрим спросил Джорджа, глотнув воды.

— Насколько я знаю, нет, — ответил Джордж. — Просто этот мир стал слишком маленьким.

— Я не сотрудник Голубого Муравья, — сказала Холлис. — Бигенд нанял меня чтобы навести справки о Габриэль Хаундс. Он хочет узнать кто разрабатывает изделия для марки, и как вообще работает эта антимаркетинговая схема. Я готова этим заниматься сколько угодно, но я не готова врать вам об этом.

— А вы? — Меридит обратилась к Милгриму.

— У меня нет бэйджа, — ответил тот.

— Что? Что это значит?

— Бэйдж, который ключ. Чтобы открывать дверь офиса, — сказал Милгрим. — Все сотрудники Голубого Муравья носят такой бэйдж. А мне не платят жалованье.

Официант убрал тарелки после первой перемены блюд и принес новые. Милгриму принесли свиную вырезку, куски которой были сложены в тучную шахматную фигуру, свиную ладью. Как

только он начал ее есть, она тут же развалилась.

— Насколько Бигенд заболел идеей вникнуть во все это? — спросила Меридит держа наготове вилку и нож.

— Ну для начала он хочет узнать все, — сказала Холлис, — он хочет этого постоянно. Прямо сейчас он хочет этого со страшной силой. А через месяц? Через месяц может быть уже слегка поостынет.

— У него должна быть чертова прорва ресурсов, чтобы добывать информацию, — Меридит ткнула вилкой говяжий медальон.

— И он очень этим гордится, — ответила Холлис.

— Я уже говорила что думаю что большая часть обуви из моей последней коллекции лежит на складе в Сиэттле или может быть в Такома.

— И?

— Я не знаю точно где. И не могу найти. Юристы сказали что у них есть очень убедительные доказательства моих прав собственности, если только мы сможем найти этот склад. Я абсолютно уверена что коллекция не распродана, иначе хотя бы несколько пар уже засветились на иБэй. Ничего подобного не происходит. Может Бигенд найти мою колекцию для меня?

— Я не знаю, — сказала Холлис. — Хотя, если не

сможет он, я не знаю кто сможет.

— Я не знаю что смогу разузнать для вас, — сказала Меридит, — но думаю что кое-что смогу. Так что предлагаю обмен. Только так.

Милгрим перевел взгляд с Меридит на Холлис и обратно.

— Я не могу заключить с вами такую сделку сама, — сказала Холлис, — но я конечно же передам ваше предложение ему.

все это показалось Милгриму завершением какой-нибудь тайной сделки наркоторговцев. Такой, в которой одна из сторон знает кого-то у кого якобы есть фургон Форд Аэростар, битком набитый химикатами-прекурсорами, а другая сторона мечтает о чем-то похожем на высокопроизводительный станок по производству таблеток.

— Передайте пожалуйста, — сказала Меридит, улыбнулась, и первый раз за вечер сделала глоток вина из бокала.

>>

— Неплохо получилось, — сказал Милгрим Холлис, после того, как они пожелали доброй ночи Джорджу и Меридит на выходе из ресторана. — Момент, чтобы сказать им о Бигенде ты выбрала идеально.

— Можно подумать у меня был какой-то выбор?

Что еще я могла им сказать? И так уже получилось что я не очень то искренна с ними. Отель в той стороне.

— Мне вот никогда так не удается выбирать правильные моменты, — сказал Милгрим, и вспомнив о пингвине, посмотрел вверх.

— А с чего это ты вдруг чуть было не завел разговор об НЛО, когда только пришел в ресторан?

— Не знаю, — ответил Милгрим. — Я кое-что видел. Это был очень длинный день. У меня твой компьютер. Можно я оставлю его себе еще на ночь? Мне нужно кое-что проверить.

— Как хочешь, — сказала Холлис. — Я вожу его с собой из-за книги, которую все никак не соберусь начать писать. У меня есть Айфон. Что же ты такое увидел сегодня?

— Это выглядело как пингвин.

Холлис остановилась. — Пингвин? Где?

— На улице. Там. — он показал где.

— На улице?

— Он летел.

— Они не умеют летать Милгрим.

— Ну хорошо, он плыл. По воздуху. Примерно на уровне окон второго этажа. Греб плавниками и вращался вокруг себя. Хотя он скорее был похож на ртутную массу, принявшую пингвинообраз-

ный вид. Он отражал свет. Искажал его. Может быть это была галлюцинация.

— Ты что-то принял?

— Эс-О, — произнес аббревиатуру Милгрим.

— Эсо?

— Синдром отмены. — Он пожал плечами и снова пошел в сторону отеля. Холлис пошла вслед за ним. — Они предупреждали меня об этом.

— Кто они?

— Врачи. В клинике. В Базеле.

— А что насчет этого мужчины в Салоне? Ну который «в брюках»? Которого как тебе казалось ты видел в Селфриджес? Он действительно следил за тобой?

— Ага. Слейт говорил ему где меня искать.

— Зачем?

— Я не знаю.

— Как это?

— Я подсунул Нео в чужие вещи. Теперь он следует за ними. — Милгриму вдруг ощутил что между верхних задних коренных зубов у него застрял кусочек груши, и хотя вкус у него был вполне ничего, но захотелось почистить зубы.

— Да уж, денек выдался долгим, — это Холлис сказала когда они добрались до отеля. — Я поговорю с Хьюбертом. Он хочет чтобы ты тоже

позвонил ему. Слейт подумал что ты сбежал.

— Я примерно так себя и чувствую. — Он придержал перед ней дверь.

— Спасибо, — сказала она.

— Мсье Милгрим? — Спросил мужчина, за стойкой, отдаленно напоминающей кафедру.

— Комната господина Милгрима оплачена моей картой, — сказала Холлис.

— Да, — ответил клерк, — но ему следует зарегистрироваться. — Он принес отпечатанную на белом листе бумаги регистрационную форму и ручку. — Можно ваш паспорт?

Милгрим извлек свой конверт Фарадея, и достал из него паспорт.

— Я позвоню тебе утром, позавтракаем и на поезд, — сказала Холлис. — Спокойной ночи. — И ушла, скрывшись за углом.

— Я сделаю копию паспорта, — сказал портье, — и верну его вам, когда вы закончите в лобби. — Он кивнул в направлении справа от Милгрима.

— В лобби?

— Там вас ожидает юная леди.

— Юная леди?

Но портье уже скрылся за узкой дверью за стойкой.

В крошечном лобби свет был выключен. Складные деревянные панели частично экранировали лобби от пространства, где была стойка портье. Свет уличных фонарей отражался от посуды, приготовленной для завтрака. И от желтой поверхности шлема, лежащего на низком овале стеклянного кофейного столика. Аккуратная фигурка, упакованная в шелестящие, водоотталкивающие мембраны и мотоциклетную броню, поднялась ему навстречу.

— Я Фиона, — произнесла она строго. Тонкие линии подбородка над жесткими пряжками воротника. Она протянула ему руку. Милгрим автоматически пожал ее. Она была маленькой, теплой, сильной и мозолистой.

— Милгрим.

— Я знаю. — Произношение не было Британским.

— Вы американка?

— Технически. Вы тоже. Вы оба работаем на Бигенда.

— Он сказал Холлис что не присылал никого.

— Голубой Муравей никого не посылал. Я работаю на Бигенда лично. Так же как вы.

— Как я узнаю что вы действительно работаете на Бигенда?

Она постучала пальцами по экрану телефона, так же как делала это Холлис, и передала трубку ему.

— Привет? — услышал он голос Бигенда. — Милгрим?

— Да?

— Как дела?

— День был очень долгим.

— Считай что часть проблем возьмет на себя Фиона после того, как мы закончим говорить. Она работает на меня.

— Вы знали что Слейт следил за мной с помощью Нео?

— Это было частью его обязанностей. Он позвонил из Торонто, и сказал что ты уехал из Парижа.

— Я подложил телефон в чужие вещи.

— Слейт не прав, — сказал Бигенд.

— Насчет того, что телефон уехал из Парижа он прав.

— Я не это имел в виду. Он не прав в общем.

— А? Ладно, — сказал Милгрим. — А кто прав тогда?

— Памела, — сказал Бигенд. — Фиона, с которой ты только что познакомился. Мы будем действовать сообща, пока проблемная ситуация не

разрешится.

— А Холлис?

— Холлис вообще не в курсе происходящего.

— А я?

Пауза в ответ. — Интересный вопрос, — ответил через некоторое время Бигенд. — А ты как думаешь?

— Мне не нравится Слейт. Не нравится человек, который следил за мной.

— Ты все делал правильно. Несколько более проактивно, чем я просил, но это было очень интересно.

— Я видел пингвина. Что-то похожее на пингвина. Возможно мне надо обратно в клинику.

— Это был наш летающий пингвин Фесто, — продолжил Бигенд после паузы. — Мы экспериментируем с технологией, которая могла бы стать новой платформой видеонаблюдения для городских пространств.

— Фестив?

— Фесто. Это немецкий.

— Что вообще происходит? Можете объяснить?

— Ничего сверхъестественного. Такое время от времени случается. В некоторых случаях, Голубому Муравью требуются специальные та-

ланты и способности. Но если они не способны сделать то, для чего я их нанял, то как правило они превращаются в изгоев. Это как попытка продать кому-то что-то, что у него и так уже есть. Для меня это не так уж и неожиданно. И такие взаимодействия порой оказываются крайне продуктивными. Фиона поедет в том же поезде что и ты сегодня утром. Она и вчера была в поезде с вами. Когда приедете посадишь Холлис в такси до ее Корпуса.

— Что это?

— Место, где она остановилась. Затем подожди возле стоянки такси. Фиона отвезет тебя ко мне. Сейчас кратко расскажи ей о твоих сегодняшних похождениях и иди спать.

— Хорошо, — сказал Милгрим и обнаружил что Бигенд уже отключился. Он вернул телефон Фионе, заметив что на ее левом запястье пристегнуто что-то около шести дюймов в длину, что похоже на кукольную компьютерную клавиатуру. — Что это?

— Это пульт управления пингвином, — сказала она. — Хотя теперь мы сделали его управляемым с Айфона.

Глава 33

Башня

В маленьком бронзовом лифте она достала из сумочки Айфон и набрала номер Хайди, как только открылись двери. Она слушала гудки в телефоне все время пока шла по холлу, оставляя за собой справа двери номеров, слева странные, витые средневековые стволы деревьев. Хайди взяла трубку, как раз когда Холлис не очень успешно пыталась вставить ключ в замок.

— Бля, — ответ Хайди прорвался как будь-то сквозь мощный гул мужских голосов в каком-нибудь питейном заведении.

— Немедленно расскажи мне что случилось с Гарретом. — Ей наконец удалось открыть дверь. Она увидела что все вещи лежат так же как она их и оставила. Белое полотенце на кровати, фигурка Голубого Муравья на встроенном прикроватном столике. На кроваво красных стенах по-прежнему красовались псевдо-Китайские каракули. Все это можно было бы назвать Комплект «Шанхайский Бордель Барби», в натуральную величину.

— Держись. Потому что это пиздец! Не для та-

ких как ты.

— Ты же не напилась?

— Ред Бул. Заполировала имбирным элем.

— Говори немедленно.

— И лучше не смотри это на ЁТьюбе.

— Что не смотреть на Ётьюбе?

— Международный чемпионат по бэйз джампингу на башне Бурж Халифа.

— Это отель? Который выглядит как парусник из Арабских Ночей? Что там произошло?

— Нет, как парусник это Бурж Аль Араб. Бурж Халифа это самое высокое здание в мире.

— Дерьмо…

— Видео с прыжком на Ётьюбе это не Гаррет. Это было раньше. Чувак нереально заряженный как говорят здесь. Так что когда…

— Что с Гарретом?

— Короче это парень с Ётьюба теперь обладатель мирового рекорда по прыжкам со зданий. Твой приятель решил что заберется повыше и побьет этот рекорд. Они еще даже не все окна закрыли там на самом верху. Там был такой кран…

— О Боже…

— Ну и местная служба охраны понятное дело после этого случая с парнем с Ётьюба была начеку, однако твой друг по этой части эксперт…

— Да говори же ты уже…

— Он почти добрался до верха, когда они достали его. Он поднялся до точки, где не было окон, и спрыгнул оттуда. В действительности точка прыжка была чуть ниже чем точка прыжка парня с Ётьюба…

— Хайди!

— На нем был костюм бэтмена. И он летел в этом стиле слишком долго… реально низко, возможно его заело что он прыгнул с точки, ниже рекордной, и пытался набрать очки за артистизм.

В этот момент Холлис расплакалась.

— Короче он свалился на шоссе. В четыре утра. Там же обнаружили винтажный Лотус Елан…

Холлис разрыдалась. Она обнаружила себя теперь сидящей на кровати, но никак не могла вспомнить как она на ней оказалась.

— В общем он в порядке! Эй! Он живой! Перестань там! Мой приятель сказал что видимо он крепкий орешек, потому что скорая, которая его подобрала, погрузила его прямо в воздушный госпиталь в реактивном самолете, который перебросил его в сверхсовременную травматологическую клинику в Сингапуре. Туда попадают только те, кому требуется мега-супер-пупер медицинская помощь.

— Он живой? Точно?

— Бля… Я же тебе сказала живой. Ноги переломал. Я точно знаю что шесть недель он провел в Сингапуре, а дальше все туманно. Кто-то говорит что он вернулся в Штаты оттуда, продолжать лечение. То, что не делают в Сингапуре. Военные медики. Ты вроде не говорила что он связан с военными.

— Связан. Этот его старикашка…

— Короче интрига в том, что на этом реактивном госпитале красовался какой-то местный королевский герб.

— Где он?

— Парни из тренажерного зала, они бывшие военные. Это я думаю что бывшие. Короче неясно. Но сколько бы они не выпили, они никогда не рассказывают лишнего. В определенной точке происходит остановка, как по приказу. Твоего друга они знают только по прыжкам с высоток. Они большие фанаты таких развлечений. Ну и к тому же он англичанин. Это как дикари из одного и того же племени. Не похоже что они в курсе всего того секретного дерьма, про которое ты мне намекала. Но могут быть и в курсе. Все они сраные бэтмены, только каждый по-своему.

Холлис механически вытерла лицо, выпачкав

полотенце остатками макияжа. — Ты мне скажи, он живой?

— Они сочли что он укатил на некое забавное мероприятие в Штаты, с такими же ребятами как они, из спецподразделений, привычным к таким некислым развлечениям. Хотя такие вещи их все-таки глубоко впечатляют. Потом они заказали еще выпивки, поговорили о футболе и я отправилась спать.

— Это все что тебе удалось разузнать?

— Все? Да я сделала, все что только можно, чтобы за такое короткое время узнать от них столько всего. И не могу сказать что это было абсолютно просто. К тому же не ты ли сказала мне чтобы я держалась подальше от гражданского населения?

— Извини Хайди.

— Все нормально. Если бы они предположили что я гражданская, то даже разговаривать бы со мной не стали. Такие вот дела. Ты знаешь как с ним можно связаться?

— Вроде бы.

— Теперь извиняй. Я должна идти. Они позвали меня играть в дартс. На деньги. Береги себя. Завтра вернешься? Пообедаем с тобой?

— Ты уверена что он жив?

— Я думаю что если бы это было не так, они бы знали. Он для них как звезда футбола. Они собирают все слухи о нем. Ты где кстати?

— В отеле.

— Поспи немного. До завтра.

— Пока Хайди.

Бледно-золотые иероглифические хреновины продолжали плавать в слезах.

Глава 34

Порядок вещей

Милгрим проснулся, когда какой-то большой грузовик проехал по улице завывая мотором и грохоча цепями. Или возможно это ему приснилось. Оказывается он заснул с открытым окном.

Он уселся на кровати и посмотрел на пустой экран компьютера Холлис, лежащего на мягком пуфе под подоконником. Аккумулятор сел, а зарядное устройство Холлис ему не дала. Хотя возможно остатков заряда хватит на то, чтобы проверить ответила ли Винни на сообщение, которое он ей отправил прошлой ночью. Еще он собирался послать Памеле фотографии Фолея и даже купил кабель чтобы скопировать снимки

с камеры на компьютер, но после разговора с Бигендом он уже не был уверен в безопасности почтовый системы Голубого Муравья. Он представил себе Слейта, который похоже был виноват во всем этом. Насколько все это усложнит ситуацию с точки зрения Бигенда?

Поскольку Нео у него теперь не было, а компьютер был выключен, то узнать время Милгрим не мог. Пожалуй можно было бы включить подвешенный к потолку телевизор, но он решил что сначала примет душ. Когда нужно будет выезжать Холлис позвонит ему.

Держатель лейки в душе был идиотски концептуальным, поэтому ему приходилось одной рукой чистить зубы, а во второй руке держать лейку душа, направляя воду себе на грудь. Электрическая зубная щетка звонко гудела в ограниченном пространстве кабины. Вытираясь он размышлял о том как может Бигенд относится к тому, что сейчас происходит в Голубом Муравье. Возможно он учитывает это как плановые потери, примерно как гибель подлеска в результате серьезного лесного пожара, который в данном случае полыхнул из-за превышения концентрации интеллектуальности и амбициозности в отдельно взятом месте.

Он одел на себя новые носки и белье, которые

купил в Галери Лафайет и не ношенную, но помятую рубашку из Хаккет. Он вспомнил русских, с которыми столкнулся в лифте. Фолея. Поморщился. Карточку памяти со снимками Фолея снова заправил за отворот левого носка.

Он обошел вдоль края кровать, и остановился, разглядывая Парижан, проходящих по тротуару напротив. Мужчину, с львиной гривой седеющих волос, в длинном темном плаще. Высокую девушку в очень красивых ботинках. Он поискал взглядом Фиону, ожидая увидеть ее сидящей на мотоцикле. Затем посмотрел вверх, но пингвина не обнаружил.

В доме напротив, распахнулось наружу небольшое чердачное окошко и в нем, навстречу утреннему городу показалась девичья голова с темными короткими волосами и плечи. Между губ девушки была зажата сигарета. Милгрим кивнул. Привычки требуют чтобы их удовлетворяли. Он уселся на мягкий пуф и загрузил Твиттер. Сообщений от Винни не было. И было еще всего лишь пять минут восьмого, значительно раньше, чем ему казалось.

Он упаковал свою сумку, уложив самым последним лэптоп. Что он будет делать когда вернет его? Как он будет держать связь с Винни? Он испыты-

вал странную неловкость из-за того, что Винни сообщила ему о «лесном пожаре» внутри Голубого Муравья. С другой стороны, он представил что если бы не было Винни, то его бы скорее всего раздирало любопытство, тем более что Бигенд не выглядел особо обеспокоенным. Хотя если подумать, то он вообще ни разу не видел Бигенда хоть чем-нибудь обеспокоенным. Тогда, когда большинство людей начинали беспокоиться, Бигенда пробивало любопытство, и Милгрим знал что это было странно заразительным. Но объяснить это Винни он наверное вряд ли бы смог.

Он еще раз осмотрелся в поисках забытых вещей и обнаружил один из своих носков под краем кровати. Носок он положил в сумку, затем перекинул ее ремень через плечо и вышел из номера, оставив дверь незапертой. Горничные явно были где-то рядом, хотя он и не встретил ни одной, но их металлические тележки нагруженные стопками чистых полотенец и маленькими пластиковыми бутылочками с шампунем стояли в коридоре. Затем он обнаружил лестницу, которая явно была построена вместе со зданием. Лестница, винтом уходящая вниз, пряталась за старинными, витыми, темно-коричневыми балясинами, которые вряд ли были бы действительно

старыми, если бы он был сейчас в Америке.

Он спустился вниз, глядя через окна на этажных площадках, во внутренний двор, в который еще не пришло утро. На дне двора, в сумеречной тени стояли скутеры и велосипеды.

На первом этаже, на пути к лобби, в кафе, раздавалось бряцанье посуды. Холлис нигде не было видно. Он занял столик для двоих возле окна и заказал кофе и круассан. Официантка из Туниса приняла заказ и ушла. Кофе принесли тут же, вместе с кувшинчиком горячего молока, хотя это уже была не Тунисская девушка. Он помешивал свой кофе, когда появилась Холлис. Глаза у нее были красными, а сама она выглядела уставшей. Поверх плеч она накинула свою куртку, словно короткий плащ.

Она села и он увидел скомканный бумажный носовой платок в ее руке.

— Что случилось? — спросил Милгрим, и обнаружив появление некоего субстрата страха из своего детства остановил чашку с кофе на полпути ко рту.

— Я не спала, — ответила она. — Узнала что с моим другом произошел несчастный случай. Не в очень хорошей форме. Извини.

— Твой друг? Не в очень хорошей форме? — Он

поставил чашку обратно на блюдце. Официантка принесла его круассан, масло и крошечную упаковочку с джемом.

— Кофе пожалуйста, — сказала она официантке. — Это не вчера произошло. Просто я узнала только этой ночью.

— И как она? — В этот момент у Милгрима было такое чувство, которое своему врачу он описывал как некий вид эмуляции социальности, которой он изначально не обладал. Нельзя сказать что ему было наплевать на боль, которую он видел в глазах Холлис, или на то, что произошло с ее другом, скорее это можно было представить как язык, которого он никогда не изучал.

— Он, — поправила его Холлис, в момент, когда ей принесли кофе.

— Что произошло?

— Он прыгнул с самого высокого здания в мире. — Ее глаза увеличились, как будь-то от того, что она сказала некую абсурдную вещь, а затем плотно закрылись.

— В Чикаго? — спросил Милгрим.

— Это уже несколько лет как не в Чикаго, — ответила она, одновременно открывая глаза, — теперь это в Дубае. — Она добавил сливки в кофе, и в ее движениях теперь ощущалась деловая

точность и решительность.

— И как он?

— Не знаю, — сказала она. — Его перебросили самолетом в госпиталь в Сингапуре. Что-то с ногой. Его сбил автомобиль. Я не знаю где он сейчас.

— Ты же сказала что он прыгнул с небоскреба, — сказал Милгрим, услышав в своей фразе обвинительные интонации, хотя он не пытался их в нее заложить.

— Он пикировал вниз, потом открылся парашют. Он упал на шоссе в трафик.

— Зачем? — Милгрим беспокойно дернулся в кресле, понимая что он сейчас где-то за пределами ее внимания.

— Для приземления ему нужно свободное, ровное пространство, без проводов.

— Я имел в виду зачем он прыгнул?

Она нахмурилась. Глотнула кофе. — Он сказал что это как ходьба сквозь стены. Никому это недоступно, но когда ты делаешь это, ощущение именно такое. Он сказал что стена она внутри тебя, и совершая такие вещи, ты проходишь сквозь эту стену.

— Я боюсь высоты.

— Вот так вот он говорит. Говорил. Я не видела

его давно уже.

— ОН видимо для тебя не просто приятель? — Милгрим не знал откуда это взялось в его голове, а его врач очень много чего говорила о его относительной неспособности доверять определенным видам инстинктивных ощущений.

Она посмотрела на него и согласилась. — Да.

— Ты знаешь где он?

— Нет.

— Ты знаешь как с ним связаться?

— У меня есть номер, но предполагается что я могу звонить на него только тогда, когда у меня большие проблемы.

— А это не проблемы?

— Это не то же самое что проблемы. Я несчастлива, встревожена и печальна.

— И тебе твое состояние нравится? — Милгриму показалось что он каким-то образом обратился в своего врача, только для Холлис. — Мне кажется что если ты узнаешь в каком состоянии твой друг, ты почувствуешь себя лучше.

— Ешь, — сказала Холлис довольно жестко, показав кивнув на его круассан. — Скоро подъедет такси.

— Извини, — сказал он, внезапно ощутив себя совершенно несчастным. — Это не мое дело. — Он

неумело попытался оторвать бумажную крышку крошечной упаковки с джемом.

— Это ты меня извини. Ты же просто хотел помочь мне. Это все слишком сложно. К тому же я не спала. И старалась вообще не думать о нем довольно долгое время.

— Вчера вечером, когда мы ужинали с Меридит с тобой все было в порядке, — сказал Милгрим разрывая круассан пополам и намазывая обе половинки маслом и джемом. Затем откусил от одной из половин.

— Теперь я не знаю что со всем этим делать. Я должна его найти.

— Позвони ему. Эта неопределенность не дает тебе нормально работать. И это проблема.

— Я боюсь. Боюсь что не дозвонюсь ему. Что он не захочет со мной говорить.

— Задействуй Хьюберта, — Милгрим сказал это с полным, набитым круассаном, ртом, прикрыв его рукой. — Он найдет кого-угодно.

Ее брови приподнялись.

— Это же как кроссовки Меридит, — кивнул он. — Плата за вход.

— Кроссовкам Меридит наплевать на то, что их найдет Хьюберт. Моему другу сильно не понравится, если его найдет кто-нибудь.

— А кто сказал что он узнает о том, что его кто-то нашел?

— Это ты уже у Бигенда научился?

— Этому я научился будучи наркоманом. Мне постоянно требовалось что-то, чем нельзя обладать на законных основаниях и что я не мог себе позволить. Тогда я понял что могу пользоваться чужими возможностями. То же, о чем ты подумала вчера вечером, когда договаривалась с Меридит. Ты можешь попросить Хьюберта помочь тебе найти твоего друга.

Она нахмурилась.

— Здесь вчера вечером еще кое-кто был, — сказал он. — От Хьюберта. После того, как ты ушла к себе.

— Кто?

— Фиона. Девушка на мотоцикле. В Голубом Муравье я ее не видел. Точнее я ее видел раньше. На ее мотоцикле. Видел как она что-то привезла Памеле. Но я не знал что это девушка.

— Зачем она приезжала?

— Чтобы я поговорил с Хьбертом с ее телефона. Он сказал мне что Слейт либо работает еще с кем-то, либо на кого-то. Он сказал что под подозрением кто угодно, кроме Памелы и Фионы. И тебя. Он сказал что ты об этом ничего не знаешь.

Но теперь правда ты знаешь.

— И как по твоим ощущениям он все это воспринимает?

— По-моему ему интересно. Он хотел чтобы когда мы вернемся, ты поехала на такси к себе в отель, а Фиона отвезет меня к нему.

— Она что? Не останется в Париже?

— Она уедет тем же поездом, что и мы.

— Понятно. ОН культивирует себе такие кадры. — сказала она. — Находит таких, которые выпадают из рамок повседневности, и приносят ему что-то новое. Укрощение хаоса, как говорит Гаррет.

— Кто такой Гаррет?

— Мой друг. Обожает слушать истории про Хьюберта. Я думаю Хьюберт вдохновляет его. Заставляет брать новые высоты. Двигает его жизнь и его дело так, чтобы ему постоянно приходилось перешагивать через новую грань. Даже не так, находит способ изобрести эту новую грань, которую потом можно будет преодолеть.

— Он верит в то, что его настоящий враг — это обыденность, — Милгрим был бы рад вклинить хоть сколько-нибудь пространства между собой и раздражением, которое излучала Холлис. — Стабильность ведет к деградации. Человеческая

походка основана на постоянных попытках упасть вперед. Он сказал мне, запомни «проблема возникает тогда, когда мы перестаем распознавать сигналы в потоке вещей. Вот тогда и возникает обыденность.»

— И что?

— Порядок вещей. Он как-то говорил о тайнах. В Ванкувере, где мы впервые встретились. Он обожает тайны.

— Я знаю, — сказала Холлис.

— Но не все секреты представляются информацией, которую хотят скрыть люди. Некоторые секреты — это информация, которая присутствует, но люди не могут до нее добраться.

— Присутствует где?

— Ну где-то, где-то в мире. Я спросил его, что бы такое, чего он еще не знает, он бы хотел узнать, если бы у него вдруг появилась возможность раскрыть любую тайну. И он ответил что он бы желал осознать то, чего еще ни у кого и никогда не было.

— Да?

— На следующий день течения порядка вещей. Или лучше на следующий час, или в следующую минуту.

— Но о чем это он?

— О совокупности всех рыночных потребностей. Все, обо всем, что кто-то собирается купить или продать. Акции, облигации, золото, да все, что угодно. Если я правильно его понял, такое знание существует в любой момент времени, но оно не аггрегировано. Оно всегда и постоянно существует, но оно непостижимо. Если же кому-то удастся все это объять рынок перестанет существовать.

— Почему? — Она посмотрела в окно, поверх черной тугой струны, на которой висела серая льняная занавеска. — Такси приехало.

— Потому что рынок — это и есть невозможность познания всех потребностей в любой момент времени. — Он отодвинул свое кресло назад от стола, встал и положил последний кусочек круассана в рот. Продолжая жевать он наклонился и поднял свою сумку. Проглотил, выпил остатки кофе из свой чашки. — Я верну тебе твой компьютер в поезде.

— Если он так тебе нужен, можешь оставить его себе. — Она положила какую-то мелочь на салфетку на столе.

— Но он же твой.

— Я купила его всего три месяца назад, думая что смогу начать писать новую книгу, — сказала

она поднимаясь из-за стола. — За все время, я включила его три раза. Там есть несколько писем, но их копии есть у меня на флэшке. Если мне понадобится компьютер, Голубой Муравей купит мне его. — Она направилась к стойке, где стояла ее сумка.

Милгрим пошел за ней, напрочь забыв порядке вещей, вытесненном из его головы неожиданным и приятным подарком. С тех пор, как он начал работать на Хьюберта, он получал всякие вещи, но ощущал их скорее как оборудование или рабочие инструменты. Они не становились его личными вещами. А Холлис дала ему нечто, что он до этого воспринимал как ее вещь.

А еще она подарила ему свою книгу об искусстве, вспомнил он. Он сможет почитать ее в поезде, пока они будут ехать в Лондон.

Она отдала свои ключи мужчине за стойкой и вышла к ожидающему их такси.

Глава 35

Ключ

Как только поезд выехал с Северного вокзала сквозь бетон, покрытый прожилками дождевых

разводов и каллиграфической путаницей напыленных из баллончиков граффити, она отдала Милгриму белый зарядник для Мак Эйр и еще два каких-то кабеля, в назначении которых она не была уверена. Она удалила немногочисленные сообщения электронной почты, предварительно скопировав их на флэшку, висящую на кольце вместе с ключами. Флэшка была декорирована под настоящий ключ, а купила она ее Уэст-Холливуд Стэплс, когда начала писать свою книгу.

Затем она изменила имя компьютера на «Мак Милгрима» и записала ему пароль на листке бумаги. Еще она одолжила ему USB модем, приобрести который ее уговорил Инчмэйл около месяца назад. Она не знала как удалить ее почтовую учетную запись с компьютера, но у Милгрима не было ее пароля, а разобраться с почтой она сможет и в Лондоне.

Его неподдельная, простая по детски радость от получения подарка опечалила ее. Она поняла что он уже давным давно не получал никаких подарков. Нужно было не забыть потом забрать модем у Милгрима, иначе придется платить за его Интернет.

Она наблюдала как он мгновенно погрузился в Сеть, как камень в воду. И чем бы он там ни

занимался, здесь его уже не было. Выглядел он при этом так, как выглядели люди в те времена, когда они еще не обзавелись каждый своим персональным жидкокристаллическим экраном. Он словно управлял чем-то, оценивая среднерасположенную дистанцию, которая не имела ничего общего с географией.

Она откинулась на спинку кресла, глядя на проносящуюся мимо Французскую растительность, прерываемую темным стаккато, мелькающих периодически электрических столбов. Бигенд хочет чтобы она отправилась прямо в Корпус. Это хорошо. Ей нужно было увидеть Хайди. Хайди была нужна чтобы решиться на самое сложное, позвонить по секретному номеру Гаррета. И если звонок не даст никакого результата, то она сделает как предложил Милгрим, договорится с Бигендом.

Заключать сделки с Бигендом удовольствие сомнительное. Она не могла даже представить себе что, из того, что у нее есть, может быть ему нужно, да и наплевать. Гаррет кстати тоже гарантированно не обрадуется тому, что его ищет Бигенд. Она раньше вообще никому кроме Хайди, ну и теперь вот еще Милгриму, не говорила о Гаррете. То, чем занимаются Гаррет и тот стари-

кашка, слишком экстравагантно даже с точки зрения Бигенда, насколько она понимала, ну по крайней мере ей так казалось. Пожалуй это все-таки хреновая мысль, объединить в какой-то точке пространства и времени Бигенда и Гаррета, и было бы неплохо этого избежать.

Она посмотрела на Милгрима, который был погружен в свои дела. Кем бы он не был, кажется она может доверять ему. С одной стороны он выглядит вроде бы честным и прозрачным, с другой стороны есть некая странность в полном отсутствии в нем каких бы то ни было исходных мотивов. Вроде как все они уже были использованы. Это Бигенд создал его, или должно быть считал что создал его, собрал его из груды обломков, которой он был, когда Бигенд его обнаружил. Вот что сделал Бигенд. Подумав это, она положила голову на подголовник и закрыла глаза. Она подумала что он и с ней сделал то же самое, или должен был бы сделать если бы мог.

Она заснула до того, как они въехали в тунель.

Глава 36

Уксус и оберточная бумага

Устроившись напротив Холлис, в вагоне бизнес класса, Милгрим не стал заходить открывать страницу Твиттера в ноутбуке, который он по-прежнему не считал полностью своим. Вместо этого, он щелкнул по меню закладок и выбрал ссылку на страницу, где была фотография Фолея в оливкового цвета куртке и с черным порно-прямоугольником на глазах.

Он прокрутил страницу вниз, просмотрев другие куртки, одетые на других молодых мужчин с такими же прямоугольниками на глазах, до снимка с руками в черных перчатках. Описание сообщало что «Для защиты от порезов ткань армирована кевларом. Тисненый логотип на ремешках застежек с велкро лентой. Превосходное чувство сцепления с поверхностью для задержания и удержания подозреваемых.»

Он моргнул, вспомнив как порой сам выступал в роли задерживаемого подозреваемого. Нахмурился. Перчатки скорее напоминали Фиону с ее доспехами. Он вспомнил ее бледное, как будь-то

обветренное лицо над стоящим воротником черной куртки.

Он виновато посмотрел через стол на Холлис, но обнаружил ее спящей, с припухшими от ночного бдения веками. Он попытался представить себе ее приятеля, прыгающего с самого высокого здания в мире, где там он с него прыгал.

Затем он вновь посмотрел на перчатки для задержания подозреваемых. Что за тисненый логотип красовался на их ремешках? Нигде не было написано. Вообще сайт выглядел не пойми как. Без имени. Как полузавершенный набросок. Никакой контактной информации. Как здесь оказался Фолей? Откуда Винни знала где его искать? Он как-то слышал выражение Бигенда «сайты-призраки», который остались от вымерших фирм или товаров. Они так и висели заброшенные в Сети, никто на них не заглядывал. Это один из них или этот просто не успели доделать? Этот выглядел как-то неубедительно, как будь-то сделан любителем.

Он загрузил страницу Гугля и набрал в строке поиска «Винни Танг Вайтэкер». Остановился. Потому что вспомнил как Бигенд и Слейт обсуждали историю поисковых запросов и о том, как до нее можно добраться. Он представил себе

как карманный компьютер Винни вдруг показывает ей уведомление о том, что кто-то только что загуглил ее имя. Вообще возможно такое? Если ориентироваться на то, что рассказал ему о современном Интернете Бигенд, то лучше предполагать что возможно все. Он достаточно часто разочаровывался узнав что что-то невозможно. В данном случае пожалуй лучше подстраховаться, чем потом жалеть.

Он вышел из Твиттера, даже не проверив есть ли новые сообщения от Винни. У него не было не малейшего желания встречаться с ней, ни сейчас, ни в Лондоне, когда они приедут. У него была назначена встреча с Бигендом. Он закрыл веб страничку своего почтового ящика. Посмотрел на межзвездные перспективы, которые Холлис установила в качестве фона рабочего стола. Заменил их на средней яркости простой серый фон. Он ему нравился больше.

Поезд въехал в туннель.

Красный USB модем развернул на экране окошко, информирующее его что сигнала сети больше нет.

Теперь его невозможно обнаружить каким-либо электронным способом.

Лицо Холлис расположилось теперь на одной

из сторон подголовника, лоб ее был расслаблен. Он увидел что ее Хаундс-куртка сползла на пол. Он наклонился чтобы поднять ее. Куртка оказалась значительно тяжелее, крупнее и жестче, чем он ожидал. Он застегнул ее. Осторожно свернул так, как в магазине продавцы сворачивают развернутые покупателями рубашки. Теперь она лежала на его коленях, одна из загадок, заинтриговавших Бигенда. Тайна.

Прямоугольная этикетка была сделана из куска тяжелой, жесткой, дубленой кожи, клейменая изображением какого-то четырехлапого животного с неправильной головой.

Он закрыл глаза и опустил голову на подголовник. Он мчался в огромной трубе под Английским Каналом. Наверное так его называют французы? Неизвестно. Почему такие гигантские проекты не редкость в Европе? Он вырос на беспорном предположении что вся героическая инфраструктура рождается в Америке. И что? Предположение оказалось отнюдь не беспорным. Как финансируются такие стройки? Налогами? Надо не забыть спросить об этом у Бигенда.

>>>

— Ты не знаешь куда вы едете? — спросила Холлис из такси, когда он загружал внутрь ее сумку.

— Нет, — ответил Милгрим, — Я собираюсь подождать здесь.

— У тебя есть мой номер, — сказал она. — Спасибо. Сама я бы не решилась на такое.

— Тебе спасибо, — сказал Милгрим. — И за компьютер. Я все как-то…

— Не заморачивайся, — сказала она. — Он теперь твой. Будь осторожен.

Она улыбнулась и потянув дверь на себя закрыла ее.

Он посмотрел вслед отъезжающему такси, на место которого, тут же въезало другое. Он отступил назад, предложив жестом семейной паре, стоящей позади его, проходить вперед. — Я жду кое-кого, — сказал он ни к кому не обращаясь, и оглядываясь вокруг. Фиона посигналила ему из-за черного крыла кузова такси. Он мгновенно помахал ей, и желтый шлем над грязным большим серым мотоциклом, кивнул ему в ответ.

Когда он пробрался к ней, она взяла его сумку и закрепила ее возле топливного бака эластичными шнурами, втолкнув ему в руки черный шлем.

Защитное стекло шлема было поднято. — Одевай. Я не собиралась подъезжать сюда. Садись сзади и держись. — Защитное стекло щелкнуло, когда он опустил его.

Он натащил шлем себе на голову, ощутив легкий запах чего-то. Лак для волос? Стекло было заляпано отпечатками жирных пальцев. Застегнуть ремешок шлема он не смог. Внутренняя поверхность шлема неудобно легла на его макушку.

— Обхвати меня руками, прислонись и держись!

Милгрим так и сделал.

Она нажала на сигнал опять когда они покатились вперед, Милгрим так и не понял куда он водрузил свои ноги. Он поерзал, попытаясь посмотреть вниз. Услышал как она крикнула ему что-то. Обнаружил грязные подножки. В узком поле зрения, обрамленном рамкой защитного стекла быстро промелькнул голубь.

Фиона, как очень целеустремленный и решительный ребенок, упакованный в слои баллистического нейлона и немыслимое количество защитных накладок. Милгрим инстинктивно сцепил пальцы на руках покрепче и припал к ее спине. С обоих сторон, рядом с его коленями про-

носились мимо жесткие автомобильные детали, хромированые и нет.

Он совершенно не понимал какой дорогой они отъехали от вокзала, на какой улице сейчас находились и в каком направлении могли двигаться. Запах лака для волос внутри шлема породил головную боль где-то внутри черепа. Когда она остановилась на красный сигнал светофора, он не стал снимать ноги с подножек, опасаясь что потом снова не сможет их нащупать.

Надпись на дорожном знаке гласила Пентонвиль Роад, хотя он не был уверен, едут они уже по этой улице или просто находятся недалеко от нее. Раньше ему не доводилось наблюдать дорожную обстановку позднего утра с мотоцикла. Его расстегнутая куртка энергично плескала лацканами на ветру, и он радовался что документы его лежат в конверте Фарадея. Остатки денег лежали в правом нагрудном кармане, карта памяти с фотографиями Фолея была засунута за отворот правого носка.

Мимо пролетело еще несколько дорожных знаков, надписи на которых выглядели размытыми через пластик шлема, Кингс Кросс Роад, Фаррингтон Роад. Ему показалось что аромат лака для волос теперь уже принялся разъедать его глаза,

но потереть их не было никакой возможности. Он начал часто моргать.

Затем был мост с низкими перилами, окрашенный красным и белым. Вспомнив цвета он догадался что это Блэкфрайерз. Да, там еще рядом торчали весьма церемонные железные колонны, которые когда-то держали на себе еще один мост, рядом с этим. На них виднелись следы выцветшей красной краски. Он как-то проезжал здесь со Слейтом на встречу с Бигендом в какой-то древней закусочной, где подавали этот обильный, сдобренный жирной пищей завтрак. Он спросил Слейта насчет этих колонн, но Слейта они совершенно не интересовали. Зато Бигенд рассказал ему о том, что когда-то за Блэкфрайерз стоял еще железнодорожный мост. Бигенд говорил о Лондоне так, будь-то это замысловатая антикварная игрушка, которую он купил на аукционе. Или Милгриму это просто казалось.

Съехав с моста, Фиона ловко вклинилась в череду маленьких улочек. Затем она замедлилась, еще раз повернула и они въехали на заляпанный маслянными пятнами бетон площадки, полной мотоциклов, больших и уродливых, с заклеенными липкой лентой обтекателями. Они почти остановились, когда Фиона опустила ноги на

землю и поддерживая с их помощью равновесие, аккуратно прокатила мотоцикл между другими, мимо мужчины в грязном оранжевом комбинезоне и бейсбольной кепке, одетой козырьком назад. В руке у него был блестящий торцевой гаечный ключ. Через широкий проем было видно что внутри помещения все завалено инструментами, разобранными мотоциклами и двигателями, одноразовыми стаканчиками из вспененного материала и смятыми упаковками из-под еды.

Она заглушила двигатель, откинула подножку и хлопнула Милгрима по рукам, которые он тут же убрал. Внезапная тишина сбивала с толку. Он разогнул затекшие колени, и снял шлем. — Где мы? — Он посмотрел вверх на почерневший от сажи потолок, с которого свисали разбитые стеклопластиковые обтекатели.

Она слезла с мотоцикла, перемахнув ногой, обутой в ботинок с множеством пряжек, через сиденье. Сняла исцарапанный желтый шлем и сказала, — Сазак.

— Что?

— Саузуарк. Южная часть реки. Саз-ак. — Она водрузила шлем на тележку, загроможденную инструментами и принялась распутывать элестичную сеть, которая удерживала сумку Ми-

лгрима на бензобаке.

— что это за место?

— Въезд. Уксус и оберточная бумага. Быстрый и черновой ремонт. Записываться не обязательно. Для курьеров.

Милгрим поднял шлем, понюхал его внутри и положил на сиденье, на то место, где он только что сидел. Она передала ему его сумку.

Хрустнув несколькими велкро лентами, она с громким звуком расстегнула молнию своей куртки. — Ты раньше на мотоцикле не ездил?

— Один раз, на скутере.

— Ты не в курсе насчет центра тяжести. Нужно послушать уроки для пассажиров.

— Извини, — сказал Милгрим.

— Не проблема. — Ее волосы были светло-коричневыми. В Париже, в темноте лобби отеля он не смог этого разглядеть. Из-под шлема они растрепались, и она пыталась привести их в порядок.

Человек в оранжевом комбинезоне показался у входа. — Он на мосту, — сообщил он Фионе. Акцент похоже был Ирландский, а внешний его вид Милгрим отнес к какой-то другой национальности, более темнокожей, лицо его было помятое и неподвижное. Он вынул из-за уха сигарету и

прикурил ее от прозрачной, маленькой зажигалки. Положил зажигалку в боковой карман и рассеянно вытер руки об испачканную краской оранжевую ткань. — Ты можешь подождать в комнате, — опять обратился он к Фионе, и улыбнулся, — добром, за добро. — Два его передних зуба, оправленные в золотые коронки торчали под необычным углом, как будь-то крыша крошечного крылечка. Он посмотрел на свою сигарету.

— Там есть чай Бенни?

— Я пошлю мальчика, — сказал мужчина.

— Карбюраторы не ахти, — сказала она, посмотрев на свой мотоцикл.

— А я же говорил тебе не покупать Кавасаки, да? — сказал Бенни, ожесточенно пытаясь удержать падающую сигарету, в конце-концов он отпустил ее чтобы придавить затем пропитанным маслом носком ботинка, из которого торчало металлическое армирование. — Карбюраторы дохлые. Менять дорого. Хорошие карбюраторы на GT550.

— Ты посмотришь их?

— Ну ты же не курьер, которому нужны запчасти. Починю в лучших семейных традициях, с гарантией. — Ухмыльнулся Бенни.

— Это что ли лежа в кровати и слушая радио? Халтурщик. — сказала Фиона, снимая куртку. Она оказалась вдруг неожиданно маленькой и хрупкой в серой водолазке из джерси. — Такое описание тебе больше подходит.

— Саад посмотрит твой мотоцикл, — сказал Бенни, повернулся и вышел.

— Бенни Ирландец?

— Из Дублина, — ответила она, — а его отец из Туниса.

— Ты работаешь на Хьюберта?

— Так же как и ты, — сказала она накинув тяжелую куртку себе на плечи. — Сюда.

Он пошел за ней, стараясь не наступать на обрывки промасленной ветоши, и белые стаканчики из пенного материала. Некоторые из них были наполовину заполнены чем-то, что когда-то могло быть чаем. Они прошли мимо гигантского красного ящика с инструментами, на колесах к обшарпанной двери. Она выудила из кармана брюк небольшую связку с ключами. Брюки ее, с множеством щитков, выглядели ничуть не легче, чем ее куртка.

— Ты хотел этого? — спросила она, открыв дверь.

— Хотел чего?

— Работать на Хьберта. Я не хотела. И не собиралась никогда. Это была его идея.

— Раз уж ты заговорил об этом, — сказала она через плечо, — то это была его идея.

Милгрим вошел вслед за ней в аккуратное белое помещение со стенами примерно по четыре с половиной метра в длину. Стены кирпичные, свежеокрашенные, пол бетонный, глянцево белый, и почти чистый. Маленький квадратный стол и четыре кресла, все из матовых, гнутых стальных труб и некрашеной фанеры, проще простого. Огромный светильник в форме белого параболического зонта под углом, на похожем на медицинский пьедестале, распространял мягкий свет. Милгриму показалось что он в очень маленькой галерее, в момент, когда нет никаких выставок.

— Что это? — спросил он, переведя взгляд с одной белой стены на другую.

— Один из его кубов Лас-Вегас, — сказала она. — Ты что? Не видел раньше таких?

Она подошла к светильнику и что-то сделала с ним чтобы он стал светить ярче.

— Нет.

— Он не понимает в чем кайф азартных игр, — сказала она, — обычное дело, но любит казино в

Лас-Вегасе. Ему нравится временная изоляция, которую ощущаешь там. Часов нет, окон нет, свет искусственный. Он любит находиться и думать в таких вот помещениях. Никто не придет и не прервет. И он любит быть в тайном месте.

— Он любит тайны, — согласился Милгрим. Поставил свою сумку на стол.

Вошел юноша с бритой почти налысо головой. Смуглые его руки удерживали два высоких белых стакана из пенного материала, которые он поставил на столик.

— Спасибо, — сказала Фиона. Юноша вышел, не сказав ни слова. Фиона взяла один из стаканов, и отхлебнула через дырочку в белой пластиковой крышке. — Чай строителя, — произнесла она.

Милгрим попробовал из другого стакана. Вздрогнул. Сладко и горячо.

— Я не его дочь, — сказала Фиона.

— Чья? — Милгрим моргнул.

— Бигенда. Это я предвосхищая слухи. — она сделала глоток чая.

— Мне даже в голову не приходило.

— Мама встречалась с ним. С этого все и началось. В тот момент я уже была, так что все это чушь. Я здесь всем занимаюсь, и это моя работа на него. — Она выразительно посмотрела на

Милгрима, но он не смог расшифровать смысл этого взгляда. — Чтобы с самого начала все было понятно.

Милгрим глотнул еще чаю, главным образом для того, чтобы завуалировать свою неспособность сказать что-нибудь ей в ответ. Чай был очень горячим. — Это он научил тебя гонять на мотоцикле? — спросил он.

— Нет, — ответила она, — Я уже курьером работала. Так вот с Бенни познакомилась. Я могу от Бигенда хоть сегодня уйти и найду работу за час. Ну такую же, курьером. Если ты хочешь выходной, то бросаешь все и уходишь. Но мать это с ума сведет. Она боится что все это очень опасно.

— А это опасно?

— Любой курьер работает в среднем не больше двух лет. Так она сказала Бигенду. Попросила чтобы он взял меня в Голубой Муравей. Занял меня чем-нибудь. Вместо этого, он решил обзавестись своим собственным курьером.

— Это что? Менее опасно?

— Да нет, хотя я говорю ей что менее. Она же не представляет себе сути работы. Она занята.

— Доброе утро, — произнес Бигенд, где-то позади их.

Милгрим обернулся. Бигенд был одет в свой

голубой костюм, поверх черной трикотажной рубашки, без галстука.

— Нравится? — спросил Бигенд, обращаясь к Милгриму.

— Нравится что?

— Наши Фесто, — ответил Бигенд, направляя свой указательный палец вверх.

Милгрим посмотрел вверх. Потолок, такой же белый как и стены здесь, был на добрые десять футов выше, чем на прилегающем пространстве. Прямо над ним плавали странные формы, серебрянные и черные. — Это тот пингвин? Из Парижа?

— Похожий на того, что в Париже. — ответила она.

— В чем разница?

— Это манта. Рэй. — сказал Бигенд. — Наш первый заказ от клиента. Обычно они из серебристого мэйлара.

— Зачем они? — спросил Милгрим, хотя уже слышал объяснение раньше.

— Платформы для видеонаблюдения, — сказал Бигенд. Повернулся к Фионе и спросил. — Как Париж?

— Нормально, — ответила она, — если не считать того, что он их обнаружил. Не смотря на то

что они серебрянные и дело было днем. — Она пожала плечами.

— Я думал это галюцинация, — сказал Милгрим.

— И не только ты. — сказал Бигенд. Когда мы в первый раз запустили пингвина над Кроуч Энд ночью, мы сгенерировали легкую волну звонков об НЛО. В Таймс предположили что на самом деле люди видели Венеру. Садись. — Он вытащил одно из кресел.

Милгрим сел, продолжая держать высокий и приятно теплый стакан с чаем в руках.

Когда Бигенд и Фиона тоже сели, Бигенд произнес. — Фиона передала мне то, что ты рассказал ей вчера вечером. Она говорит что ты сфотографировал мужчину, который следил за тобой, или возможно следил за Холлис. У тебя есть снимок?

— Да, — сказал Милгрим, наклоняясь чтобы извлечь флешку из носка. — Следил он за мной. Слейт говорил ему куда идти. — Он положил карту памяти на стол, открыл свою сумку, достал из нее Эйр, считыватель карт, который он купил у иранского продавца в фотомагазине и подключил последний к компьютеру.

— Слейт мог предполагать что вы с Холлис вместе, — произнес Бигенд, когда первый снимок

Фолея отобразился на экране.

— Фолей, — сказал Милгрим.

— Почему ты его так называешь?

— Потому что на нем были брюки, цвета лиственно-зеленый. Это когда я его первый раз встретил.

— Ты видела его? — Бигенд спросил Фиону.

— Да, — она кивнула. — На входе на эту ярмарку старой одежды. Он заходил и выходил. Выглядел очень занятым. Как будь-то что-то делает. Или собирается сделать.

— Один?

— Вроде один. Разговаривал сам с собой. Ну не сам с собой, а с кем-то в гарнитуру.

— Со Слейтом, — сказал Милгрим.

— Да, — согласился Бигенд. — Хорошо, будем называть его Фолей. Мы не знаем чем он занимается сейчас. У этих ребят нет доступа к сколько-нибудь серьезным документам.

— У каких ребят? — спросил Милгрим.

— Фолей, — произнес Бигенд, — знаком с парнем, который позволил тебе скопировать брюки в Южной Каролине.

— Фолей шпион? — спросил Милгрим.

— ОН скорее мнит себя шпионом… и еще дизайнером одежды, — заявил Бигенд. — Возможно он

фантазер. На что ты надеялся, когда засунул свой телефон в коляску русской мамочки?

— Я знаю что Слейт отслеживал местонахождение телефона, и сообщал Фолею, где я нахожусь. В общем Фолей должен был отправиться за русскими, вместо меня. В пригород, как они сами сказали.

Бигенд кивнул, и продолжил.

— И хотя человек мечтает быть дизайнером одежды и он фантазер, еще не значит что он не опасен. Если ты снова увидишь мистера Фолея, держись от него на расстоянии.

Настала очередь Милгрима кивать.

— Сразу сообщи мне, если вдруг снова встретишь его.

— А что Слейт?

— Слейт, — вновь заговорил Бигенд, — ведет себя так, словно ровным счетом ничего не произошло. Он по-прежнему в центре событий, насколько ему позволяет Голубой Муравей.

— Я думал он в Торонто.

— Его лучше рассматривать вне географии, — сказал Бигенд. — Где ты взял этот компьютер?

— Холлис дала его мне.

— А где она взяла его?

— Сказала что купила, когда собиралась писать

книгу.

— Мы должны показать его Войтеку.

— Кому?

— Тому, кто был до Слейта. Человек, которого я держу вне схемы, на тот случай, если произойдет нечто подобное тому, что произошло. Можно сказать что он мой резервный инженер-компьютерщик. Ты уже завтракал?

— Я съел круассан в Париже?

— Как насчет большого английского завтрака? Фиона ты с нами?

— Пожалуй. Саад чинит карбюратор.

Они посмотрели на Милгрима. Он кивнул. Затем еще раз посмотрел вверх на серебристого пингвина и черный луч, плавающих на фоне ярко белого потолка. Он попытался представить себе черный луч плавающим над левобережными районами Парижа. — На что это похоже, то что показывает эта штука?

— Это как будь-то ты внутри ее, — сказала Фиона. — Хотя если смотреть с айфона, то ощущение другое. Тот экземпляр, что в Париже, еще не обновляли, так что он не умеет транслировать в айфон.

Глава 37

Аджей

Чудовищный дух Инчмейла, фаршированное нарколепсией чучело хорька, замершее в па из кошмарного вальса, по-прежнему красовалось среди пернатой дичи, возле ворчащей механизмами шахты лифта Корпуса.

Роберт, которому она задала вопрос, сообщил что «Мисс Хайд здесь». Он похоже уже и помнить забыл что здесь творилось в момент приезда Хайди, и похоже был полон энтузиазма в ее отношении. Холлис знала что так оно и будет. Мужчины, которые не сбегали от Хайди в самом начале, затем демонстрировали ей полную преданность.

Она вошла в знакомую клетку, затащила вслед за собой сумку, закрыла ворота и нажала кнопку быстро и коротко, дабы не вводить в заблуждение механизм лифта.

Коридор и путь вверх по лестнице она прошла стараясь не смотреть на акварели. Открыла дверь своего четвертого номера, вошла и бросила сумку на кровать. Все выглядело ровно так, как

она это помнила, за исключением нескольких оберток от книг в птичьей клетке. Она открыла сумку, достала из нее фигурку Голубого Муравья и направилась к соседней двери, которая вела в комнату Хайди.

Постучалась.

— Кто там? — спросил мужской голос.

— Холлис, — сказала она.

Дверь хрустнув приоткрылась. — Пусть заходит, — услышала она голос Хайди.

Дверь открыл красивый молодой мужчина, исключительно атлетического сложения, похожий на Болливудского танцора. Его короткая стрижка выглядела как некий короткий черный водопад. Видимо для того, чтобы скомпенсировать эту его красивость, кто-то, когда-то ударил его по носу чем-то тяжелым и острым, оставив бледную вмятину в середине переносицы. Одет он был в ярко-голубой спортивный костюм, поверх которого красовалась блеклая кожанная дорожная куртка Хайди.

— Это Аджей, — сообщила Хайди, когда Холлис вошла.

— Превед, — сказал Аджей.

— Привет, — ответила Холлис. Комната теперь выглядела на удивление опрятной, практически

без единого следа «взорванного» багажа, столь присущего местам обитания Хайди. Хотя, как отметила про себя Холлис, кровать, на которой возлежала Хайди, одетая в топик с символикой тренажерного зала Голдз Джим и джинсы с рваными коленками, была весьма тщательно разобрана.

— Что случилось с твоими вещами?

— Они помогли мне все разобрать. Мы оставили только то, что мне было нужно. Они здесь очень милые.

Холлис не смогла вспомнить чтобы Хайди отзывалась подобным образом о персонале хоть какого-нибудь отеля. У нее родилось подозрение в отношении Инчмэйла, что он возможно он за некую мзду проконсультировал служащих Корпуса о том, как лучше совладать с Хайди, хотя, нельзя было не признать что здешний персонал был весьма и весьма хорош в своем деле.

— Что это за хрень у тебя? — спросила Хайди, проявив свой обычный характер, показывая на голубую фигурку.

— Маркетинговый символ Голубого Муравья. Пустой внутри. — она показала Хайди основание фигурки — И я думаю внутри может быть какой-нибудь следящий жучок.

— Что правда? — удивился Аджей.

— Правда, — сказала Холлис, передавая ему фигурку.

— Почему ты так думаешь? — он приложил фигурку к уху, затем потряс ее улыбаясь.

— Долго рассказывать.

— Единственный способ проверить, разрезать эту штуку… — Он, двигаясь как кошка переместился к окну и устроился там, пристально разглядывая основание фигурки. — Но похоже ее уже вскрывали, — сообщил он, осмотрев ее сверху. — Вот здесь надрезали, затем приклеили обратно, и отшлифовали.

— Аджей умелый парень, — сказала Хайди.

— Можно не перебивать? — попросила Холлис.

Аджей усмехнулся.

— Мы тебя ждали, — сказала Хайди, — Если бы ты не пришла, мы отправились бы спортзал. Аджей рассказал мне о твоем приятеле.

— Он абсолютно потрясающий парашютист, — Аджей произнес это торжественно, опустив фигурку муравья. — Видел его пару раз в пабах, к сожалению не знаком с ним.

— Ты знаешь где он? — спросила Холлис. — Что с ним? Я знаю только о том, что произошло, и страшно волнуюсь.

— Извини, не знаю больше ничего, — сказал Аджей. — Полагаю, если бы произошло еще что-то более плохое, до нас бы уже какие-нибудь слухи доползли. Твой парень всегда очень тщательно все готовит и продумывает. Так его фанаты говорят.

— Ты не знаешь как его можно найти?

— Он скрытная личность. Неизвестно чем он занимается, кроме прыжков. Может ты мне чего-нибудь расскажешь? — Он приподнял муравья. — У Хайди есть набор отличных инструментов для этого дела. Она склеивает своего боевого робота. Он опять усмехнулся.

— Склеивает что? — обратилась к Хайди Холлис.

— Это лечение, — ответила Хайди раздраженно. — Мой психотеапевт прописал мне.

— Что это?

— Пластиковые модельки, — сказала Хайди опуская на пол ноги с блестящими, свежеокрашенными черным лаком ногтями на пальцах.

— Твой психотерапевт прописал тебе клеить боевых роботов?

— Он японец, — сказала Хайди. — Нельзя работать психотерапевтом в Японии. Японцы в это не верят, поэтому он перебрался в Эл-Эй. Офис рядом

с офисом моего засранца в Сенчури Сити.

Аджей переместился к инкрустированному туалетному столику, на котором Холлис сейчас увидела маленькие инструменты и пластиковые детальки еще не отделенные от технологических отливов пресс-формы. Там же она обнаружила крошечные аэрозольные баллончики с краской и тонкие кисточки. Под все это были подложены толстые газетные слои.

— Сейчас сделаем, — сказал Аджей, усадив себя на низкий стульчик, держа в руке наизготовку тонкий алюминиевый стержень увенчанные наконечником небольшого равнобедренного лезвия. Холлис устроилась наблюдателем за его плечом и увидела напротив зеркала яркую коробку, на которой красовался портрет весьма воинственного робота, вроде как в Ацтекском головном уборе. Единственная надпись на английском, заглавными буквами, шрифтом без засечек гласила что он Истребитель Грудной. Все остальные надписи были на Японском.

— Почему они его так назвали? — спросила Холлис.

— Это по-ангрийски, — сообщила Хайди, пожав плечами. — Наверное они хотели написать что он Истребитель Чудовищ? А может им просто

понравилась форма букв и надписи. Это набор для начинающих. — Последнюю фразу она с осуждением адресовала Аджею. — Я попросила его принести мне набор Бандаи что-нибудь из серии Гундам, для опытных сборщиков. Это лучшие наборы фигурок для сборки. А он принес мне уебищного Истребителя Сисек из серии Гальвион. Подумал что это забавно. Не Бандаи и не Гундам, детский наборчик.

— Ну извини же, — сказал Аджей, который похоже выслушивал это уже не в первый раз.

— И ты их собираешь? — спросила Холлис.

— Это помогает мне собраться. Успокаивает меня. Фудживара сказал что некоторым людям только такое и помогает. Он сам этим пользуется.

— Он сам тоже фигурки собирает?

— Он мастер. Потрясающе владеет техникой аэрографии. Модификации на лету вносит.

— Ну что? Я вскрываю эту штуку? — Аджей пошевелил кончиком лезвия ножа.

— Да, — сказала Холлис.

— Мне жаль нас. Вдруг он наполнен сибирской язвой. — он подмигнул.

— Хайди встала с кровати и подошла поближе. — Не затупи мне нож.

— Это винил, — заметил Аджей, укладывая муравья на спину и ловко орудуя лезвием ножа. Холлис увидела как кончик лезвия сноровисто вошел в боковину круглого основания. — Да. Эта штука уже была разрезана и склеена затем. Слегка. Вот здесь. — Плоский, и тонкий, всего несколько миллиметров толщины, голубой кружочек лежал теперь на газете. — Отлично, — сказал Аджей, вглядываясь в туннели пустотелых муравьиных ног, — что здесь такое? — Он положил нож, взял длинный тонкий пинцет со скошенными наконечниками и воткнул его в одну из ног. Посмотрел на Холлис и сообщил — Смотри, сейчас я достану оттуда… кролика!

Из муравьиной ноги медленно выполз лист желтоватого, губчатого пенополистирола. Он резко помотал пинцетом и полистирол размотался до размеров примерно в пять квадратных дюймов. — Кролик, — сказал Аджей, отпуская лист. — И мой следующий фокус… — Он снова просунул пинцет в муравьиную ногу. Покрутил им и медленно и осторожно выкрутил тонкую, примерно двух дюймов длинной, прозрачную гибкую трубку, заткнутую с обоих сторон тонкими красными пробками. — Слишком профессиональная поделка для игрушки, на мой

взгляд. — В трубке находились различные цилиндрические кусочки металла и пластика, похожие на фрагмент ожерелья в стиле техно-хиппи. Он поднес трубку поближе к глазам и какое-то время рассматривал ее содержимое, затем посмотрел на Холлис, вопросительно приподняв брови.

Хайди выдала многозначительное — Хм… — затем продолжила — Бигенд оборудовал муравьишку противоугонной системой?

— Вряд ли, — сказала Холлис. — Они нас слышат? — тут же обратилась она к Аджею, внезапно испугавшись такой возможности.

— Нет, — ответил он. — Эта штука была запечатана в фигурке. Губчатая пена гарантировала что оно не будет бренчать. Жучки для прослушивания обычно так не делают. Для микрофона нужно отверстие, диаметром хотя бы с иголку. Это просто приемо-передающее устройство с батарейкой. Что ты будешь с ним делать?

— Не знаю.

— Мы можем это убрать. Заклеить основание на место. Держу пари что Хайди способна так сделать это, что ты никто и никогда не догадается что мы его открывали.

— Меня в настоящий момент значительно сильнее волнует Гаррет, — сказала Холлис.

— Мы и это обсудили, — сказала Хайди. — Ты позвонишь по номеру, который у тебя есть. И все. Если это не сработает, тогда переходим к плану Б.

— Или, — продолжил Аджей, по-прежнему изучая жучка, — ты можешь оставить эту штуку себе, но не вклеивать ее обратно в муравья. Это даст тебе некую дополнительную степень свободы.

— Что это значит?

— Если ты спрячешь жучка рядом с муравьем, но не в муравье, они будут думать что он по-прежнему внутри муравья. Так что они будут считать что где муравей, там и жучок. Это мне кажется расширяет твое пространство для маневра. — Он пожал плечами.

— Я получила его в Ванкувере, — сказала Холлис Хайди. — ХЬюберт дал его мне. Я считала что оставила его там, намеренно, но потом обнаружила его в своем багаже в Нью-Йорке. Кто-то положил мне его в сумку, перед тем, как я отправилась в Париж.

— Сделай как говорит Аджей, — сказала Хайди, взъерошивая его водопад. — Он ловкий парень. А сейчас пошли со мной.

— Куда?

— В твою комнату. Ты будешь звонить Гаррету.

А я удостоверюсь что ты это сделала.

Глава 38

Становится жарковато

Бигенд поглощал завтрак номер семь. Два жареных яйца, кровяная колбаса, два ломтика бекона, два куска хлеба и кружка чая. — Здесь самая правильная кровяная колбаса, — сообщил он. — А в других местах ее обычно пересушивают.

Милгрим и Фиона ели Тайскую лапшу. Милгрим посчитал ее весьма неожиданным сюрпризом в соседстве с завтраком, который заказал Бигенд. Фиона объяснила ему что тайцы довольно легко ассимилируют несовместимые с виду вещи, так же как когда-то итальянцы научились предлагать пасту вместе с английским завтраком, но как-то еще более убедительно что-ли.

Местечко, где они завтракали было тесным и битком набитым посетителями, с виду оно было не больше чем Бигендов Вегасский куб. Клиентура разношерстная, офисные клерки, строители и вроде как художники. Все они поглощали не то ланч, не то поздний завтрак. Кружки и тарелки совершенно разномастные, на Бигендовской

кружке с чаем красовался улыбающийся медвежонок.

— Ты думаешь Фолей не за мной следил в Париже?

— Ты вернулся в отель, — сказал Бигенд. — Я позвонил тебе и сказал что Алдо заберет тебя. У тебя в тот момент был телефон, который тебе дал Слейт, но мы не обсуждали с тобой куда ты пойдешь и с кем ты встретишься. За вашим Хайлюксом следовала Фиона. — Он кивнул в ее сторону.

— Хвоста за ними не было, — сказала Фиона.

— Но сначала я позвонил Холлис, — сказал Бигенд, — чтобы договориться с ней о том, где вы сможете встретиться. Возможно они это как-то подслушали, но поскольку твой Фолей уже был на месте вашей встречи, когда ты туда добрался, то я предполагаю что либо он пришел в Селфриджес за Холлис, либо он знал что она туда придет.

— Зачем им Холлис? Что общего между ней, Миртл Бич, и этими армейскими брюками?

— Ты, — ответил Бигенд, — и я. Возможно они видели нас всех вместе за обедом, днем раньше. У Слейта почти наверняка есть союзники в Голубом Муравье. Они могут предполагать что я собираюсь нанять Холлис в наш проект. Да

собственно говоря я ее конечно же и нанял. — Бигенд отправил большой кусок бекона в свой рот и принялся жевать.

— Нанял?

— Бигенд проглотил, выпил чаю. — Я думаю что дизайнер Габриэль Хаундс сможет поработать для нас в контракте для министерства обороны.

Милгрим посмотрел на Фиону, пытаясь разглядеть ее реакцию на упоминание торговой марки, но она ловко и невозмутимо извлекала палочками для еды, креветок из своей лапши. — Холлис расстроена, — сказал Милгрим Бигенду. — Проблема у ее мужчины.

— Да? У нее есть мужчина?

— Был, — сказал Милгрим. — Они сейчас порознь. Но она узнала что он попал в переделку.

— Что за переделку?

— Автомобильная авария, — сказал Милгрим, что формально было почти правдой.

— Надеюсь ничего серьезного, — спросил Бигенд, разламывая пополам кусок хлеба.

— Она думает иначе, — сказал Милгрим.

— Я буду присматривать за ней, — сказал Бигенд, промакивая яичный желток куском хлеба.

Милгрим посмотрел на Фиону, крайне холодный взгляд которой был теперь направлен на

Бигенда, однако затем она снова вернулась к своей лапше.

— Ты хочешь чтобы дизайнер Габриэль Хаундс разрабатывал модели для армии США?

— Если мы предполагаем что большинство моделей мужской одежды сегодня базируется на дизайне военных изделий армии США, а так оно и есть. И у армии США возникли некие проблемы в этой части, что тоже можно считать свершившимся фактом, то кто-то гениальный как раз в области рекомбинантного понимания семиотики массового рынка американской одеежды… в общем глупо было бы не воспользоваться такой возможностью. В любом случае, сейчас уже становится жарко, — сказал Бигенд.

— Что?

— Ситуация. Поток событий. Так всегда бывает, когда люди, типа Слейта решают войти в игру. И человеку в моем положении приходится жестко сконцентрироваться на этом, дабы сохранить понимание ситуации. Тактически мы несем огромные потери. В момент такого переворота можно запросто совершить рыночное убийство. — Он промокнул и вытер остатки желтка и отправил последний кусочек хлеба себе в рот, тарелка после этого выглядела перманентно

чистой.

Фиона положила палочки, выловив последнюю креветку из своей лапши. — Где я подберу господина Милгрима?

— Холидей Инн, Камден Лок, — сказал Бигенд. — Я думаю все слышали о Ковент Гарден.

— Я видел одну из сестер Доттирс в Париже, в ресторане, — сказал Милгрим, — и Рауша.

— Я знаю, — сказал Бигенд. — Ты уже говорил об этом Фионе, прошлой ночью.

— Это случайно совпало что они оказались в том же ресторане что и мы?

— Похоже что так, — сказал Бигенд, с улыбкой вытирая пальцы бумажной салфеткой. — А знаешь что они сказали?

— Что?

— Даже у закоренелых параноиков могут быть враги.

>>>

— Он поселил тебя в Холидей Инн, — сказала Фиона когда они вместе шли обратно, в мотоциклетную мастерскую. Она произнесла это после того как он спросил. В этот момент они были ниже Марш Стрит.

— Конечно это не так шикарно, — сказала

она, — там, где ты останавливался раньше, безопасность была вшита в здание, начиная с фундамента. Звезды там выдерживали серьезные репортерские осады. Камденский Холидей Инн тоже конечно не плох, но в этом плане не такой упакованный.

— Он думает что слишком много народу знает где я живу, — сказал Милгрим.

— Я не знаю что он там себе думает, — сказала Фиона, — но ты береги себя.

Я и смотрю, подумал Милгрим. Или скорее должен был бы смотреть. Патологически, как говорила врач.

— Ты собиралась рассказать мне что я должен делать чтобы быть хорошим пассажиром, — сказал он.

— Я собиралась?

— Ты сказала мне нужно урок для пассажиров.

— Ты должен сидеть ко мне как можно ближе, и держаться как можно крепче. Чтобы наша масса была как будь-то единой.

— И все?

— Да. И ты должен не отклеиваться от меня на поворотах, повторяя наклоны моего тела. Главное не переусердствовать. Это как танцы.

— Я попробую, — Милгрим кашлянул.

Глава 39

Номер

Хайди сидела на краешке Пиблокто Безумной кровати похожая на горгулью с дорогой прической. Бледные коленки торчали сквозь дыры в ее джинсах, расположив длинные бледные пальцы с окрашенными черным лаком ногтями поверх холщовой отделки. — Номер у тебя в телефоне?

— Нет, — сказала Холлис, стоя посередине комнаты и ощущая себя загнанной в ловушку. Казалось что инсектоидные обои заперли ее здесь. Все бюсты и маски в комнате и еще два живых глаза смотрели на нее в ожидании представления.

— Плохой знак, — сказала Хайди. — И где же он?

— В бумажнике.

— Ты еге не пыталась запомнить.

— Нет.

— И он для экстренных случаев.

— Я никогда не собиралась звонить по нему.

— Ты просто носила его с собой. Потому что он тебе его написал.

Холлис отвернулась и посмотрела сквозь открытую дверь пустой ванной комнаты, где свежие полотенца висели, нагреваясь на горизонтальных трубах душа, похожего на Машину Времени.

— Покажи номер, — попросила Хайди.

Холлис достала из сумочки бумажник, айфон был у нее. Маленький кусочек бумаги, который она аккуратно оторвала от низа бумаги для записок в Трибека Гранд, по прежнему был здесь, за карточкой Американ Экспресс, которая тоже была только для экстренных случаев. Она достала листок, развернула его и передала Хайди.

— Это американский телефонный код?

— Это должен быть мобильный. Он может быть где угодно.

Хайди, второй рукой выцарапала свой айфон из заднего кармана джинсов.

— Ты что делаешь?

— Записываю твой номер в свой телефон. — Закончив, она вернула клочок бумаги Холлис. — Ты уже думала о том, что скажешь?

— Нет, — ответила Холлис. — Я не могу об этом думать.

— Это хорошо, — сказала Хайди. — Давай звони. Только включи в телефоне громкую связь.

— Зачем?

— Затем что я должна слышать это. Потому что ты можешь не запомнить что ты наговоришь, а я запомню.

— Дерьмо, — сказала Холлис усаживаясь на кровать, рядом с ногами Хайди и включая динамик в телефоне.

— Никакого дерьма, — согласилась Хайди. — Звони давай.

Холлис решительно набрала номер.

— Укажи его имя, — сказала Хайди. — И добавь в свой справочник.

Холлис сделала.

— Добавь код для быстрого набора, — сказала Хайди.

— Я никогда такого не делала.

Хайди фыркнула. — Звони.

Холлис нажала набор. Почти сразу, комната заполнилась непривычными громкими звуками телефонного вызова. Подряд пять звонков.

— Его нет, — сказала Холлис, глядя на Хайди.

— Пусть звонит.

После десятого звонка раздался короткий, неописуемый цифровой звук. Как будь-то возможно очень старая женщина демонстративно яростно заговорила на каком-то восточном языке.

Она вроде как сообщила какие-то три фирменные фразы, затем наступила тишина, затем раздался звук, который свидетельствовал о том, что началась запись сообщения.

— Алло? — Холлис поморщилась. — Алло! Это Холлис Генри, я звоню Гаррету. — Она сглотила, почти кашлянув. — Я слышала о несчастном случае. Мне очень жаль и я волнуюсь. Позвони мне пожалуйста? Я надеюсь ты получишь это сообщение. Я в Лондоне. — Она произнесла свой номер телефона. — Я… — В этот момент вновь раздался звук, сообщающий о том, что запись окончена.

— Отбой, — сказала Хайди.

Холлис выключила телефон.

— Все было правильно, — сказала Хайди, легонько хлопнув Холлис по плечу.

— Чувствую себя так, как будь-то меня сейчас стошнит, — сказала Холлис. — ЧТо если он не позвонит?

— А что если позвонит?

— Да уж, — ответила Холлис.

— В любом случае мы подтолкнули ситуацию. Так что ему придется.

— Не уверена.

— Если бы ты точно чувствовала что он не собирается тебе звонить, ты бы сейчас здесь этим

не занималась. Не нужно было бы.

Холлис вздохнула задрожав и посмотрела на телефон в своей руке, который теперь казалось жил своей собственной жизнью.

— У еще не уделала Аджея, — сказала Хайди.

— Я поняла, — ответила Холлис.

— Что бы я не делала, как бы не старалась, не могу его достать. — Она вздохнула. — Лучший мой спарринг партнер. Таких у меня никогда не было. Ты не представляешь себе как эти сквадди смешивают разные стили.

— Кто такие сквадди?

— Я не знаю. — Хайди ухмыльнулась. — Наверное это должно означать обычных рядовых солдат, но видимо это шутка, потому что они не служат в армии.

— Где ты его нашла?

— В тренажерном зале. Хакни. Этот твой мальчик, из-за стойки внизу, Роберт, нашел его для меня. Он симпатичный. Я туда на такси приехала. Они надо мной посмеялись. Туда не пускают женщин. Пришлось надрать Аджаю задницу. Это было непросто. Я его выбрала потому что он был самый маленький из всех.

— Чем они занимаются?

— Чем-то военным. Слушая их разговоры

невозможно понять бывшие они или все еще на службе. Что-то около вышибал и телохранителей, по совместительству, между заданиями. Хрен их разберет.

Холлис продолжала смотреть на айфон.

— Как ты думаешь это была кореянка? В его автоответчике?

— Я не знаю, — сказала Холлис. В этот момент телефон зазвонил.

— Твой выход, — сказала Хайди и подмигнула.

— Алло?

— С возвращением. — голос Бигенда заполнил всю комнату. — Я сейчас еду в офис. Не могли бы вы ко мне присоединиться там? Нам нужно поговорить.

Холлис посмотрела на Хайди сквозь появившиеся внезапно слезы, затем снова на телефон.

— Эй? — сказал Бигенд. — Вы здесь?

Глава 40

Загадка роторов

Из его нового номера был виден канал. Раньше, он лишь смутно предполагал что в Лондоне есть каналы. Лондонские каналы не были похожи

на Амстердамские или Венецианские, но они здесь были. По-видимому это была территория, которую можно считать внутренним двором. Магазинов и домов здесь не было. Это было похоже на систему водных аллей, изначально предназначенных для тяжелого транспорта. Теперь, если судить по виду из окна, пространства каналов были перепрофилированы в гражданские и туристические. Инфраструктура для лодочных прогулок, с дорожками для бега и езды на велосипеде. Он вспомнил лодку, которую видел на Сене, с ее видео экраном, сестрами Доттирс, и группой Боллардс, в которой играет Джордж. Лодки, которые он увидел здесь, чуть раньше, были значительно меньше.

В номере раздался телефонный звонок. Он вышел из ванной чтобы взять трубку. — Алло?

— Я Войтек, — сообщил мужской голос, с акцентом, который позволил Милгриму предположить что у него появился шанс попрактиковать русскую речь.

— Русский? Нет я не русский. А вы?

— Милгрим.

— Вы американец.

— Я знаю, — ответил Милгрим.

— Мой магазин, — сказал Войтек, чье имя Мил-

грим теперь вспомнил, упоминалось на позднем завтраке в Саузуарке, — на рынке, возле вашего отеля. Цокольный этаж, там были старые конюшни. Приносите с собой свой компьютер.

— Как называется магазин?

— Биро Шэк.

— Биро Шэк? Как авторучка?

— Биро Шэк и сын. До встречи.

— До встречи. — Милгрим положил трубку на телефон.

Он сел за стол и зашел на страницу Твиттера со своим паролем.

— Не пропадай, — это написала Винни часом раньше.

— Камден Таун Холидей Инн, — написал он, затем добавил номер своей комнаты и телефона в ней. Обновил страницу. Ничего нового.

Зазвонил телефон.

— Алло.

— С возвращением, — сказала Винни. — Я иду к тебе.

— А я как раз ухожу, — сказал Милгрим. — Это работа. Я не знаю когда вернусь.

— Как насчет вечера?

— Пока ничего не планировал.

— Оставь там для меня окошко.

— Попробую.

— Я не очень далеко и направляюсь сейчас в твою сторону.

— Пока, — сказал Милгрим в трубку, хотя там уже похоже никого не было. Он вздохнул.

Он забыл вернуть Холлис ее красный USB адаптер, он ему теперь вроде бы и не нужен. Надо будет вернуть его когда они в следующий раз встретятся.

Он закрыл ноутбук и положил его в сумку, которую распаковал когда приехал. Флешку с фотографиями Фолея он отдал Бигенду, а другой у него не было, поэтому камеру он брать не стал.

Пока он шел от номера до лифта, он размышлял почему они решили построить Холидей Инн здесь, около канала.

В лобби, возле стойки консьержа ему пришлось подождать пока два молодых американских мужчины выяснят в каком направлении находится музей Виктории и Альберта. Он попытался присмотреться к ним так, как могла бы это сделать молодая француженка, модный аналитик из Голубого Муравья. Он решил что все, что на них одето, можно было бы квалифицировать термином «знаковый», если выражаться ее словами. Но в исходном варианте это стало возможным из-за

способности вещей изящно старить. Француженка была мастером в искусстве нанесения патины. Она сказала что искусство это в большей степени зависит от того, как вещь носят, нежели от того как собственно вещь выглядит. В этом смысле нервозность и беспокойность стиля нельзя было считать способностью привносить какого-либо оттенки, а скорее следовало рассматривать как способ сокрытия низкого качества вещи. Вообще, пока он не погрузился в Бигендовскую среду повышенного модного давления, он не думал что кто-нибудь размышляет об одежде вот в таком ключе. И не мог представить себе что одетые на этих американцах вещи способны добавить патины, только если они будут когда-нибудь потом одеты на кого-то другого.

Когда американцы ушли он спросил как пройти к Биро Снэку Войтека, пересказав объяснения Войтека консьержу.

— Я не могу найти ничего похожего, — ответил консьерж, щелкая мышью, — но это не так далеко, если полагаться на ваши объяснения. — Он нарисовал шариковой ручкой маршрут, на карте в разноцветной брошюрке и отдал ее Милгриму.

— Спасибо.

Улица встретила его разнообразными запаха-

ми выхлопа. Возможно это от обилия дизельных моторов? Окрестности были похожи на тематический парк в уменьшенном масштабе, слегка напоминающий ярмарку, до прибытия вечерней толпы посетителей. Он прошел мимо двух японских девушек, которые ели что-то похожее на сосиски, жареные в кукурузной муке, что еще усиливало эффект.

Он пытался углядеть если вдруг появится Винни, но если она даже и где-то рядом, он ее не обнаружил.

Следуя линии, начерченной шариковой ручкой на карте консьержа, он в конце-концов обнаружил что находится под кирпичными арками подземного рынка, построенного или реконструированного в Викторианском стиле, забитого по большей части товарами, которые напомнили ему площадь Святого Марка, с некоторыми эксцентричными полу-японского стиля дополнениями, что возможно было сделано в угоду иностранным молодым туристам.

Чуть дальше он обнаружил наполовину застекленную кирпичную арку, витьевато украшенную позолоченными Викторианскими буквами, сообщающими что это и есть Бирошак и Сын. Фамилия похоже была из тех же времен что и бук-

вы. Звякнул дверной колокольчик, подпрыгнув на длинной лилии в стиле Ар Нуво, сделанной из латуни.

Магазин был плотно, но аккуратно набит небольшими и по большей части безликими коробками, похожими на упаковки старомодных кабельных приставок TV-топ, разложенными по стеклянным полкам. Высокий, лысеющий мужчина, возраста примерно как и Милгрим, повернулся и кивнул и сказал. — Вы Милгрим, Я Войтек. — За прилавком висел потрепанный пластиковый вымпел с надписью АМСТРАД. И имя и логотип были Милгриму незнакомы.

На Войтеке был одет шерстяной кардиган, сшитый наверное из дюжины разных частей, один рукав прямой вязки из верблюжьей шерсти, второй из пледа. Под ним шелковистая рубашка экрю с огромным количеством перламутровых пуговиц. Глаза его, за сурового вида стальной оправой моргали.

Милгрим положил сумку на стойку и спросил. — Это надолго?

— Если там ничего нет, то десять минут. Оставляйте его.

— Я лучше подожду здесь.

Войтек нахмурился, затем пожал плечами —

Вы думаете я вам туда что-нибудь подложу.

— А вы так делаете?

— Другие так делают, — сказал Войтек. — Писи?

— Мак, — ответил Милгрим, расстегивая сумку и вынимая компьютер.

— Положи его на стойку. Я закроюсь. — Он вышел из-за стойки, обутый в эти серые фетровые сабо, которые напоминали Милгриму лапы игрушечных животных. Прошел к двери, закрыл задвижку и вернулся. — Ненавижу эти Эйры, — произнес он вполне дружелюбно, переворачивая лэптоп дном вверх и начиная работать первой из крошечных отверток, которая выглядела весьма недешево. — Охренеешь, пока вскроешь его.

— Что во всех этих коробках? — спросил Милгрим, показывая на полки.

— Компьютеры. Настоящие компьютеры. Начала компьютерной эры. — Он снял днище Эйра, без каких-либо видимых усилий.

— Они ценные?

— Ценные? А что есть критерий истинной ценности? — Он водрузил себе на переносицу пару линз в простой бесцветной оправе.

— Это именно то, о чем я спросил.

— Очень ценные. — Встроенные в оправу линц

у висков светодиоды осветили элегантно-компактные внутренности Эйра. — Сколько стоит романтика?

— Романтика?

— Это настоящие компьютеры, исходная точка вычислительной эволюции. Эдем.

Милгрим наконец увидел среди всего действительно старые машины, корпуса некоторых из них были деревянными. Компьютеры эти были закрыты в недешевого вида стеклянных боксах, высотой почти под два метра от пола. Рядом располагалось устройство, похожее на деревянную печатную машинку. На нем красовалась трафаретная надпись ENIGMA выполненная в форме глаза. — А это что?

— Это то, что было до Эдема. Шифровальная машина Энигма. Названа именем той, которую разработал Алан Тьюринг. До рождения Эдема. Есть еще американская армейская шифровальная машина М-209Б в оригинальном полевом корпусе. Советская шифровальная машина М-125-3МН Фиалка. Есть советский запрещенный неэлектрический импульсный кодировщик, карманного формата если вам интересно.

— Что значит импульсный кодировщик?

— Вы вводите сообщение, а она шифрует, и

отправляет с нечеловеческой скоростью азбукой морзе. Пружинный механизм. Двенадцать сотен фунтов. Для сотрудника Голубого Муравья скидка, отдам за тысячу.

Кто-то постучал в дверь. Молодой человек с массивным диагональным чубом, завернутый во что-то, похожее на халат для ванной. От нетерпения он корчил гримасы. Войтек вздохнул, положил Эйр на потрепанный коврик из вспененного полистирола на котором красовался логотип Амстрад и пошел открывать дверь, забыв снять с себя увеличительные очки с включенной подсветкой. Милгрим увидел что халат для ванной на юноше в самом деле оказался очень тонким, пальто из жатой шерсти, возможно кашемира. Он проскользнул мимо Войтека, даже не взглянув на него, в заднюю часть магазина, через дверь, которую до этого Милгрим не замечал.

— Пиздюк, — сказал Войтек нейтрально, закрыл дверь и вернулся к Эйру.

— Ваш сын? — спросил Милгрим.

— Сын? — нахмурился Войтек. — Это Шомбо.

— Кто?

— Заноза в жопе. Ночной кошмар. Бигенд. — ОН поднял Эйр с коврика и принялся внимательно разглядывать его внутренности практически

в упор.

— Бигенд? — Милгрим еще не слышал чтобы это слово использовали в таком ключе.

— Шомбо. Я должен содержать его и давать ему кров. Это длится уже несколько месяцев, я уже счет потерял. — Он постукал крошечной отверткой по Маку. — Ничего здесь нет. — И начал аккуратно собирать его, Милгрим почувствовал в его энергии негодование. Милгрим надеялся что он злится на Шомбо в сером пальто.

— Это все что нужно было сделать?

— Все? Моя семья вынуждена жить с этим…

— Я про свой компьютер.

— Сейчас проверим программы. — Он достал из-за стойки черный лэптоп Делл и подключил его кабелем к Эйру. — Пароль есть?

— Локативный, — ответил Милгрим и уточнил. — В нижнем регистре. Точка. Один. — Он отошел к стендам, чтобы посмотреть поближе на машину Энигма. — Следы старения увеличивают их ценность?

— Что? — Светодиоды на мгновение мигнули в его сторону.

— Как доказательство что ими пользовались.

— Гораздо ценнее, — сказал Войтек глядя прямо на Милгрима поверх очков, — если они совсем

новые.

— Для чего все эти вещи? — Черные, с зубами как у акулы, шестеренки, диаметром с донышко от пивной бутылки. На каждом отчеканен длинный номер, с залитыми белой краской цифрами.

— Вам отдам по той же цене, за тысячу фунтов.

— Я спрашиваю для чего они?

— Это исходные данные для шифра. В машинке получателя должен быть установлен такой же ротор.

Кто-то коротко стукнул в дверь один раз, заставив дрогнуть колокольчик на лилии. Это был водитель, который привез Милгрима из аэропорта Хитроу.

— Вот дерьмо, — сказал Войтек покорно и пошел открывать дверь еще раз.

— Анализ мочи, — сообщил водитель, доставая свежий коричневый бумажный пакет.

— Твою мать, — сказал Войтек.

— Можно я воспользуюсь вашей ванной, — спросил Милгрим.

— Ванной? У меня нет ванной.

— Туалет. Уборная.

— В подсобке. Там Шомбо.

— Он будет смотреть, — сообщим Милгрим, показывая на водителя.

— Я не хочу об этом знать, — сказал Войтек. Он постучал в дверь, за которой исчез Шомбо. — Шомбо! Мужчине нужна уборная!

— Идите в жопу, — голос Шомбо приглушала дверь.

Милгрим, вслед за которым направился водитель, подошел к двери и нажал на ручку. Дверь открылась.

— Идите в жопу, — сказал Шомбо отвлеченно, из дальнего угла, оборудованного несколькими мониторами в неожиданно большом и темном пространстве комнаты. Экраны мониторов были покрыты плотными колонками каких-то фигурок как показалось Милгриму, не похожих на текст, написанный на каком-то из языков.

Туалетный кубик, с обшитыми фанерой стенами, куда они вошли в тем же порядке, впереди Милгрим, за ним водитель, был освещен единственной лампочкой без плафона. Места для водителя не было, и он остановился в дверном проеме, передав Милгриму бумажный пакет. Милгрим открыл его, извлек пакет для сэндвичей, открыл его, достал бутылку с голубой крышкой. Снял крышку, удалил бумажную наклейку с горла бутылки и расстегнул ширинку.

— Пошел ты, — пробормотал Шомбо, без тени

иронии.

Милгрим вздохнул, наполнил бутылку, закрыл ее, отправив то, что не вошло, в грязный унитаз, смыл, потянув за цепочку, затем положил бутылку в пакет для сэндвичей, пакет для сэндвичей в бумажный пакет, передал бумажный пакет водителю, после чего вымыл руки холодной водой. Мыла рядом не обнаружилось.

Милгрим увидел яркое отражение экранов в глазах Шомбо, когда они выходили из комнаты.

Он осторожно закрыл дверь за собой.

Водитель отдал Милгриму хрустящий конверт из манильской бумаги с манерой, больше подходящей банкиру, передающему клиенту конверт с деньгами. Милгрим почувствовал что в конверте как обычно блистерные упаковки с его лекарством.

— Спасибо, — сказал Милгрим.

Водитель, не сказав ни слова, покинул магазин, а Войтек суетливо-раздраженно закрыл за ним дверь.

Глава 41

— Он сейчас спустится, — сказал Якоб, как обычно улыбаясь из своей шикарной бороды, встретив ее на входе в Голубой Муравей. — Как вам Париж? Может быть кофе?

— Отлично, спасибо. Только не кофе. — Она ощущала абсолютный раздрай, и полагала что выглядит так же, хотя ей уже было лучше, чем перед тем, как Хайди заставила ее позвонить. Она принялась разглядывать люстру из очковых стекол в лобби, чтобы заблаговременно отвлечь раздражение, которое появлялось от общения с Бигендом.

Он не заставил себя ждать, вызывающий оптическую аллергию голубой костюм, если можно так сказать был приглушен черной рубашкой поло. За ним тихо и настороженно следовали два его телохранителя. Миновав Якоба, он взял Холлис за руку и потянул ее назад за дверь. Телохранители пошли за ними. — Якобу лучше нас не слышать, — сказал он ей тихо и продолжил. — Он человек Слейта.

— Серьезно?

— Не абсолютно точно, — сказал он, продолжая вести ее за собой налево, затем они еще раз

свернули налево за угол. — Но выглядит очень похоже.

— Куда мы идем?

— Не далеко. Мы больше не обсуждаем важные вопросы в помещениях Голубого Муравья.

— Что происходит?

— Я должен был смоделировать это явления полностью. Сгенерировать несколько архитектурных визуальных представлений. Это конечно не часовой механизм, но вполне знакомые вещи. Я думаю чтобы пройти такой цикл потребуется добрых лет пять или шесть.

— Милгрим назвал это дворцовым переворотом или своего рода поглощением.

— Как драматично. Некоторые из моих самых ярких сотрудников собрались меня покинуть. Те, кто не получил того, что ожидал от Голубого Муравья. Не так уж много им не додали на самом деле. Некоторые, такие как Слейт пытаются выйти с оптимальными бонусами конечно же. Строят собственный золотой парашют. Пытается на дурничку ограбить меня, если у него получится. Информация потихоньку утекает, поэтому они пытаются смыться заранее, чтобы получить самую высокую цену. Таких парашютистов всегда несколько. — Он снова взял ее за руку и они

пересекли узкую улицу сразу после проехавшего Мерседеса. — Слишком много движущихся частей для одного оператора. Слейт, возможно Якоб, ну и еще два или три человека.

— Вас похоже это не беспокоит.

— Я же ожидал этого. Это всегда интересно. Это может встряхнуть всех остальных. Вытащить что-нибудь на поверхность. Если вы хотите узнать как работает этот мир, смотрите внимательно как люди и явления расходятся в разные стороны.

— Что это означает?

— Высокий риск. Большие возможности. Это всегда происходит в самый неподходящий момент, но это действительно возможности. Мы пришли. — Он остановился перед узким фасадом магазина в Сохо, на сурово-минималистской вывеске которого красовались крашеные алюминиевой краской буквы ТАНКИ и ТОЙО. Она посмотрела в окно. Антикварный портной манекен, обряженный в вощеный хлопк, твид, вельвет и кожаные доспехи.

Он придержал дверь для нее.

— Добро пожаловать, — сказал маленький японец в очках с круглыми, оправленными в золото, стеклами. Больше никого в магазине не было.

— Мы переговорим в подсобке, — сказал Бигенд, проводя Холлис мимо него.

— Конечно. Я прослежу чтобы вас не беспокоили.

Холлис улыбнулась мужчине и кивнула. Он поклонился ей. На нем был пиджак из льняного твида с рукавами из вощеного хлопка.

Подсобка Танки и Тойо была опрятнее и не такой обшарпанной, какой обычно бывают подсобки. Здесь не было никаких следов, обычно оставляемых скучающими от безделья сотрудниками. Никакого офисного юмора или карманных головоломок. Стены свежеокрашены серой краской. Дешевые белые стеллажи завалены завернутыми в пластик материями, коробками с обувью и альбомами образцов тканей.

— Милгрим и Слейт были в Южной Каролине, — сказал Бигенд, устраиваясь на стул за маленьким белым столиком из Икея. Угол стола, который смотрел прямо на нее, был со сколом, демонстрируя ей материал, из которого был сделан стол, и который был похож на прессованные мюсли. Она устроилась на стул в пафосном стиле восьмидесятых, бледно-лиловый велюр, луковичная форма, возможно он остался здесь от предыдущего владельца. — Слейт организовал

для нас показ прототипа одежды. Нас заинтересовали кулуарные пересуды на эту тему в модной тусовке, хотя, когда мы сфотографировали прототип и сделали его выкройки, мы не поняли в чем его изюминка. Наши лучшие аналитики решили что это не тактический дизайн, а нечто для игрушечных бойцов.

— Для кого?

— Поколение Митти.

— Теперь я совсем ничего не понимаю.

— Это для молодых мужчин, которые одеваются как-то особенно, чтобы почувствовать себя так, будь то они обладают какими-то специальными возможностями или навыками. Это могут быть разновидности косплея, присущие данной местности. Многие юноши представляют себя солдатами. А люди, которые в действительности управляют этим миром, не играют в солдатиков и как правило они не мальчики. Ну если не брать в расчет тех, которые действительно состоят на военной службе. Но большинство из них в той или иной степени дерьма коллекционеры.

— Дерьма коллекционеры?

Бигенд обнажил в улыбке свои зубы. — Наша команда профессионалов, специализирующихся в культурной антропологии опрашивала аме-

риканских солдат, вернувшихся из Ирака. От них они впервые услышали это выражение. Оно кстати не в полной мере уничижительное. Нам известны профессионалы, которые на самом деле виртуозно умеют пользоваться всеми этими узкоспециализированными штучками. Хотя они то как раз на самом деле в значительно меньшей степени подвержены их очарованию. Но это самое очарование конечно же нас очень интересует.

— И?

— Это такая одержимость идеей обладания не столько хорошими и нужными вещами, сколько особенными и специальными вещами. Этакий фетишизм в отношении снаряжения или экипировки. Когда желание выглядеть как супер полицейский или спецназовец становится болезненно необходимым. Сильное желание обладать тем же самым, быть связанным с тем миром. С его компетенциями, с его самоуверенной эксклюзивностью.

— Звучит как описание модной индустрии.

— В точности. Брюки, но только особенные. Мы бы никогда не смогли спроектировать такой мощный локус потребительского желания. Это как секс из бутылки.

— Это не для меня.

— Потому что вы женщина.

— Они хотят быть солдатами?

— Они не хотят быть солдатами. Они хотят чувствовать себя как будь-то солдатами. Как будь-то скрывающими это от окружающих. Представлять тем не менее что окружающие могут подумать что они сотрудники какого-нибудь спецподразделения. В действительности же, ни один из этих товаров не будет использоваться для чего-либо даже отдаленно напоминающего то, для чего они изначально предназначены. Хотя это в полной мере можно отнести к любому товару армейско-флотской тематики. Мужских фантазий на эту тему невероятное количество. Однако обнаруженный нами уровень потребительской мотивации в этой области внезапно обозначил что все это скорее предметы роскоши с соответствующими ценами. И вот это как раз новость. Я чувствую себя нейрохирургом, который вдруг обнаружил пациента, у которого с рождения нервная система полностью открыта. Настолько это неприкрыто и очевидно. Фантастически.

— И это связано с военными поставками?

— Где-то в глубине, и это совсем не просто. Множество похожих игроков, от которых многое

зависит. Но наш гражданский покупатель, наш Уолтер Митти двадцать первого века хочет быть стильным, на современной улице, и в 1965-ом, ему всегда требуются правильные вентиляционные прорези на пиджаке.

— С моей точки зрения это звучит забавно.

— Это почти эксклюзивно мужские штучки.

— Почти, — согласилась она вспомнив Израильский армейский лифчик Хайди.

— Милгрим и Слейт поехали в Южную Каролину потому что нам казалось что они там уже на этапе подписания контракта с Министерством Обороны. Контракт на поставку брюк. Поскольку мы уже довольно длительное время и достаточно активно искали возможности подписать такой контракт сами, то решили поближе посмотреть на их товар.

— Они это кто?

— Мы все еще пытаемся это выяснить.

— Никогда бы не подумала что вы могли бы заниматься такими вещами. Я имею в виду контракты на военные поставки. Я этого не понимаю.

— Это единственная на сегодня швейная промышленность не пораженная никакими болячками модной индустрии. И прибыли там

значительно выше. Но в то же время все, что работает в модной индустрии, присутствует и в контрактах на поставку военной одежды.

— Я все таки думаю что не все.

— Гораздо большее, чем ты можешь представить себе. Если ты о брэндинге, то как раз военные его и изобрели. Это же суть идеи об униформе. Вся мировая модная индустрия основана на этом. Но люди, чей прототип фотографировал и срисовывал Милгрим в Южной Каролине похоже были подставлены нам Слейтом. И вот мы здесь.

— Где?

— В ожидании, — произнес он серьезно, — возможной опасности.

— Это потому что Слейт ваш персональный компьютерщик?

— Это потому эти люди выглядят опасными и кажутся мне опасными. У меня был значительно более способный компьютерщик, который работал на меня, он следил за Слейтом, и конструкциями, которые тот создавал, причем и за теми, о которых тот рассказывал мне, и за теми, о которых Слейт умолчал. Я же сказал что для меня все это не впервой. И в большинстве случаев я мог все это игнорировать, но не в этот раз. Кто-то из этих людей прилетел сюда, в Лондон. Он следил за

вами и Милгримом в Париже с помощью Слейта.

— Милгрим называет его Фолей.

— Мы тоже можем называть его Фолей, и он следил и за вами тоже. И вот это как раз нестыковка, которая обычно отличает настоящую настоящий профессионалов от игрушечных нидзя. И вот это как раз проблемный момент нашей диаграммы Венна.

— Я видела его, — сказала Холлис. — Он спустился за мной в подвал здания где я была чтобы — Она заколебалась.

— Чтобы встретиться с Меридит Овертон. Милгрим рассказал нам это прошлой ночью в Париже. Он в некотором роде расстроился столкнувшись там с Раушем.

— Я тоже, хотя по-моему Рауш больше испугался увидев меня. Он подумал что вы проверяете его. Он тоже со Слейтом?

— Не думаю, — сказал Бигенд. — Он не такой шустрый. Так вы еще не узнали кто создает Габриэль Хаундс?

— Нет. Но Меридит, она или знает уже, или думает что сможет узнать.

— И как вы думаете что потребуется чтобы уговорить ее рассказать нам или сначала узнать, а потом рассказать нам?

— У нее был обувной проект. Проект обанкротился, и большая часть моделей последнего сезона была снята с продаж.

— Да, мы как раз сейчас ее изучаем. Это был хороший проект. Он послужил прототипом сильного тренда в стиле «Назад-к-Хараюку».

— Она думает что все это лежит на складе в Сиэттле. Такома. Или где-то еще. Она предполагает что Голубой Муравей может найти место, где хранится ее обувь. Она считает что если найти место хранения, она сможет на законных основаниях потребовать ее себе обратно.

— И тогда?

— Она продаст эти модели. Через иБэй. Очевидно сейчас эта обувь стоит значительно дороже.

— Да, но в целом это именно часть стратегии возобновления, — сказал Бигенд. — Продажи через иБэй должны привлечь охотников за модными изюминками, и сгенерировать таким образом внимание индустрии.

— Она так не сказала.

— А зачем?. Ей же хочется рефинансирование для проекта. Либо запускать все снова за свой счет, или за счет покупателей марок призраков.

— Кого?

— Покупателей марок призраков. Они находят

брэнды, порой уже вымершие, с хорошо известным логотипом или жизнеспособной историей. Покупают их, затем подкладывают денатурированный товар под старую марку. Возможно обувь Меридит обладает в достаточной степени сформировавшейся аурой культа чтобы с ней можно было проделать то же самое, в интересном, малом масштабе.

— Нечто подобное вы хотели бы сделать с Габриэль Хаундс?

— Я больше заинтересован в возрождении ее эксклюзивности. К примеру давайте представим себе, что марку Барберри вы можете купить только в одном специальном стоке в Токио, а не здесь, и не через веб. Этакая географическая исключительность старой школы. Габриэль Хаундс — это нечто большее. Это что-то спектральное. Что вам Овертон рассказала?

Ей вдруг вспомнился Аджей, погружающий крошечное лезвие в основание фигурки Голубого Муравья, в ее четвертом номере в отеле. — У нее здесь есть кто-то, знакомый ей еще с модного колледжа или что-то в этом роде, кто знает кого-то в Чикаго. Она считает что тот, кто в Чикаго и есть дизайнер Хаундс.

— То есть вы не думаете что она знает навер-

няка?

— Может и не знает. Она сказала что она подписана на список рассылки по электронной почте, о вбросах Хаундс.

— Мы полагали что кто-то все же должен быть, — сказал он. — Мы тоже пытаемся найти его. Пока безрезультатно.

Она взяла один из томов с образцами тканей, с ближней к ней полки. Он оказался невероятно тяжелым. Обложка его была сделана из толстого и плотного коричневого картона, на котором черным маркером был написан длинный номер. Она открыла обложку. Внутри были толстые, полностью синтетические материалы, странно-маслянистые на ощупь, ей показалось что это образцы шкур кибернетических китов. — Что это?

— Из этого производят Зодиаки, — сказал он. — Надувные лодки.

Она положила книгу назад на полку, решив что сейчас неподходящее время для обсуждения жучка в фигурке Голубого Муравья, если она вообще когда-нибудь решится это обсуждать.

— Фолей сам по себе, — продолжил Бигенд, — возможно не так уж и опасен, хотя мы и не знаем наверняка. Дизайнер-фантазер, придумываю-

щий модели для выдуманных потребителей. Но тот, кто его нанял может быть сделан из другого теста. Мне не всегда удается узнать все, что мне хотелось бы. В настоящий момент мне приходится уходить из Голубого Муравья чтобы не дать возможность Слейту использовать выстроенную им схему.

— Что вы имеете в виду, когда говорите об опасности?

— Сложно сказать точно, — сказал Бигенд, — или даже узнать. Это же не то же самое что явная конкуренция. Это как в случае с тем маленьким промышленным шпионажем в Южной Каролине. Он показал нам что такие ситуации Слету вполне привычны. Учитывая то, что мне на данный момент удалось раскопать, нас сейчас рассматривают как врагов.

— Кто они?

— Ничего особенного в моменте, но ничто не мешает нам считать их представителями новой демографической волны. На что вы смотрите?

— На ваш костюм.

— Это костюм Мистера Рыбы.

— Этот нет. Вы же говорили никто не может его найти.

— Возможно он торгует мебелью в Калифорнии.

Антиквариатом. Это одна история. Но я нашел его закройщика.

— Вы действительно беспокоитесь по поводу этих военных поставщиков? Фолея?

— Предположительно военных поставщиков. Я не могу сбросить их со счетов. У меня необычная ситуация сейчас Холлис. Один из моих долгосрочных проектов, который некоторое время работал в фоновом режиме, недавно начал демонстрировать четкие признаки успешного завершения. Это расстраивает, потому что отвлекаться сейчас не хочется, и я полон решимости не упускать эти возможности. Неприятности, произшедшие с вами нельзя сбрасывать со счетов. — Он посмотрел на нее сейчас взглядом, который она посчитала эмуляций настоящего человеческого участия, но в действительности было понятно что сейчас последует что-то, чего надо опасаться. Она вздрогнула на своем уродливо-велюровом стуле.

— Флоренция, — произнес он. — У меня там квартира. Восхитительная. Я отправляю вас туда. Сегодня.

— А как же Меридит? Они с Джорджем сегодня вернутся. Возможно уже вернулись. Рег ждет его в студии. Нельзя же вот так вот дать такую специфическую задачу а потом услать меня куда-то

не дав мне ее закончить. Я не могу так работать.

Все что она сказала было правдой. Но на самом деле сильнее всего она не хотела никуда уезжать потому что уже сказала в автоответчик Гаррета о том, что она здесь. По меньшей мере пока она не поймет где находится он.

Бигенд кивнул. — Я понимаю. Я тоже хочу найти дизайнера Хаундс. Но сейчас гораздо важнее вам быть осторожной. Всем нам.

— Кто такой Танки Хьюберт? Я полагаю что там в магазине остался Тойо?

— Пожалуй что Танки это я, — ответил он.

Глава 42

Элвис, Грейсленд

На Винни Танг Вайтэкер была одета бледно-голубая версия свитера с флагом штата Южная Каролина. Милгрим представил себе как Винни покупает набор таких свитеров всех цветов радуги в каком-нибудь стоковом магазине, расположенном возле хайвея, недалеко от семейного ресторана Город на Краю. Голубой цвет делал ее похожей скорее на молодую мамочку, которой она собственно и являлась, нежели на крутого

чувака, которым она ему пыталась представиться. От крутого чувака на ней сейчас были только реально уродливые, облегающие лицо солнечные очки, выполненные как единая стеклянная пластина. Очки были подняты вверх и лежали на ее гладких черных волосах, оставив тем не менее что-то безбашенное в ее взгляде.

— Откуда ты знаешь про это место? — спросил Милгрим.

Они сидели в маленьком вьетнамском кафе и им только что принесли закуски.

— Погуглила, — ответила она. — Ты не веришь что я крутая?

— Верю, — сказал Милгрим для убедительности громко и спешно принялся пробовать кальмаров в соусе чили.

— И как они?

— Неплохо, — ответил Милгрим.

— Хочешь клецку?

— Нет, спасибо.

— Зря. Отличные клецки. Я их пробовала здесь раньше.

— Ты уже была здесь?

— Я здесь живу недалеко. Кентский город называется.

— Это отель?

— Это район. Я живу у отставного сыщика из Скотланд Ярда. Серьезно.

Она ухмыльнулась.

— Там есть клуб Международной Полицейской Ассоциации. Поэтому мы можем на время селиться в домах его членов. Так дешевле.

— Неплохо, — сказал Милгрим.

— Он вяжет салфетки. — Она улыбнулась. — Кружевные. Такие типы меня пугают. Но поскольку я сама фрик, то приспосабливаюсь. В противном случае я бы вряд ли сейчас сидела перед тобой.

— Вряд ли? — Милгрим моргнул.

— У нас скромное агентство. Мне выплачивают сто тридцать шесть долларов в день на еду и расходы. В основном это для оплаты проживания, но здесь этого бы не хватило. Это самое дорогое место, из всех, где мне доводилось бывать.

— Но ты же специальный агент.

— Ну не такой уж и специальный. Тем более что мой шеф уже давит на меня.

— Почему?

— Потому что никакой помощи от ассоциации и британских коллег он не видит. И тут он прав. Он не в восторге от того, что я тут бегаю по Лондону и проедаю свои суточные, без какой бы то ни

было координации. Он хочет чтобы я вернулась.

— Ты уезжаешь?

— А ты разве не рад этому? — Она посмотрела на него так, как будь-то готова была рассмеяться.

— Я не знаю, — сказал он, — а должен?

— Расслабься, — ответила она, — от меня не так то просто избавиться. Я вернусь домой и с помощью ФБР уговорю британцев взаимодействовать, хотя они медленные как меласса, даже когда работают. Я знала здесь одного действительно крутого пареня, но он бы в любом случае ушел.

Размышляя о ней, Милгрим обратил внимание что глаза ее вновь сделались маленькими и блестящими, как в тот момент, когда он встретил ее в Ковент Гарден.

— Это нормально когда работаешь с гражданами Соединенных Штатов в Британии, — сказала она, — но взаимодействовать с лицами, которые не являются гражданами Соединенных Штатов, в части уголовного преследования это же вопрос национальной безопасности. Такого лучше избегать.

— Да? — У Милгрима возникло знакомое тревожное ощущение проникающей модальности, которое всегда появлялось когда кто-нибудь предлагал ему дозу. Похоже события стремительно

набирали обороты. Он посмотрел на обедающих вокруг него посетителей. Один из них читал книгу. Место было подходящим.

— Если бы я так сделала, — продолжила она, — Британцы бы очень расстроились. Немедленно.

— Я полагаю ты не собираешься так делать.

— Конечно нет.

— Нет.

— Я хочу предложить тебе несколько более интересную задачку.

— Задачку?

— Как у тебя с памятью?

— Последние лет десять или около того, полная непоследовательность. Я до сих пор пытаюсь собрать ее из кусочков.

— А если я расскажу тебе историю, довольно сложную историю, прямо сейчас, ты сможешь запомнить ее в общих чертах, ну или хотя бы какие-нибудь ее части?

— Хьюберт сказал что я особенно хорош именно в деталях.

— И потом, когда ты будешь ее кому-нибудь пересказывать, ты не будешь раздувать ее? Искажать? Превращать в какое-нибудь совершенно безумное дерьмо?

— Зачем мне так делать?

— Затем что многие люди именно так и делают.

— Почему?

— Потому что они патологические лжецы, страдающие нарциссизмом. Серийные самозванцы, алкоголики, наркоманы, хронические неудачники, и засранцы. Но ты ведь не такой?

— Нет, — ответил Милгрим.

Официант принесла им плошки с рисовой лапшой фо.

— Это биографическая история, — сказала она, и подула на содержимое своей плошки, с ярко розовыми еще стружками говядины. — Ему сорок пять лет.

— Кому?

— Просто слушай. В 2004, после пятнадцати лет службы офицером вооруженных сил США, он подает в отставку. В чине майора. Последние десять лет, он служил в Первой Группе Сил Специального Назначение на Окинаве, в Форте Льюис, недалеко от Такома. Большую часть своей карьеры он провел в Азии. Огромный опыт работы на Филиппинах. После девятого одиннадцатого его перебросили в Ирак и Афганистан. Но до того, как армии удалось выработать тактику борьбы с повстанцами. Он подает в отставку, потому

что он всегда делал себя сам. Надеется что у него есть хороший шанс заработать денег в качестве консультанта.

Милгрим слушал внимательно, методично потягивая бульон из белой китайской плошки. Это вроде как было хоть какое-то занятие.

— С 2005 по 2006 он пытался устроиться на работу по контракту, как гражданский в ЦРУ, допросы и прочая хрень.

— Прочая хрень?

Она серьезно кивнула. — К счастью они разглядели что он значительно более талантлив и опытен, нежели человек, занимающийся всякой хренью. Два года он работает в Заливе, прокачивая службы безопасности нефтяных компаний и крупных корпораций в Саудовской Аравии, Арабских Эмиратах и Кувейте. Он попытался открыть ногой двери богатых Арабских правительств, в качестве все того же консультанта, но в этот момент большие шишки этой индустрии уже проснулись. Никто не принимает его предложения.

— Это Фолей?

— Кто такой Фолей?

— Ну тот, кто следовал за нами в Париже.

— Он что выглядит на сорок пять лет ты счита-

ешь? Может быть ты не так уж хорош в анализе информации?

— Извини.

— Наступает 2006 год. Момент, когда все становится так, как ему хотелось. Он возвращается к теме, которую знал лучше всего до девятого одиннадцатого, эксплуатирует старые связи на Филиппинах и в Индонезии. Перемещает все свои дела в Юго-Восточную Азию, которая для него как золотая жила. Крупные игроки в этот момент сконцентрированы на Средне-Азиатском регионе, и он снимает пенки там, где почти никого нет. Он занимается такой же точно консультационной деятельностью в области безопасности корпоративных клиентов в Индонезии, Малазии, Сингапуре и на Филиппинах. Банки, отельные сети… Эксплуатируя политические связи своих клиентов он трансформирует их в услуги для их правительств.

— Теперь он обучает тактикам и стратегиям противодействия повстанцам, хотя сам смыслит в этом едва ли больше обучаемых. Техникам допросов, что он в принципе не имел права делать. И многому другому. Прочей хрени. Инструктирует полицейские подразделения, возможно военных тоже, и где-то в этот момент он серьезно

погружается в тему купли-продажи вооружения.

— Это законно?

— Смотря как ты это делаешь. — Она пожимает плечами. — Естественно, в этот момент на него уже работают несколько бывших сослуживцев. Понятное дело, что во время своих учебных занятий он указывает какое оборудование потребуется для правильного выполнения тактических задач. Начал он с малого, оснащая антитеррористические полицейские подразделения специализированным оружием и бронежилетами. Все это он закупает в Америке, у компаний, с которыми у него сложились дружественные отношения.

— Все так продолжается, пока он находится вне поля зрения высшего армейского командования этих стран. Как только они обнаружат у себя под носом этакого классического Американского Рэмбо, да еще с деловой хваткой, они сразу заговорят с ним о закупках оборудования для их регулярных армейских сил. — Она положила ложку. — И вот здесь как раз начинается разговор о настоящих деньгах.

— Он продает оружие?

— Не совсем оружие. Он передаточное звено. Контакты, с которыми он договаривается в Соеди-

ненных Штатах работают в компаниях, которые производят тактические боевые машины, беспилотные летательные аппараты и роботов и технику для обнаружиения боеприпасов и разминирования… — Она откинулась на спинку стула, и снова взяла в руку ложку. — И форму.

— Форму?

— Как думают твои друзья из Голубого Муравья, с чем они имели дело в Южной Каролине?

— Что-то для армейских поставок?

— Почти угадал. Только пока еще не для армейских. Именно сейчас, человек, о котором я тебе рассказала, приходится твоим нанимателям прямым и чрезвычайно агрессивным конкурентом. Брюки, которые вы видели, его первая попытка организовать свои собственные производство и продажу армейской формы и оборудования. Он больше не хочет быть просто передаточным звеном.

— Мне совсем не нравится как это звучит, — сказал Милгрим.

— Это хорошо. Однако вам надо запомнить про этих ребят, что они даже не подозревают что они жулики. Они страшно самоуверенны. Всеведение и всемогущество — это лишь некоторые из мифов о спецназе. Я уделывала этих супермэнов, когда

они пытались клеиться ко мне в свой последний день в Багдаде. — Она подняла вверх кулак, и Милгрим увидел ее простенькое свадебное обручальное кольцо. — Такие как они могут прийти к вам и пообещать научить вас тому, в чем они сами нихрена не понимают, при этом сами они будут считать себя способными сделать это. Это просто специальный тактико-психологический навык, который им прививают во время спецподготовки. Армейская школа спецподготовки обещает им что научит их буквально всему, всему, что важно для выживания. И они в это верят. И ваш босс Бигенд заинтересован сейчас во встрече с одним из этих засранцев, если конечно он уже с ним не встречался.

Милгрим сделал глоток и спросил — А кто такой Фолей?

— Дизайнер. Вы не можете шить форму, если у вас нет дизайнера. Он закончил Новую Школу Дизайна Парсона.

— В Нью-Йорке?

— У меня есть сомнения насчет его способностей. Можешь вообще не обращать на него внимание. Майкл Престон Грейси, вот кто главная шишка.

— Майор? Я не понимаю чем он все-таки за-

нимается.

— Преступной деятельностью, которую можно обозначить большим количеством официальных аббревиатур. Преступной деятельностью, подробности которой я могу тебе рассказывать наверное целую ночь. Я продираюсь сквозь заросли законодательных актов, чтобы ухватить его. Однако кое-что в этих ребятах мне даже на руку. Чем меньше нарушение, тем более небрежными они становятся. Я выискиваю обломанные ими ветки в этих зарослях. Сейчас вот копаю Дермо.

— Дермо?

— Д-Р-М-О. Дефенс Реутилизэйшн энд Маркетинг Оффисез. Это аббревиатура названия Отдела маркетинга, продаж и повторного использования списанной военной техники. Они по идее должны продавать старую технику. На самом же деле, они манипулируют старыми армейскими связями. Незаконно. Оборудование поставляют иностранным покупателям, компаниям и правительствам. Таможня заинтересовалась их поставками, обнаружив что все оборудование сияет как новое, с иголочки. С точки зрения правил международных поставок военной техники никаких нарушений нет, но оборудование то новое. Когда я начала разбираться, выяснила что

эти радиостанции вообще никогда не попадали в ДРМО. Копнула еще чуть глубже и оказалось что ДРМО вообще не имело права их покупать. И он замешан в очень многих таких закупках, масса контрактов. Они не гигантские конечно, но деньги очень хорошие. А брюки, которые ты видел, на мой взгляд попытка перевести поставки в законное русло. Похоже он таки прислушался к мнению своих адвокатов. Хотя это может быть и обычным отмыванием денег. Ты помнишь как я сказала его зовут?

— Грейси.

— А имя?

— Питер.

— Хм. Давай мнемонику тебе подскажу: Элвис, Грейсленд.

— Элвис, Грейсленд?

— Престон, Грейси. Пресли, Грейслэнд. Так как его зовут?

— Престон, Грэйси. Майк.

Она улыбнулась.

— Что мне делать с этой информацией?

— Расскажешь Бигенду.

— Но тогда он узнает и о тебе.

— Он узнает не больше, чем ты сможешь ему рассказать. Если бы мы были в Штатах, я бы

разыгрывала эту ситуацию в другом ключе. Но здесь, ты единственный, с кем я могу сотрудничать, а время у меня кончается. Скажи Бигенду что нарвался на крутого федерала, который хочет чтобы он знал о существовании Грейси. У Бигенда есть деньги, связи и адвокаты. Если Грейси поимеет его, пусть он знает кому отправлять ответный шар.

— Вы делаете то же самое что и Бигенд, — прозвучало это более осуждающе, чем Милгрим хотел вложить во фразу. — Вы просто хотите увидеть что получится в конце концов.

— Я поступаю так, — ответила она, — потому что других вариантов у меня нет. А так, я возможно достану Майкла Престона Грейси. Или он меня сделает. К сожалению, все это не более чем отчаянное мельтешение. Мельтешение, перед лицом этого сраного мира, вызванное моим разочарованием его жителями. Надо чтобы ты поскорее рассказал это Бигенду.

— Но почему?

— Потому что я выяснила через таможню и пограничников куда полетит в ближайшее время Грейси. Из Атланты в Женеву. Предположительно он там с кем-то по-быстрому встретиться, потому что на пересадку у него четыре часа. А затем он

будет здесь, в Хитроу.

— А ты уезжаешь?

— Да, черт возьми! Дети и муж уже устали без меня. Я сама тоже страшно хочу домой. Уже пора. — Она поставила свою чашку и взяла палочки для еды. — Расскажи Бигенду. Сегодня вечером.

Глава 43

Итиномия

— Спасибо что смогла сразу встретиться со мной, — сказала Меридит Овертон, сидевшая сейчас в кресле, прямо под стойкой с бивнями нарвала. На ней был твидовый жакет, который мог быть куплен в Танки и Тойо, если конечно они шьют модели для женщин. Она позвонила Холлис, когда та возвращалась со встречи с Бигендом в странном, высоком, хирургически чистом серебрянном пикапе, которым управлял Олдо, один из огромных, темнокожих телохранителей.

— Без проблем, — сказала Холлис. — Я только что видела его. Он обрадовался возможности отправить часть команды Голубого Муравья на поиски твоей обуви.

— При условии что я укажу ему на личность

дизайнера Габриэль Хаундс?

— Да, — ответила Холлис.

— Я не могу, — сказала Меридит. — Поэтому я здесь.

— Не можешь?

— Извини. Муки совести. Ну или нет, не муки. Совесть чувствует себя вполне нормально. В общем есть проблема. Я попыталась ее обойти, потому что я хочу вернуть свою обувь. Мы с Джорджем всю ночь обсуждали это и я поняла что это то, чего я вовсе не хочу делать. Джордж со мной согласен абсолютно. При этом он конечно же хочет иметь возможность советоваться с тобой насчет того, как уживаться в одной студии с Инчмэйлом.

— Никаких проблем с этим, — сказала Холлис. — Я же еще в Париже сказала. Он может считать меня в данном случае сестрой милосердия, консультирующей пострадавших.

Меридит улыбнулась. Итальянская девушка принесла кофе. Сейчас вроде как уже начинался час коктейлей, как полагала Холлис, и комната, еще полупустая, постепенно заполнялась своеобразными шумами, незаметно приближаясь к поздней вечерней настоящей пирушке.

— Спасибо, ты очень добра, — сказала Мери-

дит. — Ты знаешь Японию?

— Только если Токио. Мы там выступали. Огромные залы.

— Я была там, когда мы собирали коллекцию для моего второго сезона. Все модели первого сезона были кожаными. Мне приятно работать с кожей. Для второй коллекции я решила что сделаю что-нибудь тканевым. Классические летние сникеры. Мне нужно было что-то вроде холста или парусины ремесленной выделки. Плотной, долговечной, но приятной на ощупь. В общем нечто этакое.

— Приятной на ощупь?

— Ну это же важно, хорошие ощущения от прикосновения. Кое-кто посоветовал мне обратиться к одной семье в Нагое. У них было ателье, над маленьким складиком, на окраине местечка, которое называется Итиномия. Я могу тебе это рассказывать потому что их там больше нет. Они там шили джинсы, из отходов тканей с фабрики в Окаяма. В зависимости от длины рулона, они могли сшить три пары джинсов, или могли сшить двадцать пар. Они шили модель, пока не заканчивался рулон. Я узнала что они покупают и холщовую ткань в стиле «Шестидесятые» на той же самой фабрике. Я захотела посмотреть ее

и ткань действительно оказалась настолько хороша, что я попросила их продать мне несколько рулонов. Они пробовали шить из нее джинсы, но они получались слишком тяжелыми. Это были чудесные люди. Там были стопки моделей их джинсов. Старинные фотографии американских мужчин в рабочей одежде. У них была германская Юнион Спешиал швейная машина с ременным приводом двадцатых годов. — Она улыбнулась. — Дизайнеры обожают машины. Машина дает тебе возможности. И важно найти правильного оператора, который будет управлять машиной.

Она добавила сахар в свой черный кофе, и помешала его. — В общем я оказалась в лофте, на самом верху здания, где у них хранилась парусина. Много, много рулонов, разложенных на полки. Все разные. Свет в помещении не очень яркий. И тут я вдруг понимаю что я здесь не одна. Хотя семья японцев уже спустилась по лестнице на второй этаж, шить джинсы, и перед этим они даже не обмолвились что здесь есть кто-то еще. Я слышу как работает их машина. Под нами еще есть какое-то производство, но они делают картонные коробки. У них тоже есть машины, но их звук едва слышен. А здесь я слышу как женщина напевает себе потихоньку. Негромко. Но где-то

близко. Где-то у задней стены здания. Здесь же, в лофте, где и я. Те, кто привели меня сюда ничего не сказали мне про это, но они по английски вообще плохо говорили. Ну и зациклены были на своем деле. Шили две или три пары джинсов в день вдвоем. Самоучки.

— Я положила рулон, который смотрела, обратно на полку. Полка старая. Металлическая. Около четырех футов в глубину. И я пошла на голос женщины, которая напевала. — Она отхлебнула кофе. — И у самой дальней стены лофта я обнаружила свет, стол, освещенный хорошим, ярким светом. Это даже был не стол, а дверь, которая лежала на больших картонных коробках. Женщина делала выкройки. Большие тканевые полотнища, карандаши. Она напевала. На ней были черные джинсы и черная футболка, и куртка, похожая на твою. Она подняла взгляд, увидела меня и замолчала. Волосы у нее были темные, но она не японка. Я сказала ей «Извините, я не знала что здесь есть кто-то кроме меня.» Она ответила что никаких проблем. Акцент американский. Спросила меня кто я. Я сказала ей. Сказала ей что я здесь смотрю холсты. Для чего? Я ответила что для обуви. Она спросила «Вы дизайнер?». Я говорю, да, и показываю ей ногу с моим ботинком. На

мне как раз была пара из первой коллекции, воловья кожа с фабрики Хорвин в Чикаго, с крупной белой подошвой, как ботинки для моряков. Но в действительности они были похожи на первые ботинки для коньков, с которых Ванс начинал. Тут она улыбнулась мне, отошла от стола так, чтобы я могла увидеть что на ней такие же точно ботинки, только черные. После этого она сказала как ее зовут.

Холлис держала свою чашку с кофе двумя руками, наклонившись в кресле вперед над низким столиком.

— Так что я знаю ее имя, но не могу вам сказать, — закончила Меридит. — Вы можете туда поехать, но той семьи, что шила джинсы там уже нет, и ее нет.

— Ей понравились твои ботинки.

— У нее все получилось. Я не думаю что еще кому-нибудь удалось добиться чего-либо подобного в такой мере. У нее получилось все, чего я опасалась и избегала. Коллекции, сезоны, вся прочая фигня, ее вещи не изнашиваются и не разваливаются.

— Я была той девочкой, которая идет через весь Париж пешком, на следующую съемку, потому что нет денег на билет в метро, и которая пред-

ставляет себе какой должна быть хорошая обувь. И когда кто-то представляет себе что-то такое, он мечтает о какой-то другой вселенной. Вселенной, откуда появится эта обувь. И ты начинаешь думать, а могли бы такие ботинки получиться здесь, в этом мире, со всеми его несуразностями и заморочками. И иногда тебе удается. Один сезон или даже два.

Холлис поставила кружку на стол. — Я хочу чтобы ты понимала, — сказала она, — я считаю что это правильно, не говорить мне больше, чем ты хочешь сказать. Я понимаю тебя.

Меридит покачала головой. — Потом мы обедали с ней. Пили сакэ в маленькой забегаловке в конце улицы. Все рюмки были разные, старые, как будь-то повидавшие много чего, словно кто-то насобирал их на благотворительной распродаже. Это было после того, как она помогла мне выбрать нужную ткань. В общем она и есть дизайнер Хаундс. И не нужен ей ваш Бигенд.

— Он не мой Бигенд.

— Из всех людей в этом мире, он ей нужен меньше всего.

— Согласна.

— И поэтому я не могу обменять ее имя, на мои ботинки. Как бы сильно я ни хотела их по-

лучить.

— Я думаю что то, что ты отказываешься от этой сделки, не остановит его. Он все равно попытается найти твои ботинки. А когда он найдет их, то пришлет кого-нибудь на переговоры. Или заявится сам.

— Я об этом думала. Это исключительно моя ошибка. Я же попыталась продать друга. — Она посмотрела на Холлис. — Я больше не видела ее с тех пор. Мы на самом деле никак не контактировали. Только вот эти имэйлы о вбросах. Я послала ей пару своих новых туфель, для которых она помогла мне выбрать материал. В то же местечко в Итиномия. В общем я просто не могу это сделать.

— Я бы тоже не стала, — сказала Холлис. — Понимаешь, так получилось что я занимаюсь работой, которой никогда не хотела заниматься. У меня вообще никогда не было работы раньше. Бигенд единственный, кто нанимает меня чтобы я что-то делала для него. Я думаю лучше всего и для тебя и для меня это не рассказывать ему об этом нашем сегодняшнем разговоре. Скажем ты просто перестала отвечать на мои звонки. Джордж может через Рега передать Бигенду что ты не хочешь никаких дел с ним.

— Ты думаешь это сработает?

— Может сработает, — сказала Холлис. — В некоторых вопросах Бигенд считает мнение Рега весьма ценным. Особенно в части музыки. Мне кажется Рег в действительности ему симпатичен. Если Регу покажется что твое беспокойство из-за Бигенда, может обеспокоить Джорджда, а это в свою очередь может повлиять на выпуск следующего альбома Боллардс, то Рег сделает все, что сможет, чтобы избавить тебя от внимания Бигенда. Не могу сказать что это лучший план, но другого у меня сейчас нет.

— А ты что будешь делать?

— Скажу ему что ты не могу с тобой связаться.

— Я не про это, — сказала Меридит. — Ты будешь продолжать искать ее?

— Это хороший вопрос, — ответила Холлис.

Глава 44

Разборки

Милгрим стоял у окна своего номера, наблюдая на дорожке вдоль канала нечто, что Олдо скорее всего назвал бы разборками. Термин этот некогда был произнесен в резком критически-отрицательном контексте, подразумевая сочетание

словесного и возможно даже физического насилия. Персона, с которой разбирались, и которую Милгрим инстинктивно отождествил с собой представляла из себя невнятную фигуру в бледном, неряшливом плаще, длиной до середины бедра. Оппонент его, похожий на бетонную плиту чудила в спортивном светло-зеленом костюме, состоящем из штанов и куртки. Милгриму иногда попадались здесь такие и он предположил что это некая ностальгия по почти вымершему в Америке триумфальному стилю криминальных гетто. Подонок, как сейчас видел Милгрим, периодически толкал меньшего ростом мужчину под ребра и в грудь кулаками. Милгрим заставил себя отвернуться, рассеянно потирая рукой свои собственные ребра.

Он спустился вместе с Винни вниз по улице, которая называлась Парквэй (вроде как в Монополии?) до станции на Хай Стрит, расспрашивая ее по пути о Майкле Престоне Грейси. Затем она попращалась с ним, решительно пожав его руку уехала вниз на чертовски длинном эскалаторе.

Возвращался он все по той же Хай Стрит, которая здесь выглядела словно проход в какой-нибудь ярмарке, на которой главными товарами были молодежная обувь и алкоголь, периоди-

чески протискиваясь сквозь гудящую толпу молодых людей возле входов в пабы.

Звонить Бигенду не хотелось совсем, но поскольку Винни достаточно серьезно попыталась сконцентрировать его на этой необходимости, он пообещал ей что позвонит.

Он открыл конверт, который оставил ему водитель. Какое-то время разглядывал разнокалиберные белые капсулы, уложенные в прозрачные пузырьки упаковки, покрытой фольгой, вручную подписанные маниакально-каллиграфически ровными лилово-чернильными буковками. На каждом пузырьке был написан час и день недели, когда его следовало вскрыть. Он никак не мог себе представить человека, который мог бы этим заниматься. Как впрочем у него не возникало и никаких предположений о том, что же там могло содержаться в этих капсулах. Сейчас он ощущал себя крошечной луной, телепающейся между двумя громандными и тяжелыми как жернова мирами Бигенда и Винни, пытающейся следовать воздействиям их обоих и пытающейся, как он предполагал избегать отморозков.

Теперь надо позвонить Бигенду. Как это сделать, особенно учитывая то, что у него теперь нет Нео, а значит и нет номера Бигенда. Он мог конеч-

но найти номер Голубого Муравья и попытаться добраться до него через общий номер, но в имеющейся ситуации это мысль не вызывала у него энтузиазма. Он решил взять паузу и направился в ванную собираясь почистить зубы, по полной программе, отметив однако что он по-прежнему не купил специальный ополаскиватель для полости рта. Телефон в комнате разорвался звоном как раз в тот момент, когда он только начал чистить конической щеткой поверхность между задними верхними коренными зубами справа вверху. Не желая бросать свое занятие на середине он вышел из ванны и взял трубку.

— Але?

— Как-то странно ты говоришь, — вопросительно произнес Бигенд.

— Извините, — сказал Милгрим извлекая щетку, — у меня рот занят.

— Спускайся в лобби. Олдо скоро заберет тебя. Захватите Холлис по пути ко мне. Нам надо поговорить.

— Хорошо, — сказал Милгрим, прежде чем Бигенд успел повесить трубку. Но затем вдруг озаботился, а можно ли будет передать рассказ Винни о Грейси в присутствии Холлис.

Подумав пару секунд он вернулся в ванную

чтобы закончить чистить зубы.

Глава 45

Сверхзвуковые Шрапнели

Черные велосипедные шорты делали белые и мускулистые ноги Хайди еще более белыми и мускулистыми. Квадратные плечи покрыты навороченной черной тамбурмажорской курткой. Хайди сидела на краю пиблокто безумной кровати в позе гаргульи, словно вцепившись в него крашеными черным лаком ногтями. Две бледно-серебристых стрелки дартс заправлены словно пули в патронташ за перевязи толстого шнура, навязанного на груди куртки. Их кроваво-красные, тонкие как бумага, пластиковые стабилизаторы смотрели ровнехонько в потолок Номера Четыре. Третью стрелку она крутила между большим и указательным пальцами так, словно собиралась ее курить.

— Вольфрам, — произнесла Хайди, — и рений. Легированные, супертяжелые. Она посмотрела на черный наконечник стрелки, почти невидимый в этом освещении. Тяжелые, многослойные шторы лишь подчеркивали ночную тьму, и толь-

ко маленькая, швейцарская лампочка освещала комнату и предметы в ней, с высоты, из птичьей клетке-библиотеки.

— Аджей знает где можно купить такие. Стоят по сто фунтов за штуку. Из таких материалов можно делать сверхзвуковую шрапнель.

— Зачем они тебе? — спросила босая Холлис, сидевшая в полосатом кресле у изножья кровати.

— У них чудовищная пробивная способность, — сказала Хайди, резким но легким движением бросив стрелку, которая воткнулась в глаз черной блестящей Конголезской статуэтки в трех метрах позади Холлис.

— Перестань, — сказала Холлис, — Я не хочу платить за порчу обстановки здесь. Я думаю это эбеновое дерево.

— Твердое, — сказала Хайди, — но не такое твердое как вольфрам. Раньше его называли тунгстен. Надо было играть металл, тогда мы назвали бы группу «Вольфрам». Его добавляют в оплетку струн для инструментов. Потому что он очень плотный. Джимми мне говорил.

Имя умершего друга Холлис на мгновение повисло в воздухе.

— Мне кажется я не смогу закончить это дело для Бигенда, — произнесла Холлис.

— Чего так? — Хайди вытащила вторую стрелку, и подняла ее вверх как крошечный меч, нацеливаясь в какую-то точку в районе птичьей клетки.

— Не бросай, — Холлис попыталась сказать это как можно убедительней. — Я полагала что нашла кое-кого для него. Женщину, которая придумала эту куртку. Хотя он может и не знать что это женщина.

— Ну и? Ты ее нашла или как?

— Я нашла кое-кого, кто встречался с ней. Это Мередит, подруга Джорджа.

— Как тесен этот мир, — брови Хайди изогнулись.

— Иногда мне кажется что Бигенд обладает способностью сгущать пространства и притягивать вещи… — сказала Холлис.

— Рег, — сказала Хайди, рисуя черным наконечником стрелки узоры на коже, в опасной близости от глаза, — как то сказал что Бигенд просто продюсер. Только не музыкальный, а скорее Голивудского типа. Гигантская версия того, кем мечтал быть мой засранец, но только без заморочек на тему киносъемок. — Она опустила стрелку и серьезно посмотрела на Холлис. — Может быть он хотел бы этим заниматься все по той же мошеннической схеме Понци?

— А ты не знала чем он занимается?

— Я не думала что он вообще чем-то занимается. Он был мастером по части распределения обязанностей. Назначит какую-нибудь часть себя ответственным за решение какой-либо проблемы и забудет о ней. Рег сказал что он лет десять уже так живет.

— Ты уже видела Рега?

— Мы с ним пообедали пока ты каталась в Париж.

— Как он там?

Хайди пожала плечами, при этом левый эполет ее куртки, обрамленный бахромой приподнялся примерно на полдюйма и опал обратно. — Нормально. У меня обычно не бывает никаких проблем с Регом. Я знаю один секрет.

— Какой?

— Я игнорирую все, что он говорит, — сказала Хайди с излишне оптимистичной серьезностью. — Доктор Фудживара посоветовал мне. — Она нахмурилась. — У Рега похоже есть свои сомнения по поводу твоей работы на Бигенда.

— Он был одним из тех, кто советовал мне взяться за эту работу. Это была его идея.

— Это было до того как он понял что Бигенд что-то там замышляет.

— Сущность Бигенда такова, что он всегда что-нибудь замышляет.

— Немного не так, — сказала Хайди. — Инчмэйл ведь не знает что происходит. Правда? Иначе он бы уже проболтался. Он же не умеет держать язык за зубами. А вот у его жены, по работе были некие звоночки, этакие сигналы от лондонского коллективного Пи-Ар разума. «Провода гудят» как она выразилась. Провода конечно греются, но это пожалуй еще не совсем сигнал. Это скорее дозвуковой гул. Пи-Ар люди мечтают о Бигенде. Представляют его профиль на монетах. Произносят его имя, когда подразумевают что-то этакое. «Знамения» сказал Рег. Как перед землятресением. Он с тобой хочет об этом поговорить. Только не по телефону.

— В Голубом Муравье что-то происходит. Привидения в корпорации. Хьюберта похоже это не очень беспокоит. — Она вспомнила что он ей говорил о близком завершении какого-то длительного проекта и его расстройство в отношении момента, который выбрал Слейт, для своего дезертирства.

— Ты не хочешь говорить ему кто делает эти куртки?

— К счастью я просто не знаю кто их делает.

Но я уже сказала ему что Меридит знает кто их дизайнер. Если она не захочет мне сказать, а она совершенно точно не хочет этого делать, и я с ней в этом согласна, то он все равно не отстанет от нее. У него уже есть кое-что, что ей действительно очень хочется получить, ну или он найдет это, если еще не нашел.

— Это так нужно тебе?

— Это нужно ей. Сначала она решила сказать мне. Затем передумала, и сказала почему передумала. Рассказала целую историю… — Теперь пришла очередь Холлис пожимать плечами. — Так ведь тоже иногда бывает. — Она опустила ноги на ковер и встала, потягиваясь. Подошла к полке, точно в центре которой красовалось оперение стрелки дартс, как результат внезапной и вполне убедительной Дадаистической инсталляции в одной из глубоких глазниц прямолинейной эбеновой головы. Она попыталась вытащить стрелку и голова поползла вслед за ее движением, к краю полки. — Ничего себе воткнулась. — Она придержала скульптуру левой рукой, вывернув стрелку правой.

— Это из-за того что центр массы сконцентрирован за острием.

Холлис наклонилась, чтобы заглянуть в левый

глаз черной головы. Маленькая круглая дырочка. — Как ты этому научилась?

— Я не училась и не тренировалась. Оно получается само собой. Когда я сказала об этом Аджаю, он сказал что любит меня.

— Любит тебя? — Холлис посмотрела на черный наконечник стрелки.

— Любит что у меня вот так получается. А что твой приятель?

— С моим все просто. — сказала Холлис, — он не звонит.

— Позвони ему еще раз.

— Не вижу смысла. — Он пересекла комнату, возвращаясь к кровати и протянула стрелку Хайди. Хайди взяла ее.

— Вы поругались?

— Нет. Можно было бы предположить что мы отдалились друг от друга, но это тоже не верно. Когда мы были с ним, это было как будь-то мы вместе проводили отпуск. Мы вроде как отдыхали от самих себя. У него не было никаких проектов. Как у актера, в промежутке между съемками. А потом, проект появился, но он возникал постепенно. Как атмосферное явление. Что-то вроде тумана. Он становился все более занятым. Все сложнее становилось с ним встретиться. И я

начала работать над своей книгой. И оказалось что для меня это гораздо важнее, чем я думала сначала.

— Я знаю, — произнесла Хайди, заправляя две стрелки за шнуровку, рядом с третьей, и похоже совершенно не беспокоясь, где в результате окажутся их острые наконечники. — Я помню как встретилась с тобой в Мармоне. Все это было разложено перед тобой на столе и выглядело так, что ты действительно этим занимаешься.

— Это помогло мне понять как пробраться через все это. Работа на Бигенда, жизнь с Гарретом… Я думаю что однажды я смогу посмотреть на эту книгу другими глазами, и переосмыслить все что произошло. Хотя там об этом и не написано. Я поделилась этой мыслью с Регом, месяц назад и он назвал это палимпсестом.

Хайди молчала, слегка склонив голову, ее черные волосы, словно крыло хищной птицы слегка покачивались, с амплитудой буквально в пару сантиметров.

— Но не сейчас, — сказала Холлис. — Я не хочу сейчас ничего переосмысливать и размышлять о содеянном. И снова звонить ему я тоже не хочу. Я оставила ему одно сообщение. Я сделала все так, как он мне говорил, за исключением того,

что я сделала это не для того чтобы сообщить ему что у меня неприятности. Я позвонила, потому что узнала что он попал в беду. Я не буду больше звонить, возможно это какой-то особый вид гордости.

— Магическое мышление, — сказала Хайди. — Рег мог бы так это назвать. И он на это дерьмо полностью перешел. Мы знаем.

Механический сверчок, живущий в телефоне снова склеротически зачирикал. После третьего звонка Холлис подняла тяжелую трубку с палисандрового куба. — Ало?

— Нам надо поговорить, — сказал Бигенд.

— Мы только что поговорили.

— Я отправил Олдо за вами и Милгримом.

— Отлично, — сказала Холлис, решив что эту возможность можно использовать чтобы удрать и положила трубку.

— Человек-ондатра, — сказала Хайди.

— Я должна встретиться с ним, — сказала Холлис, — так что я собираюсь уйти.

— Окей, — ответила Хайди. Откинулась назад, затем поднялась и слезла с кровати, вытянувшись во весь свой рост. — Возьми меня с собой.

— не думаю что это ему понравится, — сказала Холлис.

— Отлично, — сказал Хайди. — Ты же хочешь удрать? Я сделаю так, чтобы он тебя уволил.

— Ладно, — сказала Холлис посмотрев на Хайди.

Глава 46

Черепаховые Завитушки

Отель, в котором остановилась Холлис, не имел совершенно никаких опознавательных знаков, обычно присущих отелям. На резной, антикварной стойке красовалась обнаженная девушка в позе наездницы. Можно было предположить что она на лошади, но резьба была настолько вычурной, что сказать в точности, что же там изображено было очень сложно. Поэтому Милгрим решил сильно не разглядывать.

Стены были обшиты темными панелями, и пара мраморных лестниц, завиваясь уходили вверх. За столом расположился недружелюбно рассматривающий посетителя молодой мужчина. Холодный взгляд его был слегка прикрыт декоративными очками в черепаховой оправе. Мужчина был высокого роста, крепкого сложения, упакованный в костюм в тонкую полоску и

он спросил Милгрима, может ли он ему помочь. По ощущениям Милгрима, мужчина был готов помочь ему вернуться туда, откуда он пришел.

— Холлис Генри, — сказал Милгрим, стараясь произнести это максимально нейтральным тоном, который он слышал много раз в офисе Голубого Муравья в похожих обстоятельствах.

— Да?

— Ее автомобиль здесь. — Сказать грузовик или броневик ему показалось слишком экзотичным. — Не могли бы вы ей передать?

— Обратитесь к администратору, — сказал молодой человек, и вернулся к своему посту возле входной двери.

На первый взгляд с места, где Милгрим находился, за стойкой никого не было. По крайней мере никто не стоял ни возле нее, ни за ней, возле выдвижных ящичков. Милгрим прошел еще несколько метров, пока не обнаружил за ней, похожего на первого молодого человека, только поменьше ростом.

— Холлис Генри, — сказал он, пытаясь воспроизвести все ту же нейтральную интонацию, хотя у него это не очень получилось. Ему показалось что прозвучал он несколько двусмысленно-пошловато, возможно это из-за этой разухабистой

резьбы, которую он вновь обнаружил, когда заговорил.

— Ваше имя?

— Милгрим.

— Она ожидает вас?

— Да.

Мужчина снял трубку очень элегантного, похожего на антикварный телефона, и пока он пытался дозвониться, Милгрим разглядывал композицию, которая показалась ему частью настоящего экзоскелета какого-то животного, возможно даже давно вымершего. — Похоже ее нет на месте. — произнес мужчина.

В этот момент, со стороны лестницы раздался шум, с невнятными металлическими призвуками, и затем Милгрим услышал голос Холлис.

— А вот это должно быть она, — сказал Милгрим.

Появилась Холлис. Она шла в сопровождении бледной, свирепого вида, с орлиным носом женщины, которая могла бы быть капитаном гвардейцев где-нибудь во дворце королевы варваров. Возможно Милгрим подумал так из-за одетой на ней короткой, облегающей куртки, с обрамленными бахромой эполетами и аксельбантами, и куртка и все ее детали имели оттенки

от пепельно-черного до абсолютно черного. Восхищенный Милгрим подумал что для полноты картины ей не хватает лишь сабли.

Не обращая внимания на Милгрима, «черепаховый» мужчина произнес — Ваша машина подъехала, мисс Генри.

— Это Хайди, Милгрим. — голос Холлис звучал устало.

Высокая женщина, крупной и поразительно сильной рукой, не напрягаясь тряхнула ладонь Милгрима в живом и ритмичном рукопожатии. Возможно это некая часть ее системы распознавания личностей. Руке Милгрима было позволено освободиться от захвата.

— Она поедет с нами.

— Конечно, — сказал Милгрим, когда высокая Хайди направилась к двери, точными шагами уверенной походки.

— Добрый вечер мисс Хайд и мисс Генри, — произнес Полосатый мужчина.

— Милый, — сказала Хайди.

— Роберт, — произнесла Холлис.

Он открыл перед ними дверь и придерживал ее пока они не вышли.

— Вот теперь то мы точно покатаемся, — сказала Хайди, обнаружив бронированный Хай-

люкс. — А где у него ракетная установка?

Милгрим обернулся чтобы посмотреть как Полосатый мужчина закроет дверь за ними. Это что, такой частный отель? Он знал что здесь бывают частные парки. — Как называется этот отель? — спросил он.

— Корпус, — произнесла Хайди. — Поехали уже.

Глава 47

В Атриуме Кузинарт

Хайди, по какой-то причине оказалась просто таки знатоком гражданской автомобильной брони. Возможно это особенности жизни в Беверли Хиллс подумала Холлис, когда Олдо заехал в глубь центра города, или возможно это какой-то побочный эффект знакомства с мошенническими схемами Понци. Хайди и Олдо обстоятельно обсуждали действительно ли Бигенд мудро настоял на том, чтобы передние двери были оборудованы электростеклоподъемниками, что автоматически означало отказ от пуленепробиваемого слота для документов в стекле двери, с водительской стороны, через который можно обменяться каки-

ми-нибудь бумагами с водителем, не открывая двери или стекла. Холлис видела что Хайди при этом откровенно флиртует. Хайди уверяла что электростеклоподъемники автоматически означают более слабое бронирование двери, в ответ на это Олдо твердо настаивал на том, что это совершенно не обязательно.

— Я не собирался с ним встречаться сейчас, — сказал Милгрим Холлис, рядом с которой он сидел на заднем сиденье. — Но я должен ему кое-что рассказать.

— У меня тоже нет желания с ним встречаться, — сказала Холлис, совершенно не заботясь о том, что Олдо может ее услышать, хотя она и не была уверена в том, что он услышал. — Я ухожу.

— Ты уходишь? — Милгрим вдруг совершенно растерялся.

— Меридит передумала и решила не рассказывать мне кто дизайнер Хаундс. Она рассказала мне почему она приняла это решение и я думаю что мне лучше больше этим не заниматься.

— Что ты будешь делать?

— Скажу ему что не могу делать то, что делать не могу. — Она хотела бы быть уверенной в том, что только что произнесла. — А ты что хочешь ему сказать?

— О Престоне Грейси, — сказал Милгрим, — это человек, на которого работает Фолей.

— Откуда ты это узнал?

— Кое-кто рассказал мне, — сообщил Милгрим, чувствуя себя по настоящему неловко. — Я кое-кого встретил.

— Кто такой Престон Грейси?

— Майк, — сказал Милгрим. — Она говорит что их всех зовут Майк.

— Кого всех?

— Спецназовцев.

— Он спецназовец?

— Сейчас уже нет. Он торгует оружием.

— А она это кто?

— Винни, — сказал Милгрим, срывающимся голосом. — Она… полицейский. Последнее заявление, подумала Холлис, похоже на очень серьезное признание, причиной которого была беседа или возможно даже некое более интимное общение с кем-то совершенно иным. — В общем она что-то типа полицейского. Даже хуже. Она наверно агент DCIS. — Он произнес это как «дисиз», и у Холлис не было ни одного предположения что бы это могло быть.

— Это британская служба?

— Нет, — сказал Милгрим, — она следила за

мной от Миртл Бич. Она занимается темой, близкой к военным поставкам, по меньшей мере сейчас. Она сфотографировала меня в Севен Дайалз. Затем пришла ко мне в отель. Тебе вернуть твой компьютер?

— Конечно нет, — сказала Холлис. — Зачем она следила за тобой?

— Она думала что мы контактируем с Грейси. Ну что Бигенд мог бы. Затем она поговорила со мной и поняла что Бигенд интересуется такими же военными поставками. — Милгрим говорил очень тихо, Холлис едва его слышала.

— Бигенд торгует оружием? — Она посмотрела на затылок головы Олдо.

— Нет, — сказал Милгрим, — но Грейси пытается заключить договор на поставки, которые интересны Бигенду. Это для легализации деятельности.

— Она хочет чтобы я передал все это Бигенду, — Милгрим выглядел совершенно несчастным.

— Ну так расскажи ему.

— Я не должен был разговаривать с ней, — сказал Милгрим. Он сложил руки вместе и выглядел теперь как ребенок, показывающий что он отчаянно молится. — Я боюсь.

— Чего?

Он пожал плечами. — Я просто… Я вроде как. Ну… я забыл.

— Все будет нормально, — сказала ХОллис, тут же понимая что сказала какую-то нелепость.

— Я не хочу чтобы ты уходила, — сказал он.

Они ехали по узким центральным улочкам, названные простыми именами нарицательными. Она подумала что эти улицы по-настоящему старые. Он не представляла даже в какой части Лондона они сейчас находятся. — Сколько еще ехать? — спросила она Олдо.

— Почти приехали, — ответил он.

Движение было достаточно оживленным. Ансамбль из нескольких новых зданий, навевал ассоциацию о стреле и женской груди. На одном из строений она увидела логотип, который запомнился ей из рекламы на боку такси, которое поймал для нее Инчмэйл в ночь, когда он советовал ей позвонить Бигенду.

Она протянула руку и обхватила сжатую в кулак руку Милгрима. Рука его была очень холодной. — Расслабься. Я тебе помогу. Мы вместе как-нибудь справимся с этим. — Она увидела что глаза его закрыты.

В салоне раздались звуки «Притормози». — Олдо, — сказал Олдо в свой Айфон. — Да сэр. Мисс

Генри, Мистер Милгрим и мисс? — Он посмотрел назад на Холлис.

— Дай мне телефон.

Он передал трубку ей.

— С нами Хайди, — сказала она.

— Я ее не ждал, — сказал Бигенд, — но она может поиграть нашими аэростатами. Нам надо поговорить.

— Она поймет. — Она вернула телефон Олдо. Он поднес его к уху. — Да сэр, — произнес он, и отправил телефон внутрь своего черного пиджака.

— Милгрим и я должны поговорить с Хьюбертом, — сказала Холлис Хайди.

Хайди обернулась. — Я думала что тебе нужна какая-то помощь в этом вопросе.

— Я бы не отказалась от помощи, — сказала Холлис, — но ситуация стала еще сложнее. — Она показала взглядом в сторону Милгрима.

— Что с ним?

— Ничего, — сказала Холлис.

— Не позволяй ему поиметь тебя, — сказала Хайди, потянувшись назад чтобы толкнуть Милгрима в коленку, от чего его глаза, наполненные ужасом, широко раскрылись. — Он засранец, — продолжала Хайди, — все они засранцы.

Пока Олдо парковал свой броневик Холлис в

изумлении пыталась понять кто это «все они». Зная Хайди можно было бы предположить что она скорее всего имела в виду мужчин управленцев. Видимо было что-то что заставляло Хайди постоянно и весьма оживленно контактировать с профессиональными боксерами, и в то же время отталкивало ее как можно дальше от профессиональных же руководителей и администраторов.

Олдо принялся щелкать выключателями на панели управления. После каждого щелчка где-нибудь что-нибудь лязгало и стукало. Он открыл свою дверь, спустился вниз, закрыл ее, открыл дверь Холлис и помог ей спуститься из машины. Рука его была большой и теплой. Вслед за Холлис выкатился Милгрим, вздрогнув когда Олдо тяжело хлопнул дверью. Хайди тем временем открыла свою дверь и выпрыгнула наружу. На ней были серо зеленые брюки-гольф и высокие, до колена, черные, грубого вида сапоги с подошвой, напоминающей танковые траки. Видимо все это было добыто в пиратском набеге на магазины с оставшимися кредитками «гребанного урода».

Холлис посмотрела на здание, перед фасадом которого они припарковались. Оно было похоже на европейский настольный прибор из восьмидесятых. Такой, которые производили Кузинарт

или Крупс. Серый пластик цвета металлик, мягко скругленные углы. Олдо нажал что-то на черном брелке, автомобиль глухо щелкнул и от него почти осязаемо повеяло напряженной дрожью усиленного внимания.

Они пошли за Олдо ко входу в здание, внутри которого их ожидал его почти такой же высокий, но менее очаровательный коллега, имени которого Холлис ни разу не слашала.

— Надеюсь анализов мочи в этот раз не будет, — ей показалось что Милгрим почему-то сказал именно эту фразу, и она решила сделать вид, что не услышала что он сказал.

Они прошли через дверь, и двинулись за следующим мужчиной с Ямайки, при этом дверь за ними закрылась на замок с характерным щелчком. Мужчина привел их в центр здания, который выглядел в точности как атриум Кузинарт, но только в миниатюре. Холлис имела смутное представление о стоимости недвижимости в центре Лондона, предполагая как владельцы должны были мучиться глядя на этот девственно пустой, чисто в Американском стиле объем пространства, который наверняка по их мнению должен был бы быть заполнен практичными, офисными ячейками без окон. Атриум простирался вверх на

все пять этажей, по периметру каждого из уровней проходил балкон, сделанный похоже из того же пластика, окрашенного краской металлик или металла похожего на пластик, что и внешняя поверхность здания. Как уменьшенная копия какого-нибудь отеля из центра Атланты.

Бигенд, в своем пальто, стоял в самом центре. Двумя вытянутыми и чуть согнутыми в локтях руками он держал Айфон, слегка двигая по его поверхности большими пальцами.

— Мне надо поговорить с Холлис и Милгримом, — сказал Бигенд Хайди, предлагая ей Айфон, — а ты можешь пока посмотреть вот это. Управление совершенно интуитивное. Видео естественно идет из носовой камеры. Попробуй сначала ската, затем пингвина. — Он показал наверх. Все одновременно посмотрели вверх. На уровне равномерно светящихся потолочных панелей атриума висели пингвин и скат. Серебристый пингвин, был похож на пингвина лишь отдаленно. А вот черное, дьявольски динамичного вида пятно ската выглядело значительно более реалистично. — Попробуй их, — сказал Бигенд. — Они восхитительны. Очень расслабляет. Все, кто сейчас находятся в здании, мои работники.

Хайди внимательно рассматривала аэростаты,

как будь-то они и были целью ее визита, затем она бросила взгляд на Айфон, который теперь держала в руках, очень похоже на Бигенда. Ее пальцы начали двигаться. — Черт, — произнесла она оценивающе.

— Сюда, — сказал Бигенд. — Я арендую два этажа офисов здесь, но сейчас они заняты. Мы можем расположиться здесь… — Он повел их к эль-образного профиля скамье, сделанной из скучной алюминиевой сетки, стоящей под уходящим вверх лестничным пролетом. Это место было бы похоже на место для курения, если только в этом здании можно было курить. — Помните я вам говорил про Амстердамского дилера, у которого мы купили вашу куртку? Его таинственного антиквара?

— Не очень.

— Мы вернулись к этому. Точнее говоря это стратегические бизнес-аналитики, которых я нанял в Гааге, вывели нас к этому. Это пример того, как Слейт вышиб меня из зоны моего комфорта. Я никогда не доверял частным детективам, охранным агентствам и фирмам, которые занимаются частным сыском. Никому. В настоящий момент у них нет ни одной зацепки, на кого мог бы работать Слейт.

— И? — Холлис наконец села на скамейку, и Милгрим устроился радом с ней, глядя на Бигенда в упор.

— Я отправлю вас обоих в Чикаго. Мы думаем что дизайнер Хаундс там.

— Почему?

— Наш дилер, совершил еще несколько сделок с антикваром, который привез ему куртку. И антиквар и куртка, приехали из Чикаго.

— Вы уверены?

Он пожал плечами.

— И кто же дизайнер?

— Я вас туда посылаю, чтобы вы выяснили это, — сказал Бигенд.

— Милгрим, — сказала Холлис, — хочет вам кое-что рассказать. — Холлис хотела сменить тему разговора, чтобы получить передышку и подумать, и никаких других идей ей в голову не пришло.

— Милгрим? — спросил Бигенд.

Милгрим издал короткий, странный высокий звук, как будь-то перегорело какое-то электронное устройство. Закрыл глаза. Открыл их, и произнес. — Коп… в Севен Дайалз. Которая меня сфотографировала. Та, что из Миртл Бич.

Бигенд кивнул.

— Она агент. Из, — он снова закрыл глаза, — Службы Уголовных Расследований Министерства Обороны. — Милгрим открыл глаза, видимо удивившись тому, что он еще жив.

— Это признаться для меня откровение. — сказал Бигенд после паузы, — Она как я понимаю американка?

— Это из-за брюк, — сказал Милгрим. — Она следила за их перемещением. Затем их показали нам и она решила что мы возможно того же поля ягоды что и Фолей и Грейси.

— Пожалуй что так оно и есть, благодаря Оливеру.

Холлис впервые услышала чтобы Бигенд назвал Слейта по имени.

— Она хочет чтобы я рассказал вам о Грейси, — сказал Милгрим.

— Я тоже хочу чтобы ты мне рассказал, — произнес Бигенд, — но возможно проще мне было бы поговорять прямо с ней. Не могу сказать что совершенно не приспособлен к общению с американцами.

— Она должна вернуться домой, — сказал Милгрим. — Ей не удалось разобраться с ситуацией здесь. Вы оказались не тем, кем она вас считала. Вы просто конкурируете с Фолеем и Грейси. Но

она хотела чтобы вы знали о Грейси. Грейси не понравится если вы выиграете.

— Ему уже не нравится, — сказал Бигенд. — Он завербовал Слейта, возможно на торговой ярмарке корпуса морской пехоты в Каролине. Если только Слейт не захотел работать на него сам, такой возможности я тоже не исключаю. Она объяснила почему она хочет чтобы я все это знал, эта анонимная федеральная агентесса?

— Винни Танг Вайтэкер, — сказал Милгрим.

— Через дефис? — вытаращился на него Бигенд.

— Нет, — сказал Милгрим.

— И что она сказала? Почему она хотела чтобы я знал об этом человеке?

— Она сказала что вы богатый и у вас есть юристы. И что если бы она могла натравить вас на него, было бы неплохо для нее. Я не думаю что ей удалось найти что-нибудь, что позволило бы ей добраться до него. Она выглядела разочарованной.

— Могла бы, — согласился Бигенд склонившись в своем пальто. — И когда вы все это с ней обсуждали?

— Она пришла в отель, — сказал Милгрим, — после того, как я встретился с вами. А потом мы

поужинали с ней вечером. Во Вьетнамском кафе.

— И кто тогда нанял Фолея?

— Майкл Престон Грэйси. — Холлис поняла что Милгрим старается произнести имя в точности, без ошибок. — Майор армии США в отставке. Спецназовец. Теперь он тренирует полицейских в разных странах, рекомендует им покупать боевое оборудование у его друзей. Иногда это не совсем то оборудование, которое разрешено продавать. И сейчас он пытается заключить контракты, которые интересуют и вас. Разработка, дизайн и производство. Она сказала что он перешел в стадию легализации.

— Ага, — сказал Бигенд кивая. — Он стал достаточно большим, чтобы нанять настоящих юристов.

— Так она и сказала.

— Это очень часто проблематично. Как преодоление горной реки. Дано не каждому. Даже тогда, когда бизнес уже достаточно большой, чтобы нанять юристов, готовых заняться легализацией. Ты же большой, крутой и абсолютно незаконный.

— Я знаю наркоторговца, который купил дилерство Сааб, — сообщил Милгрим.

— Подходяще, — заявил Бигенд, глядя на Холлис.

— Мне кажется она хотела чтобы вы понимали что Грейси опасен, — сказал Милгрим, — и конкурентов, он обычно считает просто врагами.

— Слушай врагов своих, — процитировал Бигенд, — устами их глаголет Господь.

— Что это значит? — спросил Милгрим.

— Есть такая пословица на идише, — сказал Бигенд. — Поощряет размышления.

Что-то пролетело примерно в метре над головой Бигенда. Извилистое, матово-черное пятно, широкое от кончика до кончика крыла примерно как расстояние между кончиками пальцев небольшого ребенка, если бы он раскинул руки в стороны.

— Твою мать! Это клево! — голос Хайди разнесся по всему этажу атриума, — Кстати я слышу все, что вы говорите!

— Будь умничкой, — ответил ей Бигенд, даже не удосужившись повернуть голову. — Отплыви подальше. Или попробуй пингвина.

Кончики крыльев манты неслышно дрогнули, подхватывая воздух, как настоящий скат, в реальном мире, когда он медленно всплывает, изящно двигаясь, едва не задев нависшую лестницу. — Невозможно оторваться, — сказал Бигенд Холлис. — Ваше локативное искусство оживает

снова, на этот раз с недорогими беспилотными аппаратами видеонаблюдения.

— Не такие уж они и дешевые на мой взгляд.

— Нет, — сказал Бигенд, — конечно нет, но все же дешевле платформ, которые вы увидите на Хай Стрит на Рождество. Фестос это гениальная вещь. Мы выбрали такие непривычные формы, чтобы движения были органичными, как в природе. Они не очень быстрые, но если люди их замечают, то в первый момент им кажется что это галлюцинации.

Милгрим кивнул. — Он приезжает, — сказал он. — Грейси.

— В Лондон?

— Она сказала что скоро он будет здесь.

— Слейт его человек, — сказал Бигенд, — так что он предположит что мы изучали эти брюки в рамках наших основных стратегических промышленных разведывательных мероприятий. С одной стороны это не так, с другой стороны мы сделали все, чтобы достать его. Хотя это может быть и Фолей, если рассуждать в этом направлении.

Милгрим перевел свои широко открытые глаза с Бигенда на Холлис.

— Мой друг попал в автомобильную аварию, —

сказала Холлис. — Я останусь здесь, пока не узнаю что с ним.

— Я его знаю? — Бигенд нахмурился.

— Нет, — сказала Холлис.

— Это не проблема. Я не планировал ваш отъезд прямо сейчас. Скажем дня четыре у вас точно есть. Как вы думаете, сможете вы понять что с вашим другом за это время?

— Я надеюсь на это, — сказала Холлис.

Глава 48

Ствол

— У тебя есть ствол? — сказала Хайди Милгриму, когда они вернулись к машине. Милгрим вспомнил розовый результат совместного творчества Моссберга и Тазера, который держал в перчатках Бигенд в офисе Голубого Муравья, и чуть было не сказал ей, что у него нет ствола.

— Нам с Холлис надо поболтать, — пояснила она ему.

Милгрим понял что в этот раз его место на привычном ему переднем сиденье, рядом с Олдо.

Олдо уже ждал их внутри машины. Мотор грузовика глухо урчал. Замки щелкнули, открываясь.

Милгрим и Хайди с усилием потянули на себя каждый свою тяжелую дверь. Он успел забраться внутрь, пока Хайди помогала Холлис. Он закрыл свою дверь до того, как Хайди хлопнула своей. Задвижки замков с плотным звуком вернулись на место. Олдо как-то гордо демонстрировал Милгриму насколько ровные и узкие зазоры между дверями и кузовом. Зазоры действительно были слишком узкими, чтобы попытаться вставить в них какую-нибудь монтировку или рычаг. Слишком узкие даже для «челюстей жизни» сказал он. Милгрим никогда не слышал этого выражения и посчитал что это нечто этакое с Ямайки. Нечто, наводящее экзистенциальный ужас.

Он застегнул громоздкую, замысловатую защелку ремня безопасности и откинулся на сиденье, пытаясь собрать мысли в голове. Похоже что в настоящий момент он один на один с клацающими челюстями жизни? Бигенд можно сказать вообще никак не отреагировал на новости которые принес Милгрим. Похоже его не заботило предупреждение о Грейси, которое отправила ему федеральный агент Винни. Милгрим внезапно ощутил признаки панической атаки, второй по счету, с момента начала его лечения, если не считать ощущения, которые он испытал, в мо-

мент, когда Винни сфотографировала его в Кафе Неро, что в общем то было ложной тревогой. Как впрочем и все остальные его панические атаки, на что ему неоднократно указывала его врач. Его лимбический ум источал ручейки иррационального страха, как будь-то он был навсегда защелкнут защитной рамой в тележке американских горок, готовой в любую секунду рвануть в свой безумный заезд. — Не говори себе что ты боишься, — советовала ему врач, — согласись что у тебя просто есть страх. Иначе ты можешь поверить что ты и есть страх.

— Ты не вышла из игры, — произнесла Хайди у него за спиной.

— Нет, — согласилась Холлис. — Это неподходящий момент.

— Тебе надо было попробовать погонять эти пузыри. Это мать твою что-то!

Асфальтовое покрытие дороги в центре Сити, не такое уж старое, но уже многократно ремонтированное фрагментами, заставляло пуленепробиваемые шины гулко вибрировать.

Милгрим рефлекторно вздохнул и позволил себе слегка наклониться вперед, насколько позволял ремень безопасности. Расслабься, сказал он себе. Живи сейчас, как рекомендовал врач.

В этот момент, блестящий черный автомобиль, двигавшийся в противоположном направлении, свернул им наперерез. Олдо немедленно бросил машину направо, на значительно более узкую улочку, скорее даже переулок, с темными бетонными стенами без окон. Позади них завизжали шины. Милгрим посмотрел назад и увидел сворачивающие вслед за ними фары. — Смотри в оба, — сказал Олдо ускоряя разгон машины. Надувные жгуты безопасности, перехватили тело Милгрима, и мгновенно натянулись, автоматически усадив его вертикально и прямо.

— Твою мать, — прокомментировала с заднего сиденья, продолжающийся разгон, Хайди.

А изумленный Милгрим вдруг ощутил непостижимо-бездумную радость, такую же как на развязке Хэнгер Лэйн, растворяясь в басовитом реве турбины Хайлюкса.

Скованный, упругими, надутыми полосами, он приложил усилие чтобы посмотреть назад. Свет фар. Черный автомобиль.

Олдо ударил по тормозам, заставив Милгрима зависнуть в надувной сбруе. Спереди к ним тоже приближались горящие фары.

— Ну ладно, — произнес Олдо. Его зубы сияли ослепительно белым в свете приближающихся

фар.

Милгрим посмотрел в сторону увидев примерно в пятидесяти сантиметрах ровную старинную стену.

— Олдо, — сказала Холлис.

— Один момент пожалуйста, мисс Генри, — сказал Олдо.

Автомобиль что перед ними, был теперь всего в паре метров. Щурясь в ярком свете фар, Милгрим разглядел за ветровым стеклом автомобиля двух мужчин. Один из них, водитель, был в черной балаклаве. Другой, был в белой маске, одетой странно и не до конца. Перед ветровым стеклом он держал что-то, чтобы это что-то увидел Милгрим.

Оказалось что это что-то — это Нео Милгрима.

Милгрим понял что видит Фолея. В маленькой черной шапочке, поверх перевязанной головы. Фолей смотрел на Милгрима одним глазом, второго Милгриму не было видно. Рука Фолея поднялась и он медленно и предостерегающе покачал пальцем.

А в следующее мгновение выражение лица его резко изменилось. Олдо отпустил сцепление и врезался в стоящий перед ним автомобиль, вдавив и удерживая педаль газа. Автомобиль

с Фолеем начал двигаться назад, а водитель в маске судорожно дергал руль. Милгрим увидел несколько искр, вырвавшихся словно из под точильного камня. Олдо продолжал давить на газ, ускоряя огромную массу грузовика гигантской мощью двигателя и Милгрим находясь в центре происходящего вдруг понял почему Олдо так гордился своей «практически боевой машиной».

Водитель в машине напротив теперь уже бросил руль и просто закрывал лицо руками. Напор Хайлюкса шмякнул авто противника об стену напротив, выбив еще несколько искр и тогда Милгрим обнаружил что они находятся где-то в дальнем конце улицы, на самых задворках этого мира.

Краска на деталях автомобиля Фолея была содрана, местами до пластика. Решетка радиатора валялась на дороге в стороне и чуть по диагонали. Водитель за рулем боролся со сработавшей подушкой безопасности.

Олдо мягко сдал назад, затем на быстро и аккуратно, чуть под углом, подъехал к автомобилю Фолея. Затем спокойно и аккуратно развернулся, и сдал назад так, чтобы его грузовик практически полностью заблокировал проезд.

Милгрим услышал визг тормозов позади и по-

вернулся чтобы увидеть как черный автомобиль сдает назад, а его светящиеся фары удаляются. Несколько раз раздался скрежет металла о стену.

— Фиона отвезет вас домой, мисс Генри, — сказал Олдо, когда Милгрим повернулся и увидел что тот быстро двигает пальцами по экрану своего Айфона.

— Фиона, — повторил с надеждой Милгрим.

— Вам всем надо побыстрее уйти отсюда, — сказал Олдо. — Полиция уже выехала. Мисс Хайд, пожалуйста идите вместе с мистером Милгримом. Он тронул что-то на панели и защитные жгуты немедленно разблокировались. Милгрим посмотрел вниз, где на они теперь лежали, на его груди, словно резиновые биты, на готской вечеринке. Щелкнули замки дверей.

— Валим, — это голос Хайди.

— Эй, — это уже Холлис. — Не бей меня!

— Шевелись!

Милгрим послушно распахнул дверь и выпрыгнул наружу, прикусив при этом уголок языка. Он почувствовал вкус крови, какой-то металлический привкус и страх, хотя и несколько иначе нежели раньше. Сейчас он просто ощущал себя живым и здесь, и это было то, что это было. Он моргнул.

Затем он увидел Фолея, который вывалился откуда-то из-за разбитой кормы их автомобиля. Кулаки его были сжаты, и направлялся он прямой наводкой к ним.

В этот же момент он обнаружил что в узкое пространство между ними, изолирующе вклинился мотоцикл Фионы. Она врезелась в реальность словно бы из другого измерения.

Фолей немедленно испарился, как только Фиона в своем желтом шлеме, бешенно завывая мотором, практически на месте провернула свой огромный мотоцикл на крошечном пятачке пространства.

Хайди шагнула вперед, затем вытолкнула Холлис перед собой, а затем внезапно приподняла ее и усадила на мотоцикл сзади, как ребенка усаживают на пони. Милгрим увидел как Фиона бросает Хайди запасной шлем, и галюцинирующе ощутил запах лака для волос, в момент, когда Хайди одела шлем на голову Холлис, слегка стукнув затем по желтому шлему Фионы костяшками пальцев. Он увидел как Фиона подняла большой палец левой руки вверх, даже не снимая правую с рукоятки газа, затем двигатель взвыл и они рванулись с места, при этом Холлис обхватила Фиону руками за талию.

— Где Фолей? — Милгрим пытался смотреть одновременно во все стороны.

— Нам сюда, — Хайди указала ему направление вниз по улице. — Его водитель подобрал его. Нам сюда. Двигаем. — Она указала в проход за грузовиком.

— Мой ноутбук, — вспомнил Милгрим. Он обошел грузовик, вернувшись к кабине и вытянул сумку.

— Держись, — сказала Хайди Олдо, который как раз прикуривал сигарету, элегантной серебрянной зажигалкой. Она дружески толкнула его кулаком в облеченное в черное плечо, когда они уходили.

В этот момент Милгрим услышал сирены. Британский их звук был чужим и незнакомым и их было очень много.

Чтобы не отстать от высокой спины Хайди, ему приходилось спешить изо всех сил.

Глава 49

Великий Мальборо

Движение вперед, поворот, снова вперед, опять поворот, и все время резкий запах лака для во-

лос.

Ее тело уже привыкло наклоняться в поворотах, в обнимку с сильной, стройной девушкой, грудь которой тем не менее вполне ощущалась даже через бронированные слои Кордура. Сквозь тонированный пластик шлема они видела очень мало, только то, что каждый их крен в повороте, подсвечивался стробоскопическими огнями улицы. Прямо перед ней, желтый шлем с диагональной царапиной, словно продранной тремя большими когтями. По сторонам дымка абстрактных Лондонских текстур, лишенных смысла, как примеры фоновых изображений в графической программе. Тент Прет А Мэнгер, кирпичная стена, возможно зеленый значок Старбакс, опять стена, нечто, этого красного официального оттенка. И маршрут их побега, как она догадалась по большей части был проложен там, где не мог проехать автомобиль. По крайней мере трафика вокруг она так и не ощутила.

Вдруг они поехали медленнее. Остановились, затем покатились задом, на парковочное место. Зажигание выключилось и Лондон внезапно стал странно тихим. Водитель сняла свой желтый шлем, когда Холлис отпустила ее. Затем Холлис откинулась назад и сняла свой шлем обнаружив

что он черный.

— На всякий случай сходи в уборную, — сказала девушка, двадцати с небольшим лет, со светло русыми, спутавшимися под шлемом волосами, и личиком, немного похожим на лисенка. Лак для волос похоже был не ее.

— Уборную?

— Внизу, — сказала девушка, указывая на значок «для женщин». — Там чисто. Открыт до двух. Бесплатно. — Выглядела она очень серьезно.

— Спасибо, — сказал Холлис.

— Фиона, — сказала девушка через плечо.

— Холлис.

— Я знаю. Поторопись пожалуйста. Я пока проверю сообщения. — Холлис спустилась с мотоцикла, глядя как Фиона делает то же самое. Фиона нахмурилась и сказала — Пожалуйста поторопись.

— Извини, — сказала Холлис, — голова не работает.

— Без проблем, — сказала Фиона. Выговор ее не был Британским, как собственно не ощущалось в нем и никаких других акцентов. — Если ты не вернешься, я приду тебя искать.

— Хорошо, — ответила Холлис, ступая на лестницу и ощущая свои колени несколько странно.

Вниз, к яркому свету дешевого светильника, белой плитке и запаху современного дезинфицирующего средства.

Усевшись в кабинке и закрыв дверь, она сначала было собиралась поплакать. Попыталась вспомнить, не ударялась ли она головой обо что-нибудь потому что мозг ее казалось стал слишком большим, но ничего такого вроде бы не было. И вообще это было невозможно, потому что Олдо проделал этот фокус с привязными ремнями, которые как она вспомнила превратились в нечто, вроде шейного бандажа, или биоморфные треугольные подушки через грудь. Она подумала что неплохо иметь такие, особенно если собираешься полихачить за рулем.

— Господи, — вдруг вспомнила она, — да это же был Фолей. — Тот самый Фолей Милгрима, которого она встретила в освещенном голубым светом гроте подвала под Салон Дю Винтаж. Выглядел он одновременно плохо одетым и как-то как страшная версия для взрослых фотографии Дайэны Арбус, та, на которой изображен эмоционально растрепанный мальчик с ручной гранатой. К тому же на голове у него была повязка, как будьто он ранен.

Здесь была поразительно гладкая туалетная бу-

мага. В каком-нибудь клубе она бы предположила что это было сделано намеренно, с претензией на ретро к примеру.

Вверх, к маленькому островку бетона, который представлял из себя крошечную площадь, которая не была квадратной. Девушка, назвавшаяся Фионой стояла возле своего мотоцикла и тыкала пальцем в пиксели на своем Айфоне. Около полудюжины других запаркованных здесь же мотоциклов были такими же большими и крутыми на вид. Пара курьеров стояли и курили на асфальте за рядом своих мотоциклов, как нечеткие очертания рыцарей, зубчатые пластины карбоновых доспехов делали их спины похожими на спины динозавров Юрского периода. Бесформенные волосы и бороды, как массовка на съемках фильма о Робин Гуде. За ними она разглядела макет Тюдоровского фасада Свободы. Значит это улица Великого Мальборо. Не так уж далеко от Портмэн Сквер. Ей показалось что прошло уже несколько дней как она уехала оттуда.

— Готова, — сказала Фиона у нее за спиной.

Она повернулась чтобы увидеть как Фиона закладывает телефон в карман грудного кармана своей черной куртки. — Где Хайди и Милгрим?

— Это мое следующее задание, — ответила Фи-

она, — после того как я отвезу тебя в отель.

— Вы знаете где они?

— Мы можем их найти, — Фиона произнесла это уже перекидывая ногу через байк. На ногах у нее были черные ботинки высотой до колена. Их голенища были подвернуты вбок, а носки стерлись до светло серого цвета. В протянутой руке она держала шлем.

— У меня от него головная боль, — сказала Холлис.

— Извини, — сказала Фиона, — это Миссис Бенни его одевала.

Холлис одела шлем на себя и устроилась позади Фионы, без дополнительных объяснений.

Глава 50

Банк-Монумент

Сити никогда не нравился Милгриму. Он всегда напоминал ему монолитные конструкции, хотя монолитность эта была некоего старого масштаба. Слишком много мест, где можно спрятаться. Отсутствие свободного места между зданиями. В течение многих столетий Сити словно бы поворачивался к людям спиной, заставляя их

чувствовать себя крысами, бегущими по подвалу, где нет ни одной норы. Именно это он сейчас и ощущал. Очень сильно. Хотя они и не бежали. Они шагали. Очень быстро. Благодаря длинным ногам Хайди.

Он был облачен в черную куртку «Сонни», которую Хайди купила у приятного на вид, похожего на турка офисного уборщика, здесь на Ломбард Стрит, расчитавшись с ним купюрами из свернутого в рулон свертка. Надпись представляла собой вышивку на левой стороне груди, белыми буквами, и выглядела как очень приличная подделка под фирменный логотип Сони. Его собственная куртка была свернута и уложена в сумку поверх его ноутбука. В довершение обмена, уборщик уступил им еще серую трикотажную акриловую шапочку, которую Хайди натянула пониже, спрятав под нее свои черные волосы. Свою куртку она вывернула, явив наружу потрясающе алую шелковую подкладку. Подбитые бахромой эполеты превратились в подплечики, подчеркнувшие ее и без того внушительные плечи. Весь этот маскарад как предположил Милгрим, был нужен чтобы их не смогли узнать какие-нибудь гуляющие по округе подельники Фолея или вездесущие камеры, местонахождение которых Милгрим

теперь определял безошибочно.

Он немедленно пожалел о том, что вспомнил о Фолее. Инцидент с Хайлюксом и двумя тачками не представлялся приятным событием, и главное что он ничем не мог помочь, хотя верил что причиной проблемы был именно он.

На голове Фолея он явственно разглядел бинтовую повязку, под шапочкой, и мог только предполагать что появилась она в результате встречи Фолея с телохранителями юной русской мамочки в Париже. Если Слейт направлял Фолея за телефоном Милгрима, то Фолей должен был преследовать зловещую коляску, это к гадалке не ходи. И нарвались они там скорее всего на неприятности из-за того, что Милгрим поддался неожиданному бунтарскому импульсу. А поддался он ему не со зла и не в гневе, а скорее из чувства обиды.

Хайди достала свой Айфон, и провела пальцем по экрану. Послушала, затем отвела трубку подальше, как будто игнорируя сообщение, которое уже слышала. Затем поднесла телефон обратно и произнесла — Слушай Гаррет. Холлис Генри по уши в дерьме сейчас. Ее, как мне кажется только что пытались похитить. Позвони ей. — Она стукнула пальцем по телефону еще раз.

— Кто это?

— Бывший Холлис, — сказала Хайди, — точнее его голосовая почта… Я надеюсь.

— Это тот, кто прыгает с небоскребов?

— Это тот, кто не отвечает на ебаные звонки, — сказала Хайди убирая телефон.

— Почему мы не возьмем такси? — Мимо уже проехали несколько.

— Потому что они не смогут остановить поезд.

Теперь они шли по ущелью улицы Короля Уильяма. Оживленное движение, много такси. Ремень сумки врезался в его плечо. От куртки Сонни доносится слабый аромат специй видимо после последнего обеда ее владельца. Теперь он почувствовал голод, не смотря на то, что они обедали с Винни во Вьетнамском ресторанчике. Он вспомнил USB модем Холлис, с помощью которого он подключался к сети в поезде под Ла-Маншем. Ему стало интересно, работают ли телефоны в Лондонской подземке. Он не знал работают ли они в метро в Нью-Йорке, тогда у него не было телефона. Если в метро телефоны работают, он сможет послать сообщение Винни, когда они будут в поезде. Написать ей о Фолее и Хайлюксе. Пытались ли они похитить нас? Похоже что так, если только не что-нибудь еще

похуже. Только вот что толку пытаться похищать пассажиров бронированного почти по боевым стандартам грузовика? С другой стороны вряд ли выпускник Школы Дизайна Парсона мог знать о таких вещах.

Впереди станция Банк и толпа пешеходов вокруг них начала сгущаться. Это была Центральная Линия, по которой они проедут прямо до Мраморной Арки, поближе к Портман Сквер, и затем пойдут в отель. Это будет быстрее, чем на такси, и возможно он не успеет достучаться до Твиттера.

Хайди внезапно обернулась, откинув полу своей вывернутой куртки. Милгриму показалось что он увидел большую брошь, которая по-видимому все это время была пристегнута к куртке. Три ракеты, почему то носами вниз, серебрянные с малиновыми хвостами. Она выдернула одну из ракет и швырнула ее куда-то назад, за них, вложившись в бросок всем своим длинным телом.

Кто-то вскрикнул, и звук этот прозвучал для Милгрима как самое ужасное из всего, что он слышал, и он рванул вслед за Хайди, так, будьто бы за ними гнались полицейские, вниз по лестнице внутрь Монумента-Банка.

Глава 51

Кто-то

Холлис лежала в одежде на шитом бархатом пространстве Пиблокто Безумной кровати, глядя на едва заметные шевеления гигантских, изогнутых теней, порожденных галогеновыми светильниками внутри птичьей клетки с книгами, простирающихся сверху вниз, где они в конце концов становились почти невидимыми. Ей казалось что в некотором роде, она теперь буквально не понимает где она находится. Безусловно это по-прежнему был Номер Четыре в Корпусе, но если она только что была объектом похищения, в чем к примеру Фиона кажется даже не сомневалась, то был ли этот Номер Четыре тем же самым местом? Все зависит от контекста. Место то же, но суть происходящего совершенно иная.

Фиона настояла на том, чтобы привезти ее сюда. В номере она заглянула в ванную и в шкаф, хотя в нем ни при каких обстоятельствах было не спрятаться. Холлис предположила что если бы деревянные боковины кровати не упирались внизу в ковер, то Фиона бы заглянула и под нее.

Закрыв дверь дополнительно на цепочку, Фиона собралась на поиски Милгрима и Хайди, предположив что именно этим сейчас необходимо заняться. Фиона сказала что насколько ей известно, с ними все в порядке. Никаких новых идей о причинах нападения на их грузовик, кроме той, которую высказала Холлис у них не возникло. И похоже что она тоже разглядела тень Милгримова Фолея из подвала Салона Дю Винтаж. Как там Бигенд называл его? Фантазер? Как они вообще собирались вскрыть броневик Олдо?

Она вспомнила как Олдо с восхищением рассказывал ей что машину можно запечатать герметично. На борту ее были установлены баллоны со сжатым воздухом, и на ней можно было ехать сквозь завесу слезоточивого или любого другого газа. А если бы на ней был установлен шнорхель, то можно было бы ездить даже под водой.

Банковский сейф на колесах. А стекла, сделанные по какой-то особенно секретной Израильской нанотехнологии, были источником особенной гордости Олдо. Могло ли быть так, чтобы Фолей просто не понимал что представляет из себя серебристый пикап? С точки зрения Холлис, он ничем не отличался от других похожих, удли-

ненных четырехдверных грузовичков, часть кузова которых была съедена дополнительными пассажирскими местами. Пространство кузова было накрыто ребристой крышкой, окрашенной так же как и кузов. Возможно там был размещен запас воздуха. И что вообще произошло с Фолеем с тех пор, как она последний раз видела его в Париже? Попал в аварию? Стукнулся головой?

В дверь стукнули. Два раза, оживленно и довольно резко. — Мисс Генри? — Мужской голос. — Это Роберт, мисс Генри.

Звучало действительно похоже на Роберта. Она села, сползла с кровати и подошла к двери. — Да?

— Тут кое-кто хочет увидеть вас Мисс Генри.

Из уст сотрудника службы безопасности и фраза и бодрая интонация, с которой она была произнесена прозвучали по меньшей мере странно. Холлис отступила назад, быстро осмотрела ближайшую полку и схватила колючую эбеновую голову, в которую Хайди так ловко запустила стрелкой дартс вчера. Перевернула ее, ощутив удобную тяжесть и разрушительный потенциал деревянных зубьев прически статуэтки.

Она открыла дверь, оставив неснятой цепочку и осторожно посмотрела наружу. Роберт стоял

прямо за дверью и улыбался. А где-то с уровня талии Роберта на нее смотрели глаза Гаррета. Она никак не могла собрать все это воедино пока открывала дверь, и она так и не смогла вспомнить впоследствии как она закрыла дверь и сняла цепочку. Так же она потом не могла вспомнить что она сказала, единственное что ей наверное надолго запомнится, это выражение облегчения промелькнувшее по лицу Роберта и его широкая улыбка.

— Извини, я не мог тебе ответить на звонок, — произнес Гаррет.

Она услышала как эбеновый идол хлопнулся о напольное покрытие, отскочив. Широкая спина Роберта скрылась за одной из этих зеленых, словно заряженных весной, дверей в коридоре.

Гаррет сидел в инвалидном кресле.

Хотя нет, это было не обычное инвалидное кресло, потому что как она увидела, пальцы его правой руки двигали джойстик, а сидел он на некоем мобильном скутере, черном, с серыми пневматическими шинами, похожем на гибрид очень высококласного Швейцарского офисного кресла и какой-то страшно дорогой игрушки тридцатых годов. Когда он поехал вперед и пересек порог ее номера, она услышала как сказала

сама себе «О Господи.»

— Все не так уж плохо как может быть выглядит, — произнес он. — Этот инвалидный номер пришлось разыграть для вашего швейцара. — Он нажал кнопку и отстегнул от боковины скутера черную трость. Ее окончание раскрылось четырехногой, с резиновыми наконечниками опорой. — Но без этого пока никак. — Опираясь на трость, он осторожно встал, поморщившись, стараясь не нагружать свою правую ногу.

В следующее мгновение ее руки обвились вокруг него, а он обнял ее одной своей. Лицо ее было мокрым от слез — Я думала ты умер.

— Кто сказал тебе такое?

— Никто. Я сама додумала, после того, как мне сказали что ты прыгнул с этого гигантского здания. И никто не знал где ты.

— Когда ты позвонила я был в Мюнхене. Частная сессия с пятью нейрохирургами, три из Германии и два из Чехии, восстановили некоторую чувствительность в этой ноге. Поэтому я не мог тебе позвонить. Они не дали бы мне телефон.

— И как? Это помогает?

— Это больно, — сказал он.

— Прости.

— В данном случае это хорошо. Может быть тебе закрыть дверь?

— Я не хочу тебя отпускать.

Он погладил нижнюю часть ее спины. — С закрытой дверью это точно получится.

Когда она накидывала цепочку на дверь он спросил — Для кого это? — Она обернулась. Он смотрел вниз, на эбеновую голову. — Это чтобы разобраться с тем дерьмом, в котором как сказала твоя злобная барабанщица, ты оказалась?

— Хайди?

— Оставила мне сообщение в голосовой почте. Примерно час назад.

— Как ты уговорил Роберта привести тебя ко мне?

— Показал ему видео прыжка с башни Бурж с моей камеры на шлеме. Вход для инвалидов здесь с черного крыльца. Он мне помог. Я сказал что подожду тебя во внутреннем лобби пока тебя нет, поработаю на своем ноутбуке немного. Он конечно пришел проверить меня. Посмотрел видео, мы поболтали. Я объяснил ему что я ваш друг. — Он улыбнулся. — Это что? Виски?

— Хочешь?

— Мне нельзя. Болеутоляющие средства. Но ты можешь выпить. Ты выглядишь слегка бледно.

— Гаррет…

— Да?

— Я по тебе скучала. — Это прозвучало невероятно глупо.

— Взаимно. — Он больше не улыбался. — Я же знаю что я круто облажался, когда меня сбил Лотус.

— Тебе не надо было прыгать.

Он покачал головой. — Мне не надо было оставлять тебя. — Он медленно добрался до кровати, опираясь на четырехногую трость. Медленно и аккуратно повернулся и сел. — Сам, — сказал он, — передает тебе привет.

Она не могла сообразить сколько лет было его пожилому покровителю. По меньшей мере лет семьдесят пожалуй. — Как он?

— Нельзя сказать что я порадовал его. Вряд ли я смогу быть снова полезным для него в старом амлуа. Похоже он понял что с трюками покончено для нас обоих.

Она накапала себе виски в хайболл стакан примерно на сантиметр. — Я никогда не понимала его мотивов.

— Это некая разновидность Свифтовой ярости, — произнес он, — которую можно выразить только через чрезвычайно сложные, извращен-

ные подвиги, напоминающие сюрреалистические действа. — Он улыбнулся.

— Это ты о том, что было в Ванкувере?

— Да, в тот раз получилось очень неплохо. И я встретил тебя.

— А потом ты сбежал чтобы совершить новый подвиг, и успеть до выборов?

— Успеть надо было до ночи перед выборами на самом деле. Но это была другая история. Мы просто делали нечто, чтобы не произошло что-то в тот момент.

Глоток виски обжег ей горло. Глаза наполнились влагой. Она осторожно присела рядом с ним, боясь что может причинить ему боль, если толкнет матрас.

Он положил ей руки на талию. — Я себя чувствую как школьник в кино, — сказал он. — На свидании с подружкой, которая терпеть не может виски.

— У тебя волосы отросли, — сказала она, прикоснувшись к его голове.

— В больнице. Очень много процедур. Физиотерапевта следовало бы убить, но я уже проморгал эту возможность. — Он взял из ее рук стакан и понюхал его содержимое. — Глубоко в дерьме, сказала твоя Хайди. Жесткая женщина. Скажи

мне насколько глубоко?

— Я не знаю. Вечером, мы ехали на грузовике, через центр города, со встречи с Бигендом и какой-то автомобиль погнался за нами. Наш водитель свернул в какой-то проезда, вроде аллеи, и мне кажется он сделал совершенно правильно, потому что с другой стороны прямо нам в лоб поехал еще один автомобиль. Водитель был в балаклаве, видно только глаза. Нас зажали между двумя машинами.

— И что произошло?

— Олдо, наш водитель, оттолкал автомобиль тех, что были перед нами назад по улице, и разбил им передок и крыло. Мы были в бронированном грузовике. Тойота. Как танк.

— Хайлюкс, — произнес он. — Броня Янкеля?

— Откуда ты знаешь?

— Это их изюминка. Чей это броневик?

— Бигенда.

— Мне казалось что вы с ним разошлись.

— Разошлись. Правда. Но он вернулся. Несколько дней назад и я снова согласилась работать с ним. Но мне это выходит боком.

— Да уж, кривовато как-то. Давай подрнобности.

— Его Ай-Ти специалист и он же по совме-

стительству специалист по компьютерной безопасности, перебежал к конкурентам. У него были большие планы на контракты на армейские поставки. В Соединенных Штатах.

— У Ай-Ти специалиста?

— У Бигенда. Он хочет разрабатывать одежду. Для военных. Говорит что в этой отрасли кризисов не бывает.

— Так и есть. — Он посмотрел на нее. — Ты знаешь кто за вами гнался?

— Кто-то, кому Бигенд перешел дорогу. Конкурент. Я слышала имя в тот вечер, но не запомнила его. Какой-то американский армейский поставщик вроде.

— Кто тебе это сказал?

— Милгрим. Он работает на Бигенда. Или скорее это его хобби, делать что-то для Бигенда.

— Темнеет, — он оглядел комнату.

Она осторожно поднялась и пошла к выключателю. Включила галогеновые лампы.

— Кто-то похоже обошел все блошиные рынки чтобы обставить эту комнату, — сказал он. — Почти музей истории человечества.

— Вообще-то это клуб, — ответила она. — Инчмейл здеь в членах. Здесь все такое.

Он посмотрел вверх на китовьи ребра. — Порт-

обелло Роад под кислотой.

Она обратила внимание что правая штанина его черных брюк была аккуратно распорота по внутреннему шву снизу и до промежности и скреплена крошечными черными английскими булавками. — Почему твои брюки на булавках?

— Превращаюсь в варвара. Труднее всего найти вот такие одинаковые черные. Так мне проще самостоятельно делать себе перевязку. У меня есть набор в спинке моего инвалидного кресла. — Он улыбнулся. — Швы уже начинают чесаться. — Он нахмурился. — Не очень, но давай о чем-нибудь другом. — Он снова понюхал виски и сделал крошечный глоток. Вздохнул. — Давай лучше о твоем глубоком дерьме?

— Здесь был жучок, — сообщила она, взяв с ночного столика фигурку Голубого Муравья. — Его могли туда поместить еще в Ванкувере, или может быть потом. — Она выдвинула ящик и вытащила жучок в пакетике. — Бигенд? Или Слейт?

— Это кто?

— Это тот самый Ай-Ти специалист, который потом сбежал. Аджей извлек жучка, а Хайди заклеила фигурку обратно. Он сказал что так у меня будет больше пространства для маневра, если мы положим жучка рядом с фигуркой.

— Эй-джей?

— Аджей. Это любимый спарринг партнер Хайди, в ее новом спортклубе в Хакни. Он твой фанат. Настоящий.

— Все изменилось, — сказал он, — не так ли? — Он похлопал по вышитому велюру рядом с собой. — Присядь обратно ко мне. Порадуй старика.

Глава 52

Подробности

Хайди сообщила ему что в Лондонской подземке нет сотовой связи, так что Милгрим даже не стал возиться с модемом. Переезд до Марбл Арк был быстрым. Милгрим сидел, а Хайди стояла, беспрестанно наблюдая не появятся ли среди пассажиров признаки «лиственной зелени».

Куртка на Хайди по прежнему была навыворот. Поскольку Хайди сейчас стояла перед ним, покачиваясь в такт движению, за покачивающимися вслед за Хайди полами куртки он обнаружил что то, что ему показалось брошью с тремя стрелками, оказалось просто стрелками дартс, которыми обычно играют в пабах. Иногда в отеле он вклю-

чал телевизор и обнаруживал там гипнотически утомительные трансляции соревнований по дартс, в сравнении с которыми гольф казался просто контактным и зрелищным видом спорта.

Однако теперь он понял что она сделала. Стрелок осталось всего две. Хреново. В существующих обстоятельствах он конечно должен быть ей благодарен за то, что она сделала, но все равно это было хреново. Хайди правда не выглядела испуганной или растерянной, но ему бы не хотелось чтобы она вляпалась в неприятности.

Покидая подземку он обнаружил что прямо к выходу из Марбл Арк прилепился KFC, который впрочем был закрыт. Запах стоял ужасный, но его вдруг полностью накрыло неожиданно мощной волной ностальгии и желания. Он подумал что тоска по дому, каким бы абстрактным не было это его определение дома, это еще одно чувство, которое он опрессовал бензоатами в своем слабовентилируемом внутреннем пространстве.

А потом Фиона, стоящая у края тротуара посигналила ему дважды мотоциклетным сигналом и помахала ему рукой. Он подошел к ней в тот момент когда она подняла прозрачное забрало шлема так, что он увидел за желтым краем шлема линию ее скулы. Она дружелюбно стукнула его,

приветствуя. — Поедешь со мной, — произнесла она, протягивая ему черный шлем. Затем она приподняла подбородок, чтобы встретиться глазами с Хайди, которая шла рядом с Милгримом и сказала ей, — Я пришлю машину за тобой.

— В пизду машину, — сообщила Хайди, — Я прогуляюсь. Где Холлис?

— В Корпусе. Я заберу Милгрима.

— Валяй, — ответила Хайди, взяв у нее из рук черный шлем и натягивая его на голову Милгриму. Запах лака для волос никуда не делся. На прощание она резко стукнула по шлему костяшками пальцев. Милгрим перебросил ногу через сиденье позади Фионы и обхватил ее руками, ощутив бронированную упаковку девушки. Моргнул от новизны чувств. Повернул голову и увидел тусклый силуэт уходящей Хайди сквозь жалкий визор шлема.

Фиона включила передачу и мотоцикл рвануло вперед.

>>>

— Хворост посыпался, — произнес Бигенд, сидящий за простым белым столом из Икеи. У стола был обломаный угол, а на поверхности его стопками громоздились книжки с образцами тканей.

— Что извините? — Милгрим угнездился на нелепом фиолетовом стуле, с глубоким, дешевым, мягким сиденьем.

— Устаревшее выражение, — сказал Бигенд. — Хворост, это такие ветки для растопки печи. Когда кто-то набирает хвороста больше, чем может унести, тот начинает сыпаться. Это означает что чего-то слишком много.

— Фолей, — сказал Милгрим. — В машине, напротив нас был он.

— Я набрал сколько мог.

— Где Олдо?

— Отвечает на вопросы полиции из разных подразделений. Он неплохо с этим справляется.

— Его арестуют?

— Вряд ли. Помнишь, когда ты разговаривал с Фионой в Париже, ты сказал ей что был в Галери Лафайет. И когда Фолей последовал за тобой туда, ты догадался что он следит за тобой. И затем, когда ты понял что Слейт использует Нео, чтобы Фолей мог знать где ты находишься, ты избавился от Нео, если я правильно помню, бросив его в детскую коляску.

— Это не была обычная коляска, — сказал Милгрим, — абсолютно. Это была некая совершенно современная конструкция.

— Была какая-то причина, по которой ты выбрал именно эту конкретную коляску?

— Женщина… мамаша, которая ее катила, была Русской. Я подслушал ее разговор.

— На кого была похожа эта женщина?

— На жену олигарха… возможно олигарха…

— Или бандита?

Милгрим кивнул.

— Я полагаю ее сопровождал по меньшей мере один телохранитель?

Милгрим кивнул снова.

Бигенд смотрел прямо на него. — Опасная шалость.

— Я извиняюсь.

— Это не игра, так что я не хотел бы чтобы ты начал предпринимать какие-то активные действия в подобных ситуациях, — сказал Бигенд, — хотя теперь я кажется понимаю что ты сделал, и на мой взгляд, ты вел себя безответственно и импульсивно.

— Это ты импульсивен, — неожиданно для себя произнес Милгрим.

— Это предполагается что я должен быть импульсивен. Но я же предположительно и обязан быть осмотрительным. — Он нахмурился. — И дело тут даже не в том, что предполагается. Я

делаю ожидания относительно твоего поведения, учитывая твой жизненный опыт. Почему ты сделал так?

— Я устал от Слейта. Он никогда мне слишком сильно не нравился.

— Он никому не нравился, — согласился Бигенд.

— До этого момента мне ни разу не приходила в голову мысль о том, что он способен отслеживать меня с помощью Нео. Я предположил что так и должно быть, что это вы хотели чтобы он следил за мной, а затем я узнал что вы не доверяете ему и он под подозрением… — Милгрим пожал плечами. — Я ощутил злобу и раздражение.

Бигенд изучающе смотрел на Милгрима. Где-то в глубине сетчатки глаз его, плавало странное катодно-синее отражение Бигендова костюма.

— Мне кажется я понимаю, — произнес он. — Ты меняешься. Они предупреждали меня об этом. Я буду учитывать это в будущем.

Он извлек из внутреннего кармана Айфон и прищурился вглядываясь в его экран, затем положил его обратно. — Женщина в Севен Дайалз. Федеральный агент. Я хочу узнать о ней больше. Я хочу знать все.

Милгрим прочистил горло, хотя он старался

не делать этого никогда в подобных ситуациях. Его сумка лежала возле его ног, ноутбук был в ней, и сейчас он сопротивлялся неожиданному желанию немедленно посмотреть на сумку. — Винни, — сказал Милгрим, — Танг Вайтэкер.

— Почему на тебе этот логотип Сонни? — прервал его Бигенд.

— Хайди купила это у уборщика.

— Это Китайский брэнд, если у кого-нибудь повернется язык назвать это брендом. Скорее логотип. Поставляется на Африканский рынок.

— Я не думаю что он был Африканцем. Внешность у него славянская.

— Джун, — позвал Бигенд, — зайди сюда.

Из сумрака магазина к ним шагнул маленький японец в круглых позолоченных очках. Милгрим не заметил его когда Фиона привела его сюда. По пути он встретил только другого водителя, который забирал у него анализы мочи. — Да?

— Милгриму нужно переодеться. Подбери ему что-нибудь.

— Не могли бы вы встать? Пожалуйста? — попросил Джун. На голове его красовалось характерно британское охотничье кепи, возможно фирмы Кангол, подумал Милгрим. В мозгу Милгрима такие почему то ассоциировались с

Бронксом, в прошлом веке. Еще у Джуна были маленькие очень аккуратные усики.

Милгрим встал. Джун обошел его кругом. — Талия тридцать два, — произнес он. — Длина по внутреннему шву тоже тридцать два.

— Тридцать три.

Он посмотрел на ботинки Милгрима. — Восьмой?

— Девятый, — сказала Милгрим.

— Британский восьмой, — сказал Джун и ушел обратно в полусумрак магазина, где, как помнил Милгрим, сидел водитель, забирающий образцы мочи, с его зонтиком.

— Ей нужны не вы, — заговорил Милгрим. — Она думала что вы можете быть деловым партнером Грейси. У нее не получилось сообразить что там она подсмотрела в Миртл Бич и поэтому она отправилась за мной сюда. И я думаю…

— Да?

— И мне кажется еще ей хотелось посмотреть Лондон.

Брови Бигенда приподнялись.

— Но ни полиция, ни правительство не смогли в действительности помочь ей информацией о вас. Она сказала что видимо у вас там есть связи.

— Она так сказала?

— К тому же они расспрашивали ее о вашем бронированном автомобиле.

— Расспрашивали о чем?

— Им чертовски любопытно.

— Но что она хотела от тебя?

— Она полагала что изучая вас, узнает больше о Грейси, и о Фолее. Но когда она поняла что вы конкурируете, и что вы самостоятельно интересуетесь военными поставками правительству Соединенных Штатов, она перестала интересоваться вами.

— Ты ей сказал это?

— Она перестала вами интересоваться, — повторил Милгрим.

Воцарилась тишина.

— Я понял что ты имеешь в виду, — сказал Бигенд.

— Я не выболтал ей все это по доброй воле, я только отвечал на конкретные вопросы, которые она задавала. Я не знал что еще я могу предпринять.

Вернулся Джун. Руки его были заняты одеждой, которую он положил на стол, отодвинув в сторону образцы тканей. Среди всего прочего красовалась пара блестящих коричневых туфлей. — Встаньте пожалуйста. — Милгрим встал. — Снимайте курт-

ку. — Милгрим расстегнул Сонни-молнию и снял куртку. Джун помог ему облачиться во что-то очень приятно пахнущее из твида, немедленно снял это и помог одеть другое, пахнущее не менее приятно, обошел кругом, застегнул пуговицы и кивнул.

— Но почему ты мне не рассказал все это сразу? — спросил Бигенд.

— Снимайте брюки пожалуйста, — сказал Джун, — и рубашку.

— Я был слишком встревожен, — сказал Милгрим. — Я бы даже назвал это панической атакой. — Он сел на ужасный стул и начал разуваться. Сняв туфли, он встал и начал расстегивать брюки, радуясь что у него есть какое-то занятие. — Я не просил ее следовать за мной. Вы послали меня в Миртл Бич.

— Может быть у конечно у тебя была паническая атака, — произнес Бигенд, — но ты несомненно меняешься.

— Снимите рубашку пожалуйста, — сказал Джун.

Милгрим снял. Он стоял в одних черных носках и трусах, которые он купил в Галери Лафайет, с необычным ощущением того, что что-то куда-то сдвинулось, только он не мог понять что. Джун в

это время разворачивал и расстегивал рубашку из ткани в цветную клетку, которую затем помог одеть Милгриму. Милгрим обнаружил что у рубашки свободный ворот, и когда застегивал пуговицы, осознал что манжеты на рукавах простираются почти до локтя, и застегиваются длинным рядом красивых жемчужных пуговиц.

— Ты был во Флоренции? — спросил Бигенд Милгрима, застегивающего необычные манжеты.

— Флоренция? — Джун как раз передал ему пару габардиновых брюк.

— Тоскана, — сказал Бигенд, — она восхитительна. Особенно в это время года. Дождь. Масса неуловимых оттенков.

— Вы отправляете меня в Италию?

— Вместе с Холлис. Я хочу чтобы вы оба уехали отсюда. Кто-то здесь слишком разозлился на вас. Я запущу в Голубом Муравье дезинформацию, что вы оба улетели в Лос Анджелес. Возможно это обманет Оливера.

Милгрим вспомнил тот возглас, перед станцией Банк, вздохнул, но сказать ничего не решился. Застегнул свои новые брюки, которые оказались странно узкими в лодыжках и заканчивались манжетами.

— Сядьте пожалуйста, — произнес Джун, ко-

торый как раз заканчивал ослаблять шнурки коричневых ботинок. Туфли были похожи на традиционые Оксфордские, с отстроченными в виде буквы дабл-ю, но более узкими носками и толстой, на вид рифленой подошве. Милгрим сел. Джун опустился на колени и помог Милгриму одеть ботинки, затем затянул и завязал шнурки. Милгрим встал. Туфли подошли по размеру, но показались ему жесткими и тяжелыми. Джун подал ему узкий, тяжелый кожаный ремень похожего на туфли оттенка, с блестящей медной пряжкой. Милгрим одел его. — Галстук, — сказал Джун, протягивая ему расписанный в стиле пейсли шелковый галстук.

— Спасибо, я не ношу галстук, — сказал Милгрим.

Джун положил галстук на стол, и помог Милгриму надеть куртку, затем снова взял галстук, свернул его и засунул его во внутренний нагрудный карман куртки Милгрима. Улыбнулся, похлопал Милгрима по плечу и вышел.

— Так лучше, — сказал Милгрим. — Для Флоренции. Белла фигура.

— Я возвращаюсь обратно в Камден?

— Нет, — ответил Бигенд. — Именно поэтому я попросил тебя отдать ключи Фионе. Она заберет

из отеля твои вещи и выпишет тебя.

— А я куда?

— Никуда, — сказал Бигенд. — Ты переночуешь здесь.

— Здесь?

— Здесь есть поролоновый матрас и спальный мешок. Голубой Муравей прямо за углом, хотя они не знают.

— Не знают что?

— Что я Танки.

— Что это значит?

— Танки и Тойо. Название магазина. Я Танки, а Джун Тойо. Отлично правда?

— Он правда Тойо?

— Ты теперь выглядишь, — сказал Бигенд, — как тайный торговец трофеями охотников на лис. Он блестяще провокационно подметил антагонистичность ситуации.

— Здесь есть вай-фай?

— Нет, — произнес Бигенд, — нету.

— Главным образом она хотела донести до вас следующее, — сказал Милгрим, — Винни Танг Вайтэкер. Это то, что Грейси уверен что вы его конкурент. Что в его случае означает что вы его враг.

— Я не его враг, — ответил Бигенд.

— Я украл дизайн его брюк, по вашему заданию.

— Это просто промышленная разведка. Если бы ты не бросил Фолея на русские амбразуры, все было бы значительно проще. И мне не пришлось бы отвлекаться от более важных дел. С другой стороны, а рад что у нас появилась возможность обсудить суть происходящего в деталях, в частном порядке.

— С одной стороны одержимый коп, — сказал Милгрим. — С другой стороны одержимый майор спецназа, который к тому же промышляет незаконными поставками оружия. Я полагаю что мы еще не все знаем.

— Бизнесмен. По меньшей мере я.

— Она сказала что он верит в то, что он практически всесилен, — сказал Милгрим. — Они доверили ему преподавать в школах.

— Чтоб ты знал, это не первый торговец оружием, с которым я имею дело, — сказал Бигенд и встал. Он одернул свой костюм, которому, как показалось Милгриму, уже требовалась поглажка. — В любом случае, ты и Холлис можете гулять по музеям и наслаждаться едой. Это невероятно.

— Еда?

— То, что они умудрились сделать с тобой в

Базеле. Я просто поражен. Теперь я вижу что видимо требовалось какое-то время чтобы эффект проявился.

— Это напомнило мне, — сказал Милгрим.

— Что?

— Что я голоден.

— Сэндвичи, — ответил Бигенд и показал на коричневый бумажный пакет на столе. — Курица и бекон. Булочки с кунжутом. Я свяжусь с тобой завтра, как только мы организуем вашу поездку. До этого времени ты будешь заперт здесь. Сигнализация включена. Пожалуйста не пытайся выйти. Джун придет примерно около десяти тридцати. Спокойной ночи.

После ухода Бигенда, Милгрим съел два сэндвича, и аккуратно вытер пальцы. Затем снял свои новые туфли, поизучав какое-то время логотип Танки и Тойо, отпечатанный внутри, на оранжевой, кожанной стельке, понюхал их, и поставил их прямо на белую столешницу. Серое, виниловое напольное покрытие холодило ноги сквозь носки. Дверь, которая вела в торговый зал магазина, и которую Бигенд закрыл за собой, выглядела дешево, как будьто была пустотелой внутри. Он однажды видел как дилер, по кличке Рыба снял стамеской тонкое фанерное покрытие

с одной стороны двери, похожей на эту. Внутри, она была набита пластиковыми пакетиками с контрафактным мексиканским Валиумом. Он приложил ухо к поверхности двери и задержал дыхание. И… Ничего не услышал.

Интересно, тот чувак, который забирал образцы его мочи, все еще сидит там со своим зонтиком? Сомнительно, и хотелось бы убедиться в этом. Он нашел выключатель на стене и щелкнул им. Постоял пару секунд в темноте, затем открыл дверь.

Свет в магазине горел, но тусклый, испускали его шаткие напольные светильники с бумажными абажурами. Витринное стекло отсюда выглядело как гигантский экземпляр Сибахромного снимка, выставленного в художественной галерее. Как снимок пустой кирпчиной стены, на той стороне улицы, по которой скользят легкие призрачные тени граффити.

Внезапно мимо витрины прошел кто-то в черном балахоне. Милгрим судорожно сглотнул и закрыл дверь. Включил свет обратно.

Уже не пытаясь соблюдать тишину он прошел к другой стороне комнаты и открыл похожую на первую, но меньшего размера дверь и обнаружил за ней чистую маленькую комнатку с совер-

шенно новым туалетом и угловой раковиной. Никаких других дверей больше не было. Ни даже пожарного выхода. Как он догадался, в Лондоне по большей части не было привычных для америки переулков и задних дворов.

Он обнаружил пласт поролона, девственно белого цвета, пятидюймовой толщины, очень широкий, свернутый в толстый, вертикально-стоящий цилиндр. Сверток был скреплен тремя полосами упаковочной ленты, на которой через равные промежутки был отпечатан логотип Голубого Муравья. Рядом лежала толстенькая и удивительно маленькая колбаска, словно бы сделанная из темного радужного шелка и литровая пластиковая бутылка с питьевой водой из Шотландии.

В верхнем выдвижном ящике стола лежала инструкция по его сборке и ножницы с бесцветными пластиковыми ручками. Два других ящика были пусты. Ножницами он разрезал упаковочную ленту, высвободив поролоновый лист, кольцо которого немедленно распустилось, хотя и не развернулось полностью. Он положил его на холодный винил пола, перевернув вогнутой стороной вниз, и поднял шелковую колбасину. Нашарил пластиковый замок на затягивающем

горловину шнурке, отпустил его и вытянул плотно упакованное содержимое наружу. Спальный мешок, когда он его развернул, оказался очень легким, очень тонким и эластичным и радужно переливался черно-лиловыми тонами, так же как и чехол.

Бутылку с водой он перенес на стол, туда же он водрузил и свою сумку, поставив ее рядом с бутылкой. Пододвинул кресло Бигенда и сел в него. Открыл сумку и вытянул оттуда смятую хлопковую куртку. Посмотрел вниз на твидовые лацканы своего нового одеяния, словно бы удивляясь им. Манжеты сорочки были конечно слишком странными, но к счастью под курткой их все равно никто не видел. Отложив свою старую куртку он вытащил Мак Эйр, блок питания, адаптер для британской электросети и красную ю-эс-би модем Холлис.

Британское электричество было какой-то отдельной брутальной породы, с массивными трехногими вилками. А розетки на стенах часто были оборудованы собственными выключателями, похожими на пару подтяжек. «Хворост посыпался», произнес Милгрим, втыкая вилку в розетку возле стола и щелкая выключателем.

Он погуглил фразу «Танки и Тойо» и вскоре

обнаружил что у Джун, Джунья Марукава есть свой собственный магазин в Токио, и что упоминания Танки и Тойо очень часто встречаются в Сети и что в следующем году откроется еще один SoHo филиал на Лафайет. Имя Бигенда нигде не упоминалось вообще. В основе стиля Джуна по-видимому было нечто японское, что по меньшей мере один из корреспондентов назвал «трансгрессивно традиционным».

Открыл страницу Твиттера, вошел. Ни одного сообщения от Винни. Пока собирал в голове слова сообщения для нее, избавился от трех странных девушек, с номерами вместо фамилий, которые хотели подписаться на его обновления.

Глава 53

Сверчок

Ее разбудил скрежет телефонного сверчка, хотя в первое мгновение ей показалось что она и не спала. Всю ночь она пролежала свернувшись рядом с ним калачиком, по-большей части бодрствуя из-за осознания факта его присутствия здесь. От него пахло больницей. Чем-то перевязочным. Он не позволил ей увидеть его

поврежденную ногу, сообщив что «работает над этим».

Он устроился в кресле, собираясь заменить повязки, постелив под себя черный пакет для мусора, который он извлек из висящего на его инвалидном скутере рюкзака и расстегнул булавки на внутреннем шве брюк. Она ждала пока он не закончит, в ванной, прислонившись к опоясывающим душевую трубам полотенцесушителей, и слушая как он насвистывает, нарочито фальшивя, чтобы подразнить ее. — Готово, — позвал он ее в конце концов. — Теперь я в порядке.

Оба шва на его штанинах были зашпилены булавками, когда она появилась из ванной. Пакет для мусора, который он стелил на кресло, теперь лежал на ковре с завязанным в узел углом. — Это больно? — спросила она.

— Пожалуй нет, — ответил он. — Вот процедуры и физиотерапию вряд ли можно назвать приятными. Ты знаешь что у меня бедренная кость из ротанга? — Он изобразил на лице злобную улыбку, усаживаясь прямо.

— Что это?

— Ротанг. Это штука из которой вяжут корзины и мебель. Они придумали способ производства отличных заменителей человеческих костей

из него.

— У тебя такая кость?

— Они только начали тестировать их на людях. На мне на самом деле. Но до этого они проверили их на овцах, результаты отличные.

— Чушь. Невозможно из этого сделать кость.

— Они обжигают их в печах, с кальцием и другими ингредиентами. Под давлением. Длительное время. Получается очень похоже на кости.

— Это полная ерунда.

— Надо было мне попросить их сделать корзину для тебя. Ротанг потрясающая вещь, можно сформировать в точности такую кость, какая тебе нужна. Сплести из него. Затем обработать чтобы она окостенела. Отличная получается замена. В действительности даже крепче чем обычные кости. А микроскопическая структура позволяет кровеносной системе врасти в нее.

— Не дури мне голову.

— Расскажи мне поподробнее что Милгрим сообщил мистеру Биг Энду, — попросил он. Он всегда произносил это имя так, словно это были два слова.

Она нашарила телефонную трубку, еще сильнее ощущая ее массивную абсурдность в темноте и сняла ее. — Я черезе десять минут буду у вас, —

произнес Бигенд. — встретимся в холле.

— Сколько сейчас времени?

— Восемь пятнадцать.

— Я еще сплю.

— Мне надо встретиться с тобой.

— А где Милгрим? И Хайди.

— Мы скоро о нем поговорим. Но не о Хайди. — Он отключился.

Она скосила взгляд на просветы между краями штор. Как можно тише положила трубку на подставку. Дыхание Гаррета по прежнему было мерным.

Осторожно села. Увидела темные горизонтали его ног. Он отказался снимать брюки и носки, перед тем, как они легли спать. На его голой груди, рядом со старыми шрамами теперь появились новые, заживающие, но еще лиловато-багровые. Она встала, и стараясь ступать бесшумно пошла в ванную. Закрыла за собой дверь и после этого включила свет.

Глава 54

Подсветка Air

— Фергюсон, — сказала Винни Танг Вайтэкер, —

это тот, со стрижкой. Он был в самолете, который прилетает в Хитроу, вместе с Грейси.

Милгрим приютился на столе, упакованный в капюшон спального мешка МонБелл, подсвеченный экраном Мак Эйра и его клавиатурой. Он пытался заснуть, но решил еще раз проверить Твиттер. На шестой или седьмой попытке, она прислала ему этот номер штатовского телефона. Он сверился с карточкой, которую она ему дала и обнаружил что это ее мобильный номер. Какое то время он рылся в бумажном телефонном справочнике, который нашелся под книжками с образцами тканей, пока не нашел нужный международный префикс.

— Это тот с брюками? — спросил он, в тайне надеясь что ошибся.

— Майк Фергюсон. Я же сказала тебе.

— Когда ты собираешься вернуться?

— В действительности, эту вашу историю мне придется расхлебывать за счет отпуска.

— Как это?

— Тут есть одна лазейка для федеральных служащих, как мы ее называем. Я же теперь временно исполняющая обязанности. И один из пунктов у меня, деловые поездки. Если мне разрешат, я могу взять два дня отпуска. Один раз в

год, я могу отсутствовать на работе шестнадцать часов. Я отправила сообщение своему шефу, как только увидела твой твит. Хотя все это будет за мой собственный счет. — Судя по интонации она не очень то была рада этому. — С другой стороны, каша заваривается все более интересная. Хотя с точки зрения и недостаточно интересная, чтобы платить мне суточные. И кстати, я не ожидала от тебя трюка, который ты выкинул в Париже. Что это с тобой?

— Я не знаю. — Это была правда.

— Это был тот выпускник академии искусств Парсона, дизайнер, который мнит себя спецназовцем. Ебнутая идея напасть на броневик твоего босса могла образоваться только в его тупой голове.

— Да, — сказал Милгрим. — Я видел его.

— Я хочу сказать что это не Грейси и не Фергюсон. Они в тот момент проходили паспортный контроль в Хитроу. Они узнали о его затее и о том, что произошло, только после того как вышли. Мне интересно как Грейси мог отреагировать на это. Если бы он был умным, то пустил бы все на самотек, уволив дизайнера. Тот более чем некомпетентный и невежественный. Но это не значит что сам Грейси не умный. Он очень умный. Но

ему в мышлении не хватает изящества и элегантности. Ты рассказал Бигенду?

— Да, — ответил Милгрим. — Мне кажется я рассказал ему все, что ты хотела.

— Ты рассказал ему обо мне?

— Я показал ему твою визитку, — сказал Милгрим. Визитка лежала прямо перед ним на столе.

— Как он отреагировал.

— Не похоже чтобы он обеспокоился. Но он вообще никогда не беспокоится. Он сказал что у него уже был опыт общения с федеральными агентами Соединенных Штатов.

— А мне кажется что по-меншей мере небольшой повод для волнения у него уже есть. Примерно двести килограмм тренированной боевой плоти в двух профессионалах спецназа. Ты должен держать меня в курсе. У тебя есть телефон?

— Нет, — сказал Милгрим, — Я оставил его в Париже.

— Значит напиши в Твиттер. Или звони по этому номеру.

— Хорошо что у тебя будет этот отпуск.

— Вопрос еще не решен, хотя и надеюсь что это сработает. Береги себя. — Она положила трубку.

Милгрим вернул невесомую пластиковую трубку в углубление на телефоне, погасив подсветку

белой панели.

Посмотрел на часы в верхнем правом углу экрана. Джун должен вернуться через несколько часов. Сейчас нет смысла суетиться. Он завернулся в МонБелл и улегся на поролоновый матрас.

Глава 55

Мистер Уилсон

На завтраке было людно.

Итальянский юноша и еще один официант расставляли перегородки с западной стороны от стойки с бивнями нарвала. Она уже видела такие здесь раньше, их ставили чтобы добавить приватности деловым завтракам. Те перегородки были словно сделаны из очень старых гобеленов, блеклых до такой степени, что невозможно было распознать какие-либо отдельные цвета. Этакое пестрое хаки. А на тех, что официанты расставляли сейчас, были сценки из Диснеевской Белоснежки. Слава богу что они не выглядели порнографически. Она направилась к своему обычному месту, под витыми бивнями, когда Итальянский юноша, сказал ей, указывая на только что расставленные перегородки, — Вам

сюда Мисс Генри.

Над лестницей появилась голова быстро шагающего Бигенда. Плащ переброшен через руку, аура, излучаемая его голубым костюмом почти физически болезненно осязаема.

— Это Милгрим, — сообщил он ей, когда подошел. — Принесите кофе, — тут же обратился он к юноше-Итальянцу.

— Конечно сэр. — Официант ушел.

— С Милгримом что-то стряслось?

— С Милгримом ничего не случилось. Это Милгрим случился у меня. — Он бросил плащ на спинку кресла.

— Что это значит?

— Он пытался выбить глаз, так называемому Фолею возле станции метро Банк. Вчера вечером.

— Милгрим?

— Он мне об этом не рассказал, — сказал Бигенд, усаживаясь.

— Расскажи что произошло. — Она села напротив него.

— Они сегодня утром заявились в квартиру Войтека. Взяли Бобби.

— Бобби?

— Чомбо.

Услышав имя, она вспомнила человека. Первый раз она столкнулась с ним в Лос Анджелесе, и потом при очень разных обстоятельствах в Ванкувере. — Он здесь? В Лондоне? Кто заявился?

— Примроуз Хилл. Или кто-то, кто назывался им, до сегодняшнего утра. — Бигенд пристально разглядывал Итальянскую девушку, которая шла к ним с кофе. Она налила кофе Холлис, затем ему.

— Пока нам достаточно кофе, спасибо, — сказала ей Холлис, надеясь что тогда у нее будет шанс слинять.

— Конечно, — сказала девушка и изящно скрылась за Диснеевской перегородкой, которая вблизи выглядела так, словно ей лет четыреста.

— Он вроде математик? — вспомнила Холлис. — Или программист? Я забыла. — Возможно частично потому, что Бобби, которого она плохо знала, сам по себе был нарочито неприятной личностью, встрявшей достаточно глубоко в ее первом опыте сотрудничества с Бигендом. — Я помню что мне казалось что вы собирались привлечь его в Ванкувере. Когда я уезжала.

— Невероятный талант, чрезвычайно узкого профиля, — сообщил Бигенд, с явным удовольствием. — Абсолютно сфокусированный.

— Задница, — согласилась Холлис.

— Ну не так чтобы. Я разобрался с его делами, перевез его сюда и озадачил. Проблемой, достойной его способностей. Может быть в первый раз в его жизни. Я в некотором роде действительно организую образ жизни.

— Чтобы он стал еще большей задницей.

— Какой он и был, — сказал Бигенд, — потому что конструктивно он паразит, с эмоциональной потребностью постоянно доставать того, на ком оно паразитирует. Поэтому я решил что его проект будет в стороне от Голубого Муравья. Я договорился с Войтеком, что он поживет у него. Дома. Конечно Войтеку я это компенсирую.

— Войтек?

— Мой второй компьютерщик. Мой главный козырь против Слейта. Я не мог быть уверен что Слейт не понял этого, но он видимо раскусил эту хитрость в какой то момент, и выяснил где работает Чомбо над этим новым проектом.

— Что за проект?

— Секретный, — брови Бигенда слегка приподнялись.

— А кто забрал Бобби?

— Трое мужчин. Американцы. Они предупредили Войтека что вернутся за ним, его женой и

ребенком, если он дернется куда-нибудь до семи утра сегодня.

— Они заберут его жену и ребенка?

— Для Войтека такого рода вещи не в новинку. Он из Восточной Европы. Он мгновенно понял что это за люди. Позвонил мне в десять минут восьмого. Я сразу же перезвонил тебе. Мне похоже потребуется твоя помощь с Милгримом.

— Что это за люди?

— Судя по описанию — Фолей. Все время что-то ворчал насчет Милгрима. Из двух других один я полагаю Грейси, торговец оружием Милгрима. И кто-то еще. Грейси четок в формулировках, спокойный и деловой. Третий мужчина со стрижкой сказал Войтек. Я поискал его в Гугле. Фолею похоже на этой неделе дважды пришлось обращаться за экстренной помощью и он за это благодарен персонально Милгриму. Грейси кстати считает что милгрим действовал по моим указаниям.

— Он это Войтеку сказал?

— Он сказал это мне.

— Когда?

— Когда я ехал сюда. Слейт дал ему мой личный номер телефона.

— Он говорил агрессивно?

— Он говорил как программа, искажающая

голос, — сказал Бигенд. — Эмоции определить невозможно. Он сказал мне на что готов обменять Бобби и почему.

— Сколько он хочет?

— Милгрима.

— Сколько денег он хочет?

— Он хочет получить Милгрима. Больше ничего.

— Вот вы где, — сказал Гаррет, появившийся между двумя рамками. — Можно было хотя бы записку оставить.

Бигенд посмотрел на Гаррета с характерно-детской прямотой. Такое выражение лица Холлис видела раньше всего несколько раз и опасалось его появления. — Это Гаррет, — сказала она.

— Уилсон, — Гаррет почему-то на лету придумал для себя новую фамилию.

— Я так понимаю, мистер Уилсон, вы друг Холлис? Тот, который недавно угодил в автомобильную аварию?

— Не так уж и недавно, — сказал Гаррет.

— Я вижу вы решили присоединиться к нам, — сказал Бигенд, и повернулся к встревоженному итальянскому юноше, который тут же появился: — Отодвиньте перегородку и поставьте кресло для мистера Уилсона.

— Вы очень любезны, — поблагодарил Гаррет.

— Ничего.

— Разве тебе обязательно было идти самому? — Холлис начала подниматься из кресла.

После того, как официант отодвинул экран, Гаррет шагнул во внутреннее пространство тяжело опираясь на четырехногую трость. — Я доехал в инвалидном кресле до специального лифта, и поднялся на нем. — Он положил руку на ее плечо, слегка сжав его. — Не надо вставать.

Юноша помог ему устроиться в кресле с высокой спинко, которое он пододвинул от соседнего стола. Гаррет улыбнулся Бигенду.

— Это Хьюбертус Бигенд, — представила его Холлис.

— Очень приятно мистер Биг Энд. — Они пожали друг другу руки над столом.

— Называйте меня Хьюбертус. — Он повернулся к итальянскому юноше. — Чашку для мистера Уилсона.

— Гаррет.

— Это вас в Лондоне так угораздило, Гаррет?

— В Дубае.

— Понятно.

— Вы меня извините, — сказал Гаррет, — но я не мог заткнуть уши, чтобы не услышать ваш

разговор.

— Насколько много вы ухватили? — Брови Бигенда слегка приподнялись.

— Самую суть, — произнес Гаррет. — Вы собирались отдать им этого Милгрима? И что тогда?

Бигенд перевел взгляд с Гаррета на Холлис, потом обратно. — Я не вполне представляю себе, насколько хорошо вы информированы о том, что я делаю, но я очень сильно вложился в улучшение здоровья и благосостояния Милгрима. Это не лучшие времена для меня, потому что мне не приходится доверять сейчас даже собственной службе безопасности. Внутри фирмы идет невидимая война, и я не могу нанять каких-нибудь специалистов по корпоративной безопасности чтобы они разобрались со всем этим. Потому что на мой взгляд это то же самое что нанять бомжа, чтобы он избавил вас от вшей. К сожалению, Милгрим, своими не очень своевременными и неудачными действиями поставил под угрозу мой проект, проект, который сейчас предельно важен для меня.

— Точно, — сказал Холлис, — так и есть! Ты собираешься отдать им Милгрима!

— Безусловно, — ответил Бигенд, — поскольку пока никто не может предложить мне лучшего

варианта. И вариант это должен появиться не позже, чем до завтра.

— Притормози, — сказал Гаррет.

— Притормозить?

— Я скорее всего смогу собрать кое-что, но мне может потребоваться примерно сорок восемь часов.

— Для меня это может быть слишком рискованно, — ответил Бигенд.

— Не более рискованно, чем если я сейчас позвоню в полицию, — сказала Холлис. — Или газетчикам в Таймс и Гардиан. У тебя же есть специальный человек в Гардиан для таких случаев.

Бигенд пристально посмотрел на нее.

— Скажите похитителям, что он потерялся, — предложил Гаррет, — но что вы скоро вернете его. Я помогу вам в переговорах.

— Кто вы такой мистер Уилсон?

— Голодный, хромой человек.

— Закажите большой английский завтрак.

Глава 56

Однозначно Гениален

Милгрим, в спальном мешке, раскатанном

поверх поролонового матраса, словно изъятого из интерьера медицинской клиники, завис в утомительной, медленно раскручивающейся циклической спирали полусна-полубодрствования. Очередной виток, за которым казалось должен был наступить сон, внезапно спотыкался, и проскочив нужную отметку, случайно выбрасывал его в тревожное состояние, которое однако нельзя было еще назвать бессонницей, после чего, из-за следующего поворота, снова накатывала дрема.

Лечащий врач, однажды выслушав его рассказ, сказал что это последствия стресса — сильного страха или перевозбуждения. Именно то, что он сейчас и ощущал. Чтобы вывести из такого состояния нормального человека, достаточно таблетки Ативана и немного самоиронии. Но Милгрим был предупрежден что его выздоровление находится в прямой зависимости от его способности придерживаться выбранной позиции. И это не было просто врачебной рекомендацией, это была насущная необходимость. Милгрим точно знал что ему никогда не хватало одной таблетки. Первая и единственная таблетка, он повторял то, чему его учили врачи, когда начал вновь проваливаться в фальшивый полусон, от

которой надо отказаться. Остальные не проблема, потому что если он не примет первую, то остальных просто не будет. Главное обойтись без этой первой, которая по меньшей мере потенциально никуда не делась. Тресь! Это вернулась тревога, ему вспомнились искры, выбитые крыльями машины Фолея, когда Олдо толкал ее через узкое уличное пространство.

Он попытался извлечь из памяти какие-нибудь знания об автомобилях, которые объясняли бы природу возникновения этих искр. Ему казалось что кузова современных машин по большей части изготавливают из пластиковых деталей, с металлическим армированием внутри. Когда поверхность кузова продавилась до этого вот металла и металл начал обдираться, появились искры… «По-моему это глупость» сообщил ему его мозг.

Ему показалось что он что-то услышал. Затем он понял что действительно услышал что-то. Его глаза широко открылись в маленьком гроте капюшона МонБел. Слабые блики абстрактных фигур на экране Эйр слегка освещали окружающее пространство.

— Однозначно, Шомбо, — он услышал громкий голос Войтека, его акцент нельзя было спутать

ни с чьим другим. Голос звучал обиженно, и похоже приближался. — гений. Шомбо гениальный программист. Шомбо, Я тебе скажу: Шомбо программирует так, как в прежние времена умели трахаться.

— Милгрим, — это уже голос Фионы, — эй, где вы там?

Глава 57

Что-то с полки

Сложившийся кризис, что-бы там не лежало в его основе, похоже никак не отразился на апетите Бигенда. Они все заказали себе по большому английскому завтраку. Бигенд сосредоточенно поглощал его, Гаррет по большей части разговаривал.

— Это как обмен заключенными, — сообщил Гаррет. — Одного заложника меняем на другого. Ваши противники правильно сообразили что вы вряд ли будете звонить в полицию. — Бигенд многозначительно посмотрел на Холлис. — Мы можем предположить что у них здесь не очень хорошо со связями, — продолжал Гаррет, — иначе бы они не послали этого идиота за Милгримом.

В данной ситуации вы не можете позволить себе огласку, и будем предполагать что они знают это от крота, который завелся в вашей фирме.

— Можно ли стать кротом по собственному желанию? — спросил Бигенд. — Я исхожу из этой предпосылки в любом случае.

Гаррет продолжил, проигнорировав последнее высказывание Бигенда. — Ваш крот знает что вы не горите желанием нанимать внешних безопасников, и знает почему вы не хотите этого делать. Соответственно ваш противник тоже об этом информирован. Поскольку ваш оппонент вряд ли мог бы спланировать такое глупое похищение, мы можем предположить что инициатор его Фолей. Скорее всего заказчика либо еще не было здесь, когда началась операция, либо он временно выпал из событий. Я бы предположил что он был на пути сюда, и похоже не сообразил что Фолей уже на взводе. А Фолей начал действовать самостоятельно, чтобы к прибытию босса Милгрим был уже в его руках.

Холлис никогда не слышала раньше чтобы Гаррет вот так вот разбирал какую-нибудь ситуацию. Хотя в его голосе звучали интонации, слышанные ей в его объяснениях о технике ведения ассиметричного боя. Эта тема остро и прочно его

интересовала. Она помнила как он рассказывал ей что терроризм состоит практически эксклюзивно из брэндинга и лишь несравненно малая вещь в нем относится к психологии лотерей, и как это ей напомнило Бигенда.

— Так что, — продолжал Гаррет, — я думаю мы столкнулись с некоей импровизацией с их стороны. Они выбрали схему обмена заключенными. Конечно же эту партию можно разыгрывать по разным сценариям. Ваш оппонент конечно же знает это, и скорее всего знаком со всеми возможными тактиками, включая ту, которой предложил бы придерживаться я в данном случае.

— И которую?

— Ваш Милгрим он полный? Очень высокий? Внешность у него легко запоминающаяся?

— Легко забываемая, — сказал Бигенд. — Вес около шестидесяти килограмм.

— Это хорошо. — Гаррет намазывал маслом ломтик тоста. — Это удивительно насколько велико взаимное доверие сторон в процессе обмена заключенными. Именно поэтому такую партию можно разыгрывать таким большим количеством способов.

— То есть вы не отдаете им Милгрима, — ска-

зала Холлис.

— Я бы хотел более развернутой перспективы, чтобы приобрести уверенность в успешности вашего плана мистер Уилсон, простите меня за такую подозрительность, — сказал Бигенд, собирая фасолины четвертушкой тоста.

— Бог в деталях, как говорят архитекторы. Но у вас сейчас есть проблема побольше. Контекстуально.

— Вы это о том, — начал Бигенд, — что Холлис проявляет неприличную готовность сдать меня Гардиан?

— Я о Грейси, — сказал Гаррет. — Мне кажется что все это он затеял из-за того, что у него создалось впечатление что вы его поимели. Он у вас денег не просил?

— Нет.

— Может быть ваш крот хочет денег?

— Конечно хочет, — произнес Бигенд, — но мне кажется что он несколько переоценил свои возможности пытаясь играть с этими людьми. При случае, он пожалуй не прочь был бы поиметь с меня денег и соскочить с этого поезда, но опасается что они его потому найдут и судя по всему такие опасения не беспочвенны.

— Если вы отдадите им Милгрима, — сказал

Гаррет, — и получите Бобби обратно, целого и невредимого, они вернутся. Вы обеспеченный человек. Этот чокнутый вояка может быть еще не размышлял в этом разрезе, в отличие от крота.

Бигенд выглядел непривычно задумчивым.

— Ну а если вы сделаете так, как предложу я, — сказал Гаррет, — вы реально их поимеете, очень изысканно и индивидуально. И тогда они точно придут к вам.

— Тогда зачем вы мне предлагаете это?

— Потому что, — заговорила Холлис, — отдавать им Милгрима — это не вариант.

— Суть в том, — продолжил Гаррет, — что мы должны запрессовать их так, чтобы у них не было способа свалить не отодранными и не раздавленными.

Бигенд слегка наклонился вперед. — И как мы можем это сделать?

— Пока не могу сказать, — сообщил Гаррет, — вот именно в этот момент.

— Ваш способ ведь не подразумевает насилия?

— Не в том, смысле, в каком вы это предполагаете.

— Я не вполне понимаю, как вам удастся подготовить нечто такое нетривиальное, за такое короткое время.

— Это будет кое-какая заготовка с полки.

— С полки?

Но в этот момент Гаррет вернулся к своему завтраку.

— Как давно вы знаете мистера Уилсона, Холлис? — интонация, с которой это было сказано, могла исходить от какого-нибудь наставника юной Джейн Остин.

— Мы встретились в Ванкувере.

— Правда? Ну что ж, у вас было время для общения.

— Мы познакомились перед моим отъездом.

— И вы уверены в том, что он способен исполнить то, о чем он только что говорил?

— Уверена, — сказала Холлис, — к сожалению только я ничего не могу вам рассказать об этом, потому что это часть нашего с ним соглашения.

— Люди, заявляющие о подобных способностях по большей части оказываются заядлыми лжецами. И что интересно, во многих барах Америки я встречал алкоголиков, которые считали себя бывшими морскими пехотинцами, и в то же время мне иногда попадались в тех же самых барах настоящие бывшие морские пехотинцы, скатившиеся в какой-то момент до алкоголизма.

— Гаррет не морской пехотинец, Хьюбертус.

Мне кажется я такого не говорила. Он в некотором роде как ты. В моменте. Если он говорит тебе что думает что сможет вернуть Бобби и нейтрализовать твою угрозу, то…

— Что?

— Значит он думает что сможет.

— И что вы хотите чтобы я сделал тогда, — Бигенд обратился к Гаррету, — если я соглашусь принять вашу помощь?

— Мне нужно понимать какими тактическими ресурсами вы располагаете в Лондоне, если среди таковых еще найдутся нескомпроментированные. Мне нужен некий оперативный бюджет чтобы нанять некоторых специалистов. Расходы.

— Сколько вы хотите для себя лично мистер Уилсон?

— Нисколько, — сказал Гаррет. — Мне не нужны деньги. Если, для моего собственного удовольствия я сделаю это, и сделанное мной устроит и вас, то вы отпустите Холлис. Освободите ее от обязательств, которые она взяла на себя, заплатите ей столько, сколько она считает вы ей должны, и отстанете от нее. Если мое условие вам не нравится, то вам придется поискать кого-нибудь еще для работы над сложившейся ситуацией.

— Брови Бигенда взвились. Он перевел взгляд с Гаррета на Холлис. — Вы заранее договорились об этом?

— Для меня это такая же новость как и для вас. — Она налила себе кофе, пытаясь собраться с мыслями. — В действительности, — продолжила она, — У меня есть некие дополнительные условия.

Они оба уставились на нее.

— Я о дизайнере Хаундс, — продолжила она, обращаясь к Бигенду. — Вы перестанете искать ее. Вы вообще забудете эту идею. Насовсем. Отзовете всех, кто этим занимается. Абсолютно.

Бигенд поджал губы.

— И, — снова взяла слово Холлис, — вы найдете коллекцию обуви Меридит и отдадите ее ей.

Наступила тишина. Бигенд смотрел в свою тарелку. Углы губ его рта опустились. — Хорошо, — произнес он через некоторое время, подняв взгляд на них, — ни одно из этих условий не показалось бы мне сколько-нибудь привлекательным, до семи двадцати сегодняшнего утра. А сейчас это то, что нужно, не так ли?

Глава 58

Приятель-идиот

Войтек был страшно зол, от чего-то. Причиной мог бы быть пестрый, желтоватый синяк у него под глазом. Вроде как он злился на Шомбо, того, угрюмого молодого мужчину, которого Милгрим видел в Бирошак и Сын, хотя Милгрим никак не мог представить себе чтобы Шомбо кого-нибудь ударил.

Войтек посмотрел на только что выбравшегося из своей постели Милгрима так, словно тот представлял собой некую неожиданную проблему.

Милгрим хотел бы устроиться на пассажирском сиденье, впереди, рядом с Фионой, но она настояла на том, чтобы он сел сзади, вместе с Войтеком, на пол ее крошечного минивэна Субару, на пятачке, на котором вряд ли поместились бы стиральная машина и сушилка, который к тому же был дополнительно загроможден большими, черными, громоздкими как в комиксах пластиковыми чемоданами, пожалуй что принадлежащими Войтеку. На крышках всех чемоданов красовалось тисненая надпись

ПЕЛИКАН. Надпись явно представляла собой логотип, и к содержимому не имела отношения. На Войтеке были одеты серые тренировочные брюки, с пятнами, которые Милгрим списал на счет неудавшихся кухонных упражнений, на заднице они были украшены надписью, из огромных заглавных букв З.А.Д.Н.Е.Е. ОБОРУДОВАНИЕ. Толстые серые носки, такие же серые сабо и бледно-голубая, очень старая, очень грязная куртка, с логотипом Амстрад на спине, буквы которого растрескались и шелушились.

Все окна, кроме лобового и передних боковых, были оборудованы серыми шторками. И все эти шторки были опущены. Милгрим предположил что это в принципе неплохо, потому что ему все равно было видно улицу через лобовое и передние боковые стекла, и над головой у него был люк, занимавший почти всю поверхность крыши, и через него было видно верхние окна зданий, мимо которых они сейчас проезжали. Он понятия не имел где они сейчас находятся, совершенно не представлял в какую сторону они поехали от Танки и Тойо, равно как и не предполагал куда они направляются. Наверное они снова едут к Бигенду. Встречи с Бигендом стали такой же частью его жизни, как и сдача анализов

мочи, только с Бигендом он встречался чаще.

— Я приехал в эту страну не для того чтобы меня террозировали какие-то полувоенные типы, — хрипло провозгласил Войтек. — Я сюда приехал не для того, чтобы встречаться с мудаками. Но мудаки они ждут. Всегда. Тюремное государство и государственный надзор. Как у Оруэлла. Ты читал Оруэлла?

Милгрим кивнул, попытавшись сделать самое лучшее свое нейтральное выражение лица. Колени его новых габардиновых брюк располагались прямо на уровне его лица. Он надеялся что они не растянутся от такой позы.

— Оруэловское сапогом по морде, как всегда, — сказал Войтек, с церемонно выраженной горечью в голосе.

— Зачем он сказал тебе спрятать его? — спросила Фиона так, будь то речь шла о какой-то обычной офисной работе. Ее левая рука при этом постоянно работала рычагом переключения передач.

— Дьявольский промысел, — сказал Войтек с отвращением. — Он хочет чтобы я был занят. Пока он нагуливает жирок, откармливаясь пролетарской кровью. — Для Милгрима последняя фраза обладала особым ностальгическим шар-

мом, так что он бездумно повторил ее по-русски, мгновенно вспомнив классный кабинет в Колумбии, где впервые услышал ее.

— Русский, — сказал Войтек. Глаза его сузились, а выражение лица было таким, словно он произнес слово «сифилис».

— Извини, — рефлексивно ответил Милгрим.

Войтек молчал, явно разозлившись. Они теперь ехали по прямой, и когда Милгрим посмотрел вверх, то никаких зданий не увидел. Он догадался что это мост. Замедление, поворот. В лабиринт строений, вниз, по неровной дороге. Субару на что-то натолкнулась и остановилась. Фиона заглушила двигатель и вышла. Милгрим отогнул шторку в сторону, и увидел мотоциклетный двор Бенни. Бенни собственной персоной приближался к ним. Фиона открыла заднюю дверь и потащила один из пеликановых чемоданов Войтека.

— Осторожно, — очнулся Войтек, — очень осторожно.

— Я знаю, — произнесла Фиона, передавая чемодан Бенни.

Бенни наклонившись, посмотрел на Войтека. — Небольшой локальный конфликт?

Войтек посмотрел на Милгрима. — Кровь, —

сказал он. — Для кровососов.

— Ебнутый пиздец, — заметил Бенни, взял еще один чемодан и пошел прочь.

Войтек прокатился по ковровому покрытию грузового отделения на своем З.А.Д.Н.Е.М. ОБОРУДОВАНИИ, выбрался наружу, взял два оставшихся чемодана и отправился вслед за Бенни.

Милгрим выбрался наружу на негнущихся коленях, и осмотрелся. Вокруг никого не было. — Похоже тихо, — сказал он.

— Пойдем выпьем чаю, — сказала Фиона. Она осмотрела его. — Это из магазина?

— Да, — ответил Милгрим.

— Неплохо смотрится на тебе, — сообщила она одобряюще, и с удивлением. — Ты избавился от большей части имиджа приятеля-идиота.

— Избавился?

— Ты же не собираешься носить сумку на поясе, — сказала она, — И эти их дурацкие кепки.

— Приятель-идиот?

— Хрень, — сказала Фиона закрывая заднюю дверь минивэна. — Нам понадобятся твои вещи. — Она обошла автомобиль и открыла боковую дверь. Достала и передала Милгриму его сумку и сумку из Танки и Тойо, в которой лежа-

ла его старая одежда (не считая куртки Сонни) и упакованный спальник МонБелл. Вытянула свежеобвязанный скотчем поролоновый матрас и черный мусорный мешок. — Здесь твои вещи из Холидей Инн.

Он двинулся за ней в захламленное пространство гаража.

Когда они дошли до входа в Бигендов Вегас куб, появился Бенни. Фиона вручила ему ключи от вэна со словами, — Карбюраторы на мотоцикле шумят, спасибо Сааду.

— Спасиб, — произнес Бенни, немедленно засовывая ключи в карман.

Милгрим вошел вслед за ней внутрь. Два Войтековских чемодана, открытые, лежали на столе. Другие два, еще закрытые, стояли на полу. Он нацепил на себя пару огромных черно-серебряных наушников и собирал что-то, напомнившее Милгриму раздолбанную ракетку для сквоша.

— Уходите, — решительно произнес Войтек, даже не взглянув в их сторону. — Я зачищаю здесь.

— Пошли, — Фиона повернулась к Милгриму, положив матрас и черный мусорный мешок из отеля, с его вещами. — В одиночку он быстрее справится. — Милгрим бросил сосиску зачехленного спальника поближе к матрасу, а сумку

забрал с собой. Как только они вышли, Войтек шагнул вперед, к одной из стен, медленно, словно священнослужитель крест, подняв ракетку, которую он держал двумя руками.

— Что он делает? — спросил Милгрим Фиону, которая смотрела вниз на мотоцикл, двигатель которого лежал рядом, разобранный по частям, на замусоренном полу.

— Ищет жучков.

— Он их находил уже?

— Не здесь. Это место вроде как пока еще не раскрыто, насколько я знаю. В Голубом Муравье их находят каждую неделю. У Бигенда есть коробка из под карамели полная такого добра. Обещает сделать мне из них ожерелье.

— Как они туда попадают?

— Их закладывают какие-нибудь типы, занимающиеся стратегическим бизнес-шпионажем я думаю. Кто-нибудь из тех, кого он отказался нанимать.

— Они действительно способны собрать какую-то информацию таким образом?

— Однажды, — сказала она коснувшись указательным пальцем сколотого края обтекателя мотоцикла, так, что Милгрим вдруг отчего то ей позавидовал, — они послали меня через весь

город с тазером.

— Это который шокер?

— Да.

— Тебя послали чтобы разрядить его в кого-то?

— К его проводам был припаян кабель с разъемом для компьютерной сети. Я вроде как приехала на собеседование к работодателю. Как только меня оставили одну, я подключила его к первой попавшейся розетке компьютерной сети. Кто-угодно мог бы так сделать. Тазер у меня в сумочке лежал. Затем я нажала на кнопку. Всего один раз.

— И что потом?

— Вышибли им всю систему. Зачистили и удалили все. Даже кое-что в соседних зданиях. Потом я стерла отпечатки пальцев, спрятала тазер и уехала.

— Это за то, что они что-то узнали?

Она пожала плечами. — Они назвали это лоботомией.

— Чисто, — хмуро сообщил Войтек, появившийся с двумя своими чемоданами. Теперь Милгрим знал что они вовсе даже не тяжелые, потому что большу часть их внутреннего пространства как ему удалось увидеть, занимала защитная поролоновая набивка. Войтек поставил чемоданы на

пол и пошел за двумя другими.

— Когда он приедет? — спросил Милгрим.

— Не жди его, — ответила она. — Он просто хочет чтобы ты был в безопасном месте.

— Он не приедет?

— Мы просто будем убивать здесь время, — сказала она и улыбнулась. Не так уж часто она улыбалась, и он обнаружил что когда она это делала, то это было что-то особенное. — Я научу тебя управлять аэростатами. У меня хорошо получается.

Глава 59

Творчество

После взаимного обмена телефонными номерами, которые оба записали и сохранили в телефонах, Бигенд ушел.

Гаррет кроме того предложил придумать кодовые слова, чтобы в случае чего, сразу можно было определить что собеседник либо говорит по чьему-то принуждению, либо его подслушивают. Холлис, обнаружив, что она страшно голодная, воспользовалась случаем и расправилась с завтраком. Гаррет принялся делать пометки в своем

блокноте, которых она никогда не могла разобрать, либо это у него почерк такой был, либо это была какая-то форма стенографии.

— Как ты думаешь, он сдержит свое слово, если тебе удастся реализовать свой план? — спросила она его, после того как он надел колпачок на ручку.

— Сначала да. А потом я думаю он попытается повернуть дело так, что договор был другим, и все последующие недоразумения исключительно наша проблема. И тогда надо будет напоминать ему, и напоминать о том, как же в точности его небольшая проблемка была разрешена. Напоминать и напоминать, и объяснять почему это было действительно очень правильно, и чтобы у Бигенда постоянно поддерживалось ощущение, что он не хотел бы чтобы с ним произошло, то что произошло. Главное чтобы это не было даже отдаленно похоже на угрозу, именно поэтому я хотел бы надеятся что ты спрятала своего человека из Гардиан на самую дальнюю полку. Если он из тех, о ком я подумал, то такой человек может заставить меня поверить в то, что глобальное потепление появилось просто чтобы позлить его.

— Какую роль во всем этом ты отводишь своему эксцентричному наставнику?

— Он будет где-нибудь на заднем плане, если конечно вообще будет в этом участвовать, и я собственно говоря буду рад этому. Ему больше нравилось рулить предыдущим перфомансом в Штатах. Проще быть рядом.

— Нравилось?

— Его присутствие уменьшает возможность двусмысленных толкований. Мне нужно его разрешение чтобы использовать материалы, которые мы подготовили для другого подвига. Но Грейси похоже идеальная мишень для его прицела, поскольку ему весьма присуще отвращение к милитаристическим спекулянтам. Теперь их уже не столько, сколько было раньше, хотя может быть они просто лучше маскируются и не влипают в скандалы. К тому же мне надо чтобы он состыковал меня с Чарли. Клевый парень из Бирмингема. Гурка.

— Гурка?

— Очень милый. Обожаю его.

— Твою мать! Да это же блудный парашютист.

Холлис развернулась на голос Хайди, и увидела ее, стоящую в проеме между перегородками, рядом с ее плечом красовался Аджей.

— Что это? — Хайди стукнула одну из рам красного дерева, заставив всю конструкцию тревожно

задребезжать. — Ты собирался поиметь ее прямо здесь?

— Привет Хайди, — улыбнулся Гаррет.

— Я слышала ты некисло попал, — сказала Хайди. Из под ее тамбурмажорской куртки был виден серый спортивный костюм. — И выглядишь соответствующе.

— Что натворил Милгрим вчера вечером? — спросила Холлис. — Бигенд сказал что он кого-то ранил.

— Милгрим? Он себя то не сможет ранить, даже если попытается. За нами увязался мудила из той тачки. Я его попридержала. — Она вскинула руку и изобразила жестом короткий бросок дартс. — Рений. Завизжал как сучка.

— Большая честь для меня, — сказал Аджей из-за плеча Хайди, в широко раскрытых глазах его светилось волнение. Хайди обхватила его рукой подтолкнув его вперед.

— Аджей, — представила его Хайди. — Самый быстрый партнер для спарринга, из всех, что у меня были. Мы сегодня с утра смотались в Хакни и повыбивали друг из друга дерьмо.

— Привет Аджей, — произнес Гаррет, протягивая руку.

— Не могу в это поверить, честное слово, —

сказал Аджей, пожимая руку Гаррету. — Рад видеть что с тобой все не так плохо, как нам рассказывали. Я скачивая все твои видео. Это фантастика. — Холлис предположила что он вот вот попросит автограф, потому что его «водопадная» стрижка буквально светилась от восторга.

— Какого рода спарринг? — спросил Гаррет.

— Всего понемногу, в действительности, — сказал Аджей скромно.

— Это хорошо, — сказал Гаррет. — Нам надо будет поговорить. Раз уж мы встретились. Мне как раз нужен кто-то такой же быстрый.

— Ладно, — произнес Аджей, запустив волосы в свой водопад. — Ладно, — Он выглядел в этот момент словно ребенок, которому июльским утром вдруг сообщили что сегодня абсолютно официально наступило Рождество.

>>>

— Ты не жалеешь что не ушла пока не случилось все это дерьмо? — спросила Хайди. Они вернулись в ее комнату, и Холлис обнаружила что Истребитель Грудной уже частично покрашен, хотя сборка его еще не окончена. В воздухе витал слабый запах аэрозольной эмали.

Холлис потрясла головой.

Аджей взволнованно выхаживал взад-вперед вдоль окна.

— Успокойся, мать твою, — жестко урезонила его Хайди. — Элвис не покинул здание. Привыкай. — Гаррет попросил чтобы его оставили в Номере Четвертом, чтобы он мог сделать несколько звонков и воспользоваться ноутбуком Холлис. Чтобы перевезти его туда, им пришлось пройти через холл в заднюю часть здания, и подняться на служебном лифте, который Холлис никогда до этого не видела. Он был напрочь лишен Тесла-шарма, был сделан в Германии, двигался практически бесшумно и очень эффективно. Они очень быстро поднялись на этаж, где Холлис никак не могла сообразить как теперь добраться до комнаты. Переходы выглядели как лабиринт. Хотя Гаррет практически мгновенно сообразил куда им идти.

— Ну так и кто все эти люди, собирающиеся наехать на нас? — спросила Хайди. — Особенно тот мудила с повязкой. Насколько он крут?

— Он дизайнер одежды, — сказала Холлис.

— Если они не все ублюдки, — сказала Хайди, — то кто из них?

— Человек, на которого они работают, — ответила Холлис. — Майор спецназа в запасе, которого

зовут Грейси.

— Грейси? Почему бля не Мейбл? Вы похоже разворошили это дерьмо окончательно?

— Это его фамилия. Кстати, насколько я понимаю, фамилия Гаррета теперь Уилсон. По крайней мере так он представился Бигенду сегодня на завтраке. Грейси занимается поставками оружия. Бигенд подсмотрел какие-то его делишки в Южной Каролине. Точнее, это Милгрим сделал по его поручению. Пока они этим занимались, Оливер Слейт, которого ты уже видела в Ванкувере, хотя может быть и не помнишь, в общем он был специалистом по информационной безопасности Бигенда, а теперь переметнулся к Грейси.

— Ну а ты влюблена, да? — прервала ее Хайди.

— Да, — ответила Холлис неожиданно для себя.

— Хорошо, — сказала Хайди, — Мне нравится такой исход. Хотя все остальное в этой ситуации дерьмо-дерьмом, так ведь? Аджей, да прекратишь ты наконец или нет?

Кто-то постучался в дверь.

— Какого хуя там принесло? — громко вопросила Хайди.

— Гаррета, прелесть моя.

— Ты ему нравишься, — радостно сообщил Аджей.

— Ты ему тоже нравишься, — сообщила Хайди, — так что держи покрепче свои штанишки мать твою.

Она открыла дверь и придерживала ее, пока скутер с Гарретом жужжа моторчиком не въехал внутрь, затем закрыла ее заперев замок и набросила цепочку.

— Все хорошо, — сообщил Гаррет Холлис. — Наш старик подписался под затеей и теперь надиктовывает инструкции насчет банка адвокату по телефону. — Он развернул свое кресло в сторону Аджея. — Ты знаешь этого Милгрима?

— Нет, — ответил Аджей.

— Милгрим и Аджей похожего роста?

Брови Хайди приподнялись и она согласилась. — Пожалуй что да.

— Телосложение?

— Милгрим тощий бля.

— Бигенд предположил что его вес около шестидесяти килограмм. Аджей не такой широкий на самом деле. — сказал Гаррет соглашаясь. — Жилистый. Сухой. Никакой избыточной мышечной массы. Жилистый может быть и тощим. Есть актерский опыт Аджей?

— Школьный, — сообщил довольный Аджей. — Молодежный театр в Ислингтоне.

— Я Милгрима никогда не видел. Ты кстати тоже не видел его. Можешь изобразить мне руперта? Как руперт производит осмотр?

Аджей выпрямился, вытянул большие пальцы рук вдоль швов своих тренировочных брюк, натянул на лицо надменное выражение и прошелся мимо Хайди, одарив ее быстрым неодобрительным взглядом.

— Хорошо, — согласился Гаррет кивая.

— У Милгрима, — сообщила Хайди Гаррету, — бледная, слегка Кавказская физиономия. Но ты конечно же не мог на его роль найти парня побелей.

— О господи! — сказал Гаррет, — но мы же здесь творчеством занимаемся, или как?

Глава 60

Скат

Милгрим в носках и рубашке с закатанными рукавами, в состоянии приятной расслабленности возлежал на своем поролоновом матрасе, наслаждаясь покоем. Над ним, почти касаясь высокого потолка комнаты, подсвеченного большим итальянским напольным светильником,

увенчанным серебрянным абажуром, медленно и почти бесшумно кувыркалась черно-матовая манта-скат, лишь изредка шурша наполненной гелием фольгированной мембраной оболочки. Он не смотрел на манту. Вместо этого, он сфокусировался на экране Айфона, глядя на изменяющуюся картинку, поступающую с камеры ската.

Он видел повторяющееся изображения себя самого, растянувшегося на белом прямоугольнике и Фиону, которая за столом, собирала нечто из содержимого коробок, которые принес Бенни. Затем, скат разворачивался и он видел белую стену, бриллиантово подсвеченный потолок, затем все повторялось. Все это гипнотически действовало на мозг, тем более что он сам провоцировал этот круговорот, периодически скользя большим пальцем руки по экрану горизонтально расположенного телефона.

Скат плавал в воздухе. Его модель была скопирована с создания, плавающего в воде, и в воздухе он перемещался с медленным, жутковатым изяществом.

— Наверное он здорово выглядит на улице, — сказал он.

— Интереснее, — сказала она, — но нам запрещено это делать. Как только кто-нибудь узнает

что у нас есть такие штуки, они станут бесполезными. К тому же они стоят целое состояние, даже немодифицированные. Когда мы покупали первых дронов, я предложила пойти за такими вот как этот, — она показала нечто прямоугольное, то, что она собирала на столе. — Они быстрее, маневреннее. Но он сказал что мы должны обратиться к истории зарождения полетов, которые начинались с воздухоплаванья.

— Разве когда-то существовали воздушные шары с крыльями? — И снова сконцентрироваться на движении большого пальца.

— Нет, но люди представляли себе и такое. Вот эта штука почти готова. Осталось подключить аккумуляторы.

— Это не похоже на вертолет. Скорее на кукольный кофейный столик.

— Восемь пропеллеров создают очень серьезную подъемную силу. И они защищены. Эта штука может стукнуться обо что-нибудь и при этом не развалится мгновенно. Оставь ската в покое и посмотри сюда.

— Как его остановить? — спросил Милгрим с внезапной тревогой.

— Просто остановись и он отключится.

Милгрим задержал дыхание и убрал пальцы

с экрана. Посмотрел вверх. Манта повернулась, странно вздрогнув законцовками крыльев и замерла слегка покачиваясь, и касаясь спиной потолка.

Милгрим встал и подошел к столу. Подумал что вряд ли у него было что-то более приятное, нежели вот это послеобеденное время с Фионой, в Бигендовом Вегас-кубе, и он был немало удивлен этому приятному ощущению. Оказывается игра с дорогой немецкой игрушкой Бигенда и изучение того, как такие игрушки работают, отличная тема для общения. Фиона похоже наслаждалась техническими манипуляциями, собирая нового дрона из запчастей, которые были разложены по двум коробкам. В основном она использовала набор маленьких отверточек и маркированных цветными пятнами ключей, используя как руководство видеозаписи с вебсайта, который она открыла на его Эйр, который был подключен к Сети с помощью красного USB модема. Два брата-близнеца из Мичиганской компании, в одинаковых очках и рубашках шамбре.

Эта штука не была похожа на вертолет, не смотря на наличие этих восьми пропеллеров. Корпус ее был сделан из черного вспененного полистирола с бампером из какого-то другого

черного материала по периметру. В корпусе были прорезаны отверстия, два ряда по четыре, в которых собственно и были установлены роторы. Вся эта конструкция покоилась примерно в шести дюймах над столом на четырех наклонных, тоненьких как проводки ножек. Компактное зарядное устройство с четырьмя аккумуляторами было включено на зарядку в настенную розетку. Слоты для аккумуляторов располагались по углам конструкции для правильной центровки массы. Под днищем конструкции крепился тонкий, вытянутый черный пластиковый фюзеляж с камерой и электроникой.

— Это лучше не включать в помещении, — произнесла она, и положила отвертку на стол. — Хотя он уже готов. Я выдохлась. Всю ночь не спала. Как насчет вздремнуть?

— Вздремнуть?

— На твоем матрасе. Он вроде достаточно широкий. Ты спал этой ночью?

— Практически нет.

— Ну так давай поспим.

Милгрим посмотрел на одну белую стену, затем на другую, затем на ската под потолком и серебрянного пингвина, и сказал — Ладно.

— Выключи свой ноутбук. — Пока Милгрим

выключал свой Эйр, она выбралась из-за стола, подошла к светильнику и убавила его яркость. — Не могу же я спать в этих штанах, — сообщила она ему. — Это кевлар.

— Конечно, — откликнулся Милгрим.

Раздался треск отстегиваемых велкро-липучек, затем жужжание молнии. Очень большой молнии, судя по звуку. Затем что-то, возможно тот самый кевлар зашелестело по полу. Она вышагнула из своих бронированных брюк уже босая, и перебралась на матрас, который как теперь казалось слабо светился. — Ну давай, — сказала она, — У меня глаза закрываются.

— Ладно, — сказал Милгрим.

— Не можешь же ты спать в Танки и Тойо, — нахмурилась она.

— Правда, — Милгрим начал расстегивать рубашку, на каждом рукаве которой было слишком много пуговиц. Рубашку он повесил на спинку кресла, где уже висела его новая куртка, затем снял брюки.

Он видел ее краем глаза, вытаскивающую МонБелл из чехла. Ощущение было такое, словно бы он кричал или напевал что-то. Шагнув в сторону матраса он обнаружил что на нем до сих пор надеты черные носки из Галери Лафайет. Это

показалось ему неправильным. Он остановился и стянул их с себя, едва не свалившись при этом.

— Забирайся, — Фиона разложила открытый мешок настолько широко, насколько это было возможно. — Отличная штука, подушками я никогда не пользуюсь.

— я тоже, — солгал Милгрим приседая и быстро засовывая носки под край матраса. Он засунул ноги под МонБел и лег, вытянувшись очень прямо, рядом с ней.

— Ты и эта Хайди, — сказала Фиона, — у вас же с ней ничего такого, правда?

— У меня!? — возбужденно спросил он. — Нет! — Затем замер с широко открытыми глазами ожидая ее ответа, пока не услышал ее мягкое посапывание.

Глава 61

Распознавание лиц

Они принимали душ с Гербертом Уэллсом и Фрэнком. Нога Гаррета, была обернута чем-то, что выглядело как гигантского объема презерватив без наконечника. Вытирая его полотенцем она обнаружила что он тоже Фрэнк только скорее

Франкенштейн. Он был украшен множественными свидетельствами героической хирургии. Швов было не меньше чем на лоскутном одеяле как она и подозревала. На задней части икры другой его ноги тоже красовались аккуратные шрамы, оттуда они брали кожу для трансплантантов. Где-то внутри этого Фрэнка, если только Гаррет не врал, приживался хороший кусок новомодной ротанговой кости. Мускулы Фрэнка сильно сдулись, хотя Гаррет сказал что так и задумано. В основном потому что он надеялся что она этому обрадуется, и он поглаживал ее тело своими чувствительными руками.

Теперь он лежал на Пиблокто-Безумной кровати, в фирменной не-велюровой пижаме. На Фрэнка был надет черный, закрепленный липучками, скользкий на вид чехол, сквозь который проглядывали механические очертания устройства, ностальгически похожего на портативную пишущую машинку, очень быстро плюющуюся струйками невероятно ледяной воды. Весь их последний тур Хайди возила похожее с собой, чтобы лечить запястье, которое начинало болеть утомленное игрой на ударных. Гаррет получил свое в подарок от старика, примерно час назад. Его привез курьер.

Он разговаривал со стариком по телефону. Очень долго. Это было похоже на разговор супругов, которые давным-давно в браке. У них был собственный жаргон, на котором они строили невероятной глубины шуточные конструкции и они умудрялись с помощью буквально нескольких слов обмениваться чем-то важным. Это было похоже на разговор близнецов. Он нацепил на себя наушники, которые подключил к своему черному лэптопу, неизвестной модели лежащему на расшитом велюре рядом с ним. Она предполагала что их коммуникации проходили через одну из этих частных сетей. Она как-то выяснила что существуют такие закрытые сети, неуправляемые и не вполне законные. Как однажды подметил Гаррет, они похожи на темную материю во вселенной, в них возможно содержится суть мироздания, но сие не поддается какому бы то ни было измерению.

Она не прислушивалась. Сушила волосы, стоя в прогретой, наполненной паром ванной комнате.

Когда она вышла, он смотрел вверх, на круглое днище птичьей клетки.

— Ты еще разговариваешь?

— Нет. — Он снял гарнитуру.

— Все нормально?

— Да все нормально. Свернули все.

— Что это значит? — Она подошла к нему.

— У него есть нечто, о чем он мне никогда не говорил. Это Грааль. Он отдает его мне. Для этого. И это означает что все закончилось.

— Что закончилось?

— Наши с ним дела. Его безумная карьера. Иначе он не отдал бы мне это.

— Что это такое?

— Невидимость. Сигилла.

— Сигилла?

— Печать забвения.

— Эта штука охладит кровь в твоей голове.

Он улыбнулся, хотя она видела что он в растерянности и переживает. — Это отличный подарок. Твой чудик обделается если узнает что у нас есть такая вещь.

Она поняла что речь идет о Бигенде. — Тогда он захочет обладать этим, что бы оно не было.

— Точно, — произнес он, — почему бы ему не узнать. Придется убедить его что Пеп останется за кадром из конспиративных соображений.

— Пеп?

— Маленький яростный каталонец. Превосходный угонщик автомобилей. — Он посмотрел на строгий, черный циферблат своих часов. Чело-

век из королевской гвардии однажды сказал ей что им запрещено носить обувь на резиновой подошве или часы с черными циферблатами. А на ее вопрос почему, он ответил амулет. — Через двадцать минут он приедет из Франкфурта.

— Как тебе удалось устроить все это так быстро, и между делом еще намылить мне спину и заниматься всякой всячиной?

— Это все старик. — ответил он. — Он не любит стоять в стороне. Он это сделал. Он очень гибкий. Хорошо, что он есть у нас. Теперь дело за нами, у нас есть некоторые задачи, и есть нужные люди. И мы двигаемся очень быстро. У нас нет другого выбора, потому что лучшие игроки обычно действуют резко и стремительно. Или действовали.

— Ты действительно можешь быть невидимым? Или это дерьмо из той же оперы что и ротанговые кости?

— Ты оскорбляешь Фрэнка в его лучших побуждениях. Представляй себе это как заклятие забвения. Или лучше заклятие незапоминания. Система видит тебя, но тут же забывает о тебе.

— Какая система?

— Неужели ты не заметила что этот город буквально нашпигован камерами? Нет правда?

— И ты можешь сделать так, что они забудут

о тебе?

Он приподнялся на локте, инстинктивно потер гладкую, прохладную поверхность, которой была обернута его нога, затем быстро вытерь ладонь о расшитое покрывало. — Священный грааль всей индустрии видеонаблюдения — распознавание лиц. Они конечно в этом не сознаются, но эта штука уже работает, по меньшей мере в какой-то степени. Не в полную мощность, не постоянно, и скрытно. Она не сможет опознать тебя если ты к примеру черный и может перепутать тебя со мной, но и железо и программы уже существуют, так что это лишь вопрос их последующего улучшения. Чтобы понять технику забвения, надо понимать что никто по большей части визуально не просматривает того, что там наснимали камеры. Которые кстати цифровые. Они просто отправляют куда-то некие данные, которые где-то хранятся. Никаких там нет картинок, только наборы единиц и нулей. И только если кто-то сделает официальный запрос на просмотр, тогда единицы и нули преобразуются в изображения. Но — он подтянутся и прикоснулся к краю днища птичьей библиотеки — так сказать и в этом случае существуют джентельменские соглашения.

— Кто джентельмены?

— Твои обычные подозреваемые. Индустрия, правительство, коммерческий сектор, которым так увлечен старик, кто угодно из них, или даже все вместе.

— И что это за соглашения?

— Скажем ты хочешь посмотреть запись, на которой британский спецназ выкуривает дюжину возможных участников террористической организации исламского джихада из подвала мечети. Или к примеру какие-нибудь беспорядки с участием профсоюзов. К примеру.

— К примеру, — сказала Холлис.

— Естественно они не хотят чтобы кто-нибудь смог получить эту запись. Но отключить камеры здесь не получится конечно, это с Би-Би-Си такое прокатывает, можно просто потом заплатить. И вот тогда спецзановцы обращаются к печати забвения.

— И что же это?

— Кроме всего прочего, это еще и распознавание лиц, разве я не говорил?

— Я не понимаю.

— Ты скоро увидишь. Курьер уже едет, с его прощальным подарком.

— Он что, так и сказал?

— Нет, — ответил он грустно, — но мы оба по-

нимаем это.

Глава 62

Пробуждение

Милгрим проснулся и почувствовал что на его ногах лежит нога Фионы, согнутая в колене под острым углом. Мягкая поверхность внутренней стороны ее бедра, и ее голень лежали поверх его бедер. Сама она лежала на боку, повернув лицо в его сторону, и больше не посапывала, хотя дуновение ее дыхания доносилось до его плеча. Она все еще спала.

Он подумал как долго может она оставаться в такой вот позе, если он не будет двигаться? Он знал что готов даже проверить это.

Сумерки Бигендова Вегас куба внезапно заполнились каким-то паучьи извилистым и неуклюжим гитарным аккордом, будь то бы распустившемся на фоне барабанящего по бонгам дождя. Милгрим поморщился. Аккорд стих, затем зазвучал снова.

Фиона застонала и положила руку на грудь Милгрима, прижавшись к нему. Звук аккорда нарастал, неизбежный, как волна прибоя. — Му-

дак, — произнесла Фиона, но не пошевелилась, пока скрежещущий аккорд не раздался снова. Тогда она отвернулась от Милгрима, дотянулась до телефона. — Алло?

Милгрим представил что матрас это плот. Представил как отступают стены углубляя линию горизонта. Фиона однако сидя на этом плоту говорила по телефону.

— Уилсон? Хорошо. Да? Понятно. Давай его. — Она устроилась на самом краешке матраса, скрестив ноги. — Алло. Да. — Она замолчала. — Мне нужна одежда для него, желто-зеленый жилет со светоотражающими полосками. — Снова молчание. — Кавасаки. Джи-Ти 550. Не очень презентабельный для такого дела, но если новый, то прокатит. Бенни может прикрутить что угодно. Есть адрес сайта производителя? Ну или можно измерить его. Я закончила сборку уже, но еще не пробовала запускать его. — Продолжительное молчание. — Трансплантанты органов и плазма? Инструменты для вскрытия?. — Опять молчание. — Добавьте побольше этого упаковочного вспененного полистирола из фотомагазина, чтобы не получилось что все это на выброс. Эта штука не любит вибрацию, но мы с Бенни как-нибудь разберемся с этим. Да. Я сделаю. Спасибо.

Дайте мне обратно Хьюберта пожалуйста? Спасибо. — Она прокашлялась и произнесла. — Ладно, на нас похоже внезапно свалилась куча работы. Бенни оборудует ваш ящик, а мне нужны новые амортизаторы. Этот беспилотник не будет изящно парить я думаю. Куча всяких движущихся частей. Да. Он сказал. Все предельно ясно. Пока.

— Хьюберт?

— И кто-то еще, по имени Уилсон. Что-то намечается.

— Что?

— Уилсон хочет чтобы мы разукрасили мотоцикл в цвета медицинской службы. Над задним сиденьем пришпандорить спасательный бокс, добавить отражателей и защитное снаряжение. В боксе поедет наш новый беспилотник.

— Кто такой Уилсон?

— Понятия не имею. Хьюберт распорядился буквально делать то, что он скажет. Когда Хьюберт что-то кому-то делегирует, он делегирует по полной. — Он подумал что она сейчас пожала плечами. — Нормально подремала все таки. — Она зевнула и потянулась. — А ты?

— Да, — ответил Милгрим, все еще перебирающий в уме то, что она сказала.

Она встала и пошла к месту, где оставила свою

бронированную аммуницию. Он услышал как она натягивает брюки. Затем застегивает молнию. Он сдержал вздох. — Кофе, — произнесла она. — Я пойду к Бенни кое за чем. С молоком?

— С молоком, — согласился Милгрим, — и сахаром. — Он нащупал свои носки под матрасом. — Что это за музыка у тебя на телефоне?

— Я забыла имя. Какой-то Бриллиант из Сахары. — Она натягивала ботинки. — В детстве он слушал Джими и Джеймса Брауна по радио. Врезал несколько дополнительных ладов в свою гитару. — Так и не включив итальянский зонтик она вышла, впустив на мгновение сероватый солнечный свет, затем дверь за ней закрылась.

Глава 63

Застывшие изгибы, неспешная трапеза

Слушая как Гаррет и Пеп, каталонский автоугонщик, погружаются в глубины темы ступичных электромоторов для велосипедов, она очень обрадовалась звонку Инчмейла. Она где-то смутно представляла себе что существуют моторы для ступиц велосипедов, однако Пепу хотелось целых два, для увеличения скорости, при этом

Гаррет настаивал на том, что два — это перебор. Если даже один из них сломается, утверждал он, дополнительный вес, в сочетании с сопротивлением генератора, сведут на нет, все возможные достоинства. А если даже мотор будет всего один, и сломается, Пеп сможет крутить педали, используя свои усилия максимально эффективно, потому что не будет тратить энергию на то, чтобы тащить этот самый избыточный вес. Ясность, с которой она ощутила все это, не имея практически понятия о чем идет речь, удивила ее.

Пеп выглядел так, словно бы кто-то сделал яблочную куклу из Жерара Депардье, замочив яблоки в подсоленном лимонном соке, затем запек их и в конце концов поместил их в прохладном, темном месте чтобы они затвердели и не покрылись при этом плесенью. Он конечно не заплесневел, но по его виду можно было предположить что уменьшился он основательно. При этом определить его возраст было совершенно невозможно. С одной стороны можно было предположить что это просто обветренный и опаленный солнцем подросток, с другой стороны он выглядел шокирующе старым. На задней поверхности его правой руки красовался вытатуированный, ассоциативно-фаллический дракон,

с крыльями летучей мыши, похожий больше на средневековую гравюру, нежели на татуировку. Ногти его были почти идеально квадратными, со свежим маникюром, отполированные до блеска. Гаррет похоже рад был видеть его, а вот ей рядом с ним было некомфортно.

Инчмейл звонил явно из гостиной. Она слышала на заднем фоне звуки зарождающейся вечеринки с выпивкой. — Ты беременна? — спросил он.

— Ты с ума сошел?

— Портье сказал про тебя «они». Я сделал предположение исходя из этой внезапной множественности.

— Я сейчас спущусь. В единственном числе.

Она оставила Гаррета, распекающего Пепа за то, что тот заказал нечто, называющееся «рама Хетчинса» для велосипеда, который придется утопить в Темзе, после «пары часов езды». Когда она закрывала дверь, Пеп доказывал что велосипед совсем не обязательно выбрасывать, и что «застывшие изгибы» в любом случае очень красивая вещь. Она видела что Пеп смотрел на свои ногти, и этот жест для нее ассоциировался с мужчинами, ухаживающими за собой.

Хайди и Инчмейла она нашла возле бивней на-

рвала. Инчмейл наливал себе чай из винтажного Банникин прибора, который представлял собой фирменную штучку Корпуса.

— Добрый вечер, — поприветствовал он ее. — Мы тут обсуждаем все недавно произошедшее дерьмо, разнообразие различных поклонников, которые собрались вокруг тебя, ну и плюс вероятность того, что ваши отношения будут жизнеспособными и продолжительными.

— И кто из них лучше всего мне подходит по вашему мнению? — спросила она, присаживаясь.

— Ну для начала неплохо было бы обзавестись хоть одним, — произнес Инчмэйл, опуская чашку на стол. — Но ты знаешь? Я полагаю что до встречи с тобой он был неплохим парнем.

— Ровно то же самое ты сказал о Филе Спекторе.

— Ну это было возрастное, — парировал Инчмэйл, — неудачное стечение обстоятельств. А в целом он гений. Лимон? — Он протянул ей ломтик лимона в богато инкрустированных серебрянных щипцах.

— Не надо лимон. Что значит «застывшие изгибы»?

— Корсет.

— Только что при мне Каталонский автомо-

бильный вор произнес эту фразу.

— Он говорил по английски? Может быть он имел в ввиду химическую завивку?

— Нет. Он говорил о велосипедных запчастях.

— Ладно, я ставлю на то, что это из области производства корсетов. Кстати ты в курсе что Хайди подстрелила человека Рейнской стрелкой для дартс?

— Рениевой, — поправила его Хайди.

— Ну да, Рейнское — это белое вино, и я пожалуй закажу немного такого скоро. Ну а если о тебе, — обратился он к Холлис, — то ты похоже устроилась на работу в фирму, в которой происходят глобальные трансформации.

— И кто же мне порекомендовал это сделать?

— Я же не ясновидящий? Я когда-нибудь предсказывал будущее? — Он попробовал свой чай. Вернул чашку на блюдце. Добавил в нее второй кусок сахара. — Анжелина сказала мне что Лондонское Пи-Ар сообщество похоже сейчас на свору собак перед землятресением. Никто не знает откуда они знают, но они откуда-то знают что источник их волнений это Бигенд.

— В Голубом Муравье кое-что происходит, — осторожно произнесла Холлис, — но я не могу рассказать вам что именно. Точее сказать я да-

же не знаю что в точности там происходит. Но Хьюберт похоже не воспринимает ситуацию как серьезную.

— Он не считает серьезным то, что произошло в Сити вчера вечером?

— Я не уверена что мы подразуеваем одни и те же события. И я не могу об этом говорить.

— Конечно не можешь. Ты же присягнула агентству на верность, когда присоединилась к этому проекту. Ритуал с черепом Иеронимо. Судя по тональности, которую взяла Анжелина, речь не идет о том, что у Бигенда проблемы или у Голубого Муравья проблемы. Скорее о том, что он вот-вот экспоненциально вырастет. У людей, работающих с общественностью чутье на такие вещи.

— Вырастет?

— На порядки. Все замерло в ожидании. И все готово начать запрыгивать в лодку Бигенда.

— Все?

— Те, кто под ударом, дорогая моя. Это как столкновение тектонических плит ночью, в этом городе, в античные времена. — Он вздохнул. Снова попробовал свой чай. Улыбнулся.

— Как там Боллардс?

— Улыбка исчезла с его лица. — Я подумываю

над тем, чтобы вернуть их в Тусон.

— Ну и ну, — сказала Хайди, — горизонтальный сдвиг.

— Я совершенно серьезно, — произнес Инчмэйл, и отхлебнул чаю.

— Мы знаем, — ответила Холлис. — Ты уже сказал им?

— Я сказал Джорджу. Он воспринял это на удивление спокойно. Это достаточно в новинку работать с исключительно умными. Клэмми конечно же зассал.

— Тогда пусть поменяет имя, — сказала Хайди, выдавливая лимонную дольку себе в чай с помощью изящного инструмента, который Инчмэйл использовал до этого.

— Что произошло после того как вы с Милгримом покинули нас прошлым вечером? — Холлис обратилась к ней.

— Они двинулись за нами. Возможно на другой машине, одной из тех, что загнала нас в тот переулок. Прикинули куда мы направляемся и опередили нас, парень с забинтованной головой и еще кто-то. Дождались пока мы пройдем вперед и пошли следом. Все очень дилетантски. Я остановилась чтобы купить нам одежду, чтобы изменить наш внешний вид.

— Там были еще открытые магазины?

— Я купила одежду прямо на улице. Очень выгодно для продавца. Затем мы направились в метро. Когда я поняла что они не собираются спускаться за нами… — Она пожала плечами.

— Хайди!

— Прямо в лоб, — сообщила Хайди, коснувшись корней волос своей челки указательным пальцем, изобразив случайно салютующий жест. — Это же кость. У него голова и так уже похоже болела…

— Милгрим влип из-за этого. Они по-видимому обвиняют его в этом.

— Твой приятель нанял Аджея. Зачем?

— Из-за Милгрима. Это все сложно объяснить.

— Аджей на седьмом небе. Уже сообщил на своей пафосной работе.

— Пафосной?

— Служба безопасности в клубе каких-то извращенцев. — Она обвела взглядом собирающуюся вокруг вечернюю публику. — Теперь он вроде как не меньше чем секретный агент. Так вот.

— Поехали с нами в Тусон, — внезапно предложил Инчмэйл Холлис. Такие его несвоевременные выступления и предложения она считала одной из сволочных черт его характера. — Погре-

ешься на солнышке. Поешь мексиканской еды. Ты нам в студии можешь помочь. Джорджу ты нравишься. Клэмми, как это не невероятно, но он тебя не ненавидит. Мне не нравится атмосфера, которая сейчас концентрируется вокруг Бигенда. Все за счет компании. Мы тебя можем оформить к примеру как помощника продюсера. Пусть Бигенд дождется достижения критической массы. А ты пока побудешь в другом месте. Ты можешь и приятеля своего с собой захватить.

— Я не могу, — ответила Холлис, потянувшись через пуфик и лоток с приборами Банникин, заставив его поджать костлявые колени, — но все равно спасибо.

— Почему нет?

— Гаррет пытается вытащить из неприятностей Милгрима для Бигенда. Они заключили договор и в его рамках есть кое-что и обо мне. И теперь с Гарретом. Так что все будет в порядке.

— Как человек среднего возраста, имеющий кое-какие способности, — произнес Инчмэйл, — Я должен сообщить тебе что все может быть и не в порядке.

— Я знаю Рег.

Инчмэйл вздохнул. — Поехали к нам в Хампстед, переждешь там.

— Ты же собирался в Тусон.

— Я же принимаю решения, — ответил он. — Я еще не решил когда именно поехать. И тут еще присутствует вопрос убеждения Клэмми и остальных.

— Меридит где-то здесь же?

— Да, — сказал Инчмэйл, его интонация свидетельствовала о том, что он не очень то рад факту присутствия Меридит где-то рядом. — Она отвлекает Джорджа, и озадачена исключительно и полностью только своими проблемами.

— Ненавижу попадать в такие ситуации, — произнесла Хайди глядя на Инчмэйла. — Не думаю что знаю как в подобных случаях следует действовать.

Айфон Холлис зазвонил в левом кармане ее Хаундс куртки. — Алло?

— Ты в баре? — спросил Гаррет.

— Да. А что такое застывшие изгибы?

— Что?

— Застывшие изгибы. Пеп так сказал.

— Вилки. Передняя и задняя. На рамах Хетчинса они с изгибами.

— Понятно.

— Ты можешь выйти на улицу и посмотреть на микроавтобус, который там припаркован? У него

на боку написано «Неспешная Трапеза».

— Неспешная Трапеза?

— Да. Просто посмотри на него. Мне это нужно.

— Зачем?

— Нормально ли на твой взгляд он выглядит.

— Нормально для чего?

— Ну насколько он подходяще выглядит. Заметила бы ты его или нет, запомнила бы или нет.

— Полагаю я способна запомнить что на нем написано.

— Я же ничего такого не подразумевал, — сказал Гаррет. — Это один из тех микроавтобусов, которые люди считают просто белыми.

Глава 64

Управление угрозами

Туалет в Бигендовом кубике был похож на туалет экипажа на самолете, только симпатичнее. Скандинавская нержавейка. Соответствующая маленькая круглая угловая раковина. Округлые рукоятки крана с насечками. Водопроводная система под раковиной напомнила Милгриму аквариумные трубки.

Он побрился, затем почистил зубы. Фиона от-

правилась к Бенни, чтобы наблюдать за тем, как он монтирует что-то на ее мотоцикле. Периодически, сквозь жужжание зубной щетки, до него доносились из гаража короткие, но энергичные звуки какого-то, как ему казалось, гидравлического привода.

Что-то назревало. Он не знал что, и не хотел спрашивать Фиону, потому что боялся разрушить то, что заставило ее бедро и голень оказаться поверх его бедер. Он было предположил что ничего этого не было, но в его памяти обнаружились подробности ее пробуждения, так что он немедленно отмел свое предположение. Кроме того, что Бигенд делегировал что-то, кому-то с именем Уилсон, чьи распоряжения она теперь должна выполнять, он больше ничего не сказала. Не сказать что она выглядела довольной, но и на несчастную тоже похожа не была. Скорее она выглядела сконцентрированной.

Санузел Бигенда отнюдь не щеголял обилием полотенец, хотя те, что были, были Швейцарскими, белого цвета, очень симпатичные, и похоже ими до этого никто никогда не пользовался. Он закончил чистить зубы, прополоскал рот холодной водой и вытер лицо. Гидравлический привод взвыл три раза подряд, как будь то возвещая

завершение какой-то работы.

Он открыл складную дверь, вышел наружу и закрыл ее за собой. Его было отлично видно на краю этой белой стены.

Зубную щетку и бритвенные принадлежности он сложил обратно в свою сумку. Фиона собрала все его принадлежности в номере Холидей Инн, когда выписывала его оттуда. Он попытался навести в кубе порядок, расставив ровно кресла вокруг стола и расправив спальный мешок на поролоновом матрасе, на случай если Фиона вдруг соберется снова вздремнуть, но это похоже не очень помогло. Куб был не слишком объемным, и сейчас в нем скопилось слишком много вещей. Прямоугольно-странный беспилотный вертолет на столе, его Эйр, картонные коробки и сложная защитная упаковка, из которой она извлекала разные сегменты беспилотника, его сумка, ее армированная щитками куртка, и его твидовый костюм из Танки и Тойо на спинках кресел. Такие специфические пространства теряют свой специфичный вид, как только кто-нибудь пытается поселиться в них хотя бы на несколько часов.

Его взгляд вернулся на лэптоп. Он сел и авторизовался в Твиттере. Сообщение от Винни: «Получила отпуск позвони мне.»

«Нет телефона», написал он ей, затем озадачился как объяснить ей где он сейчас и что он делает, «Похоже Б положил меня на лед. Что-то происходит.» Выглядело это глупо, но он все равно отправил сообщение.

Дважды обновил страницу и получил: «Найди телефон.»

Твитнул, или ответил «Хорошо.» Не смотря ни на что, он был рад что она получила отпуск и что она все еще где-то здесь. Он почесал грудь, встал, одел рубашку и застегнул пуговицы, включая те, которые были на манжетах, на каждом рукаве. Заправлять рубашку не стал. Одел свои новые туфли. Старые были удобнее, но не подходили к джинсам. Подошел к двери и попробовал ее открыть. Не заперто. Хотя он и не предполагал что она заперта. Гидравлический привод дважды прогудел.

Открыл дверь и вышел наружу, обнаружив что день закончился. Грязь гаража Бенни, подсвеченная ярким флюоресцентным освещением, немедленно сделала куб хирургически чистым. Фиона и Бенни разглядывали мотоцикл Фионы, на котором теперь красовался белый ящик со слегка вогнутыми боками, пристегнутый там, где раньше сидел Милгрим, прямо за ней. Ящик

выглядел прочно, дорого, но был похож на холодильник для пива. На боку было что-то аккуратно написано, черным шрифтом.

— Красные кресты? — спросила Фиона у Бенни.

В руке Бенни держал желтый пневматический шуруповерт, за которым тянулся красный питающий шланг. — Профессионалы сразу поверят что ты — скорая помощь. Это стандартная раскраска для перевозки свежих глазных яблок. Я подсмотрел у одного такого.

— Имя и номера?

— Как только получим. Грузовик был из частного дома, из Сохо. — Он достал заложенную за ухо сигарету и зажег ее. — Кино и телевидение. Такой план? Съемки сериала?

— Порно, — ответила Фиона. — Сааду бы понравилось.

— Да не смотрит он порно, — сказал Бенни.

Фиона увидела Милгрима и повернулась к нему. — Привет.

— Можно мне позаимствовать твой телефон? Мне нужно позвонить.

Она выудила Айфон из своих громоздких бронированных штанов. Не тот, который Милгрим использовал чтобы управлять скатом Фесто, и

передала его ему. — Есть хочешь? Можем заказать донер.

— Ужин?

— Донер. Кебаб.

— Я бы съел карри, — сообщил Бенни, сосредоточенно изучая мерцающий кончик своей сигареты, словно бы тот содержал отзывы о различных видах карри.

— Я только позвоню — он задумался.

— Да?

— Это телефон Голубого Муравья?

— Нет, — ответила Фиона. — Это новый. Так вот Бенни. Нам недавно привезли новые, а старые забрали.

— Спасибо, — сказал Милгрим и вернулся в Вегас куб. Нашел карточку Винни, на которой приписал телефонные коды и набрал номер.

После второго гудка он услышал ее — Да?

— Это я, — сказал Милгрим.

— Где ты?

— Сазак. За рекой.

— Чем занимаешься?

— Спал.

— А до этого сказки читал?

— Нет.

— Ты думаешь что что-то происходит? Ты на-

писал так.

Он подумал что она сделала акцент на глагол чтобы показать ему что шуточно-детсадовская тема закончилась. — Я не знаю что происходит. Он нанял некоего Уилсона и делегировал ему что-то. — Он был доволен что запомнил это слово.

— Управление угрозами, — сказала она. — Он решил передать это профессионалам. Значит он все же воспринимает ситуацию всерьез. Ты видел Уилсона?

— Нет.

— Что порекомендовал Уилсон?

— Они прикрепили бокс на мотоцикл Фионы. Такой, как для перевозки глазных яблок.

Телефон ответил исключительной цифровой тишиной, затем раздался вопрос — Кто такая Фиона?

— Она водитель. Работает на Бигенда. На мотоцикле.

— Ладно, — сказала Винни. — Начнем все сначала. Озадачимся.

— Озадачимся?

— Я хочу чтобы ты встретился с Улсоном. Я хочу знакть кто такой Уилсон. Однако даже важнее узнать название компании, на которую он работает.

— Разве он не на Бигенда работает?

— Он скорее всего работает на одну из фирм, занимающихся обеспечением безопасности. Бигенд клиент. Не спрашивай его. Просто выясни. Втихую. Ты можешь это сделать. Инстинкт мне подсказывает. Чей телефон ты сейчас используешь?

— Фионы.

— Я кое-кому переправила номер и они сообщают мне очень забавные координаты GPS. Если конечно не предположить что вы научились постоянно телепортироваться, причем случайным образом.

— Это новый телефон. Его прислал Бигенд.

— Это мог быть и Уилсон, консультант по управлению угрозами. Если это его штучка, то на жизнь он себе заработает. Ладно. Задача у тебя есть. Занимайся. Звони, пиши. — Она отключилась.

Комнату залило звуком этого странного скрежещущего как курица лапой аккорда «под Хендрикса». Он выскочил за дверь, споткнулся о какую-то запчасть от двигателя и чуть не упал, но справился чтобы сунуть телефон в руку Фионы. И только когда он сделал это, в голову ему пришла мысль что не могла ли это перезвонить Винни.

— Алло? Да. Приделали. Очень убедитель-

но. Сейчас будем менять амортизаторы. Они жестковаты. Вы хотели бы? Конечно. Я возьму мотоцикл взаймы. Быстро? С удовольствием. — Она улыбнулась. — Во что он был одет вчера? — Она посмотрела на Милгрима. — Я скажу ему. — Она положила телефон в карман своих брюк.

Брови Милгрима вопросительно приподнялись.

— Уилсон, — сказала Фиона. — Ты там нужен срочно, за рекой. Он хочет встретиться с тобой. И возьми с собой одежду, в которую ты был одет вчера.

— Зачем?

— Ему кажется что комплект Танки и Тойо тебе не очень идет.

Милгрим поморщился.

— Не заморачивайся, — сказала она и толкнула его кулаком в плечо. — Ты очень умный. Я возьму взаймы мотоцикл попроворней пока Саад заменит на моем амортизаторы.

— Бенни.

— Ну да, — спокойно и негромко произнес Бенни, словно бы заранее смирившись с чем-то не очень приятным. — Только не раздолбай его в этот раз, ладно?

Глава 65

Леопардовая шкура в миниатюре

Она стояла на ступеньках крыльца Корпуса, глядя на огни, неожиданно появившиеся за деревьями, на практически пустой Портмэн Сквер. За ее спиной стоял настороженный и внимательный Роберт, который вышел после того, как высокий фургон с надписью «Неспешная Трапеза» уехал, управляемый молодой блондинкой, в кепке, подозрительно похожей на головной убор Фолея.

Где-то рядом играли в теннис. Где-то по близости видимо был корт и кто-то решил сыграть пару ночных сетов. Она подумала что корт должен быть слишком влажным сейчас.

Когда она вернулась внутрь, Инчмейл и Хайди стояли в лобби. Инчмейл уже упаковывал себя в Японский Горэтекс. — Мы пошли в студию, послушать кое-какие записи. Пойдем с нами.

— Спасибо, но я тут нужна.

— Оба варианта остаются в силе, Тусон и Хэмпстед. Ты можешь остаться с Анжелиной.

— Я ценю твою заботу Рег, спасибо.

— Тихое упрямство, — произнес он и повернулся к Хайди. — Перебивается только буйной жестокостью. — И повернувшись обратно к Холлис. — При любом раскладе не пропадай. Держи меня в курсе происходящего.

— Хорошо. — Она направилась к лифту. К хорьку и его витрине. Читая беззвучную молитву чтобы схема Гаррета, чтобы она из себя не представляла, была настолько хорьковой, насколько это необходимо чтобы то, что случилось с этим конкретным хорьком, и привело его к этому сомнамбулическому состоянию, никогда не случилось бы с Гарретом, Милгримом или кем угодно еще, кто ей дорог.

Ей показалось что зубы его стали больше, хотя она понимала что это невозможно. Она нажала кнопку, и услышала сверху далекое клацанье, звуки, которые издавали механизмы Тесла.

На самом деле, она не очень заботилась о том, что будет с Милгримом, пока Бигенд с очевидной легкостью не собрался скормить его Фолею и компании для того, чтобы вернуть Бобби Чомбо. И она знала что Бигенду нужен не сам Чомбо, а то, что он знает, или знает как сделать. Беспокоил ее и тот факт что возрождение или перерождение Милгрима Бигенд затеял лишь для того, чтобы

узнать возможно это вообще или нет. Выяснить это чтобы затем продать это знание или даже этого человека, обменять на то, чего хочется, не думая о возможных ошибках и последствиях.

Когда появился лифт, она раздвинула створки, открыла дверь и вошла внутрь и поехала наверх.

Двигаясь сквозь коридоры, к своему Номеру Четыре она обнаружила что на одном из пейзажей теперь целых два одинаковых строения, одно из которых было чуть дальше, на склоне холма. Конечно же второе строение всегда было там, просто она его не замечала. Она твердо решила не думать об этом больше.

Она постучала в дверь, на случай, если Гаррет с Пепом все еще заняты своей подготовкой. — Это я.

— Входи, — позвал он ее.

Он расположился на Пиблокто Безумной кровати. Черный бандаж охлаждающей машины был опять вокруг его ноги, черный открытй ноутбук лежал у него на животе, за ухом виднелась гарнитура.

— Занят?

— Нет. Только что позвонил Биг Энду. — Он выглядел устало.

— И как там?

— Ему звонил Грейси. Они требуют Милгрима сегодня вечером.

— А у тебя еще не все готово?

— Нет. Хотя я знал что мы не успеем подготовиться. Мы еще раз повторили с ним сейчас. Он сказал им что Милгрим сбежал, но к счастью мы вышли на его след. Собираемся добраться до него. Удалось аккуратно избежать темы о его конкретном местонахождении, сказали только что он все еще в Великобритании. В противном случае Грейси мог бы выяснить пересекал ли американский паспорт Милгрима границу. Я думаю все прошло нормально, а вот твой Биг Энд… — Он покачал головой.

— Что?

— Есть что-то, что он хочет получить. Оно ему просто необходимо. Это в точности не… В общем с моей точки зрения это выглядит как будь то он всегда раньше побеждал, а теперь у него вдруг появился шанс проиграть, проиграть по настоящему. Если он не сможет вернуть Чомбо в нормальном состоянии. И это делает Биг Энда действительно опасным. — Он посмотрел на нее.

— Что ты думаешь он может сделать?

— Буквально все, что угодно, только бы вернуть

Чомбо. Я раньше никогда этого не делал.

— Не делал что?

— Не организовывал таких мероприятий для клиента. Причем я умудрился найти себе клиента из ада.

Она села на край кровати, и положила свою руку ему на ногу, так же как когда-то, еще до того, как произошел Дубай.

— Мой старик сказал что о Биг Энде сейчас распространяются очень специфические слухи. Разные слухи, в последнее время их все больше. Управлять ими невозможно.

— Рег сказал то же самое. Он слышал все это от своей жены, которая вращается в области связей с общественностью. Сказал что это словно собаки перед землятресением. Они не знают что происходит, но почему-то знают что это из-за него. Меня это беспокоит. Ты выглядишь уставшим. — Она только что это обнаружила. Глубокие заострившиеся линии его скул. — Эти пятеро нейрохирургов не ожидали наверное что ты займешься этим сейчас?

Он кивнул в сторону запотевшей черной обертки вокруг его ноги. — Фрэнк отдыхает, и тебе тоже лучше расслабиться.

— Я могла бы сказать что не хотела тебе зво-

нить, но это будет ложью. Но я беспокоюсь за тебя. Не только Фрэнк. — Она коснулась его лица. — Извини, что у меня это так.

Он поцеловал ее руку. Улыбнулся. — Я рад что ты позвонила. Мне не понравилось как Пеп на тебя смотрел.

— Мне тоже. Пеп мне тоже не нравится.

— Пеп однажды меня здорово выручил в Баррио Готико. Спас мою задницу. Хотя и не обязан был.

— Ну ладно, Пеп хороший.

— Я бы не пошел так далеко. Но когда у нас есть запертый автомобиль, он может открыть его быстрее, чем его владелец, и закрыть его так же быстро. Как тебе мой продуктовый микроавтобус?

— Умопомрачительно вегетарианский. Новенький.

— Арендовал его через специальное агентство в Шеппертоне, транспортные средства для кино и телевидения. Вообще «Медленная Трапеза» еще не занимаются доставкой здесь. Были счастливы предоставить нам его для художественной съемки, за очень недемократичную почасовую оплату.

Что-то лежало на прикроватном столике. Вроде как часть фюзеляжа модели самолета: обтекае-

мая, стремительная, верхняя ее поверхность была окрашена желтым, с коричневыми точками. Она наклонилась чтобы разглядеть ее поближе и увидела миниатюрный леопардовый принт на пластиковой поверхности.

— Не трогай. Может быть больно.

— Что это?

— Тазер.

— Тазер?

— Хайди. Она привезла его из Лос-Анджелеса по случаю, в сумке с запчастями для сборных моделек. Не глядя сунула его в модельные сборочные чертежи в момент, когда была хорошенько нагружена алкоголем.

— И транспортный контроль пропустил это?

— Мне не нравится тебя разочаровывать, — ответил он, делая серьезное лицо, — но это вполне общеизвестный факт. Транспортный контроль запросто может не заметить странную вещь. Звучит конечно шокирующе, я знаю…

— Но где она вообще его раздобыла?

— В Америке? Хотя вопреки поговорке, не все что происходит в Вегасе, там же и остается. Кто-то в Лас-Вегасе дал это ее мужу. Как подарок для нее на самом деле, потому что с леопардовым принтом — это женская модель. Транспортный

контроль не заметил его, Таможенная Служба Ее Величества тоже, и только Аджей смог сделать это, сегодня утром. У нее нет никаких мыслей на тему зачем она это сделала. Запаковала по ошибке, когда была пьяная. Это конечно не оправдание, но случаев таких немало, когда из-за такого вот некие странные вещи путешествуют через границы.

— Что ты собираешься делать с ним?

— Еще не знаю. Дело случая. Боюсь тут что-то планировать.

— Я думала ты любишь планы.

— Я люблю планировать. Это разные вещи. Вообще немного простора для некоей импровизации может улучшить общую картину.

— Им шокируют людей?

— Внутри конденсатор. Мощности достаточно чтобы вырубить тебя. Две острые стрелки на хорошо изолированных четырехметровых кабелях. Выстреливаются сжатым газом.

— Жуть.

— Я бы предпочел вообще его не использовать. Не могу сказать что это мне приятно. — Он наклонился, поднял тазер и сел обратно, прислонившись к подушкам. Взял его большим и указательным пальцами.

— Положи его. Мне он не нравится. Мне кажется тебе неплохо было бы поспать.

— Сюда едет Милгрим. И парикмахер-визажист. Мы с ним займемся Аджеем. Макияжная вечеринка.

— Макияжная?

— Белолицие люди. — Он бросил тазер за открытую крышку своего ноутбука. Начал подниматься снова и приостановился. — Мы не хотим оставлять Милгрима с Биг Эндом, когда это начнется. — Он посмотрел на нее. — Мы хотим взять его с собой, не зависимо от того, чего там хочет Биг Энд. Мне нужно его некоторым образом подготовить чтобы у меня был повод держать его рядом с собой.

— Зачем?

— Если моя схема накроется медным как говорится тазом, то всегда остается возможность что твой наниматель со страшной силой захочет отдать Милгрима Грейси и ринется поспешно исполнять это. Со страшной силой. Это послужит оправданием нашего поведения. Невозможность обеспечить подходящую помощь в эти дни. Но Милгрим здесь, так что мы забираем Чомбо, всем спасибо, и извините за доставленные неудобства. Или если Грейси облажается, если уж на то

пошло… — Тазер медленно заскользил по клавиатуре вниз, в тихом бреющем полете.

— Облажается как?

— Моя скромная операция собрана из частей, которые нашлись в моем запаснике. Изначально я исходил из предпосылки что Грейси будет играть профессионально. Мы произведем обмен пленными, а затем будем спасать Милгрима, которого они возможно утопят или отрубят ему ноги.

— Не говори так!

— Извини. Но нам придется играть по правилам, раз уж Биг Энд так обеспокоен. Мы знаем что они не получат Милгрима, но Грейси то не знает еще. Если мы разыграем мой сценарий, у Грейси и компании будет ощутимый перевес, так что вряд ли они решат привлекать кого-то еще. Но если Грейси пошлет правила к черту, то у меня не так уж много игрушек в запасе, чтобы выпустить их на него. — Он снова взял Тазер и прищурился. — На самом деле жалко что у нее не оказалось еще чего-нибудь в этом роде.

Глава 66

Застежка-молния

Как теперь знал Милгрим, гражданский мотоцикл Бенни, Yamaha 2006-го года FZR1000, черный с красным. Как сообщила Фиона, мотоцикл был занижен, чтобы это не значило, и на нем был установлена задняя вилка Спондона, позволяющая удлиннить колесную базу как для драгстрипа. — Рвет с места, — одобрительно сказала Фиона.

На ней снова было все ее бронированное облачение, застегнутое на все молнии и липучки. Желтый шлем она держала подмышкой. Милгрима тоже нарядили в броню, в позаимствованные на время нейлон и кевлар, жесткие и непривычные после твида и джинсов. Носки ярко-коричневых брогов Джун, нелепо торчали из под черных защитных штанов Кордура. Его сумку, в которой лежал его лэптоп и его одежда, в которой он был одет прошлой ночью, пристегнули поверх топливного бака Ямахи, форма которого позволяла предполагала что бедра управляющего мотоциклом будут эргономично его обхватывать. В настоящий момент его понят-

ное дело обхватывали бедра Фионы и выглядело это крайне эффектно.

— Войтек пришел, трахаться пингвин.

Они повернулись на звук его голоса. Он шагал прямо к ним через опустевшую мотоциклетную стоянку. В каждой его руке он держал по чемодану Пеликан, которые казались весьма увесистыми, в отличие от похожих чемоданов, используемых в качестве прикрытия объекта телохранителями.

— С пингвином, — поправила его Фиона, — трахаться с пингвином.

— Я лишь жалкий бедный иммигрант. А ты нет. Это Боб Дилан.

— Чего ты тогда нудишь? — взвилась Фиона. — Тот, что в Париже, замечательно работал, а этот мы только что получили с АйФоном.

— Заказ Уилсона. Комиссара всего, с чем приходится сейчас трахаться.

Он протиснулся между ними в Куб Вегас и закрыл за собой дверь.

— Здесь есть другой шлем? — спросил Милгрим, кивнув на черный шлем миссис Бенни, который лежал сейчас на заднем сиденье мотоцикла.

— Извини, — покачала головой Фиона, — другого нет. Я подогнала ремешок. Это была лекция по безопасности.

— Ты провела лекцию по безопасности?

— Уилсон провел ее, — она одела черный шлем на голову Милгриму, ловко подтянув и застегнув ремешок на подбородке. Запах геля для волос стал похоже еще ядренее, видимо миссис Бенни снова пользовалась шлемом. Интересно, подумал Милгрим, может ли от такого появиться аллергия.

Фиона натянула перчатки и оседлала сверкающую Ямаху. Милгрим уселся позади нее. Двигатель ожил. Она отталкиваясь ногами выкатилась из двора Бенни, а затем этот мотоцикл показал что он создание совершенно иного толка, нежели его большой серый собрат, принадлежащий Фионе. Плотная и чрезвычайно путанная череда улочек Саузарка, Милгриму показалось что это чтобы запутать возможных преследователей. Затем взревев мотором через вздымающуюся выпуклость Блэкфрэйэрз, мимо стробоскопически мелькающих красно-белых ограждений. Он немедленно потерял ощущение направления, как только они перебрались на другую сторону. И совершенно неожиданно для него она остановилась и припарковалась.

Он немедленно вступил в схватку с подбородочным ремешком, чтобы как можно скорее избавиться от шлема миссис Бенни. Посмотрел

вверх, на совершенно незнакомое здание. — Где это мы?

Она сняла желтый шлем. — Корпус. Вид сзади.

Они оказались на мощеной булыжником садовой дорожке за каменной стеной. Она спешилась, и Милгрим в который уже раз поразился плавности и грации, с которой она это делала. Он тоже слез с мотоцикла, как ему показалось со всей доступной ему неуклюжестью, и наблюдал затем как она вытянула из багажника Ямахи толстую, похожую на змею антикражную цепь и застегнула ею мотоцикл.

Он последовал за ней по аккуратному булыжнику к порт-кошер. За очень современной стеклянной дверью их ожидал привратник в костюме в тонкую полоску. Он открыл им дверь не дожидаясь пока Фиона позвонит.

— Сюда пожалуйста, — произнес он и проводил их к лифту с дверью из полированной нержавеющей стали. В мотоциклетных доспехах Милгрим ощущал себя непривычно твердым и большим. Ему казалось что в лифте он занимает при этом очень много места. Он застыл вертикально выпрямившись, церемониально держа перед собой шлем миссис Бенни.

— За мной пожалуйста. — Полосатый костюм

повел их через вереницу очень тяжелых дверей, которые сами закрывались им вслед. Темно-зеленые стены, короткие коридоры, мрачные акварели в витьевато позолоченных рамах. Они шли, пока не остановились перед дверью еще более темно-зеленого, почти черного цвета. Большая, курсивная, медная цифра 4 прикрученная двумя медными с прорезями винтами. Полосатый костюм воспользовался медным дверным молотком, в виде женской руки, держащей сплюснутый медный сфероид, закрепленным на конструкции двери. Один вежливый стук.

— Да? — голос Холлис.

— Это Роберт, мисс Генри. Они пришли.

Милгрим услышал громыхание цепочки. Холлис открыла дверь. — Привет Милгрим, Фиона. Заходите. Спасибо Роберт.

— Обращайтесь Мисс Генри. Хорошего вам вечера.

Милгрим моргнул. Холлис закрывыла дверь на цепочку за его спиной. Он никогда не видел гостиничных номеров, подобных этому, и Холлис была в нем не одна. На кровати (очень странной кровати) лежал мужчина с короткими, черными, взъерошенными волосами. Он серьезно смотрел на Милгрима, тем тихо-сфокусированным

взглядом, который всегда заставлял срабатывать механизм обнаружения копов, подобный тому, что обнаружил Винни в Севен Дайалз. Почти.

— Значит ты Милгрим. Я очень много о тебе слышал. Я Гаррет. Уилсон. Извини что не встаю. С ногой херня. Нужно держать ее на весу. — Он лежал опершись на подушки и стену, как показалось Милгриму в первый момент бивнями мамонта. Пара серо-выветренных, словно боковые поверхности церковного створа. Рядом с ним лежал открытый ноутбук. Одна из его одетых в черные брюки ног, лежала на отдельных подушка. Над ним висела самая большая птичья клетка, из всех, что доводилось видеть Милгриму. Однако заполнена она была уложенными в стопки книгами, подсвеченными волшебным свечением.

— Это Фиона Гаррет, — сказала Холлис. — Она вывозила меня из той заварушки в центре города.

— Отлично, — сказал он. — И она же пилот нашего дрона.

Фиона улыбнулась. — Привет.

— Я только что отправил Войтека доработать одного из дронов.

— Мы видели его, — сказала Фиона.

— У него не было тазера, так что мы ему выдали

один.

— Тазер?

— Это система вооружения для нашего дирижабля. — Он пожал плечами усмехнувшись. — Очень удобная.

— Сколько он весит?

— Семь унций.

— Я думаю это уменьшит скорость подъема, — сказала Фиона.

— Наверняка. И скорость тоже снизится. Но изготовитель пингвина сказал что летать он по-прежнему будет. Возможно не так высоко. Он же серебристый? Из мэйлара?

— Да.

— Я полагаю нам потребуется маскировочная раскраска. Ты понимашь что я имею в виду?

— Да, — произнесла Фиона, чего Милгрим не мог добавить от себя. — Ты знаешь что я обычно управляю дронами другого типа?

— Да, понимаю.

— Ящик на мотоцикл прикрепили?

— Да. И заменили амортизаторы.

— Что такое амортизаторы? — спросил Милгрим.

— Они поглощают удары от неровностей дороги, — ответила Фиона.

— Давайте вашу одежду, — предложила Холлис, забирая у Милгрима шлем миссис Бенни, а затем шлем Фионы. — Мне нравится твой пиджак, — сказала она, имея в виду новый твид Милгрима, когда он выбрался из жесткого нейлона.

— Спасибо.

— Пожалуйста, — ответила Холлис, — садитесь.

В номере стояли два высоких полосатых кресла, обращенных к человеку, лежащему на кровати. Милгрим занял одно, Фиона другое, а Холлис села на кровать. Милгрим увидел что она взяла мужчину за руку. Он вспомнил их утро в Париже. — Ты спрыгнул с самого высокого здания в мире, — сказал он.

— Да. Хотя к сожалению не с самого верха.

— Хорошо что с тобой все в порядке, — продолжил Милгрим и увидел что Холлис улыбается ему.

— Спасибо, — сказал Гаррет и Милгрим увидел что он сжал руку Холлис.

— Кто-то легко два раза стукнул в дверь, не дверным бронзовым молотком-кастетом в виде женской руки. — Это как бы мы, — произнес голос.

Холлис опустила ноги на пол, встала, пересекла

комнату по направлению к входной двери и впустила очень симпатичного молодого человека и менее симпатичную девушку. Девушка несла старомодный, черный, чемодан из кожезаменителя. Оба они были похожи на индийцев, хотя у Милгрима возникло еще смутное предположение об Южной Азии, но девушка была готом. Милгрим никак не мог вспомнить доводилось ли ему раньше встречать гота с индийской внешностью, и он подумал что даже если он и мог видеть таких, то он мог их видеть только в Лондоне.

— Моя двоюродная сестра Чандра, — сказал молодой человек. На нем были одеты изысканно драные очень узкие черные джинсы, черная рубашка поло и большего чем надо размера, выглядещая очень старой мотоциклетная куртка.

— Привет Чандра, — поздоровалась Холлис.

Чандра застенчиво улыбнулась. У нее были идеально прямые черные волосы, огромные темные глаза и изысканно замысловато отпирсенные уши и нос. Губы ее были черными, а одета она была в нечто, напоминающее наряд медсестры в стиле короля Эдварда, все чрезвычайно черное.

— Привет Чандра, — сказала Холлис. — Чандра и Аджей, Фиона и Милгрим. И это Гаррет Чандра.

Аджей посмотрел на Милгрима. — Несколько

высоковат, — произнес он с сомнением.

— Задекорируем тебя по сторонам, — сказала Чандра Аджею. — Этой волокнистой штукой из баллончика. Для прикрытия залысин. У нас есть немного. — Теперь она смотрела на Милгрима. — Он же мог сделать стрижку. Так что это в общем нам на пользу.

Аджей провел рукой по своим волосам, которые были по-военному короткими сбоков и торчали черной шелковой щеткой сверху. Он выглядел обеспокоенным.

— Он усыхает, — сообщил Гаррет с кровати. — Милгрим, можно попросить вас снять брюки?

Милгрим посмотрел на Фиону, затем снова на Гаррета и вспомнил Джуна из Танки и Тойо.

— Водонепроницаемые, — сказал Гаррет. — Аджею надо понять как вы двигаетесь.

— Двигаюсь, — повторил Милгрим и встал. Затем снова уселся и принялся развязывать шнурки на своих ботинках.

— Не надо, не надо, — сказала Фиона, поднимаясь. — Просто расстегни молнии. — Она опустилась перед ним на колени и расстегнула длинные, во весь внутренний шов молнии его бронированных штанов. — Вставай. — Он встал. Фиона дотянулась до застежки и дернула

массивную пластиковую молнию вниз, громко хрустнули липучки Велкро и брюки сползли на пол. Милгрим ощутил что он мгновенно покраснел.

— Давай, — сказала Фиона, — выбирайся из них.

Глава 67

Мышь раздавленная

Аджей со страдальческим, но стоическим выражением лица восседал на том, что Милгрим назвал Бидермейеровым стулом. Стул этот был установлен посреди гигантской, выложенной яркой плиткой пещеры ванной комнаты Номера Четыре. Вокруг Аджея были разложены полотенца, и Чандра аккуратно примерялась к его стрижке с парой ножниц. Милгрим был здесь же, он «ходил поблизости», как ему было указано, а Аджей изучал его, когда вспоминал об этом. Чандра тоже периодически останавливалась и смотрела на него, затем снова начинала стричь. Холлис казалось что она в ожидании диалога.

— Что это? — спросил Милгрим, по-видимому внезапно заметив вдруг душ.

— Душ, — ответила Холлис.

— Продолжай двигаться, — сказал Аджей.

Милгрим засунул руки в карманы своих новых, особенных брюк.

— Но ты бы сделал это? — спросил Аджей.

— Перестань двигаться, — попросила Чандра, прекращая стричь.

— Я? — спросил Милгрим.

— Аджей, — сказала Чандра, смахивая влажную черную прядь волос со своей черной туники. Ее черные губы выглядели в этом свете несколько драматично.

Холлис посмотрела назад на Фиону, которая сидела рядом с кроватью, сосредоточенно слушая Гаррета, иногда спрашивая его о чем-то, и делая записи в блокноте, на обложке которого красовалась какая-то наклейка.

Гаррет только что закончил разговаривать по телефону с мастером, который собирал электровелосипед для Пепа. В результате Пеп остался без «застывших изгибов» потому что они оказывается холоднотянутые и размещать на них узлы электродвигателя и Гаррет и мастер считали безоговорочным святотатством. Взамен Гаррет выбрал карбоновое волокно, хотя об этом пришлось уведомить по телефону Пепа, который

не преминул выторговать для себя сдвоенный двигатель.

Холлис вспомнила как просматривала кадры записи их подготовки к съемкам музыкального видео, которых они изо всех сил старались избегать. Инчмэйл затем показывал ей сами видео, и их, и другие, групп которые он сам продюсировал. Так вот записи того, что происходило за кулисами, казались ей значительно более интересными, нежели сам конечный продукт.

В данном случае она до сих пор не представляла себе чем же в конечном итоге разродится постановочный талант Гаррета.

— Теперь выходи, — услышала она голос Чандры, — и дверь закрой. Эта штука вонючая. — Она повернулась и увидела Милгрима, двигающегося в ее направлении, и услышала как Чандра трясет аэрозольный флакон. — Закрой глаза и не открывай, — это Чандра уже адресовала Аджею.

Милгрим закрыл дверь за собой.

— Как ты? — спросила его Холлис. — Где ты был?

— В Сазак. С Фионой. — Ей показалось что он произнес это с интонацией человека, рассказывающего о выходных, проведенных на курорте. С непривычной на его лице легкой улыбкой.

— Извини за Хайди, — сказала она.

Он вздрогнул. — Что-то не так?

— С ней все в порядке. Я извиняюсь за то, что она подстрелила Фолея, добавив непрятностей на твою голову.

— Она правильно сделала, — произнес он. — В противном случае они могли бы достать нас. Поймать меня как-нибудь. — На мгновение он вдруг преобразился в жесткое, озирающееся вокруг себя существо, полностью погруженное в свое сумашествие, отторгнувшее настоящее. — Я бы тогда не попал в Саузуарк. — Несколько секунд он был кем-то, кого она никогда раньше не видела. Затем снова превратился в привычного Милгрима. — У тебя страшный душ, — произнес он.

— Мне нравится.

— Никогда раньше не видел ничего похожего. — Он обвел Номер Четыре взглядом.

— Я тоже.

— Это все реально?

— Да, хотя иногда интерьеры обновляют. Для каждой комнаты есть свой каталог.

— Можно мне будет посмотреть?

Зазвонил ее телефон. — Да?

— Это Меридит. Я в лобби. Мне надо тебя увидеть.

— У меня гости.

— Мне нужна только ты, — сказала Меридит. — Возьми с собой куртку. Она хочет встретиться с тобой.

— Я…

— Это не моя идея, — прервала ее Меридит. — Это она. Когда я передала ей твои слова.

Она посмотрела на Гаррета, который что-то увлеченно обсуждал с Фионой.

Дверь в ванную была открыта. На пороге стоял Аджей. Его голова с боков была покрыта какими-то редкими, торчащими в разные стороны искусственными волосами. — Не очень хорошо, не так ли?

— Похоже на лобковые волосы на каком-то гигантском, анатомически правильном игрушечном животном, — с восхищением произнес Гаррет

— Это просто неправильная текстура, но у меня есть другая, которая подойдет, — сказала Чандра. — В следующий раз мы сделаем лучше.

— Я спущусь вниз на минутку, — сказала Холлис в АйФон. — Это Меридит, — это она адресовала Гаррету. — Я спущусь встретиться с ней.

— Не выходи из отеля, — предостерег ее Гаррет и вернулся к обсуждению с Фионой.

Холлис собралась было что-то сказать, но передумала. Нашла оправленный в кожу каталог диковинок Номера Четвертого для Милгрима. Затем взяла куртку Хаундс, кошелек и вышла закрыв за собой дверь.

Стараясь не смотреть на акварели, она пробралась сквозь зеленый лабиринт коридоров и обнаружила ожидающий ее лифт, издающий негромкие щелчки. Спускаясь в черной клетке она пыталась осмыслить сказанное Меридит. Если рассуждать логически, то она похоже нашла дизайнера Хаундс, но в таком случае получалось что вчера Меридит лгала Холлис.

Пройдя мимо хорька она начала погружаться в шум, излучаемый гостиной, который теперь уже в полном объеме доносился до нее отраженным от мрамора лестницы. Меридит ждала ее около двери. Там, где обычно находился Роберт, которого сейчас нигде не было видно. На Меридит была прозрачная как древний воск хлопковая куртка, накинутая поверх вчерашного твида, в котором пустот было больше, чем волокон, платоническая противоположность Инчмэйловского Горе-Текса.

— Ты сказала мне что не знаешь как с ней связаться, — произнесла Холлис. — И ты даже не намекнула что она в Лондоне.

— Я представления не имела ни о первом, ни о втором. — ответила Меридит. — Это Инчмэйл. Клэмми передал мне шмотки в студии, сказал что ты пообещала достать ему новые такие, если он поможет тебе найти ее.

— Да, я обещала, — Холлис уже забыла об этом своем обещании на самом деле.

— Инчмэйл как раз возился с одним из графиков, которые он рисует вокруг донышка бумажного стаканчика для кофе для каждой песни. Это что какие-то его тараканы в голове или это он всерьез?

— Всерьез.

— Он конечно же был предельно сконцентрирован на этом, или может быть притворялся что сконцентрирован. Но внезапно он произнес 'Я знаю ее мужа.' Сказал что он тоже продюсер, очень хороший, работает в Чикаго. И он с ним работал. Назвал его имя.

— Как его зовут?

Взгляд Меридит стал еще более жестким. — Пусть она сама тебе скажет.

— Что еще сказал Рег?

— Больше ничего. Ни слова. Вернулся к своим занятиям и к своему бумажному стаканчику. Как только я добралась до компьютера я погуглила

имя. Нашла его. Три страницы выдал поиск изображений, на которых она была с ним. Это всего через несколько часов после нашей встречи с тобой здесь.

— После которой вечером я решила выйти из игры? — сказала Холлис.

— Ты уволилась?

— У меня не получилось, хотя я по прежнему хочу прекратить все это. Сильнее, чем что бы то ни было. Я больше не с Бигэндом, если даже предположить что я когда-нибудь была с ним. Много чего произошло.

— А я все время сидела на телефоне. Пыталась достучаться до нее через ее мужа. Только без толку. Пошла на поклон к Инчмэйлу. Точнее отправила к нему Джорджа.

— И?

— Она позвонила мне. Она здесь. Она здесь уже несколько недель. Восточный Мидлэндс и Нортгемптон, она смотрела обувные производства. Шить обувь. — Меридит неожиданно улыбнулась, но улыбка сразу исчезла. — А сейчас она уезжает.

Холлис хотела спросить куда, но не спросила.

— Я могу сейчас подбросить тебя к ней, — сказала Меридит. — Она хочет этого.

— Почему?

— Лучше она сама тебе расскажет. Ты едешь или нет? Завтра ее уже здесь не будет.

— Это далеко?

— В Сохо. У Клэмми есть машина.

>>>

Машина оказалась японской, крошечной и похоже что ее отцом был Ситроен Две Лошади. Опознать родство по материнской линии было сложнее, но здесь явно просматривалась какая-то школа дизайна.

Задние сиденья можно сказать отсутствовали, так что Холлис пришлось примоститься где-то сбоку, за Меридит и Клэмми, откуда ей было хорошо видно безоговорочно крошечный дворник заднего стекла.

Ничего, похожего на Хайлюкс в таком минималистичном варианте наверное больше не существовало. Крошечный ретро-пикап без брони. Все, остальное, что двигалось сейчас в трафике было больше, чем они, включая мотоциклы.

Клэмми купил ее подержанной, через японского брокера, это был единственный способ импортировать такое чудо. Она была темно-се-

ро-глянцевая, как старомодный электрический вентилятор, оттенка, который Инчмэйл любил называть «раздавленная мышь», что означало что серый содержит некие красные вкрапления.

Она надеялась что остальные участники движения видят их. Хотя ей не хотелось бы столкнутся с Фолеем, о котором она вспомнила, когда Клэмми свернул на Оксфорд Стрит. Рекомендация Гаррета не покидать отель вдруг предстала перед ней в несколько ином свете. Она не воспринимала все это слишком серьезно. Она ощущала себя скорее наблюдателем, помощником или чудовищно неквалифицированной медсестрой. Однако теперь, рассматривая ситуацию с точки зрения новой экономики киднеппинга, она предположила что ее ценность весьма высока. Если они получат ее, они получат Гаррета. С другой стороны, насколько она знала Гаррета, ее они не получат. С третьей стороны, это зависело от уровня лояльности любого отдельного члена команды Бигенда, с которой они сейчас имели дело. Кто такая Фиона? Она ничего не знала о Фионе в действительности. За исключением того, что та положила глаз на Милгрима, что было странно, как думала Холлис. В действительности, сейчас, когда Холлис задумалась об этом, ей показалось

что она влюбилась в него.

— Далеко еще? — спросила она.

Глава 68

Руки и глаза

Наступила очередь Милгрима устроиться на Бидермейеровом туалетном стуле. Покрывающие его полотенца были усеяны темными обрезками роскошных кудрей Аджея.

Сам Аджей в этот момент, в гигантской, страшной душевой кабине Холлис, избавлялся от аэрозольных упражнений Чандры, которыми были украшены его виски.

Чандра, старательно отворачиваясь от душа, в котором расположился ее голый брат, подстригала электрическим триммером виски и заднюю часть прически Милгрима. Милгрим подумал что обнаженный Аджей выглядит как профессиональный танцор. Рельеф всех его мускулов был отчетливо прорисован, но мышцы не выглядели накаченными.

Чандра, после внимательного изучения Милгрима и его волос, решила что ему нужна другая стрижка. Милгрим обнаружил что он пытается

представить как выглядели бы его волосы на Аджее. Он точно помнил что раньше он ни о чем подобном никогда не задумывался.

Сквозь клубы пара Милгрим услышал как Аджей выключил душ и вышел из кабины. Через некоторое время он появился рядом с Милгримом, завернутый в белый халат, подбитый по краям декоративным шнуром, аккуратно подвязанный поясом. Его макушка теперь представляла собой предварительное ощущение Чандры о том, как выглядела стрижка Милгрима некоторое время назад, если не обращать внимание на то что она была черной и влажной. Пряди волос Милгрима, неопределенной-коричневого тона падали на полотенца.

— Я пожалуй поверю, — сообщил Аджей Чандре, — что это была не шутка.

— То, для чего нас тут собрал твой друг, — сообщила Чандра сквозь жужжание триммера, — вообще не подразумевает никаких шуток. Я просто никогда раньше не пользовалась этим средством. Посмотрела только видео инструкцию. В следующий раз получится лучше. Голову вниз. — Последняя фраза была адресована Милгриму.

— Это средство для маскировки залысин. На макушке. Нанести его с боков это в некотором

роде инновация. — Она выключила триммер.

— Инновация, — произнес Аджей, — это же как раз то, чем мы сейчас озабочены. Повышение эффективности и трансформация границ. — Аджей принялся сушить полотенцем голову.

— Эти люди в курсе что твой идеотизм достиг совершенства? — спросила Чандра.

— Аджей, — позвал сквозь дверь Гаррет.

Аджей бросил полотенце в угол и вышел, закрыв за собой дверь.

— Вот всегда он так, — сказала Чандра. Милгрим не смог сообразить как это должно было бы быть. — Не совсем по военному получилось. — Она несколько раз бойко клацнула ножницами по верхушкам волос на его голове, а затем сняла полотенце, которым была обернута его шея. — Вставай. Смотри.

Милгрим встал. Из запотевшего настенного зеркала, закрепленного над двумя раковинами на него смотрел совершенно другой Милгрим, странно похожий на военного и возможно более молодой. Перед стрижкой он застегнул пуговицу воротничка своей рубашки чтобы волосы не падали за воротник, и это сделало его образ еще более незнакомым. Этакий незнакомец без галстука.

— Это хорошо, — сказал Милгрим. И он действительно так и думал. — Мне такое и в голову не приходило. Спасибо.

— Спасибо скажи твоему приятелю, который сидит на кровати, — ответила Чандра. — Самая дорогая стрижка из всех, что тебе доводилось делать. Влегкую.

Аджей открыл дверь. На нем была одета мятая хлопковая куртка Милгрима. Его плечи слегка широковаты для нее, подумал Милгрим. — Твои туфли слегка велики, — сообщил Аджей, — придется подложить что-нибудь в носовую часть.

— Милгрим, — позвал теперь его с кровати Гаррет, — давай сюда и садись. Фиона сказала что ты идеально управляешься с дирижаблями.

— У меня хорошая координация рук и зрения, — признался Милгрим. — Мне это в Базеле сказали.

Глава 69

Подарки для знаменитостей

— Здесь? — Она узнала этот безымянный магазин джинсов на Аппер Джеймс Стрит. Темнота, разбавленная лишь тусклыми огнями свечей. Пульсирующее, почти незаметное сияние.

— Они предоставляют площадку для одноразовых торговых мероприятий, — сказала Меридит.

— До открытия еще час, — произнес Клэмми, удивив Холлис неожиданно веселой интонацией. — А я первый.

— Скорее сейчас это местечко с подарками для знаменитостей, если тебе интересно, — ответила ему Меридит. — Только потом пойдем мы. Только мы не сможем задавать вопросы. И мы не сможем обратиться к Бо потом. И вообще никогда. А если придем снова, она сделает вид что просто нас не знает.

— Отлично, — сообщил Клэмми, отбарабанивая сигнал приятного ожидания на рулевом колесе.

— Кто такая Бо?

— Ты встретишь ее, — ответила Меридит. — Давай. Выходи. Они ждут тебя. — Она открыла крошечную дверь фургона с пассажирской стороны и выбралась наружу. Потянула спинку пассажирского сиденья вперед и Холлис приложив массу усилий оказалась на улице. — У тебя есть немного времени до того, как мы придем, — сказала Меридит, и села обратно. Закрыла дверь и Клэмми откинулся на сиденье. Эмаль низкой крыши фургона покрывал дождевой бисер.

Красивая седая женщина открыла дверь, как

только Холлис подошла к ней и жестом пригласила ее войти, закрыла дверь и заперла ее на замок.

— Вы Бо, — сказала Холлис. Женщина кивнула. — Я Холлис.

— Да, — сказала женщина.

Запах ванили и чего-то еще маскировал запах индиго джунглей. В сумерках магазина пульсировали огоньки свечей, отражающиеся от массивной полированной деревянной плиты, которую Холлис запомнила после своего первого визита.

Ароматические свечи причудливо истекали воском в дорогих на вид стеклянных стаканах с вертикальными стенками. Их древесные фитили, тонкие как лист бумаги тихо потрескивали вместе с всполохами пламени. Она обнаружила что на каждом стакане, тонко, едва уловимо выгравирован логотип Хаундс. Между свечами лежали свернутая пара джинсов, свернутая пара брюк расцветки хаки, свернутая сорочка шамбрэ и высокие черные ботинки. Гладкая кожа ботинок поглощала отблески свечей. Она коснулась ее кончиком пальца.

— В следующем году, — сказала Бо. — Будут еще оксфорды, коричневые, но образцы пока не

готовы.

Холлис взяла в руки свернутые джинсы. Они были чернильно черными и необычно тяжелыми. Она развернула их и увидела собаку с детской головой, клейменую на кожанной накладке на поясе. — Это продается? Сегодня вечером?

— Сюда придут друзья. Когда ты заходила в прошлый раз, я не могла тебе ничего сказать. Я надеюсь ты понимаешь меня.

— Я понимаю, — сказала Холлис, не будучи действительно уверенной в этом.

— За стойку пожалуйста. Проходи.

Холлис последовала за ней, нырнув в дверной проем, частично декорированый темным японским норен-занавесом с белой рыбой. Здесь не было мебели из Икеи, никаких белых столов, и простое изящество магазинного пространства никуда не делось. Места было меньше, обстановка была чистой и лаконичной. Такой же отшлифованный с песком пол и те же самые свечи. На одном из двух старых, разнокалиберных, с поцарапанной краской кухонных стульев сидела женщина и водила пальцами по экрану АйФона. Она подняла взгляд и встала. — Привет Холлис, я —.

— Не говорите мне. — Холлис подняла руку.

Брови женщины приподнялись. Ее волосы были темно-коричневого оттенка, они блестели в свете свечей, стрижка была симпатичной, но слегка спутанной.

— Лучше мне не знать, — произнесла Холлис. — Я могу попытаться вспомнить его из того, что мне рассказывала Меридит. Или могу просто спросить Рега. Но если вы не назовете его мне и я не буду пытаться узнать его, я смогу продолжать говорить Хьюберту чтоя не знаю как вас зовут. — Она посмотрела вокруг и увидела что Бо вышла. Снова повернулась к женщине. — У меня очень плохо получается врать.

— У меня тоже. Скрываться я научилась, а врать так и нет. Садись пожалуйста. Хочешь вина? У нас есть немного.

Холлис заняла второй стул. — Нет, спасибо.

На женщине были джинсы, которые как показалось Холлис она видела на столе. Такой же абсолютно черный цвет. Голубая мятая рубашка на выпуск. Чертовски заношенная пара черных кедов Конверс, резиновые кромки которых стерлись и обесцветились от носки.

— Я не понимаю почему вы захотели со мной встретиться, — сказала Холлис. — В сложившейся ситуации.

Женщина улыбнулась. — Я кстати была большим поклонником Хефью хотя дело не в этом. — Она села. Бросила взгляд на светящийся экран АйФона, затем посмотрела на Холлис. — Я думаю что ты когда-то испытала нечто похожее на ситуацию, в которой сейчас находишься ты.

— Что это было…?

— Я сама работала для Бигенда. Практически то же самое, если исходить из того, что рассказала мне Мери. Он хотел обладать неким потерянным фрагментом головоломки, и он уговорил меня найти этот фрагмент для него.

— Вы нашли?

— Я нашла. Хотя это оказалось не совсем то, что он себе представлял. В конечном итоге он сделал кое-что, переосмыслив аспекты того, что я помогла ему узнать. Нечто неприятное, в маркетинге. До этого я как раз работала в сфере маркетинга, но после этого опыта с ним, больше не смогла там оставаться.

— Чем вы занимались в маркетинге?

— У меня был очень специфичный и своеобразный талант, который я не понимала и не поняла до сих пор, и которого теперь уже нет. Хотя то, что теперь его нет, не плохо. Это было похоже на некую аллергию, которая присутствовала у меня

с детства.

— Аллергия на что?

— На рекламу, — ответила женщина. — В частности на логотипы. Фигурки корпоративных талисманов. Я до сих пор не люблю это, но не более, чем некоторые люди к примеру не любят клоунов или мимов. Некие концентрированные графические представления корпоративной индивидуальности.

— Разве у вас теперь нет собственного логотипа?

Женщина посмотрела вниз на свой АйФон и провела пальцами по экрану. — Есть конечно. Извини что я все время отвлекаюсь. Это мои дети. Трудно поддерживать контакт из-за временной разницы.

— Ваш логотип немного беспокоит меня.

— Его нарисовала женщина, искать которую отправил меня Бигенд. Она делала фильмы. Она умерла через несколько лет после того, как я нашла ее.

Холлис наблюдала игру эмоций на лице женщины, которые легко проступили сквозь ее настоящую красоту. — Мне жаль.

— Ее сестра отправила мне кое-какие ее вещи. Это было нацарапано нервирующим почерком

внизу страницы с записями. Когда мы перевели эти записи, оказалось что это легенда о Габриэль Хаундс.

— Я никогда о ней не слышала.

— Я тоже. И когда я занялась разработкой своих собственных вещей я не хотела никаких брэндов и логотипов вообще. Я всегда срезала ярлычки со своей одежды из-за своей аллергии. И я не хотела использовать ничего, что выглядело как поделка дизайнера. В конце концов я предположила что все это нужно только для тех вещей, которые не были сработаны хорошо и на совесть. Но мой муж привел мне убедительные аргументы, в пользу необходимости брэнда, если уж мы собираемся делать, то, что мы собираемся делать. И там, внизу той страницы обнаружилась эта закорючка. — Она снова посмотрела вниз на экран, затем снова подняла голову на Холлис. — Мой муж из Чикаго. Мы жили там после того, как встретились и там я обнаружила руины Американской промышленности. Я одевалась в их вещи долгие годы, собирала их на каких-то складах, в комиссионных магазинах, но мне и в голову никогда не приходило откуда они взялись.

— Вы делаете очень красивые вещи.

— Когда-то я заметила что Американская со-

рочка из хлопка, которая стоила двадцать центов в 1935 году, как правило пошита качественнее, нежели любая подобная вещь, сделанная в наши дни. Однако если попробовать воссоздать такую сорочку, предположив что у вас есть деньги чтобы поехать в Японию, потому что сделать это можно только там, то когда в конечном итоге наступит время продажи изделия через торговую сеть, то окажется что на полку ее придется ложить с ценником в триста долларов. Я начала с поиска людей, которые знали как шить такие вещи. И я знала что моя манера одеваться всегда привлекает ко мне внимание. Всегда находятся люди, готовые одеть то же, что одето на мне. Бигенд мог бы сказать что я задаю направление.

— Бигенд сейчас задает направление такими костюмами, которые вызывают повреждение сетчатки глаза.

— У него вкуса нет вовсе, но он предпочитает вести себя так, словно ему на это просто наплевать, избирательная хирургия в отношение некоторых навыков. Хотя возможно сейчас он уж обзавелся и вкусом и стилем. Избавило же меня каким-то образом задание, которое я выполняла по его поручению от моего странного таланта. В тот момент я была таким крутым охотником,

хотя то, за чем я охотилась, еще и названия не имело, а теперь сложно назвать кого-нибудь, кто не пытался бы этим заниматься. Я подозреваю что это в некотором роде его рук дело. Этакая глобальная зараза.

— И вы начали производить одежду в Чикаго?

— Сначала у нас появились дети. — Она улыбнулась, посмотрела вниз на экран, стукнула по нему указательным пальцем. — Так что у меня было не так уж много свободного времени. Правда у мужа с работой все было хорошо, так что я могла позволить себе кое-какие эксперименты. И обнаружила что мне действительно нравится это делать.

— Люди хотят купить вещи, которые вы создали.

— Это пугало меня сначала. Я просто хотела понять суть процессов, изучать, делать это в одиночестве. А потом я вспомнила Хьюберта, его идеи, и то, что он делал. Партизанские маркетинговые стратегии. Странные инверсии обычной логики. Японская идея секретных брэндов. Намеренное конструирование параллельных микроэкономик, где знание более гармонично, нежели материальные ценности. И тогда я решила, у меня будет марка, но она будет секретной.

Брэндинг будет состоять в том, что это тайна. Никакой рекламы. Вообще. Никакой прессы. Никаких показов. Я делаю то, что я делаю, сохраняя свою деятельность в тайне насколько это возможно, стараясь избегать всякого дерьма. И у меня это очень хорошо получилось. Эти способности передались мне по наследству от отца.

— Похоже это работает.

— Возможно даже слишком хорошо. И сейчас я в такой точке, из которой надо либо переходить на следующий уровень, либо прекращать все это. Знает ли он? Что это я?

— Не думаю.

— Возможно он догадывается?

— Если даже и так, то он очень хорошо притворяется что не делает этого. А прямо сейчас он сосредоточен на кризисе, с которым никто из нас не может ничего поделать.

— Ну тогда он должен чувствовать себя в своей стихии.

— Так оно и было. Но сейчас я в этом уже не уверена. Однако мне кажется что в настоящий момент ему не до Габриэль Хаундс.

— Он достаточно скоро узнает что это я. Мы выходим. Настал момент. Сегодняшнее ночное представление часть этого.

— Он по-прежнему опасен.

— Это все, что я хотела сказать тебе. Когда Мери рассказала мне о тебе, я поняла что у тебя уже был опыт общения с Бигендом, однако ты решилась снова сотрудничать с ним. И не смотря на это она решила что ты хороший человек.

— Я никогда не думало что все пойдет именно так.

— Конечно нет. У него чудовищная способность притягивать к себе людей. Чтобы покинуть его окончательно, тебе потребуется пережить с ним еще что-то. Я то знаю.

— Я уже ухожу от него.

Женщина внимательно посмотрела на нее. — Я верю тебе. И желаю удачи. Сейчас мы займемся нашим показом, и я должна буду помочь Бо, но я хочу поблагодарить тебя лично. Мери рассказала что ты сделала, и что ты отказалась делать, и конечно же я очень тебе благодарна за это.

— Я делала лишь то, что должна была делать. И не делала того, чего сделать не могла. Вот и все.

Они обе встали.

— Это же совершенно охуительно другой уровень, — услышала Холлис голос Клэмми из-за норен занавеси.

Глава 70

Ослепление

От пингвина пахло Крылоном, аэрозольной краской, которой Фиона его замаскировала, так сказать. Благодаря интересу Бигенда к военной одежде, Милгрим сейчас знал о камуфляже много больше, чем когда либо раньше. До этого ему пришлось познакомиться всего с двумя видами камуфляжа. Один представлял собой капли Лава Ламп природных оттенков, которые использовала армия Соединенных Штатов когда он был мальчишкой. А второй жутко протореалистичный костюм для охоты на глухарей, в который иногда наряжался страшный наркодилер из Нью Джерси. Фиона назвала это «ослеплением», что для него было в новинку. Фиона сказала что изобрел это художник Вортицист. Он погуглил это, как только выдался момент. Камуфляж был идеей Гаррета, хотя Фиона сказала Милгриму что не видит в действительности большой разницы в этой ситуации, хотя возможно это и лучше чем серебристый майлар. Ей нравились идеи Гаррета потому что не смотря ни на что в настоящий

момент она ощущала себя причастной к некоей артистической тусовке, реализующей перфоманс. Она сказала что раньше не знала ничего подобного тому, что сейчас организовывал Гаррет и особенно ее поражала скорость с которой все это собиралось.

На стоянке с мотоциклами она раскрасила серебристый майлар пингвина случайными геометрическими фигурами с неопределенными, словно у граффити краями. Она сказала что настоящее ослепление должно иметь четкие края, но в настоящий момент у нее нет никакого трафарета чтобы блокировать аэрозольные частички краски. Она использовала кусок коричневого картона, с обрезанным вогнутой кривой краем чтобы хоть как-то прикрывать нанесенные фигуры, от слоя тускло-серой краски, которой она заполнила поверхности, оставшиеся серебристыми. Когда краска немного подсохла, она нанесла линии теней тускло-бежевой краской, используя в качестве маски все тот же кусок картона. В результате пингвин конечно же не стал невидимым на фоне любой поверхности, к примеру на фоне неба, но визуально его целостнасть сломалась, и он перестал выглядеть законченным объектом. Это был все тот же плавающий пингвин, но оборудован-

ный теперь тазером и еще Войтек приклеил к его животу, какие-то дополнительные электронные штуки.

Теперь АйФон распознавал жест, с использованием большого и указательного пальцев, который приводил в готовность систему вооружений пингвина. Для стрельбый следовало использовать указательный палец второй руки. Милгрим не был вполне уверен для чего тазер использовали раньше, но у него на этот счет появилась собственная мысль. Если случайно выстрелить тазером здесь в Вегас кубе, то пара заостренных электродов, на двух тонких пятнадцатифутовых кабелях будут выброшены наружу сжатым газом. Тазер — оружие одноразовое. Так что если острия электродов воткнутся в Бигендову идеально белую штукатуренную стену, то пингвин надежно встанет здесь на якорь подумал он, и вокруг будет много отличного качественного кабеля. А если после этого исполнить на экране АйФона жест, активирующий стрельбу, то стена куба получит электрический разряд. Стене на это конечно наплевать, а вот если бы электроды попали в чье-нибудь тело. Они собственно и предназначены для того, чтобы попадать в чье-нибудь тело. Тогда это тело могло бы быть

сражено серьезным шоком. Он конечно не убил бы это тело, но вырубил бы совершенно точно. А Войтек оборудовал дирижабль системой, которая позволяла выпускать такой разряд не один раз.

Фиона посоветовала ему не беспокоиться насчет всех этих вещей, когда он будет управлять пингвином. Она сказала что это просто дополнительные свистки и бубенчики, которые Гаррет приспособил просто потому что они случайно ему попались. Об этом как раз ворчал собирающийся уезжать Войтек, когда они вернулись на Ямахе обратно на мотоциклетный двор.

Хотя это было не похоже на то, что говорил им Гаррет в номере Холлис в отеле. Гаррет сказал что Фиона будет пилотировать второй дрон, который как будь то собран из маленьких вертолетов, поэтому Милгрим будет рулить пингвином. Наблюдать театр в целом, сказал он. А когда Милгрим спросил где это театр находится, Гаррет ответил что еще не знает, но он уверен что Милгрим с этим отлично справится. Милгрим вспомнив с каким удовольствием он гонял черного ската, решил что будет просто пока соглашаться со всем. Хотя то, что кому-то пришла в голову идея дать ему возможность чем-то управлять, была для него новой. Обычно кто-то другой чем-то управлял, а

Милгрим лишь наблюдал за этим. Он решил что в действительности ему следует лишь смотреть, используя камеры, которыми был оборудован пингвин. Он решил что так будет лучше, к тому же Фиона сказала что тазер это просто случайное дополнение.

В ограниченном пространстве куба Вегас было непросто заставить пингвина сделать что-нибудь. Скат к примеру мог делать ритмические сальто. Тем не менее он запустил пингвина, заставив его двигаться постоянно вращаясь вокруг своей горизонтальной оси. Если он стукался о стену, а Фиона замечала это, то на лице ее отражалось неудовольствие, так что он пытался быть максимально осторожным.

Она сообщила что электроника в крыльях очень хрупкая, а пингвин без нее становится беспомощным. Поскольку пингвины не летают, то это был не совсем полет, скорее он плыл по воздуху, вместо воды, и как только ему указывали конечную точку назначения, он сам разбирался как до нее доплыть. И сейчас он пытался осторожно не следовать этой концепции. Вообще он хотел бы выйти наружу и полетать пингвина там, так как он видел его летающим в Париже, но она сказала что этого нельзя делать, потому что

кто-нибудь может их увидеть, к тому же Гаррет настоял на том, чтобы она не позволяла Милгриму выходить на улицу.

Сидеть здесь с Фионой было очень хорошо, пока он был занят, но в какой-то момент он вспомнил жутковатый душ в номере Холлис, хотя того, что там витало, вряд ли стоило опасаться.

— Неплохо если бы здесь был душ, — произнес он, замедляя вращение пингвина и остановив его в конце концов, когда он перевернулся тазером вниз. При этом он ощущал чудесное удовлетворение от того, что ему удалось заставить пингвина двигаться плавно и гладко.

— Здесь есть душ, — сказала Фиона, подняв взгляд от своего Эйра, с которым она сидела за столом.

— Да? — Милгрим, лежащий спиной на белой пене матраса, обвел взглядом пустые белые стены, предположив что он где-то не разглядел дверь.

— Бенни соорудил. Байкеры иногда пользуются им. Там такая старая лейка, на которых еще были смонтированы боксы для монет. Пошли, я схожу с тобой.

Милгрим внезапно ощутил как вспотели его подмышки представив себя в душе вместе с Фио-

ной одновременно. — Давай сначала ты, потом я.

— Нет, душу Бенни доверять нельзя, — ответила Фиона. — Однажды включившись, он в любой момент может отрубиться. Так что в душ пойдем вместе.

— Вместе, — произнес Милгрим, обнаружив что интонации его голоса стали в точности такими, какими они были когда его задерживала полиция. Он кашлянул.

— Мы не будем включать свет, — сообщила Фиона, которая сейчас смотрела на него с выражением, которому он никак не мог придумать названия. — Мне нельзя выпускать тебя из виду. Буквально. Он так сказал.

— Кто? — спросил Милгрим, теперь уже своим собственным голосом.

— Гаррет. — Она надела свои бронированные брюки, спустившись на бедра, в элегантном Бигендовом кресле, а затем белую, облегающую футболку, наверху круглой эмблемы на которой было написано РАДЖ, а внизу этой круглой эмблемы было написано КОВЕНТРИ. Между двумя этими надписями красовалась красная геральдическая рука открытая и вскинутая вверх, словно бы ладонь предлагала всем держаться подальше от небольшой, но выступающей груди за ней.

— Ну если для тебя это не проблема, — сказал Милгрим.

— А разве я уже не сказала?

Глава 71

Уродливая футболка

— Ты где? Роберт сказал что ты уехала с женщиной.

Она только что вышла из магазина джинсов с Меридит и Клэмми. — В Сохо. Да, я уехала с Меридит. Мы как раз возвращаемся.

— Она должна была назвать тебе кодовое слово, которое я передал твоему нанимателю.

— Нет. Все нормально.

— Было бы лучше, если бы ты не уходила.

— Я должна была.

— Но сейчас ты возвращаешься?

— Да. Скоро увидимся.

С телефона в своей руке она перевела взгляд на слабые отсветы свечей в окне. Человеческие тени. Бо только что встретила двух новых посетителей. Меридит показалось что один из них помощник редактора французского Вог. Клэмми не обратил внимания на нескольких пришедших

музыкантов, которые были чуть старше, чем он. Холлис они показались смутно знакомыми. Это были не совсем те люди, которых она могла бы себе представить модной тусовкой. Это было что-то другое, хотя она не понимала что. Но теперь она точно знала что тайна, за которой гонялся Бигенд начала становиться достоянием публики уже в тот момент, когда он ее нанял. Хаундс уже не был секретом. Слишком поздно. Что это значило? Он потерял хватку? Или он был слишком занят своим проектом с Чомбо? Может быть Слейт каким-то образом исказил информационный поток?

Маленький серый фургон Клэмми подогнал юный водитель, очень похожий на Клэмми, которого Клэмми однако не потрудился представить. Он вышел из машины, отдал Клэмми ключи, кивнул и отправился восвояси.

— Кто это? — спросила Холлис.

— Помощник, — рассеянно сообщил Клэмми, открывая дверь пассажирского отсека. В руках у него была сумка для покупок размером с небольшой чемодан. — Подержишь мою сумку.

— Что ты набрал?

— Две пары черных, две пары хаки, пару рубашек и черную куртку как твоя.

— И кое-что для тебя, — добавила Меридит глядя на Холлис.

— Лежит сверху, — нетерпеливо произнес Клэмми. — Забирай.

Холлис кое-как сложилась, задвинувшись боком на заднее сиденье и насколько смогла осторожно приняла из рук Клэмми сумку. Мощная волна индиго запаха накрыла ее.

Клэмми и Меридит устроились на своих местах и закрыли двери. — Это была самая первая вещь, из всех, что она сделела, — сказала Меридит, повернувшись назад. — Еще до того, как собственно начался Хаундс.

Что-то, завернутое в неотбеленную ткань Холлис обнаружила на самом верху горы приобретений Клэмми. Тяжелую джиносовую подушку. На ощупь извлекла содержимое, отложив оберточную ткань в сторону. Темное, гладкое, тяжелое джерси. — Что это?

— Полагайся на свою фантазию. Это бесшовная труба. Я видела как она носит такую как палантин, как вечернее платье, любой длины, или как несколько видов юбок. Ткань поразительная. Ее производила какая-то старинная французская фабрика. Это из последней партии.

— Поблагодари ее пожалуйста. И спасибо тебе

тоже. Вам обоим.

— Я тут не при чем, — произнес Клэмми, поворачивая на Оксфорд Стрит, — просто подержи мои шмотки.

>>>

Когда появился вызваный ею лифт, она обнаружила что он занят немолодым, низеньким, странно широким мужчиной, неопределенно азиатской внешности. Его редкие, седые волосы, были аккуратно зачесаны назад. Он стоял неестественно прямо в самой середине кабины. В руках он держал шотландскую шапку с помпоном. Он поблагодарил ее с четким британским акцентом, когда она открыла решетчатую дверь клетки лифта. — Добрый вечер, — сказал он кивнув ей, затем шагнул за нее, развернувшись на каблуках и замаршировал к входной двери Корпуса, надев свою шапку.

Роберт открыл и придержал дверь пока он выходил.

Хорек безмолвно и безучастно взирал на эту сцену из своей витрины.

Добравшись до двери Номера Четыре она вспомнила что не взяла свой ключ. Она мягко стукнула костяшками пальцев в дверь. — Это я.

Изнутри загремела цепочка, затем он открыл дверь, опираясь на свою четырехногую трость. Подмышкой у него было зажато что-то, что она в первый момент приняла за его блестящий черный рукав.

— Что это? — спросила она.

— Самая уродская футболка в мире, — сообщил он целуя ее в щеку.

— Болларды будут разочарованы, — сказала она, заходя внутрь и закрывая за собой дверь. — Мне кажется они думают что я в этом сплю.

— Футболка настолько уродливая, что цифровые камеры немедленно забудут что они ее видели.

— Значит мы можем начать фотографироваться в ней?

— Не сейчас. — Он показал ей черный квадрат, в котором теперь она разглядела некий пластиковый конверт, края которого были заварены. — Мы можем испачкать его образцами наших ДНК.

— Нет спасибо. Мы не можем.

— Одного случайного волоса будет достаточно. С материалами, подобными этому следует обращаться крайне осторожно, особенно учитывая возможности судебно-медицинской экспертизы в наше время. Это одна из тех вещей, с которой не

хотелось бы иметь дела ни при каких обстоятельствах. В действительности, таких материалов и правда очень мало. Нечто уникальное в своем роде.

— Пеп собирается одеться в это?

— Чтобы гарантированно уделать это своим каталонским ДНК. — Он ухмыльнулся. — Однако потом мы снова уберем это в сумку, запечатаем ее и сожжем. Никаких фотографий этого уродства. Нам это ни к чему.

— Если камеры не видят это, как мы можем это сфотографировать?

— Камеры это видят. Любые камеры видеонаблюдения могут это видеть, но затем они забудут что они это видели.

— Почему?

— Потому что их внутреннее устройство заставит их забыть и это, и того, кто будет в это одет. Они забудут фигуру, на которой одета эта уродская футболка. Забудут голову над футболкой и ноги под ней, руки, стопы, ладони. Увидев это, они вынуждены будут стереть это. Камера, обнаружив в области обзора эту штуку удалит ее с изображения. Если попробовать посмотреть запись, то ты увидишь картинку, при этом не обнаружится даже никакой задержки в отображе-

нии. К примеру мы хотим посмотреть запись от 7 июня, с камеры номер 53, мы увидим запись, и в момент, когда нам эту запись будут показывать футболка, и тот, кто в нее одет, будет с изображений убран. Это свойство внутреннего устройства камеры. Джентльменское соглашение.

— Они что правда так и делают?

— Чтобы ответить на твой вопрос, сначала придется пережить очень невнятную дискуссию на тему что же в данном случае подразумевается под словом «они». Мне кажется что буквально невозможно определенно сказать кто это делает. Достаточно просто знать что это происходит. Все это невидимо и неосязаемо, но оно хорошо работает. За счет вот такой вот культуры в отношении видеонаблюдения мы сейчас на несколько шагов впереди. Хотя здесь конечно же не Дубай. Я до сих пор получаю по почте фрагменты моего шоссейного выступления. Это так сказать негативный момент обладания друзьями, которые помешаны на компьютерах. Хотя я с удовольствием поставил бы пару долларов на то, что ни один из этих моих друзей не знает об уродливой футболке. Это чертовски таинственная штука. Настолько таинственная, насколько это вообще возможно. Это большая удача что нам довелось узнать это.

После того, как все закончится, в не зависимости от результата, ты по прежнему ничего не будешь знать об уродливой футболке.

— Ты действительно хочешь чтобы я увидела это.

— Ты хочешь. Я тоже хочу, очень сильно. Где ты была?

— Я была в магазине, который был первым в цепочке моих поисков. Эти люди были первыми, кого я спросила о Хаундс. — Она положила подарок дизайнера на кресло, сняла куртку и села рядом с ним, обняв его плечи. — Я встретила ее. Создателя.

— Она здесь?

— Уехала только что.

— БигЭнд не разглядел что тут происходит прямо у него под носом?

— Мне кажется некий элемент скрытности был просто в том, что все происходит на виду, и я уверена что она этим наслаждается. Она единственная, из всех, кого я знаю, кто был в ситуации, похожей на мою. Она делала ту же самую работу для него, так что он в некотором роде для нее тоже проблема.

— Вы как-то связаны?

— Я надеюсь что никогда не узнаю о нем столь-

ко, сколько известно ей. Я подозреваю что тот, кем она стала, она стала благодаря тому, что не захотела быть в одной лодке с ним.

— Достаточно извращенные и эпические мудаки, — произнес он, — иногда становятся объектами религиозных отношений. Этакие ангелы наоборот. Люди, которым они не нравятся занимаются такими вещами с достаточной чистотой и усердием. Тратят свои жизни на возжигание свечей. Я против такого.

— Я знаю. На самом деле я вряд ли могу сказать что он мне не нравится. Это не то, что подразумевают некоторые люди. Он вроде некоего природного явления. Не вполне безопасного, если находиться рядом с ним. Как те коварные волны, о которых ты рассказывал мне когда мы были в Нью-Йорке. Теперь он мне нравится несколько меньше, но я подозреваю это из-за того, что я обнаружила что и он может быть уязвим. Он рассказывал тебе что там за проблема с Чомбо?

— Понятия не имею. С другой стороны, я с тобой согласен. Он уязвим. Грейси, и Фолей, и Милгрим, и Хайди, и ты, и кто-то там еще, все вы неосознанно, сами того не желая, сформировали эту коварную волну и никто не был способен предсказать это. И тем не менее у него есть одно очень

серьезное преимущество.

— О чем это ты?

— Он уже знает что все это не более чем нормальные явления природы этого мира. Покажи ему волну у он попытается встать на нее как серфер.

— Я думаю тебе это нравится. Но меня это беспокоит. Я думаю что все это вы делаете прямо сейчас.

Он коснулся пряди волос над ее ухом и пригладил ее. — Это потому что ты участвуешь в этом.

— Я знаю, — ответила она, — а еще потому, что ты вправе этим заниматься. Разве не так?

— Да. Так. Хотя, когда все это закончится, это не будет уже в точности тем же самым, что и сейчас. Это совершенно ясно мне, и мне это было ясно еще до того, как ты мне позвонила. Я уже разглядел все это на потолке в больничной палате. Так же и старик. Я знал что он расскажет мне об этом. — Он коснулся пальцами черного квадрата. — Это крутая штука. Возможно самая крутая из тех, что попдали ему в руки. Я и никогда и не подозревал о таком. Невероятная потенциально вещь. Но он отдал ее мне, чтобы мне было проще вытащить мою подругу и ее чудака нанимателя из неприятностей.

Она заметила фигурку голубого муравья на прикроватной тумбочке, рядом с телефоном. — Где эта GPS штука? Я не хочу потерять ее след.

Он посмотрел на часы. — Сейчас она путешествует с Амазоном. Морем.

— С Амазоном?

Он пожал плечам и, и обнял ее. — Курьером. Очень медленно. Если мистер БигЭнд следит за ней, он поймет что мы пошутили с ним. Если кто-то еще отслеживает ее, он может предположить что тебя отправили посылкой через Амазон.

— Кто-то подложил мне ее в мою сумку, когда я уезжала в Париж.

— Кто-то из обслуживания.

— Здесь?

— Конечно.

— Это страшно.

— Я предполагал это. И поскольку я уже здесь, то все становится проще.

— Кто здесь был передо мной?

— Чарли.

— Седой, азиат в шотландском таме?

— Чарли.

— В ширину он почти такой же как и в высоту.

— Он Гурка. Кстати в талии он узкий. Чарли — это сокровище. Как вообще проворачивать

такие вещи когда вокруг столько любопытных голов и подсматривающих глаз?

— Понятия не имею. Я никогда и не пыталась.

— Это точно. — согласился он.

Глава 72

Смитфилд

Милгрим возвращался из Беннинога душа. На нем был надет пегий потрепанный махровый халат, расчерченный вертикальными полосами, которые когда-то могли быть рыжего и очень свежего зеленого цвета. На босые, влажные ступни он водрузил незашнурованные брогги Танки и Тойо. Следом за ним шла задрапированная в спальный мешок МонБел Фиона. На ногах ее болтались большого размера пляжные шлепанцы. Милгрим надеялся что она не подхватила микоз. Он надеялся что никто из них не подобрал ничего в Беннином душе, бетонный пол которого был ужасающе слизистым, а вода от обжигающе горячей менялась до неожиданно ледяной. Никакой кабины там не было, была просто наклонная бетонная перегородка напротив стены. К тому же там было темно, чему он на самом деле был даже

рад. Ему не хотелось думать как он выглядит сейчас в своих броггах и своем халате в ярком свете ее крошечного фонарика. Никаких полотенец там понятное дело не обнаружилось.

Они прокладывали себе дорогк через минные поля кусков вспененного полистирола и двигательных запчастей на полу мастерской Бенни.

Когда они вернулись в куб, Милгрим собрал свою одежду и закрылся в микро-туалете. Ударился локтем, когда начал снимать махровый халат едва заметно пахнущий бензином. — Забери халат, — попросил он. — Он не очень мокрый. — Он чуть приоткрыл дверь и высунул руку с халатом наружу. Она забрала его.

Он использовал одно из Бигендовых швейцарских полотенец для ретуши, затем какое-то время боролся с одеждой. Мягкое царапанье Сахарского призрака Джимми Хендрикса заполнило куб и туалет. — Алло? — услышал он ее голос. — Да. Минуточку. — Ее бледная голая рука просунула АйФон внутрь туалета. — Это тебя.

Он взял трубку. — Алло?

— Многозадачность, — произнесла Винни.

Милгрим, который совершенно не ожидал ее услышать, не нашелся что сказать в ответ.

— Я тебя не слышу, — сказала она.

— Я встретился с ним.

— И?

— Не думаю что он работает на какую-нибудь из компаний из твоего списка. Я думаю это приятель Холлис.

— С чего бы ему нанимать приятеля Холлис?

— Это его подход, — сказал Милгрим, уже более уверенно. — Он предпочитает работать с любителями. Он об этом говорил. — Милгрим попрежнему немного удивлялся, когда приходилось говорить кому-нибудь правду о чем-нибудь. — Он не любит обращаться к — и Милгрим напряг память — «стратегическим промышленным разведывательным предприятиям».

— Нанимать любителя в сложившейся ситуации подобно самоубийству. Ты уверен?

— Как я могу быть уверен? На мой взгляд Гаррет совершенно не похож на человека корпорации. Но и на любителя он тоже не похож. Он совершенно точно знает что он делает, но я не знаю что это. Но я думаю что он спит с Холлис. В данном случае я подразумеваю что в одной постели. — Он тут же вспомнил поролоновый матрас и Фиону.

— Как он выглядит?

— Лет тридцати. Коричневые волосы.

— Ты выглядишь так же. Попробуй вспомнить

еще что-нибудь.

— Как британец. И как коп. Хотя нет. Скорее военный? Но точно не могу сказать. Вроде спортсмен? Но он недавно попадал в аварию.

— Какого рода?

— Он спрыгнул с самого высокого здания в мире. А потом его сбила машина.

Тишина. — Вот в связи с этим неплохо бы было нам встретиться, — произнесла она.

— Холлис сказала мне. Он повредил одну ногу. Ходит с тростью или передвигается на таком электрическом скутере.

— Нам обязательно надо встретиться и пообщаться. Не откладывая.

Милгрим посмотрел на телефон, на экране которого словно бы проявилась правительственная печать с ее визитки. — Когда?

— Я же только что сказала тебе.

— Я спрошу Фиону.

— Давай, — сказала она и отключилась. Он положил АйФон на край раковины и закончил одеваться.

Вышел из умывальника он держа в одной руке телефон, в другой ботинки и носки.

Фиона сидела за столом. На ней снова были бронированные брюки и футболка Радж. Она

пыталась просушить волосы с помощью его халата. — Кто это был? — спросила она, откладывая халат. Волосы ее торчали в разные стороны.

— Винни.

— Американка.

— Да, — сказал Милгрим. Он уселся и принялся одевать носки и туфли.

— Я не слышала о чем вы говорили, — сказала Фиона.

Милгрим посмотрел на нее.

— О чем ты собирался спросить меня?

— Сейчас. — Милгрим закончил завязывать шнурки. Вытащил свою сумку уложив ее на стол перед собой, открыл ее, пошарился и извлек наружу визитку Винни. Передал ее Фионе.

Она прочитала ее и нахмурилась. — Министерство обороны?

— Дисиз, — подтвердил Милгрим кивком, и расшифровал аббревиатуру.

— Никогда не слышала.

— Она говорит что никто не слышал о них.

— Бигенд знает?

— Да. Не об этом звонке конечно, о предыдущем общении.

Фиона положила визитку на стол, и посмотрела прямо на него. — А ты?

— Что я?

— Дисиз.

— Ты шутишь?

— А как она тебя нашла?

— Это непросто все.

— Ты в чем-то замешан? Криминал какой-то?

— Не сейчас. И ничего такого, что могло бы ее заинтересовать. Ну действительно заинтересовать. Она появилась из-за Грейси.

— Это кто?

— Это тот, кто взял Шомбо. Грейси следил за Бигендом. Предполагал что он его конкурент. Он и в самом деле в некотором роде его конкурент. В общем она стала наблюдать за мной. И теперь она хочет чтобы я с ней встретился.

— Чомбо, — поправила она его, — не Шомбо. Где?

— Я думаю мы скажем где. Не здесь.

— Это уж точно.

— Ты должна будешь рассказать об этом Хьюберту? — спросил он.

Она опустила кончик указательного пальца на карточку Винни и слегка двигала ее, словно это была маленькая доска Уиджа вещающая о чем-нибудь. — Мои отношения с Бигендом это не только бизнес, — сказала она. — Моя мать

работала с ним, когда я была маленькой.

Милгрим кивнул, потому что ему показалось то это соответствует действительности.

— Она пытается остановить то, что Гаррет делает для Бигенда?

— Она хочет ебнуть Грейси, — сказал Милгрим, — любым доступным способом. Она надеется что Бигенд сделает это для нее, потому что сама она не может этого сделать.

Фиона наклонила голову. — Такое ощущение что сейчас это сказал не ты, а какой-то совершенно другой человек.

— Она может рассказать тебе это сама, так, как это представляется с ее точки зрения, — сказал он. — Но если дело только в том, что мне надо уйти чтобы встретиться с ней, мне все равно придется уйти, и потом я расскажу об этом Бигенду, когда смогу.

— Ладно, — сказала Фиона. — Я возьму ключи от Ямахи. Звони ей. Мне надо будет ей объяснить где мы будем встречаться.

— Где мы будем встречаться?

— В Смитфилде.

>>>

В этот раз, сняв шлем Милгрим обнаружил себя под своеобразно глубоким, прозначным, возможно пластиковым навесом, проброшенным горизонтально поверху вдоль всей протяженности очень длинного здания. Здание похоже было единственным в этом очень длинном блоке, витьевато декорированном с точки зрения американца, но возможно малофункциональном с точки зрения викторианских строителей. Кирпичные секции чередовались узкими полосками цементной прослойки. Запах лака для волос внутри шлема он уже начал воспринимать как своеобразную, к тому же не слишков вроде бы и высокую цену, которую приходится платить за удовольствие прокатиться с Фионой.

В нескольких метрах от них на больших мотоциклах Хонда, которые Фиона назвала личинками сидели личности, в которых безошибочно можно было опознать курьеров. Они курили сигареты и попивали что-то из высоких жестянок.

— Не слезай с мотоцикла, — предупредила Фиона, сняв свой шлем. — Возможно нам придется линять отсюда по-быстрому. Если что, надевай шлем и держись.

Милгрим опустил свой шлем.

То, что было с другой стороны Рынка, выглядело с его точки зрения как обычный Лондонский пейзаж. Слегка искривленный проезд, относительно небольшое дорожное движение и в настоящий момент прямо рядом с Рынком ничего не двигалось, хотя теперь он услышал приближающийся звук двигателя. Фиона и он повернулись одновременно и увидели один из этих неопознанных, обычно японских двухдверных седанов, которые как казалось Милгриму составляли изрядную долю в Лондонском трафике. Он не сбавил скорость проезжая мимо них, но Милгрим отметил взгляд, который бросил в его сторону водитель.

Проехав мимо двух курьеров, он замедлился и остановился на некотором от них расстоянии. Курьеры посмотрели на автомобиль, затем друг на друга, поставили свои жестянки на землю, надели шлемы, завели моторы и уехали. После этого открылась пассажирская дверь автомобиля и оттуда вышла Винни, на которой, поверх черного брючного костюма был одет бежевый плащ. Она закрыла дверь и пошла прямо к ним. Милгрим впервые видел ее без сувенирного свитера «Южная Каролина» и в этот раз в руках у нее не было полной игрушек сумки. Вместо этого

она держала черную кожаную бизнес сумочку, в тон туфлей. Милгрим смотрел как ее каблуки простукали мимо двух банок.

— Специальный агент Уайтэкер, — сказала она Фионе, когда подошла к ним.

— Хорошо, — сказала Фиона.

Водитель покинул машину. Немолодой мужчина, на голове которого было одето нечто, что Милгрим мог бы назвать федорой, в плаще, цвет которого отдаленно напоминал цвет плаща Винни, темные слаксы и большие коричневые туфли. Он закрыл дверь и стоял теперь глядя в их сторону.

— Мы с Милгримом будем говорить в машине, — сказала Винни. — Он сядет за руль. Мой водитель будет ждать на расстоянии, так чтобы ты его видела. Договорились?

Фиона кивнула.

— Тогда пошли, — обратилась Винни к Милгриму.

Он слез с мотоцикла, чувствуя себя неуклюже в защитном нейлоновом комбинезоне и положил пахнущий лаком для волос шлем на сиденье. Они двинулись к машине. Проходя мимо банок Милгрим обнаружил на них размашистую этикетку какого-то сидра, по-видимому лондонские

курьеры заботились о здоровье, не смотря на курение. — У твоей подруги не будет никаких проблем из-за нашей встречи, — сказала Винни.

— Я слышал. Однако ей приказали не выпускать меня из вида. И она согласилась привезти меня сюда ненадолго.

Она открыла для него водительскую дверь.

Милгрим устроился на водительском месте, вспомнив что не управлял автомобилем уже лет десять или даже больше. В машине пахло освежителем воздуха и на панели была прикреплена большая медаль Святого Христофора. Винни быстро обошла машину сзади, открыла дверь и села на пассажирское место закрыв дверь.

— Симпатичный костюм, — произнес Милгрим, когда она положила ногу на ногу.

— Не мой цвет.

— Да?

— Правильный цвет темно-синий или угольный. Федеральный агент может носить свадебный костюм, предполагается что он черного цвета. Представь, на ней черный костюм и она сует свой жетон тебе под нос. Совсем другое дело если на ней угольно-серый костюм от Брукс Бразерс и оне медленно и почтительно показывает тебе свое удостоверение примерно на уровне

груди. Но хрен там, теперь это черный костюм и жетон в морду. Знаешь что во всем этом самое фатальное?

— Нет, — сказал Милгрим.

— Ты не показываешь удостоверение. Нет. Ты не можешь себе этого позволить. Визитки намного лучше. Жетон в данном случае представляется мне как атрибут ролевой игры, этакая печать фатальной смерти. Если твоя работа предполагает налаживание связей и установление взаимоотношений, предъявить удостоверение равносильно убийству.

— А это твоя работа? — высказал предположение Милгрим.

— Но ты же здесь? Да?

Он подумал об этом. — Я понял что ты имела в виду. А кто это человек? — спросил он чтобы сменить тему.

— Я снимаю у него комнату. Костюм в действительности из-за него. Раз уж он собрался меня возить, то я должна выглядеть так, как на его взгляд должен выглядеть профессионал.

Мужчина прогулялся немного дальше, остановился и теперь стоял держа руки в карманах плаща и глядя на что-то в направлении, в котором находился Сити, как предположил Милгрим.

Милгрим повернулся на сиденье и увидел что Фиона смотрит на него сидя на Ямахе. Ее волосы, после того как она сняла шлем, торчали в разные стороны как одуванчик.

— Что происходит? — спросила Винни.

— Грейси и Фолей похитили кого-то, кто работает на Бигенда.

— Похитили? Такое с моей точки зрения имеет очень конкретный смысл. Это преступление. Кого они похитили?

— Шомбо. В смысле Чомбо. Он работает на Бигенда. Они пришли в дом человека, у которого остановился Чомбо, побили этого человека, угрожали ему, его жене и ребенку и забрали Чомбо с собой.

— Ты не говорил мне?

— У меня не было времени, — ответил Милгрим совершенно правдиво. — И мне надо было подумать. Много о чем подумать.

— И что это за Чомбо?

— Он вроде как занимается какими-то исследованиями для проекта Бигенда. Бигенд хочет вернуть его обратно.

— Требуют выкуп?

— Меня.

— Что тебя?

— Выкуп — это я. Фиона мне сказала. Она так решила когда Гаррет определял для нее задачи.

— Дальше.

— Вместо меня им отдадут кого-то другого. Его зовут Аджей. Они сделают его похожим на меня настолько, насколько это возможно. Мне кажется он бывший военный. Ну или что-то в этом роде.

Винни присвистнула и покачала головой. — Дерьмо, — произнесла она.

— Извини?

— Что должна делать Фиона для Гаррета? Ты знаешь?

— Управлять дроном с видеокамерой, когда они начнут это.

— Начнут что?

— Я не знаю. Что-то, чтобы вернуть Чомбо.

Винни нахмурилась и принялась барабанить пальцами одной руки по затянутой черной тканью коленке. Посмотрела в сторону, затем быстро повернулась обратно. — Слава Богу что я в отпуске.

— Извини, что не рассказал тебе все это раньше.

— Гаррет, — сказала она.

— Гаррет?

— Ты должен помочь мне поговорить с ним.

Как можно скорее. Сегодня вечером.

Милгрим посмотрял на медаль Святого Христофора. — Я могу попытаться. Но…

— Что но?

— Но не бери с собой его. — Он показал на отставного детектива из Скотланд-Ярда, стараясь держать руки ниже уровня приборной панели.

— По телефону. Естественно я буду звонить не со своего телефона. А ему придется обзавестись одноразовым номером. А ты передашь его мне.

— Зачем тебе говорить с ним? Он наверняка меня спросит.

— Он кое-что организовал. и это кое-что предназначено для Грейси. Я даже не хочу знать что он задумал. Совсем. Похищение заставляет взглянуть на все это под совершенно другим углом.

— Почему?

— Мне думается что Грейси в данном случае потворствует себе. Этакие приключения среднего возраста. Похищение людей. Это примерно как красный кабриолет для некоторых мужиков. Как бизнесмен, он в сложившейся ситуации, вообще не может себе этого позволить. Вообще. Но он в действительности обучался бизнесу не в школах, поэтому он не знает об этом.

— Что мне сказать Гаррету?

— Скажи ему что это не займет много времени. Он не обязан рассказывать мне о чем-либо, признаваться в чем-либо и предоставлять какую-либо информацию. Разговор не будет записываться. Он может использовать программу для искажения голоса, я уверена что он наверняка будет ее использовать, если он действительно профессионал. В этом случае все вы будете ответственны за то, что Майк с вами разделается. Причем очень скоро. И в данном случае я ничего не смогу с этим поделать. Скажи ему что у меня есть для него Пасхальное Яйцо. И то, что я передам ему не принадлежит мне, ничего со мной не поделать.

— Почему он должен тебе верить?

— Потому что такова ситуация. Если он действительно сколько-нибудь хорош, он сможет узнать кто я такая и откуда я. Однако что у меня на Грейси стояк, он узнать не сможет. Это ему передашь ты. Ты должен это сделать. Это так сказать личное. — Она улыбнулась и Милгриму не понравилось как она это сделала. — Может быть это мое приключение среднего возраста.

— Хорошо, — сказал Милгрим, не чувствуя однако что это действительно хоть сколько-нибудь так и есть.

— Скажи-ка мне вот еще что.

— Что?

— Если они хотели получить тебя в обмен на этого парня Бигенда, почему ты раскатываешь по округе на заднем сиденье мотоцикла с подружкой? Почему тебя не заперли под наблюдением в каком-нибудь очень плотноохраняемом подвале?

— Потому что сейчас у Бигенда почти не осталось никого, кому бы он мог доверять.

— Дермище, — произнесла она с чувством, которое он посчитал чувством удовлетворения. — Выкатывайся. Все инструкции ты получил. Давай.

Милгрим вышел из машины. Увидев что мужчина в плаще приближается, оставил дверь открытой. ПОвернулся и пошел назад, мимо жестянок с сидром стоящих словно одинокие стражи Смитфилда. Фиона завела мотор.

Глава 73

Сборный приятель

В темноте Гаррет спал рядом с ней. Неясно-круглое дно птичьей клетки было едва заметно в слабом свечении сигнальных светодиодов его лэптопа и различных телефонов. Крошечные

яркие красные и зеленые точки, как созвездие потенциальных неприятностей.

В конце-концов она наконец действительно увидела Франка, к которому, как ей показалось, будет все же легче привыкнуть, чем она могла предположить. Хотя сначала она немного поплакала.

Франк стабилизировался в Сингапуре, затем претерпел различного рода реконструкции, во время хирургической одиссеи, которую организовал старик. Франк видел секретные объекты в Соединенных Штатах, призрачные крылья и другие будничные странности военных госпиталей. В одном из них, поврежденная кость была заменена отдельными сегментами кальцинированного ротанга, и закреплена на месте с помощью керамических винтов, изготовленных главным образом из частиц натуральной кости. В результате, в конце-концов получился Франк, сборная вещь, покрытая по-большей части швами, а не кожей. Тугая и блестящая, напоминающая ей дорогую, склеенную и восстановленную из кусочков китайскую вазу.

Он сказал ей что изначально был против, зная совсем немного о текущем состоянии дел в протезировании, которе на самом деле очень быстро

развивалось, подстегиваемое войнами, в которых постоянно принимала участие Америка, особенно с учетом того, что количество выживших после ранений значительно выросло. Хирурги, которым сдал его старик были одержимыми сказал он и в конечном итоге он обнаружил что заразился их страстью и потребностью увидеть что они могут сделать практически на грани возможного. В этом месте она снова заплакала. Он обнял ее и рассказывал ей какие-то смешные вещи, пока она не успокоилась. К тому же его раздирало любопытство, потому что официально считалось что требуемые уровни экспертизы и технологий не существуют. Самыми неприятными оказались процедуры временного отсоединения отдельных нервов, которые недавно возвращали на место в Германии, так что теперь он постепенно начинал чувствовать то, что чувствует Франк. Последние процедуры тоже нельзя было назвать приятными ни в каком отношениии, особенно в сравнении с предыдущей процедурой разъединения, но с точки зрения восстановления функции ходьбы, все это было абсолютно необходимо.

Повязки постепенно уменьшались, по мере того как он менял их. Оставшийся фрагмент Франка был похож на аэрофотоснимок Канзаса

среди лоскутов кожи. В целом нога выглядела вполне ногой, если не брать во внимание что от долгого неиспользования она выглядела усохшей и похудевшей.

Большинство животных, с серьезным видом сообщил он ей, предпочитают на двусторонней основе чтобы их парная особь была симметричной до такой степени, что в результате формируется базовая основа биоты, и он поймет ее если она разделяет их мнение. Она сказала ему что базовая основа с ее точки зрения должна представлять собой мужчину, который не выглядит как совершенно ебнутый идиот, и поцеловала его. После этого они целовались, потом снова целовались, потом смеялись, она немного плакала и снова смеялись.

Сейчас, лежа под аккомпанемент разноцветно перемигивающихся индикаторов она мечтала о тишине, об отсутствии каких бы то ни было сообщений, о пустом почтовом ящике. В этом мире, здесь, на Пиблокто Безумной кровати, которая сейчас уже почти перестала быть Пиблокто Безумной как ей казалось. Даже арка из кости китовьей челюсти представлялась ей в некотором роде матримониальной, если подумать об этом, хотя как раз об этом ей по-прежнему не очень

хотелось думать.

Хотя прямо сейчас все очень неплохо. Неплохо до сих пор. Его дыхание рядом с ней.

Под ее подушкой принялся вибрировать АйФон. Она сунула руку под нее, подхватила трубку снизу не собираясь принимать вызов. Однако время сейчас не способствовало пропусканию звонков.

— Алло? — прошептала она.

— Что-то не так? — Это был Милгрим.

— Гаррет спит.

— Извини, — так же шепотом ответил Милгрим.

— Что случилось?

— Это сложно объяснить. Кое-кому очень нужно поговорить с Гарретом.

— Кому?

— Только пожалуйста не подумай ничего плохого, — прошипел Милгрим, — но она федеральный агент Соединенных Штатов.

— Как я могу не подумать ничего плохого? — Холлис забыла про шепот.

— Кто это? — Спросил Гаррет.

— Это Милгрим.

— Дай мне его.

Она прикрыла телефон рукой, не представляя себе где находится микрофон, и не понимая по-

может ли это. — Он хочет чтобы ты поговорил с федеральным агентом Соединенных Штатов.

— Ах, — сказал он, — странная информация начинает просачиваться. Локализация зоны высокой концентрации странностей становится очевидной. Так всегда бывает. Дай мне телефон.

— Мне страшно.

— Это совершенной нормально. — Он дотянулся до нее, и успокоительно коснулся ее руки. — Дай мне пожалуйста телефон.

Она отдала ему трубку.

— Милгрим, — сказал он. — Наводим связи? Не так быстро. У нее есть имя?

Она услышала звук ручки царапающей в темноте по бумаге. Писать в темноте всегда удавалось ему очень хорошо.

— Она сделает это? Правда? Она так и сказала? — Она почувствовала как он пытается устроиться на подушках. Когда он открыл свой лэптоп, его свечение показалось ей светом странной, чужой луны. Удачной луны, надеялась она. Она слышала как он одной рукой набирает что-то на клавиатуре, задавая Милгриму короткие вопросы и выслушивая значительно более пространные ответы.

Глава 74

Карта, территория

Каблуки броггов Танки и Тойо Милгрима почти не касались булыжников этой крошечной площади, потому что он сидел на высоком заднем сиденье Ямахи Бенни. Что-то, касающееся угла сгиба его ног напоминало картинки о Дон Кихоте из детства. Хотя он не знал чья это была нога, самого рыцаря или Санчо Панса. Фиона сидела чуть ниже, перед ним, ее ноги плотно стояли на тротуаре, удерживая их в вертикальном положении. Он держал за ее спиной ее АйФон, рассматривая в ярком маленьком окошке место на карте, где они находились прямо сейчас. Программу она показала ему чуть раньше. Его глаза прокладывали обратный маршрут в Фаррингдон, по прямой до моста, затем через реку, Сазарк, Вегас куб. В первый раз он видел весь путь от начала до конца.

Он позвонил Винни из этого двора, прочитав ей номер, который дал ему Гаррет. Он записал его на обратной стороне ее визитки, которая постепенно становилась все более мягкой, а края ее затупились и загнулись. Номер она повторила

ему для проверки, сообщив. — Хорошая работа. Не пропадай, на тот случай если я не смогу дозвониться до него.

Все это однако произошло уже восемь минут назад, так что он предположил что до Гаррета она таки дозвонилась.

Желтый шлем Фионы повернулся. — Закончил? — стекло визора приглушало ее голос.

Он посмотрел на светящуюся карту на экране представив его окном, позволяющим видеть основообразующую ткань города. Словно бы он держал в руках что-то, что позволяло извлекать прямоугольные кусочки поверхности Лондона в виде субстрата некоего яркого кода. Или в действительности все было наоборот и это код города составлял основу карты? На этот счет существовало некое выражение, однако он никогда не понимал его, а теперь даже не мог вспомнить откуда оно взялось. Разве территория не была картой?

— Порядок, — сказал он, передавая ей светящийся кусочек. Она выключила его и убрала в карман, пока он одевал шлем Миссис Бенни и застегивал ремешок, едва замечая теперь запах лака.

Он поставил ноги на подножки как только

они покатились вперед, и прильнул ближе к ее бронированной спине, наблюдая яркие в дневном свете виньетки стенных текстур пока она разворачивалась, а двигатель Ямахи звучал так, словно они ехали по мосту.

О чем должны были говорить Винни и Гаррет подумал он, когда Фиона выехала из двора и покатилась в сторону Фаррингдон Роад.

Глава 75

В темные сети

Глядя как Гаррет вслушивается в свою гарнитуру она заинтересовалась что же такое говорит американский агент.

Телефон у него был с беспроводной гарнитурой и она такого никогда раньше не видела. Он достал его из запечатанной пластиковой ваккумной упаковки, а затем установил в него сим-карту, которую извлек из черного нейлонового футляра с кармашками, в которых лежала по-меньшей мере еще дюжина таких же. Как альбом с дубликатами одинаковых марок какой-то скучной коллекции. Он подсоединил новый телефон к блоку питания, а затем другим кабелем подклю-

чил к нему что-то маленькое и черное. Когда телефон зазвонил она обнаружила что звонок похож на рингтон «Старый Телефон», такой, который обычно выбирала себе она.

Теперь он слушал иногда сопровождая услышанное легким кивком головы. Взгляд его был направлен на экран его ноутбука, указательный палец его двигался словно бы сам по себе, перемещаясь с клавиатуры на тач-пад. Она знала что он снова погрузился в свои темные сети, через которые он общался со стариком, или с кем-то еще, кого она не знала. В темных сетях Гаррета похоже не было даже рекламы, а цветовая гамма софта была более чем скромной, хотя может быть это было из-за того, что он по-большей части читал там какие-то официальные документы.

Теперь на экране появилась женская цветная фотография. Китайская внешность, лет тридцати, выражение лица нейтральное, волосы разделены прямым пробором. Снимок в стиле «на биометрический паспорт». Гаррет чуть наклонился вперед, как будь то для того, чтобы лучше разглядеть ее, и набрал что-то на клавиатуре ноутбука. — Вряд ли это может сильно помочь, — произнес он. — У меня есть собственные номера, получше чем этот. — Он снова замолчал слушая,

открывая новые окна на рабочем столе и делая пометки. — Нет. У меня есть такой. Вряд ли вы можете дать мне лучше. Жаль конечно, учитывая ваше желение помочь. Такой, который я бы действительно мог бы использовать, должен быть несколько тяжеловеснее. Реально массивный. И с товарами внутри. Ну это потребует слишком много времени. О таком можно было бы договориться. И такой большой действительно можно было бы задействовать. — Он снова слушал. — Да. Безусловно. Сделаю. Доброй ночи. — Он коснулся клавиатуры и фотография исчезла. Он посмотрел на Холлис. — Странно, но это было неплохо.

— Это была ее фотография?

— Возможно.

— Чего она хочет?

— Она кое-что предлагает. Не совсем то, чего мне бы больше всего хотелось, но и это пожалуй можно будет использовать.

— Ты не хочешь мне рассказывать?

— Только чтобы не подвергать тебя лишней опасности в данный момент. — Он убрал в сторону волосы, упавшие на ее лицо. — Ты знаешь что бы ты взяла с собой, если бы тебе пришлось уйти навсегда? Только не больше, чем ты сможешь унести сама, быстрым шагом.

— Навсегда?

— Ну может быть и нет. Но лучше предположить что ты уже никогда не сможешь сюда вернуться.

— УЖ точно не авторские копии, — указала она на коробки.

— Нет. Но я серьезно. Тебе следует собрать нужные тебе вещи.

— Я не собираюсь никуда уходить отсюда без тебя.

— Таков план. Пожалуйста собери нужные тебе вещи.

— Это не слишком много? — она показала на свою сумку на колесах.

— Идеально, но постарайся сделать так, чтобы она была как можно более легкой.

— Это из-за того, что она сказала тебе?

— Нет, — ответил он, — это из-за того, что я сомневаюсь что у нас есть много времени. Упаковывайся.

Она устроила свою сумку на ближайшем кресле, расстегнула молнию и начала выбирать вещи из ящиков шкафа. Уложила трубу из джерси дизайнера Хаундс. Сходила в ванную и собрала вещи со стойки умывальника.

— Как Франк? — спросила выходя из ванной.

— Жалуется, но ему придется привыкать к тому, что я буду его использовать.

Она заметила фигурку Голубого Муравья на прикроватном столике. Взяла ее в руки. «Ты тоже», подумала она неожиданно для себя, и положила его вместе с тюбиками и бутылочками в сумку. — Тебе разве не нужно иногда показываться какому-нибудь нейрохирургу?

— Женщина на Харли Стрит, — сказал он, — как только смогу, так сразу.

— И как скоро ты сможешь?

— Когда все это закончится. — Телефон принялся звонить. Еще одна вариация на тему «Старого Телефона». Не ее. Он достал из кармана телефон и посмотрел на него. После третьего звонка ответил. — Да? Только что? Место? Нет? Критическии. — Он нажал кнопку.

— Кто?

— БигЭнд.

— Что?

— Начинается. Девяносто минут.

— Что критически?

— Мы не знаем где. Место очень важно. Нам нужно антураж и конфиденциальность. Но тут не мы решаем. Ты готова?

— Насколько я могу.

— Возьми свитер. В кузове микроавтобуса холодно. — Он достал второй телефон. — Все сообщения, — произнес он, нажимая несколько крошечных кнопок. Телефон пикнул несколько раз.

Она обвела взглядом Номер Четыре. Инсектоидные обои, полки с бюстами и головами. Увидит она это еще раз? — Ты возьмешь с собой скутер?

— Только чтобы спуститься до двери, — сказал он поднимаясь с кровати с помощью своей трости. — Теперь очередь Франка. — Он поморщился.

Она только что натянула свитер. — Ты в порядке?

— В общем, — сказал он, — даже да. Будь любезна, возьми пожалуйста уродскую футболку из прикроватного шкафчика. И там еще пакет небольшой.

— Что там?

— Почти ничего. И целое море скорби кое-для кого. Быстрее. Вегетарианский микроавтобус уже ждет нас.

— Какого хуя? — вопросил голос Хайди из-за двери Номера Четыре.

Холлис открыла дверь.

За дверью стояла Хайди в своей сияющей там-

бурмажорской куртке, наброшенной прямо на израильских армейский бюстгалтер. — Аджей только что получил сообщение и подорвал свою задницу вниз в холл, сообщив мне что ему надо срочно увидеть его кузину. — Она посмотрела на Гаррета. — Это твоих рук дело?

— Да, — ответил Гаррет, — и ты тоже идешь с нами.

— Какого это хуя, — сказала Хайди, — я иду с…

— Нами, — оборвал ее Гаррет, — если только ты не опоздаешь. И одень футболку. И кроссовки, не ботинки. Может быть нам придется бегать.

Хайди открыла было рот, но тут же закрыла его.

— Нам пора, — сказала Холлис, застегивая свою сумку.

— Это даже чем-то напоминает вечеринку, — сказал Гаррет.

Глава 76

Девочка ушла

Милгрим потерянно стоял, вспоминая как звук мотора Кавасаки Фионы постепенно стих удаляясь.

Она получила сообщение от Гаррета и ушла оставив нетронутыми цыпленка и сэндвич с беконом на столе в кубе Вегас. Но сначала она прицепила короткие полоски прозрачной лески с крошечными рым-болтами спереди и сзади раскрашенного камуфляжем пингвина. Он помог ей протащить его через дверь и она закрепила его над крышкой гигантского красного ящика с инструментами Бенни, прижав леску молотком. Затем она быстро вернулась в куб и отдала ему АйФон пингвина. — Тот маленький микроавтобус что привез тебя сюда, — сказала она, — он скоро приедет. Жди во дворе, с пингвином. Он войдет в задний отсек.

— Куда ты едешь?

— Я не знаю. — Она застегнула куртку.

— Я отправлюсь в то же место?

— Зависит от Гаррета, — сказала она, и он предположил что сейчас она могла бы поцеловать его хотя бы в щеку, но она не поцеловала. — Будь осторожен, — сказала она.

— Ты тоже.

После этого она шагнула за дверь и ушла.

Он аккуратно завернул ее сэндвич и уложил его в огромный боковой карман нейлоновой курки, которая до сих пор была надета на нем. Он

отдаст сэндвич ей, если увидит ее позже. Затем он заметил черный шлем Миссис Бенни на столе, и предположил что сегодня вечером он уже не будет кататься с Фионой. Он поднял шлем со стола и понюхал его внутренности, в надежде обнаружить запах лака для волос, но запах больше не ощущался.

Он повесил сумку со своим Эйром на плечо, повернул выключатель на итальянском зонтике вниз и вышел, закрыв за собой дверь. Если даже и был какой-то способ закрыть ее, он не знал как это сделать.

Подошел к ящику с инструментами Бенни, высвободил пингвина и вышел во двор. В левом, поднятом вверх, словно он держится за ремешок в вагоне метро кулаке он зажал леску.

— Уходишь? — спросил Бенни. В руках он держал один из фибергласовых обтекателей.

Милгрим даже и не думал что он еще здесь. До какого «поздна» вообще работает Бенни? Или теперь он тоже одна из шестеренок в плане Гаррета? — Они заберут меня, — ответил Милгрим.

— Ну бывай, — сказал Бенни, похоже совершенно не обратив внимания на пингвина. — Я закроюсь потом.

Через некоторое время подъехал маленький

японский микроавтобус со шторками и люком в крыше. Стекло с водительской стороны было опущено. Миниатюрному, с японской внешностью водителю в идеально свежей, белой рубашке на вид было около пятидесяти. — Я помогу вам устроить это сзади, — произнес он с британским акцентом. Заглушил мотор и вышел наружу.

— Куда мы едем?

— Мне еще не сказали, но мы немного спешим.

Глава 77

Зеленый экран

Неисправное колесо ее сумки внезапно проснулось и защелкало как какой-то измерительный прибор зловещей точности, когда она тянула сумку по коридору к заднему фойе. Она собиралась попрощаться с хорьком хотя и сомневалась что смогла бы объяснить это свое желание кому бы то ни было. Гаррет мог бы ее понять. У него были свои странные способы уживаться со страхом. Она увидела пустое кресло-скутер, брошенное рядом с толстой стеклянной дверью, возле которой теперь стоял Роберт.

— Мои поздравления Мисс Генри, — необъ-

яснимо и с нежностью произнес он, открывая и придерживая для нее дверь. После череды множественных акварелей вверх по лестнице, с безлюдными пейзажами с обязательными строениями вдалеке, плюс ее недавний эпизод с хорьком, у нее не было никакого желания подвергаться снова риску повышенной лиминальности. Поэтому она поблагодарила его, улыбнулась и быстро выскользнула из-под порт-кошер, который как ей казалось был построен для самых настоящих конных экипажей. При этом она немедленно оказалась рядом с задней частью высокого микроавтобуса с надписью «Неспешная трапеза». Большой, высокий свежеокрашенный насыщенной баклажанового цвета краской, с тускло-бронзовой надписью, словно бы сама королева была вегетарианкой и любила Обри Бердсли, если считать что «Неспешная трапеза» имеет отношение к вегетарианству.

— Привет, — сказала водитель, симпатичная брюнетка норвежской внешности в кепке как у Фолея. Она была профессиональным водителем и актрисой одновременно. Холлис знала все это, потому что подслушала как Гаррет нанимал ее через кого-то еще, но пока она не встретила ее сейчас она не понимала о чем идет речь. — За

этими дверями две пристегнутых на молнии панели, — сказала водитель, показывая на заднюю часть автомобиля. — Я открою для вас первую, затем закрою ее, затем вы откроете и закроете вторую. Это для того, чтобы свет не было видно снаружи. Понятно? — Девушка улыбнулась и Холлис почувствовала что улыбнулась в ответ. Кроме управления машиной, Холлис знала что задача девушки привлечь внимание властей, в случае, если там, где они позже запаркуются, возникнут какие-нибудь проблемы. Теперь девушка открыла одну из задних дверей микроавтобуса, обнажив натянутую вертикальной стеной черную ткань, как в реквизите какого-нибудь фокусника. Она поднялась по трем очень крепким на вид, раскладным алюминиевым ступеням, прямо к поднимающейся вверх, высокой вертикальной застежке молнии. — Дайте мне вашу сумку. — Холлис отдала сумку. Водитель просунула ее в щель и спустилась вниз. Холлис поднялась по ступенькам, затем протиснулась в щель, ощутив странное прикосновение зубчиков молнии к своему запястью, затем повернулась и потянула застежку вниз, насколько смогла. Девушка перехватила эстафету с застежкой и утащила ее до самого низа, оставив Холлис в

полной темноте.

За ней затрещала другая застежка молния, выпуская поразительно яркий свет. Она повернулась и увидела Гаррета, а за ним Пепа, надевающего на себя нечто, что она немедленно опознала как уродливую футболку.

— Я и не думала что она в буквальном смысле будет такой уродливой, — сказала она, перешагивая через вторую молнию.

Она была. Пеп, в черных велосипедных трико, одевал на себя огромнейшую, уродливейшую футболку из всех, что она когда-либо видела. Из тонкого, дешевого на вид хлопка, цвета приборов для стомы, похожего на псевдо-Кавказский телесный тон. По ее поверхности, уныло-черными полутонами были набросаны гигантские детали. Ассиметричные глаза на уровне груди и зловещий рот в районе промежности. Позже она уже не смогла точно сказать что именно делало эту футболку такой уродливой, за исключением пожалуй того, что это в каком-то смысле напоминало панк, в каком-то смысле искусство и фундаментально представляло собой некое оскорбление. Диагонали по краям продолжались с боков и вокруг трико. Рукава свободные. Пеп искоса поглядел на нее, или возможно просто

посмотрел на нее, натягивая через голову ремень темно-зеленой курьерской сумки и складывая в нее то, что она опознала как еще одну Гарретовскую вещь для вечеринки.

— Не забудь снять эту сумку, — сказал Гаррет. Он сидел в черном офисном кресле, которое похоже было пристегнуто хомутами к баклажанно-сияющему полу. — А то визуально выглядит странно.

Пеп хитро ухмыльнулся или может быть просто улыбнулся в ответ, затем отступил за нее через открытую молнию за второй холст черной ткани. На спине его она обнаружила то же отвратительное малево. Он наклонился, поднял ее сумку и просунул ее внутрь, затем опустил молнию и исчез. Она услышала треск открывающейся второй молнии, затем ее повторный треск, затем звук, сопровождающий закрытие двери.

Она повернулась к Гаррету но обнаружила что он закрепляет свой ноутбук в подставке, которая держалась на конструкции из черных пластиковых труб. Трубчатая конструкция, похожая на геометрическую модель прямоугольного параллелепипеда заполяла почти весь интерьер микроавтобуса. Как и кресло Гаррета она удерживалась на месте такими же светопоглоща-

ющими черными лентами, которыми скрепляют декорации на съемках. К конструкции были примонтированы два плазменных экрана, один над другим, кабели, коробки, в которые эти кабели были включены и различные очень стильные светодиодные лампы.

— Куда мы едем? — спросила Хайди странно приглушенным голосом. Она сидела на полу в передней части, а за ее спиной был виден еще один черный холст с застежкой молнией в середине.

— Должны узнать в ближайшее время, — ответил Гаррет, заканчивая закреплять компьютер так, чтобы он располагался прямо перед ним, словно бы установленный на невидимый стол.

— Куда отправился Аджей?

— Туда же, куда собираемся отправиться мы, — сказал Гаррет, — но с Чарли.

Внутри пахло клеем для пластика, новой электроникой и прогревшимися лампами.

— Садись рядом с Хайди, — обратился Гаррет к Холлис, услышав стук закрывшейся водительской двери. — Там поролон.

Холлис села.

— Ебнуться можно, — произнесла Хайди переводя взгляд широко открытых глаз с Холлис на окружающую их обстановку. — Клаустрофобия.

— Что клаустрофобия? — спросила Холлис.

— У меня клаустрофобия, — сообщила Хайди.

Водитель завел двигатель и микроавтобус двинулся прочь от Корпуса.

«Договорились» — беззвучно сказала Холлис, обращаясь к хорьку, подумав что в действительности они конечно же никогда ни о чем не договаривались.

— Я никогда не слышала чтобы ты что-нибудь говорила о клаустрофобии, — сказала Холлис.

— Фудживара сказал что это из-за моего брака с гребанным уродом. Поэтому я к нему и пошла в основном. Понимаешь? Я думала что мне просто хочется вышибить из кого-нибудь мозги нахер.

— А ты думаешь что это не из-за этого?

— Когда он успокоил меня, с помощью этих сборных моделей, мне удалось увидеть что это было просто желание не чувствовать себя загнанной в ловушку.

— Ты уже закончила своего Грудного Истребителя? — она подумала что это может помочь заставить ее продолжать разговор.

— Не совсем, кое-какие детали еще остались, — грустно ответила Хайди.

— Примерное время прибытия? — спросил Гаррет у кого-то. Он теперь разговаривал коди-

рованными аббревиатурами, с неизвестным количеством собеседников. Его гарнитура была подключена к переключателю, на котором висела целая осьминожья галактика телефонов.

— Что насчет нас? — спросила Хайди. — Мы тоже?

— Тише. Ему нельзя отвлекаться.

— Ты понимаешь что он делает?

— Нет, к тому же это достаточно сложно все.

— Сестра Аджея сделала из него европейца. Заполнила впадинку на носу мастикой. Перекрасила его волосы в дрисневый цвет и напылила дрянь по бокам.

— Они хотят чтобы он его можно было принять за Милгрима.

— Я въехала. Но зачем?

— Кто-то похитил звезду-исследователя из Бигендовской команды. Они согласны вернуть его, в обмен на Милгрима.

— Зачем им это?

— В действительности, — сказала Холлис, — это из-за того, что ты подстрелила стрелкой для дартс парня, который вас преследовал. Хотя с другой стороны, Милгрим и сам до этого неплохо его уделал.

Хайди сидела крепко обняв свои колени боль-

шими белыми руками. Она очень серьезно посмотрела на Холлис и спросила, — Ты меня подкалываешь?

— Нет, — сказала Холлис.

— Они что девочки-поссикушки?

Холлис попыталась сообразить что сказать в ответ, и увидела что Хайди едва сдерживает себя чтобы не рассмеяться. Тогда она быстро ткнула ее шутливо кулаком в бок.

— Получилось, — провозгласил Гаррет, прикрывая руками все телефоны. — Скрабс. Модель работает. Оптимальное место. Главное чтобы не было ветра.

— Какая модель? — спросила Холлис.

— Кое-кто в Университете Колорадо посчитал ее для нас. Скрабс в данном случае идеальное место. Извините меня. — Он убрал руку с бокса и принялся набирать что-то на клавиатуре. Микроавтобус замедлился, посигналил перестраиваясь, ненадолго остановился и развернулся.

— Скрабс дорогуша, — сказал кому-то Гаррет. — Твое место в воздухе. Не включай огни и не гони, отправляйся туда.

— Что происходит? — тихо спросила Хайди.

— Я думаю они договорились о месте, где будет происходить обмен, — ответила Холлис. — И

похоже это место нам нравится.

— Они получат кривожопую версию Болливудского бойфренда. — пожала плечами Хайди.

— Я думала ты пытаешься не ввязываться в это.

— Я пытаюсь, — согласилась Хайди.

— Тебе уже лучше?

— Ага, — сказала Хайди и сунула руку под куртку чтобы потереть ребра, — но это начнется снова если мне не удастся выбраться из этого долбанного грузовика.

— Мы куда-то едем сейчас, — сказала Холлис.

— Пока нет, — сказал Гаррет кому-то, — она по воздуху. — Затем он сазал что-то на языке, который Холлис вообще не смогла опознать и замолчал.

— На каком языке ты говорил? — спросила она, когда автомобиль совершил очередной поворот.

— Каталонском, — ответил он.

— Я не знала что ты говоришь на нем.

— Я умею сказать на нем только очень грубые вещи о его матери. — Он выпрямился в кресле. — Пардон. — Он снова замолчал. — Полностью работоспособно, — произнес он в конце. — И сейчас оптимально. — Он снова замолчал. — Я понимаю что, но нет. Надо убрать их назад. Луч-

ше за пределы области. Слишком много объектов на земле. Слишком много движущихся частей чтобы еще и кого-то из вас там обнаружить. Не обсуждаем, нет. — Она увидела как его рука снова накрыла переключатель телефонов. — Мудак.

— Что?

— У нас есть частная скорая помощь на время охоты, так он сказал. В конце Харли Стрит сидят специалисты на случай если с Чомбо что-нибудь случится.

— Я об этом не думала.

— Я думал. У нас должны быть медики на всякий случай. В скорой помощи БигЭнда не только медики. Там еще группа захвата для Милгрима на всякий случай.

— Он знает где он?

— Они позвонят ему.

— Это плохо?

— Не сказать, — ответил он. Он снял свою руку с бокса и немедленно заулыбался. — Прелесть, — сказал он. — Восхитительно. Над ними? Давай поправлю. Четыре? Уходят оттуда? Отступай, снижайся. Примерно до двух футов от земли, машина между вами. Надо номер, марку и модель. Удостоверьтесь что внутри никого. Только никаких АйЭр, они могут заметить их отражение

от стекла.

— Инфракрасных, — сказала Хайди.

Верхний из двух экранов, смонтированных на черной трубе включился и закрасился зеленым цветом как осциллограф. Он приглушил освещение.

Холлис и Хайди подвинулись к краю поролона, вглядываясь в экран. Изображение с движущейся камеры, абстрактное и почти нечитаемое. Затем Холлис увидела большой британский номерной знак, как будь то запись шла с камеры какого-то морского глубоководного робота.

— Хорошая девочка, — сказал Гаррет. — Теперь подними его немного и дай нам заглянуть внутрь. Затем следуй за ними. Тот, что со свертком, это Грейси. Найди его и следи за ним. — Он снова коснулся бокса и повернулся. — Сверток нам не нравится, — сказал он Фионе, затем вернулся к зеленому экрану.

Глава 78

Эль Лиссицкий

— Хочешь минеральной воды, — спросил водитель, — или фруктов? Корзина там справа.

Милгрим, сидевший на полу, за пассажирским сиденьем, только что заметил небольшую корзинку. Он наблюдал за тем, как подпрыгивает пингвин под люком в крыше и размышлял что произойдет если тазер отвалится. — А там есть круассан? — спросил он потянувшись к корзине.

— Извини, нет. Яблоки, бананы, креветочные крекеры.

— Спасибо, — сказал Милгрим и вытащил банан. На самом деле он хотел спросить водителя чм они будут заниматься ночью с пингвином-роботом наполненным гелием и окрашенным камуфляжной расцветкой, но не стал. Он подозревал что водитель понятия не имеет, что это был просто водитель, который просто ведет машину и ни о чем больше не думает, это было приятно и ненавязчиво и это очень хороший водитель, который очень хорошо знает город. Так что Милгрим решил вообще ни о чем не спрашивать. Куда бы они не направлялись, едут они туда, куда хочет Гаррет чтобы они ехали, и возможно там будет еще Фиона.

Пингвин слегка сместился когда они проезжали по кольцу. Милгрим чувствовал скрупулезность вождения этого парня, он вообще ничего не нарушал, и двигался со скоростью примерно на

пару километров в час меньше разрешенной. Милгрим видел людей, которые в самом деле были очень мало похожи на людей, которые вели машину так же, когда ехали чтобы совершить сделку с наркотиками. Транзакционную, так он это называл. Вообще весь этот вечер был транзакционным хотя никто никогда в такие моменты не предлагал ему минералки или фруктов.

У водителя была одна из тех беспроводных гарнитур, которые с точки зрения Милгрима выглядели похоже на засунутый в ухо пинбольный флиппер настолько, насколько это было возможно причем собственно флиппер представлял собой микрофон. Периодически он что-то мягко произносил туда, в основном он отвечал кому-то да или нет, или повторял названия улиц, которые Милгрим немедленно забывал. Милгрим понял однако что парень теперь знает куда они едут.

Внезапно он понял что они уже добрались до места, хотя никто об этом не сообщил.

— Где мы? — спросил Милгрим.

— Вормвуд Скрабс.

— Тюрьма?

— Литтл Вормвуд Скрабс, — сказал водитель. — Перейдете дорогу прямо отсюда. Держитесь все время прямо к траве. Он просил передать вам что

она спряталась под камуфляжем и ее может быть трудно увидеть.

— Фиона?

— Он не сказал, — чопорно произнес парень, словно не желая учавствовать в этом мероприятии. Он выбрался наружу, закрыл дверь, быстро подошел к задней части автомобиля и открыл заднюю дверь.

Милгрим опустил пингвина пониже, удерживая его от контакта с люком, и начал по-крабьи пятиться задом к открытой задней двери. В плавучести этого дирижабля есть что-то по сути забавное, подумал он. Наверное это был замечательный день, когда были открыты летучие газы. Он представил что бы можно было им наполнить и предположил что это мог бы быть лакированный шелк и почему-то вспомнил двор Салон Дю Винтаж.

Водитель придержал пингвина для него, когда тот выплыл наружу. Рубашка его угрожающе светилась белым в свете стоящего рядом уличного фонаря. Милгрим обнаружил существование огромного пустого пространства, совершенно аномальное для Лондона. На другой стороне дороги. Пустое и темное.

— Парк? — спросил он.

— Не совсем, — сказал парень. — Иди прямо через него. — Он указал. — Держи направление. Там найдешь ее. — Он передал привязь аэростата в виде петли из лески Милгриму.

— Спасибо, — сказал Милгрим. — Спасибо за банан.

— Всегда пожалуйста.

Милгрим перешел дорогу и услышал звук трогающегося с места микроавтобуса за своей спиной. Он продолжал идти. По траве, через мощеную дорожку, и еще больше травы. Через своеобразные слегка рваные пустоты, с неравномерно растущей травой. Никакого ландшафта или глубины архитектуры классических садов присущих этому городу. Пустырь. Трава была влажной хотя он не замечал чтобы до этого шел дождь. Роса возможно. Он ощущал ее сквозь свои носки, хотя идти здесь в броггах Танки и Тойо было удобнее, чем по тротуару. Их черные носки все время зарывались. Прогулочная обувь. Он представил себя гуляющим где-нибудь с Фионой, по такому же привольному, но менее жуткому месту. Ему стало интересно любит ли она гулять. Любят ли владельцы мотоциклов пешие прогулки? Любил ли он когда-нибудь гулять пешком? Он остановился и посмотрел на светлое, слегка

лиловое Лондонское небо. Все огни крупнейшего в Европе города светились здесь, затмив все, кроме нескольких звезд. Он посмотрел назад, через широкую, хорошо освещенную дорогу на обычное, аккуратно-беспорядочные жилищные массивы. Он никогда такого не понимал, дома или квартиры, или кондоминиумы. Затем повернулся обратно к чудаковатости этого Скрабса. Он чувствовал себя так, словно собирался купить дозу здесь. Он не мог поверить что в городе такого размера нет наркотрафика в месте, подобном этому.

Затем он услышал слабый свист. — Сюда, — негромко позвала Фиона, — забирайся внутрь.

Он обнаружил ее приютившейся под тонким брезентом, расцвеченным одним из этих новых эзотерических камуфляжных рисунков, которые интересовали Бигенда. Он не мог вспомнить как называется конкретно этот, но видел теперь насколько хорошо он работает.

— Только без пингвина! Доставай свой контроллер. Быстрее. — Она сидела скрестив ноги, говорила тихо, ее собственный АйФон мерцал зеленым на ее коленке. Она потянула аэростат вниз, отстегнула поводки с обеих его сторон и отпустила его. Поднимался он медленно, на-

груженный тазером. Милгрим достал из своего кармана АйФон пингвина и уселся рядом с ней. После этого она обернула тканью их обоих, оставив снаружи лишь головы и руки. — Бери управление, — сказала она. — Взлетай. Поднимай его выше, подальше от дороги. Говорить я не могу, буду рулить своим. — Он увидел что она разбирается с наушниками, такими, которые вставляются прямо в ухо. — Тебе нужно искать высокого мужчину. Одетого в плащ или пальто. Без шляпы. Короткие волосы, возможно седые. У него пакет, завернутый в бумагу, несколько футов в длину.

— Где?

— Я потеряла его. Стукни по зеленому кругу если тебе нужно будет включить прибор ночного видения, хотя на пингвине он помогает только если ты находишься прямо над объектом.

Милгрим включил свой АйФон, увидев пустой светящийся экран, затем обнаружил что камера пингвина смотрит в пустое небо. Он немедленно понял что управлять аэростатом, не заботясь о том, что можешь врезаться в стену или потолок, гораздо приятнее. Он неожиданно легко начал всплывать.

— На этом парне хоккейный свитер с каким-

то лицом? — Она показала ему свой экран. Он посмотрел вниз на фигуру в каком-то огромном свитере, на спине которого красовалась огромное гротескное лицо.

— Похоже на конструктивистов, — сказал он. — Эль Лиссицкий? Он пытается взломать эту машину? — Мужчина стоял очень близко к черному седану и на камере вертолета Фионы была видна его спина.

— Закрывает ее. Он уже вскрыл ее, а теперь закрывает. — Ее пальцы пошевелились и изображение размылось, ее дрон, в сравнении с воздушным пингвином, двигался поразительно быстро.

— Куда это ты? — Он имел в виду дрона.

— Проверить других трех. Затем мне придется приземлиться. Надо беречь аккумуляторы. Я в воздухе с тех пор, как приехала сюда. Ты ищешь мужчину со свертком?

— Да, — сказал Милгрим и отправил пингвина в плаванье вниз, в относительную темноту Скрабс. — Кто эти другие три?

— Один из них Чомбо. Один из того автомобиля, который пытался заблокировать вас в Сити.

— Фолей.

— А третий похож на футболиста, с волосами

как у металлиста.

— Металлиста?

— Ну длинная стрижка в стиле восьмидесятых. Здоровый парень.

Глава 79

Хранитель подземелий

Холлис стояла у него за спиной, пытаясь представить будь то бы она смотрит как кто-то играет в игру, во что-то утомительное и само себе важно-таинственное, на нескольких экранах. Нечто бесполезное, бестолковое, от чего ничего не зависит.

Игра была похожа на студенческую поделку. Без музыки, без звуковых эффектов. Гаррет, как хранитель подземелья, распределял квесты, назначал задания, оделял золотом и печатями невидимости.

Лучше было бы рассматривать все это именно в таком ключе, но она не могла заставить себя сделать это. Она оперлась назад, на покрытую баклажаном прохладу автомобильной стали и стала смотреть видео с дрона Фионы.

Фиона летала словно ощущая себя быстрой

колибри, ей отлично удавались потрясающе внезапные паузы и затяжные зависания, а так же подъемы и спуски в стиле лифта. Все это на фоне светло зеленого монохрома прибора ночного видения. Ее дорогие, недавно установленные камеры, были значительно лучше чем у Милгрима. Холлис не знала как выглядит ее дрон, поэтому представляла его в виде гигантской стрекозы, с телом размера французского багета с пульсирующими, радужно-переливчатыми крыльями.

Сейчас она висела на одном месте, наблюдая как четверо мужчин выбираются из черного седана. Арендованный Мерседес, сказал Гаррет, проверив каким-то образом регистрационные номера.

Двое мужчин были высокими, широкоплечими и выглядели как профессиональные спортсмены. Еще один, прихрамывающий, пониже, почти наверняка Фолей. Четвертого она опознала по позе постоянно-раздраженной сутулости, которую вспомнила что видела в Лос Анджелесе и Ванкувере, это был Бобби Чомбо, карманный математик Бигенда. Та же самая досадная стрижка закрывающая половину лица немытой свисающей челкой. Он находился аккурат под стрекозой Фионы, завернутый во что-то, что выглядело как

халат или тога, словно бы выгравированный на полосе светло-зеленой стали. Она вспомнила что Инчмэйл любил называть его неврастеником. Он сказал что мода на неврастению вернулась и что Бобби был одним из первых поклонников, встретившихся ей.

Гаррет разумеется считал что один из высоких мужчин, одетый в темный плащ с прямоугольным пакетом в руках, был Грейси. Холлис предположила что это из-за того, что у другого была архаичная рокерская стрижка, она вспомнила что точно такая же была у одного из дружков-наркоманов Джимми, барабанщика из Детройта.

Когда эти четверо двинулись от автомобиля, при этом Фолей похоже вел Чомбо, Гаррет потребовал чтобы Фиона снизилась, показала ему автомобильный номер и заглянула в окно, чтобы убедиться в том, что они никого не оставили внутри. Холлис предположила что в этом случае Пепу для выполнения его части плана потребовались бы другие, не совсем приятные навыки. Машина была пустой и Фиона снова набрала высоту, легко обнаружив их, по-прежнему шагающими, однако тот, которого Гаррет посчитал за Грейси, куда-то исчез, и похоже пакет его исчез вместе с ним. Фиона не смогла найти его снова,

потому что Гаррету понадобилось чтобы она вернулась к автомобилю, и наблюдала появление Пепа и последующий взлом пассажирской двери, который занял не более сорока секунд включая последующее закрытие авто.

Пеп следуя инструкции избавился от своей курьерской сумки и Холлис предположила что все, что у него могло быть, теперь перекочевало в салон автомобиля их противников, потому что таков был план. Затем он уехал. Его абсолютно бесшумный двухмоторный электровелосипед, способный делать около шестидесяти миль в час, ни разу не появился в объективе камер, которые сейчас были выведены на экран ноутбука Гаррета. Если бы он все же угодил под камеру, сказал Гаррет, результирующая картинка велосипеда, едущего без седока, могла бы все испортить.

Карта, на которой было указано расположение камер, на ноутбуке Гаррета, была выполнена в оттенках серого. Конусы, отображающие область видения камер были красными, и затенялись розовым по мере увеличения расстояния от вершины. Иногда, некоторые из них начинали двигаться, потому что эти камеры были оборудованы моторами. Она понятия не имела как можно было получить ко всему этому доступ

через частную сеть и радовалась этому.

Она подумала что изображение, которое поступало с пинвгина Милгрима похоже было где-то за пределами нужной им области и возможно поэтому она вернулась к нему, хотя ничего интересного там не было. Грейси до сих пор не нашелся, и поэтому Гаррет нервничал. Он мог использовать кого-то, кто знал что они делали, догадалась она, например используя такой же дрон как у Фионы.

Как бы не летал Милгрим, это было почти комично неторопливо, не смотря даже на бодрящие всплески устойчивого прямолинейного движения. Через Фиону он получил инструкции и должен был замкнуть территорию кольцом в поисках Грейси. Что он и выполнял, однако Гаррет жаловался что он летает слишком высоко. Как она заметила сейчас он путешествовал над достаточно низкорослой растительностью, оправдывающей название местности, а Гаррет похоже забыл о нем. Она догадалась что от Милгрима и его дрона никто ничего не ждал. Его озадачили для того, чтобы держать его подальше от рук Бигенда.

Она услышала тихий звук украдкой расстегиваемой очень длинной молнии. Она посмотрела

направо и увидела Хайди, которая приложила указательный палец к губам.

— Двое наших, — произнес Гаррет в гарнитуру, — выдвигаются сейчас к точке. Опускай его примерно метрах в двадцати к западу от точки. Нам придется работать с имеющимися аккумуляторами. — Это предназначалось Фионе.

Пока он говорил, Хайди протиснулась сквозь проем и медленно опустила застежку, закрыв ее за собой.

Точка, догадалась Холлис, это должно быть Джи-Пи-Эс координаты, которые они получили от Грейси в качестве места обмена.

На экране Фионы перспектива упала до уровня колена, затем рванулась вперед над расплывающейся в темноте травой, вид был словно бы из глаз гиперактивного ребенка.

А Милгрим, как она заметила, долетел до границы, где заканчивалась поросль, и теперь медленно разворачилвался, для нового захода.

Надеюсь что ей просто надо в туалет, подумала Холлис, оглядываясь на длинную пластиковую молнию.

Глава 80

Силуэты на местности

— Смотри, — сказала Фиона, — это ты.

Гаррет заставил ее снова поднять дрон в воздух. Она показала Милгриму свой АйФон и камуфляж зашелестел вокруг них.

— Это Аджей? — Две фигуры на маленьком экране снятые с высокого угла выгравированные на зеленом металле. Один из них удрученно шаркал ногами опустив голову вниз, на слишком широких плечах куртка Милгрима. Другой мужчина был низкий, крупный, на голове его было надето что-то округлое и плоское. Руки Аджея были сцеплены вместе, чуть выше уровня промежности, что выглядело как выражение скромности. Наручники.

Фиона нырнула вниз и зависла, захватив их движение в кадр и за его пределы. Милгрим подумал что Аджей неплохо изображает состояние униженной капитуляции, но в остальном он не заметил особого сходства с собой. В этот раз похоже у Чандры лучше получился этот трюк со спреем для волос.

Другой мужчина, подумал Милгрим, выглядит как Далай Лама, на которого воздействует сила тяжести планеты большей, чем Земля. Коренастый, нереально крепкий, возраст неопределенный, на голове на уровне лба какой-то берет, с помпоном на верхушке.

Как только объекты ушли из ее кадра, Фиона двинула пальцем, поворачивая объектив камеры обратно, и напомнила Милгриму чтобы он проверил свой собственный АйФон. Он обнаружил своего пингвина рассматривающим траву и низкий кустарник.

Когда он глянул снова на ее АйФон, Фиона обнаружила еще три фигуры, движущиеся в сторону Скрабс.

Первым был Чомбо, по-прежнему завернутый в свое пальто из тонкой ткани. Он выглядел несчастным значительно более убедительно нежели Милгрим Аджая. Слева от Чомбо ощутимо прихрамывая шел Фолей. Брюки на ним были темнее, чем те, благодаря которым появилось его прозвище. На нем была та же самая кепка, и короткая темная куртка, которую он носил в Париже. Справа от Чомбо, к своему ужасу Милгрим увидел человека из семейного ресторана Город на Краю, которого Винни назвала Майком,

у которого была рокерская прическа и нож в брючном кармане.

— Он хочет видеть тебя здесь, — сказала Фиона, подразумевая место, над которым летал ее дрон, — ищи того, которого я потеряла. Двигайся.

Милгрим сконцентрировал все свое внимание на ярком маленьком прямоугольнике зоны видимости пингвина стукая пальцами по экрану. Развернулся, корректируя направление и всплыл выше.

Прибор ночного видения дрона Фионы был значительно лучше прибора пингвина. Пингвин в некотором роде страдал от инфракрасной близорукости. Чем темнее становилось, тем ближе ему необходимо было быть к объекту, и тем ярче светили инфракрасные светодиоды подсветки. Которые сами по себе не были слишком яркими в сравнении с дроном Фионы. Трава внизу представлялась как некий сырный пуантилизм, монохромная, слегка зеленая, лишенная деталей. Хотя он подумал что если бы там кто-то был, он бы его увидел.

А потом он увидел Чомбо и Фолея и мужчину из семейного ресторана Город на Краю. Они продолжали шагать.

Он оставил пингвина в свободном парении.

Он перестал управлять крыльями и позволил импульсу вынести его по пологой дуге, которая образовывалась из-за положения хвостового оперения.

Над чем-то в траве.

Над ямой? Или над большим камнем? Он попытался замедлиться используя крылья для реверса, однако это заставило его вращаться показав пустой, подсвеченный экран. Он скорректировался. Внизу ничего. Он начал скользить вниз, вручную управляя крыльями.

Мужчина сидел на траве скрестив ноги. На коленках его лежало что-то прямоугольное. Темное пальто, короткие светлые волосы. Затем он исчез из зоны видимости, не смотря на все усилия Милгрима, он проскочил мимо него.

Фиона дважды сказала ему что хорошо что сегодня вечером нет ветра и над Тэмз Вэллей все спокойно, однако ему никак не удавалось справиться с пингвином, чтобы увидеть мужчину где-то прямо под ним. Он глубоко вздохнул и поднял пальцы от экрана. Пусть все успокоится. Пусть пингвин будет где-то там безветренном небе простым аэростатом. Затем он начнет все сначала.

— Шесть метров до места, — услышал он голос

Фионы, очень тихий, — приближаются.

Глава 81

На месте

— Я вижу его, — сказала Холлис, не веря самой себе. — Я думаю Млгрим тоже видел его, но затем пролетел мимо.

— Я знаю, — сказал Гаррет, — но мы начинаем.

Дрон Фионы завис, когда Аджей и мужчина, которого звали Чарли подошли к троице, которая теперь стояла в ожидании. Чарли положил свою руку на руку Аджея, останавливая его. Аджей застыл, с опущенной вниз головой.

Теперь Фолей вывел Чомбо вперед. Чомбо корчился, озираясь по сторонам и Холлис увидела что рот его похож на черную букву О. Фолей ткнул рукой Чомбо под ребра.

— Бей его, — сказал Гаррет, тронув телефонный переключатель.

Она увидела как размылось изображение Аджея, который словно бы телепортировался через разделяющее его и Фолея пространство. Что произошло с Фолеем, когда Аджей оказался возле него, невозможно было определить, потому что

это было невидимо быстро. Аджей тем временем уже успел развернуться и схватить Чомбо, еще до того, как Фолей упал на траву.

Теперь Чарли, низенький, с очертаниями холодильника мужчина в клетчатом берете, оказался между вторым их противником и мужчиной с рокерской стрижкой.

Она так и не увидела нож, только то, как их противник поднял руку и шагнул к Чарли, и затем она увидела как он падает, хотя Чарли похоже ничего не делал, просто шагнул назад. Мужчина покатился, затем вскочил, почти так же быстро как Аджей набросился на Фолея, напал снова, и снова упал.

— Чарли пытался научить меня этому однажды, — сказал Гаррет, — но я так и не смог поверить в то, что такое возможно.

Мужчина снова рухнул в траву, хотя Чарли похоже в этот раз даже не коснулся его.

— Почему он все время падает?

— Это такая петля обратной связи Гурка. Однако Фолей что-то не поднимается. Надеюсь Аджей не переусердствовал.

Холлис посмотрела вверх, на экран Милгрима. На нем был седой мужчина. С ружьем — У него ствол.

— Фиона, — сказал Гаррет, — у нас стрелок. Под пингвином. Прямо сейчас.

Глава 82

Око Лондона

Осторожно и коротко двигая большим пальце по экрану, он изменил позицию крыльев, заставив пингвина медленно разворачиваться в противоположном направлении. Пингвин развернулся, однако увиденное заставило Милгрима напрочь забыть все английские слова, потому что на экране он теперь видел очертания силуэта Ручного Пулемета Калашникова.

Он лежал на коленях Грейси, складной металлический приклад был развернут, а Грейси как раз прилаживал к нему изогнутый магазин. Простая вещь, о которой за время своей работы на правительство, Милгрим узнал до абсурда много. Хренова прорва русских терминов используемых в машиностроении для производства изделий: матрицы, точечная сварка и много еще чего. С тех пор он стал замечать их на экранах телевизоров и в журналах с этими вездесущими теперь изображениями горячих мест, не сулящих ничего

хорошего.

— Твою мать, — яростный голос раздался со стороны Фионы, — На него.

Грейси потянул что-то назад сбоку ружья, затем отпустил, сел и выпрямился выставив колено вперед. Подставил под плечо какую-то отропедического вида подпорку.

Пингвин устремился вниз как будь то по собственному желанию. Грейси наклонился щекой к оружию. Ствол медленно двигался.

Дернулся, когда что-то темное и прямоугольное возникло в кадре под ним. Дрон Фионы.

Грейси посмотрел вверх. Через камеру пингвина он смотрел Милгриму прямо в глаза. Кто-то должен был принять это непростое решение, не смотря на то, что он никак не мог вспомнить эту комбинацию, которую она показывала ему в кубе.

Что-то сбило Грейси на землю и в сторону, выбив его из его снайперской позиции, невидимая рука гиганта-идиота. Пингвин внезапно дернулся и изображение размылось. Милгрим вообще не увидел проводов, тех самых четырех с половиной метров, но ему казалось что они были очень, очень тонкими.

Грейси перекатился на спину, конвульсивно

дергаясь, потому что Милгрим снова выстрелил Тазером. — Гальванизация, — слово всплыло в его голове, оставшееся там с уроков биологии в старшей школе. Грейси схватил невидимые струны. Милгрим снова стукнул пальцами по экрану. Грейси дернулся и замер.

— Стоп! — сказала Фиона. — Гаррет сказал!

— Почему?

— Стоп!

Милгрим послушно поднял оба больших пальца от экрана, испугавшись что он совершил что-то безвозвратно непоправимое.

Грейси сел царапая шею, затем хорошенько дернул невидимые провода, и изображение с камеры снова размылось.

А затем пингвин начал медленно подниматься вверх. Пальцы Милгрима попытались управлять крыльями. Ничего не произошло. Он попробовал подвигать хвостом, затем переключиться в автоматический режим. Ничего. Пингвин попрежнему поднимался. Он видел что Грейси шатается, поднявшись на ноги, затем он качнулся, а затем побежал покинув пространство кадра. Пингвин, освобожденный от чужеродного балласта Тазера, поднимался вверх, предоставленный сам себе в спокойном предрассветном воздухе

Тэмз Вэллей.

Ему показалось что в кадре мелькнуло колесо Лондонского Ока, когда Фиона бросила свой собственный АйФон прямо перед ним.

Глава 83

Уходи пожалуйста

— Что это было? — спросила она.

— Милгрим, — ответил он, качая головой, — Врезал Грейси из Тазера. Хорошая штука, я могу расслабиться. Милгрим только что спас наши задницы.

— У Милгрима был Тазер?

— На его аэростате. Алло? Дорогуша? — Это он говорил уже в гарнитуру. — Покажи нам автомобиль пожалуйста. И поторопись, ты уже дымишься.

— Кого хотел застрелить Грейси?

— Для начала думаю Чомбо. Нанести Биг Энду максимально возможный ущерб. Ну или он увидел что мы действуем не так, как он хотел бы, или потому что заранее спланировал это. Я думаю изначально он хотел разыграть все по-простому, по местным правилам, назначить место,

получить Милгрима. Надеялся что не придется разыгрывать американский сценарий в Лондоне, в публичном месте, глубокой ночью. Настоящий безумец. Однако знакомая федеральная агентша Милгрима, думает что это кризис среднего возраста. Если бы он выстрелил, через минуту здесь было бы уже не протолкаться через толпу полицейских, и все пошло бы совсем через не так, как хотелось бы. Полицейские устроили бы его туда, где ему на самом деле и место, но боюсь что с нами они тоже бы непременно возжаждали познакомиться поближе.

— Он же торговец оружием. Неужели ты не думал что у него может быть ствол?

— Торговцы оружием это вообще то бизнесмены. Приятные пожилые джентльмены, по-меньшей мере некоторые из них. Я знал что тут есть некий ковбойский потенциал — он пожал плечами — но в данном случае у меня не было никакого варианта подстраховаться. Только импровизация на скорую руку. — Он ухмыльнулся. — Однако Милгрим врезал ему так, что тот удрал бросив свою пушку. Решил что лучше ему было бы держаться от нее подальше. — Он поднял руку и наклонил голову прислушиваясь — Ты же в порядке. Нет. Твою мать.

— Что?

— Аджей вывихнул лодыжку. В яме с песком. Чомбо удрал. — Он глубоко вдохнул и медленно выдохнул. — Ты же не видела моих лучших представлений с гениальными участниками, не так ли?

Что-то ударилось о заднюю часть их фургона — Стоять смирно бля! — скомандовала Хайди, стальная дверь и два слоя ткани приглушили ее голос, но слышно все равно было отлично.

Гаррет посмотрел на Холлис. — Она снаружи, — произнесла та.

— Я знаю. Я не стал ничего говорить. Думал ей надо было в туалет.

Длинная молния расстегнулась и Бобби Чомбо был фактически продавлен сквозь проем, лицо его блестело от слез. Он рыдая рухнул на баклажанный пол. Голова Хайди просунулась внутрь у самой верхушки — Это же он, да?

— Хайди? Я никогда не говорил тебе какая ты красивая? — сказал Гаррет.

— Он пьяный в жопу, — сказала Хайди.

— Поверь мне, у него была хорошая компания, — сказал Гаррет кивая.

— Где Аджей? — хмуро спросила Хайди.

— Ожидает возможности прокатиться на Гурка.

На закорках. Он давно хотел познакомиться с Чарли поближе. — Он снова повернулся к своим экранам.

Камера Милгрима не показывала ничего, или точнее показывала нечто тускло Тернеровское. Нечто едва розовое на серо стальном фоне, без зеленоватого оттенка. Фиона была очень занята. Силуэты забирались в черное авто.

— Уходи, — сказал Гаррет, обращаясь к автомобилю на экране, сопроводив его коротким жестом. — Уходи пожалуйста.

Машина выехала за пределы кадра.

— Я хочу попросить вас всех выйти на минутку наружу, — сказал Гаррет.

— Почему? — спросила бестелесная голова Хайди.

— Потому что мне надо сделать кое-что очень нечестное, — он достал такой же телефон, какой он использовал чтобы принять звонок от американского федерального агента, — и потому что я не хочу, — он кивнул в сторону Чомбо, — хныкал на заднем фоне. Это создаст неправильное впечатление.

Холлис опустилась на колени рядом с Чомбо. — Бобби? Это я Холлис Генри. Мы встречались в Лос Анджелесе. Ты помнишь?

Чомбо вздрогнул, а его пьяные глаза закрылись.

Она запела вступление из песни «Трудно одному», возможно в первый раз за десять лет. Затем спела его еще раз, правильнее, или по-меньшей мере ближе к правильному.

Он замолк, вздрогнул и открыл глаза. — У тебя случаем нет чего-нибудь похожего на долбанную сигарету? — спросил он Холлис.

— Извини, — сказала она, — У меня…

— У меня есть, — сказала Хайди. — Пошли наружу.

— Я с тобой никуда не пойду.

— Ты пойдешь со мной, — сказала Холлис.

— Получишь целую пачку, — сказала Хайди, растягивая боковины полотнища своими бледными руками с окрашенными черным лаком ногтями.

Чомбо уже стоял на ногах, закутываясь в свое тонкое вязаное пальто. Он посмотрел на Холлис, а затем осторожно ступил сквозь зубчатый вертикальный проем.

Она двинулась за ним.

Глава 84

Новенький

Батареи в дроне Фионы сдохли и он рухнул как кирпич, почти сразу после того, как Фолей и его подельники покинули место встречи в их черном автомобиле. Милгрим помог ей свернуть маскировочную ткань, которая без проблем уместилась в одном из боковых карманов его мотоциклетной куртки, а потом он нашел ее дрон, точнее он наступил на него, раздавив крепление одного из роторов. Ее похоже это нисколько не взволновало, она подхватила дрон подмышку как пустую упаковку из под выпивки и быстро повела его к месту, где они оставили ее Кавасаки. — Отправим его ФедЭксом в Айову, и они починят его, — сказала она, и он догадался что это чтобы он прекратил извиняться перед ней.

Теперь Милгрим держал дрон, пока она копалась в боксе для перевозки глазных яблок, который Бенни примонтировал над задним сиденьем. Он тихонько тряхнул дрон и услышал как что-то забрякало.

— Сюда, — сказала она, извлекая весьма блестя-

щий шлем, запакованный в пластик. Она содрала пластик, взяла дрон, а ему отдала шлем. Затем положила аппарат внутрь бокса и захлопнула его. — Тебя же уже утомил шлем Миссис Бенни.

Милгрим не смог вернуть ей шлем обратно, он приподнял его и понюхал внутренности. Пахло новым пластиком и больше ничем. — Спасибо, — сказал он и посмотрел на Кавасаки. — Куда мне садиться?

— Вообщем я сяду тебе на колени. — Она потянувшись достала ремень его сумки, перекинула его себе через голову наискосок с одного плеча на другое, так что ремень прошел по диагонали через ее грудь, затем поцеловала его, горячо, но мимолетно в губы. — Садись на мотоцикл, — сказала она. — Он требует чтобы мы убирались отсюда.

— Ладно, — сказал Милгрим громко вздохнув от гипервентиляции и радости надевая свой новенький шлем.

Глава 85

Разобраться с этим

— В Корнуолле неплохо, — голос Хайди раз-

давался из АйФона Холлис — Место чтобы пристроить мамочку и Джимми еще не нашли, но в целом неплохой повод прокатиться.

— Как лодыжка Аджея? — Холлис смотрела на Гаррета, который лежал на спине на кровати, разминая Фрэнка с помощью ярко-желтой резиновой ленты. В открытое окно время от времени залетал случайный бриз и звуки послеполуденной городской жизни. Эта комната была больше той, где она жила неделей раньше. Двухместный номер, хотя и с точно такими же кроваво-красными стенами и искусственно китайскими недоиероглифами.

— Отлично, — сказала Хайди, — однако он все еще пользуется этой хитрой тростью, которую твой приятель отдал ему. Чудо еще что он руки моет.

— А с остальным он как? Разобрался?

Аджей чувствовал себя растерянным из-за того, что упустил Чомбо и расстроенным из-за того что так и не смог схватиться с парнем с рокерской стрижкой. Он сказал что с Фолеем, Холлис вполне могла справиться сама, потому что он выглядел как постоянный больничный клиент. Да еще Милгрим прикрывая Аджея умудрился вырубить Грейси, который заявился не то чтобы

просто со стволом, а аж со штурмовой винтовкой. С другой стороны Аджей похоже установил контакт с Чарли, и по возвращении из Корнуолла собрался научиться приему, который позволял валить опытного противника наземь, словно бы даже не прикасаясь к нему. У Гаррета на этот счет понятное дело были сомнения, но Аджею о них не сообщили.

— Не сказать что он собрался надолго зацикливаться на этом, — ответила Хайди. — Где Милгрим?

— В Исландии, — сказала Холлис, — или на пути туда. С Хьюбертом и Доттирс. Он утром звонил. Я так и не поняла в лодке он или в самолете. Он сказал что это был самолет, но что у него вроде как едва ли были крылья, в общем он едва улетел.

— Ты счастлива?

— Вероятно, — сказала Холлис, глядя как Фрэнк лишенный повязки сгибается и разгибается под лучами полуденного Парижского солнца. — Странно. Сегодня.

— Береги себя, — сказала Хайди. — Мне пора. Аджей вернулся.

— Ты тоже. Пока.

Гаррет сказал что Милгрим и Хайди, оба спасли его задницу в Скрабс. Милгрим спалил Грейси,

который аж бросил пушку, которой как надеялся Гаррет у него вообще не будет. А Хайди, напуганная своей клаустрофобией, обнаружила Чомбо, направляющегося в сторону Ислингтона, и вернула его в фургон вопреки его желанию.

Холлис вспомнила как они стояли возле машины с Бобби, требующим чтобы ему дали выкурить вторую сигарету, а симпатичная норвежская девушка-водитель требовала чтобы они заткнулись и лезли внутрь немедленно. Потом прилетел Пеп, на своем устрашающе бесшумном велосипеде. Вообще без огней. Передал Холлис драный пакет из магазина Вэйтроуз, хитро посмотрел на нее и смылся снова. А когда она снова продралась через две щели в черных полотнищах, она обнаружила что Гаррет обвис в своем кресле, а все экраны погашены. — Ты в порядке? — спросила она, сжимая его плечи.

— Потом всегда наступает легкий упадок сил, — ответил он, и оживился несколькими минутами позже, когда фургон уже ехал. Кто-то опять был в его гарнитуре. — Сколько? — спрашивал он. Потом улыбался. — Одиннадцать машин без опознавательных знаков, — сказал он ей, и мгновение спустя приглушенно. — Бронежилеты, австрийское автоматическое оружие, костюмов

химзащиты. Тяжеловооруженное подразделение.

Она хотела было спросить его что это значит, но он взглядом и улыбкой попросил ее помолчать. Тогда она отдала ему Вэйтроуз пакет. Когда он открыл его, она увидела один гигантский мерзкий глаз самой уродливой футболки в мире.

— Что это там за самолет без крыльев? — спросил он ее, закончив упражнения и опуская Фрэнка.

— Милгрим на борту чего-то то, что Бигенд построил или отремонтировал. Он сказал это что-то русское.

— Экраноплан, — сказал Гаррет. — Транспортное средство использующее динамическую воздушную подушку. Он чокнутый.

— Милгрим сказал что интерьер отделывал Эрме.

— Если уж умереть, то с шиком, кроме того.

— Что за полиция приехала за Фолеем и остальными?

— Очень тяжеловооруженный спецназ. В книжке про такой не прочитаешь. Старик знает что-то о них, но говорит еще меньше, чем знает.

— Ты вызвал их когда выпроводил нас наружу?

— Да, стукнул на них. Американская знакомая Милгрима из федералов опять позвонила мне, когда я ждал вас в микроавтобусе возле Корпуса. Дала мне номер и кодовое слово. У нее не было ни того, ни другого, когда она звонила первый раз. Предложила мне номера, которые у меня и так уже были. А я попросил у нее чего-нибудь по-настоящему крутого. Она согласилась. И я воспользовался этим, передал им марку, цвет и регистрационный номер. И бах!

— Почему она это сделала?

— Потому что она плохая девочка если верить Милгриму. — Он улыбнулся. — И как я подозреваю потому что в этом случае невозможно было отследить цепочку в ее сторону, через ее агентство и ее правительство.

— Как она это получила?

— Не знаю. Может быть позвонила приятелю в Вашингтоне? Хотя я никогда не перестану удивляться тому, как причудливо может распространяться информация.

— И они арестовали Грейси и его приятелей?

Он сел, сложил желтый резиновый жгут вдвое на уровне груди и медленно растянул его в стороны. — Особое задержание.

— В новостях ничего нет.

— Ничего, — согласился он, продолжая растягивать жгут.

— Пеп что-то подложил им в машину, а затем запер ее.

— Да. — Жгут, растянутый на всю длинну мелко дрожал.

— Кое-что для вечеринки

Он расслабился и жгут стянул его руки вместе. — Да.

— Что это было?

— Молекулы. Которые используют чтобы скрыть бомбу от обнаружения. Их выдернули из партии Семтекса, в разработку которого сильно вложилась ИРА. Пластиковая взрывчатка. Характерная химическая подпись. Насколько известно, несколько тон ее до сих пор не найдена. Еще там были фото с цифоровой камеры. Все мечети в Британии. Изображения датированы несколькими месяцами ранее, но чтобы использовать как наводящие данные годятся.

— Ты именно это имел в виду, когда сказал что собираешься использовать «кое-что с полки»?

— Да.

— А изначально для чего это предназначалось?

— Теперь уже неважно. Нет необходимости знать это. Когда я прыгнул с Буржа, как глупая

синица, я уничтожил окошко возможности для этого. А потом моя девушка попала в беду. Уксус и оберточная бумага.

— Уксус?

— Импровизированная операция. Удачно использовал то, что подвернулось под руку.

— Я не жалуюсь. Однако что насчет Грейси? Он не скажет им о нас?

— Прелесть ситуации в том, — сказал он, положив руку ей на бедро, — что он собственно не знает кто мы. Ну может быть немного о тебе, от Слейта. Однако Слейт теперь в некотором роде осиротел, потому что Грейси является секретным гостем Ее Величества. Я полагаю что Слейт сейчас предпринимает все усилия чтобы быть как можно дальше от этой ситуации. И так даже лучше на самом деле, если верить старику.

— Насколько лучше?

— Американское правительство похоже не любит Грейси. Они со своей стороны предприняли все возможные усилия. Он оказался в сфере внимания основных интересов различных правительственных агентств, старик сказал что такие слухи ходят. Я полагаю наши в конечном счете решат что он стал жертвой грубой шутки, но затем у него возникнут реальные проблемы с

возвращением домой. Я надеюсь одна огромная проблема. В долгосрочной перспективе меня лично кстати больше беспокоит Биг Энд.

— Почему?

— Там что-то происходит. Что-то очень большое чтобы с ним было можно управиться. Однако старик сказал что все это как раз точно Биг Энд. Как-то так получилось что теперь он стал слишком большим, чтобы его можно было держать под контролем. Или может быть они имеют в виду что он теперь слишком велик чтобы потерпеть неудачу.

— Он нашел последнюю коллекцию обуви Меридит. В Такоме. Выкупил ее всю и отдал ей. Через какое-то свое новое подразделение, которое нацелено на взращивание творческих личностей.

— Есть предположение что я могу оказаться в числе их «целей».

— И он заплатил мне. Мой бухгалтер позвонила мне этим утром. Меня это беспокоит.

— Почему?

— Хьюберт заплатил мне сумму, которую я получила, когда мы продали права на песню Хефью китайскому автопроизводителю. Это огромная куча денег.

— Это не проблема.

— Тебе легко говорить, а я не хочу быть его должником.

— А ты и не должна ему ничего. Если у него не было тебя, он не получил бы Чомбо назад, потому что у меня бы не было причины чтобы оказаться там. А если бы он поменял его на Милгрима, ему бы снова пришлось иметь дело со Слейтом и Грейси. Я не запросто так приводил тут к ветру его лодку. Он знает это. Это твое вознаграждение за то, как ты исполнила свою критическую роль чтобы спасти его задницу, где бы она сейчас не находилась.

— Должно быть на пути в Исландию.

— Вот и пусть себе катится. Как ты управляешься на кухне?

— В смысле готовить? Минимум навыков.

— Развивай их. У меня есть квартира в Берлине. Новое здание в Восточном районе, старые были целиком из асбеста, так что их снесли. Одна очень большая комната и ванная. Кухни нет, только трубы с заглушками торчат из пола, более или менее в середине. Придется все это обустроить если мы собираемся там жить.

— Ты хочешь жить в Берлине?

— Временно да. Только если ты согласишься.

Она посмотрела на него и сказала — Когда я

выходила из Корпуса, вслед за тобой, к фургону «Неспешная трапеза», Роберт поздравил меня. Я не спросила его с чем он меня поздравляет, просто поблагодарила его. Он был странным с того момента как ты появлися. Ты знаешь о чем это он тогда?

— Ах. Да. Когда я первый раз общался с ним, когда ждал тебя, я сказал ему что приехал чтобы попросить тебя выйти за меня замуж.

Она пристально смотрела на него. — И ты врал ему.

— Не совсем. Просто момент ни разу не представлися. А он я думаю полагает что мы обручены.

— То есть это предложение?

— Тебе осталось лишь принять решение, — произнес он, откладывая в сторону свой резиновый жгут.

Глава 86

Салфетки

Фиона делала стрижку.

Милгрим остался в салоне. Он закончил читать книгу Холлис и затем некоторое время копался

в глубинах архивов вебсайта Корпуса, в которых он в частности обнаружил что акварели в холлах, ведущих к комнате Холлис относились к началу двадцатого века и были написаны экспатриатом американской эксцентрики Дораном Ламли. Корпус купил тридцать его картин и регулярно менял их, декорируя свой интерьер.

Он смотрел вверх на оформление салона, вспоминая комнату Холлис в Кабинете, которая ему очень нравилась. Дизайнеры Эрме, разрабатывая этот салон, использовали в качестве основы интерьеры одного из трансатлантических, довоенных германских дирижаблей, хотя заметить это было достаточно сложно. Матовый алюминий, ламинированный бамбук, мшисто-зеленая замша и страуст весьма своеобразного оранжевого оттенка. Три иллюминатора были круглыми, как настоящие иллюминаторы, и через них, если выглянуть, было видно лишь пустынное море, окрашенное предзакатным солнцем в бронзовый цвет.

Экраноплан напомнил Милгриму «Щеголя, Пижона», с ампутированными по большей части крыльями, который он видел на экскурсии на Лонг Бич, когда учился в старшей школе. Причудливые советские гибриды — экранопланы

летали на ужасающей скорости примерно в пяти метрах над водой, выше они неспособны были забраться. Их создавали чтобы переносить сотни тон войсковых грузов или солдат, очень быстро, через Черное или Балтийское моря. Тот, на котором они сейчас летели, А-90 Орленок, был как и остальные построен на Волжской верфи, в Нижнем Новгороде. Милгрим уже знал о нем больше, чем ему хотелось бы знать, потому что должен был переводить для Бигенда пачку технической и исторической документации, толщиной в десять сантиметров. А поскольку здесь была Фиона, то он не слишком продвинулся с этой задачей.

Он попробовал поработать в одном из самых маленьких салонов на верхней палубе, который располагался прямо за кабиной пилотов (если могут быть пилоты у того, что не совсем летает). Там обычно никого не было и ему удалось разместиться там со своими бумагами и лэптопом. Беспроводной Интернет однако работал на борту превосходно, так что через некоторое время он обнаружил себя глуящим какие-то вещи, заедая это занятие круассанами и запивая кофе. Так он и нашел сайт Корпуса.

— Это ведь корпус? — спросила его итальянская девушка, подливая ему кофе. — Вы там останав-

ливались?

— Нет, — ответил Милгрим, — однако я там бывал.

— А я там работала, — сообщила она. Улыбнулась и отправилась обратно на камбуз. Она выглядела этакой умничкой в тунике и юбке от Джун Марукава. Фиона сказала что Бигенд со своим экранопланом от Эрме окончательно стал похож на какого-нибудь злодея из фильмов о Бонде и униформа экипажа в данном случае это такое украшение, словно бы мороженое на кексе. Милгрим однако по-прежнему считал что девушка выглядит замечательно в этом наряде от Марукава.

Ну а когда он все же добрался до перевода того, что оказалось ужасной прозой, из кабины пилотов появился Бигенд в свежеотглаженном Синекляйновском костюме.

Он устроился прямо напротив Милгрима за этим крошечным круглым столиком, и его костюм добавил в интерьер болезненного контраста с оранжевой кожаной обивкой. Без всяких вступлений, как он обычно и делал, он сообщил Милгриму что тот просто великолепно показал себя в этой заварушке с винтовкой Грейси, которую тот бросил на Литтл Вормвуд Скрабс. И

хотя Милгриму уже это было известно, он снова повторил что винтовку на рассвете нашел некто выгуливающий свою собаку и позвонил в полицию. Милгрим теперь знал что в Скрабс порой находят странные вещи, даже неразорвавшиеся боеприпасы, и даже не очень давно.

Он выяснил что по вызову собаковода приехала обычная полиция, так что в первом приближении по-видимому серийные номера оружия можно было найти в компьютерах обычной полиции. У лиц связанных со шпионскими моментами обычно получается выяснять такие вещи очень быстро, Бигенду однако пришлось повозиться чтобы получить серийный номер винтовки. Он как-то узнал что изготовили ее в Китае, а двумя годами ранее она была захвачена в Афганистане в качестве военного трофея. После этого никаких сведений о ней не было, до того самого момента, когда Грейси извлек ее из картонной коробки. Бигендова история о винтовке утомляла. Дальше он принялся развивать теорию (или как говорил терапевт Милгрима из Базеля «повествование») о том, что Грейси приобрел оружие у какого-то коллеги из британской армии, после чего его тайно вывезли со склада и контрабандой вернули обратно в Англию. Бигенда заботила личность

этого коллеги. Может быть у Грейси есть партнер в Британии, с такими же наклонностями? Кто-то кого не укатал супернавороченный спецназ, вызванный Гарретом?

Милгрим так не думал. — Это просто околооружейная тема, — сказал он.

— Что значит «околооружейная тема»?

— С оружием случаются всякие вещи. Они случаются просто потому что оружие существует. Вы сказали мне что не понимаете зачем Грейси принес винтовку. Это просто потому что вы не представляете себе на самом деле кто такой Грейси и как он мыслит и действует. С вашей точки зрения это была глупость. Сверхъестественная глупость. Беспричинная. Просто идиотизм какой-то.

— Точно.

— Он так поступил, потому что у кого-то, кого он знает здесь, есть ствол. Ствол был захвачен британскими войсками. А этот кто-то контрабандой привез его сюда. Это не была регулярная торговля оружием, это просто нелегальный сувенир. Однако Грейси увидел эту пушку и ему захотелось эту пушку. Такая вот околооружейная тема. Однако тот, кто привез эту винтовку в Британию вообще ничего не собирался с ней делать. Вообще.

Бигенд вытаращился на него. — Потрясающе, — сказал он через некоторое время, — как тебе это удается.

— Для этого надо понимать как все это происходит в криминальной среде, — ответил Милгрим.

— Еще раз. Я твой должник.

«Ты должник Винни», — подумал Милгрим, но Бигенд не узнал об этом. Когда он узнал подробности от Холлис, то спросил Винни в Твиттере — Как ты все это провернула?

Ее ответ стал для него неожиданным, — Салфетки, — написала она, а он периодически заходил на страницу Твиттера и смотрел снова и снова на эту ее запись.

— Это все порядок вещей, да? — Милгрим вообще не собирался задавать этот вопрос. Даже не думал об этом. Однако спросил. Его врач сказал ему что идеи в человеческих взаимоотношениях живут сами по себе. Автономно в некотором роде.

— Конечно.

— И это то, чем занимался Чомбо. Искал секрет упорядоченного движения вещей.

— Он раскрыл этот секрет за неделю до того, как его похитили, однако на этом этапе результаты его работы были бесполезны. Я имею в виду

бесполезны без него самого.

— И рынки и все эти всеобъемлющие понятия теперь не важны? Потому что вы теперь знаете будущее?

— Это очень маленький кусочек будущего. Тоненькие срезы. Минутные.

— Много?

Бигенд оглядел безлюдное пространство салона. — В настоящий момент семнадцать.

— И этого хватит?

— Абсолютно достаточно всего семи. Семи секунд в большинстве случаев.

>>>

Платье Фионы представляло собой бесшовную трубу блестящего черного джерси. Она надела ее скатав верхнюю часть вниз, сформировав таким образом некую ленту поверх груди и оголив плечи. Это подарок матери, сказала она, который она получила от помощника редактора французского Вог. Милгрим почти ничего не знал о ее матери, кроме того, что когда-то она работала с Бигендом, к тому же его всегда пугала мысль о родителях его подруг.

Он одел свою только что полученную из химчистки твидовую куртку и габардиновые брюки,

а сорочку одел простую из Хакетт, чтобы не мучиться с нереальным количеством пуговиц на манжетах.

Коктейли были сервированы в так называемом танцевальном зале, который обычно представлял собой обеденный салон. Стены были отделаны квази-конструктивистскими фресками экранопланов, которые как показалось Милгриму выглядели как настоящие, похожие на Летающие Клипперы сороковых годов авиакомпании Пан Американ, только с обрезанными крыльями и этими странными, похожими на уток кронштейнами реактивных двигателей. Когда они с Фионой спускались по винтовой лестнице, он увидел Олдо и второго водителя, элегантно возвышвющихся над собравшимися пассажирами, многих из которых Милгрим вообще никогда ранее не видел, потому что он и Фиона большую часть времени проводили в салоне. Рауш тоже был здесь, в черном мятом костюме. Его волосы напоминали Милгриму средство, которое Чандра наносила на голову Аджея, хотя выглядело все это в несколько ином стиле.

Когда они спустились на палубу, Олдо оказался у нижних ступеней лестницы. — Привет, — сказал Милгрим, который не видел Олдо с того

вечера в Сити. — Спасибо за то, что вытащил нас тогда. Надеюсь у тебя тогда не было слишком серьезных проблем.

— Шелк Бигенда, — сказал Олдо, пожимая элегантно плечами, что насколько знал Милгрим означало «адвокат». — И курьер, — он подмигнул Фионе.

— Привет Олдо. — Она улыбнулась, и отвернулась чтобы поприветствовать кого-то, незнакомого Милгриму.

— Мне интересно, — сказал Милгрим понижая голос и оглядывая танцевальный зал поверх полированного блеска головы другого водителя, — насчет тестов. Которые были раньше.

— Каких тестов?

— Тестов мочи, — сказал Милгрим.

— Я думаю их отменили. Их больше нет в наших списках. Вообще все сейчас изменилось.

— В Голубом Муравье?

— Новая метла, — кивнул олдо серьезно. Затем прислушался к наушнику в своем ухе и бесшумно удалился.

— Мы нашли твое полоскание, — сказал Рауш. — В Нью-Йорке. Отправим в твою каюту. — Он выглядел так, словно не рад встретить Милгрима, хотя обычно так оно и было.

— Олдо сказал что в Голубом Муравье все меняется. Новая метла.

Плечи Рауша приподнялись. — Все, кто что-нибудь значит, — сказал он, — все ключевые люди в этом самолете.

— Это не самолет, — сказал Милгрим.

— Что бы это ни было, — с раздражением произнес Рауш.

— Ты знаешь когда мы будем в Исландии?

— Завтра утром. Это просто такой прогулочный круиз. Перерыв чтобы отвлечься.

— Я больше почти не принимаю лекарства.

— Последние три месяца ты принимал просто плацебо. Полагаю это были витамины и минералы. — Рауш осторожно посмотрел на Милгрима, смакуя его реакцию.

— Почему ты мне сказал сейчас?

— Бигенд сообщил всем и каждому что ты снова стал полноценным человеком. Это цитата. Извини. — Он по-быстрому скрылся в толпе.

Милгрим сунул руку во внутренний карман куртки и нащупал почти пустой блистер. Не будет больше никаких лиловых записей с датами и временем. — Однако мне нравятся плацебо, — сказал он сам себе и услышал взрыв аплодисментов.

Сестры Доттир и их неприятный папаша,

спускались по матовым стеклянным ступеням винтовой лестницы. Фиона сказала Милгриму что их новый альбом только что вышел. Блестящие и горностаевые они спустились и встали по сторонам от своего угрюмого Доттир-папы. Который, как сказала Фиона, заключил с Бигендом какое-то значительное и выдающееся партнерское соглашение о совладении, касающееся Исландии. Соглашение было секретным и оформлялось так, чтобы никто со стороны не мог ничего узнать наверняка. Большинство таких соглашений именно так и оформляются. Это Бигенд, сказала она, продал этим молодым Исландским финансовым ковбоям идею Интернет банкинга. — Преподнес им, — сказала она, в салоне, в объятьях Милгрима. — Он точно знал что произойдет. У них в головах не было ничего такого электронно-интернетного и это сработало.

Провозгласили тост. Он поспешил найти Фиону и стакан Перье.

Когда он взял ее за руку, Памела Мэйнуоринг быстро прошагала мимо в сторону Бигенда.

— Привет мам, — сказала Фиона.

Памела улыбнулась, кивнула, мимолетно заглянула в глаза Милгрима и пошла дальше.

Глава 87

Другая сторона

Этот сон, по часовой стрелке: спирали и изгибы из мрамора восемнадцатого века, неровные восковые потертости в камне, словно срезы многотонных масс окаменелой флегмы курильщика. Профиль каждой ступени собран из аккуратных сегментов чего-то безжизненного как штукатурка, которой замазали старые трещины и выбоины. Словно расчерченные и рассеченные а затем скрепленные секции любимой конечности вернувшейся из путешествия. Хирургия, катастрофа, вверх по лестнице выше и выше. В самую западную часть, по спирали. Над лобби, полоски Робертовой рубашки и голова турка на степлере. И то, и другое над грубостью тонкого идиотизма лошадиной резьбы в глубине стола, а она поднимается еще выше.

Этот этаж ей неизвестен, она никогда не была здесь. Выцветший, цветастый, допотопный ковер под лампами накаливания, архаичное контролируемое горение металлической нити. Стены, завешенные безумным разнообразием

безлюдных ландшафтов, на всех на них смутно-спектральная тень штыря Бурж Халифа.

И в дальнем конце безбрежной, возможно бесконечной комнаты, в бассейне теплого света, сидящая фигура в костюме цвета Голубой Клейна. Она поворачивается обнаруживая бледный мех, нарумяненную морду и деревянные крашеные зубы…

Она просыпается рядом с Гарретом, который спокойно дышит в их затемненной комнате, ощущая кожей простыню.

МАШИНА РАЗЛИЧИЙ
(роман, соавтор Брюс Стерлинг)

Шедевр альтернативной истории, краеугольный камень субкультуры стимпанка, пример полновесного сотворчества двух писателей, которым тесны рамки любого жанра.

«Машина различий» — это широкомасштабная, полифоничная панорама мира, в котором одновременно с промышленной революцией произошла революция информационная, так что компьютер явился на век раньше положенного.

Мира, в котором Чарльз Бэббидж построил свою разностную машину, а власть у аристократии перехватили лорды-радикалы во главе с Байроном.

Мира, в котором палеонтологи-катастрофисты ожесточенно спорят с униформистами, возглавляемая Карлом Марксом коммуна взяла власть в Нью-Йорке, вычислительные мощности измеряются суммарной длиной зацепле-

ния медных шестеренок, Лондону грозит экологическая катастрофа, а бунтовщики-луддиты предоставляют конспирологам богатую пищу для размышлений...

Итерация первая
Ангел Голиада

Композитное изображение, оптически закодированное аэропланом сопровождения трансканального дирижабля «Лорд Брюнель»: в кадре — окраины Шербура, 14 октября 1905 года.

Вилла, сад, балкон.

Уберите завитки чугунной решетки балкона, и взгляду откроется кресло-каталка и сидящая в нем женщина. На никелированных спицах обращенного к окну колеса горит закатное солнце.

Артритные руки женщины, владелицы виллы, лежат на узорчатой материи, сотканной станком Жаккарда.

Руки состоят из сухожилий, тканей, сочлененных суставами костей. Время и незримые информационные процессы сплели из микроскопических волокон клеточного материала женщину.

Ее имя — Сибил Джерард.

Внизу, в запущенном английском саду, голые виноградные лозы оплели деревянные решетки, укрепленные на шелушащихся, давно не белен-

ных стенах. Теплый сквозняк, проникающий в открытые окна комнаты, шевелит на шее женщины выбившиеся из прически седые волосы, приносит запахи дыма, жасмина, опиума.

Ее взгляд устремлен в небо, где проплывает исполинский, бесконечно прекрасный силуэт — металл, сумевший за время ее жизни разорвать путы тяготения. Предшествуя этой царственной громаде, на фоне красного горизонта ныряют и кувыркаются крошечные беспилотные аэропланы.

«Как жаворонки», — думает Сибил.

Огни дирижабля, золотые квадраты окон, мысль о человеческом тепле. Легко и естественно ее воображение рисует картину. Она слышит далекую музыку, музыку Лондона, видит прогулочную площадку дирижабля. Пассажиры пьют, завязывают мимолетные дорожные романы, возможно — танцуют.

Мысли приходят непрошено, разум строит свои перспективы, сплетая чувства и воспоминания, порождает смысл.

Она вспоминает жизнь в Лондоне. Вспоминает, как она — та, прошлая, давняя — идет по Стрэнду, торопливо огибает толпу зевак у Темпл-Бар. Все дальше и дальше разворачивается вокруг нее го-

род Памяти — пока у стен Ньюгейта на мостовую не падает тень повешенного отца…

Словно наткнувшись на непреодолимое препятствие, память сворачивает, уходит на другой путь, туда, где всегда вечер…

15 января 1855 года.

Комната в «Гранд-Отеле», Пикадилли.

* * *

Один стул перевернут задом наперед и надежно подпирает тяжелую, граненого стекла ручку двери. Другой завален одеждой: короткая женская накидка с оборками, грубошерстная, заляпанная грязью юбка, клетчатые брюки, визитка.

У стены — широкая, ламинированная под клен кровать с балдахином, под одеялом угадываются две фигуры. Где-то вдали стиснутый железной хваткой зимы Биг-Бен проревел десять, хриплый вой каллиопы, дымное, питаемое каменным углем дыхание Лондона.

Ледяной холод простыни. Сибил вытянула ноги, нащупала ступнями керамическую, обернутую фланелью грелку. Пальцы ее правой ноги задели голень мужчины. Прикосновение вырвало его из глубокой задумчивости. Таков уж он был, этот Мик Рэдли, Денди Мик.

Она встретила Мика Рэдли на Уиндмилл-стрит, в «Танцевальной академии Лорента». Теперь, после нескольких дней знакомства, ей казалось, что Мику больше бы подошли «Келлнерз» на Лестер-сквер или даже, может быть, «Портленд румз». Он вечно что-то обдумывал, замышлял, бормотал что-то себе под нос. Умный парень, очень умный. Это ее тревожило. И миссис Уинтерхолтер тоже бы ее не одобрила: обхождение с «политическими джентльменами» требовало такта и умения держать язык за зубами, качеств, которые, по мнению миссис Уинтерхолтер, в изобилии имеются у нее самой, однако полностью отсутствуют у ее подопечных.

— И запомни, Сибил, — сказал Мик, — глазки мужикам не строить, хвостом не вертеть. С этим покончено.

Очередная сентенция. Плод его усиленных раздумий.

Сибил усмехнулась, ее лицо было наполовину скрыто одеялом. Мику нравится эта усмешка, усмешка испорченной девчонки. А насчет строить глазки, вряд ли он это всерьез. Так что лучше обратим все в шутку.

— Но не будь я такой вертихвосткой, разве была бы здесь с тобой?

— Забудь, что ты была шлюхой.

— Ты же знаешь, что я имею дело только с джентльменами.

— Это я, что ли, джентльмен? — фыркнул Мик.

— Самый что ни на есть джентльмен. — (Давай, Сибил, самое время ему польстить.) — Модный, современный. Ты же знаешь, я не люблю лордов-радикалов. В гробу я их видала.

Сибил дрожала от холода, но даже это не омрачало ее радости.

Что ни говори, тут ей выпала удача — сколько угодно бифштексов с картошкой и горячего шоколада, кровать с чистыми простынями в номере фешенебельной гостиницы. И гостиница не какая-нибудь, а самая современная, с центральным паровым отоплением, хотя, с другой стороны, Сибил охотно променяла бы беспокойное бурчание раззолоченного радиатора на жар хорошо протопленного камина.

И ведь он — симпатичный парень, этот Мик Рэдли. Упакован потрясно, карманы полные, и при этом не жмот, как некоторые. И пока что не требовал ничего необычного или противного. Сибил знала, что все это скоро кончится, поскольку Мик был приезжим джентльменом из Манчестера. Как приехал, так и уедет. Но доход с

него был, и возможно, ей еще удастся растрясти его напоследок. Главное — сделать так, чтобы он привязался к ней и жалел о разлуке.

Мик откинулся на мягкие пуховые подушки и заложил безукоризненно ухоженные руки за голову с наимоднейшей, словно только-только из дорогой парикмахерской, прической. Шелковая ночная сорочка, на груди — пена кружев. Всё по первому классу. Теперь он вроде был не прочь и поговорить. Мужчины, они потом любят поговорить — в основном о своих женах.

Но Денди Мик говорил исключительно о политике.

— Так ты ненавидишь их светлостей?

— А почему бы и нет? — отозвалась Сибил. — У меня есть на то причины.

— И то правда, — медленно произнес Мик. Его взгляд, исполненный холодного превосходства, заставил Сибил зябко поежиться.

— Что ты хочешь этим сказать, Мик?

— Я знаю, почему ты ненавидишь правительство. У меня есть твой индекс.

Секундное удивление тут же сменилось страхом. Сибил резко села в постели. Во рту появился противный железный привкус.

— Ты же держишь удостоверение в сумоч-

ке, — объяснил Мик. — Я дал твой индекс одному знакомому магистрату. Он прогнал его через правительственную машину и распечатал твое боу-стритовское досье. Тра-та-та — и готово, всего-то и делов. — Он довольно ухмыльнулся. — Так что теперь я все о тебе знаю. Знаю, кто ты такая…

Она попыталась не выказать своего ужаса.

— Ну и кто же я, по-вашему, мистер Рэдли?

— Никакая ты не Сибил Джонс, дорогуша. Ты — Сибил Джерард, дочь Уолтера Джерарда, луддитского агитатора.

Он вторгся в ее тайное прошлое.

Жужжание невидимых механизмов, прядущих нить истории.

Мик наблюдал за ее лицом и улыбался. И Сибил вдруг вспомнила этот взгляд. Точно такой, как тогда в заведении Лорента, когда он впервые высмотрел ее в переполненном танцевальном зале. Алчущий взгляд.

— И давно ты это знаешь? — Голос у нее дрогнул.

— Со второй нашей ночи. Ты же знаешь, что я сопровождаю генерала. Генерал — человек важный, а у всякого важного человека есть враги. Как его секретарь и доверенное лицо, я не имею

права рисковать с незнакомыми людьми. — Маленькая, хищная рука Мика легонько тронула ее за плечо. — Ты могла оказаться чьим-нибудь агентом. Мною двигали исключительно деловые соображения.

Сибил отпрянула.

— Шпионить за беспомощной девушкой, — выдавила она наконец. — Ну и ублюдок же ты!

Но ругань, похоже, ничуть его не задела — он оставался холодным и жестким, словно судья или лорд.

— Если я и шпионю, девочка, то лишь в своих собственных целях. Я не стукач и не прихвостень властей, чтобы смотреть свысока на революционера, каким был Уолтер Джерард. Как бы там ни называли его теперь наши радикальнейшие лорды, твой отец был героем.

Мик чуть поерзал, устраиваясь поудобнее.

— Уолтер Джерард — он был *моим* героем. Я видел его в Манчестере на митинге, он говорил о правах трудящихся. Это было незабываемо — мы глотки надсаживали криком «ура!». Старые добрые «Адские коты»… — В голосе Мика вдруг прорезались простонародные манчестерские интонации. — Ты слыхала когда про «Адских котов»? В те времена, давно.

— Уличная банда, — пожала плечами Сибил. — Манчестерские хулиганы.

Мик нахмурился:

— Мы были братство! Молодежная гильдия! Твой отец хорошо нас знал. Можно сказать, он был нашим вдохновителем.

— Я бы предпочла, чтобы вы не говорили о моем отце, мистер Рэдли.

Мик раздраженно помотал головой.

— Когда я услышал, что его судили и повесили… — (слова, от которых всегда леденело ее сердце), — мы с ребятами похватали факелы и ломы и буквально взбесились, пошли все крушить… Во славу Неда Лудда, девочка! Сколько ж это лет прошло… — Он потрогал свою кружевную грудь. — Я редко рассказываю эту историю. У машин правительства долгая память.

Теперь все стало понятно — и щедрость Мика, и его сладкие речи, и загадочные намеки о тайных планах и лучшей участи, о крапленых картах и тузах в рукаве. Он дергал ее за ниточки, превращая в свою марионетку. Для человека вроде Мика дочь Уолтера Джерарда — заманчивая добыча.

Сибил откинула одеяло и встала. Зябко ступая по ледяным половицам, перебежала в рубашке к стулу и начала торопливо рыться в груде одежды.

Накидка с оборками. Жакетка. Огромная клетка кринолина. Белая кираса корсета.

— Возвращайся в постель, замерзнешь, — лениво окликнул ее Мик. — Не психуй. — Он покачал головой. — Все не так, как ты думаешь, Сибил.

Упорно не оборачиваясь, она продолжала сражаться с корсетом возле окна, где сквозь обмерзшее стекло сочился с улицы свет газового фонаря. Быстрым привычным движением накрепко затянула ленты.

— А если даже и так, — задумчиво продолжал, наблюдая за ней, Мик, — то лишь в небольшой степени.

На другой стороне улицы из только что распахнувшихся дверей оперы выходят господа в черных долгополых пальто и цилиндрах. Лошади в попонах бьют копытами об асфальт и встряхивают от холода гривами. Сверкающий кузов парового экипажа, принадлежащего, надо думать, какому-то лорду, все еще хранит следы чистого загородного снега. В толпе работают проститутки. Бедные девочки, холод на улице собачий, и легко ли отыскать в такую холодную ночь доброе лицо среди всех этих крахмальных рубашек и бриллиантовых запонок. Сибил повернулась к Мику, растерянная, рассерженная,

испуганная.

— Кому ты обо мне рассказал?

— Ни единой душе, — ответил Мик, — ни даже моему другу генералу. Я не собираюсь доносить на тебя. Никто еще не обвинял Мика Рэдли в болтливости. Так что возвращайся в постель.

— Не вернусь. — Сибил выпрямилась, ее босые ноги едва не примерзали к полу. — Сибил Джонс — она могла делить с тобой постель, но дочь Уолтера Джерарда — личность значительная!

Мик удивленно сморгнул, задумался, потирая подбородок, а затем кивнул:

— О сколь горька моя утрата, мисс Джерард. — Он сел в постели и театрально указал на дверь. — Так надевайте же свою юбку и ботиночки, мисс Джерард, и мотайте отсюда со всей вашей значительностью. Хотя, с другой стороны, будет очень жаль, если вы уйдете. Умная девушка мне бы ой как пригодилась.

— Да уж не сомневаюсь, — бросила Сибил, но помедлила. Этот негодяй явно намеревался разыграть еще какую-то карту, это было написано у него на лице.

Мик усмехнулся, глаза его превратились в узкие щелочки.

— Ты бывала когда-нибудь в Париже, Сибил?

— Париж? — Ее дыхание застывало в воздухе белыми облачками.

— Да, — кивнул Мик, — в беззаботном и чарующем Париже. Именно туда отправится генерал по завершении лондонских лекций. — Он поддернул кружевные манжеты. — А для чего ты мне нужна, я пока не скажу. У генерала далекоидущие планы. И правительство Франции оказалось перед определенными затруднениями, которые требуют помощи экспертов… — Он торжествующе осклабился. — Но, похоже, я тебя утомляю, а?

Сибил переступила с ноги на ногу.

— Ты возьмешь меня в Париж? — медленно проговорила она. — Честно, не врешь?

— Честнее не бывает. Можешь проверить, в кармане моего пальто лежит билет на паром из Дувра.

В дальнем углу стояло гобеленовое кресло; подойдя к нему, Сибил взяла пальто Мика. Пытаясь унять безудержную дрожь, накинула пальто на плечи. Прекрасная мягкая шерсть, надеть такое — все равно что закутаться в теплые деньги.

— Посмотри в правом кармане, — подсказал Мик. — В бумажнике. — Его, похоже, забавляло, что она ему не верит.

Сибил опустила озябшие руки в карманы. Глу-

бокие, с плюшевой подкладкой…

Ощутив левой рукой жесткий холод металла, она машинально вытащила кургузый многоствольный дерринджер. Ручка из слоновой кости, замысловатое поблескивание стальных курков и латунных патронов. Короткий, с ее ладонь, но тяжелый.

— Вот это ты зря, — нахмурился Мик. — Будь добра, положи его на место.

Сибил убрала опасный предмет, осторожно, но быстро, словно это был живой краб. В другом кармане она нашла футляр из красного сафьяна, внутри были визитные карточки, деловые и личные, с машинной гравировки портретом Мика, под ними лежали расписание лондонских поездов и тисненый прямоугольник жесткого кремового пергамента — билет первого класса на «Ньюкомен» из Дувра.

— Но ведь тебе понадобится два билета. — Она помедлила. — Если ты действительно думаешь взять меня с собой.

— Да, — согласно кивнул Мик, — и второй билет на поезд из Шербура. Нет ничего проще. Можно заказать по телеграфу, прямо от портье.

Сибил снова поежилась и плотнее закуталась в пальто, Мик рассмеялся:

— Не строй такую кислую рожу. Ты все еще рассуждаешь как шлюха, перестань. Начни думать масштабно, иначе мне от тебя никакой пользы. Ты теперь — подружка Мика, пташка высокого полета.

— Я никогда не была с мужчиной, который бы знал, что я Сибил Джерард, — неохотно объяснила Сибил.

Вранье, конечно же. Был еще Эгремонт — человек, который ее обесчестил. Уж он-то прекрасно знал, кто она такая. Но Чарльз Эгремонт не имел уже ровным счетом никакого значения — он жил теперь в совершенно ином мире со своей респектабельной, не в меру спесивой женой, своими респектабельными детьми и своим респектабельным местом в парламенте.

И Сибил вовсе не *шлялась* с Эгремонтом. Слово какое-то не то. Впрочем, здесь трудно провести грань…

А еще она видела, что свежеизобретенная ложь Мику нравится. Щекочет его самолюбие.

Мик открыл серебряный портсигар, извлек оттуда черуту и закурил от маслянисто вспыхнувшей многоразовой спички, наполнив комнату сладковатым запахом вишневого табака.

— Значит, теперь ты меня стесняешься? —

спросил он через пару секунд. — Так, пожалуй, даже лучше. То, что я знаю, дает мне чуть больше власти над тобой, чем одни деньги. — Его глаза сузились. — Ведь важно то, что ты знаешь, верно, Сибил? Это нечто большее, чем земля, или деньги, или высокородное происхождение. *Информация*. Самое то.

Сибил испытала мгновенный приступ ненависти к Мику, к его спокойствию и самоуверенности, — чистейшее негодование, резкое и первобытное. Но она подавила в себе это чувство. Ненависть поникла, теряя остроту, обращаясь в стыд. Ведь она ненавидела этого человека только за то, что он ее знает, знает по-настоящему. Он знает, как низко пала Сибил Джерард, знает, что она была когда-то образованной девушкой с манерами и изяществом под стать любой леди.

В детстве, в дни отцовской славы, Сибил вдосталь насмотрелась на таких, как Мик Рэдли. Фабричная голытьба, пятачок пучок в базарный день, эти остервенелые мальчишки сбивались вокруг отца после каждой его зажигательной речи, делали все, что он ни прикажет. Развинчивали рельсы, срывали клапаны паровых машин, вращающих ткацкие станки, гордо складывали к отцовским ногам каски поверженных полис-

менов. Они с отцом бежали из города в город, зачастую по ночам. Ночевали в подвалах, на чердаках, в безликих меблированных комнатах, скрываясь от радикальской полиции и кинжалов других заговорщиков. И иногда, возбудившись от своих речей, отец брал Сибил за плечи, обещал ей весь мир. Она станет жить госпожой в зеленой и тихой Англии, когда Король Пар будет наконец низвержен. Когда Байрон и его промышленные радикалы будут бесповоротно разбиты…

Но пеньковая веревка заставила отца умолкнуть. Радикалы все правили и правили, идя от триумфа к триумфу, перетасовывая мир, как колоду карт. И вот теперь Мик Рэдли вознесся в этом мире, а Сибил Джерард пала.

Она стояла и молчала, кутаясь в пальто Мика. Париж. Огромное искушение. От одной лишь мысли, а вдруг Рэдли не врет, кружилась голова. Сибил заставила себя задуматься о том, что будет, если она оставит свою жизнь в Лондоне. Это была дурная, жалкая, убогая жизнь — и все же не совсем безнадежная. Ей еще было что терять. Меблированная комната в Уайтчепеле и милый Тоби, ее кот. И была еще миссис Уинтерхолтер, которая знакомила девушек с политическими джентльменами. Миссис Уинтерхолтер, хоть и

сводня, ведет себя как леди и вполне надежна, таких еще поискать. И еще она потеряет двух своих постоянных джентльменов, мистера Чедвика и мистера Кингсли, каждый из которых навещает ее дважды в месяц. Что ни говори, постоянный заработок, спасающий ее от улицы. Но у Чедвика в Фулеме ревнивая жена, а у Кингсли Сибил украла лучшие его запонки, это ж надо быть такой дурой. И он догадывается, чьих рук это дело.

И ни один из них не швыряет деньги так свободно, как Денди Мик.

Она старательно изобразила улыбку:

— Какой же ты, Мик Рэдли, чудной. Сам ведь знаешь, что можешь вертеть мною как хочешь. Может, я сперва на тебя и взъелась, но не настолько уж я придурочная, чтобы не распознать настоящего джентльмена с первого взгляда.

Мик выпустил дым.

— Ну и хитра же ты, — восхищенно протянул он. — Врешь напропалую, а личико — ну прямо ангельское. Меня ты, конечно же, не обманула и не обманешь, можешь не надеяться. И все же как раз такая девочка мне и нужна. А теперь — марш в постель.

Сибил послушно легла.

— Мамочки, — сказал он, — у тебя же не ноги,

а просто ледышки! Почему ты не носишь комнатные туфли? — Он решительно потянул ленты корсета. — Комнатные туфли и черные шелковые чулки, — продолжал он. — Черные чулки — высший шик, особенно в постели.

* * *

Аароновский приказчик, стоявший за дальним концом застекленного прилавка, окинул Сибил холодным взглядом. Высокий и надменный, в щегольском черном сюртуке и до блеска начищенных ботинках, он чувствовал, что тут что-то не так, прямо нюхом чуял. Сибил ждала, пока Мик расплатится, чинно сложив руки перед собой и украдкой постреливая глазами из-под голубых рюшей капора. Под ее юбкой, в каркасе кринолина, притаилась шаль, украденная, пока Рэдли примерял цилиндры.

Сибил легко научилась воровать сама, безо всякой посторонней помощи. Тут необходима выдержка, это главное. И нахальство. Не смотри ни направо, ни налево — просто хватай, задирай подол и прячь. А потом стой себе с постной физиономией, словно барышня из приличных на утренней службе.

Приказчик потерял к ней интерес, теперь он

пялился на толстяка, теребившего подтяжки муарового шелка. Сибил быстро проверила юбку. Нет, вроде не выпирает.

Юный прыщавый клерк с чернильными пятнами на пальцах ввел индекс Мика в кредитную машину. Вжик, щелк, поворот рычага с ручкой из черного дерева — и готово. Он протянул Мику отпечатанный чек, завернул покупку в хрустящую зеленую бумагу и обвязал шпагатом.

«Аарон и сын» никогда не хватятся кашемировой шали. Потом устроят переучет, конторские машины выявят недостачу, но ведь это для них что слону дробина, вон ведь какой магазин, огромный, богатый, прямо что твой дворец. Сплошные греческие колонны, люстры из ирландского хрусталя, миллионы зеркал; блещущие позолотой комнаты загромождены резиновыми сапогами для верховой езды и французским мылом, тростями и зонтиками. А уж в стеклянных, запертых на ключ витринах — чего только нет. Брошки посеребренные и брошки резные, слоновой кости, а еще золотые музыкальные шкатулки и вообще все, что хочешь. И это лишь один магазин из дюжины. Но при всем при том — и Сибил это знала — «Аарон и сын» не был по-настоящему фешенебельным магазином, благородные здесь

не покупают.

Только ведь в Англии при деньгах и голове можно добиться чего угодно. Придет время, и мистер Аарон, старый, пейсатый торгаш-еврей из Уайтчепела, станет его светлостью с паровым экипажем, терпеливо ожидающим у обочины, и собственным гербом на дверце того экипажа. Радикалистскому парламенту ровным счетом наплевать, что мистер Аарон нехристь. Ведь пожаловали лордством Чарльза Дарвина, который сказал, что Адам и Ева были макаками.

Облаченный во французистую ливрею лифтер с лязгом отодвинул перед Сибил и Миком дверь, затем с тем же лязгом закрыл, и клеть пошла вниз.

Покинув залы «Аарона и сына», они окунулись в суету Уайтчепела. Пока Мик сверялся по карте города, выуженной из кармана пальто, Сибил разглядывала меняющиеся буквы на фасаде магазина. Механический фриз — по сути дела, малоскоростной кинотроп, приспособленный для показа объявлений о товарах, — был составлен из сотен раскрашенных деревянных кубиков, поворачивающихся за зеркальным стеклом то одной, то другой гранью. «ПРЕВРАТИТЕ ВАШЕ ПИАНИНО, — предлагали прыгающие буквы, — В ПИАНОЛУ КАСТНЕРА».

Горизонт к западу от Уайтчепела порос частоколом подъемных кранов — голые стальные скелеты, выкрашенные от сырости суриком. Здания постарше стояли в лесах — все, что не шло на снос, уступая место новому, перестраивалось по его подобию. Вдалеке пыхтели экскаваторы, мостовую сотрясала мелкая дрожь — где-то в глубине исполинские механизмы прокладывали новую линию подземки.

Но тут Мик без единого слова развернулся налево и зашагал прочь; его шляпа была сдвинута набекрень, длинное пальто развевалось на ходу, резко мелькали клетчатые отвороты брюк. Сибил едва за ним поспевала. Оборванный мальчишка, на груди жестяная бляха с номером, сгребал с перекрестка мокрый грязный снег; Мик, не задерживаясь, швырнул ему пенни и повернул в Мясницкий ряд.

Сибил наконец нагнала его и взяла под руку. Слева и справа на почерневших железных крюках висели красные и белые туши — говядина, баранина, телятина; плотные мужики в заляпанных кровью передниках многоголосо расхваливали свой товар. Обитательницы Лондона толпились здесь дюжинами с корзинками в руках. Служанки, кухарки, добропорядочные

жены добропорядочных мужей. Краснолицый косоглазый мясник выскочил на мостовую прямо перед Сибил; в его ладонях лежало что-то синее и скользкое.

— Постой, красавица! Купи мужу на пирог самые лучшие на рынке почки!

Сибил дернулась и обошла его стороной.

Обочину загромождали тележки, возле которых выкликали свой товар торговцы и торговки; на их плисовых куртках сверкали латунные и перламутровые пуговицы. У каждого имелся свой номерной значок, хотя, по словам Мика… добрая половина номеров была липой, такой же липой, как и гири их весов. Мостовая, расчерченная мелом на аккуратные квадраты, была сплошь устелена клеенками, уставлена корзинами; Мик принялся рассказывать, к каким уловкам прибегают торговцы, чтобы придать свежий вид лежалым, сморщенным фруктам, как они подкладывают дохлых угрей к живым. Сибил улыбалась, видя, как он гордится своими познаниями. Тем временем торговцы кричали о своих метлах, мыле, свечах, а хмурый шарманщик двумя руками крутил ручку своей машины, наполняя улицу торопливым дребезжанием колокольчиков, струн и стальных пластинок.

Мик остановился около складного столика, за которым восседала раскосая женщина в бомбазине — вдова, что ли? Тонкие, скорбно поджатые губы сжимали короткую глиняную трубку. На столике были выставлены многочисленные пузырьки с вязкой на вид жидкостью; должно быть, какое-то патентованное лекарство, решила Сибил, поскольку на каждый пузырек была наклеена синяя бумажка с расплывшимся изображением краснокожего дикаря.

— И что бы это могло быть? — осведомился Мик, постучав пальцем по залитой красным воском пробке.

Прежде чем ответить, вдова извлекла трубку изо рта.

— Каменное масло, мистер, а еще его называют барбадосской смолой. — Ее густой, тягучий акцент неприятно резал ухо, но Сибил почувствовала не раздражение, а скорее жалость. Как далеко занесло эту женщину от того заморского места, которое она звала своим домом.

— Ясно, — кивнул Мик. — А оно, случаем, не техасское?

— Чудо природы, целебный бальзам, — сообщила вдова, — здоровье и радость доставит вам. Собран дикарями из племени сенека в Пенсиль-

вании, с вод великого Масляного ручья, мистер. Три пенни за флакон, и вы забудете все свои болезни.

Узкие бесцветные глаза женщины прищурились еще сильнее, почти утонули в сетке морщин; она смотрела на Мика с каким-то странным выражением, словно пыталась вспомнить лицо. Сибил зябко поежилась.

— Удачи тебе, матушка, — сказал Мик с улыбкой, которая почему-то напомнила Сибил детектива из Отдела по борьбе с пороками, которого она когда-то знала. Маленький рыжеватый человечек, в чьем ведении находились Лестер-сквер и Сохо. Девушки прозвали его Барсуком.

Мик двинулся дальше.

— Что это такое? — спросила Сибил, беря его под руку. — Что она там продает?

— Каменное масло, — ответил Мик, оглянувшись на черную согбенную фигуру. — Генерал говорит, в Техасе оно прямо брызжет из-под земли…

— И это что, и вправду помогает от всех болезней? — заинтересовалась Сибил.

— Не бери в голову, — отмахнулся Мик, — и кончаем треп. — Его явно заинтересовало что-то происходившее в конце переулка. — Вон там

один из них. Ты знаешь, что тебе делать.

Сибил кивнула и стала пробираться сквозь базарную толчею к человеку, которого высмотрел Мик. Это был продавец баллад, тощий, со впалыми щеками парень. Из-под цилиндра, обтянутого яркой, в горошек, тканью, выбивались длинные, сто лет не мытые волосы. Руки он держал перед собой, молитвенно сложив ладони, из рукавов мятой куртки торчали пачки листовок с нотами и текстом.

— «Железная дорога в Рай», «Железная дорога в Рай», леди и господа, — привычно тараторил продавец. — «Мчится поезд надежды по скале веков, из Правды и Веры рельсы, а паровоз — Любовь». Прекрасная мелодия, и всего за два пенни, мисс.

— У вас есть «Ворон Сан-Хасинто»? — спросила Сибил.

— Надо, так достану, — отозвался продавец. — А о чем это?

— О великой битве в Техасе, о великом генерале.

Продавец баллад удивленно вскинул брови. Глаза у него были голубые, с безумным блеском — то ли от голода, то ли от религии, а может, и от джина.

— Так, значит, ваш мистер Хасинто — один из

этих крымских генералов, француз?

— Нет-нет, — снисходительно улыбнулась Сибил. — Генерал Хьюстон, Сэм Хьюстон из Техаса. И мне нужна эта песня, крайне нужна.

— Сегодня вечером я закупаю свежие публикации и непременно спрошу вашу песню, мисс, непременно спрошу.

— Мне нужно по меньшей мере пять экземпляров, для всех моих друзей, — сказала Сибил.

— За десять пенсов вы получите шесть.

— Значит, шесть, и сегодня вечером, на этом же месте.

— Как скажете, мисс. — Продавец тронул поля шляпы.

Сибил поспешила затеряться в толпе. Все получилось! И не так уж это было и страшно. Раз, другой — и совсем привыкнешь. Да и как знать, может, песня и вправду хорошая, так что люди, которым продавец сбагрит в конце концов свои листочки, получат удовольствие. Внезапно рядом с ней возник Мик.

— Неплохо, — снисходительно заметил он, запуская руку в карман пальто, чтобы, как фокусник — кролика, извлечь оттуда теплый, с пылу с жару, яблочный пирожок, обсыпанный сахарной пудрой и завернутый в промасленную бумагу.

— Спасибо, — произнесла Сибил с удивлением и облегчением; она как раз думала свернуть в какой-нибудь тихий уголок и достать украденную шаль, а ведь Мик, получается, все это время ни на секунду не спускал с нее глаз. Она его не видела, а он ее видел. Такой уж он есть, и не надо об этом забывать.

То вместе, то порознь они прошли весь Сомерсет, а затем и огромный рынок Петтикоут-Лейн, освещенный с приближением вечера сонмом огней: ровно горели калильные газовые фонари, ослепительно сверкало белое ацетиленовое пламя, среди разложенной на прилавках снеди мигали чадящие масляные лампы и стеариновые плошки. Несмотря на оглушительный гвалт, Сибил, к вящей радости Мика, одурачила здесь еще троих торговцев балладами.

В ночном сердце Уайтчепела, огромном питейном заведении, где на поблескивающих золотыми обоями стенах полыхали газовые рожки, Сибил нашла дамскую уборную. Там, в безопасности вонючей кабинки, она смогла наконец переложить свою добычу поудобнее. Шаль была очень мягкая, чудесного лилового цвета — благодаря одной из этих странных новых красок, которые делают из угля. Сибил аккуратно сложила шаль

и затолкала ее в корсет, пусть пока полежит в надежном месте. Вернувшись к своему новому руководителю, она застала его уже за столиком. Мик успел заказать для нее медовый джин. Сибил села рядом, не дожидаясь приглашения.

— Отличная работа, девочка, — сказал Рэдли, пододвигая ей стакан.

В зале было не протолкнуться от крымских солдат-отпускников; на крикливых, багровых от неумеренно поглощаемого джина ирландцах гроздьями висели уличные феи. Служанок тут не водилось, только устрашающего вида бармены в белых передниках и с увесистыми дубинками, деликатно припрятанными за стойкой.

— Джин пьют только шлюхи, Мик.

— Да почему же обязательно шлюхи, — пожал плечами Мик. — Все его пьют. И ты не шлюха, Сибил.

— Потаскуха, уличная девка, — криво усмехнулась Сибил. — Как ты там еще меня называл?

— Ты теперь напарница Денди Мика. — Он зацепил большими пальцами за проймы жилета и откинулся назад, балансируя на задних ножках стула. — Ты — *авантюристка*.

— Авантюристка?

— Вот именно. — Мик со стуком опустил пе-

редние ножки стула на пол. — За тебя. — Он отхлебнул из стакана и скривился. — А ты лучше не трогай эту отраву, они ее скипидаром разбавили, а то и чем похуже. Пошли отсюда.

На этот раз Сибил предусмотрительно повисла на руке Мика, чтобы не мчался, как на пожар.

— Так, значит, вы… э-э… мистер Мик Рэдли — авантюрист?

— Он самый, Сибил, — кивнул Мик, — и ты станешь моей ученицей. А потому делай, что тебе говорят, со всем подобающим подмастерью смирением. Изучай приемы ремесла. А потом, когда-нибудь, ты вступишь в профсоюз. В гильдию.

— Как мой отец, да? Ты что, Мик, смеешься? Кто был он и кто такая я?

— Нет, — отрезал Мик. — На таких, как он, мода прошла. Теперь он никто.

— Так что же, — криво усмехнулась Сибил, — значит, в эту твою хитрую гильдию принимают и нас, распутных девиц?

— Это гильдия знания, — учительским тоном пояснил Мик. — Хозяева, большие шишки, они могут отобрать у тебя все, что угодно. С их проклятыми законами и фабриками, судами и банками… Они могут делать с миром все, что им заблагорассудится, они могут отобрать у тебя дом

и родных и даже работу, на которой ты надрываешься… — Мик гневно пожал плечами. — И даже, если ты простишь мне такую дерзость, украсть добродетель у дочери героя. — Он крепко сжал ее руку. — Но им не отнять у тебя того, что ты знаешь, Сибил. Этого им никогда не отнять.

* * *

Сибил услышала шаги Хетти по коридору, затем — побрякивание вставляемого в скважину ключа. Она отпустила ручку серинета, и звук замер на высокой, визгливой ноте.

Вошедшая девушка стянула с головы шерстяную, присыпанную снегом шапочку и скинула темно-синий плащ. Хетти также принадлежала к числу подопечных миссис Уинтерхолтер. Ширококостая хриплоголосая брюнетка, она многовато пила, однако дома вела себя вполне пристойно и, самое главное, никогда не обижала Тоби.

Сибил вынула и уложила в гнездо железную, с фарфоровым набалдашником ручку дешевенького серинета, захлопнула исцарапанную крышку.

— Я тут репетировала. Миссис Уинтерхолтер хочет, чтобы я пела в следующий четверг.

— Черт бы ее побрал, эту старую потаскуху, — сочувственно откликнулась Хетти. — А я-то

думала, у тебя свидание с мистером Ч. Или с мистером К.?

Хетти потопала ногами перед маленьким узким камином, чтобы согреться, и вдруг заметила россыпь обувных и шляпных коробок от «Аарона и сына».

— Ну ты вообще! — Ее губы изогнулись в широкой, чуть завистливой улыбке. — Это что, новый ухажер? Ну и прушница же ты, Сибил Джонс!

— Возможно.

Сибил глотнула укрепляющей лимонной настойки и чуть запрокинула голову, чтобы горло отдохнуло.

— А ведь небось старуха не в курсе? — подмигнула Хетти.

Сибил с улыбкой покачала головой. Эта не проговорится.

— Ты знаешь чего-нибудь о Техасе?

— Страна в Америке, — не задумываясь, отрапортовала Хетти. — Принадлежит французам, да?

— Ты путаешь с Мексикой. Хочешь сходить на кинотропическое шоу? Бывший президент Техаса выступает с лекцией. У меня есть билеты, бесплатно.

— Когда?

— В субботу.

— Я в этот день танцую, — погрустнела Хетти. — Может, Мэнди сходит? — Она подышала на озябшие пальцы. — Попозже зайдет один мой друг, тебе ведь это не помешает, правда?

— Нисколько, — ответила Сибил.

У миссис Уинтерхолтер было строгое правило, запрещавшее девушкам принимать мужчин в своей комнате. Хетти сплошь и рядом игнорировала это правило, буквально напрашиваясь на неприятности — домовладелец терпит-терпит, а потом возьмет и настучит. Поскольку миссис Уинтерхолтер предпочитала вносить плату за комнаты непосредственно домовладельцу, мистеру Кэрнзу, Сибил почти не случалось с ним говорить, тем более с его женой, угрюмой, толстоногой особой, чьи шляпки могли довести неподготовленного человека до обморока. Кэрнз и его жена никогда не стучали на Хетти, непонятно почему, ведь комната Хетти располагалась стенка в стенку с их спальней, а Хетти особо себя не сдерживала, когда приводила домой мужчин, по большей части — иностранных дипломатов, людей со странным выговором и, судя по звукам за стеной, еще более странными наклонностями.

— Да ты пой, если хочешь, — сказала Хетти,

опускаясь на колени перед потухающим камином. — У тебя прекрасный голос. Такой талант нельзя зарывать в землю.

Мелко дрожа от холода, она принялась по одному подкладывать в камин куски угля. В комнату забрался сквозняк — должно быть, через растрескавшийся переплет одного из забитых окон, — и на какой-то миг Сибил ясно почувствовала присутствие рядом чего-то чуждого. Словно чьи-то глаза холодно следят за ней из нездешних сфер. Она подумала о мертвом отце. *«Ставь голос, Сибил. Учись говорить. Это единственное наше оружие»*, — говорил он ей. И это — за несколько дней до ареста, когда уже стало понятно, что радикалы вновь победили, — понятно всем, кроме Уолтера Джерарда. Даже она видела с ужасающей ясностью всю бесповоротность отцовского поражения. Его идеалы обречены на забвение — не отложены до лучших времен, а напрочь вычеркнуты из истории, они будут раздавлены, многократно перемолоты, как дворняжка, угодившая под грохочущие колеса поезда. *«Учись говорить, Сибил. Это единственное наше оружие…»*

— Почитаешь? — спросила Хетти. — А я заварю чай.

— Хорошо.

В их с Хетти пестрой беспорядочной жизни чтение вслух было одним из тех мелких ритуалов, которые заменяли им домашний уют. Сибил взяла со стола последний номер «Иллюстрейтед Лондон Ньюс», расположила свой кринолин в скрипучем, пахнущем сыростью кресле и начала прямо с передовицы. Опять динозавры.

Судя по всему, радикалы совсем сдвинулись на этих своих динозаврах. Газета напечатала гравюру с изображением экспедиции лорда Дарвина: семеро мужчин во главе с самим лордом, не поленившимся съездить в Тюрингию и спуститься в шахту, уставились на какую-то штуку, торчащую из каменного угля в самом конце забоя. Сибил прочла вслух заголовок, показала Хетти картинку. Кость. Эта самая, которая в угле, штука оказалась чудовищной, с человека размером, костью. Сибил передернуло. Перевернув страницу, она наткнулась на следующую иллюстрацию — как могло бы выглядеть это существо в жизни, с точки зрения газетного художника: чудовище с двойным рядом треугольных, вроде как у пилы, зубцов вдоль горбатого хребта. Огромное, как слон, а злобная, отвратительная головка не больше собачьей.

Хетти разлила чай.

— «Рептилии были полновластными хозяевами Земли», — процитировала она, вдевая нитку в иголку. — Хрень это все собачья, ни слову не верю.

— Почему?

— Да это ж кости тех долбаных великанов, про которых в Библии говорится. Священники врать не станут.

Сибил промолчала. Одна идея дикая, другая и того чище. Она перешла к следующей статье, где восхвалялись действия артиллерии Ее Величества в Крыму. Сибил обнаружила гравюру с изображением двух симпатичных младших офицеров, взирающих на работу дальнобойной пушки. Сама эта пушка, с дулом толстым, как заводская труба, казалась вполне способной расправиться со всеми динозаврами лорда Дарвина. Однако внимание Сибил привлекла врезка с изображением артиллерийского вычислителя. Хитросплетение шестеренок обладало странной красотой и напоминало узор каких-нибудь вычурных обоев.

— Тебе заштопать чего-нибудь надо? — спросила Хетти.

— Нет, спасибо.

— Тогда почитай рекламу, — попросила Хетти. — Ненавижу эту болтовню о войне.

Тут были ХЭВИЛЕНДСКИЙ ФАРФОР из Лиможа, Франция; «ВИН МАРИАНИ», французский тоник, рекомендуемый к употреблению самим Александром Дюма; «КНИГА ОПИСАНИЙ», включающая портреты и автографы знаменитостей, заявки присылать на Оксфорд-стрит, дом такой-то; СТОЛОВОЕ СЕРЕБРО «ЭЛЕКТРО» С КРЕМНИЕВЫМ ПОКРЫТИЕМ, не снашивается, не царапается, ни с чем не сравнимо; ВЕЛОСИПЕДНЫЙ ЗВОНОК «В НОВЫЙ ПУТЬ», уникальный голос; КАМЕННАЯ ВОДА ДОКТОРА БЕЙЛИ, лечит брайтову болезнь и подагрический артрит; КАРМАННАЯ ПАРОВАЯ МАШИНА «РИДЖЕНТ», предназначена для использования в домашних швейных машинках.

Последнее объявление привлекло внимание Сибил, но совсем не потому, что обещало крутить машинку с удвоенной скоростью всего за полпенни в час. Тут был рисунок маленького, изящного парового котла на парафине или газе. Чарльз Эгремонт приобрел такую штуку для своей жены. Отработанный пар должен был отводиться в ближайшую форточку, для чего к котлу прилагался специальный резиновый шланг. Однако, по словам мистера Эгремонта, что-то там вышло не

так и гостиная мадам превратилась в турецкую баню. Слушая печальную эту повесть, Сибил с трудом скрывала злорадство.

Когда с газетой было покончено, Сибил отправилась спать. Около полуночи ее разбудил мощный ритмичный скрип кровати за стенкой.

* * *

В театре «Гаррик» было темно, пыльно и холодно — и в оркестровой яме, и на балконах, и в зале, среди рядов потертых кресел; но темнее всего было под сценой, там, куда только что спустился Мик Рэдли, вдобавок оттуда несло сыростью и известкой.

— Ты видела когда-нибудь кинотроп, а? — гулко донеслось снизу.

— Как-то раз, за кулисами, — ответила Сибил. — В Бетнел-Гринском мюзик-холле. Я знала парня, который его крутил. Тамошний клакер.

— Дружок? — резко спросил Мик.

— Нет, — поспешила ответить Сибил. — Я там немного пела… Бросила, на этом не заработаешь.

Снизу донесся резкий щелчок многоразовой спички, потом второй, и лишь с третьей попытки Мик зажег огарок свечи.

— Спускайся, — скомандовал он, — нечего сто-

ять там, как гусыня.

Подобрав юбки кринолина, Сибил стала осторожно спускаться по отсыревшим ступеням узкой крутой лесенки.

Мик, привстав на цыпочки, нащупывал что-то за высоким сценическим зеркалом — огромным листом амальгамированного стекла на подставке с колесиками, потертыми деревянными рукоятками и лоснящимися от смазки шестеренками. Вытащив оттуда дешевый саквояж из черного брезента, он осторожно опустил его на пол у своих ног и присел, чтобы расстегнуть хлипкие жестяные замки. На свет божий появилась пачка перфорированных карточек, обернутая полоской красной бумаги. В саквояже лежало несколько таких пачек и что-то еще — Сибил заметила блеск полированного дерева.

Мик обращался с карточками очень бережно, словно с Библией.

— Проще простого, — сказал он. — Нужно только их замаскировать — написать на обертке какую-нибудь глупость, например: «Лекция о вреде алкоголя. Части один, два, три». И ни одному дураку ни за что не придет в голову их украсть или хотя бы загрузить и посмотреть, что же это такое. — Он провел по краю пачки

большим пальцем, и она резко затрещала, как новая игральная колода. — Я вложил сюда уйму денег, — продолжал Мик. — Несколько недель работы лучших киноумельцев Манчестера. Но смею заметить, разработка моя, целиком и полностью. Отлично вышло, девочка. В некотором роде даже художественно. Скоро сама увидишь.

Закрыв саквояж, Мик встал, осторожно опустил колоду в карман пальто, потом наклонился над каким-то ящиком и вытянул толстую стеклянную ампулу. Сдув с ампулы пыль, он сдавил ее конец специальными щипцами; стекло раскололось с характерным хлопком откачанного, герметично запаянного сосуда. Мурлыча что-то себе под нос, Мик вытряхнул на ладонь белый цилиндрик прессованной извести и аккуратно вставил его в гнездо калильной лампы — большой тарелкообразной конструкции из закопченного железа и блестящей луженой жести. Затем повернул кран шланга, потянул носом, удовлетворенно кивнул, повернул второй кран и поднес свечу; из горелки вырвался яростный ком голубоватого пламени.

Сибил, вскрикнув, зажмурилась, в глазах у нее поплыли синие точки. Мик иронически хмыкнул, его руки продолжали возиться с ровно шипящей горелкой.

— Вот так-то лучше, — сказал он через пару секунд, направив ослепительно-яркий друммондов свет на зеркало. — Теперь отрегулируем это трюмо, повернем его куда следует — и дело с концом.

Сибил, щурясь, огляделась по сторонам. Под сценой «Гаррика» было тесно, сыро и пахло крысами, ни дать ни взять грязный подвал, где подыхают собаки и нищие; под ногами — рваные, пожелтевшие афиши сомнительных фарсов с названиями вроде «Проныра Джек» или «Лондонские негодяи». В углу валялись скомканные дамские «неназываемые». Недолгие безрадостные дни сценической карьеры позволяли ей догадываться, каким образом оказался здесь столь пикантный предмет.

Она скользнула взглядом по паровым трубам и тугим, как струна, проволочным тягам к сверкающему вычислителю Бэббиджа, маленькой кинотропной модели, не выше самой Сибил. В отличие от всего остального в «Гаррике», установленная на четырех брусках красного дерева вычислительная машина выглядела вполне прилично. Пол и потолок над и под ней были аккуратно выскоблены и побелены. Паровой вычислитель — штука тонкая, с характером, если ты

не намерен его холить, уж лучше вообще не покупай. В отсветах калильной лампы причудливой колоннадой тускло поблескивали латунные, усеянные круглыми выступами цилиндры, многие десятки цилиндров. Снизу и сверху их удерживали массивные, тщательно отполированные стальные пластины, вокруг сверкали десятки рычагов и храповиков, тысячи стальных шестеренок. От машины пахло льняным маслом.

Сверкающий, непостижимый механизм завораживал Сибил, вызывал у нее странное, сродни голоду или алчности, чувство. Так можно относиться… ну, скажем, к красивой породистой лошади. Ей хотелось иметь… нет, не обязательно саму эту вещь, но какую-нибудь над ней власть.

Сибил вздрогнула, почувствовав на своем локте ладонь Мика.

— Красивая штука, правда?

— Да… красивая.

Мик развернул ее лицом к себе и медленно, будто священнодействуя, вложил затянутую перчаткой ладонь между капором и левой щекой, нажимом большого пальца заставил Сибил поднять голову и пристально посмотрел ей в глаза.

— Чувствуешь, что от нее исходит?

Сибил напугали и его срывающийся голос, и

его глаза, жутковато подсвеченные снизу мертвенно-белым светом калильной лампы.

— Да, Мик, — послушно согласилась она. — Я чувствую… что-то такое.

Он стянул капор с ее головы, и теперь тот болтался сзади на шее.

— Ты же не боишься ее, Сибил, правда? Да конечно же нет, ведь с тобою Денди Мик. Ты чувствуешь некий особый фриссон.[457] Ты еще полюбишь это ощущение. Мы сделаем из тебя настоящего клакера.

— А я смогу? Неужели девушке это под силу?

— Ты слыхала про такую леди — Аду Байрон? — рассмеялся Мик. — Дочь премьер-министра и королева машин! — Отпустив Сибил, он раскинул руки жестом балаганного зазывалы, полы его пальто распахнулись. — Ада Байрон, верная подруга и ученица самого Бэббиджа! Лорда Чарльза Бэббиджа, отца разностной машины, Ньютона современности!

— Но ведь Ада Байрон леди! — изумилась Сибил.

— Ты не поверишь, с кем только не водит знакомство наша леди Ада, — усмехнулся Мик,

---

[457] Примечания: 457
Frisson — дрожь (фр.).

вытаскивая из кармана колоду перфорированных карт и срывая с нее бумажную обертку. — Нет, я не имею в виду садовые чаепития в компании светских хлыщей, но Ада, что называется, баба не промах… на свой математический лад… — Он помедлил. — Хотя, в общем-то, я бы не сказал, что Ада лучше всех. Я знаю пару клакеров в Обществе парового интеллекта, по сравнению с которыми даже леди Ада покажется малость отсталой. Но она гений. Ты знаешь, что это такое — быть гением?

— Что? — спросила Сибил; наглая самоуверенность Мика приводила ее в бешенство.

— Знаешь, как родилась на свет аналитическая геометрия? Некий парень по фамилии Декарт увидел на потолке муху. Тысячи лет миллионы людей смотрели от скуки на мух, но понадобился Рене Декарт, чтобы создать из этого науку. Теперь-то инженеры пользуются его открытием ежедневно и ежечасно, но не будь Декарта, им бы просто нечем было пользоваться.

— Кому интересны эти его мухи? — удивилась Сибил, но Мик ее не слушал.

— Аду тоже посетило как-то озарение, не хуже, чем Декарта. Только никто не сумел еще приспособить ее догадку к какому-нибудь делу. Чистая

математика — так это называется. «Чистая!» — передразнил Мик. — Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что ей пока не находится никакого применения. — Он потер руки и ухмыльнулся. — Вот и догадка Ады Байрон — никто не находит ей применения.

Его веселье действовало Сибил на нервы.

— А я-то думала, ты ненавидишь лордов!

— Я ненавижу их привилегии, то, что не заработано честным путем, — сказал Мик. — Но леди Ада живет за счет своего серого вещества, а не голубой крови. — Он вложил карточки в посеребренный приемный лоток, а затем резко повернулся и схватил Сибил за запястье. — Твой отец мертв, девочка! Не хотелось бы делать тебе больно, но луддиты мертвы, как прогоревшая и остывшая зола. Ну да, мы устраивали демонстрации и надрывали глотки, боролись за права трудящихся и прочее в этом роде, но все это были слова. А пока мы сочиняли листовки, лорд Чарльз Бэббидж чертил чертежи, по которым был построен сегодняшний мир!.. Люди Байрона, люди Бэббиджа, промышленные радикалы… — Мик сокрушенно покачал головой. — Им принадлежит Великобритания! Им принадлежим мы со всеми нашими потрохами, девочка. Весь земной

шар у их ног — Европа, Америка, что там еще. Палата лордов под завязку набита радикалами. Королева Виктория и шагу не сделает без одобрения ученых и капиталистов. И нет, — он ткнул в Сибил пальцем, — нет никакого смысла бороться с этим, и знаешь почему? Потому что радикалы и вправду играют честно — *достаточно* честно, — и если голова у тебя на месте, можно стать одним из них! Никому не заставить умных людей бороться с системой, которая представляется им вполне разумной. Но это не значит, что мы с тобой, — Мик ударил себя кулаком в грудь, — остались у разбитого корыта. Это значит только, что нам нужно думать быстрее, держать глаза и уши открытыми…

Он принял боксерскую стойку: локти согнуты, кулаки сжаты и подняты к лицу, — а затем откинул волосы назад и широко улыбнулся.

— Хорошо тебе говорить, — запротестовала Сибил. — Ты-то свободная пташка. Ты был одним из последователей моего отца — ну и что из того, то же самое можно сказать о многих, кто сидит сейчас в парламенте. Но жизнь падшей женщины кончена. Кончена бесповоротно.

— Вот в том-то все и дело! — Мик раздраженно взмахнул рукой. — Ты теперь работаешь с кру-

тыми ребятами, а мыслишь понятиями уличной девки! Мы едем в Париж, а там тебя ни одна собака не знает. Да, конечно, у здешних фараонов и начальничков есть твой индекс. Но ведь цифры — это только цифры, а твое досье — всего лишь стопка перфокарт. Индекс можно изменить, для этого есть способы. — Он взглянул на изумленное, недоверчивое лицо Сибил и широко осклабился. — Да, согласен, в Лондоне твоем драгоценном это не так-то просто. А вот в Париже, под боком у Луи Наполеона, обстановочка совсем иная! В привольном городке Пари все дела делаются быстро, как по маслу, особенно дела авантюристки с хорошо подвешенным языком и красивыми ножками.

Сибил закусила костяшку пальца, у нее защипало в глазах. Конечно же, это было от едкого дыма калильной лампы — и страха. Новый индекс в правительственных машинах — это новая жизнь! Жизнь без прошлого. Мысль о подобной свободе приводила в трепет. Не столько тем, что значила эта свобода сама по себе, хотя и от этого кружилась голова. Но что может потребовать Мик Рэдли в обмен, за такое-то?

— Ты что, и вправду можешь изменить мой индекс?

— Я могу купить тебе в Париже новый. Выдать тебя за француженку, или аргентинку, или американскую беженку. — Мик скрестил руки на груди. — Пойми меня правильно, я ничего не обещаю. Тебе придется это заработать.

— Ты ведь не дурачишь меня, Мик? — Голос Сибил дрожал. — Ведь я… я могу быть очень, особо мила с тем, кто окажет мне подобную услугу.

— Правда, что ли? — Мик глядел на нее, засунув руки в карманы и раскачиваясь на каблуках.

Слова Сибил, дрожь в ее голосе раздули в нем какую-то искру, это читалось в его глазах. Страстное, почти плотское желание, о котором она всегда смутно подозревала, желание… покрепче насадить ее на крючок.

— Да, если ты будешь обращаться со мной по-честному, как со своей ученицей, а не какой-нибудь слабоумной девкой, которую можно использовать, а затем выбросить, как старую ветошь. — Сибил чувствовала, что у нее подступают слезы, на этот раз еще настойчивей. Она сморгнула и смело вскинула глаза, дала слезам волю — как знать, может, и от них будет какой-то прок. — Ты же не станешь дразнить меня надеждой, чтобы потом ее рассеять, ведь не станешь? Это было бы жестоко и подло! А если ты так по-

ступишь, я… я брошусь с Тауэрского моста! Я не переживу…

— Вытри сопли, — прервал ее Мик, — и слушай меня внимательно. И постарайся понять. Ты для меня не просто хорошенькая бабенка. Этого добра я могу получить где угодно и в любом количестве. Ты нужна мне совсем для другого. Мне нужны толковая голова, решительность и бесстрашие, как у Уолтера Джерарда. Ты будешь моей ученицей, я — твоим учителем, и отношения у нас будут соответствующие. Ты будешь верной, послушной и правдивой, и чтобы никаких уверток, никакого нахальства. Я же обучу тебя ремеслу и буду о тебе заботиться — моя доброта и щедрость в оплату твоей честности и верности. Все ясно?

— Да, Мик.

— Так что, заключаем контракт?

— Да, Мик, — улыбнулась Сибил.

— Вот и прекрасно. Тогда встань на колени, сложи вот так руки, — он сложил ладони как для молитвы, — и принеси следующую клятву. Что ты, Сибил Джерард, клянешься святыми и ангелами, силами, господствами и престолами, серафимами, херувимами и всевидящим оком Господним повиноваться Майклу Рэдли и служить ему верно, и да поможет тебе Бог!

Клянешься?

— А это что, обязательно нужно? — ужаснулась Сибил.

— Да.

— Но разве это не тяжкий грех — давать подобную клятву человеку, который… Я хотела сказать… Мы не в святом браке…

— То брачный обет, — нетерпеливо оборвал ее Мик, — а это клятва ученика.

Деваться было некуда. Подобрав юбки, Сибил опустилась коленями на холодный шершавый камень.

— Клянешься?

— Клянусь, и да поможет мне Бог.

— Да не дрожи ты так, — сказал Мик, помогая ей подняться на ноги, — это еще очень мягкая, женская клятва по сравнению с тем, что бывает. Пусть она поможет тебе отринуть все сомнения и вероломство. А теперь на́, возьми, — он протянул ей оплывающую свечу, — и найди этого пропойцу-распорядителя. Скажи ему, чтобы разогревали котлы.

* * *

Ужинали они на Хеймаркете, неподалеку от «Танцевальной академии Лорента», в заведении

«Аргайл румз». Кроме общего зала, были там и отдельные номера, где беспутные гости могли при желании провести всю ночь.

Ну а Мику, недоумевала Сибил, ему-то зачем этот отдельный кабинет? Мик определенно не боялся появляться с ней на публике. Однако не успели они покончить с бараниной, как слуга впустил невысокого плотного джентльмена с напомаженными волосами и золотой цепочкой на щегольской бархатной жилетке. Он был весь круглый и мягкий, как плюшевая игрушка.

— Привет, Корни, — кивнул Мик, не обеспокоившись даже отложить нож и вилку.

— Привет, Мик, — отозвался незнакомец с неопределенным акцентом актера или провинциала, долгое время прослужившего у городских господ. — Говорят, я тебе нужен.

— Верно говорят, Корни.

Мик не предложил своему гостю сесть, даже не представил его Сибил, и та поневоле чувствовала себя крайне неловко.

— Роль короткая, так что ты все в минуту выучишь. — Мик достал из кармана конверт и протянул его плюшевому джентльмену. — Твои реплики, ключевые слова и аванс. «Гаррик», в субботу вечером.

— Много воды утекло с тех пор, как я играл в «Гаррике», Мик, — невесело улыбнулся Корни; он подмигнул Сибил и удалился не прощаясь.

— Кто это был, Мик? — поинтересовалась Сибил.

Мик вернулся к жаркому и теперь поливал его мятным соусом из оловянного соусника.

— Актер на выходных ролях, — сказал Мик. — Он будет подыгрывать тебе в «Гаррике» во время речи Хьюстона.

— Подыгрывать? Мне? — изумилась Сибил.

— Не забывай, что ты начинающая авантюристка. Со временем тебе придется играть самые разные роли. Политическая речь всегда выигрывает, если ее немного оживить.

— Оживить?

— Не бери в голову. — Он утратил всякий интерес к баранине и отодвинул тарелку. — Для репетиций времени хватит и завтра. Я хочу кое-что тебе показать.

Мик встал от стола, подошел к двери и тщательно закрыл ее на засов. Вернувшись, он поднял с полу парусиновый саквояж и водрузил его на чистую, пусть и многажды штопанную скатерть с характерным узором ромбиками.

Сибил давно уже поглядывала на этот саквояж.

И даже не потому, что Мик весь день таскал его с собой: сперва из «Гаррика» — к печатнику, где нужно было перепроверить рекламные листовки лекции Хьюстона, а потом сюда, в «Аргайл румз»; нет, скорее потому, что это была такая дешевка, совсем не похожая на все те модные штучки, которыми так он гордился. Зачем Денди Мику таскать с собой такую сумку, когда он может себе позволить что-нибудь роскошное от «Аарона», с никелированными застежками, из шелка в «клетку Ады»? И она знала, что в черной сумке уже не лежит материал для лекции, те колоды Мик аккуратно завернул в «Таймс» и спрятал за сценическим зеркалом.

Мик расстегнул дрянные жестяные замки, открыл сумку и осторожно вынул длинный узкий ящичек из полированного розового дерева с начищенными латунными уголками. В первый момент Сибил подумала, не подзорная ли там труба — она видела похожие футляры на Оксфорд-стрит в витрине одной оптической фирмы. Мик буквально дрожал над этим ящичком, и выглядело это довольно забавно — сейчас он был похож на католика, которого призвали перезахоронить папский прах. Охваченная внезапным порывом детского любопытства, она напрочь

забыла и человека по имени Корни, и странные слова Мика о том, что ей предстоит играть на пару с этим человеком в «Гаррике». Мик со своим таинственным ящиком удивительно напоминал фокусника, Сибил ничуть бы не удивилась, если бы он оттянул манжеты: смотрите, ничего тут нет, и тут тоже ничего.

Мик откинул крошечные медные крючки, а затем сделал театральную паузу.

Сибил затаила дыхание. А может, это подарок? Какой-нибудь знак ее нового положения? Дабы тайно отметить ее как начинающую авантюристку?

Мик поднял крышку розового дерева с острыми латунными уголками.

Ящик был полон игральных карт. Набит ими от и до — не меньше двадцати колод. У Сибил упало сердце.

— Такого ты еще не видела, — сказал он. — Это уж точно.

Мик выдернул крайнюю справа карту и показал ее Сибил. Нет, это не игральная карта, хотя почти такого же размера. Материал какой-то странный: и не бумага, и не стекло, но молочно-белый, блестящий и очень тонкий. Мик легонько надавил на уголки большим и указательным

пальцами. Карта легко согнулась, но как только он ее выпустил, упруго распрямилась.

Затем Сибил заметила на карте дырочки, три-четыре десятка частых, словно на швейной машинке пробитых, строчек; дырочки были круглые, аккуратные, как в хорошей перламутровой пуговице. Три угла карты были слегка закруглены, а четвертый — срезан. Возле него кто-то написал бледными фиолетовыми чернилами: *«#1»*.

— Камфорированная целлюлоза, — объяснил Мик. — Страшная штука, если ненароком поджечь, однако для «Наполеона», для самых сложных его операций, не годится ничто другое.

Наполеона? Сибил ничего не понимала.

— Это что-то вроде кинокарты?

Мик просиял от радости. Похоже, она попала в точку.

— Ординатёр[458] «Гран-Наполеон», мощнейшая машина Французской академии, неужели ты о нем ничего не слышала? Полицейские вычислительные машины Лондона рядом с ним просто игрушки.

Зная, что это доставит Мику удовольствие, Си-

---

[458] Примечания: 458
Ordinateur — букв. упорядочиватель (фр.).

бил сделала вид, что внимательно рассматривает его сокровище. Ну и что, ящик себе и ящик, деревянный, очень хорошей работы, с подкладкой из зеленого сукна, каким покрывают бильярдные столы. Скользких молочно-белых карточек было очень много, сотни и сотни.

— Так ты бы рассказал мне, для чего это все.

Мик весело рассмеялся и чмокнул ее в губы.

— Всему свое время. — Он выпрямился, вернул карточку на место, опустил крышку и защелкнул крючки. — У каждого братства есть свои тайны. Но если догадки Денди Мика верны, никто в точности не знает, что будет, если прогнать эту колоду. Что-то там выяснится, подтвердится некая совокупность математических гипотез. Дело темное. А главное — имя Майкла Рэдли воссияет на небесах клакерского братства. — Он подмигнул. — У французских клакеров есть собственное братство, «Сыны Вокансона». Жаккардинское общество, так они себя называют. Ну, нам есть что им показать, лягушатникам этим.

Мик был словно пьяный, хотя Сибил прекрасно знала, что он почти не пил, всего две бутылки эля. Нет, скорее ему кружила голову мысль об этих карточках, чем бы они там ни были.

— Эта шкатулка и ее содержимое стоят очень

дорого, Сибил. — Он снова сел и принялся рыться в своем саквояже. Одно за другим на стол легли свернутый лист плотной оберточной бумаги, обычные канцелярские ножницы и моток крепкой зеленой бечевки. Продолжая говорить, Мик расправил бумагу и стал заворачивать в нее шкатулку. — Очень дорого. Путешествовать с генералом далеко не безопасно. После лекции мы отправляемся в Париж, но сперва, завтра утром, ты отнесешь это на Грейт-Портленд-стрит, на Центральный почтамт. — Теперь Мик перевязывал пакет бечевкой. — Отрежь-ка ее, да, вот тут. — Сибил щелкнула ножницами. — А теперь придержи пальцем. — Он затянул крепкий безукоризненный узел. — Отправишь эту посылку в Париж. Пост-рестант.[459] Знаешь, что это такое?

— Это значит, что ее будут хранить до прихода адресата.

Мик кивнул, вынул из одного кармана брюк палочку сургуча, а из другого — многоразовую спичку. Для разнообразия спичка зажглась с первого раза.

— Да, она будет ждать нас в Париже. Полная безопасность.

---

[459] Примечания: 459
Poste restante — до востребования (фр.).

В маслянистом пламени сургуч расплавился и потемнел. Алые капли заляпали зеленый узел и коричневую бумагу. Мик кинул ножницы и моток бечевки назад в саквояж, спрятал в карман сургуч и спичку, вынул самопишущее перо и стал заполнять адрес.

— Мик, но почему ты так дорожишь этой штукой, если понятия не имеешь, зачем она и к чему?

— Ну, этого-то я как раз и не говорил. Кой-какие мысли, конечно, имеются. У Денди Мика всегда есть мысли. У меня хватило ума, чтобы взять с собой оригинал в Манчестер, когда я ездил туда по делам генерала. У меня хватило ума выкачать из самых опытных клакеров их новейшие методы сжатия и хватило генеральских денег, чтобы заказать результат на такой же целлюлозе.

Для Сибил все это был темный лес.

В дверь постучали. Неприятного вида мальчишка-половой, стриженный под машинку и беспрестанно шмыгающий носом, вкатил сервировочный столик, чтобы собрать грязную посуду. Он тянул сколько мог, в надежде на чаевые, но не тут-то было: Мик сидел, холодно уставившись в пространство, и время от времени довольно скалил зубы.

Мальчишка звучно втянул сопли и удалился. Через некоторое время послышался стук трости в дверь. Прибыл второй из дружков Мика.

Это был коренастый, поразительно уродливый человек с глазами навыкат и плохо выбритым подбородком; его низкий покатый лоб окаймляла набриолиненная пародия на столь любимые премьер-министром кудряшки. Одет был незнакомец с иголочки, в новый, прекрасного покроя вечерний костюм, который дополняли накидка, трость и цилиндр; широкий французский галстук был заколот модной жемчужной булавкой, на пальце масонский перстень. Лицо его и шею покрывал густой бронзовый загар.

Мик проворно вскочил, пожал окольцованную руку, указал на свободный стул.

— Поздно же вы работаете, мистер Рэдли, — заметил незнакомец.

— Мы делаем все возможное, чтобы удовлетворить ваши особые нужды, профессор Радвик.

Стул под профессором Радвиком жалобно скрипнул. На какое-то мгновение Сибил почувствовала на себе взгляд по-жабьи выпученных глаз, и сердце ее упало. Неужели Мик просто ломал комедию и сейчас она станет объектом какой-то ужасной сделки?

Но Радвик не проявил к ней особого интереса и снова посмотрел на Мика:

— Не стану скрывать от вас, сэр, что мне не терпится возобновить изыскания в Техасе. — Он поджал губы. В широкой расщелине его рта тускло поблескивали мелкие, грязно-серые зубы. — Светская жизнь Лондона на удивление занудна.

— Президент Хьюстон примет вас завтра в два, если, конечно же, вас это устроит.

— Прекрасно устроит, — буркнул Радвик.

— Вот и хорошо, — кивнул Мик. — Слава вашего техасского открытия растет день ото дня. Я слышал, что им заинтересовался сам лорд Бэббидж.

— Мы работали вместе с ним в Кембриджском институте, — самодовольно ухмыльнулся Радвик. — Теоретическая пневмодинамика…

— По чистой случайности я располагаю машинной секвенцией, которая могла бы развлечь его светлость, — заметил Мик.

— *Развлечь* его светлость, сэр? — На лице Радвика появилось раздраженное, чуть брезгливое выражение. — Лорд Бэббидж человек крайне… вспыльчивый.

— Начальные этапы моей работы пользовались благосклонным вниманием леди Ады…

— Благосклонное внимание? — Смех Радвика был похож на собачий лай. — Так это что, какая-нибудь игорная система? Чем же еще можно вызвать у *нее* интерес?

— Отнюдь, — коротко бросил Мик.

— Ее светлость выбирает себе странных друзей. — Радвик смерил Мика долгим угрюмым взглядом. — Вы, случаем, не знаете человека по фамилии Коллинз, букмекера, или как там их называют? Одним словом, он делает игру на скачках.

— Нет, — качнул головой Мик, — не имел удовольствия.

— Этот молодчик вцепился в нее, как клещ в собачье ухо. — Лицо Радвика налилось кровью. — Он сделал мне предложение, выходящее за всякие рамки…

— И?.. — вежливо поинтересовался Мик.

Радвик сморщил лоб.

— Я думал, вы его тоже знаете — такой человек вполне мог бы вращаться в ваших кругах…

— Нет, сэр.

Радвик подался вперед:

— А может быть, мистер Рэдли, вам знаком другой господин? Сухопарый, длиннорукий, с рыбьими глазами. Господин, который ходит за мной

по пятам, как привязанный. Не может ли статься, что он агент вашего президента Хьюстона? Есть в нем что-то такое… техасское.

— Мой президент весьма разборчив в подборе агентов.

Радвик резко встал:

— Я надеюсь, вы будете так добры, что прикажете этому ублюдку убраться к чертовой матери!

Мик тоже встал, его лицо сияло благодушной улыбкой.

— Я непременно уведомлю своего нанимателя о ваших, профессор, чувствах. Боюсь, однако, что я отрываю вас от вечерних развлечений.

Он прошел к двери, открыл ее и вновь закрыл за широкой спиной Радвика.

А затем весело подмигнул Сибил:

— Отправился смотреть крысиные бои! Высокомерный профессор Радвик имеет странное пристрастие к низкопробным забавам. Однако в прямоте ему не откажешь. — Мик помолчал, а затем широко ухмыльнулся. — Генералу такие нравятся.

* * *

Несколько часов спустя она проснулась в «Гранде», рядом с Миком, от щелчка его спички и

сладковатого дыма сигары. Он удостоил ее своим благосклонным вниманием трижды — дважды на кушетке позади их стола в «Аргайл румз» и еще раз в «Гранде», пыл для него необычный и даже неожиданный. Сибил сочла это хорошей приметой, хотя третий раз был, пожалуй, лишним — теперь там все натерто и болит.

В комнате было темно, если не считать газового света, сочившегося между занавесками.

Она придвинулась к Мику поближе.

— А куда бы тебе хотелось поехать потом, Сибил? После Франции?

Такой вопрос у нее даже не возникал.

— С тобой, Мик…

Мик коротко рассмеялся, его рука скользнула под одеяло, пальцы сомкнулись на курчавом бугорке.

— Так куда мы поедем, Мик?

— Со мной ты для начала попадешь в Мексику. Потом, вместе с франко-мексиканской армией под командованием генерала Хьюстона, мы двинемся на север, освобождать Техас.

— Но… ведь в Техасе, там все так дико и страшно…

— Перестань рассуждать, как уайтчепельская дуреха. Весь мир дикий и страшный, если смот-

реть на него с Пикадилли. У Сэма Хьюстона в Техасе самый настоящий дворец. До того как техасцы дали ему пинка под зад, он был крупнейшим союзником Британии на американском Западе. А мы с тобой — мы могли бы зажить в Техасе вельможами, завести усадьбу, построить роскошный дом где-нибудь у реки…

— А они, эти, не помешают?

— Ты имеешь в виду правительство Ее Королевского Величества? Коварный Альбион? — хохотнул Мик. — Все это сильно зависит от британского общественного мнения. Мы из кожи вон лезем, чтобы создать Хьюстону репутацию. А то зачем бы ему это лекционное турне?

— Понимаю, — кивнула Сибил. — Ушлый ты парень, Мик.

— Тут дела серьезные! Равновесие сил. Пять веков оно работало на Британию в Европе и еще лучше срабатывает в Америке. Союз, Конфедерация, республики Техас и Калифорния — все по очереди пользовались благосклонностью Британии, пока не становились слишком уж дерзкими, слишком независимыми, и тогда с них сбивали спесь. Разделяй и властвуй, вот так-то, милая. — Красноватый огонек Миковой сигары то разгорался, то тускнел. — Если бы не британ-

ская дипломатия, британская мощь, Америка стала бы громадным единым государством.

— А этот твой друг, генерал? Он что, правда что-нибудь может?

— В том-то вся и прелесть! — Огонек сигары описал широкую дугу. — Дипломаты считали, что с Сэмом Хьюстоном трудно договориться, не совсем одобряли его политику, не поддержали его достаточно активно. Но сменившая его техасская хунта во сто раз хуже. Эти ребята открыто враждебны интересам Британии! Их дни сочтены. Изгнанному генералу пришлось малость помариноваться в Англии, но теперь он готов вернуться в Техас, чтобы снова занять свое законное место. — Мик с наслаждением затянулся. — Давно бы пора. Вот только правительство Ее Величества и само еще не знает, чего ему нужно. Там полный раскол! Некоторые фракции не доверяют Сэму Хьюстону, но уж французы-то помогут нам точно! У их мексиканских союзников пограничные стычки с Техасом. Им нужен генерал!

— Так ты что, на войну собрался? — Сибил с трудом представляла себе Денди Мика, ведущего эскадрон в атаку.

— Да нет, — небрежно отмахнулся Мик, — речь идет скорее о государственном перевороте, так

что большой крови не будет. Я заведую у Хьюстона всеми связями с общественностью и никуда из его команды не денусь. Именно я организовал ему и это лондонское турне, и будущее во Франции. Именно я нащупал нужные контакты и обеспечил ему аудиенцию у французского императора…

Неужели это и в самом деле правда?

— И именно я гоняю для него на кинотропе лучшую и новейшую продукцию Манчестера, ублажаю прессу и британское общественное мнение, нанимаю расклейщиков афиш… — Мик затянулся сигарой, его пальцы задвигались там, внизу, и Сибил услышала, как он пыхнул ртом, выпуская большое облако ароматного дыма.

Но его, похоже, не очень тянуло на четвертый заход, и вскоре она снова заснула и видела сны. Сны о Техасе. О бескрайних техасских просторах, где пасутся бессчетные стада овец, а еще — облицованный камнем особняк, поблескивающие в лучах закатного солнца окна.

* * *

Сидя возле прохода в третьем ряду «Гаррика», Сибил безрадостно размышляла о том, что выступление техасского генерала не вызвало

особого наплыва публики. Люди еще подходили, поштучно и небольшими группами, тем временем оркестр из пяти человек пиликал, бухал и дудел. Прямо перед ней рассаживалось семейство в полном составе: два мальчика в матросках и синих штанишках, маленькая девочка в шали и платьице с кружевами и две совсем уж маленькие девочки, их опекала гувернантка, худющая горбоносая особа с водянистыми глазами, непрерывно сморкавшаяся в кружевной платок. Гордо прошествовал прыщавый, саркастически улыбающийся подросток, старший сын. Затем — отец во фраке, с тросточкой и бакенбардами, и толстая мамаша с длинными подвитыми локонами, свисающими из-под жуткой шляпки, и с тремя золотыми кольцами на пухлых, как сосиски, пальцах. Наконец все они устроились, шурша пальто и шалями, чмокая засахаренными апельсинными корочками — тошнотворно благопристойные, терпеливо ожидающие поучительного зрелища. Прилично обеспеченные, намытые и наглаженные, в приличной, фабричного пошива, одежде.

Рядом с Сибил уселся очкастый, конторского вида парень; верхняя часть его лба отливала предательской синевой — подбрил, значит, во-

лосенки, высоколобым интеллектуалом хочет выглядеть. Он читал Микову программку и с наслаждением сосал кислый лимонный леденец. Чуть дальше — трое офицеров, отпускников из Крыма, высокомерные профессионалы пришли послушать о старомодной войне в Техасе, которую вели старомодными способами.

То там, то здесь — ярко-красные пятна мундиров: солдатики…

Их товарищи сидят сейчас по кабакам, лакают джин да щупают девок, а эти — вон какие чинные. Копят себе королевское жалованье, зубрят артиллерийскую арифметику, а потом вернутся домой, чтобы работать на железных дорогах и верфях, карабкаться вверх по социальной лестнице.

Если уж на то пошло, театр был набит такими карабкателями: лавочники, продавцы и провизоры со своими опрятными женами и отпрысками. Во времена Уолтера Джерарда Уайтчепел населяли злые тощие оборванцы, ни на секунду не расставшиеся с дубинками и ножами. Но с приходом радикалов все стало не так, теперь даже в Уайтчепеле появились добела отмытые, затянутые в корсеты женщины и придурковатые, вечно посматривающие на часы мужчины, читающие «Словарь полезных знаний» и «Журнал

нравственного развития» в надежде преуспеть.

Пламя в газовых рожках осело и потухло, оркестр грянул примитивное переложение песенки «Приди ко мне». Затем из-под сцены донеслось громкое «пых», вспыхнул калильный свет и занавес, прикрывавший до этого момента экран, разъехался в стороны. Сквозь гром музыки прорывалось пощелкивание встающих на место кубиков, по краям экрана возникла узорная рамка, нечто вроде черной изморози, а посередине — высокие причудливые литеры машинной готики, черные на белом:

КОМПАНИЯ
«ПАН-ОПТИК»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Из-за левой кулисы появилась грузная, неопрятная фигура Хьюстона. Чуть прихрамывая, герой дня направился по окутанной полумраком сцене к трибуне.

Сибил рассматривала генерала с любопытством и настороженностью — ей впервые представился случай взглянуть на Микова работодателя. Она уже видела в Лондоне достаточно американских беженцев, чтобы составить о них представление. Юнионисты, если у них были деньги, одевались

примерно так же, как обычные британцы, тогда как конфедераты имели склонность к нарядам ярким и аляповатым. Если судить по Хьюстону, техасцы представляли собой народ еще более странный и свихнутый. Генерал, крупный человек с красным мясистым лицом, возвышался — возможно, за счет тяжелых башмаков — на добрых шесть футов. Его широкие плечи были укутаны в длинное домотканое одеяло или попону, нечто вроде накидки с узором из каких-то дикарских полосок. Красное, черное и коричневое, это одеяло мело сцену «Гаррика», как тога трагика. В правой руке генерал держал толстую, красного дерева трость — не опирался на нее, а только небрежно помахивал, однако ноги его подкашивались. Сибил отлично видела, как дрожит золотая опушка лампасов.

Затем Сэм Хьюстон взошел на все еще затемненную трибуну, вытер нос и отпил из стакана чего-то, что явно не было водой. Над головой у него кинотроп выщелкнул цветную картинку: британский лев и нечто вроде длиннорогого быка. Братающихся зверей осеняли скрещенные государственные флаги Британии и Республики Техас. Одинаковая — сине-бело-красная — расцветка «Юнион Джека» и «Одинокой Звезды»

удачно подчеркивала их единство. Руки Хьюстона, скрытые трибуной, что-то там поправляли, скорее всего — небольшое зеркало, чтобы во время речи поглядывать на экран и ничего не перепутать.

Изображение снова стало черно-белым, кубики мигали, опрокидываясь ряд за рядом, как костяшки домино. Сверху вниз возник портрет, прорисованный чуть зазубренными линиями: высокий, с залысинами лоб, затем тяжелые брови, мясистый нос, окаймленный густыми бакенбардами. Тонкие губы решительно сжаты, подбородок вскинут. Затем под портретом возникла подпись: «ГЕНЕРАЛ СЭМ ХЬЮСТОН».

Вспыхнула вторая друммондова горелка, пятно света выхватило трибуну, отчего фигура генерала неожиданно появилась перед аудиторией. Сибил захлопала первой — и кончила хлопать последней.

— Премного вам благодарен, леди и джентльмены Лондона. — У Хьюстона был низкий хриплый голос умелого оратора, несколько подпорченный иностранной тягучестью. — Вы оказываете чужаку большую честь. — Он окинул взглядом партер. — Я вижу здесь немало джентльменов из войск Ее Величества. — Движением плеча он

распахнул свое одеяло, и приколотые к мундиру ордена резко вспыхнули в друммондовом свете. — Ваш профессиональный интерес весьма лестен, господа.

Впереди беспокойно ерзали дети. Один из мальчиков ткнул девочку — ту, что побольше, — в бок; девочка негромко взвизгнула.

— Я вижу тут и будущего британского воина!

Последовала россыпь удивленных смешков. Хьюстон скосился в зеркало, потом облокотился на трибуну; его тяжелые брови добродушно сошлись на переносице.

— Как тебя звать, сынок?

Вредный мальчишка вытянулся на своем стуле.

— Билли, сэр, — пропищал он. — Билли… Уильям Гринакр, сэр.

Хьюстон степенно кивнул:

— Скажите мне, мистер Гринакр, хотелось бы вам убежать из дому и жить с краснокожими индейцами?

— О да, сэр, — выпалил мальчишка и тут же поправился: — О нет, сэр!

В зале снова засмеялись.

— В вашем возрасте, мистер Гринакр, меня тоже манили приключения. И я послушался

этого зова.

Кубики за спиной генерала снова перетасовались, на экране возникла цветная карта, контуры различных американских штатов, причудливой формы провинции с малопонятными названиями. Хьюстон посмотрел в зеркало и заговорил быстрее:

— Я родился в американском штате Теннесси. Моя семья была из шотландских дворян, но жизнь на нашей маленькой пограничной ферме была тяжелая. Американец по рождению, я, однако, не питал верноподданнических чувств к далекому вашингтонскому правительству янки.

На экране возник портрет американского дикаря: безумное, утыканное перьями существо, на щеках — разноцветные полосы.

— За рекой от нас, — продолжал Хьюстон, — жило могучее племя чероки, безыскусные люди, исполненные врожденного благородства. Они привлекали меня гораздо больше, чем жизнь в среде американцев, чьи души, увы, разъедены алчностью, беспрестанной погоней за долларом.

Хьюстон сокрушенно покачал головой, показывая, насколько ему больно говорить британской аудитории об этой национальной слабости американцев. Вот он и расположил их к себе,

подумала Сибил.

— Чероки покорили мое сердце, — продолжал Хьюстон, — и я убежал к ним, не имея, леди и джентльмены, ничего, кроме куртки из оленьей кожи и «Илиады», великой поэмы Гомера.

По экрану кинотропа прокатилась снизу вверх волна, кубики сложились в черно-белый рисунок с греческой вазы: воин в шлеме с гребнем и с поднятым копьем. В левой руке воина был круглый щит с изображением распростершего крылья ворона. Картинка понравилась зрителям, кое-кто из них даже захлопал. Хьюстон отнес эти аплодисменты на свой счет и скромно, с достоинством кивнул.

— Дитя американского фронтира, — продолжил он, — я не могу утверждать, что получил хорошее образование, однако, похоже, я наверстал упущенное и смог возглавить нацию. В юности моими учителями были древние греки. Каждая строка поэмы слепого певца навечно запечатлелась в моей памяти. — Левой рукой Хьюстон поднял увешанный орденами лацкан. — Сердце в этой израненной груди, — он ударил в означенную грудь кулаком, — билось и бьется в такт благороднейшей из историй, чьи герои были готовы вызвать на бой самих богов и хранили

свою воинскую честь незапятнанной… до самой смерти!

Он замолчал. Через несколько секунд в зале захлопали — без особого, правда, энтузиазма.

— Я не видел противоречия между жизнью гомеровских героев и жизнью моих любимых чероки, — не сдавался Хьюстон.

На лице греческого воина проступила боевая раскраска, его копье обросло перьями и стало похожим на индейский охотничий дротик.

Хьюстон заглянул в свои заметки:

— Вместе мы охотились на медведей, оленей и кабанов, вместе ловили рыбу в прозрачных струях и растили золотую кукурузу. У костра, под звездным небом, я рассказывал своим краснокожим братьям о нравственных уроках, какие мое юношеское сердце почерпнуло из слов Гомера. И потому они нарекли меня Вороном, в честь пернатого духа, которого они почитают мудрейшей из птиц.

Грек распался, вместо него на экране раскинул крылья величественный ворон с полосатым щитом на груди. Сибил его узнала. Это был американский орел, символ их разобщенного союза. Однако здесь белоголовый хищник янки превратился в черного ворона Хьюстона. Ловко

придумано. Даже слишком ловко: два кубика в левом верхнем углу экрана заело на осях, и там остались синие пятнышки — погрешность мелкая, но раздражающая, как соринка в глазу. Кинотроп «Гаррика» еле справлялся с Миковыми изысками.

Отвлекшись, Сибил потеряла нить повествования.

— …Призывный клич боевой трубы в лагере волонтеров Теннесси.

Возник еще один кинопортрет: человек, очень похожий на Хьюстона, но с высокой копной волос и впалыми щеками, означенный как «ГЕН. ЭНДРЮ ДЖЕКСОН».

В зале послышалось шиканье, инициаторами которого были, скорее всего, солдаты; толпа зашевелилась. Некоторые британцы все еще поминали Гикори Джексона без особой приязни. По словам Хьюстона, Джексон храбро сражался против индейцев и даже был одно время президентом Америки; но все это упоминалось мельком. В первую очередь он восхвалял Джексона как своего учителя и покровителя, «честного солдата, который ценил в людях их внутреннюю сущность, а не богатство и умение пускать пыль в глаза»; зал захлопал, но как-то уж очень жидко

и неуверенно.

Теперь на экране возникла другая картина, нечто вроде примитивного пограничного форта. Хьюстон пустился в разглагольствования о какой-то осаде в самом начале своей военной карьеры, когда он участвовал в кампании под командованием Джексона против индейцев племени крик. Однако внимание естественной своей аудитории, солдат, он, похоже, потерял — трое ветеранов Крыма из одного с Сибил ряда продолжали поносить Гикори Джексона. «Эта проклятая война закончилась еще до Нового Орлеана…»

Зловещий кроваво-красный цвет внезапно залил экран — скрытый под сценой Мик поставил светофильтр. Пушки форта окутались клубами порохового дыма, пронеслись крошечные, в один элемент экранного изображения, пушечные ядра, все это сопровождалось глухим грохотом — теперь Мик молотил в литавры.

— Ночь за ночью до нас доносились жуткие, леденящие кровь боевые песни крикских фанатиков, — выкрикнул Хьюстон. Яркое освещение превратило его в огненный столп, будто подпиравший экран. — Нужно было идти на приступ, врукопашную, с клинками в руках! Говорили, что штурмовать эти ворота — значит идти на вер-

ную смерть… Но недаром я был теннессийским волонтером…

К крепости метнулась крохотная, в несколько черных квадратиков, фигурка, затем вся сцена потемнела; раздались удивленные аплодисменты. Галерка пронзительно свистела. Потом Хьюстона вновь окружил ореол друммондова света. Генерал принялся похваляться своими ранами: две пули в руку, ножевой удар в ногу, стрела в живот — Хьюстон не произнес этого вульгарного слова, а лишь настойчиво потирал соответствующую область жилета; можно было подумать, что у него желудочные колики. Всю ночь он пролежал на поле битвы, а потом много дней его везли по бездорожью, на провиантной телеге, истекающего кровью, в бреду от болотной лихорадки…

Клеркообразный сосед Сибил сунул в рот очередной леденец и взглянул на карманные часы. Теперь, когда Хьюстон повествовал о своем долгом балансировании на грани смерти, в похоронной черноте экрана стала медленно проступать пятиконечная звезда. Один из заклиненных кубиков сумел наконец провернуться, но зато застрял другой, справа внизу.

Сибил с трудом подавила зевок.

Хьюстон начал рассказывать о том, как пришел

в американскую политику, главным образом — дабы спасти от гонений своих любимых чероки; звезда разгоралась все ярче. При всей экзотичности антуража это был, по сути, тот же пустопорожний треп, какой можно услышать на любом предвыборном митинге; зал начинал проявлять нетерпение. Зрители охотнее послушали бы про войну или о жизни среди индейцев, Хьюстон же долдонил о том, как его выбирали в какой-то недоделанный парламент, о каких-то своих непонятных должностях в провинциальном правительстве, и все это время звезда росла и хитрым образом корежилась, превращаясь в герб штата Теннесси.

Веки Сибил тяжелели, опускались, а генерал продолжал вещать.

И вдруг тон Хьюстона изменился, стал сентиментальным; странным образом даже неприятная его манера растягивать слова казалась теперь нежной, почти чувственной. Речь пошла о женщине.

Сибил выпрямилась и навострила уши.

Хьюстон был избран губернатором, сколотил себе капиталец и зажил припеваючи. Со временем он нашел себе подружку, какую-то теннессийскую барышню, а там и женился.

Но на киноэкране от краев к центру ядовитыми змеями сползались щупальца тьмы. Они угрожали теннессийскому гербу.

Едва Хьюстоны успели свить себе гнездышко, как новоиспеченная миссис Хьюстон взбрыкнула и сбежала домой, к мамочке. Она оставила письмо, сказал Хьюстон, письмо, содержавшее ужасную тайну. Тайну, которую он никому и никогда не открывал и поклялся унести с собой в могилу.

— Личное дело, про такое не может и не должен говорить человек чести. Это было для меня страшным ударом…

На него ополчились газеты. И кто бы мог подумать, что у них там, в Теннесси, есть газеты?

— Клеветники и сплетники, — стенал генерал, — излили на меня яд своей ненависти. — На экране снова появился греческий щит с вороном, и в него полетели черные комки, судя по всему — грязь.

Откровения становились все более шокирующими. Генерал довел дело до конца, развелся с женой — событие ужасное, почти небывалое. Общественность, естественно, возмутилась и вышвырнула его с должности. Было странно, с какой это стати Хьюстон заговорил о столь безобразном

скандале, неужели он надеется, что лондонские слушатели одобрят разведенного мужчину. И все же, как заметила Сибил, дамы слушали это горестное повествование с напряженным интересом — и не без симпатии. Даже толстая мамаша нервно обмахивала свой двойной подбородок веером.

А что, собственно, удивляться, ведь этот человек (иностранец, да к тому же, по собственному признанию, полудикий) говорил о своей жене с нежностью, как об истинной любви, загубленной какой-то жестокой и таинственной правдой. Его грохочущий голос срывался от наплыва чувств; он несколько раз промокнул лоб модным кружевным платочком, извлеченным из жилетного кармана. Жилет у него был меховой, леопардовый.

К тому же он недурен собой, подумала Сибил. За шестьдесят, почти старик, но такие даже лучше, они относятся к девушке с большим сочувствием. Его признания выглядели смело и мужественно, ведь это он сам вытащил наружу это давнее скандальное дело с разводом и с таинственным письмом миссис Хьюстон. Он говорил обо всем этом без остановки, но не выдавал тайны, все более разжигая интерес слушателей — Сибил и

сама умирала от любопытства.

Ну вот, обругала она себя, развесила, дура, уши, а ведь дело-то все наверняка простое и глупое и вполовину не столь глубокое и загадочное, как он изображает. И барышня эта вряд ли была таким уж ангелочком, вполне возможно, что девичья ее добродетель была уже похищена каким-нибудь смазливым теннессийским бабником задолго до появления Ворона Хьюстона. Мужчины придумали для своих невест строгие правила, сами вот только никогда им не следуют.

А может, Хьюстон сам во всем и виноват. Может, у него были какие-нибудь дикие представления о семейной жизни, после всех-то этих лет с дикарями. Или, может быть, он лупцевал супругу чем ни попадя — легко себе представить, каким буяном может быть этот человек, когда выпьет лишнего.

На экране появились гарпии, символизировавшие клеветников Хьюстона, тех, кто замарал его драгоценную честь чернилами бульварной, помоечной прессы, — отвратительные горбатые существа, черные и красные; экран тихо жужжал, и они перебирали раздвоенными копытами. Сибил в жизни не видела ничего подобного; напился, наверное, этот манчестерский спец до зеленых чертиков, вот и стал изображать такие

ужасы. Теперь Хьюстон рассуждал о вызовах и чести, то бишь о дуэлях; американцы — отъявленные дуэлянты, они прямо-таки влюблены в свои ружья-пистолеты и способны угробить друг друга не за понюх табаку. Он убил бы пару-другую подлых газетчиков, громогласно настаивал Хьюстон, не будь он губернатором и не будь это ниже его достоинства. Так что он оставил борьбу и вернулся к своим драгоценным чероки. На бравого генерала было жутко смотреть, настолько распалил он себя собственным красноречием. Аудитория тихо веселилась, обычная британская сдержанность не устояла перед вылезающими из орбит глазами и налитыми кровью жилами техасца. Веселье это, однако, опасно граничило с брезгливым отвращением.

А вдруг, думала Сибил, растирая в кроличьей муфте озябшие руки, он сделал что-нибудь ужасное? Вдруг он заразил жену стыдной болезнью? Некоторые виды этой болезни просто кошмарны: могут свести с ума, оставить слепым или калекой. Возможно, в этом и заключается его тайна. Мик — вот кто должен знать. Мик наверняка знает.

Хьюстон тем временем объяснял, что он с отвращением оставил Соединенные Штаты и отправился в Техас; при этих его словах появилась

карта, посреди континента расплылось большое пятно с надписью «ТЕХАС». Хьюстон заявил, что он отправился туда в поисках свободных земель для своих несчастных страдающих чероки, но все это было не слишком вразумительно.

Сибил спросила у соседа время. Прошло около часа. Кончалась первая треть речи. Скоро ее выход.

— Представьте себе страну, — говорил Хьюстон, — во много раз большую ваших родных островов. Страну, где нет настоящих дорог — только протоптанные индейцами тропы, где не было в те дни ни одного паровоза, ни одной мили рельсового пути, не говоря уж о телеграфе. Даже я, главнокомандующий национальных сил Техаса, не имел для передачи своих приказов средства более быстрого и надежного, чем верховые курьеры, чей путь преграждали команчи и каранкава, мексиканские патрули и бессчетные опасности диких прерий. Стоит ли удивляться, что полковник Тревис получил мой приказ слишком поздно и трагичнейшим образом понадеялся на то, что с минуты на минуту подойдет отряд полковника Фаннина. Окруженный силами неприятеля, в пятьдесят раз превышающими его собственные, полковник Тревис провозгласил: «Победа или

смерть», — прекрасно понимая, что исход сражения предрешен. Защитники Аламо пали все до последнего человека. Благородный Тревис, бесстрашный полковник Боуи и легендарный Дэвид Крокетт…

Господа Тревис, Боуи и Крокетт получили по трети киноэкрана; от такой тесноты их лица стали несколько квадратными.

— …купили драгоценное время для моей фабианской стратегии!

И еще, и еще, и все — про войну. Теперь генерал сошел с трибуны и начал тыкать своей тростью в экран.

— Силы Лопеса де Санта-Аны располагались здесь — с лесом по левому их флангу и речными болотами Сан-Хасинто в тылу. Его саперы окружили обоз окопами и частоколом из заостренных бревен — все это обозначено здесь. Однако моя армия из шести сотен человек, преодолев втайне от неприятеля Бернемовский брод, заняла лесистую заболоченную низину Буффало. Атака началась коротким артобстрелом из техасского центра… Теперь мы видим передвижения техасской легкой кавалерии… Пехота смяла врага, мексиканцы в панике бежали, бросив артиллерию, которую они даже не успели поставить на лафеты.

Голубые квадраты и ромбы медленно наседали на прогибающиеся красные полосы мексиканских полков, преследуя их по бело-зеленой мешанине болот и лесов. Сибил поерзала на сиденье, пытаясь облегчить боль в натертых кринолином ягодицах. Кровожадная похвальба Хьюстона достигла апогея.

— Окончательный подсчет показал: погибли двое техасцев и шестьсот тридцать захватчиков. Трагедии Аламо и Голиада были отомщены кровью сантанистов! Две мексиканские армии были полностью разгромлены, мы захватили четырнадцать офицеров и двадцать пушек!

Четырнадцать офицеров и двадцать пушек — вот оно, пора.

— Отомстите за нас, генерал Хьюстон! — взвизгнула Сибил, но горло у нее перехватило от страха, и крик получился еле слышный. Она сделала еще один заход, заставила себя встать на ноги и взмахнуть рукой. — Отомстите за нас, генерал Хьюстон!

Хьюстон смолк в некотором замешательстве.

— Отомстите за *нашу* честь, сэр! — пронзительно кричала Сибил. — Отомстите за честь *Британии*!

В зале зашумели и зашевелились; Сибил

чувствовала на себе взгляды, шокированные взгляды, какими награждают помешанных.

— Мой брат… — выкрикнула она, но от страха не сумела продолжить. Это было хуже, чем петь со сцены, много хуже.

Хьюстон поднял обе руки, полосатое одеяло широко распахнулось и стало похоже на тогу античного героя. Странным образом этот жест успокоил людей, снова переключил их внимание на генерала. Над его головой медленно остановился кинотроп, кубики повернулись раз, другой и замерли, оставив победу при Сан-Хасинто незавершенной.

— В чем дело, юная леди? Что вас тревожит? Скажите мне.

Суровый — и в то же время смиренный — взгляд Хьюстона горел желанием понять и помочь. Сибил схватилась за спинку переднего кресла, зажмурилась и пошла по заученному тексту:

— Сэр, мой брат — в техасской тюрьме! Мы — британцы, но техасцы бросили его в тюрьму, сэр! Они отняли ферму и скот! Они украли даже железную дорогу, на которой он работал. Британскую железную дорогу, построенную для Техаса… — Ее голос сорвался.

Мику это не понравится. Мик будет ругаться.

Эта мысль встряхнула Сибил, влила в нее новые силы, заставила открыть глаза.

— Этот режим, сэр, воровской техасский режим… Они украли британскую железную дорогу! Они ограбили рабочих в Техасе и акционеров здесь, в Британии, никому ничего не заплатили.

С исчезновением яркой игры картинок кинотропа атмосфера в театре изменилась. Все обрело некую странную интимность, словно она и генерал оказались каким-то образом в одной рамке, две фигуры на посеребренном дагеротипе. Молодая лондонская женщина в шляпке и элегантной шали с красноречивым отчаянием взывает к старому чужеземному герою; два актера под удивленными взглядами безмолвной публики.

— Вы пострадали от хунты? — спросил Хьюстон.

— Да, сэр! — крикнула Сибил, в ее голосе появилась заученная дрожь. «Не пугай их, — учил Мик, — бей на жалость». — Да, это сделала хунта. Они швырнули моего брата в свою кошмарную тюрьму безо всякой вины, сэр. Мой несчастный брат попал в тюрьму только потому, что он был человеком Хьюстона! На выборах президента Техаса он голосовал за вас! Он проголосовал бы за вас и сегодня, но я очень боюсь, что они скоро

его убьют!

— Как звать вашего брата, моя дорогая леди? — встревожился Хьюстон.

— Джонс, сэр, — торопливо крикнула Сибил. — Эдвин Джонс из Накогдочеса, он работал на железнодорожную компанию Хеджекокса.

— Кажется, я помню молодого Эдвина! — объявил Хьюстон, в голосе его звучало удивление. Он сжал трость и гневно нахмурился.

— Слушай, Сэм, слушай! — прогремел низкий голос.

Сибил встревоженно обернулась. Это был человек из «Аргайл румз» — толстый рыжий актер в бархатном жилете.

— Эти мошенники из хунты прибрали хеджекоксовскую железную дорогу к своим грязным лапам! Хорошенькие дела, и это, считается, наши союзники! Так-то они отблагодарили Британию за столько лет и защиты, и помощи! — Пузатый актеришка сел.

— Они просто воры и бандиты! — резво продолжила Сибил. Она порылась в памяти, вспоминая роль. — Генерал Хьюстон! Я беззащитная женщина, но вы человек высокого полета, человек великих свершений! Неужели в Техасе невозможна справедливость? Неужели все эти злодеяния

так и останутся неотомщенными? Неужели мой несчастный брат сгниет в этом кошмарном застенке, а жулики и тираны так и будут красть нашу британскую собственность?

Но цветистую риторику Мика заглушал нарастающий в зале шум. Сквозь общее одобрительное бормотание прорывались отдельные громкие выкрики; засевшие на галерке мальчишки радостно вопили.

Ну что ж, деньги плочены — надо развлекаться. Может быть, подумала Сибил, кто-то из них поверил в трогательную историю, проникся жалостью. Большинство же просто гогочет и упражняется в остроумии, радуясь нежданному оживлению занудной лекции.

— Сэм Хьюстон всегда был верным другом Британии! — взвизгнула она в поднятые лица зрителей.

Бесполезные слова потерялись в шуме. Сибил прижала руку ко взмокшему лбу. Сочиненные Миком реплики кончились, так что она позволила своим дрожащим ногам подломиться и упала в кресло.

— Воздуху мисс Джонс! — встревоженно громыхнул Хьюстон. — Леди дурно!

Сквозь полуприкрытые веки Сибил смотрела

на расплывчатые фигуры обступивших ее людей. Темные фраки и шорох кринолина, тонкие духи, мужской запах табака; кто-то взял ее за руку и стал щупать пульс. Одна из женщин обмахивала Сибил веером, тихонько подкудахтывая. Господи, брезгливо съежилась Сибил, да это же толстая мамаша из переднего ряда. С этим невыносимым масленым видом доброй женщины, исполняющей свой нравственный долг. Ее передернуло от стыда и отвращения. На какое-то мгновение она почувствовала неподдельную слабость, с покорной легкостью погружаясь в тепло их заботы; с полдюжины хлопотунов бормотали вокруг нее, притворяясь — или искренне считая? — будто что-то понимают в таких вещах. Хьюстон же тем временем гремел что-то со сцены, хрипло и возмущенно.

Она позволила поставить себя на ноги. Увидев это, Хьюстон замолк; зал негромко зааплодировал. Сибил чувствовала себя слабой, опустошенной. Она бледно улыбнулась и покачала головой, страстно желая сделаться невидимой.

— Сэр, помогите мне, пожалуйста, выйти, — прошептала она мужчине, щупавшему ей пульс.

— Я провожу леди домой, — сообщил окружающим невысокий человек с умными голубыми

глазами и первыми признаками седины в разделенных на пробор волосах. Он накинул пелерину, надел цилиндр и галантно предложил даме чуть согнутую в локте руку. Сибил почти повисла на своем спасителе и вышла в проход, пряча глаза от окружающих. Теперь зрители были в полном восторге. Возможно, они только теперь начали воспринимать Хьюстона как человека, а не как некий диковинный экспонат.

Маленький джентльмен отвел перед Сибил замызганную бархатную портьеру, и они вышли в фойе, сырое, холодное помещение с грязными подтеками на искусственном мраморе стен и облезлыми купидонами.

— Вы очень любезны, сэр. Даже не знаю, что бы я делала без вашей великодушной помощи, — осторожно закинула удочку Сибил. Судя по виду, у этого человека могут быть деньги. — Вы, наверное, врач?

— Учился когда-то, — пожал плечами джентльмен; на его щеках пылали красные пятна.

— Это накладывает особый отпечаток, — сказала Сибил без какой-либо определенной цели, а просто чтобы не молчать. — Я имею в виду серьезное образование.

— Да нет, мадам. Ко мне это вряд ли относится.

Я не столько изучал науки, сколько виршеплетствовал. Должен сказать, вы сейчас выглядите вполне оправившейся. Очень жаль, что вашего брата постигло такое несчастье.

— Благодарю вас, сэр. — Сибил искоса взглянула на несостоявшегося медика. — Боюсь, я вела себя несколько опрометчиво, но меня захватило красноречие генерала Хьюстона.

Он бросил на нее скептический взгляд — взгляд мужчины, подозревающего, что женщина водит его за нос.

— Честно говоря, я не разделяю вашего энтузиазма. — Джентльмен судорожно закашлялся в скомканный носовой платок, потом вытер им рот. — Этот лондонский воздух когда-нибудь меня прикончит.

— И тем не менее я благодарю вас, сэр. Жаль, конечно, что никто нас не познакомил…

— Китс, — представился джентльмен. — Мистер Китс. — Он вытащил из жилетного кармана серебряный хронометр, прибор размером с небольшую картофелину, и взглянул на один из многочисленных циферблатов. — Мне не очень знаком этот район, — неуверенно сказал он. — Я думал поймать для вас кабриолет, но в такой час…

— О нет, мистер Китс, благодарю вас, я прекрасно доеду подземкой.

Глаза джентльмена удивленно расширились. Ни одна респектабельная женщина не поедет подземкой без провожатого.

— Но вы так и не назвали мне свою профессию, мистер Китс, — сказала Сибил в надежде отвлечь его от своего грубого ляпа.

— Кинотропия, — ответил Китс. — Приемы, использованные в сегодняшнем шоу, крайне интересны. Притом что разрешение экрана более чем скромно, а скорость замены просто черепашья, удалось достичь воистину замечательных эффектов, надо думать — посредством алгоритмического сжатия… Боюсь, я утомляю вас техническими вопросами. — Он убрал хронометр. — Так вы решительно отказываетесь от моих услуг в поисках кеба? Вы хорошо знаете Лондон, мисс Джонс? Я мог бы сопроводить вас к ближайшей остановке омнибуса — это такой безрельсовый экипаж…

— Нет, сэр, благодарю вас. Вы были исключительно добры.

— Всегда к вашим услугам, — с плохо скрываемым облегчением сказал мистер Китс и придержал перед Сибил створку стеклянных две-

рей. В то же мгновение откуда-то сзади появился тощий мальчишка; он проскользнул мимо них и выскочил на улицу. На плечах мальчишки болтался длинный грязный брезентовый плащ, вроде рыбацкого. Странная одежда для лекции, подумала Сибил, хотя на бедных можно увидеть и не такое. Рукава дождевика свободно болтались, как будто мальчишка обнимал себя руками — может быть, от холода, — да и шел он как-то странно, согнувшись в три погибели, словно пьяный или больной.

— Эй! Молодой человек!

Мистер Китс извлек монету, и Сибил догадалась, что он хочет послать мальчишку за кебом. Мальчишка обернулся — влажный блеск испуганных глаз на бледной маске лица — и тут же рванул вперед, явно не настроенный выполнять какие бы то ни было поручения. Не успел он пробежать и нескольких шагов, как из-под грязного дождевика вывалился некий темный круглый предмет — вывалился, весело запрыгал по мостовой и завершил свой путь в сточной канаве. Мальчишка настороженно оглянулся на Сибил и мистера Китса.

— Да это же шляпа! — догадалась Сибил. — Цилиндр.

Мальчишка потрусил назад, по-прежнему не спуская с них глаз, подхватил цилиндр, сунул его за пазуху и растворился во тьме, хотя на этот раз не столь поспешно.

— Ну надо же, — с отвращением проговорил мистер Китс. — Да этот малец — вор! Его макинтош набит шляпами зрителей!

Сибил не нашлась что ответить.

— Надо думать, мошенник воспользовался суматохой, которую вы учинили. — В голосе Китса проскальзывало подозрение. — Жаль! В наше время никогда не знаешь, кому доверять.

— Сэр, по-моему, вычислитель уже разводит пары для кинотропа…

Мистер Китс нырнул в двери театра столь поспешно, что даже не попрощался с дамой.

* * *

«Вытяжная вентиляция, — писала «Дейли Телеграф», — заметно улучшила воздух в метрополитене, однако лорд Бэббидж придерживается мнения, что современная подземная дорога должна работать исключительно на принципах пневматики, без сгорания какого бы то ни было топлива, подобно тому, как в Париже передается почта».

Сидя в вагоне второго класса и стараясь не дышать слишком глубоко, Сибил думала, что все это чистый треп, по крайней мере в том, что касается «улучшения», ну а насчет будущего — там дело другое, радикалы способны сотворить любые чудеса. Только разве не в их газетах печатались статьи продажных врачей, что, мол, сернистый дым полезен от астмы? Дым… а тут ведь не только паровые машины дымят, тут еще и зловоние сточных вод, просачивающихся в туннель, и утечки из резиновых баллонов, питающих эти вот, в стеклянных абажурах и проволочных сетках, газовые рожки, да чего тут только нет.

Странное это дело, подземка, если думать о ней, сидя в громыхающем поезде, который несется сквозь тьму под Лондоном, где работяги наткнулись на свинцовые трубы римского водопровода, на монеты, и мозаики, и подземные ходы, и слоновьи бивни тысячелетней давности…

А проходка продолжалась — сегодня, как и во все прочие ночи, — потому что, стоя рядом с Миком на тротуаре Уайтчепела, она слышала пыхтение огромных машин. Экскаваторы работали беспрестанно, выкапывая новые, все более глубокие линии под лабиринтами канализационных и газовых труб, под изгнанными

с поверхности вглубь земли, превращенными в улицы речками. Новые линии одеваются сталью, и скоро бездымные поезда лорда Бэббиджа заскользят по ним беззвучно, как угри, хотя в этом было что-то нечистое.

Резкий толчок потревожил подачу газа, и все лампы вагона вспыхнули разом; лица пассажиров вынырнули из полумрака: смуглый господин, чем-то похожий на удачливого трактирщика, круглощекий старый квакерский священник, пьяный денди в пальто нараспашку, канареечный жилет густо забрызган кларетом…

Женщин, кроме нее, в вагоне не было.

«Прощайте, милостивые господа! — мысленно воскликнула Сибил. — Оставайтесь в своем Лондоне». Отныне она авантюристка, присягнувшая на верность учителю, она на пути в Париж, пусть даже первый этап этого пути — будничное, за два пенни, возвращение в Уайтчепел…

Священник поднял голову, заметил Сибил и брезгливо скривился.

* * *

Холод стоял собачий, у Сибил зуб на зуб не попадал; по пути на улицу Флауэр-энд-Дин она успела сто раз пожалеть, что вышла из дома не в привыч-

ной теплой накидке, а в этой щегольской шали. В лужах газового света свежезаасфальтированная мостовая искрилась злым, колючим инеем.

Из месяца в месяц булыжник лондонских улиц исчезал под липкой черной массой, которая раскаленным вонючим потоком извергалась из утроб огромных фургонов; чумазые рабочие разравнивали ее граблями, затем приезжал паровой каток.

Мимо пронесся смельчак, в полной мере использующий преимущества новой шершавой поверхности. Парень полулежал в поскрипывающей раме четырехколесного велосипеда, ботинки его были привязаны к педалям, изо рта вырывались белые клубы пара. Он был с непокрытой головой, в защитных очках и в костюме из толстого полосатого джерси, за спиной трепетал длинный вязаный шарф. Изобретатель…

Лондон прямо кишел изобретателями; те, что победнее и побезумнее, сходились на площадях, чтобы, разложив чертежи и модели, изводить прохожих своей болтовней. За последнюю только неделю Сибил успела полюбоваться на зловещего вида приспособление для завивки волос электричеством, детский волчок, игравший Бетховена, и устройство для гальванического серебрения

трупов.

Свернув с асфальта на булыжную мостовую Рентон-пасседж, она различила вдалеке вывеску «Оленя» и услышала дребезжание пианолы. Это миссис Уинтерхолтер устроила ей комнату над «Оленем». Сам по себе этот паб был местом вполне приличным, женщины в него не допускались. Приказчики и клерки, составлявшие основную массу посетителей «Оленя», стекались сюда ради новомодного развлечения — игральной машины.

Жилые комнаты располагались над трактиром, к ним вела крутая лестница, не освещенная ничем, кроме окна в крыше, покрытого толстым слоем копоти. Выходила лестница на площадку с парой совершенно одинаковых дверей; правая квартира сдавалась жильцам, левую мистер Кэрнз, домохозяин, оставил для себя.

Сибил вскарабкалась по ступеням, выудила из муфты коробок и щелкнула люцифер о стенку. Здесь, на площадке, Кэрнз держал свой двухколесный велосипед, приковав его цепью к железным перилам; в свете горящей спички ярко блеснул латунный висячий замок. Сибил потушила люцифер, надеясь, что у Хетти хватило ума не закрывать замок на защелку. Хватило — ключ

гладко повернулся в замке.

Тоби чуть не сшиб хозяйку; он выписывал восьмерки, бесшумно ступая по некрашеным доскам пола, отирался о ее ноги то с одной, то с другой стороны и оглушительно мурлыкал.

Масляная лампа, стоявшая в прихожей на столике, едва горела, над ней вился широкий язык копоти. Нагар нужно снять, подумала Сибил. И зря это Хетти оставила горящую лампу в таком месте, вот прыгнул бы Тоби, и что тогда? Но все-таки как приятно приходить в освещенную квартиру. Она взяла кота на руки и почувствовала запах рыбы.

— Так, значит, Хетти тебя покормила?

Тоби тихонько мяукнул и тронул лапой ленту ее капора.

Свет лампы плясал на стенах. В прихожей не было окна, сюда никогда не проникало солнце, и все же цветы на обоях поблекли, почти сравнялись по цвету с пылью.

В комнате Сибил было целых два окна; к сожалению, они упирались в глухую, заросшую копотью кирпичную стену, упирались почти буквально: только заколоченные оконные рамы мешали потрогать стену рукой. И все же погожим днем, когда солнце стояло высоко, сюда проника-

ло немного света. Комната Хетти попросторнее, зато окно там всего одно. Или спит уже Хетти, одна, безо всяких гостей, или дома ее нет — вон же, ни лучика света из-под двери.

Приятно было иметь собственную комнату, хоть какое-то уединение. Сибил опустила протестующего Тоби на пол и перенесла лампу в свою комнату. Там все было так, как она оставила перед уходом, хотя Хетти, похоже, заходила: на подушке лежал последний номер «Иллюстрейтед Лондон Ньюс». На передней полосе — гравюра, горящий город. Опять Крым. Сибил поставила лампу на потрескавшуюся мраморную крышку комода и задумалась, что делать дальше. Тоби вился вокруг ног, словно надеясь получить еще рыбы.

Тиканье большого жестяного будильника, казавшееся иногда невыносимым, теперь успокаивало; по крайней мере, часы идут, да и время на них вроде бы правильное, четверть двенадцатого. Сибил подзавела будильник — просто так, на всякий случай. Мик придет в полночь, а предстоит еще многое решить, он посоветовал не брать с собой слишком много вещей.

Она достала из комода щипцы для нагара, сняла с лампы стекло и привела фитиль в порядок. Свет

стал получше. В комнате было очень холодно; Сибил сменила шаль на старую теплую накидку, откинула крышку черного жестяного сундучка и взялась перебирать свои богатства. Две смены белья, а что еще? Чем меньше возьмешь с собой, тем больше вещей купит ей в Париже Денди Мик, так, и только так, должна рассуждать начинающая авантюристка!

Но были в сундучке и некоторые самые любимые вещи, расставаться с которыми просто сил не было; одна за другой все они отправились туда же, куда и белье, — в гобеленовый саквояж с разошедшимся швом («Ну сколько раз я себе говорила: почини, почини!»). Хорошенький флакончик розовой портлендской воды, наполовину полный, брошка с зелеными стразами (подарок мистера Кингсли), набор щеток для волос с ручками под черное дерево, миниатюрный пресс для цветов с видом Кенсингтонского дворца, немецкие щипцы для завивки, прихваченные как-то в парикмахерской. Чуть подумав, она добавила к ним зубную щетку с костяной ручкой и жестяную коробочку камфорированного зубного порошка.

Покончив со сборами, Сибил взяла крохотный посеребренный выдвижной карандашик, подарок мистера Чедвика, и присела на край кровати,

чтобы написать записку Хетти. На карандаше была гравировка: «Корпорация столичной железной дороги»; из-под вытертого серебра начинала проглядывать латунь. Писать пришлось на рекламке растворимого шоколада, другой бумаги в комнате не было.

«Моя дорогая Харриет, — начала Сибил, — я уезжаю в Париж…»

Тут она помедлила, сняла колпачок карандаша, прикрывавший резинку, и стерла два последних слова.

«…уезжаю с одним джентльменом. Не тревожься. Со мной все в порядке. Бери из моей одежды все, что хочешь. Позаботься, пожалуйста, о Тоби, корми его рыбой. Искренне твоя, Сибил».

С каждым написанным словом Сибил чувствовала себя все тревожнее, а затем она посмотрела на Тоби и чуть не заплакала: «Предательница я, самая настоящая предательница». Следом за мыслью о собственном предательстве неожиданно пришла полная уверенность в предательстве Мика.

— Нет, он *придет*, — яростно прошептала Сибил; поставив лампу на узкую каминную полку, она придавила ею сложенную вдвое записку.

На каминной полке лежала плоская яркая же-

стянка с названием дорогой табачной лавки на Стрэнде. Сибил знала, что там турецкие сигареты. «Попробуй, вот увидишь, тебе понравится», — убеждал ее в прошлом месяце один из молодых джентльменов Хетти, студент-медик. Вообще-то, Сибил сторонилась медиков — изучают всякие гадости да еще этим гордятся, — но сейчас, в сильном нервном возбуждении, она открыла коробочку, вытащила хрусткий бумажный цилиндр и вдохнула резкий пряный запах.

Мистер Стэнли, хорошо известный среди модной публики адвокат, беспрестанно курил сигареты. Во времена их с Сибил знакомства Стэнли часто говаривал, что сигарета для игрока — первое дело, нервы укрепляет.

Сибил вставила сигарету меж губ, в точности как это делал Стэнли, и чиркнула люцифер, не забыв, что нужно переждать, пока сгорит шарик серы на конце, и уж только потом поднести палочку к сигарете. Она опасливо затянулась, получила в награду порцию едкого, отвратительного дыма и судорожно закашлялась. «Да выбросить нужно эту гадость», — думала Сибил, вытирая брызнувшие из глаз слезы. Но упрямство оказалось сильнее: она встала перед камином, время от времени затягиваясь сигаретой и сбра-

сывая хрупкий бледный пепел на угли, точно так же, как это делал Стэнли.

Нет, решила Сибил через пару минут, долго я такого не вынесу, да и где же, кстати, обещанный эффект? И тут ей стало совсем плохо, к горлу подступила тошнота, руки стали ледяными. Задыхаясь от кашля, она уронила сигарету на угли; та вспыхнула ярким пламенем и мгновенно рассыпалась в пепел.

Будильник тикал, тикал и тикал…

Биг-Бен прозвонил полночь.

Где же Мик?

* * *

Сибил проснулась в темноте, исполненная безликого, безымянного страха. Потом она вспомнила о Мике. Масло в лампе кончилось. Камин потух. С трудом поднявшись на ноги, она нащупала коробок люциферов; жестяное тиканье будильника привело ее к комоду.

Освещенный серной спичкой циферблат качнулся и поплыл куда-то в сторону.

Половина второго.

Может, он приходил, пока она спала, постучал, не достучался и ушел? Нет, только не Мик, уж он-то что-нибудь придумал бы, не ушел бы

так просто, не проверив, дома она или нет. Так, значит, он попросту ее кинул, кинул как дуру последнюю — а кто же она еще, если не дура? Развесила уши, размечталась — Париж, Париж, поедем в Париж!

Ее охватило странное спокойствие, все приобрело безжалостную, как в свете калильной горелки, отчетливость. Перед глазами встали маленькие цифры в углу билета — дата и время отправления парома. Мик отплывает из Дувра завтра вечером, так что спешить ему особенно некуда. Лекция кончается поздно, трудно поверить, что они с генералом Хьюстоном сорвутся с места глухой ночью — безо всякой к тому необходимости. Нужно идти в «Гранд», найти там Мика и поговорить с ним напрямую. Просить, угрожать скандалом, разоблачениями — да все, что угодно.

Деньги лежат в муфте. В Майнориз возле Гудменс-Ярда есть стоянка кебов — туда-то и нужно идти. Разбудить кебмена и ехать на Пикадилли.

Как только дверь за Сибил закрылась, из опустевшей квартиры донеслось жалобное мяуканье. Притаившийся в темноте велосипед больно ободрал ей лодыжку.

На полпути к Гудменс-Ярду она вспомнила о

забытом саквояже, но возвращаться не стала.

* * *

Сибил отпустила кеб за квартал от «Гранда» — не было ни малейшей надежды, что ночной швейцар, мрачный тяжеловес с ледяными глазами, длинными, до подбородка, бакенбардами и негнущейся ногой, встретит ее с распростертыми объятиями. Она заметила его издалека — здоровенный, весь в галунах громила околачивается на мраморных ступеньках парадного входа под затейливыми, с коваными дельфинчиками фонарями. Сибил знала швейцаров как облупленных — они играли в ее жизни весьма заметную роль.

Одно дело — войти в «Гранд» днем, под руку с Денди Миком. А вот нагло заявиться туда ночью, без провожатого — это уже совсем другое. Так поступают одни только шлюхи, а шлюху швейцар не пропустит ни под каким видом. Надо что-то придумать, историю какую-нибудь. Может, что и получится, если вранье будет звучать достаточно убедительно, а этот тип или глуп, или беспечен, или носом клюет, потерял бдительность. Или подкупить его, только вот денег после кеба осталось всего ничего. Еще слава богу, что одежда вполне пристойная — в ярких, как у потаскухи

какой-нибудь, тряпках и надеяться было бы не на что. А может, отвлечь его как-нибудь? Рассадить окно булыжником и проскочить, пока он там выясняет, что и почему. В кринолине не больно-то побегаешь, так ведь и он не самый главный спортсмен, с калечной-то ногой. А чтобы бегать поменьше, найти какого-нибудь оборванца, заплатить, и пусть он бьет окна, а самой притаиться рядом со входом…

Сибил стояла в тени у высокого ограждения строительной площадки, увешанного огромными, с простыню, рекламными плакатами. «ДЕЙЛИ НЬЮС» РАСХОДИТСЯ ПО ВСЕМУ МИРУ, сообщали отсутствующим в такое время суток прохожим яркие, несколько пострадавшие от дождя буквы. «ЛЛОЙД НЬЮС» — ВСЕГО ЗА ОДИН ПЕННИ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА, РЕМСГЕЙТ и МАРГЕЙТ, 7/6. Вынув руку из муфты, Сибил принялась грызть пропахший турецким табаком ноготь и лишь немного удивилась, что пальцы ее посинели от холода и отчаянно дрожат.

Спасла ее чистая удача, а может, на небесах кто-нибудь сжалился, — из-за угла донеслось громкое «чух-чух-чух», и к «Гранду» подкатил сверкающий паровой экипаж. Одетый в ярко-синюю ливрею машинист спрыгнул на мостовую и опу-

стил складную подножку. На улицу вывалилась шумная толпа пьяных французов в подбитых алым плащах, парчовых жилетах и с вечерними тросточками, украшенными кистями, двое из них — с подружками.

Сибил подобрала юбки и бросилась вперед. Словно пехотинец, умело использующий рельеф местности, она пересекла улицу под прикрытием сверкающего лаком экипажа, затем обогнула высокие, с деревянными спицами и резиновыми шинами колеса и смело присоединилась к компании. Французы парлевукали друг с другом, поглаживали усы и гоготали; Сибил они даже не заметили, а может, заметили, но только им было до фонаря, кто там к ним присоседился и зачем. Сибил благочинно улыбалась всем и никому в частности, стараясь держаться поближе к длинному, в драбадан пьяному парню. Гуляки, пошатываясь, взобрались по мраморным ступеням, а длинный с беспечной легкостью человека, не знающего цену деньгам, сунул в руку швейцара фунтовую банкноту. Тот ошалело сморгнул и почтительно тронул рукой раззолоченную фуражку.

Все прошло без сучка без задоринки. Вместе с не умолкающими ни на секунду французами Си-

бил пересекла пустыню полированного мрамора до конторки портье, где они разобрали ключи и, зевая и ухмыляясь, побрели вверх по плавно изгибающейся лестнице, оставив Сибил у конторки одну.

Ночной портье, понимавший по-французски, похохатывал над какой-то случайно услышанной фразой. Отсмеявшись, он скользнул вдоль сверкающей, красного дерева конторки.

— Чем могу служить, мадам? — На этот раз улыбка предназначалась лично Сибил.

— Не могли бы вы сказать мне, мистер Майкл… — Слова давались с трудом, она почти заикалась. — Или, скорее… генерал Сэм Хьюстон еще проживает у вас?

— Да, мадам. Я сам видел генерала Хьюстона в начале вечера. Но сейчас он в курительной комнате… Может быть, вы оставите для него сообщение?

— В курительной?

— Точно так, мадам. Это вон там, за акантом. — Портье кивнул в сторону массивной, украшенной растительным орнаментом двери в углу вестибюля. — Разумеется, дамы не ходят в курительную… Прошу прощения, мадам, я вижу, что вы несколько расстроены. Если дело важное, я могу послать

к нему рассыльного.

— Да, пожалуйста, — кивнула Сибил. — Это было бы чудесно.

Портье услужливо предложил лист роскошной кремовой бумаги с эмблемой отеля и собственную, с золотым пером самописку.

Поспешно набросав несколько строк, Сибил сложила записку и накорябала на обороте: «Мистеру Майклу Рэдли». Портье звякнул колокольчиком, поклонился в ответ на ее благодарности и вернулся к своим делам.

Через минуту унылый, судорожно зевающий мальчишка водрузил записку на выложенный пробкой поднос и потащился нога за ногу к резной двери.

— Это для личного секретаря генерала, — догнала его Сибил.

— Не бойтесь, мисс, я его знаю. — Одной рукой он потянул дверь курительной.

Пока дверь за рассыльным медленно закрывалась, Сибил успела разглядеть багровое, лоснящееся от пота, совершенно пьяное лицо Хьюстона и его ногу, бесцеремонно закинутую на стол; подошва тяжелого ботинка находилась в опасной близости от хрустального графина. Генерал сосредоточенно сосал трубку и что-то рубил

большим складным ножом… нет, строгал — пол вокруг кожаного кресла был усыпан стружкой.

Высокий бородатый англичанин, сидевший напротив Хьюстона, что-то негромко говорил. Правой рукой он разминал нераскуренную сигару, левая покоилась в белой шелковой перевязи; вид у незнакомца был печальный, благородный и очень значительный. Стоявший рядом с ним Мик был занят извлечением огня; чуть сложившись в талии, он чиркал по стальному огниву, прикрепленному к концу резиновой газовой трубки… и тут дверь захлопнулась.

Сибил присела в шезлонг; в гулком мраморном вестибюле было тепло, облепленные грязью туфли немного подсохли, онемевшие пальцы ног согрелись и мучительно ныли. Наконец тяжелая дверь распахнулась, первым из курительной вышел сомнамбулический рассыльный, следом за ним — широко улыбающийся Мик. На пороге Мик обернулся и взмахнул рукой, словно говоря кому-то: «Подождите немного, я сейчас, ненадолго». При виде Сибил его узкое лицо помрачнело.

Он быстро пересек вестибюль и схватил вскочившую на ноги Сибил за локоть:

— В бога душу! — Великий авантюрист говорил тихо, почти шепотом. — Что это еще за новости?

Ты что, совсем сдурела?

— Но почему? — взмолилась Сибил. — Почему ты не пришел за мной?

— Непредвиденные осложнения. Тот самый случай, когда собака кусает собственный хвост. Было бы смешно — не будь все так паскудно. Но раз ты здесь, все может повернуться иначе…

— Но что случилось? И что это за однорукий клиент?

— Британский трижды сучий дипломат, который, видите ли, не одобряет планы генерала собрать армию в Мексике. Да ты не бери в голову. Пусть о нем думают те, кто остается в Лондоне, а мы завтра уже будем во Франции. Хотелось бы надеяться, вот только генерал… Надрался в стельку и опять за старое. В пьяном виде этот тип — настоящее, прости господи, говно. Друзей забывает.

— Так он что, — догадалась Сибил, — надул тебя? Хочет от тебя отделаться?

— Он спер мои кинокарты, — бросил Мик.

— Но я же отправила их в Париж, пост-рестант, — удивилась Сибил. — Все, как ты велел.

— Да я не про те. Кинокарты к речи!

— Твои театральные карты? И он их украл?

— Он знал, что мне нужно будет упаковать

их вместе с другими вещами, чтобы везти во Францию, разве ты не понимаешь? Подсматривал, наверное, а потом взял да спер их из моего багажа. Говорит, что я ему больше не нужен, что он наймет какого-нибудь лягушатника и тот будет гонять ему кино по дешевке. Так прямо и говорит.

— Но это же воровство!

— Он предпочитает термин «заимствование». Говорит, что *снимет копию* и тут же отдаст мне колоду обратно. И что я вроде как ничего не теряю, представляешь?

Сибил была ошарашена. Может, он шутит?

— Но ведь это все равно воровство!

— А вот ты объясни это Сэмюэлю, мать его, Хьюстону! Он тут как-то спер целую страну — обобрал до нитки, подчистую!

— Но ты же — его человек! Ты не позволишь, чтобы он тебя обокрал!

— Ну, если уж на то пошло, — оборвал ее Мик, — ты могла бы поинтересоваться, на что я заказывал эту хитрую французскую программу. Ведь я, так сказать, позаимствовал на это деньги генерала. — Он хищно оскалился. — Первый, думаешь, раз мы друг другу такие сюрпризы устраиваем? Это ж вроде проверки на прочность.

Нашему драгоценному генералу палец в рот не клади; чтобы иметь с ним дело, нужно быть ой каким шустрым…

— Господи милосердный, — выдохнула Сибил, падая в шезлонг. — Мик, если б ты знал, чего я только не передумала…

— Так возьми себя в руки. — Мик выдернул ее из шезлонга. — Мне нужны эти карты, а они у него в комнате. Ты их отыщешь и заберешь, а я вернусь сейчас к ним, как ни в чем не бывало. — Он рассмеялся. — Сам же и виноват, организовал эту комедию на лекции, иначе он десять раз бы подумал, прежде чем выкинуть такой финт. А так послушал старый прохвост вас с Корни Симпсом, и взбрело в его тупую башку, что он и вправду здесь что-то значит и может крутить всеми как хочет и поплевывать. Ничего, мы с тобой его сделаем, еще как сделаем, он у нас волком выть будет…

— Мик, мне страшно, — сказала Сибил. — Я не умею воровать!

— Умеешь, умеешь, все ты прекрасно умеешь.

— А давай ты тоже пойдешь со мной и поможешь.

— Ни в коем случае! Он тогда сразу обо всем догадается. Я сказал им, что это один мой приятель

из газеты. Если я задержусь тут слишком долго, он нюхом почует, что тут что-то не так.

— Ладно, — уступила Сибил. — Дай мне ключ от его комнаты.

— Ключ? Нет у меня никаких ключей!

— Ну тогда и говорить не о чем, — облегченно вздохнула Сибил. — Ведь я же все-таки не взломщица.

— Тише ты, не ори на всю гостиницу, — яростно прошипел Мик.

Да он же пьяный, сообразила Сибил. Она никогда еще не видела Мика по-настоящему пьяным, сейчас же он был под крупным, очень крупным градусом. Это не сказывалось ни на голосе, ни на походке, однако придавало ему наглую, безумную смелость.

— Я достану тебе ключ. Подойди к конторке, поговори с этим типом. Займи его чем-нибудь. Только на меня не смотри. — Он подтолкнул ее в спину. — Действуй!

Охваченная ужасом, Сибил подошла к конторке. В дальнем ее конце стоял телеграфный аппарат, мерно тикающий латунный механизм на низкой мраморной подставке, украшенной гирляндами позолоченных виноградных листьев. Блестящая стрелка, вертящаяся под

невысоким стеклянным колпаком, указывала то на одну, то на другую букву расположенного по кругу алфавита. С каждым ее подрагиванием в мраморном основании что-то методично щелкало, и устройство выпускало новые четверть дюйма аккуратно перфорированной желтой бумажной ленты. Портье, пробивавший дыроколом стопку бумаг, оставил свое занятие, нацепил на нос пенсне и направился в ее сторону.

— Да, мадам?

— Мне нужно послать телеграмму. Это довольно срочно.

Портье без спешки, но быстро изготовил к работе откидной латунный перфоратор, пододвинул к себе маленькую коробочку с перфокартами и разлинованный телеграфный бланк. Затем он извлек самописку, ту самую, которой пользовалась недавно Сибил.

— Слушаю вас, мадам. Гражданский индекс?

— О… Чей индекс, мой или его?

— Это зависит от ваших намерений, мадам. Вы планируете платить через национальный кредит?

— А можно выписать счет на мою комнату? — увильнула от прямого ответа Сибил.

— Разумеется, мадам. Номер комнаты?

Сибил замялась:

— Пожалуй, я лучше заплачу наличными.

— Очень хорошо. Гражданский индекс адресата?

— Боюсь, я его не знаю. — Сибил нервно прикусила костяшку пальца.

— Но ведь вы *знаете* имя и адрес? — терпеливо спросил портье.

— О да, — обрадовалась Сибил. — Мистеру Чарльзу Эгремонту, Ч. П., «Буки», Белгрейвия, Лондон.

Клерк не торопясь вывел на бланке адрес.

— Посылать телеграмму по одному адресу, без индекса, заметно дороже, мадам. Вам есть прямой смысл направить ее через Центральное статистическое бюро.

Сибил не смотрела на Мика. Не позволяла себе смотреть. Теперь же углом глаза она увидела, как через вестибюль мелькнула темная фигура. Мик бежал, согнувшись чуть ли не вдвое, ботинки он снял, связал шнурками и повесил на шею. Добежав до высокой, по пояс, конторки, он схватился за нее обеими руками, взметнулся в воздух и исчез.

И все это — без единого звука.

— Это связано с тем, как машина обрабатывает

сообщения, — объяснял портье.

— Понятно, — кивнула Сибил. — Но индекса у меня нет, так что придется заплатить побольше. Это очень важно.

— Да, мадам. Нисколько не сомневаюсь. Продолжайте, пожалуйста, я запишу все под вашу диктовку.

— Думаю, мне не обязательно указывать свой адрес и сегодняшнюю дату? Я хочу сказать, телеграмма — это ведь не письмо, не так ли?

— Да, мадам.

— Или повторять в тексте его адрес?

— Краткость — суть телеграфии, мадам.

А Мик пробирается сейчас к доске с ключами. Сибил ничего не видела, однако ей казалось, что она слышит шорох его движений, почти что чувствует его запах, и портье стоит только взглянуть вправо, чтобы обнаружить, что к нему подползает полубезумный, скорчившийся, как обезьяна, вор.

— Запишите, пожалуйста, следующее… — Сибил на секунду смолкла. — Дорогой Чарльз. — Портье прилежно записывал. — Девять лет назад вы подвергли меня худшему бесчестью, какое только может выпасть женщине.

Портье в ужасе уставился на свою ручку; из-под

тугого крахмального воротничка поползла к щекам красная краска.

— Вы обещали спасти моего несчастного отца, а вместо того развратили меня душой и телом. Сегодня я покидаю Лондон в обществе влиятельных друзей. Им прекрасно известно, как вы предали Уолтера Джерарда и меня. Не пытайтесь отыскать меня, Чарльз. Это будет бесполезно. Я всем сердцем надеюсь, что вы и миссис Эгремонт уснете сегодня спокойно. — Сибил передернуло. — И подпись: Сибил Джерард.

— Да, мадам, — выдавил клерк.

А Мик снова перепрыгнул конторку, низко присел за ней, прячась от глаз портье, и заковылял прочь, как огромная, карикатурная утка. Мгновение спустя он скрылся за парой пухлых кресел.

— Сколько я вам должна? — вежливо осведомилась Сибил.

— Два шиллинга шесть пенсов. — Портье заикался и не смел поднять глаза.

Она вынула из муфты кошелек, отсчитала деньги и отошла, оставив красного, как рак, портье пробивать телеграфные карточки.

Мик лениво, словно в задумчивости, пересек вестибюль и остановился возле газетной стойки. Тут он наклонился и сделал вид, что завязывает

шнурки; в руке его блеснуло что-то металлическое. Не потрудившись даже поймать взгляд Сибил, Мик засунул ключ за бархатную подушку шезлонга, выпрямился, поправил галстук, смахнул с рукава невидимую соринку и прошел в курительную.

Сибил подошла к шезлонгу, присела, делая вид, что просматривает толстый, с раззолоченным корешком том ежемесячника «Доклады Королевского общества», и осторожно, кончиками пальцев, поискала за спиной ключ. Вот он, с номером 24 на медном овале головки. Устало — и по возможности благопристойно — зевнув, она встала и направилась по лестнице наверх — леди, заскучавшая над чрезмерно унылым журналом, удаляется к себе в номер.

Ноги у нее отчаянно ныли.

По пути к номеру Хьюстона в пустом, ярко освещенном коридоре Сибил изумилась своей нечаянной смелости, почти жалея об отправленной телеграмме. Нуждаясь в каком-нибудь драматичном послании, чтобы отвлечь портье, она вспомнила Чарльза Эгремонта и выплеснула наружу вскипевшую неожиданно ярость. Странно, даже неприятно — ведь она считала, что давно выбросила этого человека из головы.

Легко представить себе страх на лице Эгремонта, когда тот будет читать телеграмму. Она слишком хорошо помнила это пустое напыщенное лицо, лицо благостное, которое всегда извинялось, всегда поучало, и хныкало, и клянчило, и плакало — и делало гадости. Дурак, тупой, беспросветный дурак.

Он-то дурак, а кто такая *ты*? Раскисла, поддалась на уговоры Мика и вот теперь крадешься по коридору — очень правильное слово, именно *крадешься*, чтобы не щипцы какие-то там со столика в парикмахерской взять, а совершить самую настоящую *кражу*. Будь у тебя хоть на грош ума, вышла бы ты сейчас из этой гостиницы, затерялась в Лондоне и навсегда забыла бы про Мика, пусть ищет. Да и не стал бы он тебя искать. Клятва? А что клятва! Ну нарушила бы ты ее, добавила бы еще один грех к списку прочих, ничуть не меньших. Ну почему, почему ты здесь, почему ты позволяешь, чтобы он крутил тобой как хочет?

Она остановилась перед нужной дверью, оглядела пустынный коридор, повертела в пальцах украденный ключ. Почему она это делает? Потому что Мик сильный, а она слабая? Потому что ему известны тайны, неизвестные ей? Только сейчас у Сибил появилось подозрение, что она

влюбилась. Может быть, она действительно испытывает к Мику нечто вроде любви, а если да, то это многое объясняет, можно успокоиться и не изводить себя. Если это любовь, она вправе сжечь за собой все мосты, парить в небесах, жить, повинуясь сердцу, а не уму. И если она любит Рэдли, у нее есть наконец что-то, что она знает, а он нет. Тайна, принадлежащая ей, только ей.

Сибил опасливо оглянулась, вставила ключ в скважину и повернула. Проскользнув внутрь, она тихо прикрыла дверь и привалилась к ней спиной. Света в номере не было.

В воздухе явно ощущался запах гари — верное свидетельство, что где-то здесь стоит масляная лампа. Прямо напротив двери проступали контуры квадратного окна, из узкой щелки между неплотно сдвинутыми шторами сочился тусклый газовый свет. Сибил вытянула перед собой руки, оторвалась от двери и осторожно пошла по комнате; через несколько шагов она наткнулась на что-то громоздкое (бюро, как выяснилось позднее) и тут же заметила слабый отблеск света на ламповом стекле. Осторожно, чтобы ничего не уронить, она взяла лампу, встряхнула ее и услышала негромкое бульканье. Заправлена, так что теперь дело за люцифером.

Сибил ощупала бюро, немного удивилась, что все ящики выдвинуты, и начала их обшаривать. Бумага, канцелярские принадлежности. Ничего полезного. И сильно пахнет чернилами — пролили их тут, что ли?

Коробку люциферов она узнала не столько на ощупь, сколько по характерному погромыхиванию. Пальцы почти не слушались. Первый люцифер затрещал и с шипением погас, заполнив комнату гнусным запахом серы. Второй осветил лампу. Левой, отчаянно дрожавшей рукой она подняла стекло и поднесла пламя к черной полоске фитиля.

Из трюмо на Сибил широко раскрытыми от страха глазами уставилось ее собственное, освещенное лампой отражение, потом оно повторилось в зеркальных дверцах шкафа. На полу и на кровати беспорядочно валялись груды одежды, и словно огромный, окутанный тенью ворон…

На подлокотнике кресла сидел человек — с длинным, зловещего вида ножом в руке.

Скрипнула кожа, человек медленно поднялся — как большая деревянная кукла, годами пылившаяся на чердаке. Он был закутан в длинный темно-серый плащ. Нижнюю часть его лица скрывал черный платок.

— Только без шума, мисс. — Страшный человек чуть приподнял свой тяжелый, вроде тех, какими мясники рубят мясо, клинок. — Сэм идет?

Сибил наконец обрела голос:

— Только не убивайте меня! Пожалуйста!

— Ну надо же, этот старый козел все никак не уймется. — Тягучий техасский говорок цедил слова, как вязкую патоку, Сибил едва их разбирала. — Ты его подружка?

— Нет! — еле выдавила Сибил. — Нет, клянусь вам, нет! Я… я собиралась его обокрасть, честное слово!

Человек с ножом зловеще молчал.

— Да ты посмотри, — процедил он наконец, — что тут делается.

Сибил в страхе оглянулась. Кто-то неленивый перевернул весь номер вверх дном.

— Здесь нечего красть, — сказал незнакомец. — Ты знаешь, где он?

— Внизу, — голос Сибил срывался. — Он пьяный! Но я его не знаю, честное слово! Меня послал сюда мой любовник, вот и все! Я не хотела, он меня заставил!

— Стихни, — прервал ее излияния незнакомец. — Я не стану без нужды обижать белую женщину. Потуши лампу.

— Отпустите меня, — взмолилась Сибил. — Я уйду и никому ничего не скажу! Я… я не хотела сделать ничего плохого!

— Плохого? — В тягучем голосе — зловещая, не оставляющая надежды уверенность. — Плохо будет только Хьюстону, но это воздаяние по заслугам.

— Я не брала карты! Я даже их не трогала!

— Карты? — Он рассмеялся — сухой, из горла идущий звук.

— Эти карты, они не его. Он сам их украл!

— Хьюстон много чего украл, — сказал незнакомец; было заметно, что он озадачен, не знает, что делать со свалившейся ему на голову девицей. — Как тебя звать?

— Сибил Джонс. — Она хватила глоток воздуха. — Я — британская подданная.

— Ну надо же, — прищелкнул языком незнакомец.

Его лица не было видно. По верхнему краю дочерна загорелого лба тянулась полоска бледной кожи, усеянная бисеринками пота. След от шляпы, догадалась Сибил. Широкополой шляпы, защищающей от техасского солнца. Техасец шагнул вперед, забрал у нее лампу и прикрутил фитиль. Его пальцы были сухими и жесткими,

как дерево.

В темноте, наполнившей номер, Сибил слышала отчаянный стук своего сердца и с ужасом ощущала присутствие этого человека.

Тишина становилась невыносимой.

— Вам, наверное, очень одиноко здесь, в Лондоне? — попытала удачу Сибил.

— Может, Хьюстону и одиноко. У меня совесть почище. — Голос техасца звучал резко, неприязненно. — Ты хоть раз его спрашивала, одиноко ли ему?

— Да я его даже не знаю, — настаивала Сибил.

— Ты — здесь. Женщина, которая пришла в его номер одна.

— Я пришла за кинокартами. Это такие картонки с дырочками. Вот и все, честное слово!

Никакого ответа.

— Вы знаете, что такое кинотроп?

— Хрень какая-то железная, — устало отозвался техасец.

Снова молчание.

— Не ври мне. Ты — шлюха и ничего больше. Ты не первая шлюха, какую я вижу, и… — Он зашелся мокрым, болезненным кашлем. — Но с виду ты вроде и ничего. — В темноте, когда не видно ножа и маски, этот человек не казался таким уж

страшным. — В Техасе ты могла бы выйти замуж. Начать все сначала.

— Вот бы здорово было, — вздохнула Сибил.

— У нас там мало белых женщин, на всех не хватает. Нашла бы себе приличного мужика, а не какого-то там сутенера. — Он отхаркался на пол. — Ненавижу сутенеров. — Слова падали холодно и ровно, безо всякого выражения. — Ненавижу, как ненавижу индейцев! Или мексиканцев. Мексиканских индейцев… Французско-мексиканские индейцы, три сотни вооруженных ублюдков, а то и четыре. На лошадях, добыли где-то заводные винтовки, сущие дьяволы.

— Но техасцы ведь герои, — рискнула вставить Сибил, отчаянно пытаясь вспомнить название из лекции Хьюстона. — Я слышала о… об Аламо.

— Голиад. — Голос упал до сухого шепота. — Я был в Голиаде.

— Про это я тоже слышала, — поспешила сказать Сибил. — Вы покрыли себя неувядающей славой.

Техасец откашлялся и снова сплюнул.

— Мы сопротивлялись два дня. Не было воды. Полковник Фаннин сдался. Нас взяли в плен, все было мило и вежливо. А назавтра вывели за город

и хладнокровно расстреляли, всех. Выстроили в шеренгу и начали. Это была бойня, настоящая бойня.

Сибил молчала.

— Бойня в Аламо. А трупы они сожгли… Расстреляли отряд Мейера. Заставили их тянуть бобы. Маленький глиняный горшочек, тянешь жребий, вытащишь черный боб, и они тебя убивают. Вот что такое мексиканцы.

— Мексиканцы, — повторила она.

— Команчи еще хуже.

Откуда-то из ночи донесся визг тормозов, а затем глухое ритмичное постукивание.

Черные бобы. Голиад. У нее кружилась голова. Бобы, и расстрелы, и этот человек с продубленной солнцем и ветром кожей. От него пахло, как от поденщика, — лошадьми и потом. Как-то на Нил-стрит она заплатила два пенни, чтобы посмотреть диораму какой-то огромной американской пустыни, ужас искореженного камня. Слушая техасца, который, судя по его виду, родился и вырос именно в такой пугающей обстановке, Сибил вдруг осознала, что первобытные просторы из речи Хьюстона, все эти дикие дебри с их невероятными названиями и в самом деле реальны, что там действительно живут люди.

Мик говорил, что Хьюстон украл когда-то целую страну, — и вот теперь за ним пришел ангел мщения. Она с трудом поборола идиотское желание расхохотаться.

Потом ей вспомнилась та старуха, торговка каменным маслом в Уайтчепеле, и как она смотрела на Мика, когда тот ее расспрашивал. Возможно, он, этот ангел Голиада, и не один. Как удалось столь странной личности попасть в «Гранд», проникнуть в запертую комнату? Как может спрятаться такой человек даже в огромном Лондоне, даже в бессчетных толпах оборванных американских беженцев?

— Пьяный, говоришь? — снова подал голос техасец.

— Что? — вздрогнула Сибил.

— Хьюстон.

— Хьюстон? Да. Он в курительной. Очень пьяный.

— Пусть выпьет напоследок. Он один?

— Он… — (*Мик.*) — Он там с каким-то высоким человеком. Я его не знаю.

— Бородатый? Рука сломана?

— Я… Да.

Техасец втянул воздух сквозь стиснутые зубы и пожал плечами; скрипнула кожа.

Слева что-то звякнуло. В слабом свете зашторенного окна Сибил уловила, как блеснули, сдвинулись с места грани дверной ручки. Техасец вскочил на ноги.

Одной рукой он плотно зажал ей рот, в другой у него был устрашающего вида кинжал, нечто вроде тесака, только с заостренным концом. Кинжал находился так близко от лица Сибил, что она разглядела медную накладку на тупой стороне клинка и зазубрины на этой накладке. А потом дверь стала медленно открываться, и внутрь проскочил Мик, его голова и плечи — черный силуэт на фоне льющегося из коридора света.

Техасец отшвырнул ее в угол между бюро и стенкой, и Сибил, похоже, ударилась головой. Она стояла на коленях, окруженная смятым кринолином, и смотрела, как огромная рука хватает Мика за горло, поднимает в воздух, прижимает к стенке, как ноги Мика судорожно бьются, выстукивают по деревянной панели барабанную дробь, а потом в живот Мика косо, снизу вверх, вошел длинный блестящий клинок, вырвался и вошел снова, и в ноздри ударила жаркая вонь Мясницкого ряда.

* * *

Все потеряло реальность. Теперь Сибил воспринимала происходящее как сон, или театральный спектакль, или кино — кино, где бальзовых кубиков так много, и они такие крошечные, и программа, ими управляющая, так умело составлена, что экранная реальность даже реальнее обычной, настоящей реальности. Техасец аккуратно опустил Мика на пол, прикрыл и запер дверь; двигался он неспешно и методично.

В глазах у Сибил поплыло, она обмякла и привалилась к стене. Техасец взял Мика за воротник и потащил поглубже в тень, к зеркальному шкафу. Каблуки Мика неприятно скребли по полу. Потом техасец встал на колени, послышался шорох одежды, шлепок отброшенного в сторону бумажника, потом зазвенела мелочь, одна монета упала на паркет, покатилась, еще раз звякнула и стихла.

А от двери доносились скребущие звуки, брякал металл о металл — чья-то пьяная рука пыталась вставить ключ в замочную скважину.

Хьюстон настежь распахнул дверь и ввалился в комнату, тяжело опираясь на свою трость. Потом громко рыгнул и потер живот, место старой

раны.

— Сучьи дети… — Хриплый, совершенно пьяный голос.

Генерала качало, заносило в сторону, каждый его шаг сопровождался резким стуком трости.

— Рэдли? Где ты там спрятался, недоносок? Вылезай!

Тяжелые башмаки прошаркали рядом с бюро. Сибил еле успела отдернуть пальцы.

Техасец прикрыл дверь.

— Рэдли!

— Здравствуй, Сэм.

Здесь, в этой темноте, где пахло бойней и незримо двигались великаны, комната над «Оленем» казалась далекой, как первые воспоминания детства. Хьюстон пошатнулся, ударил тростью по шторам, сорвал их, и тут же свет уличного фонаря зажег морозные узоры на забранных решетчатым переплетом стеклах, хлынул в комнату, выхватил из тьмы фигуру техасца, и черный платок, и мрачные глаза над краем платка, глаза отрешенные и безжалостные, как зимние звезды. Хьюстон попятился, полосатое одеяло соскользнуло с плеч на пол, тускло блеснули ордена.

— Меня прислали рейнджеры, Сэм.

Многоствольный пистолет Мика казался в руке

техасца детской игрушкой.

— Кто ты, сынок? — спросил Хьюстон. В его низком голосе не осталось вдруг и следа опьянения. — Ты Уоллес? Сними эту тряпку. Поговорим как мужчина с мужчиной…

— Ты, генерал, никем больше не командуешь. И зря ты взял то, что взял. Ты ограбил нас, Сэм. Где они? Где деньги казначейства?

— Тебя ввели в заблуждение, рейнджер. — В тягучем и приторном, как патока, голосе — бесконечное терпение, абсолютная искренность. — Я знаю, кто послал тебя, мне известны их лживые поклепы. Но клянусь тебе, я ничего не крал. Эти деньги находятся в моих руках по праву, это неприкосновенный фонд техасского правительства в изгнании.

— Ты продал Техас за британское золото. Нам нужны эти деньги на оружие. Мы дохнем с голоду, а они нас убивают. — Пауза. — И ты еще собирался им помочь.

— Республика Техас не может бросать вызов могущественнейшим державам мира, рейнджер. Я знаю, что в Техасе плохо, и мне больно за мою страну, но мира не будет, пока я вновь не стану у руля.

— У тебя ведь не осталось денег, верно? — В

голосе рейнджера клокотала ненависть. — Я все проверил, здесь их нет. Ты продал свое роскошное поместье… Ты все спустил, Сэм, спустил на шлюх, на выпивку, на хитрые спектакли для иностранцев. А теперь ты хочешь вернуться на штыках мексиканской армии. Ты — вор, пропойца и предатель.

— Да шел бы ты на хрен! — загрохотал Хьюстон и рванул на груди сюртук. — Трусливый убийца! Грязный сукин сын! Если ты такой смельчак, что можешь убить отца своей страны, целься сюда, в сердце. — Он ударил себя в грудь кулаком.

— За Техас!

Дерринджер Мика выплюнул оранжевое с голубой оторочкой пламя, отшвырнул Хьюстона к стене. Генерал рухнул на пол, а мститель налетел на него, согнулся, чтобы ткнуть стволами маленького пистолета леопардовый жилет. Следующий выстрел прогремел у самой груди Хьюстона, затем еще один. Вместо четвертого выстрела с громким щелчком сломался курок.

Рейнджер отшвырнул пистолет в сторону. Хьюстон лежал навзничь, без движения, по леопардовому жилету катились красные бусинки.

Из соседней комнаты послышались сонные встревоженные крики. Схватив трость Хьюстона,

техасец принялся молотить ею по окну. Стекла разлетались вдребезги, одно за другим, на тротуар сыпались осколки, затем не выдержал и решетчатый переплет. Мститель взлетел на подоконник и на мгновение замер. Ледяной ветер взметнул полы его плаща; оцепеневшая Сибил невольно вспомнила первое свое впечатление: огромный черный ворон.

Качнулся вперед и пропал — мститель, убийца Хьюстона, черный ангел Голиада, — и пропал, оставив ее один на один с тишиной и подступающим к горлу ужасом. Сибил на четвереньках поползла по заваленной хламом комнате, поползла наугад, безо всякой цели. Сильно мешал кринолин, но тело ее двигалось будто само по себе. Под руку попалась тяжелая трость; золоченый набалдашник в форме ворона отломался и лежал рядом.

Хьюстон застонал.

— Тише, пожалуйста, — проговорила Сибил. — Вы убиты.

— Кто вы? — спросил он и закашлялся.

Острые осколки стекла впивались ей в ладони. Как ярко они блестят. Трость, как она теперь разглядела, была полой внутри, из нее выпал плотный комок ваты, в котором сверкали…

бриллианты. Ее руки собрали камешки в горстку, обернули их ватой и запихнули добычу за корсаж.

Она повернулась к Хьюстону. Генерал также лежал на спине, по леопардовому жилету медленно, словно в страшном сне, расползалось красное пятно.

— Помогите мне, — прохрипел Хьюстон. — Я не могу дышать.

Он дернул пуговицы жилета, и тот распахнулся, открыв внутренние кармашки из черного шелка, а в них — аккуратные свертки, заклеенные в плотную коричневую бумагу. Колоды перфокарт, загубленные пулевыми отверстиями… И кровь — по крайней мере одна из пуль пробила картонную броню и вошла в тело.

Сибил встала и, пошатываясь, побрела к двери. Проходя мимо зеркального шкафа, она услышала под ногами хлюпанье, недоуменно опустила глаза и увидела красную лужу. Рядом, почти невидимый в тени, валялся сафьяновый, тоже красный, футляр для визитных карточек. Сибил подняла футляр, раскрыла его и увидела два билета, зажатые большой никелированной скрепкой.

— Помогите мне встать. — Заметно окрепший голос Хьюстона звучал раздраженно и настойчи-

во. — Где моя трость? Где Рэдли?

Пол качался, словно палуба корабля, однако Сибил продолжила свой путь к двери, вышла в коридор, плотно прикрыла за собой дверь и чинно, как благовоспитанная барышня из хорошей семьи, засеменила по ярко освещенным и до крайности респектабельным коридорам «Гранд-Отеля».

* * *

Вокзал Лондон-бридж Юго-Восточной железнодорожной компании, грязно-серый чугун и черное от копоти стекло. Внутри — огромный, продутый сквозняками зал. Вдоль бесконечных рядов скамеек расхаживают квакеры, предлагая сидящим пассажирам брошюры. Ирландские солдаты в красных мундирах и с красными от выпитого за ночь джина глазами провожают бритоголовых миссионеров хмурыми взглядами. Французские пассажиры все как один возвращаются домой с ананасами, сладкими экзотическими дарами лондонских доков. Даже пухленькая актриса, сидящая напротив Сибил, везла ананас — сквозь материю, обтягивающую верх ее корзины, торчали зеленые колючки.

* * *

Поезд пролетел Бермондси, дальше замелькали маленькие улочки, двухэтажные кирпичные, крытые красной черепицей дома, все новенькое как с иголочки, чистенькое. А еще дальше — мусорные кучи, огороды, пустыри. Туннель.

Тьма пахла пороховым дымом.

Сибил закрыла глаза.

Когда она открыла их снова, то увидела ворон, хлопающих крыльями над пустошью; провода электрического телеграфа то опускались почти до края окна, то взмывали вверх, мелькал столб с белыми чашечками, и провода вновь устремлялись вниз. Вниз-вверх, вниз-вверх, и каждый промежуток между столбами приближал ее к Франции.

* * *

На дагеротипе, заснятом сотрудником отдела полиции нравов Сюрте Женераль 30 января 1855 года, — молодая женщина, сидящая за столиком на террасе кафе «Мадлен», дом № 4 по бульвару Малешерб. Перед сидящей в одиночестве женщиной — фарфоровый чайник и чашка. Уве-

личение выявляет некоторые детали костюма: ленты, оборки, кашемировую шаль, перчатки, серьги, изысканную шляпку. Одежда женщины — французского производства, новая и высокого качества. Ее лицо, слегка размытое из-за длинной выдержки, кажется задумчивым.

Увеличение деталей фона позволяет увидеть дом № 3 по бульвару Малешерб, принадлежащий Южноатлантической судоходной компании. В витрине конторы помещается крупная модель трехтрубного пироскафа. Судно — французского производства и спроектировано для трансатлантической колониальной торговли. Пожилой человек, лица которого не видно, погружен в созерцание модели. Фигура этого случайного персонажа выделяется на фоне смазанных быстрым движением силуэтов парижских прохожих. Голова его непокрыта, плечи ссутулены, он тяжело опирается на трость, судя по всему — из дешевого ротанга. Он не замечает молодой женщины, как и она — его.

Она — Сибил Джерард.

Он — Сэмюэль Хьюстон.

Их дороги расходятся навсегда.

Итерация вторая
Дерби

Он застыл на полушаге, готовый исчезнуть в гуще воскресной толпы. Объектив выхватил часть лица: высокая скула, густая, темная, коротко подстриженная бородка, правое ухо; между вельветовым воротником и полосатой кепкой — случайная прядь волос. И тяжелые кованые ботинки, и обшлага брюк, забранные в короткие кожаные гетры, густо заляпаны известковой суррейской грязью. Левый погончик поношенного плаща надежно застегнут над ремнем полевого бинокля. Под распахнутым по жаре плащом поблескивают надежные латунные пуговицы в виде коротких палочек. Руки человека глубоко засунуты в карманы.

Его зовут Эдвард Мэллори.

Мэллори пробирался среди экипажей, лошадей в шорах, меланхолично хрустящих травой, среди томительно знакомых запахов детства — упряжи, пота, навоза. Его руки проверили содержимое карманов. Ключи, портсигар, бумажник, футляр для визитных карточек. Толстая роговая рукоять

шеффилдского складного ножа. Полевой блокнот, это — самое ценное. Носовой платок, огрызок карандаша, несколько монет. Будучи человеком практичным, доктор Мэллори знал, что в собравшейся на скачки толпе непременно шныряют воры и по виду их отличить невозможно. Вором здесь может оказаться любой. И от этого никуда не денешься.

Какая-то раззява неосмотрительно заступила ему дорогу, и сапожные гвозди зацепили край ее кринолина. Женщина обернулась, болезненно сморщилась и рывком высвободила ткань; кринолин громко скрипнул, а Мэллори учтиво коснулся кепи и прибавил шагу. Типичная фермерша, громоздкая, неуклюжая краснощекая баба, домашняя и английская, как корова. Мэллори была привычнее иная, более дикая порода женщин: смуглые низкорослые скво племени шайенов с их десятками блестящих от жира косиц и расшитыми бисером ноговицами. Кринолины казались ему каким-то странным вывертом эволюции; неужели дочерям Альбиона доставляет удовольствие таскать на себе эти птичьи клетки из китового уса и стали?

Бизон, вот на кого похожа женщина в кринолине. У американского бизона, сраженного пулей

крупнокалиберной винтовки, резко подламываются ноги, он оседает в траву, превращается в такой же вот бугор. Великие стада Вайоминга встречают смерть совершенно неподвижно, лишь недоуменно поводят ушами на отдаленные хлопки выстрелов.

Теперь Мэллори пробирался через другое стадо, про себя удивляясь загадочному всесилию моды. На фоне своих дам мужчины казались существами иного биологического вида: никаких крайностей во внешнем облике — за исключением разве что блестящих цилиндров. Впрочем, Мэллори органически не мог считать какой бы то ни было головной убор экзотичным, слишком уж много знал он о шляпах, о тусклых, прозаичных секретах их изготовления. Вот эти, скажем, цилиндры, разве не ясно, что все они — за крайне редким исключением — откровенная дешевка. Массовый фабричный раскрой, машинная формовка. Смотрится, надо признать, вполне пристойно, немногим хуже, чем настоящие, вышедшие из рук опытного мастера, а стоят раза в два дешевле. Мэллори помогал когда-то отцу в его маленькой мастерской в Льюисе: орудовал шилом, простегивал фетр, натягивал заготовки на болванки, шил. Отца, опускавшего фетр в ртут-

ную ванну, ничуть не беспокоил жуткий запах…

Неизбежная кончина отцовского ремесла не вызывала у Мэллори ни тени сентиментальности. А потом он и вовсе выбросил эти мысли из головы, увидев полосатый парусиновый навес, стойку и небольшую толпу, полностью состоявшую из мужчин. Это зрелище вызвало у него острый приступ жажды. Обогнув троицу джентльменов со стеками, оживленно обсуждавших шансы фаворитов, он протиснулся к стойке и призывно постучал серебряным шиллингом.

— Что желаете, сэр? — осведомился бармен.

— Хакл-бафф.

— Сэр родом из Сассекса?

— Да. А что?

— Я не смогу подать вам настоящий хакл-бафф, сэр, — нет ячменного отвара. — На багровом лице появилось крайнее сожаление, тут же, впрочем, исчезнувшее. — За пределами Сассекса его почти не спрашивают.

— А я два года не пробовал хакл-баффа, — вздохнул Мэллори.

— Если желаете, я приготовлю вам первоклассный бамбу. Очень похож на хакл-бафф. Нет? Тогда хорошую сигару. Всего два пенни! Прекрасный виргинский табак. — Бармен извлек из деревян-

ного ящичка кривоватую черуту.

Мэллори покачал головой:

— Я очень упрям в своих пристрастиях. Хаклбафф или ничего.

— Вас не переубедить, — улыбнулся бармен. — Сразу видно истинного сассексца! Я и сам оттуда родом. Примите эту прекрасную сигару безвозмездно, сэр, как *савенюр*.

— Очень мило с вашей стороны, — удивился Мэллори, тронул пальцами кепи и зашагал дальше.

Вытряхнув на ходу из портсигара люцифер, он чиркнул палочкой о подметку, раскурил черуту и беспечно заткнул большие пальцы за проймы жилета. По вкусу сигара напоминала отсыревший порох; после первой же затяжки Мэллори поспешно выдернул ее изо рта. Скрутку из паршивого черновато-зеленого листа опоясывала полоска газетной бумаги с маленьким, в звездах и полосах, иностранным флажком и надписью: «ВИКТОРИ БРЭНД». Все понятно, армейский хлам этих самых янки. Отброшенная сигара угодила в бок цыганской кибитки, выбросила фейерверочный сноп искр и тут же оказалась в чумазых ручонках черноголового оборвыша.

Слева от Мэллори ипподромную толпу рассе-

кал роскошный, темно-вишневого цвета паровой экипаж. Высоко вознесенный над людским морем возница потянул за рычаг тормоза, громко затрезвонил медный колокольчик, и толпа неохотно раздвинулась. На высоких бархатных сиденьях разместились пассажиры; шарнирная крыша была сложена гармошкой назад, чтобы пропускать солнце. Ухмыляющийся старый бонвиван в лайковых перчатках смаковал шампанское в компании двух юных девиц — то ли дочерей, то ли содержанок. На дверце экипажа гордо красовался герб — скрещенные серебряные молотки на лазоревой шестеренке. Какая-то неизвестная Мэллори эмблема радикалов. Он знал гербы всех лордов-ученых, но слабо ориентировался в геральдике капиталистов.

Машина катила на восток, к гаражам дерби; Мэллори шел следом по расчищенной от людей дороге, легко поспевая за медлительной машиной и улыбаясь тому, как ломовые извозчики стараются унять перепуганных лошадей. Он вытащил из кармана справочник, оступившись при этом в колее, выбитой толстыми колесами брума, и перелистнул пестрящие яркими иллюстрациями страницы. Издание было прошлогоднее, лазоревой шестеренки с серебряными молоточ-

ками в нем не нашлось. Удивляться особенно нечему, теперь что ни неделя, то новый лорд. А все эти ихние светлости прямо без ума от своих паровых шарабанов.

Машина держала курс на клубы сероватого пара, поднимающиеся над трибунами Эпсома; она неуклюже перевалила через поребрик мощеной подъездной дорожки, и тут Мэллори увидел гараж, длинную несуразную постройку в так называемом современном стиле — железный наружный каркас, крыша из луженой, на болты посаженной жести. Все это уныние малость расцвечено пестрыми вымпелами и жестяными колпачками вентиляционных труб.

Пыхтя и отдуваясь, машина заползла в свое стойло. Возница открыл клапаны, раздалось громкое шипение, взлетело и тут же рассосалось облачко пара. Гаражные механики забегали с масленками, господа же тем временем сошли вниз по складному трапу. Направляясь к трибуне, лорд и две его спутницы прошли мимо Мэллори; свежеиспеченная, из грязи да в князи, британская аристократия, они не сомневались, что этот мужлан смотрит на них во все глаза, — и высокомерно его игнорировали. Возница с увесистой корзиной потащился следом за ними. Мэллори

коснулся пальцем своей полосатой, точно такой же, как у водителя, кепки и подмигнул, но не был удостоен ответом.

Шагая вдоль гаражей и сверяя гербы на пароходах по справочнику, Мэллори удовлетворенно помечал каждую новую находку огрызком карандаша. Вот Фарадей, величайший физик Королевского общества, вот Колгейт, мыльный магнат. А вот поистине находка — инженер-провидец Брюнель. Очень немногие кареты могли похвастаться древними гербами, гербами землевладельцев, чьи отцы были герцогами и графами в те дни, когда еще существовали подобные титулы. Кое-кто из поверженного старого дворянства мог позволить себе пар; другие обладали некоторой предприимчивостью и прилагали все усилия, чтобы остаться на поверхности.

Подойдя к южному крылу гаража, Мэллори обнаружил, что оно окружено баррикадой из чистеньких, пахнущих смолой козел. Этот участок, зарезервированный для гоночных пароходов, патрулировался отрядом пешей полиции в полном обмундировании. Один из полицейских был вооружен самострельным, с пружинным заводом, карабином «каттс-модзли» знакомой Мэллори модели — шесть таких входили в снаря-

жение вайомингской экспедиции. Хотя шайены относились к короткоствольному бирмингемскому автомату с полезным для нужд экспедиции благоговением, Мэллори знал, что эта игрушка капризна и ненадежна. К тому же стреляет куда угодно, кроме цели, так что толку с нее кот наплакал, разве что если выпустить все тридцать патронов очередью в настигающую тебя свору преследователей — что и проделал однажды сам Мэллори через кормовую амбразуру самоходного форта экспедиции.

А вот этот молоденький розовощекий фараон, разве имеет он хоть малейшее понятие, что такое очередь из «каттс-модзли», выпущенная в толпу? В английскую, например, толпу. Мэллори поежился и постарался стряхнуть мрачные мысли.

По ту сторону заграждения каждое стойло было укрыто от вездесущих шпионов и букмекеров отдельной брезентовой ширмой, туго натянутой на вкопанные в землю столбики. Мэллори не без труда протолкался сквозь оживленную толпу зевак и энтузиастов пара; когда же у самых ворот его бесцеремонно остановили два фараона, он предъявил свое регистрационное удостоверение и гравированное приглашение от Братства паровых механиков. Тщательно записав номер,

полисмены сверили его со списком в толстом блокноте, показали, где находится указанный в приглашении гараж, и настоятельно рекомендовали идти прямо, не шляться по охраняемой территории без дела.

В качестве дополнительной предосторожности братство поставило и собственного часового. Грозный страж, примостившийся на складном стуле возле брезента, угрожающе щурил глаза и сжимал в руках увесистый разводной ключ. Мэллори снова показал свое приглашение; отогнув узкий брезентовый клапан, часовой просунул в щель голову, крикнул: «Твой брат, Том!» — и пропустил гостя в гараж.

Свет дня померк, в нос ударила резкая вонь смазки, металлической стружки и угольной пыли. Четверо паровых механиков, все в одинаковых полосатых кепках и кожаных передниках, изучали какой-то чертеж. Резкий свет карбидной лампы играл на изогнутых, покрытых эмалью поверхностях странной машины.

В первое мгновение Мэллори решил, что перед ним лодка, маленький пироскаф — алый корпус, нелепо подвешенный между двух огромных колес, — но затем, подойдя поближе, он понял, что это — ведущие, а не гребные колеса; бронзовые,

безукоризненно отшлифованные штоки уходили в пазы неправдоподобно тонкой обшивки. Нет, не лодка, а паровой экипаж, только экипаж необычный, напоминающий по форме… каплю? Нет, скорее уж огромного головастика. Третье колесо, миниатюрное и даже немного смешное, было установлено на конце длинного узкого хвоста, в шарнирной стойке.

На тупом полукруглом носу машины прямо под огромным изогнутым листом великолепного свинцового стекла (предназначенным, надо понимать, для защиты машиниста от встречного потока воздуха) четко виднелись черные с золотом буквы: «ЗЕФИР».

— Иди сюда! — махнул рукой Том. — Что ты там стоишь как неродной.

Остальные встретили его слова сдержанным смехом.

Ну и нахалюга же, внутренне улыбнулся Мэллори; его подкованные сапоги громко скребли по цементному полу. Ишь, и усы у маленького братика появились, да какие роскошные — кошка лизнет, и ничего не останется.

— Мистер Майкл Годвин, сэр. — Мэллори протянул руку своему давнему другу, а ныне — наставнику девятнадцатилетнего Тома.

— Доктор Мэллори, сэр! — отозвался Годвин, невысокий и кряжистый, лет сорока от роду механик с изрытыми оспой щеками, соломенными волосами, длинными густыми бакенбардами и острым блеском глубоко посаженных глаз. Он собрался было поклониться, но вовремя передумал и, несильно хлопнув Мэллори по спине, представил его своим товарищам. Последние звались Элайджа Дуглас, старший подмастерье, и Генри Честертон, мастер второй ступени.

— Весьма польщен, — коротко кивнул Мэллори. — Я ожидал от вас многого — и все равно поражен увиденным.

— И что вы думаете об этом красавце, доктор Мэллори?

— Трудно заподозрить его в родстве с нашим фортом.

— «Зефир» не предназначен для работы в Вайоминге, — улыбнулся Годвин, — чем и объясняется прискорбная нехватка брони и оружия. Форма определяется функцией — так, кажется, звучит любимая ваша присказка?

— Маловат он вроде для гоночной машины, — осторожно заметил Мэллори. — Да и форма, как бы это получше сказать, *своеобразная*.

— В основу нашей конструкции положены

научные принципы, сэр. Новейшие принципы. Тут, кстати, очень интересная история, причем история, связанная с одним из ваших коллег. Вы помните покойного профессора Радвика?

— Да, разумеется, Фрэнсис Радвик… — Мэллори растерянно смолк. — Но только Радвик и новые принципы?.. Не вяжется это как-то.

Дуглас и Честертон смотрели на него с откровенным любопытством.

— Мы оба — палеонтологи. — Мэллори чувствовал себя очень неловко. — Но этот малый воображал себя вроде как аристократом. Задирал нос, придерживался каких-то допотопных теорий. Не умел логически мыслить — хотя это, конечно же, мое личное мнение.

Было видно, что механики воспринимают его слова весьма скептически.

— Я не из тех, кто дурно отзывается о мертвых, — поспешно добавил Мэллори. — У Радвика была своя компания, у меня — своя, и хватит об этом.

— Но вы ведь помните, — настаивал Годвин, — его гигантскую летающую рептилию?

— Кецалькоатлус, — кивнул Мэллори. — Серьезное открытие, тут уж не поспоришь.

— Кости отослали для изучения в Кембридж, —

продолжал Годвин, — в Институт машинного анализа.

— Я сам собираюсь там поработать по бронтозаврусу, — кивнул Мэллори. Ему очень хотелось сменить тему.

— Так вот, — продолжил Годвин, — у них там в институте лучшие математики Британии, и они день за днем гоняли свои исполинские машины, пока мы с вами мерзли в топях Вайоминга. Долбили дырки в карточках, чтобы разобраться, как могла летать такая громадина.

— Я знаком с проектом, — кивнул Мэллори. — Радвик опубликовал по этой теме пару статей. Но воздушная динамика не моя специальность. Честно говоря, я не ожидаю от нее серьезных теоретических результатов. Слишком уж она, простите за каламбур, *воздушна*.

— А вдруг она может дать серьезные *практические* результаты? — улыбнулся Годвин. — В анализе принимал участие сам лорд Бэббидж.

Мэллори задумался.

— Надо думать, что в пневматике все же есть какой-то смысл, раз уж она привлекла внимание великого Бэббиджа. Развитие искусства воздухоплавания? Армия очень интересуется воздушными шарами, а на военные науки у нас

денег не жалеют.

— Нет, сэр, я имел в виду практическое конструирование.

— Конструирование летающих машин? — Мэллори помедлил. — Но вы же не станете меня убеждать, что эта ваша таратайка *летает*?

Механики вежливо рассмеялись.

— Нет, — успокоил его Годвин. — К тому же все эти священнодействия с машиной так и не решили поставленной задачи. Зато теперь мы кое-что понимаем в воздушных потоках, начинаем осознавать принципы атмосферного сопротивления. Принципы совершенно новые, не получившие еще широкой известности.

— Но мы, механики, — с гордостью вставил мистер Честертон, — уже использовали их практически, при конструировании «Зефира».

— Мы называем это «обтекаемая форма», — подал голос Том.

— Значит, вы придали своей машине «обтекаемую форму», да? Вот почему она так похожа на… гм…

— На рыбу, — подсказал Том.

— Вот именно, — воскликнул Годвин. — Рыба! И все это связано с поведением текучих сред. Вода. Воздух. Хаос и турбулентность! И все это

поддается расчету.

— Поразительно, — отозвался Мэллори. — Так, значит, эти принципы турбулентности…

Соседнее стойло взорвалось оглушительным грохотом; стены задрожали, а с потолка посыпалась сажа.

— Это итальянцы, — крикнул Годвин. — В этом году они привезли нечто чудовищное!

— И воняет эта гадость соответственно, — пожаловался Том.

Годвин склонил голову на бок и прислушался.

— Слышите, как стучат штоки на обратном ходе поршня? Плохая подгонка. Ну чего еще ждать от этих нерях-иностранцев! — Он отряхнул припорошенную сажей кепку о колено.

Голова у Мэллори раскалывалась от шума.

— Давайте я куплю выпить! — прокричал он.

— Что? — непонимающе приложил руку к уху Годвин.

Мэллори поднес ко рту кулак с поднятым большим пальцем. Годвин ухмыльнулся. Он крикнул что-то Честертону, получил ответ и вытащил Мэллори из гаража на свет божий.

— Штоки у макаронников ни к черту, — радостно сообщил часовой.

Годвин кивнул, отдал ему свой кожаный пе-

редник, накинул неприметный черный сюртук и сменил полосатую кепку на соломенную, с низкой тульей и широкими полями шляпу.

Они вышли за барьер.

— Я могу урвать лишь пару минут, — извинился Годвин, — за ними же глаз да глаз. — Он надел дымчатые очки. — Кое-кто из этих энтузиастов знает меня в лицо, могут увязаться следом… Да ладно, ерунда это все. Рад видеть вас снова, Нед. Добро пожаловать в Англию.

— Я вас надолго не задержу, — успокоил его Мэллори. — Просто хотел перекинуться парой слов наедине. О мальчике, о его успехах.

— О, Том — отличный малый, — отозвался Годвин. — Учится, старается.

— Надеюсь, у него будет все в порядке.

— Я тоже надеюсь, — кивнул Годвин. — Искренне вам сочувствую, Том ведь рассказал мне о вашем отце. Что он тяжело болен и все такое.

— Старый Мэллори, он не уйдет, пока у него есть дочки на выданье, — процитировал Мэллори с густым сассекским акцентом. — Вот что отец всегда нам говорит. Он хочет иметь полную уверенность, что все его девочки благополучно вышли замуж. Упорный старик.

— Думаю, он счастлив иметь такого сына, как вы, — заметил Годвин. — Ну а как вам показался Лондон? Вы приехали воскресным поездом?

— Я еще не был в Лондоне, просидел все время в Льюисе, с семьей. Сел там на утренний поезд до Лезерхеда, а остаток пути прогулялся пешком.

— Пешком из Лезерхеда? Это же миль десять, если не больше!

— Вы что, забыли, как я искал окаменелости? — улыбнулся Мэллори. — Двадцать миль в день, без дорог и тропинок, по вайомингским валунам и осыпям. Меня потянуло вновь побродить по дорогам старой доброй Англии. Я ведь только-только из Торонто, верхом на наших ящиках с загипсованными костями, а вы уже который месяц дома, варитесь во всей этой каше. — Он повел рукой вокруг.

— Да, — кивнул Годвин, — но как вам все-таки эта страна на свежий взгляд, после долгого отсутствия?

— Антиклиналь Лондонского бассейна, — пожал плечами Мэллори. — Палеоценовые и эоценовые меловые отложения, чуть-чуть голоценовой кремнистой глины…

— Все мы — голоценовая кремнистая глина, — рассмеялся Годвин. — Ну вот и пришли, эти

ребята продают вполне приличное пойло.

Они спустились по пологому склону к подводе с бочонками, окруженной плотной толпой жаждущих. Хакл-баффа тут, конечно же, не было, и Мэллори купил пару пинт эля.

— Рад, что вы приняли наше приглашение, — сказал Годвин. — Я знаю, что вы, сэр, человек занятой. Все эти ваши знаменитые геологические дискуссии и…

— Не более занятой, чем вы, — возразил Мэллори. — Серьезная конструкторская работа, практичная и полезная. Завидую я вам, честное слово.

— Нет, нет, — настаивал Годвин. — Ваш брат, он считает вас настоящим гением. И мы, все остальные, тоже! У вас, Нед, большое будущее, ваша звезда еще только восходит.

— Да, — кивнул Мэллори, — в Вайоминге нам очень повезло, и наше открытие не осталось незамеченным научной общественностью. Но без вас и вашего самоходного форта эти краснокожие быстренько бы сделали нам типель-тапель.

— Не такие уж они оказались и страшные, глотнули виски и размякли.

— Туземцы высоко чтят британское оружие, — возразил Мэллори. — А разглагольствования о

старых костях не производят на них ровно никакого впечатления.

— Ну не скажите, — ответил Годвин, — я преданный сторонник партии, а потому согласен с лордом Бэббиджем: «Теория и практика должны быть едины, как кость и мышцы».

— Это следует обмыть, — подытожил Мэллори. — Прошу вас, позвольте мне, — добавил он, видя, что Годвин лезет в карман. — Я ведь еще не истратил свой бонус за экспедицию.

Годвин с кружкой в руке отвел Мэллори подальше от остальных пьющих. Осторожно оглянувшись, он снял очки и поглядел Мэллори в глаза:

— Нед, вы верите в свою удачу?

Мэллори задумчиво взялся за подбородок:

— Продолжайте.

— Букмекеры расценивают шансы «Зефира» очень низко, ставки — десять к одному.

— Я не игрок, мистер Годвин, — хмыкнул Мэллори. — Дайте мне надежные факты и доказательства, вот тогда я приму решение. Я же не какой-нибудь заполошный дурак, чтобы надеяться на не заработанные в поте лица богатства.

— В Вайоминге вы рисковали — рисковали жизнью.

— Да, но тогда все зависело от моих собственных способностей и способностей моих сотоварищей.

— Вот именно! — воскликнул Годвин. — Я стою в точности на тех же позициях! Если вы никуда не торопитесь, я хотел бы рассказать вам о нашем Братстве паровых механиков. — Он понизил голос. — Глава нашего профсоюза, лорд Скоукрофт… Лорд, а в недобрые старые времена простой Джим Скоукрофт, один из лучших наших агитаторов. Но мало-помалу Джим примирился с радикалами, теперь он богат и уже посидел в парламенте и все такое прочее. Умный мужик, очень умный. Когда я пришел к нему с планами постройки «Зефира», он ответил мне точно так же, как вы сейчас: факты и доказательства. «Мастер первой степени Годвин, — сказал он, — я не могу субсидировать ваш проект из заработанных тяжким трудом взносов нашего братства, если вы не сможете показать мне черным по белому, какую это принесет нам выгоду». Тогда я сказал ему: «Ваша светлость, личные паровые экипажи — предмет роскоши, а их изготовление — одна из самых выгодных отраслей производства в империи. Когда мы выйдем на Эпсом-Даунс и наша машина оставит конкурентов далеко позади, вся аристократия встанет в очередь за знаменитой

продукцией паровых механиков». И так оно и будет, Нед.

— Если вы выиграете гонку, — охладил его пыл Мэллори.

Годвин серьезно кивнул:

— Я не даю твердых обещаний. Я — механик; мне ли не знать, как железо может гнуться и ломаться, рваться и ржаветь. Вы тоже знаете это, Нед, ведь сколько раз чинил я у вас на глазах этот проклятый форт, чинил, пока мне не начинало казаться, что еще чуть-чуть — и я сойду с ума… Но я полагаюсь на факты, на цифры. Я знаю перепады давления и мощность двигателя, вращательный момент и диаметр колес. Если не случится какой-нибудь дурацкой поломки, наш маленький «Зефир» промчится мимо соперников, как будто они вкопаны в землю.

— Звучит великолепно. Я рад за вас. — Мэллори отпил из кружки. — Ну а что будет, если поломка все-таки произойдет?

— Тогда, — улыбнулся Годвин, — я проиграю и останусь без гроша за душой. Лорд Скоукрофт был весьма щедр — по своим меркам, — но в таком проекте, как наш, не обойтись без непредвиденных расходов. Я вложил в эту машину все — и бонус за экспедицию от Королевского общества,

и даже небольшое наследство, оставленное мне незамужней тетушкой, да будет земля ей пухом.

Мэллори был потрясен.

— Как, абсолютно все?

— За исключением того, что я *знаю*, уж это-то, слава господу, никто у меня не отберет, — криво усмехнулся Годвин. — Прокормлюсь ремеслишком. Если что, снова завербуюсь в экспедицию Королевского общества, платят там вполне прилично. Но я рискую всем, что у меня есть в Англии. Или грудь в крестах, или голова в кустах — безо всяких промежуточных вариантов.

Мэллори снова помял подбородок:

— Я поражаюсь вам, мистер Годвин. Вы всегда казались мне таким практичным.

— Доктор Мэллори, сегодня на меня будут смотреть сливки британского общества. Премьер-министр здесь. Принц-консорт здесь. Леди Ада Байрон здесь и, если верить слухам, делает крупные ставки. Ну когда еще представится второй такой шанс?

— Да, я понимаю вашу логику, — задумчиво кивнул Мэллори, — хотя и не совсем с ней согласен. Но, с другой стороны, в вашем положении подобный риск вполне допустим. Насколько я помню, вы не женаты.

Годвин отхлебнул эля.

— Как и вы, Нед, — Годвин приложился к кружке, — как и вы.

— Да, но у меня сидят по лавкам восемь младших братьев и сестер, мой старый отец смертельно болен, а мать еле ходит. Ревматизм. Я не могу рисковать средствами к существованию своей семьи.

— Ставки десять к одному, Нед. Это же просто смешно! И какой идиот их назначил! Тут бы вернее было пять к трем в пользу «Зефира».

Мэллори промолчал.

— Жаль, — вздохнул Годвин. — А мне так хотелось, чтобы кто-нибудь из друзей выиграл на этих скачках, выиграл по-крупному. Сам-то я этого сделать не могу. Очень хотелось бы, но потратил на «Зефир» все, до последнего фунта.

— Пожалуй, я сделаю небольшую ставку, — осторожно сказал Мэллори. — Во имя дружбы.

— Поставьте десять фунтов за меня, — вскинул голову Годвин. — Десять фунтов, в долг. Если вы проиграете, я найду со временем способ рассчитаться. Если выиграете, мы разделим сто фунтов поровну. Ну, что скажете? Вы согласны?

— Десять фунтов… Большие деньги.

— Я сумею рассчитаться.

— В этом-то я ничуть не сомневаюсь… — Отказаться было невозможно. Этот человек дал Тому место в жизни, и Мэллори чувствовал себя перед ним в долгу. — Хорошо, мистер Годвин. Только для вас.

— Вы не пожалеете. — Годвин сокрушенно отряхнул засаленные рукава сюртука. — Пятьдесят фунтов мне совсем не помешают. Удачливый изобретатель, уверенно поднимающийся и так далее, не должен одеваться, как священник из глухой деревушки.

— Вот уж не подумал бы, что вы станете сорить деньгами на такую ерунду.

— Это не ерунда — одеваться в соответствии со своим положением. — Годвин окинул Мэллори цепким взглядом. — Это ведь ваш старый, еще вайомингский плащ, верно?

— Весьма практичная одежда, — кивнул Мэллори.

— Только не для Лондона. Не для того, чтобы читать лекции светским дамам, воспылавшим любовью к естественной истории.

— Я не стыжусь того, что я есть, — набычился Мэллори.

— Ну да, — кивнул Годвин. — Простецкий парень Нед Мэллори является на скачки в кепке

механика, чтобы ребята не робели, встретившись со знаменитым ученым. Я знаю, почему вы так сделали, Нед, и мне это очень нравится. Но помяните мое слово, когда-нибудь вы станете лордом Мэллори, это уж как Бог свят. У вас будет шелковый фрак и ленточка в петлице, ордена и медали ото всех научных обществ. Это же вы откопали сухопутного левиафана, сумели разобраться в неразберихе его окаменелых костей. Так что, Нед, пора взглянуть правде в глаза.

— Все не так просто, как вы думаете, — возразил Мэллори. — Вы не знакомы с политикой Королевского общества. Я — катастрофист. А когда дело доходит до раздачи должностей и наград, заправляют всем униформисты. Люди вроде Лайелла или этого проклятого дурака Радвика.

— Чарльз Дарвин — лорд. Гидеон Мэнтелл — лорд, а его игуанодон — просто креветка по сравнению с вашим бронтозаврусом.

— Не говорите дурно о Гидеоне Мэнтелле! Он — величайший ученый, каким когда-либо славился Сассекс, и он был очень добр ко мне.

Годвин заглянул в свою пустую кружку.

— Прошу прощения, — сказал он. — Мне не следовало высказывать свое мнение так откровенно, я и сам это понимаю. Здесь не дикий Вайоминг,

где все мы сидели у лагерного костра, не зная чинов и различий, и чесали языками о чем ни попадя.

Он снова надел дымчатые очки.

— Но я хорошо помню ваши теоретические рассуждения, как вы объясняли нам смысл этих костей. «Форма определяется функцией». «Выживают наиболее приспособленные». Новые формы идут в авангарде. Сперва они могут выглядеть необычно, но природа испытывает их в борьбе против старых, и если они устоят и победят, то их потомки унаследуют мир. — Годвин поднял взгляд. — Если вы не понимаете, что эта ваша теория имеет самое прямое отношение к моим конструкциям, то вы — совсем не тот человек, каким я вас считаю.

Мэллори снял кепку.

— Это мне следует просить у вас прощения, сэр. Простите мне мою дурацкую вспыльчивость. Надеюсь, вы всегда будете говорить со мной откровенно, мистер Годвин, будут у меня на груди ленточки или нет. И да не стать мне никогда настолько ненаучным, чтобы закрывать глаза на честную правду. — Он протянул руку.

Годвин ее пожал.

На ипподроме запели фанфары, и тут же шум

толпы стал громче, напряженнее. Люди устремились к трибунам, словно гигантское стадо — на водопой.

— Пойду сделаю ставку, о которой мы тут спорили, — сказал Мэллори.

— А мне пора к ребятам. Зайдете к нам после гонок? Чтобы разделить выигрыш?

— Непременно.

— Позвольте, я отнесу буфетчику вашу кружку, — предложил Годвин.

Отдав механику кружку, Мэллори зашагал прочь.

* * *

Расставшись со старым другом, Мэллори тут же пожалел о своем неосторожном обещании. Десять фунтов — огромные деньги, в университете ему хватало такой, ну, может, чуть большей суммы на год.

И все же, размышлял он, шагая к палаткам букмекеров, Годвин — великолепный механик и честнейший человек. Нет никакой причины сомневаться в его оценках исхода гонки, а человек, крупно поставивший на «Зефир», может покинуть этим вечером Эпсом с суммой, равной доходу за несколько лет. Если рискнуть тридца-

тью фунтами или сорока…

У Мэллори было в банке почти пятьдесят фунтов — бóльшая часть его экспедиционного бонуса. Еще двенадцать фунтов он держал при себе в пропотелом парусиновом поясе, надежно затянутом под жилетом.

Ему вспомнился несчастный отец, одержимый безумием шляпника, отравленный ртутью, трясущийся и бессмысленно бормочущий в кресле у камина. Часть денег была заранее отведена на покупку угля для этого камина.

И все же… *получить четыреста фунтов*… Нет, он сохранит выдержку и поставит только десять, выполнит свое обещание Годвину — вот и все. Десять фунтов — потеря тяжелая, но не фатальная. Мэллори просунул пальцы правой руки между пуговицами жилета и нащупал клапан парусинового пояса.

Он решил сделать ставку в наисовременнейшей фирме «Дуайер и К°», а не в почтенной и, возможно, чуть-чуть более респектабельной «Таттерсоллз». Мэллори нередко проходил мимо ярко освещенного заведения Дуайера на Сент-Мартинз-лейн, из ярко освещенных окон которого непрестанно доносился глухой, прерывистый рокот трех вычислительных машин. Он поостерегся

делать такую крупную ставку у кого-нибудь из десятков букмекеров, вознесенных над толпой на высоких табуретах, хотя они были — по необходимости — почти так же надежны, как и крупные фирмы. Мэллори однажды стал свидетелем того, как в Честере едва не линчевали проштрафившегося букмекера. Он еще не забыл, как над толпою взвился вопль: «Жулик!», пронзительный, как «Грабят!» или «Горим!», как озверевшие игроки бросились на человека в черной шапочке, сбили его с ног и долго, остервенело пинали. Под поверхностным добродушием посетителей скачек таилась первобытная жестокость. Лорд Дарвин выслушал рассказ об этом инциденте с большим интересом и провел аналогию с поведением вороньей стаи…

Очередь к кассе паровых заездов продвигалась медленно, и Мэллори начал думать о Дарвине. Он считал нелюдимого лорда одним из величайших умов столетия, был давним и страстным его поклонником, однако начал последнее время подозревать, что тот считает своего младшего коллегу излишне торопливым — хотя и ценит его поддержку. Так оно или не так, но помощи от Дарвина не дождешься, проблемы профессиональной карьеры кажутся ему мелкими, не

заслуживающими внимания. Иное дело Томас Генри Гексли — видный социальный теоретик, прекрасный биолог и оратор.

В соседней, справа от Мэллори, очереди скучал светский хлыщ с последним номером «Спортинг лайф» под мышкой; над его нарочито неброской одеждой явно трудился кто-то из лучших модельеров Лондона, если не Парижа. На глазах у Мэллори хлыщ подошел к окошку и поставил сто фунтов на Гордость Александры, это бывают же у лошадей такие клички.

— Десять фунтов на «Зефир», на выигрыш, — сказал Мэллори, протягивая в окошко одну пятифунтовую банкноту и пять фунтовых.

Пока кассир методично пробивал перфокарту, Мэллори изучал подвижное, из кинокубиков, табло соотношения ставок, вывешенное за глянцевой, под мрамор, стойкой. Фаворитами были французы — «Вулкан» от «Компань женераль де тракьсон»,[460] пилот — некий мистер Рейнал. Мэллори отметил для себя, что итальянцы стоят немногим выше, чем «Зефир» Годвина. Это что же, все уже в курсе про штоки?

Кассир протянул ему синий листок, копию

---

[460] Примечания: 460

«Compagne Générale de Traction» — «Всеобщая компания тяги» (фр.).

пробитой карточки.

— Очень хорошо, сэр, благодарю вас. — Он уже глядел мимо, на следующего клиента.

— Вы примете чек, выписанный на Ситибэнк? — спросил Мэллори.

— Разумеется, сэр, — ответил кассир, вскинув бровь; можно было подумать, что он только сейчас заметил кепку и плащ Мэллори. — При том условии, что он будет помечен вашим гражданским индексом.

— Тогда, — к собственному своему изумлению, сказал Мэллори, — я поставлю на «Зефир» еще сорок фунтов.

— На выигрыш, сэр?

— На выигрыш.

* * *

Мэллори любил наблюдать и анализировать поведение людей и считал себя довольно приличным в этом деле специалистом. Он обладал, как заверял его Гидеон Мэнтелл, острым, ничего не упускающим глазом натуралиста. И действительно, теперешним своим положением в научной иерархии Мэллори обязан был тому, что без устали обшаривал этим самым своим глазом монотонный отрезок каменистого берега

вайомингской реки и в конце концов вычленил из кажущегося хаоса форму.

Однако сейчас, потрясенный безрассудством сделанной ставки, чудовищностью последствий в случае проигрыша, Мэллори не находил ни малейшего утешения в пестроте собравшейся на скачки толпы. Алчный, многоголосый рев, взорвавшийся, как только лошади взяли старт, окончательно переполнил чашу его терпения.

Он ушел — едва ли не сбежал — с трибуны в надежде стряхнуть нервное напряжение. У перил, огораживавших финишную прямую, скопились десятки повозок и сотни людей, вопивших во всю глотку, когда мимо них проносились лошади. Здесь толпились люди победнее, не желавшие выкладывать шиллинг за место на трибунах, а заодно и те, кто честным или бесчестным способом зарабатывал на них деньги: наперсточники, цыгане, карманники. Мэллори принялся протискиваться к краю толпы, в надежде немного отдышаться.

И тут его ни с того ни с сего пронзила пугающая мысль: не потерялись ли квитанции; он застыл как вкопанный и начал судорожно рыться в карманах.

Нет, вот они, эти синие листочки, его билеты

к катастрофе.

Мэллори двинулся дальше — и чуть не попал под копыта двух запряженных в открытую коляску лошадей. Взбешенный и негодующий, он схватился за упряжь ближайшей лошади, устоял кое-как на ногах и начал на чем свет стоит честить раззяв, которые едут прямо на людей.

Рядом с его головой щелкнул кнут. Встав на козлы, возница пытался выбраться из толпы. Синий, до рези в глазах яркий костюм, большой искусственный рубин в узле шелкового, цвета лососины галстука — возница явно принадлежал к племени ипподромных пижонов. Под уродливо вздутым лбом, чью мертвенную бледность еще более подчеркивали темные растрепанные волосы, беспокойно бегали мрачные, лихорадочно поблескивающие глаза — колоритный малый словно смотрел всюду сразу. Всюду — кроме беговой дорожки, приковавшей к себе внимание толпы. Странный тип, странный возница двух не менее странных пассажирок.

Лицо первой было скрыто вуалью, одета она была в темное, почти мужское платье и держала в руках длинный деревянный ящик, нечто вроде футляра для инструментов. Когда коляска застряла, эта женщина поднялась на ноги, уцепилась,

пьяно пошатываясь, за дверцу и попыталась выйти; ящик свой она перехватила под мышку. Намерение осталось неосуществленным — спутница рванула ее за локоть и усадила на место.

Мэллори изумленно наблюдал за происходящим. Дело в том, что второй в коляске была рыжеволосая девица в аляповатом наряде, уместном разве что в трактире или того похуже. Ее хорошенькое размалеванное личико было отмечено печатью мрачной, неколебимой решимости.

Прямо на глазах у Мэллори рыжая девка ударила даму костяшками согнутых пальцев под ребра, ударила умело, жестоко и почти незаметно. Таинственная дама сложилась пополам и рухнула на сиденье.

Безобразная сцена взывала к немедленному действию. Мэллори бросился к коляске и распахнул лакированную дверцу.

— Что это значит? — гневно воскликнул он.

— Мотай отсюда, — нежно посоветовала девица.

— Я видел, как вы ударили эту даму. Да как вы смеете?

Коляска дернулась, едва не сбив Мэллори с ног, однако он быстро оправился, рванулся вперед и схватил даму за руку. Под темной вуалью уга-

дывалось округлое, нежное — и неестественно сонное, почти летаргическое, лицо.

— Немедленно остановитесь!

Не совсем, видимо, сознавая, что коляска движется, дама поднялась на ноги, снова попыталась выйти — и снова пошатнулась. Взглянув на свои руки, она увидела ящик и передала его Мэллори, передала легко и естественно, словно госпожа — слуге.

Мэллори споткнулся, обеими руками сжимая неудобный ящик. В толпе раздались возмущенные возгласы — восседавший на козлах пижон гнал, не разбирая дороги, прямо на людей. Коляска снова остановилась, лошади всхрапывали и тянули постромки.

Дрожа от ярости, пижон отбросил кнут, спрыгнул на землю и двинулся к Мэллори, бесцеремонно расталкивая привлеченных скандалом зевак. По дороге он выхватил из кармана квадратные розовые очки и нацепил их на скрытые напомаженными волосами уши. Остановившись перед Мэллори, пижон расправил покатые плечи и приказал:

— Верните эту вещь.

Рука, повелительно указывающая на ящик, была затянута в канареечно-желтую, под стать

остальному наряду, перчатку.

— А в чем, собственно, дело? — возмутился Мэллори.

— Отдай, или хуже будет.

Мэллори окинул плюгавого наглеца изумленным взглядом. Он бы, пожалуй, рассмеялся, если бы не заметил в бегающих за квадратными очками глазах сумасшедшего блеска, присущего рабам лауданума.

— Мадам, — сказал Мэллори, неторопливо устанавливая ящик на землю между заляпанными грязью ботинками, — вы можете сойти с коляски без малейших опасений. Эти люди не имеют права принуждать вас…

Пижон сунул руку под умопомрачительно синий сюртук и рванулся вперед. Мэллори отбросил его толчком ладони и тут же почувствовал, как что-то обожгло ему левую ногу.

Пижон едва не упал, взвыл от ярости и снова пошел в атаку; в руке его узко блеснула сталь.

Мэллори принадлежал к практикующим последователям системы научного боксирования мистера Шиллингфорда. В Лондоне он еженедельно спарринговал в одном из гимнастических залов Королевского общества, а за месяцы, проведенные в дебрях Северной Америки, успел близко

познакомиться с самыми грязными приемами драки.

Ребром левой ладони он отбил держащую стилет руку, а правым кулаком ударил противника в зубы.

Сверкнул, падая на утоптанную землю, узкий обоюдоострый клинок с рукоятью из черной гуттаперчи. Коротышка сплюнул сгусток крови, но все же не утратил боевого задора; дрался он агрессивно, но, по счастью, неумело. Мэллори принял первую стойку Шиллингфорда и встретил ипподромного жучка — а кем, собственно, мог еще быть этот тип? — ударом в голову.

Теперь толпа, отпрянувшая при первом обмене ударами и блеске стали, сомкнулась вокруг дерущихся; внутреннее кольцо состояло по преимуществу из рабочих и жуликов. Народ крепкий и веселый, они были в восторге от неожиданного развлечения. Когда Мэллори достал противника своим любимым прямым в челюсть, болельщики подхватили того под руки и толкнули назад, прямо под следующий удар. Пижон рухнул на землю, нежно-оранжевый шелк его галстука был залит кровью.

— Я тебя уничтожу! — прохрипел поверженный герой. Один из его зубов, верхний глазной,

торчал окровавленным осколком.

— Берегись! — послышался чей-то крик.

Мэллори повернулся. Рыжеволосая стояла прямо у него за спиной, глаза ее бешено расширились, а в руке что-то блестело — стеклянный вроде бы пузырек. Заметив, что взгляд девицы метнулся вниз, Мэллори мгновенно заступил между нею и продолговатым деревянным ящиком. После нескольких секунд игры в гляделки, когда девица, казалось, взвешивала шансы, она поспешила к нокаутированному пижону.

— Я тебя уничтожу! — повторил тот и снова сплюнул кровь.

Рыжая девица помогла своему дружку подняться на ноги. Толпа свистела, обзывала его трусом и пустобрехом.

— Попробуй, — предложил, показывая кулак, Мэллори.

Сильно помятый красавчик взглянул на Мэллори со звериной, бездонной ненавистью, тяжело оперся о плечо девицы и исчез вместе с ней в толпе. Мэллори торжествующе подхватил ящик, повернулся и стал проталкиваться сквозь кольцо хохочущих мужчин; кто-то от полноты души шарахнул его по спине.

Он подошел к коляске и шагнул внутрь, в по-

тертый бархат и кожу. Шум толпы стихал — заезд закончился, победитель известен.

Дама обвисла на обтрепанном сиденье, ее вуаль чуть колыхалась. Мэллори быстро оглянулся, опасаясь нападения, но увидел только равнодушную толпу; окружающее странным образом преобразилось, мгновение застыло, будто он видел дагеротип, запечатлевший малейшие оттенки светового спектра.

— Где моя компаньонка? — Голос дамы звучал тихо и почти безразлично.

— А кто она такая, эта ваша компаньонка, мадам? — Голова у Мэллори немного кружилась, левая штанина насквозь пропиталась кровью. — Не думаю, чтобы ваши друзья сколько-нибудь подходили для сопровождения леди…

Он тяжело опустился на сиденье, зажал рану ладонью и попытался разглядеть скрытое вуалью лицо. Замысловато уложенные локоны, светлые и, похоже, тронутые сединой, свидетельствовали о неустанных заботах хорошей камеристки. И было в этом лице что-то до странности знакомое.

— Я вас знаю, мадам? — спросил Мэллори.

Ответа не последовало.

— Могу я вас проводить? — предложил он. — У вас есть здесь *приличные* друзья, мадам? Кто-ни-

будь, кто мог бы о вас позаботиться?

— Королевская ложа, — пробормотала женщина.

— Вы желаете пройти в королевскую ложу?

Потревожить королевскую семью, свалив им на голову эту сумасшедшую, — подобная идея выходила за рамки разумного, но затем Мэллори подумал, что там непременно дежурят полицейские, каковые, собственно, и обязаны заниматься подобными историями. Так что не будем спорить с этой несчастной.

— Прекрасно, мадам. — Мэллори сунул ящик под мышку, другую же руку галантно предложил даме. — Мы немедленно проследуем в королевскую ложу. Идемте.

Слегка прихрамывая, Мэллори повел странную незнакомку сквозь бурлящий людской поток к трибунам. По дороге дама немного пришла в себя. Ее рука покоилась на его локте легко, как паутинка.

Мэллори ждал, пока царящий кругом гвалт хоть слегка поутихнет. Такой момент представился, когда они совсем уже подошли к белой колоннаде трибун.

— Разрешите мне представиться, мадам? Меня зовут Эдвард Мэллори. Член Королевского обще-

ства, палеонтолог.

— Королевское общество, — рассеянно повторила женщина, голова ее покачивалась, как бутон на стебле. Затем она пробормотала что-то еще.

— Прошу прощения?

— Королевское общество! Мы обескровили все тайны мироздания…

Мэллори слегка ошалел.

— Фундаментальные соотношения науки о гармонии, — голос очень культурный, очень спокойный и безмерно усталый, — допускают механическое отображение, что дает возможность создавать нетривиальные научные музыкальные произведения любой степени сложности и продолжительности.

— Конечно, конечно, — попытался успокоить ее Мэллори.

— Я полагаю, джентльмены, — прошептала женщина, — что результаты моих изысканий вас не разочаруют. Мои стройные, послушные войска смогут — на свой манер — достойно служить правителям земли. Но из какого же материала должны состоять мои армии? Огромные *множества* чисел.

Она лихорадочно схватила Мэллори за руку.

— Мы неудержимо двинемся под звуки *музы-*

ки. — В ее голосе звучала странная горячечная убежденность, — Тайна сия велика есть. Разумеется, мои войска будут состоять из множества *чисел*, иначе невозможно. Но что же это должны быть за числа? Есть такая загадка…

— Это ваш ларец, мадам? — спросил Мэллори в надежде, что вид знакомого предмета вернет незнакомку в реальный мир.

Однако боевой трофей рыцарственного палеонтолога не вызвал у нее ничего, кроме легкого недоумения. Если бы не полное отсутствие резьбы и прочих украшений, этот аккуратный, с латунными накладками ящичек из полированного розового дерева и вправду мог бы служить ларцом для перчаток. Узкая длинная крышка запиралась на пару крохотных латунных крючков. Странная особа провела по крышке пальцем, словно убеждая себя в физическом существовании этого объекта, и явственно вздрогнула. Судя по всему, ящичек напомнил ей о недавних — и совсем еще не завершившихся — неприятностях.

— Вы сохраните его, сэр? — Это была не просьба, а мольба. — Вы возьмете его себе, на время?

— Разумеется! — не мог не растрогаться Мэллори. — Разумеется, сохраню. Пусть эта вещь лежит у меня сколько угодно.

Они медленно пробирались к лестнице королевской ложи. Ногу Мэллори обжигала резкая боль, штанина стала липкой от крови, голова кружилась сильнее, чем следовало бы при такой пустячной ране, — что-то в странных словах и еще более странном поведении женщины вышибло его из равновесия. Или, мелькнула неприятная мысль, стилет был намазан каким-то ядом. Мэллори уже жалел, что не прихватил его для анализа. Быть может, эту женщину тоже накачали какими-то наркотиками, чем объясняется ее кажущееся безумие. Быть может, он расстроил какой-то план похищения…

Внизу расчищали дорожку для гонки пароходов. Пять массивных машин — и крошечный «Зефир» — занимали свои места. Мэллори остановился, не в силах оторвать глаз от стального головастика, с которым он по собственной глупости связал свою судьбу; в тот же самый момент женщина выпустила его руку и устремилась к сверкающим свежей побелкой стенам королевской ложи.

Удивленный Мэллори бросился, прихрамывая, в погоню. У входа женщину притормозили охранники — двое полицейских в штатском, очень высокие и, похоже, хорошо тренированные. Лег-

ким, привычным жестом женщина откинула вуаль, и Мэллори разглядел наконец ее лицо.

Это была Ада Байрон, дочь премьер-министра. Леди Ада Байрон, королева вычислительных машин.

Она проскользнула мимо охранников и исчезла за дверью, даже не обернувшись, без единого слова благодарности. Мэллори со все тем же ящиком в руках поспешил за ней следом.

— Подождите! — крикнул он. — Ваша светлость!

— Минутку, сэр. — Один из полицейских — тот, что повыше, — вскинул мясистую ладонь и оглядел Мэллори с головы до ног, не обойдя вниманием ни деревянного ящика, ни мокрой от крови штанины. Его верхняя губа чуть скривилась. — Вы приглашены в королевскую ложу?

— Нет, — торопливо заговорил Мэллори, — но вы должны были видеть, как сюда только что вошла леди Ада. С ней случилось нечто ужасное, и мне кажется, она сейчас не совсем в себе. Я смог оказать ей некоторую помощь…

— Ваше имя и фамилия, сэр? — рявкнул второй полицейский.

— Эдвард… Миллер. — В последнее мгновение Мэллори почувствовал какой-то странный хо-

лодок и решил воздержаться от излишней — и опасной — откровенности.

— Вы позволите взглянуть на ваше удостоверение личности, мистер Миллер? — спросил первый полицейский. — Что это у вас там? Если вы не возражаете, я хотел бы заглянуть внутрь.

Мэллори прижал ящик к груди и попятился. Полицейский смотрел на него брезгливо и с подозрением — смесь крайне неустойчивая и опасная.

Снизу, с беговой дорожки, донесся грохот. Из разошедшегося шва итальянской машины вырвался столб пара, на трибунах возникла небольшая паника. Мэллори воспользовался случаем и заковылял прочь; полисмены не стали его преследовать — не решившись, по всей видимости, оставить пост.

Раненая нога мешала идти быстро, но его подгоняло желание поскорее затеряться в толпе. Движимый непонятным страхом, предчувствием какой-то опасности, он затолкал полосатую кепку в карман.

Удалившись от королевской ложи на почтительное расстояние, Мэллори нашел свободное место и сел; окованный латунью ящик он пристроил себе на колени. Дырка в штанине оказа-

лась совсем маленькой, однако кровь все еще текла. Садясь, Мэллори болезненно поморщился и прижал к ране ладонь.

— Вот же зараза, — просипел сзади мужской голос, полный пьяной самоуверенности. — Этот фальстарт сорвет давление. Тут все дело в теплоемкости. А значит, победит тот, у кого самый большой котел.

— Ну и кто же это будет? — поинтересовался его спутник, по всей видимости сын.

Сиплоголосый зарылся в программку гонок:

— «Голиаф», владелец лорд Ханселл. Точно такая же машина выиграла и прошлогодние гонки.

Мэллори глянул вниз, на изрытую подковами дорожку. Водителя итальянской машины уносили на носилках, после того как не без труда извлекли из тесной кабины. Столб пара стал заметно ниже, но все еще застилал трибуны. К безжизненному металлическому остову спешили служители с упряжкой лошадей.

Из труб остальных машин вырывались острые белые струйки пара. Весьма впечатляла дымовая труба «Голиафа», увенчанная ослепительно надраенной медной короной; рядом с ней хрупкая, укрепленная растяжками труба «Зефира»,

имевшая в поперечном сечении все ту же каплевидную, обтекаемую форму, казалась совсем игрушечной.

— Жуткое дело! — высказался тот, что помоложе. — Этому бедному иностранцу, ему ж наверняка голову снесло взрывом, это уж и к бабке не надо.

— Черта с два! — возразил старший. — У него же вон какой шлем был.

— Так он же не шевелится, сэр.

— Если итальянцы не понимают в технике, им тут делать нечего, — презрительно заметил старший.

Ломовые лошади оттащили вышедший из строя пароход в сторону; заскучавшие было зрители ожили.

— А вот теперь мы увидим настоящее соревнование! — сказал старший.

Мэллори, ожидавший начала гонки с не меньшим, чем сосед, напряжением, неожиданно для себя обнаружил, что открывает загадочный ящик; его большие пальцы подняли латунные крючки, словно по собственной воле. Обклеенный изнутри зеленым сукном ящик был плотно набит тонкими молочно-белыми пластинками. Мэллори вытащил одну из них наугад, примерно

из середины пачки. Машинная перфокарта, изготовленная по французским стандартам, только вот материал какой-то странный, неестественно гладкий и упругий. В углу карточки виднелись цифры, написанные бледно-лиловыми чернилами: #154.

Мэллори аккуратно вернул карточку на место и захлопнул крышку.

Взмах флажка — и машины сорвались с места.

Лидировали «Голиаф» и французский «Вулкан». Непредвиденная задержка (*фатальная* задержка, с тоской подумал Мэллори) охладила крохотный котел «Зефира», вызвав тем самым непоправимую уже потерю энергии. «Зефир» катился в кильватере более крупных машин, комично подскакивая на глубоко перепаханных их колесами колеях. Судя по всему, Честертону никак не удавалось набрать мощность.

Мэллори ничуть этому не удивлялся и ни на что больше не надеялся.

На первом же повороте началась борьба между «Вулканом» и «Голиафом», еще три машины чуть поотстали и катились ровной, как на параде, колонной. Наперекор всякому здравому смыслу «Зефир» выбрал для поворота самый длинный путь — по наружной кромке, далеко за пределами

колеи своих конкурентов. Создавалось впечатление, что мастер второй ступени Генри Честертон, сидевший за рулем крохотной машины, просто свихнулся. Мэллори наблюдал за происходящим со спокойствием конченого человека.

А потом «Зефир» совершил невообразимый рывок. С непринужденной, сказочной легкостью он обошел всех остальных и выскользнул вперед, как арбузное семечко из плотно сжатых пальцев. На полумильном повороте его хвостовое колесико почти оторвалось от земли, но самое неожиданное произошло на финальной прямой: небольшой бугорок сыграл роль трамплина, и вся машина взмыла в воздух. Затем огромные, бешено вращающиеся колеса снова коснулись дорожки, раздался металлический скрежет, к небу взлетели клубы пыли. Только теперь Мэллори заметил, что над трибунами повисло гробовое молчание.

Ни одного выкрика, ни одного свистка — даже в тот момент, когда «Зефир» пересекал финишную черту. Затем он заскользил юзом и остановился, несколько раз подпрыгнув на выбоинах, оставленных колесами соперников.

Прошло целых четыре секунды, прежде чем ошеломленный судья махнул флажком. «Голиаф»

и прочие стальные мастодонты еще только проходили поворот трека в добрых ста ярдах позади.

Потрясенные трибуны взорвались ревом — не столько радости, сколько полнейшего неверия и даже какого-то странного гнева.

Генри Честертон выбрался из кабины. Закинув назад концы длинного белого шарфа, он небрежно прислонился к сверкающей обшивке «Зефира» и с холодным высокомерием стал наблюдать, как остальные машины, ожесточенно пыхтя, подползают к финишной черте. За эти немногие секунды они постарели на столетия. Мэллори смотрел на них, как на живые окаменелости.

Он опустил руку в карман. Квитанции были в полной сохранности. Материальная природа их ничуть не изменилась, но теперь эти маленькие синие бумажки неопровержимо свидетельствовали о выигрыше в четыреста фунтов. Нет, в *пятьсот* — пятьдесят из которых предстояло передать главному победителю мистеру Майклу Годвину.

В ушах Мэллори, среди все нарастающего гула толпы, прозвучал чей-то голос.

— Теперь я богат, — спокойно произнес этот голос.

Его собственный голос.

Теперь он был богат.

* * *

Перед нами светский дагеротип, один из тех, которые распространялись представителями британской аристократии в узком кругу друзей и знакомых. Предполагаемым автором является Альберт, принц-консорт, человек, чей общеизвестный интерес к науке обеспечил ему тесные, доверительные отношения с радикалистской элитой Британии. Размеры помещения и богатство драпировок заднего плана укрепляют в мысли, что съемка производилась в Виндзорском замке, в личном фотографическом салоне принца Альберта.

На снимке изображены Ада Байрон, а также ее компаньонка и суа-дизан[461] чапероне, леди Мэри Сомервилл. Лицо леди Сомервилл, автора трактата «О единстве физических наук» и переводчицы «Небесной механики» Лапласа, выражает отрешенное смирение женщины, свыкшейся с экстравагантными выходками своей более молодой компаньонки. На обеих женщинах — позолоченные сандалии и белые

---

[461] Примечания: 461
Soi-disant — самозваный (фр.).

мантии, несколько напоминающие греческие тоги, но с заметным привкусом французского неоклассицизма. В действительности это орденская форма женщин, принадлежащих к «Обществу Света», тайному внутреннему органу и основному проводнику международной пропаганды промышленной радикальной партии. На голове пожилой миссис Сомервилл — бронзовый ободок, украшенный астрономическими символами, тайный знак высокого положения этой фам-савант[462] в европейских научных советах.

Леди Ада, чьим единственным украшением является перстень с печаткой на указательном пальце правой руки, возлагает лавровый венок на мраморный бюст Исаака Ньютона. Несмотря на тщательно выбранную точку съемки, странное одеяние не льстит леди Аде, и ее лицо отражает внутреннее напряжение. В конце июня 1855 года, когда был сделан данный дагеротип, леди Аде было сорок лет. Незадолго до того она потеряла значительную сумму денег на скачках, но есть основания полагать, что эти игорные долги, хорошо известные в кругу ее близких друзей, просто маскируют исчезновение еще больших

[462] Примечания: 462
Femme savante — женщина-ученый (фр.).

сумм, скорее всего — выманенных у нее посредством шантажа.

Она — королева вычислительных машин, заклинательница чисел. Лорд Бэббидж называл ее «маленькая Ада». Она не играет никакой официальной роли в правительстве, а краткий расцвет ее математического гения остался уже в прошлом. Но в то же самое время она, по всей видимости, является основным связующим звеном между своим отцом, великим оратором промышленной радикальной партии, и Чарльзом Бэббиджем, серым кардиналом и виднейшим социальным теоретиком.

Ада — мать.

Ее мысли сокрыты.

Итерация третья
Плащ и кинжал

Представьте себе Эдварда Мэллори, поднимающегося по центральной лестнице Дворца палеонтологии, лестнице воистину великолепной. Массивные, черного дерева перила покоятся на кованой решетке с орнаментом из древних папоротников, китайских гинкго и цикад.

Заметим далее, что следом за ним шагает краснолицый носильщик с дюжиной глянцевых свертков — плодом длительного, методичного обхода лондонских магазинов. Навстречу Мэллори спускается лорд Оуэн, личность весьма корпулентная, с перманентно брюзгливой миной на лице и столь же перманентно слезящимися глазами. Глаза выдающегося анатома пресмыкающихся похожи на устриц, думает Мэллори. На устриц, изъятых из раковин и приготовленных к расчленению. Мэллори приподнимает шляпу. Оуэн в ответ бормочет нечто неразборчивое, что можно принять за приветствие.

Сворачивая на первую лестничную площадку, Мэллори замечает группу студентов, располо-

жившуюся у открытого окна; студенты мирно беседуют, а тем временем над гипсовыми чудищами, украшающими сад камней дворца, опускаются сумерки.

Вечерний бриз колышет длинные льняные занавески.

Мэллори повернулся перед зеркалом платяного шкафа — правым боком, левым, потом опять правым. Расстегнув сюртук, он засунул руки в карманы брюк, чтобы лучше был виден жилет с узором из крохотных синих и белых квадратиков. «Клетка Ады» — называли такой рисунок портные, поскольку создала его сама Леди, запрограммировав станок Жаккарда так, чтобы он ткал чистейшую алгебру. Жилет — это главный штрих, подумалось Мэллори, хотя к нему чего-то еще не хватает, возможно — трости. Щелкнув крышкой серебряного портсигара, он предложил господину в зеркале дорогую сигару. Прекрасный жест, но невозможно же таскать с собой серебряный портсигар, как дамскую муфту; это уже будет полный моветон.

От переговорной трубы, чей раструб выступал из стены в непосредственном соседстве с дверью, донесся резкий металлический стук. Мэллори пересек комнату и откинул медную, покрытую с

оборота резиной заслонку.

— Мэллори слушает! — крикнул он, наклонившись.

— К вам посетитель, доктор Мэллори, — прозвучал призрачный, бестелесный голос дежурного. — Послать вам его карточку?

— Да, пожалуйста!

Мэллори, не привыкший обращаться с решеткой пневматического устройства, завозился с позолоченной задвижкой. Черный гуттаперчевый цилиндр снарядом вылетел из трубы, пересек по параболе комнату и врезался в стенку. Подобрав его, Мэллори равнодушно отметил, что оклеенная обоями стена покрыта десятками вмятин. Открутив крышку цилиндра, он вытряхнул его содержимое. «Мистер Лоренс Олифант, — гласила надпись на роскошной кремовой карточке. — Журналист и литератор». Адрес на Пикадилли и телеграфный номер. Журналист довольно видный, если судить по карточке. Да и фамилия вроде бы знакомая. Не пишет ли этот Олифант в «Блэквудз»? На обороте карточки портрет светловолосого, начинающего лысеть джентльмена. Большие спаниельи глаза, ироничная полуулыбка, чахлая, реденькая бородка. Из-за бородки и залысин узкий череп мистера

Олифанта казался длинным, как у игуанодона.

Мэллори сунул карточку в блокнот и оглядел комнату. Кровать была завалена мелким хламом, всегда сопутствующим покупкам: квитанции, обертки и упаковочная бумага, коробки из-под перчаток, обувные распорки.

— Будьте любезны, скажите мистеру Олифанту, что я встречусь с ним в холле.

Быстро заполнив карманы новых брюк, он вышел из комнаты, запер дверь и зашагал по коридору — вдоль стен, сложенных из грубых, сплошь в ямах и выбоинах, известняковых плит, перемежающихся пилястрами из черного мрамора. Воистину драгоценные плиты — известняк, миллионы лет хранивший в себе окаменелые останки прошлой жизни. Новые туфли неприятно поскрипывали.

Мистер Олифант, неожиданно длиннорукий и длинноногий, одетый аккуратно, но слишком уж роскошно, ждал, привалившись спиной к конторке дежурного. Локти на мраморной стойке, нога закинута за ногу, такая себе расхлюстанная поза, такой себе праздношатающийся джентльмен. Мэллори, повидавший более чем достаточно грошовых репортеров, горевших желанием накропать очередную восторженную статью о

великом левиафане, ощутил легкий приступ беспокойства. Этот парень явно не прост, у него большие возможности и связи.

Худая долгопалая кисть журналиста оказалась на удивление сильной.

— Я здесь по делам Географического общества, — объявил Олифант достаточно громко, чтобы быть услышанным группой бездельничающих в холле ученых. — Комитет по исследованиям, понимаете? И вот я подумал: а нельзя ли проконсультироваться у вас по одному вопросу, доктор Мэллори?

— К вашим услугам, — ответил Мэллори.

Королевское географическое общество великолепно финансировалось, а его всемогущий Комитет по исследованиям ведал распределением географических грантов.

— Не могли бы мы поговорить наедине, сэр?

— Разумеется.

Мэллори последовал за журналистом в гостиную дворца, где Олифант отыскал укромный уголок, полускрытый лакированной китайской ширмой. Откинув полы сюртука, Мэллори сел на стул, Олифант же примостился на краешке красной шелковой банкетки, спиной к стене, и окинул взглядом гостиную, явно проверяя, нет ли

поблизости лишних ушей.

— Похоже, вы неплохо знакомы с дворцом, — заметил Мэллори. — Захóдите сюда по делам комитета?

— Не часто, но как-то я беседовал в этом салоне с одним из ваших коллег, профессором Фрэнсисом Радвиком.

— Ах да, Радвик. Бедняга.

Мэллори был несколько уязвлен, но отнюдь не удивлен. Радвик поддерживал массу деловых знакомств, что очень помогало при выбивании грантов из самых разнообразных источников.

Олифант печально кивнул:

— Я не ученый, доктор Мэллори, я только пишу путевые очерки. Безделушки, не более, хотя некоторые из них и были встречены публикой довольно благожелательно.

— Понимаю, — сказал Мэллори, убежденный, что раскусил сущность этого малого: богатый бездельник, дилетант. Вполне возможно, что у его семьи хорошие связи. По большей части такие ретивые пустозвоны совершенно бесполезны для науки.

— В Географическом, доктор Мэллори, — начал Олифант, — идут сейчас ожесточенные споры относительно предмета исследований. Вы, веро-

ятно, знакомы с этой полемикой?

— Я был за границей, — ответил Мэллори, — и не в курсе многих новостей.

— Без сомнения, вас занимала собственная научная полемика, — понимающе улыбнулся Олифант. — Катастрофа против единообразия. Радвик не раз высказывался по этому вопросу. И весьма, скажу я вам, горячо.

— Сложная проблема, — пробормотал Мэллори. — Более чем запутанная.

— Лично мне доводы Радвика кажутся довольно шаткими, — небрежно бросил Олифант — к приятному удивлению Мэллори; почтительное внимание, светившееся в глазах журналиста, также приятно щекотало самолюбие не избалованного поклонниками ученого. — Позвольте мне подробнее разъяснить цель моего визита. У нас в Географическом некоторые полагают, что много разумнее было бы не лезть в Африку на поиски истоков Нила, а обратиться к изучению истоков нашего собственного общества. Почему мы должны ограничивать исследования физической географией, когда существует столько проблем географии политической и даже моральной, проблем не только не разрешенных, но даже плохо еще сформулированных?

— Весьма любопытно, — кивнул Мэллори, совершенно не понимая, к чему клонит его собеседник.

— Как выдающийся исследователь, — продолжил Олифант, — что бы вы ответили на предложение такого примерно рода… — Он словно разглядывал некую пылинку, повисшую где-то на полпути между ним самим и собеседником. — Предположим, сэр, что требуется исследовать не бескрайние просторы Вайоминга, а некий определенный уголок нашего Лондона…

Мэллори тупо кивнул. А в своем ли он уме, этот Олифант?

— Не следует ли нам, сэр, — в голосе журналиста появилась дрожь с трудом сдерживаемого энтузиазма, — провести абсолютно объективные, чисто статистические исследования? Не следует ли нам изучить общество с невиданной прежде точностью и подробностью? Выводя тем самым новые принципы — из бесчисленных актов взаимодействия людей; из самых потаенных перемещений денег; из бурного течения прохожих и экипажей по улицам… Предметы, которые мы неопределенно относим по ведомству полиции, здравоохранения, общественных служб — но подвергнутые тщательнейшему рассмотрению

острым, ничего не упускающим глазом ученого!

Взгляд Олифанта пылал неподдельным энтузиазмом, ясно показывая, что вся его недавняя вялая расслабленность была напускной.

— В теории, — неуверенно начал Мэллори, — такой подход представляется весьма перспективным, но я сильно сомневаюсь, чтобы научные общества могли обеспечить машинное время, необходимое для столь обширного и амбициозного проекта. Как вспомнишь, сколько пришлось мне воевать, чтобы провести элементарную оценку напряжений в обнаруженных мною костях… На машинное время огромный спрос. Да и с чего бы это Географическое общество взялось за такое дело? С какой такой стати станут они разбрасываться деньгами, необходимыми для экспедиционной работы? Уж скорее прямой запрос в парламент…

— Правительству не хватает фантазии, интеллектуальной смелости, да и просто трезвой объективности. Ну а если бы вам предложили машины полиции, а не того же Кембриджского института? Как бы вы к этому отнеслись?

— Вычислительные машины полиции? — поразился Мэллори. Идея показалась ему совершенно невероятной. — Ну зачем им делиться с кем-то

своими машинами?

— Ночью их машины почти бездействуют, — улыбнулся Олифант.

— Бездействуют? — переспросил Мэллори. — Вот это уже крайне интересно. Но если эти машины поставить на службу науке, мистер Олифант, легко ожидать, что другие, более неотложные проекты быстро съедят все свободное машинное время. Без мощной поддержки предложение вроде вашего просто не сможет пробиться к началу очереди.

— Но в принципе вы согласны? — не отставал Олифант. — Вас смущает только техническая сторона дела или что-нибудь еще? Были бы доступны ресурсы, а основную идею вы считаете интересной?

— Прежде чем активно поддержать такой проект, я должен ознакомиться с подробным рабочим планом. Кроме того, я сильно сомневаюсь, что мое слово будет иметь какой-то вес в Географическом обществе. Вы же знаете, что я не являюсь его членом.

— Вы преуменьшаете свою растущую славу, — возразил Олифант. — Избрание Эдварда Мэллори, открывателя сухопутного левиафана, пройдет в Географическом на ура.

Мэллори потерял дар речи.

— Вот, скажем, Радвик, — небрежно заметил Олифант. — После этой истории с птеродактилем он сразу стал действительным членом.

Мэллори неуверенно откашлялся.

— Я думаю, что сто́ит…

— Я почел бы за честь, если бы вы позволили мне заняться этим делом лично, — сказал Олифант. — Все пройдет без сучка без задоринки, уж это я вам обещаю.

Уверенный тон Олифанта не оставлял места сомнениям. Мэллори склонил голову перед неизбежным. Этот журналистик не оставил ему места для маневра, тем более что членством в богатом и могущественном Географическом обществе никак не стоило пренебрегать. Новая ступенька профессиональной карьеры. Он уже видел новую аббревиатуру, приписанную к своему имени: Мэллори, Ч. К. О., Ч. К. Г. О.

— Это вы оказываете мне честь, сэр, — сказал Мэллори, — только слишком уж много из-за меня хлопот.

— Я питаю глубочайший интерес к палеонтологии, сэр.

— Удивлен, что подобный интерес проявляет автор путевых заметок.

Олифант сложил длинные пальцы домиком и поднес их к тщательно выбритой верхней губе.

— Доктор Мэллори, я обнаружил, что «журналист» — удобное расплывчатое обозначение, позволяющее заниматься любыми, пусть даже крайне необычными исследованиями. По натуре своей я человек широких, хоть и прискорбно поверхностных интересов. — Он патетически развел руками. — Я прилагаю все свои силы, чтобы служить истинным ученым, притом что собственное мое положение во внутренних кругах великого Географического кажется мне не очень заслуженным, да я к нему никогда и не стремился. Внезапная слава может иметь самые неожиданные последствия.

— Должен сознаться, что я не знаком с вашими сочинениями, — смутился Мэллори. — Я был на другом континенте и основательно запустил чтение. Надо понимать, ваши книги имели большой успех.

— Да при чем тут книги? — удивился Олифант. — Я участвовал в этой истории с токийской миссией. В Японии. В конце прошлого года.

— Кошмарный эпизод в нашем посольстве, так, кажется? Кого-то там вроде ранили? Я тогда был в Америке…

Олифант помедлил, потом согнул левую руку и оттянул безупречный манжет. Чуть повыше кисти, на внешней ее стороне, краснел длинный узкий, затянутый сморщенной кожей шрам. Ножевой порез. Хуже того — удар саблей, прямо по сухожилиям. Только тут Мэллори заметил, что два пальца на левой руке Олифанта скрючены и не двигаются.

— Так это были вы! Лоренс Олифант, герой токийской миссии! Вот теперь все встало на место. — Мэллори погладил бороду. — Напрасно на вашей карточке нет *этого*, тогда бы я сразу вас вспомнил.

Олифант опустил рукав, вид у него был несколько смущенный.

— Шрам от японского меча — довольно необычное удостоверение личности…

— Теперь я вижу, сэр, что ваши интересы действительно разнообразны.

— Иногда приходится заниматься самыми неожиданными делами. В интересах нации, каковы бы они ни были. Да вы и сами прекрасно знакомы с подобными ситуациями.

— Боюсь, я не совсем вас понимаю…

— Профессор Радвик, *покойный* профессор Радвик был достаточно близко знаком с такими

делами.

Теперь Мэллори понял смысл намеков Олифанта.

— В вашей карточке, сэр, вы значитесь журналистом. Подобные вещи с журналистами не обсуждают.

— Боюсь, — вежливо улыбнулся Олифант, — ваша тайна давно не является тайной. Ее знают участники вайомингской экспедиции. Пятнадцать человек, далеко не все они умеют держать язык за зубами. Люди Радвика тоже знали о его тайной деятельности. И те, кто все это организовал, кто просил вас исполнить их замыслы, тоже знают.

— А откуда, сэр, это известно вам?

— Я расследовал убийство Радвика.

— И вы думаете, что смерть Радвика связана с его… с его деятельностью в Америке?

— Не думаю, а *знаю*.

— Прежде чем продолжить эту беседу, я хотел бы несколько прояснить ситуацию, мистер Олифант. О какой такой «деятельности» вы все время говорите? Кто ее «организовал» и «просил исполнить их замыслы»?

— Прекрасно, — пожал плечами Олифант. — Я говорю об официальной организации, которая

уговорила вас заняться контрабандой. Вооружить американских дикарей самострельными винтовками.

— И название этой организации?

— Комиссия по свободной торговле Королевского общества, — устало вздохнул Олифант. — Они существуют — официально — для изучения международных торговых отношений. Пошлины, инвестиции и все такое прочее. Боюсь, однако, что их амбиции несколько выходят за рамки официальных полномочий.

— Комиссия по свободной торговле — вполне законный орган правительства.

— В дипломатических кругах, доктор Мэллори, ваши действия могут быть расценены как нелегальная попытка вооружить врагов нации, с которой Британия официально не находится в состоянии войны.

— Судя по всему, — гневно начал Мэллори, — вы относитесь с большим недоверием и даже неодобрением к…

— …контрабанде оружия. Я прекрасно понимаю, что она была, есть и будет. — Олифант замолк и снова оглядел гостиную. — Вот только заниматься ею должны соответствующие службы, а не добровольцы-энтузиасты с преуве-

личенными представлениями о своей роли в международной политике.

— Вам не нравится участие в этой игре любителей?

Олифант встретился с Мэллори взглядом, но промолчал.

— И вы, мистер Олифант, предпочитаете профессионалов. Людей вроде вас.

— *Профессиональное* агентство не бросает своих людей на произвол судьбы. — Олифант подался вперед, поставил локти на колени и чуть сощурился. — И не допускает, мистер Мэллори, чтобы иностранные агенты выпускали им кишки — да еще в самом сердце Лондона. Как ни печально, сэр, но и вы попали в аналогичное положение. Комиссия по свободной торговле не будет вам более помогать, сколь бы успешно ни выполняли вы их задания в прошлом. Вас даже не известили, что вашей жизни угрожает опасность. Или я не прав, сэр?

— Фрэнсис Радвик был убит в драке, в притоне для крысиных боев. И это было давно.

— Это было в январе — прошло только пять месяцев. Радвик вернулся из Техаса, где он втайне вооружал племя команчей винтовками, поставленными вашей комиссией. В ночь, когда убили

Радвика, некто совершил покушение на жизнь бывшего президента Техаса. Президент Хьюстон чудом спасся, буквально чудом. Его секретарь, британский гражданин, был зверски зарезан. Убийца все еще разгуливает на свободе.

— Вы думаете, что Радвика убил техасец?

— Почти уверен. Деятельность Радвика малоизвестна здесь, в Лондоне, но не составляет тайны для несчастных техасцев, которые регулярно извлекают британские пули из трупов своих товарищей.

— Мне кажется, вы понимаете наши действия крайне превратно и однобоко. — Мэллори с трудом сдерживал закипающую ярость. — Если бы не оружие, они не стали бы нам помогать. Без помощи шайенов прокопались бы там многие годы…

— Сомневаюсь, — качнул головой Олифант, — чтобы ваши доводы убедили техасского рейнджера. Или нашу прессу.

— У меня нет намерения обсуждать эти вопросы с прессой, и я крайне сожалею о нашей с вами беседе. Я плохо понимаю, почему вы относитесь к комиссии с таким предубеждением.

— Я знаю о комиссии гораздо больше, чем мне хотелось бы. Я пришел сюда, чтобы предупредить

вас, доктор Мэллори, а не за информацией. Это я говорил слишком открыто — по необходимости, поскольку топорная работа комиссии поставила вас в опасное положение, сэр.

Спорить было трудно.

— Серьезный аргумент, — кивнул Мэллори. — Вы предупредили меня, сэр, и я благодарен вам за это. — Он на секунду задумался. — Но при чем тут Географическое общество, мистер Олифант? Оно-то здесь каким боком?

— Наблюдательный путешественник может послужить интересам своей нации безо всякого ущерба для науки, — улыбнулся Олифант. — Географическое общество давно уже является важным источником разведывательных данных. Составление карт, морские маршруты…

— А ведь их вы не называете любителями, мистер Олифант, — мгновенно среагировал Мэллори. — Хотя они тоже рыщут в плащах и с кинжалами там, где не надо.

Повисло молчание.

— Они — *наши* любители, — сухо пояснил Олифант после довольно заметной паузы.

— И в чем же конкретно заключается разница?

— Разница, доктор Мэллори, и вполне конкретная, заключается в том, что любителей комиссии

убивают.

Мэллори хмыкнул и откинулся на спинку кресла. Мрачная теория Олифанта не выглядела такой уж безосновательной. Внезапная смерть Радвика, его соперника и самого сильного научного противника, всегда казалась ему слишком уж удачным подарком судьбы.

— А как он выглядит, этот ваш техасский убийца?

— По описаниям, это высокий темноволосый мужчина крепкого сложения. Одет в широкополую шляпу и длинный светлый плащ.

— А это, случаем, не может быть плюгавый ипподромный ходок со лбом, как тыква, — Мэллори тронул свою голову, — и стилетом в кармане?

— С нами крестная сила, — еле слышно выдавил Олифант.

Мэллори едва сдержал улыбку. Возможность привести этого лощеного шпиона в замешательство доставляла ему искреннее удовольствие.

— Он хотел пырнуть меня, этот малый, — сказал Мэллори, утрируя свой сассекский акцент. — В Эпсоме. На удивление мерзкий тип.

— И что же вы?

— Начистил паршивцу морду, что же еще? — пожал плечами Мэллори.

Олифант на секунду онемел, а затем весело расхохотался:

— А с вами, доктор Мэллори, не соскучишься.

— То же самое я мог бы сказать и о вас, сэр. — Мэллори чуть помедлил. — Однако следует заметить, что этот человек вряд ли охотился за мной. С ним была девица — *уличная* девица — и некая леди, с которой эти двое обращались до крайности грубо…

— Продолжайте, пожалуйста. Все это весьма любопытно.

— Боюсь, я не смогу сказать вам большего, — качнул головой Мэллори. — Упомянутая мною леди принадлежит к высшим кругам.

— Ваша тактичность, сэр, — ровно проговорил Олифант, — делает вам честь как джентльмену. Однако нападение с ножом — уголовное преступление, и весьма серьезное. Вы обратились в полицию?

— Нет, — ответил Мэллори, наслаждаясь еле сдерживаемым возбуждением Олифанта, — и все по той же причине. Я боялся скомпрометировать леди.

— Возможно, — задумчиво сказал Олифант, — все это было специально задумано, чтобы ваша смерть выглядела как результат заурядной драки

на скачках. Нечто подобное было проделано с Радвиком — который умер, как вы помните, в крысином притоне.

— Сэр, — возмутился Мэллори, — Ада Байрон выше таких подозрений.

— Дочь премьер-министра? — поразился Олифант.

— А что, разве есть другая Ада Байрон?

— Нет, конечно же нет. — Мгновенно появившееся напряжение мгновенно же и прошло, в голосе Олифанта появилась прежняя легкость. — Но с другой стороны, есть немало женщин, похожих на леди Аду, ведь наша королева вычислительных машин является также и королевой моды. Тысячи женщин следуют ее вкусам.

— Я не был представлен леди Аде, мистер Олифант, однако видел ее на заседаниях Королевского общества. Я присутствовал на ее лекции по машинной математике. Я не мог ошибиться.

Олифант достал из кармана куртки кожаный блокнот и положил его на колено, достал и раскрыл самописку.

— Я бы очень просил вас рассказать об этом инциденте.

— Строго конфиденциально?

— Даю вам слово.

Мэллори представил настойчивому собеседнику несколько урезанную версию фактов — по возможности точно описал мучителей Ады и все сопутствующие обстоятельства, однако тактично умолчал о деревянном ящике с французскими перфокартами из камфорированной целлюлозы. Он считал это частным делом двух лиц: леди попросила джентльмена сохранить принадлежащий ей предмет, джентльмен согласился — и теперь обязан свято выполнять свое обещание. Деревянный ящик с карточками, тщательно завернутый в белый мешочек для образцов, лежал среди окаменелых ископаемых в одном из личных шкафов Мэллори в Музее практической геологии, ожидая дальнейшего развития событий.

Олифант закрыл блокнот, убрал ручку и подал знак официанту. Узнав Мэллори, официант принес ему хакл-бафф; Олифант предпочел розовый джин.

— Мне бы хотелось свести вас кое с кем из моих друзей, — сказал Олифант. — В Центральном статистическом бюро хранятся обширные досье на преступников — антропометрические замеры, машинные портреты и тому подобное. Вполне возможно, что вы сумеете опознать напавшего

на вас человека и его сообщницу.

— Прекрасно, — кивнул Мэллори.

— Кроме того, вам будет предоставлена полицейская охрана.

— Охрана?

— Естественно, не из обычной полиции. Кто-нибудь из Особого бюро. Их люди весьма тактичны.

— Но я не хочу, чтобы какой-то фараон все время дышал мне в затылок! — возмутился Мэллори. — Что люди скажут?

— Я больше бы волновался о том, что они скажут, когда вас найдут в каком-нибудь закоулке со вспоротым животом. Двое известных ученых, двое специалистов по динозаврам, два загадочных убийства. Пресса будет в полном экстазе.

— Мне не нужно охраны. Я не боюсь этого мелкого сутенера!

— Возможно, этот тип и вправду не стоит особого внимания. Вот удастся вам его опознать — все и прояснится. Конечно же, — негромко вздохнул Олифант, — в масштабах империи обсуждаемая нами история выеденного яйца не стоит. И все же я отметил бы, что неизвестные злоумышленники имеют в своем распоряжении деньги, могут при необходимости пользоваться услугами некоторых наших соотечественников — сомни-

тельного сброда, прикармливающегося за счет иностранцев, — и, наконец, пользуются тайными симпатиями американских беженцев, спасающихся здесь от войн, сотрясающих Новый Свет.

— И вы думаете, что леди Ада могла оказаться замешанной в эту грязную историю?

— Нет, сэр, ни в коем случае. Такое просто невозможно. Женщина, которую вы видели, никак не могла быть Адой Байрон.

— Тогда и дело с концом, — развел руками Мэллори. — Скажи вы мне, что тут затронуты интересы леди Ады, я согласился бы почти на что угодно. Однако в данной ситуации я уж как-нибудь справлюсь сам.

— Как знаете, — пожал плечами Олифант. — Да, может быть, сейчас и рановато прибегать к столь решительным мерам. У вас есть моя карточка? Если что-нибудь еще, дайте мне знать.

— Непременно.

Олифант встал:

— И если кто-нибудь спросит, мы сегодня не обсуждали ничего, кроме дел Географического общества.

— Вы так и не сказали, на кого вы работаете, мистер Олифант. Я не имею в виду редакторов и издателей.

— Подобные сведения, — покачал головой Олифант, — никогда не приносят пользы, сэр. И могут принести уйму неприятностей. С вашей стороны, доктор Мэллори, было бы очень благоразумно не связываться впредь с рыцарями плаща и кинжала. Будем надеяться, что вся эта история окажется в конечном итоге пустышкой и растает без следа, как ночной кошмар. Я же, безусловно, выдвину вашу кандидатуру в Географическое общество и искренне надеюсь, что вы всерьез рассмотрите мое предложение относительно полицейских машин.

С этими словами необычный посетитель встал, повернулся и зашагал прочь по роскошному ковру дворца; его длинные ноги мелькали, как ножницы.

* * *

Одной рукой сжимая ручку новенького саквояжа, другой цепляясь за свисающие сверху ременные петли, Мэллори проталкивался на выход. Когда паробус притормозил, давая дорогу грязному грузовику с асфальтом, Мэллори спрыгнул на мостовую.

Несмотря на все свои усилия, он ошибся паробусом. Или, возможно, заехал гораздо дальше,

чем нужно, — углубившись в свежий номер «Вестминстерского ревю». Он купил этот журнал потому, что там была статья Олифанта, своего рода патологоанатомическое исследование причин и хода Крымской войны. Олифант, как выяснилось, считался чем-то вроде эксперта по Крымскому региону, поскольку опубликовал свои «Русские берега Черного моря» за год с лишним до начала военных действий. В книге подробно описывалась веселая и довольно богатая событиями поездка репортера по Крыму. Статья в «Вестминстерском ревю» пестрила весьма ядовитыми намеками и выпадами; вполне возможно, что раньше, до знакомства с Олифантом, Мэллори их бы и не заметил.

— Ты что мне, начальник? — удивленно поднял голову малолетний оборванец, обмахивавший тротуар метлой.

К печальному своему удивлению, Мэллори осознал, что говорит сам с собой — стоит посреди улицы в полном отупении и бормочет что-то о пройдошливости этого Олифанта. Пытаясь привлечь внимание ошалелого господина, мальчишка сделал обратное сальто. Мэллори бросил ему монету, окончательно понял, что не знает этих мест, и зашагал куда глаза глядят; вскоре

он оказался на Лестер-сквер, чьи дорожки и тенистые аллеи являлись идеальным местом, чтобы схлопотать по голове или — при мирном развитии событий — попросту остаться без кошелька. Особенно ночью, поскольку окрестные улицы кишели мелкими театриками, а также заведениями, где развлекали зрителей немудреными пантомимами и картинками волшебного фонаря.

Миновав Уитком-стрит, а затем Оксендон-стрит, Мэллори оказался на Хеймаркете, таком странном в разгар ясного летнего дня, когда здешние сиплоголосые сирены расползлись по домам и завалились спать. Из любопытства он прошелся по улице. Днем Хеймаркет выглядел совсем иначе — каким-то запущенным, уставшим от себя самого. Наконец, обратив внимание на неспешную походку Мэллори, к нему подкатился сутенер с предложением купить «французские дирижабли», наилучшее предохранительное средство от французской же язвы.

Мэллори отдал ему деньги и закинул покупку в саквояж.

Повернув налево, он окунулся в пыхтящий грохот и суету Пэлл-Мэлл; здесь вдоль широкой асфальтированной мостовой тянулись кованые

решетки закрытых клубов, их мраморные фасады стояли в глубине, подальше от уличной бестолковщины. За Пэлл-Мэлл в дальнем конце площади Ватерлоо высилась колонна герцога Йоркского. Старый добрый герцог Йоркский, у которого было десять тысяч солдат, превратился теперь в почерневшую от копоти статую; рядом со стальными шпилями штаб-квартиры Королевского общества его колонна казалась жалким столбиком.

Теперь Мэллори ориентировался. Он поднялся на пешеходный мост, пересекавший Пэлл-Мэлл; внизу рабочие с платками на головах долбили перекресток стальной лапой экскаватора. Присмотревшись, он сообразил, что они готовят площадку под новый монумент, не иначе как в честь крымской победы. Мэллори спустился и зашагал по Риджент-стрит к Серкусу, где толпа нескончаемо извергалась из прокопченных мраморных вестибюлей подземки. Тут он отдался на волю стремительному людскому потоку.

И чуть не задохнулся от оглушительной вони; на какое-то мгновение Мэллори показалось, что адские миазмы исходят от самой толпы, от ее одежды и башмаков. Но нет, эта вонь обладала невероятной, нечеловеческой интенсивностью,

в ней ощущалась яростная химия раскаленной золы и человеческих выделений, просачивающихся сквозь многометровую толщу земли; было ясно, что отравленный воздух выдавливается из душного чрева города мчащимися во мраке туннелей поездами. Толпа тащила Мэллори по Джермин-стрит; несколько секунд — и ноздри ему прочистил головокружительный запах сотен сортов сыра, исходивший из знаменитого магазина «Пакстон и Уитфилд». Подойдя к Дюк-стрит, он задержался возле кованых фонарей «Кавендиш-Отеля», запер саквояж на ключ и перешел на другую сторону улицы, где высился Музей практической геологии, цель его путешествия.

Мощное, похожее на крепость здание чем-то напоминало духовный облик своего куратора. Поднявшись по ступеням в желанную каменную прохладу, Мэллори раскрыл переплетенную в кожу книгу посетителей, широко, с росчерком расписался и прошел в огромный центральный зал, вдоль стен которого сверкали застекленные, из красного дерева стенды. Дневной свет попадал сюда сверху; вот уж кому не грозит безработица, подумал Мэллори, заметив под огромным прозрачным куполом люльку стекломоя. Справится с последним стеклом — будет самое время мыть

первое.

На первом этаже музея были выставлены позвоночные, а также подходящие к случаю чудеса из области стратиграфической геологии. Выше, на обнесенной перилами галерее, располагались стенды поменьше — с беспозвоночными. Сегодня посетители радовали глаз своей многочисленностью; просто удивительно, сколько пришло сюда женщин и детей, в том числе большая группа грубоватых, не очень опрятных мальчишек в форме, скорее всего дети рабочих, обучающиеся в какой-нибудь из государственных школ. Они изучали стенды серьезно и внимательно, поминутно обращаясь с вопросами к одетым в красные куртки смотрителям.

Мэллори открыл высокую, безо всякой таблички дверь и оказался в коридоре, по обеим сторонам которого шли двери кладовых. Кабинет куратора располагался в самом конце коридора; из-за закрытой двери доносился громкий, хорошо поставленный голос, голос человека, привыкшего к тому, что каждое его слово выслушивается с благоговейным вниманием. Мэллори постучал и с улыбкой прислушался: невидимый глазу оратор завершал особо цветистый период.

— Войдите, — прогремел могучий голос.

Увидев Мэллори, Томас Генри Гексли поднялся из-за стола и протянул руку. Куратор диктовал что-то своему секретарю, желторотому очкарику с внешностью честолюбивого старшекурсника.

— Пока все, Харрис, — сказал Гексли. — Пришлите, пожалуйста, мистера Рикса с его рисунками бронтозавруса.

Секретарь поместил свои записи в кожаную папку, отвесил Мэллори почтительный поклон и удалился.

— Как жизнь, Нед? — На Мэллори смотрели близко посаженные, почти нечеловечески наблюдательные глаза, сумевшие в свое время заметить в корне человеческого волоса «слой Гексли». — Ты неплохо выглядишь. Можно сказать, великолепно.

— Да вот, повезло тут однажды, — туманно объяснил Мэллори.

К немалому его удивлению, из-за захламленного стола Гексли появился маленький светловолосый мальчик, одетый в аккуратную матроску и короткие штаны.

— А *это* еще кто такой? — делано нахмурился Мэллори.

— Подрастающее поколение. — Гексли нагнулся и взял ребенка на руки. — Ноэль пришел

сегодня помогать отцу. Скажи доктору Мэллори «здрасьте», сынок.

— Здвавствуйте, мистер Меллови, — пропищал мальчик.

— *Доктор* Мэллори, — мягко поправил Гексли.

Глаза Ноэля испуганно округлились.

— Вы *медицинский* доктор, мистер Меллови? — Мальчик явно надеялся на отрицательный ответ.

— Ну как же это так, мастер Ноэль? — расплылся в улыбке Мэллори. — При нашем последнем свидании вы еще едва ходили, а теперь я вижу настоящего маленького джентльмена. — Он знал, что Гексли обожает ребенка. — А как поживает ваш маленький братик?

— Теперь у него есть еще и сестра, — объявил Гексли, опуская ребенка на пол, — появившаяся на свет, пока ты отсутствовал.

— Вот же вам всем радость, мастер Ноэль!

Мальчик неуверенно улыбнулся, а затем запрыгнул в отцовское кресло. Мэллори поставил саквояж на низенький книжный шкаф, хранивший переплетенное в сафьян собрание трудов Кювье, и начал открывать замки.

— А у меня, Томас, есть для тебя подарочек, от шайенов. — Он затолкнул пакетик с «дири-

жаблями» под «Вестминстерское ревю», вынул маленький, перевязанный бечевкой сверток и передал его Гексли.

— Надеюсь, это не какая-нибудь этнографическая безделушка, — заметил Гексли, аккуратно перерезая бечевку. — Терпеть не могу все эти бусы-перья.

Сверток содержал шесть коричневых сморщенных облаток размером с полукроновую монету.

— С любовью и почтением от главного их шамана.

— Эти шаманы, они ведь очень похожи на наших англиканских епископов, или нет? — Гексли посмотрел один из кожистых предметов на свет. — Высушенная растительная субстанция. Кактус?

— Думаю, да.

— Джозеф Хукер из Кью нам сказал бы точно.

— Американский колдун довольно точно уловил цель нашей экспедиции. Он решил, что мы намерены вернуть мертвое чудовище к жизни. Так вот, Томас, эти облатки дадут тебе силы путешествовать далеко-далеко, ты найдешь душу этого существа и приволочешь ее назад.

— И что же мне с ними делать? Нанизать на шнурок, как четки?

— Нет, Томас, съесть. Ты их съедаешь, а потом начинаешь петь, бить в бубны и кружиться, как дервиш, пока не свалишься. Насколько я понимаю, такова стандартная методика, — с серьезнейшим видом объяснил Мэллори.

— Некоторые растительные яды способны вызывать видения, — заметил Гексли, убирая облатки в ящик стола. — Спасибо, Нед. Я позабочусь, чтобы они были должным образом каталогизированы. Боюсь, нашего мистера Рикса совсем одолели заботы. Обычно он более расторопен.

— Сегодня у вас там много народа, — заметил Мэллори.

Сынишка Гексли достал из кармана конфету и принялся с хирургической аккуратностью ее разворачивать.

— Да, — кивнул Гексли. — Британские музеи — наши твердыни интеллекта, как красноречиво выразился некий парламентарий с присущим этой породе красноречием. Но при всем при том бессмысленно отрицать, что образование, массовое образование — главнейшая из наших задач. Хотя бывают дни, когда мне очень хочется бросить все это к черту и уйти в экспедицию — ну чем я, спрашивается, хуже тебя?

— Ты нужен здесь, Томас.

— Вот-вот, — отмахнулся Гексли. — Все вы так говорите. Я поставил себе за правило выбираться отсюда хотя бы раз в год. Съезжу в Уэльс, поброжу по холмам. Отдохновение души… — Он помолчал. — Ты уже слышал, что меня выдвигают в лорды?

— Нет! — восхитился Мэллори. — Том Гексли — лорд! Это надо же! Ты меня радуешь!

Гексли неожиданно помрачнел.

— Я видел лорда Форбса в Королевском обществе. «Ну, — сказал Форбс, — рад сообщить, что ваши заслуги получили высочайшую оценку. Отбор в палату лордов производился в пятницу вечером, и, по моим сведениям, вы прошли». — Гексли артистически изобразил жесты Форбса, его манеру выражаться, даже интонации. — Я еще не видел списка, — теперь он говорил своим собственным голосом, — но Форбсу можно верить.

— Конечно же! — радостно согласился Мэллори. — Форбс, он человек надежный.

— А вот я, — охладил его Гексли, — не спешу радоваться, ведь официально ничего еще не объявлено. Меня очень беспокоит здоровье премьер-министра.

— Да, — кивнул Мэллори, — жаль, что он болен.

Но ты-то здесь при чем? Твои достижения говорят сами за себя!

— Время выбрано не случайно, — покачал головой Гексли. — Я подозреваю, что это тактический ход Бэббиджа и его ближайших сподвижников, последняя попытка набрать в палату лордов побольше ученых, пока Байрон еще на коне.

— Что за странные мысли! — удивился Мэллори. — Кто, как не ты, был активнейшим сторонником эволюции во всех дебатах? К чему сомневаться в своем счастье? Мне это представляется элементарнейшей справедливостью!

Гексли схватился за лацканы сюртука — жест, выражавший у него высшую степень искренности.

— Стану я лордом или нет, могу сказать одно: сам я в это дело не вмешивался. Я ни о чем не просил, и если получу титул, то не посредством каких-то там закулисных махинаций.

— Но мне казалось, что отбор лордов не связан ни с какими махинациями, — удивился Мэллори.

— Еще как связан! — отрезал Гексли. — Хотя ты и не услышишь такого от меня прилюдно. — Он понизил голос. — Но мы с тобой знаем друг друга уже много лет. Я рассчитываю на тебя как на

союзника, Нед, и как на честного человека.

Гексли вышел из-за стола и начал нервно вышагивать по турецкому ковру.

— В таком важном деле ложная скромность бессмысленна. У нас есть серьезные обязанности — перед самими собой, перед внешним миром, перед наукой. Мы купаемся в похвалах — удовольствие, на мой взгляд, ниже среднего, — а заодно претерпеваем бесчисленные трудности, в том числе и страдания, и даже опасности.

Сперва радостная новость, затем тревожные, несколько загадочные откровения — от всего этого кругом шла голова. Впрочем, Гексли всегда создавал вокруг себя какую-то особую напряженную атмосферу; так было даже в давние студенческие годы. Впервые после Канады Мэллори почувствовал, что возвратился в настоящий свой мир, в мир более чистый, возвышенный, где обитал разум Томаса Гексли.

— Опасности какого рода? — спросил он после довольно длительной паузы.

— Нравственные опасности. И физические тоже. Борьба за власть всегда сопряжена с риском. Лордство — пост политический. Партия и правительство, Нед. Деньги и законы. Соблазны и постыдные компромиссы… Ресурсы нации не

безграничны, конкуренция велика. Нишу науки и образования следует защищать, нет — *расширять*! Так или иначе, — невесело улыбнулся Гексли, — нам приходится рисковать. В противном случае остается только опустить руки и отдать мир грядущего на волю дьявола. Лично я скорее умру, чем стану смотреть, как распродают науку!

Пораженный резкостью Гексли, Мэллори взглянул на мальчика, который сосал свою конфету и от скуки колотил ногами по креслу.

— Ты самый подходящий для этого человек, Томас, — сказал он после секундного раздумья, — и всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

— Спасибо, Нед, я был в тебе уверен. Я очень рассчитываю на твою смелость, на твое ослиное упорство. За два года каторжного труда в дебрях Вайоминга ты показал себя крепким как сталь! А тут я на каждом шагу вижу людей, которые с пеной на губах распинаются о своей преданности науке, а сами только и мечтают, что о золотых медалях и профессорских мантиях.

Гексли ходил все быстрее и быстрее.

— Моровое поветрие, настоящее моровое поветрие. Более того, — он резко остановился, — иногда я начинаю опасаться, не коснулось ли оно и меня.

Ты понимаешь, Нед, как это страшно?

— Это невозможно, — заверил его Мэллори.

— Хорошо, что ты снова с нами. — Гексли снова заметался по кабинету. — И что ты теперь — знаменитость! Мы должны на этом сыграть. Я хочу, чтобы ты написал о своих подвигах книгу.

— Странно, что ты об этом заговорил, — отозвался Мэллори. — У меня в саквояже как раз лежит образчик подобной литературы. «Миссия в Китай и Японию» Лоренса Олифанта. Толковый парень, очень сообразительный.

— Олифант из Географического общества? Безнадежный случай. Слишком сообразительный и врет, как политик. Нет, ты должен писать совсем просто — настолько просто, чтобы тебя мог понять и самый рядовой механик, из тех, что украшают свои гостиные пемброковскими столами и фарфоровыми селянками! Поверь мне, Нед, это нужно для большого дела. А заодно принесет тебе хорошие деньги.

Мэллори несколько растерялся.

— Ну, говорю я вроде и ничего, если под настроение, — но взять вот так и написать целую книгу…

— Ничего, — улыбнулся Гексли, — мы подыщем тебе какого-нибудь писаку с Граб-стрит, чтобы

навел полный лоск, так сейчас все делают. У меня тут есть на примете один парень, Дизраэли, сын того Дизраэли, который основал «Дизраэлиз Квотерли». Малость с поворотом, пишет всякие бульварные романчики. Но довольно надежен, пока не напьется.

— Бенджамин Дизраэли? Моя сестра Агата обожает его романы.

Кивок Гексли тактично намекал Мэллори, что женщину из клана Гексли никогда не застали бы за чтением такой макулатуры.

— Нам еще следует обсудить твое выступление на симпозиуме Королевского общества, твою будущую речь о бронтозаврусе. Это будет значительное событие, прекрасный случай завоевать публику. У тебя есть хороший портрет для афиши?

— Откуда же? — удивился Мэллори.

— Тогда обратись к Моллу и Полибланку — они дагеротипируют весь высший свет.

— Постараюсь запомнить.

На стене кабинета висела большая, в раме красного дерева, лекционная доска; Гексли подошел к ней, взял массивную серебряную держалку для мела, написал косыми, словно летящими буквами: *Молл* и *Полибланк* — и обернулся.

— Еще тебе понадобится кинотропист, и у меня как раз есть такой подходящий человек. Мы часто прибегаем к его услугам. Работает хорошо, бывает, что *слишком* хорошо. Следи за ним в оба, иначе симпозиум превратится в демонстрацию клакерских фокусов, а о тебе господа ученые попросту забудут. «Наполнять золотой рудой малейшую трещинку» — так это у него называется. Весьма смышленый джентльмен.

На доске появилась новая надпись: *Джон Китс*.

— Вот это, Томас, действительно нужное дело.

— И еще, Нед… — Гексли замялся. — Я как-то стесняюсь об этом говорить…

— В чем дело?

— Не хотелось бы задевать твои чувства…

Мэллори натянуто улыбнулся:

— Я знаю, что оратор из меня не ах, но ведь ничего, читал я лекции, и никто особо не жаловался.

Гексли помолчал, потом внезапно поднял руку:

— Что это такое?

— Мел, — послушно ответил Мэллори.

— Как-как-как? Я что-то не понял.

— Мел. — На этот раз Мэллори почти поборол

свою сассекскую манеру растягивать гласные.

— Вот видишь, с твоим произношением нужно что-то делать. У меня есть очень хороший преподаватель дикции. Француз, но говорит по-английски лучше любого англичанина. Ты не поверишь, что он делает с людьми за какую-нибудь неделю занятий, настоящие чудеса.

— Это что же, — нахмурился Мэллори, — ты хочешь сказать, что мне необходимы чудеса?

— Да нет, что ты! Просто нужно научиться слушать самого себя. Назвать тебе имена ораторов, прибегавших к услугам этого человека в начале своей карьеры, так ты не поверишь. — На доске появилась третья строчка: *Жюль Д'Аламбер*. — Берет он довольно дорого, но… Да ты записывай, а то ведь забудешь.

Мэллори обреченно вздохнул и вынул блокнот.

В дверь постучали. Гексли взял кусок фетра с ручкой из черного дерева и обмахнул доску.

— Войдите! — (На пороге появился плечистый мужчина в заляпанном гипсом фартуке, с огромной папкой в руках.) — Нед, ты, конечно же, помнишь мистера Тренхэма Рикса, он у нас теперь помощник куратора.

Рикс сунул папку под мышку и протянул Мэл-

лори руку. За два последних года он расстался с частью волос и заметно прибавил в весе. И самое главное — поднялся по служебной лестнице.

— Прошу прощения за задержку, сэр, — обратился Рикс к своему шефу. — Мы там в мастерской отливаем из гипса позвонки и немного увлеклись. Поразительная структура. Одни уже размеры доставляют немало хлопот.

Гексли начал расчищать угол стола, но тут Ноэль дернул его за рукав и что-то прошептал ему на ухо.

— Хорошо, сейчас, — улыбнулся Гексли. — Простите нас, джентльмены. — Он вывел мальчика из кабинета.

— Поздравляю вас с повышением, мистер Рикс, — сказал Мэллори.

— Благодарю вас, сэр. — Рикс открыл папку и надел пенсне. — Мы очень благодарны вам за столь великолепное открытие. Хотя, должен сказать, оно бросает вызов самим размерам нашего учреждения. Вот, — он постучал пальцем по листу ватмана, — посмотрите.

— А где же череп? — поинтересовался Мэллори, внимательно изучив план центрального зала с наложенным на него скелетом левиафана.

— Шея полностью выдвигается в холл, — гордо

сообщил Рикс. — Нам придется передвинуть несколько стендов…

— У вас есть вид сбоку?

— Да, конечно.

Мэллори хмуро склонился над новым наброском.

— Кто надоумил вас расположить скелет таким образом?

— Пока еще очень мало работ по этому существу, — обиженно отозвался Рикс. — Наиболее обширной и подробной является статья доктора Фоука в последнем номере «Трансэкшнз». — Он вынул из своей папки журнал.

— Фоук безбожно извратил природу этого вида, — отмахнулся Мэллори.

Рикс удивленно моргнул:

— Но репутация доктора Фоука…

— Фоук — униформист! Он же состоял при Радвике хранителем образцов и всегда подпевал своему шефу! Статья Фоука полна нелепостей. Он заявляет, что это животное было холоднокровным и обитало по большей части в воде! Что оно питалось водяными растениями и еле двигалось.

— Но существо таких размеров, доктор Мэллори, такого невероятного веса!.. Естественно заключить, что наиболее подходящей средой

обитания…

— Ясно. — Мэллори с трудом сдерживался. Но с другой стороны, зачем обижать Рикса? Он же технический работник, ничего сам не понимает и старается как лучше. — Вот почему шея у вас вытянута почти на уровне пола… и почему у него такие конечности, сочленения в суставах точь-в-точь как у ящерицы… даже как у *земноводных*.

— Да, сэр, — кивнул Рикс. — Шея длинная — он мог собирать водные растения, почти не двигаясь. Ну разве что хищник нападет. Хотя я уж и не знаю, как это нужно проголодаться, чтобы напасть на подобного монстра.

— Мистер Рикс, зря вы представляете себе бронтозавруса чем-то вроде саламандры-переростка. Вас сильно обманули. Скорее он был похож на современного слона или жирафа, только гораздо крупнее. А длинная шея помогала ему обрывать и поедать верхушки деревьев.

Взяв карандаш, Мэллори начал быстро и умело набрасывать схему скелета.

— Большую часть времени он проводил на задних ногах, опираясь на хвост, причем голова поднималась высоко над землей. Обратите внимание на утолщение хвостовых позвонков. Верный признак огромных нагрузок — вслед-

ствие двуногой позы. — Он постучал карандашом по схеме и продолжил: — Стадо подобных существ могло быстренько обглодать целый лес. Они мигрировали, мистер Рикс, как это делают слоны, на огромные расстояния и очень быстро, все сметая на своем пути. Бронтозаврусу была свойственна вертикальная стойка, о чем свидетельствует и узость грудной клетки. Ноги у него были весьма массивные и прямые, располагались они вертикально. Ходил бронтозаврус, не сгибая коленей, примерно так же, как слон. Так что не было в нем ничего лягушачьего.

— Я смоделировал позу крокодила, — запротестовал Рикс.

— Кембриджский институт машинного анализа закончил наконец расчет нагрузок. — Мэллори отошел к своему саквояжу, вытащил оттуда переплетенную пачку распечаток и бросил ее на стол. — Эта тварь и мгновения не смогла бы простоять на суше, если бы ее ноги находились в таком дурацком положении.

— Да, сэр, — кивнул Рикс. — Именно это и оправдывает акватическую гипотезу.

— Но вы посмотрите на его пальцы! — возмутился Мэллори. — Толстые, как булыжники, ну разве это похоже на гибкие перепончатые лапы

пловца? А какие у него фланцы поясничных позвонков! Чтобы дотянуться повыше, это существо сгибалось в тазобедренном суставе — прямо как подъемный кран!

— Доктор Фоук будет несколько огорошен. — Рикс снял пенсне и начал протирать стекла платком. — Равно как и многие из его коллег.

— И это еще только цветочки, — зловеще посулил Мэллори.

В кабинет вернулся Гексли-старший, ведя за руку Гексли-младшего.

— О боже, — вздохнул он, посмотрев на Рикса, а затем на Мэллори. — Уже началось.

— Да все эта галиматья Фоука, — смутился Мэллори. — Он тщится доказать, что динозавры были не приспособлены к жизни! Выставляет моего левиафана плавучим слизняком, щиплющим травку.

— Но с мозгами у него было слабовато, тут уж не поспоришь, — заметил Гексли.

— Из чего совсем не следует, что он был рохлей. Все уже признали, что динозавр Радвика мог летать. Эти существа были быстрыми и активными.

— По правде говоря, теперь, когда Радвика с нами больше нет, все громче звучат голоса

сомневающихся, — сказал Гексли. — Кое-кто утверждает, что его летающая рептилия не летала, а только планировала.

— Так что же, все возвращается к этой… *первоначальной* теории? — Только присутствие ребенка не позволило Мэллори выругаться. — Униформисты хотят, чтобы эти существа были тупыми и вялыми! Тогда динозавры хорошо лягут на их кривую развития, черепашьими шажками поднимающуюся к сияющим высотам дней нынешних. В то время как, допустив катастрофу, вы неизбежно признаете за этими великолепными существами гораздо большую степень дарвиновской приспособленности, что может оскорбить нежные чувства крохотных современных млекопитающих вроде Фоука и его дружков-приятелей.

Гексли сел и подпер щеку ладонью:

— Так ты не согласен с предполагавшейся схемой?

— Кажется, доктор Мэллори предпочитает, чтобы этот зверь стоял на задних лапах, — вмешался Рикс. — В соображении отобедать древесными кронами.

— А мы можем придать ему такое положение, мистер Рикс?

Ошарашенный Рикс засунул пенсне в карман фартука и поскреб в затылке:

— Да, пожалуй, что и да, сэр. Если установить его посередине зала и прикрепить растяжками к куполу… Если шея не влезет, так мы ее слегка пригнем. Пускай смотрит прямо на зрителей — эффект будет потрясающий!

— Кинем косточку церберу популярности, — ухмыльнулся Гексли. — Правда, палеонтология — дама трепетная, может и в обморок хлопнуться. Честно говоря, я еще слабо ориентируюсь в этом вопросе. До статьи Фоука у меня как-то руки не доходят, а тебе, Мэллори, еще только предстоит изложить свои взгляды печатно. К тому же мне не слишком по душе точка зрения катастрофистов. *Natura non facit saltum*.

— Но Природа *движется* скачками, — возразил Мэллори. — Машинные расчеты математических моделей это доказали. Сложные системы могут совершать внезапные переходы.

— Да бог с ней, с теорией. У тебя есть прямые доказательства?

— Есть, и довольно много. Я оглашу их на лекции. Остались определенные шероховатости, и все же картина убедительная, гораздо убедительнее, чем у противников.

— И ты готов поставить на нее свою репутацию ученого? Ты продумал каждый вопрос, каждое возражение?

— Я могу ошибаться в чем-то, — сказал Мэллори, — а они ошибаются *полностью*.

Гексли постучал самописка по столу.

— А что, если я спрошу — для затравки, — как это существо могло питаться ветками? Голова его не больше лошадиной, а зубы на удивление слабы.

— Оно не жевало зубами, — без запинки отрапортовал Мэллори. — У него был зоб, уложенный камнями, вот они-то все и перемалывали. Судя по размеру грудной клетки, этот орган был около ярда длиной и весил добрую сотню фунтов. Стофунтовый зоб обладает большей мускульной силой, чем челюсти четырех слонов.

— А зачем рептилии столько пищи?

— Бронтозаврус не был теплокровным в точном смысле этого термина, но обладал активным обменом веществ. Дело тут в отношении поверхности к объему. Телесная масса такого размера сохраняет тепло даже в холодную погоду. Уравнения совсем элементарные, — улыбнулся Мэллори. — Численное их решение на одной из малых машин заняло менее часа.

— А что начнется потом — страшно подумать, — пробормотал себе под нос Гексли.

— Неужели мы позволим политике встать на пути истины?

— Туше.[463] Тут он нас поймал, мистер Рикс… Боюсь, придется вам переделать все наново, а ведь сколько ухлопано трудов.

— Да что там, — беззлобно улыбнулся Рикс. — Ребята из мастерской любят трудные задачи. Кроме того, доктор Гексли, позволю себе заметить, что во время подобных споров посещаемость музея взлетает к небесам.

— Еще одна мелочь, — торопливо вставил Мэллори. — Состояние черепа. Череп этого экземпляра, увы, весьма фрагментарен, тут потребуется тщательное изучение, кое-что придется делать почти наугад. Мне хотелось бы принять участие в этой работе. Вы пустите меня в свою мастерскую, мистер Рикс?

— Разумеется, сэр. Я скажу, чтобы вам дали ключи.

— Лепке из гипса я учился у лорда Гидеона Мэнтелла, и как же давно это было, — скромно вздохнул Мэллори. — А с тех пор никакой прак-

---

[463] Примечания: 463

Touché — букв. прикосновение (фр.). Фехтовальный термин, обозначающий успешный удар.

тики. Будет очень интересно познакомиться с новейшими приемами этого достойнейшего ремесла, с работой прославленных мастеров.

— Я искренне надеюсь, что мы тебя не разочаруем, Нед, — с некоторым сомнением улыбнулся Гексли.

* * *

Мэллори вытирал платком взмокшую от жары шею, с тоской взирая на штаб-квартиру Центрального статистического бюро.

Временна́я дистанция в двадцать пять веков не помешала ему узнать Древний Египет достаточно близко — и возненавидеть это царство мертвых. Прокладка французами Суэцкого канала была героическим предприятием, а потому все египетское сразу же стало парижской модой. Лихорадка охватила и Британию, затопив нацию галстучными булавками со скарабеями, чайниками с крылышками, аляповатыми стереоснимками поваленных обелисков и малюсенькими — в аккурат для каминной полки — безносыми сфинксами из мыльного камня. Стараниями промышленников звероголовые языческие божки вырвались на простор, их можно было встретить и на занавесках, и на коврах, и на обивке экипа-

жей, и где угодно. Но что доводило Мэллори до полного бешенства, так это отношение публики к пирамидам и прочим развалинам; все эти восторженные ахи и охи, вся эта идиотская болтовня про тайны древних цивилизаций претила его здравому смыслу.

Он, конечно же, с восхищением читал о триумфах техники в Суэце. Испытывая нехватку угля, французы заправляли топки своих гигантских экскаваторов битумизированными мумиями — их складывали в поленницы, как дрова, и продавали на вес. Но разве отсюда следует, что все географические журналы должны быть забиты сплошной египтологией?

Огромное, псевдоегипетское по орнаменту здание Центрального статистического бюро грузно расселось в правительственном сердце Вестминстера; его пирамидальная верхняя часть круто сходилась к острому известняковому навершию. Чтобы компенсировать потерю объема наверху, нижняя часть этого уродливого сооружения была раздута, как гигантская каменная брюква. Истыканные дымовыми трубами стены поросли беспорядочным лесом вентиляторов, чьи беспрестанно машущие лопасти были, конечно же, выполнены в форме ястребиных крыльев.

И всю эту бесформенную громаду пронизывали толстые черные телеграфные кабели, сводившие сюда информацию из всех уголков империи. Бесчисленные провода, спускавшиеся по стенам к столь же бесчисленным телеграфным столбам, напоминали такелаж какого-то невозможного, фантастического парусника.

Опасливо поглядывая на облепивших провода голубей, Мэллори пересек плавящийся от жары асфальт Хосферри-роуд.

Крепостные ворота бюро, обрамленные колоннами с лотосовидными капителями и англизированными бронзовыми сфинксами, имели высоту футов в двадцать. По их углам были прорезаны обычные обиходные двери; Мэллори хмуро шагнул в прохладные сумерки, в неистребимый запах щелока и льняного масла. Убийственный зной раскаленных лондонских улиц остался позади, а заодно и дневной свет — в этом треклятом месте совсем не было окон, только газовые рожки в неизбежно египетском стиле, пламя которых зыбко колыхалось в веерообразных рефлекторах из полированной жести.

Не ожидая приглашения, Мэллори предъявил стоявшему за конторкой клерку свое удостоверение личности. Клерк или, может, какой-нибудь

там полицейский, поскольку одет он был в новомодную милитаризированную форму бюро, прилежно записал, куда направляется посетитель, а затем достал поэтажный план здания и красными чернилами нанес на него извилистый маршрут.

Мэллори, еще не совсем опомнившийся после утренней встречи с номинационным комитетом Географического общества, не стал особо рассыпаться в благодарностях. Каким-то там образом — кто его знает, за какую из закулисных ниточек дернули на этот раз, но смысл дела был достаточно ясен: Фоук просочился в номинационный комитет Географического. Фоук, чья аквати-ческая теория бронтозавруса была отвергнута Музеем Гексли, воспринял древоядную гипотезу Мэллори как личное оскорбление; в результате то, что было обычно приятной формальностью, превратилось в очередное публичное судилище над радикальным катастрофизмом. В конечном итоге Мэллори получил необходимое количество голосов — Олифант слишком уж хорошо подготовил почву, чтобы наспех организованная Фоуком засада могла иметь серьезный успех, — и тем не менее от всего случившегося остался неприятный осадок. Его репутации был нанесен урон. Доктора

Эдварда Мэллори — «левиафанного Мэллори», как предпочитали называть его грошовые газеты — выставили каким-то фанатиком, если не занудой. И это — в присутствии таких великих географов, как исследователь Конго Эллиот и Бертон, сумевший проникнуть в таинственную Мекку.

Стараясь не сбиться с предначертанного (красными чернилами) пути, Мэллори пробирался хитросплетением коридоров бюро — и недовольно бурчал себе под нос. В академических войнах он никогда не был любимчиком Фортуны — не то что Томас Гексли. Бесчисленные схватки с сильными мира сего создали Томасу репутацию кудесника дебатов, в то время как он, Мэллори, дошел до того, что тащится сейчас по этому освещенному газом мавзолею, чтобы опознать какого-то ипподромного сутенера.

За первым же поворотом Мэллори обнаружил мраморный барельеф, изображавший нашествие жаб, которое он всегда числил среди любимых своих библейских сюжетов, — и тут же чуть не угодил под стальную тележку, до краев нагруженную колодами перфокарт.

— Поберегись! — крикнул возчик в грубошерстной куртке с медными пуговицами и в кепке с

длинным козырьком.

К немалому своему изумлению, Мэллори увидел, что и сам возчик не бежит, а *едет*. На его ногах были крепкие ботинки со шнуровкой, снабженные маленькими резиновыми колесиками. Он промчался по коридору, ловко управляя тяжелой тележкой, и исчез за поворотом.

Один из поперечных коридоров был перекрыт полосатыми ко́злами; там, в тусклом свете газовых рожков, ползали на четвереньках два человека, судя по всему — психи. Мэллори присмотрелся. Да нет, вроде не психи. Просто пухловатые, среднего возраста женщины в безупречно белых балахонах, с волосами, забранными в тугие, эластичные тюрбаны. Издалека их одежда жутковатым образом напоминала саваны. Одна из живых покойниц поднялась на ноги, раздвинула телескопическую ручку швабры и начала аккуратно обметать потолок.

Понятно, уборщицы.

Справляясь по карте, Мэллори нашел лифт; одетый в форменную куртку служитель доставил его на один из верхних этажей. Воздух здесь был сухой и неподвижный, а людей в коридорах больше. На фоне все тех же странноватых полицейских резко выделялись солидные джентльмены,

скорее всего — адвокаты, или нотариусы, или парламентские агенты крупных капиталистов, люди, для которых информация о состоянии и настроениях общества была хлебом насущным. Политики, то есть коммерсанты, чей товар не ощутимее воздуха. Да, конечно же, где-то там, в другой жизни, у них есть и жены, и дети, и каменные особняки, но сейчас эти люди напоминали то ли жрецов какой-то странной религии, то ли призраков.

Заметив очередного рассыльного на колесиках, Мэллори отскочил в сторону, схватился за чугунную колонну — и обжег руку. За причудливым орнаментом из цветов лотоса — самый обыкновенный дымоход. И даже не самый обыкновенный, а скверно отрегулированный — если судить по глухому рокоту, доносящемуся сквозь толстые литые стенки.

Свернув после тщательного изучения карты направо, Мэллори оказался в коридоре, чьи стены чуть не полностью состояли из дверей. Между кабинетами беспрестанно шныряли клерки в белых халатах; они с привычной ловкостью уворачивались от юных колесников, толкавших перед собой все те же тележки с перфокартами. Здесь газовые светильники горели ярче, пламя в

них дрожало и стелилось от постоянного сквозняка. Мэллори оглянулся через плечо. В конце коридора помещался гигантский вентилятор, забранный стальной сеткой. Негромко поскрипывала приводная цепь, уходившая куда-то вниз, к скрытому в недрах пирамиды двигателю.

Мэллори начал испытывать некоторое головокружение. Зря он сюда пришел, совершенно зря. Разобраться в странном происшествии на скачках необходимо, но можно же придумать для этого что-нибудь получше, а не устраивать охоту на бумажную тень ипподромного сутенеришки с дружком Олифанта в качестве егеря. Его подавляло здесь все: и стерильный, безжизненный, мылом пропахший воздух, и сверкающий пол, и безукоризненно чистые стены. Здание, где нет ни крупицы мусора, — это нечто фантастическое, ирреальное. Эти кабинеты напомнили ему другую прогулку по лабиринтам…

Лорд Дарвин.

Мэллори и великий естествоиспытатель бродили по зеленым, сплошь изрезанным заборами и живыми изгородями лугам Кента, Дарвин тыкал во влажную черную почву тростью и говорил — со всегдашней своей методичностью, с ошеломляющим количеством подробностей — о земляных

червях. О земляных червях, которые невидимо и вечно трудятся под ногами человечества, в результате чего огромные валуны медленно погружаются в суглинок. Дарвин замерял подобный процесс в Стоунхендже, пытаясь определить возраст этого загадочного сооружения.

Мэллори подергал себя за бороду, и думать позабыв о карте. У него в глазах копошились черви, копошились все лихорадочнее и лихорадочнее, пока земля не начала вскипать, не пошла пузырями, как ведьмовское варево. За какие-то годы, а может, и за месяцы все памятники более медлительных эпох утонут, как останки кораблекрушений, лягут на дно подстилающих скальных пород…

— Сэр, вам помочь?

Мэллори вздрогнул и очнулся. Видение растаяло, божественное откровение не состоялось, обернулось чем-то жалким и неприятным вроде незавершенного чиха. Несвоевременный помощник, пожилой клерк в белом халате и круглых очках, смотрел с почти нескрываемым подозрением.

Но что еще хуже — и Мэллори это прекрасно сознавал, — он снова бормотал вслух. О земляных червях, скорее всего.

Он неохотно протянул клерку план.

— Я ищу КК-пятьдесят, по пятому уровню.

— Это значит «Количественная криминология», сэр. А здесь у нас «Сдерживание и устрашение».

Клерк указал на табличку над дверью ближайшего кабинета. Мэллори тупо кивнул.

— КК — сразу за «Нелинейным анализом», первый поворот направо.

Мэллори зашагал дальше, спиною чувствуя скептический взгляд клерка.

Отдел КК оказался большим залом, разгороженным на крохотные клетушки. Вдоль невысоких, примерно по плечо, внутренних стенок сплошными рядами тянулись картотечные стеллажи, разделенные на множество выложенных асбестом ячеек. Облаченные в фартуки и нитяные перчатки клерки сидели за наклонными столами, изучая и обрабатывая перфокарты с помощью всевозможных клакерских приспособлений: здесь были механические сортировщики, держалки, желатиновые цветокодировочные нашлепки, часовые лупы, промасленная бумага и тонкие, с обтянутыми резиной кончиками пинцеты. Знакомая обстановка приободрила Мэллори, вывела его из недавнего мрачного настроения.

Клетушка, именовавшаяся КК-50, была каби-

нетом заместителя директора Бюро по количественной криминологии, которого, по словам Олифанта, звали Уэйкфилд.

Мистер Уэйкфилд не имел своего стола, иначе говоря, его столом являлось все пространство кабинета. Пюпитры для письма, выпрыгивавшие из стен под действием хитроумных шарниров, были лишь малой частью наисовременнейшей конторской системы, включавшей в себя стойки для газет, зажимы для писем, огромные картотечные шкафы, каталоги, шифровальные книги, клакерские руководства, хитроумный, со многими циферблатами хронометр, три телеграфных аппарата, чьи позолоченные иглы выщелкивали букву за буквой, и перфораторы, деловито пробивающие ленту.

Повелитель всей этой таинственной техники оказался белесым шотландцем с чахлыми, песочного цвета волосами. Глаза у него были какие-то слишком уж подвижные, чтобы не сказать бегающие. Не исправленный в детстве неправильный прикус наградил его отчетливой вмятиной на нижней губе.

Выглядел Уэйкфилд лет на сорок — возраст необычайно юный, если принять во внимание занимаемый им пост. Как и большинство хороших

клакеров, он вырос вместе со своей профессией. Первому вычислителю лорда Бэббиджа, всеми почитаемому реликту, не исполнилось еще и тридцати лет, но ошеломительный прогресс вычислительной техники определил уже судьбы целого поколения.

— Прошу простить меня за задержку, — сказал Мэллори. — Я слегка запутался в ваших коридорах.

Для Уэйкфилда в этом не было ничего нового.

— Не хотите чаю? У нас замечательные бисквиты.

Мэллори покачал головой и открыл серебряный портсигар.

— Курите?

Бледный Уэйкфилд побледнел еще больше.

— Нет! Нет, спасибо. Здесь курение строжайше запрещено.

— Понимаю… — Мэллори убрал портсигар. — Только я не очень понимаю, что может быть плохого от хорошей сигары.

— Пепел! — отрезал Уэйкфилд. — И частицы дыма! Они плавают в воздухе, попадают в смазку, загрязняют аналитические устройства. А прочистить все машины нашего бюро… Вы и сами понимаете, какой это адский труд.

— Конечно, конечно, — согласился Мэллори и поспешно сменил тему: — Как вам, вероятно, известно, я палеонтолог, но все же имею какое-то представление о клакерстве. Сколько у вас тут ярдов зацепления?

— Ярдов? Мы считаем шестеренки *милями*, доктор Мэллори.

— Правда? У вас столько мощностей?

— Скажите лучше, столько возни, — отмахнулся Уэйкфилд; его руки были затянуты в ослепительно-белые перчатки. — Шестеренки при вращении трутся, нагреваются, расширяются, зацепление становится слишком плотным, на зубцах появляются выбоины. В сырую погоду портится смазка, а в сухую — работающая машина создает небольшой лейденский заряд, притягивающий всякую пыль и грязь. Сцепления заедает, перфокарты липнут к загрузчикам. — Он вздохнул. — Мы давно уже поняли, что никакие предосторожности, касающиеся чистоты, температуры и влажности, не могут быть чрезмерными. Даже наши бисквиты к чаю пекут особо, чтобы снизить риск крошек!

Выражение «риск крошек» показалось Мэллори довольно комичным, но серьезное лицо Уэйкфилда не допускало и мысли о каких-либо

шутках.

— А вы не пробовали уксусный очиститель Колгейта? — спросил Мэллори. — В Кембридже на него не нахвалятся.

— О да, — протянул Уэйкфилд, — старый добрый Институт машинного анализа. Нам бы их заботы! Они там в Кембридже трясутся над своей медью, сдувают с нее каждую пылинку — а почему бы и нет, если спешить некуда, если вся их работа — академические игрушки? А мы служим народу, вот и гоняем по сто раз самые громоздкие программы, гоняем, пока установочные рычажки не начинают гнуться!

Мэллори побывал недавно в институте, кое-чего там поднахватался и решил теперь щегольнуть своими знаниями.

— Вы слышали о новых кембриджских трансляторах? Они более равномерно распределяют износ зацеплений…

Уэйкфилд его не слушал.

— Для парламента и полиции наше бюро — просто ресурс. Мы всем и всегда нужны, но при этом нас держат на коротком поводке. Субсидии! Они просто не способны представить себе наши потребности, сэр! Давняя печальная история, да вы и сами прекрасно это знаете, вы же ученый. Не

хотелось бы говорить грубо, но палата общин не в состоянии отличить вычислительную машину от кухонного автомата.

Мэллори подергал себя за бороду.

— Какая жалость. *Мили* зацеплений! На таких мощностях можно сделать все, что угодно, просто дух захватывает.

— Ну, вы скоро умерите свои восторги, доктор Мэллори, — сказал Уэйкфилд. — В клакерстве потребности пользователя всегда превышают мощность доступной машины. Это — почти закон природы!

— Возможно, это и закон, — согласился Мэллори. — Закон какого-то уголка природы, нам еще неизвестного…

Уэйкфилд вежливо улыбнулся и взглянул на часы:

— Очень жаль, что высокие устремления сплошь и рядом разбиваются о будничные заботы. Мне не часто случается обсудить философию машины. Ну разве что с моим самозваным коллегой, мистером Олифантом. Он не рассказывал вам о своих глобальных проектах?

— Очень кратко, — покачал головой Мэллори. — Думается, его планы… э-э… социальных исследований потребуют больше вычислительных

мощностей, чем имеется у нас в Великобритании. Чтобы отслеживать каждую сделку на Пикадилли и так далее. Честно говоря, все это показалось мне утопией.

— В принципе, сэр, — возразил Уэйкфилд, — это *полностью* осуществимо. Мы и сейчас дружески присматриваем за телеграфными сообщениями, предоставлением кредитов и тому подобным. Человеческий элемент — вот здесь возникают настоящие трудности, поскольку лишь квалифицированный аналитик способен обратить сырые машинные данные в пригодную для использования информацию. А амбициозный размах этого проекта, если сопоставить его с более чем скромными размерами фонда зарплаты, выделяемого нашему бюро…

— Мне никак не хотелось бы взваливать на ваши плечи дополнительный груз, — тактично перебил его Мэллори, — но мистер Олифант сказал, что вы могли бы помочь мне опознать разгуливающего на свободе преступника и его сообщницу. Я заполнил в трех экземплярах две ваши анкеты на обоих подозреваемых и отослал со специальным курьером…

— Да-да, — кивнул Уэйкфилд, — на прошлой неделе. И мы сделали все, что было в наших силах.

Мы всегда рады оказать услугу столь выдающимся джентльменам, как мистер Олифант и вы. Нападение, угроза жизни прославленного ученого, все это, конечно же, серьезное дело. — Он взял остро заточенный карандаш и разлинованный блокнот. — Хотя, я бы сказал, как-то слишком уж заурядное, чтобы попасть в поле весьма специфических интересов мистера Олифанта, не так ли?

Мэллори промолчал.

— Не бойтесь говорить откровенно, сэр, — заверил его Уэйкфилд. — Мистер Олифант и его руководство обращаются к нашим услугам не в первый раз. И разумеется, как офицер, принесший присягу короне, я могу гарантировать вам строжайшую конфиденциальность. Ничто сказанное вами не выйдет из этих стен. — Он подался вперед. — Итак, сэр, что вы можете мне рассказать?

Мэллори на секунду задумался. Какую бы ошибку ни совершила леди Ада, какой опрометчивый поступок ни привел бы ее в сети ипподромного жучка и его сообщницы, ситуация вряд ли улучшится от того, что имя «Ада Байрон» попадет в этот блокнот. И Олифант, естественно, был бы против.

А потому он разыграл неохотное признание:

— Я нахожусь в неудобном положении, мистер Уэйкфилд, поскольку не вижу в этой истории ничего серьезного, ничего достойного вашего внимания. Как я уже указал в моей записке, на дерби я столкнулся с пьяным игроком, и тот стал размахивать ножом. Я не воспринял этого всерьез, но мистер Олифант предположил, что мне и вправду может грозить некая опасность. Он напомнил мне, что недавно один из моих коллег был убит при весьма подозрительных обстоятельствах. И убийство до сих пор не раскрыто.

— Профессор Фенвик, специалист по динозаврам.

— Радвик, — поправил Мэллори. — Вы знакомы с этим делом?

— Заколот насмерть. На крысиных боях. — Уэйкфилд постучал по зубам резинкой карандаша. — Попало во все газеты, бросило довольно неприятную тень на ученое сообщество. По сути дела, Радвик подвел всех своих коллег.

— Я тоже так думаю, — кивнул Мэллори. — Но мистер Олифант полагает, что эти случаи могут быть связаны.

— Азартные игроки, подстерегающие ученых? Нет, — покачал головой Уэйкфилд, — я не вижу мотива. Разве что, простите мне подобное предпо-

ложение, здесь замешан крупный игорный долг. Вы и Радвик были близкими друзьями? Делали вместе ставки?

— Нет. Я почти что и не был с ним знаком. И могу вас заверить, что у меня нет подобных долгов.

— Мистер Олифант сомневается, чтобы это была случайность, — заметил Уэйкфилд. Судя по всему, он поверил Мэллори и почти утратил интерес к разговору. — Хорошо, что вы решили не оставлять это дело без последствий и опознать негодяя. Если это все, что вам от нас нужно, мы постараемся помочь. Я поручу одному из сотрудников отвести вас в библиотеку и к машинам. Узнав номер напавшего на вас человека, мы окажемся на более твердой почве.

Он откинул резиновую заслонку и крикнул в переговорную трубу. Вскоре появился юный кокни в фартуке и нитяных перчатках.

— Это наш мистер Тобиас, — сказал Уэйкфилд. — Предоставляю его в ваше распоряжение. — Беседа закончилась; взгляд Уэйкфилда потух, его ждали другие дела. — Рад был с вами познакомиться, сэр. Пожалуйста, дайте мне знать, если вам потребуется что-либо еще.

— Огромное вам спасибо, — ответил Мэллори.

Мистер Тобиас подбрил волосы надо лбом на

добрый дюйм, дабы придать себе модный интеллектуальный вид, но это было когда-то, сейчас же его голову украшал венец из колючей щетины. Мэллори последовал за мальчиком из канцелярского лабиринта в коридор, заметив дорогой его странную, вразвалочку походку. Каблуки грубых башмаков были настолько стоптаны, что виднелись гвозди, а дешевые бумажные брюки вздувались на коленях пузырями.

— Куда мы направляемся, мистер Тобиас?

— К машинам, сэр. Вниз.

У лифта они задержались — хитроумный индикатор показывал, что кабина находится на каком-то другом этаже. Мэллори вытащил из кармана золотую гинею:

— Вот.

— А это еще что? — спросил Тобиас, принимая деньги.

— Это то, что называется чаевыми, мой мальчик, — с деланой игривостью ответил Мэллори. — В обеспечение скорой и качественной работы. «Дабы гарантировать быстроту».

Тобиас осмотрел монету с таким вниманием, словно видел профиль Альберта первый раз в жизни, затем он сунул ее в карман и хмуро покосился на Мэллори.

Наконец двери лифта раскрылись; Тобиас с Мэллори втиснулись в переполненную кабину, и служитель тут же послал ее вниз, в чрево бюро.

Тобиас провел своего подопечного мимо целой батареи выходов пневматической почты, через две двери, обитые по краю толстым фетром, и остановился. Рядом никого не было.

— Вам бы не следовало предлагать деньги государственному служащему.

— Но ведь для вас они совсем не лишние, — заметил Мэллори.

— Мои доходы за десять дней? Уж конечно не лишние. Но только если я буду уверен, что вы в полном порядке.

— У меня нет никаких злых умыслов, — терпеливо объяснил Мэллори. — Я на незнакомой территории, а в таких случаях всегда полезно иметь местного проводника.

— А босс-то наш чем не годится?

— Я надеялся, что это мне скажете вы, мистер Тобиас.

Похоже, эти слова завоевали мальчишку больше, чем монета.

— Уэйки, он, в общем-то, ничего, — пожал плечами мистер Тобиас. — На его месте я вел бы себя точно так же. Но он прогнал сегодня *ваш* номер,

начальник, и получил стопку распечаток дюймов этак в девять. У вас разговорчивые друзья, мистер Мэллори.

— Вот как? — натянуто улыбнулся Мэллори. — Любопытное, должно быть, чтение. И я бы не прочь взглянуть…

— Пожалуй, эти сведения и впрямь могут попасть в неположенные руки, — согласился мальчик. — Но кто-нибудь может вылететь за это с работы, если его застукают.

— А вам нравится ваша работа, мистер Тобиас?

— Маловато платят. А газовый свет портит глаза. Но есть тут и свои преимущества. — Он пожал плечами, толкнул дверь и прошел в комнату, три стены которой сплошь состояли из стеллажей картотечных шкафов, а четвертой не было вовсе, ее заменяла перегородка из рифленого стекла.

Сквозь стекло смутно проглядывал необъятных размеров зал, уставленный вычислительными машинами; на какое-то мгновение Мэллори показалось, что стены здесь покрыты зеркалами, как в модном дансинге. Это походило на какую-то ярмарочную иллюзию, на обман зрения — исполинские, совершенно одинаковые механизмы из тысяч тускло поблескивающих латунных шестеренок, нечто вроде хронометров,

но только размером с поставленный на попа железнодорожный вагон, каждый — на отдельном амортизирующем фундаменте. Высота помещения была футов тридцать; по выбеленному потолку бежали десятки и десятки приводных ремней. Машины поменьше приводились в действие массивными маховиками, укрепленными на толстых чугунных стойках. Одетые в белое клакеры, расхаживавшие по безупречно чистым проходам, казались рядом со своими машинами карликами; белые шапочки, полностью скрывавшие волосы, и белые марлевые повязки на лице придавали им сходство с хирургами.

— Весь день напролет таращиться в маленькие дырочки. — Тобиас глядел на все эти чудеса техники с полным безразличием. — И чтобы никаких ошибок! Влупи не по той клавише, вот тебе и превратишь священника в поджигателя. Скольким несчастным сукиным детям исковеркали жизнь таким вот образом…

Его слова почти терялись за ровным пощелкиванием, доносившимся из машинного зала.

Двое посетителей библиотеки, серьезные, респектабельного вида мужчины, склонились над большим квадратным альбомом, раскрытым на цветной литографии.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Тобиас.

Мэллори сел к столу во вращающееся кресло на резиновых колесиках, а тем временем Тобиас отправился на поиски нужного файла. Буквально через несколько секунд он расположился напротив Мэллори и начал перебирать карточки, время от времени прерываясь, чтобы ткнуть указательным пальцем в небольшую коробочку с воском. В конечном итоге на стол легли две перфокарты.

— Это ваши запросы, сэр?

— Я заполнял обычные анкеты. Но вы ведь храните всё в машинном формате, так ведь?

— Ну так что, КК принял запросы. — Тобиас вглядывался в карты. — Но нам пришлось переправить их в «Криминальную антропометрию». Эта карта уже была в работе — они провели предварительный отбор. Подождите, я сейчас. — Он принес чистый, со сменными листами клакерский справочник и сравнил одну из перфокарт с какими-то образцами. — А вы уверены, сэр, что заполнили *все* пункты анкеты?

— Вроде да, — ушел от прямого ответа Мэллори.

— Рост подозреваемого… — бормотал мальчишка, — размеры… Длина и ширина левого

уха… левая ступня… левое предплечье… левый указательный…

— Я написал, как помню, — сказал Мэллори. — А почему тут все про левую сторону?

— Менее подвержена воздействию физического труда, — рассеянно ответил Тобиас. — Возраст, цвет кожи, волос, глаз. Шрамы, родимые пятна… ага, вот. Уродства.

— У него была шишка на лбу, ближе к виску, — сказал Мэллори.

— Фронтальная плагиоцефалия, — объяснил мальчик, сверившись по своему справочнику. — Редкость, вот почему я так удивился. Но это должно пригодиться. В «Криминальной антропометрии» они там все сдвинулись на черепах. — Он закинул перфокарты в прорезь и дернул шнурок; послышался отдельный звон колокольчика. Через пару секунд за перфокартами пришел один из клакеров.

— А что теперь? — поинтересовался Мэллори.

— Будем ждать, пока их прогонят.

— И долго это?

— Как правило, раза в два дольше, чем ожидаешь. — Тобиас откинулся на спинку стула. — Даже если ты удвоишь свою оценку. Что-то вроде закона природы.

Мэллори кивнул. Если задержки нельзя избежать, ее можно использовать.

— Давно вы здесь работаете, мистер Тобиас?

— Не настолько, чтобы крыша съехала.

Мэллори улыбнулся.

— Думаете, я шучу? — хмуро бросил Тобиас.

— Почему же вы работаете в этой организации, если так ее ненавидите?

— Ее все ненавидят, у кого есть хоть капля здравого смысла, — ответил Тобиас. — Ну да, тут все прекрасно, если работать на верхних этажах, быть большой шишкой. — Он ткнул пальцем в потолок. — А кто такой я? В основном здесь такие и работают, маленькие люди. Мы нужны им десятками, сотнями. Мы приходим и уходим. Два, ну три года такой работы — и привет. Глаза испорчены, нервы сорваны. А что? Точно. Таращиться целый день на эти дырочки, так это у кого хочешь крыша съедет, вместе с карнизом. — Тобиас сунул руки в карманы фартука. — А ведь наверняка, сэр, вы тут глядите на нас, на всякую мелочь в этих вот белых балахонах, и думаете про себя, что мы и внутри все одинаковые. Но это не так, сэр, совсем не так. Понимаете, в Британии совсем мало людей, умеющих прилично читать, писать и считать, здесь же без этого никак. А большинство

тех, кто это умеет, находят гораздо лучшую работу, если не лень поискать. Так что бюро достаются самые… ну… неуравновешенные. — Томас саркастически улыбнулся. — Иногда сюда берут даже *женщин*. Вязальщиц, потерявших работу из-за этих новых машин. Их нанимают считывать и пробивать карточки. Они же аккуратные, привыкли к мелкой работе, так что им в самый раз.

— Весьма странная политика, — заметил Мэллори.

— Давление обстоятельств, — пояснил Тобиас. — В нашем деле всегда так. Вы когда-нибудь работали на правительство Ее Величества, мистер Мэллори?

— В некотором роде, — пожал плечами Мэллори.

Он работал на Комиссию по свободной торговле Королевского общества. Он поверил их патриотической болтовне, их обещаниям закулисного влияния, а они высосали из него все, что можно, и отпустили на все четыре стороны — выкручивайся как умеешь. Личная встреча с главой комиссии лордом Гальтоном, теплое рукопожатие, «глубочайшее сожаление», что не может быть и речи об «открытом признании его доблестной службы…». Вот и все. И ни клочка подписанной бумаги.

— А какая это была работа? — заинтересовался Тобиас.

— Вы видели когда-нибудь так называемого сухопутного левиафана?

— В музее, — кивнул Тобиас. — Его еще называли бронтозаврусом, такой слон-рептилия. У него зубы на конце хобота. Деревья ел.

— Смышленый вы парень, Тобиас.

— Так, значит, вы — левиафанный Мэллори! — восхищенно выдохнул Тобиас. — Знаменитый ученый!

Зазвонил колокольчик. Тобиас сорвался с места и подхватил с лотка широкую, сложенную гармошкой бумажную ленту.

— Отлично, сэр. Уже разобрались. Я же сразу сказал, что эта история с черепом поможет. — Тобиас развернул перед Мэллори ленту.

Это была подборка машинных портретов. Темноволосые англичане с внешностью висельников. Машинная печать, выполненная маленькими черными квадратиками, слегка искажала лица; казалось, что у всех этих людей темная пена на губах и грязь в уголках глаз. Выглядели они родными братьями — некий странный подвид рода человеческого, подвид ушлых и ни во что не верящих. Портреты были безымянными, под

ними стояли только гражданские индексы.

— Вот уж не думал, что их будет так много, — поразился Мэллори.

— Было бы меньше, имей мы более точные антропометрические параметры, — сказал Тобиас. — Но вы не торопитесь, сэр, посмотрите внимательнее. Или ваш жулик здесь, или его вообще нет в архиве.

Мэллори всматривался в хмурые лица пронумерованных бандитов; деформированные черепа придавали им особо отталкивающий вид. Он отчетливо помнил лицо жучка. Помнил, как оно перекосилось от бешенства, помнил кровавую слюну на сломанных зубах. Это зрелище навсегда врезалось ему в память, врезалось так же ярко, как схожие с костяшками пальцев позвонки, торчавшие из серого вайомингского сланца. Как тот долгий момент озарения, когда Мэллори заглянул в сердцевину тусклых каменных глыб и прозрел непреходящее сияние своего триумфа, свою грядущую славу. Точно так же тогда, на ипподроме, он видел в лице жучка смертельный вызов, способный переиначить всю его жизнь.

Но ни одно из этих ошалелых, угрюмых лиц никого ему не напоминало.

— А возможно такое, что этого человека у вас

нет?

— Возможно, если на него нет уголовного досье, — сказал Тобиас. — Мы можем прогнать эту карту по полной программе, но на это уйдут недели машинного времени и потребуется особое разрешение сверху.

— Отчего же так долго?

— В наших архивах есть данные на все население Британии. На каждого, кто когда-либо подавал прошение о приеме на государственную службу, или платил налоги, или был арестован. — Тобиас почти извинялся; было видно, что он искренне хочет помочь. — А может, этот тип иностранец?

— Я уверен, что это был англичанин и явный уголовник. Он вооружен и опасен. И все же его здесь нет.

— А может, просто плохие снимки? Эти самые уголовники, они же чего только ни вытворяют перед полицейским фотографом — и щеки надувают, и вату в нос засовывают, и все, что угодно. Он должен быть здесь, точно должен.

— Не думаю. А есть еще какие-нибудь варианты?

Тобиас сел и сокрушенно покачал головой:

— Это все, что у нас имеется, сэр. Если только

вы не измените описание.

— А не мог ли кто-нибудь *убрать* его портрет?

— Это было бы искажение официальных данных, сэр. — Тобиас был потрясен. — Уголовное преступление, караемое депортацией в колонии или каторгой. Да разве ж кто на такое пойдет?

Повисло напряженное молчание.

— А все-таки? — подстегнул его Мэллори.

— Ну, данные, сэр, — это святая святых, ради них нас здесь и держат. Но *есть* некоторые высокопоставленные чиновники, не из нашего бюро, — лица, заботящиеся о конфиденциальной безопасности государства. Да вы понимаете, о ком я.

— Нет, — качнул головой Мэллори, — не понимаю.

— Очень немногие джентльмены, облеченные большим доверием и полномочиями. — Тобиас оглянулся на других посетителей и понизил голос. — Возможно, вы слышали о том, что называется Особым кабинетом? Или Особым бюро полиции?

— Кто-нибудь еще?

— Ну, естественно, королевская семья. Все мы, в конце концов, слуги короны. Если бы сам Альберт приказал нашему министру статистики…

— А как насчет премьер-министра? Лорда Байрона?

Тобиас ничего не ответил, лицо его как-то поскучнело.

— Праздный вопрос, — делано улыбнулся Мэллори. — Забудьте о нем. Это академическая привычка — если меня заинтересовал какой-то предмет, я пытаюсь разобраться в нем до конца, до самых мелочей. Но здесь это абсолютно ни к чему. Взгляну-ка я еще раз. — Мэллори сделал вид, что повторно изучает. — Скорее всего, это мой собственный промах, да и света здесь маловато.

— Позвольте, я прибавлю газ, — вскочил Тобиас.

— Не стоит, — отмахнулся Мэллори. — Прибережем мое внимание для женщины. Возможно, с ней нам повезет больше.

Тобиас покорно сел. Минуты ожидания тянулись невыносимо долго, однако Мэллори разыгрывал ленивое безразличие.

— Неспешная работа, а, мистер Тобиас? Такого, как вы, должны манить более высокие цели.

— Мне ведь и вправду нравятся машины, — признался Тобиас. — Только не эти неповоротливые монстры, а более умные, более эстетичные. Я хотел выучиться на клакера.

— Тогда почему вы не в школе?

— Не могу себе этого позволить, сэр. Моей семье не под силу.

— А вы бы попробовали получить государственную стипендию. Пошли бы, сдали экзамены.

— Ходил я на эти экзамены, только ничего не вышло, завалил анализ. — Тобиас помрачнел. — Да и какой из меня ученый? Искусство, вот чем я живу. Кинотропия!

— Театральное дело, а? Говорят, с этой страстью люди рождаются.

— Я трачу на машинное время каждый свой свободный шиллинг. — Глаза мальчика разгорелись. — У нас небольшой клуб энтузиастов. «Палладиум» сдает нам в аренду свой кинотроп — утром, когда нет представлений. Иногда среди любительской чуши можно увидеть потрясные вещи.

— Очень интересно, — отозвался Мэллори. — Я слышал, что… — Он с трудом вспомнил нужное имя. — Я слышал, что Джон Китс очень неплох.

— Старье с бордюром, — безжалостно отрезал Тобиас. — Вы бы вот посмотрели Сэндиса. Или Хьюза. Или Этти! И еще один клакер, манчестерский, так у него работы вообще отпад — Майкл Рэдли. Я видел одно его шоу здесь, в Лондоне,

прошлой зимой. Лекционное турне с каким-то американцем.

— Кинотропные лекции бывают весьма поучительны.

— Да нет, лектор там был какой-то жулик, политик американский. Будь моя воля, так я бы его вообще со сцены турнул, а картинки прогнал без звука.

Мэллори дал беседе иссякнуть. Тобиас некоторое время поерзал, желая поговорить еще и не решаясь на подобную вольность, но тут зазвонил колокольчик, и он вскочил как подброшенный и умчался, громко скребанув по полу подметками полуразвалившихся башмаков.

— Рыжие, — объявил он через несколько секунд, кладя перед Мэллори новую порцию распечаток.

Мэллори хмыкнул и погрузился в изучение снимков. Падшие, безнадежно погубленные женщины. Женщины, о чьем падении, о чьей гибели неопровержимо свидетельствовали их лица, оттиснутые на бумаге крошечными черными квадратиками машинной печати. В отличие от мужских, женские лица почему-то казались живыми. Вот круглолицая уроженка рабочих кварталов Лондона, дикая необузданность ее

взгляда даст сто очков вперед любой индейской скво. Глазастенькая ирландская девочка, и сколько же она, наверное, настрадалась из-за своего длинного, неестественно узкого подбородка. Уличная девка с пьяноватыми глазами и копной грязных нечесаных волос. Там — прямой, неприкрытый вызов, здесь — упрямо сжатые губы, а вот — застывшие измученные глаза пожилой женщины, чей затылок слишком сильно и слишком надолго сдавили фиксирующей скобой.

А эти глаза — сколько в них мольбы, сколько оскорбленной невинности… Постойте, постойте, да это же… Мэллори ткнул пальцем в снимок и поднял голову:

— Вот она!

— Ну, здорово! — вскинулся Тобиас. — Какой там у нее индекс?

Прикрепленный к столу ящичек из красного дерева оказался ручным перфоратором; Тобиас набил, поглядывая на распечатку, гражданский индекс женщины, вынул готовую карту из перфоратора и положил в лоток. Затем он смахнул крошечные бумажные квадратики со стола в ладонь и препроводил их в мусорную корзину.

— И что же? — спросил Мэллори, вынимая из кармана записную книжку. — Теперь я получу

досье этой женщины?

— Более или менее, сэр. Не полное досье, а резюме.

— И я смогу забрать эти документы с собой?

— Строго говоря, нет, сэр, поскольку вы не на службе закона… — Тобиас понизил голос. — А вообще-то, вы могли бы заплатить самому обычному магистрату или даже клерку и тайком получить эти сведения за каких-то несколько шиллингов. Если у вас имеется индекс, все остальное довольно просто. Это обычный клакерский трюк — читать машинное досье на кого-то из преступного мира; это называется «выдернуть» или «держать руку на пульсе».

— А если я закажу свое собственное досье? — заинтересовался Мэллори.

— Ну, сэр, вы же джентльмен, а не преступник. В обычных полицейских досье вас нет. Магистратам, судебным клеркам и всем таким, им придется заполнять особые формуляры и объяснять причину запроса. А у нас еще десять раз подумают, проводить поиск или послать их куда подальше.

— Юридические ограничения? — подсказал Мэллори.

— Нет, сэр, закон тут ничего не запрещает,

просто очень уж хлопотно. Подобные поиски поглощают машинное время и деньги, а у нас и так вечно превышен бюджет и по тому, и по этому. Вот если бы подобный запрос сделал член парламента или кто-нибудь из лордов…

— А что, если в бюро работает один из моих друзей? Человек, уважающий меня за мою щедрость.

— Не так это просто, сэр. — На лице Тобиаса появилось что-то вроде застенчивости. — Каждый прогон регистрируется, под каждым запросом стоит чья-то подпись. Сегодняшний поиск проводится для мистера Уэйкфилда, тут все в порядке, а вот этому вашему другу придется работать от чужого имени. Машинное жульничество, оно все равно что биржевое или кредитное, и карают за них одинаково. Влипнешь, так мало не покажется.

— Ну вот, — сказал Мэллори, — теперь все понятно. Я давно заметил, что по любому вопросу нужно обращаться к специалисту, досконально знающему свое дело. Позвольте предложить вам мою карточку.

Мэллори вынул из записной книжки визитную карточку от Молла и Полибланка. Плотно сложив пятифунтовую банкноту, он прижал ее к обо-

ротной стороне карточки и передал мальчику. Пять фунтов — сумма приличная. Обдуманное капиталовложение.

Тобиас порылся под фартуком, отыскал засаленный бумажник, сунул туда карточку и деньги, а взамен извлек обтрепанный кусочек глянцевого картона. «*Дж. Дж. Тобиас, эсквайр*, — гласила надпись, выполненная чрезмерно вычурной машинной готикой. — КИНОТРОПИЯ И ТЕАТРАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВА». Далее значился адрес в Уайтчепеле.

— Там внизу телеграфный номер, так вы на него не смотрите, — сказал он смущенно. — Я его больше не арендую.

— Вы, случайно, не интересовались французской кинотропией, мистер Тобиас? — спросил Мэллори.

— Да, сэр, — кивнул Тобиас. — С Монмартра приходит иногда вполне приличный материал.

— Насколько я понимаю, лучшие французские ординатёры используют специальные перфокарты.

— «Наполеоновский» формат, — подтвердил Тобиас. — Они поменьше, из искусственного материала и очень быстро вводятся. А для кино скорость первое дело.

— Вы, случайно, не знаете, где здесь, в Лондоне,

можно было бы арендовать французское устройство ввода?

— Чтобы транслировать данные с французских карточек, сэр?

— Да, — ответил Мэллори, изображая небрежный интерес. — Я тут должен получить от французского коллеги некую информацию, чисто академическую, и все же дело требует определенной конфиденциальности. Я бы предпочел работать в частном порядке.

— Да, сэр, разумеется, — кивнул Тобиас. — То есть я знаю парня, у которого есть французское вводное устройство, и он позволит вам делать с ним все, что угодно, если вы хорошо заплатите. В прошлом году среди клакеров Лондона была мода на французский формат. Но потом, после неприятностей с «Гран-Наполеоном», настроения переменились.

— Правда? — удивился Мэллори.

Тобиас кивнул, обрадовавшись случаю выказать осведомленность.

— Сейчас все считают, сэр, что французы слишком уж замахнулись с этим их гигантским «Наполеоном» и где-то там что-то ляпнули.

Мэллори погладил бороду.

— А может, это просто профессиональная за-

висть?

— Вовсе нет, сэр! — с пылом заверил его Тобиас. — Каждый знает, что с «Гран-Наполеоном» в начале этого года случилась какая-то крупная неприятность. Они уж чего только не делали, но так и не смогли вернуть машину к нормальной работе. Кое-кто, — мальчик понизил голос, — даже поговаривает о саботаже! Вы знаете такое французское слово — «саботаж»? Оно происходит от «сабо», это такие деревянные башмаки, их носят французские рабочие. В такой-то обуви они могут, пожалуй, ногами сшибить машину с фундамента! — Злорадство, светившееся в глазах Тобиаса, несколько встревожило Мэллори. — У французов сейчас что-то вроде луддитских беспорядков, ну точь-в-точь как у нас когда-то.

По комнате раскатились два коротких гудка; два усердных джентльмена, к которым за это время присоединился такой же усердный третий, закрыли альбомы и ушли.

Снова звякнул колокольчик, призывая Тобиаса к лотку. Мальчик медленно поднялся, поправил стул, прошел вдоль стола, полок, осмотрел альбомы на предмет несуществующей пыли и поставил их на полку.

— Там вроде наш ответ, — не выдержал Мэл-

лори.

Тобиас коротко кивнул, но не обернулся.

— Вполне вероятно, сэр, но я уже и так переработал. Эти два гудка…

Мэллори нетерпеливо поднялся и подошел к лотку.

— Нет, нет, — заорал Тобиас, — только в перчатках! Давайте лучше я!

— Плевал я на ваши перчатки! Да и кто там об этом узнает?

— «Криминальная антропометрия» — вот кто! Это их комната, и они просто ненавидят следы голых пальцев! — Тобиас вернулся к столу с пачкой бумаги. — Ну так вот, сэр, наша подозреваемая — Флоренс Бартлетт, урожденная Рассел, место рождения — Ливерпуль…

— Спасибо, Тобиас. — Мэллори сворачивал распечатки так, чтобы половчее уместить их под жилетом. — Очень благодарен вам за помощь.

* * *

Мэллори отлично помнил это вайомингское утро. Холодно было, как на Северном полюсе, вытоптанную, пожухлую траву покрывал толстый слой инея. Он сидел на корточках рядом с чуть теплым котлом самоходного форта, ворошил в

топке жалкую, еле тлеющую кучку бизоньего навоза и пытался согреть свой завтрак — заледеневшую, жесткую, как железо, полоску вяленого мяса. То же самое будет и на обед. И на ужин. Работа киркой и заступом покрыла руки Мэллори кровавыми мозолями; для полной радости он умудрился их обморозить. А уж что на бороде висели сосульки замерзшего дыхания, так это ерунда, пускай себе висят. Жалкий и несчастный, он дал себе тогда торжественную клятву никогда впредь не жаловаться на летнюю жару.

Но кто же мог ожидать, что на Лондон обрушится такой адский, душный зной?

Эта ночь прошла без единого дуновения ветерка, и его постель превратилась в какое-то вонючее болото. Он спал поверх простыней, прикрывшись мокрым турецким полотенцем и вставая каждый час, чтобы смочить его вновь. Матрас промок, хоть выжимай, а в комнате было жарко и душно, как в теплице. К тому же она насквозь пропиталась табачным дымом — изучая полицейское досье Флоренс Рассел Бартлетт, Мэллори выкурил с полдюжины гаванских сигар. Большая часть досье была посвящена событиям весны 1853 года, убийству мистера Бартлетта, крупного ливерпульского торговца хлопком.

Это было отравление. Миссис Бартлетт несколько недель подмешивала мужу в «Водолечебный укрепитель доктора Гоува» мышьяк, извлеченный из бумаги от мух. Ночи, проведенные на Хеймаркете, просветили Мэллори, что средство доктора Гоува является на деле сильным афродизиаком, но досье скромно об этом умалчивало. Зато там упоминалась смерть матери Бартлетта в 1852 году от прободной язвы и его дяди с отцовской стороны в 1851 году от острой дизентерии — болезней, похожих по симптоматике на отравление мышьяком. Формальные обвинения по этим двум смертям так и не были предъявлены — миссис Бартлетт бежала из-под стражи, припугнув надзирателя бог весть откуда добытым дерринджером.

В Центральном статистическом бюро подозревали, что она перебралась во Францию, поскольку кто-то приложил перевод доклада парижской полиции о событиях 1854 года. Некая Флоренс Мэрфи, промышлявшая нелегальными абортами, предположительно — американская беженка, была арестована и судима за то, что «облила серной кислотой с целью изуродовать или покалечить» Иветту Лемуан, жену известного лионского торговца шелком, — свою, судя по всему, соперницу.

Но уже в первую неделю суда «миссис Мэрфи» исчезла из-под стражи и из всех последующих донесений французской полиции.

Мэллори подошел к крану, ополоснул лицо, шею и подмышки. Серная кислота наводила на мрачные размышления.

Завязывая шнурки ботинок, он уже снова вытирал пот со лба. Выйдя из комнаты, Мэллори обнаружил, что невероятная для города жара повергла дворец в полное оцепенение. Гнетущая влажность колыхалась над мраморными полами, как невидимая болотная жижа. Украшающие холл пальмы словно вышли из юрского периода. Он поплелся в столовую дворца и несколько восстановил свои силы четырьмя холодными яйцами вкрутую, копченой селедкой, тушеными помидорами, куском ветчины, парой ломтиков охлажденной дыни и несколькими чашками кофе со льдом. Как и всегда, кормили здесь вполне прилично, хотя селедка чуть-чуть подванивала — мало удивительного в такую-то жару. Мэллори подписал счет и пошел за своей почтой.

Он был несправедлив к селедке. Вонял, как выяснилось, сам дворец, вонял тухлой рыбой или чем-то похуже. Сквозь запах мыла, оставшийся в холле после утренней уборки, на мгновение про-

бился — и тут же снова исчез — таинственный, словно от какой-то дохлятины, смрад. Как на скотобойне? Да, похоже, только тут еще непонятная едкая примесь — не то уксус, не то еще какая-то кислота. Направляясь к столу дежурного, чтобы забрать свою почту, Мэллори мучительно припоминал, где же это он сталкивался с подобным зловонием прежде.

Немолодой, очумевший от жары клерк приветствовал его со всей возможной почтительностью — щедро раздаваемые чаевые всегда и везде обеспечивают уважение обслуживающего персонала.

— А что, в моем ящике ничего нет? — удивился Мэллори.

— Слишком он мал, доктор Мэллори. — Клерк нагнулся и вытащил из-за конторки большую проволочную корзину, до краев заваленную конвертами, журналами и посылками.

— Да-а, — протянул Мэллори. — И ведь день ото дня все хуже и хуже.

— Цена славы, сэр, — сочувственно кивнул клерк.

Мэллори был ошеломлен.

— Считается, вероятно, что я буду все это читать…

— Позволю себе смелость сказать, сэр, что вам стоило бы нанять личного секретаря.

Мэллори хмыкнул. Он питал отвращение к секретарям, камердинерам, дворецким, горничным — лакейство унижает человека. Когда-то его мать прислуживала в одной богатой сассекской семье. Было это давно, еще до радикалов, но рана никак не заживала.

Он отнес тяжелую корзину в тихий уголок библиотеки и принялся разбирать ее содержимое. Сперва журналы: солидные, с золотом на корешке «Труды Королевского общества», «Герпетология всех наций», «Журнал динамической систематики», «Annales Scientifiques de l'Ecole des Ordinateurs» с интересной, похоже, статьей о механических невзгодах «Гран-Наполеона»… Эти академические подписки чрезмерно обременительны, но зато доставляют радость редакторам, а довольный редактор скорее напечатает твою собственную статью.

Далее — письма. Мэллори быстро раскидал их на кучки. Сперва — письма попрошаек. Он опрометчиво ответил на пару тех, что казались очень уж слезными и искренними, после чего вымогатели набросились на него, как шакалы.

Вторая стопка — деловые письма. Приглаше-

ния выступить там-то и там-то, интервью; счета от торговцев; полевые палеонтологи-катастрофисты наперебой предлагают соавторство.

Далее — письма, написанные женским почерком. Наседки от естествознания — «охотницы за цветочками», как называл их Гексли. Эти дамочки заваливали Мэллори десятками посланий, с одной-единственной целью — получить у него автограф и, «если он будет столь любезен», подписанную визитную карточку. В некоторых конвертах попадались аккуратные рисуночки самых заурядных ящериц, сопровождаемые неизбежным обращением к его познаниям в области таксонометрии рептилий.

Некоторые корреспондентки выражали деликатное восхищение (иногда — в стихах) и приглашали предмет этого восхищения на чай, буде он когда-нибудь окажется в Шеффилде. Или в Ноттингеме. Или в Брайтоне.

Попадались и письма — их приметами были заостренный почерк, тройное (!!!) подчеркивание отдельных слов и надушенные, перевязанные ленточкой локоны, — выражавшие пылкое обожание, причем в выражениях настолько смелых, что Мэллори невольно краснел. Поначалу таких было не очень много, однако стоило «Еженедель-

нику английской хозяйки» поместить на своих страницах портрет «знаменитого ученого», как урожай надушенных локонов резко возрос.

Мэллори внезапно остановился. Он едва не откинул в сторону письмо от самой младшей своей сестры, Рут. Малышка Рут, хотя, конечно же, этой малышке уже ни много ни мало семнадцать лет. Он распечатал письмо.

МИЛЫЙ НЕД!

Я пишу тебе под диктовку мамы, потому что сегодня у нее совсем плохо с руками. Отец очень благодарит тебя за чудный плед из Лондона. Французское притирание очень помогло моим рукам (маминым), хотя больше коленям, чем рукам. Мы все по тебе очень скучаем в Льюисе, хотя знаем, что ты занят своими великими делами Королевского общества! Мы читаем вслух каждое твое американское приключение, как они написаны мистером Дизраэли в «Семейном музее». Агата спрашивает, не можешь ли ты, пожалуйста, пожалуйста! получить для нее автограф мистера Дизраэли, потому что она очень любит его роман

«Танкред»! Но самая большая наша новость в том, что наш дорогой Брайан вернулся из Бомбея и благополучно проводит с нами этот самый день, 17 июня! И он привез с собой нашего дорогого будущего брата лейтенанта Джерри Ролингза, тоже из Сассекского артиллерийского полка, который просил нашу Маделайн подождать, как она, конечно же, и сделала. Теперь они поженятся, и мама хочет, чтобы ты знал, что это будет не *в церкви, а гражданская церемония с Ч. П. мистером Уидерспуном в городской ратуше Льюиса. Мы ждем тебя 29 июня, когда отец отдаст свою почти последнюю дочку, — я не хотела этого писать, но мама меня заставила.*

С любовью от всех нас,

РУФЬ МЭЛЛОРИ (мисс).

Итак — малышка Маделайн разжилась наконец мужем. Бедняжка, четыре долгих года помолвки, тем более тревожной, если твой жених служит в такой гнилой дыре, как Индия. Маделайн обручилась в восемнадцать лет, а сейчас ей уже двадцать два. Нельзя принуждать

юную, жизнерадостную девушку к такому долгому ожиданию; в последний свой визит Мэллори обнаружил, что жестокое испытание сделало Маделайн вспыльчивой и язвительной и домашние откровенно ее побаиваются. Скоро весь уход за стариками ляжет на плечи маленькой Рут. А когда и она выйдет замуж… ну что ж, тогда об этом и подумаем. Мэллори потер взмокшую от пота бороду. Маделайн выпала более тяжкая доля, чем Эрнестине, Агате или Дороти. Нужно подарить ей что-нибудь красивое. Свадебный подарок должен быть весомым свидетельством, что время тревог и печалей осталось позади.

Мэллори отнес почту к себе в комнату, свалил ее на пол возле забитого под завязку бюро и покинул дворец, вернув по дороге корзину дежурному.

На тротуаре перед дворцом собралась группа квакеров, мужчины и женщины. Они уныло выводили какой-то из своих нравоучительных гимнов, нечто насчет «поезда в рай». Песенка никоим боком не касалась ни эволюции, ни святотатства, ни окаменелых останков доисторических животных, — возможно, тоскливое однообразие бесплодного протеста утомило даже таких железных людей, как квакеры. Мэллори

прошел мимо, не обращая внимания на протянутые брошюры. Было жарко, на редкость жарко, жарко как в пекле. И хоть бы самое легкое дуновение ветра, хоть бы самый крошечный просвет в облаках; высокое небо налилось свинцовой тяжестью, словно хотело разразиться дождем, но забыло, как это делается.

Мэллори прошел по Глостер-роуд до угла Кромвель-лейн; совсем недавно здесь поселился бронзовый Кромвель на коне; радикалы очень его любили. Здесь же останавливались паробусы через каждые десять минут, но все они были забиты до отказа — в такую погоду никому не хотелось идти пешком.

Совсем неподалеку, на углу Эшберн-Мьюз, располагалась станция метрополитена «Глостер-роуд», и Мэллори решил рискнуть. Смелую идею пришлось вскоре оставить — в двери подземки никто не входил, время от времени оттуда вылетали люди, спасающиеся от невозможной, невыносимой вони.

Лондонцы успели привыкнуть к сомнительным ароматам своей подземки, но это было нечто совсем иного порядка. В сравнении с удушающим зноем улиц, шедший снизу воздух был даже прохладен, однако в нем ощущался запах смерти,

словно что-то сгнило в закупоренной стеклянной банке. Билетная касса была закрыта; на ее окошке висела записка: «ПРОСИМ ПРОЩЕНИЯ ЗА НЕУДОБСТВА». И ни слова, что там и почему, об истинной природе неполадок.

На противоположной стороне Кортфилд-роуд у гостиницы «Бейлиз» стояли запряженные лошадьми кебы. Мэллори совсем было собрался перейти улицу, как вдруг заметил неподалеку свободный вроде бы кеб. Сделав знак кучеру, он подошел к дверце и увидел пассажира, только что, по-видимому, приехавшего. Мэллори отступил на шаг, в естественной надежде, что пассажир сейчас сойдет, однако тот, явно недовольный присутствием незнакомца, прижал ко рту носовой платок, сложился пополам так, что голова его исчезла из вида, и зашелся сухим, мучительным кашлем. Возможно, он был нездоров — или только что из подземки, не успел еще отдышаться.

Нервы Мэллори были на пределе; он не стал ждать, сел в один из свободных кебов и коротко приказал: «Пикадилли».

Кучер цокнул мокрой от пота кляче, и она уныло потрусила по Кромвель-роуд. Как только кеб двинулся с места и в окно повеяло слабым ветер-

ком, жара стала не столь гнетущей, и Мэллори чуть приободрился. Кромвель-роуд, Терлоу-плейс, Бромптон-роуд — в своих грандиозных планах переустройства города правительство отвело эти части Кенсингтона и Бромптона под огромный комплекс музеев и дворцов Королевского общества. Один за другим проплывали они за окном кеба в невозмутимом величии своих куполов и колоннад: физика, экономика, химия… Некоторые новации радикалов вызывают, мягко говоря, удивление, размышлял Мэллори, но трудно отрицать разумность и справедливость того, что ученым, посвятившим себя благороднейшему труду на благо человечества, предоставляются великолепные здания. Кроме того, польза этих дворцов для науки многократно превышает затраты на их строительство.

По Найтсбридж-роуд, через Гайд-парк-корнер, к Наполеоновым вратам, дару Луи Наполеона в память об англо-французской Антанте. Мощный остов огромной чугунной арки поддерживал целую толпу крылатых амурчиков и задрапированных дам с факелами. Красивый монумент, думал Мэллори, и к тому же в новейшем вкусе. Массивная элегантность врат словно отрицала саму мысль о том, что когда-либо существовали

хоть малейшие разногласия между Великобританией и ее вернейшим союзником, имперской Францией. А «недоразумение» Наполеоновских войн, криво усмехнулся про себя Мэллори, можно свалить на тирана Веллингтона.

Хотя памятника герцогу Веллингтону в Лондоне не было, Мэллори временами казалось, что память об этом человеке витает в городе, словно призрак. Триумфатор Ватерлоо, прославленный некогда как спаситель британской нации, Веллингтон был пожалован пэрством и занял высочайший государственный пост. Но в нынешней Англии его поносили как хвастливого и самодовольного изверга, второго короля Джона, палача своего народа. Ненависть радикалов к их давнему и грозному врагу выдержала испытание временем. Со смерти Веллингтона выросло уже целое поколение, но премьер-министр Байрон все еще при каждом удобном случае втаптывал память герцога в грязь.

Мэллори был вполне лояльным членом радикальной партии, однако его не убеждала пустая брань. Про себя он придерживался собственного мнения о давно умершем тиране. В первое свое посещение Лондона шестилетний тогда Мэллори имел счастье видеть герцога; тот проезжал

по улице в золоченой карете с эскортом из вооруженных, лихо галопирующих всадников. Мэллори тогда поразило не столько знаменитое крючконосое лицо, обрамленное бакенбардами и подпираемое высоким воротничком, суровое и молчаливое, сколько благоговейная смесь страха и радости на отцовском лице.

Было это очень давно, в 1831 году, первом году смутных времен и последнем старого режима Англии, однако вид лондонских улиц все еще пробуждал в Мэллори слабый отзвук детских впечатлений. Через несколько месяцев, уже в Льюисе, его отец бурно радовался, когда пришло известие о смерти Веллингтона от руки бомбиста. Но мальчик тайком плакал, сам не зная из-за чего.

Мэллори видел в Веллингтоне человека, безнадежно утратившего контакт с реальностью, слепую жертву непонятных ему самому сил; герцог напоминал ему не столько короля Джона, сколько Карла Первого. Он безрассудно защищал интересы тори, разложившейся аристократии, класса, обреченного уступить власть поднимающемуся среднему сословию и ученым-меритократам. И это при том, что сам Веллингтон к аристократии не принадлежал, когда-то он был

простым Артуром Уэллсли, ирландцем довольно скромного происхождения.

Кроме того, Мэллори представлялось, что Веллингтон проявил похвальное владение воинским искусством. Вот только зря он ушел в гражданскую политику. Реакционный премьер-министр Веллингтон трагически недооценил революционный дух грядущей научно-промышленной эры. Он заплатил за это отсутствие прозорливости своей честью, своей властью и своей жизнью.

А непонятая Веллингтоном Англия, Англия детства Мэллори, буквально в одночасье перешла от листовок, забастовок и демонстраций к мятежам, военному положению, резне, открытой классовой войне и почти полной анархии. Только промышленная радикальная партия, с ее рациональным видением нового, всеобъемлющего порядка, спасла страну от падения в пропасть.

Но даже если и так, думал Мэллори, должен же хоть где-то быть памятник.

Кабриолет катил по Пикадилли — мимо Даунстрит, Уайтхос-стрит, Хаф-Мун-стрит. Мэллори достал из записной книжки визитную карточку Лоренса Олифанта; да, именно здесь он и живет, на Хаф-Мун-стрит. Сразу мелькнула соблазнительная мысль остановить кеб и забежать к

журналисту. Можно надеяться, что, в отличие от большинства изнеженных придворных бездельников, Олифант не спит до десяти и у него, пожалуй, найдется ведерко со льдом и глоток чего-нибудь, способствующего потовыделению. Идея нагло поломать распорядок дня этого рыцаря плаща и кинжала и, быть может, застать его за какой-нибудь тайной интригой представлялась Мэллори весьма привлекательной.

Но сперва — главное. Возможно, он заглянет к Олифанту потом, на обратном пути.

Мэллори остановил кеб у входа в Берлингтонский пассаж. На противоположной стороне улицы, среди россыпи ювелирных магазинов и бутиков, темнел гигантский, закованный в железо зиккурат Фортнума и Мейсона. Кебмен безбожно ободрал Мэллори, однако тот находился в великодушном настроении и не стал спорить. Похоже, эти ребята обдирают сегодня всех подряд: чуть поодаль еще один джентльмен выскочил из экипажа и теперь ругался — в самой вульгарной манере — со своим кебби.

Хождение по магазинам — лучший способ прочувствовать свежеобретенное, как снег на голову свалившееся богатство, в этом Мэллори не сомневался. Он добыл эти деньги рискованным, почти

безумным поступком, но тайну их происхождения не знал никто посторонний. Кредитные машины Лондона с равной готовностью отщелкивали деньги из призрачных доходов игрока и из скромного достояния безутешной вдовы.

Так что же купить? Эту вот гигантскую железную вазу, на восьмиугольной подставке, с восемью ажурными экранами, подвешенными перед желобчатой ножкой и придающими всему предмету исключительную легкость и элегантность? Или вот эту настенную подвеску из резного кизила, предназначенную, скорее всего, под хороший, венецианского стекла термометр? Или солонку черного дерева, украшенную крошечными колоннами и горельефами? Тем более что к ней прилагается серебряная ложечка с витой ручкой, разрисованная трилистниками и дубовыми листьями, а также обеспечивается гравировка монограммы — «по желанию и выбору покупателя».

У «Дж. Уокера и К°», в небольшом, но весьма тонном заведении, выгодно выделяющемся даже среди роскошных, с зеркальными витринами магазинов знаменитого Пассажа, Мэллори обнаружил подарок, который показался ему наиболее подходящим. Это были часы с восьмидневным

заводом и мелодичным, вроде звона церковных колоколов, боем. Механизм, который показывал также дату, день недели и фазы луны, был выдающимся образчиком британского ремесла, хотя, конечно же, у тех, кто ничего не смыслит в механике, наибольшее восхищение вызовет элегантный корпус. Корпус этот, изумительно отлитый из папье-маше, покрытый лаком и инкрустированный бирюзово-синим стеклом, венчала группа крупных позолоченных фигур. Последние представляли юную, очаровательную, очень легко одетую Британию, с восхищением взирающую на прогресс, вносимый Временем и Наукой в счастье и цивилизованность народа Британии. Сия весьма похвальная тема была дополнительно иллюстрирована серией из семи резных картинок, ежедневно сменявших друг друга под действием спрятанного в основании часов механизма.

Стоило это чудо ни много ни мало четырнадцать гиней. Да и то правда, разве же можно оценивать произведение искусства в вульгарных фунтах-шиллингах-пенсах? На секунду у Мэллори мелькнула сугубо приземленная мысль, что счастливой чете больше бы пригодилась звонкая пригоршня тех самых гиней. Но деньги скоро

уйдут, как это у них принято, особенно если ты молод. А хорошие часы будут украшать дом не одно поколение.

Мэллори заплатил наличными, отказавшись от предложенного кредита с выплатой в течение года. Пожилой, весьма высокомерный продавец, обильно потевший в высокий крахмальный воротничок, продемонстрировал систему пробковых прокладок, которые предохраняли механизм от повреждений при транспортировке. К часам прилагался запирающийся футляр с ручкой, точно подогнанный по их форме и оклеенный темно-красным бархатом.

Мэллори прекрасно понимал, что ему ни за что не втиснуться с этим ящиком в переполненный паробус. Придется опять нанять экипаж и привязать футляр с часами к расположенному сверху багажнику. Перспектива весьма тревожная, поскольку Лондон буквально кишел «тягалами». Эти малолетние воры с обезьяньей ловкостью взбирались на крыши проезжих экипажей и зазубренными ножами перепиливали багажные ремни. Когда кеб останавливался, ворье разбегалось по каким-то своим притонам, передавая добычу из рук в руки, пока содержимое чьего-нибудь саквояжа не расходилось по дюжине

старьевщиков.

Мэллори протащил покупку через дальние ворота Берлингтонского пассажа, где ему лихо отсалютовал постовой констебль.

Снаружи, в Берлингтонских садах, молодой человек в помятой шляпе и грязном засаленном пальто, непринужденно отдыхавший на бетонном поребрике клумбы, поднялся вдруг на ноги.

Оборванец похромал в сторону Мэллори, его плечи обмякли в театральном отчаянии. Он коснулся полей шляпы, изобразил жалобную улыбку и торопливо заговорил:

— Милостивый сэр если вы простите человеку впавшему в жалкое состояние хотя не всегда это было так и произошло не по моей вине а исключительно по причине слабого здоровья присущего всей моей семье а также многих ничем не заслуженных страданий вольность обратиться к вам в общественном месте в таком случае милостивый сэр вы оказали бы мне огромное одолжение сказав который час.

Час? Неужели этот тип откуда-то узнал, что Мэллори только что купил большие часы? Но замызганный юнец не обратил на внезапное замешательство Мэллори никакого внимания и продолжал все тем же занудным голосом:

— Сэр просьба о вспомоществовании отнюдь не входит в мои намерения поскольку я был взращен достойнейшей матерью и нищенство не моя профессия и я не знал бы даже как заниматься таким ремеслом посети меня столь постыдное намерение ибо я скорее умру от лишений но сэр заклинаю вас во имя милосердия оказать мне честь послужить вам носильщиком этого ящика который отягощает вас за ту цену какую ваша гуманность могла бы счесть соответствующей моим услугам…

Рот попрошайки резко, чуть не со стуком захлопнулся, губы сжались в тонкую прямую линию, как у швеи, перекусывающей нитку, расширившиеся глаза смотрели куда-то через плечо Мэллори. Он отступил на три шага, все время держа Мэллори между собой и неизвестным объектом своего созерцания. А потом повернулся на полуоторванных каблуках и нырнул — уже безо всякой хромоты — в толпу, запрудившую тротуары Корк-стрит.

Мэллори повернулся. За спиной у него стоял высокий, сухопарый господин с носом-пуговкой и длинными бакенбардами, в долгополом сюртуке а-ля принц Альберт и вполне заурядных брюках. Поймав на себе взгляд Мэллори, господин поднял

к лицу платок, зашелся долгим кашлем, благопристойно отхаркался и промокнул глаза. Затем он вздрогнул, словно вспомнил что-то важное, повернулся и зашагал к Берлингтонскому пассажу. И хоть бы взглянул на Мэллори.

Мэллори внезапно заинтересовался, хорошо ли упакованы часы. Поставив футляр на мостовую, он начал внимательно изучать сверкающие латунные застежки. Мысли у него неслись вскачь, а по спине бежали мурашки. Мошенника выдал трюк с платком. Мэллори видел его у станции подземки в Кенсингтоне; это был тот самый закашлявшийся господин, который упорно не желал вылезать из кеба. А затем пришла догадка: кашлюн был также и тем грубияном, который спорил с кебменом о плате на Пикадилли. Он следовал за Мэллори по пятам от самого Кенсингтона. Он за ним следит.

Крепко сжав ручку футляра с часами, Мэллори неспешно зашагал по Берлингтон-Гарденс, затем свернул направо, на Олд-Бонд-стрит. Нервы его были напряжены до предела, тело дрожало от охотничьего нетерпения. Ну надо же было так опростоволоситься, ругал он себя, ну зачем ты вылупил глаза на этого типа. Теперь он понимает, что попался, и будет действовать осторожнее.

Мэллори шел, всем своим видом изображая беззаботность. Чуть дальше он задержался перед витриной ювелирной лавки и стал внимательно изучать — не разложенные на бархате камеи, браслеты и диадемы, а отражение улицы в безупречно чистом, забранном чугунной решеткой стекле.

Кашлюн не замедлил объявиться. Теперь он держался поодаль, прячась за людей. Кашлюну было лет тридцать пять, в бакенбардах его проступала седина, темный, машинной работы сюртук не представлял собой ничего примечательного. Лицо — самое заурядное, ну разве что чуть потяжелее, чем у среднего лондонца, и взгляд чуть похолоднее, и губы под носом-пуговкой сложены в мрачноватую усмешку.

Мэллори снова свернул, на этот раз — налево, на Брутон-стрит; с каждым шагом громоздкий футляр мешал ему все больше и больше. Витрин с повернутыми под удобным углом стеклами больше не попадалось. Пришлось приподнять шляпу перед хорошенькой женщиной и посмотреть ей вслед, будто любуясь щиколотками. Ну и конечно — вот он, голубчик, тащится следом, как на веревке привязанный.

Возможно, кашлюн — сообщник того жучка и

его бабенки. Наемный головорез, убийца с дерринджером в кармане сюртука. Или со склянкой. Волосы на затылке Мэллори зашевелились от ожидания пули или жидкого огня купоросного масла.

Мэллори пошел быстрее, футляр болезненно бил его по ноге. На Беркли-сквер небольшой паровой кран, героически пыхтевший между двух покалеченных платанов, лупил чугунным шаром по наполовину уже разваленному георгианскому фасаду, каковое зрелище собрало толпу зевак. Мэллори протиснулся вперед, к самому барьеру, в облако едкой пыли, и немного расслабился, наслаждаясь минутой безопасности. Скосив глаза, он снова увидел кашлюна; выглядел тот довольно зловеще и явно нервничал оттого, что потерял свою жертву. Несколько успокаивало то, что в поведении этого человека не чувствовалось бешеной ярости, мрачной решимости убить, он просто стоял и пытался высмотреть среди ног зрителей футляр с часами. Но пока не высмотрел.

Надо смываться, пока не поздно. Прячась за деревьями, Мэллори перебежал площадь, а затем свернул на Чарльз-стрит, сплошь застроенную огромными особняками восемнадцатого века. Настоящие дворцы, все за узорными коваными

решетками, на каждой решетке — герб. Современный. За спиной послышалось чуфыканье. Роскошный, весь в лаке и золоте паровой экипаж, выезжающий из каретного сарая, предоставил Мэллори долгожданную возможность остановиться и посмотреть назад.

Все надежды рухнули. Кашлюн был в каком-то десятке ярдов позади — малость запыхавшийся, с покрасневшим от удушливой жары лицом, но нисколько не обманутый жалкими исхищрениями своей жертвы. Преследователь ждал, пока Мэллори двинется дальше, и старательно не смотрел в его сторону. Вместо этого он с показным вожделением пялился на дверь трактира под названием «Я последний на свете форейтор-скороход». Ну и что же теперь делать? Вернуться, войти в трактир, а там, в толпе, как-нибудь стряхнуть этого типа с хвоста? Или запрыгнуть в последнюю секунду на подножку отъезжающего паробуса — если, конечно же, удастся проделать подобный трюк с громоздким ящиком в руках.

Ни один из этих вариантов не сулил надежды на успех. Кашлюн имел железное преимущество — он знал территорию и все профессиональные приемы лондонского преступного мира, Мэллори же ощущал себя неповоротливым вайомингским

бизоном. Часы все больше оттягивали ему руку, он подхватил их и побрел дальше. Рука болела, он определенно терял силы…

Около Куинз-уэй мощный драглайн и два обычных экскаватора разносили в капусту Пастуший рынок. Будущую стройплощадку окружал забор, в щитах которого любопытные уже успели понаделать щелей и дырок. Рыбницы в косынках и поминутно сплевывающие жвачку огородники, согнанные с привычных мест, организовали последнюю линию обороны прямо под забором. Мэллори прошел вдоль импровизированных прилавков с провонявшими устрицами и вялыми, усохшими овощами. В конце забора по какому-то недосмотру планировки остался узкий проход: пыльные доски — с одной стороны, выкрошенный кирпич — с другой. Между сырых от мочи булыжников пробивалась трава. Мэллори заглянул в проход как раз в тот момент, когда с корточек, оправляя юбки, поднялась старуха в капоре. Она прошла мимо Мэллори, будто его не замечая. Мэллори прикоснулся к шляпе.

Вскинув футляр над головой, он осторожно поставил его на поросшую мхом стену и подпер для надежности куском кирпича, а потом положил рядом шляпу.

И прижался спиной к забору.

Ждать пришлось совсем недолго.

Мэллори прыгнул вперед, сильно ударил кашлюна под ложечку, а затем, когда тот захрипел и согнулся пополам, добил коротким ударом в челюсть. Кашлюн упал на колени, шляпа его отлетела далеко в сторону.

Мэллори схватил поверженного противника за шиворот и с силой швырнул его в стену. Кашлюн ударился о кирпичи и растянулся навзничь, хватая ртом воздух; густые бакенбарды облипли грязью. Двумя руками Мэллори схватил его за горло и за лацкан сюртука.

— Кто ты такой?!

— Помогите! — жалко просипел незнакомец. — Убивают!

Мэллори затащил его на несколько ярдов вглубь прохода.

— Не прикидывайся идиотом! Зачем ты за мной следишь? Кто тебе платит? Как тебя звать?

— Отпустите меня… — Незнакомец отчаянно вцепился в запястье Мэллори.

Его сюртук распахнулся. Мэллори заметил коричневую кожу плечевого ремня и мгновенно вытащил из-под мышки бандита оружие.

Нет, не пистолет. Предмет, лежащий в его руке,

оказался длинным и гладким, как змея. Черная резиновая дубинка с расплющенным на манер рожка для обуви концом и плетеной кожаной рукояткой. Судя по хлесткой упругости, внутри ее скрывалась стальная пружина.

Хороший удар такой штукой — и кости вдребезги. Мэллори взвесил дубинку в руке, а затем широко размахнулся:

— Отвечай!

Ослепительный удар молнии взорвал его затылок. Мэллори чувствовал, что теряет сознание, падает лицом на мокрые вонючие булыжники; он выронил дубинку и едва успел выставить перед собой руки, тяжелые и бесчувственные, как свиные окорока из мясной лавки. Второй удар благополучно скользнул по плечу, Мэллори откатился в сторону и зарычал, немного удивившись, что этот хриплый, утробный звук исходит из его собственного горла. Он ударил нападавшего ногой и каким-то образом попал ему по голени. Тот громко выругался и отскочил.

Мэллори привстал на четвереньки. Второй бандит оказался невысоким, но крепким мужиком в маленьком круглом котелке, насаженном почти по самые брови. Стоя над вытянутыми ногами кашлюна, он угрожающе взмахнул темным, по-

хожим на колбасу предметом. Кожаный мешочек с песком? Или даже с дробью?

Голова Мэллори кружилась, к горлу подступала тошнота, по шее бежала горячая струйка крови. Он чувствовал, что в любой момент может потерять сознание, упасть — а тогда, подсказывал ему звериный инстинкт, тебя забьют насмерть.

Мэллори вскочил, повернулся и на подкашивающихся ногах выбежал из вонючего закоулка. В голове у него трещало и поскрипывало, словно разъехались все кости черепа; красный туман застилал глаза.

Пробежав один квартал, Мэллори свернул за угол, привалился к стене, упер руки в колени и начал жадно хватать воздух ртом. Из носа у него текло, желудок выворачивался наизнанку. Пожилые, хорошо одетые супруги брезгливо покосились на неприглядную фигуру и прибавили шаг. Мэллори ответил им жалким, вызывающим взглядом. У него было странное ощущение, что только дай этим респектабельным ублюдкам почуять запах крови — и они разорвут его на куски.

Время шло. Мимо проходили лондонцы — с выражением равнодушия, любопытства, легкого неодобрения, — полагая, что он пьян или болен.

Мэллори всмотрелся сквозь слезы в здание на противоположной стороне улицы и разглядел аккуратную эмалированную табличку.

Хаф-Мун-стрит. Хаф-Мун-стрит, где живет Олифант.

А записная книжка, она же могла вывалиться во время драки… Мэллори нащупал в кармане привычный кожаный переплет, немного успокоился и стал искать визитку Олифанта. Пальцы его дрожали.

Дом Олифанта оказался в дальнем конце улицы. Подходя к нему, Мэллори уже не шатался, отвратительное ощущение, что голова вот-вот расколется, сменилось мерзкой пульсирующей болью.

Олифант жил в георгианском особняке, поделенном на квартиры. Первый этаж украшала узорная решетка, зашторенный фонарь выходил на мирные лужайки Грин-парка. Милое, цивилизованное место, совершенно не подходящее для человека, получившего дубинкой по черепу, почти без сознания и истекающего кровью. Мэллори схватил дверной молоток в форме слоновьей головы и яростно забарабанил.

Слуга окинул Мэллори недоуменным взглядом:

— Чем могу быть… Господи! — Его глаза испуганно расширились. — Мистер Олифант!

Мэллори неуверенно вошел в сверкающую — изразцовый пол и навощенные стенные панели — переднюю. Через несколько секунд появился Олифант. Несмотря на ранний час, на нем был безукоризненный вечерний костюм — вплоть до микроскопического галстука-бабочки и хризантемы в петлице.

Журналист оценил обстановку с первого взгляда:

— Блай! Бегите на кухню, возьмите у повара бренди. Таз с водой. И чистые полотенца.

Блай, как звали слугу, исчез. Подойдя к открытой двери, Олифант настороженно посмотрел налево, направо, затем захлопнул дверь и повернул в замке ключ. Взяв нежданного гостя за локоть, он отвел его в гостиную; Мэллори устало опустился на рояльную скамеечку.

— Итак, на вас напали, — произнес Олифант. — Набросились сзади. Подлая засада, как я полагаю.

— Насколько там плохо? Мне самому не видно.

— Удар тупым предметом. Крупная шишка, кожа рассечена. Довольно много крови, но сейчас ссадина подсыхает.

— Это серьезно?

— Бывает и хуже, — усмехнулся Олифант. — А вот сюртук ваш порядком попорчен.

— Они тащились за мной по всей Пикадилли, — обиженно сказал Мэллори. — Второго я не видел, а когда увидел, было поздно… Проклятье! — Он резко выпрямился. — А как же часы? Часы, свадебный подарок. Я оставил их в закоулке у Пастушьего рынка. Мерзавцы их украдут!

Появился Блай с тазом и полотенцами. Пониже и постарше своего хозяина, он был чисто выбрит, имел мощную шею и карие, чуть навыкате глаза; его волосатые запястья были толстые, как у шахтера. Чувствовалось, что отношения у них с Олифантом легкие, почти дружеские, отношения не хозяина и слуги, а скорее уж аристократа старой закваски и доверенного лица. Обмакнув полотенце в таз, Олифант зашел Мэллори за спину:

— Не шевелитесь, пожалуйста.

— Мои часы, — повторил Мэллори.

— Блай, — вздохнул Олифант, — не могли бы вы позаботиться о потерявшейся собственности этого джентльмена? Это, разумеется, до некоторой степени опасно.

— Хорошо, сэр, — бесстрастно ответил Блай. —

А гости, сэр?

Олифант на мгновение задумался.

— А почему бы вам не взять гостей с собой, Блай? Уверен, они будут рады прогуляться. Выведите их через черный ход. И постарайтесь не привлекать к себе особого внимания.

— Что мне им сказать, сэр?

— Правду, а что же еще? Скажите им, что на друга дома совершили нападение иностранные агенты. Только подчеркните, что никого убивать не нужно. А если они не найдут часов доктора Мэллори, пусть не считают, что это как-то характеризует их способности. Пошутите, если надо, да все, что угодно, — лишь бы они не думали, что потеряли лицо.

— Понимаю, сэр, — кивнул Блай и удалился.

— Мне очень неловко вас беспокоить, — пробормотал Мэллори.

— Глупости. Для того мы и существуем. — Олифант взял хрустальный стакан и налил на два пальца бренди.

Бренди оказался очень приличным, Мэллори сразу почувствовал, что кровь по жилам бежит быстрее; боль в голове не утихала, однако от недавнего шока, оцепенения не осталось почти ни следа.

— Вы были правы, а я нет, — сказал он. — Они выслеживали меня, как зверя! Это не просто хулиганы, они хотели меня искалечить или даже убить, в этом я абсолютно уверен.

— Техасцы?

— Лондонцы. Высокий малый с бакенбардами и маленький толстяк в котелке.

— Наемники. — Олифант обмакнул полотенце в таз. — На мой взгляд, здесь не помешала бы пара швов. Вызвать врача? Или вы доверитесь мне? В полевых условиях я, бывало, подменял хирурга.

— Я тоже, — кивнул Мэллори и долил бренди. — Делайте, пожалуйста, все, что надо.

Пока Олифант ходил за иглой и шелковой нитью, Мэллори снял сюртук, сжал заранее челюсти и занялся изучением голубых в цветочек обоев. К счастью, операция прошла почти безболезненно, журналист стягивал края раны на редкость ловко и споро.

— Неплохо, совсем неплохо, — сказал он, любуясь своей работой. — Держитесь подальше от нездоровых миазмов, и тогда, при удаче, обойдется без лихорадки.

— Сейчас весь Лондон — сплошные миазмы. Эта проклятая погода… я не доверяю докторам, а вы? Они сами не понимают, о чем говорят.

— В отличие от дипломатов — и катастрофистов? — широко улыбнулся Олифант.

Ну как тут обидишься? Мэллори осмотрел свой сюртук; ну да, конечно, весь воротник в крови.

— А что теперь? Идти в полицию?

— Это, естественно, ваше право, — сказал Олифант, — но было бы благоразумно — и патриотично — опустить некоторые детали.

— Например, леди Аду Байрон?

— Выдвигать дикие предположения о дочери премьер-министра, — нахмурился Олифант, — было бы *весьма* неразумно.

— Понимаю. А как насчет контрабанды оружия для Комиссии по свободной торговле Королевского общества? Не имея никаких доказательств, я готов, однако, предположить, что скандалы комиссии вовсе не связаны со скандалами леди Ады.

— Лично я, — улыбнулся Олифант, — был бы только рад публичному разоблачению промахов вашей драгоценной комиссии, однако об этом тоже следует умолчать — в интересах британской нации.

— Понимаю. И что же тогда остается? Что я скажу полиции?

— Что по неизвестным причинам вас оглу-

шил неизвестный бандит. — По губам Олифанта скользнула усмешка.

— Но это же чушь какая-то! — возмутился Мэллори. — Да какой тогда вообще толк от всей вашей шатии-братии? Тут же все-таки не салонная игра в шарады! Я опознал эту мерзавку, которая помогала удерживать леди Аду! Ее звать…

— Флоренс Бартлетт, — кивнул Олифант. — Только потише, пожалуйста.

— Откуда вы… — Мэллори не закончил фразу. — Это что, этот ваш дружок, мистер Уэйкфилд? Он наблюдал за всем, что я делал в Статистическом бюро, и немедленно кинулся к вам с докладом.

— Уэйкфилд обязан наблюдать за работой своих машин, сколь бы докучной ни была эта обязанность, — невозмутимо парировал Олифант. — Вообще-то, я надеялся услышать все от вас, тем более что предмет вашего увлечения — самая настоящая фам-фаталь.[464] Но вы, похоже, не горите желанием поделиться информацией, сэр.

Мэллори хмыкнул.

— Нет никакого смысла впутывать в это дело обычную полицию, — продолжил Олифант. — Я

---

[464] Примечания: 464
Femme fatale — роковая женщина (фр.).

и раньше говорил, что вам необходима особая защита. Теперь, боюсь, мне придется настаивать.

— Час от часу не легче, — пробормотал Мэллори.

— У меня есть великолепная кандидатура. Инспектор Эбенезер Фрейзер из Особого отдела Боу-стрит. *Того самого* Особого отдела, так что не стоит говорить об этом вслух. Вы быстро убедитесь, что деликатность инспектора Фрейзера — мистера Фрейзера — ничуть не уступает его компетентности. Забота такого специалиста обеспечит вам полную безопасность, что будет для меня огромным облегчением.

В глубине дома хлопнула дверь. Послышались шаги, шорох, позвякивание металла и какие-то голоса. Затем появился Блай.

— Мои часы! — воскликнул Мэллори. — Слава тебе господи!

— Вот, — сказал Блай, опуская на пол футляр. — Ни единой царапины. Кто-то поставил их на стену и подпер обломком кирпича. Место довольно укромное. Скорее всего, бандиты собирались вернуться за своей добычей позднее.

— Прекрасная работа, Блай, — кивнул Олифант. И вопросительно посмотрел на Мэллори.

— А еще там было вот это, сэр. — Блай предъ-

явил в лепешку раздавленный цилиндр.

— Это одного из мерзавцев, — заявил Мэллори.

Растоптанная шляпа кашлюна была насквозь пропитана мочой, хотя никто не счел уместным упомянуть столь непристойный факт.

— Вашу шляпу мы, к сожалению, не нашли, — сказал Блай. — Украл, наверное, какой-нибудь мальчишка.

Чуть поморщившись от отвращения, Олифант осмотрел загубленный цилиндр, перевернул его, внимательно изучил подкладку.

— Имени производителя нет.

Мэллори взглянул на шляпу:

— Фабричная работа. По-моему, «Мозес и сын». Ей около двух лет.

— Ну что ж, — удивленно сморгнул Олифант, — я полагаю, эта улика исключает иностранцев. Наверняка коренной лондонец. Пользуется дешевым фиксатуаром, но при этом не дурак — если судить по объему черепа. Отправьте это на помойку, Блай.

— Да, сэр, — кивнул Блай и удалился.

— Ваш слуга Блай сделал мне огромное одолжение. — Мэллори нежно погладил футляр с часами. — Как вы думаете, он не будет возражать, если я его отблагодарю?

— Будет, — качнул головой Олифант, — и самым решительным образом.

Мэллори почувствовал свою оплошность и скрипнул зубами.

— А как насчет этих ваших гостей? Могу я поблагодарить *их*?

— Почему бы и нет! — улыбнулся Олифант и провел Мэллори в столовую.

С обеденного, красного дерева стола мистера Олифанта были сняты ножки; огромная полированная столешница опиралась на резные наугольники, возвышаясь над полом всего на несколько дюймов. Вокруг нее, скрестив ноги, сидели пятеро азиатов: пять серьезных мужчин в носках, безукоризненных вечерних костюмах с Савил-роу и шелковых цилиндрах, низко натянутых на коротко стриженные головы. Волосы у них были не только очень короткие, но и очень темные.

Единственная в компании женщина стояла на коленях у дальнего конца стола. Бесстрастное, как маска, лицо, черные шелковистые волосы, уложенные в высокую, невероятно сложную прическу, и просторный туземный балахон, ярко расцвеченный бабочками и кленовыми листьями, делали ее фигурой весьма экзотичной.

— Доктор Эдвард Мэллори, *сан-о госёкай симасу*,[465] — провозгласил Олифант.

Мужчины встали — встали своеобразным, очень изящным способом: чуть откинув корпус назад, они подводили под себя правую ногу, ловко вскакивали и застывали неподвижно. Все это было похоже на какой-то сложный балетный номер.

— Эти господа состоят на службе его императорского величества микадо Японии, — продолжал Олифант. — Мистер Мацуки Коан, мистер Мори Аринори, мистер Фусукава Юкиси, мистер Канайе Нагасава, мистер Хисанобу Самэсима. — По мере того как он представлял мужчин, каждый из них кланялся Мэллори в пояс.

Женщину Олифант не представил, да и мудрено бы — она сохраняла прежнюю позу, словно не замечая происходящего. Мэллори счел за лучшее не упоминать о ней и не обращать на нее особого внимания. Он повернулся к Олифанту:

— Это ведь японцы, да? Вы же вроде говорите на их тарабарщине?

— Поднахватался немного.

— Не могли бы вы тогда выразить им благодар-

---

[465] Примечания: 465

San-o goshoukai shimasu — позвольте представить вам господина... (яп.)

ность за доблестное спасение моих часов?

— Мы вас понимаем, доктор Мэллори, — сказал один из японцев. Мэллори мгновенно забыл их невозможные имена, но этого вроде бы звали Юкиси. — Нам выпала большая честь оказать услугу британскому другу мистера Лоренса Олифанта, заслужившего признательность нашего суверена. — Мистер Юкиси снова поклонился.

Мэллори совершенно растерялся:

— Благодарю вас за столь учтивые слова, сэр. Должен сказать, у вас весьма изысканная манера выражаться. Я не дипломат и просто благодарю вас от всего сердца. С вашей стороны было очень любезно…

Японцы о чем-то переговаривались.

— Мы надеемся, вы не слишком тяжело пострадали в варварском нападении на вашу британскую персону со стороны иностранцев, — сказал мистер Юкиси.

— Нет, — вежливо улыбнулся Мэллори.

— Мы не видели ни вашего врага, ни каких-либо других грубых или склонных к насилию личностей.

Сказано это было мягко, без нажима, но с каким-то опасным поблескиванием глаз, не оставлявшим ни малейших сомнений в том, как

поступили бы Юкиси и его друзья, попадись им подобная личность. В целом японцы походили на ученых, двое из них были в простых, без оправы очках, а третий щеголял моноклем на ленточке и модными желтыми перчатками. Все они были молоды и ловки, а цилиндры сидели на их головах воинственно, словно шлемы викингов.

Длинные ноги Олифанта внезапно подломились, и он с улыбкой опустился во главе стола. Мэллори тоже сел — не так, конечно, умело и громко хрустнув коленными чашечками. Японцы последовали примеру Олифанта, быстро сложившись в прежнюю позу невозмутимого достоинства. Женщина не шевелилась.

— При данных обстоятельствах, — задумчиво произнес Олифант, — учитывая кошмарную жару и утомительную погоню за врагами отечества, небольшое возлияние представляется вполне уместным. — Он взял со стола медный колокольчик и коротко позвонил. — Итак, больше непринужденности, согласны? *Нани о ономи ни наримасу ка?*[466]

Очередное совещание японцев сопровождалось широко распахнутыми глазами, довольными

---

[466] Примечания: 466
Nani o onomi ni narimasu ka? — Что вы будете пить? (яп.)

кивками и одобрительным бормотанием:

— Уисуки…

— Значит, виски. Великолепный выбор, — одобрил Олифант.

Буквально через секунду Блай вкатил в гостиную сервировочный столик, сплошь уставленный бутылками.

— У нас кончился лед, сэр.

— В чем дело, Блай?

— Продавец льда отказывается продать повару хоть сколько-нибудь. С прошлой недели цены утроились!

— Ладно, в куклину бутылку лед все равно не поместится. — Олифант изрек эту чушь как нечто вполне разумное. — Доктор Мэллори, смотрите внимательнее. Мистер Мацуки Коан, который происходит из весьма передовой провинции Сацума, как раз собирался продемонстрировать нам одно из чудес японского ремесла — вы бы не напомнили мне имя мастера, мистер Мацуки?

— Она изготовлена членами семьи Хосокава, — поклонился мистер Мацуки. — По велению нашего господина — *сацума даймё*.[467]

— Я полагаю, Блай, — сказал Олифант, — что на

---

[467] Примечания: 467

Satsuma daimyo — сацумский феодал (Сацума — древнее название острова Кюсю) (яп.).

этот раз приятные обязанности гостеприимного хозяина достанутся мистеру Мацуки.

Блай передал мистеру Мацуки бутылку виски; мистер Мацуки начал переливать ее содержимое в изящную керамическую фляжку, стоявшую по правую руку японки. Женщина никак не реагировала, и Мэллори начал уже подозревать, что она парализована или больна. Потом мистер Мацуки с резким деревянным щелчком вложил фляжку в правую руку японки. Далее он взял позолоченную заводную ручку, невозмутимо вставил ее женщине в спину и начал вращать. Из внутренностей женщины донесся высокий звук взводимой пружины.

— Это манекен! — вырвалось у Мэллори.

— Скорее марионетка, — поправил Олифант. — А по-научному — автомат.

— Понимаю, — облегченно вздохнул Мэллори. — Что-то вроде знаменитой утки Вокансона, да? — Он рассмеялся. Ну как же можно было не догадаться, что это неподвижное лицо, полускрытое черными волосами, не более чем раскрашенная деревяшка. — Удар, должно быть, сдвинул мне мозги. Господи, да это же настоящее чудо!

— Каждый волосок парика вставлен вручную, — продолжал Олифант. — Подарок импера-

тора Ее Величеству королеве Британии. Хотя могу предположить, что эта особа придется по вкусу и принцу-консорту, и особенно юному Альфреду.

В локте и в запястье марионетки размещались скрытые просторным одеянием шарниры; она разливала виски с мягким шорохом скользящих тросиков и приглушенным деревянным пощелкиванием.

— Очень похоже на станок Модзли с машинным управлением, — заметил Мэллори. — Это оттуда ее срисовали?

— Нет, — качнул головой Олифант, — продукт полностью местный. — (Мистер Мацуки передавал по столу маленькие керамические чашечки с виски.) — В ней нет ни кусочка металла — только бамбук, плетеный конский волос и пружины из китового уса. Японцы делают такие игрушки — *каракури*, как они их называют, — с незапамятных времен.

Мэллори пригубил виски. Скотч, причем — молт. Принятый ранее бренди слегка туманил голову, а тут еще эта механическая кукла… Он чувствовал себя нечаянным участником какой-то рождественской пантомимы.

— Она ходит? — спросил он. — Играет на флейте? Или еще что-нибудь?

— Нет, только разливает, — качнул головой Олифант. — Но зато обеими руками.

Мэллори чувствовал на себе взгляды японцев. Было совершенно ясно, что для них в этой кукле нет ничего чудесного. Они хотели знать, что думает о ней он, британец, хотели знать, восхищен ли он.

— *Весьма* впечатляет, — осторожно начал Мэллори. — Особенно если учесть отсталость Азии.

— Япония — это Британия Азии, — заметил Олифант.

— Мы знаем, что в ней нет ничего особенного. — Глаза мистера Юкиси сверкнули.

— Нет, она ведь действительно чудо, — настаивал Мэллори. — Вы могли бы показывать ее за деньги.

— Мы знаем, что в сравнении с огромными британскими машинами она примитивна. Как верно говорит мистер Олифант, мы — ваши младшие братья в этом мире.

— Но мы будем учиться, — вмешался другой японец. Этого вроде бы звали Аринори. — Мы в долгу перед Британией! Британские стальные корабли открыли наши порты для свободного мореплавания. Мы пробудились, и мы восприняли великий урок, который вы нам преподали. Мы

уничтожили *сёгуна* и его отсталое *бакуфу*.[468] Теперь микадо поведет нас по дороге прогресса.

— Мы с вами будем союзниками, — гордо провозгласил мистер Юкиси. — Азиатская Британия принесет цивилизацию и просвещение всем народам Азии.

— Весьма похвальные намерения, — кивнул Мэллори. — Однако создание цивилизации, строительство империи — дело долгое и каверзное. Это труд не на годы, а на века…

— Мы всему научимся от вас. — Лицо мистера Аринори раскраснелось, жара и виски заметно его разгорячили. — Подобно вам, мы построим великие школы и огромный флот. У нас есть уже одна вычислительная машина, в Тосу! Мы купим их еще. Мы будем строить собственные машины!

Мэллори хмыкнул. Странные маленькие иностранцы светились юностью, интеллектуальным идеализмом и особенно — искренностью. Жалко ребят.

— Прекрасно! Ваши высокие стремления, молодой сэр, делают вам честь! Только ведь это совсем не просто. Британия вложила в свои машины

---

[468] Примечания: 468
Bakufu — сёгунат (яп.).

огромный труд, наши ученые работают над ними уже не одно десятилетие, и чтобы вы за несколько лет достигли нашего уровня…

— Мы пойдем на любые жертвы, — невозмутимо ответил мистер Юкиси.

— Есть и другие пути возвысить вашу страну, — продолжал Мэллори. — Вы же предлагаете невозможное!

— *Мы пойдем на любые жертвы.*

«Что-то я тут не то наговорил», — с тоскою подумал Мэллори и взглянул на Олифанта, но тот сидел с застывшей улыбкой, наблюдая, как заводная девушка наполняет фарфоровые чашки. В комнате ощущался явственный холодок.

Тишина прерывалась лишь пощелкиванием автомата. Мэллори встал; его голова раскалывалась от боли.

— Я очень благодарен вам за помощь, мистер Олифант. Вам и вашим друзьям. Но я не могу больше задерживаться. Я бы и рад, но груз неотложных дел…

— Вы вполне в этом уверены? — сердечно спросил Олифант.

— Да.

— Блай! — крикнул Олифант. — Пошлите поваренка за кебом для доктора Мэллори!

* * *

Ночь Мэллори провел в каком-то тусклом оцепенении. Он никак не мог убедить кашлюна в преимуществе катастрофизма перед униформизмом и был бесконечно рад, когда настойчивый стук вырвал его из этого сумбурного сна.

— Минутку!

Скинув ноги с кровати, Мэллори зевнул и осторожно ощупал затылок. Рана немного кровоточила, оставив розоватый потек на наволочке, но опухоль спала, и воспаления вроде бы не было. Скорее всего, это следовало отнести на счет терапевтического воздействия бренди.

Натянув на потное тело ночную рубашку, Мэллори завернулся в халат и открыл дверь. В коридоре стояли комендант Дворца, ирландец по фамилии Келли, и две угрюмые уборщицы. Уборщицы были вооружены швабрами, ведрами, черными резиновыми воронками и тележкой, заставленной большими бутылями.

— Который час, Келли?

— Девять часов, сэр.

Келли вошел, негромко посасывая желтые зубы; женщины со своей тачкой вкатились следом. Яркие бумажные наклейки гласили, что в

каждой керамической бутыли содержится «патентованный окисляющий деодорайзер Конди. Один галлон».

— А это еще что такое?

— Манганат натрия, сэр, для очистки канализации Дворца. Мы планируем промыть каждый клозет. Прочистить трубы вплоть до главного коллектора.

Мэллори поправил халат. Было как-то неловко стоять перед уборщицами босиком и с голыми щиколотками.

— Келли, ни черта это вам не даст, промой вы свои трубы хоть до самого ада. Это же Лондон в разгар кошмарно жаркого лета. Сейчас Темза и та воняет.

— Но надо же что-то делать, сэр, — возразил Келли. — Гости жалуются самым решительным образом. И я их за это не виню.

В унитаз была залита целая посудина ярко-красной отравы. Резкий аммиачный запах деодорайзера мгновенно затушил прежнюю, почти уже незаметную вонь, стоявшую в комнате Мэллори. Чихая и кашляя, женщины поскребли фаянс, после чего Келли с видом художника, наносящего последний мазок на картину, дернул ручку сливного бачка.

Наконец вся троица удалилась, и Мэллори стал одеваться. Он проверил блокнот. Вечер предстоял весьма насыщенный, но на утро намечалась всего одна встреча. Мэллори успел уже узнать, что Дизраэли — личность крайне безалаберная, так что лучше отводить на него целую половину дня. Если повезет, можно успеть отнести сюртук во французскую чистку или сходить к парикмахеру, привести в порядок волосы на затылке, а то ведь сплошные кровавые колтуны, ужас.

Когда он добрался до столовой, там болтали за чаем двое запоздалых посетителей — хранитель фондов Белшо и мелкий музейный служащий по фамилии, кажется, Сиднем.

Заметив, что Белшо обернулся, Мэллори вежливо кивнул — и не получил ответа. Более того, по лицу хранителя было видно, что тот изумлен, чуть ли не возмущен. Мэллори сел на обычное свое место, под золоченым канделябром. Белшо и Сиднем начали тихо, но очень оживленно переговариваться.

Мэллори ничего не понимал. Ну да, конечно же, они с Белшо никогда не были представлены друг другу, но разве из этого следует, что нужно обижаться на обычные проявления вежливости? А с чего это пухлые щечки Сиднема вдруг побе-

лели и чего это он поглядывает искоса, думает, что незаметно? Мэллори проверил ширинку. Да нет, застегнута. А ведь эта парочка, они и правда встревожены. Может, рана открылась и кровь на воротник хлещет? Нет, и тут все в порядке.

Дальше — больше. По лицу официанта, принимавшего заказ, можно было подумать, что копченая селедка и яйца — предметы до крайности непристойные.

Впавший в полное замешательство Мэллори решил плюнуть на все приличия, подойти к Белшо и выяснить отношения напрямую. Он даже начал было составлять небольшую вводную речь, но тут Белшо и Сиднем встали и ушли из столовой, даже не допив чай. Мэллори съел свой завтрак с мрачной неторопливостью, твердо решив не расстраиваться из-за всякой чуши.

Потом он зашел за почтой. Всегдашнего дежурного за конторкой не оказалось — слег с катаром легких, как объяснил замещавший его клерк. Мэллори отнес корзинку в библиотеку. По утреннему времени там было всего пятеро посетителей; они сидели группой в углу и что-то горячо обсуждали. Секундное впечатление, что и эти коллеги пялятся на него, как на какую-нибудь диковину, Мэллори решительно отмел — чушь,

этого просто не может быть.

Мэллори рассеянно разбирал почту, голова у него побаливала, мысли разбегались. Все та же тоска неизбежной профессиональной корреспонденции, обычная доза восторженных посланий и «прошу не отказать в моей просьбе». Похоже, без личного секретаря и впрямь не обойтись.

Вот именно, и не окажется ли наилучшим кандидатом на этот пост мистер Тобиас из Центрального статистического бюро? Быть может, предложение работы по совместительству побудит мальчонку к более решительным действиям — в архивах бюро хранится уйма информации, с которой хотелось бы познакомиться поближе. Вот, скажем, досье леди Ады, если такое сокровище вообще существует. Или досье скользкого мистера Олифанта, с его вечными улыбочками и туманными заверениями. Или лорда Чарльза Лайелла, орденоносного вождя униформистов.

Да нет, куда там, одернул себя Мэллори. Большие люди, до них не доберешься. Вот прощупать Питера Фоука — и на том бы спасибо. Фоук… Ну до чего же мерзкая личность, так и норовит сделать какую-нибудь гадость, прямо землю носом роет. Ничего, мы еще разоблачим его интриги, так или иначе — но разоблачим.

Сейчас, роясь в корзинке с почтой, Мэллори был в этом совершенно уверен. Все темные тайны выйдут на свет божий, как кости из сланцевых отложений. Случай позволил ему краем глаза взглянуть на темные делишки радикальской элиты. Теперь — это потребует лишь времени и труда — он вытащит из окаменевшей матрицы всю тайну.

А это что еще такое? Пакет совершенно непривычных размеров, толстый, почти квадратный, чуть не сплошь облепленный разноцветными марками французской экспресс-почты. Конверт цвета слоновой кости, глянцевый и удивительно плотный, был изготовлен из какого-то необычного водонепроницаемого матриала, чего-то вроде слюды. Мэллори вынул свой шеффилдский нож, выбрал самое маленькое из его лезвий и вскрыл странное послание.

Внутри оказалась машинная перфокарта «наполеоновского» формата; начало не предвещало ничего хорошего. Встревоженный Мэллори вытряхнул карту на стол. Получилось это только с третьей попытки — изнутри конверт оказался влажноватым. И добро бы просто влага — судя по резкому, неприятному запаху, перфокарту обрызгали какой-то химической заразой.

Перфокарта без единой дырочки, но зато с аккуратно
напечатанным текстом: «ДОКТОРУ ЭДВАРДУ МЭЛЛОРИ, ДВОРЕЦ ПАЛЕОНТОЛОГИИ, ЛОНДОН. ВЫ НЕЗАКОННО ХРАНИТЕ СОБСТВЕННОСТЬ, УКРАДЕННУЮ В ЭПСОМЕ. ВЫ ВЕРНЕТЕ ЭТУ СОБСТВЕННОСТЬ ЦЕЛОЙ И НЕВРЕДИМОЙ, СЛЕДУЯ ИНСТРУКЦИЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В КОЛОНКЕ ЧАСТНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ ЛОНДОНСКОЙ ДЕЙЛИ ЭКСПРЕСС. ДО ТЕХ ПОР ПОКА МЫ НЕ ПОЛУЧИМ УКАЗАННУЮ СОБСТВЕННОСТЬ, ВЫ ПОДВЕРГНЕТЕСЬ РЯДУ НАКАЗАНИЙ, АПОГЕЕМ КОТОРЫХ В СЛУЧАЕ НЕОБХОДИМОСТИ ЯВИТСЯ ПОЛНОЕ И ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ВАШЕ УНИЧТОЖЕНИЕ. ЭДВАРД МЭЛЛОРИ, НАМ ИЗВЕСТНЫ ВАШ ИНДЕКС, ВАША ЛИЧНОСТЬ, ВАШЕ ПРОШЛОЕ И ВАШИ УСТРЕМЛЕНИЯ. МЫ ПОЛНОСТЬЮ ОСВЕДОМЛЕНЫ О КАЖДОЙ ВАШЕЙ СЛАБОСТИ. СОПРОТИВЛЕНИЕ БЕСПОЛЕЗНО. БЫСТРОЕ И ПОЛНОЕ ПОВИНОВЕНИЕ ВАША ЕДИНСТВЕННАЯ НАДЕЖДА. КАПИТАН СВИНГ».

Мэллори застыл в изумлении, на него накатила волна воспоминаний. Снова Вайоминг, утро, когда он встал с походной койки и обнаружил, что под боком у него пригрелась гремучая змея. Ночью он чувствовал рядом какое-то странное

шевеление, но не понял, что это и почему. И вот оно — внезапное чешуйчатое доказательство.

Ну-ка, ознакомимся с этой штукой получше. Камфорированная целлюлоза, облитая чем-то вонючим, — и крохотные черные буквы начинают почему-то бледнеть. Гибкая перфокарта раскалялась. Мэллори уронил ее на стол, с трудом подавив крик удивления. Карта изгибалась, корежилась, темнела по краям, от нее стали отслаиваться тонкие, как луковая шелуха, чешуйки. Затем взвилась тонкая струйка желтоватого дыма, и Мэллори сообразил, что эта штука вот-вот полыхнет огнем.

Он выхватил из корзинки первый попавшийся журнал — пухлый серый том «Ежеквартальных докладов Ирландского геологического общества» и торопливо прихлопнул перфокарту. После двух резких ударов та распалась в волокнистое месиво, прилипшее к обгорелой полировке стола.

Мэллори вскрыл какое-то из попрошайных писем, вытряхнул из конверта содержимое, а на его место смахнул пепел. Стол, похоже, не слишком пострадал…

— Доктор Мэллори?

Мэллори виновато поднял глаза и увидел совершенно незнакомого человека. Высокий, чисто

выбритый лондонец, очень неприметно одетый, с худым серьезным лицом, в левой руке — пачка газет и блокнот.

— Очень неудачный препарат, — сымпровизировал Мэллори. — Законсервирован в камфоре! Кошмарная методика! — Он закрыл конверт и непринужденно сунул его в карман.

Незнакомец молча протянул ему визитную карточку.

На карточке Эбенезера Фрейзера значились его имя, фамилия и телеграфный номер; внизу стоял миниатюрный оттиск государственной печати. И ничего больше. На обороте — гравированный портрет, та же самая костлявая физиономия, закаменевшая в суровую, не допускающую никаких шуточек маску. Это что же, он всегда такой или только на работе?

Мэллори поднялся, чтобы предложить Фрейзеру руку, но тут же сообразил, что пальцы у него измазаны едкой гадостью. Поэтому он только поклонился и тут же снова сел, украдкой вытирая руку о штанину. Кожа большого и указательного пальцев казалась сухой, как от формальдегида.

— Надеюсь, вы вполне здоровы, сэр? — осведомился Фрейзер, усаживаясь за стол. — Оправились от вчерашнего нападения?

Мэллори покосился в угол. Те пятеро так и сидели кучкой, очень, похоже, заинтересованные как странным поведением коллеги, так и неожиданным появлением Фрейзера.

— Ерунда, — отмахнулся Мэллори. — В Лондоне такое может случиться с каждым.

Фрейзер скептически приподнял бровь.

— Я очень сожалею, мистер Фрейзер, что эта досадная неприятность прибавила вам хлопот.

— Не стоит беспокойства, сэр. — Фрейзер открыл кожаный блокнот и извлек из кармана по-квакерски скромного сюртука самописку. — Вы бы не отказались ответить мне на несколько вопросов?

— Правду говоря, сейчас я несколько занят…

Бесстрастный взгляд Фрейзера заставил его умолкнуть.

— Я здесь уже три часа, сэр. Ожидал удобного момента для беседы.

Бессвязные извинения Мэллори Фрейзер пропустил мимо ушей.

— Часов в шесть утра прямо у входа во дворец я стал свидетелем любопытной сцены. Мальчишка-газетчик кричал, что левиафанный Мэллори арестован за убийство.

— Я? Эдвард Мэллори?

Фрейзер кивнул.

— Ничего не понимаю. Зачем газетчику выкрикивать такую идиотскую ложь?

— Газеты шли отлично, — сухо заметил Фрейзер. — Я вот тоже купил.

— И что, скажите на милость, имеет сказать обо мне эта газета?

— Ни слова о каком бы то ни было Мэллори. Вот, взгляните сами. — Фрейзер уронил на стол лондонскую «Дейли-экспресс».

Мэллори взял газету, положил ее в корзинку.

— Какая-то дикая шутка, — неуверенно предположил он. — От уличных мальчишек можно ждать чего угодно…

— Когда я снова вышел на улицу, маленький негодник уже сделал ноги, — продолжал Фрейзер. — Но многие из ваших коллег слышали его вопли. Здесь все утро только об этом и говорят.

— Ясненько, — протянул Мэллори. — Это объясняет некоторые… Да уж! — Он кашлянул, прочищая горло.

Фрейзер бесстрастно за ним наблюдал.

— А теперь взгляните на это, сэр. — Полицейский вынул из своего блокнота лист бумаги, развернул его и пододвинул к Мэллори.

Машинный оттиск дагеротипа. Труп, лежащий

на прозекторском столе, половые органы скромно прикрыты тряпочкой, живот вспорот до самой грудины, судя по всему, одним кошмарной силы ножевым ударом. Мраморно-бледная кожа груди, ног и вздувшегося живота жутковато контрастирует с глубоким загаром рук и лица.

Это был Фрэнсис Радвик.

Под снимком стояла подпись: «НАУЧНОЕ ВСКРЫТИЕ
БРЮШНОЙ ПОЛОСТИ. «БАТРАХИАЛЬНЫЙ» ИНДИВИД ЗАРЕЗАН И ВСКРЫТ В ПРОЦЕССЕ КАТАСТРОФИЧЕСКОЙ
АУТОПСИИ. ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ».

— Силы небесные! — вырвалось у Мэллори.

— Из официального полицейского досье, — пояснил Фрейзер. — Судя по всему, снимок попал в руки какого-то шутника.

Страшно. Страшно и странно.

— И что бы это значило?

Фрейзер открутил колпачок самописки.

— Сэр, что такое «батрахиальный»?

— Относящийся к земноводным, в первую очередь — к лягушкам и жабам, — неохотно ответил Мэллори. — От греческого «батрахос», «лягушка». — Он с трудом подыскивал слова. — Однажды — несколько лет назад, во время дискуссии — я

сказал, что его теории… что геологические теории Радвика…

— Я слышал эту историю сегодня утром, сэр. Складывается впечатление, что среди ваших коллег она достаточно широко известна. — Фрейзер перелистнул блокнот. — Вы сказали мистеру Радвику: «И вы напрасно приписываете ходу эволюции батрахиальную медлительность вашего собственного интеллекта». — Он сделал паузу. — В покойнике действительно было что-то лягушачье, не так ли, сэр?

— Это произошло в Кембридже, во время публичных дебатов, — медленно проговорил Мэллори. — Мы были очень возбуждены…

— Радвик тогда заявил, что вы «сумасшедший, как шляпник», — задумчиво заметил Фрейзер. — Говорят, вы восприняли это замечание весьма болезненно.

Мэллори побагровел:

— Он не имел права так говорить, да еще с этаким аристократическим апломбом…

— Вы были врагами?

— Да, но… — Мэллори отер пот со лба. — Не думаете же вы, что я имею какое-либо отношение…

— Не по собственному умыслу, в этом я уве-

рен, — заверил его Фрейзер. — Но ведь вы, сэр, родом из Сассекса? Из города под названием Льюис?

— Ну и что?

— Насколько я понимаю, десятки подобных снимков были отосланы из почтовой конторы Льюиса.

— Десятки? — потрясенно переспросил Мэллори.

— Да, разосланы вашим коллегам по Королевскому обществу, сэр. Анонимно.

— Господи боже, — выдохнул Мэллори. — Они хотят меня уничтожить!

Фрейзер промолчал.

Мэллори снова взглянул на снимок — и вдруг его сердце сжалось от сострадания.

— Ох, Радвик, Радвик, несчастный ты сукин сын! Это что же они с ним сделали!

Фрейзер наблюдал за ним с вежливым интересом.

— Он был одним из нас! — Мэллори захлестнул неподдельный гнев. — Хреновый теоретик, но блестящий полевой работник. А какое несчастье его семье!

Фрейзер сделал пометку в блокноте:

— Семья… Нужно будет сделать запрос. Возмож-

но, им тоже указали на вас как на убийцу.

— Когда убили Радвика, я был в Вайоминге. Это все знают!

— Богатый человек может использовать наемников.

— Я не богатый человек.

Фрейзер снова промолчал.

— Не был богатым, — поправился Мэллори, — в то время не был…

Фрейзер неспешно листал блокнот.

— Я выиграл деньги.

Фрейзер вскинул на секунду глаза и снова занялся своим блокнотом.

— Понятно, — горько усмехнулся Мэллори. — Драгоценные коллеги успели заметить, что я слишком уж много трачу. И заинтересовались, с чего бы это вдруг. И начали строить догадки.

— У зависти длинный язык, сэр.

Мэллори ощутил приступ головокружительного страха, опасность повисла в воздухе, словно осиный рой. Мгновение спустя — под тактичное молчание Фрейзера — он снова взял себя в руки. Нет, они его не запугают, не лишат рассудка. Надо что-то делать. Свидетельством чему — эта мерзость. Мэллори мрачно склонился над жуткой полицейской фотографией.

— Здесь написано: «Продолжение следует». Это угроза, мистер Фрейзер. Намек, что последуют аналогичные убийства. «Катастрофическая аутопсия» — это выражение отсылает к нашему научному спору. Можно подумать, что Радвик погиб из-за этого спора!

— Ученые воспринимают свои разногласия очень серьезно, — заметил Фрейзер.

— Если я верно вас понял, мои коллеги считают, что эти снимки разослал я, да? Что я, подобно беспринципным политикам, нанимаю убийц? Что я опасный маньяк, который похваляется убийством своих соперников?

Фрейзер молчал.

— Боже мой! — обреченно вздохнул Мэллори. — Ну и что же мне делать?

— Мое руководство предоставило мне в этой операции полную свободу действий, — официальным тоном объявил Фрейзер. — Мне придется просить вас, доктор Мэллори, довериться моему благоразумию.

— Но что мне делать с уроном, нанесенным моей репутации? Мне что, подходить к каждому человеку в этом здании и умолять его о прощении? И говорить… говорить ему, что я не какой-то там изверг?

— Правительство не допустит, чтобы видный ученый подвергался подобным издевательствам, — бесстрастно заверил его Фрейзер. — Не далее как завтра комиссар полиции сообщит Королевскому обществу, что вы стали жертвой злонамеренной клеветы и свободны от каких-либо подозрений по делу Радвика.

Мэллори потер подбородок.

— Вы думаете, это поможет?

— В случае необходимости мы сделаем публичное заявление для газет.

— А не может ли статься, что подобная огласка возбудит против меня еще большие подозрения?

— Доктор Мэллори, — вздохнул Фрейзер, — мое бюро существует для раскрытия и уничтожения заговоров. У нас есть немалый опыт. У нас большие возможности. Неужели вы думаете, что мы не справимся с какой-то жалкой кучкой преступников? Мы схватим всех причастных к этому заговору, и рядовых исполнителей, и главарей, и сделаем это скорее, если вы, сэр, будете со мной откровенны и расскажете все, что вам известно.

Мэллори откинулся на спинку кресла.

— Как правило, мистер Фрейзер, я человек откровенный. И если бы эта история не была такой темной и скандальной…

— Положитесь на мой здравый смысл.

Мэллори взглянул на стеллажи красного дерева, на подшивки журналов, на переплетенные в кожу тома и огромные атласы. В воздухе библиотеки висел едкий запашок недоверия, подозрительности. Вчера, после уличной стычки, Дворец казался ему спасительным убежищем, теперь же здесь стало тесно и душно, как в крысиной норе.

— Здесь не место ее рассказывать, — пробормотал Мэллори.

— Да, сэр, — согласился Фрейзер. — Но вы занимайтесь своими делами как обычно. Ведите себя уверенно, словно ничего не случилось, и тогда ваши враги могут решить, что их маневр не удался.

Совет казался вполне разумным. По крайней мере, это было какое-то реальное действие. Мэллори встал:

— Заниматься повседневными делами? Да, пожалуй, что и так.

Фрейзер тоже поднялся:

— С вашего разрешения, я буду сопровождать вас, сэр. Думаю, мы решительно покончим с вашими неприятностями.

— Знай вы всю эту проклятую историю, вы бы так не говорили, — проворчал Мэллори.

— Мистер Олифант полностью меня проинформировал.

— Сомневаюсь, — фыркнул Мэллори. — Он предпочел закрыть глаза на худшую ее часть.

— Я не лезу во всю эту чертову политику, — все так же мягко заметил Фрейзер. — Идемте, сэр?

* * *

Лондон накрыло пологом желтой мглы.

Он висел над городом в мрачном величии, подобный студенистому, с грозовой плотью военному кораблю. Его щупальцы — грязь, поднимающаяся из дымовых труб, — скручивались и извивались в полном безветрии, чтобы расплескаться о мерцающую облачную крышу. Невидимое солнце лило тусклый, жидкий свет.

Мэллори изучал улицу; было что-то зловещее в этом лондонском летнем утре — должно быть, из-за жутковатого янтарного света.

— Мистер Фрейзер, насколько я понимаю, вы родились и выросли в Лондоне?

— Да, сэр.

— Вам хоть когда-нибудь случалось видеть такое?

Фрейзер взглянул на небо:

— Разве что в детстве, сэр, в те времена уголь-

ные туманы были просто страшные. Но радикалы построили высокие дымовые трубы, теперь всю эту гадость уносит в провинцию. *Обычно* уносит.

Необычайное зрелище захватывало. Мэллори впервые в жизни пожалел, что лишь поверхностно знаком с положениями пневмодинамики. В этом неподвижном, как крышка кастрюли, облаке было что-то нездоровое, ему недоставало естественной турбулентности. Словно кто-то взял и начисто отключил динамику атмосферы. Зловонная подземка, обмелевшая, насыщенная сточными водами Темза, а теперь еще и это.

— Сегодня вроде бы не так жарко, как вчера. — В голосе Мэллори не было особой уверенности.

— Вчера было солнце, сэр.

На улицах царила сутолока, какая бывает лишь в Лондоне. Все кабриолеты были разобраны, паробусы забиты, улицы запружены телегами и какими-то невообразимыми колымагами, ноздри задыхающихся лошадей почернели, в неподвижном воздухе висела густая, как смрад выгребной ямы, брань кучеров. Чуть не каждый паровой экипаж волочил за собой прицепную тележку на широких, с резиновыми шинами колесах, доверху нагруженную припасами, — летний исход аристократии из Лондона превращался в пани-

ческое бегство. Тоже ведь не дураки, усмехнулся про себя Мэллори.

Дизраэли жил на Флит-стрит; перспектива тащиться через весь город пешком ужасала. Немного посовещавшись, Мэллори с Фрейзером решили плюнуть на неизбежную вонь и попытать счастья в подземке.

Однако тут же выяснилось, что Британское братство саперов и шахтеров бастует. У входа на станцию «Глостер-роуд» обвисли в полном безветрии знамена и транспаранты, пикетчики возводили из мешков с песком заграждения, все это несколько напоминало действия оккупационной армии. Откровенная наглость забастовщиков не вызывала у собравшейся толпы ни малейшего негодования, люди смотрели на происходящее с любопытством и некоторой робостью. Возможно, они искренне радовались, что эту вонючую дыру заткнули, но скорее — попросту боялись «кротов». Одетые в каски стачечники выплеснулись из лондонских подземелий, как воинственная орда мускулистых чумазых кобольдов.

— Не нравится мне это, мистер Фрейзер.

— Мне тоже, сэр.

— Давайте поговорим с этими ребятами.

Мэллори пересек улицу и подошел к кряжисто-

му багроволицему кроту, который что-то орал и настырно совал людям листовки.

— В чем тут дело, брат сапер?

Крот оглядел Мэллори с головы до ног и усмехнулся, не выпуская изо рта зубочистку слоновой кости; в его правом ухе висела большая позолоченная серьга. Или даже золотая — Шахтерское братство, владевшее множеством ценных патентов, было очень и очень богатеньким профсоюзом.

— Вот вы, мистер, вы спросили меня вежливо, как человека, и я вам тоже скажу все как есть как человеку. Это все эти долбаные пневматические поезда, это ж надо было какому-то мудаку их придумать. Мы сразу так и говорили, петицию лорду Бэббиджу послали, что не будут эти трижды долбаные туннели проветриваться, с какого бы им хрена? А к нам тогда пришел какой-то козел и начал вешать нам лапшу, что все, значит, будет как в аптеке, уж я-то знаю, я, говорит, ученый — он, значит, ученый, а мы, получается, говно. А теперь под землей — вонь, как у того козла в жопе, и вся его хрень ученая плитой накрылась, широкой и мохнатой.

— Это — серьезное дело, сэр.

— А то не серьезное.

— А вы знаете, как звали консультировавшего вас ученого?

Крот поговорил с парой своих собратьев.

— Лорд по фамилии Джефферис.

— Я же знаю Джефферис! — удивленно воскликнул Мэллори. — Он заявлял, что птеродактиль Радвика не мог летать. Он якобы доказал, что это была «малоподвижная планирующая рептилия», не способная махать крыльями! Да этот ублюдок вообще ничего не понимает! Его следует под суд отдать за мошенничество!

— А вы что, мистер, вы тоже ученый?

— Только не такой, как этот ваш Джефферис, — отрезал Мэллори.

— А хрен ли с вами таскается этот приятель, лягаш долбаный? — Крот возбужденно дернул себя за серьгу. — Вы с ним что, так вот все и запишете в свои блокнотики?

— Ни в коем случае, — с достоинством отозвался Мэллори. — Просто мы хотели знать всю правду о происходящем.

— Если вы, ваше ученое превосходительство, хотите узнать всю эту в рот конем долбаную правду, сбегайте вниз и наскребите себе с потолка ведерко тамошнего протухшего говна. Золотарей с двадцатилетним стажем, даже их наизнанку

выворачивает, такая там вонища!

Крот шагнул в сторону и загородил дорогу юной особе в кринолине с ленточками:

— Вниз нельзя, милочка, сегодня поезда не ходят…

Мэллори двинулся дальше.

— Ну, это ему так с рук не сойдет! — зловеще пробормотал он. — Когда ученый берется за промышленную консультацию, он должен быть твердо уверен в своих выкладках!

— Все дело в погоде, — примирительно сказал Фрейзер.

— Вовсе нет! Все дело в этике ученого! Я сам получил подобное предложение — один йоркширский малый задумал построить оранжерею наподобие грудной клетки бронтозавруса. Каркас, говорю я ему, получится отличный, никаких проблем, только вот швы между стеклами обязательно потекут. Он подумал, подумал да и бросил свою затею. Я сам, собственными руками отрезал себе возможность получить гонорар за консультации — зато сохранил честное имя ученого. — Мэллори откашлялся и сплюнул в канаву. — Джефферис, конечно же, олух, но все равно не верится, чтобы он мог дать Бэббиджу такой идиотский совет.

— Никогда не видел, чтобы ученый так откровенно говорил с кротом…

— Тогда вы не знаете Неда Мэллори! Я уважаю всякого честного человека, знающего свое дело.

Фрейзер задумался. Судя по выражению лица, у него остались некоторые сомнения.

— Опасные бунтовщики, эти ваши шахтеры.

— Прекрасный радикалистский профсоюз. Они и раньше поддерживали партию, и до сих пор это делают.

— И перебили немало полицейских — тогда, в смутные времена.

— Веллингтоновских полицейских, — уточнил Мэллори.

Фрейзер мрачно кивнул.

Не оставалось ничего другого, как идти к Дизраэли пешком. Ноги у Фрейзера были длинные, походка размашистая, он поспевал за Мэллори без малейшего труда и не имел особых возражений против вынужденной прогулки в компании подопечного. Они повернули назад и вскоре оказались в Гайд-парке, где Мэллори надеялся глотнуть свежести. Листья деревьев совсем увяли в липком неподвижном воздухе, а зеленоватый свет, струившийся на землю сквозь ветви, казался мрачным, почти зловещим.

Небо превратилось в чашу, полную дыма, бурлящего и с каждой минутой делающегося все гуще и гуще. Устрашающее зрелище вызвало среди лондонских скворцов настоящую панику, огромная их стая с криком кружила над парком. Мэллори восхищенно наблюдал за птицами. Стайная активность представляла собой весьма элегантный пример групповой динамики. Просто удивительно, как систематическое взаимодействие такого большого числа особей может образовывать в воздухе настолько изящные формы: трапеция, затем скошенный треугольник, постепенно превращающийся в слабо изогнутый полумесяц, затем середина полумесяца вспучивается, по нему проходит нечто вроде волны… Можно написать очень интересную статью.

Мэллори споткнулся о корень. Фрейзер поддержал его за локоть.

— Сэр?

— Да, мистер Фрейзер?

— Поглядывайте, пожалуйста, по сторонам — за нами может быть хвост.

Мэллори огляделся, без особого, правда, толку: парк был переполнен, однако среди гуляющих не замечалось ни кашлюна, ни его дружка в котелке. Никто не прятался за кустами, никто не

размахивал дубинками.

На Роттен-роу небольшой отряд конных амазонок — «очаровательных наездниц», как их называли газеты (нельзя же писать «состоятельных куртизанок»), — сгрудился вокруг лежащей на земле всадницы: гнедой мерин выбросил ее из седла (*женского*, разумеется, седла). Подойдя поближе, Мэллори и Фрейзер увидели, что несчастный мерин попросту запарился, обессилел и упал; весь в мыле, он лежал чуть поодаль и тяжело дышал. Наездница не получила ни царапины, только перемазалась в траве. Она крыла последними словами Лондон и его поганый воздух, и подружек, подбивших ее послать коня в галоп, и некоего господина, подарившего ей эту клячу.

Фрейзер из деликатности сделал вид, что не заметил этой малопристойной сцены.

— Сэр, при моей работе быстро учишься ценить пребывание на открытом воздухе. Сейчас рядом нет ни дверей, ни замочных скважин. Не могли бы вы проинформировать меня о своих неприятностях самыми простыми словами — описать события так, как вы видели?

Мэллори ответил не сразу. Он испытывал сильное искушение довериться Фрейзеру; из всех этих

облеченных властью людей, к чьей помощи он мог бы прибегнуть, один лишь этот полицейский казался способным заглянуть в корень проблем. И все же доверяться было опасно — опасно не для него одного.

— Мистер Фрейзер, эта история затрагивает репутацию благородной леди. Прежде чем я начну говорить, я должен взять с вас слово джентльмена, что вы не повредите ее интересам.

Фрейзер шел заложив руки за спину и молчал.

— Это — Ада Байрон? — спросил он после минуты размышлений.

— Абсолютно верно! — поразился Мэллори. — Это что же, Олифант вам рассказал, да?

— Нет, — покачал головой Фрейзер. — Мистер Олифант очень сдержан. Но нам, профессионалам с Боу-стрит, часто поручают притушить ту или иную семейную неприятность Байрона. Мы, можно сказать, стали специалистами в этой области.

— Но вы угадали почти сразу, мистер Фрейзер! Как это возможно?

— Печальный опыт, сэр. Мне знакомы эти ваши слова, мне знаком этот благоговейный тон — «интересы благородной леди». — Фрейзер оглядел мрачный парк, его изогнутые скамейки из тика и чугуна, заполненные мужчинами

с расстегнутыми воротничками, женщинами, раскрасневшимися, обмахивающимися веерами, ордами вялых, одуревших от зловонного зноя городских детишек. — Все эти герцогини, графини — их роскошные усадьбы сгорели в смутные времена. А радикальные аристократки могут выпендриваться сколько угодно, но никто не назовет их на прежний манер «благородными леди» — разве что королеву или нашу так называемую королеву машин.

Инспектор осторожно переступил через маленький птичий трупик: посреди посыпанной гравием дорожки лежал, раскинув крылья и выставив сморщенные коготки, мертвый скворец. Через несколько ярдов им обоим пришлось замедлить шаг, чтобы проложить себе дорогу среди нескольких дюжин подобных трупов.

— Возможно, вам лучше будет начать с самого начала, сэр. С покойного мистера Радвика и той давней истории.

— Ладно. — Мэллори отер с лица пот и брезгливо взглянул на платок, испещренный крупицами копоти. — Я — доктор палеонтологии. Из чего следует, что я — преданный сторонник партии. Я родился в семье довольно скромного достатка и только благодаря радикалам смог защитить док-

торскую. С отличием. Я полностью поддерживаю правительство.

— Продолжайте, — кивнул Фрейзер.

— Два года я провел в Южной Америке, но это не было самостоятельной работой, руководил раскопками лорд Лаудон. Когда мне предложили возглавить собственную экспедицию, причем щедро финансируемую, я согласился без малейших колебаний. Как выяснилось позднее, то же самое — и по сходным причинам — сделал и несчастный Фрэнсис Радвик.

— Вы оба получили деньги от Комиссии по свободной торговле Королевского общества.

— Не только деньги, но и приказы, мистер Фрейзер. Я провел через американский фронтир пятнадцать человек. Разумеется, мы вели раскопки и мы сделали великое открытие. Но, кроме того, мы провезли контрабандой оружие, чтобы помочь краснокожим сдерживать янки. Мы составили карты дорог от самой Канады, подробно занося на них характер ландшафта. Если когда-нибудь вспыхнет война между Британией и Америкой… — Мэллори запнулся. — Ну, в Америке и так уже идет самая настоящая война, не так ли? Мы поддерживаем южных конфедератов, хотя и не признаемся в этом публично.

— И вы даже не подозревали, что эта секретная деятельность чревата опасностями?

— Опасности? Конечно, всем нам грозили опасности. Но не дома, не в Англии… Когда убили Радвика, я был в Вайоминге; я ничего не знал о его смерти, пока не прочел заметку в канадской газете. Для меня это было настоящим потрясением. Я ожесточенно спорил с Радвиком в вопросах теории, и я знал, что он отправился на раскопки в Мексику, но понятия не имел, что нас объединяет общая тайна. Откуда мне было знать, что Радвик тайно работает на комиссию; я знал только то, что он добился больших успехов. — Мэллори вздохнул. — Пожалуй, я даже ему завидовал. Он был чуть постарше меня и учился у самого Бакленда.

— Бакленда?

— Один из величайших умов в нашей области. Его уже нет на свете. Правду говоря, я не слишком хорошо знал Радвика. Он был малоприятным человеком, холодным и высокомерным. Лучше всего ему давались заморские раскопки, на хорошем расстоянии от добропорядочного общества. — Мэллори отер платком шею. — Когда я прочел о его смерти в каком-то притоне, меня это вовсе не удивило.

— Вы не знаете, был ли Радвик знаком с Адой

Байрон?

— Нет, — удивился Мэллори, — ничего такого я не знаю. Мы с ним занимали в ученых кругах не слишком высокое положение, никак не на уровне леди Ады! Возможно, они были представлены, но если бы она ему благоволила, я бы об этом услышал.

— Вы назвали его блестящим.

— Блестящий полевой работник, а не в светском смысле.

— Похоже, мистер Олифант полагает, — сменил тему Фрейзер, — что Радвика убили техасцы…

— Я знать не знаю ни о каких техасцах, — раздраженно оборвал его Мэллори. — Да и кто там что знает о том Техасе? Какая-то богом забытая страна! Если техасцы и вправду убили несчастного Радвика, то королевскому флоту следует в порядке возмездия обстрелять их порты или что еще в этом роде. — Он покачал головой. Все это грязное дело, которое когда-то казалось столь дерзким и изобретательным, теперь представлялось чем-то подлым и бесславным, на уровне мелкого жульничества. — Дураки мы были, что связались с этой комиссией, — что Радвик, что я. Горстка богатых лордов плетет себе тайные интриги, чтобы поизводить янки. А эти янки,

их республики и без того рвут друг другу глотку из-за рабства, или местного самоуправления, или еще какой чертовой дури! Лордам игрушки, Радвик погиб, когда мог бы жить себе да жить и откапывать новые чудеса. Вспоминать стыдно!

— Некоторые скажут, что это был ваш патриотический долг. Что вы боролись за интересы Англии.

— Так или не так, — вздохнул Мэллори, — но знали бы вы, какое это облегчение, говорить обо всем этом открыто после долгого молчания.

Мэллори чувствовал, что его рассказ не произвел на Фрейзера особого впечатления. Скорее всего, для инспектора Особого отдела это была старая, навязшая на зубах история, а может — крошечный фрагмент злодеяний куда более мрачных и серьезных. Как бы там ни было, Фрейзер не стал вдаваться в политику, сосредоточив все свое внимание на подробностях сугубо криминального свойства.

— Расскажите мне о первом нападении на вас.

— Это произошло на дерби. Я увидел, как некая дама с вуалью в наемном экипаже подвергается самому грубому и неподобающему обращению со стороны своих спутников, мужчины и женщины, каковых я счел за преступников; позднее выяс-

нилось, что имя этой женщины Флоренс Рассел Бартлетт — как вам, скорее всего, уже известно.

— Да. Мы весьма активно разыскиваем эту миссис Бартлетт.

— Мне не удалось идентифицировать ее напарника. Но я вроде бы краем уха слышал его имя: Свинг. Или капитан Свинг.

Брови Фрейзера чуть приподнялись.

— Вы сказали об этом мистеру Олифанту?

— Нет. — Мэллори чувствовал, что идет по тонкому льду.

Фрейзер задумался.

— Может, оно и к лучшему, — сказал он в конце концов. — У мистера Олифанта иногда разыгрывается фантазия, а «капитан Свинг» весьма популярен в среде заговорщиков. Мифическая личность вроде Неда Лудда — «генерала Лудда». Когда-то банды Свинга были, так сказать, сельскими луддитами. Мелкие вредители — сено поджигали и все такое прочее. Но в смутные времена они совсем распоясались, перебили уйму дворян, пожгли дотла их усадьбы.

— Понятно, — кивнул Мэллори. — Так вы что, думаете, этот малый луддит?

— Луддитов больше нет. — В голосе Фрейзера звучала легкая насмешка. — Они вымерли, как

ваши динозавры. Я скорее подозреваю, что это какой-то зловредный любитель старины. У нас есть его описание, есть собственные методы, — когда мы его возьмем, непременно поинтересуемся, с чего бы это такой странный псевдоним.

— И этот парень был ничуть не похож на батрака — этакий тебе ипподромный щеголь, подделывающийся под француза. Когда я вступился за леди, он выхватил стилет! Зацепил меня по ноге. Слава еще богу, что клинок не был отравленным.

— Возможно, и был, — заметил Фрейзер. — Яды — распространенные яды — вовсе не так сильны, как принято думать…

— Так вот, я сбил мерзавца с ног, после чего он и его сообщница сбежали, оставив свою жертву в кебе. Сукин сын дважды поклялся, что убьет меня. «Уничтожит» — так вот красиво он выражался… Затем я понял, что загадочная дама не кто иная, как леди Ада Байрон. Она говорила весьма странным образом — словно была чем-то опоена или потеряла разум от страха… Она просила меня проводить ее к королевской ложе, но, когда мы туда подошли, сбежала без единого слова благодарности.

Мэллори немного помолчал.

— Вот, в общем-то, и все. Вскоре после этого я выиграл значительную сумму денег, поставив на гоночный пароход, построенный одним из моих друзей. Он дал мне очень полезную информацию, и в один миг она превратила меня из скромного ученого в состоятельного человека. — Он подергал себя за бороду. — При всей разительности этого превращения, в то время оно казалось меньшим из чудес.

— Понимаю. — И Фрейзер надолго замолчал.

Они вышли на уголок Ораторов, где потные, раскрасневшиеся мужчины поливали скептически настроенную толпу потоками пламенного красноречия; трибунами им служили ящики из-под мыла.

Все так же молча они пересекли шумный, суматошный Найтсбридж. Мэллори ждал, что Фрейзер заговорит, но тот молчал. У высоких кованых ворот Грин-парка полицейский повернулся и несколько секунд изучал улицу, по которой они только что прошли.

— Мы можем срезать через Уайтхолл, — сказал он наконец. — Я знаю, как там пройти.

Мэллори согласно кивнул.

У Букингемского дворца менялся караул. Королевская семья, по обычаю, проводила лето в Шот-

ландии, но гвардейская бригада отправляла свой ежедневный ритуал и в отсутствие королевы. На горделиво вышагивающих лейб-гвардейцах было крымское полевое обмундирование — бесформенные тускло-коричневые куртки и брюки, беспорядочно заляпанные темными и светлыми пятнами. Новейшая, разработанная британскими учеными ткань делала солдат почти невидимками и, судя по восторженным отзывам военных корреспондентов, приводила русских в полное замешательство. Вслед за гвардейцами упряжка артиллерийских лошадей тащила большую армейскую каллиопу; веселые трели альтов и воодушевляющее гудение басов звучали в гнилом, неподвижном воздухе странно и жутковато.

Мэллори ждал, когда же Фрейзер что-нибудь решит. Наконец он не выдержал:

— Вы верите, что я встретился с Адой Байрон, мистер Фрейзер?

Фрейзер прочистил горло и несколько смущенно сплюнул.

— Да, сэр, верю. Мне не слишком нравится вся эта история, но я не нахожу в ней ничего необычного.

— Ничего необычного?

— Да, сэр. Мне понятно, как такое могло слу-

читься. Это игорные дела. У леди Ады есть «Модус».

— «Модус»? Что это такое?

— Это легенда игроков, доктор Мэллори. «Модус» — игорная система, секретная машинная программа, способная взять верх над всеми исхищрениями букмекеров. Каждый жуликоватый клакер мечтает о «Модусе», сэр. Это — их философский камень, способ сотворить золото из ничего.

— Это что, правда? Такой сложный анализ, неужели он возможен?

— Не знаю, сэр, но, если возможен, леди Ада Байрон вполне могла его осуществить.

— Друг Бэббиджа, — задумчиво проговорил Мэллори. — Да, я могу в это поверить. Вполне могу.

— Так вот, — продолжал Фрейзер, — возможно, ей только так кажется. Я не математик, но я знаю, что до сих пор ни одна игорная система не работала. Как бы там ни было, наша леди снова вляпалась. — Фрейзер сокрушенно вздохнул. — Она гоняется за этим клакерским фантомом уже много лет, а попутно якшается с шулерами, низкопробными клакерами, ростовщиками, а то и с кем похуже. Ее игорные долги достигли скандальных размеров!

Мэллори задумчиво сунул большие пальцы за ремень.

— Ну что ж! Если Ада действительно нашла «Модус», у нее больше не будет долгов!

— Простите, сэр, но я никак не ожидал от вас подобной наивности. — Фрейзер смотрел на ученого с искренним состраданием, как на сельского дурачка. — Появление настоящего «Модуса» подорвет саму концепцию скачек! Все эти наши околоспортивные господа лишатся средств к существованию… Видели когда-нибудь, как ипподромная толпа бьет проштрафившегося букмекера? Будь эта ваша Ада хоть самый великий синий чулок, здравого смысла у нее не больше, чем у курицы!

— Она — великий ученый, мистер Фрейзер! Истинный гений. Я читал работы леди Байрон, применяемая в них математика…

— Леди Ада Байрон, королева машин. — В голосе Фрейзера было больше усталости, чем презрения. — Сильная женщина! Совсем как ее мать, да? Носит зеленые очки и пишет ученые книги… Она хочет опрокинуть вселенную и сыграть полушариями в кости. Женщины не умеют вовремя остановиться…

— Вы женаты, мистер Фрейзер? — улыбнулся

Мэллори.

— Бог миловал, — пробурчал инспектор.

— Я тоже, пока. А леди Ада никогда не была замужем. Она обручилась с наукой.

— Каждая женщина нуждается в муже, чтобы тот держал ее в узде. — В голосе Фрейзера звучала страстная убежденность. — Так, и только так, промыслил Господь.

Мэллори нахмурился.

Заметив это, Фрейзер несколько изменил формулировку:

— Это эволюционная адаптация рода человеческого.

Мэллори медленно кивнул.

* * *

Инспектор Фрейзер явно не горел желанием встретиться с Бенджамином Дизраэли; он не слишком убедительно объяснил, что необходимо наблюдать за улицами на предмет шпионов, однако было вполне очевидно, что полицейский наслышан о хозяине дома и не доверяет его сдержанности. И с должным на то основанием.

Мэллори встречал в Лондоне немало деловых

людей, но Диззи[469] Дизраэли был всем лондонцам лондонец. Мэллори не питал к Дизраэли особого уважения, однако находил его занятным собеседником. Дизраэли знал — или делал вид, что знает, — все закулисные интриги в палате общин, все свары среди издателей и ученых, все званые вечера и литературные четверги у леди Такой-То и леди Как-Бишь-Ее-Там. Его умение казаться всеведущим граничило с чудом.

Мэллори случайно узнал, что Дизраэли, вполне добропорядочного агностика, забаллотировали на выборах в три или четыре клуба, возможно — из-за его еврейского происхождения. Впрочем, образ жизни и манеры этого человека оставляли стойкое впечатление, что всякий лондонец, с ним не знакомый, либо имбецил, либо безнадежно отстал от жизни. От Диззи исходили какие-то эманации, какая-то мистическая аура, и даже Мэллори при всем его скептицизме не мог этого не ощущать.

Одетая в домашний чепец и передник служанка сообщила гостю, что хозяин уже встали и завтракают. «Господи, — вздохнул Мэллори, глядя на Дизраэли, с энтузиазмом поглощающего

---

[469] Примечания: 469
Dizzy — букв. головокружительный (англ.).

тушенную в джине макрель, — эта рыба воняет почище лондонской подземки». Утренний туалет литератора состоял из шлепанцев, турецкого халата и бархатной фески с кисточкой.

— Доброе утро, Мэллори. Точнее говоря — кошмарное утро. Жуткое.

— Жутковатое.

Дизраэли отправил в рот остатки макрели, допил чашку черного, как деготь, кофе и принялся набивать первую за день трубку.

— По правде говоря, вас-то мне и не хватало. Вы ведь немного клакер, понимаете в технике?

— А в чем дело?

— Новомодная хреновина. Купил ее в ту среду. Продавец клялся и божился, что она облегчит мне жизнь.

Кабинет Дизраэли был сплошь завален ершиками для чистки трубок, скандальными журналами и недоеденными сэндвичами. На полу громоздились вороха тонкой деревянной стружки и пробковых амортизационных вкладышей.

«Хреновина» оказалась печатной машиной «Кольт и Максвелл»; журналисту удалось вытащить ее из упаковочного ящика и установить на изогнутые чугунные ножки. Перед машиной на освобожденном от хлама пятачке невообразимо

грязного дубового пола стояло патентованное канцелярское кресло.

— С виду все в порядке, — пожал плечами Мэллори. — А что там не работает?

— Ну, я могу качать педаль и с ручками тоже справляюсь, — объяснил Дизраэли. — Во всяком случае, стрелка по буквам ходит. Но все равно эта штука ничего не печатает.

Мэллори сдвинул боковую заслонку кожуха, ловко продел перфорированную ленту через приводные шкивы, потом проверил подачу бумаги, судя по всему, Дизраэли не сумел правильно зацепить шестеренки привода. Мэллори устроился в канцелярском кресле, качнул пару раз педаль, чтобы разогнать маховик, и взялся за рукоятки.

— Что мне напечатать? Продиктуйте что-нибудь.

— Знание — сила, — с готовностью отозвался Дизраэли.

Стрелка быстро запрыгала по нанесенным на стеклянный диск буквам; перфолента поползла наружу, аккуратно наматываясь на пружинную шпульку; печатное колесико уверенно защелкало. Дав замереть маховику, Мэллори вытянул из прорези лист бумаги с единственной строчкой букв: «ЗНАНИЕ — СИЛА».

— Тут нужна определенная сноровка, — сказал он, передавая страницу журналисту. — Но вы быстро наловчитесь.

— Да я от руки пишу быстрее! — возмутился Дизраэли. — И куда лучшим почерком!

— Разумеется, — терпеливо ответил Мэллори, — но в результате у вас получается только один экземпляр. А здесь — немного работы ножницами и клеем, и вы сможете запустить перфоленту по кругу. Машина будет выплевывать страницу за страницей, пока вам не надоест крутить педаль. Сколько надо копий, столько и получите.

— Замечательно. — В голосе Дизраэли не чувствовалось особого воодушевления.

— И потом, вы сможете править написанное. Это просто, нужно лишь немного порезать и поклеить.

— Профессионалы *никогда* не переписывают, — скривился Дизраэли. — А что, если мне захочется написать что-нибудь элегантное и пространное — так сказать, на одном дыхании? Что-нибудь вроде… — Дизраэли взмахнул дымящей трубкой. — «Бывают борения разума, подобные титаническим судорогам самое Природы, когда все вокруг кажется анархией и первозданным

хаосом, однако часто именно в эти моменты величайшего смятения возникает, словно в родовых схватках Вселенной, некий новый принцип упорядоченной организации, некий новый побудительный мотив, и этот новый принцип, этот мотив смиряет и приводит к гармоническому соответствию страсти и стихии, грозившие отчаянием и ниспровержением всех основ».

— Недурно, — похвалил Мэллори.

— Нравится? Из вашей новой главы. Но как я могу сосредоточиться на красноречии, если все время приходится что-то там крутить и нажимать, прямо как какой-нибудь там прачке?

— Ну, если вы ошибетесь, всегда можно перепечатать страницу.

— А говорили, что это устройство сэкономит бумагу.

— Вы можете нанять квалифицированного секретаря и диктовать.

— Но они-то говорили, что эта штука сэкономит мне еще и деньги! — Дизраэли сунул в рот янтарный мундштук своей пенковой трубки и яростно затянулся. — Да чего там попусту языком чесать, все равно не отвертишься. Издатели силой навяжут нам это нововведение. «Ивнинг телеграф» уже теперь делает весь набор на машинах. Проф-

союзы наборщиков на дыбы, в правительстве целый скандал… Ладно, хватит болтать о наших литературных проблемах. За работу, а? Боюсь, нам придется поспешить. Мне бы хотелось набросать сегодня по меньшей мере две главы.

— Что так?

— Я уезжаю на континент с компанией друзей, — объявил Дизраэли. — Наверное, в Швейцарию. Какой-нибудь небольшой кантон высоко в Альпах, где несколько веселых писак смогут глотнуть свежего воздуха.

— Здесь совсем паршиво, — согласился Мэллори. — Очень зловещая погода.

— В салонах только об этом и говорят. — Дизраэли сел за стол и принялся охотиться по ящикам за своими набросками. — Летний Лондон всегда смердит, но в этом году у нас Великий Смрад. Весь бомонд разъехался, а кто не уехал — уедет со дня на день. Сомневаюсь, чтобы в Лондоне остался хоть один светский человек. Говорят, даже парламент сбежит выше по реке, в Хэмптон-Корт, а Дом правосудия — в Оксфорд!

— Неужели правда?

— Да, совершенно точно. Будут приняты крайние меры. Все, конечно же, планируется втихую, чтобы предотвратить панику. — Дизраэли повер-

нулся вместе с креслом и подмигнул. — Но меры грядут, это уж будьте уверены.

— Какие меры, Диззи?

— Рационирование воды, закрытие дымовых труб, отключение газовых фонарей и все в таком роде, — весело сообщил Дизраэли. — Что бы там ни говорили о новой аристократии, институт меритолордов дал нам хотя бы уверенность, что руководство страны не состоит из *идиотов*.

Он разложил по столу заметки.

— У правительства готовы в высшей степени научные планы на случай любой чрезвычайной ситуации. Вторжения, пожары, засухи, эпидемии… — Он лизнул большой палец и зашуршал заметками. — Некоторые люди просто обожают мыслить о немыслимом.

Все это не укладывалось в голове.

— А что конкретно содержится в этих чрезвычайных планах? — с недоверием спросил Мэллори.

— Много всякого. Планы эвакуации, наверное.

— Не хотите же вы сказать, что правительство думает эвакуировать Лондон?

— Понюхай вы Темзу возле здания парламента, — косо усмехнулся Дизраэли, — вы бы не удивлялись, что наши солоны решили сделать

ноги.

— Настолько плохо, да?

— Темза превратилась в зловонную, ядовитую, кишащую всеми болезнями сточную канаву, — провозгласил Дизраэли. — Ее воды до предела насыщены сбросами пивоварен и литейных мастерских, газовых и химических заводов! Устои Вестминстерского моста облеплены жуткими лохмами гнили, каждый проходящий по Темзе пироскаф взбивает из этой отвратительной жижи такое зловоние, что команда едва не падает в обморок!

— Передовицу писали? — улыбнулся Мэллори.

— Для «Морнинг клэрион», — пожал плечами Дизраэли. — В этом жанре непременно приходится чуть-чуть сгущать краски. Но погодка сейчас абсолютно дикая, тут уж не поспоришь. Несколько дней хорошего дождя, чтобы промыть Темзу и взломать этот гнетущий облачный купол, и все будет в порядке. Ну а еще пара недель такой кошмарной погоды, и тем, кто постарше или слаб легкими, сильно не поздоровится.

— Вы правда так думаете?

— Говорят, в Лаймхаусе снова свирепствует холера, — зловеще прошептал Дизраэли.

По спине Мэллори пробежал холодок.

— *Кто* говорит?

— Госпожа Сплетня. Но кто сейчас ей не поверит? В такое мерзкое лето весьма вероятно, что испарения и миазмы разнесут смертельную заразу. — Дизраэли выколотил трубку и начал снова набивать ее черным турецким табаком. — Я очень люблю этот город, Мэллори, но бывают времена, когда благоразумие должно брать верх над привязанностью. Я знаю, у вас семья в Сассексе. На вашем месте я бы уехал туда, не теряя ни минуты.

— Но мне предстоит выступить с докладом через два дня. О бронтозаврусе. С кинотропным сопровождением!

— Отмените выступление, — посоветовал Дизраэли, возясь с многоразовой спичкой. — Или отложите.

— Не могу. Оно должно стать событием, я надеюсь на большой общественный резонанс!

— Мэллори, никто туда не придет. Во всяком случае, никто из тех, кто действительно что-то значит. Ваш доклад будет напрасным сотрясением воздуха.

— Придут рабочие, — упрямо сказал Мэллори. — Простые люди, которым не по карману летние каникулы на природе.

— О! — кивнул Дизраэли, выдувая колечко дыма. — Это будет роскошно. Ребята, читающие по складам грошовые ужастики. Не забудьте порекомендовать им мои сочинения.

Мэллори упрямо сжал челюсти.

— Давайте-ка лучше работать, — вздохнул Дизраэли. — Нам надо многое успеть. — Он взял со стеллажа последний номер «Семейного музея». — Что вы думаете о куске, напечатанном на той неделе?

— Прекрасно. Лучший из всех, что были.

— Только слишком уж много этих дурацких теорий, — пожаловался Дизраэли. — Нужно обращаться к чувствам.

— А что плохого в теории, если это — хорошая теория?

— Ну кому же, кроме специалистов, интересно читать о шарнирном давлении в челюстных костях рептилии? По правде говоря, единственное, что публике хочется знать о динозаврах, — почему эти чертовы твари взяли вдруг и передохли?

— Так мы же договорились приберечь это под конец.

— О да. Великолепная будет кульминация — вся эта история с огромной кометой, врезающейся в Землю, гигантской пылевой бурей, уничтожа-

ющей миллионы рептилий, и тому подобное. Очень драматично, очень катастрофично, за это-то публика и любит катастрофизм. Катастрофа *занимательнее*, чем вся эта униформистская болтовня о том, что Земле сотни миллионов лет. Надоедливо и скучно — сплошное занудство от начала и до конца!

— Да при чем тут обращение к вульгарным эмоциям! — возмутился Мэллори. — У меня есть веские доказательства! Взгляните на Луну — вся ее поверхность изрыта кометными кратерами!

— Да, да, — рассеянно отозвался Дизраэли, — точная наука, честь ей и хвала.

— Никто не в силах объяснить, почему Солнце способно светить хоть десяток миллионов лет. Никакое горение не может длиться так долго — это нарушает элементарные законы физики!

— Давайте оставим это на время. Я целиком и полностью согласен с вашим другом Гексли, что мы должны просвещать невежественную публику, однако нужно время от времени бросать ей косточку. Наши читатели желают побольше узнать о левиафанном Мэллори как о человеке.

Мэллори саркастически хмыкнул.

— Вот почему нам нужно вернуться к той истории с индейской девушкой.

— Да какая там «девушка»? — взмолился Мэллори. — Это была пожилая туземка…

— Мы уже сообщили читателям, что вы никогда не были женаты, — невозмутимо продолжал Дизраэли. — И вы не хотите признаться, что у вас есть возлюбленная в Англии. Пришло время вывести на сцену эту индейскую деву. Нет никакой необходимости описывать события прямолинейно, со всеми непристойными подробностями. Просто несколько добрых слов о девушке, пара вскользь оброненных намеков — женщины от этого без ума. А они читают гораздо больше мужчин. — Дизраэли отвинтил колпачок самописки. — Вы еще не сказали мне ее имя.

— У шайенов нет имен в нашем понимании. Особенно у женщин.

— Но хоть как-то же ее называли?

— Ну, иногда ее звали Вдовой с Красным Одеялом, а иногда ее звали Матерью Пятнистой Змеи или Матерью Хромой Лошади. Но вообще-то, я не стал бы ручаться ни за одно из этих имен. Переводчиком у нас был вечно пьяный француз-полукровка, не знавший толком ни английского, ни шайенского.

Дизраэли был явно разочарован.

— Так вы что, никогда с ней не говорили?

— Ну, это как сказать. Я вроде неплохо добивался своего при помощи жестов. Ее имя было — Уак-си-ни-ха-уа или Уак-ни-си-уа-ха — что-то вроде того.

— А что, если я назову ее Девой Прерий?

— Диззи, это была вдова. С двумя взрослыми детьми. У нее не хватало нескольких зубов, и она была жилистая, как волчица.

— Вы совсем не хотите мне помочь, — вздохнул Дизраэли.

— Ладно. — Мэллори подергал себя за бороду. — Она была хорошей швеей, можете упомянуть об этом. Мы завоевали ее… гм… расположение, дав ей иглы. Стальные иглы вместо заостренных кусков бизоньей кости. И конечно же, стеклянные бусы. Они все без ума от стеклянных бус.

— Поначалу робкая Фиалка Прерий избегала белых людей, однако мало-помалу любовь к женскому рукоделию взяла в ней верх над застенчивостью, — пробормотал Дизраэли и начал быстро строчить.

Дизраэли сочинял невероятную романтическую историю, интриговал будущих читательниц скромными, благопристойными намеками; Мэллори слушал его и неуютно ежился.

Насколько же это далеко от правды. Правду

бумага не выдержит. Мэллори успел вроде бы выкинуть всю эту убогую историю из головы. Но, как оказалось, не совсем. Пока Дизраэли усердно корябал свою сентиментальную ахинею, правда накатила на Мэллори со всей жестокой отчетливостью.

Высокие конусообразные шатры замело снегом, и все шайены упились в стельку. Визжащий, улюлюкающий, подвывающий пандемониум — несчастным и в голову не шло, что спиртное для них яд, верная гибель. Они носились как угорелые, палили из винтовок в пустые американские небеса и падали с закатившимися глазами на промерзшую землю, в объятия видений. Стоило им начать, свистопляска могла продолжаться часами.

Мэллори не хотелось идти к вдове. Он боролся с искушением много дней, но в какой-то момент осознал, что с этим делом надо кончать. Тогда он вылакал из бутылки дюйма два дешевого бирмингемского самогона, который они привезли вместе с винтовками, и пошел в палатку, где вдова сидела на одеялах и шкурах перед костерком из бизоньего навоза. Двое ее детей поднялись и вышли наружу, в снег и ветер.

Мэллори показал ей новую иголку и начал

объясняться, делая руками непристойные жесты. Вдова кивнула с преувеличенным старанием человека, для которого кивок — элемент чуждого языка, затем скользнула в свое гнездо из шкур, легла на спину, раздвинула ноги и вытянула вверх руки. Мэллори взобрался на нее, накрылся одеялом, вытащил из штанов набрякший, ноющий член и ввел его по принадлежности. Он думал, что дело кончится быстро и, возможно, без особого стыда, но все это было слишком непривычно. Совокупление тянулось так долго, что женщина начала поглядывать на него с каким-то робким раздражением, а потом осторожно подергала его за бороду. Наконец тепло, блаженное трение, резкий звериный запах что-то в нем растопили, и он кончил долго и сильно, кончил в нее, хотя и не намеревался этого делать. Три других раза, когда он навещал вдову, он вовремя выходил, боясь наградить это несчастное существо ребенком. Ему было жаль, что в первый раз так получилось. Но если она была к их отъезду беременна, скорее всего, ребенок был не его, а кого-то другого из экспедиции.

В конце концов Дизраэли покончил с Фиалкой Прерий, и все пошло вроде бы легче, однако теперь Мэллори пребывал в полном смятении.

Цветистая проза литератора была тут, собственно, и ни при чем, дьявола разбудила яростная сила его собственных воспоминаний. Призрак вернулся за отмщением. Мэллори был переполнен похотью и терял над собой контроль. После Канады он ни разу не имел дела с женщиной, да к тому же та француженка в Торонто была не слишком уж чистой. Ему отчаянно хотелось женщину. Англичанку, какую-нибудь пейзанку с упругими белыми ногами и веснушками на пухлых плечах…

Мэллори вышел на Флит-стрит. На открытом воздухе его глаза сразу же начали слезиться. Прохожих было много, однако Фрейзера среди них не замечалось. На город опустилась мгла, невероятная даже по меркам этого невероятного лета. К полудню купол собора Святого Павла окутался саваном грязного тумана. Шпили и рекламные щиты Ладгейт-Хилла скрылись в грязно-серой вате маслянистого дыма. Флит-стрит превратилась в бурлящий, грохочущий хаос, надсадное пыхтение пароходов мешалось с криками, лошадиным ржанием и пистолетными щелчками кнутов. Женщины шли по тротуарам ссутулившись, прикрываясь грязными от сажи зонтиками, все прохожие прижимали к носу и глазам скомкан-

ные платки. Мужчины и мальчишки тащили саквояжи и баулы с резиновыми ручками, их веселенькие соломенные канотье уже покрылись пятнами сажи. По зависшей над улицей эстакаде железной дороги «Лондон, Четем и Дувр» пропыхтел переполненный прогулочный поезд, дым из его трубы завис в тяжелом, недвижном воздухе, как грязно-черный транспарант.

Мэллори взглянул на небо. Волокнистая медуза городских дымов исчезла, поглощенная все разрастающейся глыбой беспросветной мглы. То тут, то там на мостовую плавно ложились серые хлопья, отдаленно похожие на снег. Одна из этих чешуек кристаллизованной грязи села Мэллори на рукав; при первом же прикосновении она рассыпалась тончайшим пеплом.

— Доктор Мэллори!

Фрейзер стоял на противоположной стороне Флит-стрит под фонарем и призывно махал рукой; в спокойном обычно полицейском чувствовалось какое-то необычное возбуждение. Не исключено, осознал Мэллори, что он давно так уже кричит и машет.

Кебы, паровые экипажи, все возможные и невозможные виды телег и повозок двигались сплошным потоком, как стадо взбесившихся,

непрерывно блеющих овец. Мэллори перебежал улицу, ежесекундно выскакивая из-под колес, и остановился, задыхаясь.

Рядом с Фрейзером стояли двое незнакомцев, их лица были плотно обернуты платками. Тот, что повыше, успел уже надышать на белой ткани неприятное желто-коричневое пятно.

— А ну-ка, уберите эти тряпки, — скомандовал Фрейзер.

Незнакомцы угрюмо стянули платки под подбородки.

— Да это же кашлюн! — пораженно воскликнул Мэллори.

— Позвольте мне, — недобро усмехнулся Фрейзер, — представить вам двух моих давних знакомых. Это мистер Дж. С. Тейт, а это — его партнер, мистер Джордж Веласко. Они считают себя конфиденциальными агентами или чем-то в этом роде. — Рот Фрейзера растянулся в нечто, почти напоминающее улыбку. — Насколько я знаю, вы, джентльмены, уже встречались с доктором Эдвардом Мэллори.

— Знаем мы его, как же, — буркнул Тейт. Левую его скулу украшал багровый вздувшийся кровоподтек. — Псих он долбаный и больше никто! Бедлам по нему плачет.

— Мистер Тейт был сотрудником лондонской полиции, — объяснил Фрейзер, окинув Тейта тяжелым взглядом. — Пока не потерял свою должность.

— Я ушел в отставку! — вскинулся Тейт. — Я ушел из принципа, поскольку в лондонской полиции нельзя добиться справедливости — да ты, Эбенезер Фрейзер, и сам это не хуже меня знаешь.

— Что касается мистера Веласко, он один из так называемых рыцарей плаща и кинжала, — невозмутимо продолжал Фрейзер. — Отец его прибыл в Лондон как испанский беженец-роялист, а наш юный мастер Джордж с охотой берется за любую работу — фальшивые паспорта, подглядывание в замочную скважину, избиение видных ученых…

— Я британский гражданин. Я здесь родился и вырос. — Не по-лондонски смуглый полукровка одарил Мэллори ненавидящим взглядом.

— Не задирай нос, Фрейзер, — сказал Тейт. — Когда-то ты точно так же топал по участку, как и я, а если теперь ты большая шишка, то только потому, что готов помалкивать обо всяких грязных скандалах. Ну и что ты намерен делать? Наденешь на нас браслеты, посадишь в каталажку? Валяй, у меня тоже есть друзья.

— Не бойся, Тейт, я не позволю доктору Мэллори вас побить. А в благодарность вы нам расскажете, с чего это вы за ним следите.

— Профессиональная тайна, — запротестовал Тейт. — Нельзя стучать на клиента.

— Не будь дураком, — ласково посоветовал Фрейзер.

— Вот этот ваш джентльмен, он долбаный убийца! Выпотрошил своего противника, как селедку.

— Никого я не убивал, — отрезал Мэллори. — Я ученый Королевского общества, а не какой-нибудь уголовник!

Тейт и Веласко скептически переглянулись; губы Веласко задрожали, затем он не выдержал и захихикал.

— Что тут смешного? — спросил Мэллори.

— Их нанял один из ваших коллег, — объяснил Фрейзер. — Это внутренняя интрига Королевского общества, не так ли, мистер Тейт?

— Я же сказал, что ничего не скажу, — пробурчал Тейт.

— Это Комиссия по свободной торговле? — резко спросил Мэллори. Ноль реакции. — Это был Чарльз Лайелл?

Тейт закатил покрасневшие от дыма глаза и ткнул Веласко локтем в бок.

— Ну конечно же, Фрейзер, ну кто бы сомневался, что этот доктор Мэллори чист, как первый снег. — Он отер грязное лицо еще более грязным платком. — Хорошенькое получается дело, а тут еще Лондон воняет, как месяц не чищенная помойка, и вся наша страна попала в лапы бездушных ученых придурков, которым деньги девать некуда!

Мэллори с трудом подавил желание напомнить наглому ублюдку вкус своего кулака; вместо этого он неторопливо, аристократическим жестом огладил бороду и холодно заметил:

— Не знаю, кто вам платит, но вряд ли он так уж обрадуется, что мы с мистером Фрейзером вас разоблачили.

Тейт смотрел на Мэллори и молча переваривал услышанное. За напускным безразличием Веласко явно угадывалось желание смыться при первой же возможности.

— Наше знакомство началось с безобразной драки, — продолжал Мэллори, — но я человек разумный, а потому способен подняться над более чем естественным негодованием и взглянуть на ситуацию объективно! Теперь, когда мы вас знаем, ваши услуги утратили всякую ценность для клиента, не так ли?

— Ну а если даже и так? — вскинулся Тейт.

— Ваши услуги могли бы пригодиться некоему Неду Мэллори. Сколько вам платит этот ваш не в меру любопытный хозяин?

— Осторожнее, Мэллори, — предостерег Фрейзер.

— Если вы наблюдали за мной достаточно, то должны были убедиться, что я отнюдь не скопидом, — многообещающе заметил Мэллори.

— Пять шиллингов в день, — пробормотал Тейт.

— Каждому, — вставил Веласко. — Плюс расходы.

— Да врут они всё, — возмутился Фрейзер.

— В конце недели в моей комнате во Дворце палеонтологии вас будут ждать пять золотых гиней, — пообещал Мэллори. — В обмен на эту сумму я хочу, чтобы вы обошлись с вашим бывшим клиентом в точности так же, как обходились со мной, — элементарная справедливость! Следуйте за ним тайно, куда бы он ни пошел, и докладывайте мне обо всем, что увидите. Вас ведь за тем нанимали, разве не так?

— Более или менее, — признал Тейт. — Давайте сделаем так. Вы, сквайр, даете эти пять желтых прямо сейчас. Мы обсудим ваше предложение,

подумаем, а потом или согласимся — или вернем вам деньги.

— Хорошо, — кивнул Мэллори, — я дам вам часть этих денег. Но тогда и вам придется предоставить мне какую-нибудь информацию.

Тейт и Веласко быстро переглянулись.

— Дайте нам минутку переговорить.

Частные детективы протолкались сквозь сплошной поток пешеходов к обнесенному решеткой обелиску и начали оживленно жестикулировать.

— Эта парочка и в год пяти гиней не стоит, — проворчал Фрейзер.

— Я прекрасно понимаю, что они отъявленные негодяи, — согласился Мэллори, — но меня это ничуть не волнует. Мне нужно то, что они знают.

Некоторое время спустя Тейт вернулся, лицо его снова закрывал платок.

— Нас нанимал Питер Фоук. — Голос отставного полицейского звучал приглушенно. — Я бы в жизнь не сказал — клещами бы из меня ничего не вырвать; но пидор этот хрен знает что из себя строит, прямо как лорд какой или хрен знает что. Не верит он, видите ли, в нашу порядочность. Не доверил нам действовать в его интересах. Словно

мы своего дела не знаем.

— Да черт с ним, — махнул рукой Веласко. Зажатые между платком и полями котелка локоны выпирали по сторонам, как набриолиненные крылья. — Веласко с Тейтом не станут ссориться с легавыми из-за какого-то там Питера, в рот его и в ухо, Фоука.

Мэллори вынул из бумажника новенькую хрустящую фунтовую купюру, и она тут же исчезла в ловких, как у опытного шулера, пальцах Тейта.

— Еще одну такую же для моего друга, чтобы скрепить сделку.

— А что вы мне сообщили такого особенного? Я с самого начала подозревал Фоука.

— Вы, сквайр, еще кое-чего не знаете, — затараторил Тейт. — Мы не одни вас выслеживали. Вы вот топаете, как слон, бормочете что-то себе под нос, а не видите, что за вами все время таскаются модный такой парень и его баба. Три дня подряд таскались.

— Но сегодня-то их нет, — констатировал Фрейзер. — Так ведь?

— Думаю, — хохотнул Тейт, — они увидели тебя и свалили. От такой кислой морды кто хочешь свалит. Нервные они очень, эта парочка, дерганые.

— Они знают, что вы их заметили? — спросил Фрейзер.

— Они же не придурки какие, Фрейзер. Крутая парочка — что он, что она. Парень из ипподромной публики, это я зуб даю, и девка тоже совсем не из простых. К Веласко подкатывалась, все хотела узнать, кто нас нанял. — Тейт помедлил. — Мы не сказали.

— А что они о себе говорили? — резко спросил Фрейзер.

— Она назвалась сестрой Фрэнсиса Радвика, — ответил Веласко. — Расследует убийство брата. Прямо так и сказала, сама, я ее даже ни о чем не спрашивал.

— Ну, мы-то в эту парашу не поверили, — продолжал Тейт. — Она совсем не похожа на Радвика. Но вообще-то, баба на все сто — личико, рыжие волосы. Никакая она не сестра, уж скорее сожительница.

— Она убийца! — вырвалось у Мэллори.

— Будете смеяться, сквайр, но как раз то же самое она сказала про вас.

— Вы знаете, где их найти? — спросил Фрейзер.

Тейт покачал головой.

— Мы могли бы поискать, — предложил Веласко.

— Почему бы вам не заняться этим одновременно со слежкой за Фоуком, — предложил Мэллори. — У меня есть подозрение, что они могут быть заодно.

— Фоук уехал в Брайтон, — сказал Тейт. — Не вынес смрада — тонкая, мать его, натура. И если придется ехать в Брайтон, нам с Веласко не помешали бы деньги на проезд.

— Представите мне счет, — проговорил Мэллори, вручая Веласко вторую фунтовую банкноту.

— Доктор Мэллори желает получить подробно расписанный счет, — подчеркнул Фрейзер. — С квитанциями.

— Будьте спокойны, сквайр. — Тейт тронул шляпу в полицейском салюте. — Рад служить интересам нации.

— И держитесь в рамках приличий, Тейт.

Тейт пропустил эту рекомендацию мимо ушей и нагловато улыбнулся своему новому работодателю:

— Увидимся, сквайр.

— Плакали ваши денежки, — сказал Фрейзер, глядя, как героические сыщики растворяются в толпе. — Эту парочку вы никогда больше не увидите.

— На два фунта, и столько радости, — ух-

мыльнулся Мэллори. — Я считаю, что дешево отделался.

— Ошибаетесь, сэр. Есть куда более дешевые способы.

— По крайней мере, теперь я не получу дубинкой по голове.

— Не получите, сэр. *От них* не получите.

* * *

Мэллори и Фрейзер перекусили прямо на улице сэндвичами с индейкой и беконом. На зубах скрипела копоть, совершенно непонятным способом проникшая в плотно закрытую мармитку торговца. Все кебы как под землю провалились. Станции метрополитена были закрыты, одуревшие от долгого стояния пикетчики поливали бранью вялых, ни в чем не повинных прохожих.

Вторая назначенная на сегодняшний день встреча, на Джермин-стрит, обернулась для Мэллори тяжким разочарованием. Он пришел в музей, чтобы обсудить свое выступление, но мистер Китс, кинотропист Королевского общества, прислал телеграмму, что он очень болен, а Гексли уволокли в какой-то комитет, где ученые лорды обсуждали чрезвычайную ситуацию. Мэллори не сумел даже отменить свою речь, как предла-

гал Дизраэли, поскольку мистер Тренхэм Рикс заявил, что не имеет полномочий принимать подобные решения без Гексли, а Гексли уехал, не сказав куда, и даже не оставил телеграфного номера.

Словно чтобы окончательно испортить настроение, Музей практической геологии был почти пуст, шумные толпы школьников и натуралистов-любителей в одночасье исчезли, их место заняли унылые личности, пришедшие сюда не ради какой-то там науки, а в поисках прохлады и чуть более свежего воздуха. Они слонялись под гигантским скелетом левиафана, словно изнемогая от желания переломать ему могучие кости и высосать костный мозг.

Единственное, что оставалось, — это плестись назад во Дворец палеонтологии и готовиться к ужину с Ассоциацией молодых агностиков. АМА представляла собой студенческое научное общество. Ожидалось, что Мэллори, главная звезда сегодняшнего сборища, сделает после ужина несколько глубокомысленных замечаний. Правду говоря, Мэллори и сам ждал этого события с некоторым нетерпением. При всей официальной унылости своего названия АМА была вполне жизнерадостной компанией, к тому же мужское

общество позволит немного расслабиться и рассказать пару анекдотов, не совсем пригодных для нежных дамских ушек. Не ссылаясь, естественно, на первоисточник, на Диззи Дизраэли. Но теперь появлялся вопрос, многие ли из организаторов сборища остались в Лондоне. И осталось ли у этих самых оставшихся настроение где-то там собираться? И во что может превратиться ужин в верхнем зале паба «Черный монах», расположенного рядом с мостом Блэкфрайарз, в двух шагах от Темзы?

Улицы пустели прямо на глазах; лавка за лавкой вывешивали таблички «ЗАКРЫТО». Мэллори надеялся отыскать цирюльника, который подстриг бы ему волосы и бороду, но не тут-то было. Население Лондона бежало из города или попряталось за плотно закрытыми ставнями. Дым опустился уже до земли, смешавшись со зловонным туманом; этот желтоватый гороховый суп залил весь город, сократив видимость до нескольких десятков ярдов. Редкие пешеходы выныривали из мглы, как пристойно одетые призраки. Фрейзер на обстановку не жаловался и выбирал путь с легкостью, заставлявшей заподозрить, что старый полицейский прошел бы по Лондону и с завязанными глазами. И он,

и Мэллори давно уже закрыли лица платками. Разумная эта предосторожность немного раздражала Мэллори — немногословному Фрейзеру теперь вообще словно кляпом рот заткнули.

— Кинотропы — вот корень всех бед, — сказал Мэллори; они шли по Бромптон-роуд, мимо дворцов науки, окутанных зловонным туманом. — Когда я уезжал из Англии, такого и в помине не было. Два года назад этих штук было совсем мало. А теперь мне не позволяют выступить с публичной лекцией без кинотропа. — Он закашлялся. — Меня просто передернуло, когда я увидел, как этот длинный щит, ну тот, что вывешен перед «Ивнинг телеграф» на Флит-стрит, выщелкивает над головами толпы: «Поезда остановлены из-за забастовки кротов», «Парламент обеспокоен состоянием Темзы»…

— Ну что же в этом плохого? — удивился Фрейзер.

— Так ведь вся эта хрень ничего *не объясняет*, — продолжал горячиться Мэллори. — *Кто* в парламенте? *Каким* состоянием Темзы? Что об этом говорит парламент? Разумные вещи или глупости?

Фрейзер хмыкнул, а Мэллори продолжал:

— Это же только видимость, что нас проинфор-

мировали. Но на самом деле ничего подобного! Одни заголовки, пустая болтовня. Нам не дали выслушать доводы, не дали взвесить доказательства. Никакие это не новости, а так, игрушка для бездельников.

— Считается, что пусть бездельники знают хоть что-то, чем вообще ничего.

— Так считают безмозглые идиоты! Скармливать людям это месиво из новостей — все равно что печатать не обеспеченные золотом банкноты или выписывать чеки на пустой счет. Если простой народ может думать только на таком уровне, то да здравствует палата лордов!

Мимо них медленно пропыхтела пожарная карета, на подножках которой стояли усталые пожарники. Их одежда и лица почернели на каком-то пожаре, или от лондонского воздуха, или от гари, вылетающей из труб кареты. Мэллори усмотрел странную иронию в том, что пожарная машина черпает силы для своего передвижения в груде пылающего угля. Но, с другой стороны, это даже разумно: в такую жуткую погоду лошади не проскачут галопом и одного квартала, сколько их ни понукай.

* * *

Мэллори не терпелось вдохнуть немного чистого воздуха и смягчить горло хакл-баффом; он спешил во Дворец палеонтологии как к спасительной пристани, однако с недоумением обнаружил, что там дыма больше, чем на улице. В холле стоял резкий удушливый чад, как от сгоревшего белья.

Надо думать, эти галлоны манганата натрия разъели канализационные трубы. Во всяком случае, вонь распугала наконец жителей Дворца, так как в вестибюле не было почти ни души, из столовой не доносилось ни звука.

Мэллори направился прямо в гостиную. Не успел он найти среди лакированных ширм и красной шелковой обивки официанта, как появился Келли; выглядел комендант весьма решительно.

— Доктор Мэллори?

— Да, Келли?

— У меня для вас дурные новости, сэр. Прискорбное событие. Пожар, сэр.

Мэллори взглянул на Фрейзера.

— Да, сэр, — повторил портье. — Сэр, когда вы уходили сегодня, вы не могли случайно оставить одежду возле газового рожка? Или непотушен-

ную сигару?

— Не хотите ли вы сказать, что пожар был в моей комнате!

— Боюсь, что так, сэр.

— Серьезный пожар?

— Жильцы думают, что да, сэр. И пожарные тоже. — Келли упустил из перечисления персонал Дворца, но его собственные чувства ясно читались на лице.

— Я всегда перекрываю газ! — воскликнул Мэллори. — Я не помню точно… Но я всегда перекрываю газ!

— Ваша дверь была заперта, сэр. Пожарникам пришлось ее взламывать.

— Давайте посмотрим, — мягко предложил Фрейзер.

Дверь в комнату Мэллори была выбита; мокрый, вздувшийся паркет сплошь засыпан песком. От письменного стола не осталось почти ничего, посреди ковра зияла огромная, с почерневшими краями дыра; о бумагах нечего было и говорить — они полыхнули в первую очередь. Стена позади стола и потолок над ним прогорели почти насквозь, балки и стропила обуглились, на месте платяного шкафа со всеми обновками лежала жалкая кучка обгорелых деревяшек и тряпок,

щедро присыпанная осколками зеркала. Мэллори был вне себя от гнева, стыда и недобрых предчувствий.

— Вы заперли перед уходом дверь, сэр? — спросил Фрейзер.

— Я всегда ее запираю. Всегда!

— Могу я взглянуть на ваш ключ?

Мэллори протянул Фрейзеру кольцо с ключами. Инспектор опустился на колени возле изуродованной двери. С минуту он пристально изучал замочную скважину, потом поднялся на ноги.

— Вам не сообщали о появлении в вестибюле каких-нибудь подозрительных личностей? — спросил он у Келли.

— Позвольте узнать, сэр, по какому праву вы меня допрашиваете? — возмутился Келли.

— Инспектор Фрейзер, Боу-стрит.

— Нет, инспектор, — четко отрапортовал Келли. — Никаких подозрительных личностей не замечалось. Насколько мне известно.

— Имейте в виду, мистер Келли, что наша беседа является строго конфиденциальной. Полагаю, этот Дворец, подобно прочим учреждениям Королевского общества, предоставляет квартиры исключительно аккредитованным ученым?

— Это наше твердое правило, инспектор!

— Но вашим жильцам позволено принимать посетителей?

— Джентльменов, сэр. И дам в надлежащем сопровождении, — ничего скандального, сэр!

— Прилично одетый гостиничный взломщик, — заключил Фрейзер. — И поджигатель. Не столь хороший поджигатель, как взломщик, если судить по тому, как примитивно он свалил бумаги под стол и за платяной шкаф. У него была отмычка для ригельного замка. Повозился немного, но сомневаюсь, чтобы на работу ушло больше пяти минут.

— Невероятно, — выдохнул Мэллори.

Келли готов был разрыдаться.

— Ученому поджигают комнату! Я не знаю, что и сказать! Я не слышал о подобных злодеяниях со времен Лудда! Я в отчаянии, доктор Мэллори, — в полном отчаянии!

— Мне следовало предупредить вас, мистер Келли, — покачал головой Мэллори. — У меня есть враги.

— Мы знаем, сэр. — Келли нервно сглотнул. — Среди персонала много об этом говорят.

Фрейзер тем временем осматривал останки стола, ковыряя в золе покореженной латунной вешалкой из платяного шкафа.

— Свечное сало, — пробормотал он.

— Слава богу, что имущество жильцов застраховано, — вздохнул Келли. — Я не могу сказать точно, доктор Мэллори, распространяется ли наш полис на подобную ситуацию, однако искренне надеюсь, что мы сможем возместить вам ущерб! Прошу принять мои глубочайшие извинения!

— Удар, конечно же, болезненный. — Мэллори оглядывал царящий кругом разгром. — Но не столь болезненный, как они надеялись! Самые важные бумаги я храню в сейфе Дворца. И конечно же, я никогда не оставляю здесь деньги. — Он помедлил. — Надеюсь, уж с сейфом-то все в порядке, мистер Келли?

— Да, сэр, — откликнулся Келли. — Точнее говоря… Позвольте, сэр, я проверю его. — Он поспешно удалился.

— Ваш старый знакомый по дерби, — сказал Фрейзер. — Он побоялся следить за вами сегодня, но, как только мы ушли, пробрался сюда, взломал дверь и зажег свечи среди наваленных бумаг. К тому времени когда подняли тревогу, он был уже далеко.

— Хорошо же он знает мой распорядок дня, — кисло усмехнулся Мэллори. — Он много чего обо мне знает. Индекс мой добыл. Думает взять меня

голыми руками.

— Фигурально говоря, сэр. — Фрейзер отбросил латунную вешалку. — Герострат-самоучка, вот он кто. Опытный поджигатель использовал бы жидкий парафин, который уничтожает и самого себя, и все, с чем соприкоснется.

— Значит, я не смогу сегодня пойти к агностикам, Фрейзер. Мне нечего надеть!

— Я вижу, что вы принимаете удары судьбы очень мужественно — как то и подобает ученому и джентльмену, доктор Мэллори.

— Спасибо, — поклонился Мэллори. Повисло молчание. — Фрейзер, мне нужно выпить.

Фрейзер медленно кивнул.

— Бога ради, Фрейзер, давайте пойдем куда-нибудь, где можно будет надраться по-настоящему, как последние мерзавцы, как рвань подзаборная, в заведение, где нет никаких этих хрусталей, позолоты и лепных потолков. Плюнем на этот распрекрасный Дворец и пойдемте в какой-нибудь трактир, где не побрезгуют человеком, у которого не осталось ничего, кроме последнего сюртука на плечах!

Мэллори поковырял ногой в останках платяного шкафа.

— Я знаю, что вам нужно, сэр, — согласно от-

кликнулся Фрейзер. — Веселое заведение, где можно выпустить пар — где есть выпивка, танцы и общительные дамы.

Мэллори обнаружил почерневшие латунные пуговицы своего вайомингского плаща и окончательно возненавидел негодяя, который устроил пожар.

— Вы ведь не станете водить меня на помочах? Я знаю, Олифант приказал вам нянчиться со мной. Не нужно, Фрейзер. У меня боевое настроение.

— Я понимаю вас, сэр. День выдался очень плохой. Но ничего, вы еще не видели Креморнские сады.

— Больше всего я хочу увидеть этого мерзавца в прицеле крупнокалиберной винтовки!

— Я прекрасно понимаю ваши чувства, сэр.

Мэллори открыл серебряный портсигар — хоть что-то из покупок да осталось, — раскурил свою последнюю сигару и после нескольких глубоких затяжек с наслаждением ощутил умиротворяющее действие табака.

— Ладно, — сказал он, — на худой конец, сойдут и эти ваши Креморнские сады.

* * *

Следуя за Фрейзером по Кромвель-лейн мимо огромной груды светлого кирпича — Центра легочных заболеваний, — Мэллори невольно представил себе, какой кошмар творится там сегодня.

Истерзанный этим медицинским кошмаром, он был буквально вынужден завернуть в первый же попавшийся по дороге паб и выпить пять рюмок виски, на удивление приличного. Уютно расположившиеся в пабе туземцы вели себя вполне весело и дружелюбно; к сожалению, они то и дело скармливали свои трудовые двухпенсовики пианоле, лихо отзвякивавшей «Приди ко мне» — мотивчик, вызывавший у Мэллори почти физиологическую тошноту. Ну и ладно, это же еще не Креморнские сады.

На первые признаки серьезных беспорядков они наткнулись несколькими кварталами дальше по Нью-Бромптон-роуд, возле мануфактуры «Беннет и Харпер. Ковровые покрытия». Толпа людей в униформе осадила заводские ворота. Какой-то трудовой конфликт.

Минуту спустя Мэллори и Фрейзер разобрались, что толпа почти полностью состоит из

полицейских. «Беннет и Харпер» производили — из холста, пробковой крошки и какой-то угольной химии — симпатичный, с веселеньким рисунком, водонепроницаемый материал, очень подходивший для оклейки полов в кухнях, ванных и туалетах. Кроме этого материала, пользовавшегося большой любовью среднего класса, завод производил огромное количество удушливых газообразных отходов, без которых и средний класс, и остальное население города вполне могли бы обойтись, а сейчас и тем более. Первыми официальными лицами на месте событий — во всяком случае, они приписывали себе такую честь — были инспекторы Королевской патентной службы, мобилизованные в соответствии с чрезвычайным планом правительства. Господа Беннет и Харпер, совсем не желавшие потерять дневную продукцию, оспорили полномочия патентной службы останавливать работы. Два инспектора из Промышленного комитета Королевского общества, подъехавшие чуть позже, сослались на прецеденты. Беспорядки привлекли местного констебля, следом за ним примчался на паробусе летучий отряд городской полиции с Боу-стрит. Большинство паробусов было реквизировано правительством, равно как и весь парк

наемных экипажей города, — в соответствии с чрезвычайным планом, предназначенным для борьбы с забастовками на железных дорогах.

Дымовые трубы уже не дымили — честь и хвала расторопной полиции и заботливому правительству, — но работники мануфактуры все еще оставались на ее территории, праздные и очень возбужденные, поскольку никто ничего не сказал им об оплаченном выходном, вполне ими заслуженном — так, во всяком случае, полагали они сами. Предстояло также выяснить, кто будет нести ответственность за охрану собственности господ Беннета и Харпера и кто может дать официальное разрешение снова запустить котлы.

Что еще хуже, возникли серьезные неполадки в полицейской телеграфной службе, завязанной, по всей вероятности, на вестминстерскую пирамиду Центрального статистического бюро. Смрад там что-нибудь разъел, предположил Мэллори.

— Вы же из Особого отдела, мистер Фрейзер, — невинно заметил он. — Почему бы вам не вправить мозги этим олухам?

— Очень смешно, — огрызнулся Фрейзер.

— А я-то все удивляюсь, почему это на улицах нет полицейских. Они же, наверное, вот так копаются на мануфактурах по всему Лондону!

— А вас это приводит в дикий восторг, — буркнул полицейский.

— Бюрократы! — торжествующе провозгласил Мэллори. — А ведь такое развитие событий было легко предсказуемо, изучи они повнимательнее теорию катастрофистов. Мы имеем дело с клубком синергических взаимодействий — система сваливается в хаос через каскад удвоения периода!

— Господи, а это еще что такое?

— Говоря попросту, — улыбнулся Мэллори, — это значит, что все становится вдвое хуже и несется вдвое быстрее, пока вконец не развалится.

— Заумная белиберда. Неужто вы скажете, что это имеет какое-то отношение к положению дел в Лондоне?

— Очень интересный вопрос! — кивнул Мэллори. — Вы затронули глубочайшие метафизические корни проблемы. Если я строю работоспособную модель явления, значит ли это, что я его понимаю? А может быть, все дело в тривиальнейшем совпадении или в артефакте метода? Лично я убежденный аналогист и отношусь к машинному моделированию с величайшим доверием, однако это еще не значит, что его исходные предпосылки

— истина в последней инстанции. Темное дело, Фрейзер, очень темное. Старик Юм да епископ Беркли — вот кто собаку съел на таких вопросах.

— А вы, случаем, не пьяны, сэр?

— Просто в слегка приподнятом настроении, — пробубнил сквозь платок Мэллори. — В небольшом поддатии.

Они зашагали дальше, благоразумно предоставив полиции самостоятельно разбираться с проблемой газообразных промышленных отходов.

Внезапно Мэллори остро ощутил утрату своего старого доброго вайомингского плаща. Ему не хватало походной фляги, подзорной трубы, надежной тяжести винтовки за спиной. Холодных чистых просторов, где жизнь была полнокровной, а смерть — быстрой и честной. Ему хотелось в экспедицию, как можно дальше от Лондона. Можно отменить все договоренности. Можно подать заявку на финансирование в Королевское общество или, и того лучше, в Географическое. И мотать из этой Англии, мотать как можно скорее!

— Не стоит, сэр, — сказал Фрейзер. — Это будет еще хуже.

— Я что, опять говорил вслух?

— Да, сэр, немного.

— Где в этом городе можно найти хорошую винтовку, Фрейзер?

Челси-парк остался далеко позади, теперь они вышли на Камера-сквер. Расположенные здесь магазины предлагали покупателю всевозможные оптические товары: таблотайпы и волшебные фонари, фенакистоскопы и любительские телескопы. Имелись здесь и простенькие микроскопы для юных натуралистов — копошащиеся в грязной воде анималькулы неизменно привлекают к себе внимание любознательных подростков. Крохотные существа не представляют никакого практического интереса, но их изучение может привести юные умы к доктринам истинной науки. Охваченный сентиментальными воспоминаниями, Мэллори остановился перед витриной с такими микроскопами. Они напомнили ему о добром старом лорде Мэнтелле, который дал ему его первую работу — уборщика в Музее Льюиса. От уборки мальчик перешел к каталогизации костей и птичьих яиц, а затем к настоящей кембриджской стипендии. Старый лорд несколько усердствовал с розгой, но, как понимал теперь Мэллори, не более, чем он, Мэллори, того заслуживал.

В конце улицы раздался странный свистящий звук; Мэллори повернул голову и увидел, как из тумана вылетает какое-то не совсем реальное существо. Одежда на хлипкой, низко пригнувшейся фигурке развевалась и хлопала от скорости, из-под мышек торчали длинные палки.

Мимо ошарашенного Мэллори со свистом и улюлюканьем пронесся самый обычный лондонский шпаненок лет тринадцати или около того, в ботинках на резиновых колесиках. Умело затормозив, мальчишка развернулся и двинулся назад, отталкиваясь палками от мостовой. Через несколько секунд Мэллори и Фрейзер оказались в окружении целой шайки кричащих и приплясывающих дьяволят. Ни на одном из них — за исключением первого — не было башмаков с колесиками, зато почти каждую физиономию прикрывала квадратная марлевая маска, точно такая же, какими пользовались техники бюро при работе с машинами.

— Послушайте, ребята, — рявкнул Фрейзер, — откуда у вас эти маски?

Но мальчишки словно его не слышали.

— Потрясно! — крикнул один из них. — А ну-ка еще разок, Билл!

Другой исполнил нечто вроде короткого риту-

ального танца; трижды отставив ногу в сторону, он высоко подпрыгнул и заорал во весь голос:

— Полный кайф!

Шайка откликнулась хохотом и криками «ура».

— А ну-ка стихните! — приказал Фрейзер.

— Кислая харя! — презрительно осклабился колесник. — Говнюк!

Его дружки разразились издевательским хохотом.

— Где ваши родители? — не унимался Фрейзер. — В такую погоду нужно сидеть дома.

— А ху-ху не хо-хо? — фыркнул все тот же колесник. — Вперед, моя бесстрашная команда! Вас ведет Пантера Билл!

Он оттолкнулся палками и помчался. Остальные последовали за ним, вопя и улюлюкая.

— Слишком уж хорошо одеты для беспризорников, — заметил Мэллори.

Сорванцы отбежали на некоторое расстояние и теперь, судя по всему, готовились сыграть в «щелкни кнутом». Каждый из них схватил соседа за руку, образуя цепочку; мальчишка на колесах занял место в хвосте.

— Не нравится мне это, — пробормотал Мэллори.

Мальчишки помчались гуськом, все больше набирая скорость, затем передний из них резко свернул, и живая цепочка размахнулась по Камера-сквер, передавая импульс от звена к звену. В конце концов произошло то, из-за чего и затевалась эта игра: мальчишка на колесах набрал головокружительную скорость и оторвался от цепочки, как выброшенный из пращи камень. Ликующе вопя, он понесся по мостовой, но вдруг споткнулся о какую-то выбоину и вломился головой в витрину; гильотинными ножами посыпались осколки.

Пантера Билл лежал на мостовой, не то мертвый, не то оглушенный; какое-то мгновение остальные потрясенно молчали.

— Сокровища! — взвизгнул вдруг один из мальчишек.

С безумными криками вся свора малолетнего хулиганья бросилась в разбитую витрину и принялась хватать все что ни попадя: телескопы, штативы, химическую посуду…

— Стой! — крикнул Фрейзер. — Полиция!

Он сунул руку в карман, сорвал с лица платок и трижды свистнул в никелированный полицейский свисток.

Мальчишек словно ветром сдуло. Они неслись

по улице, как стая вспугнутых павианов, — и уносили почти всю захваченную добычу. Фрейзер пустился в погоню; мгновенье спустя за ним последовал и Мэллори. Пробегая мимо разгромленного магазина, они увидели, что Пантера Билл приподнялся на локте и трясет окровавленной головой.

— Ты ранен, мальчик? — резко остановился Мэллори.

— Не боись, все в поряде. — Мальчишка с трудом ворочал языком, голова его была рассечена до кости, по лицу струилась кровь. — Не трогайте меня, вы, замаскированные бандиты!

Мэллори торопливо стянул с лица платок и попытался улыбнуться:

— Ты поранился, мальчик. Тебе нужна помощь.

Они с Фрейзером наклонились над Пантерой Биллом.

— На помощь! — заорал тот. — На помощь, моя верная команда!

Мэллори оглянулся. Может быть, кого-нибудь из этой шпаны удастся послать за помощью.

Сверкающий треугольный осколок стекла вылетел, вращаясь, из тумана и вонзился Фрейзеру в спину. Полицейский рывком выпрямился, его

глаза наполнились животным ужасом.

Пантера Билл поднялся на четвереньки, затем вскочил. Где-то неподалеку вдребезги разлетелась очередная витрина — из тумана донеслись грохот, звон и ликующие крики.

Стеклянный осколок крепко засел в спине Фрейзера.

— Они же нас убьют! — крикнул Мэллори, хватая инспектора за руку, и бросился бежать.

За ними бомбами взрывались витрины, звенели осыпающиеся на тротуар осколки, иногда раздавалось резкое, короткое звяканье куска стекла, брошенного в стену.

— Вот же сволочи, — пробормотал Фрейзер.

— Сокровища! — звенел в тумане крик Пантеры Билла. — Сокровища!

— Теперь держитесь, — сказал Мэллори.

Обернув руку платком, он выдернул осколок из спины Фрейзера. К великому его облегчению, осколок не разломался, вышел целиком. Инспектор всем телом передернулся от боли.

Мэллори осторожно помог ему снять сюртук. Кровь пропитала рубашку Фрейзера до пояса, но все выглядело много лучше, чем можно было ожидать. Осколок вонзился в замшевый ремень, удерживавший под мышкой Фрейзера малень-

кий многоствольный пистолет.

— В ремень попало, — сказал Мэллори. — Рана совсем неглубокая, нужно только остановить кровь…

— Полицейский участок, — кивнул бледный, ни кровинки в лице, Фрейзер. — Кингс-роуд-Уэст.

Сзади снова посыпались стекла.

Шли они быстро, каждый шаг заставлял Фрейзера морщиться от боли.

— Вам лучше остаться со мной, — сказал он. — Проведете ночь в полицейском участке. На улицах плохая обстановка.

— Да уж, — согласился Мэллори. — Но вы за меня не беспокойтесь.

— Я серьезно говорю, Мэллори.

— Разумеется.

Два часа спустя Мэллори был в Креморнских садах.

* * *

Подвергнутый экспертизе документ представляет собой письмо, написанное от руки на листе бумаги с оторванным верхним краем. Лист дважды сложен пополам, судя по всему — в спешке. Дата отсутствует, однако экспертиза установила, что это подлинный автограф Эдварда Мэллори.

Почерк торопливый, некоторые особенности почерка указывают на частичную утрату мышечной координации.

Бумага среднего качества, типичная для официальных бланков середины 1850-х годов; исследованный образец сильно пожелтел от времени. Вероятное происхождение бланка — полицейский участок Кингс-роуд-Уэст.

Текст, нанесенный сильно поблекшими чернилами и пером, сношенным от долгого пользования, гласит следующее:

МАДАМ!

Я никому не сказал. Но кому-то все же должен сказать. Я решил, что моей конфиденткой будете Вы, поскольку иных вариантов нет.

Взяв на хранение Вашу собственность, я сделал это по доброй воле. Ваша просьба равносильна для меня королевскому приказу, и Ваши враги — мои враги. Исполнять роль Вашего паладина — высочайшая привилегия в моей жизни.

Я прошу Вас не беспокоиться о моей безопасности. Умоляю, не предпринимайте ради меня никаких шагов, могущих

подвергнуть опасности Вас самое. Любой риск в этой схватке я принимаю с радостью, но есть и другой риск. Если со мной случится худшее, Вашу собственность едва ли когда-нибудь найдут.

Я изучил перфокарты. Я смутно догадываюсь об их назначении, хотя смысл программы лежит далеко за пределами моих скудных познаний. Простите меня, если я позволил себе лишнее.

Я надежно обернул перфокарты в полотно и собственноручно запечатал их в герметичный гипсовый контейнер. Контейнер этот — череп бронтозавруса, выставленного в Музее практической геологии на Джермин-стрит. Ваша собственность сейчас пребывает в полной безопасности на высоте тридцати футов от пола. Об этом не знает ни одна живая душа, за исключением Вас и смиреннейшего слуги Вашей светлости,

Эдварда Мэллори, Ч. К. О., Ч. К. Г. О.

Итерация четвертая
Семь проклятий

Объект, массивный фаянсовый овал, представляет собой патриотическую мемориальную табличку. Выпуском подобных табличек отмечали смерть членов королевской семьи и глав государства. Под первоначально бесцветной глазурью, потрескавшейся и пожелтевшей от времени, можно различить черты лорда Байрона.

После смерти премьер-министра в Англии было продано несколько десятков тысяч таких предметов. Фаянсовые заготовки производились массовым способом и постоянно хранились на складах на случай кончины достаточно заметной персоны. Портрет Байрона, окруженный гирляндами, свитками и картинами из ранней истории Промышленной радикальной партии, отпечатан на прозрачной пленке, а затем перенесен на фаянс, покрыт глазурью и обожжен.

Слева от Байрона, среди пышных свитков, венценосный британский лев поднялся на задние лапы над кольцами поверженного змея, символизирующего, нужно понимать, луддитское

движение.

Как до, так и после прихода Байрона к власти многие авторы отмечали, что одно из первых его выступлений в палате лордов — февральская речь 1812 года — было посвящено защите луддитов. Согласно широко распространенной легенде, сам Байрон высказался по этому поводу следующим образом: «Но ведь были луддиты, сэр, и были луддиты». При всей апокрифичности этой фразы она полностью соответствует тому, что известно о личности премьер-министра, и отчасти объясняет крайнюю жестокость, с какой он подавил массовое антипромышленное движение Уолтера Джерарда, вспыхнувшее позднее в Манчестере. Ведь этот луддизм боролся не со старым режимом, а с новым, с тем, который был установлен самими радикалами.

Настоящий объект был в свое время собственностью Эбенезера Фрейзера, инспектора Особого отдела Боу-стрит.

* * *

Мэллори околачивался рядом с Фрейзером, наблюдая, как полицейский врач орудует сомнительной чистоты губкой и бинтами, пока не убедился, что инспектор полностью ушел в свои

страдания. Чтобы еще более усыпить его подозрения, Мэллори позаимствовал у стражей закона лист бумаги и уселся за составление письма.

Тем временем участок на Кингс-роуд понемногу наполнялся горланящими пьяницами и дебоширами. Как социальный феномен это представляло несомненный интерес, однако Мэллори был далеко не в настроении провести ночь на топчане в шумной мужской компании. Он наметил совершенно иную программу действий и упорно ее придерживался, а потому вежливо расспросил запыхавшегося и издерганного сержанта о дороге, аккуратно записал его указания в блокнот и выскользнул из участка. Креморнские сады он нашел без труда.

Царящая здесь атмосфера отлично демонстрировала динамику кризиса. Никто в садах, казалось, не сознавал, что творится чуть дальше, ударные волны локализованного разложения не распространились еще по всей системе.

И воняло здесь не так сильно. Сады располагались в Челси, намного выше самого грязного участка Темзы. Вечерний бриз приносил с реки легкий, даже приятный запах рыбы; древние раскидистые вязы почти скрывали от глаз завладевший городом туман. Солнце село, и на радость

почтеннейшей публике в сгущающейся тьме смутно замерцали мириады газовых фонарей.

Мэллори без труда мог представить себе пасторальное очарование садов в более счастливые времена. Здесь были клумбы яркой герани, ровно постриженные лужайки, оплетенные виноградом беседки, причудливые павильоны и, конечно же, знаменитый «Хрустальный круг». А еще «Слоновий выгон» — огромный танцевальный зал, крытый, но без стен, где на деревянном, с выбоинами от каблуков настиле могли вальсировать или отплясывать польку тысячи танцоров одновременно. Внутри имелись прилавки со снедью и напитками; огромный, с конным приводом панмелодиум лихо наигрывал попурри из модных опер.

Однако сегодня упомянутые тысячи отсутствовали. На помосте вяло толклись три, не более, сотни народу, и не более сотни из них можно было бы назвать людьми респектабельными. Эта сотня, как думалось Мэллори, состояла из тех, кто устал от сидения в четырех стенах, а также влюбленных парочек, отважно переносящих любые трудности. Из оставшихся две трети составляли мужчины — более или менее опустившиеся, а треть — проститутки, более или менее наглые.

Мэллори подошел к бару и выпил две рюмки виски. Виски оказался паршивым, да и запах у него был странноватый — то ли из-за смрада, то ли кто-то попытался улучшить грошовый самогон поташем, или нашатырем, или кассией. Да нет, скорее уж индейской ягодой, вон какой у этой отравы густой цвет, прямо как у портера. А в желудке-то, в желудке как жжет, словно и не виски это вовсе, а серная кислота.

Танцевали немного, лишь несколько пар пытались изобразить что-то вроде вальса. Мэллори и в лучшие-то времена танцевал редко, поэтому он принялся рассматривать женщин.

Высокая молодая женщина с хорошей фигурой кружилась в паре с пожилым бородатым джентльменом. Джентльмен был тучен и явно страдал подагрой, зато женщина танцевала с профессиональным изяществом; в искусственном свете то и дело поблескивали медью каблуки французских ботинок. Кружение ее нижних юбок давало некоторое представление о форме и размере бедер под ними. И никаких турнюров, никакого китового уса. У нее были красивые лодыжки, обтянутые красными чулками, а юбки кончались дюйма на два выше, чем то допускали приличия.

Лица женщины он не видел.

Панмелодиум начал новый мотивчик, но джентльмен уже явно выдохся. Пара остановилась и отошла к группе друзей, состоявшей из пожилой, приличного вида женщины в капоре, двух молоденьких девушек вполне определенного свойства и еще одного пожилого джентльмена, чье унылое лицо явно указывало на иностранное происхождение. Голландия или какая-нибудь из Германий. Танцевавшая девушка заговорила с подружками; время от времени она запрокидывала голову, как будто смеялась. У девушки были великолепные темные волосы, шляпка, подвязанная на шее лентами, висела у нее за спиной. Красивая крепкая спина и тонкая талия.

Мэллори начал медленно пробираться в ее сторону. Девушка что-то горячо втолковывала иностранцу, однако на его кислой физиономии не отражалось ничего, кроме брезгливого высокомерия. Девушка небрежно изобразила что-то вроде книксена и отвернулась.

И тут Мэллори впервые увидел ее лицо. У нее был необычно длинный подбородок, густые брови и широкий улыбчивый рот с чуть подведенными помадой губами. Лицо не то чтобы уродливое, но простенькое, заурядное, разве что

серые глаза его немного скрашивают да волосы. И все же было в этой девушке нечто привлекательное, бесшабашно дерзкое и чувственное. А еще — изумительная фигура. Это было особенно заметно, когда она шла — плавно покачиваясь, почти скользя — к бару. Снова эти восхитительные бедра и плавный изгиб спины. Девушка облокотилась о стойку и начала любезничать с барменом; подол ее юбки задрался почти до середины икр. Мэллори вздрогнул, словно получив пинок этой мускулистой, обтянутой красным чулком ногой.

Он подошел к бару. Девушка не любезничала с барменом, а спорила, сварливо и слегка жалобно, чисто по-женски. Ей хотелось выпить, но у нее не было денег, заплатят ее друзья, чуть попозже. Бармен не верил, но не говорил этого прямо.

Мэллори постучал по стойке шиллингом:

— Бармен, налейте даме, что она просит.

Девушка взглянула на него с раздраженным удивлением, но тут же взяла себя в руки, кокетливо опустила ресницы и улыбнулась.

— Ты знаешь, Николас, что я люблю больше всего, — сказала она бармену.

Тот принес высокий бокал с шампанским и освободил Мэллори от его денег.

— Обожаю шампанское, — сказала девушка Мэллори. — Когда пьешь шампанское, танцуешь потом как перышко. Вы танцуете?

— Кошмарно, — ответил Мэллори. — Могу я пойти к тебе домой?

Она оглядела его с головы до ног, уголок широкого рта приподнялся в чувственной усмешке.

— Подожди секунду. — Девушка поставила пустой бокал на стойку и направилась к своей компании.

Мэллори не стал ждать, решив, что она попросту вильнула хвостом. Он неспешно зашагал вокруг гигантского помоста, рассматривая других женщин, но тут увидел, что недавняя знакомая призывно машет рукой, и вернулся к стойке.

— Я могу отвести тебя домой, но тебе это может и не понравиться, — сказала она.

— Почему? — удивился Мэллори. — Ты мне нравишься.

— Не в этом дело, — рассмеялась девушка. — Я живу не здесь, в Бромптоне, а в Уайтчепеле.

— Далеко.

— Поезда не ходят. И кеба сейчас не найти. Я боялась, что мне придется ночевать прямо в парке!

— А как же твои друзья? — поинтересовался Мэллори.

Девушка тряхнула головой, словно говоря: «Да пошли они, эти друзья». От резкого движения в ямке у ее горла мелькнул краешек машинных кружев.

— Я хочу вернуться в Уайтчепел. Ты меня доведешь? У меня нет денег. Ни гроша.

— Хорошо. — Мэллори предложил ей руку. — Пять миль пешком, но ноги у тебя чудесные.

Девушка взяла его под локоть и улыбнулась:

— Мы еще успеем на речной пироскаф от Креморнской пристани.

— А-а, — протянул Мэллори. — Это чуть ниже по Темзе, да?

— Это совсем не дорого. — Они спустились по ступенькам гигантского настила в мерцающую светом газовых рожков темноту. — Ты ведь не из Лондона? Коммивояжер?

Мэллори покачал головой.

— Ты мне дашь соверен, если я с тобой пересплю?

Мэллори не ответил, несколько шокированный такой прямолинейностью.

— Ты можешь остаться на всю ночь, — продолжала девушка. — У меня очень симпатичная комната.

— Да, так я и хочу.

Он споткнулся о камень и чуть не упал. Девушка помогла неустойчивому кавалеру сохранить равновесие и взглянула ему в глаза:

— Ты немного под градусом, да? А так ты вроде ничего. Как тебя звать?

— Эдвард. Но все называют просто Нед.

— Но это же и мое имя тоже! — воскликнула она. — Харриэт Эдвардес, не Эдвардс, а Эдвардес, с «е». Это мой сценический псевдоним. А друзья зовут меня Хетти.

— У тебя божественная фигура, Хетти. Я ничуть не удивлен, что ты играешь на сцене.

— Тебе нравятся нехорошие девушки, Нед? — В полутьме серые глаза Хетти казались почти черными. — Надеюсь, да, потому что у меня сегодня настроение делать очень нехорошие вещи.

— Конечно нравятся.

Мэллори обнял левой рукой ее туго стянутую талию, прижал правую руку к объемистой груди и буквально впился в ее губы. Девушка чуть взвизгнула от удивления, а потом закинула ему руки на шею. Поцелуй растянулся на несколько минут; Мэллори чувствовал ее язык у себя на зубах.

Затем Хетти чуть отстранилась:

— Нам ведь нужно попасть домой, Нед. Ты по-

нимаешь?

— Понимаю, — ответил он, тяжело дыша. — Но только ты покажи мне свои ноги, прямо сейчас. Покажешь?

Девушка оглянулась по сторонам, приподняла нижние юбки до колен и тут же их опустила.

— Идеальные! — восхитился Мэллори. — Ты могла бы позировать художникам.

— Позировала, — усмехнулась Хетти. — Только на этом не заработаешь.

От пристани донесся гудок пироскафа. Они побежали со всех ног и успели взлететь по сходням за какую-то секунду до отхода. После суматошного бега виски снова ударило Мэллори в голову. Дав девушке шиллинг, чтобы та заплатила четыре пенса за проезд, он отыскал на палубе парусиновый шезлонг. Кораблик развел пары, его колеса зашлепали по черной воде.

— Пошли в салон, — сказала Хетти. — Там есть что выпить.

— Мне хочется посмотреть на Лондон.

— Не думаю, что тебе понравится.

— Понравится, если ты останешься со мной.

— Как ты интересно говоришь, Нед! — рассмеялась девушка. — Забавно, я сперва подумала, что ты фараон, такой ты был строгий и важный.

Но фараоны так не говорят, хоть пьяные, хоть трезвые.

— Тебе не нравятся комплименты?

— Нет, очень нравятся. Но и шампанское мне тоже нравится.

— Подожди минутку. — Мэллори был пьянее, чем ему хотелось бы. Тяжело поднявшись, он отошел к носовому ограждению и крепко его стиснул, стараясь вернуть пальцам чувствительность. — Темнотища-то какая в городе.

— Слушай, а ведь точно, — удивилась девушка. От нее пахло соленым потом, чайной розой и шахной. Мэллори задумался, много ли у нее там волос и какого они цвета. Ему очень хотелось их увидеть.

— А почему это, Нед?

— Что почему?

— Почему так темно? Это что, из-за тумана?

— Газовые фонари, — объяснил Мэллори. — Правительство отключило все газовые фонари в городе, потому что от них дым.

— Ловко придумано.

— А теперь люди шляются по темным улицам и громят все, что ни попадется.

— Откуда ты знаешь?

Он пожал плечами.

— Так ты точно не фараон?

— Нет, Хетти.

— Не люблю фараонов. Они всегда так разговаривают, будто знают чего-то, чего ты не знаешь. И не говорят, откуда они это знают.

— Я бы мог тебе рассказать, — вздохнул Мэллори. — Даже хотел бы. Но ты не поймешь.

— Пойму, Нед, — сказала Хетти голосом тусклым, как шелушащаяся краска. — Я люблю слушать, как говорят умные мужчины.

— Лондон — это очень сложная система, выведенная из равновесия. Это как… как пьяный мужик, вдребезги пьяный, в комнате с бутылками виски. Виски спрятан — поэтому он ходит и ищет. Найдет бутылку, глотнет и отставит и тут же о ней забудет. А потом снова ходит и ищет — и так раз за разом.

— А потом у него кончается выпивка, и ему приходится бежать в лавку.

— Нет. Спиртное никогда не кончается. Есть еще демон, он постоянно доливает бутылки. Это у нас открытая динамическая система. Человек бродит и бродит по комнате вечно, никогда не зная, каким будет его следующий шаг. Совершенно вслепую и ничего не зная наперед, он выписывает круги, восьмерки, любые фигуры,

какие только можно придумать, катаясь на коньках, но он никогда не выходит из комнаты. А потом однажды гаснет свет, и человек сломя голову выбегает наружу в кромешную тьму. И тогда может случиться все, что угодно, ибо тьма кромешная есть Хаос. Вот и у нас там Хаос, Хетти.

— И тебе это нравится, да?

— Что?

— Я не очень понимаю, что ты там сейчас говорил, но вижу, что тебе это нравится. Тебе нравится об этом думать. — Легким, совершенно естественным движением Хетти приложила руку к его ширинке. — Колом стоит! — Она отдернула руку и торжествующе усмехнулась.

Мэллори боязливо оглянулся. На палубе было с десяток пассажиров. Никто, похоже, не смотрел, но разве в этой темноте что разберешь.

— Ты дразнишься, — обиженно сказал он.

— Вот вытащи и увидишь, как я умею дразниться.

— Я уж подожду более подходящего времени и места.

— Вона как мужики заговорили, — рассмеялась Хетти.

Мерное шлепанье внезапно зазвучало поиному; к нему примешался треск лопающихся

пузырей. От черной воды пахнуло невыносимым смрадом.

— Гадость какая! — воскликнула Хетти, зажимая рот ладонью. — Пошли в салон, Нед, пошли, ну пожалуйста!

Но Мэллори удерживало странное любопытство.

— А что, бывает еще хуже? Ниже по реке?

— Гораздо хуже, — пробубнила Хетти сквозь пальцы. — Я видела, как люди шлепаются в обморок.

— Тогда почему паромы еще ходят?

— Они всегда ходят, — объяснила Хетти. — Это же почтовые.

— Ясно, — кивнул Мэллори. — А могу я тут купить марку?

— Внутри. — Хетти настойчиво тянула его за локоть. — И марку, и что-нибудь еще, для меня.

* * *

Хетти зажгла в крошечной, тесно заставленной прихожей масляную лампу; Мэллори, несказанно довольный, что вырвался наконец из душной жути закоулков Уайтчепела, протиснулся мимо нее в гостиную. На квадратном столике громоздилась пачка иллюстрированных газет, все еще достав-

лявшихся по домам, несмотря на смрад. Жирные, различимые даже в полутьме заголовки стенали об очередном ухудшении здоровья премьер-министра. Старик Байрон вечно симулировал какую-нибудь болезнь: то у него отнималась нога, то отекало легкое, то барахлила печень.

Хэтти внесла в гостиную горящую лампу, и тут же на пыльных обоях расцвели поблекшие розы. Мэллори уронил на стол золотой соверен. Он ненавидел неприятности в подобных делах и всегда платил вперед. Хетти услышала звон и улыбнулась. Потом она сбросила грязные ботинки, прошла, покачивая бедрами, в конец комнаты и распахнула дверь, из-за которой доносилось приглушенное мяуканье. В комнату вбежал большой серый кот. Хетти подхватила его на руки, погладила, приговаривая: «Соскучился, Тоби, соскучился по мамочке», — и выпроводила на лестницу. Мэллори терпеливо ждал.

— Ну а теперь займемся тобой, — сказала Хетти, встряхивая темно-каштановыми локонами.

Спальня оказалась довольно маленькой и убогой, здесь стояли дубовая двуспальная кровать и высокое помутневшее трюмо, стоившее когда-то немалых денег. Хетти поставила лампу на ободранную прикроватную тумбочку и начала

расстегивать кофточку; вытащив руки из рукавов, она чуть ли не с ненавистью отбросила ни в чем не повинную одежду в сторону. Переступив через упавшую на пол юбку, девушка начала снимать корсет и туго накрахмаленную нижнюю юбку.

— Ты не носишь кринолина, — хрипло заметил Мэллори.

— Терпеть их не могу.

Хетти расстегнула нижнюю юбку, сняла ее и отложила в сторону. Ловко расстегнув крючки корсета, она распустила шнуровку, стянула его через бедра и с облегчением вздохнула; теперь на ней осталась только коротенькая кружевная рубашка.

Мэллори освободился от сюртука и ботинок. Ширинка у него чуть не лопалась. Очень хотелось выпустить зароговевший орган на волю, но при свете было как-то неудобно.

Хетти с размаху запрыгнула на постель, громко скрипнув пружинами. Мэллори не мог позволить себе такой порывистости; он осторожно присел на край кровати, насквозь пропитанной запахами апельсиновой туалетной воды и пота, аккуратно снял брюки и «неупоминаемые», сложил их и положил на стул, оставшись — по

примеру хозяйки дома — в одной рубашке.

Затем Мэллори наклонился, расстегнул кармашек нательного пояса и вытащил пакетик «французских дирижаблей».

— Я воспользуюсь защитой, дорогая, — пробормотал он. — Ты не против?

— Дай-ка мне поглядеть. — Хетти приподнялась на локте.

Мэллори продемонстрировал ей скатанный колпачок из овечьей кишки.

— Этот не из тех, хитрых, — облегченно сказала девушка. — Делай, как тебе нравится, дорогуша.

Мэллори осторожно натянул приспособление на член. Так будет лучше, думал он, довольный своей предусмотрительностью. «Защита» давала ощущение, что он контролирует обстановку, к тому же так безопаснее, и деньги, — те, отданные сутенеру, — не зря выкинуты.

Крепко обвив шею Мэллори руками, Хетти намертво присосалась к нему влажным широким ртом. Мэллори вздрогнул, почувствовав на деснах кончик скользкого, верткого, как угорь, языка. Необычное ощущение резко подстегнуло его пыл. Он забрался на девушку; ее плотное тело, чуть прикрытое непристойно тонкой рубашкой, на ощупь было восхитительно. После некоторых

трудов ему удалось задрать подол почти до талии. Дальше пришлось искать дорогу во влажных густых зарослях; Хетти поощряюще вздыхала и постанывала. Потеряв наконец терпение, она без особых церемоний взяла дело в свои руки и довела заплутавшего путника до желанного приюта.

Теперь она перестала сосать рот Мэллори, оба они дышали как пароходы, кровать под ними тряслась и скрипела, как расстроенный панмелодиум.

— О Нед, дорогой! — внезапно взвизгнула Хетти, вонзив ему в спину восемь острых ногтей. — Какой он большой! Я сейчас кончу! — Она начала судорожно извиваться.

Мэллори давно не слышал, чтобы женщина говорила во время совокупления по-английски; совершенно ошарашенный, он резко кончил, как будто бесстыдное раскачивание гладких, упругих бедер насильно вырвало семя из его плоти.

После короткой паузы, когда оба они переводили дух, Хетти чмокнула Мэллори в щеку и сказала:

— Это было прекрасно, Нед. Ты действительно знаешь, как это делается. А теперь давай поедим, давай? До смерти жрать хочется.

— Хорошо, — отозвался Мэллори, вываливаясь

из потной люльки ее бедер.

Его переполняла благодарность к ней — как, впрочем, и всегда, к каждой женщине, которая была к нему благосклонна, — благодарность с некоторой примесью стыда. Но все заглушал голод. Он не ел уже много часов.

— В «Олене», это трактир внизу, могут сообразить для нас вполне приличный пти-супе.[470] Попросим миссис Кэрнз, она сходит и принесет. Миссис Кэрнз — это жена хозяина дома, они живут тут, прямо через стенку.

— Прекрасно, — кивнул Мэллори.

— Но тебе придется заплатить и за еду, и ей тоже надо будет дать что-нибудь.

Хетти скатилась с кровати — и только потом одернула задранную рубашку; вид роскошных округлых ягодиц наполнил Мэллори благоговейным трепетом. Хетти выбила по стене резкую дробь; через несколько долгих секунд раздался ответный стук.

— Твоя подружка что, по ночам не спит? — удивился Мэллори.

— Она у меня привычная, — сказала Хетти, забираясь в кровать; пружины снова жалобно

---

[470] Примечания: 470

Petit-souper — небольшой обед; говоря попросту — «перекусить» (фр.).

скрипнули. — Не обращай на нее внимания. По средам наша миссис Кэрнз так обрабатывает своего несчастного мистера, что никто в доме спать не может.

Мэллори осторожно снял «французский дирижабль», несколько растянувшийся, однако не получивший пробоин, столь губительных для воздухоплавательных аппаратов, и брезгливо уронил его в ночной горшок.

— Может, откроем окно? Жарко тут, сил нет.

— Ты что, дорогуша, хочешь впустить сюда смрад? — Хетти усмехнулась и с наслаждением поскребла себя между лопаток. — Да и вообще окна тут не открываются.

— Почему?

— Все рамы наглухо забиты. Девушка, которая жила здесь раньше, прошлой зимой… Странная была, очень уж спесивая и держала себя — будто из благородных, но всю дорогу жутко боялась каких-то там врагов. Вот она, наверное, и заколотила все окна. Да заколачивай не заколачивай, все равно до нее добрались.

— Это как? — поинтересовался Мэллори.

— Она никогда не водила сюда мужчин, я такого ни разу не видела, но в конце концов за ней пришли фараоны. Из Особого отдела, слыхал,

наверное? И на меня тоже, ублюдки, насели, а откуда мне знать, чем она там занималась и какие у нее друзья. Я даже фамилию ее не знала, только имя, то ли настоящее, то ли придуманное, поди разберись. Сибил какая-то. Сибил Джонс.

Мэллори подергал себя за бороду.

— А что она такого сделала, эта Сибил Джонс?

— Родила вроде бы ребенка от члена парламента, когда была совсем еще молоденькой, — пожала плечами Хетти. — От мужика по фамилии… да ладно, тебе это ни к чему. Она крутила всю дорогу с политиками и еще немножко пела. А я вот зато позирую. Коннэсе-ву поз пластик?[471]

— Нет.

Мэллори совсем не удивился, заметив на своем колене блоху. Изловив насекомое, он безжалостно его раздавил; на ногтях больших пальцев остались маленькие пятнышки крови.

— Мы одеваемся в облегающее трико, точно под цвет кожи, разгуливаем за стеклом, а мужики на нас глазеют. Миссис Уинтерхолтер — ты видел ее сегодня в садах — за нами присматривает, она, как это называется, мой импресарио. Народу сегодня было кошмарно мало, а эти шведские

[471] Примечания: 471

Connaissez-vous poses plastiques? — Знаете ли вы пластические позы? (фр.)

дипломаты, с которыми мы пришли, они жмоты, как не знаю что. Так что мне повезло, что ты подвернулся.

В наружную дверь коротко постучали.

— Донне-муа[472] четыре шиллинга, — сказала Хетти, вставая.

Мэллори взял со стула свои брюки, покопался в кармане и вытащил несколько монет. Хетти вышла в прихожую и через пару секунд принесла на ободранном, сплошь в трещинах и выбоинах, лакированном подносе буханку черствого хлеба, кусок ветчины, горчицу, четыре жареные колбаски и запыленную бутылку теплого шампанского.

Наполнив два высоких, не слишком чистых бокала, она принялась есть — совершенно спокойно и молча. Мэллори безотрывно глядел на ее полные, с симпатичными ямочками руки, на тяжелые груди, темные соски которых отчетливо просвечивали сквозь тонкую ткань рубашки, и немного удивлялся заурядности лица — при такой-то фигуре. Он выпил бокал плохого, перекисшего шампанского и жадно набросился на зеленоватую ветчину.

Хетти покончила с колбасками, а затем вы-

---

[472] Примечания: 472
Donnez-moi — дайте мне (фр.).

скользнула из кровати, виновато улыбнулась, задрала сорочку до талии и присела на корточки.

— Шампанское, оно прямо проскакивает насквозь, правда? Мне нужно на горшок. Не смотри, если не хочешь.

Мэллори скромно отвернулся и тут же услышал звон струи о жесть.

— Давай помоемся, — предложила Хетти. — Я принесу тазик.

Она вернулась с эмалированным тазом вонючей лондонской воды и стала обтирать себя люфой.

— Формы у тебя великолепные, — сказал Мэллори.

У Хетти были миниатюрные кисти и ступни, а округлость ее икр и ляжек являла собой чудо анатомии млекопитающих. Ее тяжелые, крепкие ягодицы были безупречны. Мэллори они показались смутно знакомыми, где-то он видел точно такие же, скорее всего — на исторических полотнах современных мастеров… А что, вполне возможно, это они и есть. Из курчавой огненно-рыжей поросли скромно выглядывали розовые, молчаливо сжатые губы.

Заметив его взгляд, Хетти улыбнулась:

— А ты хотел бы посмотреть на меня голую?

— Очень.

— За шиллинг?

— Идет.

Хетти скинула сорочку с явным облегчением, ее тело покрывала испарина. Она аккуратно обтерла губкой пот с подмышек.

— Я могу держать позу, совсем почти не двигаться целых пять минут подряд, — сказала Хетти слегка заплетающимся языком: бутылку шампанского она выпила почти в одиночку. — У тебя есть часы? Десять шиллингов, сейчас сам увидишь. Спорим, что получится?

— А я и не сомневаюсь.

Хетти грациозно нагнулась, взялась рукой за левую щиколотку, подняла ногу над головой, не сгибая в колене, и стала медленно поворачиваться, переступая с носка на пятку и назад.

— Нравится?

— Потрясающе! — восхищенно выдохнул Мэллори.

— Смотри, я могу прижать ладони к полу, — сказала она, нагибаясь. — Большинство лондонских девиц так затягиваются в корсеты, что переломились бы, на хрен, пополам, попробуй они такое. — Затем она села на шпагат и уставилась

на Мэллори снизу вверх, пьяненькая и торжествующая.

— Да я просто жизни не видел, пока не попал в Лондон! — сказал Мэллори.

— Тогда снимай свою рубашку и давай пилиться голыми. — К ее лицу прилила кровь, серые глаза широко раскрылись и выпучились.

Как только Мэллори снял сорочку, Хетти вскочила на ноги и подошла к нему с эмалированным тазиком в руках.

— В такую зверскую жару пилиться голыми куда лучше. А мне и вообще нравится пилиться без ничего. Мамочки, да какой же ты мускулистый и волосатый, я всегда любила волосатых. Дай-ка взглянем на твою пипиську. — Она бесцеремонно подцепила упомянутый орган, скальпировала его, внимательно осмотрела и окунула в тазик. — Полный порядок, никаких болячек. Почему бы тебе не трахнуть меня без этой идиотской сосисочной шкурки? Девять пенсов сэкономишь.

— Девять пенсов не деньги, — возразил Мэллори, натягивая второй «дирижабль» и залезая на Хетти.

Голый, разгоряченный тяжелой работой, он мгновенно покрылся потом, как молотобоец у наковальни. Пот лился ручьями с них обоих, и к

его запаху примешивалась вонь дурного шампанского, но все же липкая кожа больших упругих грудей казалась прохладной. Хетти закрыла глаза, крепко уперлась пятками в ягодицы Мэллори и самозабвенно подмахивала; из угла ее рта высовывался краешек языка. Наконец он кончил, застонав сквозь стиснутые зубы, когда жгучий ток пронесся по его члену. В ушах у него звенело.

— Ты, Нед, прямо дьявол какой-то. — Шея и плечи Хетти покраснели и блестели от пота.

— Ты тоже, — пробормотал, задыхаясь, Мэллори.

— Мне нравится делать это с мужчиной, который умеет обращаться с девушкой. Давай теперь выпьем хорошего бутылочного эля. Охлаждает получше этого шампанского.

— Давай.

— И папиросы. Ты любишь папиросы?

— А что это, собственно говоря, такое?

— Турецкие сигареты, из Крыма. Последняя мода… Ну, не последняя, а с начала войны.

— Ты куришь табак? — удивился Мэллори.

— Я научилась у Габриэль, — пояснила Хетти, вставая с кровати. — Габриэль, та, что жила здесь после Сибил. Француска из Марселя. А в прошлом месяце она отплыла во Французскую Мексику с

одним из своих посольских охранников. Вышла за него замуж, повезло. — Хетти завернулась в желтый шелковый халат; в тусклом свете масляной лампы он казался почти изысканным, несмотря на засаленный подол. — Отличная была баба, Габриэль. Донне-муа четыре шиллинга, милый. А лучше пять.

— С фунта сдача будет? — спросил Мэллори.

Хетти недовольно отсчитала ему пятнадцать шиллингов и исчезла в прихожей.

Отсутствовала она довольно долго: похоже, болтала с миссис домовладелицей. Мэллори лежал, вслушиваясь в звуки огромного города: перезвон колоколов, далекие пронзительные крики, хлопки, которые могли быть и выстрелами. Он был пьян, как бог, и его божественная сущность была преисполнена земного блаженства. Вскоре на сердце снова навалится тяжесть — удвоенная сегодняшним грехом, но сейчас он чувствовал себя свободным и легким, как перышко.

Хетти вернулась с проволочной корзинкой бутылок в одной руке и дымящейся сигаретой — в другой.

— Долго же ты, — заметил Мэллори.

— Небольшая заварушка внизу, — пожала плечами Хетти. — Какие-то хулиганы. — Она

опустила корзинку на пол, вытащила одну из бутылок и кинула Мэллори. — Потрогай, какая холодная. Из подвала. Здорово, правда?

Разобравшись с хитроумной, из фарфора, пробки и проволоки затычкой, Мэллори жадно припал к бутылке. На стекле выступали рельефные буквы: «Ньюкаслский эль». Современная пивоварня, где вместо дедовских чанов — стальные цистерны размером с линейный корабль. Добротный, машинного производства напиток, никакого тебе жульничества с индейской ягодой.

Хетти легла на кровать прямо в халате, допила бутылку и открыла другую.

— Сними халат, — попросил Мэллори.

— А где шиллинг?

— Бери.

Хетти спрятала монету под матрас и улыбнулась.

— Хороший ты мужик, Недди. — Она сняла халат, швырнула его на прибитый к двери железный крючок, но промахнулась. — У меня сегодня хорошее настроение. Давай еще раз, а?

— Чуть погодя, — зевнул Мэллори.

У него слипались глаза, в затылке пульсировала боль. Сучий кот Веласко. Когда же это было? Сто лет назад. Последние сто лет он только и

делал, что пил да пилился.

— Когда у тебя в последний раз была женщина, Нед? — спросила Хетти, не оставляя попыток гальванизировать уныло обвисший член Мэллори.

— Ну… Месяца два назад. Или три.

— И кто она была?

— Она была… — Это была канадская шлюха, но Мэллори внезапно остановился. — Почему ты спрашиваешь?

— Расскажи мне. Я люблю об этом слушать. Мне хочется знать, как это делают в приличном обществе.

— Я ничего об этом обществе не знаю. Да и ты, наверное, тоже.

Убедившись, что все ее старания ни к чему не приводят, Хетти сложила руки на груди, откинулась на изголовье кровати и чиркнула люцифером по шершавой штукатурке, закурила очередную папиросу и выпустила дым через ноздри — картина, на взгляд Мэллори, до крайности неприличная.

— Ты не думай, что я ничего не знаю, — начала она. — Я такое слышала, чего ты и представить себе не можешь, вот хоть поспорим.

— Не сомневаюсь, — вежливо согласился Мэл-

лори и допил очередную бутылку.

— А ты знаешь, что старая леди Байрон порет своего муженька по голой заднице немецким хлыстом для верховой езды, а иначе у него не стоит? Мне рассказывал это один фараон, а ему рассказывал слуга из их дома.

— Да?

— Эта семейка Байронов, все они извращенцы и похабники. Теперь-то он старье с бордюром, этот самый ваш лорд Байрон, а в молодости он отодрал бы кого хочешь, хоть козу. Да что там козу — он и куст бы отодрал, приди ему в голову, что в том кусту лежит коза! И жена его ничуть не лучше. Она на стороне не трахается, но зато любит орудовать кнутом — заводится она так; вот у них и парочка получается — что один, что другой.

— Поразительно, — зевнул Мэллори. — А как их дочь?

Хетти ответила не сразу, лицо ее стало на удивление серьезным.

— Потрясная она баба, Ада. Самая мощная шлюха во всем Лондоне.

— Почему ты так говоришь?

— Она-то трахается, с кем только захочет, и никто даже заикнуться не смеет о том, что она вы-

творяет. Она поимела половину палаты лордов, и все они цепляются за ее юбки, как маленькие. Называют себя ее фаворитами и паладинами, и если хоть какой-нибудь из них нарушит клятву и посмеет проронить хоть словечко, остальные устраивают ему веселую жизнь. Все они крутятся вокруг нее, защищают ее, поклоняются ей, как паписты своей Мадонне.

Мэллори неопределенно хмыкнул. Со шлюхи спрос небольшой, но все равно, разве можно такое говорить? Он знал, что у леди Ады есть поклонники, но мысль о том, что она отдается мужчинам, что на математическом ложе королевы машин сопят, обливаются потом, кидают палки… нет, лучше об этом не думать. У него кружилась голова.

— Твоя осведомленность поразительна, Хетти, — пробормотал Мэллори. — Нет никаких сомнений, что ты весьма компетентна во всем, что касается твоей профессии, но…

Хетти оторвала от губ горлышко очередной бутылки и согнулась от хохота.

— О господи, — закашлялась она, вытирая с груди плеснувшую из бутылки пену. — Ну, Недди, и разговорчики же у тебя! Смотри, что ты наделал.

— Извини, — сказал Мэллори.

Хетти скользнула по нему насмешливым взглядом и подобрала с края тумбочки тлеющую сигарету.

— Вот возьми теперь тряпку и хорошенько их вымой, — предложила она. — Ведь ты же очень даже не против, да?

Мэллори без слов принес тазик, намочил полотенце и принялся осторожно протирать ее груди и пухлый белый живот с ямкой пупка посередине. Хетти смотрела из-под полуприкрытых век, затягиваясь сигаретой и стряхивая пепел на пол; можно было подумать, что ее плоть принадлежит кому-то другому. Через некоторое время, когда Мэллори покончил с животом и занялся ногами, она молча сжала подающий первые признаки жизни член и начала делать ему искусственное дыхание.

Надевая очередной чехол, Мэллори едва не потерял эрекцию. К немалому своему облегчению, он сумел проникнуть в Хетти, после чего полуобморочный орган очнулся, быстро освоился в знакомой обстановке и обрел нужную для предстоящей работы упругость. У Мэллори болели локти, запястья и спина; у основания члена ощущалось странное болезненное покалывание. Усталый и пьяный, он долбил из последних

сил, из принципа, безо всякого удовольствия. Прикрытая овечьей кишкой головка истерлась почти в кровь, семяизвержение представлялось чем-то абсолютно неосуществимым — вроде как вытащить ржавый, с откушенной шляпкой гвоздь из доски. Пружины кровати трещали, как поле металлических сверчков.

На полпути Мэллори чувствовал себя так, будто пробежал много миль, а Хетти, чья погасшая сигарета прожгла тумбочку, впала то ли в транс, то ли в пьяное оцепенение. На какое-то мгновение он задумался, а не бросить ли к чертям собачьим это бесполезное занятие, сказать напрямую, что ничего не получается, однако не мог подобрать слова, которые удовлетворительно объяснили бы подобную ситуацию, а потому пилил и пилил. Мысли его скользнули к другой женщине, его кузине. В далеком детстве, забравшись на дерево за кукушиными яйцами, он видел, как ее драл в кустах один из местных парней. Через какое-то время рыжая кузина вышла за этого парня замуж, теперь это была сорокалетняя женщина со взрослыми детьми. Маленькая, кругленькая добропорядочная женщина в маленькой, кругленькой добропорядочной шляпке, однако, встречаясь с ней, Мэллори неизменно вспоми-

нал выражение мучительного наслаждения на веснушчатом лице. Теперь он цеплялся за этот потаенный образ, как галерный раб за свое весло, и упрямо прокладывал себе дорогу к оргазму. Наконец пришло то теплое ощущение подъема в паху, которое сказало ему, что он скоро кончит и ничто не в силах ему в этом помешать, и он качал, качал, тяжело дыша и с удвоенным остервенением, пока не добился своего. Острый спазм наслаждения пробежал по его рукам, ногам, даже по ступням сведенных судорогой ног, и он вскрикнул, издал громкий животный стон экстаза, удививший его самого.

— Мамочки, — откомментировала Хетти.

Мэллори свалился с нее, грудь у него тяжело вздымалась и опускалась, как у выброшенного на берег кита. Мускулы казались резиновыми, и большая часть выпитого алкоголя вышла из него с потом. Он чувствовал себя на седьмом небе. Чувствовал, что готов умереть. Он был бы рад, например, получить — прямо здесь и сейчас — пулю от того ипподромного хлыща, приветствовал бы возможность никогда больше не покидать этой заоблачной вершины, никогда не возвращаться к нормальному бытию Эдварда Мэллори — остаться чудесным существом, утонувшим в запахах

шахны и чайной розы.

Но через минуту ощущение исчезло, и он снова стал Мэллори. Слишком отупевший для таких тонкостей, как угрызения совести и чувство вины, Мэллори знал, однако, что пора сматывать удочки. Кризис миновал, эпизод отошел в прошлое. Он был слишком измотан, чтобы уйти прямо сейчас, но знал, что вскоре это сделает. Спальня шлюхи не представлялась более тихой гаванью. Стены потеряли реальность, превратились в математические абстракции, граничные условия, не способные более сдерживать его импульс.

— Давай поспим. — Хетти едва ворочала языком.

— Давай.

Он предусмотрительно положил коробок люциферов в близкой досягаемости, прикрутил лампу и остался лежать в душной мгле, как платоновская свободно парящая душа, не закрывая глаз и безразлично ощущая, как где-то очень далеко — на щиколотках — пируют блохи. Он не спал, а просто расслабленно отдыхал. Через какое-то время его мысли побежали по кругу, тогда он на ощупь отыскал люциферы и выкурил сигарету из запаса Хетти — приятный ритуал, хотя табак

можно использовать и лучшим способом. Еще позднее он встал с кровати, нащупал ночной горшок и помочился. На полу была лужа эля, а может, и чего-нибудь другого. Ему захотелось вытереть ноги, но в этом не было особого смысла.

Он ждал, чтобы тьма, повисшая за переплетом голого, закопченного окна спальни Хетти хоть немного рассеялась. Наконец появились какие-то жалкие проблески, очень мало напоминающие нормальный дневной свет. Мэллори успел протрезветь, и теперь его мучила жажда; содержимое черепной коробки словно превратилось в бездымный порох. Не так уж плохо, если только не делать резких движений, просто глухие, тревожные всплески боли.

Он зажег свечу, нашел рубашку. Хетти со стоном проснулась и удивленно уставилась на него; волосы у нее слиплись от пота, глаза выпучились и странно поблескивали: «эллиндж», назвали бы такой взгляд в Сассексе, — чумовой.

— Ты что, уходишь? — сонно спросила она.

— Да.

— Почему? Ведь еще темно.

— Люблю начинать день пораньше. — Он помедлил. — Старая походная привычка.

— Тоже мне отважный воин, — фыркнула Хет-

ти. — Глупости это все, возвращайся в кровать. Ну куда тебе спешить? Мы помоемся, позавтракаем. Хороший плотный завтрак, это ж тебе будет в самый раз.

— Да нет, не надо, я лучше пойду. Времени уже много, а у меня дела.

— Как это — много? — Хетти широко зевнула. — Еще даже не рассвело.

— Много, я точно знаю.

— А что говорит Биг-Бен?

— Послушай, — удивился Мэллори, — я же за всю ночь ни разу его и не слышал. Отключили, что ли?

Эта мелочь почему-то встревожила Хетти.

— Давай тогда французский завтрак, — предложила она. — Закажем внизу. Булочки и кофе, это совсем недорого.

Мэллори молча покачал головой.

Хетти прищурилась; судя по всему, отказ ее удивил. Она села, скрипнув кроватью, и пригладила растрепанные волосы.

— Не ходи на улицу, погода ужасная. Не можешь спать, так давай перепихнемся.

— Вряд ли у меня что получится.

— Я знаю, что нравлюсь тебе, Недди. — Хетти скинула мокрую от пота простыню. — Иди сюда и

пощупай меня, везде, глядишь, и встанет. — Она лежала в ожидании.

Не желая ее разочаровывать, Мэллори погладил великолепные ляжки, слегка помял пышные, упругие груди. Но даже вся эта несомненная роскошь не произвела на лысого практически никакого впечатления — он сонно пошевелился, и не более.

— Мне правда пора идти, — сказал Мэллори.

— Да встанет у тебя, встанет, только подожди немного.

— Я не могу ждать.

— Я не сделала бы этого, не будь ты таким лапушкой, — медленно проговорила Хетти, — но если хочешь, я заставлю его встать прямо сейчас. *Connaissez-vous la belle gamahuche?*

— А это еще что?

— Ну, — чуть замялась Хетти, — будь ты не со мной, а с Габриэль, ты бы уже это знал. Она всегда проделывала такое со своими мужчинами и говорила, что они с ума от этого сходят. Это то, что называется минет, французское удовольствие.

— Я что-то не очень понимаю.

— Ну… она член сосет.

— А, вот ты про что.

Прежде Мэллори воспринимал это выражение

исключительно как гиперболический элемент обсценной идиоматики. Возможность физической его реализации, более того — возможность стать объектом такой реализации ошеломляла. Он подергал себя за бороду.

— А… И сколько это будет стоить?

— Для некоторых я бы не сделала так ни за что, ни за какие деньги, — заверила его Хетти, — но ты другое дело, ты мне нравишься.

— Сколько?

Хетти на мгновение задумалась.

— Как насчет десяти шиллингов?

А десять шиллингов — это полфунта.

— Нет, что-то не хочется.

— Ладно, пять шиллингов, только ты там не кончай. И чтобы точно, под честное слово, я это совершенно серьезно.

Намек, содержавшийся в этих словах, — да какой там намек, их *смысл*, — вызвал у Мэллори дрожь блаженного отвращения.

— Нет, я что-то не расположен. — Он начал одеваться.

— Но еще-то ты придешь? Когда ты придешь?

— Скоро.

Хетти вздохнула, ничуть не сомневаясь, что он лжет.

— Иди, раз уж тебе надо. Но послушай, Недди, я же тебе нравлюсь. Я не помню, как там тебя звать по-настоящему, но точно помню, что видела твой портрет в газете. Ты — знаменитый ученый, и у тебя уйма денег. Правда ведь, да?

Мэллори промолчал.

— Девушки в Лондоне бывают разные, — торопливо продолжила Хетти, — и такой мужик, как ты, может крупно влипнуть. А с Хетти Эдвардес ты в полной безопасности, потому что я имею дело только с джентльменами и не болтаю лишнего.

— Я в этом ничуть не сомневаюсь. — Мэллори торопливо застегивал брюки.

— По вторникам и четвергам я танцую в театре «Пантаскопик», это на Хеймаркете. Ты придешь на меня посмотреть?

— Если буду в Лондоне.

С чем он и ушел. Пробираясь на ощупь по темной, хоть глаз выколи, лестнице, он до крови ободрал голень о педаль прикованного к перилам велосипеда.

* * *

Небо над «Оленем» не походило ни на что из прежнего опыта Мэллори, и все же он его узнал.

Такое небо не раз вставало перед его внутренним взором — плоский, низко нависший купол, в край наполненный гремучей смесью пыли и отвратительных испарений, вернейший предвестник катастрофы.

По тусклому пятнышку поднявшегося над крышами солнца он определил, что уже около восьми утра. Рассвет наступил, но не принес с собой дня. Вот такое же точно небо видел сухопутный левиафан после громового удара Великой Кометы. Для чешуйчатых исполинов, вся жизнь которых состояла в наполнении непомерно огромных желудков, для несметных орд, беспрестанно перемещавшихся по фантастически изобильным джунглям в тщетной надежде утолить свой неутолимый голод, это небо было небом Армагеддона. Полыхали пожары, мезозойскую Землю хлестали ураганы, бушующая атмосфера насытилась кометной пылью и дымом, планету окутал мрак. Гибли лишенные солнечного света растения, а вслед за ними и могучие динозавры, жестко адаптированные к рухнувшему, безвозвратно ушедшему в прошлое миру. Но в наступившем Хаосе еще активнее заработали механизмы эволюции, прошло какое-то время, и опустошенную Землю заселили новые, странные

и неожиданные существа.

Мэллори тащился по Флауэр-энд-Дин-стрит, поминутно кашляя и вытирая глаза. Масштабы бедствия вызывали благоговейный трепет. По мостовой лениво перекатывались огромные клубы желтого, до рези в глазах едкого тумана, видимость ограничивалась тремя десятками футов.

Скорее по удаче, чем по намерению, он вышел на Коммершел-стрит, в нормальные времена — самую оживленную улицу Уайтчепела. Теперь же она напоминала поле недавней битвы: густо усыпанный битым стеклом асфальт и — ни души.

Мэллори прошел квартал, другой. Ни одной целой витрины. Судя по всему, булыжники, выковырянные на боковых улицах, летели направо и налево, как метеоритный дождь. По ближайшей бакалейной лавке будто прошелся ураган, оставив на тротуаре грязные сугробы муки и сахара. Мэллори пробирался среди взлохмаченных кочанов капусты, раздавленных слив, расплющенных жестянок с консервированными персиками и в хлам разбитых копченых окороков. Сырая, густо рассыпанная мука сохранила самые разнообразные следы: вот грубые мужские башмаки, вот босые детские ноги, а здесь прошлись изящные женские туфельки, и рядом — смутная бороздка,

кринолин зацепил за землю.

Из тумана возникли четыре размытые фигуры, трое мужчин и женщина, — все прилично одетые, все в масках. Заметив Мэллори, встречные разом перешли на другую сторону улицы. Двигались они неторопливым, прогулочным шагом и о чем-то вполголоса переговаривались.

Под ногами Мэллори ритмично похрустывало битое стекло. «Мужской конфекцион Мейера», «Галантерея Петерсона», «Парижская пневматическая прачечная Лагранжа» — везде разбитые витрины и сорванные с петель двери. Фасады лавок подверглись массированной бомбардировке булыжниками, кирпичами и сырыми яйцами.

Теперь из тумана возникла более сплоченная группа. Мужчины и подростки, у некоторых — нагруженные тележки, хотя никто из них не похож на уличного торговца. С лицами, закрытыми масками, эти люди казались усталыми, чуть смущенными и печальными, словно только что похоронили любимую тетю. Около разграбленной сапожной мастерской они остановились и начали с вялым энтузиазмом стервятников подбирать разбросанную по мостовой обувь.

Мэллори ругал себя последними словами. Пока он предавался бездумному распутству, Лондон

превратился в средоточие анархии. Ему сейчас следовало быть дома, в мирном Сассексе, в кругу своей семьи. Вместе с братьями и сестрами готовиться к свадьбе Маделайн, дышать чистым деревенским воздухом, есть здоровую домашнюю пищу, пить домашнее пиво. Внезапно его охватил острый приступ тоски по дому, он спросил себя, какая дикая смесь похоти, амбиций и обстоятельств забросила его в этот жуткий, насквозь прогнивший город. Он задумался, что делают сейчас его домашние. Сейчас. А который сейчас час?

И тут он вспомнил о часах Маделайн. Подарок сестре на свадьбу лежал в сейфе Дворца палеонтологии. Красивые часы, купленные для милой Маделайн, находились и близко, и почти вне досягаемости. До Дворца — семь миль. Семь миль бурлящего Хаоса.

Но должен же быть какой-то путь назад, какой-то способ преодолеть это расстояние. Мэллори задумался, ходят ли хоть какие-нибудь городские поезда или паробусы. А может, удастся поймать кеб? Да нет, лошади бы задохнулись в этом гнилом тумане. Придется идти на своих двоих. Все говорило, что попытка пересечь Лондон — дикая глупость, что было бы гораздо умнее крысой забиться в какой-нибудь тихий подвал, сидеть

там и дрожать в надежде, что катастрофа пройдет стороной. И все же Мэллори обнаружил, что плечи его расправляются, а ноги сами собой стремятся вперед. Даже пульсирующая боль в дотла выжженной голове начала успокаиваться. Ведь это так важно — поставить перед собой конкретную цель. Назад во Дворец. Назад к нормальной жизни.

— Эй! Эй, вы, там! Сэр!

Крик раскатился в голове, как голос нечистой совести; Мэллори удивленно вскинул глаза.

Из окна четвертого этажа заведения «Братья Джексон. Скорняки и шляпники» торчал черный ствол винтовки. Затем рядом со стволом появилась лысая очкастая голова и полосатая рубашка, перечеркнутая ярко-красными подтяжками.

— Чем могу быть полезен? — привычно отозвался Мэллори.

— Благодарю вас, сэр! — Голос лысого дрожал. — Сэр, прошу вас, не будете ли вы так любезны поглядеть у нашей двери. Вот тут, у крыльца. Мне кажется — там кто-то ранен!

Мэллори махнул рукой и подошел ко входу в магазин.

Двустворчатая дверь уцелела, но была сильно измочалена и покрыта яичными потеками. Чуть

левее ничком распластался молодой человек в полосатой матросской блузе и расклешенных брюках; возле его руки валялся толстый железный прут.

Мэллори сгреб грубую ткань блузы и перевернул бесчувственное тело лицом вверх. Мертвый. Пуля угодила матросу в горло, при ударе о мостовую его нос свернулся на сторону и расплющился, что придавало пепельно-бледному лицу странно гротескный вид, словно парень прибыл сюда из какой-то безвестной страны мореходов-альбиносов.

Мэллори выпрямился.

— Вы застрелили его насмерть! — крикнул он, задрав голову.

Лысый явно не ожидал такого поворота; он ничего не ответил и громко закашлялся.

Мэллори заметил за плетеным ремнем мертвого матроса искривленную деревянную рукоятку, наклонился и вытащил оружие. Револьвер совершенно незнакомой системы, массивный барабан изрезан глубокими бороздками, под длинным восьмигранным стволом прилепился непонятный, наглухо закрытый цилиндр. И резкая вонь черного пороха. Мэллори поднял глаза. Да, толпа, молотившая чем попало эту дверь, была готова

на все. Озверевшие ублюдки не успели довести свое дело до конца — увидели, что матрос убит, и разбежались.

Мэллори отошел на мостовую и взмахнул револьвером.

— Негодяй был вооружен! — крикнул он. — Хорошо, что вы…

В нескольких дюймах от его головы провизжала срикошетившая пуля; на бетонной ступеньке появилась неглубокая белая щербинка.

— Да какого дьявола, придурок ты косорукий! — взревел Мэллори. — Не умеешь обращаться с оружием, так и не берись!

Секундное молчание.

— Прошу прощения, сэр! — выкрикнул лысый.

— Или ты это что, нарочно? Так какого дьявола…

— Я сказал, прошу прощения. Только вам, сэр, лучше бы выбросить это оружие.

— И не подумаю! — проорал Мэллори, засовывая револьвер за ремень.

Его намерение потребовать, чтобы лысый спустился и прикрыл мертвеца, как полагается, осталось неосуществленным — громко захлопали ставни, из четырех распахнувшихся окон высунулись еще четыре винтовочных ствола. Братцы

Джексоны были настроены весьма воинственно.

Мэллори попятился, показывая пустые руки и пытаясь изобразить улыбочку. Как только фасад негостеприимной скорняжной мастерской скрылся за пологом желтой мглы, он повернулся и побежал прочь.

Теперь он двигался осторожнее, держась середины улицы. Он обнаружил затоптанную батистовую сорочку и оторвал от нее рукав. Получилась вполне сносная маска.

Осмотрев револьвер матроса, Мэллори выдернул из барабана черный патронник; там еще оставалось пять зарядов. Громоздкое, неуклюжее оружие, явно иностранного производства, воронение неровное, пятнами, однако механика изготовлена вполне пристойно. Единственная маркировка — загадочные слова «БАЛЛЕСТЕР-МОЛИНА», еле заметно выбитые на одной из граней ствола.

Мэллори вышел на Олдгейт-Хай-стрит, смутно запомнившуюся ему по прогулке с Хетти от пристани Лондонского моста; сейчас она выглядела еще кошмарнее, чем ночью. Впрочем, какой-то непредсказуемый каприз Хаоса спас ее пока от разгрома.

Сзади донеслось ритмичное позвякивание;

Мэллори сошел с мостовой на тротуар, уступая дорогу пожарной машине. Ее красные борта были сплошь во вмятинах и царапинах — какая-то шайка лондонского сброда атаковала пожарников, напала на обученных людей и машины, которые одни и стояли между городом и адским, всесжигающим пламенем. Это показалось Мэллори высшим проявлением извращенной глупости и все же почему-то его ничуть не удивило. Усталые пожарники висели на подножках, лица их скрывали фантастические резиновые маски с огромными стеклянными глазами и гармошками дыхательных трубок. Мэллори много бы отдал за такую маску; его глаза болезненно слезились, он непрерывно щурился, как пират в пантомиме, но продолжал шагать.

Олдгейт перешла в Фенчерч, потом в Ломбард, потом в Поултри-стрит, а до заветной цели, если Дворец палеонтологии заслуживал такого названия, оставалось еще много миль. В висках стучало, голова кружилась от выпитого вчера плохого виски и от еще худшего воздуха, в котором все явственнее ощущалось влажное, тошнотворно-едкое дыхание Темзы.

Посреди Чипсайд-стрит лежал на боку паробус, сгоревший от пламени собственной топки. Все

стекла в его окнах были разбиты, кузов выгорел до почерневшего остова. Хотелось надеяться, что внутри никто не погиб. Дымящиеся останки воняли так зверски, что Мэллори не хотелось проверять.

На кладбище собора Святого Павла виднелись люди. Воздух там был чище, можно было даже различить и купол, и толпу, собравшуюся под кладбищенскими деревьями. По какой-то непонятной причине все эти мужчины и подростки пребывали в великолепном расположении духа. Мгновение спустя Мэллори разглядел, что они нагло бросают кости прямо на ступенях шедевра Рена.

Чуть дальше и саму Чипсайд перегородили группки игроков; тесно сбитые круги расползлись по мостовой, мужчины стояли на коленях, охраняя стопки монет и ассигнаций. Организаторы игр, все как на подбор крутые, с нехорошим прищуром глаз кокни, словно выкристаллизовавшиеся из лондонского смрада, выкрикивали на манер ярмарочных зазывал громко и хрипло:

— Шиллинг на кон! Кто ставит? Кто ставит, ребятки?

От этих группок то и дело доносились торжествующие возгласы выигравших и гневные

стоны неудачников.

На каждого играющего приходилось по трое зрителей; ярмарочное увеселение, вонючий и преступный карнавал, но каждый забавляется, как умеет. Ни полиции, ни властей, ни элементарной порядочности. Мэллори протискивался сквозь возбужденную, не очень густую толпу, настороженно поглядывая по сторонам и не снимая руки с рукоятки револьвера. В переулке двое в масках избивали ногами третьего, затем они освободили его от часов и бумажника. Дюжина зрителей воспринимала происходящее с весьма умеренным интересом.

Эти лондонцы, подумал Мэллори, подобны газу, облаку крохотных атомусов. Стоило только разорваться скрепляющим общество связям, и они попросту разлетелись, как абсолютно упругие сферы законов Бойля. Приличные в большинстве своем, если судить по платью, эти люди сейчас потеряли голову, низведенные хаосом до нравственной пустоты. Никто из них, думал Мэллори, никогда не сталкивался ни с чем даже отдаленно подобным происходящему. Они лишились разумных критериев для сравнения, превратились в марионеток слепого инстинкта.

Подобно дикарям-шайенам, танцующим под

дьявольскую дудку алкоголя, добропорядочные жители цивилизованного Лондона предались первобытному безумию. По всеобщему выражению изумленного блаженства на сияющих лицах Мэллори осознал, что эти люди наслаждаются, наслаждаются от всей души. Нечестивая, греховная свобода, свобода более полная, чем все, о чем они могли когда-либо помыслить, доводила их до экстаза.

Священная стена Патерностер-роу пестрела аляповатыми, сырыми от не успевшего еще подсохнуть клея афишами. Рекламы самого дешевого и навязчивого сорта, какие мозолят глаза по всему Лондону: «МАГНЕТИЧЕСКИЕ ПИЛЮЛИ ОТ ГОЛОВНОЙ БОЛИ ПРОФЕССОРА РЕНБУРНА», «РУБЛЕНАЯ ТРЕСКА БИРДЗЛИ», «ТАРТАОЛИТИН МАККЕССОНА И РОББИНСА», «ЗУБНОЕ МЫЛО АРНИКА»... И несколько театральных афиш: «МАДАМ СКАПИЛЬОНИ В САВИЛЛ-ХАУСЕ НА ЛЕСТЕР-СКВЕР. ВОКСХОЛЛСКАЯ СИМФОНИЯ ДЛЯ ПАНМЕЛОДИУМА»... Спектакли, которым не суждено состояться, о чем, конечно же, знали и расклейщики — афиши были нашлепаны вкривь и вкось, с безразличной поспешностью. Из-под сморщенных листов плохой бумаги белыми ручейками стекал клей — зрелище, непонятным

образом раздражавшее Мэллори.

А среди этих будничных объявлений непринужденно, словно по полному праву, раскинулся огромный, с попону размером, трехчастный плакат машинной печати, тоже сморщившийся от поспешной расклейки. Даже краска на нем казалась еще сырой.

Нечто безумное.

Мэллори застыл, пораженный грубой эксцентричностью триптиха. Он был отпечатан в три цвета — алый, черный и отвратительный серовато-розовый, казавшийся смесью двух предыдущих.

Алая женщина с повязкой на глазах — богиня правосудия? — в размытой алой тоге возносит алый меч с надписью «ЛУДД» над розовато-серыми головами двух очень грубо обрисованных фигур мужчины и женщины, изображенных по пояс, — короля и королевы? Лорда и леди Байрон? Алая богиня попирала середину огромной двуглавой змеи или чешуйчатого дракона, на чьем корчащемся теле было написано: «МЕРИТОЛОРДСТВО». За спиной у алой женщины горизонт Лондона полыхал языками алого пламени, небо полнилось стилизованными завитками мрачных туч. В правом верхнем

углу болтались на виселице трое мужчин, то ли священнослужители, то ли ученые, а в верхнем левом — нестройная колонна жестикулирующих уродцев, ведомая яркой хвостатой кометой, шествовала, размахивая флагами и якобинскими пиками, к какой-то неведомой цели.

И это еще малая часть. Мэллори протер слезящиеся глаза. Весь огромный прямоугольный лист кишел более мелкими фигурками, будто бильярдный стол — шарами. Вот миниатюрный бог ветров выдувает облако с надписью «МОР». Вот артиллерийский снаряд или бомба взрывается стилизованными угловатыми осколками, раскидывая во все стороны угольно-черных чертенят. Заваленный цветами гроб, поверх цветов лежит удавка. Голая женщина сидит на корточках у ног чудовища — прилично одетого джентльмена с головой рептилии. Крошечный, сложивший руки, как для молитвы, человечек в эполетах стоит под виселицей, крошечный палач в колпаке с прорезями для глаз и куртке с закатанными рукавами указывает ему на петлю… Клубы дымовых туч, наляпанные на изображение, как комки грязи, которые связывают все воедино, как тесто — начинку пирога. А в самом низу был текст. Его заголовок, исполненный огромными

расплывчатыми буквами машинного шрифта, гласил: «СЕМЬ ПРОКЛЯТИЙ ВАВИЛОНДОНСКОЙ БЛУДНИЦЫ».

Вавилондон? Какие «проклятья», почему «семь»? По всей видимости, этот плакат был наспех сляпан из первых попавшихся под руку машинных трафаретов. Мэллори знал, что в современных типографиях есть специальные перфокарты для печати стандартных картинок — по смыслу нечто вроде дешевых деревянных матриц, использовавшихся когда-то при печати жестоких баллад. В машинном наборе грошовых изданий можно было по сотне раз встретить одну и ту же намозолившую глаза иллюстрацию. Но здесь — цвета были кошмарны, изображения втиснуты куда попало, словно в лихорадочном бреду, и, что хуже всего, плакат явно пытался выразить — пусть даже диким, судорожным способом — нечто абсолютно немыслимое.

— Ты это мне? — осведомился чей-то голос.

— Что? — испуганно дернулся Мэллори. — Да нет, я так.

Прямо у него за спиной стоял длинный тощий кокни; на соломенных, сто лет не мытых волосах неожиданного собеседника сидел высокий, донельзя замусоленный цилиндр. Нижнюю часть

его лица прикрывала веселенькая, в горошек, маска, глаза сверкали пьяным, полубезумным блеском. Новехонькие, явно ворованные башмаки дико контрастировали с кошмарными, недостойными даже называться одеждой лохмотьями. От кокни несло застарелым потом — вонью заброшенности и безумия. Он прищурился на афишу, а затем посмотрел Мэллори прямо в глаза:

— Твои, сквайр, дружки?

— Нет, — сказал Мэллори.

— Вот ты, ты скажи мне, что это значит, — не отставал кокни. — Я слышал, как ты тут бормотал. Ты ведь знаешь? Знаешь, да?

Резкий голос тощего забулдыги дрожал и срывался; его глаза сверкали звериной ненавистью.

— Отстаньте от меня! — крикнул Мэллори.

— Он возносит хулу на Христа Спасителя! — взвизгнул кокни; его скрюченные пальцы месили воздух. — Святая кровь Христова, омывшая нас от греха…

Мэллори ударил по костлявой, тянущейся к его горлу руке.

— Да мочи его на хрен, — доброжелательно посоветовал еще один незнакомый голос.

Мочить, судя по всему, нужно было не тощего

ублюдка, а Мэллори. Эти слова зарядили и без того мрачную атмосферу, как лейденскую банку. Внезапно Мэллори и его противник оказались в центре толпы, из случайных частичек превратились в фокус возможной — и очень серьезной — беды. Высокий кокни, которого, возможно, кто-то подтолкнул, налетел на Мэллори, получил удар в живот и согнулся пополам. Над толпой взвился чей-то высокий, леденящий сердце голос. Слов Мэллори не разобрал — да и были ли там какие-нибудь слова? Неумело брошенный ком грязи пролетел мимо его головы и шмякнулся о плакат; это словно послужило сигналом, внезапно вспыхнула беспорядочная драка, яростные крики перемежались глухими звуками ударов, люди падали, снова поднимались.

Мэллори пытался и никак не мог вырваться из этой свалки; пританцовывая на оттоптанных ногах и ругаясь сквозь до боли сжатые зубы, он выхватил из-за пояса револьвер, направил его вверх и нажал на спуск.

Ничего. Чей-то локоть болезненно въехал ему под ребра.

Он взвел большим пальцем курок и снова нажал. Грохот выстрела отдался в голове, болезненно ударил по барабанным перепонкам, эхом

раскатился по улице.

В мгновение ока толпа вокруг Мэллори растаяла; люди орали, падали, уползали на четвереньках в нерассуждающем стремлении спасти свою шкуру. Несколько человек осталось лежать на мостовой, по ним успели потоптаться те, что пошустрее. Какую-то секунду Мэллори стоял неподвижно, скрытая батистовой маской челюсть отвисла от изумления, ствол револьвера все так же глядел в небо.

Бежать, бежать от этого безумия — настойчиво подсказывал здравый смысл, бежать сию же секунду. И Мэллори побежал; пытаясь запихнуть револьвер за ремень, он обнаружил, к вящему своему ужасу, что курок почему-то взведен, малейшее прикосновение к спусковому крючку — и снова громыхнет оглушительный выстрел. Времени разбираться не было; Мэллори убрал палец со спуска и побежал дальше, стараясь не очень размахивать правой, сжимающей оружие рукой.

Он выбился из сил, остановился и зашелся мучительным кашлем. Сзади из-за грязной пелены тумана доносились крики животной злобы, ненависти, ликования, изредка перемежаемые выстрелами.

— Господи Иисусе, — пробормотал Мэллори и

начал внимательно изучать оружие.

Эта чертова штука взвела себя автоматически, выбросив часть пороховых газов в прикрепленный к стволу цилиндр. Давление газов отвело барабан назад, косые бороздки и выступающие из рамы зубцы заставили его повернуться, на место стреляного патрона встал новый, то же самое движение взвело курок. Мэллори придержал курок большими пальцами, осторожно его спустил и облегченно сунул револьвер за ремень.

Полоса афиш дотянулась и досюда. Мэллори шел по пустынной, зловеще притихшей улице и читал объявления, жирно напечатанные на влажных, вкривь и вкось наклеенных на стену листках. Откуда-то издалека доносились звон бьющегося стекла и взрывы мальчишеского хохота.

«ПОТАЙНЫЕ КЛЮЧИ ИЗГОТАВЛИВАЕМ ДЕШЕВО», — гласил небрежно приклеенный плакат. «КРАСИВЫЕ ДОЖДЕВИКИ ДЛЯ ИНДИИ И КОЛОНИЙ». «ОБУЧАЕМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ ПРОВИЗОРА И ФАРМАЦЕВТА».

Впереди послышалось медленное цоканье подков, скрип оси. Затем из тумана возник фургон расклейщика — высокая черная повозка, сплошь оклеенная огромными кричащими плакатами.

Малый в маске и широком сером плаще лепил на стену очередное объявление. Стена располагалась футах в пяти от тротуара, за высокой кованой оградой, но это ничуть не мешало расклейщику, вооруженному хитрым валиковым устройством, прикрепленным к концу длинной палки.

Мэллори подошел поближе. Расклейщик не поднял глаз, в его работе наступал самый ответственный момент. Объявление, плотно намотанное на черный резиновый валик, прижималось и раскатывалось снизу вверх по стене. Одновременно с этим расклейщик ловко нажимал на рукоятку маленького насосика, прикрепленного к палке; два кривых патрубка, установленные на концах валика, выплескивали жидкую кашицу клея. Затем — проход вниз, уже без клея, чтобы пригладить лист, и все готово.

Фургон тронулся с места. Мэллори подошел поближе и узнал, что мыло «Колгейт» придает коже лица неповторимую свежесть.

Прочитав объявление, он снова догнал остановившийся неподалеку фургон, однако расклейщик, которому явно не нравилось быть объектом внимания, что-то пробормотал кучеру; и тот отъехал подальше.

Теперь Мэллори следил за его действиями

издалека. Следующую остановку фургон сделал на углу Флит-стрит у щитов, где испокон века вывешивались городские газеты. Расклейщика это обстоятельство ничуть не смутило, он нагло налепил поверх «Морнинг Клэрион» одно объявление, затем другое и третье.

На этот раз — театральные афиши. ДОКТОР БЕНЕ ИЗ ПАРИЖА намеревался прочесть лекцию на тему «Терапевтическая ценность ВОДНОГО СНА».

ШАТОКУАССКОЕ БРАТСТВО СУСКВЕГАННСКОГО ФАЛАНСТЕРА организует симпозиум по теме «Социальная философия покойного доктора КОЛЬРИДЖА». ДОКТОР ЭДВАРД МЭЛЛОРИ прочтет научную лекцию с кинотропией…

«Это надо же!» — горько усмехнулся Мэллори. ЭДВАРД МЭЛЛОРИ — так вот прямо, восьмидесятипунктной машинной готикой. Неплохо, кстати, смотрится. Жаль только, что лекции этой не будет. Судя по всему, Гексли или кто-то из его персонала успел уже заказать афиши, а распоряжение об отмене запоздало.

Жаль, очень жаль, думал Мэллори, с какой-то собственнической нежностью глядя вслед удаляющемуся фургону. ЭДВАРД МЭЛЛОРИ. Хорошо бы раздобыть такую афишу на память о несосто-

явшейся лекции. Отклеить? Ну и куда же с ней потом, мокрой и липкой?

Он стал читать текст, чтобы сохранить его хотя бы в памяти. При ближайшем рассмотрении печать оказалась вовсе не такой уж хорошей, черные буквы имели неприятный, цвета запекшейся крови ободок. Скорее всего, печатники выполняли предыдущий заказ в красных тонах и не вымыли толком иглы.

«ТОЛЬКО ДВА РАЗА! Музей практической геологии на Джермин-стрит имеет честь представить лондонской публике лекцию ДОКТОРА ЭДВАРДА МЭЛЛОРИ, Ч. К. О., Ч. К. Г. О., каковой изложит поразительную историю открытия им в диком Вайоминге знаменитого СУХОПУТНОГО ЛЕВИАФАНА, свои теории относительно среды обитания этого чудовища, его привычек и диеты, а также историю своих встреч с дикими ИНДЕЙЦАМИ племени шайенов. Кроме того, он подробнейшим образом опишет ГНУСНОЕ, ЛЕДЕНЯЩЕЕ КРОВЬ УБИЙСТВО своего ближайшего соперника покойного ПРОФЕССОРА РАДВИКА и поделится секретами АЗАРТНЫХ ИГР, в том числе и особо правилами поведения в ПРИТОНАХ ДЛЯ КРЫСИНЫХ БОЕВ, за чем последует изысканный ТАНЕЦ СЕМИ ПОКРЫВАЛ в исполнении несколь-

ких мисс Мэллори, которые дадут откровенный отчет о своем приобщении к ИСКУССТВУ ЛЮБВИ. Женщины и дети не допускаются. Цена билета 2 ш. 6 п. Шоу пройдет в сопровождении наисовершеннейшей кинотропии мистера КИТСА».

Мэллори скрипнул зубами и бросился бежать; легко обогнав неспешно катившийся фургон, он схватил мула под уздцы. Животное споткнулось, фыркнуло и остановилось. Его грязная голова была закутана в парусиновую маску, сооруженную из торбы.

Кучер невнятно завопил, спрыгнул с козел и взмахнул короткой увесистой дубинкой.

— Эй ты, мотай, покуда цел! — крикнул он, переходя на нормальный человеческий язык. — Ты меня слышал? Бери ноги в руки и…

Оценив габариты Мэллори, смельчак приутих, однако продолжал угрожающе похлопывать дубинкой по мозолистой ладони.

Из-за фургона выбежал расклейщик; он держал свое хитрое устройство наперевес, как вилы.

— Отойдите-ка, мистер, — мирно предложил кучер. — Мы вам ничего не сделали.

— Не сделали? — возмущенно заорал Мэллори. — Где вы, сволочи, взяли эти афиши? Отвечай, когда тебя спрашивают!

— Сегодня Лондон распахнут настежь! — Расклейщик вызывающе взмахнул перед носом у Мэллори валиком своего устройства. — Хочешь подраться из-за того, где мы лепим нашу бумагу, так давай!

Один из огромных рекламных щитов, составлявших стенку фургона, со скрипом откинулся в сторону. Из темного проема на мостовую спрыгнул невысокий, кряжистый, сильно облысевший господин в красной охотничьей куртке, клетчатых брюках, заправленных в лакированные сапоги, и без головного убора.

Маски на круглом румяном лице тоже не было.

— Что тут происходит? — Чтобы задать этот вопрос, лысоватому господину потребовалось вытащить изо рта большую, яростно дымящую трубку.

— Хулиган, сэр! — объявил кучер. — Какой-то наемный громила, Индюк подослал!

— Он что, один? — вскинул брови крепыш. — Странно это как-то. — Он оглядел Мэллори с головы до ног. — Ты знаешь, кто я, сынок?

— Нет, — качнул головой Мэллори. — Ну и кто же ты такой?

— Я — тот, кого называют королем расклейщиков, вот так-то, мой мальчик! Ты, видно, совсем

новичок в нашем деле!

— Я не знаю вашего дела и знать не хочу! Я — доктор Эдвард Мэллори!

Крепыш скрестил руки, немного покачался на каблуках:

— Ну и?

— Вы только что наклеили афишу, которая злостно на меня клевещет!

— Ясненько, — протянул король. — Теперь понятно, какая муха тебя укусила. — Он облегченно усмехнулся. — Ну так вот, доктор Эдвард Мэллори, я тут совершенно ни при чем. Я их только клею, а не печатаю. Так что ко мне не может быть никаких претензий.

— Как бы там ни было, вы не будете больше расклеивать эти проклятые пасквили! — твердо сказал Мэллори. — Я хочу забрать все, что у вас осталось, и хочу знать, где вы их получили!

Царственным мановением руки король успокоил свою немногочисленную гвардию.

— Я очень занятой человек, доктор Мэллори, и не могу тратить время на выслушивание бессмысленных угроз. Если вы не против, зайдемте в мой фургон и поговорим как джентльмен с джентльменом.

Он вопросительно прищурил маленькие, ва-

сильково-голубые глаза.

— Хорошо, — неуверенно пробормотал Мэллори, спокойный ответ короля словно выпустил весь пар из его возмущения. Теперь он чувствовал себя довольно глупо и не в своей тарелке. — Хорошо, — повторил он. — С удовольствием.

— Вот и прекрасно. Том, Джемми, за работу. — Король ловко вскарабкался в фургон.

Поколебавшись секунду, Мэллори последовал за ним. Никаких сидений внутри фургона не было, зато весь пол устилала ворсистая темно-каштановая ткань, подбитая снизу чем-то мягким и простеганная на манер турецкого дивана. По стенам тянулись глубокие лакированные стеллажи, забитые туго скатанными рулонами афиш. Сквозь распахнутый потолочный люк внутрь фургона струился тусклый, мрачный свет. От кошмарной вони клея и дешевого черного самосада перехватывало дыхание.

Король раскинулся на полу, подсунув под спину пухлую подушку. Пистолетный щелчок кнута, недовольное ржание, заскрипели колеса, и фургон сдвинулся с места.

— Джин с водой? — предложил король, открывая шкафчик.

— Просто воды, если можно, — попросил Мэл-

лори.

— Воды так воды.

Король достал большую глиняную бутыль и наполнил жестяную кружку. Мэллори стянул грязную маску под подбородок и жадно вылакал воду.

За первой кружкой последовала вторая и третья.

— Может, немножко лимонного соку? Только вы уж, — подмигнул король, — постарайтесь не напиться до непотребного состояния.

Мэллори откашлялся, прочищая горло.

— Премного благодарен. — Без маски он чувствовал себя странно голым, а неожиданная любезность короля расклейщиков — в сочетании с химической вонью клея, едва ли не худшей, чем вонь Темзы, — окончательно его ошарашила. — Я очень сожалею о своей… э-э… излишней резкости.

— Да это всё мои ребята, — великодушно обронил король. — В афишерасклеечном бизнесе всегда приходится держать кулаки наготове. Вот прямо вчера моим ребятам пришлось довольно круто разбираться со старым Индюком и его шайкой. По вопросу расклеенных площадей на Трафальгар-сквер, — презрительно фыркнул

король.

— Вчера у меня тоже были определенные трудности, — хрипло отозвался Мэллори. — Но по сути я — человек разумный, и уж во всяком случае, сэр, я не люблю скандалов.

— Никогда не слышал, чтобы Индюк нанимал в громилы образованного человека, — умудренно кивнул король. — По вашему платью и манерам можно понять, что вы ученый.

— У вас острый глаз.

— Хотелось бы так думать, — ухмыльнулся король. — Ну а теперь, когда все встало на свои места, может быть, вы просветите меня относительно причин вашего недовольства?

— Все дело в этих ваших афишах, — с жаром начал Мэллори. — Они поддельные. И клеветнические. И разумеется, незаконные.

— Я уже успел вам заметить, что мы тут абсолютно ни при чем, — развел руками король. — Позвольте мне разъяснить вам смысл нашей работы. На расклейке сотни листов двойного формата я зарабатываю один фунт один шиллинг. Иными словами, два и шесть десятых пенни за лист, для ровного счета — три. И если вы желаете купить какие-нибудь из моих объявлений по этой цене — что ж, можно и поговорить.

— Где они? — спросил Мэллори.

— Я с готовностью разрешаю вам поискать вышеупомянутый товар на стеллажах.

Когда фургон остановился для очередной расклейки, Мэллори начал перебирать афиши; они были свернуты в толстые перфорированные рулоны, плотные и увесистые, как дубинки.

Король передал кучеру через люк очередной рулон, мирно выбил пенковую трубку, наполнил ее табаком, взятым из грубого бумажного кулька, и раскурил от немецкой трутницы. Затем он блаженно выпустил облако вонючего дыма.

— Вот они. — Вытянув из рулона верхнюю афишу, Мэллори расправил ее на полу. — Посмотрите на эту гнусность. На первый взгляд все выглядит прекрасно, но дальше сплошная мерзость.

— Стандартный рулон из сорока листов, шесть шиллингов ровно.

— Прочтите здесь, — сказал Мэллори, — где они практически обвиняют меня в убийстве!

Король читал заголовок, шевеля губами и мучительно морща лоб.

— Мэ Лори, — сказал он наконец. — Лори — это что, обезьянки такие? Или попугаи, я всегда путаю. Так вы что, выступаете с ними перед публикой?

— Мэллори — это моя фамилия!

— Театральная афиша, без иллюстраций, половинная — значит, в те самые два стандартных формата… — Король снова наморщил лоб. — Помню, помню, они еще малость смазанные. Ну знал же я, с первого момента почувствовал, что-то с этим заказом не так. — Он вздохнул, выпустив новое вонючее облако. — А с другой стороны, этот ублюдок, он же вперед заплатил.

— Кто? Кому?

— В Лаймхаусе, в Вест-Индских доках, — снова вздохнул король. — Чего-то там варится в тех местах, доложу я вам, доктор Мэллори. Со вчерашнего дня всякие прохиндеи лепят там новехонькие плакаты по всем стенам и заборам, какие под руку попадутся. Мои ребята совсем уж было думали разобраться с ними насчет такого наглого вторжения, пока капитан Свинг — это он так себя называет — не решил прибегнуть к нашим услугам.

У Мэллори вспотели подмышки.

— Капитан Свинг?

— Он такой же капитан, как я — папа римский, — фыркнул король. — Ипподромный жучок, если судить по платью. Невысокий, рыжий, косоглазый, и еще у него шишка на лбу, вот

тут. Псих, каких еще поискать. Хотя довольно вежливый, сразу согласился не лезть в наше расклейное дело, мы объяснили ему обычаи, и он сразу согласился. И денег у него, похоже, куры не клюют.

— Я его знаю! — дрожащим голосом воскликнул Мэллори. — Это — луддитский заговорщик. Возможно, он сейчас самый опасный человек во всей Англии!

— Вот уж никогда бы не подумал, — хмыкнул король.

— Он — страшная угроза общественному спокойствию!

— А по виду не скажешь, — возразил король. — Смешной очкастый коротышка, да еще сам с собой разговаривает.

— Этот человек — враг государства, заговорщик самого пагубного толка!

— Я-то сам мало слежу за политикой, — сказал король, спокойно откидываясь на подушки. — Закон о расклейке плакатов — вот вам и вся ихняя политика, дурь собачья! Этот чертов закон жестко ограничивает, где можно вешать плакаты, а где нет. И ведь я же, доктор Мэллори, я же *лично* знаю члена парламента, который протащил этот закон, я же работал на его избирательную кампа-

нию. Этого типа нимало не трогало, куда лепят *его* плакаты. Куда бы ни лепили — все путем, лишь бы на плакатах был *он*, а не кто другой.

— Господи! — прервал его Мэллори. — Подумать только, что этот негодяй на свободе, в Лондоне, да еще с деньгами из бог знает какого источника, и он подстрекает к восстанию и мятежам, да еще в момент всеобщей беды, да еще имеет в своем распоряжении машинный печатный станок! Это кошмар! Ужас!

— Да вы же сами себя заводите, доктор Мэллори. — Король укоризненно покачал головой. — Мой дорогой папаша, упокой, Господи, его душу, всегда мне говорил: «Когда все вокруг теряют голову, ты просто вспомни, что в фунте как было двадцать шиллингов, так и осталось».

— Возможно, что и так, — сказал Мэллори, — но только…

— Мой дорогой папаша клеил афиши в смутные времена! Еще в тридцатых, когда кавалерия топтала рабочих, а потом крючконосого Веллингтона разнесли в клочья. Суровые были времена, сэр, куда суровее нынешних, когда всех-то и неприятностей, что какой-то там смрад! И это вы называете бедой? Лично для меня это удачный шанс, и я стараюсь им воспользоваться.

— Боюсь, вы не совсем сознаете глубину этого кризиса, — возразил Мэллори.

— Смутные времена — вот когда начали печатать первые плакаты в четыре двухформатных листа! Правительство тори подрядило моего папашу — он был тогда церковным сторожем и расклейщиком в приходе Святого Андрея в Холборне — замазывать плакаты радикалов. Ему приходилось нанимать для этого женщин — вот сколько было работы. Они замазывали плакаты радикалов днем, а ночью расклеивали новые! Во времена революций открывается уйма возможностей!

Мэллори вздохнул.

— Мой папаша изобрел механизм, получивший название «Патентованное раздвижное прижимающее устройство», к которому я потом добавил ряд усовершенствований. Эта штука служит для наклейки плакатов под мостами, мы же и с воды работаем, а не только на суше. Мы, наша семья, все сильно предприимчивые, нос никогда не вешаем.

— Много вы там напредпринимаете, если от Лондона останется одно пепелище, — бросил Мэллори. — Вы же фактически помогаете этому мерзавцу в его анархистских заговорах!

— У вас все шиворот-навыворот, доктор Мэллори, — коротко хохотнул король. — Когда я видел этого парня в последний раз, это он отдавал мне свои деньги, а не наоборот. Если уж на то пошло, он поручил моим заботам чуть не весь тираж своих плакатов — вон они там, в верхнем ряду. — Король встал, вытащил несколько рулонов и бросил их на пол. — Видите ли, сэр, в действительности вздор, напечатанный на этих листках, не имеет ровно никакого значения. Сокровенная истина заключается в том, что афиши по самой природе своей бесконечны, столь же регулярны и постоянны, как приливы и отливы в Темзе или лондонский дым. Истинные сыны Лондона зовут его «Дым», он же вечный город, подобно Иерусалиму или Риму, или, как сказали бы некоторые, Пандемониуму Сатаны! Вы же видите, что король расклейщиков нимало не беспокоится за дымный Лондон, верно? Ничего с этим городом не сделается!

— Но люди же бежали!

— Преходящая глупость; как бежали, так и вернутся, — с неколебимой уверенностью отозвался король. — Куда они денутся? Здесь — центр мироздания, вот так-то, сэр.

Мэллори молчал.

— Так вот, сэр, — провозгласил король, — послушайтесь моего совета, потратьте шесть шиллингов на этот рулон, в который вы так вцепились. А если вы готовы расстаться с фунтом, я добавлю к нему и все остальные кошмарно напечатанные плакатики нашего общего друга капитана Свинга. Каких-то двадцать шиллингов, и вы сможете покинуть эти улицы, отдохнуть себе спокойно дома.

— Часть этих плакатов уже расклеена, — заметил Мэллори.

— Я скажу ребятам, чтобы их замазали или заклеили, — улыбнулся король. — Если вы готовы заплатить им за труды.

— И это действительно будет конец? — Мэллори потянулся за бумажником. — Сомневаюсь я что-то.

— Сомневаетесь? — саркастически переспросил король. — А вот этот пистолетик у вас за поясом, он что — лучше вам поможет? Подобный предмет не делает чести джентльмену и ученому.

Мэллори промолчал.

— Послушайтесь моего совета, доктор Мэллори, уберите его подальше, пока не нарвались на неприятности. Я почти уверен, что вы могли бы

поранить одного из моих ребят, не заметь я через глазок это оружие и не выйди, чтобы все уладить. Идите-ка лучше домой, сэр, и поостыньте.

— А вы сами почему не дома, если даете мне такой совет? — поинтересовался Мэллори.

— Почему? Так это ж и есть мой дом, сэр. — Король сунул деньги Мэллори в карман охотничьей куртки. — В хорошую погоду мы с моей старушкой пьем тут чай и вспоминаем о былом… о стенах, о набережных, о щитах…

— У меня нет в Лондоне дома, да и вообще я спешу в Кенсингтон по делам, — сказал Мэллори.

— Неблизкий путь, доктор Мэллори.

— И то правда, — согласился Мэллори. — Но я тут вдруг подумал, что у нас в Кенсингтоне немало зданий — музеев, дворцов науки, которых никогда не касалась реклама.

— Вот как? — задумчиво произнес король. — Ну-ка расскажите.

* * *

Мэллори распрощался с королем за добрую милю до Дворца палеонтологии, не в силах более выносить запах клея, к тому же непрерывная тряска и раскачивание фургона вызывали у него морскую болезнь. Он потащился пешком с тяже-

лыми рулонами пасквильных и анархистских плакатов, то и дело норовившими выскользнуть из потных рук. Где-то позади Джемми и Том принялись рьяно мазать клеем девственный кирпич Дворца политической экономии.

Мэллори прислонил рулоны к фонарному столбу и снова обмотал лицо маской. Голова у него сильно кружилась. Возможно, подумал он, в этом клее содержалось немного мышьяка или в чернилах использовалась какая-то тошнотворная гадость, сейчас ведь чего только из каменного угля не делают; так или не так, но он чувствовал себя отравленным и ужасно слабым. Когда он снова взялся за плакаты, бумага смялась в потных руках, как облезающая кожа утопленника.

Задуманная «капитаном Свингом» дьявольщина напоминала стоглавую гидру, теперь одна из ее голов лишилась жала. Но этот скромный триумф представлялся унизительно мелким в сравнении с неистощимыми запасами злобной изобретательности противника. Мэллори блуждал в потемках — в то время как его рвали невидимые клыки…

И все же он добыл бесценную информацию: Свинг скрывается в Вест-Индских доках! Возможность схватиться с этим мерзавцем была

так близка и при этом так далека — одно уже это могло свести с ума кого угодно.

Мэллори едва не упал, поскользнувшись на лошадиной лепешке, и перекинул тяжелые, готовые рассыпаться рулоны на правое плечо. Что смысла в пустых мечтах — разве сможет он, усталый и разбитый, противостоять Свингу в одиночку, безо всякой поддержки? Если даже забыть о том, что этого мерзавца защищают многие мили лондонского хаоса. Мэллори почти уже достиг Дворца, но на это ушли все его силы.

Он заставил себя сосредоточиться на делах первой необходимости. Во-первых, затащить эти проклятые плакаты в сейф. Возможно, они окажутся когда-нибудь полезны в качестве улики, а пока пусть полежат на месте свадебных часов Маделайн. Он заберет часы, найдет способ бежать из этого проклятого города и воссоединится с семьей, давно бы пора. В зеленом Сассексе, на лоне матери-природы, он обретет и покой, и ясность мысли, и безопасность. И шестеренки его жизни снова сцепятся как надо…

Рулоны выскользнули из ослабевших пальцев и посыпались на асфальт, один из них болезненно ударил его по ноге. Мэллори выругался сквозь зубы, собрал проклятые кругляки, взвалил их на

другое плечо и побрел дальше.

Дорогу ему перегородила совершенно неожиданная процессия. Призрачные, размазанные расстоянием и прогорклым туманом, по Найтсбриджу ехали боевые пароходы — приземистые гусеничные чудовища Крымской войны. Туман приглушал тяжелое пыхтение моторов и слабое, мерное бряцание железных траков. Мэллори стоял, сжимая свою ношу, и смотрел на вереницу машин. Каждая из них тащила на прицепе зарядный ящик. Укрытые брезентом пушки плотно облеплены солдатами, тускло поблескивает стальная щетина штыков. Десятка полтора боевых машин, а то и все два. Мэллори недоуменно протер слезящиеся от дыма глаза.

На Бромптон-Конкорс он увидел троицу в масках и шляпах, стремглав выбежавшую из разбитого дверного проема; к счастью, его самого никто не трогал.

У ворот Дворца палеонтологии появилось заграждение, но эти баррикады никто не защищал. Было совсем не трудно проскользнуть мимо них, а затем, по скользким от тумана ступеням, к главному входу. Огромные двустворчатые двери Дворца были защищены мокрой парусиной, свешивавшейся с кирпичной арки до самого низа;

от ткани резко пахло хлорной известью. За этой вонючей портьерой двери Дворца были слегка приоткрыты; Мэллори протиснулся внутрь.

В вестибюле и гостиной слуги укрывали мебель белыми муслиновыми чехлами. Другие, целая толпа, старательно подметали и мыли полы, обмахивали карнизы длинными метелками из перьев. Лондонские женщины и значительное число разнокалиберных детей, все — в стандартных фартуках дворцовых уборщиц, работали не покладая рук; вид у них был возбужденный и озабоченный.

В конце концов Мэллори догадался, что это жены, дети и прочие родственники дворцовых служителей, пришедшие в поисках убежища и защиты сюда, к наиболее представительному, в их глазах, зданию. И кто-то, скорее всего — Келли, комендант здания, с помощью тех ученых, кто еще остался во дворце, приставил беженцев к делу.

Мэллори направился к столу дежурного, сгибаясь под тяжестью своей бумажной ноши. А ведь это, подумал он вдруг, наш рабочий класс. При всей скромности своего общественного положения каждый из них — британец до мозга костей. И эти люди не поддались страху, они

инстинктивно встали на защиту своих научных учреждений, на защиту закона и собственности. Такой нацией можно гордиться! Мэллори воспрянул духом, осознав, что грозное безумие Хаоса достигло предела, уперлось в непреодолимую преграду. В стихающем водовороте возникло ядро спонтанного порядка! Теперь все изменится и организуется — подобно тому, как муть, оседающая на дно лабораторной колбы, принимает правильную кристаллическую структуру.

Мэллори забросил ненавистную ношу за пустующую конторку дежурного. На дальнем ее конце судорожно отстукивал телеграф, змеилась на пол свежепробитая лента. Взглянув на это маленькое, но знаменательное чудо, Мэллори вздохнул, как ныряльщик, чья голова вышла наконец из-под воды.

Воздух Дворца насквозь пропитался дезинфицирующими средствами, но все-таки здесь можно было вздохнуть полной грудью; Мэллори снял грязную маску и запихнул ее в карман. Где-то в этом благословенном приюте можно найти еду. Тазик, мыло и серную присыпку от блох — проклятые твари совсем распоясались. Яйца. Ветчина. Вино для поднятия сил… Почтовые марки, прачки, чистильщики обуви — вся

волшебная взаимосвязанная сеть цивилизации.

К Мэллори приближался незнакомец, британский офицер, субалтерн артиллерийских войск в элегантном мундире. Синий двубортный китель сверкал нашивками, медными пуговицами и золотом эполетов, на безукоризненно отглаженных брюках краснели узкие лампасы. Фуражку офицера украшал золотой галун, с белого лакированного ремня свисала кобура; великолепная осанка, гордо вскинутая голова, четкая армейская походка, вид решительный и целеустремленный. Мэллори торопливо выпрямился, болезненно ощущая, как ужасно выглядит его измятая, насквозь пропотевшая одежда рядом с этим образчиком армейского совершенства.

В лице офицера было что-то знакомое.

— Брайан! — крикнул Мэллори. — Брайан, детка!

Офицер вздрогнул и припустил бегом, как самый обыкновенный деревенский мальчишка.

— Нед! Да это же и вправду ты! — воскликнул брат Мэллори; над короткой, по крымской моде, бородкой расцвела радостная улыбка. Мэллори протянул брату руку и болезненно сморщился, его пальцы словно попали в медвежий капкан.

Военная дисциплина и научная диета прибави-

ли Брайану и дюймов, и фунтов. Шестой ребенок в семье, он зачастую казался робким тихоней, но теперь этот младший братик возвышался на добрых шесть футов четыре дюйма, а взгляд окруженных морщинками голубых глаз говорил о том, что он успел повидать мир.

— А мы все ждем тебя и ждем, — сказал Брайан.

В его мужественном уверенном голосе нет-нет да прорывались прежние интонации, отзвук тех далеких лет, когда шумная, вечно чего-то требующая орава мелюзги не давала своему старшему брату Неду ни сна, ни отдыха. Как ни странно, сейчас это напоминание о не слишком веселом прошлом вдохнуло в Мэллори новые силы. Смятение рассеялось, как дым, и он почувствовал себя сильнее, решительнее; появление юного Брайана вернуло ему самого себя.

— Ну как же здорово, что ты здесь! — счастливо улыбнулся Мэллори.

— Здорово, что *ты* вернулся, — поправил его Брайан. — Мы слышали о пожаре в твоей комнате — а потом ты ушел и пропал, как в воду канул! Мы с Томом прямо не знали, что и думать!

— Так что, Том тоже тут?

— Мы оба приехали в Лондон в машине Тома, —

объяснил Брайан и тут же сник. — У нас ужасные новости, Нед, и обиняками ничего не выйдет, придется сказать тебе напрямую.

— В чем дело? — спросил Мэллори, готовясь к самому худшему. — Это… это отец?

— Нет, Нед. С отцом все в порядке, то есть как обычно, не хуже, не лучше. Дело в бедняжке Маделайн!

— Только не это, — застонал Мэллори. — Что с ней?

— Ну… Тут все дело в моем приятеле, Джерри Ролингзе, — смущенно пробормотал Брайан. — Джерри вел себя очень порядочно, он только о Маделайн и говорил, никогда, ну, не гулял на сторону. Но потом он получил это *письмо*, Нед, такое жуткое и грязное! Оно его совсем убило.

— Да не тяни ты, Христа ради! Какое еще письмо?

— Ну, оно было подписано не именем, а просто: «Тот, кто знает». Но этот, который его послал, вправду знает о нас буквально все — о семье, я хочу сказать, все наши мельчайшие дела, и вот он написал, что Маделайн была… ну… нецеломудренная. Только более грубыми словами.

Мэллори почувствовал, как его захлестывает жаркая волна гнева.

— Понимаю, — выдавил он тихим, придушенным голосом. — Продолжай.

— Ну, как ты можешь догадаться, их помолвка расторгнута. Бедная Маделайн, она впала в такую меланхолию, что ты и представить себе не можешь. Поначалу вообще хотела руки на себя наложить, а теперь забросила все дела, только сидит на кухне и ревет в три ручья.

Мэллори молчал, все это просто не укладывалось в голове.

— Меня тут долго не было. Индия, потом Крым. — Брайан говорил еле слышно, запинаясь на каждом слове. — Я не знаю обстановки. Скажи мне правду — ты ведь не думаешь, что в этой сплетне что-то есть? Ведь не думаешь?

— Что? Наша Маделайн? Господи, Брайан, да она же из рода Мэллори! — Мэллори с грохотом опустил кулак на конторку. — Нет, все это грязная клевета. Подлые нападки на честь нашей семьи!

— Как… но кто… зачем?..

— Я знаю, почему… И знаю, какой негодяй это сделал.

Глаза Брайана расширились.

— Знаешь?

— Да. Это тот же человек, который устроил мне пожар. И я знаю, где он сейчас прячется!

Брайан потрясенно молчал.

— Он ненавидит меня, хочет меня уничтожить. — Мэллори старался не сказать лишнего. — Это связано с одной темной историей. С делом государственной важности. Я теперь обладаю некоторым весом, Брайан; и я открыл такой секрет, такой тайный заговор, честный солдат вроде тебя может и не поверить!..

— Я видел в Индии изощренные языческие жестокости, от которых мутило самых крепких мужчин, — покачал головой Брайан. — Но знать, что подобное творится у нас в Англии, — это невыносимо! — Брайан подергал себя за бороду — жест, показавшийся Мэллори до странности знакомым. — Я знал, что нужно идти прямо к тебе, Нед. Ты всегда все понимаешь. Ну, так что же? Как нам быть с этим кошмаром? Мы можем что-нибудь сделать?

— Этот твой пистолет — он в рабочем состоянии?

Глаза Брайана вспыхнули.

— По правде говоря, это не табельное оружие. Трофейный, я его с русского офицера снял… — Он начал расстегивать кобуру.

Мэллори опасливо оглянулся и покачал головой:

— Ты не побоишься использовать его при необходимости?

— *Побоюсь?* — переспросил Брайан. — Не будь ты штатским, Нед, я бы воспринял этот вопрос как оскорбление.

Мэллори молчал.

— Это ведь ради семьи, верно? — Брайан явно сожалел о своей нечаянной резкости. — Как раз за это мы и воевали с русскими — за спокойствие тех, кто остался дома.

— Где Томас?

— Он обедает в… ну, я тебе покажу.

Брайан повел брата в гостиную Дворца. Академические владения были переполнены шумными, хриплоголосыми обедающими — по большей части из рабочих, — которые жадно сметали с дворцового фарфора плебейскую вареную картошку. Том Мэллори, принарядившийся в короткую полотняную куртку и клетчатые брюки, скучал над остатками жареной рыбы и недопитым стаканом лимонада.

Рядом с ним сидел Эбенезер Фрейзер.

— Нед! — воскликнул Том. — Я же знал, что ты придешь! — Он вскочил и придвинул еще один стул. — Присаживайся к нам, присаживайся! Нас угощает твой друг, мистер Фрейзер.

— Ну и как оно, доктор Мэллори? — мрачно осведомился Фрейзер.

— Немного устал, — неопределенно ответил Мэллори, — но вот подкреплюсь, глотну хакл-баффа, и все придет в норму. А как вы, Фрейзер? Надеюсь, вполне оправились? — Он понизил голос: — И что вы тут понарассказывали моим несчастным братьям?

Фрейзер гордо промолчал.

— Сержант Фрейзер — лондонский полицейский, — пояснил Мэллори. — А точнее — рыцарь плаща и кинжала.

— Правда? — встревожился Том.

К столу пробрался официант — настоящий, из постоянного персонала; вид у него был задерганный и виноватый.

— Извините, доктор Мэллори, но запасы Дворца несколько истощились. Я бы посоветовал вам заказать рыбу с жареной картошкой — если, конечно же, вы не возражаете.

— Прекрасно. И не могли бы вы смешать мне хакл-бафф… Ладно, забудем. Принесите тогда кофе. Черный и покрепче.

— Ночью вы, похоже, не скучали, — заметил Фрейзер, когда официант отошел достаточно далеко.

Теперь Том и Брайан смотрели на полицейского с плохо скрываемой неприязнью.

— Я узнал, что тот тип с ипподрома — капитан Свинг — скрывается в Вест-Индских доках, — сказал Мэллори. — Он пытается организовать настоящий мятеж.

Рот Фрейзера плотно сжался.

— У него есть машинный типографский станок и сообщники из всякой швали. Он печатает сотни подстрекательских прокламаций. Я конфисковал сегодня утром несколько образчиков — непристойная, клеветническая луддитская мерзость!

— Я же говорю, что вы не скучали.

— Скоро дел у меня будет еще больше, — фыркнул Мэллори. — Я хочу поймать этого мерзавца, покончить с его гнусными происками раз и навсегда!

— Так что, этот самый «капитан Свинг» и написал эту гадость про нашу Мадди, да? — подался вперед Брайан.

— Да.

— Вест-Индские доки? — Том буквально подпрыгивал от возбуждения. — А где это — Вест-Индские доки?

— В Лаймхаус-Рич, на другом конце Лондона, — вздохнул Фрейзер.

— Ерунда, — успокоил его Том. — Я же на «Зефире»!

— Ты взял гоночную машину братства? — поразился Мэллори.

— Да нет, — отмахнулся Том, — не ту древнюю тарахтелку, а последнюю модель! Эта новая, с иголочки, красавица стоит сейчас в стойле вашего Дворца. Докатила из Сассекса за одно утро, и шла бы еще быстрей, если бы не тендер. — Он рассмеялся. — Мы можем ехать, куда захотим.

— Не забывайтесь, джентльмены, — негромко произнес Фрейзер.

Все примолкли; официант поставил на стол тарелку и тут же удалился. От вида жареной камбалы с картошкой голодный желудок Мэллори сжался в тугой болезненный комок.

— Мы — свободные британские граждане, — решительно заявил Мэллори, — и можем делать все, что нам хочется. — Затем он взял вилку и с не меньшей решительностью набросился на еду.

— Лично я считаю это полной глупостью, — сказал Фрейзер. — Улицы полны мятежного сброда, а нужный вам человек хитер, как лиса.

Мэллори иронически хмыкнул.

— Доктор Мэллори, — непреклонно продолжил Фрейзер, — мне поручили вас охранять. Мы не

можем допустить, чтобы вы разворошили осиное гнездо в самой кошмарной из лондонских трущоб!

— Вы же знаете, что он хочет меня уничтожить. — Мэллори глотнул горячего кофе и поглядел на Фрейзера в упор. — Если я не прикончу его сейчас, пока есть такая возможность, мало-помалу он расклюет меня на куски, как стервятник — дохлую лошадь. И ни хрена вы меня не защитите. Этот человек — не такой, как мы с вами, Фрейзер! Для него нет ничего запретного. Ставкой здесь — жизнь или смерть. Или он, или я! И вы сами знаете, что это так.

Доводы Мэллори, его горячность заметно смутили Фрейзера; Том и Брайан, впервые осознавшие масштаб обрушившейся на них беды, растерянно переглянулись, а затем гневно воззрились на инспектора.

— Не будем спешить, — неуверенно начал Фрейзер. — Как только рассеется туман и восстановится порядок…

— Капитан Свинг таится в тумане, который никогда не рассеивается, — оборвал его Мэллори.

— Я *не вижу смысла* в этом разговоре, мистер Фрейзер! — взмахнул рукой Брайан. — Вы преднамеренно обманули моего брата Томаса и меня!

Я не могу доверять никаким вашим советам.

— Брайан прав! — Том смотрел на Фрейзера со смесью презрения и удивления. — Этот человек объявил себя твоим другом, Нед, и мы говорили с ним о тебе совершенно свободно, ничего не скрывая! А вот теперь он вознамерился нами командовать! — Том потряс тяжелым кулаком. — Я намерен проучить этого капитана Свинга! И если начать придется с вас, мистер Фрейзер, то я готов!

— Тише, ребята, тише, — осадил братьев Мэллори, неторопливо вытирая рот салфеткой. На них уже начинали оборачиваться. — Фортуна нам благоприятствует, мистер Фрейзер, — добавил он, повернувшись к инспектору. — Я обзавелся револьвером. И Брайан тоже вооружен.

— Господи помилуй, — безнадежно вздохнул Фрейзер.

— Я не боюсь Свинга, — продолжал Мэллори. — Помните, я уже уложил его однажды? Лицом к лицу он просто жалкий щенок.

— Он — в доках, Мэллори, — возразил Фрейзер. — Вы всерьез надеетесь провальсировать через толпы бунтовщиков в самом опасном районе Лондона?

— Мои братья не какие-нибудь грошовые

пижоны из танцевальной академии, да и я — тоже, — усмехнулся Мэллори. — Или, по-вашему, лондонская голытьба опаснее вайомингских дикарей?

— В общем-то, да, — медленно проговорил Фрейзер. — *Значительно* опаснее, уж я-то эту публику знаю.

— Господи, Фрейзер! Не тратьте нашего времени на подобную ерунду! Мы должны дать решительный бой этому скользкому фантому, а лучшей возможности нам никогда не представится. Во имя разума и справедливости, оставьте свой бесполезный скулеж!

— Ну а если, — вздохнул Фрейзер, — этот отважный поход заведет вас в хитро расставленную ловушку и вы погибнете, как ваш коллега Радвик? Что тогда? Что я скажу своему руководству?

— У вас была когда-нибудь младшая сестра, мистер Фрейзер? — вмешался Брайан. — Вам приходилось когда-нибудь смотреть, как счастье девочки разбивается вдребезги, словно фарфоровая чашка под пятой чудовища? А вместе с ее сердцем и сердце крымского героя, честно намеревавшегося повести ее под венец…

— Хватит! — страдальчески застонал Фрейзер.

Брайан обиженно смолк и откинулся на спинку

стула.

Фрейзер разгладил лацканы своего сюртука.

— Похоже, сама судьба велит нам идти на риск, — признал он, криво пожав плечами и слегка поморщившись. — С того самого момента, как я встретил вас, доктор Мэллори, у меня пошла сплошная полоса неудач. Пора бы ей и кончиться. — Внезапно его глаза блеснули. — Кто сказал, что мы не сможем схватить негодяя! Арестовать его! Он умен, но четыре храбрых человека могут застать этого паскудного мерзавца врасплох, когда он самозабвенно пыжится, выставляя себя этаким якобинским вожаком.

Лицо Фрейзера исказилось неподдельным гневом; выглядело это страшновато.

— Удача сопутствует смелым, — вставил Брайан.

— А Господь заботится о дураках, — пробормотал Фрейзер. Он напряженно подался вперед, поддернув штанины на костлявых коленях. — Это серьезное дело, джентльмены! Нам предстоит не увеселительная прогулка, а тяжелая и опасная работа! Мы возьмем закон, наши жизни и самое нашу честь в свои собственные руки, и если уж браться за это дело, то лишь при условии строжайшей секретности.

Мэллори почувствовал, что нужно закрепить близкую победу.

— Мои братья и я уважаем ваши особые знания, сержант Фрейзер! — (Ну и пройдоха же ты, Нед. И откуда что берется?) — Если вы поведете нас к торжеству справедливости, мы охотно поставим себя в ваше распоряжение. Вам ни минуты не следует сомневаться ни в нашем благоразумии, ни в нашей решимости. На карту поставлена святая честь нашей любимой сестры.

Столь резкая смена курса застала Тома и Брайана врасплох, поскольку они все еще не доверяли Фрейзеру, однако им хватило сообразительности понять хитрость старшего брата и с жаром его поддержать.

— Я не был треплом и не буду! — заявил Том. — До самой могилы!

— Хочется думать, что честное слово британского солдата все еще имеет цену, — отчеканил Брайан.

— И все-таки это авантюра, — обреченно вздохнул Фрейзер.

— Я должен развести пары у «Зефира», — сказал Том, вставая. — Котел холодный, так что на разогрев уйдет полчаса.

Мэллори кивнул. Нужно использовать это вре-

мя с толком.

* * *

Вымытый, причесанный и присыпанный в интимных местах блошиным порошком, Мэллори пытался разместиться понадежнее на брезенте, прикрывавшем уголь в прицепном деревянном тендере «Зефира». В каплевидной, с тонкими стенками кабине маленькой машины было всего два места, их заняли Том и Фрейзер. Сейчас эти специалисты по лондонской географии спорили над картой. Брайан уже вытоптал себе в тендере некое подобие гнезда и растянулся поверх невысокой груды угля.

— Очень уж много приходится шуровать лопатой на этих теперешних машинах, — стоически улыбнулся он присевшему рядом брату. — Том прямо сдвинулся на своем драгоценном «Зефире»; все уши мне прожужжал по дороге в Лондон.

Машина дернулась и покатила, мерно заскрипели деревянные, на резиновых шинах колеса тендера. Новый «Зефир» мчался по опустевшей Кенсингтон-роуд с поразительной скоростью. Брайан стряхнул с рукава крохотный пылающий уголек, вылетевший из дымовой трубы.

— Возьми маску, — сказал Мэллори, предлагая

брату одну из импровизированных дыхательных масок, сшитых дамами во Дворце, — аккуратный квадратик грубой бумажной материи, набитый дешевой конфедератской ватой, простеганный и снабженный завязками.

В ушах свистел воздух; Брайан принюхался.

— Не так уж и страшно.

Мэллори тщательно завязал на затылке ленточки своей маски.

— Все равно миазмы скажутся на здоровье, не сейчас, так потом.

— Ты бы поплавал на вонючем армейском транспорте, — отозвался Брайан. В отсутствие Фрейзера он заметно расслабился, через блестящую армейскую оболочку проступил обыкновенный сассекский парень. — Дым, угар, ребят укачивает, кто не успел добежать до борта — блюет прямо на палубу! Мы тащились из Бомбея через этот новый французский канал — Суэцкий, значит. Несколько недель на этом долбаном транспорте! Из гнилой египетской жары — прямо в крымскую зиму! Меня не взяли ни малярия, ни перемежающаяся лихорадка — так стоит ли волноваться из-за какого-то там лондонского туманчика. — Брайан негромко рассмеялся.

— Я часто думал о тебе в Канаде, — сказал Мэл-

лори. — Ты завербовался на пять лет, а тут вдруг война! Но я знал, что мы будем тобой гордиться. Я знал, что ты исполнишь свой долг.

— Мы, Мэллори, теперь по всему миру, Нед, — философски отозвался Брайан. Голос его звучал грубовато, но бородатое лицо порозовело от похвалы старшего брата. — Где-то сейчас наш Майкл, старый добрый Мики?

— Да кто же их, моряков, знает, — пожал плечами Мэллори, — думаю, в Гонконге. Он наверняка был бы сегодня с нами, если бы его корабль занесло в английский порт. Майкл никогда не боялся хорошей драки.

— Я уже видел Эрнестину и Агату, — сказал Брайан. — И их малышей.

Он ни словом не упомянул Дороти. О ней в семье старались не говорить.

Впереди показался очередной дворец науки. Брайан перевернулся с боку на бок, чтобы получше рассмотреть его зубцы и шпили, а затем хмуро сказал:

— Не люблю я драться на улицах. Это было единственное место, где русские положили много наших, — на улицах Одессы. Перебегали от дома к дому, стреляли с крыш, из-за каждого угла, ну словно бандиты какие. Так цивилизованные

люди не воюют.

— А почему они не закрепились на каком-нибудь рубеже, не дали вам честный бой?

Брайан взглянул на брата с удивлением, а затем невесело рассмеялся:

— Ну, по первости они пробовали — при Альме и Инкермане. Но мы им так врезали, что не скоро забудут. Бежали, как наскипидаренные. Тут отчасти и моя заслуга. Королевская артиллерия, Нед.

— Ну-ка, расскажи, — заинтересовался Мэллори.

— Мы — самый научный изо всех родов войск. Военные радикалы, они прямо обожают артиллерию. — Брайан лизнул палец и смахнул с рукава очередную искру. — Особая военная наука! Задумчивые очкарики со сплошными цифрами в голове. Никогда не видели обнаженной сабли или штыка. Для победы в современной войне ничего такого и не нужно. Тут все дело в траекториях и дистанционных трубках.

Он настороженно наблюдал, как по улице крадутся двое мужчин в широких плащах.

— Русские старались как могли. Вспомнить только Редан и Севастополь, какие там были мощные редуты. А под огнем тяжелой артиллерии они разлетелись в клочья. Тогда русские

отступили и засели в окопах, но шрапнель наших многоствольных мортир накрывала их сверху. — Глаза Брайана затуманились, он весь ушел в воспоминания. — Это нужно было видеть, Нед. Фонтаны земли и белого, как вата, дыма, встающие вдоль линии обстрела через равные промежутки, как деревья в фруктовом саду. Каждый снаряд ложился точно на свое место. А после артподготовки наша пехота — в основном французские союзники, английской пехоты там почти не было — форсировала заграждения и добила бедных иванов из автоматов.

— Газеты писали, что русские вояки нисколько не уважают законов воинской чести.

— Сообразив наконец, что им и близко к нам не подойти, эти ребята совсем озверели, — кивнул Брайан. — Перешли к партизанским действиям, устраивали засады, стреляли по белым флагам и все такое. Грязная война, бесчестная. Мы не могли с этим мириться. Пришлось принять меры.

— Во всяком случае, все кончилось быстро, — вставил Мэллори. — Никто не любит войны, но нужно же было преподать царю Николаю урок. Не думаю, чтобы этот тиран рискнул еще раз дернуть льва за хвост.

Брайан кивнул:

— Просто поразительно, на что способны новые зажигательные снаряды. Их можно класть по квадратам, точность как в аптеке. — Его голос упал. — Ты бы посмотрел, как горела Одесса. Это было как огненный ураган. Все сметающий ураган…

— Да, я об этом читал, — кивнул Мэллори. — При осаде Филадельфии тоже была «огненная буря». Очень интересное явление.

— Да уж, — мрачно усмехнулся Брайан, — куда интереснее. Эти янки, они ведь ровно ничего не понимают в военном деле. Это ж какую нужно иметь голову, чтобы делать такое со своими городами!

— Странный они народ, — согласился Мэллори.

— Некоторые народы слишком глупы, чтобы управлять собой сами, это точный факт. — Брайан настороженно огляделся по сторонам; Том как раз вел «Зефир» мимо тлеющих останков паробуса. — А тебе-то они как, понравились, янки эти?

— Я не имел дела с американцами, только с индейцами. — (И о делах этих лучше помалкивать, добавил про себя Мэллори.) — А кстати, что ты думаешь об Индии?

— Ужасная страна, — с готовностью отозвался

Брайан. — Ужасная при всех своих чудесах, а чудес там этих столько, что плюнуть некуда, и одно чудеснее другого. В Азии только один народ имеет какие-то начатки здравого смысла — японцы.

— Ты же вроде принимал участие в Индийской кампании, — сказал Мэллори. — А я вот так и не разобрался, кто такие эти сипаи.

— Сипаи — это туземные войска. У нас там были крупные неприятности с мятежниками, всякая мусульманская чушь из-за свиного жира на винтовочных патронах! Чистейшая туземная глупость, но они, видите ли, не едят свинины, а к тому же — крайне суеверны. Паршивая была ситуация, счастье еще, вице-король Индии не дал туземным полкам современной артиллерии. Одна батарея многоствольных мортир Уолзли способна за пять минут отправить на тот свет целый бенгальский полк в полном боевом составе. — Брайан немного помолчал, а затем пожал плечами. — За время мятежа я насмотрелся всякого варварства — и в Мератхе, и в Лакхнау… Трудно поверить, что человек способен на такие жестокости. И ведь все это делали наши собственные туземные войска, солдаты, которых мы обучали и пытались воспитывать.

— Фанатики, — кивнул Мэллори. — Однако

простые индийцы, разумеется, должны быть благодарны нам за разумное управление. За железные дороги, телеграф, акведуки и все такое.

— Ну, — протянул Брайан, — когда видишь какого-нибудь факира, сидящего в храмовой нише, голого, грязного, вонючего и с цветочком в волосах, — ну откуда тебе знать, что там творится в его свихнутом набалдашнике? — Он умолк, а затем вдруг резко ткнул пальцем через плечо Мэллори. — Вон там… Что они там делают, эти мерзавцы?

Мэллори обернулся. На поперечной улице возле самого перекрестка раскинулось большое кольцо игроков.

— Кости кидают, — объяснил он брату.

Под навесом разгромленного магазина гнусного вида оборванцы по очереди прикладывались к бутылке. Один из них, жирный и всклокоченный, сделал вслед «Зефиру» непристойный жест, дружки поддержали его нестройными угрожающими воплями.

Брайан упал на брезент ничком, а затем осторожно поднял голову над деревянным бортом тендера.

— Они вооружены?

— А какая разница, — пожал плечами Мэлло-

ри. — Нас же никто не трогает.

— Они за нами гонятся, — объявил Брайан.

Мэллори удивленно взглянул на брата, но тут же, к немалому своему изумлению, обнаружил, что Брайан совершенно прав. Оборванцы преследовали «Зефир», они неслись по пустынной улице, потрясая кулаками и расплескивая из бутылки остатки джина. Деревенские собаки, считающие своим долгом облаять каждую проезжающую телегу, — вот кого напоминал этот озлобленный, дико вопящий сброд. Брайан привстал на колено, расстегнул кобуру, положил руку на рукоятку странного, необычно большого пистолета…

И чуть не вылетел на мостовую, когда Томас резко прибавил скорость. Мэллори схватил брата за ремень, втащил его назад и бросил на брезентовое ложе, жесткое, но безопасное. Вот так и с тобою было бы, думал он, слыша, как стучит по мостовой уголь, просыпавшийся при рывке. Оборванцы прекратили бесполезную погоню и даже перестали кричать; они нагибались, поднимали куски угля и тупо их рассматривали.

— Откуда ты знал, что они собираются напасть? — спросил Мэллори.

Брайан вынул носовой платок и начал отряхи-

вать с коленей угольную пыль.

— Просто знал.

— Но почему они так?

— Наверное, потому, что мы тут, а они — там. Потому, что мы едем, а они идут пешком! — Брайан явно недоумевал, ну как же можно не понимать таких простых вещей!

Мэллори отвел взгляд и сел.

— Возьми маску, — мягко сказал он, протягивая брату матерчатый квадрат. — Для тебя же брал.

Брайан застенчиво улыбнулся и начал возиться с завязками.

* * *

На всех перекрестках Пикадилли маячили фигуры в пятнистом обмундировании, тускло поблескивала сталь примкнутых штыков. Некоторые сидели, поставив на колени жестяные котелки, и завтракали положенной по рациону овсянкой. При первой встрече с патрулем Мэллори приветственно помахал рукой, однако отважные защитники отечества смотрели на проносящуюся мимо машину с таким агрессивным недоверием, что больше он этого эксперимента не повторял. Чуть подальше, на углу Лонгакр-стрит и Друри-лейн, солдаты активно учили

уму-разуму небольшой отряд растерянных лондонских полицейских. Полицейские бестолково суетились со своими ни на что не годными дубинками. Некоторые успели лишиться шлемов, у многих были забинтованы руки и головы.

Том остановил «Зефир», чтобы подбросить в топку уголь, тем временем Фрейзер и Мэллори пошли наводить справки. По сведениям битых лондонских фараонов, ситуация к югу от реки полностью вышла из-под контроля. По всему Ламбету бушевали схватки; главным оружием пролетариата были булыжники и кирпичи, но слышалась и стрельба. Многие улицы были перекрыты баррикадами. По сводкам, кто-то открыл ворота Бедлама и выпустил сумасшедших на свободу.

Грязные, как трубочисты, полицейские непрерывно кашляли и валились с ног от усталости. Всех их подняли по тревоге и бросили патрулировать улицы, затем Комитет по чрезвычайному положению ввел в столицу войска и объявил комендантский час. В Вест-Энде создаются отряды самообороны, добровольцев — из приличной, конечно же, публики — вооружают не только дубинками, но и винтовками. Нет худа без добра, думал Мэллори, слушая это горестное повество-

вание. Уж теперь-то не приходится сомневаться в законности и уместности похода в Вест-Индские доки. Фрейзер молча повернулся и зашагал к «Зефиру», на его лице застыло выражение мрачной решимости.

Том поехал дальше. За не очень определенной границей территории, охраняемой силами правопорядка, обстановка начала быстро меняться к худшему. День близился к полудню, с грязного, как вода в сточной канаве, неба светило болезненное тускло-оранжевое пятнышко. Помоечными мухами роились на перекрестках люди; любопытные и озабоченные, голодные и отчаявшиеся, они толклись безо всякой видимой цели, однако в воздухе отчетливо ощущался грозовой запах зреющего мятежа. Веселые гудки «Зефира» прорезали аморфную толпу; люди по привычке расступались.

По Чипсайду раскатывала пара невесть откуда взявшихся паробусов, битком набитых мрачными громилами. Из разбитых окон громоздких, пьяно виляющих машин торчали винтовочные стволы, на подножках висели размахивающие пистолетами люди, крыши щетинились ножками краденой мебели. Огибая неожиданное препятствие, Томас выехал на тротуар; под коле-

сами «Зефира» захрустело стекло.

В Уайтчепеле грязные босые дети облепили крашенную суриком стрелу подъемного крана, висевшую на высоте четвертого этажа.

— Соглядатаи, — прокомментировал Брайан, заметив, что некоторые мальчишки размахивают разноцветными тряпками и что-то кричат оставшимся на мостовой.

— Вряд ли, — пожал плечами Мэллори, — просто наверху воздух получше.

В Степни Тому пришлось объезжать четыре вздувшихся лошадиных трупа. Грузных першеронов пристрелили и оставили валяться на мостовой, не распрягая, только обрезали постромки. Чуть подальше обнаружилась подвода без колес, окруженная дюжиной больших — и безнадежно пустых — пивных бочек; над липкими вонючими лужами густо роились мухи. От веселья, царившего здесь совсем недавно, остались только разбитые кувшины, грязные лохмотья женской одежды и непарные башмаки.

Все стены вокруг были залеплены проказными струпьями плакатов; Мэллори швырнул в крышу кабины куском угля, и «Зефир» остановился.

Первым вышел из машины Том; за ним, разминая затекшие плечи и стараясь не потревожить

рану, последовал Фрейзер.

— В чем дело?

— Подстрекательство, — коротко бросил Мэллори.

Настороженно оглядываясь, они подошли к стене. Ее участок был заклеен во столько слоев, что стена казалась сделанной из сырной корки. Имелись здесь и шедевры капитана Свинга — те же самые аляповатые, скверно напечатанные прокламации. Крылатая, с пылающими волосами женщина гордо возвышалась над двумя столбцами подслеповатого текста. Некоторые слова — похоже, совершенно произвольные — были выделены красным; смазанные, перекошенные буквы почти не поддавались расшифровке. Через несколько секунд Том пожал плечами и фыркнул.

— Пойду-ка я лучше присмотрю за машиной.

— «ВОЗЗВАНИЕ К ЛЮДЯМ! — прочел, запинаясь, Брайан. — Вы все — свободные хозяева земли. ОТВАГА принесет вам победу в битве с Вавилон-донской блудницей и всем ее ученым ворьем. Кровь! Кровь! Отмщение! Отмщение! Отмщение! Мор, гибельный мор et cetera на всех, кто не внемлет голосу высшей справедливости! БРАТЬЯ И СЕСТРЫ! Довольно стоять на коленях перед

кровососами-капиталистами и их идиотской наукой! Пусть рабы коронованных разбойников пресмыкаются у ног Ньютона. МЫ разрушим Молох Пара и разобьем его оковы! Вздерните на фонари сотню-другую тиранов, и ваши счастье и свобода гарантированы вам навечно! Вперед! Вперед!!! Мы уповаем на Людской Потоп, всеобщая война — единственное наше спасение! Мы поднимаемся на бой за СВОБОДУ нищих и угнетенных, мятежных и непокорных, за всех ИЗМУЧЕННЫХ семижды проклятой Блудницей, чья плоть — адская сера, чей конь — из стали, и имя ему — Ужас…»

И так далее.

— Господи! Да что же, собственно, хочет он всем этим *сказать*? — спросил Мэллори; в голове у него гудело.

— В жизни ничего подобного не видел, — пробормотал Фрейзер. — Это же просто бред буйнопомешанного преступника!

— Я вот не понимаю насчет этих «семи проклятий». — Брайан указал на нижнюю строчку плаката. — Он расписывает какие-то страсти, но ни разу не объясняет, что же это такое…

— Чего он добивается? — спросил Мэллори. — Не считает же он, что всеобщая резня поможет

его бедам, какие уж там они есть…

— Спорить с этим чудовищем совершенно бессмысленно, — мрачно сказал Фрейзер. — Вы были правы, доктор Мэллори. Будь что будет — мы должны от него избавиться! Другого выхода нет!

Они вернулись к «Зефиру», где Том как раз кончил заправлять топку. Мэллори поглядел на братьев, их воспаленные глаза горели суровым мужеством и непреклонной решимостью. Фрейзер высказался за всех; они были спаяны единством цели, надобность в словах отпала. Убогую безнадежность гибнущего в собственных своих испражнениях Лондона озарил свет истинного величия. Впервые за многие дни — века́ — Мэллори почувствовал себя целеустремленным, очищенным от всякой скверны, свободным от всех сомнений.

По мере того как «Зефир» катил по Уайтчепелу, радостное возбуждение начало понемногу спадать, сменяясь тревожным предвкушением грядущих событий. Мэллори поправил маску, проверил механизм «баллестер-молины», перекинулся парой слов с Брайаном. Теперь, когда все сомнения остались позади, когда жизнь и смерть ожидали остановки катящейся игральной кости, говорить было практически не о чем. Если преж-

де Мэллори иронизировал над тем, как Брайан с нервозным тщанием осматривает проплывающие мимо дверные и оконные проемы, сейчас он поймал себя на том же самом.

Создавалось впечатление, что каждая стена в Лаймхаусе осквернена словоизвержениями этого мерзавца. Некоторые прокламации были откровенно безумны, однако многие другие хитро маскировались под что-нибудь безобидное. Мэллори насчитал пять лекционных афиш с клеветой на себя. Не исключено, что какие-то из них были подлинными, поскольку текста он не читал. Вид собственного имени болезненно царапал по нервам.

И он был далеко не единственной жертвой подобных подделок. Рекламный плакат Английского банка призывал делать вклады в фунтах человеческого мяса. Приглашение к железнодорожным экскурсиям в вагонах первого класса подстрекало публику грабить богатых пассажиров. Дьявольская издевка этих обманных листков не проходила даром; после них и в самой обыкновенной рекламе начинало мерещиться что-то не то. Мэллори выискивал в объявлениях скрытые двусмысленности, и каждое печатное слово превращалось в тревожный, угрожающий

бред; он никогда раньше не осознавал, сколь вездесуща лондонская реклама, ее назойливые слова и образы.

«Зефир» весело и беспрепятственно громыхал по асфальту, на Мэллори же тем временем накатила невыразимая душевная усталость. Это была усталость самого Лондона, его физической реальности, его кошмарной бесконечности, его улиц и дворов, проулков и террас, одетого в туманный саван камня и закопченного кирпича. Тошнотворность навесов над витринами, мерзость оконных переплетов, уродство связанных канатами лесов; ужасающее изобилие чугунных фонарей и ломбардов, галантерейных и табачных лавок. Город казался безжалостной бездной каких-то неведомых геологических времен.

Его раздумья прервал дикий угрожающий вопль; на середину улицы выбежали трое оборванцев в масках. «Зефир» резко затормозил, тендер занесло вправо.

Подонки — вот, пожалуй, единственное слово, подходящее для описания этой компании. Долговязый юнец, на чьей бледной, словно вылепленной из грязного теста физиономии угадывались все вообразимые и невообразимые пороки, был одет в засаленную куртку и вельветовые брюки;

облезлую, неизвестно на какой помойке подобранную меховую шапку он натянул чуть не до бровей — в явной, хоть и безуспешной попытке скрыть тюремную стрижку. Второй, здоровенный громила лет тридцати пяти, щеголял клетчатыми брюками и заскорузлым, насквозь пропотевшим цилиндром, носки его высоких ботинок были окованы медью. Третьим был кривоногий, плотно сложенный хмырь в кожаных бриджах, грязных гетрах и еще более грязном шарфе, намотанном на нижнюю половину лица.

Секундой позже из разгромленной скобяной лавки выбежали еще двое — расхлюстанные молокососы в рубашках с короткими широкими рукавами и в чрезмерно узких брюках. Они вооружились подручными средствами — массивными щипцами для завивки волос и чугунной сковородкой с ручкой длиною в добрый ярд; в руках готовых на все бандитов эти безобидные, даже уютные предметы выглядели весьма угрожающе.

Громила в цилиндре, судя по всему — главарь, стянул с лица платок и злобно оскалил желтые зубы.

— А ну, вылезайте из своей таратайки! — скомандовал он. — Живо!

Но Фрейзер и сам уже вышел из машины. Он встал перед пятью беснующимися головорезами, словно учитель, наводящий порядок в классе.

— А вот *это* уже лишнее, мистер Толли Томпсон! — объявил он очень ясно и твердо. — Я вас знаю, да и вы знаете, кто я такой. Вы арестованы за уголовное преступление.

— Вот же мать твою! — ошалело пробормотал Толли Томпсон.

— Это мистер Фрейзер! — испуганно попятился тестолицый мальчишка.

Фрейзер вынул из кармана вороненые наручники.

— Нет! — взвыл Томпсон. — Только не это! Я не хочу! Я ненавижу эти штуки! Я не дамся!

— А вы, остальные, уйдите с дороги, — приказал Фрейзер. — Вы меня слышите? А ты, Боб Майлз, — добавил он, — чего это ты заходишь сбоку? Брось свою идиотскую железку, а то ведь дождешься, я и тебя арестую.

— Господи, Толли, да пристрели ты его, на хрен! — крикнул кривоногий.

На запястьях Толли Томпсона защелкнулись наручники.

— Так что же, Толли, получается, у тебя есть ствол? — Фрейзер выдернул из-за широкого, разу-

крашенного медными заклепками ремня своего пленника дерринджер. — Напрасно ты это, совершенно напрасно. Ну так что, ребята, — он сурово глянул на остальных бандитов, — вы намерены мотать отсюда или как?

— Сваливаем! — взвизгнул Боб Майлз. — Сержант сказал нам сваливать!

— Да пришейте вы его, придурки несчастные! — крикнул кривоногий, вытаскивая короткий широкий нож. — Он же коп, долбаный *коп*, их всех мочить надо! А не то Свинг вас самих замочит! Копы, здесь копы! — выкрикнул он голосом торговца жареными каштанами. — Все сюда, замочим этих долбаных фараонов!

Фрейзер ударил рукоятью дерринджера по запястью кривоногого; тот взвыл и выронил нож.

Остальные трое тут же бросились врассыпную. Толли Томпсон тоже сделал попытку бежать, но Фрейзер левой рукой дернул за цепь наручников и бросил его на колени.

Кривоногий отпрыгнул на несколько шагов, а затем подобрал с асфальта тяжелый утюг и широко замахнулся.

Броска не получилось — Фрейзер вскинул дерринджер и выстрелил. Колени кривоногого подломились, он сложился пополам и рухнул на

мостовую.

— Он меня убил! — жалобно завопил бандит. — В кишки, прямо в кишки! Он меня убил!

Фрейзер отвесил Толли Томпсону назидательную оплеуху.

— Твоей пушкой только гвозди забивать. Целишься в ноги, а выходит вот что.

— Он же не делал ничего плохого! — захныкал Толли.

— У него был пятифунтовый утюг. — Фрейзер оглянулся на Мэллори и Брайана, наблюдавших за всей этой сценой с высоты тендера. — Спускайтесь, ребята, все сильно меняется. Теперь машину будут искать, так что придется ее бросить и идти дальше пешком.

Безжалостно дернув за наручники, он поднял Толли Томпсона на ноги.

— А ты, Толли, ты отведешь нас к капитану Свингу.

— Я не могу!

— Можешь, Толли, еще как можешь. — Фрейзер снова оглянулся на Мэллори и потащил Толли вперед.

Вокруг раненого бандита медленно расползалась лужа крови; он катался по мостовой, судорожно сучил кривыми ногами и еле слышно

повизгивал.

— А ведь сдохнет, — холодно сказал Фрейзер. — Точно сдохнет. Кто это, Толли?

— В жизни не знал его имени.

— Знаешь, все ты прекрасно знаешь.

Не останавливаясь, Фрейзер сбил с головы Толли цилиндр.

— Его знаю, а как звать его — не знаю! — Толли с тоской оглянулся на свою шляпу. — Он же янки, ясно вам?

— Янки, говоришь? А какой янки? — недоверчиво осведомился Фрейзер. — Конфедерат? Юнионист? Техасец? Калифорниец?

— Из Нью-Йорка, — неохотно буркнул Толли.

— Что? — поразился Фрейзер. — Ты хочешь сказать, что этот тип — манхэттенский коммунар? — Он оглянулся на умирающего, но тут же взял себя в руки и произнес скептически: — Нью-йоркские янки так не говорят.

— Не знаю я никаких коммуналов. Свингу он нравился, вот и все!

Проулок, куда свернул Фрейзер, выглядел на редкость мрачно. Высокие, без единого окна кирпичные стены блестели от сырости, над головой нависали шаткие подвесные мостки.

— А что, много у Свинга таких советников? Я

хочу сказать — людей из Манхэттена?

— У Свинга полно друзей. — Толли понемногу приходил в себя. — Если вы с ним свяжетесь, он вас прикончит, точно прикончит!

— Том, — оглянулся Фрейзер, — вы умеете обращаться с пистолетом?

— С пистолетом?

— Возьмите вот этот. — Фрейзер протянул ему дерринджер Толли. — Второй ствол заряжен. Правда, из этой штуки никуда не попадешь, разве что стрелять в упор.

Избавившись от дерринджера, Фрейзер тут же сунул руку в карман сюртука, вытащил небольшую кожаную дубинку и принялся, не сбиваясь с шага, аккуратно обрабатывать мускулистые плечи Толли Томпсона.

Тот морщился и стонал, а затем начал в голос выть; из носу у него текли сопли.

Фрейзер остановился и спрятал дубинку.

— Дурак ты, Толли, и больше никто. — В его голосе звучало искреннее сочувствие. — Ты что, полицию не знаешь? Я пришел за твоим драгоценным Свингом в одиночку, а эти трое веселых ребят просто хотят посмотреть на предстоящее зрелище! Так в какую там нору он залез?

— Большой пакгауз в доках, — проскулил Тол-

ли. — Там полно добычи, шмотья всякого. И стволы, целые ящики хитрого оружия…

— И какой же это пакгауз?

— Не знаю, — взвыл Толли. — Я никогда не заходил за эти долбаные ворота! И не знаю я долбаных названий всех этих притонов.

— А что написано на воротах? Кто хозяин?

— Да не умею я читать, сержант, вы же сами знаете!

— Тогда где это? — неумолимо напирал Фрейзер. — Импортные доки или экспортные?

— Импортные…

— Южная сторона или северная?

— Южная, где-то посередине…

С улицы, оставшейся у них за спиной, донеслись крики, звон бьющегося стекла и гулкие, словно по пустой железной бочке, удары. Толли умолк и навострил уши.

— Да это же ваша таратайка! — Он злорадно усмехнулся. — Свинговы ребята вернулись и нашли вашу таратайку!

— Сколько человек в этом пакгаузе?

— Слышите, как они ее долбают? — не унимался Толли. Его лицо сияло восторгом.

— Сколько там человек? — Фрейзер шарахнул Толли по уху.

— Они разносят ее вдребезги! — весело объявил Толли, уворачиваясь от удара. — Свято следуют заветам Неда Лудда!

— Заткни хлебало, ублюдок! — взорвался Том; его голос дрожал от боли и ярости.

— В чем дело, молодой хозяин? — удивленно повернулся Толли.

— Заткнись, я тебе говорю! — выкрикнул Том.

— Так это ж не я ж ломаю твою любимую машинку! — злорадно ухмыльнулся Толли. — А ты им крикни, мальчик, крикни! Скажи им, чтобы ничего там не портили! — Он резко подался назад и освободил скованные руки от хватки Фрейзера; полицейский покачнулся, едва не сбив с ног Брайана.

Толли повернулся, сложил руки рупором и крикнул:

— Хватит озорничать, ребятки! — Его вой эхом раскатился по кирпичному ущелью. — Вы портите частную собственность!

Том наотмашь ударил бандита в челюсть. Голова Толли дернулась, он судорожно выдохнул, пошатнулся и рухнул на булыжную мостовую.

Наступила тишина.

— Чтоб мне сдохнуть! — воскликнул Брайан. — Да ты чуть мозги ему не вышиб!

Фрейзер, в руках которого вновь появилась дубинка, шагнул к упавшему навзничь головорезу, наклонился, оттянул веко, а затем взглянул на Тома.

— Ну, силен ты, парень…

— Я мог застрелить его! — растерянно пробормотал Том, стягивая с лица маску; он глядел на Мэллори со страхом и мольбой. — Я ведь правда мог, Нед! Застрелил бы его насмерть — и все!

— Успокойся, — коротко кивнул Мэллори.

Фрейзер снимал с Толли скользкие от крови наручники; запястья громилы были ободраны чуть не до костей.

— Не понимаю я этого ублюдка, ну зачем он так? — размышлял вслух Брайан. — Он что, совсем сбрендил? Послушай, Нед, а может, и вправду все лондонцы с ума посходили?

Мэллори серьезно кивнул — и тут же ухмыльнулся:

— Но это не страшно, хороший удар справа — и болезни как не бывало! А ты у нас, оказывается, боксер! — Он хлопнул Тома по плечу. — Такого мордоворота уложил одним ударом, как быка на бойне!

Брайан расхохотался; Том несмело его поддержал и подул на костяшки пальцев.

Фрейзер встал, рассовал по карманам наручники и дубинку и рысцой двинулся по проулку. Братья последовали за ним.

— Да что тут особенного. — Голос Тома все еще срывался.

— Что? — возмутился Мэллори. — Девятнадцатилетний мальчонка уложил такого громилу — и ты говоришь «ничего особенного»!

— Драка была нечестная, у него же руки были в наручниках! — возразил Том.

— С одного удара! — продолжал восхищаться Брайан. — Как кувалдой!

— Заткнитесь! — прошипел Фрейзер.

Все замолчали. Кирпичное ущелье кончилось, впереди громоздились груды битого кирпича и серых обветренных щепок — все, что осталось от снесенного здания. Фрейзер осторожно пробирался вперед. Небо застилала грязно-желтая пелена, в ее разрывах проглядывали плотные зеленоватые облака, похожие на протухший творог.

— Да какого черта! — натужно улыбнулся Том. — Чего нам бояться, мистер Фрейзер! Эти гады, они же там такой грохот устроили, что и себя, наверно, не слышат. Не понимаю только, чего им моя машина плохого сделала?

— За них я не беспокоюсь, — дружелюбно от-

ветил Фрейзер. — Но мы можем натолкнуться на другие пикеты.

— А где мы находимся? — спросил Брайан и резко остановился. — Силы небесные! Что это за вонь?

— Темза, сэр, — лаконично объяснил Фрейзер.

В конце пустыря тянулась невысокая кирпичная стена. Мэллори ухватился за ее край, подтянулся и встал во весь рост, плотно прижимая маску ко рту. Стена оказалась частью набережной Темзы, ее дальняя сторона имела высоту футов десять и косо уходила к ложу реки. Отлив превратил Темзу в узкий ручеек, тускло поблескивающий между двух полос подсыхающей грязи.

На противоположном берегу высилась стальная навигационная башня, украшенная поникшими сигнальными флажками. Мэллори не мог прочитать сигналов. Карантин, что ли? Или блокада? Река выглядела совершенно безжизненной.

Фрейзер оглядел грязевые отмели у подножия набережной. Мэллори последовал его примеру. Утлые лодчонки вросли в темно-серую грязь, будто схваченные цементом. Тут и там вдоль изгиба Лаймхаус-Рич по канавам, прорытым

землечерпалками, ползли струйки голубовато-зеленой слизи.

Удушливое дыхание студенистого смрада, сменившее свежий некогда бриз, поднялось от Темзы и перетекло через кирпичную стену.

— Господи милосердный! — ошеломленнно воскликнул Брайан, а затем упал на колени и зашелся долгим, мучительным приступом рвоты.

Мэллори стоило огромных трудов успокоить собственный желудок. Судя по всему, гниющая Темза превзошла даже прославленную вонь в трюмах армейских транспортов.

Юный Том побелел как полотно, но все же оказался покрепче Брайана; возможно, ему помогала привычка к пароходному дыму.

— Какой кошмар! — Приглушенный маскою голос Тома звучал задумчиво и отрешенно. — Я знал, что в стране засуха, но чтобы такое… — Он смотрел на Мэллори изумленными покрасневшими глазами. — Нед… воздух, вода… ведь раньше такого ужаса не было!

— Ну да, конечно, лето не самое лучшее для Лондона время… — обиженно начал Фрейзер.

— Да вы только взгляните на реку! — с детской непосредственностью перебил его Том и тут же закричал: — Смотрите, смотрите, там корабль!

Вверх по течению пробирался большой колесный пироскаф очень странного вида: на плоской, как у парома, палубе не было никаких надстроек, кроме приземистой, с покатыми стенами рубки, склепанной из котельного железа, черную бортовую броню прорезали белые квадраты орудийных портов. На носу два матроса в резиновых перчатках и резиновых шлемах с масками замеряли глубину лотом.

— Что это за судно? — спросил Мэллори, протирая слезящиеся глаза.

Брайан нетвердо поднялся на ноги, оперся о стену, отер рот и сплюнул.

— Карманный броненосец, — хрипло сказал он, зажимая нос. — Канонерка.

Мэллори читал о таких кораблях, но никогда не видел их своими глазами.

— Такие воевали в Америке, на Миссисипи. — Он рассматривал корабль из-под ладони, очень жалея, что нет бинокля. — Так на нем что, флаг Конфедерации? Я не слыхал, чтобы у нас в Англии имелось что-нибудь подобного класса… Да нет, вроде бы «Юнион Джек»!

— Смотрите, что делают колеса! — не переставал удивляться Том. — Это же не вода, а сплошной студень…

Его замечание осталось без ответа.

— Посмотрите туда. — Фрейзер указал вниз по течению. — В нескольких десятках ярдов отсюда землечерпалки проложили по дну канал, ведущий прямо к причалам Вест-Индских доков. Вода сейчас стоит совсем низко, если повезет, можно пробраться по этому каналу и выйти к докам никем не замеченными.

— Иначе говоря, — поморщился Мэллори, — вы предлагаете нам окунуться в эту грязь.

— Только не это! — воскликнул Брайан. — Должен же быть какой-нибудь еще способ!

— Я знаю эти доки, — покачал головой Фрейзер. — Вокруг них восьмифутовая стена, утыканная поверху острыми шипами. Есть погрузочные ворота и железная дорога, но они-то уж точно охраняются. Свинг выбирал с умом. Это место почти что крепость.

— А реку Свинг что, не охраняет? — скептически покачал головой Брайан.

— Конечно охраняет, — согласился Фрейзер, — но много ли найдется любителей неусыпно бдеть над этой вонючей грязью ради Свинга или кого угодно?

— Он прав, ребята, — кивнул Мэллори.

— Да мы же по уши перемажемся в этом дерь-

ме! — запротестовал Брайан.

— Ничего, — хмыкнул Мэллори, — не сахарные.

— Но как же моя форма, Нед! Ты знаешь, во сколько мне обошелся этот мундир?

— Меняю, не глядя, мою машину на твои золотые галуны, — печально улыбнулся Том.

Брайан поглядел на младшего брата и сочувственно вздохнул.

— А раз так, ребята, то раздеваемся, — скомандовал Мэллори, скидывая куртку. — Как крестьяне, сгребающие свежее сено погожим сассекским утром. Прячьте куда-нибудь свои причиндалы, да побыстрее.

Он разделся до пояса, сунул пистолет за ремень закатанных брюк и спустился по стене вниз. Берег оказался твердым и сухим, как кирпич; Мэллори громко расхохотался. Мало-помалу к нему присоединились остальные.

— Ну и дурак же я, — сказал Брайан, поддевая лакированным сапогом большой пласт сухой грязи, — что снял форму. А все вы с вашими советами.

— Какая жалость! — съязвил Том. — Теперь тебе никогда не вычистить опилки из этой пижонской фуражки.

Фрейзер остался в белой рубашке и подтяжках — на удивление щегольских, алого муарового шелка. Из пристроенной под мышку замшевой кобуры выглядывала рукоятка многоствольного пистолета. Под рубашкой угадывались толсто намотанные бинты.

— Хватит скулить. — Инспектор снова шел впереди. — Некоторые люди проводят в Темзе всю свою жизнь.

— И кто же это? — спросил Том.

— Говнокопатели, — бросил через плечо Фрейзер. — Как только отлив, они залезают в эту грязь по пояс и начинают искать свои сокровища, и так — круглый год, зимой и летом. Куски угля, ржавые гвозди, да любой хлам, за который можно получить хотя бы пенни. Им все годится.

— Вы шутите? — изумился Том.

— В основном это дети, — невозмутимо продолжал Фрейзер. — Ну и немощные старухи, их там тоже хватает.

— Я вам не верю, — возмутился Брайан. — Скажи вы такое о Бомбее или Калькутте, я бы ни на секунду не усомнился. Но в Лондоне…

— А я и не говорю, что эти несчастные — англичане, — сказал Фрейзер. — В говнокопатели идут по большей части иностранцы. Нищие беженцы.

— Ну, тогда ладно, — облегченно вздохнул Том.

Дальше они шагали молча, стараясь беречь дыхание. Мэллори непрерывно сплевывал мокроту, его плотно заложенный нос не воспринимал никаких запахов — немалое облегчение, если учесть, что запах здесь был один-единственный: смрад.

— Британия слишком гостеприимна ко всем этим чертовым беженцам, — монотонно бормотал Брайан. — Будь моя воля, я бы вывез их всех в Техас…

— А рыба тут, наверное, вся передохла, да? — сказал Том, наклоняясь, чтобы оторвать твердую пластинку грязи. — Смотри, Нед. — Он показал Мэллори зацементированные в ней рыбьи кости. — Ну прямо что твои ископаемые!

Несколькими ярдами дальше их задержала проложенная землечерпалкой канава. По черной жиже, покрывавшей дно, струились белесые прожилки маслянистой гадости, отдаленно похожей на растопленное сало; пришлось форсировать неожиданное препятствие вброд — иного выхода просто не было. К счастью, грязь оказалась не очень глубокой и все сошло благополучно, за одним исключением: Брайан поскользнулся и упал. Он поднялся весь перемазанный, отряхивая

грязь с рук и отчаянно ругаясь на непонятном языке, скорее всего на хинди.

За канавой запекшаяся корка стала предательски тонкой, пластины высохшей грязи скользили или крошились под ногами, выпуская на свет смоляную вязкую мерзость, сквозь которую сочились струйки отвратительной жижи и пробулькивали пузыри каких-то невероятных газов. Еще худшее разочарование поджидало их во входном канале доков: его берега были сплошь облицованы просмоленными бревнами. Крутые, скользкие от зеленоватой плесени, они поднимались над кромкой воды на добрые пятнадцать футов. Да и какая там вода! Широкий канал был наполнен омерзительными изжелта-серыми помоями, в которых, как клецки в супе, плавали огромные сгустки тускло-зеленой слизи.

Тупик.

— Ну и что теперь? — мрачно спросил Мэллори. — Поплывем?

— Ни за что! — выкрикнул Брайан; в его воспаленных глазах мелькнул безумный блеск.

— Так что же, полезем на стену?

— Не выйдет, — простонал Том, бросив безнадежный взгляд на крутой, осклизлый откос.

— Я и рук бы мыть не стал в этих помоях! —

воскликнул Брайан. — Рук, сплошь залепленных вонючей дрянью!

— Заткнитесь! — одернул их Фрейзер. — Услышат же. Если люди Свинга нас обнаружат, то пристрелят как собак! Заткнитесь и дайте мне подумать!

— Мой бог, ну как же тут воняет! — выкрикнул Брайан, не обращая на него внимания. Он был близок к панике. — Это хуже, чем транспорт, хуже, чем русские окопы! Господи Иисусе, я видел, как под Инкерманом закапывали *куски* русских, неделю пролежавшие на солнце, так и те пахли лучше!

— Прекрати! — прошептал Фрейзер. — Я что-то слышу.

Шаги большой группы людей. Все ближе и ближе.

— Влипли! — Фрейзер поднял голову, вглядываясь в верхний край неприступной стены, и взялся за рукоятку пистолета. — Хреново, ребята, ну да ладно, помирать, так с музыкой.

Но в этот момент на Мэллори снизошло вдохновение.

— Не надо. — Его шепот звенел железной уверенностью. — Не смотрите наверх. Делай, как я!

И знаменитый палеонтолог, Ч. К. О., Ч. К. Г. О.

Мэллори затянул разухабистую песню, вернее, не затянул, а заорал:

Нашел я чудный кабачок

Вино там стоит пятачок…

— Ну давайте, кореша, что вы как неживые! — Он пьяно взмахнул рукой.

С бутылкой там сижу я на окне,

Не плачь, милашка, обо мне, —

неуверенно подхватили Том и Брайан. Они ровным счетом ничего не понимали.

— Припев! — скомандовал Мэллори.

Так будь здорова, дорогая,

Я надолго уплываю

И когда вернусь — не знаю,

А пока — прощай!

Прощай и друга не забудь…

— Эй, на судне! — крикнул кто-то сверху.

Мэллори покачнулся, воздел очи горе и недоуменно уставился на укороченные ракурсом фигуры. С полдюжины бандитов, за спиной у каждого — винтовка. Кричал, по всей видимости, предводитель, присевший на корточки на самом краю бревенчатой набережной. Его голова и лицо

были обмотаны шелковыми узорными шалями, белые парусиновые брюки сияли снежной белизной. В правой, опущенной на колени руке тускло поблескивала вороненая сталь необычно длинного пистолета.

— Эй! На берегу! — Мэллори приветственно раскинул руки и чуть не упал на спину. — Чем можем служить столь высокостоящим джентльменам?

— Интересная задача! — проворковал предводитель голосом человека, вынужденного угодничать. — Очень интересная. Это до каких же чертиков могут нажраться, в какую стельку могут надраться четыре лондонских дуболома! Вы что, — крикнул он погромче, — не чувствуете, как там воняет?

— А то! — с готовностью отозвался Мэллори. — Но мы хотим посмотреть Вест-Индские доки!

— Зачем? — Вопрос прозвучал очень холодно.

— Затем, — хрипло расхохотался Мэллори, — что там полно шмотья, которое нам бы вполне пригодилось.

— Вроде чистого белья? — спросил один из бандитов.

Сверху донесся смех, вперемежку с хрипом и кашлем.

— А что, сгодится! — Мэллори хлопнул себя по голой груди и тоже засмеялся. — Вы, ребята, нам не поможете? Бросьте нам веревку или вроде того.

Глаза предводителя сузились в холодные щелочки, ствол пистолета шевельнулся.

— Ты не моряк! Матрос никогда не скажет «веревка», он скажет «линь» или «конец».

— А твое-то какое дело, кто я такой! — гневно нахмурился Мэллори. — Бросай, говорю, веревку! Или лестницу! Или в рот долбаный еростат! Или мотай отсюда, на хрен!

— Верно, кореш! — дрожащим голосом подхватил Том. — На хрена нам нужны все эти придурки!

Предводитель встал, повернулся и исчез, вместе с придурками.

— Вы там долго не валандайтесь! — проорал им вслед Мэллори. — А то как же это, у вас всего до хрена, а у нас — ни хрена! Делиться надо!

— Господи, Нед! — покачал головой Брайан. — Положеньице у нас хуже некуда!

— Изобразим из себя мародеров, — вполголоса объяснил Мэллори. — Пьяных, на все готовых мерзавцев. Присоединимся к этой компании и постараемся добраться до Свинга.

— А что, если они будут задавать вопросы?

— Разыгрывай дурака.

— Эй! — резанул по ушам визгливый голос.

— Что еще? — грубо крикнул Мэллори, поднимая глаза.

Наверху стоял костлявый мальчишка лет пятнадцати, в маске и с винтовкой.

— Лорд Байрон помер! — проорал мальчишка.

Мэллори застыл как громом пораженный.

— Откуда ты знаешь? — крикнул Том.

— Да точно, точно! Сдох, старый ублюдок, откинул копыта! — расхохотался мальчишка, приплясывая на верхних концах свай и размахивая винтовкой. Затем он спрыгнул вниз и исчез.

Мэллори обрел наконец дар речи:

— Не может быть.

— Не может, — согласился Фрейзер.

— Во всяком случае, маловероятно.

— Это они просто размечтались, — предположил Фрейзер.

Повисло молчание.

— Конечно, — начал Мэллори, — если Великий Оратор действительно мертв, то это означает… — Волна растерянности смыла куда-то все слова, но он остро ощущал, с какой надеждой смотрят на него остальные, как нужна им сейчас поддерж-

ка. — Ну… смерть Байрона будет означать конец великой эпохи.

— Совсем не обязательно, — спокойно возразил Фрейзер. — В партии немало талантливых людей. Чарльз Бэббидж жив! Лорд Колгейт, лорд Брюнель… да и принц-консорт. Принц Альберт — человек весьма здравомыслящий.

— Лорд Байрон не может умереть! — вырвалось у Брайана. — Мы стоим по колено в вонючей грязи и готовы поверить в вонючую ложь!

— Тихо! — скомандовал Мэллори. — Не будем делать никаких выводов, пока у нас нет твердых доказательств!

— Нед прав, — кивнул Том. — Премьер-министр сказал бы то же самое. Это научный подход. Этому-то и учил нас всегда лорд Байрон…

К их ногам упал конец толстой просмоленной веревки, завязанный в широкую петлю. Вожак анархистов — тот самый красавчик в белых брюках — картинно поставил согнутую ногу на конец сваи и подпер подбородок рукой.

— Ну-ка, приятель, — сказал он, — вставляй свою задницу в петлю, и мы тебя мигом вздернем. Постарайся только не перепутать задницу с головой.

— Премного благодарен. — Мэллори привет-

ственно махнул рукой и влез в петлю.

Мгновение спустя веревка натянулась, он уперся облепленными грязью башмаками в осклизлые бревна и зашагал по ним вверх.

Рукой в лайковой перчатке предводитель сбросил опустевшую петлю вниз.

— Добро пожаловать, сэр, в высший свет авангарда человечества! Позвольте мне, учитывая обстоятельства, представиться самому. Я — маркиз Гастингс. — Самозваный маркиз небрежно поклонился, а затем вздернул подбородок и подбоченился.

«Да ведь это он всерьез, — осенило Мэллори. — Этот парень считает себя маркизом!»

С приходом к власти радикалов всякие там маркизы исчезли, исчезли вроде бы безвозвратно, и вот вам — появляется некий юный претендент на этот титул, живое ископаемое, мезозойская рептилия во главе шайки современных гадюк! Поднимись сейчас из зловонных глубин Темзы змеиная головка молодого плезиозавра — даже это удивило бы Неда Мэллори в меньшей степени.

— Ребята, — небрежно бросил маркиз, — полейте нашего пахучего друга одеколоном! А если он выкинет какую-нибудь глупость, вы знаете,

что делать.

— Пристрелить, что ли? — идиотски спросил кто-то.

Маркиз театрально поморщился. Мальчишка в трофейном полицейском шлеме и драной шелковой рубашке извлек откуда-то резной стеклянный флакон и щедро окропил голую спину Мэллори.

Следующим подняли Брайана.

— О! — заметил маркиз. — Ну разве же можно так пачкать армейские брюки! В самоволке, товарищ?

Брайан неопределенно пожал плечами.

— Ну и как тебе Лондон, нравится?

Брайан тупо кивнул.

— Дайте этой грязной личности новые штаны, — скомандовал маркиз и оглядел своих соратников. — Товарищ Шиллибир! У тебя вроде бы один с ним размер — отдай ему свои брюки.

— Но, товарищ маркиз…

— Каждому по потребностям, товарищ Шиллибир! Немедленно раздевайся.

Шиллибир неловко вылез из штанов и передал их Брайану. Трусов на нем не было, и одной рукой он нервно одергивал полы рубашки.

— Силы небесные! — с деланым отчаянием вос-

кликнул маркиз. — Неужели я должен указывать этим олухам каждую мелочь? Ты! — Он ткнул пальцем в Мэллори. — Подмени Шиллибира и тяни веревку. А ты, солдат, надень брюки Шиллибира и запомни, что отныне ты не подручный угнетателей, но человек совершенно свободный! Товарищ Шиллибир, перестать извиваться. Тебе совершенно нечего стыдиться. Сходи на склад и возьми себе новую одежду.

— Спасибо, сэр.

— Товарищ, — поправил маркиз. — Выбери там что-нибудь покрасивее. И прихвати еще одеколона.

Следующим поднимали Тома; Мэллори — он тоже подключился к работе — осторожно изучал маркизово воинство. С оружием ребята обращаться не умеют, оно у них поминутно клацает, цепляется за что ни попадя, падает на землю, да и оружие-то это слова доброго не стоит. Армейский однозарядный карабин «виктория» — и где они только взяли такую музейную редкость? Наверное, в запасах, предназначенных для отправки в колонии туземным войскам. Тяжелые карабины, огромные кухонные ножи, самодельные дубинки — весь этот арсенал мешал бандитам, сковывал их движения. Жалко выглядели марки-

зовы вояки, очень жалко — что двое желторотых сосунков, что двое кряжистых, насквозь проспиртованных уголовников. Одетые в ворованные, мокрые от пота шелковые рубашки, обмотанные яркими шалями и армейскими патронташами, они походили на турецких башибузуков — и уж никак не на британцев. Очень странно выглядел в этой компании пятый — худой, молчаливый, благопристойно одетый негр, похожий на слугу из хорошего дома.

Как только Том вылез наверх, маркиз Гастингс начал свой экзамен:

— Как тебя звать?

— Том, сэр.

— А его?

— Нед.

— А его?

— Брайан, — сказал Том. — Я думаю…

— А как, скажи на милость, зовут вашего четвертого, который удивительно похож на фараона?

Том растерянно молчал.

— Ты что, язык проглотил?

— Он ни разу не назвал себя по-человечески, — вмешался Мэллори. — Мы зовем его Преподобный.

— А ты бы помолчал, — осадил его маркиз.

— Мы встретили Преподобного несколько часов назад, сэр, — вывернулся Том. — Нельзя сказать, что мы закадычные друзья.

— А может, оставим его внизу? — предложил маркиз.

— Втащите его, — снова вмешался Мэллори. — Преподобный — мужик толковый.

— Да? А как насчет тебя, товарищ Нед? Похоже, ты и вполовину не так глуп, как прикидываешься. И не так уж ты и пьян.

— Вот и я про то, — согласился Мэллори. — Нужно добавить. У тебя тут ничего под рукой не найдется? А еще мне не повредил бы такой карабин, если уж вы делите добычу.

Маркиз посмотрел на пистолет Мэллори и заговорщицки подмигнул:

— Всему свое время, мой нетерпеливый друг. — Он повернулся к своей команде и махнул рукой: — Ладно, затаскивайте.

Прошло несколько минут, и на пирс вылез голый, грязный Фрейзер; малолетки начали сворачивать веревку.

— Мне бы очень хотелось знать, — начал маркиз, — какую веру исповедует ваше преподобие?

— А что, начальник, — удивился Фрейзер, — разве не понятно? Я этот самый… брат… ну, то

есть долбаный квакер.

Последовал взрыв недоброго смеха.

— Чего ржете? — прохрипел Фрейзер и тут же расплылся в широкой улыбке. — Да нет, я не просто брат, я — *собрат. Пентюх собрат.*

Наступила тишина.

— Пентюх собрат, — упрямо повторил Фрейзер. — Ну, значит, вроде как из этих бздиловатых американских трепачей…

— Ты хочешь сказать, пантисократ? — уточнил маркиз. — То есть вольный проповедник Сусквеганнского фаланстера?

Фрейзер тупо уставился на маркиза.

— Я говорю об утопических доктринах профессора Кольриджа и преподобного Вордсворта, — чуть угрожающе настаивал маркиз.

— Во-во, — проворчал Фрейзер, — это самое, что ты сказал.

— А не можешь ли ты сказать мне, о друг пантисократ, откуда это на тебе, на убежденном пацифисте, полицейская кобура? Ну так как?

— Снял с фараона, вот откуда. С дохлого фараона, — уточнил Фрейзер.

Снова хохот, на этот раз — дружелюбный.

Мальчик, стоявший возле Мэллори, толкнул локтем одного из бандитов постарше.

— У меня от этой вони голова кругом идет, Генри! Может, свалим, а?

— Спроси у маркиза, — ответил Генри.

— Спроси ты, — захныкал мальчишка, — а то он всегда надо мной смеется…

— Внимайте все! — возгласил маркиз. — Мы с Юпитером отведем новых рекрутов к складу. А вы, остальные, патрулируйте берег.

Послышался недовольный ропот.

— Не уклоняться, — прикрикнул маркиз. — Вы же знаете, что все товарищи стоят береговую вахту по очереди, вы ничем не лучше остальных.

Маркиз, по пятам за которым следовал негр, повел их вдоль набережной канала. И как это он может, изумлялся Мэллори, показывать спину четырем вооруженным незнакомцам? Что это — беспросветная глупость или отвага с примесью рисовки?

Он молча переглянулся с братьями и инспектором. Все четверо остались при оружии, анархисты даже не потрудились его изъять. Застрелить провожатого было бы минутным делом. И негра пришлось бы тоже, хотя тот и без оружия. Подло, конечно же, нападать сзади, но на войне и не такое делают. Однако остальные неловко поеживались, и Мэллори понял, что они препоручают

грязную работу ему. С этого момента вся ответственность за отчаянное предприятие легла на него, и только на него; даже полицейский и тот поставил свою жизнь на удачу Эдварда Мэллори.

Мэллори выдвинулся вперед, подстраиваясь под шаг маркиза Гастингса.

— А что там на этом складе, ваша светлость? Уж одежды-то там, должно быть, хватает, да и всего остального тоже.

— Не одежды, а надежды, мой мародерствующий друг! А впрочем, не бери в голову. Скажи мне вот что, товарищ Нед, — что бы ты сделал с этой добычей, попади она тебе в руки?

— Думаю, все зависит от того, что там будет.

— Ты уволок бы ее в свою крысиную нору, — продолжал маркиз, — продал бы за бесценок еврею-барыге, пропил бы все подчистую, а через день-другой очухался бы в грязном полицейском участке и увидел ногу фараона у себя на шее.

— А что бы сделали с добычей вы? — поинтересовался Мэллори.

— Нашел бы ей достойное применение! Мы используем эти вещи во благо тех, кто их создал! Во благо рядовых лондонцев, угнетенных масс, во благо тех, кто работает не покладая рук, кто производит все богатства этого города!

— Не понимаю я что-то, — покачал головой Мэллори.

— Революция не грабит, товарищ Нед. Мы реквизируем, мы конфискуем, мы освобождаем! Тебя и твоих друзей привлекли сюда яркие заморские безделушки. Ты думаешь унести сколько хватит рук. Люди вы или сороки? К чему довольствоваться пригоршней грязных шиллингов? Вам может принадлежать весь Лондон, этот современный Вавилон! Вам может принадлежать будущее!

— Будущее? — переспросил Мэллори и оглянулся на Фрейзера; глаза полицейского горели нескрываемым отвращением. — А много ли выручишь за кварту «будущего», ваша светлость?

— Я бы попросил тебя не называть меня «светлостью», — отрезал маркиз. — Ты обращаешься к ветерану народной революции, солдату человечества, который гордится простым титулом «товарищ».

— Виноват… товарищ.

— А ты не дурак, Нед. Не путай меня с радикалистскими лордами. Я не какой-нибудь там буржуазный меритократ! Я — революционер, смертельный враг тирании Байрона и всех его дел, враг по крови и убеждениям!

Мэллори хрипло закашлялся, прочищая горло.

— Ладно, — сказал он новым, более резким тоном. — К чему весь этот разговор? Захватить Лондон — но это же несерьезно! Такого не бывало со времен Вильгельма Завоевателя.

— Почитай учебник истории, — возразил маркиз. — Это удалось Уоту Тайлеру, Кромвелю. Это удалось Байрону! — Он рассмеялся. — Восставшие захватили Нью-Йорк! Рабочие управляют Манхэттеном — вот прямо сейчас, когда мы с тобой разговариваем! Они ликвидировали богатых. Они сожгли церковь Святой Троицы! Они захватили средства связи и производства. Янки, какие-то там янки совершили победоносную революцию! Насколько же легче сделать это английскому народу — народу, дальше всех продвинувшемуся по пути исторического прогресса!

Было видно, что этот человек — скорее даже мальчишка, поскольку за позой и бахвальством проглядывали повадки юнца, — говорит совершенно искренне, истово верит в пагубное безумие анархии.

— Но правительство, — возразил Мэллори, — введет войска.

— Перебейте класс офицеров, и рядовые будут с нами, — холодно отозвался маркиз. — Взгляни на своего друга-солдата, Брайана. Ему нравится в

нашем обществе! Ведь правда, товарищ Брайан!

Брайан молча приветственно воздел заляпанный грязью кулак.

— Ты не понимаешь стратегии нашего капитана во всей ее гениальности, — сказал маркиз. — Мы закрепились в самом сердце британской столицы, в единственном месте на земле, которое ваша элита не захочет опустошить даже ради своей пагубной гегемонии. Ну разве решатся радикальные лорды обстрелять, сжечь свой драгоценный Лондон из-за каких-то там небольших беспорядков — а именно так воспримут они начало всеобщего восстания! Но! — Он вскинул затянутый в лайку палец. — Когда мы выйдем на баррикады, на воздвигнутые по всему городу баррикады, тогда им придется лицом к лицу сразиться с восставшим рабочим классом, людьми, опьяненными первой истинной свободой, какую они когда-либо знали!

Маркиз на минуту остановился, с присвистом втянул ртом зловонный воздух и закашлялся.

— Большая часть класса угнетателей, — продолжал он, — уже бежала из Лондона, спасаясь от смрада! Когда они попытаются вернуться, восставшие массы встретят их огнем и сталью! Мы будем стрелять в них с крыш домов, из

подворотен и переулков, из сточных канав и притонов! — Он достал из рукава насквозь мокрый платок и вытер нос. — Мы поставим под свой контроль все артерии и опорные пункты организованного угнетения. Газеты, телеграфные линии и пневматическую почту, дворцы, казармы и конторы! Все они будут служить великому делу освобождения!

Мэллори ждал продолжения, но юный фанатик, похоже, вконец выдохся.

— И вы желаете, чтобы мы вам помогли? Вступили в эту вашу народную армию?

— Конечно!

— А что нам с этого будет?

— Всё, — ответил маркиз. — Навсегда.

Внутренняя гавань Вест-Индских доков была забита под завязку; такелаж парусников мешался с дымовыми трубами пироскафов. Вода здесь показалась Мэллори не такой грязной, как в Темзе, — пока он не заметил среди комьев слизи лениво покачивающиеся на поверхности трупы. Моряки из вахтенных команд, оставленных для охраны судов. Раздувшиеся от жары трупы плавали, как деревянные колоды, зрелище не для слабонервных. Следуя за маркизом по деревянному настилу причала, Мэллори насчитал

не то пятнадцать, не то шестнадцать тел — а где же остальные? Возможно, рассуждал он, большая их часть была убита где-то в другом месте, а кто-то мог и переметнуться в банду Свинга. Не все матросы так уж преданы порядку и властям. Мэллори остро ощутил на животе тяжелый, успокаивающий холод «баллестер-молины».

Маркиз и негр продолжали двигаться дальше, словно не замечая трупов. Они миновали покинутый корабль, из палубных люков которого сочились зловещие струйки дыма, а может быть — пара. Четверо анархистов составили свои карабины в грубое подобие пирамиды и разлеглись на тюках ситца. Бдительные стражи самозабвенно резались в карты.

Другие сторожа, пьяные небритые подонки в скверных цилиндрах и еще худших брюках, спали в опрокинутых тачках и на погрузочных волокушах, среди нагромождения бочек, корзин, мотков троса, трапов и груд антрацита — топлива для недвижно застывших деррик-кранов. Из пакгаузов, расположенных на южной стороне гавани, донеслись приглушенные расстоянием хлопки выстрелов. Маркиз не проявил к ним никакого интереса, не сбавил шага и даже не оглянулся.

— Вы захватили все эти корабли? — поинтересовался Мэллори. — У вас, должно быть, много людей, товарищ маркиз.

— И с каждым часом все больше, — заверил его Гастингс. — Наши люди прочесывают Лаймхаус, поднимают каждую рабочую семью. Тебе знаком термин «экспоненциальный рост», товарищ Нед?

— Не-а, — солгал Мэллори.

— Математический клакерский термин, — небрежно объяснил маркиз. — Очень это интересная наука, вычислительное клакерство, крайне полезная для научного изучения социализма… — Вид у него был рассеянный и немного возбужденный. — Еще один день смрада, как этот, и у нас будет больше людей, чем в лондонской полиции! Вы ведь не первые, кого я рекрутировал. Я становлюсь уже заправским вербовщиком! Да что там, это под силу даже Юпитеру! — Он хлопнул негра по плечу.

Негр не выказал никакой реакции. «Уж не глухонемой ли он?» — спросил себя Мэллори. И почему этот человек ходит с неприкрытым лицом? Неужели ему не нужна маска?

Маркиз подвел их к самому большому из бесконечного ряда пакгаузов. Даже на фоне складов

таких знаменитых коммерческих фирм, как «Мадрас и Пондишери», «Уитбис», «Эван-Хэр» и «Ааронс», этот казался настоящим дворцом сверхсовременной коммерции. Его исполинские погрузочные ворота поднялись с помощью сложной системы шарнирных противовесов, и глазам Мэллори предстало огромное, с футбольный стадион размером, помещение со стальными стенами и сводчатой стеклянной крышей. Под этим сводом раскинулся стальной лабиринт ферм и опор, кружевная сеть роликовых транспортеров и зубчатых рельсов, по которым когда-то бегали управляемые машиной вагонетки. Где-то пыхтели паровые машины, раздавался знакомый чмокающий звук печатного станка.

И повсюду награбленное добро, богатства, способные ошеломить даже Креза. Вещи лежали грудами, скирдами, горами: рулоны дорогих тканей, кресла и тележные колеса, супницы и подсвечники, матрасы, чугунные собачки для газонов и мраморные ванночки для птиц, бильярдные столы и шкафчики для напитков, изголовья кроватей и колонки винтовых лестниц, свернутые ковры и каминные полки…

— Ну надо же! — поразился Том. — И как вы всё это собрали?

— Мы здесь уже несколько дней. — Маркиз размотал шаль, открыв бледное лицо почти девической красоты, однако со светлым пушком на верхней губе. — Тут хватит на всех, и этот склад не единственный. Чуть попозже вам тоже представится возможность нагрузить тачку или волокушу. Здорово, правда? Все это добро в вашем распоряжении, потому что принадлежит в равной мере всем нам!

— Всем нам? — переспросил Мэллори.

— Конечно. Всем товарищам.

— А как насчет него? — Мэллори указал на негра.

— Ты про моего слугу Юпитера? — недоуменно сморгнул маркиз. — Конечно же, Юпитер тоже принадлежит всем нам! Мой слуга служит не только мне, но и общему делу. — Он снова подтер обильно текущий нос. — Пошли.

Горы награбленного превратили организованный по науке пакгауз в чудовищное крысиное гнездо. Следуя за маркизом, братья Мэллори и Фрейзер пробирались по отмелям битого хрусталя, лужам растительного масла, закоулкам, усыпанным скорлупой земляных орехов.

— Странно, — пробормотал маркиз, — в последний раз здесь было полно товарищей…

В глубине склада барахла было поменьше, зато здесь стоял печатный станок, скрытый от глаз эверестами газетной бумаги. Внезапно из-за этого заграждения мортирным ядром вылетела увязанная пачка свежеотпечатанных плакатов; она шлепнулась оземь в каком-то футе от проворно отскочившего маркиза.

Сквозь грохот печатного станка прорезался чей-то высокий, пронзительный голос.

Через несколько секунд Мэллори увидел, что дальняя часть склада превращена в импровизированный лекционный зал. Школьная доска, стол, заставленный лабораторной посудой, и кафедра — все это довольно неустойчиво балансировало на помосте из плотно составленных ящиков. Молчаливые слушатели — их тут было десятков пять-шесть — сидели на дешевых разномастных стульях.

— Так вот они где, — протянул маркиз; голос его странно дрожал. — Вам повезло. Доктор Бартон проводит сегодня демонстрацию. Садитесь, товарищи. Уверен, что вам это будет интересно.

Спорить было невозможно; Мэллори и его спутники пристроились в заднем ряду. Негр остался стоять.

— Но этот ваш лектор — в юбке! — недоуменно

прошептал Мэллори.

— Тише, — шикнул маркиз.

Женщина-лектор была вполне профессионально вооружена черной указкой, толстый конец которой служил держалкой для мела; в ее голосе звенел фанатизм — тщательно продуманный, на аптекарских весах взвешенный фанатизм. Слушать было трудно — плохая акустика неприспособленного для таких спектаклей помещения искажала слова, делая их иногда совершенно неразборчивыми. Судя по всему, темой лекции была трезвенность — дама яростно порицала «алкогольную отраву» и ее пагубное воздействие на «революционный дух рабочего класса». Большие оплетенные бутыли, содержащие, по всей видимости, различные сорта пагубных для пролетариата напитков, были снабжены одинаковыми, крайне непривлекательными этикетками с надписью: «ЯД!» — и — учитывая невысокий образовательный ценз аудитории — общепонятным изображением черепа и скрещенных костей. Остальное пространство стола было загромождено перегонными аппаратами, какими-то непонятными склянками, красными резиновыми трубками, проволочными клетками и лабораторными газовыми горелками.

Том, сидевший справа от Мэллори, дернул его за рукав и прошептал:

— Нед! Нед! Это что, леди Ада?

— Господи боже, мальчик, — ужаснулся Мэллори. — С чего ты взял? Разумеется, нет!

— А кто же тогда? — облегченно и словно с некоторой обидой спросил Том.

Женщина повернулась к доске и аккуратно вывела слова «Неврастеническое вырождение». Потом она обернулась, одарила аудиторию сверкающей, насквозь фальшивой улыбкой, и только тут Мэллори ее узнал.

Это была Флоренс Рассел Бартлетт.

Мэллори судорожно вздохнул. Какая-то соринка, скорее всего, клочок ваты из маски, занозой застряла в горле. Он закашлялся и не мог остановиться. Горло саднило все сильнее и сильнее. Он хотел улыбнуться, прошептать хоть слово в извинение, но гортань сжимало, будто железными обручами. По его щекам катились слезы, он сдерживался изо всех сил — и не мог, не мог хотя бы приглушить этот кошмарный кашель. Головы слушателей начали поворачиваться, что грозило большими неприятностями. Наконец Мэллори вскочил, с шумом опрокинул стул и побрел прочь, согнувшись пополам, ничего не

видя и почти ничего не соображая.

Расставив для равновесия руки, Мэллори пробирался сквозь плывущие перед глазами дебри награбленного; ноги его непрерывно в чем-то путались, то слева, то справа на пол рушились какие-то деревянные и металлические предметы. С большим трудом отыскав укромное место, он согнулся еще сильнее, сотрясаемый неудержимым кашлем, задыхаясь от мокроты и подкатывающей к горлу блевотины. Так ведь и сдохнуть можно, думал он в отчаянии. Лопнет что-нибудь — и все. Или сердце не выдержит.

Но потом ком в горле исчез, кашель понемногу стих. Мэллори хватил глоток воздуха, пару раз надсадно кашлянул и начал дышать нормально. Он вытер с бороды липкую, отвратительную мокроту и вдруг заметил, что стоит прислонившись к статуе. Полуобнаженная индийская прелестница — изваянная во весь рост из шутовского искусственного мрамора — держала на бедре большой кувшин. Кувшин, естественно, был насквозь каменный — и это в тот момент, когда каждая клеточка, каждый атомус Мэллори взывали об очищающем глотке воды.

Кто-то хлопнул его по спине. Мэллори обернулся, ожидая увидеть Тома или Брайана, но это

оказался маркиз.

— С вами все в порядке?

— Небольшой приступ, — просипел Мэллори, не в силах выпрямиться, и махнул рукой.

Маркиз вложил ему в ладонь серебряную фляжку, изогнутую по форме бедра.

— Вот, — сказал он, — это вам поможет.

Мэллори приложился к фляжке, но вместо ожидаемого бренди в рот ему потекла густая приторная микстура, смутно отдающая лакрицей.

— Что… Что это такое?

— Одно из травяных снадобий доктора Бартон, — объяснил маркиз. — Бальзам, помогающий переносить зловоние. Давайте я смочу вашу маску, испарения прочистят вам легкие.

— Лучше не надо, — прохрипел Мэллори.

— Так вы вполне оправились и можете вернуться на лекцию?

— Нет! Нет!

На лице маркиза появилось скептическое выражение.

— Доктор Бартон — гений медицины! Она была первой женщиной, окончившей Гейдельберг с отличием. Если бы вы только знали, какие чудеса она творила среди больных во Франции, среди несчастных, на которых махнули рукой все так

называемые специалисты.

— Я знаю, — вырвалось у Мэллори.

К нему вернулись отчасти силы, а вместе с тем — почти непреодолимое желание взять маркиза за глотку и трясти этого опасного дурака, пока дурь не выдавится из него, как паста из тюбика. Он был почти готов выложить всю правду, объявить, что на деле эта Бартон отравительница, распутница, уголовная преступница, разыскиваемая полицией по меньшей мере двух стран. Он мог бы прошептать эти яростные обвинения, а потом убить маркиза Гастингса и засунуть куда-нибудь его жалкий, тщедушный труп.

Но самоубийственное желание прошло, сменилось трезвым расчетом, хитростью, холодной и острой, как осколок стекла, вонзившийся давеча в спину Фрейзера.

— Я бы гораздо охотнее поговорил с вами, товарищ, чем слушать какую бы то ни было лекцию.

— Правда? — просиял Гастингс.

— Да; — кивнул Мэллори. — Разговор со знающим человеком очень обогащает.

— Не пойму я тебя, товарищ, — прищурился маркиз. — То ты кажешься мне обычным жадным дураком, а то вдруг человеком недюжинного ума — и уж всяко на голову выше этих твоих

приятелей!

— Да? — пожал плечами Мэллори. — Я много путешествовал. Это расширяет кругозор.

— А где ты путешествовал?

— Аргентина. Канада. Ну и на континенте тоже бывал.

Маркиз оглянулся по сторонам, словно высматривая шпионов, затаившихся в непролазных дебрях награбленного барахла. Не заметив ничего подозрительного, он немного расслабился и заговорил с новым интересом:

— Может, ты знаешь американский Юг? Конфедерацию?

Мэллори покачал головой.

— В Южной Каролине есть город Чарльстон. Там собралась большая английская община. Люди хорошего происхождения, бежавшие от радикалов. Загубленные рыцари Британии.

— Очень мило, — хмыкнул Мэллори.

— Чарльстон — город не менее культурный и цивилизованный, чем любой из британских.

— И ты там родился? — догадался Мэллори и тут же прикусил язык. Он заметил, как нахмурился при этих словах Гастингс, однако был вынужден продолжать: — Ты, наверное, хорошо жил в этом своем Чарльстоне. Вон и собственный негр у

тебя есть.

— Надеюсь, ты не из этих аболиционистских фанатиков, — сказал маркиз. — А то у британцев это в моде. Или ты считаешь, что я должен отослать бедного Юпитера куда-нибудь в малярийные джунгли Либерии?

Мэллори едва удержался, чтобы не кивнуть. Он и в самом деле был аболиционистом и поддерживал идею репатриации негров.

— Бедный Юпитер и дня бы не протянул в Либерийской империи, — настаивал маркиз. — Ты знаешь, что он умеет читать и писать? Я сам его научил. Он даже поэзию читает.

— Твой негр читает стишки?

— Не стишки — поэзию. Великих поэтов. Джона Мильтона… да что там говорить, ты о таком никогда и не слышал.

— Один из министров Кромвеля, — с готовностью отозвался Мэллори, — автор «Ареопагитики».

Маркиз кивнул. Похоже, он остался доволен.

— Джон Мильтон написал эпическую поэму «Потерянный рай». На библейскую тему, белым стихом.

— Сам-то я агностик, — сказал Мэллори.

— А тебе знакомо имя Уильяма Блейка? Он пи-

сал стихи и сам иллюстрировал свои сборники.

— Не мог найти порядочного издателя, да?

— В Англии и до сих пор есть прекрасные поэты. Ты когда-нибудь слышал о Джоне Уилсоне Кроукере? Уинтропе Макуорте Прейде? Брайане Уоллере Проктере?

— Может, и слышал, — пожал плечами Мэллори. — Я кое-что почитываю, в основном — про ужасы и преступления.

Его крайне озадачил интерес маркиза к такому отвлеченному предмету. Самого Мэллори беспокоила сейчас не поэзия, а братья и Фрейзер, оставшиеся на лекции и не знающие уже, наверное, что и думать. Они могут потерять терпение и совершить что-нибудь опрометчивое, а уж это-то совсем ни к чему.

— Перси Биши Шелли был поэтом, прежде чем возглавить луддитов в смутные времена, — продолжал маркиз. — Знай, что Перси Шелли жив! Байрон изгнал его на остров Святой Елены. Шелли держат там в заточении, в том же доме, где жил когда-то Наполеон Первый. Говорят, что с тех пор он написал там целые тома трагедий и сонетов!

— Да ты что? — возмутился Мэллори. — Шелли умер в тюрьме много лет назад.

— Он жив, — повторил маркиз. — Но это знают немногие.

— Ты еще скажи, что Чарльз Бэббидж писал стихи. — Мэллори абсолютно не хотелось обсуждать всякую чушь, его мысли занимало другое. — И вообще, к чему все это?

— Это — моя теория, — гордо объяснил маркиз. — Не столько теория, сколько поэтическое прозрение. Но с тех пор, как я изучил труды Карла Маркса — и, конечно же, великого Уильяма Коллинза, — меня озарило, что естественный ход исторического развития был насильственно подвергнут ужасающему извращению. Но вряд ли ты меня поймешь. — Он снисходительно улыбнулся.

— Не бойся, — мотнул головой Мэллори, — все я прекрасно понимаю. Ты имеешь в виду катастрофу.

— Да. Можно называть это и так.

— История вершится через катастрофы. Таков порядок вещей, единственный, какой был, есть и будет. Истории не существует — есть только случайности!

— Ты лжешь! — Все самообладание маркиза рассыпалось в прах.

— Твоя голова забита фантомами, мальчик! —

вспылил в свою очередь Мэллори. — «История»! Тебе положено иметь титул и поместье, а мне положено гнить в Льюисе от паров ртути, вот и все твои теории! А радикалам, им плевать с высокой колокольни и на тебя, и на Маркса с Коллинзом, и на этих твоих поэтических фигляров! Они передушат всю вашу компанию в этих доках, как крыс в яме с опилками.

— А ты не очень похож на малограмотного забулдыгу, — процедил маркиз. — Кто ты такой? *Что* ты такое?

Мэллори напрягся.

— Ты шпион. — Глаза маркиза расширились, рука метнулась к оружию.

Мэллори с размаху ударил его в лицо, а затем, когда маркиз покачнулся, добавил ему два раза по голове тяжелым стволом «баллестер-молины». Маркиз упал, обливаясь кровью.

Мэллори выхватил у него из-за пояса револьвер и оглянулся.

В пяти ярдах от него стоял негр.

— Я все видел, — спокойно сказал Юпитер.

Мэллори молча прицелился в него из двух револьверов.

— Вы ударили моего хозяина. Вы его убили?

— Думаю, нет.

Негр кивнул и развел раскрытые ладони; это было похоже на благословение.

— Вы правы, сэр, а он ошибается. В истории нет ничего закономерного. Никакого прогресса, никакой справедливости, один бессмысленный ужас.

— Так или не так, — медленно проговорил Мэллори, — но если ты крикнешь, мне придется тебя застрелить.

— Если бы вы его убили, я бы обязательно крикнул.

Мэллори оглянулся на маркиза:

— Он дышит.

Последовало долгое молчание. Негр замер в нерешительности, прямой и напряженный, как струна. Так платоновский конус, уравновешенный на своем острие, ожидает выходящего за рамки причинности толчка.

— Я возвращаюсь в Нью-Йорк. — Юпитер повернулся на одном до блеска начищенном каблуке, неторопливо зашагал прочь и вскоре исчез за нагромождениями тюков и ящиков.

Мэллори был уверен, что шума не будет, но все же переждал несколько минут, чтобы утвердиться в этой уверенности. Маркиз шевельнулся и застонал. Мэллори сорвал с головы потомка крестоносцев окровавленную шаль, скомкал ее и

затолкал в нежный девичий рот.

Спрятать безвольное тело за массивную терракотовую вазу было делом одной минуты.

Теперь, когда потрясение осталось позади, Мэллори ощутил оглушительную жажду; его пересохший, словно песком обсыпанный язык с трудом ворочался во рту. Но пить было нечего, за исключением шарлатанского снадобья Флоренс Бартлетт — или как там ее теперь? Доктора Бартон. Мэллори вернулся к маркизу, нащупал в его кармане фляжку и осторожно прополоскал горло. Да нет, ничего особо страшного. Вкус не из самых приятных, и горло немеет, зато щекочет язык, словно сухое шампанское, и, похоже, восстанавливает силы. Он выпил чуть не половину фляжки.

Вернувшись на лекцию, Мэллори сел рядом с Фрейзером.

Полицейский вопросительно приподнял бровь. Мэллори похлопал по рукоятке второго револьвера. Фрейзер едва заметно кивнул.

Флоренс Рассел Бартлетт продолжала разглагольствовать, повергая слушателей в оцепенение почти гипнотическое. Мэллори с ужасом осознал, что теперь она демонстрирует шарлатанские устройства для предотвращения беременности.

Диск из гибкой резины, ком губки с прикрепленной к нему нитью. Мэллори содрогнулся, представив себе коитус с использованием этих странных объектов.

— Она только что убила кролика, — прошипел углом рта Фрейзер. — Сунула его носом в сигарный настой.

— Мальчишка живой, — прошептал в ответ Мэллори. — Я его только оглушил.

Он внимательно наблюдал за Бартлетт, которая успела перейти от противозачаточных средств к каким-то диким планам улучшения человеческой породы путем селективного размножения. Сколько можно было понять, в будущем нормальный брак исчезнет. На смену целомудрию придет «всеобщая свободная любовь». Воспроизведение станет делом рук специалистов. (Рук? Это в каком, простите, смысле?) Эти идеи не доходили до Мэллори, зловещими тенями роились где-то на краю его сознания. Внезапно он вспомнил — безо всякой к тому причины, — что именно на сегодня, как раз на это время, была назначена его собственная триумфальная лекция о бронтозаврусе с кинотропным сопровождением мистера Китса. От этого ужасного совпадения его пробрал озноб.

Брайан перегнулся через Фрейзера и схватил

Мэллори за руку.

— Нед! — прошептал он. — Пошли-ка мы отсюда!

— Не спеши, — ответил Мэллори. Но его решимость поколебалась. Он чувствовал ужас брата и сам им заражался. — Мы еще не знаем, где прячется Свинг, он может быть в любом месте этого муравейника…

— Товарищи! — Голос Бартлетт был похож на заледеневшую бритву. — Да, вы четверо, сзади! Если вам *совершенно* необходимо нам мешать — если у вас есть такие уж *срочные* новости, — то почему бы вам не поделиться ими со своими товарищами по шатокуа?

Вся четверка замерла.

Бартлетт сжигала их взглядом Медузы Горгоны. Остальные слушатели вышли из противоестественного оцепенения и начали оборачиваться; в глазах толпы светилось злорадство, кровожадное веселье неисправимых школьников, обнаруживших, что грозившее им наказание обрушилось на чью-то чужую голову.

— Это она нам? — нервно прошептал Том.

— Господи, да что же теперь делать? — в тон ему откликнулся Брайан.

Это было похоже на дурной сон. Кошмар, ко-

торый развеется от одного верно найденного слова.

— Она же просто женщина, — громко и спокойно сказал Мэллори.

— Заткнись! — прошипел Фрейзер. — Стихни!

— Так что же, вам нечего нам рассказать? — не унималась Бартлетт. — Я никак не думала…

Мэллори поднялся на ноги:

— Мне есть что рассказать!

— Доктор Бартон! Доктор Бартон! — Трое из слушателей вскочили на ноги. Они тянули правые руки вверх с энтузиазмом отличников, точно знающих, сколько будет шестью семь.

Бартлетт благосклонно кивнула и указала своим мелоносным жезлом на одного из энтузиастов:

— Слово имеет товарищ Пай!

— Доктор Бартон, — крикнул Пай, — я не знаю этих товарищей. Они ведут себя отстало, и я… я думаю, их следует подвергнуть критике!

В аудитории повисло свирепое молчание.

— Садись, идиот. — Фрейзер дернул Мэллори за штанину. — Ты что, совсем сбрендил?

— У меня есть серьезные новости! — прокричал сквозь маску Мэллори. — Новости для капитана Свинга!

Бартлетт заметно смешалась, ее глаза забегали по аудитории.

— Так расскажите нам всем, — приказала она. — Мы все здесь равны и едины!

— Я знаю, где находится «Модус», миссис Бартлетт! — крикнул Мэллори. — Вы хотите, чтобы я рассказал это вашим малоумным приспешникам?

Загромыхали стулья, зал дружно вскочил на ноги. Бартлетт что-то ответила, но ее визг затерялся в оглушительном гвалте.

— Мне нужен Свинг! Я должен поговорить с ним один на один!

Хаос нарастал; Мэллори отшвырнул ногою стоявший перед ним стул и выхватил из-за пояса револьверы.

— Сидеть, ублюдки! — Он направил оружие на аудиторию. — Я вышибу мозги первому же недоумку, который хоть пошевелится!

Ответом ему была беспорядочная пальба.

— Линяем! — прохрипел Брайан. Он и Том с Фрейзером бросились бежать.

По обеим сторонам от Мэллори трещали и падали стулья, слушатели дружно разряжали в него самое разнообразное оружие. Мэллори прицелился с двух рук в стоящую на подиуме Бартлетт…

Выстрелов не последовало — он позабыл взвести курки. К тому же на револьвере маркиза имелся какой-то никелированный предохранитель.

Мэллори отбил брошенный кем-то стул, но тут же что-то шарахнуло его по ноге. Болезненный удар несколько приглушил боевой дух Мэллори, напомнил ему, что временное отступление перед превосходящими силами противника — не позор, а тактическая необходимость.

Только вот бежать он толком не мог. Ему казалось, что в ноге что-то сломано. Пение пуль над головой будило ностальгические воспоминания о далеком Вайоминге.

Из бокового прохода отчаянно махал рукой Фрейзер. Мэллори добежал до него и развернулся, с трудом сохранив равновесие.

Инспектор невозмутимо вышел на открытое пространство и поднял свой многоствольный пистолет. Сейчас он был похож на дуэлянта — правая рука вытянута, тело повернуто боком, чтобы представлять меньшую цель, голова держится ровно, глаза прищурены. Он дважды выстрелил; сквозь шум и гам прорезались резкие, болезненные вскрики.

— Сюда! — Фрейзер схватил Мэллори за ло-

коть.

Сердце Мэллори билось как бешеное, правая нога казалась чужой. Он опустил на мгновение глаза и увидел, почему так трудно идти, — шальная пуля оторвала от ботинка каблук. В тупике, которым окончился проход, Том подсаживал Брайана на высокую шаткую гору картонных коробок. Фрейзер заметался среди гор барахла, пытаясь найти хоть какой-нибудь выход, лаз, щель. Мэллори остановился, повернулся, поднял револьверы — и увидел в проходе с полдюжины преследователей.

Здание содрогнулось от грохота, в воздухе повисло густое облако порохового дыма, дробно застучали по полу падающие консервные банки. Все шестеро бандитов рухнули в проходе, как сбитые шаром кегли.

— Нед! — крикнул Брайан с вершины картонной горы. — Собери их оружие!

Стоя на одном колене, он вставлял в дымящийся еще казенник новый патрон — цилиндр из латуни и красной вощеной бумаги размером с хороший огурец.

Мэллори послушно бросился вперед, поскользнулся и едва не упал в лужу крови. Пытаясь сохранить равновесие, он взмахнул руками и

случайно нажал на спуск «баллестер-молины». Громыхнул выстрел, пронзительно взвизгнула пуля, срикошетившая от какой-то балки. Мэллори задержался, теряя драгоценные секунды, осторожно спустил курок американского револьвера, проделал то же самое с револьвером маркиза и засунул весь свой арсенал за пояс.

Проход был залит кровью. Сноп картечи, выпущенный русской карманной гаубицей, изорвал отважных борцов за народное дело в клочья. Один из них еще дышал, точнее, издавал жутковатые булькающие звуки. Мэллори вытащил из-под умирающего все ту же допотопную «викторию» и брезгливо поморщился — приклад карабина был красный и липкий. Снять с бесчувственного тела патронташ было гораздо сложнее; Мэллори оставил это занятие, так и не добившись успеха, но зато подобрал с пола американский револьвер, валяющийся рядом с одним из трупов, — и чуть не вскрикнул от боли. Он недоуменно осмотрел пораненную ладонь, а затем — рукоятку револьвера. В рифленой деревянной щечке засел скрученный, бритвенно-острый кусок металла.

Вдалеке защелкали винтовочные выстрелы, над головой запели пули; некоторые из них врезались в груды товаров с мягким чмоканием,

другие — с сухим треском или с веселым звоном бьющегося стекла.

— Мэллори! Сюда, — крикнул Фрейзер.

Он обнаружил щель, идущую вдоль стены склада. Мэллори повернулся, чтобы закинуть карабин за плечо, поискал глазами Брайана и увидел, как тот метнулся через проход к другой огневой позиции.

Пыхтя и отдуваясь, Мэллори с Фрейзером преодолели узкую, в несколько ярдов длиной щель. Пули преследователей не представляли пока особой опасности, все они щелкали о кирпич высоко над головой. Выбравшись из щели, Мэллори оказался в новом тупике, теперь это была большая открытая площадка. Том торопливо сооружал баррикаду, сваливая в кучу все, что попадалось под руку. Очень странно выглядели в этом нагромождении дамские туалетные столики — их белые, изящно изогнутые ножки напоминали лапы дохлых тропических пауков.

Выстрелы звучали все чаще и ближе. Сзади донеслись яростные вопли — преследователи наткнулись на трупы своих товарищей.

Орудуя железной кроватной ножкой, как рычагом, Том обрушил высокий штабель каких-то ящиков, а затем обернулся и отер со лба пот.

— Сколько? — спросил он.

— Шестеро.

— А нас только четверо. — На лице Тома играла нехорошая, сумасшедшая улыбка. — Теперь уж в любом случае счет в нашу пользу. Где Брайан?

— Не знаю.

Мэллори протянул брату карабин; тот взял оружие за ствол, не решаясь дотронуться до измазанного кровью приклада.

Фрейзер, оставшийся сторожить щель, выстрелил. Раздался жуткий, словно бабий, визг, а затем — звуки бьющегося в судорогах тела.

Теперь, когда загонщики знали, куда скрылась добыча, беспорядочная стрельба стала более точной. Прямо к ногам Мэллори упала большая, толщиною в палец, коническая пуля; она повертелась волчком, опрокинулась на бок и замерла.

Мэллори почувствовал на плече чью-то руку, обернулся и увидел Фрейзера. Полицейский снял маску, его глаза блестели, на подбородке чернела суточная щетина.

— Ну так что, доктор Мэллори? Что вы придумаете на этот раз?

— А ведь там могло и получиться, — обиделся Мэллори. — Я надеялся, что она мне поверит и отведет нас к Свингу. Но женщины, они же

непредсказуемые…

— Поверила она вам, очень даже поверила! — Фрейзер зашелся странным скрипучим смехом. — А это у вас откуда? — Он указал на окровавленный револьвер.

— Трофей. Берите, если надо, только осторожно, там в рукоятке колючка.

Фрейзер осмотрел револьвер и выбил застрявшую в нем железку каблуком.

— Ну и пушка же у твоего братца, в жизни не видел ничего подобного! Только вряд ли с такими штуками можно разгуливать по Лондону, будь ты хоть сто раз герой Крымской войны.

Щепка, выбитая пулей из туалетного столика, едва не задела Фрейзера. Мэллори ошарашенно вскинул глаза.

— Вот же черт!

Стрелок, примостившийся на одной из потолочных балок, вставлял в винтовку новый патрон.

Мэллори выхватил у Тома «викторию», накинул на локоть окровавленный ремень, прицелился и нажал на собачку. Сухо щелкнул спущенный курок — бывший владелец однозарядного карабина успел из него выстрелить. Но не все было так плохо — повисший под крышей снайпер испуганно разинул рот и спрыгнул со своего насеста.

Мэллори передернул затвор, из казенника карабина вылетел стреляный патрон.

— Ну что же я за идиот такой! Карабин взял, патронташ оставил…

— Нед! — Слева на вершине одной из груд появился Брайан. — Там, на той стороне, кипы хлопка!

— Молодец!

Они бросились к Брайану, спуская по дороге лавины подсвечников и безделушек. Пули визжали все чаще и чаще, ложились все ближе и ближе. Опять из-под крыши стреляют, подумал Мэллори, но времени оборачиваться и смотреть не было. Карабкающийся впереди Фрейзер выпрямился и выстрелил навскидку — без особого, похоже, результата.

Стофунтовые кипы чесаного конфедератского хлопка, упакованные в мешковину и перетянутые веревками, были уложены почти до потолка.

Брайан замахал руками и скрылся из виду. Мэллори понял его жесты — залежи хлопка представляли собой естественную крепость.

Они с Томом выдернули одну из верхних кип штабеля, сбросили ее вниз и тут же спрятались в образовавшуюся яму. Пули противников мягко

чмокали и застревали в хлопке. Не успевший еще добраться до верха Фрейзер снова остановился, повернулся и дважды выстрелил.

Вниз полетела вторая кипа, третья, затем в яму плюхнулся задыхающийся Фрейзер. Еще минуту они работали втроем, зарываясь в штабель все глубже и глубже, будто муравьи в коробке кускового сахара.

Игра в прятки закончилась, воинство Свинга вело прицельную стрельбу, однако мягкое волокно задерживало пули не хуже стальной брони. Вырвав из ближайшей кипы большой ком хлопка, Мэллори отер вспотевшее лицо и грязные окровавленные руки. Таскать кипы оказалось очень тяжелой работой — мало удивительного, что южане свалили ее на черных.

Фрейзер раздвинул две кипы и повернулся к Мэллори:

— Дайте мне другой пистолет.

Мэллори протянул ему револьвер маркиза. Фрейзер выстрелил, секунду вглядывался в даль и удовлетворенно кивнул:

— Отличный ствол…

В ответ на хлопковую цитадель посыпался град бессильно чмокающих пуль. Том поднял, кряхтя и надсаживаясь, еще одну кипу и перевалил ее

через задний край ямы; снизу послышался звук, как от разлетающейся вдребезги пианолы.

Они пересчитали оставшиеся боеприпасы. У Тома был дерринджер с одним заряженным стволом, пригодный к использованию, если анархисты полезут на абордаж — но ни в каком ином случае. В «баллестер-молине» оставалось три патрона, в многоствольном пистолете Фрейзера — тоже три, а в револьвере маркиза — пять. Кроме того, в их распоряжении было такое полезное оружие, как разряженная «виктория» и Фрейзерова дубинка.

От Брайана — ни слуху ни духу.

Откуда-то из-за монбланов барахла донеслись злые, приглушенные расстоянием выкрики, возможно приказы. Стрельба резко прекратилась, в пакгаузе повисла недобрая тишина, прерываемая только шорохами и каким-то стуком. Мэллори осторожно поднял голову над краем укрытия.

— Ну, как там? — тревожно спросил его Том.

— Ни души, словно вымерли они все. Ворота закрыты, вот что главное.

В пакгаузе быстро темнело. Мэллори показалось, что на стеклянный купол легло плотное облако сгустившегося смрада.

— Может, рванем? — прошептал Том.

— Без Брайана? — удивился Мэллори. — Будем ждать.

Фрейзер недовольно покачал головой — его сомнения ясно читались на лице.

Воспользовавшись передышкой, они закопались в хлопковую гору еще глубже, а заодно выстроили на бруствере нечто вроде стенки с амбразурами. Пакгауз откликнулся на эту деятельность новой канонадой, вспышки выстрелов яростно прорезали тьму, плохо нацеленные пули с визгом отскакивали от стальных балок. Кое-где зажглись тусклые огоньки фонарей.

Крики и стрельба снова стихли. Сверху донеслось быстрое, легкое постукивание; прошло несколько секунд, и странные звуки смолкли.

— Что это было? — спросил Том.

— Похоже на крысиную возню, — пожал плечами Мэллори.

— А может, дождь? — предположил Фрейзер.

Мэллори промолчал. Какой там дождь — скорее уж пепел падает. Внезапно снова посветлело. Мэллори выглянул за край и увидел совсем рядом с хлопковой твердыней целую толпу. Для пущей, очевидно, бесшумности пролетарские герои шли в атаку босиком, многие из них сжимали в зубах ножи.

— Тревога! — заорал он дурным голосом и спустил курок.

Мэллори чуть не ослеп от вспышки, однако дергающийся в его руке револьвер продолжал стрелять, словно по собственной воле. Три последних патрона были израсходованы в какую-то секунду — и не зря; промахнуться на таком расстоянии было почти невозможно. Двое анархистов упали замертво, третий, раненый, пополз куда-то в сторону, остальные бежали.

Они исчезли из виду и начали, по-видимому, готовиться к новому штурму — из темноты доносились крики, проклятия, звуки бестолковой возни. Мэллори перехватил револьвер за горячий еще ствол, как дубинку.

По ушам ударил тяжелый грохот Брайанова пистолета.

Темнота откликнулась адскими воплями раненых и умирающих, треском, грохотом и проклятиями.

Откуда-то сзади в хлопковую яму свалилась смутная, остро пахнущая порохом фигура. Брайан.

— Хорошо еще, что вы меня не пристрелили, — прохрипел он. — Темно, как у негра в заднице.

— С тобой-то как, все в порядке? — спросил

Мэллори.

— Пара царапин. — Брайан поднялся на ноги. — Ты посмотри лучше, Нед, что я тебе принес.

Он передал свою добычу Мэллори. Знакомая, надежная тяжесть ствола и бархатно-гладкого приклада. Крупнокалиберная охотничья винтовка.

— У них там целый ящик таких игрушек, — продолжал Брайан. — В дальнем углу склада в какой-то вшивой конторе. И боеприпасов бери не хочу, вот только больше двух коробок мне было не унести.

Мэллори тут же принялся заряжать винтовку, латунные патроны входили в магазин с ритмичным пощелкиванием часового механизма.

— Странное дело, — задумчиво произнес Брайан. — Они же вроде и не догадывались, что я разгуливаю по этому сараю. Никакого представления о тактике. Похоже, среди этого отребья никого с военным опытом.

— Классная у тебя пушка, — заметил Фрейзер.

— Уже нет, мистер Фрейзер, — вздохнул Брайан. — У меня было только два патрона. Лучше бы, конечно, последний приберечь, но разве устоишь перед соблазном уложить сразу кучу этой сволочи.

— Не страшно, — отозвался Мэллори, нежно поглаживая ореховый приклад. — Будь у нас таких четыре, мы продержались бы хоть целую неделю.

— Жаль, конечно, — вздохнул Брайан, — но я теперь не очень пригоден для вылазок. Меня подстрелили.

Пуля чиркнула его по голени. В неглубокой ране белела открытая кость, а облепленный грязью сапог был полон крови. Фрейзер и Том оставили Мэллори в дозоре и принялись обкладывать рану хлопком.

— Довольно, — запротестовал наконец Брайан. — Вы, ребята, хотите переплюнуть саму леди Найтингейл. Как там, Нед, видно что-нибудь подозрительное?

— Нет, — откликнулся Мэллори, — но, судя по звукам, они замышляют какую-то новую гадость.

— Свинговы ублюдки группируются на трех сборных пунктах, — объяснил Брайан. — Был еще близкий плацдарм, чуть в стороне от вашего сектора обстрела, но оттуда я смел их русской картечью. Не думаю, чтобы они решились на повторный штурм, пороха не хватит.

— Ну и что же они тогда придумают?

— Наверное, какие-нибудь инженерные ра-

боты, — предположил Брайан. — Ну, скажем, передвижные заграждения, что-нибудь такое на колесах. Пить хочется — сил нет. — Он провел языком по пересохшим губам. — С самого Лакхнау так не хотелось.

— Придется потерпеть, — отозвался Мэллори.

Брайан вздохнул:

— В Индии у нас был классный мальчишка-водонос. Дикарь-малолетка, а стоил десятка этих пидоров.

— Женщину видели? — спросил Фрейзер. — Или капитана Свинга?

— Нет, — качнул головой Брайан. — Я и вообще толком никого не видел, прятался по закоулкам да искал оружие получше, что-нибудь дальнобойное. Странно у них дело поставлено. Вот эту, что у Неда, охотничью винтовку я нашел в маленькой комнатушке вроде конторы, и ни души рядом, только какой-то плюгавый тип сидит за столом и чего-то там строчит. Горит пара свечей, бумаги везде разбросаны. А рядом — целые ящики приготовленного на экспорт оружия, и почему они эти прекрасные винтовки держат под присмотром какой-то канцелярской крысы, а мятежникам раздают «виктории» — это у меня в голове не укладывается.

Призрачный, зеленоватый свет, ворвавшийся в здание через приоткрытые кем-то ворота, обрисовал силуэт человека с винтовкой, которого тянули к крыше на перекинутом через блок тросе. Мэллори мгновенно прицелился, задержал дыхание и спустил курок. Человек опрокинулся назад, тело его обмякло и повисло в петле.

Снова затрещали выстрелы, но Мэллори успел уже нырнуть в яму.

— Прекрасное заграждение — эти кипы хлопка. — Брайан с удовлетворением похлопал по мешковине. — В Новом Орлеане, там Гикори Джексон прятался точно за такими, измолотил он нас тогда по-черному.

— Слышь, Брайан, а что он там делал, этот мужик в конторе? — спросил Том.

— Да крутил себе что-то вроде папиросы. Знаете, что это такое? Курево турецкое, рубленый табак, завернутый в бумажную трубочку. Этот педрила, он набрал пипеткой какой-то жидкости из маленького пузырька, капнул несколько раз на бумагу, а потом насыпал табаку из жестянки — странный у него табак, я такого раньше не видел — и закрутил. А когда он прикуривал от свечки, тут я хорошо его рассмотрел — странный такой мужик, вроде как малость с приветом, ну совсем

как наш братец Нед, когда занят какой-нибудь своей научной проблемой! — Брайан добродушно рассмеялся. — Я подумал, ну к чему ломать ему кайф, взял потихоньку винтовку да пару коробок и сделал ноги.

— Так ты его, значит, хорошо рассмотрел? — переспросил Мэллори.

— Ну да.

— У него была шишка на лбу? Вот тут вот, сбоку.

— Ты что, его знаешь?

— Это был капитан Свинг, — скрипнул зубами Мэллори.

— Значит, я последний дурак! — воскликнул Брайан. — Нечестно стрелять человеку в спину, но знай я, кто это такой, — снес бы, на хрен, его шишкастую репу!

Их беседу прервал громкий оклик откуда-то снизу:

— Доктор Эдвард Мэллори!

Мэллори встал и осторожно перегнулся через хлопковый бруствер. Внизу стоял Гастингс. Голова маркиза была перевязана, в одной руке он держал фонарь, в другой — палку с белой тряпкой.

— Левиафанный Мэллори, я уполномочен ве-

сти с вами переговоры!

— Ну так ведите. — Мэллори спрятал голову.

— Вы в ловушке, доктор Мэллори! Но у нас есть к вам предложение. Если вы скажете нам, где спрятан некий украденный вами предмет, мы отпустим на свободу вас и ваших братьев. Но вашему шпику из Особого отдела придется остаться. У нас есть к нему пара вопросов.

— Слушайте меня, Гастингс, и все остальные тоже, — презрительно рассмеялся Мэллори. — Пришлите к нам со связанными руками этого маньяка Свинга и его шлюху! Тогда мы позволим вам расползтись отсюда до прихода армии!

— Наглостью вы ничего не добьетесь, — ответил маркиз. — Мы подожжем хлопок, и вы зажаритесь там, как кролики.

— Ну а ты, Брайан, — повернулся Мэллори, — как ты думаешь, могут они сделать такое?

— Вряд ли, — откликнулся Брайан. — Хлопок плотно упакован, в таком виде его не очень-то подожжешь.

— Поджигайте, ребята, поджигайте! — крикнул Мэллори. — Сожгите весь этот крысятник, только как бы вам самим не задохнуться в дыму!

— Вы были очень отважны, доктор Мэллори, и очень удачливы! Но наши лучшие люди патру-

лируют сейчас улицы Лаймхауса, ликвидируют полицию! Вскоре они вернутся, закаленные солдаты, ветераны Манхэттена! Они возьмут ваше укрытие штурмом, врукопашную! Выходите сейчас, пока у вас еще есть шанс остаться в живых!

— Мы не боимся американского отребья! Приводите их, пусть попробуют нашей картечи!

— Вы слышали наше предложение! Обдумайте его, как подобает настоящему ученому!

— Да иди ты на хрен! — устало сказал Мэллори. — Позови Свинга, ну о чем мне говорить с такой вшивотой, как ты.

Маркиз ушел. Через несколько минут на хлопковую крепость снова посыпались пули. Мэллори отстреливался, целясь по вспышкам, и извел полкоробки патронов.

Затем анархисты начали выдвигать осадную машину — три тяжелые вагонетки с лобовой броней из мраморных столешниц, скрепленных бок о бок. Убедившись, что проход, ведущий к хлопковому штабелю, слишком узок для импровизированного броневика, мятежники начали оттаскивать мешающее им барахло налево и направо. Лишившись за этим занятием двоих своих товарищей, подстреленных Мэллори, они быстро поумнели и соорудили позади осадной машины

нечто вроде крытого прохода.

Народу в пакгаузе заметно прибыло. Стало еще темнее; то тут, то там вспыхивали огоньки фонарей, а на потолочных балках мухами висели снайперы. К стонам раненых примешивались громкие возбужденные голоса — кто-то с кем-то о чем-то спорил.

Осадные машины подползли совсем близко. Теперь они были в мертвой зоне, ниже линии огня Мэллори. Только попробуй перегнуться через брустверг — тут же схлопочешь пулю.

Дальше Мэллори ничего не видел — зато вскоре он услышал, прямо снизу, из-под штабеля, треск рвущейся мешковины.

— Доктор Мэллори! — Голос, доносившийся, скорее всего, изнутри мраморного броневика, звучал приглушенно и невнятно.

— Да?

— Вы звали меня — и я здесь! Мы подкапываем стену вашей крепости, доктор Мэллори. Скоро мы до вас доберемся.

— Тяжкий труд для профессионального игрока, капитан Свинг! Не намозольте свои нежные ручки!

Том и Фрейзер опрокинули на осадную машину тяжелый тюк хлопка, но не причинили ей ни

малейшего вреда; ответный шквал хорошо скоординированного огня заставил их тут же нырнуть в укрытие.

— Прекратить огонь! — крикнул Свинг и рассмеялся.

— Поосторожнее, Свинг! Застрелив меня, ты никогда не узнаешь, где спрятан «Модус».

— Господи, ну какой же ты идиот! Отказавшись вернуть нам украденный тобой «Модус», ты обрек себя на верную гибель. Ну зачем он тебе, упрямому невежде, ведь ты и знать не знаешь, для чего он!

— Зато я знаю, что он по праву принадлежит королеве машин.

— Ты что, действительно так думаешь? Тогда ты вообще ничего не знаешь.

— Я знаю, что «Модус» принадлежит Аде, она сама мне так сказала. И она знает, где он спрятан, я ей сообщил.

— Лжец! — выкрикнул Свинг. — Если бы Ада знала, мы давно бы его получили. Она заодно с нами!

Том громко застонал.

— Вы — ее мучители, Свинг!

— Сколько раз тебе объяснять, что Ада с нами.

— Дочь Байрона никогда не предаст государ-

ство.

— Байрон мертв! — В голосе Свинга звучала убежденность человека, говорящего правду. — И все, что он построил, все, во что вы верите, будет теперь сметено.

— Пустые мечты.

Последовало долгое молчание.

— Армия сейчас стреляет по людям, доктор Мэллори. — Теперь Свинг говорил мягко и чуть тревожно.

Мэллори промолчал.

— В этот самый момент британская армия, главный оплот вашей так называемой цивилизации, расстреливает на улицах своих сограждан. Мужчин и женщин, вооруженных одними лишь камнями, убивают из автоматического оружия. Разве вы не слышите стрельбы?

Мэллори снова промолчал.

— Вы строите дом свой на песке, доктор Мэллори. Древо вашего благополучия произрастает на зверствах и убийствах. Массы не могут вас больше терпеть. Кровь вопиет с семижды проклятых улиц Вавилондона!

— Выходите, Свинг! — крикнул Мэллори. — Вылезайте из своей темной норы, я хочу взглянуть вам в лицо.

— Это не входит в мои планы, — саркастически бросил Свинг.

И снова тишина.

— Я намеревался взять вас живым. — Чувствовалось, что Свинг принял окончательное решение. — Но если Ада Байрон действительно знает вашу тайну, то вы мне больше не нужны. Мой верный товарищ, спутница моей жизни, — вы знаете, о ком я, — опутала королеву машин надежнейшей сетью! Мы получим и леди Аду, и «Модус», и само будущее. А ваш удел — могила на дне прогнившей Темзы.

— Так убейте нас и перестаньте чесать языком! — крикнул выведенный из себя Фрейзер. — А вам не миновать петли, Особый отдел об этом позаботится.

— Се глас властей предержащих! — чуть не расхохотался Свинг. — Сиречь всемогущего британского правительства! Вы умеете косить несчастных бедолаг на улицах, но посмотрим, как ваши раздувшиеся от народной крови плутократы будут брать этот пакгауз, где у нас сложены товары, сто́ящие миллиона заложников.

— Ты совсем сбрендил, — вырвалось у Мэллори.

— А почему, думаешь, я выбрал своей штаб-

квартирой именно это место? Управляющие вами лавочники ценят свое барахло выше любого числа человеческих жизней! Они никогда не станут стрелять по своим складам, по своим товарам. Здесь мы неуязвимы!

— Ты законченный болван, Свинг! — рассмеялся Мэллори. — Если Байрон мертв, то правительство в руках лорда Бэббиджа и его чрезвычайного комитета. Бэббидж — великий прагматик! Его не остановят заботы о каких бы то ни было товарах.

— Бэббидж — пешка в руках капиталистов.

— Он — провидец, а ты — жалкий, ничего не соображающий клоун! Как только он узнает, что ты здесь, он снесет к чертовой матери всю эту лавочку!

Здание содрогнулось от громового раската, затем послышался дробный перестук по крыше.

— Дождь! — крикнул Том.

— Это артиллерия, — поправил его Брайан.

— Нет, слушайте… это дождь, Брайан! Смраду конец! Это благословенный дождь!

У осадных машин разгорался ожесточенный спор. Свинг орал на своих подручных.

Сквозь изрешеченную пулями крышу начала капать холодная вода.

— Это дождь, — сказал Мэллори, лизнув тыль-

ную сторону ладони. — Дождь! Мы победили, ребята. — Здание снова содрогнулось. — Даже если нас здесь убьют, — крикнул Мэллори, — для них все кончено. Когда воздух Лондона посвежеет, им негде будет спрятаться.

— Дождь дождем, — настаивал Брайан, — но с реки стреляют из десятидюймовых морских орудий…

Крышу пробил снаряд, в глубине пакгауза взметнулся яростный куст дымного оранжевого пламени.

— Они пристрелялись! — крикнул Брайан. — Прикроемся хоть чем-нибудь! — Он принялся отчаянно сражаться с тюками хлопка.

Мэллори с изумлением смотрел, как в крыше возникают все новые и новые отверстия — ровными рядами, на одинаковом расстоянии друг от друга, словно проколотые шилом сапожника. Визжали осколки, огненными кометами носились клочья растерзанного взрывами хлопка.

Стеклянный свод разлетелся на тысячи бритвенно-острых осколков. Брайан что-то кричал, но его голос полностью тонул в какофонии. Придя в себя, Мэллори нагнулся, чтобы помочь брату взгромоздить на бруствер еще один тюк, а затем вжался в спасительную яму.

Он сидел с винтовкой на коленях. Искореженную крышу полосовали ослепительные вспышки. Гнулись стальные балки, с пистолетными хлопками выскакивали не выдержавшие напряжения заклепки. От грохота закладывало уши, мутилось в голове. Пакгауз сотрясался, как жестянка под ударами молотка.

Брайан, Том и Фрейзер напоминали сейчас молящихся бедуинов — стояли на коленях, уткнувшись лбами в мешковинный пол; их ладони были плотно прижаты к ушам. Горящие щепки и тряпки мягко падали на хлопок и лежали, чуть подпрыгивая при каждом очередном взрыве. Вокруг них расползались черные, слегка дымящиеся пятна. Дым забивал легкие, заставлял слезиться глаза. Было очень жарко.

Мэллори рассеянно отщипнул два клока ваты и заткнул уши.

Медленно, как крыло умирающего лебедя, обрушилась часть перекрытия; потоки дождя бросились в битву с огнем.

Душу Мэллори объяли мир и спокойствие. Он встал, опираясь на винтовку, как на посох. С реки больше не стреляли, грохот разрывов смолк, сменившись треском и шипением пожара, охватившего уже все здание. Сотни языков грязного

пламени причудливо изгибались под порывами ветра.

Мэллори шагнул к хлопковому брустверу. Крытый проход анархистов разлетелся при обстреле вдребезги, как глиняный туннель термитов — под тяжелым сапогом. Голова Мэллори полнилась монотонным ревом абсолютного величия, он стоял и смотрел, как с воплями разбегаются враги.

Один из людей остановился и обернулся. Это был Свинг. Он взглянул на Мэллори, на его лице было отчаяние — и благоговейный ужас. Он что-то крикнул — раз, еще раз, — но Мэллори не расслышал слов и медленно покачал головой.

Свинг поднял свое оружие. Мэллори с приятным удивлением узнал знакомые очертания карабина «каттс-модзли».

Свинг встал поудобнее, прицелился и нажал на спуск. Воздух вокруг Мэллори наполнился приятными поющими звуками, но они не имели никакого значения, так же как и мелодичное звяканье пуль об остатки крыши. Руки Мэллори двигались изящно и непринужденно, он вскинул винтовку к плечу, прицелился и выстрелил. Свинг вздрогнул и упал навзничь. Зажатый у него в руках «каттс-модзли» продолжал дергаться и щелкать, повинуясь пружине, даже после того,

как в диске кончились патроны.

Мэллори почти безразлично наблюдал, как Фрейзер с паучьим проворством пробирается среди завалов хлама, вынимает пистолет, подходит к поверженному анархисту. Надев на Свинга наручники, Фрейзер перебросил его обмякшее тело через плечо.

У Мэллори слезились глаза. Дым от объятых пламенем товаров все густел. Мэллори проморгался, посмотрел вниз и увидел, как Том помогает Брайану спуститься на пол пакгауза.

Фрейзер отчаянно махал рукой. Том и сильно прихрамывающий Брайан направились в его сторону, подошли совсем близко. Мэллори улыбнулся и тоже спустился с хлопкового штабеля.

Фрейзер, Том и Брайан повернулись и побежали, их окружало бушующее море огня. Мэллори побрел следом.

Катастрофа вспорола Свингову крепость, как нож — консервную банку, костяшками домино разметала кирпичи. Гвозди, оставшиеся на месте оторванного каблука, скребли по бетонному полу, но Мэллори не слышал этого звука; блаженный и умиротворенный, он вышел под небо возрожденного Лондона.

Под всеочищающий дождь.

* * *

Двенадцатого апреля 1908 года в возрасте восьмидесяти трех лет Эдвард Мэллори скончался в своем доме в Кембридже. Точные обстоятельства его смерти не совсем ясны; нужно думать, в связи со смертью бывшего президента Королевского общества были предприняты меры, обеспечивающие сохранение всех надлежащих приличий. Мемуары доктора Джорджа Сэндиса, друга и личного врача лорда Мэллори, указывают на то, что великий ученый умер от кровоизлияния в мозг. Сэндис отмечает — не совсем понятно зачем, — что Мэллори скончался, будучи одетым в патентованное эластичное белье, на ногах у него были носки с подтяжками и полностью зашнурованные кожаные туфли.

Будучи человеком дотошным, доктор упоминает также предмет, обнаруженный под длинной седой бородой покойного. Шею великого ученого обвивала тонкая стальная цепочка, пропущенная сквозь старинное дамское кольцо с печаткой в виде герба рода Байронов и девизом «Crede Byron».[473] Зашифрованные мемуары врача

[473] Примечания: 473
«Верь Байрону» или «Верь в Байрона» (лат.).

— единственное известное нам свидетельство существования данного предмета; можно думать, что Эдвард Мэллори получил его как дар признательности за оказанную кому-то услугу. Вполне вероятно, что Сэндис изъял это кольцо, хотя весьма подробный каталог имущества Сэндиса, составленный в 1940 году, после его смерти, ни о чем подобном не упоминает.

В завещании Мэллори, тщательно продуманном документе, где не упущена, казалось бы, ни одна малость, также нет ни малейших намеков на существование такого кольца.

* * *

Представьте себе Эдварда Мэллори в кабинете его просторного кембриджского особняка. Время уже к ночи. Великий палеонтолог, чьи экспедиционные дни давно позади, добровольно ушедший с поста президента, посвятил зиму своей жизни вопросам теории и наиболее тонким нюансам научной администрации.

Лорд Мэллори давно уже пересмотрел радикальные катастрофистские доктрины своей молодости, оставив дискредитировавшую себя идею о том, что Земле не более трехсот тысяч лет, — радиоактивная датировка доказала

противное. Ему достаточно и того, что катастрофизм проявил себя как удобный путь к высшей геологической истине, путь, приведший его к величайшему личному триумфу: открытию в 1865 году дрейфа континентов.

Не бронтозаврус, не яйца трицератопсуса, найденные в пустыне Гоби, а именно этот взлет дерзновенного прозрения обеспечил ему бессмертную славу.

Мэллори, который спит теперь очень мало, присаживается к изогнутому японскому столу из искусственной слоновой кости. Сквозь раздвинутые шторы видно, как светятся электрические лампочки за разноцветными, с абстрактным орнаментом, окнами его ближайшего соседа. Соседний дом, равно как и дом самого Мэллори, представляет собой до мельчайших деталей продуманное буйство естественных форм, крытое драконьей чешуей из переливающихся всеми цветами радуги керамических плиток. Этот стиль — доминирующий архитектурный стиль современной Англии — зародился на рубеже веков в бурно развивающейся республике Каталония.

Мэллори лишь недавно распустил тайное — так, во всяком случае, считалось — заседание «Общества Света». Высший иерарх этого прихо-

дящего в упадок братства, он облачен соответственно сану. Короткая ярко-голубая шерстяная риза оторочена алым. Достающая до пят юбка из искусственного шелка — тоже голубая и тоже с алой оторочкой — украшена концентрическими полосами полудрагоценных камней. Позолоченную, также усеянную яркими камнями корону Мэллори снял, теперь этот не совсем обычный головной убор, снабженный длинным чешуйчатым назатыльником, покоится на настольном печатающем устройстве.

Он надевает очки, набивает и раскуривает трубку. Его секретарь Кливленд, человек в высшей степени аккуратный и пунктуальный, оставил ему два набора документов, сложенных аккуратными стопками в папках с латунными застежками, — стопки лежат по разные стороны стола. Одна папка лежит слева, другая — справа, и нет никакой возможности узнать, какую именно он выберет.

Он выбирает левую папку. Это отпечатанный на машине отчет, присланный престарелым чиновником «Мэйрокуся», знаменитого братства японских ученых, которое является важнейшим восточным отделением «Общества Света». Точный текст этого отчета в Англии отсутствует,

однако он сохранился в Нагасаки, наряду с аннотацией, указывающей, что одиннадцатого апреля отчет был отправлен иерарху телеграфом по общедоступным каналам. Суть отчета сводится к тому, что «Мэйрокуся», страдая от резкого сокращения численного состава и участившихся случаев неявки, проголосовало за то, чтобы отложить дальнейшие собрания на неопределенный срок. К тексту приложен расписанный по пунктам счет за прохладительные напитки, закуски и аренду маленького отдельного кабинета в токийском ресторане «Сэйёкэн».

Лорд Мэллори, хотя эта новость и не является для него неожиданностью, преисполнен чувства горечи и утраты. Возраст не сделал великого ученого мягче, а лишь обострил его всегдашнюю вспыльчивость, начальное возмущение переходит в бессильную ярость.

Одна из его артерий лопается.

Данная цепь событий не имеет места.

Он выбирает правую папку. Эта папка несколько толще левой и тем привлекает его внимание. В ней содержится подробный отчет палеонтологической экспедиции Королевского общества на тихоокеанское побережье Западной Канады. Радуясь пробуждению ностальгии по собствен-

ным экспедиционным дням, он внимательно изучает отчет.

Труд современных ученых разительно отличается от того, что знакомо Мэллори по собственному его прошлому. Британские ученые прилетели на материк из процветающей столицы Виктория, а затем покинули роскошную базу, расположенную в прибрежном поселке Ванкувер, и отправились на автомобилях в горы. Их руководитель — если стоит величать его таким титулом — юный выпускник Кембриджа по фамилии Моррис, запомнившийся Мэллори как курчавый странноватый парень, имевший пристрастие к бархатным пелеринам и загогулистым модернистским шляпам.

Изучались кембрийские отложения, темный сланец почти литографического качества. Судя по всему, они буквально кишат разнообразными органическими остатками, расплющенными до бумажной толщины представителями древней беспозвоночной фауны. Мэллори, специалист по позвоночным, начинает терять интерес; он считает, что повидал за свою жизнь больше трилобитов, чем следовало бы, и вообще, ему всегда было трудно пробудить в себе энтузиазм по поводу чего-либо, меньшего двух дюймов в

длину. Что еще хуже, совершенно не научный стиль отчета грешит разнузданным, радикальным энтузиазмом.

Он переходит к снимкам.

На первом — существо с пятью глазами. Вместо рта у него — длинное, обильно уснащенное когтями рыло.

Далее — безногая, студенистая, похожая на ската тварь с внушительными для своих размеров клыками; клыки эти окаймляют круглый, смыкающийся, как диафрагма, рот.

Тварь с четырнадцатью острыми шипами — это у нее такие конечности. Тварь без головы, глаз и желудка, обладающая, однако, семью крохотными ртами, каждый — на конце гибкого щупальца.

Они не имеют ничего общего ни с одним из известных существ из какого бы то ни было известного периода.

Мэллори поражен, к его голове приливает кровь. Водоворот возможных истолкований и выводов выстраивается в систему, восходит к странному, божественному сиянию, к восторженному прорыву в высшее понимание — все ярче, все яснее, все ближе…

Его голова ударяется о стол, тело заваливается

вперед. Он падает с кресла и лежит на спине, не чувствуя своего тела. Он парит, объятый светом чуда, светом знания — знания, вечно двигающегося к дальним пределам реальности, знания, которое умирает, чтобы родиться.

Итерация пятая
Всевидящее Око

Полдень на Хорсферри-роуд, 12 ноября 1855 года. Изображение получено Э. Дж. С. Халлкупом из Отдела криминальной антропометрии.

Фотоаппарат «Эксцельсиор», произведенный фирмой Толбота, зафиксировал одиннадцать человек, спускающихся по широким ступеням Центрального статистического бюро. Триангуляция показывает, что вооруженный телеобъективом Халлкуп находился на крыше одного из издательств, расположенных по Холиуэлл-стрит.

Впереди идет Лоренс Олифант. Его взгляд из-под черных полей цилиндра спокоен и ироничен.

Высокие матовые цилиндры создают мотив многократно повторяющихся вертикалей, обычный для фотоснимков того периода.

Как и все остальные, Олифант одет в темный сюртук и узкие брюки чуть более светлого оттенка. Его горло обмотано темным шелковым шарфом. Общее впечатление — личность солидная и достойная, хотя что-то в осанке мистера Олифанта наводит на мысль о небрежной поход-

ке спортсмена.

Остальные люди — адвокаты, сотрудники бюро и высокопоставленный представитель заводов «Колгейт». На заднем плане над Хорсферри-роуд висят медные, в черной защитной обмазке телеграфные провода.

Увеличение показывает, что блеклые кляксы, усеивающие провода, — голуби.

Несмотря на то что день не по сезону ясен, Олифант, частый посетитель бюро, раскрывает зонтик.

Цилиндр представителя «Колгейт» украшен продолговатой запятой белого голубиного помета.

* * *

Олифант сидел в маленькой приемной чуть поодаль от застекленной двери, ведущей в кабинет врача. Яркие цветные плакаты, густо развешенные по тускло-желтым стенам, со всеми подробностями показывали, что могут сделать болезни с человеком. Книжный шкаф ломился от затрепанных медицинских фолиантов. Резные деревянные скамьи попали сюда не иначе как из какой-то разоренной церкви, посередине пола лежал линялый шерстяной половик.

Взгляд Олифанта рассеянно скользнул по красного дерева футляру для медицинских инструментов и огромному свертку корпии, также имевшим свое место в книжном шкафу.

Кто-то окликнул его по фамилии.

За стеклянной дверью кабинета мелькнуло лицо. Мертвенно-бледное, выпирающий лоб облеплен прядями влажных темных волос.

— Коллинз, — пробормотал Олифант. — Капитан Свинг.

И другие лица, легион лиц — лица исчезнувших, чьи имена стерты и забыты.

— Мистер Олифант?

Доктор Макнил стоял на пороге распахнутой двери и смотрел прямо на него. Чуть смущенный, Олифант встал и машинально оправил сюртук.

— Вы вполне здоровы, мистер Олифант? Секунду назад у вас было совершенно необычное выражение лица.

Макнил был сухощав, имел аккуратно подстриженную бородку, темно-каштановые волосы и светло-серые, почти бесцветные глаза.

— Спасибо, я здоров. А как вы себя чувствуете, доктор Макнил?

— Прекрасно, благодарю вас. После недавних событий начали появляться интересные симпто-

мы, мистер Олифант. У меня сейчас лечится один джентльмен, который сидел наверху паробуса, шедшего по Риджент-стрит как раз тогда, когда прямо в бок этому экипажу врезался другой паровой экипаж, мчавшийся со скоростью около двадцати миль в час!

— Правда? Подумать только…

К ужасу Олифанта, доктор с видимым удовлетворением потер белые, с длинными изящными пальцами руки.

— Никаких *физических* повреждений он не получил. *Никаких*. Совершенно никаких. — Бесцветные глаза горели профессиональным энтузиазмом. — Но затем проявилась бессонница, начальные стадии меланхолии, незначительные провалы в памяти — полный набор симптомов, соотносимых, как правило, с латентной истерией. — По лицу врача скользнула торжествующая улыбка. — Мы наблюдали, мистер Олифант, развитие «железнодорожного хребта» в на редкость чистых клинических условиях!

Макнил провел Олифанта в дверь и далее в обшитый деревом кабинет, всю обстановку которого составляли зловещие электромагнетические устройства. Олифант повесил сюртук и жилет на красного дерева вешалку; оставшись в крахмаль-

ной манишке и подтяжках, он чувствовал себя до крайности нелепо.

— А как ваши… «приступы», мистер Олифант?

— Благодарю, с последнего сеанса — ни одного.

(А правда ли это? Трудно сказать…)

— Нарушений сна не наблюдается?

— Да пожалуй, нет.

— Какие-нибудь необычные сны? Сны, от которых вы просыпаетесь?

— Нет, ничего такого.

В блеклых внимательных глазах мелькнуло что-то вроде недоверия.

— Очень хорошо.

Олифант привычно забрался на «манипуляционный стол» Макнила, представлявший собой нечто среднее между шезлонгом и дыбой палача. Все сегменты этой диковатой суставчатой конструкции были обтянуты жесткой холодной гобеленовой материей с гладко вытканным машинным орнаментом.

Олифант попытался устроиться поудобнее, однако врач делал это абсолютно невозможным, подкручивая то один, то другой из многочисленных латунных маховичков.

— Не ерзайте, — строго сказал он.

Олифант закрыл глаза.

— Ну и пройдоха же этот Поклингтон.

— Прошу прощения? — Олифант раскрыл глаза. Макнил нависал над ним, нацеливая железную спираль, прикрепленную к шарнирной лапе штатива.

— Поклингтон. Он пытается приписать себе честь ликвидации лаймхаузской холеры.

— Первый раз слышу. Он врач?

— Если бы. Этот тип *инженер*. Он якобы покончил с холерой, сняв рукоятку с муниципальной водозаборной колонки! — Макнил зажимал гайкой с барашком многожильный медный провод.

— Что-то я не очень понимаю.

— Ничего удивительного, сэр! Этот человек или дурак, или шарлатан. Он написал в «Таймс», что холера происходит от грязной воды.

— Вы считаете это полной бессмыслицей?

— Это в корне противоречит просвещенной медицинской теории. — Макнил взялся за второй провод. — Дело в том, что этот Поклингтон в большом фаворе у лорда Бэббиджа. Он организовал вентиляцию пневматических поездов.

Уловив в голосе Макнила зависть, Олифант испытал легкое злорадное удовлетворение. Выступая на похоронах Байрона, Бэббидж сожалел о том, что даже и в наше время медицина все еще

остается скорее искусством, чем наукой. Речь, конечно же, широко публиковалась.

— А теперь прошу закрыть глаза — на случай, если проскочит искра. — Врач натягивал огромные, плохо гнущиеся кожаные рукавицы.

Он присоединил провода к массивной гальванической батарее; комната наполнилась жутковатым запахом электричества.

— Попытайтесь, пожалуйста, расслабиться, мистер Олифант, чтобы облегчить обращение полярности!

* * *

На Хаф-Мун-стрит сиял фонарь Вебба — прозрачная желобчатая коринфская колонна, питаемая газом из канализационных труб. На период чрезвычайного положения все остальные лондонские «веббы» были отключены — из боязни протечек и взрывов. И действительно, по меньшей мере на дюжине улиц мостовые оказались разворочены взрывами, большинство из которых приписывали все тому же газу. Лорд Бэббидж не раз и не два высказывался в поддержку метода Вебба, в результате чего каждый школьник знал, что метан, производимый одной-единственной коровой за ее недолгую коровью жизнь, может

целые сутки обеспечивать среднюю британскую семью теплом и светом.

Подходя к георгианскому фасаду своего дома, Олифант взглянул на фонарь. Его свет был еще одной явной приметой возвращения к обычной жизни, только что́ толку в этих приметах. Грубая форма социального катаклизма миновала, с этим не приходится спорить, однако смерть Байрона породила волны нестабильности; в воображении Олифанта они расходились кругами, как рябь от брошенного в воду камня, накладываясь на волны, распространяющиеся из других, не столь очевидных очагов возбуждения, и создавая зловеще непредсказуемые области турбулентности — вроде истории с Чарльзом Эгремонтом и теперешней антилуддитской охоты на ведьм.

Олифант с абсолютной уверенностью профессионала знал, что луддизм ушел в прошлое; несмотря на все усилия кучки бешеных анархистов, лондонские беспорядки прошлого лета не имели никакой осмысленной политической программы. Радикалы без лишних споров удовлетворили все разумные требования рабочего класса. Байрон всегда умел смягчить правосудие театральными жестами милосердия. Луддитские вожаки прошлых времен, заключившие мир с ра-

дикалами, стали теперь вполне благополучными руководителями респектабельных профсоюзов и ремесленных гильдий. Некоторые из них превратились в богатых промышленников и жили бы, горя не зная, если бы не Эгремонт, беспрестанно припоминавший отставным борцам за народное дело их прошлые убеждения.

Вторая волна луддизма поднялась в бурные сороковые; на этот раз она была направлена непосредственно против радикалов, сопровождалась политическими требованиями и всплеском насилия. Но эта волна погасла в хаосе взаимных предательств, а наиболее дерзких ее вдохновителей, таких как Уолтер Джерард, постигла судьба всех революционеров-романтиков. Сегодня группы вроде манчестерских «Адских котов», к которым принадлежал в детстве Майкл Рэдли, выродились в обыкновенные молодежные банды и не преследовали больше никаких политических целей. Влияние «капитана Свинга» все еще ощущалось в отсталой Ирландии, даже в Шотландии, но Олифант относил это за счет аграрной политики радикалов, которая сильно отставала от их блестящего руководства промышленностью.

Нет, думал он, входя в распахнутую Блаем

дверь, дух Неда Лудда едва ли бродит еще по земле. Но как тогда прикажете понимать Эгремонта с его неистовой кампанией?

— Добрый вечер, сэр.

— Добрый вечер, Блай.

Он отдал слуге цилиндр и зонтик.

— На кухне есть холодное баранье жаркое, сэр.

— Вот и прекрасно. Я пообедаю в кабинете.

— Чувствуете себя хорошо, сэр?

— Да, благодарю.

Магниты Макнила разбередили боль в спине, а может, всему виной его проклятый манипуляционный стол, на котором и здоровый-то человек хребет себе сломает. Этого врача порекомендовала ему леди Брюнель — блистательная карьера лорда Брюнеля была связана с огромным количеством железнодорожных поездок, что пагубно отразилось на состоянии его позвоночника. Макнил диагностировал «таинственные приступы» Олифанта как симптомы «железнодорожного хребта» — травматического изменения магнитной полярности позвонков. Новейшие теории рекомендовали в подобных случаях электромагнитную коррекцию — ради чего, собственно, Олифант и являлся еженедельно на Харли-стрит. Манипуляции шотландца напоминали Олифанту

болезненно пылкое увлечение его собственного отца месмеризмом.

Олифант-старший сперва отслужил свое генеральным прокурором Капской колонии, а затем был переведен на Цейлон председателем Верховного суда. Неизбежная скособоченность домашнего образования привела к тому, что Олифант блестяще владел современными языками, оставаясь, однако, абсолютным невеждой в латыни и греческом. Его родители исповедовали некую весьма эксцентричную разновидность евангелизма, и, хотя Олифант сохранил (в тайне от всех окружающих) некоторые элементы их веры, отцовские эксперименты он вспоминал со странным ужасом: железные жезлы, магические кристаллы…

Интересно, спрашивал он себя, поднимаясь на второй этаж, как приспособится леди Брюнель к жизни супруги премьер-министра?

Стоило ему ухватиться покрепче за перила, как японская рана запульсировала тупой болью.

Вынув из жилетного кармана трехбородчатый ключ «модзли», он отпер дверь кабинета; Блай, в чьем распоряжении находился единственный дубликат ключа, уже зажег газ и растопил камин.

Обшитый дубом кабинет неглубоким трехгранным эркером выходил в парк. Старинный, аскетически простой трапезный стол, тянувшийся через всю комнату, служил Олифанту вместо письменного. Современное конторское кресло на стеклянных роликах регулярно мигрировало от одной стопки изучаемых Олифантом документов к другой. Вследствие постоянных перемещений кресла ролики уже заметно протерли ворс синего аксминстерского ковра.

Ближний к окну конец стола занимали три телеграфных аппарата «Кольт и Максвелл»; их ленты выползали из-под стеклянных колпаков и белыми змейками ложились в стоящие на полу проволочные корзинки. Кроме принимающих аппаратов, здесь имелись передатчик с пружинным приводом и шифрующий перфоратор последнего правительственного образца. Провода всех этих устройств, заключенные в темно-красную шелковую оплетку, уходили в подвешенный к люстре орнаментальный глазок, затем тянулись к стене и прятались за полированной латунной пластиной с эмблемой Министерства почт.

Один из приемников застучал. Олифант прошел вдоль стола и начал читать телеграмму, выползавшую из массивной, красного дерева

подставки прибора.

«ОЧЕНЬ ЗАНЯТ ЛИКВИДАЦИЕЙ ЗАГРЯЗНЕНИЙ НО ЗАХОДИТЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ТОЧКА УЭЙКФИЛД КОНЕЦ»

Дверь распахнулась; Блай внес в кабинет поднос с нарезанной ломтями бараниной и бранстонским острым соусом.

— Я принес еще бутылку эля, сэр.

Он застелил салфеткой часть стола, которая оставлялась свободной специально для этой цели, и расставил посуду.

— Спасибо, Блай.

Олифант поддел кончиком пальца ленту с сообщением Уэйкфилда и уронил ее в проволочную корзинку.

Блай налил эль в кружку, а затем удалился с подносом и пустой керамической бутылкой; Олифант подкатил кресло и принялся намазывать мясо соусом.

Уединенную трапезу прервал стук правого аппарата. Левый, по которому Уэйкфилд прислал свое приглашение на ленч, был зарегистрирован на личный номер Олифанта. Правый — это значит какое-нибудь полицейское дело, скорее всего — Беттередж или Фрейзер. Олифант отложил нож и вилку.

Из прорези выползала лента.

«ВАШЕ ПРИСУТСТВИЕ НЕОБХОДИМО НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО В СВЯЗИ С ФБ ТОЧКА ФРЕЙЗЕР КОНЕЦ»

Олифант вынул из жилетного кармана немецкие часы, служившие еще его отцу, и отметил время. Убирая часы назад, он коснулся среднего из трех стеклянных колпаков. После смерти премьер-министра на этот аппарат не пришло еще ни одного сообщения.

* * *

Бригсомская терраса, куда вез его кеб, выходила на одну из новых, очень широких улиц — отважные строители испытывали почти сладострастный восторг, прорубая такие просеки в древних и почти еще не исследованных джунглях Восточного Лондона.

С первого же взгляда на «террасу» Олифант решил, что более унылого сооружения из кирпича и известки не было, нет и не дай бог, если будет. Не жилые дома, а тюрьмы какие-то. Подрядчик, нажившийся на строительстве этих кошмарных чудовищ, должен был еще до окончания работ повеситься на дверях ближайшего кабака.

Да и все эти улицы, по которым ехал кеб, — их

только при подобных обстоятельствах и видишь, — широкие, унылые, безликие, словно и не знающие ни дневного света, ни самых обыкновенных прохожих. Начинало моросить, и Олифант сразу пожалел, что отказался от предложенного Блаем дождевика. А вот на двоих околачивающихся у пятого дома были черные плащи с капюшонами. Эти длинные просторные хламиды из провощенного египетского хлопка, придуманные в Новом Южном Уэльсе и снискавшие немало похвал в Крыму, были идеально приспособлены, чтобы скрывать такое оружие, какое — тут уж никаких сомнений — скрывала эта парочка.

— Особое бюро, — бросил Олифант, не замедляя шага.

Бдительные стражи даже не шелохнулись, ошеломленные аристократическим произношением и уверенным поведением незнакомца. Нужно сказать об этом Фрейзеру.

Миновав прихожую, он оказался в крошечной гостиной, залитой безжалостным белым светом мощной карбидной лампы, установленной в углу на треноге. Мебель в гостиной состояла из явных остатков былой роскоши. Кабинетный рояль, шифоньерка — все это по смыслу предназначалось

для гораздо большего помещения. Золоченый багет шифоньерки вытерся, потускнел и производил теперь невероятно жалкое впечатление. Посреди пустыни грубого бесцветного половика розами и лилиями цвел прямоугольный оазис — маленький, донельзя обветшавший брюссельский коврик. На окнах — вязаные занавески, за окнами — Бригсомская терраса. Слева и справа от зеркала в двух настенных проволочных корзинах обильно и колюче разрослись какие-то паукообразные кактусы.

К запаху карбида примешивалась еще и другая, более резкая вонь.

Из глубины дома появился Беттередж, занятый последнее время наружным наблюдением за пинкертоновскими агентами — и сам очень похожий на пинкертоновского агента. Для достижения этого сходства оперативник был вынужден одеваться во все американское с ног до головы — от лакированных штиблет с эластичными вставками до высокого котелка. Лицо его выражало мрачную озабоченность.

— Я беру на себя всю ответственность, сэр. — Беттередж заикался и с трудом подбирал слова; похоже, случилось что-то скверное. — Мистер Фрейзер ждет вас, сэр. Все оставлено на своих

местах.

Олифант вышел из гостиной и поднялся по узкой, опасной крутизны лестнице в совершенно пустой коридор, освещенный еще одной карбидной лампой. По голым оштукатуренным стенам расползались причудливые потеки соли. Запах гари резко усилился.

Сквозь еще одну дверь он прошел в маленькую, ярко освещенную комнату. Фрейзер, молитвенно коленопреклоненный рядом с распростертым на полу трупом, поднял на Олифанта мрачное, сосредоточенное лицо, хотел что-то сказать, но осекся, остановленный взмахом руки.

Так вот, значит, откуда эта вонь. Посреди окованной железными полосами крышки старомодного дорожного сундука расположился новейший портативный прибор для приготовления пищи в походных условиях; латунный топливный бачок «Примус» сверкал, как зеркало, зато содержимое маленькой чугунной сковородки спеклось в черную, неопрятную, дурно пахнущую массу. Еда сгорела с концами.

Да и едок — тоже. При жизни этот человек был настоящим великаном, теперь же его труп начисто перегородил тесную комнатенку. Олифант неохотно перешагнул через окоченевшую

руку, наклонился и несколько секунд изучал сведенное предсмертной судорогой лицо, тусклые невидящие глаза. Выпрямившись, он обернулся к Фрейзеру:

— Ну и что вы думаете?

— Покойничек разогревал консервированные бобы, — сказал Фрейзер. — Ел их прямо со сковородки. Вот этим. — Он указал ногой на кухонную ложку с выщербленной голубой эмалью. — Я почти уверен, что никого здесь с ним не было. Умял треть банки и вырубился. Яд.

— Яд, говорите? — Олифант вынул из кармана портсигар и серебряную гильотинку. — И что же это такое могло быть? — Он достал сигару, обрезал ее и проколол.

— Что-то сильное, вон ведь какого мужика свалило.

— Да, — кивнул Олифант. — Крупный экземпляр.

— Сэр, — подал голос Беттередж, — вы посмотрите вот на это.

Кожаные ножны, снабженные для крепления на теле длинными ремешками, были сплошь покрыты белесыми потеками пота, из них торчала грубая роговая рукоятка с латунной гардой. Оружие, извлеченное Беттереджем из ножен,

отдаленно напоминало морской кортик, однако не было обоюдоострым; кроме того, тупая его сторона имела вблизи конца своеобразную искривленную выемку.

— А что это за медная накладка по тупой стороне?

— Чтобы парировать клинок противника, — объяснил Олифанту Фрейзер. — Мягкий металл, цепляет лезвие. Американские штучки.

— Клеймо изготовителя?

— Никакого, сэр, — снова заговорил Беттередж. — Судя по всему, ручная ковка.

— Покажите ему этот ствол, — сказал Фрейзер.

Беттередж вложил клинок в ножны, положил его на сундук, отвел полу своего сюртука и достал тяжелый револьвер.

— Французско-мексиканский. — Он говорил, как коммивояжер, рекламирующий необыкновенные качества своего товара. — «Баллестер-молина». После первого выстрела курок взводится автоматически.

— Армейское оружие? — удивился Олифант.

Револьвер выглядел несколько грубовато.

— Дешевка, — покачал головой Фрейзер. — У американцев они в свободной продаже. Ребята из столичной полиции то и дело конфискуют такие

у матросов. Слишком уж много их развелось.

— Матросов?

— Конфедераты, янки, техасцы…

— Техасцы, — повторил Олифант, посасывая незажженную сигару. — Полагаю, все мы здесь согласны, что наш покойный друг принадлежал к этой нации.

— Мы нашли ход на чердак, этот парень устроил там что-то вроде гнезда. — Беттередж заворачивал пистолет в клеенку.

— Холод, наверное, собачий.

— Он запасся одеялами, сэр.

— Банка.

— Сэр?

— Консервная банка, в которой находился его последний ужин.

— Нет, сэр. Банки нет.

— Аккуратная, стерва, — заметил Олифант. — Подождала, пока яд сделает свое дело, а потом вернулась, чтобы убрать улики.

— Не беспокойтесь, врач добудет нам улики, — отозвался Фрейзер.

Олифанта затошнило — от профессиональной бесчувственности Фрейзера, от близости трупа, от всепроникающего запаха горелых бобов. Он повернулся и вышел в коридор, где один из поли-

цейских возился с карбидной лампой.

Только в таком мерзком доме, как этот, и только на такой мерзкой улочке может произойти подобное мерзкое дело. Его захлестнула волна гадливости, лютое отвращение к этому тайному миру с полуночными поездками и хитросплетениями лжи, с легионами проклятых, безвестно забытых.

Олифант чиркнул люцифером и раскурил сигару; руки у него дрожали.

— Сэр, всю ответственность… — За плечом у него возник Беттередж.

— Сегодня у моего друга с Чансери-лейн табак похуже обычного, — хмуро заметил Олифант. — При покупке сигар необходима крайняя осторожность.

— Мы перевернули квартиру вверх дном, мистер Олифант. Нет никаких свидетельств, что она вообще здесь жила.

— Правда? А чья это внизу симпатичная шифоньерка? Кто поливает кактусы? Кактусы вообще поливают? Возможно, они напоминали нашему техасскому другу о родине…

Он решительно затянулся и стал спускаться; Беттередж не отставал ни на шаг, как молодой встревоженный сеттер.

Чопорный тип из «Криминальной антропометрии» задумчиво стоял у рояля, словно пытаясь вспомнить какой-то мотив. Из орудий пытки, хранившихся в черном саквояже этого джентльмена, наименее неприятными были калиброванные матерчатые ленты для бертильоновских измерений черепа.

— Сэр, — снова начал Беттередж, когда антропометрист ушел наверх, — если вы считаете меня ответственным, сэр… Это, значит, за то, что я ее потерял…

— Помнится, я посылал вас в «Гаррик», на утреннее представление, чтобы вы рассказали мне о манхэттенских акробатках.

— Да, сэр…

— Так вы видели манхэттенскую труппу?

— Да, сэр.

— Но — позвольте мне угадать — вы увидели там и ее?

— Да, сэр! И Палтуса и его парочку тоже!

Олифант снял и протер очки.

— А акробатки, Беттередж? Чтобы собирать столько зрителей, они должны быть весьма примечательными.

— О господи, сэр, они дубасили друг друга кирпичинами! Женщины бегали босиком и… ну,

в газовых шарфиках, сэр, никакой пристойной одежды…

— Ну и как, Беттередж? Вам это понравилось?

— Нет, сэр, честное слово, нет. Любительский спектакль в Бедламе, вот на что это было похоже. К тому же там появились линкеры, так что у меня была работа…

Палтусом они называли главного пинкертоновского агента, филадельфийца, который носил необычайно пышные бакенбарды и представлялся Бофортом Кингсли Де-Хейвеном (чаще) либо Бомонтом Александром Стоуксом (реже). Палтусом его сделало пристрастие к этой рыбе на завтрак, отмеченное Беттереджем и другими наблюдателями.

Палтус и двое его подчиненных, обретавшиеся в Лондоне уже восемнадцать месяцев, обеспечивали Олифанта как весьма интересным занятием, так и великолепным предлогом для получения правительственных ассигнований. Организация Пинкертона, официально будучи фирмой частной, на деле служила центральным разведывательным органом вечно воюющих Соединенных Штатов. Имея агентурную сеть по всей Конфедерации, равно как и в республиках Техас и Калифорния, пинкертоны нередко

получали доступ к важной стратегической информации.

По прибытии в Лондон Палтуса и его бойцов кое-кто из сотрудников Особого отдела предлагал насильственно их перевербовать, для чего существует уйма классических методов. Олифант поспешил подавить эти мысли в зародыше, доказывая, что американцы будут гораздо полезнее, если предоставить им свободу действий — под, подчеркнул он, неусыпным надзором как Особого отдела, так и его собственного Особого бюро Министерства иностранных дел. Так как Особое бюро почти не имело необходимого для таких игр персонала, Особый отдел прикомандировал к нему Беттереджа вкупе с группой неприметных, ежедневно сменявшихся лондонцев — опытных наблюдателей, каждого из которых Олифант утверждал лично. Беттередж докладывал непосредственно Олифанту, который оценивал сырой материал, а затем передавал его в Особый отдел. Олифант находил подобное положение дел вполне удовлетворительным; Особый отдел от комментариев пока воздерживался.

Мало-помалу действия пинкертонов выявили незначительные, но остававшиеся прежде незамеченными элементы нелегальной актив-

ности. Полученная в результате информация составляла довольно сумбурный набор фактов, но Олифанту это даже нравилось. Пинкертоны, как с удовольствием объяснял он Беттереджу, обеспечат их чем-то вроде геологических кернов. Так пусть они исследуют глубины, а Британия будет пожинать плоды.

Беттередж почти сразу же, и к немалой своей гордости, обнаружил, что некий мистер Фуллер, единственный и сильно перегруженный служащий техасской дипломатической миссии, состоит на жалованье у Пинкертона. В дополнение к этому Палтус проявил безудержное любопытство к делам генерала Сэма Хьюстона, причем зашел столь далеко, что лично участвовал во взломе загородного особняка изгнанного техасского президента. На протяжении нескольких месяцев пинкертоны следили за Майклом Рэдли, пресс-агентом Хьюстона, убийство которого в «Гранд-Отеле» послужило непосредственным толчком к сегодняшним изысканиям Олифанта.

— И вы видели на представлении коммунаров нашу миссис Бартлетт? Вы полностью в этом уверены?

— Без сомнения, сэр!

— Палтус с компанией ее видели? И она — их?

— Нет, сэр. Они смотрели коммунарский фарс, кричали и свистели. В антракте миссис Бартлетт проскользнула за кулисы. А потом она держалась в самых задних рядах. Хотя и аплодировала. — Беттередж нахмурился.

— Пинкертоны не пытались идти за миссис Бартлетт?

— Нет, сэр!

— А вы пошли.

— Да, сэр. Когда представление закончилось, я оставил Бутса и Бекки Дин караулить наших ребят и отправился выслеживать ее в одиночку.

— Вы поступили очень глупо. — Олифант говорил предельно мягко. — Лучше было поручить это Бутсу и Бекки. У них больше опыта, а к тому же команда гораздо эффективнее одиночного наблюдателя. Вы могли легко ее потерять.

Беттередж болезненно сморщился.

— Или она могла вас убить. Она же убийца. Поразительно умелая. Известна тем, что носит при себе купоросное масло.

— Сэр, я беру на себя всю…

— Нет, Беттередж, нет. Ни в коем случае. Она уже прикончила нашего техасского Голиафа. С заранее — и очень хорошо! — обдуманным намерением. Она помогала ему, обеспечивала его

пищей и ободряла — так же как и в ту кошмарную ночь, когда он залил кровью «Гранд-Отель». Кто, кроме нее, мог принести ему консервированные бобы? Техасец полностью от нее зависел, ведь ему и носа было не высунуть с этого чердака. А обработать консервную банку — не так-то это и сложно.

— Но почему она пошла против него, сэр?

— Вопрос лояльности, Беттередж. Наш техасец был фанатичным националистом. Ради интересов своей страны патриоты способны вступить в сделку с самим дьяволом, но всему есть предел. Вероятнее всего, она потребовала какой-нибудь ужасной услуги, а он отказался. — Это Олифант знал из признаний Коллинза; безымянный техасец был весьма капризным союзником. — Парень подвел ее, нарушил ее планы, точно так же, как и покойный профессор Радвик. Вот он и разделил участь своей жертвы.

— Должно быть, она в отчаянном положении.

— Возможно… Но у нас нет причин полагать, что вы вспугнули ее своей слежкой.

Беттередж сморгнул.

— Сэр, а когда вы послали меня поглядеть на коммунаров, вы уже подозревали, что она там будет?

— Ни в коем случае. Сознаюсь, Беттередж, что это был просто каприз. Один мой знакомый, лорд Энгельс, в полном восторге от Маркса, основателя Коммуны…

— Энгельс, текстильный магнат?

— Да. Его интересы весьма эксцентричны.

— К этим коммунаркам, сэр?

— К теориям мистера Маркса в целом и к судьбе Манхэттенской коммуны в частности. Фактически щедрость Фридриха и сделала возможным настоящее турне.

— Самый богатый человек Манчестера финансирует такую чушь? — искренне расстроился Беттередж.

— Странно и неожиданно. И это при том, что сам Фридрих — сын богатого промышленника с Рейна… Во всяком случае, я с интересом ждал вашего отчета — сильно подозревая, что там объявится и наш мистер Палтус. Соединенные Штаты воспринимают красную революцию в Манхэттене более чем мрачно.

— Одна из этих женщин устроила перед спектаклем нечто вроде проповеди, чесала языком как заведенная. Что-то такое о «железных законах»…

— Как же, как же — «железные законы исто-

рии». Сплошное доктринерство. Но не следует забывать, что Маркс многое позаимствовал у лорда Бэббиджа — столь многое, что его учение может со временем покорить Америку. — Тошнота Олифанта более или менее улеглась. — И вдумайтесь, Беттередж, в тот факт, что Коммуна организовалась не когда-нибудь, а на волне протестов против призыва в армию, охвативших весь город. Маркс и его последователи захватили власть в момент хаоса, до некоторой степени схожего с приснопамятным бедствием, которое поразило тем летом Лондон. Здесь, конечно, мы отделались довольно легко, и это несмотря на потерю нашего Великого Оратора в самый разгар кризиса. Вот как важна надлежащая преемственность власти.

— Да, сэр, — кивнул Беттередж; патриотический оптимизм шефа мигом отвлек его от тревожных раздумий о прокоммунарских симпатиях лорда Энгельса.

Олифант подавил печальный вздох, ему очень хотелось бы, чтобы в этом оптимизме было побольше искренности.

* * *

По дороге домой Олифант задремал. Снилось ему, как это часто случалось, Всеведущее Око, для которого нет ни тайн, ни загадок.

Дома он с трудом сдержал досаду, обнаружив, что Блай приготовил ему ванну в складном резиновом корыте, купленном недавно по предписанию доктора Макнила. Олифант надел халат, сунул ноги в вышитые молескиновые шлепанцы, прошел в ванную и обреченно воззрился на черную отвратительную посудину, нагло соседствующую с безукоризненно чистой — и безукоризненно пустой — фарфоровой ванной. Изготовленное в Швейцарии корыто покоилось на складном деревянном каркасе все того же погребального цвета и соединялось с газовой колонкой посредством резиновой кишки с несколькими керамическими кранами; налитая Блаем вода туго натянула и вспучила дряблые стенки.

Сняв халат, он ступил из шлепанцев на холодный, выстланный восьмиугольными плитками пол, а затем в мягкую утробу швейцарской ванны. Эластичный материал, поддерживаемый по бокам рамой, угрожающе проминался под

ногами. Олифант попробовал сесть и едва не перевернул всю хлипкую конструкцию; его зад утонул в страстных объятиях теплой скользкой резины. Согласно предписанию Макнила, в корыте полагалось лежать четверть часа, откинув голову на небольшую надувную подушку из прорезиненного холста, дополнительно предоставляемую производителем. Макнил полагал, что чугунный остов фарфоровой ванны сбивает попытки позвоночника вернуться к правильной магнитной полярности. Олифант чуть сменил позу и сморщился, ощущая, как неприятно липнет к телу резина.

На боку корыта висела небольшая бамбуковая корзинка; Блай положил в нее губку, пемзу и французское мыло. Бамбук, надо думать, тоже не имеет никаких магнитных свойств.

Олифант глухо застонал и взялся за мыло.

Свалив с плеч бремя дневных забот, он, по обыкновенной своей привычке, начал вспоминать — но не смутно и расплывчато, как принято это у большинства людей, а оживляя прошлое в мельчайших, абсолютно точных подробностях. Природа одарила Олифанта великолепной памятью, отцовское же увлечение месмеризмом и фокусами открыло ему дорогу к тайным приемам

мнемоники. Приобретенная тренировками способность все запоминать и ничего не забывать оказалась весьма ценным подспорьем в работе, да и вообще в жизни; Олифант продолжал эти тренировки и сейчас, они стали для него чем-то вроде молитвы.

Чуть меньше года назад он вошел в тридцать седьмой номер «Гранд-Отеля», чтобы осмотреть вещи Майкла Рэдли.

Ровно три места багажа: потертая шляпная коробка, ковровый саквояж с латунными уголками и новехонький «пароходный сундук», специально приспособленный для морских путешествий — поставленный на пол и открытый, он сочетал в себе качества платяного шкафа и секретера. Хитроумная механика сундука подействовала на Олифанта угнетающе. Все эти петли и никелированные защелки, ролики и полозья, крючки и шарниры, все они говорили о страстном предвкушении поездки, которой не будет. Не менее тяжкое впечатление производили три гросса претенциозно напечатанных визитных карточек с манчестерским номером Рэдли, так и оставшиеся в типографской упаковке.

А еще покойный питал слабость к шелковым ночным рубашкам. Олифант распаковывал от-

деления сундука одно за другим, выкладывая одежду на кровать с аккуратностью опытного камердинера; он выворачивал каждый карман, ощупывал каждый шов, каждую подкладку.

Туалетные принадлежности Рэдли хранились в сумочке из непромокаемого шелка.

Олифант раскрыл сумочку и осмотрел ее содержимое: помазок для бритья из барсучьей шерсти, самозатачивающаяся безопасная бритва, зубная щетка, жестянка зубного порошка, мешочек с губкой… Он постучал костяной ручкой помазка о ножку кровати. Он открыл бритвенный прибор — на фиолетовом бархате поблескивали никелированные детали станочка. Он высыпал зубной порошок на лист бумаги с виньеткой «Гранд-Отеля». Он заглянул в мешочек для губки — и увидел губку.

Олифант вернулся к бритвенному прибору; он вытряхнул все железки на крахмальную манишку вечерней рубашки, раскрыл перочинный нож, висевший у него на часовой цепочке вместо брелока, и подцепил дно футляра. Под оклеенной бархатом картонкой обнаружился сложенный в несколько раз лист бумаги.

Написанный карандашом текст хранил следы многочисленных подтирок и исправлений;

скорее всего, это был незаконченный черновик какого-то письма. Без даты, без обращения к адресату и без подписи.

«Вы, вероятно, помните две наши беседы в пр авг, во время второй из которых вы любезно доверили мне св гипотезы. Счастлив уведомить вас, что опр действия дали мне в руки версию — правильную верс вшг ориг, — которую, я абс в этом уверен, можно будет наконец прогнать, продемонстрировав тем самым столь долгожданное доказательство».

Большая часть листа оставалась чистой, за исключением едва различимых прямоугольников с вписанными в них заглавными буквами: АЛГ, СЖАТ и МОД.

Эти АЛГ, СЖАТ и МОД превратились со временем в три головы сказочного чудовища, непрошенно поселившегося в мозгу Олифанта. Даже вероятная разгадка смысла этих букв, подсказанная стенограммами допросов Уильяма Коллинза, не смогла развеять навязчивый образ АЛГ-СЖАТ-МОДа, трех змеиных шей с кошмарными человеческими головами, человеческими *лицами*. Мертвое лицо Рэдли — застывший в беззвучном крике рот, пустые остекленевшие глаза. Мраморные черты Ады Байрон, надменные

и бесстрастные, обрамленные высшей геометрией локонов и завитков. Но третья голова, бредовый бутон, покачивающийся на гибком, чешуйчатом стебле шеи, ускользала от взгляда. Иногда казалось, что у нее лицо Эдварда Мэллори — агрессивно честолюбивое, безнадежно искреннее; в другие моменты Олифант почти различал хорошенькое, ядовитое личико Флоренс Бартлетт, окутанное парами серной кислоты.

А иногда, например сейчас, в липких объятиях резиновой лохани, уплывая к континенту снов, он видел собственное лицо, свои глаза, полные несказанного ужаса.

* * *

Следующее утро проспавший допоздна Олифант провел в постели, куда Блай приносил ему папки из кабинета, крепкий чай и тосты с анчоусами. Он просмотрел досье на некоего Вильгельма Штибера, прусского агента, действующего под маской Шмидта, редактора эмигрантской газеты. С гораздо большим интересом он изучил и снабдил пометками отчет с Боу-стрит о недавних попытках контрабандного провоза военного снаряжения — груз неизменно предназначался для Манхэттена. Следующая папка содержала распе-

чатанные тексты нескольких писем от некоего бостонца, мистера Коупленда. Мистер Коупленд, разъездной агент лесоторговой фирмы, состоял на британском жалованье. Его письма описывали систему укреплений, защищающих остров Манхэттен, с особым упором на расположение артиллерийских батарей. Тренированный взгляд Олифанта быстро пробежал описание южного форта Губернаторского острова (допотопное барахло) и зацепился за сообщение о слухах, что Коммуна установила минное заграждение от Роумерских мелей до пролива Те-Нарроус.

Олифант вздохнул. Он сильно сомневался, что пролив заминирован, сколько бы ни хотелось руководителям Коммуны уверить в этом весь мир. Нет у них никакого заграждения, нет, — но скоро будет, если дать волю господам из Комиссии по свободной торговле.

В дверях возник Блай:

— У вас назначена встреча с мистером Уэйкфилдом, сэр, в Центральном статистическом бюро.

Часом позже Беттередж распахнул перед ним дверцу кеба.

— Добрый день, мистер Олифант.

Олифант забрался внутрь и сел. Черные складчатые шторки на окнах были плотно задернуты,

закрывая Хаф-Мун-стрит и стылое ноябрьское солнце. Как только экипаж тронулся, Беттередж открыл стоявший в ногах чемоданчик, достал фонарь, ловко его зажег и укрепил на подлокотнике при помощи латунной струбцины. Внутренность чемоданчика поблескивала, словно миниатюрный арсенал.

Олифант молча протянул руку и получил от оперативника темно-красную папку — дело об убийстве Майкла Рэдли.

Тогда, в курительной «Гранд-Отеля», именно Олифант и был третьим собеседником генерала Хьюстона и несчастного, обреченного на скорую смерть Рэдли. Оба этих красавца быстро напились. Рэдли выглядел гораздо приличнее, однако казался менее предсказуемым и значительно более опасным. Пьяный Хьюстон увлеченно играл роль американского варвара: с налившимися кровью глазами, взмокший от пота, он сидел, взгромоздив тяжелый, заляпанный грязью сапог на стул. Он курил трубку, сплевывал куда попало, последними словами чихвостил Олифанта, Британию и британское правительство. И строгал какую-то дурацкую деревяшку, прерываясь только для того, чтобы подточить складной нож о край подошвы. Иное дело Рэдли, его прямо ли-

хорадило от возбуждающего действия алкоголя — щеки горели, глаза сверкали.

Олифант пришел к Хьюстону со вполне сознательным намерением поубавить тому прыти перед отъездом во Францию, никак не ожидая оказаться в напряженной атмосфере взаимной, почти не скрываемой враждебности между генералом и его пресс-агентом.

Ему хотелось заронить семена сомнения в благополучном исходе французского турне; с этой целью, и в первую очередь для ушей Рэдли, он вскользь намекнул на более чем тесное сотрудничество разведывательных служб Британии и Франции. Олифант высказал уверенность, что Хьюстон уже приобрел по меньшей мере одного влиятельного врага в рядах Полис-де-Шато, преторианской гвардии императора Наполеона. Будучи очень немногочисленны, исподволь внушал Олифант, сотрудники *Police des Châteaux* не связаны в своих действиях ни законами, ни даже конституцией; было заметно, что никакие спиртовые пары не помешали Рэдли взять предполагаемую опасность на заметку.

Затем появился рассыльный с запиской для Рэдли. Когда дверь открывалась, Олифант мельком увидел озабоченное лицо молодой женщины.

Рэдли удалился, объяснив, что ему необходимо переговорить со знакомым журналистом.

Вернулся он минут через десять. За эти десять минут генерал вылакал чуть не полпинты бренди. Олифант выслушал еще одну особо цветистую тираду и откланялся.

Получив на рассвете телеграмму, он вернулся в «Гранд» и сразу же отыскал гостиничного детектива, отставного полицейского по фамилии Маккуин. Вызванный среди ночи дежурным мистером Парксом, Маккуин первым вошел в номер Хьюстона.

Пока Паркс пытался успокоить истеричную супругу ланкаширского подрядчика, проживавшего на момент переполоха в номере двадцать пять, Маккуин подергал дверь соседнего, двадцать четвертого номера, и та сразу открылась. Окно было выбито, комнату заносило снегом, в холодном воздухе пахло порохом, кровью и, как деликатно выразился Маккуин, «содержимым внутренностей покойного джентльмена». Увидев окровавленный труп Рэдли, Маккуин крикнул Парксу, чтобы тот телеграфировал в полицию. Затем он запер дверь мастер-ключом, зажег фонарь и заблокировал вид с улицы остатками одной из занавесок.

Не было никаких сомнений, что Рэдли обыскали. В луже крови и прочих субстанций, окружавших труп, валялись многоразовая спичка, портсигар, мелкие монеты — обычное содержимое мужских карманов. Обследовав помещение, детектив обнаружил карманный многоствольный пистолет фирмы «Ликок и Хатчингс» с ручкой из слоновой кости. Спусковой крючок у оружия отсутствовал. Три из пяти его стволов были разряжены, по оценке Маккуина — сравнительно недавно. Продолжив поиски, он нашел в россыпи битого стекла безвкусно раззолоченный набалдашник генеральской трости. Неподалеку лежал окровавленный пакет, плотно завернутый в коричневую бумагу. Как выяснилось, он содержал сотню или около того кинотропических карточек, перфорация на них была безнадежно испорчена попаданием двух пуль. Сами пули, свинцовые и сильно смятые, выпали в руку детектива, когда тот осматривал карточки.

Последующий осмотр комнаты специалистами из Центрального статистического — услуги столичной полиции по настоянию Олифанта были отклонены — мало что добавил к наблюдениям многоопытного гостиничного детектива. Из-под кресла был извлечен спусковой крючок писто-

лета «ликок-и-хатчингс». Там же был найден совершенно неожиданный предмет — белый пятнадцатикаратовый чистейшей воды бриллиант.

Двое сотрудников «Криминальной антропометрии» с непременной своей таинственностью использовали большие квадраты клейкой бумаги, чтобы собрать с ковра волоски и частички пуха; они поспешно увезли драгоценную добычу к себе в логово, после чего о ней никто уже больше не слышал.

— Вы закончили с этой папкой, сэр?

Олифант взглянул на Беттереджа, потом снова на папку. В его глазах стояла лужа крови, освещенная блеклым утренним солнцем.

— Мы уже на Хорсферри-роуд, сэр.

Кеб остановился.

— Да, благодарю вас.

Закрыв папку, он вернул ее Беттереджу, затем вышел из кеба и стал подниматься по широкой лестнице.

Вне зависимости от конкретных обстоятельств, входя в Центральное статистическое бюро, Олифант неизменно испытывал какое-то странное возбуждение. Вот и сейчас — словно на тебя кто-то смотрит, словно ты познан и исчислен. Да, Око…

Пока он объяснялся с дежурным, слева из коридора высыпала группа молодых механиков, все — в машинного покроя шерстяных куртках и зеркально начищенных ботинках на рубчатой резине, у каждого — безукоризненно чистая сумка из плотной белой парусины с кожаными, на медных заклепках уголками. Двигаясь в его сторону, ребята переговаривались, кое-кто уже доставал из карманов трубки и черуты.

Олифанту остро захотелось курить. Он в сотый раз выругал про себя здешний запрет на табак (вынужденный, но кому от этого легче?) и проводил завистливым взглядом механиков, исчезающих между колонн и бронзовых сфинксов. Семейные люди с обеспеченной старостью; выйдя на пенсию, будут жить, наверное, в Камден-Тауне или в Нью-Кроссе, в любом из респектабельных пригородов, обставлять крохотные гостиные сервантами из папье-маше и голландскими фигурными часами, а жены их будут подавать чай на лакированных, ярко разукрашенных жестяных подносах.

Миновав невыносимо банальный квазибиблейский барельеф, он прошел к лифту; тут же появился и второй пассажир — мрачноватый джентльмен, безуспешно пытавшийся счистить

с плеча какой-то белесый потек.

Латунная клеть с грохотом закрылась и поползла вверх. Джентльмен в испачканном сюртуке вышел на третьем этаже, Олифант же доехал до пятого, где квартировали «Количественная криминология» и «Нелинейный анализ». И хотя он находил НА бесконечно более увлекательным, сегодня ему нужна была именно КК, в лице ее руководителя Эндрю Уэйкфилда.

Служащие КК были расфасованы по аккуратным камерам-одиночкам из листовой стали, асбеста и фанеры. Уэйкфилд царствовал в такой же — ну, чуть побольше — клетушке; его голову с жиденькими соломенными волосами обрамляли медные ручки бесчисленных картотечных ящиков.

Заметив Олифанта, он широко улыбнулся, продемонстрировав кривоватые, выпирающие вперед зубы:

— Мистер Олифант, сэр. Очень рад. Извините, я сейчас.

Уэйкфилд вложил несколько перфокарт в плотный синий конверт с подкладкой из папиросной бумаги и тщательно стянул половинки патентованной застежки красной ниткой. Затем он отложил конверт в покрытый асбестом лоток, где

уже было несколько таких же.

— Боитесь, что я смогу прочесть вашу перфорацию, Эндрю? — улыбнулся Олифант.

Он откинул жесткое, убирающееся в стену сиденье и сел, пристроив на коленях сложенный зонтик.

— Вы в курсе, что значит синий конверт, не так ли?

Звякнув шарнирами, Уэйкфилд убрал свой суставчатый письменный стол в узкую нишу.

— Не знаю, что находится в этом *конкретном* конверте, но, вообще-то, слышал о них.

— Некоторые люди и вправду умеют читать карточки. А уж шапку запроса — эти данные прочтет любой младший клерк с той же легкостью, с какой вы читаете кинотропическую рекламу в подземке.

— Я, Эндрю, никогда не читаю рекламу в подземке.

Уэйкфилд фыркнул, что заменяло ему смех.

— А как дела в дипломатическом корпусе, мистер Олифант? Разобрались уже с этим вашим «луддитским заговором»?

Вопрос звучал саркастически, однако Олифант предпочел этого не заметить.

— Собственно говоря, он не является чем-то

очень уж первоочередным. По крайней мере, в области моих интересов.

Уэйкфилд кивнул, полагая, что «область интересов» Олифанта ограничивается деятельностью иностранцев на британской земле. По запросам Олифанта он регулярно прогонял поиск на такие организации и группировки, как карбонарии, «рыцари белой камелии», фении, техасские рейнджеры, греческие гетерии, «Детективное агентство Пинкертона» и «Бюро научных исследований» Конфедерации.

— Надеюсь, вам пригодился последний материал по техасцам? — подался вперед Уэйкфилд. Пружины патентованного кресла жалобно скрипнули.

— Весьма, — заверил его Олифант.

— Вы не знаете, случайно, — начал Уэйкфилд, вынимая из кармана позолоченный цанговый карандашик, — их миссия не собирается переезжать?

Кончик карандаша с громким отвратительным клацаньем пробежал по кривым зубам.

— Из их теперешнего обиталища в Сент-Джеймском дворе, что за виноторговлей Берри?

— Совершенно верно.

Олифант помедлил, взвешивая вопрос.

— Маловероятно. У них совершенно нет денег. Думаю, здесь все зависит от доброжелательности домовладельца…

Уэйкфилд молча улыбнулся.

— А вы не могли бы мне сказать, — сощурился Олифант, — кому нужна эта информация?

— «Криминальной антропометрии».

— Правда? Они что, занялись наружным наблюдением?

— Думаю, это просто отработка методики. Эксперимент. — Уэйкфилд отложил карандаш. — Этот ваш ученый приятель… Мэллори, так его, кажется, звали?

— Да?

— Видел рецензию на его книгу. Он сейчас что, в Китае?

— В Монголии. Возглавляет экспедицию Географического общества.

— Понятно, — кивнул Уэйкфилд. — Чтобы не путался под ногами.

— Скорее уж, чтобы не попался кому-нибудь под руку. Совсем не плохой малый. К слову сказать, он с лету и весьма неплохо разобрался в технических аспектах работы вашего бюро. Но я и сам пришел к вам по делу характера чисто технического.

— Да? — Кресло Уэйкфилда снова скрипнуло.

— Кое-что связанное с процедурами Министерства почт.

Уэйкфилд издал неопределенный звук.

Олифант вынул из кармана незапечатанный конверт. Уэйкфилд натянул белые нитяные перчатки, вынул из конверта телеграфную адресную карточку, бегло ее просмотрел и вскинул глаза:

— «Гранд-Отель».

— Совершенно верно.

На карточке была эмблема гостиницы. Уэйкфилд машинально провел пальцем по рядам перфорации, проверяя их на изношенность, способную вызвать сбой.

— Вы хотите знать, кто послал телеграмму?

— Спасибо, эта информация у меня есть.

— Имя адресата?

— Оно мне также известно.

Пружины скрипнули — несколько нервозно, как показалось Олифанту. Уэйкфилд поднялся и осторожно вставил карточку в прорезь застекленного прибора, нависавшего над картотечными ящиками. Покосившись на Олифанта, он взялся за рычаг с ручкой из черного дерева и потянул вниз. Загадочное устройство грохотнуло, как кассовый аппарат. Когда Уэйкфилд отпустил

рычаг, тот начал медленно возвращаться на место, аппарат при этом жужжал и пощелкивал, подобно игорной машине в кабаке; колесики с буквами вращались все медленнее, а затем и совсем остановились.

— Эгремонт, — прочел Уэйкфилд. — Вилла «Буки», Белгрейвия.

— Вот именно. — Олифант смотрел, как Уэйкфилд извлекает карточку из прорези. — Мне нужен текст этой телеграммы.

— Эгремонт. — Уэйкфилд сел, вернул карточку в конверт и снял перчатки. — Везде и всюду этот наш достопочтенный Чарльз Эгремонт. Он создает нам пропасть работы.

— Текст этой телеграммы, Эндрю, находится здесь, в бюро. Он существует материально, в виде нескольких дюймов телеграфной ленты.

— Вы знаете, что на мне висят пятьдесят пять миль зацеплений, все еще не прочищенных после смрада? Не говоря уже о том, что этот запрос несколько выходит за рамки обычной для вас беззаконности…

— «Обычная для меня беззаконность»? Неплохо сказано…

— И ваши друзья из Особого бюро непрерывно здесь ошиваются, требуя снова и снова крутить

нашу медь в надежде выявить каких-то там луддитов, якобы засевших в высших эшелонах власти! Да кто он такой, разрази его гром?

— Насколько я понимаю, мелкий радикальный политик. Или был таковым до смрада и беспорядков.

— Скажите уж, до смерти Байрона.

— Но теперь у нас лорд Брюнель, разве не так?

— Да, и полное безумие в парламенте!

Олифант дал молчанию затянуться.

— Если бы вы, Эндрю, смогли раздобыть текст этой телеграммы, — сказал он наконец, — я был бы очень вам благодарен.

— Он — очень *честолюбивый* человек, Олифант.

— Вы не одиноки в подобной оценке.

Уэйкфилд вздохнул:

— При условии крайней конфиденциальности…

— Само собой разумеется!

— Не говоря уже о том, что машина вся в дерьме. Грязь, осевшая из воздуха. Механики работают в три смены и уже добились некоторого успеха с помощью аэрозольных препаратов лорда Колгейта, но временами я прямо теряю надежду, что система когда-нибудь закрутится как надо! — Он

понизил голос. — Вы знаете, что уже несколько месяцев высшие функции «Наполеона» совершенно ненадежны?

— Императора? — притворно изумился Олифант.

— В приведенном виде длина зацеплений «Наполеона» превышает нашу почти что вдвое, — продолжал Уэйкфилд. — А он взял себе и испортился! — Было видно, что одна уже мысль о возможности такого наполняет его почти мистическим ужасом.

— У них что, тоже был смрад?

Уэйкфилд мрачно покачал головой.

— Ну вот видите, — сказал Олифант. — Скорее всего, этот самый их «Наполеон» попросту подавился куском луковой кожуры…

Уэйкфилд фыркнул.

— Так вы найдете мне телеграмму? При ближайшем удобном для вас случае?

Уэйкфилд еле заметно кивнул.

— Молодец! — просиял Олифант.

Отсалютовав сложенным зонтиком, он встал и направился к выходу через лабиринт микроскопических клетушек; ни одна терпеливо склоненная голова не повернулась в его сторону, ни один подопечный Уэйкфилда не посмотрел

ему вслед.

* * *

Олифант попросил Беттереджа отвезти себя в Сохо, сошел у первого попавшегося кабака и направился на Дин-стрит пешком, окольной дорогой, соблюдая все профессиональные предосторожности. Войдя в незапертую дверь грязного, обшарпанного дома, он запер ее за собой и поднялся на второй этаж. В холодном воздухе пахло вареной капустой и застоявшимся табачным дымом.

После условного стука (два удара, пауза, еще два удара) из-за двери раздался голос:

— Входите скорее, а то холоду напустите…

Обильно бородатый мистер Герман Криге, в недавнем прошлом — редактор нью-йоркской «Фольке Трибюне», сильно смахивал на растрюханный кочан капусты — так много одежды (по преимуществу — ветхой) было на нем надето.

Он запер за Олифантом дверь и навесил цепочку.

Криге снимал две комнаты: та, что выходила на улицу, считалась гостиной, а другая — спальней. Все здесь было ломаное, рваное и валялось в жутком беспорядке. Середину гостиной за-

нимал большой старомодный стол, покрытый клеенкой. На нем вперемешку лежали и стояли рукописи, книги, газеты, кукла с головкой из дрезденского фарфора, предметы женского рукоделия, щербатые чашки, грязные ложки, ручки, ножи, подсвечники, чернильница, голландские глиняные трубки, табачный пепел.

— Садитесь, садитесь, пожалуйста.

Криге, чье всегдашнее сходство с медведем еще усиливалось истрепанной одеждой, неопределенно махнул в сторону колченогого стула. Слезящимися от угольного и табачного дыма глазами Олифант разглядел мало-мальски целый стул, обладавший, правда, другим недостатком — дочка Криге использовала его недавно как игрушечную кухонную плиту; смело рискнув седалищной частью своих брюк, он смахнул липкие крошки на пол и сел лицом к Криге, по другую сторону загроможденного хламом стола.

— Небольшой подарок для вашей малютки Тродль, — сказал Олифант, вынимая из кармана пальто сверток. Яркая оберточная бумага была закреплена самоклеящимся квадратиком с рельефной эмблемой самого известного из оксфорд-стритских магазинов игрушек. — Кукольный чайный сервиз. — Он положил сверток

на стол.

— Она зовет вас дядя Ларри. Не нужно бы ей знать вашего имени.

— В Сохо этих Ларри — как собак нерезаных.

Олифант вынул из кармана чистый, незапечатанный конверт и положил его на край стола рядом с ярким свертком. В конверте находились три бывшие в употреблении пятифунтовые банкноты.

Криге ничего не сказал.

— Манхэттенская женская труппа «Красная пантомима», — прервал затянувшееся молчание Олифант.

— Так, значит, сапфические звезды Бауэри добрались и до Лондона? — саркастически хмыкнул Криге. — Я помню этих красоток по Нью-Йорку. Они расшевелили и поставили на службу революции «дохлых кроликов», чье предыдущее участие в политике ограничивалось мордобоем во время муниципальных выборов. Мясники, чистильщики обуви, проститутки с Четемской площади и с Пяти Углов — такая вот была у них аудитория. Потные пролетарии, пришедшие поглазеть, как женщиной выстрелят из пушки, размажут ее по стенке, а потом отлепят, как лист бумаги… Нет, сэр, не тем вы интересуетесь.

— Друг мой, — вздохнул Олифант, — такая уж у меня работа — спрашивать. Вы должны понимать, что я не могу вам объяснить, чем вызван тот или иной мой вопрос. Я знаю, что вы многое претерпели. Я знаю, как трудно вам сейчас в изгнании. — Олифант многозначительно обвел взглядом убогую комнату.

— Так что же вы хотите узнать?

— Есть предположение, что среди различных преступных элементов, принимавших активное участие в недавних гражданских беспорядках, были и агенты Манхэттена.

Олифант ждал.

— Сомнительно как-то.

— Почему, мистер Криге?

— Насколько мне известно, Коммуна вовсе не заинтересована в нарушении британского статус-кво. В отношении американской классовой борьбы ваши радикалы выказали себя благожелательными наблюдателями. Более того, ваша страна повела себя почти как наш союзник. — В тоне Криге слышалась горечь, некий перекисший цинизм. — Похоже, Британии очень хотелось, чтобы коммунары отобрали у Северного союза его самый крупный город.

Олифант осторожно поерзал, пытаясь устро-

иться на неудобном стуле.

— Вы ведь, кажется, хорошо знали мистера Маркса?

Чтобы извлечь из Криге данный клочок информации, нужно было задеть главную его страсть.

— Знал? Я встречал его с корабля. Он обнял меня и тут же попросил в долг двадцать долларов золотом, чтобы снять квартиру в Бронксе! — В сдавленном смехе Криге звучала яростная, всесжигающая ненависть. — С ним была и Женни, только брак их не пережил революции… И в то самое время, когда товарищ Маркс изгнал меня из Коммуны за пропаганду «религионизма и свободной любви», сам он спал с ирландской шлюхой, фабричной девкой из Бронкса, вот уж действительно свободная любовь! — Бледные, с неухоженными ногтями руки Криге рассеянно перебирали листы какой-то рукописи.

— Вас жестоко использовали, мистер Криге.

Олифант подумал о своем друге, лорде Энгельсе; непостижимо, как это блестящий текстильный магнат мог связаться — хоть бы и косвенно — с людьми подобного сорта. Маркс исключил Криге из так называемого Центрального комитета Коммуны, — а Северный союз назначил премию за его поимку. У Криге не было ни гроша за ду-

шой; он достал документ на чужое имя и отплыл третьим классом из Бостона с женой и дочкой, чтобы присоединиться к тысячам американских беженцев, мыкавших горе в Лондоне.

— Так эти актриски из Бауэри…

— Да? — подался вперед Олифант.

— В партии много фракций…

— Договаривайте, договаривайте.

— Анархисты, выдающие себя за коммунистов, феминистки, последователи самых разных ошибочных учений, тайные ячейки, неподконтрольные Манхэттену…

— Понимаю, — кивнул Олифант, думая о кипах желтых распечаток с показаниями Уильяма Коллинза.

* * *

Снова пешком и снова — окольным путем Олифант прошел Сохо до Комптон-стрит и остановился у входа в трактир «Красный кабан».

«АЗАРТНЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕН, — сообщала ему большая афиша, — стойкий сторонник уничтожения этих паразитов, презентует ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ С РЕПЕТИРОМ СОБАКЕ-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЕ весом менее 133/4 фунта». Чуть пониже висела раскрашенная деревянная вывеска: «Всегда в

наличии крысы для джентльменов, желающих опробовать своих собак».

Толкнув дверь, он окунулся в смесь табачного дыма, испарений горячего джина и острой звериной вони.

Длинный, с низким потолком бар был переполнен людьми всех слоев общества, многие держали под мышкой собак — бульдогов, скайтерьеров, коричневых английских терьеров; на грубо оштукатуренных стенах висели связки кожаных ошейников.

— Вы прибыли в кебе, сэр? — спросил подошедший Фрейзер.

— Пешком, у меня была встреча.

— Эй, там! — крикнул бармен. — Не загораживайте стойку!

Началось общее движение в сторону зала, где юный официант выкрикивал: «Делайте ваши заказы, джентльмены!» Сопровождаемый Фрейзером, Олифант последовал за толпой господ игроков. Над камином в застекленных ящиках красовались головы животных, прославившихся в былые дни. Олифант обратил внимание на голову бультерьера с непомерно выпученными стеклянными глазами.

— Видок — словно ее придушили, — заметил

он, указывая на ящик Фрейзеру.

— Попортили при набивке, сэр, — отозвался официант, блондинистый юнец в засаленном полосатом фартуке. — А ведь какая была сучка, высший класс! Я видел, как она душила по двадцать штук за один заход, хотя в конце концов они ее сделали. Канализационные крысы, они же заразные, мы каждой собаке после каждого боя полощем пасть мятной водой, но все равно язвы появляются и на нёбе, и на деснах.

— Ты сынишка Сейерза, — уверенно констатировал Фрейзер. — Он нам нужен на пару слов.

— Я помню вас, сэр! Вы еще приходили тогда насчет того ученого джент…

— Папашу, Джем, и побыстрее! — оборвал его Фрейзер, не дав парню объявить собравшимся, что в зале присутствует фараон.

— Он там, наверху, организует освещение, сэр, — ответил Сейерз-младший.

— Молодец, — сказал Олифант, вручая молодцу шиллинг.

Олифант и Фрейзер поднялись по широкой деревянной лестнице в помещение, бывшее когда-то гостиной.

— Какого хрена, яма закрыта! — рявкнул толстяк с рыжими бакенбардами.

Яма состояла из круглого деревянного помоста футов шести в диаметре, обнесенного высоким, примерно по пояс, барьером. Выкрашенный белой краской помост был залит светом восьмирожковой газовой люстры. Шарообразное брюхо мистера Сейерза, хозяина «Красного кабана», было туго обтянуто шелковым жилетом, в левой его руке судорожно билась крыса.

— Ах, это вы, мистер Фрейзер. Мои извинения, сэр! — Ухватив несчастную тварь за горло, он ловко выломал ей клыки — безо всяких приспособлений, кроме ногтя большого пальца. — Вот, заказали дюжину беззубых. — Бросив изувеченную крысу в ржавую проволочную клетку к нескольким ее товаркам, он повернулся к нежданным гостям. — Чем могу служить, мистер Фрейзер?

Фрейзер продемонстрировал сделанный в морге снимок.

— Знаю такого, знаю, — кивнул Сейерз. — Крупный малый, длинноногий. И дохлый, судя по этой картинке.

— Вы в этом уверены? — Теперь Олифант явственно чувствовал запах крыс. — Это он убил профессора Радвика?

— Да, сэр. У нас тут публика самая разная, но

аргентинские великаны встречаются не так уж и часто. Я прекрасно его помню.

Фрейзер уже вынул блокнот и что-то в нем писал.

— Аргентинские? — переспросил Олифант.

— Он говорил по-испански, — развел руками Сейерз, — или мне так показалось. Только вы поймите, никто же из нас не видел, чтобы он там кого резал, а вот что он был в заведении той ночью, так это точно.

— Капитан пришел! — крикнул от двери сын Сейерза.

— Вот же мать твою! А я еще не повыдергивал зубы и у половины его крыс!

— Фрейзер, — сказал Олифант, — мне что-то захотелось теплого джина. Давайте спустимся в бар и позволим мистеру Сейерзу завершить приготовления к вечерним боям. — Он нагнулся, чтобы поближе рассмотреть большую клетку, сплетенную из толстых железных полос и чуть не до половины заполненную копошащейся серой массой.

— Осторожно пальцы, сэр, — предостерег Сейерз. — Цапнет какая, так надолго запомните. А эти к тому же не из самых чистых…

В общем зале молодой офицер, очевидно тот

самый капитан, угрожал покинуть заведение, если его будут тут мурыжить.

— На вашем месте я не стал бы этого пить, — сказал Фрейзер, с сомнением глядя на кружку подогретого джина. — Намешают там всякого.

— Вообще-то, очень даже неплохо, — ответил Олифант. — Чуть-чуть отдает полынью.

— Одурманивающий яд.

— Совершенно верно. Французы применяют его в травяных настойках. А что вы скажете об отважном капитане? — Олифант указал кружкой на означенного молодого человека, который возбужденно метался по залу, разглядывая лапы то одной, то другой собаки, и кричал, что уйдет немедленно, если не откроют арену.

— Крым, — сказал Фрейзер.

Капитан наклонился взглянуть на когти молодого терьера, сидящего на руках у смуглого, довольно тучного человека, чьи напомаженные локоны крыльями выпирали из-под котелка.

— Веласко, — злорадно пробормотал Фрейзер и в мгновение ока оказался рядом с напомаженным типом.

Капитан вскинул голову, его красивое молодое лицо передернулось в мучительном тике, и перед глазами Олифанта поплыл кровавый Крым — по-

лыхающие города, белые цветы человеческих рук, распускающиеся в липкой, взбитой снарядами грязи. Он содрогнулся, сделал над собой усилие и выкинул страшные видения из головы.

— Разве мы знакомы, сэр? — осведомился капитан у Фрейзера; в его голосе звенело хрупкое, опасное веселье.

— Джентльмены! — крикнул с лестницы мистер Сейерз.

Возглавляемое капитаном общество, за исключением Олифанта, Фрейзера, смуглого в котелке и еще одного, четвертого человека, двинулось наверх, к яме. Четвертый, сидевший, скрестив ноги, на ручке потрепанного кресла, закашлялся. Только теперь Олифант заметил, что Фрейзер крепко держит его за руку, чуть повыше локтя.

— Зря вы это, Фрейзер. Пожалеете. — Сидевший на ручке кресла распутал свои длинные ноги и встал.

Олифант отметил про себя продуманность тона, каким были сказаны эти слова. Как и смуглый в котелке, четвертый был экипирован во все с иголочки, по последней моде Оксфорд-стрит. На левом лацкане светло-синего, почти лавандового, сюртука поблескивал эмалевый значок с «Юнион-Джеком».

— Пожалею, мистер Тейт? — переспросил Фрейзер тоном школьного учителя, который не совсем еще решил — то ли устроить ученику разнос, то ли уж сразу выпороть мерзавца.

— Честное предупреждение, Фрейзер, — сказал смуглый. — Мы здесь по парламентскому делу! — Его маленький коричневый терьер зябко дрожал.

— Вот как? — мягко поинтересовался Олифант. — И какие же это такие дела у парламента в крысиной яме?

— А у вас какие? — нагло спросил высокий, ничуть не пасуя перед свирепым взглядом Фрейзера, и снова зашелся кашлем.

— Фрейзер, — повернулся Олифант, — а не этих ли джентльменов вы упоминали в связи с доктором Мэллори как конфиденциальных агентов?

— Тейт и Веласко, — мрачно кивнул Фрейзер.

— Мистер Тейт, — Олифант сделал шаг вперед, — позвольте представиться. Лоренс Олифант, журналист.

Тейт сморгнул, заметно ошарашенный приветливостью Олифанта. Фрейзер понял игру и неохотно выпустил руку Веласко.

— Мистер Веласко, — улыбнулся Олифант.

По лицу Веласко мелькнула тень подозрения.

— Журналист? Какой еще журналист? — спросил он, переводя взгляд с Олифанта на Фрейзера и обратно.

— Путевые заметки по большей части, — отозвался Олифант. — Хотя в настоящее время я занят — с неоценимой помощью мистера Фрейзера — составлением популярной истории Великого смрада.

— Мэллори, говорите? — прищурился Тейт. — А он тут при чем?

— Я взял интервью у доктора Мэллори перед его отъездом в Китай. То, что пришлось ему тогда пережить, представляется исключительно любопытным и в высшей степени наглядным примером опасностей, подстерегающих каждого из нас в периоды хаоса, подобного недавним беспорядкам.

— Подстерегающих каждого? — иронически переспросил Веласко. — Вздор! Неприятности Мэллори были связаны с его учеными делами, и вашему мистеру Фрейзеру это прекрасно известно!

— Да-да. Вот именно, — согласился Олифант. — И вот почему я так рад, благодарен случаю, который свел меня с вами, джентльмены.

Веласко и Тейт переглянулись.

— Благодарны? — неуверенно спросил Тейт.

— Несказанно. Видите ли, я знаю о прискорбных разногласиях, возникших между доктором Мэллори и его ученым коллегой, Питером Фоуком. Создается впечатление, что даже в самых избранных кругах в период столь беспрецедентного стресса…

— Вы больше не увидите, — прервал его Веласко, — чтобы этот ваш Питер долбаный Фоук при всех его долбаных барских замашках вращался в этих ваших долбаных кругах. — Он выдержал театральную паузу. — Его застали в постели с девочкой, которой не было и двенадцати, вот так-то!

— Не может быть! — столь же театрально отшатнулся Олифант. — Фоук? Но, конечно же…

— Так оно и было, — заверил его Тейт. — В Брайтоне. И те, кто застукал этого козла, начистили ему хлебало до блеска, а потом вышвырнули на улицу без порток!

— Но мы тут ни при чем, — решительно заявил Веласко. — И никто не докажет обратного.

— У нас теперь новый образ мышления, — Тейт выпятил свою цыплячью грудь, чтобы лучше был виден значок; покрасневший от джина кончик его носа влажно поблескивал, — теперь нет тер-

пимости к декадансу, хоть среди ученых, хоть где. При Байроне тайный разврат расцвел махровым цветом, и кому это знать, как не вам, Фрейзер!

Фрейзер буквально онемел от подобной наглости, а Тейт уже повернулся к Олифанту:

— Этот смрад был делом рук Неда Лудда, мистер, вот вам и вся его история!

— Саботаж в гигантских масштабах, — многозначительно возгласил Веласко, словно читая по бумажке, — при подстрекательстве заговорщиков из самых высших кругов общества! Но среди нас еще остались истинные патриоты, готовые искоренить это зло!

Веласков терьер истерически заскулил; по лицу Фрейзера было видно, что он готов придушить обоих — и человека, и собаку.

— Мы — парламентские следователи, — сказал Тейт, — пришедшие сюда по служебным делам. Не думаю, чтобы вы решились нас задержать.

Олифант предостерегающе положил руку на рукав Фрейзера.

Веласко торжествующе ухмыльнулся, успокоил своего нервического кобелька и гордо направился к лестнице; Тейт последовал за напарником. Сверху доносился бешеный лай, едва не заглушаемый хриплыми выкриками.

— Они работают на Эгремонта, — сказал Олифант.

Фрейзер брезгливо поморщился. Брезгливо и, пожалуй, удивленно.

— Идемте, Фрейзер, больше нам здесь делать нечего. Полагаю, вы позаботились о кебе?

* * *

Мори Аринори, самый любимый из японских учеников Олифанта, безмерно восхищался всем британским. В обычные дни Олифант завтракал очень легко либо не завтракал вовсе, но иногда он подвергал себя испытанию плотным «английским» завтраком, на радость Мори, который ради таких случаев наряжался в костюм из самого толстого, какой только бывает, твида и с галстуком в клеточку цветов «Королевского ирландского ордена паровых механиков».

Парадокс, парадокс забавный и печальный, думал Олифант, глядя, как Мори намазывает тост джемом. Сам он испытывал ностальгию по Японии. Пребывание в Эдо, где Олифант служил первым секретарем при Резерфорде Олкоке, привило ему любовь к приглушенным краскам и тончайшим текстурам мира ритуала и полутонов. Теперь он тосковал по стуку дождя о

промасленную бумагу, по кивающим головкам полевых цветов вдоль крошечных аллей, по тусклому свету бумажных фонариков, по запахам и теням Нижнего Города…

— Орифант-сан, тосты очень хорошие, просто великолепные! Вы печальны, Орифант-сан?

— Нет, мистер Мори, вовсе нет. — Олифант взял еще ломтик бекона, хотя и не испытывал ни малейшего голода. Он решительно изгнал из головы мелькнувшее было воспоминание об утренней ванне, о черной липкой резине. — Я вспоминаю Эдо. Этот город полон бесконечного очарования.

Мори дожевал хлеб, глядя на Олифанта черными блестящими глазами, потом умело промокнул губы салфеткой.

— «Очарование». Ваше слово для старых обычаев. Старые обычаи связывают руки моему народу. Не далее как на этой неделе я отослал в Сацумэ свою статью против ношения мечей.

Его глаза скользнули по левой руке Олифанта, по скрюченным пальцам. Скрытый под манжетой шрам отозвался тянущей болью.

— Но, мистер Мори, — Олифант отложил серебряную вилку, с радостью позабыв о беконе, — в вашей стране меч является узловым символом феодальной этики и связанных с нею чувств, его

почитают почти наравне с сюзереном.

— Отвратительный обычай грубой и дикой эпохи, — улыбнулся Мори. — Будет очень полезно от него избавиться, Орифант-сан. Век прогресса! — (Его любимое выражение.)

Олифант тоже улыбнулся. Мори сочетал в себе смелость и способность к состраданию с почти трогательной бесцеремонностью. Неоднократно, и к полному ужасу Блая, он платил какому-нибудь кебмену полную стоимость проезда плюс чаевые, а потом приглашал его к Олифанту на кухню перекусить.

— Всему свое время, мистер Мори. Кто бы спорил, что ношение меча — варварский обычай, однако ваша попытка искоренить такую, собственно, мелочь может спровоцировать сопротивление другим, более важным реформам, более глубоким преобразованиям, какие вы желали бы произвести в вашем обществе.

— Ваша политика имеет несомненные достоинства, Орифант-сан, — серьезно кивнул Мори. — Хорошо бы, например, обучить всех японцев английскому. Наш скудный язык бесполезен в огромном мире. Близок день, когда пар и вычислитель проникнут во все уголки нашей страны, после чего английский язык должен

полностью вытеснить японский. Наш умный, жаждущий знаний народ не может зависеть от такого слабого и ненадежного средства общения. Мы должны приобщиться к бесценной сокровищнице западной науки!

Олифант склонил голову набок, внимательно разглядывая пышущего энтузиазмом японца.

— Мистер Мори, — сказал он наконец, — простите мне, если я неверно вас понял, но не хотите ли вы отменить японский язык?

— Век прогресса, Орифант-сан, век прогресса! Наш язык должен исчезнуть!

— Поговорим об этом потом, серьезно и не торопясь, — улыбнулся Олифант, — а сейчас, мистер Мори, я хочу спросить, не занят ли у вас сегодняшний вечер. Я предлагаю вам немного развлечься.

— С радостью, Орифант-сан. Английские общественные празднества великолепны, — расцвел Мори.

— Тогда мы отправимся в Уайтчепел, в театр «Гаррик» на очень необычное представление.

* * *

Согласно паршиво отпечатанной программке, клоунессу звали Швабра Швыряльщица, что

было отнюдь не самым странным в спектакле «Мазулем-полуночница», предлагавшемся вниманию почтеннейшей публики манхэттенской женской труппой «Красная пантомима». В число персонажей входили Билл О'Правах, чернокожий парень, Леви Прилипала, коммерсант, предлагающий две сигары за пять центов, Янки-лоточник, Магазинная Воровка, Жареный Гусь и заглавная «полуночница».

Программа сообщала, что в спектакле участвуют исключительно женщины, — и хорошо, что сообщала: угадать половую принадлежность некоторых бесновавшихся на сцене существ было попросту невозможно. Атласный костюм Швабры был обильно усыпан блестками, из пышного жабо нелепо торчал лысый, как яйцо, череп, на трагически белом лице Пьеро пламенели яркие, широко намалеванные губы.

Короткое вступительное слово огласила некая Элен Америка, чей пышный, не сдерживаемый ничем, кроме нескольких полупрозрачных шарфиков, бюст приковал внимание аудитории, состоявшей по большей части из мужчин. Ее речь состояла из лозунгов, скорее загадочных, чем воодушевляющих. Ну как, например, следовало понимать ее заявление, что «нам нечего носить,

кроме своих цепей»?..

Заглянув в программку, Олифант узнал, что все представляемые труппой фарсы — и сегодняшняя «Полуночница», и «Панаттахахская арлекинада», и «Алгонкинские черти» — сочинены этой самой Элен Америкой.

Музыкальный аккомпанемент обеспечивала луноликая органистка, в чьих глазах сверкало то ли безумие, то ли безумное пристрастие к лаудануму.

Занавес разъехался, представив зрителям нечто вроде гостиничной столовой. Жареный Гусь, роль которого исполняла карлица, бродил по сцене с кухонным ножом в руке и поминутно пытался зарезать кого-нибудь из обедающих. Олифант быстро потерял нить повествования, если таковая вообще имелась, в чем он сильно сомневался. Время от времени кто-либо из персонажей начинал швырять в окружающих бутафорскими кирпичами. Кинотропическое сопровождение состояло из грубых политических карикатур, не имевших ничего общего со сценическим действием.

Олифант искоса взглянул на сидящего рядом Мори — драгоценный цилиндр на коленях, лицо абсолютно бесстрастно. Аудитория буйно ревела,

отзываясь, впрочем, не столько на суть фарса, в чем бы там она ни состояла, сколько на буйные, поразительно беспорядочные пляски коммунарок, чьи голые щиколотки и лодыжки отчетливо различались под обтрепанными подолами их размахаистых балахонов.

У Олифанта заныла спина.

Темп все нарастал, танцы превратились уже в натуральное побоище, картонные кирпичи летели сплошным потоком — и вдруг все остановилось, «Мазулем-полуночница» закончилась.

Толпа кричала, аплодировала, свистела. Олифант обратил внимание на громилу с лошадиной челюстью, околачивавшегося у входа за кулисы. Вооруженный массивной ротанговой тростью, он хмуро наблюдал за расходящейся толпой.

— Идемте, мистер Мори. Я чувствую, журналисту тут есть чем поживиться.

Подхватив левой рукой цилиндр и тросточку, Мори последовал за Олифантом.

— Лоренс Олифант, журналист. — Олифант протянул громиле карточку. — Не будете ли вы любезны передать мисс Америке, что я бы хотел взять у нее интервью?

Охранник скользнул по карточке взглядом и уронил ее на пол. Шишкастые пальцы угрожаю-

ще сжались на рукояти трости — и в этот самый момент сзади раздалось резкое шипение, будто выпускали из котла пар. Олифант обернулся. Мори, успевший уже надеть цилиндр, перехватил прогулочную тросточку двумя руками и принял боевую стойку самурая. На гибких смуглых запястьях сверкали безупречные белые манжеты с золотыми искорками запонок.

Из-за кулисы высунулась встрепанная, ослепительно-рыжая голова Элен Америки. Глаза актрисы были густо подведены сурьмой.

Мори не шелохнулся.

— Мисс Элен Америка? — Олифант извлек вторую карточку. — Позвольте мне представиться. Я — Лоренс Олифант, журналист…

Элен Америка яростно зажестикулировала перед каменным лицом своего соотечественника. Громила еще секунду испепелял Мори взглядом, а затем неохотно опустил палку. Конец этой палки, как сообразил теперь Олифант, был залит свинцом.

— Сэсил глухонемой. — Актриса произнесла имя на американский манер, через «э».

— Прошу прощения. Я дал ему мою визитную карточку…

— Он не умеет читать. Так вы что, газетчик?

— От случая к случаю. А вы, мисс Америка, — первоклассная писательница. Позвольте представить вам моего друга, мистера Мори Аринори, прибывшего в нашу страну по поручению японского императора.

Бросив убийственный взгляд в сторону Сэсила, Мори грациозно перехватил трость, снял цилиндр и поклонился на европейский манер. Элен Америка глядела на него с восхищенным удивлением, как на цирковую собачку или что-нибудь еще в этом роде. Одета она была в серую конфедератскую шинель, латаную-перелатаную, но чистую; на месте медных полковых пуговиц тускнели обычные роговые кругляшки.

— Никогда не видела, чтобы китайцы так одевались.

— Мистер Мори — японец.

— А вы — газетчик.

— В некотором роде.

Элен Америка улыбнулась, сверкнув золотым зубом:

— И как вам понравилось наше представление?

— Это было необычайно, просто необычайно.

Ее улыбка стала шире.

— Тогда приезжайте к нам на Манхэттен,

мистер. Восставший народ взял в свои руки «Олимпик», это на восток от Бродвея, на Хьюстон-стрит. Лучше всего мы смотримся дома, в родной обстановке.

Среди спутанного облака рыжих от хны кудряшек поблескивали тоненькие серебряные сережки.

— С огромным удовольствием. А еще большим удовольствием для меня было бы взять интервью у автора…

— Это не я написала, — качнула головой Элен. — Это Фокс.

— Прошу прощения?

— Джордж Вашингтон Лафайет Фокс — марксистский Гримальди, Тальма социалистического театра! Это труппа решила поставить на афише мое имя, а я была и остаюсь против.

— Но ваша вступительная речь…

— А вот ее действительно написала я, сэр, и горжусь этим. Несчастный Фокс…

— Я и не знал… — смущенно перебил ее Олифант.

— Это все от непосильного труда, — продолжила Элен. — Великий Фокс, в одиночку возвысивший социалистическую пантомиму до нынешнего уровня, поставивший ее на службу революции,

надорвался, сочиняя все новые и новые пьесы, — публика переставала ходить на них после одного-двух представлений. Он довел себя до полного изнеможения, изобретая все более броские трюки, все более быстрые трансформации. Он начал сходить с ума, его гримасы стали жуткими, отвратительными. Он вел себя на сцене просто похабно. — Элен отбросила театральную патетику и заговорила с нормальными, будничными интонациями. — Мы уж чего только не делали, даже держали наготове костюмера, наряженного гориллой, чтобы выбегал на сцену и вламывал хорошенько бедняге Фоксу, если тот слишком уж разойдется, — да все попусту.

— Мне очень жаль…

— Как это ни печально, сэр, Манхэттен не место для помешанных. Фокс сейчас в Массачусетсе, в соммервильской психушке, и если вам захочется это напечатать, прошу покорно.

Олифант смотрел на нее, не зная, что и сказать. Мори Аринори отошел в сторону и наблюдал за выходящей из «Гаррика» толпой. Глухонемой Сэсил исчез, забрав с собой свой груженный свинцом отрезок ротанга.

— Я готова съесть целую лошадь, — весело объявила Элен Америка.

— Позвольте мне пригласить вас. Где бы вам хотелось пообедать?

— Да есть тут за углом одно местечко.

Элен направилась к выходу, не дожидаясь, пока джентльмен предложит ей руку; Олифант и Мори двинулись следом. Только сейчас Олифант заметил на ногах актрисы армейские резиновые сапоги — чикамоги, как называют их американцы.

Она провела их один квартал, а затем, как и пообещала, свернула за угол. Ярко освещенная кинотропическая вывеска каждые десять секунд перещелкивала с «АВТОКАФЕ МОИСЕЙ И СЫНОВЬЯ» на «ЧИСТО БЫСТРО СОВРЕМЕННО» и обратно. Элен Америка обернулась и сверкнула улыбкой, ее роскошный зад плавно перекатывался под конфедератской шинелью.

В переполненном кафе было шумно и душно; забранные мелким, как тюремная решетка, железным переплетом окна запотели так, что казались матовыми. Олифант даже не представлял себе, что бывают подобные заведения.

Элен Америка без слов продемонстрировала местные обычаи, взяв прямоугольный гуттаперчевый поднос из стопки ему подобных и толкая его по блестящей оцинкованной дорожке, над

которой располагались десятки миниатюрных, окантованных медью окошек. Олифант и Мори последовали ее примеру. За каждым окошком было выставлено свое блюдо. Олифант заметил щели для монет и полез в карман за кошельком. Элен Америка выбрала картофельную запеканку с мясом, мясо в тесте и жареную картошку — монетами ее обеспечивал Олифант. За дополнительный двухпенсовик она получила из латунного крана щедрую порцию бурого, крайне сомнительного соуса. Мори взял печеную картошку, предмет страстной своей любви, а от соуса отказался — с некоторым даже, как показалось Олифанту, содроганием. Олифант, подрастерявшийся в столь необычной обстановке, ограничился кружкой машинного эля.

— Клистра меня убьет, — заметила Элен Америка, ставя свой поднос на анекдотически маленький чугунный столик. Стол и четыре стула вокруг него были намертво привинчены к бетонному полу. — Не разрешает нам разговаривать с господами из прессы — и все тут.

Она капризно повела плечиками, еще раз сверкнула золотым зубом, а затем, покопавшись в звякающей груде, вручила Мори дешевый железный нож и такую же трезубую вилку.

— Вы бывали в городе под названием Брайтон, мистер?

— Да, приходилось.

— И что это за место?

Мори с глубоким интересом рассматривал прямоугольную тарелку из грубого серого картона, на которой лежали его картофелины.

— Приятный город, — сказал Олифант, — очень живописный. Особенно знаменит водолечебный павильон.

— Это в Англии? — Элен Америка говорила с набитым ртом, а потому не очень внятно.

— Да, в Англии.

— Там много рабочих?

— Думаю, нет — в том смысле, как вы это понимаете. Однако там очень много людей, работающих в гостиницах и ресторанах, лечебных и увеселительных заведениях.

— Здесь, в Лондоне, к нам почти не ходят рабочие, совсем не та аудитория. Ладно, будем есть.

Чем Элен Америка и занялась. Застольные беседы, как понял Олифант, ценились в красном Манхэттене не слишком высоко.

Она вымела картонные «тарелки» подчистую, умудрившись даже собрать остатки соуса прибереженным ломтиком картошки.

Олифант вынул из записной книжки плотную белую картонку с машинной копией полицейского портрета Флоренс Бартлетт.

— Вы ведь знакомы с Флорой Барнетт, американской актрисой, мисс Америка? Мне говорили, что она невероятно популярна на Манхэттене… — Олифант показал карточку.

— Никакая она не актриса. Да и не американка, к слову сказать. Она — южанка, а может, даже из этих гребаных французов. Восставшему народу такие, как она, не нужны. Мы их знаете сколько вздернули!

— Таких, как она?

— Что? — уставилась на него Элен. — Да какой ты, на хрен, журналист, расскажи своей бабушке…

— Мне очень жаль, если…

— Ну да, всем вам жаль. Да вам на все начхать, вам лишь бы…

— Мисс Америка, прошу вас, я просто хотел…

— Спасибо за кормежку, мистер, но со мной вам ничего не отколется, ясно? И этот бронтозаврус, ему тут тоже не хрен делать! У вас нет на него никаких прав, и когда-нибудь он будет стоять в манхэттенском «Метрополитене», поскольку принадлежит восставшему народу! С чего это

вы, лимонники, взяли, что можете разгуливать повсюду и выкапывать наши природные сокровища!

И тут, словно по подсказке суфлера, в дверях появилась сама Швабра Швыряльщица, великая и ужасная. Лысый огромный череп клоунессы был замотан веселенькой косынкой в горошек, на ее ногах красовались такие же, как у Элен, но размера на три побольше чикамоги.

— Сию минуту, товарищ Клистра, — затараторила Элен.

Клоунесса испепелила Олифанта взглядом, после чего обе женщины удалились.

— Своеобразный вечер, мистер Мори, — улыбнулся Олифант.

Мори, погруженный в созерцание суеты и грохота «Автокафе», отозвался лишь через пару секунд:

— У нас тоже будут такие заведения, Орифант-сан! Чисто! Быстро! Современно!

* * *

Возвратившись на Хаф-Мун-стрит, Олифант направился прямо в свой кабинет.

— Можно мне войти на минуту, сэр? — спросил сопровождавший его до самых дверей Блай.

Заперев за собой дверь собственным ключом, он подошел к миниатюрному наборному столику, где размещались курительные принадлежности Олифанта, открыл сигарницу и вынул оттуда черный жестяной цилиндрик, невысокий и довольно толстый.

— Это доставил к черному ходу некий молодой человек, сэр. Сообщить свое имя он не пожелал. Памятуя о варварских покушениях, предпринимавшихся за границей, я взял на себя смелость открыть…

Олифант взял кассету и открутил ее крышку. Перфорированная телеграфная лента.

— А молодой человек?..

— Младший служитель при машинах, сэр, судя по состоянию его обуви. Кроме того, на нем были белые нитяные перчатки.

— И он не просил ничего передать?

— Просил, сэр. «Скажите ему, — сказал он, — что больше мы ничего не можем сделать — слишком опасно. Так что пусть и не просит».

— Понятно. Не будете ли вы добры принести мне крепкого зеленого чаю?

Как только дверь за слугой закрылась, Олифант подошел к своему личному телеграфному аппарату, ослабил четыре медных барашка,

снял тяжелый стеклянный колпак, отставил его подальше, чтобы случаем не разбить, и взялся за изучение инструкции. Необходимые инструменты — заводная ручка с ореховой рукояткой и маленькая позолоченная отвертка, украшенная монограммой компании «Кольт и Максвелл», — не сразу, но все же обнаружились в одном из ящиков письменного стола. Отыскав в нижней части аппарата рубильник, он разорвал связь с Министерством почт, а затем взял отвертку, произвел требуемые инструкцией изменения настройки, надел рулончик ленты на шпильку, зацепил краевую перфорацию за зубчики подающих шестеренок и глубоко вздохнул.

И тут же услышал стук своего сердца, почувствовал молчание ночи, навалившееся из темноты Грин-парка, и немигающий взгляд Ока. Вставив шестигранный конец заводной ручки в гнездо, Олифант начал медленно, равномерно поворачивать ее по часовой стрелке. Он не смотрел, как поднимаются и падают буквенные рычажки, расшифровывающие перфорационный код, не смотрел на телеграфную ленту, выползающую из прорези.

Готово. Вооружившись ножницами и клеем, он собрал телеграмму на листе бумаги:

«ДОРОГОЙ ЧАРЛЬЗ ЗПТ ДЕВЯТЬ ЛЕТ НАЗАД ВЫ ПОДВЕРГЛИ МЕНЯ ХУДШЕМУ БЕСЧЕСТЬЮ ЗПТ КАКОЕ ТОЛЬКО МОЖЕТ ВЫПАСТЬ ЖЕНЩИНЕ ТЧК ВЫ ОБЕЩАЛИ СПАСТИ МОЕГО НЕСЧАСТНОГО ОТЦА ЗПТ А ВМЕСТО ТОГО РАЗВРАТИЛИ МЕНЯ ДУШОЙ И ТЕЛОМ ТЧК СЕГОДНЯ Я ПОКИДАЮ ЛОНДОН В ОБЩЕСТВЕ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ДРУЗЕЙ ТЧК ИМ ПРЕКРАСНО ИЗВЕСТНО ЗПТ КАК ВЫ ПРЕДАЛИ УОЛТЕРА ДЖЕРАРДА И МЕНЯ ТЧК НЕ ПЫТАЙТЕСЬ РАЗЫСКАТЬ МЕНЯ ЗПТ ЧАРЛЬЗ ТЧК ЭТО БУДЕТ БЕСПОЛЕЗНО ТЧК Я ВСЕМ СЕРДЦЕМ НАДЕЮСЬ ЗПТ ЧТО ВЫ И МИССИС ЭГРЕМОНТ УСНЕТЕ СЕГОДНЯ СПОКОЙНО ТЧК СИБИЛ ДЖЕРАРД КНЦ».

Олифант просидел над телеграммой целый час, абсолютно неподвижно, словно в трансе, не заметив даже, как Блай принес поднос, поставил его на стол и бесшумно удалился. Затем он налил себе чашку едва теплого чая, взял бумагу, самопишущее перо и начал составлять — на безупречном французском — письмо в Париж некоему месье Арсло.

* * *

В воздухе стоял едкий запах магния.

Принц-консорт оставил хитроумную, швейцарского производства стереоскопическую камеру и со всей своей тевтонской серьезностью приветствовал Олифанта по-немецки. На нем были аквамаринового цвета очки с круглыми, не больше флорина, стеклами и безукоризненно белый лабораторный халат. Коричневые пятна на его пальцах были обязаны своим происхождением отнюдь не никотину, но нитрату серебра.

Олифант поклонился, пожелал его высочеству доброго дня на том же, принятом в августейшем семействе языке и сделал вид, что осматривает швейцарскую камеру — замысловатое сооружение, чьи объективы слепо пялились из-под гладкого медного лба. На мгновение камера напомнила Олифанту мистера Карта, мускулистого швейцарца, служившего у принца-консорта камердинером, — такие же широко посаженные глаза.

— Я привез Элфи небольшой подарок, ваше высочество, — сказал Олифант.

Как и принц-консорт, он говорил по-немецки с легким саксонским акцентом — долгая

миссия, связанная с деликатным поручением королевского семейства, оставила след, столь же неизгладимый, как шрам от самурайского меча. Родственники князя Альберта Кобургского, искусные в древнем ремесле династийных браков, стремились расширить свои крошечные владения — в то время как британское Министерство иностранных дел старалось, по мере сил и возможностей, сохранять теперешнюю раздробленность германских мини-государств.

— Юный принц уже покончил сегодня с уроками?

— Элфи немного нездоровится, — отозвался Альберт, критически всматриваясь сквозь зеленоватые очки в один из объективов камеры. Он взял кисточку, обмахнул поверхность линзы и выпрямился. — Как вы думаете, не является ли изучение статистики излишне тяжелой нагрузкой для юного, неокрепшего ума?

— Что думаю об этом я, ваше высочество? — живо откликнулся Олифант. — Статистический анализ обладает огромными возможностями…

— Вопрос, по которому мы с его матерью сильно расходимся, — скорбно поведал принц. — А успехи Альфреда в этом предмете оставляют желать много лучшего. И тем не менее статистика

— ключ к будущему. В современной Англии без нее и шага не ступишь.

— А как у него с другими предметами? — сменил тему Олифант.

— Антропометрия, ее он усваивает вполне хорошо. И евгенику тоже. Серьезные области знания и не столь утомительные для юных мозгов.

— Я мог бы поговорить с ним, ваше высочество, — предложил Олифант. — Я уверен, что парень старается.

— Поговорите, — пожал плечами принц. — Он у себя в комнате.

Оставив позади продутое сквозняками великолепие королевских апартаментов, Олифант вошел в детскую. Наследник британского престола пулей вылетел из груды одеял и, как был, босиком помчался навстречу гостю, ловко перепрыгивая через рельсы невероятно запутанной железной дороги.

— Дядя Ларри! Дядя Ларри! Здорово! Что вы мне принесли?

— Последний выпуск барона Зорды.

В кармане Олифанта лежало сочинение упомянутого барона «Патерностер, паровой бандит» — грошовая книжонка, завернутая в зеленую бумагу и резко пахнущая типографской краской.

Первые два выпуска популярной серии — «Некомплектная армия» и «Велосипедисты царя» — вызвали у юного принца Альфреда самый необузданный энтузиазм. Новый опус сомнительного аристократа обещал быть почище предыдущих: картинка на аляповатой, до рези в глазах яркой обложке изображала бешено мчащийся паровой экипаж наиновейшей конструкции — с гладким и раздутым, как лысина Швабры Швыряльщицы, носом и узкой кормовой частью. Отважный Патерностер, высунувшийся из кабины чуть не по пояс, отстреливался из револьвера от невидимых противников. Покупая книгу, Олифант полюбовался ее фронтисписом; там наглый бандит, порожденный воображением барона Зорды, был изображен более подробно — особенно впечатлял его костюм, включавший в себя широкий, усеянный медными заклепками ремень и сильно расклешенные брюки с застегнутыми на пуговицы разрезами обшлагов.

— Супер! — Мальчик нетерпеливо сорвал с «Парового бандита» зеленую обертку. — А машина-то у него какая! Вот это уж точно — обтекаемая!

— А как же, Элфи, разве станет злодей Патерностер пользоваться допотопной рухлядью. И ты посмотри на картинку — у него же прикид ну

точно как у Неда Мордоворота.

— Ну да, — восхитился наследник британского престола, — вона какие потрясные клеши. А ремнюга — так это вообще опупеть.

— А как ты поживал это время, пока мы не виделись? — спросил Олифант, полностью проигнорировав не подобающее для младенческих уст слово.

— На все сто, дядя Ларри. — Тут на детском лице мелькнула тень беспокойства. — Вот только я… Только она… Она взяла вдруг и сломалась…

Принц указал на японскую чайную куклу, печально привалившуюся к ножке огромной кровати. Из рваного отверстия в роскошном одеянии торчала узкая острая полоска какого-то полупрозрачного материала.

— Это пружина, дядя Ларри. Наверное, я ее слишком туго завел. На десятом обороте там что-то щелкнуло, и она вот так вот выскочила.

— Японские куклы приводятся в действие пружинами из китового уса. Этот народ не научился еще делать настоящие пружины — но скоро научится. Тогда их игрушки не будут так быстро ломаться.

— Отец считает, что вы слишком уж возитесь со своими японцами, — сказал Элфи. — Он говорит,

что вы считаете их ничуть не хуже европейцев.

— А так оно и есть, Элфи! Сейчас их механические устройства, прямо скажем, не очень из-за нехватки знаний в прикладных науках. Но вполне может случиться, что когда-нибудь в будущем они еще поведут цивилизацию к невиданным высотам. Они и, возможно, американцы.

Мальчик глядел на него с большим сомнением.

— Отцу бы это не понравилось — то, что вы говорите.

— Это уж, Элфи, точно.

Следующие полчаса Олифант провел стоя на коленях — Альфред демонстрировал ему игрушечную французскую вычислительную машину, миниатюрную сестричку «Великого Наполеона», работавшую — в лучших семейных традициях — не на паре, а на сжатом воздухе. Маленькая машина использовала не перфокарты, а телеграфную ленту, что напомнило Олифанту о месье Арсло. К этому времени Блай доставил уже письмо во французское посольство; вполне возможно, что какой-нибудь дипкурьер уже вез его в Париж.

Альфред почти уже присоединил свою машину

к миниатюрному кинотропу, но тут раздалось сдержанное побрякивание дверной ручки, традиционно заменявшее в Букингемском дворце общепринятый стук. Олифант встал, открыл высокую белую дверь и обнаружил за ней хорошо ему знакомое лицо Нэша, дворцового камердинера, чьи легкомысленные спекуляции железнодорожными акциями закончились малоприятным знакомством со столичным Отделом экономических преступлений. Своевременное вмешательство Олифанта позволило быстро замять эту давнюю историю; неподдельная почтительность Нэша явно свидетельствовала, что он отнюдь не забыл об этой бескорыстной услуге.

— Мистер Олифант, — возвестил камердинер. — Пришла телеграмма, сэр. Вас срочно вызывают.

* * *

Машина Особого отдела неслась с бешеной скоростью, а ее обтекаемые обводы могли бы вызвать зависть и у самого Патерностера, однако Олифант, привыкший к более традиционным способам передвижения, ощущал себя в этом чуде техники весьма неуютно; охватившая его

тревога возрастала с каждой минутой.

Они мчались вдоль Сен-Джеймского парка, голые черные сучья мелькали мимо, как уносимый ветром дым. Шофер — лица его не было видно за огромными защитными очками — явно наслаждался стремительным полетом, получал откровенное удовольствие, распугивая лошадей и пешеходов низким басовитым гудком. Кочегар, крепкий молодой ирландец, маниакально ухмылялся и все подбрасывал в топку кокс.

Олифант не знал, куда его везут. Теперь, когда они приближались к Трафальгарской площади, уличное движение заставляло водителя непрерывно тянуть за шнурок, оглашая улицу улюлюкающим воем, похожим на горестные стенания неведомого морского чудовища — хотя кто может сказать, как оно там стенает? Услышав этот звук, все прочие экипажи уступали им дорогу, расступались, как Чермное море пред Моисеем. Полисмены отдавали честь. Беспризорники и метельщики кувыркались от восторга, когда мимо них с грохотом проносилась скользкая жестяная рыба.

Темнело. Свернув со Стрэнда на Флит-стрит, водитель притормозил и нажал рычаг, выпустив в воздух мощную струю пара; машина прошла

юзом еще несколько ярдов и замерла.

— Вот, сэр, полюбуйтесь. — Водитель поднял очки на лоб и вглядывался вперед сквозь изрядно поцарапанное ветровое стекло. — Ну как вам это нравится?

Улица была полностью перекрыта. За деревянным, густо увешанным фонарями барьером стояли хмурые солдаты в полевой форме, с карабинами «каттс-модзли» наперевес. Дальше виднелись большие брезентовые полотнища, укрепленные на высоких деревянных стояках, словно кто-то вознамерился возвести ярмарочный балаган прямо посреди мостовой.

Кочегар вытер лицо фланелевой тряпкой в горошек.

— Скрывают что-то от прессы.

— Самое место, — хмыкнул шофер.

— Мы ее нашли, — мрачно объявил подошедший к машине Фрейзер.

— И попутно устроили целый балаган. Неужели нельзя было обойтись без этих резервов главного командования?

— Мало здесь веселого, мистер Олифант. Вам лучше бы пройти со мной.

— Беттередж приехал?

— Не видел. Сюда, пожалуйста.

Фрейзер провел его за барьер. Стоявший у прохода солдат коротко кивнул.

Олифант увидел вдалеке очень усатого джентльмена в компании двух сотрудников столичной полиции.

— Это Холлидей, — заметил он, — шеф «Криминальной антропометрии».

— Да, сэр, — кивнул Фрейзер. — Они тут повсюду. Взломан Музей практической геологии. Королевское общество гудит, как осиное гнездо, и этот проклятый Эгремонт будет завтра кричать во всех утренних выпусках о новой луддитской вылазке. Если нам в чем и повезло, так это что доктор Мэллори вовремя уехал в Китай.

— Мэллори? А он-то тут каким боком?

— Сухопутный левиафан. Миссис Бартлетт и ее бандиты попытались стащить его череп.

Они обогнули одну из брезентовых загородок; грубая ткань через равные промежутки была проштампована клеймом артиллерийского управления.

Завалившийся набок кеб, черная лакированная обшивка прошита строчками пулевых пробоин; рядом, в широко расплывшейся луже крови, — мертвая лошадь.

— С ней было двое мужчин, — сказал Фрей-

зер. — Трое, если считать труп в музее. Кебом правил американский беженец по фамилии Рассел, здоровенный громила, проживавший в «Семи циферблатах». Второй — Генри Дис из Ливерпуля, опытный взломщик. Я сам раз десять брал этого Диса, когда еще служил, но в последнее время он куда-то пропал. Их положили туда, сэр. — Он кивнул вправо. — Судя по всему, Рассел ввязался в ссору с настоящим кебменом — не поделили, кто кому уступит дорогу. Уличный регулировщик попытался вмешаться, и тогда Рассел вытащил пистолет.

Олифант не мог отвести взгляда от перевернутого кеба.

— Регулировщик был без оружия, к счастью, мимо проходили двое детективов с Боу-стрит…

— Но что стало с кебом, Фрейзер…

— Это уж армейский броневик постарался, сэр. Последний из временных гарнизонов стоит как раз у Холборнского виадука. — Он помедлил. — У Диса была русская картечница…

Олифант потрясенно покачал головой.

— Восемь гражданских отправлены в больницу, — продолжил инспектор. — Один детектив убит. Идемте, сэр, лучше уж закончить с этим поскорее.

— А к чему загородки?

— По требованию «Криминальной антропометрии».

Олифанта охватило странное оцепенение, все происходящее казалось кошмарным сном. Он позволил провести себя туда, где стояли трое прикрытых брезентом носилок.

Лицо Флоренс Бартлетт превратилось в сплошное месиво.

— Серная кислота, — пояснил Фрейзер. — Пуля разбила бутылку, или что уж там у нее было.

Олифант торопливо отвернулся и прикрыл рот платком, еле сдерживая позыв тошноты.

— Прошу прощения, сэр, — сказал инспектор. — Вам не стоит смотреть на остальных.

— Беттередж, Фрейзер. Вы его видели?

— Нет, сэр. Вот череп, сэр, вернее, что от него осталось.

— Череп?

На полированном складном столике было разложено с полдюжины массивных осколков окаменелой кости и подкрашенного под кость гипса.

— Какой-то мистер Рикс из музея пришел забрать их назад, — продолжал докладывать Фрейзер. — Говорит, они не так сильно повре-

ждены, как могло бы показаться. Вы бы не хотели присесть, сэр? Я могу найти вам стул…

— Нет. А с чего это сюда сбежалась чуть не половина «Криминальной антропометрии»?

— Ну, сэр, вам об этом лучше судить, — сказал Фрейзер, понизив голос. — Хотя я слышал, что мистер Эгремонт и лорд Гальтон проявляют последнее время большое сходство взглядов.

— Лорд Гальтон? Теоретик евгеники?

— А еще кузен лорда Дарвина. Он — человек «Антропометрии» в палате лордов. Имеет серьезное влияние в Королевском обществе. — В руках Фрейзера появился блокнот. — Взгляните, почему я решил, что вам следует прибыть сюда, сэр, и чем скорее, тем лучше.

Он отвел Олифанта за останки кеба, осторожно оглянулся и вынул из кармана сложенный листок голубоватой бумаги.

— Я нашел это в ридикюле Бартлетт.

У записки не было ни даты, ни подписи.

«То, что вы так хотели получить, обнаружено, хотя и в крайне необычном месте. Наш общий знакомый по дерби, доктор Мэллори, сообщил мне, что этот предмет спрятан в черепе его сухопутного левиафана. Хочу надеяться, что вы воспримете эти чрезвычайно ценные сведения

как полное возмещение всех моих вам долгов. Вследствие недавних политических событий мое положение стало довольно опасным, и, без сомнения, за мной внимательно наблюдают определенные силы в правительстве. Прошу вас подумать об этом прежде, чем предпринимать какие-либо новые попытки связаться со мной. Я сделала все, что было в моих силах, клянусь в этом».

Изящный почерк, знакомый как Олифанту, так и Фрейзеру, принадлежал Аде Байрон.

— Никто, кроме нас с вами, этого не видел, — негромко сказал Фрейзер вполголоса.

Олифант сложил бумагу вчетверо и спрятал ее в портсигар.

— А что это было, Фрейзер? Что было в черепе?

— Я провожу вас назад за заграждение, сэр.

Решительно раздвигая шакалью стаю репортеров, Фрейзер провел Олифанта к скоплению полицейских и дальше, в самую его гущу; по дороге он дружески здоровался со многими из своих бывших сослуживцев.

— Так вот, мистер Олифант, насчет вашего вопроса, — сказал Фрейзер, когда горланящая толпа осталась за стеной голубой саржи и медных пуговиц. — Я не знаю, что это за предмет, но мы

оставили его у себя.

— Да? По чьим указаниям?

— Безо всяких указаний. Вот он, Харрис, он обнаружил эту штуку в кебе, еще до того, как набежала «Антропометрия». — Фрейзер почти улыбался. — Ребята из столичной полиции не слишком жалуют «Антропометрию». Дилетанты чертовы, верно, Харрис?

— Точно так, сэр, — подтвердил полицейский со светлыми бачками. — Такие они и есть.

— Так где же это? — спросил Олифант.

— Здесь, сэр. — Харрис протянул ему дешевую черную сумку. — Вот так мы это и нашли.

— Мистер Олифант, я думаю, вам бы лучше увезти это отсюда поскорее, — сказал Фрейзер.

— Конечно, Фрейзер, я сам так думаю. Скажите парню, который сидит в этой хитрой машине, что он мне больше не понадобится. Благодарю вас, Харрис. Всего хорошего.

Полицейские расступились. Олифант с сумкой в руке протиснулся сквозь толпу зевак, толкавшихся в поисках места, откуда получше видно солдат и брезентовые заграждения.

— Пардон, начальник, медяка лишнего не найдется?

Олифант посмотрел в прищуренные карие гла-

за нищего; можно было поспорить на что угодно, что этот щуплый, хромой человек в прежней своей жизни был жокеем. Ни хромым, ни жокеем Бутс не был. Олифант бросил ему пенни. Бутс ловко поймал монету, но не ушел, а, наоборот, придвинулся к Олифанту вплотную, со стуком переставляя коротенький костыль. От него воняло сырой фланелью и копченой скумбрией.

— Заморочки, начальник. Бекки все скажет.

Бутс развернулся на своем костыле и решительно заковылял прочь, бормоча что-то на ходу, — типичный попрошайка, недовольный добычей.

Он был одним из двоих самых талантливых наблюдателей Олифанта.

Другая — Бекки Дин — догнала его на углу Чансери-лейн. Выглядела она как преуспевающая шлюха — и по одежде, и по наглым манерам.

— Что там с Беттереджем? — пробормотал Олифант, словно разговаривая сам с собой.

— Повинтили, — ответила Бекки. — Часа три назад.

— Кто повинтил?

— Двое в кебе. Они следили за вами. Беттередж засек их и поставил нас наблюдать за наблюдателями.

— Я ничего не знал.

— Это было позавчера.

— Кто были эти двое?

— Один — сальный, плюгавый прощелыга, частный детектив по фамилии Веласко. Другой, судя по виду, из правительственных.

— Так они что, взяли его прямо среди бела дня? Силой?

— А вы будто не знаете, как это делается, — пожала плечами Бекки.

* * *

Табачная лавка располагалась на углу Чансери-лейн и Кэри-стрит; задняя ее комната, где хранились запасы товара, насквозь пропиталась крепким, умиротворяющим запахом. Глубоко вздохнув, Олифант поднес уголок голубого листка к невысокому пламени бронзовой зажигалки, выполненной в виде сидящего турка.

Через пару секунд бумага превратилась в хрупкий розоватый пепел.

Сумка содержала автоматический револьвер «баллестер-молина», посеребренную латунную фляжку, до половины наполненную каким-то липким, приторно пахнущим зельем, и деревянный ящик. Судя по гипсовой корке, именно

этот ящик и был целью ночного налета на Геологический музей. В нем лежала большая колода перфокарт формата «Наполеон», изготовленных из какого-то молочно-белого, очень скользкого материала.

— Этот пакет, — сказал Олифант мистеру Бидону, владельцу лавки, — останется у вас на хранение.

— Хорошо, сэр.

— Я заберу его сам или пришлю своего слугу Блая.

— Как пожелаете, сэр.

— Если у вас возникнут какие-нибудь неясности, будьте любезны известить об этом Блая.

— Непременно, сэр.

— Благодарю вас, Бидон. Вы не могли бы дать мне сорок фунтов наличными и занести эту сумму на мой счет?

— *Сорок*, сэр?

— Да.

— Пожалуй, что смогу, сэр. С удовольствием, мистер Олифант.

Мистер Бидон вынул из кармана кольцо с ключами и пошел открывать наисовременнейший сейф.

— И дюжину лучших гаванских сигар. И вот

еще что…

— Да, сэр?

— Я бы попросил вас хранить этот пакет в сейфе.

— Конечно, сэр.

— Вы не скажете, Бидон, «Лэмбс» — это же где-то здесь, неподалеку? Обеденный клуб.

— Да, сэр. Это на Холборн, сэр. Пять минут пешком.

В воздухе кружился первый снег; сухой и зернистый, он не прилипал к промерзшей мостовой, а ложился тонким, подвижным слоем, как белый песок.

Бутс и Бекки исчезли — можно быть уверенным, что они заняты обычным своим незаметным делом.

«А вы будто не знаете, как это делается».

Знал, еще как знал. Скольких людей стерли с лица земли, стерли бесследно, как карандашную закорючку с листа ватмана, и это только здесь, в одном лишь Лондоне. Как можно сидеть с друзьями, попивать себе мозельское да слушать беспечную болтовню, если тебя тяготит невыносимое бремя подобного знания?

Он хотел, чтобы Коллинз был последним, самым последним, а теперь исчез Беттередж, исчез

стараниями другой стороны.

Поначалу в этом виделся некий жутковато-изящный смысл.

Поначалу это было его идеей.

Око. Он ощущал на себе его пристальный, всевидящий взор и когда кивал раззолоченному швейцару, и когда входил в мраморный вестибюль «Лэмбса», обеденного клуба Эндрю Уэйкфилда.

Медные почтовые ящики, телеграфная будка, чрезмерное изобилие лакированной фанеры, все предельно современно. Он посмотрел через стеклянные двери на улицу. Напротив клуба, за двойным потоком присыпанного снежной пылью уличного движения, мелькнул одинокий силуэт в котелке.

Слуга провел его в отделанный темным дубом гриль-зал, где царил необъятный камин, увенчанный полкой из резного итальянского камня.

— Лоренс Олифант, — сообщил он затянутому в смокинг метрдотелю. — К мистеру Эндрю Уэйкфилду.

По лицу метрдотеля скользнула тень беспокойства.

— Извините, сэр, но его…

— Благодарю вас, — ответил Олифант, — но я,

кажется, вижу мистера Уэйкфилда.

Преследуемый по пятам метрдотелем, Олифант двинулся между столиков; обедающие поворачивались и провожали его взглядами.

— Эндрю, — сказал он, подойдя к столу Уэйкфилда, — как удачно, что вы здесь.

Уэйкфилд обедал в одиночестве. У него вдруг возникли временные трудности с глотанием.

— Мистер Уэйкфилд… — начал метрдотель.

— Мой друг присоединится ко мне, — прервал его Уэйкфилд. — Садитесь, пожалуйста. Мы привлекаем внимание.

— Спасибо. — Олифант сел.

— Вы будете обедать, сэр? — осведомился метрдотель.

— Нет, благодарю вас.

Когда они остались одни, Уэйкфилд шумно вздохнул:

— Кой черт, Олифант. Я же ясно поставил условия.

— Вы не могли бы уточнить, Эндрю, что это вас так напугало?

— Разве это не очевидно?

— Что — очевидно?

— Лорд Гальтон спелся с вашим проклятым Эгремонтом. Он главный покровитель «Кри-

минальной антропометрии». Всегда им был. Фактически ее основатель. Может быть, вы не знаете, что он — кузен Чарльза Дарвина и имеет большое влияние в палате лордов.

— Да. А заодно и в Королевском обществе, и в Географическом. Я прекрасно знаком с лордом Гальтоном, Эндрю. Он носится с идеей разводить людей, как герефордских коров.

Уэйкфилд положил нож и вилку.

— «Криминальная антропометрия» практически подмяла под себя бюро. Можно считать, что теперь Центральное статистическое бюро находится под контролем Эгремонта.

Олифант молча смотрел, как верхние зубы Уэйкфилда нервно покусывают нижнюю губу.

— Я только что с Флит-стрит, — сказал он наконец. — Вам не кажется, Эндрю, что за последнее время уровень насилия в обществе, вернее сказать, уровень непризнанного насилия поднялся до высот совершенно необычайных? — Олифант извлек из кармана «баллестер-молину» и положил ее на стол. — Возьмем, для примера, этот револьвер. Его может получить в свои руки практически любой желающий. Испанское изобретение, франко-мексиканское производство. Как мне сообщили, некоторые из его деталей

— пружины и прочая мелочь — делаются у нас в Британии и доступны на открытом рынке; в результате бывает довольно сложно разобраться, откуда *конкретно* поступает подобное оружие. Символично для нынешней нашей ситуации, как вы думаете?

Уэйкфилд побелел как полотно.

— Кажется, я расстроил вас, Эндрю. Вы уж меня извините.

— Они… они *сотрут* нас. — Голос Уэйкфилда срывался. — Мы перестанем существовать. Не останется ничего, доказывающего, что кто-то из нас вообще существовал. Ни корешка чека, ни закладной в Сити-банке, ни-че-го.

— Вот о том я и говорю.

— Да оставьте вы этот свой высокоморальный тон, — взорвался Уэйкфилд. — Разве не ваша компания все это и затеяла? Исчезновение людей, уничтожение досье, стирание имен и индексов, события, подредактированные в угоду каким-то там целям… Нет, не *вам* говорить со мною в таком тоне.

Возразить было трудно. Олифант тронул револьвер на столе, встал и, не оглядываясь, вышел из зала.

— Прошу прощения, — обратился он в мра-

морном вестибюле к красноливрейному рассыльному, который выуживал окурки сигар с присыпанного песком дна мраморной урны, — не могли бы вы помочь мне найти контору управляющего?

— Легко, — с американской фамильярностью ответил лакей и повел Олифанта по увешанному зеркалами и уставленному фикусами коридору.

Пятьдесят пять минут спустя, обойдя все помещения клуба, просмотрев фотографии ежегодных «взбрыкиваний» членов «Лэмбса»,[474] написав кандидатское заявление и заплатив весьма солидный (невозвращаемый) вступительный взнос переводом со счета в «Национальном кредите», Олифант дал набриолиненному управляющему фунтовую банкноту, пожал ему руку и изъявил желание покинуть клуб через самый незаметный черный ход.

Таковым ходом оказалась дверь из буфетной, которая — как он и надеялся — открывалась в узкий грязный проулок.

Через четверть часа он стоял у стойки переполненного трактира на Бедфорд-роуд, перечитывая текст телеграммы, которую некая Сибил Джерард

---

[474] Примечания: 474
«Lambs» — «Ягнята» (англ.).

отправила однажды Чарльзу Эгремонту, члену парламента, проживающему в Белгрейвии.

— Умерли мои мальчики, оба умерли, в Крыме этом проклятом, заболели и умерли, сквайр, вот и все — телеграмму мне прислали, вот и все.

Олифант спрятал бумагу в портсигар. Поглядел на мутное отражение своего лица в цинковой стойке. Поглядел на пустой стакан. Поглядел на женщину, замызганную пьянчужку с багровыми, покрытыми вековой патиной грязи щеками, на лохмотья, чей цвет не имел названия.

— Нет, — сказал он, — это не моя трагедия.

— Мой Роджер, — говорила женщина, — он так там и остался. И малыш Том тоже. И ни лоскутка не прислали, сквайр, ни одной долбаной тряпки.

Олифант дал ей монету. Женщина пробормотала нечто вроде благодарности и ушла вглубь зала.

Пожалуй, он достаточно запутал свой след. На какое-то время. Стряхнул хвост. На какое-то время. Пора искать кеб.

* * *

В туманной пещере огромного вокзала тысячи голосов смешивались воедино, составляющие элементы языка превращались в звуковой аналог

тумана, однородного и непроницаемого.

Олифант неспешно подошел к кассе и попросил билет на десятичасовой вечерний экспресс до Дувра, первым классом с плацкартой. Кассир вложил его пластинку «Национального кредита» в аппарат и с силой опустил рычаг.

— Прошу вас, сэр. Плацкарта на ваше имя.

Поблагодарив кассира, Олифант перешел к другому окошку, где вновь предъявил пластинку.

— Я хочу заказать одноместную каюту на утренний пакетбот до Остенде. — И вдруг, уже убирая билет и пластинку «Национального кредита» в бумажник, попросил еще билет второго класса на полночный паром до Кале.

— То есть сегодня ночью, сэр?

— Да.

— Это будет «Бессемер», сэр. На «Национальный кредит», сэр?

За билет до Кале Олифант заплатил наличными из сейфа мистера Бидона.

Без десяти девять — по отцовским золотым часам.

В девять часов он вскочил на подножку отъезжающего поезда и заплатил за билет первого класса прямо проводнику.

* * *

«Бессемер» отчалил из Дувра ровно в полночь. Олифант подошел со своим билетом второго класса и фунтовыми банкнотами к судовому казначею, а затем расположился в салоне, попивая посредственный бренди и присматриваясь к попутчикам — ничем, как он с удовольствием отметил, не примечательной компании.

Олифант не любил стабилизированных салонов, считая, что управляемые вычислителем движения каюты, предназначенные для компенсации боковой и килевой качки, причиняют значительно больше неудобств, чем сама качка. Хуже того, из салона нельзя было посмотреть на море — установленный на кардановом подвесе, он сидел в корпусе судна настолько глубоко, что крошечные иллюминаторы оказывались прямо под потолком. Эта хитрая механика казалась Олифанту далеко не самым удачным средством от морской болезни — с равным успехом можно лечить головную боль гильотиной. Публика же, судя по всему, пребывала в полном восхищении перед новейшим применением малой машины (нечто вроде артиллерийского прибора управления огнем), чьей единственной задачей было

поддержание салона в горизонтальном положении. Достигалось это посредством чего-то, называемого на клакерском жаргоне «обратная связь». Как бы там ни было, с двойными гребными колесами на носу и на корме «Бессемер» проходил двадцать одну милю, расстояние от Дувра до Кале, за час тридцать минут.

Олифант куда охотнее провел бы эти полтора часа на палубе, подставив ветру лицо; возможно, тогда удалось бы вообразить, что стремишься к какой-нибудь более возвышенной — и более достижимой — цели. К сожалению, променад стабилизированного салона был огорожен вместо фальшборта железными перилами, а над проливом гулял сырой, холодный ветер. Главное же, напомнил себе Олифант, цель у него сейчас только одна, да и та, скорее всего, окажется пустышкой.

И все же: Сибил Джерард. Прочитав телеграмму, посланную этой дамой Эгремонту, он решил не наводить о ней справок — из боязни привлечь нежелательное внимание. И был абсолютно прав, учитывая сообщение Уэйкфилда, что «Криминальная антропометрия» вертит теперь всем Центральным статистическим. Вполне возможно, что никакого досье Сибил Джерард больше

не существует.

Уолтер Джерард из Манчестера, заклятый враг прогресса, поборник прав человека, повешен. А если у Уолтера Джерарда была дочь, что могло с ней статься? А что, если она и вправду была обесчещена Чарльзом Эгремонтом?

Кресло было совсем холодное — набивка из конского волоса, обтянутая жесткой тканью с повторяющимися изображениями «Бессемера», так и не успела еще прогреться.

Ладно, утешил он себя, ты хотя бы сбежал на какое-то время от липкой швейцарской лохани.

Отставив недопитое бренди, Олифант начал клевать носом и вскоре задремал.

Вполне возможно, что приснилось ему Око.

«Бессемер» причалил в Кале ровно в полвторого.

* * *

Апартаменты Люсьена Арсло находились в Пасси. В полдень Олифант представил свою визитную карточку консьержу, который посредством пневматической трубы переслал ее месье Арсло. Тут же дважды пискнул свисток, присоединенный к никелированной переговорной трубе; консьерж приложил ухо к раструбу. Оли-

фант услышал голос, кричащий по-французски, но слов не разобрал.

Консьерж провел его к лифту.

За широким шелковым поясом ливрейного лакея, принявшего Олифанта на пятом этаже, торчал корсиканский стилет. Странным образом молодой человек сумел поклониться, не спуская глаз с посетителя. Месье Арсло искренне сожалеет — голос лакея тоже выражал искреннее сожаление, — что не может в данный момент принять месье Олифанта; не желает ли пока месье Олифант чего-либо для восстановления сил?

Месье Олифант изъявил желание принять ванну и получить кофейник крепкого кофе.

Лакей провел его через просторную гостиную, изобиловавшую атласом и позолоченной бронзой, инкрустированной мебелью, статуэтками и фарфором, с парных портретов маслом смотрели император с глазами рептилии и грациозная императрица, в девичестве мисс Говард. А потом, через утреннюю гостиную, увешанную подписными гравюрами, в восьмиугольную прихожую и вверх, по изящно изгибающейся лестнице.

Пару часов спустя, понежившись в восхитительно жесткой, отделанной мрамором ванне, выпив крепкого французского кофе и откушав

котлет а-ля Мэнтенон, переодевшись в хозяйское, чрезмерно накрахмаленное белье, он был препровожден в кабинет месье Арсло.

— Мистер Олифант, сэр, — приветствовал его Арсло на превосходном английском, — какая радость! Весьма сожалею, что заставил вас столько ждать, но…

Он указал на просторный стол красного дерева, заваленный папками и бумагами. Из-за закрытой двери доносился мерный перестук телеграфа. На одной из стен висела гравюра в рамке, изображавшая «Великого Наполеона», — бессчетные, непомерно огромные колонны шестеренок, надежно защищенные стеной из зеркального стекла и стали.

— Оставьте, Люсьен. Я только благодарен, что у меня было время в полной мере воспользоваться вашим гостеприимством. У вашего повара исключительный талант по части котлет; даже не верится, что столь божественное мясо могло вырасти на земной овце.

Арсло улыбнулся. Лет сорока и почти одного с Олифантом роста, он был шире его в плечах и подстригал седеющую бородку по имперской моде. Его галстук был расшит крохотными золотыми пчелами.

— Я, разумеется, получил ваше письмо.

Он вернулся к столу и опустился на высокий, обитый темно-зеленой кожей стул. Олифант занял кресло напротив.

— Должен сознаться, Лоренс, что меня мучит любопытство, над чем вы сейчас работаете. — Арсло сложил пальцы домиком и поглядел поверх них, подняв бровь. — На первый взгляд суть вашей просьбы едва ли оправдывает все эти предосторожности…

— Люсьен, я никак не позволил бы себе злоупотреблять нашим знакомством без самой настоятельной к тому причины.

— Да бросьте, Лоренс, о чем вы, — махнул рукой Арсло. — Среди коллег, в нашем с вами кругу, это считается сущей безделицей. А я любопытен, это один из многих моих пороков. Вы пересылаете мне личное письмо в имперской дипломатической вализе — что само по себе уже достижение для англичанина, хотя я знаю, что вы близки с нашим общим другом Байяром. В своем письме вы просите оказать вам помощь в розысках некоей английской авантюристки, и всего-то. Вы полагаете, что она может проживать во Франции. И все же настаиваете на строжайшей секретности. В частности, предостерегаете меня не связываться

с вами ни по телеграфу, ни обычной почтой. Вы пишете, чтобы я ждал вашего прибытия. Ну и какой же вывод мне из этого сделать? Что вы — наконец-то — попали в сети какой-нибудь женщины?

— Увы.

— Очень хорошо вас понимаю — при нынешних-то стандартах английской женственности. Слишком многие из ваших дам мечтают подняться на уровень мужской интеллектуальности. Они выше кринолинов, выше жемчужных белил, выше того, чтобы дать себе труд быть хорошенькими — или хотя бы на что-то похожими! Что за ужасную, утилитарную, *уродливую* жизнь предстоит со временем вести англичанину, если эта тенденция не пресечется! Но тогда как же это вышло, спрашиваю я себя, что вы пересекли пролив в поисках *английской* авантюристки? Не то чтобы мы испытывали недостаток в подобных особах… Не говоря уже о происхождении, — улыбнулся Арсло, — нашей императрицы.

— Сами вы так и не женились, Люсьен, — заметил Олифант, пытаясь переменить тему.

— Но вы только взгляните на супружескую жизнь! Кто может указать единственный разумный выбор среди девятисот девяноста девяти

грубых ошибок? Как найти единственного угря в бочке со змеями? Как знать, может быть, девушка, которую я вчера обдал, проезжая, грязью из лужи, — единственное во вселенной существо женского пола, способное составить мое счастье. Как знать? Нет, — рассмеялся Арсло, — я не женился, а ваша миссия — политического свойства?

— Разумеется.

— Дела в Британии обстоят не слишком хорошо. Я знаю это и без наших британских агентов, достаточно газет. Смерть Байрона…

— Сейчас, Люсьен, решается вопрос о будущем политическом курсе Великобритании, даже о ее стабильности. Мне нет нужды напоминать вам о первостепенной важности взаимопонимания и взаимной поддержки наших народов.

— А что же дело этой мисс Джерард? Не хотите ли вы сказать, что оно некоторым образом может повлиять на дальнейшее развитие ситуации?

Достав портсигар, Олифант выбрал одну из Бидоновых сигар. Его пальцы коснулись сложенного вчетверо листка. Он закрыл портсигар.

— Вы не возражаете, если я закурю?

— Прошу вас.

— Благодарю. Все проблемы, замыкающиеся

на Сибил Джерард, имеют сугубо внутренний, британский характер. Если они и могут оказать какое-то влияние на Францию, то лишь крайне опосредованным образом.

Олифант обрезал кончик сигары.

— Вы совершенно в этом уверены?

— Абсолютно.

— А я вот нет. — Арсло поднялся, чтобы подать Олифанту медную пепельницу с ореховой подставкой; затем он вернулся к своему столу, но остался стоять. — Что вы знаете о жаккардинском обществе?

— Кажется, это что-то вроде нашего Общества парового интеллекта, не так ли?

— И да и нет. Внутри жаккардинцев есть другое тайное общество. Они называют себя «Сынами Вокансона». Кто-то из них — анархисты, другие в союзе с Марианной, третьи — со Вселенским братством, это перечисление можно продолжать и продолжать. Конспираторы классовой борьбы. Встречаются там и самые обыкновенные уголовники, да вы ведь и сами все это знаете.

Олифант вынул люцифер из коробка с изображением «Бессемера» и раскурил сигару.

— Вы говорите мне, что женщина, известная вам как Сибил Джерард, не имеет никакого зна-

чения для Франции, — сказал Арсло.

— А вы полагаете иначе?

— Возможно. Скажите, что вы знаете о затруднениях с «Великим Наполеоном»?

— Очень немногое. Об этом упоминал Уэйкфилд из Центрального статистического. Машина дает сбои, верно?

— *Ordinateurs*, хвала Всевышнему, не моя специальность. Насколько мне известно, в большинстве случаев «Наполеон» работает с обычной скоростью и точностью, но его тончайшие функции поражены какой-то странной, почти мистической неопределенностью… — Арсло вздохнул. — Учитывая то, что эти высшие функции стали предметом национальной гордости, я был вынужден проштудировать горы самой темной технической прозы. И как оказалось, совершенно зря, поскольку злоумышленник уже в наших руках.

— Злоумышленник?

— Человек, не скрывающий своей принадлежности к «Сынам Вокансона». Имя его не имеет значения. Он был арестован в Лионе по обычному делу о мошенничестве, связанному с муниципальным вычислителем. Некоторые моменты в его показаниях привлекли внимание Комиссии

специальных служб и тем самым — наше. Во время допроса вскрылась прямая причастность этого человека к нынешнему плачевному состоянию «Великого Наполеона».

— Так он что, признался в саботаже?

— Нет. В этом он не признался. Отказывался до самого конца. Он признал только то, что прогнал через «Наполеона» некую последовательность перфокарт, некую математическую формулу.

Олифант смотрел, как дым его сигары спиралью поднимается к лепному потолку.

— Формула доставлена из Лондона, — продолжал Арсло. — Он получил ее от некоей англичанки. По имени Сибил Джерард.

— Вы пытались произвести анализ этой формулы?

— Нет. Она была украдена, как утверждал наш жаккардинец, женщиной, известной ему как Флора Бартелл, американка.

— Ясно.

— Так скажите же мне, что вам ясно, поскольку сам я блуждаю в потемках.

Всевидящее Око. Невыносимое давление его взгляда.

Олифант медлил. Столбик сигарного пепла обломился и упал на ковер.

— Мне еще надо повидаться с Сибил Джерард, — сказал он наконец, — однако может статься, что я буду в состоянии предоставить вам информацию по упомянутой вами формуле. Или даже ее копию. Я не могу давать никаких твердых обещаний, пока не побеседую с упомянутой леди, наедине и не торопясь.

Арсло молчал, его застывшие глаза глядели куда-то очень далеко, сквозь Олифанта.

— Мы можем это устроить, — кивнул он наконец.

— Насколько я понимаю, она не под стражей?

— Скажем так, мы знаем обо всех ее передвижениях.

— Вы оставляете ей видимость свободы, ни на секунду не выпуская из виду?

— Совершенно верно. Если мы возьмем ее сейчас и она ничего не покажет, ниточка оборвется.

— Ваши методы, Арсло, как всегда, безупречны. И когда может быть устроена эта встреча?

Око, давление, грохот пульса в ушах.

— Сегодня вечером, если пожелаете, — сказал месье Арсло из Полис-де-Шато, чуть поправляя широкий, шитый золотом галстук.

* * *

Стены «Кафе де л'Юнивер» украшали живописные полотна, зеркала с гравировками и эмалированные таблички, прославляющие вездесущую продукцию Перно. Картины представляли собой либо кошмарную мазню, выполненную, похоже, в подражание машинной печати, либо странные геометрические экзерсисы, приводящие на ум беспрестанное движение кубиков кинотропа. Наблюдались здесь и некоторые творцы этих, с позволения сказать, произведений искусства: длинноволосые парни в бархатных беретах, чьи вельветовые брюки были перемазаны краской и табачным пеплом. Но основная часть посетителей — если верить спутнику Олифанта, некоему Жану Беро, — состояла из *кинотропистов*. Эти аристократы Латинского квартала либо выпивали за круглыми мраморными столиками в компании облаченных в черное гризеток, либо разглагольствовали о теоретических вопросах перед небольшими группками своих коллег.

Беро, один из мушаров[475] Люсьена Арсло, называл *кинотропистов* «тусовка». Одетый в

[475] Примечания: 475
Mouchard — шпик, стукач (фр.).

коричневый, радикального галльского покроя костюм, свеженький и розовощекий, как молочный поросенок, он запивал мятный ликер минеральной водой «Виттель» и немедленно вызвал у Олифанта острую неприязнь. Кинотрописты предпочитали абсент. Олифант, благоразумно ограничившийся красным вином, с любопытством наблюдал за ритуальными перемещениями стакана, графина с водой, кусочка сахара и ложечки, похожей на миниатюрный совок.

— Абсент — самый верный путь к туберкулезу, — высказался Беро.

— Почему вы считаете, что мадам Турнашон может появиться сегодня в этом кафе, Беро?

— Она на короткой ноге с тусовкой, — пожал плечами мушар. — Мадам бывает и у Маделон, и у Батиффоль, но только здесь, в «л'Юнивер», она находит нечто вроде дружеского общения.

— И почему бы это?

— Потому что она была любовницей Готье. Нужно учитывать, месье, что он был тут чем-то вроде принца. Связь с Готье неизбежно ограничила ее контакты с обычным обществом. Он научил ее французскому — тому немногому, что она знает.

— А что она, по-вашему, за женщина?

— Довольно красивая, но вот только, — ухмыльнулся Беро, — холодная, как рыба. Не симпатичная. Типичная англичанка.

— Когда она появится, Беро… *если* она появится, — вы немедленно удалитесь.

Беро недоуменно вскинул брови:

— Напротив, месье…

— Вы уйдете, Беро. Откланяетесь. — Отмеренная пауза. — Испаритесь.

Накладные плечи коричневого костюма приподнялись.

— Вы скажете кучеру, чтобы он меня ждал, и стенографисту тоже. А как этот стенографист, Беро, у него приличный английский? Мой друг — мой очень хороший друг — месье Арсло заверил меня…

— Да, вполне приличный! И месье… — Беро вскочил так быстро, что едва не опрокинул стул. — Это она!

Женщина, входившая в «л'Юнивер», выглядела модной парижанкой вполне приличного достатка. Стройная и светловолосая, она была одета в темную шерстяную юбку с кринолином, легкий, того же тона плащ и шляпку, отороченную норкой.

Пока Беро спешно ретировался в глубины кафе,

Олифант встал; глаза женщины, очень живые и очень синие, поймали его взгляд. Он подошел к ней со шляпой в руке и поклонился.

— Прошу прощения, — сказал он по-английски. — Мы не представлены, но мне нужно срочно поговорить с вами по очень важному делу.

В огромных синих глазах проступало узнавание. Узнавание и страх.

— Сэр, вы принимаете меня за кого-то другого.

— Вы — Сибил Джерард.

Нижняя губа женщины дрогнула, и Олифант испытал внезапный прилив сильной, совершенно неожиданной симпатии.

— Я — Лоренс Олифант, мисс Джерард. Вы находитесь в большой опасности. Я хочу вам помочь.

— Это не мое имя, сэр. Позвольте мне пройти. Меня ждут друзья.

— Я знаю, что Эгремонт предал вас. И я понимаю, в чем заключалось его предательство.

При звуке этого имени Сибил вздрогнула, и Олифант на мгновение испугался, что сейчас придется бежать за нашатырным спиртом, однако она тут же взяла себя в руки и какую-то долю секунды внимательно его изучала.

— Я видела вас в «Гранде», — сказала она наконец. — Вы были в курительной с Хьюстоном и…

Миком. У вас была рука на перевязи.

— Прошу вас, — сказал он, — присядьте за мой столик.

В противоречии с недавними словами Беро, Сибил заказала себе *absinthe de vidangeur* на вполне сносном французском.

— Вы знаете Ламартина, певца? — спросила она.

— К сожалению, нет.

— Это он его изобрел. «Абсент золотарей». Я не могу теперь пить абсент по-другому.

Появился официант с напитком, смесью абсента и красного вина.

— Тео всегда его заказывал и меня приучил, — сказала Сибил. — А теперь вот он… уехал. — Она выпила — красный бокал у красных губ. — Я знаю, что вы хотите увезти меня назад. И не пудрите мне мозги — уж фараонов-то я знаю как облупленных.

— Я совсем не намерен возвращать вас в Англию, мисс Джерард…

— Турнашон. Я — Сибил Турнашон. Француженка по браку.

— Ваш муж здесь, в Париже?

— Нет. — Сибил открыла граненый стальной медальон, висевший у нее на черной ленточке, и

показала Олифанту дагеротипированную миниатюру красивого молодого человека. — Аристид погиб под Филадельфией, в этом кромешном аду. Он сражался на стороне Союза добровольцем. Он был самый настоящий, не такой, каких придумывают клакеры…

Сибил смотрела на крошечное изображение с неподдельной грустью, хотя Олифант догадывался, что она и в глаза не видела Аристида Турнашона.

— Насколько я понимаю, это был брак по расчету.

— Да. А вы приехали, чтобы увезти меня назад.

— Нет, мисс… Турнашон. Нет.

— Я вам не верю.

— А нужно верить. От этого зависит очень многое, и не в последнюю очередь — ваша собственная безопасность. С тех пор как вы покинули Лондон, Чарльз Эгремонт стал очень влиятельным, очень опасным человеком. Столь же опасным для благополучия Великобритании, сколь он, без сомнения, опасен для вас.

— Чарльз? Опасен? — чуть не расхохоталась Сибил. — Да не может быть!

— Мне нужна ваша помощь. Отчаянно нужна. Столь же отчаянно, как вам нужна моя.

— А она мне точно нужна?

— Эгремонт сосредоточил в своих руках большие силы, целые правительственные службы, способные без труда настичь вас и здесь.

— Вы имеете в виду всю эту шайку-лейку, секретных агентов и так далее?

— Более того, я должен вам сообщить, что даже сейчас все ваши действия отслеживаются по меньшей мере одним тайным агентством имперской Франции…

— Это что, из-за Теофиля?

— Похоже, что так.

Она прикончила свое жутковатое пойло.

— Милый Теофиль. Такой хороший и такой глупый. Вечно в этой своей алой жилетке и безумно талантливый клакер. Я отдала ему те хитрые карты Мика, и он был ужасно добр ко мне. Выкрутил мне брачное свидетельство и французский гражданский индекс — щелк, щелк, и готово. А потом мы должны были встретиться с ним вечером, как раз здесь…

— И?..

— Тео так и не пришел. — Сибил опустила глаза. — Он все хвастал, что нашел игорный «Модус». Обычный для клакеров треп, но у него это было как-то слишком уж серьезно. Кто-то мог ему и

поверить. Глупо было с его стороны…

— Он когда-нибудь говорил с вами о вычислительной машине «Великий Наполеон»?

— Об этом чудище? Да парижские клакеры, они все только о нем и говорят. Совсем ребята свихнулись!

— Французские власти полагают, что его испортил Теофиль Готье. Перфокартами Рэдли.

— Так, значит, Тео, он мертв?

— Да, — кивнул после некоторой запинки Олифант. — Скорее всего.

— Звери проклятые. — Лицо Сибил мучительно искривилось. — Это кем же надо быть, чтобы сцапать человека и никому ничего не сказать, чтобы он исчез, как кролик в цилиндре фокусника, а все его близкие думали, беспокоились, страдали — и не могли ничего узнать. Это низко, подло!

Олифант не решался посмотреть ей в глаза.

— В этом Париже такое случается сплошь и рядом, — продолжала она. — Послушать только, о чем шутят клакеры… И Лондон, они говорят, ничем не лучше. И еще они говорят, что это радикалы угробили Веллингтона. Что саперы спелись с радикалами и прорыли туннель под этот ресторан, а потом главный сапер своими собственными руками забивал порох и поджигал

запалы… Ну а потом радикалы свалили вину на таких людей, как…

— Ваш отец. Да. Я знаю.

— И зная это, вы просите меня довериться вам! — В ее взгляде был вызов и, быть может, давно похороненная гордость.

— Зная, что Чарльз Эгремонт предал вашего отца, Уолтера Джерарда, практически убил, что он предал также и вас, смешал с грязью в глазах общества. Да, я должен просить вас довериться мне. В обмен я предлагаю вам полное, окончательное и практически мгновенное уничтожение политической карьеры предавшего вас человека.

Сибил снова опустила глаза и задумалась.

— А вы сможете? — спросила она наконец.

— Это сделаю не я, а ваши показания. Я стану лишь инструментом их передачи.

— Нет, — покачала головой Сибил, — если я обвиню его публично, то тем самым подставлюсь. Вы же сами сказали, что Чарльз не единственный, кого мне следует бояться. Я ведь была в «Гранде» той ночью, помните? А у мести длинные руки.

— Я не предлагаю вам обвинять его публично. Хватит и шантажа.

Глаза Сибил смотрели сквозь Олифанта, куда-то в далекое прошлое.

— Они были очень близки, Чарльз и отец, или только так казалось… Возможно, если бы все сложилось иначе…

— Эгремонт не в силах забыть о своем предательстве. Это зерно постоянного раздражения, вокруг которого формируется вся его порочная политика. Ваша телеграмма гальванизировала чувство вины — и ужас перед тем, что выйдут на свет его прошлые пролуддитские симпатии. Теперь он пытается укротить зверя, взяв себе в союзники политический террор. Но мы с вами его остановим.

В синих глазах появилось странное спокойствие.

— Мне хочется верить вам, мистер Олифант.

— Я обеспечу вам полную безопасность, — сказал Олифант, удивляясь глубине своего чувства. — Оставаясь во Франции, вы будете жить под защитой могущественных друзей, моих коллег, имперских агентов. Нас ожидает фиакр и стенографист, который запишет ваши показания.

В задней части кафе одышечно захрипел маленький пневматический панмелодиум. Обернувшись, Олифант поймал взгляд мушара Беро, который курил голландскую глиняную трубку

в компании оживленно чешущих языком кинотропистов.

— Мадам Турнашон, — сказал Олифант, поднимаясь, — могу я предложить вам руку?

— Она у вас уже зажила, да? — Сибил встала в шорохе кринолина.

— Совершенно, — ответил Олифант, вспоминая Эдо, полумрак, молниеносный удар самурайского меча. Он пытался утихомирить того парня стеком.

Сибил взяла Олифанта под руку, и он повел ее к выходу, осторожно огибая гризеток, поднятых на ноги машинной музыкой панмелодиума.

Навстречу им в кафе ворвалась девушка, ее голые груди были вымазаны зеленым, с талии свисали угловатые куски медной фольги, похожие на листья финиковой пальмы, аппроксимированные кинотропом. За девушкой следовали двое парней, одетые — вернее сказать, раздетые — аналогичным образом; Олифант совершенно растерялся.

— Идемте, — сказала Сибил, — неужели вы не понимаете, что это студенты-художники после бала? Здесь же — Монмартр, а художники, они умеют повеселиться.

* * *

Олифант лелеял надежду лично доставить Чарльзу Эгремонту текст показаний Сибил Джерард. Но по возвращении в Англию запущенный сифилис, симптомы которого доктор Макнил ошибочно диагностировал как «железнодорожный хребет», на время ограничил его активность. Под видом коммивояжера из Эльзаса, родины месье Арсло, Олифант скрылся от мира в одной из брайтонских водолечебниц, чтобы поправить здоровье и разослать целый ряд телеграмм.

* * *

Новейшей модели «Зефир», арендованный в камдентаунском коммерческом гараже, позволил мистеру Мори Аринори добраться до Белгрейвии ровно к четырем часам дня — в точности к моменту, когда Чарльз Эгремонт отправлялся в парламент, где этому выдающемуся политику предстояло произнести крайне важную речь.

Телохранитель мистера Эгремонта, приставленный к нему Отделом криминальной антропометрии Центрального статистического бюро, с автоматическим карабином под паль-

то, внимательно наблюдает, как Мори сходит с «Зефира», — миниатюрная фигурка в вечернем костюме.

Мори идет по свежевыпавшему снегу, его ботинки оставляют четкие отпечатки, в которых просвечивает черный асфальт.

— Для вас, сэр, — произносит Мори и кланяется, передавая Эгремонту плотный конверт. — Доброго вам дня, сэр.

Снова надев круглые защитные очки на эластичной ленте, Мори возвращается к «Зефиру».

— Необыкновенный персонаж, — говорит Эгремонт, разглядывая конверт. — Ну где же это видано, чтобы китайцы так одевались…

Отступать.
Повторяться.
Встать
над стылыми строчками колесных следов,
над снежными просторами улиц.
Вплестись в стогранную структуру столицы,
забывая.

Модус
Пасьянс иллюстраций
Язык обозначений

Большое колесо в центре, малые — по окружности. Такое расположение осей открывало широчайшие перспективы, теперь разностной машине была подвластна вся арифметика. Смутно прорисовалась даже конструкция аналитической машины, и я бросился в погоню за этим видением.

Чертежи и опыты стоили очень дорого. Чтобы снять часть нагрузки с моего собственного мозга, были привлечены чертежники высочайшей квалификации, в то время как опытные мастеровые изготавливали экспериментальные механизмы.

Для осуществления своих изысканий я приобрел в тихом уголке Лондона дом с четвертью акра земли. Каретный сарай был переоборудован в кузницу и литейную мастерскую, а конюшня — в мастерские. Кроме того, я построил новые, более обширные мастерские, а также огнестойкое здание для работы чертежников и своей собственной.

Даже самая великолепная память не смогла бы удержать в себе сложные взаимоотношения частей механизма. Я преодолел эту трудность, улучшив и расширив язык знаков, механическую алгебру, подробно описанную мной в одном из номеров «Философских докладов Королевского общества» за 1826 год. Если бы не это вспомогательное средство, масштаб предпринятых мною исследований не позволил бы закончить их ни в какой обозримый срок, однако при помощи языка обозначений машина стала реальностью.

Лорд Чарльз Бэббидж.
Эпизоды из жизни философа,
1864 г.

Письма читателей

(Из «Механического журнала», 1830 г.)

Судя по письмам читателей, некоторые из них думают, что наш журнал не должен заниматься политикой. Но разве можем мы молчать, понимая, насколько тесно переплетаются интересы науки и производства с политической философией нации?

Мы полны надежды, что избрание в парламент

мистера Бэббиджа с его влиянием в научном мире, с его проверенной временем независимостью суждений, с его ищущей и деловой натурой поможет нам вступить в эру величайшего расцвета науки, равно как и всех ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ сил страны.

А потому мы прямо говорим каждому избирателю из Финсбери, читающему наш журнал, — иди и голосуй за мистера Бэббиджа. Если ты изобретатель, изгнанный из сферы частной конкуренции вездесущим и непосильным НАЛОГОМ НА ПАТЕНТЫ, если ты хочешь, чтобы на место этого НАЛОГА пришла мудрая и взвешенная система ОБЩЕСТВЕННЫХ СУБСИДИЙ, — иди и голосуй за мистера Бэббиджа. Если ты производитель, скованный в своей деятельности налоговыми несообразностями нынешнего правительства, если ты хочешь, чтобы британская промышленность стала свободной, как птица, — иди и голосуй за мистера Бэббиджа. Если ты механик и твой хлеб насущный зависит от устойчивого спроса на плоды твоего труда, если ты понимаешь, насколько твое благосостояние зависит от свободы торговли и ремесел, — иди и голосуй за мистера Бэббиджа. Если ты поборник Науки и Прогресса — теории и практики, единых,

как кости и мускулы, — встретимся сегодня на Ислингтон-Грин и ПРОГОЛОСУЕМ ЗА МИСТЕРА БЭББИДЖА!

В смутные времена

Результаты всеобщих выборов 1830 года выявили настроения общества. Байрон и его радикалы уловили дух времени, а партия вигов рассыпалась, как карточный домик. Однако руководимые лордом Веллингтоном тори — именно их аристократическим привилегиям угрожало предложенное радикалами «меритолордство» — заняли жесткую позицию. Палата общин отложила рассмотрение «Билля о радикальной реформе», а восьмого октября палата лордов его отклонила. Король отказался увеличить число пэров Англии за счет радикалов, которые могли бы провести спорный билль; более того, он пожаловал титул Фицкларенсам, что вызвало горькое замечание Байрона: «Насколько же лучше в современной Британии быть *королевским ублюдком*, чем *философом*. Но грядут большие перемены».

Страсти в обществе быстро накалялись. Бирмингемские, ливерпульские и манчестерские рабочие, вдохновленные идеями Бэббиджа о

профсоюзной собственности и кооперативах, организовали массовые факельные шествия. Промышленная радикальная партия, отрицая насилие, призвала к нравственному увещеванию и мирной борьбе за выполнение законных требований рабочего класса. Однако правительство проявило упрямство, и обстановка непрерывно ухудшалась. Насилие прорывалось все чаще и чаще; сельские «шайки Свинга» и пролетарские луддиты громили поместья аристократии и капиталистические фабрики. Перебив все стекла в домах Веллингтона и прочих консервативных лордов, лондонские погромщики подстерегали на улицах экипажи аристократов и забрасывали их булыжниками. Были сожжены чучела англиканских епископов, голосовавших в палате лордов против билля. Ультрарадикальные заговорщики, распаленные страстными речами известного атеиста П. Б. Шелли, громили и грабили церкви.

Двенадцатого декабря лорд Байрон внес новый, еще более радикальный «Билль о реформе», в котором предлагалось лишить британскую аристократию — в том числе и его самого — всех наследственных прав и привилегий. Тут уже тори не выдержали, Веллингтон включился в подготовку военного переворота.

Кризис расколол нацию. В страхе перед надвигающейся анархией колебавшийся прежде средний класс твердо встал на сторону радикалов. Была объявлена налоговая забастовка с требованием отставки Веллингтона, а также организовано массовое изъятие вкладов из банков. Деньги переводились в золото и исчезали из обращения, национальная экономика со скрипом остановилась.

После трехдневного бристольского мятежа Веллингтон приказал армии подавить «якобинство», не стесняясь в средствах. Последовавшая бойня стоила жизни трем сотням людей, в том числе — трем видным членам парламента от радикалов. Узнав об этом, разъяренный Байрон — теперь он называл себя «гражданин Байрон» — появился на лондонском митинге без сюртука, даже без галстука, и выступил с призывом ко всеобщей забастовке. Подчинявшаяся консерваторам кавалерия разогнала этот митинг, были убитые и раненые, однако Байрон сумел ускользнуть. Через два дня в стране было объявлено военное положение.

Далее Веллингтон обратил свой немалый военный талант против своих же соотечественников. Первые восстания против «режима тори» — так

мы его теперь называем — были подавлены быстро и эффективно, все крупные города контролировались военными гарнизонами. Армия сохраняла верность триумфатору Ватерлоо, а аристократия, к вящему своему позору, также встала на сторону герцога.

Однако верхушка радикалов избежала ареста, опираясь на тайную, хорошо организованную сеть преданных членов партии. К весне 1831 года надежды на скорое военное разрешение конфликта окончательно исчезли. В ответ на массовые повешения и высылки поднялось молчаливое сопротивление, и вспыхнула партизанская борьба. Режим лишил себя последних крох общественной поддержки, Англия билась в судорогах классовой войны.

«Смутные времена: популярная история», 1912 г.

У. Э. Пратчетт, д-р филос., Ч. К. О.

Скорбные голоса автоматических органóв

(В этом частном письме от июля месяца 1885 года Бенджамин Дизраэли излагает свои впечатления о похоронах лорда Байрона. Текст снят с бумажной ленты, перфорированной на печатной машине «Кольт и Максвелл». Адресат неизвестен.)

Хрупкая, почти бестелесная леди Анабелла Байрон вошла, опираясь на руку дочери; казалось, она не совсем понимает происходящее. На этих женщин было страшно смотреть: бледные и осунувшиеся, они буквально валились с ног от усталости. Зазвучал траурный марш — весьма изысканный; приглушенные аккорды панмелодиума великолепно гармонировали со скорбными голосами автоматических органов.

Затем появились процессии. Сперва — спикер, предшествуемый герольдами с белыми жезлами, но, соответственно событию, в трауре. Спикер был великолепен. Бесстрастный и величественный, с почти египетскими чертами лица, он ступал медленно и уверенно. Перед ним несли булаву, одет он был в мантию с золотыми кружевами, весьма изысканно. Затем — министры. Секретарь по делам колоний выглядел весьма щеголевато. Вице-король Индии, вполне оправившийся, судя

по его лицу, от малярии. Председатель Комиссии по свободной торговле выглядел на их фоне последним злодеем, он буквально корчился под бременем неизбывного греха.

Далее — палата лордов. Лорд-канцлер, особенно карикатурный в компании непомерно огромного парламентского пристава с его тяжелой серебряной цепью и белыми траурными бантами на плечах. Лорд Бэббидж, бледный и подтянутый, выглядел в высшей степени благородно. Молодой лорд Гексли, легкий, стройный и гибкий, производил самое блестящее впечатление. Лорд Скоукрофт, самый хитрый и изворотливый тип, какого я когда-либо знал, в протертой чуть не до дыр одежде был словно нищий церковный сторож.

Затем торжественно проследовал гроб, «носильщики» едва прикасались к нему руками. На лице самого видного из носильщиков, принца-консорта, странным образом сочетались осознание важности момента, гордость и страх. Говорят, ему довольно долго пришлось ждать в дверях, где он непрерывно сетовал по-немецки на смрад.

Когда внесли гроб, вдовствующая Железная Леди словно постарела сразу на тысячу лет.

Вдовствующая Железная Леди

Теперь все попадет в руки мелких людишек, крохоборов и лицемеров.

Ты только взгляни на них. У них не хватит пороха на великие свершения. Они все пустят прахом.

Даже и сейчас я сумела бы все поставить на правильную ногу, если бы только эти идиоты внимали голосу разума. Но ведь я не смогу говорить так, как это делал ты, да они и вообще не слушают женщин. Вот ты — ты был для них великим оратором, напыщенный, размалеванный шарлатан, без единой мысли в голове — ни логики, ничего, кроме растленного позерства, и все же они слушали тебя. Боже, как они тебя слушали! Ты восхвалял в своих дурацких стихах дьявола, Каина и разврат и все, какие только бывают, идиотства и грехи, а этим придуркам все было мало, мало. Они выламывали двери книжных лавок, а бабы бросались к твоим ногам, поштучно и целыми толпами. Я никогда этого не делала. Но женился ты на мне.

Я была абсолютно невинна. С самого момента нашего знакомства некий моральный инстинкт

во мне отвращался твоими шуточками и поддразниванием, мерзкими двусмысленностями и намеками, но я видела в тебе большое будущее, а потому заглушила свои сомнения. Как быстро воскресил их ты, став моим мужем.

Ты жестоко воспользовался моей невинностью, сделал меня соучастницей содомии еще до того, как я узнала природу этого греха, еще до того, как я узнала тайные названия неназываемого. *Pederastia, manustupration, fellatio* — ты настолько погряз в извращениях, что не щадил даже супружеского ложа. Ты развратил меня точно так же, как развратил эту дуру, свою сестрицу.

Узнай общество хоть малую долю известного мне, тебя изгнали бы из Англии, как прокаженного. В Грецию, в Турцию, к этим твоим катамитам.

Как легко могла я тебя погубить — да почти так и сделала, в пику тебе, уязвленная, что ты не понимал и понимать не хотел, насколько глубоки мои убеждения. Я нашла себе прибежище в математике и молчала, сохраняя личину преданной супруги, потому что ты был мне нужен, я замыслила великое предприятие, осуществить которое могла только руками своего мужа. Я прозрела верный путь к наибольшему благу для наибольшего числа людей, к благу столь вели-

кому, что рядом с ним мои личные желания не имеют ровно никакого значения.

Чарльз меня учил. Блестяще одаренный, бесконечно порядочный, далекий ото всякой житейской суеты Чарльз, полная твоя противоположность во всем, полный великих замыслов, сверкавший чистейшим светом математической науки, абсолютно неспособный к интригам и махинациям, неспособный к общению с дураками. Он был одарен не меньше Ньютона — но не умел убеждать.

Я вас познакомила. Сперва ты его ненавидел, издевался над ним за его спиной, а заодно и надо мной — за то, что я показала тебе истину, недоступную твоему пониманию. Я настаивала, просила тебя подумать о чести, о служении, о собственной твоей славе, о будущем, ожидающем плод чрева моего, Аду, нашего странного ребенка. (Бедная Ада, как плохо она выглядит, слишком уж много в ней твоего.)

Но ты обозвал меня бессердечной интриганкой и напился как свинья. Тогда я изобразила на лице улыбку и спустилась в ад. Какой мукой были для меня эти мерзкие ласки, это скотство, но я позволила тебе делать все, что ты хочешь, и простила тебя; я ласкала тебя и целовала, делая вид,

что счастлива. И ты разревелся, как маленький, ты прямо лучился благодарностью и говорил о неумирающей любви и единении душ, пока не устал от этой болтовни. Тогда ты захотел сделать мне больно и начал рассказывать ужасные, немыслимые вещи, чтобы вызвать у меня отвращение, чтобы я в ужасе бежала, но я не боялась больше ничего, эта ночь меня закалила. И я прощала тебя, и прощала, и прощала, а потом тебе не в чем было уже признаваться, ты вывернул свою душу наизнанку, вытряхнул на меня всю ее грязь, и тебе нечего было больше сказать.

Пожалуй, после этой ночи ты меня уже стал побаиваться, немного — но все-таки побаивался, и это пошло тебе на пользу. А я после этой ночи перестала мучиться, я научилась играть в твои «маленькие игры», играть и выигрывать. Вот какой ценой сумела я обуздать в тебе зверя.

И если есть Судия в мире ином — хотя я в это больше и не верю, нет у меня полной, беззаветной веры, и все же иногда в трудные моменты, в моменты вроде этого, мне кажется, что я чувствую на себе взгляд бессонного Всевидящего Ока, чувствую страшный гнет Его всеведения и всепонимания, — если есть Он, этот Судия, то ты и не пытайся, милорд супруг, водить Его за

нос. Не похваляйся величественностью своих грехов, не требуй тяжким трудом заслуженного проклятия, ибо как же мало знал ты все эти годы. Ты, величайший министр величайшей в истории человечества империи, ты робел, ты был слаб, ты шарахался от ответственности.

Это что, слезы?

Слишком уж многих мы с тобой убили…

Мы? Не мы, а я — это я принесла в жертву свою добродетель, свою веру, свое спасение, сожгла их в черный пепел на алтаре твоего тщеславия. Ибо сколько бы ты ни болтал о корсарах и Бонапарте, в самом тебе не было стержня, не было стали. Ты плакал от одной только мысли, что нужно вздернуть этих ничтожных луддитов, не решался надеть кандалы на злокозненного и сумасшедшего Шелли — пока я тебя не заставила. И когда из наших учреждений стали приходить отчеты с намеками, просьбами, а затем и требованиями предоставить им право уничтожать врагов Англии, это я их читала, это я взвешивала человеческие жизни, я подписывалась твоим именем, ты же тем временем пил и жрал и обменивался шуточками с этими людишками, которых называл друзьями.

А теперь эти идиоты похоронят тебя, а меня

небрежно оттеснят в сторону, будто я — ничто, будто я ничего не совершила, и все это из-за того, что ты умер. Ты их кимвал звучащий, их размалеванный идол. Кошмарные, из грязи произрастающие корни истории так и останутся во тьме, истина исчезнет бесследно. Истину зароют в землю, вместе с твоим раззолоченным саркофагом.

Нужно выкинуть из головы эти мысли. Я плачу. Они считают меня старой дурой. Но разве не было каждое наше преступление возмещено сторицей, возмещено благом для общества?

Услышь меня, Судия. Око, загляни в глубины моей души. И если я виновна — даруй мне милость свою. Я не искала удовольствия во всем том, что приходилось мне делать. Клянусь Тебе, я не искала удовольствия.

Мастер Эмеритус[476] вспоминает Веллингтона

Красноватое тление обессиленного газового рожка. Гулкое ритмичное бряцание и визг «проходческой торпеды» Брюнеля. Тридцать шесть

---

[476] Примечания: 476
Emeritus — находящийся в почетной отставке (лат.).

штопором свитых клыков из лучшей бирмингемской стали с неустанной энергией вгрызаются в зловонный пласт древней лондонской глины.

Обеденный перерыв, мастер-сапер Джозеф Пирсон достал из жестяного судка солидный кусок мясного, пропитанного застывшим соусом пирога.

— Да, я встречался с великим Мэллори. — Его голос гулко отражается от клепаных чугунных тюбингов, похожих на ребра кита. — Не то чтобы нас вроде как познакомили, но это точно был он, левиафанный Мэллори, — что́ я, не видел его снимков в газетах? И он был совсем близко, ну вот вроде как ты от меня сейчас. «Лорд Джеффериз? — говорит он мне, а сам весь удивленный и злой. — Знаю я Джеффериза! Долбаный ублюдок, тюрьма по нему плачет!»

Мастер Пирсон победно ухмыляется, в красном свете тускло поблескивают золотой зуб и золотая серьга.

— И чтоб мне провалиться, если этому Джефферизу не загнали полсапога в зад сразу, как только смрад кончился, и не посмотрели, какой он там ученый. Уж это все он и сделал, левиафанный Мэллори, тут уж и к бабке не ходить. Вот уж кто точно аристократ от природы, так это он,

Мэллори.

— Я видел этого бронтозавруса, — кивает подмастерье Дэвид Уоллер; его глаза блестят. — Мощная штука!

— Я сам работал в туннеле в пятьдесят четвертом, когда наткнулись на слоновьи зубы. — Мастер Пирсон, сидящий на втором ярусе лесов, закрывает судок, покачивает тяжелым резиновым сапогом и чуть ерзает на водонепроницаемой циновке, вытаскивая из кармана шахтерской робы небольшую бутылку. — Французская шипучка, Дэви. Ты же первый раз внизу, нужно отметить.

— Но ведь это же не положено, сэр? Это же против инструкций?

Пирсон извлекает пробку — без хлопка, без пены.

— Хрен с ним, — подмигивает он, — это ж твой первый, второго первого не будет.

Вытряхнув из жестяной кружки мелкие чаинки, он наполняет ее шампанским.

— Выдохлось, — огорченно вздыхает подмастерье Уоллер.

— Давление, салага, — смеется Пирсон, потирая мясистый, с красными прожилками нос. — Подожди, пока поднимешься на поверхность. Вот

тогда оно вспенится прямо у тебя в кишках. Запердишь, как жеребец.

Подмастерье Уоллер осторожно отхлебывает из кружки. Сверху доносится звон железного колокола.

— Клеть спускается, — говорит Пирсон, торопливо затыкая бутылку. Он заталкивает ее в карман, допивает шампанское, вытирает тыльной стороной ладони рот.

Сквозь мембрану из провощенной кожи с клоачной медлительностью продавливается заостренная, как пуля, клеть. Достигнув дна, она шипит, скрипит и останавливается.

Выходят двое. На старшем бригадире обычная шахтерская роба, кожаный фартук и каска. Второй, высокий седовласый старик, одет в черный фрак, его блестящий цилиндр обвязан черным шелковым крепом, черный атласный галстук заколот крупным, с голубиное яйцо, бриллиантом или — тусклый красноватый свет не позволяет сказать уверенно — рубином. Старик освещает себе путь латунным фонарем, его брюки, так же как и брюки бригадира, заправлены в высокие, по колено, резиновые сапоги.

— Великий Мастер Эмеритус, — испуганно выдохнул Пирсон, вскакивая на ноги. Подмастерье

Уоллер следует его примеру.

Они стоят навытяжку и смотрят сверху вниз, как Великий Мастер идет по туннелю к вгрызающейся в грунт «торпеде». Великий Мастер их не замечает, разговаривает только с бригадиром, холодно и властно. Он освещает узким лучом света недавно уложенные тюбинги, проверяет крепежные болты, уплотнение швов. У фонаря нет обычной ручки — Великий Мастер несет его, зацепив блестящим стальным крючком, высовывающимся из пустого рукава.

— Странно он как-то одет, — еле слышно шепчет Уоллер.

— Он все еще в трауре, — так же тихо отвечает Пирсон.

— А-а, — кивает подмастерье, глядя на Великого Мастера. — Так долго?

— Он же Великий, то есть Мастер, он же был с лордом Байроном вроде как в друзьях. И лорда Бэббиджа, и его он тоже знал. Еще со смутных времен, когда все они прятались от веллингтоновской полиции. Они ж тогда и лордами-то не были — ну там если и были, то не такими, как потом, настоящими радикальными лордами, — так просто, мятежники и подстрекатели, и за поимку их была награда. Так Великий Мастер, он

спрятал их в шахте — это был прямо настоящий партийный штаб. Радикальные лорды не забыли этой помощи, какую он им оказал, вот почему мы и есть считай что главный радикальный профсоюз.

— А-а…

— Он же, Дэйви, он же великий человек! И железом закрепить, и порохом взорвать — он во всем самый лучший. Таких больше бабы не рожают…

— Так ему что же, уже под восемьдесят?

— И все еще как огурчик.

— А нам нельзя, сэр, как вы думаете — может, спустимся вниз, посмотрим на него поближе? Может, я даже пожму этот его знаменитый крюк?

— Хорошо, парень, только ты это, чтобы прилично. Безо всяких там ругательных слов.

Они спускаются на дощатый настил, торопятся догнать Великого Мастера.

Грохот «торпеды» неожиданно переходит в вой. Начинается суматоха — такое изменение тембра чаще всего грозит неприятностями, на пути попался либо плавун, либо подземная река, либо еще какая гадость. Пирсон и подмастерье со всех ног несутся в забой.

Из-под тридцати шести острых стальных буров

летят ошметки мягкой черной грязи, они ложатся в вагонетки откатчиков жирными, быстро оплывающими комками. Время от времени звучат вялые, приглушенные хлопки — вскрываются газовые карманы. Но все вроде бы обошлось — в туннель не рвется, сметая все на своем пути, вода, не ползет вязкая, неудержимая масса плавуна. Рабочие осторожно двигаются вперед, поближе к Великому Мастеру; яркий, резко очерченный луч его фонаря медленно двигается по фронтальной поверхности забоя.

В зеленовато-черной грязи проступают желтоватые комья, похожие на плотно утоптанный снег.

— Это чего, кости? — говорит один из рабочих, морщась от неприятного гнилостного запаха. — Ископаемые какие-то…

Гидравлика «торпеды» резко вдавливает ее в мягкую, почти не оказывающую сопротивления массу, кости летят в забой сплошным потоком.

— Кладбище! — кричит Пирсон. — Мы нарвались на кладбище!

Но слишком уж глубоко проложен туннель, и слишком уж густо лежат здесь кости, перепутанные, как сучья в буреломе, и не зря к гнилостной вони примешивается острый запах серы и из-

вести.

— Чумная яма! — в ужасе кричит бригадир, и рабочие бросаются прочь, оступаясь и падая.

Бригадир сбрасывает пар, раздается громкое шипение, «торпеда» вздрагивает и замирает.

За все это время Великий Мастер не шелохнулся.

Он отставляет фонарь, ворошит своим крюком груду выброшенной «торпедой» земли, подцепляет за глазницу череп, вытаскивает его, осматривает.

— Вот так вот. — Его голос гулко прорезает мертвую тишину. — Жил ты, жил…

Азартная Леди приносит несчастье

— Азартная Леди — несчастье для всех своих близких. Когда игральные машины вытряхнут ее сумочку, она тайком относит свои драгоценности на Ломбард-стрит, чтобы вновь и вновь искушать фортуну суммами, полученными от ростовщиков! Потом, к огорчению горничных, она распродает свой гардероб; она превышает кредит у тех, с кем ведет дела, отдает свою честь на откуп друзьям в призрачной надежде отыграться.

Игорная лихорадка равно губительна как для

рассудка, так и для эмоций. Насколько горячечны, нездоровы надежда и страх, радость и гнев, сожаление и досада, вспыхивающие в тот момент, когда переворачивается карта, срываются с места сверкающие машины, выбрасываются игральные кости! Кто не вспыхнет негодованием от одной уже мысли, что женские чувства, из века посвящаемые детям и мужу, извращаются столь мерзостным образом. Глубочайшая скорбь, вот что испытываю я, когда смотрю, как мучительно бьется Азартная Леди в тисках своей недостойной, греховной страсти, когда вижу ангельское лицо, пылающее бесовской одержимостью!

По неисповедимой мудрости Господней почти все, что развращает душу, разлагает также и плоть. Запавшие глаза, осунувшееся лицо, мертвенная бледность — вот они, непременные признаки играющей женщины. Ее утренний сон не в силах возместить низменные полночные бдения. Я долго и пристально вглядывался в лицо Азартной Леди. Да, я внимательно наблюдал за ней. Я видел, как в два часа ночи ее, полумертвую, силой уводили из ее крокфордского игорного ада, призраком казалась она в нечистом сиянии газовых ламп…

Прошу вас, вернитесь на место, сэр. Вы — в

доме Господнем. Должен ли я понимать ваши слова как угрозу, сэр? Да как вы смеете! Мрачные времена наступили, поистине черные времена! Я говорю вам, сэр, как говорю всем собравшимся здесь прихожанам, как скажу всему свету, что я все это видел, я многажды наблюдал, как ваша королева машин предается этим мерзейшим беспутствам…

Помогите! Остановите его! Остановите! Боже, меня застрелили! Я убит! Убивают! Неужели никто не может его остановить?!

Выбор за вами, джентльмены

(В разгар парламентского кризиса 1855 года лорд Брюнель созвал свой кабинет министров и обратился к нему с речью. Выступление премьер-министра записано его личным секретарем в стенографической системе Бэббиджа.)

Джентльмены, я не могу припомнить ни единого случая, когда какой-либо представитель партии или кабинета министров вступился бы — пусть даже случайно — за меня в стенах парламента. Я не обижался, не жаловался и терпеливо

ждал, делая то малое, что было в моих силах, чтобы защитить и расширить мудрое наследие покойного лорда Байрона, залечить безрассудные раны, нанесенные нашей партии чрезмерным усердием молодых ее членов.

Но ни малейших изменений в том презрении, с которым, судя по всему, относитесь ко мне вы, уважаемые джентльмены, так и не последовало. Напротив, последние два дня в парламенте оживленно обсуждается постановка на голосование вопроса о недоверии, с особым упором на недоверие к главе правительства. Эта дискуссия была отмечена более чем обычными нападками в мой адрес, и ни один из вас, членов моего кабинета, не сказал ни слова в мою защиту.

Как в подобных обстоятельствах можем мы успешно расследовать дело об убийстве преподобного Алистера Роузберри? Постыдное, атавистическое преступление, злодейски совершенное в стенах христианской церкви, запятнало репутацию партии и правительства, а также возбудило серьезнейшие сомнения относительно наших намерений и нашей честности. И как же сможем мы искоренить преступные тайные общества, чья сила и дерзость возрастают день ото дня?

Господь свидетель, джентльмены, что я ни-

когда не искал настоящего своего поста. Более того, я сделал бы все, что угодно, совместимое с моей честью, чтобы его избежать. Но я должен либо быть хозяином в парламенте, либо уйти в отставку — предоставив нацию так называемому руководству людей, чьи намерения стали за последнее время абсолютно ясными. Выбор за вами, джентльмены.

Смерть маркиза Гастингса

Да, сэр, два пятнадцать точно — и никаких ошибок быть не может, поскольку у нас установлены патентованные табельные часы «Кольт и Максвелл».

Я услышал негромкий такой звук, словно что-то капает, сэр.

На мгновение я решил, что протекла крыша, совсем позабыв, что ночь ясная. Дождь, подумал я, только это меня и встревожило, сэр, — мысль, что сухопутный левиафан пострадает от сырости, поэтому я посветил фонарем вверх, и там висел этот бессчастный негодяй, и все шейные позвонки левиафана были в крови, и вся, как она там, арматура, которая поддерживает этого зверюгу,

тоже. А голова его вся была расшиблена, сэр, да там, считай, и не было уже никакой головы. Он висел там, запутавшись ногами в каких-то ремнях, и я увидел блоки и веревки, туго натянутые, и они уходили во тьму огромного купола, и это зрелище так меня поразило, сэр, что я уже поднял тревогу и только потом заметил, что у левиафана нет головы.

Да, сэр, я думаю, так оно и было — то есть как они это устроили. Его спустили с купола, и он там делал свое дело в темноте: останавливался, когда слышал мои шаги, а потом снова принимался за работу. Долгая работа, на несколько часов, ведь им нужно было сперва установить свои блоки. За смену я несколько раз проходил под этим самым местом. А когда он ее отломал, голову, сэр, кто-то другой вытащил ее наверх и наружу, ведь они сняли одну из панелей купола. Но что-то там у них оторвалось, наверное, или соскользнуло, и он полетел вниз, прямо на пол, у нас там самый лучший флорентийский мрамор. Мы нашли то место, где разлетелись его мозги, сэр, хотя лучше бы об этом забыть. И потом я припомнил какой-то шум, сэр, это когда он, наверное, упал, но никакого крика не было.

А еще, сэр, меня что поразило больше всего, так это как они втихую подтянули его снова наверх и оставили там висеть, как кролика в мясной лавке, а сами смылись со своей добычей по крыше. Сколько же в этом подлости, сэр, вы согласны?

Кеннет Рейнольдс, ночной сторож Музея практической геологии, показано под присягой перед следователем Дж. Г. Питерсом,
Боу-стрит, ноябрь 1855 г.

Верьте мне всегда

Мой дорогой Эгремонт!

Я глубоко сожалею, что сложившиеся на данный момент обстоятельства лишают меня возможности и надежды использовать в дальнейшем ваши неоспоримые способности во благо партии и правительства.

Вы, без сомнения, поймете, что мое признание всей сложности ваших личных обстоятельств никоим образом не связано с каким-либо, пусть и малейшим недоверием к вам как государственному деятелю; менее всего мне бы хотелось создать у вас подобное впечатление.

Я не могу завершить письмо, не выразив горячего желания и надежды, что для вас найдется достойный ваших высоких качеств пост.

Верьте мне всегда,

искренне ваш,

И. К. Брюнель.
Министерское письмо Чарльзу Эгремонту, Ч. П., дек. 1855 г.

Меморандум Министерству иностранных дел

По этому случаю наш высокий гость, экс-президент Американского союза, мистер Клемент Л. Валландингем улизался в стельку. Выдающийся демократ показал, что не уступит в своей распущенности ни одному из английских лордов. Он излапал миссис А., зацеловал визжащую мисс Б., исщипал до синяков пухленькую миссис В. и бросался на мисс Г. с самыми гнусными намерениями!

Мистер Валландингем вел себя, как бык в период течки; когда все наши гостьи впали в истерику, высокопоставленное животное было отловлено слугами, доставлено вверх копытами на второй

этаж и выпущено под присмотр миссис Валландингем, успевшей уже переодеться в чепец и ночную рубашку. И тут, к вящему нашему изумлению, этот необыкновенный человек использовал для удовлетворения чрезмерно разыгравшейся похоти покорное тело законной своей супруги, облевав его в процессе соития с головы до ног. Те, кто видел миссис Валландингем, едва ли сочтут последнее неправдоподобным.

Недавно меня достигло известие, что в Вера-крусе, в мексиканском изгнании, умер бывший президент Техаса Сэмюэль Хьюстон. Судя по всему, Хьюстон ожидал призыва о помощи со стороны какой-нибудь из враждующих группировок, надеясь вернуть себе хотя бы часть прежнего влияния, однако никто к нему так и не обратился — французские алькальды не дремлют. При всех своих несомненных недостатках Хьюстон был во сто раз лучше Клемента Валландингема, который заключил трусливый мир с Конфедерацией и позволил стервятникам Красного Манхэттенского Коммунизма терзать останки своей обесчещенной страны.

Лорд Листон, 1870 г.

До радикалов

(Нижеследующий текст — транскрипция звуковой записи на восковом цилиндре. Одна из самых первых подобных записей, она донесла до нас воспоминания Томаса Таулера (р. 1790), деда Эдварда Таулера, изобретателя «Аудиографа Таулера». Несмотря на экспериментальный характер использованного аппарата, эта запись отличается исключительной чистотой. 1875 г.)

Я вот помню одну зиму, холодная была, длинная, а мы же тогда в Англии жили все совсем как нищие — это еще до радикалов. Мой братишка Альберт, он выискивал кирпичи, обмазывал их птичьим клеем и оставлял у конюшен, чтобы ловить на них воробьев. А потом он ощипывал их, он и я, мы вместе, я ему тоже помогал. И мы их потрошили, и Альберт разводил в печке огонь, и, когда она нагреется, мы жарили этих крошечных воробышков в маминой латке, на старом жире. И потом мама делала нам большой горшок чая, и у нас был вроде как праздник, воробьев мы этих ели.

А отец, он ходил по всем лавочникам на Чатуин-роуд и собирал ошметки мяса. Кости, значит, бараньи кости и все такое, горох, бобы, лежалую морковь и репу и… ему обещали еще овсяную муку, и пекарь отдавал ему черствый хлеб… У отца был большой железный котел, он там раньше готовил для лошадей, и вот он вычистил его, и они там варили суп, в большом котле для лошадей. Я помню, как приходили совсем бедные, они приходили два раза в неделю, это той зимой. Им приходилось приносить с собой собственные миски. Вот такие они были все голодные, до радикалов.

А ты, Эдди, ты слышал когда об ирландском голоде в сороковых? Да нет, где тебе. Картошка тогда не уродилась два года подряд, три, и ирландцам, им было совсем худо. Но радикалы, они такого терпеть не стали, они устроили чрезвычайное положение и мобилизовали нацию. Лорд Байрон произнес прекрасную речь, она была во всех газетах… Я записался на один из спасательных кораблей, они отходили из Бристоля. С утра до вечера, да и ночью тоже, мы грузили кранами здоровые ящики по лондонским накладным, а поезда приходили и днем и ночью со всей Англии, и все с едой. «Благослови Господь лорда

Бэббиджа!» — кричали нам ирландцы и плакали. «Да здравствует Англия и радикальные лорды!» У них долгая память, у ирландцев, они никогда не забывают добра.

Джон Китс на Хаф-Мун-стрит

Слуга провел меня в кабинет мистера Олифанта. Мистер Олифант сердечно меня приветствовал, особо отметив прошлое мое сотрудничество с доктором Мэллори. Я сказал мистеру Олифанту, что имел удовольствие сопровождать триумфальную лекцию доктора Мэллори о бронтозаврусе весьма совершенной кинотропической программой. В «Докладах Общества парового интеллекта» был напечатан крайне лестный отзыв о моих достижениях, и я предложил мистеру Олифанту упомянутый номер журнала. Мистер Олифант просмотрел статью, однако в своем понимании тонкостей клакерства он находится на уровне среднего любителя — судя по тому, что единственной его реакцией было вежливое удивление.

Тогда я сообщил мистеру Олифанту, что именно доктор Мэллори направил меня к его порогу. В одной из частных бесед великий ученый счел уместным рассказать мне о смелом предложении

мистера Олифанта — использовать машины полиции для научного изучения скрытых структур, лежащих в основе передвижений и занятий жителей нашей столицы. Мое восхищение этой смелой идеей привело меня к мистеру Олифанту, и я изъявил желание и готовность принять участие в осуществлении его замысла.

Тут он прервал меня весьма взволнованным образом. «Все мы исчислены, — заявил он, — каждый из нас. Исчислены Всевидящим Оком; и наши минуты исчислены тоже, и каждый волос на головах наших. И кто, как не сам Господь, промыслил, чтобы вычислительные мощности машины были применены к этой великой общности, к потокам уличного движения, к торговле, к приливам и отливам людских толп — к бесконечно делимой текстуре Его творения».

Я ждал, что за этими необычайными рассуждениями последуют какие-нибудь практические выводы, но мистер Олифант внезапно погрузился в глубокую задумчивость.

Тогда я разъяснил ему, избегая по возможности специальных терминов, почему природа человеческого глаза неизбежно требует от кинотропии как необычайной скорости, так и необычайной сложности. По этой причине, заключил я, мы, ки-

нотрописты, находимся в ряду самых сведущих программистов Британии, и практически все достижения в сжатии данных берут свое начало в кинотропических приложениях.

Тут он снова меня прервал, спросив, действительно ли я произнес слова «сжатие данных» и знаком ли я с понятием «алгоритмическое сжатие»? Я заверил его, что знаком.

Тогда он встал и, подойдя к стоявшему поблизости бюро, достал нечто вроде деревянного ящика, используемого для транспортировки научных приборов, причем мне сразу же бросились в глаза кусочки белого гипса, прилипшие кое-где к этому ящику. Не мог бы я, спросил мистер Олифант, скопировать находящиеся здесь перфокарты и затем разобраться, что они такое значат? Он особо подчеркнул, что мои исследования должны иметь сугубо конфиденциальный характер.

Он понятия не имел об их потрясающем значении, ни малейшего представления.

Джон Китс,
цитируется по интервью, данному Г. С. Лайвуду
для «Докладов Общества парового интеллекта»,
май 1857 г.

Гран-панмелодиум-полька[477]

Ах, весь мир с ума сойти рискует,
Тощий, толстый, робкий и нахал —
Все твердят, без устали танцуя:
Наша чудо-полька выше всех похвал!

Одну ножку выше поднимаем,
Балансируем на носке другой,
Каблучками ритм звонко отбиваем —
В вихре чудо-польки мчит весь шар земной.

Вальсы и кадрили всем нам надоели,
Запись не сравнится с музыкой живой.
Даже трубочисты, позабыв о деле,
Пляшут чудо-польку майскою порой.

Девичьи глаза как звездочки сияют,
Губки так и просят их поцеловать.
Но красавица того лишь замечает,
Кто умеет чудо-польку танцевать.

---

[477] Примечания: 477
Перевод Б. М. Жужунавы.

И ученый слышит: музыка играет, —
Вмиг бросает книги, душный кабинет
И со всеми вместе дружно восклицает:
«Лучше чудо-польки не было и нет!»

Так мы и танцуем, юбки вверх взлетают,
Стук подковок медных — раз, и два, и три.
И на тех парней лишь взгляды мы бросаем,
Кто танцует чудо-польку до зари.

Сплетни

С грустью и удивлением узнали мы о недавнем отплытии на борту пироскафа «Грейт Истерн» всеми любимого и разносторонне талантливого мистера Лоренса Олифанта — писателя, журналиста, дипломата, географа и друга королевской семьи — в Америку. Как заявил нам мистер Олифант, он намерен поселиться в так называемом Сусквеганнском фаланстере, основанном господами Кольриджем и Вордсвортом, чтобы жить, равняясь на утопические доктрины, милые сердцу этих достойных изгнанников!

«Городские вести» от 12 сентября 1860 г.

ЛОНДОНСКАЯ АФИША,
1866

ТЕАТР «ГАРРИК»,
Уайтчепел, перестроенный и обновленный,
под руководством Дж. Дж. Тобиаса, эсквайра,
впервые представляет

ВЕЧЕРА СОВРЕМЕННОЙ КИНОТРОПИЧЕСКОЙ ДРАМЫ

Понедельник, 13 ноября, и далее всю неделю.

ПЕРВОЙ будет представлена (ВПЕРВЫЕ) совершенно новая национальная, лондонская, типическая, столичная, мелодраматическая, кинотропическая современная драма в пяти актах, в истинном свете выставляющая современную жизнь и нравы в их бесчисленных небывалых и интересных проявлениях, под названием

ПЕРЕКРЕСТКИ ЖИЗНИ,
или
ЛОНДОНСКИЕ КЛАКЕРЫ

В основу драмы легла знаменитая пьеса «Сыны Вокансона», захватившая в настоящее время внимание всей Франции, переработанная применительно к обстоятельствам и реалиям настоящего момента.

С кинотропическим оформлением мистера
Дж. Дж. ТОБИАСА и ассистентов.
В музыкальном сопровождении нового блестящего
попурри-оркестра под управлением мистера Монтомери.
Режиссура мистера С. Дж. Смита.
Костюмы миссис Хэмптон и мисс Бейли.
Общее руководство постановкой
мистера Дж. Дж. ТОБИАСА.

Действующие лица и исполнители

Марк Ридли, он же Пройдоха Лис
(клевый парень, король лондонских клакеров)
. . . . . мистер Г. Л. МАРСТОН

Мистер Доррингтон
(богатый ливерпульский коммерсант, проездом в Лондоне)
. . . . . мистер Дж. РОУМЕР

Фрэнк Дэнверс
(британский морской офицер, только что вернувшийся из Индии)
. . . . . мистер У. М. БЕРД

Роберт Дэнверс
(его младший брат, разорившийся повеса, кинутый клакерами)
. . . . . мистер Л. МЕЛВИН

Мистер Хоксуорт Шабнер
(владелец вест-эндского клакерского притона, дисконтер и хотьчтошник — там, где можно хоть что зацапать)
. . . . . мистер П. УИЛЬЯМС

Боб Йоркнер
(жулик, уставший от жульничества)
. . . . . мистер У. ДЖОНС

Нед Бриндл
(трепло, парень серединка на половинку)
. . . . . мистер С. ОБРИ

Том Фогг, он же Старый Жмурик, он же Скотина
(раб опиума, страдающий белой горячкой)
. . . . . мистер А. КОРЕНО

Джо Луковица, он же Крокодил
(громила и шестерка Шабнера)
. . . . . мистер Дж. Г. ВЕЛАСКО

Дикки Смит
(Ранняя Пташка, юный машинный оператор, ничем не примечательный, клюющий по зернышку где придется)
. . . . . мистер Дж. МАСКЕЛЛ

Айки Бейтс
(хозяин «Крысиного Замка», владелец скандального стола для игры в багатель, прекративший игру в бамблпашпи как *слишком печальную*)
. . . . . мистер ГОУТУБЕД

Официант в пивной «Кот и волынка» . . . . . мистер СМИТСОН

Инспектор Особого отдела с Боу-стрит . . . . . мистер ФРЭНКС

Луиза Трухарт
(жертва безответного чувства)
.....мисс КЭРОЛАЙН БАРНЕТТ

Шарлотта Уиллерс
(молодая деревенская леди с кошкой)
.....мисс МАРТА УЭЛЛС

Бельэтаж 3 ш. Ложи 2 ш. Партер 5 п. Балкон 2 п.
Касса работает ежедневно с десяти до пяти.

Прощальная поэма

(В 1854 году Мори Юдзо, самурай и ученый из провинции Сацума, написал на отбытие своего сына в Англию нижеследующее стихотворение. Переведено с китаизированного японского.)

Мой сын пересекает морскую пучину,
Стремясь к благородной цели.
Далек его путь — десять тысяч сато,
За ним не угнаться весеннему ветру.
Восток и Запад ничто не роднит,
Так говорят многие, забывая,
Что солнце светит над ними одно
С одних и тех же небес.
Без страха в сердце через все опасности

Он ведет своих сородичей учиться в далеких краях,

Ради блага семьи он не щадит себя.

Пройдя через все испытания и невзгоды,

Он приникнет к источнику знания.

Далеко до великих рек Китая,

Много дальше стремится мой сын.

Будет время, когда обретенная им мудрость

Принесет бесценные плоды.

Письмо домой

В тот день я, как и обычно, обшаривал глазами все четыре стороны света в поисках земли, но не находил ничего. Как печально это было! Потом, по случайной прихоти и с разрешения капитана, я взобрался на одну из мачт. С этой большой высоты, когда паруса и дымовая труба остались далеко подо мной, я с удивлением различил берег Европы — тончайшую зеленую полоску, чуть выступавшую над водным горизонтом. Я крикнул вниз Мацумуре: «Поднимись! Поднимись!» — и он поднялся очень быстро и отважно.

Вдвоем на верхушке мачты мы пристально вглядывались в Европу. «Смотри! — сказал я ему. — Вот нам и доказательство, что мир и на самом деле круглый! Стоя внизу на палубе, мы ничего не видели, но отсюда, сверху, суша ясно видна. Это доказывает, что поверхность моря искривлена! А если искривлено море, то, конечно же, искривлена и вся земля!»

«Это потрясающе, — воскликнул Мацумура, — все именно так, как ты говоришь! Земля действительно круглая! Это наше первое настоящее доказательство!»

Мори Аринори, 1854 г.

Модус

Парижские газетчики уделяли ее светлости прискорбно мало внимания, а потому даже этот небольшой зал был заполнен менее чем наполовину.

Темные ряды откидных кресел были негусто усеяны сверкающими лысинами математиков, но основную часть публики составляли клакеры, по большей части — немолодые, летний лен их чрезмерно элегантных нарядов смотрелся несколько отставшим от моды. Три последних

ряда занимал парижский Женский клуб; истомленные жарой суфражистки обмахивались веерами и громко переговаривались, поскольку давно уже потеряли нить рассуждений ее светлости, а может — и не находили.

Леди Ада Байрон перевернула страницу и чуть поправила бифокальное пенсне. Уже несколько минут вокруг подиума кружила тяжелая зеленая муха; теперь она прервала свой замысловатый полет и приземлилась на подложенное, с отделкой из кружев плечо ее светлости. Леди Ада никак не среагировала на вопиющую наглость настырного насекомого и храбро продолжала на не очень хорошем французском.

Мать сказала:

— Наша жизнь стала бы много прозрачнее, если бы человеческую речь можно было интерпретировать как развертывание уровней некоей глубинной формальной системы. Отпала бы необходимость разбираться в двусмысленностях языка, но появилась бы возможность оценивать истинность любого высказывания, соотнося его с фиксированным и поддающимся конечному описанию набором правил и аксиом. Найти подобную систему, «Characteristica Universalis», было мечтой Лейбница…

Однако выполнение так называемой программы «Модус» однозначно показало, что любая формальная система является одновременно неполной и неспособной доказать свою самосогласованность. Не существует конечного математического метода установить, что есть «истина». Трансфинитная природа «предположений Ады Байрон» вывела из строя «Гран-Наполеон»; программа «Модус» запустила последовательность циклических, вложенных друг в друга петель, которую было очень трудно породить, но еще труднее — уничтожить. Программа работала, однако привела в негодность машину! Это было поистине болезненным уроком, показавшим, сколь несовершенны еще возможности даже лучших наших *ordinateurs*.

И все же я верю и продолжаю настаивать на том, что примененный в «Модусе» метод автореферентности ляжет когда-нибудь в основу истинно трансцендентной метасистемы вычислительной математики. «Модус» доказал мои «предположения», но их практическое применение станет возможным, лишь когда появится машина огромной мощности, способная на итерации высочайшей сложности.

Не странно ли, что мы, простые смертные,

способны говорить о такой бесконечно сложной концепции, как *истина*? И все же, разве не выражает замкнутая система суть механического, не способного мыслить? И разве не является все живое, мыслящее системами по определению открытыми?

Если мы вообразим себе всю систему математики как огромную машину для доказательства теорем, то эксперимент с «Модусом» заставит нас признать, что эта машина живет и способна осознать свою жизнь — если только сумеет взглянуть сама на себя. Природа необходимого для этого глаза все еще неизвестна, но мы точно знаем, что он возможен, ибо сами им обладаем.

Как мыслящие существа, мы можем представить себе Вселенную, хотя не знаем и никогда не узнаем ее во всей полноте. «Вселенная» — понятие, не определимое рационально, однако она дана нам настолько непосредственно, что ни одно мыслящее существо не может не знать о ней, не может не стремиться познать ее устройство и, главное, смысл собственного своего появления и существования в этой системе систем.

В последние свои годы великий лорд Бэббидж, не удовлетворенный ограниченными возможностями пара, искал способ поставить на службу

вычисления молнию. Его сложные структуры из «сопротивлений» и «емкостей» отмечены явной печатью гениальности, однако они так и остались на уровне первоначальных набросков и все еще далеки от практического воплощения. Более того, многие смеются над этими проектами, считая их стариковским бредом. Но история вынесет свое решение, и тогда, как я глубоко надеюсь, мои «предположения» смогут преступить грань абстрактных понятий и войти в реальный мир.

Хлопали ей жидко и недолго; у Эбенезера Фрейзера, наблюдавшего за ходом лекции из-за кулис, упало сердце. Ладно, по крайней мере, все уже позади, она покидает подиум.

Фрейзер расстегнул никелированные застежки саквояжа ее светлости. Леди Ада уронила в него рукопись, а затем лайковые перчатки и крохотную шляпку с лентами.

— Думаю, они меня поняли! — Ее голос звучал как-то слишком уж бодро. — По-французски все это весьма элегантно, не правда ли, мистер Фрейзер? Французский язык очень рационален.

— Что дальше, миледи? В отель?

— Нет, — качнула головой леди Ада, — сперва я зайду к себе в уборную, эта жара довольно утомительна… Вы не позаботитесь об экипаже? Я

скоро подойду.

— Разумеется, миледи.

С рапирной тростью в одной руке и саквояжем в другой Фрейзер сопроводил леди Аду до крохотной уборной, открыл перед ней дверь, опустил саквояж на пол и снова закрыл дверь, оставшись в коридоре. Он знал, что сейчас ее светлость станет искать утешения в посеребренной фляжке, спрятанной в левом нижнем ящике туалетного столика и завернутой — трогательная уловка! — в бумагу.

Фрейзер взял на себя смелость заказать в уборную бутылку сельтерской на льду. Может быть, леди Ада хоть слегка разбавит бренди.

Покинув зал через заднюю дверь, он, по неизбывной привычке, обошел вокруг здания. Обход был довольно длинным, так что трость оказалась весьма кстати. Противно ныл незрячий, закрытый черной повязкой глаз. Ничего опасного Фрейзер не обнаружил, да, собственно, и не ожидал обнаружить.

Не обнаружил он и шофера нанятой для ее светлости машины. Наверняка этот лягушатник прикладывается где-нибудь к бутылке или болтает с субреткой. А может, попросту перепутал указания, поскольку французский Фрейзера был

весьма далек от совершенства. Фрейзер потер здоровый глаз, изучая уличное движение. Дадим парню двадцать минут, а потом будем ловить экипаж.

Тут он заметил, что ее светлость несколько потерянно стоит у заднего входа. Кажется, она надела дневную шляпку и забыла саквояж, что было весьма на нее похоже. Фрейзер торопливо захромал к своей подопечной.

— Сюда, миледи. Машина должна быть на углу…

Он оборвал фразу на полуслове. Это была не леди Ада.

— Я полагаю, вы ошиблись, сэр, — ответила по-английски женщина и кривовато улыбнулась. — Я — не ваша королева машин. Я — всего лишь одна из ее скромных почитательниц.

— Прошу прощения, мадам, — тронул шляпу Фрейзер.

Женщина скромно потупилась. На ней была муслиновая юбка со сложным — белым по белому — узором, французский турнюр и плотный уличный жакет с высокими плечами и кружевной отделкой.

— Ее светлость и я одеты почти одинаково, — улыбнулась она одним уголком рта. — Должно

быть, ее светлость делает покупки у месье Уорта. Высочайший комплимент моему собственному вкусу, сэр, нес-па?[478]

Фрейзер ничего не ответил, вид этой женщины вызывал у него сильные подозрения. Невысокая подтянутая блондинка лет, наверное, сорока, она была одета вполне респектабельно. И все же на затянутых в перчатки пальцах сверкали три кольца с крупными бриллиантами, а мочки изящных ушей были оттянуты броскими серьгами из резного гагата. Над правым уголком рта чернела мушка, а в огромных голубых глазах угадывался, при всей их кажущейся невинности, характерный настороженный блеск. Взгляд опытной дамы полусвета, почти вслух говорящий: «Да я тебя, фараона, насквозь вижу».

— Сэр, не могла бы я подождать с вами ее светлость? Надеюсь, это не будет слишком назойливым, если я попрошу у нее автограф?

— На углу, — кивнул Фрейзер. — У машины.

Он предложил ей левую руку и взял трость под мышку правой. Совсем не помешает отвести эту женщину до появления леди Ады чуть подальше, да и вообще стоило бы к ней присмотреться.

---

[478] Примечания: 478
N'est-ce pas? — Не так ли? (фр.)

Они остановились под угловатым французским фонарем.

— Приятно услышать лондонский выговор, — проворковала незнакомка. — Я так долго жила во Франции, что совсем позабыла английский язык.

— Что вы, что вы, — галантно запротестовал Фрейзер. Голос у нее был очаровательный.

— Я — мадам Турнашон. — Кивок, ослепительная улыбка. — Сибил Турнашон.

— Моя фамилия Фрейзер. — Он поклонился.

Сибил Турнашон нервно подергивала лайковые перчатки, словно у нее потели ладони. День и вправду был очень жаркий.

— Вы один из ее паладинов, мистер Фрейзер?

— Боюсь, я не очень вас понимаю, мадам, — вежливо улыбнулся Фрейзер. — Вы живете в Париже, миссис Турнашон?

— В Шербуре, это довольно далеко, но я приехала утренним экспрессом с единственной целью ее послушать. — Она помедлила. — И не поняла почти ни слова.

— Ничего страшного, мадам, — сказал Фрейзер, — я тоже. — Ему начинала нравиться эта женщина.

Подъехала машина. Шофер нагло подмигнул Фрейзеру, сошел на мостовую, вынул из кармана

кусок грязной замши и начал, насвистывая, протирать гофрированное крыло.

Из дверей зала появилась ее светлость — с саквояжем в руке. Заметив ее, миссис Турнашон слегка побледнела от волнения и вынула из кармана программку лекции.

Она не представляла никакой опасности.

— Ваша светлость, позвольте представить вам миссис Сибил Турнашон, — сказал Фрейзер.

— Здравствуйте, — кивнула леди Ада.

Миссис Турнашон сделала книксен.

— Вы не дадите мне автограф? Прошу вас.

Леди Ада недоуменно моргнула.

Фрейзер протянул ей ручку из собственного блокнота.

— Разумеется, — сказала леди Ада, беря у Сибил программку. — Простите, как, вы сказали, вас зовут?

— Сибил Турнашон. Мне произнести по буквам?

— Не надо, — улыбнулась ее светлость. — Есть знаменитый французский аэронавт Турнашон, ведь верно? — Она расписалась, используя в качестве пюпитра услужливо подставленную Фрейзером спину. — Это не ваш родственник?

— Нет, ваше высочество.

— Простите? — удивилась леди Ада.

— Ведь вас называют королевой машин… — Торжествующе улыбнувшись, миссис Турнашон выхватила программку из несопротивляющихся пальцев ее светлости. — Королева машин! А вы маленькая, седая и комичная, самый заурядный синий чулок! — Она рассмеялась чуть истерически. — Эта афера с лекциями, которые вы тут устраиваете, дорогуша, — деньги-то хоть приносит? Надеюсь, что да.

Леди Ада смотрела на нее с неподдельным изумлением.

Пальцы Фрейзера судорожно сжали трость. Он шагнул к обочине, быстро распахнул дверцу машины.

— Одну минуту! — Женщина сдернула с затянутого лайкой указательного пальца до вульгарности роскошное кольцо. — Ваша светлость, прошу вас, я хочу, чтобы вы это взяли!

Фрейзер заступил между женщинами, опуская трость.

— Оставьте ее в покое.

— Нет, — воскликнула миссис Турнашон, — я слышала разговоры, я знаю, что ей очень пригодится… — Она отодвинула его спиной и протянула руку. — Ваша светлость, прошу вас,

возьмите! Мне не следовало вас обижать, это было просто подло. Пожалуйста, примите мой подарок! Пожалуйста, я ведь правда *восхищаюсь* вами, я высидела всю эту лекцию. Возьмите, пожалуйста, я принесла его специально для вас! — Она отступила и улыбнулась. — Спасибо, ваша светлость! Удачи вам. Я не стану вас больше беспокоить. Оревуар! Бонн шанс![479]

Фрейзер последовал за ее светлостью в машину, захлопнул дверцу и постучал по перегородке. Шофер занял свое место.

Машина тронулась.

— Что за странная особа, — произнесла ее светлость. Она раскрыла ладонь. В филигранной оправе блеснул довольно крупный бриллиант. — Кто она такая, мистер Фрейзер?

— Я бы предположил, что эмигрантка, мадам, — сказал Фрейзер. — И весьма наглая.

— Как вы думаете, я зря взяла это кольцо? — Дыхание леди Ады отдавало бренди и сельтерской. — Это как-то не совсем прилично. Но иначе была бы сцена. — Она поднесла камень к полосе пыльного солнечного света. — Посмотрите, какой он большой! И дорогой, наверное.

---

[479] Примечания: 479
Au revoir! Bonne chance! — Прощайте! Удачи! (фр.)

— Страз, ваша светлость.

Перехватив кольцо, как кусок мела, леди Ада провела камнем по стеклу кареты. Послышался тонкий, почти неслышный визг, и на стекле осталась блестящая бороздка.

Всю дорогу до отеля они просидели в молчании.

Глядя на мелькающий за окном Париж, Фрейзер вспоминал инструкции. «Не мешайте нашей старушке пить, сколько влезет, — говорил иерарх с обычной своей убийственной иронией, — говорить, что хочет, флиртовать, с кем хочет, лишь бы только не было скандала. Вы можете считать свою задачу успешно выполненной, если сможете удержать нашу маленькую Аду от игральных автоматов». Прежде шансов на подобную катастрофу было немного, поскольку в ее сумочке хранились лишь билеты и немного мелочи, но бриллиант серьезно менял положение. Теперь придется удвоить бдительность.

Их номера в «Ришелье» были весьма скромными и сообщались дверью. Замки на дверях казались вполне надежными, а неизбежные глазки для подсматривания Фрейзер отыскал и заткнул в первый же день. Ключи от номеров он хранил у себя.

— Там осталось что-нибудь от аванса? — спросила леди Ада.

— Достаточно, чтобы дать шоферу на чай, — ответил Фрейзер.

— О боже. Так мало?

Фрейзер кивнул. Французские ученые не очень-то щедро раскошеливались за удовольствие побыть в ее ученом обществе, а долги миледи быстро съели и это немногое. Скудной выручки из билетной кассы едва ли хватит, чтобы купить билеты до Лондона.

Леди Ада раздвинула занавеси, сморщилась от яркого света и задернула их вновь.

— Похоже, мне придется согласиться на это турне по Америке.

Фрейзер неслышно вздохнул:

— Говорят, этот континент славится многими чудесами природы, миледи.

— Но только какой же мне выбрать вариант? Бостон и Нью-Филадельфия? Или Чарльстон и Ричмонд?

Фрейзер промолчал; названия чужих городов повергали его в уныние.

— Тогда я брошу монетку! — весело решила леди Ада. — У вас есть монета, мистер Фрейзер?

— Нет, миледи, — солгал Фрейзер, роясь в кар-

манах. — Извините.

— Вам что, вообще не платят? — чуть раздраженно осведомилась леди Ада.

— У меня есть моя полицейская пенсия, миледи. Вполне приличная, и платят без задержек. — Если он и покривил душой, то лишь отчасти — платили действительно без задержек…

— Но разве Общество не положило вам пристойного жалованья? — искренне расстроилась леди Ада. — Боже, а ведь сколько вы со мной мучаетесь, мистер Фрейзер. Я и понятия не имела.

— Мне отплачивают иным образом, мадам. Я вполне доволен своим вознаграждением.

Он был ее паладином. Этого было более чем достаточно.

Леди Ада отошла к своему бюро, поискала что-то среди бумаг. Ее пальцы тронули черепаховую ручку дорожного зеркальца.

Неожиданно обернувшись, она окинула Фрейзера чисто женским взглядом. Он непроизвольно поднял руку и коснулся своей бугристой щеки. Седые бакенбарды не скрывали шрамов. Заряд дроби в лицо. Боль иногда еще давала о себе знать, особенно перед дождем.

Однако леди Ада не заметила этого жеста — или решила не замечать. Она сделала знак, чтобы

Фрейзер подошел поближе, и печально вздохнула:

— Мистер Фрейзер. Друг мой. Скажите мне кое-что, хорошо? Скажите мне правду. Я что, действительно заурядный синий чулок?

— Мадам, — мягко ответил Фрейзер, — вы — *la Reine des Ordinateurs*.

— Правда? — Королева машин подняла зеркало, заглянула в него.

В зеркале — Город. Лондон.

Год 1991-й. Десять тысяч башен, вихревой рокот триллионов сцепленных шестеренок, фрикционное тепло и масляные брызги заполняют воздух предгрозовой мглой. Черные, без единого шва, ленты мостовых; несметное множество ручейков, по которым бешено несется перфорированное кружево информации; призраки истории, выпущенные в этот жаркий сияющий некрополь. Бумажно-тонкие лица надуваются, как паруса, изгибаются и скручиваются, катятся по пустынным улицам; человеческие лица — заемные маски, объективы всепроницающего Ока. Отслужив свое, каждое лицо крошится, хрупкое, как пепел, обращается в сухую пену информации, в биты и в пиксели. Но сходит со сверкающих валов Города новая ткань догадок и проблем,

неустанно вертятся стремительные веретена, миллионами стряхивая невидимые петли, а в жаркой бесчеловечной тьме данные плавятся и сливаются, вспененные шестернями в пузырчатую пемзу скелета, опущенную в грезящий воск, чтобы смоделировать плоть, совершенную, как мысль…

Это — *не* Лондон, но зеркальные площади из чистейшего хрусталя, атомные молнии проспектов, переохлажденный газ неба, лабиринт, где Око ищет собственный свой взгляд, перескакивая квантовые разрывы причинности, вероятности и случайности. Электрические фантомы вброшены в бытие, исследованы, расчленены, бесконечно итерированы.

В центре этого Города растет нечто, автокаталитическое древо — почти-живущее, вплетая корни мыслей в жирный перегной собственных, сброшенных, как листья, отражений, ветвящееся мириадами молний все выше и выше, к сокровенному свету прозрения.

Умирая, чтобы родиться.

Свет ярок,

Свет чист;

Око должно наконец узреть себя;

Я должен узреть себя...
Я вижу:
Я вижу,
Я вижу
Я
!

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ УСТРОЙСТВА
(роман)

Я уже рассказывал о болезненных и муторных ощущениях, которые вызывает путешествие по Времени.

Г. Уэллс

Бертон служил в корпусе морской пехоты, в элитном подразделении Первой гаптической разведки. Когда он вернулся с войны, посттравматического синдрома у него не нашли, но пенсию по инвалидности дали. А тут у него и тайная подработка появилась: испытывать новую компьютерную игру. Но однажды ему понадобилось уехать в соседний город, и он попросил свою сестру Флинн подменить его на очередном сеансе бета-тестирования. Ничего, мол, сложного: патрулируешь на квадрокоптере периметр трех этажей высотки и отгоняешь стрекоз-папарацци. Но Флинн не была готова к тому, что там увидит, — то

ли это просто игра, то ли настоящее убийство. И где это — там?

Глава 1

Гаптика

Посттравматического синдрома у брата Флинн не нашли, а что его периодически глючит, объяснили врачи, так это от гаптики. Вроде фантомных болей в ампутированной конечности, призрак татуировок, которые у него были на войне и сигналили, когда бежать, когда замереть, когда выписывать зигзаги, когда стрелять, дальность и направление. В итоге ему дали инвалидность, и он поселился в трейлере у ручья. В их детстве там жил дядька-алкоголик, старший брат отца, ветеран какой-то другой войны. В то лето, когда Флинн было десять, они с Бертоном и Леоном играли, что тут их форт. Потом Леон пытался водить туда девушек, но внутри слишком воняло. К тому времени, как Бертона комиссовали, трейлер давно стоял пустой, если не считать огроменного осиного гнезда. «Эйрстрим» 1977 года выпуска. Самое ценное, что у них есть, по словам Леона. Он показывал ей такие на *eBay*, похожие на тупые охотничьи пули. Даже самые раздолбанные шли за сумасшедшие бабки. Дядька залил свой

снаружи монтажной пеной, для тепла и чтобы не протекал. Леон считал, только поэтому трейлер и не поперли. Белый герметик от времени и грязи давно стал серым. На взгляд Флинн, «Эйрстрим» больше всего напоминал исполинского опарыша, только с тоннелями к окнам.

На дорожке белели куски гермопены, втоптанные в темную землю. В трейлере горел свет, и, подойдя ближе, Флинн различила в окне брата, который как раз встал и повернулся. Следы удаленной гаптики на хребте и на боках выглядели так, будто кожа припорошена тусклой рыбьей чешуей. Врачи сказали, их тоже можно свести, но он не хотел таскаться ради этого в клинику.

— Привет, Бертон! — крикнула она.

— Легкий Лед! — откликнулся брат, назвав ее геймтегом.

Он одной рукой толкнул дверь, а другой натянул новую белую футболку, пряча морпеховский торс и серебристый чешуйчатый прямоугольник над пупком, размером и формой как игральная карта.

Внутри трейлер был цвета вазелина, с утопленными в мегамартовский янтарь светодиодами. Когда брат сюда переезжал, Флинн вымела крупный мусор. Бертон поленился нести из сарая

пылесос и просто залил все на дюйм китайским полимером. Сквозь глянцевую упругую поверхность и сейчас проглядывали горелые спички и окурки легальных сигарет с их желтыми крапчатыми фильтрами, старше самой Флинн. Она знала, где лежит часовая отвертка, а где — десятицентовик две тыщи девятого года.

Теперь Бертон два-три раза в месяц выносил свои манатки наружу и мыл дом из шланга, как пластиковый пищевой контейнер. Леон считал, полимер для музейной консервации самое то, а когда они соберутся выставить свою американскую классику на *eBay*, его можно будет просто оторвать. Заодно и мусор выкинется.

Бертон взял сестру за руку, потом крепко обнял, приподняв над полом.

— Едешь в Дэвисвилл? — спросила она.

— Леон меня подбросит.

— Шайлен сказала, там протестуют луканутые.

Бертон пожал плечами, двинув многими мускулами, но не сильно.

— Это был ты. Месяц назад. В новостях. На тех похоронах в Каролине.

Он не то чтобы вполне улыбнулся.

— Чуть того парня не убил, — настаивала Флинн.

Он легонько мотнул головой, глаза сузились.

— Бертон, мне не по себе, когда ты туда суешься.

— Ты все еще рэмбуешь у того юриста из Талсы?

— Он не играет. Наверное, закопался в своих юристских делах.

— Ты была лучшей. И доказала это.

— Просто игра. — Флинн обращалась не столько к брату, сколько к себе.

— Чувак, считай, нанял морпеха.

Она вроде бы увидела то самое, от гаптики: легкую дрожь по всему телу. Вот оно было, и вот уже нет.

— Подменишь меня, ладно? — сказал Бертон, словно ничего не произошло. — Пятичасовая смена. Управлять квадрокоптером.

Флинн глянула на его дисплей. Голографические ноги какой-то датской супермодели, исчезающие в тачке, какую знакомым Флинн мало что купить — на улице увидеть не светит.

— Ты на инвалидности, — сказала она. — Тебе не положено работать.

Бертон глянул на нее.

— Где работа? — спросила Флинн.

— Без понятия.

— Аутсорсинг? В. А. тебя застукает.

— Игра, — сказал он. — Бета-тестинг какой-то игры.

— Стрелялка?

— Там не по кому стрелять. Патрулируешь периметр трех этажей высотки, с пятьдесят пятого по пятьдесят седьмой. Ждешь, кто появится.

— И кто появляется?

— Папарацци. Маленькие штучки, вот такие. — Бертон показал длину указательного пальца. — Преграждаешь им путь. Оттесняешь их. Вот и все.

— Когда?

— Сегодня вечером. Надо тебе все объяснить до приезда Леона.

— Я обещала помочь Шайлен.

— Плачу две пятеры.

Он вытащил из кармана джинсов кошелек и достал две новенькие купюры: прозрачные окошки не поцарапаны, голограммы не потускнели.

Сложенные, они отправились в правый передний карман ее обрезанных шорт.

— Свет убавь, — сказала она. — Мне глаза режет.

Бертон провел ладонью в дисплее, но от этого в трейлере стало темно, как в комнате у подростка.

Флинн протянула руку и чуть прибавила освещения.

Она села в братнее китайское кресло, которое тут же подстроилось под ее вес и рост. Бертон придвинул себе облезлый стальной табурет, махнул, и появилась заставка:

МИЛАГРОС СОЛЬВЕТРА ЮА

— Что это? — спросила Флинн.

— Наши работодатели.

— Как они платят?

— Мегапал.

— Тебя точно застукают.

— Деньги идут на счет Леона, — ответил Бертон.

Леон служил в армии примерно тогда же, когда Бертон в морской пехоте, но ему инвалидности не дали. «Хрен он докажет, что подцепил свой дебилизм именно там», — говорила их мать. Флинн, впрочем, никогда не считала Леона тупым. Просто ленивым и хитрым.

— Тебе понадобятся мои логин и пароль. Гоп три раза.

Так они произносили его геймтег — «Гаптраз», — чтобы чужие не подслушали.

Бертон вытащил из заднего кармана сложен-

ный конверт, развернул и открыл. Бумага была плотная, светло-бежевая.

— Из фабы? — спросила Флинн.

Бертон достал из конверта длинную полоску такой же бумаги с несколькими строчками напечатанных символов и цифр:

— Если отсканируешь его или вобьешь куда-нибудь, кроме этого окошка, прощай работа.

Флинн взяла конверт со складного обеденного стола, куда положил его Бертон. Это и впрямь была канцелярка Шайлен, лучшая, — такую делали по заказу больших компаний или юридических фирм. Флинн провела пальцем по логотипу в верхнем левом углу:

— Медельин?

— Охранная контора.

— Ты ж говорил, игра.

— У тебя в кармане десять штук баксов.

— Давно ты на них пашешь?

— Две недели. Кроме воскресений.

— И сколько платят?

— Двадцать пять штук за смену.

— Тогда добавь до двадцати. За то, что кину Шайлен.

Он дал ей еще две пятерки.

Глава 2

Конфетка со стрихнином

Недертона разбудила эмблема Рейни, пульсирующая за веками с частотой сердцебиения в состоянии покоя. Благоразумно не поворачивая головы, Недертон убедился, что он в постели, один. И то и другое в данных обстоятельствах радовало. Он медленно приподнял голову от подушки. Одежды на полу не было. Очевидно, уборщики ночью вылезли из своего гнезда под кроватью и все утащили, чтобы соскоблить незримый слой отшелушенных клеток кожи, секрета сальных желез, атмосферных частиц, остатков еды и прочего.

— Грязная, — хрипло произнес Недертон, на миг вообразив таких уборщиков для души, и снова уронил голову на подушку.

Эмблема Рейни замигала стробоскопически, настойчиво.

Недертон осторожно сел. Встать было бы свыше его сил.

— Да?

Мигание прекратилось.

— Небольшая проблема, — сказала Рейни.

Он зажмурился, но так осталась только эмблема. Уж лучше с открытыми глазами.

— И это твоя звездатая проблема, Уилф.

Недертон скривился, не ожидая, что гримаса отзовется в голове такой болью:

— Давно ты заделалась ханжой?

— Ты — пиарщик. Она — знаменитость. Это зоофилия.

В глаза словно насыпали песку, к тому же они не помещались в глазницах.

— Они, наверное, уже близко к пятну, — произнес он, рефлекторно стараясь показать, что бодр и владеет ситуацией, а не мучится диким и совершенно неожиданным похмельем.

— Они уже над пятном. И твой звездец с ними.

— Что она учудила?

— Один из ее стилистов по совместительству — татуировщик.

— Она же этого не сделала?

— Сделала.

— У нас была совершенно четкая устная договоренность.

— Придумай выход. Прямо сейчас. Все человечество смотрит. По крайней мере та часть человечества, которую мы убедили смотреть.

Люди гадают: удастся ли Даэдре Уэст заключить мир с мусорщиками? Стоит ли поддержать проект? Нам нужен положительный ответ на оба вопроса.

— Двух предыдущих послов они съели, — сказал Недертон. — Галлюцинируя синхронно с дебрями кода, в убеждении, что их гости — шаманские звериные духи. Я трое суток кряду ее натаскивал. Месяц назад в «Коннахте». Три антрополога, два эксперта по неопримитивизму. Никаких татуировок. Нулевый, абсолютно чистый эпидермис. И тут здрасте.

— Отговори ее, Уилф.

Он проверил, сможет ли встать. Получилось. Прошел в туалет, голый, пописал как можно громче.

— От чего отговорить?

— Она намерена спуститься на параплане без…

— Так и запланировано.

— Без ничего. Если не считать ее новеньких тату.

— Шутишь?

— Какие уж тут шутки…

— На случай если ты не заметила, красота, в их понимании, ассоциируется с доброкачественны-

ми кожными новообразованиями, избыточными сосками и тому подобным. Традиционные татуировки однозначно сигналят имиджем гегемона. Как явиться на аудиенцию к папе римскому с генитальным пирсингом напоказ. Даже хуже. Какие они из себя?

— Постчеловеческая гнусь, по твоим же словам.

— Да нет, татуировки!

— Что-то с круговым течением. Абстрактные.

— Посягательство на культурное достояние. Класс. Хуже не придумаешь. На лице? На шее?

— По счастью, нет. Если ты уговоришь ее надеть комбинезон, который мы сейчас печатаем в мобиле, проект еще удастся спасти.

Недертон взглянул на потолок. Вообразил, как крыша разверзается и он сам уплывает вверх. Неведомо куда.

— И еще наши саудовские спонсоры, — продолжала Рейни. — Видимые татуировки они бы пережили, хоть и с трудом. Женскую наготу — нет.

— Они могут воспринять это как приглашение к сексу, — сказал Недертон. Сам он именно так и воспринял.

— Саудовцы?

— Мусорщики.

— Или как ее готовность стать их обедом, — заметила Рейни. — Последним в любом случае. Она — конфетка со стрихнином. Любого, кто хотя бы чмокнет ее в щечку, хватит анафилактический шок. Там еще что-то с ногтями, но мне толком не объяснили.

Он обмотался вокруг пояса белым махровым полотенцем. Подумал, не выпить ли воды из графина на мраморном столе, но его замутило от одной мысли.

Возникла незнакомая эмблема.

— Лоренцо, — сказала Рейни, — подключаю к тебе Уилфа Недертона, в Лондоне.

И тут Недертон чуть не блеванул от входящей картинки: яркий просоленный свет Мусорного пятна, ощущение полета.

Глава 3

Шугать жучков

Флинн отзвонилась Шайлен, сумев не упомянуть Бертона. Шайлен какое-то время встречалась с ним в старших классах, но всерьез положила на него глаз, когда он вернулся с войны, весь такой ветеран Первой гаптической разведки, с морпеховским торсом и следами татуировок. Флинн считала, что Шайлен, как это называют в психологических шоу, романтизирует патологию. Впрочем, не то чтобы здесь было особенно из кого выбирать.

По поводу Бертона они с Шайлен сходились только в одном: обеих тревожило, что он цапается с «От Луки 4: 5». Луканутых не любили все, но Бертон воспринимал их как личную занозу в заднице. Флинн подозревала, что для него это просто повод, и все равно беспокоилась. Они возникли как церковь или в церкви: против голубых, против абортов и противозачаточных средств. Устраивали акции протеста на военных похоронах, из-за чего Бертон и взъелся. Остальные просто считали луканутых больными на

всю голову мудозвонами, а те видели в таком отношении к себе знак своей богоугодности. Для Бертона они были способом выпустить пар.

Сейчас Флинн наклонилась, ища под столом черный нейлоновый чехол для томагавка. Бертон говорил, это не томагавк, а топорик, но, как ни называй, Флинн хотела убедиться, что брат не взял его в Дэвисвилл. Она приподняла чехол — тяжелый, значит все в порядке. Заглядывать внутрь не было никакой надобности, однако Флинн все-таки расстегнула молнию. Чехол был шире всего вверху, где помещался боек — по форме как широкое долото, только с изгибом, а вместо обуха — клюв, уменьшенное подобие лезвия, но с изгибом в другую сторону. И лезвие, и клюв толщиной в мизинец, но заточены так, что не заметишь, как порежешься. Рукоятка чуть выгнута назад и вымочена в каком-то специальном составе, так что дерево стало еще более прочным и упругим. У всех в Первой гаптической разведке были такие томагавки, их делал один кузнец в Теннесси. Осторожно, чтобы не порезать пальцы, Флинн застегнула чехол и положила на место.

Она провела телефоном сквозь дисплей и вызвала хомовскую карту округа. Бляшка Шайлен была в фабе «Форева», один из сегментов эмо-

колечка лиловел тревогой. Как обычно, никто ничем особым не занимался. Мэдисон и Дженис гамали в «Су-27», олдскульный авиатренажер, служивший Мэдисону главным источником заработка. У обоих колечки были бурые, что означало «настроение говенное», впрочем они и не заморачивались его менять. Выходило, что сегодня из ее знакомых работают четверо, считая саму Флинн.

Она согнула телик, придав ему свой любимый игровой угол, вбила «Гаптраз» в окошко логина, ввела длиннющий пароль и щелкнула «ВОЙТИ». Ничего не произошло. И вдруг — будто вспышка фотоаппарата в старом кино — весь дисплей залило светом, серебристым, как шрамы от гаптики. Флинн заморгала.

В следующий миг она уже шла вверх с пусковой платформы на крыше фургона. Как в лифте. Панель управления пока не появилась. Обо всем этом Бертон предупредил, а вот о чем он не сказал, так это о голосах: со всех сторон звучали настойчивые шепотки, словно целое облако невидимых фей — полицейских диспетчеров.

Нижний обзор показывал уменьшающийся прямоугольник фургона. Верхний — бесконечное здание, обрыв высотой с целый мир.

Глава 4

Нечто, столь нерушимо приобретенное

Лоренцо, оператор Рейни, профессионально твердым и неторопливым взглядом отыскал Даэдру в окне, выходящем на верхнюю носовую палубу мобиля.

Недертон ни за что бы не сознался Рейни, да и вообще никому, что жалеет о романе с Даэдрой, злится на чужой, брутально-примитивный образ, который она ему навязала.

Сейчас он (а вернее, Лоренцо) смотрел на Даэдру через окно. На ней были солнцезащитные очки и кожаная летная куртка, больше ничего. Недертон против воли отметил подновленный с их прошлой встречи ирокез на ее лобке. Татуировки, как он догадывался, стилизованно изображали течения, за счет которых возникло Северо-Тихоокеанское мусорное пятно. Свежие и блестящие, под какой-то мазью на основе силикона. Идеально подобранной, чтобы их подчеркнуть.

Часть окна уехала вбок. Лоренцо шагнул вперед. «У меня на связи Уилф Недертон», — прозвучал в ушах его голос. Эмблема Лоренцо

сменилась эмблемой Даэдры.

Она вцепилась руками в лацканы расстегнутой куртки:

— Привет, Уилф!

— Рад тебя видеть, — сказал он.

Даэдра улыбнулась, показывая зубы, форму и расположение которых определяла, наверное, целая комиссия дизайнеров. Плотнее запахнула куртку, держа кулаки под горлом:

— Ты злишься из-за тату.

— У нас была вполне определенная договоренность.

— Я должна делать, что мне хочется, Уилф. Я не люблю в чем-либо себе отказывать.

— Не мое дело вмешиваться в твой творческий процесс, — сказал он, стараясь направить энергию крайнего раздражения в поддельную искренность. Это была его фирменная алхимия, но сегодня мешало похмелье. — Помнишь Анни, эксперта по неопримитивизму? Умненькую?

Глаза у Даэдры сузились.

— Это которая смазливая?

— Да, — отвечал Недертон, хотя сам так не думал. — Мы с ней пропустили по стаканчику после заключительной встречи в «Коннахте», перед моим отъездом.

— И что она?

— Как я понял, ее парализовало от восхищения. Когда ты ушла, Анни все мне рассказала. Она убивалась, что не посмела поговорить с тобой о твоем творчестве.

— Она художник?

— Искусствовед. Фанатеет по тебе еще со школы. Подписана на полный комплект миниатюр, хотя буквально не может себе такого позволить. Слушая ее исповедь, я совершенно по-новому увидел твою карьеру.

Даэдра тряхнула волосами и сняла солнцезащитные очки. Для этого ей пришлось оторвать руку от лацкана, и куртка, вероятно, снова разошлась, но Лоренцо смотрел только на лицо.

Недертон расширил глаза, готовясь экспромтом выдать следующую порцию лжи, которую еще даже не сочинил. Тут он вспомнил, что Даэдра его не видит. Что она глядит на человека по имени Лоренцо на верхней палубе мобиля по другую сторону земного шара.

— Особенно ей хотелось передать то, что она осознала, увидев тебя вживую. Новое чувство времени, которое она увидела в тебе. Анни считает его ключевым фактором твоего творческого раскрытия.

Лоренцо перефокусировался, и теперь Недертон видел губы Даэдры в нескольких сантиметрах от своего лица. Он вспомнил их странно резкий неорганический вкус.

— Чувство времени? — переспросила она.

— Надо было записывать. В пересказе получается совсем не то. — Недертон напрягся, силясь вспомнить, что за ахинею нес минуту назад. — Смысл в том, что ты сейчас более уверена в себе. Ты всегда была храброй, даже бесстрашной, но вот это внутреннее спокойствие — нечто совершенно новое. Нечто, говоря ее словами, столь нерушимо приобретенное. Я собирался обсудить с тобой ее идеи за обедом, но потом все повернулось иначе.

Даэдра глядела пристально, не моргая. Недертону представилось, как ее эго медленно выплывает наружу и смотрит на него с подозрением — нечто угреподобное, личиночное, с просвечивающим скелетом. Очевидно, ему удалось полностью завладеть ее вниманием.

— В противном случае, — услышал он свой голос, — этого разговора между тобой и мной, скорее всего, не было бы.

— Почему?

— Потому что Анни объяснила бы тебе, что за-

думанный тобой выход продиктован попятным импульсом, рецидивом более ранних ступеней творчества. Что он контрорганичен твоему новому чувству времени.

Даэдра все так же в упор смотрела на него, точнее, на неведомого Лоренцо. Потом непроизвольно улыбнулась какой-то своей мысли.

Эмблема Рейни потускнела, сигнализируя о переходе в личку.

— Ты гений, — сказала Рейни из Торонто. — Я бы прямо сейчас захотела родить от тебя ребенка, но не стоит плодить лгунов.

Глава 5

Стрекозы

Флинн забыла пописать. Пришлось оставить коптер на автопилоте в пятнадцати футах от здания и пулей лететь в новый компостный туалет Бертона. Теперь она застегнула шорты, бросила в дыру совок кедровых опилок и выскочила наружу. Большой мягкий флакон государственного антисептика, который Бертон присобачил на дверь, закачался и заплескал. Флинн хлопнула по пластику, выдавила немного геля и втерла в ладони, гадая, не потырил ли Бертон флакон в клинике В. А.

В трейлере она схватила из холодильника кусок домашнего джерки (Леон делал) и банку «Ред булл». На ходу сунула кривой кусок вяленой говядины в рот, села и взялась за телефон.

Папарацци уже налетели. Они походили на двухъярусных стрекоз: крылья (или винты) прозрачны от скорости, спереди стеклянный шарик-глазок. Флинн попробовала их пересчитать, но не смогла, так быстро они шныряли туда-сюда. Может, шесть, может, десять. Они явно

интересовались зданием. Как жучки с эмуляцией искусственного интеллекта. Впрочем, Флинн и сама так умела. Папарацци вроде бы ничего не делали, просто подлетали и зависали, глазком к зданию. Она оттеснила двух. Стрекозки унеслись, но ясно было: они скоро вернутся. Судя по всему, они ждали чего-то, что должно произойти на пятьдесят шестом этаже.

В некоторых ракурсах здание казалось черным, хотя на самом деле было цвета очень темной бронзы. Окна то ли отсутствовали вовсе, то ли отсутствовали на этажах, которые патрулировала Флинн, то ли были закрыты ставнями. На фасаде располагались большие прямоугольники, некоторые горизонтально, некоторые вертикально, без всякой системы.

Феи-диспетчеры умолкли, когда индикатор дисплея показал двадцатый этаж. Более строгий протокол? Она не отказалась бы услышать их снова. Гонять стрекоз было довольно тоскливо. Будь Флинн здесь по своей воле, она бы осмотрела город, но ей платили не за то, чтобы любоваться видами.

По крайней мере одна улица была прозрачная, как будто стеклянная, и подсвечена снизу. И очень мало машин. Может, их еще не нарисова-

ли. Флинн вроде бы видела, как что-то идет на двух ногах по краю леса или парка. Не человек, куда больше. Некоторые автомобили были совершенно темны: ни фар, ни светящихся окон. И еще что-то большое проплыло за высотками вдали, похожее на кита или на акулу китовых габаритов. С огнями, как самолет.

Флинн на пробу сдавила джерки зубами. Нет, еще не жуется.

Резко пошла на стрекозу в камере переднего обзора. С какой бы скоростью Флинн ни двигалась, они просто отлетали прочь. Тут горизонтальный прямоугольник откинулся вперед, как столик или полка, явив глазам стену светящегося матового стекла.

Флинн вытащила джерки изо рта и положила на стол. Жучки вернулись и теперь маневрировали, спеша зависнуть перед окном, если это было окно. Флинн свободной рукой нащупала «Ред булл», подцепила пальцем колечко, отпила глоток.

И тут на матовом стекле появился силуэт стройного женского зада, прижатого к окну. Потом, выше, лопатки. Только тени. Затем растопыренные пятерни справа и слева от них. Судя по размеру, мужские.

Энергетик был на вкус как холодный разведенный сироп от кашля. Флинн проглотила, крикнула: «Пшли вон!» — и ринулась на стрекоз.

Одна из мужских ладоней оторвалась от стекла, ее тень исчезла. Женщина шагнула прочь, вторая мужская ладонь осталась на прежнем месте. Флинн догадывалась, что пара стояла у окна и мужчина рассчитывал на поцелуй, но его ожидания не оправдались.

Мутновато для начала игры. Больше подошло бы для серьезной передачи о психологии семейных отношений. Вторая ладонь тоже исчезла. Флинн вообразила раздраженный жест.

Зазвонил ее телик. Флинн включила его на громкую связь.

— Ты как? — спросил Бертон.

— Я там. А ты в Дэвисвилле?

— Только что доехали.

— Луканы выступают?

— Они здесь.

— Не связывайся с ними, Бертон.

— И в мыслях не было.

Ну да, конечно.

— В этой игре что-нибудь когда-нибудь происходит?

— Ты отгоняешь камеры?

— Да. И еще тут появился такой вроде откидной балкон. Длинное окно матового стекла, за ним свет. Видела тени людей.

— У меня такого не было.

— Еще видела что-то вроде дирижабля. Где это происходит?

— Нигде. Просто оттоняй камеры.

— Больше похоже на службу охранника, чем на игру.

— Может, это игра в службу охранника. Я пошел.

— Куда?

— Леон вернулся. Принес корейских хот-догов. Жалеет, что ты не поехала.

— Передай, что я делаю дебильную работу за моего дебильного братца.

— Передам. — И он отключился.

Флинн ринулась на жучков.

Глава 6

Мусорщики

Лоренцо транслировал подлет мобиля к городу. Руки Недертона на мягких подлокотниках самого удобного кресла в комнате и руки оператора на перилах ненадолго слились в одно — ощущение настолько же безымянное, как и сам город.

Не город, настаивали эксперты, но растущая скульптура. А еще точнее — ритуальный объект. Желтовато-серый, матово-прозрачный, переработанный из взвеси, составляющей верхний слой Великого Тихоокеанского мусорного пятна. Приблизительным весом в три миллиона тонн (и эта величина возрастала каждый день), он удерживался на плаву за счет сегментированных пузырей, каждый размером с крупный аэропорт прошлого века.

Известное число обитателей не достигало сотни, а поскольку то неведомое, что безостановочно строило город, одновременно съедало камеры, про туземцев никто ничего толком не знал.

Столик на колесиках подъехал чуть ближе к подлокотнику, напоминая Недертону про его

кофе.

— Теперь давай ее, Лоренцо, — распорядилась Рейни, и оператор, повернувшись, сфокусировался на Даэдре.

Вокруг нее теснились специалисты. Фарфоровая митикоида в викторианском матросском костюмчике, стоя на коленях, шнуровала артистично потертые кожаные сапоги Даэдры, в то время как одна из висящих в воздухе камер специальным вентилятором раздувала той челку. Видимо, специалисты оценили скорость ветра и решили, что шлем будет лишним.

— А удачно вышло, — произнес Недертон, невольно залюбовавшись покроем комбинезона. — Если она не вздумает раздеться.

Словно услышав его, Даэдра потянула молнию — сперва чуть-чуть, потом сильнее, обнажив жирную дугу стилизованного Кругового течения.

— Мы немножко помудрили с принт-файлом молнии, — сказала Рейни. — Хорошо бы твоя фифа не попыталась заголиться сильнее, пока не будет на месте.

— Ей это не понравится.

— Ей не понравится, что ты наврал про экспертессу.

— Экспертесса вполне может думать что-ни-

будь в таком роде. Не поговорив, не проверишь. — Он, не глядя, взял чашку и отпил кофе. Очень горячий. Черный. Может, еще удастся выжить. Анальгетики уже потихоньку начали действовать. — Если Даэдра получит свой процент, она не вспомнит про заевшую молнию.

— Это при условии, что переговоры пройдут успешно, — заметила Рейни.

— У нее есть все основания стремиться к их успеху.

— Лоренцо отправил за борт две большие камеры, — сказала Рейни. — Они скоро начнут давать картинку с места.

Недертон разглядывал костюмеров, визажистов, взбадривателей и документалистов:

— Сколько среди них наших?

— Шесть, включая Лоренцо. Он считает, что главный телохранитель — митикоида.

Недертон кивнул, забыв, что Рейни его не видит, и тут же вздрогнул, пролив кофе на белый халат: в поле зрения по обе стороны от Даэдры диафрагмировались врезки с двух стремительно движущихся камер.

От картинки острова у него привычно засвербела вся кожа.

— Они сейчас примерно в километре одна от

другой, идут сходящимися курсами на запад-северо-запад, — сказала Рейни.

— На это я не подписывался.

— Тебе туда отправляться не надо, но смотреть мы должны вместе.

Камеры спускались через какие-то высокие структуры наподобие парусов. Все выглядело одновременно циклопическим и пугающе эфемерным. Огромные пустые площади и скверы, проспекты, по которым могли бы пройти шеренгой сто человек.

Ниже стали видны засохшие водоросли, побелевшие кости, соляная корка. Мусорщики поставили себе целью очистить верхний слой воды и собрали свой город из переработанных пластиковых отходов. Внешние формы были вторичными, несущественными и все равно изумляли своим уродством. От них хотелось немедленно залезть под душ. Кофе уже начал просачиваться через халат.

Сейчас на Даэдру надели параплан, который в сложенном виде напоминал двудольный красный рюкзак с белым логотипом изготовителя.

— Рекламное место на параплане наше или ее? — спросил Недертон.

— Ее правительства.

Камеры резко замедлились, синхронно поймав друг друга над заданным квадратом, и продолжили спуск к противоположным углам площади. Теперь внутри каждой врезки можно было видеть идентичную камеру-напарницу: легкий серый овал размером с чайный поднос, посредине — маленький обтекаемый фюзеляж.

Кто-то включил аудио — то ли Рейни, то ли Лоренцо.

Квадрат заполнился тихим стоном — звуковой визитной карточкой острова. Все сооружения мусорщиков были пронизаны открытыми вертикальными трубами, и ветер, задувая в них, генерировал переменную тональность, которую Недертон возненавидел с первой секунды.

— А без концерта нельзя? — спросил он.

— Важная часть атмосферы острова, которую я хочу донести до зрителей.

Какая-то огромная фигура двигалась вдали слева.

— Это еще что?

— Ветроход.

Четырехметровой высоты, без головы, но с неисчислимым количеством ног, он был из того же бледного пластика, пустой, словно чей-то сброшенный панцирь, и двигался, как марионетка в

руках неуклюжего кукловода, — покачиваясь из стороны в сторону. Торчащий по всей его длине лес труб явно вносил свой вклад в песню пластмассового острова.

— Его прислали мусорщики?

— Нет, — ответила Рейни. — Они отпустили его гулять, куда ветер дует.

— Он не должен попасть в кадр.

— Ты теперь у нас режиссер?

— Он не должен попасть в кадр, — повторил Недертон.

— Об этом позаботится ветер.

Ветроход, покачиваясь, медленно уковылял на полых полупрозрачных ногах.

На верхней палубе мобиля помощники отошли от Даэдры, только фарфоровая митикоида еще проверяла параплан, двигая пальцами с нечеловеческой скоростью и точностью. Лента викторианской матросской шапочки трепетала на ветру, уже настоящем, а не от камеры с вентилятором.

— Есть первый, — сказала Рейни.

Одна из камер как раз навелась на ребенка. Или кого-то ростом с ребенка. Мусорщик ехал на призрачном велосипедике из того же обросшего соляной коркой полиэтилена, что здания и

ветроход. Ни мотора, ни педалей, так что седоку приходилось все время отталкиваться ногами от мостовой.

Мусорщики вызывали у Недертона даже большее отвращение, чем остров. Их кожу сплошь покрывала искусственная разновидность солнечного кератоза, которая парадоксальным образом защищала от канцерогенного ультрафиолета.

— Всего один?

— Спутник показывает, что они двигаются к площади. Двенадцать, считая этого. Как и договаривались.

Недертон продолжал следить, как мусорщик неопределенного пола приближается на детском беговеле. Глаза существа (или, возможно, очки) составляли одну узкую горизонтальную черточку.

Глава 7

Наружка

За матовым стеклом готовились к торжественному приему. Флинн знала это, потому что оно стало прозрачным, как в том фокусе с двумя солнцезащитными очками, который показывал ей Бертон.

Стрекозки активизировались, активизировалась и Флинн. Она нашла кнопку вертикального спуска для экстремального пилотажа и теперь могла атаковать с неожиданных углов. Даже чуть не поймала одну, рухнув на нее сверху. От такой короткой дистанции крупный план на миг застыл, но тут же пропал, а кнопки, чтобы восстановить картинку из памяти, не было. Стрекоза вблизи походила на игрушку или особо уродское украшение из фабы Шайлен.

Флинн наняли распугивать стрекоз, а не ловить, тем более что у разработчиков так и так будут записи всех ее действий. Однако, гоняя папарацци, она могла неплохо разглядеть, что происходит внутри.

Парочки, стоявшей у окна, в помещении уже

не было. И вообще никого из людей. Маленькие бежевые пылесосы наводили чистоту, катаясь по полу так быстро, что и не разглядишь. Три девушки-автомата накрывали длинный стол. Они были практически одинаковые: классические анимешные робоняшки с фарфоровыми личиками, почти лишенными черт. Они соорудили три большие цветочные композиции, расставили подносы и теперь перекладывали туда еду с тележек. Когда тележки подкатывались к столу, бежевая мельтешащая масса чуть раздвигалась, давая им проход. Текла вокруг, как механическая вода, отскакивая под идеально прямыми углами.

Бертон бы не оценил этого так, как Флинн. Ей хотелось увидеть, каким будет праздник.

Она совсем не любила телешоу, где люди готовятся к свадьбе, похоронам или концу света. Но в тех шоу не было автоматических девушек и гоночных роботов-пылесосов. Заводские роботы-сборщики на видео двигались почти так же быстро, а вот детские игрушки, которых печатала Шайлен, — никогда.

Флинн шуганула двух жучков и зависла, краем глаза продолжая наблюдать за автоматами. На одной из рободевушек была стеганая куртка с множеством карманов, из которых торчали ма-

ленькие блестящие инструменты. Рободевушка чем-то вроде зубочистки художественно раскладывала на суши не то икринки, не то какую-то другую мелочь, Флинн не могла разглядеть. Зато видела на фарфоровом личике круглые черные глаза, расставленные шире, чем у людей. Раньше их там не было.

Она чуть сильнее согнула телефон, давая отдых усталым пальцам, и снова ринулась на жучков.

Бежевое мельтешение на полу исчезло, как будто щелкнули выключателем, остался лишь один бедолага, похожий на морскую звезду. Ему пришлось улепетывать на колесиках, или что там у него было на концах лучей. Сломался, наверное, подумала Флинн.

В комнату вошла женщина, красивая брюнетка. Не как горячие штучки в играх для мальчиков. Реалистичнее. Вроде любимого ИИ-персонажа Флинн в «Операции «Северный ветер»», героини французского Сопротивления. Простое платье наподобие длинной футболки, темно-серого цвета, перетекающего в черный там, где ткань соприкасалась с телом. Это напомнило Флинн тени на матовом стекле. Пока женщина шла вдоль стола, платье сползло с ее левого плеча, полностью его оголив. Именно что не соскользнуло, а сползло

по собственному почину.

Рободевушки замерли, подняв лица, теперь совершенно безглазые — неглубокие глазницы такие же ровные, как щеки. Женщина обогнула конец стола. Папарацци всем скопом ринулись к окну.

Вбок, вверх, вниз, назад. Флинн слышала, как щелкают ее пальцы по телефону.

— Кыш, падлы! — крикнула она стрекозам, снова бросая на них квадрокоптер.

Женщина остановилась перед окном, глядя наружу. Платье плавно вползло на ее голое левое плечо, вырез на миг вытянулся в узкое декольте, затем скруглился.

— Кыш, падлы!

Окно вновь поляризовалось, или как там это называется.

— Падлы! — крикнула Флинн стрекозам, хотя их вины тут, вероятно, не было.

Быстро облетела дом на случай, если с другой стороны тоже открыто окно и она что-нибудь пропустила. Ничего. И ни одной стрекозы.

Назад. Папарацци, зависнув перед окном, подрагивали в ожидании. Флинн пролетела через их рой, и он унесся прочь.

Вытащила из-за щеки кусок джерки, прожева-

ла. Почесала нос.

Нюхнула антисептика, которым по-прежнему воняли пальцы.

Ринулась на стрекоз.

Глава 8

Двоечлен

У главного мусорщика голова росла сразу из плеч (если это был не маскарадный шлем из кератозной кожи). Еще у него было жабье лицо и два пениса.

— Мерзопакость, — сказал Недертон, не рассчитывая на ответ Рейни.

За два метра ростом, с непропорционально длинными руками, главарь прикатил на велосипеде-«пауке»: полые спицы большого переднего колеса были сделаны в форме костей альбатроса. Сквозь драную балетную пачку из выцветшего пластикового мусора просвечивало то, что Рейни назвала его «двоечлением». Верхний пенис (если, конечно, это был пенис), меньший, находился в боеготовности, возможно всегда, и венчался чем-то вроде праздничного колпака, только не бумажного, а рогового. Второй, более привычной формы, хоть и гипертрофированного размера, вяло болтался внизу.

— Отлично, — сказала Рейни. — Все в сборе.

Между круглыми окошками врезок шла транс-

ляция от Лоренцо: Даэдра в профиль перед складным трапом, ведущим к перилам мобиля. Голова наклонена, глаза опущены. Как будто молится или медитирует.

— Что она делает? — спросила Рейни.

— Визуализирует.

— Что?!

— Себя, я думаю.

— Я заключила пари. Сказала, ты на нее не клюнешь. Проиграла.

— Это было совсем недолго.

— Ага. Все равно что «немножко беременна».

— Ненадолго беременна.

Даэдра вскинула подбородок и почти рассеянно тронула неяркую нашивку с американским флагом на правом плече.

— Золотой кадр, — откомментировала Рейни.

Даэдра поднялась по пяти ступеням трапа и рыбкой нырнула через перила.

Между двумя врезками раскрылась третья, показывающая вид снизу.

— Микро. Мы отправили вчера несколько штук, — говорила Рейни, пока в небе над островом раскрывался ало-белый параплан. — Мусорщики дали понять, что знают про них, но пока еще ни одну не съели.

Недертон провел языком по нёбу справа налево, отключая картинку с телефона.

— Как она тебе? — спросила Рейни.

— Замечательно, — ответил Недертон, глядя на неубранную кровать, и поднялся с кресла.

Он подошел к вертикально-вогнутому угловому окну. Оно деполяризовалось. Недертон глянул на ожидаемо пустой перекресток. Ни соляной корки, ни драматизма, ни атональной музыки ветра. За Блумсбери-стрит метровый изумрудно-зеленый богомол в желтых наклейках что-то по мелочи ремонтировал на фасаде времен королевы Анны. Наверняка какой-то любитель управлял им дистанционно. Рой невидимых ассемблеров справился бы куда лучше.

— Она всерьез собиралась прыгнуть голая, — сказала Рейни, — татуированная с ног до головы.

— Не преувеличивай. Ты же видела миниатюры ее прежних кож. Вот там и впрямь с ног до головы.

— По счастью, не видела.

Недертон дважды щелкнул языком по нёбу, включая изображение. Обе боковые камеры показывали главного мусорщика и одиннадцать его приближенных. Все застыли, глядя вверх.

— Красавцы, — проговорил Недертон.

— Ты действительно их так ненавидишь?

— А за что их любить? Глянь только.

— Они не ставят себе целью понравиться нам внешне. Ну и каннибализм, если это не наговоры, тоже их не красит. Однако они и впрямь очистили верхний слой воды практически без сторонних капиталовложений. И безусловно, владеют островом из переработанных полимеров, не имеющим аналогов в мире. На мой взгляд, это народ, если не государство.

Мусорщики на самокатах и беговелах окружили предводителя кольцом. Тот оставил велосипед на краю площади, но все равно возвышался над остальными, которые были настолько же малы, насколько он огромен, — серые карикатурные фигурки. Все щеголяли слоями лохмотьев, обесцвеченных солнцем и солью. Модификации, разумеется, зашкаливали. У наиболее очевидно женских особей было по шесть грудей, голую кожу покрывали не татуировки, а сложные абстрактные узоры из псевдорыбьей чешуи. Ноги, одинаково босые и беспалые, напоминали галоши. Лохмотья трепетали на ветру, больше ничего на площади не двигалось.

На центральном канале трансляции Даэдра стремительно шла вниз, затем качнулась и нена-

долго поплыла вверх. Параплан менял ширину и профиль.

— Приземляется, — сказала Рейни.

Даэдра спускалась вдоль самой широкой из поперечных структур, теперь параплан ритмично менял форму, тормозя, похожий на медузу в съемке с эффектом замедленного движения. Даэдра почти не споткнулась, когда ее ноги коснулись полимера. Из-под артистично потертых сапог взметнулись облачка соли.

Параплан выпустил Даэдру, сжался, чтобы спружинить четырьмя ножками, лег на секунду-две и вновь собрался в двудольный тючок, логотипом кверху. Разумеется, он бы ни за что не приземлился логотипом вниз. Еще один золотой кадр. Врезка с центральной микрокамеры закрылась.

На двух других камерах, снимающих площадь с противоположных сторон, Даэдра, гася инерцию, легко и грациозно вбежала в круг мусорщиков.

Главарь, медленно переступая ногами, развернулся к ней всем корпусом. Глаза, расположенные по углам огромной, совершенно нечеловеческой головы, выглядели полустертыми детскими каракулями.

— Началось, — сказала Рейни.

Даэдра вскинула правую руку. Это можно было понять и как приветствие, и как знак, что она пришла без оружия.

В то же самое время ее левая рука потянула вниз застежку комбинезона. Молнию заело на ладонь ниже ключиц. По лицу Даэдры пробежало микровыражение ярости.

— Сука, — почти радостно проговорила Рейни.

Левая лапа главаря, похожая на просоленную боксерскую перчатку, сомкнулась на правом запястье Даэдры. Он дернул, и Даэдра повисла над прозрачным пластиком острова. Она изо всех сил пнула мусорщика в дряблый живот, как раз над драной балетной пачкой. Куски разбитой соляной корки полетели в стороны.

Чудовище поднесло Даэдру ближе к себе, почти к самому роговому колпачку псевдофаллоса. В тот же миг она спокойно приложила раскрытую левую ладонь к его серому кератозному боку, сразу над ребрами.

Мусорщика пробила дрожь. Он качнулся.

Даэдра вскинула обе ноги, уперлась ему в живот и толкнула. Казалось, ее левая рука тянет из его бока что-то вроде алой рулетки. Ноготь большого пальца. Длиной, когда вышел полностью, с ее руку до локтя. В сером мире кровь казалась

неестественно яркой.

Мусорщик выпустил Даэдру, она упала на спину и мгновенно перекатилась на корточки; ноготь уже сократился вдвое. Раскрыв огромную пасть, в которой Недертон увидел лишь черноту, мусорщик завалился вперед.

Даэдра стояла на ногах и медленно поворачивалась. Оба ногтя на ее больших пальцах плавно закруглялись, на левом блестела кровь мусорщика.

— Гиперзвуковые, — произнес незнакомый голос на канале Рейни, бесполый и абсолютно спокойный. — Подлет. Торможение. Скачок уплотнения.

Никогда еще Недертон не слышал здесь грома.

Шесть безупречно гладких белых цилиндров в ряд через равные расстояния возникли над и чуть сбоку от мусорщиков, которые, побросав беговелы и самокаты, сжимали вокруг Даэдры кольцо. Вертикальная линия тонких оранжевых иголок заплясала над каждым, каким-то неведомым Недертону способом кромсая их в ошметки. Изображение в обеих врезках замерло. Одну из них почти целиком заполнил идеальный, невозможный, совершенно черный силуэт отрубленной руки.

— Мы в жопе, — с безграничным детским изумлением проговорила Рейни.

Недертон, глазами Лоренцо наблюдавший, как митикоида, на лету выпуская множественные паучьи глаза и оружейные дула, сиганула через перила, мог лишь согласиться с Рейни на все сто.

Глава 9

Временное задержание

Лондон.

Диоды Флинн в какой-то момент выключила, потому что так удобнее было высматривать стрекоз, и теперь не стала включать их обратно. Она надеялась в конце смены спуститься вдоль здания к фургону и на досуге изучить сеттинг, но ее просто выкинули из игры.

Она распрямила телефон, размяла пальцы и в тоскливой полутьме запустила поиск изображений по городам. Он много времени не занял. Изгиб реки, текстура старых, более низких зданий, контраст между ними и высотками. В настоящем Лондоне небоскребов было меньше, они стояли кучками и сильнее отличались формой и размером. В игровом мире они походили на мегаштабеля и далеко отстояли один от другого через равные расстояния, по квадратам. Флинн знала, что эта квадратная планировка — игровая. У настоящего Лондона такой отродясь не было.

Она задумалась, куда спрятать бумажку с паролем. Выбрала чехол с томагавком и уже убирала

его обратно под стол, когда позвонил Леон.

— Как Бертон? — спросила Флинн.

— Безбаши, — ответил тот. — Временное задержание.

— Его арестовали?

— Нет. Просто заперли от греха подальше.

— Что он отколол?

— Возбухал. Безбаши потом улыбались и все такое. Им понравилось. Угостили его фирмешной китайской сигаретой.

— Он не курит.

— Обменяет на что-нибудь.

— Телефон забрали?

— Безбаши всегда забирают телики.

Флинн взглянула на свой. Мейкон отпечатал его только на прошлой неделе. Хотелось верить, что Мейкон все сделал как надо, поскольку теперь ее номер попал в безовские компьютеры.

— Сказали на сколько?

— Они никогда не говорят, — ответил Леон. — Наверное, подержат, пока луканы не свалят.

— Как там сейчас?

— Да примерно как было.

— Чего стряслось-то?

— Да один бугай держал плакат «Бог покарает». Слушай, Бертон просил сказать: там же в то же

время. Что ты для него делала. До его возвращения. Пятерка сверху через раз.

— Передай ему, не через, а каждый раз. Всё, что ему заплатят.

— Слушаю тебя и радуюсь, что у меня нет сестры.

— У тебя есть двоюродная сестра, придурок! Не забывай!

— Забудешь тут.

— Приглядывай за Бертоном, Леон.

— О’кей.

Флинн заглянула в Хому, убедилась, что Шайлен на прежнем месте, все так же с лиловым ободком. Надо туда заскочить. И заодно спросить Мейкона про телики, Бертона и свой.

Глава 10

Бар «Менады»

Угловая забегаловка в крытой галерее 1830 года постройки на нижнем ярусе Ковент-Гардена ориентировалась, вероятно, на туристов. Глядя на единственную официантку-митикоиду, Недертон невольно ждал, что сейчас она ощетинится оптическими прицелами. Большая, почти аутентичная с виду вывеска над барной стойкой, перед которой помещались четыре табурета, изображала, надо полагать, менад, целую толпу. Недертон (он сидел в отдельном кабинете за темно-бордовым бархатным занавесом) ни разу не видел в «Менадах» посетителей, оттого и назначил здесь встречу.

Тяжелый бархатный занавес чуть отодвинулся, и на Недертона глянул карий детский глаз под светлой челкой.

— Рейни? — спросил Недертон, хотя ничуть не сомневался, что это она.

— Извини, — ответила девочка, проскальзывая внутрь. — Ничего взрослого не было. В опере идет что-то популярное, и всё поблизости разобрали.

Он представил, как она лежит сейчас в своей длинной торонтской квартире, на мостике через авеню, соединяющем наискосок две старые высотки. С обручем на голове, который обманывает нервную систему, заставляя воспринимать движения прокатной периферали как собственный сон.

— Насмотрелась я на митикоид. — По виду ей было лет десять, если не меньше; внешность самая невыразительная, как обычно у прокаток. — Наблюдала ту, с мобиля, пока она охраняла Даэдру. Мерзость. Когда им надо, бегают, как пауки.

Она с хмурым видом села напротив Недертона.

— А где Даэдра? — спросил он.

— Неизвестно. Ее правительство выслало какое-то воздушное судно, но, разумеется, не позволило снимать эвакуацию. Мобилю приказали отойти подальше.

— Но ты все равно могла наблюдать?

— Эвакуацию — нет, все остальное — да. Главарь лежал ничком, все остальные были порублены в фарш. Больше никто из мусорщиков не появился, так что обошлось без новых жертв. Теоретически для нас это хорошо, если рассчитывать на продолжение проекта.

— Ваша спутница чего-нибудь желает, сэр? — спросила митикоида из-за бархатного занавеса.

— Нет, — отвечал Недертон.

Глупо переводить виски на периферaль. Даже такой паршивый, как в этом баре.

— Вообще-то, он мне дядя! — громко объявила Рейни.

— Ты сама предложила встретиться так, — напомнил Недертон и отпил глоток самого дешевого виски в баре — по вкусу ровно такого же, как самый дорогой, который он попробовал, покуда ждал.

— Ситуация — говно, — сказала она, вскидывая детскую ручонку. — Много говна наброшено на много больших вентиляторов.

Насколько можно было понять, Рейни работала на канадское правительство, хотя оно, конечно, герметически изолировало себя от всякой ответственности за ее действия. Вопиюще простое положение, на взгляд Недертона. Очень может быть, что Рейни даже представляла, хотя бы в общих чертах, кому именно подчиняется.

— Нельзя конкретнее? — спросил он.

— Саудовцы вышли из проекта.

Этого он ждал.

— Сингапур, — продолжала она. — Шесть на-

ших самых больших НПО…

— Вышли?

Девочка кивнула:

— Франция, Германия…

— Кто остался? — спросил Недертон.

— Соединенные Штаты. И фракция в правительстве Новой Зеландии.

Еще глоток виски — язычок огня лизнул его язык.

Она склонила голову набок:

— Считают, что это заказное убийство.

— Бред.

— Нам так сказали.

— Кому «нам»?

— Не спрашивай.

— Я не верю.

— Уилф, — сказала девочка, подаваясь вперед, — это была мокруха. Кто-то использовал нас, чтобы убрать его, а заодно и свиту.

— При положительном исходе Даэдра получала значительный процент. Да и в любом случае то, что произошло, дорого ей обойдется.

— Самооборона, Уилф. Самая простая отмазка. Мы с тобой знаем, что она хотела их спровоцировать. Ей нужен был предлог, чтобы прибегнуть к самообороне.

— Но ведь послом изначально планировалась она? Когда ты подключилась, она уже была в проекте? Ведь так?

Девочка кивнула.

— Потом ты наняла меня. Так кто пригласил Даэдру?

— Твои вопросы, — произнесла девочка, четко выделяя каждое слово, — показывают, что ты неверно понимаешь наше положение. Ни ты, ни я не можем себе позволить интересоваться ответами. Мы пропустим удар по своей профессиональной репутации, Уилф. Но это… — Она не договорила.

Он глянул в безмятежные глаза прокатки и закончил за нее:

— …безопаснее, чем подставиться под удар другого плана?

— Мы не знаем, — спокойно ответила девочка, — и не хотим знать.

Недертон посмотрел на стакан с виски.

— Ее прикрывали какой-то системой гиперзвукового вооружения, верно? Чем-то орбитальным, готовым к немедленному пуску?

— Обычная практика. Однако мы даже говорить об этом сейчас не будем. Всё позади. Ты понял? Для тебя и для меня тут надо поставить

точку. Прямо сейчас.

Недертон глянул на нее.

— Могло быть хуже, — сказала девочка.

— Куда уж хуже?

— Ты по-прежнему сидишь здесь. Я дома, в теплой пижамке. Мы живы. И скоро, насколько я понимаю, будем искать работу. Пусть так и останется, ладно?

Он кивнул.

— Все было бы чуть менее сложно, если бы ты с нею не спал. Впрочем, это было недолго. И уже кончилось. Ведь кончилось же, Уилф?

— Разумеется.

— Ты не оставил у нее свою зубную щетку? Потому что нам обоим нужно, чтобы у тебя не было решительно никаких поводов встречаться или даже звонить.

И тут он вспомнил.

Но это поправимо. Незачем говорить Рейни.

Недертон потянулся к виски.

Глава 11

Тарантул

Флинн поставила велосипед в проулке, защелкнула замок и открыла сотовым заднюю дверь фабы «Форева». Внутри пахло оладьями и рисом с креветками из «Суши-лавки». Оладьи значили, что печатают из пластика, который годится в компост. Креветочный рис Шайлен всегда брала, когда работала по ночам.

Эдвард сидел на табурете посреди комнаты, мониторил. На нем были черные очки от ультрафиолета поверх визы на одном глазу. В полутьме очки не отличались от кожи цветом, только блеском.

— Мейкона видел? — спросила Флинн.

— Не-а.

Голос полукоматозный от нудной работы и недосыпа.

— Подменить тебя, Эдвард?

— Да нет, я пока живой.

Флинн оглядела длинный стол, заваленный фабрикатами, которые предстояло очистить от последа, подшлифовать, собрать. Она провела

за этим столом много длинных часов. У Шайлен всегда можно было подработать, если умеешь с ней ладить и руки тем концом вставлены. Видимо, сегодня печатали игрушки. Или украшения к Четвертому июля.

В соседней комнате Шайлен смотрела новости: злобные хари с плакатами.

Увидев Флинн, она подняла голову:

— Бертон звонил?

— Нет, — соврала Флинн. — А что?

Нулевой шанс избежать разговора о Бертоне.

— Безопасность забрала нескольких ветеранов. Я за него волнуюсь. Попросила Эдварда тебя подменить.

— Я его видела, — ответила Флинн. — Завтрак?

— Ты сегодня рано.

— Я не ложилась. — Флинн не стала спрашивать, чего там Шайлен от нее хотела. — Мейкона видела?

Шайлен чиркнула в дисплее модным полимерным ногтем, и луканы провалились в зелень воображаемой саванны.

— Сегодня не поэтому, — ответила Шайлен.

Она хотела сказать, что ночной аврал из-за скопившихся заказов, а не потому, что Мейкону нужны тишина и покой, чтобы печатать ле-

ваки. Флинн не знала, какую часть доходов от фабы дает левая продукция, но подозревала, что заметную. В миле по трассе стояло заведение сетки «Самофаб», где принтеры были покрупнее и поразнообразнее, но в «Самофабе» леваков не напечатаешь.

— Я на диете, — сказала Шайлен.

Над саванной взлетали фламинго.

— Оттого лиловый? — спросила Флинн.

— Бертон.

Шайлен встала и оттянула пальцем пояс джинсов.

— Бертон в состоянии сам о себе позаботиться, — сказала Флинн.

— Ветеранская администрация ни хера не делает, чтобы его вылечить.

Флинн догадывалась, что главным симптомом посттравматического расстройства у Бертона Шайлен считает его упорное нежелание с ней сойтись.

Подруга вздохнула, что Флинн не понимает, как плохо ее брату. У Шайлен волосы без начеса выглядят начесанными, заметила однажды мать Флинн. Это сохранялось, что с ними ни делай, как пометки маркером под латексной краской. Шайлен нравилась бы Флинн всем, если бы не

фигня насчет Бертона.

— Увидишь Мейкона, попроси связаться со мной. Нужна помощь с телефоном. — Флинн повернулась к выходу.

— Прости засранку, — сказала Шайлен.

Флинн сжала ей плечо:

— Как только позвонит, я тебе скажу. — И вышла через заднюю дверь, кивнув по дороге Эдварду.

Как раз когда она сворачивала в проулок за фабой, мимо пронесся на своем «тарантуле» Коннер Пенске — то, что от него осталось, угловатой загогулиной чернело между передними колесами. Дженет сшила ему эти длинные чулкоподобные мешки из полартека, с множеством молний. У Дженет на столе они казались чехлами для чего-то невообразимого, и, в общем, правильно казались. Гаптразовцами в городе были только он и Бертон, и с Коннером случилось то самое, чего Флинн боялась для брата: он вернулся без одной ноги, без ступни на другой ноге, без руки и с двумя пальцами — мизинцем и безымянным — на оставшейся руке. Красивое лицо не пострадало нисколько, и это еще добавляло жути. Запах жареного куриного жира из выхлопной трубы трицикла висел в воздухе еще несколько секунд

после того, как большое заднее колесо исчезло из виду. Коннер раскатывал ночами, все больше по проселкам их округа и пары-тройки соседних, управляя трициклом с помощью сервопривода, купленного на деньги В. А. Отрывался таким способом. Натягивал кондом-катетер, закидывался «будильником» и ехал, сколько хватит бака. Днем обычно спал. Бертон иногда ходил помочь ему по дому. Флинн отчаянно жалела Коннера: в школе он был очень славный, несмотря на смазливую физиономию. Ни он, ни Бертон, насколько знала Флинн, никому не рассказывали, как это с Коннером произошло.

Она доехала до «Джиммис», предоставив почти всю работу втулке. Вошла, села в уголке, заказала тосты и яичницу с ветчиной. Кофе брать не стала. Мультяшный красный бык с редбулловского зеркала над стойкой заметил ее и подмигнул. Флинн отвела глаза. Ее бесило, что эта штуковина заговаривает с тобой, называет тебя по имени.

Редбулловское зеркало было самым новым предметом в кафешке, которая считалась старой, еще когда мать Флинн ходила в школу. Всё, включая пол, покрывали наслоения глянцевого коричневого полимера, различных оттенков и степени затертости. Лук для хот-догов зашипел

в масле, и у Флинн защипало глаза. Да еще все волосы им провоняют.

«Мегамарт» уже должен был открыться. Флинн представила, как бродит по магазину, пока белые автокары развозят по местам палеты в скукоженной пленке. Ей нравилось бывать там рано утром. Она потратит одну новенькую пятерку: купит два пакета продуктов, таких, какие можно держать в шкафу. Из-за последних дождей овощи у всех уродились так, что их не знали, куда и деть. Потом заглянет в «Фарма-Джон» и оставит еще пятерку на оплату материных рецептов. Приедет домой, выгрузит покупки, перетащит все в кладовку — и хорошо, если не разбудит никого, кроме кошки.

По краю стойки шли светодиоды, как у Бертона в трейлере, под замызганным слоем полимера. Флинн ни разу не видела их включенными, впрочем она уже больше года не была здесь вечером, в барные часы. Она придавила полимер пальцем, почувствовала, как он пружинит.

Бертон с Леоном, до того как завербовались, обнаружили, что этим самым полимером, пока он жидкий, можно с помощью шприца заполнить пространство между дробинами в патроне для помпового ружья и быстро заделать дырку эпоксидкой. При выстреле возникала толстая груша

из дроби и полимера — так медленно, что почти можно видеть, как она лезет из дула. Тяжелые, эластичные, эти груши отскакивали от бетонных стен и потолка городского штормового убежища, норовя угодить во что-нибудь за углом. Ключи от убежища раздобыл Леон — жутковатое место, когда ты не прячешься там от торнадо вместе со всеми. Бертон со временем действительно научился попадать по банкам из-за угла, но у Флинн от пальбы из «моссберга» болели уши, даже если их затыкать.

Бертон тогда был совсем другой. Не просто тощий и долговязый (во что сейчас верилось с трудом); он еще постоянно создавал вокруг себя беспорядок. Накануне вечером Флинн заметила: все в трейлере, к чему она не успела прикоснуться, стоит строго параллельно краю чего-нибудь другого. Леон говорил, что Бертон вернулся из корпуса морской пехоты повернутым на аккуратности, но Флинн как-то раньше об этом не задумывалась. Она напомнила себе, что надо будет выкинуть банку из-под «Ред булла» в контейнер для металлических отходов и вообще немного прибраться.

Официантка принесла яичницу.

Снаружи, за парковкой, протарахтел трицикл

Коннера. Очень характерный звук, ни с чем не спутаешь. Полиция фактически закрывала на Коннера глаза, поскольку он катался в основном по ночам.

Хотелось верить, что он едет домой.

Глава 12

Тилацин

Ему хотелось произвести на нее впечатление, и подарок казался идеальным: за деньги не купишь, и вообще, судя по объяснениям Льва, что-то из готического романа с привидениями.

Разговор произошел в постели.

— И все они умерли? — спросила она.

— Вероятно.

— Давно?

— До джекпота.

— А в прошлом еще живы?

— Не в прошлом. Когда происходит начальный контакт, в нашем прошлом этого не случается. Возникает развилка. Они уже не движутся сюда, так что здесь ничего не меняется.

— Здесь? В моей постели? — Она с улыбкой раскинула руки и ноги.

— В нашем мире. В истории. Ни в чем.

— И он нанимает их на работу?

— Да.

— А чем он им платит?

— Деньгами. Их валютой.

— А как он ее добывает? Отправляется туда?

— Туда попасть нельзя. Но можно пересылать информацию в обе стороны, а значит — делать деньги там.

— Кто тебе про это рассказал?

— Лев Зубов. Мой бывший одноклассник.

— Русский.

— Старое клептархическое семейство. Лев — младший. Богатый бездельник. Может позволить себе дорогие игрушки. Это из последних его увлечений.

— Почему я до сих пор про такое не слышала?

— Дело новое, неафишируемое. Лев ищет передовые направления, в которые его семья может вложиться. Он думает, это из Шанхая. Что-то связанное с квантовым туннелированием.

— Как далеко назад можно попасть?

— В две тысячи двадцать третий — самое раннее. Лев считает, тогда что-то изменилось. Был достигнут определенный уровень сложности. Что-то, чего тогда никто не заметил.

— Напомни мне об этом позже.

Она потянулась к нему.

По стенам в рамах — три ее последние содранные кожи. Под ним — ее теперешняя, тогда еще чистый лист.

Сейчас было десять часов вечера. На кухне в ноттинг-хиллском особняке, принадлежащем отцу Льва, его «доме искусства». Недертон знал, что есть еще «дом утех» к югу от Гайд-парка, несколько «домов бизнеса» и «семейный дом» в Ричмонде. Ноттинг-хиллский особняк приобрел еще дед Льва в середине века. Это была его первая лондонская недвижимость, на самой заре джекпота. Благородный упадок говорил о заоблачном блате: здесь не было уборщиков, ассемблеров, никакого наружного контроля. Разрешения на такое за деньги не купишь. Зубов-отец просто входил в круг тех, кому можно всё, и Лев, по праву рождения, тоже, хотя его братья (которых Недертон всячески избегал) с виду больше напоминали брутальных самцов, способных отстоять фамильные привилегии.

За окном кухни один из двух тилацинаналогов Льва присел погадить у ярко освещенной клумбы с функиями, и Недертон задумался, сколько стоит помет такой зверюги. Существовали разные школы тилациноводства, враждующие геномы. Еще одно хобби Льва. Зверь повернулся со своей особой непесьей грацией, показав бок в вертикальных геральдических полосах, и как будто уставился на Недертона. Странная штука

— взгляд млекопитающего хищника, который не кошка и не собака, заметил как-то Лев. А может, глазами тилацина смотрела сейчас Доминика. Она терпеть не могла Недертона и при его появлении сразу ушла наверх или в традиционно глубокий айсберг олигархических подземных этажей.

— Это не так просто, — сказал Лев, ставя красную кружку с кофе на изрезанный дубовый стол, рядом с желтым кубиком лего, забытым его сынишкой. — Сахару?

Образ Льва складывался из высокого роста, старомодных очков, русой бородки и художественного беспорядка в одежде.

— Не вижу, в чем сложность. Скажи ей, что система перестала работать. — Недертон глянул на Льва. — Ты мне говорил, такое возможно.

— Я говорил, что никто из нас понятия не имеет, как и почему это началось, кому принадлежит сервер и уж тем более — как долго он будет доступен.

— Вот и скажи ей, что все закончилось. Бренди у тебя есть?

— Нет, пей лучше кофе. Ты знаком с ее сестрой Аэлитой? — Лев опустился на стул напротив Недертона:

— Нет, хотя она планировала нас познакомить. До того как. Вроде бы они не настолько близки.

— Довольно близки. Даэдра его не захотела. И честно говоря, я ее понимаю. Те, кому не безразличен континуум, таким не балуются.

— Не захотела?

— Попросила меня отдать его Аэлите.

— Своей сестре?

— Теперь он в ее охране. Роль минимальная, но она про него знает.

— Уволь его.

— Извини, Уилф. Аэлита заинтересовалась. В четверг мы встречаемся за ленчем. Я надеюсь объяснить ей, что полтеры — далеко не главное в континуумах. Думаю, она поймет. По разговору показалась довольно умной.

— Почему ты мне не сказал?

— У тебя других забот хватало. Да и честно говоря, ты тут был уже ни при чем. Даэдра позвонила, сказала, что ты милый, что ей не хочется тебя обижать и не могу ли я отдать твой подарок ее сестре, которая любит всякие курьезы. Я не придал этому большого значения, поскольку не похоже было, что у вас с нею всерьез и надолго. Потом позвонила Аэлита, я понял, что она искренне заинтересовалась, и отдал его ей.

Недертон обеими руками поднес кружку к губам и задумчиво отхлебнул кофе. По сути выходило, что проблема устранилась сама собой. Он больше никак не связан с Даэдрой. Друг и сестра бывшей любовницы познакомились при его косвенном участии — вот и все. Про Аэлиту Недертон помнил только, что ее назвали в честь советского немого фильма. У Рейни в досье о ней было совсем мало, и Недертон тогда поленился вникать.

— Чем она занимается? Какая-нибудь почетная дипломатическая должность?

— Их отец был спецпредставителем по разрешению кризисных ситуаций. Думаю, Аэлита унаследовала часть его полномочий, хотя многие назовут Даэдру более современной версией.

— С ногтями-стилетами?

Лев наморщил нос:

— Тебя увольняют?

— Очевидно, да. Хотя формально еще не уволили.

— Что будешь делать?

— Катиться вниз. В общем, теперь, когда ты объяснил, я не вижу ничего страшного в том, что у сестры Даэдры останется ее полтер. — Он отпил еще кофе. — Кстати, почему они так на-

зываются?

— Кажется, это от ду́хов, которые двигают предметы. Привет, Гордон. Хороший мальчик.

Недертон проследил взгляд Льва и увидел тилацина, который стоял за окном на задних лапах, глядя в дом из внутреннего дворика. Выпить хотелось ужасно, и внезапно Недертон вспомнил, где есть ровно то, что ему сейчас нужно. Он встал:

— Мне надо подумать. Ничего, если я поброжу среди коллекции?

— Ты не любишь машины, — сказал Лев.

— Я люблю историю. И не хочу гулять по улицам Ноттинг-Хилла.

— Составить тебе компанию?

— Нет. Мне нужно пораскинуть мозгами.

— Ты знаешь, где лифт.

И Лев поднялся из-за стола, чтобы впустить тилацина в дом.

Глава 13

Легкий Лед

Дневной сон совершенно вышиб Флинн из времени. Сколько ей лет? Семь, семнадцать, двадцать семь? Раннее утро или поздний вечер? Сумерки за окном не давали ответа. Глянула на телефон. Вечер. Дом совершенно тих, мама, наверное, спит. В коридоре — запах дедушкиных «Нейшнл географиков» за пятьдесят лет. Полутемная лестница. На кухне Флинн плеснула себе в чашку остывшего кофе и вышла через заднюю дверь к душевой кабинке во дворе. Солнце как раз нагрело воду до приятной температуры. Флинн вымылась, надела старый банный халат Бертона и, на ходу вытирая голову полотенцем, отправилась переодеваться в рабочее.

Бертон приучил ее к тому, что сам усвоил в корпусе морской пехоты: в домашней одежде дела не делаются. Пока приводишь себя в порядок, возникает настрой. Когда Флинн была разведчицей у Дуайта, она всегда заранее мылась и надевала чистое. Впрочем, с этим покончено, хотя столько ей еще никто не платил. Флинн не тащилась от

игрушек, как Мэдисон и Дженис. Просто зарабатывала. Так намастырилась в одной конкретной миссии «Операции «Северный ветер»», что Дуайт не хотел на это место никого другого. Ладно, это дело прошлое.

Сегодня хотелось быть собранной не только для работы. Флинн решила по возможности разглядеть тот Лондон. Занятная игрушка, стоит иметь ее в виду на будущее. Главное, не шутер, если верить Бертону. Хорошо бы снова увидеть брюнетку, узнать, как та живет.

Флинн поднялась к себе в комнату, перерыла груду вещей на кресле и нашла самые новые черные джинсы, и впрямь еще почти черные. И черную рубашку с короткими рукавами, оставшуюся от работы в «Кофе-Джонсе». Военного покроя, с погончиками и накладными карманами. Надпись «Кофе-Джонс» Флинн спорола, оставила только свое имя, вышитое красной ниткой над левым карманом. Кроссовки к черному не подходили, но других у нее не было. Мейкон бы давно сфабил ей новые, да только она никак не находила модель, которую бы захотелось спиратить.

На кухне она сделала сэндвич с ветчиной и сыром, сунула его в контейнер, завернула телик вокруг левого запястья и пошла в темноте к

трейлеру, слушая новую вещь «Целующихся журавлей». Перед самым припевом позвонил Леон. Флинн не стала снимать телефон с запястья.

— Привет, — сказала она. — Ну что, забрал его?

— Обещают скоро выпустить всех. Луканы вроде решили, что уже довольно потрудились во славу Божью.

— И что ты делал?

— Чесал яйца. Погонял шары в бильярдной. Спал в машине, на улицу не совался.

— С Бертоном еще говорил?

— Не-а. Их загнали на середину школьного стадиона. Я мог пойти на трибуны, поглядеть, как он режется в карты, наворачивает сухпаи или спит. Оно мне надо?

Может быть, скука научит Бертона не ввязываться больше в такие истории, хотя Флинн сильно в этом сомневалась.

— Когда выпустят, скажи, пусть мне звякнет.

— Хорошо, — ответил Леон.

«Журавли» заиграли снова, когда Флинн уже шла мимо компостного сортира. Сейчас она обратила внимание, что флакон с антисептиком испещрен номерами заказов и QR-кодами, отчасти выцветшими. Но она сходила в туалет еще дома.

Открывая дверь, Флинн подумала: а ведь Бертон никогда не запирает трейлер. У него даже замка нет. Никто не ходит к нему без спроса.

Она и забыла, как раскаляется трейлер за день. Леон предлагал Бертону поставить кондиционер, но тот сказал, не надо. Он вообще почти не бывал тут днем.

Думая, что зря, наверное, выбрала рубашку и джинсы, Флинн сунула контейнер в холодильник и распахнула окна, насколько они открывались. Золотисто-черный паучок уже начал затягивать паутиной один из тоннелей в пене.

Потом немного прибралась. Пока она ходила по трейлеру, китайское кресло все время норовило под нее подстроиться. Флинн решила, что не хотела бы жить с таким в одном доме, но, когда наконец села, оценила его удобство.

Она согнула телефон и махнула им сквозь дисплей. Проверила Хому. Шайлен уже вернулась в фабу; колечко по-прежнему выражало тревогу. Бертон значился вне карты. Как оказалось, в Дэвисвилле, на парковке у «Мегамарта». Очевидно, там сейчас стояли белые безовские фургоны, в одном из которых находился телефон Бертона. Флинн нахмурилась. Теперь безбаши узнают, что она проверяла его телик, но это норм. Не норм,

если заметят, что ее телефон левый. Впрочем, теперь уже ничего не изменишь. Она вышла из Хомы и вернулась к вчерашнему поиску по картинкам.

Бертон все не звонил, но после слов Леона Флинн за него не волновалась, так что спокойно продолжала щелкать наугад по карте Лондона. В игре точно было Сити, но проросшее более высокой и мощной застройкой.

Когда пришло время, Флинн достала из чехла бумажку, движением пальца вывела окно «Милагрос Сольветра» и вбила пароль.

На этот раз она решила при подъеме оглядеться как следует.

Для начала фургон, с которого взлетает коптер. По виду скорее даже бронемашина, чем фургон. Кряжистый, как трицикл Коннера. Взлетная площадка была темная, прямоугольная. Голоса звучали так же настойчиво, как в первый раз, и так же абсолютно неразборчиво.

Время суток то же: сумерки. Облака больше похожи на дождевые, бронзово-черные стены потускнели от конденсата.

Отметила вчерашнюю улицу, подсвеченную снизу и как будто стеклянную. Что там внизу, река?

Поискала глазами машины, нашла три.

Счетчик в левом верхнем углу дисплея показал двадцатый этаж, и голоса смолкли.

Первый раз Флинн заметила серую фигню, когда коптер пролетал мимо двадцать третьего этажа. Что-то серое и сухое на мокром черном фасаде. Цветом как отмершая кожица от содранного волдыря. Размером и формой с детский рюкзак.

«Рюкзак» остался внизу. Флинн в режиме разведки засекала все в трех направлениях сразу. Черные небоскребы одинаковой высоты, на большом расстоянии один от другого по квадратной сетке над старым городом. Ее небоскреб — явно такой же. Ничего китообразного в небе.

Игры приучили ее обращать внимание на все, что выламывается из общей картины, и Флинн скользнула камерой вниз, пытаясь отыскать «рюкзак». Не нашла.

Он обогнал Флинн в районе тридцать седьмого этажа. В движении эта штука напоминала уже не рюкзак, а яйцевую капсулу почти вымершего животного под названием скат. Флинн как-то видела такую на пляже в Южной Каролине — жутковатый прямоугольный мешок с рожками по углам. Штука кувыркалась по фасаду: цеплялась той парой рожек или ног, которая сейчас

была сверху, переворачивалась и подтягивалась на другой паре.

Следя за ней в камеру, Флинн попыталась увеличить скорость подъема, но эта функция еще не включилась. Штука пропала. Может, проникла в дом через какое-нибудь незаметное отверстие. Мейкон как-то печатал пневмоботов, вроде больших пиявок. Они двигались примерно так же, только медленно.

Мама называла яйцевую капсулу ската русалкиным кошельком, но Бертон сказал, местное слово — «чертова торба». Капсула выглядела опасной, ядовитой, хотя на самом деле никому ничего не делала.

Флинн высматривала, не мелькнет ли серая штуковина, до самого пятьдесят шестого этажа, где автоматический подъем прекратился. Вчерашний балкон был откинут. Стекло, как назло, матовое. Гости наверняка разошлись, но хотелось пусть бы только заглянуть внутрь, понять, как там все было. Стрекозок будто ветром сдуло. Флинн быстро облетела дом, надеясь отыскать другое окно. Ни фига. И тоже ни одной стрекозки, как и с фасада.

Назад к матовому окну. Пять минут ожидания — не произойдет ли чего. Еще пять. Новый облет

здания. Пар из решетки, которую Флинн раньше не замечала.

Как-то даже скучно без стрекоз.

В нижнем обзоре быстро проехал очень большой автомобиль с единственной фарой.

Окно деполяризовалось, как раз когда Флинн была уже на подлете. Темноволосая женщина что-то говорила невидимому собеседнику.

Флинн остановилась, предоставив гироскопам удерживать коптер на месте.

Никаких следов вечеринки. Комната выглядела совсем другой, как будто роботы-пылесосы устроили серьезную перестановку. Длинный стол исчез, вместо него появились кресла, диван, ковры. Более мягкое освещение.

Женщина, видимо, только что встала. Полосатые пижамные штаны, черная футболка. Прическа «со сна», какой она бывает только на очень хороших волосах.

«Следи за жучками», — напомнила себе Флинн, но их по-прежнему не было.

Женщина рассмеялась — наверное, каким-то словам невидимого собеседника. Интересно, это ее зад прижимался вчера к стеклу? С кем она говорит — с тем мужиком, которому тогда отказала в поцелуе? Может, у них все сладилось и они после

удачной вечеринки провели ночь вместе?

Флинн заставила себя еще раз облететь дом, медленно, высматривая стрекоз, беглые рюкзаки, другие неожиданности. Пар больше не шел, решетка исчезла. Такое ощущение, будто дом живой, может, даже разумный. Женщина внутри смеется, высоко в чистом — без единой стрекозы — вечернем воздухе. При этой мысли Флинн ощутила духоту трейлера, взмокшие подмышки.

Заметно стемнело. Так мало огней в городе. И ни одного — в высоких башнях.

Завершая круг, Флинн увидела у окна обоих. Они смотрели наружу, мужчина обнимал женщину за талию. Чуть выше ее ростом, лицо как в рекламе, где не хотят подчеркивать этническую принадлежность, темные волосы, бородка, глаза холодные. Женщина заговорила, мужчина ответил, выражение холодности, которое заметила Флинн, исчезло. Женщина явно не успела его увидеть.

На мужчине был коричневый банный халат. «А ты много улыбаешься», — подумала Флинн.

Часть стекла сдвинулась, и одновременно от переднего края балкона пополз вверх тонкий горизонтальный стержень, таща за собой радужную пленку, похожую на мыльный пузырь.

Стержень замер, дрожащая пленка превратилась в зеленоватое стекло.

Лицо мужчины напомнило Флинн эсэсовца времен ее работы у Дуайта.

Она трое суток провела на диване у Мэдисона и Дженис, даже в туалет бегала со своим старым телефоном, лишь бы не упустить шанс грохнуть этого типа.

Дженис заваривала ей травяной чай, которым Бертон велел запивать «будильник» — белые таблетки, их тоже дал Бертон. Сказал, из другого округа, там это дело лепят. И еще сказал, никакого кофе.

Эсэсовец на самом деле был флоридским бухгалтером, против которого играл Дуайт. И его еще никто ни разу не убил. Дуайт в боях не участвовал, только передавал приказы нанятых тактиков. Флоридский бухгалтер был сам себе тактик и маньяк-убийца в придачу. Когда он выигрывал (а это происходило почти всегда), Дуайт терял деньги. Такого рода азартные игры запрещены на федеральном уровне, но есть способы обойти закон. Ни Дуайта, ни бухгалтера выигрыши и проигрыши не колыхали, в смысле денег. Игроки вроде Флинн получали в зависимости от того, сколько противников уложат и сколько продер-

жатся живыми в конкретной кампании.

У Флинн было чувство, что бухгалтеру нравилось их убивать, потому что они реально теряли. Не потому, что он круче, а потому, что им правда от этого плохо. Бойцы ее подразделения кормили детей тем, что получали от игры, Флинн платила за мамины лекарства. У многих не было другого заработка. Сейчас он снова перебил всех в ее подразделении, одного за другим, с кайфом, не торопясь, и теперь охотился на Флинн, пока она кружила по французскому лесу в снегопад, забираясь все глубже и глубже.

Потом Мэдисон вызвал Бертона, Бертон сел на диван рядом с Флинн, понаблюдал за ее игрой и сказал, как ему это все видится. Что эсэсовец, который ее выслеживает, все воспринимает неправильно. На самом деле это она его выслеживает. Или будет выслеживать, как только просечет, что к чему. Эсэсовец не просечет точно, он без оглядки прет по ложному пути. И еще Бертон сказал, что покажет Флинн, как это увидеть, только надо, чтобы она не спала. Он дал Дженис «будильник» и набросал на салфетке расписание приема. Бухгалтер во Флориде будет спать, оставляя своего персонажа на очень хороший ИИ, а Флинн — не будет.

Итак, Дженис давала ей «будильник» по расписанию на салфетке, а Бертон приходил по какому-то собственному расписанию, садился рядом и объяснял, как ему это видится. Иногда, пока он следил за игрой, Флинн чувствовала его дрожь, тот самый сбой гаптики. Бертон помогал ей нащупать собственное зрение — не научиться, сказал он, потому что этому научиться нельзя, а просто войти в воронку, которая с каждым кругом все у́же, а ты видишь все четче. И так вниз, вниз, до того самого выстрела через поляну, когда внезапный туман брызнувшей сквозь метель распыленной крови стал коэффициентом, с которым уравнение сошлось.

Она тогда была на диване одна. Дженис услышала ее крик.

У Флинн еще хватило сил выйти на улицу, прежде чем ее вырвало чаем. Она тряслась и плакала, пока Дженис умывала ей лицо. Дуайт отвалил тогда чертову уйму денег. Однако Флинн больше не ходила для него в разведку и вообще не ступала ногой в заснеженную военную Францию.

Так почему она вспомнила это сейчас, глядя, как мужчина с бородкой привлекает женщину ближе к себе? Почему, облетая здание, поднялась

до пятьдесят седьмого и вернулась обратным ходом?

Почему, если это не шутер, она снова Легкий Лед с головы до кончиков пальцев?

Глава 14

Траурный гагат

Тлен, белая как мел, оттянула нижнее веко на левом глазу Недертона. Рука у нее была черной от татуировок — буйство рогов и крыльев, все птицы и звери антропоценового вымирания, штриховой рисунок, трогательный в своей выразительной простоте. Недертон знал, кто она, но не знал, где находится.

Она склонилась над ним, глядя почти в упор. Он лежал на чем-то плоском, холодном и очень твердом. Ее шею охватывало черное кружево — той черноты, которая поглощает свет, — застегнутое камеей с черепом.

— Что вы делали в сухопутной яхте Зубова-деда?

Зрачки в ее серых глазах были двойные, один над другим, маленькие черные восьмерки, — манерность, которую он ненавидел всеми фибрами души.

— И зачем выпили самый старый виски мистера Зубова, который я собственноручно законсервировал инертным газом? — произнес за ее

спиной Оссиан. Было отчетливо слышно, как хрустнули его пальцы. — «Лишь пинта портера твой друг»[480], ведь я же вам говорил, мистер Недертон?

Ирландец и впрямь частенько повторял эту фразу, хотя сейчас Недертон решительно не мог понять, к чему она относится.

Оссиан принадлежал к типу дворецкого-громилы: накачанные плечи и ляжки, темная косичка, перевязанная черной лентой. Техник, как и Тлен. Они были партнеры, но не в сексуальном смысле. Обслуживали хобби Льва, приглядывали за его полтерами. А значит, должны были знать про Даэдру и Аэлиту.

Насчет виски Оссиан попал в точку: неэтаноловые компоненты в темных напитках. Следы, но способны вызвать тяжелое похмелье. Собственно, и вызвали.

Тлен отпустила его нижнее веко. Изображения животных, напуганные резким движением, вбежали по руке к белому плечу и пропали. Недертон отметил, что ноготь у нее ярко-зеленый и обломан по краям. Тлен что-то сказала Оссиану

---

[480] Примечания: 480

Рефрен из стихотворения «Друг рабочего», фигурирующего в романе «О водоплавающих» (*At Swim-Two-Birds, 1939*) ирландского писателя Флэнна О'Брайена (1911–1966).

— обрывок фразы, похожей на итальянскую. Оссиан ответил на том же языке.

— Это невежливо, — заметил Недертон.

— Когда мы говорим между собой, шифрование обязательно, — ответила Тлен.

Их шифр менялся поминутно, чтобы не порождать фрагментов, достаточных для взлома: фраза, звучащая вначале как испанская, перетекала в псевдонемецкую. Не человеческая речь, а птичье чириканье, которое Недертону было сейчас еще отвратительнее речи. На каком бы языке ни говорила Тлен, Оссиан ее понимал, и наоборот.

Светлый деревянный потолок был покрыт глянцевым лаком. Где это? Повернув голову набок, Недертон понял, что лежит на полированном черном мраморе с толстыми золотыми прожилками. Сейчас мрамор как раз начал подниматься, потом остановился. Оссиан мощными руками схватил Недертона за плечи и перевел в сидячее положение.

— Держитесь крепче, любезный, — сказал Оссиан. — Зава́литесь назад — раскроите себе череп.

Недертон заморгал. Он видел, что сидит на краю черного мраморного стола, но и стол, и помещение выглядели совершенно незнакомыми. Где это, в Ноттинг-Хилле? Он и не знал, что

у Льва в доме есть такие маленькие комнаты. А уж тем более в подвале. Стены были того же цвета светлого шпона, что и потолок. Тлен что-то вынула из сумочки: пластмассовую треугольную пластинку, бледно-зеленую и матово-прозрачную, вроде окатанного морем стеклышка. Как во всех вещах Тлен, была в этой пластинке какая-то нарочитая затертость. Тлен пришлепнула ее к правому запястью Недертона с внутренней стороны. Тот нахмурился, почувствовав, как мягкий треугольник закопошился, бескровно проталкивая невообразимо тонкие щупальца между клетками его кожи. Двойные зрачки Тлен задвигались, читая видимые лишь ей показания.

— Он кое-что вам вводит, — сказала она. — Но алкоголя при этом нельзя нисколько. И впредь не берите спиртное из машин.

Недертон мысленно отметил сложную текстуру ее бюстье, которое видом напоминало микроминиатюрную модель чугунного свода над викторианским вокзалом — бесчисленные просветы словно подернуты дымом крошечных паровозиков, — однако эластично растягивалось при каждом ее вдохе. Вернее, отметил, что зрение обретает четкость, — спасибо «медичи» с его все более приятными манипуляциями.

— Мистер Зубов, — сказал Оссиан (имелся в виду отец Льва) и кашлянул в кулак, — может в любой миг затребовать родительскую сухопутную яхту.

И чего он привязался? Лев не станет переживать из-за одной-единственной бутылки, пусть даже очень старой.

«Медичи» отцепился, и Тлен убрала его назад в сумочку, расшитую — как Недертон заметил только сейчас — бусинами траурного гагата.

Он резко встал. Недоумение полностью рассеялось. Они в сухопутной яхте «мерседес», которую дед Льва заказал для поездки по монгольским пустыням. В ричмондском доме она не помещалась, поэтому Лев держал ее здесь. Бутылка из-под виски, вспомнил Недертон, в туалете, где-то справа. Впрочем, это Оссиан и Тлен наверняка знают и без него. Может, надо поставить себе этот, как он называется… от похмелья.

— И не думайте, — отрезала Тлен, словно читая его мысли. — Больше месяца-двух не проживете.

— Вы ужасно мрачная, — сказал Недертон и тут же улыбнулся, поскольку она и впрямь была такая.

Нарочито мрачная. Волосы той же наночерноты, что кружева на шее, бюстье из залитого

дождем стекла и чугуна, расплывчатого, будто смотришь в подзорную трубу с другого конца, многослойная юбка — словно более длинная и темная версия балетной пачки главного мусорщика. А теперь еще штриховой рисунок одинокого альбатроса, медленно, словно вдалеке, кружащего по ее белому горлу.

Недертон вновь оглядел стол, на котором спал, пока тот был утоплен в полу. Теперь здесь можно было бы позавтракать, сыграть в бридж или разложить карту Монголии. Интересно, осуществил ли дед Льва задуманную поездку? Он вспомнил, как смеялся над вульгарностью того, что Лев называл «гобивагеном», — в тот единственный раз, когда показывал ему яхту. Тогда-то Недертон и приметил в ней основательный запас спиртного.

— Теперь будет под замком, — сказал Оссиан, демонстрируя собственную степень телепатии.

— Где вы были? — Недертон перевел взгляд с Оссиана на Тлен, словно подразумевая нечто недолжное. — Я спустился сюда, чтобы вас найти.

Оссиан поднял брови:

— Вы рассчитывали обнаружить нас здесь?

— Я был вымотан, — сказал Недертон. — Нуждался в подкреплении.

— Устали. Эмоционально, — заметил Оссиан.

Появилась эмблема Льва:

— Полагаю, шестнадцати часов довольно, чтобы проспаться? Жду тебя на кухне. Прямо сейчас.

Эмблема исчезла.

Тлен и Оссиан, не слышавшие ни слова из того, что сказал Лев, сурово смотрели на Недертона.

— Спасибо за помощь, — сказал он Тлен и по трапу спустился в подводную биолюминисценцию гаража: низких широких арок с уходящими вдаль автомобилями.

Чувствуя движения Недертона, живое покрытие арки прямо над ним сделалось ярче. Он обернулся на выпуклый борт автомобиля. Оссиан по-прежнему следил за ним из наблюдательного отсека, самодовольно ухмыляясь.

Покуда Недертон шел к лифту вдоль бесконечного ряда машин, свет провожал его: фотофоры на арке позади темнели, на следующей разгорались.

Глава 15

Ничего хорошего

В прошлый Хеллоуин Леон сделал из тыквы лицо президента Гонсалес. Флинн не нашла сходства, но и ничего расистского не обнаружила, так что оставила тыкву на крыльце. За ночь кто-то погрыз ее изнутри и оставил мелкие катышки помета. Крыса или белка. Флинн еще тогда хотела выбросить тыкву в компост, но забыла и на следующий день увидела, что лицо президента ввалилось: вся мякоть была выгрызена, осталась сморщенная оранжевая кожица и свежий помет. Флинн надела резиновые перчатки, в которых чистила унитаз, и отнесла тыкву на компостную кучу, где скукоженное оранжевое лицо становилось все уродливее и уродливее, пока не исчезло совсем.

Она не думала об этом сейчас, вися в колыбельке гироскопических стабилизаторов и глядя, как дышит серая штуковина.

Только теперь штуковина из серой стала бронзово-черной. Она распласталась прямоугольником, но весь фасад пятьдесят седьмого этажа был

запотевшим, в капельках и струйках воды. Штуковина — совершенно сухая — отстояла от стены на ширину ладони, цепляясь ножками, которые теперь превратились в подобие кронштейнов. Точно над серединой откидного балкона.

И дышала.

В темной духоте трейлера Флинн рукой вытерла со лба пот, но все равно часть затекла в глаза, их защипало.

Подвела коптер ближе к штуковине. Увидела, как та выгнулась и вновь стала плоской.

Флинн лишь в общих чертах представляла себе, чем управляет. Квадрокоптером, да, но вот четыре его винта — открытые или в кожухах? Если бы она хоть раз увидела свое отражение в стекле, то знала бы, так ведь нет же! Хотелось подобраться ближе, — может, удастся получить стоп-кадр, как когда она упала на стрекозку. Но если винты открытые и один из них заденет штуковину, коптер упадет.

Вдоль средней вертикальной линии штуковины появилось вздутие, светлее, чем остальное тело.

Внизу, под Флинн, мужчина и женщина вышли на балкон. Руки женщины лежали на горизонтальном стержне. Мужчина стоял сзади.

Возможно, обнимал ее за талию.

Выпуклость немного втянулась. Флинн подлетела еще чуточку ближе.

Штуковина лопнула по вертикальному шву, бледные края щели немного закручивались внутрь. Что-то маленькое вылетело наружу, исчезло. И тут же что-то царапнуло камеру, какая-то мохнатая серая запятая. Еще раз. Будто комар с микроскопической циркулярной пилой. Или алмазный резец. Чиркнуло еще два раза, стремительно, как скорпионий хвост. Пытается ее ослепить.

Флинн быстро отлетела назад и вверх. «Комар» по-прежнему бился в объектив. Камнем упала вниз — на три этажа сразу — и только здесь позволила гироскопам стабилизировать коптер.

«Комар» вроде бы исчез. Камера была поцарапана, но работала.

Резко влево.

Резко вверх. Пролетая мимо пятьдесят шестого, увидела, как мужчина взял ладони женщины, поднял и закрыл ей глаза. С пятьдесят седьмого — как он целует ее в ухо, что-то говорит. Наверняка: «Сюрприз!» Отступил назад, повернулся.

«Нет!» — выкрикнула Флинн, потому что серая штуковина вновь раскрылась и перед щелью

закружился рой гнуса. Мужчина глянул вверх, на штуковину. Знал, что она должна там быть. Не удивился, не посмотрел внимательнее, только занес ногу, чтобы шагнуть в комнату.

Флинн направила коптер ему в голову.

Она уже полупривстала в кресле, когда мужчина увидел коптер и бросился на пол, в последний момент спружинив руками.

Наверное, он вскрикнул, потому что женщина обернулась, отняла руки от лица и открыла рот. Что-то залетело в ее разомкнутые губы. Женщина замерла. Это выглядело как гаптический глюк у Бертона.

Мужчина вскочил, толкнувшись, словно бегун со стартовых колодок. Миг — и дверь в окне задвинулась за ним, вернее, просто исчезла. Осталось сплошное стекло, которое тут же поляризовалось.

Женщина даже не вздрогнула, когда что-то крохотное пробурилось через ее щеку наружу, оставив капельку крови. Все новые мошки выскакивали из щели с бледными краями и залетали в открытый рот женщины. Ее лоб ввалился, как у Леоновой тыквы в компостной куче — дни, недели в считаные минуты, словно при покадровой съемке в ускоренной перемотке. Блестящая

стальная планка перил начала втягиваться в зеленое стекло, которое уже было не стеклом, а мыльной пленкой. Потеряв опору, женщина рухнула с балкона, руки и ноги выброшены в стороны под нечеловеческими углами. Флинн устремилась за ней.

Крови, кажется, больше не было, только кувыркающееся тело в черной футболке и полосатых пижамных штанах. С каждым сантиметром оно съеживалось, так что к тридцать седьмому этажу, где Флинн впервые увидела серую штуковину, остались лишь две плещущие на ветру тряпки, одна черная, другая полосатая.

Перед двадцатым этажом Флинн вспомнила голоса и остановила спуск. Повисела немного на стабилизаторах, охваченная горечью и отвращением.

— Всего лишь игра, — сказала она себе в душной темноте трейлера. Щеки были липкие от слез.

Потом, чувствуя себя несчастной и опустошенной, двинулась вверх. Глядя на скользящую перед камерой черную бронзу, не давая себе труда осмотреть город. В жопу. Ну их всех в жопу.

Окна́ на пятьдесят шестом уже не было, балкон сложился и закрыл его. А вот папарацци вернулись, прозрачные капельки их камер смотрели

в сторону бывшего окна. Флинн не стала их разгонять.

— Вот почему у нас никогда не бывает ничего хорошего, — услышала она собственный голос в трейлере.

Глава 16

Лего

— Пятнадцать минут, — говорил Лев, взбивая омлет на огромной, больше квадроциклов, висящих на кран-балках за кормой дедушкиного «мерседеса», французской плите. — Из которых десять уйдет на чтение их клиентского соглашения. Это здесь, в Патни.

Недертон сидел на том же стуле, что в прошлый раз. Окна в сад были темны.

— Ты шутишь, — сказал он.

— Антон это сделал.

У обоих старших братьев Льва рожи были бандитские, но у Антона — больше.

— С чем я его и поздравляю.

— У него не было выбора, — сказал Лев. — Отец принял оперативные меры.

— Никогда не думал, что у Антона проблемы с алкоголем, — заметил Недертон таким тоном, будто привык объективно судить на такие темы.

Он наблюдал за двумя детальками лего, красной и желтой, между блюдом с апельсинами и

перцемолкой от Филиппа Старка[481]. Сейчас оба кубика начали округляться в шарики.

— Уже нет. — Лев перенес присыпанный луком омлет на две белые тарелки и положил на каждую по половинке согретого тушеного помидора. — Там был не только алкоголизм. Еще неуравновешенность характера на фоне психологической расторможенности.

— Но я же вроде видел, как он выпивает? Здесь, недавно?

Недертон был уверен, что видел, несмотря на то что всегда старался сбежать при появлении любого из братьев. Детальки лего, теперь уже идеально сферические, медленно покатились к нему по старой дубовой столешнице.

— Разумеется, — ответил Лев, чистой стальной лопаткой поправляя омлеты на тарелках. — Мы же не в Средневековье живем. Но всегда в меру. Не до опьянения. За этим следят ламинаты. Они совершенно иначе метаболизируют спирт. Плюс модуль когнитивной терапии. В итоге у него все хорошо.

Лев подошел к столу, держа по тарелке в каж-

---

[481] Примечания: 481

Филипп Старк (р. 1949) — известный французский дизайнер и большой любитель фантастики: в названиях его работ использованы имена героев Филипа К. Дика.

дой руке:

— Уилф, «медичи» Тлен говорит, что твои дела нехороши. Очень нехороши.

Он поставил одну тарелку перед Недертоном, другую напротив и сел за стол.

— А Доминика разве не придет к столу? — спросил Недертон, рефлекторно пытаясь сменить тему.

Детальки лего, по-прежнему сферические, бок о бок лежали перед его тарелкой.

— Отец четко дал понять, что лишит Антона наследства, если тот откажется от лечения, — продолжал Лев, не обращая внимания на вопрос.

— Гордон хочет войти, — сказал Недертон. Он только сейчас заметил тилацина за темной стеклянной дверью.

— Тиенна, — поправил Лев, глянув на зверя. — Ей нельзя в кухню, пока мы едим.

Недертон украдкой столкнул красное лего на пол. Оно дзынькнуло обо что-то и покатилось.

— Гиена? — спросил он.

— «Медичи» Тлен не нравится твоя печень.

— Омлет выглядит очень аппетитно.

— Ламинаты, — ровным голосом произнес Лев, глядя Недертону в глаза. Толстая черная оправа еще подчеркивала его серьезность. — И модуль

когнитивной терапии. В противном случае, боюсь, твой нынешний визит будет последним.

Чертова Доминика. Это все из-за нее. Наверняка из-за нее. Лев никогда таким не был. Желтое лего вновь приняло прямоугольную форму и теперь лежало неподвижно. Прикидывалось паинькой.

Лев поднял глаза, повел ими в сторону.

— Извини меня, я должен ответить, — это адресовалось Уилфу. — Да?

Он указал на омлет — ешь, мол. Потом коротко что-то спросил по-русски.

Недертон развернул прохладную плотную салфетку, достал вилку и нож. Он будет есть омлет с тушеным помидором в точности как здоровый, спокойный, ответственный человек. Меньше всего на свете ему сейчас хотелось омлета и тушеных помидоров.

Лев нахмурился и снова заговорил по-русски. В конце фразы прозвучало: «Аэлита». Он действительно ее упомянул или это какое-то похожее русское слово? Затем вопрос, тоже по-русски, и да, последним точно было ее имя.

— Да, — сказал Лев. — Очень.

Ногтем указательного пальца он почесал левое крыло носа — Недертон знал за ним такой жест сосредоточенности. Еще вопрос по-русски. Не-

дертон обреченно отправил в рот кусок омлета. Никакого вкуса. Тилацина за дверью уже не было. Они всегда так исчезали: только что здесь — и вот уже нет.

— Странно, — сказал Лев.

— Кто звонил?

— Моя секретарша и один из наших охранных модулей.

— А что случилось?

Пожалуйста, взмолился Недертон к равнодушному мирозданию, пусть для Льва это окажется важно. Пусть он отвлечется от исправительной клиники в Патни.

— Секретарша Аэлиты Уэст только что отменила ленч. Завтра на Стрэнде. Я забронировал столик в индийском ресторане. Она хотела больше узнать про своего полтера. Твой подарок.

Недертон заставил себя съесть еще крошку омлета.

— Лонпол слушал разговор моей секретарши с Аэлитиной. Мы под колпаком.

— Полицейские? Серьезно? А как она поняла?

— Да где ей, глупой девочке, — сказал Лев. (Недертона всегда раздражало, когда люди говорят о своих программах как о живых людях.) — Понял модуль.

Недертону подумалось, что жизнь клептархических семейств опутана бесчисленными нудными сложностями, однако он оставил эту мысль при себе.

— Охранный модуль интерпретировал слежку как относящуюся к очень недавнему событию.

— Откуда он знает?

— Цель слежки неизбежно проявится в каких-то ее особенностях. Наш модуль умнее полицейского. По характеристикам прослушки можно предположить, что именно расследует Лонпол.

Недертон так радовался внезапному избавлению, что почти не слушал Льва, и только сейчас сообразил: если не поддержать разговор, тема Патни может всплыть снова.

— Так что же он расследует?

— Серьезное преступление, считает наш модуль. Возможно, похищение. Или даже убийство.

— Аэлиты?

Мысль показалась Недертону совершенно абсурдной.

— Ничего пока не ясно. Мы изучаем вопрос. У нее был прием накануне вечером. Пока ты мертвецки спал.

— Ты следил за ней?

— Охранный модуль после звонка ее секретар-

ши провел ретроспективный анализ.

— И что за прием?

— Культурное мероприятие. Околоправительственное. Кстати, изначально задумывалось по поводу твоего проекта. Отметить успех. Когда Даэдра устроила там мясорубку, Аэлита не стала отменять прием, а как-то переиграла повод. Как именно — неизвестно. Секретность там на уровне.

— И где был прием?

— В резиденции Аэлиты. Жилой комплекс «Парадиз». — Зрачки у Льва двигались: он что-то читал. — Ей там принадлежат этажи с пятьдесят пятого по пятьдесят седьмой. Даэдра присутствовала.

— Вот как? У тебя там кто-то был?

— Нет, но наши модули чуть умнее Аэлитиных. Ешь.

Лев аккуратно нагрузил на вилку омлет с помидором и почти донес их до рта, но внезапно замер и нахмурился:

— Да? — Он опустил вилку. — Не то чтобы такая возможность полностью исключалась, хотя бы на уровне слухов. Я скоро приду.

— Секретарша? — спросил Недертон.

— Тлен. Говорит, кто-то еще контактирует

с нашим срезом. И это как-то связано с твоим полтером.

— Кто контактирует?

— Понятия не имею. Скоро все узнаем. — И Лев принялся за омлет.

Недертон последовал его примеру и — то ли какое-то долговременное действие «медичи» так сказалось, то ли временное избавление от Патни и печеночной ламинации — почувствовал, что омлет и помидор обрели вкус.

Красное лего, круглое, медленно выкатилось из-за блюда с апельсинами и, тихонько щелкнув, уже в виде кирпичика воссоединилось с желтым собратом. Недертон гадал, какую форму оно приняло, чтобы вскарабкаться по ножке стола.

Глава 17

Тополя

Зря она вернулась в «Джиммис». Флинн поняла это, как только с порога окунулась в темноту, танцы, запах пива, легальной травки и самосада. Бык, высунувшись из зеркала, глазел на девчушку лет, наверное, четырнадцати. Диоды мигали под музон, который Флинн слышала первый раз и надеялась больше не услышать. Она чувствовала себя последним старьем в кафешке — старше допотопной мебели и стен. По-прежнему в доморощенной форме охранника. И она не нашла Мейкона с того края стоянки, где тусовались черные ребята и где он толкал леваки. Флинн думала спросить, что будет, если телик засветился у безбашей. А может, просто надеялась с кем-нибудь поговорить. Сэндвич, приготовленный на после смены, ей не зашел, и вообще чувство было такое, что она уже никогда в жизни не сможет есть.

А все та пакость в игре. Уродская игра. Все игры уродские. Отчего, отчего их делают такими блевотными?

Флинн взяла пиво. Ее телик дзинькнул: «Джим-

мис» записал бутылку в кредит. Нашла круглый угловой столик, невытертый, но, по счастью, пустой, и села, показывая всем видом: да, я мерзкая старушенция. У девушки, отпускавшей пиво, была в глазнице виза, как у Мейкона и Эдварда, — серебристая паутинка, через которую видишь глаз, наблюдающий то, что транслируют нанизанные на нее элементы. В «Мегамарте» тебе сканируют глазницу и фабят визу точно по ее форме, а левые еще не появились. На черной коже смотрится лучше, подумала Флинн, но в «Джиммис» они были на всех, и от этого — а особенно оттого, что находила их вид немного идиотичным, — она еще сильнее чувствовала себя старухой. Каждый год что-нибудь такое возникает.

— Посылалки не хватает посылать лесом все, что надо бы? — сказала Дженис, возникая из толпы. В руке у нее тоже было пиво.

— Есть отчасти, — согласилась Флинн, уже не чувствуя себя последним старьем.

Она машинально обвела взглядом забегаловку: Дженис и Мэдисон редко бывали порознь. Мэдисон сидел за столиком с двумя ребятами, у каждого на глазу серебрилась виза. Он походил на Тедди Рузвельта. Практически только это

Флинн о Тедди Рузвельте и знала — что Мэдисон на него похож. Он носил усы, которые подстригал, но никогда не сбривал, круглые очки в тонкой титановой оправе и темно-зеленый разгрузочный жилет. Сукно жилета поела моль, сложные нагрудные карманы щетинились пишущими ручками и фонариками.

— Хочешь выпить в компании?

— В твоей — да, — ответила Флинн. Дженис всегда ей нравилась.

Дженис села. Как иногда бывает у женатых пар, они с Мэдисоном чем дальше, тем больше походили друг на друга. Дженис носила такие же очки в тонкой оправе, усов, правда, не отрастила. Они запросто могли поменяться одеждой, никто бы и не заметил. Сейчас на ней были камуфляжные штаны, почти наверняка его.

— Что-то у тебя вид невеселый.

— А мне и невесело. Волнуюсь из-за Бертона. Полез в драку с луканами, угодил в безовку. Никаких обвинений, просто задержали для общественного порядка.

— Знаю. Леон сказал Мэдисону.

— Он тут нашел халтурку, — продолжала Флинн, радуясь, что музыка заглушает ее слова от посторонних, и зная, что Дженис поймет про

риск лишиться пенсии. — Я его подменяла.

Дженис подняла одну бровь:

— Не понравилось? А что это?

— Бета-тестинг какой-то извратной игрушки. Про маньяков или в таком роде.

— А ты играла во что-нибудь после того раза у нас дома? — Дженис пристально ее разглядывала.

— Только в эту. Дважды. — Флинн опять сделалось неуютно, но уже иначе. — Ты Мейкона видела?

— Он был здесь. Мэдисон с ним разговаривал.

— Вы тут часто бываете, ты и Мэдисон?

— А что, это на нас похоже?

— Такие все, блин, молодые.

— А мы не были молодые, когда сюда ходили? По крайней мере ты. Маленькая сестренка Бертона, — улыбнулась Дженис.

Песня закончилась, и со стороны парковки донеслось громовое тарахтенье мотоциклетного мотора.

— Коннер, — сказала Дженис. — Паршиво. Затеял разборку с теми парнями.

У Флинн на миг мелькнуло неприятное чувство, будто вернулись школьные годы. Она проследила взгляд Дженис. Пять амбалов с обесцвеченными

волосами за столиком, уставленным пивными бутылками. Не баскетболисты, слишком квадратные. Наверное, американский футбол. Ни у одного не было визы. Двое встали, взяли за горлышко по пустой бутылке в каждую руку и направились к выходу.

— Он был здесь с час назад, — добавила Дженис. — Пил на парковке. Нельзя ему пить — с таблетками выходит адская смесь. Один из тех ребят что-то сказал. Мэдисон вмешался, так что до драки не дошло. Коннер уехал.

Снаружи донесся звон бьющегося стекла. Заиграла следующая песня. Флинн встала и пошла к двери, думая про себя, что эта песня нравится ей еще меньше предыдущей.

Двое футболистов стояли на крыльце, и сейчас стало видно, насколько они пьяны. Фонари на тонких шестах ярко освещали «тарантул» в центре гравийной площадки, тарахтевший и трясшийся, вонявший на всю парковку вторичным жиром. Голова Коннера торчала вперед под всегдашним мучительным углом, один глаз был скрыт за чем-то вроде монокля.

— Вали в жопу, Пенске! — крикнул футболист почти веселым от пьяного куража голосом и запустил вторую бутылку. Она разбилась о лобовое

стекло трицикла; осколки брызнули в сторону, не задев Коннера.

Тот улыбнулся и чуть мотнул головой. Что-то качнулось над «тарантулом», выше трех высоких шин, между которыми полулежал обрубок, оставшийся от тела Коннера.

Флинн прошла между футболистами, спустилась по ступенькам на гравий. Парни умолкли — она была старше их, незнакомая, с ног до головы в черном. Коннер увидел ее. Снова шевельнул головой. Флинн слышала, как хрустит под ногами, как бьются мошки о фонари, хотя непонятно, как можно было что-то различить за оглушительным тарахтеньем.

Совсем близко подходить не стала: Коннеру бы пришлось тянуть шею, чтобы смотреть ей в лицо.

— Флинн, сестра Бертона, — сказала она.

Взгляд через монокль, улыбка.

— Клевая сестренка, — процедил Коннер.

Флинн подняла взгляд и увидела тонкий членистый скорпионий хвост, управляемый моноклем. Видимо, Коннер нарочно выкрасил его в черный цвет для незаметности. Флинн не могла разглядеть, что на конце. Что-то маленькое.

— Не связывайся, Коннер. Езжай домой.

Он что-то тронул подбородком на приборной панели. Монокль отщелкнулся, словно открылся маленький люк.

— Ты уйдешь с моей дороги, клевая сестренка Бертона?

— Нет.

Коннер извернулся, потер глаз двупалой рукой:

— Я мудак, да?

— Да в этом городе все мудаки. У тебя хоть оправдание есть. Езжай домой. Бертон уже в пути, вернется — зайдет к тебе.

Говоря, Флинн как будто видела все со стороны: себя на сером гравии перед «Джиммис», высокие старые тополя по обе стороны парковки — старше ее матери, старше всех. Парня, который наполовину машина, человеко-мотоциклетный кентавр. Который чуть было не убил сейчас другого парня или парней — и, может, еще убьет.

Она обернулась и увидела, что Мэдисон теснит футболиста, швырявшего бутылки. Титановые очки были перед самым лицом парня, и тот отступал, чтобы авторучки и фонарики из теддирузвельтовской разгрузки не ткнули ему в грудь. Флинн снова поглядела на Коннера:

— Не стоят они того, Коннер. Езжай домой.

Коннер криво ухмыльнулся.

— Гребись все конем, — сказал он и что-то нажал подбородком.

«Тарантул» взревел. Однако, стартуя в поворот, Коннер постарался не обдать Флинн гравием.

С крыльца донеслись пьяные возгласы торжества.

Флинн бросила недопитую бутылку на гравий и, не оборачиваясь, пошла к велосипеду.

Глава 18

Клуб Всевышнего

Недертон заранее угадал, что закуток, который Тлен выгородила себе досками и холстиной в самом дальнем, самом маленьком углу подземного гаража, разозлит его своими декадентскими вывертами. Так и оказалось. Бесили не столько ненужная теснота и убранство а-ля богемный вариант бара «Менады», сколько то, что ее дисплей старательно маскировался подо что-то совершенно иное. И вообще, все, что она собиралась им показать, можно было транслировать, не дергая их со Львом сюда.

Полированные шары из сложных кристаллических сростков вроде агата были вмонтированы в ржавый химический прибор (Тлен похвасталась, что купила его у кокни, которые вылавливают из Темзы такого рода металлолом). И она заварила исключительно мерзостный чай в тончайших фарфоровых пиалах, наводивших на мысль, что в них нальют какую-нибудь полынную водку, так нет же. Прижатый к Льву за низким резным столиком, Недертон чувствовал себя в древней

телефонной будке, переоборудованной для спиритических сеансов.

Теперь Тлен выбирала из замшевого мешочка кольца и наперстки — интерфейс, который нормальные люди вживляют под кожу перманентно и незаметно. У Тлен это были ржавые магические железяки вымышленных королей, утыканные тусклыми окатышами, причем камешки еще светились и гасли под ее белыми пальцами.

Чай отдавал горелым. Не то что его правда сожгли, просто чувствовался едва уловимый привкус. Занавеси, тяжелые, как в баре «Менады», из облысевшего бархата, были закапаны свечным воском, талибский ковер на полу выцвел так, что традиционное чередование орнаментальных танков и вертолетов превратилось в бесцветный абстрактный узор.

Тлен надела на указательный палец правой руки бурый угловатый перстень; по тыльной стороне ее левой ладони взволнованно метнулось изображение геккона. Животные были не в масштабе, вернее, выглядели будто с разного расстояния. Недертон предполагал, что поэтому невозможно увидеть слона и геккона одновременно. Судя по всему, татуировки жили автономно и Тлен не могла ими управлять.

Она надела четыре кольца и два черненых серебряных наперстка, затем сплела пальцы, спугнув геккона, и сказала:

— Первым делом они дали объявление о найме.

— Кто «они»? — спросил Недертон, не пытаясь скрыть раздражение.

— Не знаю. — Тлен сложила указательные пальцы шалашиком. — Сервер можно считать платонической идеей черного ящика. В визуализации они возникают прямо перед нами, но это чрезмерное упрощение.

Недертон порадовался, что она хотя бы не назвала дисплей магическим кристаллом.

— О найме кого? — спросил Лев.

— Человека, готового выполнить неназванную задачу, связанную с применением насилия. Объявление размещено на форуме в даркнете, то есть на рынке криминальных услуг. Мы имеем доступ ко всем их сетям, поскольку наши компьютеры куда более быстродействующие. Предлагают восемь миллионов, — по мнению Оссиана, это значит, что речь идет об убийстве.

— Сумма реалистичная? — спросил Лев.

— Оссиан считает, что да. Не настолько большая по меркам конкретного форума, чтобы

привлечь внимание правительственных агентов, а они там, без сомнения, присутствуют, но и не слишком маленькая — дилетанты не набегут. Соискатель появился почти сразу, после этого объявление сняли.

— Кто-то откликнулся на объявление «ищем убийцу»? — изумился Недертон; Лев и Тлен обменялись взглядами. — Если их сети для вас прозрачны, почему мы знаем так мало?

— Некоторые традиционные методы шифрования и сейчас чрезвычайно трудно взломать, — ответил Лев. — Наша охранная система, вероятно, справилась бы, но я семью в эту историю не посвящал и не собираюсь.

Тлен расплела пальцы, провела кольцами и наперстками между шарами — примерно такой пантомимы Недертон и ждал. Шары засветились, увеличились, стали прозрачными. Сквозь миниатюрные туманности зазмеились две тонкие, как ниточки, молнии, замерли.

— Мы — синие, они — красные, — сказала Тлен.

Из чернильного облака сгустилась синяя ломаная линяя, рядом алая. Они бок о бок бежали среди медлительных, чуть светящихся скоплений темноты.

— А может, просто китайцы вас разыгрывают, пользуясь превосходством своих компьютеров, — сказал Недертон. Именно эту догадку первым делом высказала Даэдра.

— Не исключено, — ответил Лев, — однако такие шутки не в их характере.

— А такое случалось раньше? — спросил Недертон. — Кто-нибудь проникал в чужой срез?

— Слухи ходили, — сказал Лев. — Учитывая, что мы не знаем, где сервер, как работает и уж тем более кому принадлежит, загадка сторонних проникновений — наименьшая.

— Мифы и легенды континуумистов, — добавила Тлен.

— А как ты вообще этим занялся? — спросил Недертон.

— Через лос-анджелесского родственника. Новый человек может попасть в систему только по приглашению: кто-то должен рассказать ему про сервер, ввести в курс дела.

— А почему до сих пор нет широкой огласки?

— Когда ты в это включился, — ответил Лев, — тебе уже не хочется никого посвящать.

— Почему?

— Клуб Всевышнего, — вставила Тлен.

Лев поморщился, но промолчал.

— Каждый раз, когда мы взаимодействуем со срезом, мы бесповоротно меняем в нем всё, все далекоидущие последствия, — продолжала Тлен.

В одном из шаров сфокусировалось неподвижное изображение: темноволосый молодой человек на фоне чего-то вроде координатной сетки.

— Бертон Фишер, — пояснила Тлен.

— Кто он? — спросил Недертон.

— Твой полтер, — ответил Лев.

— Наши гости наняли кого-то его разыскать, — сказала Тлен. — И, как полагает Оссиан, убить.

Лев почесал нос и добавил:

— Он был на дежурстве во время приема у Аэлиты.

— После, — уточнила Тлен. — Ваши модули датируют время неизвестного события вечером после приема. Тогда полтер и заступил на дежурство.

— Они хотят убить давно умершего человека в прошлом, которое уже и не наше прошлое? Зачем? — спросил Недертон. — Ты говорил, ничто там на нас не влияет.

— Информация течет в обе стороны, — объяснил Лев. — Очевидно, они убеждены, что он обладает некими сведениями, которые могут им

повредить, если станут известны здесь.

Недертон взглянул на Льва и внезапно увидел в нем клептарха: клептарха в просвещенном младшем сыне, любящем отце, тилацинаналоговладельце. Что-то твердое и ясное, как стекло. И такое же простое. Хотя, по правде сказать, чувствовалось, что во Льве этого не много.

— Быть может, он что-то видел, — проговорила Тлен. — Я звоню, он не берет трубку.

— Вы ему звоните? — изумился Недертон.

— И шлю эсэмэски, — ответила Тлен, глядя на свои наперстки и кольца. — А он не отвечает.

Глава 19

Бирюзовый скотч

Дрон был размером чуть поменьше воробья, с одним ротором. Он летел над Флинн, и под фонарем на прямом отрезке Портер-роуд она разглядела у него на боку квадратик бирюзового скотча.

Леон купил на толкучке целый моток этого скотча примерно в то же время, когда Бертон перебрался в трейлер. Никто из них прежде не видел клейкой ленты такого цвета. Потом Леон и Бертон долго помечали ею свои игровые дроны. Флинн не думала, что они сейчас играют, но дрон явно провожал ее от «Джиммис», а значит, братья уже вернулись из Дэвисвилла.

Голова болела, зато паршивое настроение почти исправилось после того, как Коннера Пенске удалось отправить с парковки домой. Флинн решила, что больше не станет подменять Бертона. Будет помогать Шайлен или найдет еще какую-нибудь подработку.

И еще надо сказать Бертону, пусть узнает, что Коннер установил на «тарантул». Это не дело.

Хорошо, если там всего-навсего лазер, но как бы не что похуже.

Флинн быстро крутила педали — помогала втулке подзарядить аккумулятор. А главное, ей хотелось вымотаться так, чтобы упасть и заснуть. Под следующим фонарем она подняла взгляд и снова увидела дрон. Немногим больше папарацци в игре, хотя наверняка отпечатан в фабе.

Она свернула на извилистый, идущий под гору отрезок Портер-роуд и под первым же фонарем увидела Бертона с Леоном. Они стояли у картонного китайского автомобиля, который, наверное, взяли в прокате для поездки в Дэвисвилл. Бертон был в белой футболке, Леон — в джинсовой куртке, такой старой, что другой постыдился бы стричь в ней газон. Леон, в отличие от Бертона, не считал нужным переодеваться для работы, да и вообще ни для чего. Когда Флинн притормозила перед ними, он вскинул руку и поймал дрон в воздухе.

— Привет, — сказала она.

— И тебе привет, — отозвался Бертон. — Слазь, Леон подгонит твой велик.

— Зачем? Он не будет крутить педали, а мне надо подзарядиться.

— Это серьезно.

— Мама?..

— С ней все в порядке. Она спит. Нам надо поговорить.

— Я немножко покручу, — пообещал Леон.

Он придержал велосипед за руль, и Флинн слезла.

— Объясню в машине. Садись, — сказал Бертон.

Флинн забралась в двухместный автомобиль, который их мать назвала бы коробкой для яиц. От бумажного корпуса с герметической нанопропиткой воняло попкорном, на полу перед пассажирским сиденьем валялись обертки от еды.

— Что случилось? — спросил Бертон, как только захлопнул свою дверцу.

— В «Джиммис»?

Леон, держа в одной руке дрон, сел на велосипед. Первые метры он проехал, вихляя, затем выровнялся.

— На долбаной работе, Флинн. Они мне позвонили.

— Кто?

— Люди из «Сольветры».

— Случилось то, что игра — такое же говно, как и все. Я видела, как чувак убил женщину.

Фантазии на тему нанорезни бензопилой. Мне хватило. Дальше давай сам.

Бертон смотрел на нее:

— Кого-то убили?

— Съели заживо. Изнутри.

— Ты видела, кто убил?

— Бертон, это игра.

— Леон не знает, — сказал он.

— Не знает чего? Ты говорил, он получает для тебя деньги на свой Мегапал.

— Не знает, в чем именно состоит работа. Знает только, что мне платят бабки.

— Зачем они звонили?

— Спрашивали, что произошло в мою смену. Я не смог ответить.

— А сами-то они почему не знают? Разве у них не все записывается?

— Похоже, что не все. — Бертон побарабанил пальцами по рулю. — Мне пришлось сказать, что ты меня подменяла.

— Тебя уволят?

— Они утверждают, что меня вчера заказали через киллерский форум. Кто-то из Мемфиса. Восемь лимонов.

— Бред. Кто?

— Говорят, что не знают.

— За что?

— Кто-то думает, я видел то, что видела ты. Ты видела убийцу? Кого ты видела, Флинн?

— Почем мне знать? Какой-то козел. В игре. Подстроил все. Знал, что так будет.

— Деньги реальные.

— Какие еще деньги?

— Десять лямов. На Мегапале Леона.

— Если у Леона на Мегапале десять лимонов, завтра к нему придет налоговая.

— Их там еще нет. Он выиграет в лотерею штата в следующий тираж. Я должен купить билет и сказать им номер.

— Не знаю, что там безбаши с тобой сделали, но крыша у тебя съехала.

— Они хотят с тобой побеседовать.

— Безбаши? — Флинн стало уже не странно, а по-настоящему страшно.

— Люди из «Сольветры». Все уже обговорено.

И он с выключенными фарами поехал по Портер-роуд, ссутулив широкие плечи над хлипким рулем.

Глава 20

Полтер

Идея устроить офис в сухопутной яхте Зубова-деда принадлежала Тлен — она знала, что мраморная плита, на которой спал Недертон, превращается не только в журнальный столик, но и в очень внушительный рабочий стол. Лев добавил, что тамошняя система камер придаст интерьеру винтажный, а для сестры полтера — современный вид. Почему самого Недертона выбрали на роль эйчара, осталось для него загадкой.

Дедушкины дисплеи, которые Оссиан нашел на каком-то из нижних этажей, привезли на электрокаре. Это были прямоугольные черные зеркала в титановых рамах. Недертон видел такие в старинной медиапродукции, но ему они показались неубедительными. Очевидно, работающий монитор выглядел иначе. Тлен, с ожидаемым азартом включившаяся в подготовку спектакля, прилепила синий светодиод на дисплей, перед которым предстояло сидеть Недертону, чтобы у того на лице лежали голубые отсветы и не чувствовалось, что человек смотрит

в погасший экран.

Сейчас он рассматривал свое отражение в зеркальном дисплее. Костюму, изрядно помятому за время сна в яхте, Оссиан дал отвисеться в ванной, пока Недертон принимал душ, так что самая явная пожеванность исчезла. Еще Оссиан дал ему свой черный облегающий свитер, который был широк Недертону в груди и в плечах. Его собственная рубашка, в пятнах — надо полагать, от виски, — отправилась в стирку. Он жалел, что Тлен отказалась еще разок приложить ему к руке «медичи», — это бы благоприятно отразилось на внешности.

Недертон побарабанил пальцами по многофункциональной плите черного мрамора с золотыми прожилками. Ему предстояло изображать сотрудника «Милагрос Сольветра ЮА» — крупной воображаемой корпорации, базирующейся в Медельине. О Колумбии, в которой этот самый Медельин находится, Недертон не знал ровным счетом ничего. Лев зарегистрировал «Милагрос Сольветру» и в Колумбии, и в Панаме своего среза. Обе компании состояли из тонкой пачки документов и нескольких банковских счетов. Управляла ими одна и та же юридическая фирма в Панама-Сити.

Говорить с полтером оказалось на удивление интересно — главным образом поэтому Недертон и сидел здесь сейчас. Даже чересчур интересно. Наверное, подействовал и закуток Тлен, который своим унылым видом еще подчеркнул контраст. Так или иначе, полтер вел машину, глядя на какое-то шоссе, семьюдесятью годами раньше, по другую сторону джекпота. Его телефон как-то держался на приборной доске. Широкую грудь полтера обтягивала тонкая трикотажная рубашка, а лицо изумило Недертона тем, что было совершенно человеческим. Восхитительно допостчеловеческим. Полтер являл собой воплощение первозданности. И деловой хватки, как вскоре убедился Недертон. Такому умению выманивать деньги, импровизируя на ровном месте, можно было только позавидовать.

Тлен позвонила полтеру, она и говорила с ним первой. Не пытаясь скрыть добровольное измывательство над собственной внешностью и четыре зрачка. Потребовала рассказать, что он видел в последнюю смену. Полтер принялся юлить, и Тлен, взглядом испросив разрешения у Льва, переключила на того звонок. Лев, не представившись, взял быка за рога. Полтер будет уволен и не получит плату за две последние

смены, если не объяснится. Тогда полтер быстро сознался, что нанял свою сестру («компетентную и ответственную», как он выразился) подменить его, поскольку сам должен был ехать к родственнику по имени Лукан, который серьезно пострадал в драке.

— Мне срочно надо было к нему. Думали, он не выкарабкается.

— Чем он занимается, этот родственник? — спросил Лев.

— Он религиозный, — ответил полтер. Недертону вроде бы послышался смешок, и полтер быстро оторвал руку от руля.

Затем он сказал, что сейчас едет домой от пострадавшего родственника, сестре еще не звонил. Лев посоветовал и не звонить, а дождаться личного разговора. После чего сообщил про объявление.

Недертону подумалось, что Лев, при всей своей клептархической культуре, дал маху. Полтеру совершенно незачем знать такие подробности. Объяснить, что ему звонят из чужого будущего, где он — игрушка богатого сумасброда, было бы еще глупее, но ровно настолько же излишне. Недертон уже собирался отправить Льву сообщение и даже спроецировал на резную поверхность

стола телефонную клавиатуру, но задумался о динамике собственных отношений со Львом. Лучше сидеть, слушать и наблюдать, как полтер выторговывает себе новую, потенциально более выгодную позицию. Недертон видел, что у того явно есть тактические умения, которые Лев, умный и с наследственными задатками, не имел случая полностью развить.

Полтер ответил, что по ряду причин представляет довольно-таки трудную мишень для наемного убийцы. Что он обладает ресурсами, которые может привлечь именно в такой ситуации. А вот то, что его сестра может оказаться в опасности, «неприемлемо». Слово прозвучало в тесной палатке Тлен неожиданно весомо. И что, спросил полтер, Лев намерен по этому поводу предпринять?

— Мы дадим денег, — сказал Лев. — Вы сможете нанять охрану.

Недертон чувствовал, что Тлен пытается поймать его взгляд. Она явно тоже поняла, что полтер переиграл Льва. Недертон встретился с нею глазами, но нейтрально, без того выражения, которого она ждала.

Лев сказал полтеру, что хочет поговорить с его сестрой, однако тот пожелал прежде услы-

шать конкретную сумму. Лев предложил десять миллионов — чуть больше, чем пообещали предполагаемому киллеру. Полтер ответил, что на какой-то «мегапал» его двоюродного брата столько положить нельзя.

Лев объяснил, что есть другая возможность: он устроит, чтобы двоюродный брат полтера выиграл эти деньги в ближайшем тираже лотереи штата. Выплата будет абсолютно законной. И тут уже Недертон, не выдержав, сам взглянул на Тлен.

— Тебе не кажется, что история с лотереей превращает все в фаустовскую сделку? — спросил он, когда телефонный разговор закончился.

— Фаустовскую? — Лев посмотрел на него непонимающе.

— Как будто у вас есть возможности, которые обычно приписывают Люциферу, — пояснила Тлен.

— А, понятно. На самом деле это такая интересная штука, на которую мой знакомый набрел в своем срезе. Он дал мне подробные инструкции. Я как раз думал с вами обсудить.

— Здесь тесновато. — Недертон встал, приподняв тяжелый бархат плечом. — Если собираемся болтать, давайте перейдем в «мерседес», там

удобнее.

Вот, собственно, и все, если не считать того, что теперь он сидел здесь и ждал звонка от сестры полтера.

Глава 21

Лохотронщик

Они так и не нагнали Леона. Может быть, он вправду крутил педали, а скорее всего — немножко крутил и одновременно расходовал заряд втулки. Велосипед стоял у дуба во дворе, Леон куда-то исчез, зато в шезлонге сидел приятель Бертона Райс и держал на коленях мандолину. Когда они, оставив машину у ворот, подошли ближе, стало видно, что на самом деле это армейская винтовка: короткая, с дулом, как будто вдвинутым в приклад. Друзья Бертона называли такие «булками». На глаза у Райса была надвинута бейсболка — из тех, что постоянно меняют рисунок. Он был в армии, в каких-то элитных войсках, но не таких элитных, как Гаптраз, и к Бертону относился с восхищением, которое Флинн находила нездоровым, хотя сама не знала, за кого опасается — за Райса или за Бертона.

— Привет, Райс, — сказал Бертон.

— Привет, Бертон, — ответил Райс и, не привставая с шезлонга, тронул рукой кепку, почти как если бы отдал честь. На левой глазнице у

него была виза, и Флинн видела, как скользит по зрачку отраженный свет.

— Кто еще здесь? — спросил Бертон, глядя на темный дом. Белая вагонка уже немного просветлела в первых предутренних лучах.

— Дюваль на холме, — ответил Райс. (Пикселированное бурое пятно переползло чуть ближе к тому месту, где у нормальной бейсболки была бы пуговка. На морпеховские кепки их не пришивали, потому что, если тебя ударят по голове, пуговка может впечататься в черепушку.) — Картер за домом, Карлос у трейлера. Поставили сетку: двадцать единиц, двадцать в запасе.

Флинн знала, что это значит: двадцать дронов синхронно курсируют над участком, каждый из ребят контролирует треть дронов. Нехилая такая эскадра.

— Мы пойдем в трейлер, — сказал Бертон. — Предупреди Карлоса.

Козырек бейсболки приподнялся.

— У луканутых на тебя зуб? Мне Дюваль сказал.

— Луканы — фигня. Надо ждать ребят посерьезнее, — ответил Бертон.

Он положил руку Райсу на плечо, затем двинулся вниз, к трейлеру.

— Доброй ночи, Флинн, — сказал Райс.

— Доброе утро, — ответила она и догнала Бертона. — Как они выглядели? Люди, которые тебе звонили.

— Помнишь «Жертвенные аноды»?

Флинн почти не помнила. Группа из Омахи или вроде того.

— Они были еще до меня.

— Она походила на певицу из «Анодов» Кэт Блексток, только с хеллоуинскими контактными линзами. Другой примерно моих лет, высокий, неряшливый, с бородкой и в старинных очках. Привык, что его слушаются.

— Они колумбийцы? Латиносы?

— Англичане.

Флинн вспомнила город, изгиб реки.

— Почему ты им поверил?

Бертон остановился, и Флинн чуть на него не налетела.

— Я не говорил, что поверил им. Я верю в живые деньги, которые мне заплатили. Будут у Леона десять лимонов на Мегапале — поверю в десять лимонов.

— Ты веришь, что тебя заказали.

— Думаю, люди из «Сольветры» верят.

— Ты вызвал Райса и ребят с пушками.

— Не повредит. Они рады поводу. Леон выиграет в лотерею, может поделиться.

— Лотерея подтасована?

— Тебя это удивляет?

— Думаешь, «Сольветра» связана с правительством?

— Это деньги. Тебе кто-нибудь предлагал их в последнее время, кроме меня?

Он повернулся и зашагал по тропе. На деревьях чирикали первые птицы.

— А если это какая-нибудь безовская подстава?

Через плечо:

— Я обещал, что ты им позвонишь. Это надо сделать, Флинн.

— Но ты не знаешь, кто они. Почему они не писали видео, если платили за съемку с коптера?

Бертон снова остановился:

— Почему-то есть форум, где можно подрядиться на убийство незнакомого человека. По той же причине в этой стране прилично живут только те, кто лепит наркоту.

— Ладно, — сказала она. — Я не отказываюсь. Просто все это какой-то бред.

— Офицер внутренней безопасности сказал, что я мог бы к ним вступить. Подчиненные у него за спиной закатили глаза. Трудные времена.

В темноте за деревьями уже угадывался светлый трейлер. Флинн казалось, будто она не была здесь давным-давно.

Кто-то шевельнулся, едва заметный за трейлером. Карлос, наверное. Он показал им большой палец.

— Где пароль? — спросил Бертон.

— В чехле с твоим томагавком.

— Топориком, — поправил он, открывая дверь и заходя внутрь; зажегся свет. Бертон глянул на сестру. — Я знаю, ты считаешь все это бредом, но, может быть, у нас появился шанс выбраться из финансовой ямы. А такие шансы на земле не валяются, если ты еще не заметила.

— Да поговорю я, поговорю.

Китайское кресло расширилось под Бертона. Флинн достала из чехла полоску сфабленной бумаги и стала читать пароль. Бертон вбивал под диктовку.

Он уже собирался нажать «войти», когда Флинн положила ладонь ему на руку:

— Я все сделаю, но при тебе не могу. Мне надо быть одной. Если хочешь слушать снаружи, я не против.

Он перевернул руку, стиснул ее ладонь. Встал. Кресло попыталось его отыскать.

— Садись, не то его сейчас инфаркт хватит, — сказал Бертон, взял томагавк и вышел, прикрыв за собой дверь.

Флинн села. Кресло с покряхтыванием и пристаныванием сжалось. Она чувствовала себя как в «Кофе-Джонсе», когда надо было идти в офис за очередной нахлобучкой от менеджера ночной смены Байрона Берхардта.

Она сняла телефон, распрямила и глянула в экран, как в зеркальце. Стрижка не фонтан, давно надо подновить, зато в кармане джинсов лежал блеск для губ — Дженет принесла набор пробников из «Мегамарта», когда там работала. Надписи с тюбика стерлись, и давить было почти нечего, но Флинн все равно достала его и намазала губы. В любом случае это будет не бедолага Байрон: через три месяца после того, как он ее уволил, в его машину врезалась идущая на автопилоте длинномерная фура.

Она щелкнула «войти».

— Мисс Фишер?

Вот так сразу. Чувак примерно ее лет, коротко стриженый шатен, волосы зачесаны назад, выражение нейтральное. В комнате за его спиной было много очень светлого дерева или пластика под дерево, покрытого чем-то вроде лака для

ногтей.

— Флинн, — ответила она, напомнив себе о вежливости.

— Флинн, — повторил он и уставился на нее из-за старинного монитора.

На чуваке была черная водолазка с высоким горлом — Флинн, кажется, ни разу не видела таких в реале. Сейчас она заметила, что он сидит за столом из черного пластика под мрамор, с толстыми прожилками фальшивого золота. Ни дать ни взять съемный офис из рекламы банка-лохотрона. Может, этот тип и есть колумбиец. Он не походил на латиноса, но и очков с бородкой у него не было — значит, не тот, с которым говорил Бертон.

— А ты? — спросила она резче, чем собиралась.

— Я? — Он вздрогнул, выходя из задумчивости.

— Я только что назвала тебе свое имя.

Он глянул так, что Флинн захотелось обернуться через плечо, и проговорил удивленно:

— Недертон. Уилф Недертон.

— Бертон сказал, ты хочешь со мной поговорить.

— Да. Все правильно.

Выговор у него был британский, как и у тех, с кем общался Бертон.

— Зачем?

— Насколько мы понимаем, ты замещала брата в последние две смены…

— Это игра?

Вопрос выскочил сам — Флинн не собиралась его задавать.

Он приоткрыл рот, чтобы ответить.

— Скажи, что игра.

Флинн точно не знала, что на нее нашло, однако это точно началось после «Операции «Северный ветер»». Как будто, сидя на диване у Мэдисона и Дженис, она заразилась от Бертона посттравматическим синдромом.

Чувак закрыл рот. Немного нахмурился. Покусал губы, потом ответил спокойно:

— Это чрезвычайно сложный конструкт, часть куда более обширной системы. «Милагрос Сольветра» отвечает за безопасность. Не наше дело вникать во все остальное.

— Так это игра?

— Если тебе угодно.

— Что вся эта хрень значит?

Флинн отчаянно хотела знать, только не знала, что именно. Ну разумеется, игра, что же еще?

— Это игроподобная среда. Она не реальная в том смысле, который ты…

— А ты реальный?

Он склонил голову набок.

— Откуда мне знать? — сказала Флинн. — Если это была игра, как мне определить, что ты не ИИ?

— Я похож на метафизика?

— Ты похож на чувака в офисе. Чем именно ты занимаешься, Уилф?

— Работа с персоналом, — ответил он, сузив глаза.

Флинн подумала: если он — ИИ, то разработчики явно с вывертом.

— Бертон сказал, вы утверждаете, что…

— Не надо, пожалуйста, — быстро перебил он. — Обсудим позже, по более безопасному каналу связи.

— Что там за голубой свет у тебя на лице?

— От монитора. Неисправного. — Он нахмурился. — Ты отдежурила за брата две смены?

— Да.

— Пожалуйста, опиши их мне.

— Почему просто не посмотреть сохраненное видео?

— Что-что?

— Если никто не сохранял видео, на хрена я снимала?

— Это дело нашего клиента. — Он подался вперед, лицо выглядело по-настоящему встревоженным. — Пожалуйста, помоги нам.

Он не внушал особого доверия, но хоть на что-то был похож.

— В первую смену я стартовала с крыши фургона или чего-то в таком роде, — начала Флинн. — Вылетела из люка, ручное управление было отключено…

Глава 22

Архаика

Недертон заслушался. Было какое-то особое обаяние в ее выговоре, в голосе из доджекпотовской Америки.

В их прошлом тоже была Флинн Фишер. Если она жива, лет ей сейчас намного больше. Хотя, учитывая джекпот и шансы на выживание, это маловероятно. Однако, поскольку Лев впервые затронул ее континуум всего несколько месяцев назад, Флинн перед ним еще не успела далеко уйти от настоящей Флинн, ныне старой или покойной, которая была этой девушкой до джекпота, а потом пережила его или погибла, как многие другие. Вмешательство Льва еще не сильно ее изменило.

— Голоса на двадцатом, — сказала она, закончив отчет о первой смене. — Я не могла их разобрать. Чьи они?

— Я не посвящен в детали задания, порученного твоему брату, — ответил Недертон.

На ней была черная армейская рубашка, расстегнутая на шее, с погонами и какой-то красной

надписью над левым карманом. Темные глаза, темные волосы. Стрижка такая, будто ее делала митикоида. Лев рассказывал о подразделении, в котором служил ее брат, и теперь Недертон гадал, не служила ли там и она.

Тлен подключила его к трансляции, и он поместил канал в центре поля зрения, чтобы удобнее было смотреть в глаза. Предполагалось, что Недертон будет держать голову опущенной, как будто видит девушку на мониторе, но он об этом все время забывал.

— Бертон сказал, что они папарацци. Маленькие дроны.

— У вас такие есть?

Недертон внезапно осознал, как смутно представляет себе ее время. История местами занятна, но уж слишком обременительна. Нахватаешься лишних знаний — станешь как Тлен, одержимая каталогом исчезнувших видов, маниакально ностальгирующая по тому, чего никогда не видела.

— У вас в Колумбии нет дронов?

— Есть, — ответил Недертон.

Почему она в какой-то подводной лодке или воздушном судне со стенами из светящегося меда?

— Спроси, что она видела, — напомнил Лев.

— Ты описала свою первую смену, — сказал Недертон. — Насколько я понимаю, во вторую произошло некое событие. Опиши его.

— Рюкзак, — сказала Флинн.

— Что-что?

— Как детский рюкзачок, только из какого-то паршивого серого пластика. Типа щупальца по четырем углам. Или ножки.

— И когда ты впервые его увидела?

— Вылетела из люка в фургоне, пошла вверх, все как в первый раз. На двадцатом голоса опять умолкли. Тут я и увидела, как он лезет.

— Лезет?

— Кувыркается. Лечу выше, теряю его из виду. На тридцать седьмом он меня обгоняет. На пятьдесят шестом получаю контроль над коптером. Жучков нет. Облетаю дом — ни папарацци, ни жучков. Тут окно разморозилось.

— Деполяризовалось.

— Так я и думала. Увидела вчерашнюю женщину. Вечеринка кончилась, другая мебель, женщина в пижаме. С ней кто-то еще, видно только, что она на него смотрит. Смеется. Облетела дом еще раз. Возвращаюсь, они у окна.

— Кто?

— Женщина. Рядом с ней мужчина. Лет трид-

цать — тридцать пять. Брюнет. Бородка. Расово — ни то ни се. Коричневый халат.

Выражение у нее изменилось. Она смотрела на Недертона, вернее, на его изображение в своем телефоне, но перед ее глазами был кто-то другой.

— Он стоял рядом, обняв ее за талию. Она не видела его лица. А он знал.

— Что?

— Что та штуковина ее убьет.

— Какая штуковина?

— Рюкзак. Там в стекле открылась дверь. И такие выползли вроде перила, на балконе. Вижу, сейчас эти двое выйдут и заметят коптер. Я вбок, типа захожу на облет, на углу зависаю. Иду вверх, до пятьдесят седьмого, и сразу назад.

— Почему?

— Из-за его лица. Нехорошо он смотрел. — Ее голос звучал ровно, очень серьезно. — Она была над ними, на фасаде пятьдесят седьмого. Штуковина. Замаскировалась под стену, та же форма, что панели, тот же цвет. Только они были мокрые, а она сухая. И вроде как дышала.

— Дышала?

— Сдувалась и раздувалась. Несильно.

— Ты была над ними?

— Они стояли на балконе, смотрели на реку. Я

хотела щелкнуть кадр, но не сообразила как. Первый раз получилось само, с папарацци. Видимо, автоматом включается на близком расстоянии, только я не знала, чем управляю. Подлетела ближе, и тут штуковина что-то выплюнула. Мелкое и быстрое, не разглядеть. И сразу мне в камеру. Куснет — отлетит. Я отключила винты, упала на три этажа. Стабилизировалась. Кусачка исчезла. Я влево и резко вверх. Он стоял у нее за спиной. Взял ее руки, закрыл ей глаза. Поцеловал в ушко, блин, что-то шепнул. «Сюрприз». Зуб даю, он шепнул: «Сюрприз». Потом отступил на шаг, повернулся. Вижу, сейчас уйдет с балкона. И тут они полезли. Тучей. Он поднял голову. Он знал. Знал, что они тут будут.

Она глянула вниз, как будто на свои руки. Снова на него:

— Я нацелилась ему в башку. Не успела. Он упал на колени. А они залетели к ней в рот и начали ее жрать. Он вскочил, забежал в дом, дверь закрылась, окно стало серым. Думаю, она умерла от первого же укуса. Надеюсь.

— Ужасно, — сказала Тлен.

— Тсс, — прошипел Лев.

— Она опиралась на перила, — продолжала Флинн, — и они стали втягиваться. Она упала.

Я за ней. Почти до низу. Они ее жрали на лету. Только тряпки остались.

— Эта та женщина? — спросил Недертон, поднимая матовую фотографию, распечатанную с Аэлитиного сайта.

Флинн глянула на нее из глубины семидесяти с чем-то лет, из прошлого, которое уже было не вполне их прошлым, и кивнула.

Глава 23

Кельтский узел

Она лежала на кровати в комнате с задернутыми занавесками и думала непонятно о чем. Мерзопакость в игровом городе, похожем на Лондон. Коннер с «тарантулом» на парковке перед «Джиммис». Бертон рассказывает про «Сольветру», про то, что его заказали. И что это из-за виденного ею в игре. И как они приезжают, а у дома — его ребята-ветераны.

И наконец, Уилф Недертон, похожий на дешевую рекламу безымянного продукта. Когда Флинн закончила разговор и вышла, брата рядом не было, так что она пошла к дому, гадая, почему, если это игра, Бертона хотят убить. За то, что он якобы видел убийство в игре? Когда Флинн задала этот вопрос Недертону, тот ответил, что не знает, точно так же как не знает, отчего не сохраняли видео, и знать не хочет, и ей советует не забивать голову. И в эту минуту он больше всего походил на живого человека из реала.

Мама встала рано и варила себе кофе на кухне, в древнем-предревнем, старше Флинн, халате, с

кислородной трубкой под носом. Флинн поцеловала ее, отказалась от кофе, а на вопрос, где была, ответила, что в «Джиммис».

— Сто лет ей в обед, этой кафешке, — заметила мама.

Флинн взяла банан и фильтрованной воды в стакане, поднялась к себе. Оставила часть воды, чтобы почистить зубы. Чистя их, как всегда, отметила, что кран над раковиной был когда-то хромированным. Сейчас от покрытия остались редкие чешуйки, главным образом внизу, где смеситель крепился к фаянсу.

Она вернулась в спальню, закрыла дверь, сняла кофе-джонсовскую рубашку со споротой кофе-джонсовской нашивкой, лифчик и джинсы, надела огромную морпеховскую фуфайку Бертона и легла.

Усталость и перевозбуждение мешали уснуть. Через какое-то время Флинн вспомнила, что на старом телике у нее было приложение для дроновских игр Бертона и Леона и что Мейкон должен был перенести его на новый вместе со всем остальным. Достала телефон из-под подушки, проверила. Так и есть. Она запустила приложение, выбрала вид сверху и увидела спутниковый снимок участка: серый прямоугольник

крыши, под которой сейчас лежала, и светлые точки, отмечающие положение дронов. Они двигались в сложном танце, вычерчивая узор, название которого Флинн знала по татуировкам: кельтский узел. Каждый по очереди подзаряжался, а его на это время сменял запасной.

Бертон выиграл много дроновских игр. Очень круто ими управлял. В Первой гаптической разведке все так или иначе связано с дронами. И даже, кто-то ей сказал, сам Бертон был своего рода дроном, по крайне мере отчасти, пока носил татуировки.

Светлые точки, плетущие узел над ее домом, успокаивали. Скоро Флинн почувствовала, что, наверное, сможет уснуть. Она закрыла приложение, сунула телефон под подушку и натянула на себя одеяло.

И уже почти засыпала, когда внезапно увидела трепещущие в воздухе футболку и пижамные штаны.

Гады.

Глава 24

Анафема

Тилациниха запрыгнула в «мерседес» впереди Льва, сухо цокая когтями по светлому дереву, глянула на Недертона черными глазами и зевнула. Челюсти у нее были куда длиннее собачьих, скорее как у крокодила, только откидывалась не верхняя, а нижняя.

— Гиена, — без всякой радости приветствовал ее Недертон.

Он провел ночь в хозяйской каюте, по сравнению с которой мраморно-золотая доска выглядела аскетически простой.

Лев хмурился.

Следом вошла Тлен в «конфиденц-костюме», как Недертон называл про себя ее тускло-серый суконный комбинезон с длинными рукавами, старинной алюминиевой молнией от горла до лобка и множеством накладных карманов на стальных скрепках. Тот несколько умерял красноречивость ее телодвижений, а заодно прятал зверей и, видимо, обозначал, что она настроена серьезно и просит воспринимать ее соответ-

ственно.

— Итак, ты за ночь все обдумал, — сказал Лев, рассеянно гладя Тиенну.

— Кофе принес?

— Бар приготовит, что хочешь.

— Он заперт.

— Какой тебе кофе?

— Американо, черный.

Лев подошел к бару и приложил большой палец к овалу. Дверца сразу открылась.

— Американо, черный, — сказал Лев.

Бар почти бесшумно выполнил заказ, и Лев принес Недертону дымящуюся чашку на блюдце.

— Что ты думаешь про ее рассказ?

— Если она говорит правду, — начал Недертон, наблюдая, как Тиенна закрывает пасть и сглатывает, — и если она видела именно Аэлиту… — Он поймал взгляд Льва. — Не похищение.

Кофе был обжигающе горяч, но очень хорош.

— Мы надеялись выяснить, что скажет ее дом, — заметил Лев.

— А он молчит, — вставила Тлен.

— Почему?

— Не хочет говорить. А по слухам, и не знает.

— Как ее дом может не знать? — изумился Недертон.

— В том же смысле, в каком ничего не знает этот. Такое можно организовать и на определенное время, однако требуется… — Он сделал быстрый, еле заметный, чисто русский жест, будто играет на невидимом пианино: клептархия того уровня, о которой не стоит упоминать вслух.

— Понятно, — ответил Недертон, который ничего не понял.

— Нам потребуется капитал. В срезе, — сказала Тлен. — Оссиан исчерпал все возможности, какие мог измыслить. Если вы хотите сохранить влияние…

— Не влияние, — поправил Лев. — Я там царь и бог.

— Уже не единолично, — напомнила Тлен. — Наши гости с порога зарезервировали себе убийцу. Если их капитал будет больше нашего, мы окажемся беспомощны. А вот ваши семейные финматематики…

Недертон подумал, что она надела «конфиденц-костюм», прежде чем подступиться ко Льву с предложением задействовать семейные финансовые модули. Он глянул на Льва и понял, что убедить того будет нелегко.

— Оссиан может оптимизировать манипуля-

цию виртуальными деньгами в их онлайн-играх. Он над этим работает, — сказал Лев.

— Если наши гости купят политика или главу американского федерального агентства, нам придется вступить в гонку, — заметила Тлен. — И мы легко можем ее проиграть.

— У меня нет желания создавать более грандиозный бардак, чем тот, к которому они идут исторически, — возразил Лев. — А именно это случится при излишнем вмешательстве. Хватит того, что Уилф уговорил меня предоставлять полтеров в качестве курьезной разновидности доморощенных ИИ.

— Надо привыкать, Лев. — Тлен почти никогда не называла его по имени. — У кого-то еще есть доступ. Разумно предположить, что этот кто-то влиятельнее нас, поскольку мы даже близко не знаем, как проникнуть в чужой срез.

— А вы не можете прыгнуть вперед и узнать, что будет? — спросил Недертон. — Глянуть на них через год, а потом внести поправки?

— Нет, — ответила Тлен. — Это не путешествия во времени. После первого же мейла в их Панаму между континуумом и нами установился фиксированный коэффициент длительности: один к одному. Здесь и там время течет с одной

скоростью. Мы ровно так же не можем заглянуть в их будущее, как не можем заглянуть в свое, и убеждены только в одном: это не будет известная нам история. И нет, мы не знаем почему. Просто так работает сервер.

— Семейные ресурсы не обсуждаются, — сказал Лев. — Идея прибегнуть к ним — анафемская.

— Анафема — мое второе имя, — не удержалась Тлен.

— Знаю, — ответил Лев.

— Предположу, — сказал Недертон, ставя пустую чашку на блюдце, — что это один из немногих уголков твоей жизни, где их не было. Семейных ресурсов.

— Именно.

— В таком случае, — сказала Тлен, — план Б.

— В чем он состоит? — спросил Лев.

— Мы передаем исторические, социальные и рыночные данные плюс информацию из среза финматематикам-фрилансерам, и они выигрывают нам долю в экономике континуума. Конечно, они будут действовать не так точно и оперативно, как ваши семейные, но, может, хватит и того. И придется им платить. Здесь, реальными деньгами.

— Хорошо, — сказал Лев.

— Тогда для протокола: сперва я предложила обратиться к вашим семейным финматематикам. Ребятки из ЛШЭ умны, но не настолько.

— Ребятки? — переспросил Недертон.

— Если капитал противника превысит наш, вы не сможете меня винить.

Недертон решил, что Тлен изначально подводила к тому, чего в итоге добилась. Занятно; он прежде не думал, что она так умело манипулирует Львом. Возможно, идею предложил Оссиан.

— Очень интересно, спасибо, — сказал он. — Надеюсь, вы и дальше будете держать меня в курсе. Рад был помочь.

Оба вытаращились на него.

— Вынужден вас покинуть. У меня встреча за ленчем.

— Где? — спросила Тлен.

— В Бермондси.

Она подняла бровь. Из-за жесткого суконного воротника выглянуло изображение хамелеона и тут же спряталось, словно испугавшись посторонних.

— Уилф, — сказал Лев, — ты нужен нам здесь.

— Мне всегда можно позвонить.

— Ты нам нужен, потому что мы обратились в полицию.

— В Лонпол, — добавила Тлен.

— Исходя из того, что рассказала сестра полтера и что мы знали о ситуации, нам ничего не оставалось, кроме как обратиться к юристам. — Видимо, Лев имел в виду семейных адвокатов, которые, как Недертон догадывался, составляли отдельную отрасль национальной экономики. — Они договорились о встрече. Разумеется, ты должен на ней присутствовать.

— Инспектор уголовной полиции Лоубир рассчитывает тебя увидеть, — сказала Тлен. — Весьма почтенная дама. Не стоит обманывать ее ожидания.

— Если Анафема — твое второе имя, то Тлен, выходит, первое? — спросил Недертон.

— Первое Мария, — ответила она. — Тлен моя фамилия. Раньше на конце было два «н», но матушка одно ампутировала.

Глава 25

Кайдекс

В щелку между занавесками Флинн видела, как Бертон обогнул угол дома. Он быстро шагал в ярком утреннем свете, помахивая томагавком, который держал за головку, как прогулочную трость. Это значило, что на лезвия надеты кайдексовские мини-чехлы его собственной работы. Бертон с друзьями увлекались изготовлением ножен, чехлов и кобур из термопластика, как другие — петчворком или макраме. Леон шутил, что им пора выдать бойскаутские нашивки «За успехи в ручном труде».

У ворот стоял огромный, древнего вида «Урал», ярко-красный, с коляской того же цвета. И водитель, и пассажир были в круглых черных шлемах. В пассажире по куртке сразу угадывался Леон.

Она снова продрыхла полдня. Снов не помнила. Судя по теням, сейчас было часа четыре. Когда Бертон подошел к мотоциклу, Леон снял шлем, но из коляски не вылез. Достал что-то из кармана, протянул Бертону. Тот глянул, сунул в карман.

Флинн отошла от окна, накинула халат и собра-

ла вещи, чтобы надеть после душа.

Однако прежде надо было сказать Бертону про Коннера. Она, в халате и пантолетах, спустилась по лестнице, неся под мышкой завернутую в полотенце одежду.

Бертон стоял на крыльце. Кайдексовские чехлы были ортопедического телесного цвета — ребята всегда брали такой, считая черный слишком пафосным. Может, если кто увидит розовые ножны или кобуру под рубашкой, решит, что ты носишь корсет после операции.

— Давно Коннера видел?

— Звякнул ему вчера.

— Зачем?

— Спросил, не хочет ли он нам помочь.

— Я видела его вчера ночью. На парковке у «Джиммис». Он мне очень не понравился. Шло к тому, что он уделает двух футболистов. При всем народе.

— Надо кому-то за ним приглядывать. Чувак нарывается. От скуки совсем крышу снесло.

— Что у него там на трайке сзади?

— Скорее всего, просто мелкашка двадцать второго калибра.

— Неужели никто не попытается ему помочь? Он же себя гробит.

— Еще не так гробит, как мог бы. И я пытаюсь помочь. В. А. ничего делать не будет.

— Мне было страшно.

— Он тебя пальцем не тронет.

— За него страшно. Чего Леон приезжал?

— Вот.

Бертон достал из заднего кармана новенький лотерейный билет и протянул Флинн.

С размытой голограммы смотрел Леон, рядом был отпечатан скан его сетчатки.

— Они скоро и геном будут сюда записывать, — сказала Флинн. Она давно не видела лотереек — мать приучила их обоих не играть в то, что называла «налог на глупость». — Думаешь, он правда выиграет десять миллионов?

— Там меньше, но если выиграет, то нам лафа.

— Тебя не было вчера, когда я закончила говорить с «Милагрос Сольветрой».

— Карлосу надо было помочь с дронами. С кем говорила?

— Не с теми, с кем ты. Какой-то Недертон. Сказал, из отдела по работе с персоналом.

— И?..

— Спросил, что было во время смены. Я рассказала то же, что тебе.

— И?..

— Пообещал быть на связи. Бертон?

— Да?

— Если это игра, почему тебя хотят убить за то, что ты видел в игре?

— Разработка игр стоит туеву хучу денег, вот бета-версию и секретят со страшной силой.

— Ничего там не было особенного, — сказала Флинн. — Во многих играх мочат такими уродскими способами.

Впрочем, она сама не очень-то верила своим словам.

— Мы не знаем, что для них особенное в том, что ты видела.

— Ладно. — Она протянула ему билет. — Я в душ.

Она прошла через кухню во двор, закрыла дверь кабинки и уже сняла халат, когда на руке зазвонил телефон.

— Алло, — сказала Флинн.

— Это Мейкон. Как жизнь?

— Норм. А у тебя?

— Шайлен говорит, ты меня искала. Надеюсь, не клиентскую жалобу хочешь вчинить?

Голос у него был ничуть не встревоженный.

— Скорее, мне нужна техподдержка, но это терпит до встречи.

— Я как раз в закусочной, веду прием. У нас тут меговские свиные наггетсы. Фирменные. Много.

— Без посторонних.

— Не вопрос.

— Я подъеду на велике. Не уходи.

— Заметано.

Флинн вымылась, надела вчерашние джинсы и просторную серую футболку. Оставила полотенце, халат и пантолеты на полке снаружи душа и пошла к велосипеду.

Бертоновых ребят видно не было, но Флинн не сомневалась, что они здесь и что дроны по-прежнему над участком. Все это казалось нереальным. И билет с голограммой и сетчаткой Леона тоже. Может быть, не один Коннер двинулся умом.

Она отстегнула велик, села, убедилась, что Леон не полностью разрядил аккумулятор, и покатила, вдыхая теплый запах придорожных сосен.

Примерно на трети пути навстречу с ревом пронесся «тарантул» — так быстро, что Флинн не разглядела Коннера.

Запах жареной курицы еще долго преследовал ее, но потом все-таки рассеялся. Через сорок пять минут Флинн уже пристегивала велик рядом с «Мегамартом».

У Мейкона имелся в закусочной собственный

столик, в самом дальнем от кассы углу. Он лечил магазинное оборудование, выправлял то, что штаб-квартира сетки в Дели выправить не могла. Когда ломались аэростаты видеонаблюдения за ворами или система отслеживания запасов, Мейкон чинил их на месте. Зарплату ему не платили, но по договоренности он использовал угловой столик в качестве офиса, а также имел открытый кредит на еду и напитки.

Мейкон не брался ни за что, связанное с наркотой. Для его профессии такая щепетильность была редкой. Она могла сильно осложнить ему жизнь, если бы его услуги понадобились кому-нибудь из тех, кто лепит наркотики, однако здорово упрощала ее в остальном. Заместитель шерифа Томми Константайн, единственный, на взгляд Флинн, привлекательный холостяк в городе, рассказывал, что управа обращается к Мейкону, когда свои техники не справляются.

Вся закусочная благоухала свиными наггетсами. У куриных запах не такой сильный, наверное, потому, что в них не кладут красную краску. Когда Флинн подошла к столику, Мейкон сидел, как всегда, спиной к стене и быстро уничтожал наггетсы. Эдвард, слева от него, чинил что-то удаленное.

У Эдварда были визы на обоих глазах, наверное для объемного зрения, и поверх них сиреневая атласная маска для сна, чтобы не мешал свет. Руки в эластичных ядовито-оранжевых перчатках с узором вроде египетских иероглифов двигались, и Флинн почти видела то, что они чинят, хотя на самом деле видеть не могла, поскольку оно было не здесь, а в кабинете управляющего магазином или вообще в Дели, но Эдвард-то видел и управлял двумя пластиковыми руками, которые это держали.

— Привет, — сказал Мейкон, поднимая взгляд от тарелки.

— Привет, — ответила Флинн и придвинула себе стул. Все стулья здесь были как будто из того же пластика, каким Бертон залил изнутри трейлер, только менее упругого.

Эдвард нахмурился, аккуратно поставил невидимый предмет в шести дюймах над столом и сдвинул маску на лоб. Глянул на Флинн через серебристые визы, широко улыбнулся. Его улыбка была нешуточным знаком внимания.

— Наггетсов? — спросил Мейкон.

— Нет, спасибо, — ответила Флинн.

— Они свежие!

— Из самого Китая.

— Никто не выращивает таких сочных свиных наггетсов, как китайцы. — У Мейкона кожа была светлее, чем у Эдварда, вроде как в конопушках, и очень красивые карие, с зеленой крапинкой глаза. Левый сейчас поблескивал серебристой визой. — Телик залочился?

— Ты их не боишься? — спросила Флинн, имея в виду визу. — Они все видят.

— Наши довольно основательно брейкнуты, — ответил Мейкон. — Тех, что из коробки, стоит бояться.

— Мой не залочился, — сказала Флинн, отлично зная, что Мейкону это и так известно. — Тут другое дело. Безбаши забрали Бертона на стадион в Дэвисвилле, чтобы не навешал луканутым.

— Обидно как. Совсем не успел навешать?

— Успел, потому и забрали. В общем, его телик был у них всю ночь. И я боюсь, не заглянули ли они в мой.

— Тогда они и в мой заглянули, — сказал Мейкон. — У нас с твоим братом много общих дел.

— А ты можешь определить, было или нет?

— Наверное. Если бы безбаш в фургоне от нечего делать полез искать порнушку, я бы понял. А какой-нибудь всевидящий федеральный ИИ? Фиг его разберет.

— Они бы просекли, что мой телик — левый?

— Просечь можно, — сказал Эдвард, — но для этого к тебе должна залезть такая зараза, которая специально проверяет конкретные телефоны.

— Вообще-то, мы всё делаем аккуратно, — добавил Мейкон. — Китайские производители еще ни одного нашего телика не засекли.

— Насколько нам известно, — заметил Эдвард.

— Верно, — сказал Мейкон. — Но обычно когда они засекают, то действуют.

— В общем, ты не знаешь?

— В общем, да. Но даю тебе бесплатное разрешение не волноваться.

— Ты что-нибудь в последнее время делал для Коннера Пенске?

Мейкон с Эдвардом переглянулись. Эдвард надвинул сиреневую атласную маску для сна и взял из воздуха вещь, которая была не здесь. Повертел ее в руках. Потыкал оранжево-черным пальцем.

— Ты типа про что? — спросил Мейкон.

— Я заходила вчера в «Джиммис». Искала тебя.

— Жалко, что разминулись.

— Там был Коннер. Поцапался с малолетними придурками. У него что-то было на трайке.

— Желтая ленточка?

— Какая-то механическая змея. Управляемая

таким типа моноклем.

— Мы ему ее не фабили, — сказал Мейкон. — Списанная военная через *eBay*. Мы сделали только сервоинтерфейс и схему.

— Что там у нее на конце?

— Фиг его знает. Наше дело маленькое.

— Ты понимаешь, что он может серьезно влипнуть?

Мейкон кивнул.

— Ты же не будешь спорить, что Коннер — законченный придурок? — сказал он. — Со своим трайком и этой новой фигней.

— А еще таблетками и бухлом. Просто игрушки и трайк, может бы, и ничего.

Мейкон глянул на нее печально и сказал:

— Маленький манипулятор на конце, как у Эдварда, только с меньшей подвижностью.

— Мейкон, я видела, как ты фабил пушки.

Мейкон мотнул головой:

— Нет, Флинн. Для него — нет.

— Он мог добыть где-нибудь еще.

— В этом городе плюнь — попадешь в сфабленную пушку. Добыть — не проблема. Пойми: если я посылаю Коннера лесом, его драндулет ломается, В. А. починить не может, ему становится еще хреновей. Если не посылаю и мы лечим его

драндулет, Коннер улыбается и просит у меня то, чего ему нельзя. Такая вот ерунда.

— Может, Бертон подкинет ему работу.

— Вы хорошие, Флинн. Ты и твой брат. — Он улыбнулся. — Точно не хочешь наггетсов?

— Я пойду. Спасибо за техподдержку. — Она встала. — Пока, Эдвард.

Сиреневая маска кивнула:

— Пока, Флинн.

Она вышла из магазина и отстегнула велосипед.

Над парковкой висел аэростат, делая вид, будто просто рекламирует следующее поколение виз. Однако из-за плаката с увеличенным изображением глаза под серебристой паутинкой визы создавалось впечатление, будто стат за всеми следит, как оно, разумеется, и было на самом деле.

Глава 26

Весьма почтенная

Недертон впервые попал в гостиную Зубова-деда. Она показалась ему одновременно мрачной и аляповатой, какой-то чужой в своей чересчур истовой английскости. Дерево — а оно тут преобладало — поблескивало болотного цвета эмалевой краской и позолотой. Мебель была темная и тяжелая, кресла — высокие, с такой же болотной обивкой.

Если бы Тлен не предупредила заранее, что инспектор Лоубир — первый представитель органов правопорядка, вступивший в дом Зубовых с момента приобретения, — женщина, Недертон затруднился бы сразу определить ее пол.

Равномерно розовые руки и лицо инспектора казались слегка раздутыми чем-то немного светлее крови; волосы, густые и белые, как сахарная глазурь, были коротко подстрижены сзади и по бокам, а спереди зачесаны вверх, так что получалась своего рода стоячая челка. Чересчур ярко-васильковые глаза смотрели внимательно и зорко. Костюм отличался той же гендерной

неопределенностью, что и весь облик: Сэвил-роу либо Джермин-стрит, ни один стежок не проложен роботом или перифералью. Мужского кроя пиджак идеально сидел на широких плечах, между краем брючин и черными оксфордскими туфлями проглядывали узкие щиколотки в гладких черных носках.

— Исключительно любезно с вашей стороны, мистер Зубов, было встретиться со мной так скоро, — сказала инспектор из кресла, — а уж тем более пригласить меня к себе домой.

Она улыбнулась, показав зубы, в неидеальности которых читалась заоблачная цена. Недертон знал, что в ознаменование ее исторического визита по Ноттинг-Хиллу сейчас кружат два автомобиля с боевым контингентом семейных адвокатов. Сам он всячески избегал гиперфункционально старых людей — они, как на подбор, оказывались чрезвычайно сведущи и очень влиятельны. Правда, и встречались довольно редко — что и было их главным достоинством.

— Пустяки, — сказал Лев.

Оссиан, еще больше обычного похожий на дворецкого, принес чай.

— Мистер Мерфи! — искренне обрадовалась Лоубир.

— Да, мэм. — Оссиан замер с серебряным подносом в руках.

— Извините, я забыла, что мы не представлены. В мои лета связь с миром идет главным образом через трансляции, мистер Мерфи. За свои грехи я имею постоянный доступ практически ко всему, отчего приобрела ужасную привычку вести себя так, будто уже знакома с теми, с кем мне только предстоит встретиться.

— Я ничуть не в претензии, мэм, — ответил Оссиан, потупясь в точном соответствии со своей ролью.

— Тем более что в определенном смысле я их действительно знаю, — сказала Лоубир остальным, будто не слышала его слов.

Оссиан с тщательной невозмутимостью поставил тяжелый поднос на боковой столик и приготовился обнести всех бутербродами.

— Вам, наверное, известно, — продолжала Лоубир, — что я расследую недавнее исчезновение Аэлиты Уэст, проживающей в Лондоне гражданки Соединенных Штатов. Будет проще, если каждый из вас расскажет о своих отношениях с разыскиваемым лицом и друг с другом. Может быть, мистер Зубов, вы начнете первым? Разумеется, все произнесенное с этой минуты будет

зафиксировано.

— Как я понял, достигнута договоренность, что в этом доме не будет каких-либо записывающих устройств.

— Безусловно, — ответила она. — Однако я обладаю сертифицированной памятью, и все запечатленное в ней может быть предъявлено в суде.

— Не знаю, с чего начать, — произнес Лев после короткой паузы, в течение которой он пристально разглядывал Лоубир.

— С лососем, спасибо, — сказала та Оссиану. — Не могли бы вы для начала объяснить, в чем состоит ваше хобби, мистер Зубов? Ваши адвокаты в беседе со мной назвали вас «страстным континуумистом».

— Объяснить непросто, — ответил Лев. — Вы знаете про сервер?

— Да, великая загадка. Предполагается, что он китайский и, как многое в сегодняшнем Китае, абсолютно вне нашего понимания. Вы через него общаетесь с прошлым, вернее, с *неким* прошлым, ибо в нашем реальном прошлом такого не происходило. У меня от этого ум заходит за разум. У вас, мистер Зубов, как я понимаю, нет?

— Куда меньше, чем от парадоксов, которые

мы традиционно связываем с путешествиями во времени, — сказал Лев. — На самом деле все довольно просто. Факт взаимодействия порождает развилку — новую, полностью уникальную ветвь. Срез, как мы это называем.

— Почему? — спросила Лоубир, пока Оссиан наливал ей чай. — Почему вы так их называете? Звучит грубо и жестоко. Разве вы не ждете, что новая ветвь будет расти и развиваться дальше?

— Разумеется, ждем, — ответил Лев. — Я не знаю, почему континуумисты остановились на этом термине.

— Империализм, — сказала Тлен. — Мы действуем в альтернативных прошлых как в странах третьего мира, а слово «срез» психологически облегчает такой подход.

Лоубир глянула на Тлен. Сегодня та была в чуть более строгой версии своего викториански-вокзального наряда.

— Мария Анафема, — проговорила Лоубир, — очень мило. И вы помогаете мистеру Зубову проводить его колонизаторскую политику? Вы и мистер Мерфи?

— Да, — ответила Тлен.

— И это первый континуум мистера Зубова? Первый срез?

— Да, — ответил Лев.

— Ясно, — сказала Лоубир. — А вы, мистер Недертон?

— Я? — Недертон, не глядя, взял бутерброд с протянутого Оссианом подноса. — Друг. Друг Льва.

— Вот эта часть дела мне не ясна, — сказала Лоубир. — Вы — специалист по связям с общественностью и оформлены на работу через крайне запутанную систему подставных контрагентов. Вернее сказать, были оформлены.

— Был?

— Жаль вас огорчать, но да, вы уволены. Сообщение находится в вашей непрочитанной почте. Я также вижу, что вы и ваша бывшая сослуживица Кларисса Рейни, проживающая в Торонто, были свидетелями убийства некоего Хамеда аль-Хабиба американским ударным комплексом.

Она оглядела собравшихся, словно желая понять, какое впечатление произведет это имя. Судя по лицам — никакого.

Недертону раньше не приходило в голову, что главного мусорщика как-то зовут.

— Это было его имя? — спросил он.

— Да, — ответила Лоубир. — Хотя и не слишком широко известное.

— Свидетелей, к несчастью, было много, — ска-

зал Недертон.

— Ваше и мисс Рейни положение уникально тем, что вы наблюдали событие практически непосредственно. В любом случае у вас, судя по всему, была очень напряженная неделя.

— Да.

— Не могли бы вы объяснить, как оказались здесь, мистер Недертон? — Она поднесла чашку к губам и отпила кофе.

— Я пришел ко Льву. Был расстроен. Из-за мусорщиков, из-за той ужасной бойни. Ну и подозревал, что меня уволят.

— Вы искали общества?

— Да, именно так. И в ходе разговора со Львом…

— Да?

— Это довольно запутанная история.

— Я неплохо умею распутывать сложные истории, мистер Недертон.

— Вы знаете, что сестра Аэлиты — моя клиентка? Вернее, уже бывшая. Даэдра Уэст.

— Я надеялась, что мы к этому подойдем.

— Я договорился со Львом, что он сделает Даэдре подарок от моего имени.

— Подарок. Какой же?

— Я организовал для нее услуги одного из жи-

телей принадлежащего Льву среза.

— Какие именно услуги?

— Охранные. Он бывший военный. Оператор дронов, помимо прочего.

— У вас были основания полагать, что она особо нуждается в услугах охранника?

— Нет.

— Тогда почему, если не секрет, вам пришла в голову эта мысль?

— Лев особо интересовался одним конкретным подразделением в своем срезе, тем, где служил тот молодой человек. Переходная технология, самый канун джекпота. — Недертон глянул на Льва.

— Гаптика, — подсказал тот.

— Мне подумалось, это позабавит Даэдру своей курьезностью, — продолжал Недертон. — Хотя, надо признать, фантазия не самая сильная ее сторона.

— Вы хотели произвести на нее впечатление?

— Да, наверное.

— Вы состояли с нею в интимных отношениях?

— Да, — ответил Недертон, вновь покосившись на Льва. — Однако Даэдре это оказалось не нужно.

— Отношения?

— Полтер в качестве охранника. И отношения, как вскоре стало ясно, тоже. — Недертон обнаружил, что в разговоре с Лоубир все волей-неволей говорят правду. Он не понимал, чем именно инспектор вызывает на откровенность, но ему это очень не нравилось. — Так что она попросила отдать полтера сестре.

— Вы встречались с Аэлитой, мистер Недертон?

— Нет.

— А вы, мистер Зубов?

Лев проглотил последний кусок бутерброда.

— Нет. Мы условились пообедать вместе. Кстати, это должно было произойти сегодня. Она очень заинтересовалась континуумом, — он покосился на Тлен, — или срезом, если угодно.

— Итак, бывший военный из среза должен был находиться на дежурстве в самый момент предположительного исчезновения Аэлиты Уэст?

— Это был не он, а его сестра, — вставил Недертон и тут же поборол желание прикусить нижнюю губу.

— Сестра?

— Его вызвали по срочному делу, — пояснил Лев. — Сестра заменяла его в последние две сме-

ны.

— Его имя и фамилия?

— Бертон Фишер, — сказал Лев.

— Ее?

— Флинн Фишер, — сказал Недертон.

Лоубир поставила чашку с блюдцем на стол.

— И кто беседовал с нею о тех событиях?

— Я, — ответил Недертон.

— Пожалуйста, опишите, что она, по ее словам, видела.

— Она взлетела, чтобы заступить на вторую смену…

— Взлетела? Как?

— В квадрокоптере. В качестве квадрокоптера? Она его пилотировала. Увидела, как что-то взбирается по стене здания. Прямоугольное, с четырьмя конечностям. Как оказалось, оно содержало нечто, по описанию похожее на роевое оружие. Женщина на балконе, которую сестра полтера по нашей цифровой фотографии позже опознала как Аэлиту, была убита этим оружием. Затем уничтожена. Съедена, как выразилась сестра полтера. Без остатка.

— Понятно, — заметила Лоубир уже без улыбки.

— Она сказала, он знал.

— Кто?

— Мужчина, который находился рядом с Аэлитой.

— Ваша свидетельница видела какого-то мужчину?

Недертон, уже не зная, чего наговорит, если откроет рот, просто кивнул.

— И где она теперь, эта Флинн Фишер?

— В прошлом, — сказал Недертон.

— В срезе, — поправил Лев.

— Чрезвычайно занятно. Весьма и весьма необычно, чего никак не скажешь про значительную часть расследований. — Лоубир внезапно поднялась с зеленого кресла. — Вы очень мне помогли.

— И все? — удивился Недертон.

— Простите?

— У вас больше нет вопросов?

— У меня их еще очень много, мистер Недертон. Однако я предпочту дождаться, пока не возникнут следующие.

Лев и Тлен тоже поднялись, так что пришлось встать и Недертону. Оссиан, в черном фартуке с узкими белыми полосами, вытянулся в струнку подле темного буфета с зеркальными дверцами.

— Спасибо за гостеприимство и за помощь,

мистер Зубов. — Лоубир пожала руку Льву. — И вам спасибо за помощь, мисс Тлен. — Снова рукопожатие. — И вам, мистер Недертон.

Ладонь у нее была мягкая и сухая, нейтральной температуры.

— Не стоит благодарности, — ответил Недертон.

— Если вы захотите связаться с Даэдрой Уэст, мистер Недертон, не звоните ей отсюда или из других домов мистера Зубова, дабы не порождать лишние, совершенно ненужные сложности. Отправьтесь в какое-нибудь другое место.

— Я не собираюсь ей звонить.

— Вот и отлично. Примите мои благодарности, мистер Мерфи. — Она подошла к Оссиану и пожала ему руку. — Вы замечательно преуспели в жизни, учитывая ваши юношеские конфликты с законом.

Оссиан промолчал.

— Я вас провожу, — сказал Лев.

— Не надо, не утруждайтесь, — ответила Лоубир.

— Наши домашние животные ревниво относятся к своей территории, — сказал Лев. — Лучше, если я пойду с вами.

Недертон ничего такого за Гордоном и Тиенной

не знал (помимо того, что самый их вид внушал ужас и отвращение), к тому же был уверен, что их поведенческие инстинкты генно-модифицированны.

— Хорошо, спасибо. — Лоубир повернулась к остальным. — При необходимости я свяжусь с вами индивидуально. Если потребуется мне позвонить, вы найдете меня в списке ваших контактов.

Они вышли, и Лев закрыл за собой дверь.

— Взяла образцы наших ДНК, сука, — сказал Оссиан, разглядывая свою ладонь, которую только что пожала Лоубир.

— Ну конечно, — ответила Тлен, глядя на Недертона, чтобы ее речь не шифровалась. — Как иначе убедиться, что мы те, за кого себя выдаем.

— Мы могли бы провернуть с ней то же самое, — произнес Оссиан, хмуро глядя на чашку, из которой пила инспектор.

— И на нас бы настучали. — Тлен по-прежнему обращалась к Недертону.

— С порога взяла меня за грудки, — сказал Оссиан.

— Мерфи? — спросил Недертон.

— Не наглей. — Оссиан резким движением скрутил полотенце, затем швырнул задушенную

тряпку на буфет, взял с подноса две тартинки, сунул в рот и принялся энергично жевать, сохраняя при этом всегдашнее невозмутимое выражение.

Возникла эмблема Тлен. Недертон встретился глазами со стоящей перед ним Тлен. Та чуть заметно кивнула и открыла трансляцию.

Глазами птицы, способной неподвижно зависнуть в воздухе, Недертон увидел, как Лоубир садится на заднее сиденье автомобиля — уродливого, дутого, тяжелого на вид. Лев что-то сказал, отошел от машины, и по ее матово-черному корпусу мгновенно расползся пиксельный рисунок отраженных зданий.

Невидимая машина тронулась, словно наматывая на себя улицу, и пропала совсем. Лев повернул к дому. Трансляция выключилась.

Оссиан все еще жевал. Теперь он проглотил, плеснул чая в хрустальную стопку, выпил.

— Итак, — сказал он, не обращаясь к Тлен, чтобы речь не шифровалась, — мы подключаем студентов-финматиков из Лондонской школы экономики?

— Лев согласился, — сказала Тлен Недертону.

— Их местная экономика держится на синтезе наркотиков, — сказал Оссиан Недертону. — Наверняка там есть все, что нам нужно.

Лев, улыбаясь, вошел в дверь.

— И как? — спросила Тлен.

По тыльной стороне ее ладони пронеслась стайка птиц. Тлен их не заметила.

— Удивительная женщина! — воскликнул Лев. — Я впервые говорил с полицейским такого ранга. И вообще с полицейским.

— Они не все такие, слава богу, — пробурчал Оссиан.

— Ничуть не сомневаюсь, — ответил Лев.

Тебя только что подцепили на крючок, подумал Недертон. Подцепили очень ловко и основательно, вполне в духе инспектора Эйнсли Лоубир.

Глава 27

Мертвые парни

Флинн разбудили мужские голоса где-то совсем близко. Один из них принадлежал Бертону.

Накануне она съездила в «Фарма-Джон», взяла лекарства для матери, вернулась и помогла той приготовить ужин. Они втроем — Флинн, мама, Леон — поели на кухне, потом Леон и Флинн вымыли посуду и вместе с мамой посмотрели новости. Сейчас она выглянула в окно и увидела у ворот большую прямоугольную машину из управы шерифа. «Четверо?» — спросил голос брата под самым окном, на дорожке к парадному крыльцу.

— Для нашего округа больше чем достаточно, уж поверь мне, Бертон, — сказал замшерифа Томми Константайн. — Надеюсь, ты не откажешься поехать со мной? Вдруг кого узнаешь.

— Потому что их убили на середине Портер-роуд, а я живу в ее конце?

— Надежды мало, но я буду признателен, если ты со мной съездишь, — сказал Томми. — Из-за этих мертвых парней у меня все наперекосяк.

— Что за парни?

— Два пистолета, новенький набор разделочных ножей, кабельные стяжки. Никаких удостоверений личности. Машина угнана вчера.

Флинн лихорадочно одевалась.

— Как их убили? — спросил Бертон таким тоном, будто интересовался, какой сейчас иннинг в бейсбольном матче.

— Выстрелом в голову. Судя по диаметру дырок — двадцать второй калибр. Выходных отверстий нет, так что у нас будут пули.

— Они сидели и ждали, пока их перебьют?

— Вот тут и начинаются странности. Китайский четырехместный автомобиль, стреляли снаружи. Водителя убили выстрелом через лобовое стекло, пассажира рядом с ним — через окно в ближайшей к нему дверце, того, что за ним, — через окно задней боковой дверцы, а того, что за водителем, — через заднее стекло. Как будто кто-то обходил машину и щелкал их по одному. Однако у двоих в руках были пистолеты, и непонятно, почему они не отстреливались.

Флинн провела по лицу мокрой губкой, вытерлась вчерашней футболкой. Вытащила из кармана джинсов блеск, мазнула губы.

— У тебя загадка запертой комнаты, Томми, — сказал Бертон.

— У меня полиция штата, вот у меня что.

Флинн вышла в коридор, коснулась дедушкиных «Нейшнл географиков» — на счастье — и сбежала по лестнице.

Маму она по пути не видела, впрочем из-за лекарств та в это время обычно спала крепко.

— Здравствуй, Томми! — крикнула она через внешнюю сетчатую дверь.

— Здравствуй, Флинн!

Томми наполовину — но только наполовину! — дурашливым жестом снял широкополую шляпу.

— Вы меня подняли, — сказала Флинн, открывая сетчатую дверь и выходя наружу. — Маму не разбудите. Кого убили?

— Извини. — Томми понизил голос. — Четыре трупа. Похоже на профессиональную работу. Примерно на полдороге между вами и городом.

— Разборки между лепилами?

— Вероятно, да. Но эти ребята угнали машину в Мемфисе, так что ехали сюда издалека.

При упоминании Мемфиса Флинн прикусила язык.

— Я поеду с тобой, Томми, — сказал Бертон, пристально глядя на сестру.

— Спасибо. — Томми надел шляпу. — Рад был тебя повидать, Флинн, и прости, что разбудил.

— Я с вами, — сказала Флинн.

Томми глянул на нее:

— Хочешь посмотреть на трупы с дыркой в башке?

— На полицию штата и вообще. Брось, Томми. У нас не так часто что-нибудь случается.

— Будь моя воля, — сказал Томми, — я бы подогнал экскаватор, вырыл большую яму, столкнул туда машину и присыпал землей. Гады они были, туда им и дорога. Правда, тогда я мучился бы вопросом, не больший ли гад тот, кто их пришил. Зато у нас в машине новая кофеварка. «Кофе-Джонс». На выбор: колумбийский или французской обжарки.

Он спустился с крыльца, Бертон и Флинн — за ним.

Все трое уселись в большую белую машину.

Флинн допивала из бумажного стаканчика эспрессо, когда впереди показались огни, палатка, машина полиции штата и «скорая». Томми сбавил скорость. Флинн сидела рядом с ним на пассажирском сиденье, кофеварка стояла между их подлокотниками. В бардачке перед Флинн лежали две курносые винтовки-буллпап.

Палатка была белая, сборная. Ее расширили так, чтобы поместился автомобиль, — он был немно-

гим больше того, который Бертон с Леоном взяли в прокате для поездки в Дэвисвилл. Полицейские приехали на стандартном «приусе-интерцептор» с кузовом, похожим на фигурку оригами (Леон называл такие «складными самолетиками»). «Скорая» была та самая, на которой Флинн отвозила мать в клэнтонскую больницу. Прожекторы покачивались на тонких оранжевых шестах, обложенных снизу мешками с песком.

Томми затормозил и сказал кому-то, кого здесь не было:

— Я привез местного жителя. Попробует опознать, хотя вряд ли он их когда-нибудь видел. Как там покойники? Не воскресли?

— Что они там делают? — спросила Флинн, указывая пальцем.

Возле палатки, примерно в девяти футах над дорогой, висели два больших квадрокоптера — наверное, примерно того же размера, как тот, которым она управляла в игре и ни разу не видела снаружи. Изредка они дергались в ту или другую сторону — несильно, но удивительно слаженно. Оба довольно громко жужжали, и Флинн порадовалась, что это происходит далеко от дому.

— Большие наносят на карту данные от маленьких, — сказал Томми.

Только тут Флинн увидела целый рой маленьких светло-серых дронов. Они шныряли в нескольких дюймах над землей.

— Вынюхивают молекулы шин, — объяснил Томми.

— Их тут должно быть много, на дороге-то.

— Если набрать достаточно, могут проявиться свежие следы.

— Кто тебя вызвал? — спросил Бертон. Он ехал позади Томми, в клетке Фарадея, куда сажают задержанных.

— ИИ штата. Спутник заметил машину, которая не двигалась два часа. Еще он засек необычную активность дронов над вашим участком, но я объяснил, что это ты играешь с приятелями.

— Спасибо.

— Долго еще собираетесь играть?

— Как получится, — ответил Бертон.

— Типа особый турнир?

— Типа да.

— Ну что, пойдем глянем? — спросил Томми.

— Пошли.

— Ты можешь посидеть в машине, Флинн. Еще кофе хочешь?

— Нет, спасибо. Я с вами.

Флинн вылезла из машины и отметила про

себя, какая та чистая. Радость и гордость управы, куплена всего год назад.

Томми и Бертон тоже вылезли. Томми надел шляпу и глянул на экран телефона.

Канава заросла дикой морковью так, что с дороги был виден только сплошной ковер белых зонтиков, как будто никакой канавы и нет. Флинн ходила мимо этого места сотни раз, в школу и из школы. Тогда оно ничем не отличалось от соседних. Сейчас, с белой палаткой и прожекторами, оно выглядело так, будто здесь снимают рекламный ролик, хотя на самом деле это было место убийства.

Посреди Портер-роуд стояла женщина-полицейский в расстегнутом на груди бумажном костюме биозащиты и жевала сэндвич с тушеной свиной соломкой. Флинн отметила, что у нее красивая стрижка, и тут же подумала, заметил ли это Томми. Вторая мысль была: где среди ночи добывают сэндвичи с тушеной свиной соломкой?

Из палатки вышли двое в таких же белых костюмах. Первый нес в каждой руке по пистолету в большом пластиковом гермомешке. Один пистолет был черный, другой — сфабленный, негритянской сине-желтой расцветки.

— Привет, Томми, — сказал тот, что с пистоле-

тами. Из-за костюма голос звучал глухо.

— Привет, Джефферс, — ответил Томми. — Это Бертон Фишер. Его семья живет тут примерно с Первой мировой. Он любезно согласился взглянуть на наших клиентов, не узнает ли кого, хотя я уверен, что они не здешние.

— Здравствуйте, мистер Фишер, — сказал защитный костюм, потом очки-консервы повернулись к Флинн.

— Его сестра Флинн. Ей на клиентов смотреть не надо.

Костюм отдал мешки напарнику и расстегнул молнии на капюшоне с очками. Показалась розовая бритая голова и моргающие глаза.

— Нашлись пальчики всех четырех клиентов, Томми. Нэшвилл, не Мемфис. Куча прошлых судимостей. Как ты и предполагал, боевики у лепил. Тяжкие телесные повреждения, много подозрений в убийствах, ни одно не подтверждено.

— Пусть Бертон все равно глянет.

— Спасибо, что не пожалели для нас времени, мистер Фишер, — сказал Джефферс.

— Мне надо костюм надеть? — спросил Бертон.

— Нет, мы их надевали для грязной работенки, чтобы не занести клиентам свою ДНК. Теперь можно так.

Бертон и Томми нырнули в палатку. Второй полицейский ушел к машине — отнести пистолеты, Флинн осталась с Джефферсом.

— Как по-вашему, что произошло? — спросила она.

— Они ехали по дороге в ту сторону, откуда прибыли вы. Снаряженные для убийства. Ни у одного не было при себе удостоверений личности — видимо, спрятали, чтобы забрать позже. Передние колеса в кювете, машина въехала туда на большой скорости. Все убиты выстрелами в голову снаружи.

Флинн смотрела, как маленькие дроны носятся над дорогой, собирая молекулы. В свете прожекторов тени от них были как от стрекоз.

— Допустим, кто-то перегородил дорогу, застрелил водителя из укрытия, машину вынесло в кювет, еще двое-трое выскочили из засады, перебили оставшихся. Или… — Он угрюмо вытаращился на Флинн. — У вас тут ни у кого трайка нет?

— Трайка?

Джефферс полуобернулся в сторону дронов:

— У нас вроде бы есть свежие следы. Похоже на три колеса, но никакой уверенности. Так, намеки.

— А они могут такое определить? — спросила Флинн.

— Когда получается, — уныло ответил Джефферс.

Из палатки вылез Бертон, за ним Томми.

— Хрен их знает кто. Какие-то уроды, — сказал Бертон. — Хочешь глянуть?

— Поверю тебе на слово.

Томми снял шляпу, обмахнулся ею, надел обратно и сказал:

— Я отвезу вас домой.

Глава 28

«Дом утех»

«Дом утех» Зубова-отца стоял чуть южнее Гайд-парка и, если не считать углового положения, ничем от окружающих зданий не отличался.

Машину, которая их сюда доставила, вела маленькая периферал — гомункул, сидящий на приборной доске в чем-то вроде вычурной пепельницы. Надо полагать, его контролировала охранная система Зубовых. Бессмысленная глупость вроде наперстков и колец Тлен. Возможно, правда, гомункула завели для детей Льва, однако Недертон сомневался, что их это сильно забавляет.

По пути из Ноттинг-Хилла не было сказано ни слова. Недертон радовался, что вырвался из дома, и жалел только, что его рубашку не погладили. Хорошо хоть выстирали — насколько такое возможно в хозяйстве, где нет роботов. Оссиан сказал, что древнее устройство под названием «Валетор» нуждается в починке.

Сейчас, глядя на поляризованные окна «дома утех», Недертон спросил:

— Ты сам, как я понимаю, сюда не наведываешься?

— Братья наведываются, я — нет, — ответил Лев. — Ненавижу его. Скольких слез он маме стоил.

— Извини, не знал.

Еще не договорив, Недертон вспомнил, что Лев как-то в пьяной откровенности рассказал ему это все с кучей лишних подробностей. Он оглянулся на автомобиль и успел заметить, что водитель-гомункул, уперев руки в боки, наблюдает за ними с приборной панели. Потом окна и лобовое стекло поляризовались.

— Я не думаю, что моего отца и впрямь к такому тянуло, — сказал Лев. — Скорее, он действовал по обязанности, потому что этого от него ждали. Мама, думаю, все понимала и тем больше огорчалась.

— Однако сейчас они вместе, — заметил Недертон.

Лев пожал плечами. На нем была потертая черная куртка из конской кожи, с воротником-стойкой, плотная и жесткая, как доспех.

— Что ты о ней думаешь? — спросил Лев.

— О твоей матери?

— О Лоубир.

Недертон оглядел улицу. В пределах видимости — ни одной машины, ни одного пешехода. Лондонская тишина внезапно как будто навалилась на него со всех сторон.

— Стоит ли говорить здесь?

— Лучше здесь, чем в доме, — ответил Лев. — Слишком многих шантажировали сделанными там записями. Так что ты о ней думаешь?

— Суровая дама, — сказал Недертон.

— Она предложила мне кое с чем помочь. Поэтому мы и здесь.

— Этого я и боялся.

— Вот как?

— Когда ты вернулся, проводив ее до автомобиля, было впечатление, что она тебя покорила.

— Семья временами несколько меня пугает, — заметил Лев. — Занятно встретить столь же влиятельную силу противоположного свойства.

— Разве Лоубир в конечном счете не действует по указке Сити? И разве твое семейство и гильдии не повязаны между собой?

— Мы все действуем по указке Сити, Уилф. Не обольщайся.

— Так что она предложила? — спросил Недертон.

— Сейчас увидишь. — Лев поднялся по ступе-

ням ко входу в «дом утех». — Это я, — сказал он двери, — и мой друг Недертон.

Дверь издала тихий присвист и как будто пошла мелкой рябью, затем плавно и бесшумно распахнулась внутрь. Недертон вслед за Львом оказался в вестибюле разнообразных оттенков розового и кораллового.

— Вульва, — сказал Лев. — Прямолинейно до отвращения.

— Преддверие влагалища, — согласился Недертон, выворачивая шею, чтобы разглядеть ажурную арку, вырезанную из особенно похабно-розового камня, вернее, собранную ботами послойно прямо на месте. Как, вероятно, и все остальное в этом вестибюле.

— Здравствуйте, мистер Лев. Рада вас видеть, мистер Лев. Вы так давно не заглядывали.

Женщина была не юная, но как будто без возраста. Наверное, малазийка. Обе ее скулы подчеркивались изящными дугами треугольных лазерных шрамов. Недертон подумал, что, судя по обращению, она знала Льва еще ребенком.

— Здравствуйте, Анна, — сказал Лев. — Это Уилф Недертон.

— Здравствуйте, мистер Недертон, — кивнула женщина.

— Они здесь? — спросил Лев.

— На втором этаже. Сопровождающая убедилась, что мы добропорядочные потенциальные покупатели, и ушла. Если вы решите совершить сделку, устройство питания и прочие сервисные модули доставят в Ноттинг-Хилл. Если нет, кого-нибудь пришлют ее забрать.

— Кто пришлет? — спросил Недертон.

— Фирма в Мэйфере, — ответил Лев, поднимаясь по изогнутой коралловой лестнице. — Занимается продажами винтажных вещей и б/у.

— Б/у что?

Недертон двинулся за Львом, женщина следовала за ними на расстоянии в несколько шагов.

— Периферали. Вполне элитные. Попадаются довольно старые, коллекционные. Нам некогда печатать новую.

— Это связано с той помощью, которую обещала тебе Лоубир?

— Нет, с тем, что я помогаю ей. Услуга за услугу, — ответил Лев.

— Чего я и боялся.

— Она в голубом салоне, — сказала женщина у них за спиной. — Желаете чего-нибудь выпить?

— Джин с тоником, — ответил Недертон так быстро, что даже испугался: разберет ли она его

слова.

— Нет, спасибо, — бросил Лев.

Недертон обернулся на ступенях, поймал взгляд женщины и показал два пальца.

— Сюда, — сказал Лев.

Он взял Недертона под руку и ввел в бездонную синюю-пресинюю комнату. Стены как будто таяли в неопределенной глубине. Фантастической пошлости освещение, как во второсортном ночном клубе или приморском казино, иллюзорно расширяло не такое уж большое помещение.

— Жуть, — с чувством произнес Недертон.

— Самая пристойная из комнат, — ответил Лев. — Спальни чудовищны сверх всякого вероятия. Я переслал Лоубир твой разговор с сестрой полтера.

— Зачем?

— Для скорости. Ей надо кое-что сопоставить на месте. Как она была вообще?

— Ты о чем?

— Встань, — приказал Лев.

С пухлого синего кресла поднялась женщина, которую Недертон сперва не заметил. Кареглазая шатенка в светлой блузке и темной юбке того простого покроя, что не меняется со временем. Девушка с выражением легкого интереса гля-

нула на Льва, потом на Недертона, потом снова на Льва.

— Она говорит, что нашла еще две, более схожие внешне, но эта ей приглянулась больше, — сказал Лев.

Недертон вытаращился на девушку:

— Периферал?

— Десять лет. Один владелец. Индивидуальный заказ. Распродажа наследства. Из Парижа.

— Кто ею управляет?

— Никто. Базовый ИИ. Похожа на сестру полтера?

— Не особенно. А это важно?

— Лоубир считает, будет важно, когда она первый раз глянет на себя в зеркало. — Лев шагнул ближе к периферали, и та подняла на него глаза. — Мы хотим минимизировать шок, ускорить акклиматизацию.

Женщина с лазерной гравировкой скул внесла на подносе два высоких стакана джин-тоника; от кубиков льда поднимались мелкие пузырьки. Лев по-прежнему смотрел на периферал.

Недертон взял один стакан, осушил залпом, быстро поставил на поднос, взял другой стакан и повернулся спиной к женщине.

— Нам придется купить в срезе специализиро-

ванные принтеры, — сказал Лев. — Их обычные не справятся.

— Зачем?

— Мы отправляем туда файлы для автономной работы.

— Флинн? Когда?

— Чем скорее, тем лучше. Ну как, эта подойдет?

— Да, наверное, — ответил Недертон.

— Тогда она отправится с нами. Фирма пришлет вспомогательное оборудование.

— Что еще за оборудование?

— У нее нет пищеварительного тракта. Она не ест и не испражняется. Через каждые двенадцать часов ей надо вводить питательный раствор. И Доминике она точно не понравится, так что пусть будет у тебя, в дедушкиной яхте.

— Вводить раствор?

— Тлен справится. Она любит устаревшие технологии.

Недертон глотнул джина. Лед и тоник были совершенно лишние.

Периферал глядела на него.

Глава 29

Вестибюль

Недертон, чувак из «Милагрос Сольветры», стоял как будто в чьем-то горле, розовом и лоснящемся.

Из кухни, откуда Флинн вышла на крыльцо, чтобы поговорить по телефону, доносилось звяканье посуды.

Ночью Флинн долго ворочалась, ругала себя, что выпила в машине эспрессо, потом все-таки уснула.

Томми высадил их с Бертоном у ворот, и они молча пошли к дому. Не хотелось упоминать Коннера, пока Томми не отъедет.

— Это был он, — сказала наконец Флинн, но Бертон только кивнул, велел ей идти досыпать и направился к трейлеру.

Леон разбудил всех в половину восьмого — сообщить, что выиграл десять миллионов в лотерею, и сейчас мама готовила завтрак. Флинн слышала из кухни голос Леона.

— Дроны, — сказало маленькое, обрамленное розовым лицо Уилфа Недертона, как только она

ответила на звонок.

— Привет, Уилф.

— Ты упомянула их в нашем прошлом разговоре.

— Ты спросил, есть ли они у нас, я сказала, что есть. Что там такое розовое у тебя за спиной?

— Наш вестибюль, — ответил он. — Вы сами их печатаете? Дронов?

— Едят ли лошади овес?

Недертон глянул непонимающе, затем повел глазами вправо и вверх — видимо, что-то прочел.

— Печатаете. И схемы тоже?

— По большей части. У нас есть люди, которые это делают. Двигатели магазинные.

— Вы заказываете печать?

— Да.

— Исполнитель надежный?

— Да.

— Опытный?

— Да.

— Нам нужно, чтобы вы кое-что для нас отпечатали. Работу надо сделать быстро, качественно и втайне. Для вашего исполнителя она может оказаться непростой, но я обеспечу техподдержку.

— Об этом вам надо договариваться с моим

братом.

— Конечно. Впрочем, время поджимает, так что давай обсудим в основном прямо сейчас.

— Вы не лепилы?

— Это кто?

— Кто делает наркотики.

— Нет, — ответил он.

— Те, кто нам печатает, для лепил ничего делать не станут. Я тоже.

— Это никак не связано с наркотиками. Мы пришлем вам файлы.

— Чего?

— Оборудования.

— Что оно делает?

— Я не смогу объяснить. Вам хорошо заплатят за посредничество.

— Мой двоюродный брат только что выиграл в лотерею. Ты знал?

— Не знал, — ответил Недертон, — но мы придумаем способ получше. Этим сейчас занимаются.

— Хочешь поговорить с моим братом? Мы садимся завтракать.

— Нет, спасибо. Приятного аппетита. Мы с ним свяжемся. А ты пока поговори с печатником. Надо, чтобы дело стронулось.

— Хорошо. Фантастически уродский вести-

бюль.

— Согласен. — Он быстро улыбнулся. — До связи.

— Пока.

Экран потемнел.

— Лепешки с подливкой готовы! — крикнул Леон из кухни.

Флинн распахнула сетчатую дверь и вошла в прохладный летний сумрак прихожей. Мимо пролетала муха, и Флинн вспомнила прожекторы, белую палатку, четырех покойников, которых она не видела.

Глава 30

«Гермес»

— Ее можно отправить к Тлен, — заметил Недертон, глядя на периферале в подводном спрутосвете гаража и убеждая себя, что она — неодушевленный предмет.

Поверить в это было трудно: шагая между ними под управлением какого-то ИИ, она выглядела вполне одушевленной, пусть и несколько безучастной. Примерно как фигуры в тематических парках, которых Недертон всеми силами избегал.

— Тлен здесь не живет, — ответил Лев.

— Тогда к Оссиану.

— Он тоже живет не здесь.

— Тогда пусть Тлен заберет ее в свой шатер предсказательницы.

— Чтобы она сидела там за столом?

— Почему бы нет?

— Ей надо спать, — сказал Лев. — Не в буквальном смысле, но нужно полежать, отдохнуть. И еще ей необходима разминка.

— Чего бы тебе не взять ее к себе?

— Доминике это не понравится. Положи ее в кающе. Накрой простынкой, если так тебе будет спокойнее.

— Простынкой?

— Отец накрывал свои чехлами от пыли. Две сидели в дальней спальне в креслах, под простынями. Я играл, что это привидения.

— Они даже отдаленно не люди.

— На клеточном уровне — такие же люди, как мы. Что довольно условно и зависит от того, кто перед тобой.

Перифераль смотрела на того из них, кто сейчас говорил.

— Она не особо похожа на Флинн, — сказал Недертон.

— Общее сходство есть. — Во время звонка из розового вестибюля Лев одновременно работал камерой и мониторил разговор. — Тлен сейчас печатает одежду по образу той, что была на ней в прошлый раз. Привычную.

Пытаясь вообразить, что увидит Флинн, Недертон словно в первый раз оглядел непомерную автомобильную коллекцию Зубова-отца под арками рукотворной пещеры. Машины были по большей части доджекпотовские, полностью восстановленные. Хром, эмаль, нержавейка,

гексагонально-ячеистые ламинаты, столько итальянской кожи, что хватило бы покрыть несколько теннисных кортов. Недертону не думалось, что на Флинн это произведет большое впечатление.

Они подходили к гобивагену, и арка над ним засветилась, выхватив из темноты беговую дорожку, на которой, держа руки по швам, стояла белая безголовая гориллоподобная фигура.

— Что это? — опасливо спросил Недертон.

— Экзоскелет для силовых упражнений. У Доминики такой есть. Возьми ее за руку.

— Зачем?

— Я ухожу. Она остается с тобой.

Недертон протянул руку, и перифераль вложила в нее свою ладонь — теплую и совершенно живую.

— Тлен зайдет обсудить планы и глянуть на нее, — сказал Лев.

— Хорошо, — ответил Недертон, явно давая понять, что не видит в этом ничего хорошего, затем по трапу провел перифераль в яхту, в самую маленькую кабину.

Свет автоматически включился, как только они вошли. Недертон кое-как отыскал на светлой обшивке нужную кнопку и опустил узкую полку.

— Вот, — сказал он. — Садись.

Периферaль села.

— Ляг.

Она легла.

— Спи.

В последнем слове Недертон сомневался, но периферaль послушно закрыла глаза.

Возникла пульсирующая эмблема Рейни.

— Алло, — сказал Недертон, поспешно выходя из каюты и закрывая складную дверь-гармошку.

— Ты не проверяешь сообщения.

— Да, — с досадой проговорил он. — И почту не читаю. Насколько я понимаю, меня уволили.

Назад по узкому короткому коридору, в главную каюту.

— Мне не верили, когда я говорила, что ты счастливо не знаешь, на кого работаешь. После твоего увольнения все бросились проверять и не нашли, кто тебя уволил. Ты где?

— У друга в гостях.

— Можешь показать?

Недертон показал.

— Зачем тут старые мониторы?

— Мой друг — коллекционер. А у тебя как дела?

— Формально я — госслужащая, так что тут

другое дело. И я все свалила на тебя.

— Серьезно?

— Конечно. Ты же не собираешься слать резюме моему правительству?

— Надеюсь, что нет.

— Странные вкусы у твоего друга. Очень тесная квартирка?

— Интерьер большого «мерседеса».

— Чего-чего?

— Сухопутная яхта, выстроенная, чтобы возить русского олигарха по пустыне Гоби.

— И ты в ней едешь?

— Нет. Она стоит в гараже. Не знаю, как ее сюда вкатили. Может быть, разобрали и внесли по частям.

Он опустился в кресло перед черными мониторами, на которых когда-то высвечивалась статистика экспоненциально растущей империи Зубова-деда.

— Брр. У меня клаустрофобия разыгралась от одного вида.

— Мне кто-то сказал, что тебя зовут Кларисса. А я и не знал.

— Это потому, что ты думаешь только о себе.

— Рейни звучит красивее, — сказал он.

— Что там тебя прослушивает, Уилф? Какая-то

могучая система. Она дала моей защите полный отлуп.

— Наверное, это семья моего друга.

— Он живет в гараже?

— Он владеет гаражом. Который уходит на много ярусов вглубь. Как и здешняя система безопасности.

— Профиль как у немаленькой страны.

— Значит, она.

— Тебя это напрягает?

— Пока нет.

— Даэдра, — сказала Рейни, помолчав. — Ты знаешь, что у нее была сестра?

— Была?

— Ходят слухи. По неофициальным каналам. Мусорщики. Месть.

— Мусорщики?! — Омерзительный переработанный пластик. Рассказ Флинн Фишер о штуковине, которая взбиралась по стене «Парадиза», чтобы убить Аэлиту. — Кто так говорит?

— Китайские шепотки. Призраки Содружества.

— Новая Зеландия?

Недертон представил, как все их слова через исполинскую воронку размером с город затягивает в невообразимый мозг охранной системы Зубова. И внезапно понял, что дорожит этим

претенциозным, кричащим о богатстве уголком, замкнутым, скучным и уютным пространством.

— Я тебе этого не говорила.

— Разумеется. Но когда мы с тобой последний раз беседовали, в проекте оставались только новозеландцы и американцы.

— Теоретически они и сейчас в нем, — сказала Рейни. — Но все вернулось на исходную позицию. Нам или, вернее, им, поскольку официально я уже не участвую, надо перегруппироваться, провести ребрендинг, заново все оценить. Посмотреть, кто займет место главного мусорщика.

Лоубир назвала его имя — какое-то иностранное, не вспомнить.

— Рейни, скажи честно, для чего ты мне звонишь?

— Семья твоего друга… мне от нее немного не по себе.

— Так, может, встретимся? На том же месте.

— Когда?

— Дай сообразить…

— Добрый день!

В дверях стояла Тлен, держа в каждой руке по алюминиевому кейсу, обтянутому светлой кожей.

— Извини, я тебе перезвоню, — сказал Недер-

тон.

Эмблема Рейни исчезла.

— Где она? — спросила Тлен.

— В кормовой каюте. Что это за кейсы?

— «Гермес», — ответила Тлен. — Ее оригинальные фирменные комплектующие.

— «Гермес»?

— «Виттон» делает только блондинок, — сказала Тлен.

Глава 31

Левое

Шайлен купила в «Кофе-Джонсе» коробку крунатов с соленой карамелью. Когда Флинн там работала, то должна была, помимо прочего, ставить противни со свежеотпечатанными крунатами в печку. Если хоть немного нарушить технологию, карамельная сетка проседала в тесто и получался более плоский, менее восхитительный крунат, такой, что, если жевать его быстро, можно оставить в нем пломбы от зубов. И все равно очень мило со стороны Шайлен было купить их для встречи. Еще она попросила Литонию, девушку, которая иногда подрабатывала у Мейкона, подежурить за нее у прилавка, чтобы не отвлекаться на посетителей.

— Первый вопрос, — сказала Шайлен, переводя взгляд с Мейкона на Эдварда, потом на Флинн, — насколько оно левое?

Все четверо сидели за карточным столом, превращенным в разделочный; вся его поверхность была испещрена отметинами.

— Присоединяюсь, — сказал Мейкон.

— Итак? — Шайлен открыла коробку, и оттуда пахнуло теплой карамелью.

— Мы не нашли соответствующих патентов, а уж тем более изделий, — сказал Эдвард. — Значит, не контрафакт. Такое впечатление, что нам заказывают оборудование для чего-то, что более продвинутое железо делало бы лучше.

— Откуда ты знаешь? — спросила Флинн.

— Много избыточности. Куча «заплаток». Словно у них задумано что-то серьезное, а нам поручили слепить это из деталей, которые есть в продаже, плюс тех, которые отпечатаем мы, плюс покупных, которые надо модифицировать, допечатав поверх готового.

Он снял визу и убрал в карман, Мейкон тоже. Профессиональная вежливость.

Шайлен протянула ему коробку. Эдвард мотнул головой. Мейкон взял один крунат.

— Итак, — повторила свой вопрос Шайлен, — насколько оно левое? А если не левое, почему мне готовы купить два навороченных принтера, только чтобы отпечатать один комплект?

— Четыре комплекта, — поправил Мейкон. — Один и три резервных.

— Безбаши иногда устраивают подставы. — Шайлен глянула на Флинн.

— Сделка Бертона, — ответила та.

— Тогда почему он не здесь?

— Потому что Леон сегодня утром взял и выиграл в лотерею. Нужно помочь ему в общении с прессой.

Это был лишь верхний слой правды, сетчатый, словно карамель на крунате.

— Я слышал про его выигрыш, — сказал Мейкон. — Семейству Фишер поперло счастье?

— Там не так уж много. Десять лимонов минус налоги. А вот заказ на печать — уже серьезное дело. Это те люди, у которых Бертон подхалтуривает. Я ему немного помогала.

— Что за халтурка? — спросила Шайлен.

— Игра. Толком ничего не объясняют, но вроде бы мы что-то бета-тестировали.

— Игровая компания? — спросил Мейкон.

— Охранная служба игровой компании, — ответила Флинн.

— Все сходится, — сказал Эдвард. — Нам заказали бесконтактный интерфейс.

— Какой В. А. могла бы сделать для Коннера, будь у нее деньги, — подхватил Мейкон, глядя на Флинн. — Позволяет манипулировать предметами силой мысли. Ближайшие патенты — медицинские, неврологические. — Он разло-

мил крунат, карамель вытянулась ниточками, провисла. — Или даже гаптика, какая была у Бертона в морской пехоте.

— А как оно выглядит? — спросила Флинн, беря у Шайлен предложенный крунат.

— Обруч, на нем закреплена коробочка, — ответил Эдвард. — Тяжеловатый для головы. К нему подсоединяется особый кабель. Один принтер специально для кабеля. Во всем штате таких тридцать два, наш будет тридцать третьим.

— И полностью зарегистрированный, — добавила Шайлен.

— Если не печатать леваков, регистрация не страшна, — заметил Мейкон. — А незарегистрированный фиг добудешь, мы проверяли.

— Оба принтера будут тут завтра, — сказала Шайлен. — Если готка не врет.

— Готка? — переспросила Флинн.

— Погоди, — перебил Мейкон. — Ты уже согласилась взяться за работу?

— Наверное, еще можно отменить доставку, — сказала Шайлен, потом повернулась к Флинн. — Англичанка с кретиническими линзами. Ты дала ей мой номер.

— Наверное, это Бертон дал. Я говорила с мужиком.

— Утверждает, что они в Колумбии, — продолжала Шайлен. — Заказ на принтеры отправлен из Панамы. Стоят они примерно столько, сколько я получаю за год, считая белый и черный заработок. Сразу после доставки они переходят ко мне, и она даже не заикнулась, чтобы вычесть их стоимость из оплаты. По мне, так очень похоже на лепил.

— Это игра, — возразила Флинн. — Я ее видела. И чувак, который мне звонил, утверждает, что они обеспечивают безопасность игровой компании. Я спросила, лепилы ли они, он сказал, нет. Бабок у них много. Я знаю твои принципы, Мейкон, и поддерживаю, но нельзя сказать, что мы берем деньги у людей, про которых известно, что они лепилы. — Ей не очень-то удалось убедить себя, и она сомневалась, что убедила Мейкона. — Бертон тоже так считает.

Все промолчали. Флинн откусила крунат. Сеточка была в точности как надо.

— Колумбия делала деньги на наркотиках до того, как появились лепилы, — сказал Эдвард. — Теперь она делает деньги на деньгах. Как Швейцария.

Флинн прожевала кусок круната, проглотила.

— Вы возьметесь?

Эдвард глянул на Мейкона.

— Деньги заманчивые, — сказал тот. — В смысле, наша доля от заработка Шайлен.

— Ты осторожный, Мейкон, — заметила Флинн. — Почему ты за это берешься?

— Осторожный, но любопытный. Приходится совмещать.

— Я не хочу, чтобы вы меня потом винили, — настаивала Флинн. — Почему вы за это беретесь?

— Файлы, которые они прислали, — сказал Эдвард. — Нас просят сфабить вещь, какую еще никто не делал. По крайней мере, мы не нашли описаний ничего похожего.

— Может быть, промышленный шпионаж, — добавил Мейкон. — Мы никогда им не занимались. Хочется попробовать.

Эдвард кивнул.

— Если разберетесь, для чего нужно оборудование, сможете его повторить? — спросила Флинн.

— Повторить мы так и так сможем, — ответил Мейкон. — Чтобы это имело смысл, надо сообразить, для чего оно служит. Мы пока не знаем устройства, которым оно могло бы управлять.

Эдвард робко потянулся за крунатом и сказал:

— Не знаем, но, может быть, сумеем узнать. Реверс-инжиниринг.

Шайлен смотрела на коробку с крунатами. Между нею и диетой шла война.

— Значит, беретесь, — сказала она, не поднимая глаз. Потом глянула на Флинн. — Мы согласны.

Флинн снова откусила от круната. Кивнула.

Глава 32

Жезл

Эмблема Льва возникла и замигала стробоскопически. Недертон как раз вылезал из такси на Генриетта-стрит.

— Да? — спросил он.

— Как по-твоему, сколько времени это займет?

— Понятия не имею, — ответил Недертон. — Я не знаю, что мы будем обсуждать. Я тебе говорил.

— Как закончите, я пришлю Оссиана.

— Нет, спасибо. Только не его.

— Мне не случалось так делать с подросткового возраста, — произнес, шагнув к нему, незнакомый молодой человек: сказочный белокурый принц в твидовой кепке.

Недертон щелкнул языком по нёбу, убирая эмблему Льва. У юноши были ярко-зеленые глаза.

— Извините? — спросил Недертон.

— Снова опера. В прокате наплыв клиентов. Была маленькая девочка, но я решила дать тебе передышку. Вот было бы забавно, окажись у них знойная красотка.

— Рейни?

Появилась ее эмблема, погасла.

— Привет, — сказал юноша. — Пойдем?

— Веди, — ответил Недертон.

— Какой ты осторожный, — спокойно заметила прокатка. Затем указала на другую сторону Генриетта-стрит. — Глянь, здесь было издательство, напечатавшее первую книгу Джорджа Оруэлла.

Отвратительная привычка всех туристов: открывать трансляцию лондонских синих табличек.

Недертон, оставив без внимания ничем больше не примечательный дом, снова щелкнул по нёбу, убирая текст мемориальной доски.

— Идем, — сказал он.

Прокатка двинулась в сторону Ковент-Гардена. Интересно, подумалось Недертону, вводят ли ей питательный раствор из алюминиевого кейса?

Улицы были относительно оживленны. Преобладали пары — наверное, шли в Оперу. Недертон пытался угадать, много ли среди них перифералей, прокатных или собственных. Закапал мелкий дождик, так что пришлось поднять воротник. Недертон велел прокатке идти вперед, поскольку лишь так мог убедиться, что это Рейни. Эмблемы можно фальсифицировать. Кстати,

точно так же нельзя было знать наверняка, что это и вправду периферал. Впрочем, говорила она как Рейни — другим голосом, конечно, но в той же манере.

Зажглись фонари. За освещенными витринами ждали покупателей автоматы, гомункулы, изредка люди — лично или через периферал. Недертон когда-то знал девушку, которая работала в магазине неподалеку, но не мог вспомнить ни ее имени, ни названия улицы.

— Я за тебя волнуюсь, — сказала прокатка. — Творится что-то странное.

Они проходили мимо витрины, за которой митикоида в амазонке складывала шарфы.

— Как ты терпишь бороду? — спросила прокатка, трогая пальцем щеку.

— У меня ее нет.

— Я имела в виду, после того, как она сбрита. Мне взвыть хочется.

— Как я понимаю, это не то, что тебя сильнее всего заботит в моем случае.

Прокатка ничего не ответила. На ней были коричневые полусапожки с эластичными вставками на голенище.

От входа в здание рынка прокатка направилась к лестнице вниз, и Недертон решил, что это и

впрямь Рейни. Хотя не сказать, что он раньше сильно сомневался.

— У нас будет немного приватности, пусть и чисто символической, — сказала периферaль.

Они как раз спустились с лестницы к узкой галерее. Бар «Менады» был, по обыкновению, пуст. За стойкой митикоида протирала бокалы.

— Хорошо. — Недертон прошел вперед и обратился к митикоиде: — Мы сядем в кабинете. Двойной виски. Обычный. Мой друг не пьет.

— Да, сэр.

Темно-бордовые занавеси напомнили Недертону ярмарочный шатер Тлен. Как только митикоида принесла виски, он их задернул.

— Говорят, что это ты, — сказала прокатка.

— Что я?

— Убил Аэлиту.

— Кто говорит?

— Думаю, американцы.

— У тебя есть доказательства, что она убита? Исчезла, да, но убита… — Он отпил виски.

— Анонимная кампания по очернению. Тщательно срежиссированная. Твое имя начало всплывать в желтых трансляциях.

— Ты правда не знаешь, кто за ней стоит?

— Даэдра? Может, она на тебя злится.

— На нас. Она злится на нас.

— Это серьезно, Уилф.

— И смешно. Даэдра все погубила. Сознательно. Ты там была. Видела, что произошло. Она его убила.

— И пожалуйста, не напивайся.

— Вообще-то, я в последнее время пью гораздо меньше. За что Даэдре на меня злиться?

— Не знаю. Но это именно те последствия, которых я надеялась избежать.

— Извините, сэр, — проговорила митикоида по другую сторону занавеса. — К вам посетитель.

— Ты кому-то сказал о нашей встрече? — Зеленые глаза расширились.

— Нет.

— Сэр? — спросила митикоида.

— Если кто-нибудь проделает дырку в этой штуке… — Прокатка похлопала себя по груди через куртку из вощеного хлопка, — я проснусь на диване. Твое положение куда менее завидно.

Недертон для храбрости глотнул виски и раздвинул занавеси.

— Извините за вторжение, — сказала Лоубир, — но у меня, увы, не оставалось выбора.

На ней был ворсистый твидовый жакет и такая же юбка. Недертону подумалось, что они с пери-

феральюю Рейни одеты в одном стиле.

— Позвольте к вам присоединиться, — продолжала Лоубир.

Митикоида внесла еще стул.

— Мисс Рейни, — сказала Лоубир, — я инспектор Эйнсли Лоубир из Лондонской полиции. Вам известно, что юридически вы присутствуете здесь согласно Акту об андроидных аватарах?

— Да, — кисло ответила прокатка.

— Канадские законы рассматривают физическое телеприсутствие как особый случай, мы — нет. — Лоубир села. — Воды без газа, — сказала она митикоиде, потом, глянув на нижний этаж рынка, обратилась к Недертону: — Занавеси лучше не задергивать.

— Почему?

— Возможно, кое-кто на вас охотится, мистер Недертон.

Прокатка подняла брови.

— Кто? — спросил Недертон, жалея, что не заказал тройную порцию виски.

— Мы не знаем, — ответила Лоубир. — Нам сообщили, что недавно в прокате взята периферал, которая потенциально может служить оружием. Общественность не догадывается, насколько тщательно отслеживаются такие операции. Мы

знаем, что упомянутая периферaль поблизости, и предполагаем, что цель — вы.

— Я же тебе говорила, — сказала прокатка Недертону.

— Могу ли я полюбопытствовать, почему вы считаете, что мистеру Недертону грозит опасность? — спросила Лоубир.

Митикоида поставила перед ней стакан воды.

— Очевидно, можете, — ответила прокатка, вполне успешно передавая расстройство Рейни. — Полиция, Уилф. Ты мне не сказал.

— Я собирался.

— Вы были коллегой мистера Недертона в истории с Мусорным пятном. Вас тоже уволили? — Лоубир отпила воды.

— Мне разрешили уйти по собственному желанию, но только из проекта. Я — профессиональный чиновник.

— Я тоже, — сказала Лоубир, — и присутствую здесь в официальном качестве. А вы?

Зеленые глаза пристально разглядывали инспектора.

— Нет. Я здесь как частное лицо.

— Участвуете ли вы в продолжении бывшего проекта?

— Я не вправе это обсуждать, — ответила про-

катка.

— Однако вы здесь, встречаетесь с мистером Недертоном и выражаете беспокойство по поводу его безопасности.

— Она сказала, американцы распространяют слухи, будто я убил Аэлиту, — неожиданно для себя выложил Недертон.

— Нет, — поправила прокатка. — Я сказала, что с наибольшей вероятностью это они.

— Ты сказала, что подозреваешь Даэдру.

Недертон допил виски и огляделся в поисках митикоиды.

— Мы знаем о распускаемых слухах, но у нас нет уверенности касательно их источника. — Лоубир вновь обвела взглядом этаж. — Ах ты господи, — сказала она, торопливо встала и открыла коричневую сумочку. — Боюсь, нам придется отсюда уйти.

Она достала корпоративную карточку и протянула митикоиде, которая подошла мгновением раньше, словно ее вызвали. Митикоида взяла карточку двумя руками, поклонилась и быстро ушла. Лоубир опять сунула руку в сумочку и достала цилиндрик из рифленой слоновой кости с золотой крышечкой — не то тюбик роскошной губной помады, не то аэрозольный баллончик.

В следующий миг предмет трансформировался в рифленую костяную палочку, увенчанную золотой короной. Жезл пристава, надо полагать. Недертон впервые такой видел.

— Следуйте за мной, пожалуйста, — сказала Лоубир.

Перифераль Рейни поднялась. Недертон глянул на пустой стакан и начал вставать. Тут жезл трансформировался в богато украшенный пистолет с длинным золоченым стволом и рукоятью слоновой кости. Лоубир подняла его, прицелилась и выстрелила. Грянул взрыв, но где-то на этаже; пистолет не издал ни звука. Все стихло. В звенящей тишине был слышен град мелких осколков о стены и мощеный пол. Потом кто-то закричал.

— Дьявол, — обеспокоенно и чуть удивленно проговорила Лоубир; пистолет вновь превратился в жезл. — Идемте.

Они вышли из бара «Менады». Крики не умолкали.

Глава 33

Налог на глупость

Леон у стойки «Джиммис» заканчивал второй завтрак. Флинн села рядом. Сейчас Леон должен был сняться в рекламном ролике (это входило в условия лотереи) вместе с тем, как он выразился, «гондоном», у которого купил билет. Бертон привез их на машине.

— Зачем ты купил билет у гондона? — спросила Флинн.

— А чтобы он изошел говном, когда я выиграю, — ответил Леон.

— Сколько ты получишь, когда вычтут налоги и комиссию Мегапала?

— Примерно шесть лямов.

— По-моему, это экспериментальное подтверждение.

— Чего?

— Хотела бы я знать. Считается, что лотерею подтасовать нельзя. Какая-то охранная фирма в Колумбии?

— По мне, вся эта фигня сильно смахивает на кино, — сказал Леон и тихонько рыгнул.

— Ты что-нибудь положил на мамин аптечный счет?

— Восемьдесят штук. — Леон ослабил ремень на одну дырочку. — Последний курс биолекарств почти все съел.

— Спасибо, Леон.

— Когда ты богат, как я, все зарятся на твои деньги.

Флинн искоса глянула на него, ухмылки не заметила. Потом увидела в глубине зеркала над стойкой, за отраженными огнями парковки, мультяшного быка. Он подмигнул. Флинн пересилила желание показать ему средний палец, зная, что это впишется в ее профиль, который бык ведет.

«Джиммис» и парковка напомнили ей о Коннере, о белой палатке на Портер-роуд и дронах-вынюхивателях. У нее так и не было времени поговорить об этом с Бертоном. Получалось, что Коннер в первую же ночь на работе убил четверых парней.

Быстрота, решимость и натиск, с которыми он действовал, были фирменным стилем и даже идеологией корпуса морской пехоты и Гаптраза в особенности. Пусть у тебя паршивые разведданные, сомнительного качества план и нелучшее

снаряжение — все это можно компенсировать собранностью и прытью. У Бертона была еще идея, что надо увидеть правильно, но Флинн подозревала, это охотничий взгляд. У Коннера — другое.

— Что ты делала в фабе? — спросил Леон.

— Встречалась с Мейконом и Шайлен.

— Не связывайся ни с чем левым.

— И ты мне это говоришь? Сегодня?

— Сегодня я всего лишь помогу землякам заплатить налог на глупость в следующей лотерее.

Он слез с табурета, подтянул джинсы.

— Где сейчас Бертон? — спросила Флинн.

— У Коннера, если его сегодняшние дела идут по плану.

— Возьми напрокат машину и отвези меня туда, — сказала Флинн. — Велик я привешу сзади.

— У Леона денег куры не клюют, он может взять машину.

— Бертон надеется, что ты привыкнешь.

— Не знаю, — ответил Леон, внезапно посерьезнев. — Люди, с которыми вы разговариваете, они какие-то… выдуманные. Помнишь гулявшую по соцсетям историю про педиатра, который отдал все свои деньги воображаемой девушке из Флориды? Типа того.

— Знаешь, что хуже воображаемого, Леон?

— Что?

— Полувоображаемое.

— Что это значит?

— Хотела бы я знать.

Она вызвала автомобиль, и они вышли на улицу ждать, когда тот подрулит.

Глава 34

Безголовый

— Вы не возражаете, если я зажгу ароматическую свечу? — спросила Лоубир. — Я плохо реагирую на взрывы. — Она перевела взгляд с Недертона на периферaль. — Мне приглушили воспоминания, но некоторые триггеры все равно их включают. Чистый воск, ароматические масла, фитиль без копоти. Ничего вредного.

— У этого устройства нет обоняния, — ответила Рейни. — Не такая продвинутая модель.

Тлен, подумалось Недертону, сейчас бы что-нибудь заметила про воск в мире, где нет пчел.

— Зажигайте, конечно, — сказал он, по-прежнему видя, как бритая голова высокого, очень красивого чернокожего разлетается вдребезги, снова и снова, в замедленной перемотке, с разных ракурсов и расстояний.

Это произошло на лестнице перед баром «Менады». Вполне могло быть, что безголовое тело и сейчас лежало на ступенях, раскинув руки и ноги. Лоубир показала им трансляцию с нескольких камер. Лучше бы не показывала.

В пассажирском отсеке автомобиля Лоубир не было видимых окон. Четыре небольших мягких кресла стояли вокруг низкого круглого столика. Недертону и прокатке достались задние, лицом по ходу движения, Лоубир села напротив. Кожаная обивка была слегка вытерта на сгибах, что придавало всей обстановке странно уютный вид.

— Периферал арендовали в качестве спарринг-партнера в шордичской студии боевых искусств, — сказала Лоубир, доставая из сумки стаканчик с воском. — Арендовали в ту минуту, когда вы сказали такси отвезти вас в Ковент-Гарден, мистер Недертон. Когда я засекла ее, то предполагала, что вам собираются нанести телесные повреждения — скорее всего, удары руками и ногами без применения оружия, но все равно смертельные, так как данная модель оптимизирована для рукопашного боя.

Недертон перевел взгляд с Лоубир на пламя свечи. Когда они вышли из бара «Менады», воздух кишел дронами. Четыре лонполовских аппарата в желто-черную диагональную полосу, каждый с двумя синими мигалками на боках, зависли над обезглавленной фигурой, распростертой на лестнице, по которой они с Рейни спустились меньше получаса назад. Аппараты поменьше

— некоторые с обычную муху — носились взад-вперед и жужжали.

Вся кровь попала на каменную стену. Крики оказались истерическими рыданиями женщины, которая сидела, обхватив руками колени, на плитах у основания лестницы.

— Окажите ей помощь. Немедленно! — приказала Лоубир кому-то невидимому.

Она на мгновение поднесла жезл к плечу и повернулась, демонстрируя его собравшимся. Те запоздало отводили глаза, боясь попасть в поле зрения жезла, хотя, разумеется, уже попали.

Встречные продолжали отводить глаза и потом, когда Лоубир вела Недертона и периферал в другой конец здания к другой лестнице. Как только они вышли, автомобиль развуалировался и открыл пассажирскую дверь. Недертон не мог сообразить, где они сейчас припаркованы. Где-то неподалеку от Ковент-Гардена. Возможно, в направлении Шефтсбери-авеню.

— Бедная женщина, — сказала Лоубир.

— Ее вроде бы не ранило, — заметила прокатка. Она сидела в клубном кресле, откинувшись и надвинув кепку на глаза.

— Моральная травма, — ответила Лоубир, глядя на свечу. — Масло нероли. Аромат для барышень,

но мне он всегда нравился.

— Вы взорвали ему голову, — сказал Недертон.

— Ненамеренно. Периферал покинула Шордич в автомобиле, арендованном у студии боевых искусств. Якобы одна. Но очевидно, там был кто-то еще, поскольку ей вскрыли череп.

— Вскрыли череп?

— Черепа сборно-разборные. Отпечатанные кости, склеенные биологическим составом. Структурная прочность как у обычного черепа, но есть возможность его вскрыть.

— Зачем?

— В черепной коробке модели для спарринга обычно находится отпечатанная клеточная копия мозга. Тренажер, никаких когнитивных функций. Регистрирует уровень сотрясения, отмечает менее серьезные травмы. Пользователь может точно оценить эффективность нанесенных ударов. Однако заводская гарантия не предусматривает доступа пользователя к тренажеру и вообще в черепную коробку. Неизвестное лицо либо лица по пути из Шордича, вопреки инструкции, извлекли тренажер и поместили на его место взрывное устройство, которое взорвалось бы рядом с вами. Я, не зная этого, вызвала флешботов. Ближайшие четыре откликнулись,

как только мой запрос был подтвержден. Они заняли позиции вокруг головы устройства и одновременно сдетонировали. Заряд взрывчатки в каждом составляет доли грамма, но при точно подобранном расстоянии и взаиморасположении его хватает, чтобы обездвижить практически любого. А в итоге мои действия, лишь по счастью, не повлекли за собой по крайней мере одну человеческую жертву.

— Однако в противном случае устройство убило бы Уилфа, — сказала прокатка.

— О да, — ответила Лоубир. — Взрывчатые вещества используются редко, и мы стараемся поддерживать такое положение вещей. Слишком похоже на асимметричную войну.

— Терроризм, — сказала прокатка.

— Мы стараемся не употреблять этот термин, — Лоубир смотрела на свечу, и в ее взгляде читалось что-то вроде сожаления, — хотя бы потому, что террор должен оставаться прерогативой государства. — Она глянула на Недертона. — Кто-то покушался на вашу жизнь и, возможно, хотел запугать тех, с кем вы сотрудничаете.

— Наше с Уилфом сотрудничество в прошлом, — ответила прокатка.

— Вообще-то, я имела в виду мистера Зубо-

ва, — сказала Лоубир. — Хотя тот, кто решил его запугать, либо очень плохо знает его семью, либо исключительно влиятелен, либо чрезвычайно опрометчив.

— А как вы узнали, что периферал двинется сюда? — спросил Недертон.

— Тетушки, — ответила Лоубир.

— Тетушки?

— Так мы их называем. Алгоритмы. У нас их много, и они наращивались десятилетиями. Едва ли сегодня кто-нибудь вполне понимает, как они работают в конкретную минуту. — Тут она взглянула на прокатку и произнесла гораздо мягче: — Кто-то довольно романтично придал этой периферали облик Фитц-Дэвида Ву. Едва ли вы о нем слышали. Безусловно лучший шекспировский актер своего времени. Я довольно близко дружила с его матушкой. Зеленые глаза она придумала в последний момент и потом сильно жалела о своем выборе. По тем временам это было не так просто исправить.

Недертон, мечтая о виски, задумался, не жалеет ли Лоубир о выборе ярко-василькового цвета для своих глаз.

Глава 35

Свалка в его дворе

Коннер жил на Грейвли-роуд, за «Джиммис». В старших классах парочки ездили сюда тискаться — на Грейвли было удобно припарковать машину. Когда Леон свернул — надо понимать, к дому Коннера, — Флинн попыталась вспомнить, бывала ли хоть когда-нибудь здесь, в дальнем конце Грейвли. Последний отрезок дороги казался незнакомым, хотя такое непримечательное место недолго и забыть. Однако Флинн вроде бы не помнила, что на Грейвли-роуд есть дома так далеко. По большей части тут был саженый лес и разгороженные участки, на которых никто не стал строиться, и они заросли бурьяном.

Одноэтажный дом Коннера был не такой старый, как у них, но в куда худшем состоянии. Его давно не подновляли, и там, где краска облупилась, дерево стало серым. Он стоял в стороне от дороги; газон перед крыльцом давно превратился в свалку металлолома, затянутую вьюнками. Старый высокий трактор, одна сплошная ржавчина, ни следа краски, трейлер поменьше, чем у Берто-

на, на полностью спущенных шинах, кухонные плиты и холодильники — целая экспозиция по истории бытовой техники, и большой армейский квадрокоптер, размером с «тарантул» Коннера, на четырех бетонных плитах. Чтобы такой запускать, нужно особое разрешение, и его еще не всякому дадут.

«Тарантул» стоял на дальнем конце подъездной дороги, у дома. Позади трайка, рядом с длинной тонкой штуковиной, возились Эдвард и Мейкон. Их ящики с инструментами были разложены тут же на голубой клеенке.

Как только Леон затормозил, Флинн выпрыгнула из машины и подошла к ним. Ей хотелось узнать, что там на змеевидном щупальце, которое она видела на стоянке перед «Джиммис».

— Привет, — сказал Мейкон, выпрямляясь. Они с Эдвардом были в синих латексных перчатках и без виз.

— Что делаете? — Флинн оглядела механизм на конце манипулятора и ничего не поняла.

— Да вот, помогаем с трайком. — Мейкон указал на механизм. — Захват для заправочного пистолета. Для Коннера — большое подспорье на бензоколонке.

— Это вы ему новое ставите?

— Нет. — Мейкон выразительно глянул на нее. — Сняли вместе с манипулятором, чтобы починить. Он что-то барахлил.

— Теперь не будет, — спокойно добавил Эдвард.

Оба понимали, что она знает: ей врут в глаза. Флинн догадывалась, что так и положено себя вести, когда твой знакомый кого-то убил, а ты не хочешь, чтобы его посадили. Они излагают ту версию, которую ты сможешь честно всем пересказывать.

— А что на нем такое черное? — спросила Флинн.

На захвате не было ничего черного, но она надеялась, что Эдвард с Мейконом это исправят.

— Похоже, резиновое напыление, — сказал Эдвард. — Как для багажного коврика.

Они сняли ружье, или что там было, и поставили захват. Теперь оно в ящике с инструментами, а может, кто-нибудь из Бертоновых ребят его забрал.

— Надеюсь, не будет больше ломаться, — сказала Флинн. — Бертон здесь?

— В доме, — ответил Мейкон. — Вообще-то, нам надо просканировать тебе голову. Лазером.

— Чего?

— Измерить тебе голову, — объяснил Эдвард. — Обруч, который мы печатаем, не гибкий. Для контакта нужно плотное прилегание.

— И для комфорта, — ободряюще добавил Мейкон.

— Мою голову?

— Обруч для тебя, — сказал Мейкон. — Спроси Тлен.

— Кто такая Тлен?

— Женщина из «Сольветры». Техконсультант. Постоянно нам названивает. Жутко дотошная.

— Вы тоже, — сказала Флинн.

— Мы ладим.

— Хорошо, — ответила она, хотя не видела в происходящем ничего хорошего.

— Поздравляем, — сказал Мейкон подошедшему Леону. — Говорят, ты теперь мультимиллионер.

— Вы молодцы — делаете вид, будто нисколько не завидуете. — Леон вытащил из-под спутанных вьюнков выцветший ящик с полинялой надписью «ДИНАМИТ ДЛЯ ПРОХОДКИ ТРАНШЕЙ». — Надо выставить на *eBay*. — Он внимательно прочел мелкий шрифт, прежде чем сесть на ящик. — Коллекционная штука. Люблю смотреть на работающих.

— Это почему? — спросил Мейкон.

— У вас красиво получается. Профессионально. Залюбуешься.

Флинн поднялась по ступеням в дом и открыла сетчатую дверь в деревянной раме, старше динамитного ящика. В кухне было относительно чисто, но, видимо, оттого, что ею почти не пользовались. Флинн прошла в гостиную. Бертон устроился на продавленном диване с коричнево-бежевой цветочной обивкой, Коннер очень прямо сидел в кресле. Когда он встал, Флинн поняла, что это не кресло.

Коннер был пристегнут липучками к протезу, который купила ему В. А. С этой штукой он походил на персонажа аниме: щиколотки шире ляжек. И только когда Коннер двинулся вперед, Флинн поняла, отчего он не любит свой протез.

— Сестренка, — сказал Коннер, широко ухмыляясь. Он был свежевыбрит и выглядел на удивление в здравом уме.

— Привет, Коннер, — ответила она и глянула на Бертона, гадая, будет ли разговор с ним таким же, как недавний с Мейконом и Эдвардом. — Видела Мейкона перед домом.

— Мы позвали их починить трайк, — сказал Бертон. — У Коннера были проблемы с заправ-

кой.

— В прошлый раз ты не был такой веселый, — заметила Флинн Коннеру.

Тот улыбнулся еще шире:

— За твоего братца переживал. Боялся, безбаши его не выпустят. Пива? — Он левой рукой с двумя оставшимися пальцами указал в сторону кухни. — «Ред булл»?

— Нет, спасибо.

В. А. пересадила бы ему палец с ноги на место большого на руке, будь у него пальцы на ногах. Он и теперь мог бы получить донорский, если бы записался в очередь и подождал. Наверное, и правую ступню ему бы со временем трансплантировали. А вот правую руку и левую ногу — нет, поскольку культи слишком короткие. Что-то такое насчет минимальной длины собственных нервов. И внезапно Флинн поняла: то, что произошло у него с головой, куда хуже. Вот сейчас он вполне умиротворенный, почти что счастливый, оттого что убил четырех незнакомцев. У нее защипало в глазах, и она быстро села на диван — на противоположный от Бертона конец.

— Они и правда не скупятся, — сказал Бертон.

— Знаю, — ответила Флинн. — Приехала сюда с обладателем шести миллионов.

— Не только это. Они готовят кое-что получше.

— О чем ты?

— Прислали сегодня чувака из Клэнтона, с деньгами.

— Откуда ты знаешь, что они не лепилы, Бертон?

— Чувак — адвокат.

— У лепил есть адвокаты.

— Я буду пиво, — сказал Бертон.

Протез переместил Коннера на кухню к холодильнику, новому и блестящему. Когда Коннер взялся за ручку двумя пальцами, послышался комариный писк маленького сервопривода. Сейчас Флинн заметила, что у протеза есть собственный большой палец. Коннер открыл холодильник, достал пиво, повернул плечо протеза так, чтобы толкнуть дверцу, и проковылял обратно к Бертону. Похоже, у протеза была только одна походка. Коннер приставил горлышко бутылки к чему-то, что было бы правым бицепсом, останься у него правая рука, дернул, и крышка отскочила. Флинн увидела приклеенную к черному пластику ржавую открывалку. Крышка упала на голый виниловый пол и закатилась под диван. Коннер улыбнулся Флинн и вручил Бертону бутылку.

— Все отлично, — сказал Бертон и глотнул пи-

ва. — Я уверен, что они не лепилы и не безбаши. Думаю, все дело в игре. И они хотят, чтобы ты туда вернулась. Им нужна Легкий Лед. Вот почему они заказали Мейкону интерфейс.

— К чертям их игру, — ответила Флинн.

— Твои игровые активы здорово подскочили в цене. Из-за этого и приезжал клэнтонский чувак. — Бертон отпил еще, глянул на уровень пива в бутылке, хотел вроде бы добавить что-то еще, но не стал.

— Ты согласился от моего имени?

— Это было их условие. Только ты.

— Хоть бы меня сперва спросил.

— Нам нужны деньги на аптеку. Мы не знаем, надолго ли фишка поперла. Так что надо работать и откладывать сколько сможем, а дальше будет видно. Я решил, что ты не откажешься.

— Ну, наверное, да.

Протез сел на корточки, вновь превратившись в кресло.

— Слазь с дивана, — сказал Коннер. — Посиди со мной.

— Мы готовы измерить тебе голову, — объявил Мейкон из дверей кухни. Он показал что-то ядовито-оранжевое, из тонких палочек и ободка, больше похожее на мегамартовский аксессуар

для стрельбы из лука, чем на лазер. — Сядешь на тахту?

— Пойдем на крыльцо, — ответила Флинн. Когда Леон подъезжал, она заметила там красное пластмассовое кресло, старое и выцветшее, а ей непременно требовалось отсюда выйти. — Я как-нибудь с тобой посижу, Коннер, но сейчас мой братец меня достал.

Коннер широко улыбнулся.

Флинн вышла на крыльцо, смела с кресла спрессованные прошлогодние листья и села лицом к ржавому трактору. Мейкон протянул ей что-то вроде защиты на глаза, которую дают в солярии, только из нержавейки.

— Сильный лазер? — спросила Флинн.

— Нет. По большому счету защита на глаза не нужна, но мы перестрахуемся.

— Много времени займет?

— После того, как все наладим, — минуту или чуть больше.

Флинн надела защиту — сзади там была белая эластичная полоска, — пристроила стальные чашечки на глаза и осталась в кромешной тьме. Мейкон тем временем опустил мягкие ножки своего прибора ей на плечи.

— Когда начнете печатать? — спросила она.

— Схему уже печатаем. Обруч сделаем к вечеру. Ложиться не будем, так что, может, к завтрашнему дню все уже соберем. А теперь не двигайся. И не разговаривай.

Что-то затикало по ободку, сдвигаясь вправо. Флинн мысленно видела свалку во дворе у Коннера, затянутую вьюнками, и воображала, что он не завербовался в морскую пехоту. Допустим, его завернула медкомиссия из-за какой-нибудь незамеченной раньше безобидной болячки. Он остался бы здесь, нашел нелевую работу, женился. Не на ней, точно, и не на Шайлен, но на ком-нибудь. Может, на какой-нибудь девушке из Клэнтона. Завел бы детей. Его жена выполола бы вьюнки, выбросила мусор, посадила газон. Однако Флинн никак не могла в это поверить, хотя и очень старалась.

Лазер тикал уже напротив ее затылка, потом за левым ухом, потом спереди. Мейкон убрал его и снял с глаз Флинн защиту.

Во дворе по-прежнему была свалка.

Глава 36

Несмотря ни на что

— У Антона был такой спарринг-партнер, — заметил Лев, когда Недертон закончил рассказ о событиях в Ковент-Гардене. — Антон в припадке пьяного гнева оторвал ему челюсть во время вечеринки в саду.

Они вместе стояли на трапе гобивагена и смотрели, как периферал разминается на беговой дорожке.

— Ей нельзя отказать в некоторой красоте, — произнес Недертон, пытаясь сменить тему, чтобы разговор случайно не вырулил на Патни.

Впрочем, он и впрямь находил периферал красивой. Тлен стояла рядом с беговой дорожкой и, судя по сосредоточенному виду, читала какие-то данные в трансляции.

— Доминика была в бешенстве, ведь наши дети могли это увидеть, — сказал Лев. — Антон отправил его обратно на фабрику. Потом застрелил. Несколько раз. На танцполе в клубе «Волох». Меня там не было. Разумеется, дело замяли, но для отца это стало поворотной точкой.

Тлен что-то сказала периферали, и та начала замедлять бег. Когда она бежала, ее красота воспринималась иначе; изящество, вносимое в повторяющееся действие, рождало некое подобие индивидуальности.

— Чем он так Антону досадил? — спросил Недертон, наблюдая за безупречным сокращением мышц на бедре устройства.

— Антон отказывался снижать уровень сложности. Проводил схватки на максимуме. Всегда проигрывал. И тот танцевал гораздо лучше Антона.

Периферали пробежала несколько шагов трусцой, потом спрыгнула с дорожки и побежала на месте. Она была в свободных черных шортах и черном топе. Одежду, которая теперь заполняла два шкафа в яхте, делала для периферали Тлен, так что черный цвет преобладал.

Периферали повернула голову и вроде бы увидела Недертона.

Лев зашел в яхту, Недертон за ним, все еще чувствуя на себе взгляд периферали. Каюта выглядела более обжитой, а может, просто более заставленной, теперь, когда тут появились древние мониторы и чемоданчик с комплектующими.

— Лагер, — сказал Лев.

Недертон сморгнул. Лев приложил большой палец к маленькому стальному овалу на дверце бара. Она отъехала в сторону, стойка бесшумно выдавила из себя открытую бутылку. Лев взял ее, потом заметил Недертона и передал холодное пиво тому.

— Лагер, — повторил он. Бар выдал вторую. — Хватит.

Дверца закрылась. Лев чокнулся с Недертоном бутылкой и отпил большой глоток, затем произнес:

— О чем вы говорили на обратном пути, после того как сдали прокатку твоей знакомой?

— Она рассказала мне про Ву, — ответил Недертон.

— Про кого?

— Фитц-Дэвида Ву. Актера. Она дружила с его матерью.

— Ву, — повторил Лев. — Гамлет. По-прежнему дедушкин любимый. Фильму никак не меньше сорока лет.

— Сколько ей, по-твоему?

— Сто или больше, — ответил Лев. — Вы правда больше ничего не обсуждали?

— Она выглядела огорченной, *рассеянной*. За-

жгла ароматическую свечу.

— Свечи, благовония. Я такое видел. Как-то связано с памятью.

— Она сказала, что ей приглушили некоторые воспоминания. Что-то насчет взрывов, как я понял.

— Да, некоторые так делают, — сказал Лев. — Дедушка считает это грехом и как-то справляется сам, но он очень религиозен. Мне бы хотелось яснее представлять, что она задумала.

— Ну, это ты с ней договаривался, — напомнил Недертон, — и молчишь о чем.

— Верно, но дело неразглашаемое. Если я не буду соблюдать условия, она, боюсь, узнает.

— Она может тебя спросить, и ты невольно ответишь.

— Тут ты прав. — Лев, хмурясь, допил лагер и поставил пустую бутылку на мраморный стол. — А пока у нас в срезе какой-никакой прогресс. Тлен очень довольна техниками, которых ты нашел через сестру полтера. У них уже почти готов примитивный нейронный отсекатель. А финматики Тлен из Лондонской школы экономики более чем успешно разрешили наши денежные затруднения в срезе. Хотя если они будут продолжать в том же темпе, нас скоро заметят. Еще как заметят.

— Что они делают? — спросил Недертон. Он только что допил свой лагер и теперь жалел, что нельзя попросить еще.

— Главным образом — гуртуют трейдинговые алгоритмы. В срезе такого пока как следует не умеют, хотя знают, что иногда это происходит само собой. Они так и так скоро бы этому научились. Короче, теперь у нас есть средства на случай чрезвычайных обстоятельств, что уже пригодилось.

— Уже?

— Киллеры прибыли выполнить контракт, в количестве четырех, но не успели, поскольку их обезвредил товарищ полтера.

— И теперь он требует денег?

— Операция была незаконной, — ответил Лев. — Ему поручили наблюдать, не появятся ли люди, похожие с виду на киллеров. Они появились, и он их убил. Чтобы такое замять, нужны деньги. Тамошняя административная единица называется округ. Глава правоохранительной системы — шериф. Наиболее жизнеспособная отрасль экономики в округе — молекулярный синтез запрещенных наркотиков. Шериф на жалованье у самого крупного местного наркопроизводителя.

— Откуда ты все это знаешь?

— Оссиан выяснил.

— И полтер с сестрой откупились твоими деньгами от полиции?

— Нет, — ответил Лев. — Полтер заплатил наркопроизводителю. Оссиан счел, что это подходящий канал, и полтер согласился. Но ведь тебя сегодня пытались убить. Тебе не страшно?

— Я как-то об этом не думал, — ответил Недертон и внезапно понял, что правда не думал. — Лоубир сказала, убийство, возможно, задумывалось как предупреждение тебе.

Лев глянул на него:

— Знаю, что я не похож на гангстера, и рад, что так, но я бы не испугался. Огорчился бы и, наверное, разозлился, но не испугался.

Недертон попытался представить, что Лев горюет о его смерти, и не смог. Это казалось нереальным, как, впрочем, и происшествие в Ковент-Гардене. И жаль, что бар Зубова-деда не станет выдавать ему по бутылке холодного немецкого лагера по первому требованию.

Глава 37

Округ

Она не собиралась рассказывать обо всем Дженис, просто так вышло. Дженис как раз начала варить кофе. На ней была бандана Мэдисона, черная с белыми черепами и скрещенными костями. Мейкон как-то довольно точно заметил, что Дженис и Мэдисон похожи на школьных учителей с байкерской ДНК. Флинн знала, что может сказать Дженис что угодно и та не передаст никому, кроме разве что Мэдисону, а тот тоже никому не разболтает.

Дженис вспомнила сцену у «Джиммис» и добавила, что Флинн спасла Коннеру шею. Флинн ответила, что она сильно преувеличивает.

— Ненавижу этих сволочей, — сказала Дженис, имея в виду футболистов. Она с отточенной неторопливостью вращала ручку кофемолки. — Меня от них трясет. Каждые четыре года подрастает новое поколение.

— Коннер сам их задирает, — сказала Флинн.

Дженис пересыпала смолотый кофе в банку и взвесила ее на весах, похожих на подставку под

пивную кружку.

— Я понимаю, а вот они — нет. Думают, они его задирают. Начислить им очки за тупость? А ты его видела с тех пор?

— Только что была у него дома.

— Он не то что псих. — Дженис пересыпала тщательно отмеренный кофе в бежевый бумажный фильтр, который вставила в керамическую воронку и заранее смочила водой, чтобы отбить химический привкус. — Просто бесится со скуки. Я все понимаю, но меня это уже достало. — Она проверила температуру воды в чайнике, залила кофе и стала ждать, пока настоится. — А ты расстроенная, и вряд ли из-за Коннера.

— Да.

— Так что случилось?

И Флинн рассказала все, начиная с того, как Бертон поехал в Дэвисвилл и попросил его подменить. Дженис слушала, продолжая исполнять свой ритуал. Вскоре перед каждой стояло по чашке очень хорошего крепкого кофе. Флинн добавила в свой сахара и молока. Дженис пила черный и почти не задавала вопросов, просто слушала и кивала, когда надо, расширяла глаза в самых страшных местах и снова кивала. Когда Флинн дошла до поездки с Томми по Портер-роуд

и палатки над машиной, которую она так и не увидела, Дженис остановила ее жестом:

— Не говори.

— Не говорить?

— Я сама угадаю. Коннер.

Флинн кивнула.

Дженис нахмурилась, легонько покачала головой:

— Давай дальше.

Флинн досказала остальное, не особо расписывая, что, по ее мнению, делали Мейкон и Эдвард у Коннера во дворе (Дженис явно и так поняла), вплоть до того, как Леон вез ее сюда и всю дорогу их провожали два маленьких дрона с квадратиками бирюзового скотча.

После кофе обе перебрались из кухни на диван в гостиную, тот самый, на котором Флинн последний раз играла в «Операцию «Северный ветер»».

— Чувак из Клэнтона, который привез мешок денег, знаешь, кто он? — спросила Дженис.

— Нет. Адвокат?

— По фамилии Битти. Адвокатская фирма в Клэнтоне.

— А ты откуда знаешь?

— Два часа назад тут был Райс, договаривался с Мэдисоном, что тот возьмется за одну работенку.

Теперь часть клэнтонских денег у нас в подвале, в дыре за топкой.

— Серьезно?

— Я не сочиняю сказок. И деньги не настолько уж сказочные.

— Что за работенка?

— Помочь с дроном. Большим. У Коннера есть армейский коптер. Мэдисона попросили им управлять.

Флинн вспомнила квадрокоптер у Коннера во дворе:

— Я его видела. Похож на орудийную платформу.

— Сумма в подвале больше, чем мы заработали бы в «Су — двадцать семь» за год, — сказала Дженис без всякой радости.

— Что говорил Райс?

— Больше, чем хотелось бы Бертону и Коннеру, меньше, чем хотелось бы мне. Восторженный дурачок этот Райс. Обожает секреты: должен их всем выбалтывать, иначе никто не узнает, что он посвященный. Без ума от Бертона и Коннера, поэтому должен рассказывать и про их дела. А еще без ума от Пиккета.

Флинн смогла вспомнить только одного Пиккета, владельца «Корбелл Пиккет Тесла», дилерской

фирмы по продаже новых автомобилей, которая разорилась позже других в городе. Он по-прежнему считался одним из богатейших людей округа, хотя появлялся здесь редко. Флинн видела его раза два на городских парадах, но не в последние годы. Он отправил дочку ее лет учиться в Европу, и, насколько Флинн знала, та обратно не вернулась.

— Корбелл Пиккет?

— Он, сука.

— При чем тут он?

— Здесь начинается левизна, — сказала Дженис.

— Ты думаешь, что деньги от Корбелла Пиккета?

— Да нет же, блин. Бертон заплатил Корбеллу бóльшую часть клэнтонских денег. Райс кипятком писал оттого, что им с Карлосом поручили эти деньги отвезти. Сто раз повторил, что понадобились два магазинных пакета.

— Зачем Бертон платит Пиккету?

— Четверо убитых на Портер-роуд. Чтобы про них забыли. В округе забыли сразу. У полиции штата память не такая короткая, но у Корбелла есть деньги Законодательного собрания, чтобы ее укоротить.

— Он был дилером «Теслы» и ездил с мэром на рождественских парадах, когда мы были маленькими.

— В новехонькой «тесле», — добавила Дженис. — Жаль разрушать твою веру в Зубную фею, детка, но Корбелл имеет свою долю с каждого грамма наркотиков, слепленных в этом штате.

— Не может быть. Я бы слышала.

— Твои друзья и родные тебя оберегали, практически не упоминая при тебе эту мразь. Поэтому ты так легко про него забыла.

— Ты его не любишь, — заметила Флинн.

— Еще как.

— Но если Бертон откупился от управы шерифа, значит Томми в курсе.

Дженис глянула на нее:

— Не совсем.

— Он либо знает, либо не знает, — сказала Флинн.

— Томми хороший человек. Как Мэдисон. Поверь мне. О'кей?

— О'кей.

— Как ты. И вот ты по уши в сделке с людьми, которые говорят, что они в Колумбии, но могут подтасовать лотерею для Леона. Это серьезно левое, Флинн, но ты же не перестала от этого быть

хорошим человеком?

— Не знаю, — ответила Флинн и тут же поняла, что правда не знает.

— Подруга, ты ввязалась в эту непонятную хрень не потому, что хочешь разбогатеть. Ты платишь «Фарма-Джону» раковую ренту за мать. Как многие. Как большинство, думаю.

— У нее не рак.

— Знаю. Но ты понимаешь, о чем я. А Томми сохраняет в округе какой-никакой порядок. Насколько может. Он честный, верит в закон. Шериф Джекман — другое дело. Джекман делает что делает, переизбирается раз за разом. Округу нужен Томми, как твоей матери нужны вы с Бертоном, и, может быть, это означает, что ему по временам надо прилагать большие усилия, чтобы чего-то не заметить.

— Почему я узнаю об этом только сегодня?

— Люди тебя жалеют, молчат. Экономика округа держится на лепке еще с того времени, когда мы учились в старших классах.

— Это я вроде как знала. Догадывалась.

— Добро пожаловать в округ, детка. Еще кофе хочешь?

— Боюсь, я и так его перепила.

Глава 38

Девушка из среза

Доминика звонком вызвала Льва наверх, а Недертон вернулся на трап и стал смотреть, как периферал делает силовые упражнения в экзоскелете. Мышцы на ее голых руках и ногах были и впрямь очень рельефными. Недертон гадал, изначально их такими отпечатали или нет.

Угол яхты закрывал от него Тлен, которая о чем-то спорила с Оссианом. Тот был где-то не здесь, и Недертон слышал лишь реплики Тлен на какой-то псевдославянской итерации их общего криптоязыка. Недертон подошел к закрытому бару, надавил на стальной овал. Ничего не произошло.

Показалась Тлен с цветами в белой керамической вазе, прошла мимо периферали и поднялась по трапу.

— Это лишнее, — заметил он.

— Она заслужила торжественную встречу, — ответила Тлен. Ее белое лицо сильно контрастировало с яркими цветами. — Раз уж нельзя предложить ей выпивку.

У Недертона чуть кольнуло сердце от не вполне представимой мысли о Флинн в периферали. Ей, Флинн, тоже выпивку предложить будет нельзя.

— Воду, раз в несколько часов, — сказала Тлен, ошибочно решив, что его заботит периферали. — При дегидратации она подает тревожный сигнал. Алкоголь — категорически нет.

Она прошла мимо него в яхту.

— Когда мы ее ждем?

— Через два часа, — ответила Тлен за его спиной.

— Через два часа?

Он обернулся.

— Мейкон большой молодец, — сказала Тлен, примеряя, на какое место мраморного стола красивее будет поставить букет.

— Кто?

— Мейкон. Ее печатник. Очень быстро работает.

— Что за имя такое?

— Город. В Джорджии. — Она поправляла цветы в вазе, и на тыльной стороне ее левой ладони толкалась целая стая далеких зверей. — Я буду тут.

— Вот как?

— Давно ты последний раз пользовался периферали?

— В десять лет, — ответил Недертон. — На дне рождения одноклассника. Праздник гомункулов в Хемпстед-Хит.

— Вот именно.

Тлен развернулась к нему, уперев руки в боки. Она снова была в «конфиденц-костюме». Недертону вспомнилась поза гомункула на приборной панели в машине Льва.

— Это ведь ты вела машину, когда мы ездили в другой дом?

— Конечно. Что ты ей скажешь, когда она окажется здесь?

— О чем?

— Что́ это все. Где. Когда. Разве мы не за это тебе платим?

— Никто мне ничего не платит, спасибо.

— Обсуди это со Львом.

— Я не считаю себя на работе. Я просто помогаю Льву.

— Она не будет понимать, что это и о чем. Она никогда не бывала в периферали. Ты сам практически тоже. Тем больше у меня причин быть здесь.

— Лев не сказал мне, что она будет здесь через два часа.

— Он не знает, — ответила Тлен. — Оссиан

только что выяснил. Лев наверху со своей супружницей, и нам запрещено звонить, когда он с ней. Как только мы ему сообщим, он известит Лоубир. Думаю, она даст какие-нибудь указания. А пока надо решить, что говорить ей, если Лоубир не произнесет свое веское слово.

— Не знаешь, что там у него за дела с Лоубир? Он мне не сказал.

— Значит, он не законченный идиот. Пока.

— Но ведь это ее идея, — перенести Флинн сюда?

— Ее, — ответила Тлен.

— Зачем?

— Зачем бы ни было, она явно торопится.

Тлен тронула полированную деревянную панель, которая тут же сдвинулась. За панелью был пульт управления. Тлен чего-то коснулась, и Недертон почувствовал легкий ветерок.

— Душно, — объяснила Тлен.

— Считается, что наш офис в Колумбии.

— В Колумбии точно были кондиционеры. Лоубир велела отпечатать для вас обоих несколько разных костюмов, часть — определенно не для сидения здесь. Она отправится гулять по Лондону. С тобой.

— Она заказала мне одежду?

— И очень кстати. Сейчас ты не похож на сотрудника фирмы.

— В первом разговоре Флинн предположила, что я — персонаж в игре, в которую она якобы играет.

— Мы сказали ее брату, что это игра.

— Стоит сказать ей правду.

Тлен промолчала, только поглядела на него.

— Что ты так на меня смотришь? — спросил Недертон.

— Гадаю, произносил ли ты когда-нибудь эту фразу.

— Зачем ее обманывать? Она умная. Догадается.

— Не знаю, будет ли так лучше стратегически, — сказала Тлен.

— Тогда дайте ей еще денег. Вам принадлежат все деньги ее мира или будут принадлежать, и здесь вы их все равно тратить не можете. Расскажите ей правду и удвойте жалованье. Мы — щедрое будущее.

Тлен повела глазами вверх и влево. Защебетала на синтетическом языке, которого не существовало мгновение назад. Глянула на Недертона:

— Сходи в душ. У тебя вид липкий. Твоя одежда в шкафу слева, в дальнем конце.

— Лоубир выбирала?

— Нет, я с ее подсказкой.

Черное, решил Недертон, если только Лоубир не запланировала что-нибудь менее официальное.

— Я начинаю чувствовать себя частью системы, — сказал он.

— Знаю, как бы я это назвала.

— Как?

— Реализмом, — ответила Тлен. — На ближайшее время ты нам нужен.

Глава 39

Волшебный башмачник

В прокатной машине Мейкона пахло свежеотпечатанной электроникой — как от телика, когда Мейкон отдал его, новехонький, в закусочной «Мегамарта». Часа через два запах выветривался.

— Ты не рассчитывал закончить до завтрашнего дня, — сказала Флинн.

— Нам помогли ребята из «Самофаба». Мы одолжили им принтер.

— Вы печатаете леваки в «Самофабе»?

— Это не леваки, — подал голос Эдвард с заднего сиденья. — Просто что-то необычное.

— «Самофаб» — сетка и принадлежит «Меге», — не успокоилась Флинн.

— Мой двоюродный брат работает там старшим смены на полставки, — сказал Мейкон. — И да, обычно к нему не подкатить, но твой брат сделал очень заманчивое предложение. Правда, единственный подходящий полимер у них выглядит как сахарная глазурь. Обычно он идет на рождественские украшения, но отлично соединяется с

кожно-электрической частью, так что у тебя будет венец Белоснежки. Тоже хорошо, потому что никто в «Самофабе» не понял, что мы печатаем.

— Что за кожно-электрическая часть?

— Которая на лбу. Первый экземпляр был черновой, для него пришлось бы выбрить тебе на затылке полосу в два дюйма шириной.

— Нет уж нафиг.

— Вот и мы подумали, что ты так скажешь, поэтому взяли тот китайский полимер. Теперь достаточно будет контакта через лоб, просто смочишь его хорошенько соляным раствором.

— Ты сказал, это игровой контроллер.

— Бесконтактный интерфейс для телеприсутствия.

— Ты на себе попробовал?

— Не мог. Не с чем пробовать. У твоих друзей есть что-то, чем ты должна управлять, но они не дали нам проверить на себе. Управляешь лежа, иначе тебя может переклинить.

— В каком смысле?

— Если заработает, а вроде должно, ты будешь контролировать их устройство с полным диапазоном движений, но твое тело двигаться не будет. Интересно, как это происходит.

— Чем интересно?

— Мы не нашли почти никаких похожих патентов. Если бы такие патенты существовали, то были бы очень дорогими. Очень.

— Может, что-нибудь военное, — сказал Эдвард сзади.

Они проехали половину Портер-роуд, и Флинн уже не могла точно сообразить, где стояла белая палатка и дроны вынюхивали следы от Коннеровых шин.

Справа тянулись поля, на которые она почти не глядела, и кривые, поломанные ураганом сосны. По левую сторону дороги склон уходил вниз, к ручью, возле которого стоял трейлер Бертона. Скоро в сумерках впереди уже должны были показаться верхушки деревьев перед домом.

— Вам сказали, что я должна буду делать?

— Нет, — ответил Мейкон. — Мы просто волшебные башмачники. На бал отправляешься ты.

— Сомневаюсь, что на бал.

— Погоди, увидишь корону, которую мы тебе сделали.

Флинн не стала продолжать разговор и задумалась о том, что Дженис сказала насчет Корбелла Пиккета и Томми. Стена дома, где раньше была дилерская фирма, и сейчас гласила «КОРБЕЛЛ ПИККЕТ ТЕСЛА», но гласила некрашеным бето-

ном на месте отвалившихся букв из алюминия и углеволокна.

У ворот их ждал Карлос.

— Твоя мама сейчас обедает вместе с Леоном и Райсом, — сказал он, когда Флинн начала вылезать из машины. — Ела что-нибудь недавно?

— Нет. А что там на обед?

— Они просили тебя не есть, — сказал Карлос. «Они» означало тех, кто платит деньги; ничего другого он, скорее всего, не знал. — Говорят, в противном случае в первый раз может и стошнить.

Флинн вспомнила, что он состоит в добровольческой медицинской службе.

— О'кей.

Мейкон и Эдвард разгружали багажник. Два вещмешка из дайнимы — синие, как хирургические перчатки, три новенькие картонные коробки с логотипом «Самофаба».

— Помощь нужна? Могу кого-нибудь позвать. Мне нужны обе руки вот для этого. — Карлос указал на буллпап, висевший у него на уровне пояса. Ствол щетинился насадками, назначения которых Флинн угадать не могла.

— Не-а, — ответил Мейкон. Они с Эдвардом уже закинули на плечи по хрустящему вещмешку. Эдвард взял две картонные коробки, Мейкон одну

большую. По виду все было совсем не тяжелое. — Нести в трейлер, да?

— Бертон там, — ответил Карлос и рукой показал Флинн идти туда же.

Ей вспомнился вечер, когда брат уезжал в Дэвисвилл. Такое же освещение: солнце почти село, луна еще не встала.

В трейлере горел свет. Подойдя ближе, Флинн увидела Бертона у закрытой двери. Он курил трубку, и красный огонек из чашечки озарял нижнюю половину его лица. Повеяло табаком.

— Если ты курил внутри, убью нафиг.

Бертон ухмыльнулся, не вынимая трубку изо рта. Она была дешевая, голландская, из белой глины, с длинным чубуком, который ломается в первые же дни, так что остается короткая трубочка, как у мультяшных матросов. Бертон вынул ее изо рта:

— Я не курю. И не начинал.

— Ты только что курил. Теперь начинай бросать.

Он поднял ногу, согнув ее в колене, и выбил трубку о подошву. Комочек горящего самосада выпал на дорожку, и Бертон его затоптал.

— Дайте нам минуту на подготовку, — сказал Мейкон.

Эдвард поставил коробки на землю, открыл дверь и вошел. Мейкон передал ему сперва свою коробку, потом две другие, вошел, придерживая мешок, чтобы не ударился о раму, и закрыл за собой дверь.

— Никто меня не предупредил, что это надо делать натощак, — заметила Флинн.

— Ребята справились быстрее, чем мы думали, — ответил Бертон.

— Ты знаешь, что там будет?

— Они хотят, чтобы ты встретилась с тем эйчаром, с которым говорила раньше, и с Тлен, техническим специалистом.

— В игре?

— Где-то.

— Корбелл… — начала Флинн и в темноте увидела, как нахмурился Бертон. — Нам надо поговорить.

— Кто тебе сказал?

— Дженис.

— Пришлось ему заплатить. Коннер.

— Они знают, что это он?

— Теперь никто не знает.

— Всё они отлично знают. Просто им заплатили, чтобы они притворялись, будто не знают.

— Примерно так.

— Томми в курсе?

— Томми прилагает большие усилия, чтобы не знать многого.

— Вот и Дженис так сказала.

— Не я эту систему создал.

— Теперь ты ее часть?

— Я так не считаю.

— А как ты считаешь?

Дверь трейлера открылась.

— К встрече Белоснежки готовы, — объявил Мейкон.

Он поднял руки и показал ей что-то похожее на фюзеляж дрона-вертолета, только больше. И согнутое в овал по размеру ее головы, так что передний выступ фюзеляжа оказался на лбу. Корону это нисколько не напоминало, но было из чего-то белого, искрящегося, как снеговик в пластмассовом елочном шарике.

Глава 40

Штатное трепло

После душа Недертон надел серые брюки, черный свитер без высокого горла и черный пиджак. Все это было среди вещей, которые Тлен положила в шкаф.

Теперь в душ отправилась периферал. Недертон слышал, как работают насосы, и гадал, какая часть льющейся сейчас воды недавно текла по его телу. Водный баланс в яхте был рассчитан на путешествие по пустыне; Тлен предупредила Недертона не открывать в душе рот, чтобы ничего не попало внутрь. Когда включался душ, работали по меньшей мере два насоса, втягивая всю влагу до капли для последующей очистки.

Журчание душа утихло. Через несколько минут вышла Тлен, за ней периферал, которая после мытья лучилась, будто только что создана. Сама Тлен по-прежнему была в «конфиденц-костюме», а вот периферал сменила шорты с топом на черную рубашку и джинсы, сделанные по образцу тех, что были на Флинн при их первом разговоре.

— Она подстриглась? — спросил Недертон.

— Мы обратились к парикмахеру Доминики. Показали ему файлы вашего разговора. Он, кстати, искренне восхитился прической.

— Она совсем не похожа. Разве что волосы. А такое делали прежде? Кто-нибудь из срезов пользовался периферальюю?

— Чем больше я об этом думаю, тем естественнее мне это кажется, однако, насколько я знаю, никто еще не пробовал. Впрочем, континуумисты скрытны, а периферали такого качества находятся преимущественно в частном владении. Хозяева их часто не афишируют.

— Так как мы это будем делать, с Флинн?

Периферальглядела на него, а может, и не глядела, просто ему казалось. Он нахмурился. Она отвела взгляд, и он подавил желание извиниться.

— Мы положим ее на койку в задней каюте, — сказала Тлен. — Поначалу возможны нарушения равновесия, тошнота. Я поздороваюсь с ней, помогу сориентироваться. Потом приведу ее сюда. Ты можешь сидеть за столом, где она видела тебя прежде. Непрерывность впечатлений.

— Нет, я хочу видеть, как она прибудет.

— Зачем?

— Я чувствую некоторую ответственность, — ответил Недертон.

— Ты наше штатное трепло. Вот и держись своей роли.

— Я не претендую на то, чтобы тебе нравиться…

— Если бы ты сильно мне не нравился, я бы дала тебе понять.

— Лоубир звонила?

— Нет, — ответила Тлен.

Возникла эмблема Лоубир, мягко пульсируя золотом и слоновой костью.

Глава 41

Ноль

Все в трейлере стояло очень ровно, под прямыми углами, за исключением того, что принесли Мейкон с Эдвардом. Они распаковали синие мешки и коробки. Эдвард, сидя в китайском кресле, подсоединял оборудование к дисплею Бертона. Один провод шел к белому контроллеру, который лежал посредине идеально заправленного армейского одеяла на кровати.

— Никакой беспроводной гарнитуры? — спросила Флинн.

— Это не просто провода. Они сами по себе — примерно треть системы. Дай мне твой телик.

Флинн отдала Мейкону телефон, который тот передал Эдварду.

— Пароль?

— «Легкий лед». С маленькой буквы, без пробела.

— Это такой дерьмовый пароль, что даже не пароль.

— Я просто обычный маленький человек.

— Обычные маленькие люди не делают того,

что собралась делать ты. — Мейкон улыбнулся.

— Готово, — сказал Эдвард. Он уже присоединил ее телефон к проводу и вместе с креслом откатился от стола.

— Нельзя чуть притушить свет? — спросил Мейкон. — Глаза у тебя будут закрыты, но все равно слишком ярко. Или вот есть глазная повязка.

Флинн подошла к дисплею и провела сквозь него рукой, приглушив светодиоды до подросткового эротического полумрака:

— Годится?

— Отлично, — ответил Мейкон.

— Как это будет происходить?

— Ты ляжешь на койку, выберешь удобный угол для головы, наденешь это. — Мейкон указал на контроллер. — Закроешь глаза. Мы будем рядом на случай, если понадобится.

— Понадобится что?

Он показал на желтое пластиковое ведро с еще не отклеенными мегамартовскими этикетками:

— Поначалу может тошнить. Что-то связанное с внутренним ухом. Фантомное внутреннее ухо, сказала она, но думаю, она упростила для нашего понимания. Ты натощак?

— По случайности. Жрать хочу страшно.

— Сбегай в туалет, и тронемся, — сказал Мей-

кон.

— Тронусь я одна.

— Знаю. И завидую по-черному.

— Хочешь такую же корону?

— Любопытно до жути.

— Я тебе расскажу.

— По ходу дела ты ничего рассказать не сможешь. Пока эта штука работает, ты будто в сонном параличе, только искусственном.

— Это как мы не можем пораниться, когда нам снится, словно мы что-то делаем?

Флинн видела такое в эпизоде «Чудес науки», кроме того, ей самой частенько снились кошмары.

— Да. Беги в туалет. Уже пора.

Она вышла из трейлера. Бертон и Карлос стояли футах в пятнадцати от входа. Флинн показала им средний палец, вошла в сортир (света там не было совсем), пописала, сыпанула кедровых опилок, надеясь, что не попала в темноте на сиденье, вышла, протерла руки антисептиком и вернулась в трейлер, не обращая внимания на Бертона и Карлоса. Закрыла за собой дверь.

Мейкон и Эдвард смотрели на нее.

— Разувайся, — сказал Мейкон.

Она села на кровать, Мейкон бережно отодви-

нул от нее контроллер. Снимая кроссовки, Флинн получше рассмотрела обруч. Он был стильный, как все, что делал Мейкон, стильный, как ее телефон, без лишних прибамбасов, если не считать той сахарно-рождественской глазури, которую на него нафабили. Эдвард пытался удобнее пристроить подушку Бертона.

— А еще подушек нет? — спросил он.

— Нет, — ответила Флинн. — Сложи ее пополам. Их логин у вас есть?

— Да. — Мейкон достал пластиковую трубочку, показал Флинн логотип «Фарма-Джона». — Будет круто.

— Все это обещают, — сказала она; Мейкон набрал соляной пасты на палец. — Смотри, чтобы в глаза не попало.

Он мазнул ей лоб прохладной влажной пастой, будто в каком-то странном и потенциально нежеланном благословении. Потом взял контроллер:

— Убери волосы со лба.

Флинн послушалась, и Мейкон опустил контроллер ей на лоб:

— Плотно прилегает?

— Вроде да. Только давит. Спереди.

— Мы так думаем, что настоящая штука должна весить как одноразовые солнцезащитные очки,

но мы отпечатали что можно было за такое короткое время на наших принтерах. Нигде не жмет?

— Нет.

— Отлично. Значит, тяжелый? Я буду придерживать его, а ты ложись, медленно. Эдвард поправит подушку. Готова? Начали.

Флинн легла на спину и вытянула ноги.

— Не подноси руки к голове, не трогай лицо, чтобы не задеть провод, хорошо? — сказал Мейкон.

— Хорошо.

— Питание идет от нашего аккумулятора.

— Зачем?

— Тоже доктор прописал.

Флинн, не поворачивая головы, перевела взгляд на Эдварда, потом обратно на Мейкона.

— Ну? — спросила она.

Мейкон крепко стиснул ее правое запястье и сказал:

— Если что-нибудь пойдет не так, мы сразу все отрубим. Мы встроили несколько простейших датчиков, от себя. Жизненно важные функции.

Он выпустил ее руку.

— Что я должна делать?

— Закрой глаза и считай от пятнадцати назад. Примерно на десяти тряхнет.

— Тряхнет?

— Так она сказала. Не открывай глаза, считай до нуля. Потом открой их. Если мы увидим, что ты их открыла, значит не сработало.

— Ладно, только ждите, пока я не скажу: «Начали».

Задержав дыхание, Флинн глянула вверх и вправо: окно, стена. Вверх: потолок, светящиеся трубочки в полимере. В сторону ног: дисплей Бертона, Эдвард. Влево: Мейкон, за ним закрытая дверь.

— Начали, — сказала она, закрывая глаза — Пятнадцать. Четырнадцать. Тринадцать. Двенадцать. Одиннадцать. Десять.

Чпок.

Цвет как гаптические шрамы у Бертона, только Флинн ощущала его вибрацией в зубах.

— Девять. Восемь. Семь. Шесть.

Не сработало. Ничего не происходило.

— Пять. Четыре. Три.

Надо сказать ребятам, что ничего не вышло.

— Два, один, ноль.

Она открыла глаза.

Плоский потолок уехал вверх, лакированный, на шесть футов выше, чем в трейлере. Комната поплыла, стала другой, вес короны исчез, в жи-

воте все перевернулось. Глаза женщины, близко, двоятся.

Флинн не помнила, как села. Она увидела свои руки. Нет, не свои. Чужие.

— Если понадобится, — сказала женщина, держа круглый стальной контейнер. — В тебе нет ничего, кроме воды.

Флинн нагнулась над контейнером, увидела в зеркальном дне чужое лицо. Застыла. Чертыхнулась. Чужие губы двигались, пока она произносила слово.

— Что за хрень? — спросила она и спрыгнула с кровати.

Не с кровати. С мягкой полки. И еще рост — Флинн теперь была выше.

— Что-то не так. — Говорила она, но голос был не ее. — Цвета…

— Ты получаешь входящую информацию от антропоморфного дрона. Аватара с эффектом присутствия, — сказала женщина. — Тебе не надо контролировать его сознательно, так что даже не старайся, все равно не получится. Сейчас мы его подстраиваем под тебя. Контроллер Мейкона не идеален, но работает.

— Ты знаешь Мейкона?

— Виртуально, — сказала женщина. — Меня

зовут Тлен.

— Твои глаза…

— Контактные линзы.

— Слишком много цвета… — Флинн имела в виду собственное зрение.

— Извини, — ответила женщина. — Это мы не учли. Твоя периферальная — тетрахромат.

— Что?

— Она видит больше оттенков, чем ты. Но мы нашли, где это регулируется, так что подстроим тоже. Коснись лица.

— Мейкон велел этого не делать.

— Тут другое.

Флинн подняла руку, тронула свое лицо не думая:

— Черт…

— Отлично. Настройка идет успешно.

Снова, теперь двумя руками. Ощущение, будто трогаешь что-то, что не совсем здесь.

Она подняла глаза. В потолке из светлого полированного дерева неярко горели маленькие встроенные светильники, круглые, в стальных ободках. Комната была совсем крохотная, больше в высоту, чем в ширину. У́же «Эйрстрима». Стены — из того же дерева. В дальнем конце, у открытой двери, стоял мужчина в темной рубашке и

пиджаке.

— Здравствуй, Флинн, — сказал он.

— Работа с персоналом, — ответила она, узнав его.

— Похоже, тебе это не понадобится, — сказала женщина по имени Тлен.

Она поставила стальной контейнер на мягкую полку, на которой проснулась Флинн. Проснулась? Прибыла?

— Хочешь поговорить сейчас с Мейконом? — продолжала Тлен.

— Как?

— По телефону. Он беспокоится. Я сказала ему, что все хорошо, но лучше бы ты повторила это сама.

— У тебя есть телефон?

— Да. И у тебя тоже.

— Где?

— Точно не знаю. Это не важно. Смотри.

В поле зрения Флинн появился маленький кружок. Как бляшка в Хоме. Белая, с гифкой бегущей антилопы или кого-то в таком роде, штриховым рисунком. Флинн повела глазами. Кружок с гифкой тоже сдвинулся.

— Что это? — спросила она.

— Мой телефон. У тебя тоже такой есть. У меня

на проводе Мейкон. Теперь я открываю трансляцию…

Справа от гифки возник второй кружок, больше. Флинн увидела Мейкона перед дисплеем Бертона.

— Флинн! Это ты?

— Мейкон! Рехнуться можно!

— Что ты делала до того, как мы тебя подключили? — хмурясь, спросил он.

— Бегала поссать.

Мейкон широко улыбнулся:

— Вау… — Он все так же с улыбкой покачал головой. — Привет тебе из ЦУПа!

— Он видит то же, что я, — пояснила Тлен.

— Ты там норм? — спросил Мейкон.

— Вроде да.

— Мы еще свяжемся с тобой, Мейкон, — сказала Тлен, — но пока нам надо поговорить с ней.

— Сгоняй кого-нибудь в дом мне за сэндвичем, — попросила Флинн Мейкона. — Я буду голодная как зверь.

Мейкон улыбнулся, кивнул, сжался в точку, исчез.

— Можно перейти в мой кабинет, — сказал мужчина.

— Пока рано, — ответила Тлен. Она тронула

полированную стену: панель отъехала вбок.

Унитаз, раковина, душ — все стальное. Зеркало. Флинн шагнула к нему.

— Блинский блин, — сказала она, глядя на отражение. — Кто это?

— Мы не знаем.

— Это… машина?..

Флинн потрогала… себя? Живот. Грудь. Снова глянула в зеркало. Французская девушка из «Операции «Северный ветер»»? Нет.

— Это должен быть кто-то, — сказала она.

— Да, — ответила Тлен, — хотя мы не знаем кто. Как ты себя чувствуешь?

Флинн тронула стальную раковину. Чужой рукой. Своей.

— Я ее чувствую.

— Мутит?

— Нет.

— Голова кружится?

— Нет. Почему у нее рубашка, как у меня, только из какого-то шелка? И мое имя вышито.

— Мы хотели, чтобы ты чувствовала себя привычно.

— Где мы? В Колумбии? — Она по голосу услышала, как мало верит в последнее слово.

— А вот это уже, так сказать, моя сфера дея-

тельности, — произнес мужчина у нее за спиной. Недертон, вспомнила Флинн. Уилф Недертон. — Идем в мой кабинет, там немного просторнее. Я попытаюсь ответить на твои вопросы.

Флинн повернулась к нему. Глаза у него были больше, чем ей помнилось по телефонному разговору. Как будто он увидел привидение.

— Да, — сказала Тлен, кладя руку на плечо Флинн. — Идем.

Ее рука, подумала Флинн, но чье плечо?

Она позволила Тлен вывести себя из комнаты.

Глава 42

Язык тела

Когда Тлен направила периферали к нему, Недертон осознал, что устройство стало совершенно другим: Флинн полностью изменила язык его тела. Лицо было не ее и в то же время ее.

Он поймал себя на том, что пятится по узкому — чуть шире его плеч — коридору. Из какого-чувства, отчасти похожего на страх, он не мог повернуться к периферали спиной.

Тлен раньше объяснила ему, что периферали под управлением ИИ выглядят людьми, поскольку их лица запрограммированы постоянно менять микровыражения и не остаются неподвижными. Без этого, сказала она, рядом с ними было бы очень тягостно находиться. Теперь, когда Флинн придавала периферали свои микровыражения, та преобразилась.

— Все в порядке, — услышал Недертон собственный голос, не понимая, говорит он себе или ей. Событие было куда страннее, чем он ожидал. Словное некое немыслимое рождение или пришествие.

Недертон, пятясь, вступил в каюту, и его обдало запахом цветов. Оссиан по просьбе Тлен убрал мониторы Зубова-деда и чемоданчики тоже (она считала, что они нарушают гармонию пространства), так что ваза стояла теперь на конце стола перед двумя креслами, которые Тлен выдвинула из пола. Они немного напоминали кресла в машине Лоубир, только были глаже, без потертостей.

— Это в твою честь, — сказала Тлен, указывая на цветы. — Мы не можем предложить тебе еду или выпивку.

— Я страшно хочу жрать, — ответила Флинн. Интонации были ее, голос — чужой. Глянула на Тлен. — Или не хочу? Я…

— Автономное просачивание, — сказала Тлен. — Это голод твоего тела. Периферaль его не испытывает. Она не ест, у нее нет пищеварительного тракта. А запах цветов ты чувствуешь?

Флинн кивнула.

— Краски более нормальные?

Флинн задумалась, два раза медленно, глубоко вдохнула, потом ответила:

— Раньше они резали глаза, теперь нет. Я вспотела.

— Ты вызвала в ней прилив адреналина. Следу-

ющие переходы будут не такими тяжелыми. Мы никак не могли облегчить тебе первый, только посоветовать, чтобы ты лежала с закрытыми глазами, на пустой желудок.

Флинн медленно повернулась, оглядывая комнату:

— Такая же аляповатая, только мне казалось, она больше. А где вестибюль?

— В другом месте. Хочешь сесть?

Флинн, не обращая внимания на последние слова Тлен, подошла к окну. Они с Недертоном поспорили, оставлять ли шторы открытыми. В конце концов Тлен отправила Оссиана в свой рабочий угол, а шторы опускать не стала. Поскольку в гараже никто не двигался, арки фосфоресцировали совсем слабо. Флинн легонько нагнулась и выглянула в окно. Ближайшая арка это почувствовала, запульсировала слабым зеленоватым светом. Наверное, Флинн увидела машины Зубова-отца, потому что спросила:

— Парковка? Мы в кемпере?

— В чем? — переспросил Недертон.

— В доме на колесах. — Она вертела головой, пытаясь увидеть больше. — Ваш офис в доме на колесах?

— Да, — ответил Недертон, не зная, какое впе-

чатление это на нее произведет.

— Я попала сюда из трейлера, — сказала она.

Рекламный ролик к фильму, вспомнил Недертон:

— Извини?

— Жилой автофургон, — пояснила Тлен. — Пожалуйста, сядьте, вы оба. Мы попытаемся ответить на твои вопросы, Флинн.

Она села, оставив Флинн место поближе к цветам.

Недертон опустился за мраморно-золотой стол, жалея, что этот гангстерский шик нельзя куда-нибудь спрятать.

Флинн последний раз глянула в окно, почесала затылок — жест, который Недертон не мог представить у периферали, — и втиснулась в свободное кресло: колени подняты и широко расставлены. Она подалась вперед, уставилась на свои ногти, потом тряхнула головой и сказала:

— Я гамала для одного богатого чувака. Чисто ради денег. Чувак, против которого мы играли, был редкая сволочь, но это просто совпадение. Их обоих выигрыш-проигрыш не колыхал, в смысле бабок. Не то что нас. Для них это было хобби. Зажравшиеся придурки. Держали пари, кто победит. — Она посмотрела на Недертона.

Все его умение убалтывать — весь этот сложный механизм вкрадчивых речей не находил зацепки в ее словах и беззвучно проворачивался вхолостую.

— Говорите, вы не лепилы. — Она глянула на Тлен. — Охранная служба в игровой компании. Но если это не игра, зачем кто-то отправил тех парней нас убить? Не только Бертона, всех нас. Включая мою мать. — Она снова глянула на него. — Откуда вы знали, какой номер выиграет в лотерею, мистер Недертон?

— Уилф, — сказал он. Прозвучало не столько как имя, сколько как неловкое откашливание.

— Мы не знали, — поправила Тлен. — Твой кузен купил билет, твой брат сообщил нам номер. Затем мы вмешались в механизм выбора и сделали так, чтобы этот номер выиграл. Никаких магических предсказаний. Просто большее быстродействие компьютеров.

— Вы прислали адвоката из Клэнтона, с мешками денег. Ему вы тоже устроили выигрыш в лотерею?

— Нет, — ответила Тлен и с досадой взглянула на Недертона, словно спрашивая: почему я выполняю твою работу? Справедливый упрек.

— Это не твой мир, — сказал он.

— А что же? — спросила Флинн. — Игра?

— Будущее, — ответил Недертон, чувствуя себя ужасно глупо, и под влиянием порыва добавил год.

— Ерунда.

— Однако это не твое будущее, — продолжал он. — Вступив в контакт, мы направили твой мир, твою вселенную, или как там это называется…

— Континуум, — подсказала Тлен.

— …на другой путь, — закончил он.

Ему в жизни не случалось произносить слов, которые звучали бы так нелепо. Притом что, насколько он знал, они были полнейшей правдой.

— Как?

— Мы не знаем.

Флинн завела глаза к потолку.

— Мы обращаемся к некоему серверу, — объяснила Тлен. — Мы абсолютно ничего о нем не знаем. Ты можешь подумать, что мы уходим от ответа, но просто это то, чем здесь некоторые занимаются. Примерно как… — взгляд в сторону Недертона, — твои два зажравшихся придурка.

— Зачем вы наняли моего брата?

— Идею предложил Недертон. Может быть, он и объяснит? А то он что-то необычно молчалив.

— Я думал, это позабавит мою знакомую… —

начал он.

— Позабавит? — нахмурилась Флинн.

— Я понятия не имел, во что все выльется.

— На самом деле это правда, — сказала Тлен. — Он был в куда худшем положении, чем тогда догадывался. Пытался произвести впечатление на женщину, с которой у него был роман, поэтому предложил ей услуги твоего брата.

— Но на нее это впечатления не произвело. И она отдала его, вернее, услуги своей сестре.

Недертон был теперь в свободном падении. Все умение заговаривать людям зубы его покинуло.

— Ты, возможно, видела убийство ее сестры, — сказала Тлен.

У периферали расшились глаза:

— Это было на самом деле?

— «Возможно»? — переспросил Недертон.

— Флинн что-то видела, — ответила Тлен, — но мы не знаем точно, что именно.

— Съели ее, — сказала Флинн. Капелька пота стекла по лбу на бровь. Флинн вытерла его сгибом локтя — еще один жест, который Недертон не мог представить у периферали.

— Если ты задумаешься, как находишься здесь сейчас, виртуально и в то же время физически, ты поймешь, отчего мы не знаем точно, что именно

ты видела, — сказала Тлен.

— Ты сбиваешь ее с толку, — вмешался Недертон.

— Я пытаюсь ее акклиматизировать, чего ты делать пока не начал.

— Где мы? — спросила Флинн.

— В Лондоне, — ответил Недертон.

— В игре?

— Никакой игры изначально не было, — сказал Недертон. — Мы сказали твоему брату про игру, потому что так было проще объяснить.

— А это все где? — Она обвела рукой каюту.

— В Ноттинг-Хилле, так называется район, — ответила Тлен. — В гараже под домом. Вернее, под несколькими соседними домами.

— В Лондоне с небоскребами?

— Шардами, — сказал Недертон. — Мы зовем их шардами[482].

Она встала — периферал с плавной, но на удивление мощной грацией распрямилась из неудобного положения.

— Что там за дверью? — спросила она, указы-

[482] Примечания: 482

The Shard («Осколок») — небоскреб в виде облицованной стеклом пирамиды, самый высокий в Лондоне (309 м) и второй по высоте в Европе. Выстроен в 2012 г., несмотря на многочисленные протесты общественности, считавшей, что он безнадежно изуродует облик города.

вая рукой.

— Гараж, — ответила Тлен. — С коллекцией исторических автомобилей.

— Дверь заперта?

— Нет, — сказала Тлен.

— Что-нибудь здесь может убедить меня, что мы в будущем?

— Давай покажу кое-что.

Тлен встала, жесткий материал комбинезона пошел складками. Она расстегнула молнии от запястья до локтя на обоих рукавах и быстро их закатала. Штриховые рисунки пустились наутек.

— Они в панике, потому что ты им незнакома, — объяснила Тлен, продела палец в алюминиевое кольцо центральной молнии, у горла, и потянула.

Под лифчиком из многоярусного черного кружева испуганно жались вымершие животные, черные графические штрихи мельтешили на белой коже. При виде Флинн они умчались снова — на спину, решил Недертон. Тлен застегнула сперва главную молнию, потом оба рукава:

— Сойдет за доказательство?

Флинн, глядя круглыми глазами, кивнула.

— Можно мне выйти? — спросила она.

— Конечно, — ответила Тлен. — И кстати, это

не линзы.

Недертон, поймав себя на том, что не шелохнулся, возможно, даже не дышал с тех пор, как Флинн встала, толкнулся ладонями от мраморной с золотом столешницы.

— Как мне убедиться, что это не игра? — спросила Флинн. — По меньшей мере в половине игр действие происходит в будущем.

— Тебе платили за них крупные суммы? — задал Недертон встречный вопрос.

— Я играла не за «спасибо», — ответила Флинн, открывая дверь.

Он успел опередить Тлен, правда ушибившись боком об угол стола. Флинн стояла на трапе и глядела на ближайшую арку, которая засветилась при ее появлении.

— Что это? — спросила Флинн.

— Генно-инженерный продукт на основе морских животных. Активируется движением.

— У моего брата на войне был спрут-костюм. Камуфло по типу каракатицы. А это что? — Она указала на белую человекообразную глыбу экзоскелета.

— Это твое.

— Мое?

— Твоей периферали. Тренажер. Его надевают.

Флинн повернулась к Недертону, приложила ладонь к его груди и легонько толкнула, словно проверяя, настоящий ли он.

— Не знаю, заорать или обделаться, — сказала она. И улыбнулась.

Дыши, напомнил он себе.

Глава 43

Отъезд на отдых

Рот у нее был полон свиной вырезкой с чесночным майонезом на белой хрустящей булке.

— Не подавись, — посоветовала Дженис, сидя рядом на койке Бертона. — Обидный был бы финал твоим неведомым приключениям. Запить?

Она протянула Флинн черную фляжку с логотипом «Су-27».

Флинн прожевала свинину, запила водой и вернула фляжку.

— Это тело, — сказала она. — В него встроен телефон. Как виза, только где-то внутри. Включение-выключение и менюшки на нёбе, как клавиатура.

— У тебя язык куда острее моего.

— На самом деле — просто крошечный магнит, на самом кончике.

Тогда, в будущем, она снова отсчитала до нуля, испытала на десяти совсем легкую встряску и открыла глаза в «Эйрстриме». Бертон, Мейкон, Эдвард и Дженис — все смотрели на нее. Шея затекла, есть хотелось зверски.

— Ты снова туда отправишься? — спросила сейчас Дженис. — Сегодня вечером?

Флинн откусила еще сэндвича, кивнула.

— Может, тогда не съедать сейчас всё? Они говорили, тебя может стошнить.

Флинн прожевала, проглотила:

— Плохо только первый раз, потом, говорят, привыкаешь. Мне надо хорошенько наесться, чтобы пробыть там дольше.

— Почему называется «периферал»?

— Потому что это внешнее устройство. Типа как аксессуары.

— Анатомически точная?

— Не догадалась проверить.

— Выстави такую в «Мегамарте», весь округ подвалит. Даже фанаты винтажных авиатренажеров. Кроме стариков и религиозных. Мог бы Мэдисон такой управлять?

— Думаю, да.

— Красапеточка она, которую тебе дали. Мейкон показал мне скриншот. — Дженис улыбнулась. — Круто ты сказала Бертону и ребятам, что девушке надо прийти в себя.

— Еще как надо!

— Ты же не веришь, что это и вправду будущее? — спросила Дженис. Лицо совершенно

непроницаемое.

— Типа иначе меня пора в дурку везти?

— Типа да.

Флинн положила остатки сэндвича на пластиковую тарелку, на которой его принесла Дженис, и сказала:

— Может, все и правда. Мы поднялись из гаража в лифте в большой старинный дом. Потом вышли во дворик, ночью. И там были два тасманийских волка.

— Они вымерли, — сказала Дженис. — В одной серии «Чудес науки» их клонировали.

— Это не совсем они. Их вывели из ДНК тасманийского дьявола. Я чуяла запахи разных цветов, земли, слышала птиц. Они вроде как устраивались спать. Жуть.

— Почему жуть?

— Слышать птиц посередь города. Там слишком тихо.

— Может, просто ночь.

— Тихо, как здесь ночью.

— Так что это, по-твоему?

— Если игра, то не как другие. Может, совершенно новая платформа. Тогда понятно про деньги.

— Но не понятно, как они подтасовали лотерею штата.

— Они не говорили мне, что это игра. Они говорили, это будущее. Не совсем наше, потому что, как только они к нам влезли, прямо с первой минуты мы пошли куда-то не туда.

— Куда?

— Они говорят, что не знают. Не как путешествие во времени, которое в кино. Просто информация, оттуда сюда и наоборот. Минута там — минута здесь. Если бы я пробыла там неделю, здесь бы тоже прошла неделя.

— Зачем им это?

— Не знаю. Лев — все было в его доме, то есть на самом деле в другом доме его отца, — он типа Дуайта с «Операцией «Северный ветер»». Денег много, заняться нечем. Придумал себе такое хобби. Он платит Уилфу, Тлен и еще одному чуваку, чтобы они всем занимались, всеми деталями. А Уилф облажался из-за какой-то бабы, и кто-то еще пролез сюда, к нам, и нанял тех ребят из Теннесси убить всю нашу семью.

Дженис округлила глаза:

— Отъезд крыши на отдых.

— Хрен ей, а не отдых, — сказала Флинн. — Мы не знаем, в какую фигню мы влезли, но эта фигня уже завертелась, и в ней куча винтиков и шестеренок. Бертон считает, что управится. Он

договаривается с Корбеллом Пиккетом, выставляет условия Льву, и все из-за меня. В смысле, потому что я видела того гада. Может, я одна его и видела.

— Тогда первый пункт, — объявила Дженис, стискивая Флинн руку, — добиться для тебя права голоса.

Глава 44

Головоломка для мазохистов

Без Флинн периферaль занимала как будто меньше места. Она сидела в том же кресле и смотрела на Льва, который стоял, опершись на край стола.

— Отлично получилось, — заметил Лев, глядя поочередно на сидящих Недертона и Тлен. — Незаурядная девушка, а?

— Я разговаривал перед тем с Лоубир, — сказал Недертон, — и она согласилась, что стоит ненадолго выйти из дома.

Вообще-то, идея исходила от Лоубир, но визит Флинн прошел так удачно, что Недертон считал правильным приписать себе некоторую долю успеха. Правда, Флинн сама потребовала, чтобы они вышли наружу, однако именно Недертон, случайно глянув на вазу с цветами, предложил пойти в сад. Там они встретили Льва с Гордоном и Тиенной, удобрявшими функии своей дорогостоящей генно-модифицированной ДНК.

— Да. — Лев пристально глянул на Недертона. — Лоубир звонила мне, когда вы поднимались

на лифте.

— Она вернется, — сказала Тлен.

— Лоубир? — спросил Недертон.

— Твоя девушка-полтер. Мы ее заинтересовали. Хотя она не станет просто делать все, что мы велим. — Говоря, Тлен смотрела на Недертона.

— Верно.

— Ты вроде бы умеешь манипулировать людьми, — сказала Тлен. — Если честно, я пока не заметила.

— У меня бывают удачи, — ответил Недертон. — Результаты не всегда воспроизводимы. Кстати, я заметил, что у тебя это тоже отлично получается.

— Прекратите, — сказал Лев. — Тлен больше стратег, ты — тактик. Меня это вполне устраивает.

— Мне мешает отсутствие контекста, — пожаловался Недертон. — Пока ты не скажешь, чего хочет Лоубир и что она намерена делать, мне не с чем будет работать.

— Что она сказала тебе, когда звонила? — спросил Лев.

— Я поделился своим намерением рассказать Флинн, что это не игра. Лоубир одобрила, но поручила мне постепенно объяснить Флинн про срез.

Все, что знаю сам, а это, если не сильно ошибаюсь, немногим меньше, чем знаешь ты. Вы действительно не имеете представления, где сервер?

— Ни малейшего, — ответил Лев. — Мы предполагаем, что он в Китае или, по крайней мере, китайский, но это всего лишь наши догадки. У кого-то есть оборудование, позволяющее отправлять информацию в прошлое и принимать ее из прошлого. При первом контакте возникает новый континуум. А может, континуумы существуют и без того, несчетное количество, но это уже чисто теоретическая разница. Система, как бы она ни работала, тщательно зашифрована. Оссиан и Тлен не один месяц в нее пробирались, притом что им охотно помогали несколько любителей со стажем.

— Головоломка для мазохистов, — добавила Тлен.

— И все-таки, чего хочет Лоубир? — спросил Недертон, не особо рассчитывая на осмысленный ответ.

— Узнать, что случилось с Аэлитой и почему, — сказал Лев. — И кто виноват.

— Если ты любишь головоломки для мазохистов, — произнес Недертон, — все перечисленное можно вытянуть из Даэдры и ее приятелей, при

условии что они знают. Но я в такие игры не игрок.

Лев глянул на него внимательно, и Недертону очень не понравился этот взгляд.

Глава 45

Оттуда

— Я поговорю с Бертоном, — сказала Флинн, — а ты с Мейконом. Нужно прямо сейчас снять мерки головы и отпечатать.

— Что это тебе даст — вытащишь его туда? — спросила Дженис. — Серьезно, детка. Ты уходишь от решения.

— Я буду не одна. И мне нужен свидетель, кто-нибудь, кто подтвердит мою версию. Потом, если понадобится, мы сможем вдвоем надавить на Бертона.

— Поэтому ты и не захотела сразу с ним говорить?

— Да, наверное. Я просто импровизирую, Дженис.

— Оно и заметно.

Флинн взялась за ручку двери.

— Погоди секундочку, — сказала Дженис. — Костюмерный цех.

Она перебирала одежду Бертона на передней стенке «Эйрстрима» — по большей части вдрызг заношенное тряпье, которое тем не менее висело

идеально ровно на одинаковых мегамартовских плечиках. Дженис вытащила что-то длинное, лоснящееся, рыжевато-коричневое. Куртка, которую он надевал на турнире по смешанным единоборствам в Дэвисвилле прошлой зимой. Нейлоновый рипстоп с бордовыми лацканами и нафабленным на спине кричащим американским орлом. Типа боксерского халата. Флинн удивилась, что Бертон хранит куртку.

— Идеально, — объявила Дженис.

— Это?!

— Ты только что побывала в будущем, детка. Или в каком-то месте, которое выдают за будущее. Важное событие.

— Она мне велика, — пробурчала Флинн, надевая куртку.

Дженис плотнее запахнула на ней полы, завязала бордовый пояс, поправила узел.

— Как будто ты только что раздела морпеховского единоборца. Ничего лучше у нас все равно нет.

— Ладно, — сказала Флинн, — но ты уговоришь Мейкона.

— Не боись.

Флинн повернулась, расправила плечи, которые под курткой как будто пропали совсем, и

открыла дверь. Шквал аплодисментов.

В свете из открытой двери стоял Бертон, за ним Мейкон, Эдвард, Леон и Карлос. Леон свистнул в два пальца.

— В наших краях никогда ничего не происходит, — объявила Флинн и спустилась по лесенке.

— Это может измениться, — ответил Мейкон. — Помнишь, как я увидел тебя там?

— У них для тебя еще работа, — сказала ему Флинн и, слыша, что Дженис тоже спустилась, добавила: — Дженис тебе все объяснит. — Оглядела остальных и сообразила, что мало кто понимает происходящее, включая ее саму. — Нам с Бертоном надо поговорить. Мы вас на время бросим.

Она пошла по дорожке и остановилась, когда брат ее нагнал.

— Ну что, теперь готова? — спросил он тихо.

— Не могла говорить раньше. Разучилась говорить. И думать. Что-то у меня произошло с головой.

— Мейкон говорит, ты где-то побывала. Говорит, видел тебя в своем телефоне. Где ты была?

— Не в Колумбии. Они говорят, это будущее. Лондон. Который мы видели в игре.

— А по-твоему?

— Не знаю.

— Если ты была в трейлере, то как Мейкон мог видеть тебя в другом месте?

Она глянула на его освещенное луной лицо:

— Вроде робота. Мейкон видел. Но чувствуешь себя в нем как человек. Как дрон, только им управляешь не думая. То, что у меня на голове, в трейлере, они называют нейронным отсекателем. Не дает твоему телу реагировать, когда ты что-нибудь делаешь в периферали.

— В чем?

— В периферали. Так их называют. Роботов.

— Кто называет?

— Тлен, та, которая говорила с тобой первой, она работает на Льва. Я думаю, он русский, но вырос в Англии.

— И что они говорят, когда это? — спросил Бертон.

Флинн ответила.

— Через семьдесят лет? И насколько оно отличается?

— Ты сам видел, — сказала Флинн. — Отличается, но не сильно. А может, сильно, но не все видно.

— Ты им поверила?

— Что-то в этом есть.

— У них много денег. — Интонация была не

вопросительная, но Флинн чувствовала: Бертону не хочется услышать «нет».

— Дофигища, насколько я поняла, но сюда их никак не переправить. Зато они придумывают, как выигрывать здесь на бирже.

— Потому что заранее знают, что произойдет?

— Говорят, нет. Они тратят деньги у себя на людей, которые придумывают, как делать деньги здесь, а проворачивают всё сольветровские адвокаты на месте. Информация оттуда влияет на события у нас. Им не надо знать будущее, чтобы размазать наших биржевиков по полу. Просто они всегда могут точно узнать про нас все, что им нужно. Их компы на семьдесят лет быстрее наших.

— О'кей, — сказал Бертон, и в его глазах вроде бы сверкнули морпеховские быстрота, решимость и натиск, а может, собственный способ видеть. Потому что он отсек все невероятное и сосредоточился на тактике.

Флинн вдруг поняла, насколько это странный вывих мозга, чисто бертоновский, и на долю секунды задумалась, нет ли у нее такого же.

— Ищи, кому выгодно, — сказал он. — Зачем им это?

— Вот тут начинается жопа.

— А все остальное не жопа? — Он сощурил глаза, как будто сейчас рассмеется ей в лицо.

— Для Льва это была типа игра. Мы не их прошлое. Мы идем куда-то в другую сторону, потому что они вмешались. На их мир не влияет то, что происходит здесь сейчас или будет происходить. И все равно это дело вышло им боком. Потому что я видела, как убили ту женщину. И видела чувака, который знал, что ее убьют. Специально вывел на балкон, чтобы та штука ее съела. И теперь кто-то оттуда здесь.

— Здесь?

— Сейчас. В нашем времени.

— Кто?

— Кто нанял тех парней из Мемфиса, чтобы нас убить.

— А что в этом Льву? Он ведь по-прежнему командует?

— Не знаю. Сейчас вернусь туда и попробую выяснить.

— Сейчас?

— Вот только сбегаю в человеческий сортир, где можно спустить воду, и сразу надену шапку Белоснежки. Дженис принесла мне сэндвич и воды, так что я не умру с голоду, пока там у них. После этого у нас будет больше материала. Ниче-

го не делай пока, ладно? Все и без того запутано черт-те как. Просто не пускай на участок никого, кроме самых близких. Никого, понял? Мы слишком мало знаем, и как-то действовать пока рано.

Бертон глянул на нее.

— Легкий Лед… — сказал он, и в лунном свете было видно, как его передернула гаптическая дрожь. И тут же прошла.

— Где Коннер? — спросила Флинн.

— У себя дома.

— Вот и отлично. Скажи ему, пусть там и сидит.

— Беги в свой человеческий сортир. Никто тебя здесь не держит.

Глава 46

Виды

Недертон наблюдал, как перифераль открыла глаза. Тлен заранее уложила ее обратно на койку в дальней каюте и приглушила свет.

— О'кей, — неуверенно протянула она. Потом: — Неплохо.

— Добро пожаловать назад, — сказал Лев из-за плеча Недертона.

— Как тетрахромия? — спросила Тлен.

— Я уже не помню, как это было, — ответила Флинн, — только что мне не понравилось.

— Попробуй сесть, — предложила Тлен.

Флинн села, склонила голову набок, тронула ее, замерла:

— Моя стрижка. Видела в прошлый раз в зеркале, но не сообразила. Ваших рук дело?

— Парикмахер был в полном восхищении, — ответила Тлен. — Полагаю, он будет ее копировать.

— Это Карлота, она лучшая, — сказала Флинн. — Живет на Марианских островах, держит бот-кресло в «Мегапричесоне». Следит, чтобы мы не отстали от моды.

— Значит, телеприсутствие для вас не новость, — заметил Лев.

— У нас, на Диком Западе, это называют «пойти подстричься», — ответила Флинн, сверкнув на него глазами. Она встала.

— Мы хотели показать тебе кое-что интересное, — сказал Лев.

Он повернулся за спиной у Недертона и пошел по коридору. Недертон смущенно улыбнулся Флинн и двинулся вслед за Львом, Тлен — за ним.

— Где ваши собаки? — спросила Флинн позади них. В узком коридоре ее голос прозвучал особенно громко.

— Наверху, — ответил Лев, обернувшись, когда она вошла в большую каюту.

Недертон смотрел, как Флинн все трогает: ведет пальцем по лакированному шпону. Постукивает костяшками пальцев по дверной ручке. Видимо, проверяет органы чувств периферали.

— Мне они понравились. Было видно, что не собаки, но из той же оперы. — Она коснулась черных штанов. — Почему от этой одежды такое чувство, будто ты в трениках?

— Она без швов, — ответила Тлен. — Наружные швы декоративные, дань традиции. То, что на

тебе, сделали ассемблеры. Сразу целиком.

— Сфабили, — подытожила Флинн. — Не обижайся, но если у тебя не линзы, то что? Какая-то болезнь?

— Модификация. Своего рода визуальная шутка на тему мифического заболевания *pupula duplex*. Обычно его описывают как двойную радужку, но я выбрала буквальный вариант.

— И как при этом все выглядит?

— Я редко использую нижнюю пару. Она видит в инфракрасном диапазоне, что удобно в темноте.

— А ничего, что я все время спрашиваю? Я же тут ничего не знаю. Может, ты с ними родилась. Или у тебя такая секта. Откуда мне знать? А вот насчет бегающих тату я вроде как поняла.

— Спрашивай, конечно, — ответила Тлен.

— Где телефон, здесь? — Флинн подняла руки. — Я пыталась объяснить подруге.

— Я могу спросить у «Гермеса», — сказал Лев. — Впрочем, компоненты очень маленькие и распределены по телу. Я не смогу ответить, где мои, не сверившись с медицинской картой. У моего двоюродного брата часть как-то воспалилась, пришлось менять. В основании черепа. Хотя их могут вживить куда угодно. — Он оперся на край

стола. — Хочешь посмотреть Лондон? Сейчас над домом вертолет, такой же, каким ты управляла для нас. Советую сесть.

— Можно, я им поуправляю?

— Позволь нам показать тебе виды, — с улыбкой проговорил Лев.

Флинн перевела взгляд на Тлен, потом на Недертона, сказала: «О'кей» — и села.

Тлен заняла другое кресло, Недертон встал рядом со Львом у края стола, радуясь, что не сидит на начальственном месте.

— Во второй раз это не было для тебя таким потрясением, — заметил он.

— Мне было невтерпеж попасть сюда снова, — ответила Флинн. — Только я не обязательно буду во все верить, о'кей?

— Разумеется, — ответил Лев.

Недертон поймал себя на том, что улыбается глупейшим образом. Тлен с усмешкой скосила на него двойные зрачки. Потом повернулась и заговорила с Флинн:

— Сейчас ты увидишь мою эмблему.

Флинн кивнула. Недертон тоже увидел эмблему Тлен. Следом появились эмблемы Льва и Флинн — последняя была без рисунка.

— Я открою трансляцию, — сказала Тлен. —

Полное бинокулярное зрение.

Каюта сменилась туманным утренним Лондоном с птичьего полета. Остроугольные ледышки шардов торчали среди плотного лабиринта старых улочек, разреженных променадами, по которым Недертон катался в детстве, и густыми лесами на месте снесенных зданий, портивших городской ландшафт. Бледное солнце отражалось в стеклянном покрытии очищенных и выведенных на поверхность рек, Темзу испещряли плавучие острова, опять на каком-то другом месте: подводные лопасти перемещали их так, чтобы полнее использовать силу течения.

— Черт, — проговорила Флинн. Зрелище явно произвело на нее впечатление.

Тлен полетела к Хэмпстеду, куда родители в десять лет водили Недертона на день рождения одноклассника. Праздник проходил в керамической трубе под ажурной железной скамьей. Узкий тоннель освещали гирлянды цветных фонариков, мыши в забавных костюмчиках пели, танцевали и разыгрывали поединки на шпагах. Руки у его гомункула были грубые, полупрозрачные, примерно как у мусорщиков. Пока Недертон все это вспоминал, Тлен рассказывала Флинн о гидротурбинах, приводимых в движение вос-

становленными реками. Однако она обходила молчанием то, что было раньше, — ужасы, тьму.

Недертон кончиком языка провел по нёбу, выключил трансляцию и вернулся в гобиваген. Наблюдать за Флинн было куда интереснее.

— А где все? — спросила она. — Людей совсем нет.

— Это довольно сложно, — ровным голосом ответила Тлен, — но с такой высоты ты бы никого не разглядела.

— И машин почти нет, я еще раньше обратила внимание.

— Подлетаем к Сити, — сказала Тлен. — Чипсайд. Вот тебе и толпы.

Однако это не люди, подумал Недертон, наблюдая за лицом Флинн.

— Косплейная зона, — пояснил Лев. — Тысяча восемьсот шестьдесят седьмой. Нас бы оштрафовали за вертолет, если бы он не вуалировался или был слышен.

Недертон щелкнул языком по соответствующему участку нёба и вернул трансляцию Тлен. Они висели над утренним уличным затором: кебы, двуколки, ломовые телеги, все на конной тяге. У старших Зубовых, деда и отца, были собственные лошади, на которых они, по слухам, даже ката-

лись, хотя, разумеется, не в Чипсайде. В детстве мать водила его по здешним лавкам. Серебряная посуда, духи, шали с каймой, приспособления для вдыхания табака, толстые часы, оправленные в золото и серебро, мужские шляпы. Он дивился, как обильно лошади роняют навоз, который тут же сметали прыткие мальчишки, младше его. Такие же ненастоящие, как лошади, они тем не менее казались совершенно живыми и пугающими в том рвении, с которым, ругаясь на чем свет стоит, шаркали короткими щетками между ногами у лошадей. Люди в цилиндрах, про которых мама сказала, что это банкиры, поверенные, коммерсанты и биржевые маклеры, вернее, их симулякры, торопливо шагали под живописными вывесками: «Обувь», «Фарфор», «Кружево», «Страхование», «Стекольная мастерская». Вывески зачаровывали маленького Недертона, и он, идя за руку с матерью, в обязательной неудобной одежде, режущей под мышками, старался защелкать их все. Отчаянные мальчишки с криками «Разойдись!» бегом катили тачки и пропадали в темных дворах, откуда несло вонью, такой же аутентичной, как конский навоз. Мама для этих прогулок надевала коричневое платье с узким лифом и длинной, подметавшей мостовую широ-

кой юбкой, узкий жакет и невероятную шляпку. Ей это все было совершенно неинтересно, она просто считала, что должна водить ребенка сюда, и, может быть, ее неприязнь еще усилилась в нем, превратившись с годами в стойкое отвращение.

— Ну надо же! — проговорила Флинн.

— Это ненастоящее, — сказал Недертон. — Разработано по архивным материалам. Среди тех, кого ты видишь, почти нет людей, а те, что есть, — туристы или школьники на уроке истории. Вечером иллюзия полнее.

По крайней мере, меньше раздражает, подумал он про себя.

— Лошади ненастоящие? — спросила Флинн.

— Да, — ответила Тлен. — Лошади теперь редки. С другими домашними животными у нас получилось лучше.

Пожалуйста, не начинай, взмолился про себя Недертон. Лев, наверное, подумал о том же, потому что сказал:

— Мы доставили тебя сюда, чтобы кое с кем познакомить.

Они начали снижаться.

Недертон увидел Лоубир, в юбке и жакете, примерно как были у его матери. И она смотрела вверх.

Глава 47

Субординация

Посреди движущегося леса черных цилиндров стояла седая женщина с очень яркими голубыми глазами. Прохожие, судя по всему, ее не видели, как не видели и аппарат, которым управляла Тлен и про который Лев сказал, что он завуалирован, хотя ощущали завихрения воздуха и каждый на ходу поднимал руку придержать цилиндр. Они обходили женщину, а та стояла, глядя вверх на то, чего они не видели, и рукой в серой перчатке придерживала шляпку.

Рядом с бляшками Уилфа, Льва и Тлен появилась еще одна: золотая корона — силуэтом на бежевом фоне. Остальные потускнели.

— Сейчас мы в приватном режиме, — сказала женщина. — Другие нас не слышат. Я инспектор Эйнсли Лоубир из Лондонской полиции.

Ее голос звучал у Флинн голове, шум толпы и скрип колес сделались тише.

— Я Флинн Фишер. Это из-за вас я здесь?

— Ты здесь из-за себя самой. Если бы ты не согласилась подменить брата, то не стала бы

свидетельницей преступления, которое я расследую.

— Извините, — ответила Флинн.

— Не стоит извиняться. Наоборот, без тебя у меня бы не было ничего. Раздражающее отсутствие каких бы то ни было улик. Тебе страшно?

— Иногда.

— Нормально в таких обстоятельствах, насколько их можно назвать нормальными. Ты довольна своей пери?

— Чем?

— Периферальюю. Я выбирала ее сама и, боюсь, в большой спешке. Мне почудилась в ней некоторая поэзия.

— Зачем вы хотели со мной поговорить?

— Ты наблюдала крайне неприятное убийство. Видела лицо человека, который мог быть организатором или сообщником.

— Я так и думала, что по этой причине.

— Неустановленное лицо либо лица пытались убить тебя в твоем родном континууме, предположительно с целью устранить свидетеля. Я была шокирована, когда узнала, что покушение на твою жизнь не составляет здесь преступления, поскольку наши ведущие юристы не признают тебя реальной.

— Я такая же реальная, как вы.

— Безусловно. Однако люди, которые на тебя покушались, без колебаний убили бы тебя или кого-либо другого здесь, сейчас и когда угодно. Люди такого сорта — моя забота. — Ярко-голубые глаза, очень холодные. — Однако и ты — моя забота. Я за тебя отвечаю, но в несколько другом смысле.

— Почему?

— За мои грехи, наверное. — Она улыбнулась, но ее улыбка не успокаивала. — Тебе следует знать, что Зубов нарушит экономику твоего мира.

— Она уже и так в жопе, — ответила Флинн и тут же пожалела, что не выбрала другое слово.

— Я ее представляю, так что да, ты права, хотя я говорила о другом. Мне не нравится то, чем занимаются континуумисты, включая Зубова, хоть я и нахожу это крайне увлекательным. В определенном смысле ты реальнее меня.

— Как так?

— Я настолько стара за счет такого числа искусственных ухищрений, что сама не ощущаю себя вполне реальной. Однако, если ты согласишься мне помочь, я помогу тебе, насколько в моих силах.

— У вас есть мужской вариант этой штуки? Периферали?

Инспектор подняла нарисованные брови:

— Ты хочешь мужскую?

— Нет. Я не хочу быть единственной, кто здесь был и все видел. Мне нужен человек, который подтвердит мои слова, когда я вернусь и расскажу, что тут происходит.

— Я уверена, что Зубов сможет это устроить.

— Вы ищете того, кто отправил серый рюкзак ее убить, верно? И гада, который вывел ее на балкон?

— Именно так.

— Я дам показания. Когда дело дойдет до суда. При любом раскладе.

— Суда не будет. Только наказание. Но все равно спасибо.

— Только вторая периферaль мне все равно нужна. И поскорее. Договорились?

— Считай, что ты ее получила, — сказала Лоубир.

Другие эмблемы зажглись, слух заполнили чипсайдские шумы, и теперь к ним добавился низкий перезвон церковных колоколов.

— Мы закончили разговор, — объявила Лоубир. — Спасибо, что привезли ее сюда. До

свидания!

Чипсайд сжался до размеров бляшки, уменьшился еще, исчез. Флинн заморгала, глядя через стол на Льва. Было ясно, что он ее видит и Уилф тоже, а вот странный взгляд Тлен упирался в голую полированную стену.

— Да, инспектор, я даже знаю, кажется, где ее можно взять. Да. Конечно. Я поговорю с мистером Зубовым. Спасибо. — Она повернулась ко Льву, теперь уже видя его. — Спарринг-партнер вашего брата. Ваш отец держит его в Ричмонд-Хилле, чтобы периодически напоминать Антону о прежних выходках?

— Более или менее так, — ответил Лев, косясь на Флинн.

— Попросите прислать его в машине. Он нужен Лоубир здесь.

— Зачем?

— Я не спросила. И вы бы не спросили. Она сказала, что нам нужна мужская периферaль, как можно скорее. Я вспомнила про ту.

— Да, наверное, так проще всего. Для кого она? — Лев глянул на Флинн.

— Туалет в хвосте машины? — спросила она.

— Да.

— Извините меня. — Флинн встала.

В узком совмещенном санузле за дальней комнатушкой она закрыла за собой дверь и посмотрела в зеркало. Расстегнула черную рубашку, нашла лифчик, которого раньше не чувствовала, и груди чуть больше своих. Не ее, и это успокаивало. Как и маленькая черная родинка над левой ключицей. Именно ради этого и понадобилось смотреть, осознала Флинн, застегивая рубашку, хотя понимание пришло задним числом.

Интересно, хочет ли периферал пи́сать? Флинн прислушалась к своим ощущениям и решила, что не хочет. Она пьет воду, сказала Тлен, но не ест. Тот, кто ее стриг, не посрамил Карлоту.

Флинн открыла дверь и вернулась в комнату, которую Недертон тогда давно выдавал за офис «Милагрос Сольветры». Уилф и Лев ушли. Тлен стояла у окна и смотрела наружу.

— Куда они ушли? — спросила Флинн.

— Наверх. Недертон и Оссиан будут ждать периферал. Надеюсь, тебе понравится челюсть.

— Челюсть?

— У нее довольно выступающая нижняя челюсть. И очень высокие скулы. Своего рода сказочный славянин.

— Ты знакома с ней… с ним? — Флинн не знала, как правильно сказать.

— Я ни разу не видела ее с человеком-оператором. Только под управлением облачного ИИ от производителя. Она принадлежала брату Льва.

— Брат Льва умер?

— Увы, нет, — ответила Тлен.

Ладно, подумала Флинн.

— Она спортивная? Как эта?

— Очень. И даже непропорционально спортивная.

— Отлично, — сказала Флинн.

— Что ты задумала? — Тлен сузила глаза, так что остались только верхние зрачки.

— Ничего такого, о чем не знала бы Лоубир.

— А ты быстро разобралась с субординацией.

— Скоро перифераль будет здесь?

— Примерно через полчаса.

— Покажи мне, как позвонить Мейкону, — сказала Флинн.

Глава 48

Павел

Прихожая в доме Льва была заставлена предметами детского обихода. Миниатюрные резиновые сапожки, целая вешалка ярких дождевиков, беговел, напомнивший Недертону о мусорщиках, разнообразный инвентарь для битья по мячу и сами мячи, много. Несколько потерянных кубиков лего нервно елозили в нижних слоях, словно яркие прямоугольные жуки.

Недертон и Оссиан сидели на деревянной скамье, лицом к этой выставке. Ближайший к Недертону конец скамьи был чем-то вымазан, судя по виду — чуть подсохшим вареньем. Спарринг-партнер Антона должен был приехать с минуты на минуту, и Оссиан отверг предложение ждать снаружи.

— У нянь от нее родимчик случался, — заметил Оссиан непонятно о ком или о чем.

— От кого?

— Да от коляски. — Оссиан указал рукой на вешалку с дождевиками. — Завуалирована.

Теперь Недертон различил очертания сложен-

ной прогулочной коляски, мимикрирующей под то, что сейчас за ней, то есть под бежевую стену и клетчатую подкладку пальто.

— Дедушка выписал ее из Москвы сразу после рождения девочки, — продолжил Оссиан. — Везли дипломатической почтой. Иначе бы не пропустили.

— Почему?

— В нее встроена орудийная система. Два ствола. Впрочем, не огнестрельных. Стрельба ведется очень короткоживущими ассемблерами. Вернее, дизассемблерами. Они отыскивают мягкие ткани и разбирают их на молекулы. Видел ролик, где такое показывали на половине говяжьей туши.

— И что происходит?

— Остаются кости. Коляска автономная, самонаводящаяся. Имеет собственную систему оповещения об уровне угрозы.

— А кто может представлять угрозу?

— Русские киднепперы.

— Она это делает, когда в ней ребенок?

— Ребенку она показывает панд, чтобы не было психологической травмы. И едет домой в режиме боевого отступления, бросив нянь к чертям собачьим.

Недертон пристально вгляделся в едва разли-

чимую, безобидную по виду коляску.

— Супружница Зубова отказалась возить в ней ребенка. Так и не поладила с дедом. Взяла сторону нянь.

— Давно ты тут работаешь? — спросил Недертон.

Оссиан глянул на него, сощурился:

— Скоро будет пять лет.

— А чем раньше занимался?

— Тем же самым. Примерно.

— Ты этому учился?

— Да, — ответил Оссиан.

— Как?

— На ошибках молодости. Как ты научился юлить и врать всем напропалую?

Недертон глянул на него:

— Как ты. Примерно.

На одно из окошек у двери легла тень. Мелодично звякнул звонок.

— Наверное, устройство приехало. — Оссиан встал, одернул темный пиджак и, расправив плечи, открыл дверь.

— Добрый вечер. — Высокий, широкоплечий, в темно-сером костюме. — Рад видеть вас, Оссиан. Вы меня, возможно, не помните. Павел.

— Пошевеливайся! — рявкнул Оссиан, отступая

от двери.

Устройство вошло, Оссиан закрыл за ним дверь.

— Павел, — сказало оно Недертону. Выступающий подбородок, ширококостное лицо, глаза голубые и чуть насмешливые.

— Уилф Недертон.

Он протянул руку. Ладонь у периферали была теплая, пожатие — крепкое и бережное.

— В гараж, — сказал Оссиан.

— Конечно, — ответил Павел и зашагал впереди них к лифту, как у себя дома.

Глава 49

Благим матом

Ну и скулищи, думала Флинн, глядя на Павла. А вот голос приятный.

— Личность — ИИ. Мы ее отключим, чтобы освободить место для твоего приятеля.

— Меня зовут Флинн, — сказала она.

— Рад знакомству, — ответило устройство, нагло глядя на ирландца.

— Запрограммирован изгаляться, — заметил Оссиан. — Часть спарринг-функционала. Должен вызывать желание двинуть в его хамскую рожу.

Устройство переступило с ноги на ногу. Оно было выше Бертона, шесть футов с лишним. Светлые волосы расчесаны на косой пробор. Заломив светлую бровь, оно спросило Флинн:

— Чем могу служить?

— Иди в заднюю кабину, — распорядилась Тлен. — Ляг. Извести производителя, что облако нам будет не нужно.

— Конечно, — ответило устройство. Ему пришлось чуть развернуть плечи, чтобы войти в узкий коридор почти одного цвета с его воло-

сами.

— Я понимаю, почему Антону все время хотелось его убить, — проговорил Оссиан. — Без мозгов, а вечно тебя достает.

Тлен что-то сказала на том странном языке, на котором они общались между собой.

— Она говорит, это можно было отрегулировать, — перевел Оссиан для Флинн. — Да, но у Антона свой гонор. Я все надеялся, он расхреначит эту дрянь так, что на заводе не сумеют собрать обратно.

— У Мейкона все готово, — сказала Тлен. — Он у меня на проводе. Хочет поговорить с тобой.

— Ага, — сказала Флинн.

Появилась бляшка Тлен и рядом другая — желтая, с бесформенной красной штукой посредине. Потом Мейкон.

— Наггетс? — спросила Флинн. — Уже забацал себе бляшку в духе будущего?

— Твоя хреновастенькая. Пустая. Скажи Тлен, пусть сделает тебе получше.

— Сейчас типа не до того, — ответила Флинн.

— Ты там норм?

— Чуть-чуть пообвыклась. Немного посмотрела здешние края. Он готов?

— Даже слишком, на мой взгляд.

— Бертон знает? — спросила Флинн.

— Да вот так получилось. — Мейкон скосил глаза вбок.

— Он здесь, что ли?

— Тсс.

— Черт.

— Не боись, все на мази.

— Тогда давай уже сделаем.

— Мы на низком старте. Ждем вашей команды.

Бляшка с наггетсом потускнела.

— Мы с Тлен пойдем туда, — сказала Флинн Недертону и Оссиану. — Не знаю, как он это все воспримет. Главное, не давите на него. Если он начнет заводиться, просто сдайте назад, быстро. О'кей?

Недертон с Оссианом переглянулись.

— Идем, — позвала она Тлен и прошла три шага в комнатку, где устройство лежало, свесив ноги с короткой полки.

— Павел, закрой глаза, — сказала Тлен из-за ее плеча.

Периферaль глянула на Флинн, затем послушалась.

— Пятнадцать, — сказала Тлен, видимо обращаясь к Мейкону.

Флинн про себя начала обратный отсчет. На

десяти она представила встряску и продолжила считать.

— Ноль, — сказала Тлен.

Устройство широко открыло глаза.

— Едрён корень, — сказало оно, поднося большие руки к глазам. Пошевелило пальцами на обеих, тронуло большим на каждой все остальные, от указательного до мизинца и обратно. Село, как будто его подбросило пружиной. Вскочило.

— Это я, Коннер, — сказала Флинн.

— Знаю. Мейкон показал мне скриншот. — Он повернулся к Тлен. — Я видел похожую в Атланте, в клубе. Ребята сказали, это называется гиперпространственный эльф, а если по-простому, то передоз.

— Ее зовут Тлен, — сказала Флинн. — Веди себя прилично. Цвета нормальные?

— Модель не тетрахроматичная, — вставила Тлен.

Коннер глянул на нее с подозрением.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Флинн.

— Охрененно. Только глянь на все эти пальцы!

— Сюда, — сказала Флинн. — Только там двое мужчин. Они за нас. Наши люди. Все хорошо. О’кей?

— Да, блин. — Коннер снова глянул на свои руки. — Ну ни фига ж себе.

Она взяла его за руку и вывела в коридор.

Тлен стояла рядом с Оссианом, Недертон за ними.

— Коннер Пенске, — представила Флинн, отпуская его руку. — Коннер служил в морской пехоте вместе с моим братом.

Все трое кивнули, внимательно смотря на периферaль. Поза, осанка у нее изменились. Коннер обвел мужчин глазами, решил, что без рукопожатий можно обойтись, и сунул руки в карманы серых брюк. Оглядел комнату:

— Катер? Сухой док?

— Большой навороченный автофургон, — ответила Флинн.

Он подошел к окну, пригнулся, выглянул наружу и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Охренеть!

Флинн была у Коннера за спиной, когда тот рывком открыл дверь. Не стал спускаться по трапу, сделал сальто вбок, через перила, приземлился пятнадцатью футами ниже и побежал — она еще не видела, чтобы люди бегали так быстро, — вдоль бесконечных машин, про которые ей сказали, что они принадлежат отцу Льва.

Каждая арка, под которой он пробегал, начинала светиться — тонкая дуга в темноте — и тут же гасла. Флинн и не знала, что их тут столько, что гараж такой большой. На бегу он орал благим матом, как, может быть, не орал, когда ему оторвало полтела, а между выкриками издавал гортанное уханье, наверное от невероятной радости, что можно бежать, что у него есть пальцы, и слышать это уханье было даже горше, чем ор.

Затем последняя арка померкла за ним, остались лишь темнота и его вопли.

Глава 50

Пока поезд не ушел

— Сходить за ним? — спросила Тлен.

Недертон знал, что Оссиан выключил лифт и, возможно, кое-что еще, так что спарринг-партнер Антона с тем, кто сейчас в нем, никуда с этажа не денется.

— Не надо, — сказала Флинн с трапа. Она стояла на верхней ступеньке и смотрела в темноту гаража.

— Что он делает? — спросил Недертон у Оссиана, который по виду пристально щурился на закрытую дверцу бара, а на самом деле наблюдал за бывшим Павлом через внутридомовую систему.

— Пятится, — ответил Оссиан. — Теперь идет вперед. Делает что-то сложное руками.

— Комплексные упражнения, — ответила Флинн, заходя обратно в яхту. — Он помногу ими занимался, пока не стал инвалидом.

— Что с ним случилось? — спросил Недертон.

— Война.

Недертону вспомнилась обезглавленная фигу-

ра в Ковент-Гардене.

— Отряхивает пиджак, — объявил Оссиан. — Глядит на свои руки. Кстати, освоил включение ночного зрения у периферали. Направляется сюда неспешной рысцой. — Он посмотрел на Флинн, видимо отключившись от внутридомовых камер. — Ну и красавчик твой приятель. Бывший военный?

— Первая гаптическая разведка, — ответила Флинн. — «Всегда впереди». У него, возможно, такая же дрянь от имплантов, как у моего брата. В. А. пыталась выяснить.

— Виктория и Альберт? — спросила Тлен.

— Ветеранская администрация.

Недертон подошел к двери. Ближайшая арка как раз засветилась над перифералью. Он предпочел бы облачный ИИ той нестабильности, на которую намекала Флинн. Чего ради она притащила сюда этого типа, а не своего брата?

Устройство поднялось по трапу.

— Кажись, палец вывихнул, — сказало оно в дверях. Выговор у него был примерно такой же, как у Флинн. Мизинец на левой руке выставлен вперед. — Все о'кей, даже лучше, чем о'кей. Они все такие, эти штуковины?

— Твоя оптимизирована для боевых искусств, —

сказал Недертон.

Устройство подняло бровь.

— Тренажер, — продолжал Недертон. — Принадлежит брату нашего друга.

Тлен достала «медичи»:

— Подойди сюда, пожалуйста.

Устройство приблизилось к ней, по-детски выставив палец. Она приложила «медичи» к его мизинцу и сказала:

— Растяжение. Боль должна уже пройти, но постарайся в ближайшее время его не нагружать.

— Что это? — спросила периферaль, глядя на «медичи».

— Больница, — ответила Тлен, убирая прибор.

— Спасибо, — сказала периферaль, собрала пальцы в кулак, разжала. Подошла к Флинн, положила руки ей на плечи. — Мейкон считает, это и правда оно.

— Я просила его не рассказывать тебе слишком много, боялась, вдруг не получится.

— У меня типа всё супер, — сказала периферaль, убирая руки с ее плеч. — Потом я думаю, может, это сон, и мне не супер.

— Это не сон, — ответила Флинн. — Не знаю что, но точно не сон. И сомневаюсь, что у кого-нибудь из нас всё супер.

— Ни разу ничего не растягивал во сне, — сказала периферал. — Типа усек, что ей недолго и шею ненароком свернуть.

— Да, — ответила Тлен. — Считай ее человеком. Она генетически и есть человек по большей части. И еще это очень дорогая вещь, которую мы взяли для тебя на время.

Устройство вытянулось по стойке смирно, звонко щелкнув каблуками и комично выставив массивный подбородок, молодцевато отдало честь и тут вновь приняло ту расслабленную, слегка балансирующую позу, которая была не совсем от Павла.

— Мейкон думает, это правда будущее, — сказало оно Флинн. — И Бертон тоже.

— Он сейчас у тебя? — спросила она. — Бертон, в смысле.

— Был, когда я закрыл глаза. Может, уже ушел.

— Злится на меня?

— Ему, кажись, не до того. Кто-то купил Законодательное собрание, оно давит на шерифа. Томми хочет поговорить со мной про мемфисских ребят. — Устройство оскалилось в улыбке, которую Недертон назвал бы довольно жуткой. — Бертон говорит, им это надо, чтобы подкопаться под него и под тебя. Просил тебе передать, чтобы тут

подсуетились.

— В каком смысле «подсуетились»?

— Говорит, пусть купят губернатора, пока поезд не ушел, — сказало устройство. — У вас таких денег нет.

— Это к Оссиану и Тлен, — вставил Недертон.

Флинн и периферaль разом повернулись к нему.

— Извините, — продолжал он, — но, если вопрос срочный, советую поставить его прямо сейчас. Лондонская школа экономики, к вашим услугам. По крайней мере ее неофициальная студенческая часть.

Теперь на него в упор смотрели Тлен и Оссиан.

— Деньги, ничего больше, — сказал он им.

Глава 51

Браво, Чарли, фиг поймешь

Дворик в доме Льва был такой же, как прежде: высокие глухие стены, мощеные дорожки, несколько клумб. Флинн вышла сюда с Коннером, оставив других на кухне, где Лев готовил им кофе. Высокая блондинка — надо понимать, миссис Лев — была там, но при их появлении сразу вышла, злобно глянув на Недертона. Оссиан и Тлен рассказали Льву, что надо будет купить губернатора, причем у Флинн было чувство, что для них добыть деньги не проблема, однако они говорят так, будто проблема. Потом отрапортуют, что справились. Она сама так делала на работе. Льва, судя по виду, разговор не радовал.

Небо было тусклее, чем когда они летали над Чипсайдом. Как матовая плошка для микроволновки.

— Это будущее, Флинн? — спросил Коннер.

— Постарайся себя не изводить. Никто из нас не сошел с ума, и мы оба думаем, что это оно.

— Я думал, что схожу с ума, потом Мейкон пришел и надел мне на голову ту штуковину. Открыл

глаза и увидел тебя. Только ты — не ты. Разве не сумасшествие?

— Не хмурься. Слишком жутко выглядит.

— Допустим, чувак слышит голоса. И ты телепортируешь его на Венеру. Будет ли он по-прежнему слышать голоса или будет думать, что спятил, потому что рассекает по Венере?

— Ты слышал голоса?

— Типа пытался. Просто для разнообразия.

— Черт, Коннер. Не веди себя так.

— Я и не веду, сейчас. А кто они все такие? — Он обернулся на стеклянную дверь кухни.

— Высокий — Лев. Ты в периферали его брата. Он взял ее на время.

— Четырехглазка?

— Тлен. Они с Оссианом шестерки у Льва. Или айтишники. И еще Уилф Недертон. Сказал, из отдела по работе с персоналом, но компания, в которой он служит, по большей части воображаемая.

— Ты знаешь, что им надо?

— Довольно смутно, даже если все, что мне рассказали, правда.

— С чего это началось? — спросил Коннер.

— Недертон облажался.

— На него похоже. — Коннер глянул на нее. —

Хочешь, я их урою?

— Нет! — Она ущипнула его за руку — все равно что щипнуть камень. — Хочешь вернуться к себе на диван? Я могу позвонить Мейкону.

— Мне нечем тебя отблагодарить. Просто первое, что пришло в голову.

— Не за что благодарить. Я очнулась здесь, подумала, — она тронула лицо, — и вспомнила о тебе. Может, мы еще оба об этом пожалеем.

— В будущем или где, но у меня есть пальцы. Просто скажи, чего делать, чего не делать.

Бляшка Тлен.

— Эдвард, — сказал ее голос.

Новая бляшка рядом, желтая, с двумя красными наггетсами, одним над другим:

— Флинн? Мейкон меня соединил. — Только голос, без картинки.

— Что случилось?

— В трейлере, с тобой.

— Где Мейкон?

— У Коннера. Мне не очень удобно тебе говорить…

— Что такое?

— Кажись, тебе надо по-маленькому.

— Что?!

— Ты ерзаешь. Здесь.

Флинн представила Эдварда в китайском кресле, как тот смотрит на нее лежащую.

— Ты хочешь, чтобы я вернулась?

— На минутку.

— Не отключайся. Тлен!

— Да? — спросила Тлен.

— Мне нужно на минутку вернуться. Это можно устроить?

— Конечно. Возвращайся в дом, мы найдем, где тебя усадить.

— Ты слышал, Эдвард?

— О'кей. Спасибо, — сказал он.

Бляшка с двумя наггетсами исчезла.

— Пошли назад в дом, — обратилась Флинн к Коннеру. — Мне надо на минутку в трейлер.

— Зачем?

— Эдвард думает, что мне нужно пописать.

Широкоскулое лицо обернулось к ней.

— Да, он за тебя этого сделать не может. — Коннер зашагал к дому. — Впрочем, буду иметь в виду.

— Что?

— Для следующего раза возьму катетер из «тарантула».

— Сюда, — сказала Тлен, когда они вошли в кухню. — Можешь устроиться в галерее.

Она поставила чашку кофе и шагнула к двери, Флинн за ней, Коннер позади. Налево в широкий коридор, потом направо, в огромную комнату.

— Она слишком велика для дома, — заметила Флинн.

— Зал продолжается в два соседних дома, — объяснила Тлен.

— Фальшивые Пикассо? — спросила Флинн. Она помнила некоторые из картин по старшим классам.

— Если фальшивые, кое-кому придется несладко. Садись сюда. — Тлен указала на старинного вида мраморную скамью. — Ты уже привыкла к переходам, так что теоретически тебе довольно вдохнуть, закрыть глаза, выдохнуть, открыть.

— Зачем закрывать глаза?

— Некоторым переходные ощущения неприятны. Мистер Пенске может посидеть с тобой.

— Коннер, — сказал он. — Я и собирался.

Флинн села. Через джинсы периферали чувствовался холодный мрамор. Прямо перед нею висели две картины, которые она видела на экранах сколько себя помнит.

— Готово, — сказала она, вдохнула и закрыла глаза.

— Поехали, — произнесла Тлен.

Флинн выдохнула и открыла глаза. Чувство было такое, будто она упала на спину, но без настоящего движения. Вазелиново-светящийся потолок «Эйрстрима» нависал слишком низко.

Эдвард был прав. Ей хотелось пи́сать.

— Погоди, — сказал он, видя, что она начала садиться, — дай сниму эту штуку.

На глазу у него была виза. Он снял с Флинн венчик Белоснежки.

— Бертон здесь? — спросила она, садясь окончательно. В голове плыло.

— У Коннера, вместе с Мейконом.

— Дженис?

— В доме, сидит с твоей матерью.

Флинн неуверенно встала:

— Ладно, сейчас вернусь.

На пути к выходу ее немного повело. Открыв дверь, она первым делом услышала выстрелы. Короткую автоматную очередь, потом два отдельных. Не близко, но и не далеко.

— Черт. — Флинн обернулась к Эдварду.

Его свободный от визы глаз округлился.

— Кто дежурит?

— Я не успеваю следить, — ответил он. — Несколько человек.

— Выясни, что там, — сказала она и вышла

наружу.

Прислушалась. Гудение насекомых. Плеск ручья. Ветер в древесных кронах. Добежала до сортира. Дверная пружина скрипнула, закрываясь. Флинн спустила джинсы, села в темноте, в целой вселенной от Пикассо. В последний момент вспомнила сыпануть в отверстие опилок.

Пружина на двери теперь скрипнула иначе. В свете от трейлера пронеслись четыре дрона с наклейками из бирюзового скотча.

— Кто стрелял? — спросила она Эдварда, вбегая в «Эйрстрим».

— Кто-то был на вашем участке.

— Был?

— Вроде да, но они орут на своем диком армейском жаргоне: чарли, браво — фиг поймешь. Твой брат в курсе. Едет сюда.

— Наверняка это гребаное Законодательное собрание, — сказала Флинн, садясь на кровать. — Давай. — Она указала на сахарную корону.

— Что ты собираешься делать? — спросил Эдвард.

— Вернусь туда. Попытаюсь выбить денег. Пусть Бертон мне туда звякнет. Тлен его соединит. Если не дозвонишься ему, скажи Мейкону.

— Коннер там нормально?

— Вот уж с ним, по крайности, все ясно. Нормально, наверное, чересчур сильно сказано.

Эдвард провел холодной соленой мазью по ее лбу, опустил корону. Помог Флинн лечь.

Она вдохнула, закрыла глаза.

Глава 52

Солдат в горячей точке

Недертон остановился у входа в галерею. Периферал Флинн сидела на скамье, метрах в трех, спиной к нему, и как будто бы любовалась двумя лучшими Пикассо Зубова-отца. Спарринг-партнер стоял рядом, руки в карманы, и глядел на дверь.

— Держи дистанцию, — сказал он.

— Да, — ответил Недертон, который как раз собирался шагнуть ближе.

— Это музей? — спросил спарринг-партнер.

— Частная галерея. В доме, — ответил Недертон.

— Они живут в музее?

— Они живут среди картин, — сказал Недертон. — Хотя настоящий хозяин живет в другом месте.

— Не было бы столько картин, мог бы жить здесь. Места как на парковке внизу.

— Я Уилф Недертон.

— Коннер, — сказало устройство.

— Если у тебя есть вопросы, я постараюсь на

них ответить.

— Она сказала, ты облажался.

— Кто «она»?

— Флинн. Сказала, все началось с того, что ты облажался.

— В целом — да.

— Как?

— Поставил личное выше профессионального. С женщиной. А одно за другое…

— Много что.

— Да, наверное…

Недертон, забывшись, сделал шаг вперед.

— Стой, — сказало устройство.

Недертон остановился и спросил:

— Ты хорошо знаешь Флинн?

— Учились вместе. Сестра лучшего друга. Умница. Она бы уехала куда-нибудь, если бы не мать.

Интересно, подумал Недертон, получает ли периферaль Флинн зрительную информацию и, если да, куда та попадает? Тут она повернулась.

— Где все? Мне надо с ними поговорить. И побыстрее, — сказала Флинн.

— Спроси его, — ответило устройство, имея в виду Недертона.

— По-прежнему в кухне.

Флинн встала:

— Уже добыли денег купить губернатора?

— Как я понимаю, денег там уже много, надо лишь найти способ их применить, — сказал Недертон.

— Так найдите.

В следующий миг она уже шагала по коридору. Спарринг-партнер стремительно прошел мимо Недертона, и тот подумал, что устройство не считает его большой угрозой, раз подставило ему спину.

— Добрый вечер, — произнес голос Лоубир. У входа в кухню, со Львом и Тлен. — А это, как я понимаю, мистер Пенске.

— Неприятности дома. Стреляют, — сказала Флинн.

— Кто стреляет в кого? — спросила Лоубир.

— Я там была всего минуту. Перестрелка на участке. Эдвард слышал, ребята разговаривают, как будто ведут бой. Так удалось купить губернатора?

Последний вопрос был обращен ко Льву.

— Надо приобрести контрольные пакеты акций в двух фирмах, которые составили основную его поддержку на выборах, — ответил Лев. — Оссиан этим занимается.

— Твоя обеспокоенность понятна, — сказала

Лоубир.

— Там в доме мама. Наши считали, что на участок никто проникнуть не может. Над ним дроны.

— Можете узнать, что там сейчас происходит, и сообщить нам? — обратилась Лоубир к Тлен. — Мы будем в той прелестной комнате наверху. К сожалению, у меня совсем мало времени, однако я хотела увидеть Флинн в ее периферали. — Она улыбнулась. — И мистера Пенске, разумеется. У меня есть предложение. План действий.

Тлен что-то быстро спросила на очередном синтетическом языке. Прислушалась к ответу, которого не слышали остальные.

— Оссиан на телефоне, говорит с Эдвардом, — сказала она Флинн. — Ситуация под контролем.

— А как мама?

Тлен задала короткий вопрос, уже на совершенно другом языке, выслушала ответ:

— Она ничего не слышала. С ней твоя подруга.

— Дженис, — с заметным облегчением произнесла Флинн.

— Если твои волнения на время успокоены, — сказала Лоубир, — пожалуйста, поднимись с нами в гостиную. Мой план целиком строится на тебе. И вы, пожалуйста, с нами, Коннер.

Устройство взглядом испросило согласия у Флинн, та кивнула.

— Ни хрена в этом не понимаю, — сказало оно Лоубир.

— Вы наш солдат в горячей точке, мистер Пенске, как говорили в моей юности. Нам это нужно.

— Обрадовали, — ехидно произнес спарринг-партнер, по виду, впрочем, ничуть не огорченный.

— Тогда показывайте дорогу, мистер Недертон, — сказала Лоубир.

Недертон двинулся по ступеням, мысленно воображая лучший мир, такой, где в гостиной им предложили бы выпить.

Глава 53

Штаб-квартира Санта-Клауса

Дом Льва местами как обычный, жилой, думала Флинн, поднимаясь по лестнице вслед за Недертоном, впереди Лоубир. В кухне, например, пахло жареной ветчиной, хоть там и стоит плита размером с пол-«Эйрстрима». А есть картинная галерея длиной с футбольное поле. И гараж, и еще что-то под гаражом. Лестница же как лестница, полированного дерева, застланная узким ковром, который придавлен бронзовыми арматуринами с навороченными штуками на концах. Ковер потерт, видно, что по нему ходят.

От квадратной площадки лестница повернула вправо и через пролет закончилась. Дальше был коридор со старинной мебелью, картинами и зеркалами в больших рамах, лампами накаливания, хрустальными люстрами. Недертон, впереди нее, шагнул через открытую двустворчатую дверь в отделанную золотом лесную зелень мегамартовской «Штаб-квартиры Санта-Клауса».

Голограмму в витрине ставили сразу после Хеллоуина, всякий раз другую, но Флинн больше

всего понравилась комната. Эта была лучше, реалистичнее, и Флинн удивилась, зачем здесь голограмма, но тут Лоубир за плечо ввела ее внутрь и отодвинула стул рядом с длинным темным столом. Высокие окна прятались за длинными зелеными шторами. Следом вошли остальные: Тлен, Оссиан и Лев, Коннер последний. Лев повернулся закрыть дверь, Коннер наблюдал за каждым его движением.

— Садитесь, мистер Мерфи, — сказала Лоубир. На ней был мужского покроя брючный костюм. — Сейчас вы не изображаете дворецкого.

Оссиан сел напротив Флинн, Тлен рядом с ним. Лоубир опустилась в высокое зеленое кресло во главе стола, Лев в другое. Коннер стремительным движением встал у темно-зеленой стены подле буфета, на котором стоял серебряный поднос с хрустальным графином и такими же стаканами. Недертон замер, глядя на графин, потом огляделся, заморгал и сел возле Флинн.

— Спасибо, что заглянули, — сказал Лев инспектору.

— Адвокатов не видно, — ответила она. — Очень душевный прием.

— Они отказываются признать, что совершенно излишни, но согласились присутствовать

менее очевидно.

— В любом случае очень любезно с вашей стороны. — Лоубир обвела взглядом остальных. — Я собираюсь изложить план действий.

— Прошу, — сказал Лев.

— Спасибо. Через четыре дня, во вторник вечером, Даэдра устраивает прием, о котором еще не объявлено. Возможно, в одной из гильдий. Список гостей весьма занятен. — Лоубир взглянула на Льва. — Возможно, будет сам поминарий Сити. Чиновники рангом пониже. Мы не смогли выяснить даже мнимый повод. Я бы предположила, мистер Недертон… — (тут Флинн увидела, что глаза Недертона немного сузились), — что вы сумеете изобрести достаточно правдоподобную причину и добыть приглашение.

— Для кого? — Недертон нагнулся над столом, как будто держит карты.

— Для себя, — сказала Лоубир, — и еще для одного лица.

— Я сомневаюсь, что она вообще ответит на мой звонок. Она не пыталась со мной связаться.

— Мне это прекрасно известно. Однако, если я правильно понимаю ваш метод, вы в силах измыслить историю, которая естественно приведет к тому, что она вас пригласит. Я скажу вам,

когда, по-моему мнению, разумно будет к ней обратиться. Присутствие бывших любовников создает неловкость, однако оно вполне в рамках традиции. Впрочем, если вы откажетесь наотрез, я не вижу способа продолжать. — Волосы у нее были такие же белые, как корона, которую Мейкон отпечатал в «Самофабе». — По плану вы должны взять Флинн, чтобы та посмотрела на гостей Даэдры. — Лоубир глянула на Флинн. — Ты попытаешься найти человека, которого видела на балконе у Аэлиты Уэст.

— Они богатые, да? — спросила Флинн.

— Да, очень, — ответила Лоубир.

— Так почему нет хреновой тучи снимков всех, кто был на вечеринке? — спросила Флинн. — Почему нет записи того, что видела я? Что снимали папарацци? Зачем я вообще была там нужна?

Она заметила, как мало места занимает Коннер, несмотря на размеры своей периферали. Вид у него был такой, будто он очутился здесь только что и еще этого не осознал. Он подмигнул ей.

— В вашей культуре уже достаточно развита массовая слежка, — сказала Лоубир. — В нашей ее еще больше. Дом мистера Зубова, по крайней мере изнутри, редкое исключение. Для такого требуются не столько деньги, сколько значитель-

ное влияние.

— Не поняла, — сказала Флинн.

— Вопрос того, с кем человек знаком и насколько его считают значительным.

— Чтобы в доме не было наблюдения, договариваются по-левому?

— Наш мир сам вообще весь левый, — сказала Лоубир. — Званый вечер у Аэлиты проходил по сходному протоколу, но временному, квазидипломатическому. Никто ничего не записывал. Ни системы Аэлиты, ни «Парадиз», ни твой дрон. Новостные агентства и фрилансеров не подпустили близко. В этом, кстати, и состояла твоя работа.

— Тот тип может быть на приеме?

— Не исключено, — ответила Лоубир. — Если ты туда не попадешь, мы этого не узнаем.

— Протащи нас туда, — сказала Флинн Недертону.

Тот глянул на нее, потом на Лоубир. Закрыл глаза. Открыл.

— Анни Курреж, эксперт по неопримитивизму. Англичанка, несмотря на фамилию. Даэдра встречалась с нею в моем присутствии, на рабочем ленче в «Коннахте». Позже я убедил Даэдру, что у Анни есть лестная теория касательно творческого развития ее карьеры. Сейчас Анни, к

своему величайшему сожалению, не сможет присутствовать на приеме физически, но будет счастлива сопровождать меня… — он покосился на Флинн, — в периферали.

— Спасибо, мистер Недертон, — сказала Лоубир. — Я ничуть в вас не сомневалась.

— С другой стороны, — продолжал Недертон, — по словам Рейни, Даэдра, возможно, предполагает, что я убил ее сестру. Или поручила друзьям распространять подобные слухи. — Он встал. — Так что я считаю, по такому поводу необходимо выпить.

Недертон обошел стол. Периферали Коннера следила за ним взглядом.

— Еще кто-нибудь будет? — спросил Недертон через плечо.

— Я не прочь, — ответил Лев.

— Я тоже, — сказал Оссиан.

— Спасибо, для меня слишком рано, — проговорила Лоубир.

Тлен промолчала.

Недертон принес серебряный поднос с графином и стаканами на стол.

— Мистер Пенске отправится с вами в качестве телохранителя, — продолжала Лоубир. — Без охраны вы бы слишком выделялись на общем

фоне.

— Как Флинн решит, — ответил Коннер.

— Ты идешь, — сказала Флинн.

Он кивнул.

Недертон наливал виски — если это был виски — в три стакана.

— Надо купить губернатора, — сказала Флинн. — Дела паршивые. Стрельба у нас на участке.

— Работа идет, — ответил Оссиан, беря у Недертона стакан.

Тот поднес два других Льву, Лев взял один.

— Будем здоровы, — сказал Недертон.

Все трое подняли стаканы, выпили. Недертон поставил на стол свой, пустой, Лев — почти нетронутый. Оссиан покрутил виски в стакане, понюхал, отпил еще.

— Это всё? — спросила Флинн у Лоубир. — Мне надо вернуться, поговорить с Бертоном. И Коннеру тоже.

— Мне самой уже пора. — Лоубир встала. — Будем на связи.

Улыбнувшись и кивнув всем, она вышла, Лев за ней. Флинн не привыкла видеть, как высокие люди семенят, но Лев явно семенил за Лоубир, как будто у нее есть ключ к чему-то, что ему очень

нужно. Они спустились по лестнице.

— Где нам оставить эти штуки? — спросила Флинн, имея в виду периферали. — Мы надолго.

— В «мерседесе», — ответила Тлен. — Твоей пора вводить питательный раствор, мы введем, пока тебя не будет.

Она встала. Ирландец поставил стакан и тоже поднялся.

Флинн начала было отодвигать свой стул, но Коннер уже сделал это за нее. Она и не видела, как он обошел стол. От его периферали пахло лосьоном или чем-то в таком роде, цитрусово-металлическим.

Недертон взял стакан Льва.

— В хозяйской каюте постель больше, — сказал он Коннеру. — Можешь лечь там. — И отпил виски.

Тлен вывела их из того, что, как понимала теперь Флинн, вовсе не было штаб-квартирой Санта-Клауса, как бы сильно ее ни напоминало. Недертон допил виски Льва, и они все спустились по лестнице, потом на лифте в гараж.

— Возвращение может немного выбить тебя из колеи, — сказала Тлен, стоя рядом с Флинн в лифте.

— Раньше не выбивало.

— Существует кумулятивный эффект, не говоря уже о десинхронозе.

— Это еще что?

— Эндокринный аналог дальнего перелета. Ваше время на пять часов отстает от лондонского плюс шесть часов изначальной разницы между нами и вашим континуумом.

— А это отчего?

— Чистая случайность. Разница установилась, когда мы отправили первое электронное письмо в вашу Колумбию. И с тех пор сохраняется. Ты тяжело переносишь сдвиг времени при перелетах?

— Никогда не летала, — ответила Флинн. — Слишком дорого. Бертон летал, когда был в морской пехоте.

— И еще, чем дольше ты здесь, тем вероятнее, что по возвращении ты заметишь отличия. Органы чувств периферали не так сложны, как твои. Ты можешь обнаружить, что ощущения изменились, и в нелучшую сторону. Стали более грубыми, некоторые говорят. Ты успела привыкнуть к несколько иному восприятию, хотя сейчас вряд ли это замечаешь.

— Будут серьезные проблемы?

— Нет. Но лучше знать о них заранее.

Бронзовые двери открылись.

Оссиан довез их до жилого автофургона в тележке для гольфа, такой же бесшумной, как лифт. Недертон сел рядом с Флинн. От него пахло виски. Коннер устроился сзади. Арки зажигались одна за другой, когда тележка проезжала под ними мимо фар и радиаторов старых автомобилей. Флинн обернулась:

— Кто будет у тебя дома, когда ты вернешься?

— Мейкон, наверное.

— Тлен говорит, мне, возможно, будет хреновато. Тебе, наверное, тоже. Как от сдвига времени при перелете.

Коннер ухмыльнулся, и, хотя лицо периферали было совершенно другое, улыбка получилась его.

— Мне это раз плюнуть. Когда возвращаемся сюда? — Он расширил глаза периферали.

— Не знаю. Думаю, скоро. Тебе надо поесть, поспать, если сможешь.

— Что ты там собираешься делать?

— Выяснить, что происходит, — ответила она и увидела безголового робота для фитнеса, он стоял там, где его оставили.

Глава 54

«Синдром самозванца»

— Вот уж не подумала бы, что тебе нравятся такие клубы, — сказала Тлен, глядя на тематическое оформление (как знал Недертон, лишь одно из нескольких): гипертрофированно живописный рассвет над обобщенной пустыней. Что-то связанное с рухнувшими дирижаблями.

Клуб располагался на Кенсингтон-стрит, над шоу-рум известного дизайнера, который делал кухни по индивидуальному заказу.

— Я был здесь как-то с друзьями. Они выбрали место, не я, — ответил он.

Тлен привезла его сюда в одном из экспонатов Зубова-отца, двухместном автомобиле, от которого несло ископаемым топливом. Она была закутана или замурована, смотря как посмотреть, в наполеоновскую шинель из чего-то вроде почерневшего от копоти мрамора. В статичной позе фигура казалась высеченной из камня, в движении ткань струилась, как шелк.

— Ты вроде бы говорил, что терпеть такого не можешь.

— Ты сама мне сказала, что Лоубир велела сейчас поговорить с Даэдрой. Она настаивает, чтобы я не звонил от Льва.

— Еще она настояла, что сама тебя отсюда заберет. Пожалуйста, будь осторожен. Здесь мы не можем тебя защитить. Особенно от себя самого.

— Вообще-то, ты можешь остаться, — сказал он, надеясь, что Тлен откажется. — Пропустить рюмочку.

— По-моему, тебе лучше не пить, но это не я решаю.

И она ушла через оптически расширенное помещение, которое пошлостью вполне могло поспорить с ультрамариновым салоном Зубова-отца.

— Что изволите, сэр? — спросила митикоида.

Он не слышал, как она подошла. Тонкие руки и лицо были из блестящего алюминия, одежда напоминала лохмотья древнего летного костюма.

— Столик на одного, завуалированный, ближайший к выходу. — Недертон протянул руку, давая митикоиде считать его кредитку. — И пусть никто, кроме обслуживающих устройств, ко мне не подходит.

— Да, сэр, — сказала митикоида и повела его к тому, что должно было выглядеть (но не выгля-

дело) так, будто построено из обломков древних авиамашин. Все венчал потолок в виде газовых отсеков доисторического аэростата, в которых метались зыбкие отблески огня.

Играла музыка какого-то неведомого жанра, но у завуалированных столиков была опция «без звука». Разбитые секции фюзеляжа, деревянные винты — все новодел, хотя, возможно, в этом и состоял замысел. Недертон заметил Фитц-Дэвида Ву, но наверняка не того, в котором приходила Рейни. Устройство было в ретропролетарском комбинезоне, одна щека художественно испачкана мазутом. Оно безразлично смотрело на высокую блондинку, созданную, надо думать, по образцу какой-нибудь доджекпотовской медиадивы.

Митикоида развуалировала стол — только на минуту, чтобы Недертон сел. Он заказал виски, выбрал беззвучный режим и стал наблюдать за пантомимой периферали. Когда другая митикоида принесла выпивку, он решил, что выбрал это место за пристойный алкоголь, который тут подают. Иначе не объяснить, зачем его сюда понесло. Разве что потому, что никто другой не в силах такое вытерпеть. Либо из смутного желания что-то косвенно понять о Флинн. Чересчур

косвенно, думал он, глядя на периферали.

Что они не в его вкусе, стало ясно еще тогда, в первый визит. Недертон и его друзья тоже взяли завуалированный столик. Он гадал, как можно подобным образом себя вести, если знаешь, что почти наверняка кто-то скрытно наблюдает. Один из друзей заметил, что клиенты платят именно за присутствие публики, и разве они сами не платят за возможность смотреть? По крайней мере здесь, в первом зале, эксгибиционизм не заходил дальше обычного флирта. И на том спасибо.

Возбуждало происходящее не больше, чем если сидеть одному в шатре Тлен. И все равно Недертон был рад, что вырвался из гаража. И конечно, тут был виски. Недертон махнул проходящей митикоиде, которая его видела, чтобы принесла еще.

Кто бы ни управлял периферали, где бы они ни находились, эти люди воплощали для Недертона беспросветную скуку его эпохи. Все они, надо думать, совершенно трезвые, лежат где-то под автономными отсекателями и не могут даже выпить. Люди феноменально неинтересны.

А вот Флинн — совсем наоборот, в периферали или сама по себе.

Появилась пульсирующая эмблема Лоубир и на мгновение заслонила искусственно шершавое не-лицо митикоиды, которая принесла наконец виски.

Недертон не ждал звонка.

— Да? — спросил он.

— Курреж, — сказала Лоубир.

— Что с ней?

— Вы точно остановились на этой версии?

— Да, наверное.

— Решайте окончательно. Речь о чужой жизни. Вы отправляете ее в дальнее путешествие.

— Куда?

— В Бразилию. Судно отбыло три дня назад.

— Она отправилась в Бразилию?

— Отправилось судно. Мы пошлем ее вдогонку, задним числом изменив список пассажиров. Во время путешествия она будет полностью недосягаема. Погружена в медитации, которые требуются, чтобы ее приняли неопримитивисты.

— Как-то чересчур сложно, — заметил Недертон. Он предпочитал простые обманы, дающие бóльшую свободу маневра.

— Мы не знаем, что в силах выяснить Даэдра, — сказала Лоубир. — Поэтому рассчитывайте, что вашу историю станут проверять всерьез. История

простая. Курреж отбыла три дня назад с целью предаться бразильским неопримитивистским медитациям. Название судна и порт назначения вам неизвестны. Пожалуйста, не сочиняйте лишних деталей.

— Лишние детали, как я понимаю, по вашей части. — Недертон отпил крохотный глоток виски.

— Мы не станем мониторить вас цифровым способом. Слишком заметный след. Наш человек в клубе будет читать у вас по губам.

— Завуалированность не помеха?

— С тем же успехом вы можете считать себя невидимым, когда закрываете глаза, — ответила Лоубир. — Звоните ей прямо сейчас, до того как допьете стакан.

— Хорошо, — сказал Недертон, глядя на виски.

Эмблема исчезла.

Он поднял глаза, ожидая увидеть, что кто-то смотрит на него через маскировочную завесу, однако периферали флиртовали друг с другом или старательно делали вид, будто не флиртуют, а у официанток-митикоид глазницы были пусты. Недертон вспомнил, как митикоида в мобиле Даэдры выпустила глаза — по меньшей мере четыре пары, разного размера, черные, сферические, пустые. Он отпил виски.

Ему представилось, как Анни Курреж сажают в какую-то правительственную авиамашину и мчат к мобилю над океаном. Все ее планы стремительно поменялись по воле Лоубир. Лоубир не просто офицер Лонпола. Люди таких лет не бывают «просто» кем-то. Недертон глянул на отблески огня в сдувшемся вымышленном аэростате и впервые заметил, что они имеют очертания человеческих фигур. Пленные электрические души? Кто придумывает такое жуткое оформление?

Он допил виски. Пора звонить Даэдре. Но прежде он закажет еще порцию.

Глава 55

Очень сложно

С закрытыми глазами она не узнала стук дождя по гермопене — ровное повторяющееся чмоканье. Открыв глаза, увидела полимер с утопленными в нем светодиодами.

— Ты уже с нами? — спросил замшерифа Томми Константайн.

Флинн повернула голову так быстро, что чуть не уронила белую корону, еле успела поймать ее двумя руками.

Он сидел подле кровати, лицом к Флинн, на старом металлическом табурете. Черная форменная куртка блестела каплями дождя. Серую фетровую шляпу Томми держал на коленях, благо штаны были с непромокаемой пропиткой.

— Томми, — сказала Флинн.

— Я самый.

— Давно ты здесь?

— На твоем участке — с час. Здесь — минуты две. Эдвард ушел в дом за сэндвичем. Не хотел идти, но он не ел с двенадцати, и я сказал, что в голодухе чести нет.

— Зачем ты приехал?

— Как-то в ваших краях часто стали убивать.

— Кого убили?

— Теперь уже прямо на вашем участке. Там, в лесу. — Томми показал рукой.

— Кого?

— Двоих. Оба молодые ребята. Твой брат считает, что вроде него или, по крайней мере, вроде его компании. Которая каждую ночь, сутки за сутками, а сейчас вот под проливным дождем проводит дроновские соревнования с командой из соседнего округа, во что верится все труднее и труднее. Бертон думает, убитые служили в армии операторами. Они запросто прошли по территории, за которой наблюдали дроны, и проникли бы в дом, если бы рядом не дежурил кто-то — я так полагаю, Карлос и Райс — с винтовками, по старинке.

Флинн, держа корону на коленях, свесила необутые ноги на полимерный пол. Вот совпадение: они с Томми сидят друг напротив друга и каждый держит идиотский головной убор. И еще она пожалела, что не намазала губы блеском.

— Что произошло?

— Они мне не говорят.

— Кто «они»?

— Бертон и остальные. Я думаю, примерно так: Карлос и Райс в инфракрасных очках заметили тех двух ребят в таких же очках и застрелили обоих.

— Черт, — сказала Флинн.

— Вот и я так подумал, когда мне позвонили.

— Бертон?

— Шериф Джекман. Которому, как я догадываюсь, позвонил твой брат. И который для начала разговора напомнил о новых правилах игры.

— Что за правила?

— Что я здесь в неофициальном качестве.

— То есть?

— Я здесь, чтобы помочь Бертону. И тебе, наверное, хотя тебя Джекман не упомянул.

Она взглянула на Томми, не зная, что ответить.

— Почему, если не секрет, ты спала тут, если спала, под каким-то сахарным пирожным? И что — именно это я в последнее время хочу у всех спросить — за ерунда тут творится?

— Тут? — Собственный голос показался Флинн ужасно глупым.

— Тут, в городе, с Джекманом, с Корбеллом Пиккетом, в Клэнтоне, в Законодательном собрании…

— Томми… — начала она и осеклась.

— Да?

— Все очень сложно.

— Вы с Бертоном лепите какие-то наркотики?

— А ты, сколько мы знакомы, работаешь на Корбелла Пиккета?

Томми наклонил шляпу, сливая с обтянутых полиэтиленом полей дождевую воду.

— Ни разу не видел его в глаза. Ничего не делал для него до сегодняшнего дня. Джекман переизбирается благодаря ему и довольно ясно дает понять, что Корбелла касается, а что нет. И я стараюсь, насколько могу в таких условиях, поддерживать в округе порядок. Поскольку кто-то должен этим заниматься. А если мы в один прекрасный день обнаружим, что Корбелл и вся наркоэкономика отправились в лучший мир, то через несколько недель людям здесь станет нечего есть. Так что тут тоже все сложно и печально, на мой взгляд, но так обстоят дела. Как насчет вас?

— Мы не лепилы.

— Главный приток денег в округ изменился, Флинн, изменился в одночасье. Твой брат платит Корбеллу, чтобы тот давил на шерифа и Законодательное собрание. Довольно долго источник больших доходов тут был только один. Так что извини, если я сделал поспешные выводы.

— Я не стала бы лгать тебе, Томми.

Он глянул на нее, склонил голову набок:

— О’кей.

— Бертона наняла охранная фирма в Колумбии. Тамошние люди говорят, что работают на игровую компанию. Ему поручили управлять квадрокоптером, насколько он понял, в игре.

Томми теперь смотрел иначе, но не так, будто считал ее сумасшедшей. Пока, по крайней мере.

— Я его подменяла, когда он был в Дэвисвилле. Так что теперь мы оба работаем на этих чуваков. У них есть деньги.

— И видать, много, если Корбелл Пиккет танцует перед ними на задних лапках.

— Да, знаю. Очень мутная история, Томми. Лучше, если позволишь, я не буду тебе все сразу объяснять.

— Те четверо в машине?

— Кто-то влип. В охранной фирме. Я случайно видела кое-что, и я — единственная свидетельница.

— Можно спросить что?

— Убийство. Тот, кто послал тех ребят, хотел убрать Бертона, потому что думал, я — это он. И наверное, всю нашу семью, на случай если он кому-нибудь рассказал.

— Поэтому теперь у вас над домом дроны и ребята дежурят в лесу.

— Да.

— А сегодняшние двое?

— Наверное, примерно та же история.

— Откуда приходят деньги?

— От колумбийской фирмы. Им надо, чтобы я опознала убийцу или, по крайней мере, сообщника. А я его видела и знаю, что он виноват.

— В игре, ты сказала?

— Слишком сложно объяснить. Ты мне веришь?

— Наверное. Деньги такие, что за ними стоит что-то недоморощенное. — Томми тихонько побарабанил пальцами по полиэтиленовому чехлу на шляпе. — Так под чем ты спала? — Он поднял бровь. — Косметический прибор?

— Пользовательский интерфейс. Бесконтактный. — Флинн подняла корону, чтобы Томми было виднее, потом аккуратно, вместе с проводами, положила на постель.

— Летаешь? — спросил Томми.

— Хожу. Это как другое тело. Я не спала. Телеприсутствовала в другом месте. Когда это делаешь, то отделяешься от своего тела, так что не можешь ему повредить.

— С тобой все хорошо, Флинн?

— В каком смысле?

— Ты очень уж спокойно рассказываешь.

— Похоже на бред?

— Есть отчасти.

— Все еще бредовее на самом деле. Но если я начну сходить с ума по поводу того, какой это бред, то будет вообще писец. — Она пожала плечами.

— «Легкий Лед».

— Кто тебе рассказал?

— Бертон. Вообще тебе подходит, — улыбнулся Томми.

— То были просто игры.

— А теперь нет?

— Деньги реальные, Томми. Пока.

— И твой двоюродный брат выиграл в лотерею.

Флинн решила не отвечать.

— Встречалась как-нибудь с Корбеллом Пиккетом? — спросил Томми.

— Не видела его с тех пор, как он разъезжал с мэром на рождественских парадах.

— Я тоже лично не видел. — Томми поднял руку и глянул на часы, наверное, еще дедушкины, старинные, показывающие только время. — Но

мы оба сейчас увидим. В доме.

— Кто сказал?

— Бертон. Хотя, как я понимаю, инициатива исходит от мистера Корбелла Пиккета.

И он старательно, обеими руками, надел шляпу.

Глава 56

Свет в ее голосовой почте

Все происходило без сознательных усилий, в идеальном для него режиме. Язык, развязанный превосходным виски, сам собой нашел ламинат на нёбе. Появилась незнакомая эмблема — туго свернутая спираль, какая-то этническая черная вышивка. Видимо, с намеком на круговое течение. Значит, мусорщики стали частью того нарратива, в который со временем превратится нынешняя кожа Даэдры.

На третьем гудке эмблема поглотила все. Недертон был в огромном терминале, сером и гранитном, под исчезающе высоким потолком.

— Будьте добры представиться, — произнес голос невидимой молодой англичанки.

— Уилф Недертон. Могу я поговорить с Даэдрой?

Он глянул на свой столик, на бар, на пустой стакан. Алюминиевый пол вокруг столика был теперь с ювелирной точностью вмонтирован в гранитный пол Даэдры: демаркатором служил вуалирующий механизм клуба. Теперь Недертон

не видел ни бара, ни митикоид, а значит, не мог заказать еще порцию.

По длине уходящего вдаль зала, словно упражнение на линейную перспективу, стояли прямоугольные пилоны, а на них, на уровне глаз, — знакомые миниатюры ее хирургически содранных кож между двумя стеклами. Типичное бахвальство: на сегодня она вырастила всего шестнадцать экспонатов, и, значит, здесь стояли по большей части дубликаты. Бледный, будто зимний, свет пробивался через невидимые окна. Слышался звук, такой же неопределенный, как освещение, и настолько же неприятный. Намек ясен. Приемная для нежеланных гостей.

— Отлично, — сказал он и услышал, как слово эхом отразилось от гранитных стен.

— Недертон? — спросил голос, словно подозревая, что это какой-то незнакомый эвфемизм.

— Уилф Недертон.

— По какому вопросу вы хотели бы обратиться?

— Я до недавнего времени был ее агентом по связям с общественностью. Личный вопрос.

— Сожалею, мистер Недертон, но вас в нашем архиве нет.

— Куратор Анни Курреж из галереи Тейт-пост-

модерн, эксперт по неопримитивизму.

— Что-что?

— Спокойно, дорогуша, пусть система распознавания образов поработает.

— Уилф? — спросила Даэдра.

— Спасибо, — ответил он. — Никогда не любил Кафку.

— Кто это?

— Не важно.

— Что тебе надо?

— Незаконченное дело, — произнес он с тихим и совершенно безыскусным вздохом, который воспринял как знак, что вступил в игру.

— Насчет Аэлиты?

— С какой бы стати? — изумленно ответил он.

— Ты не слышал?

— Что?

— Она исчезла.

Недертон мысленно сосчитал до трех:

— Исчезла?!

— Она устраивала прием в мою честь, после истории с Мусорным пятном, в «Парадизе». Когда после этого включились охранные системы, Аэлиты не было.

— Куда она делась?

— Она не находится, Уилф. Нигде.

— А почему охрана была отключена?

— Протокол. Для приема. Это ты испортил мне молнию?

— Нет.

— Тебя огорчили мои татуировки.

— Не до такой степени, чтобы вмешиваться в твой творческий процесс.

— Кто-то вмешался, — сказала она. — Ты заставил меня согласиться. На тех скучных встречах.

— В таком случае хорошо, что я позвонил.

— А что? — спросила она после несколько затянувшейся паузы.

— Мне бы не хотелось, чтобы все закончилось так.

— Если ты воображаешь, будто все не закончилось, то сильно ошибаешься.

Недертон снова вздохнул. Тело работало за него. Вздох был короткий, дрожащий. Сожаления мужчины, полностью осознающего, что́ он потерял окончательно и бесповоротно.

— Ты неправильно поняла. Но я вижу, что позвонил не вовремя. Твоя сестра…

— Как ты мог не знать? Не верю.

— Я был полностью отключен от всех средств информации. Кстати, только недавно узнал, что меня уволили. Анализировал.

— Что анализировал?

— Мои чувства. С психотерапевтом. В Патни.

— Чувства?

— Совершенно новые для меня горькие сожаления, — сказал он. — Можно тебя увидеть?

— Увидеть меня?

— Твое лицо. Сейчас.

Молчание, затем Даэдра все-таки открыла трансляцию.

— Спасибо, — сказал он. — Наверное, ты самая поразительная творческая личность, какую я видел в жизни.

Ее брови чуть поднялись. Не столько одобрение, сколько признание, что изредка он все-таки способен верно судить о вещах.

— Анни Курреж, — продолжал Недертон. — Ее восприятие твоих работ. Помнишь, я рассказывал, в мобиле?

— Кто-то испортил молнию на моем комбинезоне. Его пришлось на мне разрезать.

— Ничего об этом не знаю. Я хотел просить, чтобы ты кое-что устроила.

— Что? — спросила она, не пытаясь скрыть всегдашнюю подозрительность.

— Анни с ее ви́дением твоего творчества. Чистая случайность, что она раскрыла его мне, и,

разумеется, она не знала о наших отношениях. И теперь, когда мне открылась хотя бы часть ее ви́дения, притом как я знаю тебя, я чувствую, что обязан поделиться с тобой.

— Что она говорила?

— Бесполезно пересказывать своими словами. Теряется вся суть. Услышишь ее — поймешь.

— Ты у психотерапевта слов нахватался?

— Есть отчасти.

— Чего ты от меня хочешь, Уилф?

— Чтобы ты позволила мне представить тебе Анни. Еще раз. Чтобы я внес свой, пусть очень маленький, вклад в то, значимость чего, возможно, никогда полностью не осознавал.

Даэдра смотрела на него как на предмет снаряжения. Допустим, на параплан. Решая, оставить или купить новый.

— Говорят, ты что-то с нею сделал.

— С кем?

— С Аэлитой.

— Кто говорит? — Недертон подумал, что если сейчас махнуть пустым стаканом, то митикоида может принести ему полный. С другой стороны, Даэдра тоже это заметит.

— Слухи, — сказала она. — СМИ.

— А что они говорят про тебя и главного мусор-

щика? Едва ли хорошее.

— Погоня за сенсациями, — ответила Даэдра.

— Значит, мы оба жертвы.

— Ты не знаменитость, — сказала она. — В том, чтобы тебя обвинить, никакой сенсации нет.

— Я твой бывший пиарщик. Аэлита твоя сестра. — Он пожал плечами.

— Где ты? — Даэдра внезапно появилась перед ним целиком, не только лицо, между двумя миниатюрами на пилонах. На ней был знакомый изумрудный кардиган, длинный, руки и ноги — голые.

— Завуалированный столик, бар в Кенсингтоне «Синдром самозванца».

Между ее бровями возникла запятая подозрения.

— Почему ты в пери-клубе?

— Потому что Анни в отъезде. На мобиле по пути в Бразилию. Если ты согласишься ее принять, ей понадобится периферaль.

— Я занята. — Запятая стала глубже. — Может быть, в следующем месяце.

— Она летит в экспедицию. Намерена жить среди неопримитивистов. Они технофобы, так что ей пришлось удалить телефон. Если все пойдет хорошо, пробудет год или два. Увидеться надо

поскорее.

— Я сказала тебе, что занята.

— Я тревожусь за Анни. Случись что, ее ви́дение будет утрачено вместе с нею. До публикации дело дойдет не скоро. Ты, по сути, труд ее жизни.

Даэдра сделала шаг к столику:

— Все настолько важно?

— Исключительно. Впрочем, она так благоговеет перед тобой, что не знаю, удалось ли бы ее вытащить, даже не будь ты занята. Встречу один на один ей точно не выдержать. Если бы вы смогли побеседовать как бы случайно на каком-нибудь людном приеме… Она, вообще-то, очень уверенно держится в обществе, но рядом с тобой в «Коннахте» словно язык проглотила. До сих пор не может себе простить. Подозреваю, она и к неопримитивистам-то поехала от отчаяния.

— У меня тут кое-что намечено… Не знаю, много ли у меня будет на нее времени.

— Зависит от того, насколько интересной ты ее найдешь. Может, я ошибаюсь.

— Может, ошибаешься, — сказала она. — Я подумаю.

И она исчезла вместе с изумрудным кардиганом и голыми ногами, и тут же исчез зябкий гранитный свет ее голосовой почты.

Недертон вновь смотрел на периферали в «Синдроме самозванца», на их суетливую анимматронную диораму, наблюдаемую в беззвучном режиме. Он махнул проходящей митикоиде. Время опрокинуть еще стаканчик.

Глава 57

Парадный сервиз

Мама как-то сказала, что богатые люди выглядят как куклы, и сейчас, видя Корбелла Пиккета в маминой гостиной, Флинн вспомнила те давние слова. Каждый квадратный дюйм его тела покрывал равномерный загар, благородная густая седина отливала единообразным серебром.

На Флинн была старая фиштейл-парка Леона, такая, которая сзади длиннее, чем спереди. Леон нанес на ткань вредную водоотталкивающую нанокраску, потому что парка протекала от малейшего дождичка. Раритет времен корейской войны, сказал Леон. Не той, на которую он и Бертон не попали по возрасту, а предыдущей, древней. Флинн нашла парку на вешалке у Бертона, после того как перед его бритвенным зеркальцем мазнула губы блеском. Дождь все так же барабанил по «Эйрстриму». Надевая парку, Флинн старалась не коснуться ее снаружи. В старших классах им показывали ролики, что нельзя трогать такую краску, примерно в то же время, когда правительство начало изымать ее

из магазинов.

— Черт, — сказала Флинн, глядя на белый контроллер. — Он подключен к моему телику. Не хочется оставлять телефон, а как отсоединить, не знаю.

— Пусть лежит здесь, — произнес Томми, застегивая куртку. — Если сегодня на участок и зайдет кто-нибудь, кроме ближайших друзей, обратно он уже не выйдет.

— Ладно, — ответила Флинн из-под нависающего капюшона и вслед за Томми шагнула под дождь, гадая, не началось ли уже то, о чем предупреждала Тлен. Вроде бы краски стали чересчур насыщенными, как в старом кино, а вещи — более шершавыми на ощупь.

Ноги заскользили по грязи. Кроссовки были не водоотталкивающие, да и вообще неудобные. Флинн предпочла бы другие, но они остались в будущем, к которому ее мир никогда не придет. И может, они вообще не ее размера. Она подумала о периферали на койке в дальней комнате огромного автодома. Чувство, которое при этом возникло, не имело названия. Может, оно тоже от возвращения в собственное тело? Носки и кроссовки мгновенно промокли насквозь. Флинн шла за Томми по тропе, слушая свистящий звук,

с которым капли торопились скатиться по крашеной ткани.

У заднего входа Флинн вытерла ноги о коврик, открыла дверь и сразу увидела Эдварда. Он сидел за кухонным столом, без визы, и приканчивал сэндвич. Эдвард кивнул ей. Рот у него был набит, глаза — круглые. Через открытую дверь гостиной Флинн видела, что мама достала парадный сервиз. Кивнув Эдварду, она сняла жесткую парку и повесила рядом с холодильником.

— А вот, Элла, и твоя красавица-дочь. — Пиккет стоял у камина, рядом с Бертоном, мама сидела на середине дивана. — А это, должно быть, замшерифа Томми.

— Добрый вечер, мэм, — сказал Томми. — Здравствуйте, мистер Пиккет. Привет, Бертон.

— Здрасте, — выдавила Флинн. Она почти онемела от того, насколько Корбеллу Пиккету было не место в их доме. — Я вас видела на рождественских парадах, мистер Пиккет.

— Корбелл, — ответил он. — Слышал о тебе много хорошего и от Эллы, и от Бертона. И про вас, Томми, от шерифа Джекмана. Рад познакомиться очно, Томми.

— Очень приятно, мистер Пиккет, — сказал Томми.

Флинн обернулась к нему. Он повесил черную куртку рядом с ее паркой и теперь прилаживал шляпу на крючок. Его коричневая форменная рубашка с заплатами на локтях была тщательно отглажена, шерифская звезда блестела, лицо не выражало ничего.

Больше всего Флинн хотела спросить Бертона, купили ли уже губернатора, но нельзя было задать такой вопрос при маме, а уж тем более при мистере Пиккете.

— Привет, — сказал Бертон.

То, как он стоял, напомнило Флинн Коннера в периферали: неустойчивое равновесие, из которого можно быстро прыгнуть в любую сторону.

— Привет, — ответила она.

— Устала, небось?

— Да вроде нет.

— Принеси кофе, Флинн, — попросила мама. — Бертон, помоги встать. Мне уже давно пора в постель.

Бертон подошел, взял ее за руку. Флинн видела, что мама пересиливает болезнь: она это иногда по-прежнему могла, если очень надо. Не хотела, чтобы Пиккет увидел. Кислородную трубку куда-то спрятала.

Флинн вернулась на кухню и взяла кофейник

с плиты. Эдвард, в бесплатном дождевике с мегамартовской эмблемой на спине, как раз собрался незаметно выскользнуть на улицу. Он нервно помахал на прощанье. Пластиковые створки на окошке в двери хлопнули, когда Эдвард закрыл ее за собой.

— Съел свой сэндвич? — спросила мама из комнаты.

— Да, — ответила Флинн, возвращаясь с кофе.

— Знала его тетушку Риту. Работали вместе. Извини, что бросаю тебя, Корбелл. Очень приятно было увидеться после стольких лет. Налей Корбеллу кофе, Бертон. А ты, Флинн, пожалуйста, проводи меня в спальню.

— Да, мам, — сказала Флинн и поставила кофе на стол, на подставку из деревянных бусин, которую Леон сделал, когда был бойскаутом. Потом вслед за мамой вышла в дверь рядом с камином и тихонько притворила ее за собой.

Мама согнулась, ухватила кислородный баллончик, повернула крантик, сунула прозрачные рожки в нос.

— Что у вас с Бертоном за дела с этим типом?

Флинн видела, что мама изо всех сил сдерживается, чтобы не добавить крепкое словцо. А это значило, что она очень, очень сердита.

Глава 58

Ву

Прокатный Фитц-Дэвид Ву, тот, что в рабочем комбинезоне и с пятном мазута на щеке, шел к его столику, неся бокал виски.

— Ты меня видишь, — с обидой проговорил Недертон.

— Да, — ответила периферaль, ставя виски перед ним. — Но больше никто. Это последняя порция. Ваш счет заблокирован.

— Кем? — спросил он, хотя уже знал ответ.

Периферaль вытащила что-то из кармана и показала на ладони: оправленный в золото цилиндрик рифленой слоновой кости. Он трансформировался в медальон, который раскрылся и показал тонированное черно-белое фото строго смотрящей Лоубир, в рыжем твидовом пиджаке и зеленом галстуке, затем плавно перетек в крошечного геральдического льва, увенчанного короной и стоящего на задних лапах, потом опять в богато украшенный цилиндрик.

— С чего мне верить, что он подлинный? Легко сделать ассемблерами.

Периферaль убрала цилиндрик:

— Наказание за подделку жезла крайне сурово и продолжительно. Пейте. Нам пора идти.

— Почему? — спросил Недертон.

— Как только вы вошли в ее голосовую почту, различные лица с разных концов долины Темзы двинулись в этом направлении. Ни одно из них, по имеющимся данным, не связано с нею или с вами, однако тетушки отметили нарушение статистической нормы. Мы должны вывести вас отсюда, по возможности не намекнув на вмешательство властных структур. Пейте.

Получив такое безусловное разрешение, Недертон залил в себя виски, встал, слегка пошатываясь, и запнулся о стул.

— Сюда, пожалуйста, мистер Недертон, — устало проговорила периферaль и, крепко обхватив пальцами его запястье, повела Недертона вглубь «Синдрома самозванца».

Глава 59

Адвенчурные капиталисты

— Все думают, будто самые большие мерзавцы какие-то особенные, но это не так, — говорила мама, сидя на краешке кровати, рядом с заставленным лекарствами ночным столиком. — Маньяки-убийцы и насильники губят меньше людей, чем такие, как Корбелл. Тридцать с чем-то лет назад его отец был членом муниципального совета, а сам Корбелл — эгоистом и воображалой, хотя, по сути, не хуже многих других мальчишек. Сегодня за ним больше раздавленных жизней, чем он в силах упомнить. — Говоря, она смотрела на Флинн.

— Мы тут взялись за одну халтурку, — сказала дочь. — Получили деньги. Насколько нам известно, работа с ним никак не связана. И вот он объявился. Мы его не звали и за него не просили.

— Если Бертон левачит и В. А. узнает, его лишат пенсии.

— Если все получится, может, это будет и не важно.

— Ветеранская администрация хоть по край-

ней мере не прогорит, — сказала мама.

Сзади скрипнула дверь. Флинн обернулась.

— Извини, — сказала Дженис, — но этот козел трет Бертону мозги. Не хотелось оставаться там, где он может меня увидеть и решить, что я слышала.

— А где ты была?

— На твоей кровати, тряслась от злости. Когда Бертон сказал, кто идет, я поставила кофе, помогла Элле причесаться и свалила в твою комнату. Вы как, тетя Элла?

— Хорошо, спасибо, золотко, — сказала мама, но было видно, как ей плохо.

— Вам надо принять лекарства, — заметила Дженис. — А ты бы шла к ним. Там, кажись, дела обсуждают.

Флинн заметила фотографию очень молодого папы, в парадной форме. Моложе Бертона. Когда-то это была его комната, потом мама тут шила. Когда ей стало трудно подниматься по лестнице, ее кровать перенесли сюда.

— Ну, я пошла, — сказала Флинн. — Еще загляну. Если к тому времени не уснешь, поговорим.

Мама кивнула, продолжая отсчитывать таблетки.

— Спасибо, Дженис, — сказала Флинн и вышла.

— Нет, пока не буду лучше представлять, кто покупатель, — говорил Пиккет, когда она вошла в гостиную.

Он сидел в кресле-качалке на бежевом пледе, который, как теперь видела Флинн, не мешало бы постирать. Бертон и Томми расположились на противоположных концах дивана, кофейный столик стоял между ними троими. Пиккет увидел Флинн, но продолжал без паузы:

— Мои люди в Законодательном собрании с вами говорить не станут. Все будет идти только через меня. И еще ваши друзья-приятели должны знать: указанная сумма — только первый взнос. Необходимы дальнейшие выплаты на регулярной основе.

Сидя между Бертоном и Томми, Флинн поняла, что помнит эти интонации по рекламным роликам его дилерской фирмы: каждая фраза вбивается как гвоздь.

— Вот ты, — Пиккет посмотрел ей в глаза, — напрямую общалась с нашими колумбийскими адвенчурными капиталистами.

Флинн твердо выдержала его взгляд:

— Да.

— Расскажи мне о них. Твой брат либо не знает, либо не хочет говорить.

— У них есть деньги, — ответила Флинн. — Часть этих денег теперь у вас.

— А какой у них запашок? Китайский? Индийский? Я даже не уверен, что это офшор. Может, начало и конец здесь, а Колумбия — для видимости.

— Ничего не знаю. Компания колумбийская.

— Колумбия есть и в Южной Каролине, — сказал Пиккет. — Ты и Бертон — их партнеры?

— Пытаемся, — ответил Бертон.

Пиккет перевел взгляд с него на Флинн:

— Может, это правительство.

— Мне такое в голову не приходило, — ответила Флинн.

— Подставная контора. А за ней — безбаши.

— Очень непохоже. Или это какие-то особенные безбаши, — сказала она.

— «Милагрос Сольветра», — произнес Пиккет с таким видом, будто ему противно выговаривать иностранные слова. — Даже не испанский, как мне объяснили. «Соль ветра».

— Я не знаю, отчего ее так назвали, — сказала Флинн.

— Ваша «Милагрос» купила долю в Голландском банке. Как раз пока я сюда ехал. Потратили больше, чем бюджет округа за этот год и три сле-

дующих. Что у тебя и Бертона есть такого, чего не хватает этим людям?

— Они выбрали нас, — сказала Флинн. — Ничего больше не объяснили. Могли бы вы купить этот банк, мистер Пиккет?

Она ему явно не нравилась. Хотя, может быть, ему никто не нравился.

— Вы считаете, что можете быть партнерами такой организации? — спросил Пиккет, обращаясь к Флинн.

Ни она, ни Бертон не ответили. У нее не было сил взглянуть на Томми.

— А я могу, — продолжал Пиккет. — И если я стану их партнером, вы получите деньги, о каких не умеете даже мечтать. А если вы не пойдете на сделку со мной, всякая поддержка Законодательного собрания прекращается. Прямо сейчас.

— Вам неспокойно, что вы не знаете, откуда деньги? — спросила Флинн. — Что вам надо, чтобы успокоиться?

— Прямой доступ к тем, с кем я веду дела. Три месяца назад этой компании не существовало. Мне нужен человек с фамилией, который объяснит, кто за ними стоит.

— Недертон, — сказала Флинн.

— Что?

— Это его фамилия. Недертон.

Флинн поймала на себе взгляд Бертона. Его выражение оставалось прежним.

— Томми, — сказал Пиккет, — очень приятно было познакомиться. Почему бы вам не пойти и не снять вопрос с этими двумя жмуриками? Джекман говорит, вы очень профессионально работаете.

— Да, сэр. — Томми встал. — Пока, Бертон, Флинн.

Он кивнул им обоим и вышел в кухню. Было слышно, как он надевает куртку и застегивает молнию. Потом хлопнули створки на двери.

— А у тебя умная сестра, Бертон, — сказал Пиккет.

Бертон не ответил.

Флинн поймала себя на том, что разглядывает пластмассовый подносик на каминной полке. Такие подносы с мультяшной картой Клэнтона выпустили к двухсотлетию города, когда Флинн было восемь. Мама возила их с Бертоном на юбилейные торжества. Флинн помнила поездку, но сейчас казалось, будто это было в чьей-то чужой жизни.

Глава 60

До кондиции

— Не злитесь, — сказал Ву.

Недертон не помнил про него ничего, кроме фамилии. Ву был одет для какой-то косплейной зоны, в которую Недертон, к счастью, никогда не заглядывал. Наверное, что-то связанное с «блицем»[483].

— Надеюсь, вас не стошнит, — продолжал Ву.

А не исключено, подумал Недертон. Комнатушка без окон, в которой они сидели, куда-то двигалась, спасибо хоть в одном направлении и плавно.

— Ты актер, — сказал Недертон. Это внезапно всплыло в памяти. Хотя какой актер, поди сообрази. Какой-то.

— Я не Ву, — ответил Ву. — Такая нашлась в прокате, и мне вспомнилось, что в ней была ваша бывшая коллега. Постарайтесь не пить так быстро, мистер Недертон, это плохо влияет на вашу

---

[483] Примечания: 483

«Блиц», «Лондонский блиц», «Большой блиц» — немецкие бомбардировки Великобритании 1940–1941 гг., часть Битвы за Британию.

память. Нам надо обсудить ваш разговор с нею, поскольку мне известно лишь то, что было видно по вашим губам.

Недертон выпрямился в кресле. Его роль в ситуации понемногу прорисовывалась, хотя в целом оставалась вполне смутной. Он вспомнил, как его вели узкими, отвратительно чистыми кирпичными коридорами. Спрутосвет и ни пылинки. Мертвенная чистота ассемблеров — лондонских микроскопических уборщиков.

— С кем «с нею»? — спросил он.

— С Даэдрой Уэст.

Недертон вспомнил давящую огромность ее голосовой почты.

— Мы в машине, — сказал он. — Куда едем?

— В Ноттинг-Хилл.

— Нас пригласят, — заявил Недертон. Он вспомнил, что у него была такая надежда.

— У меня создалось впечатление, что вы действительно закинули крючок. При условии, что ее самовлюбленность и впрямь граничит с умственной инвалидностью. Боюсь, что не могу себе позволить так легко обольщаться на сей счет. Возможно, и вам не следует обольщаться, мистер Недертон.

До чего же занудный народ эти актеры.

Глава 61

Десинхроноз

— Я пойду спать, — сказала Флинн Бертону в кухне.

Громила с зонтиком для гольфа только что зашел за Корбеллом и увел того к автомобилю. Глаза так и слипались.

— Думаешь, Недертон управится с Корбеллом?

— Лоубир и другие объяснят ему, что говорить.

— Это еще кто?

— Коннер ее видел. Как я понимаю, мы работаем на нее, а платят нам деньгами Льва. Вернее, деньгами Льва здесь, насколько они его. Тьфу. Я на ногах не стою.

— Ладно.

Бертон стиснул ее плечо, надел куртку и вышел. Дождь уже прекратился. Флинн выключила электричество на кухне, заглянула в гостиную — не пробивается ли свет из-под маминой двери — и вышла на лестницу. Ступеньки редко бывали такими крутыми.

Дженис сидела по-турецки на ее кровати, обложившись «Нейшнл географиками».

— Офигеть, какие были национальные парки до приватизации, — сказала она, поднимая голову. — Козел ушел?

— И Бертон тоже.

Флинн тронула запястье и проверила все четыре кармана джинсов, прежде чем вспомнила, что телик остался в трейлере. Она сняла и бросила на кресло футболку, потом вынуждена была рыться под ней, чтобы достать морпеховскую фуфайку. Надела фуфайку, села на кровать, стащила мокрые кроссовки и носки. Расстегнула джинсы и кое-как вылезла из них, не вставая.

— У тебя вид дохлый, — заметила Дженис.

— Сбой внутренних часов, они говорят.

— Как там Элла?

— Я к ней не заходила, — ответила Флинн, — но свет погашен.

— Лягу на диване, — объявила Дженис, собирая журналы.

— Я сегодня видела столько всякой жести. У тетки, которая сказала мне про сбой внутренних часов, по два зрачка в каждом глазу и по жопе бегают анимированные тату.

— Только по жопе?

— По шее, по рукам. Зверье всякое. Видела у нее на животе, но они сбежали за спину, как в

мультике, потому что меня не знают. Может, на жопу. Не пойму.

— Чего не поймешь?

— Привыкаю ли я к этому всему. То жесть, то вроде так и надо, то снова жесть.

Дженис села. На ней были самовязаные домашние тапочки из розового акрила.

— Ляг уже, Флинн. Тебе нужно поспать.

— Мы только что купили губернатора, блинский блин. Вот это жесть.

— Он сука почище Пиккета.

— Не то что совсем купили. Договорились с Пиккетом заносить ему на регулярной основе.

— Что это вам даст?

— Защиту. Двое Бертоновых ребят убили двух бывших военных, которые пытались проникнуть в дом. Не просто громил. Там, за трейлером.

— А я-то пыталась понять, чего они такие ошалелые.

— Пиккет поручил Томми разобраться с трупами. — Она непроизвольно скроила детскую гримасу. — Где Мэдисон?

— У Коннера, с Мейконом. Осваивают армейский коптер. По крайней мере, был там, когда я последний раз заходила в Хому. Может, уже дома. — Дженис встала, прижимая к животу старые

«Нейшнл географики». — Но я побуду с Эллой.

— Спасибо, — ответила Флинн и уронила голову на подушку. Ее мутило от десинхроноза, а может, от десинхроноза и большей фактурности предметов. Старая джинсовая наволочка под щекой казалась непривычной, грубой, как мешковина.

Глава 62

Не ждали

Когда дверца в автомобиле Лоубир отъехала в сторону, Тлен уже стояла наготове. Она ухватила Недертона за руку, прижала мягкий «медичи» к его запястью и потянула. Он выбрался наружу, с трудом нащупывая ногами ноттинг-хиллский асфальт.

— Постельный режим, — посоветовала Лоубир из закрывающейся дверцы. — Легкое снотворное.

— Прощайте, — сказал Недертон. — Прощайте навсегда.

Дверца — единственная незавуалированная часть машины — исчезла за мельтешением пикселей и стала удаляться под затихающий шорох невидимых шин.

— Сюда, — сказала Тлен, прижимая «медичи» к его запястью и продолжая тянуть за руку. — Если тебя вырвет у Льва дома, Оссиану придется за тобой убирать.

— Он меня ненавидит. — Недертон оглядел улицу, лениво гадая, сколько зданий тут объединено

с домом Льва.

— Ничего подобного, — ответила Тлен. — Хотя в своем нынешнем состоянии ты и вправду малоприятен.

— «Состоянии»! — с горькой издевкой повторил Недертон.

— Говори тише.

Тлен провела его по ступеням в дом, мимо дождевиков и резиновых сапожек в прихожей. Мысль о Доминике заставила Недертона заткнуться.

В лифте он почувствовал себя если не лучше, то по крайней мере спокойнее. «Медичи» явно действовал.

Они спустились в безмолвный гараж и залезли в тележку для гольфа. Тлен крепко пристегнула Недертона ремнем и повезла к гобивагену.

В яхте она выпустила его руку и убрала «медичи».

— Ляжешь наверху. Ее периферал в задней каюте, периферал Антона — в хозяйской.

Тлен коснулась чего-то на стене; из полированной стены почти бесшумно выпала невидимая прежде лестница, ее туго натянутые стальные тросы блестели.

— Иди первым, — сказала Тлен.

Недертон с трудом выбрался в «воронье гнез-

до»: стеклянные стены и серая кожаная обивка.

— Это гидротерапевтическая ванна, опционально, — сказала Тлен. — Пожалуйста, не включай ее. «Медичи» ввел тебе кое-что для сна и кое-что от похмелья. Вот туалет. — Она указала на узкую, обитую кожей дверь. — Сперва туда. Потом спать. Мы позовем тебя к завтраку.

Тлен повернулась и пошла вниз по лестнице, напомнившей Недертону сыворезку.

Он сел на обитую кожей полку, гадая, служит ли она частью ванной, снял ботинки, потом пиджак, не без усилий поднялся и толкнул дверь-гармошку. За ней оказался комбинированный писсуар-раковина, который, видимо, мог служить и унитазом. Недертон помочился и проковылял обратно к вмонтированной в стену койке. Лег. Освещение сразу погасло. Недертон закрыл глаза, пытаясь сообразить, что такое ввел ему «медичи». Что-то приятное.

Проснулся он — как показалось, почти сразу — от шума внизу.

Оттуда пробивался свет, хотя здесь, в «вороньем гнезде», было темно. Недертон сел, чувствуя невероятную ясность в голове и полное отсутствие похмелья. Внизу кого-то рвало. Недертон подумал, что, может быть, он спит и его тошнит

во сне, однако гипотеза не казалась слишком правдоподобной.

Он встал в носках на кожаный пол и на цыпочках — как ребенок, право! — подошел к опасному краю лестницы. Внизу лилась вода. Недертон крадучись спустился на несколько ступеней, пока, нагнувшись, не увидел перифераль Флинн, в черных джинсах и рубашке. Она горстью набрала воды из-под крана в открытом баре, прополоскала рот и энергично сплюнула в круглую стальную раковину, потом резко вскинула голову.

— Привет, — сказал Недертон.

Она, продолжая смотреть ему в глаза, склонила голову набок, вытерла губы тыльной стороной ладони и сказала:

— Стошнило.

— Тлен говорила, что это возможно, в первый раз.

— Недертон, верно?

— Как ты открыла бар?

— Не заперт.

До Недертона только сейчас дошло, что бар закрыт для него одного. Специально так настроен.

— Тебе нельзя пить ничего, кроме воды. — Он спустился по оставшимся ступенькам, сам дивясь своему совету.

— Стой, — сказала она.

— Что-то случилось?

— Где мы?

— В «мерседесе» дедушки Льва.

— Коннер сказал, это автодом.

— Вы так его называете.

Периферал сузила глаза и сделала шаг вперед. Недертону вспомнилась ее мускулатура в экзоскелете.

— Флинн? — спросил он.

Кто-то с топотом бежал вверх по трапу.

Периферал в два шага оказалась у выхода. Ворвавшийся Оссиан, словно под собственной тяжестью, перелетел через ее бедро. В то же мгновение периферал развернулась и со всей силы ударила его ногой в плечо, сзади, полностью распрямив колено. Оссиан со стуком впечатался лбом в пол.

— Лежать, — проговорила периферал, ничуть не запыхавшись. Руки, чуть согнутые, она держала перед собой. — Кто этот наш друг? — спросила она Недертона через плечо.

— Оссиан, — ответил тот.

— Вывихнул… плечо… нафиг, — прошипел сквозь зубы Оссиан.

— Скорее, просто повредил суставную сумку, —

заметила периферал.

Оссиан глянул на Недертона:

— Ее чокнутый братец, да? Парнишка оттуда только что позвонил Тлен. — Слезы внезапно хлынули у него из глаз.

— Бертон? — спросил Недертон.

Периферал повернулась.

— Бертон, — уже с уверенностью повторил Недертон, видя, что это он.

— Мистер Фишер, — сказала, входя, Тлен. — Рада встретиться лично, пусть и относительно. Вижу, с Оссианом вы уже познакомились.

Оссиан выдал новосозданное ругательство на каком-то синтетическом языке.

— Рад оказаться здесь, — ответила периферал Флинн.

Тлен коснулась стены, так что из пола выдвинулось кресло.

— Помоги мне усадить Оссиана, — попросила она Недертона. — Гляну, что у него с плечом.

Это оказалось легче сказать, чем сделать, поскольку ирландец отличался мощным телосложением и был сам не свой от боли и злости. Когда его, с мокрым от слез лицом, все-таки усадили в кресло, Тлен достала «медичи» и прижала к черной ткани пиджака над поврежденным пле-

чом, затем убрала руку. «Медичи» быстро вспух, затем обмяк, неприятно похожий на мошонку и неравномерно просвечивающий. Он делал свое неведомое дело через черный пиджак, и от этого Недертону стало еще противнее. «Медичи» уже раздулся больше Оссиановой головы, внутри закручивалась водоворотами кровь и, возможно, волокна мяса. Недертон отвел взгляд.

— Эй! — крикнула периферaль с верхней ступеньки трапа. — Это что?

Недертон подошел на безопасное расстояние:

— Что?

— Вон там. Большое белое.

Недертон вытянул шею:

— Экзоскелет для силовых упражнений. Фитнес-тренажер.

— Мне пойдет, — сказала периферaль и глянула вниз, кажется на свои груди. — Коннер предупредил, что будет жесть, но…

Она легонько пожала плечами, груди колыхнулись. Периферaль растерянно глянула на Недертона.

— Это легко устроить, — произнесла сзади Тлен. — Экзо не периферaль, хотя у него тоже полный диапазон движений. Однако им можно управлять через гомункула, миниатюрную пери.

Пока мы не подберем что-нибудь еще, лучше тебе пользоваться им, чем периферальюю своей сестры. Надеюсь, ты не повредил ее, когда ударил Оссиана? У нас на нее большие планы.

Периферал подняла ногу, покрутила стопу, словно проверяя, не болит ли.

— Нет, — сказала она, опуская ногу. — Крутая штука.

Тлен, твердой рукой удерживая Оссиана в кресле, произнесла какое-то односложное отрицание, которого не было в человеческих языках минуту назад.

Периферал легкой и (вынужден был признать Недертон) соблазнительной походкой сбежала по трапу и обошла экзоскелет, склонив голову набок, примериваясь.

Глава 63

Блеванул

— Начало шестого. — Дженис поставила кружку кофе на столик у кровати. — Я бы дала тебе поспать подольше, но только что позвонил Эдвард. Он в трейлере с твоим братом. Говорит, чтобы ты шла туда.

Флинн сунула руку под подушку, не нашла телефона, вспомнила, что он не здесь. По краям занавесок просвечивало солнце. Наволочка на ощупь была совершенно обычной.

— Что стряслось?

— Говорит, Бертон блеванул, тебе надо прийти.

— Блеванул?

— Так Эдвард сказал.

Флинн села. Глотнула кофе. Вспомнила, как смотрела на белую корону и провода, идущие поверх армейского одеяла к дисплею Бертона и ее телику.

— Черт. — Она поставила кружку. — Он в нее влез.

— Во что?

— Во все. — Флинн вскочила и принялась рыть-

ся в одежде на кресле, ища чистые носки. Нашла непарные, зато оба черные. Села на кровать, натянула их. Принялась развязывать мокрые шнурки на кроссовках.

— Выпей кофе, — сказала Дженис. — Вы не такие богатые, чтобы выливать Эллин кофе в раковину.

Флинн подняла голову:

— Как она?

— Злится на тебя и на Бертона, что вы связались с Пиккетом, но для нее это хоть какое-то занятие. Серьезно, выпей кофе. Ничего не случится, если ты придешь туда на две минуты позже.

Флинн взяла кружку, подошла к окну и отодвинула занавеску. Ясное солнечное утро, трава и деревья, мокрые от дождя. У ворот красный «Урал» с коляской, подле него «тарантул», скорпионий хвост заканчивается новехоньким заправочным пистолетом, который якобы был там всегда.

— Коннер здесь?

— Минут десять назад приехал. Карлос и еще один парень внесли его в трейлер на таком вроде стула, из полотна и двух кусков пластиковой трубы.

Флинн допила кофе.

— Томми уехал? — спросила она.

— Не видела его. Я там кофе сварила на всех, отнеси им.

Через несколько минут Флинн, умытая, быстро шла к трейлеру. Большой оранжевый термос при каждом шаге бил ее по колену. Дорожка выглядела так, будто по ней, увязая в грязи, промаршировала рота солдат, хотя ходили тут лишь бертоновские ребята и Томми, но, видимо, много раз. Маленький дрон пронесся со стороны дома, завис на мгновение и полетел дальше.

Бертон, в серой водолазке, голубых трусах-боксерах и развязанных кроссовках, сидел в открытой двери, и его лицо было белее незагорелых ног. Флинн остановилась, термос в последний раз ударил ее по колену.

— Ну?

— Ты не сказала мне, что от этого тошнит.

— А ты меня не спросил. Ни о чем.

— Ты спала. Я захожу, та штука на кровати, Эдвард сидит рядом. Ты же знаешь, я видел, как Коннер подключался. Ты бы так же поступила на моем месте.

— Эй, Флинн! — крикнул Коннер из трейлера. — Что там у тебя?

— Кофе.

— Давай сюда. Здесь раненый боец.

— Что ты сделал? — спросила Флинн Бертона.

— Загрузился в твою подружку. Встал, блеванул, уложил первого же, кто вбежал в комнату.

— Черт. Кого?

— С косичкой. Одет как на похороны.

— Оссиан. Ты мне все там испортил, да?

— Тлен его вылечила. Чем-то средним между бычьими яйцами и медузой. У нее что, контактные линзы?

— Что-то вроде пирсинга. Сколько быстроты, решимости и натиска ты в это дело вложил?

— Он злится на меня, не на тебя.

— Долго ты там пробыл?

— Часа три.

— И чем занимался?

— Обустраивался. Перелез из твоей подружки в другую штуку, от которой хоть не краснел на каждом шагу. Обсудил бизнес-планы с четырехглазкой. Твоя девочка вообще кого должна изображать?

— Никто не знает.

— Я всякий раз подпрыгивал, как видел себя в зеркале. На тебя смахивает.

— Просто прическа такая же.

— Раненый боец хочет кофе! — заорал Коннер.

— Встань, — сказала Флинн. — Пропусти меня.

Бертон встал. Флинн поднялась по ступеням и прошла мимо него. Коннер полулежал на койке, подложив под спину подушку Бертона и синий вещмешок Мейкона. Глядя на черные сосиски из полартека на месте недостающих частей тела, Флинн вспомнила, как Коннер бежал в периферали.

— Что такое? — спросил Коннер, смотря на нее.

— Да вот вспомнила, что чашки забыла.

— У Бертона есть, — сказал Эдвард с китайского кресла. Она нагнулся и вынул из прозрачной мегамартовской коробки желтую резиновую кружку.

Флинн поставила термос на стол рядом с белыми проводами, идущими к ее телефону.

— Я думала, контроллер сделан индивидуально для моей головы.

— У тебя волос больше, — ответил Эдвард. — Я напихал сзади бумажных салфеток и придерживал его у Бертона на лбу. Вместе с соленой мазью вроде хватило.

— Отпечатай ему другой. Не хочу, чтобы кто-нибудь пользовался моим. И моей перифералью тоже.

— Извини, — расстроенно сказал Эдвард.

— Знаю, он тебя заставил.

— И я моего сладкого красавчика никому не уступлю, — капризным тоном объявил Коннер.

— Ему там кое-что подобрали, — сказал Эдвард. — Он вернулся сюда на несколько минут, потом ушел снова.

— Периферал? — спросила Флинн.

— Телепузика, — ответил Бертон за ее спиной.

Она обернулась. Лицо у него было уже почти обычного цвета.

— Чего?

— Шесть дюймов ростом. На экзоскелет, на место головы, поставили рубку, в нее посадили телепузика. Синхронизировали их. Я делал сальто назад. — Он улыбнулся во весь рот.

Флинн вспомнила безголовую белую машину:

— Ты был в той штуке для упражнений?

— Тлен не разрешила мне оставаться в твоей девочке.

— И я не разрешаю. Штаны надень.

Бертон с Эдвардом исполнили что-то вроде танца в тесном пространстве: Бертон протиснулся к вешалке, а Эдвард с кружкой в руке пересел на кровать. Он поднес кружку Коннеру к губам, Бертон снял с вешалки новенькие камуфляжные штаны.

— Есть разговор на минутку, — сказал он и вы-

шел со штанами в руках. Флинн за ним. — Дверь закрой.

Перед трейлером Бертон вытащил ногу из незавязанной кроссовки, продел в штанину, вставил обратно в кроссовку, затем повторил то же с другой ногой.

— Ты выходила там из дома? — спросил он, застегивая ширинку.

— Только в сад. И виртуально, в коптере.

— Там почти никого на улицах. Заметила? Самый большой город Европы. Видела кого-нибудь?

— Нет, только в одном месте, но это вроде туристического аттракциона, и Недертон потом сказал, там почти все ненастоящие. И слишком тихо во дворе. Для города, в смысле.

— Меня Тлен тоже катала на коптере, пока тот, с косичкой, налаживал моего телепузика для экзо.

— В Чипсайд?

— Никаких чипсов я не видел. Мы пролетели над рекой, низко. Плавучие острова, что-то типа приливных электростанций. Но за все время я видел пятьдесят, от силы сто человек. Если это были люди. Как в старых исторических играх, до того, как научились делать толпы. Если это не игра, то где все?

Флинн вспомнила, как сама подумала о том же, когда впервые поднялась над городом в коптере.

— Я ее спросил, — сказал Бертон.

— И я. Что она тебе ответила?

— Что людей сейчас меньше, чем было в наше время. А тебе?

— Сменила тему. Она объяснила, почему меньше?

— Пообещала объяснить, когда будет время.

— А ты что думаешь?

— Ты заметила, она считает, что у них всё — отстой?

— Она тебе сказала?

— Нет, но по ней видно. Ты заметила?

Флинн кивнула.

Глава 64

Стерильно

Бар был заперт. Недертон снова прижал большой палец к стальному овалу. Ничего не произошло.

Однако он заметил, что ничуть не огорчился. Может, так чувствуют себя те, кто поставил ламинаты в Патни. Мысль была настолько необычная, что Недертон огляделся, словно проверяя: не видел ли кто, как она у него мелькнула. Видимо, он находился в каком-то сложном биофармакологическом состоянии, «медичи» что-то сделал с его допаминовыми уровнями, рецепторами — в общем, с чем-то. Радуйся, посоветовал он себе, хотя, возможно, все было не так просто.

Тлен сказала Недертону, что заснул он сразу и спал беспробудно до самого появления Бертона. «Медичи», объяснила она, эмулировал эффект гораздо более долгой фазы быстрого сна, чем на самом деле, и еще много чего. Однако, после того как они усадили Оссиана в кресло, Тлен отправила Недертона досыпать, предварительно еще раз приложив «медичи» к его руке. После того крайне

неаппетитного и кровавого, что происходило с Оссианом, процедура казалась негигиеничной, хотя Недертон знал, что на своем наноуровне «медичи» всегда стерилен.

Теперь он проснулся снова и спустился по лестнице-сырорезке. В яхте никого не было, кроме двух периферале. Приятель Флинн, Коннер, оставил свою на шикарной кровати Зубова-деда. Она лежала, раскинув руки крестом и плотно сдвинув щиколотки.

Появилась эмблема Лоубир — пульсирующая корона. Недертон стоял лицом к столу, и создавалось впечатление, что в кресле за мраморной столешницей сидит коронованный призрачный сотрудник «Милагрос Сольветры», фирмы тоже по-своему призрачной.

— Да?

Эмблема перестала мигать.

— Вы спали, — сказала Лоубир.

— Появился брат Флинн. Неожиданно, — ответил он.

— Его тщательно отбирали в армию за исключительное сочетание импульсивности и объективного расчета.

Недертон чуть повернул голову, переместив эмблему за окно, но теперь казалось, что призрак

стоит снаружи, смотрит внутрь.

— Мне показалось, что он все-таки уравновешеннее того, другого.

— Изначально так не было. Их армейские досье сохранились в нашем мире со времен до вмешательства Льва. Они оба искалечены, в разной степени.

— Мне было неприятно, что он в ее периферали. — Говоря, Недертон подошел ближе к окну, поскольку заметил, что вдалеке вроде бы запульсировала арка.

Загорелась другая, ближе, и он увидел Оссиана, который шел к гобивагену, как-то странно выставив вперед чуть согнутые в локтях руки.

— У Оссиана такой вид, будто он толкает что-то, чего здесь нет.

— Русскую коляску. Я поручила техникам в срезе Льва ее разобрать.

— Коляску? — Тут Недертон вспомнил, что видел ее, завуалированную, в прихожей.

— Мы сделали практически невозможным хранение запрещенного оружия. То, что извлекут из коляски, будет почти стерильно.

— В каком смысле стерильно? — спросил Недертон. Ему представился «медичи».

— Лишено опознавательных знаков.

— Зачем оно вам?

— Вы ели? — спросила Лоубир, пропуская вопрос мимо ушей.

— Нет. — Он внезапно понял, что и впрямь голоден.

— Тогда лучше подождать, — сказала Лоубир.

— Чего подождать?

Но ее эмблема уже исчезла.

Глава 65

Черный ход в настоящее

Фаба занимала один конец торгового центра, ближе к городу, «Суши-лавка» — противоположный, их разделяли три пустых магазина. Тот, что сразу за фабой, зачах, когда схлынула мода на пейнтбольных мини-роботов. В соседнем, пока он еще работал, наращивали ногти и волосы. Третий на памяти Флинн был закрыт всегда.

Бертон припарковал прокатную машину перед бывшим мини-пейнтболом. Серый полимер, которым витрины замазали изнутри, уже начал лупиться по углам.

— Теперь он наш, — сказал Бертон.

— Кто «он»?

— Вот. — Бертон указал прямо вперед.

— Арендовали?

— Купили.

— Кто купил?

— «Сольветра».

— «Сольветра» купила магазин?

— Торговый центр. Сегодня утром порешили.

— Кого порешили?

— Не кого, а что. Дело. Бумаги выправляют прямо сейчас.

Флинн не знала, что труднее вообразить: деньги, на которые можно приобрести торговый центр, или идиота, который на него польстится.

— А на фига?

— Мейкону надо где-то держать принтеры. Нам нужно место для работы. К Шайлен мы все не влезем. Она, кстати, толкнула свой бизнес «Сольветре».

— Чего?

— Глянула на тебя, на Мейкона, решила, ей тоже надо. А мы не можем вести дела из трейлера. Да и лучше, если вся веселуха будет подальше от мамы.

— Да, наверное, — сказала Флинн.

— У нас тут дроны в воздухе и еще на подходе, ими занимается Карлос. Главное, не будет этой петрушки, когда адвокаты из Клэнтона возят наличку мешками: в банк не положишь, налоги не заплатишь, отмывать — половину отдашь дяде. Все равно что деньги от лепил. Если мы в «Сольветре США», это наша зарплата. Зарплата и дивиденды.

— А чем занимается «Сольветра США»?

— Строительством и недвижкой. С сегодняш-

него дня. У адвокатов готовы документы тебе на подпись.

— У каких еще адвокатов?

— У наших.

— Что за документы?

— Регистрация. Покупка торгового центра. Твой контракт как внешдира «Милагрос Сольветра США».

— Ну нафиг. Кто такой внешдир?

— Директор по внешним сношениям. Ты уже на должности. Только не подписала контракт.

— Кто сказал?

— Лондон. Мы с Тлен все обсудили, пока я был там.

— Допустим, я внешдир, а ты тогда кто?

— Гендир, — ответил Бертон.

— Знаешь, как глупо это звучит?

— Поговори с Тлен. Ты директор по внешним сношениям, вот и начинай сношать ей мозги.

— Пока это ты мне сношаешь мозги. Соглашаешься хрен знает на что от моего имени.

— Приходится реагировать быстро.

На пустую стоянку въехал «тарантул» и затормозил, пердя жареной курицей. Флинн глянула вниз и встретила широкую улыбку Коннера. Тот заглушил мотор.

— Во что его засунули? — спросил Бертон.

— Что-то среднее между балетным танцором и рубщиком мяса, — ответила Флинн под прищуренным взглядом Коннера. — Демонстратор боевых искусств.

— Спорю, ему понравилось.

— Даже слишком. — Флинн открыла дверцу.

Бертон вылез со своей стороны и обошел машину.

Коннер вывернул шею, чтобы видеть Флинн:

— Давай скорее туда, где есть все пальцы.

— Не забывай, кто тебя туда вытащил. Мой брат тут совсем охренел. Воображает, будто мы затеяли стартап и он — гендир. Не будь таким же.

— Пальцы, ноги-фигоги, мне ничего больше не надо. Привез катетер. В гермопакете в багажнике трайка.

— Ах как интересно, — сказала Флинн.

Бертон отстегивал Коннера от трайка.

— Дамы и господа, — произнес Мейкон, распахивая изнутри закрашенную серым стеклянную дверь, — наш североамериканский флагман рад приветствовать гостей.

На нем была строгая голубая рубашка с черным полосатым галстуком, застегнутая на все пуговицы и накрахмаленная, но не заправленная в

драные джинсы.

— Солидно, — сказала Флинн, увидев за спиной Бертона Шайлен в темно-синей офисной юбке и таком же пиджаке. Даже копна волос выглядела деловой прической.

— Привет, Шайлен, — сказал Бертон.

Он нагнулся и взял Коннера на руки, словно неходячего десятилетнего ребенка. Коннер закинул левую — единственную — руку Бертону на шею. Судя по всему, привычным жестом.

— Привет, Коннер, ты как? — спросила Шайлен.

Флинн чувствовала в подруге какую-то перемену, хотя не могла бы сказать, что именно не так.

— Помаленьку. — Коннер подтянулся на согнутой руке и звонко чмокнул Бертона в щеку.

— А ведь я могу просто бросить этого ушлепка на асфальт, — проговорил Бертон, словно размышляя вслух.

— Уйдем с чужих глаз, — сказал Коннер.

Мейкон отступил с дороги. Бертон с Коннером на руках шагнул вперед, Флинн за ним, Шайлен вошла последней и закрыла дверь.

Просторное помещение ярко освещали светодиоды в прозрачных желтых проводах. На заляпанных краской гипсокартонных стенах чет-

ко выделялись места, где раньше были прилавки и перегородки. Кто-то уже пропилил сюда прямоугольную дыру из заднего помещения фабы и завесил ее с другой стороны синим полиэтиленом. На полу перед дырой лежали две новые электропилы.

Чуть дальше стояли три больничные койки с белыми матрасами в не до конца снятой пузырчатой пленке, три капельницы и штабель упаковочного пенопласта высотой с Флинн.

— Что это? — спросила она.

— Тлен продиктовала, я заказал, — ответил Мейкон.

— Я думала, ты лазарет открываешь, — заметила Флинн. — Для больницы что-то сильно говнецом припахивает.

— Сантехник уже выехал, все исправит, — сказала Шайлен. — Электрика в норме, мини-пейнтбольщики поставили розеток — хоть попой ешь. Буду помаленьку прибираться в перерывах между основными делами.

— Мы снова туда, верно? Койки для нас? — спросила Флинн.

— Коннер первый, — ответил Бертон, укладывая того на ближайшую.

— Только что закончил печатать ему новый

телик, — сказал Мейкон. — Такой же, как у тебя, Флинн. Тлен считает, ему надо поскорее акклиматизироваться. Пока его периферaль упражняют с помощью облачного ИИ.

Флинн глянула на Мейкона:

— Ты уже во все въехал?

— Главная часть работы. По большей части все логично, но иногда упрешься в такое, что кажется невозможным или в корне неправильным. Тогда Тлен либо объясняет, либо говорит не брать в голову.

Флинн обернулась. Бертон разговаривал с Шайлен. Слов было не разобрать, но чувствовалось, что Шайлен уже не лезет на стенку, как раньше, стоило им оказаться рядом.

— Она продала фабу? — спросила Флинн.

— Да, — ответил Мейкон. — Не знаю за сколько, но, думаю, за много. Очень кстати, а то я в последнее время здорово замотался, а она тут как рыба в воде.

— Как она с Бертоном?

— Нормально.

— Был напряг. Еще день или два назад.

— Да, — согласился Мейкон. — Но при том она ухитрялась кормить себя и еще многих в городе за счет дела, которое было не «Мега», не лепка

наркотиков и хотя бы отчасти не левое. В этом смысле, я бы сказал, она не изменилась. Просто стала сосредоточенной.

— Я не думала, что она когда-нибудь успокоится насчет Бертона.

— Что тут действительно меняется, — продолжал Мейкон, — так это экономика.

Флинн вспомнила, как они в старших классах изучали гражданское право. Мейкон тогда единственный понял про коллегию выборщиков. Сидел очень прямо и объяснял им всем. С таким же, как сейчас, выражением лица.

— В каком смысле? — спросила она.

— На макро— и микроуровне. На микроуровне Пиккет уже не самый богатый человек в округе. — Мейкон поднял брови. — А вот на макроуровне супержесть. Рынок взбесился, все стоят на ушах, Хома гудит, слухи ходят самые бредовые. И все с тех пор, как Бертон вернулся из Дэвисвилла. Это все устроили мы. Мы и они.

— Кто «они»?

Флинн вспомнила, как хорошо он соображал в математике, лучше всех, но после школы не смог пойти в колледж: надо было кормить семью. Мейкон, наверное, самый умный из ее знакомых, сколько бы ни прикидывался дурачком.

— Тлен сказала, кто-то еще оттуда сумел к нам проникнуть. Ты знала?

— Да, — кивнула Флинн. — Нанимают людей, чтобы нас убить.

— Угу. Тлен говорит, сейчас на рынке есть две разные аномальные пролиферации субсекундных экстремальных событий. Мы и они. Ты петришь в субсекундной финансовой фигне?

— Нет.

— На рынке действует уйма хищных трейдинговых алгоритмов. Они эволюционировали и научились охотиться стаями. У Тлен есть люди, которые заставляют эти стаи работать на «Сольветру» так, что хрен кто заметит. Но те, другие, у которых свой черный ход к нам, обладают такими же инструментами или очень похожими.

— И что это значит?

— Что-то вроде невидимой мировой войны, только в экономике. Пока, по крайней мере.

— Мейкон, душа моя! — крикнул с больничной кровати Коннер, обрамленный ореолом разорванной пузырчатой пленки. — Принеси раненому бойцу его катетер, пока какая-нибудь сволочь не сперла.

— А может, я просто сошел с ума, — сказал Мейкон, поворачиваясь к двери.

Флинн прошла в самый дальний угол, за койки и капельницы, и остановилась перед грязным зарешеченным окном. Углы были затянуты пыльной паутиной с мертвыми мухами и паучьими яйцами. Представила, как дети стреляют пейнтбольными шариками по маленьким роботам и танкам в большой песочнице, которая когда-то занимала всю центральную часть помещения. Такое чувство, что это было сто лет назад. Даже два дня казались огромным сроком. Флинн вообразила, как паучьи яйца проклевываются и оттуда лезут не пауки, а неведомо что.

— Хищные алгоритмы, — сказала она.

— Чего-чего? — переспросил Коннер.

— Понятия не имею.

Глава 66

Падуны

— Она тебе позвонит, — сказала Тлен, передавая Недертону дугообразную полоску бесцветного пластика, вроде женского обруча на волосы. — Надень.

Недертон глянул на обруч, потом на Тлен:

— Надеть?

— На лоб. Не ел, надеюсь?

— Она велела подождать.

Нехорошие предчувствия у него возникли еще раньше, когда Тлен вошла, держа в руках стальной тазик, с которым встречала Флинн. Сейчас тазик стоял на полу, подле самой большой секции кожаной обивки.

Появилась эмблема Лоубир.

— Да? — спросил Недертон раньше, чем она запульсировала.

— Автономный отсекатель, пожалуйста, — сказала Лоубир.

Тлен уже спускалась по лестнице, стальные тросы вибрировали под ее шагами. Недертон опасливо надел обруч, ближе к волосам, чем к

бровям.

— Советую лечь, — произнесла Лоубир тоном стоматологической медсестры.

Он нехотя лег, обитая кожей койка с чрезмерной услужливостью подстроилась под его голову.

— Закройте глаза.

— Терпеть этого не могу, — сказал Недертон, закрывая глаза.

Теперь осталась только эмблема.

— С закрытыми глазами считайте до пятнадцати. Потом откройте их.

Недертон не стал считать. Ничего не происходило. Затем на мгновение эмблема Лоубир стала как на древнем фотографическом негативе. Он открыл глаза.

Мир перевернулся, швырнул его вниз.

Недертон лежал, свернувшись клубком, в совершенно сером месте. Слабый свет был таким же серым, как все остальное. Потолок нависал так низко, что нельзя было бы встать или даже сесть.

— Прибыли, — сказала Лоубир.

Недертон вывернул шею. Почти перед самым его лицом копошилось что-то немыслимое. Раздалось короткое лающее поскуливание, и Недертон

понял, что сам и скулил.

— Австралийские военные зовут их падунами. В местном фольклоре есть такое животное — медведь-падун, убивает туристов, сваливаясь им на голову, — сообщила Лоубир. Тупорылая мордочка, похожая на коалью, не двигалась при ее словах, чуть приоткрытая пасть демонстрировала немлекопитающее обилие крохотных острых зубов. — Устройства-разведчики, маленькие, расходные. Их десантировали на парашюте, затем переместили сюда. Как вы себя чувствуете?

Пустые серые глаза были круглые и гладкие, как бусины, одного цвета с безволосой мордочкой. Вогнутые уши — или локаторы — судорожно поворачивались, одно независимо от другого.

— Поверить не могу, что вы притащили меня сюда. Только не это, — сказал Недертон.

— Придется смочь. Вас не тошнит?

— Я настолько зол, что даже тошноты не чувствую, — объявил Недертон и внезапно понял, что так оно и есть.

— За мной! — И зверек быстро пополз вперед, низко держа голову, чтобы не удариться о потолок (если это был потолок).

Боясь остаться в одиночестве, Недертон пополз следом, вздрагивая при виде своих передних лап.

У них был отстоящий большой палец.

Выбравшись из-под неведомого укрытия, периферaль Лоубир поднялась на короткие задние лапы.

— Вставайте, — сказала она.

Недертон встал, сам не понимая, как это сделал. Он оглянулся и увидел, что они вылезли из-под карниза в нише. Все было млечно-просвечивающе-серым. Свет впереди, видимо, шел от луны и пробивался через бесчисленные мембраны тошнотворной архитектуры.

— Наши устройства уже пожираются островными ассемблерами, которые уничтожают все, что не сами создали, — от дрейфующих кусочков пластмассы до сложных чужеродных объектов, — сказала Лоубир. — Поскольку нас едят, мы не сможем пробыть здесь долго.

— Я вообще не хочу здесь находиться.

— Не забывайте, что вы совсем недавно участвовали в проекте по монетизации острова. Как бы он вас ни раздражал, он не менее реален, чем вы. И даже более реален, возможно, поскольку ни у кого сейчас нет планов монетизировать вас. А теперь — за мной!

И коалоподобная зверюшка припустила к свету то на двух, то на четырех лапах. Недертон рванул

следом, обнаружив в себе неожиданную прыть. Лоубир бежала по серой безобразной местности, а может быть, зданию, поскольку они находились в каком-то замкнутом пространстве, больше голосовой почты Даэдры. Поверхность, по которой они бежали, была слегка волнистой.

— Надеюсь, у вас были достаточно веские резоны, — сказал Недертон, нагоняя ее, хоть и знал, что такие, как Лоубир, могут без всяких резонов позволить себе что угодно, например отправить Анни Курреж на мобиль, идущий в Бразилию, или его сюда.

— Каприз, скорее всего, — ответила она, словно читая его мысли. Бег не мешал ей говорить, как, впрочем, и ему. — Хотя, надеюсь, так вы лучше запомните то, что я вам здесь скажу. Например, что мое нынешнее расследование целиком держится на одном пункте протокола.

— Протокола?

— Тело аль-Хабиба не уничтожили при атаке, а оставили лежать в неприкосновенности: очень странно, если вспомнить протокол, и особенно протокол американских низкоорбитальных ударных систем.

— Почему? — спросил Недертон, цепляясь за сам факт разговора как за спасательный круг.

— Система, ставящая приоритетом безопасность Даэдры, первым делом устранила бы всякую возможность посмертной угрозы с его стороны.

— С чьей?

— Аль-Хабиба. В него, например, могла быть имплантирована бомба. С учетом его размеров, довольно мощная. Или роевое оружие. Однако система занялась остальными.

Недертон вспомнил силуэт летящей руки.

— Протокол требовал, чтобы с ним поступили так же. Этого не произошло. Значит, была какая-то стратегическая причина. Помедленнее, пожалуйста. — Она довольно ощутимо постучала его по груди серой когтистой лапкой. — Мы уже близко к ним.

Музыка. Если не считать шороха его и Лоубир лап, первый звук, который Недертон тут услышал. Как завывание ветроходов, но более низкий, гулко-ритмичный.

— Что это? — Недертон резко остановился.

— Реквием по аль-Хабибу, возможно. — Она тоже остановилась. Покрутила ушами. — Сюда.

Она повела его вправо, к ближайшей колонне. Колонна была прямоугольной в основании; добравшись до края, Лоубир опустилась на четыре

лапы и выглянула из-за угла, словно зверюшка в какой-то очень неправильной детской книге.

— Вот и они.

Недертон упер правую лапку в колонну, перегнулся через падуна Лоубир и тоже заглянул за угол. Маленькие, серые, ожидаемо мерзкие фигуры — довольно много, целая толпа, — сидели на корточках вокруг стоящего тела главного мусорщика. Теперь оно было пустое, из тонких мембран, как все на острове. Безглазое, с раззявленным ртом, оно держалось за счет подпорок из просоленного дерева.

— Включают его в ткань острова, — сказала Лоубир. — Не столько в мифологию, сколько в пластик. Каждая клетка его тела заменена крохотным полиэтиленовым пузырьком. Как видите, он благополучно улизнул.

— Улизнул?

— В Лондон. Американцы дали ему такую возможность, не уничтожив останков. Хотя нашему Хамеду цирковые исчезновения не в новинку. Клептархическое семейство третьего ряда. Регион Персидского залива. Дубай. Но пятый сын. Быстро пошел по дурной дорожке. Очень дурной. Еще до двадцати получил смертный приговор, сумел убежать. Особенно рьяно ищут его саудов-

цы. Тетушки, разумеется, знали, где он, хотя я совершенно про него забыла. И мы, конечно, не стали бы ничего сообщать саудовцам, разве что в этом появилась бы какая-нибудь выгода. Кстати, его мать швейцарка, специалист по культурной антропологии. Занималась неопримитивистами. Наверное, отсюда он взял своих мусорщиков.

— Он инсценировал свою смерть?

Музыка (если это была музыка) инфразвуковым буром ввинчивалась в мозг Недертона. Он выпрямился, отступил от Лоубир и колонны:

— Не могу больше.

— Инсценировал, причем самым тщательным образом. ДНК периферали принадлежат некой фиктивной личности, хотя и с подробнейше задокументированным прошлым. Собственная ДНК Хамеда, подозреваю, тоже уже в заметной степени фиктивна, чтобы обмануть саудовцев. Однако я сжалюсь над вами, мистер Недертон. Вижу, как вам трудно. Закройте глаза.

Недертон послушался.

Глава 67

Черная красавица

Их адвокатская контора — «Клейн, Крус, Верметт» — базировалась в Майами. Из трех чуваков, с которыми они встретились в закусочной «Меги», один, Брент, носил фамилию Верметт. Впрочем, он был не основатель фирмы, а сын основателя, еще даже не полноправный партнер.

Идею сесть в закусочной предложил Мейкон. Иначе бумаги пришлось бы подписывать в фабе, или в соседнем помещении, или в полицейской машине Томми, который привез адвокатов с футбольного поля, где сел арендованный ими в Клэнтоне вертолет. В Клэнтон из Майами они прилетели на собственном самолете. Все трое были ужасно любезны. Надо думать, «Сольветра» отвалила им бешеные бабки, чтобы вели себя так, будто Флинн, Бертон и Мейкон в роли директоров корпорации — никакая не дикость. Впрочем, любезность адвокатов сильно упрощала дело. Брент, у которого загар на вид был еще дороже, чем у Пиккета, умял тарелку свиных наггетсов, двое других ограничились мегамартовским латте.

Флинн видела Томми лишь один раз, когда тот привел адвокатов с парковки, и не имела случая перемолвиться с ним хоть словом. Она догадывалась, что роль охранника и шофера — теперь часть его работы или часть сделки Джекмана с Пиккетом. На обратном пути к машине Томми кивнул Флинн, она улыбнулась в ответ.

Она подумала было, что все это — Томми везет адвокатов на встречу — чересчур демонстративно, потом прикинула, что его отношения с горожанами всегда отдавали левизной. Очень многие знали про Джекмана и Пиккета, и даже не хочется думать, сколько народу кормилось от лепки, пусть и не напрямую. Так что если видишь, что Томми высаживает у «Мегамарта» людей в деловых костюмах и ждет в автомобиле, пока они проведут встречу, ты притворяешься, будто ничего не заметил. А может, даже подходишь к нему поздороваться и Томми угощает тебя эспрессо из кофе-джонсовской машины, а ты не спрашиваешь, чего он тут делает.

Теперь в закусочной остались только Мейкон и Флинн. Бертон вместе с Томми повез адвокатов обратно к вертолету. Флинн взяла себе полпорции наггетсов, к которым питала тайную страсть.

— Будь у нас по две головы, они бы все равно

делали вид, что так и надо, — заметил Мейкон.

У него в глазу была виза, и Флинн догадывалась, что он буквально приглядывает за биржевыми новостями.

— Они вели себя ужасно любезно.

— Скажи спасибо, что они не адвокаты твоих врагов.

— Ты техдир, да? — спросила она.

— Ага.

— Шайлен ведь не в совете директоров? Это Бертон решил?

— Вряд ли он. Сдается, они прикинули, кто необходим для их затеи. Ты, Бертон, я, по-видимому, и Коннер.

— Коннер?

— Тоже не в совете, но, похоже, необходим.

— Как ты определяешь?

— Он уже проглотил такую. — Мейкон достал из кармана новой голубой рубашки прозрачную пластиковую коробочку. В единственном углублении на белом пенопласте лежала блестящая черная капсула. — Тебе будет нужна вода, запить.

— Что это? — Флинн взглянула на Мейкона.

— Трекер. Не он сам, желатиновая оболочка. Так труднее потерять, легче проглотить. Сам

трекер и разглядеть-то трудно. Тлен заказала их в Бельгии. Внедряется в слизистую желудка, живет там полгода, потом саморазрушается и выходит естественным путем. У компании собственная система низкоорбитальных спутников. Штука недолговечная, но компания сделала это не багом, а фичей, поскольку все время меняет вшитый шифр.

— Это чтобы следить, где я?

— Практически в любом месте, если тебя не засунут в клетку Фарадея или в шахту. Чуток понадежней Хомы, — он улыбнулся, — да и телефон ты можешь потерять. Вода нужна?

Флинн открыла коробочку, вытряхнула капсулу. По виду — самая обычная. Крохотные отражения огоньков бара в глянцевой черноте.

— Не надо. — Флинн положила капсулу на язык и запила черным кофе из бумажного стаканчика, который Бертон оставил на столе. — Если бы еще кто-нибудь в Бельгии мог сказать, на каком я свете и вообще.

— Знаешь, что такое сопутствующий урон?

— Когда людей ранит или убивает из-за того, что они случайно оказались поблизости?

— Считай, это про нас. Мы в нынешнюю историю попали случайно, не потому, что мы такие

или этакие. И теперь люди, которые в силах менять фундаментальные законы физики или, по крайней мере, экономики, делают что-то по каким-то своим причинам. Мы можем разбогатеть или погибнуть, и все это будут побочные эффекты.

— Похоже на правду. И что же нам делать?

— Постараться не стать сопутствующими жертвами. Не мешать тому, что происходит, поскольку от нас ничего не зависит. И потому что это интересно. А еще я рад, что ты проглотила капсулу. Теперь, если потеряешься, трекер нам скажет, где тебя искать.

— А если я захочу потеряться?

— Это ведь не они пытаются тебя убить, верно? — Мейкон снял визу, глянул Флинн в глаза. — Ты их видела. Решат они тебя замочить, если ты по-крупному им подгадишь или выставишь их на бабки?

— Нет. Даже не скажу точно почему. Но они все равно могут своими играми угробить наш мир, к чертовой бабушке. Ведь могут?

Пальцы Мейкона сомкнулись на сложном переплетении жестких серебристых нитей, в которых бегали огни проекторов.

Он кивнул.

Глава 68

Антитело

Недертон лежал, крепко зажмурившись, и всеми печенками ненавидел серый свет мусорного острова. Внезапно на него пахнуло чем-то теплым, сладким и в то же время чуть металлическим.

— Сожалею, мистер Недертон, — произнесла Лоубир совсем рядом, — не было никакой необходимости брать вас на эту тягостную экскурсию.

— Я не открою глаза, пока не буду знать точно, что мы уже не там.

Он чуть-чуть приподнял одно веко. Лоубир сидела напротив.

— Мы в куполе сухопутной яхты, — сказала она. — Не периферально.

Недертон открыл оба глаза и увидел, что она зажгла свечу.

— Вы были здесь?

— Нет, в шатре Тлен. Если бы я пришла раньше, вы бы спросили, куда мы отправляемся, и, возможно, отказались.

— Пакостное место. — Недертон имел в виду

остров, но слова могли с тем же успехом относиться к палатке Тлен.

Он сел, подушка, державшая его голову, втянулась в койку.

— Тлен, — сказала Лоубир, обнимая пальцами свечу, словно для тепла, — считает вас консерватором.

— Вот как?

— Или романтиком. Она думает, вы воспринимаете прошлое как утерянный рай. Верите, что при старом порядке или, вернее, беспорядке жизнь была более естественной.

Отсекатель съехал на глаза. Недертон снял его и, переборов желание сломать пополам, отложил в сторону.

— Это она оплакивает массовые вымирания. Я всего лишь думаю, что тогда в целом было не так скучно.

— Я лично помню мир, который вы рисуете себе в фантазии, воображая, что он лучше нынешнего. Эпохи — удобное приспособление для тех, кто их не пережил. Мы выпиливаем историю из необъятного целого. Привинчиваем к выпиленному таблички. Приклеиваем ярлыки. Потом говорим о ярлыках так, будто они есть время.

— Не представляю, как может быть иначе, —

сказал Недертон. — Мне просто не нравится нынешнее положение дел. И ровно так же оно не нравится Тлен.

— Знаю. Это есть в вашем досье.

— Что?

— Что вы хронический оппозиционер, впрочем совершенно пассивный. Иначе бы мы встретились раньше. — Васильковые глаза глянули пристально.

— А почему вы думаете, что аль-Хабиб здесь? — спросил Недертон, чувствуя острую потребность сменить тему.

— Аль-Хабиб периферально присутствовал на острове много лет, хотя не в той пери, в какой видели его вы и Рейни, — сказала Лоубир. — То, во что Даэдра вонзила ноготь, было очень дорогим индивидуальным заказом, доставленным на остров всего за несколько дней до памятного события. Полный геном, комплект органов, отпечатки пальцев. Все, что нужно для констатации смерти. Создание острова приписывается вымышленной фигуре. Прежнюю периферaль аль-Хабиба, вероятно, выбросили в океан, чтобы ее утилизировали ассемблеры. Спасибо американцам, все ближайшее окружение главаря уничтожено, а те, кого мы видели, вплели его

тело в ткань острова. Увековечили то, за что он себя выдавал.

— Так он и не бывал раньше на острове?

— Точно присутствовал в самом начале вместе с первой флотилией, или что там было. Вполне возможно, участвовал в каннибализме. Он совсем не паинька, наш Хамед. А вот притворяться умеет замечательно.

— За кого он себя выдавал?

— За пророка. Шамана. Крайне мотивированная личность, а это всегда заразительно. Принимал те же наркотики, что и мусорщики. Которые, кстати, сам им и поставлял. То есть, разумеется, лишь делал вид, будто принимает. Если вы так не любите скуку, рекомендую искусственно созданные сообщества, особенно те, во главе которых стоят харизматичные лидеры.

— Вы считаете, он осуществлял это все отсюда?

— Нет. Из Женевы.

— Из Женевы?

— Вполне удобное место, чтобы ждать возможности оптимально монетизировать остров. И разумеется, его мать — гражданка Швейцарии.

— С двумя членами и жабьей головой?

— Все легко заменить обратно. — Лоубир пальцами затушила свечу. — Впрочем, он допустил

ошибку, не оставшись там. Лондон — его ошибка. Поспешность.

— Почему?

— Потому что он снова попал в сферу моего внимания.

Недертон увидел выражение ее лица и поспешил еще раз сменить тему:

— Раз уж вы поощряете мое любопытство, позволю себе задать еще вопрос: что вы пообещали Льву?

— Помощь с его хобби.

— Будете ли вы мне лгать?

— Если возникнет серьезная необходимость, да.

— Вы говорите мне, что помогаете ему управлять срезом?

— У меня, в конце концов, есть некоторый исторический кругозор. Доступ к сведениям, которые здесь мало кто может получить. Да и там тоже. Знание, где спрятаны определенные скелеты. Истинная, а не показная политика некоторых официальных и неофициальных лиц. Снабжая Тлен и Оссиана нужной информацией, я значительно увеличиваю их возможности. Сама удивляюсь, насколько это оказалось захватывающе.

— Кто там еще пытается убить Флинн и ее брата? Вы знаете?

— Нет, хотя у меня есть подозрения. — Лоубир достала из внутреннего кармана крахмальный белый платок и вытерла пальцы. — История с аль-Хабибом так же скучна, как ее претенциозная экзотичность, мистер Недертон. Здесь мы на той же странице. Недвижимость, переработанный пластик, деньги. Тот, кто проник в срез Льва, почти наверняка с этим всем связан. Куда интереснее, конечно, как им удалось туда пролезть.

— Неужели?

— Да, поскольку из-за таинственной природы сервера все остается полной загадкой.

— Можно спросить, чем вы на самом деле занимаетесь?

— Вы гордились тем, что не знаете, на кого работаете. Очень вне тренда. Я, когда у меня возникает такое настроение, могу гордиться, что не знаю, чем занимаюсь.

— Буквально?

— При достаточной широте взглядов — да. В молодости мне довелось служить во внешней разведке. Думаю, в некотором смысле я остаюсь разведчиком и сейчас, но сегодня у меня есть возможность расследовать то, что я считаю нужным.

Скажем так, вопросы государственной безопасности. И еще я сотрудник правоохранительных органов, что бы это ни означало в наше откровенно клептархическое время. Иногда я чувствую себя антителом, мистер Недертон. Только защищающим болезнь.

Лоубир улыбнулась нехарактерно грустной улыбкой. Недертону вспомнилось, как они с Рейни — Ву ехали в автомобиле Лоубир и та сказала, что воспоминания у нее подавлены. Видимо, остались и неподавленные, потому что в эту минуту он ощутил их тяжесть.

Глава 69

Звучит ужасно

Флинн еле успела заметить, что на столе у Бертона все лежит неровно, когда Райс приложил ей к шее что-то, что она поначалу приняла за фонарик. Боль. Потом она вырубилась.

Накануне, после разговора с Мейконом, Флинн поехала домой, неторопливо крутя педали. Она постаралась не заметить то место на дороге, где машина киллеров съехала в кювет. Не высматривала дронов. Делала вид, будто все как обычно.

Мама уже спала. Дженис ушла, вместо нее сидела Литония, которая сказала, что Леон привез ее из фабы. Флинн поднялась к себе, легла, не собираясь спать, и ей приснился Лондон. С воздуха все улицы были запружены, как в Чипсайде будущего, но не лошадьми и повозками, а грузовиками, легковушками и автобусами. И людьми. Только это был не Лондон, а их город, разбогатевший, разросшийся, отчего в нем появилась река шириной с Темзу.

Проснувшись, Флинн спустилась на первый этаж. Мама все еще спала. Литония что-то смот-

рела в визе. Флинн пошла к трейлеру, думая, что, может быть, Бертон уже там, просто поленился зачекиться в Хоме.

— Черт, Райс! — возмутилась она сейчас, дергая кабельные стяжки на запястьях.

Райс, за рулем, ничего не ответил, только глянул через плечо, и от этого стало по-настоящему страшно. Не оттого, что он вырубил ее электрошокером и привязал к сиденью кабельными стяжками, а оттого, что по лицу было видно: он напуган до потери пульса.

У Флинн было по кабельной стяжке на каждом запястье: одна продета в другую, и обе закреплены на большой, уходящей под сиденье. Флинн могла положить руки на колени, а поднять их выше уже не могла. Машина была незнакомая, но не картонная и не электрическая.

— Меня заставили, — сказал Райс. — Выбора не оставалось.

— Кто заставил?

— Пиккет.

— Сбавь скорость.

— Он будет за нами гнаться, — объявил Райс.

— Пиккет?

— Бертон.

— Черт…

Флинн не могла понять, где они едут. Грейвлироуд? То вроде похоже, то нет. Мимо проносились кусты.

— Сказали, убьют мою семью, — продолжал Райс. — И убили бы, только у меня никого нет. Один я. Меня бы и убили.

— За что? Что ты сделал?

— Ни хера я не делал. Убьют, если не привезу тебя к нему. У него свои люди в безопасности. Безбаши кого хошь найдут. Отыщут меня, и он отправит кого-нибудь меня замочить.

— Мог бы сказать нам.

— Ага, чтобы меня убили. В любом случае точно убьют, если я не привезу тебя прямо сейчас.

Флинн видела, как у Райса ходят желваки, словно передавая его историю шифром, все, что он не хочет говорить или даже не знает сам.

— Я не хотел, — говорил Райс. — Выбора не было, верить им или нет. Сказали убьют, значит убьют.

Флинн ощупала карманы джинсов. Телефона там не было, и на запястье тоже, и она на нем не сидела.

— Где мой телик?

— В медной сетке, которую мне дали.

Флинн глянула в окно. Потом на пластиковые

буквы на бардачке:

— Что у тебя за машина?

— «Джип-виндикатор».

— Нравится?

— Ты что, сбрендила?

— Поддерживаю разговор, — сказала она.

— Не картонная. Американская.

— Разве их не все делают в Мехико?

— Тебе охота сейчас обсирать мою машину?

— В которой ты меня похитил?

— Не говори так!

— Почему?

— Звучит ужасно, — процедил Райс сквозь зубы, и Флинн поняла, что он готов разрыдаться.

Глава 70

Агент

На кухне пахло блинами, которые пек Лев.

— Она помогает тебе со срезом. Сама мне сказала, — сообщил Недертон.

В саду шел дождь, капли падали на яркие, словно синтетические, листья функий. Интересно, тилацины не любят сырость? Ни Гордона, ни Тиенны было не видно.

Лев поднял глаза от сегментированной чугунной сковороды:

— Я не думал, что ты поймешь.

— Что именно?

— Привлекательность континуума. Или сотрудничества с ней. Она уже провела нас в Белый дом.

— Там ведь сейчас первый срок Гонсалес?

— Не прямой контакт. Пока. Но мы близко. Я еще не слышал, чтобы кто-нибудь внедрялся в континуум так глубоко. Лоубир знает, где нужные шестеренки. Как они работают.

— Это она тебе и предложила в первую встречу?

— Взаимовыгодное сотрудничество, — сказал Лев, снимая сковороду с конфорки. — Она помогает мне, мы защищаем Бертона и его сестру, ты помогаешь ей в деле Аэлиты, с Даэдрой или еще с чем. — Он лопаточкой начал перекладывать блины на тарелки. — Черная икра или семга?

— Икра настоящая?

— Если хочешь настоящей икры из осетра, тебе к моему деду.

— Да нет; вообще-то, не хочу.

— Я пробовал, — продолжал Лев. — Не почувствовал разницы. Эта совершенно как настоящая.

— Спасибо, положи мне ее.

Лев аккуратно нагрузил каждый блин икрой и сметаной.

— Оссиан пригнал из Ричмонд-Хилла «бентли», — сказал Недертон. — Похож на серебристо-серый паровой утюг. Без окон, шесть колес. Кошмарище. Стоит у вигвама Тлен. Что это и зачем?

— Представительский автомобиль. Начало джекпота. Нужно кое-что разобрать, и это будут делать в «бентли», чтобы ассемблеры не вылетели.

— Коляску?

Лев поднял глаза от блинов:

— Откуда ты знаешь?

— Оссиан показал мне ее, когда мы ждали периферaль твоего брата. Не упомянул, что будете разбирать. Потом я увидел, как он катит ее по гаражу, и Лоубир объяснила, что ей нужно оружие.

— Когда ты в первый раз ее видел, Оссиан еще ничего не знал. Лоубир спросила про коляску сразу после того, как вы вернулись из клуба. Вернее, не про коляску. Спросила, есть ли у меня оружие. Я оружия не держу. Потом вспомнил.

— Ассемблеры?

— Короткого действия. Саморазрушающиеся. Если что-нибудь пойдет не так, из автомобиля они не вылетят.

— Оссиан сказал, Доминике не понравилась коляска.

— Мне тоже. Дедушка хотел как лучше, но он человек другого поколения. Ты когда-нибудь бывал в Федерации?

— Нет, — ответил Недертон.

— Вот и я счастливо избежал.

— Доминика родилась здесь?

— Буквально в Ноттинг-Хилле.

Лев принадлежал к числу людей, созданных для семейной жизни, — состояние, в котором

Недертон себя вообразить не мог. И чем дальше, тем больше становилось состояний, для него немыслимых.

— Зачем Лоубир оружие из коляски? — спросил он, принимая у Льва теплую тарелку.

— Не сказала. Учитывая качество советов, которые она дает Оссиану и Тлен, я не склонен угадывать ее мотивы.

— Ты не знаешь, кто там еще в срезе?

— Нет. Но финматики у них не хуже, чем у Тлен.

Они теперь сидели за дубовым столом, и Лев занес вилку над тарелкой с блинами. Потом нахмурился:

— Да? Когда? Они знают кто? — Взгляд на Недертона, хотя на самом деле сквозь него. — Держите меня в курсе. — Лев отложил вилку.

— Что случилось? — спросил Недертон.

— Сигнатура телефона Флинн исчезла в двух милях от ее дома.

— Вы не знаете, где она?

— Знаем, — ответил Лев. — У нее в животе трекер. Система извещает нас, как только она оказывается за пределами заданного периметра. И телефон, и трекер доехали до ближайшего городка, где она бывает часто, затем повернули на

север. Тут телефон исчез. Либо она выключила его, чего никогда не делает, либо кто-то блокировал сигнал. Вскоре после этого она покинула периметр. Автомобиль движется по очень плохой дороге, часто превышая скорость.

— Флинн в автомобиле?

— Да, но приближается к дому наркосинтезатора, контролирующего ее округ.

— Ее похитили? — спросил Недертон.

— Тлен говорит, Лоубир вне себя.

— Что вы намерены предпринять?

— У Лоубир есть в срезе свой агент или агенты, — ответил Лев. — Тлен говорит, они уже этим занимаются. И ее брат с Мейконом, разумеется, тоже.

— Что за агенты?

— Она не говорит. Тлен и Оссиану это не нравится. Вероятно, те самые люди, у которых есть доступ в Белый дом к Гонсалес, но сама Лоубир молчит. — Он взял вилку. — Ешь, пока не остыли. Потом спустимся в гараж, поговорим с Тлен.

Глава 71

Мегафазенда

Дом Пиккета, насколько Флинн смогла его разглядеть, оказался совсем не такой, как ей представлялось.

Райс проехал мимо белых ворот с окошками-бойницами, но не свернул к ним, а покатил дальше, вдоль белой пластиковой ограды, сфабленной по чьим-то представлениям о старой плантации, к другим воротам, попроще. Там ждал гольф-кар и рядом с ним двое в камуфляже и шлемах. У обоих были винтовки. Райс вылез и обменялся парой слов с одним, пока другой общался с кем-то по беспроводной гарнитуре. На Флинн никто не смотрел.

Она бросила попытки говорить с Райсом несколькими милями раньше, заметив, что из-за этого он ведет машину еще хуже. Не хватало только угробиться в темноте на паршивой дороге, пусть даже и в такой ситуации. Они все время проезжали мимо разбитых автомобилей, которые так и лежали, поскольку у штата, а уж тем более у округа не было денег их убрать. Флинн

гадала, не болтали ли пассажиры с кем-нибудь вроде Райса, когда произошло крушение. Потом вспомнила, что проглотила черную пилюлю. Интересно, сработает ли. Райс убрал ее телефон в клетку Фарадея, а про трекер не знал.

Потом Райс вернулся к джипу, открыл дверцу со стороны Флинн, достал кусачки, разрезал кабельную стяжку, держащую ее на сиденье, и велел вылезать.

При этом он положил руку ей на голову, как полицейские в телешоу, и Флинн подумала, что за три года знакомства Райс ни разу ее не коснулся. Даже руки не пожал.

— Увидишь Бертона, скажи, я ничего поделать не мог.

— Знаю, — ответила Флинн, и ей стало еще горше от мысли, что это правда. Что такие, как Пиккет, действительно могут сказать Райсу: «Сделай то-то, или мы тебя убьем».

Он закрыл дверцу машины, отдал сетку с ее телефоном ближайшему охраннику, сел на водительское место, закрыл свою дверцу, выехал на дорогу и укатил.

Охранник, взявший телефон, защелкнул что-то вроде собачьего поводка на кабельной стяжке, удерживающей вместе ее запястья. Второй смот-

рел, как закрываются ворота. Потом ее усадили в гольф-кар с надписью «КОРБЕЛЛ ПИККЕТ ТЕСЛА» на боку. Тот, что с поводком, плюхнулся рядом на заднее сиденье, другой сел за руль. В полном молчании они подъехали к дому Пиккета откуда-то сзади, по гравийной дороге, даже не выровненной как следует.

Задний фасад дома был освещен снаружи прожекторами и страшен как атомная война. Чтобы создать ощущение целостности, его сплошь замазали белой краской, и все равно это выглядело так, будто фабрику или магазин по продаже автомобилей превратили в мегафазенду, а затем присобачили к ней дешевый сетевой ресторан и пару бассейнов. Возле дороги торчали будки и какие-то механизмы, накрытые брезентом. Неужели Пиккет лепит наркоту прямо здесь? Трудно поверить, но, может, ему по барабану. Или он вообще живет в другом месте.

Кар подкатил к белой рулонной двери в фабричной части здания, остановился, и охранник на соседнем сиденье легонько дернул за поводок: выходи, мол. Наблюдая за Флинн, но не глядя ей в глаза. Второй что-то тронул у себя на поясе, и дверь с лязгом поднялась. Флинн провели в большое, главным образом пустое пространство

и дальше между рядами белых пластмассовых бочек, как для дождевой воды.

Наконец они уперлись в бетонную стену, наверное от первоначального дома. Здесь была дверь, обычная, из «Меги», но с привинченным ржавым железным засовом. Это уже больше походило на деревенский амбар, чем на жилье наркобарона, но, видимо, Пиккет и правда не заморачивался, что тут как выглядит. Флинн ждала — а что ей еще оставалось? — пока второй охранник отодвигал засов и открывал дверь. Войдя, он сразу включил свет: очень много светодиодных фонарей, висящих низко под невысоким бетонным потолком. В середине стоял стол, привинченный к полу оцинкованными скобами, и два стула, как из мегамартовской закусочной, по его длинным сторонам. Больше мебели не было. Флинн подвели к столу. Точно в середине кто-то просверлил дыру и вставил туда загнутый крюк, на какой вешают детские качели. Все покрытие из нержавейки было во вмятинах и царапинах, словно разделочный стол в кафетерии, и Флинн не хотелось думать об их происхождении. Охранник с поводком подвел ее к стулу с дальней стороны стола, напротив двери, и указал на сиденье. Флинн села. Он вытащил синюю безовскую стяжку, пристегнул ее

руки к железному крюку, отцепил поводок, и оба ушли, оставив свет и закрыв за собой дверь. Было слышно, как скрежещет вдвигаемый засов.

— Бляха-муха, — сказала Флинн и тут же поняла, что это звучит по-детсадовски и ее, возможно, записывают.

Она огляделась в поисках камер, не нашла ни одной. Хотя они почти наверняка тут были, поскольку не стоят почти ничего, а вдруг пленник скажет или сделает что-нибудь такое, про что ты хочешь знать. Свет резал глаза: такой белый светодиодный, в каком твоя кожа выглядит абсолютно кошмарной. Флинн, наверное, могла бы встать, но побоялась, что уронит стул и не сможет сесть обратно.

Заскрежетал засов.

Вошел Корбелл Пиккет в панорамных черных очках. Подошел к столу, оставив дверь открытой. Часы у него были как с приборной панели старого самолета, но золотые, на кожаном ремешке.

— Ну? — спросил он.

— Что «ну»?

— Когда-нибудь вывихивала челюсть?

Флинн просто смотрела на него.

— Могу устроить, — сказал он, глядя ей в глаза, — если не расскажешь еще про людей из

вашей липовой Колумбии.

Она кивнула, самую малость.

— Много еще ты знаешь помимо того, что сказала мне в доме?

Она собралась было открыть рот, но Пиккет поднял руку — ту, что с золотыми часами. Флинн застыла.

— Твои колумбийцы, — произнес он, опуская руку, — липовые или нет, не единственные с деньгами. Допустим, есть кто-то еще. Допустим, я с ними говорил. О тебе. И насрать им на всех адвокатов из Майами. Я бы сказал, что ты зарвалась, но это слишком слабое слово.

Флинн ждала, что сейчас он ее ударит.

— Не вздумай рассказывать мне байки. — Его ровный загар в ярком свете выглядел еще жутче, чем ее кожа.

— Нам ничего толком не объяснили.

— Люди, с которыми я говорил, хотят, чтобы я тебя убил. Прямо сейчас. Они получают доказательства твой смерти и отваливают мне больше денег, чем ты можешь вообразить. Значит, ты не такая рядовая вшивота, какой выглядишь. В чем твоя ценность?

— Понятия не имею, зачем я кому-то сдалась. Или почему «Сольветра» захотела работать имен-

но с нами. Знала бы, сказала. — И тут на нее что-то нашло, какой-то отчаянный пофигизм, как в «Операции «Северный ветер»». — Откуда эти ваши люди, по их словам?

— Не сказали, — ответил он, злясь, что это правда, и тут же разозлился на себя, что ответил на вопрос.

— Если я мертвая сто́ю больше, чем живая, почему я до сих пор жива? — спросила внутренняя пофигистка.

— Разница между обналиченным чеком и козырем. — Он подался вперед. — Ты ведь не дура?

— Уилф Недертон, — сказала Флинн, и внутренняя пофигистка исчезла так же резко, как появилась. — В «Сольветре». Он предложит больше.

Пиккет улыбнулся самую чуточку, даже не улыбнулся, а едва приподнял уголки рта.

— Если позвонить по твоему телефону отсюда, — сказал он, отступая от стола, — они сразу поймут, где ты. Мы выждем, пока он не окажется в другом месте, и сделаем перенаправленный звонок, ты и я, мистеру Сольветре. А пока ты посидишь здесь.

— Свет не выключите?

— Нет. — Пиккет вновь улыбнулся своей мик-

роулыбкой и ушел, закрыв за собой дверь.

Лязгнул засов.

Глава 72

Типа культурный

Недертон наблюдал, как Оссиан трансформирует развуалированную прогулочную коляску, глянцевую, словно обсосанный красно-белый леденец, во что-то условно человекоподобное.

Две пары задних колес превратились в ступни-восьмерки, на которые опирались леденцово-полосатые ноги. Блестящая броня вокруг детского сиденья сплющилась и расширилась наверху, имитируя плечистую фигуру. Передние шины, поднятые в воздух, наводили на мысль о сжатых кулаках. Недертон подумал, что ребенку такое и впрямь могло бы понравиться. В новом обличье коляска выглядела если не опасной, то, во всяком случае, задиристой.

Нажимая большим пальцем на бело-розовый пульт, Оссиан подвел коляску к открытому представительскому «бентли». Она залезла внутрь, цепляясь лапами-колесами за серебристо-серую обивку, устроилась на сиденье, смотрящем против хода движения, и замерла, как только Оссиан последний раз щелкнул по пульту.

Тлен велела Недертону оставаться с Оссианом, покуда она и Лев занимаются исчезновением Флинн. Тлен и Оссиан были на связи, однако Недертон слышал только реплики Оссиана, да и то на их меняющемся тарабарском языке.

Оссиан надел на белый экзоскелет две карикатурно большие перчатки или даже руки. С неестественным количеством пальцев, черные, обмяклые, они походили на анатомически неправильных исполинских пауков. Со второй у Оссиана что-то не заладилось, так что он временно бросил ее и занялся развуалированием и раскладыванием коляски.

— Когда они доберутся до Флинн? — спросил Недертон.

— Ты отлично знаешь, что я не знаю. — Оссиан бросил пульт в широкий карман фартука, нагнулся поправить желтые щитки, надетые поверх черных брюк, и встал на колени перед белым экзоскелетом.

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Да. Не стоять над душой, — ответил Оссиан, не поднимая головы.

— Бертон поехал за ней?

— Похоже на то.

— Думаю, он толковый малый.

— Если не принимать во внимание тенденцию слетать с катушек. — Оссиан ткнул чем-то вроде карандаша в обвисший палец непослушной перчатки. Мигнул красный огонек.

— Он был дезориентирован, — сказал Недертон. — Вполне объяснимо. Когда ты ворвался, он среагировал.

— Я бы тебя с удовольствием дезориентировал, не будь ты нужен Льву, чтобы врать твоей бывшей телке. Правда, что она периодически себя свежует и продает свою кожу желающим?

— Если предпочитаешь такую формулировку, — сказал Недертон.

— А ты извращенец, да?

— Она — творческая личность, — ответил Недертон. — Тебе не понять.

— В рот мне ноги, — глубокомысленно произнес Оссиан, словно изрекая глубокую философскую истину, затем несколько раз прижал инструмент-карандаш к черному пауку, который теперь на целую минуту зажегся ровным зеленым светом.

— Зачем они?

— Для помощника Мейкона. Полевые манипуляторы, армейские. Могут что угодно, от укладки кирпичей до нанохирургии. После того как я его запру, уже не смогу выпустить за гаечным клю-

чом нужного размера.

— Запрешь?

— Там. — Оссиан указал на серебристый автомобиль без окон. — Запру обоих вместе, откачаю воздух до частичного вакуума. Если что-нибудь вылетит, останется в машине. На самом деле это чисто для спокойствия Зубова. Ассемблеры самоуничтожающиеся. А иначе ничего в этой машине их бы не остановило.

Недертон глянул на экзоскелет. Еще раньше, во время визита Бертона, Оссиан прилепил ему на плечи прозрачный цилиндрический колпак. Под колпаком неподвижно, расставив ноги, стоял гомункул, который вез их в «дом утех». Только на самом деле, как знал теперь Недертон, машину вела Тлен.

Оссиан встал, бросил черный карандаш в карман к пульту.

— У Лоубир кто-то есть в срезе, — сказал он. — Ты, небось, не в курсе?

— Не в курсе, — соврал Недертон. — Кто?

— Знал бы, не спрашивал. Кто бы они ни были, им не платят. По крайней мере мы. Тлен ведет учет всех наших расходов там. У Лоубир есть шестерки, которые могут проникнуть куда угодно, выяснить что угодно.

— Я бы сказал, именно то, что вам нужно.

— Нам не нужны неизвестные величины в команде. Получается игра Лоубир.

— Она сама неизвестная величина. И очевидно, что игра уже давно ее. С тех пор, как она и Лев поговорили наедине.

— Он этого не видит. Только что она улучшила для него игру. Хотя тебя, может, послушает. Ты у нас типа культурный. — Оссиан заморгал, отвел взгляд, прислушался. Что-то сказал на очередном эсперанто. Снова прислушался и наконец сказал Недертону: — Они к ней приближаются.

— Она в безопасности?

— Жива, по крайней мере. Трекер в животе передает нам основные жизненные показатели.

— Трекер?

— Иначе мы бы не знали, где она.

Новые руки экзоскелета с неожиданным сухим шелестом растопырили пальцы в гиперманипулятивной готовности.

— Придержи коней, — сказал Оссиан, обращаясь не к Недертону и, очевидно, не к Тлен. — Я должен еще засунуть тебя внутрь и откачать воздух.

Гомункул в прозрачном куполе опустил руки, и тут же черные пальцы экзоскелета безвольно

обвисли.

Глава 73

Красный, зеленый, синий

В сортире был унитаз с сиденьем, но не было двери, и охранник с поводком стоял футах в шести, приглядывая за Флинн уголком глаза. Винтовку он где-то оставил и был теперь с пистолетом в черной нейлоновой кобуре, которая цепляется на пояс и пристегивается ремешком к бедру, где носила бы пистолет горилла.

Флинн радовалась, что ей надо только по-маленькому, учитывая, что оправляться предстояло на людях. Она убедила охранников, что ей правда очень надо в туалет, иначе она написает в штаны и это будет неприятно Пиккету, когда тот вернется, а он точно собирался еще прийти, хотя и нескоро. Так что Флинн верно угадала про камеру и правильным голосом объяснила, что ей приспичило. Без крика и злости, просто обращаясь к двери, поскольку не знала, где камера. Дважды, с интервалом в несколько минут, постаравшись во второй раз не вложить в голос больше нажима. Довольно скоро пришли охранники, прицепили поводок, разрезали синюю безовскую стяжку и

вывели Флинн из помещения. Примерно в тридцати футах влево, в противоположную сторону от рулонной входной двери, обнаружилась туалетная кабинка без двери.

Сидя на унитазе, Флинн подумала, что сейчас героиня «Операции «Северный ветер»» разрезала бы поводок спрятанным в трусах мини-кинжалом. У нее не было мини-кинжала, но охранники ее не обыскали, и Райс, возможно, тоже. А значит, они расхлябаннее многих ИИ, против которых ей случалось играть, и не в курсе, что у нее есть тюбик блеска для губ, который может быть ядом или взрывчатым гелем. Правда, охранник был все-таки не совсем лох: он пристегнул нейлоновое кольцо поводка к облезлой трубе прямо над унитазом, так что Флинн, даже будь у нее оружие, никого бы не смогла уложить, разве что из пистолета. Когда она натянула джинсы и встала, он подошел, разрезал стяжку и отвел Флинн обратно.

Именно тогда она впервые заметила мошку, хотя и не обратила внимания. Комар и комар. Промелькнул совсем близко и пропал.

Чуть позже, пристегнутая к столу новой безовской стяжкой, Флинн услышала жужжание возле самого уха. Оба охранника уже ушли. Если

в бочках за дверью стоячая вода, тут должны быть комары. Со связанными руками их даже не отогнать.

Флинн, за неимением выбора, смотрела на запертую дверь. Внезапно в поле ее зрения, точно на уровне глаз, проплыли справа налево три огонька, один за другим, потом исчезли. Красный, зеленый, синий. То ли квадратные, то ли прямоугольные. Флинн не успела толком задуматься, что с ней — инсульт или какой-то приступ, — как они проплыли снова, опять справа налево, в том же порядке, сблизились и слились в один длинный. Бирюзовый.

И зависли на белой, захватанной руками двери.

Флинн повернула голову, думая, что пиксельный рисунок сдвинется. Однако он остался на месте, над столом, ближе, чем ей сначала показалось. Как будто там правда что-то есть — бирюзовое, невозможное.

— Хм, — произнесла Флинн, вспоминая мошек, которые убили и съели женщину, потом — бесчисленные серии «Чудес науки» про НЛО. Там таких мелких не было.

Штука спускалась к ее связанным запястьям. Вертикально, как маленький лифт. Вытянулась

и принялась вращаться на стальном столе, так что превратилась в бирюзовый диск размером с древний десятицентовик. И все это с жужжанием. А Флинн даже руки шире развести не могла.

Бирюзовый цвет сменился желтым, и в центре диска возникло стилизованное изображение красного наггетса. Штука по-прежнему вращалась, поскольку Флинн слышала звук. Что-то вроде мультика.

— Мейкон?

Диск вспыхнул красным.

Она что-то сделала не так.

Снова бирюзовый. Потом изображение уха, одной черной линией, как в предупреждающих роликах. Потом муха, тоже контуром. Потом то и другое рядом, муха сжалась и скользнула в ушную раковину. Потом опять желтый, вместо одного наггетса два, бляшка Эдварда. Желтый фон стал бежевым, превратился в значок Лоубир — бледную золотую корону. И тут же диск исчез, осталась крохотная мошка. Не муха. Прозрачная, будто восковая.

— Нет, — чуть слышно проговорила Флинн и подалась вперед.

Вжих — в ее левое ухо. С жужжанием. Глубже. Жужжание превратилось в голос Мейкона:

— Молчи. Тебя слушают через камеру. Делай вид, будто ничего не происходит. Исполняй в точности, что я скажу.

Флинн заставила себя поглядеть на дверь. Голос был и правда как у Мейкона, но она по-прежнему видела пижамные штаны и футболку над пустой улицей.

— Щелкни зубами дважды, раз-два, не открывая рта, как можно тише.

Флинн посмотрела вниз. Щелкнула зубами два раза подряд. Самый громкий звук в мире.

— Теперь минуту сиди не двигайся. Как сейчас, только не шевелясь. Но и не застыв, как камень, потому что я запишу видео с камеры, а потом закольцую и отправлю обратно на камеру, чтобы они видели этот кусок, а не то, что будет дальше. Поняла?

Щелк-щелк.

— Не дергай головой или руками. Резкие движения в повторе подчеркивают, что фрагмент закольцован. Как скажу: «Давай!» — действуй. Сперва затычки в уши, потом костюм.

Она ничего не поняла. Какой костюм?

— Все нормально? — спросил он.

Щелк-щелк.

— Записываю, — сказал голос.

Флинн уставилась на дверь. Ручка, следы пальцев. Только бы у мамы было все хорошо и Литония сидела с нею.

— Готово, — сказал наконец Мейкон. — Закольцевал. Вставай.

Флинн уперлась ладонями в стол и поднялась, оттолкнув мегамартовский стул. Лязгнул засов.

Дверь открылась. Вошел ужас. Как будто у нее плавится сетчатка. Клубящееся пятно.

— Спрут-костюм, — сказал Мейкон в ее ухе; Флинн вспомнила: камуфло по типу каракатицы, как у Бертона и Коннера на войне.

Костюм считывал и воспроизводил то, что ближе всего, однако частично был забрызган кровью. Словно кусок взломанного игрового кода. Затем возникла спрут-перчатка с томагавком Бертона, метнулась вперед, зацепила и рассекла синюю безовскую стяжку. На нижнем изгибе головки был специальный вырез, острый-преострый, острее остального лезвия. Для веревок и проводов. Секунда, и он рассек стяжку, держащую вместе запястья Флинн. Другая перчатка — серо-стальная, как стол, — протянула два оранжевых комочка на оранжевом шнурке, вроде самых дешевых мегамартовских леденцов. Флинн сунула их в уши, как велел Мейкон. Интересно, он так и хотел,

чтобы она заперла мошку внутри?

Бертон упал на пол, пролез под столом, вскочил рядом с нею. Хруст липучки, глаза Бертона. Спрут-материя развернулась, стала оттенка ее лица под безжалостными диодами, с двумя размазанными пятнами цвета ее глаз — костюм пытался эмулировать Флинн, — и вот уже она нырнула в него головой, руками, потянула вниз, слишком широкий и свободный, темный внутри, приглушающий белое свечение ламп. Бертон застегнул собственный костюм, нагнулся и застегнул костюм Флинн, начиная с ног.

— Вперед, — сказал Мейкон. Из-за затычек его голос звучал иначе.

Бертон схватил ее, бросил через стол, перескочил сам, как гимнаст через коня, потащил Флинн к двери и дальше. Она споткнулась. Ее нога — пятно бетона. Рядом кобура охранника, залитая кровью, пистолет так и не вынут.

Шагнула через него.

— Дверь, — сказал Мейкон в самом ухе. — Давай!

Рулонная дверь, через которую ее сюда провели, открыта, снаружи темная ночь. Широкая ползунковая штанина спрут-костюма цепляла за все, и Флинн боялась, что упадет.

Не игровая кровь, заметила про себя какая-то другая Флинн или ее часть, наблюдающая со стороны.

Глава 74

Первое нежное касание

— Все, добрался до нее, начинает эвакуацию, — сказал Оссиан.

Оператор из среза только-только усадил экзоскелет в машину, на заднее сиденье напротив неподвижной коляски.

— Кто? — спросил Недертон.

— Ее психоненормальный братец. Тлен говорит, она перегибает палку.

— Флинн?

— Лоубир. Запечатай дверь. — Последнее, вероятно, относилось к «бентли».

Отверстие в боку автомобиля послушно стянуло края. Что-то в этом было неприятное, какое-то осьминожье, особенно завершающий этап превращения дыры в сплошную серебристо-серую поверхность.

— Полная герметизация. Откачать треть внутренней атмосферы.

Зашипел выходящий воздух.

— Разбирай, — сказал Оссиан, надо думать, оператору. — Если в инструкции непонятно,

спроси меня.

— Перегибает палку? — спросил Недертон.

— Она собирается предпринять серьезный шаг. Необратимый.

— Пусть прежде освободит Флинн.

— Соединить тебя с ней? Она будет страшно рада услышать совет под руку от нашего штатного трепла.

Недертон, пропустив замечание мимо ушей, спросил:

— Что экзоскелет там делает?

— Пытается избавить коляску от двух самонаводящихся, самоограничивающихся роевых орудий. Ты видел, как я только что раскладывал ее голыми руками, и, наверное, думаешь, что и остальное раз плюнуть. Но нет, садисты, которые ее проектировали, не собирались облегчать нам жизнь. И сейчас наш техник как раз вскрыл проблему… — Оссиан слушал что-то, чего не слышал Недертон. — Так и есть. Я был прав.

— В чем? — спросил Недертон.

— Ей не понравилось первое нежное касание, — довольным тоном сообщил Оссиан. — Она выбросила ассемблеры. Они съели бóльшую часть кожаной обшивки Зубова-отца и биологические элементы нашего манипулятора. Никто

не хотел мне верить, что эта штука не переходит в спящий режим. У нее нет выключателя. Только и ждет случая убить того, кто попытается вытащить ее из коляски. Впрочем, оба орудия теперь у нас. И то, что сработало, выпустило всего несколько тысяч мошек. Остались еще миллионы. Эту дрянь хрен перезарядишь ближе чем в Новосибирске.

Появилась золотая корона на бежевом фоне.

— Флинн в безопасности? — спросил Недертон.

— Я тебе говорил, что не знаю, — буркнул Оссиан.

Недертон отошел от «бентли».

— Насколько я могу судить, да, — ответила Лоубир.

— Оссиан сказал, Тлен считает, что вы перегибаете палку.

— Тлен умница, но не привыкла действовать с позиции силы. Пиккету в наших дальнейших планах места нет. И кто-то недавно покушался на вашу жизнь, мистер Недертон. Пиккет, надо понимать, уже связан, пусть даже и не напрямую, с людьми, которые заказали ваше убийство. Хотите отправиться туда?

— Куда?

— В срез Льва.

— Это же вроде невозможно?

— Физически — да. Виртуально, пусть очень примитивным образом, — детская забава.

— Забава?

— В данном случае даже чересчур буквально, — сказала Лоубир.

Глава 75

Исходные

За попытку сфабить спрут-кос безбаши тебе руки оторвут. Хуже, чем за печать деталей для превращения винтовки в автомат, хуже, чем за лепку большей части наркотиков. Флинн не ожидала увидеть такой костюм, кроме как на экране, и уж тем более не думала когда-нибудь такой надеть.

На задворках у Пиккета было неестественно тихо. Флинн все ждала, что сейчас поднимется крик, стрельба, завоет сигнализация. Ничего. Только хруст гравия под колесами квадроцикла. Электрического, такого нового, что еще чувствовался запах. Куплен, наверное, на часть выигрыша в лотерею или на клэнтонские деньги. Такой мощный, что, поставь на него грейдерный отвал, выровнял бы дорогу как нечего делать. Через фабричные багажные крепления протянули канат, чтобы удобнее держаться. Колеса скелетные, непневматические: на гравии были как у горного велосипеда, а как только Бертон свернул с дороги — расширились. По траве они шуршали

уже совсем тихо.

— Мейкон? — спросила Флинн, не уверенная, что он ее слышит.

— Здесь, — отозвался комар в ухе. — Погоди, вытащим тебя, поговорим.

Флинн не видела, куда они едут. Ее комбинезон — та часть, через которую предполагалось смотреть, — почти упирался в спину Бертона, и оба спрут-коса без остановки пытались эмулировать друг друга. От мельтешения искаженных шестиугольников рябило в глазах и голова шла кругом. В «Чудесах науки» такое показывали. Наконец Бертон затормозил, выключил мотор, спрыгнул с квадроцикла. Дернул липучку у себя, потом ухватился за костюм Флинн возле шеи, потянул с хрустом. Ночной воздух в лицо. Бертон стиснул ее руку у плеча, шепнул: «Легкий Лед». Флинн едва слышала его через затычки. Вынула одну, левую, на оранжевом шнурке.

— Не вытаскивай, — сказал Бертон. — Может быть громко.

Вталкивая затычку обратно, Флинн повернула голову и увидела за спиной Бертона, в тени металлической будки, Коннера в анимешном протезе с щиколотками шире ляжек.

Нет, не Коннера. Торс и обе руки были такие,

будто в полартековские ползунки напихали пластилина, комками. И — как заметила она, подойдя ближе, — для полной бредовости нацепили на место головы резиновую маску президента Гонсалес; знаменитые шрамы от прыщей — кратеры на широких скулах. Флинн заглянула в прорези глаз. Ничего.

Из-за протеза, держа буллпап под мышкой, вышел Карлос весь в черном: черная лыжная шапка до бровей, на глазах черные контактные линзы ночного зрения. У Бертона под расстегнутым спрут-косом тоже все было черное.

— Нужен твой кос для нашего приятеля, — сказал Карлос.

Флинн дала костюму съехать на землю и вышагнула из него. Мельтешение шестиугольников сразу исчезло, сменилось травой. Карлос поднял спрут-кос, расстегнул молнии с липучками и повесил его на высокий рюкзак за спиной у протеза. Бертон пристроил свой спереди, так что маска Гонсалес теперь смотрела между незастегнутыми полами. Бертон и Карлос, хрустя липучками, принялись соединять комбинезоны между собой так, чтобы не было взаимной эмуляции с мельтешением. По спрут-материи пробегали черные вихри — отражение их черной одежды, но, едва Бертон

с Карлосом закончили и отступили в сторону, протез полностью слился с тенью за будкой.

— Пошел! — скомандовал Бертон кому-то, кого здесь не было.

Протез шагнул из тени. Только маска и ноги ниже щиколоток, а между ними будто пустота. Как сбой в глючной игре. Где-то на костюме по-прежнему была кровь охранника с поводком, но Флинн уже не помнила его лица. Протез сделал второй шаг, третий. Та же походка, какой Коннер подходил к холодильнику, но вся фигура наклонена вперед под весом рюкзака. Шлеп-шлеп, косолапо, к гравию. Теперь Флинн уже не видела маску. Протез шкандыбал назад, к залитому светом прожекторов уродливому дому Пиккета.

— Что вы делаете? — спросила Флинн у Бертона.

Тот поднял палец к губам, залез на квадроцикл, сделал ей знак, чтобы села за ним. Карлос устроился позади Флинн, ухватился за канат, и Бертон покатил по траве, прочь от гравийной дороги.

У Пиккета, оказывается, было поле для гольфа, с гаражами для машинок. Выглянула луна. Колеса тихо шуршали по ровной земле, покрытой не то полимером, не то генно-модифицированным газоном. Енот застыл в темноте, только его

голова поворачивалась, провожая квадроцикл взглядом.

За полем для гольфа начался подъем: некошеный луг с редкими тропами, коровьими или лошадиными. Флинн различила впереди что-то белое, потом поняла, что это все та же ограда, на другом отрезке дороги. Когда они подъехали ближе, две фигуры в черном подбежали, подняли секцию и сдвинули ее в сторону. Бертон, не сбавляя скорости, выкатил через дыру на асфальтовую дорогу, которую округ на деньги Пиккета содержал в таком отличном состоянии, и погнал дальше.

Примерно милей дальше, возле большого белого автомобиля, ждал Томми, в черной куртке и шлеме с эмблемой управы шерифа. Бертон затормозил рядом с ним.

— Флинн, ты как? — спросил Томми.

— Вроде нормально.

— С тобой ничего не сделали? — Он смотрел так, будто хочет увидеть ее насквозь.

— Нет.

По-прежнему глядя внутрь нее:

— Мы отвезем тебя домой.

Бертон спрыгнул с квадроцикла, перешел на другую сторону дороги, встал спиной к ним и за-

журчал. Флинн тоже слезла. Карлос передвинулся на водительскую часть седла, взялся за руль, завел мотор, развернул квадроцикл и уехал в темноту еще до того, как Бертон закончил пи́сать. Видимо, забрать двух других ребят.

Томми открыл пассажирскую дверцу, и Флинн села в машину. Томми обошел автомобиль, открыл дверцы слева, сел за руль. Бертон плюхнулся за ним, и оба закрыли свои дверцы.

— У тебя правда все нормально, Флинн? — опять спросил Томми, глядя на нее.

Она захлопнула свою дверцу.

Томми завел машину. Некоторое время они ехали в темноте — не туда, куда укатил Карлос, а в противоположную сторону. Потом Томми включил фары.

— Пиккет — мудак, — сказала Флинн.

— Не новость, — ответил Бертон. — Это был Райс?

— Пиккет обещал убить его, если не привезет меня. Сказал, безбаши найдут его где угодно.

— Я так и прикинул, — сказал Бертон.

Флинн не хотелось обсуждать ни Райса, ни то, что они тут затеяли. Говорить с Мейконом через комара тоже не стоило, чтобы не отвлекать Томми от ночной дороги. Так что Флинн просто ехала

и ехала. Все недавние события казались сном, но таким, от которого она еще не проснулась.

Машина была уже почти в городе, когда Бертон сказал кому-то, кого здесь не было:

— Давай.

Позади вспух огромный огненный шар, тень от машины протянулась далеко вперед. И только потом до них долетел звук. Флинн подумала, что можно было бы рассчитать мили, как по разнице между молнией и ударом грома.

— Черт, — сказал Томми, сбрасывая скорость. — Что вы такое устроили?

— Иногда лепилы по неосторожности взлетают на воздух, — ответил Бертон с заднего сиденья.

Томми, молча глядя на дорогу, прибавил скорость.

Флинн надеялась, что Райс как отъехал от дома Пиккета, так и не остановился, что он уже где-нибудь в другом штате. Задавать вопросы Бертону не хотелось.

— Хочешь кофе, Флинн? — спросил наконец Томми.

— Спасибо, для меня уже поздновато, — ответила она.

Голос был чужой, какой-то девушки, с которой ничего этого не произошло. И тут Флинн разре-

велась.

Глава 76

Приложение-эмулятор

Тлен протягивала обруч — примерно такой же, как тот, с помощью которого Лоубир вытащила Недертона на остров мусорщиков, только с гибкой камерой на стебельке, мутновато-прозрачной, похожей на очень большой сперматозоид.

— Я туда не вернусь, — твердо сказал Недертон, радуясь, что их разделяет широкий мраморный стол Зубова-деда.

— Тебя никто и не просит. Ты отправляешься в гости к Флинн. В очень низком разрешении.

— Что?

— Мы уже поставили на твой телефон приложение-эмулятор.

Недертон подался вперед и взял у нее обруч. Тот весил не больше предыдущего, но из-за камеры-сперматозоида выглядел одновременно псевдоегипетским и карикатурным.

— У них есть периферали?

— Сам увидишь.

Глава 77

«Перекати-Полли»

— У тебя в животе жучок? — спросила из темноты Дженис. Она сидела на кровати в ногах у Флинн. — И еще один был в ухе?

Флинн, в трусах и морпеховской фуфайке, сидела на кровати, подперев спину подушкой. В окно лился лунный свет.

— Тот, что в животе, — трекер, подключенный к бельгийскому сервису охранных спутников. У меня, Мейкона, Бертона и Коннера — у всех такие, насколько я знаю.

— А в ухе?

— Бертон его забрал.

— Из уха?

— Мейкон сделал так, чтобы он вылетел. В пузырек от лекарства. Я думала, это что-то такое супер-пупер из будущего, что Мейкона научили сфабить, но он сказал, здешнее, новье от вояк.

— И тот, который ты проглотила, показал, где ты?

— Иначе бы я сейчас здесь не сидела. Райс забрал мой телефон.

— Мейкон сделал тебе новый. Он у меня. А трудно будет эту штуку из живота вынимать?

— Мейкон говорит, через шесть месяцев она сама отцепится.

— И?..

— И я ее высру.

— В унитаз?

— Нет, друзьям на голову.

— Частенько бывает с моими знакомыми, — заметила Дженис из темноты. — И ты поверишь бельгийцам, когда они скажут, что ты высрала их жучка?

— Мейкон говорит, можно верить. Где Мэдисон?

— Строит форт. Вокруг вашего нового всемирного штаба рядом с фабой.

— Зачем?

— Бертон сказал. Дал ему безлимитную мегамартовскую карточку. Велел импровизировать.

— Из чего?

— Мэдисон взял двести палет гибкой кровельной черепицы. Ну той, которую делают из резаных пластиковых бутылок, старых шин и другого дерьма. Оставил ее в мешках, и теперь Бертоновы ребята кладут их как кирпичи. Стена в два мешка толщиной, семь футов в высоту.

Должно помочь при серьезном обстреле.

— Зачем это надо?

— Бертона спроси. Мэдисон говорит, если от безбашей обороняться, то без мазы. А безбаши сейчас ползают по тому, что осталось от дома Пиккета. Вызвали туда Томми помогать.

— Он небось уже заколебался ездить туда-обратно.

— Тебя там не били, не насиловали?

— Нет. Пиккет что-то сказал про вывихнуть мне челюсть, но мне показалось, ему главное было вытянуть за меня побольше денег.

— Вот-вот. Именно поэтому, — сказала Дженис.

— Что поэтому?

— Поэтому я и надеюсь, что этого козла убило.

— Если бы ты видела, как отправили бомбу, ты бы знала, что вряд ли эта штука могла подкрасться незаметно, даже в спрут-косе.

— Надеяться-то все равно можно.

— Как ребята добыли спрут-костюмы?

— Гриф привез.

— Кто?

— Гриф. Ветросолы его прислали.

— «Сольветра».

— Прилетел на реактивном вертолете почти сразу, как Бертон узнал, что тебя нет. Сел вон

там на лугу. — Дженис махнула в сторону окна, ее рука на миг мелькнула в лунном свете. — Я его даже не видела. Мэдисон видел, говорит, по выговору англичанин. Наверное, и микродрон тоже он привез.

— Кто он такой?

— Понятия не имею. Мэдисон сказал, вертолет из Вашингтона. Говорит, от безбашей.

— Кто от безбашей?

— Вертолет.

Флинн вспомнила слова Райса, что у Пиккета есть свои люди в безопасности.

— Наверное, я опять чего-то не догоняю, — сказала она, а про себя подумала: «Если я не в будущем, то меня похищают и освобождают».

— Завтра увидим, у кого главный источник доходов накрылся медным тазом вместе с домом Пиккета. Вот телик, который Мейкон тебе отпечатал. — Дженис из темноты протянула телефон.

— Я бы предпочла вернуть свой.

Только вспомнить, сколько часов она в фабе за него отработала!

— Твой улетел в Нассау.

— В Нассау?

— К кому-то в тамошнюю адвокатскую контору. Его вытащили из клетки Фарадея вскоре после

того, как Бертон с ребятами тебя освободили. Мейкон его залочил.

Флинн вспомнила, как Пиккет говорил, что она должна будет позвонить Недертону и попросить за себя больше денег, чем обещали те, другие.

— Мейкон говорит, у Пиккета крутые адвокаты в Нассау, — продолжала Дженис. — И все равно ваши круче и их больше.

— Целых три, насколько я знаю, — сказала Флинн.

— С тех пор еще куча понаехала. Кормить их и селить — новый растущий бизнес. И очень кстати.

— Он поставил мои приложения и все такое? — Флинн понюхала телефон. Свеженький.

— Да, плюс шифровальный алгоритм, который работает в фоновом режиме. Сказал тебе поменять пароли ко всему. И не просто там день рождения или имя задом наперед. И еще передал меговский «Перекати-Полли». В пакете у тебя на столе.

— Что?

— «Перекати-Полли».

— Что за фигня?

— Мейкон купил на *eBay*. Старый, но не юзаный. Нераспакованный даже.

— Не въезжаю.

— Младшие классы. Планшет на палке. Снизу вроде сегвея. Помнишь? Мотор, два колеса, гироскоп, чтобы держался прямо.

— Идиотические штуки, — вспомнила наконец Флинн.

У Дженис чирикнул телик. Она подняла его к глазам, экран осветил лицо.

— Элла просит зайти.

— Если что-нибудь серьезное, зови меня. Если нет, попробую уснуть.

— Знаешь, я страшно рада, что ты вернулась живая и здоровая.

— Дженис, я тебя люблю.

Когда подруга ушла вниз, Флинн встала, зажгла ночник и перетащила пакет на кровать. Внутри лежала коробка с изображением мегамартовского «Перекати-Полли» на крышке. Вроде красной пластмассовой мухобойки, воткнутой в мяч такого же цвета между двумя толстыми черными шинами. Мухобойка представляла собой мини-планшет с камерой, на палке. Их рекламировали как игрушки, приборы наблюдения за младенцами, платформы для дистанционной дружбы или грустной любви и даже способ дешево путешествовать по миру. Покупаешь или арендуешь

такой в Лас-Вегасе или в Париже, дистанционно катаешь его по казино или музею, видишь, что он видит. А планшет — и это Флинн не нравилось больше всего — показывает твое лицо. Сидишь в наушниках с камерой на отлете, и она снимает твою реакцию на то, что ты видишь через «Полли», и люди, смотрящие на устройство, видят, что ты их видишь, и ты можешь с ними поговорить. Флинн помнила, как Леон ее троллил, уверяя, будто у некоторых даже бывает с ними любовь, а ей не хотелось верить.

Уже на кровати, открывая коробку, она подумала, что, наверное, от них и пошли периферали. «Перекати-Полли» и был дешевой, убогой перифералью.

В коробке лежал желтый блокнотный листок с логотипом фабы «Форева». На нем толстым ядовито-розовым маркером было написано: «ДОКТОР ПРОПИСАЛ. ПОЛНАЯ ЗАРЯДКА + КРУТОЙ ШИФРОАЛГОРИТМ. М.».

Флинн вытащила штуковину из коробки и попыталась установить, но та все время заваливалась назад, планшет в лунном свете блестел, как черное зеркальце. В нижней части красного шара обнаружилась белая кнопка. Флинн нажала. Гироскопы пискнули и завертелись, красный

пластмассовый штырь с планшетом на конце встал стоймя, черные колеса закрутились независимо одно от другого. Штуковина повернулась на простыне вправо, потом влево.

Флинн толкнула черный экран пальцем, экран отклонился назад, но гироскопы тут же его выровняли.

Тут он зажегся, и появилось лицо Недертона, слишком близко к камере: нос огромный, глаза чересчур широко расставлены.

— Флинн? — спросил он через дешевый маленький микрофон.

— Умереть и не встать, — сказала Флинн, почти смеясь, и тут же натянула на ноги простыню, потому что сидела на кровати в одних только трусах и фуфайке.

Глава 78

Дикий Запад

Картинка с двух камер, полностью объемная, напомнила ему неподвижное изображение еще более древних времен, только он не помнил, как называлась та платформа. Флинн смотрела на него, ее колени были прикрыты светлой тканью.

— Это я, — сказал Недертон.

— Офигеть.

Флинн протянула руку — непропорционально увеличенные кончики пальцев — и толкнула его, то неизвестное, на чем были закреплены камеры. Он качнулся, на миг увидел низкую, кустарного вида поверхность — наверное, потолок — и горизонтальный шов отклеившейся бумаги. Потом с ощутимым стрекотом выровнялся.

— Не делай так, — сказал он.

— Знаешь, как ты выглядишь? — спросила Флинн, перегибаясь через колени.

— Нет, — ответил Недертон, хотя программа-эмулятор показывала что-то сферическое, на колесах, с прямоугольной плашкой на тонком стебельке.

Руки Флинн увеличились во много раз, затем всю трансляцию заполнило рекламное изображение того же предмета, что на эмблеме, но с восторженной детской физиономией во весь экранчик.

— У нас на Диком Западе нет крутых синтетических красавчиков, зато есть «Перекати-Полли». Ты где сейчас?

— В гобивагене.

— В автодоме?

— За моим столом, — сказал Недертон.

— Это правда твой стол?

— Нет.

— Фантастически уродский. Так никакой «Сольветры» нет и не было?

— Есть компании, зарегистрированные под таким названием в вашей Колумбии и в вашей Панаме, — ответил Недертон. — А теперь и в ваших Соединенных Штатах. Ты в руководстве одной из них.

— А у вас ее не было?

— Не было.

— Просто хобби Льва? Плюс то, что ты облажался, и расследование Лоубир?

— Насколько я знаю, да.

— Зачем ты здесь?

— Лоубир предложила. А мне хотелось увидеть своими глазами. Сейчас день? Это окно? Где мы?

— Ночь, — ответила Флинн. — У меня в комнате. Яркая луна.

Она протянула руку, выключила источник света и тут же стала прекрасна другой красотой. Темные глаза сделались больше. Дагеротип, вспомнил Недертон.

— Отвернись, — сказала Флинн и сама его развернула. — Мне надо надеть джинсы.

Ее комната, насколько он видел через скользящую камеру, напоминала кочевую юрту. Невзрачная мебель, груды одежды, отпечатанные на принтере вещи. Мгновение в прошлом, за десятилетия до его рождения. Мир, который Недертон воображал, в реальности оказался невообразимым.

— Ты всегда здесь жила?

Флинн нагнулась, взяла его, поднесла к окну, к лунному свету:

— Ага.

Луна. Большая, яркая.

— Я знаю, что это реально, — сказал Недертон. — А поверить не могу.

— Я смогла поверить в твой мир, Уилф. Пришлось. Поднапрягись чуточку.

— До джекпота, — проговорил он и тут же пожалел о своих словах.

Флинн развернула его к себе и, залитая лунным светом, серьезная, глянула ему в глаза:

— Что такое джекпот, Уилф?

Вся его способность изворачиваться и лгать куда-то исчезла.

Глава 79

Джекпот

Они сидели под дубом во дворе перед домом: Флинн на старом деревянном стуле, Уилф у нее на руках.

Бен Картер, младший из солдат Бертона, по виду совсем мальчишка, которому бы еще в школе учиться, устроился на крыльце — в глазу виза, на коленях «булка» — и пил кофе из термоса. Флинн тоже хотелось кофе, но она знала, что тогда уж точно потом не уснет. И Уилф Недертон рассказывал ей про конец света. Вернее, про конец того мира, в котором живет она, и начало другого.

Лицо Уилфа на планшете «Полли» освещало ей ступени, пока она спускалась из спальни. Бен сидел на крыльце, сторожил дом; при появлении Флинн он растерялся, вскочил, пытаясь сообразить, куда не направлять ствол. На нем была такая же кепка с подвижным пиксельным камуфляжем, как у Райса. Бен не знал, здороваться ли с Уилфом. Флинн сказала, что они посидят под деревом и поговорят. Бен ответил, что сообщит остальным, где она, только, пожалуйста, не уходи

больше никуда и не обращай внимания на дроны. Так что Флинн расположилась на стуле, и Уилф в «Перекати-Полли» начал объяснять ей то, что называл джекпотом.

Прежде всего, это не было какое-то одно событие, вызванное единственной причиной, с четким началом и концом. Скорее климат, чем как в апокалиптических историях, где бах! — и все начинают бегать с пушками, как Бертон и его ребята, или всех съедает заживо вылезшая откуда-то дрянь. Совсем иначе.

Джекпот был антропогенным, сказал Уилф, а Флинн из «Чудес науки» и «Нейшнл географиков» знала, что это значит «из-за людей». Не то что они нарочно хотели сделать плохо, но все равно сделали. И очень многое началось из-за настоящего климата, из-за избытка углекислого газа в атмосфере. И становилось хуже и хуже, а люди в прошлом сперва не понимали что и отчего, а когда поняли, то не смогли организоваться и поправить дело, а потом стало уже поздно.

Так что сейчас, в ее время, объяснил Уилф, человечество идет к антропогенному, общесистемному, комплексному трындецу, как Флинн уже и сама чувствовала, да и все, наверное, кроме тех, кто говорит, будто ничего такого не будет, но

зато ждет второго пришествия. Флинн смотрела на серебристую траву (Леон подстриг ее старой чугунной газонокосилкой, которую заматывал проволокой, чтобы не развалилась на ходу), на лунные тени за чахлыми кустами самшита и бетонной декоративной чашей — в их детстве это был за́мок дракона — и слушала рассказ Уилфа о том, как за сорок лет вымерло восемьдесят процентов земного населения.

И гадала, значит ли что-нибудь на самом деле, когда тебе говорят такое. Если это его прошлое и твое будущее.

Первый ее вопрос был: как поступили с таким количеством покойников?

Поначалу как обычно, ответил Уилф, ведь все происходило не враз. Потом какое-то время ничего не делали, а дальше появились ассемблеры. Ассемблеры, наноботы — их придумали позже. Они же раскопали и расчистили загнанные в трубы лондонские реки после того, как закончили с трупами. Создали все, что она видела по пути в Чипсайд. Выстроили небоскреб, где убитая женщина на ее глазах готовилась к вечеринке. И остальные небоскребы, которые Уилф называл шардами. А теперь ассемблеры поддерживали чистоту и порядок, в будущем после джекпота.

Флинн чувствовала, что Уилфу тяжело рассказывать, что он редко говорил об этом раньше, может, даже никогда. По его словам, некоторые, как Тлен, превратили всю свою жизнь в плач по утраченному миру. Носят черное, рисуют на себе татуировки или что-нибудь в таком роде. Но это больше скорбь о других видах, о другом массовом вымирании, не о восьмидесяти процентах человечества.

Ни столкновения с кометой, ни глобальной ядерной войны. Просто всё разом на фоне меняющегося климата: засухи, нехватка воды, неурожаи, пчелы пропали окончательно, численность ключевых видов катастрофически сократилась, исчезли последние высшие хищники, антибиотики стали помогать еще меньше, чем сейчас, болезни — не одна пандемия, но отдельные эпидемии, каждая из которых сама по себе была историческим событием. И все из-за людей: сколько их было, как они себя вели, как меняли окружающий мир.

Тени на лужайке превратились в бездонные черные дыры. А может, в идеально разостланный черный бархат.

Людей спасла наука, объяснил Недертон. Когда все рушилось, когда история превратилась в мас-

совую бойню, наука внезапно пошла вверх. Не сразу, не одним героическим рывком, но мало-помалу появились более дешевые, более чистые энергоносители, более эффективные способы извлекать углекислоту из воздуха, новые лекарства — замена антибиотикам, нанотехнологии, посерьезнее самовосстанавливающейся автомобильной краски или подвижного камуфляжа на бейсболке. Еда, для печати которой требовалось меньше ресурсов, чем для выращивания настоящей. Так что кошмар постепенно озарялся светом нового, такого, от чего захватывало дух, однако в целом все продолжало разваливаться, к чертовой бабушке. Это сопровождалось насилием, сказал Недертон, и невообразимыми страданиями. Чувствовалось: он проскакивает подробности, не хочет описывать худшее из того, что произошло, должно произойти.

Флинн глядела на луну и думала, что та будет такой же на протяжении десятилетий, которые описывает Уилф.

Для очень богатых людей, говорил он, все было не обязательно так уж плохо. Самые богатые делались еще богаче, поскольку меньше оставалось конкурентов. Постоянные кризисы рождали множество новых возможностей. Так мир стал

таким, каким стал. Когда ситуация достигла дна, население кардинально уменьшилось, выжившие научились выбрасывать в атмосферу меньше углекислого газа, а избыток съедали растущие небоскребы вроде того, который она патрулировала. И ради этого они строились, а не только чтобы служить жильем для богатых. Так что уцелевшие люди постоянно помнили, от чего были на волосок.

— От того, что случилось с восьмьюдесятью процентами?

Уилф просто кивнул на экране «Полли» и продолжил рассказ про Лондон. Там и раньше селились те, кто владеет миром, но не живет в Китае, так что город уцелел и потом первым начал расти.

— А что с Китаем?

Экран «Перекати-Полли» тихонько заскрипел, увеличивая угол подъема камеры.

— У китайцев была фора.

— В чем?

— В последжекпотовском устройстве общества. Ваше-то формально еще считается демократией. — Тут экран снова скрипнул и уставился на мамин газон. — Влиятельным людям, которые пережили джекпот и укрепились, демократия

была не нужна. Они обвинили ее во всем.

— Так кто правит на самом деле?

— Олигархи, корпорации, неомонархисты. Наследственные монархии обеспечили привычный каркас. По сути феодальный, считают критики системы. Те немногие, что сейчас есть.

— Так правит король Англии?

— Лондонское Сити, — ответил Недертон. — Гильдии. В тесной связке с такими, как отец Льва. А такие, как Лоубир, дают им эту возможность.

— Так весь мир левый? — Флинн вспомнила разговор с Лоубир. — Кроме шуток?

— Клептархия — не шутка, — ответил Недертон.

Глава 80

«Культура Кловис»

Кловис Фиринг, которую Лоубир представила как старейшую свою подругу, была впрямь живописно и демонстративно стара — по меньшей мере ровесница самой Лоубир. В черной вязаной шляпке-клош на безволосой голове и траурном викторианском платье, настолько скучном, что наряды Тлен рядом с ним показались бы клоунскими, она походила на иссохшие мощи святого — мощи с пронзительными и очень подвижными черными глазками. «Культура Кловис», ее магазинчик на Портобелло-роуд, торговал исключительно предметами американского быта.

По дороге Лоубир объяснила Недертону, зачем его сюда взяла. Даэдра прислала приглашение на вечер вторника, хотя инспектор и не разрешила пока открыть сообщение. Сделать это и отправить ответ следовало из места, никак не связанного со Львом, чтобы не свести архитектуру семейной безопасности Зубовых с той, которая охраняет Даэдру.

— Кловис, этого молодого человека зовут Уилф

Недертон, — говорила сейчас Лоубир, благодушно оглядывая варварское нагромождение предметов в тесном магазинчике. — Он пиарщик.

Миссис Фиринг — так значилось на входе — стрельнула в него быстрым взглядом ящерицы. Такой густой сети морщин и бородавок, как на ее высохшем личике, Недертон еще никогда не видел. Белки глаз были желтоватые, в паутинке лопнувших сосудов, сквозь пергаментную кожу толщиной, наверное, в несколько микронов, отчетливо просвечивал череп.

— Мы не станем его слишком строго за это осуждать, — сказала она неожиданно твердым голосом, в котором слышался американский акцент, хотя не такой выраженный, как у Флинн. — Я не знала, что тебе нужен пиарщик.

Ее руки, лежащие на прилавке, напоминали птичьи когти, на одной угадывалась татуировка, от времени утратившая всякую форму и совершенно неподвижная.

— Его друзья увлекаются континуумами, — сказала Лоубир. — Ты про такое слышала?

— В последние несколько лет от них отбоя нет. Они скупают всё две тысячи тридцатых — две тысячи сороковых годов. Стараются забраться как можно дальше от джекпота как такового.

Примерно в две тысячи двадцать восьмой. Чем я могу быть тебе полезна, солнце мое?

— Уилф, — сказала Лоубир, — если не возражаете, я хотела бы поболтать с Кловис. Вы можете открыть почту и сделать звонок с тротуара. Не отходите от автомобиля, пожалуйста. Если случайно побредете в сторону, он вас вернет.

— Конечно, — ответил Недертон. — Рад был познакомиться, миссис Фиринг.

Кловис Фиринг, не обращая внимания на него, пристально смотрела на Лоубир.

— Мне надо освежить память, дорогая, — сказала та, когда он шел к дверям.

Был поздний вечер, и субботняя толпа уже заметно поредела. Торговцы с тележками по большей части сложили товар и уехали, хотя магазинчики, как у Фиринг, еще работали. Автомобиль Лоубир стоял перед домом завуалированный, однако от корпуса поднимался пар — странный эффект, который пешеходы старательно не замечали. Мимо, увлеченно беседуя, прошествовали два итальянца опереточно-профессорского вида и скрылись в лавке часовщика чуть дальше на противоположной стороне улицы. Автомобиль пощелкивал через неравные промежутки времени, словно остывающий металл. Недертону

вспомнилось убитое лицо Флинн в лунном свете. Рассказ про джекпот вышел тяжелым. Недертон вообще не любил повествовательные аспекты истории, особенно этой ее части. В некоторых она рождала тягостный надлом, как в Тлен, других, как Льва, словно не затрагивала вовсе.

Он повернулся к витрине миссис Фиринг и сделал вид, будто разглядывает каменные наконечники под стеклянным колпаком — загадочные символы древнего порядка вещей. В залитом луной саду Флинн ему вроде бы удалось различить некий другой порядок. Он попытался вспомнить, что Лоубир говорила о мыслях Тлен по его поводу, но так и не сумел. Щелкнул языком по нёбу, вызвал приглашение Даэдры, изучил подробности. Прием должен был состояться в «Парадизе», Фарринг дон, на пятьдесят шестом этаже, то есть в бывшей Аэлитиной квартире, которую Бертона наняли охранять. В той самой, где Флинн видела убийство. Приглашение было на самого Недертона и доктора Анни Курреж, которую ждали периферально. Упоминался просто «прием» без указания поводов или степени официальности.

Новое прикосновение языком к нёбу. Круговое течение на эмблеме Даэдры. На сей раз — ника-

кого гранитного зала. Приглушенный свет, плохо различимое помещение с легким намеком на будуарность.

— Мистер Недертон!

Ее гламурный модуль, радостно-изумленный.

— С благодарностью принимаю любезное приглашение Даэдры, — сказал он. — Доктор Курреж будет сопровождать меня периферально.

— Даэдра будет очень жалеть, что вы ее не застали, мистер Недертон. Попросить, чтобы она вам перезвонила?

— Нет, спасибо, в этом нет необходимости. До свидания.

— До свидания, мистер Недертон! Хорошего вам вечера!

— Спасибо. До свидания.

Эмблема Даэдры исчезла, возникла эмблема Лоубир.

— Вы снова в фаворе, как я погляжу.

— Вы подслушивали.

— Святая правда. Пожалуйста, вернитесь на секундочку в магазин.

Недертон вошел, стараясь не задеть чучело крокодила — или, может быть, аллигатора — в цилиндре, на задних лапах, с двумя парными револьверами (игрушечными, подумал Недертон) в

одинаковых кобурах. Рукояти револьверов были украшены изображением бычьих голов.

Лоубир и Фиринг по-прежнему были у прилавка. Между ними лежал прямоугольник желтовато-белого пластика.

— Узнаете? — спросила Лоубир, указывая на поднос.

— Нет, — ответил Недертон, разглядывая аляповатую надпись «200 ЛЕТ КЛЭНТОНУ», даты с интервалом в два столетия, выцветшие полустертые виньетки.

— Ваша периферал зафиксировала такой у нее дома, — сказала Лоубир. — Мы сравнили отдельные предметы с каталогами поставщиков Кловис. Этот поднос был под Лэдброк-Гроув. Ассемблеры доставили его сюда.

— Прямо сейчас?

— Пока вы были на улице.

Недертон смутно знал, что бывшие тоннели под Лондоном забиты артефактами — объединенным фондом многочисленных поставщиков, тщательно каталогизированным и доступным для ассемблеров в любую минуту. Ему стало немного грустно, что этот поднос еще совсем недавно лежал там, внизу. Хотелось верить, что он не буквально из дома Флинн.

— У нее он стоял на каминной полке, — сказала Лоубир. — Предмет гордости.

— Я как-то была в Клэнтоне, — заметила Кловис. — Подбила там одного субъекта. В баре «Рамада-инн». В щиколотку. Я всегда хорошо стреляла с близкого расстояния, но ценится-то меткость с большого.

— Зачем вы в него стреляли? — спросил Недертон.

— Он пытался уйти, — ответила миссис Фиринг.

— Ты была та еще штучка, Кловис, — заметила Лоубир.

— А ты была британским шпионом, — сказала миссис Фиринг.

— Ты тоже, — ответила Лоубир, — хотя и внештатным.

Поразительные морщинки миссис Фиринг сложились в нечто вроде улыбки.

— Почему вы сказали, что она была британским шпионом? — спросил Недертон несколькими минутами позже, уже в машине.

Когда дверь развуалировалась, двое малышей в сопровождении няни-митикоиды захлопали в ладоши от восторга. Лоубир ласково помахала им рукой и вслед за Недертоном залезла в авто-

мобиль.

— Она и была в свое время. — Лоубир смотрела на огонек свечи на столе между ними. — Я ее курировала из посольства в Вашингтоне. В итоге она вышла за Клемента Фиринга, одного из последних депутатов-тори. — Она нахмурилась. — Мне никогда не нравился Клемент, хотя нельзя отрицать, что влиятельный муж сильно облегчает жизнь. Впрочем, Кловис была очень к нему привязана. Уж не знаю, что она в нем нашла. Ужасные времена.

— Я рассказал Флинн про джекпот.

— Я слышала, не буду греха таить, — сказала Лоубир без тени раскаяния. — С учетом обстоятельств вы справились очень неплохо.

— Она потребовала рассказать. Теперь я боюсь, что напугал ее и огорчил. — Он внезапно понял, что именно так и вышло.

— Ничего не попишешь, как я слышу всю жизнь, к моему величайшему раздражению. Когда приедем, я попрошу Тлен вас усыпить.

— В каком смысле?

— Как алкогольное забытье, но без необходимости набирать дозу и последующих неприятностей. Вам надо отдохнуть. К вечеру вторника вы с Флинн нужны мне энергичные и бодрые.

— Вы так недолго с нею разговаривали, — заметил Недертон. — Я думал, вам нужна информация.

— Нужна, — ответила Лоубир. — Однако Флинн требуется время, чтобы извлечь и расшифровать воспоминания. Сейчас она ничего, по сути, не помнит.

— Я собирался ей позвонить, — сказал Недертон.

— Она спит, — ответила Лоубир. — У нее был чрезвычайно долгий день. Ее похитили, держали в заложницах, освободили, а в довершение ей пришлось выслушать всю историю джекпота.

— Откуда вы знаете, что она спит?

— Мейкон по нашему поручению установил ей на телефон такую функцию. Теперь я знаю, что она не только спит, но и видит сон.

Недертон глянул на Лоубир:

— Вы знаете, что ей снится?

Лоубир посмотрела на свечу. Потом на Недертона:

— Нет. Не то чтобы это было невозможно, но наша связь со срезом несколько доморощенная и едва ли обеспечит такое. Впрочем, я лично редко находила результаты особенно полезными. Первичные сновидения занятны главным образом

тем, что крайне бедны визуально в сравнении с яркостью, которую мы приписываем им задним числом.

Глава 81

Аламо

— Корова? — изумленно спросила Флинн, недооткусив банан.

Прокатная машина как раз въехала на самый высокий участок Портер-роуд; подъем был совсем небольшой, но Флинн знала его по езде на велосипеде. Отличный денек, солнечный, жаркий. Дженис за рулем картонной прокатки везет их обеих в город. Радоваться бы, да вот только накануне Недертон рассказал, что наступает конец света. Или уже наступил, а они не видят. Что-то в таком духе.

— Нет, — ответила Дженис. — Бертон вчера поставил.

Флинн, обернувшись, еще раз глянула на луг. Когда-то там был сенокос, потом участок купили застройщики, да так и бросили. Ей показалось, что корова мотнула головой.

— Серьезно, что ли? Дрон?

— Ближе к спутнику, — ответила Дженис. — Охрененно чувствительная штука. А еще дроны могут от нее подзаряжаться.

Флинн сунула в рот последний кусок банана.

— Небось Бертон не в «Меге» ее купил, — сказала она, проглотив.

— Гриф привез. Или кто-то из ваших многочисленных адвокатов.

— Сколько их?

— Точно не знаю, но в «Джиммис» еле успевают готовить им чили-доги, с утра до вечера. Ваши адвокаты делают заказ по телефону и присылают дронов забрать. Дэнни ездил в оптовый магазин за новыми кастрюльками для чили.

Дэнни был хозяин «Джиммис», внучатый племянник того Джимми, который открыл кафе и которого мама еще помнила по своему детству.

— Он хотел поднять цену, — продолжала Дженис, — но Бертон поручил Томми сказать ему, что не надо. Так что, думаю, вы субсидируете чили-доги.

— Зачем?

— Чтобы не настраивать горожан против «Сольветры». Они уже и так думают, что все из-за Леона. Теория заговора состоит в том, что он выиграл в лотерею много больше, чем огласил штат.

— Бред какой-то.

— Теория заговора должна быть простой. Логики от нее не требуется. Реальной сложности люди

боятся больше, чем вымышленных врагов.

— И что говорят?

— Пока еще определенное мнение не сложилось. Наши умные головы перед «Джиммис» утверждают, что Пиккет все время был на жалованье у безбашей.

— Они считают, что безбаши лепят наркотики?

— А как еще профинансировать захват власти ооновцами?

— Да никакой ООН уже давно толком нет. «Ротари-клуб» или «Киванис» и то влиятельнее.

— ООН глубоко укоренена в демонологии. — Дженис сбросила скорость, пропуская дикую рыжую кошку, которая наградила их презрительно-ненавидящим взглядом. — Мэдисон говорит, именно ваши друзья из будущего посоветовали не позволить Дэнни задрать цены.

— Микроменеджмент, — заметила Флинн.

Впереди уже показались дома.

— Я не против чуточки микроменеджмента, лишь бы все происходило помедленнее. Город не такой, каким был.

— Первый раз я подменяла Бертона в ночь со вторника на среду. Сегодня воскресное утро.

— А мы не в церкви. Хлоп — и мир уже другой.

Я смотрю на город, смотрю новости. Вроде то же самое, да не то же.

Они подъехали к торговому центру. Флинн увидела вышки сотовой связи и антенны над «Суши-лавкой», блестящие немецкие автомобили почти на всех парковочных местах — «складные самолетики» с флоридскими номерами.

— Вау, — сказала она.

— Или, по крайней мере, выглядит иначе. — Дженис припарковалась перед «Суши-лавкой». — У Хуна дела идут лучше некуда. «Суши-лавка» второе любимое место адвокатов плюс она открыта допоздна. Они даже покупают его футболки. И он получил компенсацию за то, что над ним натыкали антенн.

— Не от меня.

— С точки зрения Хуна — от тебя. Ты внешдир, на всех документах твоя подпись.

— Это законно?

— Спроси у будущего. Бертон по уши в военных делах.

Дженис вылезла из машины, и Флинн тоже, держа «Перекати-Полли» под мышкой, как бутылку вина.

Вдоль фасада к ним шли Мейкон и Карлос. Мейкон был в старых джинсах и футболке из

«Суши-лавки»: красный псевдояпонский текст на белом фоне и схематическая деревенская лавка с одним большим роллом. Карлос, в камуфляже и мягкой бронекуртке, держал под мышкой «булку». Флинн знала, что это разрешено по конституции, но все равно чувствовала какую-то неправильность. Неделю назад никто из них не стал бы разгуливать по городу в камуфляже и уж тем более с винтовкой. А теперь Карлос в защите, пусть и похожей на скейтерскую. У обоих в глазу были визы. Мейкон улыбнулся во весь рот, Карлос самую чуточку, но только потому, что внимательно смотрел по сторонам. До Флинн дошло, что он готов в любую минуту, хоть сейчас, кого-нибудь застрелить.

— Ты натыкал эту фигню Хуну на крышу? — спросила она Мейкона.

— «Клейн, Крус, Верметт», — ответил тот.

— Дженис говорит, их еще много понаехало.

— «Сольветра» состоит главным образом из бумаги и адвокатов. Да еще капитала.

— Они не все в этих вонючих магазинчиках?

— Тут их почти нет. Наснимали офисов по всему городу. Для нас и лучше, что они сидят по отдельности и не видят, чем мы занимаемся.

— Чем, кстати?

— Сейчас — обеспечиваем тылы Коннеру, пока он там тренируется.

— В своей периферали?

— Как я понял, в чем-то с менее интуитивным управлением, но ты лучше сама его спроси. Он там уже шесть часов подряд. Мне только что сообщили, что скоро вернется. А тут его уже ждет клевая медсестричка.

— Что за медсестричка?

— Гриф прислал, — ответила Дженис.

— Такая же медсестричка, как я — балерина, — объявил Карлос.

— Карлос думает, она спецагент, — сказал Мейкон. — Сама говорит, что парамедик. Не понимаю, чем одно другому мешает.

— Ангел смерти, — произнес Карлос так, будто назвал любимый сорт пирожного.

— Гриф, — повторила Флинн. — Все время это имя всплывает.

— Пошли, — сказал Мейкон и повел их в помещение, соседнее с фабой. Снаружи оно выглядело по-прежнему, только окна помыли.

Внутри все переменилось. Прямо у входа высился форт Аламо из тайвековских мешков с черепицей, про которые рассказывала Дженис. Кроме того, Мэдисон залил окна трехдюймовым

слоем полимера, как у Бертона в трейлере, — пули это не остановит, но не даст стеклу разлететься. Стена — фута три толщиной и футов семь высотой — из мешков, сложенных, как кирпичи, опоясывала, надо думать, все помещение, оставляя проходы напротив входной двери, дыры в фабу и, может быть, еще один сзади. Входную дверь изнутри обили слоями такого же материала, что на подкладке у бронекуртки Карлоса, — вроде тонких слоев серо-буро-малиновой сахарной ваты. Флинн так толком и не поняла, как эта штука работает: типа что кинетическая энергия пули передается вате и та становится твердой как сталь, даже руку тебе может сломать. Звукоизолирующие плиты с потолка сняли, оставив каркас, с которого теперь свисала синтетическая пленка того же синего цвета, что безовские стяжки, которыми Флинн пристегивали к столу у Пиккета. Она разглядела серое осиное гнездо неведомо какой древности. Зато сортиром уже не воняло.

— Отделы, — сказал Мейкон. — Юридический вон там.

Флинн увидела Брента Верметта, с которым познакомилась на встрече в мегамартовской закусочной, только сейчас на нем были глаженые

защитные штаны и футболка из «Суши-лавки», как у Мейкона. Он разговаривал с коротко стриженной рыженькой девушкой.

— Тебе понравился наш «Полли»? — спросил Мейкон. — Вижу, ты захватила его с собой.

— Говорила вчера через него с Недертоном.

— И как?

— То ли страшно настолько, что хоть иди вешайся, то ли как я и раньше думала.

Мейкон глянул на нее.

— Сложно, — сказала Флинн. — Коннер там дальше?

Она пошла вглубь помещения, Дженис за ней.

Мейкон их нагнал:

— Лоубир просила тебя быть у них примерно через час. У нас тут все готово.

— Бертон здесь? — спросила Флинн.

— У Пиккета.

Флинн остановилась:

— Зачем?

— Томми его вызвал. Безбаши нашли Джекмана.

— Ты мне не говорила, — сказала Флинн, поворачиваясь к Дженис.

— Не успеваю сообразить, в каком порядке рассказывать, — ответила та. — Безбаши кое-

как собрали материал для анализа. Если бы не придумали ДНК, пришлось бы опознавать по зубоврачебной карте и пряжке от ремня.

— А Томми как это воспринял?

— Он теперь и. о. шерифа, — сказал Мейкон. — Занятой человек.

— А ты сам, кстати, как?

— На «будильнике», — ответил он. — Так и не спал.

— Жуть какая, Мейкон. Не надо себя травить.

— Не от лепил. Государственный. От Грифа. — Мейкон задрал футболку и продемонстрировал дюймовый треугольник желтого пластыря с вертикальной зеленой линией посредине.

— Кто такой Гриф?

— Из Англии. Типа дипломат. Прилетел из Вашингтона. У него уйма возможностей.

— Каких возможностей?

— Раздобыть такую чумовую жесть, какая мне и не снилась.

— А что тебе про него сказали?

— Ничего. Как только Райс тебя увез, Лоубир переключила все на себя. Видимо, Гриф у нее уже был наготове, на всякий пожарный. Не будь у тебя в животе той штуки, думаю, Гриф подключил бы к розыскам всю правительственную жесть.

Еще он привез Кловис, чтобы та сидела с Коннером, пока он под короной. — Мейкон оглянулся на Карлоса, который остался столбом стоять у двери. — Карлос думает, она ниндзя.

— Кловис — мужское имя, — сказала Флинн. — Французское или типа того.

— Из Остина. Говорит, ее назвали в честь города в Нью-Мексико.

— Какая она из себя?

— Проще всего будет вас познакомить.

Мейкон отодвинул синюю пленку. За ней стояли в ряд три больничные койки. На одной лежал Коннер в полартековских ползунках, но прикрытый простыней. Глаза закрыты, на лбу венчик Белоснежки.

— Кловис, — сказал Мейкон. — Флинн Фишер. Кловис Реберн.

Женщина рядом с кроватью была чуть старше Флинн, выше и отлично смотрелась бы на скейтборде. Худая, кареглазая, темные волосы коротко подстрижены, сверху узкая щеточка вроде короткого ирокеза.

— «Перекати-Полли», у меня такой был в старших классах, — сказала Кловис. — Ты коллекционируешь старые ништячки?

— Мне его Мейкон дал. Ты родилась в Клови-

се?

— Меня там зачали. Мама подсчитала, что на самом деле в Порталесе, но не хотела, чтобы папа меня так назвал.

— Ладишь с Коннером?

— Он еще глаз не открывал, сколько я здесь.

На Кловис были камуфляжные лосины и такая рубашка, какую надевают под жесткий бронежилет: рукава как у патрульной куртки, остальное — трикотажное облегающее. На животе у нее висела сумка-аптечка, тоже камуфляжная, с приглушенным красным крестом.

Они с Флинн пожали друг другу руку.

— Моя подруга Дженис, — сказала Флинн.

Снова рукопожатие.

— У Верметта примерно три сотни документов, которые ему нужно у тебя завизировать и заверить, — сказал Мейкон. — Мы поставим тут стол, будешь подписывать за разговором.

— Дамы, — раздалось с кровати, — кто из вас хочет помочь мне с катетером?

Кловис глянула на Флинн:

— Кто этот придурочный?

— Понятия не имею, — ответила Флинн.

— И я тоже, — подхватила Дженис.

Флинн подошла к кровати:

— В чем ты там был? Мейкон сказал, ты тренируешься.

— В такой типа стиральной машине с инерционным двигателем. Внутри здоровенные маховики.

— Стиральной машине?

— Примерно триста фунтов весом. Большой красный куб. Я только научился удерживать его на одной вершине и поворачиваться, как меня выдернули обратно.

— Зачем он?

— Фиг его знает. Не хотел бы я встретиться с ним в темном проулке. — Он понизил голос: — Мейкон сидит на правительственном стимуляторе. Как лучший от лепил, только без депрессухи и трясучки.

— Не то что твой?

Коннер перевел взгляд на Мейкона:

— Мне не дают.

— Доктор не прописал, — ответил Мейкон. — Да и вообще в них не оставили ничего такого, ради чего принимают наркотики. Просто не спишь, и все.

— Если прекратишь выдрючиваться, будто ты один такой в жопу раненный, — сказала Кловис, подходя ближе к лежащему Коннеру, — то я, мо-

жет быть, принесу тебе чашечку кофе.

Коннер глянул на нее так, словно обрел родственную душу.

Глава 82

Гнусность

Лужайка в саду Флинн тянулась до края света. Луна сияла прожектором, чересчур ярко. Угольно-черное море, плоское, как бумага. Он не мог отыскать Флинн. Катился, подпрыгивая, на нелепых колесиках. Он знал, что Лоубир мониторит его сон, но не понимал, откуда ему это известно. Лунные кратеры превратились в корону…

Ее эмблема.

— Да?

Открывая глаза, Недертон думал увидеть потолок гобивагена, а увидел дождь, бьющее сквозь облака солнце, мокрые серые дома, черные оконные рамы, ветки платанов. Он полулежал в кресле, которое поддерживало его шею и голову, но сейчас отодвинулось.

— Извините, что разбудила, — сказала Лоубир. — Вернее, что не разбудила. Ваш сон прервал препарат отложенного действия, введенный вам «медичи».

Он был в ее машине, за столиком. Напротив сидела периферал Флинн — не сама Флинн,

а искусственный интеллект, который сейчас рефлекторно улыбнулся Недертону. Корпус машины, прежде без единого окна, стал теперь совершенно прозрачным, дождевые капли катились словно по какому-то невидимому силовому пузырю.

— Нас видят снаружи? — спросил он.

— Нет, разумеется. Вы спали. Мне подумалось, что периферaль заскучает от долгой поездки. Трудно не очеловечивать нечто, столь похожее на человека.

Недертон потер шею в том месте, где ее подпирал некий временный вырост кресла, удерживая в положении, которое автомобиль счел комфортабельным для своего пассажира.

— Кто меня сюда перенес?

— Оссиан и Тлен, после того как вы долго спали в «мерседесе». Тлен управляла экзоскелетом через гомункула, чтобы мистеру Мерфи не пришлось надрываться в одиночку.

Недертон глянул сквозь дождь, пытаясь узнать улицу:

— Куда я еду?

— К Сохо-Сквер. Там к вам присоединится Флинн. Ее надо ознакомить с ролью эксперта по неопримитивизму, которую она будет играть на

приеме. С теорией Курреж о творческой эволюции Даэдры.

— Я ее еще не придумал. Не совсем придумал.

— Так придумайте и перескажите Флинн. Она должна убедительно поддерживать разговор на эту тему. Кофе.

В столешнице открылся круглый лючок, и из него, как на сценическом подъемнике, выехала дымящаяся чашка. Периферийное устройство наблюдало за происходящим, и Недертон переборол порыв предложить ему кофе. Ей.

— Не перестаю удивляться, как действует на меня лечение Тлен, — сказал он.

— Это, возможно, само по себе нехороший знак, — ответила Лоубир, — а в остальном приятно слышать.

— Где вы?

— С Кловис, виртуально. Она освежает мою память. И свою, конечно. На самом деле то было очень дурное время, дни Флинн. Мы склонны идеализировать их, поскольку знаем, что дальше стало намного хуже. Я сама не вполне понимала всю гнусность происходящего, даже при моих тогдашних возможностях.

Машина повернула за угол. Недертон по-прежнему не понимал, куда едет. Поднося чашку к

губам, он восхитился тем, что рука ни чуточки не дрожит. Периферaль смотрела на него. Недертон подмигнул. Она улыбнулась. Он с чувством смутной вины улыбнулся в ответ и отпил кофе.

Глава 83

Все царства вселенной во мгновение времени

Насчет трех сотен подписей Мейкон пошутил, но на тридцатой Флинн окончательно потеряла счет. Стопка документов близилась к концу. Рыжая девушка заверяла каждую ее подпись: ставила штампик, свой росчерк и печать.

Им принесли журнальный столик в помещение с кроватями. Кловис и Дженис сидели на койке напротив Коннера, вытянув ноги, Мейкон — рядом с Флинн на складном стуле.

— Мне надо бы это читать, — сказала Флинн, — но я все равно не пойму.

— Так, как идут дела, у тебя нет особого выбора, — заметил Мейкон.

— А как они идут?

— Ну… — Он откинулся назад и быстренько сверился с визой. — Пока ничего катастрофического на рынках не произошло, но сейчас только начало. Идет гонка к вершине. То, что делаем мы и что делают наши конкуренты, расшатывает систему.

— А что для нас вершина?

— Не узнаем, пока на нее не выберемся, а если

не выберемся, то нас наверняка убьют.

— Кто наши конкуренты?

— У них нет названия. Только номерные счета. Подставные фирмы, за которыми стоят подставные фирмы. У нас примерно так же, однако в конечном счете все сходится на «Милагрос Сольветре». Просто название, и никто не знает, что оно значит, но хоть что-то. Без Пиккета мы временно утратили влияние на губернатора, потом Гриф полетел в Вашингтон и все уладил оттуда, так что в каком-то смысле мы уже на федеральном уровне.

Флинн представились кулаки, сжатые на софтбольной бите, один над другим. Девушка передала ей следующий контракт, а предыдущий сдвинула к себе, проштамповала, подписала, пришлепнула печатью.

— Я подозреваю, у нас скоро будут гости, — сказал Мейкон. — Если безработные ветераны вроде тех двоих на вашем участке, Бертон, возможно, справится. Если полиция штата, или безбаши, или другое федеральное агентство, или та же морская пехота, бесполезно даже рыпаться. Вот для чего у нас эта чертова прорва юристов. Извините за выражение, — сказал он, глянув на девушку-нотариуса, но та подписывала и штам-

повала, не обращая на него внимания. Мейкон продолжал, обращаясь к Флинн: — Безбаши тоже не без левизны. Вспомни, где они сейчас.

— У Пиккета?

— Впервые. Пиккет начал лепить, когда мы были детьми. Его дом уже двадцать лет не дом, а то, что сейчас. И пока все не взлетело на воздух, безбаши туда не совались.

— Не говори мне, что за лепилами стоят безбаши. Это теория заговора.

— Стоять не стоят, но договоренности есть. Погоди, посмотрим, кто начнет сейчас потихоньку подкатывать к Томми.

Пока он говорил, Флинн успела подписать еще три контракта.

— У меня уже рука болит, — пожаловалась она девушке.

— Всего четыре осталось, — сказала та. — Возможно, вам стоит упростить подпись. Такой работы предстоит еще много.

Флинн глянула на Коннера. Кловис пристроила чашку от термоса на подвижную стойку для медоборудования, и Коннер тянул кофе через прозрачную трубочку. Флинн подписала последние четыре контракта и передала их девушке. Встала:

— Скоро вернусь. — Она движением головы позвала Мейкона за собой и нырнула под синюю пленку.

Мейкон вышел следом. Было слышно, как девушка-нотариус шлепает печати.

— Тут где-нибудь можно поговорить без посторонних? — спросила Флинн.

— В фабе, — ответил Мейкон, указывая на другой кусок пленки.

Заднее помещение фабы выглядело как прежде, если не считать дыры в стене и нескольких новых принтеров. Флинн выглянула в соседнюю комнату. За прилавком стояла незнакомая девушка и смотрела в телефон.

— Где Шайлен?

— В Клэнтоне, — ответил Мейкон.

— Чего ее туда понесло?

— Еще юристы. Она открывает здесь две новые фабы.

— Я все узнаю урывками. Расскажи толком, что происходит.

— Никто не понимает. — Он снял визу, сунул в карман, потер глаз. Флинн чувствовала его усталость, которую не мог до конца снять даже государственный «будильник».

— Зачем тут форт из стройматериалов?

— Капитал «Сольветры» сейчас насчитывает миллиарды.

— Миллиарды?!

— Много, но я не хочу тебя грузить. Сам стараюсь об этом не думать. Завтра будет еще больше. Вся фигня растет по экспоненте. Мы стараемся не очень светиться. Скрываем, насколько можем. Бертону все время дают советы оттуда, и построить стену была их идея.

— А здесь почему нет?

— Сюда тебе, в общем-то, выходить нельзя. Стена должна защитить тебя от обстрела из машины или чего-нибудь в таком роде. Конечно, если за нас возьмется кто-нибудь серьезный, никакие укрепления не спасут. Для умных снарядов толщина не помеха, а потолок над нами, считай, картонный. И все-таки они решили, что надо это сделать, на случай если другая сторона пожмотится и снова наймет каких-нибудь козлов из Мемфиса.

— По дороге сюда видела робота-корову. Дженис сказала, что Бертон поставил.

— Часть нашей новой системы. Я лично голосовал, чтобы сделали похожей на зебру.

— Томми по-прежнему у Пиккета?

— И Бертон тоже. Не завидую им.

— Что, по-твоему, будет дальше?

— Вы с Бертоном и Коннером куда-то скоро отправляетесь? Там?

— Я должна идти на прием с Уилфом. Попробую там кого-нибудь опознать. Коннер отправляется с нами в качестве телохранителя. Про Бертона не знаю.

— Значит, это оно.

— Что «оно»?

— Ход в игре. Такой, который все изменит. Так, как здесь сейчас, долго оставаться не может. Рано или поздно рванет. На локальном уровне, на уровне страны или даже мира.

— Если Уилф сказал мне правду, это наименьшая из наших тревог.

— А что он сказал?

— Что грядет большой трындец, скоро. Полный развал на много десятилетий. Почти все умрут.

Мейкон глянул на нее:

— Поэтому там почти нет людей?

— Ты уже у них побывал?

— Нет, но мы с Эдвардом читаем между строк. В гаджетах, которые нам показывают. Своего рода наследственная история, если умеешь читать. Но технику они подняли на супер-пупер уровень, что бы там ни было с остальным.

— По словам Уилфа, недостаточно быстро.

— Тебе уже почти пора туда. Тебе и Коннеру. С тобой будет сидеть Кловис.

— Кто она такая на самом деле?

— Может, Карлос и прав. В медицинской сумке у нее все больше оружие. Когда видел Грифа, про нее как-то понятнее. Думаю, они примерно одно, только он типа руководство.

Флинн оглядела комнату. Вспомнила, как убирала последы с рождественских украшений, с игрушек, подчищала и собирала детальки, брала в «Суши-лавке» еду навынос и трепалась с Шайлен. Как же тогда просто и хорошо жилось! Солнце встает, садишься на велик и катишь домой — и не мимо места, где Коннер замочил четырех чуваков, которые собирались убить тебя, твою маму и Бертона, может, и Леона тоже ради обещанных кем-то денег.

— Леон говорит, видел вчера вечером двух луканов перед бывшим Фермерским банком, — сказал Мейкон.

— А как он понял? Они были с транспарантом?

— Без транспарантов. Леон их узнал, потому что долго разглядывал обоих в Дэвисвилле, когда безбаши замели Бертона. Они держали плакат перед ветеранским госпиталем, а Леон сидел

напротив, сразу за полицейским ограждением.

— Они его узнали?

— Вряд ли.

— Интересно, чего им здесь надо?

— Леон считает, они ищут Бертона. Он крепко навалял их дружку в Дэвисвилле. За что его тогда и загнали на стадион немножко остыть. Кстати, почему они так называются — «Лука четыре-пять»?

— Да вроде по какой-то страшилке из Библии.

— Это что-то для белых, Лука четыре-пять? Никогда не интересовался.

— «И возвед Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени».

— Знаешь Писание?

— Знаю этот стих. Бертон его цитирует всякий раз, как они затевают протест. Он из-за них так звереет, что слетает с тормозов. А может, ему просто нужен предлог, чтобы кому-нибудь навалять.

— Мы поручили ребятам приглядывать на всякий случай. — Мейкон достал из кармана визу, подул на нее, вставил в глаз. Заморгал. — Они там говорят, что ждут тебя через пять минут.

Глава 84

Сохо-Сквер

Высадив их у Сохо-Сквер, машина Лоубир, невидимая, укатила прочь. Дождь уже перестал. Когда они поднимались по широкой лестнице к аллее, появилась эмблема Лоубир.

— Да? — спросил Недертон.

— У них все готово. Усадите ее где-нибудь.

Недертон взял периферал за руку и подвел к скамейке, развернутой к лесу, через который по бывшей Оксфорд-стрит можно было дойти до Гайд-парка. Он указал на скамейку, и та завибрировала в предвкушении, стряхивая капли дождя. Периферал села. Глянула на Недертона. Тот поймал себя на том, что ждет, когда она бросит притворяться автоматом под управлением какого-то искусственного интеллекта и станет собой. Не такой, когда в ней Флинн, а женщиной, чье лицо носит.

— Вы не узнали, с кого она скопирована? — спросил он у Лоубир.

— У «Гермеса» есть политика конфиденциальности касательно перифералей, сделанных по

индивидуальному заказу. Я могла бы получить эти данные, но не хочу. Они могут повлиять на наше к ней отношение.

Периферал была в черных лосинах, черных прогулочных туфлях с большими серебряными пряжками и в темно-серой пелерине до колен.

— Что именно я должен тут делать? — спросил Недертон.

— Прогуляйтесь до Гайд-парка, а дальше будет видно. Постарайтесь ответить на ее вопросы. Я не жду, что она будет страшно убедительна в роли эксперта по неопримитивизму, но приложите все усилия. Ей надо опознать преступника, и если она не сделает этого с порога, надо, чтобы маскарад сохранялся как можно дольше.

— Я сказал Даэдре, что Анни от избытка восхищения совершенно теряется в ее присутствии. Это может помочь.

— Может. Попросите периферал закрыть глаза, пожалуйста.

— Закрой глаза, — велел он.

Периферал исполнила указание. Наблюдая за ее лицом, Недертон точно уловил момент появления Флинн: мгновенное выражение растерянности, — и тут же ее глаза широко раскрылись.

— Фу ты, блин, — сказала она. — Это дом или деревья?

Недертон глянул через плечо на аллею:

— Дом, выращенный из деревьев. Что-то вроде общественного павильона.

— Деревья выглядят старыми.

— Они молодые. Ассемблеры ускоряют рост, затем стабилизируют. Все эти деревья были такими уже в моем детстве.

— Двери, окна…

— Так их вырастили ассемблеры.

Она встала, попробовала ногой землю:

— Где мы?

— В Сохо. Сохо-Сквер. Лоубир советует нам дойти по этому променаду до Гайд-парка.

— Что такое променад?

— Лес, только вытянутый. В джекпот Оксфорд-стрит была разрушена. По большей части универмаги. Архитекторы поручили ассемблерам выесть развалины и превратить их в подобие очень длинного ящика для деревьев. Центральная аллея приподнята над бывшим уровнем улицы…

— Универмаги? Вроде «Мегамарта»?

— Не знаю.

— А почему вместо них посадили лес?

— Улица изначально не блистала красотой, а за время джекпота и вовсе пришла в упадок. Дома не поддавались переделке под другие нужды. «Селфриджес» недолгое время был частными апартаментами…

— Селфи что?

— Универмаг. Однако мода на жилье такой площади прошла вместе с последней отчаянной волной офшорных капиталов. Сейчас универмагов нет.

— Торговые центры?

Недертон задумался:

— Ты видела Чипсайд. Наверное, ближайший аналог. Пункт доставки, избранная ассоциативная розница. Еще есть Портобелло, Бёрлингтонский пассаж…

Она постоянно оглядывалась по сторонам.

— Мы в самом большом городе Европы. Кроме тебя, я не видела ни одной живой души.

— Вон там мужчина. На скамейке. — Недертон указал рукой. — Наверное, выгуливает собаку.

— Машин нет. Мертвая тишина.

— До переустройства главным общественным транспортом были поезда, ходившие в подземных тоннелях.

— Метро.

— Да. И оно по-прежнему есть, тоннелей даже стало больше, но как общественный транспорт почти не используется. Если тебе нужен поезд, метро может сконфигурировать его под заказ. В Чипсайд обычно ездят историческим поездом.

Именно таким возила его мать.

— Я видела несколько больших грузовиков.

— Они перевозят товары из подземки к месту назначения. У нас меньше частных автомобилей. Есть кебы. А в основном на велосипеде или пешком.

— Какие высокие деревья! Никогда таких не видела.

— Давай подойдем, глянешь. С променада гораздо более эффектное зрелище.

Недертон двинулся вперед, пытаясь вспомнить, когда был здесь последний раз. Они вышли на дорожку между деревьями.

— Так, значит, деревья не настоящие? — спросила Флинн.

— Настоящие, только их рост искусственно ускорен. И еще есть несколько квазибиологических крупнообъемных поглотителей углекислоты, которые выглядят как деревья.

Что-то дзинькнуло у них за спиной. Мимо, изо всех сил крутя педали черного велосипеда, про-

несся человек в очках-консервах и забрызганном грязью бежевом тренчкоте. Длинные полы хлопали у него за спиной.

— Как это все сделали? — спросила Флинн.

С деревьев, многие из которых были выше стоявших здесь прежде домов, по-прежнему падали редкие крупные капли. Одна угодила Недертону за шиворот. В стороне Гайд-парка, за переплетением ветвей, угадывалось облако.

— Я могу открыть тебе трансляцию и показать, если хочешь.

— «УН»? — спросила она: надо понимать, телефоны соединились и она увидела его эмблему. — Это ты?

— Да. Прогуляемся до Гайд-парка, и я покажу тебе трансляцию, как все сделали.

Не задумываясь, он взял Флинн за руку — как периферал, когда вел ее от машины, — и тут же осознал свою ошибку.

Флинн глянула настороженно и напряглась, будто сейчас отдернет ладонь, но не отдернула, а сказала просто:

— Ладно, покажи.

Так они и пошли, рука в руке.

— Ты был ужасно нелепый в «Перекати-Полли», — заметила Флинн.

— Примерно так я и догадывался.

Глава 85

Люди будущего

Уилф объяснил, что все вокруг построили ассемблеры — как поняла Флинн, те самые мелкие штуковины, которые убили сестру его бывшей.

То, что он называл трансляцией, открылось в окошке перед глазами — оно было небольшое и не закрывало дорогу, но чтобы смотреть и в него и себе под ноги, требовалась привычка. Флинн догадывалась, что это типа визы, только не надо вставлять в глазницу.

Архитекторы поручили ассемблерам пробурить вдоль улицы цилиндрическую дыру. Дома уже тогда были наполовину разрушены, так что по большей части получилась не труба, а полукруглая выемка, гладкая-прегладкая, как стекло. Такой бывает мрамор или металл, но тут были старый кирпич и доски. Выпиленный ассемблерами кирпич выглядел как свеженарезанная печенка, дерево — как панели в автодоме Льва. Хотя сейчас это было мало где видно, поскольку затем все засадили сказочным лесом: стволы толстые, словно ненастоящие, могучие корни

уходят вглубь развалин, а кроны такие высокие, что верхушек не разглядеть.

Гибриды, сказал Уилф. Что-то амазонское, что-то индийское, плюс ассемблеры, которые указывали, как и куда расти. Кора будто слоновья кожа, корни в таких же морщинках, но более тонких.

Говоря, Уилф жестикулировал. Чтобы пояснять трансляцию, он выпустил руку Флинн. Той больше нравилось, когда он ее держал, приятно было чувствовать что-то живое, пусть не своей ладонью, а периферали. Она много думала про Уилфа после его рассказа про джекпот. Ей казалось, что он сам не совсем понимает, насколько ему хреново от всей этой истории. Он вкладывает уйму энергии в то, чтобы убеждать других, потому что у него такая работа — а может, потому его и взяли на такую работу, — а на самом деле в чем-то постоянно убеждает самого себя. Может быть, в собственной реальности.

— Та женщина, к которой мы пойдем, твоя бывшая?

Трансляция уже закончилась, окно закрылось, его бляшка погасла.

— Я так о ней не думаю. Это был короткий эпизод, очень опрометчивый шаг.

— Она занимается каким-то искусством?

— Да.

— Каким?

— Она делает себе татуировки, — сказал он. — Но все гораздо сложнее.

— Типа пирсинга и тоннелей?

— Нет. Продукт — не татуировки. Продукт — она сама. Ее жизнь.

— То, что раньше называли реалити-шоу?

— Не знаю. А почему их так больше не называют?

— Потому что почти ничего другого не осталось, кроме «Чудес науки», аниме и бразильских сериалов. Слово теперь звучит старомодно.

Уилф остановился и прочел что-то, чего она не видела.

— Да. В каком-то смысле ее истоки — реальное телевидение. Оно срослось с политикой. И с искусством перформанса.

Они пошли дальше.

— Думаю, у нас это уже произошло, — сказала Флинн. Здесь как-то удивительно пахло, от мокрых деревьев наверное. — А кожа у нее не заканчивается?

— Каждое произведение — весь эпидермис целиком, от ступней до шеи. Отражающий ее

жизненный опыт за творческий период. Снятую кожу консервируют и делают с нее миниатюры — факсимиле, — на которые люди подписываются. У Анни Курреж, которую ты будешь изображать, есть полный комплект миниатюр, хотя они ей не по средствам.

— Зачем она их купила?

— Она не купила, — ответил Уилф. — Я это выдумал для Даэдры.

— Зачем?

— Чтобы заставить ее одеться.

Флинн глянула на него искоса:

— Она сдирает с себя кожу?

— И параллельно наращивает новую. Удаление и восстановление практически одна операция.

— Ей потом больно?

— Я не был с нею рядом, когда это происходило. Впрочем, она прошла через такую операцию незадолго перед тем, как меня взяли на работу. Чистый кожный лист. После встречи с тобой, вернее, с Анни Курреж и еще двумя неопримитивистскими экспертами она согласилась не делать татуировок до завершения проекта.

— А чем они занимаются?

— Кто?

— Неопримитивисты.

— Это не сами неопримитивисты, а эксперты по ним. Неопримитивисты либо пережили джекпот собственными силами, либо сознательно вышли из глобальной системы. Те, вокруг кого вертелся проект, добровольцы. Экологический культ. Эксперты изучают их, вживаются в неопримитивистскую культуру, собирают ее артефакты.

— Мне кажется, тебе тут не нравится.

— На променаде?

— В будущем. И Тлен его тоже не любит.

— У Тлен смысл жизни — его ненавидеть.

— Ты ее знал до того, как она сделала себе эту штуку с глазами?

— Я был знаком со Львом еще до того, как он взял их двоих на работу. Тлен уже тогда была такая. Хороших техников мало, выбирать не приходится.

— А чем занимается Лев? — Флинн не была уверена, что богатые обязательно чем-нибудь занимаются.

— Влиятельная семья. Старая клептократия. Два старших брата в деле, Лев как бы в свободном поиске. Присматривается, во что можно инвестировать. Не столько ради денег, сколько ради свежих идей. Новизны.

Флинн подняла глаза к ветвям, с которых вроде

бы уже меньше капало. Над головой пролетело что-то красное: размером с птицу, а крылья как у бабочки.

— Это для тебя не новое, да?

— Да. Отсюда и неопримитивистские эксперты. Собирать те случайные крохи новизны, которые производят неопримитивисты при всей своей мерзости. Вот и наше сотрудничество с Даэдрой было на ту же тему. В данном случае речь шла о технологической новизне, которую легче другой обратить в товар. Три миллиона тонн переработанного полимера, плавучий кусок недвижимого — хотя в данном случае движимого — имущества. А вон там впереди Гайд-парк.

Они дошли почти до конца променада. Деревья здесь были не такие высокие и росли реже. Флинн слышала выкрики, как из рупора.

— Что там?

— Ораторский уголок, — ответил Уилф. — Они все чокнутые. Это разрешено.

— А это что белое, вроде как часть здания?

— Мраморная арка.

— Там вроде две арки. Как будто их откуда-то сняли и переставили сюда.

— Так и было. Наверное, она визуально выглядела более оправданной, когда под ней проезжали.

Променад закончился, началась лестница к парку.

— Тот, кто вещает, он должен быть на ходулях, но выглядит не похоже, — сказала Флинн.

Фигура на тощих паучьих ногах была футов десять ростом.

— Периферал, — ответил Уилф.

Круглая розовая голова существа спереди переходила во что-то вроде трубы, тоже розовой, через которую оно изливало поток невразумительной речи на кучку, среди которых выделялся по меньшей мере один пингвин в человеческий рост. Оратор был в облегающем черном костюме, руки и ноги непропорционально тонкие. Флинн не могла разобрать, что он говорит, уловила только одно слово: «номенклатура».

— Все они чокнутые, — повторил Уилф. — И может быть, все периферали. Впрочем, безобидные. Нам сюда.

— Куда мы идем?

— Я думал прогуляться до Серпентайна. Посмотреть на корабли. Уменьшенные макеты. Иногда они разыгрывают исторические битвы. Мне особенно нравится «Граф Шпее».

— Тот оратор, он что-то осмысленное говорит?

— Это традиция, — сказал Уилф и повел ее по

бежевой гравийной дорожке.

Здесь были люди: гуляли по парку, сидели на скамейках, катили коляски. На взгляд Флинн, они совсем не выглядели людьми будущего. Не то что Тлен или трубоголовое существо десяти футов ростом, про которое Уилф сказал, что это периферал. Сзади все еще доносились его выкрики.

— Как это будет, когда мы придем к твоей бывшей?

— Я бы просил тебя не называть ее так. Даэдра Уэст. Точно не знаю. Лоубир и Лев говорят, будут влиятельные люди. Может быть, даже сам поминарий.

— Это кто?

— Чиновник в Сити. Я вряд ли сумею объяснить, в чем состояли его традиционные функции. Кажется, буквально напоминать королю о неоплаченных долгах. Потом должность стала чисто декоративной. А после джекпота… лучше не упоминать.

— Он знаком с Даэдрой?

— Понятия не имею. Я не бывал на таких ее мероприятиях. По счастью.

— Тебе страшно?

Уилф остановился, глянул на нее:

— Наверное, я беспокоюсь, да. Я никогда не

участвовал в чем-нибудь хоть отдаленно похожем.

— Я тоже. — Она взяла его руку, крепко сжала.

— Мне жаль, что мы вторглись в твою жизнь. У тебя там было так хорошо.

— Правда? Ты считаешь, у нас хорошо?

— У твоей мамы в саду, под луной…

— По сравнению с тем, как здесь?

— Да. Я всегда, в каком-то смысле, мечтал о прошлом. Только раньше не вполне это сознавал. Теперь не могу поверить, что правда его видел.

— Можешь увидеть еще, — сказала она. — У меня «Перекати-Полли» с собой, в фабе.

— Где?

— В фабе «Форева». Я там работаю. Вернее, работала, пока все не началось.

— Это я и имел в виду. — Его рука напряглась. — Мы изменили все.

— Мы были бедные, кроме Пиккета, которого, возможно, уже нет в живых, и еще одного-двоих. Не как тут. Работу не особо найдешь. Я пошла бы в армию, когда Бертон завербовался в морскую пехоту, но надо было ухаживать за мамой. И сейчас по-прежнему надо. — Она оглядела просторный парк, газоны, дорожки, похожие на чертеж с урока геометрии. — Это самый большой парк, какой

я видела. Больше, чем в Клэнтоне у реки, где форт времен Войны Севера и Юга. А променад — вообще крышесносная штука. Он у вас один такой?

— Отсюда мы можем дойти променадами до Ричмонд-парка или до Хэмпстеда и оттуда дальше. Всего их четырнадцать. И сотни рек, которые мы откопали…

— Под стеклом с подсветкой?

— Несколько самых крупных, да.

Уилф улыбнулся было и тут же замер, как будто сам удивился. Флинн редко видела у него улыбку, во всяком случае такую. Он выпустил ее руку, но не сразу.

Они пошли дальше.

Появилась бляшка Мейкона с красным наггетсом.

— Я вижу бляшку Мейкона, — сообщила Флинн.

— Скажи «алло».

— Алло. Мейкон?

— У нас тут чего-то начинается. Кловис просит тебя вернуться.

— Что такое?

— «Лука четыре-пять» под окнами с плакатами. На плакатах ты, Бертон, ваша мама. Еще Леон.

— Что за фигня?

— Кажись, им ударило в голову, что Бог ненавидит «Сольветру».

— Где Бертон?

— Возвращается от Пиккета. Только что выехал.

— Черт, — сказала Флинн.

Глава 86

Шатленка

Недертон оторвал взгляд от битвы игрушечных корабликов на Серпентайне и увидел Тлен. Она, в разных оттенках черного и темной сепии, скользила по бежевой гравийной дорожке, словно на незримых колесиках.

Он очень жалел, что Флинн пропустила сражение, хотя сам любил пар больше, чем паруса, и драму дальнобойных орудий больше, чем вспышки крошечных пушек. Однако на пруду, там, где происходило сражение, были соразмерные корабликам волны и миниатюрные облачка; что-то в этом всегда его восхищало. Периферал, сидя рядом на скамейке, казалось, тоже наблюдала за кораблями, хотя Недертон знал, что слежение за движущимися предметами — просто способ эмулировать сознание.

— Лоубир велела тебе ехать обратно в дом Льва, — сказала Тлен, останавливаясь перед скамейкой.

Ее юбка и приталенный жакет состояли из сложно скомбинированных лоскутков с рваными

краями; каждый фрагмент, хотя, без сомнения, мягкий, выглядел темной луженой жестью. На сумочке, расшитой еще более вычурным узором траурных бус, висело серебряное украшение с множеством цепочек. Недертон знал, что это называется шатленка — род дамского несессера для викторианских хозяйственных мелочей. Или не совсем викторианских, подумал он, когда серебряный паучок с граненым гагатовым брюшком бойко взбежал по жакету, таща за собой цепочку и поблескивая глазками-стразами.

— Флинн, по-моему, встревожилась, когда ее вызвали назад, — сказал Недертон. — Очень некстати. Я как раз собирался изложить ей концепцию того, что должна говорить Анни.

— Я ей еще раньше объяснила, что ты пиар-менеджер, — ответила Тлен. — Она поняла это в терминах вырожденной парадигмы знаменитостей, так что было относительно просто.

— Связи с общественностью — не твоя область, — сказал Недертон. — Надеюсь, ты не породила у нее ошибочных представлений.

Тлен поправила периферали челку. Та подняла спокойные ясные глаза.

— Она что-то в нее привносит, верно? — сказала Тлен. — Я обратила внимание, что ты тоже

заметил.

— Она сейчас в опасности?

— Да, наверное, хотя ничего толком не понятно. Кто-то влиятельный здесь хочет ее убить и подключает все более мощные ресурсы там. Мы ему противодействуем, но наша борьба создает слишком большую нагрузку на экономику ее мира. Нагрузка может вызвать еще более хаотические изменения, и, похоже, именно к этому сейчас идет.

Со стороны пруда донесся громкий треск. Дети радостно закричали, захлопали в ладоши. У одного из кораблей выстрелом сбило центральную мачту, как в той версии неведомого сражения, которое сегодня реконструировали. Недертон встал, подал периферали руку, та грациозно поднялась со скамьи.

— Мне не нравится, что она отправляет тебя к Даэдре, — сказала Тлен, пристально глядя на него раздвоенными зрачками, которые Недертон в последнее время видел так часто, что уже почти не замечал. — Наш конкурент в срезе — почти наверняка сама Даэдра или кто-то из ее окружения. Флинн они повредить не смогут, разве что уничтожить ее перифераль, и тогда она просто вернется в срез, пусть даже и пережив несколько

неприятных минут. То же относится к Коннеру в Антоновом учителе танцев. Ты идешь туда сам, и с тобой можно сделать что угодно.

— Тактически я не вижу для нее иного пути. — Недертон глянул на Тлен, изумленный тем, что она, судя по всему, всерьез за него тревожится.

— И ты не думал об опасности, которой себя подвергаешь?

— Я старался не задерживаться на ней мыслями. И что было бы с Флинн, если бы я отказался? С ее братом, с матерью? Со всем ее миром?

Зрачки Тлен буравили его насквозь, хотя ее бледное лицо оставалось совершенно бесстрастным.

— Альтруизм? Что с тобой происходит?

— Не знаю, — ответил он.

Глава 87

Противоядие от тусняка

У Кловис Реберн была замечательная кожа. Когда Флинн открыла глаза, Кловис как раз склонилась над ней и смотрела то ли на автономный отсекатель, то ли на провода. Легчайший переход за все это время, со скамейки в Гайд-парке на новенькую больничную койку. Как кувырок назад. Даже по-своему приятно.

— Привет! — Кловис, увидев, что Флинн открыла глаза, резко выпрямилась.

— Что тут происходит?

Кловис разорвала что-то на две половинки. Какую-то упаковку.

— Гриф сказал, конкурент нанял луканов, типа выставить нас в дурном свете. А по мне, если их протесты и действуют, то прямо наоборот.

— Мейкон сказал, Бертон едет от Пиккета.

— В реквизированной машине, благо там на стоянке этого добра теперь завались, — ответила Кловис. — Хозяев, тех, что работали на Пиккета, до сих пор выкапывают из-под развалин.

Она вытащила из упаковки маленький розо-

вый кружок, отлепила от бумаги, задрала Флинн футболку и приклеила пластырь ей на живот, слева от пупка.

— Что это? — спросила Флинн, приподнимая от подушки голову вместе с короной.

Кловис задрала свою рубашку. На прессе, фактурном, как стиральная доска, был такой же розовый кружок с двумя красными линиями крест-накрест.

— Противоядие от тусняка, — сказала Кловис. — Но это пусть тебе Гриф объяснит.

Она сняла с Флинн корону и аккуратно положила на столик слева от кровати, на что-то вроде памперса.

Флинн перевела взгляд с короны на Коннера. Тот, в такой же короне, лежал на соседней койке.

— Пусть лучше остается там, — сказала Кловис. — Учитывая его способность нарываться.

Флинн села. Из-за больничной койки чувство было такое, будто на это надо спросить разрешения. Тут появился Хун в темно-зеленой футболке с белой надписью «СОЛЬВЕТРА США» и логотипом, который Флинн видела на конверте у Бертона в трейлере. В глазу у него была виза, в руках — по пакету с едой навынос. Флинн сообразила, что он прошел через вертикальную щель в стене из

мешков, слева от койки.

— Сюда есть потайной ход из «Суши-лавки»? — спросила Флинн.

— Часть договоренности насчет антенн. Ты же вроде мне сама писала по электронке?

— Наверное, это были мои секретари.

— Надо же как-то носить сюда еду, — сказала Кловис. — Бертоновы ребята дежурят круглые сутки.

— Я жирею, — ухмыльнулся Хун и ушел за синюю пленку.

— Еда для Бертона и кто там еще с ним, — сказала Кловис. — Ты голодная?

— Да, наверное, — ответила Флинн, беря «Перекати-Полли» со стула, на котором его оставила.

— Если понадоблюсь, я тут со спящим красавцем. А правда у тебя там целое другое тело?

— Более или менее. Оно сделанное, но не скажешь.

— Похоже на тебя?

— Нет. Посимпатичнее и пофигуристее.

— Ага, конечно! — фыркнула Кловис.

Флинн пошла на запах «Суши-лавки». Пакеты стояли на журнальном столике, на котором она подписывала документы, — его теперь перенесли в «юридический отдел». Хуна там уже не было.

— Ты Флинн, — сказал незнакомый мужчина.

Сероглазый шатен, светлокожий, румяный. По выговору — тоже англичанин, но во времени, которое Флинн старалась не называть прошлым.

— Меня зовут Гриф. — Он протянул руку над пластиковыми контейнерами и тремя бутылками воды из «Меги». — Холдсуорт.

Она пожала ему руку. Гриф был широкоплечий и худощавый, может быть, чуть младше ее, в затертом пиджаке цвета свежего конского навоза.

— Имя похоже на американское, — сказала она, думая про себя, что так могли бы звать кого-нибудь в детском аниме.

— Вообще-то, полностью Гриффидд. С двумя «ф» и двумя «д». — Он внимательно смотрел на нее, будто ждал, что она рассмеется.

— Ты из безопасности, Гриф?

— Ни коим боком.

— Мэдисон сказал, ты вроде бы прилетел на безовском вертолете.

— Да. У меня была возможность его взять.

— Слышала, у тебя их вообще много. Возможностей.

— Верно слышала, — сказал Бертон, пальцем отодвигая пленку. Лицо у него было усталое и грязное, камуфляжные штаны и черная футболка

запылились. — Полезное дело.

Он вошел в помещение.

— Шериф Томми тебя замотал? — спросила Флинн.

Бертон положил на стол томагавк в ортопедических кайдексовских чехлах.

— Ему не по душе, что мы там устроили. Постоянно тычет меня в это носом. Типа пристыдить, хотя вслух так не говорит. Честно сказать, мы правда немного переборщили. Кто мог знать, что там Джекман? Впрочем, я бы не отказался найти пару клочков от Пиккета. Потом мне позвонили и сказали, что к нам пожаловали луканы с карами небесными. — Он глянул на Флинн. — Я думал, ты в Лондоне.

— Лоубир отправила меня назад. Те, кто хочет нас убить, прислали сюда луканов, чтобы ты психанул. Полез на рожон, как всегда с ними, и подставился.

— Видела анимацию на их плакатах?

— Выглядит аппетитно, — сказал Гриф, открывая контейнеры. — Откуда Хун родом?

— Из Филадельфии, — ответила Флинн.

— Пойду вымоюсь, — объявил Бертон, беря томагавк со стола.

— Мне хочется пойти за ним, — сказала Флинн

Грифу, когда Бертон уже не мог ее слышать.

— Карлос у главной двери, следит, чтобы он не вышел, — ответил Гриф, свинчивая крышечки с минералки. — Кловис в задней комнате, там, где проход к Хуну.

Он принялся четырьмя палочками, как вилкой, раскладывать еду на три биоразлагаемые тарелки, которые принес Хун. Потом двумя быстренько распределил все так, что получилось красиво — не мешанина из лапши и роллов, как вышло бы у Флинн, а настоящее произведение искусства. Глядя, как он пластмассовыми палочками укладывает синтетическую рыбью икру, она вспомнила рободевушек перед приемом в доме убитой женщины.

— Постарайся не обращать внимания на то, что у наших фанатиков по вызову на плакатах, — сказал Гриф. — Они изготовлены фирмой, которая специализируется на разжигающей политической рекламе. Все сделано с целью разозлить вас лично и одновременно внушить ненависть к вам местному населению.

— Это конкуренты их на нас натравили?

— «Лука четыре-пять» не только секта, но и успешное коммерческое предприятие. Довольно распространенный случай.

— Ты с канала «Шеф-повар» или что-то вроде того?

— Только с аутентичной филадельфийской кухней. — Гриф склонил голову набок. — Дай мне лучшую североитальянскую, и я сделаю такое, что смотреть будет противно.

Вошел Бертон.

— Давайте есть, — сказал он, вновь кладя томагавк на стол, рядом с тарелками; Флинн вспомнила, как споткнулась о мертвого охранника в доме у Пиккета.

Она поставила «Перекати-Полли» на середину стола, как вазу с цветами, и села на складной стул.

— Что это? — спросил Бертон.

— «Перекати-Полли».

Гриф собрал пустые коробки в полиэтиленовый пакет, убрал его в другой пакет, поставил всё на пол, окинул взглядом стол и тоже сел. Флинн почти думала, что сейчас он прочтет молитву, но Гриф просто взял пластмассовые палочки и сказал:

— Прошу.

Перемещения туда-сюда из тела в периферал и обратно сбивали с толку. Хочется ей есть или нет? Она с утра съела банан и выпила чашку кофе, но

чувствовала себя так, будто и правда долго гуляла по променаду. То есть гулять-то она гуляла, но в другом теле. Запах еды разбудил в ней тоску по прошлой неделе, когда еще ничего не произошло. А плюс эта художественная сервировка…

— Что такое тусняк? — спросила она Грифа.

— Где ты слышала это слово? — встрепенулся Бертон.

— Кловис дала мне противоядие, — ответила Флинн.

— Тусняк здесь? — Бертон пристально глянул на Грифа.

— Давай поговорим после еды, — сказал тот.

— Что это, Бертон?

— По десятибалльной шкале военных преступлений — примерно двенадцать. — Бертон взял ролл, сунул в рот и принялся жевать, по-прежнему глядя на Грифа.

Глава 88

Парламент птиц

В шатре Тлен пахло пылью, хотя собственно пыли нигде видно не было. Может, это специальная ароматическая свеча, думал Недертон, усаживаясь. Периферали спокойно смотрела на него из-за хитросплетений псевдостаринного дисплея, затем опустила глаза, будто изучает сложную резьбу столешницы. Тлен сидела слева от Недертона, ближе к периферали. Она отколола от волос миниатюрную шляпку, похожую на черную кожаную жабу, и положила перед собой на стол.

— Тебе выписан пропуск в парламент птиц, — сказала Тлен, а когда Недертон открыл рот, чтобы спросить, что она имеет в виду, поднесла палец к черным губам.

Гагатово-серебряный паук с ее шатленки, отцепленный, вылез из левого манжета и быстро засеменил к Недертону.

Касание ножек-иголочек оказалось совершенно безболезненным. Разглядывая паучка на тыльной стороне своей ладони, Недертон

вспомнил, как «медичи» вот так же нечувствительно внедрялся щупальцами между клетками его кожи.

Тут Тлен заговорила на птичьем языке, и он ее понял.

— Не надо, — в ужасе произнес Недертон, но изо рта у него вырвалось чириканье, пронзительное и тревожное.

Тут он сообразил, что значит «пропуск»: его подключили на один-единственный раз к шифру, которым общаются между собой Оссиан и Тлен, настолько надежному, что даже Лоубир и ее всесильные тетушки едва ли сумеют проникнуть в смысл сказанного. И Тлен продолжила говорить.

Что Лоубир (птичий щебет перешел в резкое гортанное цоканье; Недертон изо всех сил старался не отвлекаться на звучание) очень заинтересовалась континуумами и связанным с ними кругом. Среди тех, кто увлекается ими дольше Льва, есть любители экспериментировать над множественными мирами; эти люди проверяли срезы на прочность вплоть до полной гибели населения. В частности, некий берлинец, известный сообществу под ником «Веспасиан», славился особым садизмом: он разжигал среди подопечных нескончаемые бессмысленные

войны ради новых типов вооружения, которые при этом возникали. Оружие, как правило, было неприменимо вне породивших его экзотических сценариев, но цель Веспасиана и не была практической, скорее азарт коллекционера, род фетишистской страсти.

Лоубир, рассказывала Тлен, получила от Веспасиана чертежи и спецификацию того, чем учится сейчас управлять Коннер Пенске. Недертон глянул на периферал: та смотрела на шевелящиеся губы Тлен, будто и впрямь что-то понимает.

— А что это? — спросил Недертон и вместо своего вопроса услышал протяжное завывание из одних гласных.

Неизвестно, ответила Тлен на том же певучем языке, но, учитывая фетишизм Веспасиана и то, в каком восторге остался Коннер от первого урока, это наверняка какое-то оружие, быстро и тайно изготовленное Лоубир, у которой явно есть для этого возможности.

Но зачем, спросил Недертон (слыша, как его напевная речь плавно перетекает во что-то германское), Тлен ему все это сообщает? Он надеялся, что мутантный диалект нижненемецкого передаст не только смысл, но и чувство: что услышанное еще сильнее разбередило его тревоги, а

от одного вида ювелирного паучка у себя на руке хочется взвыть.

Потому что, сказала Тлен (сейчас ее речь утратила всякое сходство не только с человеческой, но и с птичьей), Лоубир сама практически в одночасье заделалась континуумисткой. И потому что она, Тлен, осуществляя стратегию Лоубир в срезе Льва, видит: инспектор затеяла куда более долговременную игру, чем оправдано ее целями. И еще (тут глаза Тлен сузились до одного зрачка в каждом), потому что Веспасиан, передав Лоубир планы, непонятно зачем уехал в Роттердам и там скоропостижно умер в пятницу якобы своей смертью, чему Лоубир как-то подозрительно не удивилась.

И все это произошло после их знакомства с Лоубир, то есть за какую-ту неделю. А сейчас, сказала Тлен, время действия пропуска истекает. В дальнейшем она просит Недертона не упоминать услышанное ни прямо, ни косвенно. И еще она добавила, что завела этот разговор, поскольку опасается за себя, за него и Льва, а также за Флинн и ее близких, которых считает ни в чем не повинными попутчиками.

Недертон (который только сейчас наконец освоился с тем, что не понимает собственных

звучащих слов) полюбопытствовал, чего она надеется этим достичь?

Из ответа следовало, что Тлен сама не знает, но чувствовала себя обязанной поделиться. А возможности Лоубир выведывать, кто что сказал, через клептархических тетушек оценке не поддаются. На этом паучок соскочил с его руки и побежал к Тлен.

Потом все трое долго сидели молча. Недертон под столом взял перифераль за руку. Он думал, от каких таких естественных причин скоропостижно умирают в Роттердаме континуумофилы-садисты и как бы случайно не спросить об этом Лоубир. А если она слышала их разговор на тарабарском языке, то, интересно, какие сделала выводы?

Глава 89

Стробоскопическая вспышка

Для поездки Гриф велел ей надеть бронекуртку из той же волшебной сахарной ваты. Бертон тоже был в броне, и это его чуть не убило — то, как подкладка мгновенно твердеет от энергии пули. Выпущенная в асфальт под ногами у Бертона человеком, который, вероятно, был уже мертв, когда его палец нажал на спуск, она срикошетила, попала в рукав бронекуртки над левым запястьем Бертона, разлетелась на куски — что-то тоже связанное с физикой сахарной ваты, — и один осколок, отскочив ему в правое бедро, задел артерию.

Все происходило как будто одновременно — позже Томми сказал, так и бывает в перестрелках, когда в них участвуешь. Флинн шла чуть позади Бертона, слева, Кловис справа от нее. Потом Флинн вспомнила, что почувствовала, когда Кловис приняла боевую стойку. Они собирались сесть в машину Томми и поехать к маме — уговорить, чтобы та разрешила ее увезти. Гриф так и не упомянул загадочный тусняк, и Флинн

думала еще подождать, а потом спросить снова. Говорил он главным образом про их маму, которая и слышать не хотела о переезде в Виргинию, где, сказал Гриф, у него есть «надежный дом». Литония согласилась поехать с мамой, но та, при всем хорошем отношении к Литонии, отказалась наотрез. Потом за ними заехал Томми. Флинн радовалась, что увидит маму, хотя и не верила в успех уговоров. И еще радовалась, что будет всю дорогу сидеть рядом с Томми, если только туда не придется посадить Карлоса с «булкой» на коленях.

Снаружи было тихо, несмотря на сорок семь протестующих, которых насчитали дроны, по другую сторону здания, через улицу от парковки. Однако Бертон, видимо, держал томагавк головкой в кулаке, рукояткой вдоль тела вверх, с внутренней стороны руки, потому что, когда заметил человека в спрут-костюме — Флинн не знала, что уж того выдало, — сорвал и отбросил кайдекс. Чехол со стуком упал там, где Флинн столько раз пристегивала велик. Бертон дал томагавку скользнуть вниз, поймал конец рукоятки и рубанул по все еще невидимой голове человека в спрут-костюме. Звук — будто раскололась недоспелая тыква — был последним, который

слышала Флинн, потому что в следующий миг она оглохла от выстрелов.

В памяти остались как будто отдельные гифки. Кловис оттолкнула ее — с такой силой, что было даже больно. Медсумка у Кловис на животе распахнулась, как раковина. Внутри — толстый пластмассовый пистолет такого же защитного цвета. Клип первый: Кловис двумя руками держит пистолет на уровне глаз и строчит без остановки, лицо спокойно-сосредоточенное, будто она ведет машину и внимательно следит за дорогой. Еще клип: гильзы из винтовки Карлоса, невесомые, в воздухе, будто их выхватило стробоскопической вспышкой, но одна ударила Флинн в тыльную сторону ладони и обожгла ее. Еще: то, что происходит со спрут-костюмами, когда в них попадает пуля, краденая окраска вспыхивает, выцветает и видно, как падает подстреленный человек. А потом Бертон на земле, глаза открытые, невидящие, из бедра толчками бьет кровь.

В ушах звенело так, что Флинн думала, это навсегда. Томми поддерживал ее сзади, Кловис, убрав перезаряженный пистолет, что-то выдергивала из глубины сумки. Синие латексные перчатки, безовские. Белый пластиковый крюк. Опустилась на корточки рядом с Бертоном, крю-

ком разрезала пропитанные кровью камуфляжные штаны, обнажила бедро. Вдавила ярко-синий указательный палец в рану, нахмурилась, чуть шевельнула им внутри. Кровь перестала бить. Кловис подняла голову и потребовала:

— Центр Уолтера Рида. Срочно, мать вашу!

Глава 90

Показатель предосторожности

Эмблема Рейни появилась, когда Недертон мылся в душе рядом с хозяйской каютой гобивагена.

— Алло, — сказал он, не открывая глаз, чтобы в них не попал шампунь.

— Ты по-прежнему не знаешь, на кого в самом деле работаешь? — спросила Рейни.

— Я безработный.

— А я — да. Более или менее.

— Что «да»?

— Знаю, на кого ты работаешь.

— О чем ты?

— О знакомом тебе лице.

— Ты про Льва?

— Нет. Про лицо, с которым я тебя видела.

— Я на нее не работаю.

— Но делаешь, что она велит.

— Да, наверное, — ответил он. — По очевидным причинам.

— Наверное, я бы так же себя вела в твоем положении.

— В каком именно положении?

— Не знаю и знать не хочу. Я попыталась осторожно навести справки. Все, кого я о ней спрашивала, со мной раззнакомились. Задним числом. Никогда не были знакомы. Некоторые даже не поленились вычистить меня с общих фотографий. Как показатель предосторожности вполне красноречиво.

— Я не могу это сейчас обсуждать в такой форме.

— И не надо. Я звоню сказать, что подала заявление об уходе.

— Из нынешней версии проекта?

— Из министерства. Буду искать работу в частном секторе.

— Серьезно?

— Чем бы ты ни занимался, Уилф, знать об этом не полезно. Так что я предпочитаю и дальше оставаться в неведении.

— Тогда зачем звонить?

— Затем, что ты мне по-прежнему не до конца, нафиг, безразличен. Сейчас мне пора бежать. Что бы это ни было, попробуй развязаться. Пока.

Ее эмблема исчезла.

Недертон махнул рукой, выключая душ, вышел из кабинки, схватил тонкое черное полотенце

Зубова-деда и вытер глаза.

Потом оглядел каюту. Учитель танцев лежал на огромной кровати, как Пенске его оставил: на спине, вытянув ноги и скрестив руки на груди, словно фигура на крышке рыцарского саркофага.

— «Что бы это ни было», — повторил он слова Рейни и внезапно поймал себя на том, что скучает по ней и грустит, что теперь они, наверное, расстались навсегда.

Глава 91

Равноногое

Задняя комнаты «Сольветры» напоминала полевой госпиталь. Бертон лежал на средней койке, на окровавленных простынях, под хирургическим дроном, похожим на панцирь исполинской мокрицы, того же цвета, что пистолет Кловис. Дрон, которым управляла бригада в Национальном медицинском центре имени Уолтера Рида, плотно присосался к Бертону и громко, безостановочно щелкал и жужжал. Он уже извлек и выдавил в кювету бесформенный осколок пули, а теперь зашивал артерию и латал рану на бедре. Во всяком случае, так должно было происходить по плану. Гидростатический шок, сказал Гриф, был не очень сильный, пуля, срикошетив от асфальта, потеряла много энергии. Иначе при таком расстоянии его могло бы убить одной силой удара, несмотря на бронекуртку.

А ведь этот дрон, возможно, еще один ранний прообраз периферали, подумала Флинн и вспомнила про «Перекати-Полли» у себя на коленях. Она сидела на краю свободной койки и, когда не

могла больше смотреть на Бертона — тот лежал без сознания, с прозрачной трубкой под носом, круглыми наклейками-датчиками на лбу и голой груди и двумя иголками от разных капельниц в сгибе локтя, — переводила взгляд на спокойное лицо Коннера (на лбу корона, сам он — где-то на семьдесят лет тому вперед) или Грифа, который, прижав к уху телефон, кивал и что-то говорил, но слов Флинн не разбирала. Потом собиралась с духом и вновь смотрела на Бертона.

Дрон по-прежнему щелкал. Мокрица — не насекомое, а равноногое. Самые большие равноногие жили когда-то в океане. Флинн не помнила, узнала это в старших классах или из «Нейшнл географика».

Кловис ушла в душ. Сказала, что сперва пустит холодный и одежду снимать не будет — попробует смыть с нее кровь Бертона. Флинн впервые услышала, что тут есть душ. Кловис сказала, он на шланге, в каморке, где швабры, ведра и сливная дыра в полу. Почему-то Флинн даже не удивилась, что Кловис это все объясняет вот сейчас. Бертону потребовалось переливание, но крови его типа у них было много. Это значило, что и ей, если что, хватит, поскольку у них с Бертоном одна группа и резус. А дрон, объяснила Кловис, был у Секретной

службы наготове на случай, если ранят президента, и, может, даже им управляла та же бригада.

Не будь Коннер под короной, пришлось бы ему сейчас все объяснять. Впрочем, Флинн и не знала ничего, кроме того, что видела сама. Томми позвонил заместителям, велел забрать трупы из проулка. Все происходило тихо — никаких завывающих сирен. Стрелки в спрут-костюмах явно были не здешние, иначе заместители бы уже сообщили Томми, кто это. А в остальном впечатление было такое, будто никто в городе даже не слышал стрельбы.

«Что-то со мной не то», — подумала Флинн, глядя на лицо брата, на щелкающий и гудящий дрон, который что-то там делал своими мокричьими лапками. Флинн видела их, когда Карлос и Гриф укладывали дрон на Бертона. Кловис стояла рядом с койкой на коленях, по-прежнему зажимая артерию окровавленным ярко-синим пальцем, а потом дрон ожил и зажужжал, и Кловис убрала руку.

«Не то» с нею было как после «Операции «Северный ветер»», только сейчас она не могла заплакать на диване у Дженис или выбежать и проблеваться на траве. Оставалось лишь сидеть на краю койки и сквозь звон в ушах слушать,

как Гриф с британским акцентом что-то тихо говорит в телефон. У нее было чувство, что Бертон выкарабкается. И еще она стыдилась, что не переживает так сильно, как должна.

— Вид у тебя неважнецкий, — сказал Томми, садясь и беря ее за руку. Это получилось совершенно естественно, как будто даже привычно.

И Флинн вспомнила, как шла за руку с Уилфом по променаду на месте Оксфорд-стрит и как что-то красное порхнуло среди мокрых ветвей.

— У меня в ушах звенит, — пожаловалась она.

— Скажи спасибо, что совсем не оглохла. Часть того, что ты сейчас испытываешь, — реакция нервной системы на слишком высокий уровень децибел.

— Сперва те четверо в машине, — сказала Флинн. — Потом двое за трейлером. Теперь вот эти. Десятки людей погибли из-за нас.

— Не ты их сюда позвала.

— Я уже не понимаю.

— Сейчас не время разбираться. Однако я кое-что должен с тобой обсудить, пока наш приятель говорит по телефону. Для этого тоже время неподходящее, но другого может не быть. — Он глянул на Грифа.

— Что такое?

— Я не хочу, чтобы они использовали эту пакость против луканов. Или против кого-нибудь еще.

— Тусняк?

— Ты бы так его не назвала, если бы знала, как он действует.

— Бертон сказал, применить его — военное преступление.

— Правильно сказал, — ответил Томми. — Это аэрозоль. Запустят один выкрашенный черной краской дрон сегодня ночью, опрыскают всех.

— И что он такое?

— Стимулирующее, афродизиак и… сейчас попробую выговорить… психотомиметик.

— Что он делает?

— Воспроизводит состояние абсолютно шизанутого сексуального маньяка-убийцы.

— Черт…

— Тебе не нужно такого на твоей совести. И мне тоже. — Томми глянул на Бертона. — Теперь я чувствую себя виноватым, что компостировал ему мозги за взрыв у Пиккета.

— Он сказал мне, что ты злишься. И я так поняла, он на тебя не обиделся.

— Когда ребята запускали Коннерова гобота, они не знали, что заодно рванут цистерны с ис-

ходными веществами. Если бы убило Пиккета и его ближайших дружков, даже я, честно, ничего бы плохого не сказал. А в итоге на воздух взлетели бедолаги, у которых не было других способов заработать на жизнь. На вверенной мне территории. Некоторых я даже знал лично, здоровались на улице.

Он стиснул ее руку, потом отпустил.

Флинн гадала, кто там, в будущем, сделал Тлен ее чумовые глаза и могут ли они провести такую операцию здесь с помощью дрона-мокрицы. Или исправить то, что глючит Бертона после гаптики. Бредовые мысли, но сейчас ей было чуточку лучше. Она взяла Томми за руку, потому что его касание и голос прогоняли то ощущение, как после «Операции «Северный ветер»».

Глава 92

Всю вашу шоблу

Недертон стоял на четвереньках в колодце под мраморным столом Зубова-деда, искал обруч для «Перекати-Полли». Везде, куда ни глянь, была пустая эмблема Флинн. «Определенно должен быть здесь», — сказал он и заметил на нижней поверхности стола белые расплющенные комки жевательной резинки. Ему представилось, как маленький Лев их прилеплял. Тут пальцы коснулись чего-то на ковре. Оно сдвинулось. Еще через минуту Недертон с трофеем в руке выбрался из-под стола.

— Готово, — объявил он.

— Поправь камеру, — сказала Флинн. — Прошлый раз она у тебя была слишком близко к носу.

Недертон сел в кресло, надел обруч, попробовал развернуть камеру по центру и тронул пальцем нёбо. Появился значок эмуляционного приложения «Перекати-Полли», открылась трансляция, пустая эмблема Флинн исчезла. Сама Флинн сидела за столом, на тускло-синем фоне. «Перека-

ти-Полли», видимо, стоял перед ней на столе, но Недертон не пытался его сдвинуть или изменить угол камеры.

— Алло?

— Подними чуть выше, вровень с глазами, — сказала Флинн.

Недертон попытался это исполнить.

— Лучше, — заметила она. — Нос у тебя стал меньше.

Ему подумалось, что она выглядит усталой.

— Как ты там?

— Моему брату прострелили бедро.

— Кто?

— Чуваки в спрут-костюмах. Кловис и Карлос их убили.

— А что твой брат?

— Спит. Ему что-то вкололи. Правительственный дрон прооперировал его удаленно. Извлек пулю, заштопал дырку в артерии, наложил шов на рану.

— Ты не пострадала?

— Нет. Настроение говенное, но проблема не в этом.

— А в чем?

— В англичанине Лоубир. У нас тут. Его зовут Гриф. Гриффидд Холдсуорт. Томми считает, он

разведчик под дипломатическим прикрытием. Координатор или что-то такое. В посольстве. Куча связей в правительстве. В нашем правительстве. Он добыл Бертону спрут-костюмы и микродрон, чтобы вытащить меня от Пиккета. Вызвал мокрицу для Бертона…

— Мокрицу?

— Некогда объяснять. Просто слушай.

— Так проблема в Грифе?

— В Лоубир. Гриф собирается применить против луканов одну штуку…

— Против кого?

— Да есть тут одни уроды. Не перебивай.

Недертон кивнул и тут же представил, как это должно выглядеть на планшете.

— Конкурент натравил их на нас, чтобы помотать нам нервы. Может, чтобы Бертон попер на них и кто-нибудь его застрелил. Бертону они как бельмо в глазу, так что наживка правильная. А у Грифа есть химоружие, называется тусняк. Как все по-настоящему страшные наркотики от лепил, вместе взятые, только хуже. Или покончишь с собой под его действием, или потом, вспомнив, что натворил. Томми говорит, лепилы так и не нашли безопасную рекреационную дозу. В гомеопатических количествах шибает по мозгам ровно

так же. Кловис уже дала мне противоядие. Гриф намерен применить эту дрянь против луканов, как я поняла, сегодня ночью.

— Тогда почему проблема в Лоубир?

— Она решает. Либо она выбрала тусняк, либо выбрал Гриф, а она дала отмашку. Это такое подлое средство, что уже через край. Твой мир.

— Мой мир?

— Другой подход к целям и средствам. Без всякой жалости. Но я такого у нас не допущу, и Томми тоже. И Бертон бы не позволил, будь он в сознании.

— Как ты их остановишь?

— Я хочу, чтобы Лоубир знала: если они это сделают, я не пойду на вечеринку к твоей бывшей. Мы сломаем короны, отпечатаем новые телефоны с другими номерами и сделаем вид, будто вас не было. Что бы ни случилось, будем выкарабкиваться сами. И в гробу мы вас видели. Не тебя конкретно, но всю вашу шоблу.

— Ты серьезно?

— Еще как.

Недертон глянул на нее.

— Ну? — спросила она.

— Что «ну»?

— Ты с нами?

— В каком смысле?

— Звонишь ей. Если она захочет поговорить со мной, я здесь. Но если они опрыскают тусняком придурочных уродов через дорогу, на вечеринку к бывшей ты пойдешь один. Я и моя семья ни в чем больше не участвуем.

Недертон открыл рот. Закрыл.

— Звони ей, — сказала Флинн. — А я поговорю с Грифом.

— Зачем тебе это? Без нее вы будете в отчаянном положении. И мы, кстати, тоже. И все ради… уродов?

— Да, они уроды. Мы — нет. Но только пока не ведем себя по-уродски. Так что, звонишь ей?

— Да. Хотя и не знаю почему.

— Потому что ты не урод.

— Хотел бы я тебе верить.

— Каждый в чем-то немножко урод. Лишь бы не выродок, как говорит моя мама. Главное, что человек делает. А теперь я тебя выключу и пойду поговорю с Грифом.

И выключила.

Глава 93

План операции

Флинн уже вошла в заднюю комнату, когда сообразила, что держит «Перекати-Полли» как плюшевого мишку. Не обнимает, но типа того. Черт.

Все повернулись к ней. Рыжая девушка-нотариус из «Клейн, Крус, Верметт» была теперь в камуфляжных штанах и с такой же сумкой на животе, как у Кловис. И еще в синих хирургических перчатках. Видимо, она только что закончила перестилать Бертону постель. Кто-то ей помог его ворочать вместе с мокрицей. Относительно чистая простыня была разостлана между койками Бертона и Коннера (сейчас пустой), сверху лежал ком мятого окровавленного тряпья. Кловис, в чистом, что-то делала с короной Коннера на столе возле его койки. Гриф говорил по телефону и, когда Флинн вошла, повел в ее сторону глазами.

— Где Коннер? — спросила она.

— В душе, — ответила Кловис. — Мейкон его понес.

— Как Бертон?

— Ребята из Уолтера Рида говорят, жизненные показатели хорошие. Они хотят, чтобы он поспал подольше, так что дрон продолжает понемногу вводить снотворное.

— Хорошо, — произнес Гриф. — Спасибо.

Он опустил телефон.

— Надо поговорить, — сказала ему Флинн, жалея, что принесла «Полли».

— Да, но не о том, что мы, по-твоему, собрались делать.

— Вот уж фиг.

— Сама. — Он показал телефон. — Только что позвонила и вычеркнула тусняк из плана операции.

— Вы не будете его применять?

— Нет. Абсолютно точно.

— Хм, — сказала Флинн, а про себя подумала: «Ну вот, и стоило так накручиваться?» — Это ее была идея?

— Да. Мне это сразу показалось неразумным. Она ответила, что я не привык действовать с позиции силы. — Он как-то странно глянул на Флинн. — Кловис, ничего если я попрошу ненадолго оставить нас одних?

Рыжая девушка уже шла к выходу с тюком кровавого белья. Кловис последовала за ней.

— Теперь она говорит, что не станет его применять? — спросила Флинн, когда Кловис прошла за синюю пленку. — Почему?

— Твой разговор с пиарщиком.

— Она слушала?

— Как я понимаю, она может подслушать что угодно, где угодно.

— То есть все время сидит и слушает?

— У нее есть трансляции глобальных разведданных, мощнейшие аналитические инструменты. Я работаю с очень серьезными системами, но те неизмеримо сложнее. Она говорит, никто в них ничего толком не понимает, включая ее саму. Они самоорганизуются и, видимо, произошли от программ того типа, которыми я пользуюсь сейчас. Если ты упомянешь что-нибудь, что ее касается, по любому устройству или вблизи любого устройства, она узнает об этом мгновенно. А как я понимаю, ее касается все, что ты говоришь.

— Тусняка не будет?

— Отменен.

— Почему ты сам не убедил ее, что затея паршивая?

— Применить это вещество — зверство в самом буквальном юридическом и моральном смысле. Как бы мы ни пытались перевести стрелки, на ре-

путации «Сольветры» осталось бы несмываемое пятно. «Сольветра» заботится, чтобы горожане не переплачивали за чили-доги, и при этом готова опрыскать религиозных манифестантов, пусть довольно противных, веществом, которое превратит их в сексуальных маньяков?

— В «Сольветре» знали? Кто?

— Нет. Знали я и Кловис.

— Она мне сказала. Но только само слово. Как действует, объяснил Томми.

— Мне пришлось поставить его в известность. Он должен был подготовиться, чтобы потом разгребать последствия. Я рад, что ты положила этому конец.

Флинн глянула на него:

— Все равно не понимаю, почему ты не отговорил ее сам.

— Потому что, по сути, я тут ничего не решаю. Из-за более насущных проблем.

— О чем ты?

— Лоубир знает историю своего мира и тайную историю нашего. История, в результате которой появился ее мир, включает убийство президента.

— Гонсалес? Да иди ты.

— Она не дожила до конца второго срока.

— Ее выберут снова?

— Да. И по мнению Лоубир, именно убийство Гонсалес раскрутило маховик джекпота на полную.

— Черт.

— Мы, возможно, сумеем этого не допустить.

— Лоубир знает, как изменить историю?

— Это еще не история. Лоубир знает в значительной степени, что на самом деле произошло здесь. Теперь наши миры разошлись и будут расходиться дальше. Расхождение можно направить, но лишь приблизительно. Никаких гарантий, что получится в результате.

— Она хочет остановить джекпот?

— Смягчить в лучшем случае. Он уже в значительной степени начался. Лоубир надеется, и я тоже, что в этом континууме удастся избежать системы, которая действует в ее мире. Она считает, и тут я тоже согласен, что первый необходимый шаг — предотвратить убийство Фелиции Гонсалес.

Флинн смотрела на него круглыми глазами. Это что, самый бредовый бред, даже после событий последней недели? Его серые глаза были совершенно серьезны.

— Кто убивает президента?

— Вице-президент, если не входить в подроб-

ности.

— Уолли Амброуз? Эта гнида?

— То, что делает «Сольветра» и ваш конкурент, может еще изменить события, но за счет краха мировой экономики, что само по себе опасно. Однако я не знаю всего, что знает Лоубир. Она не посвящает меня полностью во все, что ей известно. К тому же у нее несравненно больше опыта. Скажи она, что без применения тусняка президента не спасти, я бы его использовал.

— Почему?

— Потому что она рассказала мне, каков ее мир. Изложила свою карьеру, свою жизнь. Я не хочу идти в ту сторону.

— Эй, где моя клевая медсестричка? — заорал Коннер.

Его единственная рука с вытатуированным по длине гаптразовским девизом «Всегда впереди» обнимала черную шею Мейкона. Сам Мейкон был по пояс голый, в мокрых трусах, волосы тоже мокрые. Коннера он по большей части уже упаковал в полартек и теперь, уложив на койку, помог натянуть рукав.

— Пойду за своей одеждой, — сказал Мейкон, потом глянул на Флинн и Грифа. — У вас все в порядке?

— Лучше некуда, — сказала Флинн.

— Как Бертон? — спросил Коннер, глядя на ее лежащего без сознания брата.

— Это к врачам, — ответила она.

— Головной офис отменил раздачу, — сообщил Гриф Мейкону.

— Ладно, — сказал Мейкон. — Объясните мне, что это должно было быть?

— В другой раз, — ответил Гриф.

Мейкон поднял брови, повторил: «Схожу за одеждой» — и вышел.

— Клевая медсестричка говорит, суки в спрут-косах продырявили ему жопу, — сказал Коннер. — Девка — класс. Мейкон говорит, уложила половину, Карлос, мать его за ногу, только двоих.

— Ты чего не в будущем, не летаешь в стиральной машине? — спросила Флинн.

— Надо ж когда-то есть.

Хун бочком протиснулся в щель между сложенными мешками. В руках у него был пластиковый контейнер.

— Кому суп с креветками?

— Мне, — ответил Коннер.

Хун увидел Бертона, поднял брови:

— Что с ним?

— Травануся, — ответил Коннер. — Не боись,

не твоей едой. В «Джиммис». Так дристал, что чуть коньки не отбросил.

Флинн глянула на Грифа. Тот слегка расширил глаза, давая понять, что настоящий разговор окончен, по крайней мере на время.

Гонсалес? Он ей заливает? Лоубир ему заливает?

Глава 94

Вода «Аполлинарис»

Бар был по-прежнему закрыт, как и несколько минут назад. Недертон глянул на свой палец, прижатый к стальному овалу в полированной дверце. Да, стаканчик-другой сейчас бы сильно помог, но в остальном он был почти готов позвонить Лоубир и сказать, что Флинн не пойдет к Даэдре. В конце концов, это не его решение. Хотя он в какой-то мере чувствовал себя соучастником.

Недертон пообещал Флинн, что сразу позвонит Лоубир, и действительно собирался в скором времени выполнить обещание, хотя и без всякого энтузиазма. Мотивы Флинн он вроде бы понимал, однако разделить не мог. Впрочем, возможно, они шли от той же архаической самостоятельности мыслей и поступков, которая его так в ней завораживала. Завораживала и пугала. Интересно, почему одно почти всегда связано с другим? И еще интересно, могла ли Лоубир подслушать их разговор? Тлен считала, что инспектор слушает все.

Недертон нервно заходил по каюте, глянул в окно на темный гараж.

Спрутосвет запульсировал: под арку вошла Лоубир. Он отступил от окна: определенно ее широкие плечи, дамский деловой костюм. Недертон вздохнул. Нашел панель, которая поднимает кресла, выбрал два и поднял. Взглянул на закрытый бар. Снова вздохнул, подошел к двери, распахнул ее, выглянул наружу. Лоубир уже подходила к трапу.

— Я была поблизости, — с улыбкой проговорила она. — Ехала поболтать с Кловис и подумала заглянуть. Надеюсь, я вам не помешала.

— Вы знаете? — спросил он.

— О чем?

— О решении Флинн.

— Да, — ответила она. — После стольких лет мне все равно немного совестно. Хотя я и не просила подключать меня к вашему разговору. Его выловили тетушки.

Интересно, подумал Недертон, неужто ей и впрямь до сих пор совестно подслушивать? Может быть, это чувство сродни его собственной неловкости от ее признания, хотя всем давно известно, что клептархи могут перехватить любой разговор. И что так всегда делалось.

— В таком случае вы слышали, что я согласился с условиями Флинн.

— Да, — ответила она, начиная подниматься по трапу. — Как и растерянность в вашем голосе.

— И вы знаете, что она не пойдет к Даэдре, если вы не уберете из уравнения нечто, называемое тусняком.

Лоубир остановилась на середине трапа:

— И что вы сами по этому поводу чувствуете, Уилф?

— Ситуация неловкая. Вы помните, что я был готов идти. Однако вы предложили сделать в их мире нечто, что она сочла малоэтичным.

— Не просто малоэтичным, — ответила Лоубир, начиная подъем. — Она сочла это гнусностью. И была бы совершенно права в своей оценке, если бы до такого и впрямь дошло.

— А вы собирались довести дело до конца? — Недертон посторонился, освобождая проход.

— Я проверяла оперативников в полевых условиях. Один из моих базовых навыков.

— Вы не стали бы этого делать?

— Не вмешайся Флинн, я заразила бы их легким штаммом норовируса, предварительно обеспечив ей и остальным иммунитет. И наверное, огорчилась бы. Впрочем, я изначально рассмат-

ривала такой сценарий как маловероятный.

Она вошла в каюту.

— Это был трюк? — спросил Недертон.

— Экзамен. Вы тоже его прошли. Вы приняли правильное решение, хоть и не понимая почему. Полагаю, вы сделали так, потому что она вам нравится, и это дорогого стоит. Я бы не отказалась выпить.

— Выпить?

— Да, спасибо.

— Я не могу открыть бар. У вас, может быть, получится. Приложите большой палец вот сюда.

Лоубир подошла к бару, приложила палец. Дверца уехала вверх.

— Джин с тоником, пожалуйста, — сказала Лоубир.

Из мраморной стойки поднялся стакан, изумительный в своем сократовском совершенстве.

— А вам? — спросила она.

Он попытался заговорить. Не смог. Кашлянул. Лоубир взяла стакан. На Недертона пахнуло можжевельником.

— «Перрье», — выдавил он. Голос был чужой, слово — дикое, будто на птичьем языке Тлен.

— Извините, сэр, — ответил бар молодым мужским голосом с немецким акцентом, — у нас нет

«Перрье». Могу предложить «Аполлинарис».

— Да, хорошо, — ответил Недертон уже собственным голосом.

— Лед? — спросил бар.

— Да, пожалуйста.

Появилась его вода.

— Я не понимаю, зачем вы проверяли Флинн, — сказал Недертон. — Если, конечно, вы проверяли именно ее.

— Да, ее. — Лоубир жестом пригласила его сесть.

Недертон взял свою ничем не пахнущую воду и вслед за Лоубир прошел к столу.

— У меня намечена для нее дальнейшая роль, — продолжала инспектор, когда оба сели, — в случае если поход на суаре Даэдры пройдет успешно. Возможно, и для вас тоже. Вы — мастер своего дела, несмотря на определенные недостатки. Удивительным образом недостатки и специфические умения порой тесно связаны.

Недертон отпил глоток минералки. У нее был странный привкус — быть может, известняка.

— Можно спросить, что именно вы предполагаете?

— Боюсь, что не могу вам сейчас сказать. Я отправляю вас к Даэдре, где ни я, ни Лев не сможем

вас защитить. Лучше вам не знать больше, чем сейчас.

— Вы буквально знаете все про всех? — спросил Недертон.

— Абсолютно точно — нет. Мне мешает избыток информации, обильной до полной бессмысленности. Изъяны системы объясняются тем, что мы принимаем весь этот океан данных и предлагаемые алгоритмами моменты принятия решений за приемлемый аналог полной определенности. Сама я добиваюсь наилучших результатов, когда делаю вид, будто знаю относительно мало, и действую соответственно. Хотя это куда легче сказать, чем осуществить.

— Вы знаете, кто тот человек, которого видела Флинн? Убийца Аэлиты?

— Думаю, да. Однако этого мало. Парадоксальным образом государство, выросшее на тайнах и лжи, по-прежнему требует доказательств. Не будь бремени доказательства, все превратилось бы в бескостную массу, в протоплазму. — Она отхлебнула джина. — Каким часто и представляется. Просыпаясь, я должна напоминать себе, каков сейчас мир, как он таким стал, какую роль я в этом сыграла. То есть я живу до нелепого долго во все усиливающемся осознании своих ошибок.

— Ошибок?

— Наверное, если смотреть реалистически, не следует их так называть. Тактически, стратегически, в свете всех возможных исходов я делала лучшее, что могла, и, в общем-то, по-прежнему думаю, что у меня неплохо получалось. Цивилизация умирала от недовольства собой. Сегодня мы живы благодаря тому, что я и другие сделали, чтобы не допустить ее смерти. Вы сами не видели ничего иного.

— О, привет! — сказала периферaль Антона из открытой двери в хозяйскую каюту. — Не ждал вас здесь.

— Мистер Пенске, очень приятно, — сказала Лоубир. — Как дела с кубом?

— Кто его выдумал? — спросила периферaль (теперь уже определенно товарищ брата Флинн, Коннер), прислоняясь к косяку так, как никогда бы не прислонился Павел.

— Истерзанный народ в полной власти извращенца, — ответила Лоубир.

— А похоже, — сказал Коннер.

— Как мистер Фишер? — спросила Лоубир.

— По тому, как все вокруг квохчут, можно подумать, ему задницу отстрелили нафиг, — ответил Коннер с легкой усмешкой, которая совсем не

вязалась с лицом периферали.

Глава 95

Целые миры рушатся

— Ты работаешь в «Клейн, Крус, Верметт»? — спросила Флинн рыжую девушку, которая стелила ей постель в дальнем конце комнаты, где они ели.

Уголок завесили синей пленкой, и, кроме прямоугольного куска бежевого пенопласта, здесь ничего не было. Девушка только что вытащила из чехла новенький спальный мешок и теперь расстегивала на нем молнию.

— Да. — Она разостлала спальник на пенопласте. — Подушка, к сожалению, не прилагается.

— И давно?

Девушка подняла на нее глаза:

— Давно подушку не прикладывают?

— Давно ты работаешь в «ККВ»?

— Четыре дня.

— У тебя в сумке пистолет?

Девушка только посмотрела на Флинн.

— Ты работаешь на Грифа? Как Кловис?

— Я работаю в «ККВ».

— Приглядываешь за ними?

Тот же взгляд, никакого ответа.

— Так чем ты обычно занимаешься?

— Я не пытаюсь выставить себя дико крутой, но я правда не могу сказать. Есть ограничения помимо обычной оперативной секретности. Спроси Грифа. — Она улыбнулась, чтобы прозвучало не так резко.

— О'кей.

— Хочешь быстродействующего снотворного с коротким периодом полувыведения?

— Нет, спасибо.

— Тогда спокойной ночи.

Девушка вышла. Флинн только сейчас обратила внимание, что она сменила камуфляж на по-настоящему стремные джинсы и голубую майку-алкоголичку с эмблемой «Клэнтон-Уайлдкэтс» на груди. По пути сюда они прошли мимо Брента Верметта: у того на голове была защитная панама, которая больше подошла бы Леону, а на руке — дешевые черные пластмассовые часы.

Флинн поставила «Полли» на раскрытый спальник, сняла бронекуртку и бросила ее на стену из мешков. Села на пенку, развязала шнурки. Кроссовки явно пора было выбрасывать. Сняла их, встала в носках на пол, стянула джинсы, снова села, взяла «Полли» и прикрыла ноги полой

спальника. Было не темно и не светло, просто все синее, будто ты в прозрачном кубе безовского пластика. Из соседних помещений вдоль потолка пробивался свет. Наверное, его приглушили, чтобы им с Бертоном лучше спалось. Голоса тоже звучали тихо. Флинн легла здесь, потому что ее койка была нужна Кловис. С Бертона сняли мокрицу, Кловис надела шлем и осмотрела шов, делая, что ей говорят доктора в Вашингтоне. Как Эдвард, когда что-нибудь дистанционно чинит через визу. Только шлем — более старая технология. С правительственным оборудованием всегда так — то оно суперсовременное, то допотопное. Бертон был в сознании, но дурной от лекарств. Флинн поцеловала его в колючую щеку и пообещала заглянуть утром.

— Алло?

Она глянула на «Полли». Уилф Недертон, большие глаза, большой нос.

— Ты опять надел камеру слишком близко, — сказала Флинн.

Он поправил. Намного лучше не стало.

— Почему ты шепчешь? — спросил он.

— У нас ночь.

— Я поговорил с Лоубир. Лично. Она не станет этого делать.

— Знаю. Мне Гриф сказал.

Уилф, кажется, огорчился.

— Я, наверное, должна была сразу тебе сообщить, но тут возились с Бертоном. Ты сейчас рядом с ней?

— Она ушла наверх с Коннером.

— Слушает нас?

— Ее модули, — ответил Уилф. — Но они всегда слушают. Она сказала, что и не собиралась применять то оружие.

— Мейкон получил инструкции. Он не знал, что это, но был готов распылить.

— Она сказала, что огорчилась бы, если бы ты не стала возражать. Потом заразила бы их кишечным гриппом, обеспечив тебе иммунитет.

— Может, так и надо было сделать. Почему бы она огорчилась?

— За тебя.

— За меня?

— Это была проверка.

— Чего?

— Наверное, выражаясь твоими словами, она хотела знать, урод ты или нет.

— Я всего лишь случайная свидетельница. Я могу быть моральным уродом и все равно опознать того чувака. Какая разница?

— Не знаю, — ответил он. — Как твой брат?

— Да вроде ничего. Врачи теперь больше беспокоятся насчет инфекции.

— Почему?

— Да потому, что антибиотики ни фига не помогают.

Он глянул на нее удивленно.

— Что такое? — спросила она.

— Вы по-прежнему полагаетесь на антибиотики?

— Не особенно. Они помогают в одном случае из трех.

— Вы простужаетесь? — спросил Уилф.

— В смысле?

— У вас бывает простуда?

Флинн глянула на него:

— А у вас что, нет?

— Нет.

— Почему?

— Искусственный иммунитет. Только неопримитивисты от него отказываются.

— Они не хотят иммунитета от простуды?

— Демонстративная перверсия.

— Не понимаю я про тебя, — сказала она.

— Чего не понимаешь?

— Ты ненавидишь вашу супер-пупер техноло-

гию и при этом явно не любишь людей, которые от нее отказываются.

— Они не отказываются. Они выбрали другую ее форму, но с болезнями предков. И считают, что это делает их более аутентичными.

— Ностальгия по простуде?

— Если бы они могли демонстрировать ее симптомы, не испытывая неудобств, то воспользовались бы такой возможностью. Однако другие, еще большие радетели подлинности, высмеивали бы их за неаутентичность. — (Планшет тихонько скрипнул, поворачиваясь.) — Все синее.

— Ребята повесили пленку, чтобы разгородить помещение. Синее — безовские излишки. В «Меге» всегда самое дешевое — от безбашей.

— Кто такие безбаши?

— Внутренняя безопасность. Вопрос к тебе на другую тему. Люди, которых сюда прислали работать, они что, косят под местных? Я видела девушку в таких джинсах… думаю, она бы себе ноги отгрызла, лишь бы из них выбраться.

— Тлен пригласила стилистов. И арендовала менее броские автомобили.

— Стоянка перед нашим центром похожа на магазин «БМВ».

— Сейчас, наверное, уже не похожа.

— Луканы по-прежнему на улице?

— Да, наверное, но Оссиан ищет способ их купить.

— Купить церковь?

— Может быть, у вас их уже несколько. «Сольветра» действует по обстоятельствам. Если покупка церкви облегчит следующий захват, ее покупают.

— Откуда вообще такое название, «Сольветра»?

— Автоматическая проверка орфографии. Тлен выбрала «милагрос», потому что они ей нравятся. Не чудеса, а металлические подвески в форме частей тела — их жертвуют святым, когда просят об исцелении. Сальветра — фамилия юриста в Панаме, которого Лев думал нанять, а потом не нанял. Тлен понравилось, как она звучит, а потом понравилось, что сделал из нее спеллчекер.

— А ты много общаешься со всякими там артистами и музыкантами?

— Нет.

— Я бы общалась, если бы могла. Какая музыка тебе нравится?

— Классическая, наверное, — ответил он. — А тебе?

— «Целующиеся журавли».

— Какие журавли?

— Музыкальная группа. Название в честь старой немецкой марки ножей и бритв. А Хома у вас есть?

— Это музыка?

— Сайт. Чтобы знать, где твои друзья и все такое.

— Социальная сеть?

— Наверное, да.

— Это артефакт эпохи, когда связь была малоразвита. Если не ошибаюсь, у вас социальные сети уже не играют такой роли, как в эпоху своего расцвета.

— У нас один Хома. И форумы в даркнете кому надо. Мне — нет. Хома принадлежит «Меге». Моя периферал там?

— В дальней каюте.

— Можно на нее взглянуть?

Он исполинскими пальцами потянулся к лицу и что-то сделал с камерой. Флинн увидела комнату с пафосным мраморным столом и маленькими круглыми креслами. На экране «Полли» это выглядело как банк-лохотрон, только для кукол. Недертон встал, прошел в хвост автодома по светлому полированному коридору, туда, где на

откидной полке лежала с закрытыми глазами периферaль в черном свитере и черных лосинах.

— Точно на кого-то похожа, — сказала Флинн.

Периферaль определенно делали с кого-то, а не просто воплощали абстрактные представления о красоте. Вроде фотографий в коробке на распродаже имущества: никто уже не помнит, что это за люди, чьи родственники и как снимки сюда попали. От этой мысли у Флинн возникло ощущение, что все вокруг рушится в бездонную яму. Целые миры рушатся, и, может быть, ее тоже. И тут же ей захотелось позвонить Дженис, которая сейчас была у нее дома, и спросить, как там мама.

Глава 96

Расчеловеченное

Как только Недертон вышел из дальней каюты, окошко «Полли» исчезло, а с ним и значок приложения-эмулятора. Флинн сейчас звонит узнать про свою маму, потом, наверное, ляжет спать. По ее голосу было слышно, как она устала. Перестрелка, ранение брата, история с тусняком… И все же она как-то умела просто идти вперед.

Недертон вспомнил лицо периферали, закрытые глаза. Она не спала, но где было то, что в ней? Впрочем, в ней же ничего нет. Неодушевленная вещь, и все же, как говорила Лоубир, ее так легко очеловечить. А вернее — нечто человекоподобное, расчеловеченное. Хотя покуда Флинн в ней, то есть чувствует и действует через нее, разве периферали не становится версией Флинн?

Недертон заметил стаканы на столе и только тогда сообразил, что бар до сих пор открыт. С видом абсолютной беспечности он взял по стакану в каждую руку и шагнул к бару, но, едва поставил их на стойку, дверца пошла вниз. Возникла эмблема Льва. Недертон еле переборол сильнейший

порыв сунуть под дверцу руки. Уж наверное, она бы не отдавила ему пальцы?

— Что ты делаешь? — спросил Лев.

— Был с Флинн в игрушечной периферали, — ответил Недертон. — Сейчас она звонит матери.

Он уперся обеими ладонями в полированную дверцу бара и почувствовал несокрушимую немецкую прочность.

— Я жарю сэндвичи, — сказал Лев. — Сардины и маринованный халапеньо на итальянском хлебе. Выглядит аппетитно.

— Лоубир с тобой?

— Сардины — ее идея.

— Сейчас поднимусь.

Уже за дверью Недертон вспомнил, что на нем по-прежнему обруч с огромным псевдоегипетским сперматозоидом камеры, снял его и сунул в карман пиджака.

Он прошел через гараж, поднялся на бронзовом лифте, вошел в кухню и через стеклянную дверь увидел, что Коннер в саду, на четвереньках, скалится на Гордона и Тиенну. Лицо периферали выглядело совершенно жутко: казалось, будто зубов у нее больше, чем у обоих тилацинов, несмотря на их длинные челюсти. Они стояли напротив Коннера, бок о бок, словно вот-вот

прыгнут, их мускулатура и особенно поднятые жесткие хвосты выглядели еще менее собачьими, чем обычно. Плотоядные кенгуру в волчьей шкуре с кубистической полосатостью. Недертон с неожиданной теплотой подумал, как хорошо, что у них лапы, а не руки, как у медведей-падунов.

— Что он там делает? — спросил Недертон.

— Не знаю, — ответил Лев, — но им нравится.

Оба зверя разом прыгнули на Коннера. Он упал между ними, отбиваясь от обоих сразу. Они лаяли пронзительным кашляющим лаем.

— Доминика уехала с детьми в Ричмонд-Хилл, — сказал Лев, проверяя панини в бутерброднице.

— Как она? — спросил Недертон. Тонкости семейных отношений всегда были для него загадкой.

— Злится на меня, что я трачу на все это столько времени. Впрочем, увезти детей предложил я. Я и Лоубир. — Лев глянул в ее сторону.

— Дом мистера Зубова-отца буквально неприступен, — сказала Лоубир из-за соснового стола. — Даже если мы в ближайшие сорок восемь часов навлечем на себя гнев кого-нибудь по-настоящему могущественного, близкие Льва будут в безопасности.

— Кого вы собираетесь разозлить? — спросил Недертон.

— Американцев главным образом, хотя из-за них я бы так не волновалась. Хуже, что сейчас у них есть союзники в Сити. Сдается, что моя догадка верна и в убийстве Аэлиты мотив — прискорбно обыденный.

— Почему?

— Тетушки снова и снова обдумывают эту историю. Процесс сходен с повторяющимся сном или обмусоливанием слуха. Не то что они всегда правы, но, как правило, им удается найти вероятного подозреваемого.

Коннер уже встал с земли и направлялся в сторону кухни. Гордон и Тиенна синхронно прыгали за ним на задних лапах. Он вошел и закрыл за собой дверь. Оба зверя остались стоять столбиком, водя за ним глазами.

— Они от вас без ума, — сказал Лев, вынимая из бутербродницы первую партию сэндвичей.

— Как будто помесь опоссума с койотом, — сказал Коннер. — Пахнут точно как опоссумы. Они тубиком болеют?

— Чем? — спросил Лев.

— Туберкулезом, — подсказала Лоубир.

— Нет, с чего бы, — ответил Лев, поднимая

взгляд от бутербродницы.

— Опоссумы в основном болеют, — сказал Коннер. — Их мало осталось. Люди их теперь еще больше не любят из-за тубика. А сэндвичи классно пахнут. Почему вы не делаете эти штуки такими, чтобы они могли есть?

— Делаем, — сказал Лев, — но они намного дороже. Для инструктора по боевым искусствам — совершенно лишнее.

— Посидите с нами, — сказала Лоубир. — Вы слишком высокий, когда стоите.

Коннер отодвинул себе стул напротив нее, развернул и сел верхом, положив локти на спинку.

— Флинн сейчас спит? — спросил Недертон, садясь рядом с Коннером, и подумал, что в обществе Лоубир ему бы в голову не пришло сесть иначе, кроме как лицом к ней.

— Да, — ответила инспектор. — Она поговорила с сиделкой матери и легла. Завтра поедет навещать маму. Риск все больше, но мы хотим, чтобы к вечеру она могла полностью сосредоточиться на вас и Даэдре. И том человеке, который может там быть.

Лев поставил перед нею сэндвич на белой тарелке.

— Выглядит чрезвычайно аппетитно, — сказа-

ла Лоубир. — Спасибо, Лев.

Глава 97

Автоколонна

Пикап, который вез ее домой, был внутри как лимузин «хаммер», куда они всем классом набились на выпускной, только кондиционер не воняет и сиденья поудобнее. Снаружи его замаскировали под полную развалюху, но вышло неубедительно: грязь выглядела нарисованной, и вообще, если кто в городе владел новой машиной, то не ленился ее мыть. Пикап был по виду американский, но не какой-нибудь определенной фирмы или модели. «Волчара», по одобрительному отзыву Карлоса, который называл так все, что назвал бы тактическим, не маскируйся оно под что-нибудь серое и незаметное. Хотя наверняка Карлоса больше восхитило другое: брутальный профиль и броня, как у танка. За рулем сидела рыжая девушка, в мягкой бронекуртке поверх майки-алкоголички и в тех же позорных джинсах. Флинн уже знала, что ее зовут Такома.

Гриф и Томми не разрешили Флинн просто сесть в машину, собрали целый кортеж. Первым ехал радиоуправляемый джип в три четверти

натуральной величины — будь на дороге мины, он бы их взорвал. К изумлению Флинн, управлял джипом Леон с переднего сиденья внедорожника перед «волчарой». С явным удовольствием. Никогда не знаешь, что Леону понравится. Его даже заставили надеть поверх джинсовки черную куртку, что придало бы ему дико солидный вид, не повяжи он на голову камуфляжную охотничью бандану, такую, словно фотография коры в натуральную величину. Если они на ком-то и выглядят прилично (в чем Флинн сильно сомневалась), то явно не на Леоне. Вместе с ним в машине сидели пятеро Бертоновых ребят с «булками» и в мягких бронниках. Еще четверо во втором внедорожнике замыкали тыл. Какое-то явно порядочное количество дронов заряжалось от аккумулятора на крыше второго внедорожника. Флинн подозревала, что на каждый наклеен кусок бирюзового скотча, — во всяком случае, она видела двухметровую полосу такой ленты на заднем бампере переднего внедорожника. Бирюзовая армия Бертона на марше, а сам он лежит, раненый, в лабиринте синей пленки. Будь он в сознании, наверное, крепко бы огорчился.

Впрочем, Бертон, наверное, даже не видел здешнего маскарада. Похоже, пока Флинн спала,

сотрудники «Клейн, Крус, Верметт» затеяли соревнование, кто лучше воплотит представления стилиста о провинциальном облике. Некоторые даже щеголяли татуировками — Флинн надеялась, что фальшивыми или такими, которые полностью сходят за год. В общем, ребята чуток перестарались. Томми утром объяснил, это потому, что им не только платят кучу денег, но и пообещали акции «Сольветры». Еще он сказал, что даже рядовые специалисты «ККВ» получают сейчас чуть ли не самые высокие зарплаты в штате, от этого у них разом эйфория и паранойя, они вкалывают изо всех сил и, конечно, чрезвычайно вежливы с Флинн. Такома — другое дело, поскольку она не просто сотрудник «ККВ». На вопрос Флинн Гриф ответил, что Такома — его кадр, но чем занимается, не объяснил. Томми заметил, что, похоже, и Кловис, и Такома — из федеральных агентств, только непонятно, из каких именно. Для безбашей — слишком умные, для чего-нибудь по-настоящему серьезного — слишком похожи на людей. Как это связано с тем, что Гриф — англичанин, Флинн не знала.

Томми и Гриф оба остались в городе по неотложным делам. Флинн они отпустили только потому, что Гриф по-прежнему надеялся: она уго-

ворит маму уехать в Виргинию. Кловис оставили с Бертоном, чтобы она через шлем выполняла указания вашингтонских врачей. Мейкон и Эдвард, которые все это время бодрствовали на правительственном «будильнике», наконец-то легли. Флинн видела, как они спят на пенке под расстегнутым спальником; Мейкон храпел, обняв Эдварда во сне. Она догадывалась, что оба получили долгожданную передышку после того, как Лоубир решила не травить луканов тусняком, вернее, тем, что Гриф считал бы тусняком.

Сейчас Флинн с «Полли» ехала одна в салоне стелс-лимузино-пикапа: три ряда кресел, потом заднее окно и закрытый кузов — Флинн вполне допускала, что там установлен реактивный гранатомет.

— Как кондиционер? — спросила Такома.

— Отлично, — ответила Флинн.

Такома рассказала ей, что пикап при необходимости мог бы ехать под водой, выставив дыхательную трубку для мотора. По счастью, рядом не было ни серьезного озера, ни речки. Флинн выглянула в окно. Корова-дрон стояла на прежнем месте и делала вид, будто жует траву. Еще раньше, идя к машине, Флинн видела следы от пуль на бетонных стенах «Сольветры» и фабы.

Тогда ей подумалось, что ведь словить рикошет мог бы и не один Бертон. Сегодня они рассаживались по машинам с задней стороны здания, так что луканы их не видели, по крайней мере пока кортеж не свернул на Портер-роуд, то есть не оказался на вполне безопасном расстоянии. Да и в любом случае луканы по большей части спали в черных походных палатках, поставленных напротив торгового центра плотными рядами. Как кладка насекомьих яиц, сказал Леон, или как слизневый гриб. Теперь, когда Флинн знала, что никто не собирается травить их наркотиком, превращающим человека в сексуального маньяка-убийцу, она не испытывала к луканам никакой симпатии. Чего бы Томми с Грифом не придумать какой-нибудь юридически не зверский способ выдворить их отсюда на хрен? Надо будет с ними поговорить.

— Слушай, а никак нельзя взять на завтрак буррито и кофе тут, в «Джиммис»? — спросила она Такому.

— В смысле безопасности будет цирк с конями, — сказала Такома. — А если, допустим, я туда позвоню и пусть тебе вынесут?

— Меня устраивает.

— Не прямо тебе. К первой машине. А оттуда

нам перешлют дроном, чтобы не останавливаться.

— Сложно.

— Протокол. Если из «Джиммис» принесут заказ нам, мне придется останавливаться и раскупоривать машину, пусть только окно.

— Раскупоривать?

— Машина герметична, если не считать забор воздуха через фильтры.

— Многовато хлопот ради одного буррито.

— На твою безопасность тратят чертову уйму денег. Тебя уже один раз похищали. Да и вчерашних стрелков, вероятно, интересовала больше ты, чем твой брат.

Об этом Флинн не подумала.

— Ты стреляешь так же хорошо, как Кловис? — спросила она.

— Нет, — ответила Такома. — Лучше.

— И я здесь одна, чтобы кто-нибудь из Бертоновых ребят не поступил, как Райс?

— Или хуже. Какой тебе буррито? Надо сахар и молоко в кофе?

— У них только один сорт буррито. Да, сахар и молоко. — Флинн глянула на «Полли», которого пристроила на соседнее кресло, и подумала, где-то сейчас Уилф. Вчера она сразу отрубилась после

звонка Дженис.

Такома говорила с кем-то по беспроводной гарнитуре. Перед парковкой у «Джиммис» она сбросила скорость. Парень в белой футболке пробежал по гравию и что-то передал в окно первого внедорожника, который притормозил, но не остановился. Водитель внедорожника газанул, Такома тоже, сохраняя постоянную дистанцию.

Когда «Джиммис» остался позади, что-то вылетело из первого внедорожника, направляясь к ним. Чуть ближе стало видно, что это маленький квадрокоптер, который несет сфабленный лоток из кукурузного крахмала с блестящим свертком и бумажным стаканом в углублении.

— Смотри на кузов, — сказала Такома, не оборачиваясь.

Флинн глянула назад и как раз успела увидеть, как в плоской крышке открылся сдвижной люк. Дрон сравнял свою скорость со скоростью автомобиля, спустился в отверстие и почти сразу взмыл обратно, уже без лотка с буррито и кофе. Он исчез в вышине раньше, чем закрылся люк.

— Как мы его достанем? — спросила Флинн.

— Сейчас открою шлюзовую камеру, — ответила Такома.

В задней стене салона сдвинулась панель и

появилось отверстие. Флинн отстегнула ремень безопасности, встала на четвереньки, проползла в хвост машины, сунула голову в отверстие, нашла и вытащила лоток. Фольга была еще теплой. В «Джиммис» буррито держат под инфракрасной лампой, чтобы не остыли.

Флинн кое-как добралась обратно, села, держа лоток на коленях, застегнула ремень и оторвала кусок фольги с одного конца буррито.

— Спасибо.

— Желание клиента для нас закон.

Буррито в «Джиммис» готовят классно. Омлет, рубленая ветчина, зеленый лук. Сейчас — самое то.

— Доброе утро, — сказал Недертон из «Полли».

У Флинн рот был набит буррито, так что она молча кивнула.

— Надеюсь, ты хорошо выспалась? — сказал он.

Планшет «Полли» скрипнул, поворачиваясь, потом запрокинулся, чтобы поглядеть в окно. Увидеть он мог только небо и, может быть, парочку дронов.

Флинн прожевала, глотнула кофе.

— Отлично спала, а ты?

— Я спал в джакузи гобивагена, — ответил он.

— Намок?

— Когда там не ванна, это наблюдательный купол. В хозяйской каюте лежит периферал Коннера. Он был здесь раньше, периферально. Играл в саду с аналогами Льва. Смотрел, как мы на кухне едим сэндвичи. Потом мы спустились сюда, он уложил свою периферал на койку и отправился тренироваться в чем-то, что приготовила для него Лоубир. Куда мы едем?

— Ко мне домой.

Планшет выровнялся, повернулся вправо, потом обратно.

— Мы внутри лимузина, замаскированного под грузовой вездеход, — объяснила Флинн. — Бомбопуленепробиваемого. Это Такома.

— Привет, — сказала Такома, продолжая следить за дорогой.

— Здравствуйте, — ответил Недертон.

— Такома работает на Грифа, — добавила Флинн. — Или вместе с ним.

— Или на тебя, если на то пошло, — сказала Такома.

— Я до сих пор не могу въехать.

— Ну вот смотри. Все, что ты видишь из машины, кроме неба и дороги, принадлежит тебе. Куплено накануне. Полоса на двадцать миль в

обе стороны от шоссе.

— Издеваешься?

— «Сольветра» владеет сейчас большей частью округа, — сказала Такома. — Хотя доказать это в суде было бы не просто. «ККВ» соорудили матрешку.

— Чего? — спросила Флинн.

— Знаешь таких русских деревянных кукол, одна в другой? Подставная фирма внутри подставной фирмы и так далее. Поэтому не так очевидно, что вся эта земля принадлежит тебе.

— Не мне. «Сольветре».

— Вы с братом владеете «Сольветрой» практически на двоих.

— Зачем? — спросил Недертон.

— А кто эта говорящая голова в игрушке? — спросила Такома, и Флинн поняла, что она наблюдает за ними через камеру.

— Уилф Недертон, — сказала она. — «Сольветра». Из Лондона.

— Вы есть в списке, мистер Недертон, — сказала Такома. — Извините. Должна была выяснить. Такома Реберн.

— Реберн? — удивилась Флинн. — Ты ее сестра?

— Ага.

— А Такомой тебя назвали потому, что…

— Не захотели назвать Снокалми. Вы из будущего, мистер Недертон?

— Не совсем. Из будущего, к которому пришел бы ваш мир, не будь меня здесь. А поскольку я здесь, это не ваше будущее.

— А чем вы занимаетесь в будущем, мистер Недертон? Чем там вообще люди занимаются?

— Уилф, — сказал он. — Управление общественным мнением.

— Значит, этим у вас там занимаются?

— Можно сформулировать и так, — произнес он после долгой паузы. Ответ, видимо, устроил Такому, а может, она просто не хотела показаться слишком настойчивой.

Флинн доела буррито. Они ехали примерно там, где Коннер убил четверых в прокатной картонке, но теперь это отдалилось настолько, что уже не казалось событием в конкретном месте, и Флинн почти ничего не почувствовала.

Глава 98

Юбилей

При дневном свете ее дом выглядел иначе. Недертон напомнил себе, что это время до ассемблеров. Только естественные процессы. Он привык ассоциировать неприбранность с клептархическими привилегиями. Дом Льва, например: отсутствие уборщиков как антитеза коридорам под «Синдромом самозванца», таким же безлико-вылизанным, как всякое нежилое помещение в Лондоне.

Машина перед ними уехала за угол дома и остановилась там. Ее уменьшенная копия остановилась чуть раньше. Флинн объяснила, что маленький автомобиль — миноискатель и что управляет им ее двоюродный брат. Видимо, он был в числе шестерых мужчин в одинаковых черных куртках, вылезших сейчас из первой машины. Пятеро держали в руках короткие винтовки. Шестой, без винтовки и в странном головном уборе, и был, наверное, двоюродный брат Флинн. Такома, водитель, припарковалась рядом с большим деревом — тем самым, под кото-

рым они сидели лунной ночью. Недертон узнал скамейку. Теперь он видел, что она сколочена из досок. Белое защитное покрытие от времени стерлось, так что проглядывало серое дерево.

Флинн вылезла из машины, держа «Полли» под мышкой, так что он не успевал поворачивать камеру, подстраиваясь под ее движения, и лишь мельком увидел второй автомобиль, идентичный первому, и еще четверых в черных куртках и с короткими винтовками.

Флинн шагала к дому; Такома, видимо, шла рядом с ней.

— Вели им уйти с глаз долой, — сказала Флинн Такоме, которую Недертон не видел. — «Булки» и брониками могут напугать маму.

«Ясно», — услышал он голос Такомы и задумался, о каких булках речь.

— Слышь, твой двоюродный брат идет сюда, — продолжала Такома.

— Оставайся здесь, — сказала Флинн, поднимаясь на открытую дощатую веранду, — и не пускай Леона в дом, пока я у мамы. При нем серьезно разговаривать невозможно.

— Ясно, — повторила Такома, появляясь в поле зрения камеры. — Мы будем здесь.

Она указала на что-то вроде диванчика, в том

же стиле, что скамья под деревом, но с ветхими матерчатыми подушками.

Флинн открыла дверь — тонкую раму, затянутую мелкой частой сеткой, — и вошла в полумрак дома.

— Мне надо поговорить с мамой, — сказала она, ставя «Полли» на что-то невысокое — комод или стол.

— Не сюда, — попросил Недертон. — На пол.

— Ладно. Только далеко не уезжай.

Она поставила «Полли» на пол, повернулась и ушла.

Он активировал шины устройства в разные стороны, так что камера начала медленно поворачиваться вместе со сферической подставкой. Комната казалась очень высокой, но лишь из-за того, что камера была совсем близко к полу.

Вот и камин. На полке тот самый юбилейный поднос, дубликат которого Недертон видел в магазинчике Кловис Фиринг на Портобелло-роуд, — прислоненный к стене пластиковый прямоугольник. Недертон проехал вперед — камера раздражающе подпрыгивала, — прочел надпись «200 лет Клэнтону» и даты. Через семьдесят с лишним лет после второй даты он сидел за столом Зубова-деда в гобивагене, с обручем-эмулятором

на лбу, и через неуклюжую игрушку смотрел на этот диковинный мир, где вещи обшарпаны от времени, а не оттого, что им старательно придали такой вид. Над «Перекати-Полли», громко жужжа, пролетела муха. Недертон встревоженно попытался проследить ее взглядом, потом сообразил, что это, скорее всего, и впрямь муха, а не дрон и что хлипкая сетчатая дверь должна, теоретически, от них защищать. Он повернул камеру, обозревая сумеречную картину утраченного домашнего покоя, и уперся взглядом в кошку, которая, подобравшись, смотрела на него зелеными глазами. В тот же миг она прыгнула, шипя, и со всей силы ударила лапой, так что планшет стукнулся задней стороной о пол. Загудели гироскопы, выравнивая «Полли». Было слышно, как кошка толкнула сетчатую дверь, выскочила и дверь захлопнулась.

Муха — может быть, та же самая — жужжала где-то в глубине дома.

Глава 99

Американские древности

— Я никуда не поеду, — сказала мама. Она сидела с кислородной трубкой под носом, опершись на подушку, прислоненную к облезлой спинке кровати.

— Где Дженис?

— Собирает горох. Я не поеду.

— Тут темно.

Рольставни были опущены, занавески задернуты.

— Дженис хотела, чтобы я поспала.

— Ты разве не спала ночью?

— Я не поеду.

— Кто тебя уговаривает?

— Леон. Литония. Дженис хоть и молчит, но я знаю, что и она с ними.

— Куда?

— В Северную Виргинию, — ответила мама. — Как ты, блин, отлично знаешь.

— Я сама недавно услышала, — сказала Флинн, садясь на белое ворсовое покрывало.

— Корбелл убит?

— Пропал.

— Вы его убили?

— Нет.

— Пытались?

— Нет.

— Я не стала бы вас винить. Я ничего не знаю, только что показывают в новостях или что удастся вытрясти из Дженис и Литонии. Скажи, все заварилось из-за тех же ваших с Бертоном дел, из-за которых Корбелл Пиккет приперся ко мне домой?

— Да, мам, вроде так.

— Так что у вас за дела такие?

— Я даже не знаю толком. Бертон взялся левачить на людей, про которых думал, что они в Колумбии. Оказалось — в Лондоне. Вроде как. У них куча денег. Для инвестиций. Одно, другое… в общем, они открыли тут филиал и пригласили нас с Бертоном им руководить, по крайней мере изображать руководство. — Она глянула на мать. — Понимаю, звучит бестолково.

— А что в мире толково? — спросила мать, натягивая одеяло под подбородок. — Смерть, налоги, война? Или что деньги есть только у таких, как Пиккет, которые за доллар любого с говном съедят, а приличные люди должны вертеться

ужом, чтобы хоть немножко заработать? Что бы вы с Бертоном ни затеяли, вам этого не изменить. Будет то же самое. Я здесь всю жизнь живу. И ты тоже. Твой отец родился на пересечении Портер-роуд с главной улицей, когда там еще была больница. Я никуда не поеду. А особенно в такое место, про которое Леон говорит, что мне там понравится.

— Так посоветовал один наш сотрудник. Он из Англии.

— Мне насрать с высокой колокольни, откуда он взялся.

— Вспомни, как ты отучала меня от таких слов.

— Тебя не пытались отправить в Северную Виргинию. И меня не отправят.

— Ты никуда не поедешь. Останешься здесь. Я, как услышала про Виргинию, поняла, что это не вариант.

Мама, крепко сжимая край покрывала, глянула на нее пристально:

— Вы с Бертоном ведь не обрушите экономику?

— Кто так говорит?

— Литония. Умная девушка. Узнала из такой штуки, какие сейчас носят в глазу.

— Литония говорит, что мы обрушим экономику?

— Не вы. Просто что может рухнуть. По крайней мере, что на биржах паника, будто все этого ждут.

— Надеюсь, что нет. — Флинн встала и поцеловала мать. — Мне надо позвонить. Сказать, что ты не едешь. Пусть пришлют сюда ребят. Друзей Бертона.

— Которые в войнушку играют?

— Они почти все служили.

— Вот я и говорю, могли бы уже наиграться.

Флинн вышла и нашла Дженис в гостиной. Та, в клетчатых пижамных штанах и черной магпуловской футболке, с четырьмя короткими косичками на голове, держала оббитую по краям глиняную миску с только что сорванными стручками.

— Элла никуда не поедет, — сказала Флинн. — Надо просто обеспечить ей безопасность здесь.

— Я так и думала, — ответила Дженис. — Поэтому и не стала на нее давить.

— Где Недертон?

— Чувак в «Перекати-Полли»?

— Здесь, — пискнул он, выкатываясь из кухни.

— Если понадоблюсь, я в кухне, — сказала Дже-

нис, обходя его.

— Ты поговорила с мамой? — спросил Недертон.

— Она категорически не хочет ехать. Придется мне звонить, договариваться с Грифом, Бертоном и Томми. Пусть обеспечат ей полную безопасность.

«Полли» продолжал катиться через всю комнату. У камина он остановился и запрокинул планшет.

— Этот поднос. — Из-за плохих динамиков голос с такого расстояния звучал совсем слабо.

— Какой?

— На каминной полке. Как он к вам попал?

— Из Клэнтона. Мама возила нас на юбилей, когда мы были детьми.

— Лоубир нашла недавно такой же в Лондоне. Ее модули зафиксировали его, когда я был здесь. Ее приятельница провела поиск. Она торгует американскими древностями. Она и сама американка. Кловис Фиринг.

— Кловис?

— Фиринг, — сказал он.

— Не Реберн? — Флинн по-прежнему ничего не понимала. — Сколько ей лет?

— Думаю, не больше, чем Лоубир, но она ста-

рательно подчеркивает свой возраст. А. Глянул. Реберн. Девичья фамилия миссис Фиринг.

— Она старуха? В Лондоне?

— Они были знакомы в молодости. Лоубир сказала, что заехала к ней освежить память. Миссис Фиринг между делом упомянула, что Лоубир была английским шпионом, и Лоубир ответила, что и Фиринг в таком случае тоже.

— Но тогда она была Реберн, — сказала Флинн. — То есть сейчас.

Она смотрела на белый поднос, но видела не его, а руки Лоубир, удерживающие шляпку на ветру от коптера посреди Чипсайда, и руки Грифа, раскладывающие еду из «Суши-лавки».

— Черт, — сказала она, затем повторила это еще раз, тише.

Глава 100

Нас здесь

Отчего-то после упоминания Кловис Фиринг Флинн резко сменила тему. Она вынесла его на веранду и поставила на двухместный диванчик между Такомой Реберн и молодым человеком, которого представила как своего двоюродного брата Леона, а сама ушла под самое большое дерево говорить по телефону. Недертон повернулся от Такомы, в чьей красоте ему почудилось что-то даже опасное, к Леону. У того на голове была эластичная повязка с абстрактным рисунком в тонах птичьего помета, который не успели убрать ассемблеры. Он был светловолосый, с кустистыми бровями и намечающейся светлой бородкой.

— Мистер Недертон в будущем, — объяснила Такома.

— Уилф, — сказал Недертон.

Леон склонил голову набок:

— Ты в будущем, Уилф?

— В некотором смысле.

— Как погода?

— Было пасмурно, когда я последний раз смот-

рел.

— Тебе надо работать синоптиком, — сказал Леон. — Ты в будущем и знаешь погоду.

— Ты только притворяешься глупым, — ответил Недертон. — Это служит тебе разом защитной окраской и средством пассивной агрессии. На меня такое не действует.

— Будущее много о себе воображает, — сказал Леон Такоме. — Я здесь не для того, чтобы выслушивать оскорбления от винтажного товара из меговского отдела игрушек.

— Надо привыкать, — заметила Такома. — Уилф, считай, платит тебе зарплату.

— Фу-ты, блин, — сказал Леон. — Мне шляпу снять?

— Думаю, ему все равно, но лучше сними, а то смотреть тошно, — ответила Такома.

Леон со вздохом снял повязку. Его редкие светлые волосы выглядели не многим красивее.

— За выигрыш в лотерею мне тебя благодарить, Уилф?

— Не совсем, — сказал Недертон.

— Много гемора с этим будущим, — заметил Леон, но тут подошла Флинн и взяла «Полли» на руки.

— Иди к маме, Леон, — распорядилась она. —

Постарайся ее развлечь. Для начала скажи, что я все устроила: она не едет.

— Они за нее боятся. Ну типа будут под тебя копать…

— Значит, пусть раскошелятся. У них это отлично выходит. Вперед, к тете Элле. Развесели ее. Если расстроишь, я тебе башку оторву.

— Иду-иду, — сказал Леон спокойно и без тени обиды. Когда он вставал, диванчик под ним скрипнул.

— Я с Уилфом в трейлер, — сказала Флинн.

— Это на участке? — спросила Такома.

— В лощине за домом. Там живет Бертон.

— Я с тобой, — сказала Такома и встала. Диванчик не издал ни звука.

— Нам с Уилфом надо поговорить. Трейлер маленький.

— Я не буду входить. Извини, но, если ты уходишь из двора, мне придется перераспределить ребят и дроны.

— Ясно, — ответила Флинн. — Спасибо.

Они спустились с веранды, и Флинн зашагала по лужайке, которую Недертон видел в лунном свете. Теперь трава выглядела иначе — редкая, неравномерно зеленая, местами пожухлая. Флинн обогнула угол дома. Такома о чем-то го-

ворила по беспроводной гарнитуре — наверное, отдавала указания ребятам и дронам.

— Завтра нам на вечеринку, — сказала Флинн. — Расскажи мне про Даэдру и про ту девушку, которую я должна буду изображать.

— Я ничего не вижу, — пожаловался Недертон.

Планшет с камерой был зажат у нее под мышкой. Флинн вытащила его и развернула вперед: он увидел невысокие деревья и утоптанную тропу.

— Куда мы идем? — спросил он.

— К трейлеру Бертона. В лощине. Он живет здесь с тех пор, как вернулся из морской пехоты.

— Он там?

— В «Сольветре». Он бы не обиделся.

— Где Такома?

Флинн развернула «Полли». Он увидел Такому, идущую сзади по тропинке. Развернула обратно.

— Как ты познакомился с Даэдрой?

— Меня пригласили раскрутить проект, в котором она участвовала в качестве знаменитости. Пригласила Рейни. Она тоже занимается пиаром. Вернее, занималась. Недавно ушла с работы.

Деревья по обе стороны, тропинка извилистая.

— Завидую, что у нее есть выбор, — сказала Флинн.

— У тебя тоже есть. Ты им воспользовалась,

когда думала, что агент Лоубир хочет применить тусняк против религиозных фанатиков.

— Да фигня это была. То есть не фигня, конечно, я бы сделала, что обещала. Но очень скоро бы нас всех убили. Нас здесь, по крайней мере.

— Что это там впереди?

— Трейлер Бертона. «Эйрстрим» тысяча девятьсот семьдесят седьмого года.

Год в столетии, еще более раннем, чем то, в котором она несла его по тропе, показался Недертону немыслимым, невозможным.

— Они все так выглядели?

— Как так?

— Как будто у ассемблеров испортилась программа.

— Это гермопена. Дядька, который поставил его сюда, залил все снаружи. Для тепла и чтобы вода не просачивалась. А вообще они блестящие и обтекаемые.

— Если понадоблюсь, я здесь, — сказала сзади Такома.

— Спасибо.

Флинн взялась за ручку на помятой металлической двери, утопленной в личиночную оболочку покрытия. За дверью оказалось помещение, которое Недертон помнил по их первому разго-

вору. Зажглись маленькие огоньки, цепочками, в чем-то желтовато-прозрачном. Такое же тесное пространство, как в дальней каюте гобивагена, только ниже. Узкая кровать с металлической рамой, стол, кресло. Кресло двинулось.

— Кресло движется, — сказал Недертон.

— Хочет, чтобы я на него села. Черт, совсем забыла, как эта сволочь раскаляется.

— Сволочь?

— Трейлер. — Она поставила его на стол. — Надо приоткрыть окно.

Заскрипела рама. Потом Флинн открыла белый шкафчик, стоявший на полу, достала сине-серебристую металлическую с виду емкость, закрыла шкафчик.

— Теперь моя очередь не предложить тебе выпивку. — Она потянула за кольцо на емкости, отпила из получившегося отверстия.

Кресло снова двинулось. Флинн села в него, лицом к Недертону. Оно загудело, заскрипело, умолкло и замерло.

— Ладно, — сказала Флинн. — Так у вас любовь?

— У кого?

— У тебя с Даэдрой.

— Нет, — ответил он.

— Но была?

— Нет.

Флинн глянула него:

— Вы занимались этим делом?

— Да.

— Значит, любовь. Или ты урод.

Он задумался, потом сказал:

— Я очень ею увлекся…

— Увлекся?

— Она чрезвычайно привлекательна. Внешне. Но…

— Что?

— Я, наверное, урод.

Флинн снова глянула на него. Вернее, напомнил себе Недертон, на его лицо в планшете «Полли».

— Ладно, если ты это хотя бы понимаешь, ты уже лучше большинства здешних кадров.

— Кого?

— Парней. Элла, моя мама, говорит: чудны́х навалом, чу́дных не видать. Хотя не такие уж они и чудны́е, просто заурядные.

— Я, наверное, чудной, — сказал он. — По крайней мере, мне хочется думать, я не такой, как остальные здесь. То есть там. В Лондоне.

— Но в общем, тебе нельзя было заводить с нею отношения, потому что вы вместе работали?

— Да.

— Расскажи мне.

— Про что?

— Как все было. А когда я перестану понимать, о чем ты, я тебя перебью и буду задавать вопросы, пока не разберусь.

Она глянула на него очень серьезно, но не сердито.

— Хорошо, — сказал Недертон.

Глава 101

Обычная человеческая история

Разговор с Уилфом на время отвлек Флинн от того, что она подумала про Грифа и Лоубир и во что сама не могла поверить. История его отношений с Даэдрой — такая обычная и человеческая, несмотря на кучу заморочек из будущего, — странным образом успокаивала.

Флинн по-прежнему толком не понимала, чем Даэдра зарабатывает на жизнь и как связана с правительством Соединенных Штатов. Выходило что-то вроде звезды софт-порно и одновременно перформанса, про который им рассказывали в предвыпускном классе на истории искусств, с примесью дипломатии. И еще Флинн так и не въехала, какова роль Штатов в мире Уилфа. По его рассказу выходило, они что-то вроде Коннера, только в масштабах государства и без чувства юмора. Впрочем, Флинн подозревала, что это уже и сейчас примерно так.

Из трейлера все трое отправились домой, где Дженис натушила зеленого горошка с ветчиной и луком. Ужинали за кухонным столом вместе с

Леоном и мамой. Мама спросила Такому, как ее зовут и чем она занимается. Такома как-то очень ловко ответила, ничего толком не объяснив про свою работу. Флинн видела, что мама это поняла и не обиделась. Она вообще была в куда лучшем настроении, после того как убедилась, что ее не отправляют с Литонией в Северную Виргинию.

Обратно ехали таким же кортежем по совершенно пустой дороге.

— Должно быть больше машин в такое время дня, — заметила Флинн.

— Очень просто: сейчас легче перечислить, что в округе не принадлежит «Сольветре». Обе стороны дороги — твои. Из того, что «Сольветра» не купила, большей частью владеет «Мега», чем-то — частные лица, остальным — Матрешка.

— Кукла?

— Конкуренты. Так мы их называем в «ККВ». Штаб-квартира в Нассау, — видимо, туда они в первый раз вышли из будущего, как «Сольветра» в Колумбию.

Они въехали на окраину города, и Такома начала что-то говорить по беспроводной гарнитуре, заставляя конвой совершать неожиданные повороты, насколько вообще колонна такого размера может делать что-нибудь неожиданно. Видимо,

цель была — подъехать к торговому центру сзади, не привлекая внимания луканов за желтой лентой, которую натянули подчиненные Томми из управы шерифа. Луканы вообще никогда не прорывались за желтую ленту, это как-то помогало им в судах. Многие даже специально получили юридическое образование, чтобы защищаться от исков, которые неизменно вчиняли им муниципалитеты. И еще они всегда протестовали молча, тоже из каких-то непонятных юридических соображений. Стоят, держат оскорбительные плакаты и ни слова не говорят, только в глазах горит злорадный огонь. Флинн грустно было думать, что люди могут так себя вести.

В городе, по крайней мере, хоть кто-то ездил. В основном, правда, сотрудники «ККВ», косящие под местных. Ни одного немецкого автомобиля. Те, кто торгует подержанными джипами, могли бы закатить шикарный корпоратив для рабочих на мексиканской фабрике.

— Ты всю жизнь рыжая? — спросила Флинн у Такомы, чтобы не думать про луканов.

— Нет. На день больше, чем работаю в «ККВ», — ответила Такома. — Пришлось обесцветить в ноль, прежде чем красить.

— Мне нравится.

— А моим волосам — нет.

— И контактные линзы тогда же надела?

— Да.

— Иначе вы с сестрой были бы так похожи, что люди бы замечали.

— Мы тянули соломинки, — сказала Такома. — Я проиграла, а не то бы она стала блондинкой. Она была блондинкой в детстве, оттого такая рисковая. Так что, может, оно и к лучшему, что не стала.

Флинн глянула на черный экран «Полли», гадая, где сейчас Уилф.

— А ты правда нотариус?

— Да. А еще дипломированный бухгалтер-ревизор. И у меня для тебя лежит бумага на подпись, чтобы превратить ополчение твоего братца из культа личности в зарегистрированную охранную фирму.

— Мне надо первым делом поговорить с Грифом. Без посторонних. Поможешь мне?

— Конечно. Советую пойти к Хуну. Там есть столик в нише, помнишь? Я попрошу его зарезервировать. Иначе ты не будешь знать, кто за ближайшей синей пленкой.

— Спасибо.

Машина остановилась за фабой, между двумя

внедорожниками, из которых вылезали ребята Бертона, в черных куртках и все, кроме Леона, с «булками».

— Готова? — спросила Такома, глуша мотор.

Флинн подумала, что ни к чему не была готова с той самой ночи, когда взялась подменить Бертона. К такому не подготовишься. Наверное, как вообще к жизни.

Глава 102

Имплант

Когда Недертон подошел к палатке Тлен, Оссиан уже ждал. Под мышкой у него был футляр палисандрового дерева. Угрюмый трехосный «бентли» куда-то делся.

— Тлен у себя? — спросил Недертон.

Периферaль Флинн стояла рядом и смотрела, как он говорит. Недертон разбудил ее, если так можно выразиться, после того как Тлен позвонила и попросила привести ее на встречу.

— Задерживается, — сказал Оссиан. — Скоро подойдет.

— Что это? — спросил Недертон, глядя на деревянный ящик.

— Изначально — футляр для пары дуэльных пистолетов эпохи Регентства. Пошли внутрь.

В шатре Тлен привычно пахло отсутствующей пылью. В полутьме светились агатовые шары дисплея. Недертон придвинул периферали стул, она села, глядя на Оссиана. Тот поставил палисандровый футляр на стол. Затем театрально, с видом продавца, расстегнул бронзовые защелки,

выдержал эффектную паузу и откинул крышку.

— Временно деактивированы, — сказал он. — Впервые с тех пор, как покинули колясочную фабрику.

Ящик был обит внутри зеленым фетром. В одинаковых углублениях лежали два пистолета; ало-кремовый витой узор на коротких дулах придавал им сходство с леденцами или с игрушками.

— Как они так точно вошли в гнезда?

— Пришлось переделать внутренность футляра. Надо было в чем-то их транспортировать. Не хотелось просто класть в карман, при всей уверенности, что они деактивированы. Пришлось хорошо поломать голову, чтобы их выключить, но все получилось: ассемблеры вылетели всего один раз, при тебе. Зубов отправил «бентли» к специалисту. Пришлось клонировать пять метров кожи, чтобы починить обивку.

— Лоубир они нужны, потому что их трудно отследить?

— Скорее, потому, что это оружие террористов. Не огнестрельное. Убивает не снаряд за счет кинетической энергии. Направленное роевое оружие. На языке профессионалов — «мясоед».

— Это что же за профессионалы такие?

— Каждый ствол выпускает узкоспециализированные ассемблеры. Дальность — метров десять. Ассемблеры дезинтегрируют мягкие животные ткани, включая дорогую итальянскую кожу. Более или менее одномоментно, после чего саморазрушаются. Таким образом, они не представляют опасности для пользователя, точнее, для младенца, поскольку по исходной задумке единственный пользователь должен находиться в коляске.

— Но у них есть рукоятки, — заметил Недертон.

Рукоятки были того же кремового цвета, что стволы, но без алого и матовые, словно костяные, по форме — как попугаичьи головы.

— Рукояти и ручной спуск сделал твой Эдвард по спецификации Лоубир. А он неплохо шарит.

— Не понимаю, зачем вообще все это в коляске.

— Ты ведь не русский, верно? Прежде всего — эффект. Очень впечатляющее зрелище, что эта штука делает с человеческим телом. Видишь, как такое произошло с твоим товарищем-похитителем, и быстренько берешь ноги в руки. Если успеешь. Система самонаводящаяся. Увидев цель, она сразу посылает ассемблеры куда надо.

— Но ты же их полностью обезвредил?

— Временно. У Лоубир есть ключ.

— Зачем ей это?

— Спроси ее саму, — сказала Тлен, нагибаясь и входя в шатер. Что-то четвероногое испуганно скользнуло с ее щеки на шею.

— Когда мы ждем Флинн? — спросил Недертон и глянул на периферaль.

— Я рассчитывала, что она уже будет здесь, но мне только что сказали, она недоступна. Так что будем ждать. — Она что-то бросила Оссиану на хриплой разновидности птичьего языка, тот закрыл палисандровый ящик, и Тлен продолжила: — А пока мы вроде бы разрешили проблему неподкованности Флинн в экспертно-примитивистской бредятине.

— Как именно? — спросил Недертон.

— Думаю, это можно назвать фекально-имплантной терапией.

— Вот как? — Недертон взглянул на нее.

— Вживленный имитатор словесного поноса. — Тлен улыбнулась. — Тебе, я думаю, такая операция не понадобится.

Глава 103

«Суши-лавка»

Проход в «Суши-лавку» был даже не проход, а лабиринт для хомяка. Мэдисон выстроил две семифутовые стены из мешков с черепицей на таком расстоянии, чтобы между ними как раз можно было пройти. Они тянулись из отверстия в стене «Сольветры» через пустой соседний магазин к отверстию в следующей стене, через еще один пустой магазин, и заканчивались в дыре к Хуну на кухню.

Войдя с улицы, Флинн увидела Бертона. Он лежал под белой короной, очень бледный. Рядом под другой короной лежал Коннер.

— Не хочешь со мной махнуться? — спросила Кловис Такому. — Оба здесь почти и не бывают.

— Бертона заставили работать? — возмутилась Флинн.

— Никто ему руки не выкручивал, — ответила Кловис. — Сам был рад перебраться в другое тело. Коннер возвращается только пожрать и отоспаться.

Гриф, похоже, не знал, что у Флинн на уме.

Для нее по-прежнему оставалось загадкой, что Лоубир могла слышать и что известно Грифу. Ей хотелось взглянуть на его руки, но он держал их в карманах.

В кухне висел густой пар от варящегося риса. Хун провел их в зал, где стояли купленные в секонд-хенде складные столы, выкрашенные в красный цвет, и оттуда в нишу, отделенную листом фанеры. Фанера была замазана той же краской. Над складным столом висел обрамленный постер «Китайских гангстеров», сан-францисской группы, которая нравилась Флинн в старших классах. Она поставила «Полли» на обшарпанный красный пол, под свой стул, и села напротив постера. Мальчишка — племянник Мэдисона — принес два стакана чая.

— Захотите есть, дайте знать, — сказал Хун и повернул в сторону кухни.

— Спасибо, Хун! — крикнула Флинн ему в спину и глянула на Грифа.

Тот улыбнулся, что-то посмотрел в планшете, поднял голову и встретил ее взгляд.

— Теперь, когда мы знаем, что твоя мама никуда не едет, мы ищем способ максимизировать безопасность вашего дома, стараясь одновременно, чтобы внешне все выглядело как можно

скромнее. Мы не хотим тревожить твою маму. Думаю, наше решение — высокий забор.

— У Пиккета был высокий забор. Не надо нам такого.

— Все будет совершенно иначе. Стелс-архитектура. Внешне ничего не изменится. То, что появится, будет выглядеть так, будто стояло здесь всегда. Мы ведем переговоры с архитекторами. Работы — преимущественно по ночам. Тихо, быстро, невидимо.

— А такое возможно?

— При достаточном количестве денег — разумеется. А они у твоей фирмы, безусловно, есть.

— Фирма не моя.

— Частично твоя, — улыбнулся Гриф.

— На бумаге.

— Это здание — не бумага.

Флинн оглядела зал «Суши-лавки». Приметила четверых ребят Бертона, которых не знала по именам. Они сидели по двое за разными столиками, положив под стулья винтовки в чехлах из кордюры. Кроме них, в зале были только сотрудники «ККВ», выряженные местными.

— Все как не взаправду. — Флинн перевела взгляд на Грифа. — Последнее время особенно. — Она глянула на его руки.

— Что «особенно»?

— Ты — она, — сказала Флинн и, подняв голову, посмотрела ему в глаза. Не мультяшно-синие. И вообще не синие, а светло-серые, но сейчас они расширились.

В другом конце зала рассмеялась женщина. Гриф опустил планшет, положил руку на стол и впервые с поездки домой от Пикетта Флинн почувствовала, что сейчас разревется.

Гриф сглотнул. Заморгал.

— На самом деле, — сказал он, — я буду кем-то другим.

— Ты не станешь ею?

— Наша жизнь идентична до момента, когда здесь получили первое сообщение Льва. Однако мы уже не их прошлое и она — не мое будущее. Мы начали расходиться, пусть поначалу незаметно, с того самого первого сообщения. К тому времени, как она вышла на контакт со мной, в моей жизни уже произошли мелкие события, о которых она не знала.

— Она тебе написала?

— Позвонила. Я был на приеме в Вашингтоне.

— Сказала, что она — это ты?

— Нет. Сказала, что женщина, с которой я говорил минуту назад, — крот, тщательно замас-

кированный агент Российской Федерации. Она, женщина, была во многих смыслах моим американским эквивалентом. Потом она, Эйнсли, незнакомка в телефоне, привела доказательства. Вернее, то, что стало доказательствами после того, как я обратился к секретному поисковику. Так что все происходило постепенно, в течение примерно двух суток. Я догадался. Во время нашего третьего телефонного разговора. Тогда она сказала, что заключила сама с собой пари: я соображу. И выиграла. — Он чуть заметно улыбнулся. — Однако я видел, что она знает не только мир, но и — во всех подробностях — мое совершенно засекреченное положение. Сведения, которыми не располагал никто, даже мое начальство. И она продолжала указывать на других иностранных и здешних агентов в моей службе и в той американской организации, с которой я сотрудничаю. В ее время они оставались неразоблаченными долгие годы, один — больше десяти лет, что дорого нам обошлось. Указать на всех сразу я не мог — это значило бы навлечь подозрения на себя. Однако полученная информация уже очень благоприятно сказалась на моей карьере.

— Когда это было?

— В четверг, — ответил он.

— Совсем мало времени прошло.

— Я почти не спал. Однако убедили меня не профессиональные факты, а то, что она знала меня, как никто другой. Мои постоянные мысли и чувства, которые я не высказывал ни одной живой душе. — Он отвел взгляд, потом вновь робко глянул на Флинн.

— Сейчас я ее в тебе вижу, — сказала Флинн, — но догадалась только сегодня утром, когда Уилф упомянул поднос.

— Поднос?

— Обычный, как у нас дома. Такой же есть у Кловис в Лондоне. Там она старуха. Держит магазин по продаже американских древностей. Лоубир с ней дружит. Возила туда Уилфа, когда навещала Кловис, чтобы освежить какие-то воспоминания. Он мне рассказал, и я вспомнила твои руки и ее. И поняла.

— Как все невероятно странно, — сказал Гриф и глянул на свои руки.

— Тебя ведь зовут не Лоубир?

— Эйнсли Джеймс Гриффидд Лоубир Холдсуорт. Девичья фамилия моей матери. У нее была аллергия на дефисы. — Он вынул из кармана синий носовой платок. Не безовского синего цвета, а более темный, почти черный. Промокнул гла-

за. — Извини. Расчувствовался. — Потом глянул на Флинн. — Ты первая, с кем я это обсуждаю, если не считать Эйнсли.

— Все нормально, — ответила Флинн, не вполне понимая, что сейчас означают эти слова. — Она нас слышит? Прямо сейчас?

— Нет, если поблизости нет какого-нибудь устройства.

— Ты ей скажешь? Что я знаю?

— А ты бы как предпочла? — Он склонил голову набок, отчего стал еще больше похож на Лоубир.

— Тогда я лучше сама скажу.

— Давай. Тлен только что прислала мне эсэмэс, что ты нужна там как можно скорее.

Глава 104

Красный «медичи»

Когда прибыла Флинн, Недертон по совпадению как раз смотрел на периферaль. Будто та очнулась от глубокой задумчивости, взгляд стал осмысленным, живым. Она оглядела всех за столом и спросила:

— Где Лоубир?

— Ты с ней скоро увидишься, — ответила Тлен. — А пока вот снаряжение для завтрашнего вечера.

— Какое?

— Двух видов, — сказала Тлен.

Оссиан открыл палисандровый футляр.

— Оружие, — пояснила Тлен.

Флинн, подняв бровь, глянула на Недертона:

— Отчего оно так выглядит?

— Оно было встроено в детскую коляску в качестве антикиднеппинговой меры, — ответил Недертон.

— Это пистолеты?

— В некотором смысле да. Не наводи их на человека, если не хочешь его убить. Есть связь между

положением ствола и тем, что произойдет при нажатии вот сюда. — Тлен показала кнопку на внутреннем изгибе попугаичьей головы. — Хотя не однозначное, и в этом отличие от настоящего пистолета. Как только включенная система найдет биологическую цель, она выпустит ассемблеры, которые поразят выбранный объект, что бы ни случилось. Возьми.

Периферaль нагнулась и постучала ногтем по ближайшему пистолету.

— Как старый дерринджер, только из леденца. — Она двумя руками вытащила пистолет, не поворачивая его дулом ни к кому из них. Теперь он лежал на ее раскрытой ладони.

— Он ценою значительных усилий деактивирован. Попробуй, как в руке, — сказал Оссиан.

Флинн сомкнула ладонь на попугаичьей голове и направила пистолет на проплешину в бархатном занавесе:

— Я беру их на вечеринку к бывшей Уилфа?

— Категорически нет, — ответила Тлен. — На приеме оружие строго запрещено, и тебя тщательно просканируют на входе. Да вообще в нынешнем Лондоне владеть таким в высшей степени незаконно.

— Тогда вы зачем мне его показываете? —

Флинн положила пистолет обратно в гнездо и села.

— Насколько я поняла, — сказала Тлен, — при определенных условиях тебе могут передать один из этих пистолетов. Мы тебе их показываем, чтобы ты знала, как им воспользоваться.

— Наведи и щелкни, — добавил Оссиан. — На неорганику не действует вообще. Только на мягкие ткани. — Он захлопнул крышку.

— Второй пункт повестки дня. — Тлен разжала кулак. На ладони у нее лежало что-то вроде «медички», только красное. — Этот прибор установит тебе когнитивный пакет, и ты начнешь говорить как неопримитивистский эксперт, по крайней мере на слух обычного человека. Распознать подделку сможет только другой эксперт, да и то не факт.

— Правда? — спросила Флинн, разглядывая предмет. — Как им пользоваться?

— Считай это камуфляжем. Управлять им не надо, как не надо управлять маской. Он сам включается от определенного рода вопросов.

— И?..

— И ты выдаешь порцию отборного бреда.

— Я буду понимать, что он значит?

— Он ничего не значит, — сказала Тлен. — Если

бы ты говорила достаточно долго, он бы начал повторяться.

— Запудривание мозгов?

— Да. Сейчас мне надо установить его на твою периферали.

— Где ты его добыла? — спросила Флинн.

— Лоубир дала, — ответил Оссиан.

— Протяни кисть тыльной стороной вверх, — сказала Тлен.

Флинн положила руку периферали на стол, рядом со ржавым основанием дисплея, развела пальцы. Тлен опустила на нее красный «медичи», который остался лежать, по виду ничего не делая.

— И что? — спросила Флинн, глядя на Тлен.

— Загружается, — ответила та.

Флинн глянула на Недертона:

— Что ты поделывал?

— Ждал тебя. Любовался твоими пистолетами. А ты?

— Говорила с Грифом. — На ее лице мелькнуло какое-то странное выражение. — Говорили про оборону нашего дома. Они там что-то строят, но так, чтобы не потревожить маму.

— Человек-загадка, — сказал Оссиан. — Ты его, значит, видела.

Флинн глянула на него:

— Ага.

— Не знаешь, как Лоубир его завербовала? — спросил Оссиан.

— Нет, — ответила Флинн. — Но вроде и так понятно, что она это умеет.

— Само собой, — сказал Оссиан. — Только получается, что мы все больше выполняем его приказы, не зная при этом толком, кто он вообще.

— Про нее тоже ничего толком не понятно, — заметила Флинн. — Может, он такой же.

Тлен сняла «медичи» с ее руки и убрала в сумочку.

— Сейчас проверим, — сказала она Флинн. — Объясни, пожалуйста, чем сегодня так важно творчество Даэдры Уэст.

— Креативный процесс Уэст исподволь проводит зрителя через филигранно детерминированную череду итераций, воспоминаний плоти, явленных с трогательной ранимостью, однако прочерченных нашей мифологией реального, телесного. Это не о том, кто мы сейчас, но о тех, кем мы могли бы стать. — Глаза у периферали расширились. Она заморгала. — Блинский блин!

— Я рассчитывала на нечто в более разговор-

ном регистре, — заметила Тлен, — но, видимо, такое невозможно в принципе. Постарайся не говорить слишком долго, чтобы несуразность меньше бросалась в глаза.

— Я смогу переводить для Даэдры, — предложил Недертон.

— Не сомневаюсь, — ответила Тлен.

Глава 105

Шум в твоих костях

В лифте Флинн пыталась думать про то, что Уилф рассказывал о творчестве Даэдры, гадала, не зазвучит ли в голове голос, несущий пургу. Не зазвучал.

— Что это за говорящая штука? — спросила она.

— Когнитивный пакет, — ответил Уилф.

Дверь лифта открылась. Из кухни пахнуло запахами готовки.

— Он составляет бессмысленные по сути утверждения из заданного набора слов на любую выбранную тему. Я не буду провожать тебя наверх. Ты там уже была.

Недертон остановился перед лестницей.

— Я это говорила. Но не думала.

— Вот именно. Однако никто другой этого не заметит. Очень неплохо получилось для механического коллажа из домашних заготовок.

— Мне даже не по себе стало.

— По-моему, для нашей ситуации выход идеальный. А теперь иди наверх.

— Включи «Полли», когда я вернусь, ладно?

— Он где?

— На стуле в дальней комнате «Сольветры». Рядом с койками.

— Удачи, — сказал Уилф.

Она поднялась на два пролета по застланной ковром лестнице. Наверху мягко поблескивали мебель, стекло. Флинн хотелось помедлить и все разглядеть, но в дверях уже стояла Лоубир, держа ручку приоткрытой створки.

— Добрый день, — сказала она. — Заходи.

Шаг в зеленое с позолотой. Единственная лампа за стеклом, граненым, как алмаз.

— Как я понимаю, Гриф сейчас занимается безопасностью твоей мамы.

Флинн глянула на длинный темный стол, идеально гладкий и в то же время матовый, и пожалела, что комната уже не кажется ей штаб-квартирой Санта-Клауса. Обычная деловая обстановка, почти офис. Лоубир была, по обыкновению, в костюме. Флинн посмотрела на нее и увидела в ней Грифа сильнее, чем ожидала.

— Он — вы. То есть вы в молодости, — сказала она.

Лоубир склонила голову набок:

— Ты догадалась или он тебе открылся?

— У вас одинаковые руки. Недертон увидел поднос у нас на каминной полке. Сказал, что видел такой же в магазине у Кловис. Что она тут старая. Когда я подумала, что она здесь и там одновременно… то есть не одновременно, конечно… Наверное, тогда я сообразила, что вы тоже должны быть там.

— Совершенно верно, — ответила Лоубир, закрывая дверь.

— А я тоже тут есть, в этом смысле? — спросила Флинн.

— Мы тебя не нашли. Сохранилась запись о твоем рождении. О смерти — нет. Но тогда как раз начались печальные события, о которых, как я понимаю, ты знаешь от Недертона. Архивы времен глубокого джекпота настолько неполны, что их, можно считать, нет, и в Соединенных Штатах особенно. Там на какое-то время пришли к власти военные, которые по неизвестным причинам уничтожили огромные массивы данных. Будь ты сейчас жива, ты была бы примерно моей ровесницей. Это подразумевает огромное богатство либо очень мощные связи, что, как правило, одно и то же. В таком случае я бы смогла тебя отыскать.

— Вы не сердитесь, что я знаю?

— Ничуть. Почему бы мне сердиться?

— Ну, может быть, это секрет.

— Не от тебя. Проходи, садись. — Лоубир подошла к высоким темно-зеленым креслам во главе стола, дождалась, когда Флинн сядет, и опустилась в соседнее. — Как я поняла, Недертону понравился когнитивный пакет.

— Рада, что он хоть кому-то нравится.

— И ты посмотрела пистолеты.

— Зачем они мне нужны?

— Только один, — ответила Лоубир. — Второй для Коннера или для твоего брата, по обстоятельствам. Я надеюсь, до такого не дойдет. Однако за убийством угадывается привычка действовать грубо, и нам желательно иметь в запасе грубые средства.

Зеленые шторы на окнах были задернуты, и Флинн представилось, что за ними лабиринт: еще и еще зеленые шторы, как синяя пленка в «Сольветре».

— Что насчет президента Гонсалес? Гриф сказал, ее убили.

— Да. Это задало тон дальнейшим событиям.

— Вы сумеете ее спасти?

— Зависит от обстоятельств. Сегодня это еще не столько заговор, сколько климат.

— От чего зависит?

— От приема у Даэдры.

— Каким образом?

— «Сольветра» и Матрешка, как называют у вас другую сторону, соревнуются, кто захватит власть в мире. Гонка порождает субсекундные финансовые события. Мы не выигрываем. Не проигрываем, но и не выигрываем. Лев задействовал блестящие, но несколько доморощенные финансовые механизмы. Матрешка, у которой одна-единственная цель — убить тебя, опирается на более мощные правительственные механизмы здесь. Чтобы обеспечить победу «Сольветре» и затем с ее помощью предотвратить убийство Гонсалес, я должна положить конец Матрешке. Однако политическая система такова, что я не могу это осуществить, пока не получу доказательств или хотя бы подобия доказательств в деле об убийстве Аэлиты. Наш противник сейчас неизбежно наживает себе врагов. Я могла бы этим воспользоваться, раздавить противника их руками. Но чтобы это произошло, вы с Недертоном должны преуспеть на приеме у Даэдры.

Флинн глянула на буфет: серебро, хрусталь. Перевела взгляд на Лоубир:

— Все зависит от того, узнаю ли я гада с балкона?

— Да.

— Паршивенько.

— Безусловно. Однако если ты его узнаешь, то известишь меня и я начну действовать.

— А если я его не увижу? Или не узнаю?

— Давай пока не будем рассматривать такой вариант. Однако, если все пойдет по плану, мы столкнемся с новым уровнем сложности. Протокол приема настрого запрещает использование каких-либо личных средств связи. Как периферали, то есть устройства дистанционного присутствия, вы с мистером Пенске станете в некотором роде исключениями, но вас будут очень тщательно мониторить. Отсюда вопрос: как ты сообщишь мне, что опознала убийцу?

— И как же?

— На твою периферали только что установили когнитивный пакет. Он включает в себя коммуникационную платформу, невидимую для системы безопасности, которая будет задействована на приеме. Ты будешь слышать меня, цитирую, как «шум в своих костях». Ощущения, насколько я поняла, довольные неприятные, однако для нас это единственный выход.

— И если он будет там?

— Куда более интересный вопрос для обсуж-

дения. Вот почему я порадовалась, когда ты категорически не дала нам применить особо гнусное химическое оружие.

— Почему?

— Потому что на следующем этапе мне, возможно, потребуется в тебе именно это качество.

— Вы столько всего хотите знать, — сказала Флинн, — а мне ничего не объясняете.

— Нам надо сосредоточиться на текущем моменте.

— Кому «нам»?

— Тебе и мне, милая. — И Лоубир ласково потрепала ее по руке.

Глава 106

Сраньвилль

Недертон сидел в куполе гобивагена.

— Алло? — сказал он, как только открылось окошко «Полли». — Флинн?

— Она еще не вернулась, — ответил женский голос со знакомым акцентом. Изображение в окошке казалось абстрактным: вертикальные белые полосы все на том же синем фоне.

— Такома?

— Кловис. А ты — Недертон. — Она подняла «Полли», развернула.

Очень миловидные черты, насколько можно судить в таком невыгодном ракурсе, снизу. Короткие темные волосы. Недертон попытался увидеть хозяйку «Культуры Кловис», но перед глазами возник лишь ее старческий череп. Ужасно. Так, наверное, видел бы людей Бог, если бы существовал.

— Уилф, — сказал он. — Привет.

— Вот она.

Кловис повернулась, и он увидел Флинн. Она лежала головой на подушках, сверху громоз-

дилась какая-то нелепая белая сверкающая конструкция. Глаза у Флинн были закрыты. Как будто он глядел на периферaль в дальней каюте, только сейчас это была она сама. Абсурд.

— Она нас слышит? — спросил он.

— Нет. Корона — автономный отсекатель. Так мне сказали. Я думала, у вас тоже такие есть.

— Есть, — согласился он. — Просто я не очень понимаю в технике. У нас они похожи на прозрачные обручи.

— Мы делали по вашей спецификации, но из подручных материалов.

Она вновь его развернула. На соседней кровати лежал брат Флинн с такой же короной, на дальней — кто-то незнакомый. Оба под синими одеялами. Вертикальные полосы, которые Недертон увидел в самом начале, были спинкой Бертоновой кровати. У второго мужчины тело под одеялом казалось совсем маленьким, детским.

— Кто это? — спросил он.

— Коннер.

— Пенске. Я видел его как учителя танцев.

— Кого?

— Периферaль брата Льва, инструктор по боевым искусствам. Прекрасный танцор, как я понимаю.

— Я бы что хошь отдала, лишь бы побывать там, увидеть все. — Она вновь развернула его к себе. — Чем могу быть тебе полезна, Уилф?

— Здесь есть окно?

— По другую сторону этой дебильной стены. — Она повернула его к поверхности, сложенной из каких-то белых пакетов, возможно с бумажными файлами. — И его залили полимером, так что все равно ничего не увидишь. А если бы и увидел, там только улица за торговым центром в Сраньвилле.

— Это название города?

— Прозвище. Мы с сестрой придумали. Те еще стервы.

— Я ее видел, — сказал он. — Она не стерва.

— Она мне рассказывала про тебя.

— Ты знаешь, когда Флинн вернется?

— Нет. Хочешь подождать? Можешь посмотреть новости. У меня есть планшет.

— Новости?

— В местных сегодня кое-что интересное. Луканы сматывают удочки. Гриф обеспокоен. Он нанял две пиар-фирмы, чтобы луканов не освещали в СМИ, и это работало. То, что они без всякой причины снялись с места, новость в масштабах страны. Потому что обычно они сами не уходят.

Ты не сможешь переключить канал.

— Хорошо, я посмотрю, — сказал он. — Мне тут у вас очень нравится.

— Странные у некоторых вкусы.

Глава 107

Дружок

Флинн открыла глаза.

— Твой маленький дружок здесь, — сказала Кловис.

— Уилф?

— А у тебя и другие есть?

— Где он?

— Смотрит новости. — Кловис сняла с Флинн корону, положила на стол рядом с койкой.

Флинн перекатилась на бок, медленно села, спустила ноги на пол. Только что она стояла с Лоубир на кухне у Льва, смотрела в сад. Казалось, закрой глаза — снова его увидишь. Флинн зажмурилась. Не увидела. Открыла глаза.

— С тобой все хорошо? — спросила Кловис, глядя на нее пристально.

— Сдвиг часовых поясов, наверное, — ответила Флинн, вставая.

Кловис явно готова была ее подхватить, если начнет падать.

— Со мной все в порядке, — сказала Флинн. — Как Бертон?

— Отлично. Возвращался поссать, затем еще раз — пожрать и восстановить водный баланс. В центре Уолтера Рида им довольны.

Флинн подошла к стулу, на котором оставила «Полли». Кловис вдвинула телескопический стержень планшета и прислонила собственный планшет к спинке стула, на сложенном свитере. «Полли» смотрел эпизод «Чудес науки» про самопроизвольное возгорание людей.

— Эй, — сказала Флинн. — Привет.

— Ой! — Сферическое тело «Полли» качнулось на неподвижных колесах, наклонив назад планшет вместе с камерой. — Передача меня напугала. Я все время представлял, что мое тело в куполе гобивагена самовозгорается. Началось после новостей, а я не мог переключить канал.

— Хочешь досмотреть вторую половину? Там будет погружение с аквалангом в старую часть Нижнего Манхеттена.

— Нет! Я хотел повидаться с тобой.

— Я иду есть. Возьму тебя в «Суши-лавку».

— Что это?

— Ресторанчик Хуна. В другом конце торгового центра. Мэдисон пробил дыры насквозь и построил хомячковый лабиринт из кровельной плитки. — Флинн глянула на свое отражение в

зеркальце, которое кто-то (возможно, Кловис) приклеил к синей пленке кусками бирюзового скотча. — После короны на голове ужас в кошмаре.

Она села на стул, поставила «Полли» на пол и надела обувь. «Полли» вытянул стержень, заурчал и покатился вперед, крутя планшетом из стороны в сторону.

— Стой! — крикнула Флинн, вставая. Она догнала его, взяла на руки и шагнула в щель.

— Очень странное зрелище, — заметил Уилф. — Похоже на какую-то примитивную игру.

— Скучная игра.

— Они все такие. Зачем это?

— Если на нас нападут, мы сможем пройти в «Суши-лавку» и взять суп с креветками.

— Какой смысл?

— Думаю, мальчикам нравится играть в войнушку. Хотя, наверное, идею предложила Лоубир, а Бертон и мой друг Мэдисон так воплотили.

— Кто такой Мэдисон?

Флинн шагнула через дверь в центральной стене:

— Муж моей подруги, очень славный. Играет в «Су — двадцать семь».

— Что это?

— Авиасимулятор. Старые русские самолеты. Лоубир — Гриф.

Он не ответил. Флинн остановилась между двумя стенами из мешков, подняла «Полли» к лицу.

— Гриф? — переспросил он.

— Гриф. Станет ею. Но не совсем. Типа это уже не ее прошлое, ничего такого с нею не случилось, так что он не проживет ее жизнь. — Флинн пошла дальше.

— Ты как-то умеешь все просто принять.

— Ты в будущем, где наноботы едят людей, можно менять тела, а правят короли с гангстерами. И все это принимаешь, верно?

— Нет, — ответил он за мгновение до того, как она, пригнувшись, вошла к Хуну на кухню. — Не принимаю. Я все это ненавижу.

Глава 108

Утро «Сольветры»

Томми пришел и сел на корточки рядом с пенопластом, держа шляпу в руках. От таблетки, которую накануне дала ей Такома, Флинн чувствовала себя немного пришибленной, зато и выспалась по-настоящему впервые за много дней.

— Сядь на пенку, Томми, не порти колени, — сказала она.

— Тебя, что ли, не могли устроить поудобнее? — Томми, повернувшись на пятках, опустился задом на пенопласт.

— На больничной койке чувствуешь себя в больнице. А Бертон и Коннер оба много пердят. Что там с луканами, которые уматывают? Мы точно их не купили?

— Точно, — ответил он. — Почему я и разбудил тебя в такую рань. Чтобы тебе это все сказать.

— Что? — Она приподнялась на локте.

— Думаю, те ребята велели луканам сдать назад, потому что они медиамагнит. Не столько сами по себе, но добавь чего-нибудь до кучи,

журналюги слетятся со всех сторон. Или если они делают что-нибудь необычное, например уходят по доброй воле, — это тоже тема для новостей. Ваши пиарщики более или менее успешно выводят вас за скобки, но все равно вокруг ухода луканов шума много.

— Зачем конкурентам нужно, чтобы луканы ушли?

— Чтобы не было лишнего внимания, когда по городу вдарят всерьез, — сказал Томми.

— Это как?

— Безбаши. Вагон и маленькая тележка. Транспорт, личный состав. Информаторы Грифа говорят, сюда направляются два больших конвоя. Колонны белых фургонов. А двоюродный брат Бена Картера сейчас на бывшем участке Пиккета с большим подразделением безбашей. Он сказал Бену, что, по слухам, их сегодня перебросят в город — окончательно разобраться с недобитыми мерзавцами из наркоимперии Корбелла Пиккета. Которую, оказывается, уничтожили они, а не твой бдительный братец, его лучший друг и протез от ветеранской администрации.

— Они едут сюда?

— Вот именно.

— А мы — недобитые мерзавцы?

— Бинго!

— Они настолько продажны?

— В нынешнем мире — да. По крайней мере в последние двое суток. Однако не тебе удивляться — ты владеешь долей в организации, которая первая начала массово скупать госчиновников.

— И что будет, когда они сюда придут?

— Мы окажем сопротивление при аресте. Вне зависимости от того, как поведем себя на самом деле, скажут, что мы сопротивлялись аресту. Штабель из черепицы от умных снарядов не защитит — их создавали именно против таких доморощенных укреплений при уличных боях. Потолок здесь — одно название, да и в любом случае у безбашей есть ударные дроны. В бункере они бы нас точно так же достали. Плюс ребята Бертона по жизни не склонны расходиться миром.

— Почему это происходит именно сейчас?

— Гриф считает, оба кулака на самой верхней части биты, дальше некуда. Конкуренты купили человека, который отдает приказы безбашам, и над ним уже нет никого, кого могли бы купить вы.

— А если Гриф напрямую выйдет на Гонсалес?

— Как я понимаю, уже вышел. Если не напрямую, то сильно близко. Но это политика, и

расклад такой, что с безбашами даже президент ничего поделать не может.

— Когда они будут здесь?

— К вечеру, но они обычно начинают операции после полуночи.

— Ты можешь встретить их и помочь им наводить порядок, Томми. Я не понимаю, зачем тебе лезть в петлю вместе с нами.

— Иди в жопу, — добродушно ответил Томми. — Хочешь буррито? Я тебе принес.

— А почему я запаха не чувствую?

— Я попросил упаковать в два пакета, чтобы не испортить форму. — И Томми сунул руку в большой боковой карман куртки.

Глава 109

Черные шелковые бабочки

Он пытался спать на гранитной скамье в огромном холодном зале голосовой почты Даэдры, откуда постоянно отправлялись поезда — а может быть, мобили — и гулкие голоса неразборчиво объявляли пункты назначения. Свет пульсировал.

Недертон открыл глаза. Он лежал на кожаных подушках в куполе. Из темноты гаража — новая вспышка света. Он сел, протер глаза.

Следующая арка зажглась над Оссианом и Тлен. У Оссиана в вытянутой руке — темная одежда на плечиках. Тлен, мрачная, впрочем не более обычного, в чем-то вроде шоферской униформы. На жесткой куртке — застежки-клеванты из черного шелкового шнура, словно рельефные бабочки. На голове большая фуражка, как у советского коммодора, блестящий козырек закрывает глаза.

Недертону вспомнились слова Флинн про Грифа и Лоубир. Ум за разум заходит, подумал он, дивясь и самому выражению, и тому, как редко с ним такое случалось, если случалось вообще.

Вот и сейчас у него ум не заходил за разум от мысли, что Гриф и Лоубир в каком-то смысле один и тот же человек. И все же он радовался, что не родился раньше и у него нет второго «я» во времени Флинн.

Вспышка.

Глава 110

Ничего экстравагантного

До прибытия Флинн периферaль сводили в душ, сделали ей прическу и макияж. Еще никакая одежда не сидела на Флинн так, как платье, которое выбрала Тлен. Ничего экстравагантного, поскольку Анни Курреж небогата, объяснила Тлен. Отсутствие экстравагантности в ее понимании выглядело так: маленькое черное платье из материала, который на ощупь как велюр, на вид — как свежая наждачка и скользит, как шелк. Украшения включали круглый браслет из древних зубных протезов, скрепленных чем-то вроде лакрицы, и колье из черной титановой проволоки, обвешанной «собачками» от молний, разного цвета и размера, но одинаково облезлыми, как будто их выкопали на свалке. И то и другое, сказала Тлен, настоящее неопримитивистское — браслет из Ирландии, колье из Детройта. Туфли, из того же материала, что платье, были на каблуке-платформе и удобнее кроссовок. Флинн жалела, что периферaль нарядили, не дождавшись ее: так приятно было бы надеть это самой.

И опять тот же привычный укол в сердце при взгляде в высокое зеркало. Кто она? Флинн уже казалось, что периферaль похожа на кого-то знакомого, хоть она и понимала, что это не так.

В зеркале появилась бляшка с золотой короной, и Флинн на мгновение подумала про красного быка в «Джиммис», но это звонила Лоубир.

— Томми думает, безбаши собрались по нашу душу.

— Я так и предполагала.

— Неужели Гриф ничего не силах сделать?

— Пока — нет. Хоть и может доказать при необходимости, что глава Управления частного сектора продался китайцам. Ситуация патовая. Нам нужна возможность отменить приказ об атаке, а у нас ее нет.

— А если Гриф скажет президенту, что ее убьют, но он сумеет это предотвратить, если она остановит безбашей?

— Все не так просто, — ответила Лоубир. — Необходимый уровень доверия еще не установлен. Ее аппарат кишит людьми, связанными с будущими заговорщиками. А все остальное — просто политика.

— То есть мы ничего не можем поделать?

— Кловис, — сказала Лоубир, — моя Кловис

здесь позволила тетушкам порыться в ее документах. Перед бегством в Англию она ухитрилась собрать невероятное количество материалов; я в свое время и не подозревала какое. Не шпион, а барахольщица. Если там есть что-нибудь пригодное в нашей ситуации, тетушки это найдут. А пока главная наша надежда — твой сегодняшний успех. Он изменит все, хотя невозможно предсказать, как именно.

Флинн закусила было губу, но вовремя вспомнила, что нельзя портить периферали макияж.

— Ты выглядишь потрясающе, — сказала Лоубир, и Флинн вспомнила: инспектор видит то же, что периферали. — С Бертоном уже поздоровалась?

— Нет.

— Пойди поздоровайся. Он здесь рядом, с Коннером. По дороге в Фаррингдон ты его не увидишь: он будет в багажнике. Я очень рада, что он может поехать, несмотря на ранение.

— В багажнике?

— В сложенном виде он совершенно плоский, как древняя шведская машинка для чистки канализационных труб. Кланяйся от меня брату. — Корона исчезла.

Флинн подошла к выходу, открыла дверь.

Они спарринговали. Флинн помнила, как это бывало, пока Коннер не стал калекой, еще прежде, чем они пошли служить. У них были свои правила. Они почти не двигались, только переступали с ноги на ногу и наблюдали друг за другом, а когда наносили удар, это происходило так быстро, что не заметишь. И вот уже они снова переминаются с ноги на ногу, но один из них победил. То же Флинн наблюдала и сейчас, только Коннер был в своей периферали, а Бертон — в белом экзоскелете для фитнеса, со стеклянной банкой вместо головы и до жути человеческими руками на месте бывших механических. Под банкой стоял маленький роботик, который делал все то же, что экзоскелет, хотя, конечно, наоборот, поскольку Бертон был в роботике. Гомункул, вот как это называется. Новые руки экзоскелета были загорелые, как у Пиккета.

Тут они обменялись ударами. Флинн не видела точно, но ей показалось, что Коннер был быстрее.

— Если я сломаю палец об твоего Железного Дровосека, тебе не поздоровится, — сказал Коннер. Его периферали была в черном костюме, сковывающем движения не больше, чем кимоно для карате.

Фигурка под стеклянным колпаком повернулась, а с нею и весь экзоскелет.

— Флинн, — произнес он. Голос был как у диктора в рекламном ролике. — Привет.

— Блин, Бертон. Я тогда в проулке думала, тебе конец. — Ей хотелось типа его обнять, но это был бы совсем бред. Да еще кошмарные человеческие руки.

— Я вроде как успел на том свете побывать. Не помню, как зарубил того клиента, вообще ничего не помню, пока не очнулся здесь и не увидел этого красавца.

— Можешь считать свою пустяковую царапину боевым ранением. — Коннер сунул большие руки периферали в карманы черных брюк.

Бертон сделал стремительный выпад в его сторону, однако Коннера каким-то образом на прежнем месте уже не было.

— Лоубир передает привет, — сказала Флинн Бертону. — Она рада, что ты едешь с нами. Я тоже.

— Гибрид «багажной мартышки»[484] и навороченного домкрата, — произнес его рекламно-дикторский голос. — Затем я и шел в морскую пехоту.

[484] Примечания: 484

Аллюзия на рекламные ролики 2003 г. (основанные на концепции, разработанной тремя годами раньше Клубом любителей «субару-импреза» Новой Англии) о мартышке, выскакивающей из багажника, чтобы помочь водителю в нештатной ситуации. Впоследствии «багажной мартышкой» стали называть заднего стрелка на военных внедорожниках.

Глава 111

ЗИЛ

Недертон обошел черный лимузин, на котором им предстояло ехать в Фаррингдон. Теперь стало ясно, из-за чего Тлен оделась именно так. ЗИЛ две тысячи двадцать девятого года, объяснила она, последний в своей серии, не из коллекции Зубова-отца; личный автомобиль Зубова-деда тех времен, когда тот жил в этом доме. Выбор, надо понимать, сделала Лоубир.

Корпус автомобиля напоминал новое платье Флинн: такое же сочетание тусклости и блеска. Кроме этого своеобразного оттенка черного, присутствовала лишь нержавеющая сталь, обработанная стеклоструйкой до полной матовости: большие колеса и широкая минималистская решетка радиатора, которая выглядела так, будто ее отрезали лазером от бесконечной заготовки. Багажник лишь немногим уступал длиною капоту, и оба вполне могли бы служить теннисными кортами довольно крупным гомункулам. Задние окна отсутствовали совсем, отчего возникало впечатление, что автомобиль поднял воротник.

Впечатляюще бандитский вид, подумал Недертон. Видимо, за это Лоубир и выбрала ЗИЛ, хотя логика ее решения по-прежнему от Недертона ускользала. Желая рассмотреть салон, он наклонился к окну.

— Не прикасайся — убьет током, — сказала Тлен у него за спиной.

Недертон обернулся. Встретил взгляд двойных зрачков под козырьком.

— Серьезно?

— Как коляска. Они никому не доверяли. И сейчас не доверяют.

Он отступил на шаг:

— Зачем она выбрала эту машину? Вряд ли в моем духе и уж тем более не в духе Анни. Если бы я правда собрался в гости к Даэдре, я бы приехал на такси.

— Ты правда собираешься в гости к Даэдре, иначе бы я так не вырядилась.

— Я имею в виду, с открытой душой.

— Когда ты последний раз что-нибудь делал с открытой душой?

Недертон вздохнул.

— Думаю, она решила частично раскрыть карты, — сказала Тлен. — Автомобиль однозначно узнается как принадлежащий деду Льва. Система

безопасности Даэдры сразу установит, что он выехал с этого адреса. Таким образом, ты уже не скрываешь, что связан с Зубовыми. Вероятно, Лоубир видит в этом какие-то преимущества. Есть плюсы в том, чтобы афишировать знакомство с клептархами. Минусы, разумеется, тоже. — Она оглядела его с головы до пят. — Костюм вроде неплох.

Недертон глянул на свой черный костюм, затем вновь посмотрел на Тлен:

— Черный — потому, что того требует случай, или потому, что заказывала ты?

— И то и другое, — ответила Тлен. Вереница каких-то далеких зверей пронеслась по ее лбу, полускрытому козырьком, будто зримое выражение недобрых предчувствий.

— Ты будешь нас ждать?

— Нам не разрешат припарковаться ближе чем в двух милях. Когда соберетесь уходить, нам позвонят. Впрочем, не сомневаюсь, что Лоубир позвонит раньше.

— Когда мы едем? — Он глянул на гобиваген.

— Через десять минут. Надо еще убрать Бертона в багажник.

— Я схожу в туалет, — сказал он, поворачиваясь к трапу, а про себя подумал: «И проверю, не от-

крыт ли бар». Хотя и знал, что надежды никакой.

Глава 112

В Фаррингдон

Тлен сказала, что ехать недалеко.

Салон автомобиля казался больше, чем у мерседесовского автофургона. То есть на самом деле не был, но так выглядел. Как взрослая мебель в детстве. И все тут было такое черное, что ее платье по контрасту смотрелось серым. Может, черный цвет и создавал ощущение огромности.

И свет снаружи — розовый и серебристый за дождем. Как в тот раз, когда она впервые поднималась в коптере из пускового люка на крыше белого фургона.

До Недертона на соседнем сиденье было почти не дотянуться, а иначе это слишком походило бы на свидание. Коннер сидел впереди вместе с Тлен, между ними свободно поместились бы еще двое.

Флинн пожалела, что тут нет кофемашины. Мысль напомнила ей о Томми, Карлосе и остальных там и о безбашах, наступающих с трех сторон.

— Мне еще можно позвонить домой? — спросила она Тлен, прикинув, что та наверняка услышит

через перегородку.

— Да, но прямо сейчас. Мы скоро подъедем.

Покуда Бертон залезал в багажник и складывался, Тлен показала ей, как настроить телефон периферали на звонок, и сбросила номера со своего телефона. Теперь Флинн вызвала бляшки, домотала до желтой Мейконовой с одним наггетсом и щелкнула языком по нёбу.

— Привет, — сказал Мейкон.

— Как там у вас?

— Гости на подходе.

— Паршиво…

— Не то слово.

— Кто с моей мамой?

— Дженис. И Карлос с частью ребят.

Флинн увидела себя на белой койке, под белой короной, рядом Бертон и Коннер на своих койках, и ей впервые пришла в голову мысль: что будет здесь, если меня убьют там? Ровным счетом ничего, только периферал останется на автопилоте под управлением той облачной фигни. Интересно, сможет ли она по-прежнему нести пургу, когда ее спросят про искусство Даэдры? Останется ли это единственным свидетельством, что я вообще здесь была?

— Пора закругляться, — сказала Тлен. — Мы

въезжаем в их протокол.

Сперва тихо, потом чуть громче зазвучали шепотки фей — полицейских диспетчеров перед домом Аэлиты.

Глава 113

Надувной замок

Митикоида со светящимся жезлом направила их ЗИЛ к краю тротуара, позади чего-то вроде трехосного «бентли», но цвета развуалированного автомобиля Лоубир. Двое бритоголовых гостей — мужчина и женщина, — с маорийскими татуировками на лицах, как раз вылезли из графитового утюга и зашли в надувное сооружение, похожее на мрачный замок-батут — явно не стандартный элемент архитектуры «Парадиза» или любого другого шарда. Надо полагать, там стояли всевозможные сканнеры. Встречающий персонал составляли исключительно митикоиды в серой форме со смутным намеком на военную. Недертон вспомнил телохранительницу в мобиле, выпустившую оружие перед прыжком, и слова Рейни, что они бегали по острову, как пауки.

Тлен и Коннер, как по команде, открыли свои дверцы — такие массивные, что наверняка сработал сервопривод, хоть и бесшумно, — и вылезли наружу. Так же одновременно Тлен открыла пассажирскую дверцу со стороны Недертона, а

Коннер — со стороны Флинн.

Не думая, Недертон нагнулся к Флинн и стиснул ей руку. «Мы будем врать как дышим», — произнес он непонятно откуда всплывшую фразу. Она испуганно улыбнулась, и они вышли по разные стороны от машины. Воздух, сырой и неожиданно холодный, бодрил. Митикоида просканировала Коннера несветящимся жезлом, другая сделала то же самое с Тлен. Недертону и Флинн указали на серый надувной замок. Чувство было такое, будто им предстоит пройти под ногами у исполинского игрушечного слона.

Следующие минут пятнадцать их сканировали и ощупывали в разных малоприятных автоматизированных порталах. Здесь действовало какое-то поле, приводящее сознание в умеренно диссоциативное состояние. Наконец за последней рамкой им предстала скорбная митикоида в старинном кимоно:

— Спасибо, что почтили своим присутствием праздник светлой памяти Аэлиты Уэст. Ваш личный телохранитель пройдет через другой вход и будет ждать вас на месте. Ваш лифт — третий слева.

— Спасибо, — ответил Недертон, беря периферал за руку.

Татуированной пары видно не было, как, впрочем, и вообще никого. Своей неуютной пустотой вестибюль напоминал голосовую почту Даэдры.

— Праздник светлой памяти? — спросила Флинн, пока он вел ее к лифту.

— Так она сказала.

— Родители Байрона Берхардта устраивали такой.

— Чьи?

— Байрона Берхардта. Он был менеджером в «Кофе-Джонсе». Его задавила самоходная фура, в Валентинов день. Я еще перед этим на него злилась, что он меня уволил. Так что мне было стыдно, но я все равно пошла.

— Они, видимо, приняли факт, что ее больше нет.

— Не понимаю, как они могут быть в этом уверены. Но лучше бы нас предупредили заранее. Мы бы хоть цветы принесли.

— Даэдра и словом не намекнула. Видимо, так было задумано.

— Похороны нежданчиком? У вас так принято?

— Я сталкиваюсь первый раз.

— Пятьдесят шестой, — сказала она, указывая на панель.

Недертон нажал кнопку. Открылась дверь лиф-

та и, как только они вошли, снова закрылась. Подъем был быстрым, бесшумным, и от него самую чуточку мутило. Обнадеживало одно: на таких приемах всегда подают выпивку.

Глава 114

Праздник светлой памяти

На выходе из лифта Флинн увидела между двумя группами людей в черном тот самый изгиб реки далеко внизу, который когда-то заметила из коптера. Все окна были прозрачны, все внутренние стены убраны. Будто их никогда и не было. Одно большое пространство, как в галерее у Льва. Коннер стоял у лифта, внимательно примечая все вокруг. Он полностью вошел в роль, и Флинн подумалось, что Коннер теперь снова такой, каким был до взрыва, или чем там его изувечило. Не улыбка — телохранители не улыбаются, — но что-то очень похожее играло на его губах.

— Спуститься или подняться можно только на этом лифте, — сказал он. — Есть лестница на этаж ниже и на этаж выше. Много серьезных бугаев. Охрана, как я. И бугаих. Типа съезд братков в городе из одних богатеньких.

— Я впервые вижу здесь столько людей, — заметила Флинн.

Тут в каждой косточке периферали что-то загудело. «Проверяю связь, — сказал неописуемо

мерзкий голос, даже не голос, а модулированная боль, но Флинн знала, что это Лоубир. — Подтверди».

Двойной щелчок крохотным магнитом на языке по левой передней части нёба.

«Хорошо, — отозвались кости. — Пройдитесь по залу. Скажи Уилфу».

— Давай пройдемся, — предложила она.

Мимо них как раз стремительно двигалась большая группа татуированных новозеландцев. «Та-моко», вспомнила Флинн из «Чудес науки». Строго говоря, не татуировка. Борозды в коже. Главной у них, видимо, была блондинка с профилем, как боевое каное. Решительно не возникало впечатления, что они пришли в гости или на какой-либо праздник, даже на праздник светлой памяти. Что-то странное случилось с лицом блондинки, когда та оказалась напротив Флинн: чуть заметное заикание видеокартинки. Артефакты в поле зрения; Лоубир как-то о них упоминала.

— Держись на расстоянии минимум два метра, — сказал Уилф Коннеру. — Когда мы разговариваем, увеличивай его до четырех.

— Я дрессированный, — ответил Коннер. — Она заставила меня учиться на виртуальном коронационном балу в Испании. Тут, блин, по

сравнению просто тусовка на летнем отдыхе.

Подошла митикоида с бокалами светло-желтого вина на подносе.

— Нет, спасибо, — сказала Флинн.

Уилф с улыбкой потянулся к бокалу и вдруг замер. Как Бертон от гаптического глюка. Рука изменила курс — к стакану с шипучей водой ближе к краю подноса. Уилф скривился, взял воду и сказал:

— Идем.

— Куда?

— Сюда, Анни. — Он, держа стакан у груди, взял Флинн под руку и повел к центру зала, прочь от окон.

Она вспомнила, как много времени требовалось на облет этажа. Интересно, здесь ли стрекозки и что они такое на самом деле.

Почти в самом центре зала стоял квадратный черный экран от пола до потолка, люди вокруг разговаривали, держали бокалы. Больше всего это походило на исполинскую версию плоского дисплея на столе Уилфа в их первую встречу. Уилф шел уверенно, будто знает куда, хотя Флинн понимала, что это чистой воды притворство. Сейчас, под немного другим углом, она увидела, что экран не совсем черный: на нем смутно уга-

дывалось женское лицо.

— Что это? — Она кивнула в сторону экрана.

— Аэлита.

— У вас так принято?

— Я никогда прежде не видел. И… — Он не договорил. — А вот и Даэдра.

Даэдра оказалась ниже, чем ожидала Флинн. Примерно как Такома. И еще она была чисто из видео или из рекламы. У себя в городе увидеть кого-нибудь такого — уже событие. У Пиккета это отчасти проглядывало — где-то набрался, хотя вряд ли специально. И у Брента тоже, в мужском варианте, из Майами или откуда еще, а будь у него жена, она бы выглядела примерно так же. Даэдра была такая с ног до головы плюс татуировки: черные спирали на ключицах, над вырезом черного платья. Флинн поймала себя на том, что ждет, когда они зашевелятся. Хотя, наверное, будь они движущиеся, Уилф бы про это упомянул.

— Анни, — произнес Уилф, — ты уже встречалась с Даэдрой в «Коннахте». Знаю, ты этого не ждала, но я рассказал про твое восприятие ее искусства, и она очень заинтересовалась.

— Неопримитивисты, — проговорила Даэдра так, будто слово ей противно. Ее взгляд, устремленный на Флинн, выражал полное рав-

нодушие. — Что вы с ними делаете?

Что там говорили про имплант? Ему нужен прямой вопрос про искусство Даэдры, чтобы включиться и нести пургу? Видимо, да.

— Я их изучаю, — ответила Флинн, судорожно вспоминая желтые корешки «Нейшнл географиков» и «Чудеса науки». — Изучаю, что они изготавливают.

— И что же они изготавливают?

Флинн вспомнила только Карлоса и ребят с их поделками из кайдекса.

— Чехлы, ножны. Украшения.

Украшений ребята не делали, но без разницы.

— И как это связано с моим творчеством?

— Попытки охватить реальность вне рамок гегемонии, — сказал имплант. — Другой. Героически. Неукротимое любопытство, одухотворенное вашей имманентной человечностью. Вашим гуманизмом. — Флинн чувствовала, что у нее глаза лезут из орбит. Она выдавила улыбку.

Даэдра глянула на Уилфа:

— Моим гуманизмом?

— Именно, — сказал Уилф. — Анни считает твой имманентный гуманизм наименее ценимой частью твоего творчества. Ее анализ направлен на устранение этого противоречия. Доводы, ко-

торые она приводит, буквально раскрыли мне глаза.

— Вот как, — проговорила Даэдра, глядя на него.

— Анни очень робеет в твоем присутствии. Твое творчество для нее — все.

— Вот как?

— Я так счастлива вас увидеть, — сказала Флинн. — Снова.

— Периферали нисколько на вас не похожа, — заметила Даэдра. — Вы в мобиле на пути в Бразилию?

— Анни сейчас должна медитировать, но она манкировала сеансом, чтобы попасть сюда. Неоприемы, которые согласились ее принять, требуют, чтобы гости удалили все импланты. Редкая самоотверженность с ее стороны.

— Кто это? — по-прежнему глядя на нее.

— Не знаю, — ответила Флинн.

— Прокатка, — сказал Уилф. — Я нашел ее через «Синдром самозванца».

— Я очень сожалею насчет вашей сестры, — промямлила Флинн. — Узнала про нее только здесь. Какое печальное событие.

— Отец до вчерашнего полудня воздерживался от окончательных заявлений, — сказала Даэдра

без тени печали.

— Он здесь? — спросила Флинн.

— В Балтиморе, — ответила Даэдра. — Он не путешествует.

И тут из толпы за ее спиной вышел мужчина с балкона. Не в коричневом халате, а в черном костюме. Темная бородка чуть отросла, подстрижена. Улыбка.

— Черт, — прошептала Флинн.

Глаза у Даэдры сузились.

— В чем дело?

Щелчок языком по нёбу. Дерганье кадров вокруг мужчины.

— Извините, — сказала Флинн. — Я такая бестактная. Вы моя любимейшая художница. У меня прямо дыхание сперло. Да еще спросить вас про отца, когда вы только что потеряли сестру…

Даэдра смотрела на нее, но обратилась к Уилфу:

— Я думала, она англичанка.

— Бразильские неопримы, к которым едет Анни, — американцы. Она вживается в образ.

Мужчина с балкона прошел мимо, не глянув в их сторону, и Флинн подумала: как можно не обернуться на Даэдру?

— Я вижу, мы пришли не вовремя, — сказал

Уилф. Он не мог знать, что Флинн опознала убийцу (эх, надо было договориться об условном сигнале!), и просто блефовал. — По крайней мере, вы возобновили знакомство…

— Спустимся на этаж, — распорядилась Даэдра. — Там удобнее беседовать.

«Иди с ней», — сказал костяной голос. В сравнении с этим скрежетом вести ногтями по школьной доске — все равно что гладить котенка.

— Сюда. — Даэдра повела их к окну с видом на реку, мимо невысокой перегородки и вниз по белой каменной лестнице.

Обернувшись, Флинн увидела Коннера. Он шел за ними в сопровождении двух фарфоровых рободевушек с неотличимыми безглазыми лицами. Обе были в свободных черных туниках и черных облегающих брюках. Под штанинами, застегнутыми снизу на молнию, виднелись босые белые ноги без пальцев. Минуту назад обе рободевушки стояли в начале лестницы, видимо охраняя выход. Уилф шел рядом с Флинн, держа в руке стакан воды, к которому, кажется, даже не притронулся.

Этаж внизу больше походил на то, что она видела из квадрокоптера. Что-то вроде более современной версии первого этажа у Льва: много

комнат в разных направлениях. Даэдра провела их в помещение с видом на реку, однако окна сразу поляризовались. Здесь стояла еще одна Даэдра, в таком же платье. Она вроде бы увидела их, но никак не отреагировала. В кресле — по виду ужасно неудобном, хотя наверняка так только казалось — сидела брюнетка в спортивном костюме. Она держала в руках несколько листов бумаги и при виде вошедших подняла голову.

— Приступаешь через десять минут, — сказала ей Даэдра.

— Это ваша периферал? — спросила Флинн, глядя на другую Даэдру.

— А что, не похожа? — спросила Даэдра. — Она говорит за меня речи. Вернее, говорит Мэри. Она — актриса-имитатор.

Мэри встала.

— Уведи ее куда-нибудь, — потребовала Даэдра. — Нам надо поговорить.

Мэри взяла Даэдру-периферал за руку и повела прочь. Флинн провожала ее взглядом, чувствуя странную неловкость.

— Ты считаешь, что здесь тебе ничто не грозит, — сказала Даэдра.

— Да, — ответила Флинн единственное, что пришло в голову.

— А зря. Где бы ты ни была, ты позволила этому идиоту привести себя сюда. — Она глянула на Уилфа.

Тот с болезненным выражением лица поставил стакан на ближайший столик.

— Демонтировать, — распорядилась Даэдра, указывая на Коннера.

Приказ, видимо, относился к двум рободевушкам. Флинн не успела толком заметить, как одна из них оказалась на потолке: на корточках, вниз головой. Руки у нее удлинились и стали как у богомола.

Коннер улыбнулся… и тут же исчез за черной стеной, которая возникла вокруг Флинн, Уилфа, Даэдры. Не выросла, а именно возникла, будто всегда здесь была. Флинн подняла руку периферали и постучала по стене костяшками пальцев. Больно.

— Она настоящая, — сказала Даэдра. — А тот, кто управлял твоим телохранителем, уже там, откуда вы взялись, говорит тем, кто вас послал, что твое дело плохо.

Флинн подумала, что так и есть: если девушки уничтожили пери Коннера, он сейчас очнулся в «Сольветре», рядом с Бертоном.

— Только он не знает, насколько плохо, — за-

кончила Даэдра.

И тут сквозь стену шагнул человек с балкона. Прошел насквозь, будто ее нет или будто его тело и стена могут занимать одно пространство в одно время.

— Как ты это сделал? — спросила Флинн, потому что не могла увидеть такое и не спросить.

— Ассемблеры, — ответил он. — Так мы здесь живем. Мы — протеи. — И он улыбнулся.

— Протеины?

— Не имеем жесткой формы. — Он в качестве демонстрации махнул рукой сквозь стену. Затем подошел к другой стороне, за которой остался Коннер, просунул голову наружу и тут же выдернул обратно. — Пришли им подмогу, — сказал он Даэдре.

— Я не могу шевельнуться, — пожаловался Недертон.

— Разумеется, — сказал мужчина, потом глянул на Флинн. — Она тоже.

И он был прав.

Еще две рободевушки выбежали из стены там, где вошел мужчина, и скрылись с той стороны, куда он просовывал голову.

Глава 115

Диссоциативное состояние

Видимо, включили некое поле, как при проверке на входе, думал Недертон в лифте. Что-то вызывающее диссоциативное состояние. Неплохая замена алкоголю, так что грех жаловаться.

Однако было и что-то еще, сковывающее свободу движений. Недертон мог двигать глазами, идти, куда говорят Даэдра и ее приятель, встать, где они скажут, но не мог, например, поднять руку или — он проверил — сжать кулак. Впрочем, ему не то чтобы особо хотелось сжать кулаки.

Дверь лифта открылась прямо в круглой стене. Это сколько ж нужно ассемблеров? Недертону смутно помнилось, что есть ограничения, но, видимо, на Даэдру они не распространялись. А может, она ими пренебрегла.

С Флинн, по-видимому, было что-то похожее. Ее периферaль вела себя так, будто Флинн в ней нет.

Лифт остановился на первом этаже.

— На выход, — сказала Даэдра и толкнула его в спину.

Через вестибюль приятель Даэдры шел первым, и, когда он глянул влево, Недертон помимо воли глянул туда же. Затем оба вновь посмотрели вперед через стекло, туда, где был серый надувной замок. Теперь замок исчез, на его месте ждал черный автомобиль, покороче ЗИЛа. Митикоиды из замка, в серой форме, выстроились коридором, лицом друг к другу. Когда стеклянные двери со вздохом распахнулись и Недертон шагнул между двумя рядами почетного караула, сердце у него на миг зашлось от такой праздничной торжественности.

На полпути к машине он услышал или, возможно, почувствовал одну протяжную басовую ноту, откуда-то сверху. Приятель Даэдры, очевидно, услышал тот же звук и припустил бегом к открывшимся задним дверцам машины. Недертон, разумеется, тоже побежал. Через метель сверкающего конфетти из битого стекла, чуть золотистого, мягкого, как стружка, и настолько же безвредного.

Что-то белое, круглое и гладкое ударилось о мостовую за автомобилем и подпрыгнуло высоко над ним.

Голова митикоиды.

Затем белая рука, согнутая в локте, царапнула

когтями по крыше автомобиля, напомнив Недертону застывший силуэт, который они с Рейни видели в трансляции с острова мусорщиков.

Кто-то — наверное, приятель Даэдры — грубо втолкнул его в перламутрово-серый салон. И заорал диким голосом, совсем близко, в брызнувшем фонтане крови.

Глава 116

«Бомбочка»

Летом они всей компанией ходили на городской пруд за управой шерифа и городской тюрьмой. Бертон и Коннер прыгали с трамплина «бомбочкой»: прижимали колени к подбородку, обхватывали ноги руками и врезались в воду, а когда выныривали, ребята кричали «ура!», а Леон иногда плюхался с того же трамплина пузом, с понтом: они напрягаются, а он — нет.

Об этом Флинн вспомнила сейчас, когда Даэдра вскинула голову на жуткий звук и Флинн тоже вскинула, из-за того непонятного, что заставляло ее обезьянничать. Артефакты видеокартинки, шлейфом за перифералью Коннера в черном костюме, «бомбочкой» летящей на мужика с балкона. Удар пришелся по митикоиде, которая заталкивала его в машину. Кровь точно в садистском аниме — митикоида и периферальный Коннера взорвались, как жуки на лобовом стекле, в двух футах от Флинн.

Даэдра схватила ее за шкирку и втащила в машину, изо всех сил лягнув в щиколотку, навер-

няка просто от злости. Мужик с балкона выл от боли, обнимая правую руку, весь в крови — Флинн не знала в чьей. Другая митикоида закрыла за ним дверь.

— В Ньюгейт! — скомандовала Даэдра, перекрывая его рыдания, и автомобиль тронулся.

Глава 117

Гранит, утыканный шипами

Одна из двух митикоид лечила бородатого, приложив к его правому плечу «медичи», — устройство вздувалось и опадало, окутав всю руку, в желтоватой жидкости клубилась кровь. Глаза у мужчины были закрыты, лицо безмятежно, и Недертон завидовал его диссоциативному состоянию.

Сам он, напротив, воспринимал реальность чересчур живо, прежняя оглушенность исчезла разом, возможно в тот момент, когда периферали Пенске обрушилась на мужчину. Либо диссоциативное поле распространялось только на «Парадиз», от которого они отъехали уже довольно далеко. Так или иначе, одновременно он перестал копировать движения мужчины, то есть, наверное, перестал, судя по тому, что не закрыл глаза вместе с ним.

Недертон повернулся и глянул на Флинн. Она сидела рядом с ним на широком заднем сиденье и очень явственно присутствовала в своей периферали. На щеке у нее была кровь Пенске, точнее,

его разбившейся пери. Кровь была и на платье, почти невидимая на черной ткани. Флинн глянула на него как-то странно. Недертон не понял, что она хотела этим сказать. Если хотела.

Митикоида, сидящая на корточках перед бородатым, убрала «медичи». Тот съежился, желтоватая жидкость потемнела. Уборщики — обычные бежевые шестиугольники — ползали по ковру на полу салона, отчищая кровь. Даэдра и бородатый сидели на противоположных концах длинного переднего сиденья, против хода движения; вторая митикоида между ними следила за Недертоном и Флинн, выпустив для этого еще несколько пар черных паучьих глаз. Ее руки вытянулись в длину, кисти приняли форму белых фарфоровых лезвий, наподобие заостренных лопаточек для торта, пугающих в своем изяществе.

Даэдра перевела взгляд с бородатого на Недертона:

— Знала бы, сколько от тебя будет неприятностей, сама бы тебя убила при первой встрече.

Ему еще не случалось отвечать на такие слова. Он молчал, пытаясь сохранять выражение лица — хотелось верить, что нейтральное.

— Жаль, что не убила, — продолжала Даэдра. — Знай я больше про твой кретинский подарок, про

срез, в жизни бы его не приняла. Но ты знаком с Зубовыми, по крайней мере с их младшим сыном-идиотиком, и я решила, что полезно будет завязать контакт. И с Аэлитой тогда еще проблем не было.

— Молчи, — сказал бородатый, открывая глаза. — Здесь могут подслушать. Скоро приедем, там и говори что хочешь.

Даэдра нахмурилась, недовольная, что ей указывают.

— Тебе лучше? — спросила она.

— Значительно. Сломана ключица и три ребра, легкое сотрясение. — Он глянул на Недертона. — Вот подожди, приедем, устроим тебе то же самое. Для начала.

Окно деполяризовалось, — видимо, это сделал бородатый. Машина свернула в Чипсайд, и Недертон чуть не крикнул: «Эй, тут косплейная зона, сюда нельзя заезжать!» И тут он заметил, что улицы опустели. Ни телег, ни кебов, ни двуколок, ни лошадей. Автомобиль ехал на запад, мимо лавок с шалями и перьями, духами и серебром — тех самых, мимо которых он в детстве гулял с матерью, украдкой фотографируя волшебство живописных вывесок. Интересно, где теперь эти снимки? Вместо обычной вечерней толпы на

тротуарах виднелись лишь одинокие пешеходы, растерянные и напуганные. До Недертона внезапно дошло, что это люди. Они не получили сигнал, отправленный перифералям под управлением облачных ИИ, — перифералям, что разыгрывали жизнь кебменов, портных-кустарей, праздных джентльменов и уличных мальчишек. При виде машины пешеходы прятали глаза, как в Ковент-Гардене, когда Лоубир достала приставский жезл.

— Здесь пусто, — заметила Флинн. В голосе удивленное разочарование, ничего больше.

Недертон нагнулся вбок и заглянул за высокую спинку переднего сиденья. В лобовом стекле высилась мрачная громада Ньюгейта. Он лишь раз дошел сюда с матерью, и она почти сразу повернула обратно — уж больно тягостно было смотреть на усаженные шипами гранитные стены.

Здесь, объяснила она, в западных воротах Сити более тысячи лет стояла тюрьма. В 1902-м, в начале странно оптимистичной эпохи до джекпота, этот мрачный символ снесли, а за несколько лет до рождения Уилфа восстановили с помощью ассемблеров. Клептархи (мама никогда не произносила этого слова вслух, по крайней мере при нем) сочли разумным и правильным вернуть

Ньюгейтской тюрьме ее историческое место.

Перед ним была та самая окованная дубовая дверь, вся в железных бляхах, на которую он смотрел мальчиком. Мама сказала, эта дверь в свое время напугала маленького Диккенса, но он не знал, кто такой Диккенс, и услышал «напугала дико».

Тогда, маленького, она напугала его дико. Сейчас, взрослого, тоже.

Глава 118

Мужик с балкона

Это был не Коннер. Не Коннер. Периферал. Вещь, принадлежащая брату Льва. Павел. Уилф называл ее Павлом. И еще учителем танцев. И Коннер действовал сознательно. С ним все хорошо. Лежит сейчас на белой кровати рядом с Бертоном и кроет себя последними словами, что промахнулся. И все равно ведь с пятьдесят шестого этажа отвесно попал почти в цель. Уж точно метил он не в рободевушку.

Флинн знала, что все видела, могла бы пересказать события, но вот как видела — не помнила. Наверное, это было то же, что в надувной палатке, где их прогоняли через рамки. Типа наркоза перед операцией. Вроде не спишь, но ничего не помнишь.

А теперь они еще и разогнали свой Чипсайд.

Уилф тянул шею, разглядывая что-то впереди. Теперь и она это увидела. Как раздавленный каменный ананас в черных железных шипах. Явно строился, чтобы напугать людей до потери пульса. Странно, что в «Нейшнл географиках» ни разу

не было фотки. Должно быть, дико популярное туристское место.

Тут дверцы машины одновременно открылись, и рободевушки вывели их с Уилфом наружу, держа, чтобы не попытались убежать.

Никто их не встречал. Вообще никого больше не было, только она, Уилф, Даэдра, мужик с балкона и две рободевушки. Лица у обеих были забрызганы кровью периферали — будто роботская кожная болезнь. Одна держала за локоть Флинн, другая — Уилфа.

Через ворота, напомнившие ей баптистское аниме про ад. Бертону и Леону понравились там падшие женщины, они сказали, классные телки.

В холод и полумрак. Решетки на дверях, выкрашенные белой краской, из-под которой проступала ржавчина. Плиты на полу, как дорожки в каком-то неправильном саду. Тусклые лампы, словно глаза огромных больных животных. Крохотные окошки, темные, будто сразу за ними стена. По узкой каменной лестнице, цепочкой. Флинн вспомнилось начало одного эпизода в «Чудесах науки», когда исследователи паранормальных явлений отправились в такое место, где люди много страдали и умирали. А может, просто такой ужасный фэншуй, который втягивает

дурную энергетику, как черная дыра. Хотя, судя по виду, скорее все-таки страдали и умирали.

В конце лестницы Флинн обернулась на рободевушку и увидела, что та выпустила по щекам еще пару паучьих глаз, чтобы внимательнее за ней следить. И Даэдра, и мужик с балкона молчали. У Даэдры лицо было такое, будто ей до смерти скучно. Они миновали открытый двор под догорающим ненастным небом и вошли во что-то вроде узкого доисторического меговского атриума: четыре этажа камер, свод из маленьких стеклянных окошек в металлическом переплете. Там, где они шли, загорался свет — узкие полосы под решетками в дверях камер. Флинн догадывалась, что все это современное. Рободевушки подвели их к двум беленым каменным креслам — совсем простым, как из детских кубиков, только гораздо больше, — и усадили. Лицом в одну сторону, на расстоянии примерно шесть футов друг от друга. Что-то жесткое коснулось запястий, и Флинн, опустив глаза, увидела, что прикована к каменным подлокотникам ржавыми железными наручниками, отполированными до бурого там, где соприкасаются с руками, будто они тут уже сто лет. От этого у нее возникло чувство, что сейчас войдет Пиккет. После всего, что произошло,

она бы нисколько не удивилась.

Сквозь ткань платья камень был очень холодным.

— Мы кое-кого ждем. — Мужик с балкона обращался к ней. Он, видимо, вполне оправился от того, что хотел сделать с ним Коннер. По крайней мере физически.

— Зачем? — спросила она, не рассчитывая на ответ.

— Он хочет видеть, как ты умрешь, — сказал мужик с балкона, внимательно наблюдая за ее лицом. — Не твоя периферал. Ты. И очень скоро. Там, где ты сейчас, в собственном теле, при атаке дронов. Ваша штаб-квартира окружена правительственными силами безопасности. Атака начнется с минуты на минуту.

— Кто он? — спросила Флинн. Ничего другого ей в голову не пришло.

— Лондонский поминарий, — ответила Даэдра. — Он вынужден был задержаться, чтобы выслушать мое похвальное слово.

— Кому?

— Аэлите, — сказала Даэдра.

Флинн вспомнила периферал и смущенную актрису.

— Вам не удалось сорвать наш праздник, если

такова была ваша цель, — продолжала Даэдра.

— Мы просто хотели вас увидеть.

— Правда? — Даэдра шагнула ближе.

Флинн перевела взгляд с нее на мужчину и будто вновь оказалась перед балконом пятьдесят седьмого этажа, когда этот гад поцеловал женщину в ушко. «Сюрприз», — сказал он. Точно сказал. И Флинн увидела, как голова эсэсовца разлетается от выстрела — кровавый туман вперемешку с горизонтально летящим снегом. Только это все были пиксели, не настоящая Франция. Мужик с балкона смотрел на нее так, будто они одни в целом свете и для него нет ничего важнее. И он не был каким-то там флоридским бухгалтером.

«Сохраняй спокойствие», — проскрежетало в костях — не голос, а ветер над холодным сухим кряжем. Флинн передернуло.

Мужик улыбнулся, думая, что напугал ее своим взглядом.

Флинн глянула на Уилфа, не зная, что сказать, потом снова на чувака с балкона.

— Тебе не обязательно убивать всех, — сказала она.

— Вот как? — Ее слова его явно позабавили.

— Все дело во мне. Я видела, как ты запер ее на балконе.

— Именно.

— Больше никто не видел.

Он поднял брови.

— Допустим, я вернусь. Выйду наружу, на парковку. Тогда тебе незачем будет убивать всех.

Он, видимо, удивился. Нахмурился, как будто обдумывает предложение. Поднял брови и с улыбкой сказал:

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты у нас в руках. Там и здесь. Скоро тебя убьют, и очень дорогая игрушка, в которой ты сейчас, останется мне на память об этом нелепом эпизоде.

— Ты — грязный подонок, — сказал Уилф. Не сердито, а так, будто только сейчас это понял и удивляется своему открытию.

— Ты забываешь, что присутствуешь здесь не виртуально, — бодро сказал мужчина Уилфу. — В отличие от своей подружки, ты можешь умереть здесь. И умрешь. Я оставлю тебя с этими устройствами, поручив им избить тебя почти до смерти, вылечить с помощью «медичи», избить снова. Откачать. И так столько раз, сколько получится.

Флинн видела, как Уилф невольно покосился на рободевушек. И как те выпустили еще по два

паучьих глаза, глядя на него в упор.

Глава 119

Сэр Генри

Недертон решил, что не надо смотреть на митикоид, и чуть шевельнул руками в железных наручниках, которые выглядели так, будто ввинчены в гранитные подлокотники несколько столетий назад, хотя он не сомневался, что они сделаны ассемблерами и что ассемблеры на время придали им гибкость, чтобы обхватить его запястья. Однако в данную минуту наручники были совершенно твердые.

Бородатый только что пообещал, что митикоиды изобьют его почти до смерти, а он думает про ассемблеры и про новодел. Может быть, нашел свое диссоциативное состояние. А может, у него сейчас начнется истерика. Недертон глянул на Даэдру. Она посмотрела на него в ответ, словно не видя, затем подняла глаза к стеклянному потолку четырьмя этажами выше. И зевнула. Просто зевнула, не демонстративно. Недертон тоже глянул на потолок и вспомнил платье, которое было на Тлен, как сейчас казалось, годы назад. Из нынешней ситуации Тлен виделась на удивление

нормальной. Обычная соседская девушка.

— Очень надеюсь, Хамед, что у тебя все окончательно готово, — произнес благозвучный, но несколько усталый голос.

Недертон, опустив взгляд, увидел выходящего с лестницы высокого, очень крепкого старика в полном чипсайдском косплее: длинном плаще с пелериной и с цилиндром в руках.

— Новозеландцы, на мой взгляд, слегка пережали, — заметил бородатый.

— Добрый вечер, Даэдра, — сказал незнакомец. — Ты говорила прекрасно. Твой рассказ об усопшей растрогал меня почти до слез.

— Спасибо, сэр Генри, — ответила Даэдра.

— Сэр Генри Фишбурн, — выпалил Недертон, вспомнив, как зовут поминария Сити, и тут же пожалел о своих словах.

Поминарий уставился на него.

— Представлять не буду, — сказал бородатый.

— Разумеется, — ответил поминарий и повернулся к Флинн. — А это, как я понимаю, та молодая особа, о которой шла речь, пусть и присутствующая виртуально.

— Да, — ответил мужчина.

— Какая-то она помятая, Хамед, — заметил поминарий. — У нас у всех был трудный день. Мне

надо торопиться. И я должен иметь возможность подтвердить нашим инвесторам, что все благополучно завершилось.

— Вы — аль-Хабиб, — сказал Недертон бородатому, все еще не вполне в это веря. — Главный мусорщик.

Поминарий глянул на него:

— Этот субъект мне совершенно не нравится. Боюсь, Хамед, вы отнеслись к своим сегодняшним обязанностям несколько халатно.

— Его я тоже убью.

Поминарий вздохнул:

— Извините мое нетерпение, я сильно утомился. — Он глянул на Даэдру. — Только что мило поболтал с твоим отцом. Очень приятный собеседник.

— Если вы можете выглядеть как главный мусорщик, а можете — как сейчас, почему просто не сменили внешность, когда стало ясно, что вас видели? — спросил Недертон бородатого.

— Брендинг, — ответил тот. — Инвестиции в личность. Я представляю продукт. Инвесторы меня знают. — Он улыбнулся.

— Какой продукт?

— Монетизация созданного мною острова.

— А разве он не принадлежит и мусорщикам

тоже?

Глаза Хамеда аль-Хабиба задорно блеснули.

— У них есть эндемичные заболевания, — проговорил он с улыбкой, — о которых они пока не подозревают.

Глава 120

Куб Веспасиана

«Участие сэра Генри меня изумляет, — проскрипел в костях голос Лоубир, словно говорящая мигрень во всем теле. — Видимо, у него были тщательно скрываемые неуспехи в делах. Так оно обычно и бывает».

— Как «так»? — спросила Флинн, забыв, что они не одни и что ей в любом случае нельзя отвечать Лоубир.

— Что? — встрепенулся аль-Хабиб.

Легкая теплота в запястьях. Флинн опустила взгляд и увидела, что железные наручники рассыпаются, будто спрессованы из сухого бурого талька. Гранит под правой рукой тоже превратился в тальк и дымком клубился между пальцами. А из бывшего подлокотника лезло что-то твердое и гладкое. Леденцовый пистолет. Рукоятка в форме попугаичьей головы настойчиво вжималась в ладонь.

— Пора кончать, — сказал мужик с балкона старику с цилиндром, будто что-то почуяв, и Флинн поняла, что речь об атаке дронов на «Сольвет-

ру». — Отдайте приказ своим людям.

— Сюрприз! — сказала Флинн, и вот она снова у Дженис на диване, накачанная Бертоновым «будильником». Только сейчас она стояла, держа пистолет, и белая пимпочка спуска вроде бы даже нажалась. Ни звука. Ничего не происходило.

Тут у мужика с балкона отвалилась голова, каким-то образом мгновенно превратившись в череп, совершенно сухой и бурый, какой есть почти в каждом номере «Нейшнл географика», потом торс под одеждой осел, гремя костями, колени подломились, и секунду в поле зрения Флинн оставались только его руки, совершенно не затронутые тем, что произошло с остальным. Она глянула на пистолет — дуло блестело, словно облизанный леденец, — потом на бурый череп, откатившийся от тела на полу. Видимо, кровь остается внутри, подумала Флинн и вспомнила свежий печеночный срез кирпича на Оксфорд-стрит-променаде. Из черного костюма палкой торчала бурая кость.

«Вот и хорошо, что юридически ты тут не существуешь, — прошумело внутри. — Смерть от несчастного случая».

Рободевушки двинулись к Флинн, но беленая стена справа задымилась, большой квадрат

гранита выпал в клубах пыли, и из черного отверстия вылетел огромный куб. Веселенького красного цвета, как из детского набора, только гораздо больше. Он с керамическим хрустом расплющил рободевушек о противоположную стену и завис, подрагивая в нескольких футах от пола, как приклеенный. Внутри что-то тихо рокотало, будто вдалеке заводятся сразу несколько мотоциклов. Затем он отскочил от стены, перевернулся в полете — осколки митикоид посыпались на пол, — беззвучно приземлился на вершину и остался стоять так, на весу, красный, невозможный.

— Охрана, — тихо сказал старик с цилиндром. — Красный, красный.

Он кого-то предупреждает о красном кубе?

Краем глаза Флинн заметила, что Уилф, чьи наручники тоже рассыпались в пыль, пытается встать.

— Сядь нахер, Уилф! — рявкнула она.

Он послушно сел.

— Привет, Генри, — донесся с лестницы приятный мужской голос. — Извини, что взломал твою машину.

Из-под арки выступил экзоскелет и остановился, будто смотрит на старика с цилиндром,

только у него не было глаз, видимых. Хотя, может быть, смотрел гомункул из банки на массивных плечах.

— Красный, — тихо повторил старик.

— Извини, что убил твоего водителя и охранников, — продолжал рекламный голос, словно оправдываясь, что в магазине нет двухпроцентного молока.

Куб слегка крутанулся на вершине. Появилась Лоубир в квадратной панели почти на всю грань.

— Вам будет неприятно узнать, сэр Генри, — произнесла она своим голосом, не скрежетом в костях, — что в должности вас сменит давний соперник и заклятый враг Марчмонт-Семенов. Пост поминария сопряжен с множеством неловких моментов, однако мне до последнего времени казалось, что вы неплохо справляетесь.

Высокий старик молчал.

— Торговля недвижимостью и строительные проекты с извлечением ресурсов? — спросила Лоубир. — И ради этого вы сочли возможным пойти на сделку с такими, как аль-Хабиб?

Высокий старик снова не ответил.

Лоубир вздохнула.

— Бертон, — сказала она с легким кивком.

Экзоскелет поднял обе руки. Теперь на них были черные роботские перчатки: то ли вместо жутких человеческих, то ли поверх. На правом запястье распахнулась дверца, из нее выскочил леденцовый пистолет. Из второй дверцы, чуть побольше, на правом запястье, выглянул жезл Лоубир — золото и слоновая кость. Выглянул и тут же вдвинулся обратно. Бертон лучше умел целиться, так что высокий старик мгновенно обратился в скелет, пустая одежда с грохотом рухнула на пол, цилиндр покатился по кругу.

— Так кого еще мне надо нахер пришить, — сказала Флинн, демонстрируя, что у нее в руке тоже есть леденцовый пистолет, — чтобы кто-нибудь что-нибудь нахер сделал там, в срезе, и не дал безовским дронам нас всех нахер убить?

— Смерть сэра Генри лишила ваших конкурентов преимуществ, которые обеспечиваем вам мы со Львом. Я взяла на себя смелость осуществить это сразу, как сэр Генри сюда вошел, исходя из допущения, что он будет признан виновным. В итоге баланс власти сместился и силы внутренней безопасности получили приказ отступить.

— Блин, кого еще нам для этого пришлось купить?

— Значительную долю в родительской кор-

порации «Меги», как я поняла, — ответила Лоубир. — Впрочем, я еще не вникала в подробности.

— Мы купили «Мегу»? — ошалело переспросила Флинн. Это было все равно что купить Луну.

— Значительную ее долю, да.

— Можно мне встать? — спросил Уилф.

— Я хочу уехать домой, — объявила Даэдра.

— Ничуть не удивляюсь, — заметила Лоубир.

— Мой папа будет очень вами недоволен, — сказала Даэдра.

— Должна с прискорбием доложить, что знаю твоего папу очень давно, — ответила Лоубир.

Вошла Тлен в шоферской форме, за ней Оссиан в черной кожанке, с пистолетным ящиком под мышкой. Он сбоку подошел к Флинн, не сводя глаз с леденцового дула и следя, чтобы не оказаться на его линии, поставил футляр на гранитный подлокотник, открыл, взял у Флинн пистолет, аккуратно уложил в фетровое гнездо и закрыл крышку.

— До свидания, мисс Уэст, — сказала Лоубир, и экран погас.

— Мы уходим, — сообщила Тлен и глянула на Даэдру. — Кроме вас.

Даэдра злобно оскалилась.

— И его. — Тлен большим пальцем указала на красный куб.

Тот подпрыгнул прямо вверх, затем вбок и с лязгом проехался по беленым решетчатым дверям камер второго яруса. Несколько светящихся полосок погасли. Куб с тем же грохотом врезался в противоположную стену, кувыркнулся в воздухе, снова встал на одну вершину, и его углы замелькали в нескольких дюймах от подбородка Даэдры. Та даже не попятилась.

— Пошли, — сказала Тлен.

И снова в цепочку по лестнице. Тлен, Флинн, следом Оссиан и экзоскелет.

— Что там Коннер с ней делает? — спросила Флинн через плечо.

— Напоминает о возможных последствиях, — ответил Оссиан. — Или, по крайней мере, пытается. И волоска на ней не тронет, конечно. Да, впрочем, и ума ей не прибавит и грамма. Папаша — большая американская шишка.

Сверху донесся оглушительный металлический лязг.

Глава 121

Ноттинг-Хилл

Когда-то давно ассемблеры извлекли из нижнего яруса олигархических тоннелей под Ноттинг-Хиллом множество землеройных машин, оставленных там доджекпотовскими богачами: в ту пору бросить технику было дешевле, чем вытаскивать ее на свет. Механические жертвы, вроде кошек, замурованных в фундаменты мостов. Ассемблеры переместили погребенные машины в один парк тем же методом, каким Лоубир вдвинула русский пистолет в подлокотник гранитного тюремного кресла или позволила чудовищному кубу Коннера пройти сквозь каменное основание Ньюгейта. Астрономическое число микроустройств переносило частицы преграды за движущийся предмет, так что одно твердое тело как будто проходило сквозь другое. Ровно так же аль-Хабиб шагнул через круглую стену в «Парадизе».

Отреставрированные механизмы стояли в круг, подняв блестящие ковши и лезвия, и местные ребятишки, в том числе дети Льва, с увлечением

по ним лазили.

Проезжая мимо парка в ЗИЛе по совершенно пустым улицам, Недертон заметил, как луна блеснула на поднятом ковше экскаватора.

Он глядел на периферале Флинн. Сама она вернулась в «Сольветру» узнать, как там остальные, и ему не терпелось добраться до гобивагена, включить «Полли» и посмотреть, что она сейчас поделывает.

Возникла эмблема Лоубир.

— Вы отлично справились, мистер Недертон, — сказала она.

— Да я почти ничего не делал.

— У вас было вдоволь возможностей оплошать. Вы их избежали. Главная часть любого успеха.

— Вы были правы насчет аль-Хабиба. И недвижимости. Почему он убил Аэлиту?

— По-прежнему не вполне ясно. У них некоторое время был роман, и, очевидно, именно она свела аль-Хабиба с сестрой. Возможно, Аэлита ревновала его к Даэдре, у которой интрижка с аль-Хабибом началась примерно тогда же, когда и с вами. Последние итерации тетушек предполагают, что Аэлита подумывала сдать его за деньги саудовцам, но всерьез или в качестве праздной фантазии, мы не знаем. Исключитель-

но малоприятная семейка. Я познакомилась с их отцом примерно в возрасте Грифа. Он был в числе организаторов убийства Гонсалес, так что, подозреваю, Грифу скоро придется иметь с ним дело в этой связи. В нашем континууме он, увы, занимает такое высокое положение, что последние события не затронут его ни в малейшей степени. Кстати, ей понадобится хороший пиарщик.

Они свернули на улицу, где стоял дом Льва.

— Даэдре?

— Флинн, — сказала Лоубир. — Покупка «Меги» подняла в срезе новую волну шумихи. Поговорим завтра, хорошо?

— Конечно, — ответил Недертон, и ее корона исчезла.

Глава 122

Чудеса «Сольветры»

Флинн открыла глаза. Коннер лежал под короной, койка Бертона была пуста, Кловис куда-то подевалась. Слышался какой-то непонятный шум. Потом Флинн различила особенно громкий шакалий хохот Леона и сообразила, что там веселятся. Она оставила корону на подушке, встала, натянула кроссовки и заглянула за край синей пленки.

Все остальные пленки убрали, так что бывший мини-пейнтбольный клуб снова стал одним помещением, правда внутри черепичной стены. Все лампы ярко горели, люди сидели на столах, стояли, пиво пили, разговаривали. Карлос обнимал за талию Такому, которая с трудом сдерживала смех. Флинн видела почти всех знакомых ребят Бертона и еще несколько незнакомых, по-прежнему в черных бронекуртках, но без «булок». И Брента Верметта в джинсах и футболке с надписью «УБЕЙТЕ МЕНЯ, СУКИ!» толстым граффити-маркером с потеками поверх логотипа «Суши-лавки» (как позже выяснилось, он запу-

стил протестный ролик еще до того, как безбаши вошли в черту города, за что неделю спустя был принят в совет директоров в качестве главного юриста). Мэдисон говорил с Брентом, улыбаясь во все тедди-рузвельтовские зубы, карманы его разгрузочного жилета топорщились фонариками и авторучками, рядом стояла Дженис. При виде Флинн она бросилась навстречу и обняла ее:

— Не знаю, что ты там сделала, но ты всех нас спасла.

— Не я, — ответила Флинн, — а Лоубир и ребята. Где Гриф?

— В Вашингтоне, разбирается с безбашами. Томми сказал Мэдисону, что Гриф назначил им нового директора.

— Где Томми?

— Где-то здесь. Только что видела его с Мейконом и Эдвардом. — Дженис огляделась, не нашла никого из них и вновь повернулась к Флинн. — Пиккета нашли.

— Тело?

— Если бы! Живой, гад.

— Где?

— В Нассау.

— Он в Нассау?

— В самом черном безовском списке, с той

минуты, как Гриф туда позвонил. — Дженис отхлебнула пива. — А твой братец, похоже, запал-таки на Шайлен.

Флинн проследила ее взгляд. Шайлен сидела на краю стола, наклонившись к Бертону, который на инвалидном скутере, с пивом в руке, что-то ей говорил.

— В библейском смысле еще не произошло, — сказала Дженис. — Не хватало ей только, чтобы у него швы разошлись. Но, думаю, это вопрос времени.

— Клевая сестренка Бертона! — произнес за спиной голос Коннера.

Флинн обернулась. Коннер сидел в кресле-каталке, Кловис держала ее ручки.

— Как Даэдра? — спросила Флинн.

— Наверное, делает себе новые тату на память о сегодняшнем. Я отправил ее домой в такси.

— Что ты там с ней делал?

— Промывал ей мозги. Лязгал железом. Без особого эффекта. — Он глянул на Дженис. — Пива раненому бойцу?

— Сам возьми, — ответила Дженис и пошла прочь.

— Павла только жалко, — заметила Флинн.

— Лоубир велела прыгнуть, если получится.

Костюм на самом деле типа вингсьюта, так что я не просто сиганул на удачу. Идея была вырубить Хамеда, пока он не скомандовал начать атаку дронов здесь. Да вот не вышло. Наверное, оттого меня и не взяли в летчики. Лоубир заказала новую пери, чтоб вернуть брательнику Льва. Плюс одну для меня.

— Легкий Лед, — приветствовал ее Мейкон. Они с Эдвардом держались за руки, Мейкон прихлебывал пиво.

— Дай глотнуть, — попросил Коннер.

Мейкон поднес банку к губам Коннера и чуть наклонил. Коннер выпил большой глоток и утер рот тыльной стороной того, что осталось от его руки.

И тут появился Томми. Он шел через то место, где раньше была песочница для пейнтбольных танчиков, и смотрел на Флинн, улыбаясь так, будто видит чудо.

Глава 123

Огороженный комплекс

После прогулки по набережной Темзы (была среда, а по средам во второй половине дня они с Эйнсли обычно выходили куда-нибудь пройтись) Флинн надела самую старую рубашку Томми, еще с нашивкой замшерифа. В рубашке было что-то от самого Томми, к тому же, когда ты с пузом, хочется чего-нибудь свободного. Может, они в этом смысле станут как Мэдисон и Дженис. Правда, Томми всегда ходил в одном и том же, только менял форму на домашнее, а ей одежду для официальных случаев выбирали сольветровские стилисты. Единственное, на что она не соглашалась, — это на новые дизайнерские вещи; у нее было чувство, что носить такое — само по себе работа.

Она прошла на кухню, достала из холодильника сок и, поднеся стакан к губам, привычно задумалась, как можно было выстроить это все без ассемблеров. Новый дом стоял в сотне ярдов от старого, на заброшенном пастбище, и выглядел так, будто его поставили в восьмидесятых

годах двадцатого века и потом несколько раз подновляли не бедные, но и не шибко богатые хозяева. Поставили его очень быстро и практически без звука. Томми объяснил, что использовали много разных клеящих составов, полностью нетоксичных. Так что если где-нибудь торчала шляпка гвоздя, это был на самом деле не гвоздь, а имитация. Впрочем, как Флинн усвоила, неограниченный банковский счет успешно заменяет ассемблеров.

Тогда же построили и сарай, но сделали его по виду таким же древним, как старый дом. Там жили Мейкон с Эдвардом, и там же они печатали такое, что следовало до поры подержать в секрете. Промышленного шпионажа с первых дней опасались больше всего, потому что главной фишкой «Сольветры» были технологии, до которых здесь еще не додумались. И разработка джекпотовского научного прорыва только начиналась. Слишком много сразу, предупредила Эйнсли, и все крахнет. Так что значительная часть программы состояла в определении верного темпа. Иногда Флинн отчаянно хотелось узнать, куда они идут, особенно с тех пор, как она забеременела, но Эйнсли сказала, это невозможно. По крайней мере, они знают, куда точно не хотят попасть. Вот этой линии и

надо держаться.

Жизнь здесь помогала ей сосредоточиться, да и остальным, наверное, тоже. Они старались не признаваться даже себе, что живут на огороженной территории, в крепости или резервации, хотя все понимали, что это так. Коннер и Кловис осели рядом, ярдах в ста от Томми и Флинн, в собственном доме. Бертон с Шайлен поселились в городе, в жилом крыле «Сольветры» — нового здания на месте бывшего торгового центра. Хун открыл центральную «Суши-лавку» напротив «Сольветры», на углу, — там было как в старой, только светлее и ярче. Рядом расположился филиал «Мегафабы». Флинн была против такого названия, но Шайлен сказала, «Форева» не прокатит для глобальной сети, к тому же она только что поглотила «Самофабу» и бывшие самофабовские пункты тоже надо было как-то окрестить. И еще в каждом «Мегамарте» была теперь «Суши-лавка», хотя бы на другом конце прилавка с наггетсами.

Флинн ненавидела все эти бизнес-дела с той же силой, с какой Шайлен от них тащилась. А вообще денег у «Сольветры» теперь было меньше, гораздо меньше. Как только Матрешка сперва споткнулась, а потом рассыпалась, отрезанная от финансовых модулей сэра Генри, «Сольветра» на-

чала сокращать активы и возвращать экономику к нормальному состоянию, что бы ни означало теперь это слово. И все равно денег у них оставалось умопомрачительно много — столько, что в голове не укладывается. И хорошо, сказал Гриф, поскольку сделать предстоит больше, чем можно себе представить.

Флинн вымыла пустой стакан, поставила в сушку и глянула в окно на холм. Там построили площадку, на которую садился спецвертолет, когда Фелиция заглядывала в гости. Увидеть площадку было нельзя, даже когда на ней стоишь. Спутники ее засечь не могли, поскольку строилась она по сольветровской науке, эмулирующей технику будущего.

Обычно они беседовали на кухне, а Томми сидел в гостиной и трепался с ребятами из Секретной службы. Иногда из города приходил Брент, обычно вместе с Грифом, и тогда разговор становился более конкретным: обсуждали производство вакцин от болезней, про которые еще никто не знал, или в каких странах лучше разместить фабрики по производству фагов, или что делать с изменениями климата. Флинн познакомилась с Фелицией вскоре после того, как у вице-президента Амброуза случилась эмболия, и

это было неловко, потому что Фелиция говорила о покойном Уолли с глубокой грустью, которая казалась вполне искренней, а Флинн знала, что он умер после того, как Гриф показал Фелиции кадры ее торжественных похорон и в точности объяснил, что им предшествовало.

Рядом с сушкой стояла банка с прежними пальцами Коннера. Он подарил их Флоре, дочери Литонии. Это были первые пробы Мейкона, отпечатанные в старой фабе на принтерах, отпечатанных где-то еще, до того как ребята перебрались в сарай. Флора забыла их утром, когда приходила в гости. Она покрасила им ногти розовым лаком. Большой палец в банке немного ерзал — это был дефект всех первых партий. Наблюдая, как Коннер играет в сквош, Флинн часто вспоминала, как быстро Мейкон, Тлен и Оссиан поставили его на ноги. Теперь Коннер носил композитные протезы не снимая, но в не их будущем у него по-прежнему была своя версия Павла. Флинн тоже и мысли не допускала о том, чтобы сменить периферал.

— Еще бы! — воскликнул Леон, когда она как-то сказала об этом за обедом. — Все равно что сменить тело!

А потом довел Флору до истерического хохота,

заявив, что если Флинн родит девочку, то назовет ее Фауной.

Пора было идти завтракать вместе со всеми — мамой, Литонией, Флорой и Леоном, который жил теперь в бывшей комнате Флинн. Литония, как оказалось, чудесно готовила, и сейчас Мейкон отчищал пескоструйкой внутренность бывшего Фермерского банка: Литония с двоюродным братом собрались открыть там ресторанчик. Ничего пафосного, просто что-то еще, кроме «Суши-лавки» и «Джиммис». «Джиммис» так и не превратился в сетку, а если бы превратился, сказал Леон, это бы значило, что джекпот все-таки наступает, несмотря на все их усилия.

Мама теперь обходилась без кислородной трубки, поскольку лекарства ей делала «Сольветра», индивидуальные. А пока, на случай если кому-нибудь еще что-нибудь понадобится, они купили «Фарма-Джон» и по совету Флинн урезали норму прибыли вдвое, так что сетка мгновенно стала самой популярной в стране, если не в мире.

Флинн взяла банку с пальцами и, не запирая двери, пошла по тропинке, которую они протоптали между домами и которая уже выглядела так, будто была здесь всегда.

Сегодня, гуляя по набережной, она сказала

Эйнсли, что временами боится, не строят ли они просто свой вариант клептархии. Очень правильная мысль, ответила Эйнсли, вам всем надо постоянно держать ее в голове. Люди, не способные вообразить, что поведут себя дурно, обычно с треском проигрывают тем, кому и воображать ничего не надо, поскольку они и так ведут себя дурно. Она сказала, большая ошибка думать, будто эти люди другие, особенные, зараженные чем-то нечеловеческим, недочеловеческим, фундаментально иным. Это напомнило Флинн слова мамы о Корбелле Пиккете. Что большое зло не блистательно, оно просто возникает из заурядного мелкого зла, если тому дать возможность вырасти. Выросшее, оно приводит к более страшным последствиям, но остается лишь суммой обыденной человеческой подлости. И это верно, сказала Эйнсли, в отношении самых жутких чудовищ, с которыми ей постоянно приходится иметь дело. Флинн, быть может, представляет ее терпеливой смотрительницей зоопарка среди особенно крупных и опасных зверей, но они — всего лишь люди.

— Человек слаб, милая, — сказала Эйнсли, глядя на Темзу синими старческими глазами, — и в тот миг, когда мы это забываем, мы гибнем.

Глава 124

Патни

Жить с Рейни — все равно что поставить себе когнитивный имплант, только гораздо приятнее, думал Недертон, спуская ноги на пол и глядя на нее. Например, он раньше не знал, что у нее столько веснушек, что они по всему телу и вообще что он любит веснушки. Сейчас он прикрыл некоторые, самые любимые, краем одеяла и пошел чистить зубы.

Ее эмблема появилась раньше, чем он взялся за зубную щетку.

— Кофе, — сказала Рейни. Он слышал ее из спальни так же хорошо, как по телефону.

— Сейчас почищу зубы и включу кофеварку.

— Нет, — ответил она. — Там внизу есть настоящий итальянец, в поддельной газетной лавочке. Я хочу его эспрессо. — Слово «эспрессо» прозвучало совершенно порнографически. — С его пенкой.

— Позвони ему.

— Ты погубил мою карьеру. Из-за тебя я ушла с завидной государственной должности, а потом

должна была спасаться от убийц, нанятых новозеландской тайной полицией. А теперь ты не можешь принести мне чашечку человеческого кофе? И круассан из магазинчика на другой стороне улицы.

— Ладно, — сказал Недертон. — Дай только зубы почищу. Я действительно спас тебя от даркнетовских киви, которые едва ли были правительственными агентами, и притащил сюда, под защиту британской тайной полиции. Если можно так выразиться.

— С пенкой, — сонно повторила она.

Чистя зубы, Недертон вспоминал, как Лоубир пришлось вытаскивать ее из Канады в Англию и как они оказались в койке — не впервые, но в первый раз (для него, по крайней мере) на трезвую голову. И как на следующее утро — самое неловкое из множества его неловких утр с женщинами — он сознался в своих чувствах к Флинн, или к ее периферали, или к обеим. Рейни тогда напомнила, что Флинн недавно стала его клиенткой и разве он еще не усвоил, что́ выходит из интрижек с клиентками? Но Флинн не Даэдра, возмутился он. Зато он, сказала Рейни, фантастический инфантил, если думает, будто его эротические проекции что-то значат в реальном

мире. А потом снова затащила его в постель и принялась доказывать свою точку зрения другим способом, и тогда, кажется, он начал понемногу убеждаться в ее правоте. А скоро стало ясно, что Флинн выходит за шерифа Томми, и вот Недертон одевается в их общей с Рейни квартире, собираясь выйти на солнечную улицу в Сохо и радуясь, что планы превратить район в косплейную зону наподобие Чипсайда так и не реализовались.

Он выходил из булочной, когда появилась эмблема Мейкона.

— Если мы отправим твоего чувачка во Франкфурт, ты сможешь провести брифинг для немецких пиарщиков завтра утром, в десять по вашему времени?

— А где он сейчас?

— На взлетной полосе в Каире. Пери Флинн — та, что для Восточного полушария, — сейчас в Париже, так что, если она будет свободна, проведете брифинг вместе.

— Звучит заманчиво. Что-нибудь еще?

— Нет. Ты придешь в воскресенье на барбекю?

— Да, в «Полли».

— Чудной ты, Уилф. Говорят, ты своей девушке такой же добыл.

— Мы придем вместе.

— Если тебе охота фетишизировать узкополосное восприятие, — сказал Мейкон, — то дело твое.

— Если бы ты проводил здесь больше времени, — ответил Уилф, — ты бы начал ценить подобные вещи. Действуют успокаивающе.

— Где уж нам, дуракам, чай пить, — благодушно ответил Мейкон, и его эмблема исчезла.

Завтра в Патни, напомнил себе Недертон, заказывая два двойных эспрессо навынос. В два часа дня. Второе повторное посещение. Если будет хорошая погода, они с Рейни поедут на велосипедах. Вряд ли брифинг займет много времени.

Всегда приятно повидать Флинн.

РАССКАЗЫ

Континуум Гернсбека

Судьба сжалилась надо мной, — и все произошедшее начинает расплываться, блекнуть, превращаться в эпизод. Если временами и случается уловить что-то странное, то только боковым зрением. Хромированные осколки поделок сумасшедшего доктора надежно прячут себя в уголке глаза. На прошлой неделе в небе над Сан-Франциско парил этот лайнер-бумеранг, но уже почти совсем прозрачный. И похожие на акул машины появляются все реже. И бесплатные шоссе уже не развертываются передо мной сверкающими восьмиполосными монстрами, по которым в прошлом месяце мне довелось вести взятую напрокат «тойоту». И я знаю, что ничего из этого не последует за мной в Нью-Йорк. Восприятие мира сузилось до единственной ленты вероятности. А это стоило немалого труда. И еще — спасибо телевидению.

Все это, думаю, началось в Лондоне, в псевдогреческой таверне на Бэттерси-парк-роуд, во время ленча, оплаченного фирмой Коэна. Еда там была безвкусная и горячая, кроме того, официант полчаса не мог найти ведерко со льдом для бутылки

«рецины». Коэн работает на «Бэррис-Уотфорд», они издают модные нынче фолианты в мягкой обложке — этакие многостраничные иллюстрированные справочники по истории неоновой вывески, игровых автоматов с шариком или, скажем, заводной японской игрушки периода послевоенной оккупации. Я приехал сделать серию снимков для рекламы обуви. Калифорнийские девицы с загорелыми ногами, обутыми в кроссовки от «Дай-Гло», резво скакали перед моим объективом по эскалаторам универмага «Сент-Джонс-Вуд» и платформам станции «Тутинг Бек». Некое молодое агентство, голодное, но хваткое, решило, что «Загадка Лондонского Транспорта» — именно то, что нужно, чтобы продать нейлоновые кроссовки с рифленой подошвой. Агентство платило, я снимал. А Коэн, которого я смутно помнил по Нью-Йорку, пригласил меня позавтракать за день до того, как я должен был вылететь из Хитроу. С собой он привел модно одетую девицу по имени Дайалта Даунс — подбородок у нее отсутствовал, зато она была видным специалистом по истории поп-арта. Как сейчас вижу, как она появляется под руку с Коэном под пульсирующей неоновой вывеской. Огромными заглавными буквами вспыхивают и гаснут слова: «НА ЭТОМ

ПУТИ БЕЗУМИЕ».

Коэн познакомил нас и пояснил, что Дайалта разрабатывает для «Бэррис-Уотфорд» новый проект — готовит иллюстрированную историю того, что она называет «американским обтекаемым модерном». Коэн в шутку именовал его «готикой бензозаправочно-лучевого пистолета». Рабочим названием книги пока оставалось «Обтекаемый футурополис: Завтра, которого никогда не было».

Да, это была именно она — чисто британская одержимость наиболее вычурными элементами американской поп-культуры. Западные немцы точно так же бредят ковбоями и индейцами, а во Франции смакуют старые фильмы Джерри Льюиса. У Дайалты Даунс это проявилось в маниакальном пристрастии к той уникальной разновидности американской архитектуры, о которой большинство американцев даже и не подозревает. Я и сам поначалу не очень-то понимал, о чем это она толкует, но постепенно до меня дошло. Я обнаружил, что вспоминаю воскресные утренние телепередачи пятидесятых годов.

Иногда на нашей станции, заполняя паузу между программами, крутили старые киножурналы, дрожащие и исцарапанные. Ты сидишь себе с куском хлеба с арахисовым маслом и стаканом

молока, а съеденный шумом статики голливудский баритон вещает о «Летающих автомобилях Будущего». А на экране — три инженера из Детройта суетятся вокруг огромного древнего «нэша» с крыльями. Потом он яростно громыхал по заброшенной дороге где-нибудь в Мичигане. На самом деле он так никогда и не отрывался от земли, но, оказывается, улетел-таки в эту страну «никогда-никогда» Дайалты Даунс, истинное прибежище не знающих преград технофилов. Она описывала то одни, то другие образчики «футуристической архитектуры тридцатых и сороковых», те самые дома и ограды, которые на каждом шагу встречаешь в американских городках, совершенно их не замечая. Напоминающие шляпки великосветских дам палатки кинотеатров с раструбами проекторов словно бы для излучения некой мистической энергии, заброшенные магазины с фасадами из гофрированного алюминия, трубчатые хромированные кресла, собирающие пыль в вестибюлях отелей. Во всем этом ей виделись осколки мира мечты, позабытые в равнодушном настоящем. Она хотела, чтобы я сфотографировал их для нее.

Тридцатые годы видели первое поколение промышленных дизайнеров. До сих пор все точилки

для карандашей выглядели как точилки — еще викторианских времен механизм, быть может, с ободком декоративного орнамента. С приходом промышленного дизайна точилки стали выглядеть так, как будто их собирали в аэродинамической трубе. Изменения не шли дальше поверхности. Под обтекаемой хромированной оболочкой пряталось все то же лезвие. Что ж, это вполне логично, ведь наибольшего успеха добивались дизайнеры, вышедшие из театриков на Бродвее. Все это было не более чем декорацией, профессионалы изощрялись, играя в жизнь в будущем.

За кофе Коэн извлек толстый матерчатый конверт с целой стопкой глянцевых фотографий. Я увидел крылатые статуи, охраняющие плотину Гувера, — сорокафутовые бетонные монументы, выглядящие так, будто они опираются на воображаемый ураган. На стол веером легла дюжина снимков «Джонсон Уокс Билдинг» по проекту архитектора Фрэнка Ллойда Райта вперемежку с обложками старого «палп-журнальчика» «Эмейзинг Сториз»[485] с рисунками художника по имени Фрэнк Р. Пол. Служащим фирмы

[485] Примечания: 485

Первый в мире НФ журнал, созданный Хьюго Гернсбеком в 1926 году, печатался на дешевой бумаге (по-английски — «pulp»).

«Джонсон Уокс», должно быть, казалось, что, приходя на работу, они вступают в одну из «пальповых» утопий Пола. Здание Райта выглядело так, словно оно создавалось для людей, носящих белые тоги и легкие сандалии. Я задержался на рисунке грандиозного авиалайнера с многочисленными пропеллерами. Он походил на плоский симметричный бумеранг с окнами в самых неожиданных местах. Стрелки с подписями указывали расположение великолепного бального зала и двух кортов для сквоша. Рисунок был датирован 1936 годом.

— Не мог же он летать? — Я поднял глаза на Дайалту Даунс.

— Нет, конечно. Он не поднялся бы в воздух даже с этими двенадцатью пропеллерами. Но им нравилось. Разве вы не понимаете? Из Нью-Йорка в Лондон всего за два дня, первоклассные рестораны, солнечные палубы, вечерами танцы под джаз. Видите ли, дизайнеры тех времен были популистами. А публика жаждала будущего.

Я уже третий день мучился в Бербанке, пытаясь вдохнуть искру божию в скучное с виду кресло-качалку. И тут пришла посылка от Коэна. Нет ничего необычного в попытках заснять на пленку то, чего на самом деле нет, однако это

чертовски сложно, а значит, такой талант пользуется большим спросом. Я, конечно, здесь не корифей, но умею делать это неплохо. Однако это злосчастное кресло заставляло меня выжимать из моего «никона» невозможное. Как и все, я люблю хорошо делать свое дело, и потому закончился этот контракт для меня депрессией, впрочем, не самой черной. Наученный горьким опытом, я еще в самом начале поспешил удостовериться, что получил за свою работу чек. А потому решил развеяться тонкой артистичностью заказа от «Бэррис-Уотфорд». Коэн прислал мне несколько книг по дизайну тридцатых годов, еще одну пачку снимков обтекаемых зданий и список из пятидесяти излюбленных Дайалтой Даунс образчиков этого стиля в Калифорнии.

Съемки архитектуры неизбежно несут в себе ожидание: здание превращается в подобие солнечных часов, пока ты ждешь, чтобы тень сползла с нужной тебе детали или чтобы определенным образом выявилась гармония структуры и массы. В часы вынужденного безделья я пытался вжиться в Америку Дайалты Даунс. Пара промышленных зданий, проступивших на матовом стекле «Хассельблада», приобрела вдруг некое зловещее достоинство тоталитарного строя

— собратья стадионов, какие строил для Гитлера Альберт Шпеер. Но остальное не давалось в руки: оказалось, эфемерной субстанции, впитавшей в себя коллективное подсознание Америки тридцатых годов, удалось выжить лишь по окраинам захолустных городков с их пыльными отелями, дешевыми распродажами тюфяков и мелкими складами всяческого хлама. Подумать только, какой путь мне пришлось проделать ради одной-единственной бензоколонки.

В разгар «эпохи Даунс» возглавлять проектирование калифорнийских заправочных станций поставили, видно, Минга Безжалостного[486]. Предпочитавший архитектуру своей родной планеты Монго, Минг исколесил все побережье, воздвигая бензоколонки. Меня они неизменно наводили на мысль о пистолетах в белом гипсе. Все они щеголяли непропорционально вытянутыми центральными башнями, окруженными странными выступающими зубцами, сегодня сказали бы — излучателями. Они, очевидно, должны были стать визитной карточкой его стиля. Создавалось впечатление, что стоит только найти кнопку, которая бы запустила механизм, — они

[486] Примечания: 486

Главный злодей из американских комиксов и киносериалов о «Баке Роджерсе в 25 веке», популярных в тридцатых годах.

тут же разродятся очередью мощных взрывов чистейшего технического энтузиазма. Одну такую бензоколонку я успел заснять в Сан-Хосе за час до появления бульдозеров, которые с грохотом проломили структурную истину из гипса, железных решеток и дешевого бетона.

«Отнеситесь к этому, — говорила Дайалта Даунс, — как к некой альтернативной Америке: восьмидесятые годы двадцатого столетия, которые никогда не наступили. Архитектура несбывшейся Мечты».

В таком вот настроении, продвигаясь на красной «тойоте» по крестному пути, освященному социоархитектурным распятием Дайалты, я постепенно настраивался на теневой образ «Америки-которой-никогда-не-было». Той Америки, где заводы «Кока-Колы» выглядят, как выброшенные на берег субмарины, а заштатные кинотеатры кажутся храмами какой-нибудь богом забытой секты, поклоняющейся голубым зеркалам и геометрии. И, пробираясь меж этих потаенных руин, я осознал, что спрашиваю себя, что подумали бы обитатели этого потерянного будущего о мире, в котором живу я. Тридцатые годы одевали свои мечты в белый мрамор и обтекаемый хром, бессмертный хрусталь и по-

лированную бронзу. Но однажды глухой ночью ракеты с обложек гернсбековских журналов с воем упали на Лондон. После войны автомобили появились у всех и у каждого — только вот крыльев у них не было, — появились и обещанные супертрассы, чтобы ездить на них, так что даже небо потемнело, а выхлопные газы съели мрамор и изрыли оспинами чудесный хрусталь…

И вот однажды на окраине Болинаса, устанавливая камеру, чтобы заснять роскошный экземпляр марсианской архитектуры Минга, я прорвал тонкую мембрану вероятности…

Так легко и плавно я переступил Грань…

…и, подняв глаза, увидел двенадцатимоторное нечто, похожее на сплющенный бумеранг. Со слоновьей грацией оно ползло себе своей дорогой на восток, да так низко, что я мог бы пересчитать заклепки на его тускло-серебристой шкуре и услышать… быть может… эхо джаза.

С этим я приехал к Кину.

Мерв Кин — вольный журналист. Специализируется он на техасских птеродактилях, контактах с НЛО, лохнесских чудовищах и теориях о Заговоре Десяти, угнездившихся в самых глухих закоулках американского массового сознания.

— Неплохо, неплохо, — сказал Кин, натирая

полой гавайской рубашки желтые стекла «полароидов». — Но не ментально. Не цепляет.

— Но я это видел, Мервин.

Мы сидели у бассейна под ярким солнцем Аризоны. Он как раз ожидал визита чиновников-пенсионеров, приехавших в Таксон из Лас-Вегаса. Их предводитель, вернее, предводительница принимала известия от Них на свою микроволновую печь. Я провел за рулем всю ночь, и это начинало сказываться.

— Ну да, конечно, ты это видел. Ты же читал мои статьи. Тебя что, не устраивает моя теория НЛО? Все ясно и до идиотизма просто: людям многое чего видится. — Аккуратно водрузив очки на длинный ястребиный нос, он устремил на меня взгляд василиска. — Ничего нет, а они видят. Вероятно, потому, что им это нужно. Ты же читал Юнга и должен знать, что все это — выверты подсознания. Твой случай до смешного очевиден: ты сам признаешь, что постоянно думал обо всей этой черепковой архитектуре, что у тебя возникали разные фантазии. Послушай, я ведь помню — разве ты когда отказывался от дозы? Да и кто из нас в Калифорнии пережил шестидесятые годы без единой галлюцинации? Вспомни ночь, когда ты решил, что всю армию рисовальщиков

«Диснея» подрядили вплести мультяшные голограммы египетских иероглифов в ткань твоих джинсов? Или как…

— Но на сей раз все было совсем не так!

— Естественно, не так. Все было совсем иначе. Это было «в окружении обычной реальности», верно? Все вроде нормально, а затем вдруг появляются монстр, мандала, неоновая сигара. А в твоем случае — гигантский аэроплан Тома Свифта. Такое происходит сплошь и рядом. Ты даже не сошел с ума. Ты ведь и сам это знаешь.

Он выудил из переносного холодильника возле своего шезлонга банку пива.

— На прошлой неделе я был в Вирджинии. Округ Грейсон. Беседовал там с шестнадцатилетней девочкой, на которую напал урсусглав.

— Кто?

— Урсусглав. Отрубленная голова медведя. Видишь ли, этот урсусглав сам по себе плавал в воздухе, как летающая тарелка, и походил при этом на старенький «Кадиллак» кузена Вейна. «Красные глаза горели, как два сигарных окурка, а за ушами торчали хромированные телескопические антенны!» — Кин поперхнулся пивом.

— И это напало на нее? Как?

— Едва ли тебе стоит это знать, ты у нас, судя

по всему, впечатлительный. Он был холодный, — Кин соскользнул на свой ужасающий южный акцент, — и металлический. Издавал шум, как электрический прибор. Так вот, дружок, это уже нечто реальное, а именно — прямой плод массового подсознания. Эта маленькая девочка — ведьма. Она бы увидела дьявола, не будь она воспитана на повторных показах «Бионического человека» и всех этих «Стар Треков»[487]. Она — в основном потоке. И знает, что с ней происходит. Я урвал десять минут, прежде чем появились серьезные мальчики из ассоциации по изучению НЛО со своим дурацким «детектором лжи».

Должно быть, вид у меня стал расстроенный, потому что он осторожно поставил свое пиво рядом с холодильником и выпрямился в шезлонге.

— Хочешь шикарное академическое объяснение? Так вот, ты видел семиотический призрак. Все байки контактеров, например, не выходят за рамки второсортной научной фантастики, которая пропитала всю нашу культуру. Я готов поверить в пришельцев, но только не в тех, которые один к одному выглядят как инопланетяне из комиксов пятидесятых годов. Это — семиоти-

[487] Примечания: 487
Популярные фантастические телесериалы 60 —70-х годов

ческие фантомы, осколки подспудных фантазий в рамках определенной культуры, которые откололись и обрели собственное бытие. Знаешь, канзасским фермерам до сих пор постоянно видятся воздушные корабли Жюля Верна. Ты же видел призрак иного рода, вот и все. Когда-то этот аэроплан был частью массового подсознания. А ты каким-то образом подобрал этот осколок. Важно лишь не переживать из-за этого.

Однако я переживал.

Кин причесал редеющие светлые волосы и отправился выслушивать, что в последнее время имели сообщить Они насчет радиуса действия радаров, а я, задернув в комнате шторы, лег в кондиционированной темноте переживать. Проснувшись, я все еще переживал. Кин оставил у моей двери записку: он-де чартерным рейсом вылетает на север проверить слух о мутациях скота (он их называет «мутиками»; еще одна из его журналистских специализаций).

Я поел, принял душ, проглотил крошащуюся таблетку стимулятора, которая вот уже три года болталась на дне моего несессера, и отправился назад в Лос-Анджелес.

Скорость ограничивала обзор туннелем света от автомобильных фар. Я уверял себя, что тело

может вести машину, пока разум занят своим делом. Занят и потому не обращает внимания на жутковатые фигуры, вычерчиваемые на боковых стеклах амфетамином и усталостью, на всю эту светящуюся спектральную растительность, что вырастает на полуночных трассах в уголках глаз. Но мыслям не прикажешь. Слова Кина о том, что я раньше называл своими «видениями», бесконечно дребезжали в моем мозгу по вытянутой восьмерке. Семиотические призраки. Фрагменты массовой мечты, сметенные ветром от моей машины. Каким-то образом эта двойная петля наложилась на действие стимулятора, и скоростная растительность вдоль дороги стала приобретать оттенки инфракрасных снимков, сделанных со спутников. И по обе стороны от «тойоты» понеслись назад в потоке воздуха пылающие клочья.

Я притормозил. Вспыхнув напоследок, погасли фары, и десяток алюминиевых банок из-под пива весело подмигнули мне, желая доброй ночи. Интересно, который час сейчас в Лондоне. Я попытался представить себе, как Дайалта Даунс завтракает у себя в Хэмпстеде, окруженная обтекаемыми хромированными статуэтками и книгами по американской культуре.

Ночи в здешней пустыне без конца и без краю, и

даже луна как будто висит ниже. Я долго смотрел на луну, а потом решил, что Кин прав. Главное — не переживать. По всему континенту люди, гораздо более нормальные, чем я при всем желании смогу когда-либо стать, каждый день видят гигантских птиц, «снежных людей» или летающие нефтеочистители, обеспечивая тем самым занятость и платежеспособность Кина. Почему я должен расстраиваться, если мельком увидел в небе над Болинасом заблудившийся поп-образ тридцатых годов? И я решил поспать. Волноваться стоило из-за гремучих змей и хиппи-каннибалов — и то лишь в худшем случае. Приятно поспать, зная, что ты в полной безопасности посреди дружелюбного мусора знакомого континуума. Утром я поеду в Ногалес фотографировать старые публичные дома — сколько лет я уже собираюсь это сделать. Сон победил, таблетка стимулятора сдалась.

Меня разбудил свет, и только потом уж голоса.

Свет шел откуда-то из-за моей спины и отбрасывал внутрь машины колеблющиеся тени. Голоса звучали спокойно, но не отчетливо, судя по всему, мужчина и женщина были погружены в разговор.

Шея у меня затекла, а в глаза как будто кто-то

насыпал песку. Нога занемела, прижатая к рулевому колесу. Я пошарил в карманах рабочей рубахи в поисках очков и, наконец, надел их.

Потом оглянулся назад и увидел город.

Книги по дизайну тридцатых лежали в багажнике, и в одной из них рисунок на развороте изображал идеальный город будущего. Художник явно передирал декорации из «Метрополиса» и «Облика грядущего»[488], но при этом придал своему идеалу еще более геометрическую форму. Зритель как бы плыл сквозь перспективу старательно вырисованных облаков к причалам для дирижаблей и совершенно безумным неоновым шпилям. Город в книге был уменьшенной моделью того, что вставал у меня за спиной. Шпили вырастали над шпилями сверкающими зигзагообразными уступами, взбираясь к башне центрального золотого храма, окаймленного сумасшедшими дулами излучателей с минговских бензоколонок. В самой маленькой из этих башен без труда уместился бы целиком «Эмпайр Стейт Билдинг». Меж шпилей парили хрустальные дороги, по которым, как шарики жидкой ртути, пробегали серебристые пузырьки. Воздух кишел

---

[488] Примечания: 488
Шедевры кинофантастики 20 —30-х годов

кораблями: гигантские бумеранги лайнеров, маленькие серебристые стрелки (время от времени один из ртутных пузырьков изящно поднимался с небесного моста, чтобы присоединиться к общему танцу), дирижабли длиной в милю, зависшие на одном месте стрекозы гирокоптеров…

Я зажмурил глаза и повернулся на сиденье. Открыв их снова, заставил себя увидеть спидометр, бледную дорожную пыль на черной пластмассе щитка, переполненную пепельницу.

— Амфетаминный психоз, — сказал я самому себе.

Очень осторожно, не поворачивая головы, включил фары.

И увидел их.

Оба они были светловолосы. Они стояли возле своей машины, которая мне показалась похожей на алюминиевое авокадо с выступающим из хребта акульим плавником и черными гладкими шинами, как у детской игрушки. Обнимая женщину за талию, мужчина указывал в сторону города. Оба они были в белом: ниспадающие свободными складками белые одежды и такие же белые, без единого пятнышка грязи, сандалии. Меня они, похоже, не видели. Мужчина говорил что-то мудрое и мужественное, она кивала. И

тут я очень испугался. Никогда раньше мне не было так жутко. Меня даже более не волновало, в здравом ли я уме, и почему-то я был уверен, что город за моей спиной — это Таксон. В этом городе, должно быть, воплотились чаяния целой эпохи. Этот «Таксон Мечты» был реален, абсолютно реален. А пара передо мной просто возвращалась домой. И вот эти-то люди меня и пугали.

Дети «восьмидесятых-которых-не-было» Дайалты Даунс, наследники Мечты. Они были белые, светловолосые, и глаза у них, вероятно, были голубые. Американцы. Дайалта говорила, что Будущее пришло сначала в Штаты, но в результате обошло их стороной. Возможно, и так, но только не здесь, в самом сердце Мечты. Здесь Америка не переставала шагать вперед, повинуясь логике сна, не ведающего о загрязнении воздуха, ограниченных запасах жидкого топлива, заморских войнах, которые можно и проиграть. Они были счастливы и до крайности довольны собой и своим миром. И в Мечте этот мир принадлежал им.

За мной — сияющий город: прожекторы обмахивают небо чистейшей радостью бытия. Я представил себе, как они восседают на мраморных площадях, бдительные и благонамеренные, их ясные глаза светятся энтузиазмом, отража-

ют блеск залитых неоном авеню и серебристых машин.

Вот они — плоды пропаганды «Гитлерюгенда».

Я завел машину и медленно поехал вперед, пока бампер не оказался от них в трех метрах. Они по-прежнему меня не видели. Опустив стекло, я стал слушать, что говорит мужчина. Его слова были пустыми и яркими, как цитата из какой-нибудь брошюры Палаты коммерции, но я почему-то знал, что он безоговорочно в них верит.

— Джон, — услышал я голос женщины, — мы забыли принять пищевые таблетки.

Щелкнув замком поясной сумки, она извлекла из нее две яркие облатки и протянула ему одну.

Задом выехав на трассу, я двинулся в сторону Лос-Анджелеса, морщась, как от боли, и качая головой.

Я позвонил Кину с бензозаправки. С новой, в безвкусном псевдоиспанском стиле. Кин уже вернулся из экспедиции и был не прочь поболтать.

— Да, это уже странновато. Ты пытался сделать снимки? Не думаю, чтобы они вообще получились, но когда нельзя проявить фотографии, в историю это добавляет изюминку.

«Но что же мне делать?»

— Смотри побольше телевизор, в особенности

— викторины и мыльные оперы. Сходи в кино, посмотри порно. Видел когда-нибудь «Мотель любви нациста»? Здесь это есть и на кабельном. Просто кошмар. Именно то, что тебе нужно.

«О чем это он?»

— Перестань кричать и выслушай меня. Открою тебе профессиональный секрет: средства массовой информации и вправду способны изгонять семиотические призраки. Если это избавляет меня от идиотов с их бредом о летающих тарелках, то и от тебя отвадит этих футуроидов в стиле «Арт-Деко». Попробуй. Что тебе терять?

Потом он взмолился, чтобы я его отпустил, потому что у него ранняя встреча с Избранными.

— С кем?

— С пенсионерами из Вегаса, теми, у которых микроволновые печи.

Я подумал, не заказать ли мне разговор с Лондоном за счет абонента, чтобы разыскать в «Бэррис-Уотфорд» Коэна и сообщить ему, что их фотограф отбыл на неопределенный срок отдыхать в Сумеречную Зону[489]. В конце концов, я позволил кофеварке сварить мне чашку действительно убийственного черного кофе и забрался

---

[489] Примечания: 489
Фантастический телесериал 60-х годов

обратно в «тойоту» для побега в Лос-Анджелес.

Лос-Анджелес оказался неудачной мыслью. Там я застрял на две недели. Вот уж где земля обетованная Дайалты Даунс. Кругом — Мечта во плоти, и ее фрагменты расставляли мне ловушки буквально на каждом шагу. Я едва не разбил машину на эстакаде неподалеку от «Диснейленда»: дорога раскрылась вдруг веером, как трюк оригами, — и что мне оставалось делать, кроме как петлять среди дюжин мини-полос и жужжащих на них хромированных капелек с акульими плавниками? Хуже того, Голливуд оказался полон людей, слишком похожих на ту парочку, которую я видел в Аризоне. Я нанял одного итальянца: этот режиссер-неудачник в ожидании своего корабля сводил концы с концами, проявляя пленки и устанавливая навесы в патио вокруг бассейнов. Он сделал отпечатки со всех негативов, которые я успел наснимать по эпохе Даунс. Самому мне на них даже смотреть не хотелось. Впрочем, Леонардо это не беспокоило. Когда он закончил, я проверил снимки, перелистнув их, как колоду карт. Запечатал фотографии в конверт и послал авиапочтой в Лондон. Потом взял такси до кинотеатра, где показывали «Мотель любви нациста», и всю дорогу туда просидел, не открывая глаз.

Телеграмму с поздравлениями Коэна мне переправили в Сан-Франциско. Дайалта без ума от фотографий; сам он восхищен тем, как я «действительно врубился», и надеется поработать со мной снова. Тем вечером сплющенный бумеранг снова парил над улицей Кастро, но теперь лайнер был каким-то прозрачным и разреженным, как будто присутствовал здесь лишь отчасти. Я бросился к ближайшему газетному киоску собрать все, что было по нефтяному кризису и напастям ядерной энергетики. Я только что решил купить билет на самолет до Нью-Йорка.

— В кошмарном мире мы живем, а?

Продавец оказался худым негром с гнилыми зубами и, судя по всему, в парике. Я рылся в карманах джинсов в поисках мелочи, занятый мыслью, как бы поскорее найти в парке свободную скамейку и погрузиться в веские доказательства того, в каком несуразном мире мы живем.

— Вот именно, — рассеянно кивнул я, — и, что еще хуже, он мог бы быть совершенным.

Негр, не отрываясь, смотрел мне в спину, пока я шел вниз по улице, прижимая к себе сверток со спрессованной внутри катастрофой.

Принадлежность

Это могло произойти и в «Клубе Жюстины», и в «Джимбо», и в «Печальном Джеке», и в «Причале»; Коретти так и не вспомнил, где он впервые встретил ее. В любое время она могла оказаться в любом из этих баров. Она плыла сквозь подводный полумрак бутылок, стаканов и медленных клубов сигаретного дыма… из бара в бар, она всюду была в своей стихии.

Теперь Коретти вспоминал сцену их первой встречи, будто разглядывая в мощный телескоп, только не в окуляр, а в объектив — миниатюрную, четкую и очень-очень далекую.

Впервые он обратил на нее внимание в баре «С черного хода». Этот бар назвали так потому, что попасть в него можно было из узкого переулка. Стены окрестных домов исписаны граффити, фонари, забранные решетками, облеплены мотыльками.

Под ногами хрустят обломки битого кирпича. Затем попадаешь в тускло освещенное помещение, сохранившее приметы дюжины других заведений, которые когда-то здесь были, а потом исчезли вместе с хозяевами. Коретти иногда наве-

дывался сюда, потому что ему нравилась усталая улыбка чернокожего бармена, а еще потому, что немногочисленные посетители не слишком ему докучали.

Ему плохо удавались разговоры с незнакомцами — и на вечеринках, и в барах.

В колледже, где он преподавал начальный курс лингвистики, Коретти чувствовал себя легко; мог, например, поговорить с руководителем кафедры о согласовании времен и ключевых словах в вводных предложениях. Но с чужаками разговор не клеился. На вечеринках он почти не бывал. А в бары захаживал частенько.

Коретти не умел одеваться. Если искусство одеваться — это язык, то Коретти страдал заиканием; он не умел выглядеть так, чтобы постороннему человеку было легко с ним общаться. Его бывшая жена говорила, что он одевается как марсианин, что по его одежде нельзя определить, к какому кругу он принадлежит. Ему не нравились ее слова, потому что они были правдой.

У него никогда не было девушки, похожей на ту, что сидела, слегка изогнув спину, в мерцании подводных огней «Черного хода». Тот же хмельной свет играл в темных очках бармена, искрился в горлышках разномастных бутылок,

расплескивался в зеркале. В этом свете ее одежда казалась зеленой, цвета молодой кукурузы; боковые разрезы платья высоко открывали бедра. Волосы ее в тот вечер отливали медью. А глаза… в тот вечер они были зеленые.

Он решительно прошел к стойке бара меж пустых — хром-и-пластик — столов и заказал себе чистый бурбон. Сбросил пальто, свернул и положил на колени, усевшись через табурет от нее. Господи, воскликнул он мысленно, да она же подумает, что я пытаюсь скрыть эрекцию! И неожиданно понял, что ему и вправду есть что скрывать. Посмотрел в зеркало за стойкой бара и увидел мужчину лет тридцати с небольшим с редеющими темными волосами и бледным худым лицом, с длинной шеей, торчащей из воротника яркой нейлоновой рубашки с изображениями автомобилей выпуска 1910 года трех разных расцветок. На нем был черно-коричневый галстук в косую полоску, слишком узкий, пожалуй, для такого воротника. А может, цвет неподходящий. В общем, что-то не то.

Рядом с ним, отражаясь в темной глади зеркала, сидела зеленоглазая женщина, похожая на Ирму Ля Дус. Однако, вглядевшись внимательнее, он поежился. В ее лице было что-то от животного.

Очаровательное личико, но… простенькое, двумерное и в то же время с хитрецой. Когда поймет, что я на нее смотрю, подумал Коретти, она одарит меня пренебрежительно-удивленной улыбкой — а на что еще можно рассчитывать?

— Простите, — решился он, — вы позволите… э-э-э… предложить вам стаканчик?..

В таких ситуациях на Коретти часто нападали «учительские судороги». «Э-э-э…» Его передернуло. «Э-э-э…»

— Вы хотите предложить мне… э-э-э… выпить?

— Что ж, очень любезно с вашей стороны, — к изумлению Коретти, ответила она. — Это было бы очень приятно.

Он вдруг осознал, что ее речь столь же скованна и неуверенна, как и его. Она добавила:

— Рюмочка «Тома Коллинза» по такому поводу была бы вполне уместна.

«По такому поводу»? «Уместна»? Сбитый с толку, Коретти заплатил за две порции.

Крупная деваха в джинсах и широкополой ковбойской шляпе навалилась животом на стойку рядом с Коретти и попросила бармена разменять мелочь. «Общий привет», — бросила она; затем повернулась к музыкальному автомату и запустила «Это из-за тебя наши дети безобразны»

Конвея и Лоретты. Коретти повернулся к девушке в зеленом и, запинаясь, прошептал:

— Нравится ли вам музыка в стиле кантри-энд-вестерн?

«Нравится ли вам…» Он мысленно застонал и попытался выдавить из себя улыбку.

— Да, разумеется, — ответила она, слегка в нос. — Очень нравится.

Деваха-ковбой уселась рядом с Коретти и, подмигнув, спросила у девушки:

— Что, проблемы? Этот страшилка к тебе пристает?

И девушка в зеленом с глазами животного ответила:

— Да что ты, милка, я и сама глаз на него положила. — И рассмеялась. Рассмеялась в самую меру. Диалектолог, сидевший внутри Коретти, беспокойно заерзал; уж слишком полным оказалось изменение и в построении фраз, и в интонации. Актриса? Талантливая подражательница? Внезапно в памяти всплыло слово «пародистка», но Коретти отбросил его и уставился на отражение девушки в зеркале; ряды бутылок обрамляли ее грудь, как стеклянное ожерелье.

— Я — Коретти. — Стараясь справиться с вербальным полтергейстом, он неожиданно для

самого себя попытался напялить личину крутого парня. — Майкл Коретги.

— Оч'приятно, — ответила она так, чтобы не слышала соседка; и снова ее голос звучал иначе — как неудачная пародия на Эмили Пост.

— Конвей и Лоретта, — ни к кому не обращаясь, произнесла деваха-ковбой.

— Антуанетта, — сказала девушка в зеленом, слегка кивнув. Она допила бокал, сделала вид, будто смотрит на часы, с кольнувшей вежливостью сообщила, что «ей-было-очень-приятно», и ушла.

Десятью минутами позже Коретти шел вслед за ней по Третьей авеню. Он в жизни никого не выслеживал и потому был взволнован и слегка напуган. Казалось бы, сорок футов, разделявшие их, это далеко, но что, если она вздумает оглянуться?

На Третьей авеню не бывает темно. На пустынной улице, в свете уличного фонаря, как под огнями рампы, она стала изменяться.

Она как раз переходила на другую сторону. Сошла с тротуара и… Началось с оттенка волос — Коретти сперва подумал, что это из-за бликов. Но поблизости не было неоновых ламп, которые отбрасывали бы скользящие и расплывающи-

еся, словно нефтяные пятна, круги. Потом все цвета сошли на нет, и три секунды спустя она оказалась блондинкой. Коретти был уверен, что над ним подшутило освещение, но тут одежда ее начала корчиться, закручиваясь вокруг тела, как пластиковая обертка, а потом частично отвалилась и ошметками упала на панель, будто шкура сказочного животного. Когда Коретти проходил мимо, на тротуаре оставался лишь тающий зеленоватый дымок. Он поднял взгляд на девушку — она уже была одета иначе, в зеленый переливающийся атлас. Туфли тоже стали другими. Спина была обнажена, если не считать узких полосок, перекрещивавшихся глубоко внизу. Волосы стали короткими, ежиком.

Он обнаружил, что стоит, прислонившись к зеркальной витрине ювелирного магазинчика, и с трудом хватает ртом сырой осенний воздух. Через два квартала отсюда слышался пульс дискотеки. По мере того как девушка приближалась туда, движения ее неуловимо менялись — чуть по-другому покачивались бедра, иначе стучали каблуки по тротуару. Швейцар впустил ее, слегка кивнув. А вот Коретти он остановил, долго пялился на водительские права, с сомнением поглядывал на его шерстяное пальто. Коретти

бросал нетерпеливые взгляды на размытые огни молочно-белой пластиковой лестницы. Девушка исчезла там, среди механических вспышек и навязчивого грохота.

Швейцар неохотно пропустил его, и Коретти торопливо зашагал по ступенькам, вспугивая огни, которые сочились сквозь полупрозрачные пластиковые ступени.

Коретти ни разу еще не был в диско. Он понял, что очутился в месте, прекрасно приспособленном для полной отключки. Нервничая, он пробирался сквозь дергающуюся разодетую толпу, сквозь электронный урбанистический ритм, бьющий из гигантских динамиков. Почти ослепленный вспышками стробоскопа, он пытался разыскать ее в набитом зале.

Наконец нашел — в баре: она потягивала ядовитого цвета коктейль из высокого бокала и внимательно слушала юношу в просторной рубашке из светлого шелка и обтягивающих черных брюках. Время от времени она вежливо кивала. Коретти заказал бутылку бурбона. Девушка выпила один за другим пять коктейлей со льдом, а потом отправилась танцевать со своим спутником.

Ее движения были в полном согласии с му-

зыкой; грациозно, без искусственности, она выполняла все положенные фигуры. Ни единого сбоя. Ее спутник танцевал явно механически, с усилием заставляя себя выполнять ритуал.

Когда танец кончился, она резко повернулась и исчезла. Толпа будто всосала ее в себя.

Коретти врезался в гущу людей вслед за ней, не упуская ее из виду — и только он один успел заметить, как девушка меняется. Когда она дошла до выхода, волосы стали каштановыми, а платье — длинным и голубым. В прическе, над правым ухом, расцвел белый цветок; волосы теперь были прямые и длинные. Бюст стал чуть больше, а бедра тяжелее. Она сбегала через ступеньку, Коретти забеспокоился — не упала бы. Ведь столько выпито.

Но алкоголь, похоже, совсем на нее не действовал.

Не теряя девушку из виду, Коретти шел следом. Сердце его колотилось быстрее, чем ритм оставшегося позади диско. В любое мгновение она может обернуться, увидеть его, позвать на помощь.

Пройдя два квартала по Третьей, она свернула в «Лотарио». Походка неуловимо изменилась. В «Лотарио» было спокойно — кабинки, обви-

тые плющом, с зеркалами в стиле «Арт-Деко». Поддельные светильники «Тиффани», свисавшие с потолка, чередовались с вентиляторами с большими деревянными лопастями, которые вращались слишком медленно, чтобы разогнать клубы дыма, плывущие сквозь гул захмелевших голосов. После дискотеки в «Лотарио» казалось особенно уютно. Пианист в рубашке с закатанными рукавами и в небрежно повязанном галстуке наигрывал джаз, мелодия не заглушала голоса и смех, доносившиеся из-за десятка столиков.

Она была в баре. Занята была лишь половина табуретов, но Коретти предпочел сесть за столик у стены, в тени миниатюрной пальмы. Заказал бурбон.

Выпил и заказал еще. Что-то ему сегодня никак не захмелеть.

Она сидела рядом с молодым человеком — еще одним молодым человеком, с непримечательным, с правильными чертами, лицом. На нем была желтая рубашка для гольфа и тесные джинсы. Бедро девушки касалось его ноги — чуть-чуть. Похоже, они не разговаривали, но Коретти чувствовал, что они каким-то образом общаются. Они молча сидели, слегка склонившись друг к другу. Коретти стало неуютно. Пошел в туалет,

сполоснул лицо водой, а на обратном пути постарался пройти футах в трех от них. Пока он не оказался вблизи, их губы не шевелились.

Коретти услышал обычный треп:

— … видела его старые фильмы, но…

— Вам не кажется, что он очень уж любуется собой?..

— Пожалуй, но ведь в каком-то смысле…

И тут Коретти наконец понял, кто они такие — или, вернее, кем они должны быть. Они были из той породы людей, которая выведена, казалось, специально для баров. Нет, они не пьяницы; они — одушевленные приспособления. Функциональные части бара. Принадлежности.

Что-то внутри зудело, толкало на стычку. Он подошел к своему столику, но обнаружил, что ему не усидеть. Обернулся, судорожно глотнул воздуха и на деревянных ногах направился к бару. Ему хотелось коснуться этого бархатистого плеча и спросить, кто она такая, а точнее, что она такое. Чтобы в голосе прозвучала холодная ирония оттого, что это ему, Коретти, одетому по марсианской моде, соглядатаю, чужаку, одежда и речь которого никогда не соответствовали обстоятельствам, удалось-таки раскрыть их секрет.

Но запала не хватило; все, что он сумел сде-

лать, — сесть рядом с ней и заказать бурбон.

— Но разве вы не согласны, — спросила она своего спутника, — что все это относительно?

Места рядом с ее спутником заняла пара, которая рассуждала о политике. Антуанетта и Рубашка для Гольфа мгновенно переключились на политику. Они говорили достаточно громко, чтобы заглушить соседнюю пару. На лице ее во время разговора не отражалось ровным счетом ничего. Как у птички, чирикающей на ветке.

Она так уютно устроилась на табурете, будто он был ее гнездышком. За выпивку платил Рубашка-для-Гольфа. Каждый раз у него было ровно столько мелочи, сколько нужно, кроме тех случаев, когда он хотел оставить на чай. Коретти наблюдал, как они методично вылакали по шесть коктейлей каждый — будто насекомые, насыщающиеся нектаром. Но голоса их не стали громче, щеки не раскраснелись, а когда они наконец поднялись, в походке не было и следа опьянения. Вот это напрасно, подумал Коретти, это недостаток в их маскировке.

За все время, пока он следовал за ними еще по трем барам, они не обратили на него ни малейшего внимания.

В «Вэйлоне» они перевоплотились так быстро,

что Коретти чуть их не упустил. Место было из тех, где на дверях туалетов красуются надписи: «Для пойнтеров» и «Для сеттеров», а над подносами с вяленым мясом и сосисками — сосновая дощечка, на которой накарябано: *«Мы больше не имеем дела с банками. Они не подают пива — мы не принимаем чеки»*.

Там она оказалась толстушкой с темными кругами под глазами. На синтетических брюках — кофейные пятна. Ее спутник теперь был в джинсах, футболке и красной бейсбольной кепке с красно-белой эмблемой клуба «Питербилт». Коретти рискнул выпустить их из-под наблюдения. Отправился к «пойнтерам» и обалдело простоял там с минуту, в замешательстве разглядывая картонку с надписью: *«Наша цель — позаботиться; ваша забота — прицелиться»*.

Вблизи порта Третья авеню терялась в каменном лабиринте. В последнем квартале панель через равные промежутки была размечена пятнами блевотины. Старики, навеки забытые за дымчато-зеркальными стеклами захудалых отелей, клевали носами перед экранами черно-белых телевизоров.

Бар, который они отыскали, названия не имел. Давно не мытое окно украшал вот-вот готовый

отвалиться бубновый туз; лицо бармена походило больше на стиснутый кулак. УКВ-приемник в пластиковом корпусе под слоновую кость исторгал рок на неровные ряды пустых столиков. Подкреплялись подопечные Коретти пивом и виски. Теперь они оказались неприметной пожилой парой. Они потягивали свое пойло и надсадно выкашливали дым «Кэмела». Смятую пачку она вытащила из кармана грязно-рыжего дождевика.

В два двадцать пять они оказались в комнате для отдыха под самой крышей нового гостиничного комплекса, вознесшегося над причалом. На ней было вечернее платье, на нем — темный костюм. Они пили коньяк и делали вид, что восторгаются ночными огнями. Пока Коретти смаковал свой стакан «Дикой индейки», они выпили по три порции коньяку.

Пили они до самого закрытия. Коретти последовал за ними в лифт. Они вежливо улыбнулись, но больше никак не отреагировали на его присутствие. Перед входом в отель стояли два такси; они заняли одно, Коретти — другое.

— За тем такси, — осипшим голосом бросил Коретти, сунув последнюю двадцатку водителю — стареющему хиппи.

— Будь спок, шеф, будь спок!..

Они сели им на хвост и преследовали шесть кварталов, пока первое такси не остановилось у другого отеля, поскромнее. Пассажиры вышли из машины и направились к дверям отеля. Коретти медленно, тяжело дыша, вылез.

Он был болен мучавшими его подозрениями: эта женщина — совсем не женщина, она — воплощенное соответствие окружению, удачно подобранные обои в человеческом облике. Коретти постоял, пристально разглядывая отель, — и сдался. Нервы не выдержали.

Он пошел домой. Шестнадцать кварталов. По пути он вдруг осознал, что совершенно трезв. Как стеклышко.

Утром он позвонил, чтобы отменить первую лекцию. Правда, и похмелья-то не было. Во рту не пересохло, а разглядывая себя в зеркало ванной, Коретти заметил, что глаза не налиты кровью.

После обеда он заснул и видел во сне людей с овечьими лицами, которые отражались в зеркальных стенах, за рядами бутылок.

В тот вечер он вышел поужинать — но ничего не ел. Не лезло в рот. Он поковырял для виду в тарелке, заплатил и пошел в бар. Потом в другой. И в следующий — всюду он высматривал ее. Теперь

он пользовался кредитной карточкой, хотя уже основательно задолжал «Визе». Если Коретти и видел ее, то не узнал.

Иногда он принимался следить за отелем, в который она вошла в последний раз. Пристально вглядывался в каждую входившую и выходившую пару. Не то чтобы надеялся узнать ее только по одному внешнему виду — нет, должно быть ощущение, своего рода интуитивное опознание. Он наблюдал за парами, но уверен ни разу не был.

Несколько недель он обходил все до единого кабаки в городе. Вооружившись сперва картой и пятью рваными телефонными книгами, он постепенно смещался к все менее известным заведениям, телефонные номера которых в справочниках не упоминались. В иных и телефонов-то не было. Он вступал в подозрительные частные клубы, отыскивал нелицензированные забегаловки, работавшие после официального закрытия, куда выпивку надо было приносить с собой. Коретти пришлось понервничать в клубах, где в темноте занимались таким запредельным сексом, о существовании которого он и не подозревал.

Он продолжал свои ежевечерние обходы, вся-

кий раз начиная с «С черного хода». Ни разу ее там не заставал, и в следующем баре тоже. Бармены его уже узнавали, и были рады, потому что пил он непрерывно и, похоже, никогда не пьянел. Так он и сидел, вглядываясь в других завсегдатаев, — что дальше?

Коретти потерял работу.

Он слишком часто отменял лекции. Настолько увлекся, что следил за отелем даже днем. Его слишком часто встречали в барах. Похоже, он перестал менять одежду. Отказался от вечерних занятий. Мог прервать лекцию на полуслове и с отсутствующим взором уставиться в окно.

Втайне он был доволен тем, что его вышибли. На него уже стали коситься на факультетских ланчах, когда он не мог притронуться к еде. Да и времени для поисков прибавилось.

Коретти обнаружил ее в среду, в два часа пятнадцать минут пополуночи в баре голубых под названием «Конюшня». Обшитые досками стены, свешивающиеся отовсюду уздечки и прочий ржавый фермерский хлам. Крепкие духи, хохот, пиво. Она была среди местных веселых сестренок — в платье с голубыми блестками, с зеленым пером в тщательно уложенных каштановых волосах. Сквозь нахлынувшее облегчение Коретти

ощутил что-то вроде восторга, странное чувство гордости за нее — и ей подобных. Она и здесь была принадлежностью. Человек, готовый поделиться последним окурком и не представляющий ни малейшей угрозы ни «королевам», ни их партнерам. Ее спутник предстал в тот раз мужчиной неопределенного возраста: слегка посеребренные виски, пушистый ангорский свитер, плащ на подкладке.

Они медленно пили, потом, смеясь — как раз в меру! — направились в дождь. У дверей стояло такси, его «дворники» двигались точно в такт ударам сердца Коретти.

Неловко перепрыгнув через лужу на панели, Коретти юркнул в такси, трепеща в ожидании их реакции.

Коретти уселся на заднем сиденье, позади нее.

Человек с седыми висками поговорил с водителем. Тот пробурчал что-то в свой микрофон, переключил скорость, и они отплыли в дождь и уличную тьму. Коретти не замечал проносившихся мимо зданий — он представлял, как такси останавливается, седой мужчина и хохочущая женщина выкидывают его из машины и, смеясь, тычут пальцами на ворота сумасшедшего дома. Или: такси останавливается, пара поворачива-

ется к нему, печально кивая. И еще десяток раз он представлял, как такси останавливается в пустынном переулке и они спокойно душат его. Коретти, мертвый, валяется под дождем. Потому что он — чужак.

Но они подъехали к его отелю.

В тусклом свете лампы Коретти внимательно наблюдал, как мужчина полез за отворот плаща, чтобы достать деньги. Коретти отчетливо видел, что подкладка сливалась в одно целое со свитером. Не было там ни бумажника, ни кармана. Но вдруг образовалась щель, расширилась, когда в нее вошли пальцы, и исторгла деньги. Щель произвела на свет три сложенные банкноты. Деньги были чуть влажные. Когда мужчина развернул их, они высохли, как крылышки мотылька, только что появившегося на свет.

— Сдачи не надо, — сказал человек-принадлежность, вылезая из машины. Антуанетта скользнула наружу, Коретти отправился за ней, видя перед собой только щель в плаще. Влажную, окаймленную красным, похожую на жабры.

Портье в пустом вестибюле был поглощен кроссвордом. Пара спокойно прошла к лифту, Коретти неотступно следовал за ними. Он попытался поймать ее взгляд, но она не обратила

на него ни малейшего внимания. А когда лифт поднялся семью этажами выше того, на котором жил Коретти, она наклонилась и понюхала хромированную настенную пепельницу — как собака принюхивается к Земле.

Жизнь в отелях не замирает даже глубокой ночью. В коридорах не бывает тишины. Не умолкают едва слышные вздохи, шорох простыней, кто-то бормочет во сне. Но в коридоре девятого этажа, показалось Коретти, царил идеальный вакуум; туфли его беззвучно ступали по бесцветному ковру; даже испуганное биение сердца поглощалось неярким рисунком обоев.

Он пытался считать маленькие пластиковые овалы, прикрепленные к дверям, — на каждом по три цифры, но коридор, казалось, тянулся в бесконечность. Наконец мужчина остановился перед дверью, фанерованной, как и все остальные, под красное дерево, и приложил руку к замку. Ладонь тихо легла на металл. Что-то мягко скрипнуло, затем механизм щелкнул, и дверь распахнулась. Он отнял руку — Коретти увидел серо-розовое серебро кости, которое еще не потеряло форму ключа, втягивающееся, влажно поблескивая, в ладонь.

Света в комнате не было, но тусклое неоновое

сияние городских огней сочилось сквозь зеркальные стекла; в этом сиянии он увидел лица десятка — или больше? — людей, застывших сидя на кровати, на кушетке, в креслах, на кухонных табуретах. Сперва ему показалось, что их глаза открыты, но тут же осознал, что спящие зрачки скрыты под мембранами под третьим веком, а слабый неоновый свет, падающий из окна, отражается в нем. Одеты они были в то, в чем покинули последний бар; бесформенный балахон Армии Спасения соседствовал с ярким прогулочным костюмом, вечернее платье — с пропыленной фабричной одеждой, кожа байкера — с твидом от Харриса. Во сне исчезло все их сомнительное человекоподобие.

Они сидели как на насестах.

Его пара расположилась на полированном кухонном столе, а Коретти в нерешительности замер, стоя посреди ковра. Казалось, световые годы ковра отделяют Коретти от остальных, но что-то призывало его преодолеть это расстояние, суля покой, мир и принадлежность. И все-таки он колебался, содрогаясь от нерешительности, которую источало, казалось, все его существо.

Он стоял, пока они не открыли глаза — все разом; мембраны скользнули в сторону, обнажив

злобную уверенность обитателей самых глубоких океанских впадин.

Коретти вскрикнул, бросился бежать, промчался по коридорам, потом вниз, по гулким лестничным пролетам, под холодный дождь, на пустынную улицу.

В свой номер на третьем этаже Коретти так и не возвратился. Скучающий гостиничный детектив сгреб в кучу книги по лингвистике, единственный чемодан с одеждой — все это пошло потом на распродажу. Коретти снял комнату у суровой трезвенницы-баптистки, которая заставляла своих постояльцев молиться перед началом каждой трапезы — малосъедобной, впрочем. Она ничего не имела против того, что Коретти в этих трапезах не участвует: он объяснил ей, что его бесплатно кормят на работе. Лгал он теперь легко и искусно. Никогда не пил в пансионе и ни разу не пришел пьяным. Конечно, мистер Коретти не без странностей, но платит за квартиру исправно. И никакого от него беспокойства.

Коретти прекратил розыски. Перестал ходить в бары. Пил из бумажных пакетов по пути на работу и с работы — он теперь работал в типографии, а в промышленной зоне баров почти не было.

Работал по ночам.

Иногда на рассвете, пристроившись на краешке неразобранной постели, окунаясь в сон — он теперь никогда не спал лежа, — он думал о ней. Об Антуанетте. И о них. О принадлежностях. Иногда он сонно размышлял… Наверное, они нечто вроде домашних мышей — мелкие животные, способные выжить только рядом с человеком.

Животные, которые существуют только благодаря потреблению алкоголя. Со специфическим метаболизмом, который превращает алкоголь и различные белки из коктейлей, вина и пива во все, что им может понадобиться. А внешность они меняют для самозащиты, как хамелеон или камбала. Так они могут выжить среди нас. А может быть, думал Коретти, в своем развитии они проходят несколько стадий. Сперва они выглядят совсем как люди, едят человеческую пищу, а свое отличие замечают только когда их охватывает беспокойное ощущение чуждости.

Животные со своими уловками, со своим собственным набором инстинктов городских обитателей. И со способностью чувствовать себе подобных, когда те поблизости. Может быть.

А может быть, и нет.

Коретти погрузился в сон.

В среду (он уже три недели как работал на но-

вом месте) хозяйка открыла дверь — она никогда не стучалась — и сообщила, что его просят к телефону. Голос ее был привычно-подозрительным; Коретти пошел за ней по темному коридору в гостиную на втором этаже.

Поднеся старомодный черный прибор к уху, он сперва не услышал ничего, кроме музыки, а затем звуковая завеса распалась на амальгаму разговоров. Смех. Голос так и не прорвался сквозь знакомые звуки бара, но фоном была мелодия «Это из-за тебя наши дети безобразны».

А потом трубку повесили — пошли гудки отбоя.

Позже, в комнате, прислушиваясь к доносившейся снизу твердой поступи хозяйки, Коретти понял, что больше ему незачем здесь оставаться. Вызов пришел. Но хозяйка требовала уведомить ее за три недели. Это значило, что Коретти ей должен. Инстинкт подсказал, что деньги следует оставить.

В соседней комнате кашлял во сне рабочий-христианин. Коретти поднялся и спустился в холл к телефону. Позвонил начальнику вечерней смены, что увольняется. Повесил трубку, вернулся в комнату, запер за собой дверь, затем медленно стянул с себя одежду, оставшись нагишом перед

яркой литографией Иисуса в рамке над коричневым металлическим бюро.

Потом он отсчитал девять десяток. Аккуратно положил их рядом с тарелочкой с изображенными на ней молитвенно сложенными руками.

Очаровательные денежки. Очень хорошие денежки. Он их сам сделал.

В этот раз он не захотел беседовать. Она пила «маргариту», он заказал то же самое. Она заплатила, вытащив деньги неуловимым движением откуда-то из глубокого выреза платья. Он успел заметить, как там смыкаются жабры. В нем что-то возбудилось — но это не было связано с эрекцией.

После третьей «маргариты» их бедра соприкоснулись, и по его телу поплыли медленные волны оргазма. Напряжение было сосредоточено в том месте, где они касались друг друга, — размером не больше ссадины у него на пальце. Он раздвоился: один, тот, что внутри, сливался с ней в абсолютном клеточном единстве, а оболочка, небрежно развалившаяся на табурете, положив локти на стол по обе стороны от бокала, крутила в пальцах трубочку для коктейля. Задумчиво улыбаясь в прохладном полумраке.

Лишь на мгновение — на одно-единственное

мгновение — смутное беспокойство вынудило Коретти бросить взгляд вниз, где пульсировали нежно-рубиновые трубочки и трудились щупальца с жадными губками. Будто сплетенные усики двух странных анемон.

Они спаривались, и никто об этом не подозревал.

А бармен, принеся очередную порцию выпивки, выдавил усталую улыбку и сказал:

— Все льет, а? И как ему не надоест?

— И всю неделю так, будь он неладен, — ответил Коретти. — Хлещет как из ведра.

Он выговорил это совершенно правильно. Будто настоящий человек.

Захолустье

Когда Хиро щелкнул переключателем, мне снился Париж зимой, его мокрые темные улицы. Боль, вибрируя, поднялась со дна черепа, взорвалась по ту сторону глаз полотнищем голубого неона. Распрямившись, как пружинный нож, я с воплем вылетел из гамака. Я всегда кричу. Считаю это обязательным. В мозгу бушевали волны обратной связи. Переключатель боли — это вспомогательный контакт в имплантированном костефонном передатчике, подключенный прямо к болевым центрам: именно то, что нужно, чтобы прорваться сквозь барбитуратный туман суррогата. Несколько секунд у меня ушло на то, чтобы мир снова стал на место. Сквозь дымку снотворного всплывали айсберги биографии: кто я, где я, что я тут делаю, кто меня будит.

Голос Хиро то и дело пропадал, в мою голову он проходил через все тот же костефон.

— Черт тебя побери, Тоби! Знаешь, как бьет по ушам, когда ты так орешь?

— А пошел ты со своими ушами, доктор Нагасима, знаешь куда?.. Мне до твоих ушей, как до…

— Нет времени на любовную литанию, мой

мальчик. У нас работа. Кстати, что там такое с пятидесятимилливольтовыми всплесками волн в твоей височной кости, а? Подмешиваешь что-то к транквилизаторам, чтобы расцветить сны?

— У тебя энцефалограф дурит, Хиро. И сам ты псих, я просто хочу поспать…

Рухнув обратно в гамак, я попытался натянуть на себя темноту, но навязчивый голос уходить не желал:

— Прости, дружок, но ты сегодня работаешь. Час назад вернулся очередной корабль. Бригада шлюзовиков уже на месте. Сейчас как раз отпиливают двигатель, чтобы корабль прошел в люк.

— Кто в нем?

— Лени Гофмансталь, Тоби. Физхимик, гражданка Федеративной Республики Германии. — Он подождал, пока я перестану стонать. — Есть подтверждение: это пушечное мясо.

Чудный рабочий сленг мы тут выработали. Он имел в виду вернувшийся корабль с включенной медицинской телеметрией, в котором имелось 1 (одно) тело, теплое, то есть живое; психологическое состояние космонавта пока не установлено. Я тихонько покачивался в темноте с зажмуренными глазами.

— Похоже, ты — ее суррогат, Тоби. Ее профиль

ближе всего к профилю Тейлора, но он пока в отлучке.

Знаю я, что это за «отлучка». Тейлор сейчас в сельскохозяйственном отсеке, под завязку накачан амитриптилином и занимается аэробикой, чтобы сбить приступ очередной клинической депрессии. И это — только одна из разновидностей профессионального риска. Мы с Тейлором не ладим. Забавно, как обычно недолюбливаешь тех, чей психосексуальный профиль слишком уж похож на твой собственный.

— Эй, Тоби, где ты кайф берешь? — ритуальный вопрос. — У Шармейн?

— У твоей мамочки, Хиро.

Он так же хорошо, как и я, знает, что у Шармейн.

— Спасибо, Тоби. Через пять минут чтоб был у лифта в Райский Уголок, а не то я пошлю за тобой русских санитаров, уж они-то тебя поставят на ноги.

Тихонько покачиваясь в гамаке, я решил сыграть в невеселую игру под названием «Местечко Тоби Холперта во Вселенной». Не будучи эгоистом, помещаю в центр Солнце, светило, око дня. Теперь запускаем аккуратные планетки, нашу уютную Солнечную систему. А среди них зададим

точку, расположенную приблизительно в одной восьмой пути от Земли до Марса. И вот они мы — внутри толстого приплюснутого цилиндра, похожего на уменьшенную в четыре раза модель «Циолковского-1», Рая Трудящихся на L-5. «Циолковский-1» зафиксирован в точке либерации между Землей и Луной, нам же нужен световой парус, чтобы удержаться на месте. Масса у станции немалая: двадцать тонн, литой алюминиевый декаэдр, а длина — десять километров из конца в конец. Этот парус отбуксировал нас сюда с орбиты Земли, а теперь служит нам якорем. Кроме того, за ним мы прячемся от потока фотонов, пока висим здесь рядом с Нечто — точкой, аномалией, которую мы зовем «Трассой».

Французы называют ее «le mitro», то есть «подземка», а русские зовут «рекой», но «подземка» не передает расстояния, а понятие «река» для американцев не несет в себе столь острого чувства одиночества. Называйте это «Координатами Аномалии Товыевской», если вам не противно втягивать в это Ольгу. Ольга Товыевская — наша Леди Сингулярности, Святая Патронесса Трассы.

Хиро не доверяет мне, не верит, что я встану сам. Перед самым появлением русских санитаров он со своего пульта включает свет в моей келье

и оставляет его на несколько секунд мигать и заикаться, прежде чем огни ровным светом зальют портреты Святой Ольги. Их прикрепила к переборке Шармейн. Десятки изображений повторяют лицо Ольги в крупном зерне газетных фотографий, в журнальном глянце. Наша Госпожа Трассы.

Подполковник Ольга Товыевская, самая молодая женщина в этом звании среди советских космонавтов, держала путь на Марс в одиночном модифицированном «Алеуте-6». Новые двигатели и расширенный трюм позволяли кораблю отвезти на орбиту Марса новый образец очистителя воздуха. Агрегат предстояло испытать в обслуживаемой четырьмя космонавтами русской орбитальной лаборатории. С тем же успехом «Алеутом» могли бы управлять и по радио с «Циолковского», но Ольге захотелось самолично занести точки прохождения в бортовой журнал. Впрочем, руководство позаботилось о том, чтобы она не бездельничала: ей навязали серию рутинных экспериментов с бомбозондами для изучения космического водорода — заключительная часть каких-то второстепенных совместных исследований СССР и Австралии. Кому, как не Ольге, было знать, что ее в этих экспериментах вполне бы мог

заменить кухонный таймер любой домохозяйки. Но она была сознательным офицером и нажимала на кнопки точно через заданные интервалы.

С пышным узлом темно-русых волос под тончайшей ажурной сеткой она должна была представлять собой идеал «Трудящейся в космосе» из публикаций в «Правде», поскольку была, пожалуй, самой фотогеничной из космонавтов обоего пола. Еще раз сверясь с хронометром «Алеута», она занесла руку над кнопкой, которая запустила бы первую серию бомбозондов. Откуда было знать подполковнику Товыевской, что она приближается к той точке пространства, которая со временем станет известна как Трасса.

Когда она набрала шестизначную последовательность команд, «Алеут», пройдя эти последние километры, выпустил бомбозонды; их взрывы сопровождались выбросом радиоэнергии частотой 1420 мегагерц, соответствующей спектру излучения атома водорода. Наблюдение вел радиотелескоп «Циолковского», который передавал сигнал на геосинхронные комсаты, а те, в свою очередь, переправляли его вниз на наземные станции в южной части Урала и в Новом Южном Уэльсе.

На три и восемь десятых секунды радиосилуэт

«Алеута» забило эхо излучения.

Когда на экранах земных мониторов погасло остаточное свечение, выяснилось, что «Алеут» исчез.

На Урале средних лет грузин прокусил чубук любимой пеньковой трубки. В Новом Южном Уэльсе молодой физик принялся колотить по своему монитору, как разъяренный финалист по электрическому бильярду, не желая выпустить шарик из игрового поля.

Лифт, поджидавший меня, чтобы отвезти в Райский Уголок, казался взятым из голливудского реквизита — узкий высокий саркофаг в стиле «Баухауз» с блестящей акриловой крышкой. Ряды идентичных пультов уменьшались за ним, как на иллюстрации к главе по исчезающей перспективе в школьном учебнике. Вокруг озабоченно сновала обычная толпа техников в клоунских костюмах из желтой бумаги. Я поискал глазами синий комбинезон Хиро, но сегодня на нем была ковбойская рубашка с перламутровыми пуговицами, из-под которой выглядывала застиранная водолазка с надписью «UCLA». Поглощенный каскадом сыпавшихся с экрана цифр, он меня не заметил. Как, впрочем, и все остальные.

Я стоял, глядя в потолок, он же — дно Рая. В

потолке ничего райского не было. Наш цилиндр состоит, в сущности, из двух: один внутри другого. Внизу, во внешнем цилиндре, — это «внизу» мы устанавливаем сами при помощи осевого вращения — «мирские» стороны нашей деятельности: спальные отсеки, кафетерии, шлюзовая палуба, куда втягивают возвращающиеся суда, коммуникационный центр и Палаты, которые я старательно обхожу стороной.

Райский Уголок — внутренний цилиндр, сказочно зеленое сердце станции, воплощенная мечта зрелого Диснея о возвращении к истокам, жаждущее ухо голодной до информации мировой экономики. На Землю постоянно несется, пульсируя, поток неотсортированных данных: наводнение слухов, намеков, шепотков межгалактического дорожного движения. Раньше я подолгу неподвижно лежал в гамаке и всем телом ощущал давление этого потока, чувствовал, как данные змеятся за переборками по похожим на вены кабелям, которые я воображал перетянутыми и вздувшимися. Склеротические артерии вот-вот охватит спазм, который раздавит меня. Потом ко мне перебралась Шармейн; когда я рассказал ей о своих страхах, она заговорила этот поток магическими заклинаниями и развесила

повсюду иконы Святой Ольги. И давление спало.

— Подключаю тебя к переводчику, Тоби. Тебе сегодня утром может понадобиться немецкий. — Голос Хиро песком скрипит в моем черепе. — Хиллари…

— На связи, доктор Нагасима, — отозвался голос диктора Би-би-си, прозрачный, как кристалл льда. — Ты говоришь по-французски, Тоби, так ведь?

Гофмансталь знает французский и английский.

— Держись от меня подальше, Хиллари. Говори, когда тебя, черт побери, спрашивают, ясно?

Ее молчание легло еще одним слоем в затяжное путаное шипение статики. Поверх двух десятков пультов Хиро бросил на меня грязный взгляд. Я ухмыльнулся.

Начинается: возбуждение, приток адреналина в кровь. Я чувствовал это даже сквозь последние клочья барбитуратной завесы.

Комбинезон мне помогал надевать блондин с лицом серфингиста. Комбинезон был одновременно и старым, и новым — тщательно потрепанный, пропитанный синтетическим потом и обычным набором феромонов. Оба рукава от кисти до плеча вымощены вышитыми

нашивками, по большей части с эмблемами корпораций-спонсоров воображаемой экспедиции по Трассе. Плечи украшали стежки торговой марки основного спонсора — предполагалось, что именно эта фирма послала «ХОЛПЕРТА ТОБИ» на его свидание со звездами. Хорошо хоть имя, вышитое над самым сердцем ярко-алыми заглавными буквами, мне оставили настоящее.

У серфингиста была стандартная внешность красивого мальчика, которая ассоциируется у меня с сотрудниками ЦРУ младшего звена, но на его бэдже значилось: «Невский», а ниже то же самое было написано кириллицей — значит, КГБ. Он — не «циолник»: ему не хватает той раскованности движений, какая приобретается за двадцать лет пребывания в искусственной биосреде на L-5. Парнишка, судя по всему, москвич чистейшей воды, вежливый функционер, который, вероятно, знает восемь способов убить человека свернутой газетой. Вот мы приступаем к ритуалу «кармашки и наркотики». Невский опускает микрошприц, заряженный каким-то новым, вызывающим эйфорию галлюциногеном, в кармашек у меня на запястье, отступает на шаг и щелкает переключателем, отмечая передачу в своем электронном блокноте. Высвеченный

на экранчике блокнота силуэт суррогата в комбинезоне кажется мишенью из тира. Из кейса, прикованного цепью к руке, Невский извлекает пузырек с пятью граммами опиума, находит кармашек и для него. Щелчок. Четырнадцать кармашков. Кокаин — последний.

Хиро подошел как раз тогда, когда русский заканчивал процедуру.

— Может быть, у нее есть какие-нибудь данные в «железе», Тоби. Помни, она все-таки — технарь.

Странно было воспринимать его голос на слух, а не как вибрацию кости от имплантированного приемника.

— Там до хрена железа, Хиро.

— Мне ли этого не знать?

Он тоже чувствовал эту особую дрожь нервного возбуждения. Но нам с ним, похоже, никак не удается встретиться глазами. Прежде чем неловкость увеличилась, он повернулся и, подняв большой палец, подал знак одному из желтых клоунов.

Двое желтых помогли мне забраться в гроб в стиле «Баухауз» и, когда зашипела опускающаяся, как забрало шлема какого-нибудь великана, крышка, отступили назад. Я начал свое восхождение в Рай на встречу с вернувшейся домой

незнакомкой по имени Лени Гофмансталь. Недолгое путешествие, но мне казалось, что оно тянется целую вечность.

Ольга, наш первый автостопщик, первая из тех, кто поднял руку на длине волны водорода, добралась домой через два года. Однажды серым зимним утром в Тюратаме, посреди казахстанской степи, ее возвращение было записано на восемнадцати сантиметрах магнитной пленки.

Если бы религиозный человек — да еще со знанием технологии кино — наблюдал за точкой в пространстве, откуда два года назад исчез «Алеут» Ольги, ему бы показалось, что Господь просто наложил кадр с изображением корабля на пленку с кадрами пустого космоса. Корабль вспыхнул на экране радаров в нашем пространственно-временном континууме как грубый спецэффект дилетанта. Еще неделя, и его никогда не настигли бы. Земля ушла бы своим путем, оставив Ольгу и корабль дрейфовать в сторону Солнца. Через пятьдесят три часа после ее возвращения первый нервничающий доброволец по имени Куртц, облаченный в бронированный рабочий скафандр, проник в люк «Алеута». Это был специалист по космической медицине из Восточной Германии. Его тайным пороком были

американские сигареты. Ему отчаянно хотелось курить, пока он проходил воздушный шлюз, прокладывал себе дорогу мимо громоздкого куба очистителя воздуха, вмонтированного в обшивку, и настраивал фонари шлема. «Алеут» даже два года спустя, казалось, был полон пригодного для дыхания воздуха. В двойном луче Куртц увидел, как мимо проплывают крохотные шарики крови и блевотины, кружась в образовывавшихся за ним водоворотах воздуха. С трудом протиснувшись в тяжелом скафандре по центральному проходу, врач вошел в командный модуль. Там он ее и обнаружил.

Обнаженная, свернувшись невообразимым, почти животным узлом, она парила над навигационным дисплеем. Глаза ее были открыты, но устремлены на нечто, чего Курцу никогда не увидеть.

Окровавленные руки были сжаты в каменные кулаки, а русые волосы, теперь распущенные, морскими водорослями плавали вокруг лица. Очень медленно и осторожно врач проплыл над белой клавиатурой командного пульта и закрепил свой скафандр у навигационного дисплея. Судя по всему, она принялась крушить коммуникационное оборудование голыми руками, решил

он и дезактивировал правую клешню скафандра. Та автоматически развернулась, как будто две пары зажимов решили уподобиться цветку. Куртц протянул руку, все еще затянутую в герметичную серую хирургическую перчатку.

Потом как можно осторожнее разогнул пальцы ее левой руки. Ничего.

Но когда он разжал правый кулак, что-то вырвалось на свободу и, как в замедленной съемке, закувыркалось в нескольких сантиметрах от лицевого щитка его скафандра. Это что-то походило на морскую раковину.

Ольга вернулась домой, но жизнь так и не вернулась в ее голубые глаза. Естественно, врачи делали все возможное, чтобы привести ее в чувство, но чем больше они прилагали усилий, тем больше она истончалась. Одержимые жаждой знаний, они стирали ее все тоньше и тоньше, пока в своем мученичестве она не заполнила целые библиотеки застывшими рядами драгоценных реликтов. Ни одного святого не препарировали столь тщательно. В лабораториях одного только Плесецка она была представлена более чем двумя миллионами срезов тканей, складированных в подземном бомбоубежище биологического комплекса.

С раковиной им повезло больше. Оказалось, что отныне наука зкзобиология базируется на обескураживающе солидной основе — на целых одном и семи десятых грамма высокоорганизованной биологической информации определенно внеземного происхождения. Морская раковина Ольги породила совершенно новый раздел науки, посвященный изучению исключительно… морской раковины Ольги.

Предварительный анализ показал две вещи. Во-первых, раковина — продукт неизвестной биосферы земного типа, а так как подобных биосфер в Солнечной системе не существует, она могла попасть сюда только с другой звезды. А значит, Ольга где-то побывала или вошла в контакт — каким бы отдаленным, опосредованным он ни был — с кем-то или с чем-то, что способно или было способно совершить подобное путешествие.

В специально оснащенном «Алеуте-9» к «Координатам Товыевской» послали майора Грожа. За ним следовал еще один корабль. Майор как раз производил последний из своих двадцати водородных запусков, когда его судно исчезло. Ученые зафиксировали его отбытие и стали ждать. Двести тридцать четыре дня спустя он вернулся. Тем временем оставшийся корабль не

переставал зондировать этот участок космоса, отчаянно выискивая хоть что-нибудь, что было бы каким-то специфическим отклонением, раздражителем, вокруг которого удалось бы выстроить теорию. Ничего, только корабль Грожа, вырвавшийся из-под контроля. Майор покончил жизнь самоубийством, прежде чем они успели достичь корабля. Вторая жертва Трассы.

Отбуксировав «Алеут» на «Циолковский», они обнаружили, что высокоточное регистрирующее оборудование совершенно чисто. Все приборы — в превосходном состоянии, но ни один из них не сработал. Тело Грожа заморозили, и на первой же челночной ракете отправили в Плесецк, где бульдозеры уже рыли котлован для нового подземного комплекса.

Три года спустя, утром того дня, когда русские потеряли своего семнадцатого космонавта, в Москве зазвонил телефон. Звонивший представился как директор Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки. Он уполномочен, сообщил он, сделать некое предложение. На определенных, очень конкретных условиях Советский Союз может рассчитывать на помощь светил западной психиатрии. По сведениям его управления, продолжал

голос, подобная помощь в настоящее время весьма желательна.

Его русский был великолепен.

Статика костефона напоминает песчаную бурю в глубинах подсознания. Лифт скользит вверх по узкой шахте в полу Рая. Я считаю расположенные через двухметровые интервалы синие огни. После пятого — тьма и остановка.

Выход из лифта замаскирован внутри полого командного пульта, установленного в муляже стандартного корабля Трассы. В ожидании команды Хиро я ощущаю себя тайной, спрятанной за хитроумным поворачивающимся книжным шкафом из какой-нибудь страшилки, какие рассказывают вечерами детям.

— Все чисто, — говорит Хиро. — Поблизости никаких клиентов.

Я рефлекторно помассировал шрам за левым ухом, где мне вскрывали череп, чтобы вживить костефон. Стенка муляжного пульта скользнула в сторону, впустив серый предрассветный свет Рая. Внутри поддельного модуля все было хорошо знакомым и одновременно чужим — как в собственной квартире после недельного отсутствия. С тех пор как я вот так же стоял здесь в прошлый раз, один из побегов бразильского плюща змеей

прополз в левый иллюминатор, но, похоже, это было единственное изменение в декорациях.

На семинарах по биоструктуре из-за этого плюща постоянно ведутся ожесточенные споры. Американские экологи кричат о возможной нехватке азота. А русские болезненно воспринимают все, что связано с биодизайном, с тех самых пор, как им пришлось обращаться за помощью к американцам в экологической программе еще на «Циолковском-1». Там произошла кошмарная история с грибком, пожиравшим у них гидропонную пшеницу; несмотря на всю свою сверхточную инженерию, русские никак не могут создать функциональную экосистему. Именно экология и психиатрия открыли нам доступ к Трассе — русских это раздражает, поэтому они настаивают на бразильском плюще, да на чем угодно, лишь бы получить возможность спорить. Но мне это растение нравится: листья у него в форме сердечка, а если растереть между пальцами, они пахнут корицей.

Я стою у иллюминатора, глядя, как проясняются очертания поляны по мере того, как Рай заполняет отраженный солнечный свет. Рай живет по Гринвичу. Огромные зеркала Майлара поворачиваются где-то в открытом космосе, следуя

расписанию стандартного гринвичского рассвета. В кронах деревьев зазвучало записанное на пленку пение птиц. Птицам тяжко приходится без естественной гравитации. Мы не можем позволить себе настоящих, потому что они неизменно сходят с ума, пытаясь приспособиться к центробежной силе.

Тому, кто впервые попадает сюда, кажется, что Рай вполне соответствует своему названию: пышный, прохладный и яркий, высокая трава усеяна полевыми цветами. Особенно если этот кто-то не знает, что большая часть деревьев искусственные, а также — сколько сил уходит на то, чтобы поддерживать мало-мальски приближенное к оптимальному равновесие между сине-зеленой и диатомовой водорослью в прудах. Шармейн говорит, что она всякий раз ждет, что на поляну вот-вот, резвясь, выбежит Бэмби, а Хиро утверждает, что ему точно известно, со скольких инженеров «Диснея» взяли подписку о неразглашении в рамках Закона о национальной безопасности.

— С корабля Гофмансталь получены обрывки каких-то фраз, — говорит Хиро.

С тем же успехом он мог бы разговаривать сам с собой. Гештальт «суррогат-обработчик» всту-

пает в силу, и вскоре мы перестанем осознавать присутствие друг друга. Уровень адреналина идет на спад.

— Ничего связного… что-то вроде Schqene Maschine… «Хорошая машина»… «умная машина»…

Хиллари кажется, что Гофмансталь говорит довольно спокойно.

— Ничего мне не рассказывай, ладно? Никаких надежд. Давай без предвзятости.

Я открыл люк и вдохнул воздух Рая: он был прохладным и освежающим, как белое вино.

— Где Шармейн?

Он вздохнул — мягкий порыв статики.

— Шармейн следовало быть на Поляне-5, присматривать за вернувшимся три дня назад чилийцем. Но ее там нет, она каким-то образом прослышала, что ты поднимаешься наверх. Так что она будет ждать тебя у пруда с карпами. Упрямая дрянь, — добавил он.

Шармейн бросала камешки в пруд с китайскими большеголовыми карпами. За одно ухо заткнута гроздь белых цветов, за другое — сигарета «Мальборо». Босые ноги у нее были грязными, штанины комбинезона она подтянула до колен. Черные волосы затянуты в конский хвост.

Впервые мы встретились на вечеринке в сварочной мастерской. Пьяные голоса гулко отдавались в сфере из легированной стали, в нулевой гравитации самодельная водка текла рекой. Кто-то, у кого был бурдюк с водой на опохмелку, выдавив пару пригоршней, умело слепил неряшливый шар поверхностного натяжения. Старая шутка: «Передайте воды». Но я в невесомости неловок. Когда шар полетел в мою сторону, я проткнул его рукой. Пришлось вытряхивать из волос тысячу мелких серебристых пузырьков, отмахиваться от них, кружась волчком, а женщина рядом со мной смеялась, медленно описывая сальто. Высокая худощавая девушка с темными волосами. На ней были мешковатые штаны на завязках, какие туристы привозят с «Циолковского», и выцветшая футболка «NASA» на три размера больше, чем нужно. Минуту спустя она уже рассказывала мне о лихих забавах в компании с десятью «циолниками» и о том, как они гордились слабенькой анашой, которую вырастили в одном из зерновых баков. О том, что она тоже суррогат, я не догадывался до тех пор, пока к костефону не подключился Хиро, чтобы сказать нам, что вечеринка окончена.

Через неделю она перебралась ко мне.

— Минутку, о'кей? — Хиро оскалился (ужасающий звук). — Одну. Уно.

С этими словами он исчез, просто отключился, может быть, даже вырубил прием.

— Как дела на Поляне-5? — пристроившись подле нее, я подыскал себе несколько камешков.

— Неважно. Мне нужно было от него избавиться ненадолго, и я накачала его снотворным. Мой переводчик сказал, что ты поднимаешься сюда.

У нее была та разновидность техасского акцента, при которой «сад» звучит как «зад».

— Мне казалось, ты знаешь испанский. Твой ведь чилиец? — я запустил камешком в пруд, он запрыгал по воде.

— Я говорю на мексиканском диалекте. Гарпии из отдела культуры сказали, что ему бы не понравился мой акцент. И к лучшему. Я не поспеваю за ним, когда он слишком уж тараторит. — Один из ее камешков побежал за моим. Когда он утонул, по воде пошли круги. — Что происходит сплошь и рядом, — мрачно добавила она.

Большеголовый карп подплыл взглянуть, нельзя ли поживиться ее камнем.

— Он не выкарабкается. — Она не смотрела на меня, тон ее был совершенно нейтральным. — Малыш Хорхе определенно не выкарабкается.

Я выбрал показавшийся мне самым плоским камешек, попытался заставить его прыгать через весь пруд, но он утонул. Чем меньше я знаю о чилийце Хорхе, тем лучше. Я знал, что он вернулся живым — один из десяти процентов. Стандартная формулировка «DOA», «мертв по прибытии», применима к двадцати процентам случаев. Самоубийства. Семьдесят процентов «пушечного мяса» — автоматические кандидаты в Палаты: младенцы в пеленках, бормочущие что-то под нос, в полной отключке. Шармейн и я — суррогаты для остающихся десяти процентов.

Сомнительно, чтобы Рай появился, если бы первые автостопщики привозили назад лишь ракушки. Рай построили после того, как вернулся корабль с французским космонавтом на борту. Мертвец сжимал в руке двенадцатисантиметровое колечко из магнитно-кодированной стали — черная пародия на счастливого малыша, выигравшего бесплатный круг на карусели. Мы, наверное, никогда не узнаем, где и как к нему попало это кольцо, но оно оказалось «розеттским камнем» с рецептом, как лечить рак. С той минуты для человеческой расы настало время «грузовой лихорадки». Ведь там, в космосе, мы можем насобирать такого, на что сами бы не

наткнулись и за тысячу лет исследований. Шармейн говорит, что мы похожи на тех бедолаг с далекого острова, которые все свои силы бросили на строительство посадочных полос, чтобы заставить вернуться больших серебряных птиц. А еще Шармейн говорит, что контакт с «высшей» цивилизацией — это то, чего не пожелаешь и заклятому врагу.

— Тоби, ты когда-нибудь задумывался, как им пришла в голову мысль о такой вот обработке? — она прищурилась на зарю, занимавшуюся на востоке нашей зеленой, лишенной горизонта цилиндрической страны. — В этот день собрались, наверное, все шишки. Высохшие мудрецы, как это обычно водится в Пентагоне, расселись вдоль длинного стола из прекрасно сымитированного палисандрового дерева. У каждого — чистый блокнот и новенький карандаш, специально по такому поводу заточенный. Кого там только не было: фрейдисты, юнгианцы, адлерианцы, приверженцы теории «крысолова» — называй сам, кого вспомнишь. И каждый из этих ублюдков в глубине души знал, что пришло время разыграть козырную карту, причем для всей профессии, а не для разрозненных группировок. Вот она — западная психиатрия во плоти. И ничегошеньки

не произошло! Трасса по-прежнему выбрасывает трупы, вернувшиеся бредят или распевают детские песенки. А те, кто в себе, выдерживают не более трех дней, не говорят, черт побери, ничего, потом стреляются или впадают в кататонию. — Она сняла с пояса маленький фонарик, раскрыла пластмассовый корпус и извлекла оттуда параболический рефлектор. — Кремль заходится от крика. ЦРУ стоит на ушах. И хуже всего то, что транснациональным корпорациям, которые хотят за свои денежки музыку, надоедает ждать. «Мертвые космонавты? Никаких данных? Так не пойдет, ребята». Они начинают нервничать, все эти суперпсихоаналитики, пока какой-нибудь придурок, какой-нибудь ухмыляющийся полоумный из, например, Беркли не заявляет вдруг… — растягивая слова, она спародировала добродушный самоуверенный говорок: — «Эй, послушайте, почему бы нам просто не отправить этих людей в действительно приятное местечко, где много хорошего кайфа и есть кто-то, с кем они могли бы покалякать, а?»

Рассмеявшись, она покачала головой. Затем повертела в руках рефлектор, пытаясь поймать солнечный луч. Спичек нам с собой не дают, поскольку огонь нарушает равновесие кислорода и

углекислого газа. Когда она поднесла сигарету к добела раскаленной фокусной точке, потянулась струйка сизого дыма.

— О'кей, — послышался голос Хиро. — Твоя минута прошла.

Я глянул на часы. Скорее три, чем одна.

— Удачи тебе, дружок, — мягко сказала Шармейн, делая вид, что поглощена сигаретой. — Бог в помощь.

Обещание боли. Она всегда поджидает здесь. Ты знаешь, что случится, но не знаешь, когда или в точности как. Пытаешься удержать вернувшихся, вытянуть их из тьмы. Но если заслонить себя от боли, то не сможешь работать. Хиро все время цитирует какие-то японские вирши: «Научи нас испытывать желание и научи не испытывать его».

Мы похожи на комнатных мух, настолько умных, что сумели забраться в международный аэропорт. Некоторым действительно удается случайно проникнуть на рейс до Лондона или Рио, может быть, даже выжить во время перелета и вернуться назад. «Эге, — говорят тогда остальные мухи, — ну что там по ту сторону двери? Что такого знают они, что неизвестно нам?» На обочине Трассы любой человеческий язык теряет

свою тайну, за исключением, быть может, языка шамана, или каббалиста, или мистика, вознамерившегося проклассифицировать иерархию демонов, ангелов и святых.

Но Трасса живет по своим собственным правилам, и некоторые из них мы уже заучили. Это дает нам хоть какую-то зацепку.

Правило первое. В путь отправляются только в одиночку; никаких экипажей, никаких пар.

Правило второе. Никакого искусственного интеллекта; что бы ни двигалось по Трассе, оно не притормозит ради умной машины — во всяком случае, таких, какие делаем мы.

Правило третье. Регистрирующее оборудование — ненужный балласт; приборы всегда возвращаются пустыми.

Десятки новых физических школ возникли в русле учения Святой Ольги, не говоря уж о сотнях еще более причудливых и элегантных ересей — и все они стремились протолкнуться внутрь колеи. И все пали — одна за другой. В полной шорохов и шепотов тишине ночей Рая нетрудно представить себе, что слышишь, как рушатся парадигмы, позвякивают, рассыпаясь в алмазную пыль, обломки теорий, когда дело всей жизни какого-нибудь крупного института низводится

до незначительной запятой в истории науки. А Трасса тем временем возвращает искалеченных путников, чтобы во тьме они пробормотали нам какие-то обрывки.

Мухи в аэропорту, путешествующие автостопом. Мухам советуют не задавать лишних вопросов. Мухам советуют не пытаться увидеть Картинку-в-Целом. Повторные попытки без вариантов приводят к медленному, неумолимому огню паранойи. Разум проецирует на стены ночи гигантские темные чертежи, схемы, которые, обретя плоть, превращаются в безумие — и в религию. Мудрые мухи цепляются за теорию «черного ящика». «Черный ящик» — разрешенная метафора, Трасса же остается величиной *«х»* во всех разумных уравнениях. Считается, что нам не следует задумываться о том, что есть Трасса и кто ее сюда протянул. Вместо этого мы сосредотачиваем свое внимание на том, что мы помещаем в ящик, и том, что мы вытаскиваем из него. Есть то, что мы посылаем по Трассе (женщина по имени Ольга, ее корабль и многие-многие другие, последовавшие за ней), и то, что приходит назад (сошедшая с ума женщина, морская раковина, артефакты, фрагменты чужих технологий). Приверженцы теории «черного ящика» заверяют, что

главнейшая наша задача — оптимизировать этот обмен. Мы здесь для того, чтобы позаботиться о том, чтобы род человеческий на вложенные деньги получил свой дивиденд. Но все более очевидными становятся некоторые вещи. Например: мы не единственные мухи, отыскавшие дорогу в аэропорт. Слишком много артефактов собрано, и не меньше полудюжины из них происходят из резко отличающихся друг от друга культур — тоже «стопщиков», как называет их Шармейн. Мы как крысы в трюме сухогруза, обменивающиеся милыми безделушками с крысами из других портов. Мечтая о ярких огнях, о большом городе.

Будь проще, ограничься Входом-Выходом.

Лени Гофмансталь: Выход.

Мы срежиссировали возвращение Лени Гофмансталь так, чтобы оно пришлось на Поляну-3, известную также как Элизиум. Сидя на корточках возле беседки, образованной переплетением ветвей искусно воспроизведенных молодых кленов, я изучал ее корабль. Изначально он выглядел как бескрылая стрекоза, стройное десятиметровое брюшко прятало в себе ядерный двигатель. Теперь, когда двигатель удалили, он напоминал белую матовую куколку с выпуклым глазом, напичканным традиционно бесполез-

ными сенсорами и зондами. Корабль лежал на пологом склоне поляны, на искусственном бугре, специально сконструированном так, чтобы удобно разместить суда самых разных размеров. Новые корабли — поменьше, они похожи скорее на обтекаемые машины гонок «Гран-При». Их минималистские коконы даже не пытаются изображать из себя разведывательные суда. Модули для пушечного мяса.

— Не нравится мне это, — раздался голос Хиро. — Корабль этот мне не нравится. Что-то в нем не так….

Он сказал это как бы про себя, будто размышляя вслух. Но точно так же и то же самое мог сказать себе и я сам, а это означало, что гештальт «суррогат-обработчик» в почти оперативном состоянии. Войдя в роль, я перестаю быть посредником при голодном ухе Рая, неким специфичным зондом, связанным по радио с еще более специфичным психиатром. Когда щелкает, вставая на место, гештальт, мы с Хиро сливаемся в нечто, в существовании чего мы никогда не сможем друг другу признаться, — во всяком случае, ни до, ни после самой работы. Наши взаимоотношения любого классического фрейдиста довели бы до ночных кошмаров. Но я знал, что Хиро прав: на сей раз

было что-то ужасающе не так.

Поляна казалась неровно округлой. Что ж, функциональность превыше всего. На самом деле, она представляла собой круглую вставку в полу Рая пятнадцати метров в диаметре, подъемник, замаскированный под альпийскую мини-лужайку. С корабля Лени отпилили двигатель, втянули его во внешний цилиндр, потом поляну опустили на шлюзовую палубу и вместе с кораблем подняли ее в Рай. Там она оказалась на верхушке гигантского пирога, украшенного вполне убедительными цукатами в виде травы и полевых цветов. Сенсоры заглушили вещанием станции, порты и люк корабля опечатали: предполагается, что Рай станет для новоприбывших сюрпризом.

Я осознал, что спрашиваю себя, вернулась ли Шармейн к Хорхе. Быть может, она готовит ему еду, одну из тех рыбин, которых мы называем «улов», когда их выпускают нам в руки из клеток на дне озер. Я почти почувствовал запах жарящейся рыбы, закрыл глаза, представляя себе, как Шармейн бредет по мелководью и прозрачные капли бусинами покрывают ее бедра. Длинноногая девушка в пруду с рыбами в Раю.

— Давай, Тоби! Внутрь!

В черепе еще гулом отдавался приказ, а тренинг и гештальт-рефлекс уже погнали меня через поляну.

— Черт побери, черт побери, черт побери… — традиционная мантра Хиро.

И тут я понял, что все каким-то образом пошло наперекосяк. Голос переводчицы Хиллари доносился визгливыми полутонами, защитный лед Би-би-си трещал, а она все тараторила что-то на высшей скорости об анатомических диаграммах. Чтобы распечатать люк, Хиро, должно быть, воспользовался дистанционным управлением, но не стал ждать, пока колесо раскрутится само собой. Он просто взорвал шесть встроенных в обшивку зарядов, разом вырвав шлюз. Меня едва не задело обломками, от которых я инстинктивно увернулся. Затем я вскарабкался по гладкому боку корабля, ухватился за ячеистые распорки у самого входного отверстия: вместе с механизмом люка рухнул и стальной трап.

И вдруг замер, скорчившись и зажимая нос от вони пластиковой взрывчатки, потому что именно тогда меня накрыл Страх. Впервые накрыл по-настоящему.

Я сталкивался с ним и раньше, с этим Страхом, но тогда это был лишь край огромного покры-

вала. Теперь же он был бездонным, как бездна, он нес в себе пустоту вечной ночи, холодную и неумолимую. В нем — последние слова, глубина космоса, каждое долгое «прощай» в истории нашей расы. Он заставил меня съежиться и заскулить. Я трясся, пресмыкался, рыдал. Нам читают лекции, предостерегают, пытаются списать этот страх на временную боязнь открытого пространства, свойственную нашей работе. Но мы знаем, что это; суррогаты знают, а обработчикам этого не дано. Ни одно объяснение не способно ухватить сути.

Это — Страх. Это — длинный палец Великой Ночи, тьмы, которая скармливает бормочущих безумцев мягкой белой утробе Палат. Ольга познала его первой, Святая Ольга. Она пыталась спрятать нас от него, крушила радиооборудование корабля, молясь, чтобы Земля потеряла ее, дала ей умереть.

Хиро неистовствовал, но потом, похоже, понял, что со мной происходит, и принял единственно верное решение.

Он ударил меня, задействовав переключатель боли. Жестоко. Раз, еще раз — как стрекалом для скота. Он заставил меня войти внутрь. Пинками прогнал сквозь Страх.

Там, за стеной Страха, была комната. Тишина, молчание и незнакомый запах. Запах женщины.

Захламленный модуль выглядел изношенным, почти домашним, усталый пластик антиперегрузочной кушетки был заклеен отстающими полосками серебристой пленки. Но все, казалось, было отмечено печатью заброшенности. Обитательницы здесь не было. Затем я увидел безумную щетину росчерков шариковой ручкой: похожие на крабов символы, тысячи крохотных корявых продолговатых фигур смыкались, накладывались одна на другую. Размазанные пальцами, жалкие, они покрывали почти всю переднюю переборку.

Хиро — из статики — шептал, молил: «Найди ее, Тоби, сейчас же, пожалуйста, Тоби, найди ее, найди ее, найди...»

Я нашел ее в хирургической нише, узком алькове в дальнем конце центрального коридора. Над ней — Schqene Maschine, сверкающий хирургический манипулятор, его острые длинные руки-клешни были подняты. Хромированные члены ракопаука оканчивались несколькими гемостатами, пинцетом, лазерным скальпелем. Хиллари билась в истерике, почти затерявшись на каком-то далеком канале, захлебывалась ры-

даниями: что-то об анатомии человеческой руки, сухожилиях, артериях, основах тахономии.

Крови совсем не было. Манипулятор — чистоплотная машина, способная аккуратно делать свое дело в условиях нулевой гравитации, отсасывая жидкость при помощи вакуума. Лени умерла за минуту до того, как Хиро взорвал люк. Ее правая рука, разложенная на рабочей поверхности, казалась копией какого-то средневекового рисунка. И эта рука была очищена до кости, наколотые на белый пластик препараторскими иглами из нержавеющей стали мускулы и ткани были разложены тщательно и симметрично. Она истекла кровью. Любой хирургический манипулятор тщательно запрограммирован против самоубийства, но он может использоваться как робот-препаратор, готовящий биологические материалы для хранения.

Физхимик нашла способ его одурачить. Если на это есть время, с машинами такое, как правило, проходит. А у нее было восемь лет.

Лени лежала на расставленном прозекторском столе. Ее тело напоминало скелет какого-то ископаемого в зубоврачебном кресле. Нити вышивки на спине ее комбинезона — орнамент с торговой маркой западногерманского концерна электро-

ники — давно потускнели.

Я попытался объяснить ей… Я говорил:

— Пожалуйста, ты ведь уже мертвая. Прости нас, мы с Хиро… мы пришли, чтобы попытаться помочь. Понимаешь? Видишь ли, Хиро тебя знает. Он сейчас прямо у меня в голове. Он читал твое досье, твой сексуальный профиль, видел твои любимые цвета. Он наизусть знает твои детские страхи, знает, как звали твою первую любовь, имя учителя, который тебе так нравился. А у меня — подобранные ради тебя феромоны, и сам я — ходячий арсенал наркотиков, всего того, что обязательно тебе понравится. И мы умеем лгать, Хиро и я, мы ведь просто асы лжи. Пожалуйста. Ты должна понять. Мы с Хиро совершенно чужие тебе люди, но для тебя мы разыграем совершеннейшего незнакомца… правда, Лени.

Она была худенькой светловолосой женщиной. Прямые волосы припорошены преждевременной сединой. Мягко коснувшись этих волос, я вышел на поляну. На моих глазах заколыхалась высокая трава, закачались полевые цветы, и началось нисхождение. Корабль все время оставался в центре рельефного круга лифта. Поляна скользнула прочь из Рая, и солнечный свет потерялся в сиянии огромных неоновых дуг, отбрасывающих

резкие тени на просторную палубу воздушного шлюза. Забегали фигуры в красных комбинезонах. Красный паровозик, описав полукруг, уступая нам дорогу, развернулся на толстых резиновых колесах.

Невский, серфингист из КГБ, ожидал у подножия трапа, который подкатили к краю поляны. Я его даже не видел, пока не спустился.

— Мне теперь нужно забрать наркотики, мистер Холперт.

Я стоял, покачиваясь, смаргивая наворачивающиеся на глаза слезы. Он протянул руку, чтобы меня поддержать. Я подумал: а знает ли он, что он вообще делает здесь, на нижней палубе, желтый костюм на красной территории. Вероятно, ему все равно; казалось, ему ни до чего, в сущности, нет дела. Свой блокнот он держал наготове.

— Я должен их забрать, мистер Холперт.

Стащив с себя комбинезон, я протянул ему мятый ком. Он сложил его в пластиковый пакет на молнии, убрал пакет в кейс, прикованный наручниками к его левому запястью, и ввел комбинацию шифра.

— Не принимай их все разом, малыш, — сказал я. И потерял сознание.

Этой ночью Шармейн принесла в мою келью

некую особую тьму — индивидуальные дозы, запаянные в плотную пленку. Эта тьма ничем не походила на тьму Великой Ночи, ту охотящуюся черноту, что поджидает, чтобы утащить автостопщиков в Палату, ту тьму, что взращивает Страх. Эта темнота напоминала тени, движущиеся на заднем сиденье родительской машины дождливой ночью, когда тебе пять лет… тебе тепло… ты в безопасности. Шармейн гораздо хитрее меня, когда надо обмануть контролеров вроде Невского.

Я не стал ее спрашивать, почему она вернулась из Рая или что сталось с Хорхе. И она ничего не спросила о Лени.

Хиро исчез, отключился от эфира. Я видел его сегодня вечером во время совещания; как всегда, нашим взглядам никак не удавалось встретиться. Не страшно. Я знал, что он вернется. Все это, в сущности, — наша работа, все — как обычно. Очередной трудный день в Раю, но там никогда не бывает просто. Тяжело, когда впервые испытываешь Страх, но я всегда знал, что он поджидает меня там. На совещании говорили о формулах Лени и о ее зарисовках шариковой ручкой. Насколько я понял, это были молекулярные цепи, способные смещаться по команде. Молекулы,

функционирующие как переключатели, логические элементы, и даже как нечто вроде линий электропередач — и все это слоями встроено в одну-единственную очень большую макромолекулу, крохотный компьютер. По-видимому, мы никогда не узнаем, с чем Лени столкнулась там, в космосе. И подробностей ее сделки нам тоже, вероятно, никогда не узнать. Возможно, мы очень пожалеем, узнай мы когда-нибудь об этом. Мы ведь не единственное отсталое племя из тех, что подбирают обрывки.

Черт бы побрал эту Лени, этого француза, черт бы побрал всех тех, кто привозит домой странные вещи, кто привозит панацею от рака, морские ракушки, предметы без названий, — всех тех, кто заставляет нас сидеть здесь и ждать, кто наполняет Палаты, кто приносит нам Страх. Но — цепляйся за эту темноту, тепло и близость, за чуть слышное дыхание Шармейн, мерный ритм моря. На этом можно и отлететь… Ты услышишь море, там, далеко внизу, за непрестанным тараканьим шорохом статики костефона. Это то, что мы несем в себе, как бы далеко нас ни заносило от дома.

Рядом со мной шевельнулась во сне Шармейн, пробормотала незнакомое имя, возможно, имя

какого-то сломленного путника, давно сгинувшего в Палатах. Она помнит их всех. Однажды она две недели не давала умереть одному парню, пока тот не выдавил себе глаза большими пальцами. Шармейн кричала все время, пока ее опускали вниз, сломала ногти о пластиковую крышку подъемника. Потом ее накачали транквилизаторами.

Однако в нас обоих живет особый голод, неугомонная одержимость, которая позволяет нам снова и снова возвращаться в Рай. И получили мы ее одним и тем же образом: неделями болтались в космосе на своих маленьких суденышках в надежде, что и нас примет Трасса. А когда иссякли водородные заряды, нас отбуксировали назад. Некоторых просто не берут, и никто не знает почему. И второго шанса у тебя никогда не будет. Они говорят, что это слишком дорого, но на самом деле, глядя на твои перетянутые бинтами запястья, думают о том, что ты теперь слишком ценен, слишком полезен для них как потенциальный суррогат. «Неважно, что ты пытался покончить жизнь самоубийством, — говорят они, — это случается сплошь и рядом. Это вполне понятно — когда чувствуешь себя отвергнутым». Но я хотел умереть, очень хотел. И Шармейн

тоже. Она попыталась отравиться таблетками. Но нас подготовили, одержимость «подправили», вживили костефоны, спарили с обработчиками.

Ольга, должно быть, знала, должно быть, все это как-то предвидела. Она пыталась не позволить нам выйти на дорогу, туда, где побывала сама. Она понимала, что если люди найдут ее, у них не останется выбора, им придется идти. Даже теперь, зная то, что я знаю, я все равно хочу пойти по Трассе. Я никогда туда не попаду. Но можно качаться во тьме, что громоздится над нами, мысленно держа за руку Шармейн. Между нашими ладонями — разорванная обертка наркотика. И улыбается Святая Ольга — ее присутствие почти осязаемо — улыбается нам со всех своих отпечатков, сделанных с одной и той же официальной фотографии, вырванных и приклеенных на стены ночи. Ее белая улыбка. Навсегда.

Красная звезда, орбита зимы

Полковник Королёв тяжело ворочался в ремнях спального места, ему снились зима и гравитация. Вновь молоденький курсант, он погоняет коня по заснеженной казахстанской степи куда-то в сухую рыжую перспективу марсианского заката.

«Что-то здесь не так», — подумал он…

И проснулся — в «Музее Советских Достижений в Космосе» — под звуки, производимые Романенко и женой кагэбэшника. Они опять занимались любовью за экраном в кормовой части «Салюта». Ритмично поскрипывают ремни и обитые войлоком переборки, слышны глухие удары… Подковы на снегу.

Высвободившись из ремней, Королёв привычным натренированным движением оттолкнулся от стены, что крутануло его прямо в кабинку туалета. Он выпутался из потёртого комбинезона, защёлкнул вокруг чресел стульчак и стёр со стального зеркала сконденсировавшуюся влагу. Во сне артритные руки снова отекли; запястье из-за потери кальция напоминало птичью лапку. С тех пор как он в последний раз испытывал силу тяготения, прошло двадцать лет, он состарился

на орбите.

Он побрился вакуумной бритвой, хотя с годами это причиняло всё больше хлопот. Левую щёку и висок покрывала сетка лопнувших сосудов — ещё одно наследство оставившей его инвалидом декомпрессии.

Выйдя, он обнаружил, что прелюбодеи уже закончили. Романенко оправлял форму. Жена политрука Валентина закатала рукава коричневого комбинезона. Её белые руки блестели от пота. Пепельно-русые волосы развевал ветерок от вентилятора. Близко посаженные глаза были чистейшего василькового цвета, и выражение их сейчас было отчасти извиняющееся, отчасти заговорщическое.

— Взгляните, что мы принесли вам, полковник… — Она протягивала ему крохотную бутылочку коньяка. Королёв, ошеломлённо моргая, взглянул на пластмассовую крышку: «Эр Франс». — Это привезли на последнем «Союзе». Муж сказал, в огурцах. — Валентина захихикала. — Он подарил её мне.

— Мы решили, что она достанется вам, полковник, — ухмыляясь до ушей, сказал Романенко. — В конце концов, мы ведь всегда можем слетать в отпуск.

Королёв проигнорировал взгляд, который мальчишка бросил на его усохшие ноги и бледные обвисшие ступни.

Он открыл бутылочку, и от богатого аромата к его щекам прихлынула кровь. Осторожно подняв бутылочку ко рту, Королёв сделал несколько крохотных глотков. Алкоголь жёг, как кислота.

— Господи, — выдохнул он, — сколько лет! Я совсем тут окаменел! — добавил он смеясь. Слёзы застилали ему глаза.

— Отец рассказывал, в былые времена вы, полковник, пили просто геройски.

— Да, — Королёв отхлебнул ещё глоток. — Пил.

Коньяк жидким золотом растекался по телу. Старик недолюбливал Романенко. И отца парня он никогда не любил — вкрадчивый партийный функционер, давно уже подыскавший себе синекуру в виде лекционных туров; дача на Чёрном море, американские ликёры, французские костюмы, итальянская обувь… Мальчишка похож на отца, те же ясные серые глаза, не омрачённые никаким сомнением.

Алкоголь волнами прокатывался по телу, будоража жидкую кровь.

— Вы слишком щедры, — сказал Королёв. Он мягко оттолкнулся от стены и проплыл к пуль-

ту. — Возьмите-ка самиздаты[490]. Американское кабельное вещание, свежий перехват. Пикантные плёнки! Просто грех тратить это на старую развалину вроде меня. — Он вставил чистую кассету и набрал код материала.

— Отдам её расчёту, — ухмыльнулся Романенко. — Смогут прокрутить на мониторах наведения в арсенале.

«Арсеналом» традиционно называли станцию управления протонным лучом дезинтегратора. Обслуживающие её солдаты всегда были падки на подобные плёнки. Королёв запустил вторую копию для Валентины.

— Это порнуха? — Вид у красавицы был встревоженный и заинтригованный. — Можно, мы ещё придём, полковник? Во вторник в полночь?

Королёв ответил ей улыбкой. До того как её отобрали для космической программы, она была простой фабричной работницей. Красота сделала Валентину полезной для пропагандистских целей, превратив её в модель для пролетариата.

Теперь, когда в крови циркулировал коньяк, полковнику было жаль женщину; показалось

---

[490] Примечания: 490

В оригинале употреблено слово «samizdata» составленное из русского слова «самиздат» и английского слова «data» — «данные, информация».

невозможным отказать ей в небольшом счастье.

— Полуночное свидание в музее, Валентина? Как романтично!

Качнувшись в невесомости, она поцеловала его в щёчку.

— Благодарю вас, мой полковник!

— Вы — просто властитель душ, полковник, — сказал Романенко, как можно мягче хлопнув Королёва по хрупкому плечу. После бесконечных часов в качалке руки у мальчишки были как у кузнеца.

Старик глядел, как любовники осторожно пробираются в центральную стыковочную сферу, к перекрёстку трёх ветшающих «Салютов» и ещё двух коридоров. Романенко свернул в «северный» коридор, к арсеналу, Валентина направилась в противоположную сторону — к следующей стыковочной сфере и «Салюту», где мирно спал её муж.

В «Космограде» таких стыковочных сфер было пять, к каждой из них было пристыковано по три «Салюта». На противоположных концах комплекса располагались военные отсеки и установки для запуска спутников. Станция непрерывно постукивала, потрескивала, дышала с присвистом, так что казалось, что находишься в метро или в

трюме грузового парохода.

Королёв снова приложился к бутылке, теперь уже наполовину пустой. Он спрятал её в одном из экспонатов музея, фотокамере НАСА системы «Хассельблад», найденной на месте посадки «Аполлона». Ему не случалось выпивать с той самой увольнительной на Землю перед декомпрессией. Голова кружилась болезненно приятной пьяной ностальгией.

Проплыв назад к своему пульту, он вошёл в ту секцию памяти, откуда когда-то стёр тайком собрание речей Алексея Косыгина, чтобы освободить место для своей личной коллекции самиздата: оцифрованных записей поп-музыки, той самой, которую он так любил в детстве, в восьмидесятые годы. Тут были английские группы, записанные с западногерманского радио, хеви-металл стран Варшавского Договора, американский импорт с чёрного рынка. Надев наушники, он набрал код ченстоховского реггибэнда «Бригада Кризис».

После всех этих лет он уже не столько слушал саму музыку, сколько всматривался в образы, мучительно отчётливо наплывавшие из глубины памяти. В восьмидесятые он был длинноволосым парнишкой, отпрыском советской элиты. Поло-

жение отца надёжно защищало его от московской милиции. Он вспоминал, как выл усиленный динамиками реверс в жаркой темноте подвального клуба, видел перед собой шахматную толпу в джинсе и с перекрашенными волосами. Он курил тогда «Мальборо», смешанный с перетёртым афганским хашем. Помнил губы дочери американского дипломата на заднем сиденье чёрного «линкольна». Имена и лица возвращались, накатывали на Королёва в горячей дымке коньяка. Вот Нина, восточная немка, показывает ему размноженные на мимеографе переводы из польских диссидентских информ-листков… В кофейне Нина появлялась лишь поздно ночью. Шёпотом передавались слухи о паразитизме, антисоветской деятельности, ужасах химической обработки в психушке…

Королёва стала бить дрожь. Он провёл рукой по лицу, обнаружил, что оно залито потом. Снял наушники.

Уже полвека прошло, а он вдруг чуть ли не до обморока перепугался. Он не помнил, чтобы ранее испытывал подобный ужас, не боялся так даже во время декомпрессии, когда ему раздробило бедро. Его отчаянно трясло. Лампы. Свет на «Салюте» был слишком ярок, но ему не хо-

телось приближаться к выключателю. Такое простое действие, он его совершает регулярно, и всё же… Переключатели и их обмотанные изоляцией кабели таили в себе неведомую угрозу. Королёв растерянно поморгал. Маленькая заводная модель лунохода с сетчатыми колёсами, цепляющимися за округлую стену, показалась вдруг разумной, враждебной, ждущей момента, чтобы напасть. Глаза советских первопроходцев космоса с презрением уставились на него с официальных портретов.

Коньяк. Годы, проведённые в невесомости, явно изменили метаболизм Королёва. Он уже совсем не тот, каким был раньше. Нет, он останется спокоен и попытается с достоинством перенести это. Если его вырвет, он станет всеобщим посмешищем.

В дверь музея постучали, и в люк великолепным нырком проскользнул Никита-Сантехник, главный мастер на все руки «Космограда». Вид у молодого инженера был разъярённый, и Королёв съёжился от страха.

— Рано поднялся, Сантехник, — сказал он в надежде сохранить хотя бы видимость нормальности.

— Точечная утечка в Дельте-Три. — Никита

нахмурился. — Вы понимаете по-японски?

На Сантехнике были застиранные джинсы «ливайс» и рваные кроссовки «адидас». По всей заляпанной рабочей жилетке в самых неожиданных местах были нашиты карманы. Из внутреннего кармана Никита выудил кассету.

— Мы записали это прошлой ночью.

Королёв отпрянул, будто кассета была каким-то оружием.

— Нет, только не по-японски, — ответил он, сам удивившись кротости в собственном голосе. — Только по-английски и по-польски.

Он почувствовал, что краснеет. Сантехник был его другом. Он хорошо знал Никиту и доверял ему, но всё же…

— С вами всё в порядке, полковник? — Сантехник запустил кассету и ловкими мозолистыми пальцами набрал код программы-переводчика. — Вид у вас такой, будто вы жука проглотили. Мне бы хотелось, чтобы вы это послушали.

Королёв с неприязнью смотрел, как на экране вспыхнула реклама рукавиц для бейсбола. Маниакально забормотал голос японского диктора, и по экрану побежали кириллические субтитры словаря.

— Сейчас пойдут новости, — сказал Сантехник,

покусывая костяшку большого пальца.

Королёв озабоченно покосился на экран. По лицу японского диктора заскользил перевод:

«АМЕРИКАНСКАЯ ГРУППА ПО РАЗОРУЖЕНИЮ ЗАЯВЛЯЕТ… ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА КОСМОДРОМЕ БАЙКОНУР… СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ О ТОМ, ЧТО РУССКИЕ НАКОНЕЦ ГОТОВЫ… ДЕМОНТИРОВАТЬ ВООРУЖЁННУЮ БАЗУ КОМИЧЕСКОГО ГОРОДА…»

— Космического, — пробормотал себе под нос Сантехник, — сбой в словаре.

«ПОСТРОЕННЫЙ НА РУБЕЖЕ ВЕКА КАК ТРАМПЛИН В КОСМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО… АМБИЦИОЗНЫЙ
ПРОЕКТ ПОДОРВАН ПРОВАЛОМ ЛУННЫХ РУДНИКОВЫХ РАЗРАБОТОК… ДОРОГОСТОЯЩАЯ СТАНЦИЯ УСТУПАЕТ НАШИМ БЕСПИЛОТНЫМ ОРБИТАЛЬНЫМ ФАБРИКАМ… КРИСТАЛЛЫ, ПОЛУПРОВОДНИКИ И ЧИСТЫЕ ЛЕКАРСТВА…»

— Самодовольные ублюдки, — фыркнул Сантехник. — Говорю вам, это всё проклятый кагэбэшник Ефремов. Кто, как не он, приложил к этому руку!

«ЗАТЯЖНОЙ ДЕФИЦИТ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ… ОБЩЕСТВЕННОЕ НЕДОВОЛЬСТВО СОВЕТСКОЙ КОСМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММОЙ… ПОСЛЕДНИЕ

РЕШЕНИЯ ПОЛИТБЮРО И СЕКРЕТАРИАТА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА…»

— Нас закрывают! — Лицо Сантехника перекосилось от ярости.

Не в силах сдержать дрожь, Королёв отшатнулся от экрана. С его ресниц сорвались и невесомыми каплями поплыли по воздуху слёзы.

— Оставь меня в покое! Я ничего не могу поделать!

— Что с вами, полковник? — Никита схватил его за плечи. — Посмотрите мне в лицо. Кто-то дал вам дозу «Страха»!

— Уходи, — взмолился Королёв.

— Этот маленький засранец! Что он вам дал? Таблетки? Инъекцию?

Королёв трясся всем телом.

— Я выпил…

— Он дал вам «Страх»! Вам, больному старику. Да я ему морду набью!

Сантехник резко подтянул колени, сделал сальто назад и, оттолкнувшись от потолка, катапультировался из комнаты.

— Подожди! Сантехник!

Но Никита, белкой проскользнув стыковочную сферу, исчез в коридоре, и Королёв почувствовал теперь, что не вынесет одиночества. Издалека

до него донеслись искажённые металлическим эхом гневные выкрики.

Дрожа, старик закрыл глаза и стал ждать, что кто-нибудь придёт и поможет ему.

Он попросил военного психиатра Бычкова помочь ему одеться в старый мундир с привинченной над левым нагрудным карманом звездой ордена Циолковского. Форменные ботинки из тяжёлого чёрного нейлона с подошвами на присосках отказались налезать на искорёженные артритом ноги, поэтому он остался босиком.

Укол Бычкова в течение часа привёл полковника в чувство, депрессия постепенно сменилась яростным гневом. Теперь Королёв ждал в музее Ефремова, который должен был явиться по его вызову. Его дом обитатели станции называли «Музеем Советских Достижений в Космосе». И по мере того как, уступая место застарелому, как и сама станция, безразличию, стихала ярость, он всё более чувствовал себя всего лишь ещё одним экспонатом.

Полковник мрачно смотрел на портреты великих провидцев космоса, заключённые в золотые рамы, на лица Циолковского, Рынина, Туполева. Под ними, в несколько менее богатых рамах, красовались Жюль Верн, Годдар, О'Нил.

В минуты глубочайшей подавленности он иногда считал, что замечает в их взглядах, особенно в глазах двух американцев, некую общую странность. Было ли это заурядным безумием, как иногда думал он в приступе цинизма? Или ему удалось уловить едва заметное проявление какой-то жуткой, неуправляемой силы, в которой он частенько подозревал движущую силу эволюции человеческой расы?

Однажды, лишь один-единственный раз, Королёв видел это выражение и в своих собственных глазах — в тот день, когда он ступил на землю Каньона Копрат. Марсианское солнце, превратившее в зеркало лицевой щиток шлема, вдруг показало ему отражение двух совершенно чужих немигающих глаз бесстрашных и полных отчаянной решимости. Тихий затаённый шок от увиденного, как он осознавал теперь, был самым запомнившимся, самым трансцендентальным мгновением его жизни.

Поверх всех портретов, масляных и мёртвенных, висела картина, изображавшая высадку на Марс. Краски неизменно напоминали полковнику о борще и мясной подливе. Марсианский ландшафт был низведён здесь до китча советского социалистического реализма. Рядом с

посадочным модулем художник со всей глубоко искренней вульгарностью официального стиля поместил фигуру в скафандре.

Чувствуя себя опозоренным, полковник ожидал прибытия Ефремова, кагэбэшника, политрука «Космограда».

Когда Ефремов наконец появился в «Салюте», Королёв заметил, что у него разбита губа, а на шее — свежие синяки. Политрук был одет в синий комбинезон из японского шёлка фирмы «Кансаи», на ногах — стильные итальянские туфли.

— Доброе утро, товарищ полковник.

Королёв смотрел на него, намеренно выдерживая паузу.

— Ефремов, — с нажимом произнёс он, — вы меня не радуете.

Ефремов покраснел, но взгляда не отвёл.

— Давайте говорить начистоту, полковник, как русский с русским. Естественно, это предназначалось не для вас.

— Что? «Страх», Ефремов?

— Да, бета-карболин. Если бы вы не потакали их антиобщественным поступкам, если бы вы не приняли от них взятку, ничего бы не случилось.

— Так, значит, я сводник, Ефремов? Сводник и пьяница? Тогда вы контрабандист и стукач рога-

тый. Я говорю это, — добавил он, — как русский русскому.

Теперь лицо кагэбэшника превратилось в официальную пустую маску с выражением ничем не омрачённого сознания собственной правоты.

— Но скажите мне, Ефремов: что вы на самом деле затеваете? Что вы делали здесь с момента вашего появления на «Космограде»? Мы знаем, что комплекс будет демонтирован. Что же ожидает гражданский экипаж, когда люди вернутся на Байконур? Разбирательства по обвинению в коррупции?

— Безусловно, будет произведено расследование. В определённых случаях возможна госпитализация. Или вы осмелитесь предположить, полковник Королёв, что в провале «Космограда» повинен Советский Союз?

Королёв молчал.

— «Космоград» был мечтой, полковник. Мечтой, потерпевшей крах. Как и весь космос. У нас нет необходимости оставаться здесь. Предстоит навести порядок на целой планете. Москва — величайшая сила в истории. Нам нельзя терять глобальность мышления.

— Вы думаете, нас так просто сбросить со счетов? Мы — элита, высокообразованная техни-

ческая элита.

— Меньшинство, полковник. Назойливое меньшинство. Какой вклад в общее дело вы вносите, если не считать кип ядовитой американской макулатуры? Предполагалось, что экипаж станции будет состоять из рабочих, а не зарвавшихся спекулянтов, переправляющих к нам джаз и порнографию. — Спокойное и пустое лицо Ефремова ничего не выражало. — Экипаж вернётся на Байконур. Боевыми установками можно управлять и с Земли. Вы, конечно, останетесь, и здесь появятся гости: африканцы, латиноамериканцы. Для этих народов космос ещё сохраняет хоть какую-то долю престижа.

— Что вы сделали с мальчиком? — оскалился Королёв.

— С вашим Сантехником? — Политрук нахмурился. — Он напал на офицера Комитета государственной безопасности и останется под стражей до тех пор, пока не появится возможность отправить его на Байконур.

Королёв попытался издать неприятный смешок.

— Отпустите его. Вам хватит своих собственных неприятностей, чтобы ещё возбуждать против кого-либо дело. Я свяжусь лично с маршалом

Губаревым. Пусть моё звание и исключительно почётное, но я сохранил ещё определённое влияние.

Кагэбэшник пожал плечами:

— Боевой расчёт подчиняется приказам с Байконура, а именно — держать коммуникационный модуль под замком. На карту поставлена их карьера.

— Значит, военное положение?

— Здесь не Кабул, полковник. Сейчас тяжёлые времена. За вами сила авторитета, вам следовало бы подавать пример.

— Посмотрим, — ответил Королёв.

«Космоград» выплыл из тени Земли на резкий солнечный свет. Стены «Салюта» Королёва потрескивали и скрежетали, как ящик со стеклянными бутылками. «Иллюминаторы всегда сдают первыми», — рассеянно подумал Королёв, проводя пальцами по вздувшимся венам на виске.

Похоже, молодой Гришкин думал то же самое. Вытащив из наколенного кармана тюбик замазки, он принялся осматривать изоляцию вокруг иллюминатора. Гришкин был помощником Сантехника и ближайшим его другом.

— Теперь нам нужно проголосовать, — устало сказал Королёв. Одиннадцать из двадцати четы-

рёх членов гражданского экипажа «Космограда» согласились присутствовать на собрании — двенадцать, если считать его самого. Оставалось ещё тринадцать человек, которые или не хотели оказаться замешанными, или отнеслись к идее забастовки с нескрываемой враждебностью. С Ефремовым и шестью солдатами боевого расчёта число отсутствующих доходило до двадцати.

— Мы обсудили наши требования. Все те, кто за данный список… — Он поднял здоровую руку.

Поднялись ещё три руки. Гришкин, занятый иллюминатором, вытянул ногу.

Королёв вздохнул.

— Нас и без того не так уж много. Лучше бы нам проявить единодушие. Давайте выслушаем возражения.

— Выражение «военный переворот», — начал биолог Коровкин, — может быть воспринято как намёк на то, что все военные, а не только преступник Ефремов, несут ответственность за сложившуюся ситуацию. — Биолог явно чувствовал себя неловко. — Во всём остальном мы вам симпатизируем, но подписываться не станем. Мы члены партии. — Казалось, он хотел добавить ещё что-то, но сдержался.

— Моя мать, — тихо произнесла его жена, —

была еврейкой.

Королёв кивнул, но ничего не сказал.

— Всё это — преступная глупость, — высказался ботаник Глушко. Ни он, ни его жена не голосовали. — Безумие. С «Космоградом» покончено, мы все это знаем, и чем скорее домой, тем лучше. Чем ещё была эта станция, как не тюрьмой?

Метаболизм ботаника оказался несовместим с невесомостью, это заставляло кровь застаиваться у него в лице и шее, делая его похожим на одну из его экспериментальных тыкв.

— Ты же ботаник, Василий, — одёрнула его жена, — в то время как я, если ты помнишь, пилот «Союза». Речь идёт не о твоей карьере.

— Я не стану поддерживать этот идиотизм!

Глушко резко оттолкнулся от переборки, что выбросило его прочь из комнаты. За ним последовала жена, горько жалуясь приглушённым полушёпотом, к которому члены экипажа научились прибегать в личных спорах.

— Готовы поставить свои подписи пятеро, — сказал Королёв, — из гражданского экипажа в двадцать четыре человека.

— Шестеро, — отозвалась Татьяна, второй пилот «Союза». Её тёмные волосы были убраны под плетёный ремешок из зелёного нейлона. — Вы

забыли про Сантехника.

— Солнечные шары! — воскликнул Гришкин, указывая на Землю. — Смотрите!

«Космоград» находился теперь над побережьем Калифорнии, под станцией проплывали чёткие очертания береговой линии, бескрайние, приходящие в упадок города, чьи названия звучали как странные магические заклинания. Светились яркой интенсивной зеленью поля. Высоко над барашками стратосферных облаков плавали пять солнечных баллонов — зеркальные геодезические сферы, опутанные сетями энергетических линий. Баллоны были дешёвой альтернативой грандиозному американскому плану по созданию спутников, работающих на солнечной энергии. По мнению Королёва, они со своей задачей справлялись, поскольку в последнее десятилетие эти пузырьки множились прямо у него на глазах.

— Правду ли говорят, что там живут люди? — Стойко, отвечающий на станции за системы обеспечения, приник к иллюминатору рядом с Гришкиным.

Королёву припомнилась лихорадочная — и такая трогательная — суета американцев вокруг совершенно эксцентричных энергетических проектов, начавшаяся после заключения Венского

договора. Советский Союз контролировал мировые поставки нефти, и американцы, похоже, были готовы испробовать всё что угодно. Особенно после того, как взрыв атомной электростанции в Канзасе раз и навсегда отбил у них охоту пользоваться реакторами. Уже более трёх десятилетий они постепенно соскальзывали к промышленному упадку и изоляции. «Космос, — с сожалением подумал полковник, — им нужно было выходить в космос». Он никогда не понимал того странного паралича воли, который свёл на нет все их блистательные первые успехи. А может быть, всё дело в недостатке воображения, в неумении видеть перспективу? «Вот так-то, господа американцы, — проговорил он про себя, — вам и вправду стоило присоединиться к нам здесь — в нашем славном будущем, в «Космограде».

— Да кому захочется жить в такой-то штуковине? — спросил Гришкин, хлопнув Стойко по плечу и рассмеявшись — тихо, безнадёжно, отчаянно.

— Вы, конечно, шутите, — сказал Ефремов. — Ведь у нас и без того хватает неприятностей.

— Мы не шутим, политрук Ефремов, и вот наши требования.

На «Салюте», который кагэбэшник делил с

Валентиной, сгрудились пятеро диссидентов, прижав политрука к кормовому экрану. Экран украшала искусно отретушированная фотография премьера, машущего в объектив из кабины трактора. Валентина, насколько Королёву было известно, находилась сейчас в музее с Романенко, заставляя скрипеть переборки. Полковник в который раз спросил себя, как Романенко удаётся так регулярно прогуливать свои вахты в арсенале.

Ефремов пожал плечами. Опустил взгляд на список требований.

— Сантехник останется под арестом. У меня прямой приказ. Что касается остального…

— Вы виновны в несанкционированном применении психиатрических препаратов! — выкрикнул Гришкин.

— Это было целиком и полностью личное дело, — спокойно возразил Ефремов.

— Преступление, — поправила Татьяна.

— Пилот Татьяна, мы оба знаем, что присутствующий здесь Гришкин самый активный распространитель пиратской самиздаты на станции! Разве вы не понимаете, что все мы преступники? В этом-то и заключается вся прелесть нашей системы, не так ли? — Его внезапная кривая улыбка была шокирующе цинична. — «Космоград» не

«Потёмкин», и вы не революционеры. Вы требуете связи с маршалом Губаревым? Он под арестом на Байконуре. Вы требуете связи с министром по технологиям? Он проводит чистку.

Решительным жестом он разорвал распечатку на части. Жёлтые обрывки папиросной бумаги медлительными бабочками запорхали в невесомости.

На девятый день забастовки Королёв встретился с Гришкиным и Стойко в «Салюте», который Гришкин обычно занимал на пару с Сантехником.

Уже сорок лет обитатели «Космограда» вели антисептическую войну с грибком и плесенью. Пыль, копоть и испарения не оседали в невесомости на предметы, и споры кишели повсюду: в обшивке, в одежде, в шахтах вентиляции. В тёплой влажной атмосфере этой огромной чашки Петри они распространялись, как растекаются по воде нефтяные пятна. Сейчас в воздухе стоял запах сухого гниения, перекрывавшийся зловещей вонью тлеющей изоляции.

Сон Королёва оборвал гулкий раскат отбывающего «Союза». Глушко и его жена, решил он. Последние сорок восемь часов Ефремов занимался эвакуацией членов экипажа, отказавшихся

присоединиться к забастовке. Солдаты не показывались из арсенала и казарменного отсека, где по-прежнему держали под арестом Никиту-Сантехника.

«Салют» Гришкина стал штаб-квартирой забастовки. Никто из забастовщиков не брился, а Стойко к тому же подцепил какую-то кожную инфекцию, которая пятнами расползалась по его рукам. Среди развешанных по стенам сенсационных снимков, переснятых с американского телевидения, они напоминали трио каких-нибудь порнографов-дегенератов. Освещение было слабым: «Космоград» работал на половинном напряжении.

— Когда остальные уйдут, — сказал Стойко, — это только укрепит наше дело.

Гришкин застонал. Из его ноздрей фестонами торчали белые тампоны хирургической ваты. Он был уверен, что Ефремов попытается сломить забастовщиков бета-карболинными аэрозолями. Ватные фильтры были просто показателем общего уровня напряжения и паранойи. Пока с Байконура не пришёл приказ об эвакуации, один из техников с оглушительной громкостью часами проигрывал «Увертюру 1812 года» Чайковского. И Глушко гонялся вверх-вниз по всему

«Космограду» за своей голой, вопящей, избитой в кровь женой.

Стойко вошёл в файлы кагэбэшника и психиатрические записи Бычкова; метры жёлтой распечатки спиралями клубились по коридорам, колыхаясь в токах воздуха от вентиляторов.

— Подумайте только, что их показания сделают с нами на Земле, пробормотал Гришкин. — На суд и надеяться нечего. Прямо в психушку.

Зловещее прозвище политических госпиталей, казалось, гальванизировало парнишку ужасом. Королёв апатично ковырял клейкий хлорелловый пудинг.

Схватив проплывавший мимо рулон распечатки, Стойко зачитал вслух:

— Паранойя со склонностью к навязчивым идеям! Ревизионистские фантазии, враждебные общественному строю! — Он скомкал бумагу. — Если бы нам удалось захватить коммуникационный модуль, мы могли бы подключиться к американскому комсату и вывалить им это всё на колени. Может, это показало бы Москве, какие из нас враги!

Королёв выковырял из своего пудинга дохлую муху. Две дополнительные пары крыльев и поросшая шёрсткой грудная клетка насекомого

наглядно свидетельствовали об уровне радиации на «Космограде». Насекомые сбежали с какого-то давно всеми позабытого эксперимента, и десятилетиями их поколения наводняли станцию.

— Американцам нет до нас никакого дела, — сказал Королёв. — И Москву больше не смутишь подобными откровениями.

— За исключением того, что на носу поставки зерна, — возразил Гришкин.

— Америке так же отчаянно требуется продавать, как нам покупать. Королёв мрачно забросил в рот ещё несколько ложек хлореллы и, механически прожевав, проглотил. — Да и американцы не смогли бы выйти на нас, даже если бы захотели. Мыс Канаверал в развалинах.

— У нас кончается топливо, — сказал Стойко.

— Можем забрать с оставшихся кораблей, — ответил Королёв.

— Тогда как, чёрт побери, мы вернёмся на Землю? — Сжатые в кулаки руки Гришкина дрожали. — Даже в Сибири — там деревья. Деревья! Небо! К чёрту всё это! Пусть всё разваливается на части! Пусть рухнет, пусть сгорит!

Пудинг Королёва размазался по переборке.

— О господи, — сказал Гришкин, — простите, полковник. Я знаю, что вы не можете вернуться.

У себя в музее Королёв застал пилота Татьяну. Девушка висела перед той самой отвратительной картиной с изображением высадки на Марс, щёки её блестели от слёз.

— Вы знаете, полковник, что на Байконуре стоит ваш бюст? Бронзовый. Я обычно проходила мимо него, когда шла на занятия.

— Там полно бюстов. Академики их обожают. — Улыбнувшись, старик взял её за руку.

— Как это всё происходило? Тогда? — Она всё ещё не отводила глаз от картины.

— Я едва помню. Я так часто смотрел видеозаписи, что теперь помню только их. У меня такие же воспоминания о Марсе, как и у любого школьника. — Он снова улыбнулся ей. — Но всё было совсем не так, как на этой дурацкой картине. В чём-чём, а в этом я уверен.

— Почему всё так вышло, полковник? Почему теперь всё кончается? Когда я была маленькой, я смотрела телевизор… наше космическое будущее казалось таким светлым…

— Возможно, американцы были правы. Японцы, чтобы строить свои орбитальные фабрики, посылали в космос вместо людей машины. Роботов. Лунные разработки потерпели крах, но мы надеялись, что хотя бы здесь останется постоян-

ная исследовательская база. Думаю, всё дело в тех, кто сидит за столом и принимает решения.

— Вот их окончательное решение относительно «Космограда». — Она протянула ему сложенный листок папиросной бумаги. — Я нашла его в распечатках приказов, полученных Ефремовым из Москвы. Они позволят станции сойти с орбиты в течение трёх ближайших месяцев.

Королёв понял, что теперь и он не может оторвать глаз от столь ненавистной ему картины.

— Едва ли это имеет теперь значение, — услышал он свой охрипший голос.

И тут девушка горько разрыдалась, припав лицом к его искалеченному плечу.

— У меня есть план, Татьяна, — сказал он, поглаживая её по голове. — Ты должна меня выслушать.

Полковник взглянул на свой старенький «Ролекс». Сейчас они над Восточной Сибирью. Он вспомнил, как швейцарский посол подарил ему эти часы в огромном сводчатом зале Большого Кремлёвского дворца.

Пора начинать.

Отмахнувшись от ленты распечатки, норовившей обвиться вокруг головы, Королёв выплыл из своего «Салюта» в стыковочную сферу.

Он ещё способен быстро и эффективно действовать здоровой рукой. Старик усмехнулся, высвобождая из ремней настенного крепления баллон с кислородом. Опершись о поручень, он изо всех сил швырнул баллон через всю сферу. С резким лязгом баллон безрезультатно отскочил от стены. Королёв нырнул за ним, поймал и снова кинул. Потом нажал на кнопку декомпрессионной тревоги.

Завыли сирены, и из динамиков полетела пыль. Включилась антиаварийная программа, стыковочные шлюзы под воздействием гидравлики со скрежетом закрылись. У Королёва начало звенеть в ушах. Шмыгнув носом, он снова потянулся за баллоном.

Огни вспыхнули до максимальной яркости, потом погасли. Старик улыбнулся в темноте, на ощупь отыскивая пластмассовый баллон. Стойко спровоцировал аварию всех основных систем жизнеобеспечения. Это было несложно. Тем более что память системы и без того была до предела перегружена пиратским телевещанием.

— Вот вам ваши крутые фильмы! — пробормотал он, колотя баллоном о стену.

Огни слабо замигали — это подключились аварийные батареи.

У него начинало болеть плечо, но старик стоически продолжал колотить, вспоминая грохот, вызванный настоящей декомпрессией. Побольше шума. Он должен одурачить Ефремова и его солдат.

Со скрежетом завертелся ручной штурвал одного из люков. Наконец люк распахнулся, и, неуверенно улыбаясь, из него выглянула Татьяна.

— Освободили Сантехника? — спросил старик, отпуская баллон.

— Стойко и Уманский урезонивают охрану. — Она ударила кулаком в раскрытую ладонь. — Гришкин готовит спускаемые аппараты.

Они отправились в следующую стыковочную сферу — где Стойко как раз помогал Сантехнику выбраться через люк, ведущий из казарм. Никита был босиком, его лицо под колючей щетиной имело зеленоватый оттенок. За ними следовал метеоролог Уманский, таща за собой обмякшее тело конвоира.

— Как ты, Сантехник? — спросил Королёв.

— Колотит. Они держали меня на «Страхе». Дозы хотя и небольшие, но всё-таки… К тому же я решил, что это и впрямь декомпрессия!

Из ближайшего к Королёву «Союза» выскольз-

нул Гришкин, за ним выплыла связка инструментов и развернувшийся моток нейлонового троса.

— Все, как один, проверены. В результате нашей аварии управление в кораблях переключилось на собственную автоматику. Ну и я прошёлся гаечным ключом по дистанционному управлению, так что с Земли нас не перехватят. Как твои дела, друг Никита? — обратился он к Сантехнику. — Тебе выпала честь первым ступить на землю Центрального Китая.

Сантехник скривился, затем покачал головой:

— Я не говорю по-китайски.

Стойко протянул ему лист распечатки.

— Это — транскрибированный разговорный китайский. «Я ЖЕЛАЮ ДАТЬ ПОКАЗАНИЯ. ОТВЕДИТЕ МЕНЯ В БЛИЖАЙШЕЕ ЯПОНСКОЕ КОНСУЛЬСТВО».

Ухмыльнувшись, Сантехник запустил руку в гриву жёстких от пота волос.

— А как насчёт остальных? — спросил он.

— Ты думаешь, мы затеяли всё это ради тебя одного? — скорчила гримаску Татьяна. — Убедись, чтобы китайские службы новостей получили все документы из этого пакета, Никита. А уж мы позаботимся о том, чтобы весь мир узнал о том, как Советский Союз намеревается отплатить за

службу полковнику Юрию Васильевичу Королёву, первому человеку на Марсе! — Она послала Сантехнику воздушный поцелуй.

— А как насчёт Филипченко? — спросил Уманский. Вокруг лица неподвижного солдата плавали несколько капель свернувшейся крови.

— Почему бы тебе не забрать этого дурака несчастного с собой? — сказал Королёв.

— Пошли, дубина. — Ухватив Филипченко за форменный ремень, Сантехник утащил его за собой в люк «Союза». — Я, Никита по прозвищу Сантехник, оказываю тебе величайшую услугу в твоей презренной жизни.

Королёв смотрел, как Стойко с Уманским задраивают за ними люк.

— А где Романенко с Валентиной? — спросил он, снова сверяясь с часами.

— Здесь, мой полковник. — В люке другого «Союза» появилось лицо Валентины, вокруг него колыхались её светлые волосы. — Мы просто проверяли корабль, — хихикнула она.

— На это у вас хватит времени и в Токио, — одёрнул её Королёв. — Ещё несколько минут, и во Владивостоке с Ханоем начнут поднимать перехватчики.

В люке появилась обнажённая мускулистая

рука Романенко и рывком утянула Валентину внутрь. Стойко и Гришкин задраили люк.

— Пейзане в космосе, — фыркнула Татьяна.

По «Космограду» прокатился гулкий удар — это стартовал Сантехник со всё ещё не пришедшим в себя Филипченко. Ещё удар — и любовники тоже отбыли.

— Идём, друг Уманский, — сказал Стойко. — И прощайте, полковник! — Парочка направилась вниз по коридору.

— А я с тобой, — ухмыльнувшись, сказал Гришкин Татьяне, — в конце концов, ты ведь пилот.

— Ну нет, — отозвалась она. — Полетишь один. Разделим шансы. За тобой присмотрит автоматика. Только, ради бога, не трогай ничего на панели управления.

Королёв глядел, как она помогает ему устроиться в последнем «Союзе».

— В Токио я поведу тебя на танцы. — Это были последние слова Гришкина.

Она задраила люк. Ещё один гулкий раскат, и из соседней стыковочной сферы стартовали Стойко с Уманским.

— Поторапливайся, девочка, — сказал Королёв. — Мне бы очень не хотелось, чтобы тебя сбили над нейтральными водами.

— Но ведь вы остаётесь здесь один, полковник, один на один с врагами…

— Когда здесь не будет вас, уйдут и они. Надеюсь, вы поднимете достаточно шума, чтобы заставить Кремль сделать хоть что-нибудь, что не дало бы мне умереть.

— А что мне сказать в Токио, полковник? У вас есть какое-нибудь последнее слово миру?

— Скажи им…

…и тут на него нахлынули все штампы, какие только порождает осознание собственной правоты. От мысли об этом ему захотелось истерически рассмеяться: «Один небольшой шаг…», «Мы пришли сюда с миром…», «Трудящиеся всей земли…»

— …скажи им, что мне это просто нужно, — сказал он, больно сжав исхудавшее запястье, — нужно до самых костей.

Коротко обняв его напоследок, Татьяна исчезла.

Старик остался ждать в опустевшей стыковочной сфере. Тишина царапала по нервам. Авария жизнеобеспечения корабля не пощадила и вентиляционные системы, под жужжание которых он привык просыпаться последние двадцать лет. Наконец он услышал, как отстыковался «Союз»

Татьяны.

Кто-то шёл по коридору. Это был Ефремов, неловко передвигающийся в вакуумном скафандре. Королёв улыбнулся.

Под лексановым лицевым щитком виднелась всё та же пустая официальная маска, но офицер избегал встречаться с Королёвым взглядом. Он направлялся в арсенал.

— Нет! — выкрикнул Королёв.

Завывание сирен означало, что станция находится в состоянии полной боевой готовности.

Когда старик добрался до арсенала, люк в помещение был распахнут. Солдаты, повинуясь вбитому постоянной муштрой рефлексу, двигались как марионетки в руках неумелого кукловода, устраивались в креслах у пультов и застёгивали широкие ремни на груди громоздких скафандров.

— Не делайте этого!

Он вцепился пальцами в жёсткую, растягивающуюся гармошкой ткань ефремовского скафандра. Оглушительным стаккато взвыл запущенный ускоритель протонного луча. На экране наведения зелёное перекрестье наползло на красное пятнышко.

Ефремов снял шлем. Спокойно, не меняя выра-

жения лица, он наотмашь ударил им Королёва.

— Заставьте их остановиться! — задыхался от рыданий полковник. Стены вздрогнули, когда со звуком щёлкающего хлыста на волю вырвался луч дезинтегратора. — Ваша жена, Ефремов! Она там!

— Подите вон, полковник.

Ефремов схватил артритную руку Королёва и сжал её. Королёв вскрикнул от боли.

— Вон! — Кулак в тяжёлой перчатке ударил его в грудь. Вылетев в коридор, Королёв беспомощно рухнул на валявшийся у стены вакуумный скафандр.

— Даже я, полковник, не посмею встать между Красной Армией и полученным ею приказом. — Вид у Ефремова сейчас был такой, будто его вот-вот вырвет. Официальная маска осыпалась. — Отличная практика, — пробормотал он. — Подождите здесь, пока мы не закончим.

И тут произошло нечто невероятное: «Союз» Татьяны развернулся и на полной скорости врезался в установку дезинтегратора и казарменные отсеки. В дагеротипе резкого солнечного света Королёв лишь на долю секунды увидел, как вспыхнул и сплющился арсенал, словно раздавленная сапогом пивная жестянка. Он увидел, как

от пульта закрутило прочь обезглавленный труп солдата. Он увидел, что Ефремов пытается что-то сказать, но его волосы встают дыбом — это вакуум вырвал воздух из скафандра через незакрытое отверстие для шлема. Две тоненькие струйки крови дугами потянулись из ноздрей Королёва, а свист уносящегося воздуха сменился ещё более глубоким гудением в голове.

Последним звуком, который запомнил Королёв, был грохот захлопывающегося люка.

Когда он очнулся, его встретили темнота, пульсирующая агония боли в глазах и воспоминания о давних лекциях. Шок — столь же серьёзная опасность, как и сама декомпрессия: когда кровь вскипает, пузырьки водорода несутся по венам, чтобы ударить в мозг раскалённой добела, калечащей болью…

Но всё это было таким отдалённым, таким академичным… Повинуясь лишь какому-то странному ощущению «честь обязывает» и ничему более, старик закрутил ручные штурвалы люков. Даже эта работа оказалась для него слишком утомительной, и ему захотелось вернуться в музей и спать, спать, спать.

Ему удалось залепить замазкой все мелкие протечки, но в целом масштабы катастрофы

намного превосходили его возможности. Оставался, правда, глушковский сад. На овощах и сине-зелёных водорослях он с голоду не умрёт и не задохнётся. Коммуникационный модуль пропал вместе с арсеналом и казармой, оторванный от станции самоубийственным ударом «Союза». Королёв предположил, что столкновение изменило орбиту «Космограда», но не видел никакого способа предсказать, в котором часу произойдёт неизбежная горячая встреча с верхними слоями атмосферы. Теперь он часто бывал болен и думал, что может умереть до того, как сгорит сама станция, и это его сильно беспокоило.

Он проводил бесчисленные часы за просмотром плёнок, хранившихся в библиотеке музея. Подходящее занятие для Последнего Человека в Космосе, который некогда был Первым Человеком на Марсе.

Он стал одержим иконой Гагарина, бесконечно прокручивая крупнозернистые телевизионные изображения шестидесятых годов и киножурналы, неизменно подводившие его к моменту гибели космонавта. Спёртый воздух «Космограда» кишел призраками мучеников космоса. Гагарин, экипаж первого «Салюта», американцы, сгоревшие заживо в своём «Аполлоне»…

Часто ему снилась Татьяна, выражение глаз у неё было такое же, какое чудилось ему на портретах в музее. А однажды он проснулся или подумал, что проснулся, в её «Салюте» и обнаружил, что одет в свой старый мундир, а на лбу у него — работающий от батарей фонарь. И откуда-то издали, как будто просматривая хронику на музейном мониторе, он увидел, как отвинчивает со своего кармана звезду ордена Циолковского и прикалывает её на диплом пилота Татьяны.

Потом в дверь раздался стук, и он понял, что это тоже сон.

В голубоватом мигающем свете старого кинофильма возникла вдруг чернокожая женщина. Длинные косички матовых волос кобрами качались вокруг её головы. На ней были авиационные очки-«консервы»; шёлковый шарф авиатора начала века как змея выгнулся за её спиной.

— Энди, — окликнула она кого-то по-английски, — пойди-ка сюда. Тебе стоит на это взглянуть!

Невысокий мускулистый мужчина, почти лысый и одетый только в спортивный бандаж, поверх которого был застёгнут пояс с инструментами монтёра, выплыл из-за её плеча и заглянул внутрь.

— Интересно, он жив?

— Конечно, я жив, — тоже по-английски, но с заметным акцентом ответил Королёв.

Человек по имени Энди проплыл над головой своей подруги.

— С тобой всё в порядке, приятель?

На правом бицепсе у него красовалась татуировка в виде геодезической сферы над скрещенными молниями, под которой шла крупная, горделивая надпись: «СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ 15, ЮТА».

— Мы не надеялись здесь кого-то застать.

— Я тоже. — Королёв сморгнул.

— Мы пришли сюда жить, — сказала женщина, подплывая поближе.

— Мы — с солнечных шаров. А здесь, так сказать, незаконные жильцы. Скваттеры. Прослышали, что это место пустует. Ты знаешь, что станция сходит с орбиты? — Человек произвёл в воздухе неуклюжее сальто, на поясе у него загремели инструменты. — Невесомость — это что-то потрясающее!

— Господи, — воскликнула женщина, — я просто не могу к ней привыкнуть! Здесь чудесно. Это — как те несколько километров, когда летишь без парашюта, только тут нет ветра.

Королёв во все глаза глядел на мужчину, безза-

ботного, небрежного, выглядевшего так, словно он с самого рождения привык допьяна напиваться свободой.

— Но ведь у вас нет даже стартовой площадки, — недоумённо произнёс он.

— Стартовой площадки? — рассмеялся Энди. — Хочешь знать, что мы сделали? Подтянули по кабелям к шарам ракетные ускорители, отвязали их и запустили прямо в воздухе.

— Но это же безумие, — отозвался Королёв.

— Но ведь оно доставило нас сюда, так?

Королёв кивнул. Если это сон, то очень странный.

— Я — полковник Юрий Васильевич Королёв.

— Марс! — Женщина захлопала в ладоши. — Подождите, вот обрадуются дети, когда узнают.

Сняв с переборки маленький луноход, она принялась его заводить.

— Эй, — сказал мужчина, — у меня работы по горло. У нас ещё целая связка ускорителей снаружи. Их нужно поднять на борт, прежде чем они вздумают загореться.

Что-то резко звякнуло об обшивку. По «Космограду» прошёл гул столкновения.

— Это, должно быть, Тулза, — сказал Энди, сверившись с наручными часами. — Вовремя!

— Но почему? — Королёв в растерянности покачал головой. — Почему вы сюда пришли?

— Мы же тебе сказали. Чтобы жить здесь. Мы можем расширить это место, может быть, построим ещё одно. Все говорили, что на шарах, дескать, невозможно выжить, но мы оказались единственными, кому удалось заставить их работать. Это был наш единственный шанс самостоятельно выбраться на орбиту. Кому охота жить ради какого-то правительства, ради армейской меди или своры бумагомарак? Нужно просто стремиться к фронтиту, стремиться всем своим существом, верно?

Королёв улыбнулся. Энди улыбнулся в ответ.

— Мы уцепились за силовые кабели и просто вскарабкались по ним наверх. А когда ты взбираешься на вершину, тебе остаётся либо прыгать дальше, либо гнить там. — Голос его набрал силу. — Но не оглядываться назад, нет, сэр! Мы совершили этот прыжок, и вот мы здесь, чтобы остаться!

Женщина поставила модель сетчатыми колёсиками на закругляющуюся к потолку стену и отпустила игрушку. Луноход, весело постукивая, пошёл карабкаться у них над головами.

— Ну разве не прелесть? Дети просто влюбятся

в него, вот увидите.

Королёв смотрел Энди в глаза.

«Космоград» снова завибрировал, сбив маленький луноход на новый курс.

— Восточный Лос-Анджелес, — сказала женщина. — Это тот, в котором дети.

Она сняла авиационные очки, и Королёв увидел её глаза, светящиеся чудесным, святым безумством.

— Ну, — сказал Энди, встряхнув пояс с инструментами, — как вы насчёт того, чтобы показать нам наш новый дом?

William Ford Gibson, Bruce Sterling. Red Star, Winter Orbit. 1983.

Перевод с английского Анна Комаринец

Зимний рынок

Здесь часто идут дожди. Зимой бывают дни, когда вообще света не видно: в небе лишь размытая серая муть. Но изредка занавес отдергивается, и минуты на три открывается вид на залитую солнцем и как бы висящую в воздухе вершину горы — будто эмблема перед началом фильма, снятого на студии самого Господа. Вот как раз в такой день и позвонили агенты Лайзы из глубин своей зеркальной пирамиды на бульваре Беверли. Сообщили, что она уже в сети, что ее больше нет и что «Короли грез» идут на «тройную платину». Я редактировал почти весь материал в «Королях», готовил эмоциокарту и все это микшировал, так что и мне там кое-что причиталось.

«Нет, — сказал я. — Нет». Затем: «Да». Еще раз: «Да». И повесил трубку. Взял пиджак и, шагая через три ступеньки, направился прямиком в ближайший бар. Восьмичасовое помутнение закончилось на бетонном карнизе в двух метрах над темной, как полночь, водой Фалс-Крик… Вокруг — огни города и все та же опрокинутая серая чаша небосклона, только поменьше и в отблесках неона и ртутных ламповых дуг. Шел

снег, крупные редкие снежинки; они падали на черную воду и исчезали без следа. Я бросил взгляд вниз, на свои ноги, и увидел, что носки туфель выступают за бетонный карниз, а между ними все та же темная вода. На мне были японские туфли, новые и дорогие, «Гинза», из тонкой мягкой кожи, с резиновыми носками… Не знаю, сколько на самом деле прошло времени — наверно, много, — прежде чем я сделал тот первый шаг назад.

Наверно, я стоял так долго, потому что ее уже нет, и это я позволил ей уйти. Потому что теперь она бессмертна, и помог ей тоже я. Потому что знал: она обязательно позвонит. Утром.

Отец мой был инженером звукозаписи. Еще тогда, до цифровых дел. Процессы, которыми он занимался, относились больше к механике — есть в этом что-то такое неуклюжее, квазивикторианское, знаете, как во всей технологии двадцатого века. В общем, человек его профессии — скорее просто токарь. Ему приносили аудиозаписи, и он нарезал звуки на дорожках, накатанных на лаковом диске. Затем делалась гальваническая обработка, и в конце концов получались формы для штамповки пластинок, этих черных штуковин, которые еще можно увидеть в антикварных

магазинах. Помню, он мне как-то рассказывал, за несколько месяцев до смерти, что определенные частоты — кажется, он называл их «транзиенты» — могут запросто сжечь головку, ту, что нарезает звуковые дорожки. Они тогда черт-те сколько стоили, и чтобы избежать пережогов, использовалась такая штука, которая у них называлась «акселерометр». Вот об этом я и думал, стоя над водой: сожгли-таки.

Да, именно.

Причем она сама этого хотела.

Тут уж никакой акселерометр не спасет.

По пути к кровати я отключил телефон. Правда, сделал это немецким студийным треножником, так что починка встанет не меньше чем в недельный заработок — это я про треножник.

Спустя какое-то время очнулся, взял такси и отправился на Гранвилл-Айленд, к Рубину.

Рубин для меня в каком-то смысле и повелитель, и учитель — как говорят японцы, «сэнсэй», — хотя это трудно объяснить. На самом деле он скорее повелитель мусора, хлама, отбросов, бескрайних океанов выброшенного барахла, среди которых плывет наш век. *Гоми но сэнсэй.* Повелитель мусора.

Когда я нашел его на этот раз, Рубин сидел меж-

ду двумя механическими ударными установками довольно зловещего вида. Раньше я их не видел: ржавые паучьи лапы, сложенные в центре двух созвездий из побитых стальных барабанов — банок, собранных на свалках Ричмонда. Он никогда не называет свое жилище студией и никогда не говорит о себе как о художнике. «Так, дурака валяю», — характеризует он свои занятия, словно для него это продолжение тягучих и скучных мальчишеских дней где-нибудь на заднем дворе фермы. Рубин бродит по этому захламленному, забитому всякой всячиной мини-ангару, прилепившемуся на краю Рынка у самой воды, а за ним неотступно следуют его наиболее умные и шустрые творения — этакий добродушный Сатана, озабоченный планами еще более странных процессов в подвластном ему мусорном аду. Помню, одно время он программировал свои конструкции, чтобы они распознавали гостей в одежде от самых модных модельеров сезона и обкладывали их на чем свет стоит; другие его детища вообще непонятно что делают, а часть создается, похоже, лишь для того, чтобы саморазрушаться, производя при этом как можно больше грохота. Рубин, он как ребенок, но в выставочных залах Токио и Парижа за его произведения платят бешеные

деньги.

Я рассказал ему о Лайзе. Он позволил мне выговориться, затем кивнул:

— Знаю. Какой-то урод из Си-би-си звонил мне уже восемь раз. — Он сделал глоток из своей побитой кружки. — «Дикая индейка», хочешь?

— Почему они тебе звонят?

— Потому что мое имя есть на обложке «Королей грез». В посвящении.

— Я еще не видел диска.

— Она тебе пока не звонила?

— Нет.

— Позвонит.

— Рубин, ее уже нет. И тело кремировали.

— Знаю, — сказал он. — Но она все равно позвонит.

Гоми.

Где кончается гоми и начинается мир? Уже лет сто назад японцам некуда было сваливать гоми вокруг Токио, так они придумали, как делать из гоми жизненное пространство. В 1969 году японцы выстроили в Токийском заливе небольшой островок, целиком из гоми, и назвали его Островом Мечты. Но город непрерывным потоком выбрасывал свои девять тысяч тонн гоми в день, и вскоре они построили Новый Остров

Мечты, а сегодня технология отлажена, и новые японские территории растут в Тихом океане, как грибы после дождя. Об этом рассказывают по телевизору в новостях. Рубин смотрит, но никак не комментирует.

Зачем ему говорить о гоми? Это его среда обитания, воздух, которым он дышит. Всю свою жизнь он плавает в гоми как рыба в воде. Рубин мотается по округе в своем грузовике-развалюхе, переделанном из древнего аэродромного «мерседеса», крышу которого закрывает огромный, перекатывающийся из стороны в сторону полупустой баллон с природным газом. Он постоянно что-то ищет, какие-то вещи под чертежи, нацарапанные изнутри на его веках кем-то, кто выполняет у него роль Музы. Рубин тащит в дом гоми. Иногда гоми еще работает. Иногда, как в случае с Лайзой, дышит.

Я встретил Лайзу на одной из вечеринок у Рубина. Он часто устраивает вечеринки. Сам их не особенно любит, но вечеринки у него всегда классные. Я уже счет потерял, сколько раз той осенью просыпался на пенопластовой плите под рев древней автоматической кофеварки Рубина — этакого полированного монстра, на котором восседает огромный хромированный орел. Отра-

жаясь от стен из гофрированного металла, звук превращается в жуткий рев, но в то же время и здорово успокаивает. Ревет — значит, будет кофе. Значит, жизнь продолжается.

В первый раз я увидел ее в «кухонной зоне». Это не совсем кухня, просто три холодильника, плитка и конвекторная печка, которую он притащил в числе прочего гоми. Первый раз: она стоит у открытого, «пивного», холодильника, а оттуда на нее падает свет. Я сразу заметил скулы, волевую складку рта, но также заметил черный блеск полиуглерода у запястья и блестящее пятно на руке, где экзоскелет натер кожу. Я тогда был слишком пьян, чтобы все это понять, но все же сообразил: что-то здесь не то. И я поступил точь-в-точь так, как люди обычно поступают с Лайзой: переключился «на другое кино». Вместо пива направился к винным бутылкам, что стояли на стойке у печи, и даже не оглянулся.

Но она сама меня нашла. Часа два спустя заметила и, грациозно лавируя между людьми и горами хлама, подошла. Жутковатая, надо заметить, грациозность, но так уж эти экзоскелеты программируют. Глядя, как она приближается, я уже понял, что у нее экзоскелет, но от смущения не сообразил, что можно спрятаться, отойти или,

невнятно извинившись, просто смыться. Так и стоял как столб, обняв за талию какую-то незнакомую девицу.

Лайза карикатурно-грациозно двигалась — вернее, ее двигало — прямо ко мне; девица вдруг засуетилась, вывернулась и ускользнула в толпу. Лайза остановилась напротив; тонкий, словно нарисованный карандашом, полиуглеродный протез застыл, удерживая тело в равновесии. Я посмотрел ей в глаза — впечатление было такое, будто я слышу, как работают ее синапсы: невыносимо высокий визг крохотных механизмов, открывающих под действием магика доступ в каждую микросхему ее мозга.

— Пригласи меня домой, — сказала она, и каждое слово — как удар хлыстом.

Кажется, я покачал головой.

— Пригласи.

В голосе и боль, и нежность, и удивительная жесткость.

Только в это мгновение я вдруг понял, что меня никто еще не ненавидел так глубоко и отчаянно, как сейчас эта изможденная болезнью девчонка — за то, как я посмотрел на нее и отвернулся, там, у «пивного» холодильника Рубина.

И тогда я сделал то самое, что все мы иногда

делаем непонятно почему, хотя какая-то часть души точно знает, что иначе нельзя.

Я пригласил ее домой.

У меня всего две комнаты в старом ветшающем строении на углу Четвертой и Макдональд-стрит, десятый этаж. Лифты обычно работают. Если сесть на ограждение балкона и, держась за угол соседнего дома, откинуться назад, можно увидеть небольшой вертикальный срез моря и гор.

По дороге от студии Рубина до дома Лайза не проронила ни слова. Я уже достаточно протрезвел и, отпирая дверь, чувствовал себя ужасно неуютно.

Первое, что она увидела в квартире, был портативный эмоциомикшер, который я притащил домой из «Автопилота» предыдущим вечером. Экзоскелет немедля перенес ее через залитый светом пыльный пол ближе — ну прямо манекенщица на подиуме. Теперь, когда не мешал шум вечеринки, я слышал мягкие щелчки суставов. Лайза чуть наклонилась, разглядывая эмоциомикшер, и теперь мне стали видны выделяющиеся под черной кожаной курткой ребра экзоскелета. Наверно, одна из этих болезней, подумал я тогда. Или какая-нибудь старая, с которыми так и не научились справляться, или из

новых, скорее всего экзогенных, — половине из них и названий-то еще не придумали. Без экзоскелета с микроэлектронным интерфейсом прямо в мозг она просто не могла двигаться. Эти хрупкие на вид полиуглеродные прутики двигали ее руками и ногами, а пальцами управляли более тонкие гальванические накладки. Я вспомнил о школьных уроках, где лягушки дрыгают лапками под воздействием тока, и тут же устыдился.

— Это ведь эмоциомикшер… — произнесла она каким-то новым, словно издалека, голосом, и я подумал, что действие магика, должно быть, проходит. — Зачем он тебе?

— Я на нем редактирую, — ответил я, закрывая входную дверь.

— Ну да! — Она рассмеялась. — И где же?

— На Острове. Есть такая студия, называется «Автопилот».

Лайза посмотрела на меня через плечо, затем, уперев руку в бедро, повернулась — или ее повернуло? Серые поблекшие глаза вдруг кольнули меня целой гаммой переживаний — и ненависть, и действие магика, и какая-то пародия на желание.

— Хочешь меня, редактор?

Я снова почувствовал удар хлыста, но нет,

теперь-то меня так просто не возьмешь… Я уставился на нее холодным взглядом — словно из какого-то отупевшего от пива центра своего ходячего, говорящего, подвижного, совершенно обыкновенного организма — и слова вырвались у меня будто плевок:

— А ты что-нибудь почувствуешь?

Бум! Может, она моргнула, но на лице ничего не отразилось.

— Нет. Но иногда я люблю смотреть.

Два дня спустя после ее смерти в Лос-Анджелесе. Рубин стоит у окна и смотрит, как падает снег в воду Фалс-Крик.

— Так ты с ней ни разу не переспал?

Одна из его электронных игрушек, маленькая, словно сбежавшая с полотен Эшера, ящерица на роликах, поджав хвост, ползает передо мной по столу.

— Нет, — говорю я, и это правда, отчего мне вдруг становится смешно. — Но мы врубились напрямую. В ту самую первую ночь.

— С ума сошел, — говорит Рубин, хотя в голосе чувствуется одобрение. — Ты мог себя угробить. Сердце могло остановиться или дыхание… — Он отворачивается к окну. — Лайза еще не звонила?

Мы врубились. Напрямую.

Раньше я никогда этого не делал. И если бы вы спросили меня почему, я бы ответил, что работаю редактором, а врубаться напрямую непрофессионально.

Однако правда выглядит скорее так.

Среди профессионалов — имеется в виду легальный бизнес, я никогда не занимался порнухой — необработанный материал называют «сухими снами». Сухие сны — это нейрозапись уровней сознания, которые большинству людей доступны только во сне. Но художники, те, с кем я работаю в «Автопилоте», способны преодолеть это поверхностное натяжение, нырнуть глубже, на самое дно моря Юнга, и достать оттуда… ну, в общем, да, именно сны. Для простоты сойдет. Очевидно, многие художники были способны на это и раньше — в живописи, в музыке и так далее — но нейроэлектроника дала нам возможность прямого доступа к их ощущениям. Теперь это можно записать, оформить, продать… и проследить, насколько товар популярен. Мир меняется, мир меняется, как говаривал мой отец.

Обычно я получаю необработанный материал в студийных условиях, уже прошедший через электронные фильтры и прочую аппаратуру стоимостью в несколько миллионов долларов, и

мне не нужно видеть самого художника. А то, что мы выдаем потребителю, структурировано, сбалансировано и превращено в искусство. До сих пор есть наивные люди, которые полагают, будто им и в самом деле понравится, если подрубиться напрямую к кому-то, кого они, например, любят. Большинство подростков, видимо, пробуют — хотя бы раз. Это несложно. «Рэйдио Шэк»[491] совсем недорого продает и ящик, и электроды, и провода. Но сам я никогда этого не делал. Даже теперь, все обдумав, я вряд ли смогу объяснить почему. И вряд ли захочу.

Но я знаю, почему сделал это тогда, с Лайзой. Посадил ее на мексиканский диван и воткнул штекер оптовывода в гнездо у нее на позвоночнике — на гладком, похожем на плавник выступе экзоскелета почти у шеи, где его скрывали длинные темные волосы.

Я сделал это, потому что она назвала себя художницей, потому что в каком-то смысле мы оказались непримиримыми противниками и я ни в коем случае не хотел проиграть сражение. Может, вам этого не понять, но ведь вы никогда и не знали ее или узнали только через «Королей

---

[491] Примечания: 491

Буквально: «Радиохлам» — сеть дешевых магазинов радио-, кино-, и электронной аппаратуры.

грез», а это не одно и то же. Вы никогда не чувствовали ее жуткий в своей целеустремленности голод, голод в паре с иссушающим желанием. Меня всегда пугали люди, которые точно знают, чего они хотят, а Лайза знала, что ей нужно, уже очень давно, и больше ее ничего не интересовало. Я боялся тогда признаться себе, что напуган, и, кроме того, в микшерной «Автопилота» мне довелось видеть достаточно много чужих снов, чтобы понять: то, что порой представляется людям этакими «внутренними монстрами», слишком часто оказывается в ровном освещении собственного сознания смехотворным, мелочным и глупым. К тому же я был пьян.

Нацепив электроды, я потянулся к тумблеру эмоциомикшера. Я отключил все его студийные функции и на время превратил восемьдесят тысяч долларов японской электроники в эквивалент одного из тех ящиков, что продаются в «Рэйдио Шэк».

— Поехали, — сказал я и щелкнул тумблером.

Слова… Слова бессильны. Ну разве что едва-едва способны… Если бы я знал, как передать, что из нее вырвалось, что она со мной сделала…

В «Королях грез» есть один фрагмент… Вы мчитесь на мотоцикле в полночь по шоссе, где за

отвесным краем, далеко внизу, море; никаких огней вокруг, но вам свет и не нужен; мотоцикл несется так быстро, что вы будто висите вместе с ним в конусе тишины, потому что звук за вами не поспевает, теряется — все теряется позади.

В «Королях» это лишь миг, но такие мгновения просто не забываются, даже в ряду тысяч других, и вы возвращаетесь к ним постоянно, навсегда включив их в свой словарь ощущений. Потрясающий фрагмент! Свобода и смерть, прямо здесь, рядом, вечный бег по лезвию бритвы…

Но я получил все это навалом, в необработанном, чудовищно усиленном виде, стремительным напором, бомбой, взорвавшейся в пустоте, перенасыщенной нищетой, одиночеством и безвестностью.

И этот стремительный напор, увиденный мной изнутри, — и она сама, и ее цель.

Мне хватило, наверно, четырех секунд.

Разумеется, она победила.

Я снял электроды и уставился невидящими от слез глазами на плакаты в рамах на стене.

На нее я смотреть не мог. Слышал только, как она отсоединила оптический вывод, как скрипнул экзоскелет, поднимая Лайзу с дивана, как он защелкал, унося ее на кухню за стаканом воды.

Я заплакал.

Рубин вставляет в брюхо игрушки на роликах тонкий щуп и разглядывает микросхемы через увеличительное стекло, подсвечивая себе крохотными фонариками на висках.

— И тебя зацепило.

Он пожимает плечами и поднимает взгляд. В студии уже темно, и мне в лицо бьют два узких луча света. В металлическом ангаре Рубина холодно и сыро. Откуда-то издалека, с берега, доносится сквозь туман предупреждающий вой сирены.

— Да?

Теперь моя очередь пожимать плечами.

— Видимо… Я не выбирал…

Лучи света вновь опускаются в силиконовые внутренности сломанной игрушки.

— Тогда все нормально. Ты правильно поступил. Я имею в виду, она давно решила, что ей нужно. И к тому, что она сейчас там, ты причастен не больше, чем, скажем, твой эмоциомикшер. Не ты, так она бы еще кого-нибудь нашла…

Я договорился с Барри, старшим редактором, и выторговал себе двадцать минут на пять утра.

Промозглым сентябрьским утром Лайза пришла и окатила меня тем же набором ощущений, но теперь я был готов. Фильтры, эмоциокарты и

прочее — короче, мне не пришлось переживать все это заново с такой же силой. Затем я недели две выкраивал минуты в редакторской, делал из ее записи нечто, что можно показать Максу Беллу, владельцу «Автопилота».

Белл не особенно обрадовался, когда я объяснил, что принес. Скорее даже наоборот. От редакторов, которые разрабатывают собственные проекты, как правило, одни неприятности: каждый такой редактор рано или поздно решает, что он наконец «открыл» кого-то, кто станет новой звездой, но кончается это почти всегда пустой тратой времени и денег. Белл кивнул, когда я закончил рекламировать Лайзу, затем почесал нос колпачком фломастера.

— Угу. Понял. Самый крутой хит с тех пор, как рыбы отрастили ноги, да?

Однако он подключился к демонстрационному софту, который я смикшировал, и, когда диск выскочил из прорези его настольного «Брауна», Белл долго сидел с застывшим лицом, уперев взгляд в стену.

— Макс?

— А?

— Что ты об этом думаешь?

— Я?. Думаю?. Как, ты сказал, ее зовут? — Он

моргнул. — Лайза? И кто, говоришь, ее подписал?

— Лайза… Никто, Макс. Пока она ни с кем ничего не подписывала.

— Боже правый… — пробормотал Белл, так и не оправившись от потрясения.

— Знаешь, как я ее нашел? — спрашивает Рубин, шаря по рваным картонным коробкам в поисках переключателя.

Коробки заполнены старательно рассортированным гоми: литиевые аккумуляторы, танталовые конденсаторы, штекеры, хлебные доски, липкая лента для ограждений, феррорезонансные трансформаторы, мотки проволоки… В одной из коробок лежат несколько сотен оторванных голов кукол Барби, в другой — похожие на перчатки скафандра металлизированные рукавицы для опасных работ. Ангар залит светом; раскрашенный в духе Кандинского жестяной богомол поворачивает голову размером с мячик для гольфа в сторону самой яркой лампочки.

— Я ездил в Гринвилл, искал новое гоми. Забрел в какую-то аллею и вижу — сидит. Я заметил экзоскелет, да и выглядела она не очень. Спросил, что с ней. Молчит, только глаза закрыла. Ну, думаю, ладно, я, в конце концов, не за этим

приехал. Но спустя часа четыре возвращаюсь тем же маршрутом, а она все еще сидит. «Слушай, — говорю, — милая, может, у тебя барахлит эта чертовщина? Так я могу помочь». Молчит. Ну я и пошел.

Рубин подходит к рабочему столу и гладит тонкие металлические конечности богомола бледным пальцем. За столом на вспухших от влаги щитах из прессованного картона висят плоскогубцы, отвертки, пистолеты с клейкой лентой, ржавая духовушка «Дэйзи», ножницы, щипцы, щупы-тестеры, паяльная лампа, карманный осциллоскоп — кажется, тут собраны все инструменты, когда-либо изобретенные человечеством, и никто даже не пытался рассортировать их, хотя я еще ни разу не видел, чтобы Рубин, протянув руку, ошибся.

— Потом я все-таки вернулся, — продолжает он. — Спустя, наверно, час. Она к тому времени уже отключилась. Я ее притащил сюда и проверил экзоскелет. Оказалось, сдохли аккумуляторы. Видимо, она уползла туда на остатках энергии и осталась умирать с голоду.

— Когда это было?

— Примерно за неделю до того, как ты увел ее к себе.

— Но если бы она умерла? Если бы ты ее не нашел?

— Кто-нибудь другой нашел бы. Но она просто не могла ни о чем попросить сама, понимаешь? Только принять, если предложат. Не хотела быть в долгу.

Макс нашел для нее агентов, и на следующий день прилетела троица младших партнеров из какого-то агентства — чистенькие, гладенькие, как на картинке. Лайза отказалась встречаться с ними в «Автопилоте» и настояла, чтобы мы привезли их к Рубину, где она все это время жила.

— Добро пожаловать в Кувервиль, — сказал Рубин, когда они просочились в дверь.

Его вытянутое лицо было вымазано машинным маслом, а ширинка рабочего комбинезона держалась на скрепке. Молодые люди автоматически улыбнулись, но у девицы улыбка получилась более естественной.

— Мистер Старк, — заговорила она, — я на прошлой неделе была в Лондоне и видела в выставочном зале «Тэйт» вашу скульптуру.

— «Батареечная фабрика Марчелло», — ответил Рубин. — Британцы говорят, что это, мол, копрология. — Он пожал плечами. — Одно слово, британцы. Хотя, может, они и правы.

— Правы. Но это еще и очень забавно.

Молодые люди в костюмах сияли, как два маяка. Демонстрационная запись уже попала в Лос-Анджелес, и они знали, зачем приехали.

— Значит, вы и есть Лайза, — сказала девушка, пробираясь к ней между развалами гоми. — Скоро вы станете очень знаменитой, Лайза. Нам о многом надо поговорить.

Лайза, поддерживаемая своим экзоскелетом, стояла неподвижно, и выражение лица у нее было такое же, как тогда, у меня дома, когда она спросила, хочу ли я с ней переспать. Но если эта девица из агентства и заметила что-то, она ничем себя не выдала. Профессионализм.

Я пытался убедить себя, что я тоже профессионал.

И заставил-таки успокоиться.

Повсюду вокруг рынка горят в железных бочках костры из мусора. Все еще идет снег, и подростки жмутся поближе к огню, как артритные вороны, переминаются с ноги на ногу, запахиваясь от резкого ветра в свои темные пальто. Выше, в артистических трущобах, висят чьи-то замерзшие на веревках простыни — огромные розовые листы на фоне тусклых зданий и мешанины из спутниковых антенн и панелей солнечных бата-

рей. Крутится, не переставая, ветряной генератор, собранный кем-то из экологически озабоченных жильцов: вот, мол, фиг вам вместо платы за электричество.

Рубин шлепает рядом в заляпанных краской кедах, втянув голову за воротник огромной, явно не по росту армейской куртки. Время от времени его узнают, кто-нибудь показывает пальцем и говорит: вон, мол, пошел этот тип, который делает все эти сумасшедшие штуковины — роботов и прочее дерьмо.

— Знаешь, почему тебе сейчас трудно? — спрашивает он, когда мы заходим под мост, двигаясь к Четвертой улице. — Ты из тех, кто всегда читает инструкции. Все, что люди придумывают, любая техника служит определенной цели. Техника должна делать что-то такое, что люди уже понимают. Но если это новая техника, она открывает новые горизонты, о которых раньше никто не догадывался. Ты всегда читаешь инструкции и ни за что не станешь экспериментировать. И ты заводишься, когда кто-нибудь использует технику для того, о чем ты сам не додумался. Вот как с Лайзой.

— Она не первая.

Над нами грохочет транспорт.

— Да, но она наверняка первая из тех, кого ты знал лично. Лайза взяла и переписала себя в память машины. Тебе ведь до лампочки было, когда года три-четыре назад сделал то же самое этот, как его там, француз, писатель, верно?

— Пожалуй. Так, подумал я, рекламный трюк…

— А он, между прочим, все еще пишет. И самое интересное, будет писать и дальше — если кто-нибудь не подорвет его машину.

Я вздрагиваю, трясу головой.

— Но это ведь не он, верно? Всего лишь программа.

— Любопытная мысль… Трудно сказать с уверенностью. Однако что касается Лайзы, мы узнаем. Она ведь не писатель.

«Короли», считай, были уже готовы, упакованы у нее в черепе, как ее тело в клетке экзоскелета.

Агенты сделали ей контракт с крупной фирмой и выписали из Токио рабочую группу. Лайза заявила им, что хочет редактором только меня. Я отказался. Макс затащил меня к себе в кабинет и пригрозил уволить, если не соглашусь. Без меня им просто незачем было работать в студии «Автопилота». Ванкувер едва ли можно назвать центром индустрии, и агенты Лайзы хотели, чтобы она работала в Лос-Анджелесе. Для Макса этот

контракт значил большие деньги, а для «Автопилота» — шанс пробиться в высшую лигу. Я же даже не мог объяснить ему, почему отказываюсь: слишком все было заумно и слишком лично. Если я соглашусь, мол, она одержит последнюю победу. Так мне, во всяком случае, тогда казалось. Но Макс был настроен серьезно. Он просто не оставил мне никакого выбора, и мы оба знали, что другую работу я сейчас быстро не найду. В общем, мы вернулись вместе и сказали агентам, что все утрясли: я готов работать.

В ответ — три белозубые улыбки.

Лайза достала заполненный магиком ингалятор и прямо при всех приняла чудовищную дозу. Мне показалось, что девушка из агентства чуть приподняла бровь, но не больше. Бумаги были подписаны, и Лайза могла делать все, что хочет, — до определенной степени, конечно.

А Лайза всегда знала, чего ей хочется.

«Королей» — по крайней мере их основу — мы записали за три недели. Все это время я находил множество причин, чтобы не бывать у Рубина, иногда даже сам верил в то, что придумывал. Лайза по-прежнему оставалась у него, хотя агентов это не очень устраивало: они считали, что там просто небезопасно. Рубин позже сказал мне, что

ему пришлось связаться со своим агентом, чтобы тот позвонил им и поскандалил, после чего они вроде бы отстали. Я даже не знал, что у Рубина есть агент. С ним почему-то легко забывалось, что на самом деле Рубин Старк — очень известный человек, известнее, чем все, кого я знал, и уж наверняка известнее, чем, по моим представлениям, могла стать Лайза. Я понимал, что мы работаем с классным материалом, но в нашем деле трудно предугадать, как хорошо пойдет та или иная запись.

Однако там, в «Автопилоте», я работал с ней время от времени напрямую. Лайза просто поражала.

Она словно родилась для этой формы искусства, хотя на самом деле, когда Лайза появилась на свет, технологии, давшей эмоциозаписи жизнь, и в помине не было. Невольно закрадывалась мысль: сколько же тысяч — или миллионов? — феноменальных художников так и умерли за прошедшие века, не выразив себя, — все, кто не могли стать поэтами, живописцами или саксофонистами, хотя у них был дар, электроимпульсы в мозгу, ждущие лишь микросхем, которые сделают их фантазии доступными другим…

Работая с Лайзой в студии, я кое-что о ней узнал

— так, всякие мелкие подробности. Родилась она в Виндзоре. Отец был американцем, воевал в Перу, вернулся домой сдвинутый и почти слепой. Болезнь у нее врожденная. Нарывы и раздражение на коже, потому что она никогда не снимает экзоскелет: от одной только мысли, что она станет беспомощна, Лайза начинает задыхаться, она уже давно пристрастилась к магику и в день принимает столько, что хватило бы на целую футбольную команду.

Врачи, которых наняли ее агенты, изготовили пористые прокладки под полиуглеродные прутья, залечили и забинтовали распухшие нарывы, накачали Лайзу витаминами и попробовали посадить на диету, но никто даже не пытался отобрать у нее ингалятор.

Кроме того, агенты притащили с собой парикмахеров, косметологов, модельеров, специалистов по имиджу и команду шустрых «хомяков» из отдела по связям с общественностью. Лайза переносила все издевательства, можно сказать, с улыбкой.

Но все эти три недели мы почти не разговаривали. Только чисто студийные дела, то, что обычно бывает между художником и редактором, сплошные термины. Ее воображение создавало такие

сильные, предельно ясные картины, что ей почти не приходилось объяснять мне отдельные эффекты. Я брал ее записи, обрабатывал и прогонял ей то, что получалось. Она говорила «да» или «нет». Обычно «да». Агенты заметили это, одобрили и, похлопав Макса Белла по спине, пригласили его пообедать. Мне сразу же дали прибавку.

Я действительно хороший профессионал. Дельный, внимательный, чуткий. Я решил, что теперь уже не сломаюсь, и старался не вспоминать ту ночь, когда плакал. Кроме того, я прекрасно понимал, что за всю свою жизнь ничего лучше «Королей» еще не делал, а это тоже своего рода кайф.

Однажды утром, около шести, после долгой-долгой записи — Лайза выдала тогда ту жутковатую сцену с котильоном, ее еще называют «Танец призраков» — она со мной заговорила. Один из парней-агентов околачивался в студии всю ночь, скалился, но под утро ушел, и в «Автопилоте» воцарилась мертвая тишина, только в кабинете Макса работал кондиционер.

— Кейси, — сказала Лайза хриплым от магика голосом, — извини, что я так на тебя… навалилась.

На секунду я подумал, что она говорит о записи,

которую мы только что сделали. Затем поднял взгляд, увидел ее, и мне пришло в голову, что мы остались одни. Последний раз такое было, когда я готовил демонстрационную пленку.

Я не знал, что ей ответить. Не понимал даже, что у меня на душе.

Экзоскелет в буквальном смысле подпирал ее, держал на ногах, и сейчас она выглядела еще хуже, чем в тот вечер, когда мы встретились у Рубина. Даже макияж, который постоянно обновляли спецы по косметике, не спасал: магик поедал ее изнутри, и временами казалось, что за маской-лицом не особенно привлекательной девчонки, по сути подростка, проглядывает череп с пустыми глазницами. Кстати, я даже не знал, сколько ей лет. Не стара и не молода, по виду вообще не поймешь…

— Эффект наклонной плоскости, — произнес я, сматывая провод.

— Как это?

— Таким образом природа предупреждает, что пора задуматься, — своего рода математический закон: на любом возбуждающем средстве настоящий кайф можно словить только несколько раз, даже если увеличивать дозы. Никогда больше не будет такого же кайфа, как в самом начале.

Во всяком случае, не должно быть. Это, кстати, общий недостаток всех модельных наркотиков: они слишком хитро сконструированы. У чертовщины, что ты вдыхаешь, на какой-нибудь из молекул есть маленький хвостик, который не дает разложившемуся адреналину превращаться в адренохром. Если бы не хвостик, ты уже давно стала бы шизофреничкой. У тебя не бывает неприятностей с дыханием? Ты, когда спишь, например, не задыхаешься?

Я говорил каким-то злым голосом, хотя даже не понимал, был ли на самом деле зол.

Она долго не сводила с меня своих тусклых серых глаз. Вместо дешевой кожаной куртки модельеры подобрали ей матово-черный блузон, который скрывал ребра экзоскелета гораздо лучше. Лайза всегда застегивала его под горло, хотя в студии бывало порой слишком жарко. Днем раньше на ней пробовали что-то новое парикмахеры, но у них ничего не получилось, и ее непослушные темные волосы торчали над треугольным лицом, как перекошенный взрыв. Она смотрела мне в глаза, и я вдруг снова почувствовал, насколько целенаправленно она действует.

— Я вообще не сплю, Кейси.

Только гораздо позже я вспомнил, что Лайза

извинилась — единственный раз; это было, как мне показалось, не в ее стиле; больше я от нее ничего подобного не слышал.

Диета Рубина состоит из сэндвичей, что продаются в автоматах, пакистанских блюд на вынос и кофе, тоже из автоматов. Я никогда не видел, чтобы он ел что-то другое. Мы сидим с ним в маленькой забегаловке на Четвертой улице, за крошечным столиком между стойкой и дверью в сортир, и едим самосы. Рубин заказал себе двенадцать штук — шесть с мясом и шесть с овощами. Глотает их одну за другой, не отвлекаясь ни на что, даже подбородок не вытирает. Он здесь бывает чуть ли не каждый день, хотя не выносит грека за стойкой. Тот, впрочем, отвечает ему тем же — настоящие прочные отношения. Если грек уволится, Рубин, возможно, перестанет сюда ходить. Грек пялится на крошки, прилипшие к подбородку Рубина и осыпающиеся на куртку, а в перерывах между самосами, сузив глаза за грязными стеклами очков в стальной оправе, Рубин отвечает ему колючими взглядами.

Самосы — это обед. На завтрак у него куски подсохшего белого хлеба с яичным салатом, упакованные в молочно-белые пластиковые коробки, и шесть маленьких чашек ядовито-горь-

кого эспрессо.

— Ты не мог этого предвидеть, Кейси. — Рубин смотрит на меня в упор через захватанные стекла. — Потому что у тебя слабовато с латеральным мышлением. Ты всегда читаешь инструкции. Что, по-твоему, ей было нужно? Секс? Больше магика? Мировое турне? Она все это оставила позади. И оттого стала такой сильной. Все — позади. Вот почему «Короли грез» такой крутой хит, почему их все покупают, почему верят. Им это понятно. Все те мальчишки на Рынке, что греют зады у костров и не знают даже, где сегодня будут ночевать, они ей верят. За последние восемь лет это самый крутой эмоциодиск. Мне тут один из магазина на Гранвилл-стрит сказал, что «Королей» продают больше, чем всего остального. Замотались уже заказывать новые партии. Лайзу покупают, потому что Лайза такая же, как они, только глубже. Ни мечты, ни надежды. На них, на этих мальчишках, нет клеток, Кейси, но сами-то они все больше и больше просекают, что топчутся на месте, как в камере, и ничего им не светит. — Он стряхивает с подбородка жирные крошки, но три все равно остаются. — Лайза им это пропела, рассказала так, как они сами не смогут, нарисовала им картину. А деньги потратила,

чтобы вырваться, вот и все.

Я смотрю, как пар оседает на окне и большими каплями стекает вниз, оставляя на запотевшем стекле мокрые дорожки. За окном угадывается частично «раздетая» «Лада»: колеса сняты, и машина стоит осями на асфальте.

— А много людей это с собой сделали, Рубин? Не знаешь?

— Не очень. Хотя трудно сказать, потому что большинство из них, наверно, политики, про которых мы с надеждой думаем, что они безвозвратно мертвы, — взгляд у него становится какой-то странный. — Не особенно благородная мысль. Но так или иначе, технология какое-то время была доступна прежде всего им. Даже для миллионеров это пока дорогое удовольствие, но я слышал по крайней мере о семи. Говорят, в «Мицубиси» раскошелились для Вайнберга — еще до того, как у него накрылась иммунная система. Он у них возглавлял гибридомную[492] лабораторию на Окаяме. Их акции по моноклонам по-прежнему идут хорошо, так что, может быть, это и правда. И Ланглуа, француз этот, писатель… — Рубин пожимает плечами. — У Лайзы не было таких

---

[492] Примечания: 492
Так в оригинале. *(note by LX)*

денег. Даже сейчас нет. Но она пробралась в нужное место и как раз в нужное время. Ей недолго оставалось до конца, но она попала в Голливуд, а там уже поняли, что «Короли» пойдут отлично.

В тот день, когда мы закончили работу, челночным рейсом «Джей-Эй-Эль» прибыла группа из Лондона, четверо тощих парней с гипертрофированным чутьем на рынок и, казалось, полным отсутствием эмоций — в общем, хорошо отлаженная, смазанная машина. Я усадил их рядом, в одинаковые кресла, в студии «Автопилота», намазал виски соляной пастой, прилепил электроды и прогнал им смикшированный вариант того, что готовилось как «Короли грез». Вернувшись в реальный мир, они загомонили все разом, на этакой британской разновидности тайного языка, с которым знакомы лишь студийные музыканты, замахали руками и полностью забыли про меня.

Но я кое-что разобрал и понял, что они в восторге. По их мнению, получилось просто здорово. Так что я подхватил куртку и смылся. Пасту могут и сами стереть.

В тот вечер я видел Лайзу в последний раз, хотя и не собирался с ней встречаться.

Мы возвращаемся назад к Рынку. Рубин звучно переваривает обед. В мокром асфальте отража-

ются красные тормозные огни машин, а город за Рынком кажется чистенькой скульптурой, высеченной из света, — ложь, в которой сломленные и потерянные зарываются в гоми, растущем, словно слой гумуса у подножий стеклянных башен.

— Мне завтра нужно во Франкфурт, собирать скульптуру. Хочешь со мной? Я могу оформить тебя как техническую службу. — Он ежится и втягивает голову в пятнистую куртку. — Платить не могу, но авиабилеты за счет фирмы, а?

Странно слышать от Рубина такое предложение, но я знаю, что он за меня беспокоится, думает, я слишком завожусь из-за Лайзы, и это единственное, что пришло ему в голову, — вытащить меня куда-нибудь из города.

— Во Франкфурте сейчас холоднее, чем здесь.

— Но тебе не помешало бы сменить обстановку, Кейси. Я не знаю…

— Спасибо, но у Макса для меня много работы. «Автопилот» теперь — известная фирма. Люди прилетают со всех концов света.

— Ну-ну…

Оставив музыкантов в «Автопилоте», я отправился домой. До Четвертой дошел пешком, а дальше поехал троллейбусом. Мимо витрин, которые я вижу каждый день, ярких, расцвечен-

ных, веселых. Одежда, обувь, дискеты, японские мотоциклы, похожие на чистеньких эмалированных скорпионов, итальянская мебель... Витрины меняют тут каждый сезон, да и сами магазины — одни закрываются, другие открываются. Чувствовалось, что все происходит в предпраздничном режиме: больше людей на улицах, многие парами, быстро и целеустремленно шагают мимо ярких витрин куда-то, где продается именно то, что нужно подарить тем-то и тем-то. Половина девушек в высоких, выше колен, дутых стеганых сапогах из нейлона — мода пришла из Нью-Йорка прошлой зимой, и Рубин говорит, в этих сапогах они выглядят так, будто всех слоновость хватила. Вспомнив об этом, я невольно улыбнулся, и тут вдруг до меня дошло, что все кончилось, что с Лайзой я расквитался, что теперь ее утянет в Голливуд так же неотвратимо, как если бы она сунула ногу в космическую черную дыру, утянет немыслимой силы тяготение Больших Денег. Поверив, что она уже ушла из моей жизни — уведена, — я расслабился, снял оборону и почувствовал к ней жалость. Но только чуть-чуть. Потому что не хотел, чтобы что-нибудь портило мне вечер. Я хотел гулять и веселиться. Со мной этого уже давно не было.

Я вышел на своей остановке. Лифт сработал с первого раза — хороший знак, подумалось мне. Поднявшись домой, я разделся, принял душ, нашел чистую рубашку и разогрел в микроволновке несколько буррито. Приходи в себя, посоветовал я своему отражению, бреясь перед зеркалом. Ты слишком много работал. Твоя кредитная карточка растолстела, и пора это поправить.

Буррито напоминали по вкусу картон, но я решил, что мне это даже нравится, потому что они такие агрессивно-обычные. Машина у меня была на ремонте в Бернаби — водородный бак стал протекать, — так что вести не придется. Можно будет пойти и нарезаться от души, а утром позвонить Максу и сказать, что приболел. Выступать он не станет; я у него теперь «примадонна», и Макс мне кое-чем обязан.

Слышишь, Макс, я тебя теперь вот так держу, сказал я, достав из морозильника запотевшую бутылку «Московской» и обращаясь за неимением Макса к ней. Никуда ты теперь не денешься. Я три недели подряд редактировал грезы и кошмары одной очень сдвинутой особы, Макс. Для тебя. Чтобы ты толстел и процветал, Макс… Я налил на три пальца водки в пластиковый стаканчик, оставшийся от большой гулянки, что я устраивал

с год назад, и пошел обратно в гостиную.

Иногда мне кажется, что тут вообще никто не живет. В смысле живет, но он — никто. Не то чтобы у меня беспорядок, нет, в общем-то я неплохо справляюсь с уборкой, хотя делаю это скорее по привычке. Даже пыль на рамах сверху не забываю стирать, и все такое, но временами мне вдруг становится здесь как-то зябко, неуютно: тут ничего нет, кроме самого обычного набора самых обычных вещей. Не то чтобы мне хотелось завести кошку, горшки с цветами расставить или еще что. Просто иногда я думаю, что тут мог бы жить кто угодно; все так взаимозаменяемо, моя жизнь и ваша, моя и чья-то еще…

Я думаю, что Рубин именно так жизнь и воспринимает, но для него это источник силы и вдохновения. Он живет в чужом мусоре, и все, что он тащит домой, было когда-то новеньким и блестящим, что-то для кого-то значило, пусть хоть недолго. Вот он и собирает хлам в свой идиотский грузовик, свозит к себе и выдерживает до поры до времени, как в компостных кучах, пока не придумает что-нибудь новое, куда этот хлам можно употребить. Рубин как-то показывал мне свою любимую книгу по искусству двадцатого века, там была фотография движущейся скульп-

туры под названием «Мертвые птицы снова летят» — этакая конструкция, которая крутила на веревочках трупики мертвых птиц. Рубин улыбнулся и кивнул; я почувствовал, что он считает автора своего рода духовным наставником. Но что он подумает, глядя на мои плакаты в рамах, на мой мексиканский диван, на мою кровать из темперлона? Впрочем, решил я, он-то, возможно, и придумает что-нибудь необычное. Вот поэтому он известный художник, а я — нет.

Я подошел к окну и прижался лбом к стеклу, такому же холодному, как стакан у меня в руке. Пора двигаться, подумалось мне. Первые симптомы болезненного страха перед городским одиночеством. А это легко излечивается. Допиваешь. И идешь.

Нарезаться как следует мне в тот вечер так и не удалось. Но здравого смысла я тоже не проявил. Надо было плюнуть, пойти домой, посмотреть какой-нибудь древний фильмец и завалиться спать. Однако напряжение, копившееся во мне все эти три недели, гнало меня дальше, как пружина механических часов, и я продолжал слоняться по ночному городу, по большей части наугад, и время от времени добавлял то в одном баре, то в другом. Вот в такую ночь, казалось мне, легко

ускользнуть в другой континуум, в альтернативный мир, где город выглядит точно так же, но там нет ни одного человека, которого ты любишь или знаешь, нет никого, с кем бы ты хоть однажды заговорил. В такую ночь можно зайти в знакомый бар и обнаружить, что там заменили весь штат… А затем ты вдруг осознаешь, что и зашел-то лишь для того, чтобы увидеть хоть какое-то знакомое лицо — официантки, бармена, кого угодно… Веселью это, как известно, не способствует.

Я, однако, не останавливался, побывал уже в шести или семи заведениях, и в конце концов меня занесло в какой-то клуб в западной части города. Выглядел он так, будто обстановку там не меняли еще с девяностых годов: облупленный хром поверх пластика и размытые голограммы, от которых, если пытаться разобрать картинку, начинает болеть голова. Кажется, Барри мне об этом заведении рассказывал, но, убей Бог, не знаю зачем. Я огляделся и ухмыльнулся. Если специально ищешь какую-нибудь унылую дыру, то лучше места не найти. Да, сказал я себе, усаживаясь на угловой стул у стойки бара, то, что надо: и грустно, и гнусно. Настолько гнусно, что я, может быть, сумею остановить свое падение в эту бездонную дерьмовую ночь. Тоже неплохо будет.

Вот сейчас приму еще на дорожку, повосторгаюсь этой пещерой и — на такси домой.

Тут я увидел Лайзу.

Она меня пока не заметила: я как вошел, так и сидел с поднятым от ветра воротником, Лайза устроилась в дальнем конце бара, а перед ней стояли два глубоких пустых фужера — их еще подают с такими маленькими гонконгскими зонтиками или пластиковыми русалками в коктейле. Когда она посмотрела на парня рядом с ней, я заметил у нее в глазах блеск магика и догадался, что напитки были безалкогольные: при таких дозах наркотика мешать его с алкоголем — верная смерть. Зато парень уже поплыл, с его лица не сходила тупая пьяная улыбка, и он едва не падал со стула, хотя все время что-то говорил, говорил, пытаясь сфокусировать взгляд на ее лице. Лайза сидела в своем новом черном блузоне, застегнутом до подбородка, и казалось, что ее череп просвечивает сквозь бледную кожу, как тысячеваттная лампа. Увидев ее в этом баре, я вдруг многое понял.

Понял, что она действительно умирает — или от магика, или от своей болезни, или от всего вместе. Что она давно это знает. Что парень рядом с ней слишком пьян, чтобы заметить экзоскелет,

но дорогой блузон и то, как Лайза сорит деньгами, он тем не менее заметил. И что происходит именно то, на что это больше всего похоже.

Увиденное как-то не укладывалось в голове. Что-то во мне противилось моим же выводам.

А Лайза улыбалась — или, во всяком случае, изображала нечто в ее представлении похожее на улыбку — и своевременно кивала, когда парень заплетающимся языком изрекал очередную глупость. Невольно вспоминалась ее фраза о том, что она любит смотреть.

Теперь я понимаю, что, не встреть я ее в этом баре, с этим парнем, мне было бы гораздо легче принять то, что случилось позже. Возможно, я бы даже порадовался за нее или как-то поверил в то, во что она превратилась — создала по своему образу и подобию, — в программу, которая притворяется Лайзой, причем настолько хорошо, что сама в это верит. Я бы поверил, как верит Рубин, что она все оставила позади, — Пресвятая Жанна электронного века, жаждущая лишь слияния со своим компьютерным божеством в Голливуде. Что в час прощания с этой жизнью она ни о чем не пожалеет. Что отбрасывает беспомощное настрадавшееся тело с криком облегчения. Что теперь она наконец свободна от полиуглеродных

пут и постылой плоти. Может быть, так оно и есть. Я не сомневаюсь, что именно так она это и представляла раньше.

Но я видел ее в баре, видел, как она держит за руку этого пьяного парня, хотя сама даже не ощущает прикосновения. И я понял тогда, сразу и на всю жизнь, что мотивы человеческого поведения никогда не бывают ясными и однозначными. Даже у Лайзы, с ее безумным, разъедающим душу стремлением наверх, к славе и кибернетическому бессмертию, были слабости. Человеческие слабости. Я все понимал и сам себя за это ненавидел.

В тот вечер она решила попрощаться с собой. Найти кого-нибудь настолько пьяного, чтобы он сделал это за нее. Потому что Лайза действительно любила смотреть.

Думаю, она заметила меня на выходе: я чуть не бегом оттуда выскочил. И если заметила, то, наверно, возненавидела еще сильнее — за ужас и жалость, написанные на моем лице.

Больше я ее никогда не видел.

Надо будет как-нибудь спросить у Рубина, почему он не умеет смешивать ничего, кроме сауеров с «Дикой индейкой». Хотя крепкие получаются, ничего не скажешь… Рубин подает мне побитую алюминиевую кружку. Вокруг тикает, мельте-

шит, воровато переползает с места на место вся эта механическая мелкота, что он насоздавал.

— Тебе все-таки стоит махнуть во Франкфурт, — не унимается он.

— Зачем, Рубин?

— Затем, что рано или поздно она тебе позвонит. А ты, мне кажется, сейчас к этому не готов. Ты еще не очухался, а программа будет говорить ее голосом, думать как она, и ты совсем свихнешься. Поехали-ка во Франкфурт, отойдешь немного. Ей там тебя не отыскать.

— Я же говорил: работы много, — отвечаю я, вспоминая, как увидел ее в баре. — И потом — Макс…

— Да пошли ты этого Макса куда подальше. Он на тебе кучу денег огреб, так что пусть не рыпается. Ты, кстати, и сам на «Королях» разбогател. Не ленись, позвони в банк — сам убедишься. Так что вполне можешь позволить себе небольшой отпуск.

Я смотрю на него и думаю, расскажу ли ему когда-нибудь о той последней встрече.

— Рубин, спасибо, приятель, но я просто…

Он вздыхает и отхлебывает из своей кружки.

— Вот скажи, если позвонит, это она будет или нет?

Рубин долго не сводит с меня пристального взгляда.

— А бог ее знает. — Кружка с легким стуком опускается на стол. — Я в том смысле, что технология уже отработана, так почему бы и нет, в самом-то деле.

— И ты считаешь, мне все-таки стоит махнуть во Франкфурт?

Рубин снимает очки в стальной оправе и протирает стекла о фланелевую рубашку — чище они от этого не становятся.

— Считаю. Тебе надо отдохнуть. Ты это сам поймешь. Если не сразу, то очень скоро.

— В смысле?

— Например, когда начнешь редактировать ее следующую запись. А этого, видимо, ждать недолго, потому что ей понадобятся деньги, и уже скоро. Она занимает в памяти машины, которая принадлежит какой-то корпорации, чертовски много места, и даже ее доли в «Королях» не хватит, чтобы полностью расплатиться за все эти дела. Ты ведь теперь ее редактор, Кейси. Кто же, кроме тебя?

Я сижу и смотрю, как он пристраивает очки обратно на нос, сижу, не шевелясь.

— Кто, как не ты, старик, а?

Одно из его творений издает негромкий отчетливый щелчок, и до меня вдруг доходит, что он прав.

Поединок

Он собирался ехать и ехать, не останавливаясь, прямиком во Флориду. Завербоваться на шхуну контрабандистов оружием; глядишь, и прибьет ветром к армии каких-нибудь вонючих повстанцев из очередной горячей точки. С таким билетом, как у него, он был как вечный скиталец, прикованный к своему кораблю — «Летучему Голландцу» от компании «Грейхаунд», В холодном засаленном стекле, на фоне огней деловой части Норфолка, угрюмо скалилось его слабое отражение. Водитель лихо завернул за последний угол, автобус устало закачался на продавленных рессорах и, отчаянно дребезжа, остановился на сером бетоне привокзальной площади, унылой, как тюремный двор. Однако Дейк, прижавшись щекой к стеклу, видел совсем другое: как его, голодного, окончательно замораживает налетевший откуда-нибудь из Освего буран — и на следующей остановке ворчливый старик-уборщик в замызганной спецовке выметает из салона задубевшие останки. Ладно, решил Дейк, так или иначе переживу. Вот если бы только не ноги, которые, казалось, уже умерли. Водитель тем вре-

менем объявил двадцатиминутную остановку: «Станция Тайдуотер, Вирджиния». Автовокзал, будто перенесенный из прошлого века, представлял собой старое шлакоблочное строение с двумя входами в каждый зал ожидания.

На деревянных ногах Дейк с трудом выполз из автобуса и привидением завис близ галантерейного прилавка, но чернокожая девчонка бдительно, словно собственную задницу, защищала жалкое содержимое старой стеклянной витрины. Вероятно, так оно и есть, подумал Дейк и отвернулся. Напротив туалетов была открытая дверь в заведение, предлагавшее посетителям «ИГРЫ», — вывеска была сделана из биофлюоресцентной пластмассы и слабо мерцала. Внутри Дейк заметил толпу местных бездельников, сгрудившихся вокруг бильярдного стола. Бесцельно, окутанный скукой словно облаком, он сунулся в дверь. И сразу увидел крошечный биплан с крыльями не длиннее пальца, охваченный ярко-оранжевым пламенем. Кувыркаясь в «штопоре», оставляя длинный хвост дыма, он падал на стол, а затем, коснувшись зеленого сукна стола, мгновенно исчез.

— Так его, Крошка! — взревел один из болельщиков. — Уделай этого сукина сына!

— Эй! — позвал Дейк. — Что происходит?

— Крошка защищает свой «Макс», — сказал, не отводя глаз от стола, ближайший болельщик — тощий, как жердь, в черной сетчатой кепке с надписью «Питербилт».

— Да? Ну и что? — но, спрашивая, Дейк уже знал ответ — голубой эмалированный мальтийский крест с круговой надписью «Pour le Merite».

«Голубой Макс» лежал на краю стола — прямо перед громадной, совершенно неподвижной тушей, втиснутой в хрупкое на вид кресло из хромированных трубок. Исполинская рубашка цвета хаки обтягивала могучий торс так плотно, что пуговицы, казалось, вот-вот с треском полетят в разные стороны. «Полицейский с Юга, — подумал Дейк, — вроде тех, на кого постоянно натыкаешься по дороге». Крошка был из той странной тяжеловесной породы людей, чьи тонкие ноги, казалось, принадлежат чужому телу. Если бы он встал, то его джинсы пятидесятого размера только со стальным ремнем удержали бы эти фунты расползшегося жира. Но это если бы он мог подняться Дейк увидел, что блестящее сооружение, на котором сидит Крошка, кресло-каталка, На лице этого человека сохранилось беспокойно-детское выражение; отталкивающе

юные и даже красивые черты были похоронены в складках одутловатых щек и подбородка. Дейк смущенно отвел глаза. Боец с другого края бильярдного стола — тонкогубый, с густыми баками — непрерывно щурился и, гримасничая, как будто вымаргивал соринку из глаза…

— Тебе чего, деревня? — мужик в кепке повернулся и, сверкнув для начала медными браслетами, схватил Дейка за лацканы куртки. — Здесь не нужны болваны вроде тебя. — Он опять уставился на сражение.

Заключались обычные в таких случаях пари, делались ставки. Болельщики вытаскивали заначки — старые добрые рузвельтовские даймы и доллары с изображением статуи Свободы, некоторые, поосторожнее, выкладывали на стол антикварные бумажные купюры, заклеенные в пластик. Вдруг в дымке появилось ровно летящее трио крошечных красных самолетиков. «Фоккеры Д-VII». Комната мгновенно затихла. «Фоккеры» величественно совершили вираж под двухсотваттным электрическим солнцем.

Словно ниоткуда вынырнул голубой «спад». От скрытого дымным сумраком потолка отделились еще два. Болельщики возбужденно загалдели, один дико заржал. Строй красных аэропланов

в беспорядке распался. Один «фоккер» нырнул прямо к зеленому сукну стола, но «спад» цепко висел у него «на хвосте». Красный «фоккер» носился возле самой поверхности сумасшедшими зигзагами, но безуспешно — «спад» не отставал. Наконец «фоккер» ринулся вверх, противник бросился за ним, но не рассчитал, взял слишком круто и потерял скорость; высота была слишком маленькой, чтобы не упасть.

Кто-то получил кучу звонких серебряных монет.

«Фоккеры» получили преимущество. У одного из них «на хвосте» держались два «спада». Мимо аэропланчика пронеслась тончайшая цепочка трассирующих пуль. «Фоккер» скользнул вправо, сделал «иммельман», оказался позади одного из своих преследователей, тут же открыл огонь — и голубой биплан, кувыркаясь, пошел вниз.

— Так держать, Крошка! — болельщики возбужденно придвинулись прямо к столу. Дейк замер в восхищении. Он чувствовал, что рождается заново.

«Мелочная торговля Фрэнка» была на платном грузовом шоссе всего в двух милях от города, Дейк узнал это, когда, по своей любознательности, отстал от автобуса. Теперь он возвращался пешком

мимо машин и бетонных ограждений. С грохотом проносились огромные восьмиосные грузовики с прицепами и обдавали его вихрем, грозящим разорвать в клочья. Придорожные магазинчики были устроены просто. Кругом не было ни души, и Дейк, не торопясь, стал потрошить лавочку.

Интересовавший его стеллаж с компьютерными играми находился между корейскими ковбойками и витриной с грязевыми щитками «Фазз Бастер». Над проволочным стеллажом в воздухе медленно кружилась парочка то ли дерущихся, то ли спаривающихся восточных дракончиков. Наконец Дейк увидел нужную упаковку с надписью «СПАДЫ И ФОККЕРЫ». Чтобы выудить ее, ему понадобилось три секунды. А чтобы отключить сигнализацию с помощью магнита, который фараоны из округа Колумбия даже не подумали конфисковать, — еще меньше.

Перед уходом Дейк прихватил пару программаторов и вспомогательное устройство дистанционного управления фирмы «Батанг», похожее на старинный слуховой аппарат.

В наобум выбранном доходном доме Дейк для начала подмазал управляющего. Он всегда так делал с тех пор, как оказался не в ладах с законом. Впрочем, обычно жильцами никто не

интересовался, государство волновало только количество занятых помещений и внесенная арендная плата.

В отведенной ему комнатенке воняло мочой, а стены были сплошь исцарапаны лозунгами экстремистского анархического Фронта Освобождения. Дейк выгреб из угла хлам, сел, прислонившись к стене, и разорвал упаковку игры.

Там были: инструкция с диаграммами «мертвых петель», «бочек» и «иммельманов», тюбик с проводящей пастой и список управляющих команд для компьютера. С одной стороны белой пластиковой дискеты была картинка с голубым бипланом, с другой — с красным. Дейк повертел ее в руках: «СПАДЫ И ФОККЕРЫ», «ФОККЕРЫ И СПАДЫ». Красное и голубое.

Дейк укрепил за ухом «Батанг», смазал поверхность индуктора пастой, подсоединил к программатору оптоволоконный провод, включил программатор в стенную розетку. Потом вставил в программатор дискету. Аппарат был дешевый, индонезийский, и при запуске программы в затылке неприятно зажужжало. Но когда все было сделано, в нескольких дюймах от лица беспокойно заметался небесно-голубой «спад». Он сверкал почти как настоящий. По-

добно большинству тщательно проработанных музейных моделей, аэроплан обладал таинственной внутренней достоверностью, но удержать его в поле зрения можно было, лишь максимально концентрируясь. Как только внимание рассеивалось, настройка сбивалась, нарушалась передача образа, и крохотный биплан расплывался в туманное пятно.

Дейк тренировался, пока в «Батанге» не села батарейка, затем откинулся к стене и мгновенно уснул. Ему снилось, что он летит в безбрежно-голубом небе среди белых облаков, вдали от земных забот, недоступный превратностям судьбы.

Он проснулся от сильного запаха жареных лепешек с крилем — и его затрясло от голода. Денег больше не было. Впрочем, в доме наверняка жило много студентов. Кто-нибудь обязательно заинтересуется программатором. Дейк с надеждой направился в холл. Неподалеку он увидел дверь с транспарантом: «А ОТЛИЧНАЯ ЖЕ ВСЕЛЕННАЯ ПО СОСЕДСТВУ!» Ниже, поверх вдохновенного плаката «космической колонии», которую начали строить, когда он еще только родился, был наклеен постер звездной россыпью разноцветных пилюль — реклама какой-то фармацевтической компании. «ИДЕМ!» — приглашала надпись над

завораживающим коллажом.

Он постучал. Дверь слегка приоткрылась, удерживаемая цепочкой, и в двухдюймовую щель выглянуло девичье лицо.

— Да?

— Вы, видно, думаете, что эта штука ворованная, — он перекладывал программатор с ладони на ладонь. — Наверное, потому, что она, этакая виртуальная вишенка, совсем новенькая, даже упаковка не распечатана. Послушайте. Я не стану спорить. Нет. Я просто хочу сказать, что она стоит вполовину дешевле, чем где-либо еще.

— Да ну? Неужели? Без дураков? — на губах девушки заиграла странная улыбка. Она медленно протянула руку ладонью вверх. Прямо к его носу.

— Глянь-ка!

В ладони была дыра, черный туннель, уходящий вверх по руке. Два маленьких красных мерцающих огонька. Крысиные глазки! Они бросились к нему, по пути вырастая. Что-то серое мелькнуло и прыгнуло ему прямо в лицо.

Дейк в испуге закричал, пытаясь заслониться руками, поскользнулся и упал прямо на программатор.

Сжимая голову руками, он забился в судорогах — и во все стороны брызнули кремниевые оскол-

ки. Ему было больно, так больно…

— Ах, боже ты мой! — цепочка звякнула, и девушка воспарила над ним. Эй! Послушай, давай вставай! — она взмахнула голубым полотенцем. — Хватайся за него, я тебя подниму.

Дейк смотрел на нее сквозь пелену слез. Студентка. Взгляд этакой зануды, не по размеру большой свитер, зубы такие ровные и белые, что могли бы служить вместо справки о кредите. Тонкая золотая цепочка на одной из лодыжек, покрытой (он увидел) по-детски мягкими волосками. Изысканная японская стрижка. Да, тут водились деньжата.

— Эта штуковина могла стать моим обедом, — удрученно сказал Дейк. Он схватился за полотенце, и девушка помогла ему подняться.

Она улыбнулась ему, но настороженно отодвинулась.

— Разреши мне исправиться. Хочешь есть? Это же был учебный проект, только и всего. Понял?

Напряженно, словно зверь, входящий в клетку, Дейк последовал за ней.

— Ни хрена себе! — восхищенно произнес Дейк. — Это же натуральный сыр…

Он сидел на продавленном диване, втиснувшись между четырехфутовым плюшевым

медведем и кучей дискет. Комната была по щиколотку завалена книгами, одеждой и бумагами. А еда, над которой колдовала девушка, явилась прямо из «Тысячи и одной ночи» — сыр «Гауда», консервированная говядина, и — честное слово! — потрясающе вкусные вафли из настоящей пшеницы.

— Ну как, — спросила она, — мы можем угодить рабочему парню?

Ее звали Нэнси Беттендорф. Ей было семнадцать. Ее предки — жадные пердуны — вкалывали день и ночь, чтобы она, единственная цель всех усилий Уильяма и Мэри, ни в чем не нуждалась. Она училась на инженера в колледже, по всем предметам на «отлично», кроме английского.

— У тебя, наверное, пунктик такой — крысы? Нечто вроде фобии? спросила Нэнси.

Дейк мельком взглянул на кровать — очень-очень низкую, едва возвышавшуюся над полом.

— Да нет, в общем-то. Это кое-что мне напомнило, только и всего.

— Что напомнило? — она присела на корточки, свитер задрался, открывая гладкое матовое бедро.

— Ну… ты когда-нибудь видела… — голос его невольно повысился, он комкал концы фраз, —

памятник Вашингтону? Ночью? Там наверху есть два маленьких… красных огонька… вроде авиационных маяков, и я… и я… неожиданно его затрясло.

— Ты боишься памятника Вашингтону?

Нэнси взвизгнула, повалилась на спину и залилась хохотом, дрыгая длинными загорелыми ногами. На ней были малиновые трусики.

— Я лучше умру, чем еще раз на него посмотрю, — медленно произнес Дейк.

Нэнси перестала смеяться, села и принялась изучать его лицо. Она побледнела и стала напряженно покусывать нижнюю губу. Похоже, она выкопала что-то такое, о чем думать не хотела. Наконец Нэнси отважилась на вопрос:

— Ты закодирован?

— Да, — горько сказал Дейк. — Они сказали, я никогда не смогу вернуться в округ Колумбия. И еще эти сволочи смеялись…

— За что они тебя?

— Я вор. — Он не стал уточнять, что специализировался на магазинных кражах.

— Куча старых компьютерщиков угробила жизнь на программирование машин. И знаешь? Оказалось, человеческий мозг ничем не похож на эти чертовы машины. Его нельзя так же про-

граммировать.

По сотням холодных и пустых ночей, проведенных в незнакомых компаниях, Дейк знал этот безумный истерический треп, бесконечную болтовню, которую одиночество навязывает своему редкому слушателю. Нэнси несло, а Дейк, зевая и поклевывая носом, гадал, сможет ли он не уснуть сразу, когда, в конце концов, они окажутся на ее кровати.

— Я сама сделала эту игрушку, которая так тебя испугала, — сказала девушка, подтягивая колени к подбородку. — Это для простаков. Она как раз оказалась со мной, и я сунула ее тебе под нос. Мне стало так смешно, когда ты старался всучить мне этот фиговый индонезийский программатор. — Она наклонилась и опять вытянула руку. — Смотри.

Дейк инстинктивно съежился.

— Да нет, это не страшно! Ей-богу, это совсем другое! — она раскрыла ладонь.

На ладони переливался совершенный, идеальной формы, цветок голубого пламени.

— Взгляни на это, — восхищалась девушка. — Ты только взгляни. Я сама его запрограммировала. Это не какой-нибудь пустячок, использующий семь образов. Программа длится два часа, семь

тысяч двести секунд, и за этот период ни один образ не повторяется дважды, каждое мгновение индивидуально, как снежинка!

В глубине пламени сверкал прозрачный кристалл. Его грани вспыхивали, плыли, пропадали, переходя в яркие, режущие глаза образы. Дейк недовольно поморщился. По большей части люди. Хорошенькие голенькие человечки, занимающиеся любовью.

— Черт подери, как ты это сделала?

Девушка встала, переступая босыми ногами между кип глянцевых журналов, подошла к грубой фанерной полке и картинным жестом смела оттуда кипу распечаток. Дейк увидел ряд аккуратных маленьких консолей, выглядевших очень дорого. Штучная работа, спецзаказ!

— У меня здесь собрано неплохое оборудование. Визуализатор образов. Модуль быстрой очистки памяти. А это анализатор, полностью имитирующий человеческий мозг. — Нэнси выпевала сложные названия, как литанию. Квантовый импульсный стабилизатор. Коммутатор программ. Генератор образов…

— И тебе нужно все это, чтобы сделать одно маленькое пламя?

— А как же! Все это — самый совершенный

комплекс для ветвэр-программирования. Он на несколько лет опережает все, что ты когда-нибудь видел.

— Эй, — сказал Дейк. — А знаешь ли ты что-нибудь о «Спадах и фоккерах»?

Она засмеялась. Он понял, что время подходящее, и взял ее за руку.

— Не прикасайся ко мне, твою мать, никогда меня не трогай! неожиданно закричала Нэнси и так сильно откинулась назад, что ударилась головой о стену. Она была бледна и тряслась от ужаса.

— О'кей! — Он поднял руки вверх. — О'кей! Я к тебе не подхожу. Теперь все в порядке?

Нэнси снова от него шарахнулась. Из округленных немигающих глаз по бледным щекам потекли слезы. Наконец она покачала головой:

— Эй, Дейк! Извини! Мне надо было тебе сразу сказать.

— Что? — у него появилось смутное чувство… он догадывался. Она так обхватывала голову. Судорожно сжимала и разжимала ладони… — Ты тоже закодирована?

— Да. — Она закрыла глаза. — Замок девственности. Эти жопы — мои предки — заплатили и за это. Теперь я не выношу, когда кто-нибудь

прикасается ко мне или даже подходит слишком близко. — Она открыла глаза: в них пылала слепая ненависть. — Я даже ничего не делала. Ничего такого. Но они так вкалывают, так мечтают, чтобы я сделала карьеру в деле, в котором они ни черта не смыслят. Они, видите ли, боятся, что секс и наркотики отвлекут меня от учебы. Но в тот самый день, когда закончится кодирование, я трахнусь с самым грязным, вонючим, лохматым…

Девушка опять судорожно обхватила руками голову. Дейк бросился к аптечке. Там он нашел банку с витамином В, прикарманил гореть, а две таблетки и стакан воды принес Нэнси.

— На. — Дейк старался сохранять дистанцию. — Это тебе поможет.

— Да, да, — ответила она. Затем едва слышно добавила: — Ты, конечно, считаешь меня дурочкой.

Игровой зал на автобусной станции «Грейхаунд» был почти пуст. Одинокий четырнадцатилетний подросток, открыв рот, склонился над консолью, маневрируя радужными флотилиями подводных лодок в сумрачных глубинах Северной Атлантики.

Неторопливо вошел Дейк и прислонился к

зеленой кафельной стене. Он был одет соответственно моменту: отмыл краску от своей робы, раздобыл в благотворительной конторе джинсы и футболку и позаимствовал в раздевалке при сауне пару крепких башмаков.

— Не видел Крошку, приятель?

Подводные лодки метались, как неоновые гуппи.

— Смотря кто его спрашивает.

Дейк коснулся «Батанга» за левым ухом. Прямо над консолью скользнул быстрый и изящный, как стрекоза, «спад». Самолетик был прекрасен: такой совершенный, такой реальный, что комната казалась иллюзией. Дейк приподнял аэроплан и провел его в миллиметре от стекла.

Парень даже бровью не повел.

— Он в «Джекмане», — сказал он. — Это на Ричмондском шоссе, над «излишками».

Дейк позволил «спаду» растаять прямо во время набора высоты.

«Джекман» занимал почти весь третий этаж старого кирпичного дома. Сначала Дейк нашел «Дешевую распродажу армейских излишков», а затем побитую неоновую вывеску над неосвещенным коридором. Тротуар перед фасадом заполняли излишки совсем иного рода — изу-

веченные ветераны. Некоторые воевали еще в Индокитае. Старики, потерявшие глаза под азиатским солнцем, сидели бок о бок с трясущимися мальчишками, которые нанюхались микотоксинов в Чили. Дейк почувствовал сильное облегчение, когда за ним мягко закрылись двери лифта.

Пыльные часы «Доктор Пеппер» в дальнем конце длинной призрачной комнаты показывали четверть восьмого. «Джекман», подернутый желтоватым налетом никотина, пропитанный запахами политуры и бриолина, оставался таким же, как и за двадцать лет до рождения Дейка. Прямо под часами висела любительская фотография — с нее смотрели тусклые глаза оленя, подстреленного чьим-то дедушкой. Раздавались удары, стук бильярдных шаров и шарканье ботинок по линолеуму — это кто-то из игроков наклонялся для удара. Откуда-то сверху, из-за зеленых абажуров, на тонкой нити, усеянной бумажными рождественскими колокольчиками, свешивалась мертвая роза. Дейк оглядел захламленную комнату. Никакого визуализатора.

— Еще кого-то принесло, — раздался чей-то голос.

Дейк обернулся и встретился со спокойным

взглядом лысого человека в стальных очках.

— Меня зовут Клайн. Бобби Граф. Ты не похож на любителя погонять шары, мистер.

Ни в позе, ни в голосе Бобби Графа не было ничего угрожающего. Он снял с носа очки и протер толстые линзы. Он напоминал продавца, который когда-то пытался научить Дейка пользоваться устаревшей биокомпьютерной установкой.

— Я играю на деньги, — улыбаясь, продолжал Бобби. У него были белые пластмассовые зубы. — Я знаю, что не очень-то похож.

— Я ищу Крошку, — сказал Дейк,

— А-а, — Граф водрузил на нос очки. — Его здесь нет. Он отправился к себе, чтобы ему почистили гальюн. Но он все равно не стал бы с тобой летать.

— Почему?

— Да потому, что ты не из нашей компании, иначе я бы знал тебя в лицо. Кто-нибудь другой подойдет? — Дейк кивнул, и Бобби Граф крикнул кому-то в глубине зала: — Эй! Кларенс! Выноси визуализатор! К нам пришел летун.

Двадцать минут спустя, потеряв не только наличность, но и «Батанг», Дейк шагал мимо изувеченных солдат из «Дешевой распродажи».

— А теперь я скажу тебе кое-что, парень, —

отечески произнес Бобби Граф, когда, обнимая Дейка за плечи, провожал его к лифту. — Тебе не выиграть у настоящих ветеранов, слышишь? Я не особенно хорош всего-навсего старый морпех, побывавший в переделках пятнадцать, может, двадцать раз. А старина Крошка, он — пилот. Он всю службу провел в боях. У него водянка, ему по-настоящему плохо… И не старайся его победить.

Была прохладная ночь. Но Дейк пылал от гнева и унижения.

— Господи, примитив какой, — заметила Нэнси, когда «спад» обстрелял груды розового белья. Дейк закашлялся от злости и сорвал с головы ее шикарное устройство дистанционного управления фирмы «Браун».

— Так, может, ты разберешься и с моим делом, мисс богатая сучка, которая-собирается-получить-работенку…

— Послушай! Это не от тебя зависит: просто твоя игрушка — обычная штамповка. У тебя совершенно примитивная дискета. Может, на улице такой уровень и сойдет. Но по сравнению с моей работой — это тьфу. Давай я ее тебе перепишу.

— Что перепишешь?

— Твою программу. Эти дешевки пишут шестнадцатеричным кодом, потому что промышленные

программисты — смирившиеся компьютерные неудачники. Они так думают. Дай мне дискету, я ее проанализирую, отредактирую, внесу изменения и переведу на современный язык. Уберу все лишние переходы. Это подгонит систему и уменьшит цикл вдвое. Поэтому ты сможешь летать быстрее и лучше. Я сделаю из тебя настоящего профессионала. Аса!

Нэнси схватила ведро и ударила в него, как в барабан. Расхохоталась, а потом закашлялась.

— Это можно? — не веря своим ушам, поинтересовался Дейк.

— Как, по-твоему, почему люди покупают устройства с золотыми контактами? Ради престижа? Черта с два! Высокая проводимость на несколько наносекунд ускоряет реакцию. Скорость реакции — вот правильное название игры, дружок!

— Нет, — упорствовал Дейк. — Если бы все было так просто, то у всех давно уже были бы такие фиговины. И у Крошки Монтгомери была бы. У него давно все самое лучшее.

— Ты будешь слушать? — Нэнси резко поставила помойное ведро, грязная вода выплеснулась на пол. — Оборудование, на котором я работаю, на три года обогнало все, что можно найти на

улице.

— Не заливай, — сказал Дейк после длительной паузы. — Ты действительно можешь это сделать?

Новая программа отличалась от предыдущей, примерно, как «форд» двадцатых годов от девяносто третьего «лотоса». «Спад» повиновался, как во сне, слушаясь тончайших мозговых импульсов. За несколько недель Дейк научился лихо выполнять фигуры высшего пилотажа. Он летал с местными подростками — и одиночными самолетами, и тройками, и каждый раз неизменно побеждал. Дейк испытывал судьбу. А аэропланы все кружились в воздухе…

Однажды, когда Дейк прятал очередной выигрыш, от стены отделился долговязый негр. Он поглядел на бумажки в руках Дейка и презрительно ухмыльнулся. Сверкнул рубиновый зуб.

— Знаешь, — сказал негр, — услышал я, что здесь завелся некий умник, который умеет летать, но забавляется с детишками…

— Господи, — произнес Дейк, намазывая масло на кусок хлеба из водорослей, — я пол вытер этими гавриками. А они тоже хорошие пилоты.

— Чудно-чудно, дорогуша, — пробормотала Нэнси. Она работала над дипломом и как раз

вводила данные в машину.

— Знаешь, я думаю, что у меня настоящий талант на подобное дерьмо. Я имею в виду, программа действительно расширила мои возможности, но ведь я и сам парень не промах. Я и вправду здорово напрактиковался, понимаешь?

Машинальным движением Дейк включил радио. Наглой медью завыл диксиленд.

— Эй, — запротестовала Нэнси. — Ты соображаешь? Я же работаю.

— Да я только… — Он повертел ручку, и из приемника полилась какая-то медленная романтическая гадость. — Вот. Ну, вставай. Давай потанцуем.

— Ты же знаешь, я не могу…

— Конечно, можешь, солнышко.

Он бросил ей огромного плюшевого медведя, а сам подхватил с пола платье, пошитое из лоскутов. Зажал воротник под подбородком и взял платье за пояс и за рукав. Платье пахло пачули и — чуть-чуть — потом.

— Смотри. Я стою здесь — ты стоишь там. Мы танцуем. Идет?

Смущенно моргая, Нэнси встала и крепко прижала к себе медведя. А потом они медленно танцевали, глядя друг другу в глаза. Вскоре она

заплакала. Но при этом улыбалась.

Дейк грезил наяву, воображая себя Крошкой Монтгомери, проводами связанным с истребителем вертикального взлета. Малейшие нервные импульсы передавались машине, рефлексы ускорились и изменились, а по сосудам растекался стимулятор.

Пол в комнате Нэнси стал джунглями, кровать — плато в Андском нагорье. Дейк форсировал скорость «спада», как будто это была начиненная электроникой боевая машина.

Компьютеризованное чудо управляется слабыми сигналами, идущими от мощного усилителя, который связан с системой кровообращения пилота. Датчики вживлены прямо в голову — и, закладывая виражи в зелено-голубых небесах над тропическими лесами Боливии, Крошка будто чувствует воздушный поток, который обтекает управляющие плоскости истребителя.

Внизу сквозь джунгли продирается пехота. У солдат над локтем укреплены инъекторы — для того чтобы придать им в бою ярость обреченных, — жидкий ад в голубом пластмассовом пузырьке. Вероятно, за десять минут они получили недельную дозу «дряни». Полет над самыми верхушками деревьев требует неимоверного

нервного напряжения, зато наземные войска могут подстрелить тебя только прямо над собой. Но тогда уже поздно, сбрасываются фосгеновые бомбы, и самолет улетает еще до того, как его успевают взять на мушку… конечно, поэтому требуется постоянный приток стимулятора в организм. Да и прямой нейронный интерфейс с самолетом работает в обе стороны. Не только вы управляете самолетом, но и бортовые компьютеры вмешиваются в биохимические процессы, отслеживая, когда необходимо включить человеческий компонент в убийственное напряжение боя.

А такие дозы проедают в тебе дыры. Медленно, непрерывно… наверняка… Гравируют извилины мозга, стирая межклеточные мембраны. И если тебя вовремя не сдернут с небес, то кончишь разжижением мозгов. Только вот реакции останутся слишком быстрыми, чтобы тело могло с ними управляться, а рефлекс «стреляй-беги» вбит в тебя слишком прочно…

— Эй, работяга, мне повезло!

— А? Что? — Дейк вздрогнул.

Громко хлопнув дверью, вошла Нэнси и швырнула сумку на ближайшую кучу.

— Мой проект. Меня освободили от экзаменов.

Проф сказал, что никогда не видел ничего подобного. Ох, убери яркость, а? Эти краски глаза режут.

Дейк подчинился.

— Ну, покажи. Продемонстрируй свое творение.

— Ладно. — Девушка взяла у него «Браун», освободила место на кровати и приготовилась. Внутри голубого пламени, спокойно мерцавшего на ее ладони, вспыхнула яркая искра и выросла в змейку с треугольной головой и беспрерывно высовывающимся язычком. Змейка серебристой молнией метнулась по руке, обвилась вокруг шеи, переливаясь красным и оранжевым, а затем заскользила между грудей.

— Я назвала ее «огненная змейка», — гордо сказала Нэнси. Дейк приблизился, она отпрянула.

— Извини. Она вроде твоего пламени, да? То есть она тоже из крошечных человечков?

— Вроде того. — «Огненная змейка» перетекла на живот. — В следующем месяце я собираюсь свести в единую программу двести подпрограмм типа пламени. Потом я сделаю их самофокусирующимися. Поэтому они смогут крутиться вокруг тебя сами по себе. С ними можно будет справиться даже в танце.

— Может, я болван, но если ты еще не сделала работу, как я могу ее видеть?

Нэнси захихикала:

— Это лучшая часть — полработы еще не готово. У меня не было времени собрать куски в одну программу. Включи радио, а? Я хочу потанцевать.

Она сбросила туфли. Дейк врубил какую-то попсу. Нэнси запротестовала, и он убавил громкость почти до шепота.

— Я раздобыла две дозы «дряни». Смотри. — Она вскочила на кровать и сплела руки, как балийская танцовщица. — Ты когда-нибудь это пробовал? Невероятно! Дает ощущение полной концентрации. Смотри. — Она встала на пуанты. — Никогда раньше такого не делала!

— «Дрянь», — произнес Дейк. — Последний человек, от которого я слышал это слово, провел три года в пехоте. Где ты ее взяла?

— Помогала одной ветеранше из выпускного класса. Но ее вытурили в прошлом месяце. Это активизировало мое воображение. Я могу с закрытыми глазами представить проект во всех деталях. И полностью достроить программу в голове.

— На двух дозах, да?

— На одной. Другую я берегу. На профа это

произвело такое впечатление, что он хочет организовать мне собеседование с работодателем. Через две недели в колледж приедет представитель «ИГ Фойхтварен». И этот друг собирается запродать ему программу вместе со мной Я, таким образом, закончу колледж на два года раньше, сразу получу работу, не буду ходить в эту тюрьму и сэкономлю двести долларов.

Змейка свернулась на ее голове в огненную корону. У Дейка появилось предчувствие, что он теряет Нэнси.

— Я ведьма, — распевала Нэнси, — ведьма программирования.

Она стянула рубашку через голову и откинула прочь. Красивая высокая грудь двигалась вольно и изящно.

— Я пойду-у-у… — теперь она распевала очередной хит, — к верши-и-не!

Соски были маленькие, розовые и твердые. Огненная змейка касалась их и отползала в сторону.

— Эй, Нэнси, — смущенно сказал Дейк. — Поостынь-ка, а?

— У меня праздник! — она сунула большой палец в блестящие золотые трусики. Огонь завертелся вокруг руки.

— Я богиня-девственница, у меня си-и-ила! — снова запела она.

Дейк отвернулся.

— Я домой, — смущенно пробормотал он. Домой и сваливать, да побыстрее. Он гадал, где она могла спрятать вторую дозу.

Да где угодно.

В их компании существовали свои церемониальные правила — точь-в-точь как при дворе китайского императора, — и своя система иерархии. Неважно, что Дейк стал крутым, что слава его разнеслась как пожар. Одного лишь звания летуна не хватало, чтобы сразиться с тем, с кем он хотел. Ему было необходимо постепенно поднимать свой рейтинг. Но если летать каждый вечер, если летать со всеми подряд. И если летать хорошо… можно быстро достичь успеха.

У Дейка был перевес в один самолет. Обычный турнирный бой, трое на трое. Зрителей было немного, может, дюжина, но бой был хорош, и зрители шумели. Дейком овладело маниакальное спокойствие бойца — и вдруг он понял, что в зале наступила тишина. Он заметил, что болельщики засуетились и стали перемигиваться. Они смотрели не на него. Дейк хладнокровно разделался со вторым аэропланом противника, а

затем рискнул быстро взглянуть через плечо.

В «Джекмане» появился Крошка Монтгомери. Каталка, направлявшаяся слабыми движениями почти парализованной руки, прошуршала по бурому линолеуму. Лицо Крошки оставалось строгим, невозмутимым, спокойным. В этот момент Дейк потерял два аэроплана. Один по рассеянности — как только ослабло внимание, аэроплан мгновенно расплылся в мутное пятно и визуализатор его потерял, а второй потому, что его противник был настоящим бойцом. Чтобы погасить скорость и уйти в сторону, парень сделал «бочку» и, когда преследовавший самолет пронесся мимо, расстрелял вражеский биплан. Самолет упал, объятый пламенем. Оставшиеся два аэроплана начали терять высоту и скорость. Стараясь занять выгодную позицию, они начали выделывать фигуры высшего пилотажа.

Болельщики расступились, и Крошка подъехал к столу. За коляской притащился долговязый Бобби Граф Клайн. Дейк и его противник, обменявшись быстрыми взглядами, увели самолеты подальше, чтобы выслушать Крошку. Тот улыбался. Его маленькие глазки, нос и рот теснились посреди бледного рыхлого лица. Палец слабо постукивал по хромированному подлокотнику.

— Я слышал о тебе. — Он смотрел прямо на Дейка. У него был нежный и потрясающе приятный голос маленькой девочки. — Я слышал, ты хороший боец.

Дейк медленно кивнул. С лица Крошки исчезла улыбка. Его мягкие пухлые губы сложились в трубочку, будто ожидали поцелуя. Маленькие яркие глазки беззлобно изучали Дейка.

— Что ж, давай посмотрим, что ты умеешь.

Дейк отдался холодному духу войны. А когда враг, охваченный огнем и дымом, взорвался над столом и исчез, Крошка безмолвно развернулся, вкатил кресло в лифт и уехал.

Когда Дейк собирал свой выигрыш, к нему подошел Бобби Граф и сказал:

— Он хочет с тобой сыграть.

— Да? — среди местных летунов Дейка еще не считали настолько хорошим пилотом, чтобы сражаться с Крошкой. — Что за треп?

— Завтра с Крошкой должен был сразиться человек из Атланты, но он не приехал. А старина Крошка хочет сыграть с кем-нибудь новеньким. Получается, что тебе завтра предстоит побороться за «Макс».

— Завтра? В среду? Даже времени мне на подготовку не дает!

Бобби Граф снисходительно улыбнулся:

— Не думаю, что есть какая-то разница.

— Как так, мистер Граф?

— Парень, ты просто не сечешь. Слышишь? Ты же ничего нового не выкинешь. Ты летаешь как новичок, только быстрее и глаже. Догадываешься, что я хочу сказать?

— Правду сказать, не очень. Вы хотите на этом подзаработать?

— Точно, — сказал Клайн. — Надеюсь.

Он вытащил из кармана черную записную книжечку и послюнявил карандаш.

— Даю тебе пять к одному. Все равно никто не даст тебе больше.

Он смотрел на Дейка почти с жалостью.

— А Крошка, он по природе лучше, чем ты, а против природы не попрешь, мальчик. Крошка живет только благодаря этой чертовой игре. Он же не может встать с этой проклятой каталки. И если ты думаешь, что можешь победить человека, борющегося за жизнь, — ты лжешь самому себе.

«Портрет полковника» работы Нормана Рокуэлла бесстрастно взирал на Дейка из «Кентукки Фреда» с противоположной стороны улицы. Дейк сидел в кафе и трясущимися холодными руками держал чашку. Голова гудела от усталости.

«Клайн прав, — сказал он полковнику, — я могу сразиться с Крошкой, но не смогу выиграть». Полковник смотрел спокойно, ровно и не особенно добродушно, охватывая взглядом и кафе, и «Дешевую распродажу», и все это засранное королевство Ричмондского шоссе. Полковник ждал, когда Дейк примирится с ужасной вещью, которую вынужден будет сделать.

— Все равно эта сучка меня бросит, — громко произнес Дейк. Чернокожая продавщица кинула на него веселый взгляд и отвернулась.

— Звонил папочка! — Нэнси, танцуя, вошла в комнату и захлопнула за собой дверь. — Знаешь что? Он сказал, что, если я получу работу и проработаю полгода, меня раскодируют. Представляешь, Дейк? — Она запнулась. — Ты чего?

Дейк встал. Теперь, когда настал нужный момент, он чувствовал, что все вокруг нереально, как на киноэкране.

— Как это вышло, что ты не пришел вчера домой? — спросила Нэнси.

Кожа на его лице натянулась неестественно, как пергаментная маска.

— Где ты заначила «дрянь», Нэнси? Она мне нужна.

— Дейк, — она искательно улыбнулась, но

улыбка мгновенно исчезла. Дейк, это мое. Моя доза. Мне надо. Для собеседования.

Он презрительно улыбнулся:

— У тебя есть деньги. Еще надыбаешь.

— Не к пятнице! Слушай, Дейк, это, правда, важно. Моя жизнь зависит от этого собеседования. Мне страшно нужна «дрянь». Это все, что я смогла достать!

— Детка, это блядский мир, в котором ты живешь! Взгляни вокруг: шесть унций светлого ливанского хаша! Консервированные анчоусы. А если приперло полная медицинская страховка. — Она пятилась от него, спотыкаясь о неподвижные волны грязного белья и мятых журналов, которые вздымались в футе от кровати. — А я всего этого и в глаза не видел. Мне всегда не хватало злости, чтобы жить среди вас. А на этот раз все будет по-моему. Через два часа игра, и я его по стенке размажу.

Дейк вгонял себя в ярость. Это было хорошо. Ему нужна была ярость.

Нэнси выбросила руку ладонью вперед, но Дейк был готов к этому — он отбил ладонь, стараясь даже мельком не глянуть в темный туннель с маленькими красными глазками. Они оба упали, Дейк оказался над девушкой. Он чувствовал на

лице горячее торопливое дыхание.

— Дейк! Дейк! Мне очень нужно! Дейк!.. Мое собеседование… это только… я должна… должна… — она отвернулась и заплакала в стенку. Пожалуйста… Господи, пожалуйста… не надо…

— Куда ты ее спрятала?

Прижатая к кровати его телом, Нэнси забилась в судороге. Все ее тело тряслось от боли и страха.

— Где она?

Ее обескровленное лицо стало серой плотью трупа, в глазах застыл ужас. Губы тряслись в безумном страхе. Он преступил грань, слишком поздно отступать. Дейк чувствовал отвращение и тошноту, тем более что на неожиданном и нежеланном уровне все это ему нравилось.

— Где она, Нэнси? — и он медленно, очень нежно, стал гладить ее лицо.

Палец Дейка взметнулся стремительно, как оса, и изящной бабочкой опустился на кнопку лифта в «Джекмане». Дейка переполняла упругая энергия, и эта энергия была под контролем. В лифте он стянул темные очки и порадовался своему отражению в захватанной хромированной поверхности. Зрачки стали, как булавочные уколы, почти невидимыми, но мир оставался неоново-ярким.

Крошка уже ждал. Он увидел радужки Дейка, преувеличенное спокойствие движений, безуспешные попытки подражать трезвой неуклюжести. Губы инвалида сложились в сладкую улыбочку.

— Ну, — сказал Крошка своим девчоночьим голосом, — похоже, меня ждет угощенье.

«Макс» висел на одной из трубок кресла. Дейк занял свое место и поклонился — чуть-чуть насмешливо.

— Полетели!

Как претендент, он защищался. Дейк материализовал аэропланы на безопасной высоте: достаточно высоко, чтобы спикировать, и достаточно низко, чтобы спастись от атак Крошки. Он выжидал.

Его окружила толпа. Толстяк с набриолиненными волосами уставился на него с испугом, работяга с ввалившимися глазами пытался улыбнуться. Шепот усиливался. Заторможенный взгляд медленно скользил по головам зрителей. Примерно три наносекунды, чтобы определить источник атаки. Дейк вскинул голову и…

Сукин сын! Дейк ослеп. «Фоккеры» пикировали прямо от двухсотваттной лампы. Крошка обвел его вокруг пальца, заставив глядеть прямо на нее.

В глазах побелело. Дейк зажмурился, сдерживая хлынувшие слезы, и неистово продолжал бой. Он разделил свое звено, развернув два биплана направо, а один налево. Все аэропланы резко завалились на крыло, но выровнялись. Дейку приходилось уворачиваться наугад — он не знал, где находятся боевые птицы врага.

Крошка захихикал, Дейк слышал его сквозь шум толпы. Синкопы одобрений, проклятий, звона монет, казалось, вздымались волнами независимо от приливов и отливов дуэли.

Спустя мгновение к нему вернулось зрение, но объятый пламенем «спад» падал. Два «фоккера» преследовали один из уцелевших аэропланов, а третий гнался за другим. Всего три секунды боя, а он уже потерял один самолет.

Уворачиваясь от игольчатых трассеров, Дейк вогнал один аэроплан в мертвую петлю, а другой направил к слепому пятну между Крошкой и лампой.

Лицо Крошки стало бесстрастным. Легкая тень разочарования, даже презрения, растворилась в напряженном спокойствии. Он неторопливо вел самолеты, выжидая, когда Дейк развернется.

«Спад» Дейка вынырнул из слепого пятна и кинулся в атаку; отстреливаясь, «фоккеры» бро-

сились в отчаянные виражи и закрутились, пытаясь восстановить позиции.

«Спад» спикировал на третий «фоккер» и вытолкнул его под огонь другого аэроплана Дейка. Пламя лизнуло крылья и пурпурный фюзеляж. Ничего не случилось, и на какое-то мгновение Дейк даже подумал, что промахнулся. Но маленькая красная стрекоза крутанулась влево и, оставляя черный хвост жирного дыма, пошла вниз.

Крошка нахмурился, вокруг его рта появились чуть заметные морщинки неудовольствия. Дейк улыбнулся. Он сбил самолет, несмотря на превосходящие силы Крошки.

Но у «спадов» «на хвосте» висели противники, Дейк развел свои аэропланы по разные стороны стола и развернул. Он направил их навстречу друг другу, нейтрализуя Крошкино преимущество… но никто не мог стрелять, не рискуя собственными самолетами. Направляя машины нос к носу, Дейк разогнал их до предела.

За миг до катастрофы он послал аэропланы один выше другого, уворачиваясь и одновременно открывая по «фоккерам» огонь. Но Крошка был готов к маневру. Воздух наполнили трассы очередей, Два аэроплана — голубой и красный

— свободно разлетелись в разные стороны. Позади них высоко в воздухе сплелись два других. Они столкнулись крыльями, завертелись и почти отвесно упали на зеленый войлок.

Десять секунд и четыре сбитых самолета. Негр-ветеран поджал губы и тихонько присвистнул. Кто-то с недоверием покачал головой.

Крошка, выпрямившись и чуть подавшись вперед, сидел в кресле-каталке напряженный немигающий взгляд, дряблые руки слабо ухватились за поручни. Для него не существовало больше это забавляющееся и безразличное дерьмо, его внимание приковала к себе игра. Болельщики, стол, даже «Джекман» — для него это не существовало. Бобби Граф положил Крошке руку на плечо, но тот не заметил. Аэропланы разошлись в противоположные стороны и упорно набирали высоту. Дейк прижимал свою машину к потолку, почти неразличимому в туманной дымке. Он быстро глянул на Крошку. Их взгляды встретились. Холод против холода.

— Покажи, на что ты способен, — процедил Дейк сквозь зубы.

Самолеты бросились в атаку одновременно.

Действие наркотика ослабло, и Дейк увидел рассекающие воздух трассеры вражеского само-

лета. Надо было вывести «спад» на линию огня, дать очередь, сразу же развернуться и сделать вираж, чтобы уклониться от огня «фоккера». Крошка так разошелся, что, уклоняясь от выстрелов Дейка, едва не задел шасси «спада».

Галлюцинации начались, когда Дейк вел свой «спад» в очень рискованном вираже. Зеленый войлок стола задрожал, завертелся — и стал зеленым адом боливийской сельвы, над которой воевал Крошка. Стены отступили в серую бесконечность, он почувствовал сомкнувшуюся вокруг тесную металлическую скорлупу истребителя.

Но Дейк все это предвидел. Он ждал галлюцинаций и знал, что с ними нужно делать. Военные никогда не пропустят наркотик, лишающий боеспособности. «Спад» и «фоккер» разворачивались для следующей атаки. Дейк читал в лице Крошки Монтгомери напряжение — эхо давних сражений в высоком небе над джунглями. Они одновременно повели самолеты, чувствуя динамические перегрузки корпуса, что передавались сенсорами прямо в затылочную часть мозга, адреналиновый инъектор, прикрепленный над локтем, холодную, быструю свободу воздушного потока вокруг плоскостей истребителей, пахнущих горячим металлом, потом и страхом. Мимо лица Дейка

пронеслись трассеры, он отпрянул, глядя, как его «спад» взмыл свечкой, едва не столкнувшись с «фоккером». Болельщики взбесились, они махали шапками и топали ногами как одержимые. Дейк снова поймал взгляд Крошки.

Он почувствовал, как на него накатывает подлая волна. И хотя каждый нерв был натянут, как усики из кристаллического углерода, которые не давали истребителю развалиться на части в суперменских виражах над Андами, он выдал небрежную улыбку и подмигнул, чуть дернув головой в сторону, будто говоря: «Глянь-ка сюда».

Крошка отвел глаза.

Он отвлекся всего на долю секунды, но этого хватило. На пределе теоретического допуска Дейк совершил такой короткий и стремительный «иммельман», который вряд ли видели окрестные пилоты, и повис у Крошки на хвосте.

Посмотрим, как ты выпутаешься, простофиля.

Крошка рванул аэроплан вниз, прямо к зелени, но Дейк от него не отставал. Он не торопился открывать огонь. Он мог прикончить Крошку везде, где вздумается.

Погоня. Точно такая же, как в бою. Погоня пугала, хотя, возможно, и была веселым и захватывающим занятием. Аэропланы снизились

над войлоком, как над верхушками деревьев. «Разобьемся», — подумал Дейк и сбавил скорость. Краем глаза он заметил Бобби Клайна, забавное выражение его лица. Умоляющее. Спокойствие Крошки было сломлено. Его дергающееся лицо было искажено мучением.

Теперь Крошка запаниковал и направил самолет в толпу. Бипланы петляли и вились среди болельщиков. Одни невольно отшатывались, а другие со смехом прихлопывали их ладонями. В глазах Крошки отражался безумный ужас, говорящий о преисподней страха и безысходности, двух лезвиях, бесконечно распиливающих друг друга…

Страх в полете был смертью, безысходность — заключением в металл, сначала в кабине самолета, а потом в инвалидном кресле. По лицу Крошки Дейк читал, что бой — единственное, что еще у него оставалось, но он уже использовал все свои шансы. С тех пор как какой-то безымянный герильеро с древней ракетной установкой на плече сбросил его с сине-зеленого боливийского неба прямо на Ричмондское шоссе, в «Джекман», к мальчишке-убийце, улыбающемуся над вытертым сукном — и эта улыбка будет последним видением в его жизни.

Дейк привстал на цыпочки. На его лице сияла улыбка в миллион долларов. Эта улыбка была торговой маркой наркотика, который сжег Крошку еще до того, как кто-нибудь побеспокоился бы превратить его в горячее месиво из металла и изувеченной плоти. Все сошлось. Дейк увидел, что полет был всем, что держало Крошку. Ежедневно касаниями пальцев он боролся со смертью, восставал из металлического гроба… снова живым… Крошка избегал гибели только силой воли. Сломай эту волю — смерть выльется и затопит его. Калека страстно желал наклониться и вырваться из своего круга…

И Дейк довел это желание до конца…

Когда последний аэроплан Крошки исчез во вспышке света, наступила оглушительная тишина.

— Я выиграл, — прошептал Дейк. И громче: — Сукин сын! Я выиграл!

С другой стороны стола в своем кресле извивался Крошка: руки судорожно хватали воздух, голова свесилась на плечо. Из-за его спины на Дейка горящими углями глаз смотрел Бобби Граф.

Рефери сорвал «Макс» и обернул его лентой кучу бумажек. Без предупреждения бросил пачку

в лицо Дейку. Тот легко и небрежно поймал ее на лету.

Мгновение казалось, что Клайн бросится на Дейка, прямо через стол. Его остановило подергивание за рукав.

— Бобби Граф, — прерывисто от унижения прошептал Крошка, — увези меня… отсюда…

Зло задыхаясь, Клайн развернул друга и покатил из зала… во тьму…

Дейк откинул голову и засмеялся. Ей-богу, он отлично себя чувствовал! Холодный «Макс» приятно оттягивал карман рубашки. Деньги он сунул в джинсы. Он готов был прыгать от счастья. Радость вырывалась из него, как прекрасный и сильный зверь, которого он видел как-то раз из окна автобуса. Из-за этого на мгновенье показалось, что боль и страдания, через которые он прошел, стоили последней победы.

Но «Джекман» затих. Никто не аплодировал. Никто не окружал, чтобы поздравить его с победой. Дейк умолк и настороженно повел глазами: вокруг были одни враждебные лица. Никто из болельщиков не был на его стороне. Они излучали презрение, даже ненависть. Бесконечно долгий миг воздух дрожал от возможного насилия… затем кто-то отвернулся, откашлялся и сплюнул

на пол. Толпа распалась. Переговариваясь, один за другим, они растворились в темноте.

Дейк не шевелился. На ноге стала дергаться мышца — предвестник «ломки». Онемела макушка, во рту появился мерзкий привкус. На секунду Дейк обеими руками вцепился в стол, чтобы не упасть навеки вниз, в живую тень, копошащуюся под ним, когда его насквозь пронзил мертвый взгляд оленя с фотографии под часами.

Немножко адреналина — это его вытащит. Ему нужен праздник. Напиться до бесчувствия и рассказывать друзьям о своей победе, противоречить самому себе, выдумывать подробности, смеяться и хвастать. Такая звездная ночь, как эта, требовала долгой беседы.

Но, стоя среди безмолвия и безбрежной пустоты «Джекмана», Дейк вдруг осознал, что не осталось никого, кому он мог бы все это рассказать.

Совсем никого.

Комментарии к роману «Машина различий»

«Лорд Брюнель». — Дирижабль назван в честь знаменитого английского инженера-строителя Изамбарда К. Брюнеля (1806–1859), отец которого, сэр Марк Изамбард Брюнель (1769–1849), прославился изобретением проходческого щита (устройство для безопасного прокладывания туннелей в водоносных грунтах). Брюнель-младший строил портовые сооружения, туннели и подвесные мосты, железные дороги, настоял на введении более широкой рельсовой колеи (что позволило увеличить скорость поездов и значительно стимулировало развитие сети железных дорог), экспериментировал с пневматическими поездами, способствовал открытию регулярной трансатлантической навигации. Спроектированные им пароходы «Грейт-вестерн» (1837), «Грейт-бритн» (1843) и «Грейт-истерн» (1858) являлись на момент спуска на воду крупнейшими в мире, причем «Грейт-истерн» удерживал пальму первенства в течение 40 лет. Не оставил без внимания Брюнель и военную технику

— спроектировал бронированную баржу, участвовавшую в 1854 г. в атаке на Кронштадт, а также сборно-разборный военно-полевой госпиталь, доставленный в 1855 г. на Крымский театр военных действий.

Станок Жаккарда. — Жозеф-Мари Жаккар (1757–1834) — французский механик, изобретатель ткацкого станка, управляемого с помощью перфокарт и способного к воспроизведению сложных узоров. В конструкции «прялки Жаккарда» использовался ряд технических решений Жака де Вокансона (см. прим. к с. 33). В 1806 г. патент Жаккара был национализирован, а изобретателю назначено пожизненное содержание и процент с каждой вводящейся в эксплуатацию «прялки» (к 1812 г. их было уже 11 тысяч — невзирая на бурные протесты ткачей). В 1820-х гг. станки Жаккарда появились в Англии, а затем распространились по всему миру.

Темпл-Бар — ворота, стоявшие в течение нескольких веков на западной границе лондонского Сити (со стороны Вестминстера), там, где по традиции монарх должен получать у лорд-мэра разрешение на въезд в Сити. В 1880 г. на этом месте поставлен памятник Темпл-Бар-Мемориал,

увенчанный геральдическим грифоном.

Ньюгейт — знаменитая лондонская тюрьма; вплоть до середины XIX в. перед нею публично вешали осужденных.

Каллиопа — паровой орга́н с пронзительным звуком, слышным за километры. Поступление пара в трубы может контролироваться вручную, с клавиатуры, или автоматически, при помощи игольчатого цилиндра. Инструмент изобретен А. С. Денни в США ок. 1850 г. и запатентован в 1855 г. Джошуа Стоддардом.

Радикалы. — Этот политический термин отнюдь не такой давний и общеупотребительный, как может показаться. В английской политике радикалами называли членов крайнего крыла вигов и либералов, а примерно с 1797 г. — всех, кто выступал за парламентскую реформу.

Магистрат — в данном случае название должности в городском или судебном управлении. Вообще говоря — мировой судья, полицейский судья.

Боу-стритовское досье. — Боу-стрит: главный полицейский суд Лондона, назван по имени улицы, на которой расположен.

Нед Лудд — легендарный английский подмастерье, якобы первым разрушил ткацкий станок в конце XVIII в. Луддитами называли участников жестоко подавленных антипромышленных выступлений 1811–1813 гг. (второй всплеск — в 1816 г.), поскольку их вождь (личность, возможно, также мифическая) именовался в честь Неда Лудда «королем Луддом». Некоторые историки полагают, что у волнений действительно был некий вдохновитель и организатор, который попал в число казненных, и что, мол, именно из-за смерти «короля Лудда» беспорядки так быстро сошли на нет.

«Ньюкомен». — Паром назван в честь английского инженера Томаса Ньюкомена (1663–1729), который изобрел паровой насос, широко использовавшийся для подачи воды к водяным колесам и откачки ее из шахт, а также паровую турбину, во многом предвосхитившую турбину Джеймса Уатта.

Черута — манильская сигара (с заранее обрезанными концами).

Байрон, Джордж Гордон (1788–1824) — английский поэт-романтик, в равной степени знаменитый как стихами, так и скандальным, в глазах

современников, образом жизни; пэр Англии, с 1809 г. член палаты лордов, где первая речь его была посвящена защите луддитов. В 1816 г. покинул Англию. Умер от лихорадки в Месолонги, где пытался объединить враждующие группировки греческих патриотов для борьбы против турецкого владычества.

Уайтчепел — одна из беднейших частей Ист-Энда, рабочего района Лондона.

…женщина в бомбазине — вдова, что ли? — Бомбазин — плотная шелково-шерстяная ткань; чаще всего ее окрашивали в черный цвет и применяли для траурной одежды, отсюда и догадка героя, что индианка — вдова.

Сан-Хасинто (в настоящее время Сан-Джасинто) — небольшая река в Техасе, на берегах которой в 1836 г. техасцы под командованием Сэмюэля Хьюстона разгромили мексиканскую армию генерала Антонио Лопеса де Санта-Аны, чем и закончилась Техасская война (1835–1836). Позднее примерно в этом месте был заложен крупнейший город Техаса Хьюстон.

Сэмюэль Хьюстон (1793–1863) — личность крайне колоритная. В юности в Теннесси бежал

к индейцам чероки и прожил в их племени три года, выучил язык, обычаи, получил имя Черный Ворон. После войны 1812 г. изучал право и преподавал, в 1817 г. ему было поручено руководить переселением чероки из Теннесси в арканзасскую резервацию; далее занимался юриспруденцией, был избран в сенат США (1823–1827), затем губернатором Теннесси, однако после неудачного брака подал в 1829 г. в отставку и снова ушел к чероки, был формально принят в племя. Боролся против злоупотреблений правительственных ведомств по делам резерваций. В 1832 г. послан президентом Эндрю Джексоном в Техас (тогда мексиканская провинция) вести переговоры с индейцами о защите торговли в приграничных областях и возглавил борьбу американских поселенцев против Мексики. После успешного окончания Войны за независимость избирался президентом республики Техас (1836–1838, 1841–1844), активно содействовал присоединению Техаса к США (1845), избирался в сенат (1846–1859), а также губернатором штата (1859). Перед началом войны Севера и Юга выступал за сохранение союза, отказался в 1861 г. присягнуть на верность Конфедерации южных штатов и был низложен.

…чудесного лилового цвета… из угля. — Речь

идет о первом искусственном красителе (анилиновом), полученном в 1856 г. английским химиком Уильямом Генри Перкином (1838–1907). Открытие произошло случайно, когда Перкин был еще студентом и пытался синтезировать хинин. Цвет этот (дословно «мальвовый» — mauve) сделался феноменально популярен и дал название целому историческому периоду — «мальвовое десятилетие». К полувековому юбилею своего открытия Перкин был удостоен рыцарского титула.

В зале было не протолкнуться от крымских солдат-отпускников… — Странная история: в настоящую Крымскую войну солдаты и мечтать не могли об отпуске.

Серинет — примитивный ручной органчик со звуковым валиком, применявшийся для обучения птиц пению.

«Вин Мариани» — самая популярная из множества распространенных во второй половине XIX в. винно-кокаиновых смесей, выпускалась с 1863 г. во Франции корсиканцем Анджело Мариани. Чудодейственные целебные свойства этого напитка воспевали Анатоль Франс и Генрик Ибсен, Жюль Верн и Александр Дюма, Конан Дойль и Р.

Л. Стивенсон, Фредерик Бартольди (автор статуи Свободы), королева Виктория, главный раввин Франции, а также папы Пий X и Лев XIII. Американский аптекарь из Атланты Джон С. Пембертон начинал с попыток имитации «Вин Мариани» и весьма преуспел, а когда в 1886 г. в Джорджии ввели сухой закон, то заменил вино сахарным сиропом — так появилась кока-кола; кокаин же был выведен из ее рецептуры лишь в 1904 г.

«Гаррик» — театр на Чаринг-кросс-роуд, одна из лондонских достопримечательностей. Спроектирован в 1889 г. и назван в честь знаменитого Дэвида Гаррика (1717–1779) — актера, постановщика, драматурга, поэта и соуправляющего театра Друри-лейн.

Друммондов свет — по имени Т. Друммонда (1797–1840), английского изобретателя. Яркий белый свет, получающийся нагреванием извести в пламени водорода либо иного газа. Часто применялся в театрах для освещения сцены.

Бэббидж, Чарльз (1791–1871) — английский математик и изобретатель, один из пионеров вычислительной техники. С 1816 г. член Королевского общества, где в 1822 г. представил доклад с планами *разностной машины* — автоматического

вычислительного устройства для табулирования многочленов по способу разностей; машину предполагалось снабдить печатающим механизмом — стальные пуансоны гравировали результат вычислений на медной пластинке, с которой можно было получить нужное число оттисков. Восьмиразрядную разностную машину Бэббидж изготовил самостоятельно и в 1823 г. добился выделения казначейством средств на постройку двадцатиразрядного вычислителя. Средств, разумеется, не хватало, Бэббидж обращался к министру финансов с новыми прошениями, получил поддержку премьер-министра герцога Веллингтона, однако работы шли очень медленно. В 1834 г. он разработал проект гораздо более совершенного вычислительного устройства — *аналитической машины*, для управления которой предлагалось использовать механизм, аналогичный механизму ткацкого станка Жаккарда. Планы эти были после смерти Бэббиджа надолго забыты, пока в 1937 г. не обнаружились его записные книжки, и можно сказать, что именно это его устройство заложило основу современной вычислительной техники — нынешние компьютеры во многом повторяют принцип действия аналитической машины. В 1842 г. правительство

принимает решение прекратить финансирование работ над разностной машиной (потрачено 17 тысяч фунтов — плюс шесть тысяч Бэббидж вложил сам). В 1852 г. он представляет в казначейство проект усовершенствованной разностной машины (со сквозной — вместо последовательной — схемой переноса, позаимствованной из аналитической машины), однако министр финансов Дизраэли отказывает ему в поддержке. В 1854 г. шведы отец и сын Шютцы достраивают свой вариант пятнадцатиразрядной разностной машины (на эту работу их вдохновила статья доктора Дионисия Ларднера в «Эдинбургском обозрении» в 1834 г. «Вычислительная машина Бэббиджа»), а в 1858–1859 гг. инженер Донкин по заказу британского правительства (!) делает копию машины Шютцев, после чего машина Донкина широко использовалась для вычисления таблиц смертности, по которым страховые компании производили свои начисления.

Ада Байрон — Августа Ада Кинг, графиня Лавлейс (1815–1852), единственная законная дочь знаменитого поэта (который последний раз видел ее, когда ей был месяц от роду), английский математик и помощница Чарльза Бэббиджа. Как разностная машина, ее конструкция и принцип

действия известны преимущественно не по публикациям самого Бэббиджа, а по статье Ларднера (см. выше), так и описание аналитической машины было дано итальянским математиком Луиджи Федерико Менабреа, статью которого перевела на английский Ада Байрон и снабдила обширным комментарием (1843). Причем если Менабреа предпочел акцентировать техническую сторону, то заметки Ады были посвящены математическим вопросам; также она составила для аналитической машины программу вычисления чисел Бернулли. Именно поэтому ее называют первым компьютерным программистом, в ее честь был назван язык программирования — Ада. Уже в конце XX в. не обошлось, разумеется, без попыток ревизии; так, Дороти Стайн выпустила в 1985 г. биографию Ады, где пыталась развеять ряд наиболее устойчивых мифов. Д. Стайн утверждала, будто леди Ада обладала не столько математическими способностями, сколько безграничным энтузиазмом, будто при подготовке перевода статьи Менабреа она выполняла при Бэббидже чисто вспомогательные функции — и, наконец, будто Бэббидж вовсе не разрабатывал совместно с ней систему беспроигрышных ставок на бегах (дабы финансировать работы над анали-

тической машиной). При этом Д. Стайн пыталась сводить психологические особенности леди Ады к маниакально-депрессивному психозу — или же к наследственной порфирии (связанной, в частности, с нервно-психическими расстройствами). Впрочем, особой поддержки эти радикально-ревизионистские теории не получили.

Вокансон, Жак де (1709–1782) — французский механик. Первый из своих автоматов с часовыми механизмами — «Флейтист» — создал в 1738 г., через год последовали «Игрок на бубне» и знаменитая «Утка» (упоминается в романе), которая не только имитировала движения настоящей утки, но также могла «есть», «пить» и «переваривать» съеденное. Сконструировал механический шелкоткацкий станок, управлявшийся при помощи перфокарт и усовершенствованный в начале XIX в. Жаккаром.

Жаккардинское общество — по имени Ж.-М. Жаккара и по образцу — «якобинское».

Радвик — персонаж, казалось бы, вымышленный; в середине XIX в. британского палеонтолога с таким именем не было. Однако Радвик (не Фрэнсис, правда, а Мартин) существует в наше время — историк науки, автор известных книг «Смысл

ископаемых: Эпизоды из истории палеонтологии» (1972), «Великая Девонская полемика» (1985), «Жорж Кювье, ископаемые кости и геологические катастрофы» (1997) и др. Напрашивается еще одна параллель, с так называемыми «костяными войнами» — острейшим соперничеством двух американских палеонтологов, Отнила Марша и Эдварда Коупа. Найдя в 1879 г. бронтозавра и поспешив опубликовать описание ящера, Марш реконструировал скелет неточно — приставил к шее слишком маленький череп, найденный за несколько километров от места основных раскопок. В 1915 г. Эрл Дуглас обнаружил бронтозавра с более крупным черепом, однако позиции последователей Марша были слишком сильны, и окончательно правота Дугласа была признана лишь в 1975 г. Так что изображения бронтозавров, которые мы помним с детства по всяким занимательным книжкам, были не вполне точны.

Эндрю Джексон (1767–1845) — генерал, седьмой президент США (1829–1837), заслужил в народе прозвище Старый Гикори, что можно перевести как «крепкий орешек».

«*Эта проклятая война закончилась еще до Нового Орлеана…*» — Если считать, что хронология

романа хоть немного напоминает реальную, то присутствующие на лекции Хьюстона офицеры могли знать о событиях англо-американской войны 1812–1814 гг., в частности о Новоорлеанской битве 1815 г. (мирный договор с Англией был подписан в декабре 1814 г., но до Луизианы новость еще не успела добраться), только понаслышке. Аналогично — с репликой Брайана в четвертой части романа: «Прекрасное заграждение — эти кипы хло́пка… В Новом Орлеане, там Гикори Джексон прятался точно за такими, измолотил он нас тогда по-черному…»

…полковника Фаннина… полковник Тревис… полковник Боуи… Дэвид Крокетт… — Перечисляются реальные участники сражения при Аламо (1836). Из них наиболее примечателен Дэвид Крокетт (1786–1836), фронтирмен и политик (дважды избирался в конгресс США), еще при жизни ставший одним из любимейших героев американского фольклора. При Аламо техасские добровольцы в количестве 184 человек 13 дней выдерживали осаду мексиканской армии численностью, по разным оценкам, от 1800 до 6000 человек. При штурме генерал Санта-Ана приказал пленных не брать, и техасцев осталось в живых лишь 15 человек (в основном женщины

и дети); мексиканцы же потеряли, по различным оценкам, от 1000 до 1600 человек. Санта-Ана был вынужден затормозить наступление; это дало Хьюстону время перегруппировать силы и в конечном итоге выиграть войну (см. выше о Сан-Хасинто).

Фабианская стратегия — по имени римского полководца Фабия Кунктатора (Квинт Фабий Максим Кунктатор, ум. 203 г. до н. э.), девиз которого гласил: «Поспешай медленно». На начальном этапе Второй Пунической войны (218–201 гг. до н. э.) выжидательная тактика Фабия позволила Риму восстановить силы и перейти в контрнаступление против карфагенской армии вторжения Ганнибала. Термин «фабианство» означает терпеливую, осторожную политику. В 1883 г. в Англии было учреждено социалистическое Фабианское общество (к которому принадлежал, например, Бернард Шоу), выступавшее за постепенную, без революционных потрясений, передачу средств производства в руки государства.

Китс, Джон (1795–1821) — знаменитый английский поэт-романтик. Его поэтическая биография занимает всего пять лет: 1816–1821. Умер от туберкулеза в Риме.

Люцифер (устар.) — спичка (от *лат.* luciferus — светоносный). Термин введен торговцем Сэмюэлем Джонсом для спичек, придуманных аптекарем Джоном Уокером в 1827 г. Спички (сам Уокер называл их «конгривами» — по аналогии с пиротехнической ракетой Конгрива 1808 г.) могли зажигаться трением о любую шершавую поверхность. Современные безопасные спички, зажигающиеся только о коробок, были запатентованы шведом Йоханом Эдвардом Лундстромом в 1855 г.

Ч. П. — принятое в Великобритании сокращение от «член парламента».

Белгрейвия — фешенебельный район Лондона недалеко от Гайд-парка.

Королевское общество (полное название «Королевское общество Лондона по повышению научных знаний») — ведущий научный центр, выполняющий функции Академии наук; старейшее научное общество Великобритании, учреждено в 1660 г.

Эдвард Мэллори (1785–1902) — «удивительно долгоживущий шляпник из Новой Англии» (Эйлин Ганн. Разностный словарь).

Хакл-бафф — черничный напиток на ячменном отваре, нечто вроде темного пива. Согласно другим источникам, хакл-бафф — это горячий напиток из пива с добавлением бренди и яйца.

Бамбу — пунш из рома или джина с добавлением сахара и мускатного ореха.

Брум — закрытый двухместный экипаж в одну лошадь.

Эпсом (в данном случае «Эпсом-Даунс») — ипподром в городе Эпсом графства Суррей.

…Колгейт, мыльный магнат. — Компания «Колгейт» (с 1953 г. — «Колгейт-Пальмолив») действительно существует с начала XIX в., но является американской. Основана Уильямом Колгейтом, нью-йоркским свечным фабрикантом и мыловаром.

Кецалькоатлус — самый крупный летающий ящер (птерозавр) и вообще самое крупное летающее существо, когда-либо жившее на Земле. Размах его крыльев достигал 15 метров, и махать ими он, конечно, не мог — только планировал. Раскопан действительно в Техасе — но уже лишь в 1971 г. — Дугласом Лоусоном и профессором Уонном Лэнгстоном, название получил в 1975 г.

(по имени Кецалькоатля — «пернатого змея» — божества в мифологии инков и тольтеков). Для полноты картины: первые в США останки птеродактиля были обнаружены в 1871 г. вышеупомянутым Отнилом Маршем, первые в мире — в 1784 г. итальянским натуралистом Космо Алессандро Коллини в меловых породах в Баварии; название «птеродактиль» предложил в 1809 г. Жорж Кювье.

Антиклиналь — складка пластов горных пород, обращенная выпуклостью вверх.

Катастрофист — последователь теории катастроф, согласно которой в истории Земли периодически повторяются события, внезапно изменяющие первоначально горизонтальное залегание горных пород, рельеф земной поверхности и уничтожающие все живое. Концепция была выдвинута в 1812 г. французским ученым Жоржем Кювье для объяснения смены фаун и флор, наблюдаемых в геологических породах, за период времени с библейского Сотворения мира.

Униформисты — приверженцы униформизма. Униформизм — геологическая гипотеза, согласно которой в геологическом прошлом действовали те же силы и с той же интенсивностью, что и в

настоящее время; поэтому для выяснения событий геологического прошлого можно переносить без поправок знания, полученные при изучении современных геологических явлений. Гипотеза выдвинута Джеймсом Хаттоном (1726–1797), термин же введен в 1832 г. Уильямом Уэвеллом.

Лайелл, Чарльз (1797–1875) — английский естествоиспытатель, развивал учение о медленном, постепенном изменении земной поверхности под влиянием постоянных геологических факторов. Наиболее видный сторонник униформизма, перенес идеи Хаттона из геологии в биологию, заложил фундамент, на котором Дарвин вскоре основал теорию эволюции. Основной труд Лайелла — многотомные «Принципы геологии» (начало 1830-х; исправленный и дополненный вариант — 1860-е).

Гидеон Олджертон *Мэнтелл* (1790–1852) — английский врач, геолог и палеонтолог. Обнаружил останки четырех из пяти видов динозавров, известных в его время, в том числе игуанодона. Вел раскопки преимущественно в Сассексе.

Томас Генри Гексли (1825–1895) — английский биолог, соратник Чарльза Дарвина и виднейший пропагандист его учения. В 1881–1885 гг. прези-

дент Королевского общества. Дедушка Олдоса Хаксли.

Мэри Сомервилл — Мэри Ферфакс Грейг Сомервилл (1780–1872), английский ученый, математик и переводчик. Урожденная Мэри Ферфакс, дочь вице-адмирала Уильяма Ферфакса, замужем сперва за генконсулом России в Великобритании своим троюродным братом Сэмюэлем Грейгом (сыном адмирала Сэмюэля Грейга, главнокомандующего русским флотом при Екатерине), затем за флотским хирургом доктором Уильямом Сомервиллом. Первая женщина, избранная в Королевское астрономическое общество. Учитель и друг Ады Байрон, познакомившая ее с Чарльзом Бэббиджем.

Оуэн, Ричард (1804–1892) — английский анатом, зоолог и палеонтолог, ярый оппонент Дарвина. Первым описал археоптерикса (1863), однако, как выяснилось в 1954 г., допустил при этом несколько грубейших ошибок: например, перепутал местами грудь и спину, а также не отметил отсутствия киля (это означало, что археоптерикс не мог махать крыльями — только планировать) и формы черепа, близкой к рептилиям.

Лоренс Олифант (1829–1888) — английский

писатель, путешественник, мистик и вообще крайне колоритная личность. Сын британского государственного служащего, много путешествовал; первые его самостоятельные странствия послужили основой для книг «Путешествие в Катманду» (1852) и «Русские берега Черного моря осенью 1852 г., с путешествием по Волге, а также через страну Донских казаков» (1853). Служил секретарем при дипломате графе Элджине, военным корреспондентом «Таймс», неофициальным наблюдателем и первым секретарем британской миссии в Японии (в каковом качестве получил в 1861 г. ранение, когда токийские самураи атаковали миссию). Его «Рассказ о миссии графа Элджина в Китай и Японию» (1859) — захватывающее изложение «политики канонерок» XIX в. В 1865 г. выпустил сатирический роман «Пикадилли: Фрагмент современной биографии» и в том же году избирается в парламент от консерваторов. Однако в 1867 г. вступает вместе с матерью (и несколькими учившимися в Лондоне японскими студентами) в «Братство общей жизни» — утопическую коммуну, организованную Томасом Лейком Харрисом в штате Нью-Йорк. Олифант предоставляет в распоряжение Харриса все свое состояние (по причине, как иногда по-

лагают, умственного расстройства, вызванного наследственным сифилисом). В 1881 г. порывает с Харрисом и годом позже основывает в Хайфе собственную утопическую коммуну — вместе со своей второй женой, дочерью утописта Роберта Оуэна. В 1878 г. предложил премьер-министру Дизраэли план еврейской колонизации Палестины, поддержанный британским МИДом и восточноевропейскими евреями — но не турецким султаном, во владении которого находилась Палестина.

«Блэквудз» — «Блэквудз Эдинбург мэгэзин», т. е. «Эдинбургский журнал Блэквуда»: английский ежемесячный журнал, основан в 1817 г. шотландским издателем Уильямом Блэквудом.

Ч. К. О., Ч. К. Г. О. — принятые в Великобритании сокращения: Ч. К. О. — член Королевского общества (F. R. S. — Fellow of the Royal Society), Ч. К. Г. О. — член Королевского географического общества (F. R. G. S. — Fellow of the Royal Geographical Society).

Старый добрый герцог Йоркский, у которого было десять тысяч солдат... — Герой одного из самых популярных английских детских стишков (см. ниже). Имеется в виду герцог Йоркский Фре-

дерик Август (1763–1827), сын Георга III. Колонна, на которой установлен его памятник, имеет высоту свыше тридцати метров.

У герцога Йоркского был отряд —
Десять тысяч солдат.
Герцог велел им подняться на холм,
А потом спуститься назад.
И когда они были вверху — то вверху,
И когда они были внизу — то внизу,
А когда они были на полпути —
То ни вверху, ни внизу.

(Пер. М. Пчелинцева)

Что характерно: ни историкам, ни фольклористам так и не удалось достоверно определить, какое именно сражение имелось здесь в виду.

Ноэль — Ноэль Гексли (1856–1860), первый сын Томаса Генри Гексли, умер от скарлатины.

Кювье, Жорж Леопольд Кретьен Фредерик Дагобер (1769–1832) — выдающийся французский естествоиспытатель, известный своими трудами в области сравнительной анатомии, палеонтологии и систематики животных. Тезис катастрофизма выдвинут им впервые в работе

«Исследование костей ископаемых позвоночных» (1812).

…Джозеф Хукер из Кью… — Джозеф Долтон *Хукер* (1817–1911) — крупнейший английский ботаник (систематик растений), директор Королевского ботанического сада в *Кью*, сторонник дарвинизма и друг Дарвина. Председатель Королевского общества (1872–1877).

Форбс, Эдвард (1815–1854) — английский естествоиспытатель, один из пионеров биогеографии. Анализировал распределение флоры и фауны Британских островов и связь его с геологическими метаморфозами.

…писаку с Граб-стрит… — В XVIII в. на Граб-стрит жили неимущие литераторы. Ко времени описываемых событий выражение «писака с Граб-стрит» стало обозначать литературного поденщика.

Дизраэли, Бенджамин, лорд Биконсфильд (1804–1881) — премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874–1880 гг., лидер консервативной партии, писатель. В частности, автор романа «Сибил, или Две нации» (1845), героями которого являются чартист Уолтер Джерард, его дочь Сибил,

ее возлюбленный Чарльз Эгремонт и шестнадцатилетний рабочий Денди Мик, склонный к желчным тирадам, белым брюкам свободного покроя, шейным платкам розового шелка и блестящим булавкам. В финале, после кровавых массовых волнений и смерти отца, Сибил узнает о своем тщательно скрывавшемся аристократическом происхождении и воссоединяется с Эгремонтом.

«Наполнять золотой рудой малейшую трещинку»… — Пассаж из письма Дж. Китса П. Б. Шелли от 16 августа 1820 г., являющийся аллюзией на аллегорическую поэму Э. Спенсера «Королева фей».

Natura non facit saltum — природа не делает скачка *(лат.)*; лозунг униформистов в их споре с катастрофистами. Выражение принадлежит шведскому естествоиспытателю Карлу Линнею (ок. 1751). Более известно в форме «Natura non facit saltus» («Природа не делает скачков»).

Бертон — сэр Ричард Фрэнсис Бертон (1821–1890), знаменитый британский исследователь, востоковед, полиглот и этнолог. Владел 25 языками (с диалектами — до 40), выпустил 43 книги с описаниями своих путешествий и 30 томов переводов. Впечатления от военной службы в

Индии (1840-е) послужили основой для четырех книг, в их числе «Синд и народы, населяющие долину Инда» (1851) — блестящее этнологическое исследование, притом что этнология как наука была тогда еще, можно сказать, в пеленках. Прославился описанием своего путешествия (1853) в запретную для «неверных» Мекку — и, хотя был отнюдь не первым проникшим туда европейцем, его описание явилось наиболее точным и профессиональным: «Паломничество в Мекку и Медину» (1855–1856). Занимался поисками истоков Белого Нила, открыл озеро Танганьика. Служил консулом на Фернандо По (испанский остров у западного побережья Африки), в Сантосе (Бразилия), Дамаске и Триесте, где прожил последние 18 лет жизни. Его скандальные по викторианским меркам труды с описанием племенных обычаев Западной Африки (фетишизм, ритуальные убийства, каннибализм, девиантная сексуальность) пользуются неизменным уважением современных антропологов. Переводил Камоэнса, Катулла, подготовил комментированный перевод «Камасутры» (1883) и первый полный — «1001 ночи» (1885–1888). Поставив себе цель открыть для западной общественности сокровищницу восточной эротики, снабжал изда-

ния обширным этнологическим комментарием и статьями о порнографии, гомосексуализме, половом воспитании женщин и др., предвосхищая некоторые дальнейшие изыскания Хейвлока Эллиса и Фрейда.

Нашествие жаб — Исход, 8: 1–15.

…крепкие ботинки со шнуровкой, снабженные маленькими резиновыми колесиками. — Роликовые коньки появились в Голландии в XVIII в., однако массовую известность данное средство передвижения приобрело с 1863 г., когда были изобретены четырехколесные ролики на резиновом ходу.

…пока земля не начала вскипать, не пошла пузырями, как ведьмовское варево. — «Пузыри земли» являются аллюзией на «Макбета» (I.3). В таком соседстве «ведьмовское варево» тоже нужно понимать как аллюзию на «Макбета» (IV.1).

Гальтон, Фрэнсис (1822–1911) — английский исследователь, психолог и антрополог, кузен Дарвина. Основатель евгеники, выступал за повышение рождаемости у людей с лучшими умственными и физическими способностями и за понижение — с худшими. (В настоящее вре-

мя евгенику как науку полагают в серьезной степени скомпрометированной — и отнюдь не только «большевистским и нацистским экспериментом»; принято считать, что врожденные способности могут значительно изменяться под влиянием социальных факторов и образования.) В области криминологии Гальтон предлагал использовать для опознания преступников составной портрет и отпечатки пальцев. Увлекался статистикой, в течение 34 лет занимался совершенствованием норм и средств измерения; одна из его ранних статей была посвящена статистическому анализу эффективности молитвы. В 1909 г. удостоен рыцарского титула.

Вы бы вот посмотрели Сэндиса. Или Хьюза. Или Этти! — Энтони Фредерик Огастес *Сэндис* (1829–1904), английский художник, близкий к прерафаэлитам; наиболее известен иллюстрациями и гравюрами, являвшими уникальную смесь прерафаэлитской тематики и дюреровской точности штриха. Артур *Хьюз* (1832–1915), художник-прерафаэлит, иллюстрировал сборник Кристины Россетти «Детские стихи и песни» (1872). Уильям *Этти* (1787–1849), английский художник, один из последних академистов, предпочитал сюжеты из истории и мифологии; с

конца 1830-х гг. из экономических соображений специализировался преимущественно на обнаженной натуре, и не без примеси скандала.

Мэллори прошел по Глостер-роуд до угла Кромвель-лейн; совсем недавно здесь поселился бронзовый Кромвель на коне… — Памятник Кромвелю установлен гораздо позже (1899) и в совершенно другом месте, а именно перед парламентом.

По Найтсбридж-роуд, через Гайд-парк-корнер, к Наполеоновым вратам… — В действительности именно на этом месте стоит «Арка Веллингтона».

Веллингтон, Артур Уэллсли (1769–1852) — герцог, английский полководец, победитель Наполеона при Ватерлоо. Единственный, кому в Лондоне установлены две бронзовые конные статуи (причем одна отлита из трофейных французских пушек). В 1828–1830 гг. премьер-министр кабинета тори, в 1834–1835 гг. министр иностранных дел. Байрон (см. далее в тексте) действительно ненавидел Веллингтона лютой ненавистью и называл его победу при Ватерлоо «случайным триумфом посредственности над гением». Налицо любопытная параллель с другим произведением в жанре альтернативной исто-

рии: в повести Уолтера Йона Уильямса «Стена, камень, мастерство» (1993) Байрон принимает участие в битве при Ватерлоо и берет Наполеона в плен (в названии повести разложена на три отдельных слова фамилия Мери Шелли по матери — Уоллстонкрафт).

Король Джон — Иоанн Безземельный (1167–1216), английский король (с 1199) из династии Плантагенетов. В 1202–1204 гг. вел неудачные войны во Франции.

Карл Первый (1600–1649) — король Англии с 1625 г. После восстания Кромвеля казнен по решению парламента.

Меритократ — сторонник меритократии, т. е. такого устройства общества, где власть принадлежит самым достойным (от *лат.* meritus — достойный).

Берлингтонский пассаж — центр небольших дорогих магазинов, расположен на Пикадилли.

«Я последний на свете форейтор-скороход». — Трактир под таким названием действительно расположен на Чарльз-стрит невдалеке от Беркли-сквер (четыре звезды по каталогу лондонских пабов). В 1986 г. американская писательница

Марта Граймс озаглавила таким образом один из серии детективных романов о Ричарде Жюри, названных по конкретным лондонским пабам. Собственно «форейторы-скороходы» были распространены в Шотландии в начале XVIII в.: они бежали перед упряжкой и по бокам кареты (с длинными шестами — дабы извлекать экипаж из канавы или грязи), оповещая хозяина трактира, что едут гости. Среди аристократов было даже принято устраивать соревнования — чей форейтор скороходнее.

Мори Аринори (1847–1889) — японский государственный деятель, дипломат, наиболее отъявленный «западник» начала эпохи реставрации Мэйдзи. В 1865 г. тайно послан в Англию, где изучал военно-морскую топографию, математику, физику; через два года по приглашению своего наставника Лоренса Олифанта отправился в США и провел год в утопическом Братстве новой жизни. В 1868 г. вернулся в Японию и годом позже был вынужден подать в отставку, так как предложил, несколько преждевременно, запретить ношение мечей. Выступал за религиозную свободу и светское образование, за общественную (но не политическую) эмансипацию женщин, предлагал отказаться от японского языка в поль-

зу английского. В 1871–1873 гг. служил послом в Вашингтоне. В 1889 г. убит фанатиком-синтоистом — в тот самый день, когда вступила в силу конституция Мэйдзи.

Фусукава Юкиси (1835–1901) — правильнее Фукудзава Юкити, японский писатель, педагог и «западник» эпохи реставрации Мэйдзи. Участник первой японской дипломатической миссии в США (1860), а также в Европу (1862). Член общества «Мэйрокуся», наиболее вероятный автор лозунга «Цивилизация и просвещение» и самый активный его популяризатор. Ни разу в жизни не занимая государственного поста, пользовался тем не менее огромным авторитетом.

Канайе Нагасава (1852–1934) — настоящее имя Исонага Хикосукэ. В 1865 г. тайно послан в Англию, затем благодаря Лоренсу Олифанту стал последователем Томаса Лейка Харриса. Неизвестно, принял ли Нагасава в итоге христианство, но, когда община перебралась из штата Нью-Йорк в Калифорнию (1875), ему было доверено управлять виноградниками. Впоследствии отошел от дел коммуны и занялся исключительно виноделием. А также разводил лошадей.

Хисанобу Самэсима (1846–1880) — правильнее

Хисанобу Самэдзима, японский дипломат, посол. Еще один «птенец гнезда Олифантова», в конце 1860-х гг. член Братства новой жизни.

Модзли, Генри (1771–1831) — английский механик, инженер. Пионер точной металлообработки, изобрел один из первых токарных станков. Также известен его потомок доктор Генри Модзли (1835–1918), в честь которого названа лондонская больница Модзли; он был одним из первых врачей, полагавших, что душевные расстройства в некоторых случаях излечимы.

Молт — немарочное виски. Марочное виски (так же как и марочный коньяк) должно иметь стандартный вкус, что достигается смешиванием партий разных лет производства; молт же этой операции не подвергается.

Британские стальные корабли открыли наши порты для свободного мореплавания. — В действительности конец изоляции Японии положила (примерно в то же время, в 1854 г.) американская эскадра коммодора М. Перри. Собственно говоря, в первой половине XIX в. и Великобритания, и Россия, и США неоднократно посылали экспедиции в Японию с целью убедить японцев открыть порты для иностранных судов:

англичане имели в азиатском регионе обширные торговые интересы, американцам требовались базы для китобойного флота, а Российская империя начала освоение Восточной Сибири. Японцы же, опасаясь повторения на своей почве китайских событий периода «опиумных войн», последовательно проводили политику изоляционизма. К 1856 г. у Японии были уже подписаны торговые соглашения с Великобританией, Россией и Голландией.

Капитан Свинг — легендарный бунтарь, личность мифическая; во время так называемых свинговских бунтов (1830–1833) за подписью «капитан Свинг» (или просто «Свинг») рассылались анонимные письма с требованием повысить зарплату батракам и сельскохозяйственным рабочим.

Бакленд, Уильям (1784–1856) — английский священнослужитель и геолог, с 1813 г. профессор минералогии в Оксфордском университете. Занимался палеонтологией, пытался примирить новейшие геологические открытия с Библией и антиэволюционными теориями. Первым в Англии обнаружил свидетельства прохождения ледников. В 1824 и 1840 гг. избирался президен-

том Географического общества.

Меритолорд — член палаты лордов (пэр) не по рождению, а получивший титул за особые заслуги.

Бедлам — разговорное название Вифлеемской королевской больницы, старейшей психиатрической клиники Великобритании; основана в Лондоне в 1247 г.; название стало нарицательным для обозначения сумасшедшего дома.

Ассоциация молодых агностиков — название построено по аналогии с известной Ассоциацией молодых христиан; английские аббревиатуры почти совпадают — YMAA и YMCA. Термин «агностицизм» введен ок. 1870 г. вышеупомянутым Т. Г. Гексли, и хотя сама идея невозможности познания Бога ввиду изначально наложенных на разум ограничений высказывалась, конечно, и раньше, но во второй половине XIX в. ассоциировалась преимущественно с именем Гексли.

Мы имеем дело с клубком синергических взаимодействий — система сваливается в хаос через каскад удвоения периода! — Каскадом удвоения периода (иначе сценарием Фейгенбаума) именуется известный феномен в теории нелинейных

динамических систем («теории хаоса»): изменение одного из параметров системы приводит к ряду бифуркаций, при каждой из которых период движения системы удваивается, так что в пределе система переходит от периодического движения к апериодическому (нерегулярному, хаотическому).

Старик Юм да епископ Беркли… — Дэвид Юм (1711–1776) — английский философ-эмпирик, историк, экономист (друг Адама Смита). Считал невозможным какое-либо познание в отрыве от опыта. Джордж Беркли (1685–1753) — английский философ, представитель субъективного идеализма, автор работ по теории света и зрения.

«Баллестер-молина» — так называлась модифицированная модель кольта 45-го калибра (M1911A1), выпускавшаяся в Аргентине компанией «Хафдаса» (в наиболее массовых количествах — в годы Второй мировой войны).

Шатокуасское братство сусквеганнского фаланстера организует симпозиум по теме «Социальная философия покойного доктора Кольриджа». — Шатокуасское братство: по названию поселка Шатокуа в штате Нью-Йорк, где с 1874 г. каждое лето проводились публичные

лекции (своего рода летняя воскресная школа с расширенной программой); после 1900 г. возникли передвижные шатокуа, где устраивались уже не только лекции, но и концерты. Сэмюэль Тэйлор Кольридж (1772–1834) — выдающийся английский поэт, критик, философ. В начале 1790-х гг. выдвинул идею «пантисократии» (в буквальном переводе с греческого — «власть всех») — коммуны абсолютно равноправных интеллектуалов и художников, организовать которую предполагалось на реке *Сусквеганна* (в современной русской транскрипции Саскуэханна), в Пенсильвании. Кольридж зажег этой мечтой нескольких своих друзей, в том числе поэта-романтика Роберта Саути (1774–1843), но их план так и остался неосуществленным из-за разногласий «пантисократистов» и нехватки денег. Позднее Кольридж и Саути стали членами так называемой «Озерной школы поэтов» («лейкисты»), возглавлявшейся Уильямом Вордсвортом (1770–1850). (Также см. далее реплику маркиза Гастингса: «…пантисократ? <…> То есть вольный проповедник Сусквеганнского фаланстера? <…> Я говорю об утопических доктринах профессора Кольриджа и преподобного Вордсворта».) Строго говоря, начало широкому романтическому движению в английской поэ-

зии положил совместный сборник Вордсворта и Кольриджа «Романтические баллады» (1798); вернее, книга была почти целиком вордсвортовская — Кольридж поместил там всего три стихотворения (правда, открывался сборник не чем-нибудь, а «Балладой о старом мореходе»). Что любопытно: английские романтики «второго призыва» Байрон, Шелли и Китс относились к творчеству «лейкистов» крайне неприязненно, делая исключение разве что для Кольриджа и ранних стихов Вордсворта; кроме того, радикальные политические взгляды Байрона и особенно Шелли резко контрастировали с умеренным либерализмом Вордсворта и Саути (Шелли издевательски писал о друзьях Вордсворта как о «династолюбивых пантисократистах»). Вполне естественно, что в альтернативной истории, когда Байрон возглавил Англию, «лейкисты» сочли за лучшее осуществить юношескую мечту Кольриджа и перебрались через океан, на те самые берега той самой Сусквеганны, от греха подальше. Не исключено, конечно, что им это удалось изначально, в 1790-х.

С. 268–269. *Мы возьмем закон, наши жизни и самое нашу честь в свои собственные руки…* — Пассаж не очень вразумительный, но зато крайне

напоминает последнюю фразу Декларации независимости США, насчет «нашу жизнь, наше имущество и нашу святую честь». (Также см. далее о «святой чести нашей любимой сестры».)

Джон Мильтон (1608–1674) — знаменитый английский поэт, автор поэм «Потерянный рай» (1667) и «Обретенный рай» (1671); поддерживал пуританскую революцию, занимал пост в правительстве Кромвеля.

Уильям Блейк (1757–1827) — английский поэт, радикальный романтик, мистик, художник и гравер. Один из наиболее индивидуальных авторов во всей западной творческой традиции. Свои произведения издавал сам и сам же иллюстрировал. Практически не замеченный при жизни, обрел известность, а потом и знаменитость со второй половины XIX в., чему в немалой степени способствовала вышедшая в 1863 г. биография.

Ты когда-нибудь слышал о Джоне Уилсоне Кроукере? Уинтропе Макуорте Прейде? Брайане Уоллере Проктере? — Джон Уилсон Кроукер (1780–1857) — видный консервативный деятель и эссеист, друг герцога Веллингтона и противник «Акта о реформе» (1832); в своих литературных рецензиях резко критиковал «Эндимион» Китса

и творчество Теннисона. Уинтроп Макуорт Прейд (1802–1839) — юрист и политик, сатирик, известен юмористическими стихами. Брайан Уоллер Проктер (1787–1874) — лондонский юрист, популярный поэт и автор-песенник начала XIX в. (под псевдонимом Барри Корнуолл); Китс и Шелли относились к нему довольно пренебрежительно.

Перси Биши Шелли (1792–1822) — английский поэт, друг Китса и Байрона, реформатор-идеалист; его вторая жена Мери Шелли написала «Франкенштейна» (1820). Утонул неподалеку от Ливорно.

Уильям Коллинз — имеется в виду английский писатель Уильям (Уилки) Коллинз (1824–1889), один из зачинателей детективной литературы, автор «Женщины в белом» (1860) и «Лунного камня» (1868). Его отца, художника-пейзажиста, также звали Уильям Коллинз (1788–1847). Вдобавок известен поэт Уильям Коллинз (1721–1759) — предшественник романтиков.

Найтингейл, Флоренс (1820–1910) — английская медсестра, прославившаяся во время Крымской кампании. В 1860 г. учредила в Лондоне школу медсестер, первую в мире.

…с реки стреляют из десятидюймовых морских орудий… — На канонерке описанного ранее авторами типа (с орудийными портами) не могло быть пушек такого калибра.

…открытию в 1865 году дрейфа континентов. — Идею о том, что материк в незапамятные времена был один, а потом распался, высказал в XVIII в. граф Бюффон; теория же была сформулирована Альфредом Вегенером в 1911 г.

…яйца трицератопсуса, найденные в пустыне Гоби… — Трицератопс — рогатый динозавр. Яйца динозавров действительно найдены в пустыне Гоби в Монголии, но уже в 1922 г. — американскими палеонтологами У. Грейнджером и У. К. Грегори. Огромные количества яиц были обнаружены дальнейшими экспедициями — советскими, польскими, китайскими.

…дом… представляет собой до мельчайших деталей продуманное буйство естественных форм… Этот стиль… зародился на рубеже веков в… республике Каталония. — Речь, конечно же, о великом испанском архитекторе Антонио Гауди (1852–1926). Он наиболее ярко соединил декоративные тенденции модерна с формами каталонского барокко, стремился выявить кон-

структивные возможности новых строительных материалов, умело использовал рельеф и природные условия участка, а также доводил до крайности поиски необычной объемно-пространственной композиции здания. Для Гауди характерны криволинейные архитектурные формы, часто подражавшие скалам или формам растительного и животного мира, декоративная насыщенность внешнего облика здания (использование цветной майолики и т. д.). Основные его постройки находятся в Барселоне; наиболее знаменитая из них — собор Ла Саграда Фамилиа, строительство которого началось в 1886 г. и продолжается, с переменным успехом, до сих пор.

«Мэйрокуся» — «Общество шестого Мэйдзи». Учреждено Мори Аринори в 1873 г. (шестой год эпохи Мэйдзи), дабы способствовать делу «цивилизации и просвещения». Среди 33 членов общества были наиболее видные японские мыслители, педагоги и государственные чиновники, изучавшие как традиционное конфуцианство, так и западные науки. Общество продолжало встречаться примерно до 1900 г., однако его влияние резко снизилось после 1875 г., когда издававшийся «Мэйрокуся» журнал не смог преодолеть цензурные рогатки.

«Сэйёкэн» — знаменитый токийский ресторан в квартале Цукидзи (выстроенном специально для иностранцев в последние годы сёгуната Токугава и изолированном тогда от остального города); там подавалась подходящая для иностранцев еда, которую доставляли из Иокогамского поселения.

…ученые прилетели на материк из… столицы Виктория, а затем покинули… базу, расположенную в прибрежном поселке Ванкувер… — Викторией именуется административный центр острова Ванкувер, а город Ванкувер находится от него через пролив Джорджия, на побережье материковой части Западной Канады.

Изучались кембрийские отложения, темный сланец почти литографического качества. Судя по всему, они буквально кишат… расплющенными до бумажной толщины представителями древней беспозвоночной фауны. <…> Они не имеют ничего общего ни с одним из известных существ из какого бы то ни было известного периода. — Речь идет об открытии, сделанном в 1909 г. в Британской Колумбии (в сланцевых глинах на перевале Берджесса в Скалистых горах) экспедицией Чарльза Дулиттла Уолкотта из Смитсоновского института. *…существо с пятью глазами. Вме-*

сто рта у него — длинное, обильно уснащенное когтями рыло… — это опабиния; *…безногая, студенистая, похожая на ската тварь с внушительными для своих размеров клыками; клыки эти окаймляют круглый, смыкающийся, как диафрагма, рот…* — это аномалькарис (существо отнюдь не микроскопическое — до полуметра в длину); *…тварь с четырнадцатью острыми шипами — это у нее такие конечности. Тварь без головы, глаз и желудка, обладающая, однако, семью крохотными ртами, каждый — на конце гибкого щупальца…* — это галлюцигения (не исключено, что обнаружено не целое животное, а лишь фрагмент чего-то еще более странного). Обнаруженные останки Уолкотт интерпретировал неверно, пытаясь втиснуть «тварей» в категории современной классификации беспозвоночных. Новое толкование — пролившее качественно иной свет на всю историю земной жизни и эволюции — предложил в 1971 г. кембриджский профессор Гарри Уиттингтон; речь шла теперь не о привычной эволюционной цепочке, не о постепенном совершенствовании, усложнении, формировании отличий, — но о массовом вымирании с последующей дифференциацией среди немногих сохранившихся видов.

Толбот, Уильям Генри Фокс (1800–1877) — английский пионер в области фотографии.

Оружие… отдаленно напоминало морской кортик… — Авторы описывают здесь очень популярный в США «нож Боуи», названный по имени знаменитого пионера Джеймса Боуи (1799–1836).

…с легионами проклятых, безвестно забытых. — Прямая аллюзия на стихотворение Р. Киплинга «The Lost Legion» (самый близкий перевод названия — «Безвестный легион»).

Бертильоновские измерения черепа. — Правильнее было бы «бертийоновские». По имени Альфонса Бертильона (1853–1914), знаменитого французского криминалиста, создателя антропометрической системы, применявшейся с 1882 г. и до начала XX в., пока не ввели идентификацию по отпечаткам пальцев. (К слову сказать, выступал в 1899 г. свидетелем обвинения по делу Дрейфуса.) Его отец Луи Адольф Бертильон (1812–1883) и брат Жак Бертильон (1851–1922) были известными статистиками и демографами.

…Коммуна организовалась не когда-нибудь, а на волне протестов против призывов в армию, охвативших весь город. — В 1863 г. в США была

введена всеобщая воинская повинность, что вызвало массовые волнения (особенно в связи с тем, что состоятельные рекруты могли по закону откупиться — приобрести «замену»). Самая серьезная ситуация сложилась в Нью-Йорке, где за четыре дня с 13 июля — прежде чем федеральные войска навели порядок — несколько сотен человек погибли, несколько тысяч получили ранения и было разрушено собственности на полтора миллиона долларов.

Дин-стрит. — Именно на Дин-стрит (в доме номер 28) жил в примерно соответствующее время (1850–1856) Карл Маркс. И написал там бóльшую часть «Капитала».

«Дохлые кролики» (*англ.* Dead Rabbits) — (исходно) прозвище прихожан голландской реформатской церкви (Dutch Reformed), основанной в Нью-Йорке выходцами из Голландии; в XIX в. так называлась одна из нью-йоркских уличных банд, принимавшая самое активное участие в вышеупомянутых беспорядках 1863 г.

Пребывание в Эдо, где Олифант служил первым секретарем при Резерфорде Олкоке… — Сэр Резерфорд Олкок (1809–1897), британский дипломат. В 1858 г. был назначен генеральным консулом

в Японию. В 1860 г. переводчик Олкока погиб у ворот миссии, а в 1861 г. миссию пытались штурмовать самураи, но были отбиты. Олкок затеял кампанию по защите европейцев от японских радикалов, пытавшихся изгнать «чужаков» и свергнуть сёгунат Токугава, и добился обстрела английскими, голландскими, американскими и французскими кораблями береговых батарей в Симоносэки. Уйдя с государственной службы в 1871 г., несколько лет возглавлял Королевское географическое общество.

Джордж Вашингтон Лафайет Фокс (1825–1877) — американский актер, постановщик, мим; заслужил титул «американского Гримальди». На пике своей популярности был самым высокооплачиваемым шоуменом в США. Наиболее известные его постановки — «Шалтай-Болтай» (1868), «Гикори-дикори-док» (1869). Психологическая неуравновешенность (он мог, например, соскочить со сцены и без малейшей причины наброситься с кулаками на кого-нибудь из зрителей) положила конец его карьере.

Гримальди, Джозеф (1778–1837) — знаменитый английский актер, мим и клоун; происходил из семьи циркачей и выступал на сцене с двух лет.

Тальма, Франсуа Жозеф (1763–1826) — великий французский актер-трагик. Будучи также управляющим театральной труппы, явился инициатором ряда нововведений (в костюмах, декорациях, стиле актерской игры), заложивших фундамент будущего французского романтизма и реализма.

Чикамоги. — Имя этим сапогам дала Чикамога, речушка в Джорджии, на берегах которой в 1863 г. конфедераты одержали одну из своих немногих побед над юнионистами.

Лимонники (limey) — прозвище англичан. Первоначально так прозвали английских матросов, которым в качестве профилактики от цинги выдавали сок лимона (вернее, лайма).

Флит-стрит — улица в Лондоне, где размещаются редакции основных газет.

….поставил нас наблюдать за наблюдателями. — Аллюзия на Ювенала (русский перевод: «Кто будет сторожить этих сторожей?»).

«Бессемер». — Паром назван в честь английского инженера сэра Генри Бессемера (1813–1898), изобретателя бессемеровского процесса дешевого литья стали. Предложенный в 1856 г., метод

совершенствовался и дорабатывался более десяти лет — и в Англии почти не прижился (из-за недостаточного качества английского железа). Зато активно применялся в Америке и континентальной Европе после 1878 г.

…откушав котлет а-ля Мэнтенон… — От имени Франсуазы д'Обинье, маркизы де Мэнтенон (1635–1719), второй жены Людовика XIV, известной как «мадам де Мэнтенон».

Не говоря уже о происхождении… нашей императрицы. — Речь об Элизабет Говард (1823–1865), английской любовнице Луи Наполеона; также известная под именем Генриетта, она финансово помогала ему в попытках взойти на трон.

…в союзе с Марианной… — Марианна, чья очаровательная головка изображается на французских марках и монетах, символизирует не Францию, как это часто думают, а Французскую Республику. Так что «дружат» с Марианной республиканцы.

Готье, Теофиль (1811–1872) — французский поэт-романтик, писатель, критик и журналист, апологет «искусства ради искусства».

Ламартин, Альфонс де (1790–1869) — французский поэт и писатель, один из ведущих авторов

французского романтизма; также политик левого направления, один из пяти членов исполнительного комитета после Февральской революции 1848 г.

Анабелла Байрон (1792–1860) — Анна Изабелла Милбенк Байрон, жена Джорджа Гордона Байрона и мать Ады Байрон, сама обладавшая немалыми способностями к математике, за что Байрон называл ее «принцессой параллелограммов». Большую часть жизни (после того, как Байрон покинул Англию) изображала из себя эталон беспримерной добродетели и распространяла слухи о небывалой распущенности бывшего супруга.

Я прозрела верный путь к наибольшему благу для наибольшего числа людей… — Не совсем точная цитата из шотландско-ирландского философа и моралиста Фрэнсиса Хатчесона (1694–1746), одна из максим которого гласит: «Наилучшим действием является то, которое приносит наибольшее счастье наибольшему числу людей».

Кимвал звучащий — 1-е Коринф. 13: 1.

Клемент Л. Валландингем (1820–1871) — американский юрист и политик, член палаты

представителей США (1857–1863). Глава «копперхедов» — той фракции в Демократической партии, которая выступала против войны Севера и Юга (название имеет презрительный оттенок и означает породу змей — медноголовый щитомордник). В мае 1863 г. арестован за «подстрекательские» речи, предан военно-полевому суду и осужден к заключению до конца войны, однако вскоре Линкольн приказал выслать его на конфедератскую территорию. Оттуда он перебрался в Канаду, а затем — в родной штат Огайо, где принял активное участие в избирательной кампании 1864 г. и написал часть платформы Демократической партии с ярой критикой войны, по окончании которой выступал против «радикальной реконструкции» Юга как антиконституционной и тиранической, но к 1870 г., осознав бесполезность борьбы, призвал свою партию акцентировать финансовые вопросы. Погиб в результате несчастного случая — от неосторожного обращения с огнестрельным оружием, выступавшим как вещественное доказательство в деле об убийстве.

…ты слышал когда об ирландском голоде в сороковых? <…> Картошка тогда не уродилась два года подряд, три, и ирландцам, им было

совсем худо. Но радикалы… устроили чрезвычайное положение и мобилизовали нацию. <…> *У них долгая память, у ирландцев, они никогда не забывают добра.* — Картофель был поражен ненароком завезенным из Северной Америки грибком *Phytophthora infestans*, и в 1845–1849 гг. урожай сгнивал на корню. Поскольку к началу 1840-х гг. бедное сельское население Ирландии зависело в своем пропитании исключительно от картофеля, причем всего одного-двух особо урожайных сортов, ситуация сложилась катастрофическая. Если в 1845 и в начале 1846 г. Англия пыталась оказывать помощь, то потом к власти пришли либералы, и финансовое бремя борьбы с голодом легло по большей части на ирландских землевладельцев, которые тоже были стеснены в средствах, поскольку крестьяне не могли платить за аренду. В итоге население Ирландии сократилось к началу 1850-х гг. почти на четверть — от голода, тифа и других болезней, а также в результате эмиграции. Эмиграция продолжалась, рождаемость падала — и к 1921 г., когда Ирландия обрела независимость, ее население составляло около половины того, что было до голода. Ирландцы до сих пор не могут простить Англии всего этого свинства.

Турнашон, Феликс (1820–1910) — знаменитый французский аэронавт, писатель и карикатурист, один из пионеров фотографии (преимущественно портретной); писал под псевдонимом Надар. В 1855 г. запатентовал идею использования фотоизображения в картографии, в 1858 г. сделал первый в мире аэрофотоснимок (что послужило поводом для карикатуры Гюстава Доре, озаглавленной: «Надар поднимает искусство фотографии до небывалых высот»).

А. Гузман, М. Пчелинцев